sf_rus
sf_action
popadanec
compilation
collection

Сергей
Лукьяненко

Андрей
Геннадьевич
Кощиенко

Генри
Лайон
Олди

Олег
Игоревич
Дивов

Руслан
Алексеевич
Михайлов

"Фантастика 2023-35". Компиляцмя. Книги 1-14

Очередной 35-й томик "Фантастика 2023" содержит в себе три цикла и три отдельные фантастические романы российских авторов. Приятного чтения, уважаемый читатель!

Содержание:

ИЗМЕНЁННЫЕ:

1.
Сергей Лукьяненко
: Семь дней до Мегиддо

2.
Сергей Лукьяненко
: Три дня Индиго

3.
Сергей Лукьяненко
: Месяц за Рубиконом

4.
Сергей Лукьяненко
: Лето волонтёра

ОДИНОКИЙ ДЕМОН:

1.
Андрей Геннадьевич Кощиенко
: Черт-те где

2.
Андрей Геннадьевич Кощиенко
: Студентус вульгарис

3.
Андрей Геннадьевич Кощиенко
: Златовласка зеленоглазая

4.
Андрей Геннадьевич Кощиенко
: Говорящий со зверями

КАБИРСКИЙ ЦИКЛ:

1.
Генри Лайон Олди
: Путь меча

2.
Генри Лайон Олди
: Дайте им умереть

3.
Генри Лайон Олди
: Я возьму сам

ОТДЕЛЬНЫЕ РОМАНЫ:

1.
Олег Игоревич Дивов
: Лучший экипаж Солнечной

2.
Олег Игоревич Дивов
: Оружие Возмездия

3.
Руслан Алексеевич Михайлов
: Беседы палача и сильги

ru

Фантастика 2023
Интернет издательство "Vitovt"
2023

Сергей Лукьяненко
Семь дней до Мегиддо

© С. Лукьяненко, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021
* * *

Часть первая

Глава первая

Снаружи все Комки разные, и все похожи друг на друга. Будто взяли огромную кучу серой липкой массы и уронили на землю с высоты. Ну, в общем-то так оно и было… Масса немного расплескалась, немного оплыла – да так и застыла большим, с двухэтажный коттедж, комком. Родители говорят, что в старину и обычные магазины порой называли Комками, но, по-моему, тут дело во внешнем виде.
Этот Комок был самый ближний к дому. Я прошел по Большой Никитской. Место людное, раза три я встретил гуляющие компании (все знакомые, с кисловскими ребятами я перетер о делах), попались и несколько серчеров-одиночек в зеркальных очках. Несколько раз мимо проезжали машины, в основном государственные, но одна точно личная – тяжелая, бронированная, с темными стеклами. Одно стекло было опущено, из щели с явным неодобрением взирал на мир серьезный толстомордый мужчина. Потом свернул на Леонтьевский. Тут почти никого не было, только в скверике, где стоял обросший паутиной памятник какому-то восточному человеку, рылся в кустах старый сумасшедший бомж в разбитых зеркалках. Правая линза вообще отсутствовала, левая потрескалась – что он собирался так найти, непонятно.
Никаких окон в Комке нет, есть только дверь, с виду самая обычная: широкая, деревянная, с ручкой. И замков никаких. Но если ты пришел пустым, то тебе откроют лишь один раз, чтобы своими глазами всё увидел…
Там, где Комок шлепнулся после Перемены, между Леонтьевским и Вознесенским, стояло здание, которое разметало в разные стороны. Большую часть мусора убрали, но следы все равно остались. Я однажды тут подобрал здоровенную трезубую вилку, которой переворачивал мясо на гриле.

Небо сделалось уже красно-серым, лунное кольцо мерцало закатным светом. Где-то часа через полтора совсем стемнеет, надо спешить. Вечер – время спокойное, а вот ночью болтаться по улицам я не любил, не дурак же.
Я толкнул дверь, та легко открылась, – и вошел в Комок. Тут было светло, самую малость прохладно и малолюдно. По ту сторону длинного полукруглого прилавка вообще никого не оказалось, склад был закрыт задернутой наглухо шторой, а с моей стороны стояли две девицы из Гнезда – мелкая куколка лет десяти и постарше, лет двадцати, жница. Ждали заказ, понятное дело. Гнездо наше, с Гнездниковского переулка, не самое большое в Москве, но здание занимало серьезное, бывшее Министерство культуры. Представляете? Раньше было специальное учреждение, которое занималось песнями, фильмами и прочими книжками!
До Гнезда недалеко, всего-то метров сто, и если расслабиться, то начинаешь ощущать легкую неуютность.
Подойдя к прилавку, я встал рядом с мелкой. Та уставилась на меня наглыми глазами. Куколки – они с виду обычные девчонки или мальчишки, даже одеваются так же, только им все равно, что на себя нацепить. Но эта была приметная: рыжая, растрепанная, зеленоглазая, в кроксах, синих мальчишеских бермудах и грязной белой футболке на пару размеров больше, чем требовалось. На футболке в ряд нарисованы звезда, круг, квадрат и треугольник. А так – девчонка как девчонка.
Вот у жницы, у нее и движения другие, и радужка цвет меняет на сиреневый, и кожа будто скользкая делается, и одежда уже своя, облегающая, из крошечных черных чешуек, вроде как цельный комбинезон, на ступнях утолщающийся в мягкие туфли. Стригутся они все коротко, но волосы у них с виду обычные. Эту я раньше вроде не встречал, хотя в лице что-то знакомое было.
Я снова глянул на мелкую, пытаясь понять, почему четыре безобидных геометрических знака на футболке выглядят слегка вызывающе.
– Че уставился на мои сиськи, извращ? – дерзко спросила куколка.
– Как я могу на них уставиться без микроскопа? – презрительно ответил я.
– Точно, – фыркнула она. – Ты без лупы рэдку под носом не увидишь.
– Это я сейчас ослеп, – любезно ответил я. – Как тебя увидел.
Куколка замялась, пытаясь решить, оскорбление это или комплимент. Жница глянула на меня неодобрительно. Я подмигнул ей. Сказал куколке:
– Ладно, привет, Наська. Как ты?
– Норм, – сказала она, с облегчением прекращая пикировку. – А ты, Максим?
– Живу, – ответил я, пожав плечами. Ну а что тут еще ответишь?
Куколку звали Анастасия, но она упорно называла себя Наськой. А вот меня почти все звали Максом, но она так же упорно называла Максимом. Наверное, чтобы позлить.
– Знаешь его? – спросила жница девочку.
– Местный, – призналась Наська. – Норм. Часто тут бывает.
Наська обожала ходить в Комок. С кем я ее только не встречал! Пару раз со стражами. Однажды сюда приперся монах с двумя старшими стражами – так и тут она вертелась под ногами.
– Хороший серчер? – поинтересовалась жница.
– Норм, – сказала Наська, что было максимальным одобрением с ее стороны.
Жница посмотрела на меня, нахмурилась. Мимика у нее оставалась еще совсем человеческой. Кажется, тоже вспоминала, где меня видела.
– Дарина, – сказала она.
– Максим, – ответил я. – Или просто Макс.
Общительная жница – редкость, это куколки любят поболтать.
Кажется, она хотела что-то у меня спросить, но тут появился Продавец. Вышел, клацая по полу, раздвигая шторы спиной, и бухнул на стол тяжелый пластиковый ящик. Кивнул мне и сказал Дарине:
– Три инициирующие дозы первой фазы.
Ясно-понятно. Гнездо приняло к себе трех детишек. Я с любопытством смотрел на Продавца, который открыл ящик и демонстрировал поочередно три металлических термоса. Продавец был здоровенный, поперек себя шире, закутанный в многослойную бурую хламиду, закрывающую и голову, и большую часть лица. То, что удавалось рассмотреть, походило на человека, но каков он на самом деле, я не знал.
Наверное, все-таки не совсем человек. Иначе бы не цокал так ногами по полу при ходьбе.
– Одна финальная доза первой фазы… – продолжил Продавец.
– Это моя, – с гордостью сказала Наська.
– Поздравляю, – буркнул Продавец. – Одна усиливающая доза второй фазы.

– А это Дарины, – сообщила куколка.
Теперь понятно. Дарина до сих пор на начальном этапе, потому и разговорчивая. Значит, жницей не останется. Пойдет на третью фазу. Станет стражей, а то и кем покруче.
– Поздравляю, – сказал я. – В стражу?
Жница не ответила. Зато Наська возмущенно воскликнула:
– А шоколадка?
– От сладкого зубы портятся, – отрезала Дарина.
– Не успеют! – Наська продемонстрировала белозубую улыбку. – Ну Да-а-арина…
– Заказ оплачен Гнездом, у меня денег нет… с собой, – неохотно сказала Дарина.
Я запустил руку в карман джинсов, где всегда держу немножко мелочи. Достал вайкр, мелкий, но симметричный, положил на прилавок.
– Дайте девочке шоколадку.
Продавец протянул руку, тоже скрытую под складками ткани, ловко взял пальцами в черных перчатках вайкр. Поднес к лицу, изучая. Кивнул:
– Достойный экземпляр. Хватит на две хорошие шоколадки.
– Тогда и уважаемой жнице – тоже.
Дарина фыркнула, но отказываться не стала. Девчонки все любят шоколад, даже если они уже не совсем люди.
Продавец нырнул за занавес. Дарина помолчала и сказала:
– Спасибо, Максим.
– Да не за что. – Я не удержался и спросил: – Слушай, тебе сколько?
– Лет?
– Ага.
– Восемнадцать.
Я задумался.
– Гадаешь, где меня видел? – спросила Дарина.
– Точно.
– Мы в одной школе учились.
– Чего? – поразился я.
– Ты же в сто десятой учился?
– Por supuesto.
– Когда всё началось, ты в одиннадцатом был?
Я кивнул.
– А я в третьем. – Дарина провела рукой над головой Наськи, демонстрируя рост.
Конечно, я ее не помнил. Удивительно, что она запомнила!
– Ты с моим братом учился в одном классе, – пояснила Дарина. – Ростислав.
– Ростик? – поразился я. Мы были не то чтобы друзья, но приятели. И дома у него я пару раз бывал… – Извини, не узнал. Ты немного подросла.
Дарина улыбнулась, чуть неуклюже, будто давно этого не делала.
– Да брось, с чего бы ты запомнил…
– Как Ростик? – спросил я.
И осекся, потому что вспомнил.
– Наш дом сгорел, – сказала Дарина. – Все умерли. Меня папа выбросил из окна, – она помедлила. – Хотел на дерево, но недокинул. Я вся поломалась. Лежала полгода в больнице, сказали, что ходить никогда не буду. Собирались выписать в приют. А тут как раз наше Гнездо появилось, мы тогда брали всех. В больницу пришли, я сразу согласилась.
– И как… теперь? – глупо спросил я.
– Поправилась, – ответила она серьезно. – Но не сразу.
Вернулся Продавец, торжественно неся в руках две шоколадки. Действительно хорошие – «Вдохновение». Наська сразу схватила и стала потрошить свою, а Дарина опустила подарок куда-то в незаметный карман на комбинезоне. Я подумал, что вторая шоколадка, наверное, тоже достанется куколке.
– Рад был увидеться. – Ситуация сложилась такая неловкая, что я начал мямлить, будто школьник: – Заходи, если что. Я в Медвежьем, дом три, как и раньше. Только не с родителями живу, конечно.
Дарина улыбнулась. Теперь у нее получилось лучше.
– Спасибо. Если что… Было приятно встретиться.
– Ты была в него влюблена? – не прекращая жевать шоколад, воскликнула Наська. – Точно, да? Он ведь друг твоего брата! У тебя была детская влюбленность в почти взрослого парня!
– Вот же балаболка, – вздохнула Дарина. – Пока, Максим.

Она подхватила ящик с мутагенами, легко поставила себе на плечо. Жницы – не стражи, конечно. Но тоже куда сильнее человека.
Я мялся у прилавка, пока куколка со жницей не вышли. Продавец терпеливо ждал. Когда дверь закрылась, торжественно произнес:
– Какая красивая история! Мне кажется, молодой человек, она могла бы стать очень романтичной. Но финал второй фазы…
– Мне кило картошки, – попросил я, останавливая его болтовню. Тоже мне, романтик. Какая романтика между человеком и жницей?
– А вы любите красивую жизнь, – сказал Продавец одобрительно. – И правильно делаете, Максим! Что еще?
– Десяток яиц, – сказал я. – Бутылку подсолнечного масла, пачку сливочного. Пакет муки, на два кило. Пачку спагетти, самых обыкновенных. Пачку сигарет, простых каких-нибудь. И тушенку, как обычно. Три банки.
Продавец ждал.
– Да, еще кусок туалетного мыла, кусок хозяйственного. И туалетную бумагу, упаковку на четыре рулона. Всё.
– Полагаю, что нужен хороший голубой кристалл, – решил Продавец. – Или посредственный зеленый.
Кристаллы получше у меня хранились в пакетике, в нагрудном кармане рубашки. Поскольку никого, кроме Продавца, в Комке не было, я достал весь пакетик и выбрал из десятка разноцветных кристалликов плохонький зеленый – пятиугольный, с небольшой синей мутью внутри.
Продавец со скепсисом посмотрел на него, даже поднял вверх, проверяя на свет. Потолок в Комке был бугристый и весь светился, где ярче, а где тусклее.
– Пожалуй, я могу досыпать немного рационов, – сказал он. – И добавить банку пива.
Такой щедрости я не ожидал, но отказываться, конечно, не стал.
– Согласен.
Государственные деньги в Комках никого не интересовали. На них тоже можно купить и еду, и одежду, и вообще всё, что делают люди. Вот только качество будет хуже, даже мука паршивая. И цена такая, что если ты удачливый серчер, то игра не стоит свеч.
Продавец оказался столь любезен (наверное, его и впрямь растрогала наша с Дариной встреча), что упаковал всё в прочный бумажный пакет. Рационов накидал не меньше десятка, да и банку пива добавил большую, пол-литровую. Сигареты я сразу достал и спрятал в карман. Они были незнакомые, но мне-то какая разница.
Я вышел на улицу (ого, как стемнело-то уже!) и быстро двинулся по переулку. Давешний бомж по-прежнему пасся в сквере, ползая по траве на карачках и подсвечивая себе тусклым фонариком. Оптимист!
Или что-то знает?
Свернув, я подошел к бомжу.
Старик быстро уселся на корточки. Был он весь заросший, бородатый, в нескольких слоях одежды, из-под куртки торчал грязный свитер, из-под свитера свисали полы рубашки, а на плечи бомж еще и одеяло набросил.
В такой позе он карикатурно напоминал обросший паутиной памятник за спиной. Всё собираюсь посмотреть, кому он на самом деле.
– Добрый вечер, – сказал я, стараясь не особенно приближаться. От бомжа предсказуемо пахло бомжом. – Удачная охота?
Вопрос был рискованный. Выживший из ума старикан мог решить, что я хочу поживиться его лутом, и… А что «и»?
Ну, к примеру, начнет кидаться какашками.
– Весьма неудачная, добрый юноша, – неожиданно вежливо ответил бомж. – К сожалению, мои очки не в лучшем состоянии. Я потерял правое стекло в прискорбном конфликте за более интересные места охоты, а левое треснуло при обстоятельствах анекдотического свойства. Но печальнее всего, что батарейка в фонарике садится, а у меня нет даже ломаного вайкра.
Есть такой тип бомжей. Вроде как всё на свете пропили, включая мозги, но при малейшей возможности начинают изъясняться витиевато и вежливо.
– Боюсь, тут и нет ничего, – сказал я. Достал свои очки, аккуратно надел одной рукой. Мир чуть-чуть потемнел и стал контрастнее. Фонарь у Комка разбросал в стороны радужные линии. Стекла у поисковых зеркалок поляризованные, но главное не в том. Обычные поляроиды не годятся, проверено миллионы раз. Нужна какая-то специальная обработка, напыление особого полимера… в общем – стекла можно купить лишь в Комке. За кристаллы. А найти кристалл без очков безумно трудно. Замкнутый круг получается.

Может, у бомжа вообще обычные линзы?
Мои стекла были вставлены в хорошую оправу, к тому же с интегрированным фонариком на дужке. Коснувшись кнопки, я вызвал узкий яркий пучок света. Подкрутил безель, расширяя луч.
Я повертел головой, честно пытаясь увидеть хотя бы слабенький фиолетовый отблеск среди травы. Подошел к скамейкам, заглянул в урны (ворошить мусор, конечно, не стал). Нет, пусто.
– Никоим образом не прошу вас оказать мне финансовую помощь, – сказал бомж. – Но, если вы внимательно оглядите это место и гарантируете, что оно пусто, я сменю дислокацию.
Подавать ему я и не собирался. Можете считать меня жадным и бессердечным, но я же знаю, что любой вайкр этот старик пустит на бухло и закуску, а не на подержанное стекло и новую батарейку. Всегда есть люди, которым еще хуже, но они своей беды не заслужили и помощь не пропьют.
А вот посмотреть… почему бы и нет?
Я обошел памятник, поворошил кое-где траву ногой. Сказал:
– Боюсь, вам и впрямь стоит менять дислокацию.
– Посмотрите еще там, за скамейкой, – попросил бомж. – Нутром чую, должно что-то быть.
Уже жалея, что отвлекся, я обошел скамейку. Трава там была вытоптана, на земле стояло несколько пустых пивных банок и бутылка из-под дешевого игристого. В стороне валялся использованный презерватив.
Я поморщился. Похоже, совсем недавно какая-то парочка утоляла тут подстегнутую алкоголем страсть.
– Нет тут ничего… – опуская голову, сказал я. – …Полезного.
Под ногами тускло искрились две крошечные зеленые звездочки.
– Что ж, удача мне сегодня изменила, – изрек бомж, вставая. – Желаю вам удачной охоты, уважаемый серчер…
– Эй… – позвал я. – Иди… идите сюда.
Я отступил на пару шагов, когда бомж торопливо приковылял к скамейке.
– Пиво я уже допил, – разочарованно сказал он, водя хилым лучиком света.
– Вон там, – указал я, нацеливая фонарик.
Каким бы треснутым стекло в зеркалках бомжа ни было, но все-таки оно оказалось настоящим. Бомж присел, порылся в земле. Выпрямился, изучая добычу.
Любопытство пересилило, я подошел ближе.
Верно, два зеленых кристаллика, то есть два гринка.
Кристаллики были маленькие, неправильной формы. Но все-таки зеленые.
– Берите, берите! – Бомж протянул мне гринк. – Мне вполне хватит одной зеленушки на новое стекло, пару батареек и бутылку приличной выпивки. А иначе я выпью слишком много и скончаюсь!
Он наставительно поднял трясущийся палец и добавил:
– Какой-нибудь друг неизбежен везде, но лучший – когда он помощник в труде! Ваша доля, честный и благородный юноша!
И что вы думаете, я сделал?
Конечно же, взял кристалл, хоть и оттирал потом всю дорогу и его, и руку санитайзером.
Зеленый кристалл – это зеленый кристалл.

Глава вторая

Когда-то давно был анекдот: «Как сделать, чтобы всё в мире стало хорошо? Есть два сценария: реалистический и фантастический. Так вот, реалистический – если к нам прилетят инопланетяне…»
Так и получилось, хотя насчет «хорошо» можно поспорить.
Я тогда проснулся не сразу; если верить родителям, минут через пять после того, как по всей Москве стали выть сирены. Даже не испугался, только разозлился. Вышел из своей комнаты и обнаружил родителей на кухне. Родители пили дорогущий старый вискарь из роскошной бутылки, подаренной отцу на юбилей, которую он припрятал в баре со словами: «На свадьбе Максима открою».
Меня это почему-то обидело.

Телевизор над столом был включен, звук приглушен, но мигала надпись, призывающая всех жителей Москвы немедленно отправляться в ближайшее убежище. Ну и вдобавок: «Это не учебная тревога».
– Война, что ли? – спросил я недоуменно.
Отец кивнул. И налил виски в третий стакан.
– Ты чего? – сказал я. – Пап, мам, надо в убежище!
Станция метро «Арбатская» недалеко, до нее минут десять, если не спешить. В нее не всех впустят, это точка эвакуации персонала Минобороны. Но у отца есть пропуск, я знал.
– Бесполезно, – ответил отец очень спокойно. – Это центр Москвы, сын. Тут никакие убежища не спасут.
– А я говорила вчера: поехали за город! – сказала мама очень тонким пронзительным голосом. Хотя сколько себя помню, она никогда не любила загородную жизнь. И вчера тоже говорила, что ей надоела выставка тщеславия и она хочет провести выходные в Москве: сходить в Большой и поужинать в нормальном ресторане.
– Рублевку тоже накроет, – ответил отец убежденно. И снова спросил меня: – Будешь?
Я помотал головой.
Отец выпил залпом из стакана, который предлагал мне, и поморщился:
– И виски дрянной… вода водой!
Я сел под телевизором, чтобы не видеть мигающую надпись, и стал смотреть в окно. Как-то это было всё глупо! Я же в этом году школу заканчиваю! Какая еще война? Мир и так чуть живой после всех пандемий. Кто начал-то?
…На самом деле никто до сих пор не знает, кто начал. Ну, кто-то, наверное, знает, но это стало так не важно, что вопрос замяли. Американцы считают, что первыми запустили ракеты мы. Мы – что американцы. Еще все немного подозревают китайцев, хотя у них дела шли лучше всех, им-то зачем начинать мировую войну? Но мы с американцами отстрелялись первыми, тут же бахнули британцы и зачем-то Пакистан с Индией. Китайцы начали стрелять предпоследними, и то потому, что часть ракет полетела к ним. Напоследок, хотя они до сих пор это отрицают, запустили десяток ракет израильтяне.
Отсиделись только французы, и сейчас очень этим гордятся.
Вот только ни одна ракета не взорвалась.
Через час, когда начало светать, а по телевизору перепуганный диктор бормотал что-то о сбое в системе гражданской обороны и призывал к спокойствию, отец стоял у окна, глядел в небо и матерился как сапожник. Досталось и МЧС, и гражданской обороне, и нашему президенту, и не нашему, и военным всех стран и континентов… но больше всего друзьям, которые подарили крутой вискарь, а тот как вода – совсем не забирает.
Мама спала, положив голову на стол. Где-то в промежутке, когда мы поняли, что конец света откладывается, она даже нарезала сыра и колбасы, но никто к ним не притронулся.
Я понюхал опустевший отцовский бокал, потом проглотил последние капли. Виски был вонючим и ужасно крепким.
– Пойду я спать, – сказал я. И действительно пошел. Интернет не работал, по телевизору продолжал бормотать диктор, и обещали скорое выступление президента. Президент выступил в полдень и тоже говорил про глобальный сбой спутниковых систем, вызванный вспышками на Солнце. И что он уже поговорил со всеми мировыми лидерами, и все обеспокоены, и это повод начать ядерное разоружение, к которому всегда призывала Россия…
А пришельцы вышли на связь только через сутки.

Домой я добрался без приключений. На улице горели редкие фонари (центр все-таки), да и лунное кольцо светило ярко. Сейчас самый крупный осколок, Селена, был не над Москвой, но и мелочь сияла, почти как старая Луна в полнолуние.
На углу Никитской пришлось остановиться – по улице пронеслись с включенными мигалками две пожарные машины и две полицейские. Хорошо хоть, без сирен, мама бы услышала и разволновалась.
Уже у самого дома я увидел идущего от метро Виталия Антоновича. Он тоже меня заметил, остановился, махнул рукой.
Виталий Антонович куда старше большинства серчеров, ему уже под сорок. Собирать кристаллы он начал одним из первых в Москве; если не врет, так еще до появления Комков. У него и впрямь талант: он и без зеркалок, в обычных очках, которые носил от близорукости с детства, ухитрялся замечать даже мелкие кристаллики. Как он сам говорил, «помогает астигматизм».

Насчет астигматизма не знаю, это болезнь распространенная, но у других такого умения не припомню.
Мы поздоровались за руку. Виталий Антонович, несмотря на душный вечер, был в светлом костюме, подчеркивая всем своим видом отличие от молодых серчеров. И обращались к нему все по имени-отчеству, и в нашей неформальной табели о рангах он числился старшим – так его и называли.
– Зайдешь, Макс? – Старший кивнул в сторону кафе, где собирались серчеры нашего района.
– Не сегодня, Виталий Антонович. Я домой.
– Заглядывай, – сказал он. – Конец света – не повод для одиночества.
Сам он был человеком несемейным и вечера проводил в тусовке. Может, потому и стал лидером – все и всегда знали, где его найти.
– Конец света – не повод менять привычки, – ухмыльнулся я. – Я плохо предназначен для компаний.
И двинулся дальше.
В старых фантастических книжках «про апокалипсис» – представляете, такие писали и их даже любили читать! – обычно происходила какая-нибудь хренотень, ну, вроде войны, эпидемии, нашествия инопланетян, появления мутантов, изменения климата. То есть именно то, что сейчас у нас, только никто не догадался, что всё это может случиться одновременно. И первым делом, как считали авторы, рухнет центральная власть. Люди станут бегать с автоматами по пустыням и воевать за банку тушенки, а управлять ими никто не будет. Кто сильный, тот и прав.
Три раза ха-ха. Власть исчезнет только тогда, когда на Земле останется один-единственный человек. И то потому, что собой управлять-то никто не умеет, все предпочитают править другими.
Вот и на Земле власти никуда не делись. Конечно, есть Инсеки, которые сами по себе, и чихать им на мировые правительства. Но даже Инсеки с властями сотрудничают и публично не заявляют, что они самые главные. Зачем? Во-первых, это и так все понимают. Во-вторых, всем удобнее, когда между обычными людьми и пришельцами есть прослойка.
Так что государственные медицина, образование, полиция, пожарная служба остались, и куча прочих организаций тоже. Но если кому хочется – езжай в пустыню или тайгу, найди себе автомат и бегай в поисках тушенки. Никто не запрещает.
Еще до Перемены власти занимались в основном тем же, чем сейчас, – латанием дыр. Эпидемии шли одна за другой, шесть лет подряд. То старый добрый ковид мутировал, то флай-эбола, то еще какая гадость. В сетях орали про конец света, про биологический терроризм, что матушка-Земля решила извести человечество. Упертые считали, что никакой опасности нет – ровно до того момента, как начинали задыхаться или сочиться кровью. Но, как ни странно, в большинстве своем люди приспособились. Привыкли учиться в школах и институтах онлайн, пенсионеры гуляли по балконам, все дружно получали продовольственные наборы от государства.
Для многих после Перемены ничего особо и не изменилось. С электричеством стало хуже, конечно. Вся «зеленая энергетика» накрылась, потому что без нормальной Луны приливы стали слабенькие, ветра сменили направление, солнечный свет сквозь пылевое кольцо проходил хуже, и солнечные батареи себя не оправдывали. Ну и атомные электростанции закрылись, конечно.
Но нефть, газ, уголь – остались, так что в крупных городах и свет давали не по графику, и машины ездили. Папа, когда был в настроении поболтать, называл это «апокалипсис-лайт». До Перемены он служил крупным чиновником, мы не зря жили в самом центре, и денег он особо не считал. Даже купил мне квартиру в нашем подъезде, когда соседи с перепугу решили уехать в Сибирь, у них был дом в Горном Алтае.
Потом министерство, где отец работал, реформировали, его отправили на пенсию. Все счета за рубежом накрылись, квартиру в Питере национализировали, на Рублевке творился бардак, стихийно возникшие банды отрывались на ненавистных богатеях. Наш загородный дом разграбили и подожгли. Тогда много чего горело… иногда лето Перемены называют летом пожаров…
Так что, хоть мы остались жить в самом центре, и кое-что у отца все-таки сохранилось, богатыми родители больше не были.
Хорошо, что я научился зарабатывать.
Возле подъезда никого не было, я открыл кодовый замок и проскользнул внутрь. Кивнул консьержу. Дом у нас хороший, на охрану мы скидываемся. Ночь всё-таки время неспокойное. У полиции и Росгвардии сейчас полномочия огромные, но отчаянного или отчаявшегося народа хватает.

– В Комок ходил? – спросил консьерж.
Он уже пожилой мужик, под полтос, но крепкий. До Перемены служил в армии, но теперь армии сократили, потом пытался устроиться в полицию, но таких желающих много. Консьерж сидел за перегородкой и смотрел маленький телевизор, короткая дубинка лежала перед ним на столе.
– Ага, – сказал я без уточнений. Достал пачку сигарет и через окошко положил перед консьержем.
Тот расплылся в улыбке:
– Ого! «Соверен»! Я такие курить начинал, еще в школе учился… Сколько я тебе должен, Макс?
Он даже сделал движение, будто лезет в карман.
– Нисколько, Андреич. Подарок, – улыбнулся я.
С людьми надо поддерживать хорошие отношения, особенно если от них зависит твоя безопасность.
– Спасибо еще больше, – сказал консьерж, нюхая закрытую пачку. – Прям как в детство заглянул…
Лифт я вызывать не стал, это плохой тон – зря тратить электричество и ресурсы механизмов. Поднялся на четвертый этаж, позвонил в дверь.
Открыл, конечно, отец. Был он навеселе, но умеренно.
– Сына…
Я позволил себя обнять и даже поцеловал отца в небритую щеку.
Они у меня не алкоголики. Бытовые пьяницы. Ну а что делать пожилым людям, когда мир обрушился? Им уже под семьдесят, и ничего в жизни не светит.
– Кто там? – позвала из гостиной мама. Голос у нее был чуть громче, чем хотелось бы, и очень характерно вибрировал.
Отец виновато посмотрел на меня. Сказал:
– Мама… отдыхает.
Повернулся в глубину квартиры, крикнул:
– Это Максим! Продукты принес!
– Максимушка! Иди сюда! – позвала мама требовательно.
Пришлось идти. Я разулся, прошел по нашей большущей квартире, где стоял затхлый кисловатый запах. Мебель у родителей роскошная, наверное, ее всё еще можно хорошо продать – где сейчас в Москве купишь итальянскую мебель? На стенах висели картины, тоже не самые дешевые когда-то. Айвазовский и Поленов – это в хорошие времена было важно. Окна наглухо зашторены. Я подумал, что, когда в следующий раз найму людей убирать в доме, скажу, чтобы постирали все шторы.
Мама сидела перед телевизором, здоровенным, но тоже старым. Как раз перед Переменой сменили. И смотрела канал «Ностальгия», как делают все сбрендившие пенсы.
Шло телешоу, которого давным-давно не существовало. Веселый молодящийся ведущий расспрашивал маленькую девочку, кем она хочет стать. Девочка жеманно объясняла, что она уже и так звезда «Тик-Тока», а будет суперзвездой интернета.
Смотреть на это было грустно, потому что никакого «Тик-Тока» давно нет, как и интернета. Если девочка выжила в Перемену, то ей трудновато было приспособиться.
Мать сидела в кресле, держа в руках красивый хрустальный бокал – тоже с прежних времен.
– Максимушка, – мама подставила щеку под поцелуй. – Будешь красненького? Тебе же можно немного вина, ты не за рулем?
В бокале была красная жидкость. Я знал, что это: разведенная сиропом водка. Мама делала вид, что это вино, но, может быть, она уже сама в это верила.
– Нет, спасибо, – сказал я. – Надо поработать. У меня… сессия.
Иногда мама думала, что я еще школьник. Чаще – что я учусь в институте, куда на самом деле так и не успел поступить. Порой, правда, у нее случались озарения, и она удивлялась: «Максимушка! Тебе же двадцать пять лет! Ты должен был уже закончить институт!»
Тогда я говорил, что учусь в аспирантуре, и мама успокаивалась.
Но в этот раз уточнять не пришлось, мама сразу закивала:
– Конечно. Не надо тебе пить. Это вредно. А учеба – очень важно. Из тебя выйдет прекрасный дипломат.
Смотреть на маму было грустно. Она никогда не любила косметику, но за собой следила. А последние годы лицо у нее стало обрюзгшее, как у всех пьяниц… да к черту, у всех хронических алкоголиков!
– Я пойду, мам, – сказал я.

– Ты принес картошку? – неожиданно спросила мама.
– Да.
– Извини, что попросили о такой мелочи…
Я мог бы объяснить, что пакет настоящей картошки нынче – совсем не мелочь. Куда дешевле был бы здоровенный отруб стейка из мраморной говядины, потому что говядину в Комке легко синтезируют, и она как настоящая, а с картошкой проблемы и за нее берут дорого. Есть и несколько простых вещей, которых вообще не продают, хоть ты их рэдками засыпь, только руками разводят.
Приятно думать, что пришельцы чего-то не могут, но мне кажется, они просто издеваются над людьми. Или дрессируют нас, чтобы люди совсем не перестали заниматься сельским хозяйством и всяким производством.
– Хочешь, я пожарю… – Мама попробовала встать, но у нее не получилось, она чуть не расплескала бокал. Я подхватил его и поставил на журнальный столик. – Ох, что-то я уже сплю… Заходи завтра, я пожарю.
– Конечно, мама, – ответил я.
И ушел, оставив ее смотреть по сотому разу веселое шоу из прежних времен. Канал «Ностальгия» не зря популярен, у них там и новости свои, с новым звуком, наложенным на старое видео, и шоу, и сериалы. Если не смотреть в окна, то кажется, что вокруг обычная хорошая жизнь, как в две тысячи двадцатом или двадцать втором, а из всех проблем – только эпидемии и «рост международной напряженности».
Отец ждал меня у дверей. Молча протянул банку пива.
– Оставь себе, – сказал я. – Настоящее, из Комка.
– Нам с матерью хватает водки с сиропом, – ответил отец. – Не стоит портить продукт.
Я подумал и забрал банку.
– Они их синтезируют? – спросил отец небрежно. – Или какие-то старые запасы?
В отличие от матери, он понимал, какой мир за окнами. Только делал вид, что тоже выжил из ума.
– Думаю, что синтезируют.
– Ты-то как?
– Нормально, пап.
– Спасибо, Максим.
Мне было очень неловко. Я спросил:
– Мама давно из дома не выходила?
Отец кивнул.
– Может, вам как-нибудь прогуляться? Я такси закажу. До парка и обратно. Или в ресторан. Такой маршрут придумаю, что она ничего странного не увидит.
– Думаешь, кольцо вместо Луны не заметит? – спросил отец устало.
Честно говоря, я думал, что не заметит. Или убедит себя, что не заметила. Но я не стал спорить.
– Ладно. Я еще подумаю. Вы это… держитесь.
Отец кивнул, и я вышел. Торопливо, как выходят из больницы, где очень долго умирает близкий человек.
Ну, оно ведь так и было.
Спустившись на пару этажей, я открыл дверь своей квартиры. Поставил пиво в холодильник.
Спать было рано.
Раньше, во времена интернета, можно было найти любое развлечение в сети. Потрепаться в чатах, поиграть в сетевуху, посмотреть кино. Сейчас с этим труднее. Хотя компьютер у меня есть, куча старых игр и видео на дисках тоже. Если уж совсем по-олдовому – можно бумажную книгу почитать. Я себе натаскал из родительской квартиры, да и от прежних хозяев много чего осталось.
Еще можно выпить пива, помимо сегодняшней банки у меня была заначена еще одна.
В итоге я пошел в кабинет бывшего хозяина квартиры, где держал одежду, кое-какие припасы, а еще поставил турник, гири, параллетсы. Разделся до трусов и принялся качать пресс. Так, из упрямства, чтобы не заниматься фигней.
Тренироваться совсем не хотелось, и когда в дверь позвонили – я это занятие радостно прекратил. Набросил халат и пошел к дверям. В домофон не звонили, значит, это папа. Может, всё-таки решил выпить пива?
Я подумал, что с удовольствием выпью с ним по банке. Хотя, конечно, его сразу развезет, и он начнет вспоминать чудесные прежние годы…
Наверное, после визита к родителям у меня в голове что-то перемкнуло. Я даже в глазок не глянул. Сразу поднял засов и открыл.
Передо мной стояли жница Дарина и куколка Наська.

Я остолбенел.
Во-первых, от того, что консьерж меня не предупредил. Во-вторых, потому, что на дворе уже ночь, а ночью ни жницы, ни куколки не выходят. В-третьих, потому, что жители Гнезда вообще не ходят к людям в гости, ни днем, ни ночью.
Ну и, в довершение всего, они выглядели странно. У Дарины был порван рукав на левом плече – от локтя и до самой шеи. Кое-где чешуйки уже срослись, но в прорехе виднелась розовая незагорелая кожа, и это казалось очень неуместно. Контейнер с мутагенами Дарина поставила под дверь – наверное, даже жнице тяжело его таскать. Лицо было неподвижное, будто маска.
А Наська была перепачкана чем-то черным, особенно руки и лицо. Кровь или грязь? Или и то, и другое? Одного крокса не хватало, она стояла перекособоченная и тихо, беззвучно плакала.
– Ты сказал «заходи, если что», – произнесла Дарина. – Если что. Я зашла.
Она посмотрела на Наську и поправилась:
– Мы зашли.
Я отступил от двери, соображая, что же происходит. Спросил:
– А консьерж…
– Он уснул, – сказала жница. – Не волнуйся. С ним всё будет в порядке.
Дарина вошла, толкая куколку перед собой, потом втянула контейнер. Закрыла дверь, даже с засовом сама справилась. Снова посмотрела на меня.
– Мне надо идти. Можно, чтобы Наська побыла у тебя?
– Что случилось? – спросил я наконец.
Наська начала всхлипывать громче.
– Гнездо убито, – сказала Дарина. – Я пойду. Надо понять, что произошло. Можно оставить девочку у тебя, в безопасности?
Я ошарашенно потряс головой.
Что?
Гнездо убито?
В центре Москвы убили две сотни Измененных?
– Максим, можно…
– Да замолчи! – прикрикнул я, соображая, что делать. – Так… сейчас… стойте здесь!
Я метнулся в свой «спортивный кабинет». Торопливо натянул свежие джинсы, рубашку. Открыл сейф и достал макаров. Разрешения на ношение оружия у меня не было, но я не идиот – выходить ночью без ствола. Лучше пусть оштрафуют.
Застегивая кобуру под мышкой, я вернулся к двери. Набросил ветровку. Сказал:
– Наську мы оставим, но не у меня. Я пойду с тобой.
– Ты со мной не пойдешь, – покачала головой Дарина.
– А спорим, пойду? – спросил я. – Спорим, ты на это и надеялась, когда сюда шла? Иначе придумала бы, где куколку оставить.
Дарина сдалась сразу.
Конечно же, она на это надеялась.

Глава третья

Со жницей идти по ночной Москве было не страшно. Не подумайте, я и так бы не испугался, доводилось и в компаниях гулять, и в одиночку шастать. Но жница – это жница. Надо быть совсем отмороженным, чтобы на нее полезть.
Хотя жница без Гнезда – это что-то непонятное.
– Рассказывай, что случилось, – сказал я. Мы быстро шли по Тверскому бульвару, тут идти-то всего ничего. Я подумал на миг, не заглянуть ли в кафе, не позвать ли кого-нибудь из ребят. Но решил, что Дарина вряд ли одобрит.
– Мы пришли к Гнезду, – сказала Дарина. – Когда приближались, я почувствовала… – Она замялась. – Точнее, наоборот – не почувствовала. Мы ощущаем Гнездо. Это как… – Она взмахнула рукой, смешно подергала пальцами, будто человек, которого попросили объяснить слово «зыбь». – Как вибрация. Ее не было.
Я не стал уточнять. Про Измененных говорили всякое, ходили слухи даже про телепатию. Но они ничего не рассказывали. Люди тоже ощущали Гнездо, только нас оно отталкивало.
– Я напряглась, – продолжала Дарина. – Пошла вперед, велела Наське быть потише. Еще там не горели фонари, совсем, это странно. И метрах в пятидесяти от Гнезда, на задах театра, увидела лежащую стражу. В боевой трансформации… Ее звали Зи…

Она замолчала на миг.
– Ее перерубили почти напополам. Бил левша – левая рука отсечена выше локтя, тело перерублено в районе груди, и позвоночник тоже. Она еще была в сознании, но ничего сказать не смогла.
Я попытался представить себе стражу, которой разрубили позвоночник, легкие, сердце, но она «еще была в сознании». Бр-р…
– А почему «левша»? – спросил я.
– Чтобы разрубить костюм и саму стражу – нужен сильный замах, – ответила Дарина. – Значит, оружие было в левой руке.
– Или враг был спереди.
– Спереди никто не сумел бы ударить стражу, – убежденно сказала Дарина.
– А твоя… рана?
Дарина мельком глянула на руку. Костюм уже почти сросся.
– Это Зи, случайно. Она правой рукой пыталась меня к себе наклонить, хотела что-то сказать. Зацепила когтем.
Когда стражи не сражаются, у них никаких когтей нет. Но я слышал, что они могут их выпускать. Значит, и впрямь.
– Хорошо, что без яда, – небрежно добавила Дарина.
– С Наськой-то что? Где перепачкалась и обувь потеряла?
– Вырывалась, не хотела Зи бросать, – призналась Дарина. – Я ее еле утащила, под мышкой волокла. Едва убедила, что надо к Гнезду идти.
– И что в Гнезде?
– Я не входила. Посмотрела – у входов нет охраны, чуть-чуть пахнет… нехорошо. Никакого движения или звуков.
– И нет этой… вибрации?
– Нет. Значит, все мертвы.
Нам оставалось идти несколько минут. Мы миновали ресторан, где у входа ждали богатеньких гуляк машины с охраной. У одного дома, у подъезда, мужик выгуливал собаку – отважный чел. Впрочем, он от двери не отходил дальше пары метров и при нашем приближении сразу потащил пса в подъезд.
– И ты даже не заглянула внутрь?
– Максим, – Дарина покачала головой. – Со мной ведь была Наська!
Я ее прямо зауважал. Такая беда случилась, а она о девочке беспокоится!
– Возможно, она последняя куколка нашего Гнезда, – продолжала Дарина. – Последняя, кто сможет пройти изменение в мать, у нее есть потенциал. В такой ситуации задача любой жницы или стражи – обеспечить безопасность куколки, а уже потом выяснять ситуацию.
– А если в другое Гнездо пойти? – спросил я. Всё-таки в Москве было одиннадцать Гнезд Измененных…
– Куколку могли бы и взять, – задумчиво сказала Дарина. – А меня нет, я жница. Меня бы сожрали.
– Что, серьезно?
Она усмехнулась.
– Может, и несерьезно… давай тише, раз пошел. И держись за мной.
Я и не собирался геройствовать и бежать впереди жницы. Может, я и безбашенный, раз вообще с ней пошел, но не настолько.
Гнезда появились через месяц-другой после Перемены. Вначале Инсеки сообщили людям, как теперь жить. Ну, про то, что мы разбалансировали экологию, сами виноваты в пандемиях, к тому же ужасно воинственны, но они всё-таки хотят дать нам шанс. Всем желающим через местные правительства раздали универсальную вакцину. Хорошая штука оказалась, на самом деле. Кто не поверил и не стал прививаться – по-прежнему заражались и умирали. А остальные избавились от всех вирусных болезней. И от ковида, всех шести основных штаммов, и от флай-эболы, и от коронарной гнили. А заодно от гриппа, герпеса, бешенства, гепатита, СПИДа… Инсеки сказали, что это их подарок человечеству.
Но мы, люди, такие существа, нам палец в рот не клади. Только что пришельцев боялись и ненавидели, а теперь им стали поклоняться. И требовать даров, как от любого бога. Чтобы они всех накормили, чтобы вылечили рак, геморрой, облысение и прочие болячки. Инсеки терпеливо объяснили, что это уж слишком, даже для них. И вообще люди пока не заслуживают таких подарков. Но, исходя из соображений доброты и любви ко всему живому, Инсеки дали мутаген, который можно было вводить больным детям. Те от всего исцелялись, только дальше росли не совсем людьми. Куколки-то еще ничего, поначалу некоторые даже жили вместе с родителями,

словно обычные дети. А вот на второй, на третьей фазе – уходили, собирались вместе, строили Гнездо. У них теперь была своя жизнь. Не такая, как у людей, не такая, как у Инсеков. Правительства делали вид, что Измененные – по-прежнему обычные граждане, но все понимали, что это не так.
Жуть, с одной стороны.
А с другой, будь я умирающим ребенком, а мне вдруг предложили измениться?
Да я бы ни секунды не сомневался!
Мы свернули с Тверского, немного не дойдя до ресторана «Пушкинъ». Это самый старый московский ресторан, он был и до Перемены, и вообще, наверное, всегда. Когда я был мелкий, то мы ходили туда семьей. Но сейчас он такой дорогой, что у меня и мысли не возникает туда пойти. Вот родителей бы сводил, там же ничегошеньки не изменилось…
Бульвар, пусть и малолюдный по ночному времени, жил своей жизнью. Но стоило сойти с него к Гнезду – всё сразу стало заброшенным и грязноватым. Измененным всё равно, что там, снаружи. А люди не очень-то любят бывать у Гнезда. Может, мы и не слышим эту «вибрацию», но какое-то неуютное ощущение возникает.
Сейчас, кстати, его не было.
Гнездо занимало здание министерства и еще несколько соседних, к которым перекинуло сплетенные из серых паутинных нитей туннели. Некоторые шли по земле, некоторые нависали на уровне второго-третьего этажа, с виду легкие и хрупкие, а на самом деле очень прочные. Паутинный шелк в ходу и у самих Инсеков, и в Гнездах его вырабатывают, даже продают людям. На первый взгляд, ничего необычного в паутине нет, полимерные нити бывают и покрепче. Но паутина восстанавливается – примерно как одежда у Измененных, только медленнее. Если клочок оторвался и куда-то прилип, то его очень трудно уничтожить. Вон, памятник рядом с Комком уже много лет стоит обросший. Вначале паутину пытались отскоблить, обливали памятник хлоркой и кипятком, потом бросили это занятие. Восточный человек постепенно обрастает, становится похожим на Деда Мороза, с бородой и в шубе. Потом приходит кто-нибудь умный с хорошими ножницами, стрижет паутину и продает мастерам, которые из нее шьют одежду. На вид она скучная, ее очень трудно покрасить, зато если порвешь – через несколько дней дырка зарастает. Рабочие это очень ценят. А на детях паутинная одежда постепенно растягивается. Маугли в таких трусах мог бы бегать по джунглям от младенчества и до совершеннолетия.
Само здание, забор и деревья вокруг тоже были покрыты паутиной, где-то реже, где-то плотнее. Может, это для чего-то и нужно Гнезду, но мне кажется, случайные обрывки прицепились и разрослись, а Измененным все равно.
Ничего ужасного снаружи не было. Никаких разрезанных тел, убитых стражей, следов боя. Разве что… Дарина не ошиблась, едва-едва пахло горелым.
Я вдруг подумал, что Дарина с Наськой вряд ли отсутствовали в Гнезде больше часа. Сколько времени-то ушло, чтобы дойти до Комка, получить заказанный товар, поболтать со мной и вернуться? Да нет, меньше. Полчаса! И вот за эти тридцать минут кто-то в центре Москвы уничтожил двести Измененных? Без тяжелой техники и вооружения (а иначе и разрушений было бы больше, и народ в сотне метрах не пьянствовал бы).
Пришла толпа бойцов с мечами и порубила всех? Никогда не поверю. Даже мелкая куколка сможет побить взрослого мужика, что уж про жниц и стражей говорить!
– Дарина, ты уверена, что все погибли? – спросил я.
– Я их не чувствую, – ответила жница.
И я наконец-то уловил в ее голосе эмоции. Да она на взводе была, едва не кричала! Просто у Измененных со второй фазы чувства не сильно-то проявляются.
– Давай посмотрим, – быстро сказал я. – Вдруг есть живые?
– Держись за мной, – повторила Дарина. И пошла к входу.
Здесь забора не было, зато паутина наросла огромными клоками, похоронив под собой бетонные стены. Сквозь нее едва-едва золотились буквы «МИНИ… КУЛЬТ… СИЙ… ОЙ…» и краешек герба. Стеклянная стена и двери оставались чистыми, к стеклу паутина липла плохо. Изнутри шел слабый свет.
– Мы войдем, – сказала Дарина. – Если я скажу «беги» – ты убегаешь, не задерживаясь. Позови помощь от людей.
– Ладно.
Я уже говорил, что не собираюсь быть героем?
Но пистолет я все же достал. Дарина искоса на него глянула, но ничего не сказала. Подошла к дверям, медленно приоткрыла. Вошла.
Я за ней.

Внутри паутины не было, но вряд ли фойе министерства выглядело так в старые времена, когда тут развивали культуру. Стены сплошь покрыты коврами, самыми разными, как лоскутное одеяло! От пола до потолка! Паркетный пол тоже закрывали ковры, от самых простеньких и до огромных, роскошных на вид. Откуда только натаскали? И зачем?
Мебели тут не осталось никакой. Здоровенный зал сложной формы превратился в мягкую затейливую шкатулку. Только потолок с хрустальными люстрами выглядел строго и официально, хотя все блескучки на люстрах давным-давно покрылись слоем пыли. Лампочки горели через одну… в общем, с улицы и то света было больше.
Пахло пряным и терпким, от Измененных порой чувствуешь такой запах. Наверное, так пахнет само Гнездо. Но было и еще что-то… неприятное…
Я вначале никого не заметил. Но Дарина быстро шагнула вперед, наклонилась – и я увидел распластавшуюся на ковре жницу. Ее черный костюм почти слился с темным ковром.
А может, ковер и не был раньше темным – до того, как впитал кровь. Жнице отрубили руки и голову. Судя по тому, как аккуратно лежали части тела, вначале заставили опуститься навзничь или прижали к полу, а потом заживо расчленили…
Я отвернулся, смотреть на это не хотелось.
И увидел еще одну Измененную – куколку, чуть старше Наськи. Тоже зарубленную, я не стал приглядываться к деталям.
Дарина вернулась ко мне. Лицо ее совершенно ничего не выражало, но голос дрожал.
– Четверо. Двое стражей, жница и куколка, – сказала она. – На входе дежурили трое стражей, третья была та, что я нашла в переулке.
Я двух убитых стражей не заметил, но любопытствовать не стал. Спросил:
– Неужели третья так испугалась, что бросила Гнездо и убежала?
Дарина покачала головой:
– Нет. Она знала, что я с Наськой ушла за мутагеном. Побежала в нашу сторону, чтобы предупредить. Это значит, она понимала, что Гнездо обречено.
Ладонь, в которой я сжимал пистолет, вспотела. Чем тут может помочь оружие? Разве что застрелиться – это, наверное, не так больно, как быть изрубленным на части.
– Пойдем дальше? – спросил я.
– Жди здесь, – сказала Дарина. – Если услышишь шум или кого-то заметишь – убегай к людям. Я сама пойду дальше. Умеешь отсчитывать время?
Я поднял руку, продемонстрировав часы. Старые, электронные. Без ушедших в прошлое мобильников они мало что могли, но циферблат светился, а это всегда удобно.
– Двенадцать минут, – кивнула Дарина. – Потом уходи. Найди полицию и позови.
– Может, лучше ваших? – спросил я.
Глаза у Дарины расширились.
– Каких… наших?
– Из другого Гнезда.
– Нет! – сказала, будто выплюнула, Дарина.
И быстрым шагом ушла к лестнице на второй этаж. Я постоял, глядя вслед.
Ну да. Похоже, я дурак.
Кто мог быстро и бесшумно перерезать толпу Измененных?
Только другая толпа Измененных.
Я никогда не слышал, чтобы Гнезда враждовали между собой. Чего им делить-то? Каждое Гнездо окучивает тот или иной район, но Москва большая, а больных детей, увы, хватает. Они и берут-то не всех, а только самых безнадежных. Лет до двенадцати обычно, до начала полового созревания. То ли потом мутагены не работают, то ли психика не выдерживает, деталей я не знаю, а может, и никто не знает. Говорят, только очень редко Гнездо принимает подростков лет пятнадцати-шестнадцати.
Так что самые старые Измененные младше меня. Хотя, глядя на монаха или старшую стражу, этого не скажешь.
Может, они доросли до междоусобных войн?
Или мозги у них стали совсем набекрень?
Я поежился.
А что, если Измененные примутся на людей бросаться? Нет, их задавят, конечно. Против автоматного огня в упор не выстоят.
Но крови будет много.
– Вот мало нам забот! – сказал я. В обтянутом коврами помещении голос был едва слышен.
Я всё-таки подошел к мертвой куколке. Судя по разрубленной спине – умерла сразу. В лицо я заглядывать не стал, но мне показалось, что когда-то это был мальчишка.

Потом я еще походил немного и нашел стражей. Тут понять было сложнее, но вроде как у одной стражи при жизни был кадык. Наверное, юноша, хотя значит ли это для Измененных хоть что-то?
Обе стражи погибли, сражаясь. Из пальцев на руках выдвинуты длинные кривые когти, да и позы были такие… словно они кого-то вместе атаковали.
Атаковали-атаковали, да не выатаковали.
Одной всю грудь истыкали, комбинезон почти зарос, но следы оставались. У второй шея была перерублена до позвоночника.
Я отошел, гордясь, что меня не стошнило. Теперь я чувствовал слабый сладковатый запах крови.
Ужас какой.
Всё-таки зря я сюда сунулся.
Если что-то со мной случится – что будет с родителями?
Потянуло на приключения дурака!
Я глянул на часы – прошло десять минут. Еще две, и можно уходить.
По-прежнему сжимая пистолет, я отошел поближе к двери. Сейчас мне даже хотелось, чтобы Дарина не вернулась. Нет, конечно, пусть с ней всё будет хорошо. Пусть она задержится оттого, что осматривает Гнездо. Или, лучше, спасает выживших. Каких-нибудь куколок, спрятавшихся под кровати… они ведь спят на кроватях? Черт возьми, они вообще спят? Короче, спасает. И ей не до меня. Я сейчас выйду, пистолет закину на крышу фойе, фиг там кто-то будет искать. Дойду до ресторана, там наверняка есть полицейский или частная охрана. Объясню, что услышал крики из Гнезда… нет, лучше, что в переулке увидел труп.
И пусть официальные лица приходят сюда, разбираются, что к чему.
Секундная стрелка томительно медленно завершала последний круг. Я честно дождался, когда истекли двенадцать минут. Была четверть двенадцатого ночи.
Всё, пора уходить.
– Максим!
Дарина спускалась по лестнице. Быстрым шагом, но не бежала.
– Ну что там? – спросил я. Приглушать голос, похоже, нужды не было.
– Мы с Наськой последние, – просто ответила Дарина.
Вся та нервозность, что в ней угадывалась, куда-то исчезла. Она была собранная, даже выглядеть стала старше. Я заметил, что в тусклом свете ее глаза поблескивают сиреневым. Это было завораживающе и красиво.
– И что теперь? – спросил я, не скрывая облегчения. Кто бы ни убил Гнездо, их тут уже нет. Я проявил героизм и благородство, но не поплатился за это. Будет о чем рассказать в компании!
– Теперь… – Дарина замолчала, прикрывая лицо рукой. С улицы ударили мощные пучки света. Я осторожно повернулся, у меня даже между лопаток зачесалось. И не зря! Перед входом толпились люди в форме, десятка два. За их спинами угадывался то ли автомобиль, то ли броневичок, с которого светили два ослепительно-ярких прожектора. Мы были как рыбки в аквариуме. Щурясь, я разглядел, что некоторые силовики присели на одно колено, выставив в нашу сторону оружие, явно готовые открыть стрельбу.
– Внимание! Это полицейская операция! Бросайте оружие и выходите с поднятыми руками! – донеслось с улицы так громко, что стекла задребезжали.
Я послушно разжал пальцы, роняя пистолет. Угораздило же его взять!
– Молчи, я буду говорить, – сказала Дарина, обходя меня и открывая дверь.
Конечно же, я не спорил. Дарина вышла, замерла на площадке перед дверью. Руки она не подняла, кстати.
Шагнув за ней, я из какого-то упрямства хоть и поднял руки, но не полностью, как в кино, а лишь согнув в локтях. Будто собирался поприветствовать полицию.

Глава четвертая

Как же снаружи слепило глаза! Нас держали в круге света, а что куда хуже – еще и под прицелами.
– Лечь на землю! Руки на виду! – рявкнул мегафон, и звук заметался по переулку.
Дарина выждала несколько секунд, пока стихло эхо, потом неожиданно громко ответила:
– Я Дарина, хранитель Гнезда. Кто старший среди вас, люди?

Она как бы сразу провела грань, и полицейские смешались.
Потом к нам двинулась кряжистая широкоплечая фигура. В матовом непрозрачном шлеме, в пластиковой броне, не в обычной полицейской, а в какой-то хитрой, с утолщениями на суставах. Силовая, что ли? Как у сил специальных операций?
Визор шлема сдвинулся вверх, одновременно прожекторы чуть сместились, прекращая нас слепить. Часто моргая, я рассмотрел полицейского – немолодой мужчина с щетинистым подбородком, со шрамом на щеке. Морда каменная, словно у Измененных.
– Полковник Лихачев, отдел «Экс». Хранитель этого Гнезда – Анна Цой.
Он помолчал, вглядываясь в Дарину.
– А ты – жница Дарина Мельникова.
Точно! Фамилия у Ростика была Мельников. Ничего себе подготовка у полковника, он что же, всех в Гнезде знает по именам и фамилиям?
– Я хранитель Гнезда, – повторила Дарина. – Хранитель Анна мертва.
– И почему я должен поверить?
– Потому что ни одна жница не назовется хранителем, если им не является, – ответила Дарина.
Полковник Лихачев размышлял. Потом спросил:
– Что у вас случилось?
– Небольшое недоразумение, – ровным голосом ответила Дарина. – К сожалению, даже у нас случаются конфликты, приводящие к печальным последствиям. Несколько наших погибли. Это печально, но не должно вас волновать. Мы уладим свои проблемы.
– В переулке труп убитой стражи, – сказал полковник. – Зинаида Кириллова.
Как-то странно было слышать нормальные, человеческие имена и фамилии, когда речь шла об Измененных. На имена-то они поначалу откликались, хотя обычно сокращали или коверкали их, но фамилии игнорировали напрочь.
– Да, – согласилась Дарина. – Хорошо, что вы ее обнаружили.
Она на миг запнулась, потом продолжила:
– Вы можете забрать тело. Гнездо не будет настаивать на его возвращении.
По дрогнувшему лицу полковника я понял, что Дарина только что бросила ему очень и очень соблазнительную наживку.
– Что это значит? – осторожно спросил полковник.
– Она исторгнута, – сказала Дарина.
– Это она убила хранительницу? – предположил полковник.
– Гнездо не дает комментариев, – ответила Дарина холодно.
Полковник мялся. Ему явно хотелось свернуть операцию, забрать своих людей и мчаться за наградами и премиями. Вряд ли в распоряжении властей есть много тел Измененных, уж тем более – стражей в боевой трансформации. Сейчас по всей Москве начнут вытаскивать из постелей ученых и врачей, а к утру тело несчастной Кирилловой уже просветят всеми рентгенами, разрежут на кусочки и осмотрят под микроскопами. Черт, гадость какая. Даже представлять не хочется.
– Как себя чувствует уважаемая мать Гнезда? – спросил полковник. На этот раз он обошелся без имени. Не знал, кто мать?
– Она очень расстроена и готовится отойти ко сну, – сказала Дарина.
Полковник чуть прищурился, а я понял, что Дарина говорит о Наньке. И одновременно – что это еще одна ее подачка. И «расстроена», и «готовится отойти ко сну».
Выходит, отдел «Экс» тоже мало что знает?
– А это кто? – Лихачев кивнул на меня.
– Это Максим, – небрежно сказала Дарина. – Он пользуется полным доверием матери и призван мной для расследования инцидента.
Я прям чувствовал, как полицейский буравит меня взглядом.
– И как фамилия Максима? – спросил Лихачев.
– Воронцов. У вас еще остались вопросы?
Удивительно, она и впрямь помнила мою фамилию! С одной стороны, обидно, что назвала, а с другой… разве это помешало бы полиции узнать, кто я?
– У Максима Воронцова был в руках пистолет, – сказал Лихачев.
– У него был в руках предмет, похожий на пистолет, – поправила Дарина. – Но я бы попросила вас выдать ему разрешение на ношение оружия.
Полковник аж поперхнулся от такой наглости.
Но Дарина добавила, как припечатала:
– Это просьба Гнезда. Он пользуется доверием матери.
Полковник постоял, размышляя. Потом кивнул. Махнул рукой – и прожектора угасли.
– Могу ли я узнать, почему вы приехали? – спросила Дарина.

– Анонимный звонок, – коротко ответил Лихачев, спускаясь с лестницы.
Полицейские стали уходить куда-то в стороны. Броневик – это действительно был приземистый полицейский броневик, такие нечасто увидишь на улицах, – мягко заурчал мотором и уехал следом.
Прошла минута – и словно никого тут не было.
Я посмотрел на лунное кольцо. Среди полосы пыли плыла Диана, второй по величине осколок Луны. Становилось светлее.
– Идем, – Дарина пошла обратно. Я за ней. В фойе подобрал пистолет, спрятал в кобуру. Интересно: мне и впрямь выдадут разрешение на оружие?
– Спасибо, ты меня выручила, – сказал я. – Думал уже, что сейчас мордой в грязь уронят…
Я осекся.
Дарина рыдала. Тихо, беззвучно, застыв, как столб. Люди, когда плачут, стараются к чему-то прислониться. Наверное, потому, что плачущий – он беззащитен, он нуждается в опоре. А она стояла, будто столб, и тихо ревела.
– Дарина… – сказал я неловко.
– Зи… – прошептала Дарина. – Зи, прости меня… Я же ее оболгала, Максим! Я ее назвала исторгнутой! Словно она убила хранителя… ее будут препарировать… как… как животное… как… как диковинку…
– Вы были подругами? – спросил я и осторожно тронул Дарину за руку. Кожа жницы и впрямь оказалась слишком гладкой и скользкой, будто покрытая тефлоном. Но теплой. Живой.
Интересно, она меня не порвет на кусочки за прикосновение?
Она не порвала. Прижалась лицом к плечу и зарыдала громче. Сквозь слезы сказала:
– Мы все подруги… были…
Я неловко погладил ее по спине.
Глупо получается. Вроде девушку успокаиваешь, а на самом деле – Измененную. А еще ее груди упирались в меня, и казалось, что у нас обнимашки, а дальше всё будет по обычной программе…
От этой мысли мне стало стыдно и противно. Она же не человек! Вокруг полно мертвецов!
– Всё будет хорошо, – сказал я. – Ты жива, и Наська жива…
Дарина вздрогнула под моей рукой. Мрачно сказала:
– Это пока… И тебя я подставила. Ляпнула с перепугу. Лучше бы… мордой в грязь.
– Почему? – не понял я.
– Я же сказала полковнику, ты не услышал? Ты призван.
– И… что?
Дарина отстранилась и удивленно посмотрела на меня. Глаза ее мерцали глубоким сиреневым светом.
– Это не шутки, Максим. Это так просто не отозвать. Ты теперь почти в Гнезде. Пока не выполнишь миссию. Извини, пожалуйста. Я перепугалась…
Я стоял, хлопая глазами и пытаясь осмыслить, во что ввязался.

К полуночи на улице стало совсем безлюдно. Лишь от «Пушкина» доносились веселые голоса и с хлопаньем взлетали в воздух фейерверки. С ревом промчались два мотоцикла, на втором, за пилотом, сидела хохочущая девушка в длинном вечернем платье. Выглядело это безумно, но весело. Золотая молодежь отдыхала.
Я подумал, что, если бы не Перемена, и отец остался бы в своем министерстве, то и я бы здесь чилил, а не бродил вечерами по Москве в поисках кристаллов. Но что жалеть о несбывшемся? Я хороший серчер, а теперь еще, даже подумать смешно, призван Гнездом!
Дарина велела мне прийти днем, часа в три. Я подозревал, что всю ночь она будет собирать по Гнезду тела погибших подруг и друзей. Тяжелая работа, даже физически, но напрашиваться в помощники я не стал. Да и она не просила. Наверное, в Гнезде было много того, что мне видеть не полагалось.
Полицейский пост стоял на углу с Тверским. Два человека в броне, с короткими автоматами на груди. Меня проводили внимательными взглядами, но останавливать не стали. Значит, полковник, хоть и убрал свою маленькую армию от Гнезда, но наблюдение оставил.
– Доброй ночи, – сказал я, проходя мимо полицейских.
Мне, конечно, не ответили. Люди на службе.
Шел я не торопясь, если захотят догнать – все равно догонят. Вся моя защита была в словах Дарины: что я призван и что мне доверяет мать. И только у здания ТАСС

навстречу мне вышел мужчина со шрамом на щеке. Без брони, в обычном костюме, полковник Лихачев выглядел совсем не впечатляюще. Не такой уж и высокий, грузный, хотя и чувствовалось: грузность от мышц, а не от жира.
– Добрый вечер, Максим, – сказал он. – Можем мы поговорить?
Спорить смысла не было. А то еще предложит разговор в другом месте.
– Только недолго, – попросил я. – Спать хочу.
Лихачев взял меня под руку, у него это вышло как-то естественно, словно он был добрым дядюшкой, взявшимся наставлять житейским мудростям непутевого племянника. Повел через дорогу. Там, посреди бульвара, у памятника Тимирязеву, стояли скамейки.
– Все спать хотят, – вздохнул он. – Я тоже уже лег, когда выдернули… Мы недолго посидим, поговорим.
– Угу, – смирился я.
– Ты хороший парень, из хорошей семьи, – продолжал Лихачев. – Папа твой – уважаемый человек… ну, воровал, конечно, тогда время такое было, но без наглости, иначе бы просто коллеги не поняли. Знаешь, он ведь до сих пор в министерском резерве числится! Замминистра, конечно, уже не станет, возраст. А вот отдел могут и дать.
– Это вы сильно зашли, – похвалил я, садясь на скамейку. – С козырей!
– Кто же на первом ходу кладет сильные карты? – удивился Лихачев. Сел рядом, потер переносицу. – Ты мне расскажешь, что на самом деле случилось в Гнезде?
– Жни… то есть хранитель все сказала.
– Ясно, ясно… Давно ты с ней контакт поддерживаешь?
– Она сестренка моего друга, – уклонился я от ответа, сказав то, что он и так наверняка уже знал.
– Очень человечная, правда?
– Ну… они же все изначально люди, – опять туманно высказался я.
Лихачев вздохнул.
– Давай откровенно, Максим? Я люблю по-хорошему. Ты – нормальный парень, даже удивительно. Закон почти не нарушаешь… ну, налоги чуть-чуть… ствол хранишь… это мелочь. Но мне нравится, что ты помогаешь родителям, волонтером работаешь, дрянью всякой не балуешься. Неужели хочешь до старости лет по улицам в зеркалках ходить? Учиться не думал?
– Кому сейчас нужны дипломаты?
– Во-первых, всё равно нужны, – сказал Лихачев наставительно. – Во-вторых, ну собирался ты, будучи дитем малым, поступать в МГИМО, ну и что? Есть другие профессии.
– Например, полицейский, – глядя на плывущую в лунном кольце Диану, сказал я.
– И это тоже, – кивнул Лихачев. – Ты меня не подначивай, я тебя не агитирую к нам идти. Но если надумаешь поступать… да хоть бы и на свои международные отношения… поможем. Да! – Он так оживился, будто эта мысль только что пришла ему в голову. – А как насчет особого факультета?
– Межзвездной дипломатии? – усмехнулся я.
– Официально он называется «общечеловеческой», – поправил Лихачев. – Как думаешь?
– Туда хрен поступишь. Даже ваших возможностей не хватит, у действующих министров тоже дети есть.
– Но не все они заслужили доверие Гнезда, – усмехнулся Лихачев. – Это, друг мой, огромное преимущество!
Я с удивлением подумал, что он прав.
И это значит… значит…
Я могу оказаться среди тех немногих, кто сможет покинуть Землю? Побывать в мирах Инсеков, Продавцов, прочих? Узнать, как и что там, в небе, на самом деле?
– А вот это козырь, – признал я.
Лихачев тихонько рассмеялся:
– Ты молодой, здоровый, без вредных привычек, способный к языкам, благонадежный… Ты ведь благонадежный, Максим?
– Да, – сказал я.
Неужели это всегда так просто происходит? Не успел опомниться, а тебя уже завербовали!
Или еще нет?
– Я действительно мало что знаю, – сказал я.
– В Гнезде много погибших? – спросил Лихачев небрежно.

– Четверо, – сказал я. – Своими глазами видел.
Если Лихачев и понял, что ответ двусмысленный, то давить не стал.
– И что считает хранитель?
– Мне не докладывала, – мрачно ответил я. – Но беспокоится, не стояло ли за нападением другое Гнездо.
Лихачев наклонился вперед, ссутулился, с минуту помолчал, размышляя.
– Эх… будь всё как раньше. Камеры на каждом метре, каждый шаг в центре отслежен… еще и мобильники у всех, каждый сам себя светит… Другое Гнездо, говоришь? Тоже об этом подумал. А первая мысль – обычно неправильная. Что собираешься делать?
Я помолчал. И, собравшись с духом, сказал:
– Простите. Но вряд ли я могу вам рассказывать.
Лихачев вздохнул. Пробормотал:
– Так и предполагал… Все вы, призванные, такие… Видишь Диану, Максим?
– Вижу, конечно.
– Это двадцать процентов массы Луны. Еще сорок – Селена. Еще тридцать – пыль и мелкие астероиды лунного кольца. Куда делось десять процентов лунной массы? Как Инсеки сумели за несколько часов превратить наш спутник в кольцо и два малых спутника? Да еще и на стабильных орбитах? Селена и Диана пылесосят орбиту, но ближайшие десять тысяч лет над Землей будет именно кольцо с двумя спутниками.
– А я его иногда называю лентой, – сказал я.
– Почему?
– Ну, если кольцо, как у Сатурна, то оно лежит в одной плоскости, всё дальше и дальше от планеты. А лунное кольцо повернуто к нам не боком, а внутренней стороной. Как ленточка… на подарке.
– Или как кольцо на пальце невесты, – не согласился Лихачев. – Лучше уж быть невестой, выданной замуж против воли, чем подарком в коробочке с ленточкой… А знаешь, что самое обидное? Мы не знаем, зачем Инсеки это сделали. Они не отвечают. Говорят: «Для вашего блага».
– А я слышал, что Луна негативно влияла на людей. Что от лунных фаз зависели перепады характера.
– И женский цикл, – усмехнулся полковник. – Много чего говорят, но никто не знает. Они что-то забрали с Луны? Решили показать свою мощь? Сделать Землю похожей на родную планету? Никто не знает… Мы ведь поначалу обрадовались появлению Гнезд.
– Потому что умирающие детишки спасались? – спросил я со скепсисом.
– В задницу спасение детишек такой ценой! – резко ответил Лихачев. – Нет! Мы понимали, что это будут уже не люди. Но надеялись, что они станут мостом между людьми и пришельцами. Не вышло. Пока они маленькие – вроде как обычные. А потом раз… и всё. И знать они нас не хотят.
Я не спорил. О чем тут спорить-то.
– Поэтому те, кто сумеет наладить отношения с Измененными, нам очень важны, – продолжал Лихачев. – Ты важен. Мы связаны по рукам и ногам кучей негласных соглашений – с Инсеками, с Продавцами, с Измененными. Когда все ядерное оружие превратилось в мусор, нам ясно дали понять, кто теперь хозяин. Но потрепыхаться-то хочется…
Он воровато огляделся, потом достал из кармана пачку сигарет и зажигалку. Раскурил сразу две и протянул одну сигарету мне.
– Фу, – сказал я.
– Будь добр, подержи зажженную, – сказал Лихачев. – Хочу покурить, но если за нами наблюдают, то оправдаться смогу лишь необходимостью наладить с тобой контакт. Нам потому и выдают сигареты – для налаживания отношений с опустившимися элементами.
Мне пришлось взять в руки сигарету и терпеть вонючий дым.
Значит, даже полковник отдела «Экс» не знает, следят ли за нами.
– Разрешение на оружие тебе дадут, – сказал Лихачев. – Ты вроде ходил иногда в тир… позанимайся серьезнее. Ничего нет глупее огнестрельного оружия, если ты не умеешь или не готов его применить. Пропуск я тебе тоже сделаю, чтобы в ночное время патрули не придирались. Простенький пропуск, внештатного консультанта, но пройти кое-куда поможет, и разговорить человека будет проще. Денег не обещаю. Могу, но наша бюрократия будет две недели бумажки оформлять, а ты вроде парень не бедный… Если что – звони. Опять же, помощи не гарантирую, но вдруг что-то подскажу.
– И что я за это буду должен? – спросил я.

– Да ничего, – Лихачев глубоко затянулся. – Твою ситуацию понимаю, я бы и сам с Гнездом не ссорился. Просто помни, что ты – человек.
– Помню, – обиделся я.
– Вот и не забывай.
Я поднялся. Спросил:
– То есть я могу идти?
– Иди, – досасывая свою отраву, сказал Лихачев.
Что говорить, я легко отделался.
Даже не завербовался.
Я же не завербовался, точно?
То, что меня призвали на службу Гнезду, не делает меня Измененным. А пропуск «внештатного консультанта» не превращает в полицейского.
Полковник Лихачев вроде как мужик не говнистый. Начал разговор жестко, но потом заговорил по-человечески.
Или они все так работают?
В общем, к дому я вернулся в мрачных раздумьях. Пять часов назад я вышел из дома купить картошку и подсолнечное масло.
А теперь – пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю, что…
Заспанный консьерж открыл не сразу. Он беспробудно дрых, когда мы выходили с Дариной, и, похоже, только сейчас проснулся. Уж не знаю, что с ним сделала жница, но ее визит он явно не помнил.
Значит, можно надеяться, что и всезнающий полковник отдела «Экс» не подозревает, что нынешняя мать Гнезда – в квартире моих родителей.

Глава пятая

Спал я крепко и встал в девять, когда запищал будильник. Быстро принял душ, вода шла едва теплая, но в нашем нынешнем климате это не важно. А потом оделся и поднялся к родителям.
Открыл отец. Выглядел он уже не столь ошарашенным, как вчера, когда я впихнул им в дверь Наську. К тому же был выбрит, ну и не в семейных трусах с футболкой, как обычно.
– Всё нормально? – спросил я.
Отец молча посторонился, сказал:
– На кухне.
Судя по тону, на кухне могло быть всё, что угодно. К примеру, Наська, сидящая под столом, держащая перед собой самый здоровенный нож и скалящая острые, как у акулы, зубы. Ну а кто их знает-то, Измененных?
Я быстро прошел на кухню, откуда доносился тонкий голосок, и остановился в дверях. Вначале мне показалось, что на стуле, болтая ногами, сидит какой-то незнакомый мальчишка в подозрительно знакомой пижаме. Потом я понял, что это куколка, только отмытая, причесанная и одетая… да это же моя детская пижама! С мальчиком Финном и собакой Джейком!
Родители что: ее не выкинули?
Мама стояла у плиты и выглядела, честно говоря, вполне прилично, только лицо было отечное. Ну неудивительно, если бухать несколько лет без перерыва… Она мешала что-то в кастрюльке, судя по запаху – овсяную кашу. Да, я им месяц назад пакет хлопьев приносил…
А еще шторы были отдернуты, и окно приоткрыто на проветривание. Я с испугом глянул, но небо затягивали тучи, и ничего слишком уж необычного видно не было.
Наська стрельнула в мою сторону глазами и продолжила рассказ:
– И тогда старый якудза Тэкеши Оосава засмеялся и сказал, что отправит меня в опиумный притон в Маниле. Но Максим не растерялся. Он предложил сыграть на меня в покер. Если бы проиграл, то его тоже забрали бы в рабство на всю жизнь! Оосава не сомневался, что выиграет, и достал колоду крапленых карт… Привет, Максим!
– Максим, ты посещаешь подпольные казино? – спросила мама подозрительно.
– У него не было другого выхода! – вступилась Наська. – Когда проиграешь на собачьих боях обе почки, и надо срочно добыть много денег, то либо грабить банк, либо идти в казино… Так вот, Максим рассмеялся в лицо низкому человеку и достал свою любимую колоду… – Она осеклась. – Он вообще-то не играет. Но может же быть платонически любимая колода?

– Может, – сказала мама, ставя перед ней тарелку. – Максим, ты будешь овсянку?
– Буду, – решил я и сел. Стоявший за моей спиной отец остался в дверях. – Ты ее не слушай.
– Ну почему же? – удивилась мама. – Такие интересные истории. Она вначале призналась, что твоя тайная дочь. Но мы с ней посчитали – по возрасту плохо бьется. Тогда сказала, что она мать. Мать Гнезда.
У меня внутри екнуло.
– Мы посмеялись вместе, – продолжила мама, накладывая мне кашу. – Вот, теперь новая интересная история, в ней есть японская мафия, азартные игры… Прекрасная фантазия у ребенка, вот только истории не по возрасту…
Я незаметно показал Наське кулак.
– У тебя такая милая пижамка, Максим, – сказала куколка противным голоском.
Позор-то какой!
Может, они еще и детские фотоальбомы смотрели?
– Спасибо, мам, – сказал я. – Вкусная каша.
Мама села рядом с Наськой. Поглядела на меня.
– А ты что скажешь?
– Наська – сводная сестра Дарины Мельниковой, – пояснил я. – Помнишь Ростика? Мой одноклассник. Дарина – его младшая сестра.
– Не помню, – честно призналась мама.
– Ну посмотри на фотках в школьном альбоме, он высокий такой, белобрысый… был. Ростик погиб, вскоре после… – Я запнулся. – Давно уже. Вчера я случайно встретил его сестру Дарину, у нее неприятности… попросила присмотреть за своей сестренкой.
– Запутанные семейные отношения. А что случилось? – забеспокоилась мама.
Наська мрачно смотрела на меня.
– Не могу рассказывать, – вздохнул я. – Ничего, что нас бы касалось. Мам, может ку… Наська у вас пожить пару дней?
– Если ей не будет скучно с двумя стариками… – Мама вопросительно посмотрела на Наську. Та скорчила максимально умилительную рожицу.
– Вот и хорошо, – обрадовался я, забрасывая в рот последние ложки каши. – Наська, я сейчас пойду к Дарине. Она просила тебя остаться на несколько дней здесь.
– Я уже поняла, – ответила она без всяких дурачеств. – Максим… как у нее дела?
– По-всякому, – уклонился я.
– Она одна?
Я кивнул:
– Одна. Но я сейчас к ней загляну.
Похоже, Наська всё поняла. Начала вяло ковыряться в каше, опустив голову. А я пошел на выход. Отец молча проводил меня, у дверей спросил:
– Что на самом деле происходит, сын?
Я замялся.
– Ну… неприятности. У знакомой. Я маме правду сказал.
– Ты что-то не договариваешь.
– Да, – честно признался я. – Но… знаешь, пап. Тут такая ситуация, что мне надо самому разобраться.
– Я не смогу помочь? – спросил отец. – У меня остались серьезные знакомые, ты не думай.
– Пап, ничего не нужно. Если потребуется, я сразу попрошу помощи или совета.
Я его не убедил, это точно. Я и себя-то не убедил.
Но отец не стал спорить, и я был за это благодарен.

Еще вчера мы с Дариной обговорили, что я буду делать.
Она сейчас не могла выходить из Гнезда. Можно сказать, держала оборону и изображала, что Гнездо обитаемо. Мне даже показалось, что это имеет какой-то мистический смысл: вроде как Гнездо не просто место обитания, а живое, и если последняя Измененная его надолго покинет, то оно разрушится.
А вот я мог пойти куда угодно.
Тем более что внизу, у консьержа, меня ждал принесенный рано утром пакет. В пакете лежало разрешение на ношение оружия (я даже не удивился, что в нем проставлен номер моего макара), удостоверение консультанта полиции на мое имя (фотография выглядела совсем свежей, на ней я был в строгом костюме и галстуке, которых никогда не носил), снаряженный магазин к пистолету и тонкая пачка денег. Судя по незначительности суммы, полковник мог и свое бабло положить. Ну, или из каких-то совсем мелких фондов «для налаживания отношений с опустившимися элементами».

Как-то меня это даже растрогало.
Поэтому я сказал себе, что денег специально положили чуть-чуть, чтобы я так подумал и проникся к полиции симпатией. Рассовал всё по карманам (консьерж вытаращился на обойму, я ему подмигнул и показал удостоверение). Может, у меня его уже завтра отберут, но уважение консьержа мне теперь обеспечено.
Дошагав до метро, я сунул в турникет карточку и спустился к поездам. Раньше-то можно было просто поднести смартфон или часы к датчику, но Инсеки очень не любили средства коммуникации сложнее радио. Оптоволокно, провода, 5G – все работало, вот только скорость передачи данных оказалась зажата на одном мегабите в секунду. Смартфонам пришел конец, интернету тоже. Только хардкор, только диски и флэшки. Разве что хиленький блютуз Инсеки не тронули, но руководство метрополитена от греха подальше перевело всю оплату на карточки с магнитной полоской, против них Инсеки ничего не имели.
Ближайшее к центру Гнездо было на Олимпийском проспекте, оно накрыло уголок дедушки Дурова, не затронув по какой-то причине лишь слоновник. Но Дарина попросила меня пойти в другое, самое крупное в Москве – на улице Раменки.
Так что я дождался поезда и поехал до «Парка Победы».
В метро было душно. Климат после Перемены изменился сильно, пусть зимой снег и был, но в марте месяце уже тепло и влажно, почти никто ветровок не носил. А мне пришлось ее надеть, да еще и застегнуть, чтобы не светить повсюду кобурой. Хорошо хоть, металлоискателей нет, в детстве, помню, они повсюду стояли.
Пересев на поезд до «Мичуринского», я все еще размышлял, что делать, если в Раменском Гнезде меня выслушают (если пошлют на фиг – то пойду, куда деваться) и скажут: «Да, это мы всех убили, вам-то какое дело?»
Ну, понятно, я тоже пойду. А дальше?
Что, если Дарина скажет: «Теперь ты должен отомстить, я же тебя призвала!»
Тьфу. Зачем я в это только влез! Все проблемы в мире из-за девчонок, хоть обычных, хоть Измененных…
От метро я пошел к Гнезду пешком, тут было недалеко. Это Гнездо возникло не первым, но сразу с размахом. В Раменках был старый жилой комплекс – восемь корпусов, стоящих кругом. То ли в одном из них жила первая Измененная, то ли по другой причине – но Гнездо возникло именно там. Люди тогда к такому не привыкли, народ стал съезжать и разбегаться кто куда – благо, из Москвы многие разъехались, хватало пустых квартир, и власти их просто реквизировали в рамках чрезвычайного положения, расселяя беженцев и погорельцев. Помню те дни: все ходили, с опаской поглядывая в небо, на кольцо, говорили тихо, будто боялись, что Инсеки подслушивают, сбивались в кучки и обменивались сплетнями – телевизору никто не верил. Ну и психов тоже хватало, конечно. Орущих, беснующихся, кидающихся на людей, призывающих к войне, покаянию, бегству…
Это Гнездо тоже обросло паутиной, но вокруг ее тщательно убирали, асфальт был выскоблен, жилые здания тоже чистенькие. Может, у начальника муниципалитета бзик такой?
Чем ближе я подходил к Гнезду – кругу панельных восемнадцатиэтажных зданий, – тем сильнее ощущал присутствие чего-то неприятного, чуждого. Обычно мимо Гнезда идешь – легкая неловкость, желание ускорить шаги. Только если остановиться, то ощущение начинает нарастать. А сейчас меня прям всего пробирало! Может, к нашему Гнезду я привык? Или дело в том, что оно меньше? В Раменском несколько тысяч Измененных, оно должно сильнее фонить.
И чем это место мутантам приглянулось? Дома панельные, ветхие. Квартирки маленькие, а они явно любят общие пространства, почти все Гнезда – в административных зданиях. Тут, наверное, им дырки пришлось между квартирами делать. Или они ходят по лестницам, заглядывают друг к другу в гости?
Единственное, что тут было хорошо, – закрытый зеленый двор и огромный парк рядом. Ну так Измененные не гуляют! Сидят себе в Гнезде и сидят, только по делам выходят.
На разных уровнях отдельные корпуса соединялись паутинными туннелями, как и в нашем Гнезде. Тут их было больше, конечно, и выглядели они покрепче, хотя все равно ходить по кишке из паутины на высоте полусотни метров должно быть страшновато. К одному из переходов прицепилась большая гроздь ярких воздушных шариков, улетевших с какого-то праздника. На фоне серых стен и серой паутины выглядели шары неожиданно грустно.
Я подошел к проходу между двумя зданиями. Тут все было затянуто паутиной, только в центре оставалась арка – большая, можно на грузовике проехать. И стояли две стражи, подозрительно глядя на мое приближение.

Стражи немного выше жниц, но это потому, что у них и сложение массивнее. Жницы в общем-то сильно похожи на людей. Цвет радужек другой и кожа слишком гладкая – вот и все отличия. Да еще двигаются по-другому, конечно. Немного дерганые, словно жница выполняет те же движения, что и человек, но раза в полтора быстрее, а потом мгновенно останавливает руку или ногу. Пока к этому не привыкнешь, выглядит неприятно.
Стражи другие. Лицо у них заостряется и одновременно раздается вширь. Подбородок крупнее, хотя рот обычный. Глаза темные, зрачка не видно. Руки длиннее, чем должны быть, кисти очень крупные. Волосы остаются совсем коротким ежиком, зато плотным, как щетка. Кожа становится шершавой и пупырчатой, от былого блеска не остается и следа. Движутся они неспешно, но всегда чувствуется, что в любой миг могут резко ускориться.
– Здравствуйте, – сказал я.
Стражи молчали, глядя на меня. Наверное, приняли за психа. Полно таких, припрутся к Гнезду и требуют Изменения, пока их полиция не уведет.
– Я послан хранителем Гнезда, – продолжил я. – Того, что в центре города, в Гнездниковском переулке. Мне надо поговорить с вашим хранителем.
Стражи переглянулись. Большинство Измененных – женщины, так уж повелось. Но, глядя на этих, я решил, что правая стража – в прошлом мужчина. Какая-то в ней была особенность, пусть даже обтягивающий комбинезон из крупных шестиугольных чешуек никаких деталей не подчеркивал.
– Жди, – сказала правая стража, развернулась и ушла во двор.
Я остался наедине со стражей-женщиной. Умом понимаю, что она младше меня, но к страже понятие возраста как-то неприменимо.
Начал накрапывать мелкий теплый дождик.
– Хорошая погода, не правда ли? – спросил я.
Стража молчала.
– Вам нравится дождь? – продолжил я.
Стража буравила меня своими черными глазами и не издавала ни звука.
– В детстве любил бегать под дождем, – не унимался я. – Бабушка говорила, что от этого растешь. А вам такое говорили?
Стража неожиданно ответила. Голос у нее был ровный, скучный, такой мог принадлежать и мужчине, и женщине.
– Не говорили. Когда случилась Перемена, вся моя семья погибла. Я еще не умела ходить.
Я осекся. Это что же получается: страже двухметрового роста всего восемь лет?
– Я говорю с тобой, поскольку ты призван Гнездом, – пояснила стража. – А мне интересно говорить с людьми. Давай играть? Вопрос за вопрос.
Я растерянно кивнул.
– Спрашивай.
– Тебе всего восемь лет?
– Девять. Гнезду были нужны стражи, я торопилась. Нам не надо бегать под дождем, чтобы вырасти. Мой вопрос. Ты боишься меня?
Ответил я аккуратно, как мог:
– Опасаюсь. Ты гораздо сильнее, и ты непонятна. Но мы ведь разговариваем, мы не враги.
– Это вопрос?
А почему бы и нет?
– Вопрос.
– Тебя нет в списке врагов. Теперь мой вопрос. Ты хочешь стать Измененным?
– Нет, – ответил я резко. – Мне нравится быть человеком. Можно еще вопрос?
– Говори.
– Как вы относитесь к Инсекам? – спросил я неожиданно для самого себя.
Наверное, я ждал, что она скажет «благодарны». Или «недолюбливаем». Или «боимся». Но стража молчала. Потом сказала:
– Поменяй вопрос.
– Почему?
– Поменяй вопрос. Это плохая игра. Это опасная игра.
Если бы в голосе стражи были эмоции, то сейчас это был бы испуг. У нее даже мелко задрожала кожа на лице.
– Хорошо, – быстро сказал я. – Другой вопрос. Гнезда воюют между собой?
– Вообще или сейчас?
– Вчера, сегодня, сейчас?

– Ни одно Гнездо на Земле не воюет и не воевало с другим Гнездом, – ответила стража. Мне даже показалось, что я услышал облегчение в ее голосе.
Я вдруг подумал, что говорю с ребенком. Пусть вымахавшим выше меня, чудовищной силы и каким-то образом умным не по возрасту. Но всё-таки ребенком.
– Хорошая была игра, – сказал я мягко. – Спасибо. Мне было интересно говорить с тобой.
– Мне тоже, – ответила стража. – Мы любим играть в игру вопрос за вопрос. Но я никогда не играла с человеком.
Я кивнул. Да, мой странный статус призванного Гнездом сделал меня тем самым посредником между людьми и Измененными, о котором мечтал полковник Лихачев.
Вернулась вторая стража. Не одна – за ней шел… шла жница… нет, не совсем жница. Куда более похожая на человека, чем стража, но глаза у нее были ослепительно-белые, будто слепые, с крошечными, как булавочные проколы, черными зрачками. Комбинезон тоже белый, но крупночешуйчатый, свободного покроя. И движения совсем человеческие, без дерганности.
– Я – хранитель Гнезда, – сказала Измененная, останавливаясь передо мной. – Ты призван.
– Призван, – кивнул я, хотя это не было вопросом.
– Матерью или хранителем?
– Хранителем и матерью. – Я решил, что это будет правильный ответ.
– Хорошо, значит, они живы, – кивнула хранитель. – Зачем ты пришел?
– Наше… – Меня немного дернуло от этого слова, но я опять же подумал, что надо говорить именно так. – Наше Гнездо подверглось нападению. Есть убитые.
Хранитель размышляла.
– Если мать и хранитель живы, то живо и Гнездо. Зачем тебя послали?
Вот тут я ступал на самый тонкий лед. Дарина без особой дипломатичности велела мне спросить, не замешано ли в атаке это Гнездо. Но что, если хранитель обидится?
– Хранитель ищет виновных, – сказал я. – Она просила узнать, не известно ли вам о каком-либо Гнезде, нападавшем на наше?
Конечно, стража мне уже сказала, что Гнезда не воюют, но одно дело – рядовая стража, а другое – хранитель.
– Ты смягчаешь вопрос, – ответила хранитель. – Но любая вежливость оскорбляет и задающего вопрос, и отвечающего, и посланника.
Я вздохнул.
– Хранитель спросила, не нападало ли ваше Гнездо на нас?
– Если такой вопрос был задан именно нашему Гнезду, – произнесла хранитель, – то это значит лишь одно. Потери были крайне велики, поэтому в нападении заподозрили самых сильных. Полагаю, в живых остались только мать и хранитель.
Меня охватила паника. Я всего лишь задал вопрос, а хранитель уже всё поняла!
Хотя нет. Она недооценила разгром. Вместо матери у Гнезда маленькая куколка, вместо хранителя – жница.
– Мы не нападали, – сказала хранитель. – Мое сочувствие хранителю и матери. Если они не успевают переработать тела, я могу прислать жниц.
Вот тут меня едва не стошнило. Они что, и впрямь жрут своих мертвецов?
– Не надо, – сказал я. – Хранитель сказала, что помощи не требуется. Только ответ.
Хранитель кивнула, как мне показалось – с огорчением.
– Тогда я пойду, – сказал я. – Спасибо за ответы, уважаемая хранитель. Мне надо передать их.
Дождь лил всё сильнее, и я понимал, что, несмотря на ветровку, по пути к метро промокну насквозь. Но лучше уж промокнуть от дождя, чем от собственной крови.
– Хорошо, – сказала хранитель. – Спасибо хранителю за информацию, мы увеличим охрану. Мое сочувствие и тебе, призванный.
Голос ее при этом оставался равнодушным. Что ж, я и не напрашивался.
– Да, мне очень жаль Гнездо, – сказал я, натягивая на голову капюшон.
– Речь не о Гнезде. Мое сочувствие тебе, ибо путь призванного печален и недолог.
С этими словами она развернулась и пошла назад.
Стражи стоически мокли под дождем, глядя на меня.
– Вот на фиг мне, а? – сказал я. Похоже, это становилось моей любимой фразой.
И пошел к метро.

Глава шестая

Полицейский пост у Гнезда остался на прежнем месте, но обзавелся прозрачной пластиковой будочкой. Полицейские внутри сидели на скамейке, на крыше будочки стояла видеокамера. Намек на то, что они тут надолго, был недвусмысленный. Дождь ослабел, но всё-таки стучал по пластиковой крыше, полицейские сидели, будто в барабане.

Я прошел мимо, меня не останавливали. Один полицейский, помоложе, красовался в зеркальных поисковых очках. То ли кристаллики выискивал на досуге, то ли решил, что так он круче выглядит.

Подойдя к входу в Гнездо, я остановился.

Почувствовал.

Та самая «вибрация», о которой говорила Дарина. Раньше она ощущалась как легкий неуют, желание побыстрее пройти мимо. У большого Гнезда в Раменках я ее чувствовал очень сильно. Но сейчас…

Словно тихий шум прибоя. Или гул крови в большой морской раковине, которую прижимаешь к уху.

Никакой тревоги звук не вызывал, да и не был он звуком, я точно знал.

Я начал слышать Гнездо!

Да что же случилось? Мне не кололи никакой мутаген, Дарина всего лишь сказала, что я «призван». И этого хватило?

Я вошел в Гнездо, пытаясь хотя бы разозлиться, чтобы высказать всё жнице прямо в лицо. Получалось плохо. Вибрация Гнезда поневоле успокаивала и расслабляла.

В фойе кое-что изменилось. Исчез едва уловимый запах крови. Поискав взглядом тела, я их не нашел, да и ковры в тех местах пропали.

– Дарина! – крикнул я.

Звук тонул в мягкости, как бывает в камере для звукозаписи.

– Жница! Хранитель! Дарина!

Тишина.

Я нервно прошелся взад-вперед. Шум Гнезда больше не успокаивал. А что, если враги вернулись? Что им стоило убить одну-единственную жницу, если они положили две сотни мутантов?

– Дарина!

Я начал подниматься по лестнице на второй этаж. Миновал пролет – и тут навстречу выбежала Дарина.

Вначале мне показалось, что она изменилась. Ну, раз назвалась хранителем – могла же начать мутировать дальше?

Но она просто была в халате. Самом обычном банном халате, длинном, до пят. Волосы и лицо были мокрые.

– Тебе сюда нельзя… – Она заколебалась. – Ладно. Пошли. Ты под дождь попал, да?

Вслед за Дариной я вошел в ближайшую дверь. Комната, когда-то бывшая рабочим кабинетом, тоже была вся устлана коврами и завалена подушками. Любят же они мягонькое… Окна снаружи затягивала паутина, лампы не горели, в комнате было сумрачно.

От ног Дарины оставались мокрые следы.

– Я отмывалась, – пояснила она, усевшись прямо на пол, на подушки. – Всю ночь не спала.

– Убирала? – Я не стал уточнять, что именно. Сбросил ветровку, расстелил ее на подушке, чтобы впитала влагу.

– Да. У нас есть большая холодильная камера в кафе внизу.

– Хранитель большого Гнезда предложила забрать тела, – сообщил я.

– Нет, это слишком ценный ресурс.

Лицо у меня невольно перекосилось.

Дарина вздохнула:

– Наши ткани и органы устойчивее человеческих и живут несколько часов после смерти тела. При сильном охлаждении – до нескольких месяцев. Всё, кроме мозга, к сожалению. Еще у нас нет взаимного иммунного отторжения. Тела погибших – идеальный материал для трансплантации. Особенно, если надо проводить ускоренные метаморфозы.

– А… – сказал я с облегчением.

– Ну а если их съесть, то это мощнейший стимулятор, – добавила Дарина. И неожиданно улыбнулась.

– Ты издеваешься? – спросил я.

– Не скажу. Что ты узнал?

Я коротко рассказал про разговор с хранителем.
Дарина выслушала, как мне показалось, без особого удивления.
– Я и сама поняла, что наши тут ни при чем, – сказала она. – Мы с Наськой отсутствовали меньше часа. Только большое Гнездо способно выставить достаточно бойцов, чтобы за этот срок сломить сопротивление и уничтожить всех. Но остались бы следы боя, были бы жертвы среди нападавших, тела, пятна биологических жидкостей. А тут всё произошло очень быстро, я полагаю, что за десять-пятнадцать минут.
– Кто это мог сделать?
Дарина вздохнула.
– Может быть – человеческий спецназ. Если очень хорошо подготовились, использовали какие-то газы… не знаю. Но может быть.
– А более вероятно? – не унимался я.
– Как сам думаешь?
Я помолчал.
Ну, конечно, мысль была только одна. И очень неприятная.
– Эти? – Я кивнул вверх.
– Инсеки могли, – согласилась Дарина.
– Тогда с концами.
Я не знал отношений между Гнездами и пришельцами. Какие-то были, конечно, и судя по разговору со стражей, не самые безоблачные.
– Вчера я переоценила себя, – сказала Дарина. – Была в ярости, мечтала отомстить… Не похожа она была на человека в ярости, ну так она же и не человек.
– Если это и впрямь Инсеки… – Дарина помолчала. – Тогда я стану возрождать Гнездо. Пройду путь к хранителю. Наську придется вести ускоренным циклом к матери. Есть и еще хорошие новости, как ни странно… – Она осеклась. – Но о мести не может быть и речи. Обязанности с тебя я сниму. Не волнуйся.
– Да я и не волнуюсь.
– Я же чувствую… – просто ответила она. Потянулась, из-под халата высунулись голые ноги. Лодыжки были тоненькие, подошвы розовые, как у младенца.
– Ты без комбинезона, – удивился я.
– А ты в штанах и рубашке моешься?
– Нет, но… вы же всегда в своей чешуе, – я попытался улыбнуться. – Не думал, что увижу жницу без одежды.
– Ты еще и не видел, – сказала Дарина.
Повисла неловкая пауза.
– Дарина, извини, это прозвучало двусмысленно, – сказал я.
– Знаю. Я так и хотела.
Она смотрела куда-то мимо меня. Потом опустила взгляд.
– Я пока очень похожа на человека, – сказала Дарина. – Жницы недалеко уходят по пути изменений. Если я стану хранителем, всё будет иначе… Максим, я вызываю у тебя отвращение?
– Нет, – честно сказал я. В горле пересохло.
– Мне вчера показалось, когда ты меня обнимал…
– Тебе не показалось.
– Максим, это у меня первый и последний раз, наверное. Если… если я тебе не противна…
Я встал. Подошел к ней. Дарина тоже поднялась, глядя в пол. Ее пальцы теребили поясок халата.
– Может, меня кто-то посчитает… психом, – сказал я, – но ты мне нравишься.
Она повела плечами, и халат соскользнул к ногам.
Головы она так и не поднимала.
Я осторожно взял ее за подбородок и поцеловал. Она ответила, целуясь жадно, неумело и отчаянно, как бывает только в первый раз.
– Открой глаза, – попросил я.
Дарина замотала головой.
– Не бойся, – сказал я. – Я хочу их видеть.
Она посмотрела на меня – и я утонул в сиреневом сиянии. Тысячу раз я слышал «такая скука, мутантку бы трахнул» или что-то подобное. Десятки раз я слышал похвальбу «а я тут жницу поимел» – с обилием деталей, касающихся в основном скользкой кожи или нестандартного женского органа. Одна девушка всем рассказывала, что у нее был парень-страж, с «вот таким вот огромным и раздвоенным».
Я и раньше-то в эти истории не верил.
Теперь я знал на тысячу процентов, что это вранье.

Потому что никто этого рассказывать не станет.
А если все же станет, то будет говорить про глаза.
Светящиеся жадным сиреневым светом.
Нечеловеческие глаза на человеческом лице.
Мы целовались, глядя друг на друга, в полутемном, заваленном мягкой рухлядью кабинете бывшего Минкульта, я сжимал ее плечи, и не было никакой скользкости из пошлых анекдотов («запрыгнул на нее и проскользнул всё Гнездо»), просто гладкая влажная кожа, словно ты с девушкой в душе. Дарина, путаясь в пряжке, расстегнула мне ремень, я сбросил влажные, липнущие к ногам джинсы и увлек ее на пол. Она совершенно ничего не умела и не знала, у нее действительно всё было в первый раз, и, кажется, Дарина ужасно нервничала, что я сейчас сравниваю ее с другими и сравнение окажется не в ее пользу.
И это было трогательно и смешно, потому что я понимал: все девчонки на свете по сравнению с ней ничего не стоят, у меня никогда такой не было… и скоро снова не будет.
Но сейчас она была рядом, я еще раз шепнул ей «не бойся» и вошел, ловя испуг и восторг в сиреневых глазах. Дарина вцепилась мне в плечи так сильно, что я застонал, и тут же отпустила в испуге – она была куда сильнее, чем человек, и я вдруг понял, что она боится причинить мне вред не меньше, чем я боюсь причинить ей боль.
– Ты мне не навредишь, – прошептал я. – Ты… моя…
И только тогда она расслабилась до конца, и мы вошли в ритм, она не отрывала от меня взгляда, потом зрачки ее расширились, будто глядя куда-то за пределы мироздания, и Дарина застонала, вздрагивая подо мной и цепляясь все сильнее, не желая отпускать, но мы и без того уже были единым целым, когда быть ближе просто невозможно.
А вокруг нас рокотала беззвучная, могучая, будто океанский прибой, песня Гнезда.
Я опустился на пыльные истоптанные ковры, Дарина прижалась ко мне, положила голову на грудь движением, которое любая женщина знает со времен Евы.
Прошептала:
– Так… так всегда, да?
– Нет, так не всегда, – ответил я, обнимая ее, и понял, что не вру.
– У тебя же были девчонки.
– Тебя не было…
Дарина тихо, но с гордостью засмеялась. И лизнула меня в плечо.
– Эй, – сказал я. – Надеюсь, у вас не принято после секса откусывать голову?
– Такую пустую? – фыркнула Дарина.
И снова прижалась ко мне. Она подрагивала, будто никак не могла успокоиться, руки скользили по моему телу. Потом Дарина прошептала:
– Помнишь, Наська ляпнула, что я в тебя была влюблена в детстве?
– Ну? – насторожился я.
– Вранье. Я, конечно, на всех одноклассников Роськиных заглядывалась. Как положено младшей сестре. Но мне нравился такой веселый, в очках, на Гарри Поттера похожий, его и звали…
– Гарик! – поразился я. – Да ну, он балабол…
– И еще такой плотный, серьезный, молчаливый…
– Мишка? – Я нахмурился. – Он не плотный, а толстый. Они уехали на Дальний Восток…
– И смуглый такой парень, восточный. Имя красивое, Тимур…
– Ты сейчас всех ребят из класса переберешь, – пробормотал я. – Эй! Да ты же издеваешься! Ты всех подряд называешь!
Дарина захихикала, прижимаясь крепче. Я потянул, она оказалась на мне, села, лукаво улыбнулась. Сказала:
– Ты, впрочем, тоже ничего так…
Я привлек ее – и мы целовались с минуту, пока не поняли, что этого снова для нас мало.
А потом просто лежали, прижимаясь и тихо гладя друг друга. Я целовал ее лицо, сиреневые глаза больше не сияли, но я знал, что этот свет где-то тут, внутри, рядом.
– Больше всего на свете я хотела бы стать обычной… – прошептала Дарина.
Я молча поцеловал ее. Мы оба знали, что это невозможно.

От Гнезда до Комка – всего-то метров сто. Я вошел, у стойки были две женщины, изучавшие выставленный товар: какие-то мелкие банки и пакеты с рационами. Рационы – понятное дело, они вкуснее, чем государственные пайки, и питаться ими дешевле, если ты хотя бы немножко умеешь искать кристаллы. В нормальных

супермаркетах можно купить что угодно, хоть стейк из мраморной говядины, хоть французский коньяк, но всё это дорого, а работы у многих нет. Либо госпайки в картонных коробках, либо рационы из Комков.
А в баночках были витаминные добавки, я такие покупал родителям. Действительно крутая штука, даже меня штырит, если съесть пять-шесть таблеток, можно всю ночь не спать и на следующий день – никакой усталости. Главное, не есть их больше двух дней подряд – а то накатит отходняк.
Я дождался, пока женщины ушли со своими продуктами, и двинулся к стойке. Продавец, кажется, улыбнулся.
– У меня вопрос, – сказал я. – Найдутся какие-нибудь патроны к этому пистолету?
Я выложил макаров на стойку. Продавцы оружия не боятся.
– Найдутся, – сообщил Продавец. – Найдется всё.
– А какие-нибудь особые?
– Насколько особые?
– Чтобы можно было… – Я запнулся. – Поразить Измененного.
– Под словом «поразить» вы же не имеете в виду крайнюю степень удивления?
– Нет. Под этим словом я имею в виду нанести тяжелые травмы, повреждения, а возможно, и смерть, – разозлился я.
Продавец постоял, будто раздумывая. Потом сказал:
– Такие патроны найдутся. Магазин будет стоить хорошую рэдку.
Я кивнул.
– Вся ответственность за ваши действия ложится на вас, – добавил Продавец.
– Несите, – сказал я.
Продавец удалился, но вернулся буквально через пару минут и положил передо мной на стойку магазин от макарова. Самый обычный металлический магазин. Внутри желтели патроны.
– Как знал с утра, что кому-нибудь понадобится, – сказал он.
Я нахмурился. Мне такая прозорливость не понравилась.
– Ночью были проблемы у Измененных. Несложно сделать вывод, что оружие будет пользоваться спросом, – пояснил Продавец. – А макаров – самый распространенный пистолет у частных лиц. Хотите такой же магазин для калашникова?
– Нет у меня калаша, – ответил я, изучая магазин. – Как это работает?
– Вставляете в пистолет. Нажимаете спуск. Стреляете. Цель умирает.
– Какой-то яд? – спросил я.
Продавец не ответил.
Я вздохнул и выложил красный кристаллик. Всегда стараюсь один носить с собой. Мало что стоит так дорого, но случаются неожиданности.
– Гнездо таит в себе много сокровищ… – сказал Продавец, пряча плату. И вдруг спросил: – А вы знаете, что на вас печать Гнезда?
– Знаю, – пробормотал я.
– Редкая штука, – сказал Продавец. – Если вдруг захотите снять – куплю по хорошему курсу.
Оп-па!
– Что это такое, печать Гнезда? – спросил я.
Вообще-то Продавцы не любили делиться информацией. Но этому, видать, хотелось провернуть сделку.
– Это тонкая волновая структура, наложенная на ваш организм. Она дает вам определенные возможности, но при этом добавляет и ограничения. Вы можете войти во вкус, но… – он помолчал. – Не забудьте ее снять, пока не станет слишком поздно. Если этого не сделают в Гнезде, я всегда смогу помочь. Но учтите: сейчас я готов хорошо заплатить за печать. С каждым часом цена будет падать, а через несколько дней вам придется самому платить за ее снятие.
Он замолчал.
– Спасибо, учту, – ответил я. Понятно было, что большей информации не добиться. – Скажите еще… – я замялся. – У вас найдется подарок для девушки?
– Парфюм? – спросил Продавец. Как мне показалось, с иронией. – Украшения? Подарок должен быть функциональным или всего лишь приятным? Насколько близкие у вас отношения?
Я неловко пожал плечами.
– Молодые люди вашего образа жизни частенько покупают у меня изящные зеркалки для подруг, – сказал Продавец. – И духи, конечно же. И красивую одежду, особенно если желают прогуливаться со своими подругами. Но, к примеру, если бы речь шла об

особе… не склонной к прогулкам, не ищущей кристаллы, не любящей искусственные запахи…
У меня запылали уши.
– Подумаю, – сказал я. Не нравилась мне такая проницательность. – Загляну к вам на днях.
– Про печать не забывайте, – напомнил Продавец.
– Угу. – Я быстро вышел из Комка.
Интересно, полученное мной разрешение на оружие распространяется на те странные патроны, что я купил?
Ох, не факт.
Я шел домой и осмысливал случившееся со мной за неполные сутки.
Я стал свидетелем неслыханного побоища… ладно, только его последствий, но все равно. Я был призван Гнездом и незаметно для себя получил «волновую печать». Я был зачислен во внештатные консультанты отдела «Экс» полиции, занимающегося Гнездами… а чем еще? Инсеками полиция не занимается, тут разве что госбезопасность что-то пытается придумать. Может, Продавцами в Комках? Мне выдали корочки, немного денег и разрешили таскать с собой нелегальный ствол. Я посетил самое большое московское Гнездо, мило поговорил с девочкой-стражей и хранителем Гнезда. Я стал чувствовать Гнезда!
Но все это было ерундой, если уж честно.
И даже то, что я только что несколько раз занимался сексом с юной жницей, тоже было неважно. Наверняка такое случается. Пусть друзья-приятели о своих похождениях и врали, теперь я был убежден, что вряд ли уникален.
Важно было то, что Дарина станет хранителем Гнезда. И вот после этого, похоже, у нас не будет ни секса, ни отношений. Максимум деловые.
И это мне ужасно не нравилось. До звериной тоски, от которой хотелось выть.
Прежнего хранителя нашего Гнезда я не видел, но если Дарина станет такой, как хранитель раменского… и дело не в жутковатых белых глазах, похожих на бельма, я бы и к этому привык, но та хранитель была… что же в ней самое неприятное? Она была пугающе-отстраненной от всего. Интересовалась судьбой Гнезда, выразила сочувствие мне, но ощущение было такое, словно это для нее дело неважное, на краешке сознания, а занята она совсем другими раздумьями, далекими от людей и от Земли.
Не хочу, чтобы Дарина стала такой.
Не хочу!

Глава седьмая

Уходя из Гнезда, я договорился с Дариной, что завтра утром приведу к ней Наську. Освободить меня от «призвания» они должны были вместе (странно, конечно: Продавец готов был сделать это сам, да еще и заплатить «за печать»).
От идеи расследовать нападение Дарина отказалась. Похоже, она уверилась, что по Гнезду прошлись смертоносным вихрем Инсеки (никогда такого не было, и на Земле-то их нечасто видели, но кто еще мог такое сотворить?), а с существами, мгновенно прекратившими мировую войну и разобравшими Луну на кусочки, спорить бесполезно.
С одной стороны, это было для меня облегчением. Можно честно сказать товарищу полковнику, что я ему более не интересен. Вдруг не станет забирать разрешение на оружие, всё польза. И влезать в жутковатые разборки Измененных и пришельцев не потребуется.
Но какое-то внутреннее раздражение оставалось. Поманили подвигом – и тут же отправили в отставку. Есть, наверное, во мне какой-то нездоровый авантюризм. Может, в деда? Он служил в армии, по-настоящему воевал в двадцатом веке, когда США и СССР мерялись силами в разных уголках света. Отец говорит, что дед был боевой, жаль, я его совсем не помню. У матери родители тоже умерли, но они были людьми мирными, какими-то чиновниками в строительстве.
Точно, дедушкино влияние.
Или собственное шило в одном месте.
Я заглянул на пять минут к себе, переоделся. Потом поднялся к родителям.
Дверь открыла аккуратно причесанная рыжая девочка в голубом платье.
– Оба-на, – сказал я пораженно.
– Ну не ходить же Анастасии в твоих старых джинсах? – спросила мать, появляясь за ее спиной.

Наська сделала что-то, чему полагалось изображать книксен или иной аристократический поклон.
– Я, конечно, удивлен, что ты хранишь мои детские шмотки, – сказал я, заходя. – Мам, но платье я точно не носил.
Наська хихикнула.
– Мы сходили в магазин, – сказала мама. – Взяли зонтики и сходили.
Я молча смотрел на нее.
– Максим, перестань, – мама махнула рукой. – Тучи. Я не видела этой гадости. И даже будь небо чистым, я бы не смотрела на кольцо.
Я продолжал молчать.
– Пойдем, я пиццу сделала, – сказала мама. – Не знаю, как получилось, никогда не делала пиццу с тушенкой и кетчупом… Максим! Ну неужели ты думаешь, я не знаю, что случилось в мире?
– Ты хорошо изображала, – кисло ответил я.
Мать махнула рукой и пошла на кухню, качая головой.
Наська, терпеливо дожидавшаяся конца разговора, раскинула руки и облапила меня. Торжественно сказала:
– Пришел мой герой!
– Победитель японской мафии, – безнадежно согласился я.
– Нет, ты предводитель тайной организации Сопротивления. Вы боретесь с теми, кого лучше не называть вслух! – она понизила голос. – Ты на самом деле древний как пень. Тебе почти двести лет, но тебя воспитывали буддийские монахи…
– Буддистские… – неуверенно поправил я.
– Да без разницы! Тебя поили молоком волшебных летающих яков, и ты сохранил внешнюю молодость…
– В кого ты такая умная? – спросил я, пытаясь идти по коридору. Это не очень просто, когда в тебя намертво вцепилась десятилетняя девчонка.
– Забыл, где я живу? Я четыре года лежала неподвижно, мне нечем было заняться, а в комнате было много книжек…
– Примерно догадываюсь об их содержании, – кивнул я. Мне показалось, что про четыре года Наська сказала серьезно.
– О, ты и о половине не догадываешься, – ответила она загадочно. И вдруг с живейшим интересом уставилась на меня.
– Чего? – спросил я.
– Ничего, – Наська хихикнула. – Ничего. Тили-тили-тесто.
Отцепившись наконец-то, она с визгом унеслась на кухню.
Мне захотелось провалиться сквозь пол, сквозь квартиру внизу, пару лет как занятую каким-то казахским бизнесменом, и оказаться сразу в своей.
Наська что, каким-то образом почувствовала… мои отношения с Дариной?
Смирившись с неизбежным, я пошел на кухню.
Уж не знаю, кто делал пиццу, но из духовки ее доставал отец. Выглядела пицца странно: четырехугольная, на весь поднос, из тушенки с луком и кетчупом. Итальянцы бы в обморок упали.
Но было вкусно.
Мать с отцом все-таки налили себе водки. Но хотя бы не маскировали ее под вино, что меня вечно раздражало. И выпили всего по рюмке. По крайней мере сейчас, при мне.
– Как твои дела сегодня? – спросила мама с той деланой небрежностью, которая означала, что она готовится сказать что-то очень серьезное.
– Нормально, – я пожал плечами. И выдал то, что должно было порадовать родителей: – Думаю, может, попробовать поступить в институт? До экзаменов еще больше двух месяцев. Подготовлюсь.
– Хорошо, хорошо, – пробормотала мама, даже не уточняя, куда именно и с чего вдруг я собрался поступать. – А как Дарина? Ты ее не видел?
– Видел, у неё все хорошо, – я искоса посмотрел на Наську. Та упоенно грызла корку от пиццы.
– Я вот что…
– Мы, – поправил отец, крякнув.
– Мы вот что подумали, – согласилась мама. – Ты сказал, у нее проблемы какие-то, семейные…
Я кивнул, уже понимая, к чему всё идет.
– Может, ей пожить у нас? Или у тебя, квартира же большая, для девочек найдется свободная комната. – Мама, похоже, исходила из того, что я никак не могу спать в одной комнате с Дариной.

– У нее дела, мама.
– Ну пусть заглянет как-нибудь, я пирог сделаю, – продолжала мама, хмурясь. – Мука есть. Или пирожки с картошкой…
Она явно подбиралась к основному вопросу.
– А Настенька пусть пока поживет у нас, – закончила мама. – И Дарине легче будет с делами, и девочке…
– Мама, завтра утром Наське надо вернуться к Дарине, – сказал я.
Лицо у мамы закаменело. Отец потянулся к бутылке и вновь наполнил рюмки.
– Это обязательно? – спросила мама жалобно.
Я молчал.
Ну что я, слепой, что ли? Не вижу, что родителей будто включили сегодня?
– Это обязательно, – неожиданно сказала Наська. Повернулась и обняла мою маму. – Вы хорошая. Я бы у вас осталась.
У мамы задрожали губы.
– Но вы же догадываетесь, да? – сказала Наська. – Я не совсем человеческая девочка. Я из Гнезда. Я Измененная. И Дарина тоже. Я куколка, она жница.
– Сволочи, – тихо сказал отец.
– У меня была… нет, не хочу даже называть, – Наська опустила голову. – Очень гадкий рак. Его вообще не лечили, и сейчас не умеют. Родители пытались собрать денег, но это все равно бы не помогло. А тут еще Перемена. Всем стало не до того. Я бы умерла, но появились Гнезда. Я не помню маму, только придумываю себе, но у меня есть ее письмо. Она там все рассказывает. Я ее понимаю и не сержусь. И на Гнездо не сержусь. В одном я не прижилась, так бывает, меня гнездниковское забрало. Там я поправилась, только не сразу.
Мама молчала.
– Ты приходи утром, Максим, – попросила Наська, не отрываясь от моей мамы. – Сегодня был такой чудесный день. Утром мы пойдем в Гнездо. Дарина ждет, я чувствую.
Я взял отцовскую рюмку и выпил. Потом мамину.
Никакого вкуса. Как у отцовского виски в ночь Перемены.
Отломил кусочек пиццы, бросил в рот и вышел.
Ничего я не мог сделать, никому не мог помочь.
И никто не был виноват.
Даже Инсеки.
Потому что если бы не они – вся Земля была бы радиоактивной пустыней, в которой дикари дрались бы за банку тушенки.

У меня, конечно, были заначки в квартире. И кубинский ром, и английский джин, и настоящий французский коньяк. И вино, кстати, было. Даже шампанского две бутылки – я все собирался поразить какую-нибудь девчонку новогодним праздником с шампанским.
Поэтому я открыл бутылку обычной водки, даже не из Комка, а из государственного магазина. Чистая химия, если откровенно.
Налил в стакан сто грамм, выпил, понял, что не поможет. И пошел спать.
Это был очень интересный и необычный день. Но утром он окончательно останется в прошлом.
Я отрубился сразу, без пустых переживаний и лишних мыслей. Спать так спать, нечего ворочаться.
И проснулся, как мне показалось, почти сразу же. В комнате было темно и тихо, но я чувствовал, что не один.
Пистолет лежал далеко, в кобуре на столе. Но на тумбочке ночевал японский кастет – явара. Да, считайте меня параноиком. Когда начинаешь жить один в восемнадцать лет в чужой большой квартире – хочется иметь под рукой что-нибудь неожиданно полезное.
Я медленно, будто во сне, пошевелился, высвобождая руку из-под одеяла.
Почувствовал, что кто-то сидит в ногах кровати.
Резко подтянувшись, я хлопнул рукой по тумбочке, лежащие на зарядке часы засветились, я подцепил явару и замахнулся.
К счастью, слабенького света часов хватило, чтобы я разглядел свою веселенькую детскую пижаму.
– Наська? – обалдел я.
Куколка сидела, сжавшись в комок, сплошь коленки и локти, смотрела на меня широко раскрытыми глазами и мелко тряслась.
– Что случилось… Что с родителями?

– Они спят…
– Что ты здесь делаешь? Как ты вошла?
– Ключ у них взяла…
Ну да, конечно, ключ от моей квартиры у них возле дверей висит… задвижку я не закрыл… наверное.
Что, впрочем, не отвечает на основной вопрос.
– Ты зачем пришла?
– Мне… мне страшно. Я слышу…
Почему-то я сразу понял. Наверное, тоже ощущал, только не привык к такому.
А теперь услышал.
В километре от нас ныло, будто больной зуб, Гнездо.
– Что это? – Я сел, спустил ноги на пол.
– Ты слышишь? – кажется, она обрадовалась.
– Да уж, спасибо печати… – буркнул я. Во рту пересохло. Ненавижу алкоголь. – Ты видишь в темноте?
– Немножко.
– Принеси мне с кухни стакан воды. Лучше из холодильника, не из-под крана.
Наська тихо исчезла. Я опять пошевелил часы, в их слабом свете натянул джинсы, стал застегивать рубашку.
Наська появилась с фарфоровой кружкой. Как-то она ухитрилась все сделать совершенно бесшумно. Я жадно выпил воду, сказал:
– Воду лучше наливать в прозрачные стаканы, так вкуснее.
– Правда? – поразилась она.
Фраза помогла, у нее мозги заработали в другую сторону.
– Почему сразу не разбудила? – спросил я.
– Да я только присела, ты проснулся…
– Гнездо раньше так… пело?
– Нет.
Конечно, это было не пение, не музыка, да и вообще не звук. Но как иначе-то назовешь.
– Ты можешь связаться с Дариной?
– Мы не телепаты. – Кажется, она обиделась. – Это все выдумки.
– А телефон в Гнезде есть?
– У матери, – подумав, ответила куколка.
Но я уже отверг эту мысль. Эх, были бы сотовые… Но Инсеки не любят ни интернет, ни мобильную связь – только радио для судов и самолетов оставили…
– Я пойду в Гнездо, – сказал я. – Сиди здесь. Или, лучше, вернись к моим старикам. А то проснутся и перепугаются.
– Я пойду с тобой, – ответила она так твердо, что я понял – спорить бесполезно. Что я с ней сделаю? Запру, свяжу? Она выберется. А то еще и мне наваляет попутно.
– В пижаме? – застегивая кобуру, спросил я.
– Какая разница? – искренне удивилась Наська.
Я махнул рукой. Допил воду, застегнул на руке часы.
– Пошли.
У дверей я набросил чистую ветровку, в которой обычно ходил искать кристаллы, – вторая до сих пор не высохла. Наська замешкалась, обуваясь в сандалии. Хорошо хоть, не мои; видимо, ей купили вместе с платьем. Я подумал, не дать ли куколке какое-нибудь оружие, хоть бы и явару. Но с ней надо уметь работать. Может, дубинку? У меня была обычная резиновая дубинка. Потом представил, как это будет выглядеть, и решил, что не стоит.
Девочка в пижаме, идущая по ночной Москве, и без того вызывает желание позвонить в полицию. А уж с дубинкой…
Мы спустились по лестнице, так было быстрее. Консьерж не спал, читал, позевывая, книжку. Наську он вчера видел выходящей с родителями, но наше ночное появление его удивило. Он даже открыл рот, собираясь что-то спросить.
– Спи… – добродушно сказала Наська, проходя мимо.
Консьерж откинулся в кресле, запрокинул голову.
– И это не телепатия? – возмутился я.
– Ничуть. Телепатия – это мысли читать!
Спорить я не стал. Мы вышли на улицу – и я тут же заметил припаркованную через дорогу машину. Серенький скучный седан, на передних сиденьях двое, двигатель заглушен.
Ага!
Не оставила меня родная полиция без присмотра.

Я быстро перешел дорогу, почти волоча за собой Наську, и постучал костяшками пальцев в окно. Внутри, как оказалось, сидели мужчина и женщина. Мужчина за рулем, женщина рядом. Оба мрачные. У женщины на коленках лежал букет цветов, от которых она безжалостно отщипывала лепестки.
Как-то странно для наружного наблюдения, нет?
– Отвезите нас к Гнезду, – сказал я. – Быстро!
– К-какому Гнезду? – удивился мужчина. Был он довольно вальяжный, в очках (обычных, не зеркалках), выглядел получше своего автомобиля… хотя любой частный автомобиль нынче роскошь.
– В Гнездниковском! В бывшем Минкульте!
– С какой стати? – почему-то возмутился мужчина. – Я вам что, такси?
– Отвези их, Влад, – устало сказала женщина. – Видишь, у молодежи проблемы какие-то…
Мужчина смирился, щелкнул кнопкой, разблокировав двери, запустил мотор. Мы уселись позади.
Водитель ничего спрашивать больше не стал. Вырулил из переулка.
Минут пять-шесть мы на этом точно сэкономим.
– А вы потом позвоните Лихачеву, – велел я женщине. – Скажите: что-то странное происходит.
– Это уж я поняла, что странное, – сказала женщина с иронией. – Но о каком Лихачеве вы говорите?
– О полковнике! Из отдела «Экс»!
– Да с чего вы решили, что она его знает? – буркнул мужчина.
– Вы же тут нас ждете? – спросил я. – То есть караулите?
Женщина коротко рассмеялась.
– Он вас не ждет, он со мной ссорится.
– Я с тобой не ссорюсь! – рявкнул мужчина.
– А кто тогда ссорится?
– Ты! – с болью в голосе сказал мужчина.
До меня наконец-то дошло, что это было никакое не внешнее наблюдение, которое я себе напридумывал. Не удостоился я такой чести.
Обычная пара после гостей или ресторана выясняла отношения.
– Тут налево, – сказала Наська.
– Знаю! – ответил мужчина. – А тебе спать не пора? Второй час ночи! И почему ты в пижаме, девочка?
– Потому что ночь и спать пора, – огрызнулась она.
Мужчина заткнулся. Женщина нервно засмеялась. Спросила:
– Милая, твоему брату помощь не нужна?
– Он не мой брат, он парень моей сестры, – ответила Наська. – Нет, спасибо.
Мы доехали. И, к счастью, дальнейших предложений помощи не последовало, хотя парочка явно была заинтригована.
Я даже подумал, что сейчас у них появился шанс помириться.
– Спасибо, – вежливо сказала Наська, когда мы выскочили из машины. Я только махнул рукой.
Что ж, у моего дома никакой доблестной кавалерии не оказалось. Но оставался полицейский пост напротив Гнезда. Вот они пусть и вызывают полковника, у них либо есть рации, либо в будочку кинули телефонный провод.
Никаких сомнений в том, что помощь нужна, у меня не оставалось. Гнездо не просто тревожно пело, оно вопило вовсю.
Если днем его голос походил на ласковый морской прибой, то сейчас это был грохот надвигающегося шторма.
Но едва я увидел пластиковую будку, то понял, что помощи мы тут не получим.
С виду она была совершенно цела. Но камера на крыше смята – так я мог бы смять пальцами спичечный коробок.
А сама будка напоминала стакан блендера, в котором перемололи горсть клубники. Там горел слабый свет – то ли лампочка, то ли фонарик. И медленно стекали по стенам багровые струйки, перемешанные с какими-то ошметками и клочками формы. К одной стене прилипли разбитые поисковые очки, выпачканные в чем-то красно-сером.
Я отвернулся.
Ну надо же. Крепкие у меня нервы. Меня опять не стошнило!
Наська стояла рядом, глядя на будку.
Я вспомнил лица полицейских, которых видел вчера внутри. Один был старше, другой моложе, а больше я и не запомнил ничего. Только эти очки дурацкие…

Меня вывернуло.
Я проблевался пиццей и горькой водкой.
Постоял, упершись руками в колени.
Кто-то недавно прошел мимо будки, раздавил камеру и перемолол в фарш двух здоровых вооруженных мужиков!
– Наська, не смотри. Идем за помощью, – сказал я, выпрямляясь.
Ее уже не было рядом. Маленькая фигурка стремительно неслась к Гнезду.
– Дура… – выдохнул я. – Дура, дура, дура!
Но я был не меньший дурак и поэтому побежал следом.

Глава восьмая

Гнездо словно с ума сошло.
Я чувствовал приливы энергии, проносящиеся по зданиям, выхлестывающие на улицу, в паутинные туннели, отражающиеся обратно и с грохотом бьющиеся меж стен.
Ну вот опять я пытаюсь объяснить то, чему нет подходящих слов.
Какая энергия? Какой грохот?
В этом мелком, но помпезном министерстве, куда Измененные стащили сто тысяч миллионов ковров, одеял и подушек, вообще все звуки умирали. Даже лампочки тут светили вполсилы, и душная московская весна уступала место влажной стылости.
Но я чувствовал себя в эпицентре шторма. Щепкой, угодившей в водоворот…
Куском беззащитной плоти, брошенным в блендер.
– Дарина! – закричал я, не таясь. – Наська!
Жницы в фойе не оказалось, и куколка уже куда-то умчалась, вокруг вообще никого не было.
Только ощущение опасности и ужаса.
Бежать по коврам и подушкам было неудобно, я дважды споткнулся, кинулся вверх по лестнице… и остановился.
Нет. Не туда.
Направо.
Вниз.
Тряпки и прочая рухлядь почти пропали, остался только выцветший ковер, лежавший тут и до Перемены, прижатый к ступенькам потемневшими медными прутьями.
Я чувствовал, что выбрал правильное направление.
Голос Гнезда звал меня за собой.
Я пробежал длинным коридором, поднялся по другой лестнице. Я уже совсем запутался в этих переходах, не понимал, где именно нахожусь. Но шел правильно.
– Дарина! – крикнул я, вбегая в большой зал. Сдвинутые к стенам запыленные стулья, над ними портреты русских композиторов, на паркетном полу неизменные ковры и подушки, огромная пыльная люстра под лепным потолком, где мужественно боролись с тьмой две-три лампочки, небольшая сцена, а рядом с ней совершенно неожиданная, широкая бронированная дверь.
Возле сцены стояла Наська. Смотрела на металлическую двустворчатую дверь. Та выглядела чужеродной, куда неуместнее завала подушек или хлопьев паутины на люстре. Синевато-серый металл казался непроницаемым, как банковский сейф или борт космического корабля Инсеков.
Но на моих глазах на нем совершенно беззвучно появилась вмятина. Потом еще одна.
Наська медленно повернула голову ко мне и закричала:
– Беги!
И тут же взлетела в воздух, задрыгала ногами, повиснув на высоте человеческого роста. Замолотила кулачками в пустоту.
Я бросился к ней.
И почувствовал удар – небрежный, мимолетный. Будто мне навстречу матрасом махнули! Из носа хлынула кровь, а я, взмыв в воздух, преодолел несколько метров и шлепнулся на пол.
В первый раз я порадовался раскиданным повсюду одеялам и подушкам.
Нет, вру. Во второй…
Гул Гнезда обрушился на меня одновременно с ударом. Но не добил, а словно подхватил, обволакивая.
Почему-то я знал, что, если бы не эта неожиданная помощь – я бы уже валялся с переломанными костями, никакие ковры бы не спасли.

«Жница!»
Наська все так же беспомощно болталась в воздухе. То, что я слышал, опять же было не звуком, а каким-то возмущением в пространстве, наполнившим весь зал могучей волной.
«Если ты не выйдешь…»
Это были не слова, скорее, образы. И то, что Дарина должна выйти. И то, что иначе неведомая сила примется отрывать Наське руки и ноги.
Я неловко повернулся, встал на четвереньки, поднялся. Вроде бы ничего не сломано, только кровь из носа хлещет, но кого это волнует, мы же тут не до первой крови бьемся…
Хотя насчет «бьемся» – это сильно сказано.
Что-то сокрушительно сильное и невидимое – как с таким биться?
Вздрагивающей рукой я полез в кобуру. И попал пальцами в карман, в крошево стекла и металла. Недоуменно достал зеркалки. Не те, понтовые, что носил всегда, а простенькие рабочие. Одно стекло разлетелось полностью, несколько осколков теперь торчали у меня из пальцев, чего я совершенно не чувствовал и даже не придал этому значения. Второе покрылось трещинами, но чудом уцелело. Сейчас я был бы хорошей парой культурному бомжу…
«Жница!»
Проведя пальцами по рубашке, я ухитрился стряхнуть впившиеся стеклянные иголки, хотя одну, кажется, совершенно безболезненно загнал под кожу.
А потом, повинуясь порыву, надел очки.
То, что стояло у сцены, невидимое невооруженным глазом и ярко искрящееся сквозь треснувшее стеклышко, не было ни человеком, ни Измененным, ни Инсеком. Что-то совершенно неведомое и жуткое, ростом метра три, с тонкими конечностями, суставы на которых походили на шарниры, с человеческого размера и формы голым туловищем и огромной, мохнатой, будто у обезьяны, головой. Глаза здоровенные даже для этой морды, выпученные и словно бы прикрытые прозрачными колпаками.
У существа были две лапы, на которых оно стояло, и еще четыре конечности, с длинными тонкими пальцами на широченных ладонях. Одной ладонью существо сжимало Наську, две другие вытянуло к двери, а четвертая, похоже, примерялась осуществить угрозу и оторвать куколке ногу.
Песнь Гнезда изменила ритм. Волны уже не бились о берег, волны откатывались… и подступала по-настоящему большая волна.
Дверь вдруг раскрылась. Не распахнулась, не разошлась в стороны, а свернулась к раме, сразу вся от центра, будто створки были лишь бутафорией, данью человеческой традиции.
В проеме стояла Дарина – в своем черном комбинезоне жницы и со здоровенным пулеметом наперевес. С таким разве что в комиксах героев рисуют, его даже без стрельбы в руках не удержишь.
Но Дарина начала стрелять.
Как ни странно, ее не отбросило после первого же выстрела, она лишь пятилась, отступая.
Попала она или нет – я не понял. Монстр сделал неуловимый жест свободными лапами, и, хотя до Дарины было метров пять-шесть, пулемет у нее из рук вырвало, расплющило и с грохотом жахнуло об стену.
Да уж, какая тут битва… тут и старшая стража, и монахи ничего не сделают…
Я запустил руку в кобуру и достал макаров.
Мне казалось, что я двигаюсь абсолютно бесшумно и очень быстро. Но голова монстра уже повернулась ко мне. Казалось, он был удивлен тем, что я стою живой и даже более-менее невредимый.
Одна лапа стремительно пошла в мою сторону – и ковры на полу, вслед за ее разворотом, вспарывала невидимая даже в очках сила.
Вот только голос Гнезда уже изменился, теперь он ревел падающим на берег цунами – подхватывая меня.
И лапа монстра двигалась всё медленнее и медленнее… или это я стал думать и двигаться с его скоростью?
Я нацелил пистолет в голову твари и нажал на спуск.
Кажется, это и впрямь что-то со мной… затвор отходил назад плавно, неспешно, и мне казалось, что я вижу дрожащий в воздухе след пули, мутный, как матовое стекло.
Первый выстрел прошел мимо.
Я чуть опустил ствол, совершенно четко ощущая те доли миллиметра, на которые его надо было сдвинуть. Снова нажал на спуск.

Пуля вошла монстру чуть выше левого глаза. Брызнули осколки кости.
Монстр разжал лапу, Наська плавно полетела вниз, а монстр начал приседать – то ли собираясь убегать на всех шести конечностях, словно гигантский мохнатоголовый жук, то ли собираясь прыгнуть на меня. Левый глаз наливался кровью – в буквальном смысле, между глазом и прозрачной оболочкой оказалась полость, и туда хлестало красным.
Совершенно спокойно я побежал на него, продолжая стрелять. Каждое касание пола отдавалось в ногах болью, будто я не бежал по коврам, а бил босыми ногами по бетону.
Третья пуля вошла существу в лоб.
Четвертая разнесла на части тянущуюся ко мне ладонь, а я бросился влево, падая и уклоняясь от чего-то невидимого, с чудовищной силой пронесшегося над головой и ударившего в стену.
Где-то под потолком сорвался и медленно полетел вниз портрет композитора Мусоргского, взирающего на монстра с невозмутимостью человека, повидавшего и не такое.
Монстр рухнул, несколько раз дернул лапами, вспарывая ковры и оставляя борозды в паркете.
Голос Гнезда затихал, покидал меня.
Я присел, скорчившись, как полчаса назад сидела на моей кровати Наська. Молча уставился на монстра, на идущий из ствола макарова дымок.
Задняя лапа монстра вдруг конвульсивно дернулась и вскользь ударила меня по груди.
Я опустил голову, посмотрел.
Рубашка была разодрана и залита кровью.
Из кожи торчали красно-белые осколки ребер.
Как-то очень быстро всё происходит.
Люди на такие вещи не рассчитаны.
Подумав мгновение, я подгреб под себя пару подушек и вжался в них. Меня трясло. И еще хотелось пить. Начали болеть изрезанные пальцы и отшибленный копчик. А вот в груди не болело, надо же.
Интересно, если я сейчас немного посплю, это не будет невежливо?

Меня несло по бескрайнему океану холодного серого шума. Океан раскачивал меня на волнах, подбрасывал вверх – чтобы тут же уронить, подхватить и снова потащить куда-то.
Наверное, я умираю.
Вот же досада.
Надо было дострелять магазин в монстра. Пожалел четыре патрона.
Но бой вышел шикарный.
Жаль, не узнал, что же это за тварь такая.
Меня снова подбросило на невидимой волне – и больно ударило по щеке. Потом по другой.
Ну что за свинство? Когда человек умер, ему не должно быть больно!
– Зачем ты его бьешь?
– Чтобы он проснулся.
– А он точно проснется? Он разве не умер?
Бац! Бац! Опять по щекам!
– Я ему умру…
Я открыл глаза и посмотрел на Дарину. Она сидела рядом и, кажется, приготовилась снова залепить пощечину.
Сказал:
– Можно было… просто поцеловать.
Стоящая за Дариной Наська немедленно сообщила:
– А она вначале целовала. Потом принялась бить. У вас сложные и запутанные отношения.
– Тьфу… на вас обеих… – прошептал я. Осторожно потянул руку к груди. Дарина ничего не сказала, и я ощупал себя.
Вначале осторожно, а потом двумя руками. Сказал:
– Тут торчали ребра.
– Три ребра и грудина, – подтвердила Дарина. – Наська, ты еще тут? Что я сказала?
Куколка куда-то метнулась.
Я попытался сесть, Дарина помогла. Монстр по-прежнему валялся рядом, судя по всему – уже окончательно дохлый.
У меня даже шрама не осталось. Только рубашка порвана в клочья и окровавлена.

– Долго я был в отключке?
– Полчаса примерно.
Я покачал головой:
– Раны так быстро не зарастают.
– Ты призван, – сказала Дарина. – И Гнездо тебе благодарно. Сломанные ребра – ерунда, у тебя все мышцы были порваны и кости на ногах переломаны.
Я посмотрел на ноги. Кроссовки выглядели так, будто я совершил в них кругосветное путешествие.
– Что за хня? – недоуменно спросил я. – Меня по ногам никто не бил.
– Ты сам себя бил. Ты двигался с такой скоростью, которая недоступна человеку. Сухожилия отрывались от костей, а кости ломались.
– А! – понимающе сказал я. – Ну да, обычное дело… Это всегда так?
– Откуда мне знать? – Дарина пожала плечами. – У нас в Гнезде раньше не было призванных. Лучше скажи, как ты его убил этим?
Она осторожно подняла мой пистолет за ствол – и положила на пол.
– Купил вчера патроны в Комке. Какие-то особые патроны. Рэдку заплатил за магазин. А теперь ты скажи, что это такое?
Я ткнул рукой в сторону монстра. Очки с меня то ли слетели, то ли их сняли, но теперь монстр был видим.
– Не знаю. – Дарина нахмурилась. – Вероятно, то самое, что убило Гнездо в прошлый визит. Какая-то странная тварь.
– Это же не Инсек?
– Нет, что ты… – Дарина помедлила, потом обняла меня, уткнулась в шею. – Спасибо. Ты нас обеих спас. И сам чуть не погиб. Я бы ничего не смогла сделать… Я боялась, что ты умрешь. Очень боялась.
– Не очень-то заметно, – не удержался я от колкости.
Дарина помолчала.
– А очень заметно, что сутки назад погибли все мои подруги и друзья? По мне или по Наське?
Я подумал. И сказал:
– Извини. Это потому, что не считаю вас Измененными. Всё время жду человеческих реакций.
– Мы не совсем люди…
– Может, и хорошо, – сказал я. – Обычные девчонки повесились бы…
В общем-то я чувствовал себя неплохо. Только легкая слабость, и хотелось пить.
Наська прибежала, а мы так и сидели на полу, обнявшись. Возмущенно фыркнула и протянула Дарине металлический термос.
Та молча открутила крышку, понюхала. Поморщилась. Сказала:
– Выпей, сколько сможешь проглотить. Лучше залпом и не принюхиваясь.
– Гадость страшная! – подтвердила Наська.
– Что это? – сказал я подозрительно.
– Тебе не нужно знать.
– Я не стану, пока не скажешь!
Дарина подумала и ответила:
– Это питательный субстрат, его принимают после мутагена. Он восстанавливает силы, ускоряет регенерацию организма, лечит.
– А его вообще можно людям?
– Куколки его пьют сразу после начальной дозы первой фазы. Они в этот момент ничем от людей не отличаются. Пей, даже младенцы пьют!
– А я не стану Измененным? – продолжал сомневаться я.
– Не станешь. Ты не принимал мутаген. Пей! Ты сможешь.
Можно было, конечно, спросить, из чего делают субстрат.
Но я подумал, что ответ мне может не понравиться. Напиток из лепестков роз субстратом не назовут.
Я глотнул и убедился в правоте как куколки, так и жницы.
Это была гадость страшная, но я смог.
Горько-соленая, вязкая, с комочками, такое ощущение, что бóльшая часть субстрата осталась на языке и облепила горло. Хорошо хоть, что жидкость была холодной.
– Жуть, – сказал я, отдавая термос. – Ладно… проехали. Что случилось?
– Я была в «защищенной зоне» Гнезда, – Дарина кивнула в сторону металлической двери, сейчас закрытой. – Решила, что так безопаснее.
– Что за зона? – полюбопытствовал я.
– Защищенная. В этот раз Гнездо почувствовало нападение, я проснулась.

– И я, – с гордостью сообщила Наська.
– Эта тварь пошастала по Гнезду, потом принялась бить в двери. Но они прочные. Может, и устояли бы.
Мне так не казалось, но я не стал спорить. Поднялся. То ли субстрат начал действовать, то ли Гнездо меня исцелило, но чувствовал я себя сносно.
– Оно убило полицейских, – сообщил я.
– Знаю.
Сейчас мертвый монстр уже не выглядел столь пугающе. Он был скорее нелеп: со своими длинными конечностями, распухшими суставами, слишком большой головой, поросшей длинной шерстью.
– Даже не слышала о таких, – сказала Дарина. – Мне кажется, это какой-то конструкт… ну, биоробот. На основе человека, но выведенный для конкретной цели.
– Уничтожить ваше Гнездо.
Дарина пожала плечами:
– Не знаю. Чтобы уничтожить, можно использовать большой заряд взрывчатки, к примеру. Или яд. Есть вещества, к которым мы чувствительны. Наверное, это проще.
Я пнул создание в бок – тело оказалось упругим, но податливым. Если в основе и был человек, то от него мало что осталось.
– Глупо было вчера ходить к большому Гнезду и спрашивать, не виноваты ли они, – сказал я. – Так не расследуют преступления.
– А как? – заинтересовалась Дарина.
– Как Холмс и Ватсон! – обрадовалась Наська. – Как Флавия де Люс!
– Самый главный вопрос, – сказал я, – «кому выгодно».
– Кому выгодно? – нахмурилась Дарина.
– Вот именно, – сказал я. – Но в нашем случае важнее не «кому выгодно», а «кто имеет возможность». Людям невыгодно уничтожать Гнездо. Во-первых, Гнезд много. Во-вторых, Инсекам это не понравится. В-третьих, люди таких тварей создавать не умеют.
Дарина кивнула. А вот Наська замотала головой:
– Нет-нет! Я догадалась! Это выгодно министру культуры! Бывшему! Он хочет вернуться на свою любимую работу… Хорошо, я молчу!
– Спасибо. Даже министр культуры такого монстра не создаст, – сказал я. – Теперь другие Гнезда. Ваше расположение престижное? Могут из-за него напасть?
– Да не важно нам расположение! – ответила Дарина. – В министерстве работала женщина, чья дочь стала первой Измененной нашего Гнезда. Работала бы она в супермаркете – мы бы там поселились. И создавать таких мы не умеем. В Гнезде всего семь форм Измененных – куколка, жница, стража, старшая стража, монах, хранитель, мать. И все мы больше походим на людей!
– Тогда вернемся к имеющим возможность.
Дарина вздохнула:
– Ну мы же вчера уже поняли! Это Инсеки. Только я думала, что они сами пришли. Но создать инструмент для нападения вполне в их духе.
– Только ли Инсеки обладают такими умениями? – спросил я.
Дарина размышляла.
– Ты хочешь сказать…
– Продавцы – они из Инсеков?
– Они сами по себе, – сказала Дарина. – Если честно, то я даже не знаю, кто создает мутаген. Мы получаем его от Продавцов по распоряжению Инсеков, но кто его производит… Нет, Максим. Не складывается! Продавец продал тебе патроны!
– Дело в том, что я попросил оружие против Измененных, – признался я.
Дарина нахмурилась.
– Ну не мог же я сказать «против Инсеков»! – объяснил я. – И я не сбрасывал другие Гнезда со счета до конца. Но если замешан Продавец, то он мог решить, что я собираюсь… ну… напасть на разоренное Гнездо. Добить вас. Тогда ему было выгодно продать патроны.
Говорить это было как-то неудобно, словно я и впрямь такое замышлял. Но Дарина не обиделась. Постояла, теребя пальцами подбородок. Вздохнула:
– Допустим. Либо Инсеки, либо Продавцы. Ни на тех, ни на других у нас влияния нет.
Она смущенно и как-то очень по-человечески улыбнулась:
– Это для людей мы странные, страшные и могучие. Для пришельцев – тьфу. Почти что люди.
– Дарина, давай отсюда уйдем, а? – попросила Наська.
Я ее понимал. Пусть тварюга и не подавала больше признаков жизни, но стоять рядом с ней было как минимум неприятно.

Дарина не стала спорить. Мы вышли из концертного зала (увы, Дарина явно не собиралась вести меня через таинственную металлическую дверь в «защищенную зону») и двинулись по коридору. Уже через пару шагов я стащил с ног кроссовки вместе с ошметками носков и бросил их на пол. Проще было идти босиком, чем в преждевременно отслужившей свое обуви.

Глава девятая

Мы расположились в кафе на первом этаже, где когда-то питались работники культуры, а потом – Измененные. Как-то я раньше не задумывался, где они едят, а всё оказалось банально. И надо сказать, что это место выглядело вполне прилично, наверное, как и во времена министерского прошлого. Тут были нормальные столы, стулья и кресла. Лампы, когда Дарина щелкнула выключателем, загорелись довольно ярко. Наська побежала за барную стойку, и там зашумела кофемашина.
Да тут даже едой пахло!
– Ого, – сказал я. – Настасья, у вас есть кофе?
– Есть! – с гордостью откликнулась она.
– Я тоже пью кофе, – сказала Дарина. – Да все пьют. Даже мать пила.
– Я сделаю! – пообещала от стойки Наська. – Тебе капучино, как всегда?
Глянув на часы, я узнал, что времени уже два часа ночи. Сна не было ни в одном глазу, сказались и адреналин, и таинственный субстрат.
Но кофе – это здорово.
– Мне тоже, – попросил я. – Можно покрепче.
Тот, что в государственных магазинах, обычно кислый и толком не бодрит. Я беру иногда хороший в Комке, но он дорогой, не меньше блюка за пятьдесят грамм зерен. Кофейные плантации пострадали от изменившегося климата.
– Расскажи мне про Инсеков и Продавцов, – сказал я. – То, что ты знаешь, а я нет.
– Вряд ли услышишь что-то новое, – вздохнула Дарина. – Хорошо. Буду рассказывать, словно ты пролежал в коме все эти годы.
Подперев голову руками, она уставилась на меня. Потом сказала:
– Итак, после Перемены люди узнали о существовании двух инопланетных цивилизаций. Первая – Инсеки. Наши добрые друзья и покровители. Они уже некоторое время наблюдали за Землей и с ужасом понимали, что человечество готово себя уничтожить. Их этика велела не вмешиваться, пусть всё идет как идет, но когда началась ядерная война, то их сердце… или что там у них… дрогнуло… бла-бла-бла… Они уничтожили всё ядерное оружие, а попутно еще и ядерную энергетику. А также запретили интернет, мобильную связь, некоторые биотехнологии. Но зато они дали прививку от всех вирусных болезней. И создали Гнезда, где можно спасать смертельно больных детей, превращая их в Измененных. Больше они ни во что не вмешиваются. Они похожи на больших муравьев, поэтому их называют Инсеки. Хотя они говорят, что никакого отношения к насекомым не имеют. Всё, наверное?
– Луна, – напомнил я. – Почему-то им не понравилась Луна.
За стойкой бара зашумела кофемашина.
– Да, Луну они раздробили на два спутника поменьше и пылевое кольцо, – кивнула Дарина. – Тоже не знаю, зачем. Теперь Продавцы. Они чуть позже появились. Инсеки сказали, что Продавцы неопасны и дружелюбны. Так и есть. Они продают что угодно. Можно даже купить «Джоконду». Или две. И обе будут настоящие.
Я знал парня, у которого дома висела «Джоконда». По-моему, он сбрендил, заплатил за картину два десятка рэдок. С одной стороны, это много, а с другой – ничто. Это значит, что в мире сейчас тысячи знаменитых картин. Всяких там «Подсолнухов», «Джоконд» и «Черных квадратов». И будет еще больше. То есть они на самом-то деле стоят не дороже репродукции, ведь вся их ценность была в уникальности.
– Кто такие Продавцы, я не знаю, – продолжала Дарина. – Их Комки однажды упали на Землю в разных крупных городах. Они не выходят никуда и всегда закутаны, только лицо чуть видно. Может, они вообще роботы или голограммы. Ну, ты услышал что-то новое?
– Думал, вы больше знаете, – сказал я разочарованно.
– Потому что Инсеки нас создали, а мутагены мы покупаем у Продавцов? – Дарина покачала головой. – Нет.

Почему-то мне всегда казалось, что Измененные хранят какие-то тайные знания о пришельцах. И слова Дарины меня разочаровали… и, честно говоря, удивили. Я смотрел на нее, и она вдруг заерзала, начала отводить взгляд.
– Даринка, ты чего-то недоговариваешь, – сказал я. – Вот уверен, что у вас отношения с Инсеками сложнее, чем ты говоришь.
– Сложнее, – призналась она с явной неохотой. – Но это совсем другое. О них я говорить не стану.
Чем дольше я на нее смотрел, тем сильнее она нервничала и отводила взгляд. Сиреневый свет радужки притух, и я подумал, что он как индикатор настроения. Когда ей неудобно или нехорошо, глаза становятся почти обычными.
– Максим, не требуй большего, – взмолилась она. – Ты спросил, я ответила. Всё, что могла. Остальное совершенно не касается нашей ситуации. Это… это вопрос Гнезда. Смысла нашего существования.
Тут подошла Наська – с подносом, на котором стояли три чашки капучино и горка бутербродов на тарелке. Хлеб был порезан косо, колбаса – толстенными ломтями. Похоже, она сама их настругала. Усевшись рядом с Дариной, куколка гордо взяла чашку и принялась пить кофе. Дарина тоже торопливо поднесла чашку к губам, словно радуясь возможности уйти от разговора.
– Хорошо, – сказал я, вспоминая девочку-стражу из большого Гнезда. – Не касается так не касается. Но выходит, что у Продавцов тоже была возможность напасть на Гнездо. Да, да, они дружелюбны. Но вдруг? Решили ваши кристаллы присвоить.
– Нет у нас кристаллов, – ответила Дарина.
– Ну сколько-то есть, вы же мутагены покупаете… Есть еще какие-то ценности, необычные штуки? Субстрат этот ваш? Паутина?
Дарина пожала плечами, взяла бутерброд.
– У всех есть одно и то же, ничего особенного наше Гнездо не имеет. Чего на нас-то нападать? Вон, на Тульской совсем маленькое Гнездо, его еще проще захватить…
Мы стали пить кофе. Меня немного отпускало, только босые ноги мерзли – кафе оказалось единственным местом в здании, где пол не закрывали ковры.
– Если бы я больше знал, то мог бы что-то придумать, – сказал я небрежно. – А так… чем я могу помочь?
– На самом деле можешь, – сказала Дарина. – Сходишь к Инсекам?
Я вздрогнул.
– Серьезно, что ли?
В Москве было «представительство» Инсеков. Самих пришельцев, впрочем, там никто никогда не видел. Шутники называли его «космической избой-исповедальней», потому что раньше это был исторический выставочный зал – Манеж, по просьбе Инсеков переоборудованный в «представительство». Помещение внутри разделили на маленькие комнатушки, куда можно было зайти и что-нибудь попросить у Инсеков, предложить или покритиковать – каждому давалось ровно три минуты. Была целая когорта сумасшедших, которые ходили туда как на работу, чтобы требовать чего-то или проклинать пришельцев. На критику они никак не реагировали, хоть обругайся. На просьбы, впрочем, тоже. Вначале народ туда ломился, потом как-то поутих. Последние годы к Инсекам полюбили приходить молодожены – просили семейного счастья, здоровых детей и прочих радостей жизни. Это стало таким же обычаем, как положить цветы к Вечному огню. Я ни разу не ходил. Ругать пришельцев было не за что, просить я ничего не хотел, а прийти просто так и молчать – совсем уж глупо.
– Серьезно, – сказала Дарина.
– Они хоть слушают? Или это так, пустышка?
– Слушают. Зайди, расскажи про случившееся. Что на Гнездо напали, а на следующую ночь тебе удалось убить нападавшего. Как он выглядел, всё такое.
– Чего-то просить?
Дарина покачала головой:
– Нет, не надо. Потом вернешься, мы снимем с тебя Призыв.
Они с Наськой переглянулись, Наська кивнула.
– А вы? – спросил я, помолчав.
– Я же говорила. Я буду развиваться дальше, к хранителю. Наська еще дальше, к матери. Это разные мутагены, другого выбора нет.
– Может, не ходить? – спросил я безнадежно. – Мои старики так вообще… зовут Наську у них пожить.
– Гнезду нужны мать и хранитель, – ответила Дарина. – Это защита Гнезда…
– Ох уж она помогла, эта защита! – не выдержал я. – Спасла всех мать, спас хранитель!

Мы с Дариной уставились друг на друга с таким негодованием, что Наська втянула голову в плечи и даже дыхание затаила.
– В тот момент Гнездо не знало, что происходит! – отпарировала Дарина. – Это как болезнь! После первой атаки возник иммунитет!
– Это я возник, а не иммунитет! – ответил я.
– Ну… вот ты и есть иммунитет!
– Если бы я не купил патроны – ваш иммунитет бы разорвали на кусочки, а потом и вас!
– Не ссорьтесь! – пронзительно выкрикнула Наська. – Ну не надо!
Мы выдохнули и продолжили пить кофе. Точнее, я делал вид, что пью, – чашка была уже пуста, но я упорно прижимал ее ко рту.
– У тебя и кофе-то там нет! – не выдержала Дарина.
– Можно подумать, у тебя есть! – возмутился я, привставая и заглядывая к ней в чашку.
Ну конечно, у нее тоже не было. Мы гневно смотрели друг на друга.
А потом принялись ржать как ненормальные.
Нет, ну правда!
Сутки знакомы, а ругаемся, будто старики!
– Сделать вам еще капучино? – спросила Наська.
Я покачал головой:
– Спасибо. Лучше я пойду, доложу Инсекам о произошедшем. Не стоит, наверное, с этим тянуть.
Дарина нахмурилась:
– Сейчас? Я думала… ты дождешься утра.
Мне очень хотелось дождаться утра. Вместе с ней.
Но я покачал головой:
– Утром тут будет жарко. Эта тварь убила двух полицейских. Меня сразу арестуют.
Дарина неохотно кивнула.
– Наська выведет тебя через другое здание… Мелкая, надо найти Максиму обувь!
– И рубашку, – попросил я. – Ветровка вроде цела, кровь на черном не видно.
– И рубашку, – согласилась Дарина, глядя на меня.
Я чуть не сказал, что останусь до утра.

Было еще темно, когда я шел в сторону Манежа. Темно, влажно и довольно людно. Попадались серчеры (некоторые любят искать кристаллы в темноте, их и впрямь лучше видно, но и встречаются они реже). У Государственной библиотеки тусовалась целая толпа молодежи – наверное, ждали открытия метро. Стояли, пили кофе, о чем-то болтали. Я поймал себя на том, что смотрю на них с недоумением. Студенты? Занимались полночи? Наверное. После того как кончился интернет, библиотеки вновь стали важным местом. Хочешь учиться – читай книжки. В электронке теперь так просто учебники не найдешь.
Смогу я так жить?
Измененные снимут с меня Призыв. Лихачев, допустим, меня не в тюрьму посадит, а поможет поступить в институт. Я стану ездить на занятия, грызть гранит науки и сдавать сессии. Гнездо будет потихоньку оживать, Наська вообще исчезнет в его глубинах, Дарина станет ходить с белыми, ничего не выражающими глазами и хранить Гнездо – что бы это ни значило.
Наверное, я несколько раз загляну в Гнездо и даже поболтаю с Дариной.
Потом я стану ей безразличен.
Странное событие на пути от человека к не-человеку, парень, с которым она в первый и последний раз занималась сексом. Может быть, она даже будет жалеть о своей слабости.
У меня будут новые подруги, а в какую-то я даже влюблюсь. И пойму, что это странное приключение было нелепой случайностью на пути от юности к зрелости.
Однажды во мне что-то щелкнет (со всеми так бывает), и я, выпив (когда-то же мне это понравится?), расскажу в компании, как трахался с Измененной. Да, именно так. Трахался. В темном кабинете Министерства культуры, на влажных истоптанных одеялах. Ее глаза пылали сиреневым светом, а Гнездо рокотало, как морской прибой…
Приятели будут гоготать и отпускать пошлые шуточки насчет «вдоль или поперек?», ни секунды мне не веря.
И только кто-нибудь, почти случайный и младше меня, будет слушать молча и улыбаться неловко, просто чтобы не выламываться из компании. Потом я поймаю его сочувственный взгляд, подумаю: «Что же я несу?» – и опрокину в себя стакан водки, чтобы забыть это тоскливое ощущение неловкости и стыда…

– Эй! Серчер!
Я сообразил, что стою рядом с остановкой, задумчиво глядя на здание Манежа. А под стеклянным козырьком остановки сидит симпатичная девчонка моих лет, в обтягивающих джинсах и расстегнутой у ворота блузке. В одной руке у нее дымила старомодная бумажная сигарета, в другой она сжимала картонный стаканчик кофе.
– Ты автобуса ждешь или не знаешь, куда идти? – спросила она.
Девушка была милая. Длинноволосая, с веселыми глазами, какая-то вся задорная, будто в ней бурлил адреналин от бессонной ночи.
– Не знаю, куда идти, – согласился я.
– Садись, – она похлопала по скамейке рядом с собой. – Рубашечка зачетная.
Рубашка, которую мне притащила откуда-то Наська, была чуть уже, чем нужно, но яркая – с принтом из разноцветных колибри. Честно говоря, она смотрелась настолько вызывающе, что в некоторых районах за нее могли бы и побить.
Я сел. Представительство Инсеков работает круглосуточно, толпы возле Манежа я не видел.
– Хочешь? – Девушка протянула мне сигаретную пачку.
Я покачал головой.
– Так и думала, что не куришь, – сказала она. – Но тебе явно требуется какая-то жизненная пауза.
– Это точно, – согласился я.
Взял у нее из рук стаканчик кофе и сделал глоток. Кофе был холодный и кислый.
– Ты наглый! – засмеялась она. – Тогда допивай.
Я вернул ей стаканчик.
– А собственно… – Она взяла и допила кофе. Сбросила в стаканчик пепел и посерьезнела: – Что стряслось, серчер?
– Почему ты решила, что я серчер?
– Ну… – Она помедлила. – У вас даже без зеркалок взгляд такой… ищущий. Что стряслось, говорю?
– Много чего, – ответил я. – Трудный день выдался.
– День? – скептически спросила она, покосившись вверх, на просвечивающее сквозь облака кольцо. – Как тебя зовут?
– Макс.
– Меня – Милана. Ты с девушкой поссорился?
– Не то чтобы поссорился… Но мы расстаемся.
Я запнулся и уточнил:
– Вообще-то она не моя девушка.
– Ну-ну, – сказала Милана насмешливо. Затянулась сигаретой и закашлялась. – А я вот с парнем рассталась. Козел оказался. В отместку сперла его сигареты.
– Помиритесь, – пообещал я.
Она покачала головой и погрустнела.
– Нет. Вряд ли. Давно к тому шло… Я на тебя посмотрела и решила, что познакомлюсь. Если покуришь со мной. А ты курить не стал, зато забрал кофе, и что теперь делать?
– Пойти домой и поспать, – сказал я. – Утром будет легче, утром всегда легче.
Милана смотрела на меня, размышляла о чем-то. Потом сказала:
– Я бы тебя позвала с собой. Я в общаге живу, комната сейчас свободная. Но ты не пойдешь.
Я молчал.
– Завидую ей, – сказала Милана, потянулась и поцеловала меня пахнущими сигаретами и кофе губами. И тут же осторожно отстранилась. Спросила: – У тебя под курткой…
– Пистолет, – кивнул я. – Завидовать не надо, она Измененная. Тут всё сложно.
Я встал, пока она не присмотрелась получше и не разглядела на ветровке пятна моей же крови. Зачем пугать хорошую девушку?
Жаль, что я раньше с ней не познакомился.
Кажется, она негромко окликнула меня, но я уже шел к Манежу.

У представительства Инсеков, конечно, стояли полицейские посты побольше и поосновательнее времянки у Гнезда. Не то чтобы кто-то всерьез собирался штурмовать Манеж (да и зачем – все равно самих пришельцев там нет), но психов хватает. В Манеж двигалась короткая быстрая очередь, в основном пенсионеры, но стояли и люди молодые. Вот зачем они пришли, а?
Здесь я впервые попал под проверку – металлоискатель у входа возмущенно запищал и замигал красными сигналами. Полицейские напряглись, я молча выложил на столик пистолет, паспорт, удостоверение консультанта и разрешение на оружие.

– Отдел «Экс»? – удивился майор, старший поста. – А вы не слишком молоды, уважаемый консультант?
– Гнездо так не считает, – ответил я.
Майор осторожно взял пистолет и понюхал. Кивнул:
– Давно стреляли?
– Пару часов назад.
Видимо, мой невозмутимый вид внушал доверие.
– Тир?
– Нет, боевое применение, – выскочила откуда-то из памяти фраза.
Майор нахмурился:
– Рапорт написали?
– Нет еще.
– С кем в отделе работаете?
– С Лихачевым.
До этого момента майор колебался. Тут крякнул и потер затылок. Спросил:
– В представительство по личным нуждам?
– По рабочим.
– Пистолет вернем на выходе, – решил он. – Идите. Вам хватит обычного времени?
Я кивнул.
Внутри Манеж был разделен на маленькие комнатушки, как офис. На католические будки-исповедальни это никак не походило. Часть дверей была закрыта, на них горели красные огонечки.
Я толкнул первую попавшуюся полуоткрытую дверь, вошел, огляделся. Три на три метра примерно, высокий потолок со светящейся холодным белым светом лампой. Чистенько, на полу – ковролин, диванчик из кожзаменителя – можно и вдвоем, и даже втроем сесть. Пахло дезинфекцией, но убирали тут небрежно, в углу комнатки я увидел обертку от конфеты. Ребенок, что ли, приходил, на строгую мамку жаловался? Хотя нет, в другом углу – маленькая бутылочка, на сто грамм. Тут кто-то выпил и закусил. А что? – хорошая идея, если на кафешку денег нет, а на улице неудобно.
Напротив диванчика на стене висел экран – белый круг диаметром метра два. Рамка у круга была из серо-синего металла, как дверь в «защищенную зону» в Гнезде.
Где-то за стеной тихо, монотонно бубнил другой посетитель. Слов было не разобрать, угадывался лишь недовольный тон.
Я сел на диванчик. Ничего не происходило.
Ах, да.
Я вернулся к двери, закрыл ее. Что-то щелкнуло. Экран засветился серым. Вообще-то настоящий серый – это просто смешение цветов, но тут было ощущение, что в экране слегка разбавленная серым тьма.
Сев на диванчик, я вздохнул.
И сказал:
– Меня зовут Максим. Я призван Гнездом, тем, что в бывшем Минкульте. Позавчера вечером Гнездо было атаковано, погибли все Измененные, кроме одной жницы и одной куколки. Жница объявила себя хранителем и призвала меня на помощь Гнезду. Вчера я посетил большое Гнездо на Раменской. Их хранитель сказала, что Измененные не причастны к нападению. Сегодня ночью атака повторилась. На Гнездо напало странное существо. Оно было шестилапое, здоровенное, с мохнатой башкой. Кажется, могло наносить удары на расстоянии, каким-то силовым полем. И еще было невидимым и очень быстрым. Но мне удалось его убить.
Экран ровно, не мигая, светился. Точно так же, как перед славящими Инсеков фанатиками, проклинающими их психами, молящими об исцелении больными и жаждущими знаний учеными.
Инсекам плевать на то, что им рассказывают. Вряд ли они вообще слушают.
– Вот и всё, пожалуй, – сказал я. – Мы решили, что вам надо знать. Ну и от себя – мне на вас плевать, я вас не люблю, я вас не ненавижу, вы для этого слишком могучие и умные. Вот Луну только жалко.
Я начал вставать.
И меня швырнуло обратно на диван, прижало к пахнущей спиртом обивке.
«Оставайся на месте», – прошелестело в голове.

Глава десятая

Ощущение было неприятным.
Не смертоносный удар монстра, от которого меня защитило Гнездо.
Но что-то такой же природы.
Меня будто гигантской ладонью вдавили в диванчик, так что под задницей звякнули пружины. И придерживали – секунд десять.
Потом экран засветился ярче, и из него в комнатку полез Инсек!
Я первый раз увидел пришельца не по телевизору. Он и впрямь походил на исполинского муравья: гладкая вытянутая голова блестела, будто лакированная, сегментированное тело покрывала такая же внешняя броня – из хитина или еще чего-то, не знаю, суставчатые лапы росли из туловища. Длиной Инсек был метра два – два с половиной, поменьше монстра, но все равно размеры впечатляли. Что его резко отличало от муравьев, так это отсутствие усиков и выдвинутых вперед челюстей, обычные, даже не фасетчатые глаза и круглый рот.
Конечно же, он не был насекомым. Есть какие-то ограничения размеров, которых те могут достичь, это связано с биологией. «Внешнее сходство», как сообщили Инсеки при первом контакте.
В ужасе и оцепенении (держать меня было вовсе не обязательно, никуда бы я сейчас не делся) я смотрел на приближающуюся голову Инсека.
А потом понял, что это иллюзия.
Во-первых, экран довольно небрежно висел на стене, кажется, просто на крючках, а не на креплениях вроде телевизионных. И стенка была легкая, гипсокартонная – от такой туши либо экран бы упал, либо вся стена треснула.
Во-вторых, от Инсека не возникло ни малейшего движения воздуха, а высунулся он резко. И никакого тепла или холода не ощущалось.
Ну а в-третьих, самое главное, – когда я чуть пришел в себя, то заметил, что тень от Инсека падает на пол не полноценная, а словно затемнение от плотной ткани.
Проекция, голография, что угодно – но не живой пришелец.
Страх сразу ослаб, хотя если Инсек смог дистанционно прижать меня к дивану, то, наверное, и об пол расплющить сможет.
– Доброе утро, – сказал я, глядя в лицо пришельца.
Инсек смотрел на меня. Потом рот приоткрылся, и я услышал голос. Обычный голос, а не эти дурацкие образы-сигналы в мозгу. Мягкий, приятный, словно бы женский. Но я почему-то не мог воспринимать его как особь женского пола.
– Ты говоришь с проекцией особого рода. Я нахожусь далеко. Тебе не надо бояться.
Подмывало, конечно, сказать, что я ничуть не боюсь. Но врать нехорошо.
– Постараюсь, – сказал я. – Но вы меня напугали. Можно убрать давление?
– Разумеется, – ответил Инсек. Прижимающая меня сила исчезла. – Это была предосторожность ради твоего же блага.
– Угу, – согласился я. Инсек продолжал изучать меня. Уж не знаю, как эта проекция была организована, но, за исключением мелких недочетов, казалось, что мы говорим лицом к лицу.
– Как выглядел нападавший?
– Ну… с длинными ногами…
– Представь.
Я представил. А Инсек, похоже, уловил.
– Как ты его увидел?
– Надел зеркалки…
Инсек замолчал, словно мой ответ вызвал у него недоумение. Потом спросил:
– Как ты его убил?
– Из пистолета. ПМ. Но у меня были какие-то особые патроны, я купил в Комке.
Опять пауза.
Что ж, если пришелец действительно недоумевает, то Инсеков из числа подозреваемых можно исключить.
– Мы благодарим тебя за информацию и предпринятые действия, – сказал пришелец наконец. – Инсеки заботятся о благополучии человечества и Гнезд.
– Спасибо.
– Ты отправишься в Гнездо. – Инсек не просил, не приказывал, а просто информировал. – Скажешь жнице, объявившей себя хранителем, что она должна ждать.
– Чего?
– Ждать. – Инсек начал медленно вдвигаться обратно в экран.
– Так что ей можно делать? А чего нельзя? – быстро спросил я.
Инсек замер. Потом ответил:
– Никаких нестандартных действий! Никаких!

– А какие «стандартные»?
Инсек продолжал уползать. То ли он неразговорчив, то ли ошарашен случившимся.
– А мне что делать? – спросил я.
– Для нас это безразлично, твоя функция – передать жнице распоряжение ждать.
Блеснув глазами, Инсек скрылся в экране, и тот померк.
Я встал, ноги у меня дрожали. Это всё бессонная ночь. Нельзя жить на адреналине.
А потом до меня дошел смысл сказанного.
Стать из жницы хранителем – это явно нестандартное действие!
Я выскочил из комнатки, едва не сбив идущего по проходу старичка. Тот неодобрительно глянул на меня, но смолчал. Тут психов много, и не так носятся.
Майор заканчивал говорить по телефону, когда я подбежал к выходу. Глянул он на меня мрачно, но пистолет и документы выложил на стол. Я торопливо рассовал документы по карманам, оружие вложил в кобуру.
– У тебя пятна крови на куртке, – сказал майор.
– Это моя, – успокоил я его. Полицейский явно прозванивался в отдел «Экс», уточнял, есть ли у них подозрительно молодой консультант и имеет ли тот право болтаться поблизости от Кремля с оружием. – Мне нужно в Гнездо.
– Ну так иди.
– Мне быстро надо.
– Тогда беги, – майор пожал плечами. – Рад бы помочь, но у нас машины нет.
И я побежал.
В общем-то тут совсем недалеко. Двадцать минут пешком. Десять минут неспешным бегом.
Не так уж у меня и ноги-то дрожали. Подумаешь, неведомая хрень сломала ребра и почти убила. Меня же вылечило Гнездо, а потом я выпил ту гадость из термоса…
Мне очень не хотелось добежать до Гнезда и увидеть, как Дарина откладывает пустой шприц, а ее сиреневые глаза наливаются белизной.
Девушка по имени Милана все еще сидела на остановке и курила новую сигарету. Так и пристраститься недолго. Рядом топтались два парня, один явно знакомился. Милана, увидев меня, чуть привстала и махнула рукой. Я не стал отвлекаться, но подумал, что парню сегодня ничего не светит.
Да, мне было приятно это подумать! Несмотря ни на что.
Я вовсе не идеален.
Но бегаю, кстати, довольно быстро.
Я добежал за семь минут. На стадионе получилось бы быстрее, но это город. Хорошо хоть, почти ночной и с минимумом прохожих.
Возле Гнезда не было ни машин, ни оцепления. Значит, пост пока не меняли и останки несчастных полицейских еще не обнаружили. Навстречу, правда, проехала «скорая», но с выключенными мигалками, и лицо водителя спокойное. Вряд ли после того, что было в пластиковом «стакане», он бы сохранил такое выражение.
Я вбежал внутрь, постоял несколько мгновений, переводя дыхание. Громко выкрикнул:
– Дарина!
Кажется, за одни лишь сутки это превратилось у меня в привычку?
– Дарина!
Гнездо только по меркам Раменского небольшое. А так-то помещений тут изрядно, особенно учитывая соседние здания.
Сколько мне тут бегать?
Вдруг девчонки закрылись в своей «защищенной зоне» и колют сейчас мутаген?
А его вообще колют? Или едят, или вдыхают, или в нос капают?
Я закрыл глаза, сосредотачиваясь. Я же призван, так? На мне эта самая «печать Гнезда». Я его слышу, оно мне помогало, и я, между прочим, его защищал в смертельном бою!
Пусть это не телепатия, но как-то же оно может мне помочь?
Голос Гнезда сейчас был слабым, едва слышимым, словно оно дремало. Но я позвал, отчаянно, будто крича внутри головы. И навстречу мягко качнулась волна.
Удивительно, я раньше этого боялся!
Едва-едва ощущал, проходя мимо, но морщился, будто услышав скрип мокрого пальца по стеклу.
А теперь это было… ну, не мое, конечно. Но и не чужое.
Как Дарина.
Опять же – никакого голоса, никакого знака, но я понял, куда мне идти.
– Спасибо, сестра, – сказал я. Почему-то я стал воспринимать Гнездо в женском роде. Так, наверное, и едут кукухой.

И снова побежал по дурацким коврам и тряпкам, куда только смотрит пожарный надзор…
В очередном коридоре на втором этаже я обнаружил три медицинские каталки, и это меня почему-то напугало. Я обогнул их и ворвался в кабинет, который, судя по размеру и «предбаннику» для секретаря, мог принадлежать и министру – или кому-то из заместителей.
Но сейчас здесь было что-то вроде больничной палаты.
Не спрашивайте, какая в этом логика, у Измененных она тоже… измененная.
У стен стояли медицинские кровати, жутковато-технологичные, из металла и пластика. Три были заняты. Рядом с ними высились стойки для капельниц, и лежащим на кроватях что-то вливали.
Но Дарина и Наська стояли рядом. Обе уставились на меня с растерянностью и даже испугом.
– Дарина… – Я прислонился к косяку.
Нет, ноги все-таки тряслись.
– Ты еще не колола себе мутаген?
Дарина покачала головой.
Я выдохнул. Спросил:
– А мелкой?
Опять недоуменный взгляд – нет, не колола.
– Фух! – сказал я. – Слушай… не надо.
– Почему?
– Инсеки… я с ними заговорил. С одним из! Он велел не делать ничего нестандартного. Понимаешь? Ничего! А становиться хранителем… из жницы… это же нестандартно?
– Более чем, – сказала Дарина. Посмотрела на кровати.
– А это… кто…
Я подошел ближе. И замер.
В трех койках лежали дети. Лет семи-восьми, наверное, – а может, и старше. Они все были очень худые и выглядели… фигово выглядели. Двое были лысыми. Лишь у одной девочки, единственной, у кого можно было понять пол, оказались роскошные белокурые волосы. Если бы не землистый цвет лица и ввалившиеся щеки – была бы красавицей.
– Это… чего? – спросил я.
– Новые куколки, – сказала Дарина. – Я же вчера сказала, есть и хорошие новости. Их должны были доставить вечером в понедельник, но мать этой девочки никак не могла решиться и подписать отказ.
Она помолчала.
– Обычно привозят ночью. Так спокойнее. И мутаген первой фазы лучше вводить на рассвете.
– Они спят, – сказала Наська. Она была непривычно серьезной. – Им сейчас хорошо. Совсем не больно. Даже не надо усыплять, они уснули потому, что не больно. Вот она умерла бы завтра… – Она взяла белокурую девочку за тощую ручонку. – А те попозже.
– Теперь не умрут, – подтвердила Дарина.
Я кивнул.
Вроде как сейчас происходило что-то неправильное. Человеческие дети начинали превращаться в Измененных.
Но… у этих детей не было иного спасения.
– Это хорошо, – сказал я. – А вам не надо… ускоряться. Это ведь здорово. Вы точно не капали себе мутаген?
– Максим, у нас и мутагенов нужных нет, – сказала Дарина. Глаза ее медленно разгорались сиренью. – Мы их еще не заказывали.
Мысленно я стукнул себя по лбу.
Ну да! Они же мутагены заказывают и забирают у Продавцов.
– Балбес, – сказал я. – Чего я подрывался-то так?
Дарина подошла ко мне. Посмотрела в лицо. Неловко улыбнулась.
– Я на вас не смотрю, – фыркнула Наська и присела на кровать рядом с девочкой. Она по-прежнему щеголяла в моей старой пижаме, ну вот совершенно фиолетовы им наряды…
Дарина сделала движение, будто собиралась меня обнять.
И остановилась.
Сказала:
– Максим, что именно сказал Инсек?

– Он сказал: «Никаких нестандартных действий! Никаких!» Сказал, что это распоряжение жнице, которая хочет стать хранительницей. Здорово, да?
Я протянул руку к ее лицу.
Дарина отступила на шаг.
– Ты что? – не понял я.
– Это был приказ? – спросила Дарина.
Я наморщил лоб.
– Распоряжение.
– То есть приказ, – прошептала Дарина.
– Ну… наверное.
– Уходи, Максим.
– Что?
Мне показалось, что я ослышался.
– Гнездо признательно призванному за помощь, – сказала Дарина сухо и официально. – Гнездо возвращает тебя тебе и забирает Призыв.
– Дарин? – непонимающе воскликнула Наська. И вдруг хлопнула себя по губам, будто тоже поняла что-то, до сих пор неясное мне.
– Гнездо еще раз выражает благодарность, – сказала Дарина. По щекам у нее текли слезы. – Теперь человек Максим должен покинуть Гнездо.
Жница потянулась к Наське, взяла ее за руку. Они переглянулись – и кивнули друг другу.
Я буквально ощутил, как всплеснул волной неслышимый голос Гнезда – и исчез, растворился в тишине. Неприятного ощущения не возникло, а может быть, я его просто не замечал.
– Ты чего? – спросил я жалко. – Чем я тебя обидел, а?
– Максим… – тонко сказала Наська. – Никаких действий, нестандартных для жницы, Максим!
Она поняла почти сразу, а я, дурак, только теперь.
– Ну это же… – Я беспомощно пожал плечами. – Это же другое…
– Это нестандартно, – сказала Дарина. – Чело… Максим, уйди!
И я понял, что должен уйти.
Иначе она не выдержит. И повиснет сейчас на мне, рыдая и целуясь.
А это будет еще как нестандартно, какие бы истории ни рассказывали друг другу люди. Инсеки не приказывают, они лишь распоряжаются.
Приказывать можно слугам, рабам, собакам, но если имеешь дело с вещью – ты просто распоряжаешься ею.
Как тебе угодно.
Я пятился, потому что у меня не хватало духу обернуться. Пятился и смотрел на Дарину, она на меня, и от этого нам было еще хуже.
Поэтому Дарина быстрым шагом подошла к двери и захлопнула ее перед моим лицом.

Полковника Лихачева я встретил перед Гнездом.
Он стоял и курил, глядя куда-то вдаль. В жидком рассветном сумраке огонек сигареты тлел красным угольком. Я подошел сбоку, Лихачев скосил на меня глаза и ничего не сказал. Он снова был в штатском, не в форме и не в броне.
– Пост разгромили, – сказал я. – Вы знаете, наверное.
Полковник кивнул.
– Это та самая тварь, что нападала на Гнездо, – сказал я. – Вам, наверное, будет легче, если вы узнаете… я ее убил.
– Силен, – сказал Лихачев без удивления. – Я надеялся, если честно. Два года назад в Берлине призванный подросток в одиночку уничтожил три десятка террористов, захвативших Гнездо… Что там было?
– Монстр. Никто не знает, откуда он и зачем напал.
Я замялся, раздумывая, что еще ему сказать.
– Тебя отпустили? – спросил Лихачев.
– Да.
– Тяжело?
– Очень.
Лихачев кивнул. Выкинул окурок, засунул руки в карманы брюк. Стоял, сутулясь и о чем-то размышляя.
– Документы вам вернуть?

– Об оружии тревожишься? Оставь. Я тебя дергать зря не стану, но вдруг однажды сможешь ответить на какой-то вопрос… Напиши рапорт, хорошо? В свободной форме. Я пришлю завтра курьера.
Он вздохнул и продолжил:
– Дело у меня забрали. Теперь этим занимается ФСБ. Не мой масштаб… екарный бабай… Они тоже будут тебя допрашивать. Ты отвечай, но как начнут вербовать – посылай на хер. Только вежливо! Мол, простой парень, влип в дерьмо случайно, до сих пор очко играет, даже вспоминать не хочу… Им реально от тебя ничего не нужно, но они на всякий случай всех вербуют. Перетопчутся!
Я подумал, что отношения между силовыми структурами всегда далеки от братской любви и взаимопомощи. Но у Лихачева тут явно было и что-то личное.
– Ладно, – сказал я.
– А захочешь поступать в институт, так звони. Я помогу, как обещал. Мы с деканом факультета общечеловеческой дипломатии дружны. Скажу, что к ним бывший призванный собрался, – тебя с руками и ногами оторвут. Ну или на юридический, тут вообще вопросов не будет. Стажироваться станешь у меня, потом заберу в «Экс». Как раз успею перед пенсией тебя продвинуть.
Я даже растерялся от такого напора.
– Мы – люди, мы должны друг другу помогать, – сказал Лихачев. – Спасибо, что убил ту тварь. У ребят семьи остались, дети… Ладно, что я тебя держу-то. Иди…
Я смотрел на Лихачева и думал о том, что люди связаны очень сложной системой отношений. Несоразмерно сложной для примитивной цивилизации, зажатой на одной планете. Не только законы, у которых есть своя логика, но еще и неформальные правила, причем для каждого свои. На меня накатило какое-то недоуменное раздражение от этой сложности.
Потом оно прошло, и осталась только усталость.
Кивнув, я пошел прочь от Гнезда.
– Рубашка клевая, – сказал Лихачев вслед.
* * *
Будем считать, что я хотел пройтись. А то мало как-то двигаюсь последнее время.
Шел я неторопливо, глядя на пробуждающийся город. С запада наползали тучи, снова собирался ливень. Что поделать, такая теперь у нас в Москве погода.
Метро уже открыли, и студенты у библиотеки рассеялись.
Милана по-прежнему сидела на остановке.
Я подошел и сел рядом.
– Автобуса еще не было, – сказала она.
– А метро?
– Да, с метро не знаю, что и придумать… – призналась она. – Но я решила подождать до шести утра.
Помолчала и добавила:
– Потом бы выпила кофе и подождала еще час. Для очистки совести.
– Я совсем рядом живу, – сказал я. – У меня есть хороший кофе. И пустая квартира. Квартиру подарили родители, на кофе зарабатываю сам.
– Соблазнительно, – согласилась она. – Москвич, мажор, симпатичный, любит кофе, не курит. Быстро бегает. А еще таинственный, как спецагент, ходит с пистолетом и дружит с девушкой-Измененной.
Я хотел поправить «дружил», но промолчал.
– Тогда предупреждаю сразу. Я провинциалка, из Архангельска. Учусь на биофаке, но звезд с неба не хватаю. Ничего загадочного во мне нет, девочка-отличница приехала покорять столицу. С парнями не везет регулярно, и это должно тебя настораживать. Люблю болтать, гулять и мороженое.
– Годится, – сказал я, и мы начали целоваться.
А потом пошли ко мне.
Я же предупреждал, что вовсе не идеален.

Часть вторая

Глава первая

В Люберцах бóльшая часть пассажиров вышла, а в Томилино вагоны метро совсем опустели. Я достал и надел зеркалки – не люблю таскать их без дела. Вторую пару протянул Милане.
Она надела очки и тут же достала из сумочки зеркальце. Посмотрела на себя. Сказала:
– А мне идет. Но все равно выгляжу как серчер.
– И что такого? – осматриваясь, спросил я. – Считаешь нас лентяями?
– Нет, наоборот. Игра не стоит свеч. Сколько приходится болтаться по городу, чтобы найти кристаллик?
– Иногда целый день впустую, – согласился я. – А иногда… погляди-ка под ноги.
– Ой! – воскликнула Милана. Присела и подняла крошечный фиолетовый кристалл. Тот был размером с булавочную головку, неправильной формы. – Ну… не очень-то красивый. Дешевка, да?
– На рацион в Комке заработала, – уклончиво сказал я. – Вайкры встречаются чаще всего, но они тоже могут быть ценными. Если большие и правильной формы. Но такие и без всяких очков находят.
Зеркалки – не волшебство, они лишь подсвечивают кристаллики, делают их более заметными. Если глаз наметан, то за пару недель, при удаче, можно заработать на очки. Я свои первые так и купил, кстати. Нашел неплохой оранжевый кристалл.
Милана изучила кристалл, потом достала сумочку и собралась бросить вайкр в кошелек.
– Подержи подольше в руках, – остановил я ее.
– Примета?
– Не совсем. Кристаллы как возникают, так и разрушаются со временем. Если подержать его, погреть в руках, то процесс останавливается. Поэтому много кристаллов хранить глупо, будешь все время их перебирать, чтобы не рассыпались. Я с собой ношу пакетик, а дома несколько штук самых, самых ценных. И по паре минут грею в руках каждый день.
– Нет бы меня лишний раз обнять, – сказала Милана.
– Делу время, – парировал я.
Мы были вместе уже два дня, и это оказалось совсем неплохо.
В первую очередь потому, что мы не брали никаких обязательств. Просто веселились. Вот, даже взял Милану на поиск.
– Ты знаешь, что кристаллы – органические? – спросила Милана.
– Конечно. Я даже знаю, что они белковые.
Милана кивнула, разглядывая кристалл.
– Мы изучали на втором курсе. Единого мнения нет, но большинство ученых считает, что кристаллы – продукт человеческой жизнедеятельности. То есть, по сути, мы торгуем с Продавцами чем-то вроде перхоти.
– Фу! – возмутился я. – Вы, биологи, куда хуже медиков.
– А что медики?
– Один приятель называл кристаллы «застывшими слезами человечества», – сказал я, умолчав, что приятель был женского пола.
Но Милану это не обмануло.
– Поэтичные у тебя подруги, – вздохнула она. – Не то, что я… Нет, правда, красиво. Слезы человечества… Они же появились после Перемены?
Я кивнул. Наверное, да. В мифологии, конечно, встречались всякие грустящие богини, чьи слезы превратились в жемчуга, ну или у Бажова, когда Хозяйка Медной горы плакала, ее слезы становились изумрудами. Ну так это сказки. Если бы кто-то начал плакать кристаллами, это быстро стало бы известно.
– Интересно, для чего они Продавцам? – пряча кристаллик, сказала Милана. – Может, мы как дикари, которые за стеклянные бусы продавали свои земли.
– Ну, мы ничего, кроме кристаллов, не продаем. – Я пожал плечами. – Знаешь, что я думаю? Инсеки что-то сделали для появления кристаллов, чтобы нам было чем заняться, чем торговать.
– То есть они им не нужны?
– Никому не нужны. Ни Инсекам, ни Продавцам. Ни нам, их ведь даже для украшений не используешь, забыл надеть – и кристалл пропал… Но у людей появилась иллюзия, что мы имеем какой-то ценный ресурс. Люди заняты делом, шустрят, ищут кристаллики. Даже бомжи не бутылки ищут, а вайкры подбирают.
– Тогда совсем печально. – Милана поморщилась. – Нет, лучше пусть они ценные. Супертопливо для их космических кораблей. Когда-нибудь мы научимся его использовать…

– И улетим с Земли! – поддержал я. – А для этого надо собрать побольше. Пошли работать!
Состав был современный, где все вагоны соединены в одну длинную кишку, громыхающую по рельсам. Мы неторопливо пошли по центру, Милана смотрела налево, я направо (и немножко налево, потому что у Миланы опыта не было).
– Каких-то особых закономерностей нет, – рассказывал я. – Каждый серчер думает, что знает хитрости и удачные места, но, если спросишь мое мнение, – всё это ерунда. Повезло два-три раза в одной точке найти кристалл, вот и начинаешь там усиленно рыться. А раз больше времени ищешь, то и находишь больше. Один приятель считает, что блюки лучше искать в понедельник, а инки в пятницу. Другой обожает на стадионах искать, после матчей… ну правильно, там толпы людей.
– Еще одно доказательство человеческого происхождения кристаллов, – кивнула Милана.
– Верно. Поначалу всякие умники любили ездить на природу или искать где-нибудь на пустырях, в парках… Но там почти ничего не попадается.
– В Архангельске полно серчеров. А вот в Хóлмогорах и кристаллов мало, и серчер был всего один, и тот не настоящий, очки китайские…
– Где-где? – удивился я.
– Село такое, в детстве жила с родителями. Ударение на первое «о». Между прочим, Ломоносов рядом родился…
– Стоп! – Я остановил ее и взял из-под самой ноги вайкр. Сидящий в паре метров пассажир, немолодой мужчина с портфелем, огорченно нахмурился. Полез в портфель, достал простенькие зеркалки и стал деловито озираться. Ну флаг тебе в руки, много ты найдешь, сидя на месте… а бродить по вагону тебе гордость не позволит.
– Вроде бы получше, – сказала Милана.
– Да, мелкий, но чистый и правильная пятиугольная звездочка, – я зажал кристалл в ладони. – Уже не зря вышли на поиск! Два кристалла подряд!
Зря я это сказал. Спугнул удачу.

Мы прошли весь поезд, но нашли только один инк, маленький и оплывший. Видимо, давно валялся.
– Ничего, на обратном пути поищем, – утешала меня Милана.
Но на обратном пути в вагоны быстро набилась толпа. Толкаться, заглядывая под ноги пассажирам – это совсем отстой.
Мы доехали до центра, и я потащил Милану в «Ледяную мяту». Если это не самое лучшее кафе-мороженое в городе, то вы ничего не смыслите в этом лакомстве.
Я, впрочем, тоже ничего не смыслю.
Но я знал, у кого спросить.
Конечно, когда звонишь бывшей и спрашиваешь, где сейчас в Москве лучшее кафе-мороженое, то нарываешься на иронию, пусть даже мы расстались давно и без ссоры. Меня с живейшим интересом расспросили, кого я завел, ехидно предположили, что я запал на малолетку, и посоветовали следить за фигурой… Но адрес, смилостивившись, сообщили.
– Ты меня разбалуешь, – сказала Милана. – Стану самодовольной. И толстой.
Она демонстративно облизнулась, оглядывая витрины. Добавила:
– И липкой.
Я взял себе шарик мятного и шарик лимонного. Я просто не очень люблю сладкое.
Милана выбрала пробный набор мягкого итальянского джелато, пять ложек разных сортов, да еще и обсыпанных сверху пригоршней крошечных разноцветных шариков – тоже из мороженого.
– Обалдеть… – сказала Милана, с восторгом изучая порцию и боясь к ней приступить. – А помнишь, все ходили с телефонами и фоткали, что попало? Я бы сейчас послала подружкам фото. И они бы меня возненавидели!
– Вот видишь, Инсеки и впрямь улучшили отношения между людьми, – усмехнулся я.
Лимонное мороженое было вкусным. Я потихоньку ел, поглядывая на посетителей. В основном состоятельные семьи с детьми и парочки, конечно же.
– На такое мороженое я не заработала сегодня, – с сожалением сказала Милана, зачерпывая ложкой мелкие шарики. – Плохой из меня серчер… Слушай, а у Измененных много кристаллов? Они их ищут?
Я ответил не сразу, она даже смутилась и пробормотала:
– Извини, если тебе неприятно…
Не то, чтобы я многое ей рассказывал. Как ляпнул тогда в запале на остановке про девушку-Измененную, так и всё. Ну, признался, что был призван Гнездом и сутки

помогал его охранять. Без подробностей. Милане явно было любопытно, но она не расспрашивала. Слухи-то по городу шли, и по телевизору говорили, и в газетах писали – про нападение на Гнездо, что есть погибшие…
Масштабов, конечно, никто не предполагал. Самые смелые предположения были про десятки погибших.
– Нет, нормально, – сказал я. – Вроде как они не ищут. И говорят, что у них нет кристаллов. Вообще ничего особо ценного нет. Там, внутри, полный бардак. Всё завалено коврами-одеялами-подушками. Половина лампочек не горит. Почему-то им так нравится.
– А зачем тогда на них нападали?
– Никто не знает.
Милана хмыкнула. Спросила:
– Неужели тебе не интересно?
– Интересно. Но вопрос сам собой в ответ не превращается. Вот Гнездо. Одно из многих в Москве. На него нападают и… в общем, кровь и разгром. На следующую ночь нападавший вернулся и его… убили. Но ответов нет.
– Ты убил? – тихо спросила Милана.
Я молча кивнул.
– А кто послал – неизвестно?
Я покачал головой.
– Хотели уничтожить Гнездо?
– Там спичку брось – и всё заполыхает, – ответил я. – Нет, думаю, этот… что-то искал. А убивал он так… по ходу дела. Чтобы не мешали. Быстро и безжалостно. Это не человек был, монстр.
– Б-р-р-р! – Милана дернула плечами. – Жуть какая. Тут нужен системный подход… Слушай, хочешь попробовать? Грецкий орех! Это взрыв мозга!
Я попробовал из ее ложечки. Да, было вкусно.
– Вот смотри, – рассуждала Милана, зачерпывая ложкой мороженое. – Я заказала шикарный набор мороженого. Внезапно вбегает злодей, хватает мою вазочку и убегает. Что ты решишь?
– Что я быстро бегаю и далеко он не убежит. С твоим-то мороженым!
Милана рассмеялась и быстро поцеловала меня. Губы у нее были липкие и сладкие.
– Нет, ты не догнал. Ты в туалет выходил. Или успокаиваешь меня, потому что я в панике. Всё, злодей убежал. Что ты подумаешь?
– Что это твой бывший. Решил отомстить за украденные сигареты.
За эту версию я получил еще один поцелуй.
– Нет, не он, – решила Милана. – Вбегавший – высокий красивый блондин с вот такими мускулами! А мой бывший – мерзкий кривой карлик на тонких ножках! Личный фактор исключается.
Мне вдруг стало интересно. Милана действительно не пыталась из меня вытащить побольше информации (я написал рапорт Лихачеву и почти день рассказывал о случившемся вежливым тихим людям из госбезопасности, так что как расспрашивают – теперь понимал). Ей было интересно. Как и мне, конечно.
Хотя, казалось бы, что мне теперь до Гнезда и его обитателей?
– Что ж, мы можем предположить, что ворюга-блондин хотел мороженого.
– Почему не купил?
– Денег нет.
– Почему не напал на стойку с мороженым?
– Там продавцы, крепкие парни, а ты девушка.
– Почему не забрал вазочку вон у той девочки? Она маленькая, сидит у самой двери. У нее тоже пробный сет.
Я хмыкнул.
– Не знаю. Аналогия у тебя верная, но ответа я не вижу.
– Потому что ты смотришь на меня и на мое мороженое, – усмехнулась Милана. – Вот это попробуй, даже не пойму, что…
– Маскарпоне, – ответил я, попробовав. – Вкусно. А на что же мне смотреть? Ворюга убежал.
– Смотри на то, чего нет! – заговорщицким шепотом сказала Милана. – Рассматривай вопрос системно. Вор убежал, но вернулся.
– Вор хотел получить то, чего у тебя не оказалось, – я нахмурился. – И вернулся…
– Потому что ты меня успокоил и заказал новый сет.
– Но ведь вор не просто схватил твое мороженое, – сказал я. – Он еще разгромил всё вокруг. Перевернул столы, избил посетителей… зачем?

– Значит, эта версия недостаточно правильная. Рассматривай всё в комплексе, – сказала Милана. – В пространстве и времени. Что должно было случиться после первого визита? По всей логике? По ожиданиям вора?
– Мы бы встали и ушли, – ответил я.
– Но я рыдаю! – капризно сказала Милана. – У меня истерика. Я никогда не ела такого вкусного мороженого.
– Несмотря на разгром, я вновь приношу тебе мороженое…
– После этого злодей возвращается. Хоть это опасно.
– И в зале уже стоят полицейские, составляют протокол, ему приходится драться с ними… – Я подавил рвотный позыв. – Значит, ему не обязательно было забрать твое мороженое. Ему было важно, чтобы ты его не получила.
Милана торжественно подняла палец.
– Вот! Может, ему хотелось мороженого. А может, у него непереносимость лактозы, и он всю вазочку выкинет в канаву. Главным для него было, чтобы я мороженое не съела! Думаю, его нанял злобный карлик, огорченный тем, что я его бросила.
Я сидел, ковыряя растаявший шарик, пахнущий молоком и мятой. Зеленый листик прилип к ложке, я облизнул ее, разжевал мяту, после которой во рту остался вкус жевательной резинки.
Монстру было плевать на кукол и жниц, стражей и монахов.
И Гнездо ему было не важно.
Может, он шел убивать мать, потому что… потому что та что-то должна была сделать? Получить? Этого еще не было, но монстр, своей ли волей или чужой командой, должен был это предотвратить.
Монстр шел убивать мать Гнезда, а Измененные бросались навстречу, защищая ее. Голос Гнезда звал их, но по какой-то причине не мог дать им достаточно силы для победы. Они были сильнее и быстрее любого человека, но монстр был еще сильнее и быстрее. И он убивал, без всякой злобы, «ничего личного», убивал могучих стражей и быстрых жниц, убивал несчастных куколок, которые мало чем отличались от человеческих детей… Может быть, мать успела укрыться в «защищенной зоне»? И вышла, когда монстр принялся убивать последних из ее Гнезда, так же, как вышла Дарина?
Монстр убил мать – и ушел.
Но вышла промашка. Уцелела жница, способная стать хранителем. Уцелела куколка, способная стать матерью.
И осталась возможность, что они получат или сделают то, что монстр должен был предотвратить.
Он пришел снова, но теперь у Гнезда был призванный. У Гнезда был я – и почему-то мог получить достаточно силы для боя.
Что дальше?
Опасность исчезла?
Нет. Если монстр действовал не по своей воле (а я был уверен, что он лишь инструмент в чужих руках), то ничего не кончилось. Сломавшийся инструмент меняют. Опасность на время ослабла, ведь пока у Гнезда нет ни матери, ни хранителя. Но раз уж ставки так высоки, то Гнездо зачистят снова. Окончательно. Подготовятся лучше и зачистят.
Дарина, глупышка, прогнала меня, поскольку так велели Инсеки. Она не понимает, что ничего еще не кончилось.
– Максим…
Я поднял глаза на Милану.
– Зря я завела этот разговор, – сказала она.
Я промолчал.
– Помнишь, сказала, что мне с парнями не везет, и это должно тебя настораживать?
– Ты умная, – сказал я.
– Лучше бы была дурой, – произнесла она с горечью.
– Милана, да все нормально, – с жаром сказал я. – Просто вспомнил всё… неприятно это было.
– Точно?
Ей очень хотелось поверить.
– Конечно. Я как-то в новом свете всё это увидел. Жуть полная.
Милана смотрела на меня, кусая губы. Потом сказала:
– Ты меня напугал. Правда. Я решила… – Она махнула рукой и замолчала.
– А это что за мороженое? – спросил я, указывая на последний шарик.
Она попробовала.
– Не пойму. Дать кусочек?

– Спрашиваешь! – сказал я.
Мороженое было зеленое, в детстве я часто ел такое в Италии. Ну что поделать, рос в обеспеченной семье…
– Да это же фисташки, – сказал я. – Классика.
– Точно. Фисташки! Гляди, тут даже кусочки орехов есть…
Я заказал кофе – Милана любила его не меньше, чем я. К кофе нам принесли маленькую порцию «комплимента от шефа».
Комплимент был крошечным фиолетовым шариком мороженого.
Милана сказала, что у нее больше нет ни сил, ни свободного места в желудке.
Я съел мороженое. Кисло-сладкий вкус черники и запах лаванды… мне понравилось.
На самом деле Милана была замечательная. А бывший ее – полный придурок, раз ухитрился с ней поссориться и вот уже три дня как не пытался помириться. Она была красивая, умная и веселая. Очень легкая в общении. Совершенно откровенная, словно считает нечестным скрывать свои мысли.
Вот только ее глаза не мерцают сиреневым…
А еще я знал, что у нее всё будет хорошо. Непременно, потому что таких девчонок мало.
У Дарины – нет.
Почему мы, люди, такие странные? Представляю, с каким удивлением смотрят на нас с небес Инсеки…

Глава вторая

За восемь лет после Перемены появилось множество «специалистов» по Инсекам, Продавцам и Измененным. Были целые институты, были кафедры, были научные центры. Наверняка существовали и такие учреждения, про которые обычным людям слышать не полагается.
Беда в том, что большинство этих «специалистов» были именно в кавычках. Обнищавшие государства (Перемена коснулась всех – и Штатов, и Швейцарии, и Китая) много чего урезали, прежде всего военные программы, но вот на изучение пришельцев деньги выделялись щедро. Так что все, кто хоть как-то смог, прилепились к этим бюджетам. Удивительные порой бывали метаморфозы. Бывший яростный оппозиционер начинает обожать власть и ругать Инсеков (что столь же прибыльно, но куда безопаснее). Серьезный математик вдруг выдвигает теорию марсианского (нет, только подумайте, марсианского!) происхождения пришельцев и получает под это целый институт. Доктор, годами пропагандирующий с телеэкрана здоровый образ жизни, вдруг заявляет, что никотин защищает сознание от излучения Комков, и ему организуют центр по изучению полезных свойств табака. Солидный писатель, который раньше выпекал тома про особый путь русского народа и возвращение к языческим богам, возглавляет политическую партию «За Свободную Вселенную» и начинает агитировать за всеобщее Изменение – дескать, когда мы все изменимся, то вступим в ряды галактического братства.
Как по мне, всё это были либо тихие психи, либо хитрые клоуны.
Наверняка среди них есть и настоящие ученые, знающие кое-что серьезное. Но как их найти? И как разговорить?
Попросить Лихачева о помощи? Он, как я понял, и сам в теме, и выход на таких людей имеет. Но он сразу сообразит, что тут речь не о поступлении в институт. И делиться информацией не станет. В лучшем случае скажет: «Закончи вуз, приходи к нам работать, лет через десять сам всё узнаешь».
А у меня нет десяти лет.
Хорошо, если десять дней найдется.
Я должен понять, кто и зачем послал в Гнездо шестилапого монстра. И сделать так, чтобы нового визита не случилось…
Милана ушла, она отправилась в свою общагу, на улицу Шверника. Толком ничего не объяснила, хотя могла бы соврать что-нибудь невинное: «одежду поменять», «цветочки на окне полить», «с подружкой поболтать».
Но она явно не любила и не умела врать.
Ничьей вины нет в случившейся размолвке. Милана сама завела разговор о Гнезде, я не мог не подумать о Дарине, а она оказалась слишком умна и это поняла. Из кафе мы вернулись вдвоем, но с нами будто был кто-то третий… третья.
И Милана сделала самый правильный выбор – оставила меня наедине с призраком.

Я немного позанимался на тренажерах, без всякого энтузиазма. Принял душ. Постоял у окна, глядя на кольцо в темном вечернем небе. Если честно… Луна была красивая, но кольцо даже динамичнее и таинственнее. Разогрел и слопал рацион из Комка. В них сублимированная пища вроде той, что раньше делали для космонавтов, это сытно и даже вкусно, только никогда не угадаешь, что именно в пакете, пока не зальешь кипятком. Мне в этот раз попалось гороховое пюре с говядиной, русский борщ и ананасовый сок.
Потом порылся на полке, где стоял десяток книг об Инсеках, понял, что всё уже читал или пролистывал, и ответа не найду. Посмотрел подборку книг на компе. Там нашлось кое-что новенькое, оставшееся с последнего обновления, но вскоре я убедился, что ничего полезного нет.
Эх, был бы интернет!
Ну чем он вам помешал, а, пришельцы? Народ бы срался в чатиках, постил фоточки с котиками, ну и что? У вояк и полиции все равно остались локальные рабочие сетки, они не запрещены. Да и что вам наши вояки и наши сети – вы можете из экрана вылезти в виде говорящей голограммы!
Я даже подумал, что надо позвонить в книжный и заказать подборку свежих книг о Перемене и пришельцах. Выйдет недешево, но через час-другой курьер привезет флэшку.
Вот только это будет такой же порожняк, как имеющийся у меня. С тем же успехом можно почитать фэнтези или любовный роман об Инсеках.
В дверь позвонили, и я недоуменно оторвал взгляд от компа.
Милана решила вернуться?
Или…
Я вскочил, быстро огляделся, не валяются ли где женские вещи. Пригладил волосы. Быстро подошел к двери, открыл.
Это был папа.
– Привет, – сказал я, пытаясь скрыть разочарование. Кажется, неудачно.
– Привет, сын. Ты один?
– Один, конечно. Заходи, пап.
Отец был в домашнем – старых джинсах, футболке, тапочках. Он вошел, пошаркал ногами о коврик. Сказал:
– А то консьерж говорил, к тебе девушка заходит…
– Ее нет сейчас, – сказал я. – И это не та девушка, если тебе интересно.
Отец махнул рукой:
– Та, не та… Ты большой мальчик… Мать послала спросить, у тебя молока случайно не найдется? Хочет утром сварить кашу.
– Найдется, – сказал я. – Есть порошок, есть сгущенное, есть «долгоиграющее».
– Да какого не жалко.
– Можно будет на тарелку каши зайти?
Отец явно обрадовался:
– Конечно!
Я пошел на кухню, взял из шкафа пакет ультрапастеризованного молока, которое годами стоит без холодильника. Спросил:
– Может, выпьем пива?
– Только немного, – не стал колебаться отец.
– У меня и нет много…
Достав банку, полученную четыре дня назад у Продавца, я разлил ее по стаканам. Сказал:
– Могу сыр нарезать, есть кусок.
– Вот если у тебя есть копченая мойва… – Отец усмехнулся.
– В следующий раз спрошу в Комке.
Мойва была одной из жертв Перемены. Я уж не знаю, что не понравилось этой мелкой жирной рыбке, которую раньше продавали во всех магазинах копченой, соленой или жареной. Может, она нерестилась в полнолуние, а теперь не знает, когда метать икру? В общем, она стала очень редким и дорогим продуктом.
Мы потихоньку пили пиво, глядя друг на друга. У меня с отцом хорошие отношения, но как-то давно мы не говорили по душам.
– Ты расстался с девушкой из Гнезда? – прямо спросил отец.
– Да. А тебя не смущает, что я встречался с… мутанткой?
– Всё лучше, чем если бы с парнем, – фыркнул отец. Он был человеком консервативных взглядов. – Что случилось-то?

– Ну как что… Они же не люди. Я выполнил для них работу. Меня поблагодарили и велели уйти.
– Когда девушка велит уйти, это не всегда значит, что она этого хочет, – сказал отец. – Ты немедленно познакомился с другой. Это значит, что тебе плохо.
Я не спорил. Сделал еще глоток пива. Сказал:
– Она считает, что получила запрет на встречи от Инсеков. Я не уверен, что это так. Но Инсеков не переспоришь, Измененных тоже.
– Тебе нужна какая-то помощь от меня?
Я едва не рассмеялся.
– Ты знаком с Инсеками?
– Нет. Но я много с кем знаком. Что тебе нужно?
– Мне нужен человек, разбирающийся в Инсеках, Измененных, Продавцах, их взаимоотношениях! В том, чего они хотят и что делают на Земле. И чтобы он всё это мне рассказал!
– В общем, тебе нужен бог из машины, – сказал отец с иронией. – Это в древнегреческих трагедиях на сцену опускался бог на веревках и всё улаживал.
– У меня была пятерка по литературе, – напомнил я. – Так что про бога из машины я в курсе. Нет, я не верю, что мои проблемы кто-то уладит за меня. Вот немного информации хорошо бы было…
Отец кивнул. Потом сказал:
– Принеси телефон.
Я несколько секунд смотрел на него, потом пошел к двери. Притащил квартирный телефон на длинном проводе. Радиотелефоны Инсеки не запрещали, но я почему-то оставил в квартире самый простецкий – трубку на маленькой базе, проводом соединенную с розеткой. Звонить по нему я не любил, после сотовых в этом было какое-то унижение.
Отец посидел немного, глядя на телефон и морща лоб. Потом начал нажимать кнопки. Долго. Выходил на какой-то номер через коммутатор.
Я зачарованно ждал.
– Здравствуй, – сказал отец, не называя имени собеседника. – Это Воронцов, Денис Михайлович.
Пауза.
– Нет, никогда не поверю, что узнал, – отец тихонько засмеялся. – Ты меня даже на юбилей через референта поздравил. Ну и что? В Китае нет телефонных линий? Лучше вот что скажи… – Отец зажал трубку ладонью и шепотом спросил: – У тебя есть виски?
Я кивнул.
– Ты на работе еще? Прекрасно. А тебе врачи пить не запретили? Хочу угостить каплей хорошего вискарика.
Хорошего? Откуда мне знать, хороший ли он. Тем более, для человека, у которого есть «референт» – ну, то есть секретарь и порученец в одном лице.
– Нет, прямо сейчас. Я живу там же, где и раньше. Только лучше в девятую квартиру загляни. Да нет, сейчас. Как семья, кстати, как сын?
Мне показалось, что сейчас отец как-то незаметно надавил на собеседника. Что-то тому напомнил.
– Ну и хорошо. Добро. Жду.
Он положил трубку, а я смотрел на отца и видел его таким, как десять лет назад. Когда он работал в министерстве и таскал три сотовых телефона в карманах.
– Минут через двадцать приедет, – сказал папа и долил себе остатки пива. – Он недалеко работает. Подумай пока, что именно хочешь спросить.
– Пап… – сказал я.
– Чудес не жди, на самом-то деле, – отец вздохнул. – Но человек знает очень многое. И он мне обязан.
– Был, – сказал я.
Отец кивнул:
– Я однажды кое-что для него сделал. Он обязан и еще несколько часов будет обязанным.
– Оказанная услуга ничего не стоит, – сказал я фразу, которую отец любил повторять раньше. – Почему ты думаешь, что он еще должен?
– Потому что исключения есть из любого правила, – ответил отец. – И даже строя жизнь по правилам, надо всегда учитывать исключения… Чудес не жди, сын. Есть вещи, которые никогда не рассказывают. И рассказанное не всегда помогает решить вопросы. Но всю информацию, которую ты вообще смог бы получить, – ты получишь.
– Спасибо, – только и сказал я.

Отец улыбнулся. Спросил:
– У меня сильно мятый вид?
– Норм, – покривил я душой.
– Найдешь мне рубашку? Не хочу подниматься, мать заподозрит неладное… Да, и покажи, что за виски у тебя?
Я достал из шкафчика коробку, показал.
– Пойдет, – решил отец. – Я когда-то с его дедом начинал работать, он меня и научил виски любить. Потом дед ушел на пенсию, а внук под моим началом стал работать…
Отцовский гость приехал через полчаса. С отцом он обнялся и сказал положенные слова: «Замечательно выглядишь», «Ничуть не изменился», отец ответил: «Заматерел» и «Теперь вылитый дед, прорезалась порода!» Мне гость пожал руку, посмотрел с живейшим любопытством, и я понял, на что были потрачены лишние десять минут. Ему успели подготовить справку обо мне.
Даже без интернета.
Мы прошли на кухню, отец что-то оживленно говорил, вспоминал… но я обратил внимание, что он ни разу не назвал гостя по имени. Был тот куда моложе, лет сорока – сорока пяти, худощавый, в очках с тонкой оправой, постоянной легкой полуулыбкой на лице. Никогда раньше я его не видел, ни в детстве, когда отец работал и порой к нам приходили его коллеги, ни в газетах, ни по телевизору. Крупный государственный чиновник, сразу понятно. Но не из болтунов-депутатов, не из публичных говорящих голов.
Кто-то действительно работающий и знающий.
Виски гость повертел в руках, одобрительно кивнул. Отец налил ему и себе, я отказался.
– Эх, нам бы в его возрасте такие напитки и место, где распивать, – сказал гость. – И здоровья такого, конечно же!
На мой взгляд, когда отец был в моем возрасте, гость только-только от маминой сиськи отцепился. А когда гость был в моем, то отец был серьезным человеком и с молодежью пить бы постеснялся.
Но когда людям уже так много лет, разница в возрасте, наверное, стирается. Отец кивнул, и они выпили.
– У сына есть несколько вопросов, – беря кусочек сыра, сказал папа. – Он мальчик любознательный, ну как положено молодым… иногда даже слишком. Но не глупый.
Гость поморщился. Сказал:
– Мой тоже поумнел. Просил поблагодарить еще раз, Денис Михайлович.
– Пустое…
Я понял, что сейчас папа и гость дали понять друг другу, что старый «долг» будет закрыт. Что же такое случилось лет десять назад, и чем мой отец, не военный, не врач, не юрист, мог выручить совсем молодого парня? Он же в Министерстве связи и коммуникаций работал!
– Могу уйти, если так удобнее, – сказал отец. Посмотрел на гостя, на меня.
– Как решит Максим, – ответил гость.
У меня не хватило духу просить отца уйти.
– Всего несколько вопросов, – сказал я. – Ничего особенного…
Гость опять улыбнулся.
– Кто хотел уничтожить Гнездо? – спросил я.
– То есть мы не будем делать вид, что я не понимаю вопросов, – одобрил гость. – Хорошо. Это не Инсеки. После разговора с призванным они попросили установить наблюдение за Гнездами.
– Не охрану?
– Не думаю, что это в наших силах без ввода войск в Москву. Напали не Инсеки, но все остальные варианты возможны.
– Кто или что это было?
– Нестандартная мутация. Использовался тот же тип мутагенов, но другого состава. Упреждая вопрос – это не случайная мутация, пошедшая по неправильному пути. Существо было создано специально.
– Возможно новое нападение?
– Исходя из просьбы установить наблюдение, более чем возможно.
Я кивнул. Что-то пока ничего нового я не узнал.
«Думай системно», – сказала мне сегодня Милана. А я опять задаю конкретные вопросы, словно рассчитываю получить ответ на блюдечке. Такого ответа, похоже, просто не существует.
Гость с любопытством смотрел на меня. Отец налил ему и себе еще по чуть-чуть.

Что мне важно узнать, раз уж я получаю ответы от действительно информированного источника?
Откуда явились Инсеки и Продавцы?
Чушь. С Марса, с альфы Центавра, из Магелланова Облака, из иного измерения. Всё одинаково далеко.
Зачем они разрушили Луну?
Не важно. Любят кольца вокруг планет, хотят извести нашу мойву.
Что им нужно?
Теплее. Но слишком расплывчато. На неконкретные вопросы могут быть лишь неконкретные ответы.
Зачем Инсеки запретили интернет?
Надоело смотреть на фотки котиков и кривляния в «Тик-Токе». Или боятся, что при коллективном общении люди легче раскроют их тайны. Тоже не важно…
– А он думает, – сказал гость одобрительно. – Молодец какой. Знаешь, может, и хорошо, что нам интернет прикрыли. Молодежь стала больше думать, а не ругаться друг с другом… и революционные чатики создавать.
Умный дядька. Правду он сказал или нет, но, кажется, только что намекнул мне, за что благодарен отцу.
– Зачем Инсеки создали Гнезда?
Врасплох я его этим вопросом не застал. Но он едва заметно поморщился, как человек, который не хотел слышать этого вопроса. Не потому, что не знал ответа, а потому, что прямо ответить не мог.
– В гуманных целях, конечно же, – сказал он, глядя мне в глаза. – Для спасения больных и умирающих. Одно лишь Гнездо в Минкульте каждый год спасает от смерти больше сотни детей.
Я открыл и закрыл рот. Кивнул. Спросил:
– Продавцы – это иной вид пришельцев?
– Да.
– У них какие-то свои цели?
– Да.
– Зачем им кристаллы?
– Им они не нужны.
– Но кому-то нужны?
– Факт.
Это походило на пинг-понг. Он даже отвечал с каждым разом все быстрее.
– Что такое кристаллы?
– Органические соединения.
– Откуда они берутся?
– Иногда их вырабатывают люди.
– Это вредно людям?
– Ничуть.
Так, я опять не туда пошел. Думать системно…
– Инсеки или Продавцы – угроза человечеству?
– Не прямая.
– А прямая угроза есть?
– Да, – гость выпил. Посмотрел на отца. – Денис Михайлович, замечательный виски, сын ваш умный парень, и так приятно было увидеться. Но спешу, работа. Три коротких вопроса, три коротких ответа.
Три вопроса.
Что можно спросить?
Про Инсеков, Продавцов, Измененных?
Или…
– Вам начальство позволило со мной говорить?
Он дернул головой, блеснув очками:
– Да.
– Вы хотите, чтобы я… что-то сделал?
– Да.
– Мне будут помогать?
– Нет, – гость встал. Положил руку отцу на плечо: – Хороший у тебя парень растет. Удачи ему.
Я словно бы исчез для него. Превратился в «хорошего парня», которому было сказано всё возможное.

Отец проводил его до дверей, они о чем-то еще негромко поговорили. Потом звякнул замок, отец вернулся. Недоуменно посмотрел на меня.
– А три последних вопроса были так важны?
– Конечно, – ответил я. – Очень. Если ему позволили говорить со мной, то есть надежда, что всё сказанное – правда. На самом деле он ведь ждал этого вопроса, ты заметил? Одно дело – бывший начальник, или кто ты там ему был… а другое – разрешение сверху. Потом он дал понять, что я не должен сидеть и ждать у моря погоды, а должен что-то делать. Что со мной случится, ему не особо важно, я без иллюзий, но раз уж они разрешают, значит, у меня есть шанс что-то изменить.
– Ну а третий вопрос? Неужели ты рассчитывал на какую-то помощь?
– Нет. Он сказал, что не будут помогать, – разъяснил я. – Но это значило совсем другое – что не будут мешать. Я все-таки решил до конца прояснить.
Отец покачал головой. Кажется, с одобрением. Спросил:
– Плесну себе еще?
– Конечно. Да забирай все, я же не пью эту гадость.
– Но ты не узнал ничего нового про пришельцев и Гнезда, – сказал отец с сожалением. – А ты ведь хотел поговорить именно об этом.
– О нет, папа, – я улыбнулся. – Как раз узнал. На самом деле всё было на поверхности, но люди смотрят на то, что есть. А надо смотреть на то, чего нет.
– Не понимаю, – признался отец.
Но я не стал разъяснять.
А он не стал расспрашивать. По-моему, его задело за живое, что в таком коротком разговоре он не заметил главного. И теперь папа станет прокручивать всё сказанное в голове, пытаясь понять.
Я тоже собирался этим заняться.
– Береги себя, – сказал папа. – И… задавай вопросы, если что.
Когда отец ушел, я снял с телефона трубку и нажал две клавиши. На маленьком черно-белом экране высветился длинный номер. Я постоял, глядя на него.
У меня отличная память на числа. Вот всякие стихи, цитаты трудно запоминаю. А даты и номера – хорошо.

Глава третья

Встал я рано, за окнами еще было совсем темно и падали последние капли дождя. Ночные ливни в нынешней Москве – дело обычное. Я включил чайник, бросил вариться пару яиц – если уж день предстоит напряженный, то надо позавтракать нормально, а не рационом из Комка.
А я чувствовал, что денек выдастся интересный.
Потом я достал из маленького сейфа в хозяйском кабинете (он был вмурован в стену, и прежние жильцы любезно оставили его пустым и открытым) свой запас кристаллов. Тут были не только красные и оранжевые (хорошей чистоты и формы), из любопытства я сохранял и красивую мелочь. Вот обычный вайкр, но редкой кубической формы – интересно, сколько за него дадут? Проверим…
Я погрел их в ладони, потом с сожалением выбрал красную гексоктаэдрическую рэдку, шедевр моей коллекции – очень уж долго храню, сколько ни согревай – скоро начнет оплывать, оранжевый орик в форме семигранной призмы, великолепный синий дисковый блюк, ну и фиолетовый кубический вайкр.
С таким набором можно банкет устроить. С черной икрой и копченой мойвой.
Всю эту красоту я добавил в пакетик к кристаллам попроще, спрятал в карман джинсов и пошел завтракать.
Наши, человеческие, власти вмешиваться в происходящее не будут. Это мне вчера прямо дали понять, да я и раньше не сомневался. Ничего иного ожидать не приходилось. Задача властей – ну, кроме как заботиться о собственной выгоде – еще и поддерживать жизнеспособность страны. Охранять порядок, пытаться восстановить сельское хозяйство, которое из-за климатических изменений сильно пострадало, промышленность развивать – в тех сферах, где Инсеки не запретили. Одно лишь уничтожение ядерной энергетики и гибель большинства спутников связи и наблюдения – головная боль на десятки лет вперед. Есть еще толпы людей, которые вместо работы предпочитают искать кристаллы и жить с того. Есть международные конфликты, потому что всякие малоразвитые страны с энтузиазмом принялись сводить давние счеты между собой и внутри себя – бывшим сверхдержавам стало не до них. Кризис

классических религий, возникновение новых… Где во всем этом место для Гнезд и незначительного числа их обитателей? Да нигде. Может быть, даже власти по всему миру выдохнули с облегчением, когда отпала нужда лицемерить и тратить немалые ресурсы на спасение больных детей. Кто туда попал – из поля зрения властей выпадает. Инсеки явно дали понять, что Гнезда должны жить своей жизнью, сами по себе. И это всех устраивает.
Инсеки тоже не вмешаются. Но не потому, что им все равно; мне показалось, что происшествие их сильно задело. Как ни странно, больше всего походило на то, что у них нет возможности самим расследовать случившееся, обезопасить Гнезда и найти виновных в нападении. Вроде и неслыханная мощь… и полнейшая беспомощность в этом вопросе. Но если вдуматься: часто ли они вмешивались в земные дела? Уничтожение ядерного оружия и энергетики – это раз. Вакцина от всех вирусов – два. Создание Гнезд – три. Больше ничего явного я припомнить не мог. Представительства? Это скорее для выпуска пара. Комки? Непонятно, сколько тут их инициативы. Продавцы? Им нужны только кристаллы. Мне вообще кажется, что Измененных они обслуживают с меньшим интересом, чем обычных людей. Видимо, те и впрямь платят не кристаллами, а какой-то иной, менее ценной валютой.
Значит, Гнезда беззащитны перед новым ударом.
Вот здесь и надо искать союзников.
У меня было одно очень важное преимущество перед всеми людьми на Земле.
Я этот самый, мать его так, Избранный!
Чозен Уан.
Не потому, что у меня в крови медихлорианы, мои яйца из криптонита или я еще чем-то отличаюсь от других.
Дарина выбрала меня от безысходности, ну и желая прикрыть от полиции. Но выбор был сделан, Гнездо призвало меня. Я сразился с монстром и убил его. И пусть Призыв отозван, печать снята – сделанное не отменишь.
Я один из немногих людей, кого Измененные призывали на помощь.
Может быть, даже единственный, оставшийся после этого в живых.
Повод ли это для других Гнезд рассматривать меня как союзника?
Я очень надеялся, что да.
Во всяком случае, люди вокруг считают так. Поэтому Лихачев и не забрал «корочку», а вовсе не потому, что я такой красавец и умница. Поэтому вежливые ребята из ФСБ дотошно меня расспросили, изъяли чудо-патроны, но не стали ни запугивать, ни вербовать, ни даже отбирать пистолет. Поэтому вчера пришел безымянный человек со Старой площади… вовсе не из благодарности отцу.
Оказанные услуги чего-то стоят, лишь если ты рассчитываешь на новые.
Может быть, так решат и другие Измененные?
Я слопал яйца и пару тостов, выпил две кружки сладкого чая. Застегнул кобуру. Выстиранная ветровка была немного мятой, но ничего, на теле отвисится…
Входная дверь содрогнулась от тяжелого удара.
На мгновение я застыл, глядя вдоль коридора на легкое облачко пыли, расходящееся от двери. Нет, сама дверь устояла – хорошая стальная дверь, поставленная лет тридцать назад. И рама с заведенными в бетон металлическими штырями выдержала. Пыль шла от дверной обивки и посыпавшейся штукатурки.
Я сразу вспомнил, как тварь в Гнезде пыталась выбить дверь из инопланетного сплава. Нет, пожалуй, моя бы не устояла перед таким монстром.
Еще один удар. Дверь опять вздрогнула, но выдержала.
Кто бы там ни был, сейчас весь дом проснется!
Сейчас же родители проснутся. Испугаются за меня. Кинутся вниз по лестнице…
Я сделал шаг к двери, нашаривая пистолет. Если там монстр, то ничего я с ним не сделаю, обычными-то пулями. Даже если он видимый. Я ведь не ускорен Гнездом, не прикрыт им от ударов…
В дверь ударили еще раз, но на этот раз гораздо слабее.
И я услышал шепот, идущий изнутри головы.
«Оставайся дома…»
Вот это походило на монстра в Гнезде. Точно такие же слова-картинки. Только не громкие и разборчивые, а бормотание на краю сознания.
«Живи…»
Еще один удар, совсем слабый. И тишина.
Что на меня нашло – сам не знаю. То ли затихающая сила ударов. То ли невнятность слов.
Будь тварь сильнее, она бы ворвалась и убила меня.

А она лишь хотела напугать.
Задвижку заело, но я рванул ее изо всех сил, провернул замок, распахнул дверь, держа пистолет перед собой.
На площадке никого не было, а вот с лестницы доносился топот ног.
Ломившаяся ко мне тварь убегала!
Я кинулся вслед, не раздумывая, пытаясь если не догнать, то хотя бы увидеть. На мгновение мне показалось, что я заметил быструю тень, в прыжке оттолкнувшуюся от стены и кубарем понесшуюся вниз. Но когда я сбежал со ступеней, подъездная дверь была распахнута, а в переулке никого не оказалось.
Опустив ствол, я несколько секунд бдительно оглядывал окрестности, пока не обнаружил, что стою в луже от ночного дождя. Спрятал пистолет, вошел и прикрыл дверь.
Посмотрел на консьержа.
Тот сидел на полу, прислонившись к стене, и потирал голову. Глянул на меня и сказал:
– Ну и дружки у тебя… Максим.
– У меня?
Он встал, крякнув и придерживаясь за стену.
– Покурить собрался… а этот у дверей терся. Парень в плаще, капюшон на лицо надвинут, худой… – Он замялся. – Угловатый какой-то, будто ломаный. И словно горбатый. Но высокий! Шмыг в подъезд, я его за плечо, он сказал: «К Максиму»…
– Виктор Андреевич, а он точно это сказал? – уточнил я.
Консьерж задумался.
– Сказал… странно как-то… но я точно слышал! Я его держу, а он вдруг мне в лоб… кастет у него, гаденыша, что ли… ну и дружок…
– Да какой он мне дружок? – сказал я. – Таких друзей… сами знаете, за что – и в музей.
Хулиганье мелкое. Петарды у меня под дверью взорвал.
– А! – Андреич кивнул. – То-то я слышал грохот… Кто это?
– Знать бы… – пробормотал я. – Вы как, живой? Сотрясения нет?
Консьерж вяло пожал плечами. Сказал:
– Ты свидетель, я пытался задержать.
Я понял, о чем он беспокоится. Успокоил:
– Да к вам никаких претензий. Я разузнаю, кто хулиганил. Вы сядьте лучше.
– Наверное, под наркотой… – размышлял вслух Андреич. – Потому такой дерганый и сильный.
Его явно терзало, что какой-то странный парень так легко его вырубил. Я, конечно, мог объяснить, что он попытался остановить монстра в начальной фазе изменения, а тот даже без силовых полей и невидимости способен был любого ушатать.
Но, боюсь, тогда пришлось бы искать нового консьержа.
– Ты в одних носках, – заметил Андреич.
– Да, выскочил по запарке, – признался я. – Пойду обуюсь.
Я вернулся домой, сменил промокшие носки и обулся.
Потом уже вышел из дома.
Но вначале мне пришлось успокоить выбежавших родителей. Получилось не очень, если честно.

Если жницы сохраняют индивидуальность, то у стражей она стирается. Я смотрел на двух Измененных у входа в Раменское Гнездо и пытался понять, они ли стояли тут в мой прошлый визит.
Кажется, всё-таки другие.
А еще за их спинами маячила старшая стража. Ростом она была такая же, под два метра, но куда шире в груди. Лицо как маска, кожа твердая, чешуйчатая. И глаза прикрыты прозрачными внешними веками.
Никогда раньше не видел, чтобы старшие стражи дежурили у входа в Гнездо.
Я терпеливо ждал хранителя. Тучи сегодня разошлись, солнце грело вовсю, земля парила. Зеленели деревья в парке. Интересно, Измененные совсем не выходят погулять? Даже куколки и жницы?
Наконец-то появилась хранитель.
– Здравствуйте, – сказал я вежливо. – Как ваши дела?
Хранитель изучающе смотрела на меня. Потом спросила:
– Тебя не тревожит Гнездо?
Я покачал головой:
– Нет. Совершенно.
– А в прошлый раз?

– Было очень неприятно, – признался я.
– Любопытно, – заметила хранитель. – Необычно.
– Знаете, что я думаю? – спросил я. – До Призыва я ощущал беспокойство, проходя мимо любого Гнезда. После Призыва мое Гнездо стало приятно… звучать. Зато ваше меня будто отталкивало. А когда Призыв сняли – всё вообще отключилось.
Хранитель сказала:
– Да. Это интересное наблюдение. Я слушаю тебя, Максим.
– Вы знаете, что я убил нападавшего?
Кивок.
– Еще я поговорил с Инсеками.
Вот теперь она слегка забеспокоилась, но опять промолчала.
– Инсеки попросили людей наблюдать за Гнездами. Мне кажется, они опасаются, что атака повторится. Вас ведь тоже это тревожит?
– Почему ты так решил?
– Вы увеличили охрану. Но не думаю, что она справится с новым монстром.
– Если он будет.
– Он уже есть, – сказал я. – Сегодня пытался выбить дверь в мою квартиру. Говорил, чтобы я никуда не ходил. Пока он слаб, когда я вышел – убежал. Но это ведь вопрос времени, правда?
– Я не знаю. Почему нас это должно волновать? Твое Гнездо было объектом атаки.
– А вдруг вы следующие?
– Мы ни с кем не воюем.
– Так и Гнездниковское не воевало, – сказал я наугад. – Дело же не в этом. Мы-то знаем, верно?
Хранитель молчала, пялилась на меня белыми слепыми глазами.
– У меня есть опыт, – сказал я. – Помогите мне уничтожить того, кто посылает монстров. Это ведь в интересах всех Измененных.
Если честно, тут крылось самое слабое место в моих планах. Пусть Гнезда между собой и не воюют, ну так они и в дружбе особой не замечены. А что, если им безразлично или в радость уничтожение чужого Гнезда?
– Чего ты хочешь? Какой помощи?
– Информации, хотя бы догадок о том, кто враг.
– Если с врагом не можем справиться мы, ты на что рассчитываешь?
– Я справлялся. Когда был призван. – Я даже не запнулся, когда продолжил: – Призовите меня.
Одна из стражей едва заметно повернула голову и посмотрела на меня. Старшая стража зашевелилась, переступила с ноги на ногу и снова замерла. Надо же! Я сумел удивить Измененных.
– Есть две причины, по которым я этого не сделаю, – ответила хранитель. – Первая – это равносильно объявлению войны. Вторая – Гнездо не может призвать того, кто уже призывался другим Гнездом.
Я с досадой взмахнул рукой.
– Ты сильно огорчен, – сказала хранитель. – Быть может, тебе так нравится секс с Измененными? Я могу попросить жницу…
Наверное, по моему лицу всё было понятно – она замолчала. Сказала:
– Не хотела тебя обидеть. Мы дружественны к людям и переживаем за человечество. Ты вызываешь во мне симпатию, я желала помочь.
– Желаешь помочь – так помоги! Кто посылает монстров?
– Не мы, не Инсеки, не Продавцы. У всех есть свои интересы, уничтожение Гнезд никому не нужно.
– Но это и не люди…
– Не люди, – согласилась хранитель.
– Да я всё давно уже понял, – сказал я. – Чего тут понимать-то. Кто-то еще прилетел! Пытается нас захватить, верно?
Хранитель медленно покачала головой.
– Никто не прилетал после Продавцов, Максим.
Я понял сразу. Будто меня молнией пронзило.
– Они… давно уже тут? Инсеки прилетели на Землю, когда здесь уже кто-то был? Да? Так? И те, кто был раньше, – пакостят?
Хранитель молчала.
– Нет, для пакостей как-то мелко, – пробормотал я. – Дело не в этом… Тут уж я не ошибаюсь, я умею считать. Сколько вас в Гнезде? Всех, от куколок до матери?
Я не ждал каких-то чисел, но хранитель ответила:

– В Гнезде две тысячи триста шесть Измененных.
– Ясно, – сказал я. – Примерно так и думал. А сколько умирающих вы принимаете в год?
Вот теперь она промолчала.
– Важно не то, что есть, а то, чего нет… – сказал я. – То, чего ты не видишь… К вам привозят не меньше тысячи детей в год. Я, прежде чем пришел, поговорил с дорожной полицией. Знаете, когда есть удостоверение консультанта отдела «Экс»… им хочется выговориться. Работа скучная, народ не любит ездить мимо Гнезда… но «скорая» приезжает каждую ночь. Иногда и две. Ваше Гнездо самое старое в Москве. Тут должно быть тысяч десять Измененных… где они, хранитель? Где ваши братья и сестры? Что вы с ними делаете?
– Не лезь в наши дела, человек, – сказала хранитель.
И я вдруг услышал в ее голосе эмоции. Боль, тоску, бессилие.
Может быть, я случайно пробудил в ней человеческие чувства, сказав то, о чем хранитель сама не хотела думать. А может быть, чувства всегда в ней были – с того момента, когда она (или он?) получила свою первую порцию мутагена.
Просто спрятанные от всех, чтобы было легче жить.
– Хоть чем-то помогите, – сказал я. – Потому что я все равно полезу в ваши дела. Вы не Инсеки, вы – люди!
– Мы – не люди! – резко сказала хранитель.
Пробил я ее, разозлил!
– Все мы – люди!
Стражи заворочались, глядя на хранителя. Я подумал, что, если она сейчас прикажет, мне отвесят такого пинка, что я до метро докачусь.
– Чего ты хочешь?
– Справиться с монстром.
– Человек не сможет. Измененный тоже не сможет.
– Хоть что-то! Шанс!
Хранитель опустила руку к бедру. Комбинезон разошелся под ее пальцами, она что-то медленно вытащила – и протянула мне. Сказала:
– Это твой шанс.
На ее ладони лежал узкий, будто пенал, термос. Она сняла крышку – внутри была прозрачная пластиковая ампула. В ней перекатывалась горошина маслянистой фиолетовой жидкости.
– Надо ввести в кровь, – сказала хранитель. – Вероятно, это тебя убьет. Но ты получишь несколько минут.
– Что это? – спросил я растерянно.
Я ожидал чего-то иного. Неощутимой «печати» или, может быть, футуристического пистолета, стреляющего смертоносными лучами.
– Концентрат мутагена первой фазы.
– То, что вы вводите умирающим детям?
– Мы вводим инициирующую дозу. Здесь в пятьдесят раз больше.
Меня передернуло, по коже мороз прошел.
– Если не будешь вводить, то не бери. Это большая ценность.
Я спрятал «пенал» в карман. Спросил:
– Как-то особо с ним обращаться?
– Не нагревай сильно.
– Куда колоть-то?
– Лучше в вену или артерию.
– Спиртиком протереть и шприцем уколоть? – Я попытался усмехнуться.
– Спиртом можешь пренебречь, – сказала хранитель. – В твоем случае это не важно.
– Ага, – сказал я. Меня потряхивало, будто я уже вводил себе этот чудовищный допинг. – И что произойдет? Я превращусь в Измененного?
– Взрослый человек не может измениться. Впрочем, никто не пытался ввести концентрат.
– А ведь ты не постоянно с ним ходишь, – сказал я. – Значит, допускала, что понадобится. Надеялась, что я тебя уговорю. Ты – человек.
– Мы не люди, – повторила хранитель. – Но мы помним, что были людьми. И делаем для человечества больше, чем ты можешь себе представить.
Она развернулась и побрела назад – странное существо непонятного пола, от силы моих лет, с жуткими белыми глазами и со спрятанными под этой ледяной внешностью человеческими чувствами.
Я получил то, чего требовал.

Но радостно мне от этого не было.

Глава четвертая

Возле метро «Мичуринский проспект» тоже есть Комок – он упал на здание Почты России. Острословы говорят, что с запозданием на неделю относительно всех остальных Комков…
А еще он, хотя это чистая случайность, от метро выглядит как большой утюг. Даже что-то вроде ручки есть.
И как после этого местные называют Комок? При таких шикарных вариантах? Баклажан!
Ну с какой стати-то? Он даже не фиолетовый!
Иногда мне кажется, что главная человеческая черта – это делать всё наперекор здравому смыслу.
Я не пошел в метро сразу, а дошагал до Комка. В глубине души я понимал, почему пошел именно туда – не хотел приближаться к нашему Гнезду.
Тут было людно: на улице стояло что-то вроде очереди, в основном из молодежи. Пять парней-серчеров, две девушки, два мелких пацана, сжимавших в ладошках найденные, наверное, даже без очков, кристаллики. Был и пожилой, хмурый и важный серчер, даже у Комка не снявший дорогие зеркалки. И суетливая немолодая тетка, такие обычно кристаллы получают от детей или внуков. А еще смуглый с хищным взглядом парень – я бы предположил, что это мелкий торговец наркотой. Скорее всего, так и было, торговал смесями за кристаллики. Опять же странно, в Комке можно получить все что угодно, хоть мешок героина, только кристаллы неси. Но некоторые, очевидно, предпочитали дилеров на стороне.
Очередь шла быстро. Никто не мешал всем набиться в Комок, но тут, видно, было принято ждать снаружи. В каждой избушке свои погремушки, в каждом монастыре свои уставы…
Ушли поодиночке парни-серчеры, вдвоем вошли и вышли из Комка девушки. Выбежали довольные пацаны, выдирая друг у друга из рук простенькие очки-зеркалки, – молодцы, накопили. Пожилой серчер отсутствовал дольше всех, тетка вышла быстро – со здоровенными сумками. Закупилась хорошими продуктами?
Восточный парень тоже вышел почти сразу, улыбаясь при этом так радостно и дружелюбно, что я устыдился своих мыслей. Может, никакой он не наркоторговец. Может, маме лекарство купил или девушке подарок…
За мной уже собралась новая маленькая очередь, когда я вошел в Комок. Ну, тут всё обычно. Помещение неправильной формы, потолок светится, воздух прохладный и свежий. Часть зала отгорожена занавесом, за стойкой Продавец, закутанный в несколько слоев одежды.
– Эй, чел, извини, спешу ужасно… – За мной в Комок влез парнишка лет семнадцати. – Мне быстро, а? Без обид, братка!
Я пожал плечами. Я не то чтобы сильно спешил, а серчер серчеру брат и товарищ.
Парень просочился мимо меня к прилавку и вывалил на стойку горстку рэдок.
Ого!
Нет, рэдки были паршивые, я даже от дверей видел. Мелкие, бесформенные, тусклые. Но явно красные.
Накопил?
Да нет, похоже, напал на жилу. Изредка такое бывает.
– Качество так себе, – сказал парень Продавцу самокритично. – Но красные, чистый огонь. И свежачок.
Я даже подумал, что передо мной юный авантюрист, притащивший Продавцу обточенные стеклышки или выращенные дома кристаллы. Хромовый ангидрид, гексацианоферрат, просто соль и сахар с акварельными красителями – всё идет в дело.
Продавцы даже не сердятся на таких, просто объясняют, что это не подходит. Такое ощущение, что они заранее считают людей идиотами, словно какие-нибудь конкистадоры, которым индеец вместо золотого самородка принес желтый початок кукурузы.
Но Продавец кристаллы взял. Тихо что-то обсудил и ушел за товаром.
– Поздравляю, удачный поиск, – сказал я.
Парень снисходительно кивнул. Вся его вежливость, едва я его пропустил, растворилась бесследно.

– Да, ниче так…
Я подавил раздражение. Кристаллы у него были дерьмовые.
Продавец вынес большой пакет, вручил серчеру, тот вышел, кивнув мне на прощание.
Я выложил на прилавок рэдку.
– Хороший экземпляр, – сказал Продавец. – Что желаете?
– Патроны для макарова. Особые. Способные убить Измененных.
– Есть разные типы патронов, – ответил он без удивления. – Вам какие?
Черт. И впрямь, с чего я взял, что те чудесные боеприпасы – единственные в своем роде?
– Тогда извините, – я потянулся за кристаллом. – Я покупал в Комке на Леонтьевском…
– Ничего страшного, я узнаю, что именно вам продали, – Продавец скрылся за шторой.
Некоторые считали, что все Продавцы связаны между собой телепатической или еще какой-то связью. За это говорили одинаковые цены и очень сходная внешность. Другие даже считали их единым организмом.
Видимо, ошибались.
Продавец вернулся минут через пять. Очередь небось уже ворчит.
– Я дам вам два магазина к пистолету, – сказал Продавец. – Это даже более эффективные патроны.
– Не хотел бы рисковать, – с сожалением ответил я. – Те патроны работали, а насчет этих…
– И в подарок – точно такие, как вы покупали. – Продавец достал из своих одежд третий магазин.
Да я богач!
Можно идти на войну!
– Но вы убедитесь, что мой товар лучше, – заговорщицки понизил голос Продавец. – Не поленитесь в следующий раз заглянуть сюда.
О как! Они конкурируют.
– Может быть, у вас найдется какое-то оружие? – спросил я. – Необычное… неземное.
– Нет, – резко ответил он. – Нет, нет, нет. Это запрещено строжайше. Никто не продаст.
Взгляд его при этом не отрывался от пакетика с кристаллами. Он явно углядел и красивый орик, и редкий блюк.
– Может быть, что-то другое? – предположил я. – У меня неплохие кристаллы.
– Покажите синий.
Он долго изучал блюк. Я знал, что его зацепило, – не цвет, не чистота, не размер. Диск – очень необычная форма для любого кристалла, а уж для синего…
– Я бы хотел получить этот, – сказал Продавец.
– Предложите мне что-нибудь. Удивите меня!
Продавец размышлял.
– Даже информация может быть хорошей платой, – закинул я удочку.
– Нет, это еще более запретно, – сказал Продавец с сожалением. – Я могу продать лишь то, что существует на Земле или уже предлагалось людям…
– Инсеками? Или… другими?
Продавец поднял голову, помолчал. Потом сказал:
– О! Я знаю, что вам нужно. Но потребуется некоторое время.
– Подожду.
– Полчаса.
Я вышел из Комка и предложил сердитым покупателям проходить. Нашел поблизости кафе. Выпил кофе и съел бутерброд, размышляя, не стоило ли забрать блюк с собой. Да ну на фиг, Продавцы не обманывали…
Потом вернулся и вновь встал в очередь.
Продавец меня ждал. На прилавке лежал металлический термос – побольше того, что я получил от хранителя.
– Мутаген? – удивился я.
– Не совсем. – Продавец на миг задумался. – Это то, что вы бы очень хотели иметь. Но я не могу объяснить, что именно вам продаю. Устроит такая сделка?
Я покрутил пальцем у виска.
– Если бы вы знали, что я предлагаю, то не сомневались бы ни секунды, – сказал Продавец. – Большего сказать не могу.
– Добавьте какой-нибудь рюкзачок, – попросил я. – Не в руках же тащить.
Видимо, мои слова были сочтены наглостью, потому что рюкзачок оказался детским, розового цвета и с блескучей аппликацией: играющие котята.

Но термос туда легко поместился, и я с невозмутимым видом взял рюкзачок за лямки. На спину мне он, конечно же, не налез бы.

Милана пришла под вечер. Я даже не до конца верил, что она придет, – заканчивал замазывать трещину в штукатурке вокруг двери. Работы было немного, но хотелось сделать всё аккуратно, чтобы и следов не осталось.
– Я в ужасе. Ты еще и мастер на все руки, – сказала она, остановившись у открытой двери. – А стиральные машины чинить умеешь?
– Нет, – признался я, приглаживая шов шпателем.
– Что случилось? – Она заметила вмятины на двери и нахмурилась.
– Кто-то ломился утром. Так что… у меня может быть опасно.
Она молча вошла и бросила сумку у дверей. Сумка была объемистая.
– Я уже подруге сказала, что меня не будет несколько дней. Она своего позвала… если вернусь, то это будет еще опаснее.
Подойдя сзади, Милана обняла меня. Спросила:
– Это… как в Гнезде было? Монстр?
– Не в полной силе, – я не стал врать. – Просто пугал. Велел сидеть дома… в общем, чтобы не лез в их дела.
– Кошмар. По центру Москвы ходит монстр, – Милана нервно рассмеялась. И сразу посерьезнела: – А ты что?
– Купил патроны в Комке.
– Я боюсь. За тебя боюсь.
– Не надо, – я потерся подбородком о ее ладонь.
– Ай! Не царапайся. Лучше побрейся.
– Всё будет хорошо, – сказал я. – Наверное.
Милана прикрыла дверь. Посмотрела на результаты моей работы. Нахмурилась:
– Если хочешь, я покрашу. Только лучше всю стену вокруг двери, тогда совсем следов не будет… Максим, ты собираешься пойти в Гнездо?
– Монстр снова к ним придет, – сказал я. – Как-то обидно, понимаешь? Не люблю оставлять дела недоделанными.
Милана вздохнула.
– Почему я не встретила тебя осенью?
– А почему именно осенью?
– Ну… я в конце сентября познакомилась со своим…
– Злобным карликом.
– Злобным, косым, кривоногим… – Она вздохнула. – Зимой я бы с тобой вообще не стала встречаться. Не глянула бы даже. Я была вся счастливая.
– Что, приходил мириться? – спросил я.
– Угу. Раскаивался, извинялся, бил себя в грудь. Говорил, что он старый дурак.
– Сдается мне, этот злобный карлик не так прост, – сказал я.
– Он преподает у нас. Но он молодой еще совсем. Выше тебя на полголовы, любит горные лыжи и ныряет с аквалангом.
– Блондин?
– Нет, с этим не сложилось. Брюнет. И еще курит. Но говорит, что в качестве самонаказания бросит.
– Что ты ему сказала?
– Что подумаю, – тихо ответила Милана.
Я молчал, стоял, не оглядываясь. Потом отложил шпатель, отряхнул руки и спросил:
– А мне-то зачем рассказываешь?
– Чтобы, если ты решишь меня бросить, не переживал впустую. Я же вижу, ты такой… – Она замялась.
– Прямой? – предположил я.
– Нет, – она вдруг рассмеялась. – Наоборот. Круглый. Как спасательный круг. Считаешь, что если за тебя уцепились, то надо держать. Это хорошо, потому что редко бывает. Но меня держать не обязательно. Я не утону. Когда надо было – я вцепилась, ты удержал.
– Я тоже вцепился, и ты удержала, – сказал я. Повернулся, обнял ее. Мы постояли, не целуясь, а просто обнимая друг друга.
– Можно, я пару дней всё-таки у тебя поживу? – спросила Милана.
– Конечно. Сколько хочешь.
– Нет, сколько хочу нельзя. Тогда я останусь. И мы оба будем мучиться.
Я кивнул.
– Пойду побреюсь.

Я побрился. И принял душ. Причем не запирая дверь. Ну вот такой я человек, да. Но Милана, конечно, не зашла. Когда я вышел, она готовила ужин, взяв за основу пищевой рацион из Комка, но добавив в кашу тушенки.
– Знаешь, я кое-что выяснил, – сказал я, садясь за стол. – Не знаю, пригодится ли тебе, но лучше такие вещи знать… Инсеки и Продавцы – не единственные пришельцы на Земле.
Она нахмурилась.
– И самое интересное, что эти, третьи, они у нас давно. Еще до Перемены. Ты понимаешь, что это значит?
Милана аккуратно нарезала маленькую горбушку хлеба. Кивнула:
– Догадываюсь. Всякие фрики непрерывно это говорили, но кто же их слушал… Земля и раньше была оккупированной планетой?
– Типа того, – я невесело рассмеялся. – Инсеки нас не завоевывали. Они нас взяли с боем. Как трофей.
– Зачем?
– Во-первых, кристаллы. Не знаю, зачем они им, но это явно ценная вещь. А во-вторых… в Гнездах должно быть гораздо больше Измененных, чем есть. На порядок больше.
Милана села напротив. Поморщилась.
– Гадость какая… Господи, какая мерзость! Так мы не спасаем больных детей. Мы их продаем!
– Вроде того.
Обхватив себя за плечи, Милана согнулась над столом. Уставилась в тарелку.
– Что они с ними делают?
– Не знаю. Едят, трахают, устраивают гладиаторские бои! Не знаю.
– Куколок, что ли? – с ужасом спросила она.
– Не знаю. Может, жниц или стражей. Может, там и нет ничего плохого, может, они их как домашних любимцев держат. Или вообще считают, что Измененные – лучшая часть человечества, и переселяют их в другие миры. А нас, злых и импульсивных, оставили доживать свое на Земле.
Милана чуть успокоилась. Спросила:
– А ты мог бы точно выяснить?
– Вряд ли, просто мне намекнули… ну я и посчитал примерное количество. Даже если часть Измененных умирает в процессе мутации, все равно… Но никто ничего не говорит.
Мы молча принялись есть.
– Знать бы точно… – сказала Милана с горечью. – Если там что-то плохое, то надо ведь рассказать.
– Кому? Власти знают, будь уверена.
– И что?
– А что? Ничего. Кто и что может сделать?
– Никто и ничего, – согласилась Милана. – Слушай… если в Москве одиннадцать Гнезд… по России их больше сотни… в мире тысяч пять-шесть, наверное…
Она снова замолчала.
– Несколько миллионов Измененных в год по всей Земле, – сказал я. – Тоже прикинул на пальцах. Не зная среднего размера Гнезд, сказать трудно. В Азии и Африке вообще беда. Там, говорят, родители здоровых детей тащат в Гнезда. Ну, если прокормить трудно. А некоторые считают это удачной судьбой для ребенка, даже богатые люди.
– Ведь раньше такого не было, – сказала Милана. – До Перемены.
– Гнезд?
– Ну да. Если ты говоришь, что есть какая-то третья сила, еще какие-то пришельцы, которые были на Земле… так они нас защищали, выходит? И если они еще тут, если их найти…
– Ты же сама меня научила, – сказал я. – Смотри не на то, что видно, а на то, чего нет. Гнезд на Земле раньше не было?
– Не было…
– А люди пропадали. И дети, и взрослые. Очень часто – бесследно. Знаешь, сколько?
Она молчала.
– Если отбросить обычные несчастные случаи, маньяков, побеги, ложные слухи, найденных или вернувшихся… Только по развитым странам выйдет миллион в год. Но, скорее, больше. А по странам третьего мира толком и не посчитаешь.
– Максим… – тихо сказала Милана. – Вот теперь мне страшно.

– Мне тоже, – честно ответил я.
Странно, когда случилась Перемена, я это принял довольно спокойно. Даже нашел повод порадоваться, когда по телевизору показывали упавшие ракеты – разбившиеся, разбросавшие в стороны не радиоактивный плутоний, а обычный свинец. Это же здорово, что ядерная война закончилась, не начавшись?
Мир радикально изменился, и то, каким он был до Перемены, перестало меня интересовать. Я его словно забыл, выбросил из головы вместе с детскими играми. Только чатики было жалко, и что в «Доту» с «Фортнайтом» больше не поиграешь.
А теперь я понял, что мир ничуть не изменился.
Просто то, что раньше было скрыто, беззастенчиво выставили на самом виду.
Но люди те же бараны. Если нас режут чуть в стороне от пастбища, то всем плевать.
– Как теперь можно жить? – спросила Милана. – Я не знаю, Максим…
– Милана, тебе двадцать пять…
– Двадцать четыре.
– Все равно. Как я понимаю, и раньше-то в основном исчезали те, кто моложе.
Я прям почувствовал, что она сейчас хочет сказать. Что-то вроде того, что дело не только в ней. Что никогда не заведет детей, раз уж мир устроен так. И что человечеству лучше вымереть, если всё это правда. Но она промолчала.
А самое ужасное, я прекрасно понимал, что мы не вымрем. Даже если завтра Инсеки объявят, что будут забирать для своих кулинарных нужд каждого второго ребенка. Просто люди начнут делить детей на тех, что для себя, и тех, что для пришельцев…
В дверь позвонили. Милана тревожно посмотрела на меня.
– Я очень популярен в последнее время, – сказал я. – Красивые поклонницы, мудрые ученые, преданные последователи… Это родители, наверное.
Оставив Милану за столом, я пошел к двери. Открыл, не глядя в глазок. Как-то мне было все равно, кто там.
За дверью оказалась Наська.
– О, – сказал я растерянно. – Привет.
– Привет, – мрачно ответила куколка. Она была в цветастом платье и выглядела почти нормально. Ну, если бы еще кеды сменила на туфли и причесалась…
– Ты одна?
– Ну да. А ты один?
Я замялся.
– Ясно-понятно, – Наська вошла и сразу заглянула в коридор, ведущий на кухню. Увидела Милану и помахала рукой. – Привет! Я ненадолго!
Милана подошла, с интересом глядя на нее. Ну да, про куколку я ничего не говорил. А по ней особо и не скажешь, что она Измененная.
– Меня зовут Милана.
– Меня – Анастасия, – вежливо сказала Наська. – Очень приятно. Я сестра Максима.
– Да? – Милана с удивлением поглядела на меня.
– Она фантазирует, – сказал я. – Она вечно фантазирует. Наська – сестра… моей знакомой девушки из Гнезда. Жницы.
Наська посмотрела на меня неодобрительно. И сказала:
– Ну да. И ее сестра тоже.
– Но ты не можешь одновременно быть сестрой Максиму и его… девушке, – сказала Милана. – Тогда получится, что его девушка – его же сестра.
– Римских императоров это не смущало, – заявила Наська. – Но тут все иначе. Я сводная сестра им обоим. У папы Максима был роман с мамой Дарины. Родилась я. Так что я ему сводная сестра по папе. И Дарине сводная сестра по маме. А Максим и Дарина друг другу не родственники.
Она сердито зыркнула на меня и добавила:
– Они друг другу никто!
– Ты за словом в карман не полезешь, – признала Милана.
– У меня и карманов-то нет, – Наська развела подол платья, присела в полупоклоне. Нравились ей все эти книксены. – Максим, у тебя наш контейнер. Из Комка.
– А… да, – я взял из угла контейнер. Тот был тяжеленный. – Ты не донесешь, я помогу.
– Не надо, я переложу ампулы. Пакет найдешь?
Я достал розовый рюкзачок, вынул из него два своих термоса – полученный у раменского хранителя и купленный в Комке. Наська уставилась на них со жгучим любопытством, но ничего не спросила. Что-то недовольно бормоча, открыла большой контейнер и стала запихивать в рюкзачок свои пять термосов.
Те влезли едва-едва.
– Шикарный рюкзак, – сказала Наська, цепляя его на спину.

– Погоди, помогу, – я закрепил ей лямки. – Забирай себе. Я такие уже не ношу, вышли из моды.
– Ты специально для меня взял? – спросила она подозрительно.
– Нет.
– Тогда заберу.
Я вздохнул.
– Наська, ты-то что на меня злишься? Дарина меня выставила. Побоялась запрета Инсеков. Что мне оставалось…
Наська развернулась, уставилась на меня. Потом посмотрела на Милану.
– Мужики все туповаты, – сказала Милана. – Даже самые лучшие.
– А это лучший? – спросила Наська.
– Поверь, один из.
– Дурак ты, Максим, – Наська ткнула меня кулачком в бок и вышла. До нас донеслось: – Сама ему объясняй!
Я уставился на Милану. Та покачала головой. Сказала:
– Твоя Измененная жница выперла тебя, чтобы спасти. Она не за себя боялась. За тебя.

Глава пятая

Я лег в спальне, а Милане постелил на диване в гостиной. Мы это как-то не сговариваясь решили.
Точно так же, не сговариваясь, мы столкнулись через полчаса в темноте, в дверях.
И занимались любовью молча, не включая свет и не произнося ни слова.
Только потом, когда мы лежали, легко касаясь обнаженных тел, Милана сказала:
– Мне было страшно, а теперь нет. Ты настоящий друг. Но можно ли заниматься сексом с друзьями?
– У нас в компании один парень продвигал эту идею, – сказал я.
– И? – заинтересовалась Милана.
– Потом он перешел от абстрактной теории к конкретным предложениям – и огрёб. Теперь у него другие друзья.
Милана тихо рассмеялась.
– А в нашем случае?
Я подумал.
– Это скоро будет не важно.
– Ты не знаешь, справишься ли?
– Да.
– Максим, ты уверен, что должен идти?
Я не ответил.
– А если позвать друзей?
– Я уже думал. И знаешь, что понял? У меня много приятелей. А друзей нет. Кроме тебя, как ни странно. Но тебя я не возьму. И будь еще настоящие друзья, не позвал бы. Ничем они не помогут, без шансов.
– Но так нельзя! Надо что-то придумать.
– У меня есть какой-то мутаген. Из Раменского Гнезда. Он очень резкий и, наверное, даст шансы.
Я не стал уточнять детали.
– А ты не превратишься в Измененного?
– Взрослые не мутируют.
Милана рывком села на кровати. Я не видел, но чувствовал, что она возмущенно покачала головой.
– Нет, это всё ерунда. Ты же говоришь, монстр убил кучу народа?
– Он всех убил, – признался я. – Кроме Дарины и Анастасии. Вот почему я должен идти.
– И когда ты хочешь идти? – спросила она.
– Я даже этого не знаю. Сегодня монстр был… недоделанный. Его видели, он еще на человека походил. И дверь выбить не смог. Вряд ли он этой ночью будет в форме, а вот следующей – возможно. Через ночь уж точно. Или вообще днем придет… Хотя вряд ли. В зеркальных очках его видно, каждый серчер на пути завопит от ужаса. Проще идти ночью. Темно и народа мало, за полночь улицы пустеют.
– А его уже не спутать с человеком?
– Нет. Руки-ноги длинные. И их шесть.

– Фу…
Милана замолчала.
– Ты и так мне помогла своим «системным подходом», – сказал я. – «Смотри на то, чего нет, а не на то, что есть».
– Да я так, сдуру ляпнула… Хотела выглядеть поумнее.
– Хорошо получилось. Я стал думать о том, чего нет, и многое понял.
– То, чего нет… – Милана помолчала. – А ведь в этом что-то есть.
– В том, чего нет, – засмеялся я.
– Именно! Чего у нас нет? Нет известного времени, когда на Гнездо нападут. И твоя… подруга, – она запнулась едва заметно, – тебя не впустит сторожить. Я бы точно не впустила.
– Да, но что хорошего, если мы не знаем время?
– Ты говоришь, что враг был невидим. И он уже нападал, никто его по пути не заметил.
– Ну да…
– И монстра еще нет. Он не возникает мгновенно из обычного человека. Он где-то живет, прячется.
– Мы не знаем, где…
– Да, но мы знаем, что это недалеко и от Гнезда, и от твоего дома. Иначе риск, что заметят по пути, слишком велик.
Я тоже сел на кровати, обнял Милану. Сказал:
– А ведь ты права!
Даже не знаю, что меня больше обрадовало, – то, что отпала необходимость как-то подкарауливать тварь возле Гнезда, или что появилась возможность самому напасть на нее – вдали от Гнезда.
Скорей уж второе.
К тому же, если есть шанс подловить монстра не в момент его полной силы, а пока он не завершил Изменение, – это может здорово помочь.
Я взял часы. Не было еще и полуночи, время детское.
– Выспаться сегодня не получится, – сказал я.
– Да? – заинтересовалась Милана.
– Да, но по другой причине. Собирайся. Идем в гости в хорошую компанию.

Серчеры толпой не работают. Пробовали раньше ходить цепью, но это хорошо в поле или в горах, а в городе по большей части неудобно. И выглядит довольно глупо. Еще случается, что двое или трое видят один кристалл одновременно, начинается спор, доходит до ругани и драк… кому это надо.
Но при всем этом есть районы, в которых промышляешь, в чужих специально искать кристаллы не принято. Есть границы, где-то четкие, где-то не очень. Скажем, за Тверской я вообще очки не надену, за Новым Арбатом или Брюсовым переулком – тоже. Но если занесет в Алтуфьево, то я и за рэдкой не нагнусь, даже если без очков ее увижу.
Прибьют.
Всяких случайных собирашек вроде бомжей или бабулек не принято трогать. А вот молодежь свои районы добычи знает. Если возникают споры, то решаем аккуратно. Два года назад была серьезная стычка возле Третьяковки, так кончилось появлением полиции, разгоном с дубинками и для самых активных – несколькими сроками, хорошо хоть условными. Внезапно оказалось, что в полиции всё про всех знают, кто и где верховодит – в курсе, и для каждого найдется повод присесть и подумать о жизни.
У нас район между Поварской и Большой Никитской, границы четкие, народа здесь живет не так уж много, но и лут не так часто встречается, воевать не за что. Есть старшие, которые решают общие дела. Не за деньги, за уважение.
Есть и места, где собираются серчеры. Понятно, что не в ресторане Дома литераторов, он как был еще до Перемены дорогим и пафосным, так и остался.
Мы с Миланой вышли из подъезда (я отметил, что у Андреича, сидящего с мрачным видом, появилась новая дубинка – куда увесистее прежней), обогнули дом. Кафе было совсем рядом, на Никитской, через дорогу от церкви, народ там сидел далеко за полночь. Официально оно называлось как-то скучно, но вот уже много лет на вывеске горел красный неоновый кристалл и называли кафе «Рэдка» даже те, кто лутом не промышлял.
Я тут появлялся нечасто. Не нравится мне бухать, а всё рано или поздно к этому сводится, даже если начинается с зеленого жасминового чая. Но раз-два в месяц заходил: послушать сплетни, поздороваться… в общем – не отрываться от коллектива.

Как обычно, большая часть посетителей сидела снаружи, под зонтиками. Зимой тоже здесь сидят, только ставят тепловые пушки, но с марта месяца они не нужны.
В этот час народ был почти весь свой. Я увидел десяток знакомых лиц, обошел столики, здороваясь. На Милану смотрели с любопытством – она девушка приметная. Тот, кто мне был нужен, сидел за столиком один.
– Привет, Макс. – Виталий Антонович даже привстал, когда мы подошли. Вряд ли из уважения ко мне, скорее его заинтересовала Милана. Наш неформальный лидер не был женат, а вот подруг менял регулярно. – Здравствуйте…
– Милана.
Мы присели за столик, я попросил у официантки, молодой киргизки, чайник чая; Милана, слегка поколебавшись, заказала бокал вина.
– Давно не показывался, – сказал Виталий Антонович. – Хорошо, что заглянул, я уж собирался проведать.
– Недели две назад заходил, – ответил я. – Знаете же, я скучный интроверт.
Виталий Антонович сам со всеми был на «ты», но к нему обращались на «вы» и по имени-отчеству. То ли из-за возраста, то ли из-за поведения. И обращение «старший» к нему прилипло намертво.
Вот только зачем ему меня «проведывать»? На улице мы на днях виделись, он знает, что я в порядке…
– Да, тебе далеко идти, – старший улыбнулся. Сам он жил на Пресне, на кристаллы более богатой, и вообще никак не относился к нашему району, но вот ведь странно: работал в наших краях.
– Дела, – сказал я.
– Наслышан, – старший блеснул очками. – У тебя чудесная спутница. А то говорили… всякое.
Вот откуда он знает?
– Всё верно говорили, – сказала Милана. – Максим – мой друг.
Всё недосказанное повисло между нами в воздухе.
И я вдруг понял, что напускать тумана не стану. Виталий Антонович мне не был другом, да и вообще друзей как таковых не имел. Как и я, впрочем. Он в нашей тусовке скорее занимал место старшего товарища или даже брата.
Но подстав и лишней болтовни от него никто не получал. И конфликты он хорошо разруливал.
– Я влип в сложную историю, – сказал я. – Оказался в Гнезде после того, как на него напали.
– Слышал даже, что кто-то был призван, – заметил старший.
– Это был я.
– Но Призыв сняли? – Он явно заинтересовался.
– Сняли.
– Хорошо. А кто нападал?
– Какое-то монстрическое чудище. Измененный… но особый.
– Много жертв? – спросил старший. С каким-то напряжением в голосе.
Я не стал врать.
– Практически все, Виталий Антонович. Две девчонки уцелели, потому что их не было в Гнезде. Жница и куколка.
Он будто окаменел. Сидел, глядя на меня сквозь очки с дорогущими тонкими стеклами (когда снимал, то так щурился, что было понятно – из обычного стекла линзы были бы в сантиметр толщиной). Сидел и молчал.
– Старший… – Я покосился по сторонам. Все были заняты своими делами – болтали, пили, курили. Возле одного стола, подсвечивая ярким фонариком, трое серчеров изучали кристалл, шумно споря о его ценности. – Что случилось?
– Извини, – он вдруг снял очки, быстрым движением протер глаза. Глаза у него были абсолютно сухие, поэтому я поверил. Притворялся бы, так подпустил бы слезы. – Макс, ты ответил честно, и я объясню. Но между нами.
Я кивнул, Милана тоже.
– У меня в этом Гнезде был сын, – сказал он. – Стража.
Я не нашелся, что ответить. Лишь подумал, что теперь понятно, почему Виталий Антонович тусуется в нашем районе.
Нам принесли чай и вино, и это была передышка. Старший заговорил лишь после того, как официантка ушла.
– Молодые, дурные, тут еще Перемена, всё вверх дном… Я был скорее против, но жена настояла. Казалось, что это всем облегчение.
– Он болел? – тихо спросила Милана.

– Даун, – ответил Виталий Антонович. Без всяких эвфемизмов. – Тяжелая форма. Изменение убирает даже генетические болезни. Человек словно пересобирается заново. Мы были уверены, что это поможет и ему, и нам… но развелись через месяц. Не смогли друг на друга смотреть.
– А сын…
– Стал стражей. Вначале куколкой, но очень быстро прошел этот этап. Я его видел, когда он был нормальным ребенком, первая фаза лечит всё. А потом он стал стражей, и я больше не приходил к Гнезду. На самом деле никто ведь не приходит. Но я знал, что он живой.
– Он точно остался в Гнезде? – спросил я, и Виталий Антонович коротко, цепко взглянул на меня:
– А, так вы уже додумались и до этого? Да. Он обычно стоял у входа. Куколки развиваются очень интенсивно, но он потерял первые годы жизни и куколкой был недолго… так что и стражей не самой умной стал. Такие обычно охраняют Гнездо. Стоять и не пускать.
Я подумал о том, что среди двоих, умерших в вестибюле, один походил на юношу. Ну так это, возможно, был сын Виталия Антоновича? Не юноша на самом деле, а мальчик. Вырвавшийся ненадолго из лап своей болезни, но не успевший даже побыть ребенком, превратившийся в боевой механизм и погибший.
Говорить про это я не стал.
– Мне очень жаль, – сказал я.
Старший кивнул:
– Спасибо. Лучше уж знать наверняка… Но ты ведь выбрался из своей берлоги не для того, чтобы рассказать мне про свои приключения?
– Я хотел попросить помощи, – сказал я, чем заслужил новый взгляд – удивленный.
И стал рассказывать как можно короче и проще: про утренний визит ко мне второго Измененного, про нашу с Миланой мысль, что недоразвитый монстр скрывается где-то неподалеку…
– Ты бы сразу рассказал, – вздохнул старший, выслушав. – Может, эта тварь уже вылезла из укрытия.
– Как сообразили, так и пришли, – почему-то обиделся я. – Милана на мысль навела.
– Хороший у тебя друг… – небрежно сказал старший. – Но лучше было бы раньше…
– Вряд ли это существо уже изменилось.
– Нам неизвестна скорость мутационных процессов. С точки зрения классической биологии это вообще нереальный процесс, – он побарабанил пальцами по столу. – Я полагаю, эти мутагены – вообще не биологической природы. Что-то вроде наноботов, которые переделывают живого человека… Ладно, понял задачу. Попытаться найти укрытие. Где-то недалеко от Минкульта… и от твоего дома. Дальше что?
– Я пойду и попытаюсь убить эту тварь, – сказал я. – У меня есть патроны. Особые.
– Нужна команда, – сказал Виталий Антонович. – И это не твой чудесный друг Милана. Уж извините, но я хренов сексист и пускать девушек на передовую считаю неправильным.
– А я трезво себя оцениваю, – сказала Милана. – Готова стоять в сторонке с бинтами и визжать. Или бегать кругами и визжать. Но сражаться с монстрами не умею.
Виталий Антонович улыбнулся. Окинул взглядом кафе. Вздохнул:
– Пацаны…
Мне вдруг стало обидно. Я указал взглядом на пьющего у стойки пиво серчера.
– Вон тот «пацан» отслужил в ВДВ.
– И что? – спросил Виталий Антонович. – Даже будь это прежняя армия, даже побывай Павел в горячих точках… Ну его на фиг, умирать-то в двадцать с небольшим зачем?
– Это мое дело, – уперся я.
– Твое, твое, – ласково сказал Виталий Антонович. – Я же с тобой не спорю? Ты имеешь право рискнуть. Они – нет. А по детскому авантюризму вполне способны с тобой пойти… Сколько у тебя патронов?
– Три магазина для макарова.
– Пистолет есть?
– Даже разрешенный.
– Иди спать, Макс, – старший махнул рукой, и к нему, как-то почти мгновенно, подошла официантка. – Айгуль, детка, принеси мне телефон?
Официантка кивнула, пошла к стойке.
– Я никого звать не хочу, – повторил я. – Мне бы только локализовать точку.
– Уже занимаюсь, – Виталий Антонович ухмыльнулся. – А я имею право с тобой пойти? Как считаешь?

Я замялся. Сказал:
– Тот монстр уже сдох.
– Спасибо. Но он же не по своей воле в Гнездо пришел? Есть кто-то, направляющий их. Я бы хотел его увидеть.
– Полиция нам помогать не станет.
Официантка принесла трубку радиотелефона. Старший положил ее перед собой, но звонить не спешил. Сказал:
– Ясное дело, Макс. Отдел «Экс» регулирует мелкие проблемы, гоняет сумасшедших и ловит самодеятельных террористов. На большее у них полномочий нет, чего бы там Лихачев не мнил себе.
– Знаете его?
– Конечно. Он ведь и с серчерами работает. Когда-то был большой шишкой, отдел «Экс» для него – почетная ссылка. Нет, полиция не поможет.
Я смирился.
Тем более что идти вдвоем будет куда легче.
– Спасибо, Виталий Антонович. Мне позвонить вам?
– Сам позвоню, как что-то нарою.
Он запустил руку во внутренний карман пиджака, достал и разложил бумажную карту центра Москвы. Потом достал фломастер, поставил крестики на моем доме (я не удивился, что он помнит мой адрес) и Гнезде. Задумался. Потом помахал в воздухе рукой.
Вот не знаю, в чем была разница между двумя взмахами, – но в этот раз официантки даже не шевельнулись, продолжили болтать у стойки. А к нашему столику подтянулись и бывший десантник Паша, и трое ребят со своим кристалликом (Виталий Антонович мельком глянул на него и сказал: «Премиум»), и все остальные серчеры.
– Ребята, вопрос ко всем, – сказал старший негромко. – В понедельник, когда был инцидент в Гнезде, кто вечером работал в этом районе? Или хотя бы просто гулял?
Его палец скользил по карте, нарезая спираль вокруг Минкульта.
– Интересует, кто и в какое время был в какой точке в очках, не видел ли чего-то странного. Второй вопрос: то же самое, но ночью в среду, около часа. И последний. Сегодня рано утром кто-нибудь проходил у третьего дома по Медвежьему? Не наблюдал странного горбящегося долговязого парня с капюшоном на голове? Или что-либо необычное?
– Рано утром – это когда? – спросил Паша.
– Восьми не было, – подсказал я.
– Это ночь еще, – веско сказал Паша. – Я сплю.
Судя по взглядам и кивкам, это было общее мнение.
– Тогда сосредоточимся на понедельнике и среде, – решил Виталий Антонович. – Возьмите карту. Сделайте копии, в кафе есть сканер. И все хорошенько подумайте над своими экземплярами. Отмечайте точки и время, где находились, примерно с десяти вечера и до полуночи. Если что-то странное припомните – подойдите, расскажите.
– Вроде долговязого парня? – спросила Таня, одна из наших девчонок-серчеров.
Виталий Антонович глянул на меня, я ответил:
– Очень долговязого. Ну или если померещилась какая-то немыслимая хрень, вроде ожившего спецэффекта из кино – тоже.
Вопросов, как ни странно, больше не последовало. Только лица стали сосредоточеннее. У нас всё-таки неплохая компания.
Таня взяла карту и пошла в помещение кафе. Остальные разошлись по столикам, поглядывая на нас.
– Я-то в понедельник как раз к десяти подошел, – сказал Виталий Антонович. – Мы еще встретились, помнишь? И потом сидел тут часов до двух. Надо было тебе ко мне подойти… тоже мне, герой-одиночка.
– В ту ночь всё уже случилось, – сказал я старшему. – И… я ведь не знал, что у вас есть личные обстоятельства.
Он смолчал, только сжал зубы. Потом продолжил:
– А вот в среду ночью я как раз работал по району. С десяти и примерно до двух. К Гнезду не подходил, правда. Сейчас постараюсь точный маршрут нарисовать. Ну и позвоню кое-кому… Идите, отсыпайтесь. Дайте и мне поработать.
– Точно помощь не нужна? – спросил я.
– Вам с другом, – вот далась же ему эта ирония! – лучше отоспаться. Идите!
Мы с Миланой переглянулись.
– Девушка может остаться, – сказал Виталий Антонович, искоса глядя на меня и усмехаясь уголками губ. – Если хочет, конечно.

– Тьфу на вас, старший, – сказал я. – Пойдем, Милана?
И мы ушли.
Врать не стану, когда снимаешь с себя хотя бы часть забот, становится гораздо легче. Будто разделил тяжелый груз.

Глава шестая

Мы с Миланой легли спать вместе. Но – только спать. И утром она встала первой, тихо ушла умываться, оделась и принялась готовить завтрак. Спали мы допоздна, было уже одиннадцать. Я тоже умылся, вышел на кухню, сказал Милане «привет», но не прикоснулся к ней.
Что-то изменилось.
Я подумал, что наш вчерашний секс был последним. Поймал себя… нет, не на облегчении, которое бывает, когда расстаешься с подругой, потому что вам уже неинтересно вместе. На ощущении того, что всё правильно. И то, что было. И то, как стало.
Мы прошли какой-то этап наших отношений. Они кончились не потому, что мы неприятны друг другу, да они вообще не кончились, стали другими. Не лучше и не хуже.
Совсем другими.
Никогда всерьез не думал, что можно встречаться с девушкой, а потом остаться настоящими друзьями.
– В институт не идешь? – спросил я.
– Суббота сегодня.
Милана нашла у меня пакет гречки и сварила кашу. С молоком. Странно: какая-то детская еда, но мне понравилось.
– Если ваш главный найдет, где прячется монстр, я пойду с вами, – сказала Милана. – Но ждать буду в стороне. Не обидишься?
– Ничуть, – ответил я. – Но он не главный, у нас главных нет. Он – старший.
– Плохо то, что всё это полумеры, – сказала Милана. – Если на Земле есть другие пришельцы и они хотят разрушить Гнезда, то атаки продолжатся.
– Им важно именно это Гнездо, – твердо сказал я. – У меня есть догадки, но они такие… странные.
– Ну?
– То, чего в Гнезде не было, – пояснил я. – Накануне первого нападения должны были привезти трех детей. Но мать одной никак не могла решиться, их привезли позже. Может быть, кто-то из этих детей важен?
– Чем? – Милана нахмурилась.
– Мы думаем, что Измененным все равно, кто в кого превратится. А если нет? У кого-то потенциал только на жницу или стражу. У кого-то на монаха, у кого-то на мать. Дарина не может стать матерью Гнезда, а Наська может. Зато Дарина может быть хранителем. Это всё особые роли и особые мутации. С монстром на равных они тоже не способны сражаться, будто он специально против них создан… кстати, а ведь вполне возможно! А я смог, даже без мутаций, Гнездо как-то меня подстегнуло.
– То есть задача монстра и этих… партизан… уничтожить какого-то конкретного ребенка?
– Уже не ребенка, уже Измененного, – вздохнул я. – Ты спросишь, почему не в больнице, не дома? Не знаю. Может, не хотят втягивать людей. Может, боятся, что про них все узнают.
– Если бы мы знали, кто…
– И что бы сделали? Отдали его монстру? Дарина не пойдет на это.
– Они вроде как довольно холодно друг к другу относятся… – осторожно сказала Милана.
Я покачал головой:
– Нет. Они не показывают эмоций, но это как семья. С братьями-сестрами можешь и не обниматься при каждой встрече, но они свои.
Мы выпили чай, потом я достал пистолет и принялся его чистить. Милана с любопытством наблюдала, взяла и подержала в руках, но отказалась даже щелкнуть вхолостую спусковым крючком.

Кстати, пришлось ей объяснить, что «эта вот штучка» называется вовсе не «курком», а «спусковым крючком» или «спуском». Может, это только у серчеров на руках немало оружия, студенты – люди более законопослушные?
Потом мы сели над картой (я вчера тоже взял экземпляр) и попытались вычислить логово монстров.
Получалось так себе.
В Москве, конечно, много чего порушено, мы не Лондон или Париж. Но всё-таки в центре полно старых небольших зданий, в которых расположены мелкие конторы и магазины. Подвалы, чердаки, пристройки… Метро и прочие подземные помещения. Обычные квартиры, в конце концов. И улочек, переулков, тупиков хватает.
Чем больше я размышлял, тем призрачнее становилась надежда найти логово. И когда в дверь позвонили, я шестым чувством понял: это – старший. Но был уверен, что Виталий Антонович мрачно разведет руками: «всё впустую».
Однако в глазок я всё же глянул.
Это действительно был старший. Но не один. За ним толпились еще люди. Он что же: всё-таки сдал меня полиции?
Я открыл. Прятать мне нечего.
– Макс, мы войдем?
На полицейских его спутники никак не походили. Их было четверо, трое мужчин и женщина. Все в возрасте, Виталий Антонович среди них выглядел самым молодым. Один – так вообще дед, полтинник ему давно уж стукнул, а скорей, так семьдесят. Худой, небритый, седой и с залысинами. Другой – помоложе, покрепче, но тоже лет пятидесяти, по виду – какой-нибудь преподаватель или ученый, мускулатура не от тяжелой работы, сплошной фитнес, одежда дорогая, вид ухоженный. Вот третий – да, и по лицу, и по одежде, и по фигуре я бы его счел работягой. Причем таким, конкретным, – строителем, к примеру. Он был жилистый, чуть сутулый, словно много приходилось работать согнувшись. Четвертая – женщина, довольно красивая, высокая и сухопарая. Тут возраст не угадаешь – может, и пятьдесят, может, и шестьдесят. Всё зависит от того, как за собой следит.
– Ну входите, – согласился я.
У всех, включая Виталия Антоновича, были с собой дорожные сумки. Даже у женщины. И это наводило на определенные мысли. Сумки они осторожно поставили в прихожей – видно было, что те тяжелые.
– Чай будете? – спросил я, показывая, что ничуть не удивлен. – У меня есть черный, хороший. И зеленый двух сортов.
– Спасибо, ребятки, – сказала женщина. Пожала мне руку по-мужски. Ногти были ухоженные, очень короткие, пальцы сильные. Профессиональная ладонь, кем же она работает? – Меня зовут Елена. Давайте помогу с чаем. Чай – это хорошо.
Они с Миланой прошли на кухню. Я вопросительно посмотрел на старшего.
– Есть зацепка, – сказал он. Мужики топтались в прихожей, видимо, тоже были смущены ситуацией. – А у тебя роскошное обиталище, Макс.
– Извините, а можно… в сортир? – спросил худой старик.
Я указал, куда.
– Простатит, все время бегаю, – пояснил он беззаботно.
– Вот прямо нам всем это до хрена как интересно, – буркнул «преподаватель». – Я – Юра. Временно покинувший нас друг – Боря.
– Ну тогда я – Вася, – согласился «строитель». – Хотя обычно Василий Семенович. Но давайте попросту.
Я снова посмотрел на старшего.
– Я Виталий, – усмехнулся он. – Ладно, всё понял. Макс, это мои… товарищи. По группе взаимной поддержки.
До меня не сразу дошло.
– У нас у всех дети в Гнездах, – пояснил Юра. – В других, правда. Дети, внуки…
– Обычно такие, как мы, стараются всё забыть. И друг с другом не встречаются, – продолжил Вася. – Но исключения всегда есть.
Из туалета вернулся Боря. Называть его по имени даже мысленно было как-то странно, но он жизнерадостно сообщил:
– Звукоизоляции никакой, надеюсь, мое робкое журчание вам не мешало… Да, зовите меня Боря, юноша. У меня внуку шестнадцать, он меня зовет «деда Боря».
– Тогда я тоже так буду, – сказал я. – Хорошо, деда Боря?
– Заметано, – согласился он. – Да, есть такая небольшая компания мазохистов, которые отдали своих детей на Изменение и любят об этом поплакаться.

– Мы пойдем вместе, – сказал Виталий Антонович. – Честно говоря, у меня было искушение пойти без тебя.
Он вздохнул.
– Но это нечестно – раз. У тебя есть опыт – два. И ты нам расскажешь про патроны – три.
– У меня три магазина для макарова. У кого ПМ?
Деда Боря и Вася подняли руки.
– Я поделюсь, – сказал я. – Все равно не думаю, что будет время на перезарядку. И знаете… Я не против, что вы пойдете.
– Вот это правильно, – одобрил Юра. – Начинаю верить в нашу молодежь.
Мы прошли на кухню. С трудом, но расселись вокруг стола, только Виталий Антонович остался стоять. Милана с Еленой разливали чай, обсуждая, что сделать «пожевать» для «мужиков».
Как женщины ухитряются так быстро найти общий язык, если оказываются на кухне?
– Карта, прекрасно, – сказал старший. И очертил пальцем прямоугольник. – Было понятно, что монстр скрывается вот здесь.
– Почему? – спросил я.
– Сразу ограничил район Тверской, Садовым и Новым Арбатом, – продолжал старший. – Слишком большие улицы, слишком людно. Никакой монстр не перебежит незамеченным, даже невидимый…
Юра крякнул.
– Я верю Максу, – сказал Виталий Антонович. – Если он говорит, что монстр был невидим, так оно и есть.
– Законы физики… – начал Юра.
– Не позволяют за несколько часов размолотить Луну в щебень и обмотать вокруг Земли кольцом, – ответил старший. – Монстр невидим. Точка. Итак, три улицы. Ну и Моховая с востока. Конечно, монстру в Кремле самое место…
– Вот не надо политики, – поморщился Вася.
– Это не политика. Я исключительно о пространстве, помещениях, подземных укрытиях. Но там ФСО, я в них верю, – старший улыбнулся. – Да, кстати, по той же причине убираем все правительственные объекты, МВД, посольства и консульства. Не слишком это комфортные места для монстров. Убираем музеи и театры, которых вокруг до фига. Убираем элитное жилье, с охраной и камерами. Сейчас, конечно, не старые времена, но всё-таки в центре видеонаблюдение наличествует… Школы убираем.
– В школах и не такие чудища водятся, – сказал Юра. Вроде как пошутил. Но без улыбки.
– Пожалей монстра. Итак, если убрать всё вышеперечисленное… а также рестораны и кафе, где много людей… то подозрение падает на медицинские учреждения.
– Почему? – спросила Елена. – Я как доктор интересуюсь.
– Изменение – сложный процесс. Надо не просто ввести мутаген, но и контролировать ситуацию, следить за состоянием пациента. Нужна аппаратура. Разумно?
– Разумно, – согласилась Елена. – Но я таким не занимаюсь, честно. Если кому-то надо желчный пузырь вырезать – обращайтесь.
Виталий Антонович вежливо кивнул:
– Непременно. Итак, я выбрал все клиники. Сосредоточился на частных, небольших, специализирующихся на косметической хирургии. Их тут тоже несколько… Никто из наших ничего подозрительного не видел, поэтому с утра я принялся обзванивать их.
– Спрашивать, не выращивают ли они монстров? – спросил Вася.
– Пошел от обратного. Просил записать на прием. Объяснял, что хочу капитально заняться внешностью, пересадить себе волосы, подтянуть кожу…
– Волос тебе можно добавить, – крякнул деда Боря. – Если приживутся, то и я схожу.
– Везде мне назначили прием. Прямо на это утро. Видимо, не слишком-то много нынче клиентов.
– Кроме одной клиники? – понял я.
– Да. Маленькая клиника в Трехпрудном переулке. Открылась полгода назад, у них и клиентуры сформироваться не могло. Но «всё расписано на неделю вперед»! Предложили записать меня на первое апреля, – Виталий Антонович помолчал, потом закончил, ткнув пальцем в точку на карте: – А называется она «Де мутацио».
– Как-то совсем уж… нагло, – сказала Елена. – «Изменение» на латыни.
– Оно и по-русски понятно, – нахмурился деда Боря. – Но я соглашусь, Виталий. Прямо так, в лоб? Беззастенчиво?

– Если мы всё понимаем правильно, то это логово прежних хозяев Земли, – сказал Виталий Антонович. – А они наглые. Да, молодежь и сама догадалась, не переглядывайтесь.
– Вы знаете, кто они такие? – заинтересовалась Милана.
– Рептилоиды, – Виталий Антонович вздохнул. – Нет, конечно. Не знаем. Мы их называем «рептилоидами», но это так, дань традиции. Мы лишь очень сильно подозреваем, что они существуют и паразитировали на людях до Перемены. А сейчас либо ограничены Инсеками в правах, либо вообще большей частью изгнаны.
Удивительное дело.
Мне всегда казалось, что я понимаю, как устроен мир. И наш старший казался мне ушлым, но просто чуть более осведомленным человеком. А потом полог тайны слегка отдернули, и я обалдел от того, что за ним. Подумал, что стал хранителем каких-то уникальных знаний.
Оказалось же, что есть люди – самые обычные, не спецслужбы и не ученые, которые давно всё это знают, обсуждают, готовятся…
– Виталий Антонович, ты с утра сумел всех вызвонить? – спросил я, впервые переходя с ним на «ты». – И все были уже готовы? Сорвались, приехали… с полными сумками оружия?
Виталий Антонович и Юра переглянулись. Похоже, они были тут самыми авторитетными.
– Макс, мы давно на эту тему говорим. Давно решили, что, если будет шанс что-то узнать… как-то помочь нашим детям… или отомстить за них… – Виталий Антонович развел руками. – Есть еще Гриша, но он не в Москве сейчас. Еще двое не дождались.
– Мы, молодые люди, когда-то сделали ошибку, – сказала Елена. – Нет, наверное, не ошибку… но попали в ситуацию, когда, спасая своих детей или внуков, решились на то, что хуже смерти.
Понятно. Да, по возрасту вряд ли она могла отдать в Гнездо ребенка, скорей уж внука или внучку. Сейчас я понимал, что, несмотря на ухоженный вид и крепкую фигуру, ей совсем-совсем не сорок и даже не пятьдесят.
– Так что мы давно ко всему готовы, – подтвердил деда Боря. – Мы спрашиваем, слушаем, собираем сплетни. Это трудно, потому что нет интернета. Но мы роемся в старых базах данных, расспрашиваем людей, ищем контакты среди осведомленных…
– Очень осторожно ищем, – сказал Юра. – Потому что Рустем, я уверен, доискался…
Они на миг замолчали, как обычно бывает, если упоминается покойник.
– Да, и я хочу тебя попросить, юноша, – продолжил деда Боря. – Позволь нам самим попробовать всё сделать. Будет куда полезнее, если вдруг мы не справимся, чтобы кто-то продолжил…
Я покачал головой.
– Говорил же, бесполезно, – сказал Виталий Антонович. – Не лезьте к парню, у него тоже личные причины.
Деда Боря вздохнул:
– Тогда рассказывай. Ты видел монстра и ухитрился победить. Как? Что он из себя представлял?
Перевернув карту, я взял фломастер и стал набрасывать рисунок.
Художник из меня никакой, это я понимаю. Но тут важно было показать общий вид монстра.
– Шесть конечностей, – объяснял я. – Он ходил и на двух, и на всех шести… ну, когда на меня кинулся. Увидел я его, только когда надел зеркалки. Но потом, кстати, он стал видимым. То ли из-за ранений, то ли перестал эту свою невидимость поддерживать…
– Крупный? – спросил Виталий Антонович.
– Очень. Тело на человеческое похоже. Он был голым, но… в общем не понять, мужчина или женщина. Всё везде ровно, как у куклы. Кожа… ну, вроде как человеческая, не чешуя и не хитин. Все конечности очень длинные, несоразмерно. Суставы крупные, как шары. А может, это ноги-руки были такие тонкие? Знаете, да! Конечности тоньше, чем ожидаешь, поэтому и суставы такие.
– Количество суставов? – спросил деда Боря.
– Нормальное. Ну… колени-локти… голеностопы-кисть… Да, точно, обычное количество.
– Значит, не слендермен, – сказал деда Боря. – Палочник? А, Вит?
– Возможно, – согласился тот.
– Башка крупная и вся мохнатая… – продолжил я по инерции. Остановился и спросил: – Вы что, встречали разных монстров?

– Откуда бы, – деда Боря смутился. – Это фольклор. Понимаешь, когда мы заподозрили, что на Земле давно живут какие-то чужие твари, то стали изучать городские легенды, сказки, мифы…
– Тосты… – тем же тоном подхватил Юра. – Шучу. Не морочьте Максу голову. Всё это чушь! Рычун из Морозовской больницы, великан из Даева переулка… Рассказывай, Макс.
– Ну… – Я собрался с мыслями. – Глаза прикрыты прозрачными… веками? Или колпаками? Первым выстрелом я попал в голову, ему кровь туда натекла. Между глазом и этой оболочкой.
– Он был вооружен? – деловито спросил Юра.
– И да, и нет. В лапах ничего не было. Ладони, кстати, здоровенные… странные такие. На ногах тоже то ли ступни, то ли ладони… Но вот верхними конечностями он бил на расстоянии. Меня отбросил, если бы не Гнездо – я расшибся бы насмерть. В металлическую дверь колотил, сминал…
– Какую дверь?
– В Гнезде есть «защищенная зона», туда проход закрыт дверью из серо-голубого сплава.
Мужчины переглянулись.
– Ладно, не о том речь, – решил Юра. – Значит, наносит удары на расстоянии?
– Да, причем и удары, и разрезы. Вспарывает всё.
– Скорее всего, силовое поле, – сказал Юра. – Может генерировать широкий поток или тонкий луч… Парень, как ты справился?
– Я же говорю – был призван! – ответил я. – Вы чувствуете Гнездо, подходя к нему?
Юра кивнул:
– Дискомфорт.
– Я тоже. Раньше… А когда был призван, то наоборот. Словно манящая сила. Как… как музыка! Гнездо могло на меня влиять. Ускорило… я двигался так быстро, что у меня кости в ногах ломались. Ну и патроны. Я купил в Комке, спросил боеприпасы против Измененных. Не знаю, что в них особенного, на вид обычный патрон, обычная пуля. Но после нескольких попаданий монстр сдох.
– Давайте говорить «умер», Максим, – попросила Елена. – Не забываем, что это был человек. И вряд ли он мечтал о такой судьбе.
Я неловко кивнул и замолчал.
– Значит, они могут изменять и взрослых? – спросил Юра. – Монстр не походил на ребенка?
Я подумал, что старшие стражи тоже на детей ничуть не походят, уж про монаха и не говорю. Но потом вспомнил мысленные голоса… и у твари в Гнезде, и у приходившей ко мне. Не было в этих голосах ничего детского.
– Не походил. Мне кажется, это был взрослый. А почему вы так уверены, что это Измененный, а не сам пришелец?
– Они, гады, лично драться не любят, – мрачно сказал деда Боря. – Они все больше чужими руками. Такие вот у нас ощущения на основании анализа мифов… и тостов, если угодно.
– Вы уверены, что хотите идти? – спросил я.
– Я уверен, что идти мы должны немедленно, – сказал Виталий Антонович. – Пока приходившая к тебе особь не обзавелась невидимостью и силовым полем.
Я подумал, что мы уже могли опоздать. Но вслух этого не сказал.
– Только позвольте, я посещу туалет? – попросил деда Боря. – Я быстро. Нам и так хватит поводов обмочить штаны.

Глава седьмая

В сторону клиники сразу пошли Милана, Василий Семенович и деда Боря – я отдал им два магазина к ПМ. А сам с остальными двинулся к Комку.
День стоял сырой и прохладный, небо затягивала облачная дымка, сквозь которую просвечивало кольцо. На улицах было довольно людно. Кто-то шел в магазины, кто-то просто гулял. И машин ездило довольно много, ну, не так, как в моем детстве, но всё же.
Странно, что в Москве не прижились велосипеды. С машинами-то всё понятно, добыча нефти после Перемены резко упала, цены на бензин взлетели, удовольствие стало слишком дорогим. Но вот почему люди массово не пересели на двухколесный

транспорт? Азия и раньше была забита велосипедами и электроскутерами, сейчас это вообще основное средство передвижения. У нас, хоть климат и потеплел, снег лежит максимум две-три недели в году, люди предпочитают ходить пешком. Метро? Ну так станции далеко друг от друга, Москва не Лондон и не Париж.
Но для нас в этом был плюс – с тяжелыми сумками на велосипедах не слишком удобно.
В Комке мы выстояли короткую очередь. Два серчера сдавали мелкий лут, синие и фиолетовые кристаллики. Мужчина средних лет покупал костюм. Вот что надо иметь в голове, чтобы выложить два орика и три елки за обычный деловой костюм, пусть и от «Бриони»?
Мы подошли все вместе – Виталий Антонович, Юрий, Елена и я. Продавец уставился на нас с любопытством, но первым разговор не начинал.
– Моим друзьям нужны такие же патроны, как те, что я покупал, – сказал я.
– Как те, что покупали у меня или у конкурента? – с явственной обидой уточнил Продавец.
– Ну… какие мощнее, – неловко сказал я. Надо же! Конкуренция! Борьба за клиента!
– Для какого оружия?
– «Абакан», – сказал Виталий Антонович. – Два магазина.
У меня было подозрение, что в сумках не пистолеты. И все же я напрягся. Легальным автомат быть не мог, гражданскому не разрешат. За незарегистрированный пистолет светил серьезный штраф, а вот за автоматическое оружие можно было и реальный срок получить.
Что там у Юрия? Гранатомет?
– Бенелли-полтинник, двенадцатый калибр, – сказал Юрий, и я чуть успокоился. Помповое ружье – это законно. – Двадцати патронов хватит.
– Планируете маленькую войну? – осведомился Продавец. – А даме?
Я был уверен, что сейчас услышу название какого-нибудь экзотического пистолета. Или автомата, чего уж мелочиться.
– Даме тоже патроны двенадцатого калибра, – сказала Елена. – Дайте десяток с дробью, дама не воинственна.
– Вам нужна дробь от Измененных? – уточнил Продавец. Кажется, Елена его озадачила.
– Найдется такая?
– Посмотрим, – решил Продавец и удалился за занавес.
Елена повернулась ко мне:
– В моем возрасте поздно учиться палить из автомата. А на охоту я с папой ходила, – взгляд у нее слегка затуманился. – Он был большой любитель… однажды медведя взял. Без меня, врать не буду.
– У вас охотничье ружье? – уточнил я.
– Обрез, – сказала Елена. – Сама стволы пилила! Знаете, хирурги с пилами умеют обращаться.
Час от часу не легче.
Обрез – это тоже реальный срок.
Интересно, что там еще у них в сумках?

…К клинике эстетической медицины «Де мутацио» мы подошли около двух часов дня. Я не очень-то привык ходить по городу в компании, тем более с людьми гораздо старше себя. Елена шла бодро, может быть, ходьбой занималась? А вот Юрий, несмотря на спортивный внешний вид, как-то сильно тормозил. Даже купил в ларьке мороженое, хорошо хоть, ел на ходу.
Может, лучше других понимал, что нас ждет, и не хотел спешить? Хоть и не показывал внешне.
Мне-то было страшно, врать не стану. Вначале, когда вся толпа пришла ко мне домой, я как-то расслабился. И от количества, и, наверное, от того, что они немолодые люди. Я сам поздний ребенок, маме было за сорок, когда я родился, так что даже «деда Борю» я воспринимал скорее как человека в отцовском возрасте. Это влияет, наверное, сколько бы ни было лет.
Но сейчас я четко осознал, что мы вшестером идем убивать монстра. И со мной не какие-нибудь крутые бойцы или спецназовцы, а серчер, немногим меня старше, старикан с проблемным мочевым пузырем, какой-то препод, вовсе не спешащий на битву, немногословный прораб (уж не знаю почему, но я решил считать Василия прорабом) и очень пожилая женщина-хирург. Ну и я, разумеется. Причем моя победа вселила в них излишний оптимизм.

И даже если мы войдем и уничтожим монстра… что дальше? Выстрелы, через минуту-другую – полиция. Это не Гнездо, они приедут и всех нас арестуют.
Я хотел было задать этот вопрос, но вдруг понял, что бессмысленно. Они уже всё решили. Просто похлопают по плечу и скажут: «Всё верно, подожди нас здесь…»
И я промолчал.
Пусть идет как идет.
Милана с Василием Семеновичем и дедом Борей сидели на скамейке за пару домов от клиники. Хорошо, что погода была хорошая, под дождем они смотрелись бы нелепо. А так – присела семья передохнуть. Дедушка, отец и молодая девушка.
– Надеюсь, ты прав, – поприветствовал Виталия Антоновича деда Боря. – Пока мы шли, я насчитал столько посольств, консульств и контор силовиков…
– Уверен, – сказал старший.
– А то ворвемся в клинику, где министерские жены делают себе лифтинг и наращивают сиськи… – Деда Боря вздохнул. – Уж лучше монстр.
– Будет, – сказал Виталий Антонович. – Ну что… готовы?
– Сядьте, надо посидеть перед… – Василий запнулся. – А, не важно! Надо посидеть.
Мы тесным рядком сели на скамейку. Только Виталий Антонович остался стоять. Прошел перед нами, как перед строем. И сказал:
– Итак. Милана… ты остаешься здесь. Если услышишь перестрелку или подъедет полиция – встаешь и тихонько уходишь. Жди нас у Максима. Ключ есть?
Она кивнула. Ключ я ей дал в первый же день.
– Леночка, Борис. Вы идете первыми. Ваша задача – чтобы открыли дверь. Войти лучше тихо.
Это было разумно. Уж если кому и откроют, так это старику и пожилой женщине.
– Следом я, Макс, Юра. Василий, ты замыкаешь. Входи через минуту.
– Действуем по обстоятельствам, – сказал деда Боря.
– Верно. Если там будут люди… наверное, они будут… – Виталий Антонович поколебался. – То лучше нелетально.
– Как пойдет, – сказала Елена просто. – Если там люди, то они во всем этом замешаны.
– По возможности, – повторил старший. – Тазеры у всех есть?
– У меня нет, – сказал я.
– Только пистолет?
– Да.
– В людей лучше не стреляй, – посоветовал Виталий Антонович.
На самом деле кроме пистолета у меня был еще маленький термос с ампулой и разовый шприц. Я сомневался, что смогу сделать себе укол в вену, но уж в бедро или бицепс иглу воткну.
Но про этот козырь я говорить не стал.
Очень хотелось не доводить до него.
– Работаем, – сказал Виталий Антонович и вдруг стал каким-то другим. Он и всегда был собранным, а сейчас словно в автомат превратился. – Елена, Боря…
Самые возрастные члены команды встали и пошли в сторону клиники.
– Одна минута, – сказал Виталий Антонович. – Макс! Точно не передумал?
Я покачал головой.
– Все в игре?
Никто не ответил. Виталий Антонович ждал, явно отсчитывая секунды. Потом кивнул:
– Идем!
Я повернулся к Милане. Поцеловал ее. Встал и пошел.
Мир словно расширился, звуки ушли куда-то вдаль. Нервы… Я шел и мысленно звал Гнездо.
Просил помочь.
Дать силу.
Но похоже, что меня никто не слышал.
Клиника располагалась в современном здании, из той «точечной застройки», которой любили раньше уродовать центр Москвы. Ну, вы знаете: старое историческое здание внезапно приходит в полную негодность или неожиданно сгорает, а вместо него быстренько возводится «клубный жилой комплекс» с квартирами подороже, чем в центре Парижа. Этот оказался еще не из самых огромных и уродливых – видимо, места не хватило развернуться. И дворик, огороженный решеткой, у него был небольшой (в моем доме, впрочем, двора вообще как такового нет).
Сама клиника помещалась в маленькой пристройке, имела отдельный вход из переулка, и это было очень хорошо.

А еще лучше, что дверь оказалась приоткрыта. Значит, Елена с дедом Борей каким-то образом вошли.
На самом деле это меня смутило. Если там и впрямь логово, где превращают людей в монстров, то с чего бы они впустили посторонних?
Я шагнул на крыльцо и запустил руку под ветровку, к кобуре.
Мы гуськом втянулись в помещение – круглый зал со стойкой регистратуры, над ней – глянцевые подсвеченные фотоплакаты, изображающие красавиц с белозубыми улыбками и великолепными формами. Несколько дверей, одна открыта. На полу – мягкое светлое ковровое покрытие.
На ковре неподвижно лежали девушка в голубом медицинском халате и охранник в серой форме. У девушки из спины торчали тонкие проводки, ноги ее подрагивали. Охранник лежал навзничь, у него проводки тянулись из живота. Пол был усыпан крошечным красным и желтым конфетти.
Ну прекрасно, еще и тазеры применили! Причем двойного действия, «пул даун ган», иначе уже бы встали.
Деда Боря был занят тем, что стягивал руки и ноги охраннику пластиковыми хомутиками. Елена платком вытирала с лица кровь.
– Вас ударили? – спросил я.
– Краска. Чтобы впустили, – ответил мне Виталий Антонович, быстро проходя по приемной и заглядывая в двери. Видимо, никого не обнаружив, проверял дальше.
Я понял, как старики вошли. Елена испачкала себе краской лицо. Деда Боря принялся звонить в дверь и кричать, что нужна помощь. «Жена упала» или что-то такое. Им открыли, в такой ситуации не впустить было бы очень странно.
А дальше – выстрелы из тазеров…
Лишь бы не ошиблись!
Юра поднял с пола женщину в халате, усадил на стул. Та молчала, руки и лицо у нее подрагивали. Обычная молодая женщина, довольно симпатичная, короткая стрижка, на шее крестик, на ногтях яркий маникюр…
– Не бойтесь, с вами ничего не сделают, – сказал Юра. Кинул сумку на пол, достал из нее помповик, выдвинул складной приклад. – Не кричите, не сопротивляйтесь, и всё будет хорошо. Где тварь?
– К-к-кто? – заикаясь, спросила она.
Вот этого я боялся больше всего. Что мы ворвемся, захватим клинику, а тут – врачи уменьшают носы и накачивают силиконом губы.
– Вы знаете, – сказал Юра с уверенностью, которой у него, наверное, не было. – Измененный.
Мне показалось, что у женщины на лице что-то промелькнуло. Что-то вроде облегчения.
С чего бы?
– Я не понимаю… Кто вы? Не трогайте нас, берите всё… Но наркотиков нет, правда, совсем нет!
– Сколько пациентов сейчас в клинике? – спросил Юра.
– Никого… с утра были, ушли… после трех женщина на криомассаж записана…
Виталий Антонович, закончив беглый осмотр, кивнул. Сам он остался со мной и Юрой. Елена, деда Боря и Василий вошли в одну дверь. Все они уже держали оружие: у Елены и впрямь был в руках обрез, у деда Бори и Василия – макаровы, такие же, как у меня.
Старший пока автомат не доставал. Заглянул в дверь с надписью «WC» – там был туалет, унитаз и раковина в одном маленьком помещении, ничего подозрительного.
Подошел к женщине, сказал укоризненно:
– Странно. Клиника пустует, а новых пациентов не берете!
– Это вы утром звонили? – Глаза у женщины расширились. – Так у нас с врачами проблема, двое в отпуске, Регина Петровна одна работает…
Наша троица проверяющих вышла из одной двери, вошла в другую. Я посмотрел на схему эвакуации, висящую, как положено, у входа. Да, клиника небольшая. Вот этот вестибюль регистратуры, три кабинета по одной стороне, туалет, коридор, еще два крошечных кабинета и комната побольше.
Второй кабинет тоже оказался чист, Елена покачала головой, выходя. Я заглянул в дверь.
Ну да, не спрятаться.
Кушетка, стол, два стула. Непонятная медицинская аппаратура. Пациент лежит, ему какие-то процедуры-обследования проводят…
– Хотите, мы вас осмотрим, запишем? – со всхлипом предложила женщина. – Вы извините, что не записали, но мы запишем…

Лежащий на полу охранник застонал, зашевелился. Ну хоть живой, слава Богу…
– Мы вам скидку сделаем, как ВИП-клиенту! – воскликнула женщина. – Тридцать процентов… нет, сорок пять, у нас больше нет…
Градус безумия стремительно нарастал. Я смотрел на Виталия Антоновича, но наш старший всем своим видом демонстрировал уверенность и снисходительное презрение.
– Скидку… ну-ну… А те, кого превращаете в монстров, какую скидку получают?
– Я не понимаю… У кого-то осложнения?
Наши проверяющие вышли из третьего кабинета, двинулись в коридорчик.
Я, не выдержав, быстро прошел-пробежал все три кабинета. Вернулся.
Ничего подозрительного там не оказалось.
Кушетки, столы, бумаги и старенькие компьютеры на столах. Медицинская аппаратура. Раковины, мусорные корзины, кулеры, флаконы санитайзеров. В шкафах – медицинские халаты и костюмы. В стеклянных шкафчиках – медикаменты и инструменты, бумажки с написанной от руки датой.
Всё как везде.
Я пломбу год назад ставил, всё очень похоже выглядело.
Елена с мужчинами вернулись в приемную.
– Разрешите, я осмотрю Дмитрия Львовича? – взмолилась женщина. – Может, ему плохо? Может, сердце?
Охранник снова застонал.
– Леночка, что скажешь? – спросил Виталий Антонович.
– Вы нас убьете? – воскликнула сотрудница. – Вы имена называете, значит, убьете? Ой, я ничего не слышала, я вообще в шоке и ничего не запоминаю, у меня на лица память никакущая!
Елена задумчиво смотрела на нее. Потом спросила:
– Что за аппаратура в этом кабинете?
Сотрудница пожала плечами:
– Я не знаю, я даже не медсестра. Я администратор.
– Вы работаете в клинике эстетической медицины, – Елена улыбнулась. – Неужели вам не интересно, что делается в том или ином кабинете?
– Я администратор…
– И что вы посоветуете пациентке с растяжками на коже после беременности?
– Я не врач!
– Врач направил пациентку на микроигольчатый лифтинг. Я – пациентка. Куда мне идти?
Администратор ткнула рукой в сторону одного из кабинетов.
– Я сходила и вернулась, – сказала Елена. – Там стоит старый аппарат вакуумного гидропилинга. Кажется, неисправный. И аппарат УЗИ. Он рабочий.
– Я не врач. Я боюсь! Я не помню! – Администратор тихо заплакала, размазывая слезы по лицу.
– Врет, – холодно сказала Елена. – Виталий, тут дело нечисто. В кабинетах стоит что попало. В одном – три древних кардиографа и сломанный лазерный аппарат для выведения татуировок. В другом – ванна для гидротерапии, судя по виду – ею год не пользовались. По коридору два кабинета, бумаги на столах для вида, из каких-то других клиник, компы запаролены. В конце коридора небольшая операционная. Вот она, похоже, используется, только для чего…
– Нехорошо получается, – сказал Виталий Антонович, глядя на администратора. – Какая-то вы странная клиника, да?
Администратор рыдала, мотала головой и явно не собиралась отвечать.
– Очень не хочется никого пытать, – вздохнула Елена с деланой простотой. – Может, так расскажут?
– Ну… если немного? – спросил Виталий Антонович. – Опять же, начать можно с мужика…
– Да, мужчины быстрее ломаются, – сказала Елена таким тоном, словно всю жизнь проработала в гестапо, пока не была уволена за кровожадность. – С другой стороны, эта коза знает больше… руку даю на отсечение.
– Ты же знаешь, я доверяю твоему чутью, – вздохнул старший.
– Вы бы всё рассказали, а? – сочувственно сказал Юрий, склоняясь к администратору. – Не люблю я таких дел…
Вели они себя так, что на мгновение я всерьез подумал, что старички-разбойнички не в первый раз нападают на тайные прибежища пришельцев, после чего начинают выпытывать информацию.
Да нет, чушь, ерунда, не может такого быть.

Спектакль!
Удивительная вещь – человеческое поведение в кризисной ситуации. Особенно, когда люди сталкиваются с недоступной их пониманию силой. Самое разумное в таком случае – избегать опасности, а не провоцировать ее, но люди ведут себя вопреки логике.
Я встряхнулся, сбрасывая оцепенение и выгоняя из головы неуместные размышления.
– Гляну, что там, – сказал я, направляясь в коридорчик.
– Иди, иди, не стоит юноше смотреть на такое… – ободрила меня Елена. И кровожадно потерла руки.
Спектакль. Это только спектакль!
Они не будут пытать женщину, даже если та в чем-то замешана!
Я вошел в ближайший кабинет. Огляделся.
Ну да, что-то тут не то. Вроде бы обычный врачебный кабинет. Постеры на стенах, сплошь белозубые улыбки… стоп, зачем тут зубы, не стоматология ведь! Шкафчик с лекарствами? Логично, раз врач, то лекарства. Но тут ведь стоит что попало! Вот бисопролол, это от сердца, у меня отец каждое утро пьет. Лекарство не экстренное, что ему тут делать? Вот таблетки «Карсил», вроде как для печени. Тоже непонятно, зачем они. А вот флакон лечебного цинкового шампуня. И бинты пачками. И два пузырька нафтизина, от насморка. Словно купили в аптеке, что на глаза попалось.
Бумаги на столе… так… выписка из истории болезни Марии Хуснутдиновой… допустим, здоровья тебе, Маша… а это что? История болезни… да она древняя, в руках рассыпается, ее в начале нулевых заполняли.
И никаких личных вещей: фотографий, календариков, безделушек, фигурок, флешек. Так тоже не бывает.
Компьютер работает, требует пароль. А если попробовать?
Я ввел «password».
Система открылась!
Чистенький, аккуратный, пустой Windows. Никаких служебных иконок, никаких баз данных. Просто компьютер с операционной системой.
Я снова оглядел кабинет.
Весь он был такой… как этот Windows. Пустой и чистый. Имитация. Оболочка.
Глянул мельком – все нормально.
А на самом деле декорация!
Виталий Антонович не ошибся, это фальшивая клиника.
В задумчивости я миновал соседний кабинет, прошел до конца коридора.
Операционная, верно.
Стол, держатели для капельниц, бестеневая лампа. Наркозный аппарат, УЗИ, кардиограф. Вот тут казалось, что вещи использовались по назначению. Шкафчики из металла и стекла, большущее зеркало в металлической раме.
Я обошел операционную, осматриваясь.
И быстро вышел, возвращаясь в вестибюль.
Администратор уже не рыдала, а рассказывала вовсю, хоть и с тихими подвываниями:
– Ничего мы тут не делаем… ширма это все, пусты-ы-ышка… черный обнал идет… Счета за красоту огро-о-о-омные… начальство кру-у-утит… мы-то на зарплате… не убивайте…
А что! Достаточно убедительная версия!
– Виталий Антонович, – сказал я. – Врут они всё. У вас схема здания есть?
– Нет, – ответил он. – На это время нужно.
– Не важно, – сказал я. – В этой операционной потайная дверь.
Администратор подняла голову, прекращая рыдать. Уставилась на меня.
И прыгнула!

Глава восьмая

Есть несколько вещей, которые человек, даже хорошо физически тренированный, сделать практически не в состоянии. Отжимание на двух пальцах, как это получалось у Брюса Ли; вис на перекладине на прямых руках в параллель полу; подтягивания на пальцах – всё это очень, очень, очень сложно и доступно единицам.
Но есть простые вроде бы вещи, которые сделать невозможно. К примеру – прыгнуть вперед из положения сидя на стуле.
У человека просто нет для этого нужных мышц.

Подпрыгнуть – легко.
Свалиться – легко.
Оттолкнуться ногами и перевернуться вместе со стулом, сделать кувырок – трудно, но скорее психологически.
А вот как прыгать вперед, когда твои ноги стоят вертикально, а руки ни на что не опираются?
Чем оттолкнешься?
Администратор, вполне обычная на вид женщина, прыгнула. Да еще как!
Вот она сидела, рыдая и рассказывая про финансовые махинации.
А вот уже летит вперед! В прыжке она оттолкнулась от стойки, но ведь как-то вначале до нее допрыгнула!
Я отшатнулся, мне показалось, что женщина несется на меня. Но она стремилась к двери одного из кабинетов. Уж не знаю, чтобы запереться там, схватить какое-то незамеченное нами оружие или выпрыгнуть сквозь окно (там стоял крепкий стеклопакет, но теперь я в нее верил – пробьет в прыжке и не заметит!).
Ей потребовалось лишь одно приземление, уже почти у двери, она кувыркнулась вперед и наполовину выпрямилась, без сомнения, чтобы снова прыгнуть, – и, пожалуй, до окна бы долетела.
Василий выстрелил ей в спину. Как-то так получилось, что он среагировал первым. При такой неустойчивой позиции пуля должна была сбить ее с ног, опрокинуть. Но женщина просто застыла, словно окаменела. В спине, между лопатками, возникла аккуратная темная дырочка.
То ли Василий был таким метким стрелком, то ли вмешался случай – он попал ей в сердце.
На мгновение повисла тишина. Выстрел был на удивление негромким, женщина не закричала – казалось, что ничего страшного и не случилось. Так, игра…
Администратор повернула голову.
На сто восемьдесят градусов.
Как на шарнире.
Оскалилась – рот открылся неожиданно широко.
Изо рта высунулся и затрепетал язык, слишком длинный для человеческого. То ли это была рефлекторная реакция, то ли какая-то угроза…
Василий выстрелил еще дважды. Все пули кучно легли по центру спины.
Женщина вытянула в нашу сторону руки. Те тоже вывернулись к спине, будто им было все равно, с какой стороны тела находиться!
Дрянь эти новые патроны!
Я судорожно рвал пистолет из кобуры. Елена держала администратора на прицеле обреза, Виталий Антонович тянул из сумки автомат, остальные словно оцепенели.
И тут из дырок в спине побежали по телу администратора трещины!
Самые настоящие трещины, потому что она обращалась в камень, а тот разваливался!
Администратор издала странный сипящий звук и ловко запустила пальцы в свои раны. Выдернула одну пулю – та сияла неярким багровым светом. Пальцы мгновенно окаменели и отвалились. Кисть второй руки превратилась в камень прямо в ране, руки начали осыпаться мелким бурым песком.
– С-с-суки… – едва слышно выдохнула администратор.
Похоже, легких у нее уже не осталось.
Через несколько секунд лицо администратора превратилось в серую маску, будто талантливый скульптор вылепил человека из мокрого песка.
А еще через мгновение песок высох – и она развалилась.
– Твою ж мать! – сказал Василий. И неожиданно добавил: – На мою бывшую похожа!
Была.
В это мгновение связанный стяжками охранник, видимо, понял, что ничего хорошего ему не светит. И тоже стал высвобождаться.
С тем же пренебрежением к законам человеческой анатомии он повернул голову к спине, вырвал руки из тугой пластиковой петли, дрыгнул ногами, разорвав стяжку, и выпрямился, встал из положения лежа!
Для него гравитация вообще существует?
Кажется, он не собирался бежать, хотя все были в таком шоке, что это могло и получиться. Одним взмахом руки, неожиданно удлинившейся, он сбил Василия и развернулся к Елене.
Хирург выстрелила дуплетом.
С расстояния в метр вся дробь вошла охраннику в спину (да-да, он так и двигался, вывернувшись лицом и руками к спине). Дробь сработала точно так же, но быстрее –

охранник осыпался на пол горкой песка, будто вампир в мультике, попавший под солнечный свет.
Может, отсюда и легенды? О каменеющих троллях и рассыпающихся вампирах?
– Я никого не задела? – озабоченно спросила Елена. – Если, не дай Бог, в кого-то вошла дробина… надо вырезать…
Все принялись судорожно осматриваться. Очень не хотелось превращаться в песок, да еще и от дружеского огня.
Виталий Антонович уже держал в руках автомат. Внешне он оставался спокойным, но его выдавал легкий тик.
– Что ж… мы уже пришли не зря… – сказал старший. – Друзья? Как полагаете? Рептилоиды?
– Уж точно не Инсеки, – сказал деда Боря. – Дьявол… я не верил. До конца не верил!
– А кто из нас верил? – воскликнул Виталий Антонович, и в голосе прорвалось торжество. – Суки! Их же не отличить было!
Деда Боря едва заметным движением взялся за сердце. Потом сказал:
– Я в туалет, с вашего позволения…
И скрылся в дверях сортира.
Юра подошел к останкам администратора, ткнул стволом помповика, подцепил халат, поднял.
Горка песка. Из него высовывается краешек кружевных трусиков.
Юра поворошил песок, выкатилась одна из пуль, излучаемый ею свет медленно угасал.
– Мощная штука, – сказал Юра с уважением. – Жаль, не мгновенно работает.
Под формой охранника тоже ничего, кроме крупных дробин и семейных трусов, не нашлось.
– Плохо – вскрытие не сделать, – сказала Елена. – Ах, мальчики, как жаль! Мы могли понять, как они устроены!
– Следующего хоть живым анатомируй, – буркнул Виталий Антонович. – Только вязать их надо как-то… с учетом силы и гибкости… Не знаю, как их вязать. Надо попробовать отрубать головы! Выстрел в голову, потом отрубаем, тело остается целым.
– А мозги как изучать? – деловито спросил Юра.
– Следующему выстрел в тело, отрубаем голову и изучаем.
– Годно, – решил Юра.
И нервно рассмеялся.
Вернулся деда Боря, недовольно сказал:
– Они не гадят, что ли? Туалетной бумаги нет, мыла нет…
Взял со стола бутылку санитайзера и щедро плеснул на руки.
– Есть и плюсы, – сказал Виталий Антонович. – Песок убрали – и всё. Никаких материалов для уголовного дела. А можно и оставить, песок… он и в Африке песок. Только одежду убрать.
Елена молча подняла форму, брезгливо, двумя пальцами взяла трусы охранника, отряхнула и отнесла в соседний кабинет. Повесила на вешалку. Потом проделала то же самое с одеждой администратора. Сказала:
– Вот и всё. Грязно тут у них, экономят на уборщице… Максим, дорогой, что ты там углядел? Или на понт ее брал?
– Нет, не на понт, – сказал я. – Выстрелов никто не слышал, как думаете?
Ответа никто дать не рискнул. Но мне самому казалось, что пальба прозвучала не так уж и громко. Окна закрыты, стеклопакеты хорошие, помещение клиники не в общем здании, а в пристройке.
– Идемте, – сказал я.
Вслед за мной все прошли в операционную.
Я не стал тянуть, сразу ткнул пальцем в зеркало на стене:
– Вот.
– Для операционной странновато, – сказала Елена, изучая зеркало. – Но мало ли… посмотреться сразу после подтяжек-липосакций…
Она попыталась отодвинуть зеркало от стены и хмыкнула. Потрогала стекло.
– Теплое…
– Пусти-ка, – Юра взялся за зеркало с одной стороны, Василий – с другой. Они дергали, пытались сдвинуть вверх-вниз. – Нет, жестко закреплено. Может, на клее?
– Почему решил, что это дверь? – спросил Виталий Антонович.
– По размеру, форме. Идет от самого пола. И рамка эта – вы такой металл видели?
Металлическая рамка была серовато-голубой.
Виталий Антонович достал из сумки нож, серьезный такой, то ли боевой, то ли охотничий. Попробовал поцарапать рамку. Спросил:

– Это как в Гнезде?
– Да. Какой-то чужой сплав. Не зеркало это!
– А может, экран?
Я смутился. Это мне в голову почему-то не пришло.
– Может быть.
– Дверь должна открываться, – сказал Виталий Антонович серьезно. – Ищем какой-то рычаг, кнопку, педаль, скважину. Что угодно! Я не хотел бы задерживаться тут.
И мы стали искать.
Все, кроме Юрия, – тот мерял шагами помещение, потом вышел из операционной, потом я заметил его силуэт за прикрытыми жалюзи окнами. Он обошел пристройку, постучал в крайнее окошко. Я выглянул, он мне кивнул и сделал знак, что возвращается.
– Может, пульт кондиционера? – спросила Елена. Стала нажимать кнопки, заработал кондиционер под потолком.
– Пульт может быть… – согласился Василий.
– Вот такой? – спросил деда Боря.
Он стоял возле шкафчика с лекарствами. В руках у него был маленький пластиковый пульт, будто от простецкой детской игрушки, с двумя треугольными кнопками.
– Не нажимай! – быстро сказал Виталий Антонович. – Стоп! Люди, если это оно…
Вернулся Юрий. Сказал:
– Все верно, молодец Максим. Тут помещение кончается у крайнего окна. А снаружи – еще почти три метра до стены здания. Неучтенное помещение!
– Незаконная перепланировка, – попытался пошутить я. Особого успеха шутка не имела.
– Вооружаемся и снаряжаемся, – сказал Виталий Антонович. – Мы должны быть готовы сразу же вступить в бой.
Мне казалось, что все и так вооружены и снаряжены.
Куда там!
Во-первых, у всех в сумках оказались бронежилеты. Какие-то совсем тонкие, несерьезные на вид, но все же… Позавидовать я не успел – Виталий Антонович протянул один и мне. Сказал:
– Взял на твою долю.
Я не стал ломаться. Ветровку скинул, бронежилет надел.
Ого… На вид казался легче!
Все вооружились еще и ножами. Надели тактические перчатки. Вот тут я был в пролете, для меня ни ножа, ни перчаток не нашлось. Последним штрихом стали очки-зеркалки, я надел свои.
Если тварь уже стала невидимой, то мы ее заметим.
Единственное, что еще я мог сделать, – это вколоть себе концентрат мутагена «первой фазы». Но мне безумно хотелось обойтись без этого. Если верить хранителю Раменского Гнезда, шансов выжить потом было немного.
Поэтому я достал ампулу из термоса и положил вместе со шприцем на операционный стол.
– А это что? – резко спросил Виталий Антонович.
– Подарок, – я не стал вдаваться в объяснения. – Типа сильного стимулятора. Но он может меня убить.
Виталий Антонович кивнул.
– В крайнем случае вколю, – сказал я искренне. – Если успею, конечно.
Почему-то все старичье уставилось на меня.
– Вы чего? – спросил я. – Ну давайте вколю заранее…
– Не спеши, – сказал деда Боря мягко. – А лучше позволь кому-нибудь из нас, ладно?
– У нас много чего на душе, не хотелось бы еще за твою жизнь отвечать… – поддержал Василий.
– Мы с Еленой входим первыми, – решил Виталий Антонович. – Потом Юра с Василием. Деда Боря, ты с Максом. Если пойдет плохо… – Он не закончил. – Макс, бери пульт и нажимай.
Я взял пульт. Все выстроились у зеркала.
С замиранием сердца я нажал верхнюю кнопку.
Ничего не произошло.
– Сейчас вторую, – сказал я.
Вторая кнопка сработала.
На окнах снаружи стали медленно опускаться роликовые ставни.
Нервное напряжение нашло выход во всеобщем хохоте.

Мы ржали, сжимая оружие и глядя, как опускаются темно-коричневые металлические пластины.
Нашли пульт!
– У меня же на даче похожий! – выдавил из себя деда Боря. – Что я за дурак, а?
– Только не беги в туалет по этому поводу, – едко сказал Юрий.
Хохот возобновился с новой силой.
– Посмотрю на тебя в мои годы! – возмутился старик.
Постепенно смех стих. Кажется, я кончил смеяться последним.
– Еще идеи есть, господа взломщики? – спросил Виталий Антонович.
– Да ну его! – вдруг сказал Юрий. Сделал два шага вперед.
И выпалил в зеркало.
Нет, это было не стекло. Стекло бы разлетелось вдребезги.
Это зеркало вообще бы не взяла обычная пуля.
А вот особая, от Продавца, наполовину вдавилась в поверхность и прилипла, полурасплющенная, медленно разгораясь багровым.
Зеркало вокруг пули начало мутнеть.
То ли эти заряды действовали не только на органику, то ли само зеркало имело биологическое происхождение – не знаю. Скорей уж второе, потому что оно вдруг пошло волнами, утратило зеркальность и гладкость, стало похоже на кусок шероховатой бугристой шкуры, вроде акульей кожи.
И окаменело.
Виталий Антонович поднял ногу и с силой пнул каменную перемычку. Та с грохотом рассыпалась острыми клиньями.
За рамой виднелась ярко освещенная комната.
– А ларчик просто открывался… – сказала Елена зачарованно.
Чуть наклонив голову, шагнула вперед.
Рядом, отставая на шаг, вошел в зазеркалье Виталий Антонович.
Они отошли буквально на полметра, когда Виталий Антонович повернулся направо и автомат в его руках загрохотал.
Вот это было громко!
Я вдруг понял, что во всем снаряжении не хватало еще одной полезной вещи – наушников.
Елена тоже дважды выстрелила. Потом переломила стволы и принялась менять патроны.
Виталий Антонович тоже прекратил стрельбу, стоял напряженно, пригнувшись и явно колеблясь.
Мы видели только их, во что они стреляли – понять было невозможно.
Юрий и Василий, сбросив оцепенение, бросились внутрь и чуть не столкнулись в проеме.
Я рванулся следом и едва не поскользнулся на осколках «зеркала». В комнате было очень жарко, влажно, пахло кислятиной и дерьмом.
За мной вбежал деда Боря.
И только когда мы оказались внутри потайной комнаты, я увидел, куда они стреляли.
Это было длинное узкое помещение между основным зданием и пристройкой, мы вошли почти с торца. Шириной комната оказалась метра три, зато тянулась вдоль всей клиники, метров на десять. С нашей стороны вообще ничего интересного не было – грубо оштукатуренные стены, яркие лампы на проводах под потолком, цементный пол.
А вот дальше комната напоминала одновременно лавку мясника и камеру пыток.
С потолка свисали металлические цепи с крюками на концах. На них были рядком подвешены люди, грубо наколотые на крюки в районе плеч. Они все были живы, но выглядели совершенно по-разному.
Ближе всего к нам была голая молодая женщина. Совершенно нормальная на вид, если не брать в расчет торчащий над грудью окровавленный крюк. При нашем появлении она подняла голову, слепо посмотрела в нашу сторону и негромко выдавила:
– Помогите…
На следующем крюке тоже висела женщина, только руки и ноги у нее удлинились, а тело слегка распухло. На третьем крюке был мужчина – у него и голова увеличилась, распухла, покрылась густыми волосами. На четвертом тоже мужчина – еще сильнее трансформированный, на боках, под руками, набухали какие-то бугры. Висевшее на пятом крюке существо было уже непонятного пола, а «бугры» проклюнулись еще одной парой рук – пока совсем коротких, недоразвитых.
Это был целый инкубатор монстров, подобных тому, что нападал на Гнездо!
А перед ним, заслоняя от нас, стоял еще один монстр.

Совсем уж похожий на полноценного, высоченный, только средние лапы еще были коротковаты и ладони не сильно больше человеческих.
Но силовыми полями он уже управлял!
Все пули и дробины, выпущенные Виталием Антоновичем и Еленой, висели в воздухе, словно маленькое, багрово светящееся созвездие.
Подрагивали, покачивались, источая свою смертоносную каменную магию.
Существо скалилось и смотрело на нас. Видимо, удержать все выстрелы ему было трудно.
Все-таки оно еще развилось не до конца!
«Уходите! – пронеслось у меня в голове. Голос был нежным, женским, даже с какой-то материнской тревожностью. – Не трогайте!»
Эта тварь защищала своих… детенышей? Нет, скорее братьев и сестер.
У Измененных, пусть даже таких, изуродованных до неузнаваемости, и впрямь были родственные чувства.
– Что стоите! – крикнула Елена. – Мать вашу!
И снова выстрелила.
Ее крик разорвал оцепенение. Стрелять принялись все – и в этот раз тварь не сумела удержать все пули.
Я тоже нажал на спуск – и скорее почувствовал, чем увидел, что попал в одно из подвешенных тел. Мужчина с раздутой головой задергался, тело сорвалось с крюка и упало, корчась.
Мои патроны действовали иначе, они просто убивали.
А вот еще кто-то попал в самую дальнюю фигуру, и та принялась каменеть, дробящимися фрагментами гулко падая на пол.
«Нет!» – взвыла тварь.
И кинулась в атаку.
Ближайшим к ней оказался Юрий. Он успел выстрелить в упор, и пуля из помпового ружья, пробив защиту, ударила в ладонь. Неуловимо быстрым движением существо занесло над раненой ладонью другую руку – и отсеченная каменная кисть упала на пол.
Вторым взмахом она разнесла Юрию голову.
Кровь ударила во все стороны.
Виталий Антонович закричал, отступая. У него в магазине кончились патроны, он потянулся за новой обоймой, уронил ее и выхватил нож.
Елена перезаряжала ружье.
Мы с Василием и дедом Борей палили из пистолетов. Тварь одной рукой ухитрялась удерживать невидимый щит, где вязли горящие багровым пули, и наступала на Виталия Антоновича.
Я прицелился в распухшее тело и выстрелил три раза подряд.
Мои пули прошли барьер.
То ли тварь сосредоточилась на удержании другого типа боеприпасов, то ли мои патроны обладали большей пробивной силой.
Монстр замер, скребя себя двумя руками по раненому боку.
Елена уперла ему в грудь обрез и выстрелила.
Тварь рухнула.
Виталий Антонович, наш невозмутимый предводитель, с силой пнул ее по голове и принялся бить ножом, матерно бранясь.
Тварь не шевелилась.
– Юра… – сказал деда Боря с горечью. – Юрочка, что ж ты…
Он подошел к окровавленному телу. Секунду смотрел на него.
Потом поднял пистолет и выстрелил.
Тело обратилось в песок.
– Ты чего? – закричал Василий. – Ты чего творишь, старый хер?
Не обращая на него внимания, деда Боря молча пошел к висящим заготовкам монстров.
Те задергались, завыли. Ближайшая женщина опять простонала:
– Снимите меня…
Может быть, мы бы и сняли.
Вот только вслед за этими словами она издала шипящий звук и резким движением руки попыталась ухватить и притянуть к себе деда Борю. А когда не вышло, жутко, пронзительно захохотала.
Деда Боря выстрелил ей в сердце. Потом застрелил еще одного монстра. И сухо сказал:
– Василий, заканчивай остальных. Чтоб ничего не осталось.
– Ты чего, ты зачем Юрку! – выкрикнул Василий, тряся в воздухе пистолетом.

– Он всё сделал правильно, – сказала Елена. – Мы уходим, следов не оставляем. Да соберись, ты ж не баба!
Василий собрался. Побрел к дергающимся монстрам.
– Парень, ты как? – спросила Елена.
Я посмотрел на Виталия Антоновича. Тот закончил пинать мертвого монстра и теперь менял магазин в автомате.
– Нормально, – сказал я.
Ничего нормального на самом-то деле не было.
Мы убили недоделанных монстров и их хозяев. И одного почти готового монстра.
Но тот, кто приходил к моей квартире и угрожал через дверь, «говорил» мужским голосом.
Одна тварь осталась на свободе.

Глава девятая

Не знаю, в звукоизоляции ли дело, или со стороны жилого комплекса были не квартиры, а нежилые помещения, или просто люди постарались не услышать выстрелы…
Люди хорошо это умеют делать. Всегда можно сказать себе, что идет ремонт, работает отбойный молоток или кино кто-то включил на полную громкость, а никакой стрельбы нет.
Помещение мы убирали минут пять, полиция за это время должна была бы приехать – все же центр Москвы. Но Виталий Антонович сказал, что лучше уж успеть уничтожить все следы налета, чем кинуться в бегство с сумками, полными оружия. Нет тел – нет и состава преступления.
Одежду Юрия убрала в его сумку Елена. Похоже, у нее нервы были крепче, чем у остальных, все-таки профессия сказывалась. Песок, в который обратились тела, мы сгребли в несколько кучек. Теперь это была просто грязноватая клиника, а не логово чудовищ.
Может быть, конечно, стоило оставить в живых одну из тварей. Может быть, та женщина, что разговаривала, пошла бы на контакт.
Но мне кажется, она просто попыталась бы нас убить. Что-то в ней уже изменилось бесповоротно, хоть телом она еще походила на человека.
Мы вышли из клиники и двинулись к скамейке, где ждала нас Милана.
Что будет дальше?
Охранник и регистратор – это ведь явно не вся команда. Придут другие. Обнаружат следы боя.
Позвонят в полицию?
Очень вряд ли. Слишком многое им придется убирать и объяснять.
Попытаются найти нас?
Если есть доступ к видеокамерам на московских улицах, то со временем найдут. Нынче это не так быстро, камеры не связаны в сеть, раз в несколько дней в них меняют флэш-накопители на новые, а информацию со старых сливают на сервера МВД. Потребуется время, но нас вычислят. Как жаль, что эпидемий больше нет и все ходят по улицам без масок! Вот когда я учился в старших классах, без маски появиться на улице было не просто запрещено, а еще и неприлично, всё равно что без штанов.
Милана привстала, увидев нас. Вначале улыбнулась. Потом нахмурилась.
– Юрия больше нет, – сказал Виталий Антонович.
Милана прижала ладонь ко рту.
– Монстр?
– Монстры… Юрий знал, на что идет, – сказал деда Боря. – Мы все знали. Еще легко отделались.
– Пойдемте ко мне? – предложил я.
– Не могу, – сразу ответил Виталий Антонович. – Должен вернуться домой.
– У меня работа, едва успею, – сказал Василий. Он был самым хмурым, видимо, с Юрием их связывали приятельские отношения. – Простите, уйду.
– Зайду, – сказала Елена. – Мне спешить некуда.
– Я тоже, с вашего позволения, – кивнул деда Боря.
– Василий, Виталий Антонович… – Я посмотрел на них. – Одну вещь вы должны знать. Того монстра, что приходил ко мне, здесь не было.
Виталий Антонович нахмурился:

– Уверен?
– Да. Он был и не так развит, как эта… охранница. И говорил мужским голосом.
– Говорил? – удивился Виталий Антонович. – Там ведь только… женщина…
– Монстр говорила. Вы не слышали?
Он покачал головой. Похоже, не слышал никто.
– Вроде мысленной речи, – сказал я. – Тот, в Гнезде, тоже разговаривал. Такие… то ли слова, то ли образы в голове. Но с интонацией. Здесь она была женская, клянусь. У того, что приходил, мужская. И он был ощутимо мельче, мог замаскироваться под человека.
– Плохо, – сказал Виталий Антонович. Поколебался секунду и добавил: – Но мы сделали всё, что могли.
Я не спорил.
Это действительно было куда больше, чем я мог надеяться. Справился бы я сам с охранником у дверей, с регистратором, потом с монстром-охранницей? Вряд ли…
– Но тварь на свободе. И Гнездо в опасности.
– Макс, – Виталий Антонович положил мне руку на плечо. – Ты не обязан и не можешь защищать Измененных от всего мира. Ты и так им помог. Если придет один монстр, у них будет шанс отбиться.
Я так не думал.
Но о чем я мог просить людей, которые и так вышли сражаться, потеряли друга и рисковали загреметь в тюрьму?
Дождаться прихода «врачей»?
– Хорошо, – смирился я. – Спасибо, Виталий Антонович.
– Всё нормально, Макс, – он кивнул. – Отдохни. Нам всем надо отдохнуть.
Они с Василием пошли по переулку в сторону Садового.
А мы – в сторону моего дома.
Милана взяла меня за руку, и это было то, что нужно.

Мы снова сидели на кухне. Елена отогнала от плиты и меня, и Милану. Порылась в холодильнике и шкафах. Нашла замороженные куриные крылышки и ножки, мой папа их называл «куриными запчастями», лук и вермишель. И принялась варить суп.
– Жаль, картошки нет, – упрекнула она. – Куриный супчик без картошки слабоват…
– Вы так спокойно готовите, – не выдержал я. – Мы ведь только что…
– Полтора часа уже прошло, – ответила она невозмутимо. – Что ж, голодать теперь?
Я глянул на деда Борю. Тот ухмылялся.
– Ваш товарищ погиб, – не выдержал я.
– Так мы все шли умирать, – спокойно ответил он. – Ты пойми, Максим, мы – те, кто выжил в девяностые. Нам тогда было как тебе сейчас… ну ладно, мы с Леной постарше. Это у вас Виталий Антонович за старшего, в нашей компании мы его за водкой гоняем. Кстати…
Открыв холодильник, я достал початую бутылку, из которой отпил пять дней назад. Елена, не отрываясь от приготовления супа, поставила на стол четыре рюмки. Как и когда нашла их у меня?
– Я не пью, – сказал я.
– Тебе чуть-чуть, – деда Боря налил до половины в три рюмки, а в четвертую совсем на донышко. – Не чокаясь. За Юру.
Мы выпили. Милана поморщилась, но тоже выпила.
– У меня неприятное ощущение, – сказал деда Боря, – что мы только что выполнили чужую работу.
– Факт, – подтвердила Елена.
– Еще бы понять, на кого мы сработали, – сказал я. – На Инсеков? На наши власти?
– Не только, – деда Боря глянул на меня. – То существо, что приходило к тебе… это точно был монстр?
– Вмятины видели на двери?
– Кувалда?
– А телепатическая речь?
Деда Боря кивнул:
– Да. Это довод. Меня смущает сама ситуация: тварь, способная уничтожить целое Гнездо, не смогла выломать твою дверь и принялась запугивать, будто мелкая шпана. Это неэффективно, наивно и способно скорее вызвать ответные действия. И ведь вызвало!
– Боря, уймись, – сказала Елена. – Ты уж слишком хитрые схемы им приписываешь.

– Они жили на Земле веками и замечательно всеми нами манипулировали, – сказал деда Боря. – Без хитрых схем такое невозможно.
– Вы про рептилоидов? – спросила Милана.
Елена рассмеялась.
– Ну, за неимением другого термина… Кстати, Борь, ты что думаешь о той гибкой парочке?
– Не они, – ответил деда Боря. – Тех мы бы так легко не взяли. Какие-то слуги высокого уровня, тоже Измененные. Скорее всего, добровольцы-фанатики.
– Обычная схема, – согласилась Елена.
– Стоп, стоп! – Я поднял руку. – Вы уж объясните тогда? Какие слуги?
Деда Боря кивнул:
– Да, извини. Мы считаем, что ситуация следующая. Наша Земля на протяжении многих веков… может, и тысячелетий… находилась под контролем группы инопланетных существ. Те особо себя не афишировали, хотя какие-то утечки информации случались.
– Но опасна ли утечка информации? – весело спросила Елена. – Если ты видишь лужицу воды в ванной комнате на сухом полу, то заподозришь неладное. Если весь пол мокрый, то ты протечку вообще не заметишь. История человечества залита информационным мусором. Фантазиями, сказками, прямыми дезинформациями. Потом фантастика, желтая пресса, желтые телеканалы, уфологи, секты, сумасшедшие разоблачители…
– В общем, они жили тихо, – подытожил деда Боря. – Зачем-то мы им были нужны. Не золото и бриллианты, не нефть и газ, а люди. Что-то они с нас получали и даже способствовали развитию. Где-то с девятнадцатого века – это хорошо прослеживается – началось активное развитие науки и технологий.
– Потом прилетели Инсеки, – сказала Елена. – Ты знаешь, что все основные ядерные державы ударили друг по другу практически одновременно? Буквально три дня на ровном месте нарастал поток обвинений, угроз, а потом – война.
– Французы не ударили, – заметил деда Боря. – Но у них произошла странная история, министр обороны сошел с ума и застрелился… ладно, не важно. Суть в том, что, вероятнее всего, это была не наша война. Наши рептилоиды пытались уничтожить человечество, чтобы Инсеки его не захватили. Не то шантаж, не то реальная попытка не отдать ценный приз.
– «Так не доставайся же ты никому!», – Елена мрачно засмеялась.
– Но не вышло, – продолжал деда Боря. – Инсеки этого шага ждали, уничтожили ядерное оружие и взяли контроль над Землей. Рептилоиды, очевидно, затаились.
– Может, вы и про Луну знаете? – не выдержал я. – Зачем они ее разрушили?
– Предположения есть, – к моему удивлению, ответил деда Боря. – У меня сын физик.
– В Хайфе, – уточнила Елена.
– Завидовать грешно, – парировал деда Боря. – Так вот, многие научные направления по требованию Инсеков закрыты, как опасные для человечества. Но даже смежные дисциплины позволяют кое-что заметить. Иногда. Лунное кольцо излучает!
– Что? – спросила Милана. – Вы извините, просто у меня была курсовая: влияние Лунного кольца на жизненный цикл растений… там действительно есть связь…
– Излучение очень слабое, в широком спектре радиомагнитных волн. По нашим представлениям, влиять на людей не должно, однако… Сложное модулированное излучение, цикл восемь с небольшим часов. Лунное кольцо стало отражателем, понимаете? С нашей точки зрения, это чрезмерно сложно, это полное безумие – раздробить Луну, чтобы потихоньку облучать Землю какими-то волнами. Но для Инсеков это как раз могло быть простым и надежным решением.
Елена выключила плиту и стала разливать суп по тарелкам. Сказала:
– Всё, мальчики. Хватит разговоров. Сейчас надо поесть и отдохнуть.
– Вы о чем? – насторожился я.
– Ты же пошел громить логово не потому, что тебя вчера утром напугали. И не из-за давних обид на пришельцев. А мы к тебе пришли не супчику поесть… Ты, я вижу, вполне устроен в этой жизни, Максим. Какие у тебя личные причины защищать это Гнездо?
– У него там девушка, – сказала Милана.
Я напрягся, ожидая расспросов, удивленных или сочувственных взглядов. Но Елена только вздохнула:
– Как всё сложно-то в молодости… Итак, одна тварь осталась, и ты считаешь, что она пойдет в Гнездо?
– Да.

– Твоя версия: что ей там нужно? – шумно хлебая куриный бульон, спросил деда Боря.
– Мне кажется, цель – какой-то ребенок. То есть, уже куколка. В Гнездо должны были привезти троих перед первым нападением. Но задержались.
– То есть некоторые дети интересуют Инсеков больше других, – сказала Елена. – У нас были такие подозрения.
Деда Боря вытер губы, отодвинул пустую тарелку. Ел он быстро, будто солдат, которому дали пару минут на обед.
– С одной стороны, непонятно, кому и помогать, – сказал он. – Что Инсеки на нас пасутся, что рептилоиды. Честно говоря, при прежних-то поинтереснее было…
– Все они чужие твари, – вздохнула Елена. – Тут хоть есть шанс мальчику помочь…
– Это верно, – деда Боря глянул на меня. – Опять же, хоть какой-то реальный движ. А то сидим в своем кругу, сопли жуем, одни и те же версии перебираем. Я сегодня наконец-то живым себя ощутил.
Он замолчал, видимо, подумав о Юрии. Потом спросил:
– Когда ты собирался идти в Гнездо?
– Через пару часов, как начнет темнеть. Я ведь даже не знаю, впустят ли меня! Мы не очень хорошо расстались…
– А потом ты дал волю гормонам, – безжалостно сказал деда Боря и кивнул: – Ладно. Если не против, я подремлю на диванчике. У тебя же найдется диванчик? И хорошо бы зайти в Комок, купить таких патронов, как у тебя. Я бы вообще зарядил магазин вперемешку.
– Поспи, – согласилась Елена. – А я с молодежью побуду. Почистим стволы, обсудим тактику.
– Нас могут не впустить! – повторил я.
– Впустят, – мрачно ответила Елена.
Я понял, что спорить с ней еще безнадежнее, чем с бабушкой, решившей накормить внука пирожками.

К вечеру небо плотно затянуло тучами.
Дождя еще не было, но по радио МЧС обещало ливень, ветер, гром и молнии, рекомендуя всем оставаться дома и закрыть окна.
Мне это показалось очень символичным и подходящим моменту. Я даже сказал об этом, но Елена лишь спросила, найдется ли у меня лишний зонтик, а деда Боря принялся вслух размышлять, работает ли невидимость монстра под дождем, или же он будет выглядеть как человек-невидимка в классической книжке – пустотелым водяным пузырем.
У этого поколения, любящего повторять «мы выжили в девяностые», никакой романтики!
Я подумал, не зайти ли к родителям, но решил, что это лишнее. По моему лицу много чего можно будет прочитать.
Милана пошла с нами.
Нет, я спорил, конечно! По целому ряду причин мне не хотелось идти вместе. Но она стояла на своем, ни меня, ни деда Борю не слушала, ну а Елена пожала плечами и сказала: «Девочка имеет право».
Так что мы пошли вчетвером.
На улицах парило, людей стало ощутимо меньше. В такую погоду можно и не слушать прогнозы, достаточно голову поднять к небу. Мы быстрым шагом шли к Комку, я мысленно представлял разговор с Дариной, остальные тоже думали о чем-то своем.
И в скверике рядом с Комком навстречу мне семенящим бегом выкатился бомж-собирашка. Тот самый, которому я почти неделю назад помог найти кристаллики.
В этот раз бомж выглядел куда приличнее. На носу сидели простые, но новенькие и целые зеркалки, и вместо многослойного тряпья, делающего его похожим на ухудшенную версию Продавца, он был одет в заношенную кожаную куртку с косой молнией.
В общем, если причесать и чуть подстричь грязные космы, бомжа можно было выпускать на сцену в рок-группе.
– Дни свои влачить без друга – наигоршая из бед! Жалости душа достойна, у которой друга нет! – восторженно воскликнул бомж.
Блин. Запомнил…
Милана глянула на меня с удивлением, а вот деда Боря, похоже, развеселился. И не менее эмоционально произнес:
– Потворствуй преданным друзьям, их за поступки не гони. Как напоит тебя сосуд, тобой разбитый в черепки?

Бомж замер, всплеснул руками. Сказал:
– Узнаешь алмаз по блеску, узнаешь по пенью птицу, но поймешь ли человека по одежде и словам? Можно снять халат богатый, могут речи измениться, человека ты узнаешь по возвышенным друзьям!
Деда Боря на миг задумался. Покачал головой:
– Простите, не настолько знаю творения Ильяса ибн Юсуфа…
– Это мое, это уже мое! – с гордостью воскликнул бомж. – Как приятно встретить образованного человека в нынешнее горестное время! Я не стану более приближаться, ибо ночевал в вонючем подвале и источаю неприятные запахи. Хотел лишь поблагодарить достойного юношу, поскольку без его неоценимой помощи мне бы не выбраться из пучины нищеты и бездны отчаянья!
– Всё в порядке, – сказал я. – Рад за вас. Хорошие очки.
– И фонарик! – Бомж ловко извлек из кармана косухи фонарь. – Уже заработал сегодня на скромный, но достойный ужин.
Покрасовавшись фонариком, он нахмурился.
– Но куда вы идете, если мне будет позволено задать этот вопрос?
– В Комок, уважаемый, в Комок, – сказал деда Боря. – Что ж, удачи вам…
Бомж хмурился и продолжал стоять на пути.
– Если мои рекомендации будут услышаны… – Он покосился вверх. – Завершите оперативно свои торговые операции и поспешите укрыться в домашнем уюте.
– Так и собираемся, – сказала Елена. – У вас-то есть где укрыться?
– Есть-есть, – бомж захихикал. И потряс головой, будто пытаясь избавиться от залитой в уши воды. – Не медлите. Сегодня плохой день, всё каплет и каплет, будет буря, будет сильная буря…
Развернувшись, он двинулся куда-то по дуге, словно не желая приближаться… к чему? К Гнезду?
– Не нравится мне это, – сказал я. – Еще даже не капает, кстати!
Деда Боря кивнул, глядя вслед бомжу. Сказал:
– Сумасшедшие, говорят, чувствительны к излучению кольца… и к разным голосам внутри головы… Вы его не узнали?
– Нет, – сказала Елена.
– Понятно… Но нам и впрямь надо поторопиться. Скоро хлынет.
Мы пошли к Комку.
Странное дело, возле него совсем никого не было.
Внутри тоже никого.
Только Продавец стоял у стойки, слегка оживившись при нашем приближении.
– Как проявили себя новые боеприпасы? – спросил он. – Признайте, старый тип имеет свои преимущества! Как идет ваша война?
– А вы сами-то как? – не выдержал я. – Не воюете?
– Мы никогда не воюем, – ответил Продавец. – Это очень нерационально, хотя и до обидного распространено в Галактике… Итак, вам нужны еще патроны?

Глава десятая

Ливень хлынул, когда мы подошли к Гнезду. Вот только что воздух был неподвижным, влажным и душным, а потом хлестанул резкий холодный порыв – и разверзлись хляби небесные.
Последние метры до входа мы пробежали, уже не оглядываясь по сторонам, ни к чему не готовясь, а лишь прячась от стихии. Оплетающая здания паутина дрожала и звенела под порывами ветра и струями дождя.
А за дверями были такие знакомые мне мягкая тишина и полумрак. Все так же уныло горели отдельные лампы в люстрах, полы закрывали ковры и одеяла. Фойе выглядело абсолютно пустым.
– Давит… – сказала Елена, отряхивая мокрые волосы.
– Что давит? – не понял я.
– Ну… защита Гнезда… ты не чувствуешь? Выталкивает, хочется выйти.
Я покачал головой. Теперь я никак не чувствовал Гнездо, и это бесило. Лучше бы уж отталкивало.
– О, явились… не замочились!

Ну понятно, это была Наська, только тон у нее был сухой и колкий, непривычный.
Куколка появилась откуда-то из дальней части фойе, подошла ближе – и настороженно остановилась. Опустила голову, глядя на деда Борю и Елену исподлобья.
– Привет, – сказала Елена дружелюбно. – Мы друзья.
– Чьи? – мрачно спросила Наська.
– Максима.
– А он чей друг? Ее? – И она косо глянула на Милану.
Елена вздохнула и подошла к куколке. Я почему-то думал, что она присядет перед ней, по всем этим психологическим заморочкам «будьте на одном уровне с детьми», «говорите глаза в глаза». Но Елена осталась стоять: высокая и сухопарая старуха рядом с растрепанной хмурой девчонкой.
– Детка, у нас был ужасно тяжелый день. Мы разгромили логово, где выращивали монстров. Убили нескольких созданий, которые были виноваты лишь в том, что из них сделали послушных убийц. Потеряли нашего старого друга. А теперь пришли сюда, потому что иначе мальчик приперся бы спасать вас один. Ясно? Теперь позови его девушку…
– Его девушка… – начала было Наська, но осеклась. Засопела. – Она уже знает, она сама придет.
– Может, ты попросишь Гнездо не давить так на нас? – спросила Елена.
– Я не могу, оно само…
– А ты хорошенько попроси, – сказал деда Боря. – Я знаю, что Гнездо может ослабить психический щит.
Наська топталась на месте, явно не зная, как реагировать и что говорить. Совершенно на нее не похоже. Видимо, если моего появления она все-таки ждала, то «группа поддержки» стала для нее неожиданностью.
– Эй, мелкая, – сказал я негромко. – Не дуйся, лопнешь.
– Отойди, чтоб не забрызгало… – без огонька ответила она.
И тут я услышал голос Дарины:
– Кто вы?
Я повернулся, посмотрел на жницу.
Она не изменилась, уже хорошо.
Все же я боялся увидеть белые мертвые глаза.
А они были прежние, сиреневые, мерцающие.
Жница стояла у лестницы и смотрела на меня. Я вдруг подумал, что сейчас она скажет: «А ты кто такой?» У меня что-то сжалось и похолодело в груди.
Я шагнул к ней.
В следующий миг она сместилась ко мне – так быстро, словно не шла, а плыла по воздуху. Заглянула в глаза.
И прижалась к груди.
– Да… – начал я.
– Ничего не говори, – прошептала она. – Ни-че-го. Молчи.
Я молчал. Чувствовал взгляды спиной. Но мне даже перед Миланой стыдно не было.
Я вдруг понял, любовь – это когда тебе не стыдно.
Обняв Дарину, я осторожно повернулся к своей странной команде.
Милана смотрела грустно, но без злости.
Деда Боря едва заметно мне подмигнул. Но хорошо подмигнул, с пониманием.
Наська, которая как-то неожиданно прижалась к Елене, вдруг фыркнула и своим прежним, нормальным голосом воскликнула:
– Хватит тискаться, на вас ребенок смотрит, между прочим!
– А ты отвернись, – посоветовал я.
Дарина медленно, неохотно отстранилась. Посмотрела на всех поочередно, будто оценивая. Сказала:
– Вы уверены, что хотите быть здесь?
Никто не ответил, все просто стояли и ждали.
Дарина вздохнула и на миг прикрыла глаза.
И я ощутил теплую волну, прошедшую по мне и сквозь меня.
Теплую, но рассеянную и полную беспокойства.
– Идем в «защищенную зону», – сказала Дарина. – Быстро, все за мной. Гнездо что-то чувствует.
Уговаривать нас не пришлось. Запинаясь о мягкую рухлядь, мы пошли за Дариной. Я шел рядом – она не отпускала мою руку.
– Какое странное Гнездо, – сказала Елена. Она с любопытством оглядывала этот склад ковров и постельных принадлежностей. – Свет… все эти тряпки.

– У нас так, – не оборачиваясь, ответила Дарина.
– В том Гнезде, куда попала моя внучка, всё иначе, – сказала Елена. Вряд ли она хотела рассказывать об этом, скорее обозначила мотивы, по которым здесь оказалась. Но я заинтересовался.
– И как там?
– Зеркала, – ответила Елена. – Всё в зеркалах. Очень ярко, холодно. Пол ровный, скользкий, как каток, его чем-то натирают.
– Это в Орехово, – сказала Дарина. – Знаю.
– А как выглядит Гнездо в Перово, тоже знаешь? – заинтересовался деда Боря.
– Да, – Дарина замешкалась на миг, потом продолжила: – Там с потолков свисают веревки. На полах вода. Жарко. Повсюду трубы, обмотанные войлоком, столбы, шесты, палки. Если ты уже не куколка, очень трудно ходить.
– Верно, – признал деда Боря.
– Кто у вас там? Внук, внучка?
– Сын, – с легкой неловкостью ответил старик.
Ого! Крепок дед! Сколько же ему было, когда родился ребенок? Под шестьдесят, пожалуй.
– Там хорошее Гнездо, – сказала Дарина. – Не переживайте.
– Не скажешь, почему все Гнезда разные? – спросила Елена.
– Нет, не скажу, – просто ответила Дарина.
Мы вышли к концертному залу, где я когда-то сражался с монстром. Я увидел свои разорванные кроссовки, так и валяющиеся среди ковров. Шестилапого чудовища не было, и мне показалось, что и тряпки в этом месте лежат другие.
Дарина с Наськой его резали на части, чтобы вытащить из зала?
Может быть…
Дверь из серого металла была закрыта, Дарина остановилась перед ней, посмотрела на нас. Сказала:
– Это «защищенная зона» Гнезда. Обычно сюда даже куколки не допускаются… – Она замешкалась, потом продолжила: – Но протокол чрезвычайных ситуаций достаточно гибок. Я считаю, что у меня есть право допуска. Прошу ничего не трогать, не задавать вопросов и по возможности не запоминать.
– Девочка, последнего мы обещать не сможем, – сказал деда Боря.
– Понимаю, – Дарина неловко улыбнулась. – Ну… я так, на всякий случай.
Наверное, только я понимал, что происходит. Она связана приказом Инсеков не совершать ничего необычного. Впустить нас в защищенную зону, чем бы она ни была, очень необычно. Но она впускает, придумывая сама себе оправдания.
– Может, не стоит? – спросил я. – Мы можем…
И осекся. Гнездо вздрогнуло, вздохнуло и заныло, словно больной зуб. Я ощущал его испуг и затаенную ярость.
Враг уже здесь.
– Быстрее! – выкрикнула Дарина. Створки втянулись в дверную коробку, мы вбежали внутрь, и дверь за нами закрылась.
Разумеется, я стал оглядываться. Ну как можно было не осмотреться?
Небольшое помещение, комната метров пять на пять. Высокий потолок.
И всё – из серо-синего металла.
Он покрывал и пол, и стены, и потолок. Без единого шва, без отверстий и дверей. Даже та дверь, через которую мы вошли, здесь была не видна. Цельная коробка, выстроенная внутри здания. Потолок светился ровным неярким светом, кажется, стены тоже, только бледнее.
И всё!
На что тут смотреть-то?
– Мы не задохнемся? – спросил я.
Дарина покачала головой.
– Оболочка осуществляет газообмен. Кислород поступает внутрь, углекислый газ, избыточное тепло и влага выводятся.
Я едва не спросил, что это за помещение, для чего предназначено. Вовремя остановился. Какая разница? Укрытие для самых ценных обитателей Гнезда. Суперпрочный сейф. Склад для мутагенов.
– А новые куколки? – спросил я. – Они в безопасности?
Дарина заколебалась. Потом повернулась к одной из стен, сказала:
– Выходите.
В стене возникла дверь. За ней было еще одно помещение, совсем маленькое. На полу лежали матрасы и одеяла, явно принесенные сюда в спешке, стояли какие-то коробки и

бутылки. На матрасах сидели трое детей, одетых так же пестро и вразнобой, как и Наська. Мальчишек я не сразу узнал, во время нашей единственной встречи они спали, были лысые и тощие. Сейчас выглядели почти нормально, и волосы отросли.
А белокурая девочка хоть и преобразилась – ушел землистый цвет кожи, щеки стали румяные, вроде как и руки-ноги пополнели, – но с такими роскошными волосами осталась узнаваемой.
Дети осторожно вышли к нам. Смотрели молча, напряженно, ничего не говорили. Тьфу! Они уже не дети. Они – куколки.
– Это друзья, – сказала Дарина. – Не беспокойтесь. Слушайтесь их в меру разумного.
Три молчаливых кивка, три настороженных взгляда. Потом один из мальчиков спросил:
– Можно нам поиграть?
– Да, – ответила Дарина.
Я бы не удивился какой-нибудь затейливой инопланетной игре, каким-нибудь пляскам и прыжкам, но мальчишки сломя голову кинулись обратно в комнатку, плюхнулись рядом на матрас и похватали игровые приставки.
– Малышня, – сказала Наська снисходительно. – Стража будущая.
– Могу я остаться? – спросила белокурая девочка.
Дарина кивнула. Дверь за мальчишками закрылась.
– Гнездо плачет, – сказала девочка.
– Гнездо волнуется, – поправила ее Дарина. – Не беспокойся, Анна. Мы защищены.
– Могу я получить обзор и оценить обстановку? – спросила девочка.
Я невольно глянул на деда Борю. Тот смотрел на девочку с напряженным любопытством. Странно она себя вела. Мальчишки – понятно. Наська – тоже… или я к ней привык?
А эта девчонка, еще несколько дней назад умиравшая в больнице, вела себя слишком по-взрослому.
– Работай, – сказала Дарина.
Анна подошла к стене, уставилась в металлическую поверхность.
В стене возник экран. Здоровенный, метра три по диагонали. Изображение было таким четким, словно мы смотрели в окно.
Вот только в экран вместилось несколько десятков крошечных «окошек».
Куколка провела в воздухе рукой.
Изображения замелькали, сменяясь, сдвигаясь, смещая ракурс, увеличивая и уменьшая размер, приближаясь к каким-то точкам и удаляясь.
У меня сразу зарябило в глазах, я отвернулся.
Деда Боря кивнул. Я кивнул ему в ответ.
Эта маленькая белокурая девочка и была той куколкой, которую приходил убить монстр. Даже сейчас, в самом начале Изменения, она ушла неизмеримо дальше от нас, чем Наська или Дарина. Может быть, даже дальше хранителя или монаха.
Я впервые подумал, что общеизвестное мнение о семи типах Измененных: куколки, жницы, стражи, старшие стражи, монахи, хранитель, мать, – может быть неверным.
То, что мы знали, лишь верхушка айсберга, торчащая над гладью океана.
А что там, в глубине?
– Вот, – сказала девочка, опустив руки.
Я глянул на экран, и мне стало плохо.
Экран разделился на три части.
Фойе. Кабинет с медицинским оборудованием. Лестница.
На каждой картинке был монстр.
Два в точности походили на убитого мной. Здоровенные, шестилапые, с мохнатыми головами. На экране они выглядели полупрозрачными, почти скрытыми своей невидимостью. Один изучал пустые койки, приподнимал белье, будто ожидал увидеть под ним спрятавшихся детей, нюхал пустые флаконы из-под медицинских препаратов.
Другой бродил по фойе на шести лапах, временами прижимая голову к полу и касаясь ковров длинным тонким языком. Брал след?
Третий был более человекообразен. Ростом метра два, средние конечности недоразвиты, но при этом завершаются не ладонями, а какими-то костяными конусами. Лицо было почти человеческим, только лишенный волос череп поблескивал, словно натертый маслом. Монстр шел по лестнице, раскачиваясь и зыркая глазами в разные стороны. Потом остановился и уставился в экран.
Каким образом Гнездо за ним наблюдало, была ли эта видеокамера или что-то неизмеримо сложнее, не знаю. Но монстр наблюдение почувствовал. Остановился, открыл рот – явно издавая какой-то звук.

Две шестилапые твари бросили свои занятия и устремились куда-то.
– Оценка, – сказала Дарина. Ее пальцы на моей ладони напряглись.
– Два уничтожителя, один боец, – сказала Анна. – Это ровианская гвардия. Все трое завершены. Оценка… оценка… – Она помолчала. – Они пробьют оболочку.
Она вдруг как-то расслабилась, плечи девочки опустились, экран погас. Анна медленно повернула голову к Дарине. Спросила:
– Мы можем уйти? Сейчас?
– Не в резонансе, – ответила Дарина. Она о чем-то напряженно думала.
– Можно рискнуть…
– Нет, – сказала Дарина твердо. – Надо сражаться.
– Я не умею, – совсем по-детски ответила Анна. И тут же, будто переключившись, спросила: – Можно, я к мальчикам?
– А? – не поняла Дарина.
– У нас гонки!
Дарина помотала головой. Сказала:
– Да, конечно. Иди, играй.
Когда девочка ушла в открывшуюся на миг дверь, я спросил:
– Из-за нее весь сыр-бор?
– Выходит, – Дарина поежилась. – Я не знала, правда. Только после первой фазы стало ясно… Вы зря пришли, Максим. Два уничтожителя и боец. Мы не справимся.
– Призови меня, – сказал я.
Дарина покачала головой:
– Нет. Нет, Максим. Второй Призыв… невозможен.
Кажется, она чего-то недоговаривала. Но голос звучал твердо, и я понял, что второго Призыва не будет.
– Тогда меня призови, девочка, – сказала Елена. – Я готова. И Борис готов, да, Борис?
Деда Боря кивнул.
– Вы слишком старые, простите, – ответила Дарина. – Гнездо не сможет вас принять.
– Тогда призывай меня, – сказала Милана. Подошла к нам, встала рядом с Дариной, взяла ее за руку. – Давай. Не бойся.
– Нет…
– Почему? – спросила Милана. – Я всё вижу и понимаю, я в здравом уме и твердой памяти. И я младше Макса.
Дарина стояла и качала головой.
– Не обижайся на меня, – сказала Милана тихо. – Я не знала. Но я перед тобой виновата, так уж вышло. И хочу помочь. Призывай!
Дарина вздрогнула. Я увидел, что она плачет.
Милана вдруг обняла ее, мягко оттолкнула меня и стала что-то шептать Дарине на ухо. Не знаю, какие слова она нашла и что сказала, но Дарина вдруг улыбнулась. Смущенно и растерянно.
В стену, там, где была дверь, ударило – тяжело, раскатисто.
– Ты не сможешь, ты не справишься, – сказала Дарина, прекращая улыбаться. – Их трое!
– А нас двое, – сказал я. – Ну и вы подсобите.
– Я не смогу тебя призвать! – повторила Дарина с легкой досадой.
– Не надо, – я скинул сумку, достал маленький термос из Раменского Гнезда.
Дарина нахмурилась.
– Что это?
– Подарок от одного хранителя… – Я извлек ампулу, стал распечатывать шприц. – Концентрат мутагена первой фазы.
Дарина вздрогнула. Впрочем, вздрогнула вся комната – этот удар в дверь был сильнее предыдущего.
– У тебя есть другие предложения? – спросил я. Сбросил куртку, расстегнул рубашку, стянул с плеча. Проколол ампулу, она оказалась не стеклянной, а из пластика. Втянул в шприц густую фиолетовую жидкость.
Дарина покачала головой.
– Тогда мы попробуем, – сказал я.
– А это что? – Дарина достала второй термос. Открыла, хмуро посмотрела на ампулу. В той было что-то нежно-желтое. – Откуда?
– От Продавца. Но он не сказал, что это.
– Дайте им оружие! – сказала Дарина, обращаясь к Елене и деду Боре. – Что у вас, пистолеты? Патроны от Продавца?

– У меня пистолет и помповое ружье, – сказал деда Боря и полез в сумку. Значит, помповик Юрия остался у него, а я даже не обратил внимания…
В дверь теперь били непрерывно, с интервалом в секунду-две. Мне показалось, что металл стен начал течь, сдвигаясь к двери. Но, может быть, мне только показалось. Никаких голосов в сознании я не слышал, то ли металл «защищенной зоны» экранировал телепатическую речь, то ли монстры не считали нужным вступать в диалог.
– Ружье мне, а пистолет… девушка, из чего вы умеете стрелять?
Ну да, Милана ведь даже своего имени в суматохе не назвала…
– Из пистолета, – храбро ответила Милана.
Я чуть не взвыл, вспоминая, как объяснял ей, что такое спусковой крючок. Но деда Боря протянул Милане макаров, и она взяла.
– У меня обрез, дорогая, – сказала Елена.
– Справишься с пистолетом и обрезом? – спросила меня Дарина.
Я кивнул. Перезарядить, конечно, будет нереально. Но два выстрела, наверное, сделать успею. Елена протянула мне обрез, я взял, неловко сжимая в той же руке, что и набранный шприц.
– Не хотелось бы оставаться с ножичком, – сказал деда Боря, вручая Дарине помповик. – Да, там вперемешку те патроны, от которых каменеют, и те…
В стену ударило так сильно, что она прогнулась внутрь. Я почувствовал идущую от Гнезда волну ярости и страха. Могучую – и бессильную. Гнездо не могло ничего поделать само. Гнезду была нужна точка приложения силы. Нужен был живой инструмент, живое оружие.
– В том отсеке, – сказала Дарина быстро и кивнула на открывающуюся в стене дверь.
Там было что-то вроде очень большого шкафа, на полках лежали пистолеты, автоматы, винтовки, пулеметы… Всё обычное, земное.
И, как я понимаю, патроны там тоже были обычные.
Деда Боря кинулся к шкафу, Елена за ним.
Дарина заглянула мне в глаза. Прошептала:
– Выдержи, ладно?
И, вырвав шприц, воткнула иглу мне в бицепс.
В мышце вспыхнула и разгорелась огненная точка боли.
Случилось сразу многое.
Мир застыл, заледенел, остановился. Весь – кроме двух моих девушек.
Милана медленно запрокидывала голову, открывала рот в крике. Я понял, что сейчас происходит Призыв, – только не так мягко, как было со мной, на нее рушится всё и сразу, от ощущения Гнезда и до дарованного им ускорения тела.
Дарина вынимала шприц из моей руки, томительно неспешно, на кончике иглы дрожала капля мутагена, но жница все-таки двигалась куда быстрее человека.
Кажется, она что-то хотела мне сказать, но времени уже не было, и она лишь отстранялась, а пол под ногами вспучивался, кидая меня прямо в стену – где открывался проем.
И то же самое происходило с Миланой, пол под ней выгнулся, бросая ее в стену с другой стороны – и тоже открывая проход.
Только эти проходы были не в районе двери, а по бокам от нее, в стороне. За металлической стеной их закрывала гипсокартонная перегородка, в которую мы и летели со всей дури…
Я не чувствовал сейчас того единения с Гнездом, что раньше. Не было поддержки и защиты в полной мере. Но и чужим для Гнезда я не стал, какие-то крохи внимания мне доставались.
В последний миг из стены выросли, будто щупальца, отростки металла – и выбили гипсокартон и перед Миланой, и передо мной.
Нас выкинуло в концертный зал.
Два шестилапых монстра-уничтожителя стояли перед дверью, обнявшись за плечи и выставив средние конечности вперед. Что-то незримое, едва угадываемое, будто дрожь горячего воздуха, срывалось с их ладоней и било в дверь.
Монстр поменьше, которого Анна назвала бойцом, стоял за ними, сложив верхние конечности на груди. Я рассмотрел его лицо, почти обычное человеческое – лицо молодого парня, кажется, даже с прыщами на лбу. Зрение стало предельно резким, весь мир обрел ту ненормальную четкость, когда глаз одновременно фокусируется на предметах вблизи и вдали. Почему-то мне пришла мысль о бригадире, наблюдающем за двумя туповатыми рабочими, рушащими стену…

Боец был единственным, кто двигался в моем темпе. Даже шестилапые монстры продолжали тупо лупить в выгнутую воронкой дверь, едва-едва начав поворачиваться в мою сторону. И хорошо, что в мою, потому что Милана, пролетающая с другой стороны от них, всё никак не могла сгруппироваться и контролировать свое тело. Я лишь надеялся, что Гнездо помогает ей так же, как помогало мне…

А я просто был очень быстр, ловок и невесом. Мир казался игрушечным, вращающимся вокруг меня и подвластным моей воле. Эйфория накатывала с каждой… да нет, даже не секундой, прошло-то всего секунды две-три. Эйфория тащила меня за собой.

Повернувшись в воздухе (он был удивительно горячим), я нацелил дробовик и разрядил в головы уничтожителей – вначале убедившись, что Милана миновала линию выстрела.

Два облака дроби, пылающей красным и обычной, понеслись от стволов. Довольно быстро понеслись, но при желании я мог бы сосчитать каждую дробину.

К сожалению, тот монстр, что был ближе ко мне, получил почти весь заряд. Я видел, как дробины входят в его тело, вспыхивают – и от них начинает расползаться розовое мерцание. Кажется, этого уничтожителя можно было убирать из уравнения.

Во второго попала одна красная дробина и две «старого типа». Скорее всего, это должно было его убить, вот только как быстро?

Я выпустил разряженный обрез, и его унесло в сторону отдачей.

«Остановись!»

Боец уже бежал мне навстречу. И наводил на меня торчащие из средних лап «конусы», что мне совсем не нравилось.

Раздался выстрел. Потом еще один.

Милана все-таки собралась и начала стрелять. Но не в уничтожителя, что стоял с ее стороны, а в бегущего на меня бойца!

Пули неслись быстрыми, едва заметными огоньками. Боец взмахнул верхней лапой и отбил их в воздухе, метрах в трех от себя. Значит, с силовыми полями у него уже всё было в порядке…

«Не твоя война!»

Это был тот самый голос, этот боец приходил ко мне и молотил в дверь. Не моя война, значит? А чья же?

Я даже не пытался что-то крикнуть в ответ. У меня возникло нехорошее подозрение, что я порву себе голосовые связки, а может быть, и легкие.

Всё тело горело, будто в огне, но это не вызывало страха, только восторг.

Я начал стрелять в бойца.

Мы стремительно сближались, пистолет бил в руку, выпуская пулю за пулей, а боец отбивал каждую.

А краем глаза я видел разворачивающегося ко мне уничтожителя. У того посерела, обращаясь в камень, одна из рук, но он, я помнил, мог бить силовым полем со всех конечностей.

И я оказывался зажат между бойцом с его подозрительными «конусами» на руках и чудовищем, рубящим на расстоянии…

«Стреляй в уничтожителя! – закричал я мысленно. – Милана, убей уничтожителя!»

Нет, она меня не слышала. Но услышало Гнездо – я поймал что-то вроде ответа. Успокоительное касание, странный звук в голове, будто тысячи голосов едва слышно шепчут мне, что всё поняли.

Милана повернулась в воздухе, уже падая на спину, и принялась стрелять в уничтожителя. Я не видел, попадает она или нет, но она хотя бы стреляла. А еще начала открываться дверь – вряд ли Елена и деда Боря успели схватить оружие, теперь я понимал, что Дарина лишь отослала их от двери и от схватки. Значит, там сейчас стоит жница с помповым ружьем наизготовку…

Боец был совсем рядом, нас разделяло меньше двух метров, он то ли скалился, то ли ухмылялся – если бы не та скорость, с которой мы двигались и думали, я бы даже не успел его рассмотреть. Пистолет вхолостую щелкнул курком, и я понял, что ухитрился впустую расстрелять все патроны.

«Ты умрешь».

Его лицо становилось всё ближе, и я понял, что он не скалится, не ухмыляется, он плачет.

«Ты уже умер, мутаген в большой концентрации убивает. Взрослые умирают все, сформировавшийся организм не выносит Изменения, но ты умрешь быстро».

В этих словах-картинках не было ни ненависти, ни торжества. Боец информировал меня, как достойного противника, который пытался с ним справиться.

«Я тоже умру, не успеет пройти эта ночь. У меня был шанс, но тройная доза мутагена – слишком много. А ты умрешь меньше, чем через минуту».
Я бы хотел ему ответить. Может быть, что-то спросить и понять. Но я не умел разговаривать мысленными образами, меня слышало только Гнездо.
«Ты умрешь напрасно, я закончу начатое и зачищу Гнездо. Стратег не будет отправлена. Я убью здесь всех и умру, таков долг».
Неожиданно я понял, что он даже не станет меня убивать.
Что-то происходило с моими мозгами, я словно предвидел каждое следующее движение бойца, всё, что случится через секунду-другую.
Он поймает меня в воздухе, удерживая одной рукой, другой переломает мне руки и ноги, потом бросит на пол – и побежит в открывающиеся двери, навстречу жнице. По пути взмахом рогового «конуса» на средней конечности он убьет Милану (я даже понял, как всё будет: тонкий испепеляющий луч вырвется из конуса – это одноразовое оружие, конус сгорит, но боец не оставит Милану в тылу). Потом он убьет Дарину – он быстрее, только чудовищная доза мутагена, сжигающая мою плоть, позволяет мне держаться с ним наравне. Потом будет короткая бойня в «защищенной зоне», потом он вскроет маленькую комнату и разорвет на части девочку-стратега и мальчишек. А потом ляжет и будет умирать.
Таков долг.
Вот только у меня тоже есть долг, и он другой.
Мое бунтующее, умирающее тело, вышвырнутое из «защищенной зоны» импровизированной катапультой, долетело до бойца. Широченная ладонь схватила меня за бок, я почувствовал, как ломаются ребра и лопается что-то внутри, под сердцем.
Но я сгорал в Изменении, и мне было плевать на такие мелочи.
Правой рукой я поймал его ладонь, тянущуюся ко мне. Дернул, как мне показалось, почти нежно.
И совершил ровно то, что собирался сделать со мной боец. Оторвал ему руку в локте.
«Сколько мутагена ты принял?»
Казалось, что его и впрямь занимает этот вопрос, а не оторванная рука и брызнувшая кровь.
Как жаль, что я не могу ему ответить, что очень, очень много!
В роговом конусе стало открываться крошечное отверстие. Теперь боец решил меня сжечь, как я и предвидел. Удивительное чувство – знать наперед все его действия.
Я перехватил короткую ручонку и вывернул на бойца ровно в то мгновение, когда он уже не мог остановить выстрел.
В глазах, совсем человеческих, ничего не изменилось. Его тело не успевало за мыслью.
Зато я разглядел, что парень был совсем молодой, лет восемнадцати-двадцати. Не повезло…
«Зря. Мы все для них мусор».
Конус выпустил ослепительный луч, мгновенно охвативший тело бойца. Я рухнул, все еще с обрубком вцепившейся в меня руки, на мне пылала рубашка. Я чувствовал, как беспощадная сила мутагена исцеляет мое тело, но лишь для того, чтобы через минуту убить – в безнадежной попытке Изменения.
Но ведь у нас получилось?
Приподняв голову, я увидел бегущую жницу. На ходу Дарина стреляла из помповика в лежащего уничтожителя, тот вздрагивал от каждого выстрела и уже не пытался подняться. Она перезаряжала помповик взмахом руки, как в кино, и это было красиво, я даже залюбовался.
Когда она склонилась надо мной, мы с ней уже сравнялись в скорости движения. И, видимо, замедлились достаточно, чтобы можно было говорить голосом.
– Прости, прости, прости… – повторяла Дарина. В руке она сжимала шприц.
Меня били судороги. Зачем ей шприц с лимонно-желтой жидкостью?
– Это возвратный мутаген, он отменяет все изменения…
Почему она медлит?
Почему не делает мне укол, если эта штука может спасти?
А потом я улыбнулся. Сказал:
– Хорошо… Ты можешь стать человеком.
И закрыл глаза.

Часть третья

Глава первая

Чем раньше служила эта комнатка – не знаю. Может быть, кабинетом самому мелкому клерку. А может быть, тут уборщица хранила ведра и швабры.
Она даже располагалась под лестницей, потолок был хоть высокий, но скошенный. Но в отличие от каморки Гарри Поттера в книжке, тут имелось небольшое окно, сейчас густо заросшее паутиной.
И, конечно же, всюду валялись матрасы, одеяла, подушки, пледы.
Маленькое мягкое гнездышко в большом мягком Гнезде.
– Ты и правда думал, что я вколю возвратный мутаген себе? – спросила Дарина.
Она лежала рядом, укрывшись простыней. Сброшенный комбинезон горкой черной чешуи поблескивал у дверей.
– Я надеялся, – сказал я. – Я хочу, чтобы ты вновь стала человеком.
Дарина нахмурилась.
– А так – плохо?
Вздохнув, я привлек ее к себе. Ответил:
– Нет. Не плохо… Дарина, я соврал. Я думал, что ты сомневаешься, делать ли мне укол. Ты сидела рядом, а я умирал.
– Глупый, – она обняла меня в ответ. – Я не сомневалась. Я ждала. Ты был весь поломанный. Инициирующий концентрат одновременно лечил и убивал. Надо было поймать нужный момент, чтобы ввести возвратный мутаген.
Я уже это понимал. Она ввела мне желтую жидкость, уколола в шею, в артерию. А потом взяла на руки, легко, будто ребенка. И утащила в каморку под лестницей.
Здесь было мягко и тихо. Дарина раздела меня, потом разделась сама и прижималась, успокаивая и согревая своим теплом. Меня трясло, мутило, ломало – в организме боролись две силы. Одна пыталась сделать невозможное – превратить меня в Измененного. Другая останавливала процесс, возвращала меня обратно.
Возвратный мутаген победил.
– Я пойду к тому Продавцу, – сказал я. – Куплю еще этой штуки. Для тебя. И для Наськи тоже.
– Он не продаст, – уверенно сказала Дарина. – Я лишь слышала, что такой мутаген есть, но никогда не держала в руках. Он продал лишь потому, что понимал, для кого. Продавцы очень умные.
– Я буду настойчив, – сказал я.
– Максим… Спасибо. Но я отвечаю за Гнездо. Даже если мы восстановимся и мне не придется меняться дальше, я не смогу уйти. Слишком много погибших. Давай надеяться, что я останусь жницей? Ведь когда я жница, это ничего, это нормально? У меня только глаза сиреневые. Я даже волосы могу длиннее отпустить!
– Мне нравятся твои глаза, – сказал я. – И волосы. И всё остальное.
Но про себя я подумал, что все равно пойду к Продавцу. И куплю этот возвратный мутаген. Если продали раз, продадут и другой. Всегда найдется то, что Продавцу хочется купить. У меня еще много редких кристаллов.
– Так ты здесь живешь? – сменил я тему.
– Угу… А ты думал, мы спим вповалку на полу?
– Честно? Так и думал, – признался я.
Дарина тихо рассмеялась.
– Я тут с самого первого дня. Это моя комната.
– Почему у вас в Гнезде всё завалено тряпками? – спросил я. – А в других – зеркала, веревки… что там еще бывает?
– Песок… металл… Я не стану объяснять. Не могу!
– Мне кажется, я догадываюсь, – сказал я. Но Дарина болезненно поморщилась, и я не стал продолжать. Вместо этого мотнул головой, указывая на фотографию, пришпиленную к стене. – А еще мне понятно, как ты меня узнала.
Это была старая школьная фотка из альбома, который делали после десятого класса, – двадцать шесть человек, считая нашего классного руководителя. Он жив, кстати, до сих пор в школе работает, преподает физику и астрономию. Очень популярна стала астрономия, хотя на звезды теперь смотреть трудно…

Я на фотке был крайний слева в дальнем ряду. Стоял и улыбался. Юный, самоуверенный и глупый (как я сейчас понимаю). Ростислав в первом ряду по центру, очень серьезный, но тоже самоуверенный.
– Первый год я все время на фотку смотрела, – сказала Дарина. – Чтобы не свихнуться. Наверное, все-таки свихнулась, но по-другому. Стала разговаривать. Вначале с братом, потом с его одноклассниками.
– Я отвечал? – спросил я серьезно.
– Да ну тебя… – Дарина вздохнула. – Максим, ты нас второй раз спас.
– А если будет третий?
– Всё дело в Анне, – сказала Дарина. – Ты же видел, как на нее подействовал мутаген?
– Стратег, – сказал я задумчиво.
– Да. Это большая редкость. Огромная честь для Гнезда, что куколка попала к нам.
– Дарина, я одного не понимаю. Если на ее уничтожение брошены такие силы, почему девочку не убили в больнице?
– Запрещено, – сказала Дарина. – Людей убивать запрещено, только при самообороне!
– Кому запрещено?
Она молчала.
– Кем запрещено?
– Максим…
– Ладно, молчу-молчу, – я погладил ее по щеке. – Чушь, конечно. Я вроде как уже понял… Ты можешь ее убрать из Гнезда? И она будет в безопасности, и вы.
– Могу. Но не сейчас.
– Не в резонансе, – вспомнил я ее слова.
– Да.
– И когда будет… резонировать?
– Через двое суток.
– Может, попросить помощи у других Гнезд? У Инсеков?
– Гнезда не будут вмешиваться, – Дарина вздохнула. – Я всё обдумала. Хорошо хоть, что все московские держат нейтралитет. Инсеки в курсе… почему не вмешиваются – не знаю. Там свой баланс отношений.
Я проглотил непроизнесенный вопрос «там – это где?»
Ответ, в общем-то, понятен.
Наверху. В небе. В космосе.
– Могут прийти новые монстры?
– Вряд ли, – поколебавшись, ответила Дарина. – Процесс Изменения, даже при повышенной дозе мутагена, занимает несколько дней. Когда мы с Наськой остались одни, я получила доступ к базе знаний хранителя и многое поняла… в общем, создать уничтожителей или бойцов так быстро невозможно. Даже эти были сделаны ускоренно и обречены.
– Боец сказал, что умрет к утру… – подтвердил я.
– Вы уничтожили тех, кто был в процессе подготовки. А новых надо еще завербовать, причем объяснить им, что они смертники…
– Завербовать?
– Только добровольцы, – подтвердила Дарина. – Ты удивишься, сколько желающих стать Измененным… хотя бы ненадолго. И все равно потребуется три-четыре дня. Скорее всего, новых монстров в запасе нет.

– Тогда надо выждать два дня, вы
отправите
стратега…

– Да, – согласилась Дарина, не отреагировав на «отправите».
– Я поживу у вас, – предложил я.
– Максим, у нас нет концентрата мутагена. Ты ничем не поможешь, если все-таки случится нападение. Сейчас всё хорошо. Давай не будем говорить о плохом…
Дарина присела, провела ладонью мне по груди. Сказала:
– Пойду посмотрю, как Милана. Наська должна была справиться, но я проверю.
– Дарина… – неловко сказал я, глядя на ее коленки. Про то, как себя чувствует Милана, я спросил первым делом, как только понял, что живой. И это меня грызло.
– Максим, я не сержусь. Я всё понимаю. Она – человек, я – нет. У меня даже ребенка от тебя не может быть.
– И не надо, – сказал я. – Наську удочерим, я к ней уже привык.

– Ох уж нет, – жница рассмеялась. – Ты не представляешь, какая она заноза… Максим, я правда не сержусь. Хватит об этом говорить. Я даже не буду против, если у вас с Миланой… ну, продолжатся отношения.
Она встала, я поймал ее за лодыжку.
– Подожди…
– Тебе надо отдыхать, – Дарина погрозила мне пальцем. – Набирайся сил, герой.
Комбинезон она натянула за несколько секунд, потом пригладила короткий ежик волос и вышла. Я остался лежать.
Ну, наверное, мне надо порадоваться. Да?
Знаю толпу ребят, которые воскликнули бы завистливо: «Блин, вот повезло-то!»
Я сел, дотянулся до полупустого термоса с питательным субстратом, которым меня отпаивала Дарина. Морщась, выпил пару глотков. Голова слегка кружилась, и руки подрагивали. Но жница сказала, что это пройдет. Это восстанавливаются поврежденные нейроны, с ними всегда сложнее всего. При несостоявшемся Изменении сильнее всего страдает мозг.
О моем состоянии говорит то, что я даже не отреагировал на эту информацию.
Неспешно одеваясь (вместо полусгоревшей рубашки Дарина выдала мне новую), я с любопытством оглядывал комнатушку. Мебели тут практически не было, спала Дарина на полу, одеждой ей служил комбинезон. Интересно, хоть сменка есть? Вряд ли, он же самоочищается и восстанавливается.
Только в углу стояла тумба, обычная конторская тумба на роликах, какие ставят под офисные столы.
Искушение было слишком велико, я осторожно открыл верхний ящик.
Там были какие-то бумаги, записные книжки. Я их не стал смотреть, конечно.
Еще там лежала кукла. Дурацкая маленькая пластиковая кукла со слишком большой головой, я смутно вспомнил, что это какая-то модная серия игрушек, их рекламу крутили незадолго до Перемены. Голова куклы была чуть-чуть смята и обуглена. Рядом лежала целая стопка крошечных одежек, очень бережно сложенных и вроде даже разглаженных. Но сама кукла была одета в старательно, хоть и неумело сшитый черный комбинезон. В углу ящика лежал почти пустой флакончик детских духов «Маленькая волшебница». И какие-то фотографии на выцветшей бумаге, наверное, родителей Ростика и Дарины.
Я захлопнул ящик, будто обжегся. А через несколько секунд или минут понял, что стою у стены, прижимаясь лицом к сырому ковру, и рыдаю навзрыд. Кого-то проклинаю, в чем-то клянусь и сжимаю кулаки в бессильной злости.
Это всё повреждения мозга, конечно. Мне совершенно не свойственны такие эмоциональные реакции.
Постепенно я успокоился. Подошел к окну. Там сеял ровный, тихий дождь. Где-то вдали погромыхивал гром, то ли приближаясь, то ли удаляясь от Москвы.
– Я вас всех убью, – пообещал я пустоте за окном. – Не знаю, как, но я обязательно вас убью, суки. И тех, и этих! И всех остальных!
Вдалеке раскатился гром, и я решил, что это хороший знак.
Кто среди супергероев из старых фильмов отвечал за гром? Тор, конечно.
Путешествовал по радужному мосту и помогал защищать Землю.
Увы, Тор не пришел, да и у нас супергероев, кроме как в кино, не нашлось.
А по радужным мостам, или что там вместо них, явились совсем другие пришельцы.
Мы им нужны не для дружбы или союза. Им требуется всего-то миллион-другой человеческих особей в год. Причем они настолько добры, что никого не забирают силой, – мы сами отдаем.
И тем, кто остается в Гнездах – поддерживать их существование и обучать куколок, – еще, можно сказать, повезло.
Я вдруг почувствовал, как теплая волна ласково и печально коснулась моего сознания.
– Что сказать-то хочешь? – спросил я Гнездо. – Могло бы и помочь в бою…
Гнездо ответило. Не образами-символами, как разговаривал боец. Скорее эмоцией, но понятной.
Оно помогало. Но была Милана, и следовало работать с ней, а я справлялся…
– Тогда не замолкай больше, – попросил я. – У меня и так мозги набекрень, с тобой хоть как-то… симметрично все выходит. Лучше скажи, ты со мной или с Инсеками?
Оно было не с Инсеками. Скорее уж со мной… но в первую очередь со всеми, кто жил в Гнезде… кто прошел через него… кто оставил отпечаток своего сознания…
Я даже дыхание задержал, осознавая. Гнездо не было каким-то отдельным устройством, органическим или техническим, – оно даже не было материальным в обывательском понимании. Гнездо – такая же «сложная волновая структура», как и

наложенная на меня печать Призыва. Да и печать Призыва была частью Гнезда, я носил ее в себе, а сам стал… стал его частью…
Сейчас я говорил с теми тысячами детей и подростков, что прошли сквозь Гнездо. И с самим собой – тоже.
– Ты могло что-то сделать? – спросил я. – Чем-то помочь? Даринке… всем им? Чтобы не было… такого?
Голос Гнезда почти стих, стал едва слышен. Нет, оно не могло помочь. Оно утешало, успокаивало, учило, развлекало, убаюкивало… Оно не могло помочь. Оно даже не могло дать больше сил тому, кто уже в нем. И мне не сможет снова помочь в полной мере. Призыв возможен лишь один раз. Теперь я не чужой и, значит, не смогу получить ту силу, ту скорость, тот щит, что были со мной в первую схватку…
– Тогда просто не уходи, – сказал я. – И Дарине помогай, ладно?
Я оторвался от стены, вытер мокрое лицо.
И вдруг подумал, что мне впервые стало для чего жить.
Потому что живут, по большому-то счету, не для того, чего можно достигнуть. Не для денег, власти, знаний, секса, даже не для любви. Живут для того, чего невозможно добиться.
Для того, чтобы парализованная девочка, лежа в одиночестве в комнате под лестницей, чувствуя, как уходит болезнь – и одновременно часть ее человеческой сущности, – не выкраивала из собственного комбинезона одежду для чудом не сгоревшей куклы.
Я не знаю, как можно бороться с теми, кто разобрал на кусочки Луну. Или с теми, кто сотни или тысячи лет скрытно жил среди людей.
Но я буду пытаться.
– Максим! Ну зачем ты встал?
Дарина стояла у дверей и тревожно смотрела на меня. Я почувствовал, что она спрашивает Гнездо – не о том, что я делал, она доверяла, – а о том, что я сейчас чувствую, не плохо ли мне.
И я попросил Гнездо соврать. Точнее, не говорить всей правды.
– Уже нормально, – сказал я. – Всё в порядке, я крепкий.
Дарина глянула с подозрением, но, видимо, ответ Гнезда ее успокоил.
– Милана тоже в порядке. Гнездо хорошо ее защищало. Пойдем?
– Конечно, – сказал я.
* * *
Милана и впрямь была в норме. Когда мы вошли в комнату, где она была с Наськой (куда больше и светлее, чем место обитания Дарины), Милана заканчивала одеваться, застегивала блузку. Ну вот опять эти сложности наших отношений…
– Максим! – Она искренне обрадовалась моему появлению, шагнула навстречу. – Ты… как новенький!
– А был не очень? – спросил я, машинально отвечая на поцелуй. Хорошо хоть, в последнее мгновение Милана сообразила чмокнуть меня в щеку.
– Краше в гроб кладут, – честно сказала она. – Максим, мы справились!
– Без тебя я бы не смог.
– Мы уже всё решили, – Милана обняла Наську. – Обсудили с мелкой.
– Эй! – возмутилась Наська.
– Я поживу тут два-три дня, – сказала Милана. – В состоянии Призыва. Наська сказала, что три дня можно.
– Лучше два, – поморщилась Дарина. – Но нам и надо два…
– Вот, еще лучше. Если что, я смогу помочь Гнезду. А через два дня Дарина куда-то эвакуирует Анну. И нападать на Гнездо не будет смысла.
– Хороший план, – скрепя сердце, признал я.
– Единственно возможный, – уточнила Милана. – Нет, ну не можем ведь мы после всего позволить уничтожить Гнездо?
Я глянул на Дарину. Она неохотно кивнула.
– А твой институт?
– Максим! Если я расскажу, что со мной было, и напишу статью в научный журнал, – меня не то что в институте оставят, сразу в аспирантуру зачислят. Ты знаешь, что всего семь человек до нас были призваны? А пережили Призыв лишь трое! Один потом застрелился, одна женщина ушла в монастырь, и еще одна завербовалась смотрителем на маяк, живет там в полном одиночестве уже два года…
– Хлопушки-воробышки, – сказал я. – Ну капец какой! Ошеломляющая перспектива!
– Не ругайся, – нахмурилась Милана. – Тут ребенок.
– Он не ругается, – ехидно сказала Наська. – «Капец» – это старинное русское слово. Обозначало насыпь между двумя территориями. А ты чего подумала?

Милана с сомнением поглядела на нее, но спорить не стала. Сказала:
– Ну ты вроде как на маяк не завербовался. И в монастырь не стремишься, это я точно знаю…
Она смущенно осеклась.
– Максим, тебе жарко? – невинно спросила Наська. – Ты весь красный стал.
– Дарина, куколок разрешено наказывать? – спросил я.
– В угол ставим иногда, – призналась Дарина.
Наська быстро зажала рот ладонью.
– Где наше старичье? – спросил я, уходя от сомнительных тем.
– С куколками. Им всем полезно пообщаться. Пойдем к ним?
Я кивнул.
Деда Боря и Елена в бою поучаствовать не успели. Собственно говоря, они успели только схватить какое-то оружие, когда всё закончилось, – весь бой длился секунды три. Как я понял, со стороны это выглядело так: пол вспучился, нас с Миланой швырнуло сквозь стену (они даже не заметили, что не мы ее проломили своими телами), раздался грохот выстрелов, вспышка, Дарина унеслась куда-то со мной на руках, а Наська принялась тормошить Милану.
Ну и образовалось три мертвых монстра в разной степени повреждения: два окаменевших, один наполовину сгоревший.
Адреналина старики получили полной мерой. Деда Боря до сих пор выглядел так, будто готов был кинуться в рукопашную.
И они наотрез отказались уходить.
– Если ты нас выставишь, Дарина, – сказала Елена, – то мы, конечно, уйдем. Но это действительно то, чего ты хочешь? Вам ведь надо приводить Гнездо в порядок. И за малышами следить…
Куколками она их упорно не называла.
– И я могла бы приготовить вам нормальной еды, – продолжила она. – Я даже… – она сделала паузу, – могу испечь перемячи.
Увидев недоуменные взгляды, она пояснила со вздохом:
– Беляши. Жирные, вредные.
Дарина глянула на меня. Я пожал плечами.
– Полагаю… – Дарина вздохнула. – Это не более странно, чем всё случившееся. А беляши – это вкусно?
– Я тебя научу, девочка, – коварно предложила Елена. Потом повернулась ко мне: – Максим, а тебе бы пойти домой. И выспаться. Я оставлю тебе попробовать.
– Спасибо, – сказал я. – Знаете, а я пойду! Действительно, надо отдохнуть.
Кажется, они удивились тому, как легко я согласился.
И только Дарина вздохнула и с сомнением покачала головой. Она поняла, конечно, куда я собираюсь идти.
– Метро откроется часа через три, – сказала она.
– Зонтик дашь? – с невинной улыбкой попросил я.

Глава вторая

Дождь был хорошим, ровным и теплым. Раньше такие шли в мае или июне. Гроза, отдалившаяся от Москвы, снова приближалась, но пока поблескивало и громыхало где-то в отдалении.
Шлепая по лужам, укрываясь под здоровенным зонтом-тростью – женским, с принтом из орхидей и золочеными спицами, – я шел к Комку на Леонтьевском. Метро закрыто, до Мичуринского проспекта я не доберусь, но какая разница? У Продавцов общий ассортимент и, как я убедился, конкуренция.
Раньше я остерегался ходить ночами, и не без оснований. Москва в двухтысячных была безопасным городом, в старших классах я часто возвращался за полночь, и родители особо не волновались. Но это было другое время, полное видеокамер, ярких фонарей, трекинга мобильников и многолюдных улиц. После Перемены появилось много людей не то чтобы совсем уж бедных или агрессивных… скорее тех, для кого ценность жизни снизилась. Появление Инсеков сломало какие-то духовные тормоза, как ни напыщенно это звучит. Кто-то ударился в религию, а многие, напротив, разуверились во всем – включая Бога, в которого вроде как и не верили всерьез. Если раньше тебя могли просто прижать к стене и вывернуть карманы, то нынче вначале били со всей дури по

башке дубинкой. Причем не ради грабежа, а просто так. Уложили – и пошли спокойно дальше.
Но сейчас мне были смешны прежние страхи.
Когда я подошел к Комку, от бугристой стены внезапно отделились две темные фигуры. Парни моих лет, в куртках с надвинутыми капюшонами… ну, конечно же, они просто остановились полюбоваться московской архитектурой и насладиться прекрасной погодой.
– Братка, не найдется лишнего фиолетового? – спросил один. Руку он держал в кармане.
– Не подаю, – ответил я неожиданно для самого себя. – Еще вопросы?
Внезапная помеха со стороны двух глупых и агрессивных молодых людей раздражала. Впрочем, решить ее можно было быстро, буквально мимоходом.
Зонт, который я держал, заканчивался красивым золоченым стержнем. Я очень спокойно и четко представил, как втыкаю его в горло парню, задавшему вопрос, отступаю на шаг в сторону…
Что-то у меня в лице появилось нехорошее. Недоброе. Предвкушающее.
Второй парень взял товарища за локоть, оттянул в сторону. Сказал:
– Мы просто спросить, братка… без обид.
– Хрен моржовый тебе брат, – ответил я. Прошел в Комок. И услышал за спиной торопливые шаги: незадачливые грабители поспешно удалялись. Чем человек проще, тем лучше у него развиты инстинкты.
Ну надо же, что это на меня так накатило! Я действительно готов был их убить, просто чтобы не мешали. Сам не свой стал. Видимо, нервы не выдерживают, последствия неудавшегося Изменения…
Продавец стоял у стойки.
Спят они вообще когда-нибудь?
– О, да вы весь на адреналине! – жизнерадостно сказал Продавец. – Резкий, дерзкий и с великолепным зонтиком!
– И вам доброй ночи, – я подошел, сложил зонт и облокотился на стойку. Спросил: – Кто вы такие, а?
– Мы продаем и покупаем, – с готовностью ответил Продавец. – Любой каприз за ваши кристаллы.
Другого ответа и ждать не стоило.
– Но вы же не Инсеки, нет? – спросил я.
Продавец возмущенно замотал головой.
– И не те, кто владел Землей до них?
– Нет-нет. Их мы вообще не любим, – ответил Продавец и неожиданно хихикнул. – Они против свободы торговли, это некрасиво… Да, вас можно поздравить с еще одной победой!
– Можно, – согласился я. – А кто они: те, кого вы не любите?
Продавец покачал головой.
– Называйте их «Прежние». Вполне достаточно для понимания.
– Хоть на кого похожи? – спросил я. – Вроде людей, но словно на шарнирах, гибкие, в разные стороны выворачиваются?
– Нет-нет, – Продавец опять хихикнул. – Это их слуги. Выглядят эффектно, но полная ерунда… Итак, вы хотите что-то купить, Максим?
Ясно. Больше пустых разговоров не будет.
– У вашего коллеги на Мичуринском я покупал возвратный мутаген, – сказал я.
– Это почти строчка из песни! – восхитился Продавец. – Под гитару, на три аккорда. «У вашего коллеги на…»
Он что, пьяный, что ли? Какая-то необычная разговорчивость и веселость.
– Мне нужен еще!
– Понимаю, – кивнул Продавец. – Романтика! Когда поцелуй истинной любви не спасает заколдованную принцессу, то все-таки приходится прибегнуть к волшебному зелью.
– Поэтично, – мрачно сказал я. – Прям как в диснеевском мультике.
– Обожаю мультипликацию, – сообщил Продавец. – У людей чудесная массовая культура… Нет.
– Что «нет»?
– Я не продам вам возвратный мутаген.
– Не можете или не хотите? – прямо спросил я.
– И то, и другое. Мой коллега прошел по самой грани, видите ли. Он не сказал, что именно вам дает, и удачно всё просчитал. Это своего рода вознаграждение, понимаете?

Вам лично. За то, что вы испортили всю игру тем, кого мы не любим. Но если я или кто-то другой продаст вам еще одну порцию возвратного мутагена… что случится?
Я молчал.
– Вы отнесете его своей жнице! – Продавец поднял руку и погрозил мне пальцем. – А это совсем другое дело! Грозит серьезными проблемами с Инсеками.
– Но ведь не убьют вас за это!
– Меня – нет, – из голоса Продавца исчезло ерничество. – Максим, послушайте добрый совет… а он добрый, потому что вы мне симпатичны. Забудьте о возвратном мутагене. Дарина его не станет принимать.
– Почему? – жалко спросил я.
– По целому ряду причин. Она отвечает за Гнездо, она боится за вас, она боится за себя. Она знает свой долг. Прислушайтесь к моим словам, вы мне…
– Симпатичен, уже слышал! – выкрикнул я. – Чудеса какие, все мне признаются в симпатии, только помочь никто не хочет!
Продавец развел руками.
– Могу я хоть как-то вас убедить? – спросил я беспомощно.
– Сомневаюсь. Но хорошо, что вы не угрожаете мне оружием, это меня бы ужасно огорчило.
Я стоял в пустом Комке напротив вежливого и говорливого Продавца и пытался найти слова, которые его убедят.
– Ну что-то же, наверное, может изменить ваше мнение? – спросил я.
Продавец поднял руку и совсем по-человечески почесал кончик носа.
– Что-то, что-то… Нет.
– Кристаллы…
– Мы любим кристаллы, – оживился Продавец. – Это хороший товар. Но он не стоит ссоры с Инсеками. Хотите горячего чаю? Я угощаю.
Я ничего не ответил, и Продавец, похоже, принял это за согласие. Исчез за занавесом, вернулся почти сразу, держа большую кружку.
– Горячий, свежезаваренный, без всяких добавок… Сила в простоте, правда?
Взяв кружку, я сделал маленький глоток и внимательно посмотрел на Продавца.
– Сила в простоте?
Продавец вздохнул.
– Максим. Я понимаю. Ваша массовая культура содержит целый ряд стереотипов. Вот некоторые из них: героический юноша всегда спасает свою девушку, благородный одиночка противостоит немыслимой силе и побеждает, в минуту горести и душевных терзаний обязательно найдется мудрый наставник, который намекнет на путь к победе…
Он наклонился ко мне через стойку. Зашептал – я даже уловил запах дыхания, и он не был человеческим, терпкий душный запах, напоминающий аромат тропических цветов. Не противный, но чужой. Похожий на запах принесенного мне чая.
– Вы герой, юноша, конечно же. Но дикари-одиночки, при всем благородстве, не побеждают более развитые культуры, вы должны это знать хотя бы по курсу земной истории. И уж точно я – не мудрый наставник, который намекает вам на путь к победе. Я занимаюсь торговлей, и меня радует, что вы больно щелкнули по носу тех, кто веками не пускал нас на перспективный рынок. Я желаю вам всего доброго в жизни, но не собираюсь ради вас ссориться с Инсеками. И в вашей чашке – чай. Всего лишь хороший чай, который не стоит портить сахаром, молоком или лимоном. Вы взбудоражены, пережили две волны Изменения и промокли под дождем. Мне не хочется, чтобы вы заболели. Вот и все.
Продавец медленно склонил голову над моей чашкой, вдохнул аромат. Сказал:
– «Да хун пао». С материнских деревьев… Говорят, это самый редкий и вкусный чай на Земле. Не знаю, не пью этот напиток.
– Мне не понравилось, – сказал я, ставя чашку.
– Верю, – согласился Продавец. – И даже сочувствую.
Когда я вышел на улицу, дождь усилился, и гроза приблизилась. Я едва успел дойти до дома, прежде чем ливень обрушился стеной, никакой зонт бы не спас.

Наверное, я и в самом деле на какой-то миг подумал, что Продавец пытается мне что-то подсказать. Ну, всегда хочется получить неожиданную подмогу, верно?
Но всерьез я на это все-таки не рассчитывал. Потому и не расстроился.
А чай, кстати, был очень вкусный. Зря не допил…
Слабый шум за спиной я услышал, когда открывал дверь квартиры. Обернулся – и увидел отца на лестнице. Кажется, он смутился.

– Пап? – удивленно произнес я.
– Мусор выносил, – быстро сказал отец.
Я не стал говорить про три часа ночи, кивнул. Отец, шаркая тапочками, спустился ко мне. Сказал:
– Мать волновалась. Ты редко ночуешь не дома.
– Всё нормально, – сказал я.
Отец сделал вид, что верит. Заметил:
– Рубашка красивая.
На зонтик он деликатно не обратил внимания.
– Дарина подарила, – сказал я. Не уточняя, конечно, что предыдущая сгорела прямо на мне.
– Максим… если что, мы с мамой не против.
– Чего? – не понял я.
– Того, что ты встречаешься с Измененной. Если тебе важно наше мнение!
Я подумал и кивнул:
– Важно.
Отец неловко обнял меня и пошел наверх.
– Пап! – сказал я.
Он остановился.
– Я буду предупреждать. Если задерживаюсь. Извини!
Отец улыбнулся.
– Ты совсем взрослый, Максим. Но нам будет приятно, да…
И пошел вверх по лестнице.
Я почему-то подумал, что, когда отец смотрит на меня – он видит не только взрослого человека со щетиной на щеках. Он видит и младенца, и ребенка, и подростка. Видит, каким я был и, пожалуй, немного таким, каким стану.
И это, наверное, одновременно круто – и трудно.
Потому что всегда надо выбирать, с кем разговариваешь, а ошибиться очень легко…
Войдя к себе, я запер дверь, оставил открытый зонт сушиться. Постоял, размышляя, не принять ли душ. Решил, что не стану. Мне казалось, что от меня еще пахнет жницей. Так что я пошел в спальню, разделся в темноте, обтерся валявшимся на стуле халатом и рухнул в кровать. Надо поспать.
Но сон не шел.
Мудрого наставника у меня нет. Разве что папа. Но он в этих делах не разбирается… и слава Богу. Есть неглупый полицейский начальник Лихачев, но он связан по рукам и ногам уставами и приказами. Есть немало умных и знающих людей во власти, но и они не пикнут, максимум – закроют глаза на мои партизанские действия. Ну и как их упрекнуть, сильных и богатых, восемь лет назад уверенных, что владеют миром, а теперь работающих буфером между Инсеками и людьми? Начнешь наглеть – пришельцы случайно уронят на Кремль маленький кусочек Луны. Потом даже извинятся… Есть Продавцы, которые ни во что вмешиваться не станут, максимум – патроны продадут, чтобы старым врагам подгадить… Есть Инсеки, которые всё это и затеяли. Есть Измененные, которые так или иначе пришельцам подчиняются. Есть маленькая компания злых на Инсеков стариков, которые готовы пострелять и даже готовы умереть… настоящие старики-разбойники… но они даже пройти Призыв не способны.
Всё.
Зато того, чего нет, – целая Вселенная.
Ну так, может, об этом и подумать? Как научила Милана – думать комплексно, оценивать не только то, что я знаю, но и неизвестное.
А чего я не знаю?
Во-первых, откуда пришли Инсеки, Продавцы и те, предыдущие, которых старики-разбойники называют «рептилоидами». Во-вторых, тонкостей их взаимоотношений. В-третьих, правил поведения по отношению к людям.
Ведь это всё очень важно. Они неизмеримо могущественнее людей, даже те, таящиеся на Земле от Инсеков. Чего стоило им послать… да не монстра даже, а одного из этих слуг, с выкручивающимися в разные стороны руками-ногами. Пришла такая докторша в больницу – и сделала девочке-стратегу укол. И девочка даже до Гнезда не доехала, и никто не заподозрил неладного.
Но нет же! Они дожидались, пока маленькую Анну доставят в Гнездо.
Значит, даже эти твари, которым на людей плевать, связаны какими-то правилами.
«Только добровольцы», – обмолвилась Дарина о монстрах. И дети, которых берут в Гнезда, – добровольцы, по крайней мере, их родители подписали документы об отказе.

Что за формальности, что за бюрократия, если ты рушишь на куски планеты?
Правила. Всегда и везде есть правила! Они могут быть не видны на первый взгляд, они могут казаться непонятными и нелогичными, но они есть.
Вот только как их узнать?
С этой мыслью я уснул. И если даже мне во сне пришла в голову гениальная мысль, как Менделееву с его таблицей, то никого там не застала и ушла.

Проснулся я около десяти. Учитывая, что лег в четыре утра, – довольно рано. Принял душ, побрился. А потом сделал себе кружку крепкого кофе, плеснул в него молока и уселся на подоконник, глядя в переулок. По-прежнему шел дождь, гроза бродила вокруг Москвы, на улице почти никого не было. Перемена проредила население столицы почти в два раза, люди как-то дружно решили, что лучше жить подальше от больших городов. Центр-то все равно обитаем, а вот в спальных районах целые дома, а то и кварталы стоят полупустые.
Я пил кофе и думал о том, как изменился мир. Тот бурный, энергичный, довольно-таки злой, но всем привычный. С ссорящимися между собой странами, эпидемиями, санкциями, гибридными войнами – вроде как и ничего хорошего, но все как-то привыкли, соблюдали правила игры. Ездили за границу, даже в «страны вероятного противника», оставляли политикам их дрязги. Ну, конечно, за рамки допустимого никто не выходил, даже если очень хотелось, даже если правила были откровенно жульнические. К примеру, Косово отобрать у сербов – это нормально, а когда Крым к нам вернулся – «уважаемое мировое сообщество» до самой Перемены Россию санкциями долбало…
Осторожно поставив кружку на подоконник, я замер, осмысливая свою догадку.
Ну да.
Разумеется!
На нашу маленькую суетливую планету, которая была чем-то очень важна для пришельцев, пришли три инопланетные цивилизации. Условные «рептилоиды» пасли нас с незапамятных времен. С началом войны появились (а скорее – стали ее причиной) Инсеки. И вскоре после этого на крупные города упали Комки с Продавцами.
Три инопланетные цивилизации!
В бесконечной пустыне космоса нам вдруг привалило такое сомнительное счастье. Что это значит?
Да то, что есть еще множество иных миров!
Возьмем земную историю. Кровавую, мрачную, несправедливую – что уж притворяться. Я все-таки собирался поступать в МГИМО, политикой интересовался. Формально на Земле было равенство, и какое-нибудь мелкое Вануату или Лесото имело такой же голос в ООН, как Китай или США. На самом деле – нет, конечно же. Милые добродушные бельгийцы в конце девятнадцатого века так безжалостно эксплуатировали Конго, что уничтожили там половину населения. Да что там девятнадцатый век! Двадцатый чем был лучше? Даже если не брать мировые войны! Страны Азии и Африки, где были какие-то ресурсы, только формально оставались независимыми. На самом же деле из них качали эти ресурсы… как из нас качают Измененных и разноцветные кристаллики. Убивали, развязывали войны, морили голодом, заставляли работать в нечеловеческих условиях…
Но, конечно, всё уже не так открыто.
Пример того же несчастного Конго показал – граждане других стран могут закрывать глаза только до какого-то момента. Всех устраивают голодные дети, собирающие куски руды в узких, как крысиные норы, шахтах, – ровно до того момента, пока благополучный гражданин за утренним круассаном не раскроет газету и не уставится на фотографию тощих полуголых чернокожих детишек. Всем плевать, что туземцы бегают по джунглям и тысячами убивают друг друга, пока пронырливый репортер, может быть, не из человеколюбия вовсе, а из жажды славы и денег, не снимет на камеру гору обезображенных трупов.
Интернет человечеству вредил, добрые Инсеки его запретили?
Конечно, сеть была той еще помойкой. Но в первую очередь это был непрерывный поток новостей обо всем, что происходило на Земле. Причем электронный поток, который легко просмотреть. Это не бумажные газеты, выбравшиеся из могилы после Перемены…
На каком основании мы попали под протекторат Инсеков?
По праву сильного?
Или потому, что где-то в галактических новостях праведно возмущающиеся Инсеки рассказали о недостойном обращении «рептилоидов» с людьми? И щелкающие

жвалами, хлюпающие псевдоподиями, размахивающие щупальцами граждане иных миров согласились – нехорошо так с этими дикарями обращаться, совесть надо иметь, пусть у землян сменится хозяин…
Судя по тому, что и лишившиеся контроля над нами «рептилоиды», и таящиеся где-то на орбите Инсеки стараются напрямую людей не трогать, – именно так всё и было.
И не просто «было», какой-то контроль за происходящим продолжает сохраняться.
Есть где-то наблюдатели межзвездного ООН, «голубые каски», которых пришельцы трогать боятся.
Вот кого надо найти, а не устраивать сражения с монстрами.
…Кофе стал уже совсем холодным, но я его допил.

Глава третья

Машина стояла у самого подъезда. Старенькая японская «хонда», ухоженная, но, если честно, – устаревшая еще до Перемены.
Я посмотрел на полковника Лихачева, сидящего за рулем, и молча полез на соседнее сиденье.
– Зонтик… – сказал полковник.
– Знаю, красивый, но женский, – отправляя его на заднее сиденье, сказал я.
– На пол положи, нечего мне обивку портить!
Зонтик был еще почти сухой, но я положил его на пол.
– Поехали кататься, – решил Лихачев. – Или тебя куда-то подвезти? В Гнездниковский, в Раменки?
Я вздохнул.
– Давайте кататься. Я арестован?
– Даже задержать тебя не могу, – мрачно сказал Лихачев. – На тебя спустили «неберушку».
– Чего? – не понял я.
– Распоряжение пришло… – Полковник мотнул головой куда-то в сторону Кремля. – Я не должен тебя задерживать, чтобы ты ни делал. Еще один на мою голову…
– Это вообще законно? – поразился я.
– Нет, конечно. А тебе-то что? Вон, можешь пойти ограбить ларек мороженого и продавщицу за попу ущипнуть. Я отвернусь.
– Не хочу я никого щипать, – обиделся я. – Насчет мороженого – клево… жаль, не люблю. Вырос уже… Ну, какие вопросы?
– Что вы делали в клинике? – спросил Лихачев.
– Какой? – быстро спросил я. – И с чего «на вы»?
Лихачев укоризненно глянул на меня. Спросил:
– Фотки показать? Вашей компании в Трехпрудном?
– Гуляли, – ответил я наугад. – С друзьями.
– И давно у тебя в друзьях бывший финансовый аналитик Борис Аксендер, хирург Елена Филипенко, авиадиспетчер Василий Беспалов, бухгалтер Юрий Панфилов? Насчет Виталия Исакова не спрашиваю, знаю его по вашей тусовке.
Надо же. Ни у кого я с профессией не угадал. Разве что знал про Елену – ну так она сама сказала.
– По рекомендации Бориса и Юрия я решил стать авиадиспетчером, – сказал я. – Очень денежная работа. Но для этого Василий посоветовал заранее удалить аппендикс. Чтобы во время работы не воспалился. Вот, договаривался с Еленой…
У Лихачева напряглись желваки. Мне даже как-то неловко стало.
– Значит, не станешь рассказывать? – спросил он.
– Не могу.
– Вы заходили в сгоревшую клинику?
– Сгоревшую? – поразился я.
Лихачев искоса глянул на меня. Мы медленно колесили по центру.
– Не вы сожгли?
– Нет!
Он вздохнул.
– У нас нет камеры, фиксирующей вход в клинику. Но я уверен, Максим, что вы туда заглянули.
– Мы ничего не жгли.
– А кто тогда? Из головного отделения?

– Так это сетевая клиника? – сообразил я. Вот откуда пришли новые монстры… мы уничтожили не то логово!
– Да, три филиала по Москве. И ходят об этой сети слухи… разные. Максим, я с тобой честен. Тебе кто-то сверху покровительствует, у меня руки связаны. Но, может быть, ты поделишься информацией?
Я вспомнил, как вчера сам пытался что-то узнать у Продавца. Как мучился все эти дни от непонимания происходящего.
– Вы спрашивайте, – сказал я.
– Вчера опять что-то было в Гнезде?
– Да.
– Снова жертвы?
– Нет. – Я решил, что монстров в жертвы засчитывать не буду. Раз уж они «добровольцы». – Мы справились.
– Без печати Призыва? Повезло…
– Кстати, могли бы и раньше сказать, что с ней долго не живут! – обиделся я.
– И чем бы это тебе помогло? Сняли – и хорошо. Клуб раскаявшихся родителей весь цел? Мы не можем найти Юрия, Бориса и Елену.
Вот, значит, как их называют в полиции… Нет, мне «старички-разбойнички» больше нравятся.
– Борис и Елена решили погостить в Гнезде, – сказал я.
– А Юрий?
Я подумал. И сказал:
– Наверное, не стоит вам его искать. Не найдете.
– Ясно… – сказал Лихачев. – Надеюсь, он понимал, на что идет.
– Мы все понимали.
Лихачев съехал на парковку, остановил машину. Дождь усиливался, по стеклам ручьями текла вода.
– Я закурю, не против?
– Курите… – согласился я. В машине и так пахло табаком.
– Долго еще это будет продолжаться? – спросил Лихачев, затянувшись. – Пять дней не сплю толком…
– Еще два дня. Так или иначе всё кончится.
– Ясно… Кто пытается уничтожить Гнездо?
– Вы же все равно не сможете помочь.
Лихачев кивнул:
– Верно. Считай, это мой личный интерес. Больше десяти лет эту грязь копаю.
– Еще до Перемены, значит? Тогда должны понимать. Прежние, те, кто был до Инсеков.
Лихачев снова кивнул, выпуская струю дыма. Я помахал рукой, отгоняя вонь, потом чуть опустил стекло.
– А вы знаете, кто эти… Прежние…
– Нет. Те, кто знает, долго не живут.
– Ну, вот они и лезут на Гнездо. Не сами, конечно. Создают Измененных.
– Уничтожители? – небрежно спросил Лихачев.
– Во второй раз был еще и боец.
– Ого… – сказал Лихачев с уважением. – Хорошо хоть, до чистильщика не дошло.
Он меня зондировал. Пытался понять, что я знаю.
И я пытался понять то же самое о нем.
– Ровианская гвардия… – глубокомысленно сказал я.
– А ты подковался, – заметил Лихачев. – Ясно… Они что, пытаются захватить переход?
Была не была!
– Зачем им переход вне резонанса? – спросил я.
Лихачев издал какой-то невнятный звук. Сказал:
– Как же мне хочется выпытать у тебя все, что ты узнал!
Он так и сказал – «выпытать». И, похоже, это была не фигура речи.
То ли я растерялся, то ли решил окончательно его поразить. Но я сказал:
– Они за стратегом охотятся. Одна из новеньких куколок – девочка-стратег.
Лихачев остолбенел. Сидел, держа у губ дотлевающий окурок. Потом очень аккуратно скинул его в пепельницу, уже полную бычков. Достал еще одну сигарету. Руки у него дрожали. И, судя по лицу, он быстро и напряженно думал.
– Что? – спросил я.
– Глупый ты пацан… – прошептал Лихачев. – Что же ты натворил, а…
– Что? – повторил я.

– Вы этой ночью защитили стратега? – спросил Лихачев.
– Ну да.
Лихачев болезненно поморщился.
– Так ты же ничего не понимаешь. Нахватался по верхам…
– Так объясните!
– Пацан, ты Землю на край поставил! Хочешь Армагеддона?
– Вы о чем? – выкрикнул я.
Лихачев выбросил незажженную сигарету, прижал ладони к лицу. Посидел так, потом достал еще одну сигарету и зажег. Недоуменно спросил сам себя:
– А они что творят… не понимают… И я дурак, даже не подумал… Максим, ты не ошибся? Стратег? Не тактик, не лидер?
– С-стратег, – я даже заикаться стал.
– Ох же, мать моя женщина… – Лихачев нервно рассмеялся. – Ну да, ну да… Ты не понимаешь… ты ничего не понимаешь… Скажи, ты сам видел эту девочку?
– Да!
– Что она делала? Ну, странного такого?
– Ничего особенного, – сказал я. – Экраном управляла, быстро очень. Нашла тех, кто вторгся в Гнездо. Сказала, что это два уничтожителя и боец, ровианская гвардия, что один призванный не справится…
– Как же вы их… а, не важно! Да, стратег. Мгновенное обучение, оценка ситуации…
– Полковник, – сказал я. – Если я что-то сделал неправильно, то лишь потому, что не понимаю происходящего. Будете дальше загадками говорить – я вылезаю и иду по своим делам.
– Хорошо, – неожиданно легко согласился Лихачев. – Может быть, еще не поздно. Да, я уверен, что не поздно…
Он замолчал на миг. Спросил:
– Значит, ты уже понял, что в Гнезда приходит гораздо больше людей, чем там есть?
– Да.
– И что такая шняга была на Земле много лет, только не Инсеки забирали людей?
– Да! Что они с нами делают? Жрут?
– Много чего. Те, кто был раньше, вроде и жрали. И для продления жизни использовали, они практикуют регулярное омоложение. Но основное использование – пушечное мясо. Измененные – прекрасные бойцы.
– Гладиаторские бои? – предположил я.
Лихачев застонал.
– Какие еще гладиаторские… У них идут войны! По всей галактике. У Инсеков, у этих Прежних, у всех других цивилизаций. Только они же развитые, они практически бессмертные, им умирать не хочется. Они чужими руками воюют. Туземными войсками! Земля – одна из планет, где веками набирали солдат.
– Это… точно? – спросил я, помолчав.
– Это мое предположение, – сказал Лихачев. – Но подкрепленное многими фактами. А теперь то, что точно. В одна тысяча девятьсот девяносто седьмом году один из похищенных детей проявил способности стратега. Это редчайший вид Изменения, вызвать его нарочно никто не способен. Имея стратега, Прежние добились значительного перелома в войне. Захватили какие-то планеты… не знаю деталей. После этого Инсеки и обратили внимание на Землю. Как-то они сумели нас отбить. Но до конца Прежних не вывели, те угрожали уничтожить Землю полностью. Теперь нас эксплуатируют Инсеки. Но если речь пойдет о новом стратеге, Прежние предпочтут уничтожить всю планету. Слишком это могучая сила – стратег.
Я вспомнил белокурую куколку, убегающую к мальчишкам поиграть «в гонки». Сказал:
– Плохо…
– Если бы ночью куколку убили, ситуация бы стабилизировалась, – продолжил Лихачев. – А так вся планета на краю гибели.
– Уверены, что они могут это сделать?
– Уверен, что попробуют!
– И что, надо было позволить убить ребенка?
– Да! – рявкнул Лихачев. – Тот ребенок уже мертв! Вместо него – Измененная! Это всё хреново, но теперь, по крайней мере, мы теряем тех, кто всё равно бы умер. А не обычных детишек, которые возвращались вечером из школы и исчезали бесследно! Как по мне – в этом меньше дерьма.
– А как по мне, так дерьмо начинается, едва ты выбираешь между двумя сортами! – не выдержал я.

– Ты мне еще Достоевского процитируй, – холодно сказал Лихачев. – Мы не центр Вселенной. Мы кучка дикарей на шарике из грязи. И всё, что в нас есть ценного, – потенциал Изменения.
– А кристаллы?
– Не знаю я. Кристаллы скупают Продавцы. Видимо, они помогли Инсекам в захвате Земли, в награду получили право торговать. Может, они эти кристаллы жрут, а может, в задницу засовывают… мне как-то все равно. Кристаллы – не люди.
– Вы уверены насчет стратега? – спросил я.
Лихачев нервно рассмеялся.
– Как я могу быть уверенным? Я расследовал всякие странные дела… не в полиции, в другой конторе. Когда случилась Перемена – изучал, соотносил, собирал слухи. Разговаривал с теми, кто был призван и уцелел. Ездил к безумной норвежской тетке, живущей на маяке в Северном море. Две недели просидел в палатке на скале, прежде чем она со мной заговорила… Добился от папы римского специального бреве, «Dico in nomine Domini», чтобы мне всё рассказала монахиня, побывавшая под Призывом. Потом нашу группу прикрыли. Думаю, по просьбе Инсеков. Меня перевели в отдел «Экс», я все равно собирал… что мог. Да, считаю, что прав и всё происходит из-за стратега. Да, считаю, что надо было позволить убить… – он помолчал, – девочку. Может быть, я во всем ошибаюсь. Может быть, вижу лишь часть правды. Скорее всего – лишь часть. Но пока стратег жива и на Земле – мы все под угрозой.
– Но вы можете ошибаться, – упрямо сказал я.
Лихачев обмяк.
– Да. Могу, Максим.
– Я все равно поступил бы так же, – сказал я. – Они бы всё Гнездо уничтожили.
– Максим, я могу попросить тебя хотя бы не вмешиваться дальше? – спросил Лихачев безнадежно. – У тебя и Призыва-то нет, ты не обязан. Жница твоя… ну поговори ты с ней…
– Попросить-то можете, – сказал я, глядя на струи дождя за окном.
– Ясно.
– Дарина не бросит стратега на растерзание. Вы не понимаете сути их отношений. Они все связаны Гнездом.
– Точно? – слегка заинтересовался Лихачев. – Внутренняя телепатическая сеть? Гнездо как сервер и маршрутизатор?
– Не совсем. Но они чувствуют друг друга… в общем, они не предают своих. Это как себя предать.
– Что ж делать-то… – пробормотал Лихачев.
– Да ничего. Пройдет два дня, и они отправят девочку куда-то.
Лихачев с сомнением покачал головой и не ответил. Потом сказал:
– Я тебя сразу предупреждаю, Максим. Я напишу докладную. Буду требовать изъять куколку из Гнезда и отдать по требованию…
– Да вы…
– Не дергайся. Никто не примет такого решения, это же конфликт с Инсеками. А я давным-давно в опале. Но я напишу. Я должен что-то сделать.
– Тогда пишите, – согласился я.
– Взять бы тебя за шкирку… – Лихачев вздохнул. – Это всё политиканы, лезут не в свою компетенцию…
– Полковник, – я вдруг вспомнил то, что зацепило меня в самом начале разговора. – Вы сказали про меня: «Еще один на мою голову». А кто второй?
– Бомж неделю назад начал шататься у Гнездниковского. Собирались прогнать, мы же психов от Гнезд гоняем. Но вдруг сверху велели не трогать… Не бери в голову. Явный наблюдатель под прикрытием. Мою группу прикрыли, новую создали, обычное дело. Ну, пусть бродит, оптимист хренов…
В голосе его прорезалась давняя обида.
– Так что мне делать, посоветуйте? – спросил я.
– Ничего. Не вмешивайся. – Он вдруг оживился: – Может, и уйдет стратег, будет служить Инсекам в ином мире. Это их войны, понимаешь? Мы с тобой дикари. Сидим на маленьком острове, ловим рыбу и собираем кокосы. Где-то в море плавают большие чужие каравеллы и палят из пушек друг в друга. Раньше одни корабли приставали к берегу, забирали рыбу, кокосы и немного молодых ребят. Теперь другие. Их война, понимаешь? Может, те, кого забрали, карьеру себе сделают, влезут в кирасы вместо набедренных повязок и будут счастливы? Наше дело, чтобы остров не сожгли. А там поглядим… может, они друг друга испепелят и оставят нас в покое.
– Вы же сами себе не верите, – сказал я.

– Стараюсь поверить, – ответил Лихачев. – Куда тебя отвезти, Максим?
Я подумал немного.
– К Комку подбросите?
– Хочешь Продавцов просить? Они не вмешаются.
– Знаю.
– Твое дело, – решил Лихачев. – Спасибо и на том, что честно всё рассказал.
Он плавно тронулся с места, и мы поехали сквозь дождь.

В Комке было два знакомых серчера с Кисловского. Я поздоровался, подождал, пока они сдали всякую мелочь и забрали покупки (еду и бухло). Едва они вышли, шагнул к стойке.
– Вы стали очень частым клиентом, – сказал Продавец.
Я выложил несколько кристаллов. Для поддержания разговора.
– Магазин для макарова.
– Обычные патроны стоят дешевле, – сказал Продавец.
Я нахмурился.
– Мне необычные.
– Увы. Кончились.
Кажется, он даже хихикнул.
– И те, и другие? – глупо спросил я.
– И даже третьи и четвертые, – Продавец развел руками. – Но могу продать обычные со скидкой.
– Вы не понимаете! – сказал я. – Дело в том, что в Гнезде…
– Девочка-стратег, – кивнул Продавец.
– За ней снова придут.
– Несомненно. Если стратег попадет к Инсекам, это даст им значимое преимущество. Нам симпатична новая метрополия Земли, а к Прежним мы имеем свои счеты. Но нельзя доводить ситуацию до критической точки!
– Они уничтожат Гнездо!
– С Гнездами Прежние смирились. Нет стратега – нет проблемы.
Со злости я стукнул кулаком по стойке. Кристаллики подпрыгнули. Продавец покачал головой.
– Да что ж такое, – сказал я. – Вы издеваетесь?
– Нет. Я объясняю вам, что есть ситуации, не имеющие хорошего решения. Вот представьте, Максим. Я даю вам кучу патронов. Допустим, еще что-нибудь. Вы занимаете оборону и ценой героических усилий отбиваете третью атаку. А ведь у Прежних сейчас не так много сил на Земле! Что им делать? Под угрозой их родина, их колонии, их интересы в галактике… Они постараются уничтожить Землю. Вместе с собой, вместе с вами, вашими родителями, друзьями, всеми Измененными, вашей маленькой жницей Дариной, забавной куколкой Наськой… ну и гениальным стратегом Анной, конечно же. Это на одной чаше весов. На другой – вы не пытаетесь защитить стратега, и она гибнет. Жестоко? Но живы миллиарды детишек и взрослых на Земле. Ваш вид продолжает существовать. Что выбираете?
Я почувствовал, что по лицу у меня текут слезы.
– Дарина ее не выдаст…
– И зря! Это было героическое сопротивление, еще раз подчеркну – мы наслаждались тем, как Прежние получают по носу. Но всё, Максим. Всё уже кончилось.
– Неужели стратег – такая редкость? – спросил я.
– Редкость. И самое главное – у Прежних есть стратег, он успешно действует до сих пор. Стратеги других разумных видов, которых использовали Инсеки, не могут ему противостоять. Не потому, что они хуже, тут дело в самой системе мышления. Нужен стратег из числа людей, чтобы эффективно вести противоборство. Вот поэтому такая суета вокруг одной маленькой девочки.
– Вы нелюди, – сказал я.
– Мы не гуманоиды, – согласился Продавец. – Хотя вам кажется, что мы похожи. Но, дорогой Максим, поверьте, что биологическое сходство ничего не гарантирует. Чаще – усугубляет различия.
Он вдруг перегнулся через прилавок и похлопал меня по плечу.
– Наш вид изначально не склонен к эмоциям. Но я живу и работаю на Земле, я вас понимаю. Мой совет – уговорите Дарину выдать стратега. А если она не согласится, то покончите с куколкой сами. Вы спасете Землю и свою жницу.
– Она не согласится! И мне никогда не простит, – сказал я.

– Серьезное испытание! – подтвердил Продавец. – Но зато она будет жива. Вот такой мой совет… видите, я все же выступил в роли мудрого ментора! Это виновата земная культура!
Он неожиданно нырнул под стойку и вновь появился – с объемистой сумкой в руках.
– Я даже приготовил вам приятные подарки. Вы же хотели сделать подарок своей девушке, но засмущались? Вот, это для вас и для нее.

Глава четвертая

Дождь не кончался. Водостоки традиционно не справлялись – они и до Перемены бастовали при сильных ливнях, а уж сейчас, когда дождь лил по три-четыре дня без перерыва…
Я вошел в Гнездо. В кроссовках хлюпало. Бросив зонт, я сразу же разулся и выжал носки.
– Поэтому я ношу кроксы, – сказала Наська.
Куколка сидела у лестницы, почти неразличимая в полумраке.
– Караулишь? – спросил я.
– Ага. Взрослые спят. А новенькие… – Наська махнула рукой. – В игрушки играют. Радуются, что ничего не болит. И что можно вообще не спать.
– Вообще?
– Немножко всё-таки надо. Но нечасто. Особенно первый месяц после мутагена.
Я подошел, сел рядом. Кроссовки и носки положил в сторону, пусть сохнут.
– Что у тебя в сумке?
– Сейчас посмотрим, – уклончиво сказал я. Сумка была ужасная, из вонючей клетчатой сине-белой клеенки, с торчащими во все стороны нитями и косо вшитой молнией. Продавцы любят такие шутки, однажды я попросил банку черной икры и получил трехлитровую стеклянную, закрытую пластиковой крышкой.
С трудом расстегнув заедающую молнию, я достал картонную коробку, лежавшую на самом верху. Распаковал под любопытным взглядом куколки.
– Вау… – сказала Наська восхищенно.
Это была шкатулка. Аляповато-яркая, пластиковая, усыпанная стразами. Я открыл – внутри оказалась куча отделений, ящичков, штырьков, зажимов. Для украшений, что ли?
Изнутри на крышке было зеркальце.
А еще из центра шкатулки, едва я ее открыл, выдвинулась маленькая фигурка балерины и принялась вращаться под позвякивающую мелодию.
Я оторопело смотрел на эту крикливую пошлятину.
– Это… это мне? – спросила Наська. У нее даже голосок подрагивал.
– Ну… да… – Я протянул ей шкатулку.
– Максим! – облапив меня, Наська звонко чмокнула в щеку. – Как ты узнал, что я… спасибо!
Что она туда собиралась складывать? Никогда не замечал, чтобы кто-то из куколок или жниц таскал украшения.
Но судя по восторгу Наськи, это было то, о чем она мечтала всю жизнь. Ну, по меньшей мере последние десять секунд перед тем, как увидела.
Под коробкой со шкатулкой оказался большой сверток. Я развернул его и с удивлением обнаружил внутри плащ. Черный короткий плащ – кажется, моего размера.
– Это еще что… – изумился я.
Наська, не отрывая взгляда от вертящейся фигурки балерины, сказала:
– Одень.
– Надень, – поправил я машинально.
– Зануда… – фыркнула куколка.
Я встал, снял куртку и набросил плащ на плечи.
Ну, плащ как плащ. Довольно удобный. Может, он пуленепробиваемый?
– Тебе идет, – сказала Наська, кинув на меня быстрый взгляд. – А то ходишь в куцых курточках, как ребенок.
– В плаще лучше, что ли?
– Выглядишь внушительнее. Так это не ты выбирал?
– Нет.
– Мой поцелуй был ошибкой.

– Отработаю… – Я надел плащ в рукава, присел, помахал руками. – Что, правда нормально выгляжу?
– Круто выглядишь. Девушкам понравится.
– Что б ты понимала…
Поколебавшись, я всё-таки переложил очки, кристаллики и всю мелочевку из мокрой ветровки в плащ. Может, и глуповато выгляжу, в плащах только самые старомодные герои комиксов ходят, зато сухо.
В сумке был еще один пакет, но он, вероятно, предназначался Дарине. Остальные подарков не удостоились. Ну и хорошо. Стратегу я бы точно не стал передавать подарки от Продавца, а то мало ли… вдруг он решил облегчить нам решение.
– Наська, ты вечно толчешься в Комке.
– Я не толкусь, я помогаю покупки носить.
– Не важно. Как на твой взгляд, Продавцы – они хорошие или плохие?
Куколка задумчиво почесала кончик носа.
– Да так, норм. Иногда леденцами угощают.
– А глобально?
– Им все пофиг, я думаю. Они от кристалликов балдеют. А нам так всё дают, по заявкам матери. Наверное, так Инсеки велели.
– Хорошо, тогда скажи – они умные?
Наська подняла на меня насмешливый взгляд:
– А ты сам подумай. Они сверху попадали на чужую планету в больших какашках. Сидят внутри, не спят, любую штуку могут продать, на всех языках говорят, ни с кем не ссорятся. Они умные или глупые?
– Согласен, – сказал я. – Ладно, пойду. Дарина где?
– Спроси Гнездо.
– Как я его спрошу? У меня Призыва нет.
Наська ухмыльнулась:
– Хитрый ты, Максим… Гнездо не сказало, что ты входишь. Значит, ты с ним поладил… Дарина в своей комнате. Найдешь?
Кивнув, я подхватил последний пакет и пошел.
– Верни полученный обманом поцелуй! – капризно потребовала куколка.
Я послал ей воздушный поцелуй.
Наська хихикнула и снова зачарованно погрузилась в изучение своей шкатулки.

В одном я был совершенно уверен: Продавцы ничего не делают просто так. Ничего волшебного в подарках нет, но умысел имеется.
Понять бы еще, какой.
Постучав в дверь, я услышал слегка недоуменный голос Дарины:
– Да?
Кажется, они в двери не стучали.
Я вошел.
Дарина лежала на накрытом одеялом матрасе и читала книжку. Просто читала! Самую обычную книжку, бумажную, старую. И было бы что-нибудь интересное, так ведь она читала Куприна!
Я вспомнил реплику Продавца и порадовался, что у нее в руках не Достоевский. А то пришлось бы допустить, что они предвидят будущее. Тогда уж совсем край, тогда можно лечь и помирать.
– Привет! – Она обрадовалась, но вставать не стала, только книжку отложила. – Думала, позже придешь.
– Уже выспался, – сказал я. – Наверное, из-за всех этих… мутагенов. Интересно?
– Ага! – радостно воскликнула Дарина.
– Тебе же, наверное, непонятно, – сказал я осторожно. – Не обижайся, мне самому многое непонятно, когда старых писателей читаю.
– Непонятно, – улыбнулась Дарина.
– Там хоть сноски какие-то есть, пояснения? – Я присел рядом.
– Немного. Да я и не смотрю, так интереснее.
Она заметила, что я не понял, рассмеялась:
– Вот слушай… «Обитатели пригородного морского курорта – большей частью греки и евреи, жизнелюбивые и мнительные, как все южане, – поспешно перебирались в город. По размякшему шоссе без конца тянулись ломовые дроги, перегруженные всяческими домашними вещами: тюфяками, диванами, сундуками, стульями, умывальниками, самоварами. Жалко, и грустно, и противно было глядеть сквозь мутную кисею дождя на этот жалкий скарб, казавшийся таким изношенным, грязным и нищенским; на

горничных и кухарок, сидевших на верху воза на мокром брезенте с какими-то утюгами, жестянками и корзинками в руках…»
– Ты на память цитируешь? – поразился я.
– Ага. Ну я же только что прочла, я дня три буду помнить слово в слово… – Дарина помедлила. – У лю… у тебя разве не так?
– Не так, – сказал я. – Даже стихи с трудом заучивал… Три дня будешь помнить, а потом?
– Если не понадобится, то забуду, – пояснила она. – А если понадобится или понравится, могу запомнить.
– Это у всех вас так?
– У жниц, – подумав, ответила она. – Мы же воспитываем куколок, нам полезна хорошая память. Так вот, в этом отрывке упоминается много непонятных вещей. Я много читала, я рассказывала. Но, видимо, это было не нужно и потом забылось…
– И что тебе непонятно? – спросил я.
– Да куча слов! – Она улыбнулась. – Греки, евреи, мнительные, ломовые, дроги, тюфяками, самоварами, скарб, горничных, кухарок, воза, утюгами…
Я замахал руками.
– Стоп-стоп-стоп! Совсем непонятны?
– Некоторые немножко понятны. Греки и евреи – это такие народы. Так?
– Так.
– Мнительные – это сомневающиеся? Да, точно. А вот «ломовые дроги» – не знаю.
– Телега такая, – я увидел, что понятнее ей не стало, и уточнил: – Примитивный грузовой колесный транспорт, приводимый в движение лошадьми. Животными.
– Я знаю, что такое лошади, – Дарина обиженно надула губы. – Ясно. А тюфяки?
– Да ты на нем лежишь! Это матрас так называется.
– А я думала, что так называется ленивый человек, – расстроилась Дарина.
– Ну… тоже бывает. Дарина, и тебе интересно?
– Конечно! История из совершенно другой жизни. Словно с другой планеты… ну, неплохой такой планеты.
– У нас неплохая, – согласился я. – Дарина… тебе не придется уходить с Земли?
Она замешкалась. Но переспрашивать или делать вид, что не поняла, не стала:
– Нет. Не обязательно. Иногда жницы уходят в стражи и… Но я хорошая жница. Меня, наоборот, просили остаться.
Я взял ее за руку. Мы смотрели друг на друга, и нам было хорошо.
Это я без всякого Гнезда чувствовал.
– А у тебя красивый плащ, – сказала Дарина. – Ты в нем такой… брутальный! Видишь, есть редкие слова, которые я запоминаю.
– Заходил в Комок по дороге, – объяснил я. – И получил подарки от Продавца. Мне – плащ, Наське – какую-то шкатулку девчачью. А это тебе.
Я положил перед ней сверток. Предупредил:
– Только не знаю, что там.
– Подарок? Мне? – Дарина растерялась. Если Наська восприняла подарок как должное, то жница явно ничего не ждала. – Максим… спасибо.
Она текучим, едва уловимым для глаза движением села на корточки, даже не выпустив при этом мою ладонь. Положила сверток на колени.
– Да это не я, это Продавец…
– Вот просто так, сам?
– Ну… я хотел что-то… засомневался.
– Значит, все равно от тебя!
Дарина погладила блестящую розовую бумагу. Улыбнулась.
– У меня день рождения был за неделю до Перемены… Мне родители подарили куклу, я потом тебе покажу…
Я сглотнул вставший в горле комок.
– А больше подарков не было.
Она стала осторожно разворачивать бумагу. Та даже не была ничем перевязана или склеена, просто очень аккуратно сложена.
Внутри обнаружилась какая-то нежно-сиреневая ткань. Дарина осторожно приподняла ее. Встала, расправила.
Это было платье. Платье из тонкой полупрозрачной сиреневой ткани.
– Вот блин, – сказал я. – Словно в магазин сходил… думал, там что-то поинтереснее…
Я замолчал. Дарина стояла, прижимая платье к плечам. Потом сказала:
– Отвернись, переоденусь.
– Можно подумать, я чего-то не видел… – буркнул я, отворачиваясь.

– Глупый, – сказала Дарина. – Я хочу, чтобы ты сразу всё увидел… а, мальчишкам не понять…
За спиной шуршало.
– Помоги застегнуть, – попросила она.
Я повернулся. Дарина стояла, отвернувшись, придерживая молнию на спине. Я осторожно застегнул ее.
Жница повернулась, отступила на шаг. Робко спросила:
– Ну как?
– Ты очень красивая, – сказал я.
Дело было не в этом, если честно. Дарина и раньше была красивая. У жниц, кроме странного цвета глаз и очень гладкой кожи, внешних различий с людьми нет. Но взгляд цепляется за комбинезон, и ты сразу чувствуешь: перед тобой не человек. А в платье она стала обычной коротко стриженой девчонкой. Только глаза и выдавали.
– Лучше… чем раньше? – спросила Дарина.
Я понял, что тут нельзя сказать ни «да», ни «нет».
Шагнул к ней и поцеловал. Она жадно ответила.
Мы медленно, обнимаясь и целуясь, подошли к окну. Дарина развернулась у меня в руках, попросила:
– Сними…
Я расстегнул молнию, она дернула плечиками, сбрасывая платье, стоптала его, нагнулась, упираясь локтями в подоконник. Ничего не говоря, всё и так было понятно. Я расстегнул одной рукой джинсы и вошел в нее. Мы оба были готовы с того момента, как я постучал в дверь.
– Максим…
Она смеялась и плакала одновременно, и мне тоже хотелось смеяться и плакать. Мы любили друг друга у затянутого паутиной окна, потом упали на одеяла – и не могли оторваться. Надо было касаться, гладить, трогать, входить, смотреть, дышать одним дыханием. Казалось, что, если мы разорвем эту связь – случится что-то страшное, весь мир исчезнет и звезды погаснут.
– Я так боюсь, Максим… – шептала Дарина. – За тебя, за стратега, за Наську, за всех…
– Не бойся…
– Не могу. Я боюсь Инсеков, боюсь тех, других…
– Прежних.
– Да, Прежних… Я всего боюсь, я стала такая трусиха… Пока тебя не было, я ничего не боялась. Мне казалось, всё страшное уже случилось. А теперь боюсь…
– Жалеешь?
– Что ты появился? Нет, нет, нет!
Я поцелуями заставил ее замолчать. Забыть, хоть на несколько мгновений, этот страх. Но сам я не мог его выбросить из головы.
– Я всё сделаю, чтобы ты не боялась, – прошептал я. – Поверь, ничего плохого не будет. Всё уже прошло, всё случилось, страшно больше не будет…
А потом она уснула. Просто уснула, прижимаясь ко мне. И даже чуть-чуть во сне улыбалась.
Я лежал рядом, смотрел на нее и осторожно гладил по щеке. Кожа была слишком гладкая, у людей такой не бывает. Но мне это нравилось.
Раскрытый томик Куприна валялся рядом. Я закрыл его, глаз выхватил фразу: «Любовь должна быть трагедией. Величайшей тайной в мире! Никакие жизненные удобства, расчеты и компромиссы не должны ее касаться».
Ну да, конечно!
Сочинителям всегда хотелось трагедий и страстей. А сами небось отказались бы от такого счастья.
Расчеты, компромиссы…
Без них вообще что-то в этой жизни возможно?
Я осторожно встал, укрыл Дарину одеялом. Здесь всегда тепло; видимо, тот мир, куда отправляют из этого Гнезда – теплый, влажный… и мягкий?
Но я подумал, что жнице будет уютнее, если ее укрыть.
Тихонько одевшись и даже набросив плащ (как-то я с ним мгновенно сжился), я вышел. В коридорах царило безмолвие. Наверное, когда в этих помещениях располагались две сотни Измененных, было иначе. Шумели и галдели куколки, они же почти обычные дети. Носились по своим делам (мне казалось, что, когда нет рядом людей, они передвигаются гораздо быстрее) жницы. Тренировались (им же надо тренироваться?) стражи. Разве что монахи молча сидели в своих комнатах-кельях перед компьютерами и книгами (не знаю уж, какова их роль, наверняка что-то, связанное с информацией).

Но сейчас это было почти пустое Гнездо.
– Где стратег? – спросил я.
И почувствовал недовольное движение Гнезда.
Ему не нравилось, что я ищу куколку.
Что оно знало, что оно могло прочитать в моих мыслях?
И могло ли помешать?
А чему именно?
Я ведь и сам не понимал, чего хочу.
Кроме одного – я не дам Дарину в обиду. Может быть, речь идет обо всем мире, но так уж случилось, что сейчас для меня мир – это Дарина.
– Мне нужно поговорить со стратегом, – сказал я как можно спокойнее.
Гнездо ответило. Неохотно, с сомнением, но я понял, куда идти. Стратег и двое мальчишек-куколок были недалеко от «защищенной зоны», в каком-то зале. Я смутно уловил образ помещения, здоровенный рояль в углу, целую гору подушек и матрасов…
– Спасибо, – ответил я.
Гнездо молчаливо следовало за мной.

Комната и впрямь была большая, со здоровенной картиной на стене, изображающей концертный зал с музыкантами и публикой в старомодных одеждах. Что-то древнее, советских времен.
В углу и впрямь стоял большой белый рояль. На нем пытался двумя пальцами музицировать мальчик, который вчера спрашивал, можно ли поиграть на приставке. Анна и второй мальчик стояли рядом, слушали. Мне показалось, что они одеты еще более причудливо, чем раньше. На стоящем мальчике были ярко-розовые джинсы со стразами, совершенно девичьи – я уверен, что раньше он бы ни за что их не надел. Анна накинула великоватый ей халат: темно-синий, унылый, больничного вида. Похоже, им стало совершенно безразлично, что носить.
Куколка продолжал терзать рояль. Из-за валяющихся повсюду ковров и подушек звук шел глухой, еще хуже, чем можно было ожидать.
– Ты не умеешь, – сказала Анна насмешливо. – Ты продул!
– Я вечером буду уметь! – упрямо ответил мальчик.
– Вечером нещитово! Сейчас ты не умеешь!
– Я сказал, что сегодня сыграю!
Анна кивнула:
– Верно. Но третий концерт не сыграешь!
– Сыграю!
– У тебя пальцы так не растянутся. Физически невозможно в данном теле.
– Растяну!
– Сегодня не успеешь.
Мне стало не по себе.
Они уже были не совсем человеческими детьми.
– Привет, – сказал я.
Куколки уставились на меня.
– Музицируете? – спросил я.
– У вас плащ красивый, – сказала Анна, будто зачарованно. – Он… такой…
Дался всем этот плащ! Я в нем ничего необычного не замечал.
– Вы словно и есть, и нет, – продолжила стратег. Нахмурилась. – Я вас в нем не считаю.
– Чего?
– Не считаю. Не считываю. Не вижу, – пояснила она. – Я Ромку считаю, он не сможет Рахманинова сыграть. А вас – совсем нет. – Куколка дернула плечиками. – Непонятно…
Я кивнул. Мне-то стало понятно. Конечно же, Продавцы не делают случайных подарков.
Так понравившаяся Наське шкатулка – чтобы она на нее залипла и не крутилась вокруг. Сиреневое платье Дарине – чтобы у меня захватило дух. Чтобы я осознал, что не могу ее потерять. Чтобы мы занялись сексом, и она уснула.
И обычный с виду плащ для меня – чтобы стратег не могла меня «посчитать». Не почувствовала что-то неладное, опасное.
Я машинально опустил руки в карманы.
Нащупал что-то твердое в правом.
Странно. Вроде не было раньше?
Я вынул руку – на ладони лежал леденец. Самый обычный, шарик на палочке, в яркой обертке.

– Ух ты! – сказала Анна с тем же восхищением, как Наська, увидевшая шкатулку. – Малиновый!
– Да… вроде… – сказал я.
– Мой любимый! Вы его… себе?
Я замер. Как все просто-то!
Всего лишь дать конфетку ребенку.
Я ведь не знаю, что это за леденец. Лежал в кармане плаща. Все претензии к Продавцу.
– А можно мне? – с жалобной ноткой попросила куколка.
– Максим!
Я обернулся. Наверное, вид у меня сейчас был как у подозрительного гражданина, взявшегося угощать конфетами малышей на детской площадке.
Но это оказалась Милана. Она стояла в дверях, смешно растрепанная и явно обрадованная моим появлением.
– Здорово, что ты уже пришел, – сказала она. – Пойдем? Елена зовет, выпить чая и поговорить. Она такие вкусные беляши сделала!
– Как ты меня нашла тут? – спросил я.
– Гнездо позвало. Я же в Призыве! – Она посмотрела на конфету в моей руке. Кивнула: – Они уже поели, им можно. У тебя одна?
– Одна, – сказал я. – Вот… в кармане валялась. Только одна.
– Я сладкое не люблю, – сказал мальчик, мучающий рояль. У него уже начинало получаться что-то похожее на музыку.
Нет, они больше не люди.
Дарина – человек, Наська – человек. А эти куколки – Измененные.
– Я шоколадные люблю, – сказал мальчик в розовых джинсах. – Леденцы, фу!
– Ты глупый! – сказала стратег. И заглянула мне в глаза: – Можно?
– Максим, ну дай ты ребенку конфету! – велела Милана. – И пошли.
– Ага, – сказал я. – Сейчас.
И протянул ладонь с леденцом стратегу.

Глава пятая

Я чувствовал Гнездо.
А оно меня.
В сознании прокатывались какие-то растерянные, смятенные образы. Гнездо ощущало неладное, но у меня и самого не было уверенности в том, что я делаю…
Нет, вру.
Уверенность была.
Не было знания.
Я просто понимал, что стратег сейчас умрет.
Или не прямо сейчас, а к вечеру.
Быть может, когда все уже забудут про леденец.
Случаются же у них неудачные Изменения? Да наверняка…
Прежним не будет нужды нападать на Гнездо. И уж тем более уничтожать всю Землю, как боялись Лихачев и Продавец. А вся Земля – это не только миллиарды людей, которых я не знаю и никогда не увижу. Это Дарина, Милана. Это мама и папа. Это Наська, это двое мальчишек-куколок. Это наши ребята-серчеры. Это всё, что у меня есть, всё, что имеет смысл.
Девочка-стратег такого смысла для меня не имеет. Ей просто не повезло!
Тонкие пальчики быстро потянулись к леденцу.
Я сжал кулак.
Стратег изумленно уставилась на меня. Неловко подергала кончик пластиковой палочки, торчащий между пальцами.
Я не разжал ладонь. И спрятал конфету в карман.
– Ты извини, – сказал я. – Не знаю, откуда у меня этот леденец. Сколько он валялся в кармане… засох весь небось.
– Он же леденец! – недоуменно сказала Анна. – Как он мог засохнуть?
– Всё может засохнуть, – сказал я, пятясь. – Знаешь, совершенно всё! Я схожу в магазин, принесу тебе десять леденцов. Малиновых, да?
– И вишневых…
– Десять малиновых, десять вишневых! – бодро пообещал я, отступая к двери. – Заметано! Сегодня принесу! Ну всё, не буду мешать!

Куколка пожала плечами. Сказала, будто обвиняя:
– Вы странный.
И повернулась к роялю.
Я выдохнул.
На негнущихся ногах миновал Милану и вышел из комнаты. Прислонился к стене.
Милана, хмурясь, вышла следом, закрыла дверь.
– Что с тобой? Максим, что происходит?
– Нормально всё…
– Максим, на тебе лица нет! Ты какой-то весь белый! Тебе плохо?
– Нет… уже ничего… – Я закрыл глаза. – Милана, я сволочь…
– Почему? Потому, что зажал конфетку? – Она попыталась рассмеяться. – Максим, ау! Что стряслось?
Я посмотрел на нее.
Да, она не Дарина. И нельзя, наверное, одинаково относиться к двум девчонкам. Но она мне друг и больше, чем друг… и если кто-то поймет, то только она…
А если не поймет – то я не знаю, что мне делать и как жить.
Гнездо мягко коснулось меня. Печально и грустно, будто поддерживая, ободряя… и прощая за неслучившееся.
– Милана… если бы стратег взяла конфету, она умерла бы…
– Что?
Глаза у Миланы забегали, она нахмурилась.
– Там что, яд?
– Не знаю… послушай меня…
Я начал рассказывать. Сбивчиво, кратко, самую суть. Про опасения Лихачева, про то, что Продавец, по сути, подтвердил его слова. Про странные подарки. Про то, что в этом плаще стратег меня «не считает». Про конфету, вдруг оказавшуюся в кармане. Так удачно оказавшуюся любимой конфеткой стратега…
Я говорил, закрыв глаза, потому что боялся на нее смотреть. Боялся увидеть отвращение или ужас.
– Теперь я не знаю… – закончил я. – Я мог убить ее. Хотел убить! Чтобы всех спасти. И не убил. Может быть, я убил всех нас. И тебя тоже. Всех-всех-всех. Я не знаю, что натворил.
Замолчав, я ждал, что она скажет. Или ничего не скажет, а развернется и уйдет.
– Бедный… – сказала Милана.
И обняла меня.
– Что делать? – спросил я, обнимая ее. Не как подругу, как сестру, наверное. – Ну что мне делать?.. Я совсем запутался…
– Максим, люди всегда путаются. Я знаю, чего тебе не надо делать.
– Чего? – Я все-таки рискнул посмотреть ей в глаза.
– Не надо брать все на себя, – сказала она серьезно. – Ты хоть и в плаще теперь, но не супергерой.
– Супергерои тоже не в одиночку действуют, – ответил я.
– Вот видишь. Ты не можешь и не должен решать такие вопросы сам. Пойдем к старикам. А еще тебе придется принести девочке конфеты, раз обещал. Только не в Комке покупай.
– Да уж… – Я осторожно оторвался от стены. – Выкину этот плащ на фиг…
– Плащ-то чем виноват? Оставь, он тебе идет. Пошли, Елена будет рада тебя накормить.
Я кивнул. Сказал:
– Знаешь, спасибо, что тогда дождалась меня на остановке.
– Но-но! – Милана погрозила мне пальцем. – Услышит твоя жница – выкинет меня из Гнезда!
– Она всё знает. Она не ревнует.
– Это она только так говорит, – мрачно заметила Милана. – Уж поверь. Все-таки вы, парни, какие-то простые, будто по линеечке вычерченные! Что сказали, тому и верите.
– Зато девушки сложные. Циркулем нарисованные, – я подумал и добавил: – Зигмунд Фрейд одобрил бы сравнение.
Милана легонько шлепнула меня по затылку.
– Пошли, юморист…
– Пошлю, – согласился я.
И получил еще один подзатыльник. Посильнее.

Елена и деда Боря были в кафе, где я когда-то сидел с девчонками после первой схватки. Здесь очень вкусно пахло.
Елена поставила передо мной тарелку, строго сказала:
– Это не беляши. Это перемячи. Меня татары учили, так правильно называть.
Я не стал спорить, заграбастал горячий, разогретый в микроволновке беляш… то есть перемяч… сунул в рот. Прожевал, сказал:
– Все равно вкусно!
Деда Боря, севший рядом со стаканом кефира, покачал головой:
– Неправильно ешь!
Взял перемяч, плеснул в центр, на фарш, кефир. И стал с удовольствием жевать.
– Боря, это не кошерно, – сказала Елена.
– Я упертый атеист, ты же знаешь, – ответил деда Боря. – Правила моих семитских предков хороши для других климатических условий. Тут и мясо, поди, свинина?
Он потянулся за новым перемячем и получил от Елены шлепок по руке.
– Тебе вообще вредно. С твоим сахаром…
– Всё у меня нормально с сахаром! – не согласился деда Боря. Но руку от выпечки убрал. – Ты как, Максим? У тебя…
– Красивый плащ, – вздохнул я.
– Плащ обычный, а вот лицо такое, словно тебя на казнь пригласили. На твою собственную. Что случилось?
– Дай парню доесть, – велела Елена. Присела напротив. Нахмурилась. – А ведь прав… Что случилось, Максим?
Я съел третий перемяч. Вытер руки о салфетку. Какой-то жор напал, наверное, от нервов.
– Много чего.
И начал рассказывать.
Даже подробнее, чем Милане. Рассказал всё, ну, кроме того, что у нас было с Дариной. Хотя, мне кажется, все это поняли.
И свои колебания, если честно, детально не рассказывал. Получилось так, будто я достал конфету и вдруг сообразил, что это отрава.
– Прежние, значит, – вздохнул деда Боря, когда я закончил. – А мне как-то привычнее их рептилоидами обзывать. Более мерзко звучит.
– Не важно, как звучит, – сказала Елена. – Суть не меняется. Что делать-то будем?
Деда Боря крякнул. Сказал:
– Если я скажу, что надо выдать стратега…
– Это будет очень разумно, – согласилась Елена. – Но ты ведь так не сделаешь.
– Не сделаю. И ты не сделаешь… – Он болезненно поморщился. – Что ж за беда такая… жница не может отправить девочку раньше?
– Вроде как нет, – ответил я.
– Надо поговорить. Объяснить.
– Поговорю, – сказал я неловко. – Она спит сейчас… А как вы думаете: Прежние и впрямь могут уничтожить Землю?
– Технологии Инсеков и Прежних должны быть сопоставимы, – сказал деда Боря. – Иначе они бы не воевали многие годы, верно? Инсеки легко разрушили Луну. Даже малая часть той энергии, что на это потребовалась, уничтожит жизнь на Земле. А как это будет выглядеть… Да какая разница? Прежние могут взорвать Землю, сорвать с нее атмосферу, сделать атмосферу радиоактивной, уронить Диану или Селену на Землю… Хрен редьки не слаще.
– Исходим из того, что могут, – кивнула Елена. – Тогда вопрос – мы вообще способны защитить стратега? Другие Гнезда окажут помощь?
Все опять посмотрели на меня.
– Вряд ли. Но я спрошу Дарину.
– Хорошо. Патронов мы больше не получим?
– Нет. У меня сложилось такое ощущение, – я помедлил, – что Продавцы очканули. Они Прежних не любят, те их не пускали на Землю, потому и помогли с патронами. Но теперь они боятся, что Прежние загнаны в угол и испортят им… всю торговлю.
– У нас остались патроны, – сказал деда Боря. – Для обреза, для помпового ружья.
– Есть же автомат у Виталия Антоновича! – сообразил я. – И пистолет у Василия. У них что-то должно было остаться.
– Немного, но хоть что-то… – Деда Боря помолчал. Покачал головой. – Нет. Вряд ли спасет. Ты использовал свой Призыв.
– Я в Призыве, – заметила молчавшая Милана.

– Ты одна. Нас не призвать. Если Прежние решат ударить, то соберут группу не меньше предыдущей. И они уже знают, что мы способны им противостоять, будут осторожнее.
– Могут и людей прислать, – заметила Елена. – Этих… как, говоришь, их назвал Продавец? Слуг? Их ведь немало, наверное. Они тоже монстры, тоже быстрые и опасные.
– И сами могут прийти, – сказала Милана. – Я бы на их месте пришла. Даже если они любят чужими руками воевать.
– В общем, явится небольшая армия, – подытожил деда Боря. – И всё здесь разнесет. Наверное, это хорошо.
– Почему хорошо? – не понял я.
– Потому что Земля уцелеет. Мы ведь не сможем убить девочку или отдать ее Прежним.
– Мы будем сражаться и умрем, – кивнула Елена.
– Да вы с ума сошли! – не выдержал я. – Неужели сдались?
– Как раз не сдались! – нахмурился деда Боря.
– Идти на смерть – это тоже сдаться!
– А что ты предлагаешь? – Деда Боря повысил голос. Мы не то чтобы кричали друг на друга, но были уже близки к этому. – Молодость, задор, адреналин? Прекрасно! Но всё, что мы можем, – это остаться людьми!
– Умереть людьми, – поправила Елена.
– Умереть – это и значит остаться, – мрачно сказал старик. – Может быть, вы уйдете, молодые люди? С Дариной, Наськой, мальчиками?
Я даже отвечать не стал на такую глупость.
– Мне кажется, Максим хочет что-то предложить, – заметила Елена. – Нет?
– Хочу, – признался я. – Мысль дурацкая, но… я подумал, что и Прежние, и Инсеки соблюдают какие-то правила. Неудобные для них.
– Так-так! – подбодрил меня деда Боря.
– Значит, есть какая-то третья сила.
– Продавцы?
– Да нет же. Кто-то или что-то вроде межзвездного ООН. Мы смотрим с Земли, нам кажется, что над нами бодаются две сверхсилы. Вроде США и СССР в двадцатом веке, которым никто не указ. А что, если это не так? Если это так себе… мелкие цивилизации… в галактических масштабах? И они вынуждены соблюдать какие-то конвенции. О гуманном отношении к туземцам, например.
Деда Боря и Елена переглянулись.
– Так, я вас на минуту покину, – сказал деда Боря. – Но ты сказал интересную вещь, парень. Я буду это обдумывать, пока отсутствую…
– Господи, Борис, давай без подробностей! – Елена покачала головой. – Межзвездный ООН? В нашей истории он был довольно беззубый.
– Но хоть что-то, – сказал я. – Может быть, если мы сумеем выйти с ними на контакт…
– Мы много лет собирали информацию о Прежних, – сказала Елена. – И если бы не ты, никогда бы их не увидели…
Она покачала головой.
– Время еще есть, – сказал я.
– Меньше двух суток! Согласна, Максим, идея прекрасная. Но как ты предлагаешь докричаться до этой гипотетической третьей силы? Так, чтобы она услышала, поверила и вмешалась?
Я развел руками.
– Тут нужна государственная мощь, – рассуждала вслух Елена. – Что-то вроде выступления президентов, публикаций во всех газетах… Господи, какая жесть! «Спасите, помогите, Землю хотят уничтожить до конца!» Да ты годами будешь биться лбом об стену, прежде чем тебя допустят хотя бы до самого нижнего уровня лиц, принимающих такие решения!
– Стоп, – сказал я. – Нет, не годами! У меня есть один контакт!
– Лихачев? – спросила Елена с сомнением. – Он давно не при больших делах, поверь.
Вернулся деда Боря, сел за стол. Кивнул, услышав последнюю реплику.
– Нет, – я покачал головой. – Не Лихачев. Один из тех, кто ему приказывает. И, кажется, он за мной наблюдает… Лихачев сказал, что на меня спустили «неберушку»… типа бумаги, что меня нельзя арестовывать и мешать.
– Ого, – в глазах Елены появилось любопытство. – А ты полон сюрпризов, парень.
– Знаешь, Леночка… – сказал деда Боря. – Пусть парень попробует! Мы с тобой его упрекали за партизанщину, за то, что в одиночку пытался что-то сделать. Не совершаем

ли ту же ошибку? Да, на власти надежды особой нет. Но если вопрос и впрямь о всеобщей опасности, вдруг задумаются? Помнишь, мы под утро говорили…
Они переглянулись. Мне вдруг показалось, что старики сказали вовсе не всё, что думали.
– Ты прав, – неожиданно бодро согласилась Елена. – Максим, действуй. Поговори со своим знакомым. И не мешкай!
– Я и не мешкаю…
– Милана, может быть, ты отправишься с ним? Подтвердишь его слова? Двоим всегда больше веры.
Милана нахмурилась:
– Я же призвана…
– Это не значит, что обязана всё время проводить в Гнезде. Сейчас день, а они предпочитают нападать ночами.
Милана глянула на меня. Я пожал плечами.
– Давайте, молодежь. Мы постережем, – сказал деда Боря.
Я взял последний беляш (ну не поворачивается у меня язык, чтобы выговорить «перемяч», даже мысленно) и встал. Милана тоже поднялась.
Как-то очень резко всё…
Только в фойе, где Наська до сих пор возилась со своей шкатулкой и лишь небрежно махнула нам рукой, я сообразил, в чем дело.
– Да они нас выставляют!
– Ага, – сказала Милана. – Не верят. Но решили, что чем меньше мы будем в Гнезде, тем больше шансов, что спасемся.
– А ты мне веришь?
Она кивнула.
– Спасибо, – я подобрал просохший зонт и вручил ей. – Тебе больше идет.
– Я буду держать над нами обоими, – улыбнулась Милана.
* * *
Мы дошли до «Пушкина». Улицы превратились в реки, тротуары – в ручьи. Даже для нынешней Москвы погодка была лютая.
Швейцар на входе в ресторан посмотрел на меня с легким сомнением. Но ничего не сказал, отступил в сторону.
Давно я тут не был. Года три назад с девчонкой заходил, рисовался. Место не самое дорогое в Москве, но пафоса немерено.
Гардеробщик, как и весь персонал, наряженный под старину, вышел навстречу, но я покачал головой:
– Спасибо. Мы не обедать. Мне нужен телефон… и закажите такси, пожалуйста.
Швейцар нахмурился, глядя на меня. Я с улыбкой посмотрел ему в глаза. Где-то во мне одобрительно шумело Гнездо. Раньше с такого расстояния я его не слышал.
– Пожалуйста, – швейцар протянул мне трубку, маленькую, стилизованную под древний смартфон. – Куда поедете?
– Наверное, на Старую площадь, – ответил я. Прикрыл глаза, вспоминая номер. Не забыл? Нет, не забыл.
Вначале я набрал выход на коммутатор. Приятный женский голос предложил ввести номер абонента или вызвать оператора.
Я набрал вторую часть номера.
Ответили не сразу, после четырех гудков. Слегка раздраженно:
– Да!
– Здравствуйте, – сказал я. – Это Максим Воронцов, мы виделись на днях.
В трубке повисло молчание.
– Не хотел беспокоить, – продолжил я. – Но это действительно важно.
– Запишитесь на прием в установленном порядке, – ответил человек, приходивший к нам с отцом поздним вечером.
– Нам надо поговорить о Прежних, – сказал я. – И о…
– У меня обеденный перерыв, Максим, – перебил меня собеседник.
– Я тоже собираюсь пообедать, – согласился я. – В «Пушкине». Я закажу столик.
Милана сделала большие глаза, глядя на меня.
Не дожидаясь ответа, я дал отбой. Вернул трубку швейцару.
– Пожалуй, такси не надо. Останемся.
Швейцар кивнул, всем своим видом демонстрируя – он и не сомневался, что я изменю свое опрометчивое решение. Я посмотрел на подошедшего метрдотеля.
– Нам столик на троих. И позаботьтесь, пожалуйста…
Милана снова округлила глаза. Метрдотель внимал.

– Чтобы никого не было рядом. У нас будет разговор приватного характера.
Милана сдала свой плащ и зонтик гардеробщику. А я, поколебавшись секунду, сказал:
– Сниму плащ у столика. С вашего позволения.
– Устроит ли вас зал «Погребок»? – спросил метрдотель.
Я кивнул.
И впервые задумался: а сколько у меня с собой денег? И примут ли тут, если что, кристаллики?
Зря не взял банковскую карточку…
– Приедет? – спросила Милана шепотом.
– Ага.
– Кто это вообще такой?
Мы спустились вслед за метрдотелем, сели за столик в углу. Плащ я повесил на спинку стула, словно мы были в придорожной забегаловке. На два соседних стола метрдотель поставил таблички «Резервъ», после чего сам вручил нам меню и удалился.
– Не поверишь, но не знаю, – признался я. – Мой отец когда-то работал с его дедом. Потом был ему начальником. А теперь папа на пенсии, а тот сам начальник… и вроде как занимается пришельцами.
– Как его зовут?
– Не поверишь, – снова вздохнул я.
– Не знаешь? – Милана рассмеялась. – Максим, ну ты крут! Вызвонил какого-то перца, даже не зная его имени!
Она открыла меню и нахмурилась.
– С чего такие цены…
– Всё натуральное, они у Продавцов деликатесы не закупают. Икра из осетров, устрицы из моря. Это их фишка такая.
– Врут, – убежденно сказала Милана. – У меня даже аппетит пропал. Давай возьмем чай? Я уже беляшей наелась!
Но я всё-таки уговорил ее взять блины с икрой. И себе тоже взял.
А потом подумал, что если бывший папин подчиненный не приедет, то я буду выглядеть идиотом.
Хотя какое это имеет значение?

Глава шестая

Нам только успели принести блины, когда в зал спустился мой ночной гость. Глянул на нас, потом что-то показал метрдотелю и что-то сказал. Тот закивал, мгновенно утрачивая важный вид.
Что ни говори, но он и выглядел, и вел себя как человек, имеющий право распоряжаться. Так даже не все крупные чиновники умеют, а только наследственные. Российские брахманы.
Я помахал рукой.
Он подошел, сел, задумчиво посмотрел на меня, подперев подбородок рукой.
– Это Милана, – сказал я. – Мой друг.
– Знаю, – он кивнул Милане. – Приятно познакомиться.
– Вы уж извините, но как-то надо к вам обращаться, – сказал я. – Да, и сразу хотел сказать: отец не давал ваш номер! Я запомнил, когда он набирал.
– Иван, – сказал он. Таким тоном, что сразу было понятно: имя у него другое, но придется называть «Иваном». – Что стряслось, Максим? Что за ерунда?
– Была бы ерунда, вы бы не приехали, – заметил я. – Мы можем говорить свободно?
Иван поморщился.
– Я велел отключить микрофон. Тебя посадили на место, которое пишется… Говори.
– На Гнездо снова нападали.
– Опусти всё, что ты рассказывал Лихачеву. У меня его докладная лежит на столе.
– Когда успел-то? – поразился я.
– Позвонил и надиктовал, это оперативнее всего. Есть что-то новенькое?
– Лихачев боится, что Прежние уничтожат человечество.
Иван едва заметно улыбнулся.
– Бояться – его обычное состояние.
– Так они не уничтожат?
– Вряд ли. Справятся и без того. Ну кто выжигает плодоносящий сад, если из него своровали мешок яблок?

– Сад уже не их…
– За сад идет спор хозяйствующих субъектов. Прежние надеются его вернуть, Инсеки – удержать.
Я не выдержал, поморщился.
– А что ты хотел? – спросил Иван. Подался вперед.
– Правды хотя бы! Вы даже не говорили про Прежних!
– С чего бы мне говорить? Ты влез в разборки двух цивилизаций, каждая из которых имеет свои интересы на Земле. Тебе разок повезло, ты осмелел. Решил вмешиваться дальше…
– И вы меня не остановили? – возмутился я. – Ладно, вы не знали про стратега…
– Знал.
– Что? – Я обомлел.
– Мне что: надо было посвящать тебя в государственные тайны? И эта информация что-то изменила бы? Ты не головой сейчас думаешь, а тем, что у тебя между ног! – Он бросил короткий взгляд на Милану. – Извините, девушка. Да, я знал, что Прежним нужен стратег. Всё сорвалось случайно, мать девочки впала в истерику, не захотела подписывать разрешение. А потом вмешались эти жадные торгаши и снабдили тебя метапатронами… не важно! Видишь ли, они в обиде, что им не позволяли собирать кристаллики… хреновы наркоторговцы… Извините, девушка. Ты завалил монстра, думаешь, это кого-то сильно напрягло? Да он уже был отработанный материал! Первый раз поторопился, второй раз тоже пришел слишком рано. Ладно, тебе повезло и дальше, ты вышел на старых пердунов…
– Не извиняйтесь, – сказала Милана, крутя в руках вилку.
– Устроили в центре Москвы настоящую войну, которую Лихачев заметает под ковер… – Иван покачал головой. – Это бессмысленно, Максим. Пока на вас не обращают внимания, но если обратят – прихлопнут! И будут правы!
– Вы словно Прежних поддерживаете…
– Конечно же! Каким был мир до Перемены? Свободные перемещения, успехи науки. Интернет! Я скучаю по интернету, Максим! А теперь – проводные сетки в пределах здания и курьеры с флешками! Были космические исследования! Ядерные технологии! С нас брали ту же самую дань, что и сейчас, но не мешали развиваться! И эти мерзкие кристаллы… Инсеки подсадили молодежь на иглу, и вместо того, чтобы работать, здоровые парни и девчонки бродят как сомнамбулы в зеркальных очках, ищут повсюду эту дрянь… А Луна? Лишить планету великолепного, редчайшего по размерам и расположению спутника, опоясать банальным кольцом… – Он снова покачал головой. – Прежние были лучше! И можно понять их возмущение тем, что человечество теперь поставляет пушечное мясо Инсекам. Что, не прав?
Я даже растерялся от его пламенной речи. Пожал плечами:
– По-моему, и те и другие – дрянь.
– Чума на оба ваших дома? – спросил Иван. – Но выбора нет.
– Тогда зачем вы мне вообще позволили вмешиваться?
– А что: надо было тебя в тюрьму посадить? – Он вдруг задумался. – Да, кстати, рабочий вариант… Но не такой полезный. Ты носился по Москве, как хорь в курятнике. Даже с Инсеком поговорил, молодец! Это очень, очень многое прояснило. Максим, неужели ты думаешь, что есть некий единый центр, где собрана вся информация?
– Но вы…
– Есть я и мой отдел, есть научные центры, есть армейская разведка, есть федералы, есть менты… может, у них возможностей и меньше всего, но снизу видны мелкие детали. Вот соседнее Гнездо, благодаря своему уникальному положению, оказалось всецело под полицией. Во избежание конфликтов наблюдение целиком отдано им. А ты – очень удачно влез в события. Еще и сам на связь вышел!
– То есть вы меня использовали?
– Конечно, – Иван пожал плечами. – Ты, как мог, использовал меня, а я – тебя. Так устроена жизнь.
– Вы распорядились, чтобы полиция меня не трогала?
– Да. Видишь, я со своей стороны все-таки тебя поддержал, когда ты стал совсем уж зарываться. Не в моих правилах, но выписал тебе охранный лист… Поем, с твоего позволения, Максим. У меня всё-таки обеденный перерыв.
Он махнул рукой, и официант, до этого момента стоявший где-то в конце зала, оказался у стола. Иван быстро ткнул пальцем в какие-то пункты меню, отдал его и добавил:
– И молочный коктейль с ванилью. Ваниль настоящая?
– Конечно!

– Прекрасно.
Иван снова повернулся ко мне. Сказал вполголоса:
– Кухня у них просела за последние годы. Вот когда только открылись – было замечательно… На открытии пел Жильбер Беко, кухня была и впрямь лучшей в Москве, винотека интересная… Что еще, Максим? Чем могу помочь?
– Ну нельзя же бросить на растерзание куколку… – Я замолчал.
– Очень жаль ее, – кивнул Иван. – Но, если это успокоит твое большое доброе сердце, Максим… вовсе не обязательно стратега ждет смерть. Она – ценный приз. Прежние работают на Земле не так активно, но уж девочку-стратега сумеют переправить к себе. Объясни это Дарине. Спасете и малышку, и себя.
Я растерянно подумал, что это может быть выходом. Но звал-то я Ивана не для лекции о всемирном свинстве и не для предложения сотрудничать с Прежними.
– А если позвать на помощь?
– Кого? – Иван откинулся на стуле и с любопытством посмотрел на меня.
– Прежние и Инсеки соблюдают какие-то правила. Я думаю, есть и другие цивилизации, другие силы, которые их не одобрят! Есть какие-то наблюдатели…
Он даже глазом не моргнул.
– Пока ничего чрезвычайного не происходит. Прежние были в своем праве и частично его сохранили. Инсеки получили протекторат, поскольку остановили войну и доказали… отдельные эксцессы в обращении с людьми. Мелкие разборки, даже с жертвами среди людей, – не повод для вмешательства. К тому же… ты знаешь, как выйти на наблюдателей? Если они действительно есть на Земле?
Мне показалось, что он спрашивает всерьез. И даже с интересом.
– Нет, – признался я. – Но можно напечатать какие-нибудь статьи в газетах…
Взгляд Ивана был таким снисходительным, что я замолчал.
– Вот основная беда вашего поколения, – сказал он. – Вечно надеетесь на третью силу, на внешних покровителей. Да, наверное, если какая-то сторона замыслит тотальный геноцид – это будет чересчур. Но ты думаешь, они об этом объявят? Просто – раз! – и происходит глобальный катаклизм. И будет поздно взывать о помощи…
Он взял кусок хлеба, отщипнул кусочек. Покачал головой.
– И обслуживание тут еще неспешнее стало… Кстати, Максим, как я понял, ты боишься, что Прежние покончат с человечеством? А как насчет Инсеков? Вдруг они испугаются, что Прежние отберут нового стратега? И сами покончат с Землей?
– Слушайте, как вы живете? – растерянно спросил я. – Вы знаете, что человечество могут уничтожить, вы знаете про все эти мерзости… и живете, в ресторан ходите…
– А что делать-то, – усмехнулся Иван. – Так было всегда, пойми. И жизнь шла своим чередом. Старайся выжить, получай удовольствие от настоящего. Ты, Максим, мне…
– Симпатичен, – согласился я. – Догадываюсь. И вы желаете мне добра.
– Верно, – сказал Иван.
– Расплатитесь, ладно? – сказал я. – А то не при деньгах сегодня.
Встал, кивнул Милане. Надел плащ. Иван сидел, с иронией смотрел, как мы собирались, и щипал хлеб.
– Запрещать звонить не стану, раз уж ты такой глазастый, – сказал он вслед добродушно. – Но сделай одолжение: не говори всяких загадочных слов по телефону!
В довершение всего тот кураж, который был со мной полчаса назад и который явно ощутил персонал ресторана, на фоне Ивана бесследно испарился. У дверей метрдотель аккуратно коснулся моего локтя и спросил:
– Простите, вы закрыли счет?
– Наш гость платит за всё, – ответила Милана и двинулась вперед, заставляя метрдотеля пропустить нас.
Я помог ей накинуть плащ, мы открыли зонт и вышли под дождь.
– По факту, за всё платим мы, – сказал я. – Имею в виду людей.
– Но некоторые хорошо устроились, и это их не огорчает, – поддержала Милана.
– Ты – настоящий друг, – сказал я. – Ну… что думаешь?
– Говори ты. – Милана улыбнулась. – Ты же не просто так вскочил. Ты последние минуты был сам не свой.
– Так заметно было? – Я поморщился.
– Нет. Не так уж. Но я тебя знаю лучше, чем твой высокий покровитель.
– Ага. – Я вздохнул. – Надеюсь. Ты меня научила одной вещи, Милана. Смотреть не на то, что есть, а на то, чего нет. Этот Иван обмолвился, что за нашим Гнездом наблюдает только полиция. Видимо, переругались в верхах, кому следить, скинули на низовой уровень.
– Я слышала.

– Лихачев жаловался, что на меня «неберушка». Охранный лист.
Милана вздохнула.
– Ты и это говорил.
– А еще такой лист есть на бомжа, тусующегося у Комка. Кто он такой, если другие спецслужбы тут не работают?
Во взгляде Миланы появилось сочувствие. Вот не люблю я такого!
– Ты хочешь сказать, что этот спившийся бедняга – на самом-то деле агент могущественной инопланетной цивилизации, тот самый наблюдатель? Он прилетел из далеких миров, принял человеческий облик, потом принял бутылку водки для убедительности образа и пошел к Гнезду? А пришельцы позвонили, допустим, президенту и велели не трогать этого бомжа?
М-да…
– Когда ты так говоришь, Милана, я чувствую себя идиотом, – признался я.
Неожиданно она обняла меня. Крепко, действительно словно товарищ, а не бывшая подруга. Сказала:
– Максим, ты просто хватаешься за соломинку… Я понимаю. Думаю, ты ошибаешься, но я тебя очень-очень хорошо понимаю.
Мы стояли под дождем, прикрываясь одним зонтиком, словно парочка влюбленных в каком-нибудь романтическом кино; даже проходящий мимо хмурый мужчина едва заметно улыбнулся и кивнул мне, словно говоря: «Молодец, парень, так держать».
А я думал о том, что пришедшая мне в голову идея – полная чушь.
С чего я взял, что эти «наблюдатели» на Земле и впрямь есть?
С чего я решил, что вонючий бомж с поэтической жилкой – один из них? Спущенное полиции указание не трогать его? Ну так он может быть из конторы, про которую даже Иван не знает. Или какой-нибудь официально впущенный наблюдатель из другой страны. Нашего впустили посмотреть на Гнезда в США, американского – в Россию. Да масса вариантов может быть!
Я и впрямь цепляюсь за соломинку.
– Пойдем, – сказала Милана.
– В Гнездо?
– Поищем твоего бомжа.
– Он не… Ты же сама сказала, что это глупость!
– Ну и что? Хуже будет, если ты бомжу пожалуешься на жизнь? Ему развлечение, а от нас не убудет. Он прикольный и безобидный. Я в старших классах такому еду таскала, а он меня математике учил. Бывший преподаватель, кандидат наук…
Вот что мне в Милане очень нравится, так это ее непоколебимая уверенность и желание действовать. Если решила, так решила.
– Ты с парашютом прыгала? – спросил я, когда мы свернули в сторону Комка.
– Один раз. Решила попробовать.
– Попробовала, понравилось, но больше прыгать не стала?
– Точно, – она удивленно глянула на меня. – А зачем? Я же хотела прыгнуть, а не прыгать!
– Ты просто супер, – сказал я.

У Комка бомжа с душой поэта не оказалось. Только мокли под зонтами несколько серчеров, пришедших сдавать товар. Скверик со статуей был пуст, паутина, прибитая дождем, облепила памятник белесой коркой.
Надо будет спросить Дарину, откуда они берут эту паутину. Надеюсь, ответ меня не сильно ужаснет.
– Если этот бедолага все время ошивается тут, – сказала Милана, – то живет в каком-нибудь подвале. Верно?
Я покачал головой. На окраинах – может быть, а в центре все подвалы закрыты, опечатаны, и никаких бомжей не водится. Здесь копни поглубже – кабели спецсвязи, копни еще чуть – секретные линии метро.
Разве что…
Руины, оставшиеся от разрушенного падением Комка здания? Мусор в основном разобрали, но часть стен осталась, у городских служб никак не получалось ими заняться. Тут вроде какое-то посольство или консульство было, территория закреплена за другим государством, а у того средств нет на ремонт. Им, кажется, старую пятиэтажку на окраине отдали, но землю они Москве так и не вернули.
Мы прошли по апокалиптически выглядящим развалинам и почти сразу почувствовали легкий дымок.

Обогнули одиноко стоящую стену, перебрались через разрушенные балки – и обнаружили бомжа.
Тут был уцелевший угол здания. Две сходящиеся стены, над ними чуть накренившаяся, но вроде как прочно застрявшая потолочная плита. Дождь стекал с нее водяным занавесом, за которым дрожал огонек костра.
Мы переглянулись – и прошли через завесу.
Как ни странно, но тут оказалось почти уютно!
Пол был аккуратно закрыт досками и сух. Маленький костер горел в какой-то здоровой гнутой железке, напоминающей мангал. У стены стоял кожаный диванчик, весь рваный, затертый, но в целом вполне годящийся для сна. На диванчике валялось несколько книг и грубое шерстяное одеяло.
Бомж сидел перед костром на корточках и жарил сосиску, наколотую на металлический прут. Рядом стояла бутылка водки (о, кто бы сомневался!), открытый пакет с нарезанным хлебом, пластиковая упаковка сосисок, литровая бутылка лимонада «Буратино» и три одноразовых стаканчика.
– Друг мой добрый, сегодня пришедший в мой дом, отобедай со мною за скромным столом! – воскликнул бомж, глядя на нас.
– Вы нас ждали? – удивился я, принюхиваясь. Как ни странно, ничем неприятным не пахло. Только жареной сосиской.
– Мудрый человек всегда ждет кого-то! – Бомж широко улыбнулся.
А зубы-то у него в прекрасном состоянии! Слишком белые для настоящих, пожалуй…
Импланты? У бомжа?
Он и одет теперь был иначе – в спортивный костюм, кроссовки, на голове бейсболка. Еще бы побриться и постричься…
Мы с Миланой присели у костра.
– С нашей встречи небеса мне покровительствуют! – сообщил бомж, верно оценив мой взгляд. – У меня скромные запросы. Я хорошо питаюсь, пью вкусные напитки и живу в центре прекрасного города!
Как-то не походил он на агента под прикрытием.
На посланника иной цивилизации, впрочем, еще меньше.
– Но что это я? – спросил бомж. – Гости за столом, а чаши не наполнены!
Он стряхнул поджаренную сосиску на край железного противня и сноровисто разлил водку по стаканчикам. Себе – грамм сто, Милане поменьше, ну а мне на самом донце.
Произнес:
– Два-три дня, что ты здесь, будь за чашей, иль мирно дремли, иль вкушай в сладкой неге плоды благодатной земли.
Я, конечно, не собирался провести здесь «два-три дня». Водку пить тем более. Да и сосиска внушала мне подозрения.
– Мы только что из-за стола, – сказал я.
– Вижу! Невзгоды научили меня отличать голодных людей от сытых. Это полезное умение, добрые гости! Но испить глоток и преломить кусочек хлеба с хозяином – долг гостя, такой же, как долг хозяина – накрыть стол.
Ох, кто бы он ни был, но по общению явно истосковался…
Милана первой взяла стаканчик. Я обреченно потянулся за своим. Под благостным взглядом бомжа мы отломили немного хлеба и положили сверху по кусочку горячей сосиски.
– Ну, за знакомство, – неожиданно деловито сказал бомж. И опрокинул свой стаканчик, будто воду пил.
Я с сомнением глотнул. Может, там вовсе не водка?
Водка…
Еще и дрянная, вонючая, теплая…
Я торопливо заел. Сосиска оказалась лучше, чем я боялся.
– Вы стихи читаете все время, – сказала Милана. – Вы поэт?
– Я? – Бомж растроганно посмотрел на нее. – Спасибо, милая дева! Хотел бы я быть поэтом! Я лишь читатель. А стихи – великого Низами Гянджеви, коего считают своим и потомки персов, и жители Азербайджана…
– Вы азербайджанец?
– Я? – Бомж растерялся. – Русский я. Андрей меня зовут. Русский, гражданин Вселенной, если угодно, то есть космополит, но духом русский я…
Он задумчиво почесал живот. Добавил:
– Или же председатель земного шара, как называл себя Хлебников Велимир, поэт величайший из забытых… но все они нынче забыты, и всех я люблю…

Вот что это? Про «гражданин Вселенной» и «председатель земного шара»? Слова безумца или намек?
– А Низами больше всех любите? – спросила Милана. Она выпила водку на удивление спокойно, даже не поморщившись.
– Не то чтобы больше… – смутился бомж. – Но мы же на его территории, у памятника его! А значит, дух поэта может витать вокруг, и приятно ему будет слышать свои слова, пусть и переведенные с персидского, а также мои недостойные подражания…
Он плеснул себе еще водки. Взглядом спросил нас, всё понял и наливать больше не стал.
И что делать? Пить дальше водку, пока его не срубит?
– Я хочу вам сказать… – начал я.
Бомж Андрей замер, выжидающе глядя на меня.
– Жизнь очень несправедлива, – сказал я. – Наверное, иначе невозможно. Сильный всегда будет помыкать слабым, грязную работу всегда будут делать чужими руками. Это не сразу понимаешь, а некоторые ухитряются вообще не понять. Я вот понял. Не то чтобы смирился, но понял – это то, с чем можно бороться всю жизнь, зная, что не победишь. Хотя бороться все равно надо! Но есть такие вещи, которых не должно быть. Даже в несправедливом мире. У человека всегда должен быть выбор. Как поступить, бороться или сдаться, на чьей быть стороне. А этот выбор можно делать, только если ты к нему готов. Нельзя его делать в детстве, нельзя его делать за детей. Так, как сейчас с Измененными, – нельзя. Это хуже несправедливости, это бесчестно.
Я помолчал, думая, что еще сказать. Ну, на тот случай, если я все-таки схватился за правильную соломинку и этот «гражданин Вселенной» на самом деле не человек и что-то может сделать…
– Если можно… – сказал я. – Если это в чьей-то силе… Дайте нам выбор. Дайте его хотя бы детям.
Бомж Андрей смотрел на меня, из глаз его текли слезы, исчезая в густой бороде.
– Это… это очень хороший тост, – сказал он. Всхлипнул.
И опрокинул в рот стаканчик.
Из меня словно воздух выпустили. Я сидел, сжимая кулаки и вновь чувствуя себя идиотом. Хотя на кого мне было сердиться? На спившегося читателя и самодеятельного поэта?
Милана осторожно обняла меня и поцеловала в щеку. Прошептала:
– Ты всё правильно сказал, Максим. Ты молодец. Пойдем?
Я кивнул. Горечь уходила вместе с обидой, Гнездо дотянулось до меня через Милану и ласково обняло вместе с ней.
– Правильно, но зря.
– Ничего не бывает зря, – Милана покачала головой. – Помнишь? Всегда есть то, чего не видишь.
– Пойдем, – сказал я. – Наши ждут.

Глава седьмая

Наших оказалось даже больше, чем я думал.
В фойе, помимо Наськи, оказались Виталий Антонович и Василий. Они сидели на полу рядом с куколкой, а та вдохновенно рассказывала, даже свою драгоценную шкатулку отложила.
– Мир совершенно иначе воспринимаешь! Учиться совсем не надо. Взял учебник, ладонь на обложку положил – и через минутку всё в голове! Только если эти, формулы, сложные, то надо минут пять их впитывать.
Она покосилась на меня и слегка покраснела.
– А компьютерная информация? – спросил Василий.
– Точно так же, – стараясь не глядеть на меня, сообщила Наська. – Руку к монитору прижимаешь – и всё закачивается прямо в мозг!
– Ну, если памяти хватает, – заметил я негромко. – А разве не к процессору надо прикладывать ладонь?
Василий подмигнул мне и спросил:
– А с флешек?
– С флешек? Только если подключены! Надо, чтобы электричество было, иначе информация не считывается!

– Почему тогда с книжек считывается? – спросил Василий настырно. – Нелогично как-то.
Наська умоляюще посмотрела на меня.
– Она про электронные книжки говорит, – сказал я. – С бумажными сложнее. Бумажных книг куколки боятся, убегают от них с криками.
Василий засмеялся и потрепал Наську по голове.
– Спасибо, очень увлекательная история. Будем знать.
– Решили присоединиться? – спросил я.
Виталий Антонович сказал:
– Елена позвонила, кое-что рассказала… Да.
– Я взял отгул на пару дней, – сообщил Василий.
Сумки, с которыми они ходили в клинику, стояли рядом. Старики-разбойники решили драться до конца.
– Анастасия, – Виталий Антонович посмотрел на куколку. – А ты не помнишь такого стража…
– Такую стражу, – поправила куколка.
– Он все-таки юноша… зовут Викентий… наверное, у вас звали Вик… Викентий Исаков…
– Вик, – кивнула Наська. – Знаю, скучный. Здоровый такой. На входе стоял часто.
Виталий Антонович кивнул.
– Он две недели назад… – куколка замялась, – уехал. Он глупенький, но сильный.
– Уехал? – воскликнул Виталий Антонович. – Куда?
– Угу, – у куколки забегали глаза. – Уехал…
– Наська, это его сын, – сказал я. – Пожалуйста, расскажи без фантазий. Мы же всё равно уже понимаем…
Наська смущенно посмотрела на Виталия Антоновича.
– Я не знаю, правда. То есть знаю, но без деталей. Мир называется Титар. Туда берут из нашего Гнезда, из Воронежского, из всяких других, но я не в курсе… Ой, знаю, еще есть Монмартрское Гнездо, Монмартр – это улица в Париже, да? Про Титар не особо знаю, этому позже учат. Там всё такое… – она пихнула ногой подушку, – мягкое. И света мало. Я туда не хочу, есть еще Сульдри, с болотами и грязевыми вулканами, это прикольно…
Она замолчала. Мы смотрели на нее в оцепенении.
– Лишнего наговорила? – спросила Наська виновато.
– Не то чтобы лишнего, – ответил Василий. – Мы вроде как понимали…
– Но более абстрактно, – произнес Виталий Антонович медленно.
– Извините, что назвала Вика глупеньким, – повинилась Наська. – И вообще! Я опять всё нафантазировала. Хорошо получилось, правда? Максим, ну скажи, я ведь все время придумываю!
– Она все время придумывает, – подтвердил я. – Виталий Антонович, главное, что твой пацан живой. Верно?
Виталий Антонович кивнул. Взгляд его под очками оставался расфокусированным, задумчивым. Думал про планеты с названиями Титар и Сульдри, про своего сына…
– Слушай, я тут подумал… – пытаясь отвлечь его, начал я.
– Нет, – сказал Виталий Антонович. – Не буду я звать наших ребят. Кое-кто пойдет, да, но незачем.
– Ты не понял! Что, если попросить Гнездо их призвать? Еще троих, пятерых… Тогда у нас будут шансы выдержать любую атаку!
Я понимал, что одновременно резко повысятся шансы довести ситуацию до края, до уничтожения Прежними всей Земли. Но в данный момент меня это почему-то не волновало.
– Максим, не выйдет, – сказала Милана.
– Почему?
– Гнездо не может призвать больше одного человека одновременно.
Я глянул на Наську. Та кивнула.
– Почему я не знал? – спросил я, обращаясь к Гнезду.
Ощутил смущенный ответ: «Ты не спрашивал».
А еще понял, что Гнезду очень трудно держать связь одновременно с призванной Миланой и мной, бывшим в Призыве ранее.
– Ясно, – сказал я. – Проехали. Мысль была хорошая, но глупая.
– О, так бывает, – подтвердил Василий. – С годами все чаще и чаще, привыкай.
– Народ, раз теперь здесь вы и Милана, я на время отлучусь? – спросил я. – Погода располагает к прогулкам. К вечеру вернусь.

– Ты простудишься, у тебя ноги мокрые, – сказала Наська.
– Выпью горячего чая с малиной, – ответил я. – У вас есть малиновое варенье?
Наська пожала плечами. Спросила:
– Может, тебе другой зонтик поискать?
– Нет, с этим мы уже подружились, – сказал я, забирая его у Миланы. И в доказательство погладил цветастый купол. – Он стильный, яркий. Мы с ним вдвоем производим неизгладимое впечатление.

Мне (или Гнезду) повезло уже трижды. С первым уничтожителем, с нашим налетом на логово Прежних, со второй схваткой в Гнезде.
Почему-то я был уверен, что запас везения кончился. Не зря даже в сказках всё заканчивается на цифре «три». Победил Иван-дурак трех чудищ, вот и молодец, вот и сказочке конец, и поехал он во дворец, получать царскую дочь, полцарства и сундук с медовыми пряниками. А там, у ворот дворца, его ждало четвертое чудище, только про это уже в сказке не рассказывают.
Лихачев не хочет помогать. И даже если бы захотел, что ему, класть своих ребят, защищая Гнездо? Сколько у него там людей-то? Два десятка, три? Пара броневиков? Иван, возможно, смог бы подогнать серьезные силы. Какие-нибудь воинские части. Только он не Иван-дурак, он – Иван-царевич. Он не сражается с чудищами, он заключает с ними соглашения.
Третья сила, которую я, возможно, придумал… Если она и есть, выхода на нее никакого. Ну не похож бомж-стихотворец на межзвездного эмиссара.
Что остается?
Прежние, с которыми мы уже в состоянии войны.
Инсеки, которые заняли их место.
До Инсеков, по крайней мере, я однажды докричался. Почему бы не попробовать снова?
За спрос, как известно, денег не берут.
Я дошел до представительства Инсеков без приключений, лишь промок до нитки (к дождю присоединился ветер, и ни зонт, ни плащ уже не спасали). По пути заглянул в магазин – обычный, человеческий. Благодаря тому, что в ресторане я предоставил честь расплачиваться Ивану, у меня остались почти все деньги от Лихачева.
Цены были безбожные, ну, кроме тех продуктов, стоимость которых регулировало государство. Но мне не нужны были серенькая мука, серенький сахар, серенькие макароны и такое же серенькое порошковое молоко (удивительно, но почему-то все эти государственные продукты приобретали единый унылый цвет).
Я купил два десятка леденцов на палочке и банку малинового варенья. Ну а что такого? Хожу в мокрых кроссовках и черном плаще под женским зонтом, люблю сладкое. Имею право, не запрещено.
В представительстве, на входе, я сдал пистолет и пакет со сладостями, чем вызвал понятную реакцию. Пришлось вновь предъявлять удостоверение, выслушивать вопросы и давать уклончивые ответы. В этот раз была другая смена охранников, то ли более любопытных, то ли дотошных. Кончилось тем, что я посоветовал проверить списки людей, которых им вообще запрещено задерживать, услышал ожидаемый ответ «нет таких списков, у нас перед законом все равны», улыбнулся и пошел внутрь. Останавливать меня не стали, но принялись куда-то звонить.
Ну и пусть.
Сегодня в Представительстве было многолюдно. Звукоизоляция здесь плохая, так что, идя между комнатушками, я слышал обрывки монологов.
– …по вашей воле, по вашей воле, по вашей воле…
Понятно, какой-то безумный сектант, молящийся своим богам.
– …семнадцать тысяч двести шестьдесят три! Если все лучи добра направить в головы людям…
А это просто псих.
– …без нее не могу, не могу я без нее жить…
Несчастный влюбленный?
– …я бы всё отдала, возьмите меня, вылечите сыночка…
Мать, пытающаяся предложить себя в Измененные…
Я ускорил шаг.
Почему-то мне было важно войти в ту же самую комнату, откуда я смог поговорить с Инсеком. Словно этот выбор что-то значил.
Повезло – комната оказалась свободной.

Закрыв за собой дверь, я огляделся и, будто старым знакомым, улыбнулся конфетному фантику и пустой бутылочке в углу. Нет, в комнате убирали. Обертку я не запомнил, а вот бутылочка другая. В прошлый раз была обычной формы, а сегодня как маленькая фляжка.
Я даже представил себе этого человека, каждый день приходящего в «избу-исповедальню» с выпивкой и закуской. Как он усаживается и начинает рассказывать пустому экрану свои грандиозные планы, давать советы, ругаться и проклинать. В процессе выпивает в два-три глотка свои пятьдесят или сто граммов, швыряет бумажку в один угол, пустую тару в другой. И уходит.
Вот, может, мокрые пятна на полу как раз он оставил. Сидел, с него текло так же, как с меня…
Диванчик, кстати, тоже промок. Придется сидеть в плаще, пачкая его еще больше.
Я сел, вытянул ноги. Помолчал, глядя в грязную тьму экрана. Сказал:
– Привет.
Экран полыхнул. Ярко, словно за ним лампу включили.
Что-то зашуршало, затрещало, по рамке экрана пробежала волна искр, всосалась в металл.
Такого в прошлый раз не было!
Серый свет рассеялся, пошел кругами – из экрана выскользнула длинная суставчатая лапа. Она казалась куда больше, чем в прошлый раз, – они что, масштаб изменили…
Лапа вцепилась в плащ и потащила меня к экрану!
Я с каким-то удивительным спокойствием понял, что чувствую хватку Инсека. Лапа заканчивалась короткими скрюченными «пальцами», будто копыто небрежно нарезали на ломтики.
От лапы шел приторно-сладкий запах!
И она была совершенно непрозрачной. Она была настоящей!
Инсек высунул конечность в экран и теперь затаскивал меня к себе!
Я раскинул руки и ноги, пытаясь растопыриться, будто умненькая Гретель, не желающая лезть в печь. Но фокус не прошел, лапа тащила меня с такой силой, что я не смог удержаться.
И провалился в серую тьму.

Первое, что я осознал, – здесь жарко.
Жарко и странный запах. Пахло грибами и сахаром, словно сумасшедший кондитер сделал пирожные из засахаренных шампиньонов.
Голова кружилась, в теле была пугающая легкость.
Потом я понял, что Инсек куда больше, чем я думал.
Он, пожалуй, размерами превосходил даже монстра-уничтожителя. Но монстр был нелеп, слеплен из другой основы: человеческое тело, раздутая голова и удлиненные руки-ноги. А Инсек выглядел абсолютно гармонично и соразмерно. Тело длиной метра четыре, выступающая прямо из него голова, конечности – четыре короткие, видимо, для ходьбы, две очень длинные, сейчас сложенные вдвое и прижатые к телу.
Инсек сидел напротив. На заднице, слегка подогнувшейся вперед, напоминая задумчивого муравья. Ходильные лапы медленно шевелились, перебирая воздух. Глаза смотрели на меня. Я тоже сидел на полу, враскоряку, в той позе, в какой меня отпустила лапа пришельца.
Для такого крупного существа помещение казалось маленьким. Оно напоминало расширение в туннеле из серо-синего металла, который пришельцы использовали повсюду. Кое-где металл светился. За моей спиной в стене мерцал экран, через который меня и втащили.
Такое ощущение, будто мой «привет» застал Инсека в узком лазе, по которому он куда-то шел. И тогда Инсек в считаные секунды расширил часть туннеля, открыл в нем портал на Землю – и втащил меня к себе. Куда, интересно? На космический корабль, таящийся на орбите, или сразу на другую планету? Никто не знал, откуда Инсеки общаются с людьми.
– Вы крупнее, чем тот, с кем я говорил, – сказал я.
Ну надо же что-то сказать?
– С тобой говорил я, – ответил Инсек своим нежным женским голосом. – Изображение было уменьшено.
– А… – Я попытался встать и слегка подлетел в воздух. Тут была очень низкая сила тяжести. Я осторожно уселся снова.
– Постарайся не делать резких движений, – сказал Инсек. – Иначе мне придется тебя удерживать, и ты испугаешься.

– Точно, – ответил я. – Так-то совсем не страшно… могли бы предупредить. Я бы сам вошел.
– Не было времени и необходимости, – сообщил Инсек. – Я надеялся, что ты появишься в представительстве. Есть необходимость диалога, но мне не хочется привлекать ваши властные структуры.
– Ага, – кивнул я. – Можно задать вопрос?
– Да.
– Я вернусь на Землю?
– Мне бы не хотелось оставлять здесь человеческую особь, – ответил Инсек. – После завершения разговора я планирую отправить тебя обратно.
Не могу сказать, что у меня прям вот отлегло от сердца. Всё случилось так быстро и неожиданно, что испугаться я толком не успел.
Ладно, вру.
Испугался я до жути. И услышать, что меня собираются вернуть на Землю, было очень приятно.
– Спасибо, – сказал я. – Мне тоже надо поговорить.
– Это хорошо, – похвалил Инсек. – Когда обе стороны проявляют интерес к диалогу, вероятность успеха выше. Ты хочешь говорить о Гнезде?
– И о Гнезде тоже, – сказал я. – Об Измененных, о Прежних…
– Мы избавили вас от Прежних, – ответил Инсек. – Их поведение было грубым и бесцеремонным. Они брали всех, кого желали. Использовали не только для войны, но и для личных нужд. Не спрашивали согласия.
– А вы спрашиваете?
– Конечно. В Гнезда приводят умирающих или бесполезных особей. Все подписывают согласие.
– Но там же и совсем маленькие дети!
– За них подписывают согласие родители. Это отвечает вашим моральным нормам, правильно? Вы решаете, сохранить ли жизнь своим зародышам, вы даете согласие на опасные медицинские процедуры. Вы определяете, чем ваши дети будут заниматься в будущем. Во многих культурах вы также определяете их брачных партнеров, подвергаете калечащим манипуляциям. Почти всегда вы навязываете свои системы ценностей и философию. Предлагаемый нами выбор более справедлив, мы гарантируем продление их жизни. Зачастую они могут прожить срок, недоступный людям.
– Вы их посылаете воевать!
– Не только. И они идут по своей воле.
Инсек говорил спокойно, доброжелательно. И я растерянно подумал, что мне и возразить-то нечего. Что, не выдают где-нибудь в Азии или Африке маленьких девочек замуж за старых хрычей? Или не заставляют ребенка заниматься каким-нибудь спортом, от которого он к двадцати годам уже выжат, как лимон, все «достижения» совершил, а ничего, кроме как плавать или на брусьях кувыркаться, не умеет?
– Прежние поступали гораздо хуже, – продолжал Инсек. – Мы не нуждаемся в человеческих органах и биоматериалах, нам чужд человеческий секс, а употреблять людей в пищу мы не можем в силу своей физиологии…
– Замолчите, – попросил я. – Пожалуйста.
Инсек замолчал.
– Давайте не будем сейчас… так масштабно, – сказал я, будто мы договорились о каких-то регулярных переговорах. – У нас кризис.
– Знаю.
– Прежние посылают своих монстров, те пытаются уничтожить Гнездо…
– Очень неудачная ситуация, – согласился Инсек. – Ваша звездная система в данный момент изолирована.
– Нет резонанса? – спросил я насмешливо.
– Да. Нет резонанса, – Инсек беспокойно дернул лапой. – Я не могу эвакуировать стратега. Он очень важен для нас, но еще более важен для Прежних. Они не могут отдать его нам, а я не могу допустить, чтобы у них появился второй стратег. Очень печально, что он вообще возник.
– Это не он, это она. Маленькая девочка!
– Стратег есть стратег.
– Я думал, вы хотите его получить…
– Хотим. Но негативные последствия уже перевешивают выгоду. Как для нас, так и для них. Я общаюсь со здоровыми силами Прежних, они предпринимают различные действия по сглаживанию ситуации. Но это тупик.
– Вы с ними общаетесь? – поразился я.

– Конечно. Война – это лишь часть политики. Даже на Земле это знают.
– Так что будет, если вы получите стратега?
– Если к моменту резонанса стратег будет оставаться в Гнезде, Прежние пойдут на действия глобального характера.
Я даже уточнять не стал.
– А если они его захватят?
– На действия глобального характера вынужден буду пойти я.
– Землю уничтожите? – спросил я резко.
– Планета уцелеет, – ответил Инсек.
И я снова не стал уточнять.
– А что тогда? – спросил я. – Что может изменить ситуацию? Если вы стратега успеете забрать, Прежние будут мстить?
– Нет. Но резонанс…
– Заберите его сюда, к себе! А потом уже куда-нибудь отправьте…
– Я не могу, – сказал Инсек. – Есть правила, определенные не нами. Никто не мог тронуть стратега, пока он был человеческой девочкой. Никто не может извлечь его с планеты вне определенной процедуры. Неужели ты думаешь, что такое простое решение не было обдумано?
– Тогда… – Мне вдруг пришла в голову блистательная мысль. – Тогда сделайте ее обратно человеком! Дайте возвратный мутаген, она станет человеческим ребенком!
– С потенциалом стратега. И уже вышедшая из-под охранных правил. Я не доверяю Прежним. Они не доверяют нам. Искушение вновь провести стратега через Изменение и обратить себе на службу очень велико.
– То есть ничего? – спросил я. – Никаких вариантов?
– Нам и Прежним недоступен ни один вариант, кроме смерти стратега. Но психология Измененных такова, что уцелевшие обитатели Гнезда не отдадут его на смерть.
– Так договоритесь с Прежними! – крикнул я. – Вы же все разумные, крутые, у вас огромный опыт! Вся эта политика, войны…
– Я не думаю, что ситуация дойдет до глобальных действий, – сказал Инсек. – Прежние не допустят, они ценят свою планету.
– Так она по-прежнему их? Не ваша?
– Мы осуществляем протекторат, но право собственности остается за Прежними. Это сложная система обязательств и прав, закрепленная договорами, которые мы не вправе нарушить.
Как это у них просто! Право собственности! На планету с миллиардами разумных существ!
– Хорошо, – сказал я. – Может быть, кто-то из вас спустится на Землю, поговорит с Дариной, убедит…
– Кто спустится?
– Кто-то из вас!
– Я не могу покинуть базу.
– Пусть спустится кто-то… – Я замолчал.
До меня дошло.
– Я один, – сказал Инсек.
Передняя лапа вытянулась ко мне. Я вдруг заметил, что она мелко подрагивает.
– Я тяжело пострадал восемь лет назад и нуждаюсь в непрерывных реанимационных процедурах. Время, отпущенное на разговор, истекает. Мне жаль, что я тебя расстроил.
– Но вы же меня не просто так, поболтать, позвали? – спросил я. – Ваша техника ждала меня, как только я вышел на связь, вы меня выдернули… зачем? Если нет вариантов?
– У нас и Прежних нет вариантов, – повторил Инсек.
– Есть у кого-то другого?
– Тебе пора, – сказал Инсек. – Мне пронести тебя через переход, или ты пойдешь сам?
– Хоть намекните, – попросил я. Оглянулся – по экрану в стене пробегали искры. – Я понял: вы тоже кого-то боитесь, вы все сто раз подумаете, прежде чем сказать, но намекните! Где искать!
Почти человеческие глаза пришельца не мигая смотрели на меня. Потом он сказал:
– Всё давно так близко, как только возможно.
Легким толчком лапы он впихнул меня в экран.
За экраном была черно-серая муть, метр высоты, ковровое покрытие на полу.
И молодая женщина азиатской наружности, в халате и с пылесосом, оттирающая мокрые пятна с пола. Мой чудесный зонтик был сложен и аккуратно поставлен у открытой двери. При моем появлении уборщица тихонько взвизгнула, отпустила ручку тихо урчащего пылесоса и прижала руки к груди.

– Из… извините… – пробормотал я, барахтаясь на полу и пытаясь встать. На стене опасно раскачивался экран, по краям которого бегали искры.
– Ты откуда, откуда ты, а? – спросила женщина.
– С Луны упал, – ответил я, вставая. – Кажется, с Селены, судя по силе тяжести…
Подхватив зонт, я выскочил из комнаты.

Глава восьмая

Я не герой.
Герой не должен переживать, уцелеет он или нет. Герой идет в бой, как на праздник. Может, у него такой высокий уровень идеалов в крови, а может, с фантазией плохо. Или он уверен, что мир заканчивается вместе с ним, и никто не будет по нему рыдать, а он ничего интересного не пропустит. Совершил подвиг – и привет, жизнь удалась, жалко, что короткая.
Мне так не хочется.
Это не значит, что я не готов сидеть в Гнезде, сжимая пистолет с парой «метапатронов», и ждать, когда нас придут убивать. Готов, но совсем по другой причине.
Но предпочел бы всё-таки уцелеть.
Потому что Инсек, оставшийся в своем корабле на обломке Луны, все-таки видит лазейку. «Всё давно так близко, как только возможно»? Да, у меня есть одна мысль. Она странная, наивная, почти как желание увидеть в полупьяном бомже инопланетного наблюдателя. Но если и впрямь «всё куда ближе»?
Я забрал свои вещи у охраны. Полицейские смотрели на меня как на диковинку – неужели и впрямь проверили, внесен ли я в секретные списки?
Ничего-ничего. Вот еще выслушают рассказ уборщицы о моем явлении через экран…
Выйдя из Манежа, я посмотрел на идущих к зданию людей. Не так уж много было желающих в такую погоду изливать душу молчащим экранам. Но все-таки они всегда приходили.
Ну а что? В церкви люди тоже не ожидают услышать глас с неба в ответ на молитву.
Я шел к Гнезду, размышляя, оценивая ситуацию и так, и эдак. Опять я заблуждаюсь? Или всё-таки что-то нащупал?
Напротив Зоологического музея я увидел идущего навстречу бомжа Андрея. За собой он катил сумку-тележку, а сам поверх спортивного костюма закутался в прозрачный пластиковый плащ, одна борода торчала наружу. Несмотря на недавнюю выпивку (я не сомневался, что бутылку он приговорил), шел Андрей довольно твердой поступью. Увидев меня, остановился, раскинул руки и воскликнул:

– А! Это снова ты!
[1]

– Куда двигаетесь? – спросил я.
– Меняю я места на расстоянья, меняю встречи я на расставанья! – Андрей пошатнулся, но устоял.
Все-таки он был пьян.
– Вы уходите? – не сдавался я.

– Ухожу, – бомж собрался и наставительно поднял палец. – И вам советую, юноша! Час мужества пробил на наших часах и…
[2]

Он помолчал.
– И мужество нас покинуло. Отправляюсь к Анне Андреевне. Пошел бы к Николаю Степановичу, но нет ему памятников в Москве. Не удосужились…
– Что так вдруг? – спросил я.
– Атмосфера резко изменилась, – Андрей шмыгнул носом. – Плохо там будет. Людей много пришло.
Я пожал плечами. Неужели наша маленькая компания так на него подействовала? Но кто его знает, душевнобольные и впрямь могут быть чувствительнее к голосу Гнезда…
– Вы бы тоже не шли туда… эх… – Бомж махнул рукой. И вдруг сказал совсем трезво: – Вам решать, конечно. Вы молоды. Вам проще жить.

– Осторожнее всё-таки, – сказал я.
– Я всегда осторожен… – Он протянул руку и похлопал меня по плечу. – Хорошее было место.
Он обогнул меня и двинулся дальше.
– Эй! – не выдержал я. – Почему вас не трогают менты?
– Из уважения к былым заслугам! – гордо откликнулся бомж.
Я постоял, глядя ему вслед. Вспомнил реплику деды Бори: «Вы его не узнали?».
И стоило мне придумывать бомжу инопланетное происхождение?
Деда Боря, похоже, его узнал.
Покачав головой, я двинулся дальше.
И уже через пару минут обратил внимание на людей, идущих в том же направлении.
Да, конечно. Центр Москвы. Даже после Перемены.
Но не в такой же ливень!
При такой погоде люди передвигаются быстро и целеустремленно. От дверей автобуса до станции метро. От выхода из метро до подъезда.
А вокруг люди шли сосредоточенно и не спеша.
Будто и не особо хотели куда-то двигаться, но знали, что надо, – и собирались с духом.
Я начал украдкой приглядываться к прохожим.
Слуги Прежних? Да вряд ли…
Ничего общего в их лицах не было. Люди постарше, помоложе. Совсем уж школоты не наблюдалось, но мои ровесники попадались. Женщин, пожалуй, больше, чем мужчин. Многие шли группами по двое, по трое.
Да что такое происходит?
Я вдруг понял, что слова бомжа про «людей много пришло» относятся вовсе не к нашей крохотной команде.
Чем ближе я подходил к Гнезду, тем больше вокруг оказывалось народа.
Люди начали собираться в компании побольше, разговаривать на ходу. Я ускорил шаги, пристроился к трем женщинам, что-то энергично обсуждавшим.
– …поубивали всех деток, на куски порезали… – говорила одна, с возмущением и жадным любопытством одновременно. – Нелюди проклятые…
Ой-ей-ей…
Я шел уже так быстро, как только мог, чтобы не вызывать подозрений. Люди сбивались в плотную бормочущую массу. Я лавировал между ними, выхватывая то одну, то другую реплику, – и ничего хорошего услышанное не предвещало.
Вокруг Гнезда уже собралось несколько сот человек. Дождь грохотал по зонтам, словно толпы маленьких барабанщиков выстукивали сумасшедший ритм. Я увидел телевизионщиков: оператор в куртке с надписью «Россия-24» невозмутимо снимал толпу, перед камерой стояла девушка с микрофоном и что-то возбужденно говорила. За ее спиной то и дело мелькали любопытствующие и тот особый род зевак, что стараются влезть в любой кадр. Были даже дети, в большинстве своем без родителей, то ли из ближайших дворов, то ли из школ.
Я остановился рядом с корреспондентом, вслушался.
– Информация о массовом убийстве куколок, произошедшем в Гнезде, распространилась по всей Москве. Часть собравшихся – родители, когда-то отдавшие тяжелобольных детей на Изменение, часть – неравнодушные граждане. Люди требуют показать всех Измененных, в толпе распространяются списки направленных в это Гнездо…
Что она творит?
Это же только подстегнет людей. Сейчас все примутся складывать и сообразят, что в Гнезда направляют гораздо больше детей, чем там находится Измененных. Ну а дальше включатся «я-же-матери», многочисленные ненавистники Инсеков и Измененных, просто любители побузить…
Причем не только у нас, не только в Москве и не только в России.
Такой репортаж не будут передавать по главному новостному каналу без санкции сверху. Кто-то из Прежних сделал свой ход, и надо признать – убийственный.
Можно пытаться сражаться с монстрами.
А как ты будешь биться с людьми?
С обычными людьми, причем совершенно искренне возмущенными. Их же не убедить, что такая вот хрень у нас была всегда, всю историю человечества. Что нынче, если разобраться, еще не худший вариант.
Я стал пробираться сквозь толпу к входу в бывшее Министерство культуры. Двери были закрыты, стены облеплены мокрой паутиной, даже она не выдержала непрерывного дождя и обвисла.

У ступенек, ведущих к дверям, стояли четверо полицейских. Двое в форме, а двое – силовики, в броне с мускульными усилителями. Те, что в форме, стояли спокойно, положив руки на автоматы, а вот полицейские в силовой броне все время слегка поворачивались налево-направо. Вряд ли для лучшего обзора, скорее это было элементом психологического давления. Выглядело и впрямь пугающе, будто не люди, а фантастические роботы стояли на охране Гнезда. Усиливали впечатление боевые модули на руках: два ствола на правой, раструб с баллоном на левой. Одни утверждали, что на левой руке баллон со слезогонкой, другие – что огнемет. Не знаю, никогда не видел силовиков в действии. Может, в баллоне вообще ничего нет, но щель раструба тревожила воображение куда больше, чем стволы.
– Куда? – спросил один из полицейских в силовой броне. Забрало шлема было опущено, голос шел из динамика на груди, искаженный и с металлическим оттенком. Струи ливня стекали с брони, будто уходящая волна с панциря краба.
– Я Максим Воронцов, призванный Гнездом, – ответил я.
– Твой Призыв снят, – ответил силовик после секундной паузы.
– Призыв снят, – согласился я. – Но это ничего не значит.
– Уходи, – сказал силовик. – Гнездо изолировано.
Я покачал головой.
– Лихачев про него говорил… – напомнил из-под забрала один из полицейских в форме.
– Проход закрыт, – упрямо повторил силовик. С легким шумом сервомоторов вытянул ко мне левую руку. – Уходи!
– Свяжитесь с полковником, – сказал я. – Меня нельзя трогать.
Силовик легонько толкнул меня в грудь.
Ну как легонько. Не монстр, конечно. Но если бы я не ждал чего-то подобного, то упал бы.
– Тронул, – сообщил силовик.
Толпа за моей спиной стала выгибаться дугой, отступать.
– Он завалил ту тварь, что ребят убила, – упрямо напомнил полицейский в форме.
Силовик заколебался. Я прямо чувствовал, что он был чертовски зол. На всех и вся. Его вытащили из дома на усиление, он не любил Измененных, еще больше не любил толпу с ее простыми и быстрыми мыслями. И меня он не любил, я ведь одновременно был и частью толпы, и одним из молодых бездельников-серчеров, и, в его представлении, немножко Измененным.
С другой стороны, он яростно ненавидел тварь, убившую его товарищей. А я эту тварь завалил, такая информация всегда расходится…
А ведь я действительно ощущал его мысли. Гнездо помогало?
Чувствовал, понимал – отстраненно, с легким раздражением, без сочувствия или симпатии, но словно зажегся во мне какой-то яркий огонек, высвечивающий всё и вся. Как тогда, с двумя незадачливыми грабителями у Комка.
И я ощущал каждое движение, которое может сделать он и которое сделаю я. Его не сбить так просто с ног, и пластины брони не пробить даже пулей, но если легонько толкнуть вот так и дернуть здесь… кстати, в баллоне – похожая на напалм смесь, их экипировали по «красному коду»…
Я вздрогнул.
Не собираюсь я драться с человеком, который пусть и нехотя, но защищает Гнездо.
– Пропустите, – сказал я. – Это нужно сделать.
Он все еще колебался.
В этот момент двери сдвинулись, под дождь выскочила Наська. Босиком, без зонтика. Мрачно дошлепала до нас, разбрызгивая воду из луж, быстрым рывком отстранила силовика. Я услышал взвизг моторов, когда ладошка куколки сдвинула сто с лишним кило мышц и пластиковой брони.
– Это ко мне! – заявила Наська, беря меня за руку.
Толпа заволновалась, задвигалась. Люди обнаружили, что по меньшей мере одна из куколок жива, и загалдели.
Силовик рефлекторно попытался схватить Наську. Та отбила его руку и завопила:
– Ты че с ребенком дерешься? Здоровый жлоб, не стыдно?
Полицейский сдался. Отошел на шаг, раздраженный и обрадованный одновременно. Драться с Измененными у него, конечно же, полномочий не было, появление Наськи позволило ему выйти из ситуации.
– Спасибо, малявка, – сказал я, торопливо входя в Гнездо.
– Спасибками не отделаешься, – сообщила Наська, отряхиваясь, будто щенок. – Откуда их столько набежало?

– Сам в ужасе.
В фойе были все наши, кроме трех новых куколок. Я кивнул Дарине – мрачной, напряженной, стоящей рядом с Миланой. Не удалось ей поспать.
Свет в фойе не горел, было почти темно, только слабые отсветы ламп из коридора и серая мгла из окон. Ну правильно, нечего стоять, как в витрине.
– Часа полтора, как толпа начала собираться, – сказала Дарина. – Едва ты ушел. Максим, что происходит?
– Кто-то пустил слух об убийстве Гнезда, – ответил я. – Только это всё объявили внутренней разборкой. Что одни Измененные поубивали других.
– Слух? – поразилась Дарина.
Я глянул на колыхающиеся за стеклами зонты, напряженные лица.
– Да. Очень хорошо пущенный слух. Прежние умеют нами управлять. У них было время научиться.
Наверняка в этой толпе были не только люди, взбудораженные историей про массовое убийство. Там были и слуги – те самые, почти как люди, только гибкие, словно марионетки. Они-то наверняка и заводили людей. Врать они умели – я помнил, как убедительно говорила с нами женщина-администратор в клинике.
– Хорошо, что приехали полицейские, – сказал я.
– Боюсь, это только начало. – Деда Боря подошел к нам. Пистолет был заткнут у него за ремень. – Вряд ли они сами начнут штурм.
Я посмотрел на четырех полицейских. Конечно, если те примутся палить в толпу… Нет, не примутся. К такому их не готовили. Это не террористы, не бандиты. Это взбудораженная толпа, полная женщин и детей.
Почему Гнездо их не отгоняет?
Я мысленно потянулся, позвал – и с большим трудом услышал рокочущий гул. Гнездо работало. Отпугивало людей, создавало дискомфорт, вот только сейчас это не помогало. Ему было не до меня.
А ведь помимо людей и слуг есть еще и монстры.
– Я говорил с Инсеком, – сказал я.
– Снова? – поразилась Милана.
Я решил не уточнять, каким именно образом мы общались.
– Да. Народ… всё очень сложно. Инсеки и Прежние сцепились за стратега. Они не могут его отдать. Я попросил возвратный мутаген, но Инсек сказал, что это ничего не изменит. Анна все равно останется потенциальным стратегом, а правило о неприкосновенности людей на нее уже не будет распространяться.
– Ох уж неприкосновенность, – вздохнула Елена. – А забрать ее?
– Пока не могут. Патовая ситуация. Прежние и сами не рады, но они не верят друг другу.
Деда Боря кивнул. Спросил:
– Ну есть хоть что-то обнадеживающее?
– Да. Мне кажется, Инсек не может говорить прямо. Но он намекнул. Сказал, что у них с Прежними нет вариантов. Но добавил: «Всё давно так близко, как только возможно».
Дарина нахмурилась:
– И что это значит?
– У меня только одна догадка, – сказал я. – Может, я снова ошибаюсь… но… Я думаю, что та, третья сила, которая следит за происходящим… Я думаю, что ее наблюдатель может быть среди нас.
Елена рассмеялась и тут же замолчала. Деда Боря хмурился. Василий внимательно смотрел на меня. Виталий Антонович глянул на Милану. Милана развела руками. Наська, отжимающая мокрые волосы, застыла, восхищенно глядя на меня.
– Кто? – спросила Дарина.
И мне стало не по себе. Всё-таки обычно, когда мы не наедине, Дарина говорит очень спокойно, без эмоций. А сейчас у нее такая надежда в голосе появилась! Стало ясно, насколько же она испугана и растеряна.
– Не знаю, Дарина… Может быть, кто-то хочет что-то сказать?
– Я! – с энтузиазмом воскликнула Наська. – Я, я, я! На самом деле я не куколка. И не девочка Анастасия. Я из созвездия… Андромеды. Я большой розовый… – Она на миг запнулась, и Милана ловко вставила:
– Единорог?
– Единорог, – согласилась Наська. Вздохнула: – Если я велю Инсекам и Прежним от нас отстать – поверят?
– Вряд ли, – сказала Милана.

– Я москвич, меня зовут Василий, фамилия Беспалов. Когда-то был военным летчиком. Восемь лет назад уволили в запас. Выучился на авиадиспетчера. Если летаете из Шарика, то я мог давать команды пилоту… – Василий покачал головой. – Максим, ты славный парень, но не сработает. Мы четверо друг друга знаем много лет, какой еще наблюдатель?
Виталий Антонович кивнул:
– У меня сын был в этом Гнезде. Наверное, это тоже довод? А Дарина и Наська вряд ли могут быть одновременно Измененными и наблюдателями от третьей силы.
– Получается, что я, – сказала Милана. – Или Максим. Но это совсем глупо, значит – я?
– Милана, не обижайся… – Я шагнул к ней.
Милана мрачно глянула на меня.
– Да я не обижаюсь, это круто… Максим, ну можно в институт сходить, я там давно. Или съездить на север. Если я наблюдатель, то уже двадцать четыре года как.
Что ж, видимо, у меня сегодня был день ошибочных догадок. Я сказал:
– Простите, никого не хотел обидеть. Но мне казалось, что Инсек намекает…
– Кто может понять их логику? – пожал плечами деда Боря. – То, что мы понимаем по-своему, может для них значить совсем другое. Дарина! Из всех нас ты самая информированная, верно?
Дарина кивнула.
– Что ты знаешь о других мирах? О Прежних, об Инсеках?
– Я даже не знала, что Прежние еще есть на Земле, – ответила Дарина. – Я – жница, а хранитель лишь формально, у меня нет всей информации.
– О каких-то силах, которым они подчиняются?
Дарина покачала головой:
– Мать говорила, что Инсеки не всесильны. Что они тоже вынуждены подчиняться. Но если и было известно, кому, так только ей.
Мы снова зашли в тупик.
– Значит, полагаемся лишь на себя, – решил я. – Мы не отдаем стратега?
Один за другим люди и Измененные качали головой.
Я смотрел на них с удивлением и жалостью. Все здесь были обречены. Вопреки логике, требующей защищать свои жизни, вопреки разумному опасению за судьбу всего человечества. Защищать своих детей или любимых – тоже понятная человеческая логика. Но сейчас люди собирались защищать незнакомого по сути ребенка, причем уже официально не считающегося человеком!
– Максим? – спросила Дарина.
Я вздохнул, сбрасывая оцепенение. И ощутил тревожный зов Гнезда.
– Что-то происходит, – сказал я, поворачиваясь к дверям.
Да, происходило.
К четырем полицейским у входа добавился еще один. Тоже в силовой броне. Он стоял у двери, пытаясь заглянуть внутрь, и легонько постукивал костяшками пальцев по стеклу. Щиток шлема был поднят.
– Лихачев, – узнал я. – Ребята, давайте я поговорю?
Никто не спорил, только Виталий Антонович сделал неуверенное движение, потом махнул рукой.
Я пошел к двери. Открыл и оказался лицом к лицу с Лихачевым. Толпа зашумела, раздался выкрик:
– Пусть впустят!
Лихачев стоял, морщась, будто от боли в зубах. Гнездо сейчас давило на него прицельно, вызывая острое желание уйти подальше.
– Позволишь войти? – спросил Лихачев.
Я обернулся на Дарину, та кивнула.
– Входите, – сказал я. – Только вы один.
Лихачев молча прошел, потоптался у входа, оттирая с ног грязь и воду. Искоса глянул на фойе. Наверное, он все же здесь когда-то бывал или изучал какие-то снимки и расспрашивал очевидцев, не удивился совсем.
– Вся ваша шайка здесь… – буркнул он. – Заварили кашу…
– Будете штурмовать? – спросил я.
Лихачев поморщился.
– Хуже. Мне приказывают снять посты.

Глава девятая

Мы встали кругом – как-то так само собой получилось. У Лихачева слегка подергивалась щека, на которой был старый шрам. Я потянулся к Гнезду, коснулся его и попросил ослабить давление на полицейского.
Гнездо подчинилось, пусть и неохотно.
Лихачев ему не нравился.
– Спасибо, – глядя на Дарину, сказал полковник. – Очень неприятные ощущения. Не понимаю, как толпа держится.
– Ее согнали Прежние, – сказал я.
Лихачев неохотно кивнул. Сказал:
– Двое модных ведущих с радио. Директор элитной школы. Руководитель службы такси. Руководство офисного центра на Красной Пресне. Еще по мелочам… Если бы не ливень… А если бы работал интернет, то здесь стояло бы пол-Москвы. Кто они все?
– Думаю, что слуги Прежних, – сказал Виталий Антонович. – Чего они хотят?
– Войти в Гнездо, убедиться, что тут не было массового побоища.
– Оно было, – сказала Дарина.
Лихачев кивнул.
– Если толпа попрет, мои ребята не удержат. Стрелять в людей мы не станем. Вы сможете удержать их?
– Будем стрелять и удержим, – ответила Дарина жестко. – Стражи удержали бы без выстрелов, но стражей нет.
– Начнется бойня – мне велят вас зачистить, – предупредил Лихачев. Замолчал, нахмурился, вслушиваясь во что-то. Потом коротко ответил: – Пять минут.
Всё было понятно, но полковник пояснил:
– Требуют отойти от Гнезда. Во избежание провокаций… Я смогу потянуть минут десять-пятнадцать. Всё. Потом вынужден буду увести людей.
– Полковник, вы же играете на руку Прежним, – сказал я.
– А что я могу сделать? – ответил он. – Приказ идет сверху. Отказаться выполнять? Пришлют спецназ, под это дело захватят всё Гнездо.
Он помолчал, потом сказал, тяжело и неохотно:
– Лучше уж так… чем прихлопнут ваше Гнездо вместе со всей Москвой. Или всем человечеством. Единственное, что могу…
Лихачев явно колебался.
– Дайте стратега мне. Я заберу куколку, увезу в наш отдел. Будем охранять, никто ее не тронет.
Это был спасательный круг. Вот только бросили его с борта тонущего корабля.
– Вы и до отдела не доедете, – сказала Дарина. – Вас прикончат! Стратега убьют.
– Или заберут, – добавил я. – Придут в ваш отдел с бумагами и распоряжениями сверху, что сделаете? И тогда уже Инсек примет «меры глобального характера». Он прямо сказал.
Лихачев молчал.
Да он же это и так прекрасно понимает!
Он снимает с нас ответственность. Идет на смерть… или на преступление. У него не дрогнет рука, если надо будет убить стратега. Он пытается спасти как можно больше людей, а девочка Анна уже в любом случае списана со счетов.
– Если бы хоть людей разогнать… – сказал я беспомощно. – Против этих… но я не хочу в людей стрелять! Там женщины и дети! Им сказали, что тут убили всех куколок, они и пришли!
– Нам некого им показать, – признала Дарина. – Четыре куколки… люди поймут, что все остальные мертвы.
– Я предлагаю единственный разумный выход, – повторил Лихачев. – Поверьте.
– Может быть, он и прав, – неожиданно сказал Виталий Антонович. – В этом есть логика.
Дарина беспомощно посмотрела на меня.
Чего?
Мне решать?
Да я всего несколько часов назад протягивал куколке отравленную конфету!
– Дарина!
Мы все обернулись на голос.
Стратег Анна стояла в паре метров от нас. Вместо халата она надела ярко-розовое платье, расчесала свои роскошные волосы и выглядела сейчас как примерная девочка, которую мама собирается вести на детский праздник.
– Как ты вышла? – воскликнула Дарина возмущенно. – Наська, отведи ее обратно!

Анна улыбнулась и покачала головой.
– Ты не можешь мне приказывать, жница. Мне не вправе приказать даже мать Гнезда.
Дарина осеклась.
Наивный вопрос, конечно, «как ты вышла». В их иерархии стратег стояла где-то на самом верху, и Гнездо это знало.
Белокурая девочка посмотрела на меня. Спросила:
– Ты был у Инсека, бывший призванный? От тебя пахнет.
Я понял, что она расчеловечивается куда быстрее, чем обычные куколки или даже жницы. Хотя нет, «расчеловечиваться» – это какая-то деградация, падение. Она, скорее, развивалась. Но, конечно, переставала при этом быть человеком.
– Да, – сказал я. – Он меня через экран втащил… на свой корабль или что там… база… Мне кажется, на осколке Луны. На Селене.
– Инсек не возьмет меня к себе? – спросила стратег. Похоже, она даже знала, что Инсек один.
– Нет. Это тоже нарушит правила.
Анна кивнула. С любопытством оглядела Лихачева. Улыбнулась ему.
– Вы – хороший человек и почти не злой… Дарина, спасибо за всё. Я пойду с ним. Гнездо перестанет представлять угрозу.
– Нет, нет, нет! – Дарина взмахнула рукой. – Ты еще не стратег, ты – куколка. Я – жница, ты должна подчиняться! Вернись в «защищенную зону»!
– Там нет защиты для меня.
Стратег и жница смотрели друг на друга, будто играя в гляделки. У Анны глаза вдруг начали разгораться оранжевым, радужка меняла цвет и мерцала.
Наська дернула меня за руку.
– Максим! Ты был у Инсека? Через экран?
– Да, – ответил я, не поворачиваясь. – Потом, Наська! Отвали.
Она отвалила.
Стратег шагнула к Дарине. Взяла ее за руки, заглянула в глаза. Негромко сказала:
– Не плачь. Всё хорошо. Гнездо дает мне материал для анализа. На улице более полутысячи людей и пятидесяти не совсем людей. Люди прибывают, напряжение растет. Всех раздражают дождь и давление щита. Через пятнадцать-двадцать минут случится какая-то провокация, и толпа пойдет в Гнездо. Если полковник не уведет своих людей, прольется кровь. И это всё равно не поможет. Я прогнозирую появление бойца и чистильщика, они где-то рядом и ожидают сигнала. Результат столкновения очевиден.
Она подошла к Лихачеву и протянула ему руку.
– Пойдемте?
Ее ладошка легла в бронированную перчатку.
– Вашу ж мать! – выругался Лихачев. Отшатнулся от стратега, взвыли моторы брони.
Полковник по-птичьи дернул головой, рявкнул: – Лейтенант, уводите пост! Да, немедленно! Возвращайтесь в отдел. Меня не ждать! Выполняйте. Конец связи.
Скривившись, будто ему хотелось ругаться куда крепче, но он давил слова в себе, полковник вновь повел головой. Рацию он, что ли, так переключает?
– Эдуард, это Лихачев. Я увольняюсь. Рапорт лежит на моем столе, он подписан и стоит печать, дата вчерашняя. Да. Не важно, как. Увольняюсь, всё правильно поняли. Группа от Гнезда отозвана. Амуницию… сдам по возможности. Конец связи. Удачи вам, ребята.
Милана прижала ладони ко рту. Деда Боря покачал головой, потом прижал руку к сердцу и наклонил голову.
– Это неразумно, – сказала Анна укоризненно. Повернулась ко мне и попросила: – Дашь конфетку?
Я был словно в трансе. Я не стал спорить. Я смотрел на Анну и думал, что это единственное правильное решение, но… может быть, я понял ее неправильно. Поискав взглядом, я поднял пакет, где лежали два десятка леденцов и банка варенья. Протянул стратегу.
– Другую, – попросила она. – Я не сразу поняла, у тебя хороший… плащ. Укрывает всё.
Молча достав из кармана плаща конфету, я протянул ее стратегу.
– Надо было мне сразу взять, – сказала девочка.
Дарина смотрела на меня. По ее лицу текли слезы.
– Вы бы хоть со взрослыми людьми советовались! – зло сказал Лихачев. – Что ж вы всё доводите до точки невозврата!
– Максим взрослый.

– Твой Максим немногим старше тебя… – Лихачев глянул на Елену и деда Борю. – А вы? Клуб возрастных мстителей! А ты, Виталий? Я что, тебя подводил? Я ваши глупости не покрывал? Вы могли прийти ко мне раньше?
– Ну и что бы вы придумали… – устало сказал Виталий Антонович. – Не хотели мы никого вмешивать, и вас тоже…
Он вдруг насторожился, повернулся к коридору. Следом встрепенулась Дарина. Нахмурилась, закрутила головой:
– Максим, где Наська?
Куколки не было. Был шум. По коридору приближался легкий топот, будто к нам бежала, струясь по полу, огромная многоножка.
– Мне за спину! Все, живо! – рявкнул Лихачев. Присел на одно колено, выставив руки вперед. На правой руке что-то зажужжало, будто принялся раскручиваться маховик.
Через секунду из коридора выбежала Наська.
А за ней сплошным молчаливым потоком вынеслись куколки.
Десятки куколок. Старше, младше, некоторые с меня ростом и уже не совсем похожие на людей, некоторые совсем малыши. Мальчики, девочки, одетые как попало, молчаливые, сосредоточенные. Кто-то был очень серьезен, кто-то гримасничал и с любопытством озирался.
Лихачев опустил руки, гудение стихло.
– Так они все живы, что ли? – спросил он. – Что ж вы мне голову морочите, черти, а?
Я тоже смотрел, ничего не понимая. Пока одна из девочек-куколок (валенки, зеленая юбочка, красный свитер грубой вязки, оранжевый шарф и шапочка с помпоном) не споткнулась о валяющуюся на полу подушку и не засмеялась своей неловкости.
Тут до меня дошло.
– Милана, веди их! – крикнул я. – Быстрее!
По коридору продолжали бежать куколки… да нет, не куколки, дети после первой фазы Изменения. Их было уже с полсотни – больше, наверное, чем когда-либо собиралось одновременно в этом Гнезде.
Вместе с Миланой мы побежали к дверям. Наська с пришедшими молча следовали за нами. Я заметил, как неловко передвигаются куколки. Зато многие на бегу пригибались.
В Гнезде, откуда Наська их привела, явно готовили к жизни на других планетах.
Но люди-то таких деталей не знали.
Мы вырвались под дождь. Полицейских не было. Толпа уже приблизилась, но никто пока не рискнул подняться на ступеньки. То ли их сдерживало Гнездо, то ли укоренившийся страх перед Измененными.
Наше появление застало всех врасплох.
Я стоял слева, Милана справа, а между нами, толпясь и хватаясь друг за друга, сбивались в кучу куколки, и все напирали, напирали из дверей.
Наська выскочила вперед. Закричала звонко, пронзительно, перебивая шум дождя:
– Что вы пришли? Кто вы такие? Что вам надо?
Люди неловко затоптались на месте, будто с них спадал морок.
«Убери щит, – попросил я мысленно Гнездо. – Убери! Пусть они почувствуют облегчение, сейчас щит только всё портит!»
Неощутимый для меня груз исчез – люди будто выдохнули. Растерянно переглядывались, на лицах появлялось смущение. Я увидел, как сквозь толпу с профессиональной ловкостью пробирается оператор, снимая наше появление.
– Зачем вы нас пугаете? – продолжала кричать Наська. Даже слезу в голос подпустила, вот актриса! – Мы все здесь! Нас от смерти спасли, теперь мы живем тут! Вы нас не смогли спасти, а Гнездо спасло! Зачем вы детей пугаете?
– Это не те… – неуверенно выкрикнула женщина из толпы. Меня будто развернуло к ней – и я посмотрел в глаза ухоженной женщины средних лет. Женщины-слуги, твердо знающей, что в Гнезде нет столько куколок.
Наши взгляды встретились.
Я прищурился и чуть-чуть покачал головой.
Представил, как прохожу сквозь толпу. Так быстро, что мое движение вообще никто не видит. Даже не прохожу – проношусь бесплотной тенью. Оказываюсь в теле хмурого мужчины, стоящего за спиной слуги. И тот спокойно, безэмоционально достает из кармана нож и перерезает слуге горло.
Какая-то жутковатая картинка!
Но почему-то я был уверен, что смогу так поступить.
Могу и вправе.
Потому что не дело слуг – вмешиваться.

Женщина-слуга побелела. Повернула голову на сто восемьдесят градусов. Точно так же развернулись ноги и руки. И вот так, вывернувшись наизнанку, она стала быстро выбираться из толпы.
По рядам прошло шевеление.
Я увидел, как падают зонты и то один, то другой человек, а точнее – не совсем человек, обращается в бегство.
Черт… что происходит-то?
Милана вышла вперед. Заговорила так же громко и сильно, как Наська. Только у нее-то голос был не детский.
– Люди, я Милана. Я призвана Гнездом для защиты. Многие из вас знают, что это значит.
Она помолчала и продолжила:
– Я могу вас всех убить. И если вы будете тревожить Гнездо – я так и сделаю.
Как-то даже сомнения не возникало, что она говорит всерьез.
– Никто здесь не обижает куколок, – сказала Милана. – И никто не обидит. Расходитесь! Гнездо направит официальную жалобу, если через пять минут здесь кто-то останется.
Толпа начала отступать.
– И пожалейте детей, в конце концов! – уже другим тоном, мягко, закончила Милана. – Ну что вы творите? Всех перепугали, заставили неодетыми выйти под ливень… стыдно! Дети, домой!
Люди расходились. Люди не смотрели друг другу в глаза. Только оператор радостно снимал сенсационные кадры, девушка-репортер что-то говорила в микрофон, а школьники (откуда они взялись-то, выходной!), притихнув, смотрели на своих ровесников, мокнущих под дождем.
– Дети, в помещение… – сказал я.
И постоял, дожидаясь, пока в Гнездо вошел последний.
Остались я, Милана и Наська.
– Ну ты даешь, подружка, – сказал я, положив Наське руку на плечо. – Ты как это сделала?
Ее потряхивало, но голос остался дерзким.
– Ты же сказал, что Инсек тебя через экран к себе забрал. Значит, ближние переходы уже в резонансе, из Гнезда в Гнездо можно перейти. Я знаю, как.
Я задвинул за собой дверь. Постоял, глядя на Наську. С нас текло ручьями. Чужие куколки уходили – быстро, без разговоров, одним сплошным молчаливым потоком.
– Думал, Гнезда не помогают Гнездам, – сказал я.
– Ну да, – Наська посмотрела мне в глаза. – Я своих позвала. Я же говорила, я вначале была в большом Гнезде, в Раменском. Недолго. Случается так, что чувствуешь – Гнездо не твое, а ты не его, тогда уходишь в другое. Но я ведь все равно там немножко осталась! Я через экран в учебке своих позвала, на минуточку, в гости. Гнездо меня помнит, и куколки помнят.
– Тебя забудешь, – согласился я.
Мы подошли к остальным.
– И что это было? – спросил Лихачев.
– Люди ушли, – с гордостью ответила Наська. – Всё, как вы хотели. Ан, скажи, теперь лучше?
Я не сразу понял, что она обращается к стратегу.
– Люди не пострадают, – сказала куколка.
Но мне очень не понравилось, что конфету от Продавца она крепко сжимала в ладони.
– Ничего еще не кончилось? – спросил я.
– Ничего еще не началось, – ответила стратег грустно.
Я кивнул.
Ну да, планы Прежних мы немного поломали.
Люди разошлись.
И слуг я как-то ухитрился напугать. Видимо, бывших призванных не бывает.
Но Прежние остались.
И если верить стратегу – как минимум двое монстров, включая таинственного чистильщика.
– Идем в «защищенную зону», – решила Дарина. – Если уж вы все… хотите тут остаться…
Она улыбнулась, мягко, нерешительно, словно человек, считающий, что и так требует слишком многого.

– Это не абсолютная защита, – повторила она. – Там только живой металл и пассивные щиты. Но это лучше, чем обычные стены. Там есть вода, пища и санитарный блок.
– Я не против побывать в «защищенной зоне», – сказал Лихачев. – А там есть источники тока? Триста шестьдесят вольт, сорок ампер? Это хорошая броня, но у меня старые батареи.
– Даже патроны для вашего пулемета найдем, – ответила Дарина. – Земное оружие там есть.
Лихачев кивнул:
– Тогда не будем медлить.
И мы пошли к концертному залу. Дарина с Миланой впереди – мне было по-прежнему странно видеть их рядом, но, кажется, я начинал к этому привыкать. Затем Наська с Еленой, потом Виталий Антонович со стратегом Анной, деда Боря с Василием, и замыкали мы с Лихачевым.
Вот же удивительно, никогда бы не подумал, что буду идти по Гнезду в такой компании. Десять людей… да. Людей.
И тревожный шепот Гнезда, шепот тысяч прошедших сквозь него сознаний.
– Ты ничего оказался, – произнес Лихачев неожиданно. – Мне сразу показалось, что хороший парень. Импульсивный только… но так это свойственно возрасту.
– Вы тоже ничего, – сказал я. – Для пожилого полицейского.
Лихачев хмыкнул. Спросил:
– Ты правда был у Инсеков?
– У Инсека. Он вообще один торчит на орбите. И он не очень здоров.
– Ничего полезного не сказал?
– Я пытался выяснить, есть ли третья сила. Какой-нибудь космический ООН. Какие-нибудь «белые каски» на Земле. Чтобы попросить их вмешаться.
– Ну-ка, ну-ка! – оживился Лихачев. – И что?
– Уклончиво всё. Я спросил, где искать. Он ответил: «Всё давно так близко, как только возможно».
Лихачев несколько секунд шел молча, размышляя. Потом спросил, понизив голос:
– Кто-то… из ваших?
– Говорят, что нет, – так же тихо ответил я.
– Прости, но у тебя с Миланой что-то было?
– Угу, – промычал я.
– Ну и?
– Она – обычный человек, – ответил я. – Нет, не обычный… Она – хороший человек!
– Тогда куда уж ближе-то, – задумчиво ответил Лихачев. – Черт, мы чего-то не понимаем. Как я ненавижу эту инопланетную жуть… Знаешь, как устроен организм стражи?
– Даже знать не хочу, – резко ответил я.
– Разумно, – согласился Лихачев. – Но это еще ничего. Гнездо так вообще не материально… Наблюдатель необязательно должен быть человеком, понимаешь, Максим? Даже выглядеть как человек не обязан. Может, эти кристаллики – их глаза и уши? Может, ветерок из кондиционера – разумная форма жизни. Может, это радиоволна в приемнике!
– Тогда искать бесполезно, – сказал я.
– Вот и я о том. Не стоит рассчитывать на чудо.
Дарина и Милана вошли в зал, остановились. Как-то очень резко.
Следом вошли Елена с Наськой. И тоже замерли. Елена быстро прижала Наську к себе.
Я всё понял, я не дурак.
Я кинулся вперед, опередив и Лихачева, и стариков-разбойников. Выскочил между Дариной и Миланой, остановился.
Во-первых, двери «защищенной зоны» были открыты. Во-вторых, посреди зала стоял стул, а на стуле сидел Иван. Придерживал одной рукой портрет композитора Мусоргского и вроде как с интересом на него смотрел.
Потом медленно повернул голову, посмотрел на нас. Его взгляд остановился на стратеге, он едва заметно кивнул. Потом посмотрел на меня. Сказал:
– Великий был композитор. Пил много, на уговоры завязать не поддавался. К сожалению, людям свойственна тяга к саморазрушению.
Он встал, прислонил портрет к стулу. Неторопливо пошел к нам.
Я услышал, как на руке Лихачева тихо загудел моторчик.
– Полковник, неужели вы будете стрелять в вышестоящего начальника? – спросил Иван с любопытством.
– Я подал в отставку, – сказал Лихачев.

Голос у него стал какой-то сиплый, клокочущий.
– Ясно, – кивнул Иван. – Тоже выбор.
Он остановился метрах в трех перед нами. Я видел, что он ничуть не боится. Ни меня, ни Милану, ни Дарину, ни Лихачева… никого.
– Думаю, объяснять ничего не надо? – спросил он.
– Не надо, – сказал я. – Вы – Прежний.
– Есть в этом слове обидный оттенок, – улыбнулся Иван. – «Прежний», «Настоящий», «Будущий»… Да, мы переживаем крайне обидный исторический период. Но рано или поздно тварь на орбите сдохнет. Соглашение завязано на него, так что можно будет перелистнуть этот этап. Следующий корабль мы в систему не впустим, это была досадная ошибка. Может быть, мы даже слепим Луну обратно. В назидание.
Он кашлянул и кивнул:
– Да, Луну стоит вернуть. Даже место посадки «Аполлона» соорудим, американцы прослезятся от счастья. Но это дело нескорое. А нам надо решить нелепую проблему, которая, заметьте, равно неприятна и нам, и Инсеку. Эта проблема – стратег. Я вижу, что девочка уже всё просчитала и приняла решение. Очень достойно!
– Нет, – сказала Дарина.
Иван развел руками.
– Тогда решением станет полная зачистка. Выбирайте.
И я услышал шорох в дверях «защищенной зоны». Он действительно чем-то напоминал так напугавший нас топот ног куколок.
Вот только был еще быстрее и каким-то неприятно шелестящим, стрекочущим.

Глава десятая

Наверное, мне стоило догадаться раньше.
У меня словно кусочки пазла в голове сложились. И пазл-то был простецкий, для дошкольников, из двух десятков кусочков, а я все то вверх ногами его собирал, то картинкой вниз.
Отец говорил, что работал с дедом Ивана. Потом тот ушел, потом пришел его внук… который сейчас, с годами, стал копией деда…
Да не копией! Это он и был. Просто стал моложе и назвался собственным внуком.
И в ресторане… Иван вспоминал, что приходил на открытие, хвалил винную карту. А ресторан открылся еще до двухтысячного, какое ему вино тридцать с лишним лет назад?
Они долго живут. За наш счет. И даже не особо шифруются.
Я обсуждал Инсеков и Прежних с одним из Прежних!
Представляю, какими идиотами они считают людей!
Да как я вообще мог подумать, что те, во власти, кто изучает Прежних и Инсеков, могут быть людьми? Если Прежние на Земле сотни лет! Да они давным-давно на самом верху! И сами себя ловят, разумеется. Уж такой важный вопрос они не оставят людям на откуп.
Стрекочущий звук приближался. Видимо, «защищенная зона» была больше, чем я запомнил, и Иван ее вскрыл всю.
Вначале из дверей вышел боец. Точно такой же, как тот, которого я убил. Две дополнительные руки заканчивались роговыми конусами, направленными в нашу сторону. В двух обычных он нес мальчишек-куколок, держа за ноги. То ли те оцепенели от страха, то ли он что-то с ними сделал, но оба свисали, будто куклы.
Монстр даже не утруждал себя невидимостью, мы его прекрасно видели без очков.
Боец плавно отошел к сцене, небрежно швырнул куколок себе под ноги. Измененные остались лежать неподвижно.
А следующим показался тот, кого называли чистильщиком.
Честно говоря, я ожидал чего-то громоздкого, огромного. Вроде уничтожителя, который показался мне таким ужасающим в первый раз.
Чистильщик был совсем другим.
Из дверей потоком выкатилась волна крошечных созданий – кроваво-красные комочки плоти с ладонь размером, напоминающие освежеванных крыс. Где-то там, под ними, шевелились невидимые лапки, но каждый комочек казался противным, а не опасным. Оторвавшаяся бегающая мышца… вот только на каждом куске был крошечный глаз, до ужаса похожий на человеческий, и крошечный, непрерывно открывающийся рот с рядами мелких зубов. Комочки толкались, пихались, забирались друг на друга,

отваливались в стороны и снова сбивались в кучу – текущий поток омерзительных созданий.
– Тюменские мыши! – выкрикнул Василий.
– О! Так информация о том случае все-таки просочилась! – Иван заулыбался. – Тогда вы должны понимать, с чем имеете дело.
– Чего вы хотите? – неожиданно спросил Лихачев. Голос у него по-прежнему звучал сдавленно, словно он каждый звук выплевывал отдельно.
– Я же сказал. Стратег должна умереть, – Иван развел руками. – Не спорю, мы бы хотели оставить малышку себе. Но учитывая все обстоятельства… мы подождем. Два стратега за короткий период времени – это уже материал для анализа. Инсек сдохнет, к нам вернется контроль над Землей. Будут новые стратеги! Сейчас важно, чтобы ни мы, ни наши враги не натворили непоправимого, верно? Мне удалось отстоять эту позицию, и с большим трудом. Сделайте же и вы шаг навстречу!
Удивительно – но мне казалось, что он говорит искренне. Старается, чтобы мы поверили и пошли навстречу. Ему действительно не хочется, чтобы Инсек ударил по Земле, если он заберет стратега, и он не желает, чтобы его сородичи уничтожили человечество, если Инсек попытается забрать девочку.
И он даже понимал, почему мы так упрямимся. Наши эмоции ему были доступны и понятны – не то что пришельцу на орбите. Нет, он их ничуть не разделял, но понимал. Я так отношусь к одному приятелю, который любит виниловые пластинки, слушает их на каком-то здоровенном проигрывателе и говорит, что это круто и совсем другой звук. Как по мне, так никакой разницы с файлом, но я считаю это безобидным чудачеством.
Чистильщик тем временем прокатился всей своей бесформенной грудой по залу, явно нацелился на лежащих куколок, но боец издал рычащий звук и повел перед собой конусом излучателя. Кусочки кровавой плоти развернулись и, словно оживший фарш из мясорубки, невозмутимо покатились в другую сторону. Словно показывая: «Ну, не получилось, ладно…»
Самое мерзкое, что я понимал – эти кусочки плоти когда-то были человеком. Или несколькими людьми. Даже в уничтожителях и бойцах оставался какой-то разум и подобие человека. А в этой кровавой массе уже ничего не было, кроме ненасытного голода.
Неужели это такая опасная тварь? А если ее из огнемета?
– Стратег, – тихо сказала Дарина. – Анализ.
– Прежний, возраст около семисот лет, – негромко сказала куколка. – В защитном рассогласовании. Уровень компетенции близкий к прим-два. Боец, ускоренная рядовая сборка, в начальной стадии умирания, излучатели заряжены. Чистильщик… выдержанный, третье почкование.
– Прогноз, – так же негромко произнесла Дарина.
– Наша смерть, – ответила куколка.
Она разжала ладошку и стала разворачивать леденец.
– Талант, – сказал Иван. Присел на корточки, заглянул Анне в глаза. – Детка, а как ты поняла, что я рассогласован?
– Да ты бы иначе к нам не вышел! – ответила Анна.
Иван улыбнулся и кивнул. Поднял голову, посмотрел на нас:
– Нет, я действительно очень расстроен! Но нет иных вариантов!
– Стратег, включи в анализ свое самоубийство, – сказала Дарина.
Анна пожала плечами.
– Вы будете уничтожены как свидетели, конечно же.
Иван прищелкнул языком и выпрямился. Сказал укоризненно:
– Ну вот зачем, а? Да, конечно. Я бы вас убил, но быстро и без боли.
И рука Лихачева отбросила меня с линии огня.

В кино я это видел, и по телевизору иногда показывали. Но вот так, в реальности, оказаться рядом с работающей силовой броней…
Во-первых, Лихачев двигался быстро, очень быстро. Не сравнить с монстрами или Измененными, но человек бы так не смог. Миг – и полковник стоял перед нами, а пулемет на правой руке грохотал, как отбойный молоток. Вряд ли он был многоствольный, но и одного ствола хватало, чтобы в грудь Ивана бил поток свинца. Бил – и проходил насквозь.
Иван даже не пытался уклониться, улыбался в лицо Лихачеву, а пули прошивали его насквозь, не оставляя следов, будто шли через туман или голограмму.
Хотя нет!

Что-то все-таки происходило! У Ивана подергивалось лицо, а потом он сделал шаг назад и быстро скосил глаза на грудь, проверяя, всё ли в порядке.
Словно его чуть-чуть задевало. Самую малость. Может быть, если бы в него минут пять стреляло десять пулеметов, его бы ранило или даже убило.
Но у нас не было ни пяти минут, ни десяти пулеметов.
На руке Лихачева что-то щелкнуло, и пулемет замолчал. Раздалось негромкое клацанье, стук… может, магазин новый загружался?
Иван покачал головой.
Чистильщик развернулся и, распадаясь на гигантский полумесяц, рванулся к нам.
Боец все так же стоял, держа свои излучатели нацеленными на нас, но не стреляя.
«Помоги! – позвал я Гнездо. – Помоги, ну же!»
Гнездо не отвечало, Гнездо было в панике… и словно бы даже не из-за Ивана с его монстрами… вместо могучего прилива силы я ощутил какую-то дрожащую нервную боль. Гнездо чувствовало что-то еще, что-то пугающее его до жути, до оцепенения.
«Мне бы только минуту! – взмолился я. – Я даже не призван, я доброволец… Только минуту, десять секунд!»
И я все-таки ускорился! Неожиданно для себя и, кажется, для всех.
Елена медленно нажимала на спуск, и ствол обреза вспухал облаком сгоревшего пороха. Деда Боря, Виталий Антонович и Василий застыли, поднимая пистолеты.
Дарина отбросила назад Наську и Анну, те летели над полом неспешно и беззвучно, а жница разворачивалась к Прежнему.
Боевой модуль на левой руке Лихачева низко загудел и выплюнул струю огня – та плавно, по дуге, пошла навстречу «тюменским мышам». Вряд ли полковник успевал реагировать и целиться с такой скоростью; скорее работала какая-то электроника.
Только Милана стала быстрой, почти, как я.
Она бежала, огибая фрагменты чистильщика, едва опережая струю огня, – к бойцу. И тот начал разворачиваться к ней, быстро и легко, мгновенно определив угрозу и направляя на мою бывшую девушку излучатель.
Я даже не пытался что-то крикнуть, помнил, что это невозможно.
Вырвал из кобуры пистолет, разрывая застежки плаща. Сколько там у меня патронов, два или три?
Все три я всадил в нацеленный на Милану излучатель.
Макаров – очень старое и неудобное оружие, примитивное, как всё вокруг, но было проще использовать именно его. В конце концов, я знал, куда попасть и с каким интервалом.
Излучатель распался в роговые щепки, а направленная в него энергия искала выхода.
Боец успел повернуть голову.
«Я лишь выполнял свой долг!» – мысленно сказал он мне. То ли с укором, то ли извиняясь.
И пламя, вспыхнувшее в руке, охватило его целиком.
На всякий случай я прицелился в Прежнего, но пистолет лишь щелкнул, я выронил его, и он повис в воздухе.
Заряд огнемета достиг чистильщика, окатил «тюменских мышей» – и те вырвались из огня, такие же кровянисто-лаковые, шустрые, совершенно не пострадавшие. Нипочем им был огонь, как Прежнему – пули.
Милана прыгнула – накрывая собой куколок, защищая от разлетающегося облаком огня бойца.
Дарина бежала к Прежнему. Недостаточно быстро! Его и призванный бы не смог ударить, да и не помог бы никакой удар – Прежний был в рассогласовании, материя его тела частично сдвинулась относительно нашей реальности…
Откуда я это знаю?
Да плевать…
Прежний смотрел на жницу, лицо его делалось жестче, он теперь походил на хищника, которого атакует обнаглевшая добыча. Он поднимал руку, чтобы пробить Дарине грудь и вырвать сердце, а потом, вторым ударом, выбить второе…
Нет, не хочу этого знать!
Только я мог что-то сделать, но я же не мог?
У меня же не было оснований?
Или были?
Или не было?
Заряд дроби наконец-то достиг Прежнего и прошил его насквозь. Видимо, какая-то дробинка его все же зацепила – Иван поморщился и глянул на Елену.
Всего лишь глянул.

Женщину подняло в воздух и откинуло, с силой впечатав в стену.
Я повернул голову и посмотрел, как расширяются ее зрачки.
Как куколка Анна засовывает в рот леденец на палочке.
Как Наська беззвучно кричит.
И я решил, что теперь можно действовать.
Горящая струя из огнемета все еще била по чистильщику. Проходя мимо Лихачева, я сделал так, чтобы огнемет перестал стрелять, потом наклонился над набегающими элементами чистильщика. Поднял один (человеческая плоть, два мужских, одно женское и одно крысиное ДНК) и попросил чистильщика умереть.
А потом пошел к Прежнему.
Для него я был слишком быстрым, но он всё-таки заметил мое приближение.
Дарина тянулась к нему в безнадежной атаке, я заглянул ей в мерцающие сиреневым глаза. Остановил импульс движения и положил на пол. Потом подошел к Ивану, шлепнул по вытянутой руке (кости сломались и сразу принялись срастаться), взял за горло, прижал к стене. Прежний погрузился в стену по самое лицо, выглядело это интересно и мне даже захотелось вывести его из рассогласования в такой позиции. Но оснований к этому не было, к тому же возникший из-за совмещения материи выброс энергии уничтожил бы и всё здание, и, пожалуй, весь квартал.
Считать было лениво, и я вернул Прежнего на поверхность, прежде чем убрал рассогласование и совместил наш темп времени.
Разумеется, он не сопротивлялся. Смотрел на меня и ждал.
– Вы нарушили условия договора, – сказал я.
– Ни в малейшей мере, наблюдатель, – ответил Прежний.
– Вы убили человеческую женщину.
– Защита разрешена.
– Ее выстрел не мог вам повредить.
– А вы убили бойца, хотя в опасности была призванная. Призванные выходят из-под действия договора и не являются объектами моратория.
Это была неслыханная дерзость. Но, к сожалению, он был прав. Поэтому я оставил эту тему.
– Вы объявили о плане уничтожения находящихся здесь людей.
– Слова. Лишь слова, – сказал Прежний.
– Проверим? – предложил я.
Я мог это сделать, Прежний это знал. И он сдался.
– Это была эмоциональная реплика, вызванная моим несовершенством, – сказал он быстро. – Я признаю формальное нарушение и готов нести ответственность.
– Вы близки к полной потере контроля над Землей, – сказал я. – Есть еще незаконное привлечение людей и слуг к конфликту!
– Стратег стала критическим нарушением баланса, – ответил Прежний. – Вы знаете, что мы искали другие пути, но их нет. Все последующие ошибки были совершены из благих побуждений.
Он даже улыбнулся и добавил:
– Я привлек полицию к охране Гнезда после неудачного визита уничтожителя. Я поделился информацией с этим… телом. И поставил его на охрану. Я предлагал максимально гуманные выходы из ситуации. Вы должны знать, Высший. Вы достаточно глубоко погрузились… в проблему. Опасно глубоко. Некоторые даже могли бы сказать, что вы теряете непредвзятость, хотя речь идет лишь об ошибках. Таких же, как и мои.
И это было правдой. Мы оба это знали.
– В договор будут внесены поправки, – сказал я.
– Мы готовы к переговорам, – ответил Прежний быстро. – Но проблему стратега придется решить.
– Я решу, – пообещал я.
Отпустил Ивана и рухнул на пол.
Прежний осел рядом. Повел головой, откашлялся. Начал массировать шею, с раздражением глядя на меня.
Что это вообще такое было?
Что я делал?
Как я мог всё это сделать?
Что такое я нес?
Время замедлялось, точнее – возвращалось в норму. Лихачев потряс молчащими стволами своего оружия, потом вдруг затопал к нам. В глазах Ивана загорелось предвкушение.

– Стойте! – крикнул я. – Не надо! Нельзя его трогать!
Лихачев остановился.
– Быстро соображаешь, – сказал Прежний неодобрительно.
Деда Боря, Виталий Антонович и Василий сидели возле Елены. Глаза у той были закрыты, спина согнута как-то слишком сильно для живого человека. Наська обнимала Елену и тихо поскуливала.
Милана возилась с куколками. На сцене слегка дымились останки бойца, на полу мертво лежали куски чистильщика. Огня не было, огонь весь погас бесследно.
Дарина села, посмотрела на меня, потом на Прежнего. В глазах у нее плескался ужас.
Не вставая, я дополз до нее, обнял, мы замерли. Меня трясло.
– Что произошло? – спросил Лихачев. – А? Кто-то может ответить?
Я смотрел на подходящую к нам Анну.
Одна рука у стратега была поднята, словно она держалась за чью-то невидимую ладонь. Другой она держала леденец, который мусолила во рту.
– Выплюнь! – выдохнул я.
Стратег вынула леденец. Осмотрела. Сказала:
– Это просто леденец. Малиновый.
Снова засунула конфету в рот.
Я смотрел в пустоту, которую она держала за руку.
И пытался представить себе, что же это было такое, на миг проявившееся во мне, а сейчас стоящее рядом со стратегом.
Что или кто.
Кажется, я понимал.
Зачем тело наблюдателю от такой силы, по сравнению с которой Инсеки и Прежние – две стайки смышленых зверьков, грызущихся из-за вкусных козявок? Если уж ему надо обрести физическую форму – можно воспользоваться любой козявкой.
И от имени козявки надавать оплеух расшумевшимся зверькам.
Сколько раз он во мне появлялся?
Теперь мне казалось, что как минимум раза три. Может, иначе ему трудно было понять наши проблемы, не его это масштаб? А может быть, ему это было интересно? Самую капельку.
Как там сказал Инсек? «Всё давно так близко, как только возможно». Да уж, ближе некуда.
Одно я теперь понимал точно, наблюдатель – не Добро. В лучшем случае это Порядок.
И нам очень повезло, что мы этот порядок нарушили в меньшей степени, чем Прежний.
Ну… или в какой-то момент, прыгая по человеческим сознаниям, он всё-таки проникся нашими чувствами?
На полкапельки?
Хотелось бы верить.
– Я с ним пойду, – сказала Анна, глянув в пустоту. – Это самый разумный и хороший выход.
Может быть, он и впрямь стал чуточку добрым?
Или удивительный маленький стратег была куда ближе к нему, чем к людям, Инсекам и Прежним?
– Удачи тебе, – сказал я. – Там конфеты найдутся?
Стратег улыбнулась. Наклонилась, чмокнула Дарину в щеку.
И растаяла в воздухе. Вот она была, а вот ее нет.
Тому, кого она держала за руку, не нужны были экраны и плевать было на резонанс.
– А это что такое? – спросил Лихачев. – Куда она ушла и с кем?
Иван с кряхтением поднялся. Оглядел нас – и внезапно улыбнулся. Широко и дружелюбно.
– Ребята, как же я рад, что всё обошлось!
– Вы нас провоцируете? – спросил я. – Народ, учтите, если на него напасть – он вправе убивать.
– Я не провоцирую, – обиделся Прежний. – Я очень рад, что ситуация разрешилась. Инсек на орбите, мы на Земле, Измененные в Гнездах, люди в безопасности.
Было и другое, невысказанное. Инсек умрет, договор прекратит действовать, Прежние вернут себе всю власть.
– Я одного не понимаю, – сказал я, глядя Прежнему в глаза. – Почему вас вообще оставили, почему не выперли с Земли?
Иван широко улыбнулся:
– А! Так ты не понял? Высший об этом не думал, и ты не понял?
Он наклонился (Дарина рывком отстранилась) и тихо шепнул мне на ухо:

– Дурашка! Куда же нас выпнешь? Мы – свои. Мы – люди. Это наша родная планета!
Выпрямившись, он с явным удовольствием посмотрел на меня. Заговорщицки подмигнул.
– Не верю, – сказал я.
– Как угодно, – легко согласился Прежний. – Ты веришь в то, во что тебе приятнее верить. Мы никогда этому не мешали. Зачем?
Он потряс рукой, сжал-разжал кисть. Сказал:
– Вроде нормально… Ладно, счастливо оставаться. Никаких претензий! Вы, кстати, можете вернуться на службу, Лихачев. Мы ценим добросовестных работников.
Лихачев попытался шагнуть вслед ему, с явным намерением ударить. Но моторы тоскливо взвыли, и он застыл, будто статуя.
– Хреновы батареи… – сказал Лихачев беспомощно. – Даже батареи сделать хорошие не можем…
Я поднялся, помог встать Дарине. Глянул в сторону сцены. Один из мальчиков сидел и вроде как хныкал. Второму Милана массировала виски. Я махнул им рукой и подошел к Елене.
Старая докторша лежала и часто мигала, глядя в потолок. Пыталась подняться, Василий ее удерживал.
– Отпусти меня, – бормотала Елена. – Отпусти, я врач, я сама всё знаю!
Наська заставила Василия убрать руку, помогла Елене сесть на полу.
Елена села, потрогала себе живот, потом спину.
Да она же мертвая была!
– Просто стукнулась, – неуверенно сказала Елена. – Да?
Я подумал, что тот, кто увел с собой стратега, всё-таки что-то научился чувствовать. Ну, или придумал для себя логичное обоснование, почему Елене необязательно умирать прямо сейчас.
– Я пытаюсь понять, – медленно сказал деда Боря, – что произошло. И чем всё кончилось. Этот драный козел – Прежний?
– Да, – ответил я.
– Совсем как человек! – Деда Боря выругался. – Вот же тварь! Натуральный рептилоид!
– Да, – повторил я. – Рептилоид. К гадалке не ходи.
Виталий Антонович глянул на меня с явным недоверием. Но, может быть, так показалось из-за очков. Человек в очках всегда выглядит более проницательным, чем на самом деле.
– Мы живы, – сказал я. – Это главное. Дарина?
Жница кивнула. Посмотрела на Милану. Сказала:
– Надо снять Призыв… Думаю, теперь пора. И вы сможете уйти.
Она смотрела на меня и улыбалась – так похожая на человека жница, у которой было два сердца, а про всё остальное я даже и знать не хочу.
– Ага, – сказал я. – Уже бегу.

Эпилог

Этот дурацкий плащ зарастил дырку!
Я его порвал, вытаскивая пистолет, а он опять был как новый. И, кажется, даже не пачкался. Продавцы туфтой не торговали.
Хотя шуточку с конфетой я никак не мог простить.
Но, с другой стороны, если бы я не дергался, пытаясь решить, как мне поступить, что сделал бы в конце наблюдатель?
Не люблю торгашей. Но они все же лучше… чем другие.
И зачем им всё-таки кристаллы?
– Максим, я не пойду, – сказала Дарина.
– Так мы уже пришли, – удивился я.
– Давай просто погуляем, – она попыталась вытащить ладонь из моей руки. – Солнце на улице, так давно солнца не было!
– Гуляющая по улице жница? – удивился я. – Мир сошел с ума. Хорошо, мы на минутку. А потом погуляем.
– На минутку? – беспомощно спросила Дарина. – Наська в Гнезде одна…
– На пять. Наська справится, она же сказала. Только зайдем и выпьем чая.
Дарина выдохнула. Сказала:
– Еще это платье! Я не носила платья с детства!

– Неправда, ты вчера его носила.
– Двадцать три секунды! – Она едва заметно улыбнулась. – Нет, правда, я не нелепая в нем?
Я отошел на шаг, осмотрел ее. Сиреневое платье, конечно, так себе сочеталось с красными босоножками. Девчонки в такой ситуации какую-нибудь красную сумочку в руки берут… но, если бы я предложил Дарине сумочку, она бы меня точно прибила.
– Шикарно, – сказал я.
И позвонил в дверь.
Открыла мама. Внимательно посмотрела на меня. Потом на Дарину.
– Мам, это Дарина, я про нее говорил, – сказал я. – Угостишь нас чаем? Потом мы идем гулять.
– Здравствуй, Дарина, – сказала мама строго. – Скажи, как ты заставила этого оболтуса обратить на себя внимание? Мне порой кажется, что он живет на другом конце Вселенной.
– О, – сказала Дарина. – Это было сложно. Мне пришлось его призвать.
Мама подумала и кивнула:
– Да. Наверное, это единственный способ. Кстати, у тебя изумительные глаза!
И мы зашли выпить чая.
В конце концов, мы ведь были живы, и мы были людьми.

Конец первой книги

Январь-февраль 2021 г.

Сергей Лукьяненко
Три дня Индиго

© С. Лукьяненко, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021
* * *

Часть первая

Глава первая

Обычно я на ночь плотно задергиваю шторы. Не люблю, когда лунное кольцо светит в глаза.
Но эта ночь была слишком хорошей. Дождь прошел и кончился к полудню: теплый дождь в последний день марта. Воздух был в самую меру прохладным, так, чтобы можно было всю ночь лежать без одеяла и лишь под утро укрыться. Поэтому я оставил окно распахнутым и лежал, глядя на потолок, где бегали тени от фонарей. С улицы доносились голоса запоздавших прохожих, звуки шагов и проезжающих изредка машин. И разговаривал с Дариной.
– К нам сегодня привезли девочку, – рассказывала она. – Большая уже, четырнадцать лет. Спрыгнула с балкона пятого этажа, вся поломалась.
Я поморщился, спросил:
– Дурында. Из-за несчастной любви, конечно?

– Нет. Чтобы стать Измененной. Мне кажется, ее могли и люди вылечить, позвоночник цел. Но родители не выдержали, привезли к нам.
– Такую взрослую?
– Мы берем и в этом возрасте. Если иного выхода нет. А она сказала, что спрыгнет снова или выпьет отраву, если ее не возьмут.
– Взяли?
– Да.
– И… что?
– Пока жива. Дня через два будет ясно, как сработал мутаген.
– А ты уже знаешь, кем она станет?
Дарина помолчала. Эти вопросы Измененные обсуждать не любили.
– Есть потенциал хранителя, – сказала она неохотно, но с затаенной надеждой. – Либо старшая стража, либо хранитель Гнезда.
Я понимал, что это значит. Если девочка изменится и станет хранителем, то Дарина сможет остаться жницей. Мы оба этого хотели. Может быть, потому Гнездо и приняло девочку, опасно взрослую для Изменения.
– Пусть ее мечта исполнится, – сказал я.
– Глупая мечта, – вздохнула Дарина. – А знаешь, о чем я мечтаю?
Закрыв глаза, я кивнул. Потом сказал вслух:
– Да.
– Я хочу лежать с тобой, – сказала она. – В твоей кровати. Прижиматься к тебе. Закрыть глаза и уснуть. Проснуться, а ты рядом.
– Нет, меня рядом не будет, – ответил я строго. – Я буду на кухне варить кофе. И принесу его тебе в постель.
Она тихонько рассмеялась.
– Спасибо. Мне никто и никогда не приносил кофе в постель… Спокойной ночи, Максим. Тебе надо спать.
– Тебе тоже.
– Мне это не так часто нужно. Спи, Максим.
Она засопела, очень уютно, словно мы были рядом.
– Сплю, – согласился я.
Дарина отключилась. Я опустил руку с кровати, нашарил телефон и положил трубку на рычаг.
Надо все-таки завести радиотелефон. После Перемены, когда сотовые стали бесполезны, люди с перепугу принялись ставить обычные проводные телефоны. Откуда их столько оказалось-то на складах! Все боялись, а вдруг Инсеки запретят любую радиосвязь, не только мобильники? Но против радиосвязи на близком расстоянии пришельцы ничего не имели.
На самом деле пришелец возле Земли был всего один. Вот только мало кто из людей об этом знал. Я знал, ну так у меня этот месяц выдался очень познавательным…
Тряхнув рукой тумбочку, я разбудил часы. Экран высветил половину первого ночи. Значит, познавательным был прошлый месяц.
Хорошо, что он кончился. В апреле я буду спать до обеда, гулять с Дариной, искать кристаллы, как порядочный серчер, и, наверное, готовиться поступить в институт. Вести почти обычную человеческую жизнь (гулять с жницей – это не совсем обычно, признаю).
Но спать я точно буду много. Вот прямо сейчас засну и…
В прихожей запищал домофон.
Секунд пять я лежал в слабой надежде, что это какой-нибудь припозднившийся гость ошибся номером квартиры.
Еще секунд пять надеялся, что это случайно позвонивший пьяный или хулиган.
А еще пять секунд быстрым шагом шел к двери, ругаясь себе под нос.
Был еще, конечно, вариант, что ко мне заявился монстр. Однажды ведь уже приходил. Но монстры в дверь не звонят, нет у них такой привычки. Они ее пытаются выбить.
– Да! – зло выкрикнул я, снимая трубку. Изображение на маленьком экране домофона было довольно четким, на таком расстоянии скорость передачи данных еще позволяла видеосвязь.
На экране шмыгал носом и озирался какой-то мелкий, лет семнадцати, паренек. Он не походил ни на монстра, ни на хулигана. Так, оболтус-старшеклассник, шатающийся по ночам. В его возрасте, сразу после Перемены, я бы ночью на улицу выйти не рискнул, тогда полный бардак творился.
– Это… доброй ночи… – пробормотал парень, пялясь в глазок камеры. – Мне Максим Воронцов нужен.

– Я Максим, – нахмурившись, я разглядывал лицо. Что-то знакомое в нем было.
– Хай, Макс! – парень оживился. – Я свой, серчер. Серега! Сережка с Большой Бронной! Забыл?
Серчеров с Малой и Большой Бронной я знал. Мы с ними не ссорились. Серегу не помнил.
– Сережка с Большой Бронной? – повторил я.
– Мы год назад тусили, – Серега не то обиделся, не то расстроился, что я его не узнал. – У старшего вашего, на днюхе.
Вот теперь я вспомнил. Старший нашей тусовки, Виталий Антонович, прошлым летом отмечал «неюбилей» – ему стукнуло тридцать девять. Старший объявил, что сорок лет не отмечают, но праздника хочется, и устроил празднование под названием «неюбилей» в бильярдном клубе. Были все наши и многие из соседних компаний. Среди них болтался и мелкий дрыщ, которого приятели звали «Сережка с Большой Бронной». Он очень быстро нахлебался пива (к напиткам покрепче его не подпускали), порвал сукно на бильярдном столе и был с позором изгнан. Впрочем, празднование «неюбилея» прошло так бурно, что подвиг Сереги остался одним из самых безобидных. За последний год Серега явно вырос и окреп, даже голос перестал петушиться.
– Чего тебе? – спросил я.
– Пусти, разговор есть. Тебе сообщение!
Последние слова были сказаны с таким восхищенным придыханием, словно Серегу отловил на улице как минимум президент России и велел сгонять по-быстрому к Максиму Воронцову.
– Ну заходи, – вздохнул я, открывая замок подъезда.
– Ты охраннику скажи, что я свой, он меня уже раз выставил! – обиженно сообщил Серега.
Пришлось позвонить нашему консьержу, Виктору Андреичу, бывшему военному, человеку крепкому, не расстающемуся с дубинкой, и после одного происшествия очень не любящему молодых ребят, идущих ко мне в гости.
Пока серчер поднимался, я натянул джинсы, подумал мгновение, но за пистолетом в сейф лезть не стал, взял со столика ключи с брелоком-куботаном и сунул в карман. На всякий случай.
Впрочем, когда я открыл дверь и впустил Серегу, даже эта перестраховка показалась мне смешной. Серчер хоть и раздался в плечах, но был почти на голову меня ниже и такой возбужденно-радостный, что подозревать его в злодейских планах не стоило.
– Половина первого, – сказал я и зевнул. – Я рано ложусь.
– Извиняй, – Серега махнул рукой. – Да я сам уже собирался дома быть, опять мамка все мозги проест…
Он с любопытством огляделся, спросил, понизив голос:
– Твоих не разбудим?
– Серега, я не школьник. Я один живу, – ответил я.
Серчер надулся:
– Я тоже не школьник… почти. Короче, я тут кристаллик надыбал, хороший гринк… ну как хороший, неплохой, решил сразу в Комок сбросить…
– На Леонтьевском? – уточнил я.
– Ага.
– Рядом где-то нашел? – поинтересовался я.
Глаза у Сереги забегали. Нашел он кристалл, ясное дело, рядом. На нашей территории. Потому и решил сразу от него избавиться.
– Нет, у нас, на Малой Бронной…
– Забудь, – сказал я. – Ну, нашел, чего дальше?
– Продавец спросил, знаю ли я тебя, – выпалил серчер. – Я, конечно, говорю: «Знаю, бывали вместе!» А он тогда попросил: «Сходи, говорит, к Воронцову домой, передай, чтоб ко мне зашел!»
Да уж, необычно. Продавец чего-то попросил! Понятно, чего Серега такой взбудораженный.
– Что дал за это? – поинтересовался я.
Серега не стал отпираться, очень уж ему хотелось похвастаться.
– Во! – Он бережно достал из кармана джинсов узкий футляр, открыл. Там лежали поисковые очки. С виду обычные зеркалки, только в них кристаллики, за которые у Продавца можно купить что угодно (хоть мотоцикл «Харлей Дэвидсон», хоть бриллиантовое колье для подруги), сразу видны. На дужке очков был крошечный светодиодный фонарик.
Хорошие очки, дорогие. У меня самого такие.

– Подарил? – заинтересовался я.
– Продал, за гринк. А таблетки, которые я хотел купить, подарил. Они еще дороже стоят.
– Ты бы с таблетками завязывал, – сказал я, хмурясь. Что от меня надо Продавцу? Такого срочного, чтобы посылать среди ночи гонца?
– Таблетки не наркота! – оскорбился Серега. – У меня дед – диабетик. Лекарство экспериментальное, восстанавливает поджелудочную, прикинь? Говорят, никакого инсулина больше не надо.
– Молодец, – одобрил я и похлопал Серегу по плечу. – Хороший внук. Ладно, спасибо, я зайду в Комок.
– Ты это… ты сейчас иди! – занервничал Серега. – Он сказал – пусть Максим сразу идет!
Это я и так понял, но надо же было держать марку.
– Подумаю, – сказал я.
– Продавец велел передать: у него есть то, что тебе очень нужно! – выпалил Серега и довольно ухмыльнулся.
– Эй, гонец! – Я не удержался и постучал парня по лбу пальцем. – А что еще важное ты забыл передать?
Серега не обиделся, видать, понял, что перегнул.
– Нет, всё.
– Адрес мой Продавец сказал?
– Нет, я в кафешку заглянул, где ваши сидят. Спросил у Виталия Антоновича.
Я вздохнул.
Мы, конечно, теперь с нашим старшим в особых отношениях. Но плохо, что он знает о неожиданном интересе ко мне со стороны Продавца. Лишнее это.
– Ясно. Спасибо, Серега.
– Нельзя с тобой в Комок? – спросил серчер. Понятное дело, ему было до жути интересно.
– Нет, – ответил я. – У меня с Продавцом свои терки!
Серега и не рассчитывал, конечно, что я его прихвачу с собой. Он и без того был счастлив перепавшим на халяву очкам, да и что рассказывать в компании ему теперь найдется.
– Пойду, – сказал он. – Ты это, сходи сейчас. Продавец все-таки.
Я кивнул, закрыл за ним дверь.
Прислонился к косяку. Постоял. А потом сказал тихонько:
– О, да!
От Продавца мне была «очень нужна» только одна вещь. У них, конечно, можно купить всё, что есть на свете, – статую Венеры Милосской, шапку Мономаха или пригоршню изумрудов.
Но мне-то нужно другое.
Рубашку я надел яркую – сине-желтую «гавайку» чуть больше размером, чем мне нужно. Подумав, набросил подаренный когда-то Продавцом плащ. Во-первых, ему будет приятно, во-вторых – плащ хорошо спрячет кобуру.
Да, времена сейчас стали поспокойнее, но придурков ночами все-таки хватает.
Пару недель назад я на таких наткнулся у самого Комка. Но в тот момент, как я теперь понимаю, во мне проявился пришелец, Высший, разбиравшийся в происходящей на Земле заварушке. Если бы незадачливые грабители этого не почувствовали, им бы пришел конец.
Теперь Высшего не было.
Я сам по себе.
А мне нельзя умирать по-глупому. У меня очень большие планы на эту жизнь.

Ночь и впрямь стояла хорошая. Я дошел до памятника Тимирязеву, насчитав по пути десятка два одиноких прохожих и несколько больших компаний. Люди просто гуляли, шли из гостей и ресторанов. Доносился смех, взбудораженные алкоголем, но не агрессивные голоса. Прошла целая группа китайских туристов, фотографирующих ночные улицы. Гид что-то певуче им рассказывал. Центр, даже после полуночи народ гуляет…
Над головой сияло лунное кольцо. Наш бедный спутник, разваленный Инсеком на фрагменты, вращался вокруг планеты в виде пояса астероидов. Среди мелких и крупных обломков плыл угловатый осколок – Селена, самый большой кусок прежней Луны. Где-то на нем было место посадки «Аполлона-11», но американцы утверждали, что в процессе разрушения Луны историческое место было утрачено. Не знаю, как так

вышло, если с Земли смотреть – так все кратеры на месте, поверхность казалась не сильно поврежденной. Селена походит на широченный конус, вырезанный в Луне поворотом исполинского лезвия и навечно обращенный к Земле основанием.
Со спутников снимали обратную сторону Селены. Там неровным багровым шаром светится остывающее ядро, расползшееся, раскинувшее застывшие каменные острия. Красиво и жутко.
А еще где-то там космический корабль Инсека.
Я на нем был.
Жаль, что ничего не видел, кроме одного-единственного коридора и полудохлого пришельца…
Шел я по Тверскому бульвару, идти тут всего ничего, и минут через десять собрался завернуть перед МХАТом в Шведский тупик.
Тут меня и окликнули с бульвара – в очень знакомой манере:
– Друг мой, друг мой юный, дорогой!
Я остановился и увидел спешащего ко мне от памятника Есенину человека, одновременно нелепого и трогательного. Андрей, литературный бомж, кочующий между памятниками поэтам, оделся по погоде и даже с некоторым шиком: почти чистые бермуды, яркая рубаха с закатанными рукавами, повязанный вокруг шеи пестрый платок. Немного портило впечатление то, что он был босиком и что ему стоило бы постричься с год назад.
Но поэтам и душевнобольным такие мелочи простительны.
– В городе вялом и старом – лица молодого лезвие! – воскликнул бомж. – Словно в дурмане пьяном слово услышать трезвое!
– Здравствуйте, Андрей, – сказал я. – Как ваши дела?
– Дела? Дела? – забормотал бомж, озираясь. – Говорить ты хочешь об этом? Какие дела могут быть у голоса мертвых поэтов?
– С лутом хорошо? – терпеливо спросил я.
Андрей потряс головой, будто выбрасывая из нее рифмы-паразиты. Сказал уже спокойнее:
– С лутом хорошо, без лута плохо. А как у вас дела, добрый друг мой?
– Всё в порядке, – ответил я. – Надо заглянуть в Комок.
– Не люблю Продавцов, – вздохнул Андрей.
– Именно Продавцов, не Инсеков? – полюбопытствовал я.

> – Всё это договор, договор зверей окраски разной, – бомж хихикнул. – Пойду я к Сереже, посижу до утра, почитаю ему… А вы приходите на новоселье! Там, дальше по бульварам! К Володе я пойду, к Высоцкому. Пил он еще больше Есенина, но надрыв у него другой, деятельный. Да, деятельный у него надрыв! А Сережу я не выдерживаю, всего-то день с ним провел – в глазах черная жуть! Но надо, надо и его навещать!
> [3]

Он побрел обратно к памятнику, недовольно отмахнувшись от бибикнувшей и притормозившей машины.
А я покачал головой и двинулся дальше.
У Комка стояли две девушки, мрачновато-суровые, в джинсах и рубашках мужского кроя. На меня они глянули настороженно и оценивающе. Подергали дверь, пошептались, потом с явным недоумением отошли. Комок выглядел… ну, как Комок. Бесформенная масса размером с двухэтажный дом, упавшая когда-то с неба и застывшая. Зато дверь была самая обычная – деревянная, со старомодной ручкой-скобой.
– Закрыто, – сообщила мне одна девушка.
Похоже, они были свои, серчеры, хоть и незнакомые.
– А вы с лутом? – спросил я и заслужил презрительно-насмешливый взгляд.
Без лута в Комок можно войти лишь один раз. Продавец расскажет, что именно ему нужно, покажет разноцветные кристаллики, продемонстрирует разные ништяки, которые у него есть. А в следующий раз двери откроются, лишь если ты найдешь кристаллы.
– Странно, – согласился я. Но все-таки дернул ручку.
Дверь открылась.
– Эй, мы раньше пришли! – возмутилась девушка.
Я отпустил ручку и пропустил девчонок.

Дверь захлопнулась у них перед носом. И открываться не захотела, сколько они ее ни дергали.
– Знаете, кажется, Продавец ждет меня, – сообщил я.
Та девица, что пообщительнее, рассмеялась. Потом посерьезнела и замолчала. Спросила:
– Так бывает?
Конечно, я не собирался рассказывать ей лишнее.
– Говорят, если Продавцу нужен какой-нибудь особый кристалл, – сказал я, – то он первым впускает серчера, который его принес.
– А что у тебя? – поинтересовалась девица. Вопрос был не очень приличный, но я ответил:
– У меня? Блюк в форме пирамиды.
– Редкая штука, – согласилась девица. Помялась, посмотрела на подругу. – Ну попробуй снова.
Я дернул ручку, дверь открылась.
– Без обид, – сказал я и вошел в Комок. Добавил: – Вряд ли вам стоит ждать, это может затянуться надолго.
Внутри помещение было разделено серым матерчатым занавесом, идущим от самого потолка. Потолок слабо светился, воздух стал ощутимо прохладнее – Продавцам нравилась температура около пятнадцати градусов. Большую часть Комка отделял высокий прилавок, за которым колыхался занавес и стоял Продавец – похожий на крупного человека, закутанного во множество накидок. Так мог бы выглядеть какой-нибудь пузатый арабский шейх, попавший в холодный климат, или солдат наполеоновской армии, намотавший на себя кучу тряпок при отступлении из России.
– Максим, – сказал Продавец негромко. – Снаружи холодно?
– Нет, но в вашем плаще не жарко.
– Это хороший плащ, – кивнул Продавец. – Но он не мой, он ваш. Рад вас видеть.
– Доброй ночи, – ответил я. Подошел ближе. Лицо Продавца (ну, та часть, которая выглядывала из-под ткани) выглядело совсем как человеческое.
Нет, надо добавить: как встревоженное человеческое.
– Это недобрая ночь, – не согласился со мной Продавец.
Ну началось! Понеслось дерьмо по трубам!
– Согласен, – сказал я. – Собирался уже спать, а тут явился ваш посыльный.
В конце концов, это он ко мне обратился.
– Мне нужна помощь, – сообщил Продавец. – Я не могу обратиться к человеческим властям… вы понимаете, почему?
– Потому что там полно Прежних, – зло сказал я. – О чем вы мне могли бы рассказать и раньше… избавив от кучи неприятностей. А Прежние вас не любят.
Продавец помолчал, потом терпеливо продолжил:
– Совершенно верно. От Прежних я помощи не получу. Они не пускали нас на Землю, не позволяли наладить столь полезное торговое сотрудничество с людьми…
В результате мы помогли Инсекам взять контроль над Землей. Что, разумеется, испортило наши отношения еще более.
Вот этого я не знал. Значит, Продавцы не просто получили от Инсеков право торговать с людьми. Они еще и помогли им в схватке с Прежними!
– А что ж Инсеков не попросите? – не удержался я.
Продавцы не любят отвечать на вопросы. Но он ответил. Значит, дела у него и впрямь неважнецкие.
– Инсек недоволен нашей ролью в недавних событиях. С его точки зрения мы… развлекались. И тем самым довели ситуацию до опасного уровня.
– Могу его понять, – сказал я злорадно. – Ну, хорошо. Значит, вам нужна помощь от меня?
– Да. Ты не лучший выбор, – Продавец пожал плечами. – Но у тебя есть потенциал, и ты уже многое знаешь. Лучше ты, чем кто-то другой.
Я недоверчиво хмыкнул.
– Еще я представляю, чем тебя можно заинтересовать, – сказал Продавец.
– Удиви меня, – сказал я ехидно. – Раз я «не лучший выбор», то предложи побольше и дай выбирать мне.
Может быть, и зря, потому что Продавец насмешливо прищурился.
– Хорошо, ты сам попросил. Я предложу выбор, Максим. У меня есть два товара для оплаты твоих услуг. Первый – это информация. Я расскажу, кто такие Прежние, кто такие Инсеки, кто такие мы, что такое кристаллы и зачем они нам, для чего Инсек разрушил Луну, каким было прошлое человечества и каким может стать его будущее.

Я расскажу про Измененных, куда они исчезают из Гнезд и какими бывают. Это очень хороший товар, Максим! Ни один человек на Земле не владеет таким объемом информации. Более того, одной частью информации владеют Прежние, другой владеют Инсеки, но все знания будут лишь у тебя. Это куда меньше, чем знаю я, но это всё, что нужно знать человечеству.
– Офигеть, – сказал я искренне. – В чем подвох?
– Во втором товаре, – ответил Продавец. – Это возвратный мутаген. Любой Измененный вернется к своему человеческому состоянию. На всякий случай уточню: здоровому и полноценному, даже если в момент мутации особь была повреждена.
– Ты говорил, что это запрещенный товар и вы больше никогда его не продадите!
– Да. Поэтому я считаю оба предложения равноценными.
Зря я с ним так нагло говорил. Зря!
Предложи он мне информацию или мутаген, я был бы счастлив. И не раздумывал бы ни секунды.
Теперь мне надо было выбирать.
– Информация не позволит мне получить мутаген? – спросил я.
Продавец покачал головой. Добавил:
– А мутаген не даст тебе информации. Люди не смогут его проанализировать и скопировать. Это порция мутагена на одного. И это большая драгоценность.
– Вы меня удивили, – признал я. – Всё, я понял! Извините. Я нахамил. Я готов, я сделаю всё, что угодно, за оба товара!
Продавец покачал головой:
– Нет, Максим. Это урок вежливости, ты прав. Но изначально я и не собирался предлагать тебе информацию. Я знаю, что тебе нужно, цена справедлива.
– А если я выберу информацию? – спросил я.
– Мы же оба знаем, что ты выберешь, – ответил он.
Да, мы оба знали.
– Возвратный мутаген, – сказал я. – Хорошо. Хрен с ней, с информацией, кое-что я и так уже знаю… Кого мне надо убить?
– Убивать не надо, – ответил Продавец. – Убийство уже случилось. Некоторое время назад в Комке на Шлюзовой набережной был убит Продавец.
– А… – сказал я. Помолчал. – Убит?
Продавец кивнул.
– То есть вас можно убить? – уточнил я.
– Убить можно кого угодно и что угодно, – сказал Продавец. – Можно убить Инсека, собственно говоря, он уже убит, но существо такого уровня развития умирает очень долго. Можно убить Прежнего, можно убить даже Высшего, хотя это потребует усилий, соизмеримых с уничтожением звезды. Можно убить девочку-жницу, можно убить тебя. Можно убить веру, можно убить надежду, можно убить любовь. Всё смертно. И мы тоже.
– У меня есть один знакомый поэт, – сказал я медленно. – Могу познакомить, вы чем-то похожи… И что вы хотите от меня?
– Выясни, кто и как убил Продавца. Сообщи мне. Всё.
– А казнить злодея не надо? – спросил я с подозрением.
– Я боюсь, что тот, кто смог убить Продавца, тебе не по зубам, – без всякой рисовки ответил Продавец. – Тут был бы нужен Высший. Но он покинул вашу планету, и он не стал бы вмешиваться. Так что просто узнай.
– Хорошо, – сказал я. – По рукам!
Продавец послушно протянул руку, тоже вполне человеческую на вид, но я не спешил. Сказал:
– Только обсудим детали!
Продавец вздохнул и повернулся к занавесу:
– Тогда я принесу чай. Похоже, разговор будет долгим.
– Мы же не спешим, – сказал я.
Но Продавец ошибся. Разговор оказался не просто долгим, а очень долгим. Мы спорили почти два часа. К концу разговора я уже пожалел, что пил чай, – туалета в Комке, как сообщил Продавец, не было.
Вот и доверяй после этого внешнему сходству с людьми!

Глава вторая

Гнездо, в котором жила Дарина, расположено в Гнездниковском переулке, в здании бывшего Министерства культуры. Название переулка совпало со словом «Гнездо» случайно, Дарина даже удивилась, когда я указал ей на этот факт. Просто Измененные предпочитали занимать под Гнезда большие здания, не слишком важные для людей. Министерство культуры подошло идеально.
Его, кстати, так и не восстановили после Перемены. Я на днях узнавал, оказалось, что временный Департамент культуры вначале открыли при Министерстве сельского хозяйства, потому что там были свободные площади, потом быстренько перевели в Министерство просвещения, но вскоре учителя взбунтовались от избытка культуры, а сейчас присоединили к Министерству спорта – где департамент и по сей день замечательно работал.
Наверное, это что-то говорит о нашей культуре.
Снаружи Гнездо обросло «паутиной», из которой Измененные делают одежду и даже строят части Гнезда, а еще немного продают людям. Паутина не горит, не гниет, восстанавливается при повреждениях, самоочищается, а одежда из нее меняет размер вместе с хозяином. У меня есть трусы из паутинного шелка, я однажды в них ходил в поход на четыре дня.
Полицейских постов у Гнезда не было, Измененные этого не любят. Где-то наверняка стояла камера, но с тех пор как Инсек ужал для людей скорость передачи данных на расстоянии, все камеры стали стационарными, на флешках. Я вошел через главный вход и оказался в фойе, с его сумрачным (как во всем Гнезде) светом и наваленной повсюду мягкой рухлядью: ковры, подушки, матрасы, одеяла, мягкие кресла. Это Гнездо выглядело именно так, и я, увы, знал, по какой причине.
У дверей стояла стража – Измененный, мутировавший в охранника. Он или она (у стражи разница стиралась) походил на человека, но не так, как куколки или жницы. Выше ростом, лицо шире человеческого и одновременно заостренное, вытянутое, как у птицы. Глаза темные, радужка сливается со зрачком. Челюсть очень крупная, тоже выдающаяся вперед, руки длиннее, кисти массивнее. Из пальцев, я знал, в случае необходимости могут выдвинуться ядовитые когти. Ну и кожа – жесткая, в каких-то пупырышках, будто рябая.
Три недели назад это Гнездо было убито. Выжили жница Дарина и куколка Наська. Потом стали появляться новые Измененные, но они пока еще оставались куколками – почти неотличимыми от человеческих детей.
Стража была здесь гостем. Измененные редко переходят из Гнезда в Гнездо, разве что в стадии куколки. Но ситуация сложилась столь необычная, что в итоге помощь все-таки оказали – две жницы и четыре стражи временно поселились в этом Гнезде. Они уйдут, когда несколько куколок пройдут трансформацию и смогут занять их место.
– Привет, Же, – сказал я.
Когда стража была человеком, его или ее звали Евгением или Евгенией. Я не интересовался.
– Привет, – сказала стража. Помолчала и добавила: – Сейчас ночь. Ночью ходить по улицам опасно.
– Я осторожно хожу, – успокоил я Измененного.
Несмотря на устрашающий внешний вид и объем знаний (учились они очень быстро), все Измененные – дети или подростки. Первая мутация возможна в возрасте до четырнадцати-пятнадцати лет, Гнезда возникли восемь лет назад, так что самым старшим Измененным – двадцать три. Ну, допустим, двадцать четыре. В любом случае они младше меня.
А этой страже двухметрового роста могло быть и пять лет, и шесть. Не удивлюсь, если при этом она умеет решать в уме дифференциальные уравнения и знает кучу вещей, неизвестных мне. Но где-то в основе – она ребенок, мальчик или девочка дошкольного возраста. И твердо знает, что на ночных улицах страшно.
На самом деле куда страшнее то, что с ней сделали. Вот только выбора ни у нее, ни у ее родителей не было. На Изменение отдают смертельно больных детей, мутаген первой фазы исцеляет всё.
– Ты пришел к Дарине? – спросила стража с любопытством.
– Да.
– Я не могу тебя проводить, – стража беспокойно затопталась на месте. – Я дежурю у входа.
– Ничего страшного, – успокоил я. – Меня проводит Гнездо.
Обычному человеку, подошедшему к Гнезду слишком близко, становится неуютно. Это работает психологический щит, оберегающий Измененных. Но Гнездо не только

создает щит, оно по сути своей разумно, в нем отпечаток сознания всех, кто был в нем изменен. С Гнездом можно общаться, оно может помочь… конечно, если ты свой.
Я был своим. Три недели назад Дарина призвала меня для защиты Гнезда. С тех пор Призыв был снят, но невидимая связь между мной и Гнездом осталась.
Полковник Лихачев, который работает в отделе «Экс», занимается пришельцами и многое о них знает, рассказывал, что некоторые призванные сходят после Призыва с ума, уходят в монастырь или ведут замкнутый образ жизни. Не могу понять, почему. Мне нравилось слышать Гнездо и общаться с ним. И уезжать на край света, чтобы молиться там Богу или жить охотой и собирательством, я не планировал.
Как по мне, Москва такой город, где тоже приходится непрерывно молиться и заниматься борьбой за пропитание.
«Здоро́во, – подумал я, обращаясь к Гнезду. – Ты как?»
Я слышал голос Гнезда как шум морских волн, иногда очень тихий, умиротворенный, иногда грозный, штормовой. И в этом шуме появлялись слова-образы, словно сотканные из шепота сотен голосов.
В общем, трудно объяснить, как это.
Гнездо ответило, что всё нормально. В нем есть жница и двенадцать куколок. И еще шесть гостей, стражи и жницы. Гости немного смущали Гнездо, но оно готово было их терпеть. Конечно, когда в Гнезде появится хранитель и мать – станет легче. Пока их работу (уж не знаю, в чем именно она заключалась) выполняло Гнездо. А еще Гнезду нравилось, что прошедший день был солнечным и сухим. Внутри Гнезда всегда влажно, но солнечный свет снаружи ему приятен.
Я внимательно выслушал Гнездо. Мне кажется, ему нравилось поговорить вот просто так, не с Измененным, а с человеком.
Потом я попросил проводить меня к Дарине и тут же понял, куда идти.
На самом деле она была в своей комнате. Большинство жниц любят уединение; у них есть какие-то комнаты, где раньше сидели люди, занимающиеся культурой.
Без остановки я, впрочем, к Дарине не дошел. На полпути на меня из коридора выскочила Наська – единственная куколка, уцелевшая при разгроме Гнезда. Молча, будто атакующий доберман, запрыгнула на меня со спины и повисла, словно рюкзак.
– А! – тихонько воскликнул я.
Наська точно так же тихо взвизгнула и от избытка чувств стукнула меня по голове. Шутя, конечно. А так куколки сильнее взрослого человека, могла бы и оглушить.
– Чего среди ночи? – требовательно спросила она.
– Дела, – сказал я, стряхивая ее и оборачиваясь. Куколки одеваются как попало, паутинные костюмы, как жницы или стражи, не носят, а одеждой, по-моему, меняются совершенно свободно. Внешний вид им, в общем-то, безразличен.
Вот на Наське сейчас были зимние ботинки (ужас, в теплом и влажном Гнезде!), шорты и толстый колючий свитер взрослого размера с горловиной (еще раз ужас).
– Знаю я ваши дела, – заявила Наська беззастенчиво.
– А ты чего не спишь?
– Мы утром поспим немного. У нас занятия.
Я вопросительно посмотрел на нее.
– Прятки на выживание. Кого найдут последним – тот молодец.
– Приз какой-нибудь получит?
Наська скорчила жалобное лицо.
– Да! Разрешат поесть немножко!
Поскольку я Наську знал, то на слезу меня не пробило.
– Ну беги тогда. Прячься.
– Ты жестокий и бессердечный! – заявила Наська, вытирая пальцем несуществующую слезинку. И унеслась по коридору.
Похоже, куколки и впрямь играли в прятки.
Я торопливо дошел до комнаты Дарины, открыл дверь и проскользнул внутрь. Стучать у Измененных было не принято.
Дарина лежала ногами к двери на матрасе, застеленном одеялом, и читала какую-то книжку. В ушах у нее были капельки наушников, рядом лежал плеер, подаренный мной неделю назад. Она очень смешно болтала в воздухе ногами в такт музыке, я невольно улыбнулся и постоял немного, глядя на нее.
Потом, как мог тихо, подкрался к ней (пол был покрыт в несколько слоев коврами и одеялами), присел и закрыл ей ладонями глаза.
Вообще-то дурацкий поступок. Жница может убить человека голыми руками.
Но я не боялся.

– Знала, что ты придешь, – сказала Дарина. Оттолкнула книжку, перевернулась на спину.
Я осторожно убрал ладони, посмотрел в ее сиреневые глаза и поцеловал. Вынул наушники. Из них едва слышно доносилась музыка – кто-то призывал порвать тишину, проклинать тьму и проклинать свет.
Мы целовались, пока песня не кончилась.
Потом я лег рядом и спросил:
– Гнездо сказало?
– Нет, я чувствовала, что ты придешь, – ответила Дарина.
Может быть, она и впрямь почувствовала. А может быть, хотела, чтобы я пришел.
– Дарина… – Я взял ее за руку. – Случилась странная история. Меня позвал к себе Продавец. Я только что из Комка.
– Так, – ее голос сразу посерьезнел. Она коснулась плеера, отключая его.
– Кто-то убил Продавца в Комке. Не в том, что рядом. На набережной. Продавец просит меня выяснить, кто это сделал.
– Не ввязывайся! – быстро сказала Дарина. – Максим! Это либо Прежние, либо Инсеки!
– Инсек один, и он сидит в своем корабле на Селене.
– Тогда Прежние. Тем более!
– Мне не надо ни с кем драться. Только выяснить, кто это сделал.
Дарина помолчала мгновение. Спросила:
– Что он тебе пообещал?
– Возвратный мутаген.
Теперь она замолчала надолго. Я приподнялся, посмотрел на жницу.
Дарина плакала.
– Ты не хочешь снова стать человеком? – спросил я.
Она прижалась лицом к моей груди. Прошептала:
– Хочу. Очень хочу. Но лучше я буду жницей, а ты живым.
– Дарина, я не буду рисковать. Это вроде частного расследования. Приду, посмотрю, попытаюсь понять.
– И тебя убьют!
– Кто?
– Не знаю. – Она села. – Максим…
Я молчал. Дарина безнадежно заглянула мне в глаза.
– Тебя не переубедить?
– Нет.
– Тогда рассказывай.
– Да нечего еще рассказывать, – вздохнул я. – Наш Продавец никаких деталей не раскрыл. Может, и сам не знает? Сказал, что Продавец на набережной был убит вечером, между девятью и одиннадцатью часами. Об этом никто не знает, ни полиция, ни власти. Комок закрыт, откроется только для меня. Я могу привлекать к расследованию тех, кто участвовал в истории с вашим Гнездом.
– То есть меня, Наську…
– Ни тебя, ни тем более Наську я привлекать не стану!
– А зря, кстати, – сказала Дарина. – Она прочитала, по-моему, все детективы на свете.
– А я прочитал несколько кулинарных книг. Только, кроме яичницы, ничего готовить не научился.
Дарина улыбнулась.
– Согласна… Хорошо. Тогда ты можешь привлечь деда Борю, Елену, Виталия, Василия, Милану, Лихачева.
– Зачем?
– Они умные люди, они многое знают. Елена – врач, Милана – биолог. Тебе разрешено осмотреть тело?
– Мне разрешено делать с ним всё, что угодно, – сказал я. – Только нельзя его выносить из Комка.
– Ну вот! Лихачев – полицейский и много лет занимается пришельцами. Да он на тебя молиться станет, если ты позволишь осмотреть Продавца! Елена и Милана проведут вскрытие…
Я поморщился.
– Если ты хочешь добиться результата, то придется это сделать, – сказала Дарина.
– Да… но… Наверное, да, – я вздохнул.
Никакого любопытства я не испытывал. Продавец как-то сказал, что они лишь на первый взгляд человекоподобны. Что он даже не гуманоид (хотя как это возможно, ведь гуманоид – это как раз существо, внешне напоминающее человека). Но похож он

на человека или нет, красная у него кровь или зеленая, млекопитающее он или рептилия – ковыряться в мертвом теле я не хотел.
Что ж, значит, и впрямь – Елена… и Милана.
– Я не ревную, – напомнила Дарина.
– А зачем деда Борю, Василия, Виталия? – быстро сменил я тему.
– Сам решай, – сказала Дарина. – Но мне кажется, они очень обидятся, если ты их не позовешь.
– Обидятся, – признал я.
Приняв решение, Дарина больше не пыталась меня отговорить. Сев по-турецки, она уперлась руками в матрас, посмотрела в стену. Глаза ее затуманились, их сиреневый свет померк, только зрачок бился, будто она невероятно быстро считывала что-то с невидимого мне экрана.
С ней сейчас было Гнездо. Жница общалась с ним, запрашивая и получая информацию с невозможной для меня скоростью и свободой. Я сидел тихо, смотрел на нее и боялся прикоснуться, чтобы не вывести из транса.
Обычно Измененные не показывают чужим такие штуки. Но я чужим не был.
– Ничего… – выдохнула Дарина, обмякнув. – Информации по Продавцам очень мало, в основном – запросы и получение мутагенов и прочих товаров. Что-то есть для уровня хранителя и матери, но тоже немного. Информации по уязвимости, силе, происхождению, характеру отношений с Инсеками и людьми вообще нет.
Она виновато глянула на меня.
– Я ведь даже не знала, что Продавцы помогли Инсекам захватить Землю.
– Инсеку, – поправил я.
– Вот видишь. И этого я не знала! Я только жница. Учу куколок, помогаю в Гнезде. Может быть… если я пройду до хранителя…
Она не закончила.
– Нет! – сказал я. – А если я не справлюсь, и мы не получим возвратный мутаген?
– Если я стану хранителем, то могу и не захотеть вернуться, – тихо ответила Дарина. – Дело ведь не в том, что у меня глаза сделаются как у вареной рыбы. У меня в голове тоже всё переварится. Гнездо будет главным и единственным.
Я не стал спрашивать, но она ответила на незаданный вопрос:
– Сейчас главное – это ты.
Взяв ее за руку, я погладил пальцы. Кожа у жниц очень гладкая, будто тефлон. Но я привык. Мне даже нравится.
– Если бы у нас была стратег… – прошептала Дарина. – Даже идти бы никуда не понадобилось! Она бы подумала и сказала, кто убийца…
Но стратега на Земле больше не было. Высший увел ее с собой – и тем самым остановил надвигающуюся катастрофу. Мы были в шаге от нового Армагеддона, но тот не случился.
Я осторожно погладил жницу по спине, по обтягивающему комбинезону. Ткань мягко разошлась под пальцами, я коснулся кожи – такой же гладкой, но теплой.
– Максим! – строго произнесла Дарина.
Но мы оба знали, что если бы она не хотела, то комбинезон бы не раскрылся.
Я осторожно начал стягивать ткань, Дарина вздохнула и легла на живот. Сказала капризно:
– Я собираюсь спать. Не знаю, что ты там надумал… но я непреклонна и уже сплю…
Я поцеловал ее между лопаток, жница вздохнула, замерла под моими губами. Несколько секунд лежала расслабленно, пока я спускался губами вдоль спины, потом перевернулась и воскликнула:
– Нечестно!
Глаза у нее смеялись и наливались сиреневым мерцанием. Я не останавливался, она задышала чаще, рывком присела и стала стаскивать с меня джинсы.
– Еще более нечестно… – прошептал я, почувствовав касание ее губ.
* * *
Конечно же, кончилось тем, что мы все-таки уснули вместе. Может быть, Дарина и не спала: когда я засыпал, она смотрела на меня и тихо-тихо гладила по щеке, когда проснулся – сразу встретил ее взгляд.
Было девять утра. У Дарины начинался ее обычный день в Гнезде. Она будет учить куколок, в чем бы эта учеба ни состояла. А мне пора приступать к своей неожиданной работе.
Я отказался от завтрака (хотя у Измененных на удивление хороший кофе). Деньги в кармане были, я собирался что-то съесть по пути. Дарина ушла куда-то в глубины Гнезда, я направился к выходу.

И обнаружил у выхода Наську, болтавшую со стражей.
Собственно говоря, мне хватило одного взгляда, чтобы всё понять. Куколка оделась как «приличный человеческий ребенок»: брючный костюмчик и школьного вида черные туфли.
А еще на голове у нее было серое кепи.
– Нет, – сказал я.
– Чего «нет»? – с вызовом спросила Наська.
– Вот это «нет»! – Я ткнул пальцем в кепи. – Трубку тоже взяла?
– Курить вредно.
– Ну и какой из тебя детектив, если без трубки? А еще ты меня очень огорчила! Подслушивать – фу!
– Я не подслушивала! – возмутилась Наська. – Мне Гнездо велело наблюдать за расследованием!
– Что?
Я мысленно потянулся к Гнезду. И получил ответ, на удивление твердый и уверенный. Да, это Гнездо посылало со мной Наську. Не то чтобы наивно считало ее почерпнутые в детективах знания полезными. Но Гнездо хотело знать, что происходит. Дарина уйти не могла, а куколка – вполне.
Стража с любопытством смотрела на нас.
Что она вообще обо мне думает? Человек, призванный, живущий со жницей… Редкий экземпляр!
– Наська, я не могу тобой рисковать, – сказал я.
– Я не ребенок, я не человек вообще!
– Не важно!
– Меня убить труднее, чем тебя!
Это, конечно, было правдой.
– Нет, – сказал я. Мысленно обругал Гнездо, так, что оно растерянно притихло. – Ты остаешься, занимаешься учебой, получаешь свои пятерки с плюсом. Потом я непременно всё тебе расскажу и посоветуюсь. Считай, что ты детектив, а я твой помощник, который на месте всё изучает.
– Как Ниро Вулф и Арчи Гудвин?
– Кто? Да, наверное. Я твой Ниро Вулф.
Наська хихикнула.
– Вулф толстый как монах, сидит в кабинете. А бегает Гудвин.
– Прекрасно. Я Арчи Гудвин. Гудвин великий и ужасный. Иди, почитай «Волшебника Изумрудного города».
– Давно прочитала.
– Тогда в прятки поиграй!
– Ладно, – неожиданно согласилась Наська. – Так даже интереснее.
Я с подозрением посмотрел на нее, но Наська надулась и быстрым шагом ушла, уперев руки в бока.
– У нее избыток энергии, – пожаловался я страже. – Реактивная девчонка!
– Маленькая еще, – согласилась стража важно. – Ей же всего десять лет.
– А тебе? – не удержался я.
– Одиннадцать.
Вздохнув, я отсалютовал страже и вышел из Гнезда. Прикинул, как лучше добираться, и повернул к Тверской.
Ехать тут недолго, три станции. Выходя на Павелецкой, в неожиданно большой толпе, я уже выбросил Наську из головы.
И только увидев серое кепи чуть ниже на эскалаторе, понял, что зря.
Похоже, упомянуть игру в прятки было ошибкой.
Выкатившись наверх и обнаружив меня, стоящего с мрачным видом, Наська никакого раскаянья не проявила. Развела руками и спросила:
– Ну и что ты сделаешь?
Сделать я ничего не мог.
Силой потащить назад? Ну, во-первых, это вызвало бы подозрение окружающих. А во-вторых, если Наська упрется – я ее и с места не сдвину.
– Сяду и буду сидеть на скамейке, – сказал я.
Мимо шли люди, толкаясь и бормоча в мой адрес не слишком лестные эпитеты.
– Сяду рядом и буду ждать.
Я сдался.
– Только сегодня. Хорошо?

– Максим, ты самый-самый лучший! – выпалила Наська. – Не пожалеешь, зуб даю! Вот, держи!
Она полезла в карман и действительно вытащила оттуда зуб! Молочный. Видимо, зубные феи к Измененным летать боятся.
Вздохнув, я стал выбираться из метро. Наська вьюном пробиралась следом. Несколько здоровых мужиков, которых она мимолетно сдвинула с пути, растерянно смотрели вслед. Никто, конечно, и представить себе не мог, что куколка разгуливает по Москве, будто человеческий ребенок.

Глава третья

Накануне Перемены в Москве было меньше тысячи таксофонов. Стояли они в таких местах, что многие москвичи про них вообще не знали и уж тем более никогда не звонили. Зачем, если в кармане даже у ребенка или старика есть сотовый?
Но зато таксофоны были бесплатные.
Теперь сотовой связи нет, телефонные будки вернулись в города (говорят, какой-то древний завод на этом озолотился), но надо платить за звонок.
Я остановился у таксофона рядом с метро, вставил карточку в аппарат и набрал номер отдела «Экс». Хорошо помнить числа – это очень удобно, не нужно таскать с собой блокнот.
Их производители, кстати, тоже выиграли от Перемены.
Не знаю, сколько народа служит у Лихачева в подчинении, никогда там не был. Но вначале трубку взял мужчина с резким командным голосом, потом я добрался до какой-то юной девицы. И лишь потом мне позвали полковника.
Чутье у него имелось. Впрочем, после недавних событий я бы очень удивился, откажись он от встречи. Я сказал, что подожду у Комка на Шлюзовой набережной, полковник ответил: «Буду через пятнадцать минут», и в трубке запикал отбой.
– Полковнику никто не пишет, – сказала Наська, толкущаяся возле будки. – Полковнику все звонят.
У нее очень медленно шла первая фаза мутации, она несколько лет провела неподвижно. Лежала и читала книжки, их на удивление много оказалось в Министерстве культуры. Читала, похоже, всё что попало, не только детские книжки или детективы. Может, поэтому немного странная.
– Идем, – сказал я. – Подождем на месте.
На самом деле мне не хотелось дожидаться полковника. И когда мы дошагали до Комка, и я там никого не обнаружил, меня это порадовало.
В этом Комке я никогда не был. Он упал на уродливое невысокое здание, в котором размещался фитнес-клуб и какие-то государственные конторы. Кажется, даже почта, и это меня позабавило – на Мичуринской тоже «Почту России» накрыло падением Комка.
Может, Продавцам когда-то посылку не доставили?
Этот Комок был почти правильной формы, напоминал расплющенную каплю, или спелую фигу, ну или хинкали – если вы грузин… Прочие ассоциации я оставил за невоспитанной куколкой.
На моих глазах к дверям Комка подошла молодая женщина. Дернула ручку. Удивилась. Подергала еще. Пожала плечами и пошла навстречу нам, к метро.
Видимо, нечасто ей приходится продавать кристаллы, иначе удивилась бы сильнее. Серчеры знают, что Комки открыты всегда.
– А нас пустят? – шепотом спросила Наська.
– Меня пустят, – ответил я с уверенностью, которой не испытывал. Ночной разговор с Продавцом казался сейчас нереальным.
Мелькнула мысль: а не зайти ли самому, оставив Наську снаружи? Но если она уйдет и заблудится?
– Что именно тебе сказало Гнездо? – строго спросил я, когда мы подошли к дверям.
– Что свершилось ужасное злодеяние! – с готовностью ответила Наська. – Кто-то убил Продавца! И тебе надо выяснить, кто, – тогда друзья покойного дадут тебе кучу всякого добра!
– В целом верно, – признал я. – Ты не боишься увидеть мертвеца?
Наська ответила не сразу и на этот раз очень серьезно:

– Максим… Когда у нас Гнездо убили, я помогала Дарине тела носить. Только мне стражу или монаха тащить было тяжело, особенно если они остались целыми. Я носила куколок.
Она помолчала секунду.
– Своих подруг.
Черт. Меня как под дых ударили. Вот эта ее веселость и энергия – они порой заставляют забывать, что передо мной куколка. Которую родная мать отдала в детстве в Гнездо. Которая несколько лет лежала, пока мутаген боролся в ней с опухолью. Обычно на это не нужно много времени, но тут что-то пошло не так. Дарина говорила, что к ней редко заходили другие куколки – дети не очень-то умеют сочувствовать.
А потом, когда она все-таки поправилась и у нее появились друзья, их всех убили.
– Извини, – сказал я. – Глупость спросил.
– Ничего, – ответила куколка. – Это у всех бывает. Ты не бойся за меня, я не стану пищать. И ничего не буду хватать и лезть куда попало. Нас учат дисциплине.
– Вот в этом я сомневаюсь, – признался я.
Мы были уже перед дверью, а Лихачева еще не наблюдалось. Пробок в Москве нынче нет, слишком дорогой бензин, но ведь могло его что-то задержать?
– Зайдем, – решил я и взялся за ручку двери.
Дверь открылась легко. Комок действительно ждал моего появления.
Я вошел первым, огляделся.
Ну, всё как обычно. Глухая стойка прилавка из того же непонятного бугристого материала, что стены и потолок. За ней – метра два пространства, далее плотный занавес.
Прохладно.
– Эй! – позвал я. – Есть кто?
Все-таки я не был уверен, что Продавец мертв.
Тишина.
Наська попыталась высунуться вперед, я придержал ее за плечо.
– Можно войти? – снова позвал я.
Нет ответа.
– Пахнет, – сказала Наська.
– Чем? – Я насторожился. У куколок чувства развиты куда сильнее, чем у людей. – Кровь?
– Нет… химия какая-то. И озон.
Я принюхался. Да, пожалуй, слегка пахло грозой. Химических запахов я не ощущал.
– Хорошо, – решил я. – Стой пока тут.
И двинулся вперед.
Продавца я увидел, когда подошел к прилавку. Он лежал сразу за стойкой, вытянувшись в полный рост всей массивной тушей, замотанной в серые и песчано-коричневые тряпки. Из-под одежды, будто ноги, торчали толстые металлические штыри, с растопыренными, будто птичьи лапы, опорами. Под телом расплылась большая липкая лужа густо-синей жидкости.
– Что за… – сказал я и, опершись на стойку, перепрыгнул к Продавцу. Наклонился, посмотрел в проглядывающее сквозь ткань лицо. Глаза были закрыты, лицо казалось мертвым.
В общем, мертвым оно и было.
За спиной легонько стукнуло – я обернулся, обнаружил, что Наська стоит на прилавке. Похоже, запрыгнула прямо с пола.
– Мертвый, – сказала Наська. – Это он пахнет.
Да, теперь я чувствовал идущий от Продавца запах. Он не был неприятным, он вообще казался неживым, это был запах сгоревшей электроники и разлившейся химии.
– Вашу ж мать… – сказал я, глядя на торчащие из-под одеяний металлические «ноги». – Вы что, роботы?
– Это механическая жизнь! – прошептала Наська с явным восхищением. – Перед нами сломанный автопродавец!
Я осторожно приподнял подол одежды. Металлические ноги ожидаемо имели что-то вроде сустава в районе колена, а заканчивались в рифленом и явно металлическом цилиндре. Уже догадываясь, что увижу, я засучил Продавцу рукав. Кисть, на вид совершенно человеческая, в районе запястья была насажена на металлический стержень.
В общем, если бы ребенка попросили изобразить робота – он бы примерно так и нарисовал. Не хватало разве что носа-лампочки.

Наська спрыгнула ко мне, тоже наклонилась над телом (если, конечно, сломанную машину можно так называть). Протянула палец, потрогала разлитую синюю жидкость, прежде чем я успел ее остановить. Понюхала. Брезгливо поморщилась и вытерла об одежду Продавца. Сообщила:
– Это оно воняет.
Я тем временем обнаружил, что ткань на груди Продавца разрезана или прорвана. Развел края – и обнаружил тот же самый рифленый металл, только с узкой пробоиной, сантиметров десять-двенадцать длиной. Края пробоины торчали зазубринами, на них застыла синяя вязкая масса.
– Зарубили топором, – сказала Наська.
– Интересная версия, дорогой Холмс, – сказал я. – Но почему топором?
– Элементарно, Ватсон! – Наська взглядом указала в сторону. Я глянул. У края занавеса лежал топор. Деревянная ручка, клиновидное лезвие – самый обычный плотницкий топор. Даже не какое-нибудь экзотическое боевое оружие.
Как-то очень просто для всемогущих и самоуверенных Продавцов, нет?
Тюк топориком в грудь – робот-пришелец отбросил коньки и протянул грабли.
– Топор, – сказал я. – Мы же вроде не в Питере… Так, Наська. Говоришь, у вас дисциплина?
Наська быстро спрятала палец, которым собиралась потрогать пробоину, за спину.
– Ничего не трогать, – сказал я. – Иначе поедешь в Гнездо, я тебе гарантирую.
Кажется, она поняла, что я не шучу.
– У меня карточки на метро нет.
– Сюда же как-то просочилась? Пешком пойдешь в крайнем случае.
Наська огорченно кивнула. Что-то развернула в ладошке и забросила в рот.
– Ты что ешь? – воскликнул я.
– Конфетку!
– Где взяла?
Наська ткнула пальцем под стойку. Там была длинная полка, на ней одиноко стояла стеклянная вазочка с разноцветными леденцами в прозрачных фантиках.
– Тут! У всех Продавцов есть конфетки, они дают детям!
Я вспомнил, что при мне Продавцы и впрямь иногда угощали детей, притащивших лут или пришедших с родителями, леденцами. Криминала тут не было, они явно копировали земные обычаи.
– Все равно, нечего грязными руками… ты эту жижу трогала! – строго сказал я.
В дверь тихонько постучали, и нотацию пришлось прервать.
– Сиди и жди! – велел я. Перебрался через стойку, подошел к двери. Открыл.
И обнаружил мрачного Лихачева.
Полковник был в штатском, но пиджак оттопыривала кобура.
– Заходите, – сказал я.
– У меня кристаллов с собой нет, – заметил Лихачев.
– Ничего, тут и Продавца уже нет.
– Нет? – оживился полковник и быстро вошел. – А где он? И как ты узнал?
Похоже, Лихачев решил, что я обнаружил брошенный на произвол судьбы Комок. Удача, конечно, для начальника отдела «Экс». Продавцы были не меньшей загадкой, чем Инсеки или Измененные.
– Он тут, но его уже нет.
– Ясно, – Лихачев кивнул.
Быстрым шагом подошел к прилавку, глянул. Поморщился, увидев Наську, – та помахала ему рукой, опасливо улыбаясь. Похоже, к полицейскому она относилась с большим пиететом, чем ко мне. Потом Лихачев увидел металлические части и прямо-таки завопил:
– Робот! Гребаный робот!
– Сам в шоке, – согласился я.
Лихачев резко обернулся ко мне. Спросил:
– Кто-то еще знает?
– Дарина.
– Ну это понятно… Максим, что стряслось?
Я только приготовился рассказывать, как заговорила Наська:
– Мы на минуточку зашли! Это я виновата, я попросила Максима шоколадку мне купить! А Продавец себе вставлял батарейки, мы увидели, что он робот! И Продавец сказал, что теперь нас убьет! И пошел на меня, а Максим достал топор и…
Лихачев мгновенно успокоился, поднял руку, останавливая Наську:
– Ясно. То есть вы пришли, когда он был уже мертвый.

Наська, чей полет фантазии так грубо прервали, обиженно замолчала.
– Мне сказал Продавец из нашего Комка, который возле Гнезда, – пояснил я. – Что убили Продавца. И я должен расследовать.
– Должен? – удивился Лихачев.
– Он сделал предложение, от которого я не смог отказаться.
– Ясно, – Лихачев достал платок и вытер лицо. Шрам на щеке у него побагровел, видимо, от нервов. – Ладно, всё не так плохо, как я подумал. Ты имел право меня позвать?
– Да. Больше часа спорил, но договорился. Все, кто участвовал в истории с Прежними, могут мне помогать.
– Спасибо, – поблагодарил Лихачев. Настроение у него явно стремительно улучшалось. – Максим, я тебе говорил, что ты славный человек?
– Ага.
– Ну и повторить нелишне, – Лихачев крякнул, перебираясь через прилавок. Сказал Наське: – Брысь!
Куколка послушно отошла на пару шагов.
– Зачем девчонку привел?
– Гнездо настояло…
– Тоже ясно. Кого еще позвал?
– Никого.
– Телефонная будка метрах в ста от метро…
– Знаю.
Лихачев полез в карман, достал записную книжку. Полистал. Потом показал мне через прилавок.
– Вот телефон Елены. Тебе важен ее рабочий номер. Сегодня операций у нее нет, но она должна быть в отделении. Скажешь, что бумага от полиции придет, что она привлечена как эксперт. Запомнил?
Я кивнул.
Откуда он знает, что у меня хорошая память на числа?
Наверное, оттуда же, откуда рабочий график Елены Филипенко.
– Телефон Миланы знаешь?
– Зачем? – заупрямился я.
– Потому что перед нами инопланетная форма жизни. И нам нужен биолог.
– Она студентка. А это – робот!
– Надо удостовериться. Студентка тоже… лучше, чем ничего.
Он снова порылся в книжечке.
– Вот телефон деканата. Твоя… знакомая… должна быть на лекциях. В общем, пригласишь декана. Скажешь ему, что в сейфе лежит конверт от МВД. Пусть вскроет. Внутри будет еще один конверт, на нем написаны числа: тридцать два – восемь – пятьдесят четыре. После этого пусть вскроет второй и прочтет, что там сказано.
– И что?
– Там сказано, чтобы он выполнял распоряжения, отданные сотрудником по телефону. Пусть сажает Милану в машину и отправляет сюда!
– Давайте я просто скажу, что у нее заболела бабушка, – сказал я.
Лихачев подумал секунду.
– Можно и так. Но с конвертом быстрее. И… – он усмехнулся, – мне ни разу не доводилось использовать эти предписания. Хочу попробовать, как работает. Всё, иди!
– Наську забрать? – предложил я.
– Зачем? – удивился Лихачев. – Мне нужен ассистент. Нервы у нее крепкие, как я погляжу. У тебя крепкие нервы?
– Как стальные тросы! – ответила Наська. И показала мне язык.
Я вздохнул и пошел к телефону.
Робот. Ну надо же, робот!
Теперь понятно, почему в Комке нет сортира…

Вернулся я минут через двадцать. Елену я вызвонил быстро, и она сразу, ничего не спрашивая, ответила, что приедет. Декан биофака тоже не спорил после того, как вскрыл конверт, но его минут десять не хотели подзывать к телефону, даже один раз сбросили вызов. То ли он чем-то был занят, то ли секретарше мой голос показался недостаточно солидным. Поэтому, завершая разговор, я не удержался и велел декану навести порядок среди персонала.
К этому моменту Лихачев с помощью Наськи уже раздел Продавца. Думаю, что Наська выступала в качестве основной рабочей силы, пришелец явно весил килограммов сто

пятьдесят, а может, и двести. Сейчас полковник и куколка сидели возле неподвижного тела, изучая результат своих трудов.
Без своих одежд Продавец выглядел нелепо и устрашающе одновременно. Тело его представляло собой металлический цилиндр с закругленными торцами, что-то вроде здоровенной капсулы. Сплав не походил на тот серо-голубой, что используют Инсеки, он был очень темный, почти черный. Никаких отверстий, кроме пробоины в груди, никаких датчиков-штекеров-индикаторов, лишь небольшие выступы и углубления, спиральным узором покрывающие весь цилиндр. Никаких признаков пола, разумеется. Снизу к капсуле крепились «ноги», в боках «руки», сверху «шея» с головой. Ладони и голова выглядели очень правдоподобно, казалось, что это обычные человеческие части тела. Но они не выглядели мертвыми, и это как раз заставляло думать об имитации. Темные волосы на голове, уши как уши, хотя обычно их не видно, в общем – тщательная работа. Я осторожно потрогал Продавцу щеку – она была теплой. Наклонился – и ощутил слабый цветочный запах. Так пахнут человеческие покойники, но я помнил, что и от живых пришельцев исходил этот запах.
– Удивительно, что Продавцы позволили узнать их сущность, – сказал Лихачев. Неодобрительно глянул на меня, порылся в кармане, протянул тонкие синие перчатки. На нем и на Наське такие уже были. – Не надо человеческой ДНК.
– Нам нельзя его выносить, – предупредил я.
Лихачев вздохнул. Негромко сказал:
– Ну… разве что чуть-чуть, а? Волосок?
– Это робот, – напомнил я.
– Но голова и руки у него похожи на органические. Даже такая мелочь… – Лихачев встал, оглядел Продавца с высоты своего роста. – Ну-ка, ассистент! Скажи, что тебя настораживает?
– Всё! – бодро выпалила куколка.
– А конкретнее?
– Что Продавцы нас сюда направили. Что кто-то смог Продавца убить, неужели у них защиты нет? Топор очень настораживает.
Топор лежал на прежнем месте, но похоже было, что его осматривали.
– Так… – подбодрил Лихачев.
– Синюха по лезвию размазана неровно, – сказала Наська. – Словно потом уже прикладывали к дырке. И дырка… – Она ткнула пальцем. – Она же изнутри! Металл выгнут наружу, а если топором бить, то должен был внутрь прогнуться!
– Вот, – сказал Лихачев довольным тоном. – Молодчина. Если вырастешь и захочешь из Гнезда уйти, то возьму на работу!
Довольная улыбка Наськи сразу увяла.
– Из Гнезда не уходят, – сказала она.
Я укоризненно глянул на Лихачева:
– У полковника явно нехватка сотрудников. Он и меня вербовал… А вы за штору заглянули?
– Нет, тебя ждали, – ответил Лихачев.
Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять: это не сарказм, они действительно ждали.
– Ну, так давайте посмотрим? – сказал я. – Всегда хотел заглянуть.
Лихачев, отвернувшись от Продавца, кивнул. Подошел к шторе, пошарил рукой, отводя в сторону. Занавес состоял из полос ткани шириной метра в полтора. Продавцы обычно проскальзывали сквозь штору очень быстро, за ней было темно и разглядеть ничего не удавалось.
Теперь стало понятно, почему. За первой шторой на расстоянии метра оказалась вторая.
– Простенько и со вкусом, – решил Лихачев, отдергивая вторую штору. Там уже было светло. Он прошел внутрь, резко остановился. Потом сказал: – Максим, иди ко мне. Анастасия, остаешься на месте!
Видимо, такое официальное обращение возымело действие, куколка даже не пикнула. Я прошел за Лихачевым.
Эта часть Комка была просторнее. У стены стоял здоровенный, два на два метра, стеклянный куб. Передняя сторона была приоткрыта, словно дверь, хотя никаких петель я не видел, просто стекло изгибалось, как лист бумаги.
Еще там имелась койка: металлическое основание, голый белый матрас из гладкого поблескивающего пластика. Койка была узенькая, Продавец мог на ней поместиться, но вряд ли это было ему удобно. Хотя зачем вообще роботу место для сна?
Но главный сюрприз ждал нас на полу.

Там лежала женщина.
Молодая, может, немного старше меня, красивая, с длинными светлыми волосами. Крепкого сложения, не заморенная модель, но и не перекачанная спортсменка или бодибилдер. Есть такой тип внешности, про него еще говорят «настоящая русская красавица», а иногда со вздохом добавляют: «Исчезающий вид».
И судя по этой женщине – и впрямь исчезающий.
Она была мертва. Никакой крови, никаких повреждений, но одного взгляда на бледную кожу и слепо открытые глаза хватало, чтобы это понять. Одета она была в цветастый голубой сарафан и белые босоножки, чуть в стороне лежала крошечная сумочка в тон сарафану.
– Только этого не хватало… – горестно сказал Лихачев.
Присел возле тела, потрогал шею, оттянул веко, потом чуть приподнял женщине руку и зачем-то осмотрел с той стороны, которая была обращена к полу. Прижал к руке палец, надавил, отдернул. Медленно встал, глянул на меня:
– Умерла вчера вечером.
– Продавец тоже, – сказал я. – С девяти до одиннадцати, как мне сказали. Ее убили?
– Да уж вряд ли она умерла с горя по Продавцу… – Лихачев тихонько застонал, выругался: – Мать твою… я попал, Максим. Это не Продавец, это человек. Я должен сообщить про убийство. Его будут расследовать. А никого сюда впускать нельзя, так? И выносить ничего и никого нельзя?
– Я могу спросить!
– Даже если ее позволят вынести – требуется осмотреть место, под подозрением мертвый Продавец…
– Полковник, – сказал я. – Вы что, серьезно?
Лихачев глянул на меня искоса.
– Вот вы такой весь законопослушный, да? – поинтересовался я. – Инсеки на нашей планете растят свое пушечное мясо, а раньше это делали Прежние, а недавно они чуть Землю не угробили из-за девочки-стратега!
– То есть ты предлагаешь мне нарушить закон? – спросил Лихачев.
– Да, – мрачно сказал я.
Полковник кивнул и никак не прокомментировал мои слова. Сказал:
– Женщина была крепкая, но вряд ли она могла убить Продавца. А ты сталкивался с ситуацией, когда кого-то впускали за занавес?
Я покачал головой.
– Имеем два тела, фальшивое орудие преступления и никаких зацепок, – вздохнул Лихачев. – Еще имеем стеклянную хрень. Как думаешь, они отсюда берут товары?
Я кивнул. Мне довелось видеть, как Продавец отказался продать какую-то особенно крутую удочку, сказал, что она слишком длинная и неразборная, возникнут «транспортные проблемы». Видимо, размеры камеры ограничивали доставку или синтез товаров.
– Эх… – Лихачев нагнулся, поднял сумочку, открыл. Стал осторожно перебирать содержимое: мелькнул флакончик духов, тюбик помады, таблетки. Потом он с торжествующим «ага!» достал какое-то удостоверение, раскрыл.
И замер.
– Кто она? – спросил я.
– Некая Татьяна Воробьева, – ответил Лихачев.
– И что?
Но оказалось, что полковника Лихачева поразило не имя женщины. Он закрыл удостоверение и спросил:
– Знаешь, где она работает?
Я пожал плечами.
– В Администрации. Под руководством того, кто нам известен под именем «Иван», – пояснил Лихачев с отвращением. И посмотрел на мертвую женщину с явной неприязнью.
– Тогда, выходит, мы нашли убийцу… – прошептал я.
«Иван» был каким-то чином из правительства.
А еще – Прежним. Одним из тех, кто тысячелетиями тайно властвовал над людьми. Но самое мерзкое, что при этом он и сам был человеком.

Глава четвертая

Милана и Елена приехали почти одновременно. Елена на машине – я удивился, но она, оказывается, имела личный автомобиль. Наверное, и впрямь была хорошим врачом, если могла себе это позволить: бензин очень дорог, да и электричество недешевое. Милану привезла университетская машина с изнывающим от любопытства водителем. Нечасто декан велит немедленно подбросить студентку до Комка.
С Еленой мы поздоровались за руку, при всей разнице в возрасте мы уже через многое вместе прошли.
А с Миланой, после секундного взаимного колебания, обнялись и даже поцеловались. В щеки. Так, по-братски-сестрински. Что было, то было, мы этого не забывали, но и не вспоминали вслух. Милана выглядела сегодня замечательно, к тому же была не в джинсах, а в юбке. Честно говоря, мне куда больше нравится, когда девушки одеваются соответственно своему полу, а не влезают в штаны.
Но меня это уже не касается.
Не должно касаться.
Дальше было объяснение ситуации, строгий взгляд Елены на Наську, которая постаралась сделать вид, что ее тут вообще нет, и краткая речь Лихачева.
– Милые дамы, – сказал он, глядя на Елену. – Я понимаю, что это не совсем ваша сфера деятельности. Но никого более подходящего я сюда привести не могу. Тут лежат мертвый пришелец и мертвая женщина. Надо постараться понять, как они погибли. И по возможности собрать информацию о Продавце. Это первый в истории случай, когда мы можем анатомировать инопланетное существо.
– Мне кажется, слово «разобрать» подойдет лучше, – заметила Елена. – Хороший слесарь был бы полезнее.
– Не спорю, но слесаря нет, – Лихачев развел руками. – Мы с Максом постараемся помочь. Что вам нужно?
Женщины принялись совещаться.
Через пять минут мы с Лихачевым пошли к таксофону. Он отзвонился в свой отдел и продиктовал список реактивов и медицинских инструментов, которые надо привезти «хоть купив, хоть отобрав у судмедэксперта». Потом мы обошли ближайшие магазины, покупая всё остальное: в списке была и толстая полиэтиленовая пленка в рулоне, и черные пластиковые мешки, и аккумуляторная пила-болгарка, и прочие инструменты. Завершали перечень пять легких садовых стульев, чайник, вода, заварка и туристическая газовая плитка – Лихачев настраивался на долгую работу. Еще мы купили сэндвичи и печенье, причем полковник сказал, чтобы я не брал бутерброды с мясом. Причину я понял, и мне стало неприятно.
Самым нелепым было то, что всё это мы могли бы получить в Комке, причем куда лучшего качества – если бы умели пользоваться кубом-синтезатором.
Нагруженные (больше всего мешали стулья, легкие, но громоздкие), мы вернулись в Комок. Женщины сидели все вместе, включая и Наську. Судя по недовольному, но все же торжествующему лицу куколки, ее пытались прогнать, но не сумели.
– Хирургических инструментов пока нет, – сказал Лихачев. – Давайте займемся Продавцом.
Мы расстелили полиэтилен на прилавке и затащили на него нелепое металлическое тело. Елена надела темный рабочий халат, перчатки и защитные очки. Лихачев снарядился так же. Как-то не сговариваясь, они взяли основную работу на себя.
Я не был против.
– Итак… – сказал Лихачев. Достал из кармана старый смартфон. Я удивился, но оказалось, что Лихачев использует его как фотоаппарат и диктофон. – Имеем металлический цилиндр с частично вытекшей густой жидкостью синего цвета. Из контейнера торчат пять металлических штырей, два оканчиваются имитацией человеческих кистей, один – имитацией головы, еще два имеют по четыре выступа и служат для передвижения… Служили. Имитации человеческих тканей очень правдоподобны.
Он сделал несколько снимков, вздохнул. Видимо, представлял себе, как Продавца разбирают на части специалисты.
– Исследование начнем с имитации биологических тканей, – продолжил он. – Работу выполняет заслуженный врач Елена Филипенко.
– Тогда уж добавьте «доктор наук», «врач высшей категории» и прочую лабуду, – сварливо сказала Елена.
За неимением скальпеля она взяла канцелярский нож, неодобрительно на него глянула. Спросила:
– Может, дождемся скальпеля?
– Это робот, – сказал Лихачев. – Не сможете этим работать? Есть кухонный нож.

– Да я отверткой вам аппендикс вырежу, – сказала Елена. – Если понадобится. Как-то неловко…
Вздохнув, она провела лезвием по кисти.
Кожа разошлась. Выступила кровь. Красная. Милана за спиной тихонько ойкнула.
– Черт, – сказала Елена, отпрянув. – Копать-колотить…
– Очень тщательная имитация, – сказал Лихачев, делая очередной снимок. – После разреза кожного покрова выступила жидкость, имитирующая кровь…
– Я бы сказала, что это и есть кровь, – мрачно произнесла Елена. – Но у мертвеца она бы уже свернулась.
Она еще раз провела ножом, углубляя разрез.
Убрала нож, сказала:
– Полковник. Я бы сказала, что прорезала кожу тенара и рассекла короткую отводящую мышцу большого пальца – мускулюс абдуктор поллицис бревис. И это обычные человеческие мышцы, а никакая не имитация, к хренам собачьим!
Она склонилась над разрезом, осторожно развела его пальцами, чего-то коснулась кончиком ножа. Выпрямилась.
– Я бы даже сказала, полковник, что это живая человеческая кисть.
– Насаженная на штырь?
– Да, насаженная на штырь! – резко ответила Елена. – Я коснулась нерва, и мышца чуть сократилась. Словно в глубоком наркозе.
– Но этого не может быть.
– Не может, – согласилась Елена.
– А если это выращенная искусственно кисть руки? – предположила Милана.
– Кровоснабжение, иннервация? – вопросом ответила Елена.
– Через штырь. Какие-нибудь капилляры… провода…
Елена посмотрела на Лихачева.
– Может быть, вы займетесь металлической частью?
Лихачев протянул ей смартфон, молча взял напильник из принесенных нами инструментов. С усилием провел по цилиндрическому боку. Изучил это место. Сказал:
– Следов воздействия напильника не наблюдаю. Металл твердый, идентифицировать не могу. Судя по весу, это не сталь.
– У меня есть магнитик! – неожиданно сказала Милана. Достала из сумочки маленький фонарик. – Вот тут, на торце, он примагничивается…
– Молодчина, – похвалил Лихачев. Приложил фонарик к корпусу Продавца. Сказал: – Металл немагнитный. А ну-ка…
Включив фонарик, он посветил в узкую дыру. Долго всматривался. Потом сказал:
– Тут, конечно, с обзором плохо… но, по-моему, он весь заполнен этой жижей.
– Мне дайте, – попросила Елена азартно. – Вы и не представляете, через какие щели я внутрь человека заглядываю… потом напомните, расскажу анекдот… про поклейку обоев…
Она долго светила в щель, щурясь и поворачивая фонарик. Сказала:
– Согласна. На первый взгляд всё заполнено вязкой синей массой, аналогичной выплеснувшейся, но более густой. Я бы сказала, что мы имеем дело с большой банкой синей жижи, к которой на штырях приделаны человеческие руки и голова.
– Как бы человеческие, – упрямо поправил Лихачев.
– Ну можно и так сказать, – Елена вздохнула. – Будете вскрывать?
– Попробую… – сказал Лихачев.
Он попробовал. Маленькая «болгарка» визжала, пытаясь вскрыть корпус, но через несколько минут полковник признал поражение.
Вырезать в теле Продавца отверстие не получалось. И судя по тому, что пила не оставляла никаких следов, топором пробить тоже бы не вышло.
– Посмотрите место соединения штыря и кисти, – попросил Лихачев.
Елена снова стала резать. Я отошел, смотреть не хотелось. Но уже через минуту вскрытие закончилось: кисть оказалась прикрепленной к штырю через комок густой синей массы, в которую были погружены нервы и сосуды. Походило на то, будто отрезанную кисть просто надели на штырь, из которого торчал пузырь липкой синюхи. Странное вещество приросло к плоти, заполнило обрезки вен и артерий, каким-то образом насыщало кровь кислородом и питательными веществами и сохраняло ткани живыми. Края кисти при этом накрепко приросли к штырю.
– В какой-то мере эти кисти до сих пор живы, – сказала Елена. – Хотя основная часть Продавца разрушена, но синяя жидкость продолжает питать биологические части.
– То есть это киборг, – задумчиво сказал Лихачев. – А как он мыслит? Где мозг?

– Я не стану вскрывать голову! – резко ответила Елена. – Если это человеческая голова, то мозг может быть жив.
– Но Продавцы – не люди!
– А откуда мы знаем, где здесь что? – резонно возразила Елена. – Это киборг! Он может думать этой жижей, корпусом… может быть, там, в глубине, плавают какие-нибудь мыслящие схемы!
– Волновые структуры, – предположил я. – Как Гнездо… и как Высший.
Елена кивнула и добавила:
– А руки и голова – выращены искусственно или взяты у людей. Для маскировки.
– Но Продавец умер! – напомнил я.
– Умер его мозг, чем бы он ни был! А тут, в этой голове, может быть человеческий мозг. Живой.
– Жуть! – с восторгом сказала Наська. И быстренько ретировалась в сторону, убегая от взгляда Елены.
Лихачев посмотрел на меня с сочувствием:
– Максим, боюсь, ничего полезного ты от нас не получил.
Да, похоже было, что так.
Лихачев хотя бы выяснил, как именно выглядит Продавец. Казалось бы, какая нам разница, гуманоиды они, ящерицы, насекомые или киборги? Но за такую информацию он наверняка получит премии, благодарности, какие-нибудь медальки-ордена. Потом, возможно, за эту информацию и за кадры неудачного вскрытия Продавца наше государство будет выторговывать важную информацию у других стран.
А мне-то что?
«Ваш коллега – робот?»
Так и Продавец, поивший меня чаем, тоже робот.
«У него дыра в груди».
Очень ценная информация…
– Елена, осмотрим тело женщины?
Хирург вздохнула:
– Да, конечно. Вскрывать?
Лихачев заколебался. Видимо, представил, как всё это будет. Он, конечно, всякого навидался, но…
– Аккуратно, – решил он наконец. – Почему женщина могла умереть без всяких внешних повреждений?
– Яд, инфаркт, инсульт…
– Сможете аккуратно посмотреть?
– Совсем аккуратно это не получится, – сказала Елена. – Но… нервы у вас крепкие?
Лихачев пожал плечами.
– Давайте попробуем. Только дождемся нормальных инструментов.
В ожидании мы спустили тело Продавца на пол, поставили плитку и вскипятили на ней чайник. Мы сидели в Комке, который сам по себе был чудом, продуктом инопланетных технологий, но хозяева не предусмотрели ни туалета, ни умывальника, ни электричества в доступной нам форме.
Вскоре полицейская машина привезла Лихачеву две сумки, полные оборудования эксперта. Хозяин сумок тоже приехал и явно изнывал от желания лично поучаствовать в исследовании, но был отправлен обратно. Пока мы допивали чай, Елена повозилась над телом Продавца с реактивами и сообщила, что биологические части действительно живы.
Час от часу не легче. Я представил, что голова открывает глаза и начинает что-то говорить.
А как она заговорит-то? Легких нет! Или по заменяющему шею штырю и воздух подается?
Елена и Милана ушли за занавес, к ним присоединился Лихачев. Меня никто не позвал, и я был этому рад. Хотела ли понаблюдать за вскрытием Наська – не знаю. Во всяком случае, она предпочла усесться на стул и задумчиво смотреть на лежащего Продавца.
– Ты про таких что-нибудь слышала? – спросил я, беря стул и усаживаясь рядом.
– О Продавцах нам ничего не говорили.
– А о киборгах вообще? Там, в космосе, есть боевые киборги?
Наська помолчала. Потом неохотно сказала:
– Я не стража. Говорили, что это тупиковая ветвь.
– То есть?

– Биологический организм можно изменять бесконечно… – Наська ковыряла ногой пол. – В любую сторону. Добиваться нужных качеств. Живая клетка очень пластична. А механические устройства ограничены, даже если они сами себя чинят.
Я подумал. Сказал:
– Все-таки не согласен. Оружие из живого не сделаешь.
– Да? – удивилась Наська. – Правда, что ли?
Я вспомнил бойца с его роговыми конусами-излучателями.
– А если нужен рентген, какие-то исследования?
– Мы не болеем. Ну и есть же докторки! – сообщила Наська. – У нас не было, а в большом Гнезде есть. И там… где требуется.
– Ладно, допустим, – не сдавался я. – Ну а если нужен экскаватор? Или бульдозер?
Наська искоса глянула на меня.
– Что, тоже? – поразился я.
– Строитель… Мне говорили, что из меня выйдет хороший бульдозер. Если не хочу в стражи.
Она выждала несколько секунд, глядя на мое ошарашенное лицо, потом снисходительно улыбнулась:
– Шучу!
– Ну тебя… – пробормотал я.
– Строители из мальчишек хорошо получаются, – добавила Наська.
– Ты сейчас не врешь? Не фантазируешь?
– Нет. На Земле много разных Измененных не нужно. А вот там, – она указала глазами вверх, – всякие бывают. Жница для работы, стражи для войны, монахи для науки. Но дальше еще много разного.
Как по мне – это и был ужас, а не металлический цилиндр с торчащими из него на штырях руками и головой. Но Наська, снова уставившись на Продавца, сказала:
– Вот такие штуки – это кошмар и примитив. Смотреть противно.
– Почему вы ничего не рассказываете людям?
– А зачем вас пугать? – спросила Наська хмуро. – Вам лучше не знать.
– Мне-то ты рассказываешь.
– Ты почти свой.
Она вздохнула и на миг прижалась головой к моему плечу. Добавила:
– И Дарина тебя любит. Тебе можно рассказывать. А ты расскажешь кому-то?
– Нет, – признался я. – Зачем… пугать.
– Вот!
Штора качнулась, вышла Милана. Была она бледная и как-то очень натянуто улыбалась, неловко стягивая перчатки. Пальцы у нее скользили, перчатки были в чем-то липком. Мы, не сговариваясь, кинулись к ней, Наська перемахнула через прилавок в прыжке, я перебрался следом.
– Ты как? – спросил я.
– В обморок не упаду, – ответила Милана. Помедлила. – Наверное. Правильно я на врача не пошла учиться…
Она скинула перчатки в пакет, который мы отвели для мусора. Туда же отправила и халат. Я полил ей воды на руки, подождал, пока она яростно их оттирала над тазиком.
– Это… ну, неприятно… – пояснила она. – Одно дело, когда смотришь в микроскоп. Другое… ну… Елена сказала, что они справятся сами. Лихачев – кремень. Еще и подсказывает… Максим, у тебя нет сигарет?
Я покачал головой.
– Не подумай, я не курю… – виновато сказала Милана. – Ну, постоянно чтобы – не курю. Сейчас только вот.
– В моем пиджаке посмотри, – крикнул из-за занавеса Лихачев. – В правом кармане. Только учти, у меня настоящие, не электронные. И крепкие.
Милана смущенно глянула на меня, я махнул рукой и сам достал ей сигареты полковника. Как-то не время сейчас было лекции ей читать.
Она порывалась выйти, но я велел ей сесть на стул у двери и курить там. Однажды при мне в Комок вошел серчер с сигаретой, Продавец даже слова ему не сказал. И дым вытягивало мгновенно, здесь сильная вентиляция.
Я подождал, пока Милана справилась с зажигалкой и закурила. Делала она это по-прежнему неумело.
– Вы что-то… посмотрели? – спросил я, стоя рядом.
– Нет еще. Сейчас Елена смотрит… сердце… – Милана глубоко затянулась. – Давай не об этом, а? Как у тебя дела?
– Нормально. А что не звонила?

– Учеба, – неубедительно объяснила Милана. – Дел по горло, да… – И тут же, испортив даже эту отмазку, спросила: – Как у вас с Дариной, всё в порядке?
– Хорошо, – ответил я.
Повисло неловкое молчание.
– Вы на меня не обращайте внимания, – сладким голоском произнесла Наська. – Я все понимаю, это взрослые отношения.
Милана вымученно рассмеялась.
– А ты как, непоседа?
– Расту, – подумав, сообщила Наська. – Думаю о жизни. Решила начать писать стихи.
– Умница, – одобрила Милана.
И тут из-за занавеса вышел Лихачев.
Сказать, что у него был озадаченный вид, – мало. Он был растерян и, кажется, даже слегка испуган.
– Что такое? – дернулся я.
– Максим, такое дело… – Лихачев скривился. – Эта… Татьяна… не человек.
Он, крякнув, перебрался через стойку. Подошел, забрал у Миланы свои сигареты, тоже закурил.
– На вид обычная женщина, – сказала Милана осторожно. – Даже красивая женщина.
– Ну да… И документы у нее нормальные, и в сумочке ничего подозрительного. Елена говорит, что сердце нечеловеческое. Там две дополнительные камеры.
– Шестикамерное? – удивилась Милана.
– Три предсердия, три желудочка. Дополнительная вена и артерия, кажется, идут прямо к мозгу. Мы еще глянули быстро мышцы – Елена говорит, что такого вообще в природе не бывает. Какой-то особый тип мышечной ткани, надо смотреть под микроскопом, но… В общем… там у нее словно всё улучшено. Понимаете?
– Она Прежняя, – сказал я, холодея.
– Да, – кивнул Лихачев. – Я это допускал. Но не думал, что они так отличаются внутри.
– Я готова помогать, – решила Милана, покрутила головой, ища, куда бросить окурок. – Если так, то я готова. Я как-то сразу перестала ее жалеть!
– Подожди, надо понять, что делать, – сказал Лихачев. – Убитый Продавец – уже плохо. Но его соплеменники хотя бы разрешили вести следствие и проводить вскрытие! А тут – убитый Прежний. Я не знаю, что делать.
– Официально их как бы нет, – заметил я.
– Но мы как минимум одного знаем, – Лихачев вздохнул. – И пусть даже Прежним теперь запрещено убивать людей, он и в своей человеческой должности может нам жизнь превратить в ад!
– Вас с работы вытурят, – кивнул я.
– Меня с работы, Милану из института, при желании найдут и тебя за что посадить, и как близких зацепить… – Лихачев покачал головой. – Ребятки, я не хочу вас подставлять. Эта женщина – не преступник, а тоже жертва. Я велел Елене привести ее в порядок, насколько возможно. И надо… – он помедлил, – звонить Ивану. Ты помнишь его прямой номер?
Я кивнул.
– Так будет быстрее, – решил Лихачев. – Мне-то придется продираться через секретарей. Позвони. Расскажи без деталей, что случилось. Пусть забирают тело.
Я подумал, не связаться ли вначале с Продавцом.
Потом подумал, что неприятностей, связанных с Иваном, будет куда больше.
– Хорошо, – сказал я. – Позвоню.
– Давай, Максим, – подбодрил Лихачев. – Влезли же мы в дерьмо по уши… Извини, Милана, что тебя вытащили.
Милана пожала плечами и ответила:
– Ничего. Если честно, мне эти недели было как-то одиноко и пусто. Наверное, подсела на адреналин.
Я глянул на Наську, взглядом велел ей оставаться (впрочем, она-то была явно в восторге от происходящего) и пошел к двери.
Открыл и замер.
Перед дверью стоял худощавый мужчина лет сорока, в дорогом костюме, в дорогих очках, интеллигентного и одновременно начальственного (а это редко бывает) вида. Похоже, он давно уже тут стоял, терпеливо ожидая, пока кто-нибудь выйдет.
– Здравствуйте, – сказал я. – Как раз собирался вам звонить.
Иван уставился на меня, на мгновение на его лице промелькнула несвойственная Прежнему растерянность. Потом он кивнул, вновь обретая иронично-пренебрежительный вид.

– Проходите, – помедлив, продолжил я.
В конце концов, ведь Иван был во всё посвящен. Так что разрешение Продавца формально касалось и его.
– К сожалению, войти я не могу, – ответил Иван, оглядывая дверной проем. – Мне, видишь ли, достаточно сделать шаг внутрь, чтобы умереть…
Он с явным интересом заглянул в Комок, сдержанно улыбнулся Лихачеву.
– Здравствуйте, полковник! Привет, девочки! Приятно видеть знакомые лица. Но говорить придется через порог. У вас стульчика не найдется?

Глава пятая

Я принес и передал через порог стул.
Иван покачал головой, забирая его, сказал:
– Ты зря боишься.
Я лишь пожал плечами. «Бояться» – слишком сильное слово. Но я предпочел бы оставаться там, куда Иван войти не может.
Набережная была удивительно пустынной, ни одной машины, ни одного пешехода. Похоже, ее перекрыли? С другой стороны, через Водоотводный канал то и дело мелькали автомобили.
– Я попросил остановить здесь движение, – сказал Прежний, садясь перед дверью. – Чем обязан удовольствию встретить здесь вашу компанию?
Лихачев молчал, я тоже с ответами не лез. Ивана это не смущало.
– Остальные люди тоже здесь? А миленькая жница?
Я подумал, что «миленькая» он добавил специально для меня. Чтобы вывести из равновесия.
Это значило, что мое появление ошеломило и разозлило его.
Не буду я заводиться, не дождется.
– Что вам здесь нужно, Иван Егорович? – спросил Лихачев сдержанно.
Значит, он все-таки Иван? Мне стало неприятно, что у него на самом деле такие обыденные русские имя и отчество. Я не стал расспрашивать Лихачева, но был уверен, что Прежнего на самом деле зовут совсем иначе.
Хотя, если подумать серьезно, – имен у него должно быть много.
– Куда интереснее, что нужно вам, – ответил Иван. – Да, поздравляю с награждением, полковник! Вам хотели дать «За отличие в службе» первой степени, но я настоял на «За заслуги в службе в особых условиях». Интереснее звучит, верно? А «за отличие» первой степени вы еще получите, я прослежу.
Лихачев молчал.
– Ладно, – Иван посерьезнел. – Татьяна здесь?
– Здесь, – сказал Лихачев.
Иван нахмурился. Видимо, почувствовал тон. Еще раз глянул внутрь Комка.
– Она за ширмой?
– Да.
– А где Продавец?
– За прилавком.
– Он что, там лежит? – уточнил Иван. Пожевал губами, потом сказал: – Так. Вы хотите сказать, что Продавец мертв?
– Я не думаю, что мы вправе делиться этой информацией, – быстро сказал я.
– Да? – удивился Иван. – Так… А что с Татьяной?
– Ваша соплеменница тоже мертва, – ответил Лихачев.
– Хм, – Иван подался вперед, вглядываясь в Лихачева. – Так, значит… Ага. На основании чего вы сделали вывод, что Татьяна Юрьевна Воробьева – моя соплеменница?
– На основании вскрытия, – сказал Лихачев.
– Мертва… – задумчиво сказал Иван.
Он замолчал, глядя то на Лихачева, то на меня. Ни Милана, ни Наська, стоявшие дальше, его явно сейчас не интересовали.
– Крайне любопытная ситуация, – сказал он наконец. – В какой-то мере тревожащая… Слушайте, давайте поговорим как разумные люди?
– Люди? – сказал Лихачев с иронией.

Иван глянул на меня. Я никому не передавал его слова про то, что Земля – родная планета Прежних. Сейчас он это понял… и мне показалось, что во взгляде Прежнего мелькнуло одобрение.
– Оставьте, полковник! Если я пересплю с человеческой женщиной – у нас родятся дети. Если выпью водки – то опьянею. Если порежусь – потечет красная кровь. Что из себя представляют Инсеки – вы знаете. Продавец, полагаю, тоже не столь человекообразен, как вы раньше думали?
Мы молчали.
– Поговорим как разумные люди, как гуманоиды, если угодно, – продолжал Иван. – Вам неприятно, что мы жили среди вас, не открываясь? На то были причины.
– Нам неприятно другое, – сказал Лихачев.
– Ну да, да, конечно, – Иван вздохнул. – Исчезающие дети… Ну так Инсеки забирают ваших детей легально, можно сказать. И никто не против. Или платить дань больными и калеками не так обидно? Но при нас человечество росло, умнело, прогрессировало. Интернет, космические полеты, успехи медицины… Мы развивали Землю. Инсеки ее превратили в унылый питомник. Казуистика, случайность, неожиданное вмешательство третьей силы… и вот вы всем человечеством приняли новых хозяев, а нас люто возненавидели! Космодромы зарастают бурьяном, Луну разрушили, климат с ума сошел… вы хотя бы знаете, сколько видов растений и животных вымерло?
– О чем вы хотите говорить? – спросил Лихачев. Иван, похоже, готов был часами доказывать нам, как плохи Инсеки.
– О произошедшем. Я правильно понял, что Продавец данного Комка мертв? И мертва Татьяна?
– Да.
– Это очень странно, – сказал Иван. – Татьяна не должна была сюда входить. Система безопасности Комка уничтожает и нас, и Слуг. Собственно говоря, она должна была бы уничтожить и человека, попытавшегося причинить вред Продавцу.
– Вы уверены? – спросил Лихачев.
– Мы проверяли, – обиженно сказал Иван. – Так вот, у Татьяны не было никаких оснований сюда приходить. Но она сегодня не вышла на работу, что очень нехарактерно для нее. Я решил проверить, где она, и обнаружил, что след обрывается возле этого Комка.
– Какой след? – насторожился Лихачев.
– Это наши методы, вам они не помогут. Мобильные, – Иван усмехнулся, – и у нас не работают. Но способы наблюдения бывают разные. Я приехал сюда и оп – обнаруживаю вас. А почему пришли вы?
– Меня попросил об этом Продавец, – сказал я. Похоже, все-таки придется делиться информацией. – Сегодня ночью сообщил, что Продавец этого Комка убит. Утром я приехал, Продавец действительно мертв. Деталей не скажу. А еще мы нашли мертвую женщину.
– И чего хотел уважаемый Продавец? – спросил Иван.
– Чтобы я… чтобы мы узнали, кто убийца.
– Понятное желание. Ну про Танечку-то нашу мне скажете? – Иван усмехнулся. – Как ее убили? Это не очень легко сделать, знаете ли.
– Мы пока не поняли, – неохотно сказал Лихачев. – Никаких внешних следов нет. Начали вскрытие…
– И поняли, что она не совсем человек, – кивнул Иван. – И схватились за голову – «да мы ведь режем труп Прежнего!» И перепугались, и решили сообщить мне.
Мы молчали.
– У меня нет никаких претензий, – сказал Иван. – Режьте дальше.
– Да? – не выдержала Милана.
– Вы же биолог, детка, – Прежний одобрительно кивнул. – Вам должно быть интересно. Очень удачно Максим подбирает себе девушек.
– Такое бывает только с хорошими людьми, – неожиданно сказала Милана. – На вас бы я и не глянула. Вы вроде обаятельный, но если приглядеться – гнилой человек.
Прежний расхохотался:
– Это уже оценка задним числом! Поверьте, Милана, я мог бы очаровать вас так, что вы бы за мной без трусов по улице бегали!
Он вдруг посерьезнел:
– Я даже сейчас могу это сделать. Несмотря на ваше сильное предубеждение. И мне не придется вмешиваться в вашу психику или осыпать дорогими подарками. Обычное общение, разговоры. У меня большой опыт, поверьте… минусы очень долгой жизни…

Последнюю фразу Прежний сказал как-то по-особенному. Вроде просто слова, но я вдруг представил себе человека, живущего сотни лет. Он одинок, люди проносятся мимо, словно мотыльки перед лампой, вспыхивают и умирают. Умирают враги, умирают друзья. Умирают любимые. Умирают дети и внуки. Он человек, но одновременно нечто куда большее. Одинокий, несущий груз немыслимой ответственности, неспособный позволить себе подлинные чувства – они все равно угаснут. Есть такие же, как он, но их очень мало, и они все давно опротивели друг другу. Но где-то в душе у него остается робкая надежда – встретить ту, что его поймет и примет таким, какой он есть…

Я вздрогнул. Нет, Прежний не забрался мне в голову. Не воздействовал на меня какими-то невидимыми волнами и излучениями. Но он сделал так, что я ему посочувствовал. Буквально несколькими словами, сказанными с нужной интонацией! Милана поежилась и отступила на шаг. Я увидел, что в ее взгляде промелькнул ужас. Наверное, она почувствовала то же самое, только острее… применительно к себе.

– Больше не стану так делать, – сказал Иван нормальным тоном. – Не беспокойтесь. Я предлагаю честное сотрудничество. Временный союз.

– У нас уже есть временный союз… – ответил я.

– Понимаю. С Продавцами. И вы дружите с Гнездом, а это подопечные Инсеков. Всё завязано. Но дело в том, – Иван встал, подошел к самому порогу, не пересекая, однако, невидимой линии, – что сейчас наши интересы не противоречат друг другу.

– Поясните, – сказал Лихачев.

– Полковник, мы же раньше были на «ты»? Поясняю: я не знаю, зачем Татьяна Воробьева пришла к Продавцу. Это запрещено и смертельно опасно. При всей моей нелюбви к Продавцам, открытая война с их культурой нам не нужна. Сегодня враги, завтра друзья – так бывает. Так что работайте на своего нанимателя, выясняйте, кто пришил его соплеменника. Мне очень интересно, особенно – как это было сделано, но я не стану спрашивать. Зато я прошу выяснить, кто и как убил Татьяну Воробьеву.

– А если возникнет конфликт интересов? – спросил Лихачев.

– Допускаете, что они убили друг друга? Сомневаюсь! Но тогда это была инициатива Татьяны, и она уже понесла кару. Вы работаете на Продавца, поработайте и на меня. Поверьте, я найду чем отплатить за службу.

Мы с Лихачевым переглянулись.

– Я окажу вам поддержку, – сказал Иван. – По человеческой линии, в первую очередь. Ваше маленькое частное расследование, полковник, станет официальным, но докладывать вы будете только мне и только то, что касается Татьяны. Зато – вся возможная поддержка, ресурсы, информация. А?

– Что скажешь, Максим? – спросил Лихачев.

– Я должен поговорить со своим нанимателем, – ответил я.

– Это разумно, – кивнул Иван. – Поговорите. Потом сообщите, принял ли он мое предложение. Но еще одна война никому не нужна, поэтому уверен – примет. Да! Передайте ему мои соболезнования.

– Если Продавец согласится… – Я глянул на Лихачева. Тот едва заметно кивнул. – То мы примем ваше предложение.

– Прекрасно, – сказал Иван. – Вы, полагаю, не впустите экспертов?

– Не имею права, – ответил я. – Позвал тех, кого разрешили впустить.

– Тогда не станем посылать ученых мужей на убой, – усмехнулся Иван. – Поставьте пост, полковник, чтобы отгонять серчеров. Я вам пришлю оборудование… что вам потребуется, Милана?

– Микроскоп, – сухо сказала она. – Хороший.

– Вам привезут хороший люминесцентный микроскоп, низковольтный электронный. Протянут кабель питания, тут ведь розеток нет, я полагаю? Если потребуется конфокальный лазерный или высоковольтный электронный – дадут доступ, но образцы вам придется выносить наружу, это штуки нежные и громоздкие. Лабораторные столы, спектрометр… вы список напишите, я плоховато разбираюсь, – он улыбнулся. – Какие-нибудь раскладные кровати? Думаю, лишними не будут. Кресла… вместо этого хлама. Питание? Знаете, вам пробросят еще телефонный провод, спасибо добрым Инсекам, что оставили нам проводные телефоны… еду заказывайте из ресторанов, у вас будет открытый счет… Что еще? Ах, да! Нормальный туалет тут есть?

– Нет, – неохотно сказал Лихачев.

– Привезут, поставят рядом. Район временно оцепим, повод найдем. Ну, подумайте, что еще, я пока распоряжусь. Главное – электричество и туалет, – он улыбнулся. – О! Понял! Вода! Шланг кинут. Если нужен душ, организуем. Знаете, у вояк есть такие машины, там внутри и банька, и постирочная, и душевая. Подумаем! Всё, я побежал…

Да, это всё будет у вас вне зависимости от того, примете ли вы предложение о сотрудничестве. Считайте жестом доброй воли.
Я закрыл дверь, когда Иван бодрой походкой пошел прочь от Комка. Посмотрел на Лихачева.
– Да, государственная машина может быть очень эффективной… – кивнул Лихачев и поморщился.
– Я подвоха не вижу, – признался я. – Вроде всё честно.
– На первый взгляд – да, – согласился Лихачев. Поглядел на Елену, та наконец-то вышла из-за занавеса. Похоже было, что она всё слушала, но предпочла не показываться. – Как считаешь?
– Стол для вскрытия нужен, – сказала наш доктор. – Я напишу сейчас список. Да, звучало убедительно.
– Почему же у меня ощущение, что мы в говно залезли? – спросил я.
– О, взрослеешь, – усмехнулся Лихачев. – Ну так я тебя огорчу, мы пока только залезли, а дальше придется нырять.
Я кивнул. Я тоже считал, что бесплатный сыр либо в мышеловке, либо в клюве у самоуверенной вороны.
Наська, притихшая и явно расстроенная, стояла в стороне. А Милана была вообще сама не своя. Я подошел к ней, глянул вопросительно.
– Можно, я к тебе прислонюсь? – спросила она.
– Можно, – пробормотал я.
Милана прислонилась. Буквально. Уперлась лбом в лоб, закрыла глаза и тихонько заныла.
– Ты чего? – растерялся я.
– Мне страшно! – на миг перестав ныть, сказала она. – Этот гад на меня посмотрел, что-то сказал, и я вдруг подумала, что он славный! Что его надо пожалеть! Обнять!
– Это он просто так говорит, – мрачно сказала Наська. – Убедительно. На Измененных не действует. И люди некоторые так умеют, он просто очень долго тренировался.
– Наська, можно, Максим меня обнимет? – попросила Милана. – Ну просто так, как друга?
– Мне-то что, – буркнула Наська. – Я Дарине не скажу, если ты об этом, обнимайтесь…
Она вдруг сорвалась с места, в своей реактивной манере перемахнула через прилавок и уткнулась в живот Елене. Та обняла куколку, потом укоризненно посмотрела на меня. Я вздохнул и обнял Милану.
Очень деликатно.
Даже деликатнее, чем хотелось бы.
– А меня и обнять некому, – сказал Лихачев. Сел на стул, достал сигареты, закурил. – Придется переживать в одиночестве.
– Я сейчас приду и обниму, – пообещала Наська. – Только докурите свою гадость сначала.
Обнимая Милану, я думал, что у нас, в общем-то, славная команда. Хоть и странная, и пока не вся в сборе.
Но мы друг друга понимали.
– На твоего гостя больше рассчитывать не стоит? – спросил Лихачев. – Я о Высшем.
– Нет, – я покачал головой. – Нет. Мне кажется, он насовсем ушел. Что-то они еще с этим… Ваней… обсудили, и он ушел. Надеюсь, велел нас не трогать.
Милана осторожно высвободилась из моих рук. Подошла к Лихачеву, тот молча дал ей сигарету.
– Он ведь во мне тоже был, – сказала она. – Я потом уже поняла, когда вспоминала.
– И что делал? – заинтересовался Лихачев.
После финальной схватки в Гнезде я всё им рассказал. Ну, то, что запомнил. Как во мне вдруг пробудилась чужая, безмерная сила. Пришел бог из машины – и всё исправил.
Я каждый день это вспоминаю, если честно. Как мир застыл, а я шел к Прежнему, по пути приказав умереть чистильщику и погасив огонь, как выдернул Ивана из той странной неуязвимости, в которой он находился…
И ведь никаких эмоций не было. Так, легкое раздражение от того, что нарушаются правила.
– Он как бы ничего не делал, – сказала Милана. – Ну, почти. Только я временами словно по-другому начинала смотреть на мир. Очень спокойно, как на мультик. Он не добрый, нет.
– Высший был правильным, – кивнул я. – В компьютерных играх таких называют «законопослушные нейтральные». Это куда лучше, чем многие другие варианты… Но

он не вернется. Мне показалось… – я замялся, – что он смущен. Что он вмешался чуть раньше и чуть больше, чем собирался.
– Очеловечился? – заинтересовался Лихачев. – Ты не говорил.
Я поморщился.

> – Да как очеловечился… A trancas y barrancas [4]. Стал чуть добрее нейтрального. Потом я еще несколько случаев припомнил, когда начинал на мир смотреть… ну, Милана верно сказала. Как на мультик. Но Высший только смотрел. Один раз вроде как разозлился немного, два ушлепка ночью встретились, и я вдруг стал размышлять, как их убить. Они почувствовали. Испугались. Но он ничего не делал. Я лишь стал резче.

– А я бы и не заметил, – мрачно сказал Лихачев. – Всегда такой.
– У меня тоже так было, – призналась Милана. – Я занималась в библиотеке.
И поссорилась со своим парнем. Он начал с одной девчонкой флиртовать. Обычно я не обращала внимания, а тут поругалась и ушла. Сидела на остановке и познакомилась с Максимом.
Честно говоря, чего-то подобного ожидал…
– Но на тебя я сама посмотрела! – добавила Милана и улыбнулась. – Тут он не вмешивался, зуб даю. Ты был не мультяшный герой. Ты был такой… хаотичный добрый.
Вот уж не знал, что она любит компьютерные игры!
– Ладно, молодые люди, – резко сказала Елена. – Это очень любопытно и даже где-то трогательно. И я этому Высшему тоже признательна. Но раз надеяться на его помощь не приходится… мы принимаем предложение Ивана?
– Да уже приняли, считай, – вздохнул Лихачев. – Что ж… Елена, у вас есть уникальный шанс продолжить вскрытие. Справитесь?
Елена кивнула.
– А вы в клинике не с такими дрались? – мимоходом спросил Лихачев.
– Нет, – ответила Елена. – Те очень гибкие. Мышцы у них, наверное, тоже странные.
Уверена, и эта женщина была сильнее обычного человека. Но суставы у нее совершенно человеческие, так выворачиваться не способны.
– Вы что, проверили? – поразился Лихачев.
– Долго ли вскрыть суставную сумку? Нет, так гнуться она не смогла бы.
Видимо, на моем лице что-то отразилось, потому что Елена сказала:
– Максим, ты сейчас точно тут не нужен. Оставь эту работу мне и полковнику.
– Я справлюсь, – сказала Милана.
– И Милане. А вы с Наськой идите, поговорите с Продавцом. Да-да, тебе тоже нечего тут делать.
Наська хмыкнула. Но спорить не стала, только сказала:
– Мы к вечеру придем. Я только расскажу Гнезду, что тут и как.
– Обязательно, – мягко сказала Елена. – Вернетесь, мы всё расскажем. Посмотрите на ситуацию свежим взглядом.
Я ободряюще кивнул Милане, та улыбнулась в ответ: «Справлюсь».
Мы с Наськой пошли к выходу.
И я поймал себя на мысли: а помирилась Милана со своим бывшим?
Или нет?
Как будто для меня это имеет значение.

Глава шестая

Мы пошли пешком – это предложила Наська, я не стал спорить. Может быть, ее равнодушие к вскрытию было показным. А может быть, ей просто хотелось пройтись по Москве – куколки нечасто выходят из Гнезда.
От Павелецкой до Тверской только на метро быстро. Пешком хода не меньше часа, к тому же я сразу свернул на Большой Краснохолмский мост, чтобы пройти по Котельнической набережной, мимо Зарядья и Кремля. Уж если гулять, то с пользой. Развивать ребенка.

Нормально идти Наська, конечно, не могла. То вышагивала рядом, то забегала вперед. Энергии в ней было столько, что прохожие начинали улыбаться. В какой-то момент куколка задумалась, искоса поглядывая на меня, и сказала:
– Если бы я была постарше, все бы думали, что ты мой парень!
– Да, не свезло тебе, – согласился я.
– А если бы ты был старше, все бы думали, что я твоя дочь. Это тебе не повезло!
– Вопрос спорный, но допустим, – усмехнулся я.
– Так что выбора нет, ты мой старший брат, – решила Наська.
Мы, не сговариваясь, стукнулись кулаками в знак согласия. Вышло красиво, но безрассудно. Я потряс руку.
– Ушибла? – смутилась Наська.
– Есть немного. Откуда в твоих макаронинах столько силы?
– Мышцы особенные… как у той. – Наська нахмурилась и призналась: – Правильно мы ушли. Не хочу смотреть.
– Я тоже, сестренка, – согласился я, за что заслужил ослепительную улыбку. – Пусть такими вещами занимаются специально обученные люди.
– А вот если что сломать или кого побить – это мы! – Наська с грозным рычанием понеслась вперед, размахивая руками и начисто выходя из образа хорошей девочки.
Я улыбнулся. Наверное, со стороны мы и впрямь выглядим братом и сестрой.
Интересно, а у Прежних есть родственные отношения?
Иван притворялся собственным внуком. Это значит, они стареют как люди, но умеют омолаживаться? Обязательно им стареть, или это маскировка, для окружающих? А был кто-то в промежутке? Жена, наверное, была. Дети у них с прежним Иваном были?
А настоящие внуки? Чье место он занял, омолодившись? Пустое, наверное, что ему документы…
Чувства, подлинные, человеческие, он испытывает?
Или в целом равнодушен, как Высший, лишь маскируется?
Не знаю.
Но даже похожий на гигантского муравья Инсек или киборг Продавец казались мне куда более человечными, чем такой обычный с виду Прежний.
Мы уже почти дошагали до высотки на Котельнической и устья Яузы. В этом старом небоскребе жил один мой одноклассник, говорил, что ему дом не нравится, а родители считают его крутым и «с историей». Не знаю, как там внутри насчет истории, а снаружи дом выглядит внушительно.
Сегодня, в солнечный и теплый день, Москва была красивой и даже праздничной. Хотя что отмечать-то – День дурака? По Москве-реке проплывали прогулочные теплоходы, на палубе одного что-то праздновали, доносились радостные голоса, люди в яркой одежде прогуливались с бокалами, махали руками прохожим. Я помахал в ответ с привычной с детства готовностью. Вы уезжаете, мы остаемся, уедем мы – вы помашете нам вслед. Это жизнь, вся жизнь – лишь встречи и расставания…
Наська запрыгнула на низенький гранитный парапет, стала махать теплоходу обеими руками, потом выделывать какие-то балетные па и заслужила свою минуту славы. Некоторые, впрочем, кричали что-то неодобрительное – то ли в ее адрес, то ли, скорее, в мой. Я не реагировал. Наська не свалится, если сама не захочет, это уж точно.
Так что я стоял и терпеливо ждал, пока куколка угомонится.
Наконец Наська раскланялась, спрыгнула, взяла меня за руку и деловито потащила вперед.
– Концерт окончен? – спросил я.
– Ага, – ответила Наська, и я насторожился. Голос у нее был слишком серьезный. – Значит, так. Сзади идут двое, парень и девушка. Впереди тоже двое, парень и еще один парень. От моста так идут.
– Тут все идут, – пробормотал я, борясь с желанием обернуться. Перед нами, метрах в двадцати, и впрямь топали двое ребят моего возраста.
– Они останавливаются вместе с нами, – пояснила Наська. – Парень с девушкой начинают целоваться, а те двое на реку смотрят.
– Иван приставил наблюдателей? – предположил я.
– Может, да, а может, нет, – ответила Наська. – Давай свернем?
Я подумал секунду.
– Лучше идем дальше. Скоро Зарядье, там всегда много людей. И вообще, чем ближе к Кремлю, тем безопаснее.
– Ну да… – с сомнением сказала Наська. – Хорошо.
Теперь я шел, не отрывая взгляда от парней впереди. Те приближались к Большому Устьинскому мосту, нависающему над набережной. Интересно, что они станут делать,

если мы остановимся? Место не то, чтобы глазеть на реку, сыро и неуютно, над тротуаром металлические фермы… Целоваться, конечно, там можно. Поставить, что ли, наблюдателей в неудобное положение?
Хотя кто их знает, вдруг они порадуются остановке…
Но парни остановились сами, пройдя под мостом половину расстояния. Один похлопал себя по карманам, как-то очень картинно, достал пачку сигарет. Что-то спросил у второго, тот покачал головой. Парень с сигаретами закрутил во все стороны головой, тоже несколько наигранно. На вид – парень как парень, в джинсах и футболке, мускулистый, черные волосы коротко стрижены, загорелый, в солярий ходит, наверное. Из богатеньких. Второй бледный, волосы каштановые, тоже короткая стрижка, одет как-то официально – в пиджаке, с галстуком. Клерк, офисный работник? Вышел на обед? Но у него не должно быть свободного времени на прогулку. И если каждый парень по отдельности выглядел нормально, то вместе они как-то… не гармонировали. Да и кто из молодежи сейчас курит табак? Такие вот ухоженные, на хороших постах, если и станут курить, то траву.
Кажется, Наська была права.
Парень с сигаретами медленно двинулся нам навстречу.
А вот это совсем плохо!
Наблюдатели не должны приближаться к объекту слежки. А этот, судя по всему, собирался попросить огонька.
– Не курю, – громко сказал я, когда между нами оставалось еще метров пять.
И замедлил шаг. Мы как раз вступали под мост.
Нормальной реакцией для парня было бы пожать плечами, улыбнуться, вернуться к товарищу.
Но он продолжал идти, медленно разводя руки.
– Твои позади, – сказала Наська негромко.
И ее ладонь выскользнула из моей.
Нет, это была не та скорость, что у меня во время Призыва. И, наверное, даже не такая, как у Дарины в бою.
Но люди так быстро двигаться не умеют.
Маленькая фигурка мгновенно оказалась у подошедшего курильщика. Я едва успел заметить серию ударов. Наська била абсолютно безжалостно: в пах, в живот, в сердце, в горло, потом отпрыгнула – и метнулась к парню в костюме. А тот уже доставал из-под полы пиджака пистолет!
Вопреки кричащим «помоги ей!» инстинктам, я развернулся, запустил руку под рубашку, выдернул свой макаров из кобуры.
Вовремя.
Парочка за нашей спиной не собиралась стоять и целоваться. Девушка бежала впереди, прижимая локти к бокам и как-то собравшись при этом. Только длинные волосы развевались от бега. Очень быстрая и неудобная цель… Увидев у меня пистолет, девушка резко вильнула, уходя с линии огня.
Парень бежал следом, в руках у него была спортивная сумка, и он то ли что-то с ней делал, то ли что-то из нее доставал.
Если вы думаете, что я колебался, стрелять ли в женщину, то вы считаете меня лучше, чем я есть.
Я сразу же начал стрелять.
Первые две пули прошли мимо, она двигалась слишком быстро.
Как Измененные.
Третий выстрел я сделал с упреждением – и пуля ударила девушку в грудь. Она была в темном джинсовом комбинезоне, тоже не самая подходящая одежда для теплого солнечного дня, зато куда удобнее для боя, чем платье. Пятно крови под правой грудью расплылось почти незаметно, но вот удар ее остановил, почти сбил с ног. Девушка взмахнула руками, восстанавливая равновесие, – и я всадил ей в живот еще две пули.
Она плюхнулась на попу, стала отползать, быстро перебирая руками, – вывернувшимися совершенно неестественным образом.
Слуги!
Я держал ее под прицелом, но не стрелял. Мне очень не хотелось тратить следующие три патрона.
Парень наконец-то отбросил сумку. В руках у него осталось что-то здоровенное, странное, похожее на короткий гранатомет с широченным стволом.
Вот тут я сомневаться перестал. Очень уж мне не понравилась эта штуковина.
Я рухнул на одно колено, перехватил кисть правой руки левой ладонью – и всадил шестую пулю прямо в лицо парню, чуть ниже правого глаза.

В общем-то тут точность не требовалась, но я попал идеально.
Мне показалось, что я даже вижу в рваной ране, среди крови и белых осколков кости, багровое свечение особой пули.
От точки вхождения пошла серая волна. Лицо парня превращалось в камень и рассыпалось песком. Оружие выпало, гулко стукнув о тротуарную плитку, голова развалилась вся, а тело, словно у обезглавленной курицы, дергающимися шагами попыталось идти вперед.
Но волна превращения уже опускалась вниз, крошились плечи, с отвратительным шмяканьем упали руки – еще человеческие, но уже каменеющие.
Проезжающая мимо машина взревела двигателем, водитель дал по газам, стремясь убраться подальше.
Не осуждаю.
Раненая девушка посмотрела на своего спутника, потом на меня. В глазах у нее стоял страх. Извернувшись уже знакомым мне нечеловеческим движением, она в два прыжка достигла парапета и перемахнула через него в Москву-реку.
Я бы на ее месте подумал хорошенько, городская водичка может добить и надежнее, чем инопланетные технологии.
Оставив мертвого Слугу каменеть и рассыпаться в песок, я повернулся к Наське и ее противникам.
Тут всё было куда хуже.
Избитый ею курильщик вовсе не валялся в отключке на тротуаре (а я был уверен, что любого, даже тренированного, человека такая серия ударов надолго отвлечет от боя). Он бодро, хоть и согнувшись, ковылял, норовя зайти к Наське сзади.
А куколка боролась с парнем в костюме. Повиснув на нем, словно мелкий злобный питбуль, она одной рукой выкручивала его кисть с зажатым в ней пистолетом, второй била в корпус. Опять же, у обычного человека шансов тут никаких. Но парень тоже был Слугой, судя по тому, как ловко он выворачивался из Наськиного захвата. К тому же ей не хватало массы. Куколка была как ежик из анекдота – сильная, но легкая. Всё, что она могла, – это словно клещ цепляться за парня и колотить его. Тот, в свою очередь, удерживал Наську свободной рукой на максимальном удалении и время от времени, подлавливая момент, бил куколкой по стальной опоре моста. Сколько там она весила – килограммов тридцать? Слуге этот вес явно был нипочем.
К сожалению, он держался слишком близко к Наське, чтобы стрелять в него.
Поэтому я всадил седьмую пулю в спину курильщика. Сигареты вредят здоровью.
Пробежав мимо каменеющего и хрипящего тела, я нацелился парню в костюме в живот. Тот попытался заслониться Наськой, но сейчас это было затруднительно, куколка, игнорируя удары, выворачивалась в сторону.
Так что я приставил пистолет к животу «клерка» и сказал:
– Отпусти.
Секунду тот колебался, потом отпустил Наську. Она повисла у него на поднятой вверх руке, заламывая кисть.
– Пистолет тоже, – сказал я.
Он явно размышлял, и поводов для обдумывания у него было ровно два.
– Не успеешь, – сообщил я. – А стрелял я семь раз.
Парень разжал руку, пистолет упал, Наська отцепилась, по-кошачьи ловко рухнула на тротуар, схватила пистолет и отступила на несколько шагов. Судя по тому, как щелкнул не то взводимый курок, не то предохранитель, стрелять она умела.
– Не надо, – сказал парень, глядя на меня. Лицо у него оставалось спокойным, но в голосе слышался испуг. – Поговорим.
– Ты зачем обижал мою сестренку, скотина? – спросил я.
Мне очень хотелось выстрелить. Но делать этого было нельзя.
– Мы хотели поговорить, – сказал парень. – Только поговорить. Пистолет – чтобы напугать.
– Давай я проверю, – с ненавистью сказала Наська.
– Не надо, – ответил парень. – Мне будет больно, но я не умру.
– Это хорошо, что больно, – сказала Наська и выстрелила.
Вот я не рискнул стрелять, когда она была так близко к противнику!
Пистолет негромко чпокнул – глушитель там, что ли? Макаров бил куда громче.
Парень пошатнулся. В поле пиджаке появилась дыра, ткань стала стремительно намокать.
– Не надо, – повторил парень. – Мы не враги. Это недоразумение.
– И что, попросишь отпустить? – спросил я.

– Попрошу, – он облизнул губы. – Ты убил двоих наших. Мы не знали, что у тебя есть петрификационные патроны. Это наша вина, мы лишь хотели поговорить. Сейчас уже не время, отпусти… мы свяжемся.
– Что скажешь, Наська? – спросил я.
Куколка молчала. На щеке у нее проступал здоровенный кровоподтек от заклепки на опоре моста, и это меня очень злило… Представляю, как ей было больно.
– Отпусти, – решила Наська. И кровожадно добавила: – Убить всегда успеем.
– Вас послал Иван? – спросил я.
Парень покачал головой:
– Иван? Какой именно Иван?
Поскольку я молчал, он продолжил:
– Мы сами. Это наша инициатива.
Я толкнул парня, тот отскочил на несколько шагов. Сразу же зажал рукой рану. Посмотрел на Наську, на меня. Неожиданно сказал:
– Мы действительно не хотели такого развития событий. Мы приносим свои извинения.
Развернувшись, он рванул через дорогу. Очередная проезжающая машина возмущенно загудела.
Осмотревшись, я обнаружил две кучки песка и смятую одежду. Что ж, два-ноль в нашу пользу, если девушка-Слуга выживет.
– Ты как? – спросил я Наську.
Она поморщилась, опустила руку с трофейным пистолетом. Из глаз у нее покатились слезы.
– Больно? – Я подошел, присел рядом. Осторожно потрогал щеку. – Ничего не сломала?
– Заживет… у нас быстро заживает… – Наська всхлипнула. – Я не справилась! Я должна была тебя защищать!
– Так Гнездо тебя послало как телохранителя? – сообразил я.
– Угу…
– Глупая Наська, – я обнял куколку. – Да ты прекрасно справилась. Ты отвлекла двух уродов. В одиночку я бы ничего не смог!
– Точно?
– Ну конечно. Голову-то включи!
Наська утерла слезы, оглядела поле боя. Сунула мне пистолет:
– На…
Пошла и подняла валявшееся в стороне кепи, слетевшее в самом начале схватки. Отряхнула и водрузила на голову. Потом спросила:
– У тебя последний патрон был обычным?
– Да, – признался я. – Как поняла?
– Ты на этого… так смотрел. Если бы мог убить – застрелил бы. Хорошо, что он не понял.
Я кивнул.
Да, тут мне повезло.
Несмотря ни на что, этот офисный планктон в пиджачке мог бы укатать нас обоих. Мне, наверное, хватило бы одного удара. А потом бы он справился и с моей малолетней охранницей.
– Ну почему я не стража, – грустно сказала Наська. – Я бы их на кусочки порвала… ай!
Она отдернула руку от щеки.
– Очень хорошо, что ты не стража, – сказал я. – Пойдем-ка отсюда. Хотя постой, надо выкинуть одежду в реку.
Что мы и сделали. Никаких документов или другого оружия не нашли. Непонятную здоровенную пушку я засунул обратно в сумку и повесил сумку на плечо.
А потом мы продолжили путь.
Словно ничего и не случилось.
И скажу сразу – никаких переживаний я не испытывал. Сами напросились, переговорщики…

В старые времена мы бы далеко не ушли. Даже если бы рядом не оказалось прохожих, люди звонили бы в полицию из проезжающих машин, нас заметили бы видеокамеры с системами искусственного интеллекта, которых в центре было как грязи. К месту перестрелки кинулись бы полицейские патрули, сработал бы какой-нибудь план «Перехват», наши фотографии через минуту были бы в каждом смартфоне.

А сейчас, если даже нас и сняли камеры, – информация доберется до участка не раньше дежурной машины, из которой выйдет офицер и, позевывая, сменит в камере флешку. Водители (все-таки в центре движение и сейчас активное) лишь прибавляли газа. Если кто-то из них и решит сообщить в полицию, ему придется искать ближайший таксофон. Разве что из окон высотки перестрелку мог заметить какой-нибудь скучающий жилец – и броситься звонить правоохранителям.
Ну а дальше-то что? Без мобильной связи, с одними рациями и голосовой связью это лишние минут пять-десять задержки.
А мы через десять минут уже были среди людей, гуляющих по парку Зарядье.
Когда тут в свое время неожиданно соорудили парк (говорят, таким образом президент наказал какого-то олигарха, пытавшегося оттяпать кусок земли в центре и построить там жилой комплекс с видом на Кремль), то главной заботой сотрудников было вырастить хоть что-то интересное в нашем суровом климате. Это где-нибудь в Европе, согретой Гольфстримом, даже зимой тепло и зелено.
Перемена всё изменила.
Теперь навевающий тоску газон «Северные ландшафты» сменился маленькой рощей кокосовых пальм и банановых деревьев под названием «Краснодарские сады», а на месте березок вырос «Крымский муссонный лес».
Бананы, впрочем, толком не вызревали – как ни штрафуй, а все равно посетители их обрывали еще зелеными.
Наська успокоилась, кепи лихо сдвинула набок, и кровоподтек стал почти не заметен. Я в горячке драки, выхватывая пистолет, выдрал с мясом пуговицу на рубашке, но чем хороши гавайки – они яркие и такие мелочи на них не видны. С плащом ничего не случилось, а если бы он и порвался, то через полчаса зарос бы.
Куда больше опасений у меня вызывала сумка с оружием. Рамок металлоискателей не было видно, но на такую груду металла могли сработать и какие-нибудь совсем незаметные детекторы.
Пробираясь сквозь толпу – здесь всегда было многолюдно, даже ночью тусили туристы и гуляки, – я купил Наське мороженого, а себе банку лимонада. Выпил в два глотка. Нервы никак не желали расслабляться.
Если бы не перестрелка, я бы обязательно постоял с куколкой на парящем мосту, вынесенном из парка над рекой. А потом мы бы пошли мимо Кремля и Исторического музея. Мне хотелось поболтать с Наськой и понять, что она вообще знает о современном мире. Интересна наша жизнь Измененным или так, Земля лишь временное пристанище. Наверное, мне бы удалось ее разговорить.
Но теперь времени на прогулку не осталось. Я был уверен, что на месте перестрелки уже работает полиция – и вряд ли это люди Лихачева, скорее всего, какое-нибудь спецподразделение, охраняющее центр. Чихать они хотели на заступничество полковника и на мою корочку «консультанта».
– Возьмем такси, тут рядом стоянка, – сказал я Наське. – Ты в Гнездо, а я вначале к Продавцу.
– Но ты придешь? – уточнила куколка.
– Надеюсь, – ответил я. – Я ведь призванный. Пусть и в отставке.

Глава седьмая

Я проследил, чтобы Наська вошла в бывшее министерство. Потом позвал Гнездо. Каким бы странным ни был разум Гнезда (а может, это и не совсем разум, а какая-нибудь нематериальная нейросеть на основе личностей всех Измененных), но мой настрой он уловил. Гнездо отозвалось не сразу и с явным смущением.
«Никогда не используй Наську как моего защитника, – подумал я. – Никогда. Ясно? И не смей мне больше врать!»
Нас с Гнездом связывали странные отношения. Я был и с ним, и вне его одновременно. Я очень многое сделал, и Гнездо это понимало. И пусть призванные не спорили с Гнездом – я уже не был в Призыве.
Я стал добровольцем.
Гнездо сказало – своим странным языком образов и чувств, – что оно не врало. Ему действительно нужно было понять, что случилось у Продавцов. И Наську оно отправило наблюдать, ну а моя охрана – это так, на всякий случай… никто не ждал… и ведь она помогла!
В общем, мы друг друга поняли.

Частично.
Гнездо осталось убежденным в своей правоте. Я тоже понимал, что без Наськи меня, скорее всего, схватили бы, и неизвестно, что там случилось бы дальше – разговор по душам или быстрый путь в реку с переломанной шеей.
Но куколок в качестве охраны Гнездо пообещало больше не направлять.
Я пошел к Комку, придерживая тяжелую сумку с непонятным оружием и внимательно поглядывая на редких прохожих. Главная беда с этими Слугами в том, что они неотличимы от людей, пока не начинают действовать.
Но засады не было. Я честно выждал очередь из шести покупателей, все – незнакомые и явно случайные, а не серчеры. Выходили они быстро, с сумками, набитыми продуктовыми излишествами. Пожилые люди тащили черную икру, какие-то коньяки в немыслимо помпезных бутылках, банки фуа-гра. У стариков это обычное дело: попробовать то, что в обычных магазинах не продается или стоит немыслимых денег, то, о чем могли лишь мечтать в юности. Они словно не понимают, что кристаллики тоже деньги, лишь выглядят иначе, и покупать на них всякую ерунду глупо.
Вышедший предпоследним мужчина был возбужден и восторжен, ему явно хотелось с кем-нибудь поделиться радостью от покупки. Но стоявшая передо мной женщина уже вошла в Комок, а две девчонки-школьницы у меня за спиной для этого явно не годились.
– Альбом «Битлов» добыл, – сказал мужчина в пространство, но глядя на меня. Был он старенький, подслеповато щурящийся, но бодрый. – Редчайший!
– Найс, – ответил я из вежливости.
– Гляди, – мужчина бережно развернул плоский бумажный пакет. Внутри оказалась пластинка, древняя, виниловая. «Битлов» я, конечно, слышал, да и на ярком конверте узнал. Но вообще-то обложка выглядела гадко. Леннон, Маккартни и как там еще двоих звали, вечно забываю, радостно лыбились в объектив. Одеты они были в белые медицинские халаты, а в руках держали разобранных на куски пластиковых кукол.
У одного музыканта на коленях лежала лысая целлулоидная голова, а к плечам прижимались обезглавленные тела. Дополняли картину куски кровавого мяса и кости, которыми обложились музыканты. Называлась пластинка «Вчера и сегодня».
– Какая гадость, – сказал я искренне. Может, в какой-то другой момент я бы отнесся к экстравагантной обложке спокойнее, но сейчас у меня из головы не шел труп Прежней, который сейчас вскрывали, и недавний погром в Гнезде, где на части покромсали совсем не кукол, а куколок.
– Вы не понимаете, – возмутился мужчина. – Редчайший диск! Общественность не приняла обложку, почти весь тираж переделали!
Я подумал, что общественность порой бывает умнее, чем ее передовые представители.
– Вы же понимаете, что это не оригинал? – спросил я. – Это молекулярная копия. Продавец мог вам скрипку Паганини выдать, а мог шапку Мономаха.
– Я не люблю Паганини, я люблю «Битлз»! – ответил мужчина, запаковывая свой диск. Энтузиазм у него не пропал, но дополнился раздражением.
– Бывает, – согласился я.
Мужчина всё не уходил, видимо, собирался поспорить, что-нибудь сказать о молодежи, не понимающей классическое искусство, и прочие положенные глупости. Но тут, к счастью, вышла покупательница, женщина с очень строгим, даже чопорным лицом и тяжелой сумкой, полной каких-то лекарств. Я нырнул в Комок, искренне надеясь, что мужчина попробует похвастаться своей покупкой перед ней и, скорее всего, тоже не найдет понимания.
Продавец ждал меня за стойкой. Невозмутимый и доброжелательный.
– Рад вас видеть, Максим. С нетерпением жду новостей.
Я смотрел на укутанное в слои ткани тело и не мог избавиться от мысли о том, что под одеждой – металлический цилиндр с синей жижей, а голова и руки насажены на штыри.
– Вы даже не закрыли торговлю, – сказал я.
– Осуждаете? – Продавец шумно вздохнул. – Гибель одного из нас – редкое и печальное событие. Но это не повод огорчать клиентов и терпеть убытки. Знаете такой анекдот: «Кто же в лавке остался?»
– Знаю, – кивнул я. – Не осуждаю. Ваш товарищ действительно мертв.
– Это я и так знал, – согласился Продавец. – Что с ним случилось?
– У него пробит цилиндр корпуса, – сказал я. – Вот здесь…
– На себе не показывайте, примета плохая! – Продавец никак не отреагировал на слова про «цилиндр». Конечно, он понимал, что их природа для меня уже не секрет. – Гель закрыл пробоину?

– Частично вытек.
– Плохо, – Продавец снова вздохнул. – А органические части? Голова, кисти рук?
Он ткнул себя пальцем в нос.
Издевается, что ли?
Нет, ну правда?
– Скорее живы, – сказал я. – Во всяком случае, не разлагаются.
– Если гель подтек, то это ненадолго, – Продавец покачал головой. – Что из себя представляет рана? Вы сделали фото?
Фотографировал Лихачев, я не догадался.
– Чуть позже будут, – пообещал я. – Рана… ну, широкая довольно дыра, сантиметров пятнадцать длиной, сантиметра два шириной. Рядом валяется топор.
– Топор? – Вот сейчас мне удалось его поразить.
– Ага, – сказал я. – Обычный, хозяйственный. Лезвие вымазано этим гелем. Но у дыры края выгнуты наружу.
Продавец молчал, почесывая подбородок. Потом сказал:
– Это как-то странно. Верно?
– Не то слово, – согласился я. – А внутри, за занавеской, между койкой и стеклянным кубом, лежит мертвая женщина.
– Господи! – воскликнул Продавец. – Ну это-то ему зачем? Вы же осмотрели моего товарища, зачем ему могла потребоваться женщина? У нас нет органов, которые могли бы ее заинтересовать!
Я оставил этот крик души без внимания. Продолжил:
– Мы начали вскрытие. Пытались понять, почему женщина умерла, на ней ран не было. Оказалось, что у нее шестикамерное сердце, всякие дополнительные вены и артерии, а мышцы имеют нечеловеческую структуру.
Теперь Продавец безмолвствовал. И я пересказал ему всё: и как позвал Лихачева, и как мы нашли «экспертов», и как явился Иван и предложил свою помощь. Закончил соболезнованиями, которые передал Прежний, и его предложением разбираться в случившемся вместе.
Единственное, про что я предпочел не говорить, так это про нападение Слуг.
Продавец молчал так долго, что я всерьез подумал, не завис ли его мыслительный аппарат. Киборг все-таки.
Я даже подошел ближе и помахал ладонью у него перед глазами.
– Очень странно, – сказал Продавец. – Одно никак не сходится с другим. Прежние не могут войти в Комок, защита этого не допустит. Если бы женщина лежала у дверей…
Он снова замолчал.
– Может, вошла, умерла, а ваш товарищ ее затащил за штору? – предположил я.
– Зачем? – спросил Продавец. – Ну и самое странное, как ему пробили корпус?
– Изнутри, – напомнил я.
– Гель под большим давлением, – вяло ответил Продавец. – Если пробить корпус, то гель выплеснется и выгнет металл наружу. Но топором? Невозможно. И почему не сработала защита? Знаете, что будет, если вы попытаетесь меня убить?
– Не получится? – предположил я.
– Нет, – подтвердил Продавец. – А вот с вами всё будет плохо. В Комке мы защищены.
Он опять замолчал.
– Ну так что нам делать? – спросил я. – Иван просит расследовать гибель этой женщины. Оборудование всякое готов подогнать. Но это вроде как ваша территория, если вы против…
– Я не против, – сказал Продавец. – У нас нет постоянных врагов, бывают лишь временные недопонимания. Мы очень доброжелательны. Но… но…
– Что ему сказать?
– Максим, это всё может оказаться гораздо опаснее, чем я думал, – сказал Продавец. – Вы вправе отказаться от моего задания.
– А мутаген?
– Нет задания, нет оплаты, – Продавец покачал головой.
– Ну тогда чего спрашиваете? Я не откажусь. Командуйте.
– Расследуйте дальше, – решил Продавец. – Передайте Ивану, что мы принимаем его сочувствие и готовы к временному сотрудничеству, с надеждой, что оно перерастет в постоянное.
Произнес он это так, что стало ясно – решение принято, и далось оно нелегко.
– Тогда я попрошу вас дать мне боеприпасы, – сказал я.
– Что так? – заинтересовался Продавец.
– Раз всё «может оказаться гораздо опаснее», – выкрутился я.

Продавец шумно втянул носом воздух. Сказал с укором:
– А вы недавно стреляли, да?
– Это не касается расследования.
Продавец погрозил мне пальцем. Заметил:
– Вы становитесь мудрее, Максим. Вы начали понимать, что информация – это самый дорогой товар.
Я кивнул.
– Магазины для макарова? – спросил Продавец.
– Да, разные. И дробь на всякий случай. Ту самую, петрификационную.
Продавец кивнул:
– Хорошо. Это логичная просьба, и я ее исполню. Но постарайтесь не начать новую галактическую войну, юноша… Что-нибудь еще?
– Если можете дать какой-то совет – приму с благодарностью, – ответил я.
– О, я все время даю вам советы, но вы не всегда их замечаете, – поддел Продавец.
Пошел к шторе, отодвигая ее остановился, обернулся ко мне: – С вас рэдка за патроны, Максим.
– Я же веду для вас расследование! – удивился я.
– Никогда не надо путать ситуативный союз, в котором каждая сторона преследует личные интересы, и долговременную поведенческую стратегию, – ответил Продавец.

Дарина встретила меня сразу за дверью Гнезда.
Вряд ли она тут ждала, конечно. Может, о моем приближении сообщило Гнездо, а может быть, стража.
Обо всем случившемся она, конечно, знала от Наськи.
И вид жницы ничего хорошего не предвещал.
– Зачем вы пошли пешком? – выпалила она, едва я вошел в фойе. – Это опасно!
– Москва, центр, день! – парировал я. – Дарина, я не могу по родному городу ездить в броневике. У меня его и нет, кстати.
– Давай купим тебе машину? – предложила Дарина, с тревогой глядя на меня. – Бронированную!
– Чего? – поразился я. – У Гнезда так много денег?
Жница смутилась.
– Нет. У меня даже доступа к счету нет, он был у матери. Но можно что-то придумать. Что-то продать.
Она говорила на полном серьезе. Я вздохнул, обнял Дарину, она дернула плечами, словно собиралась вырваться, но осталась.
– Дарина, ну что за ерунда. Я не могу ездить в броневике, это дорого, это глупо, это все равно не спасет от нападения. Я буду осторожен, обещаю.
Дарина чуть не плакала.
– Почему ты запретил Гнезду посылать с тобой Наську?
– Потому что она ребенок, а не боец!
– Давай я с тобой пойду? Я сильнее.
– Ты нужна тут. Когда следующих куколок привозят?
– Сегодня вечером, – Дарина беспомощно оглянулась. – И эта… прыгалка… все еще в Изменении… Да, точно не смогу уйти. Максим, я боюсь за тебя!
Ох уж эти женские переживания! Всю жизнь за тебя волнуется мать, а как только появляется девушка – начинает тревожиться она.
Вообще какой-то день женских тревог сегодня! Разве что Наська лучится оптимизмом, но это в силу возраста.
– Всё будет хорошо, – упрямо сказал я. Подмигнул страже: – Верно ведь?
– У тебя хороший боевой опыт, – согласилась стража.
– Же понимает, – обрадовался я.
– Но я думаю, это случайные успехи, – продолжила стража. – Без Призыва твои боевые качества не слишком выдающиеся.
Предательница!
– Дарина, ты меня покормишь? – спросил я. – Зря утром не поел.
Сработало!
Это и с мамой всегда прекрасно работало, и с Даринкой не подвело.
– Ой, пошли! Что ты сразу не сказал…
Мы двинулись в кафе. На прощание я окинул стражу хмурым взглядом, но, похоже, она не смутилась.
– Зря я согласилась, – озабоченно говорила Дарина по пути. – Ну что нам, плохо? Я на самом деле не очень хочу становиться обратно человеком! Вдруг не смогу ходить?

– Продавец сказал, что вылеченное остается вылеченным.
– А вдруг?
– Буду тебя носить на руках, – сказал я. – В чем-то даже удобно – не убежишь и не догонишь.
– Дурак ты, Максим… – вздохнула она. И тут же, без перерыва, спросила: – А как там Милана? Наська сказала, она приехала.
– Норм, – ответил я. – Дарина…
– Ну?
– Мы с ней друзья.
– Угу, – буркнула Дарина и опять сменила тему: – Что у тебя в сумке? Наська говорила про пушку какую-то.
– Да сам не пойму…
Мы сели за первый попавшийся столик в пустом кафе. Я окинул взглядом зал. Подумал, а как тут всё было при полном Гнезде? Измененные питались по какому-то графику? Куколки, жницы, стражи… За отдельным столиком ест мать и хранитель? Толстые здоровяки монахи обедают в своей компании?
Или, как это обычно бывает у Измененных, всё с виду безалаберно, хаос и анархия, на самом деле управляемые Гнездом? Захотел есть – пришел… Странный у них все-таки социум.
– Я сейчас, – сказала Дарина. – Ты будешь рыбу или мясо?
– Все равно.
– Я быстро…
Я слышал, как она возилась на кухне. Звякала посуда. Насколько я знал, государство выделяет Измененным продуктовые наборы, ну, как безработным, пенсионерам, детям. Так еще со времен первой ковидной пандемии повелось. Наверное, это оформлено какими-то указами? А может быть, и не потребовалось специально оформлять, Измененные ведь в большинстве своем еще не вышли из детского возраста. К тому же выделяются пайки на всех, кто попадает в Гнездо… а живет их тут куда меньше.
Ну да. Наверное, именно так. С голода не умрешь, но и разносолов не наешься. Что там в наборах – макароны, крупы, сахар, растительное масло?.. Когда-то клали еще шоколад, но плантации какао-бобов сильно пострадали, так что нынче в пайках карамельки и соевые плитки.
Я подумал, что надо сходить на рынок и купить хорошего мяса. Или прямо в Комке заказать, кристаллики пока есть. Понятно, что полное Гнездо я не накормлю, но нынешний-то состав – легко. Можно сделать плов, у меня получалось – если знать главный принцип, то из любого риса и мяса получится вкусно. Плов – это ведь универсальная пища, для бедняков и богачей.
Или нажарить стейков на гриле. Надо узнать у Дарины, что тут с грилем.
И что вообще Измененные больше любят.
Кофе они хлещут как не в себя, это факт!
Дарина вернулась с подносом в руках. Поставила передо мной тарелку с супом – судя по виду и запаху рыбным, во второй была гречка с мясом. На блюдце лежали два кусочка белого хлеба и два кусочка черного. И кусок масла.
– Масло-то зачем? – удивился я.
Дарина смутилась.
– Ну… жиры в питании нужны… верно? Мы утром едим масло или сало. Раз ты утром не ел…
Она так смешно выглядела, что я взял ее за руку. Сказал:
– Спасибо. Я люблю масло. Только знаешь… можно ложку?
Дарина вспыхнула и унеслась на кухню. Вернулась со столовыми приборами, солонкой и перечницей. Призналась:
– У меня бардак в голове. Так испугалась, когда Наська рассказала про этих бандитов.
– Оставшийся в живых утверждал, что они хотели только поговорить, – сказал я.
– Ничего себе разговорчики…
Я попробовал суп. Да, это был типичный супчик из рыбных консервов: жиденький, с разваренной рыбой и макаронами. Будь там картошка, получилось бы вкуснее. Но с картошкой в мире плохо, изменение климата как-то сильно на нее повлияло. Из всей Европы ее теперь выращивают только в Белоруссии и очень неплохо на этом зарабатывают.
Наверное, Измененные понимают, что это не самая вкусная еда. Но как сказала бы Дарина: «Йод и прочие микроэлементы нужны в питании, верно?»
Так что они едят рыбу.
– Вкусно, – сказал я.

– Правда? – просияла Дарина. – Я сама готовила. Это работа жниц, но я раньше редко дежурила по кухне…
– Даринка, глянь в сумке – что это за оружие? Сильно страшная штука?
Дарина легко поставила сумку на стол, раскрыла. Извлекла ствол. Хмыкнула.
– Ничего особенного. Это сеткомет. Американский. Его иногда использует полиция, но еще чаще – зоологи. Кассета на три заряда, сеть вылетает на расстояние двадцать метров, площадь поражения – шестнадцать квадратных.
– Порвать трудно?
– Даже мне было бы трудно. Стража смогла бы. Но тут… – она легко и умело откинула от раздутого ствола казенную часть, где обнаружился барабан на три широкие цилиндрические гильзы, – тут сеть с разрядником. Опутывает и бьет током. Она, кстати, еще и липкая на воздухе становится. Вот здесь переключатель, просто стрелять или с разрядом…
– Откуда ты это знаешь?
– Я на кухне редко бываю, – Дарина улыбнулась. Со щелчком захлопнула ствольную коробку. – А вот оружие – моя ответственность. Обучаю куколок. У нас очень большой выбор земного оружия!
– А неземного? – спросил я. Отодвинул пустую тарелку (да, я героически всё съел) и взял гречку с мясом. Это, конечно, была свиная тушенка. На свиней разрушение Луны не повлияло, они плодились так же, как и раньше.
Дарина замялась.
Я ел и терпеливо ждал. Гречка с мясом – это вкусно, ее трудно испортить. Я даже намазал маслом кусок черного хлеба и подобрал подливку.
– И неземного, – решилась наконец Дарина. – Но его нельзя использовать на Земле. И доступ к оружейному сейфу есть только у матери.
– Да я вовсе не собирался просить у тебя бластер! – возразил я.
Соврал, если честно.
Я бы от какого-нибудь супероружия не отказался.
Впрочем, у меня снова есть особые патроны, а они убивают всех.
– Извини, – виновато сказала Дарина. – Но мы и так с тобой все правила нарушаем. Инсеки этого не любят.
– Инсек, – поправил я. – Он вроде ничего так оказался. Может, поговорить с ним?
– Хочешь совсем уж всё усложнить? – Дарина улыбнулась. – Продавцы, Прежние, Слуги – и еще Инсек?
Я подумал, подтирая корочкой хлеба подливку. Сказал:
– Ну, знаешь, в нашем положении чем больше неразберихи – тем может быть и лучше. Пусть они все смотрят друг на друга с подозрением, а?
Дарина задумалась. Потом встрепенулась:
– Ой, я забыла… Что тебе попить принести? Кофе, чай? Есть сок яблочный. Есть молоко.
– Можно просто воды?
Дарина нахмурилась, сказала:
– Максим, у нас много еды, ты не волнуйся. Сок неплохой, даже куколки пьют.
– Давай сок, – согласился я.
Пока она бегала на кухню, я убрал сеткомет обратно в сумку. Что ж, мечту о чудо-оружии пришлось оставить. Но, с другой стороны, веры в слова Слуги стало больше. Получается, зря я двоих убил?
Но тут я вспомнил, как Наську колотили о стальную опору моста, и покачал головой. Нет уж.
Так переговоры не ведут.
И вдруг я почувствовал, как Гнездо тянется ко мне – тревожно и быстро, будто набегающая волна. Я даже отстранился на миг, попытался закрыться. Это не очень приятно, когда с тобой начинают говорить внутри головы.
Но Гнездо звало меня, и я открылся.
Воспринял сумбурный поток образов.
Встал, достал из сумки один из купленных у Продавца магазинов и перезарядил пистолет.
Подбежала Дарина, ухитрившаяся принести стакан сока и, кажется, даже его не расплескать. Глянула на меня и ничего не сказала. Поняла, что я уже в курсе.
– Спасибо, – я взял стакан и выпил сок.
Он был вкусный.
– Иван пришел один, – выдохнула Дарина.

– Мне казалось, что он больше не рискнет приближаться к Гнезду, – сказал я. – Тем более к этому.
Дарина кивнула:
– Я тоже так думала. Но он не вошел, он у дверей ждет.
– Поговорим, – я пожал плечами. – Есть что обсудить в нашем неожиданном сотрудничестве.
И засунул пистолет за ремень со спины.

Глава восьмая

Прежний не входил.
Стоял в паре шагов от дверей, ждал. Когда я вошел в фойе, он поднял руку и помахал: увидел, несмотря на темноту и грязноватые стекла.
Да, в общем, я и не сомневался, что его органы чувств лучше человеческих.
– Ты останься, – сказал я Дарине. Но она упрямо пошла со мной.
Сумку с сеткометом я бросил на полу, рядом со стражей. Измененная стояла чуть пригнувшись, неотрывно глядя на Ивана. Из больших пальцев рук у нее выдвинулись кривые короткие когти.
– Же, если начнется драка – отвлеки его, – сказала Дарина.
– Попробую, – пообещала стража.
Победить Прежнего, если дело дойдет до схватки, никто не рассчитывал.
В общем-то я не рассчитывал и убежать, даже если стража ухитрится отвлечь Ивана секунд на десять.
Поэтому я резко открыл дверь, вышел из здания и спросил:
– Ну?
Иван приподнял бровь. И ответил вопросом:
– Ты что творишь, Максим?
– Я?
Вот сейчас мое удивление не было наигранным. Иван начал хмуриться. Изучающе посмотрел на Дарину, потом снова на меня. Спросил:
– На набережной ты был с куколкой, верно?
– Да.
– Зачем вы напали на… – Он запнулся.
– На кого? – спросил я.
– Как я понимаю, на Слуг, – задумчиво сказал Иван. – Да еще и с запрещенными патронами… судя по двум кучкам песка и выловленной в реке одежде.
– Вы их послали? – спросил я.
– Я не использую Слуг, – резко ответил Иван. – Это профанация и дикость!
Так, всё становилось куда интереснее, чем я ожидал.
– Они пытались нас схватить, – сказал я. – Пришлось защищаться.
Иван размышлял. Потом уточнил:
– Кто первый выстрелил?
– Я. Если бы они начали стрелять, мы бы тут не стояли.
– Чем они были вооружены?
– Этим, – неожиданно вступила в разговор Дарина. Я даже не заметил, когда она достала из сумки отобранный у Слуги пистолет и где его прятала.
Дарина протянула Ивану оружие, держа его за ствол.
Иван взял, поморщился:
– Боже, какая банальщина… «Глок»… Вот за это я и не люблю Слуг, сплошная показуха.
Он внимательно осмотрел пистолет, заглянув даже в дуло, вынул и вставил магазин, сказал:
– Тут отпечатки пальцев куколки. И твои, Максим, смазанные…
– И мои, – добавила Дарина.
– У тебя нет папиллярных линий, могла бы и знать, – проворчал Иван. – Стреляла куколка?
– Да, – признал я. – Никого не убила. Так… поучила вежливости.
Иван с равнодушным лицом направил пистолет вниз и выстрелил. Нагнулся, пальцами вытащил из раздробившейся ступеньки пулю. Сказал:
– Ну да, этим не убьешь… Без стрельбы не могли обойтись?
Я промолчал.

– Мне теперь это улаживать, – вздохнул Иван. Протянул пистолет обратно Дарине. – Держи, жница. Трофейное.
Она забрала оружие.
– Пошли, поговорим, – кивнул мне Иван.
Мы с Дариной остались стоять.
– Жница, не трону я твоего парня, – устало сказал Прежний. – Времена меняются, сейчас мы союзники. Хочешь, поставлю охрану вокруг Гнезда?
Дарина покачала головой.
– Так иди, занимайся своими делами, – велел Иван. – Мы поболтаем минут десять, вот и всё.
– Можете зайти внутрь, – неохотно сказала Дарина.
– Нет уж, – Иван покачал головой. – Лучше я не буду дразнить высшие силы. Пошли, Максим, погода хорошая, посидим на улице.
Я успокаивающе кивнул Дарине и пошел за Прежним. В стороне, под паутинным туннелем, перекинутым на уровне второго этажа из бывшего министерства в бывший жилищный кооператив «Гнездо» (смешно, да, сам каждый раз улыбаюсь), стояла садовая скамейка. Что-то я тут ее раньше не замечал… Иван уселся, закинул ногу за ногу, жестом предложил сесть рядом. Сказал:
– Пистолет можешь вынуть, сидеть будет неудобно.
Спорить было глупо, я вернул пистолет в кобуру.
– Собирался драться? – спросил Иван.
Я пожал плечами. Прежний смотрел на меня с иронией, но в целом дружелюбно.
– Значит, так, – начал он. – Во-первых, у меня нет к тебе каких-либо претензий. Лелеять обиды вообще не в моем стиле. К тому же ты меня и не обидел, ты был куклой, в которую вошел Высший.
– А на Высшего обижены? – спросил я.
Иван усмехнулся:
– На Высшего? Можно ли быть обиженным на закон всемирного тяготения или на постоянную Планка? Ты понимаешь, что такое – Высший?
– Нет.
– Это постсингулярная форма разума первого порядка. Он вышел за пределы физического тела и теоретически всемогущ. Но для перехода к подлинному всемогуществу, постсингулярности второго порядка, Высший должен полностью отказаться от своей индивидуальности. А этот Высший по какой-то причине не хочет.
Я задумался. Иван с любопытством наблюдал за мной.
– Так он кто? Человек, инопланетянин?
– Не знаю, не сообщал, – Иван усмехнулся. – Может быть, когда-то он был человеком. Или Инсеком. Или Продавцом… Продавцы ведь киборги, узнал?
Я промолчал.
– Киборги, – сказал Иван с удовольствием. – Извини, но твое молчание для меня прозрачно. Это всегда «да», «нет» или «не знаю». Да, Высший может быть кем угодно. А скорее целой группой разумов, слившихся воедино, но еще не сделавших следующего шага.
– А следующий шаг?
– Второй порядок? Не знаю. Может быть, это единое сознание Вселенной. Может быть, что-то вообще непонятное, даже для нас. Уже и не сознание. В любом случае постсингулярные цивилизации… или цивилизация… скажем просто: разум второго порядка нашей реальностью не интересуется. Мы даже не тараканы, даже не микробы для них. Элементарные частицы. На их уровне нет разницы между человеком, планетой или звездой.
– Откуда знаете? – спросил я. И, кажется, задел Ивана за живое.
– Мы так полагаем, – сухо ответил он. – Ладно, я отвлекся. Приятно иногда пофилософствовать. Итак, во-первых, я не имею к тебе претензий, не собираюсь мстить, уничтожать, портить твою маленькую короткую жизнь. К тому же и Высший это запретил, скрывать не стану. Во-вторых, я на Земле не в одиночестве. Нас… ну, не так уж много, но и не слишком мало. И, несмотря на общие цели, в частностях мы различаемся. Я не самый плохой Прежний, поверь.
– Докажите, – сказал я.
– Доказать? – Иван развеселился. – Я хорошо отношусь к людям. Мы ведь одного вида. Наши отношения – это симбиоз, а не паразитизм.
– Только внутри вы другие.

– Внутри? Да такие же мы! Такое же сердце, такие же мышцы, такие же гормоны. Это всё и вызывает определенные эксцессы… Что смотришь так, Максим? Вспоминаешь Танечку с ее шестикамерным сердцем? Так она – не Прежняя.
– Слуга?
– И не Слуга, – Иван вздохнул. – Я не люблю Слуг. Это простейшая, примитивная форма усовершенствования людей. Сила, подвижность, скорость реакции, выносливость, мышление – всё немножко лучше, всё вызывает дикий восторг, и люди готовы родную матушку продать, чтобы стать Слугой. Ах да, долголетие еще, куда же без него. И метаболизм яростный, всё доставляет массу удовольствий: еда, секс, занятия спортом. Если нужны послушные и умелые исполнители, так это Слуги.
У некоторых из нас их десятки и сотни. Многие уже вольноотпущенники, живут среди людей, наслаждаются благами этого мира. Все ваши сказки о зловещих рептилоидах, которые правят человечеством, большей частью основываются на поведении Слуг.
Я не знал, что на него нашло, почему он так беззаботно делится со мной информацией. Я слушал.
– А мы биологически – люди, – продолжал Иван. – Если бы ты меня разрезал на кусочки, – он снисходительно улыбнулся, – то отличий бы не нашел. Совсем крошечные на уровне мозга, но тоже ничего сами по себе не значащие.
– Вы… не совсем биологические, – сказал я. – Так?
– Молодец. Мы больше, чем органическое тело. Помнишь свои ощущения в Призыве?
Я кивнул.
– Представь, что Призыв – всегда с тобой. Что ты можешь в любой момент потянуться к силе Гнезда. Что Гнездо – часть тебя, в нем информация, сила, защита и оружие.
– Это круто, – признал я.
– Вот! – Иван кивнул. – Ты живешь, старишься, но в любой момент можешь омолодиться. А можешь полностью изменить тело. Внешность, возраст, пол – всё, что пожелаешь. Я как-то довольно долго был женщиной. Даже родил несколько детей.
Может быть, он хотел меня шокировать, но я лишь сказал:
– Иван родил девчонку, велел тащить пеленку.
– Жжешь! – радостно сказал Иван. – Нет, ты молодец, Максим. Весь в отца, а я очень хорошо отношусь к твоему папе… Так вот, Татьяна Воробьева не была Слугой, но не была и Прежней. А кем она была?
Я смотрел на здание Минкульта, закутанное в белесые полотнища паутины. Интересно, Дарина ждет в фойе? Наверняка.
– Личинкой она была, – сказал я. – Кандидатом в Прежние. Так?
Иван хлопнул меня по плечу.
– Верно. Именно Кандидатом. Мы не размножаемся, как обычные люди, Максим. Наши способности не наследуются. Если мы считаем, что кто-то достоин быть среди нас, то помогаем ему измениться. Это цикл мутаций, среди которых есть и стимуляция мозга, и легкая перестройка тела, но основную работу выполняет сам Кандидат. Не все справляются, кстати. У Татьяны бы получилось, уверен. Поэтому очень раздосадован ее смертью… И у тебя выйдет, кстати.
– Это что, предложение? – спросил я.
– Почему бы и нет? Ты на удивление легко перенес Призыв. Значит, и Кандидатом станешь хорошим. Когда-то мы называли таких, как ты, имеющих потенциал, «детьми индиго». Потом термин просочился к людям, они его опошлили, как всегда. Но суть-то осталась, дорогой Максим! Огромные знания, сила, вечная жизнь, что плохого? А где-то в будущем – переход через сингулярность и стадия Высшего.
– Как-то даже не знаю, – ответил я. – Я в институт собираюсь поступать, там знаете какая нагрузка? Ни на что времени не остается!
Иван хохотал так долго и заразительно, что я не выдержал – тоже стал улыбаться.
– Молодец, парень, – сказал он наконец. – Но я все-таки не поверю, что ты, как в нравоучительной детской фантастике, готов отказаться от всемогущества. Я полагаю, тебя волнует судьба твоей маленькой жницы, а также все те гадости, которых ты про нас наслушался. И вот что я тебе скажу – Измененные вне нашей компетенции. Пока Инсек жив и торчит на Селене, мы обязаны следовать правилам Высшего. А вот когда всё вернется в норму, когда мы из Прежних станем Настоящими – подумаем и о Дарине. Вернуть Измененного в обычное состояние несложно. Далее всё зависит от нее и от тебя. Захочешь – будет она с тобой. Окажется достойна – обещаю сделать ее Кандидатом. А что? Это славная пощечина Инсекам! Успокоил я тебя?
– А как насчет гадостей? – спросил я. – Все-таки кто вы, когда появились, что делаете с людьми?

– Всё это я готов буду рассказать, если ты примешь решение, – сказал Иван, посерьезнев. – Но ты сможешь отказаться.
– Да?
– Да. Только если откажешься, то память обо всем рассказанном я тебе сотру.
Разговаривать с Прежним оказалось на удивление легко. Еще и день был хороший – ни облачка на небе, лунное кольцо сверкает в лучах заходящего Солнца. Есть такой момент близко к закату, когда солнечные лучи падают на кольцо под углом и оно начинает блистать всеми цветами радуги. Словно над Землей плыли кристаллики, которые мы продаем в Комки…
– Сложный вопрос, – сказал я. – Может, я уже принял решение, выслушал вас, отказался, и вы мне стерли память.
Иван даже захрюкал от восторга, прижимая ладонь ко рту.
– Славно! Ну давай тогда я не буду от тебя требовать каких-то скоропалительных решений. Тем более ты пока еще не заслужил статус Кандидата.
– А! – сказал я понимающе. – Надо заслужить?
– Всё в этой жизни нужно заслужить. Но я от тебя ничего особенного не потребую. Ты и так работаешь на Продавца, поработай попутно и на нас. Он ведь согласился на союз?
– Да. Они принимают ваши соболезнования. И готовы на временное сотрудничество.
– Насчет постоянного ничего не сказал?
– Допустил, что оно возможно.
– Прекрасно, – кивнул Иван. – Может быть, зря мы когда-то им отказали. Но люди в ту пору были совсем дикие, появление Продавцов и сбор кристаллов вызвали бы кризис всех мировых религий, а они такие удобные… Кто ж знал, что эти засранцы войдут в альянс с Инсеками?
– Чего вы с ними-то не поделили?
– Все ответы потом, – Иван покачал головой. – Если узнаешь, кто убил Татьяну. Тогда ты кандидат в Кандидаты, задашь вопросы, получишь ответы и решишь – двигаться ли дальше. По рукам?
Я протянул ему руку, и мы обменялись рукопожатием.
– Так чьи Слуги на меня нападали? – спросил я.
– Буду выяснять, – Иван нахмурился. – Говорю же, нас достаточно много. Кто-то мог захотеть тебя убить, допросить, перевербовать. У нас нет такой жесткой структуры общества, как у людей. Но я достаточно авторитетен, в силу ряда причин, чтобы начать свое расследование. Поддержка нужна? Охрана?
– Оружие. Такое, чтобы даже Прежних могло убить.
Иван погрозил мне пальцем:
– Нет такого. И было бы – не дал. А со Слугами ты справляешься, как мы убедились. Работай, Максим. Труд сделал из обезьяны человека, а из того – суперчеловека.
Я глянул на часы. Кивнул:
– Хорошо. Загляну сейчас в Гнездо, потом вернусь к нашим.
– Всё обещанное я им уже предоставил, – сказал Иван. – Тебе точно ничего не нужно?
– Такси вызовите? – попросил я. – Вы ведь сможете списать расходы на какие-нибудь особые государственные нужды.
– Сегодня точно день смеха, – сказал Иван, отсмеявшись, похлопал меня по плечу и встал. – Вызову. Через пять минут будет ждать здесь. Эконом-класс устроит?
– Да уж хоть комфорт хотелось бы, – ответил я.
Иван ушел куда-то в сторону бульвара, по пути, как мне показалось, временами начиная смеяться.
Ну ладно, пусть день смеха. Главное, чтобы не день дурака.
Я встал и вернулся в Гнездо.
Когда через четверть часа, поговорив и пообнимавшись с Дариной (мы лишь отошли чуть в сторону от стражи, которая явно была в восторге от мирного окончания переговоров), я вышел – такси уже ждало. Старенькая японская малолитражка, так называемый «комфорт-класс», то есть чуть лучше табуретки на колесах.
Иван явно пошутил в ответ. Что ему мешало вызвать огромный бронированный мерседес? Да ничего.
Скамейки, кстати, на этом месте больше не было. Как принесли перед разговором, так и убрали.
* * *
Участок набережной был перекрыт наглухо. Стояли металлические барьеры, прохаживались полицейские (кажется, городские, не из отдела Лихачева). Но такси со мной пропустили без вопросов, после чего я заслужил уважительный взгляд таксиста.

Возле Комка появился серо-зеленый армейский фургон. Иван и впрямь решил не мелочиться, пригнал к нам машину санобработки, где, вероятно, были и туалет, и душ. Внутри Комка тоже стало не так просторно. Внутрь шли два шланга и толстый кабель в резиновой оплетке. Появилось несколько лабораторных столов, какие-то серьезные микроскопы, приборы, устройства медицинского вида. Милана сидела за одним из микроскопов, что-то внимательно изучала.
– Ну ничего себе, – только и сказал я.
Привезли и два металлических стола. Один был чисто вымыт, на нем лежал наглухо закрытый черный полиэтиленовый пакет. Я понял, что в нем и покоятся останки несостоявшейся Прежней.
На другом столе лежал окончательно освобожденный от одежд Продавец: пробитый цилиндр, металлические стержни, части человеческого тела…
Лихачев кивнул мне. Выглядел он утомленным, как и Елена. Они сидели за еще одним столиком, в дальнем углу. Пили чай. На столе теснились судки с едой и тарелки – настоящие, фарфоровые, по виду дорогие. Иван не поскупился, еду привезли из какого-то хорошего ресторана. Между ними возвышались ополовиненная бутылка вина и опустевшая на треть бутылка коньяка.
– Это было достаточно неприятно, – пояснил Лихачев. – Решили снять стресс. Ты девочку оставил в Гнезде? Правильно, нечего ей тут делать…
Пьяным ни он, ни Елена не выглядели. Полагаю, у них был долгий опыт общения с алкоголем.
– Да мне-то что, – сказал я. – Вы закончили?
Елена кивнула:
– Очень странное тело. Я бы сказала, что это усиленный человеческий организм. Отдельное кровоснабжение гиппокампа и таламуса, они аномально развиты. В чем смысл? Печень, сердце – тоже отличаются. Эндокринная система странная, тимус не по возрасту велик. Я не понимаю, для чего всё это.
– Мне кажется, это не Прежняя, – сказал Лихачев мрачно.
– И мы не поняли причину смерти, – призналась Елена.
– Кто она такая, я узнал, – сообщил я. – Была неожиданная беседа с Иваном.
Подошла Милана, по пути сняв перчатки и одноразовый халат. Коротко сказала Елене:
– Нет, там всё обычно.
Я не стал интересоваться, что именно она изучала под микроскопом. Сел за стол и рассказал всё – начиная с неожиданного нападения Слуг и заканчивая разговором с Иваном.
Только о его предложении стать Кандидатом умолчал.
– Прекрасно, – едко сказал Лихачев. – Теперь мы не только работаем на Продавцов, которых я не люблю, но и выполняем задание Прежних, которых я ненавижу. Знаешь, что меня утешает? Вряд ли мы сможем понять хоть что-либо! Мертвая женщина, кандидат в сверхчеловеки, просто умерла! У нее организм до сих пор в таком состоянии, что хоть органы на пересадку забирай, но она умерла! Киборг находился в помещении, которое его должно защищать, но кто-то пробил в нем дырку обычным топором! Как это можно связать воедино?
– Ну только третьей силой, – признался я. – И вряд ли Высшим, для него это грубая работа.
Мы замолчали.
– И мы возвращаемся к мысли об Инсеке, – произнесла вслух Елена.
– Что я-то? – возмутился я, когда понял, что все смотрят на меня.
– Ну, из нас только ты у него был, – усмехнулся Лихачев.
Я понимал, что всё к этому идет. Но все же попытался оттянуть неизбежное.
– Давайте еще раз осмотрим Продавца?
Лихачев крякнул и плеснул себе в рюмку коньяка.
– Хорошо. На вскрытии я сегодня побывал, моя очередь браться за слесарный инструмент.
Я чувствовал, что это ничем хорошим не кончится.
Но разве у нас был выход?

Глава девятая

Милана считала меня мастером на все руки. Честно говоря, незаслуженно – я всего-то однажды при ней заштукатурил трещины в стене, а еще один раз поджал пассатижами

разогнувшийся крючок на ее… ну, скажем, одежде. Иногда совсем немногое нужно, чтобы произвести впечатление.
Руки у меня, впрочем, растут из правильного места. Но глядя, как Лихачев управляется с «болгаркой», я понял, что полковник не только бумажки перебирает и пистолет чистит.
– Любите работать с инструментом? – спросил я.
Лихачев посмотрел на меня с недоумением.
– Я? Ненавижу!
– Вы так тщательно готовитесь…
Полковник ткнул пальцем в шрам на щеке:
– Доставал одного типа из машины после аварии… кусок железа отскочил. С тех пор не спешу.
А я-то думал, что это след от пули!
Я торопливо поправил защитные очки и на всякий случай отступил на шаг.
Примерившись, Лихачев включил «болгарку» и коснулся диском цилиндрического корпуса Продавца. «Болгарка» визжала, диск скользил по корпусу. Наконец Лихачев выключил пилу, отложил в сторону. Сказал:
– Что и следовало ожидать.
На металле не осталось даже царапины.
– Даже если мы его распилим, вряд ли нам это поможет, – сказал я.
– Конечно, не поможет. Но я бы хотел знать, насколько они прочные, – свирепо сказал Лихачев. – Мало ли…
– Лучше жидкость изучить.
– Я уже, – тихо сказала Милана. – Это кремнийорганический гель.
– Круто, – согласился я.
– Да ничего крутого! – Лихачев до обидного насмешливо глянул на меня. – Совершенно обычная штука. В гидравлических приводах и муфтах используется.
У меня в боевом костюме тоже есть.
– А этот гель может поддерживать жизнь? – Я ткнул пальцем в голову Продавца.
– Наш не может. У Продавцов – кто ж их знает?
Лихачев взял со стола сверло, ткнул в пробоину. Подцепил комок геля, потянул – тот растянулся длинной синей соплей. Полковник посмотрел на нее с отвращением. Сказал:
– Я всю жизнь мечтал, что нам попадется какой-нибудь инопланетный артефакт. Мы его изучим и… – Он не стал заканчивать, но всем было понятно и так: «Сможем выгнать пришельцев к черту». – И вот лежит артефакт. Артефактище! Дохлый инопланетный киборг. Ну и что с того?
– Не любите вы их, – сказала Елена.
– Все они одним дерьмом мазаны, – скривился Лихачев. – Я себя чувствую полинезийским дикарем, к которому на остров упал военный самолет. И вот он пытается его изучать, детальки отрывает, обшивку царапает, керосин пробует на вкус, патрон случайно открыл и тупо смотрит на порох… А от него всё племя ждет, что он сумеет понять, как эта железная птица летала.
– Никто от вас ничего не ждет, полковник, – отчего-то я разозлился.
– Как это «не ждет»? – возмутился Лихачев.
– Вы только извините, пожалуйста, – сказал я. – Но вы человек старшего поколения. Вы привыкли к тому, что везде и всегда есть какая-то сверхзадача. Общая цель. Идеология. Глобальные планы.
– А их нет? – ледяным голосом спросил полковник.
– Извините, – повторил я. – Но их нет. Может, у коммунистов были когда-то, они верили в дружбу народов и пролетариат. И у капиталистов, когда люди верили в конкуренцию и инициативу. Но потом мы всё просрали. И коммунизм, и капитализм. В России коммунизм превратился в пародию на капитализм, а в других странах капитализм – в пародию на социализм. Вот никаких идеологий и не осталось, только жить от рождения до смерти, желательно получше.
– Что за чушь ты несешь, Максим! – обиделся Лихачев. – Всегда есть идеалы и цели!
Он даже очки снял и очень неодобрительно на меня глянул.
– Какие? – спросил я. – Религия? Их много, после Перемены стало еще больше, все верят в свое и ненавидят чужое. И вообще, религию придумали Прежние, чтобы людей держать в узде. Неужели вы этого не понимаете? Ну, еще космос был. Маск, помните, такой? Всё обещал на Марс людей отправить, только даты переносил. А где он сейчас? Космоса нет. Даже спутниковая связь накрылась. Спутники-разведчики остались, да? Которые капсулы с фотографиями на парашютах сбрасывают. Лунное кольцо сфоткали

с внешней стороны, вот и все научные успехи. Пилотируемую космонавтику Инсеки запретили… Остались только маленькие идеалы, игрушечные. Для личного употребления.
– Лена, ты слышишь? – спросил Лихачев. – И это ведь из лучших представителей молодежи!
– Слышу, – Елена вздохнула. – А ты можешь ему предложить идеалы?
– Могу, – Лихачев кивнул на мертвого Продавца. – Разобраться в этой дряни. Узнать, как Земле освободиться!
– Да разве я против, – согласился я. – Только про дикаря и самолет вы сами сказали.
Лицо полковника побагровело.
– Сам-то ты ради чего живешь, Максим?
– Не ради чего, – поправил я. Даже не знаю, почему так завелся полковник и почему стал заводиться я. – Ради кого! Я живу ради мамы с папой, чтобы они могли делать вид, будто всё в мире нормально. Ради Дарины, у нее никого больше нет на свете. Ради Наськи, ей хочется быть обычной девочкой. Ради Миланы тоже… ну и пусть у нас не сложилось, но мы друзья и даже больше! Ради всех своих друзей-приятелей! Ради Виталия Антоновича, ради Василия, ради Елены, и ради вас, полковник, тоже! Что, мало? Ну так чем могу!
Наступила тишина.
– Мальчики, не ругайтесь, – попросила Елена. – И тебя, Игорь, это касается в первую очередь.
Блин, а я даже не удосужился узнать, как зовут Лихачева! Он для меня все время был либо по званию, либо по фамилии. Слишком уж старый и суровый.
– Мы не ругаемся, – сказал я. Подумал и добавил: – Извините, полковник. Нервы. Но я правда такой, какой я есть.
– Тоже извини, – ответил Лихачев. Крякнул. – Да, я старый упрямый пень. И верю в идеалы. Таким, наверное, и помру.
Мы виновато улыбнулись друг другу.
Милана внезапно обняла меня за плечи и сказала:
– А вы всерьез его слова не принимайте. Да, Максим такой. Мы все такие. Мы не верим ни во что. Но это не значит, что не хотим поверить.
– За себя говори, – мрачно сказал я.
Милана рассмеялась и растрепала мне волосы.
– Вот, такая бука…
Получилось как-то слишком интимно. Милана быстро и виновато убрала руку.
– Тебе повезло, что Наськи нет, – я аккуратно отодвинулся. – Она бдит!
Полковник вздохнул. Спросил:
– Ну что, будем ковырять дальше? Может, засунуть в него эндоскоп?
Мы уставились на корпус Продавца.
– Хорошая мысль, – без энтузиазма заметила Елена. – У нас нет эндоскопа? Заказать?
Лихачев посмотрел на Продавца. Спросил:
– Ну что, больной, обследоваться будем?
И похлопал по щеке.
Веки Продавца дрогнули и открылись.
– Мать твою! – рявкнул Лихачев, отшатываясь.
Я тоже отступил на шаг, запустил руку за пазуху, нащупывая пистолет.
– Кто здесь? – спросил Продавец.
Это было так нелепо, что даже жуть происходящего рассеялась.
– Мы друзья, – сказал Лихачев, мучительно скривившись. – Не волнуйтесь. Нас вызвал ваш коллега.
– Какой коллега? – Голова дернулась, повернулась влево-вправо. Я увидел расширенные зрачки, слепо мечущийся взгляд. – Какой еще коллега? Димка Артюхов, ты?
Милана зажала ладонью рот, явно давя крик.
– Успокойтесь, – сказал Лихачев. – Всё в порядке, я полицейский, рядом врач.
– Какой еще полицейский? – Голова дернулась, пытаясь приподняться, но стержень оставался неподвижным. – Милиционер, что ли? Где я? Меня жена убьет…
Елена подошла к Милане, обняла ее, женщины немо застыли.
– Давайте по порядку, – сказал Лихачев. – Да, я милиционер. Вы… попали в аварию.
– Ослеп, что ли? А спина целая? Ног не чувствую! – забеспокоился Продавец.
Хотя какой, к черту, Продавец…
– Как вас зовут? – спросил Лихачев.
– Гена я. Геннадий Трофимов, Геннадий Климович. Почему не вижу ничего?

– Я же говорю, авария, у вас повязка на глазах, – произнес Лихачев. Нервы у него были железные. – Что вы помните последнее?
Геннадий Трофимов облизнул губы. Сказал:
– Ехали мы, запаздывали. Водила ругался, что сумок натащили полный салон, челноки жадные…
Какие «челноки»? О чем он? Он что, астронавт с шаттла? Тогда почему русский, почему «водила»?
– Челноки, – задумчиво сказал Лихачев. – Какой сейчас год, помните?
– Девяносто шестой, – ответил Трофимов. И подозрительно спросил: – Чего, в коме я валялся, что ли?
– Челнок, значит, – продолжил Лихачев. – Откуда ехали?
– От поляков… Мы «рояля» выпили немного, с Димоном… за проезд… чтоб быстрей домой-то доехать, чтоб на таможне не пограбили…
Рояля выпили? Как можно выпить рояль? Да он бредит! Но меня передернуло, словно морозом.
Трофимов вдруг замолчал. Сказал:
– Ночь была. Водитель заорал… мы врезались, да? Фары помню…
– Да, была авария, – мягко сказал Лихачев. – Дальше что-то помните?
– Бред какой-то… – Геннадий помолчал. – Вроде как… говорили мне… думал, на том свете уже… Что я умер. Но могу еще пожить. Только по-другому. Всё будет как сон. Буду как сон смотреть… волшебный… фантастика научная.
– Какой сон?
– Я согласился. У меня отрезали руки и голову, – сказал Трофимов неожиданно четко. – Но больно не было. Мне обещали, что не будет. И я стал железный, я где-то в магазине работал. Там было синее солнце, под него нельзя выходить. Приходили какие-то твари вроде ящериц, лупоглазые, я им продавал всякое… за кристаллики. Некоторые больше на людей похожи, только уродливых. Совсем дети, странные, но дети, они все старались за руку потрогать… Я разговаривал… но только это не я, это мной говорили… а я смотрел… как сон… Это был не сон?
– Это был не сон, Геннадий, – сказал Лихачев после короткой паузы.
– Вот, значит, как.
Он замолчал.
– Мне очень жаль, – произнес Лихачев.
– Потом я на Землю вернулся, – сказал Трофимов медленно. – Тоже… продавал. И покупал. Так странно. Тут другой товар, но тоже за кристаллики разноцветные… У нас кристалликов больше, все время их несут… Этот, который мной говорил… он иногда начинал мной говорить, вроде сам с собой, но для меня. Я слушал… Это когда он ел кристаллы. Клал под язык, они рассасываются, как валидолки… От них дуреешь. Иногда хочется плакать, иногда смеяться, то весь мир хочешь обнять, то каждому завидуешь… Тут есть женщины, товарищ милиционер?
– Нет, – соврал Лихачев.
– А иногда бабу хочется, сил нет… Этот потом ругал себя. И меня. И вообще всех. Говорил, что наркоманом становится. Потом долго не принимал, потом снова брал кристаллик, на койку ложился, аж трясся… под язык… и говорил, говорил…
– Что случилось дальше? – спросил Лихачев. – Что последнее вы помните?
– Он мертвый? – спросил Трофимов.
– Да, кажется, мертвый.
– Значит, и я, скоро… Но это же ничего, верно? Я должен был давно умереть. Я теперь понимаю. Я на Земле?
Из слепых глаз медленно покатились слезы.
– Вы на Земле, – сказал Лихачев.
– Похороните меня, ладно? Чтобы в земле? По-человечески.
– Хорошо.
– Я, кажется, засыпаю, – сказал Трофимов озабоченно. – Вы не подумайте, я нормальный человек был. Инженер. Говорили, небесталанный. НИИ закрыли к чертям… стал шмотье возить, бухал… Вам надо что-то с этим всем делать, товарищ милиционер!
– Мы сделаем.
– Вы спрашивали, что было последнее… Последнее – женщина пришла. Не за покупками. Они обсуждали что-то… не помню. Что-то важное. Она не в первый раз приходила. Женщина дала мне кристаллик. Он аж затрясся… я кристаллик под язык… сразу. Трехцветный. Красно-оранжево-желтый, переливчатый… Потом она закричала и умерла. Я так понял, что это значит, она хотела меня убить. Собирался выплюнуть

кристаллик. Но поздно. Он тогда пошел к стекляшке, откуда всё достает. Говорил, что ему стыдно. И страшно. И он должен это сделать, иначе никак. Взял из стекляшки топор. Ударил себя в грудь. И я умер.
– Вы себя убили? – переспросил Лихачев.
– Я… он… Я путаюсь. Где я, где он. Да. Я его убил. А он меня. Товарищ милиционер… потрогайте меня снова…
Лихачев молча снял перчатку и приложил руку к щеке Трофимова.
– Я чувствую, – сказал Геннадий тихо. – Я понял, дети там тоже хотели… почувствовать тепло…
Он замолчал.
Лихачев некоторое время стоял, глядя на останки Геннадия Трофимова, прикрепленные к телу мертвого Продавца. Потом сказал:
– Он умер. Совсем. Жилка на виске не бьется.
Осторожно прикрыл Трофимову веки. Глянул на меня:
– Вот ты и нашел убийцу.
Милана зарыдала, прижавшись к Елене. Та молчала, глядя на тело. Потом сказала:
– У меня муж, покойный, в девяностые челночил. Возил из Польши тряпки всякие, спирт «Роял»… Он музыкант был, но не великий. На частных уроках тогда не заработать было.
– Без идеологии, конечно, жить можно, – сказал Лихачев скрипучим голосом. – Можно без всего. Видишь, Максим, можно даже без тела жить. Покупать кристаллики. Но некоторые сами на них подсаживаются…
Он отошел в сторону, вернулся с топором. Осмотрел, пожал плечами.
– Топор как топор…
Легонько тюкнул по корпусу Продавца. Металл, который даже не оцарапала дисковая пила, промялся, из едва заметной дырочки начал сочиться синий гель.
– Зря мы эту версию с порога отвергли, – сказал Лихачев. – Что за хренов криптонит в топоре, интересно?
– Тогда уж адамантиум, – вяло ответил я. Отвел взгляд от мертвого человека.
Да, Продавцы его не убивали.
Они предложили умирающему «пожить» в другой форме. Тот согласился. И стал фрагментом Продавца… где? На планете синей звезды? Значит, Продавцы как-то тихонько посещали Землю и при Прежних. Подторговывали… с кем? С обитателями Гнезд? Нет, их еще не было. Значит, с теми измененными людьми, которых отправляли к звездам Прежние. Видимо, тогда Продавцы на Земле торговать не могли. А вот когда пришли Инсеки, то сразу к нам кинулись.
Наркота.
То есть мы все собираем наркоту для каких-то инопланетных тварей. Вряд ли для самих Продавцов, этот вел себя так, словно его пристрастие постыдно.
– Что будешь делать, Максим? – спросил Лихачев. – Мы, я полагаю, расследование закончили. Ты можешь сказать Продавцу, что его товарищ пришел в себя и рассказал, что… лучше без деталей, верно?
– Сожрал кристаллик, испытал ужас и стыд, сделал супертопор и сам себя убил, – предложил я.
– Сойдет ему такой ответ?
Я пожал плечами.
Наверное, сойдет.
Не стоит, действительно, поднимать тот неловкий момент, что я знаю источник, где Продавцы берут головы и руки. Не стоит думать о том, что человеческий мозг в его голове жив, сознание сохранилось – и как во сне воспринимает всё происходящее.
И Продавец выдаст мне возвратный мутаген. Куда он денется.
Дарина станет обычной девушкой.
Нет, не обычной, конечно. Настоящей. Может, мы будем после этого вместе. А может быть, и нет. Это сейчас я для нее – всё на свете. Вернувшись в мир людей, она станет знаменитой, станет звездой. Напишет книгу «Моя жизнь в Гнезде». Будет выступать во всяких телешоу. Да ее Голливуд на любую роль возьмет! Бывшая Измененная, чудом вернувшаяся к людям! От плейбоев до олигархов, все будут вокруг виться.
Не важно.
Дарина станет настоящей, а она хочет этого больше всего на свете.
– Сойдет, – сказал я.
Лихачев кивнул, глядя на меня. Какая-то неловкость была у него во взгляде. Словно разочарование.
Он обвел взглядом захламленный Комок. Невесело рассмеялся:

– А я уж собрался тут пару дней провести. Жене позвонил, чтобы белье и чистые рубашки собрала.
Я подумал, что и про это ничего не знал. Что у Лихачева, которого зовут Игорь, есть жена. Что у Елены был муж-музыкант, который «челночил» лет сорок назад.
– Только я сделаю одну вещь, – сказал Лихачев.
– Мы сделаем, – кивнула Елена.
Я понял.
– Думаю, Продавец не будет против.
– Официально я это проводить не стану, – продолжил Лихачев. – Но это человеческий прах, и он будет лежать в родной земле. Я думаю, вам лучше уйти, ребята.
Милана кивнула, я тоже спорить не стал.
Мы собрались быстро и с тем ощущением неловкости, которая появилась сразу после окончательной смерти Трофимова. Вроде бы он и умер, и задача, поставленная Продавцом, неожиданно разрешилась, а вот неловкость не исчезла.
– Можно вызвать такси, – сказала Милана, кивнув на телефонный аппарат. Иван действительно обеспечил нас связью.
– Как хочешь, – ответил я, косясь на Елену. Доктор рылась в своих медицинских инструментах. Выглядели те зловеще. Лихачев взвешивал в руке топор из «адамантиума». Он что же, отрубать штыри будет? – Или прогуляемся.
– Прогуляемся, – решила Милана.
– Мы пойдем, – сказал я.
– Давайте, ребята, – кивнул Лихачев. – Мы справимся сами, не волнуйтесь.
Вид у него с топором в руках был совершенно маньяческий. Точно, будет рубить штыри.
Мы торопливо вышли.
А снаружи уже стемнело. Вдоль набережной загорелись редкие фонари, в небе переливалось миллионами огней лунное кольцо.
У санитарного фургончика стояли трое в штатском, в костюмах, и двое полицейских в форме. Явно присланная Иваном охрана.
– Чем можем помочь? – спросил один из штатских, подходя к нам. Человек как человек. Средних лет, крепкий, с выправкой. Очень может быть, что ничего не знающий про Прежних.
– Да нет, спасибо, мы домой, – сказал я. – Наши товарищи пока останутся.
Штатский кивнул:
– Может, машину?
– Нет, спасибо. Пройдемся.
– Как угодно, – вежливо ответил он.
– Максим… я на минутку… – Милана коснулась моей руки.
– Чего? А… – Я торопливо кивнул. – Конечно.
– Загляну к вам в машину, – сказала Милана.
– Направо, сразу после входа, – деловито сказал штатский. Милана пошла к машине.
Мужчина с любопытством посмотрел на меня. Спросил небрежно:
– Какие-то проблемы? С Продавцом?
– Всё бывает, – туманно ответил я, чем, похоже, заслужил его одобрение.
– Да уж, прилетели на нашу голову… – вздохнул штатский.
Эх… не надо про головы…
– Без них было лучше, – согласился я. – Правда, я еще пацан совсем был.
– А я в Сирии тогда работал, – кивнул мужчина. – По контракту. Такая паника началась, только держись… Все ломанулись в Хмеймим, никто ничего не знает, слухи самые разные. И тут… – Он сделал театральную паузу, явно рассказывая эту историю в сотый раз.
Но я ее не услышал.
Что-то чпокнуло, и на горле мужчины появилась дырка, из которой фонтанчиком выплеснулась кровь. Штатский прижал к горлу ладонь, посмотрел на кровь, потом сунул руку в карман. Чпокнуло еще раз. Я даже не понял, куда ему попали, но он сразу упал.
А возле фургончика падали еще четыре тела.
Я бросился к машине и даже успел вытащить из кобуры пистолет. Наверное, если бы я бросился в Комок, то мог бы и спастись. Но в фургончике была Милана, и я не мог ее оставить.
У меня, конечно, нет никаких высоких идеалов, но я друзей не бросаю, а женщин уж тем более.
Меня ударили по голове сзади, и я мгновенно отрубился.

Глава десятая

В прошлом месяце мне доставалось и посильнее.
Скажем прямо, по всем медицинским нормам два раза я должен был умереть.
Но первый раз меня исцелило Гнездо, ведь я был в Призыве. А второй раз вылечил концентрат мутагена. Он, конечно, должен был после этого меня прикончить, но Дарина ввела возвратный мутаген.
Так что ощущения были мерзкие, но знакомые. Голова раскалывалась, подташнивало, в ушах стоял гул.
Раньше мне доводилось драться всего несколько раз, ничего серьезного, обычные детские потасовки с кровью из носа и синяками.
В этот раз, похоже, я получил полноценное сотрясение мозга.
Меня покачивало, потряхивало, потом я почувствовал ладонь на лице. И невольно вспомнил, как Трофимов просил его потрогать, чтобы ощутить напоследок прикосновение человека.
Это было так страшно, что я сделал усилие и открыл глаза.
Я лежал в кузове грузового фургончика, который, похоже, куда-то ехал. В потолке светили два круглых плафона, окон вроде как не было. Милана держала мою голову на коленях. Всё остальное, к счастью, у меня тоже имелось. Сделав усилие, я пошевелил рукой, потрогал лоб. На ладони осталась кровь.
– Так плохо? – спросил я.
– Тебя по голове ударили, – пояснила она. – Нет, ничего. Череп цел.
– А тебя по лицу, – сказал я. У Миланы был здоровенный кровоподтек на щеке. Ну что за день такой, при мне били то девчонку, то девушку!
– Я упала, – ответила Милана. – Честно. Меня сбили, я упала. Специально не били.
С трудом, но мне удалось присесть, опираясь на Милану. В фургончике никого не было. Нас куда-то везли.
– Слуги? – спросил я.
Милана кивнула:
– Наверное. Похожи, как ты рассказывал.
– Много их было?
– Четверо или пятеро, – сказала она, поколебавшись. – Запихнули в фургон и поехали. Ты недолго был в отключке.
– Они своеобразно приглашают к разговору, – заметил я.
Пошарил в кобуре. Конечно же, она была пустая. Из кармана пропали ключи с брелоком-куботаном. И часы с руки сняли. Плащ остался, ну так он не оружие.
– У меня сумочку отобрали, – сказала Милана. – Я услышала шум, выскочила, увидела, как тебя волокут. Ну и…
– Надо было не выходить.
Милана подумала и сказала:
– Да, наверное. Помочь я не смогла. Глупо вышло. Но в Комок они не входили.
Я подумал о том, услышал Лихачев перестрелку или нет. Мог и не услышать. А если даже и услышал, то что? Слуги проехали через оцепление, поубивали охрану, кинули нас в машину и умчались. Наверняка у них есть план отступления. Через полчаса мы можем быть уже за пределами Москвы. Не старые времена, пробок на дорогах нет…
Машина дернулась, чуть накренилась и съехала куда-то. Остановилась. Шум мотора стих.
– Приехали, – сказал я.
Попытался встать, к горлу подкатила тошнота. Милана помогла удержаться на ногах, с тревогой глядя на меня. Увы, я не увидел ничего, что могло бы послужить оружием. Это был какой-то крупный пикап или грузовой микроавтобус, ни скамеек, ни поручней, ничего, что можно выломать и взять в руки. – Милана, из меня боец сейчас никакой.
– Угу, – она кивнула. – Максим, ты, главное, держись. Им что-то надо, иначе бы убили на месте.
– Это меня и пугает, – признался я.
Дверь фургона клацнула, створки открылись. Машина стояла в ярко освещенном гараже, небольшом, на две-три машины. Рядом был еще джип с распахнутыми дверцами. Я сощурился от яркого света, глядя на темные силуэты у дверей.
– Выходите, – скомандовал нам кто-то.
Голос был знакомый.

С помощью Миланы я выбрался из фургона. Посмотрел на бледного юношу в деловом костюме, новом, но такого же строгого кроя. Спросил:
– Как бок, не болит?
– У нас быстро заживает, – ответил он без иронии. – Если хотите поострить, Максим, то выговоритесь. А потом будем говорить.
Их было пятеро. Девушка… да, та самая, в которую я стрелял. Теперь на ней было легкое светлое платье по колено, выглядела она совершенно здоровой. Действительно, быстро всё у них заживает. Еще трое незнакомых мужчин. Все молодые, ухоженные, моих лет или немного старше.
Во всяком случае, на вид.
– Давайте уж сразу говорить, – предложил я. – А острить будем позже.
Мой собеседник кивнул:
– Хорошо. Зовите меня Алекс.
Я все-таки попытался придумать что-нибудь остроумное в ответ. Но не смог, и решил, что вести себя как герой боевика – глупо.
– Чего вы хотите, Алекс?
– Маленькую услугу. Но вначале…
Он запустил руку в карман пиджака, вытащил прозрачную пластиковую ампулу. Протянул мне.
– Выпейте.
– Что это?
– Тоник. В моих интересах, чтобы вы были в сознании и не страдали от головной боли.
Я подумал. Остальные Слуги молчали, но девушка, в которую я стрелял, наблюдала за мной со злорадством.
– А с чего мне вам верить?
– Можете не пить, – Алекс пожал плечами. – Это знак доброй воли с моей стороны, а не попытка вас отравить.
Я взял ампулу. У нее был отламывающийся «хвостик», я оторвал его и выпил безвкусную жидкость.
Чего я только не пил за последнее время.
Нельзя сказать, что головная боль совсем отпустила. Но стало легче, и тошнота прошла.
– Услугу я окажу, – согласился я. – Но вначале отпустите девушку. Она здесь ни при чем и никому ничего не расскажет.
– Нет, – Алекс покачал головой. – Девушка нужна. Мы знаем, что у вас был краткий, но бурный роман, она вам небезразлична. Если вы не захотите исполнить нашу просьбу, мы станем ее пытать на ваших глазах. До тех пор, пока вы не согласитесь. Это понятный аргумент?
Он был совершенно спокоен, добродушен и рассудителен. До Ивана, конечно, не дотягивал. Но я встречал таких в банках и госучреждениях, только они обычно не высказывались столь откровенно.
Хотя, не сомневаюсь, в случае необходимости легко принялись бы пытать и убивать.
– Аргумент понятный, – сказал я. – Чего вы хотите?
– Вначале информацию. Что случилось с Продавцом и Татьяной Воробьевой?
– Они умерли, – ответил я.
– Почему?
Не знаю, почувствовал бы он ложь в моих словах или нет. Но я не стал врать.
– Татьяна принесла Продавцу какой-то кристалл. Редкий, разноцветный. Я про такие только слышал. Он его сожрал, он был наркоманом. Ел кристаллы и тащился от нахлынувших эмоций. Тут его и вштырило. Система безопасности Комка убила женщину, а Продавец сделал себе топор из какого-то сплава и убил себя.
Вроде как я даже ухитрился не открыть природу Продавца и ни словом не соврал.
Слуги переглянулись.
– Спасибо за исчерпывающий ответ, – сказал Алекс. – Крайне интересно. Тогда вам нужно выполнить одну нашу просьбу, и мы предоставим вам свободу.
Вот не нравятся мне такие формулировки!
«Предоставим вам свободу» – это прекрасно подходит под определение «пули в грудь». Полная свобода, пользуйся! Что ему стоило сказать: «Отпустим вас живыми и невредимыми»?
А с другой стороны, ну сказал бы он по-другому. Можно ли ему верить? Они только что перестреляли как минимум пятерых охранников. Им на людей плевать, и в честности они тоже не замечены. В клинике эстетической медицины Слуга врала нам так, что мы едва не поверили!

– И в чем состоит просьба? – спросил я.
– Нам надо поговорить с Инсеком.
Я ожидал чего угодно, только не этого.
– Так говорите. Я-то при чем?
– У нас нет канала коммуникации, – объяснил Алекс.
– У Прежних нет связи с Инсеком?
– Мы не Прежние, – все так же терпеливо сказал Алекс. – У нас свои интересы и свои планы. Связь с Инсеком есть у Продавцов, но…
Он развел руками.
– Так вы с Татьяной были заодно? – сообразил я. – Она хотела купить канал связи?
Алекс молчал. Нет, вряд ли всё так просто…
– У меня нет с ним связи!
– Есть. Вы общались через экран в Представительстве.
– А вам кто мешает? – спросил я зло. – Вход в Представительство всегда открыт. Вы люди… ну, с точки зрения охраны. Пришли, сели, поговорили…
– Пробовали. Он не отвечает, – Алекс был само терпение. – Нас он не считает заслуживающими внимания. С вами у него наладился контакт. Мы уверены, что следящие системы корабля отреагируют на ваше появление в Представительстве.
– Ну… – Я заколебался. – Наверное. Я могу передать ему, что вы хотите поговорить.
– Мы пойдем вместе, – сказал Алекс.
Я посмотрел на Милану. Та пожала плечами.
– Я схожу с вами. Никаких проблем, – сказал я. – Только Милану отпустите. И к чему было убивать людей? Просто подошли бы и объяснили свою просьбу! Я бы сходил с вами!
Слуги переглянулись.
– Давай я что-нибудь сделаю его подруге? – предложила девушка.
Алекс размышлял. Покачал головой:
– Нет, не надо. Если она будет повреждена при входе в Представительство, охрана может вмешаться.
Милана взяла меня за руку. Ладонь у нее была холодная и влажная.
– Алекс, я действительно готов выполнить вашу просьбу! – воскликнул я. – Нет никакой необходимости никого убивать или пытать!
– То есть мы сейчас поедем в Представительство, вы спокойно пройдете с нами, вызовете Инсека и начнем разговор? – уточнил Алекс.
– Да!
Алекс обернулся к девушке и сказал:
– Вот видишь, Ника. Всё в порядке, он достаточно мотивирован.
В полной растерянности я смотрел на Алекса, пытаясь понять логику его слов. Ощущение было, словно общаешься с психом. Я ему про то, что готов организовать переговоры, а он рассуждает, достаточно ли мы напуганы!
– Хорошо, – согласилась Ника. – Максим, если ты попытаешься нас обмануть, я накажу твою подругу. Это будет незаметно внешне, но причинит ей серьезную боль и оставит калечащие повреждения на всю жизнь. Она не сможет размножаться и получать удовольствие от секса. Предупреждение понятно?
Мне показалось, что даже Алекс слегка смутился.
– Предупреждение понятно, – сказал я.
Я и раньше-то не слишком переживал, что стрелял в нее, а теперь пожалел лишь о том, что у меня было мало особых патронов.
– Прекрасно, – сказал Алекс. – Тогда садитесь обратно в машину.
Мы вернулись в фургон, двери захлопнулись. Заурчал мотор.
– Максим, что это было? – спросила Милана.
– Они чокнутые, – сказал я убежденно.
Милана помолчала, размышляя. Машина начала выезжать, накренилась, мы сели на пол.
– Знаешь, они не чокнутые, – вдруг сказала Милана. – И в охранников стреляли, и нас запугивают, потому что иначе не умеют. И вас с Наськой пытались схватить вместо того, чтобы подойти и заговорить…
– Ну? – не понял я.
– У них нулевая эмпатия. Ко всем! Ты же двоих убил? Они даже не вспомнили об этом. А любой человек стал бы давить: «Ты наших убил, сволочь, а мы всего-то поговорить…» Им всё поровну. Если кто-то умер, то он уже не играет роли. Если надо чего-то добиться, то проще заставить.
– Роботы, – согласился я.

– Нет, хуже. Продавец был робот, но пытался испытывать человеческие эмоции. Высший чувств не имел, но он ко всем так подходил, логично. А у этих есть чувства, но только к себе. Другие их совершенно не волнуют.
– Это плохо, – сказал я.
– Да, – Милана кивнула, глядя мне в глаза. – Они нас не отпустят. В этом нет никакой необходимости. Они врут… нет, даже не врут. Говорят то, что должно нас успокоить. Так мясник гладит корову, чтобы она не боялась.
Я кивнул.
Головная боль усилилась. Дрянью оказался их тоник.
– У нас мало времени, – сказал я. – Но мы должны что-то придумать.

Обе машины – и фургон, и джип – Слуги бросили на Воздвиженке, завернув с Моховой, прямо на выделенной полосе.
Мне это не понравилось. Не потому, что я так беспокоюсь за соблюдение правил дорожного движения. Но это же центр, рядом Кремль! Через минуту у этих машин будет полиция. Хорошо, если просто погрузят на эвакуатор, могут и взрывотехника вызвать.
Так машины бросают, лишь если не собираются возвращаться.
Алекс шел впереди, девушка с красивым именем Ника взяла меня под руку, один из мужчин так же придерживал Милану. Еще двое шли сзади. Уже совсем стемнело, но здесь прохожих было немало. Алекс, однако, двигался с таким видом, что все расступались.
Правильно делали, чего уж тут говорить.
Вырваться я не пытался. Слуги сильнее и быстрее, чем люди, оружия у меня нет, к тому же головная боль вернулась в полной мере, даже в глазах всё стало мутиться. Вокруг фонарей расплывались цветные кольца, словно я смотрю сквозь поисковые очки.
Ну и где же Лихачев, где, в конце концов, Иван?
Где вся наша полиция, Росгвардия, спецслужбы? Совсем недалеко отсюда убили как минимум пятерых сотрудников и похитили двух человек. Неужели никто не зафиксировал номера машин? Не включил все эти «перехваты», не объявил «усиление»?
– Не надо пытаться звать на помощь, – сказала мне Ника. – Это кончится болью и новыми жертвами.
Видимо, чтобы закрепить свои слова, она на миг сжала мне бицепс двумя пальцами. Боль была такая, словно ущипнули пассатижами! Я даже глянул на нее, ожидая увидеть на лице садистское удовольствие.
Да ничего подобного. Она и садисткой тоже не была. Доводила аргументы до сознания, вот и всё.
– Ай… – негромко сказала Милана.
Видимо, ее конвоир сделал что-то подобное.
Но зато боль в руке прочистила мозги, словно бы заставив расступиться туман в голове.
– Я всё понял, – сказал я. – Никого звать на помощь не буду.
Ника кивнула, вполне удовлетворенная ответом.
Перед Представительством, конечно же, была очередь. Алекс все так же целеустремленно двинулся в голову очереди. Кто-то попытался что-то ему сказать, Алекс негромко ответил. Я не услышал, что именно, но человек шарахнулся в сторону.
Какой бы странной ни была их тактика ведения переговоров, но она работала.
Один из полицейских, стоящих возле Манежа, заинтересовался, двинулся в нашу сторону, но мы уже входили внутрь.
Магнитная рамка на Алекса никак не отреагировала. Следом Ника пихнула меня и щебечущим голосом произнесла:
– Максимка, как тут здорово! А мы увидим Инсеков, да?
Я даже вздрогнул, обернулся, глянул на нее.
Ника мило улыбалась. Обычная девушка, восторженная, заинтригованная. Скорее всего из провинции, визит в «избу-исповедальню» такая же часть туристической программы, как Кремль или Поклонная гора. Таких сюда сотня в день приходит.
Ничего необычного.
Когда было надо, они прекрасно умели имитировать обычных людей.
– Непременно увидим, – я постарался широко улыбнуться. – Не испугаешься?
Ника прошла сквозь рамку, сказала:
– Постараюсь. С тобой не страшно!
– Да, ты у меня храбрая, – глядя на полицейского, сказал я.

Тот кисло улыбнулся. Ему давно было скучно и караулить это здание, и смотреть на придурков, мечтающих пообщаться с Инсеками.
Следом прошли остальные. Парень, который вел Милану, тоже что-то ей негромко сказал на ушко. Милана не стала отвечать или улыбаться. Просто прошла.
– Откуда? – поинтересовался полицейский за столиком. Тон был не особо заинтересованным. Они даже документы обычно не проверяли, Инсеки когда-то заявили, что доступ должен быть абсолютно свободным.
– Из Питера, – сказал Алекс добродушно. – А девчонки – с северов.
– У вас Представительство возле Русского музея? – спросил полицейский.
Неужели он что-то почувствовал? Даже я знал, что в Питере для разговоров с Инсеками выделили (по их рекомендации) другое место.
– Да не совсем, – ответил Алекс. – За Фонтанкой, возле Литейного.
Полицейский утратил к нам интерес.
– Заходите в кабинки в индивидуальном порядке, – сказал он. – Не задерживайтесь, как экран погаснет – сеанс закончен.
– А вместе нельзя? – очень естественно удивился Алекс.
– Не рекомендуется, – строго сказал полицейский. И пояснил: – А то заходят парочки и… позорят нас на всю Галактику.
– Я уверен, что в Галактике людей знают и уважают, – сказал Алекс серьезным тоном.
Кивнул и пошел внутрь. Мы – за ним.
Полицейский все-таки смотрел ему вслед с сомнением.
На мгновение, превозмогая гудящую в голове боль, я подумал – не попросить ли помощи? Их тут было шесть человек на входе. И снаружи еще…
Ну, допустим, позову. Добавится десяток трупов.
Слуг даже обычные пули не берут.
– Вот и правильно, – сказала Ника, когда я побрел за Алексом.
Видимо, заметила мои колебания.
Разумеется, мы все вошли в одну кабинку.
Разумеется, это была та самая кабинка, из которой я однажды связался с Инсеком… а потом даже попал на его корабль.
Я скосил глаза в угол – и невольно улыбнулся, обнаружив там конфетную бумажку.
В другом углу ожидаемо нашлась крошечная бутылочка из-под чего-то алкогольного.
Тихий алкоголик, выпивающий перед Инсеком, ходил сюда как на работу и тоже не менял кабинку.
Экран, через который я когда-то вывалился в кабинку, снова висел ровно. Едва Ника захлопнула дверь, он засветился.
Мы стояли тесной группой, глядя в серую ждущую муть. Алекс легонько толкнул меня в спину. На лицах Слуг больше не было фальшивых эмоций, они ждали.
– Это Максим Воронцов, – сказал я. – Я с вами уже говорил, дважды. Особенно во второй раз интересно получилось. Сейчас я не один, я…
Да к черту, нет времени объяснять! Я рванулся, цепляя за руку Милану. И закричал:
– Я со своей девушкой! Эти пятеро – враги! Помоги нам!
Экран полыхнул серым светом, и ударил ветер. Жестко, мне показалось, что по лицу хлестнуло горячим шершавым полотенцем.
А в следующий миг всех разметало по кабинке. Невидимая сила прижала нас к похрустывающим и прогибающимся стенам, помещение заполнил теплый, пахнущий озоном воздух. Я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, каким-то чудом удерживая за руку Милану.
Потом из экрана выметнулась-выстрелила здоровенная хитиновая лапа. Схватила меня за пояс, потащила. Рука Миланы выскользнула из моей ладони.
– Милану! Милану тоже! – закричал я.
Лапа на миг остановила движение, когти задергались, будто пальцы, ловко переворачивая меня спиной к экрану. Сознание плыло от раскалывающей голову боли. Словно в тумане я видел пятерых Слуг, прижатых к стене, – и Милану, которая вдруг соскользнула на пол – держащая ее сила исчезла. Долю мгновения она колебалась, потом бросилась ко мне, прыгнула: цепляясь, обнимая, вжимаясь в меня.
Лапа Инсека потащила меня в экран.
Мы обманули Слуг!
Мы их провели, тупых безжалостных идиотов!
Вот только…
Почему же они смеются?
Почему все пятеро Слуг улыбаются, глядя, как Инсек втягивает нас на свою лунную базу?

И только когда меня обдало влажным жаром, когда Земля и Представительство превратились в картинку на экране, я понял. Закричал:
– Нет! Нет, не надо!
Но было уже поздно.
Мы оказались на осколке Луны.
Вдвоем с последним Инсеком.

Часть вторая

Глава первая

Свет был неярким, но сейчас казался мне ослепительным. Я щурился, прикрывая глаза ладонью, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не застонать. Меня пошатывало, хоть я и сидел, такой низкой была сила тяжести. Сладкий и одновременно грибной запах вызывал рвотные позывы.
Милана обнимала меня, то ли желая помочь, то ли от страха – рядом с нами стоял Инсек.
Помещение оказалось огромным, в этот раз мой выход на связь застал Инсека не в туннеле. Я даже не мог сосредоточиться на деталях, видел лишь, что это огромный зал с плавно закругляющимися стенами и причудливыми многочисленными… приборами? Агрегатами? С тем же успехом это всё могло быть просто мебелью или произведениями искусства – ровные формы, ни одного прямого угла.
– Почему ты стал отказываться от спасения? – спросил Инсек. Приблизился к нам – маленькие ходильные ноги быстро переступали по полу, две длинные передние конечности потянулись ко мне.
– Не тронь его! – крикнула Милана, рванулась вперед. Разумеется, ее унесло в сторону, здесь она весила от силы десяток кило. Инсек ловко перехватил Милану, вернул на место.
– Беспокоиться не надо. Я не несу угрозы.
– Я несу… – прошептал я. – Они хотели, чтобы я попал сюда… я поздно понял… Я – опасность…
– Что с тобой происходит? – спокойно спросил Инсек.
– Голова… боль…
– Его ударили! – сказала Милана. Она собралась и говорила почти спокойно: – Его ударили по голове, это сотрясение мозга!
– Нет… Или не только… – Я сжал ладонями виски. Ощущение было таким, словно череп сейчас лопнет. – Мне что-то дали выпить… я отравлен или заражен… или взорвусь…
– Последнее маловероятно, – решил Инсек.
Он опустил лапу на пол, металл разошелся, образуя воронку. Инсек подержал свою конечность в воронке, потом извлек – на когтях повисли тягучие фиолетовые сгустки.
– Прими…
Я даже не колебался. Я сейчас и стрихнина бы выпил. Открыл рот – и длинный черный коготь стряхнул в него фиолетовую жижу.
– Глотай, – продолжил Инсек терпеливо.
Я проглотил. Вещество напоминало по консистенции подтаявшее желе, было чуть горьковатым и словно бы содержало спирт. Нёбо и горло онемели.
– Сейчас тебе станет легче, – пообещал Инсек. И обратился к Милане: – Ты в лучшей форме, объясни, что произошло.
При всем пугающем облике, при всей нереальности произошедшего и необычности обстановки, что-то в его манере общаться успокаивало. Инсек походил на старого доктора – спокойного, всё повидавшего, не пытающегося упрекнуть, напугать или наобещать чудес.
– На Земле убили Продавца. Это сделала женщина, Кандидат в Прежние, она тоже погибла. Кажется, она была связана со Слугами. Нас захватили Слуги, сказали, что им надо поговорить с вами. Максима чем-то напоили.
– Очень кратко и четко, – похвалил ее Инсек. – Интересный метод диверсии. Он может сработать.

Не разворачиваясь, Инсек попятился от нас. Остановился у вырастающей из пола металлической арки. Помедлил, пока проем не стал достаточно большим. Потом медленно прошел сквозь нее, не отрывая от нас взгляда.
– Максим? – спросила Милана. – Ты как?
Мне было лучше. Я с удивлением понял, что боль отступила, растворилась почти бесследно. Тошнота тоже почти прошла.
– Уже лучше, – сказал я, осторожно садясь. И почему-то засмеялся.
– Неизвестный вирусный агент, – сказал Инсек. – Любопытно. Он не должен действовать на людей. Агент предназначен для уничтожения моего вида.
Он двинулся вперед, снова проходя через арку. Но теперь поверхность арки засветилась ярко-белым светом, Инсек проходил сквозь него, словно сквозь занавес.
– Вы лечитесь? – спросила Милана.
– Отчасти, – сообщил Инсек. – Это очень интересный конструкт. Прежние всегда хорошо работали с вирусным геномом. Лучше, чем мы.
Из пола выросла, вытянувшись к потолку, тонкая и прозрачная пленка, разделила отсек на две части, изолировав нас от Инсека. Как ни странно, но казалось, что пленка из того же металла, что и всё вокруг – только очень, очень тонкая.
Я вдруг почувствовал легкое прикосновение к рукам. Опустил взгляд и вздрогнул – из пола выросли и впились в запястья гибкие металлические трубочки.
– Не обрывай, – сказал Инсек. – Я пытаюсь очистить твой организм и определить механизм поражения.
– Да? – удивился я.
Происходящее вызывало все большее удивление. Всё казалось странным и необычным, даже Милана.
Даже я сам.
Что-то со мной происходит.
– Я проверю и тебя, женщина, – сказал Инсек. – И себя.
Он лег на пол, из которого серой травой выросли тонкие иглы, вонзившиеся в его панцирь. Я посмотрел на Милану – ее тоже пронзили, притянули к полу металлические нити.
– Вы не пострадали, – успокаивающе сказал Инсек. – Вирус не действует на людей. А в организме Максима есть дополнительный повреждающий фактор, привязанный к его геному. Можно назвать его упрощенным мутагеном, разрушающим базовые структуры мозга.
– Ты меня вылечишь? – спросил я.
– Мутаген нейтрализован, однако обычным путем исправить последствия невозможно, – сообщил Инсек. – Но вы не должны расстраиваться. Мы используем обратимую контролируемую инволюцию. Максим, лежи спокойно и доверься мне.
– Это больно? – спросил я с тревогой. Вопрос был детский, даже непонятно, как я мог такой задать! Но меня вдруг стало всерьез тревожить, больно это или нет. То, что я умираю, – не волновало, а вот при мысли о боли становилось страшно.
– Нет, не больно. Лежи.
Я лег. Просто расслабился и медленно опустился на пол. При такой низкой силе тяжести металлический пол казался мягким, словно перина.
Больно не было, нет. Было хорошо и легко.
– Это нормально? – спросила Милана, глядя на меня. В ее глазах вспыхнул испуг, и это тревожило. Она ведь смелая, почему она испугалась?
– Да, – сказал Инсек. – Подожди.
Нет, никакой боли, мне становилось все легче и легче, я ни о чем не переживал… я ведь верю Инсеку…
– Это еще долго?
– Уже почти, – ответил Инсек.
Мне показалось, что его голос очень утомлен. Я повернул голову. Странное ощущение, тело стало неестественно мягким и расслабленным. Милана смотрела на меня… нет, кажется, без страха, но растерянно. Потом улыбнулась и погладила по голове.
– Всё хорошо? – поинтересовался я на всякий случай.
– Да, – сказала она. – Только это странно.
– Что? – спросил я с жадным любопытством. Мой голос оказался неожиданно тонким.
– Пожалуй, ему лучше поспать, – донесся откуда-то голос Инсека.
И я уснул.

Как рассказала потом Милана, выглядело лечение действительно пугающе. Менялось мое лицо, менялись пропорции тела. Я словно превращался в ребенка, вот только

ребенок этот был ростом со взрослого человека. Голова слишком большая, руки и ноги короткие, лицо совершенно детское.
– Это как в мультике или кино, когда ребенок неожиданно увеличивается, – нашла пример Милана. – Ну, от каких-нибудь увеличивающих лучей или зелий… Я бы сказала, что тебе лет семь-восемь, если бы не размер.
– Я хоть был хорошим ребенком? – спросил я с надеждой.
Милану аж передернуло.
– Будь ты ростом в метр с кепкой – да. А твои метр восемьдесят…
– Восемьдесят пять! – поправил я.
– Метр восемьдесят пять – это чересчур. Только в мультике умилительно.
– Зато теперь можешь говорить, что знаешь меня с детства, – сказал я.
– Возможно. Но хорошо, что ты изменился обратно.
Мы стояли в отсеке, который для нас создал Инсек. Этот отсек был душевой камерой – с огромной прямоугольной «лейкой» над решетчатым стоком, несколькими флаконами разноцветных жидкостей, которыми Инсек велел вымыться в строгой последовательности.
И мы оба ощущали неловкость, заставляющую нас стоять и разговаривать, а не раздеваться и мыться.
Нет, ну глупо, с одной стороны, у нас было три дня, когда мы не только мылись вместе. Но…
– Взрослым ты мне нравишься больше, – сказала Милана. – Но лет через десять я бы не отказалась от лайт-версии такого лечения. Лет до семнадцати-восемнадцати.
Она решительно начала расстегивать блузку.
Я скинул плащ, снял рубашку и стал стягивать джинсы.
– Это исключительно медицинская процедура, – сказала Милана, снимая юбку.
Поискала глазами, куда ее положить, но никакой мебелью Инсек не озаботился. Аккуратно сложила и положила на пол у дверей, блузку пристроила сверху. Ей потребовался всего один шаг, чтобы дойти до двери, шаг легкий и огромный, будто полет.
Приблизившись, таким же плавным «лунным» шагом, я положил рядом джинсы и сверху рубашку. Одежда падала на пол медленно, как во сне.
– Расстегнешь? – Милана повернулась спиной.
Я помог ей снять лифчик. Не удержался, провел ладонью по спине.
– Но-но, большой мальчик, – усмехнулась Милана, увернувшись. Не оборачиваясь, стала снимать трусики.
Я тоже разделся догола. Сказал:
– Мы просто друзья… и проходим вместе санобработку.
Милана повернулась. Вздохнула:
– Увы, не верю.
Мы молчали.
– И я тебе не верю, – сказал я, касаясь ее груди.
Милана облизнула губы. Сказала:
– Максим… я знаю, что ты любишь Дарину. Она хорошая, я рада за нее… за вас… но я тоже тебя люблю, вот в чем дело. А ты?
Я молчал.
– Будь здесь другая молодая девчонка?
– Мы бы просто стали мыться… – ответил я.
Милана на миг закрыла глаза, словно пытаясь не смотреть на меня. Потом сделала шаг, прижалась всем телом – не рассчитав притяжения, Милана влетела в меня, словно с разбега. Она была выше Дарины, мы смотрели друг другу в глаза. Она была совсем другая, она иначе пахла, у нее были другие прикосновения, она была почти моя ровесница, мы даже сексом иначе занимались, у нее был опыт, как и у меня.
– Всё, что происходит на Луне, остается на Луне… – прошептала она.
Я опустил руку, подцепляя ее за бедро, приподнял. При слабом тяготении Селены это было даже слишком легко. Медленно опустил на себя – ее глаза расширились, она выдохнула, обняла обеими руками, забросила вторую ногу, мягко качнулась на мне.
Мы целовались, Милана двигалась, вцепившись в меня, я одной рукой придерживал ее за плечи, другой прижимал под упругое напряженное бедро.
– Не могу, не могу, не могу без тебя! – вдруг выпалила Милана. Ее глаза расширились, она застонала, мучительно и сладостно, отдаваясь безраздельно и до конца.
И я слился с ней, кусая ее губы и ни о чем уже не думая.
Слабое притяжение имеет свои плюсы.

Мы еще минут пять стояли, лаская друг друга, я держал Милану на руках, целуя в лицо, а она то улыбалась, то заглядывала мне в глаза.
А потом тихо сказала:
– Так, Максим. Сейчас я тебе кое-что скажу, и не спорь, ладно?
Я кивнул, насторожившись.
– Когда мы вернемся, а мы ведь вернемся, да?
– Надеюсь, – сказал я.
– Ты начнешь мучиться. Я знаю, ты такой. Тебе захочется покаяться перед Дариной. Извиниться. Сказать что-нибудь… что ты был не в себе, что это нервный шок, адреналин… что я тебя соблазнила…
– Ты меня не…
– Я тебя соблазнила, Максим. Поверь, если бы я не захотела, мы бы вымылись, и всё.
Я молчал.
Наверное, она была права.
– Так вот, не говори. Дарина не может читать твои мысли?
– Нет.
– Вот и хорошо. Тебе будет казаться, что признаться надо – для ваших отношений, чтобы между вами не было никакой недосказанности, никакой фальши, никакого вранья… И она, конечно, тебя простит. Может, даже на меня не обидится. Может, всё поймет совершенно правильно. Но все равно у нее останется обида. Маленькая, крошечная, которая будет разъедать всё. Ты себе сделаешь легче, ты с себя снимешь тяжесть, а на нее взвалишь. Понимаешь?
Я неуверенно кивнул.
– Ни одной женщине такой правды на самом деле не надо, – сказала Милана спокойно. – Особенно совсем юной девчонке… Мой бывший ко мне подошел неделю назад. Покаялся. Сказал, что я была права, что он и впрямь изменял налево и направо, даже сказал, с кем… а еще подруги называются! Что больше никогда, ни с кем, что только я ему нужна. Он думал, что я обрадуюсь его откровенности и всё прощу. А я с таким облегчением на душе его выгнала! И сказала, что люблю другого. Сказала и поняла, что это правда.
– Но как же ты? – пробормотал я.
– Не повезло, – Милана улыбнулась. – Так бывает. И я не стану с тобой заигрывать на Земле. И буду вести себя совершенно нормально. Там, на Земле, ты только ее. А здесь – только мой. Можно? Потому что мы на куске взорванной Луны. Как во сне. И пусть это остается сном, хорошо? Я постараюсь в кого-то другого влюбиться. Рано или поздно получится, хоть я и не хочу.
– Так тоже неправильно, – сказал я. – Для тебя неправильно.
– Да. Но что поделать. Зато есть наш лунный сон. А еще… ты знаешь…
Она замолчала, потом лукаво улыбнулась.
– Видела на одной картинке, думала, такое разве что Супермен может сделать. Но здесь, мне кажется, получится.
– Дух перевести дашь?
– По моим ощущениям, – Милана слегка качнулась на мне, – ты уже отдохнул.
Я не стал спорить.
Это был наш лунный сон, а то, что происходит на Луне, – остается на Луне.

Не знаю, удивился ли Инсек тому, как долго мы занимались санобработкой.
Может быть, он думал, что мы к этому очень ответственно подошли.
Может быть, он был занят своими проблемами.
А может быть, он за нами внимательно и с интересом наблюдал.
Вот совершенно все равно, если честно.
Корабль Инсека вывел нас к нему, сформировав коридор. Тут, похоже, не было никаких «твердых» помещений, всё менялось и создавалось под конкретные нужды. Наверное, это и есть единственно правильный принцип для межзвездных кораблей, а не гигантские «крейсера» и «звезды смерти», как в кино.
Инсек по-прежнему лежал на полу, опутанный металлическими нитями. Мне показалось, что их даже стало гораздо больше. Некоторые пульсировали, некоторые раздулись, превратившись в трубки. По одной такой трубке медленно передвигалось утолщение, будто по кишке, вытягивающей какой-то комок из Инсека в пол.
Еще мне показалось, что в помещении стало жарче, хоть нас и разделял по-прежнему прозрачный барьер.
На наше появление Инсек никак не отреагировал, и я с невольным страхом представил себе, что будет, если он умрет.

Во-первых, это прекратит действие договора между Инсеками и Прежними, верно? А я хочу этого? Нет, Инсеки не ангелы. Но Прежние теперь мне нравились еще меньше!
Во-вторых, что будет с нами? Корабль будет поддерживать нашу жизнь? Или выключится? Или улетит?
– Мы вернулись, – сказала Милана. По напряжению в голосе я понял, что и ее посещают те же мысли.
– Я рад, что Максим хорошо себя чувствует, – сказал Инсек. – Его отравление было побочной целью, и его провели без должного старания.
Голос Инсека был по-прежнему мягким, спокойным, обманчиво бодрым. Но мне казалось, что это никак не отражает его состояние.
– Как вы? – спросил я.
– Плохо, – ответил Инсек. – Во время прорыва к Земле корабль был атакован, погибли все остальные члены экипажа, а я получил смертельные повреждения. Я всего лишь стажер и не в полной мере контролирую возможности корабля. Мне даже пришлось частично уничтожить ваш спутник, чтобы сформировать отражающую поверхность для нужд Продавцов. Это доставило людям серьезные неудобства.
Мы переглянулись. Ощущение было такое, словно спросил прохожего, который час, а тот в ответ рассказал про свои семейные дела и назвал пин-код от карточки.
– Вы умираете? – спросила Милана.
– Да. Но это длится долго. Я рассчитывал дотянуть до прибытия второй волны прорыва, это должно занять двадцать земных лет. С вирусом, который вы занесли, оставшийся срок моей жизни сократился до одного-двух лет.
– Мне очень жаль, – сказал я.
– Это неразумно. Наша цивилизация враждует с вашей, мы используем вас точно так же, как использовали Прежние.
– Вы же воюете с Прежними!
– Вы одно и то же, – терпеливо сказал Инсек. – Эта планета – родина вашего вида. Она была заповедником, источником рабочей силы и солдат, искусственно поддерживаемой в отсталом состоянии.
– Так это правда? – спросила Милана. – Прежние – люди?
– Люди.
– Земляне?
– Да.
– Я не понимаю, – Милана глянула на меня. – То есть люди когда-то расселились с Земли по иным мирам? А саму Землю держат в отсталости? Но зачем?
Инсек помолчал. Потом сказал:
– Это долгая история. Но если вам нужны какие-то объяснения, я их дам. У меня нет неприязни к вам как к личностям. Вы заслуживаете уважения и определенной информации. Возможно даже, что мы сможем прийти к соглашениям. Да… – Инсек вдруг шевельнулся. – Есть тонкая тропа возможностей, которая в итоге послужит к облегчению общей ситуации. Но…
Он замолчал.
– Почему всегда «но»? – не выдержал я.
– Потому что жизнь состоит из бесчисленных уступок и компромиссов. Ни один разумный вид, не придерживающийся соглашений, не способен развиться полноценно. Я много думал за последние годы. У меня было время… я готов обсудить это с вами. Но вы должны пройти свою часть пути.
– «Вы» – это люди?
– Вы – это вы. Две человеческие особи, находящиеся сейчас рядом со мной.
Я обнял Милану. Сказал:
– Хорошо, мы готовы. Но что мы должны сделать?
– Защитить меня.
Я рассмеялся.
– От кого?
– От тех, кто отправил вас ко мне. От Слуг. Я не знаю, действуют ли они по собственной инициативе или выполняют приказ кого-то из Прежних. Но в любом случае они не остановятся. Для того чтобы минимизировать поражение, я буду вынужден пройти глубокую инволюцию. Это куда дольше и неприятнее той процедуры, которую пережил ты. Несколько ближайших часов я не буду способен думать и отдавать команды.
– А ваш корабль?

– Он не сможет меня защитить. У Слуг есть средства подавления интеллектуальных машин, пассивная защита не выдержит. Вы должны принять решение, и времени почти не осталось. Либо вы остаетесь здесь и обороняете меня…
– Либо?
– Либо я отправлю вас назад. В московское Представительство либо в любое другое по вашему выбору. Но это с большой вероятностью приведет к тому, что я погибну, мой договор, скрепленный Высшим, перестанет действовать, и Прежние вернут полный контроль над Землей.
– Вы даете нам выбор? – спросила Милана недоверчиво.
– Я не могу заставить вас меня защищать, – ответил Инсек с ноткой удивления. – Охранник по принуждению – это бессмыслица. Механизмов давления на вас у меня тоже нет.
Я молчал, глядя на Инсека.
Ну да, он не друг.
Жизнь – сплошные уступки и компромиссы.
– Что скажешь? – спросил я Милану.
– Скажите, а вы мужчина или женщина? – спросила Милана.
– Если проводить аналогию, то скорее женщина, – ответил Инсек. – Во всяком случае, я могу производить потомство.
– Даму в беде бросать нехорошо, – сказал я.
– То есть вы приняли решение остаться и попробовать защитить меня? – уточнил Инсек.
– Блин, ну конечно, да! Слуги нам не нравятся еще больше! Скоро они прибудут на Селену?
– Они уже около часа находятся здесь, – ответил Инсек.
Как мне показалось – с удивлением.

Глава вторая

Я ожидал, что скафандр будет из того же металла (это ведь металл?), что и весь корабль Инсека. Серо-голубой сплав мог двигаться, гнуться, принимать любые формы и даже становиться прозрачным.
Но в скафандре все же использовался и какой-то другой материал. Металлическими на вид были лишь штанины и рукава, действительно гибкие и податливые, прозрачный шлем выглядел так, будто дети мастерили карнавальный костюм космонавта и использовали в качестве шлема круглый аквариум. А вот корпус скафандра был из серой шершавой ткани. Да, именно ткани, слегка пупырчатой, будто костюмы стражи.
Странно, конечно. По логике казалось, что должно быть наоборот: металлический корпус и рукава-штанины из ткани.
– Он издевается? – спросила Милана. – Не скафандр, а трико какое-то! И где эти… – она пошевелила пальцами, – баллоны! С воздухом?
Мы стояли в помещении, куда нас отправил Инсек, перед тем как погрузиться в свои лечебные процедуры. Как он сказал: «Вы всё поймете на месте».
Понять не получалось.
Два скафандра, напоминающие детские карнавальные костюмы. Никаких баллонов, да.
– Сейчас глупость скажу, – произнесла Милана. – На Селене ведь нет воздуха?
– Абсолютно, – подтвердил я. – А ты знаешь, что еще должно быть в скафандре?
Милана на миг задумалась.
– Нагреватель? Чтобы не замерзнуть?
С кем-нибудь другим я бы сострил про физику, которая явно была нелюбимым предметом. Но не с Миланой, конечно.
Да и вообще, девушкам простительно не разбираться в науке!
– Вакуум – это теплоизолятор. Человек в скафандре, словно в термосе. А люди теплые. И теплу надо уходить, а в вакууме это сложно. В скафандре не нагреватель должен быть, а система отвода лишнего тепла.
– А я видела в кино, там наоборот, люди чуть не замерзли, – смущенно сказала Милана.
– Кино, – вздохнул я. – Слушай, наверное, Инсек понимал, что нам предлагает. Наверное, это как-то работает… как-то. Меня смущает оружие.
Милана не сдержалась, хихикнула. Потом посерьезнела.
– Ну, это красиво…
– Да уж… – неохотно признал я.

Рядом со скафандрами на полу лежали шпаги.
Или рапиры.
Или узкие мечи.
Я не настолько разбираюсь в холодном оружии, тем более в таком, спортивном.
В детстве один приятель выносил во двор пластиковые игрушечные мечи, фехтовали на них. Потом кто-то из родителей разорался, что пластиком тоже можно выбить глаз, – и все игры в мушкетеров закончились.
– Может, Инсек исторического кино насмотрелся? – спросила Милана. Подняла одну из железяк. Вот они, кстати, были как раз из сине-серого корабельного металла. – Классическая французская боевая рапира, половинная гарда…
– Ты разбираешься? – поразился я.
Почему-то я совсем не ждал от Миланы такого.
– Я занималась фехтованием.
Она широко взмахнула оружием, засмеялась.
– Как странно! Руки помнят, но… словно пушинкой… Наверное, лучше бы я не умела.
– Так это рапира? – уточнил я. – Я думал, шпага.
Милана с улыбкой глянула на меня, и я порадовался, что не стал отпускать шуточки по поводу физики и теплопроводности вакуума.
– Шпага, рапира, если угодно – меч. Рапира – облегченная версия шпаги. «Меч для одежды». Ею обычно не рубят, только колют… но это старая, классическая боевая версия. Видишь – на клинке есть лезвия, теоретически можно и рубить, только веса мало. Впрочем, тут и у палаша, и у двуручного меча было бы мало веса.
– Обалдеть, – сказал я. – А чем еще необычным ты занималась?
Милана подумала секунду.
– Я в детстве однажды спаяла радиоприемник. Мне подарили конструктор, там были такие маленькие смешные детали и печатная плата. Взяла у папы паяльник и сама спаяла. Даже поймала две радиостанции…
Я тоже поднял рапиру. Помахал в воздухе.
Да, слишком легко. Сколько она сейчас весит? Тут сила тяжести раз в десять-двенадцать ниже земной…
Грамм сто, наверное.
– Значит, у Инсека были основания предложить нам именно это, – сказал я с напускной уверенностью, опуская шпагу. – Давай залезем в скафандры. Тут должны быть застежки, наверное…
Застежек на виду не оказалось, но костюмы разошлись на спине, когда мы взяли их в руки. Я вспомнил, что, когда люди еще летали в космос, космонавтам как-то похоже приходилось забираться в российские скафандры – через лючок сзади.
– Наверное, лучше раздеться, – деловито сказала Милана. – До трусов.
Мы разделись, увы, не для чего-то более приятного. Я засунул ноги в штанины – если это и был металл, то мягкий и теплый. На ступнях костюм утолщался, превращаясь в литые ботинки. Потом засунул руки в рукава, заканчивающиеся тонкими мягкими перчатками. Помедлил – и, согнувшись, просунул голову в накрепко присоединенный к воротнику шлем. Выпрямился.
На спине что-то зашуршало, и я почувствовал, что ткань сошлась.
Мной овладела легкая паника.
Тут же нет кислородных баллонов, верно?
Сейчас стеклянный шлем запотеет, я выдышу весь воздух и задохнусь!
Шлем не запотевал. Внутри было в меру прохладно.
Я смотрел на Милану, которая тоже влезла в свой скафандр.
Пробормотал:
– А как мы будем общаться?
– Голосом, – ответила Милана и хихикнула. Звук шел словно бы от нее, хотя я догадывался, что это не так, – слишком четкий и ясный. Похоже, весь прозрачный шлем работал как динамик и микрофон.
Блин, по звуку даже можно в направлении ориентироваться!
– Мы дикари, – сказал я. – Слушай, мы просто дикари, мы ждем чего-то своего технологического уровня… а он совершенно другой. Может, и шпаги не совсем шпаги?
– Они лазерные! – предположила Милана.
– Не знаю. Но точно не просто шпаги.
Я сделал шаг. И отметил, что подошва крепко фиксируется на полу.
– Это магниты? – спросила Милана, тоже шагнув ко мне.
– Я не чувствую притяжения. Скорее, нога прилипает.
– Значит, адгезивные волоски, – решила Милана. – Как у геккона.

– У него не присоски разве? – удивился я.
Милана засмеялась.
– Присоски? Ну что ты, там такие тонюсенькие волоски, геккон ходит по стенам и потолку за счет ван-дер-ваальсовых сил притяжения между молекулами и атомами.
Я решил, что мне очень, очень повезло, что я не стал шутить про девушек и физику.
– Все путают, – утешила меня Милана. – Присоска – первое, что в голову приходит.
– Значит, эта штука может работать и снаружи, – сказал я. – Хорошо. Кажется, это трико куда лучше, чем земные скафандры.
И тут откуда-то, словно бы сверху, прозвучал мягкий голос Инсека:
– Поскольку вы находитесь в защитных костюмах, то я начинаю краткую инструкцию. Отвечать не надо, это заранее записанная речь. Костюмы обеспечивают вашу жизнедеятельность в вакууме до трех земных суток. Подошвы и ладони обладают способностью к фиксации. Данные выводятся на лицевую часть шлема. Вы имеете связь и возможность перехвата чужих сообщений. Частичное управление производится голосовыми командами. Поступление жидкости и питательных продуктов в тело осуществляется через кожу. Вывод продуктов жизнедеятельности осуществляется костюмом.
Я понял, что, если прижмет – Инсек предлагает делать свои дела прямо в скафандр. Конечно, это звучало довольно противно. С другой стороны, яхтсмены в гидрокостюмах поступают точно так же. Причем у них ничего никуда из костюма не выводится.
– После приближения врага к кораблю заработает защитный протокол, исключающий использование энергетического оружия. Поэтому вы экипированы холодным оружием, удобным для человека.
Мы с Миланой переглянулись. Она понимающе кивнула, подняла шпагу. Я взял свою.
– Я желаю вам удачи, – сказал Инсек. – Мое выживание всецело зависит от вас.
Он замолчал.
– Вообще-то из-за нас он и умирает, – сказал я. – Из-за меня.
– Ты не знал, – заметила Милана.
– Не важно, – я замялся. Взмахнул шпагой. – Милана, один вопрос… ты сможешь?
– Я-то хоть раньше занималась фехтованием, – обиделась Милана.
– Ты сможешь убивать? – спросил я в лоб. – Они ведь похожи на людей.
– Похожи, – презрительно сказала Милана. – Я помню, что мне обещала та стерва. Не беспокойся, Максим.
Я кивнул.
Были такие времена, когда порядочная девушка при слове «убить» должна была бы взвизгнуть и упасть в обморок.
Но сейчас всё иначе.
– Хорошо. Попробуем голосовое управление? – спросил я. Милана кивнула, и я продолжил: – Где находятся враги?
Если бы скафандр ответил голосом, я бы не удивился.
Но на прозрачном шлеме перед глазами загорелась карта.
Кусок поверхности Селены – довольно ровный, с несколькими кратерами разных размеров. Серо-коричневый фон, то ли рисунок, то ли фотография – не понять…
Черный кружок в центре. Видимо, корабль Инсека?
Маленькая белая точка слева под кружком. Что это?
И четыре пульсирующих красных точки внизу карты.
– Вот и гости, – сказала Милана. Видимо, и у нее на шлеме появилась карта. – Будем ждать или выйдем навстречу?
– Выходим, – решил я.
Видимо, это было воспринято как команда.
Я услышал легкий шум, а костюм слегка раздался на теле. Из помещения, где мы находились, исчезал воздух. При этом никаких открытых люков или щелей не было, скорее всего, воздух выкачивали сами стены.
Вообще-то скафандры в вакууме «раздувает», я читал. Поэтому и астронавты двигаются медленно, и на месте суставов устроены специальные шарниры, и даже давление воздуха в скафандрах делают ниже земного – всё, чтобы свести к минимуму «раздутие».
Этим скафандрам на разницу давления было наплевать. Если они чуть-чуть и раздались на нас, то руки и ноги сохраняли прежнюю подвижность.
Вот как это могло быть сделано? Снаружи давления нет, внутри есть…
Я подвигал руками, ногами, присел. Всё получалось абсолютно легко и свободно, будто занимаешься спортом в зале.

Может быть, этот костюм – одновременно и что-то вроде силовой брони? Этот металл и «ткань» – двигаются сами вместе с моим телом?
Звук выходящего воздуха тем временем исчез. А в стене напротив нас начал открываться люк, в знакомой по Гнезду манере раскручиваясь от центра, как диафрагма.
За люком лежала Селена.

Я ждал ослепительного солнечного света, не смягченного атмосферой. Ну или непроглядной тьмы, если тут ночь.
А здесь всё было иначе.
Во-первых, света хватало, но не солнечного. В черном звездном небе, высоко над горизонтом, сияла Земля – огромная, бело-голубая. Снизу и сверху над ней сверкало, прячась за планету, лунное кольцо. Один фрагмент, совсем рядом с Землей, был крупнее и ярче других – привет, Диана, наша младшая соседка…
Ни в старое полнолуние, ни сейчас, под светом лунного кольца, таких ярких ночей на Земле не бывало.
Сразу за люком, который открылся вровень с поверхностью Селены, начиналась каменистая равнина.
Во-вторых, каждый валун отбрасывал черную, непроглядную тень, словно в пространстве вырубили окно во тьму.
Нет, если приглядеться, то в тени что-то угадывалось, освещенное дважды отраженным светом, но все-таки таких непроглядных теней на Земле не случается.
В-третьих, потрясали звезды. Земля сияла ярко, но звездам это не мешало. Я почему-то думал, что они будут разноцветными, но они сверкали чистым белым светом, словно раскрошенные бриллианты. Зато кольцо светилось мягкими пастельными оттенками, всем спектром – от фиалкового и до красного.
– Красота… – выдохнула Милана.
Пошла к люку, как-то странно переступая по полу.
Я двинулся за ней и понял, в чем дело. Пока одна нога была поднята, вторая намертво прилипала к поверхности. Костюм сам контролировал наше движение, не позволяя случайно прыгнуть и улететь на десяток метров, что при жалком притяжении Селены несомненно бы случилось. Вначале это было непривычно и раздражало, но скафандр настолько аккуратно подстроился к движениям, что вскоре это перестало мешать.
– Обалдеть, – сказал я. – Милана, мы на Луне!
– На Селене, – поправила она.
– Не важно… – Я остановился у порога. Вот край металлического пола, а сразу за ним, с перепадом в сантиметр, – серовато-коричневый камень.
Лунный камень.
Милана встала рядом.
– Давай, – сказал я. – Леди фест!
– Иди уж, – она засмеялась. – Заслужил! Сколько лет люди не ходили по Луне?
– Ну, если американцы не обманули весь мир… – Я задумался. – Лет шестьдесят, да? Что-то вроде того… Нет, Милана. Давай ты. Первая женщина на Луне!
– Точно! – Она не стала дальше спорить. – Ну… надо что-то сказать, да?
У меня кружилась голова – от волнения и восторга.
– Да что хочешь!
Милана шагнула вперед. Помедлила, видимо, убеждаясь, что нога «приклеилась» к камню так же, как и к металлу корабля.
– Мы все-таки снова сюда добрались, – сказала она. И вышла. Она выглядела удивительно в этом легком, обтягивающем тело скафандре, в прозрачном шлеме, со шпагой – настоящей шпагой в опущенной руке, в просвете люка, на фоне огромной яркой Земли.
Милана повернула голову, посмотрела на меня. Улыбнулась.
И побежала вперед.
Это был странный бег, в котором одна нога все время касалась поверхности. Наверное, технически это даже нельзя было назвать бегом, скорее – большие быстрые шаги, при которых ее постоянно тянуло вверх. Если бы не липкие ботинки, Милану унесло бы метров на пять в небо, не меньше.
Я засмеялся и выбежал следом.
И сразу почувствовал еще одну странность происходящего.
Мир будто накренился!
Поверхность Селены, которая только что казалась совершенно ровной, вздыбилась ощутимым наклоном. Все мои чувства, кроме зрения, которое, впрочем, тут же

предало, твердили: «Ты стоишь на склоне!» Словно мир внезапно превратился в снимок широкоугольником.
Причина была мне понятна – Селена не шар, это широченный конус, ну или если совсем точно – шаровой сектор. Центр масс Селены лежит ближе к прежней поверхности Луны, к основанию конуса. Вестибулярный аппарат воспринимает это как наклон.
Странное ощущение.
Словно сон.
Продолжающийся лунный сон: скафандр, который не скафандр, чужая ночь, которая не походила на ночь, равнина, которая кажется склоном, шар Земли в небе, бриллианты звезд и цветная полоса кольца…
Дыхание Миланы, которое я отчетливо слышу.
Невесомая шпага в руке.
Милана остановилась, сделав несколько маленьких шагов. Повернулась, удерживая равновесие, ее болтало во все стороны. Отсалютовала мне шпагой:
– Приветствую, господин Сирано!
– Фантастика… – тормозя рядом с ней, сказал я. Меня почти завалило на поверхность, когда обе ноги оказались зафиксированы на камне. Но штанины костюма затвердели и мягко толкнули меня обратно.
– Без этих скафандров мы бы так не резвились, – сказала Милана.
– Ага. Всё делают за нас, – согласился я.
Мы обернулись и посмотрели на корабль, из которого вышли.
Честно говоря, ничего примечательного – кроме размера.
Совершенно правильной формы купол, диаметром метров сто. Серо-голубая поверхность прекрасно выделялась среди камней.
– Его должно быть видно с Земли, – сказала Милана. – В любой бинокль.
– Значит, маскировка, – решил я, разглядывая корабль. – Полусфера. Без затей.
– Или шар, – поправила Милана. – Или вообще не пойми чего, а наружу высунут купол.
Я кивнул.
Да, верно. Правило Миланы «смотри на то, чего не видно» работало и здесь.
– Мы даже не узнаем, где находились на Селене, – вздохнул я. – Жаль. Нельзя будет ткнуть с Земли пальцем в небо…
– Тебе не кажется, что всё это удивительно нелепо? – спросила Милана. – Рядом с нами межзвездный корабль, а мы должны оборонять его двумя шпагами!
– Мне кажется, это в первую очередь красиво, – ответил я. – А всё, что красиво, – правильно.
Милана обняла меня, прижалась шлемом к шлему. Сказала:
– Вот за это ты мне и нравишься.
Мы на миг замолчали. Наша лунная ночь еще длилась, но скоро она закончится.
– Где враги? – спросила Милана.
На стекле вновь появилась карта. Теперь на ней были и мы – две зеленые точки.
– Приближаются, – глядя на четыре красных отметки, сказал я. – Пошли к белому значку? Он же здесь не зря отмечен.
– Место для схватки? – предположила Милана. – Пошли.
Я уже начал ориентироваться в масштабе карты, хотя никакой шкалы там не видел. До белой точки было метров сто пятьдесят, до движущихся к нам врагов – не меньше километра. И перемещались они явно медленнее, чем мы.
– Жаль, что здесь всё так плоско, – сказал я, когда мы зашагали к белой точке. – Было бы хорошо спрятаться.
– Спрячемся, – сказала Милана, махнув рукой. – Смотри!
Я остановился, глядя вперед. Там стояло что-то, явно не имеющее отношения к Луне. Какая-то нелепая конструкция из металла, метра три высотой, на раскоряченных опорах… настолько чужеродная, что взгляд не сразу ее фиксировал.
– Какая-то техника Инсека? – предположил я.
– Максим… Это же американский корабль. «Аполлон»!
– «Орел», – машинально поправил я. – «Аполлон» – это ракета-носитель.
Да, это был древний лунный модуль. Тот самый, на котором люди впервые прилетели на Луну. Точнее, его посадочная часть, навсегда оставшаяся на Луне. Как же американцы обижались на Инсеков, разрушивших Луну, что они не сохранили это уникальное место, памятник истории и науки, что его больше не видно ни в какие телескопы…
Оказывается, памятник истории в целости и сохранности.
Просто точка посадки попала под маскировку корабля.

– Значит, они все-таки тут были, – сказала Милана. – А то всякие слухи ходили…
– Теперь мы знаем, где находимся, – заметил я. – Это Море Спокойствия. Мы на самом краю конуса Селены, до обрыва всего-то километров тридцать…
– А еще мы знаем, где будем ждать гостей, – сказала Милана. – Пошли, тут далеко видно.
И мы рванулись к посадочному модулю «Орла».
Чем ближе, тем понятнее становилась его конструкция. Господи, как на нем вообще люди летали! Металлические трубки, баки, обмотанная вокруг всех этих деталей рваная фольга – когда-то серебристая и золотистая, но сейчас почти везде выгоревшая до ровного серого цвета.
И тут был не только посадочный модуль. Валялась какая-то тонкая длинная палка с ленточками-лохмотьями на конце… упавший флаг? Какие-то небольшие контейнеры…
– Они тут аппаратуру оставили, – предположил я. – Может, заберем потом?
«Потом» было очень самонадеянным словом. Да и что нам делать со старыми американскими приборами?
Но мне хотелось загадать что-то «на потом».
– Знаешь, я вспомнила, – сказала Милана. – Они еще оставили свои подгузники на Луне. Так что не будем рыться, ладно?
– И о подгузниках говорить не станем, – попросил я. – Надо было спросить Инсека о туалете…
Мы остановились у хрупкой конструкции. Я потрогал металл рукой – и даже сквозь странный материал костюма ощутил короткое дыхание холода. Потом перчатка потеплела.
– Главное, чтобы у нас было «потом», – добавила Милана.
Мы переглянулись и, не сговариваясь, кивнули друг другу.
– Будет, – сказал я.

Глава третья

Посадочный модуль был достаточно тяжелым, чтобы даже при слабом тяготении Селены оставаться устойчивым.
Мы запрыгнули на опоры и встали так, чтобы корпус прикрывал нас от приближающихся врагов. Модуль представлял из себя решетчатую конструкцию высотой метра в три и диаметром метра четыре, внутри которой располагались баки и какие-то приборы. Он стоял на четырех металлических опорах, довольно хрупких с виду. Всё это было замотано в фольгу, почти рассыпавшуюся от времени и свисающую лентами и лоскутами. Мы оказались в тени, и увидеть нас со стороны, наверное, было бы крайне трудно.
А еще тут имелась видеокамера на штанге с помутневшим стеклом объектива, причудливый манипулятор с ковшом на конце, застывший в выкопанной в грунте ямке, какие-то антенны, торчащие вверх кабели с разъемами на концах…
Странно, я почему-то думал, что вся земная техника, когда-то долетевшая до Луны, находится здесь в неприкосновенности, будто законсервированная. Тут ведь нет воздуха, нет ветра, дождя или снега…
Но тут было солнце. Нет, не так. Солнце! Сейчас на Селене царила ночь, но днем, наверное, металл раскалялся. Потом резко начинал остывать. И так – семьдесят лет подряд…
Я всмотрелся в проглядывающую сквозь рваную фольгу теплозащиты поверхность бака. По нему тянулась тонкая, змеящаяся трещина.
Ничто не вечно.
Я смотрел на Милану и думал, что в этом изначально есть какая-то жуткая несправедливость. Мы мыслим, мы понимаем, что живем в невероятно огромной, по нашим масштабам – вечной Вселенной. Пытаемся ее понять. Пытаемся дотянуться до соседних планет… ну ладно, пытались. Строим какие-то планы, уходящие вперед далеко за пределы нашего срока жизни. Наша планета, пылинка по космическим меркам, и та существует миллиарды лет.
А мы и сотни не проживаем.
И то, что мы строим, рассыпается в пыль – даже на Луне.
Нечестно!

Может быть, эта нечестность когда-то и превратила Прежних в безжалостных правителей, держащих человечество на положении скота. Как они победили свою человеческую природу? Экспериментировали на людях? Раз за разом пересаживали себе молодые и здоровые органы, как, по слухам, поступают некоторые миллиардеры? Делали вытяжки из юных тел, как хрестоматийный злодей Жиль де Ре? Принимали ванны из крови девственниц, как графиня Батори?
Что ж, в какой-то момент они научились жить долго. Научились превращать людей в Слуг, научились делать из них солдат и отправились к звездам.
А человечество оставили на Земле?
Что же правда, а что ложь в нашей истории? Когда она началась и когда изменилась? Прежние ушли и вернулись – или все время оставались с нами?
– О чем ты думаешь? – тихо спросила Милана.
Я посмотрел на нее сквозь шлем, по стеклу которого ползли четыре красные точки.
– О Прежних. О Слугах. Почему они такие. Не станем ли такими мы.
– Клянусь оставаться человеком, – сказала Милана дурашливо. И отсалютовала шпагой. – Клянусь этим клинком, и… э…
– Землей над нашими головами, – подсказал я.
Она улыбнулась.
– И Землей… Тебе страшно?
– Немного, – сказал я. – Они сильные и быстрые. Их четверо. Будет трудно.
– Мы предложим им сдаться? – спросила Милана деловито. – Вступим в переговоры?
– Нет, – ответил я. – Мы попробуем напасть со спины. Подло и бесчестно.
– Идет, – сказала Милана. – Правила для людей, а они не люди. Почему они молчат?
Точки были уже совсем рядом. Метрах в пятидесяти. Если выглянуть – мы их увидим. А они увидят нас…
– Наверное, скафандры не способны перехватить их переговоры, – сказал я.
Но я был не прав.
Они просто молчали.
Ровно до тех пор, пока не подошли к посадочному модулю.
– Какая нелепая конструкция, – услышал я женский голос.
Ника.
– Для их уровня развития – прыжок выше головы.
Алекс.
Значит, пришли четверо из пяти, сопровождавших нас в Представительство? Почему не впятером?
Впрочем, хорошо, что их не пятеро.
– Люди построили это сами?
– Насколько мне известно, да. Хозяева им много позволяли… Все готовы?
– Да, – ответила Ника.
Еще два голоса повторили «да».
– Если всё прошло правильно, то тварь сдохла, – сказал Алекс. – Максим мертв или в коме.
– А женщина носится по кораблю и орет, – даже эту фразу Ника ухитрилась сказать без всяких эмоций. – Отдашь ее мне.
– Зачем?
– Очень самоуверенная. Я люблю с такими работать.
– Заберешь, – согласился Алекс. – Но если мы не сможем запустить экраны, то развлекаться придется здесь.
– Я запущу, – сказал незнакомый голос. – Я подготовлен к трофейной технике.
Посадочный модуль вздрогнул, слегка наклонился.
Ну ничего себе, он даже здесь весит не меньше тонны, да и масса никуда не делась!
Мы с Миланой замерли, глядя друг на друга.
– Зачем? – спросил Алекс ровным голосом.
Модуль замер.
– Идем быстро, – продолжал Алекс. – Я активировал глушитель, у нас ровно тридцать одна минута.
– Если Инсек мертв, – уточнила Ника.
– Даже если жив, он заперт в мертвом корабле. Время пошло.
И они замолчали. Просто замолчали и двинулись дальше, проведя свой брифинг. Пустые разговоры им были несвойственны, они в этом отошли куда дальше от людей, чем даже Прежние.
Что ж, я им признателен хотя бы за то, что они наговорили. Никаких сомнений, как поступать, больше не было и быть не могло.

Через мгновение они просто вышли справа от посадочного модуля, все вчетвером.
И я обалдел.
В мыслях я представлял их одетыми в какие-то скафандры. Похожие на земные или на эти странные, карнавальные, как на нас с Миланой. Или в какой-нибудь грозной броне, вроде силовой брони полицейских, ну, только в миллион раз современнее.
А они были вообще без скафандров!
Они были в штанах и рубашках!
В кроссовках!
Ну, кроме Алекса – тот остался в костюме и с галстуком, и Ники – та была в платье.
Они были в той самой одежде, в которой пришли в Представительство.
Просто так – на осколке Луны!
Им что, вакуум нипочем?
Лишь через мгновение я понял, что всё не так просто.
Вокруг них был воздух – тонкая голубоватая пленка, сантиметра два-три атмосферы, обволакивающей тела.
Если наши скафандры имели хотя бы какую-то материальную основу, пусть и выглядящую совершенно несерьезно, то их защищало силовое поле, удерживающее вокруг атмосферу.
Я сжал невесомый эфес, глядя на четырех «туристов», бредущих по ледяным лунным камням. На шее у каждого висели на ремнях какие-то предметы… оружие? Но вроде бы не наизготовку…
А потом идущий позади Слуга остановился и начал оборачиваться.
Может быть, он заметил какое-то движение.
Может быть, просто решил посмотреть на посадочный модуль «Орла» с другой стороны.
Может быть, он даже не увидел бы нас, накрытых тенью «Орла».
Но я подозревал, что его зрение куда совершеннее человеческого.
Я оттолкнулся – ботинки послушно отлипли от металла – и прыгнул к Слугам.
Прыжок вышел слишком высоким, я не мог полноценно приспособиться к силе тяжести. Я хотел опуститься рядом с ними, а вместо этого летел над головами Слуг.
Но в руках моих была длинная шпага – и я ударил, изогнувшись и потянувшись вниз.
Ударил прямо в лицо повернувшемуся Слуге, одному из тех, что и на Земле шел, замыкая процессию.
Шпага казалась совсем невесомой.
Я увидел, как расширяются его глаза, как открывается рот…
А нам удалось их удивить!
Клинок прошел сквозь воздушный пузырь (я до последнего ждал, что какая-то сила отразит удар) и рассек голову Слуги.
Будто арбуз…
Брызнуло красным и серым – мгновенно выцветающим, превращающимся в клочья, похожие на серую вату, едва кровь и мозги выносило за пределы воздушного пузыря.
Голова Слуги развалилась на две части. Меня будто потянуло вниз, вслед за движением вмиг потяжелевшей шпаги.
Я пролетел над головами Слуг, кувыркнулся в воздухе и опустился метрах в пяти перед ними, словно так и было задумано. Едва коснувшись камня, подошва ботинка прилипла к нему, костюм затвердел на миг, гася движение.
Всё это заняло какие-то неуловимые секунды.
Я стоял с одной стороны от Слуг, с другой замерла Милана, спрыгнувшая куда более осторожно.
Алекс и второй парень смотрели на меня, Ника развернулась к Милане. Та стояла с поднятой шпагой, но нанести удар не спешила.
Тот, кого я убил, медленно, будто в воде, опускался на лунный грунт. Окружавший его воздух улетучивался: странно, пузырями, похожими на мыльные, которые уплывали в сторону и лопались, рассеиваясь. Лишенное скафандра тело Слуги выцветало буквально на глазах. Синяя рубашка становилась белесой, темно-серые джинсы, напротив, чернели. А тело обретало серо-коричневый оттенок, почти неотличимый от лунной породы, топорщилось проступающей сквозь кожу изморозью.
Вакуум творит странные вещи.
– Ты меня поразил, Максим! – воскликнул Алекс. Голос у него был спокойным и даже дружелюбным. – Ну ты силен, бродяга! Браво! Переговоры?
Если бы я не помнил, как у моста он убеждал меня, что они хотят лишь поговорить…
Если бы нас не похитили.
Если бы меня не заразили.

Если бы я не слышал их разговора.
Я покачал головой.
– Тварь жива? – спросил Алекс.
То ли он тянул время, то ли все же рассчитывал меня переубедить. На своего мертвого товарища они даже не смотрели.
И впрямь нулевая эмпатия! Даже тот несчастный Измененный, монстр, с которым я когда-то дрался в Гнезде, был человечнее!
– Инсек жив, – сказал я и покачал головой. – Вы обделались.
– Ясно, – сказал Алекс. То ли услышал меня, то ли среагировал на жест. Поднял агрегат, который висел у него на груди и, несмотря на причудливый вид, ничем, кроме оружия, быть не мог. Две рукояти, широкий ствол… – Я понимаю, почему вы вооружены так архаично. Корабль включил энергетическое подавление. Но видишь ли… – Он улыбнулся. – Архаика бывает разной.
Он надавил спуск.
Мне показалось, что вначале я ощутил удар в грудь, а уже потом увидел вырвавшееся из ствола облако быстро оседающего дыма.
Я опустил взгляд.
На груди, чуть вдавленная в ткань костюма, повисла круглая капля. Свинцовый, слегка смятый шарик, вроде пуль у старинных мушкетов.
Он не пробил скафандр. И тот поглотил энергию выстрела!
Алекс снова нажал на спуск, и «мушкет» в его руках выпалил целую очередь. Он явно целился выше, и несколько пуль со звоном ударили в «стеклянный» шлем.
Шлем не разбился. Меня слегка толкало при каждом попадании, но скафандр как-то меня зафиксировал на месте.
А ведь Слугу тоже что-то держало на поверхности Селены! Он и шел обычными шагами, будто на Земле, и от выстрелов даже не пошатнулся!
– Тупиковая ситуация, – сказал Алекс совершенно спокойно. – Уверен, что мы должны убивать друг друга?
Он выпустил свой странный автомат, опустил руку к поясу. Снял с него цилиндр, похожий на маленький фонарик. Встряхнул. Из цилиндра выскользнул и мгновенно затвердел тонкий черный шнур, длиной чуть больше метра.
Его товарищ и Ника сделали то же самое.
Похоже, они готовились к ситуации вроде той, что сложилась.
– Холодное оружие непредсказуемо, – продолжал Алекс. – Лотерея.
Если бы он еще знал, что я не умею владеть шпагой!
– Уходите, мы не станем преследовать, – предложил я.
Алекс не отреагировал. Я запоздало подумал, что для него мои слова могут значить лишь одно – мы боимся схватки.
А может быть, он вообще меня не слышит? Скафандр транслирует его слова, но не мои ответы?
– Максим, – Алекс сделал шаг в мою сторону. Развел руки. – Ты не любишь Прежних, я тебя понимаю. Мы тоже от них не в восторге. Но бросаться к Инсекам в объятья?
Я ждал.
– Прежние – прошлое, но Инсеки – тоже прошлое, – продолжал Алекс. – Их мало, понимаешь? Думаешь, мы собираемся занять место Прежних? Править, как они? Нет, это глупо.
Он сделал еще шаг.
А я сделал выпад, пытаясь дотянуться до него острием шпаги.
Я вовсе не шутил, говоря Милане, что нам придется драться бесчестно.
Если бы мой удар был неожиданным, я мог бы его и задеть.
Но он ждал и уклонился. Рассмеялся. Взмахнул своим оружием – шнур был твердым, словно превратился в жесткую острую спицу. Шпага и шнур столкнулись, отскочили друг от друга, мы тоже отступили на шаг каждый.
Что-то показалось мне странным.
Ну ладно, шнур стал твердым, превратился в клинок… Но почему моя шпага так легко от него отскочила, а он сдвинулся лишь на несколько сантиметров? Словно я по стене ударил…
Алекс сделал еще один легкий выпад. Я не отреагировал.
Я уже понял, что он прощупывает меня. Пытается понять, насколько я владею оружием.
Но было что-то еще… что-то…
Я уставился на автомат, тяжело качнувшийся на груди Алекса.
Черт!

Да у него своя собственная сила тяжести! Он идет по Селене, словно по Земле!
Вот почему меня потянуло вниз, когда я ударил повернувшегося Слугу. Шпага попала в зону повышенной гравитации.
Алексу проще, он двигается как обычно.
Но если в равных условиях он сильнее, то сейчас у меня есть шанс.
Наверное.
Я быстро шагнул к нему – он легкой, пританцовывающей походкой отступил на несколько шагов. Но моей целью был не Алекс.
Я прыгнул вправо, оттолкнувшись от поверхности Селены. Прямо на второго Слугу. Тот ударил навстречу своим оружием, направив спицу куда-то в горло, в стык стеклянного шлема и скафандра.
Но я двигался слишком быстро, это был полет, а не прыжок – спица скользнула по скафандру, вспарывая ткань, ключица отозвалась болью, левая рука ослабела.
А правая стегнула шпагой по ребрам Слуги. Окружающее его поле удерживало воздух, но металл не отражало – я распорол рубашку, и брызнула кровь. Мы сцепились и упали – я почувствовал нормальную земную силу тяжести, выпустил шпагу и придавил его сверху, уткнув лицом в камни. Секунду мы боролись – он выворачивал руку, чтобы ударить меня в спину, это было совершенно невозможно для обычного человека, но его суставы уже начали гнуться вопреки человеческой анатомии. Шнур с явственным шипением уменьшался, втягивался в рукоять, превращаясь в длинный тонкий стилет, а сжимавшая его рука удлинилась и вывернулась под немыслимым углом.
Но в этот миг мои пальцы нащупали рукоять автомата, я дернул его на себя, упирая ствол в бок Слуги. И нажал тугую скобу спуска.
Автомат задергался, выплевывая свинец прямо в тело хозяина.
Я почувствовал легкость, будто поверхность Селены стала проваливаться под нами. Что бы ни создавало повышенную гравитацию, но она исчезала, когда Слуга умирал.
Стилет слабо ткнулся мне в спину, сжимавшая его рука ослабла. Я по-прежнему давил на спуск, вывернув локоть и водя стволом по телу слуги. Отдача ощущалась на удивление слабо. Во все стороны летели кровавые брызги, вскипая и выцветая за пределами воздушного пузыря. Он все еще был жив, его организм продолжал сопротивляться.
Краем глаза я скорее почувствовал, чем увидел, движение и перевернулся набок, закидывая Слугу на себя. Шнур в руках Алекса описал дугу и вместо моей шеи разрубил затылок его товарища. На шлем густо плеснуло красным – и притяжение вернулось к десятой доле земной нормы.
В то же мгновение я отшвырнул тело Слуги на Алекса и вскочил сам.
Плохо было то, что мне не удалось удержать в руках автомат, он остался на шее убитого.
Но зато Алекс, уворачиваясь от летящего в него тела, отступил назад.
Моя шпага все еще опускалась вниз, я поймал ее у самой поверхности Селены. Глянул на Милану.
У нее всё было сложно. Она сражалась с Никой, и похоже, что женщина-Слуга холодным оружием владеть умела. Быстрые, четкие движения, она дралась так, словно в руках у нее была спортивная рапира. Только колющие удары, но стремительные и обдуманные. Милана отражала натиск, но ее сковывала слабая гравитация и необходимость все время удерживать одну ногу на поверхности: она могла отступить, но не могла отпрыгнуть. Ника вела себя словно на Земле – двигалась, отпрыгивала, плела длинной спицей затейливый узор.
А я не мог вмешаться. Алекс наступал, похоже, он уже вполне понял, что я умею, а где только импровизирую. Сраженный нами Слуга медленно перекатывался по поверхности, словно невесомая кукла. Бок и живот были разворочены, оттуда выплескивалась кровь и вываливались какие-то куски, затылок рассечен, воздушный пузырь улетучился… но мне показалось, что парень еще жив и даже пытается зацепиться за ледяные камни.
Вот фокус будет, если он оживет, встанет, вновь покроется воздушной оболочкой и присоединится к схватке!
Впрочем, с меня хватит и Алекса.
Мой костюм мгновенно зарос там, где его разрезало оружие врага. И рука вроде как более-менее действовала. Но я все же чувствовал легкую боль и скованность движений.
А мой враг еще ничуть не пострадал.
Алекс больше не пытался вести диалог. Всё сказанное раньше тоже было лишь словесной шелухой – никаких серьезных переговоров Слуги не планировали.

Неужели Инсек всерьез рассчитывал, что мы справимся со шпагами в руках?
Хоть бы автоматы какие-то дал, раз уж они работают у Слуг!
А он вручил две шпаги! Два куска острого металла, который сотворил корабль из самого себя. Точно так же, как он строит стены и проходы из своей податливой металлической плоти…
Ну да.
Это же не просто килограмм металла.
Это килограмм субстанции, похожей на металл и принимающей любые формы. Какая-нибудь смесь наночастиц. Точно так же в Гнезде этот «металл» превращался в двери. А в Представительстве, наверное, именно он формировал экраны, через которые можно было перенестись к Инсеку.
Если бы шпага была хотя бы длиннее…
Я взмахнул клинком.
Мне показалось, или шпага и впрямь вытянулась сантиметров на двадцать?
Алекс остановился. Значит, не показалось!
– Милана, клинок подстраивается! – выкрикнул я.
И тут Алекс кинулся ко мне. «Шнур» в его руке зазмеился, тоже удлиняясь и вытягиваясь в мою сторону.
Но главным было то, что он начал спешить. Значит, боялся, что я разберусь с возможностями своего оружия!
Я взмахнул шпагой, представляя, как клинок вытягивается, перехватывает шнур… утончается, рассекая его.
Клинок дернулся, направляемый уже не движениями моей руки, а посланной мыслью. И перерубил шнур посередине.
Остаток мгновенно втянулся в рукоять, будто почувствовавший боль червяк.
Впрочем, я бы ничуть не удивился тому, что этот шнур – живой.
Алекс не пытался больше стрелять и цилиндр тоже отбросил. Он подскочил ко мне, уклоняясь от клинка, стиснул железной хваткой. Лицо его было совсем рядом, за стеклом шлема, все такое же спокойное и собранное, обтянутое тонкой воздушной пленкой. Только в глазах читалась ярость.
– Не выйдет… – сказал он.
И меня рвануло вверх вместе с ним. Рвануло так сильно, что скафандр утратил сцепление с почвой.

Глава четвертая

Мы взлетали над поверхностью Селены, вцепившись друг в друга, скрючившись, как шестьдесят лет назад взмывали над Луной Нил Армстронг и Эдвин Олдрин в своей хлипкой палатке из фольги и дюралевых палок. Под нами темнел потрепанный посадочный модуль «Орла», около которого лежали два трупа и дрались на шпагах две женщины. Чуть в стороне исполинским волдырем выпирал из грунта корабль Инсека.
Потом в одно мгновение всё исчезло – и ступень «Орла», и чужой корабль. Мы вышли за пределы маскировочного поля и видели теперь не больше, чем земные наблюдатели.
Мы взлетали все выше и выше, в черное звездное небо, где на фоне лунного кольца застыл у горизонта бело-голубой шар Земли. Наша траектория начала изгибаться, мы мчались к горизонту на высоте нескольких сотен метров… если меня не подводил глазомер.
Алекс каким-то образом управлял гравитацией.
Я отчаянно боролся, пытаясь вырваться из его рук. Потом перестал. Мы были уже слишком высоко, если я и не разобьюсь при падении, то добираться к кораблю придется очень долго.
Так он же, наверное, этого и хочет!
Пробить скафандр ему не удалось, его странная «шпага» была повреждена. Но если сбросить меня подальше от корабля, я уже не доставлю проблем. Алекс крепко обхватил меня, и шпага в свободной руке не могла помочь, мне не изогнуть руки так, как умеют Слуги.
Я повернул голову. Не хотелось смотреть в это спокойное ледяное лицо. Я хотел лишь оценить высоту, но то, что увидел, заставило меня испугаться по-настоящему.
Мы приближались к краю Селены.
Мы неслись над вздыбленным «склоном», бывшей лунной поверхностью, по-прежнему обращенной к Земле.

Алекс не собирался бросать меня на поверхность, куда я мог упасть более-менее плавно.
Он собирался выкинуть меня в «пропасть», в открытый космос. Возможно даже, придав достаточное ускорение, чтобы навсегда превратить в спутник Селены.

Представьте себе исполинский, широченный каменный конус.
Он так огромен, что любая планета была бы счастлива иметь подобный спутник. Высота конуса около двух тысяч километров. Точно посчитать трудно, ибо вершина конуса – раскаленное ядро бывшей Луны. Оно расплылось, будто просочившийся из кондитерского кулька крем, застыло многолучевой звездой, местами уже окаменевшей, покрывшейся серой коркой, местами все еще кипящей и светящейся.
Но основание конуса, навечно обращенное к Земле, выглядит вполне обыденно. Мертвая серая равнина с горами, кратерами, скалами. Всё меняется лишь у боковой границы конуса, где немыслимая сила когда-то вспорола Луну. Полоса шириной более ста метров (астрономы называют ее «линией вскрытия») выглажена, будто хорошее шоссе. Там нет ни скал, ни кратеров, всё перемолото и сплавлено в ровную поверхность.
А за линией вскрытия начинается пропасть, уходящая во Вселенную. Боковая поверхность Селены уже далеко не такая ровная. Вначале, конечно, она тоже была гладкой, но несчастный огрызок Луны продолжает жить, его сотрясают селенотрясения, сдвигаются пласты пород, вываливаются глыбы – порой многокилометрового размера, вскрываются подземные полости, которыми Луна буквально напичкана…
И к этому краю сейчас летели два человека. Без всяких видимых движителей. И если один из них, я, был хотя бы в подобии скафандра, при всем его мультяшно-несерьезном виде, то второй выглядел словно Супермен, парящий в космосе без всяких защитных приспособлений: молодой, красивый, в деловом костюме.
Если такие технологии доступны Слугам, то что же есть у Прежних?
Алекс молчал, глядя мне в глаза.
Лучше бы он что-то говорил!
Ругался, угрожал, проклинал, издевался, высмеивал. Что угодно! Это была бы понятная реакция.
Хоть бы злобно оскалился, усмехнулся, рожу состроил!
А он спокойно смотрел на меня, держал мертвой хваткой, не давая пошевелиться.
И явно ждал, когда мы перелетим через «линию вскрытия».
Почему Прежние лишали своих Слуг эмоций? Я не сомневался, что это осознанное действие. Нет, конечно, у них остались какие-то чувства, адресованные самим себе, – желание жить, властвовать, заниматься сексом, жрать, в конце концов. Но всё, что проецировалось на окружающих, и позитивное, и негативное, было отсечено, словно шестьдесят процентов Луны от Селены.
Наверное, это то, что Прежние считали опасным. И любовь, и ненависть одинаково могут привести к неповиновению. Слуга, который может влюбиться, способен не выполнить приказ. Слуга, который может возненавидеть, тоже способен не подчиняться.
Но все-таки они чего-то не учли. Если уж эти Слуги затеяли бунт против Прежних, значит, и оставшихся эмоций им хватило.
Жаль, что Алекс, уверенный в победе, не начинает упоенно рассказывать мне, чего они добиваются, как поступает любой злодей в кинофильме.
Впрочем, для того чтобы этой информацией воспользоваться, мне придется как-то его убить.
Я еще раз попытался вырваться. Нет, не получалось. Он был немногим меня сильнее, я чувствовал, что в ответ на мои движения Алекс тоже напрягается. Но все-таки вырваться я не мог. Даже рука, по-прежнему сжимавшая шпагу, была зажата. Нет, если я смогу заставить шпагу сократиться… превратить в кинжал, как делал Слуга, с которым я боролся…
Нет, все равно ничего не выйдет. Замаха не будет. Я смогу беспомощно потыкать Алекса в спину, работая одной лишь кистью. Что ему легкие порезы, если они выживают после огнестрельных ран?
Край Селены всё приближался.
Я сильно мотнул головой. Раз, другой, ударяя Алекса стеклом шлема по лицу. Кажется, мне удалось сломать ему нос, потекла кровь, срываясь крупными каплями на лацканы костюма. Но он даже не моргнул.
Что я делаю не так?

Пытаюсь победить силой – не получается.
Пытаюсь сделать оружие удобнее – тоже не получается.
Но ведь это не просто клинок переменного размера! Это не шпага, которая может стать длиннее или превратиться в кинжал!
Это нечто движущееся, принимающее любую форму… если только отдать правильный приказ…
А у меня это получалось. Тут что-то похожее на общение с Гнездом, только гораздо проще…
Алекс насторожился, видимо, заметил что-то в моем лице. И мы изменили направление полета, стали стремительно снижаться, приближаясь к краю Селены.
Но в этот момент зажатая в моей руке шпага вздрогнула, потекла к эфесу, сминаясь в металлический ком.
«Убей его», – попросил я.
Металлическая масса, маскировавшаяся под шпагу, словно ждала этого приказа.
Я почувствовал, как она вздрогнула, изменяясь. За спиной Алекса возникли два кривых металлических лезвия, похожие на челюсти исполинского жука.
Мне даже не пришлось шевелить пальцами – лезвия сами сошлись, захватывая шею Слуги и мягко, будто секатор – сухую ветку, разрубая шею.
– Мать твою! – завопил я, когда наш полет прервался.
Мы падали вниз, мертвое тело Алекса по-прежнему сжимало меня, конвульсивно вздрагивая. Отсеченная голова отставала, летела следом, в голубом воздушном пузыре, мигая и шевеля губами.
Да что ж такое, не многовато ли отсеченных частей тела я навидался за последние сутки?
Отцепившись от обезглавленного Слуги, я повернулся лицом вниз.
Серая безжизненная равнина приближалась.
Я когда-то видел передачу, где рассказывали о силе тяжести на поверхности Селены и Дианы. На Диане вообще был какой-то мизер, а вот на Селене около одной десятой земного притяжения. Неравномерно, ибо Селена, увы, не была шаром. Но пусть даже одна десятая… Сейчас я падал с высоты около сотни метров. Падало и тело Слуги, переставшее управлять гравитацией.
Воздуха здесь нет, меня ничто не тормозит. Так что упаду я быстро, секунд за пятнадцать… и это будет все равно что спрыгнуть с третьего или четвертого этажа на Земле.
Нет, конечно, некоторые после этого встают, отряхиваются и уходят на своих ногах… Но в основном их увозят.
Почему я не занимался парашютным спортом? Хоть сгруппировался бы как-то…
Я попытался повернуться, выкрутиться боком к приближающейся поверхности.
Говорят, что падать лучше боком…
У меня ничего не получилось. Теперь я падал головой вниз. Впрочем, сошедшая с ума вестибулярка уже ни в чем не была уверена. На несколько мгновений мне почудилось, что я завис в пустоте, а на меня сверху неумолимо надвигается поверхность Селены.
Небо падало на меня, чтобы раздавить.
Я не то чтобы боюсь высоты.
Я просто ее недолюбливаю.
Она рациональная и безжалостная, будто Слуги.
Чистая физика.
Физику я тоже недолюбливаю, хоть и учился на пятерки…
Я закричал, вытягивая руки к стремительно приближающейся серой равнине. И увидел, как сжатый в ладони эфес шпаги с двумя кривыми лезвиями начинает трансформироваться. Превращается в длинный шест, устремляющийся вниз… или вверх… в общем – к поверхности Селены.
Впрочем, у меня были все шансы не упасть на поверхность, а пролететь мимо – в пустоту!
Я как-то очень четко представил, что произойдет при этом. Я, конечно, все равно упаду, Селена меня притянет. Но упаду на боковую поверхность конуса.
И сила притяжения потащит меня вниз.
Может быть, я зацеплюсь, а не буду кувыркаться тысячи километров, ломая кости, до самого огнедышащего ядра. Тогда мне предстоит безумное восхождение по скале. Под отрицательным углом, скорее всего. Даже слабое притяжение не поможет.
Сделать ничего я уже не мог. Падал на край и смотрел вниз.
Потом вытянувшийся металлический шест ударил в камень и начал не то сминаться, не то втягиваться, гася удар.

Когда я коснулся камней, движение было почти погашено. Я все-таки ударился, довольно болезненно, шлем сильно стукнуло о камни, а мою голову – о «стекло».
Но шлем не разбился. Он явно был куда прочнее, чем выглядел.
Несколько секунд я лежал, глядя на край Селены, обрывающийся в пустоту парой метров выше меня. Потом посмотрел назад.
Каменистая равнина уходила вниз кажущимся бесконечным склоном.
Камни подо мной слабо вздрогнули – это упало рядом обезглавленное тело Алекса. Ему повезло меньше, ногами оно оказалось на поверхности, туловищем перевалилось через край.
И медленно, неотвратимо начало сползать.
Я хлюпнул носом. Нос болел, но крови, к счастью, не было. Не хватало еще залить скафандр кровью.
Кстати, о «залить» – в туалет мне больше не хотелось. Видимо, я сильно испугался. Но скафандр, похоже, собрал всю лишнюю жидкость очень быстро и эффективно.
– А про это мы никому не расскажем, – пробормотал я, глядя на сползающее тело Слуги. – Никому-никому. Я был бесстрашным героем.
Моя бывшая рапира превратилась в широкий крестообразный крюк, крепко вбитый в камень. Я потянул руку – крюк словно бы утончился и вылез.
Очень медленно и осторожно я пополз к телу Алекса. Даже не знаю, почему я хотел удержать его останки от падения в бездну.
Но не успел.
Мелькнули подошвы туфель – ровные, в аккуратный мелкий рубчик на носках. И тело исчезло.
А потом сверху пронеслась голова, будто стремясь догнать тело, – и вдруг вспыхнула, стала на миг ослепительно ярким шаром и исчезла…
Что это?
Я подполз к краю, высунул голову и посмотрел вниз.
Жуть.
Черная бездна с иглами звезд.
Неровная, изломанная боковая поверхность Селены.
Кувыркающее, катящееся по ней тело Слуги.
И бьющий снизу свет Солнца, чей выступающий край полыхал, будто исполинский прожектор. Стекло скафандра мгновенно потемнело, защищая глаза, но Солнце все равно пылало невозможно ярко – и летящая вниз отсеченная голова Алекса казалась раскаленным болидом…
Я отполз от края.
Сглотнул вставший в горле комок. Вот уж не хочется проверять, сумеет ли скафандр утилизировать рвотные массы.
Как далеко меня утащил Алекс?
Вроде как точка посадки «Аполлона-11» находилась в тридцати с небольшим километрах от края. Можно дошагать, можно добежать… знать бы, куда…
– Милана! – крикнул я без всякой надежды услышать ответ.
– Максим!
Связь была устроена потрясающе. Я слышал голос Миланы очень отчетливо, но словно бы издалека.
– Милана, ты в порядке? – спросил я, чуть расслабившись.
– Да!
– Что с этой… стервой?
Короткая пауза.
– Максим, я ее убила… Максим, я сама не пойму, как смогла. Максим, ты где?
– Далеко, – ответил я. – Подожди, хорошо? Жди возле американского корабля. Ты можешь подождать или пойдешь к Инсеку?
– Я подожду, – ответила Милана. – Ты долго?
– Часа три добираться, – сказал я. – Он меня утащил.
– Алекс жив?
– Уже нет, – сказал я после секундной заминки. – Жди, я буду спешить. Инсек еще десять часов будет восстанавливаться.
Возражений не последовало, и у меня болезненно сжалось сердце.
Значит, так…
Я не знал, понимает ли скафандр мысленные приказы. Может быть, и понимает, в конце концов шпага превратилась в амортизатор без всякой команды.
А может быть, и нет.
– Всё, пока, – сказал я. – Конец связи.

Осторожно поднявшись, я посмотрел вниз «по склону».
Мне не понравился последний вопрос Миланы.
«Алекс жив?» – так можно спросить о друге. Или хотя бы о ком-то нейтральном. Милана должна была спросить, убил ли я «этого козла». Или «прикончил ли гада». И уж, конечно, она помнила, что Инсек говорил о нескольких часах, а не называл точные цифры.
– Скафандр, отключи передачу звука, – сказал я. – Покажи карту.
Ответа не было, но карта на стекле возникла.
Корабль Инсека. Белая точка «Орла». Край Селены и зеленая точка – это я.
Возле «Орла» были две точки. Зеленая и красная.
Милана не справилась.
– Скафандр, – сказал я. – Если есть какая-то возможность маскировки, то включи ее. Не передавай точные данные о моем местонахождении.
Вот тут я совершенно не знал, есть ли хоть какой-то эффект от моих слов.
К сожалению, Инсек не обеспокоился обратной связью скафандров.
Но в любом случае я должен был спешить.
Я сделал шаг вниз по «склону».
Остановился.
Нет, не годится.
Даже на Луне астронавты передвигались медленнее, чем на Земле. И как раз по причине меньшей силы тяжести. Каким бы это ни казалось странным, но для бега нужно нормальное, привычное притяжение.
На Селене все еще хуже. Каждый шаг будет сопровождаться прилипанием ботинок к камням. Если же я сумею отключить это прилипание, то буду медленно парить в воздухе при каждом шаге.
Не устанешь, но и не разгонишься.
Хорошо, что я могу сделать?
Прыгать, конечно же.
Скакать, словно кенгуру.
Разогнаться – меня ведь не тормозит воздух. Да и притяжение Селены играет мне на руку, я словно бегу под гору.
– Я иду, – прошептал я.
Сделал несколько шагов, убедившись, что нормально бежать тут и впрямь не получится.
Оттолкнулся двумя ногами и прыгнул.
Меня подбросило метра на три вверх и метров на десять вперед. Я опускался томительно медленно, но, кажется, набирал скорость в полете, гравитация помогала.
Вот сейчас будет самый сложный момент…
Я попытался вновь оттолкнуться, но эти слишком умные ботинки намертво прилипли к камням! Меня качнуло вперед, я почти коснулся шлемом камней, выпрямился.
– Не надо прилипать, – умоляюще попросил я скафандр. – Когда приземляюсь, прилипать к камням не надо. Я оттолкнусь и снова прыгну. Прыжок за прыжком. Понимаешь?
Скафандр понял, но далеко не сразу.
Я прыгнул раз пять или шесть, и каждый раз скафандр упрямо гасил движение, фиксируясь на камнях. Я ругался с ним, словно с живым и очень тупым человеком. Скафандр, вероятно, считал тупым меня.
Наконец он смирился. В очередной раз коснувшись поверхности после прыжка, я не «прилип» к камням, а оттолкнулся и прыгнул снова.
Выше, дальше, быстрее – как в олимпийском лозунге.
Это было как при работе на компьютере, где старательный текстовый редактор пытается выправить незнакомое слово, превратить «паяц» в «паять», к примеру. Если программа совсем тупая, то воевать с ней можно до бесконечности. Но хорошая программа после третьего или пятого повторения начинает подозревать, что такое слово существует, и больше не пытается его выправить.
Вот и у меня со скафандром случилось что-то подобное. Мы словно притерлись друг к другу.
К сожалению, к Селене так притереться не получалось.
Мне удалось разогнаться, не знаю уж, до какой скорости, может быть, до тридцати, а может, и до сорока километров в час. Я взмывал в черную пустоту, несся над опускающимся вниз «склоном», а опустившись – отталкивался. Наверное, скафандр как-то гасил удар, иначе я поломал бы ноги. Низкий вес мало что значит, дело в массе, а она всегда неизменна.

Главная проблема заключалась в том, что я не знал, куда занесет меня прыжок. Управлять собой в движении без атмосферы я уже никак не мог. Оставалось лишь прыгнуть и ждать – что окажется под тобой.
Вначале мне везло, склон был ровным.
Потом я опустился на россыпь мелких и острых камней, чудом не вывихнул ноги и, оттолкнувшись, ушел в сторону с маршрута.
Потом я перелетел через трещину шириной метров десять и неизвестной глубины – сплошная тьма, дна не видно. Может быть, край Селены готовился отвалиться по этой линии…
Потом был кратер со скользким дном. Не знаю, на чем повело мои ноги – на лунной пыли, припорошенном песком льду или металлической жиле. Но я упал, долго катился по поверхности, разбил лоб и выпачкал шлем кровью. В то, что «стекло» не разобьется, я уже твердо верил, но это все равно было неприятно. К тому же пришлось вновь разгоняться…
Но вот за что скафандр можно было благодарить бесконечно – он обо мне заботился. Я уж не говорю про то, что он впитывал все физиологические жидкости – кровь со шлема тоже как-то незаметно исчезла. И даже про то, что температура оставалась комфортной, не было ни жарко, ни холодно.
Он, похоже, еще и поил меня. В какой-то миг в горле совсем пересохло, я мимолетно пожалел о том, что никаких поильников тут не предусмотрено… и вдруг жажда исчезла.
Может быть, чешуйчатая ткань прилипла к моей коже, вросла в нее, дотянулась до сосудов? Или тут действовали какие-то устройства, о которых я и не догадывался, направлявшие жидкость прямо в кровь или желудок?
Я не думал об этом.
Я прыгал, глядя на карту, где мерцали два огонька, красный и зеленый.
Видит ли мое приближение девушка Ника?
Жива ли Милана?

Глава пятая

Я словно отключился от всего, кроме движения. Запретил себе думать о чем-то другом. Моя спасительная шпага превратилась в короткую дубинку с гардой, «склон» вел все ниже и ниже, Земля висела за спиной, и где-то там, в центре Москвы, ждала меня Дарина… которой я вновь изменил.
Мерзкая, трусливая мысль вдруг мелькнула в сознании: если Милана погибла, то этот безумный любовный треугольник, в котором я мечусь, исчез.
Нет, только не подумайте, что я этого хотел!
Но – мысль проскочила.
Если бы я верил в Бога, то подумал бы, что человек изначально склонен ко злу. Грехопадение, козни дьявола и всякое такое.
Но Бог и космические пришельцы как-то слабо совместимы, мне кажется.
Люди и без дьявола умеют быть мерзкими. Просто нам удобно перекладывать на других свои грязные мыслишки и делишки.
Я вдруг представил, как отреагировала бы Дарина, услышь она мою мысль о Милане. Да она бы отшатнулась с омерзением, не сомневаюсь!
Так что же, Измененные лучше, чем мы?
Да. Наверное, лучше.
Может быть, потому, что связаны Гнездом. Если Слуги – это эгоизм в абсолюте, безразличие к чужим мыслям и чувствам, то Измененные – их полная противоположность. Нет, они не коллективный разум, не скованные единой волей разумные насекомые, но они чувствуют друг друга. И я это ощутил, когда был призван.
Только бы Милана осталась жива!
Я не пытался засечь время, да и не знал, способен ли на это скафандр. Может быть, он и кофе мне мог сварить, да только как это понять, инструкция не прилагалась.
Но мне кажется, что прошло около часа, прежде чем пространство перед глазами неуловимо изменилось. Словно мигнул кадр на экране: вот я в очередной раз взмываю вверх, передо мной плоская унылая равнина; в следующий миг на ней появляется неуклюжая посадочная ступень «Орла», а за ней – вырастает из грунта темный купол чужого корабля.
Я вернулся в зону маскировки Инсека.

Каждый следующий прыжок я делал все короче и короче, и то ли успел научиться такому передвижению, то ли мне просто повезло, но я даже ни разу не упал, остановившись метрах в пятидесяти от «Орла».
Привалившись спиной к трубчатой опоре, сидела Милана.
Выглядела она так, словно устала и присела отдохнуть. И задремала. Ну да, конечно…
Больше никого рядом не было.
Но красный огонек на карте горел.
– Убери карту, – велел я скафандру. – И включи связь!
Огонек погас. Наверное, это значило, что и связь возобновилась?
Я стоял и смотрел на девушку. Стекло ее шлема было равномерно-темным, непроницаемым.
Потом сказал:
– Не будем притворяться. Милана жива?
Из-за ступени вышла Ника. Как я ее не видел раньше?
У Слуг есть какая-то маскировка?
А почему бы и нет? У монстров, нападавших на Гнездо, была.
– Хорошо прыгаешь, – сказала Ника. – Да, она жива, только неподвижна.
Как же это жутко выглядело! Молодая, красивая девушка, стоящая в безвоздушном пространстве на ледяных камнях. Летнее платьице… и тонкая пленка воздуха вокруг.
А почему я ее слышу?
И, кстати, как она слышит меня?
– Это хорошо, что ты меня слышишь, – сказал я. – Алекс не мог.
– Я подключилась к ее скафандру, – ответила Ника, кивнув на неподвижную Милану. – Сильная технология, но любая технология уязвима… Алекс мертв?
– Да, я его убил.
– Тогда я была совершенно права, сохранив ей жизнь, – сказала Ника с ноткой гордости. – Алекс был склонен недооценивать людей.
Она медленно пошла мне навстречу.
– Приближаться не надо, – сказал я. Встряхнул рукой – комок металла на эфесе вытянулся, вновь превращаясь в шпагу.
– Разобрался, – понимающе кивнула Ника. – Ясно. Максим, никакой взаимной симпатии мы не испытываем, притворяться не стану. Ты бы с удовольствием уничтожил меня. А я – вас обоих. Но у нас патовая ситуация. Учти, твою девушку я могу убить в любую секунду. Это – твоя уязвимость.
Я молчал.
– Моя уязвимость, – продолжала Ника, – твои возможности. Очевидно, Призыв дал тебе больше, чем мы думали. Я решила оставить девушку живой, пока не станет ясно, убил ли тебя Алекс. И это было правильным решением. Теперь у нас есть предмет для торга.
– Да ну? – удивился я.
– Как ни странно, наши интересы могут и совпадать, – Ника улыбнулась. – Немного времени у нас еще есть. Десять минут для разговора, хорошо? И примешь решение.
– Что с Миланой? – спросил я.
Ника снова улыбнулась. И в тот же миг Милана дернулась, попыталась подняться на ноги. Ее отнесло от опоры «Орла», она упала на четвереньки, неловко поднялась, взмахнула руками, удерживая равновесие.
– Да всё с ней в порядке, – сказала Ника. – Я контролирую ее скафандр, понимаешь? Он и не давал ей двигаться. Можешь подойти.
Стараясь не приближаться к Слуге, я сделал несколько шагов к Милане. Я уже видел, что она жива, видел ее лицо за посветлевшим стеклом шлема. Я даже успел кивнуть ей и поймать ответный взгляд, беспомощный и яростный – Милана вновь застыла, теперь стоя, а стекло шлема вновь стало непроницаемо-черным.
– Поговорим? – спросила Ника.
– Давай, – согласился я.
Нике я не верил ни на грош. И во взаимные интересы не верил тем более.
Но выбора у меня не было.

Странный это был разговор – в самой знаменитой точке бывшей Луны, рядом с кораблем Инсека и посадочной ступенью «Орла».
Мы с Миланой, в своих опереточных скафандрах, и девушка Ника, стоящая в вакууме в тоненьком летнем платье.

– Чтобы внести ясность, – сказала Ника. – Вы мне не нравитесь не по личным мотивам. То, что вы мутили с Инсеком и Прежними, защищая Гнездо, меня не касается. Мы в той заварушке не участвовали.
– Тогда откуда ненависть? – спросил я.
Ника тихо рассмеялась.
– И впрямь, откуда? За что можно ненавидеть ухоженного мальчика-мажора, у которого всё в жизни схвачено? За что можно ненавидеть смазливую и умную телку, отбоя не знающую от парней?
Я смотрел на нее, ничего не понимая.
Она что, завидует?
Кому? Мне, Милане? Деньгам, внешности, уму?
Она и сама симпатичная, что уж притворяться, взгляды притягивает…
– Ты тоже красивая, – сказал я. Пытаясь не подольститься, а понять. – И по Луне чуть ли не босиком ходишь…
Ника снова рассмеялась.
– О да. Теперь – да… Не важно, Максим. Повторю – ничего личного, а значит, мы можем договориться.
– Вы служите Прежним.
– Ну так и ты договорился с Иваном, верно?
Я пожал плечами.
– Слушай внимательно, – Ника подошла на несколько шагов. Как же дико это выглядело! У нее даже платье при движении развевалось. – Да, Прежние создают нас как своих подручных. Дают большую силу, ловкость, долголетие. Но мы ничего не решаем. Свободу у нас забирают, мы не можем причинить зла Прежним!
– И эмоции, – добавил я.
Ника покачала головой:
– Эмоции у нас на месте. Ты имеешь в виду эмпатию? Обычно ее сами отдают. Те, кто поумнее. Дураки оставляют себе сопереживание людям, но они долго не живут.
Я нахмурился:
– Не понимаю. Зачем?
– Я родилась в одна тысяча девятьсот сорок третьем году. Слугой стала в шестьдесят четвертом. О ком мне переживать? О матери? Она была тупым быдлом, работала на стройке, там и померла. О подругах? Они меня презирали. Я была глупой. Неразвитой. Наивной. С такими не дружат! О парнях? Я была некрасивой. Даже трахали лишь по пьяни! Когда выпал шанс стать лучше, мне, как и всем, предложили выбор – сохранить чувства к людям или избавиться от них. Я долго смеялась! Какие чувства, к кому?
У меня даже похолодело всё внутри. Я вдруг понял, как это бывает – у Прежних и их Слуг.
Им ведь не нужны красивые или умные. Таких, наверное, они использовали иначе. А вот глупые, уродливые, затравленные, живущие без любви, без дружбы, в беспросветной череде нелюбимой работы, без перспектив, с одной лишь глухой, безнадежной завистью ко всем, кто красив и любим, кто умен и талантлив… О, какие из них должны получаться замечательные Слуги! Недалеко, в общем-то, ушедшие от людей, но жадно схватившиеся за обретенную красоту, ум, силу, молодость. Ненавидящие и презирающие людей. Преданные своим благодетелям…
– Почему тогда вы пошли против Прежних? – спросил я.
Ника нахмурилась.
– Мы бы не пошли. Если бы не Инсеки… они разрушили всё. Они сломали наш мир. Украли нашу мечту.
– Стать Прежними? – уточнил я.
– Да. Это случается редко, но иногда, за особые заслуги, нам дается шанс. Но… всё изменилось. Прав стало меньше, возможности исчезли. Служить и ждать… надеяться, что Инсек сдохнет и всё вернется на круги своя. Прежним легко ждать. Нам – нет.
– Решили убить его и выслужиться?
– Нет, теперь мы хотим большего, – Ника усмехнулась. – Земля изолирована, колонии сами по себе. Бесконечные войны – тупиковый путь. Мы хотим получить свое. Свой мир, свое стадо, свое развитие. Мы – гибче Прежних. Мы учтем их ошибки. Сотня-другая лет…
Как легко она это произнесла!
Произнесла и замолчала, словно решила, что информации достаточно.
– Мы уничтожаем Инсека, забираем корабль, создаем канал и улетаем с Земли, – продолжила Ника. – Остальное нас не волнует. Разбирайтесь с Прежними, мы

подскажем их слабые места. Пусть Земля станет планетой людей. Мы заберем немного, лишь на первое время. Два-три миллиона голов нас устроит.
– Так просто? – спросил я.
Она не поняла иронии.
– Конечно. Прежних мало, у вас будет шанс справиться. Вселенная огромна. Разойдемся с миром.
– Как-то очень легко отдаете нам планету, – заметил я.
– Все равно не удержите, – сказала Ника беспечно. – Убьете Прежних, дорветесь до их технологий. И что? Ваши правители займут их место. Понимаешь, жизнь человеческая так устроена, что есть стадо баранов и пастухи. Если пастухов не станет, бараны выберут новых, из своих рядов. Читал книжку «Скотный двор»? Это про вас, людей.
– А вы не бараны.
– Мы псы. Которые хотят стать волками. Как тебе такое предложение, Максим?
Я посмотрел на Милану, застывшую в нелепой позе. Потом снова на Нику – та стояла расслабленно, свободно. Но я знал ловкость Слуг.
– В книжке правили не волки, а свиньи… – сказал я. – Беда в том, что я не могу тебе доверять. Ну к чему вам с кем-то договариваться? Не вижу смысла.
– Твой единственный шанс – довериться, – ответила Ника.
– Не могу.
– Тогда ты и твоя подружка умрете.
– Или ты, – сказал я.
Ника размышляла.
– На какой мирный вариант ты согласен?
Наверное, это значило, что мои шансы победить непозволительно высоки. А значит, надо было сражаться.
Но я устал. Я не знал, что именно Ника способна сделать со скафандром Миланы – вдруг может разгерметизировать в доли секунды?
И самое главное – я не хотел рисковать ради Инсека.
– Ты уходишь, – сказал я. – Мы с Миланой возвращаемся на корабль. Нулевой вариант.
– И три трупа около нуля.
– Вы же друг друга не жалеете.
– Нет, но это обидно… Инсек тебе что-то обещал?
– Поговорить, – признался я. – Возможно, прийти к соглашениям.
Ника облизнула губы.
– Хорошо. Тогда я принимаю твое предложение. Я уйду и сниму контроль над скафандром девушки. Вы меня не преследуете, возвращаетесь на корабль.
– А Инсек? – спросил я. – И его предложения?
Ника ослепительно улыбнулась.
– Да, конечно, поговори с Инсеком. Я только за. У тебя есть некая договоренность с Иваном, так? Продавцы тоже тебя наняли, верно? И что-то тебе предложит Инсек. Почему бы нашему предложению не оказаться четвертым? Выслушай все и выбирай.
– Что ты задумала? – спросил я с подозрением.
Ника продолжала улыбаться.
– Я не знаю, что тебе обещали и что будут обещать. И я не люблю таких, как ты. Но уверена, Максим, – выслушав все стороны, ты удивишься тому, что наше предложение самое честное. Помогите нам захватить корабль – и владейте планетой. Я подумаю, чем мы можем скрепить временный союз.
– После разговора мы вернемся на Землю. Я уже ничем не смогу помочь.
– Сможешь. Инсек тебе доверяет и идет на контакт. Наш с тобой разговор он не услышит, я отключила запись. Да, и в качестве доказательства добрых намерений…
Она уверенно пошла ко мне, шагая твердо, будто на Земле. Тоже искусственная гравитация.
Я попытался поднять руку – и не смог!
Мой скафандр превратился в твердую, неподвижную скорлупу.
Ника подошла вплотную, приблизила лицо к шлему. Сказала:
– Тебе стоило сообразить, что твой скафандр ничем не отличается от скафандра подруги. И не позволять мне тянуть время.
Я дернулся изо всех сил.
Это было все равно что биться об стену. Скафандр превратился в застывшую кольчугу, в пустотелую статую, где я был замурован.
– Вначале я хотела убить тебя, когда сумею подчинить скафандр, – пояснила Ника. – Мучительно, но довольно быстро, времени для игр мало. Потом прикончить твою подругу и пойти к кораблю. Но…

Она положила ладонь на шлем, побарабанила пальцами по стеклу.
– В одиночку у меня мало шансов добраться до Инсека. А ваша смерть мало что значит. Поэтому я меняю планы и ухожу. Подумай над моим предложением.
Повернувшись, Ника зашагала прочь, в ту сторону, откуда они пришли. Что там у них, корабль? Портал?
Я беспомощно смотрел на нее, не веря до конца, что мы остались живы. Со Слуг станется играть, будто кошка с мышью…
– Не правда ли, это неплохое доказательство честной игры? – спросила Ника, не оборачиваясь.
Она удалялась все дальше и дальше, а я смотрел вслед, пока ее фигура не затерялась среди непроглядных теней. И только тогда поверил, что мы и впрямь живы.
Скафандр вдруг утратил свою твердость, и я мягко повалился вперед. Одновременно я услышал голос Миланы:
– …сразу бить! Сразу надо было, балбес!
– Я тебя слышу, – сказал я, выпрямляясь. Милана тоже начала двигаться, с недоумением обернулась, выискивая глазами Нику.
– Где эта ведьма?
– Она ушла, – ответил я. – Действительно ушла.
Мы медленно сошлись. Неловко посмотрели друг на друга.
– Извини, что ругалась, – сказала Милана.
– Ничего. Она предложила нам временный союз.
– Я всё слышала. Думаешь, не врет?
Я пожал плечами. Сказал:
– Не вру я и не врешь ты. Еще Дарина не врет. А эти… все… только и делают, что врут.
– Мы расскажем Инсеку про ее предложение?
Я подумал.
– Вернемся и выслушаем его. Мне кажется, мы заслужили право кое-что узнать из истории человечества, верно? А там посмотрим, кто из них хороший парень.
– Ты извини, – еще раз сказала Милана.
– Да я и впрямь балбес, – признался я.
– А… ты только про балбеса слышал?
– А что еще мог услышать? – насторожился я.
– Ничего, – быстро ответила Милана. – Я так, вслух рассуждала все время вашего разговора: «Дорогой Максим, ты умный и хороший, зачем же ты ведешь с ней разговоры, если знаешь, что она может делать со скафандрами? Это неосмотрительно, и только не самый сообразительный и очень наивный юноша не поймет подвоха!»
– Вот-вот… – Я взял ее за руку. – Пошли в корабль. У нас было задание защитить Инсека, а не уничтожить всех нападавших. Мы справились.
Милана кивнула, и мы двинулись прочь от «Орла». На секунду мной овладело сильное желание оторвать кусок фольги или отвернуть какую-нибудь гайку – на память. Потом я решил не искушать судьбу.
В конце концов, Ника могла передумать и вернуться.
– Она психопатка, – жаловалась Милана, пока мы шли. – Я бы справилась с ней, уверена, но она сломала скафандр. Потом стояла рядом и говорила гадости… в основном о том, что мне отрежет и что я почувствую. Ей и впрямь почти сто лет? Ведьма…
– Представь себе бедную, некрасивую и глупую девчонку, – сказал я. – И вдруг ей дали красивое тело, сделали умнее, дали маленькую, но власть.
– В кино после этого люди меняются к лучшему.
– А в жизни не всегда.
Милана некоторое время молчала. Мы шли, точнее, перемещались большими неспешными прыжками. Воздух в моем скафандре слабо, но неприятно пах пóтом, мочой и кровью, Инсек, при всей его мудрости, не задумался о такой мелочи, как обоняние.
Может быть, сам он вообще не чувствует запахов?
– Все думают, что власть и благополучие развращают, – сказала Милана. – А на самом деле нищета и бесправие ничуть не лучше… Ты готов с ней сотрудничать?
– Я готов с дьяволом сотрудничать, – ответил я. – Если удастся убрать с Земли всю эту компанию.

Корабль ждал нас – открыл дверь и впустил. Мы стащили скафандры – в атмосфере они легко раскрылись по спинному шву.

И, ничего не говоря, отправились мыться. Наверное, нас могли бы понять только космонавты, совершавшие многочасовые выходы в космос. Ну или астронавты, летавшие на Луну.
Если Инсеки и впрямь лишены обоняния – в этом есть свои плюсы.
Мы стояли под струями воды, разбивающейся о наши тела в теплые влажные облака. Яростно намыливались.
Потом просто постояли в водяной пыли, глядя друг на друга.
Мы были на Луне, а всё, что происходит на Луне, там и остается.

Глава шестая

Инсек отвел нам не так много места для ожидания. Душевая комната и шлюзовая, вот и всё. Никакой мебели не было, но при слабом притяжении она не особо и нужна. Пищи и воды нам тоже не предложили. Я невольно подумал, что, если Инсек не перенесет курса лечения или оно затянется, нам придется туго.
К счастью, через час в стене открылся проход.
Помещение, в котором нас ждал Инсек, было совсем небольшим. Он сидел на круглом подиуме, в своей странной манере – подогнув под себя брюшко и вытянувшись вверх. Глаза, похожие на человеческие, внимательно смотрели на нас.
– Я в достаточной мере восстановился, чтобы говорить, – сообщил он.
– Мы рады, – сказала Милана.
– Часть произошедшего я наблюдал. Потом запись прервалась, логика скафандров была изменена, в код внедрены чужеродные фрагменты. Я уничтожил скафандры как потенциально опасные объекты.
Я даже не удивился. Слуги, похоже, просто не умели действовать без двойного дна. Запустить вирус в мое тело, заразить вирусом скафандры…
– Мы не заражены? – спросил я.
– Нет. Ваши тела проверены. Что произошло после того, как ты предложил нулевой вариант? Что говорила Слуга?
Я подумал секунду.
– Она предложила выслушать вас. Сравнить все предложения. И выбрать наилучшее. Сказала, что все равно не сможет в одиночку вас уничтожить. Потом захватила контроль над моим скафандром, но отпустила нас. Вроде как в доказательство мирных намерений.
– Это похоже на их логику, – согласился Инсек. – Почему ты отверг ее предложение убить меня?
– Я ей не верю, – я пожал плечами. – Она бы разделалась и с нами. И я не знаю, что предложите вы. А еще – они хотят не просто уйти, а забрать с собой несколько миллионов людей в качестве рабов. Мне это не нравится.
– То есть причина не в том, что я тебе более симпатичен?
Я покачал головой:
– Нет, извините. Вы мне все одинаково не нравитесь.
– Хороший ответ, – согласился Инсек. – Нам не за что любить друг друга. Но уважать можно и врага.
Мы молчали. Инсек размышлял.
– Я объясню тебе ситуацию, – сказал он. – Учитывая то, что доверия между нами нет и мои слова могут казаться тебе ложью, я постараюсь говорить лишь о том, что ты способен проверить.
Да, это было разумно. Я кивнул.
– Ваша цивилизация ведет звездную экспансию около шести тысяч лет. С тех самых пор мы противостоим друг другу.
– Почему? – спросил я. – Космос же огромен, чего вы не поделили?
– Смыслы, – сказал Инсек, помолчав.
– Что? – Я не понял.
– Энергия, материя, пространство – всё это не является предметом конкуренции. Во Вселенной этого много, а имея любую из трех составляющих, можно сотворить недостающее. Материю из энергии, пространство из материи, энергию из пространства – всё взаимозаменяемо. Есть лишь одна составляющая, которую порождает только живой разум, – смыслы.
Он замолчал, потом дернул длинной передней лапой.

– Проблемы перевода. Смыслы, суть, концепт… ваши слова не передают истинного значения. Это не важно. Мы, Человечество, Продавцы, иные разумные виды, о которых вы не знаете, – воюем за смыслы. Смыслы порождает живой разум. Количество разумных видов конечно, допускать их развитие означает создавать себе конкурентов, уничтожать разумные виды означает терять смыслы. Значит – их надо подчинить. Сила любой развитой цивилизации – в объеме контролируемых смыслов. Смыслы позволяют продвинуться к всемогуществу.
– Стать Высшими? – спросил я.
Инсек шевельнулся, заерзал, будто ему стало неудобно сидеть.
– Да. Высшие поглотили достаточно смыслов для возвышения и перехода в совершенную форму. Возможно, путь есть и дальше, но мы его не знаем. Мы лишь развиваемся к Высшим. Мы бы давно завершили это развитие, но Человечество стало у нас на пути. Вы захватывали планеты, которые принадлежали нам, и те, которые могли бы принадлежать.
– Так вы такие же захватчики и агрессоры, как и Прежние? – резко спросила Милана.
– Конечно. Все развитые цивилизации таковы.
– А что, нельзя как-то самим… вырабатывать эти смыслы? – спросил я.
Какой безумный разговор! Мы стоим в инопланетном корабле, на осколке Луны, во влажной горячей атмосфере и разговариваем с межзвездным захватчиком о том, что даже толком понять не способны!
– Можно, – сказал Инсек терпеливо. – Но это очень долго. На этом пути неизбежно встретятся более нетерпеливые разумные виды, которые поглотят вас и ваши смыслы, начнут паразитировать на вас. Это тупиковый путь. Надо иметь искалеченный интеллект Слуг, чтобы всерьез надеяться на успех такого варианта. Мне показалось, что именно этого они хотят, верно?
– Вроде бы да, – я замялся. – Так вы уничтожаете иные цивилизации? Так?
– Не уничтожаем, – Инсек потряс головой. – Не считай нас злодеями, никому не нужна беспричинная жестокость. Мы лишь забираем их смыслы. Когда мы уйдем по пути Высших, у них будет шанс попытаться повторить наш путь. Но пока они – наша база, наш ресурс, который стало отбирать Человечество. Вы такие же, как мы. Вам нечем гордиться.
– Не человечество, а Прежние!
– Прежние и есть Человечество. Шесть тысяч лет назад война дошла до того, что мы нанесли удар по вашей планете. По Земле. Цивилизация была разрушена и отброшена назад, но колонии людей в других мирах уцелели. И люди применили против нас коварный метод…
– Не люди, а Прежние! – вновь воскликнул я.
– Хорошо, – согласился Инсек. – Прежние. Они не стали восстанавливать цивилизацию на Земле, а оставили уцелевших людей в дикости и стали использовать как рекрутов. Как материал для биологически измененных солдат и рабочих, гораздо более совершенных, чем мы или созданные нами кибернетические организмы. Мы стали терпеть поражение за поражением. Это продолжается уже тысячи лет – мы отступаем, Прежние захватывают подконтрольные нам миры и лишают нас доступа к смыслам.
– Что же вы не уничтожили Землю? – спросила Милана недоверчиво. – Если наша Земля – база Прежних…
– Она уже не была базой. Она осталась родиной Человечества, но одновременно и оккупированной территорией, источником ресурсов и смыслов. Уничтожение контролируемых территорий жестоко пресекается Высшими.
– Ага! – сказал я злорадно.
– Ага, – повторил Инсек мрачно. – В этом есть ирония, она мне доступна. У Прежних был огромный источник для создания Измененных, который мы не смели уничтожить.
– А вы не делали Измененных? Если уж они такие хорошие бойцы?
– Другие разумные виды не столь пластичны, – сказал Инсек с грустью. – Мы пробовали, результаты не радуют. Мы захватывали людей в количестве, достаточном для разведения, но это не решало проблемы по целому ряду причин, объяснять которые слишком долго.
– Вы… разводили людей? – спросила Милана с отвращением.
– Да.
– И думаете, мы после этого захотим сотрудничать?
– Мы все одинаковы, – сказал Инсек равнодушно. – На мой взгляд, использование собственного биологического вида в качестве материала для Измененных – куда более отвратительно.
Милана промолчала.

К сожалению, Инсек был прав.
– Давайте смотреть не в прошлое, а в будущее, – продолжил Инсек. – Нам, Прежним, Продавцам – всем нужны смыслы для перехода в Высшие. Продавцы идут своим путем. Это киборгизированный вид, не заводящий собственных колоний и собирающий смыслы путем торговли, дипломатии и интриг. Нам и Прежним нужны подчиненные разумные существа. Есть множество иных цивилизаций, но они не должны вас тревожить – одновременно с войной между собой мы противостоим и им. И для нас, и для Прежних Земля – в первую очередь источник людей для Изменения. Вам это не нравится, и я вас понимаю.
– Ну, – сказал я. – И что же вы предложите?
Инсек помолчал.
– Я должен сразу предупредить, что не имею права говорить от имени всей цивилизации. Но я долго думал над ситуацией и верю, что мой вариант будет одобрен. Наш корабль единственный, прорвавшийся к Земле и захвативший ее. Высшие передали мне, как уцелевшему члену экипажа, протекторат над планетой. Врата в Гнездах работают лишь в одну сторону, от Земли, обратный переход закрыт Высшими. Если не придут другие корабли, то после моей смерти Гнезда будут уничтожены, Прежние восстановят власть и вновь будут использовать людей в своих целях. Полагаю, что история будет искажена и через несколько поколений все забудут о Перемене, Продавцах, Измененных. Вас это устраивает?
Я покачал головой.
– Есть и другой путь. Если вы поможете мне уничтожить Прежних и дождаться прилета кораблей – мы установим над Землей иную форму протектората, гораздо более мягкую. Изменение станет доступным всем желающим и обратимым. Выполнение миссий по защите наших интересов будет щедро вознаграждаться, в том числе и технологиями.
– То есть люди станут из рабов – наемниками? – спросил я.
Инсек помолчал.
– Да. И вы будете развивать собственную цивилизацию. Когда мы отбросим Прежних, то необходимость в Измененных практически отпадет. Мы обещаем Земле защиту и развитие под нашим покровительством. Через несколько тысяч, а возможно – и несколько сотен лет наша цивилизация перейдет в форму Высших. А вы – унаследуете зоны космоса, которые мы контролируем. И сможете начать собственный путь к возвышению.
Милана нервно рассмеялась.
– Вы даже можете этого дождаться, – сказал Инсек небрежно. – Технологии, позволяющие Прежним жить почти неограниченно долго, нам известны. Мы передадим их Земле. Понимаете? Ваш мир станет свободным. Вы избавитесь от жестоких правителей, использующих вас в своих интересах. Вы станете бессмертны и со временем сможете перейти в ту форму существования, которая представляется вам божественной. Вы – лично вы. Не только ваш вид.
Я вытер лицо, мокрое от влаги в воздухе и выступившего пота.
– Наши отношения не будут равными, – продолжал Инсек. – Но это будут отношения сотрудничества и взаимных услуг.
– Капитализм гораздо прогрессивнее феодализма, – пробормотал я, не думая, что Инсек меня поймет. Но он понял.
– Разумеется. Быть бесправной вещью, которой распоряжаются, – и быть свободным рабочим, который может выбирать свой путь и получать достойное вознаграждение… мне кажется, что выбор очевиден. Нынешний путь Прежних – тупик для обычных людей. Прежние давно считают себя высшей ступенью эволюции, лишь отдельные счастливчики принимаются в их ряды.
– А Слуги? – спросила Милана.
– Вы же с ними общались, – Инсек махнул лапой. – Это предельно мерзкая искалеченная форма людей, не обладающая большинством возможностей Прежних, а вас презирающая. Меня крайне удивила их попытка найти собственный путь и столь неожиданная изобретательность. Но принимать их в расчет не стоит. Итак?
Я посмотрел на Милану. Она растерянно пожала плечами.
– Не надо отвечать немедленно, – сказал Инсек. – Я понимаю, что вы нуждаетесь во времени для размышлений. Предложение озвучено, и оно делается лишь один раз. Отправить вас на Землю?
Сглотнув вставший в горле комок, я кивнул:
– Да. Отправьте. И… мы подумаем.
– Я буду ждать ответа, – сказал Инсек. – Благодарю за отвагу, проявленную в бою.

– Ваш корабль действительно не смог бы вас защитить? – неожиданно спросила Милана.
Инсек протянул лапу к стене, и в той начал формироваться, выступая из поверхности, зеркально-матовый экран.
– Вас отправить в Москву?
* * *
Человек привыкает ко всему.
Я вошел в экран без колебаний, даже не всматриваясь, что там, за ним. Я не стал задумываться, что именно со мной происходит в миг перехода между Селеной и Землей. Может быть, соприкоснулись две точки пространства, может быть, между ними возник туннель в подпространстве.
А может быть, экран в корабле Инсека расщепил мое тело на атомы, уничтожил их, а из экрана на Земле выбирается всего лишь копия?
Да плевать!
Я выпрыгнул из экрана, обернулся, подхватил за руку Милану – будто помогая ей выйти из автобуса. И лишь потом огляделся.
Опаньки!
Наше путешествие Земля – Селена – Земля не осталось незамеченным!
Мебели в каморке больше не было. Открытая дверь была крест-накрест заклеена яркими красными лентами с надписью «STOP». В углу стояла видеокамера на штативе, еще какая-то аппаратура, от которой тянулись провода в дверной проем. На гипсокартонной стене в паре мест виднелись вмятины.
Еще на ковровом покрытии расплылось большое и подозрительно темное пятно.
– Ничего себе… – пробормотала Милана.
После корабля Инсека московский воздух казался сухим и прохладным. Влажные пряди волос налипли Милане на лоб, я протянул руку, поправил ей волосы… и замер. Мы неловко улыбнулись, потом синхронно отдернули руки друг от друга.
То, что было на Луне, осталось на Луне.
За открытой дверью послышался топот.
Ну всё, нас обнаружили, сейчас начнется…
Но, к моему удивлению и радости, в дверях появился Лихачев. В расстегнутой у ворота рубашке, с красными сонными глазами, с рукой на кобуре… Несколько мгновений он смотрел на нас, потом расплылся в улыбке.
– Живы. Живы!
Он двинулся вперед, с треском оборвав телом стоп-ленты, вроде как и не быстро, но неудержимо. На мгновение облапил меня, оторвав от пола, потом проделал то же самое с Миланой. Отстранился, испытующе оглядел. Спросил:
– На Луне?
– На Селене, – уточнил я. – Слушайте, можно мы сядем?
– Там же почти невесомость, вы отвыкли… – Лихачев кивнул. – Пошли, пошли…
Эта часть Представительства была отгорожена, не только лентами, но и легкими пластиковыми барьерами. В конце коридора стоял полицейский в силовой броне, которому Лихачев на ходу махнул рукой. Мы прошли десяток метров по коридору (я с тревогой заметил в стене ровные круглые дырочки – пулевые пробоины), Лихачев завел нас в еще одну комнатку для разговора. Там стоял стол, несколько стульев, кулер, на столе валялись пакетики чая, разорванная бумажная пачка рафинада, распотрошенные упаковки печенья и вафель, стояла банка с кофе и стопка одноразовых картонных стаканов. У стола молоденькая девушка в полицейской форме как раз наливала себе кипяток. При нашем появлении она пискнула, именно пискнула, словно мышонок в мультике, глянула на Лихачева и, уловив что-то в его лице, метнулась прочь, расплескивая не успевший завариться чай.
– Вода, – сказала Милана с восторгом. – Вода и чай. И печеньки!
– Переходите на темную сторону, – буркнул Лихачев. Мне показалось, что после первого выплеска эмоций он начал смотреть на нас с легким подозрением.
Я не обижался. За последние сутки слишком многое свалилось нам на головы. Мы с Миланой, не сговариваясь, насыпали в стаканчики по три ложки кофейных гранул, щедро накидали сахара и залили горячей водой.
– Вы хоть что-то ели там? – спросил Лихачев.
– Не-а, – ответила Милана, дуя на кипяток.
– Не хотелось, – уточнил я. – Это скафандры, наверное. Мне кажется, они нам что-то вводили. Жидкость уж точно… наверное, питательные растворы…
– Где в этих трико могли храниться питательные растворы? – удивилась Милана.
– Чужие технологии, – отхлебывая раскаленный кофе, ответил я. – Понимать надо!

Мы нервно засмеялись.
Мы были на Земле. И мы были живы.
– Рассказывайте, – велел Лихачев.
– Нас взяли в плен, – сказала Милана. – Слуги.
– Это мы знаем. И до момента, когда вас утащили в экран, – тоже знаем. Тут была перестрелка… – Лихачев помедлил. – Они убили двух полицейских, охранявших Представительство. И ранили несколько человек на улице. Но одного наши ребята ухитрились подстрелить!
– Обычными пулями? – поразился я.
Вот почему в Представительство нас привели пятеро, а на Селене их оказалось четверо.
– Не совсем обычными, – Лихачев поморщился. – Будем считать, что повезло. Мозги у них все-таки в голове… Вас спас Инсек?
– Да, – сказала Милана. – Максим, ты расскажешь?
Я с сожалением отставил стакан и принялся рассказывать. Как мог коротко, передавая лишь суть разговоров, не вдаваясь в странные истории про «возвышение» и «контроль смыслов», но, разумеется, когда закончил, кофе безнадежно остыл.
Милана развела мне новый.
– Значит, они пытались уничтожить Инсека… – Лихачев помолчал. – Месяц назад я сказал бы: «И хрен бы с ним». Извини, Милана. А сейчас – даже и не знаю… Отмороженные совершенно! Убивают, не раздумывая.
– У них нет эмпатии, – пояснил я. – Эта девушка, Ника, сказала, что они сами от нее избавляются. Чтобы было проще жить.
– Удобно, – согласился Лихачев. – Они перестреляли охрану, хорошо хоть посетителей не тронули, позволили разбежаться. Подключили к одному из экранов какое-то устройство и, как я понимаю, через него прошли на Селену.
– Значит, Ника должна была и вернуться через него? – насторожился я.
– Вернулась, – мрачно ответил Лихачев. – Через питерское Представительство. Вылезла из экрана, напугала до полусмерти какую-то бабку. И ушла. Никто же этого не ожидал… Но вы молодцы. Убили троих!
– Это всё Максим, – сказала Милана.
– Да ты прям Терминатор на полставки… – Лихачев вздохнул, потер лоб. – Тут уже Иван появлялся, собрал всю информацию, поорал, ушел… Я-то подумал, его работа, а выходит, его тоже провели… Черт. Селена. Вы были на поверхности Луны!
Я пожал плечами.
– В детстве мечтал быть космонавтом, – сообщил Лихачев. – Но не сложилось. А вы вот побывали…
– Ничего там интересного, – сказал я, немного покривив душой. – Камни и пустота. Ну, Земля и кольцо в небе красивые…
– Ничего интересного! – с горечью произнес Лихачев. – Подумаешь… камни, пустота и Земля в небе… Вы как, с ног не валитесь? Вы там спали?
– Я не спала, – сказала Милана. – Честно говоря, хочется.
– А я бодрый и свежий, поспал немного, – похвастался я, не уточняя, что это было в процессе «контролируемой инволюции». Может, потому и не хочется спать? Мой организм перебрали заново, словно двигатель на капремонте…
Я поднял руку и уставился на часы.
Без четверти пять.
Некоторое время я осмысливал числа.
Из Комка с убитым Продавцом мы вышли после семи часов.
Нас взяли в плен.
Не было еще и девяти вечера, когда мы попали в Представительство.
И через несколько минут мы с Миланой оказались на Селене.
Где-то около полуночи окончился курс лечения, и мы вышли наружу.
Около часа ночи мы сошлись в поединке со Слугами.
Часам к трем вернулись на корабль.
В четыре утра снова встретились с Инсеком.
И вернулись на Землю.
– Девять с небольшим часов… – сказал я зачарованно. – Мне казалось, несколько дней прошло.
Лихачев понимающе кивнул. Спросил:
– Что с вами делать-то? Будете здесь сидеть – примчится Иван. Начнет допытываться, что и как. Отправить вас домой… – Он осекся. – По домам?
– Лучше в Гнездо, – сказал я. – Туда Иван не сунется. Я понимаю, все равно придется ему кое-что рассказать. Но пусть хоть в голове уложится.

– Мы пешком дойдем, тут же рядом, – сказала Милана.
– Нет! – Лихачев покачал головой. – Никаких прогулок. Мне будет спокойнее, если вас довезут до дверей.
– А у вас что было? – запоздало спросил я. – Елена цела?
– Цела. Когда вас увезли… – Он махнул рукой. – В общем, ее я отправил домой. Потом носился со своими по городу… не понял сразу, где вы объявитесь. Да и кто бы понял? Потом здесь работал.
– А Комок?
– Дверь закрылась. Наверное, тебе надо спросить у заказчика, что теперь делать. Удовлетворен ли он результатами расследования.
Он испытующе посмотрел на меня и добавил:
– Надеюсь, ты получишь от Продавцов что-то ценное. Тебе изрядно досталось.
– Да я уже почти привык, – признался я. – Спасибо большое. Отправьте нас в Гнездо, полковник.
– Брось ты этот официоз, – поморщился Лихачев. – Не хочешь Игорем, так зови по имени-отчеству.
– А я не знаю вашего отчества, – ответил я. – Вы же не назывались. А по имени как-то фамильярно.
Лихачев растерянно уставился на меня. Я неловко улыбнулся.
Милана тихо рассмеялась:
– Максим, он Игорь Григорьевич. Даже я знаю.
– Убил на месте, Максим, – сказал Лихачев. – Ладно. Зови меня полковником. Так только внук меня звал, когда маленький был.
– У вас есть внук? – почему-то удивился я.
– Жена, двое детей и два внука, – Лихачев вздохнул. – Тебе все-таки стоит поспать. Милана, ты уж присмотри за ним!
– Присмотрю, – деловито ответила она, беря со стола еще пару печенюшек. – Знаете, я уже научилась.

Глава седьмая

Снаружи Представительство тоже было огорожено барьерами и лентами. За ними толпились сонные репортеры и зеваки – Москва никогда не спит. В нашу сторону засверкали вспышки фотокамер, Лихачев что-то гаркнул, и мрачные полицейские оттеснили прессу… ну как оттеснили – на метр-другой. Лихачев посадил нас в полицейскую машину, чистенькую внутри, но старую и с продавленными сиденьями. Бросил водителю:
– Доставь ребят в минкультовское Гнездо. Головой отвечаешь.
Водитель молча кивнул. Машина вывернула на дорогу (мне показалось, что одного из самых настырных журналистов водитель нарочно толкнул крылом), противно закрякала сирена, и мы рванули по Моховой, чтоб тут же завернуть на Большую Никитскую.
– Спасибо, Максим, – неожиданно сказал водитель.
– За что?
– Что выбрался. Что этих мразей прикончил, отомстил за ребят.
– Откуда вы знаете? – насторожился я.
Где-то в голове вдруг родилась и плеснула негромкая долгая нота. Меня будто обдало теплом.
Мы с Гнездом почувствовали друг друга.
– По Лихачеву видно, – ответил водитель. – Всю ночь сам не свой был. А сейчас вижу – его отпустило. Прав?
– Прав, – признался я.
– Ты приходи к нам, – подъезжая к Гнезду, сказал водитель. – Нам бы такие ребята пригодились. – Он помедлил секунду и вежливо добавил, посмотрев на Милану: – Это и к вам относится, разумеется. У нас служат девушки. Даже в оперативной группе.
– Спасибо, – ответила Милана.
Мы выбрались из машины. Начинался ветер, и паутину, которой обросло Гнездо, полоскало в рассветном полумраке. Машина стояла на месте до тех пор, пока мы шли к Гнезду.
– Ничего, если я тоже буду в Гнезде? – спросила Милана.
Я понимал, о чем она. Но ответил как можно небрежнее:

– Ты была призванной, ты защищала Гнездо. Конечно!
– Ну да… – с сомнением сказала Милана. – Все-таки я…
– Была на Луне, – сказал я.
Мы едва успели войти. Я лишь кивнул страже – не Же, другой.
И увидел Дарину – она бежала через фойе мне навстречу, быстро, словно в бою, не произнося ни слова. Прыгнула – метров с трех; повисла на мне, обняв, обхватив ногами и уткнувшись лицом в грудь. Зашептала безостановочно, без всякой интонации, словно на нее не оставалось ни сил, ни времени:
– Жив, жив, жив, жив, жив…
Я обнял ее, опустил голову, вдохнул ее запах – терпкий, неземной, до боли знакомый. Она была легкая, теплая, ее била мелкая дрожь, словно она сдерживала движения, даже показалось, что она рыдает.
И тут меня накрыло. Да еще как.
Это было слишком похоже на душевую в корабле Инсека. Тот же горячий влажный воздух, те же странные запахи.
И повисшая на мне девушка.
Другая.
Что же я натворил?
Как я мог изменить Дарине?
Как теперь я посмотрю ей в глаза?
Все слова Миланы, такие разумные и мудрые, про Луну, на которой «всё остается», про то, что никогда не надо рассказывать любимой об измене… все они вдруг стали пустыми и бессмысленными.
Никакой шок, никакой стресс меня не оправдывает.
Какой же я балбес…
Дарина всё висела на мне – так порой виснут на родителях дети в кинофильмах, в жизни подобного никогда не видел. Я, скосив глаза, смотрел на Милану. И читал в ее глазах, что ей сейчас… нет, наверное, не стыдно. Но нехорошо, это уж точно.
– Я пойду, наверное, – сказала Милана.
Дарина отцепилась, соскользнула с меня и столь же молниеносно метнулась к Милане. Та даже вздрогнула и отшатнулась.
Жница обняла ее, прижалась. Она была на полголовы ниже Миланы и казалась сейчас младшей сестрой, обнимающей старшую.
– Нет! Тут вы в безопасности! Милана, спасибо тебе, спасибо! Я только на то и надеялась, что ты с ним!
– Почему? – Милана неловко улыбнулась. – Я толком ничего и не сделала… хорошего… это всё Максим.
Дарина энергично замотала головой.
– Ну ты же знаешь, какой он? Ему обязательно нужно кого-то защищать, о ком-то заботиться. Будь он один, он бы не справился. А когда ты была рядом – собрался.
– Эй… – Я покосился на стражу. Та улыбалась, и выглядело это жутковато. – Девчонки… а ничего, что я тут стою?
– Ничего! – хором ответили девушки. Даже стража кивнула. И я понял, что лучше помалкивать.
– Я знаю, вы попали на Селену, – продолжала Дарина. – Там был бой, так? Они пытались убить Инсека?
Она замолчала и покачала головой.
– Что я несу, зачем? Потом расскажете… Вы хотите есть? Пить? Спать?
– Спать, – призналась Милана. – Если честно, я как в тумане.
– А я ничего, – сказал я. Но прозвучало это так фальшиво, что я и сам понял – вру.
– Идемте, – Дарина потащила Милану за собой, другой рукой схватила мою ладонь. – Идемте, вам надо отдохнуть. Разговоры подождут!
Я понял, что спорить не стану. Из меня словно выкачали все силы.

Проснулся я в девять часов. Словно по сигналу будильника, вот только чувствовал себя выспавшимся и отдохнувшим. Даже сам удивился, что мне хватило трех часов сна, чтобы так восстановиться: голова была ясная, долгий вчерашний день помнился отчетливо, хоть и оставил ощущение нереальности произошедшего.
Я нашел мертвого Продавца. Мы произвели вскрытие и узнали, что имеем дело с киборгами. Нас с Миланой похитили и отправили на Селену, как живые биологические бомбы. Я сражался за Инсека и победил.
Ничего так выдалось первое апреля.
Обхохочешься!

Остаток ночи (хотя правильнее будет сказать, утра) я проспал. Конечно же, на полу, в комнате Дарины.
Как и девушки.
Дарина спала слева, уткнувшись в мое плечо.
Милана справа, закинув на меня руку.
Сказать, что я чувствовал себя негодяем, будет не совсем верно.
Я чувствовал себя счастливым негодяем. Ну, по крайней мере, пока девушки спали.
Мне никогда не доводилось изменять. Однажды я встречался сразу с двумя девчонками, но, во-первых, они друг про друга не знали и знакомы не были, а во-вторых, все мы ничего серьезного в отношения не вкладывали.
Только секс.
Так что это не измена.
А когда отношения были серьезнее, хоть на немножко, даже мысли не возникало изменять. По-моему, странно ухлестывать за другой, когда тебе девушка серьезно нравится и ты о ней думаешь. Ну… разве что в мыслях. Фантазировать никто не запрещает.
И когда я слышал фразы вроде «разрываюсь между двумя» или в кино видел душевные терзания, не важно, у мужчин или у женщин, мне это казалось выдумкой. Всегда знаешь, в кого влюблен, а кто просто физически привлекает.
Ведь верно?
Сейчас было иначе. Нет, если бы меня разбудили среди ночи и спросили: «Кого ты любишь?» – я бы ответил: «Дарину».
Но и Милану я тоже любил. Вот ведь в чем беда, теперь я это понимал ясно, и дело было не в случившемся «на Луне».
Значит, так можно? На полном серьезе? Не так, когда мужчина женат на одной женщине, с ней семья, дети, дача, собака, ипотека в банке и секс по расписанию, а любит другую – с ней романтика, страсть, любовь?
А всерьез любить двоих, хоть и по-разному?
Я посмотрел на Дарину. Потом на Милану.
Потом уставился в потолок.
Да. Наверное, можно.
И не поймешь, повезло или нет.
Вот мусульмане как-то справляются, у них это нормально. Может, спросить повара в «Рэдке»? Он то ли узбек, то ли киргиз. Вдруг у него две или три жены, пусть расскажет, как это…
Я мысленно залепил себе оплеуху.
Ну и чем мне поможет его рассказ? Даже если у повара целый гарем?
Можно подумать, Дарина с Миланой мне предлагают взять их обеих в жены, а я размышляю, согласиться ли!
Размечтался, Казанова…
Губы Дарины мягко коснулись моего уха. Я повернул голову. Она молча смотрела на меня своими сиреневыми мерцающими глазами. Я потянулся к ней, поцеловал.
– Как здорово, что ты рядом, – сказала Дарина.
– Я тебя люблю, – прошептал я виновато.
Дарина едва заметно улыбнулась.
– Ты знаешь, что первый раз мне это сказал?
– Правда? – растерялся я.
– Правда. Ничего, я знаю, что любишь. Ты это каждый раз взглядом говоришь.
Она слегка приподнялась на локте. Сказала:
– Милана просыпается. Поцелуй ее.
– Что…
– Она ведь тоже тебя любит, – сказала Дарина таким тоном, каким, наверное, объясняет куколкам всякие банальные истины. – И она тебе нравится. Милана хорошая, я рада, что мы вместе.
– Я сплю? – спросил я, помолчав мгновение.
– Нет. Максим, ты был призван Гнездом. И она была призвана. Мы не чужие. Я не ревную, если ты об этом.
Я повернулся и посмотрел на Милану.
Ее глаза были открыты, она смотрела на меня – так же растерянно и испуганно, как, наверное, я только что смотрел на Дарину.
Потом она зажмурилась, подалась ко мне, чмокнула – в щеку. И сказала виновато:
– Дарина, а можно его клонировать? Он мне вправду нравится, но любит-то тебя.
– Нет, – сказала Дарина. Кажется, с сожалением. – Нельзя.

– А мое мнение не в счет? – спросил я.
– Не в счет! – ответили они синхронно.
Еще и с вызовом!

В общем, если вам интересно, то я сбежал.
Хотя по всему выходило, что это утро может начаться очень неожиданно.
Об этом интересно фантазировать. Ну, или если ты с двумя девчонками, которые тебя просто привлекают. А когда у тебя с ними всерьез…
Я попытался перевести всё в шутку. Сказал, что надо узнать про клонирование у Инсека. Но только каждому моему клону потребуется и Дарина, и Милана. Повел себя так, будто девчонки дурачились, а я их веселье поддерживаю.
Милана подыграла. По-моему, с облегчением. А вот Дарина хоть и улыбалась, но смотрела слишком серьезно.
Так что я посмотрел на часы, ужаснулся времени и сказал, что мне надо быстренько умыться и бежать с отчетом к Продавцу. Что я совсем не хочу завтракать (вранье) и пока не поговорю со своим нанимателем, ни о чем другом и думать не в состоянии (почти правда).
И выбежал из комнаты Дарины – ошарашенный, в мятой одежде, со свернутым плащом под мышкой и кроссовками в руках (не могу спать в обуви), чувствуя себя слабаком и трусом.
Но зато не сказав ни да ни нет. И даже не клонированный.
…Интересно, а у Инсека точно нет таких технологий, чтобы клонировать человека? Наверное, нет, иначе бы они поставили на поток производство стражей и стратегов. Ну а даже если есть, то мне-то оно чем поможет? Каждый «я» будет жадно смотреть и на Дарину, и на Милану…
Блин!
У отца спрашивать совета как-то стремно.
Суровый полковник Лихачев, небось, жене если и изменял, то раз в три года, по уставу и без лишних эмоций.
Виталий Антонович вообще подруг меняет часто, но серьезно, мне кажется, ни к кому не относится.
Не с кем посоветоваться по такому вопросу.
Я действительно отправился в душевые. Они оборудованы в подвале, и это, мне кажется, единственное помещение, которые Измененные всерьез переделали в здании Минкульта, а не просто завалили мягкой рухлядью. Уж не знаю, сами они всё мастерили или наняли бригаду строителей (с них станется), но получилось, как в каком-нибудь старом студенческом общежитии с «удобствами на этаже». Коридор, налево дверь в душевые и туалеты «для мальчиков», направо – «для девочек». Туалеты выглядели прилично: чистенькие, ничем от человеческих не отличающиеся (а ведь когда-то мне втирали, и я всерьез поверил, что Измененные писают и какают раз в полгода). Душевая была просторная, с двумя десятками душевых леек, никак не разгороженная. Пол и стены выложены темно-серой керамической плиткой, в матовых плафонах – неяркие лампы. Под потолком в стенах были оконца с матовым стеклом, у входа – старый, распухший от влажности деревянный шкаф со стопками чистых полотенец и мелкими, «отельными», флакончиками шампуня и геля, рядом – пластиковый бак для грязного белья. Единственное отличие от человеческого душа – кран у каждой лейки был один, температура воды никак не регулировалась и не поддавалась никакому разумному прогнозу. Я уже несколько раз тут бывал, иногда из лейки шла приятная тепленькая водичка, один раз хлестала горячая, почти кипяток, а один раз тепленькая неожиданно сменилась обжигающе-ледяной.
Когда я, посетив туалет, вошел в душевую, там как раз заканчивала мыться куколка. Ну или, может, правильнее сказать – мальчишка лет восьми, из тех двоих, что пришли в Гнездо вместе со стратегом. Я не помнил, как его зовут, он еще на спор учился играть что-то сложное на рояле, но у него не очень-то выходило.
Дня через три, кстати, получилось. Куколки очень быстро учатся.
– Привет, – сказал я.
– Здравствуйте, Максим! – выпалил мальчишка с неожиданным восторгом и выключил воду. – А правда, что вы на Селене сражались с врагами?
Откуда они все всё знают?
Гнездо сообщило?
– Правда, – сказал я.
Пацан подошел к шкафу и взял полотенце, не отрывая от меня восхищенного взгляда.
– А вы расскажете?

– Как-нибудь потом, – сказал я, чувствуя себя довольно нелепо. – Помылся? Ну так иди, уроки сами себя не сделают.
– Вы стесняетесь? – удивился мальчишка. – А то вы могли бы мыться и рассказывать мне, пока я вытираюсь.
– Кыш! – сказал я.
Пацан обиженно посмотрел на меня, перекинул полотенце через плечо, сунул ноги в сланцы и вышел из душевой.
Не одеваясь. У куколок меняется отношение к наготе.
Да он ведь и пришел сюда голышом, одежды-то у него с собой нет! Или те тряпки в углу – это то, в чем он был? Сейчас подберет что-нибудь с пола и оденется…
Я вздохнул, разделся и пошел мыться.
Конечно же, душ решил надо мной поиздеваться. Из лейки текла то холодная, то горячая вода. С непредсказуемым чередованием.
Может, это у них часть тренировок? Чтобы были готовы к любым перепадам температуры?
Или всё проще, и монтировавшие душевую систему жницы что-то напутали в подключении?
Как бы там ни было, я вымылся, вытерся (полотенца, увы, были влажные), натянул джинсы (тоже влажные) и рубашку (пора бы сменить, факт). Вышел из душевой.
И обнаружил Наську, стоящую в коридоре и явно меня поджидающую. Судя по мокрым волосам – тоже только что из душевой.
Куколка, слава Богу, оделась – в длинную черную юбку и голубую рубашку. Юбка была слишком велика, рубашка тоже. Еще Наська явно экспериментировала с косметикой: щеки были неестественно румяные, губы алые, а под глазами – синие тени.
– Максим! – выпалила Наська и обхватила меня за пояс. – Ты мой герой! Ты победил злодеев!
– Всё ради вас, прекрасная дама, – сказал я. – Меня ждешь?
– Ага! Андрей сказал, что ты моешься. Я решила не заглядывать, тут подождать.
– Большое тебе человеческое спасибо! – выдохнул я. – Вот просто огромное!
– Ну я же понимаю, что ты человек, – снисходительно пояснила она, отлипнув. – Это мальчишки дураки. А где Дарина с Миланой?
Да уж, приватности в Гнезде – ни на грош. Тут и впрямь станешь без штанов разгуливать.
– Ты же знаешь, где, – ответил я.
– Не знаю.
– Ну так Гнездо спроси.
– Гнездо ответит, если Дарина разрешит.
– Девчонки в ее в комнате.
Мы двинулись по коридору.
– Так и думала… – вздохнула Наська. – Вам как, поспать получилось?
Был у нее в словах второй смысл? Или мне уже мерещится?
– Получилось.
– Трудно тебе, да? – Наська, скосив глаза, с любопытством смотрела на меня.
– Слушай, – не выдержал я. – Давай я тебе про сражение на Селене расскажу?
– Да ну его! – Куколка махнула рукой. – Я не люблю про сражения. «Пятого июня две тысячи четвертого года по времени Земли гарнизон Мердри-два обнаружил открытие портала над поверхностью планеты. В распоряжении гарнизона было две тактические группы стражей…» И полчаса про сражения и героизм! Надоело! Про отношения куда интереснее.
– Какие отношения? – спросил я, медленно закипая.
– Всякие! Вот твои, с Дариной и Миланой…
– У нас… – Я запнулся. – Мои отношения – это мои отношения. И я не собираюсь их рассказывать всякой… всякой…
– Ну? – подбодрила меня Наська.
По ее спокойному тону стало ясно, что мы опасно близки к ссоре.
– Всякой вредной любопытной малявке!
Наська подумала миг и улыбнулась.
– Да, я такая! А я вот рассказала бы тебе про отношения, если бы они у меня были. Но мне пока мальчишки не нравятся. Мне только один человек нравится, он очень крутой, но… куда старше меня, и он не свободен…
Она громко, театрально вздохнула.
– Наська! – выпалил я.

– Да не боись, не ты! – Она махнула рукой. – Мне нравится полковник Лихачев, потому что он настоящий полковник. Это мой идеал!
– Слушай, хватит издеваться, а? – попросил я.
Куколка потупилась.
– Ну Максим… Я хотела тебя развеселить…
– Спасибо, не получилось!
– И вообще мне полезно изучать отношения…
– Тебе полезно учиться, или чем вы там еще заняты… в прятки играть…
– Это тоже учеба.
– И уж точно не размалевываться косметикой! – добавил я. – Так, что после душа выглядишь как… как кукла!
Я демонстративно послюнил палец и потер ее щеку.
Румяна не стерлись.
– Дурак, – сказала Наська. – Я не крашусь! Это финальный цикл первой фазы заканчивается!
Я, оторопев, смотрел на нее. Ну да. Это не тенями намазано под глазами, это синяки. И румянец на щеках – нездоровый.
– Наська, извини… – Я присел, взял ее за руку. – Сам не свой. Это всё эти, отношения… Ты как себя чувствуешь? Всё нормально?
– Всё замечательно! – выпалила она.
Вырвала руку и умчалась по коридору.
Ну вот. Все-таки я ухитрился поссориться с мелкой.
Что мне стоило сказать ей две-три уклончивые фразы? Все равно она чувствует тот клинч отношений, в который я попал.
Может, даже посоветовала бы что-то. Устами младенца глаголет истина и все такое…
Я вздохнул.
Нет, разбираться в отношениях придется самому. Никто мне ничего не подскажет. Ни «настоящий полковник», ни родной папа, ни маленькая умная куколка.
Догонять Наську смысла не было. Если она не захочет, я ее в этих лабиринтах никогда не найду.
Лучше сходить к Продавцу и закончить наши с ним дела. А уж потом вернусь и поговорю с девчонкой. Пусть пока отойдет.

Глава восьмая

Я был почти уверен, что Иван ждет меня у выхода из Гнезда. Сидит на невесть откуда взявшемся стуле, заложив ногу за ногу.
Но у Гнезда никого не было. Ни охраны от Лихачева, ни зевак (иногда даже организованные группы туристов подъезжают на автобусе), ни Прежнего.
Пожав плечами, я пошел к Комку. Вспомнил почему-то бездомного любителя поэзии, ошивавшегося раньше возле памятника Низами. Ага, я запомнил имя поэта. Даже почитал немного. Ну, ничего так… наверное, на его родном арабском, или каком там еще, звучит лучше.
Надо будет заглянуть к памятнику Высоцкого, куда собирался отправиться поэтический бомж.
У Комка ждал знакомый серчер с соседнего района, парень помладше меня, ушлый и активный, день и ночь шатается по центру. То ли очень деньги нужны, то ли копит на что-то. Мы поздоровались, обменялись ничего не значащими вопросами. «Ты как?» – «А сам?» – «Лут какой-то мелкий идет». – «И не говори». – «Где промышляешь?»
Интересно, если бы я сказал, что вчера «промышлял» на Селене и убил троих Слуг – он бы счел меня психом или ушел от греха подальше? Впрочем, скорее всего и то и другое сразу.
Когда серчер закончил свою торговлю, я зашел в Комок. Продавец возвышался за стойкой, но я больше не мог воспринимать его как человека. Под одеждами, похожими на арабский бурнус, скрывался всего лишь металлический бак с синей жижей – и фрагменты человеческого тела.
– Максим, – сказал Продавец. – Ждал вас раньше!
– Извините, задержался, – сухо ответил я. – Был на Селене. Сражался. Чуть не погиб.
– Знаю, – ответил Продавец. – Рад, что вы справились.
– Я закончил расследование, – сказал я. – Вашего коллегу никто не убивал, он сам покончил с собой. У него были какие-то странные отношения с Татьяной Воробьевой,

Кандидатом в Прежние. В свою очередь Татьяна была связана с группой Слуг, которые хотят вырваться из-под власти Прежних и создать свою цивилизацию вне Земли.
– Любопытно, – сказал Продавец. – Бунтующие Слуги? Помогающий им Кандидат? Невероятные отношения.
– Но это так. Татьяна приносила вашему коллеге какие-то странные кристаллы.
– Разноцветные? – быстро спросил Продавец.
– Да. В последний раз она принесла красно-оранжево-желтый кристалл… если вам это важно.
– Важно.
– Ваш коллега клал кристаллы под язык, рассасывал, это вызывало у него какие-то глюки. Наркоман он был.
– Красно-оранжево-желтый, – сказал Продавец задумчиво. – Боюсь, я бы тоже не удержался.
– И умерли бы, – сообщил я с удовольствием. – Когда он стал рассасывать этот кристалл, ему поплохело, и Воробьева умерла. Я думаю, что ее убила ваша система безопасности, она сработала, но с запозданием.
Продавец молчал.
– Ну а ваш коллега подсел на измену. Стал вопить, что ему стыдно. Пошел, сделал в синтезаторе топор из какого-то странного металла. И убил себя.
Я помедлил секунду и добавил:
– Расплескался на несколько метров…
– Это был символический акт, – тихо ответил Продавец. – Повреждение корпуса не способно вызвать смерть, как и потеря части сущности. Ему требовалось обозначить свой поступок, прежде чем прекратить жизнь. Он выбрал топор.
– Я выполнил ваше поручение, – сказал я.
– Остаются открытыми вопросы отношений моего коллеги и госпожи Воробьевой, происхождения и характеристик разноцветного кристалла, движущих мотивов Кандидата и Слуг.
– Это не входило в задание. Вы велели узнать, кто и как убил Продавца. Вы даже добавили: «И всё». Я дал вам ответ, верно?
Продавец помолчал. Сказал:
– Да. Верно. Информация дала больше вопросов, чем ответов, но вы выполнили условия сделки.
– Вы ведь всегда соблюдаете условия? – спросил я. – Без всяких уловок и хитростей?
Продавец хрипло засмеялся.
– О, да. Это интересное замечание. Вы имеете в виду, что я обещал вам возвратный мутаген, но не уточнил сроков?
– Да, – кивнул я. – Буквально сейчас пришло в голову.
– Мы соблюдаем не только букву, но и дух условий сделки, – обиделся Продавец. – Я не могу выдать мутаген прямо сейчас, поскольку занят выполнением очень важного и сложного заказа. Но вы получите его завтра утром, как только я завершу другой синтез. Приходите в это же время, Максим. Никакого обмана, обещаю.
– А поговорить? – спросил я.
– Что? – Продавец подался вперед, всматриваясь в меня.
– Вы же понимаете, как я получил информацию? – спросил я. – Я знаю, как вы выглядите. Снимите свой капюшон, налейте чая и поговорим? Просто так. Без всякой сделки.
– Зачем это мне? – спросил Продавец удивленно. – Какой в этом смысл?
– А смысл иногда появляется совершенно неожиданно, в процессе разговора.
Продавец некоторое время стоял, глядя на меня. Потом поднял руку и стянул с головы капюшон.
Тот, чью голову он носил, был пожилым, лет пятидесяти, мужчиной. Лицо скорее худое, острый нос, цепкий внимательный взгляд, вообще он выглядел очень умным и собранным. Интересно, это качества… донора? Или самого Продавца?
– И кто это был? – спросил я небрежно.
– Был и есть, – ответил Продавец. – Он жив, он мыслит, он в сознании. Для него происходящее – долгое захватывающее шоу. Это лучше, чем смерть. Верно?
– А отчего он умер? – спросил я.
– Технически он не умер, – терпеливо повторил Продавец. – Существование как человек он прекратил по причине отделения головы от тела. Но к этому моменту ему оставалось жить несколько минут. Если вы предполагаете, что мы каким-то образом вредим людям, то не правы. Зачем? Мы делаем предложение умирающим.
– Рак? – предположил я.

– Нет, мы предпочитаем делать предложения жертвам катастроф и преступлений. Его расстреляли из автомата. Он был, как это у вас называется, криминальным авторитетом. На его совести трое людей, убитых им лично, и более десяти, приказ на устранение которых он отдал. Не самая приятная личность по вашим меркам.
Я кивнул. Поинтересовался:
– И он согласился?
– О да. Всё понял, четко проанализировал и принял решение. Глупым он не был. Несколько самонадеянным… он надеялся перехватить контроль и подчинить мою личность себе. Смешно, правда?
– Это ведь невозможно?
– Даже теоретически. Тут вопрос не в силе воли и не в развитости интеллекта. Он это понимал, но в его картине мира существовал Бог, загробная жизнь, рай и ад. В ад он не хотел, а на рай рассчитывать не приходилось.
– В каком-то смысле он все-таки попал в ад, – сказал я, глядя в лицо бывшего бандита.
Продавец кивнул и едва заметно улыбнулся:
– Возможно. Он привык командовать… Я сделаю нам чай. Как вы помните, я его не пью. Но есть сорта, которые мне приятно нюхать.
Он исчез за шторой.
Ждать пришлось недолго. Минуты через три Продавец вернулся с небольшим подносом, черным и лакированным. На подносе стоял чайничек и две маленькие чашки из сине-золотого фарфора.
– Это чаочжоу, – сказал Продавец. – Надеюсь, вам понравится. Говорят, он бодрит.
Я кивнул. Взял из рук Продавца (или из рук криминального авторитета?) чашечку. Понюхал.
Пахло костром, дымом, смолой. И немножко чаем.
Запах был хоть и странный, но приятный.
– Давайте говорить, Максим, – предложил Продавец. – Вы мне интересны по целому ряду причин, которые, впрочем, я не стану обсуждать.
– У вас есть своя планета? – спросил я. – Родной мир?
Продавец замер с поднесенной к носу чашкой. Помолчал и ответил:
– Она – как эта голова. Она и есть, и нет. Мы ее покинули.
Я кивнул, не ожидая продолжения. Но Продавец неожиданно заговорил снова:
– Мы рано или поздно были бы оккупированы. Скорее всего – силами Инсеков. Наша культура хорошо продуцировала смыслы, мы были желанной добычей. Мы выбрали иной путь – рассредоточились. Стали народом бродячих торговцев, странствующих в космосе… Ты знаешь, что такое смыслы?
– Инсек говорил. Все эти войны в космосе – они за смыслы… так?
– Так. А что такое смысл?
Я пожал плечами. Предположил:
– Знание?
Глотнул чай. Да… необычно, но скорее вкусно, чем нет.
– И знание тоже. Вы попробовали чай, что скажете?
– Интересный вкус. Может, буду иногда такой пить. Если достану.
– Я подарю вам немножко, – торжественно пообещал Продавец, шумно нюхая свою чашку. У него даже крылья носа шевелились от удовольствия. – Смыслы, Максим, – больше, чем знание. Смысл – это информация, отношение к ней, ее использование, совокупность отношений части и целого. Вы попробовали чай и получили знание. Само по себе оно малоценно даже для вас. Смысл незнакомого вкуса в том, как он изменяет тебя и как ты изменяешь мир. Но, как правило, одна личность не продуцирует значимое количество смыслов, на это способна лишь целая культура.
– И это важно?
– Конечно. Это позволяет возвыситься и стать Высшим. У вас это называют технологической сингулярностью, но плохо представляют, что это такое. Неправильная сингулярность убивает цивилизацию, правильная ее возвышает.
– Вы тоже собираете смыслы, как и все остальные. Скажите, а кристаллики…
– О, нет… – Продавец покачал головой. – Не всегда. Кристаллики – как соль в блюде. Могут помочь проявиться смыслам, а могут отравить. Они всего лишь концентрат эмоций.
– И если я засуну кристаллик себе в рот…
– Ничего не почувствуешь. Неужели ты думаешь, никто такого не делал? Люди их продуцируют, а использовать не способны. Но есть много, очень много культур, ценящих человеческие эмоции. И как способ производства смыслов, и как простое

развлечение. Мы, Инсеки, Прежние, Измененные, Слуги – все они способны потреблять кристаллы. Но не производить. Это утрачено.
Я кивнул.
Продавец смотрел на меня с улыбкой. Очень странно было видеть его таким… слегка человеком.
Была не была!
– Может, скажете, что мне делать? – спросил я.
– Запутались в личных отношениях?
– Сдались вам всем!.. – взорвался я. Замолчал. – Нет. Я говорил с Прежним, с Инсеком, со Слугой. Они все чего-то от меня хотят.
– Как мило! – восхитился Продавец. – И чего же?
– Чтобы я помог осуществить их планы. Прежний уверяет, что систему не изменить. Что всегда будут сильные, держащие слабых как скот. Предлагает присоединиться к ним. Говорит, что относится к людям хорошо, что я это пойму… Но он мерзкий, токсичный до дрожи, и людей-то он в грош не ставит.
– Так, – подбодрил меня Продавец.
– Слуги хотят захватить корабль Инсека, удрать, утащить с собой миллион людей… как рабов, видимо. Ну и попутно свергнуть Прежних, те их просто так не отпустят. А мы останемся сами по себе. Вроде красиво, но они лживые ублюдки. И веры им нет, и выживем ли мы сами – или нас тут же захватят?
Продавец покивал.
– Ну и еще Инсек… Предлагает людям стать наемниками, проходить Изменение добровольно. Прежних на Земле уничтожить, колонии их зачистить… ну а потом Инсеки станут Высшими, а свою территорию передадут нам. Как бы в наследство, из благодарности. И это вроде лучше всего звучит, да? Мне кажется, Инсеки не слишком любят врать.
– Они это крайне плохо умеют делать, – согласился Продавец. – Хотя стараются выиграть за счет казуистики в заключении договоров, особенно устных. С ними надо аккуратно!
Он погрозил мне пальцем и хихикнул. Еще раз понюхал свою чашечку с чаем. Спросил:
– Так о чем речь, юноша?
– Что мне делать, что выбрать?
Продавец пожал плечами.
– Судя по вашим словам, выбор-то уже сделан. Хотите, чтобы я подтвердил его правильность?
Я молчал.
– Да легко, – сказал Продавец. – Мы работаем с Инсеками, с Прежними у нас свои счеты. Нашли, у кого спрашивать…
– А у кого мне еще спросить… – пробормотал я.
– Вы не тем озабочены, – Продавец аккуратно забрал пустую чашку из моих рук, поставил на поднос. – Совсем не тем! Верите – даже разум злобного хищника в этой голове… – он постучал пальцем себя по лбу, – сейчас веселится и удивляется вашей наивности и близорукости.
Он набросил капюшон на голову и сказал совсем другим, тихим и скучным голосом:
– Приходите за наградой завтра к девяти утра. Спасибо за чаепитие.
Я понял, что смысл своих слов он пояснять не станет. Кивнул:
– Хорошо. Мне продуктов надо купить. Для родителей. Картошка, мясо…
– Кристаллы у вас с собой? – спросил торговец, который только что пил со мной дорогущий чай, а завтра обещал дать бесценный мутаген.
Я посмотрел Продавцу в глаза и кивнул:
– Да. Я помню, что вы не торгуете в кредит.

Иногда долго не бываешь дома, а вернешься – и словно только что вышел. Года два назад я неожиданно для себя сорвался с друзьями в Питер, тусил там почти две недели, а когда приехал домой, то показалось, что и не уезжал. Вроде и всяких забавностей хватало в городе на Неве, но поездка сразу стерлась из памяти.
А бывает наоборот, когда утром закрыл дверь, а вечером квартира кажется чужой. И не понять, почему.
Отпирая свою дверь, я подумал, что это напоминает те самые «смыслы», о которых говорили Инсек и Продавец. Если этот «смысл» был, то весь мир для тебя изменился. И на всё смотришь, будто на чужое. Словно перешагнул какую-то грань и оказался в другом, незнакомом мире.

Интересно, есть параллельные миры или они только в фантастике? Спросить бы пришельцев, да разве они скажут прямо… да и знают ли. Высший, наверное, мог бы на такой вопрос ответить.
Может быть, есть мир, в котором Инсеки не прорвались к Земле. Их корабль – или корабли, – уничтожили где-нибудь на окраине Солнечной системы, и только несколько ученых ломают голову, что за вспышки засекли их телескопы…
И мы по-прежнему живем, не зная, что Земля – заповедник, где Прежние набирают своих солдат. В этом мире мой отец все еще работает крупным чиновником, может быть, и до министра дослужился. Или сидит в Госдуме сенатором. А я заканчиваю престижный вуз или уже закончил. У меня сменилось несколько подруг, и я даже подумываю, что еще несколько лет и стоит жениться – для карьеры полезно. Скорее всего, я совсем другой. Не знаю, лучше или хуже, но другой.
Может быть, я однажды зашел к Ростику – на день рождения или без повода.
И познакомился с его выросшей младшей сестрой Дариной? Ох нет, вряд ли я всерьез на нее обратил бы внимание, да и она на меня. Семь лет разницы! Мы бы слушали разную музыку, чилили в разных местах, у нее был бы парень немного постарше. Она даже могла бы мне совсем не понравиться, а я – ей.
И я жил бы той самой жизнью, которая казалась мне правильной и единственно возможной.
…А в другой реальности Прежние успели бы развязать ядерную войну, чтобы подпортить Инсекам трофей. Инсек бы не остановил ракеты… или это сделал Высший? Мир бы сгорел в огне, я, скорее всего, тоже. И родители, и Дарина, и Милана, и совсем уж мелкая Наська, и догадывающийся о пришельцах Лихачев… Или мы каким-то чудом выжили бы? И теперь скитались бы по лесам и полям подальше от городов, сбившись в банды, огораживая частоколом поселки и сражаясь за канистру бензина и пачку патронов.
Да не, это совсем уж кино. Сгорели бы в прах, и точка…
Я бросил пакет из Комка у дверей, разделся, покидал одежду в стиралку и запустил ее на долгий цикл. Нашел в холодильнике кусок вареной колбасы, паршивой, из госпайка, сплошная соя и «ароматизаторы, идентичные натуральным». Сжевал ее холодной, намазав сверху горчицей. Горчица из Комка – вот она и впрямь была абсолютно идентичная натуральной.
Потом пошел в душ и второй раз за утро ополоснулся.
Что мне делать-то, а?
С Дариной и Миланой?
Согласиться на практически озвученное предложение Дарины? Жить с двумя девчонками сразу?
Но, во-первых, у Миланы это особого восторга не вызвало.
А во-вторых, я не верю, что такое возможно.
Я плеснул на руку шампунь, намылил голову, включил напор воды посильнее и убавил температуру. В контрастном душе Измененных все-таки была какая-то привлекательность…
– Что вам всем от меня надо… – пробормотал я. – Еще и чужие… Инсеки, Прежние, Слуги, Продавцы…
Ну да.
Все тащат на свою сторону! Все предлагают стать спасителем человечества и получить полный мешок вкусняшек для себя персонально…
Я застыл, не замечая, что вода стала совсем уж ледяной и барабанит по голове, будто холодный зимний дождь.
Все.
Тащат.
На свою сторону.
Меня.
С какой стати?
А с какой стати Высший болтался в моем теле целую неделю?
А почему я так легко перенес Призыв и запросто болтаю с Гнездом?
Нет, ну правда! Я же не президент, не ученый, не какая-нибудь знаменитость.
Я Максим Воронцов, мне двадцать пять лет, я даже в институт не поступил, хожу по Москве и кристаллики собираю.
Чего они от меня хотят?
Чем я могу помочь Инсеку, Ивану или Нике добиться их целей?
Да ничем!

Допустим, я хорошая боевая единица, сам не ожидал, но похоже, что сражаться у меня получается. Но даже старый, но бодрый Лихачев скрутит меня в бараний рог. Да что там Лихачев, мне мелкая Наська наваляет, если захочет…
И зачем тогда тянуть на свою сторону обычного парня Максима?
Вот почему хихикал Продавец, говоря, что я не тем озабочен. Всё то же правило, месяц назад подсказанное мне Миланой: думай не о том, что есть, думай о том, чего нет!
Я очень легко принял все эти призывы: «Переходи на нашу сторону, у нас печеньки». Ну а как иначе? Каждый ведь в глубине души уверен, что он очень важная персона, что от него всё на свете зависит.
А надо было сразу сообразить – почему я?
Мне вдруг стало не по себе. Меня даже затрясло. Вот странно, если считаешь себя обычным человеком, то это не страшно. А если понимаешь, что от тебя ждут чего-то особенного, то непонятно почему становится жутко. Это как в детстве, когда родители вбили себе в голову, что из меня получится хороший теннисист, и отдали меня в крутую теннисную секцию. Там работал знаменитый тренер, мне купили какую-то немыслимо дорогую ракетку, я каждый день бегал по корту, играл… вначале было интересно и даже получалось. Потом стало скучно. Я хотел заниматься хоккеем.
И почему-то прыжками с шестом. А мне объясняли, что у меня все данные теннисиста, и я старался, пока тренер не покачал головой и не объяснил родителям, что «потенциал был, но исчерпан».
Ракетку я с тех пор в руки не брал. Но дурацкое ощущение, что от тебя ждут то, чего в тебе нет, запомнил.
И сейчас это чувство вернулось.
– Ну вас всех, – сказал я.
В конце концов, я уже объяснял Лихачеву, что не собираюсь спасать мир и ввязываться в большие игры могущественных сил. Всё, что я делал, я делал только ради одного – спасти Дарину. Весь мир не вылечишь. Завтра утром я возьму у Продавца возвратный мутаген, и она станет обычной девушкой. Я уведу ее из Гнезда, мы поселимся у меня. И я даже пойду с ней в ЗАГС, чтобы родители и все остальные поняли: приключений мне хватило по уши!
Я выключил воду. Постоял, медленно согреваясь. И подумал, что всё решил. Все вопросы и все проблемы.
С кем я хочу быть и на чьей я стороне.
Инсек останется на Селене, и то, что у нас было с Миланой, тоже.
И мне совсем, совсем неинтересно, почему все дергают меня на свою сторону.
Оставьте меня в покое!

Глава девятая

Родители ничего не заказывали, но я знал, что они будут рады продуктам. Когда я вошел, мама сидела перед телевизором и шумно комментировала ток-шоу.
Точно так же демонстративно, как она раньше игнорировала всё, случившееся после Перемены, она теперь включилась в новости.
– Максим! – позвала она. – Ты слышал, «Гринпис» заявили, что на Земле резко упала популяция голых землекопов!
– Кого? – поразился я. – Привет, мама.
– Привет! Голых землекопов! Это такие… – Мама задумалась. – Вроде лысых крыс. Ученые говорят, что перемена климата уничтожила половину популяции!
– Очень грустно, – согласился я, глянув на отца. Тот пожал плечами. Я чмокнул маму в щеку. Алкоголем от нее не пахло, и это меня сильно радовало. Такое ощущение, что, признав существование пришельцев, она избавилась от своего порока.
Отец, впрочем, потихоньку продолжал выпивать. Как он сказал, в его возрасте отказ от алкоголя так же опасен, как и злоупотребление.
– Ты спроси, пожалуйста, Дарину, – сказала мама. – Сколько это еще будет продолжаться?
– Что? Падение популяции землекопов?
– Климатические изменения!
– А мне нравится, – заспорил я. – В этом году снег шел всего два дня. И то не лежал, сразу таял.
– Это неправильно, – сказала мама. – Мы северная холодная страна. У нас должны быть снега и мороз.

– В Сибири зима осталась…
– Да разве это зима? – Мама вздохнула. – Вот раньше были зимы! Птицы на лету замерзали! Вот какие были морозы!
Видимо, сообразив, что заботиться о судьбе голых землекопов и скучать по замерзающим на лету птицам непоследовательно, мама быстро свернула тему.
– Ты пообедать зашел? Я еще не начинала готовить… ох, а уже одиннадцать…
– Да нет, я сыт. Продуктов вот принес, – я показал пакет. – Настоящих. Мясо, картошка, сыр…
– Не бери картошку! – возмутилась мама. – Ее, оказывается, продают за дикие деньги!
Но пакет она приняла и понесла на кухню, добавив:
– Я сварю суп. Молодежь вечно забывает, что надо есть суп!
Мы с отцом переглянулись.
– Мама деликатно дает нам поговорить, – сказал папа. – Что стряслось?
– Неужели видно? – удивился я.
– Я тебя четверть века знаю, – усмехнулся отец.
Мы сели на диване. Мама действительно осталась на кухне, включила там то ли телевизор, то ли радио и принялась греметь посудой.
Я подумал, что она всегда так поступала, когда к отцу приходил кто-то поговорить «по делам». И была на кухне ровно столько времени, сколько шли «серьезные разговоры». Однажды папа ей сказал: «Ты идеальная жена чиновника, знаешь, когда появляться и когда исчезать…»
– Да так, разное… – пробормотал я.
– В новостях говорили про стрельбу в Представительстве, – сказал отец небрежно.
– Ага… Не беспокойся. Меня там уже не было к этому моменту.
Отец молча смотрел на меня.
– Я был далеко, – сказал я, чувствуя себя очень неловко.
– Насколько далеко?
– Ну… триста восемьдесят тысяч километров примерно. Я не знаю, вчера Селена была в апогее или в перигее.
– Ясно, – сказал отец. – Помочь могу?
– Всё уже нормально, – ответил я.
Вот за что я папу очень люблю – он не лезет с ненужными расспросами.
– Тогда спрашивай.
Я помолчал.
Вот как тут спросить?
– Пап, я нормальный?
– Что-что? – поразился отец.
– Ну, странностей со мной каких-то не было в детстве?
– Когда тебе было три года, ты ел лимоны, – сказал папа. – Брал лимон и сгрызал, словно яблоко или мандарин.
– Фу, – меня аж перекосило. – А еще что-нибудь?
Отец прищурился.
– Если ты хочешь спросить, родной ли ты нам, – да, родной.
– Папа, я вовсе не это хотел спросить! – выпалил я с облегчением. – Но все-таки, какие-то особенности у меня были? Почему на меня всё это сыплется?
– С Дариной поссорился? – спросил отец.
Я промолчал. Покачал головой.
– Та девушка, что у тебя жила несколько дней… Милана, верно? – продолжал отец.
– Теперь хоть понимаю, в кого я такой умный, – пробормотал я и заговорил тише: – Слушай, вот как в такой ситуации поступать? Мне они обе нравятся и… ну, понятно. Я им тоже. И я про обеих думаю. Засыпаю – думаю, просыпаюсь – думаю. Значит, они мне обе важны. Но так нельзя… наверное.
– Долго – нельзя, – вздохнул отец так же негромко. – Скажи, когда ты с Миланой, – ты думаешь о Дарине?
– Да.
– А когда с Дариной? Думаешь о Милане?
Я молчал.
– Останешься обедать? – спросил отец как ни в чем не бывало.
– Нет, наверное, – ответил я. – Спасибо, пап.
Да, этот прием и здесь работает. Важно не то, что есть. Важно то, чего нет.
– Обращайся, – улыбнулся отец.

Не знаю, почему я пошел в «Рэдку». Есть я и впрямь не хотел, а то поел бы маминого супа. Наших там днем немного, больше случайных посетителей.
Но меня будто потащило туда.
Я прошел по Столовому переулку мимо своей старой школы – она по-прежнему работала, даже осталась «испанской», свернул на Малый Ржевский. У мелких как раз кончились уроки, меня чуть не смело потоком галдящей детворы, затеявшей шутливую потасовку у памятника героям-учителям и героям-ученикам. Ну, памятник – это слишком громко, наверное, пять маленьких фигур на выступе, над бронзовой доской с перечислением имен… Имен было много. В давней войне, которой скоро сотня лет исполнится, погибли десятки миллионов.
Я вдруг подумал, что для Прежних эта война могла быть ничего не значащим пустяком, который они же сами и затеяли. Например, на каких-то галактических фронтах дела шли плохо. Им потребовались не миллионы Измененных в год, а десятки миллионов. Ну а что может быть лучшим прикрытием для изъятия из человеческого общества огромного количества здоровых детей, чем мировая война, непрерывные бомбардировки, движущиеся туда-сюда обратно по Европе и Азии армии?
Или не надо приписывать Прежним наши собственные, человеческие зверства?
…Но все-таки, зачем я решил зайти в «Рэдку»?
Надо было мне догадаться, наверное.
Но я как-то расслабился после разговора с отцом.
И только увидев за столиком Ивана и Виталия Антоновича, понял, что пришел сюда не по своей воле.
Больше никого из серчеров в кафе не было. И персонал, несмотря на теплый солнечный день, весь попрятался внутри. Уверен, если их спросить, никто не ответит, почему на столиках стоят таблички «Зарезервировано», а они толкутся в помещении. Вот захотелось им так сделать – и всё тут…
Виталий Антонович сидел мрачный, напряженный, начисто лишившийся всей своей ироничности и лоска. Немудрено – в присутствии Ивана он выглядел как бледная копия рядом с оригиналом.
Я молча подошел к ним. В этот момент на церкви Большого Вознесения напротив зазвонили колокола.
– Как эффектно, – сказал Иван, дождавшись, когда звон стихнет. – Умеешь ты появляться, Максим! Прямо с Божьим благословением!
– Можно подумать, вы в Бога верите, – ответил я и сел рядом с Виталием Антоновичем.
– Можно подумать, ты веришь! – обиделся Иван. – Будешь кушать? Заказать тебе?
Перед ним на тарелке лежали остатки люля-кебабов.
Я смолчал.
– Как угодно, – сказал Иван. – А церковь симпатичная, зря ты так, и перезвон красивый. Я люблю и уважаю все традиционные религии.
– Еще скажите, что были тут на венчании Пушкина с Гончаровой, – буркнул я.
– Нет, я не в России тогда жил, – ответил Иван. – Ну, чего дуешься?
– Как вы меня сюда притащили? – спросил я.
– А, вот ты чего напрягся… – Иван кивнул. – Считай, что это вроде Призыва. Заставить тебя сплясать на столе я бы так не смог. А вот сделать то, что ты и сам не против, – зайти в «Рэдку», к примеру…
Я кивнул. Сказал:
– Думал, вы меня с утра расспрашивать станете.
– Зачем? – удивился Иван. – Я приехал в Представительство минут через пять после того, как ты удрал. Поговорил с Лихачевым, он всё рассказал. Думаю, каких-то деталей не знает, но мне хватило. Так что ситуацию я представляю.
– Ну и… что тогда вам нужно от меня… от нас, – я глянул на Виталия, тот кивнул.
– Хочу вас нанять, – улыбнулся Иван. – Вас двоих, но вы же дружный коллектив… привлечете товарищей.
Очень хотелось сказать какую-нибудь гадость. Но я молчал.
– Давайте так, – Иван развел руками. – Вначале я чуть-чуть расскажу про нас. Про то, что вообще происходит. А то я уверен, тебе уже каждая сторона конфликта наплела всякого-разного, да еще и наград посулила. Я начну с правды, потом коснемся и наград. Готовы выслушать?
Виталий Антонович кивнул, как-то болезненно улыбнувшись. Да чего это с ним?
– Он уже в курсе своей награды, – небрежно сообщил Иван. – И хочет ее заслужить, от чего страдает. Итак… мои дорогие юные подопечные. Человечество гораздо старше, чем учат в ваших школах. И в космос мы вышли не в двадцатом веке. Иные миры покорять стали еще семь тысяч лет назад. Врать не стану, сам в ту пору не жил, мало

таких старожилов… Очень быстро люди наткнулись на Инсеков. И если ваш многоногий приятель ответит правдиво, то признает – мы предлагали мирное сосуществование. Окучивать свои зоны космоса, получать требуемое, даже держать союз против иных культур.
– Всё ради смыслов? – спросил я.
– Да, Инсеки любят этот термин. Мы чаще говорим «суть», но пусть будут «смыслы». Что нужно любому разумному существу, любой цивилизации?
– Всё, что нам нужно, – это любовь, – мрачно сказал Виталий Антонович.
– Ответ неверный, – усмехнулся Иван. – Всем нужно только одно – вечность. Бессмертие. Ваши чудесные религии, ваши научные мечтания – всё это об одном: как бы прожить подольше, а в идеале вообще жизнь вечную поиметь. Потому что умирать, дорогие мои, никто не хочет. А выход только один – переход в постсингулярную стадию. Но для этого надо создать много, много смыслов. Никакое обычное долголетие, никакие исследования пространства и времени, никакие эксперименты с материей этого не дают. Сознание невозможно перенести в электронную форму, как мечтают ваши трансгуманисты. Живой организм не может обновляться вечно, да и кардинально это ничего не меняет, что бы ни придумывали биологи. Все разумные формы жизни, нажравшись от пуза и удовлетворив свое первичное любопытство об устройстве Вселенной, стремятся перейти в высшую форму существования.
– Допустим, – сказал я. – И что, самим мирно жить и плодить смыслы нельзя?
– Можно, но сожрут по дороге. Все жрут всех, потому что боятся, что сожрут их. Замкнутый круг. Инсекам не понравилась наша экспансия, нам не понравилась их заносчивость… Несколько сотен лет мы конфликтовали, несколько сотен лет мы воевали активно. Они делали ставку на киборгизацию и псевдоразумные машины, мы – на биологическую изменчивость и создание специализированных форм людей. У обоих подходов были свои плюсы и минусы.
– Что за цивилизация у вас была? – спросил Виталий Антонович. – Просто интересно.
– Самая обычная цивилизация, – усмехнулся Прежний. – Население, мечтающее продвинуться повыше; элита, стремящаяся сохранить власть. Военные, ученые, рабочие. Миры были разные, попади вы в некоторые – решили бы, что это коммунистическая утопия, попади в другие – приняли бы за мрачный мир тоталитарной диктатуры. Земля и тогда оставалась на особом положении, все-таки прародина. Самый населенный, зеленый, обитаемый мир. Не слишком загаженный производством, для этого была Венера. Не слишком военизированный, для этого был Фаэтон.
– Да ладно… – сказал Виталий с негодованием.
– Мне совершенно безразлично, верите вы или нет, – ответил Иван. – Итак, шла война. Достаточно жестокая. Если будете общаться с Инсеком, Максим, спросите его про Фрадар и Леле.
– Это имена? – уточнил я.
– Названия миров-колоний. Пусть расскажет, что там было, ваше отношение к Инсекам может резко измениться… А потом они нанесли удар по Солнечной системе. Мы прошляпили прорыв, никто не ожидал столь архаичной атаки, как налет кораблей на релятивистских скоростях. Венера превратилась в раскаленный ад, Фаэтон распался на фрагменты…
– Фаэтон если и был, то развалился не шесть тысяч лет назад! – громко сказал Виталий. – Научные данные…
Иван с улыбкой посмотрел на него, и Виталий замолчал.
– Земля тоже пострадала. Потопы, извержения, катаклизмы… цивилизация была разрушена, люди впали в дикость. И мы были вынуждены сделать неожиданный ход. Превратить родную планету в собственную колонию. Стать для одичавших соплеменников богами. И – черпать с Земли все новых и новых Измененных. Мы снова начали побеждать, мы очень аккуратно и бережно развивали Землю… и вновь получили сюрприз от Инсеков. Астероид Оумуамуа. Он пролетел сквозь систему в две тысячи семнадцатом году, мы понимали, что это рукотворный объект… но он летел так медленно…
Иван замолчал. Потом сказал:
– Если что – я сразу предлагал активные действия. Вплоть до создания флота космических кораблей. Мне отказали. Понимаете, никто уже не воюет такими методами. А оказалось, что Инсеки запустили кластер боевых кораблей на медленной скорости… и вот он добрался до Земли.

Он вдруг повернулся, уставился на дверь кафе. Оттуда мгновенно выскочила официантка, подбежала к столику. Лицо у нее было взволнованное и испуганное, будто в кафешку заглянул президент и попросил пожарить ему быстренько шашлыка.
– Принеси нам коньячку, милая, – попросил Иван. – Ты будешь, Максим? Нет? А ты будешь, Виталий. Я не хочу пить один.
Официантка убежала обратно.
– Вот такой расклад, – сказал Иван. – Инсеки нас перехитрили. Вновь напали. У наших сдали нервы, решили Землю обнулить, чтобы не дать преимущества Инсекам. А они только того и ждали. У них был канал связи с Высшим… у них или у Продавцов… Высший войну и остановил. Свой мир мы имели бы право уничтожить. Но мы-то его объявили колонией, чтобы защитить от Инсеков. Вот и вышло, что мы виновны в попытке геноцида. Людей отдали под контроль Инсеков, те присосались к Измененным. И теперь одни люди воюют по всей Галактике против других людей. Ну что, как вам расклад? Хороши Инсеки?
– Все вы плохи, – сказал я.
– Правильный вывод, – кивнул Иван. – Ну что ж, я вам краткий курс истории прочитал. Теперь к тому, зачем вы мне нужны…
– Слуги, – сказал я.
– Ага, – Иван оскалился. – Я вчера весь день разматывал клубок. И вот что выходит, дорогие друзья…
Официантка принесла два фужера и бутылку коньяка – настоящего, французского. Наверняка из Комка. Бутылка была холодная, запотевшая.
– Коньяк из холодильника, – сказал Иван. Кажется, он оторопел. – Спасибо, милая. Он сегодня был очень любезным.
Официантка убежала, а Иван взял бутылку за горлышко, подержал несколько секунд. От бутылки пошел пар.
– Так лучше, – решил Иван. Налил алкоголь себе и Виталию. Тот не протестовал. Я демонстративно посмотрел на часы.
– Куда-то торопишься? – спросил Иван. Глотнул коньяка. – Таня Воробьева была моей креатурой и протеже. Умная женщина. Сама пришла к выводу о нашем существовании, сама вышла на контакт, проявила себя с лучшей стороны… получила предложение стать Кандидатом. К сожалению, я ее недооценил. И не совсем понял мотивацию. Она не собиралась становиться Высшей, она хотела нас уничтожить.
Даже не знаю, почему, но, когда я это услышал, мне стало легче. Может, в лице этой женщины было что-то симпатичное. Может, просто приятно было узнать, что не все готовы продать человечество ради личного благополучия.
– Она сознательно задерживала свой переход из Кандидата, – продолжал Иван. – Я это считал милой сентиментальной блажью. А она понимала, что, став одной из нас, выбросит глупости из головы. Изучала баланс сил. Искала союзников. Как-то ухитрилась заинтересовать одного из Продавцов. Похоже, получила доступ к его аналитическим и производственным мощностям. И поняла, что единственный путь, дающий хоть какой-то шанс, – альянс со Слугами. Понимаете, в норме они ведь не могут пойти против нас. У них стоят психические блоки против неповиновения. Госпожа Воробьева их сняла. Видимо, Продавец снабдил Танечку какой-то биохимической гадостью, они в этом большие мастера. Если бы у нее всё вышло, если бы она получила от Продавца искомое… – Иван осекся. – В общем, нам повезло, что ее последняя доза наркоты довела Продавца до самоубийства, а система безопасности уничтожила опасность. Но Слуги, как видите, пытаются продолжить. Хотят захватить корабль Инсека и нас уничтожить.
– Как? – спросил я.
– Да скорее всего вместе с Землей, – небрежно ответил Иван. – Смоются толпой к звездам, а по Земле нанесут удар. Будет в Солнечной системе два пояса астероидов. Их Высшие не тронут, они вроде как и сами пострадавшие… В общем, спасибо, Максим, что остановил этих говнюков.
– Спасибом не отделаешься, – пробормотал я напряженно.
Я поверил Ивану. Какой бы сволочью он ни был, но Слуги по подлости и легкости вранья его крыли.
– Я знаю, где они соберутся этим вечером, – продолжил Иван. – Их еще немало осталось. И я хочу, чтобы вы их уничтожили.
– Что? – поразился я. – Почему мы?
– Потому что у вас это уже получалось, – ответил Иван. – И объяснять вам ничего не надо. И мотивировать легко.
– Мне кажется, Иван, для вас в этом вообще проблем нет, – сказал я.

– Я же говорю, Воробьева – моя ошибка, – ответил Иван. – Если вмешаюсь, то остальным станет понятно, что я ошибся с Кандидатом. Это очень, очень большая оплошность! А вот если Слуг перебьете вы – никто и пальцем не шевельнет. У вас уже есть репутация безумных борцов со Слугами, после клиники и Гнезда. Да, мстить вам никто не станет. На Слуг всем плевать.
– Догадываюсь, почему они захотели вас уничтожить, – заметил я. – Нет, всё понятно. Один вопрос – а нам какая выгода?
– Тебе лично никакой, – сказал Иван. – Как я понимаю, ты свой приз у Продавца заработал. А вот Виталию я кое-что обещал.
Я посмотрел на Виталия Антоновича. Наш старший отвел взгляд.
Я умный, я сам всё понял.
– Награда хорошая, – продолжал Иван. – У Инсеков порталы переносят лишь из системы. У нас они вообще блокированы. А вот у Продавцов всё работает исправно. Я хочу подчеркнуть, это и мне будет нелегко организовать. Сын Виталия воюет за Инсеков. Но варианты есть всегда. Его выкупят или захватят живым. Через Продавцов вернут на Землю. И обратят Изменение вспять. Хорошая награда, а?
– Наверное, это и впрямь трудно… – прошептал я. – И вы обещаете провернуть такую операцию всего лишь за то, что мы убьем несколько Слуг?
Иван улыбнулся и погрозил мне пальцем.
– Умный! Нет, Максим, не только. Считай это жестом доброй воли, залогом сотрудничества в дальнейшем…
Я ждал.
– И еще по одной, но самой важной причине, – лицо Ивана стало серьезным. – Которую я изложу тебе после выполнения задания. Поверь, это будет интересно.
– Ясно, – сказал я. – А мне что пообещаете?
– Тебе? – удивился Иван. – Зачем? Твой друг и товарищ, пришедший на помощь в тяжелую минуту, может искупить свой проступок, спасти сына и обрести счастье. Неужели ты не поможешь ему без всякой награды? Поможешь! И мы оба это знаем.
Я кивнул.
Мы действительно оба это знали.
– Макс… – сказал Виталий.
– Не надо, – остановил я его. – Прежний прав.
– Их много, – помрачнел Виталий. – Слуг.
– Сколько? – спросил я.
Он ответил.

Глава десятая

Иван ушел. Как только он встал из-за стола, за ним подъехала машина.
А мы остались.
Виталий Антонович сидел и крутил в пальцах бокал. Потом поставил его, снял очки, протер. Сказал:
– Макс, я тебе благодарен за предложение. Но у нас мало шансов.
– В одиночку у тебя вообще их нет, – ответил я.
– Макс, – старший поморщился. – Нет, мне приятно, что ты готов полезть в бой против полусотни Слуг. Значит, я не самый плохой человек, верно? Но у тебя есть родители. Дарина. Да и Милана, полагаю, расстроится.
– Че ты меня хоронишь, а? – разозлился я. – Мы зачистили клинику!
– Нас сколько было? Шестеро. Слуг сколько было? Двое. Юра погиб. Мы разменялись один на двое.
– Юрия убил монстр, – сказал я упрямо. – Слуг мы уничтожили без потерь. И мы еще осторожничали, жалели их… Теперь я не жалею. Они не люди, совсем. Они хуже даже Прежних.
– Они быстрые, ловкие, безжалостные. Обычные пули их толком не берут.
– У меня есть необычные, – признался я. – Я тут кое-что делал для Продавца, ты не в курсе…
– В курсе! Мы час с Иваном сидели. Он рассказал, – Виталий залпом допил остатки коньяка и отодвинул бокал. С сожалением пробормотал: – Хватит, вечер намечается сложный… Ты и впрямь был на Селене?
– Мы с Миланой были.

– Обалдеть, – вздохнул Виталий. – Ты мой первый знакомый космонавт… Макс, сколько у тебя патронов?
Я молчал. Пистолет с одним магазином забрали Слуги. Одна обойма и десяток патронов с дробью остались в Гнезде, в сумке вместе с сеткометом.
– Меньше двух десятков…
– Вот!
– А что «вот»? – завелся я. – Возьмем обычные, будем стрелять в головы.
– Макс, самому-то не смешно такое говорить? – огрызнулся Виталий. – Я пойду. Пойду умирать, я это понимаю, но я должен попробовать. Обвешусь магазинами, взрывчаткой… у меня есть. Ну не могу я не пойти, понимаешь? Не пойду – потом повешусь! Это шанс спасти моего сына!
– Он тебя и не помнит!
– Я его помню!
Вот что тут сказать?
Я понимал старшего. И что он не прав – тоже понимал. Но это ничего не меняло.
– Попробуем взять еще боеприпасов, – предложил я. – И позовем наших.
– Двух дедов и старуху?
– Елена еще сто очков тебе вперед даст, – мрачно сказал я. – Деда Боря отвязный, мне кажется, ему и умирать не страшно. А Василий не такой уж и дед.
– Из него хреновый боец, – возразил Виталий. – Да и в городе его нет. Наших пацанов я не позову, даже не надейся. И в нашей тусовке нет других людей, кому я могу довериться.
– Лихачев?
Виталий покачал головой:
– Первым делом подумал. Своих он не потащит, а если бы потащил – то не убивать, а арестовывать. В одиночку не пойдет, скорее уж нас арестует. С самыми лучшими намерениями.
Я кивнул. Всё так. Сказал:
– Но… Елене я позвоню.
Старший кивнул. Я понял, что он смирился с моим участием.
– А деда Боря?
– Свяжусь…
Мы знали, где сегодня вечером соберутся Слуги. Мы знали, сколько их будет. Мы знали, когда начнется их встреча.
И никаких колебаний, правильно ли будет уничтожить полсотни разумных гуманоидов, у нас не было. Людьми мы их не считали, а они человеческие жизни не жалели.
Мы только не знали, как их убить.
– Встретимся здесь, – предложил я. – Ровно в шесть. Нормально?
Виталий кивнул. К нам подошла официантка, как-то боязливо оглядываясь, словно опасалась, что появится Иван.
Чем он ее так напугал-то?
Ведь милейший человек. С виду.
– Закусочку к коньяку? – спросила она.
– Айгуль, забери бутылку, – ответил Виталий. – В холодильник только не надо ставить, не употребляют коньяк холодным. Мы поздно вечером вернемся допивать. Надеюсь… На мой счет запиши… нет, лучше сейчас рассчитаюсь.
– Заплачено уже, – смущенно сообщила официантка.
– Да? – поразился Виталий.
Айгуль задумалась.
– Заплачено. Да.
Виталий пожал плечами.
– Хорошо. Тогда кофе мне сделай. Двойной эспрессо.
Кафе потихоньку начало оживать. Выглянул, кивнул нам и исчез внутри повар. За крайний столик села случайная парочка, любуясь церковью.
– Я попробую добыть нормальные боеприпасы, – повторил я. – У тебя макаров найдется? Мой… того.
– Найду, – ответил Виталий, не уточняя. – Ты патронов добудь, главное.
Я кивнул. Спросил:
– Слушай, ты когда-нибудь слышал про разноцветные кристаллики? Двух или трех цветов?
– Все слышали, – хмыкнул Виталий. – Только я не видел. Думаешь, за такой Продавцы расщедрятся?

– Угу. Они с них балдеют, – уклончиво ответил я. – Ты все-таки поспрашивай, старший. Вдруг есть у кого?
Виталий Антонович кивнул, и я встал из-за стола.
На церкви внезапно вновь зазвонили колокола, и я подумал, что счел бы это хорошим знаком – если бы верил в Бога или хотя бы в приметы.

В Гнездо я вошел без четверти два, после короткого и неутешительного визита в Комок.
Еще метров за полста я почувствовал тихий рокот. Остановился, позвал. И, ощутив ответ, попросил: «Не сообщай обо мне». Гнездо согласилось. Право на уединение, хотя бы ментальное, Измененные имели. Ну и я тоже.
Я вошел – уже привычно, словно в свой подъезд.
Поискал взглядом стражу – у дверей никого не было.
Это еще что такое!
Если бы я не слышал ровный голос Гнезда, точно бы испугался. Но и сейчас я принялся озираться, пытаясь понять, почему стража покинула пост.
– Же пошла руки помыть, – донеслось до меня.
Даже услышав голос, я не сразу заметил Наську. Она сидела в стороне, в горе подушек, соорудив из них подобие кресла, и что-то разглядывала. Я подошел, глянул – она выбирала из двух книжек. Рядом с ней стояла моя сумка – ура!
– Руки помыть? – удивился я.
– Максим, ты прям такой наивный? – спросила Наська. – В туалет она пошла.
Я подменяю.
– А, – я кивнул, сел рядом на пол. – Наська, извини. Ты на меня обиделась.
– Ничего, я просто стала нервная и обидчивая не по делу, – ответила куколка. – Это, наверное, подкрадывается мерзкий подростковый возраст. Б-р-р!
Я засмеялся.
– Да ладно, я сам не прав. Ты как себя чувствуешь?
– Норм…
На самом деле выглядела она больной: румянец на щеках, мешки под глазами, зрачки расширились и быстро пульсировали. Это всё их мутагены…
– Чего почитать посоветуешь? – Наська подняла книжки.
– Во-первых, посоветую не здесь читать, – сказал я, щурясь. – Темно, глаза испортишь…
– У нас другое зрение.
– Во-вторых… «Женщина французского лейтенанта» и «Нетерпение сердца»? Уверена, что…
– Что по возрасту?
– Что интересно будет!
– Всё интересно. С чего начать?
Я пожал плечами.
– Слушай, я не читал. В школьной программе их не было… Знаю, что обе про любовь…
Наська перевернула книжки, посмотрела на обложки. Сказала:
– Надо же. А я и не догадалась!
На обеих обложках, разумеется, были изображены дамы и джентльмены с лицами, исполненными любви и страдания.
– Думаю, стоит прочесть обе, – сказал я примирительно.
– Так и сделаю, – решила Наська. – Милана ушла, кстати. Они там щебетали с Дариной, потом Милана ушла.
– Ага, – сказал я. – Ну…
– Она тебе записку оставила.
Я взял из рук куколки мятую бумажку, сложенную раза в четыре. Спросил:
– Читала?
– Ты с ума сошел, да? – возмутилась Наська. – Такое спрашивать?
– Значит, читала, – кивнул я.
– Ну, читала, – Наська отвела глаза. – Она же не запечатана…
– Ясно, – сказал я, не разворачивая записку. – Наська, у меня к тебе просьба есть. Серьезная.
– Ну? – Она заинтересовалась и даже отложила книжки.
– Я заходил сейчас в соседний Комок. Хотел кое-что купить, но… в общем, не продали.
– Кристаллов нет?

– Кристаллы есть, но не продали, – я помолчал. – Но у меня там еще один заказ подвис. Это… ну, подарок Дарине. Продавец велел зайти утром, в девять. А я не уверен, что смогу. Заберешь? Тебе разрешают одной в Комок ходить?
Наська фыркнула.
– Разрешают. Теперь кто запретит? Тем более завтра Дарина как раз в Комок идет. Может, и я с ней…
– Ну и здорово, – обрадовался я. – Я предупредил, Продавец отдаст тебе заказ.
– Оки, – согласилась Наська. – Ты записку хочешь прочитать?
– Я прочитаю, – успокоил я ее. – Обязательно. В темноте не хочу, у меня же глаза обычные.
Протянув руку, я потрепал куколку по голове.
– Ладно, пойду, дел по горло. Не буду мешать чтению.
– Эй, Максим… – Голос Наськи стал чуть тревожным. – А у тебя всё в порядке?
Я подмигнул ей:
– У меня всё в порядке. Честно.
– Я могу чем-то помочь?
– Да ты и так мне помогла вчера, – сказал я. – Как мы со Слугами-то, а?
Но Наська продолжала смотреть требовательно и настороженно. Я вздохнул и сказал:
– Можешь, если у тебя есть двухцветный кристаллик. Или трехцветный.
– Этих нет, – Наська покачала головой. – У меня вот такой есть…
Она запустила под себя руку и вытащила шкатулку – дешевую пластиковую шкатулку для детской косметики и бижутерии, которую я когда-то ей подарил. Открыла – затренькала простенькую мелодию кружащаяся фигурка балерины. Шкатулка больше не была пустой – там лежали какие-то мелкие куколки, фигурки из «Лего», блескучие кольца с огромными «драгоценными камнями». Наська открыла крошечный отсек и достала кристалл – граненую пирамидку в сантиметр длиной. Какую-то мутную, непонятную…
– Держи. Утром нашла один.
Я осторожно взял кристалл и поднес к глазу. Прищурился и посмотрел сквозь него на тусклый свет люстры.
Кристалл был радужный.
Он переливался всеми цветами – от красного до фиолетового, удивительным образом соединившимися, но не смешавшимися. Как там говорил Джеймс Бонд: «Взболтать, но не смешивать»? Вот и здесь: горела рубиново-красная грань, апельсиновой коркой шла оранжевая полоса, сиял лимонно-солнечный желтый цвет, проступала сочная травяная зелень, небесно-голубая линия переходила в синее, будто морская вода, пятно – и везде проступали фиолетовые точки.
Все цвета спектра в одном крошечном кристалле.
– Наська… – выдохнул я.
– Сгодится такой?
– Не знаю, – ответил я. – Что я говорю? Сгодится. Продавцы от двухцветных трястись начинают… Наська, я не могу его взять. Знаешь, сколько это шоколада?
– Сколько? – заинтересовалась она.
– Целая фабрика. Наверное.
– Много сладкого вредно, – куколка улыбнулась. – Бери, Максим. Он твой.
– Почему мой?
– Мне он не нужен, – серьезно сказала Наська. – А тебе очень, я вижу. Значит, твой.
– Спасибо, – сказал я. – Правда, спасибо. Ты очень помогла.
– Иди, занимайся делами, – Наська улыбнулась. – Я книжку хочу почитать.
Я кивнул, встал. Глянул на возвращающуюся Же.
Может быть, я только что получил шанс сам забрать подарок для Дарины.
– Сумку возьмешь? – спросила Наська.
Я взял.

К «своему» Продавцу я решил не возвращаться. Во-первых, я был обижен – он очень резко отверг все мои просьбы продать еще боеприпасов, не говоря уж о каком-нибудь «особенном» оружии. Во-вторых, если его синтезатор и впрямь был занят сложным заказом, он мог просто не выдать мне оружие сразу.
Да ладно, чего врать. Я решил его наказать.
Комков в Москве много.
Быстрым шагом я дошел до метро «Тверская». Но вместо того чтобы нырнуть вниз по ступенькам, присел на гранитное ограждение лестницы напротив одёжного магазина. Посидел немного, потом достал и развернул записку от Миланы.

В общем-то я знал, что там написано.
Почерк у Миланы был аккуратный, почерк девочки-отличницы, его даже студенческая жизнь не испортила.
«Максим! Ты уже всё понял, да? Я была не права. Так нельзя. Я делаю больно тебе и Дарине. И себе тоже. Глупо всё получилось. Если будет нужна помощь – я всё для вас сделаю. Но просто так нам лучше не видеться. Поцелуй от меня Дарину. У вас всё будет хорошо, я знаю. Спасибо за прогулку по Луне. М.»
И всё.
Я достаточно ее знал, чтобы понимать – она не делает ничего, в чем не уверена.
А когда уверена, то не тратит лишних слов.
Я посидел, глядя на вывеску магазина «Армения» через дорогу.
Потом порвал записку на мелкие клочки. И аккуратно выбросил в оказавшуюся рядом урну.
Что я чувствовал?
Печаль? Облегчение? Стыд?
Наверное, всё сразу.
А потом пошел по Страстному. Время у меня еще было.
Наверное, я все-таки не совсем уверен, что Продавец выдаст мне волшебную чудо-пушку, которая позволит уложить полсотни Слуг.
К родителям я зайти не рискну. Либо они что-то почувствуют, либо я сломаюсь – и Виталий Антонович будет зря дожидаться меня вечером в «Рэдке».
Нет, ну правда, а я действительно собираюсь ему помогать?
Ради призрачной надежды, что Иван спасет его сына?
Чушь ведь, самоубийство. Когда я шел в Гнездо сражаться с монстром, я хотя бы понимал, ради чего готов умереть. А сейчас?
Ну не такие уж мы друзья. Помочь мне было его инициативой…
Но я повел себя, будто глупый герой романа, который сейчас читает Наська. Совершал поступки романтические и безрассудные (положим, я этих книг не читал, но догадывался, что разумных вещей герои любовных романов не делают).
Бомж Андрей действительно нашелся у памятника Высоцкому. Он стоял перед ним в точно такой же позе, раскинув руки и запрокинув голову. И декламировал:

Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров
Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от мелких своих катастроф.
Детям вечно досаден
Их возраст и быт –
И дрались мы до ссадин,
До смертных обид,
Но одежды латали
Нам матери в срок –
Мы же книги глотали,
Пьянея от строк.

У него даже была аудитория: на каменных ступеньках-скамейках вокруг памятника сидели несколько пожилых дам, длинноволосый мужчина с гитарой, молодая некрасивая девушка, как ни странно, поглядывающая на Андрея с интересом и едва ли не с обожанием.
Я тоже присел на ступеньку. Поискал глазами и нашел несколько сумок, в которых любитель поэзии таскал свой скарб.

Только в грезы нельзя насовсем убежать:
Краткий век у забав – столько боли вокруг!
Попытайся ладони у мертвых разжать

И оружье принять из натруженных рук.
[5]

Он на миг запнулся, откашлялся, полез в задний карман своих широченных бермуд, опасливо оглянулся и достал металлическую фляжку. Сообщил публике:
– Горло сжимает от этих стихов! Володя простил бы, он сам был таков!
Сделав несколько глотков, он наткнулся на меня взглядом, радостно улыбнулся и протянул фляжку. Я покачал головой. Андрей продолжил читать – с выражением, эмоционально, будто это он сейчас готовился взять из ладони убитого друга окровавленный меч.
Ему поаплодировали. Андрей раскланялся и подошел ко мне, сел рядом. Бесцеремонно обнял. Я не сопротивлялся – то ли он попал под дождь, то ли все же где-то помылся: пахло от него только алкоголем, каким-то пряным, может быть, ромом?
– Хорошее место! – сияя, сказал бомж. – Много читателей, много поклонников. Живой, живой поэт. Уходить буду куда-нибудь.
– Почему?
– Володе и так хорошо, – пояснил Андрей. – Видишь, сколько людей? А вечером даже молодежь приходит! Поют!
Одна из пожилых дам вышла и принялась читать стихи. Не знаю, наверное, тоже Высоцкого. Ее вежливо слушали, но мне кажется, ей не хватало эмоций.
– Выберу кого-нибудь подзабытого, – рассуждал Андрей вслух. – Думал, может, к Твардовскому, он тут рядом, у метро. Но там цветочки лежат, значит, приходят. Поищу кого-нибудь из старых времен, кого только в юбилей вспоминают… Как дела твои?
– Нормально, – ответил я. – День хороший.
– Ага, – бомж закивал. – И кольцо сегодня хорошее, греет…
Я покосился на лунное кольцо в небе. Неужели он и впрямь чувствует то слабое излучение, которое оно отражает на Землю?
– Андрей, скажите, а кто вы по жизни… – Я осекся, едва удержавшись от неуместного «были».
Но мне показалось, что оно все равно прозвучало.
– Я, друг мой юный, когда-то был плохим поэтом и известным литературным критиком. А ныне – профессиональный алкоголик и бомж! – сказал Андрей с гордостью. – Запомни накрепко: алкоголиками и бомжами люди порой становятся от несчастий, которые судьба обрушила на их плечи. Бывает, что слабость душевная или болезнь телесная приводят к такому печальному итогу. Но я настоящий алкоголик и бомж, выбравший свою цель осознанно, шедший к ней долго и трудно. В иные годы я бы примкнул на этом пути к какой-либо субкультуре или основал свою. Однако Перемена дала мне знак – в эпоху бессмысленности всего не нужны лишние смыслы для существования.
– Вот и вы про смыслы, – сказал я озадаченно. – И почему же не нужны?
– Суета сует и всяческая суета, – вздохнул Андрей. – Люди верили в Бога, но оказалось, что Бог в нас не верит. Мечтали о чудесах науки, но все наши чудеса оказались детскими забавами. Патриотизм не нужен, детей рожаем по привычке, книжки новые не пишем, даже стихами баловаться перестали. Вот я и решил, раз уж мир катится под откос, провести остаток дней с удовольствием. Погоды нынче теплые, мокро только… – Он вздохнул. – Спиться-то получилось легко, это я всегда любил. А вот к грязи привыкать пришлось… Но – всё удалось! Вреда никому не несу, пользы не причиняю.
– Мне кажется, польза от вас есть, – сказал я. – Стихи вот всякие…
– Это теперь! – воскликнул Андрей. – Это новый мой этап! Хожу по Москве, читаю стихи мертвым поэтам. Достойная судьба. А кто тому причиной?
– Кто?
– Ты, мой друг! Выслушал, поговорил, кристалликом поделился. Но главное – с таким удивлением на памятник Низами смотрел. Я и подумал, вот достойный юноша, но даже слышать не слыхивал о поэте! Столько памятников по Москве стоит… к кому-то приходят, к Сереже Есенину, к Володе Высоцкому… а другие позабыты. А я же все их стихи помню! Дай, думаю, почитаю стихи памятникам. Мне несложно, им приятно.
Андрей помолчал и добавил вполголоса:
– Людям нравится. Остановятся, послушают. Иногда поговорят. Некоторые тоже стихи читают. Нельзя забывать поэтов!
– Главное, что вас не обижают, – сказал я.
– Кто? – удивился бомж.
– Ну… полиция.
– Бумага у них есть, нельзя меня трогать! Сын у меня… большой начальник.

Я кивнул. Да, Лихачев про это говорил.
– Может, тебе помочь чем? – спросил Андрей неожиданно. – Ты же друг мой лучший, юный, закадычный, нежданный! Вот как мы встретились с тобой, так жизнь моя смысл новый обрела!
– Мне сегодня все предлагают помочь, – улыбнулся я. – Да ничего не надо, спасибо. Сегодня моя очередь помогать.
– Точно? – не унимался Андрей.
– Без бэ, – уверил я его. – Да вы и так помогли сейчас. Только не заметили. Пойду, дела!
Оставив Андрея у памятника, я двинулся назад, к метро.
Некоторые вещи мы делаем не потому, что должны.
Некоторые вещи мы просто не можем не делать.

Часть третья

Глава первая

Комок у метро «Мичуринский проспект» запомнился мне как нелепым названием «Баклажан», которое упрямо употребляли местные, так и хитрым Продавцом, снабдившим меня патронами, обращавшими врагов в камень.
Создалось тогда у меня ощущение, что этот Продавец не просто жадный (все они жадные), но еще и склонен к конкуренции больше других. Даже к недобросовестной. Так что тут было самое место обналичить радужный кристалл.
У Комка в этот раз не толкались, как обычно, серчеры и обыватели. Немудрено – у входа стояла стража. Две обычные стражи и одна старшая – двухметрового роста, широченная, с глазами под прозрачными веками. Выглядели Измененные достаточно устрашающе и неприятно, чтобы даже зеваки держались на изрядном расстоянии.
У старшей стражи, между прочим, на поясе крепилось нечто вроде большой кобуры из черного пластика. Она была закрыта, но явно не пуста.
Это кого они так сопровождают-то?
– Привет, – сказал я, подходя. – Входить нельзя?
Стражи молча смотрели на меня.
Потом старшая стража заговорила:
– Привет, Макс. Можешь зайти.
– Ты меня знаешь? – растерялся я.
– Все Измененные тебя знают. – Мне показалось, что чешуйчатые плечи чуть шевельнулись, будто стража удивилась. – Ты был призван, ты спас Гнездо, ты…
Она запнулась. Потом закончила:
– Ты друг. Ты можешь войти. Там монах, но она скоро выйдет.
Почему они так легко смешивают мужской и женский род? «Монах», но при этом «она».
– Я зайду, – сказал я. – Спасибо. Я всего два раза видел монахов.
Стражи посторонились, и я вошел в Комок.
Там действительно был монах.
Это не самая главная и не самая малочисленная форма Измененных. Но Гнездо они покидают совсем уж редко. Как я понимаю, они вроде учителей и ученых, учат жниц и стражей, ведут какие-то исследования.
Монахи толстые. И это скорее преуменьшение, они напоминают формой грушу – огромная задница, толстое пузо, короткие ноги… Плечи узкие, ручки короткие и тонкие.
А голова почти человеческая, только больше, и кажется от этого раздутой, но черты лица сохраняются. Кожа вроде как обычная, на голове венчик волос, как у католических монахов.
Продавец глянул на меня с удивлением. Потом заулыбался. Узнал и понял, почему стража кого-то впустила.
– О! Мой нечастый клиент. Сейчас-сейчас, я заканчиваю…

Он принял из рук монаха тонкую твердую пластину из серебристого материала и скрылся за шторой. Интересно, что это – ведь явно не кристаллы… Какой-нибудь чек? Обязательство выплаты?
Монах разглядывал меня.
У него было совсем мальчишеское лицо. Добродушное, улыбчивое. Было трудно думать о нем в женском роде.
Я тоже улыбнулся в ответ, хотя мне было невесело на него смотреть. Или все-таки на нее?
– Максим, – сказала монах. – Я про вас знаю.
Неожиданно она протянула мне руку. Это было так странно, что я пожал ее в ответ. Ладонь была совсем человеческая, и кожа не гладкая, как у жниц и стражей.
– Меня тоже звали Максим, – сказала монах. – Представляете? Мы тезки.
В ней (все-таки в ней, не в нем) была какая-то удивительная наивность. Чуточку детская, а чуточку от ученых чудаков из старых книжек. И, несмотря на нелепую внешность, монах мне нравилась.
– Здорово, – ответил я. – У вас всё хорошо?
– Да, – она кивнула. – Я сейчас уйду. Сложный заказ, очень редкий мутаген. Семь часов уходит на изготовление. Мутаген составной, много элементов, трудно сделать и трудно применить.
– Ого, – сказал я, будто знал сроки приготовления мутагенов. – Вы меняете хранителя?
– Нет-нет! – Она замотала головой. – У нас хороший хранитель. Она рассказывала про вас… Мутаген хранителя делается девять часов. А это мутаген монаха. У нас будет новый друг!
У меня что-то екнуло в груди. Где-то в огромном Раменском Гнезде ждет мутагена мальчик или девочка. Скоро он или она превратятся в такое вот… существо.
Но ведь альтернативой была бы смерть?
Это лучше, чем изменяться насильно, как делают Прежние?
Верно?
– Странно, – продолжала монах. – Я даже не сразу поверила, но печать Гнезда сошла с тебя… – она помедлила, – оставив активный след. Ты можешь говорить со своим Гнездом?
– Да.
– Удивительно, – сказала монах. – Может быть, ты напишешь завещание? Чтобы после твоей смерти тело отдали на изучение в наше Гнездо? Я буду изучать твой мозг с почтением и благодарностью.
– Спасибо, подумаю, – ответил я, борясь с подступающим приступом тошноты. Монах смотрела на меня так, словно искренне сожалела, что я еще живой. – Скажи, а почему нельзя войти в Призыв повторно?
– Почему нельзя? – удивилась монах. – Можно! Но волновая печать изменит тебя. Сильнее любого мутагена, совершенно необратимо и непредсказуемо. Понимаешь, в первый раз клетки еще помнят исходное состояние и могут стать… почти обычными… – Она осторожно коснулась пальцем моей щеки. – На самом деле они уже не совсем человеческие.
– А… – промямлил я.
– У тебя совсем другая биохимия крови, изменились тонкие нейронные структуры, активировались спящие фрагменты ДНК… много всего изменилось. Я думаю, твои ногти растут в два-три раза быстрее, и ты не сможешь иметь детей.
– А-а-а… – снова сказал я.
Не то чтобы я мечтал жениться и завести потомство! Тем более с Дариной это и невозможно, но…
Но почему я этого не знаю?
Почему мне не сказали?
Ногти, значит, быстрее растут?
– Печать Гнезда, – продолжала монах воодушевленно, – это очень сильная и опасная вещь. Она даже для самого Гнезда опасна! Если ее снимет кто-то чужой, то он получит полный доступ к Гнезду… к любому Гнезду. Но, к счастью, для этого нужно иметь твое осознанное согласие. И особые технологии.
Я почувствовал, как пальцы сжимаются в кулаки.
Я вспомнил себя, растерянного и испуганного, и Продавца, небрежно предлагавшего мне «купить Печать по хорошему курсу».
– Вы подумайте о завещании, Максим, – посоветовала монах.
Я кивнул.
Слишком много всего и сразу.

Как бы я хотел вернуться на два дня назад!
Чтобы этого ничего не было!
Ни Продавцов, ни Прежнего, ни Слуг… ни Миланы…
Мы с Дариной в ее комнатке – и больше никого и ничего. Я рассказываю какую-нибудь ерунду, например, о найденных недавно кристаллах или о забавном разговоре с друзьями. Она слушает, положив голову мне на плечо и перебирая пальчиками мои пальцы. Потом говорит, что в Гнезде всё по-старому, что она учит куколок, что дети, которые еще недавно не могли ходить и умирали, не очень-то хотят учиться, а предпочитают бегать, прыгать и орать во всё горло, но ничего, так всегда бывает, день-два, и они поймут, что учиться – важно и интересно… как хорошо, что есть я, что я прихожу, что я все такой же… что я люблю ее…
«Много всего изменилось…»
А моя любовь к ней – это моя любовь? Или последствие печати?
– Я что-то не то сказала, – произнесла монах озабоченно. – Знаю, я много говорю с людьми. Это так интересно…
Вернулся Продавец. Аккуратно поставил перед монахом пластиковый контейнер, сказал:
– Проверяйте.
– Я постараюсь быстро, – пообещала монах, бережно открывая крышку.
В контейнере (конечно, я не удержался и бросил взгляд) лежали какие-то особенные ампулы – вроде слабо светящихся стеклянных цилиндров толщиной с карандаш, – без видимого порядка воткнутые в основание из пенопласта. Бóльшая часть цилиндров светилась желтым, несколько синим, один или два – оранжевым. Что это значило, я даже представить себе не мог. Монах аккуратно дотронулась пальцем до одного цилиндра, чуть выждала и удовлетворенно кивнула.
Продавец смотрел на меня. Я видел отдельные детали лица, но теперь я знал, что это лишь человеческая голова на штыре. Голова живого человека, видящего всё вокруг как странный сон, жуткий и интересный одновременно…
– Чем могу помочь? – спросил Продавец.
Я решил не ждать, пока уйдет монах, и не стал ходить вокруг да около.
– Сегодня в одном здании соберутся полсотни Слуг, – сказал я. – Мне с товарищами необходимо их убить. Всех и быстро.
Продавец молчал, глядя на меня. Монах склонилась над контейнером, погрузившись в изучение содержимого. Видимо, сложное это дело – создать монаха. Куда сложнее, чем жницу или стражу.
– Это очень дорого обеспечить, – сказал Продавец. – Даже не представляю…
– Я заплачу, – сказал я. – У меня есть то, что вас заинтересует.
Мне показалось, что под капюшоном мелькнула снисходительная улыбка.
– Сколько вас будет? С товарищами?
– Трое, – сказал я. – Может быть, четверо. Надо, чтобы мы все выжили.
Продавец размышлял. Потом спросил:
– Есть возможность взорвать здание? Требуемый объем взрывчатки довольно велик, и нужна дополнительная зачистка…
– Нет, – сказал я. – Взрывать невозможно. Никак.
– Довести количество атакующих до паритета со Слугами? Но вы должны понимать, что большая часть ваших людей погибнет.
– Нет. Четверо. Может, пятеро.
– Это невозможно, – твердо сказал Продавец. – Никак. Я не продаю то, что не отвечает заявленным покупателем требованиям.
– А если я вас очень заинтересую? – спросил я.
– Не представляю, как. – Продавец шевельнулся, чуть подался вперед. Спросил: – Что вы предложите?
– Дайте обещание, что, если оплата будет достаточной, вы предоставите мне то, что позволит уничтожить пятьдесят Слуг, – сказал я. – Без всякого взрыва. Без ущерба для людей, находящихся в соседних помещениях. Без жертв с нашей стороны! Чтобы они просто сдохли! Яд, мутаген…
– Организм Слуг устроен так, что яд, смертельный для одной особи, не причинит вреда другим, – голос Продавца напрягся. – Это принцип выборочной уязвимости, он используется Прежними… Да, я даю обещание! Если смогу предоставить то, что вам поможет, – я это дам! Если плата будет достаточной! Но что именно вы…
Я достал из кармана пакетик, а из него – радужный кристалл.
Протянул Продавцу.
Тот застыл.

– Держите, – сказал я. – Это достаточная плата?
Продавец медленно протянул руку и взял кристалл. Поднял, поднес к глазам. Выудил из своих одеяний фонарик и подсветил камушек.
– Ничего себе! – воскликнула монах, косясь на нас. – То, о чем я думаю?
– Плата достаточная… – тихо сказал Продавец. Повернулся ко мне. У него подрагивали руки. – Вы не хотите какой-нибудь иной товар? Обычные деньги? Территории на Земле? Возвратный мутаген? Несколько доз? Пять доз? Десять?
Я молчал.
– Лучевые импланты бойца? Генераторы поля уничтожителя?
– Это поможет? – спросил я.
– Нет… – тихо ответил Продавец. – Слуги знают слабые места своих творений.
И Слуги тоже бывают разные… Сколько у нас времени? Вы говорите, что битва сегодня?
Он так и сказал – «битва».
Но мне больше понравилось, что он сказал «у нас».
– Да. Через несколько часов.
– Не успею, – сказал Продавец. – Есть варианты, есть, но не успею, никак не успею, технологические ограничения…
Он замолчал.
– Так у вас нет решения? – спросил я разочарованно.
– Есть, – ответил Продавец. Протянул кристалл мне обратно. Пальцы у него тряслись, когда он уронил кристаллик в мою ладонь. – Я принимаю вашу плату и даю вам искомое.
Я не понял. Посмотрел на монаха.
А вот та, похоже, сообразила, что к чему. Заулыбалась и кивнула.
– Что вы даете? – спросил я.
– Искомое, – выдавил Продавец. – Я принял ваш кристалл как оплату и вернул его вам как товар. Это и есть то, что позволит вам уничтожить Слуг… полсотни… сотню…
– Вы объясните, как? – спросил я.
– За отдельную плату…
Я молча вытряс на стойку весь пакетик. Продавец опустил глаза. Дрожащими пальцами отобрал семигранный орик и кубический вайкр. Остальное отодвинул назад. Сказал:
– Я совершаю эту сделку в надежде на то, что, если вы станете обладателем еще одного… необычного… кристалла…
– Тогда приду к вам, – сказал я. – Да. Обещаю.
Продавец часто-часто закивал.
– Какой чудесный день! – воскликнула монах. – Я получила такие интересные знания…
– Заткнись! – рявкнули мы с Продавцом одновременно.
Но я все-таки добавил:
– Пожалуйста. Замолчи, пожалуйста.
Все-таки это был всего лишь маленький умный ребенок в большом уродливом теле.

Через пятнадцать минут я вышел из Комка. Слегка ошарашенный и задумчивый, но по крайней мере у меня появилась надежда.
Стражи еще ожидали монаха. Пожалуй, тот задержался лишь для того, чтобы дослушать мой разговор с Продавцом. Очень любознательный Измененный…
А у стражи появилась компания. Двое подростков толклись рядом, безуспешно пытаясь показаться серьезнее и старше своих двенадцати-тринадцати лет. Один светловолосый, очень аккуратный, даже в отглаженной рубашке, второй смуглый и растрепанный, по погоде – в футболке и шортах.
Если двое, то разговор серьезный. По себе помню, в этом возрасте в одиночку что-то настоящее затевать стремно, а когда в компании трое и больше – обязательно начнутся хиханьки и подколы.
Я остановился, мне было не столько любопытно, о чем дети общаются со стражей, сколько хотелось отвлечься от разговора.
Мальчишки уставились на меня с неодобрением. Светленький сказал:
– Тут вам не общественные слушания.
Ого, слов-то каких нахватался!
– Ему можно, – неожиданно сказала старшая стража. – Он тоже Измененный.
– Да ну! – выдохнул светлый. – Правда, что ли?
Пацаны уставились на меня.
– Не похож, – сказал растрепанный с сомнением.

– Он Защитник, – пояснила старшая стража. – Он был призван Гнездом для защиты и получил силу Измененных. Когда сила Призыва была с ним, он мог порвать меня на кусочки.
Всё. Внимание детей переключилось на меня.
– А сейчас тоже можете? – спросил аккуратный с придыханием.
– Порвать на кусочки? – уточнил я. – Нет, Призыв снят. Могу вам подзатыльник отвесить.
Пацаны помрачнели, словно надеялись увидеть аттракцион – разрывание стражи на части.
– Возвращаясь к твоему вопросу, – сказала старшая стража. – Вам не надо ничего бояться. В космосе много разных существ, среди них есть жуткие создания. Но мы защищаем Землю.
– Мы не боимся! – возмутился растрепанный. – Мы наоборот! Если надо – мы готовы. Они что, в Гнездо просятся?
– Хорошо, – торжественно сказала стража. – Если потребуется больше Измененных, то об этом объявят. Тогда вы сможете прийти и предложить свою помощь.
– А пока вам надо хорошо учиться, чтобы человечество могло и само за себя постоять! – быстро добавил я. И ощутил себя древним, как отец или деда Боря.
Возмущаться пацаны не стали. Очень серьезно кивнули, а потом светловолосый протянул старшей страже руку. Стража церемонно и осторожно пожала ему ладошку, и пацаны, толкаясь и тихонько смеясь от собственной смелости, пошли к метро.
– В Гнездо вербовались? – спросил я.
– Каждую ночь одного-двух ловим, – ответила старшая стража.
Я покачал головой. Надо же. Сразу после Перемены Измененных боялись, особенно дети. Ходили страшилки, что они любят полакомиться мелюзгой, ну или превращают их в себе подобных.
За руку прощаться со стражей я не стал. Кивнул, пошел к метро. И у входа нагнал мальчишек. Похоже, те меня ждали.
– Можно вопрос? – выпалил светловолосый.
– Валяй.
– Вы правда были Измененным?
– Да.
– И как это? – жадно спросил он.
Я подумал.
– Странно и немного страшно. Но я не хотел, так получилось. А можно и мне вопрос?
– Как со стражей? – понимающе сказал мальчишка. – Можно.
Видимо, они и впрямь много тусовались у Гнезд.
– Почему вы проситесь в Гнездо? – спросил я. – Вы здоровые умные ребята. Живете в Москве. Вроде не голодные, не оборванные. Родители есть, верно? Любят вас. А вы спрашиваете у стражи, можно ли прийти в Гнездо.
Мальчишки переглянулись.
– А вы зачем стали Измененным?
– Случайно, сказал же. Еще из-за любви, но она тоже всегда случайна. А вы?
Светловолосый пригладил волосы, будто собирался выйти к доске. Отличник, по-видимому. И явно очень «домашний».
– Вы не поймете, наверное.
– Я попробую.
– У них… всё какое-то настоящее… – Мальчишка глянул на меня исподлобья, потом покосился на товарища, будто опасаясь насмешки. Но тот тоже смотрел серьезно и даже кивнул. – Вы не думайте, что мы хотим быть большими, сильными и быстрыми… то есть тоже хотим, но… Вот у меня папа инженер. Он говорит, что мы от Инсеков отстали навечно. Что Измененные хоть для чего-то нужны, может, работают на Инсеков, может, сражаются, но хоть что-то. А мы копошимся, как дикари.
– И у меня папа то же самое говорит, – подтвердил растрепанный. – Он врач. Если бы Инсеки захотели, то его профессия была бы никому не нужна. Может, они и захотят еще! Зачем учиться, когда всё окажется ненужным?
Они замерли, ожидая моего ответа.
– Я понимаю, – сказал я.
– Мы не видим для себя достойного будущего! – выпалил ободрившийся светловолосый. То ли чужие слова, то ли умеет по-взрослому формулировать…
Я кивнул.
– Не будете спорить? – настороженно спросил растрепанный.
– Нет, – сказал я. – Спасибо за разговор, ребята. Вы славные.

И пошел к метро.
Может, я и зря не стал с ними спорить. Но не умею врать детям.

Глава вторая

Не знаю, было ли это проявлением осторожности Слуг или же случайностью. Но они и впрямь устроили свое собрание так, что никакую взрывчатку мы использовать не могли.
Этим вечером Слуги встречались в Лаврушинском переулке, в одном из конференц-залов Третьяковской галереи.
К вечеру небо над Москвой оставалось все таким же чистым и светлым, как весь день. Лунное кольцо в закатных лучах начинало серебриться и отблескивать багровым. Показалась Диана – она мельче Селены и выглядит не так аккуратно.
Мы встретились в Малом Толмачевском переулке, напротив итальянского визового центра. Здесь всегда были люди, и мы не привлекали особого внимания.
Я подошел вторым и сразу увидел деда Борю. Старик сидел на скамейке и выглядел предельно интеллигентно: в костюме, при галстуке и в шляпе. Почему-то он удивительно постарел за две недели, которые мы не виделись. При первой встрече я его возраст определил как что-то между полтинником и семьюдесятью годами, настолько он был неявный. Сейчас бы сразу понял, что семьдесят ему уже стукнуло.
– Здравствуйте, деда Боря, – сказал я.
Он даже вставать не стал, похлопал по скамейке рядом с собой, я сел. Обратил внимание, что у старика даже портфеля с собой не было, но задавать вопросы не стал.
– Виталик мне всё вкратце объяснил, – сообщил деда Боря.
Я не знал, встречались они или общались по телефону, и насколько подробно Виталий Антонович провел инструктаж. Осторожно спросил:
– Ну и… что думаете?
– Раз есть шанс спасти его парня, так надо рискнуть, – ответил деда Боря.
Откашлялся. – Вот только… мы себя не переоцениваем?
– У нас есть козырь в рукаве, – сказал я.
Старик прищурился.
– Уверен, что козырь нашел ты.
Я кивнул. Не нашел, а получил в подарок, конечно, но разница невелика.
– А вот и они, – деда Боря помахал рукой. К нам приближались Виталий и Елена.
В отличие от деда Бори, они были с хорошо знакомыми мне сумками.
Мы потеснились и уселись рядом. Елена молча обняла меня и бесцеремонно чмокнула в лоб.
– Вы бросьте… – буркнул я.
– Я волновалась, – ответила Елена. – Считай, что я нервная бабушка.
– Все бы бабушки такими были, – вздохнул деда Боря.
– Что с тобой? – резко спросила Елена, оглядывая его. – Ты давно обследовался?
– На прошлой неделе.
Она нахмурилась.
– Не смотри так, – деда Боря криво улыбнулся. – Ничего неожиданного. Только возраст. Так что там затевается? Сходка монстров?
– Практически, – ответил Виталий. – Полсотни Слуг.
– Ну слава Богу, мне-то по телефону послышалось «сотня», – отозвался деда Боря.
– Мальчики, я в любом случае с вами, – сказала Елена. – Но на что вы рассчитываете?
Виталий посмотрел на меня. Я кивнул и ответил:
– На то, что это всего лишь Слуги.
– С ними тоже было нелегко, – заметила Елена.
– Те, с которыми мы дрались, были новенькие. Совсем неопытные. С год-два как Измененные.
Виталий нахмурился.
– Я получил инструктаж от Продавца, – пояснил я. – И еще от монаха. Совершенно неожиданно… в общем, мы плоховато себе представляли расклад.
– Продавец поделился информацией? – удивился деда Боря. – Сколько мы им кристалликов предлагали…
– Не бесплатно поделился, – ответил я. – Но не важно. В общем, Прежние в мелкие вопросы не лезут. Вся та обычная дрянь, про которую мы знаем, все эти исчезнувшие люди, поставки детей для Изменения, организация беспорядков и войн, карательные

акции – всем этим занимаются именно Слуги. У каждого Прежнего есть свои подручные, у кого больше, у кого меньше. Слуги не способны пойти против Прежних, это блок в их сознании. Но те Слуги, что здесь соберутся, особенные. Виталий знает… наш знакомый, Иван, допустил оплошность. Принял Кандидатом в Прежние женщину, которая попыталась устроить мятеж. Она где-то ухитрилась раздобыть двух- и трехцветные кристаллы, за которые Продавцы душу бы продали, будь она у них. Получила за кристаллы мутаген, снимающий блок, освободила часть Слуг, и те в результате начали интриговать против Прежних. Она погибла, но Слуг это не расстроило, их вообще ничего не расстраивает. Они затеяли мятеж…

До этого момента слушали меня внимательно, вопросов не задавали, сомнений не высказывали. И это было хорошо.

А вот когда я дошел до заговора, деда Боря откашлялся и поднял руку.

– Максим, дорогой… Ты вот сам в это веришь?

– Во что?

– В Ивана, которого обманули Слуги. В мятеж Слуг.

Я пожал плечами.

– Поверь старому мудрому человеку, который еще красный галстук носил, – сказал деда Боря. – Что Прежние, что Инсеки – небожители. Дрянные и могущественные существа. А Слуги – это просто мерзкие развращенные люди, выполняющие за них мелкую грязную работу. Что у них за сверхспособности? Выносливее, восстанавливаются быстро, гнутся во все стороны… Тьфу, ерунда. Кстати, в этой физической гибкости, не слишком-то нужной в обычной жизни, я вижу насмешку Прежних – раз вы столь морально гибкие, так и тела вам дадим гуттаперчевые… Ты знаешь, что такое «гуттаперчевые»?

– Нет, – признался я. – Но из контекста понял.

– Хорошо. Так вот, я не верю, что Прежние могли прозевать и случайно взять неудачного Кандидата. И что Слуги сами по себе заговор организовали. Подстава это, Максим! Может, не для нас, но подстава.

– Может быть, – согласился я. – Но нам придется поверить Ивану. Или сделать вид, что верим.

Деда Боря вздохнул.

– Надо скрыть его ошибку, – продолжил я настойчиво. – Для этого уничтожить всех Слуг, что тут соберутся. Как я понимаю, они будут обсуждать неудачную атаку на Инсека.

– Чего-чего? – заинтересовался деда Боря. – Еще и атака на Инсека? Ну Максим…

Я вздохнул:

– Потом, ладно? У них очень нехорошее место для встречи – конференц-зал в Третьяковке. Вокруг тысячи людей. Несколько детских секций по искусству работают рядом.

– Ну и картины, – сказала Елена.

– Да. И картины тоже, – согласился я.

– Затейливое место они для встречи выбрали, – заметил деда Боря и снова откашлялся. Достал платок, высморкался.

– Мероприятие заявлено как встреча Общества прикладной антропологии, тема – «Образ человека в культуре на переломе эпох».

– Вот засранцы, – почти весело сказала Елена. – И, наверное, там всякие-разные важные люди собираются?

– Да, только они не люди, – ответил я. – А так… я глянул афишу. Мероприятие закрытое, но им, похоже, нравится издеваться. Ну, как с названием той клиники… Там будет немало лиц, которые мы видим по телевизору.

– Замечательно, – сказал Виталий. Он был весь зажат и напряжен, вряд ли его сейчас всерьез интересовало, в каком образе живут среди нас Слуги. – Охрана из людей?

– Возможно, – кивнул я. – Наверняка. Но у нас есть хороший шанс.

Я достал из кармана и показал радужный кристалл.

Вначале все смотрели на него непонимающе. Потом деда Боря сказал:

– Чего-чего?

Протянул руку, я отдал кристалл, старик посмотрел его на свет. Спросил:

– Не подделка?

– Нет, – ответил я. – Настоящий. И дело не в том, сколько он стоит. Для Слуг он – отрава, даже в крошечных дозах. Для людей… люди и не почувствуют ничего.

– Остается понять, каким образом уговорить их лизнуть яд, – сказал деда Боря, возвращая мне кристалл.

Я отдал кристалл Елене, которая тоже протянула руку. Пояснил:

– Уговаривать не придется. У них традиция – после собрания устраивать что-то вроде фуршета. Они поднимают тост за себя.
– Ну не все же пьют, наверное… – предположила Елена.
– Все, – сказал я. – Продавец сказал, что пить будут все.
– Как-то странно… – Елена пожала плечами. – Ритуал?
– Похоже на то. В общем, фуршет начнется с общего тоста.
– Давайте уже просто пойдем и убьем их всех, – предложил деда Боря.

Самым сложным было пронести с собой оружие.
Если честно, я надеялся на Виталия. Мне казалось, что, может быть, в силу возраста он наиболее предприимчивый и ловкий из всех «старичков-разбойничков». Но сумку, куда сложили всё оружие, взяла Елена. Сказала «ого», с трудом оторвав от земли, и, предложив встретиться внутри, пошла куда-то к служебным входам.
– У меня тут когда-то работал племянник, – сказал деда Боря. – Троюродный. Но это не важно, он бы помог… но он уехал из Москвы.
– В Хайфу? – поддел его Виталий. Мне кажется, исключительно по привычке.
– Ну почему сразу в Хайфу? Там и так избыток искусствоведов… В Германию, – ответил деда Боря.
– А там искусствоведов мало?
– Сантехником он работает. А немецкий сантехник – работа мечты для молодого парня, – деда Боря хихикнул.
Я не понял, что тут смешного, но мы уже подходили к входу в Инженерный корпус Третьяковки.
На входе нас проверили, пожалуй, посерьезнее, чем на вокзале или в аэропорту. Даже нашли в кармане у Виталия перочинный ножик-брелок и изъяли «до выхода». Не знаю, всегда ли тут были такие строгости, или это после того, как пару лет назад очередной псих пытался в очередной раз изрезать картину «Иван Грозный и сын его Иван».
Мы прошли к раздевалке, где по причине хорошей погоды скучали пожилые гардеробщицы, и там действительно встретили Елену.
– Я догадываюсь, но все-таки? – спросил деда Боря, забирая у Елены тяжелую сумку.
– Калькулезный холецистит, острая форма, нагноение, сепсис, срочная операция, – перечислила Елена. – Молодой совсем человек, сорока нет, а едва не ушел. Вот уже пару лет звал в Третьяковку. Едва отговорила экскурсию проводить. Куда нам?
– Вон, всё указано, – кивнул Виталий.
На стене и впрямь висел плакат очень официального и даже бюрократического вида. Мы подошли.
«Закрытое заседание Общества прикладной антропологии. “Образ человека в культуре на переломе эпох”. Доклад Ники Клименко, прения. Содокладчики…»
Некоторое время мы смотрели на фамилии содокладчиков и участников заседания.
У Слуг, похоже, был пунктик – им нравилась их крутизна.
– Я с ним на многих конференциях была, – сказала Елена севшим голосом, не отрывая взгляда от чьей-то фамилии. – Милейший… человек. Хирург замечательный.
– Мне очень нравится их дуэт, – деда Боря ткнул пальцем в плакат. – Как они Чехова-то играли! А в кино… О! Да ладно! Я же его песни с молодости люблю!
Тут были имена ученых. Актеров. Музыкантов. Писателей. Настоящий срез творческой интеллигенции. Как ни странно, совсем не было политиков – видимо, эту прерогативу сохранили за собой Прежние.
Конечно, не все Слуги были столь увешаны регалиями. Те, с которыми я дрался, никак не походили на людей известных и узнаваемых на улице.
Наверное, в силу молодости. Если ты живешь долго, очень долго, периодически меняя личности, то ты научишься и играть на скрипке, и оперировать, и выступать на сцене.
Прежние, наверное, в юности тоже этим забавлялись, но они жили уж очень долго – слава и преклонение им надоели. А вот Слуги еще тешились.
– Будет чудовищный шум, – сказал Виталий без всякого сожаления. – Вся страна на уши встанет. Вы уверены?
– Они не люди, – сказала Елена. Но, кажется, ее уверенность дала трещину. – Давайте пойдем и посмотрим сами.
И мы пошли.
Мимо стайки детей, бежавших на занятия. Мимо экскурсии китайских туристов, идущих с гидом на выставку социалистического реализма. Мимо пожилой сотрудницы, спускающейся по лестнице со стопкой бумажных проспектов.
Малый конференц-зал располагался на втором этаже. Проход к нему был перегорожен двумя столбиками «под бронзу», между которыми натянули пушистый шнур из

красного бархата. За ограждением стояли двое крепких молодых охранников – я искренне надеялся, что они люди. Один походил на накачавшегося Гарри Поттера – у него были аккуратные круглые очки и, что особенно смешно, шрам на лбу. Правда, не в виде молнии. Второй по иронии судьбы оказался рыжим, и я мысленно окрестил его «Роном».

За охранниками виднелось лишь пустое фойе и неплотно прикрытые двери в зал.

– Закрытое мероприятие, – сказал «Рон». Опасений мы у него не вызвали, значит, точно – люди. Слуги нашу компанию наверняка бы узнали.

– Нас приглашали на заседание, – вежливо сообщил деда Боря. – Посмотрите в списках.

– Все уже прошли, – охранники переглянулись. – Списков нет, был встречающий.

– Безобразие, – сварливо сказал деда Боря. – Стоит один раз пропустить встречу, и тебя уже не ждут!

– Дед, сдались тебе антропологи… – сказал я.

– Я имею право, я член общества! – продолжал он ломать комедию.

Виталий почему-то в разговор не вступал. Внимательно оглядев помещение вначале, он опустил голову и теперь молча смотрел в пол.

– Нет указаний, – отрезал «Гарри Поттер».

Вообще-то мы не строили планов, как пройти. Мы не знали количества охраны, не знали, протащим ли оружие.

Ну вот, протащили, и что нам теперь – стрелять в охрану?

Это ведь люди.

И даже если убедить себя, что они враги – будет шум…

– Пригласите Нику, – сказал я. – Основную докладчицу. Скажите, что ее зовет Максим.

«Рон» пялился на меня с полным равнодушием, а вот «Гарри Поттер» прищурился и посмотрел с любопытством. Кажется, он не так прост.

Интересно, а у Слуг бывают кандидаты в Слуги?

«Гарри» что-то забубнил себе под нос – видимо, у него в ухе был передатчик. Мы ждали. Прошла минута, дверь распахнулась, и появилась Ника.

Она была в деловом костюме: жакет, длинная юбка, простая белая блуза. С аккуратно уложенными волосами, если и с косметикой на лице, то самой минимальной, неяркой.

Ника быстро прошла через фойе, цокая каблучками, остановилась между охранниками.

– Потрясающе, – сказала она, разглядывая нас. – Максим, Виталий, Борис и Елена. А где ваш пятый товарищ?

– В Нижнем Новгороде, – ответил Виталий. – Не повезло ему.

Ника слегка закатила глаза. Мол, непонятно, кому повезло, а кому нет. Спросила:

– И что это значит, Максим?

– Утром ты предлагала союз. Я подумал и решил, что стоит обсудить.

– И вы пришли вчетвером? Люди, которые нам уже вредили?

– Кто старое помянет… – Я улыбнулся. – Сама же говорила, вас это не трогает.

Кажется, она слегка растерялась.

– Допустим. Это интересно… в свете всех событий…

Я прямо чувствовал, как она торопливо обдумывает изменившиеся вводные. Ей сейчас предстояло докладывать о неудачной вылазке на Селену – и вдруг появилась возможность скрасить поражение.

– Вы пришли без оружия? – спросила она.

– Еще чего, – ответил я.

Охранники напряглись.

– Покажите, – спокойно сказала Ника.

Виталий, мрачно глядя на меня, раскрыл перед ней сумку.

– Три пистолета и обрез, – Ника усмехнулась. – И наш сеткомет. Да вы лихие вояки!

Виталий как-то совсем стушевался, опустил голову.

Охранники явно нервничали, но ждали команды.

– Патроны из Комка?

– Ага, – признался я.

– Вы достаточно разумны, чтобы понять – это вам не поможет?

– Это для самозащиты, – ответил я. – Если вдруг что.

– Что?

– Предательство! – Я пожал плечами. – Мы бы хотели поговорить, но с гарантиями безопасности.

Ника кивнула:

– Ясно. Отведите их куда-нибудь в подсобку, пусть ждут. Не выпускайте. Мы их пригласим.

– А гарантии? – спросил я с напором.

– Гарантирую безопасность, – ответила Ника беззаботно.
– Оружие забрать? – поинтересовался «Рон».
– Не надо. Они же пришли поговорить, – Ника улыбнулась. И направилась в зал, спокойно повернувшись к нам спиной.
– Куда их? – спросил «Рон» своего очкастого товарища.
– Ну… туда… – «Гарри» мотнул головой в сторону. Из фойе, помимо входа в зал, вела куда-то закрытая дверь.
– Думаешь? – «Рон» поколебался, потом кивнул. – Тогда побудь с ними.
– Пошли, – велел очкарик и зашагал к двери. Мы двинулись следом. «Рон» буравил нас взглядом, но при этом держался так, чтобы продолжать контролировать лестницу.
Профи… хотя, судя по скудости охраны, – Слуги никого не боялись.
Почему, интересно? Двое охранников, а у нас оружие…
Или не всех охранников видно?
Мне безумно захотелось достать и надеть поисковые очки. Но это было бы слишком вызывающе.

Глава третья

За дверью оказалась ярко освещенная узкая комната с окном в конце. Не знаю, для чего ее изначально предназначали, может, просто под кладовку. Сейчас тут стояли не только шкафы и стеллажи, но еще и пара потертых диванчиков друг напротив друга, между ними – журнальный столик. Дальше, к окну – длинный стол, точнее, несколько составленных вместе столиков. На них обнаружились пластиковые подносы с аккуратно разложенными на тарелках канапе и тарталетками, бутылки шампанского, стеклянный кувшин с морсом, бокалы и стопки.
– Готовитесь к фуршету? – небрежно спросил деда Боря. – Небогато!
Охранник жестом указал нам на диван, дождался, пока мы сели, и сам присел напротив. Сказал:
– Да. Готовимся. Небогато.
Он был очень напряженный, причем, как мне показалось, с того самого момента, как мы зашли в комнату. Неужели подозревает, что мы собираемся отравить Слуг?
Честно говоря, увидев стол, я подумал, что это невозможно. Раздробить кристалл и запихнуть в каждую бутылку шампанского? Так их придется открыть. Положить по крупинке в каждый бокал? Кристалл твердый, мы его так мелко не раздробим, да и будет видно, что на дне бокала какой-то цветной песочек…
– А вы знаете, что похожи на Гарри Поттера? – неожиданно спросила Елена.
И доброжелательно улыбнулась.
Охранник слегка помягчел.
– Знаю. Меня и зовут Гарри. Причем в его честь.
– Серьезно? – восхитилась Елена. – Не шутите?
– Нет, – он покачал головой. – Родители от книжки фанатели.
Это хорошо, конечно, когда завязывается разговор. Я не удержался, спросил:
– А товарища вашего не Роном звать?
Охранник ухмыльнулся и покачал головой.
– Вы ведь знаете, кого охраняете? – продолжила Елена.
Подумав, Гарри кивнул:
– Допустим.
– И… как? – осторожно спросила Елена. – Они вам нравятся?
Охранник снова замкнулся, неохотно сказал:
– Серьезные люди.
– Ну не совсем… люди… – пробормотал Виталий. – Хотите быть, как они?
– Планирую, – кажется, охранник разозлился. – А вот вы чего хотите? Устроить бардак?
– Ни в коем случае, – Виталий покачал головой. – Но вас их привычки не смущают, Гарри?
Чем-то он охранника зацепил. Тот облизнул губы и сказал:
– Имеют право. Человечество разделится на две неравные группы… да что разделится, уже разделилось. Изменить это нельзя, можно лишь выбрать сторону. Выбирать сильнейших разумно. Это эволюция, олды.
– А вы рассудительны, – сказал деда Боря.

– Хотите сказать – для охранника? – Гарри усмехнулся. – Я литературный институт закончил.
– Не знал, что писать книжки в институтах учат, – вздохнул деда Боря. – Но знаете, ваш… э… литературный герой… точно не выбирал сторону сильнейших.
– Ненавижу эти книжки, – ответил Гарри. – Представляете, как жить с именем Гарри и фамилией Горшков?
Несмотря на всё напряжение, я невольно прыснул и заслужил раздраженный взгляд.
– Особенно, когда во втором классе получил шрам на лбу, – продолжил Гарри. – И носил очки всё детство, родители не разрешали сделать операцию.
– Сочувствую, – сказала Елена. Кажется, даже искренне. – Но детям не правят близорукость хирургически.
– Знаю, – ответил Гарри. Он сидел, постукивая носком ботинка по полу, и это раздражало. – А вы-то сами? Ведь пришли договариваться? А?
– Может, мы сражаться пришли, – ответил Виталий.
Гарри кивнул:
– Ага. Я слышал про клинику. Но даже ваша компания не может быть столь глупа.
Он встал, бесцеремонно раскрыл сумку, стоящую у ног Виталия. Презрительно осмотрел содержимое. Заключил:
– Конечно, застрелиться сможете, если что. Только вас и трогать не станут.
– Мы не собираемся устраивать тут перестрелку, – сказал деда Боря. – Извините моего товарища, он нервничает…
– Да, вижу, – кивнул Гарри.
Кажется, он расслабился. Оставив сумку, отошел к двери, что-то пробормотал себе под нос. Подождал. Потом сказал:
– Покину вас на минуту.
И действительно вышел!
Я посмотрел на Виталия. У того с лица медленно исчезало дурацкое обиженное выражение, он подмигнул мне, а потом сказал:
– Вы реально не видели?
– Чего? – спросила Елена.
– Кого, – ответил Виталий и потрогал очки. – В фойе два монстра. Шестилапые, уничтожители. Не видели?
Мы молчали.
– Вы что, думали, поисковые очки только зеркальными бывают? – спросил Виталий. Вот теперь он был прежним – собранным и твердым. – У этого сраного волшебника такие же. Он вышел, потому что за дверью нас караулит монстр. Давайте, надо быстро…
Мы рванули к столу все вместе, хотя это было не слишком-то разумно. Ладно, если что, скажем, что хотели немного объесть Слуг…
– Аппетитом они не отличаются, – сказал Виталий. – Так… что тут… десяток шампанского… по бокалу на рыло выйдет… Накрошим в бокалы? Можно ножиком поскрести…
– Увидят, – сказал я.
– Надо рискнуть, – твердо сказал Виталий. – Давай свой чудо-кристалл.
Я полез в карман, но деда Боря внезапно взял меня за руку.
– Стой. Ребятки, мы идиоты. Кристаллы не растворяются в алкоголе!
Мы молча смотрели на него.
– Неужели никто не читал исследования? Не растворяются в алкоголе, не растворяются в масле… растворимы в слабощелочных средах…
Я подумал, что Продавец мог бы и уточнить эту деталь.
– Где нам щелочную среду искать? – спросил Виталий растерянно. – Я соду с собой не ношу. Елена, что можно найти щелочного?
– Слабощелочной реакцией обладает… – Елена вдруг замолчала. Ее глаза забегали по столу. – Зачем тут рюмки? Крепкого алкоголя нет, зачем рюмки?
– Морс из рюмок пьют? – предположил я.
Елена осторожно наклонилась над стеклянным кувшином, полным густого темно-красного морса. Застыла, словно бы принюхиваясь. Выпрямилась.
– Давай кристалл.
Я молча отдал.
Елена бросила его в кувшин и деревянным голосом сказала:
– Все обратно на диван.
Мы послушались.
Мы, наверное, думали об одном и том же. Но говорить не хотели.

Мы сели на диван и просидели не меньше минуты, прежде чем деда Боря начал:
– Ты же не хочешь сказать…
– Да, я ничего не хочу говорить, – оборвала Елена. Голос у нее оставался скрипучим и сиплым, словно горло пересохло. – Молчите, пожалуйста.
Мы молчали. Потом деда Боря тихо произнес:
– Но это же дичь какая-то… они же не…
– Замолкни, – сказала Елена так, что он замолчал.
Я сидел и думал о том, что Слуги, конечно, не вампиры. Ни Прежние, ни Слуги не нуждаются в человеческой крови, чтобы жить. И вряд ли испытывают какое-то маньяческое наслаждение, когда ее пьют.
Но, как я понимал, на свои эксперименты, увеселения, приготовление лекарств для продления жизни и мутагенов они людей пускают без колебаний. Так же легко, как в деревне отрубают голову курице.
И еще они абсолютно бесчувственны, хоть и прекрасно имитируют эмоции. Там же в зале есть творческие люди, музыканты и писатели, поэты и художники! Но им не жалко никого, ни чужих, ни своих. Они специально выключили эмпатию, чтобы не мешала жить.
А глоток человеческой крови при встрече – это прекрасный тест на «свой» и «чужой». Подтверждение того, что они – высшая раса. Ну, после Прежних, конечно…
Вернулся Гарри. Остановился в дверях, глянул на нас. Спросил:
– Что грустите?
– Нервничаем, – ответил я за всех. – Что-то долго.
– Скоро пригласят, – сказал охранник.
Прошел к столу, окинул его быстрым взглядом. Потом взял кувшин и принялся аккуратно, бережно разливать красную жидкость по рюмкам. По чуть-чуть, грамм по тридцать.
Он знал!
Нельзя не понимать, что именно ты наливаешь. С томатным соком не спутаешь.
Мы молчали.
Рюмок действительно было с полсотни, и он разлил их быстро и умело, с явным опытом. Поднял поднос. Посмотрел на меня. И сказал очень добродушно:
– Поможешь? Возьми поднос с бутербродами.
– Это канапе, – поправил я.
Подошел и взял поднос. Канапе были с икрой, только странной, не красной и не черной, а белой. Я сказал, стараясь не смотреть на пустой кувшин с густыми потеками на стенках:
– Поскупились ваши…
– Икра осетра-альбиноса, дундук, – ответил Гарри презрительно. – Настоящая, не из Комка.
Мы вышли из комнаты. В дверях Гарри бросил:
– А вы ждите, за вами скоро придут.
Я прошел вслед за ним. Второй охранник все так же стоял у лестницы. А еще где-то тут, рядом, бродили как минимум два монстра, убивающие силовым полем на расстоянии. Что они сейчас делают, интересно? Следят за мной? Или тупо и равнодушно ждут приказа? Вряд ли, интеллект у них сохраняется…
Что надо иметь в голове, чтобы захотеть стать не Прежним и даже не Слугой, а чудовищной тварью, расходным материалом, да еще и с очень коротким сроком жизни? Или их все-таки превращают в монстров обманом?
Я понял, что не удивлюсь, если на это идут добровольно. Совсем не удивлюсь. Люди бывают очень странные.
– Ты ведь понял, что я наливал, так? – спросил Гарри, не оборачиваясь.
– Понял, – признал я.
– Хорошо держишься, – похвалил охранник. – Но у меня глаз наметан. Раз понял, значит, сам хочешь возвыситься?
Он что, серьезно сказал «возвыситься»?
– Думаю на эту тему, – ответил я.
– Не просри свой шанс, – посоветовал Гарри. – Такое раз в жизни бывает. Ты чем-то Нике приглянулся.
Он мягко толкнул дверь ногой, и мы вошли.

Почему-то я ожидал, что это будет концертный зал. Со сценой, креслами… Но это было скорее помещение для выставок. По стенам висели картины, в основном – непонятная разноцветная мазня, то есть современное искусство. Был маленький подиум

со стойкой микрофона, столиком и креслом, сейчас пустой – видимо, с него и выступала Ника, за подиумом – большой экран на стойках и проектор. Презентацию проводила, слайды показывала? Окон не было: картины не любят солнечный свет почти так же, как вампиры.

А в зале стояли, разбившись на группки, с полсотни Слуг.

Нет, конечно, сами себя они так не называли, и никто в обычной жизни не подумал бы о них так. Какие Слуги! Хозяева жизни! Знаменитый телеведущий, прославленная певица, именитый художник, уважаемый писатель, молодая, но уже известная актриса… Уж на что я мало смотрю телевизор, но с четверть собравшихся я знал по именам, а многие лица были смутно знакомы. В отличие от Прежних, Слуги любили публичность.

Моего появления явно ждали.

Обошлось без аплодисментов, но мне стали кивать и даже улыбаться. Я шел вслед за Гарри, с подносов быстро разбирали рюмки и канапе. Предпоследнюю рюмку взяла Ника. Последнюю – сам Гарри, после кивка Ники.

А вот канапе ему не хватило.

– Я рассказала о нашем возможном сотрудничестве, – сказала Ника, глядя на меня. – Объявишь, что решил?

– Хотелось бы с товарищами, – ответил я.

– Их пригласят потом. Ты нам более интересен.

Я пожал плечами, кивнул. Ника улыбнулась, прошла к подиуму, постучала пальцем по микрофону.

– Дорогие друзья… Максим Воронцов хочет лично обратиться к собравшимся…

Никаких реплик, никакого шума. Они улыбались, кивали, смотрели то на Нику, то на меня, но попусту не говорили.

– Но вначале давайте поднимем наш традиционный тост за культуру и прогресс, – сказала Ника. – И поблагодарим девочку Машу, одиннадцати лет, которая нам сегодня помогла в сервировке.

За ее спиной на экране высветилась фотография. Маленькая девочка с серьезными глазами натянуто улыбалась фотографу.

Я подумал, что сейчас заору. Или брошусь на ближайшего Слугу и начну его душить. Но я стоял и с глупым лицом смотрел на Нику.

Ника кивнула мне и залпом выпила рюмку.

Слуги пили.

Улыбались, некоторые смеялись. Некоторые отпивали чуть-чуть, кивали, смотрели то на рюмку, то на фото девочки, и допивали до конца.

Я подумал, что меня сейчас стошнит.

– Хорош кривиться, – сказал Гарри, поглядывающий на меня. – Знал, куда шел.

– Нет, – сказал я. Меня начало трясти. – Не знал.

– Элита, – сказал Гарри и залпом выпил рюмку. – Привыкнешь.

Я смотрел на Нику. Она выпила первой, значит, подействовать тоже должно на нее в первую очередь.

Как это будет?

Они просто упадут и умрут?

Я очень надеялся, что в муках.

– Ты чего-то ждешь, – задумчиво сказал Гарри.

– Да, – сказал я.

Гарри посмотрел на рюмку. Сказал:

– Яды им нипочем. Если ты что-то задумал…

Первой закричала певица, стоящая метрах в пяти от меня. Немолодая, известная во всем мире. Кажется, у меня родители ходили на ее концерт, еще до Перемены, и мать потом восхищалась несколько дней: «Какой голос! Какой нечеловеческой мощи и красоты голос!»

У певицы действительно был великолепный и сильный голос.

Она закрутилась на месте, в ужасе глядя на окружающих. Те расступались, вокруг дородного тела оперной дивы образовалось пустое пространство, как вокруг прокаженной. Певица дергала головой, глядя на товарищей, очень картинно всплескивая руками и прижимая их к лицу.

Потом ее вырвало.

А в следующий миг она вскинула руки – те изогнулись немыслимой дугой, как способны лишь конечности Слуг. Певица обхватила себя за шею, вонзив большие пальцы в подбородок так, что брызнуло красным.

Но это была только первая капля крови.

Она рванула себя за голову – и оторвала ее.
Повторять можете сколько угодно, человек на такое не способен.
Секунду она стояла – обезглавленный труп, какие-то жилы и вены порвались не до конца и тянулись от туловища к голове. Темная кровь хлестала во все стороны, будто лилось расплавленное какао из шоколадного фонтана.
Вот такие у меня бывают дурацкие ассоциации, да.
– Что? – завопил Гарри, глядя на меня. – Что ты сделал?
А вокруг разверзся ад.
Сливки творческой интеллигенции Москвы убивали сами себя.
Надо сказать, что примеру певицы последовало всего несколько Слуг. Видимо, оторвать себе голову было очень сложно. А может быть – страшно.
Большинство разбегалось и билось головой о стены.
Те, у кого оказался нож (а таких нашлось немало, и ножи были совсем не перочинные), вспарывали себе грудь, кромсали сердце, а потом уже начинали перерезать шею.
Известный юморист и шоумен вначале выцарапал себе глаза, потом вырвал язык, а потом повернул шею на триста шестьдесят градусов, сделав полный оборот, и рухнул.
Никто даже не пытался напасть на меня. Никто не помогал уйти из жизни другим. Каждый был поглощен единственной задачей – как можно быстрее покончить с собой.
Гарри схватил меня за грудки и принялся трясти. Мы с ним были одного роста, и я совсем не хилый, но он все же был крепче.
– Что ты сделал? – вопил он. – Что ты сделал, сука?
Я только теперь сам до конца осознал.
– Вернул им чувства! – выкрикнул я. – Вернул эмпатию! Ничего лишнего, они лишь снова стали людьми!
Я вдруг захохотал, глядя в застывшее лицо охранника.
– Невинных этот меч не убивает! Как тебе такая шутка, Гарри?
Он был слишком растерян и разозлен, поэтому, замахнувшись, открылся. Я ударил его, вколачивая кадык в шею. Гарри зашатался, выпустив меня и схватившись за горло. Круглые очки слетели на пол, из глаз у него выступили слезы, а на губах запузырилась кровь. Но это была чужая кровь, и я решил, что это символично и даже смешно.
– Ты не волшебник, Гарри, – сказал я. – Ты хренов пожиратель смерти.
И влепил ему в челюсть так, что послышался хруст. Гарри рухнул.
Я нагнулся, подобрал с пола его очки, в последнюю секунду выдернув их из-под падающего тела. Незнакомый мне молодой парень, может быть, юное творческое дарование, а может быть, и обычный неприметный менеджер, рухнул на пол, колотя себя в грудь длинным тонким ножом. Слуги прочные, он пронзил себя уже раз десять, но всё никак не умирал.
Нацепив очки, я оглянулся. Половина Слуг уже была мертва, остальная работала над этим.
Монстров я в зале не увидел.
И бросился к выходу.
Ника напрыгнула на меня у самых дверей. Повисла на спине, повалила. Лицо ее было искажено яростью, она всё пыталась схватить меня за горло, но слишком вытянувшиеся в прыжке руки мешали.
– Что ты наделал, сука, что ты наделал! – закричала она.
– Уничтожил ваш мятеж, – ответил я. – Ничего личного, Иван попросил.
Она вдруг замерла, уставившись на меня. Повторила:
– Иван попросил?
– Иван попросил, – подтвердил я и, подтянув ноги, пнул ее в живот. Ника отлетела, я поискал взглядом хоть какое-то оружие – и поднял нож, лежащий рядом со Слугой, отрезавшим себе голову. Поднялся.
– Лживая мразь! – взвыла Ника, в ужасе оглядывая зал. – Мразь!
– А ты-то чего не сдохла? – спросил я. – Ты же пила!
– Я себе эмпатию не гасила! – выкрикнула, будто выплюнула, Ника. – Это для слабаков!
Я остолбенел.
Эта дрянь была человеком – по меньшей мере, по части эмоций! Она всё чувствовала! Она просто ненавидела и презирала людей!
Ника снова кинулась на меня. Я ждал, сжимая нож и понимая, что в лучшем случае у меня будет одна-единственная попытка.
За спиной дважды гулко грохнуло.
Первая пуля вошла Нике в грудь, а вторая в лоб.

Она шатнулась, останавливаясь. Подняла руку и неожиданно погрозила мне пальцем. Сказала:
– Запомни… он очень хитрый…
И оскалилась в улыбке, которая на глазах становилась каменной.
Я обернулся.
В дверях стоял деда Боря с пистолетом в руках.
– Мы победили, – сказал я. – Кажется.
Деда Боря повернулся и шаркающей походкой побрел назад.
Я всё понял. Ну, почти всё. Бросился за ним.

Глава четвертая

В фойе лежали два уничтожителя, утратившие невидимость. Один был опутан тонкой металлической сеткой, еще одна валялась рядом, разрезанная на куски. Второй застыл у двери в комнату, где мы сидели, наполовину забравшись туда. Оба уничтожителя медленно каменели и походили сейчас на песчаные скульптуры, забытые на пляже. Рыжий парень, похожий на Рона из детского фильма, уже превратился в груду песка, перемешанного с форменной одеждой. Из штанины медленно высыпалась струйка. Что меня потрясло – так это рыжий налет на горке песка в том месте, где была его голова.
Я вначале даже не понял, в чем дело. А потом сообразил.
Этот охранник красил волосы в рыжий цвет! Тело рассыпалось, а краска осталась!
Деда Боря медленно прошел мимо монстров. Подошел к Елене, которая застыла, прижимая руки к лицу. Постоял миг, потом выстрелил в лежащего на полу Виталия Антоновича.
Дважды, потому что силовое лезвие уничтожителя рассекло нашего старшего напополам.
На негнущихся ногах я подошел ближе, взглянул в лицо Виталия, пока оно еще не превратилось в камень.
Наверное, мне было бы легче, если бы он был еще жив. Если бы я мог сказать ему: «Виталий, мы победили! Виталий, твой сын вернется на Землю и станет человеком!»
Я не знаю, легче ли умирать, когда знаешь, что смерть не напрасна. Когда ты рискнул и потратил жизнь не впустую, а сражаясь за то, что тебе дороже всего. Если верить книжкам и фильмам – то да, конечно.
А как на самом деле?
Когда я умирал, вколов себе концентрат мутагена, мне было очень страшно. И то, что мы победили, не слишком-то радовало. Я, конечно, прошептал Дарине, что рад за нее, но на самом деле это было не всерьез, словно игра на публику.
Но умирать, не зная, победили мы или нет, – еще страшнее.
– Виталий… – прошептал я. – Старший, мы справились…
Он не отвечал, он был мертв. Мертв еще до выстрелов деда Бори. Может быть, его убила боль, а может быть, потеря крови.
Я даже коснулся его ладони, выпачкав руки в крови, но уже через мгновение пальцы Виталия перестали быть теплыми и влажными, рассыпались сухим песком. И кровь на моей коже тоже осыпалась тончайшей каменной пылью.
Если бы моя рука стала распадаться, я бы не удивился. Но со мной всё было в порядке. А вот кровь Виталия на полу тоже обращалась в песчаную корку. Даже какие-то далекие брызги исчезали.
Видимо, «метапатроны», как их называл Прежний, – и впрямь заряд наноботов. В чье тело попадали, ту органику и превращали в камень. Настраиваясь по генетическому коду, например.
– Он знал, что я так сделаю, – сказал деда Боря севшим голосом. – Мы все… договорились. Никаких следов.
Старик поднял пистолет и посмотрел в ствол.
– Не надо! – выкрикнул я.
– Да ты что! – Деда Боря быстро опустил оружие. – И в мыслях не было!
Елена подошла к нам. Лицо у нее стало мертвенно-белым.
– Мы им были не нужны, – сказала она. – Когда ты ушел… эта рыжая падла послала к нам монстра… но мы ждали. Но второй успел… Виталия…
Я помнил, как быстро двигался уничтожитель в Гнезде. Удивительно, что погиб только Виталий.

Наверное, это тоже были Измененные, собранные по-быстрому, для одной-единственной цели – охранять сборище Слуг. Не сегодня-завтра они бы в любом случае сдохли.
Дарина когда-то сказала, что для такого превращения нужны добровольцы. И что полным-полно людей, готовых обменять всю свою жизнь на несколько суток в виде Измененного.
Я тогда не до конца ей поверил.
А теперь, после разговоров со Слугами и неправильным Гарри, – полностью.
Среди людей очень много психов.
Кто-то готов умирать за веру, кто-то готов умирать за правду, кто-то – за других людей. Кто-то готов умереть за ложь, если ее красиво подать. Вот те мальчишки, что просились в Гнездо, разве трудно им задурить головы и отправить на «подвиг»? Но это еще ничего.
Куда чаще люди готовы убивать, даже зная, что сами умрут. Безумная школота, приходящая на урок с папиным ружьем и полным портфелем патронов. Обвешанный динамитом террорист – не идейный, а просто желающий убить побольше народа. Наемник, едущий на войну не ради идеи и даже не ради денег, а ради возможности «пострелять из арты по мирняку» и получить свой адреналин.
– Максим… Макс!
Я посмотрел на Елену. Она, оказывается, трясла меня за плечо.
– Надо уходить, Макс. Там… всё чисто? – Елена кивнула на конференц-зал.
– Там очень грязно, – сказал я задумчиво. – Но да, там стало куда чище, чем раньше.
– Надо уходить!
Если честно, я не верил, что нам удастся уйти. По всему музею звенели какие-то тревожные сигналы. Внизу суетились люди, бóльшая часть двигалась в сторону выходов, но кто-то метался из стороны в сторону. Тонкий женский голос выкрикивал:
– Любочка! Кто видел Любу? Быстро ко мне, всё потом, Верочка, брось мольберт…
Наверх, к счастью, никто не двигался. И откуда раздались выстрелы и крики, похоже, никто выяснять не спешил.
– Пойдем, – согласился я. – Мне кажется, мы сделали всё, что могли.
Мы сбежали по лестнице. Я подумал, что и сумку, и сеткомет мы оставили где-то наверху, и это улики, но ведь мы все равно наверняка попали на видеокамеры, и когда их просмотрят, нас опознают и найдут.
Не вышла у нас тихая диверсия. Не получилось бросить кристаллик в пунш и уйти незамеченными, уж слишком пунш оказался необычным…
Но я вдруг подумал, что в любом случае рад тому, что увидел. Слуги, убивающие сами себя… редко когда справедливость торжествует так явно и так ярко.
Внизу лестницы нас едва не сбила с ног крупная немолодая женщина в форме служительницы музея, мечущаяся из стороны в сторону, а потом вставшая у лестницы и раскинувшая руки. Глаза у нее сделались совершенно безумные, она выкрикивала:
– Задымление! Задымление!
Никакого дыма и огня не было, конечно. Наверное, она видела свой персональный кошмар – сгорающие без следа бесценные полотна. Но свою ноту в общую симфонию паники она вносила, люди начинали озираться и ускоряли шаги. Мы обогнули ее и, смешавшись с толпой, стали пробиваться к выходу.
Несколько раз нам попадались охранники, но они, похоже, были больше озабочены тем, чтобы вывести людей наружу, в лица не вглядывались и никого остановить не пытались.
Может быть, эти крики про задымление сыграли нам на руку: все пытались покинуть музей, а не разобраться в происходящем.
И через пару минут мы, вместе с другими посетителями, вырвались из кондиционированной прохлады в теплый апрельский вечер. С набережной доносились сирены пожарных машин, а мы, не сговариваясь, пошли в сторону центра.
– Надо от стволов избавиться, – сказал деда Боря деловито. – Не то чтоб это помогло, но…
– Отдашь пистолет мне, – ответила Елена. – Я избавлюсь.
– И в кафе бы зайти, – добавил деда Боря.
– В туалет? – устало спросила Елена.
– Почему сразу в туалет? Хочу выпить рюмку! Нервы шалят! Да, в туалет… тоже…
Мы зашли. Все равно надо было где-то присесть, не передавать же оружие прямо на улице.
Это было крошечное кафе, на пять или шесть столиков. Нам нашелся один свободный. Елена и деда Боря заказали коньяк, я попросил зеленый чай покрепче.

– Пуэр? – спросила официантка, совсем молодая девчонка. Интересно получается, в магазине ей бы коньяк не продали, а на работе она его нам продает.
Жизнь вообще устроена очень фальшиво, пока не соприкасается со смертью.
Я кивнул. Пуэр так пуэр. Ценник был конский, но как-то меня перестали волновать деньги.
– Я вас ненадолго покину, – сказал деда Боря и пошел к двери туалетной кабинки.
– Совсем дед сдает, – негромко сказала Елена, глядя ему вслед. – У него была онкология, Максим. И он не хочет проверяться и лечиться. Говорит: «Сколько есть, все мои».
– Так нельзя.
– Когда человек теряет смысл жизни, ему всё можно, – вздохнула Елена. – Это он еще взбодрился.
Вернулся деда Боря, я встал и пошел по его маршруту. Когда вернулся, на столе уже был чайничек с чаем и два бокала с коньяком на донышке.
– Помянем Виталия, – сказала Елена.
Просто это у них было. Как-то совсем просто.
Умом я понимал, что им тяжело и больно, но вида они не подавали. Старики-разбойники…
– А вам можно, деда Боря? – спросил я.
– В чем проблема? – сварливо ответил он, залпом выпив коньяк.
– У вас же кровь… ну… в туалете, – неловко сказал я.
– Глазастый, – отозвался он раздраженно.
– Боря! – выпалила Елена.
– Что Боря?
– Давно у тебя кровь в моче?
Он заерзал на стуле.
– Слушай, Леночка, мы же кушаем…
– Мы пьем.
– Тем более!
– Давно?
– С неделю. Да не волнуйся ты так, это же явно камень идет.
Елена выдохнула. Посмотрела на меня.
– Извини, Максим.
Я пожал плечами. Крови я сегодня навидался достаточно, она меня уже не смущала.
– Сейчас мы закажем такси, – сказала Елена. – И я повезу тебя в клинику.
– Ну к чему это…
– Тем более если нас придут… когда нас придут арестовывать, ты будешь в палате, с диагнозом и горой лекарств.
Деда Боря криво улыбнулся:
– Гора лекарств? Это хорошо. А то мои таблетки уже ни черта не помогают.
– Старый упрямый дурак, – выругалась Елена. – Максим, боюсь, помощники из нас больше никакие. На некоторое время.
– Вы не помощники, – ответил я. – Вы друзья.
Она кивнула, испытующе посмотрела на деда Борю. Тот вроде бы встряхнулся от коньяка, но выглядел все равно ужасно.
– Поедешь с нами, Максим?
Я покачал головой:
– Нет, извините. Я домой. То есть нет, в Гнездо. Хотя вначале все-таки домой, потом в Гнездо…
– А для тебя это разве не одно и то же? – спросил деда Боря.

Консьерж в подъезде приветствовал меня кивком и тут же сообщил из своего закутка:
– Твои недавно ушли. Молодцы, много стали гулять, это полезно.
– А ко мне никто не заходил, Андреич? – спросил я.
Он понял меня неправильно. Случившийся пару недель назад визит монстра, пусть еще и человекообразного, больно ударил по его самолюбию – Виктор Андреевич решил, что его отделал молодой парень «под веществами».
– Пусть только попробуют! – воинственно сказал консьерж, нахмурился и похлопал рукой по дубинке на поясе.
Да, неприятная будет ситуация, если ко мне заявятся полицейские в штатском.
Хотя Андреич мужик тертый, почувствует сразу, с кем имеет дело.
У меня было странное чувство, когда я вошел в квартиру. Будто и не к себе уже. Будто в номер гостиницы или к родителям.

А ведь тут все мое, знакомое и любимое. Даже к мебели, оставшейся от прежних хозяев, я привык. Даже книжки из их библиотеки почти все прочитал (бóльшую часть, кстати, никто и не открывал до меня ни разу). Вот подборку древних дивиди не смотрел, хоть и проигрыватель был, слишком уж паршиво картинка выглядела на экране. И как это раньше люди могли смотреть видеокассеты и дивиди?
Я вдруг подумал, что вряд ли снова сюда вернусь. Слишком много дел мы натворили. Уже скоро сюда придут чужие люди в форме, будут рыться в ящиках и шкафах, просматривать содержимое компьютера, расспрашивать обо мне соседей…
Ну и пусть.
Я вымылся, после визита в музей это было просто необходимо. Выбрал в шкафу новое белье, носки, джинсы, рубашку. Достал из сейфа все деньги и кристаллы, большую часть положил в коробку из-под мобильника – последней модели, выпущенной корпорацией «Эппл» перед ее крахом. Родители купили мне его на день рождения, но подарить не успели – случилась Перемена. Отец отдал его просто так, посмеиваясь. Сказал: «Теперь это раритет, семейная реликвия, своему сыну передашь по наследству».
Никакого сына, как выяснилось, у меня никогда не будет. Так что смартфон я бросил на стол, а в коробочку сложил кристаллы и деньги. Не так уж много, но что есть.
Смогу я отсидеться в Гнезде? Туда даже Лихачев не полезет…
А с другой стороны, какой смысл? Если погром в Третьяковке повесят на нас, то рано или поздно всех возьмут.
Смысл…
Что все-таки Инсек имел в виду под смыслами? Открытия, изобретения? Ну так тут мы безнадежно отстаем, никому не нужен дважды изобретенный велосипед…
А новая книга – это смысл? Стих? Картина? Скульптура?
Наверное, да. Наверное, это тоже смысл.
А что-то несозданное, а лишь осмысленное?
Однажды я ехал в поезде, проснулся ранним утром и стал смотреть в окно. Поезд шел сквозь рассветный туман, повсюду был лес, солнце еще не поднялось над горизонтом, и вдруг я увидел лесную прогалину, маленький домик с идущим из трубы дымком, старика, стоящего на крыльце и смотрящего на поезд, вьющуюся у его ног мелкую кудлатую собаку. Это было похоже на детский рисунок или на страницу из книжек Пришвина и прочих древних писателей. Я подумал, что тут даже электричества может не быть. И телевизора, и телефона. И что домик мог так стоять сто лет назад, и дед этого старика точно так же смотрел утром на поезд. И что ему плевать на Перемену, как плевать на нее индейцам в дебрях Амазонки или папуасам в Новой Гвинее.
И я вдруг ощутил себя на месте этого деда. Представил себя… нет, не в глуши, какая тут глушь, сто метров до железки, десяток километров до полустанка. Но на обочине. И не потому, что на обочину спихнули, а потому что ты сам туда съехал, живешь и счастлив.
Ведь таких людей много. Миллионы, сотни миллионов. Они никуда не бегут, ни к чему не стремятся. Выбрали точку под ногами, сделали ее центром мира и позволили миру крутиться вокруг.
Нет, я точно знал, что сам бы так не смог и никогда не смогу. Но я будто почувствовал этого старого человека, его мысли, мечты, то, как он смотрит на жизнь.
Вот это понимание осознанного и спокойного одиночества – оно было смыслом?
А если бы я написал об этом книгу, чтобы поняли все (ну, допустим, я умел бы, да и что сложного в том, чтобы соединять вместе слова, превращая их в текст)?
Это стало бы смыслом?
А если бы я придумал религию, философию, учение об одиночестве в центре мира? «Найди свой центр мира и позволь ему вращаться вокруг»…
Это стало бы достойным смыслом?
А как именно это происходит? Что заставляет идеи и мысли превращаться в кристаллы, несущие в себе смыслы?
И остается ли после этого смысл с человеком?
Видимо, нет.
Тогда получается, что смыслы, о которых говорил Инсек, – это все-таки информация. Но не простая, а переработанная, пережитая человеком. Так из пустой породы шахтер достает золотые крупинки или алмазы. Но можно достать и не заметить, алмаз в природе выглядит как серый камешек. Его надо разглядеть, огранить…
Так и с информацией.
Нужен разум, чтобы создать и осмыслить что-то новое. Чем больше информации, тем больше силы. И где-то там, в конце пути, сингулярность и Высшие. А еще дальше,

возможно, просто Высший. Один, вобравший в себя всю информацию и всю силу. Абсолют.
Да ну на фиг такие мысли, рехнуться от них можно!
Я нашел в столе рулончик скотча, собрался было обмотать им коробочку. И покачал головой, когда понял, что делать этого не надо. Будет закрыта – не откроют. Кристаллы пропадут…
Пошел на кухню, в два больших пакета сгреб всю еду из шкафов и холодильника. Еще раз окинул взглядом свой бывший дом.
Вышел в подъезд, поднялся на этаж выше, открыл дверь родителей своим ключом. У них было прибрано, хотя и чувствовался легкий, едва уловимый запах старости: мебели, десятилетиями стоявшей на одном месте; тяжелых пыльных штор; пищи, лекарств и отцовского одеколона. Одеколон хоть и пах цитрусами, но я его запах помнил с детства, и потому он тоже казался древним.
Я поставил коробочку на полку, где ее должны будут заметить если не сразу, так через день-другой. Пакеты с едой оставил на кухонном столе, только молоко, куриные окорочка и пачку масла убрал в холодильник. Родители вернутся, поймут, что я заходил. Но не забеспокоятся, решат, что просто занес продукты.
Не хотел я сейчас с ними разговаривать. Сразу почувствуют, что со мной что-то не так. Действительно хорошо, что они стали чаще выходить из дома.

Глава пятая

Дарина встала передо мной и сказала:
– Будь моим зеркалом.
– Это как? – не понял я.
– Говори, как я выгляжу?
Я внимательно осмотрел Дарину. Она была в кроссовках, синих джинсах, застегнутой у ворота рубашке цвета индиго – городской унисекс, без всяких выделяющихся деталей. Разве что яркая оранжевая бандана, прячущая короткую стрижку, притягивала взгляд. Широкие «зеркалки» скрывали глаза.
– Ты замечательно выглядишь, – сказал я. Мы были в ее комнатке, и она даже включила яркую лампу, чтобы мне было удобнее.
– Непонятно, что я жница?
– Нет. Ничуть.
– Комбинезон не проглядывает?
– Нет.
Дарина не захотела снимать свой костюм жницы, надела человеческую одежду поверх него. На мой взгляд, никто бы в ней Измененную не заподозрил. Но она нервничала.
– Зря я зеркало выбросила, – сказала она. – У меня было когда-то. У Наськи есть, но не хочу ее беспокоить.
– Прилипнет, не оторвать, – согласился я. – Да всё в порядке, ты выглядишь самой обычной человеческой девушкой.
– Ладно, – неохотно кивнула Дарина. – А сам-то ничего? Уже поздно, а ты прошлую ночь не спал.
– Немного поспал, – ответил я. – Да ничего, правда. Я не усну, даже если лягу. Весь на нервах.
– Что-то случилось?
Я покачал головой:
– Ничего… неожиданного. Я расскажу тебе потом.
Если бы я рассказал, что с нами было, как мы пришли в музей и уничтожили полсотни Слуг… ну, допустим, большей частью они себя сами уничтожили, но все-таки… Никуда бы мы тогда не пошли. Дарина суетилась бы, беспокоилась, пыталась придумать выход, ругала бы меня – несомненно.
Я не хотел этого. До того момента, как я заберу у Продавца возвратный мутаген и дам жнице – пусть она ничего не знает.
Потом поговорим.
Обо всем.
А сегодня будет обычный вечер, словно ничего не происходило в последние два дня. Словно я таскаю Дарину по Москве, пытаясь дать ей хоть немного того, чего она была лишена.

И спать я действительно не хотел. Не смог бы уснуть. Да и опасно было возвращаться домой.
Сегодня, завтра, послезавтра, но за мной придут.
Другое дело, в чем вообще нас можно обвинить?
Убитые петрификационными пулями рассыпались в песок и анализу не поддадутся. Остальные убили себя сами. Так что обвинение предъявить трудно.
Но нервы, конечно, помотают изрядно.
Поэтому я должен успеть сделать две вещи – отдать Дарине возвратный мутаген и доложить Ивану о выполнении задания. Она станет человеком, а сын Виталия вернется на Землю – у него ведь тут мать, не пропадет.
В общем-то за это уже стоило рисковать.
Если бы не погибший старший…
– Максим? – спросила Дарина, заглядывая мне в глаза. – Да что с тобой?
– Камон, – я улыбнулся. – Вписка топчик, пофлексим.
Дарина нахмурилась.
– Максим, прекращай!
– Ты должна соответствовать не только одеждой, – наставительно сказал я. – И общаться должна не как зумер-перестарок или нуб из деревни.
– Какой кринж, – Дарина поморщилась. – Ты же не такой, Максим. Идем, уговорил.
– Вот, – одобрил я. – Ведь умеешь, когда хочешь!
Было около десяти, когда мы вышли из Гнезда. Ни куколок, ни жниц по пути не попалось, Гнездо по-прежнему было пустым, почти разоренным. Я почувствовал его неодобрение – Гнездо не любило, когда кто-то выходил, особенно ночью. И мысленно одернул: «Оставь девчонку в покое, у нее должна быть и человеческая жизнь кроме вашей!»
Кажется, в ответ я уловил иронию.
И что-то вроде напутствия: «Ты отвечаешь за нее, бывший призванный…»
Да, отвечаю. Я привык отвечать. Мне даже некомфортно без этого.
Времена сейчас не те, что два-три года назад, на улицах куда спокойнее, даже ночью. Но все-таки едва темнеет, начинают появляться компании, с которыми лучше не сталкиваться. Могут мимо пройти, могут обменяться парой слов, а могут вломить по башке и вывернуть карманы – ну так, на всякий случай.
Одна такая группа – трое хмурых парней и мрачная девица с не то нарисованной, не то вытатуированной на левой щеке руной – попалась нам у книжного магазина «Москва», когда мы перешли Тверскую. Но, несмотря на угрюмый вид, компания скрылась в книжном – так что вряд ли это были гопники в поисках приключений. Другая шла навстречу в Столешниковом переулке, когда мы сворачивали на Большую Дмитровку. Место пешеходное, людное даже ночью, но пятерым ребятам, немногим старше Дарины, явно хотелось приключений. Один стрельнул глазами по сторонам, не заметил ничего подозрительного и вильнул всем телом, наткнувшись на Дарину и мешая ей пройти. С вызовом посмотрел на меня.
Дарина медленно сняла очки и посмотрела парню в глаза. Спросила:
– Ослеп?
Парень открыл было рот для остроумного ответа – и побледнел. Жажда приключений немедленно испарилась.
– Простите… жница… – пробормотал он. – Не увидел…
Темноты тут особой не было, и фонари горели вовсю, и витрины, и яркая иллюминация, растянутая через Дмитровку.
– Береги себя, – посоветовал я, и мы прошли дальше.
Месяц назад я бы закомплексовал, что балбеса осадила девчонка, а не я. А сейчас мне было все равно. Мне не требовалось кому-то что-то доказывать.
– Чего он хотел? – задумчиво спросила Дарина.
– Ну… – Я задумался на миг. – Тут народа полно, полиция есть наверняка… Так, мелкую потасовку устроить. Может, сорвать с тебя очки и убежать, зеркалки денег стоят.
– Но это же глупо, – удивилась Дарина. – Адреналиновый экстаз можно получить другими методами, которые одобрены государством. Заработать тоже, в Москве кристалликов хватает. Риски перевешивают возможную выгоду.
– Молодые совсем…
– Ты тоже не старый. А я их ровесница.
– С тобой другое дело.
– Да, но… – Дарина помолчала. – Кажется, я понимаю. Они смотрят вперед, а там – пусто. Он действительно ничего не видит, понимаешь? В будущем не видит. Либо

работать, это скучно и добиться успеха очень трудно. Либо кристаллики собирать, но это уныло. Изо дня в день, с утра до вечера ходишь и ищешь… хватает на нормальную жизнь, но впереди пустота. Полвека или больше такого вот блуждания…
– Я так жил.
– Нет. Ты так ждал. Я это в тебе видела, что ты ждешь. Иначе бы не пришла… и не призвала…
Я взял ее за руку. Мы шли по Москве, красивой даже сейчас, после Перемены, и мне на миг стало почти хорошо.
На миг.
Почему ты не сказала мне, что я больше не человек? Почему, Дарина?
– О чем ты думаешь? – спросила Дарина.
– О разном, – соврал я.
– Не чувствую тебя в этом плаще, – сказала жница. Помедлила и добавила: – И даже без него, в Гнезде. Словно ты попросил Гнездо не делиться твоими эмоциями.
– Попросил, – сознался я.
– Я не обижаюсь, – помедлив, решила Дарина. – Наверное, это неприятно, да? Когда твои эмоции открыты? Мы-то привыкли.
– Это сложно, – сказал я. – Но ничего, я тоже почти привык.

Вписка была на Маросейке, полминуты от метро «Китай-город», лишь нырнуть в подворотню – и на месте, в лофте рядом с маленьким турагентством. Турагентство – вниз, в полуподвал, сейчас оно было закрыто. Вход в лофт – по грубой металлической лестнице, на уровне второго этажа. На железной площадке перед входом, прикрытой крышей от непогоды, стояла урна, полная окурков и смятых банок от энергетиков, там курили несколько парней и девчонок. В основном электронные сигареты, но кое-кто и «аналоговые». Мы протолкались к входу (на нас даже не глянул никто), вошли внутрь. В крошечном полутемном тамбуре парень с девушкой собирали плату за вход. Я расплатился, мне на руку приклеили крошечный кристаллик, спросив:
– Рэдку или вайкр?
– Вайкр, – ответил я.
Конечно, это были не настоящие кристаллы, обычные стекляшки. Скорее прикол, чем реальный контроль за входящими и выходящими.
– А мне прозрачный, – сказала Дарина и ткнула себя в щеку.
– О, редкий выбор! – порадовался парень, подсветил себе фонариком, выбирая с листа, где были наклеены стекляшки, прозрачный. – Ага, вот… ничего, если вторгнусь в ваше личное пространство?
– Ничего, – разрешила Дарина спокойно. – Сюда.
Парень приклеил ей на щеку капельку-стекляшку и подмигнул мне. Мы прошли. Внутри было совсем темно и людно. В конце комнаты – тускло подсвеченная стойка бара, где разливали пиво и какие-то алкогольные коктейли, у входа вешалка – кое-кто пришел в верхней одежде. Я плащ снимать не стал. Из широкого проема, ведущего в соседнюю комнату, гремела музыка и мерцали сполохи света.
Дарина с любопытством огляделась. Высоченные потолки, по которым тянулись толстые металлические трубы вентиляции, выходящие на темный внутренний двор окна…
– Что тут раньше было?
– Не знаю. Старый дом, исторический… Тебе очки не мешают? – громко спросил я.
– Нет! – перекрикивая музыку, ответила она. – Я иначе вижу…
– Хочешь чего-нибудь выпить?
Она засмеялась.
– Воды! Минеральной.
Я пробился к стойке, заказал воды с газом и, под насмешливым взглядом бармена, бутылку безалкогольного пива. Взял бы и обычного, но боялся, что развезет, – все-таки я и впрямь почти не спал.
Когда вернулся, с Дариной уже вовсю общался какой-то мужчина. Явно старше большинства посетителей, лет сорока, хоть и молодящийся что было сил.
– Развлекаю вашу даму, – сказал он при моем появлении. – Рассказываю историю этого старинного особняка…
Мужчина был слегка навеселе и явно пришел сюда в надежде уйти не в одиночестве. Но вел себя не вызывающе, сразу отступил на полшага, и я кивнул ему. Взял Дарину под руку.
– Пойдем дальше…

В следующей комнате бурлила основная туса. Народ кто стоял, кто сидел на мягких креслах-мешках, а то и просто на полу. В углу громоздилась звуковая аппаратура, диджей крутил что-то умеренно мелодичное и чересчур громкое. В центре зала девушка, миниатюрная и совсем юная, читала стихи.
Мы встали у стены, прислушались. Голос у девчонки был тонкий, пронзительный, пробивался даже сквозь музыку.

Пойманные капканом созвездий,
В поисках предназначения,
Мы ожидаем от неба известий,
Выхода из заточения.
Ждем, повторяя слова и числа,
В лицах читая знаки, –
Поколение, не знавшее смысла,
Запертое в саркофаге…

Дарина дернула меня за рукав. Спросила:
– Это хорошие стихи?
Я замялся.
– Не знаю. Неумелые!
– Но в них что-то есть?
– Что-то есть, – согласился я. – Ты же читала книжки.
– Лишнее забываю, – отмахнулась она. – А со стихами очень трудно. Не всегда сразу понятно, что лишнее, а что нужное.
– Как в жизни, – ответил я.
– Как в жизни, – согласилась Дарина. Мне показалось, что даже сквозь зеркальные очки взгляд ее был тревожным. – Максим…
Я глазами спросил: «Что?»
– У нас всё в порядке?
– Сейчас подумаю, – ответил я и глотнул пива. Оно было совсем как настоящее. – Восемь лет назад Землю завоевали Инсеки. Но это не очень важно, потому что мы и так были завоеваны – собственными прародителями. Луну раздробили на кусочки, молодежь собирает эмоциональные плевочки для Продавцов, больных детей отдают на Изменение и отправляют воевать за Инсеков…
– Я не про жизнь! – Дарина даже топнула ногой. – Я про нас! Про тебя!
Не знаю, что меня так переклинило. Я ведь вел сюда Дарину, чтобы ее развеселить. Чтобы как-то протянуть эту ночь, дождаться утра и пойти к Продавцу. Не для выяснения отношений!
Сама эта тусовка, которых я не особый-то и любитель? Свет, звук, стихи? Тот гормональный фон, что создают в замкнутом пространстве три десятка молодых парней и девчонок, в большинстве уже разбившихся на пары? Легкий запах травы в воздухе?
– Про меня? – спросил я. – Какое это имеет значение? Я призванный. Я себе не принадлежу. Я – часть Гнезда.
– Я сняла Призыв! – выкрикнула Дарина.
– Ты же знаешь, что Призыв нельзя снять до конца, – тихо ответил я.
Она услышала. Замерла.
– Что там, в комплекте? – поинтересовался я. – Ногти быстрее растут? Бесплодие? Что еще?
Дарина молчала.
– А как у Миланы? – спросил я, понимая, что это удар на добивание. – У нее такие же последствия Призыва? Ладно со мной, а ее ты почему не предупредила?
– Нас бы всех убили, – прошептала Дарина. – И ее тоже.
– И все равно она должна была знать! – выкрикнул я. – И я должен был знать, на что иду!
Дарина развернулась и бросилась через комнату вглубь помещения. Я постоял мгновение, потом пошел к стойке бара. Там как раз никого не было, кроме парня-бармена.
Ну а что?
Другим помогает, может, и мне сгодится.
– Сделай что-нибудь покрепче, – попросил я.

Бармен глянул на меня, потом стал смешивать в высоком стакане напитки из разных бутылок. Спросил:
– Поругался?
– Ага, – ответил я.
– Не поможет, – сообщил бармен.
– Сам решу.
Бармен усмехнулся, доливая стакан колой.
– Мне-то что? Несчастная любовь – это двадцать процентов моего дохода.
– А остальное – счастливая? – спросил я, глядя, как падают в стакан кубики льда.
– Если бы. Счастливые не пьют. Остальное – несбывшиеся амбиции, поиски смысла жизни и прочие печали.
Я молча расплатился, потянул через соломинку коктейль. Сладко и крепко. Достаточно сладко, чтобы не было понятно, насколько крепко.
– А что, кто-то еще ищет в жизни смысл? – спросил я.
– О, да! Но это проходит с возрастом.
Кивнув, я вернулся в комнату с молодыми поэтами, там читал стихи мужчина, который пытался знакомиться с Дариной. До меня донеслись лишь отдельные фразы – про ночь, полную страсти и огня, про день, полный раскаянья и сожалений. Извиняясь на каждом шаге, я протолкался мимо поэта, вышел в короткий коридор. Мне уже было не по себе. Зачем, ну зачем я сорвался?
Налево я увидел две двери туалетных комнат, направо – выход на широкий балкон или, скорее, маленькую террасу. Терраса нависала над захламленным и грязным двором-колодцем совершенно питерского вида. Дом, такой красивый с фасадов, здесь был совершенно непригляден: облупившиеся некрашеные стены, небрежно запененные проемы окон, какие-то кондиционеры и вентиляционные короба промышленного вида. Судя по пепельницам, терраса использовалась курильщиками, но сейчас там стояла лишь Дарина. Она прислонилась к перилам и смотрела вверх. Над колодцем плыло лунное кольцо, сейчас белесо-серое, словно пригашенное.
Я встал рядом. Глотнул из стакана. Спросил:
– Смотришь на кольцо?
– Нет, – ответила Дарина как ни в чем не бывало. – На Росс сто двадцать восемь. Это красный карлик в созвездии Девы. Знаешь астрономию?
– Созвездия немножко знаю, – сказал я. – Дева… и где она?
– Вот там, – Дарина подняла руку. – Крошечная красная точка. Примерно посередине между Спикой и Регулом. Тусклая. Там есть планета, называется Саельм. Холодная.
– Там воюют? – спросил я.
– Нет. Она малоинтересна как колония, своей разумной жизни не имеет. Там тренировочный лагерь и перевалочный пункт. Это одна из ближайших к Земле баз Инсеков. Была отбита у Прежних в начале двухтысячных. На Земле даже зарегистрировали радиошум от… не важно. Нас часто отправляют туда, а потом – дальше, по всем секторам, где идут бои.
– А… – сказал я, глядя на мерцающую красную точку.
– Люди не видят эту звезду невооруженным глазом, – сказала Дарина. – Да еще и с такой засветкой, как в Москве.
Она помолчала.
– Это тоже следствие Изменения, которое вызвал в тебе Призыв.
– Что еще? – спросил я.
– Ты стал сильнее и быстрее, процентов на десять по сравнению с прежней формой. Может быть, это не очень заметно, но есть. И у тебя не только ногти лучше растут. Переломы тоже станут срастаться быстрее в два-три раза. Ты можешь задержать дыхание на несколько минут. Несколько ядовитых веществ для тебя менее вредны, радиация не так опасна. Похоже на очень слабую форму изменений жницы.
– Ну, это даже неплохо, – решил я.
– Но ты стал бесплоден, – добавила Дарина. – Это правда, и это плохо. С Миланой иначе, на женскую фертильность Призыв так не влияет. Скорее… – она помедлила, – есть даже некоторый плюс. Она никогда не родит ребенка с генетической патологией, даже с малейшей.
– Очень хорошо, – обрадовался я. – Правда!
– Я не знала о последствиях, – сказала Дарина. – Честно. Это в глубине базы знаний хранителя, я слишком поздно получила доступ. А когда поняла… было уже поздно.
Я вспомнил, как она рыдала, прижимаясь ко мне в Гнезде. Повторяя «что же я наделала».
– Извини, что сорвался, – сказал я. – Мне это не важно. Правда.

Дарина покачала головой:
– Сейчас не важно. А потом станешь об этом думать.
– Вы же живете… без детей.
– Мы – это другое. Мы все равно должны были умереть. Теперь мы отдаем долг. Людям и Инсекам.
– Люди вам сильно помогли? Отдали в Гнезда навсегда! А Инсеки? Им какой долг отдавать? – спросил я с горечью. – Они могли вас просто спасти, тогда был бы долг. А они… выкупили. В рабство.
– Ты не знаешь, – тихо сказала Дарина. – Ты думаешь, что Прежние, что Инсеки – одинаковы. А разница есть.
– И какая же?
– Не могу тебе рассказать. Ты многого не знаешь. Но Прежние – хуже, они гораздо хуже!
Я поразился тому жару, с которым она это произнесла. Кажется, Дарина была убеждена в том, что говорила.
– Наверное, ты путаешь со Слугами, – сказал я. – Прежние – им на людей плевать, да. Они заняты своими смыслами…
Дарина искоса глянула на меня.
– Но они уже… слишком далеко от нас, – неуверенно добавил я. – Это Слуги, да… мразота последняя… убивают, насилуют… жрут…
– Слуги всего лишь звери-прислужники, – спокойно произнесла Дарина. – Их такими специально создают, мерзкими и максимально ненавидящими людей. Сваливают на них самую отвратительную работу. Знаешь, что во время Великой Отечественной самые злобные каратели были из местных? Нацисты поручали им ту работу, которой не хотели мараться, – сжигать деревни, расстреливать женщин и детей, охранять пленных.
– Что-то слышал, – сказал я неуверенно. – Удивительно, что ты знаешь.
– Про войны нас всех учат. Вот Слуги – именно такие каратели. Злобные, потому что понимают свою ущербность, понимают, что никогда не станут настоящими. Они исковерканные и мерзкие. Но сделали их такими Прежние. И по сравнению с Прежними они даже не зло. Так… гадость.
– Это вам Инсек сказал?
– Не только сказал, – Дарина посмотрела на меня. – Да, наша судьба – сражаться с Прежними и их солдатами в иных мирах. Пытаться остановить зло, которое они несут. Но тебя… тебя я зря во всё это втянула. Зря призвала, зря приняла твою помощь. Я очень хотела быть с тобой. Я правда тебя любила с детства. И когда увидела в Комке – отпустила тормоза. Снесло крышу.
– Дарина…
Я взял ее за руку.
Она отстранилась, но сумела сделать это так, что я понял – она не брезгует мной, а наоборот, не хочет запачкать своим прикосновением.
– Я не права. Сильно не права. Когда узнала, что ты уже не станешь обычным человеком, надо было всё тебе рассказать. Повиниться. А я испугалась. Решила промолчать. Думала, может быть, есть способ. Какой-нибудь мутаген. Но если возвратный мутаген не подействовал, то больше ничего нет. Слишком глубинные изменения, не на клеточном уровне. Мы, Слуги, монстры – переделанные люди, основа человеческая, изменения можно откатить. А Призыв меняет сильнее.
Я вспомнил слова Ивана про то, что биологически он человек. Видимо, Призыв и впрямь вторгался куда-то глубже ДНК.
– Всё, проехали, – сказал я. – Дарина, зря ты не сказала. Но я понял. И я не сержусь, честно. Что было, то было. Не жалею.
Дарина молчала, глядя на меня строго и задумчиво. Я подумал, что никогда не видел ее такой. Ну или не представлял. С той минуты, как мы впервые были вместе, она стала для меня Дариной, моей девочкой; Измененной, но нуждающейся в защите, слабой, беспомощной, за которую я в ответе.
А она не девочка. Она жница, более того – хранитель.
– Мне надо подумать, Максим, – сказала она. – Спасибо, что привел сюда, было интересно. Но не мое. Я пойду, ладно?
Не дожидаясь ответа, она легко перепрыгнула через перила.
Я подался вперед, перегнулся. Тут невысоко, метра два – два с половиной, но ведь темно, и внутри захламленного дворика куча всякого хлама, на который можно напороться…
Зря я за нее волновался. По привычке.
Она не маленькая девочка.

Дарина стремительной тенью пронеслась через дворик, подпрыгнула – повисла на кондиционере на уровне второго этажа, мгновенно подтянулась, взлетела вверх, вдоль стены – в проем окна, оттуда снова прыгнула вдоль стены…
Миг – и она уже была на крыше. Ее фигурка пронеслась на фоне лунного кольца и исчезла.
Зачем она ушла именно так?
Почему не через дверь, как мы пришли?
Наверное, чтобы я понял – она не человек.
Я постоял, глядя на крошечную красную точку звезды Росс сто двадцать восемь, которую обычный человек увидеть не может. Потом глаза устали, и я потерял ее в звездном небе.
Тогда я глотнул коктейль и пошел обратно в зал, к музыке, стихам, свету и людям.

Глава шестая

Домой я возвращаться не стал. Там я бы тупо пялился в телевизор (ну, если бы вспомнил, как его включать) либо уснул. А скорее всего, вначале бы пялился, а потом уснул.
Еще я всерьез подозревал, что дома меня уже ждут – и не добрый Лихачев со своими ребятами, а вежливые люди в штатском, которые из-за нас сейчас стоят на ушах и огребают от начальства по полной.
Идти в Гнездо я тоже не хотел, Дарина предельно ясно дала понять, что хочет побыть одна.
На самом деле я даже подумал, не нагрянуть ли к Продавцу и не постоять ли у него над душой в ожидании мутагена. Но понял, что мне не хочется его видеть.
Так что я терся у стены под грохот музыки, а когда та ослабевала – слушал стихи. Большей частью они были либо слишком умные (я считаю, что стихи слишком умные, если невозможно понять, что хотел сказать автор), либо про любовь. Про любовь попадались неплохие, только казалось, что я их все когда-то уже слышал.
Коктейль я цедил до тех пор, пока в стакане не остался один лед, потом – холодная вода, а потом – теплая водичка с легким запахом лимона. Тогда я вернул стакан бармену и с удивлением понял, что даже не захмелел.
– Эй, пыхнем? – Кто-то взял меня за руку. Не за рукав, а ладонь в ладонь.
Я с удивлением посмотрел – та самая мелкая девушка, что читала стихи про «поиски предназначения». Она оказалась еще ниже, чем я думал, – по плечо мне. Ладошка у нее была сухая и твердая.
– У меня нет, – сообщил я.
– Вот так всегда, – вздохнула девушка. – Ладно, у меня есть.
Траву я не люблю. Пробовал несколько раз в компании, вот и весь опыт. Но сейчас мне было все равно.
– Оки, – я пошел за девчонкой на терраску. Она, хоть и мелочь, вела меня сквозь толпу, как ледокол – груженую баржу.
Две девчонки с полупустыми бутылками пива что-то курили на террасе. На нас они внимания не обращали. Мелкая, ничуть их не смущаясь, достала самокрутку, зажигалку и протянула мне.
– Раскуривай.
Я пожал плечами и раскурил.
– Меня зовут Оля, – сообщила девчонка.
– Макс.
– Видела, ты меня внимательно слушал. Спасибо. Твоя девчонка ушла?
Я передал ей самокрутку и кивнул.
– Странно как-то ушла. Я не заметила.
– Следила, что ли?
– Ага. Она необычная. Двигается так… – Оля передернула плечами. – Как будто… Измененная, что ли?
– Да, – я не стал врать.
– Обалдеть, – решила Оля, затягиваясь. – Первый раз вижу Измененную на тусе, да еще и с человеком. А я вот хотела познакомиться с парнем-Измененным.
– Я тоже не совсем человек, – зачем-то сообщил я. Лицо Ольги сразу застыло, она окинула меня очень оценивающим взглядом.
Я сообразил, как прозвучали мои слова. Блин!

– Это не к тому, что я предлагаю знакомиться.
– Жалко. Я бы с тобой потрахалась, – заявила Оля деловито. – Без всякого, не думай. Без обязательств и всё такое. Прикольно.
– Эй, а тебе не рано? – спросил я.
– Мне двадцать, – обиделась поэтесса. – Я просто мелкая. Маленькая собака до старости щенок… Что, не хочешь?
– Не в этом дело.
– Понятно, – вздохнула она, возвращая самокрутку. – Обидно. Ну ладно, тогда просто поболтаем?
Я вздохнул. Глянул на часы – шел второй час ночи.
– Поболтаем. Скажи, как так получается, что, если поссоришься с девушкой, тут же другие начинают с тобой знакомиться?
Оля забрала самокрутку и серьезно сказала:
– Потому что мы все ведьмы. Чувствуем, что парень освободился, и начинаем присматриваться, не прибрать ли к рукам. Вдруг ценная вещь, по ошибке выбросили… Она даже хихикнула, видимо, понравился образ.
– Ко мне бесполезно присматриваться, – на всякий случай напомнил я. – Ты где-то учишься?
– Восьмой «бэ», – она снова хихикнула. – Знаешь песню такую старую? «А я тебя зову в кабак, конечно… У-у, восьмиклассница, у-у…»
– Первокурсница! – поправил я.
– Это сейчас поют «первокурсница», потому что иначе статья. А раньше пели «восьмиклассница», – Оля усмехнулась. – Да шучу, шучу. Не учусь я, работаю. Медсестра.
– Врачом хочешь стать?
– Хотела когда-то, – она вдруг посерьезнела. – Потом подумала – на фига? Учиться шесть лет, потом сидеть на приеме? Я зарабатываю побольше врача, сестры сейчас в цене. Еще серчем промышляю. Ты кристаллы ищешь?
– Все ищут.
– Вот! Завтра дадут Инсеки какое-нибудь чудо-лекарство, и все врачи окажутся на улице. Зачем под такое закладываться?
– Не дадут, – сказал я.
Мне вдруг стало тоскливо от этого разговора. В стихах у девчонки и впрямь что-то было… а в ней самой – нет. Неужели так бывает?
– Ты, наверное, лучше знаешь, – задумчиво сказала она. – А как это – «не совсем человек»? Тебя изменили, но не до конца?
– Всё сложно, – уклонился я.
Оля размышляла. Потом сказала:
– На самом деле я не то чтоб хочу с тобой секса. Я подумала: вдруг, если у нас с тобой что-то будет, ты мне поможешь?
– В чем?
– Ну… я могу пройти Изменение?
– Зачем оно тебе? – спросил я. – Ты что, не понимаешь, что станешь жницей или стражей?
– Мне надо стражей.
– Зачем? – повторил я. В голове мелькнула сумасшедшая мысль: мелкую девчонку все вечно обижали, у нее возник комплекс, и она хочет стать большой и страшной.
– Не слыхал, что стражей тайно отправляют с Земли на другие планеты? – понизив голос, спросила она.
– Ну… что-то слыхал, – ушел я от прямого ответа. – Так их вряд ли отправляют цветочки нюхать. На то они и стражи, верно? Или ты прям хочешь воевать?
Оля как-то обмякла, пожала плечиками.
– Да нет, не хочу. Но… это что-то, понимаешь? Что я тут забыла? Сидеть на Земле всю жизнь, замуж выйти, детей родить, помереть… Тоска.
– Люди тысячи лет так сидели.
– Потому что когда жрать нечего, то думаешь только о жратве! А сейчас с голода никто не умирает. Просто… – Она беспомощно развела руками. – Просто иначе зачем, зачем всё? Хочется какого-то челленджа…
Я ее понял. Неожиданно для самого себя. И мне вдруг стало ее жалко.
– Сколько тебе лет? – спросил я. – Только честно!
– Двадцать два…
– Не выйдет. Мутагены в таком возрасте не работают. Иначе бы в Гнезда и кого постарше забирали, верно?

– Блинский блин… – Оля махнула рукой. – Точно?
Я кивнул.
– Думала, может, врут… – Она вздохнула. – Купишь мне пива?
В общем, мы с ней тусовались часов до пяти, когда стали расходиться последние поэты и слушатели. Я несколько раз покупал ей пиво, она достала еще одну самокрутку.
Я никакого кайфа не поймал, может, трава у нее была фиговая… а может быть, мой организм перестал на нее реагировать? Я ведь выпил еще один стакан коктейля и не почувствовал совершенно ничего.
Оля несколько раз выходила и читала стихи. Не очень хорошие. И по разговору она мне показалась… ну, не глупой, нет, скорее скучноватой. Но все-таки мы поболтали о разном, даже поцеловались на балконе – ничего больше, только поцелуи. Просто от нечего делать.
А потом я проводил ее до метро (это заняло двадцать секунд) и пошел пешком в Комок. Удивительно, но никакого полицейского усиления, несмотря на вчерашний вечер, я на улице не наблюдал.

Я люблю утреннюю Москву. Раньше, хоть я сам уже и плохо помню, столица вообще ни на час не замирала. Отец любил повторять, что таких городов в мире единицы, а в России – так и вообще один, даже Питер под утро засыпает.
Теперь Москва тоже засыпала, а в пять только-только начинала оживать. Прохожие были редкостью, машины тем более. Кое-где встречалась молодежь, расходящаяся со вписок, несколько собачников выгуливали своих псов.
Наверное, если жизнь будет идти своим чередом, постепенно всё наладится. Люди вернутся в крупные города, снова станут рвать жилы за право поселиться в Москве. Оживут ночные клубы и бары, станет совсем уж безопасно. Люди ведь ко всему привыкают, и не всем хочется странностей, вроде медсестры Оли.
Вот мне не хочется, к примеру. Я обычный.
Я даже рассмеялся при этой мысли. Мне странностей не хочется? Месяц назад не хотелось, а сейчас? Это я-то обычный? И дело даже не в том, что Призыв чего-то там изменил в моих генах. Самое главное изменилось в мозгах. И Призыв ни при чем, тут я сам, всё сам…
Словно пытаясь доказать себе, что ничего особенно и не изменилось, я достал зеркалки и половину пути прошел в них, поглядывая то под ноги, то по сторонам. Утро – хорошее время для серча, почти как вечер, и я действительно нашел кристалл возле остановки – вполне приличный пятигранный гринк, валяющийся под скамейкой.
Я постоял, глядя на зеленую искорку.
Эмоции. Как человеческие эмоции могут переходить в материальную форму? И для чего они все же нужны? Продавцы ловят от них кайф, испытывая те же чувства, что и люди, вроде бы так. А остальные? Тоже? Мы стали производителями наркотиков? Или для других разумных кристаллы значат что-то другое?
И что породило этот гринк? Вряд ли радость, я почему-то не мог соотнести зеленый цвет с радостью. Тоска? Она ведь не зря называется зеленой? Вожделение? Скука?
Мне стало противно.
Гринк я все же подобрал, согрел в руке и спрятал в пакетик. Деньгами не разбрасываются, даже если они грязные.
Но очки после этого снял и пошел дальше, уже не выискивая кристаллы.
У Комка никого не было. Я толкнул дверь, вошел.
Продавца за прилавком не оказалось.
На мгновение я представил, как он лежит за занавесью, с каким-нибудь топором или ледорубом в металлическом теле, в луже синей жижи.
Вот был бы облом!
– Эй! – выкрикнул я. – Тут… есть кто-нибудь?
Штора колыхнулась, и появилась внушительная фигура.
– Конечно, Макс, – мягко сказал Продавец. – Подумали дурное?
– Да, – признался я.
– Всё в порядке, я жив. Пришли за своим заказом?
– Понимаю, что рано, – кивнул я. – Можно тут посидеть?
– Конечно, – ответил Продавец. Тонкие красные губы шевелились в просвете капюшона, и, если не знать того, что знал я, так легко было подумать, будто я говорю с человеком.
Вначале я хотел сесть на пол, но потом подпрыгнул и уселся на барьер, свесив ноги. Будто ребенок, которого уставшая мать посадила на прилавок.
– Могли бы попросить стул, – укоризненно сказал Продавец.

– Денег жалко, – ответил я. – Так посижу.
– А, впрочем… – Продавец вдруг ловко вытянулся – будто у него удлинились ноги, и сел на прилавок со своей стороны. – Я вижу, вы хотите поговорить. Я тоже хочу.
Это было необычно.
– Спрашивайте, – предложил я.
– Почему вы не принесли кристалл мне?
Слово «кристалл» он произнес так отчетливо, так его выделил интонацией, что сразу было понятно – речь об особом, многоцветном.
– Обиделся на вас, – признался я. – Ну и… синтезатор же был занят.
– Логично, – согласился Продавец. – Но зря обижаетесь. Я расположен к людям вообще и к вам в частности.
– Все равно кристалл бы вам не достался, – сказал я.
– Ха-ха, – ответил Продавец, будто робот из детского мультика. – Утешили. Хоть подержал бы в руках, это большая редкость, раз в несколько лет находят.
Почему-то я расстроился.
– Так он не уникален?
– Уникален, как любая редкая вещь. Кристаллы возникают в момент ярких эмоций, понимаешь? Страх, самопожертвование, зависть, похоть, тоска, восторг, удивление – всё это порождает кристалл. Так уж мы сделали.
– Вы?
– Конечно. Наша технология, которой все пользуются… Две-три эмоции могут достичь пика одновременно. Секс, к примеру, хорошо сочетается и со страхом, и с восторгом, и с удивлением… да с чем угодно. Тоска и восторг – сочетание редчайшее, но порой возникает. Но вот сразу всё, одновременно… представляешь, как редко вспыхивает весь спектр базовых эмоций? Как правило, это результат не банальных человеческих переживаний, а рождения нового смысла, способного изменить мир!
– Возможно, – сказал я. – Уничтожение толпы Слуг считается за изменение мира?
– Ха-ха! – Продавец похлопал меня по спине. – Завидую. Вы пережили серьезное потрясение, юноша.
– Понимаю, для чего они вам, – сказал я. – А тем, кому продаете?
– Практически для того же. Чужой эмоциональный опыт порождает собственные чувства. Кто-то использует приспособления, считывающие эмоции с кристаллов. Кто-то их потребляет напрямую. Даже простые кристаллы способны стимулировать новые смыслы. Едкая зависть паренька, глядящего на богатого и красивого сверстника, в ином мире может породить философскую концепцию или новую технологию. Что уж говорить о кристаллах, вобравших в себя гениальное открытие или творческое озарение? Это концентрированный смысл!
Я засмеялся.
Я вдруг представил это себе. Какой-нибудь Сережка с Большой Бронной облизнулся, глядя на пышные телеса чужой подруги, а в другом мире чешуйчатый ящер испытал его зависть и придумал двигатель для космического корабля.
Или написал научный трактат.
И эта смесь похоти и зависти может оказаться столь же ценна, как восторг ученого, открывшего новую элементарную частицу!
– Почему вы смеетесь? – обиженно спросил Продавец. – У вас для этого есть множество суррогатов. Книги, музыка, фильмы. Творец создает эмоциональный заряд, и тот отзывается в других людях, порой самым неожиданным образом. Теперь вы все творцы! И мы вам не вредим!
Я продолжал хохотать.
– Кристаллы даже помогают людям, – добавил Продавец. – Снимают эмоциональное напряжение.
У меня возникло сравнение, которое я озвучивать не стал, но захихикал совсем уж мерзко.
– Смешные вы, люди, – вздохнул Продавец. – Но ты понимаешь, что мы вам не враги? Мы никому не враги, все цивилизации пользуются нашими услугами, чтобы быстрее возвыситься.
– А вы хорошо устроились! – похвалил я.
– Да, – сказал Продавец с гордостью. – Это был интересный смысл, мы использовали его раньше, чем он был похищен. Теперь мы единственные, кто не вмешивается в галактические войны и не эксплуатирует отсталые цивилизации.
– Странно как-то, – сказал я. – У нас в фантастике всё иначе было.
– Как? – спросил Продавец с иронией. – Прилетели, завоевали планету и стали там жить? Зачем? Любая планета при правильном использовании позволяет жить сотне

миллиардов особей, к чему страдать, привыкая к чужой? Возить ресурсы из других миров? Неразумно. Чужие миры надо контролировать, а не завоевывать. Для этого нужны бойцы, разумные существа, но их тоже не требуется слишком много. Сотня-другая бойцов с высокими технологиями – и греби с планеты смыслы!
– Смыслы, смыслы… – Я махнул рукой. – Заладили одно и то же! Вся возня в Галактике – ради идей…
– А для чего? Гонять по космосу на кораблях и палить друг в друга? Пиу-пиу-пиу! – Продавец снова похлопал меня по спине. – Не обижайтесь, я люблю земную культуру. Обожаю «Марвел» и «Дисней». Еще я люблю японскую мультипликацию…
– Ладно, – сказал я. – Убедили! Теперь говорите.
– Что?
– Что сказать хотели, – терпеливо пояснил я. – Я рад просто поболтать, но вы ведь о чем-то серьезном собираетесь говорить?
– Ха, – Продавец помолчал. – Вы правы. Меня тревожит происходящее. Вы участвовали в нападении на Слуг этим вечером?
– Да. По просьбе Прежнего.
– Это очень странно, – Продавец шумно вздохнул. – Я пытаюсь понять логику Ивана – и не вижу ее.
– А что тут странного? – не понял я. – Он взял Кандидатом женщину, та снюхалась со Слугами и замутила мятеж. Добыла у вашего… покойного коллеги… лекарство, убравшее у Слуг преданность Прежним. Так? То есть Иван обделался, проглядел опасную ситуацию. Вот и решил зачистить Слуг нашими руками…
– Он так сам сказал?
Я кивнул.
– Прежний, – протянул Продавец задумчиво. – Простите, юноша. Мы говорим об одном и том же существе? Прожившем почти тысячу лет, видоизменяясь и развиваясь? Являющемся не модернизированным биологическим объектом, как Слуги или Измененные, не киборгом с воссозданным на атомарном уровне сознанием, как мы, а чем-то совсем иным? Тонкой волновой структурой, существующей частично вне нашего пространства, к примеру? Если вам нужна понятная аналогия… – Продавец поскреб пальцем подбородок. – Хм… Ну, представьте себе актера, выступающего на сцене. И телевизор, по которому показывают выступление. Очень хорошо показывают, с прекрасным объемным звуком и великолепным изображением, ярким, цветным и объемным. Так вот, Прежний – это тот самый актер. А Иван, с которым вы разговариваете, лишь его изображение в телевизоре.
Я молчал.
– Он, конечно, не столь крут, как Высший, – продолжал Продавец. – Прежний не может существовать вне материального мира, и даже суть его еще материальна. Это не кварк-глюонная плазма при планковской температуре, он имеет понятную вещественную основу… но Иван – это лишь проекция. Эффектор… уж если совсем упрощать… Продавец поднял руку, широкий рукав соскользнул, обнажая человеческую кисть, насаженную на металлический стержень.
– Вот что он такое, – сказал Продавец, сжимая и разжимая пальцы. – Кукла. Можно еще привести в пример Гнездо, оно тоже сочетает обязательные, но заменимые биологические элементы и волновые структуры…
– Я понял, – сказал я. – Ну и что?
– Что? – поразился Продавец. Повернулся, приблизил лицо к моему лицу. На меня дохнуло его странным запахом. – Вы полагаете, подобный разум способен был упустить предательство Кандидата и заговор Слуг?
– Но он же…
– Сказал вам, что пропустил? Ха-ха.
Продавец нагнулся, достал из-под прилавка вазочку с яркими дешевыми конфетами. Точно такую же, как была в другом Комке у мертвого Продавца.
– Будете?
– Нет, – мрачно ответил я.
– Таким образом я завуалировано показываю вам…
– Что считаете ребенком, – сказал я. – Понял. Так зачем Иван меня обманывал?
– Я и пытаюсь понять! – воскликнул Продавец. – Допустим, Иван сознательно проглядел заговор Слуг. Они бы прихлопнули Инсека, Иван зачистил их – и всё, контроль над Землей снова у Прежних, договор они не нарушили. Форс-мажор. Но это очень сложный и, не побоюсь сказать, наивный замысел! Инсек ведь не просто огромный муравей в поврежденном корабле.
– Он тоже… не просто биологическое существо?

– Тоже, – подтвердил Продавец. – Другие принципы расширения сущности, чем у Прежних, но… Однако речь о другом. Чего он на самом деле хотел, посылая на уничтожение Слуг обычных людей?
– Чтобы мы погибли? – спросил я. – Он не может сам нас тронуть, а мы ему мешали. Надеялся, что Слуги нас прикончат.
– Возможно, – сказал Продавец, помедлив. – В этом есть логика, но… но… слишком просто. Слишком незатейливо даже для существа моего возраста и опыта.
Он вытянул ноги (металл клацнул о пол), шагнул за полог. Вернулся через минуту и протянул мне пластиковый контейнер, похожий на коробку для завтрака, и еще один, покрупнее.
– В маленьком контейнере возвратный мутаген. В большом – заказ для Гнезда. Вы ведь туда собираетесь?
Я взял коробку, посмотрел в лицо Продавцу.
На моей он стороне?
И да, и нет. Сейчас скорее на моей. Но по большому счету – сам за себя. И за своих сородичей.
Все-таки я сказал:
– Спасибо. Как бы и что бы дальше ни сложилось.
Продавец кивнул:
– Не верьте Ивану. Когда большие игроки делают ставки, люди – лишь разменная фишка.
– А вам верить? – спросил я.
– Мне тоже не верьте. Даже себе не верьте. Но в первую очередь – не верьте Прежнему. Попытайтесь понять игру, которую он ведет. Что ему на самом деле требуется.
– Спасибо, – повторил я.
– Пакетик нужен? Бесплатно, как постоянному клиенту.
Я взял из рук Продавца черный пластиковый пакет, положил в него контейнеры.
И вышел из Комка.

Глава седьмая

Автомобиль стоял на углу Большого и Малого Гнездниковского, стоял нагло, у самого перекрестка, хотя там парковаться нельзя. Большой, черный, дорогой. Точнее, очень большой, очень черный, очень дорогой – я даже ни секунды не засомневался, кто в нем. Уверен, что у нынешней министра культуры машина не такая крутая.
Впрочем, тут даже слово «автомобиль» плохо подходило. Хотелось назвать его старомодно и торжественно – «лимузин», к примеру.
Я подошел к задней двери и постучал пальцем в темное зеркальное стекло. Постучал – и вдруг поймал себя на том, что вижу сквозь него. Иван сидел на заднем сиденье с бокалом в руках, сидел и с любопытством смотрел на меня.
Стекло опустилось.
– Забирайся, – сказал Иван весело. Почувствовал, что колеблюсь, и добавил: – Не бойся, всё хорошо. Не обижу.
– Мне мама с детства не велит в чужие машины садиться, – буркнул я.
Но открыл дверь и сел, конечно. Пакет поставил себе под ноги и крепко зажал коленями.
Тут было очень просторно. Сиденье – как кожаный диван, с широченными деревянными подлокотниками. Автомобиль то ли крутой и старый, то ли крутой и косящий под старину.
Водителя, широкоплечего и короткостриженого, от салона отделяла стеклянная перегородка, я такое видел только в кино. Сиденье рядом с ним пустовало. Ну да, зачем Прежнему охрана?
Иван небрежно нажал какую-то кнопку на подлокотнике, и стеклянная перегородка потемнела.
– Будешь виски?
– Не пью.
– Правильно, – сказал Иван. – Хороший мальчик. Никогда не пей, пьянство выдумали рептилоиды, чтобы дурманить людей.
Впечатление было такое, словно он навеселе. Я вот, похоже, теперь не смогу этого ощущения испытать. Раньше становилось противно, теперь алкоголь не берет.
– Мы выполнили… задание, – сказал я.

– Знаю, конечно же, – Иван кивнул. – Молодцы! Всего одна боевая потеря на такую толпу… Скажи, где вы раздобыли многоцветный кристалл?
– Нашел, – ответил я без подробностей.
– В любом случае это был оригинальный ход, – одобрил Иван. – Уничтожить такую толпу Слуг очень сложно. Проще на время вернуть им совесть и предоставить себе.
– На время?
– Конечно. Через полчаса они были бы в норме. Но… не сложилось. Внезапно вспомнить всё содеянное, все подлости, жестокости, убийства – это ужасно. Мы никогда не отключаем эмоции.
– И ничего? – полюбопытствовал я. – Жить не мешает?
– Нет. Со временем понимаешь, что человеческая жизнь стоит немного… Да знаешь, большинство людей и не стоит сожаления! Дай им силу и безнаказанность – такое начнут воротить! Поначалу – с оглядкой, осторожно. Согрешат, помолятся… попереживают… А потом вперед, во все тяжкие. Сверхчеловеки, как они о себе думают…
Он рассмеялся.
– Нас ищут? – спросил я.
– Кто? Зачем?
– Ну… полиция… мы ведь на камерах засветились.
– Не бойся, – Иван улыбнулся. – Я всё замял.
– Смерть полусотни известных людей?
– Они в большинстве своем старенькие, – Иван усмехнулся. – Те, кому хочется признания и славы, вынуждены стареть. Это потом они омолаживаются, притворяются собственными детьми и внуками… думаешь, почему так много «творческих династий»? Так что мы размажем их гибель на два-три месяца. Чью-то смерть и не заметят, о ком-то вздохнут старенькие поклонницы и поклонники. Молодежи эти имена вообще мало что скажут. Был бы Интернет – мог бы возникнуть шум, но Интернета нет, и это помогает.
– Но сотрудники музея, полиция…
– У них своя версия. Закрытый клуб творческих людей занимался оргиями и употреблениями наркоты… кстати, в чем-то близко к истине! Приняли новый синтетический наркотик, и что-то пошло не так – агрессия, депрессия, суицидальные настроения. Скандал решено замять.
– Лихачев никогда не поверит.
– Ему и его ребятам чуть больше правды, – Иван улыбнулся. – Почти вся. Собравшиеся на встречу баловались мутагенами Инсеков в надежде обрести бессмертие и стать сверхлюдьми. Приняли новый мутаген…
– И что-то пошло не так.
– Верно! Дозирование информации, дорогой Максим, – ключ к успеху. Толпа удовлетворится тем фактом, что богатые и знаменитые тоже смертны. Коллеги, завидующие им, радостно примут новость о распутных наркоманах. Полиция получит историю, которой так же поверит безоговорочно, – ибо полицейские хорошо знают людей и не питают иллюзий на их счет.
– Так что, никаких проблем мне не ждать? – осторожно уточнил я. – Со стороны органов?
– Разве что внутренних, но ты еще молод и крепок!
Да, Иван точно был навеселе. Может, и не от выпивки. Может быть, он просто слишком доволен произошедшим.
– Спасибо, – сказал я, подумав. – Тогда я могу идти?
– Конечно!
– Когда вы вернете сына Виталия?
– Кому? – Иван нахмурился, поставил бокал на откидной столик.
Мне будто под дых дали.
– Виталию Антоновичу!
– Погоди… Макс, но ведь Виталий погиб! Как я могу вернуть ему ребенка? Ты же не предлагаешь… о, Господи… не предлагаешь же ты его убить, чтобы он воссоединился с отцом?
Иван замотал головой.
– Он погиб, спасая сына! – воскликнул я. – Чтобы вы вернули его на Землю и сделали человеком!
– Разумеется! – Иван нахмурился. – Но он погиб! Я не могу его воскресить. И кому нам возвращать несчастного мальчика? Он и без того достаточно слаб интеллектуально и эмоционально, по сути – начал себя осознавать, лишь пройдя Изменение. Для него

вернуться в прежний облик – уже шок. А оказаться на Земле? Без единого знакомого и любящего человека рядом?
Я смотрел на Ивана и не мог понять, всерьез он это говорит или издевается надо мной.
– Но… вы же обещали!
– Обещал. Потому что Виталий Антонович очень переживал за ребенка и жизнь бы положил на его адаптацию к обществу. Кому его прикажешь отдать?
– Матери!
– Она не поверит, что это ее сын, не возьмет к себе и уж точно не станет класть жизнь на его воспитание. У нее другой муж, чудесная маленькая дочка, прежнюю жизнь она хочет забыть, как страшный сон. И тут вдруг являюсь я! С орущим перепуганным мальчиком, который только что в ином мире был огромным сильным бойцом, а тут стал сопливым десятилеткой! Он ложкой и вилкой пользоваться не умеет, зато обучен убивать. И я его вручаю несчастной женщине? Держите, бывший муж велел передать!
Если в первые секунды мне казалось, что Иван откровенно надо мной издевается, то теперь я не знал, что и думать.
– Может, тебе его доставить? – Иван ухмыльнулся. – Возьмешь под опеку диковатого ребенка? Справишься? Это ведь даже не из детдома дите усыновить, это как Маугли из джунглей забрать!
Я невольно помотал головой.
– Можно отдать в Гнездо, – размышлял вслух Иван. – Но там ему снова введут мутаген, люди в Гнезде не живут. В чем тогда смысл? Можно отдать ученым. На опыты. Поверь, ученые будут счастливы! Но того ли хотел Виталий? Так что, Макс? Говори, кому – доставлю! Подчеркну, это сложно, мне придется вести переговоры с Продавцами. Но доставлю! Обещал! Только скажи, кто с ним тут будет возиться? Кто ответит, если он покончит с собой или прибьет кого-то?
Я молчал.
– Не надо подозревать меня в мелком жульничестве, – Иван вздохнул, открыл дверцу маленького бара, встроенного в перегородку лимузина. Там, как я и ожидал, обнаружился хрустальный графинчик, из которого Иван плеснул в бокал темно-желтого напитка. – Я выше таких глупостей. Придумаешь, куда девать парня, – доставлю на Землю. Если он еще жив, конечно. Там, знаешь ли, идут бои. Минимум на полусотне планет. Наши сражаются с Инсеками…
– Наши сражаются с нашими!
– Можно и так сказать, – Иван кивнул. – Ну что? Не смею задерживать. Спасибо за работу, Макс. Был момент, когда ты меня раздражал, признаюсь. Но теперь я рад, что ты жив и здоров.
Я недоуменно смотрел на него. Конечно, я понимаю, что для него врать – как дышать. И все-таки казалось, что он сейчас говорит абсолютно искренне.
– Ладно, – сказал я. – Тогда пойду?
– Иди. Вижу, ты к своей маленькой жнице с гостинцами из Комка?
– Да, – сказал я, насторожившись.
– Хорошо, – он опять усмехнулся, пригубил виски. – Иди, иди, Макс. Я знаю, что ты выпросил у Продавца.
Я молчал.
– Никаких претензий, – Иван кивнул. – Понимаю тебя и буду с живейшим интересом следить за развитием событий.
– Зачем вы послали нас убивать Слуг? – резко спросил я. – Вы обещали рассказать.
– Я же объяснил.
– Никогда не поверю, что вы не могли сами их прихлопнуть! – Я разозлился. – А послали нас! Почти на верную смерть!
– Неправда, я в вас верил, – обиделся Иван. Помолчал. Потом добавил: – Хорошо. Мог. Но представь себе, мне хотелось, чтобы этих возомнивших о себе засранцев убили обычные люди, которых они так презирают! А еще мне хотелось сделать для вас что-то хорошее. Вернуть Виталию ребенка. Но не в моих правилах совершать благодеяния просто так, надо было что-то получить взамен.
Точно так же, как минуту назад я почувствовал, что Иван не врет, сейчас я понял обратное – это ложь. Точнее, мелкая и не значащая ничего часть правды.
Интересно, это я сам стал таким умным, или Призыв так влияет?
– Спасибо, – сказал я. – Ну, пойду я.
– Придумаешь, кому нужно дите, – сообщи, – благодушно сказал Иван вслед.
Дверь машины открылась, никто меня не задерживал. Я вылез, крепко сжимая пакет, на всякий случай заглянул – да, контейнеры на месте. Пошел к Гнезду, чувствуя спиной взгляд Ивана. Черный лимузин так и остался стоять.

Что же он задумал?
Развернувшись, я бросился назад, к машине. Вновь постучал в стекло костяшками пальцев, и оно уползло вниз.
– Иван… – Я запнулся, глядя на него. Но Прежний смотрел ободряюще, и я собрался с духом. – Вы еще обещали рассказать мне про себя. Про то, кто вы такие, чего хотите… сделать меня Кандидатом. И Дарину.
– Но я предупреждал, что если откажешься, то я сотру тебе память о разговоре, – напомнил Иван.
– Да. Но так вышло… в общем, я все равно уже не совсем человек… Расскажите.
– Макс, погляди на часы.
Я посмотрел.
Что-то не то. В Комок я зашел в начале седьмого. Сейчас было почти девять.
– Я уже рассказал, Макс. Только что.
– И я не согласился?
Иван покачал головой:
– Не согласился. Я тебе больше скажу, Макс. Я дважды рассказывал о нас. Первый раз – когда ты спросил: «Откуда мне знать, быть может, вы уже рассказали». Помнишь? Ты молодец, сразу сообразил. Могу рассказать и третий раз, но зачем?
На губах Ивана появилась улыбка, и стекло поползло вверх.
Я отступил на шаг.
Нет, я не удивился.
На самом деле я знал, что он скажет.
Машина продолжала стоять, будто Иван и в самом деле готов был в третий раз поведать мне правду, которую я не приму.

Я дошагал до здания министерства, по-прежнему ощущая, что за мной наблюдают.
С одной стороны – можно было порадоваться. Нас не будут преследовать за случившееся в музее. И даже сына Виталия Антоновича, за которого он погиб, я вроде бы отстоял… только придумать надо, куда его девать. Продавец тоже честно расплатился, у меня возвратный мутаген, а значит… значит, сейчас я найду Дарину, мы помиримся после дурацкой ночной ссоры, и она станет человеком.
Я не стану Кандидатом.
Но – не очень-то и хотелось.
Я останусь не совсем человеком.
Но – плевать.
Зато у меня зрение стало как у орла.
На входе в Гнездо стояла Же. Во всяком случае мне показалось, что это она.
– Привет, – сказал я.
Стража переступила с ноги на ногу. Что-то ее тревожило.
– Я могу войти? – спросил я на всякий случай.
– Можешь. Ты был призван.
Стража вновь затопталась на месте.
В туалет хочет, что ли?
– Тебе надо отойти? – спросил я.
– Нет. Да. Ты идешь говорить с Дариной?
– Хотелось бы, – вздохнул я.
Не знаю, сколько лет Же, но она казалась мне похожей на очень застенчивую маленькую девочку, которая говорит, уткнув взгляд в пол. Несмотря на здоровенный рост, устрашающую внешность и внимательный взгляд…
– Скажи ей, что вечером мы уйдем.
– Кто уйдет?
Же снова затопталась на месте.
– Я. Стража Валя. Стража Па. Стража Петя Семенов.
Трех других стражей, пришедших в Гнездо «в командировку», я знал хуже, у двери они стояли редко. Петя Семенов… ну надо же. Я подумал, что это совсем маленький мальчик, вытвердивший назубок имя и фамилию, раз он ими пользовался и став стражей.
Но Же продолжала:
– Жница Ваня. Жница Роман.
– То есть вы все уйдете? – уточнил я.
– Да.

– Хорошо, передам… – Я пожал плечами. Да, было понятно, что выделенные на время Измененные вернутся в свое Гнездо, самое большое в Москве. Но не рано ли? Сколько сейчас тут Измененных? Десяток куколок… – Дарина знает?
– Нет.
– Ты хочешь, чтобы я передал ей?
– Да.
– Почему не сама? – Я даже не сообразил, что принялся допрашивать стражу.
– Не хочу это говорить.
Вот так номер!
До меня стало доходить. Медленно, но верно.
– Вы должны были дольше здесь оставаться?
– Пока не появятся четыре стражи, две жницы, монах, хранитель, мать. Это минимум Гнезда.
– Так почему вы уходите? – спросил я.
– Мать велела.
Ясно. Приказ матери Гнезда – закон для Измененных. Хоть они и жили тут, но принадлежат к Раменскому Гнезду.
– Лады, – сказал я. – Ну… рад был познакомиться. Всего хорошего, Же.
Стража кивнула. Спросила с легкой надеждой:
– Может быть, ты придешь днем? Поиграем снова?
Я наморщил лоб. Снова? С кем из стражи я играл?
– А! – воскликнул я, вспоминая. – Мы играли в вопросы! Когда я в первый раз пришел к вашему Гнезду!
– Да, – Же улыбнулась. У стражи это выглядит жутковато, но она явно старалась. – Мне понравилось играть с людьми. Ты не совсем человек, теперь я понимаю. Но все равно.
Я кивнул:
– Приду. Извини, что сразу не узнал.
– Мы все похожие, – ответила Же.
Изменение у стражи стирает индивидуальные черты лица. Жницы все-таки разные, монахи тоже. А стражи… они как штурмовики из фильмов про «звездные войны». Только штурмовики были клонами одного человека.
– Вы разные, – сказал я. – Все-таки разные. Хорошо, я передам Дарине… когда вы уйдете?
– В полночь. Нам приказано уйти сегодня, мы уйдем в полночь.
Я нахмурился.
Это мне не нравилось. Выглядело так, будто пришедшие на подмогу Измененные не хотели выполнять приказ матери и саботировали его в меру возможного.
– Почему вы не скажете сами? – спросил я в лоб. – Почему ты не хочешь говорить с Дариной?
– Нам стыдно, – ответила Же.
Вот теперь мне стало совсем не по себе.
Я кивнул и пошел внутрь Гнезда.
Потом я сообразил, что есть еще одна странность.
Я чувствовал Гнездо… но очень слабо. Будто оно притихло.
Словно входишь в спокойную воду температуры своего тела. Она не обжигает холодом, не согревает, она есть вокруг, но ее не ощущаешь.
«Эй, – позвал я. – Мы в ссоре?»
Вначале ничего не происходило.
Потом я ощутил ответ.
Печаль, сожаление, сочувствие… и легкая настороженность.
Я оставался частью Гнезда, я был здесь своим. Но что-то случилось, и Гнездо меня… боялось?
«Это из-за Дарины?»
Ответом было недоумение.
Гнездо либо не знало о нашей размолвке, либо не считало ее заслуживающей внимания.
Я оставил попытки разговорить Гнездо и торопливо пошел в комнату Дарины. Стукнул в дверь, заглянул.
Пусто. Раскиданы матрасы-подушки-одеяла, пахнет влагой и теплом, тускло светит не выключенная лампочка.
Интересно, а кому идут счета за электричество?
Государству?

Скорее всего там, наверху, прекрасно знают, куда деваются дети из Гнезд. Знают, что Земля платила дань прежним хозяевам, а теперь платит новым. И кто такой Иван, наверное, знают.
Ну и ладно.
Я подумал, что всего пару дней назад меня бы это разозлило, обидело и расстроило. Это потому, что я считал себя частью своей страны, частью всего человечества. Одной из миллиардов клеточек мирового организма.
Теперь я знаю, что я другой.
И это нелепое здание, обросшее белесым мочалом, влажное и прелое, в котором брошенные дети превращаются в бойцов для чужих войн, – мой настоящий дом. Дарина, Наська, куколки – это моя семья. Гнездо – моя память, мое прошлое и будущее. Я навсегда отпечатан в нем, в «волновых структурах», я говорю с ним как с самим собой, я верю ему и защищаю его.
Может быть, потому я и не принял предложение Прежнего?
Я прикрыл дверь. Постоял, ожидая чего-то.
И сказал:
– Ладно, хватит. Я всё осознал. Отведи меня к Дарине.
Гнездо недоверчиво коснулось меня.
– Уймись, – сказал я. – Что-то близится, я знаю. Что-то очень плохое. Веди.
И Гнездо открылось. Я почувствовал, куда идти.

В старые времена это был зал для совещаний. Огромный овальный стол, хорошие кожаные кресла. На стене – большущий экран, обычный, человеческий, и проектор с другой стороны зала. Свет, конечно, был притушен, окна либо закрыты, либо густо обросли серой паутиной. Проектор работал, на экране застыло изображение стражи – в боевой трансформации, с удлинившимися руками и выдвинутыми когтями.
Теперь это был учебный класс.
За столом сидели куколки. Наськи я не увидел, но все остальные, похоже, собрались тут. Большей частью куколки были такие мелкие, что забрались в кресла с ногами. Только у троих, похоже, началась финальная фаза – они вытянулись ростом почти с меня, тощие и нескладные, будто подростки. Судя по пропорциям тела, изменялись они не в жниц, в стражу. А одна была явно старше других, и лицо еще оставалось совсем человеческим, лицом юной девушки. Та самая, про которую говорила Дарина? Прыгнувшая с балкона, чтобы ее отдали в Гнездо?
На столе перед Измененными лежали какие-то брошюры, исписанные листы бумаги и оружие.
В основном это были какие-то необычно выглядящие автоматы, совсем небольшие, с магазином сверху ствола. Только перед будущей стражей лежали автоматы побольше размером и более привычного вида.
Дарина стояла у экрана. Когда я вошел, она очень спокойно на меня посмотрела, едва заметно кивнула. И продолжила – куколки очень внимательно ее слушали:
– Слабой зоной стражи, помимо суставов на нижних и верхних конечностях, является сочленение четвертой и пятой реберных пластин…
Она вытянула руку с лазерной указкой и провела красным лучом по застывшему изображению стражи.
– Поражение этой зоны приведет к травме левого или правого сердца, регенерация которых занимает до часа времени и серьезно снижает боеспособность. Пробитие грудины вызовет повреждение сосудистого узла… но пробить грудину пулей крайне сложно.
Куколки внимательно слушали.
– Пищеварительный комплекс не является жизненно важным, но обильная иннервация и кровоснабжение этой зоны делают его уязвимым…
– Дарина, а у нас как долго регенерирует сердце? – спросила одна из куколок. Я узнал – тот самый мальчик, с которым я столкнулся в душе.
– У вас правое сердце еще не развито, – ответила Дарина. – При поражении левого вы впадете в кому на несколько часов.
Она помолчала, глядя на меня. Я стоял тихо, ничего не говоря.
– Основным оружием будет пистолет-пулемет «эф-эн пэ-девяносто». Мы его называем «швея». Недостатков у него хватает, но есть и большое достоинство…
– Выглядит круто, – сказала одна из будущих стражей.
Куколки захихикали.
– Это тоже, – согласилась Дарина. – Но важнее другое – у него относительно низкая отдача. Вы сильные, но легкие… Так, я выйду на несколько минут. Не шуметь. Изучите

конспекты и постарайтесь сами найти третью и четвертую уязвимые зоны на теле стражи.
Она прошла через зал, я вышел за дверь, Дарина вслед за мной. На меня поглядывали, но без удивления или интереса. Как на своего.
– У меня мало времени, – сказала Дарина. Помолчала и добавила: – Хорошо, что мы вчера… что я ушла рано.
– Мы поругались, – заметил я. – Ты ушла, потому что мы поругались.
Дарина пожала плечами.
– Я была не права.
– Это уже не имеет значения, – сказал я. – Так мне кажется.
Дарина снова дернула плечами. С вызовом произнесла:
– У меня тоже два сердца, как у стражи.
– Будто я не знаю.
– И…
– Одно из них человеческое.
– Максим, ты не обязан… – У нее задрожали губы.
– Стражи и жницы из Раменского Гнезда уйдут в полночь. Же просила передать.
Дарина обмякла. Подалась ко мне, потом отстранилась.
– Я не хочу ничего рассказывать…
– И так всё понял.
Я поставил дурацкий черный пакет с мутагенами к стене и обнял Дарину. Сказал:
– Мы вместе. Ясно? Что бы ни было – вместе.

Глава восьмая

Не знаю, как и что мы успели бы обговорить, – Дарина была на нервах, она явно рвалась обратно, в импровизированный класс. Но я услышал шепот Гнезда, повернулся и увидел жницу.
Одну из тех двоих, что пришли из большого Гнезда.
Эта жница была юношей. В прежней, еще человеческой жизни. Лица у них все равно становятся мягче, и никаких усов и бород не растет, они похожи на парней из японского аниме. Но у этой кадык все равно остался чуть-чуть заметен. И по возрасту, мне кажется, жница была мне сверстником. Значит, парень прошел Изменение одним из первых.
– Дарина, – мягко сказала жница. – Макс…
Я с ней (или все-таки с ним?) толком не разговаривал. Несколько раз видел, кивал, однажды парой слов обменялись. Даже имени его не знал.
– Ваня, я очень занята, – ответила Дарина.
Мне стало приятно, что его зовут так же, как Прежнего. Обидно, когда старинное хорошее имя носит только самодовольный нелюдь.
– Я понимаю, Дарина, – сказала жница. – У тебя много дел. Давай я подменю?
Дарина замялась.
– Стражи каждого Гнезда имеют небольшие различия, – мягко продолжил Ваня. – У наших есть специфические уязвимости.
Я почувствовал, как плечи Дарины напряглись под моими руками.
– Это ничего не изменит, но… – Жница замолчала.
– Ты будешь учить куколок убивать ваших стражей? – спросила Дарина недоверчиво.
– Сейчас они мои куколки, – сказала жница. Помедлила. – Да, я буду их учить.
Не знаю, как бы я поступил на месте Дарины. Но я все-таки не Измененный.
– Спасибо, – сказала Дарина. – Тогда мы уйдем.
И мы ушли.
А жница Раменского Гнезда пошла в класс.

В кафетерии стоял леденящий холод. Кондиционеры шарашили на полную мощность, и я подумал, что кто-то ведь должен был ими заниматься все годы после Перемены. Чистить фильтры как минимум.
Кто-то из жниц, наверное. Они и учителя, и обслуга.
Дарина готовила кофе. Не в автомате, в маленьком ярко-красном кофейнике. Залила туда воду, в ситечко насыпала молотый кофе, скрутила две половины, поставила на плиту.

Я вспомнил, как в детстве, где-то на море вместе с родителями, впервые попробовал кофе – именно из такого кофейника. Небо было ослепительно голубым, день только начинался, солнце вставало над морем, покрытая мелкой рябью вода казалась белесой и шершавой. Мы завтракали на террасе виллы, не нашей, конечно, арендованной, отец ворчал, что чиновникам теперь нельзя покупать недвижимость за рубежом… но, кажется, на самом деле был этому рад. Отец разливал кофе, мама отказалась – она сидела с бокалом белого вина и смотрела на море, тогда я попросил, и отец налил немного мне.

Сколько же мне было лет?

Десять? Чуть меньше или больше? Кажется, меньше, но в школу я уже ходил…

Совсем другой мир и совсем другая планета. Землей правили Прежние, но никто про это не знал. Где-то в космосе, уже совсем рядом, плыл астероид Оумуамуа, замаскированный кластер кораблей Инсеков, которые через десяток лет подкрадутся к Земле и захватят ее.

Мы про это не знали.

Прежние прошляпили.

– Я думал, что Гнезда не воюют, – сказал я.

Дарина вздохнула.

– Обычно – нет. На Земле это не принято. А вот… там… бывает всякое.

– Объясни, – попросил я. – Ведь все Гнезда шлют солдат Инсекам?

– Да. Раньше Прежние отправляли Измененных в свои колонии. Теперь Гнезда посылают бойцов в колонии Инсеков.

– Тогда почему…

– Ты думаешь, у Инсеков единая цивилизация? Есть разные Линии – они это так называют. Наверное, имеются в виду семьи, роды, связанные общей генетической линией. Они сотрудничают, помогают друг другу, вместе ведут экспансию. Но иногда случаются конфликты. Очень редко, но Измененных в них задействуют. Это нечасто случается, правда. Мы слишком ценны, чтобы использовать нас во внутренних разборках.

– Но бывает, – сказал я.

– Бывает.

– Что-то вроде феодализма, – предположил я. – Есть король, все обязаны драться под его знаменами, но между собой тоже грызутся.

Дарина пожала плечами. Сняла кофейник с огня и стала осторожно разливать кофе по чашкам. Я заметил, что чашки хоть и чистые, но с въевшимся в фарфор налетом.

В Гнезде сильно не хватало жниц и куколок.

– А у Прежних? – спросил я.

– У них жестче, – Дарина покачала головой. – Тебе с сахаром? Молока нет… есть сгущенка, будешь со сгущенкой?

Я кивнул. Взял ее за талию, привлек к себе. Она так и осталась стоять, но вздохнула и прижала лицо к моей голове. Сказала:

– Дура я…

– Перестань, – попросил я. – Я буду кофе со сгущенкой. Конечно, со сгущенкой лучше пить самый дешевый растворимый, но…

– У нас есть! – обрадовалась Дарина.

– Настоящий тоже пойдет. Давай сгущенку и рассказывай. Что случилось, почему на вас ополчилось большое Гнездо?

Дарина принесла сгущенку. Хорошую, в сине-белой банке. Рассеянно провела пальцем по крышке, подцепила и сняла жестяной кружок. Выглядело это так, будто она разрезала металл ногтем.

Я отвел глаза. Никогда не думал, что ногти у жниц такой прочности. Они же не выдвигаются, как когти стражи…

– Извини, – сказала Дарина.

Но мне, как и на тусе, когда она ушла по стене, показалось, что Дарина так сделала специально. Словно показывая мне, что ее человеческая внешность лишь имитация.

Я щедро налил сгущенки в кофе, размешал. Спросил:

– Ну так что там за терки с Раменскими?

– Они с самого начала нервничали, – сказала Дарина, по-прежнему стоя у столика. – Ну… звали нас к себе, помнишь. Мы отказались, вроде бы ничего… они даже прислали своих на помощь…

У нее в глазах вдруг показались слезы.

– Слушай, сядь, а? – попросил я. – А то словно официантка стоишь! Сядь!

Дарина послушно села рядом.

– Этой ночью, когда я… вернулась… со мной связалась мать Раменского Гнезда. Она потребовала… в общем, я не могла согласиться. Тогда она сказала, что мы вредим всем Гнездам. Что так не может и не должно продолжаться.
– Сказала, что нападут?
– Нет. Но это и так ясно.
– Что она требовала?
– Всем перейти в их Гнездо, я же говорила!
– А что будет… с нашим?
– Оно умрет! – выкрикнула Дарина. – Гнездо живо до тех пор, пока есть хотя бы одна жница, хотя бы одна куколка. Без живого Измененного Гнездо умирает. Новая мать может прийти в эти стены и создать Гнездо… похожее… но оно уже будет другим.
Я ее понял.
Она не могла на такое пойти.
Да что там она – и я бы не смог. Гнездо почти живое. Не просто база данных или какая-нибудь система вроде «умного дома», которые делали раньше. Гнездо – это память всех, кто в нем был. Отпечаток их сознания. Слепок души, если угодно.
– Но почему? Зачем большому Гнезду такое нужно?
Дарина беспомощно пожала плечами.
Я пил кофе и размышлял.
Хранитель сразу предлагала забрать к себе выживших. Но – не настаивала. И даже помогла, дала «концентрат первой фазы», без которого я бы проиграл бой. Потом прислала жниц и стражу. И монах был славный, за меня болел, советы давал…
Значит, что-то изменилось. Резко, вот прямо вчера. После нашей атаки на Слуг?
Но чем это могло задеть Измененных?
Прежние и Слуги – их враги. Измененные во всех Гнездах работают для Инсеков. И не просто работают, а считают это правильным и моральным. Прежние и Слуги создали монстров, которые месяц назад атаковали наше Гнездо, и это была общая угроза, Раменское Гнездо тогда тоже напряглось.
Само по себе уничтожение Слуг не должно было задеть Измененных.
Может быть, они боятся ответки от Прежних? Но Раменские вроде как ни при чем. Да и Прежним на Слуг наплевать, Иван это подтвердил, и я ему в этом верил.
И все-таки я видел лишь одно событие, которое могло вызвать такую реакцию, – побоище в музее.
– Инсек не вмешается? – спросил я.
– Мать сказала, что Инсек в курсе, – ответила Дарина.
– Так, – я начал закипать. – Сейчас я поеду в Раменки. Поговорю с их хранителем. Потом в Представительство и поговорю с Инсеком. Он мне обязан!
Дарина кивнула, но без всякого энтузиазма.
– Слушай, ты же не собираешься всерьез сражаться со стражей из Раменского Гнезда? – спросил я. – Их там десятки!
– Их около двух сотен, – ответила Дарина.
– Прекрасно! А у тебя десяток куколок с автоматами!
Она помолчала. Потом сказала:
– Я всё всем объяснила. Они могут принять предложение и уйти в Раменки. Куколок примут без вопросов, они и так порой переходят, Наська когда-то там жила.
– Да я помню… кстати, а где она?
– Ей нездоровится.
Я посмотрел на Дарину. Мгновение она выдерживала мой взгляд, потом отвела глаза.
– Изменение? – спросил я. – Она… я дурак…
– Максим, она только на вид девочка, она Измененная и вправе…
– Этот мутаген, – я поднял пакет, встряхнул, достал оттуда контейнер, – для нее? Тот, что дал Продавец?
Дарина молча взяла контейнер. Кивнула:
– Да.
– В кого? – спросил я, хоть и знал уже ответ.
– В мать.
– Вы с ума посходили! – Я вскочил, недопитый кофе разлился по столу. – Она ребенок, а ты ее хочешь превратить в мать Гнезда! Я видел, что это такое!
– Где ты видел?
– По телевизору показывали! Ты что, Дарина? Решила оборону усилить?
– Она решила еще раньше! Когда ты пропал! Когда Слуги похитили!
– Зачем?
– Чтобы тебя найти! Мы не знали, где ты! У матери больше полномочий и влияния!

Я застонал, схватившись за голову. Когда в театре актеры так делали, мне всегда становилось неловко – казалось, что они переигрывали, люди так на самом деле не страдают. А сейчас я вцепился в волосы, словно пытался повторить трюк Слуги и оторвать себе голову.
– Я нашелся! Я тут!
– Не важно, она уже решила! Гнездо не может без матери!
– Плевать на Гнездо! – выкрикнул я. И мысленно так его обругал, что слабое присутствие на краю сознания мгновенно отхлынуло в панике. – Ни одно Гнездо не стоит живого ребенка! И тебя оно тоже не стоит! Вот!
Я вытащил второй контейнер.
– Это возвратный мутаген!
– Продавец все-таки дал? – спросила Дарина зачарованно.
– Да! Он расплатился. Сказал, что у него будут проблемы, но… вот!
– Я думала… он не расплатится…
– Расплатился. – Я открыл контейнер. Ампула с лимонной жидкостью блеснула внутри. – На двоих хватит?
Она поняла сразу.
– На меня и Наську?
– Да! Ты же без нее не уйдешь, я понимаю.
У Дарины задрожали губы.
– Я не знаю… не знаю… здесь одна доза… но мутаген приспосабливается к массе пациента… тебе я вколола весь, но ты умирал, важна была каждая секунда…
Она замолчала, глядя на ампулу. Потом тихо сказала:
– Может быть, и хватит. Да, это одна доза. Но мы с Наськой не очень большие, и наши Изменения пока не глубокие. Может хватить.
Меня отпустило. Даже колени подкосились, я сел, взял ком салфеток и вытер кофе со стола. Сказал:
– Тогда зови мелкую. Тащи шприцы. Вы станете людьми, ты поселишься у меня. А Наська парой этажей выше, мои старики от счастья с ума сойдут.
– А… Гнездо? Куколки?
– Куколки уйдут в Раменки. Какая им разница, а? Ну если серьезно? Или в другое Гнездо. Ну а наше…
Я помолчал. Я чувствовал, что Гнездо слышит каждое мое слово, даже непроизнесенное.
– Наше поймет, – сказал я. – Так ведь? Ты поймешь?
Гнездо думало.
В нем были тысячи отпечатков сознания. Мальчики и девочки, юноши и девушки. Те, кто погиб здесь, и те, кто отправился умирать в другие миры.
Дыхание Гнезда докатилось до меня теплой печальной волной. Почему-то – сочувственной, словно это я отправлял себя на смерть.
– Оно согласно, – сказал я неуверенно. – Оно понимает! Здесь ни у кого и никогда не было этого шанса, но они все бы хотели его получить. Гнездо понимает.
Дарина молчала, разглядывая ампулу. Потом сказала:
– Максим, я учу обращаться с оружием. Куколок, потом стражу… Учу воевать. Но война – это не только оружие. Оружие лишь инструмент.
Я кивнул, насторожившись.
– Война – это люди. Солдаты, офицеры…
– Откуда мне знать, я не офицер и не солдат, – буркнул я. – В армии не служил. Сейчас вообще мало кто служит.
– Мораль на войне отличается от морали мирной жизни, – продолжала Дарина задумчиво. – Стоит ли спасать одного раненого или пленного, если могут погибнуть десятки солдат? Большинство армий решают этот вопрос как «стоит».
– То есть жизнь солдата – самое важное, – сказал я обрадованно. – Ну и молодцы вояки. Очень правильно. Вот и вы, вас много, а Гнездо…
– Подожди, – прервала меня Дарина. – Ты не понял.
Я замолчал, а она все так же смотрела на каплю желтого мутагена в ампуле.
– В этом нет абстрактного гуманизма, как можно подумать. В этом есть здравый смысл. Каждый должен быть уверен, что его не бросят в беде. Что за него рискнут, будут биться до конца.
– Всё, сагитировала, пойду запишусь в армию… как думаешь, в десант возьмут?
– Максим, – Дарина закрыла пенал и положила на стол. – Гнездо – наш раненый боец. Мы с Наськой – офицеры, куколки рядовые. Уж какие есть. Мы не можем его бросить.

– Ты не офицер, – пробормотал я, уже понимая, что проиграл. – Вы не армия. И вообще не люди, сама повторяешь!
– Да. Но многие правила у нас совпадают. Измененные собирали лучшее, чтобы стать лучшими солдатами. А люди хорошо умеют воевать. Очень хорошо.
– Уверен, что ни в одной армии мира ни уставы, ни правила не требуют самоубийства! – сказал я. – Ты не защитишь Гнездо, вы все умрете! Все мы умрем, я ведь тоже останусь! Давай уйдем, это как раз будет правильно.
Дарина покачала головой, твердо сказала:
– Я не могу бросить Гнездо и своих солдат. И Наська не может. Но если она станет матерью, если успеет пройти первую фазу до полуночи, то получит доступ к протоколам защиты и сможет открыть сейф.
– Какой сейф?
– С настоящим оружием, – ответила Дарина. – Его запрещено применять на Земле, оно для обучения, но вот внутри помещения… Наська объявит учения на всей территории Гнезда. Раменские не смогут прийти с настоящим оружием, мы заблокируем экранные переходы, а выносить его из Гнезда на улицы строго запрещено. И тогда… тогда у нас будет шанс.
У меня голова пошла кругом.
– И что? Вы возьмете эти свои… бластеры? Плазменные пушки, лазеры, чего там еще?
Дарина невесело улыбнулась уголками губ.
– Много чего.
– И будете убивать чужую стражу? Да они ведь тоже люди! Дети двухметрового роста!
Дарина обмякла.
– Максим… ты не понимаешь. Ты говоришь – брось Гнездо. Ты все-таки его не чувствуешь так, как мы…
– О да, – раздраженно сказал я. – Ну, конечно, не чувствую, куда мне. Но я с ним говорю, и оно согласно…
– Конечно, согласно, – сказала Дарина. – Потому что Гнездо любит нас. А мы любим его.
– Да это просто запись памяти, компьютер! – выкрикнул я.
Дарина аж вспыхнула. Я даже поразился, я никогда не видел ее такой раздраженной.
– Закрой глаза! – приказала она. – Закрой!
Ее ладонь будто по волшебству оказалась у моего лица, прикрыла глаза.
– Смотри в себя, зови Гнездо, откройся! Совсем откройся!
Я закрыл глаза.
Я злился.
На весь мир. На себя. На Гнездо.
Чудом добытый мутаген мог спасти Дарину. А может быть, и Наську. Они стали бы обычными девчонками… я бы остался не совсем обычным, но пусть…
Но Гнездо мешало.
«Я открылся, – сказал я мысленно. – Ну? Что ты хочешь или можешь сказать?»
Медленно-медленно, боязливо, готовое в любой момент отпрянуть, Гнездо коснулось меня.
Я словно погружался в теплую воду.
Как космонавты на тренировках, я где-то про такое читал. Когда лежишь в теплой соленой воде и не ощущаешь ничего – ни собственного тела, ни тепла, ни холода; исчезают звуки, и ты остаешься наедине с самим собой.
В моем случае – еще и с Гнездом.
«Не бойся…»
«Я не боюсь!» – возмутился я. И вдруг сообразил, что впервые слышу Гнездо так явно. Не только мысли-образы, а словно бы голос. Ломающийся тонкий голос…
«Я себе говорю…»
Гнездо обволакивало меня, я растворялся в его легком шуме, тепле и печали.
«Не надо меня бояться…» – прошептал я в ответ.
И увидел – не глазами, а нервами, сознанием, разумом, как бывает между явью и сном, когда почти засыпаешь, – бледный желтый свет.
Мир закрутился вокруг, я снова чувствовал себя, свое тело, только легкое, пустое, будто отделившийся от костей и мышц контур Максима Воронцова.
Я стоял или висел в пространстве, полном таких же легких, призрачных фигур. Сотни. Тысячи. Ничего, кроме неяркого света и человеческих силуэтов…
Вокруг меня были дети. Кто-то совсем маленький, кто-то уже здоровенный, с меня ростом, но все равно – я видел нескладные фигуры и мягкие черты лица.
Я их вижу?

Каждого?
Они же разные, я их никогда не видел, почему сейчас я вижу и различаю каждое лицо – отпечатанное в Гнезде в миг Изменения?
Еще я ощущал легкие касания их рук.
Они будто роились вокруг, непрерывно двигались, как стая птиц, кружащая в своем воздушном танце. И каждый пытался меня коснуться. Чаще – рук или лица, но кажется, их радовало даже прикосновение к бесплотному краешку одежды.
Как тех Измененных, что где-то на другом краю Вселенной стремились дотронуться до человеческой руки Продавца.
– Я уже не совсем человек… – сказал я. Вслух.
– Для нас… – прошептала маленькая девочка, скользнув рукой по моей ладони.
– Ты все равно… – сказал мальчик, привставая на цыпочки и прижимая палец к моим губам.
– Человек… – Девочка-подросток заглянула мне в глаза. Единственная из всех не стала касаться, только улыбнулась знакомой улыбкой.
– Дарина! – выкрикнул я, рванулся к ней, но круговорот призрачных фигур уже отнес ее в сторону, скрыл за другими Измененными.
А в следующий миг я увидел самого себя. Ничуть не изменившегося.
Ну да, я тут был самый взрослый. В таком возрасте уже не мутируют. Формально говоря, я не проходил Изменения, но Призыв – штука серьезная.
Мой двойник тоже стал частью Гнезда.
Его вытолкнуло ко мне навстречу, и движение изменилось. Теперь мы стояли рядом, неподвижно, а тени Измененных скользили позади и по сторонам, стремясь прикоснуться к живому человеку – каким им уже не суждено стать и кого даже не дано увидеть.
– Я тоже считаю, что вам с Даринкой и Наськой надо уйти, – сказал тот «я», что в Гнезде. – Это правильно. Можно было бы представить дело так, что мы остались прикрывать ваш отход.
Я кивнул.
– Но теперь ты этого не сможешь сделать, – произнес другой Максим и сокрушенно покачал головой. – Даринка хитрая…
– Умная, – поправил я.
Мой двойник кивнул. Протянул руку. Единственный из всех он не просто коснулся меня, а крепко пожал ладонь.
– Береги ее, настоящую. Исправь всё это.
– Что я могу? – прошептал я. – Я не знаю, что делать. Даже если мы отобьемся, я все равно не смогу всё исправить!
Другой Максим покачал головой, будто я ляпнул какую-то глупость.
– Макс, ты опять смотришь только на то, что видишь… Анна!
Откуда-то из толпы вынырнула девочка.
Стратег!
Отпечаток сознания стратега Анны в Гнезде!
Она кивнула мне, секунду посмотрела в глаза. Потом сказала:
– Нет, объяснять ему ничего не надо. Так больше шансов, что справится.
А потом она подмигнула мне – и сильно толкнула в грудь!
Так, что я полетел назад, во тьму, кувыркнулся вместе со стулом и рухнул на пол кафетерия.

Глава девятая

Охранник на входе в Представительство меня узнал.
Вообще-то Манеж был закрыт. Люди Лихачева уже уехали, но внутрь никого не пускали.
– Опять ты! – едва ли не с ужасом воскликнул полицейский с капитанскими погонами, куривший украдкой у входа. Я его не узнал, но он, похоже, меня видел и запомнил.
Ну да, еще бы не запомнить…
– Так получилось, – сказал я.
Полицейский смотрел на меня с явным желанием послать куда подальше. Ему было лет сорок, мордастый, потный, с животиком – такой типичный полицейский из анекдотов.
– Мы убили большую часть нападавших, – сказал я. Подумал и добавил: – Вообще-то уже всех.

– И ты убивал?
– Между нами? – спросил я. – Да.
Взгляд полицейского смягчился:
– Я должен был заступать на смену… пришел, а тут…
Он бросил окурок, раздавил и спросил:
– Что тебе, парень? Представительство закрыто для посещения. Завтра приходи.
– Не факт, что завтра смогу, – ответил я. – Надо сейчас.
Капитан заколебался.
– Помню… у тебя была ксива… покажи… а, к черту… Заходи.
Я благодарно кивнул и зашел, он – вслед за мной. В Представительстве царила тишина, пахло какой-то дезинфицирующей химией. Рамка металлоискателя у входа была выключена, свет пригашен. Представительство казалось палатой для тяжелобольных.
– Нам ждать неприятностей? – спросил полицейский. – Кто-нибудь явится?
– Что? – поразился я. – Нет. Не думаю. Вот только… если я вдруг не вернусь из кабинки, а вы потом проверите и меня там не будет… не удивляйтесь. Считайте, что я и не приходил.
Полицейский снял берет и вытер им потное лицо. Покачал головой:
– Ешкин кот… Через эти экраны и впрямь можно улететь к звездам?
– Через эти – нет, – ответил я. – Они на Селену ведут… Спасибо, что впустили.
– Парень, я не знаю, кто ты на самом деле такой, – сказал капитан. – И от тебя неприятностей выше крыши. Но спасибо.
– За что? – удивился я.
– Ты хоть что-то делаешь, – буркнул полицейский. – Я в твои годы такой же был. Куда только не носило… – Он запнулся, махнул рукой. – Сейчас гляжу на молодь, думаю, какого хрена вы себя «серчерами» зовете. Ничего вы не ищете в жизни, ничего не хотите…
– Мы такие, – признал я.
Капитан покачал головой:
– Ты другой. Давай, парень. Делай, что должно. Удачи тебе.
Мне даже неловко стало от его слов. Я кивнул, прошел сквозь молчащую рамку и двинулся между раскрытыми настежь дверцами кабинок. Выключенные экраны в серо-синей окантовке застыли на стенах, будто окна в бесконечную ночь.
Я зашел в «свою» кабинку. Огляделся. Покрытие на полу заменили, оно было новенькое, одним большим куском. Мебель вернули. На стене в паре мест оставались едва заметные вмятины. Может быть, их заштукатурят и закрасят.
Осторожно притворив дверь, я сел на диванчик. Посмотрел на экран, по окантовке которого с треском забегали искры.
– Инсек, нам надо поговорить.
Серый свет полился в кабинку, экран обретал глубину. Я ждал – и вот в экране показался Инсек.
На этот раз он не перенесся воочию и не создал голографическую иллюзию. Маячил в экране, словно в обычном телевизоре, как в тех записях после Перемены, что первое время непрерывно крутили по всем каналам.
– Здравствуй, Максим, – сказал Инсек.
– Привет, – ответил я. – Я обдумал ваше предложение. Я согласен. Мы хотим сотрудничать с вами, мы будем наниматься бойцами. И сразимся с Прежними, уничтожим Слуг… мы их уже немного зачистили.
– Очень немного, – заметил Инсек. – Число Слуг в разной степени трансформации, по моим оценкам, на Земле достигает миллиона.
– Ого, – сказал я. – Теперь их на полсотни меньше, но я понял, работа предстоит большая. А Прежних-то сколько?
Я не ждал ответа, но Инсек неожиданно произнес:
– Их девять.
– Всего? – поразился я.
– Да. Они вполне самодостаточны, Максим. На некоторых планетах есть всего один Прежний. На Земле их девять, и это очень много. Ты же не думаешь, что Прежний – это единичная человеческая особь?
– Нет. Да. Не знаю, – я пожал плечами. – А как иначе?
– Это совмещенные личности, – терпеливо пояснил Инсек. – В каждом есть главенствующее ядро сознания, но оно время от времени вбирает в себя других. Тот Прежний, с которым ты общаешься, – ассоциация двух или трех десятков личностей. Еще есть несколько сотен Кандидатов, но многие из них не удостаиваются личного

превращения в Прежнего, а становятся частью уже существующего. Не все, разумеется. Пряник всегда должен быть, даже если он лежит очень высоко.
Я попытался что-то сказать. И не нашел слов.
– Они очень стараются достичь сингулярности, – продолжал Инсек. – Пробуют разные способы.
– А вы? – спросил я. Как-то меня смутила его неожиданная разговорчивость.
– А мы индивидуалисты, – ответил Инсек. Как мне показалось, с гордостью.
– Мне нравится, – кивнул я и даже не покривил душой. – У нас тут возникли проблемы… дурацкие. Большое московское Гнездо, которое в Раменках, вдруг стало требовать, чтобы Гнездниковское перешло к ним.
– Так, – сказал Инсек.
– Вы же понимаете, при этом погибнет наше Гнездо, – продолжил я. – Дарина не согласна, она готовится защищаться. Наська… ну, это куколка мелкая… она хочет ускоренно измениться в мать… В общем, кошмар. Они будут обороняться вашим оружием…
– У нас нет оружия, пригодного для людей.
– Тем оружием, которое для других планет!
– Ясно, – так же кратко ответил Инсек.
– Вы можете им приказать? – спросил я. – То есть, конечно, можете. Пусть угомонятся. Я хочу вытащить Дарину и Наську из Изменения, у меня даже есть возвратный мутаген, правда, всего одна порция…
– Продавец очень много себе позволяет, – задумчиво сказал Инсек.
– Ну так прикажите им отменить этот… набег за рабами. И давайте решать, как мы станем бороться с Прежними…
– Я не отдам такого приказа, – сообщил Инсек. – Просьба отвергнута.
Я запнулся. И невольно рассмеялся.
– Нет-нет! Вы не поняли! Это не просьба, а мое условие для сотрудничества. Иначе я не согласен!
– Разве я согласился на сотрудничество? – спросил Инсек.
– Но вы же сами предлагали!
– Да. Но обстоятельство изменилось. Предложение отозвано.
Несколько секунд я, не дыша, смотрел в экран. По морде Инсека прочесть что-нибудь было не легче, чем по муравьиной.
– Какие именно обстоятельства изменились? – спросил я тихо.
– Обстоятельство, – поправил Инсек. – Одно, но существенное. В сложившейся ситуации нерационально мешать Раменскому Гнезду и невозможно пойти на сотрудничество с тобой.
– А если бы… если бы я сразу согласился?
– Мне пришлось бы расторгнуть заключенное соглашение.
Он был совершенно непроницаем. Говорил вежливо, терпеливо, но непреклонно.
– Я могу узнать, что за «обстоятельство»?
– Нет.
– Мы же вас защищали! – воскликнул я. – Дрались за вас на Селене!
– За это я благодарен.
Я вскочил с дивана, зашагал кругами перед экраном. Инсек терпеливо ждал.
– Так нечестно, – сказал я. – Даже бесчестно!
– Ты оперируешь понятиями, которые и среди людей не работают.
– Побоище будет! – выкрикнул я. – Если наши возьмут… эти лазеры-бластеры… то мы покрошим раменских в фарш!
– И ты собираешься сражаться?
– А что я еще делаю последний месяц, а? – возмутился я. – Мне задницу почесать некогда, все время надо кого-то убивать вашими стараниями!
– Полагаю, мне придется разрешить Раменскому Гнезду взять с собой оружие, – сказал Инсек. – Это уменьшит разрушения в городе и потери среди Измененных.
– Ты что, тварь! – заорал я, бросаясь к экрану. Заорал так, что изо рта капли слюны брызнули. – Ты, мразь, членистоногое, дегенерат насекомый!
– Я не насекомое и не членистоногое, – ответил Инсек. – Бесполезно с твоей стороны меня оскорблять. В любом случае я не изменю своего решения и не обижусь.
– Сука! – выкрикнул я и сорвал экран со стены. Никаких проводов у него не было. Экран оказался удивительно легким, даже легче телевизора таких размеров. Я ударил им по стене, пробив ее углом экрана. Инсек все так же невозмутимо смотрел на меня. Я размахнулся, обрушил экран на пол и принялся топтать. Поверхность экрана

сопротивлялась несколько секунд, потом, при особо яростном ударе, едва слышно хрустнула. Изображение сменила серая муть, Инсек исчез.
Я топтал экран не меньше минуты, тот прогнулся и перестал светиться. Потом я схватил экран за край и дернул. Руки отозвались болью, но я изогнул рамку, и по ней даже прошел серый надлом.
Кинув экран, я рухнул на диван. Тяжело дыша, смотрел на разгромленную кабинку.
Мразь!
Инопланетная тварь!
Если раменские, при своем гигантском численном превосходстве, возьмут всякие космические бластеры…
Может, и «Пушкинъ» спалят до кучи?
Потом я бросил взгляд на дверь и заметил, что она чуть приоткрыта. За ней кто-то был. Я встал, вытер ладони о плащ (все-таки порезался об экран до крови) и подошел к двери, чтобы успокоить капитана.
Но там был не капитан. Чуть в стороне стоял, прислонившись к стене, Лихачев. Мял в руке сигарету, явно борясь с желанием закурить прямо здесь. Нервная у полицейских работа, через одного себя травят…
Значит, позвонил ему капитан. Ну что ж, его можно понять.
– Всё слышали? – спросил я.
– Нет, – ответил Лихачев. – Про задницу, которую некогда почесать. Или чуть раньше? Ах да, про фарш из раменских. Ты говорил об Измененных из большого Гнезда?
– Ага, – сказал я. – Да, забыл сказать, в Третьяковке тоже мы… то есть я… всех убил.
– В одиночку?
– Совершенно верно!
Лихачев кивнул:
– Ага. Пошли-ка, сынок, сядем и поговорим. Орать не будем, мебель ломать тоже, хорошо?
– Еще чего не будем?
– Твою пенсионерскую команду звать не будем, – сказал Лихачев. – Борис Аксендер лежит в хирургии, у него острая почечная колика, Елена Филипенко носится вокруг и орет на персонал. Пошли, парень. Объяснишь мне, что творится. Постараюсь помочь.
– Вы не поможете.
– Знаю, – согласился Лихачев. – Ну и что с того?
Я неохотно кивнул.
– Тебе руки надо перевязать? – спросил он.
Я посмотрел на ладони. Взял из рук Лихачева упаковку бумажных платков, стер кровь. Сказал:
– Нет. Уже зажило.
– Призыв не ушел до конца, – понимающе кивнул Лихачев.
– Вы об этом знаете?
– У женщины, перенесшей Призыв, с которой я когда-то говорил, вырос оторванный палец, – ответил Лихачев. – В монастыре, где она доживает, это считают чудом Господним, дарованным ей за раскаяние и благочестие.
И вздохнул.
* * *
Первый раз я оказался в помещениях отдела «Экс».
Ничего особенного, если честно.
Госконтора как она есть, даже на нормальный полицейский участок не похоже. Вход с улицы, охранник, а дальше – два этажа с какими-то чиновниками, в форме разве что один из пяти.
Нет, я понимал, что у «Экс» есть и другие помещения. Где крепкие мужики примеряют силовую броню и палят в тире, а фрики-ученые изучают инопланетные артефакты.
Но туда меня Лихачев не повел, и хорошо.
Кабинет у него был приличный, довольно большой, с окнами в тихий односторонний Лучников переулок. И даже приемная была, а там секретарша за компом, молодая и симпатичная, – почему-то меня это поразило. В моем представлении у Лихачева или какой-нибудь адъютант должен сидеть, или старая тетка с лицом, словно отлитым из бронебойной стали. А тут – девчонка моих лет!
– Любаша, сделай нам кофе, – попросил Лихачев, открывая дверь в кабинет.
– Хорошо, дя… Игорь Григорьевич, – секретарша смутилась.
Мы зашли, я сел напротив полковника. Тот грузно опустился в офисное кресло – хлипковатое, на мой взгляд. Задумчиво посмотрел на стол, заваленный бумагами. Сказал:

– Дочка старого друга. Не подумай чего.
– У меня Дарина есть, – ответил я.
– Да я не о том! Не подумай, что старый пень завел молоденькую секретаршу, – Лихачев ухмыльнулся. – Излагай, Максим. С момента, как я отправил вас в Гнездо.
И я рассказал. Всё, без утайки, до нашей встречи в Представительстве.
С каждым моим словом Лихачев мрачнел все больше.
Когда я закончил, он встал, подошел к окну, открыл настежь. Достал сигареты и без спроса закурил. Все-таки их поколение никогда от вредных привычек не избавится.
– Хреновые дела, – сказал он.
– Вы же не сумеете раменских остановить? – спросил я.
– Предлагаешь устроить бой в центре Москвы? – поинтересовался Лихачев. – Полиция против стражи… ах да, стражи, вооруженной инопланетным оружием…
Он молчал, пуская клубы дыма в окно. Небо потихоньку затягивало облаками, и я даже не сомневался, что к ночи пойдет дождь. Как-то уж так складывалось, что все схватки приходились на плохую погоду.
Беззвучно вошла Люба, поставила чашку кофе передо мной, вторую – на подоконник рядом с Лихачевым. Так же тихо вышла. Я высыпал в кофе сахар, вылил баночку сливок. Лихачев маленькими глотками выпил черный кофе, перемежая глотки с затяжками.
– Мы однажды добыли бластер Инсеков, – сказал Лихачев. – Даже не спрашивай, как.
– Это не для Инсеков, это для Измененных.
– Поровну! Бластер с их технологиями. Хреновина вроде «стечкина» по размеру. Пистолет и пистолет, есть дуло, спусковой крючок, предохранитель… Магазин есть. В магазине – патроны. Полагаю, специально сделали дизайн под земное оружие. Бластер стрелял… ну, судя по ускоренной съемке – патронами. Нет, ты не ослышался, вылетал патрон целиком, и гильза, и пуля вместе… Со скоростью более двух тысяч метров в секунду. При попадании в мишень происходил выброс плазмы, испаряющий до пяти килограммов стали.
Он вздохнул. Спросил:
– Знаешь, что такое фугасное действие пули?
– Нет. Взрывается?
– Ну… да. Любая скоростная пуля имеет фугасное действие. Но тут происходил чистый выброс плазмы, никак не связанный с массой патрона. Почему патрон вылетал из ствола, да еще так быстро, мы не поняли.
– Это не патрон, а маленькая ракетка, – предположил я. – С дизайном, как у обычного патрона.
– Да, мы тоже так решили. Только механизм ускорения не поняли… Отдачи практически никакой. А знаешь, что самое интересное?
Я молчал, вопрос явно был риторический.
– Судя по размерам магазина и патрона, туда входило десять зарядов. Мы расстреляли три, потом извлекли из магазина еще двенадцать. И патроны оставались. Откуда они брались – не знаю. Оружие у нас забрали… выше. Потом Гнездо, откуда случилась утечка, потребовало вернуть незаконно присвоенное учебное оружие. Мы их переадресовали к госбезопасности, чем кончилось – не знаю.
– Учебное? – уточнил я.
– Ага. Силовую броню такой патрон разорвет на части вместе с сотрудником. Что там у них еще есть – Бог знает…
– Понял, – сказал я.
– Остановить бойню, конечно, надо, – продолжал Лихачев. – Силой мы этого не сделаем. Даже если армию позвать. Дарина не согласна уйти в их Гнездо?
– Нет. Никто не согласен. Гнездо – живое и разумное. Оно часть Измененных. Это как мать в беде бросить.
Лихачев фыркнул:
– Многие бы просто тебя не поняли… Итак, они не уйдут. И достанут крутые стволы. Тупик… Ты можешь поговорить с Измененными из Раменского?
– Могу, – сказал я. – Но бесполезно.
– Согласен, – кивнул Лихачев. – Даже не пытайся. Судя по реакции твоего друга с Селены, есть шанс всё ухудшить.
Я кивнул. Я тоже так думал.
– Мы не можем их остановить, – сказал Лихачев с сожалением, достал еще одну сигарету. – Мы… я тебя не слишком окуриваю?
Я махнул рукой.
– Кабинет ваш.

– Мы не можем убедить Дарину покинуть Гнездо, – продолжал Лихачев задумчиво. – Максим, надо понять причину готовящегося нападения.
– Я же назвал.
– Нет, ты назвал лишь повод. Большое Гнездо хочет уничтожить маленькое. Это повод для нападения. Но почти две недели их ситуация не тревожила, верно? Они даже помогали, прислали своих работников, охранников. Насколько я знаю, даже переориентировали одну группу куколок на пострадавшее Гнездо. То есть всё было хорошо, они желали возрождения Гнезда. И вдруг – такая реакция! Что случилось?
– Третьяковка… – признал я.
– Верно. Но и это лишь повод! Что так взбудоражило Измененных?
– Меня как-то Милана научила, – неловко сказал я. – Смотреть не на то, что есть, что видишь. А на то, чего нет. Очень хорошо помогало в разных случаях. Но сейчас… я не знаю, как это использовать. Вроде бы вижу причину – уничтожение Слуг. И при этом понимаю, что это не причина, повод…
– Хороший метод, – сказал Лихачев. Сел на подоконник, задумчиво посмотрел на меня. – В данном случае мы знаем, чего нет. Нет реальной причины, есть только повод. Но причина скрыта где-то там…
Я кивнул.
– Давай будем считать, что метод годный, но его стоит усовершенствовать, – продолжал Лихачев. – Углубить. Что необычного случилось? Уничтожение Слуг?
– Мы с ними уже сражались.
– Верно. Массовость уничтожения?
– Вряд ли…
– Да, тут должно быть качественное, а не количественное отличие… Копаем, Макс, копаем! Что было странного, необычного, никогда не случавшегося? Ваша попытка войти со Слугами в переговоры?
– На Селене мы тоже с ними говорили… – сказал я. Помолчал. – Необычно то, что они убили сами себя.
– Почему? – риторически спросил Лихачев.
– Потому что к ним на время вернулась эмпатия, – сказал я. – Совесть… Может, это?
– Нет-нет! – Лихачев хлопнул в ладоши. – Ну! Я уже вижу, а ты?
– Кристалл? – сказал я. – Семицветный кристалл?
– Бинго! – непонятно воскликнул Лихачев. – Семицветный кристалл. Это уникальная вещь, так? Никогда не было и вдруг! Я слышал про двух-трехцветные…
– Уникальная, но и такие находят, – покачал я головой. – Продавец сказал, что это очень редкая штука, но встречается.
– Да что ж такое! – возмутился полковник. – Только след показался… И все-таки, мне кажется, что-то крутится вокруг кристалла. А? Чуешь, Макс?
Мне тоже так казалось, я кивнул. Произнес вслух, размышляя:
– Кристалл – большая редкость, конечно. Очень удачно он…
– Откуда, ты говоришь, кристалл?
– Наська подарила.
Лихачев вздохнул:
– Бедная девочка… ты ее видел?
– Она еще не мать, – сказал я. – Нет, она не хочет, чтобы кто-то ее видел. Мне надо вернуться, попробовать отговорить…
– Успокойся, – Лихачев задумался. – А где она взяла кристалл?
– Нашла, говорит.
– Удачно как, – Лихачев хмыкнул. – Измененные вообще дела с кристаллами не имеют… Где нашла?
– В Гнезде.
– Откуда он там взялся? Ты в Гнезде кристаллы находил?
Я покачал головой, мы уставились друг на друга.
– Если допустить, что куколка с потенциалом матери способна генерировать кристаллы? – спросил Лихачев. – Но, допустим, не имеет права так поступать. А тут она, из симпатии к тебе, дала кристалл…
– Раменские разозлились и решили прекратить эту самодеятельность? – предположил я.
– Вариант, – Лихачев кивнул. Глаза у него заблестели. – Или же она уникальна, и ее хотят захватить! Иди к Наське! Пусть признается, откуда взяла кристалл. Можно пообещать раменским, что такого больше не повторится.
– Можно притащить Продавцу горсть, – я зло усмехнулся. – Не знаю, конечно, но… мне кажется, из-за нескольких таких кристаллов они с ума сойдут. Накроют Гнездо

силовым полем, выставят армию роботов на охрану… Инсека возьмут за хитиновое горло и заставят остановить атаку.
Лихачев кивнул.
– Если это кристалл Наськи, – добавил я. – И если у нее есть еще такие, или она способна произвести новые…
Как-то это мерзко прозвучало. «Произвести». Словно речь об устройстве. Или о муравьиной матке, откладывающей яйца… Тьфу! Мать Гнезда не производит новых Измененных, она ими руководит.
– А какие варианты? – развел руками Лихачев. – Максим… я ведь не пойду с тобой…
– Не надо, – сказал я. – Вы все равно не сможете тут ничего сделать, только умрете.
– Я не боюсь умереть, – спокойно сказал Лихачев. – Не хочу, но и не боюсь. Но там я ничего сделать не смогу. Это не Инсек и не Прежний, в которых я готов стрелять. Там одни искалеченные детишки против других искалеченных детей.
– Понимаю, – сказал я и встал. Потянулся. – Спасибо за кофе. Кажется, я только на нем и живу. Трое суток без сна почти…
– Максим… – Лихачев заколебался, но все же спросил: – А ты, ты сам готов стрелять, если понадобится?
Я подумал секунду.
– Надеюсь, что не понадобится.
Но он ждал.
– Там детишки с нашего двора и с чужого, – сказал я тогда. – Извините. Но это мой выбор. Я не стараюсь быть лучше, чем я есть.
Лихачев кивнул. Сказал с грустью:
– Да, знаю. Но ты при этом как-то ухитряешься делать лучше тех, кто вокруг тебя. Удачи тебе. Скажи Любе, чтобы выписала пропуск.
Я вышел из кабинета, а он так и остался сидеть на подоконнике. И когда я уходил по переулку, Лихачев курил в окне третьего этажа, глядя в небо.

Глава десятая

Перед дверью Дарина на миг заколебалась. Глянула исподлобья и сказала:
– Наська меня убьет. Про тебя особо сказала – не впускать.
– Ты жница и на посту хранителя.
– Да, но она станет матерью…
– Не станет, – сказал я твердо, как мог. – Мы разберемся. Никто не будет сражаться, никто никого не убьет.
Дарина смотрела на меня с сомнением и надеждой одновременно. Я не стал ей пересказывать ни свой разговор с Инсеком, ни мозговой штурм, который мы устроили с Лихачевым. Не хотел зря обнадеживать.
Она шагнула, прижалась ко мне. Первый раз после ссоры. Я погладил ее по спине, поцеловал в ушко. Прошептал:
– Верь мне. Никто не умрет.
Дарина обмякла, мы постояли чуть-чуть, обнявшись. Потом она вздохнула, открыла дверь и вошла.
Я вслед за ней.
Не знаю, была ли это комната Наськи. Мне кажется, что у куколок вообще не имелось постоянного личного пространства, они носились по всему Гнезду, спали там, где хотелось, а личных вещей толком не заводили. Так что, скорее всего, Дарина выделила ей первую попавшуюся свободную комнату рядом с лазаретом.
Тут было темно, на окнах – глухие черные шторы, стояла одна-единственная кровать, рядом – столик. На столике – лампа с прикрученным до минимума светом, полуторалитровая бутылка воды. Еще несколько пустых бутылок валялось на полу, рядом с обертками и коробочками от какой-то еды.
– Я так и знала! – сказала Наська капризно.
Она лежала, укрывшись простыней, и держала в руках книжку. Кажется, какую-то новую, не те, что читала вчера. На ней был здоровенный свитер взрослого размера, в котором она еще вчера тонула, сквозь горловину торчали и тонкая шея, и тощие плечи.
Сейчас свитер был ей впору.
И ростом, похоже, она была со жницу.
Приблизившись, я сел на край кровати. Сказал:

– На Дарину не ругайся. Я настоял.
Наська поморщилась, отложила книгу и спросила:
– Как я выгляжу?
– Ужас, – сказал я честно.
На самом деле пока это был ужас, а не ужас-ужас-ужас. У нее лишь покраснела кожа, и она вся опухла, но умеренно. Пока лишь настолько, чтобы сочувственно глянуть на толстую девочку, а не чтобы испугаться.
Но теперь, конечно, сразу было ясно, что Наська – Измененная.
– Пока еще ничего, – протянула Наська. – Вот когда у меня вырастут рога…
– У матери Гнезда нет рогов, – сказал я. – Я видел передачу, где показывали мать.
– Так матери их сбрасывают, – Наська фыркнула. – Время от времени. Когда слишком большими вырастают. Сбрасывают рога, хвост и чешую…
Конечно, это всё был пустой треп. Мать Гнезда – крупная, высокая, выше старшей стражи. С очень большой лысой головой. Кожа багрово-красная, но не чешуйчатая.
– Я достал возвратный мутаген, – сказал я.
– Знаю. Дарине, – быстро ответила Наська. – Мой на тумбочке.
Я глянул – да, среди коробок от еды лежал и контейнер с мутагеном матери.
– Я приняла лишь первую фазу, – сказала Наська. – Изменение лишь началось.
– Дарина считает, что возвратного может хватить на двоих.
Наська глянула на Дарину. Мне показалось, что в глазах у куколки мелькнул испуг.
– Нет. Дарина, нельзя. Порция на одного! И я не брошу Гнездо!
– Не спеши, – попросил я. – Вовсе не обязательно тебе превращаться в мать. Я уверен, что договорюсь с большим Гнездом.
Наська снова посмотрела на Дарину, та кивнула.
– Хорошо, – Наська запнулась. – Я не стану спешить. Но надо же открыть сейф…
– Только в самом крайнем случае, – сказала Дарина. – Но мы не будем торопиться, да! Максим обязательно договорится. На то, чтобы получить доступ к сейфу, тебе потребуется минут десять после инъекции. Сто раз еще успеем до полуночи.
– Не сто, а около сорока… – поправила Наська.
– А ты не знаешь, почему большое Гнездо на вас ополчилось? – осторожно спросил я Наську.
Она замотала головой:
– Нет. Может быть, когда я стану…
– Не спеши, – повторил я. – И кончай лопать, а?
– Для Изменения…
– Не будет Изменения! – сказал я с уверенностью, которой вовсе не испытывал. – Лучше про кристалл расскажи.
– Какой? – У Наськи забегали глаза.
– Тот, что дала мне. Разноцветный.
– Че говорить? – возмутилась Наська. – Слушай, зачем пытаешь больного ребенка, маньяк? Мне и так стремно…
– Наська. Где ты взяла кристалл?
– Нашла! – упрямо сказала куколка.
Ну хорошо, зайдем с другой стороны…
– Ты понимаешь, что это большая ценность?
– Ну…
– Продавцы от них на стену лезут. У тебя есть еще? – Я увидел, что она готова ответить, и перебил: – Стой-стой, дослушай! Я уверен, что, если Продавцу предложить несколько таких кристаллов, они нам помогут. Убедят Инсека остановить атаку или сами как-то Гнездо защитят. Понимаешь? Всё будет хорошо, никто не погибнет, ты останешься куколкой… и станешь снова обычной девочкой.
У Наськи задрожали губы.
– У меня нет!
– Точно? – спросил я с напором.
– Нет! Я искала иногда, когда выходила… Все куколки ищут, за кристаллы можно шоколадки и игрушки купить… Я три раза находила, но давно… А этот вчера нашла, в Гнезде…
У нее из глаз потекли слезы.
– У меня нет, Ма-а-аксим… Правда! Я бы все кристаллы отдала…
Мне словно оплеуху дали. Да что я делаю, насел на девчонку, ей же и так плохо! Отдала бы она все кристаллы на свете, даже сомневаться не стоит…
– Наська, прости… – Я наклонился, обнял ее. – Ну прости, пожалуйста! Я думал, вдруг ты знаешь, где еще добыть…

Она отчаянно замотала головой.
– Прости меня, я дурак, – сказал я с раскаянием. – Так удачно получилось, этот кристалл очень помог, и я вдруг подумал – не мог же он появиться случайно… вдруг ты умеешь кристаллы творить…
– Было б кульно… – сказала Наська и чуть-чуть улыбнулась. – Нет. Нам и искать не положено, – она стрельнула глазами на Дарину.
– Я знаю, что все куколки ищут кристаллы, – сказала Дарина. Голос у нее был совсем никакой, будто она каждый звук через силу выдавливала. – Ничего страшного. Я тоже искала. Ни разу не нашла.
Наська кивнула, чуть успокоившись. Спросила:
– А если кристаллов нет, ты ничего не сможешь сделать? Тогда мне надо…
– Погоди, – я с ненавистью глянул на контейнер с мутагеном. Вытащит возвратный мутаген Наську из состояния матери? Может, и вытащит… но тогда нечего и надеяться разделить дозу на две части. – Я поговорю с хранителем из большого Гнезда. Мы с ней нормально так общались… Мне кажется, они ошибаются. Я с ними поговорю, и всё будет хорошо…
Наська испытующе и с подозрением смотрела на меня.
– Что читаешь-то? – спросил я, уводя разговор в сторону.
– А, про отношения… – Наська ответила совсем без огонька. – Она любит его, он любит ее, но все равно все страдают. Это как в жизни, да?
– Как в жизни, – согласился я. – Давай, не дергайся попусту. Всё уладим.
Я похлопал ее по ладони. Пальцы тоже были распухшие и красные, словно она окунула руку в слишком горячую воду.
– Тебе не больно? – спросил я, вставая.
– Ни капельки! – ответила Наська так быстро, что стало ясно – врет.

…За дверью Дарина перестала держаться. Уперлась лбом в стену, ударила в нее кулаками – беззвучно, но посыпалась штукатурка. Тихо-тихо заныла.
– Мать – это так страшно? – прошептал я.
– Она совсем другая станет… даже хранитель немножко человек… мать очень добрая, ее все любят… – Дарина всхлипнула. – Но она как… как робот. Словно запрограммирована всех любить и всем управлять… не человек… Наська самая живая из всех, она почти обычная, ну почему у нее этот потенциал, это нечестно…
– Я пойду в Раменки, – сказал я. – Я их переспорю. Обязательно.
Дарина оторвалась от стены, вытерла слезы.
– Давай. Не медли, ладно? Гнездо что-то волнуется…
– Конечно, – ответил я. Голос Гнезда и впрямь сделался сильным и тревожным. – Наверное, наше состояние чувствует.
Мы спустились в вестибюль.
И застыли.
Возле дверей кучкой стояли раменские волонтеры – четыре жницы, две стражи. Напротив, такой же маленькой группой, – куколки Гнезда.
Куколки держали автоматы. И стволы были направлены на чужих Измененных!
– Что происходит? – выкрикнула Дарина так громко, что ее голос прокатился по всему вестибюлю, где обычно глохли все звуки.
Же – да, кажется, это была Же – повернулась к нам.
– Очень хорошо, что вы пришли, хранитель. Мы уходим.
– Вы обещали быть до полуночи! – Дарина сжала кулаки.
– Простите, жница-хранитель. Нас отзывают немедленно.
– Почему? – спросил я. – Же?
Же молчала.
– Игра! – выпалил я. – Игра в вопрос за вопрос. Почему вы уходите раньше?
Стража вздрогнула. Наши взгляды встретились.
– Потому что стражи и хранитель приближаются к вашему Гнезду. Мы обязаны уйти, чтобы взять оружие и встать в их ряды.
Инсек!
Мерзкая тварь!
Он не только разрешил раменским вооружиться, он еще и велел им напасть раньше!
– Мой вопрос, – сказала Же. – Ты знаешь, как остановить смерть?
– Нет, – ответил я, помедлив. – Нет, пока не знаю.
– Нам надо уйти, – сказала Же.
– Дарина! – выкрикнула кто-то из куколок постарше, на грани перехода в стражи. – Их надо убить сейчас! Это минус шесть!

– Нет! – Дарина даже не колебалась. – Они уйдут! Мы не будем стрелять в них… сейчас.
– Вопрос! – снова крикнул я. – Же, сколько вас будет?
– Двести двадцать две стражи и хранитель, – ответила Же без колебаний.
Я покачал головой, глядя на куколок.
– Не надо. Не надо стрелять… Спрашивай, Же!
Стража мгновение смотрела на меня. Потом сказала:
– У меня нет вопросов, призванный…
Они повернулись – все разом, не сговариваясь. И пошли к дверям.
Я чувствовал, что они ждут выстрелов в спину.
Но никто не стрелял. И они вышли.
Я бросился за ними, встал у стеклянных дверей. Стражи и жницы быстрым шагом уходили к Тверскому.
А навстречу им торопливо шли люди. Оглядывались, ускоряли шаги… заметив Измененных, шарахались от них в стороны.
В общем-то всё было понятно.
Отряд из Раменского Гнезда уже рядом. Люди разбегались от них, увидев идущую по бульвару толпу стражи.
– Крендец, – сказал я, глядя вслед уходящим Измененным.
Же даже не стала задавать мне вопрос!
– Дарина, я выйду к ним навстречу! – выкрикнул я. Повернулся.
Дарины не было.
Куколки разбегались во все стороны.
Нет, не в панике. Они бежали поодиночке и по двое, крепко сжимая свои футуристически выглядящие, но все же совершенно земные и примитивные автоматы.
Куколки занимали заранее намеченные огневые позиции.
А Дарина сейчас бежит к Наське.
Хотя нет, скорее – уже добежала.
И колет ей мутаген, в последней надежде успеть открыть сейф… и хотя бы вооружить своих подопечных адекватным оружием.
А я, своим разговором с Инсеком погубивший даже призрачный шанс на оборону, стою у дверей – и толку от меня ни на грош.
Ничего я не смогу сделать. Был бы хоть в Призыве…
Я до боли закусил губу.
Но я же все равно в Призыве, печать не сходит до конца. Я говорил с Гнездом – так говорил, как, наверное, и сами Измененные не могут.
И что сказал мальчишка-монах из Раменского?
Второй Призыв все же возможен. Дарина тогда соврала!
Даже понимая, что все мы обречены, – соврала!
Потому что вторая печать изменяет необратимо.
Потому что даже первую не снять до конца, ни отзывом, ни возвратным мутагеном.
А что со мной сделает вторая?
Волновая печать Гнезда… чем бы она ни была, она сильнее любого мутагена.
Большая ценность… ключ к Гнезду… даже ко всем Гнездам, как сказал тот же самый монах…
Я закрыл глаза.
Мама, папа… какой я балбес…
Что я к вам не зашел сегодня?
Вот же разгильдяй…
«Гнездо…» – позвал я.
И почувствовал, как Гнездо притихло.
«Давай», – сказал я.
«Нет, нет, нет! – цепочкой отрицаний выстрелило в меня Гнездо. Это было совсем уж близко к обычной речи. – Второй Призыв… запрещено… только двойное решение хранителя и матери…»
Да уж. Дождусь я двойного решения Дарины и Наськи.
Они предпочтут погибнуть.
Голос внутри меня стих. Гнездо отпрянуло, отхлынуло, унеслось куда-то в свои структуры, спрятанные вне нашего привычного пространства. Словно я стою на стремительно обмелевшем берегу, вся вода отхлынула, ушла далеко в море, на обнажившемся мокром дне бьются растерянные рыбешки и перебирают клешнями удивленные крабы…
Вода уходит от берега перед цунами.

– А ну, хватит прятаться! – закричал я.
И рванулся вперед – мысленно, конечно. Проламывая темноту под собственными веками. В призрачный свет Гнезда, в кружение бесплотных теней.
Я вывалился в странный мир, который, быть может, был в чем-то реальным, а может быть, – лишь моей галлюцинацией.
Меня вынесло прямо на девчонку и мальчишку – их полупрозрачные силуэты напоминали дрожащие мыльные пузыри, наполненные светом, но почему-то я видел каждую черточку лиц. Им было лет по двенадцать-тринадцать, не совсем уже мелочь, конечно, но даже подростками едва назовешь.
Девочка была хранителем, а мальчик – матерью Гнезда. Теми, кто погибал, пока мы с Дариной и Наськой стояли в Комке и неловко знакомились…
Надо же. У них и впрямь никаких различий, даже мальчишки становятся матерями Гнезд…
– Давайте, – сказал я. – Времени нет.
Мальчик и девочка переглянулись. Мальчик открыл было рот.
– Валяйте! – выкрикнул я. – В здравом уме, трезвой памяти, бла-бла-бла! Технически вы мать и хранитель! Призывайте меня!
Они не стали ничего говорить, и я был за это благодарен.
Лишь протянули ко мне руки, коснулись ладоней.
Всё тем же знакомым жестом Измененных, когда им выпадает шанс потрогать человека.
Тот, первый, Призыв я ощутил совсем не сразу.
Второй пробил меня, будто разряд тока.
Я вскрикнул, вываливаясь из иллюзии, выпадая из Гнезда, – птенец редкой породы, призванный дважды.
Ощутил себя лежащим на одеялах и коврах, бьющимся в судорогах и кричащим – крик был нескончаемым, словно я мог кричать и дышать одновременно.
Ну, в общем-то так оно и было.
Дыхательные поры открывались на коже, когда руки и ноги стали вытягиваться.
В груди и животе вспыхнули болью и застучали второе и третье сердца.
Мир стал ослепительно ярким, тусклые лампочки в древней люстре сияли, как прожектора. Я моргнул, отстраивая спектр. Глянул сквозь стену на приближающуюся армию Раменского Гнезда.
Пересчитал стражу и старшую стражу. Зафиксировал все шестьдесят три единицы запрещенного оружия, которое Инсек разрешил вынести из Гнезда.
О нет, это не походило на то состояние, когда во мне активировался Высший.
Тогда я сделался лишь отстраненным наблюдателем, будто человеческая голова на штыре у Продавца. Я ничуть не изменился внешне. И мне не было больно.
А сейчас было, и очень.
…Хотя Наське, чье тельце разбухало и искажалось сейчас в муке Изменения, было еще больнее – я ощущал ее боль, как ощущал теперь каждого в Гнезде.
В моем Гнезде!
Я зарычал-заревел, вставая. Утробным жутким ревом, от которого обделался бы самый свирепый земной медведь. Во мне было два с половиной метра роста, и я каким-то образом – даже не хочу понимать, каким – ухитрился осмотреть себя всего.
Надо же!
Вполне пропорционально сложен!
Даже красив, если вы не против заостренной головы с гребнем по затылку.
Кожа моя стала ослепительно белой, с зеркальным отливом. На руках – по четыре пальца, и я совершенно неуместно вспомнил, что так в старину рисовали для простоты в мультиках.
Ну да, я теперь такой… оживший мультик…
Откуда я взял массу для этого тела? Я же сейчас вешу сотни две кило?
Потом я увидел, что ковры под ногами начисто лишились ворса, а подушки и одеяла лежат вспоротые и пустые. Сплюнул – со странным ощущением, что могу плевать не только слюной, но и чем-то очень, очень ядовитым.
В воздухе медленно закружились несколько перышек.
Да я что, сожрал всю органику вокруг, пока метался в Призыве?
Я ударил в дверь, выбивая стекло вместе с рамой, и вышел на крыльцо бывшего Министерства культуры. Почти вся одежда на мне порвалась и превратилась в лоскуты, только плащ от Продавца пережил трансформацию и красиво свисал с плеч, словно у супергероя.

Думаю, в этом был какой-то офигительно крутой символизм, но сейчас у меня не нашлось времени это обдумывать.
Стражи и старшие стражи перли к Гнезду, даже не думая маскироваться или рассредоточиться.
Они были абсолютно уверены в том, что обороняться станут куколки и неполноценный хранитель.
Впрочем, призванного они бы тоже разделали на раз-два, не сомневаюсь.
Но я был призванным дважды.
Я вновь взревел – с радостью – и побежал навстречу страже.

Первым от меня пострадал совершенно случайный человек.
Уж не знаю, что это был за балбес, который задумчиво катил на роликах мимо Гнезда. В наушниках, не слыша ничего и, наверное, совершенно не глядя по сторонам. Лет уже под тридцать человеку, а ничего лучшего, чем гонять по тротуару, не придумал!
Он въехал между мной и останавливающейся стражей. Я мог, конечно, его обогнуть.
С моей точки зрения, роллер застыл на тротуаре.
Но тогда мужчина оказался бы в самой гуще надвигающихся событий.
Поэтому я на бегу отвесил ему пинок – и роллер по дуге улетел в кусты. Кажется, он сломал себе ногу, но я не стал приглядываться.
Я бежал навстречу двумстам двадцати двум стражам.
Ну и хранителю, конечно.
Стража начала стрелять.
Мне кажется, даже старшая стража не владела всем объемом информации и не могла понять, кто или что стремительно бежит им навстречу.
Я запрыгал, заплясал в воздухе, ускользая от вспыхивающих нитей-лучей, стремительно летящих сгустков плазмы и медленно ползущих пуль – тех самых, из учебного оружия. Лазерные лучи были опаснее всего, я не мог от них уклониться, конечно же, но у стражи было всего четыре боевых излучателя, и я отслеживал направление ствола у каждого.
Честное слово, в какой-то момент я взмыл в прыжке, оттолкнувшись от воздуха, ставшего твердой опорой!
Нет, это была не битва.
Всего лишь воспитательный процесс.
Я врезался в толпу, расшвыривая стражей. Они прочные и быстро регенерируют, это хорошо, я не боялся их убить.
В конце концов, они ведь тоже всего лишь дети.
Мне навстречу попалась Же, ее я откинул особенно аккуратно, она мне нравилась.
За это я поплатился тем, что пропустил выпад одной из старших стражей в боевой трансформации. Руки ее вытянулись длиннее, чем я ожидал. Стража полоснула мне по плечу когтями, и я почувствовал нейротоксин, щедро впрыснутый в тело.
Я нейтрализовал яд, зарастил рану и отвесил оплеуху страже – всё одновременно.
Стражи метались во все стороны, пытаясь добраться до меня, прикрыть хранителя и, конечно же, мешая друг другу.
Уничтожителя они бы смели.
Да они бы и батальон ровианской гвардии (теперь я знал, что это такое) могли уничтожить, не то что меня.
Если бы все были вооружены, конечно.
И если бы я не был во втором Призыве – дающем мне общую власть над Измененными, позволяющем чувствовать каждое движение и каждую эмоцию вокруг.
Я прорвался к хранителю, отбросил двух старших стражей, пытавшихся прикрыть командира.
Посмотрел в белые глаза, следящие за мной без всяких эмоций, выпрямился во весь рост. Окинул взглядом побитое воинство. И гаркнул:
– Спать!
Печать задрожала во мне, отдавая приказ, – и стражи мягко повалились на землю.
– Я восхищена, Максим Воронцов, – сказала хранитель.
Надо отдать должное, она не испугалась. В ней была лишь непреклонная воля и решимость выполнить приказ, живой или мертвой. Никогда не подумаешь, что она на самом деле молодая девчонка. Изменение затрагивает всё, не только тело.
Я взял ее за горло, приподнял над землей и заглянул в глаза.
– Высшему не было бы нужды в таких представлениях, – прохрипела хранитель. – Но я отдаю должное твоей решимости и силе.

– Вы уйдете назад, – сказал я. Слова на человеческом языке давались с трудом, мне проще было бы говорить на языке Инсеков. – И отстанете от этого Гнезда.
– Ты очень сильный, но молодой и не понимаешь, – сказала хранитель. – Мы не отстанем, мы придем снова. Ты убьешь нас. Придут другие. Все Гнезда. Со всего мира. Тебе придется убивать всех. Ты не справишься, боевая форма скоротечна… но ты убьешь многих. Тысячи. Десятки тысяч.
– Я убью всех, – сказал я с угрозой.
– Может быть, ты убьешь всех нас, – согласилась хранитель. – Но мы пойдем на смерть.
Я отпустил ее. В голосе хранителя не было ни злости, ни ярости, только боль.
– Чего вы к ним пристали? – спросил я растерянно. Наверное, это плохо сочеталось с моим устрашающим видом. – Это случайный кристалл, Наська его нашла в Гнезде! Он не ее!
Хранитель поморщилась, нахмурилась. Проблеск человеческих эмоций был едва заметен.
– Кристалл? Наська? Ты о куколке, изменившейся в мать?
– Да…
– Измененные не продуцируют кристаллы. – Хранитель покачала головой. Подошла ко мне… и вдруг обняла: – Бедный… бедный призванный…
Я отодвинул ее от себя мгновенным резким движением, но она все так же смотрела на меня – с жалостью и печалью.
– Дело не в Анастасии или Дарине, Максим! Дело в тебе!
– А? – только и сказал я.
– Ты причина, Максим, – хранитель склонила голову. – Ты – продуцент смыслов. Кристалл тоже породил ты. Откуда еще мог взяться кристалл в Гнезде? Это высокий, страшный потенциал.
– А… – снова произнес я.
– Инсеки собирают смыслы на завоеванных планетах. Но Земля особая, это мир Прежних. Им и сейчас достаются все порожденные людьми смыслы. Ты человек, все равно, даже во втором Призыве, и ты порождаешь самое ценное во Вселенной – конструкты идей и эмоций, связь вещей и явлений, пути в будущее. Ты порождаешь новые смыслы, и каждый из них помогает Прежним в войне! Приближает их к всемогуществу. Ты защищен приказом Высшего, как и обычный человек, но мы будем пытаться уничтожить Гнездо.
– Почему?
– Ты продуцируешь смыслы лишь общаясь с Гнездом, с Дариной, с Наськой. Ты человек и часть Гнезда… мы не можем убить человека, но мы попытаемся убить Гнездо. Мы не испытываем к ним зла, они наши сестры, но мы придем их убивать.
– Не надо, – сказал я.
– Мы знаем Прежних и знаем их планы. Инсеки тоже чужие, но лучше Инсеки, чем Прежние. Мы будем приходить к Гнезду и пытаться его уничтожить. Никто больше не выстрелит в тебя, мои стражи не знали, кто вышел навстречу. Но мы будем приходить, и тебе придется нас убивать.
Я молчал. Я знал, что она не врет.
Всё так и будет.
Что-то во мне обмякло и расслабилось. Я понял, что стал ниже ростом, – с хранителя. Вокруг вяло шевелились стражи, некоторые уже пытались встать, но никто из них больше не нападал на меня.
– Сколько у меня времени? – спросил я.
– Инсек отдал приказ, – сказала хранитель. – Думаю, минут пятнадцать я могу потянуть. Пока стражи приходят в себя и восстанавливаются. Потом мы снова попытаемся уничтожить Гнездо.
– Ага, – сказал я. – Это нормально.
– Возвратный мутаген не поможет. Даже если бы он превратил тебя в человека, ты…
– Продолжу продуцировать смыслы, – кивнул я. – Либо я, либо Гнездо, верно?
– Мне очень жаль, – вздохнула хранитель. – Но на Земле есть место либо тебе, либо Гнезду.
– А, – я подумал мгновение. – Понял. Спасибо.
– Для меня было честью говорить с тобой, Создающий смыслы, – сказала хранитель.
Я махнул рукой – она уже напоминала человеческую, и пальцев снова было пять.
И пошел к своему Гнезду.

Эпилог

Хранитель была права – поддерживать боевую форму второго Призыва постоянно я не мог. Когда я дошел до защищенной зоны, я выглядел почти как всегда. Только кожа побледнела, и ростом я остался чуть выше.

И чувствовал, как справа в груди бьется второе сердце.

Дарина с Наськой были здесь, в комнате пять на пять метров, целиком отлитой из инопланетного металла. Для хранителя естественно потащить мать в самое безопасное место Гнезда.

Но, в общем-то, я знал, где находится каждый Измененный. Ощущал каждую куколку, осторожно идущую к защищенной зоне. И чужую стражу возле Гнезда тоже чувствовал.

Дарина с Наськой как раз пытались открыть сейф. Часть стены вздрагивала, по металлу шла рябь – Гнездо все еще не решило, признает ли новую мать. Я подошел к ним так тихо, что девчонки заметили меня только в самый последний момент.

– Всё в порядке, – сказал я, забирая из рук Дарины контейнер с возвратным мутагеном.

Рябь на стене исчезла, сейф так и не открылся.

Она всё поняла. Шприц лежал в контейнере рядом с ампулой. Дарина молча смотрела, как я набирал желтую жидкость, потом кивнула на Наську.

Почти мать Гнезда смотрела на меня. Наська стала выше Дарины ростом, раздалась вширь, здоровенный взрослый свитер обтягивал ее, будто халатик. Потом она заговорила, но ее голос, к моему ужасу, оставался прежним:

– А Дарина?

– Это как в книжке про любовь, – объяснил я. Мой голос вернулся, только сделался хриплым. – Она любит его, он любит ее, но все равно все страдают.

– Мне больше не для кого становиться человеком, – сказала Дарина, не отрывая от меня взгляда. – Лучше ты, Настя.

Я воткнул иглу в плечо куколки и вжал поршень, отправляя миллионы наноботов отменять все изменения сразу.

Наська ойкнула и села на пол. Я погладил ее по голове и взял Дарину за руку. Сказал:

– Извини. Единственный выход. Я же не могу всех их убить. Хотя, наверное, могу! Но не хочу.

Она обняла меня, и мы постояли так несколько секунд, чтобы запомнить друг друга навсегда.

– К Гнезду бежит Милана, – сказала жница.

– Я знаю, – признался я. – Я чувствую. Объясни ей всё сама, хорошо? И моим тоже. Отведешь к ним Анастасию и всё расскажешь.

– Они меня не простят, – сказала Дарина.

– Да, – согласился я. – Но поймут. Со временем. И еще Лихачеву…

– Я всё расскажу.

– Он правильный чел. Всем нашим объясни.

Я вдохнул запах ее волос, поцеловал в шею. Спросил:

– Росс сто двадцать восемь? Саельм?

– Максим, я не знала, – сказала Дарина. – Я не поняла…

– Понял только Прежний, – я покачал головой. – Еще при первой встрече, наверное. Или после Высшего, не знаю. Он понял, что из меня можно выжимать смыслы. Я не знаю, почему так получилось. Но когда я с тобой… с Гнездом… я что-то делаю. Меняю себя, меняю других. Прежние это подбирают. Не кристаллы, кристаллы лишь символ, они получают куда больше, и это им давать нельзя.

Она всё понимала, и я всё понимал, но все-таки проговаривал вслух, убеждая больше самого себя, чем Дарину.

А за ее спиной защищенная зона Гнезда формировала экран.

Он не был круглым, как обычно показывают в фантастических фильмах. Вытянутый прямоугольник, медленно разгорающийся серым светом, достаточно большой, чтобы сквозь него пригнувшись прошла старшая стража, или протиснулся монах… или шагнул я.

Пора было сделать то единственное, что защитит Гнездо.

Расстаться с ним.

Где-то снаружи стоял Прежний и задумчиво смотрел на Милану, вбегавшую в выбитую дверь Минкульта.

В своем кабинете Лихачев закурил последнюю из пачки сигарету, слушая по телефону сбивчивый доклад.

Моя мама нахмурилась, глядя в окно на бледное лунное кольцо, и спросила отца, почему я давно не заходил.
Старая женщина-хирург сидела у входа в операционную и ждала, когда закончат оперировать ее друга.
В своем разбитом корабле ждал отчета последний Инсек с флота вторжения.
Хранитель Раменского Гнезда обходила ряды побитой стражи, до последнего оттягивая самоубийственную атаку.
Я отстранился от Дарины.
Погладил по голове девочку Наську – она так и сидела на полу, в луже едко пахнущей жидкости, отринутая плоть Измененных сочилась сквозь кожу и комками слизи стекала вниз. Раньше я бы воскликнул: «Какая мерзость!», а она бы ответила: «Не дерьмо, не бойся!» Но сейчас я сказал только:
– Береги родителей, сестренка.
Вошел в экран – как был, в рваной одежде и чистеньком плаще.
И холодный воздух Саельма ударил мне в лицо.
КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

Март – май 2021

Сергей Лукьяненко
Месяц за Рубиконом

© С. Лукьяненко, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть первая

Глава первая

Снег был серым, но при свете звезды Росс 128 казался грязно-розовым. Я смял его в ладонях, слепив увесистый снежок. Примерился и бросил. Далеко, от казарм второго взвода и до четвертого тренировочного купола.
С глазомером и силой у меня явно стало лучше.
Снежок пулей пролетел метров тридцать и смачно ударил в спину стоявшую у входа стражу.
Ухмыльнувшись, я наклонился и слепил второй снежок.
Стража ощупала спину, обернулась, возмущенно уставилась на меня. Я пошел к куполу, подбрасывая новый заряд в руках. Утоптанный снег поскрипывал под ногами.
Сегодня было совсем тепло, градусов пять ниже нуля. На Саельм пришло короткое двухдневное лето.
– Нечестно! – укоризненно сказала стража.
Ну ладно. На самом деле она произнесла «Nicht fair!» – базовым языком общения Измененных был немецкий. На Земле я его не знал, на Саельме Гнездо записало его в мой мозг сразу же после перехода.
Инсеки считали, что для боевой обстановки и работы со сложной техникой немецкий язык подходит лучше английского или китайского. Наверное, в этом был какой-то резон.
Стражу звали Поль, в человеческой жизни она была мальчиком из Франции. После Изменения в стражу трудно понять прежний облик, они все похожи друг на друга: двухметрового роста, с безэмоциональным широким лицом, с бледной шершавой

кожей. Но, кажется, Поль не был светлокожим французом, наверное, родители из бывших колоний.
– А ты не зевай, – сказал я. Бросил второй снежок. Конечно же, теперь стража с легкостью увернулась и поймала снежок в воздухе. Я кивнул и воскликнул: – Бум!
– Почему «бум»? – удивилась Поль.
– Это была граната, – пояснил я. – Надо отбивать, а не хватать.
Оставив стражу Поль размышлять над сказанным, я открыл дверь и вошел в купол. На Саельме я провел уже десять дней, но заниматься начал лишь вчера.
Что поделать, прибыл я сюда не в форме. Второй Призыв превратил меня в кого-то вроде универсального защитника и позволил спасти Гнездниковское Гнездо. Я с тех пор так и думал о себе – Защитник, словно выделяя слово заглавной буквой. Но далось это нелегко – первые трое суток (нормальных, земных) на Саельме я валялся пластом под присмотром жниц-медичек. Пил восстанавливающие экстракты самого мерзкого вкуса, в меня внутривенно вводили прозрачные опалесцирующие растворы, заставляли заниматься физкультурой и даже делали массаж. Потом меня неделю изучали, просвечивали рентгеном, ультразвуком и еще какими-то лучами и волнами, брали на анализ все жидкости, которые только имелись в моем теле, и кусочки тканей (самым неприятным оказались пункции спинномозговой жидкости и костного мозга), проводили психологические тесты и давали заполнять огромные анкеты с дурацкими вопросами.
В результате я, как ни странно, восстановился. А медики Измененных, как я и предполагал, ничего не поняли. Таких, как я, здесь не водилось, таких, как я, просто не существовало раньше. Второй Призыв считался теоретически возможным, но, похоже, никто, кроме меня, его не проходил. Так что вчера врач-Измененный (особая и редкая форма, он походил на морщинистого пожилого мужчину с седыми волосами) вынес вердикт: «Незавершенное Изменение с неясной финишной функцией, физически здоров, к обучению годен, рекомендуется наблюдение и регулярные осмотры».
Я с ним не спорил. Я не собирался рассказывать здешним Измененным, кто я такой. Над ними стояли Инсеки, а к ним я симпатии не испытывал…
В куполе было тихо. Очень тихо, непривычно для человеческого жилища. У нас в домах ведь всегда есть звуки, мы просто их не замечаем: шум машин с ближайших улиц, гул ветра, тихое урчание кондиционеров, вентиляции и холодильников; тиканье механических часов, неуловимое, но ощутимое гудение трансформаторов; звук воды в трубах, поскрипывание полов или деревянной мебели… Я уж не говорю о том, что люди не любят тишину и включают музыку или телевизор, чтобы тот бормотал что-нибудь.
Мы живем в звучащем мире. Космонавтов раньше даже специально обучали переносить космическое безмолвие.
А вот здания в тренировочном лагере Измененных абсолютно звуконепроницаемы, к тому же Саельм и без того не слишком громкое место. Внутри куполов никакой привычной техники нет. То, что ее заменяет, работает в тишине. И даже местное Гнездо совсем другое – оно не звучит, его почти не замечаешь.
Сразу за входом был небольшой тамбур. На минус пять по Цельсию, конечно, Измененным наплевать. Я ощущал прохладу, но мог бы ходить по поверхности голым. Вот только зимой тут бывает и минус пятьдесят, и минус шестьдесят – это даже для стражи неприятно.
Я пошаркал ногами по шершавому полу, соскребая с подошв остатки снега. Посмотрел на свое отражение в металлической стене. Купол понял, чего я хочу, и металл посветлел, стал зеркальным.
Ну… ничего так. Вполне прилично выгляжу!
Превратившись в Защитника, я сильно изменился. Вырос на полметра, лицо стало жутковатым, как у стражи. На голове гребень, кожа – как снег…
Но когда боевая форма ушла, я снова сделался самим собой – снаружи. Разве что пара лишних сантиметров осталась, но я не против. Лицо нормальное, мое. Если бы меня увидел кто-то из старых знакомых, то сказал бы: «Максим, ты чего, забухал, что ли?» Увы, шансов встретить старых знакомых на Саельме у меня нет. Люди здесь не бывают.
После прибытия мне выдали комбинезон, похожий на тот, что носят стражи, только не черный, а ученический, серовато-белый, под цвет местного снега. Я его, конечно, надел – от человеческой одежды остались лишь лоскуты. Но поверх нацепил подаренный когда-то Продавцом плащ. На меня посмотрели странно, но ничего не сказали. Так что я теперь выглядел как комиксовый супергерой – в трико и плаще…

Вздохнув, я пригладил волосы, в очередной раз ощутив, что они изменились – стали курчавыми, жесткими, как у какого-нибудь африканского парня. Ничего не имею против черных кудрей, но прежние мне нравились больше.
Тамбур был единственным изолированным помещением в куполе. Все остальное пространство, куда я прошел, занимал тренировочный зал. Вчера он был заставлен чем-то вроде низких табуреток или пуфиков, на которых мы сидели во время занятия. Сегодня все изменилось. Пол стал мягким и бугристым, словно раскисшая земля. Стены и потолок превратились в экраны, очень правдоподобно показывающие лесную чащу.
Растения были синевато-зелеными, неземными.
Мой второй взвод уже собрался – все восемь Измененных, если не считать несущую караул стражу Поль. Нужды в карауле, конечно, никакой, но это тоже часть тренировки.
Шесть стражей, одна старшая стража и одна жница-медичка. Они стояли молча, в беспорядке, хотя две стражи, Ли и Хо, как обычно, держались рядом. Я помахал рукой и встал за Олой, старшей стражей, которая считалась лидером взвода. Старшая шумно вздохнула. Я пришел вовремя, но Измененные предпочитали собираться раньше назначенного времени. К тому же я присоединился к взводу позже и всем остальным казался странным. Если вам доводилось переводиться в новую школу через пару недель после начала учебного года, то вы понимаете, о чем я.
– Чему станем учиться? – спросил я.
Ола молча покачала головой. Глупые вопросы ради вопросов они не любили.
«Эй, Гнездо…» – позвал я мысленно.
«Слушаю, Макс», – настороженно отозвалось Гнездо.
Видите ли, я редчайший случай. Я стал Измененным не потому, что выпил мутаген, на меня повлияла «тонкая волновая структура», что бы это ни значило. При первом Призыве изменения были внешне малозаметны. А вот второй Призыв поменял меня сильнее.
Из последствий – кроме того, что я, похоже, самая опасная в бою разновидность Измененных, – у меня появилась возможность общения с Гнездами. Не только со своим, а с любым. И не просто общения. Все Измененные могут получать от Гнезда информацию или пользоваться им как мессенджером, пересылая сообщения друг другу, но я еще могу просить Гнездо что-то сделать или не сделать.
Ладно, к черту вежливость! Не просить – приказывать. Не знаю, насколько велика эта способность, не рискнул проверять. Местное Гнездо, в отличие от Измененных, мою особенность чувствовало. Но о ней никому не сообщало.
Я очень настойчиво попросил.
«Не дуйся, – сказал я. – Что сегодня на уроке? Я домашку не записал!»
«Что?»
Чувство юмора у нейронной сети отсутствует напрочь.
«Не обращай внимания. Чему нас будешь учить?»
«Рукопашный бой», – ответило Гнездо.
Как мне показалось, с легким злорадством.
«Когда начало?»
«По расписанию, через семнадцать секунд. Тебе требуются какие-то особые условия, ограничения, дополнительное время на подготовку? Десять секунд».
Я насторожился.
«Нет. Какие правила?»
«Правил нет. Четыре. Три. Два. Один».
Старшая стража, не разворачиваясь, ударила меня в грудь.
Ну да, у них другая мускулатура и другая подвижность суставов.
Я отлетел метра на три, потерял равновесие и рухнул ничком на пол. Мгновенно развернулся и вскочил.
Вовремя. Они шли ко мне.
Все восемь Измененных моего взвода.
Все на одного!
Даже обычная стража выше меня, не говоря уж о старшей. Даже медичка чуть шире в плечах (мне кажется, она раньше была парнем). Я уж не говорю о том, что все они несколько лет тренировались в Гнездах на Земле.
– Нечестно! – выкрикнул я, отступая к стене.
Все-таки еще несколько лет назад все они были больными человеческими детьми. Дети от природы довольно злые, но зато хорошо чувствуют несправедливость.
Старшая стража подняла руку, и все остановились.

– Ты не похож на остальных, – сказала она. – Твоя функция непонятна, твои боевые возможности неясны.
– И это повод бить меня ввосьмером? – возмутился я.
– В реальном бою враг сосредоточится на тебе, – сказала Ола. Как мне показалось, с легким удивлением. – Враг будет считать тебя либо самым опасным элементом взвода, либо самым слабым. В любом случае твое уничтожение станет для врага приоритетной задачей. Мы должны выяснить пределы твоих возможностей к самозащите, иначе ты обременишь взвод.
Она опустила руку – и все вновь двинулись ко мне.
Я не то чтобы рассердился. В ее словах был резон, убивать меня они не собирались, а любые раны я вылечу либо сам, либо с помощью медиков.
Но мне все равно не нравилось, когда все против одного. А еще больше не нравилось, что Гнездо с любопытством наблюдало за мной.
То сердце, что было у меня теперь с правой стороны груди, застучало чаще. Я встряхнул ладонями, сам не понимая, зачем, просто показалось, что так нужно. Ощутил короткую вспышку боли в пальцах, будто на миг окунул их в кипяток. А на ступнях утолщенная ткань комбинезона разошлась, стягиваясь к лодыжкам.
Это что-то новенькое.
Я сделал еще пару шагов назад. Почувствовал, что голые подошвы липнут к полу. И понял, что именно предлагает мне организм Защитника.
Развернувшись к стене купола, я прыгнул на нее – и полез к потолку, цепляясь ладонями и ступнями. Ощущение донельзя странное, словно кожа приклеивалась к поверхности, хоть и была совершенно сухой. Безумия происходящему добавляло и то, что стена и потолок продолжали работать в режиме экрана, очень убедительно показывая инопланетные джунгли: синеватую растительность, обросшие густым мхом стволы, толстые лианы. Среди деревьев даже мелькали какие-то мелкие движущиеся тени, не то птицы, не то прыгающие по ветвям ящерицы.
В общем – самое место для обезьяны.
Через несколько мгновений я висел на потолке, а метрах в пяти подо мной топтались Измененные.
– Способности к бегству хорошие, – одобрила жница-медичка.
– Эй, я не хочу вас повредить! – Я помахал одной рукой.
– Ли, Хо, Вай! – приказала старшая стража. – Снимите его оттуда!
Ли и Хо переглянулись, встали подо мной, сцепив руки в замок, и присели. Вай – самая, пожалуй, мелкая из стражей – разбежалась, прыгнула им на руки, и те одним движением швырнули ее вверх, в меня.
В полете Вай наткнулась на мой кулак, я ощутил, как хрустнул нос Измененной.
Ну ничего, стражи все равно красотой не отличаются.
Однако Вай удар перенесла стоически. Зацепилась и повисла на мне, выкручивая руку, которой получила по носу.
Что бы ни держало меня на потолке, волоски, как у геккона, или какой-то биологический клей, лишняя сотня килограммов веса потянула меня вниз.
Так что я отцепился, оттолкнувшись ногами, локтем свободной руки ударил Вай в висок и рухнул, выбрав в качестве амортизатора медичку.
Жница вскрикнула, когда я и слегка оглушенная Вай упали ей на голову. Я перекатился в сторону, как раз вовремя – Ли и Хо прыгнули, но в результате еще больше травмировали несчастную жницу.
– Слушайте, да хватит! – выкрикнул я.
С организмом что-то происходило. Я чувствовал, как один за другим возникают в моем теле органы, которых не то что у людей – даже у Измененных не было. Ощущение – словно тело пронзают иглами, а в месте укола все на миг немеет.
На меня набросились еще две стражи. Секунд пять мы обменивались ударами. Им было проще, руки у стражи длиннее, чем у людей.
Одной страже я пробил мышечный пласт на животе и травмировал брюшное нервное сплетение. Стража упала и забилась в судорогах, пронзительно взвизгивая, будто щенок, которому наступили на лапку. Вторая стража пошла в клинч, я увернулся, зажал короткую толстую шею локтем и сломал позвоночник.
В случае со стражей это только звучит страшно. К вечеру она восстановится.
На меня бросились сразу все остальные – старшая стража, травмированная Вай с окровавленным лицом, Ли и Хо и молчаливая стража, которую я знал лишь по прозвищу – Болтушка.

Я взмахнул рукой, и выскользнувшие когти рассекли Болтушке грудь. Комбинезон задергался, пытаясь стянуть разрез и закрыть рану. Сквозь рассеченные ребра я видел биение сердца.
Болтушка немедленно подняла руки и отступила, выходя из боя. Из сходящейся раны обильно текла темная кровь.
– Ола, хватит! – крикнул я. – Это слишком далеко зашло!
Ола заколебалась, жестом остановив Ли, Хо и Вай.
– Убедилась, что я могу за себя постоять?
– Каков твой профиль? – спросила Ола.
– Говорю же – не знаю!
Ола жестом велела страже отойти. Сказала, будто обвиняя:
– Ты морфируешь. Но необычно.
– И что с того?
– Я должна проверить, – сказала Ола.
Встряхнулась. И будто раздалась в стороны – плечи стали шире, руки удлинились, из пальцев выдвинулись когти.
Старшая стража переходила в боевую форму.
– С ума сошла? – воскликнул я. – Ты же не контролируешь нейротоксин!
Ола молча пошла на меня.
Ну да, допустим, в боевой форме Защитника я могу нейротоксин пить стаканами. А вот как насчет нынешней, промежуточной?
К тому же у обычных Измененных иммунитета к токсину нет. Даже у самих стражей. Если к яду есть противоядие – он ненадежное оружие.
– Ола… – с тревогой сказала Вай. – Не надо…
Старшая стража приближалась.
Я успел нанести ей два удара, прежде чем она дотянулась до меня. Первый удар раздробил бы человеку колено, второй разорвал бы селезенку.
Ола смяла меня и повалила на пол. Прижала всем телом. Я отчаянно боролся, удерживая над собой ее руки. Ола медленно преодолевала сопротивление, когти приближались к моей шее.
Она реально хочет меня отравить?
Если яд попадет в сонную артерию – я успею его нейтрализовать?
По телу будто прошла судорога. Я не успел бы вырастить новые мышцы на руках, чтобы стать сильнее старшей стражи, но мой организм ухитрился сделать что-то с имеющимися.
Я стряхнул с себя Олу, выскользнул из-под нее и сильно пнул по заднице. Замер в ожидании.
Старшая стража медленно перевернулась на спину. Посмотрела на свой живот. Вытащила вонзившиеся в тело когти. Перевела взгляд на меня.
В глазах у нее был ужас.
– Ты не виноват… – прошептала Ола.
Значит, она рефлекторно ввела токсин.
Значит, она убила себя.
– Дура! – выкрикнул я. Упал на колени, руками разодрал комбинезон на животе старшей стражи. Грубая нечеловеческая кожа была пробита в двух местах, одна ранка выглядела простой глубокой царапиной, а вот от второй, будто в кино, разбегалась темно-синяя сеточка капилляров.
Я опустил голову и укусил ее в рану.
Токсин я ощутил, как едкую щелочь, растворенную в крови. Несколько секунд я ждал, пока мое тело анализировало яд и создавало антидот. Голова слегка закружилась.
Потом я вновь укусил Олу и впрыснул в рану перемешанную с противоядием слюну.
Старшая стража лежала неподвижно, растерянно глядя на меня.
К нам подползла медичка (похоже, при падении мы ей что-то сломали), я отстранил ее рукой. Жница сейчас ничем помочь не могла.
Ола пошевелилась и села. Ее кости с хрустом возвращались на обычное место, руки становились короче, когти втягивались.
– Нормуль? – спросил я.
Ола кашлянула. Ее пробил обильный пот, она с трудом сидела. Измененные собрались вокруг, драться уже никто и не думал. Только стража, которой я сломал шею, лежала на полу и осторожно ощупывала голову.
– Я жива, – сказала Ола.
Мне показалась, что она бы сейчас заплакала, если бы умела.
– Прошел проверку? – спросил я. – Не буду слабым местом в команде?

Ола кивнула. Потом нехотя признала:
– Прошел. Не будешь.
Я сел рядом, посмотрел на нее. Сплюнул – во рту еще стоял вкус крови и яда.
– Ну зачем это, а? Ола, ты хорошая стража…
– Старшая стража.
– Хорошая старшая стража. Зачем это безумие?
– Таково Изменение, – Ола пожала плечами. – Мы должны доверять друг другу и не сомневаться в наших силах.
Вздохнув, я похлопал стражу по плечу.
Ну вот как на них сердиться?
Дети с ускоренным развитием, выглядящие, как монстры.
И с полным комплектом детской наивности и упрямства.
– Хорошо, я доверяю. Мы будем еще тренироваться?
– Будем, – твердо сказала Ола. – Новая вводная. В ходе боестолкновения во взводе трое раненых. Марш-бросок на пять километров, переноска раненых и оказание им первой помощи.
Она подумала и добавила:
– Мы несем их в лазарет, но двинемся вокруг лагеря и скрытно. Макс несет…
Ола замолчала, вслушиваясь.
Но я тоже услышал Гнездо и с радостью понял, что избавлен от марш-броска.
– Отставить, Макса вызывают в канцелярию, – сказала Ола, вставая. Поглядела на стражу со сломанной шеей. – Я понесу Ги, ей нужен максимальный покой.
Рана у нее на животе еще кровоточила, а зловещие синие капилляры были по-прежнему видны. Но стражи – они прочные.
И упертые.

Глава вторая

Канцелярия в тренировочном лагере – самое важное место. За исключением столовой, конечно.
Поэтому вначале я отправился в столовую. Тело после схватки и череды изменений отчаянно нуждалось в пище. А еще мне хотелось избавиться от гадкого вкуса во рту.
Столовая – такой же купол, как и все остальные. С таким же тамбуром, но внутреннее помещение поделено на зону раздачи, где жницы готовят еду (хотя можно ли назвать приготовлением разогрев готовых пайков?), и зал на два-три десятка едоков. Иногда столовая набита Измененными, некоторые даже обедают стоя. А иногда пуста, четкого времени для приема пищи нет.
Сейчас тут было три стражи, евших молча и даже синхронно, словно они подносили ложки ко рту по команде. И шесть жниц из обслуживающего персонала. Вот на них было приятно посмотреть, если не вглядываться, – так сидят обычные молодые девчонки, о чем-то болтают, даже хихикают. На меня, кстати, жницы поглядывали с интересом, хотя все они прошли свое Изменение до конца и, значит, парнями больше не интересуются. Ни парнями, ни девушками, никем… только своим долгом перед Инсеками.
Я взял на раздаче большой стакан энерготоника – цитрусового лимонада с обильной дозой глюкозы, кофеина и таурина. Человек от такого сутки бы не уснул. Но я всосал пол-литра тоника одним глотком, попросил жницу налить еще и выбрал самый питательный из рационов: с грибным супом-пюре на первое и здоровенным стейком с гарниром из картошки и зеленого горошка на второе. Удивительно, откуда они здесь берут пищу? Что-то вроде технологии Продавцов? Но она ведь не позволяет дублировать картошку по какой-то загадочной причине…
– Устали? – спросила жница на раздаче.
– Да, тяжелый денек, – кивнул я.
Странно было с ней разговаривать. Она так напоминала жниц на Земле, даже Дарину… Но при этом ощущалась в ней какая-то большая чужеродность. Словно она терялась, пытаясь со мной общаться. Вроде как даже старалась немного пококетничать, но не совсем понимала, зачем.
– Отдыхайте, – сказала жница. – Если хотите, я вам принесу торт. У нас вкусный торт, медовый с малиной, его уже весь съели. Но я схожу на склад за новым.
– Спасибо, – сказал я. Мне показалось, что ей действительно хочется сделать для меня что-то приятное. – Я люблю торты.

И я действительно дождался торжественно принесенного мне персонально торта, съев и первое, и второе. И торта съел два куска, он оказался по-настоящему вкусным, а малина будто бы совсем свежая.
Жаль только, что ощущение у меня было такое, будто я не ем, а забрасываю топливо в какой-то ненасытный биореактор, который у меня теперь вместо желудка.
Девчонка-жница улыбалась мне все более и более уверенно, и я решил, что от греха подальше надо уходить. В местном зоопарке я был особью, наиболее похожей на предмет девичьих грез. Зачем оставлять после себя несчастных влюбленных девчонок, которым встреча с кем-то подобным больше не светит?
* * *
Мне не очень хотелось идти в канцелярию, я недолюбливал бюрократов. Но медлить дальше было бы невежливо и странно: Измененные никогда не игнорируют приказов, а я уже ощущал недоумение местного Гнезда.
Да и альтернатива – марш-бросок по снежной целине, с раненой стражей на руках, меня ничуть не привлекала. Часового возле тренировочного купола уже не было, значит, Поль бежит вместе со всем взводом вокруг лагеря, тренирует навык переноски раненых. Я дошел до купола канцелярии – тут тоже стояла стража, оттачивая умение нести караул. Эту стражу я не знал, но мы дружелюбно кивнули друг другу. Все мы Измененные, пусть даже некоторые выглядят почти как люди, а некоторые – как ожившие персонажи фильмов ужасов.
Отряхнув ноги и открыв дверь из тамбура (с виду обычная, только петель нет, болтается будто кусок согнутого картона), я вышел в изгибающийся по дуге коридор. Здесь тоже было абсолютно тихо и безлюдно. Гнездо направляло меня, но я и так помнил, куда идти. Четвертая дверь слева по коридору.
– Можно? – спросил я, заглядывая в комнату.
Разумеется, бюрократ посмотрел на меня с удивлением. Если бы было нельзя, так я бы и не пришел, верно?
– Можно, – подтвердил бюрократ. – Макс. Садись.
Комната была маленькая, примерно три на три метра, да еще и не совсем правильной формы. Стол, два крепких стула, один из которых занимал Измененный. Окон не имелось, тускло и с разным оттенком светились хаотически разбросанные участки стен и потолка. Как ни странно, это давало вполне приличное ровное освещение, но в сочетании с искривленными стенами и, кажется, чуть наклоненным потолком – раздражало. Камера пыток для педантичного человека.
Я сел и улыбнулся бюрократу.
Вообще-то официально его Изменение называлось «учетчик». Но мне это название не нравилось. Словно речь идет о каком-то учете мешков с цементом или ящиков с консервами.
Тем более что по виду он был типичный бюрократ!
Обычно Измененные, ну, те, конечно, что дальше от человека, чем куколки и жницы, сильно меняются. Стражи здоровые и с монстрическим лицом. Хранители вроде и похожи на девушек, но жутковаты, особенно белые глаза, в которых не видно зрачков, пугают. Монахи тоже с человеческим лицом, но они толстые, особенно в заднице, словно ходячие груши на тонких ножках. Разве что доктора – милые старички, похожие на Айболита.
А учетчик-бюрократ походил на мужчину (что тоже у Измененных редкость) средних лет. Пропорции тела человеческие, только пальцы тонкие и длинные, будто у пианиста. Волосы обычные. Глаза большие, как в японских мультиках, оттого кажется, что бюрократ в очках.
И еще они зануды.
– Макс, – сказал бюрократ с явным недоумением. – Я так и не нашел твой профиль.
Я пожал плечами.
– Гнездниковское Гнездо, город Москва, Земля, не предоставило сопроводительного пакета, – продолжал бюрократ. – На повторный запрос не реагирует. Это необычно.
Другие Гнезда тоже не дали ответа.
На столе перед ним лежало что-то вроде расплывшейся лепешки из мутно-белого геля. Я уже знал, что это местный аналог компьютера. Бюрократ легонько коснулся «лепешки» пальцами, подождал и покачал головой. Проверял еще раз, нет ли ответа…
Вздохнув, я развел руками. Конечно же, мое Гнездо не предоставило сопроводительного пакета. Я ведь сам его об этом попросил. А местное Гнездо не запрашивало информацию. По той же причине.
– У нас были большие неприятности, Валь, – сказал я бюрократу чистую правду. – В Гнезде появился стратег. Возникло противостояние с Прежними. Все мы едва не

погибли. Потом было восстание Слуг, попытка убить Инсека, конфликт с Раменским Гнездом. Мое Изменение шло странно.
Бюрократ пристально смотрел на меня своими мультяшными глазами.
– Чуть не помер, – сказал я. – Я же получил мутаген в семнадцать с половиной.
– Очень опасно, – посочувствовал бюрократ. – Изменение во время полового созревания крайне, крайне нестабильно! Я не понимаю, как ты вообще выжил.
– У меня была сильная задержка полового развития, – вздохнул я. – Крохотулечная писька! И яйца хрен нащупаешь! Наверное, это и спасло.
Бюрократ внезапно и резко покраснел. Вообще-то секс и все с ним связанное для большинства Измененных недоступно, и они к этим вопросам относятся безразлично. Но здешний бюрократ как-то уж сильно смутился…
Черт!
А с чего я взял, что Валь – это Валентин, а не Валентина? Может, я тут пошлю перед маленькой девочкой, выглядящей, как мужик средних лет? Ну я и чудила!
– Я тоже был большим парнем, изменился в тринадцать, – неожиданно сказал Валь. – Очень жалел, что… что секса не будет.
Он замолчал, а у меня немного отлегло от сердца.
– Да, наверное, это тебе помогло, – продолжил Валь задумчиво. – Но кем ты должен был стать? Неужели мать не определила?
– Мать Гнезда погибла, – напомнил я.
Валь кивнул.
– Ты близок к человеческой внешности, – рассудил он вслух. – Я подумал, что ты можешь быть учетчиком или контролером. Но ряд ключевых факторов профиля отсутствует. Ты точно не техник, стража, дозорная или строитель. Куда же мне тебя направить?
– Могу здесь пока побыть, – сказал я без энтузиазма. На Саельме мне не нравилось, тут было холодно и уныло. А еще меня не отпускала мысль о том, как близко отсюда Земля, всего лишь переход. Земля – и Дарина…
– Можешь… – согласился бюрократ так же неохотно, как и я. Видимо, это нарушало правильный порядок действий. – Монахи тоже не получили внятных результатов по анализу ДНК. Судя по отчетам с тренировок, ты все-таки боец, но вот какой именно? Комендант велел определить твой профиль, но если я скажу, что это невозможно…
Он снова потрогал «лепешку» на столе, вздохнул. Спросил:
– Скажи, а что у тебя с формой?
А что у меня с формой? Я оглядел себя, поправил рукава комбинезона.
Во взгляде бюрократа мелькнуло что-то вроде сочувствия.
– С биологической формой. Какие есть возможности для изменения? Гнездо сообщило, что во время учебного поединка ты несколько раз модифицировал свое тело.
– Вроде бы да, – сказал я осторожно. – Трансформируюсь, вот хоть Олу спросите… Но сам не пойму, как и в кого.
– Ну-ка, ну-ка… – Валь оживился. Коснулся своего странного «ноутбука», и чуть в стороне от стола появилось изображение. Объемное и, видимо, в натуральный размер, я даже вздрогнул.
На первый взгляд существо казалось человеком. На второй – мнение хотелось изменить на «гуманоид», да и то с осторожностью. Да, гуманоид, явно мужского пола (разумеется, изображен он был голым), с нежно-розовой кожей, белесыми волосами, более-менее обычными пропорциями тела, среднего роста. Даже глаза выглядели человеческими – с голубой радужкой.
Но на груди гуманоида (кстати, с вполне нормальным мужским оволосением, только бледным) было четыре соска! Рудиментарных, как мужчинам и положено, но четыре! И пальцев на руках и ногах тоже было по четыре. Я бы сказал, что отсутствовали мизинцы.
– Узнаешь? – спросил Валь осторожно.
– Нет.
– Это тэни, – вздохнул бюрократ. – Тебя совсем не готовили, вижу? Три года, как забрали их миры у Прежних.
– Ага, – сказал я. – Тэни. Да-да, что-то вспоминаю.
Я протянул руку и ткнул изображение в живот. Живот у тэни оказался твердый и теплый. Хорошие у них голограммы.
Лучше бы, конечно, женскую особь продемонстрировали, эстетически было бы приятнее.
– Можешь им стать? – спросил Валь с любопытством.
Я растерялся.

– Попробуй.
Неловко поднявшись, я осмотрел неподвижного тэни. Он был чуть ниже меня, если бы не количество пальцев и сосков – выглядел бы обычным, разве что очень блондинистым парнем.
Как я могу «им стать»?
Я осторожно потянулся к местному Гнезду. Ощутил настороженный ответ.
«Могу я стать таким?»
Гнездо не знало. Гнездо вообще не понимало до конца, кто я и что я.
Закрыв глаза, я представил себя в образе тэни.
Итак… у меня четыре пальца на руках… и еще по два соска слева и справа… фиг с ними, для мужика это вещь декоративная… волосы у меня белые, кожа розовая… да чушь какая-то, я же не такой…
А когда я был ростом выше стражи и с мордой, как у Чужого из старого кино, – какой я был?
Я услышал громкий хлопок и открыл глаза.
Бюрократ Валь смотрел на меня с полным восторгом. Судя по всему, он расчувствовался так, что стукнул ладонями по столу.
– Дорогой ты мой! – воскликнул он. – Макс! Ну поздравляю, мы нашли твой профиль!
– Да? – Я посмотрел на ладонь.
Кожа была нежно-розовая, мизинец исчез. Только под кожей что-то едва заметно шевелилось, словно кости ожили и втягивались внутрь. Сам я ощущал только легкий зуд.
– Глаза голубые? – спросил я.
– Да это не важно, глаза у них разные бывают… Голубые, голубые! Макс, ты разведчик!
– Круто, – сказал я неуверенно.
– Очень редкий профиль. – Бюрократ даже вскочил, обошел стол, небрежным жестом смахнув изображение тэни. Голый розовый парень исчез. – Я даже не встречал раньше!
– Как стратег?
– Ха-ха! – Валь покачал головой. – Нет, ну не настолько. Не стратег, не тактик, не логистик. Ну не всем же командовать? Но ты редкость, Макс! Ты морфируешь в любые формы. Ты способен внедриться в чужую культуру! Это очень, очень круто!
Я смотрел на свою ладонь. Из нее медленно и совершенно безболезненно вырастал мизинец. Кожа утрачивала розовый цвет.
И грудь зачесалась.
Наверное, исчезали добавочные соски.
Валь похлопал меня по плечу. Он был счастлив, как только может быть счастлив человек, обожающий свою работу и внезапно решивший тяжелую проблему.
– У нас заявки на разведчика висят с двенадцати культур, – сказал он. – Хоть одну удовлетворить – рейтинг пунктов на семь-восемь скакнет! А если ты еще справишься с заданием – удвоится!
– Постараюсь, – сказал я осторожно.
– Иди, тренируйся, – бюрократ посерьезнел. – У тебя зияющие пробелы во всей подготовке, Макс. Через четверть часа тебя ждут на огневом полигоне.
– А мне надо? – уточнил я. – Раз я разведчик?
– Все надо, все. – Валь вернулся за стол. Положил руку на мутный гель. Ему явно не терпелось заполнить на меня ведомости, классифицировать и успокоиться. – Удачи, Макс!
– Не было ничего нового из моего Гнезда? – спросил я на всякий случай.
– Нет, никого не поступало.
– А в другие лагеря?
– Ваших чаще к нам, если нет перегруза, – сказал Валь. Но все же помолчал секунду, общаясь с системой. – Нет. После тебя из Гнездниковского Гнезда никого и ничего не поступало.
Я кивнул.
– Да судя по твоему рассказу – долго еще не поступят, – добавил он. – Гнезду восстанавливаться надо!
– И то верно, – сказал я и вышел.
Гнезду надо восстанавливаться.
Я никогда не вернусь на Землю и никогда не увижу Дарину. Когда я рядом с ней, то произвожу слишком много смыслов. А смыслы – это как раз то, из-за чего идет война в космосе. Нас не оставят в покое, нам не позволят быть рядом.

Потому что Земля – родина Прежних. И те смыслы, что возникают на Земле, и поныне достаются им.
Поэтому Дарина станет хранителем Гнезда и навсегда обо мне забудет. А я…
В тамбуре я снова посмотрел в «зеркало». Мои волосы как раз заканчивали темнеть, утрачивая белесый цвет инопланетян тэни.
Разведчик.
Ну надо же!
Наружная дверь открылась, я вышел, кивнул страже.
И огляделся.
Единственная землеподобная планета звезды Росс 128 уныла до зевоты.
Она ровная, как бильярдный шар. Может быть, тут есть моря и океаны, но они покрыты коркой льда.
Сверху все присыпано снегом.
И в этой бескрайней снежной пустыне (Саельм больше Земли, хотя сила тяжести тут примерно земная) разбросаны тренировочные лагеря Измененных. По-моему, их около тысячи, в каждом тренируется около пятисот человек… да, простите, уже не человек, а мутантов.
За полгода из стражи и других, более редких профилей получаются отлично подготовленные солдаты, воюющие за Инсеков.
С кем?
С другими разумными видами, то есть с инопланетянами. И с точно такими же Измененными, но воюющими на стороне Прежних.
То есть на стороне людей.
Вот такая сложилась интересная ситуация.
И все ради сингулярности. Ради того, чтобы цивилизация смогла возвыситься, перейти в следующую форму существования, стать Высшими.
Для этого нужны смыслы – хотя я так до конца еще и не понял, что это такое. Смыслы порождает только живой разум.
Ради этого и воюют в космосе. Все остальное – пространство, вещество, энергия – имеется в избытке.
Я, кстати, подозреваю, что нынешний вид Саельму придан искусственно. Ну откуда на безжизненной ледяной планете взялся бы кислород в таком количестве, что можно свободно дышать?
Да и звезда Росс 128 – не теплое земное солнышко. Она крошечная, в пять раз меньше и в семь раз легче Солнца! Тусклая, скорее темно-оранжевого, чем красного цвета, древняя и умирающая звезда. Будь Саельм на том же расстоянии от нее, как Земля от Солнца, – тут весь воздух бы замерз.
Но Саельм кружит по орбите у самой звезды, в двадцать раз ближе к ней. На таком расстоянии планету бомбардирует жесткое излучение, да еще и магнитное поле у нее куда слабее земного (человеку пришлось бы несладко, Измененные крепче).
Хотя насладиться видом звезды – единственным, что здесь по-настоящему красиво, – человек бы успел.
С такой орбиты Росс 128 выглядит гигантской! В четыре раза больше, чем Солнце. Огромный тускло-оранжевый блин, ощутимо быстро ползущий по небу. Когда он опускается к горизонту, кажется, что планета вот-вот в него скатится…
Год, кстати, здесь длится меньше десяти дней.
Ума не приложу, почему вначале Прежние, а потом Инсеки выбрали этот мир для тренировок Измененных. Может быть, для того, чтобы новоприбывшие сразу осознали свою ничтожность и свое место в мироздании?
– Красиво, – сказала стража, глядя на меня.
– Ничего так, – согласился я, не отрывая взгляда от умирающей звезды. Ей еще долго умирать, несколько миллионов лет. – Ты тут давно?
– Семь месяцев, – ответила стража. Конечно же, имелись в виду «стандартные», земные месяцы. – Скоро отправляюсь.
– Куда?
– Не знаю, – беззаботно ответила стража. – Куда пошлют. Стража – универсальная боевая единица. Наше Гнездо специализировалось на Уорхане, это горячие биоактивные болота. Но там сейчас тихо, вряд ли туда отправят.
– Угу. – Я поморгал и отвернулся от звезды. Хоть и тусклая, но глаза все-таки надо поберечь. – Слушай, ты не знаешь, тут есть Продавец?
– Где-то есть, но далеко, не в нашем лагере. – Стража с любопытством смотрела на меня. – Ты ведь не стража, Макс? И не старшая стража. И не жница. И не учетчик. И не монах. И не тактик. И не доктор…

– Нет, – сказал я, прерывая ее. Стражи вообще склонны к таким застреваниям, могут пару минут перечислять.
– А кто?
Подумав, я пожал плечами:
– Я джокер.
Стража подумала и уточнила:
– Это как в кино?
– Хуже. Это как в картах. Скажи, где тут огневой полигон?
Стража указала рукой и пробормотала:
– Странный ты. Будто человек.
– Таково Изменение, – ответил я.
Я уже понял, что этот ответ годится на любой вопрос.

Глава третья

До огневого полигона было километров пять. В серо-снежной целине Измененные протоптали широкую тропинку, скорее даже зимник, с крепкими высокими вешками метрах в пятидесяти друг от друга. Верхушка каждого шеста мерцала ярко-зеленым светом.
Значит, здесь бывают метели, когда можно сбиться с пути.
Заходящая звезда тускло светила мне в спину, длинная тень болталась впереди. От красного солнца осталась лишь неправдоподобно широкая полоса на горизонте, гаснущая с каждой секундой. Сутки на Саельме длятся ровно шесть часов. Настолько ровно, что я даже не сомневался – вращение планеты задано искусственно.
Я шел быстро, но меня то и дело обгоняли стражи, спешащие на полигон. Похоже, они совмещали дорогу с разминкой: то бежали легким марафонским бегом, то ускорялись, то переходили на шаг, подчиняясь какому-то своему режиму. На меня поглядывали с любопытством, но вызвано оно было скорее моим слишком человеческим обликом. Темп движения каждый выбирал сам.
Собственно говоря, они все выбирали сами. Когда лечь спать, когда идти в столовую, когда тренироваться. Какие-то команды им явно давало местное Гнездо, но большей частью все действовали самостоятельно.
Странная армия, если подумать. Армия – это ведь в первую очередь дисциплина, командный дух, прочая ерунда; ты часть команды, ты выполняешь приказы, у тебя жесткий режим.
А тут, на первый взгляд, царила какая-то вольница. Может, так себя вели пираты, или казаки, или еще какие-нибудь ополченцы, но никак не войска галактической цивилизации Инсеков!
Один раз высоко в небе бесшумно пролетел глайдер Измененных – узкое веретено из серо-синего металла. Ни крыльев, ни двигателей у него не было, как он передвигается – я тоже не знал. Управлению глайдерами учили в самом конце курса, вряд ли я его дождусь. Но глайдер смотрелся красиво, и я постоял минуту, провожая его взглядом.
Навстречу мне тоже шли Измененные, большей частью, конечно, стражи. Попалось и несколько толстых неуклюжих монахов, и несколько жниц – когда я их увидел, у меня снова тоскливо заныло в груди. Жницы здесь выполняли те же функции, что и на Земле, – учили, готовили, убирали, вели хозяйство.
Прошел и строитель – кряжистый, невысокий, похожий на сказочного гнома. Я повидал не так много Изменений, но уже понял, что семь видов обитателей Гнезд на Земле – это лишь верхушка айсберга. Куколка-жница-стража-старшая стража-хранитель-монах-мать… для обучения Измененных большего не требовалось.
К полигону я пришел почти в полной темноте. Небо пылало от звезд, хотя по космическим меркам Солнце и Росс 128 были соседями, даже созвездия большей частью остались похожими. Сказывался чистый воздух… ну и, наверное, мое улучшившееся зрение.
Тренировки на полигоне шли без всяких скидок на время суток. Возле маленького купольного здания стояли десятки легких стеллажей и столов, заполненных причудливым оружием. Говоря «причудливым», я не преувеличиваю. Часть оружия выглядела привычно: ствол, рукояти, спусковые крючки, но попадались штуки, в которых трудно было заподозрить что-то опасное. На одном столе, к примеру, валялся треугольник из золотисто-зеленого металла, похожий на музыкальный инструмент, большая стеклянная призма и мягкая игрушка, напоминающая шестилапого медведя.

На другом лежал колокольчик, язычок которого был бережно укутан пушистым комком ваты. Рядом с колокольчиком – нечто вроде короткой сабли, но совершенно тупой. Тренировочная?
Старшая стража, топчущаяся у столов, с любопытством смотрела на меня. Для своего Изменения она была маловата ростом, всего на полголовы меня выше. Зато очень широкоплечая. На твердой сероватой коже подбородка светлел не то шрам, не то пятно от ожога. Тоже необычно, у Измененных нет шрамов, раны заживают бесследно.
– Макс, прибыл на тренировку, – доложил я.
– Ана, инструктор, – ответила стража. – Знаю о тебе. Профиль определен?
Метрах в ста от нас грохнуло, ночь озарила вспышка дрожащего белого пламени. Стража даже ухом не повела.
– Определен, – кивнул я. – Разведчик.
– Морф? – спросила Ана, помедлив.
– Морф, – согласился я.
Стража протянула руку, прикоснулась к моему лицу. Я молчал.
– Ты похож на человека, – заметила стража.
Мне показалось, или в ее голосе мелькнула зависть?
– Базовый курс пройден? – поинтересовалась Ана, убирая руку.
– Нет. У нас в Гнезде… в общем…
– Знаю, – Ана посмотрела на стеллажи. – Тогда трудно. Будь ты стражей, можно было бы обойтись базовым снаряжением. Но ты должен владеть всем.
Я кивнул. Сказал:
– Тут много всего. Разве это удобно – иметь так много разного оружия?
– Наше оружие – на первых трех столах, – ответила Ана. – И четыре стеллажа у купола со старыми и специальными устройствами. Это просто.
– А остальное?
– Оружие врага, оружие контролируемых миров, оружие конкурентов. Ты должен владеть всем, твой профиль обязывает.
На полигоне застрекотало – тонко, с каким-то повизгиванием. Звук был очень странный, даже сравнить не с чем. Потом кто-то пронзительно, с болью и яростью, вскрикнул.
Стража опять никак не отреагировала.
– Я попрошу Гнездо дать мне информацию, – предложил я.
– Не Гнездо, – поправила стража. – Гнезда на Земле. Здесь мы говорим «Школа». И вряд ли Школа даст информацию.
Я пожал плечами. Даст… куда денется. Гнездо, Школа – суть одна, нейронная сеть с отпечатком сознания всех здешних Измененных.
– Информация без опыта бесполезна, – наставительно сказала Ана. – Хорошо. Начнем с нашего оружия.
Из купола вышла еще одна стража. Видимо, Ана как-то ее позвала, может быть, через Гнездо… простите – через Школу.
– Останься за меня, – велела Ана. – Я работаю с Максом персонально.
Она двинулась к первому столу. Я – за ней.
Ана одним движением сгребла десяток стволов – и пошла в темноту, к невысокому снежному брустверу.
* * *
Через два часа, когда наступил рассвет, мы с Аной заканчивали знакомство с оружием Измененных.
Я лежал на снегу, глядя в кружок прицела. Оружие походило на маленький отбойный молоток – сужающийся цилиндр с двумя короткими ручками по бокам и рифленой накладкой на стволе. На обеих ручках были тугие скобы. Пальцы мерзли – ночью похолодало.
– Пошел! – скомандовала Ана.
Метрах в двадцати передо мной снег будто взорвался – из него выметнулась вверх темная фигура в развевающихся клочковатых одеждах, похожая не то на привидение, не то на дементора из сказки. Под обрывками одежды угадывалась поблескивающая темная чешуя.
Я нажал левую скобу – рукоять отреагировала легким толчком, ствол повело в сторону, за мечущейся скачками фигурой. Потом правую – оружие будто стало на миг тяжелее, даже просело в снег.
Фигуру разорвало в клочки.
– Рипер работает лишь против визуально видимой живой органики, – сказала Ана. – Это ограничение. Даже плотная одежда защищает от импульса.

– Тогда против кого он нужен? – спросил я.
Ана нагнулась, забрала рипер, положила передо мной длинноствольный пистолет.
– Против существ, которые не носят одежду.
– Зверей?
– И зверей тоже. Бери. Это секадор.
Я помедлил. С названиями всех этих причудливых стволов я уже разобрался. Все они шли от земных языков. Те, что были названы англичанами или испанцами, я понимал.
– Тоже против органики?
– Металл не пробьет. Камни и дерево не помеха. Пошел!
Следующая цель возникла дальше и гораздо правее. Это был гуманоид – тонконогий, длиннорукий, с приплюснутой головой, в грязно-зеленом халате, болтающемся над коленями. В одной руке он держал короткое копье с широким, сверкающим, будто стеклянный, наконечником, в другой – овальный металлический щит. Гуманоид не пытался прятаться или убегать, он побежал прямо на меня.
Я выстрелил.
Пистолет выпустил яркий оранжевый луч – гуманоид присел, прикрываясь щитом. Впрочем, я и так промахнулся.
Гуманоид вскочил и вновь устремился в атаку.
Я тоже вскочил, лежать на снегу было глупо. Выстрелил дважды. Оба раза попал. Оба раза в щит.
Черт, не может же враг быть быстрее луча!
– Хмоли отслеживают направление ствола и движение твоего пальца на спуске, – наставительно сказала стража. – Очень хорошее зрение и быстрая реакция.
Гуманоид был уже в десяти шагах. Я видел его лицо – мелкие оскаленные зубы в широком, чуть приоткрытом рту, неотрывно следящие за мной выпученные глаза, вынесенные к самым ушам. Что-то в нем было от лягушки…
Я выстрелил еще раз – и хмоли опять отразил луч щитом.
А потом метнул копье. Очень сильно, целясь мне в шею.
Я прыгнул вверх, чувствуя, как тело сводит судорогой Изменения. Краем глаза я увидел руку Аны, пытавшейся отбросить меня из-под удара, но меня уже там не было. Копье летело страже прямо в плечо.
Не рассуждая и не примеряясь, я ударил ногой по копью, сбивая его, закручивая и подбрасывая вверх. Поймал в воздухе – и, падая, ударил хмоли сверху. Копье пробило ему грудь и пригвоздило к снегу.
Я приземлился рядом, пнул гуманоида по щиту, которым тот пытался прикрыться. Хмоли смотрел на меня, все так же беззвучно скалясь. На губах пузырилась темная красная кровь. Я чувствовал едкий густой запах – запах пота и крови, запах смерти.
– Черт! – завопил я. – Он что, не иллюзия?
– Это конструкт, – ответила Ана. – Добей его, не будь излишне жестоким.
Сочувствия в ее голосе, впрочем, не было.
– Он живой! – выкрикнул я.
– Он умирает. Конструкт существует не более пяти минут, но он испытывает боль и осознает себя. Ты хочешь подарить ему четыре минуты мучений?
Хмоли смотрел на меня, продолжая сжимать в руке щит. Потом откинул руку, перестав прикрываться.
– Черт, черт, черт! – завопил я.
Первые цели были иллюзиями, совершенно точно. Они таяли в воздухе, когда я в них попадал.
Но… потом некоторые падали. Некоторые даже умирали не сразу – я еще подумал о том, насколько правдоподобны эти иллюзии…
Сколько же настоящих, живых и разумных существ я убил за эти два часа?
– Он страдает, – сказала Ана.
Я вскинул пистолет, почти уткнувшись стволом в гуманоида. И нажал на спуск.
Над хмоли встало облако пара, я отшатнулся. Пар оседал кристалликами льда, покрывая иссушенное, сразу ставшее жалким и уродливым тело.
– Ты очень быстр, – похвалила Ана. – Немногие способны уклониться от копья с такого расстояния.
– Он был живой, – сказал я. – Он умирал и понимал это!
Ана помолчала. Потом сказала:
– В конструкты записывают память чужаков, совершивших тяжкое преступление. Этот хмоли был лидером мятежников на Уорхане. Он командовал группой, напавшей на госпиталь. Шестеро стражей и локальный координатор были убиты. Четыре жницы захвачены в плен, подвергнуты жестоким пыткам и ритуальному пожиранию.

– Уорхан – их мир? – спросил я, помедлив.
– Был их миром, – безжалостно ответила Ана. – Теперь его контролируют Инсеки.
– Какие смыслы они ищут в болоте, где живут людоеды? – удивился я.
– Это вопрос не ко мне, – Ана пнула ссохшийся труп, тот рассыпался в прах. – Мой отряд подавлял мятеж на Уорхане. Многого навидались. К примеру, пленных жниц. Одна была частично жива… Этот хмоли будет умирать еще много раз, еще много лет. Пошли, Макс.
Я посмотрел на останки хмоли.
Потом на невозмутимую стражу.
Потом представил себе Дарину.
Кивнул и пошел к стеллажам.
* * *
Мы завтракали. Стояли у купола, рядом с заваленным странным оружием столом, и ели из пластиковых судков. Можно было зайти в купол, в тепло, некоторые стражи так и поступали. Но Ана осталась снаружи, и я последовал ее примеру. Не хотелось показывать себя неженкой.
На Саельме ели два раза в день, как правило, завтракали после восхода солнца и ужинали сразу после заката. Если пересчитать на земные сутки, питание получалось восьмиразовым.
Но организмы Измененных требовали много пищи.
Что меня удивляло, так это сама еда. Вначале я ожидал какие-то рационы, вроде тех, что покупал в Комках. Но здесь питались, как в ресторане, даже на полигоне. В моем контейнере, к примеру, была очень вкусная белая рыба с не менее вкусным рисом. У стражи – здоровенный едва прожаренный стейк и немного овощей. Я уже начал привыкать к тому, что когда-то сказал Инсек: «Ни материя, ни энергия, ни пространство не являются ценностью». И все-таки такое бытовое подтверждение было неожиданным.
Значит, Инсеки или Продавцы могли бы легко накормить всю Землю? Завалить людей вкусной жратвой, дизайнерской одеждой, сложной техникой?
Умом я понимал, что ни к чему хорошему это не привело бы. Но при мысли о скудных государственных пайках, ставших роскошью автомобилях и гоняющихся за кристалликами людях меня охватывала злость.
Я ковырял вилкой рыбу – она оставалась горячей, хотя вокруг было градусов пятнадцать ниже нуля. Поглядывал на меланхолично жующую мясо стражу.
– Сколько у тебя времени? – спросила Ана.
– То есть?
– Когда тебя отправят на задание?
Я пожал плечами. Эта старшая стража мне одновременно и нравилась, и пугала, причем по одной и той же причине. Она была какая-то очень человечная, будто лишь изображала невозмутимость Измененных. В ее словах о мятежнике-хмоли я почувствовал настоящую ненависть, а сейчас Ана казалась искренне заинтересованной.
– Не знаю. Когда велят.
– Разведчики очень нужны, – сказала Ана. – Сейчас очень напряженная ситуация в системе Трисгард. Это миры розовокожих гуманоидов.
– Тэни? – уточнил я. – Такие, четырехпалые?
– Кое-что ты знаешь, – удовлетворенно сказала Ана. – Да. Они самые. Милые, умные, смертоносные. Уже год висит заявка на морфа.
– И ни одного не появилось за год? – удивился я.
– Почему же? Были двое. Видимо, кончились. – Ана отложила пустой судок, взяла кружку из толстого пластика. От кружки шел пар. – Боюсь, тебя направят на Трисгард, и очень быстро.
– Таково Изменение… – пробормотал я. Тоже взял кружку. Очень хотелось кофе, но кофе тут не пили. Мне досталось какао – самый похожий на кофе напиток, какой нашелся.
– Да ты дурак, Макс. Без хорошей подготовки не выдержишь внедрения, – Ана отхлебнула свой чай – или что там у нее было. – Хватит бормотать про Изменение, великую благодарность Инсекам и нашу великую миссию. Мы пушечное мясо.
– Тебе сколько лет, Ана?
– Зачем тебе?
– Хочу понять, почему ты такая умная, – не удержался я.
– Восемь. Я из самых первых Измененных с Земли. И зови меня в мужском роде, я парень. Страж Ана – ясно?
Я хмыкнул. Ну надо же, кое-кто упрямо держится за свою сущность!

– Восемь лет в Изменении. А родился я двадцать три года назад.
Я едва не ляпнул, что мы почти ровесники, но в последний момент удержался. Тогда получалось бы, что я тупил многие годы после Изменения, что совсем уж странно. Здесь я говорил, что мне девятнадцать, врал про исключительно позднюю мутацию… А вот мой наставник как раз был таким исключением.
– Так что слушай старшего, – наставительно продолжал Ана.
– Слушаю, – согласился я. – Но разве стражи бывают… мужчинами?
– Мужчиной тебя делает не член с яйцами, – ответил Ана. Хмыкнул. – Хотя я бы не отказался. Тут есть очень милые жницы… У тебя был секс со жницами? Твой профиль, похоже, позволяет.
Я промолчал.
– Понял, – ухмыльнулся страж. – Молодец, нечего трепаться. Одни не поймут, другие обзавидуются.
– Почему стражей лишили секса? – не выдержал я.
– Секс вносит нестабильность, провоцирует любовь, снижает боеспособность, – Ана пожал плечами. – А еще никому не нужны Измененные, способные размножаться. Так, глядишь, могли бы задуматься, натянуть Инсекам глаза на жопу, порвать Прежних на лоскуты и…
Он замолчал, словно сообразив, что слишком разговорился.
– Я сам их не люблю, – согласился я. – Но разве Измененные могли бы победить Инсеков и Прежних?
– Кто знает, – неохотно ответил Ана. – Они, конечно, куда сильнее. На Сунерде я видел, как Прежний в одиночку уничтожил больше сотни Измененных.
– Видел?
– Своими глазами, – подтвердил Ана. – Я был в том отряде.
– А потом? – с жадным любопытством спросил я.
– Потом мне повезло, и я убил Прежнего, – Ана ухмыльнулся. – Хватит, завтрак закончен. До вечера тебе надо ознакомиться с оружием тэни.
– Это их? – Я протянул руку к странному колокольчику с замотанным ватой языком. Ана резким движением перехватил мою кисть.
– Не трогай! Вообще надо убрать, как это сюда-то занесло…
– Оружие? – поинтересовался я, потирая руку. Хватка у стражи была железная.
– Да, и очень мерзкое, – ответил Ана. – Вообще ничего не трогай без разрешения! Тебя хоть чему-то учили?
– Ну…
– Вижу, что «ну». Одно слово, русские!
– А ты сам-то кто?
Но Ана не ответил, лишь отмахнулся и пошел вдоль стеллажей. Я двинулся следом, размышляя, нравится он мне все-таки или нет.
Честно говоря, слова про убитого Прежнего перевешивали для меня его грубость.
– Давай закончим с нашим вооружением. – Ана остановился у стеллажа. Задумчиво потер массивный подбородок. – Пробежимся по ручному… С чего бы начать…
Гигантский красный диск звезды уже подползал к зениту. Я глянул вверх, поежился и отвел взгляд.
Нет, это реально страшно выглядит!
Звезда маленькая и не очень яркая, но с планеты кажется огромной. А из-за того, что мы так близко, она не просто большая, но еще и различимая в деталях. Видны протуберанцы, пятна, какие-то завихрения и всполохи. От темных пятен даже иногда тени по снегу пробегают!
– Ана, а протуберанцы до планеты не достают? – спросил я небрежно.
– Было пару раз.
– Что?
– Не ссы, – ответил Ана рассеянно. – На орбите есть щит, он включается в случае опасности. Только снег немножко подтаивает… Вот! Пожалуй, тебе стоит освоить эту штуку.
Он взял со стеллажа небольшой, почти обычного вида пистолет. Протянул мне. Я покрутил оружие в руках. Спуск, кнопка слева над рукоятью, в стволе круглое отверстие…
– Предохранитель?
– Да.
– А это спуск?
– Верно.
– Огнестрельное?

– Ты имеешь в виду пороховое оружие земного типа? Нет. Такой экзотики у нас нет. Опробуй.
Я нацелил ствол в ближайший снежный бруствер, вопросительно посмотрел на стража. Тот кивнул.
Я выстрелил.
Полыхнуло. Снег разметало в стороны.
– Ух ты, – восхитился я.
– Обычный плазмомет, – ответил Ана. – Только модель военная, на максималке, у полицейских заряд поменьше.
– Сколько зарядов?
Страж посмотрел на меня с удивлением.
– На два года, если фокус свежий.
Фокус?
– А, – сказал я. – Ну да. Я это и имел в виду. На сколько хватает фокуса?
– Как может фокуса хватать на другой срок? – вопросом ответил Ана. – Локальный энергетический фокус держится семьсот двадцать четыре земных дня, что ты с ним ни делай! Это же константа! Как и мощность!
Очень трудно изображать, будто ты разбираешься в чем-то, что для тебя похоже на колдовство.
Ана задумчиво смотрел на меня. Я вертел в руках оружие.
– Макс, если ты объяснишь мне, что с тобой не так, – сказал Ана негромко, – мне будет проще тебе помочь.
– Таково Изменение, – упрямо повторил я. – Долго поправлялся, потом в Гнезде были проблемы.
Ана вздохнул.
– Если бы не чувствовал, что ты наш, – принял бы за шпиона, – сказал он задумчиво. – Но Школу не обманешь… Хорошо, сейчас возьмем оружие тэни и пойдем в стрелковую зону. Вот у них как раз пороховые заряды в ходу. Оружие примитивное, но тоже имеет особенности…
Я с облегчением пошел за стражем.
Интересно, тренироваться буду на иллюзиях?
Или опять эти… конструкты… с разумом мятежников?
Я думал об этом, пока мы не вышли на позицию.
И понял, что мне это совершенно безразлично.

Глава четвертая

На стрелковом полигоне я занимался еще один день и еще одну ночь – то есть еще шесть часов. Звезда выкатывалась из-за горизонта, зловещим гигантским глазом следовала по небосклону и уходила, оставляя за собой холод и тьму.
Я стрелял из оружия существ под названием тэни, из оружия Измененных (оно было как-то понятнее и привычнее), а потом из оружия тех Измененных, что служили Прежним. Его, впрочем, было не так много, Прежние предпочитали встраивать оружие в солдат. Знакомые мне бойцы с излучателями в добавочных руках, чистильщики – свора связанных общим интеллектом мелких тварей, необязательно, кстати, с крысиной ДНК, к человеческой могло добавляться все, что угодно. А еще ходоки, мараки, сирены, танцоры, буги, кусаки, стельщики и панцеры – десятки, сотни модификаций, самые немыслимые сочетания человеческой и нечеловеческой плоти, со встроенным или выращенным внутри оружием. Какие-то из них были распространенными, какие-то крайне редкими, их создавали для конкретных заданий, порой лишь один раз за всю историю.
Кстати, так устрашивший меня некогда уничтожитель, здоровенный и невидимый шестилапый монстр, серьезным противником не считался. Как я понял, это было одно из простейших и быстрых Изменений, редко использовавшееся в серьезных боях. Поэтому, наверное, Слуги и выращивали их на Земле для атаки на Гнездо.
Теперь я ясно понимал, что Гнезда на Земле не были даже полноценными тренировочными центрами. Скорее уж яслями, детским садом, где давали самые первые знания и готовили детей к учебе. И такие грозные с виду стражи оставались, по сути, детсадовцами, играющими в войну…
Школа была здесь.
А мой наставник, похоже, прошел все возможные университеты.

Нельзя сказать, что он был мной доволен, – я неимоверно тупил, не знал ни одного оружия, дважды собирался использовать причудливые пушки так, что убил бы и себя, и его. Тут ведь не держали холостых патронов или тренировочного оружия, все было всерьез.
Но тем не менее я удостоился похвалы за быструю реакцию и хороший прицел, после чего поймал себя на мысли, что очень этим горд.
Неужели у меня начала ехать крыша? И я скоро стану таким же, как остальные Измененные, – вполне довольным судьбой и полным решимости сражаться за Инсеков?
Хотя сам Ана не выглядел образцовым воином, рвущимся в бой. Нет, на осторожного ветерана, пристроившегося на спокойное местечко и обучающего молодежь, он тоже не походил. Но какая-то усталость и презрение ко всему в нем были. Если бы я не знал, что он мой ровесник, – решил бы, что старшему стражу лет сорок как минимум.
С другой стороны, Измененные взрослели очень быстро. Куколки уже через несколько дней переставали вести себя как дети – немногие исключения вроде Наськи только подтверждали правило. Наверное, дело было даже не в мутациях тела и не в уроках, на которых их учили воевать. Само общение с коллективным разумом Гнезда старит. Точнее, вначале взрослит. А потом, конечно же, старит.
Местная Школа в этом отношении была еще серьезнее. Я не разговаривал с ней так, как с земным Гнездом перед вторым Призывом, но мне казалось, что если бы я оказался в виртуальном пространстве наедине с сознаниями прошедших через нее солдат – то увидел бы мрачных, покрытых шрамами мужиков и усталых женщин с безжалостными глазами.
Тут хочешь не хочешь, а постареешь.
А ведь на планетах, где Измененные служат, есть еще и местные Гнезда – не знаю уж, как их там называют. И в них отпечатки разума тех, кто уже воевал по-настоящему, терял друзей и убивал врагов. Через такое пройти – мало не покажется.
– Ты побывал во многих мирах? – спросил я Ану, когда мы устроили очередной перерыв. Солнце взошло, но короткий местный год уже повернул к зиме, и на улице стоял конкретный дубак, градусов двадцать – двадцать пять ниже нуля. Так что мы зашли в купол и ели там.
– Служил на шестнадцати, не считая Саельма и Земли, – ответил Ана.
– Это много, – предположил я.
Ана кивнул. Добавил:
– И на трех боевых кораблях.
– Я думал, Инсеки корабли не используют.
– Все используют, – ответил Ана. – Экраны для перехода нужно доставить на планету, для захвата плацдарма надо высадить десант.
– Ты был в десанте?
– Трижды в планетарном, два раза во второй волне, через экраны, – Ана искоса глянул на меня. – Если хочешь спросить, то отвечу сразу. Это много. Потери планетарного десанта около тридцати – сорока процентов. Десант второй волны теряет до двадцати процентов личного состава. Так что я везунчик.
– Потому и стал учить других?
Ана уставился на меня. Покачал головой.
– Как странно с тобой говорить. Будто с человеком.
– Извини.
– Мне нравится, – страж оскалился. Рот у него широкий, а вот зубы человеческие, это выглядело жутковато. Я вообще понял, что самое страшное – это не монстры, совершенно не похожие на людей, а люди, в которых есть что-то от монстров, или монстры, в которых есть что-то от людей. – Большинство забыло, кем они были. А я нет. Я тоже странный. Верно?
Неловко пожав плечами, я ничего не ответил. Что вообще тут не странно?
– Потому меня и направили в учебку, – продолжил Ана. – Я никак не умирал и вел странные разговоры. И первое, и второе вполне допустимо. Но не вместе.
Он снова улыбнулся. Чувствовалось, что улыбка для него сознательное действие, что ему приходится прилагать для этого усилия. Старшие стражи не приспособлены улыбаться.
– А здесь можно? – спросил я.
– Здесь я общаюсь с курсантами, которые приходят и уходят. Стандартный курс обучения – месяц, расширенный – три. Из них на полигон отводится неделя-две, но времени для разговоров тут немного. Некогда смущать умы.
Я кивнул. И нахмурился, ощутив касание Гнезда… то есть Школы.
Мне предлагали прибыть к учетчику.

Никаких сроков не называлось, значит – можно не спешить, но и задерживаться не стоит.
– Зовут? – спросил Ана. – Ты прислушивался.
– Ага. К бюро… к учетчику.
Ана залпом допил свой напиток. Поинтересовался:
– Велели прийти одному?
– Не уточняли.
– Ясно. Схожу с тобой.
Я не стал спрашивать, зачем. Замерзнуть или сбиться с пути я не боялся, но в любом случае возвращаться вдвоем будет веселее.
* * *
Бюрократ будто и не выходил из своей каморки. Так же сидел за столом, погрузив руку в бесформенный «ноутбук». Над столом воздух слабо искрился – там работал экран, невидимый с нашей стороны.
Единственным новшеством была тарелка, полная чипсов. Валь с аппетитом хрустел ими, при нашем появлении быстро сдвинув тарелку в сторону – будто смутился. Ощутимо пахло луком.
– Макс, – промямлил учетчик, быстро прожевывая. Посмотрел на стража. – Ана?
Страж кивнул.
– Я не вызывал, – с легким удивлением произнес Валь.
– Решил лично доложить о подготовке.
– Похвально, – рассудил учетчик, поразмыслив секунду. – Макс очень нужен в шестом секторе.
– Тэни? – спросил страж.
– Тэни, – кивнул учетчик. – К сожалению, у него нет времени…
– Макс не готов, – сказал Ана.
Учетчик запнулся.
– Не готов, – повторил страж. – Не одобряю отправку.
Валь совершенно человеческим движением потер лоб. Вздохнул.
– Я тоже не одобряю. Но срочный запрос, без уточнений.
– Как старший инструктор по огневой подготовке отклоняю отправку и запрашиваю дополнительное время.
Учетчик и страж уставились друг на друга.
– Как старшая инструктор, – поправил учетчик.
– Да насрать. Все равно не одобряю.
Валь привстал и замотал головой.
– Нет! Нет, Ана! Ему не в десант! Ему не стрелять! Каким концом оружие на врага направить знает?
– Не всегда, – невозмутимо ответил старший страж. – Но хуже другое, он не готов психологически. Обучение в Гнезде нулевое, подготовка провалена. Испытывает сочувствие даже к конструктам. При необходимости ликвидации противника будет колебаться. Хочешь, чтобы морф был потерян через пару дней после внедрения? Снова?
– А я что могу сделать? – Валь повысил голос. – Срочные запросы не отклоняют!
– Ты ответишь, что курсант вместе с инструктором находится на боевой тренировочной миссии, связь отсутствует.
К моему удивлению, бюрократ немедленно сел в кресло. Поковырял пальцем во рту и принялся с упоением грызть ноготь.
Господи, сколько ж ему лет на самом деле! Еще чипсы эти…
Мне вдруг безумно захотелось чипсов.
– Куда? – спросил Валь.
– Шогар.
– Опасно, – бюрократ покачал головой.
– Я присмотрю лично.
– Время?
– Двое земных суток.
– Сутки, не больше. Иначе его оттуда выдернут.
– Сутки, – согласился Ана.
– Ответственность на тебе, – предупредил Валь.
– Конечно.
– Я сообщу твое особое мнение, – сказал бюрократ. – Если в миссии откажут, то Максу придется отправляться. Конечно, если он уже будет не на Саельме, придется его дожидаться. Но я настоятельно прошу не покидать лагерь.

Ана осклабился.
– Это в моей компетенции. Благодарю, учетчик.
Он протянул руку, сгреб горсть чипсов и вышел. Я развел руками и последовал за ним. Старший страж ждал меня в коридоре, кидая в рот чипсы. Протянул ладонь – я взял несколько, спросил:
– Для тебя важно подчеркивать, что ты мужчина? Или чисто для фана?
– Это всех бесит, – Ана опять ухмыльнулся. – Для фана, конечно.
– А я действительно не готов?
– Запомни, Макс, никто и никогда не готов воевать, – Ана подумал мгновение. – Нет. Мне просто с тобой интересно, ты необычный. Пошли!
* * *
Не представляю, чтобы на Земле солдат с сержантом (я примерно так распределил наши с Аной роли) могли зайти в оружейную, взять, что понравится, а потом отправиться на задание. Наверняка даже в воюющей армии есть какие-то правила и процедуры.
Здесь оружейная комната даже не охранялась!
Такого изобилия, как на полигоне, правда, я не увидел. Просторная комната в одном из куполов, по соседству со складом продуктов и, кажется, электростанцией. Стеллажи с базовым оружием Измененных. Несколько стоек с чем-то экзотическим, но их Ана проигнорировал. Подошел к основным стеллажам, стал осматривать оружие, придирчиво выбирая.
– Шогар планета и впрямь опасная, – сказал он. – Это одиночный мир, населенный разумными существами, которых мы называем лавли.
Как-то мне не понравилась эта калька с английского, сочетающаяся с опасностью планеты. Но я промолчал.
– Цивилизация достаточно древняя, но не технологическая, – продолжал Ана. – Биосфера в обитаемых зонах скудная и не опасная, все опасные виды давно уничтожены. Оккупация открытая, уже несколько сотен лет. На планете есть гарнизон, ограниченно контактирующий с местными. Мы выйдем в охраняемой зоне и отправимся в патрулирование, девчонки будут благодарны.
– Девчонки?
– Стражи, – неохотно поправился Ана. – Проведем там сутки. Несколько вылазок, отдых, возвращение. Надеюсь.
– Зачем Инсекам эта планета?
– Как всегда – смыслы.
Я вздохнул.
– Ана, я совсем тупой. Мне говорили про смыслы, я вроде бы понимаю, о чем речь – новые идеи, концепции… так?
– Так.
– Речь о каких-то изобретениях? Научных открытиях?
Ана поморщился. У старшей стражи лицо малоподвижное, но он постарался.
– И это тоже, конечно. Но смыслом может быть что угодно. Осознание красоты цветка, к примеру. Музыкальная тема. Мысль о бесконечности Вселенной или тщетности бытия.
– А ты философ.
– Я странный. Я был начитанным ребенком. И после Изменения не только оружие изучал. Так вот, любая новая концепция, принятая и осмысленная цивилизацией, приближает ее к сингулярности. Плохо то, что все смыслы – одноразовы по своей природе, невозможно собрать набор смыслов и возвысить им все культуры одновременно. Поэтому те, кто посильнее, отбирают смыслы у тех, кто слабее.
– Но как? – не сдавался я. – Кристаллики?
– Теперь – да. Прежние обходились без них, но в чужом мире трудно контролировать все информационные потоки. Проще воспользоваться услугами Продавцов, а местные сами притащат кристаллы… Бери рипер.
Ана протянул мне конус с поперечными ручками.
– Они даже одежду не носят? – поразился я. – И при этом продуцируют смыслы?
– Смыслы, дорогой Макс, не в штанах рождаются, – наставительно ответил старший страж.
Сам он вооружился основательнее. Взял рипер, взял стандартный карабин, стрелявший несколькими видами метапатронов. Боеприпасы, которыми снабжал меня на Земле Продавец, широко использовались солдатами Инсеков.

Поколебавшись, Ана добавил к своему арсеналу лазерный излучатель, похожий на автомат с коротким ребристым стволом. Как-то очень ловко стал закреплять оружие на костюме.
– Рипер не очень удобен, – пожаловался я. – Рукояти по бокам, очень спорное решение.
– Если стоишь, то держишь за цевье и любую из рукоятей, – ответил Ана. – Спуск дублирован, первое нажатие – захват, дожатие – спуск.
– Я помню, но все равно… не очень удобно.
– Для форм с числом рук больше двух – идеально, – отрезал страж.
На одном из стеллажей я заметил что-то вроде бронежилетов, но их Ана вниманием не удостоил. Мы вышли из оружейной, потом из купола.
Опять настала ночь.
Дул ровный сильный ветер, по ногам мела поземка. Мой комбинезон неплохо защищал от холода, да и сам я изменился, но все-таки было неуютно.
– На Шогаре холодно? – спросил я небрежно, пытаясь как-то поудобнее взять рипер.
Ана, не спрашивая разрешения, расстегнул на мне плащ, забрал из рук оружие и приложил к моему поясу.
Рипер прилип, будто на магнитах.
– Нет, не холодно.
– Ясно, – сказал я мрачно, вновь застегиваясь. – Раскаленный ад.
Мы шли между куполами к самому большому и дальнему – там работали экраны перемещений.
– Нет, – успокоил меня Ана. – Вовсе не раскаленный.
Мне очень захотелось дать ему подзатыльник.
Кстати, он бы, наверное, даже не обиделся. Может, рассмеялся бы натужно.
– Ты специально ничего не объясняешь?
– Ага, – сказал Ана с удовольствием. – Я же тебя учу. Мне интересна твоя реакция. А брифинги… они у тебя будут перед настоящими миссиями. Поверь, про тэни ты узнаешь все, что нужно, – и даже больше.
Я мог, конечно, попросить Школу дать мне информацию. Но чтобы получить не эмоциональный отклик, а полноценные данные, пришлось бы продемонстрировать свои способности. Вряд ли это стоило делать без нужды.
– Мне тут одиноко, – неожиданно сказал Ана. Он шел все так же размеренно, сухой снег похрустывал под его ногами. – Со стражами и старшими стражами скучно. Жницам я не очень интересен. С куколками можно поболтать, но они в нашем лагере бывают редко… и слишком уж восторженные.
– Куколок-то зачем сюда тащат? – раздраженно спросил я.
– Некоторые профили проще завершать в тренировочном лагере или на месте службы. Пилоты кораблей, к примеру, такие. Амфибии и глубоководные формы.
Ана остановился и топнул ногой.
– Тут, под нами, под двадцатиметровым слоем льда – океан. Их мир.
Я остолбенел. Я этого не знал.
– Там тоже есть тренировочные лагеря, – сказал старший страж. – Их немного, потребность в водных формах невелика, но она есть. На отметках сто двадцать, шестьсот сорок и две тысячи триста метров.
Я молчал. Меня начала бить дрожь.
– Туда забирают куколками, – продолжал Ана. – Тех, кто хочет, конечно. Кто готовился в Гнездах Гренландии, Крыма, Тайваня, Кауаи. Они мутируют в водные формы жизни и перестают дышать воздухом.
– Навсегда? – спросил я, помедлив.
Ана пожал плечами. Стоял, глядя себе под ноги.
– У тебя… кто-то там есть? – осторожно предположил я.
– Я был в Гнезде вместе с сестрой, – ответил Ана. – Нас безнадежно поломало… попали под цунами. Родители погибли. Нам предложили пройти Изменение. Я ненавижу воду. А сестра решила, что она ее покорит.
Он снова двинулся вперед. Бросил через плечо:
– Мультик про Русалочку ей нравился… Есть еще тренировочный лагерь летунов. Я туда хотел, но профиль не сходился, лагерь всего один, туда берут лучших. Изменение крайне сложное, требуется еще и перестройка мозга, это всегда опасно.
– Ну… ты стал хорошей стражей… хорошим стражем, – поправился я. Резкий порыв ветра бросил мне в лицо снежный заряд.
– Одним из лучших, – без всякой гордости сказал Ана.
Мы подошли к куполу. Ана вдруг резко развернулся, посмотрел на меня.

– Ты что-то скрываешь, Макс. Необязательно плохое. Но что-то недоговариваешь про себя.
Он помолчал, буравя меня взглядом. Потом растянул свое жесткое лицо в ухмылке.
– Но мне это нравится. Так что я к тебе с расспросами не лезу.
– Спасибо.
А что еще я мог сказать?
Впрочем, когда Ана открыл дверь, я понял, что.
– Мне тоже тут одиноко, старший страж.
Мы вошли в тамбур, отряхнули снег. Прошли в дежурку, где за пультом сидел монах. Не знаю уж, зачем, обычно техника Инсеков не требовала присмотра. Но перед ним был пульт, в воздухе висели экраны с непонятными символами.
– Привет, – сказал Ана. – Шогар в резонансе?
– Еще трое суток будет, – ответил монах, с любопытством разглядывая меня. Я у всех вызывал интерес.
– Мы на сутки, тренировочная миссия.
– Второй отсек, большой экран, – сказал монах. Перед ним на столе лежала открытая книга: обычная, человеческая. Я присмотрелся – язык был незнакомый. Какой-то скандинавский, похоже.
– А где жницы? – спросил Ана.
– Новенькие с Земли прибыли, встречают.
Поток курсантов шел волнами, то в один лагерь, то в другой. Видимо, настала очередь нашего принять свежую партию.
Мы прошли во второй отсек (их тут было с десяток). По пути увидели открытую дверь в первый, самый большой. Там суетились жницы. Транспортный экран светился серым светом, поверхность его искрилась – кто-то прибывал. В помещении уже скопилось с десяток стражей и несколько жниц, они топтались, непроизвольно сбившись в кучку. Одна жница держала за плечо куколку – чернокожего мальчика лет десяти. Тот глянул на меня, я ободряюще кивнул. Куколка кивнула и отвернулась.
Не было тут никого знакомого и не будет.

Глава пятая

Переход через экран всегда одинаков. Что на Селену, в корабль Инсека, что на далекий Саельм, ощущения одни и те же – отсутствие всяких ощущений. Ты не теряешь сознания, не испытываешь ни боли, ни эйфории, ни головокружения. Будто вошел в серую занавесь – и вот уже чувствуешь на лице воздух чужого мира, а спиной еще остался в прежнем.
Вот как это сделано?
Я когда-то боялся, что, проходя через экран, умираешь, а в другой точке возникает твоя копия. Это жутко. Может, ты и ощущаешь себя прежним, но ведь на самом деле такой же «ты» умер!
Но нельзя ведь умирать частями!
Значит, переход каким-то образом сближает, стягивает между собой две точки пространства? И ты действительно шагаешь через световые года?
Бесполезно об этом думать. Земные физики, наверное, какое-то объяснение себе нашли. Всякая там квантовая запутанность, нелинейность пространства и прочие умные термины.
Мне достаточно было того, что я оставался собой.
Первым в экран шагнул Ана.
Я за ним.
И едва не задержался на полушаге, одной ногой здесь, другой – там. Слишком уж все было неожиданно.
Никакого купола!
Вообще никакого здания.
Экран стоял на траве, закрепленный между двумя деревьями. Мы оказались в лесу – редком, светлом, почти земном. Нет, деревья, если присмотреться, были чужими: листья слишком толстые, кора ровненькая, все сучья торчат вверх. Даже зеленый цвет листьев имел какой-то непривычный оттенок.
Но – деревья. И трава под ногами. И голубое небо. И желтое солнце привычных размеров.

День стоял по-летнему теплый. Я непроизвольно расстегнул плащ. Ана с любопытством смотрел на меня.
– А где гарнизон? – спросил я. – Где строения?
– Тут нет строений, – ответил Ана. – Местные очень не любят замкнутые пространства, попытка поставить купол или построить дом вызывает бурную реакцию. Решили не обострять без необходимости.
Я осмотрелся.
Нет, лесок был не столь уж девственным. Я заметил какие-то устройства, закрепленные на стволах деревьев – камеры? В траве кем-то протоптаны тропинки. А вдали, за деревьями, тянулся высокий частокол, ограждающий эту часть леса.
– Значит, просто огородили участок? – спросил я. Ана кивнул. – Дождей тут не бывает?
– Бывают. Но зимы теплые и короткие.
– Ну… тогда еще ничего, – решил я. И замолчал – по тропинке к нам шла жница. Хотя нет, когда она приблизилась, я заметил белые глаза. На Земле таких называли хранителями, ни одно Гнездо без них не обходилось. Здесь их профиль немного менялся – коменданты. В нашем лагере тоже такая была.
Ана помахал коменданту рукой. Она приблизилась, внимательно осмотрела нас, особо сосредоточившись на мне.
– Старший страж Ана. Нахожусь с курсантом Максом в тренировочной миссии.
– Опять ты за свое, – сказала комендант с легким раздражением.
Я тем временем пытался найти местное Гнездо… ну, или как оно тут называется. Странно, знакомого присутствия не ощущалось!
– Ищешь Форт? – спросила комендант.
Понять было несложно. На Земле – Гнездо, на Саельме – Школа. А здесь уже Форт.
– Да.
– У нас его нет, – комендант покачала головой. – Лавли ощущают информационное поле.
– Могут перехватить информацию? – предположил я.
– Протестуют. Приняли решение не обострять, – комендант подошла вплотную. Я ощутил ее запах: характерный для жниц и хранителей, слишком многое мне напоминающий… – Какой профиль? Морф?
– Морф, – согласился я.
– Здесь тебе нечего делать, – с явным сожалением сказала комендант. – Мое имя Сэм.
– Саманта? – уточнил я.
Комендант растерянно мигнула.
– Какая разница? Да, когда-то. Что ты знаешь о Шогаре?
– Ничего, – признался я.
– Ана, так нельзя, – укорила комендант. – Слушай внимательно, Макс. Поддержки Форта не будет, вся информация устная или из документов. Шогар – постиндустриальная планета, населенная генетически модифицированными существами милейшей внешности и безжалостной натуры. Как следует из данных Инсеков, более тысячи лет назад обитатели Шогара видоизменили свои тела и отказались от технологий и дальнейшего развития. Они обладают биологической волновой информационной сетью, напоминающей наши Гнезда и Форты. Интереса к пришельцам не испытывают, но очень любят убивать и мучать. Это их забавляет. Кстати, бедность биосферы объясняется просто – лавли уничтожили все живые формы, кроме минимума, необходимого для существования биоценоза. У них нет страха смерти, вероятнее всего, по причине переноса сознания из одной особи в другую. Они знают, что тотальный геноцид запрещен Высшими, а гибель нескольких процентов популяции их не пугает. Единственный интересующий их товар – музыка. Спутники на стационарной орбите стимулируют продукцию кристаллов, которые скупают Продавцы. По соглашению с Продавцами, у нас право отбора смыслов для Инсеков, остальное торгаши продают любителям горяченького.
Она замолчала. Потом вновь заговорила:
– Вот и все, если кратко. Мы находимся в центре большего обитаемого материка, на втором гарнизон был уничтожен, и его решили не восстанавливать. Забираем у Продавцов товар и отправляем Инсекам. Иногда происходят стычки. Лавли стараются убить нас, мы убиваем их.
– Позволишь выйти за периметр? – спросил Ана.
– Не в моей власти запрещать, – Сэм качнула головой. – Но мне жалко морфа. Он необычен, и лавли могут им заинтересоваться.
Мне показалось, что Ана на миг заколебался.
– Это будет небольшая вылазка. Морфу полезно увидеть этот народ.

– Как угодно, – сказала комендант. – Час назад к Продавцу на северо-востоке пошел патруль за товаром. Можете попробовать их нагнать. В любом случае, идти по следам будет безопаснее.

* * *

Природа тут была райская.

Мы вышли за частокол, у которого дежурили стражи и старшие стражи, все с оружием. Видимо, строить какие-то современные заграждения тоже означало «обострять без необходимости».

Что внутри ограды, что за ней лес был зеленым, тихим и удобным. Да, слово «удобный» напрашивалось: деревья не загораживали небо, но давали легкую тень, никаких колючих кустарников, даже кочек не наблюдалось, словно поверхность вначале выровняли бульдозером, потом в живописном беспорядке посадили деревья и настлали искусственный газон.

– Они что, переделали планету, прежде чем отказаться от технологий? – спросил я.

– Молодец, – похвалил Ана. – Именно так они и сделали. Здесь очень упрощенная, но при этом крайне устойчивая экология. Русла рек стабильны, землетрясений нет, ураганы только над морями. Дожди идут в меру, снег как по расписанию. Самый минимум биологических видов, но все состоят в симбиозе. Новое дерево не вырастет, пока не упадет старое. Сухостой и опавшие листья быстро уничтожают насекомые и бактерии.

– Листья опадают? – зачем-то спросил я.

– О, тут очень красиво осенью… – Ана шел впереди, держа в руках универсальный карабин. – Красные, желтые, оранжевые листья на зеленой траве, а когда их еще припорошит снегом… Они старались.

– Как можно обладать такой силой и отказаться от развития?

– Тебе правда интересно? – поинтересовался Ана после паузы.

– Конечно.

– Мало кому из стражи интересно то, что выходит за рамки повседневных обязанностей, – сказал Ана. – Да, они были сильные. В масштабах своего мира. Тут есть руины, еще увидишь… А потом, вероятно, они узнали про то, что происходит в Галактике. Может быть, у них были космические полеты, может быть, к ним кто-то прилетел, может быть, какие-то дистанционные методы исследования космоса. Но они поняли, как все устроено. Вероятно, трезво рассчитали свои силы. Противостоять Прежним, Инсекам или кому-то из конкурентов лавли не могли. Жить веками и тысячелетиями в качестве колонии, поставляя смыслы более развитым видам, – не захотели. Некоторые цивилизации в такой ситуации уничтожают себя. Они придумали свой путь, стали максимально бесполезными и неуязвимыми.

– Но из них все-таки доят смыслы, – заметил я.

– О да! Не так много, как могли бы, но… Лавли не сумели до конца побороть свою любовь к эстетике. Музыка их чарует, они готовы отдавать за нее кристаллы. А может быть… – Ана горько рассмеялся. – Может быть, они не хотят потерять возможность нас убивать. Умеренно, время от времени, чтобы мы не ушли с планеты. Очень тонко чувствуют баланс интересов. Однажды перебили половину гарнизона, встал вопрос о полной эвакуации. Так нападения сразу прекратились, зато кристаллы потекли рекой…

Ана остановился у ручейка, нагнулся, жадно напился, сложив широкую ладонь ковшиком и быстро черпая воду. Предложил:

– Попробуй. Тут очень вкусная вода. И это совершенно безопасно, бактерий и паразитов нет. Честно говоря, эта вода даже лечит.

Я присел, попробовал. Вода была хрустально-прозрачная, мягкая, прохладная. Ручей – неглубокий, неожиданно быстрый, дно выстилали опавшие листья, сквозь которые проглядывал желтый песок. Очень фотогеничный ручей, хоть на картинку.

– И правда, вкусно, – сказал я. – Как в книжках про эльфийские леса.

– Да, их часто сравнивают с эльфами, – согласился Ана.

Мы двинулись дальше. Ана не пользовался компасом, на траве никаких следов тоже не было, но он то ли обладал превосходным чувством направления, то ли часто тут бывал.

– Идти примерно час, – сообщил он. – Патруль не догоним, но наши задержатся у Продавца.

– Продавцов не убивают? – спросил я.

– Один раз убили. Но это трудно, неинтересно, и у Продавцов свои методы наказания. Они продали лавли незаконченные музыкальные фрагменты и закрылись на несколько месяцев. Знаешь, как противно, если хорошая музыка обрывается посреди ноты? Говнюки с ума сходили, пока Продавцы не вернулись…

Он вдруг резко остановился.

Я тоже замер, положил руку на рипер.
– Жди, – сказал Ана.
Я ждал. От Аны буквально веяло напряжением, я даже ощутил легкий пряный запах пота.
– Никого… – прошептал я.
Ана не ответил и не тронулся с места. Секунда убегала за секундой, мы продолжали стоять.
Потом раздался тонкий мелодичный смех.
Из-за дерева метрах в десяти перед нами вышла девушка.
Я чуть не поперхнулся от неожиданности. Казалось, там и спрятаться-то негде…
Девушка была юная, милая и нагая. Взгляд отмечал какие-то неправильности, что-то несвойственное людям – отдельные черточки лица, вроде непривычного разреза глаз и формы ушей, очень тонкие пальцы и длинные кисти рук. Но в общем-то она выглядела как человек, как девчонка лет шестнадцати-семнадцати, светловолосая и белокожая. Красавица? Да нет, наверное. Все эти мелочи во внешности все-таки выбивались из стандартов красоты.
Скорее обаятельная, притягательная, милая, грациозная. Уже не ребенок, но еще и не совсем взрослая.
– Что меня выдало? – поинтересовалась девушка. На чистом русском языке!
– Ничего, – ответил Ана.
– Хитрый! – Девушка погрозила ему пальцем. – Тебя я знаю, а кто это?
– Учетчик, – равнодушно сказал Ана. – К Продавцу с проверкой.
Девушка снова рассмеялась. Стояла, ничуть не стесняясь своей наготы, и изучала нас.
– Если я подойду, ты меня убьешь? – спросила она с любопытством.
– Разумеется, – ответил Ана. – И остальных тоже.
Девушка вздохнула, совершенно по-человечески пригорюнилась. Сказала:
– Так нечестно!
– Что поделать. – Ана так и не снял палец со спуска.
– Тогда пока, старший страж и учетчик, – сказала девушка. Повернулась и легким бегом скрылась между деревьями. Я заметил, что еще от нескольких стволов отделились светлые тени – и растворились в лесу.
– Это была засада? – спросил я.
– Нет. Засаду мы бы так легко не заметили. – Ана опустил карабин. – Милая, правда?
Он ухмыльнулся, даже с каким-то легким похотливым оттенком.
– Да уж, симпатичная девчонка, – признался я. – Они все такие… нудисты?
– Все. Поэтому рипер тут удобен, он сразу разрывает их на части.
– Она вроде не собиралась нападать, – осторожно заметил я.
– На Земле есть такие звери, медведи… – начал Ана.
– Это все знают, – усмехнулся я.
– Кого мелким взяли – не знают. Так вот, по медведю нельзя понять, когда он решит напасть. По лавли – тоже.
– Допустим, – согласился я. – А если поговорить?
– Может, и поговоришь, – кивнул Ана. – Или умрешь.
– Ана, ты же старший страж!
– Ну?
– Ты быстрый, сильный и с ядовитыми когтями! Ты медведя порвешь!
– Медведя порву, – согласился Ана без спора. – Одну лавли тоже. Группу – вряд ли.
– Да чушь, – не выдержал я. – У нее нет оружия.
– Она генетически преображенная! – рявкнул Ана и постучал себя пальцем по лбу. – Так же, как и мы! Думаю, они столкнулись именно с Прежними, не зря их внешность такая приятная для людей! И они не менее опасны, чем мы!
– То есть… – я помедлил, – они сделали себя малоинтересной добычей, которая может перемещать сознание из одной особи в другую и потому не боится умереть, разрушили свою цивилизацию, но этого было мало… Они еще изменили облик, стали привлекательными для людей и смертоносными в бою?
– Умнеешь на глазах, – фыркнул Ана. – Все, пошли, последний ушел.
– Слушай, а не паранойя ли это? – шагая за ним, спросил я. – Все эти извращения, чтобы уйти от оккупации? Нет, слушай, я все понимаю, но уж лучше, как на Земле, под Инсеками, чем так…
– Под Инсеками! – наставительно сказал Ана. – Прежние практикуют иные методы.
Я поморщился.
– Прежние мерзкие, да. Но Земля все-таки развивалась под ними…

– Ну так то Земля, их родина! Если они с нашей планеты забирали миллионы детей, а Слугам позволяли любой беспредел, то сам знаешь, что они делали в других мирах…
Ана вдруг опять остановился и уставился на меня.
– Или не знаешь?
– Знаю, конечно, – очень неубедительно ответил я.
– Слушай, Макс, ты меня пугаешь, – Ана покачал головой. – Про Прежних рассказывают каждой куколке. Гнездо дает эту информацию как базовую, чтобы объяснить долг и путь. Даже без матери, без хранителя, с неудачным Изменением – ты должен это знать!
Я молчал.
– Кто же ты такой, а? – На мгновение мне показалось, что страж сейчас направит карабин на меня. – Макс!
– Ана, не спрашивай, – попросил я. – Пожалуйста!
Что будет, если он бросится на меня?
Успею я увернуться от выстрела?
Выстою против него в схватке?
Да, на Земле я играючи раскидал две с лишним сотни Измененных. Но я вошел во второй Призыв, мне хватило времени на преображение.
И противником был не везучий ветеран, прошедший шестнадцать планет и кучу десантов, а свеженькие стражи, никуда не отлучавшиеся с Земли и ни с кем по-настоящему не воевавшие.
– У меня странное чувство, – сказал Ана, – что если я на тебя нападу, то ты задашь мне трепку.
Я молчал.
– И, скорее всего, убьешь, – добавил он. – Но ты же понимаешь, Макс, у меня нет иного выхода. То, что ты ничего не знаешь, слишком подозрительно. Ты – Прежний?
Меня даже передернуло, и, кажется, он это заметил.
– Я человек, – сказал я, решившись. – Ана, я человек. Меня зовут Максим, мне двадцать пять лет. Я первый раз попал в Гнездо месяц назад. Я не проходил Изменения!
Ана замотал головой:
– Чушь! Тебя приняла Школа, ты с ней разговариваешь. Ты морфируешь. Я даже сейчас вижу у тебя правое и левое сердца, и еще добавочное в брюшной полости.
Кажется, я слишком растерянно на него посмотрел.
– Макс, старшие стражи видят в инфракрасном спектре, – произнес Ана. – Ты и этого не знал? Сердца, печень, крупные артерии, добавочный орган над крестцом… почко-печень, как у коменданта? Макс, таких людей не бывает.
А я даже и не знал, что у меня появился «добавочный орган над крестцом»…
– Ана, я человек, – повторил я. – Я призванный.
Ана замотал головой.
– Я призванный после второго Призыва, – продолжил я. – Выхода не было. Я уговорил Гнездо, меня призвали дважды. Я изменился, но не из-за мутагенов. Я… очень странный тип. Человек и Измененный. Вот.
Я развел руки и бросил рипер на траву.
– Не буду я с тобой драться, – сказал я. – Ничего плохого я вам не хочу, я за вас дрался на Земле и на Селене, кровь проливал. И… и моя девушка – жница. У меня выхода не было, оказалось, что я продуцирую какие-то крутые смыслы, пришлось уйти с Земли! Хочешь – арестовывай, тащи назад на Саельм.
– Да твою же мать… – выдохнул Ана.
– Про маму не надо, – сказал я. – Она на Земле и переживает.
– Ты призванный дважды? – повторил он с каким-то неожиданным трепетом. – Не врешь?
– Побожиться? – спросил я с иронией.
– Рожденный человеком, призванный дважды, любящий жницу, проливший кровь за Измененных, порождающий смыслы… – медленно проговорил Ана.
– Слушай, если ты сейчас скажешь, что есть древнее пророчество на этот счет, то я начну орать матом! – выпалил я.
Ана шумно выдохнул.
– Нет. Не скажу.
– Вот и хорошо, – кивнул я.
– Как будет угодно рожденному человеком, призванному дважды, любящему жницу, пролившему кровь за Измененных, порождающему смыслы, – торжественно произнес Ана.

Я действительно выматерился.
К моей растерянности и облегчению, Ана ухмыльнулся и сказал:
– А ведь ты поверил, да? Скажи – поверил?
– У тебя была такая рожа… такая… восторженная. Блевануть хотелось…
– Поверил, – удовлетворенно сказал Ана. – Поверил-поверил.
Подошел ко мне и похлопал по плечу.
– Пророчества нет, Макс. Но теперь – будет. И ему поверят!
Он порывисто обнял меня, стиснул так, что на мгновение я решил – старший страж просто заговаривал мне зубы, прежде чем напасть. Но Ана уже ослабил хватку.
– Как же мне повезло, что ты пришел на полигон в мою смену, – сказал он. – Как же нам всем повезло!
Он отступил на шаг, посмотрел под ноги. И добавил:
– Кстати, лавли подарочек обронила. Поднял бы ты кристалл. Мы все-таки к Продавцу идем.
У меня под ногами и впрямь лежала ярко-красная круглая рэдка.
Скорее по привычке я нагнулся и подобрал ее.
Ана ошибался.
Первый раз в жизни я взял в руки рэдку, про которую точно знал – это я ее только что создал.

Глава шестая

Мы шли к Продавцу еще полчаса. Голозадые лавли больше не появлялись. Ана говорил не умолкая.
– Что нужно для восстания, Макс?
– Восставшие, – буркнул я.
– Логично. А еще?
– Оружие.
– Некоторые восставшие – сами по себе оружие. Да и нет с ним проблем. Что еще?
– Причина, – предположил я. – План. Цель.
– Уже лучше. – Ана по-прежнему внимательно наблюдал за лесом. Временами мы замедляли ход, дважды по его команде пробегали какие-то участки, ничем вроде как не отличающиеся от других. Но милые коварные аборигены на нас не нападали. Видимо, «учетчик Макс» их не заинтересовал. – Лучше сформулировать более классически – для восстания нужны непримиримые, антагонистические противоречия между низами и верхами.
– Ана, – я помедлил. – Тебе сколько лет было, когда ты изменился?
– Пятнадцать.
– Ну-ну…
Старший страж глянул на меня, ухмыльнулся.
– Я левак, Макс. Книги товарища Ленина еще подростком читал.
– И как, интересно?
– Полезно. В восстаниях он знал толк, уж ты-то как русский должен понимать. Так вот, для начала восстания нужны реальные противоречия между слоями общества. И я не про жителей подконтрольных планет.
– Ты про Инсеков и Измененных.
– Я про цивилизации, которые стремятся к возвышению, и их армии. В нашем случае – про Инсеков и Прежних с одной стороны, Измененных с другой. Всех Измененных, от бойцов Прежних и до стражей Инсеков.
– С чистильщиками не договоришься…
– Да. Но это уже совсем не люди, это живое оружие.
– Ты реально считаешь, что Измененные могут свергнуть две сверхцивилизации? – спросил я с иронией.
– Их мало, Макс. Каждый Инсек или Прежний сам по себе могучая боевая единица. Но они всегда были элитой. Есть низшие особи в их иерархии: Слуги у Прежних, рабочие у Инсеков. Им возвышение не светит, если Инсеки и Прежние уйдут – они попытаются занять их место, но справятся ли? Они тоже злы на всех.
Я кивнул. Я помнил Слуг и их яростный бестолковый мятеж.
– Хорошо, есть противоречия. Есть недовольные. Есть оружие. Мятежи бывали?
– Мятеж нам не нужен, мятеж – это неудачное восстание. Так вот, что еще нужно восстанию?

– Тебе все мало! – возмутился я. Лес начал редеть, Ана замедлил шаг, но не осторожничая, а словно стараясь растянуть путь. – Лозунги нужны, знамя какое-нибудь…
– Вот я же вижу, ты умный, – сказал Ана. – Почти попал! Восстанию нужны символы. Нужна святая и слепая уверенность в своей правоте и неизбежности победы.
– А, – сказал я, соображая. – Пророчество, значит?
– Конечно, рожденный человеком, призванный дважды, любящий жницу, проливший кровь за Измененных, порождающий смыслы! – оттарабанил Ана.
– Прекрати!
– Это потребует времени, – заметил он. – Несколько лет, как минимум. Когда стражи приходят из Гнезд, они как чистый лист. Знают, что и как, горят желанием сражаться за Инсеков. Но потом они непременно сталкиваются с реальностью. У них возникают вопросы и сомнения. Если в лагерях они будут слышать легенду… что однажды придет человек, который…
– Молчи! – воскликнул я. – Еще раз услышу эту белиберду – получишь в рыло.
– Молчу, – согласился Ана. – Но Измененным нужна надежда. История про то, что есть тот, кто поведет их. Все исправит. Все изменит.
– И ты хочешь, чтобы это был я.
– Да. Истории все равно ходят. Про стратега, которая закончит войну и прикажет оставить Землю в покое. Про Высшего, который прекратит охоту за смыслами и велит каждому искать свои. Про Измененного небывалого профиля, способного сражаться с Прежними и Инсеками. Про великую любовь, которая превозмогает все. Знаешь, как всем нам хочется любви? Материнской, дружеской, любимой женщины или мужчины?
– Знаю, – сказал я. – Но мне неприятно, что ты лепишь из меня какой-то символ, Ана.
– Может, это не я? – Ана развел руками. – Может, это судьба, может, это твой путь? Ты ведь и впрямь необычный. И ты попал в этот лагерь, мы встретились, и я узнал, кто ты. А ты сам знаешь, кто ты?
Я стоял в чужом лесу, солнечном и сказочном. В чудесном лесу, населенном жестокими дикарями с милыми лицами, когда-то выбравшими свое странное будущее. И страхолюдного вида старший страж, цепляющийся за свою мужскую сущность, втирал, что я должен стать символом и знаменем восстания против двух исполинских сил.
– Да ну тебя, – сказал я. – Болтай, что хочешь. Только на меня не указывай, ладно? Мы вернемся на Саельм, меня отправят к тэни, я стану за ними шпионить. Буду честно сражаться за Инсеков.
– Так и надо, – согласился Ана. – Это потребует много времени. Годы, может быть, десятилетия. Легенда должна пройти по всей Галактике. Ее должны рассказывать новичкам. О ней должны спорить ветераны. Она уйдет на другую сторону, бойцы и панцеры, стельщики и буги должны ее услышать – и спорить, что Тот, Кто Поведет за собой, придет и к ним. За эту историю должны ссылать в безнадежный десант; ее должны шептать, умирая; ее должны ночами рассказывать шепотом куколки в Гнездах. Должны прийти ложные избранные, должны вспыхнуть неудачные мятежи. А только потом…
– Замолчи! – выкрикнул я. – Хватит!
Ана замолчал. Примиряюще развел руки.
– Все. Все, молчу. Ты пойми, от тебя ничего не требуется. Только живи, не умирай. Хотя… хотя можешь и умереть. Это дело далекого будущего.
– Может, мне плевать на будущее?
– А на тех, кто ждет тебя дома, – тоже плевать? – Ана пожал плечами. – Двигай, мы почти на месте.
Дальше мы шли молча. Я тихонько злился, чувствуя, как бухает в груди – слева и справа. Того сердца, что у меня выросло в животе, я не ощущал – и хорошо. Без того тошно было.
Подпольщики, революционеры, ну надо же…
Символ им требуется…
Я вспомнил, как Прежний стоял, улыбаясь; полковник Лихачев стрелял в него из пулемета, а тому было хоть бы хны. А потом в меня незримо вошел Высший – и я, пусть и со стороны, понимал – сущность во мне может убить Прежнего, разрушить Москву, утопить весь материк… или сорвать Землю с орбиты.
Вот это – сила! Силища!
Это то, чего боятся и Прежние, и Инсеки.
А жестоких Слуг и воспитанных из детей Измененных они не боятся. Для них это даже не восстание рабов. Это вообще не заслуживает внимания. Промоют мозги,

показательно накажут зачинщиков. Счастливчик Ана со своими идеями – тот еще наивный пацан.
Лес кончился одновременно быстро и незаметно. Деревья росли все реже и реже, становились ниже, впереди проступили холмы, что-то белое на склонах – и вот мы уже стоим на пригорке, глядя на живописную зеленую долину.
– Здесь был город… – прошептал я.
– Да. Не самый крупный, кстати, – сказал Ана.
Повсюду среди зелени виднелись руины. Нет, не безобразные остовы домов. Эти руины были восхитительно красивыми, из белого и красного камня, и будто нарисованными дизайнером.
Вот тянется белая стена с плавными проемами окон.
Вдали стоит башня, не круглая, а пяти- или шестиугольная, верхушка обрушилась и разлетелась грудами красного камня, поросшими травой и цветами.
А вот ведущая вверх, в никуда, лестница, два широченных пролета над контурами рухнувших стен…
– Тысяча лет? – спросил я.
– Инсеки тут триста с лишним, – ответил Ана. – Говорят, ничего не изменилось. Думаю, тысячелетие назад все было точно так же.
Я попытался представить, как оно все выглядело до разрушения. Дворцы, башни, проспекты и парки? Нет, ну не мог целый город быть таким, наверняка где-то имелись и уродливые жилые строения, возведенные по стандартным планам, трущобы, вонючие темные закоулки…
Или мог?
– Это один из самых скучных и маленьких городов, – сказал Ана. Мне послышалась печаль в его голосе. – Но городов мы нашли не так уж и много. В основном они жили на уединенных виллах. Дорог не сохранилось, может быть, транспорт был воздушным… Но виллы они почти все разрушили в прах.
– Не хотели показывать чужакам, – произнес я.
– Наверное. Слишком личное, видимо. А это… это как укор. Как насмешка. Думаю, у них было много смыслов, которые Прежние бы с жадностью поглотили.
– Не верю, что они злые, – сказал я.
– Те, кто не верят, – очень быстро тут умирают. Видишь вон те руины, на холме? Круглые остатки стен, посередине белая плита…
Зрение у меня было не такое, как у стража, но куда лучше, чем у людей.
– Вижу. Только плита… она не совсем белая.
– Дождь пройдет, все смоет. Они приходят туда временами. Приводят детей.
– Каких детей?
– Своих. И маленьких, и постарше. Некоторых убивают на этой плите. Жестоко, с пытками. Некоторые уходят со взрослыми. Но это не значит, что их не приведут снова.
Меня замутило.
– Своих детей? Почему?
Ана помолчал. Потом неохотно ответил:
– Я говорил с одним монахом. Знаешь, наверное, монахи обожают поболтать. Он сказал, что лавли способны передавать сознание через свой аналог волновой сети. Если понимают, что их сейчас убьют, – просто цепенеют и падают замертво. Значит, ушли в иное тело. Они вроде как бессмертные получаются, понимаешь?
– Ну и что?
– Их общество стабильно. Большая часть нынешней цивилизации – те же самые существа, что тысячу лет назад ее разрушили. Если численность будет расти, неминуемо начнется экспансия, развитие, освоение новых территорий, попытки возродить технологии – то, от чего они когда-то ушли. Но им надо размножаться, им нужны новые тела, в которые они со временем перейдут, нужен резерв на случай массовой гибели. Поэтому есть дети, есть молодые особи. Если их становится слишком много – их убивают.
– Но почему жестоко-то? – Я не сразу понял, что кричу. – Зачем пытать?
– Думаю, они давно уже рехнулись, – сказал Ана. – За тысячу лет у любого поедет крыша.
– И вы не пробовали им помешать?
– Пробовали, они набросились на нас. Все, включая тех, кого стащили с плиты полуживым.
Ана сплюнул и добавил:
– Психи. Красивые умные психи. Знают кучу земных языков, восхищаются музыкой. Сами, кстати, чудесно поют и играют, у них инструменты вроде свирелей. И в любой

момент готовы кого-нибудь прикончить… Нам туда, Макс. К маленькому зданию, которое почти целое, только без крыши. Там Продавец.
Когда он показал, я увидел и здание. Высокие стены, хорошо сохранившиеся с трех сторон. Четвертая отсутствовала. Может, ее и не было никогда.
Внутри стояли стражи и закутанная в одеяния крупная неуклюжая фигура.
* * *
Здесь не было привычных мне Комков, бесформенных помещений, упавших на Землю с неба. Видимо, даже Продавцы старались «не обострять». Стеклянный куб синтезатора, в котором Продавцы могли создать любой предмет, стоял совершенно открыто, в углу между двух хорошо сохранившихся стен. Рядом кушетка, несколько ящиков – что в них, кристаллы? Был и прилавок, но тоже символический, не перегораживающий руины полностью.
А еще я заметил что-то вроде тускло светящейся полосы, опоясывающей здание в паре метров от стен. Светились камни и трава.
– Что это? – шепотом спросил я Ану, когда мы подошли.
– Периметр безопасности Продавца. В его пределах любое нападение карается смертью. Лавли долго экспериментировали и убедились в этом.
– Ты говорил, одного все-таки убили…
– О да, это отдельная история… С тех пор Продавцы не ставят свои точки возле склонов, с которых может сойти гигантский оползень.
Стражи, сидевшие на земле, при нашем приближении встали. Две стражи, одна старшая стража – немалая сила, учитывая, что они были экипированы так же основательно, как Ана. Оружие висело у них на поясах, за спиной, на груди. Старшая стража держала в руке рипер. Видимо, он и впрямь был здесь популярным оружием.
– Привет, девочки! – крикнул Ана.
– Здравствуй, Счастливчик, – сдержанно ответила старшая стража. – С кем ты?
– Макс, мой подопечный.
– Интересный профиль, – старшая стража вышла навстречу, но при этом остановилась у периметра безопасности.
– Учетчик, – небрежно сказал Ана. – Обычная тренировочная миссия. Пусть посмотрит, как мы служим.
Старшая стража протянула руку и коснулась меня. Пальцы ее были жесткими и горячими. Я подумал, что в длинных фалангах скрывается коготь с нейротоксином. Миг – и он выстрелит наружу, впрыскивая яд, разлагающий нейроны.
– Учетчик? – спросила старшая стража.
– Да, да! Учетчик! – с напором сказал Ана.
– Пусть так… – произнесла старшая стража. – Я могу потрогать твое лицо, Макс?
Она была самая обычная старшая стража. Таких почти не отличишь друг от друга. Но… почему-то я понял, что она девушка. Нет, девочка. Лет одиннадцати при Изменении, и еще два года как после…
– Конечно, – сказал я.
Старшая стража коснулась моей щеки. Помолчала, глядя в глаза. Сказала:
– У меня на Земле старший брат. Он человек. Похож на тебя.
– У меня на Земле родители, – ответил я. – И… девушка.
Старшая стража кивнула, осторожно убрала руку.
– Ты не похож на учетчика… но пусть.
Я осторожно прошел за периметр. Стражи разговор не заводили. Все-таки какая-то негласная субординация у них была.
– Мы пойдем на базу через десять земных минут, – сказала старшая стража, подходя к Ане. – Советую возвращаться с нами. Твой… учетчик… немного странно выглядит и ведет себя. Это может заинтересовать лавли.
– Хорошо, – согласился Ана. – Мы встретили пятерых по пути сюда.
– Столкновение?
– Нет. Разошлись после разговора.
– Возвращаемся вместе, – твердо сказала старшая стража, и Ана даже не попробовал спорить.
Я осторожно отошел от них, посмотрел на Продавца.
Что ж, вполне обычный Продавец. Много свободных одежд, едва видимое сквозь надвинутый капюшон лицо. Я приблизился к прилавку.
– Все кристаллы уже переданы, – сказал Продавец дружелюбно. – Вас зовут Макс, я слышал. Вы чего-то хотите? Воду и легкие закуски я даю Измененным бесплатно, исходя из принципов гостеприимства.

Похоже, если связь между Продавцами и была, то в пределах одной планеты. Меня он не узнавал.
– Я выпью воды, – сказал я. – Спасибо.
Честно говоря, мне хотелось посмотреть, как возникают предметы в стеклянном кубе. Но Продавец меня разочаровал. Он открыл один из контейнеров и достал оттуда стеклянный стакан, полный воды.
– Угощайтесь.
Вода была прохладная, чистая, но, если честно – совсем не такая вкусная, как из лесного ручья.
– Как вам на этой планете? – спросил я, медленно отпивая из стакана.
Во взгляде Продавца появилось любопытство. Он повернулся ко мне, приподнял верх капюшона.
– Черт! – выкрикнул я, расплескивая воду.
У него было юное, нежное лицо с той легкой неправильностью, что свойственна лавли. Я бы сказал, что это лицо юноши лет шестнадцати.
– Что случилось? – спросил Продавец участливо. – У вас водобоязнь? Это может быть признаком бешенства.
– Ты сам знаешь, что случилось! – выкрикнул я. За моей спиной зашевелились стражи. – У тебя башка лавли!
– Ну да, мы же на их планете, – рассудительно ответил Продавец. – Надо соответствовать тем, с кем работаешь.
Я не знал, в курсе ли Измененные, какова природа Продавцов. Но мне было плевать.
– Это голова юноши!
– О да! – кивнул Продавец. – Очень печальны обычаи этого мира. Большинство молодых погибают от рук соплеменников, разум других замещается сознанием старших особей. Очень, очень редко, когда кто-то гибнет быстро и безвозвратно, и в их общество приходят новые особи. К этому мальчику судьба была, по обыкновению, жестока. Он умирал в муках… но муки кончились. Он жив и видит сон. Хуже ли это, чем исчезнуть насовсем? Ответь?
Я попытался что-то сказать… и не нашел слов.
– Все в порядке? – спросил Ана.
– Да, да, – ответил Продавец. – Ваш товарищ немного расстроен, но все хорошо.
– Ничего хорошего, – пробормотал я.
– Это был свободный выбор, – сказал Продавец. – Кто ты, странный Измененный?
Хреновый из меня разведчик выйдет.
Легенда рушится на раз, и виноват я сам. Я веду себя как человек, вот в чем дело.
– Я покупатель, – сказал я. – Держите.
И выложил перед ним красную рэдку.
Продавец, как я и ожидал, заинтересовался ей куда больше, чем моими странностями. Поднес к глазам, обнюхал, потом, поколебавшись, лизнул. У него вдруг задрожали глаза, зрачки запульсировали, потом сжались в точку.
Ничего себе. Да он конченый торчок! Наркоманит в открытую!
– Это не лавли, – сказал Продавец, вздрогнув. – Человеческая и свежая. Откуда здесь люди?
Ну я и молодец! Хорошо соскочил с опасной темы.
– А тебе не все равно? – спросил я. – Надоели, небось, местные? Я только-только с Земли. Могу время от времени подгонять свежак.
Это было удачным ходом. Похоже, Продавцу и впрямь надоело потреблять эмоции местных красавчиков.
– Договорились, – сказал он быстро. – Что интересует, Макс?
Да уж, а что меня интересует…
– Не так быстро! – подошла старшая стража. – Внеси в список.
– Эта рэдка не входит в соглашение, – ответил Продавец. – Она не местная. Ваш друг протащил ее с Земли.
Старшая стража заколебалась. Возразила:
– Право выбора смыслов у Инсеков.
– О, это не очень великий смысл, – небрежно сказал Продавец, демонстрируя кристалл. – Яркий, чистый, но простой и не великий. Таких я сдал больше сотни.
– Зачем она тебе?
– Затем, что с Земли, – ответил Продавец.
Старшая стража пожала плечами:
– Торгуй быстрее, Макс. Пора двигаться.
– Ты можешь передать письмо на Землю? – спросил я.

Продавец растерялся.
– Письмо?
– Да. Письмо. Бумажное письмо в конверте, с маркой. Чтобы его бросили в почтовый ящик на Земле, в стране России, в городе Москве.
– Ха, – сказал Продавец. – Ну… может быть, все-таки что-то материальное?
– Да, листок бумаги, пишущая авторучка и целый конверт с негашеной маркой – это материальная часть сделки. А нематериальная – чтобы письмо не позднее, чем через одни земные сутки было опущено без всяких повреждений и изменений, как на конверте, так и в тексте, в действующий почтовый ящик в городе Москве, в стране России на планете Земля.
– Парень, – сказал Продавец после короткой паузы. – Я не знаю, с кем ты там на Земле торговал. Но тебя хорошо выдрессировали.
Он повернулся и торжественно пошел к ящику.
– Время! – сказала старшая стража напряженно.
– Пять минут, – ответил я быстро. – Всего пять минут!
…Увидеть, как именно возникают предметы в стеклянной камере, мне все-таки не удалось. Она потемнела, стекло стало непроницаемо-черным. А когда вновь обрело прозрачность, внутри лежал помятый конверт с маркой «Двести пятьдесят лет городу Сыктывкару», самая дешевая авторучка, какую я только видел в жизни, и листок бумаги.
Кончик ручки был погрызенным. Листок бумаги – туалетным. И это была самая дешевая туалетная бумага, которую только можно найти – в ней целые щепки попадались!
Но я слишком хорошо знал Продавцов, чтобы начать ругаться.
– Это здорово, что бумага такая плохая и жесткая, – сказал я. – Была бы мягкая, нежная, ручка бы ее рвала в клочья. А так – нормально по ней пишется! И что маленький листок, тоже хорошо. У меня и времени немного.
– Браво, – сказал Продавец, помолчав. – Ты меня уделал. Письмо будет доставлено честно.

Глава седьмая

Напали на нас, едва мы вошли в лес.
Может быть, лавли хорошо все продумали и рассчитали время нападения, исходя из удачных и неудачных засад, ожиданий стражи, времени суток и степени нашей собранности.
А может быть, им просто не терпелось повеселиться.
Лес был негустой, прозрачный. Не представляю, как можно спрятаться в таком лесу, но им удалось.
Скорее всего потому, что большая часть лавли была детьми и подростками.
Они сыпались с деревьев, выпрыгивали из-за стволов, вылетали из-под земли, разбрызгивая комья дерна. Сплошной поток нагих тел, словно в фильмах про зомби. Только не таких неповоротливых, они превосходили по скорости даже стражу.
Но стража все-таки ждала атаки.
Риперы в руках Аны и старшей стражи заработали, перемалывая голые тела в кровавый фарш. Стражи стреляли из универсальных карабинов, и лавли застывали, обращались в песок, проливались мутной серо-красной жидкостью и сгорали в неярких вспышках синего пламени. В обоймы явно зарядили разные типы метапатронов.
На меня выпрыгнул совсем мелкий лавли. Светловолосый, кудрявый, будто с полотен средневековых художников, изображавших ангелочков.
Я разрядил в него рипер, не колеблясь ни секунды.
Ангелочек превратился в кровяное месиво.
Людям бы тут не светило никаких шансов, люди безнадежно отставали в скорости. Стражи, вставшие друг к другу спинами, отбивались куда более успешно.
Я выстрелил еще в двух юных лавли – в одного попал, его разорвало на клочки, другой немыслимо выгнулся и уклонился.
А потом нахлынула основная толпа, и началось месилово.
Стражи будто распрямились, стали выше, тоньше и гибче. Ана небрежно полоснул рукой с выдвинутыми когтями подскочившую девушку. Та рухнула и забилась в судорогах. Но я заметил, что касание лишило Ану всех когтей, их вырвало из пальцев, и они завязли в теле лавли, будто в смоле.

Второй Призыв во мне уже разворачивался в полную силу. Мир замедлялся, движения лавли и стражи казались не такими стремительными. Я тоже тянулся вверх, а по телу волнами шла боль. Следующего врага я поймал в прыжке за вытянутые ко мне руки. И – рванул в стороны с такой силой, что вырвал ему руки из плечевых суставов. Лицо юноши исказилось и мгновенно застыло, он упал к моим ногам уже мертвым. Болевой шок?

Какое там… я был уверен, что он ушел! Горячая тяжесть прокатилась внутри, я почти физически ощутил перенос сознания через «волновые структуры». Ощутил – и потянулся, непроизвольно пытаясь зацепиться, задержать, спросить или обругать.

«Кто?»

Вопрос докатился издали и одновременно – отовсюду. Из-под земли, от деревьев… Все вокруг – их Гнездо!

Лес, кусты, травы – вспомогательная физическая часть их Гнезда. Как паутина, которой обрастают Гнезда на Земле!

«Кто ты?»

Я ощутил, как атакующие лавли перестраиваются, как смещаются направления и точки атаки. Аборигены передумали нас уничтожать, как планировали (теперь я знал) вначале.

Но и отпускать, конечно же, не собирались.

Выстрелив в еще одну девицу, нацелившуюся в мое лицо, я разорвал ее на части. Кровь и ошметки плоти брызнули мне в глаза.

А вот мелкого лавли, прыгнувшего со спины, я вовремя убить не успел. Я достал его рукой, мои пальцы пробили ему грудь, сжали и раздавили сердце. Но это не убило его мгновенно. Он успел шлепнуть меня по виску ладошкой.

Несильно.

Физически я касание почти не ощутил.

Но вслед за касанием на меня обрушилась вся громада леса. Вся мощь их планетарного Гнезда.

И мир померк.

* * *

Музыка.

Вначале я услышал мелодию.

Странную – гармония была чужеродной, выворачивающей, заставляющей морщиться. Но прошла секунда, другая, и я оценил мотив. Он был чужой, но не чуждый. Печальная и красивая музыка. Ее хотелось слушать и ни о чем не думать.

Но я открыл глаза.

Я вновь оказался на пригорке, с которого мы совсем недавно смотрели на руины. Вот только город был цел и невредим.

За моей спиной солнце опускалось за деревья, белые стены и башни города отливали розовым в его лучах. Окна в домах радужно сияли, будто граненый хрусталь. Музыка неслась в воздухе – тихая, чужая и печальная.

Над городом скользили летательные аппараты – с радужными трепещущими крыльями, похожие на исполинских стрекоз. Разве могут машущие крылья удержать в воздухе пассажирские машины?

А дальше, за городом, солнце вставало! Вопреки разуму (я даже обернулся), оно одновременно садилось за лесом и вставало за городом!

И в ярком утреннем сиянии, борющемся с закатом, опускался с небес космический корабль.

Почему-то у меня и мысли не возникло, что это звездолет Инсеков или Прежних. В нем ощущалось родство с легкими ажурными аппаратами в воздухе. Нет, конечно, никаких радужных крыльев не было, но изгибы и переплетения форм, тянущиеся вверх, подобно ветвям деревьев, тонкие красные пилоны с белыми шарами (двигатели? кабины?) – все это было плотью от плоти города и леса.

Это был корабль обитателей Шогара – до того, как они уничтожили цивилизацию и стали бегать по лесам без штанов, убивая пришельцев и собственных детей.

– Ты видишь сшивку. Город был красивее на закате, я любила приходить сюда и смотреть, как он сияет в сумраке. А корабль сел ранним утром. Я решила, что ты должен увидеть и то, и другое.

Девушка стояла рядом со мной и смотрела на город. Только что ее не было, и вот – появилась.

Ничего необычного, конечно. Я же не идиот. Я понимаю, что я в их Гнезде. В виртуальном волновом пространстве, куда меня втащили.

Я сразу ее узнал. Та самая, что встретилась нам на пути к Продавцу.

Только сейчас она была взрослее. Пожалуй, даже постарше меня. И меньше походила на человека – иначе посажены глаза, у кожи странный красноватый оттенок, уши практически без мочек.
Чужая. Не человек.
Но все же красивая.
И совершенно точно – та самая.
Она была босиком, но одета – в легкое белое платье чуть выше колен.
– Любите белый цвет? – спросил я.
Девушка посмотрела на меня.
– Наши глаза видят иначе. Для меня город разноцветный.
– Ясно, – сказал я, помедлив. – Красивый?
– Да. А тебе как?
– Красивый. Для меня в нем два цвета – белый и красный. Но это тоже красиво.
– Мне приятно это слышать.
– Зачем мы здесь?
Девушка кивнула.
– Я так и знала, что ты не удивишься. Я хотела показать тебе корабль, который принес закат нашему миру.
– Как он называется?
– Корабль. Он у нас был всего один. В нашей системе единственная планета, на которую можно ступить, – наша собственная, мы долго не развивали космонавтику. Это было ошибкой, но мы поняли слишком поздно… Корабль проверял физический принцип, позволяющий перемещаться между звездами. Это даже не совсем корабль, это подвижная научная лаборатория.
Я кивнул, глядя, как научная лаборатория мягко опустилась на поле за городом. Ни пламени, ни грохота – огромная птица вернулась в свое гнездо…
– Он нашел мир, который вы захватили.
– Мы?
– Люди. Мы не поверили тому, что увидели. Мы не смогли это принять. Лаборатория совершила еще несколько прыжков, хотя этого не было в первоначальных планах. Мы увидели другие миры. Мы поняли, как все устроено. Но знания убили нас – лабораторию проследили до нашей планеты. Мы поняли, что нас ждет.
– Это не мы, – сказал я. – Это те, кто правят нашим миром. Мы зовем их Прежними, но они правили и нами. А сейчас нами правят Инсеки…
– Я знаю, – ответила девушка. – Молчи. Сейчас ты увидишь симуляцию.
Музыка ускорилась, стала тревожней. Небо потемнело. В нем вспыхивали прорехи серого света, из них, окутанные разрядами энергии, вываливались дисковидные корабли. Раскрывались, будто переламывались поперек – и вниз сыпались крошечные точки, над самой землей тормозя, опускаясь на улицы города…
И город запылал.
Я видел, как рушатся стены и башни, как мечутся по улицам обитатели Шогара.
И как преследуют их боевые биоформы Прежних.
Там даже не было бойцов, лучевое оружие посчитали излишним.
То там, то здесь возникали из пустоты уничтожители – чтобы схватить и разорвать кого-нибудь на части. Волнами носились чистильщики, пожирая горожан одного за другим. Громоздкие панцеры теснили жителей к площадям. Стремительно кружили танцоры – и там, где они пробегали, белые улицы становились красными.
Потом я увидел гигантскую тень собравшегося воедино марака – и отвернулся.
– Они бы не убили всех, конечно, – мягким голосом сказала девушка. – Захват планеты, подобной нашей, начинается с подавления ключевой оборонной инфраструктуры… впрочем, ее практически не было. И с уничтожения пяти-семи процентов населения. Это у вас считается оптимальной нормой.
– Не у нас!
– У Прежних, Инсеков и большинства других видов, стремящихся к сингулярности. Наша планета относилась к редкому типу технологически развитых, но изолированных в границах звездной системы. Вкусная добыча.
Я молчал.
– Если бы у нас было время… хотя бы полгода. Мы смогли бы создать оборону, которая сделала бы захват планеты невыгодным. Или капсулировать нашу систему… это временный выход, поскольку грозит нестабильностью звезды. Но мы получили бы паузу для размышлений и решений.
– Времени не было? – спросил я.
– Нет. Меньше месяца. Наши смыслы стали бы кормом для вас…

– Для Прежних!
– Возможно, к этому дню они смогли бы возвыситься, – сказала девушка, не реагируя на мое возражение.
Город заколебался в воздухе, будто мираж. Исчез десант Прежних. Исчезли тела с улиц.
Я увидел, как люди один за другим уходят из города. Сбрасывают по пути одежды – и растворяются среди деревьев.
– Нагота считалась у нас постыдной, – сказала девушка. – Нагота, жестокость и непредсказуемость – те качества, которые более свойственны животным. Мы любили природу и берегли ее, мы любили животных, мы не употребляли в пищу их плоть и не убивали. Но мы стали чем-то большим и гордились этим. Мы вышли из природы и готовились идти к звездам…
Город стал рушиться. Беззвучно падали стены, проваливались крыши, осыпались башни. Стая птиц, взлетевшая над лесом, вдруг вспыхнула – и исчезла. Музыка стала еще печальнее и тише.
– Когда мы поняли, что с нами сделают, – мы изменились. Мы совершили непредсказуемое. Уничтожили большую часть животного мира, перекроили биосферу, сбросили одежду и стали убивать друг друга и чужаков. На это месяца хватило.
– Вы лишили нападавших своих смыслов.
– Да. Их и себя. Иначе было невозможно.
Девушка протянула руку и сжала мою ладонь. Спросила:
– Ты знаешь, что ты изменился?
Я осмотрел себя. Комбинезон, плащ… даже рипер на поясе.
– Не здесь. В реальности. Ты стал куда больше… и страшнее. Только очень худой. Ты пытаешься есть траву и землю.
– Это изменение второго Призыва, – сказал я озабоченно. – Мое тело переходит в крайне эффективную боевую форму… но ему нужна органика для перестройки.
– Понимаю. Мы никогда не встречали такого Измененного. Стражи и коменданты не способны контактировать с Миром.
– Вы так это зовете? Свою глобальную волновую сеть? Красиво.
Девушка пожала плечами.
– Да. Здесь мы можем быть собой. Вспоминать прошлое и себя, какими мы были. Не смотреть наружу, туда, где мы другие. Потом становится тяжело, но отказаться так трудно… Сейчас тебе придется вернуться. Я не смогу оставить твой разум в Мире, он только наш.
– Ясно, – сказал я. – Кстати, вам необязательно было менять свой облик. Вы и так красивы… с человеческой точки зрения.
– Спасибо, – девушка улыбнулась. – Такой милый комплимент тысячелетней старухе, мальчик… Ты ведь хочешь задать вопросы?
– Да я почти все узнал и понял, – ответил я. – Разве что один.
– А я только на один и отвечу, время уходит. Хочешь спросить, почему мы убиваем своих детей?
– Нет, – сказал я. – Неинтересно. Взрослые всегда стараются убить своих детей, так или иначе. А дети – взрослых. Это вроде закона природы, только обычно не так явно и кроваво. Вы свели себя с ума, чтобы не стать добычей, а мне неинтересна логика больного разума.
Во взгляде лавли (хотя мне не хотелось ее так называть) появилась искорка интереса.
– Тогда что ты спросишь? Какие смыслы мы утаили от вас тысячу лет назад? Какие скармливаем теперь?
Я покачал головой. Музыка угасала, близилась к финалу. Я помнил, что они очень не любили оборванные мелодии. Значит – успею.
– Хм, – она рассмеялась. Приложила палец к губам, очень человеческим жестом изображая раздумье. – Тогда… как вернуть нас в норму? Как заполучить в союзники? Как уцелеть и спасти товарищей?
– Нет, – ответил я. – У меня один вопрос. Ты простишь меня за то, что я сейчас с тобой сделаю?
Девушка рассмеялась.
– А ты сможешь?
– Да, – сказал я, выбрасывая руку вперед.
Она стала растворяться в воздухе. Но слишком медленно для того, чтобы я не нашел ее след – разум, одновременно распределенный в пространстве и сконцентрированный в материальной точке.
Я рванулся за ним.

И очутился лежащим на пригорке над руинами. Руки и ноги были чем-то стянуты. Плащ комком сбился под спиной.
Последняя нота затихала в воздухе, сидящая рядом со мной юная девушка отняла деревянную свирель от губ. Лицо ее было прекрасно и безумно, в глазах не светилось никаких смыслов, кроме смерти и крови.
Я разжал губы, выталкивая землю и траву, которые грыз в беспамятстве, и плюнул девушке в лицо слюной из добавочных желез.
Коллоидная кислота пробила лобную кость и вспухла облаком пены, мгновенно выжигая лавли мозг.
Скорее всего, она не успела уйти в Мир. В стабильном коллективе лавли образовалась новая свободная ниша.
Я привстал, разрывая гибкие лианы, которыми были связаны руки и ноги.
Вокруг меня сидели кружком с десяток лавли – все юные, красивые и безнадежно медленные для Защитника, созданного вторым Призывом. Их лица менялись, от удивления и восторга – им нравилась сопротивляющаяся добыча, – к растерянности и ужасу, по мере того как я выбивал им сердца и отрывал головы.
Живот ныл, организм вопил, требуя пищи, – волновая печать произвела Изменение, но боевые органы пришлось создавать из моих же человеческих.
У меня не было другого выхода, и я постарался не думать о том, что делаю.
Через тридцать секунд я выпрямился, чувствуя, как организм восстанавливает поврежденные ткани. Над пригорком звенели свирели, я чувствовал, как затихают четыре мелодии… вот одна из них смолкла и раздался звенящий смех.
Только бы не Ана!
У меня не было времени разбираться, я видел четыре группы лавли, над одной из которых зависли в воздухе клочья комбинезона стражи и кровавые фрагменты ее тела.
Поэтому я побежал к ближайшей группе, чей пленник еще жил.
Они и так-то были быстрыми, а когда поняли, что происходит, смогли ускориться еще больше. Но все-таки недостаточно. Мир связал их в единую сеть, но, кажется, их Мир тоже растерялся и не знал, что делать.
А с оторванными головами лавли жить не умели.
К последней группе я шел уже медленнее, старшая стража, которую я освободил первой, даже успела встать и срывала с рук путы.
Лавли попытались убежать.
Я не позволил.
Последнего я остановил, дернул к себе и снизил скорость восприятия мира до доступной ему. Это был длинноволосый тонколицый юноша, по которому на Земле девчонки сохли бы толпами. В облике Защитника я нависал над ним, как оживший кошмар.
– Я хочу, чтобы ты понял, – сказал я. – Понял и запомнил.
Кажется, он очень удивился тому, что останется жив.
В их сумасшествии оставалось очень много здравого рассудка.
– Теряя смыслы – теряешь себя, – сказал я. – На самом деле я еще не до конца с ними разобрался. Но разберусь. Вы хотели спрятать то, что было вам дорого, и отравить врага тем, что вам отвратительно. Но вы отравили только себя.
Я взял его ладонь и медленно, один за другим, сломал пальцы.
Он даже не закричал. Просто смотрел на меня, остолбенев.
– Я знаю один смысл, – сказал я. – Он прост. Никогда нельзя убивать свои смыслы.
Только в этом обличье я смог увидеть, как рождается кристалл. Прямо перед моими глазами, в фокусе взгляда, будто сотканный из воздуха невидимым принтером.
Я подставил свободную руку и поймал его.
Кристалл был красно-синий, тонкий и острый, как игла.
Я вложил его лавли в искалеченную кисть, сжал ладонь, потом развернул – и дал хорошего пинка по голому заду.
Лавли бежал до самых руин, споткнувшись и упав только один раз.
Повернувшись, я увидел Ану, старшую стражу и единственную уцелевшую стражу.
Они были избиты, окровавлены, но живы.
Измененные очень прочные.
Они смотрели на меня. Они были в моем темпе, значит, видели и слышали финал побоища.
Первой прижала руку к левому, человеческому сердцу старшая стража. Склонила голову и встала на одно колено.
За ней Ана и стража.
– Не надо, – сказал я. – Я этого… всего… вовсе не хотел.

Тело подергивалось, медленно сбрасывая облик Защитника. Сквозь кожу стала сочиться клеточная жидкость, комбинезон намок в попытках отвести ее.
– Никто из нас не хотел, Порождающий Смыслы, – ответил Ана.
Серьезно сказал. Без паясничанья.

Глава восьмая

Бюрократ ждал нас в куполе, в помещении, откуда экран вел на Шогар. Сюда притащили его кресло и стол, за которым он в ожидании нас работал. Когда я первым шагнул сквозь экран, он подпрыгнул, будто пружиной подброшенный.
– Наконец-то!
Вышедший следом Ана замер. Недоуменно сказал:
– Мы на восемь часов раньше срока.
– Не важно, не важно! – Учетчик уже подскочил к нам и теперь отряхивал меня, будто желая удостовериться, что я настоящий.
От него сильно пахло сыром, луком и чесноком. Чипсы, что ли, снова лопал?
– Знаешь, как мне влетело? Высшая срочность, его ждут!
Мы с Аной переглянулись.
Когда мы возвращались за ограду гарнизона, Ана поговорил с уцелевшими стражами, и те не стали рассказывать детали случившегося. Просто столкновение с лавли и гибель одной из стражей… событие печальное, но обычное для этого мира. Я думаю, они сказали бы все, что я попросил, – так их потрясло увиденное.
Мы отдохнули и перекусили. Меня мутило, но я заставил себя поесть и даже подремал – хотя телу Измененного требовалось гораздо меньше времени для сна.
Если Ана и хотел устроить мне несколько вылазок наружу, то побоище заставило его изменить планы. Мы вернулись на Саельм в полной уверенности, что времени у нас еще много.
Но судя по суете Валя – ему и впрямь влетело.
– Никогда такого не было, – проворчал Ана.
Бюрократ на миг застыл, глядя на него. Потом укоризненно сказал:
– Со мной связывался локальный тактик! Понимаешь?
Кажется, Ана растерялся.
– Максу все равно надо готовиться к миссии…
– Не наше дело, – отрезал Валь. – Тактик!
Тон был такой, словно с ним лично Господь поговорил.
– Как прошла тренировка? – прекратив, наконец, суетиться, спросил бюрократ. Снял у меня с пояса рипер, положил на свой стол. Мне показалось, что оружие он взял в руки с некоторой брезгливостью.
Бывают ли Измененные-пацифисты?
А почему бы нет. Им тоже найдется работа.
– Не тренировка, настоящий бой. Большой и кровавый, – Ана заколебался, но врать не стал. – Макс проявил себя достойно. Он почти всех спас.
– Почти?
– Погибла стража.
– Долг, – учетчик кивнул. – Макс справился, вот и хорошо. На этом наша функция исчерпана. Макс, отправляйся. Прямо сейчас.
Я посмотрел на экран. Потом на Валя. Тот кивнул, радостно улыбаясь.
– Так нельзя, – сказал Ана с недоумением. – Так не бывает!
– Хочешь поспорить с тактиком? – восхитился Валь.
Несколько секунд учетчик и старший страж смотрели друг на друга. Мне показалось, что Валь торжествует. Неудивительно, ведь Ана явно ставил своей целью выводить окружающих из себя.
– Уточни у Школы, – попросил меня Ана.
Я понял, что он сдался.
Прикрыл глаза.
Голос Школы звучал куда тише и слабее голоса Гнезда на Земле. Может быть, это нормально, а может быть, Школа просто старалась не говорить со мной лишний раз, я ее пугал.
Но сейчас она отозвалась сразу, резко и ясно.
Да, мне требовалось пройти через экран и отправиться в мир Трисгард.

Да, это приказ тактика, а выше него в иерархии Измененных на Саельме никого нет. Дальше сами Инсеки.
Да, Школа желает мне достойной службы и гордится мной.
Бла-бла-бла… не словами, а символами, ощущениями, эмоциями.
На миг мне захотелось пробить этот барьер. Оказаться в виртуальном пространстве Школы. Увидеть тех, кто составляет его разум. Объясниться по-нормальному.
Как с Гнездом на Земле.
Как с Миром на Шогаре.
Но я не был уверен, что это правильное решение.
– Хорошо, – сказал я. – Спасибо за подготовку, Ана. Спасибо, что помог определить профиль, Валь.
Учетчик даже растрогался.
– Удачи в работе, Макс. Я горжусь, что помог тебе найти себя.
Он протянул руку, неуверенно похлопал меня по плечу.
– Не забывай мои… уроки, – сказал Ана. – Ты можешь за себя постоять, но… будь осторожен. Ты… очень важен для нас. Нас всех.
Старший страж говорил, очень аккуратно подбирая слова, но я понимал недосказанное. «Не умри! Ты символ восстания, которое я хочу поднять. Ты должен жить, чтобы стать легендой!»
Я ни секунды не верил в его планы. Но Ана стал мне почти другом, и я кивнул.
– Постараюсь. Слушай, хотел задать вопрос…
– Время, время! – сказал Валь нетерпеливо.
– Ты рассказывал, что однажды на Сунерде у тебя был случай… – Я запнулся. Стоит ли говорить при Вале об убийстве Прежнего… – Как ты справился?
– Время! – Учетчик совсем уж занервничал. Даже начал толкать меня к экрану.
– Нашел корень, – быстро ответил Ана. – Всегда есть корень, понимаешь?
– Ты смерти моей хочешь? – завопил учетчик. – Немедленно! В экран!
Ана едва заметно развел руками.
Я кивнул. Выхода не было, учетчик уже паниковал. Видимо, приказы тактика выполняются без промедления.
– Счастливо оставаться, – сказал я и пошел к экрану. Серое зеркало слабо светилось, пахло озоном.
Кажется, кроме Аны, никто по мне скучать не станет.
Да и ему, похоже, я больше нужен как символ, чем как друг.
Как-то быстро я закончил школу…
* * *
Экраны у Инсеков различались лишь формой и размером.
А вот размещались они в совершенно разных местах.
Этот висел в полуметре над полом – я кувыркнулся и упал, успев подставить руки лишь из-за нечеловеческой реакции. К счастью, под экраном были настелены упругие жесткие маты, вроде спортивных.
Да кто ж так делает? Можно и убиться ненароком…
Я присел, озираясь.
Большое помещение в кирпичном здании. Стены неоштукатуренные, кирпичи красные, выщербленные. Окна закрыты матовым стеклом, сквозь которое угадываются решетки. Какие-то металлические столы, что-то вроде здорового верстака, наваленные вдоль стен без видимой системы железяки: трубы, детали каких-то устройств, медные или бронзовые листы. Кирпичные перегородки закрывали часть помещения, но в них были широкие проемы, сквозь которые виднелось то же самое – железяки, окна, столы…
Под потолком тусклые электрические лампы без абажуров. Лампы самые простецкие, накаливания, даже не газосветные.
Гараж? Ангар? Мастерская?
И никого!
Я напрягся, пытаясь почувствовать Гнездо… то есть Форт.
Слабый-слабый отзвук. Где-то далеко, ощутить могу, а на контакт выйти – нет.
– Эй! – крикнул я. – Шутка такая, да?
Может быть, я на Земле?
Поднявшись, я сделал несколько шагов. Притяжение вроде как земное. Воздух… ну, пахнет, как в городе. Словно где-нибудь у железной дороги или завода, чувствуется какая-то гарь, нефтяная или угольная.
Сердце слева забилось чаще, сердце справа сохранило свой ритм. Как мой организм с этим управляется – ума не приложу.

В состоянии Защитника я, наверное, смог бы проанализировать состав воздуха и точно понять, земной он или нет. Но это не такой простой процесс, и мне потребуется гора органики для перестройки тела.
Я вспомнил Шогар, и меня слегка замутило.
– Кто здесь? – снова позвал я.
И с облегчением услышал шаги. Даже сейчас, без усиленных чувств Защитника, я мог отличить приближение Измененных на слух. Они иначе ходят, легче и с какой-то другой скоростью переставляют ноги. Будто тратят на движение меньше времени, чем человек, а потом на долю секунды замирают.
Из-за одной из перегородок вышла жница.
На мгновение я оцепенел.
Мне показалось, что это Дарина.
Такая же юная, стройная, с короткой стрижкой, сиреневым отблеском в глазах.
Но это все обычно для жниц.
А вот лицо действительно было похожим. Изменение вообще не меняет только лица куколок, а на жниц накладывает какую-то легкую общность, не более того. Значит, в человеческой жизни эта жница напоминала Дарину, а мутация добавила общего. Вот только волосы цветом слегка уходили в рыжину, а глаза оказались скорее темно-синими, чем фиолетовыми.
– Ура! – негромко сказала жница. – Ура! Вы не ушиблись?
Она подбежала ко мне, виновато развела руками.
Все раздражение как-то сразу исчезло. Да, это не Дарина. Но в ней тоже было очень много человеческого: в голосе, мимике, поведении.
– Ничего, – сказал я, хоть и собирался только что возмутиться тем, как повесили экран. – Что с экраном?
– Если ниже вешать, то питание слабеет, – ответила жница, словно оправдываясь. – Энергетический фокус вынесен в подвал, там толстые перекрытия из железобетона. Я притащила маты, но потом стража забрала часть для тренировки. Я спорила, но они не послушали…
Я молчал, глядя на нее.
В тренировочном лагере жницы были какие-то замотанные, как и стражи. Говорили четко и по делу, лишней болтовни себе почти не позволяли. А эта напомнила мне Дарину – и на миг стало больно.
– Меня зовут Эми, – жница потупилась. – Это чтобы вы знали, на кого жаловаться.
– Не буду я жаловаться, – ответил я. – Я Макс.
– Знаю. Мы вас уже больше суток ждем. Вы разведчик-морф?
Я кивнул.
– Можно? – Она протянула руку, я вздохнул, взял ее ладонь. Ощутил гладкую ровную кожу. Жница так же бережно ощупала мои пальцы.
– Словно человеческая, – сказала она с восторгом. – Здорово… Извините.
– Да ничего, – я осторожно убрал руку. – Где это мы?
– Трисгард.
– А точнее?
– Бранири, крупный портовый и железнодорожный узел в кредитном государстве Мондхилд.
Названия звучали в меру вычурно, но как-то по-человечески.
– Что такое кредитное государство? – спросил я. И пояснил, заметив недоумение в ее глазах: – Меня не успели подготовить. Совсем. И я не чувствую Форт. Он далеко?
– Далеко, – кивнула Эми. – Вы хотите есть? Пить?
Я подумал и с надеждой спросил:
– Кофе у вас есть?
Жница просто расцвела.
– Есть! Я люблю кофе. Сделать? Идемте! И я вам расскажу…
Вот чего мне не хватало на Саельме – так это кофе. Не знаю, почему с их изобилием хороших продуктов этот напиток не входил в рацион. Может быть, считают, что детям кофе вреден? Ха-ха три раза…
Вслед за жницей я прошел в следующий «отсек» помещения. Тут железяк валялось поменьше, зато имелся высокий деревянный шкаф с продуктами. Я с удивлением обнаружил среди них и унылые государственные рационы, которых на Земле наелся до тошноты, и разноцветные банки и коробки с очень соблазнительными картинками. Был и холодильник со стеклянной дверцей, на полках стояло молоко, лежали пакеты с мясом, еще какие-то скоропортящиеся продукты. Рядом с небольшим столом,

накрытым старомодной скатертью из темной ткани, – четыре табуретки. Я присел на одну.
– Где-то поблизости Продавец? – спросил я, кивая на продукты.
– Да. И у местных покупаем…
Жница торопливо взяла устройство, похожее на кофемолку: цилиндр, крышка сверху… Кофемолкой эта штука и оказалась. Эми включила ее в розетку причудливой треугольной формы, но в общем-то узнаваемую. Нажала клавишу, машинка загудела. Жница при этом смотрела на меня с полнейшим восторгом.
– Вы тут ждали морфа, я вижу, – сказал я.
– Очень, очень ждали! – Она осеклась. – Я как дура себя веду, да?
– Ну… как человеческая девушка, – осторожно ответил я.
– А я не стесняюсь, – с ноткой упрямства сказала Эми. – Мы же все люди, верно? И, может быть, снова станем людьми. И сражаемся за людей. Надо помнить, кто мы есть, гордиться этим!
Она высыпала смолотые зерна в ситечко самой обычной гейзерной кофеварки с изображением чашечки кофе на металлическом боку. Залила воду из стеклянного кувшина. На отдельном столике стояла плитка с таким же странным шнуром и треугольной нагревательной поверхностью.
– Треугольники в моде? – спросил я.
– Это местное поверье, вроде пользы для здоровья. Все, связанное с приготовлением пищи, приводят к такому дизайну… а вы не знали, Макс?
– Давай на ты? – предложил я. – У меня совсем никакой подготовки. Нулем! Я только знаю, что здесь живут тэни, они розовые и воинственные…
Эми прыснула от смеха.
– Воинственные? Не очень… Давай на ты, Макс. Значит, тебе надо обязательно подключиться к Форту.
– Это возможно?
– Съездим, – кивнула Эми. – Так, с чего начать? Кредитное государство?
Я пожал плечами.
– Тут десятка три государств, – объяснила жница. – Порой какие-то части государств хотят отделиться. Из-за экономики или еще каких-то споров… Войны бывают редко, обычно приходят к соглашению, по которому те, кто хочет независимости, получают государство в кредит. То есть у них есть самостоятельность, все что угодно, но они за это должны платить. Довольно долго, некоторые государства уже пару сотен лет кредитные. Многие решают, что свобода не стоит того, и возвращают независимость.
– Как… – я замялся, – мило. Это не воинственно!
– Ну да, я же говорю! У них бывают войны, да. И когда мы забрали планету у Прежних, некоторые страны начали воевать с нами! Но если есть возможность, они стараются все уладить миром. Купить, а не отобрать. Откупиться, а не сопротивляться.
– Продавцам должно нравиться, – сказал я.
– Ну да, Продавцы здесь открыто работают, их уважают. Тэни нам сопротивлялись, потому что считали сделку с Прежними незаконно расторгнутой.
Она сняла закипевший кофейник, стала разливать кофе по чашечкам.
– Плитка местная, кофемолка тоже… они в ней мелют ароматические орешки, но для кофе тоже подходит… А кофейник мы купили у Продавца, у тэни не нашлось ничего подходящего.
– Подожди, – попросил я, беря чашку. Вдохнул аромат. Блин, как здорово! Хотелось кофе! – Лучше про сделку. Тэни – завоеванная планета?
– Э… – Жница замялась. – Тут сложно. Прежние хотели их завоевать, тэни заявили, что будут сражаться. И сражались. Упорно. А потом предложили, чтобы Прежние их купили. Те заключили соглашение, тэни перестали воевать. Прежние позвали Продавцов, те повесили свои спутники над планетой, тэни стали торговать кристаллами. Ну, как всегда делается! У Прежних тоже гарнизон был совсем маленький, и они не зверствовали, как обычно.
Я подумал, что мне надо срочно узнать, что это такое: «зверствовали, как обычно». И узнать осторожно. Судя по реакции Аны, это было известно каждой куколке.
– Ты загрустил? – спросила жница тихо, садясь рядом.
– Да так, вспомнил… одну знакомую…
– Стражу? Жницу?
– Куколку, – улыбнулся я. – Она на Земле, с ней все хорошо… Так, значит, у Прежних с тэни была даже не совсем оккупация?
Жница развела руками.

– Как бы да. Тэни считали этот вариант выгодным для себя; наверное, так и есть. Потом пришли мы, и они возмутились. Но Продавцы помогли провести переговоры, там были хитрые пункты в соглашении с Прежними. И в итоге Инсеки выплатили неустойку, и получилось так, что мы забираем у Прежних этот мир.
– Звучит так, – осторожно сказал я, допивая кофе, – что тут нет особой работы для стражи.
– Нет, – улыбнулась Эми. – Наш гарнизон небольшой, да и то на случай атаки Прежних.
– Так где же здесь работа для разведчика-морфа? – спросил я. – И к чему была такая спешка?
Жница замялась.
– Я не знаю точно, я же не аналитик… Я… – Она на миг замолчала. – Я отсталая. Занимаюсь хозяйством: готовлю, лечу, чиню…
Я молчал, глядя на нее.
– Макс, я дурочка была, – сказала Эми с вызовом. – Совсем-совсем. Мне было десять лет, а я как годовалая… наверное. Ложку не могла в рот засунуть. Могла сказать только «ма» и «па». Меня отдали в Гнездо, когда поняли, что я так и проживу жизнь, словно курица.
– Почему «курица»? – растерялся я.
Эми улыбнулась и тут же посерьезнела.
– Не знаю. Я так всегда говорю, потому что это смешно, правда? Изменение меня вылечило! Но не совсем, к сожалению. Я по уму как человек, Гнездо сказало, что мне трудно вливать информацию, опасно для мозга. Но жница из меня получилась! Я хорошо чиню, паяю…
Она снова заулыбалась.
– Я как фея из мультика! Я даже хотела, чтобы меня звали Тинк, но Гнездо сказало, что надо исходить из своего имени. А я Эмилия. На самом деле я хорошо работаю, стражи хвалят. Но я мало что знаю. Извини, пожалуйста. Я глупая, мне надо было сразу сказать.
– Это ничего, – утешил я. – Правда, ничего. Я тоже мало что успел в Гнезде узнать, так получилось. Так что я такой же балбес!
Эми просияла.
– Ты все узнаешь! Форт расскажет! Просто гарнизон далеко, мы на резервной секретной локации. Это в порту, тут огромные корабли, очень красивые!
– И экрана тут раньше не было? – спросил я.
– Нет, – Эми покачала головой. – Не было экрана, только три стражи и я. Стражи меняются, а я тут живу. Уже год. Меня брали в гарнизон, но потом Форт сказал…
Она скорчила суровое лицо и густым голосом, который, наверное, считала подходящим для коллективной личности гарнизона, произнесла:
– Милая Эми! Я мало что могу тебе дать, а твоя личность ущербна и эмоционально нестабильна! Тебе будет легче исполнять свой долг в другом месте. Ты хочешь отправиться в секретное убежище?
Эми мгновенно переменила выражение лица и тонким голоском ответила:
– Да, милый Форт! Я буду счастлива исполнять свой долг там, где принесу больше пользы!
– Понятно, – сказал я.
Бедную жницу просто сослали. Чтобы не мешала своим сознанием, своими мыслями. Неправильная жница, которой нашли работенку по силам…
Но, с другой стороны, а что было бы иначе?
Девочка сидела бы в кресле, как овощ? Тупо смотрела в телевизор, где мелькали мультики, и равнодушно глотала кашу, которую в нее запихивает равнодушная сиделка?
Теперь у нее все-таки есть разум.
И не такой уж ущербный! Нормальный разум, по человеческим меркам. Я знаю полным-полно девчонок, которые в разговоре тупее жницы Эми.
– Я потому и веду себя так, – продолжала жница. – Болтаю, веселюсь, будто куколка.
– Тебе сколько лет?
– Пять. Ну то есть пятнадцать, если с человеческими.
– Пятнадцать, – кивнул я. – Эми, ты хорошая жница. Не переживай, что у тебя с трудом получается общаться с Фортом. Ты вырастешь и еще научишься, вот увидишь!
Эми просияла:
– Ты такой славный! А ты мне покажешь, как меняешься?

– Обязательно, но потом, – сказал я. – Это довольно трудно… Знаешь, Эми… ты ведь умеешь читать?
– Да, но только по-немецки, – вздохнула она. – Я из Испании, я знаю. Но я не помню свой язык, представляешь, как смешно? И даже говорить на нем не умею. Гнездо мне залило немецкий, потому что он общий. Но другие языки не стало, боялось меня испортить снова.
– Это ничего, – сказал я. – Слушай, Эми, тебе надо читать. Много-много книг. В Гнездах – ну и в Форту, наверное, – есть почти все земные книжки. Это будет развивать твой мозг.
– Я смотрю мультики и кино, – призналась жница. – Мне дали на Саельме планшет, там все-все-все на свете мультики и кино.
– Хорошо, – кивнул я. – Но кино и мультики – это как каша. Мягкая, разваренная.
Эми поморщилась. Потом недоуменно посмотрела на меня.
– Можно всю жизнь питаться только мягкой кашей, – объяснил я. – Но тогда у тебя выпадут зубы, потому что станут ненужными. И желудок разучится что-то другое переваривать. Вот мультики и кино – словно каша для мозгов. Чтобы умнеть, обязательно надо читать.
– Хорошо, – она просияла. – Я поняла, Макс! Как я сама не додумалась? Потому что глупая, да… Я буду читать.
– Браво, – донеслось из-за спины. – Не только морф-разведчик, но еще и доктор. Как нам повезло.
Голос, впрочем, звучал довольно кисло.
И говорил, кстати, по-русски.
Я встал, повернулся.
Нет, это была не стража.
Измененная, стоящая в проходе, больше всего походила на хранителя. Девушка с белыми глазами, в белом комбинезоне.
– Стараюсь быть полезным, комендант, – сказал я.
Комендант несколько секунд буравила меня взглядом. Потом кивнула:
– Приветствую на Трисгарде, Макс. Мы очень ждали разведчика-морфа. Все наши надежды связаны с тобой.
– Я буду стараться… – я запнулся, – выполнить свой долг и соответствовать профилю…
– Оставь, – буркнула комендант. – Не надо вести себя, как юная стража. Тошнит от громких фраз…
Она подошла к столу, потрепала Эми по голове. Спросила по-немецки:
– Все хорошо, девочка?
– Да, комендант! – восторженно глядя на нее, ответила Эми.
– Макс хороший?
– Очень! – выпалила Эми.
Лицо коменданта смягчилось.
– Тогда сделай и мне кофе, милая.
Она уселась напротив меня. Вздохнула, сказала по-русски:
– Я доверяю чутью этой маленькой жницы. Поэтому спрошу прямо – ты готов умереть?

Глава девятая

Я почти сразу понял, что Измененные на Земле и в Галактике совсем разные. Стражи, наверное, почти такими же остаются, но стражи изначально простые. Они солдаты. Старшие стражи посложнее, они меняются, вот на Ану хотя бы посмотреть, старшие это как наши сержанты или младшие офицеры. Учетчики, монахи, прочие работающие с техникой – совсем уж разные, многие походят на людей, пусть с прибабахом, но все-таки людей. По статусу они вроде капитанов и майоров в армии. Стратеги и тактики – это уже совсем круто, как генералы или главнокомандующие.
Хранители-коменданты – они где-то посередке. Подполковники или полковники. И они уж точно не проще и не глупее людей.
Интересно, разведчик-морф должен быть глупее или умнее среднего человека?
Я посмотрел в белые глаза коменданта и ответил:
– Нет, не готов. Никто не может быть готовым умереть.
Комендант неожиданно улыбнулась. Очень скупо, но все-таки.

– Правильный ответ. Нам дважды присылали морфов, оба раза ускоренно подготовленных. Оба отвечали, что готовы умереть, выполняя свой долг. Они и умерли.
Я ждал.
– Мне не надо, чтобы ты умер, – продолжила комендант. – У нас кризис. Потенциально очень серьезный, боюсь даже предположить, насколько. Я взяла на себя ответственность разрешить ситуацию, но время истекает. Ты – моя последняя попытка.
Она опустила руку, достала откуда-то из комбинезона (даже не заметил, что там был карман) изящную коробочку из золотистого металла и стекла. Что-то вроде громоздкой зажигалки… только в стеклянной части была не жидкость и не газ. Там копошились крошечные изумрудные жучки.
Я зачарованно смотрел на коменданта.
– Местная штучка, – пояснила комендант. – Ты знаешь, что все разумные существа имеют вредные привычки? У людей это алкоголь, табак, наркотики. У Прежних биогенные нейротропные стимуляторы. У Инсеков… не важно. Тэни разводят ароматических жучков.
Она щелкнула своей «зажигалкой». Мне показалось, что внутри стеклянного отсека повернулось какое-то колесико, зачерпнув одного жучка и отправив его внутрь металлической части.
– При страхе и боли они выделяют сложный альдегид. Никакого прямого влияния на организм, тем более наш. Но вещество работает на уровне структур продолговатого мозга, через обоняние. На нас тоже действует.
Комендант снова щелкнула устройством. Поднесла его к носу, глубоко вдохнула. На миг замерла.
Мне показалось, что я почувствовал слабый кисловатый запах.
– Одновременно бодрит и успокаивает, – заметила комендант. – Разумеется, это не одобряется.
– Жалко жучка, – сказал я.
Комендант снова щелкнула устройством, встряхнула его. Откуда-то вывалился крошечный изумрудный жучок, взмахнул крылышками и с жужжанием унесся под потолок.
– Он жив. В темном отсеке жучок получил разряд тока от пьезоэлемента и рефлекторно выпустил облачко газа. Местные хищники от него замирают в экстазе, жучок получает время удрать. Есть такие птички, они выслеживают скопления жучков, пугают их, слегка постукивая клювом… и радуются. Жучков они не едят.
– Какой интересный мир, – сказал я осторожно.
На самом деле Измененная, нюхающая пукающих от испуга жучков, была еще более удивительна. Но я не рискнул уточнять.
– Хочешь? – Комендант протянула мне устройство.
Я покачал головой.
– Как знаешь. Все равно рано или поздно попробуешь. Меня зовут Мар. Я из России, как и ты. Наверное, одна из самых старых Измененных на службе Инсеков, мне скоро сорок.
– Изменение в тридцать два года? – спросил я недоверчиво.
Мар покачала головой:
– Нет, конечно. Я изменилась в восемь, должна была стать комиссаром Прежних в одном из их миров. Но вскоре была освобождена Инсеками, перешла на их сторону… это долгая история. Сколько тебе лет?
– Девятнадцать, – сказал я. – Поздно прошел Изменение…
Мне показалось, что Мар смотрит на меня со скепсисом. Хотя что можно сказать об Измененной, у которой лицо неподвижно, а в глазах даже зрачков толком не видно? На Саельме мою фальшивую биографию, которая хоть как-то объясняла пробелы в знаниях, приняли почти без вопросов. Но поверит ли ей сорокалетний комендант?
– Не важно, – сказала она. – У всех свои истории, Макс. У меня своя, и ты можешь мне помочь. Я не тактик, но мой отзыв многое значит.
– Понятно, – я кивнул. – Значит, если не справлюсь, то лучше уж умереть?
Я надеялся, что она улыбнется или покачает головой. Но Мар снова щелкнула своим приборчиком и снова вдохнула ароматические испарения зеленого жучка.
– Форт даст тебе необходимую информацию, язык и знание обычаев, – сказала она. – Мог бы дать и задание, но я долго живу и предпочитаю говорить сама. Догадываешься, почему тебя перенесли сюда, а не в гарнизон?
– Боитесь предателей? – предположил я.
– С чего ты решил, что Измененные могут предать?

– Ну вы же предали Прежних.
Эми, несущая коменданту кофе, вздрогнула и едва не уронила чашку. Комендант глянула на меня, и по спине пробежал холодок.
– Ты мне нравишься, – сказала она. – Но больше так не говори. Предают тех, кому был верен, а я была рабом, а не слугой. Инсеки ведут дела честно. Но ты прав, я боюсь предательства. Первых двух морфов слишком быстро раскрыли. Ты представляешь себе Трисгард и его особенности?
– Очень слабо, – признался я. – Знаю, что они продали свою независимость вначале Прежним, потом нам. Что их в общем-то все устраивает.
– Так было, – согласилась Мар. – Планета развита, хотя и сильно отличается от стандартного ряда гуманоидов-технократов. В некоторых областях они на уровне двадцатого или даже девятнадцатого века. А в других – на уровне Прежних или Инсеков. Это необычно, делает их интересной колонией и позволяет получать любопытные смыслы. После того как был заключен мир, отношения с нами стали очень спокойными, это тоже необычно и всех радует. У меня жницы ходят на городские рынки, в магазины, в театры – можешь это себе представить?
Я пожал плечами.
– Меня сюда назначили вроде как в награду, – продолжала Мар. – Я участвовала в разработке захвата Саельма, мы забрали готовую инфраструктуру Прежних. К сожалению, мой профиль ограничен, тактиком мне не стать. Инсеки предложили на выбор: быть комендантом Саельма, комендантом Трисгарда или принять возвратный мутаген и вернуться на Землю.
Хорошо, что моя чашка была пуста, я бы ее точно уронил.

> – На Саельме холодно, – Мар словно не заметила моего замешательства. – На Земле… нечего мне там делать. Родные умерли, как жить среди людей – я почти забыла. Я выбрала Трисгард. Спокойный, уютный, комфортабельный мир. Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря…
> [6]

– Красиво сказали! – заметил я. Мне показалось, что Мар хочется поговорить.
Она поморщилась.
– Это не мои слова. Не важно. Так вот, кризис начался год назад. Один из Продавцов проинформировал меня о только что сданном кристалле.
Она сделала паузу, и я спросил:
– А это обычное дело?
– Нет. Сейчас объясню… Ты же видел кристаллы, они, как правило, одноцветные.
– Не только, – не удержался я.
– Правильно. Бывают сочетания двух-трех цветов. Иногда встречаются редчайшие кристаллы, сочетающие весь спектр. Что такое кристалл?
– Смысл.
– Да, но не обязательно важный. Одноцветные кристаллы – продукт сильного эмоционального выплеска. Они могут нести незначительные смыслы, но часто это лишь концентрат эмоций. Даже такие кристаллы – хороший товар. Переживание чужих эмоций – один из самых распространенных пороков разумных существ. Этим балуются и Прежние, и Инсеки, и Продавцы, и множество других культур. Земля поставляет смыслы, но еще больше она производит эмоций. Земные страхи, похоть и любопытство очень ценятся. Многоцветные кристаллы гораздо важнее. Они, как правило, появляются в результате осознания какого-то феномена, появления нового смысла.
Я кивнул. На языке вертелось, что однажды я сам породил семицветный кристалл. Но, во-первых, говорить такое нельзя.
А во-вторых, очень глупо было, что я сам не знал, какой смысл породил.
– О семицветных кристаллах Продавцы информируют тех, кто контролирует планеты, – продолжала Мар. – У нас сообщают Инсекам. Стандартное соглашение с Продавцами оставляет им большой процент одноцветных кристаллов, все остальные они обязаны сдавать за вознаграждение. Все равно подворовывают, конечно…
Я опять кивнул.
– А вот семицветные кристаллы оговорены особо, – продолжила комендант. – Это такая ценность, что санкции прописываются чудовищные. О покупке таких кристаллов немедленно сообщают.
– Значит, пропал семицветный кристалл? – спросил я.
– Хуже, Макс. Продавец сообщил, что ему сдали прозрачный кристалл. За всю известную мне историю поиска смыслов такие находили лишь дважды.

– Мне как-то даже страшно, что вы такие вещи рассказываете, – сказал я.
– Выхода нет, – Мар поднесла к носу «зажигалку», и еще один жучок получил разряд тока. – Ты должен знать, что ищешь. Продавец сообщил мне о кристалле, я отправила усиленный патруль, чтобы немедленно его забрать. Это была глупость, теперь я понимаю. Патруль пришел в Лавку Продавца, со всеми требуемыми процедурами забрал кристалл, сообщил мне об этом… И не вернулся в гарнизон. Мы так и не нашли никого – девять стражей, три старшие стражи, локальный тактик… Все исчезли.
– Вы боитесь об этом сообщать? – тихо спросил я.
– Боюсь, – просто ответила Мар. – Прозрачный кристалл стоит планеты. Даже такой, как Трисгард. Нескольких планет.
– Вас накажут?
Эми, тихо возившаяся у плиты, с испугом посмотрела на Мар. Кажется, комендант ей нравилась.
– Накажут весь этот мир, – сказала Мар. – Инсеки не могут позволить колониям овладеть подобными смыслами. Теоретически прозрачный кристалл способен перевести мир из категории колоний в категорию возвышающихся цивилизаций. Понимаешь? И без того развитый своеобразный мир, на границе зон влияния Инсеков и Прежних, станет новой сверхцивилизацией. Конкурентом, новым охотником за возвышением. Это катастрофа, это повод к переходу войны в новую стадию. Все правила, навязанные Высшими, будут нарушены, так или иначе их постараются обойти. Я не хочу наказания, не хочу зла этому миру, но еще больше я не хочу, чтобы Инсеки уподобились Прежним.
– Вы год ищете этот кристалл… – пробормотал я. – Что я-то смогу сделать? Я же не детектив, не Шерлок Холмс. Вы уже двух морфов посылали, верно? Оба умерли.
– Умерли не зря, – возразила Мар. – Каждая смерть означала, что они напали на след. Теперь у меня достаточно данных, чтобы ты смог найти и забрать кристалл.
– Может, его и нет тут уже! Продали кому-то, сами употребили!
– Базовая живая форма не способна употреблять кристаллы, которые сама же и продуцирует. Для людей бесполезны человеческие кристаллы, для тэни – порожденные ими. Кристалл – это и упаковка, и защита. Продавцы не рискнули бы забрать бесцветный кристалл. Прежние и Инсеки его не получали, иные цивилизации не смогут добраться до Трисгарда. Он на планете.
– И у вас есть подозрения, где он?
– Да. Ты получишь все необходимые знания, чтобы выглядеть как тэни, вести себя как тэни и добраться до кристалла. Надеюсь.
– Я постараюсь, – ответил я.
Ну а что я еще мог сказать?
Конечно же, постараюсь. Может, я и не в восторге от Инсеков – даже тот, что сидит у нас на лунной орбите, меня в итоге предал. Но побоище на целой планете и война между двумя могущественными цивилизациями?
Ну его на фиг! Я лучше «Звездные войны» посмотрю.
– Постарайся, парень, – Мар кивнула. – Очень много зла предотвратишь. Хочешь что-нибудь спросить?
– Почему вы на самом деле на Землю не вернулись? – спросил я.
Мар встала, спрятала свой прибор с насекомыми – я опять не заметил миг, когда в комбинезоне открылся карман. Помолчала.
– Я боюсь.
– Людей?
– Нет, Земли. Какой она стала.
– Земля как Земля, – сказал я.
Мар вздохнула.
– Сейчас приведут объект копирования. И принесут ретранслятор.
То ли она отдала какой-то незаметный приказ, то ли рассчитала время. Я услышал, как вдали открывается дверь, раздаются шаги, какой-то шум. Встал, ожидая.
Вошли две старшие стражи и монах.
Монах, с невинным детским лицом и тонкими ручками, тащил здоровенный цилиндрический контейнер. Казалось странным, что это гротескное грушевидное тело способно нести такую тяжесть. Он дружелюбно улыбнулся мне, Мар, Эми – после чего взгромоздил контейнер на стол. Сказал:
– Двадцать минут, комендант. Как минимум. Тут на самом деле плохой рельеф.
Груз стражи был совсем другим – невысокий упитанный человек с черным мешком на голове. Нет, конечно же, не человек – тэни. Голые руки и торс были нежно-розовыми, на ладонях по четыре пальца. На груди четыре соска.

– Это твой образец, – сказала Мар равнодушно. Протянула руку, сдернула с тэни мешок. Тот заморгал, озираясь. Кляпа во рту не было, но он молчал, даже сжимал губы с усилием. Мне показалось, что тэни стар, ему лет пятьдесят. Короткие курчавые волосы были почти белыми, это вряд ли указывало на возраст, но вот залысина надо лбом его выдавала. Стражи крепко держали тэни за руки чуть повыше локтей.
– Кто он? – спросил я.
Мужчина уставился на меня. Он что, немецкий знает?
– Действующий мастер тонких биохимических наук, – сказала Мар. – Если перевести в наши термины – магистр. Зовут его Джагерд Тогейр, Джагерд – личное имя, Тогейр – отцовская семейная линия. Не совсем фамилия, но вроде того. У них патриархальное общество.

> – Ich verlange sofortige Freilassung. Sie verletzen die Vereinbarung unserer Völker, – [7]
> сказал Джагерд.

Прозвучало это невыразительно, словно человек выучил фразу, не зная языка.
– Халди демуле. Джовайт вайтджо скалби, – ответила Мар.
Я ее не понял, она говорила на языке тэни. Но, похоже, посоветовала заткнуться. Мастер тонких биохимических наук бросил на нее яростный взгляд и замолчал.
– Раздевайся, – велела мне Мар.
Я посмотрел на нее. На стражей – обе, похожи, были девушками. На Эми – ей же пятнадцать лет!
Медленно снял плащ. Стал разлеплять на груди комбинезон: ткань расходилась сама, хотя никаких застежек не было видно.
– У тебя странный плащ, – заметила Мар. – Он работает как экран?
– Да, – сказал я, глядя на последнее, что связывало меня с Землей. – Это технология Продавцов. Долгая история.
Мар подняла плащ, встряхнула в руке.
– Не жалко, – буркнул я. – Надоел он мне уже.
– Интересная вещь, – задумчиво произнесла комендант. – Может оказаться полезной. Эми! Укрась его в местном стиле, хорошо? Быстро.
– Хорошо, Мар! – просияла Эми. Схватила плащ и скрылась в соседнем помещении.
В общем-то я не сильно обрадовался, что подарок Продавца останется со мной. На Саельме меня грело, что хоть какая-то часть земной жизни сохранилась, я в него кутался, будто ребенок в детское одеялко. Но постоянно носить плащ, будто супергерой, довольно нелепо, я это понимал. У Измененных даже вешалок нигде нет, они всегда ходят в своих костюмах!
А вот то, что Эми ушла, меня порадовало. Стражей и коменданта я не стеснялся, а ее почему-то – да.
Я снял комбинезон. Уставился на Джагерда. Тот с любопытством осматривал меня, видимо, научный интерес в нем был сильнее страха.
– Что ты делаешь? – спросила Мар.
– Разделся…
– И собираешься копировать его на глаз?
Я пожал плечами.
– Какие же вы все самонадеянные, – сказала комендант с раздражением. – Лишь бы покрасоваться… Нам нужно полное копирование, на уровне биологии, насколько это возможно.
Она подошла к Джагерду и провела ладонью по его груди. Тот вскрикнул от боли и растерянности, на груди появился тонкий порез. Мар вернулась ко мне, протянула руку. Из одного пальца выступал острый треугольный коготь с дрожащей на нем каплей крови.
– Ну? – сказала Мар и поднесла руку к моему рту.
Я глянул на тэни, с отвращением и ужасом смотрящего на меня.
Наклонил голову и слизнул кровь.
– Работай, – Мар вытерла коготь о комбинезон. Белая ткань на мгновение окрасилась красным и тут же очистилась.
Я застыл напротив тэни, сделавшего несколько изначально безнадежных попыток вырваться из рук стражи и теперь стоявшего спокойно. Тэни был передо мной, а его кровь на моем языке.
Кровь как кровь.

На цвет красная, на вкус соленая. Каждый знает вкус крови, каждый когда-то зализывал свои царапины…
Меня будто под дых ударили. Я скорчился, выпрямился, непроизвольно схватился за живот.
Мар удовлетворенно кивнула и пошла к кофейнику. Будто в тумане, я смотрел на то, как она наливает себе остывший кофе. В животе пульсировала боль, расплываясь по всему телу. Монах, не прекращая возиться с прибором, с любопытством поглядывал на меня.
Правое сердце сжалось и остановилось.
Левое сердце застучало чаще.
Череп заныл, будто я приложился головой о стену.
Кожа начала зудеть.
– Ты предпочитаешь мясную или растительную пищу? – спросила Мар. – Сейчас тебе захочется есть.
Но я не ответил. Я сел на пол, вцепившись руками в темные оструганные доски. Смотрел, как меняется цвет моей кожи, наливаясь розовым.
Нет, это было не так, совсем не так, как при испытании, устроенном мне учетчиком! Тогда я каким-то образом скопировал изображение, стал походить на тэни, но остался собой.
Сейчас все было иначе. Я менялся гораздо глубже, как при переходе в форму Защитника. Весь мой организм плавился, будто окуклившаяся гусеница, превращаясь в нечто иное.
Я назад-то вернуться смогу?
Или навсегда останусь пузатым лысеющим розовокожим биохимиком?..
Ох, во мне сейчас этой биохимии, хоть ведром черпай…
Может быть, я отключился, потерял сознание. Может быть, просто отчаянно тормозил. Но когда я встал (меня еще потряхивало), оказалось, что времени прошло довольно много. Стражи исчезли, не было и мастера Джагерда Тогейра. За столом, уставленным едой, сидели Мар и Эми. Монах все еще возился со своим цилиндром-ретранслятором, который переставили на столик к стене.
– Ты морфировал быстрее, чем предыдущие, – похвалила Мар. – Хороший потенциал.
То, что я абсолютно голый, меня больше не смущало. Может быть, потому, что я был в чужом теле. Все равно что надеть карнавальный костюм голого человека – себя обнаженным не воспринимаешь.
А вот то, что я весь покрыт белесой скользкой слизью, было неприятно.
– Тут есть душ? – спросил я.
Голос звучал странно. Не просто чужой, все в речевом аппарате было устроено чуть иначе, немецкие слова звучали с каким-то смешным шипящим акцентом, а горло напрягалось, когда я говорил.
Еще безумно хотелось есть. На столе громоздились горы еды – овощи, жареная курица, куски не то рыбы, не то мяса, графины с водой и какими-то напитками.
Но еще больше хотелось вымыться.
– В дальнем конце, я проведу, – встала Эми.
Я посмотрел под ноги. Мерзко выглядящая лужа, с какими-то белыми вкраплениями… это что, мои зубы?
– Я все уберу, пойдем, пойдем, – позвала жница.
– Где Джагерд? – спросил я коменданта.
Та с любопытством смотрела на меня.
– Он больше не нужен.
– И… где он?
– Он жив, если ты беспокоишься о нем. Стражи его увели.
Все-таки подозрение на моем лице оставалось, потому что Мар покачала головой.
– Тебе обязательно надо будет с ним пообщаться. Он жив, хотя крайне расстроен увиденным. Даже пытался подраться со стражей. Иди, приводи в себя порядок.
Мар бросила в рот вареную картофелину, добавила:
– А то отбиваешь аппетит.
– Картошка? – почему-то удивился я.
– Да. От Продавцов.
– Они же… картошку делать не умеют…
Мар громко расхохоталась.
– Что? Все они умеют. Но на каждой планете они объявляют несколько продуктов и предметов недоступными для копирования. Это поддерживает местную экономику и

дает аборигенам повод гордиться собой и строить конспирологические теории. На Земле, значит, картошку выбрали?
Почему-то это меня добило. Я неуверенно сделал несколько шагов. Фигура у тэни оказалась совсем другой, центр тяжести смещен куда-то к пузатому животику и заднице. Еще я стал меньше ростом, даже ниже, чем когда был обычным человеком. Оставляя за собой скользкие пятна, я пошел вслед за терпеливо ждущей Эми в душевую.

Глава десятая

Душ был хороший, с мощным напором. Краны с пятигранными ручками – может быть, тут пятиугольники считаются благоприятными для гигиены, как треугольники – для приготовления пищи?
Я вымылся с густым, пахнущим пряными цветами душ-гелем из банки (тоже местная продукция, ни одного символа на этикетке не понять). Вытерся, постоял у запотевшего зеркала, висящего на стене, изучая себя.
Тэни. Пожилой, розовый и с залысиной.
Залысина почему-то злила сильнее всего.
На руках четыре пальца, но неудобства я отчего-то не испытывал. Может быть, гитарист или фокусник страдал бы, а я как-то сразу привык. На количество пальцев на ногах мне вообще было плевать. Не копыта, и ладно.
А что делать-то?
Я теперь Измененный, пусть и странный. Для Аны я символ восстания (не лидер, а именно символ). Для Мар – разведчик, который сможет исправить случившийся косяк. Я – часть армии Инсеков, сражаюсь с такими же Измененными, служащими Прежним.
На Землю мне вернуться не светит.
Наверное.
Если, конечно, в руках у меня не окажется такой ценности, что Инсеки и Гнезда смирятся с моим пребыванием на Земле, с тем, что я стану продуцировать смыслы, достающиеся Прежним.
Вроде бесцветного кристалла, да?
Да.
Я потрогал пальцем зубы. На вид как человеческие, хоть и не мои. Я осторожно их пересчитал. Сколько у человека зубов? Тридцать шесть? Нет, тридцать шесть – это температура… Тридцать два. Но четыре из них – зубы мудрости. Значит, двадцать восемь? У тэни было сорок четыре.
Ну так, может, у него уже зубы мудрости появились? В количестве шестнадцати штук?
Потому они и умнее людей…
Еще эти нелепые четыре соска на груди, один под другим, слева и справа… почему-то это бесило больше, чем четыре пальца на каждой ладони… стоп, а на ногах точно по четыре?
Все верно, на ногах тоже по четыре.
Видимо, у них эволюция дальше зашла, мизинцы исчезли?
– Ну вас в пень, – сказал я.
Хотелось есть. Я надел комбинезон, который кто-то – видимо, Эми – принес в душевую. Комбинезон мгновенно всосал остатки влаги с тела, подстроился к фигуре тэни.
И я вернулся к столу.
Стражи по-прежнему не было, биохимика тоже. Эми тихонько ела вареные овощи, Мар трескала рыбу. Я сел и, ничего не говоря, стал есть курицу, разрывая ее руками.
– Пища тэни безопасна для нас, – сказала Мар. – Полагаю, для людей тоже. Вкус своеобразный, они практически не используют соль, все будет казаться пресноватым. Много специй, нравится тем, кто пришел из Индии и Юго-Восточной Азии. Есть алкогольные напитки, есть нечто вроде чая.
Я кивнул.
– Их элиты, кстати, любят земные продукты, – сообщила Мар. – Экзотика! Так что, если затоскуешь по привычной пище, можешь купить кое-что у Продавцов.
– Картошку куплю, – пообещал я. – Хочу лично убедиться, что они умеют ее делать, это же свинство какое-то – так над нами издеваться! Может, им белорусы заплатили?
– Почему белорусы? – удивилась Мар.
– Проехали… Каковы мои действия?

– Сейчас ты примешь от Форта курс языка и бытовой информации, которая позволит тебе выглядеть своим среди тэни. Это довольно тяжело – получить такой информационный удар.
– Не сомневаюсь, комендант.
– Потом поговоришь с Джагердом. Подмечай манеру поведения, разговора, движений. Все полезное мы из него уже вытащили… – Мар вздохнула. – Полезного было немного. Он занимался изучением кристаллов и пытался найти способ извлечения из них информации.
– То есть смыслов?
– Да. Похоже, он добился определенных успехов. Я полагаю, что тэни осознали ценность прозрачного кристалла, не успели перехватить кристалл до Продавца, но сумели напасть на патруль и забрать кристалл. На протяжении года мы искали выход на похитителей. Они владеют кристаллом, но он для них, к счастью, бесполезен. Поэтому, как только Джагерд опубликовал свои исследования, на него немедленно вышли.
– Мы?
– И мы тоже. Сегодня вечером у него назначена встреча. Мы знаем место, но бессмысленно захватывать того, кто на встречу придет. Наверняка там будет цепочка ничего толком не знающих посредников и меры против слежки на каждом этапе. Ты должен проявить заинтересованность, выйти на нынешних владельцев кристалла и сообщить, где находишься. Штурмовая группа атакует их убежище. До этого момента ты должен будешь обеспечить безопасность кристалла. Потребуется – убивай всех. Они сами подписали себе смертный приговор.
– Допустим, я попаду туда, где находится кристалл, – сказал я. – Как мне выйти на связь?
– Через Форт. Мы будем следовать за тобой удаленно с ретрансляторами, ты будешь все время оставаться на связи. Разумеется, если тебя разоблачат – мы постараемся тебя спасти.
– Гладко, – согласился я. – А он и впрямь может считать смыслы с кристалла?
– Результаты экспериментов неоднозначны, – уклончиво ответила Мар. – В статье Джагерда все было очень расплывчато. В лабораторном журнале, который он сжег, – но мы сумели восстановить информацию, – куда более оптимистично. В итоге ему пришлось признать, что когда он принял эссенцию кристалла, то воспринял часть смысла.
Монах отошел от цилиндра-ретранслятора и доложил:
– Все должно работать, комендант. Рельеф местности очень, очень плохой, а высоковольтная линия в порту давала помехи. Но я все настроил.
– Остался последний штрих, – сказала Мар. Встала, подошла ко мне сзади. Взяла за левую руку.
– Какой штрих? – Я вскрикнул, вырывая руку. Боль вспыхнула и тут же почти исчезла, погашенная организмом призванного. Но кисть теперь торчала под углом.
– У него был перелом несколько лет назад, – сообщила Мар. – Неудачно упал, сломал руку. Да не смотри на меня так! Пока будешь общаться с Фортом – все заживет!
– Да, конечно, – придерживая руку, ответил я. – Заживет. Неожиданно получилось…
– Неожиданно – не так больно. Давай, – кивнула мне Мар.
А что «давай»?
Я не чувствовал Форт. На Земле с Гнездом все было прекрасно. На Саельме я сразу почувствовал Школу… честно говоря, разница невелика, только Школа оказалась грубее и недоверчивее.
Форт я не ощущал. Никакой теплой мягкой волны, накатывающей на сознание. Может, глухая боль в руке мешала?
– Сейчас, – подбодрила меня Мар. – Ты в чужом облике, Форт подстраивается.
А что, если я не смогу наладить контакт?
Я же не настоящий разведчик-морф…
Осторожно поглаживая место перелома (мышцы сами стянули сломанные кости), я мучительно придумывал, что же мне сказать и на что ссылаться, если связи не будет.
И тут меня обдало холодом. Я почувствовал, как тело застывает и выгибается, будто все мышцы разом сократились.
– Ага… – сказала Мар удовлетворенно.
«Дай мне информацию!» – потребовал я мысленно.
«Кто ты?»
Мои веки закрылись сами собой – и я будто провалился в темный туннель.
Краткий миг полета.

И я оказался сидящим в темноте на жестком стуле. Вокруг скорее угадывались, чем слышались шорохи, звуки дыхания, движения. Руки были заведены за спину и, кажется, связаны.
Я что, потерял сознание?
И теперь меня будут допрашивать?
– Кто ты?
Я облизнул пересохшие губы. Сказал:
– Свет.
– Кто ты?
– Свет! – выкрикнул я.
И свет появился.
Пространство вокруг было столь смутным и бесконечным, что я сразу понял – это не реальный каземат или тюрьма. Мой разум находится в сознании Форта.
Допрашивать меня тоже будет Форт – коллективный разум всех Измененных, прошедших Трисгард.
Из темноты, из движущихся теней, выступил молодой парень с хмурым лицом. На нем был комбинезон стража, а лицо, если всмотреться, начинало расплываться, превращаясь в лицо Измененного.
Парень наклонился надо мной. Требовательно спросил:
– Да кто ты такой? Или что такое? Ни один Измененный не способен общаться со мной так!
Я даже ни на секунду не задумался о том, чтобы соврать. Вряд ли бы это получилось. Да и зачем?
– Меня зовут Максим. Я с Земли. Еще месяц назад был человеком.
Парень молчал, смотрел мне в глаза. Я напрягся, вытащил руки из-за спины – если что-то их и держало, то исчезло. Проверил – все пять пальцев на месте. Здесь я снова был собой. Как и этот страж.
– Но сейчас ты совсем не человек.
– Я был призван. Защищал Гнездо. Потом… мне пришлось пройти второй Призыв.
Темнота рассеялась окончательно, превратилась в молочно-белый свет, из которого выходили тени. Нет, не тени – люди. Молодые парни и девушки, некоторые почти дети.
– Разве так бывает? – спросил страж растерянно.
– Первый раз, – я протянул ему руку. – Привет.
Бесплотная ладонь коснулась меня, я ощутил едва уловимое тепло.
– Почему ты притворяешься разведчиком-морфом?
– Так получилось. – Я встал, посмотрел на лица. – Инсекам может не понравиться, что я ушел с Земли и теперь среди вас.
– А они не знают? – спросил парень с сомнением.
Его будто смыло в сторону, теперь передо мной стояла девчонка лет семнадцати, с необычно дерзким для Измененной взглядом. Очень странно одетая, сверху – половина комбинезона жницы, ниже – джинсы с дырками и стразами.
– Ты несешь нам беду?
– Не знаю, – честно ответил я. – Но я уже умирал за вас.
– Чего ты хочешь?
– Да ничего я не хочу! По течению плыву, как могу барахтаюсь! Это от меня все чего-то хотят!
Девчонка растворилась в свете, вместо нее возникла девушка старше, моих лет. Тоже странно одетая: в платье вроде как ей по размеру, но совсем детского фасона, с принтом из зверюшек и цветочков, такое бы даже Наська отказалась надевать. Сказала:
– Извини. Мы растеряны. Все мы.
– Думаешь, я хоть что-то понимаю? – ответил я. – Я даже не пойму толком, кто вы. Что такое Гнездо и Форт.
– Это как раз просто, – ответила девушка. – Взаимодействие и обучение каждой группы Измененных осуществляется посредством распределенной информационной системы, использующей комбинированные биологические и волновые технологии. По большей части это слабые и сверхслабые взаимодействия, но, чтоб тебе было понятнее… паутину вокруг Гнезда видел?
Я кивнул. Сказал:
– У меня даже трусы были из паутины.
– Ну вот, считай, что ты носил на своей попе часть суперкомпьютера, – девушка усмехнулась. – Уже отработавшую и выключенную, конечно. Каждый, кто подключается к той или иной информационной системе, оставляет в ней полный отпечаток сознания. Копию себя.

– Это я понял, – кивнул я. – Но Гнездо не похоже на Форт…
– Гнездо – это ясли, в нем разум детей. Он развивается, но… – Девушка покачала головой. – Я могу говорить об этом бесконечно! Я монах, занималась как раз нашими системами.
– А я думал, что все монахи – парни…
– Сексизм, – фыркнула девушка.
– Так твой разум и тут, и еще где-то на планете?
– Только тут. Моя биологическая личность погибла.
Я невольно опустил глаза.
– Извини.
– Не важно. У Измененных плохо с чувствами, у нас – тем более. Я коллективная личность, понимаешь? Мы все поодиночке и в то же время одно целое, довольно странное состояние… Значит, ты прошел двойной Призыв? Это многое объясняет. Чтобы призвать человека на помощь, Гнездо создает в нем свой отпечаток. Что-то вроде упрощенной копии, позволяющей взаимодействовать, изменять свое тело, восстанавливаться. Ты сам отчасти Гнездо. Понимаешь? В тебе появилась информационная суперсистема, привязанная к твоему ДНК в качестве материального носителя.
– А двойной Призыв?
– До сих пор это было лишь теоретической возможностью, – девушка покачала головой. – Что же у вас творилось? Как мать с хранителем на такое решились?
– Я попросил мать и хранителя внутри Гнезда. Бывших мать и хранителя. Ну – вот так, как сейчас.
– Обалдеть, – сказала девушка восхищенно. – А они рисковые. Ты стал… я даже не могу до конца понять, чем именно. Ты стража, жница, монах, морф… ты все сразу. Но дело даже не в этом! Ты одновременно и человек. И Гнездо. А теперь и Форт.
– Разве мозг может такое вместить? – удивился я.
– Мозг не может. Но Призыв кодируется на уровне ДНК каждой клетки. Я пока не могу понять, к чему это способно привести. Тут нужен стратег или хотя бы тактик, или кардинал, но на планете был лишь локальный тактик, и тот всего один… Извини, я должна уй…
Она исчезла.
А вместо нее появилась Мар.
Я сразу узнал коменданта, хотя сейчас это была женщина лет сорока. Не очень красивая, какая-то вся растрепанная. В белом комбинезоне, на котором приколота брошка – нелепая и старомодная, из здоровенных фальшивых жемчужин, соединенных проволочками в виде морской звезды.
– Времени мало, – сказала она без церемоний. – Мой локальный тактик не в лучшем состоянии; я полагаю, это связано с его исчезновением. Но он соберется и даст совет. А я дам свой. Не доверяй моей биологической форме. Она была хорошей, но теперь – стерва. Если прижмет… скажи, что я передаю ей привет. Скажи, что прошу помочь тебе. Скажи… – Она помолчала. – Куколка, балетница, воображуля, сплетница, царь, царица, красная девица…
Я кивнул, запоминая.
– Меня зовут Маргарита, не Мария и не Марина, ясно? Эту брошку носила моя мама. Она забыла лицо матери, но брошку помнит, она ее обожала, иногда тайком надевала на форму…
Комендант мгновенно преобразилась. Стала девочкой лет десяти, с толстыми косичками, завязанными пышными бантами, в унылой школьной форме из дешевой мятой ткани. На руках у девочки елозил маленький рыжий котенок.
– Вот как-то так, – Мар снова стала собой. – Запомни ее такой! Сейчас будет тактик, он даст совет в пределах своего профиля. После этого мы снабдим тебя всей информацией, необходимой для задания.
– Так вы со мной? – спросил я.
Лицо Мар расслабилось.
– Мы теперь навсегда с тобой… балбес.
– Дайте мне и базовую информацию! – попросил я. – Меня же не учили в Гнезде.
– Есть разовые объемы информации, предельные для человеческого сознания. Язык и обычаи тэни и без того перегрузят тебя, – она помедлила. – Хорошо. Мы дадим кое-что в виде капсулированных знаний, которые будут проявляться в моменты отдыха. Ты поймешь. Бывай, Макс.
Она исчезла.

Остался только белый свет и движущиеся в нем тени. Я обернулся – даже стул, на котором я сидел, исчез. Да и был ли он вообще?
– Макс.
Подросток, появившийся передо мной, явно был локальным тактиком. И дело не в комбинезоне вызывающей ярко-зеленой расцветки, я не знал, как кодируется профиль тактика, да и обязательно ли это. В нем было что-то от Анны, маленького стратега с Земли. Какая-то отстраненность во взгляде, чужеродность – он ушел от людей дальше, чем все остальные. И лицо с заостренными чертами, и глаза чуть большего, чем положено, размера – все это сбивало с толку. Я даже не мог понять, мальчик это или девочка. Впрочем, Мар говорила о тактике в мужском роде…
– Макс, все очень плохо и сложно, – начал локальный тактик.
– Скажи что-нибудь новое…
– Связь моей биологической формы с Фортом была разорвана, еще когда они отправились к Лавке Продавца. Это соседний город, взаимодействие на таком расстоянии невозможно. Главной ошибкой Мар являлось то, что она отправила группу без ретранслятора и, соответственно, без контроля происходящего.
Я кивнул.
– Странно то, что это было одобрено моей биологической основой, – продолжил локальный тактик.
– Почему?
– Не могу знать. Взаимодействие Форта и Измененных не подразумевает полный контакт сознания. Даже ты общаешься со мной глубже и полнее, чем наши биологические формы.
Тактик закрыл на миг глаза, продолжил:
– Я буду говорить так, мне тяжело смотреть на тебя… Вторая странность – почему тэни решились на захват группы. Это очень нелогичное и опасное решение с точки зрения их менталитета. Они предпочитают торговаться и обмениваться уступками, а не воевать и устраивать мятежи.
– Есть и третья странность? – спросил я.
– Так точно. Моя биологическая основа лично выбрала очень хорошую группу поддержки. Девять стражей. Три старшие стражи. Локальный тактик. Все опытные бойцы, участвовавшие в реальных сражениях. Уничтожить можно любой отряд, но последствия от столкновения с такой группой можно заметить даже со спутника. А их нет! Все Измененные исчезли бесследно.
– А потом еще двое разведчиков-морфов…
– Так точно.
– Мар предполагает предательство в гарнизоне.
– Вероятность предательства близка к девяноста семи процентам. Она права.
– Почему тебе так плохо? – спросил я. Протянул руку, взял подростка за плечо. Он вздрогнул, моя рука погрузилась в его тело, как в туман. – Потому что ты… твоя биологическая основа погибла?
– Потому что я не знаю, погибла ли она, – ответил локальный тактик. Открыл глаза, посмотрел на меня, и вдруг его лицо исказилось отчаянием. Почему-то в этот миг я сразу понял, что это был парень. – Макс, найди предателя. Найди и убей! Пообещай, что ты убьешь его, кем бы он ни был!
Не знаю, почему я пообещал ему.
Потому что он готов был разрыдаться?
Или потому, что разделял его отношение к предательству?
– Я убью предателя, – сказал я. – Обещаю. И если ты… твоя основа жива… я спасу его.
Локальный тактик кивнул. Выдохнул:
– Спасибо. Но никогда не обещай две вещи сразу.
Он исчез.
– Почему? – спросил я.
А в следующий миг мое сознание будто взорвалось от хлынувшего в него потока информации.

Часть вторая

Глава первая

На тюремную камеру комната, где держали биохимика, никак не походила.
Тут поставили кровать (ничего особенного, видимо, трудно придумать иное устройство для лежания), столик и два стула. Продукты, вода… разве что упаковка воды смущала – стеклянные банки, а не пластиковые бутылки.
Нечто, напоминающее массивный металлический стул с коробом внизу, явно было компактным унитазом. От него пахло – к счастью, не дерьмом, а какой-то химией.
– В вашей культуре существует понятие двойника? – спросил Джагерд.
Сейчас он выглядел спокойным, хотя, судя по кровоподтеку под глазом, и впрямь пытался драться со стражей. Одет тэни был в мешковатый серый балахон.
Его одежду отдали мне: рубашку с несколькими застежками у ворота, как у поло, но с длинными рукавами, и штаны, о которых нельзя было сказать ничего хорошего и ничего плохого. Просто штаны. Ботинки мне тоже достались от Джагерда: с толстой подошвой, из черной лакированной кожи, с двумя эластичными петлями-застежками вместо шнурков.
– Оборотня? – уточнил я.
Джагерд качнул головой. Я уже понял, что язык тэни, на котором мы сейчас говорили, несет в себе куда больше отличий от человеческого, чем внешний облик.
Он был очень точный.
И манера разговаривать у тэни тоже не допускала вольностей со словами.
– Оборотень – это мифическое существо, способное принять облик животного, – сказал он. – Возможно, для вас мы – животные. Но я говорю о двойниках. О людях, способных становиться точными копиями других людей.
– Да, такое у нас есть, – сказал я. – Не на самом деле, конечно! В культуре.
– Это положительные персонажи?
Я подумал.
– Нет. Наверное, нет.
Джагерд удовлетворенно прищелкнул языком.
– У нас тоже. Человек, способный принять чужой облик, – вор. Он похищает твою судьбу, твое место в мире.
Вор, пожалуй, было самым грубым словом в их языке. Оскорблением, почти проклятием.
– Я ненадолго, – заверил я. – Верну то, что вы у нас украли. И приму свой облик. Поверьте, мне он больше нравится.
Джагерд резко качнул головой вправо. Это был жест отрицания.
– Мы ничего у вас не крали. Если ты говоришь о кристаллах, так это вы их воруете.
Я вовсе не собирался его переспорить или что-то доказать. Вряд ли это возможно. А вот поговорить, запомнить манеру общаться и реагировать было важно.
– Мы не воруем. Инсеки заключили с вами торговое соглашение. Вы продаете кристаллы, получаете за них хорошие вещи. Инсеки не вмешиваются в вашу жизнь. С Прежними у вас был точно такой же договор.
– Раньше мы не знали, что такое кристаллы, – возразил Джагерд. – Мы думали, они имеют энергетическую или биохимическую ценность. А это информационный пакет.
– И что с того?
– Теперь мы знаем про сущности.
– Смыслы? – уточнил я.
– Мы говорим «сущности». – Джагерд сердито уставился на меня.
– Давай пообщаемся? – предложил я. – Начистоту. Ты расскажешь, как вы понимаете ситуацию. Я расскажу, как все выглядит с нашей стороны. Может быть, если мы определим позиции, то сможем достичь компромисса?
Тэни выглядел удивленным. Но, пожалуй, еще и заинтересованным. Теперь я ловил его мимику: движения бровей, губ, лицевых мышц.
– Мы можем сделать попытку, – решил он. – Скорее всего, твой фальшивый облик заставляет меня испытывать ложные надежды. Но все имеет обратную сторону. Приняв мой облик, ты тоже должен лучше меня понимать.
– Сделка, – сказал я, прикладывая ладонь ко лбу. Тэни повел головой, подтверждая. Тоже приложил руку ко лбу – непременный жест честной сделки. Сказал:
– Прежние завоевали нашу планету много лет назад. Они безжалостны, их солдаты чем-то походили на вас, но были даже страшнее. Но мы поняли: их что-то сдерживает. Какие-то законы или обычаи не позволяли бесконтрольно уничтожать нас. Мы пошли на переговоры. Выяснили, что их интересует лишь сбор кристаллов, которые будут появляться в людных местах. К тому же они были готовы платить за кристаллы. Это

сделка, заключенная под давлением, но на приемлемых условиях. Мы согласились. Появились Лавки со странными Продавцами. Кристаллы возникали повсюду, многие из низших слоев общества занялись их сбором, некоторые разбогатели. Экономика даже испытала подъем. Мы жили так больше века. Потом пришли вы, мы воевали, но в итоге все снова кончилось сделкой. Даже на лучших условиях, многие были довольны. И лишь потом мы поняли, что в обоих сделках есть подвох.
– Какой?
– Наше развитие замедлилось. – Джагерд вскинул руки перед собой, что было аналогом пожатия плечами. – Мы строили дороги и города, развивали искусство и науки. Но почему-то все наше развитие стало количественным. Исчезли рывки, исчезли качественные изменения, исчезли прорывы в науке и технике. Было написано много хороших книг, но ни одной великой. Появились новые симфонии, но все они уступали старым. Будто мы разучились создавать сущности. Понимаешь?
Я кивнул:
– Мы называем это «смыслами». Но да, понимаю.
– Даже понимание того, в чем причина беды, далось нелегко, – продолжил Джагерд. – Хотя все было открыто и доступно для осмысления. Кристаллы… они образуются в тот миг, когда человек испытывает душевный подъем, острые эмоции. Радость открытия, творческое любопытство, вдумчивое планирование, безумная любовь – все это возникает в человеке… и превращается в кристалл. Излучение, взаимодействующее с мозгом и порождающее кристаллы, идет откуда-то сверху.
– Это космические корабли, – сказал я. – Искусственные спутники планеты. Они облучают ваш мир.
– Мы их так и не создали, – вздохнул Джагерд. – Мы поняли, что у нас воруют сущности, не дают им родиться и вырасти в нашем мире. Нас лишают открытий в науке и роста нашего духа. Мы жертвы воровства. У нас украли будущее.
Я качнул головой влево.
– Да. Это так. Но мы не Прежние и не Инсеки. Мы служим им, но наш мир находится в таком же положении.
– Тогда ты должен нас понимать, – спокойно сказал Джагерд. – Нам не нравится происходящее. И Прежние обворовывали нас, и Инсеки. Но при Прежних новые сущности иногда все же возникали. После прихода Инсеков они исчезли полностью.
Вот это номер!
Я недоверчиво смотрел на Джагерда. Тот, похоже, уловил мое удивление.
– Ты этого не знал, – сказал он.
– Уверен? – спросил я.
– Мы долго изучали вопрос. Да, я уверен. Это само по себе – важная сущность, которую наш обворованный мир создал с большим трудом. А как у вас? Вы служите Инсекам?
– Когда-то Прежним, – признался я. В конце концов, мне никто не запрещал сказать Джагерду часть правды. – Теперь Инсекам. Те, кто сильнее, борются за владение чужими мирами, чтобы собирать их смыслы… сущности.
– При ком из них ваш мир развивался?
Я молчал.
Да, конечно. При Прежних, безжалостных и надменных, наш мир развивался куда быстрее, чем при Инсеках. Прежние вообще не забирали «смыслы», не было в нашей истории никаких загадочных кристаллов, или же они делали это как-то иначе. Я думал, что причина в том, что Земля – родина Прежних.
Но так ли это?
Или в методике «сбора смыслов» есть разница? Прежние оставляют часть жителям захваченного мира, Инсеки выгребают все подчистую?
Тогда вопрос, кто из них лучше, снова встает во весь рост…
– Я заставил тебя задуматься, – сказал Джагерд с гордостью. – Я доволен. Понимаю, ты пришел ко мне, чтобы наблюдать. Изучать мою манеру речи и движения. Что ж, тут я мало что могу сделать. Но ты задумался. Это уже хорошо.
– Мне нравится думать, – зло ответил я. – С детства такая привычка.
– Больше ничего полезного я тебе не скажу, – продолжил Джагерд. – Твои друзья допрашивали меня несколько дней, они делали мне инъекции, и я говорил все, даже те вещи, которые не сказал бы жене или матери. Я создал сущность, может быть, не очень великую, но все же… я разработал метод перевода кристаллов в иную форму.
Наверное, если развивать метод дальше, можно полноценно забирать информацию из кристаллов. Возвращать украденное! Со мной связались, предложили хорошую плату за участие в эксперименте. Я понял, что речь идет о каком-то особом кристалле,

содержащем очень, очень важную сущность. Я согласился бы и за ничтожную плату. Я даже согласился бы бесплатно. Это эксперимент и это восстановление справедливости. Все! Я не знаю, кто и где меня ждет. Я не знаю, о каком кристалле идет речь. Все, мне известное, я сказал.
Мы молчали, глядя друг на друга. Я понимал, что Джагерд напуган и в то же время полон решимости. И он действительно говорил мне правду, язык тэни вообще хреново годится для лжи.
– Ты прав, Джагерд, – признал я. – И мне симпатично твое желание восстановить справедливость. Но беда в том, что Инсеки не позволят вам узнать важные сущности. И Прежние бы не позволили. Ты прав: им запрещено уничтожать целые планеты. Но они сумеют доставить вам много, очень много неприятностей. Вам станет не до новых сущностей. Вы будете заняты тем, чтобы выжить.
Лицо Джагерда даже не дрогнуло.
– И что с того? Любой риск в пути лучше, чем топтание на одном месте.
Удивительно, а ведь у этого народа торгашей стальные яйца!
Хотя чему я удивляюсь?
Это в наши дни торговец занят тем, что покупает дешевле, а продает дороже. А всю человеческую историю торговцы отправлялись в самые дикие места, торговали с дикарями, страдали неведомыми болезнями, плавали на утлых суденышках и пересекали пустыни. Они были и дипломатами, и разведчиками, и солдатами, и переводчиками, и картографами, и натуралистами. Да иной солдат за всю жизнь не испытывал столько опасностей, сколько выпадало торговцу, отправившемуся на другой континент за перцем и корицей!
– Твоя внешность, когда ты еще был собой… – спросил вдруг Джагерд. – Это исходная форма вашего народа?
– Вроде того. Мы довольно похожи.
– Значит, ты молод? – Джагерд прищурился. – Молод, но уже прошел долгий путь и принимал нелегкие решения… Ты знаешь, чего требует настоящий риск?
Я молчал.
– Крови, – сказал Джагерд. – Все и всегда приводит к крови.
– Можешь мне не верить, – буркнул я. – Но я понимаю тебя, Джагерд. И желаю тебе и твоему народу лишь самого хорошего.
– Я поверю тебе, – ответил биохимик. – Я не желаю ничего хорошего ни тебе, ни твоему народу. Но вынужден сотрудничать.
Я хотел понимающе кивнуть, но вместо этого прицокнул языком.
– Оставайся во здравии и порядке, – сказал я и вышел из комнаты.
– Прощай, – произнес Джагерд вслед. – Этот разговор – не лучшая сделка с моей стороны. Но даже плохая сделка лучше никакой.
* * *
Мар ждала меня за обеденным столом. Все уже убрали, остался только кофейник и вазочка с печеньем. Ни стражи, ни жницы здесь не было. На одном из стульев лежал мой многострадальный плащ, обшитый по рукавам и подолу ярко-оранжевой узорчатой тесьмой.
Это у них такая мода? Ужас…
– Не лучший разговор, – заметила Мар. – Но даже плохой разговор лучше, чем никакой.
Я даже и не сомневался, что она внимательно слушала, а скорее всего, и наблюдала за моим общением с биохимиком.
– Он говорил довольно откровенно, – сказал я.
– Как и ты.
– Иначе не завоевать доверие, – я поднял руки, в очередной раз вздрогнул, увидев четыре пальца. Казалось бы, зачем человеку мизинцы? А вот исчезли – и не по себе. Наверное, добавочный шестой палец я пережил бы легче. – Про замедление развития – это правда?
– Ты же только что с Земли, – фыркнула Мар.
– Думал, мы временно тормозим…
– Это сделано не нарочно, – убежденно сказала Мар. – Полагаю, что не нарочно. Но это побочный эффект отбора смыслов, который устраивает и Прежних, и Инсеков. Конкуренты растут медленнее… Что скажешь о своем прототипе?
– Вряд ли он врет, – решил я. – Он не знает, кто похитил кристалл, как это смогли сделать и зачем. И даже не понимает до конца, как его открытие можно реализовать.
– Джагерд гений, – сказала Мар. – Что особенно важно, он холодный и рассудочный гений. Именно это позволило ему совершить прорыв в науке, не потеряв его. Если бы

он ощутил восторг или страх, додумавшись, как переводить информацию из кристаллов в доступную форму, – рядом упал бы еще один кристалл. А он забыл бы то, что придумал.
– Может, он просто тупой? – предположил я.
Мар удивленно глянула на меня.
– Бывает такое, – объяснил я. – Человек в какой-то области и впрямь гений. Ну, или ему повезло сделать какое-нибудь открытие. Он даже не понял, что именно придумал! Потому и никакого восторга не было.
– Может быть, – согласилась Мар. – Но это частности. Главное – ты знаешь точку и время завтрашней встречи. Ты вполне сойдешь за Джагерда, пока дело не дойдет до его профессии. Но к этому моменту мы прибудем на помощь.
– Хорошо, – сказал я.
– Сейчас ты отправишься домой к Джагерду. Он женат, у него двое детей. Живет в частном доме. В общем-то ничего сильно отличающегося от земной жизни ты не увидишь.
– Все разумные виды настолько похожи на людей? – спросил я то, что меня волновало уже некоторое время.
Мар покачала головой.
– Нет, конечно. Еще насмотришься. Ты морф, тебя будут швырять на самые разные планеты. Летающих форм немного, но, может быть, ты и их осилишь. Все остальное, построенное из белка, тебе точно доступно. Тэни еще будешь вспоминать, как друзей по детскому садику.
В голосе у нее было столько убежденности, что я сразу поверил.
Это что же, теперь мое будущее?
Навсегда?
Меня станут отправлять через экраны по всей Галактике. Я буду притворяться серыми, синими, розовыми человечками. Мужчинами и женщинами. А потом и не человечками. У меня отрастут не дополнительные соски, а щупальца и жвалы. Кожа превратится в чешую, а чешуя – в мех или перья. Мне придется заниматься сексом с чудовищами из ночных кошмаров, а потом их убивать. Я буду охотиться на летучих мышей и строить хижины из помета гигантских черепах.
У меня хорошее воображение, когда становится по-настоящему страшно!
Где-то там, на Земле, мама и папа будут тосковать по мне и воспитывать Наську. Потом они умрут, Наська вырастет и забудет, как кошмарный сон, детство в Гнезде. А Дарина все так же будет учить куколок стрелять и сражаться. Потом ей все надоест, и она пройдет мутацию в хранителя.
А я буду где-нибудь на ветке, в гнезде, высиживать яйца, потому что требуется похитить смысл у больших разумных дятлов!
Я захихикал мерзким, противным голосом биохимика Джагерда.
– Думаешь о будущем? – спросила Мар холодно.
– Да.
– Не стоит. Вредно. Думай о прошлом, думай о долге. Повтори действия, которые ты сейчас совершишь.
Я глубоко вдохнул.
– Когда ты отдашь приказ, я выйду через вон ту дверь.
– Как открываются двери?
– Как на Земле. Все двери открываются от себя, исключений нет. Замки традиционно механические, связка ключей – символ статуса, первый ключ вручается ребенку, когда он начинает говорить.
Я похлопал себя по карману, там звякнуло. Связка была здоровенная, тэни таскали с собой изрядный груз, несмотря на то что ключи делались из легкого металла, кажется, титана.
– Я окажусь в редко посещаемой складской зоне грузового порта. Все склады по данной линии арендованы на длительный срок нами через подставные компании. Я выйду за территорию, она охраняется, но выход из складской зоны свободен, воровство – слишком аморальный проступок. В двухстах метрах направо от выхода будет остановка городского транспорта.
– Какой транспорт ты ждешь?
– Это что-то вроде автобуса, – сказал я. – Он разделен на взрослую и детскую зоны. Водитель в кабине, вынесенной на крышу. Мне нужен автобус с надписью «Ухол», это конечная. Я сажусь на одиночное сиденье. Оплата за проезд списывается с чекера.
– Что такое чекер?

– Механическая кредитка. – Из другого кармана я достал странный механизм, похожий на карманные часы. На нем даже были стрелки и цифры. А еще – фигурный вырез вместо заводной головки. – Прижимаю порт к датчику кассы, устройство фиксирует мой банковский код и вводит данные в механизм. Каждый чекер надо раз в три дня сверять с банковским терминалом, чтобы зафиксировать расходы и доходы… Мар, у них что, нет электроники?
– Практически нет. Зато механику они развили до немыслимой степени.
– Как же так?
Мар посмотрела на меня как на идиота.
– Планета двести лет под сбором смыслов. Совершенствовать имеющееся гораздо проще, чем открыть новое.
– А. – Я спрятал чекер в карман. – Ну да. Я доезжаю до остановки «Ухол-два». Названия объявляет водитель, также они дублируются на перекидном указателе внутри автобуса. От остановки я иду по улице, лежащей перпендикулярно трассе. Мой дом… то есть дом Джагерда носит название «Красная волна». Что это значит?
– Не в курсе, – Мар нахмурилась. – Считаешь, что это важно?
– Нет… Я вхожу в дом, забираю саквояж с вещами. Его собрала жена и должна была оставить у дверей. Ни ее, ни детей дома не будет, они в отъезде. Я сажусь на автобус в обратном направлении и еду до остановки «Клинг». На остановке жду. Ко мне кто-то подойдет. Все.
– Верно, – сказала комендант. – Если жена или дети все же окажутся дома и поймут, что ты не Джагерд, побеспокойся, чтобы они не помешали.
– Как? – спросил я настороженно.
Мар вздохнула:
– Как угодно. Свяжи и запри в чулане, например. Это не важно.
– А что важно?
– Важно выполнить задание и найти кристалл! – с напором сказала Мар. – Ты – моя последняя надежда, понимаешь? Я в тебя верю.
Она что, серьезно?
Вначале потеряла ценнейший кристалл, потом угробила двух разведчиков-морфов. А теперь «последняя надежда», «верю»!
Но я кивнул и сказал с уверенностью, которой не испытывал:
– Все будет хорошо.

Глава вторая

У лысеющего биохимика была красивая жена.
…Нет, слава всем богам и пришельцам, ее не оказалось дома! Ни ее, ни детей Джагерда. Наверное, я смог бы с ними поговорить достаточно убедительно, чтобы не пришлось никого связывать и запирать в чулане. Но очень уж этого не хотелось – орущая инопланетная женщина, истерящие инопланетные дети… бр-р!
К моменту, когда я добрался до коттеджа под названием «Красная волна», с меня семь потов сошло, а нервы были на пределе.
Я же ехал по инопланетному городу, живущему своей инопланетной жизнью! Нет, если глянуть быстро и не всматриваясь, то можно было бы даже не найти отличий. В голубом небе светило желтое солнце, здания напоминали ту унылую урбанину, что понастроили в Москве, да и по всему миру, перед Переменой. В портовой зоне вообще все выглядело так функционально, что этим могли пользоваться хоть люди, хоть тэни, хоть Инсеки. Дороги покрыты или шестиугольной плиткой, или чем-то вроде бетона. На улицах машины, на тротуарах люди. Есть деревья, похожие на наши хвойные, летают какие-то птички (хотя, кажется, они покрыты не перьями, а какими-то нитями, вроде меха или волос).
А вот если вглядеться…
К внешности тэни я привык почти мгновенно. К одежде – нет. Несмотря на теплую погоду (видимо, стояло лето), большинство носило плащи или накидки, разукрашенные яркими узорами. Сама одежда однотонная, большей частью темная, плащи – яркие. Даже дети бегали в плащах! И это при чистом небе, без намека на облачка. Я порылся в памяти – влитые в меня данные о культуре тэни всплывали с некоторым усилием. Увы, никакого намека на неожиданно начинающиеся дожди, на какую-нибудь религиозную или символическую важность плащей не оказалось.

Зато никто не носил ни шляпы, ни кепки, вообще никаких головных уборов или украшений. Стрижки короткие, волосы у всех светлые, до белизны, как у альбиносов, любой земной блондин тут показался бы брюнетом.
Легковые машины имели три колеса, два спереди и одно, более широкое, сзади. Я попытался представить себе логику такого решения и не смог. Рулить же сложно, устойчивость ниже!
У автобуса, впрочем, колес было шесть. Может быть, какая-то символическая важность числа три? Если уж они едят с треугольных тарелок… блин, это ж неудобно делать!
Посуда на Земле круглая, потому что вся она изначально родом с гончарных кругов…
А еще я вздрагивал каждый раз, когда видел местных женщин. Прически у них тоже были короткие, да и одежда походила на мужскую, никаких платьев и юбок я не заметил. Но вот кое-что другое било по мозгам…
Я стоял в просторной прихожей (мой ключ подошел, в доме никого не было) и смотрел на крупную фотографию, висящую на стене напротив входа.
В центре был Джагерд. Довольный, лоснящийся, лыбящийся в камеру. Улыбка, как ни странно, у них почти человеческая. Судя по расположению фигур и хозяйскому жесту, которым он обнимал супругу, в обществе тэни действительно царил патриархат.
Жена Джагерда, впрочем, не выглядела забитой или недовольной. Скорее – гордящейся мужем, детьми, домом (фотографировались они на маленькой лужайке перед коттеджем). Красивая женщина, нежно-розовая кожа у нее выглядела уместно и привлекательно, а пепельно-серые волосы в крошечных кудряшках казались затейливой прической.
Но был момент, который я не осознал еще на Саельме, первый раз увидев изображение тэни.
Конечно же, не только у мужчин здесь было четыре соска!
У женщин – тоже. Причем груди имелись в комплекте, все полноценного размера.
А еще женщины тэни не скрывали две верхние груди. Декольте открывало и большую часть нижних, но верхняя пара вообще была открыта!
И дело не в том, что фотография интимная или Джагерд – психованный извращенец. На улицах было то же самое! Маленькие девочки груди закрывали, но, как только они начинали расти, – девушки с гордостью выставляли их напоказ! По улицам дефилировали девушки и женщины, демонстрирующие себя всем желающим!
Может, у них женская грудь не является сексуальным объектом?
Ага, верхняя не является, а нижняя очень даже…
Да и судя по взглядам мужчин на улицах, они с большим интересом рассматривали прелести встречных дам.
– Извращенцы, – сказал я растерянно. Кажется, даже по-русски сказал, в языке тэни столь широкого термина не нашлось. Были другие, уточняющие, какая именно извращенность имелась в виду, но демонстрация женщинами верхней пары грудей ничем предосудительным не считалась.
Ну, с другой стороны, везде свои обычаи. Ходят же какие-то племена на Земле голыми, есть те, где мужчины без штанов, а есть те, где женщины грудь не скрывают…
Наверное, меня поразило сочетание развитой цивилизации (если не считать отставания в электронике, тэни были развиты ничуть не хуже людей), общего сходства с нами – и такой вот дикарской наготы.
Дети на фотографии выглядели совсем обычно, вообще не отличались от человеческих. Видно было, что им лень позировать и хочется заняться своими делами…
Вздохнув, я прошелся по коттеджу. Любопытно все-таки! В общей комнате, где почетное место телевизора занимал огромный радиоприемник довольно прикольного дизайна, обнаружился маленький аквариум с яркими рыбками. Рыбки стали кружиться у стекла, требуя корма, и я их покормил из баночки какими-то сухими хлопьями.
Не, ну живет себе семья и живет. Вон мяч валяется, дети в свой местный футбол играют… память тут же подсказала мне ближайший аналог. Да, что-то вроде американского футбола, жесткого и быстрого.
На стене висели часы – массивные, с круглым циферблатом (тэни любили угловатые формы, но, видимо, время все разумные виды ассоциируют с кругом) и ажурным блестящим маятником. Некоторые технические решения так просты, что одинаковы везде. Часы шли, три стрелки застыли на циферблате, одна двигалась. Удивительно, но ни тиканья, ни иного звука механизм не издавал. В механике тэни были искусными мастерами.
А вот на столике местная газета. Страницы черно-белые, но есть вкладка с цветными фотографиями. На одной – здоровенный дирижабль, похожий на те, что летают лишь в японском аниме. В дирижабль грузились пассажиры.

Нормальный в целом мир.
Психованные лавли мне куда меньше понравились.
Ладно, вернется Джагерд домой, живой и здоровый, пусть и обиженный на нас и Инсеков… Будет вечерами слушать с семьей радиопостановки и музыку. А может, и до телевизора додумаются, тут уже немного осталось-то.
Я открыл стоявший у дверей саквояж, внутри которого обнаружились смена белья, косметика, какая-то книжка, свитер грубой домашней вязки и шлепанцы.
Натуральные такие шлепанцы, в которых на Земле деды ходят…
А еще там лежали куклы, связанные из шерстяной пряжи. Одна изображала мальчика, другая девочку. Лица были вывязаны так аккуратно и тщательно, что можно было разобрать и все черты, и даже проказливое выражение. Я посмотрел еще раз на фото – сходство с детьми Джагерда явное.
Как мило! Жена положила ему с собой куклы, изображающие детей…
Я нахмурился.
Что-то меня царапнуло в этих куклах.
Какое-то знание, вроде бы ненужное, но все-таки вложенное в меня Фортом.
«Форт? Что значат эти куклы?»
Сейчас я ощущал связь с Фортом. Всю дорогу от тайного укрытия к дому Джагерда. Значит, машина или летательный аппарат с ретранслятором следовали за мной на максимально безопасном удалении.
Форт не ответил. Точнее, отозвался какой-то глухой волной досады, печали и… и стыда?
«Форт?»
Я получил не ответ, но что-то вроде намека, куда двигаться.
Держа в одной руке саквояж, а в другой кукол, я вернулся в прихожую. Подошел к фотографии. Она висела над низким комодом, на котором лежали четыре семиугольные красные салфетки.
Плохо. Плохо! Семь у них – плохое число, красный – цвет печали.
Четыре салфетки.
Что на них было?
По числу жителей дома?
Четыре куклы?
Я заглянул за комод – и совершенно не удивился, обнаружив там еще две. Эти были явно старыми. Скорее всего, они изображали Джагерда в детстве (уже тогда полноватый) и его жену.
«Кукла памяти», – всплыло у меня в голове.
Ну да. Когда ребенок вступает в возраст взросления (что-то около семи лет), он вместе с родителями делает символизирующую себя куклу. Это талисман, он несет много функций. Его место в доме.
С собой его берут лишь тогда, когда изображенный человек умирает или когда не надеются вернуться. В него вплетена прядь волос, на одной из нитей капля крови, на другой слеза…
Дети Джагерда мертвы?
Но ведь Мар сказала, что его семья в отъезде!
Я метнулся в одну комнату, в другую, в третью. Вбежал на второй этаж, тут были три спальни – Джагерда, его жены и детей.
Зачем жена Джагерда, собирая его вещи, положила куклы памяти?
Потому, что его дети были мертвы, он про это не знал, а она уже знала?
Потому, что хотела предупредить?
Мар сказала, что они в отъезде!

Свяжи и запри в чулане…

Чулан здесь тоже был. Небольшой и захламленный, как положено чулану.
Там я и нашел жену Джагерда, чье имя мне даже не удосужились сообщить. И их детей.
Руки и ноги у них были связаны, а на горле у каждого – крошечная царапина. Женщина лежала поверх детских тел, выгнувшись то ли в судороге, то ли в попытке обнять их.
Видимо, ее убили последней.
Заставили собрать саквояж с вещами. И она собрала, понимая, что дети уже мертвы. И положила куклы памяти в надежде, что враг не знает их смысла.

Свяжи и запри в чулане…

Мар знала, что они мертвы. Но чтобы у меня и мысли такой не возникло, дала совет на случай их возвращения… при этом неосторожно проговорившись, где искать.
Меня стало подташнивать. Я постоял, глубоко вдыхая. Потом все же присел и тщательно проверил пульс.
Мертвы. Нейротоксин убивает почти мгновенно.
У жниц ядовитых желез нет. Стража, нанося удар, оставила бы сильный разрез. А вот у хранителя маленькие, но ядовитые когти, скрытые в почти человеческих пальцах.

> Прощай. Этот разговор – не лучшая сделка с моей стороны. Но даже плохая сделка лучше никакой…

Он понимал, что его убьют. И что семья мертва, скорее всего, догадывался.
Мне хотелось закрыть дверь и быстрее уйти.
Но я перевернул жену Джагерда на спину, а детей положил рядом, чтобы она обнимала их мертвыми руками. Детям было лет по десять, то ли погодки, то ли вообще близнецы. Может, у них часто рождаются двойняшки и тройни, потому и эволюция сохранила женщинам четыре молочные железы? Я порылся в памяти, чтобы хоть как-то отвлечься, и понял, что прав.
Впрочем, мне не хотелось больше думать об этом, разбираться в структуре общества у тэни, и даже причины женских вольностей в одежде стали неинтересны. Выйдя из тайного укрытия, я ведь ощущал легкий восторг от своей роли разведчика и любопытство к огромному чужому миру вокруг… сейчас все это исчезло бесследно. Почему они поголовно носят плащи и не носят шляпы, на каком двигателе работают автобусы и машины, верят ли в Бога, как летают исполинские дирижабли, какова мораль в культуре, построенной на честности сделок…
Все стало вдруг совершенно глупым и ненужным рядом с мертвой семьей гуманоида, ухитрившегося найти сущность в мире, ограбленном вначале Прежними, а теперь Инсеками.
На планете Шогар обитали лавли, сумасшедшие и кровожадные твари, которые когда-то мечтали изучать Вселенную и строили чудесные города.
На планете Трисгард сумасшедшими и кровожадными тварями были мы, люди. Пускай даже Измененные.
Я сел на ступеньках лестницы со второго этажа, спиной к чулану. И заплакал. Слезы у тэни были совсем как у людей, соленые и горькие. Я не знал, о ком или о чем плачу. О женщине и детях, которых никогда не видел живыми? О Джагерде, которому хватило ума создать сущность и мужества говорить со мной… нет, не просто говорить.
– Сделка принята, Джагерд, – сказал я в пустоту.
Я плакал не об этой планете и не об этих… да к черту обтекаемые формулировки, об этих людях. Я плакал о Земле, которая обречена на ту же судьбу. И даже если Прежние вернут себе контроль, мы все равно продолжим платить дань. Не смыслами, так пушечным мясом.
Я плакал о себе. Мне не вернуться на мою растерзанную Землю, не обнять Дарину, не увидеть родителей, не сесть с друзьями за столик в «Рэдке». Еще вчера я утешал себя тем, что у меня появилась новая семья – Измененные, что, как бы там ни было, судьба наемника честнее рабства, что я играю на той стороне, которая немножко лучше…
Теперь я знал, что это не так.
Как говорил поэтический бомж? Про договор зверей разной окраски?
Он был прав.
Хорошо ему, в вечно-пьяном добродушном веселье кочующему от памятника к памятнику, чокающемуся пластиковым стаканчиком с гранитными постаментами и декламирующему стихи… А я и стихов-то толком не помню, только те, что в школе учил, а в них уже нет никакого смысла.
Единственное, что всплывает в памяти, – строки той девчонки с тусы… Я закрыл глаза и прочитал:
– Пойманные капканом созвездий,
В поисках предназначения,
Мы ожидаем от неба известий,
Выхода из заточения.
Ждем, повторяя слова и числа,
В лицах читая знаки, —
Поколение, не знавшее смысла,
Запертое в саркофаге…

Тишина расступилась на миг и снова наполнила дом. Я поднялся и вышел из коттеджа, в который никогда не вернусь.
Передо мной лежал мир, где все было чужим. Даже свои.
Но где-то в нем спрятан прозрачный кристалл, хранящий очень важную сущность – такую, за которую уничтожают планеты и готовы рискнуть отношениями с Высшими.
И значит, я должен его найти.
На остановке ждали две молодые женщины-тэни. Одна приветливо посмотрела на меня – возможно, они с Джагердом знакомы? Я слегка приподнял левую руку в вежливом приветствии, уместном практически в любой ситуации. Женщина махнула рукой в ответ.
Автобус подошел минут через пять. Узкий, высокий, с горбиком кабины водителя впереди. Для взрослых предназначалась передняя дверь, детский сектор автобуса отличался меньшими сиденьями и, кажется, повышенной безопасностью при авариях.
Тэни любили своих детей… Войдя, я оплатил проезд чекером (механизм слегка зажужжал в моей руке, списывая деньги), сел на одиночное место.
Плавно и почти беззвучно автобус двинулся. Только позади, за перегородкой, галдели дети. Я сидел, держа на коленях саквояж и тупо глядя сквозь стекло.
Что же мне делать? Что?
Остановка с названием «Клинг», что на русский можно было перевести как «тенистая роща у водопада», оказалась в центре жилого района, застроенного домами в семь-восемь этажей в высоту. Кажется, даже панельными… где-нибудь на окраине Москвы район вписался бы как свой.
Никаких рощ и водопадов тут не наблюдалось.
И на остановке никого не было.
Я вышел, остановился, озираясь. Сесть на скамеечку и ждать? Наверное…
Из задней двери автобуса вдруг выскользнул подросток лет четырнадцати. Шагнул ко мне, схватил за руку.
– Джагерд?
– Да…
– Идем!
И потащил меня обратно к двери. Ну да, с детьми взрослым можно садиться и туда…
Мы вошли обратно, и автобус двинулся. Я обвел взглядом десяток подростков и пару взрослых с малышами, сидящих в заднем отсеке. Спросил:
– И что?
– Выходи на следующей, – сказал подросток. Развел руками. – Все!
– Много заплатили? – спросил я.
– Нормально, – паренек приподнял ногу, продемонстрировав мне обувь: новенькие, высокие ярко-синие ботинки. – Зацени!
– Повезло, – согласился я.
Подросток с любопытством глянул на меня и пошел к свободному сиденью.
Я остался у дверей. Мысленно потянулся к Форту. Получил ответ – за мной наблюдали, все в порядке, все ожидаемо…
Ну понятно, сейчас меня станут передавать из рук в руки. Может быть, этих рук будут десятки, и каждый встретившийся знает лишь одну-единственную часть маршрута.
А откуда-то со стороны станут проверять, нет ли слежки.
Я подумал, что это очень хорошая попытка.
Но изначально обреченная для цивилизации, у которой нет современной электроники и которая не представляет себе, что такое Форт и мысленная связь между ним и Измененными.
Хотя моя жизнь наверняка зависела от того, будет ли Мар отслеживать мое передвижение, я понял, что болею за тэни. Когда сам слаб, естественно переживать за слабых.
На следующей остановке проходившая мимо женщина велела мне перейти на другую остановку и сесть в следующий автобус.
На нем я доехал до окраины, где располагался огромный торговый центр. Жутко интересно на самом деле было бы побродить по нему, посмотреть на магазины – что тут едят, что носят, какие украшения и какие гаджеты покупают.
Но уже на входе несколько встречных людей, нагруженных пакетами, поочередно направляли меня в разные стороны. В какой-то момент рядом со мной оказалась пожилая тэни, цепко взявшая меня за локоть и запихнувшая в подсобку.
Я не сопротивлялся, конечно.

В подсобке ждали трое крепких мужчин, а на полу стояла здоровенная коробка с изображением огромного радиоприемника и надписью: «Теперь и пентафония, и ультракороткие волны!»
– Садись, – велел один из мужчин.
Я забрался в коробку, довольно-таки тесную. Стенки коробки изнутри были покрыты плотным ячеистым материалом вроде желтого пенопласта, неожиданно твердого и прочного.
– Не задохнусь? – спросил я. – Это безопасно?
– Это необходимо, мастер, – сказал мужчина.
И опустил на коробку крышку, оббитую тем же материалом.
Стало темно, и сразу стало казаться, что не хватает воздуха. Потом послышалось легкое шипение – в коробку шел какой-то газ. Я напрягся, готовясь выбираться, но чувства призванного сообщили, что это просто кислород.
Коробку вертели, то ли заворачивая во что-то, то ли оклеивая.
Потом подняли и понесли. По коридорам, вниз…
«Форт!» – позвал я.
Ответа не было.
Может, тэни и отсталые, и смыслы-сущности у них вычерпывают все, кому не лень. Но про связь Измененных и Форта они в курсе, про разведчиков-морфов тоже знают. И меня на всякий случай изолировали.
Хочется верить, что лишь на всякий случай.
Коробку куда-то поставили. Потом я ощутил движение.
Итак, кто-то, купивший роскошный радиоприемник, вывозит его из огромного торгового центра.
Впрочем, если игра идет всерьез, а сомневаться в этом оснований нет, то из торгового центра сейчас разъезжаются десятки машин: с коробками от холодильников, здоровенных радиоприемников и прочей техники. Возможно даже, что в каждой коробке сидит по добровольцу-тэни.
Я бы поступил именно так…
Когда вместо кислорода в коробку пошел усыпляющий газ, я заметить не успел. В теле тэни мой потенциал призванного был слабее.

Глава третья

Город был огромным, но словно прижатым к земле низким облачным серым небом. Затейливые узоры улиц, ни одной прямой линии, все извитые, складывающиеся в странный узор, несущий в себе какую-то причудливую общую симметрию. Здания большие и маленькие, в один-два этажа, стены тоже изгибались и скручивались, лишь крыши были абсолютно плоскими, ровными, без выходов или световых окон, равномерно выкрашенные темно-серой краской.
И еще тут не было зелени. Совсем. Ни деревьев, ни травы – ничего. Вокруг города (я несся над ним, то опускаясь к домам, то взмывая к тучам) тянулись поля, со столь же плавными границами, заросшие ровными рядами буро-желтых стеблей, дальше были леса, деревья с такими же бурыми листьями, а в городе только дома и мощенные камнем дороги.
Потом я вновь упал к самой мостовой и увидел жителей. Невысокие (я не ощущал своего тела, но каким-то образом чувствовал размеры), может быть, по плечо взрослому человеку. Прямоходящие, двурукие и двуногие, но назвать их гуманоидами я бы не решился. Они были покрыты мелкой, темно поблескивающей чешуей, их вытянутые головы напоминали рыбьи – с крупными глазами по обеим сторонам.
Тут явно не хватало красок, словно смотришь на мир сквозь темное стекло, фильтрующее кучу оттенков…
Если бы не одежда – полосы ткани на поясе и широкие сандалии на ногах, – местные обитатели походили бы на прямоходящих рыб, зачем-то выбравшихся на сушу. Я вспомнил виденную когда-то картинку с подобными существами, даже небрежный рисунок вызывал неприятное ощущение. Наяву эти рыболюди оказались еще более отталкивающими.
У них был социум – они шли группами, среди них явно выделялись особи старше и моложе, некоторые выглядели богаче и тщательнее одетыми. Некоторые несли корзины и мешки, у некоторых были инструменты, на удивление похожие на человеческие – молотки, топоры, лопаты, грабли. Похоже, наступил вечер, они

возвращались в свои дома. Я не слышал звуков, вокруг царила тишина, но они явно общались, открывая рты и жестикулируя.
Что это за общество, насколько развитое?
Какой-то древний мир? Феодализм? Аналог земных Средних веков?
Да необязательно… вон в ладони рыболюда фонарь причудливой и, несомненно, сложной конструкции. Либо керосиновый, либо газовый…
Зачем я здесь?
И как вообще тут оказался?
Я Максим Воронцов, я призванный дважды, я разведчик-морф, я в теле биохимика Джагерда из народа тэни…
Я помню!
Торговый центр, коробка, усыпляющий газ…
Но я не ощущаю тела, я не могу пошевелиться, я лишь бесплотный разум, наблюдающий картинки из чужой жизни…
Что со мной?
Рыболюди вдруг остановились. Все сразу, моментально. Подняли головы, будто всматриваясь во что-то в небе или вслушиваясь. Потом кто-то заспешил к домам, кто-то остался на улице, безвольно опустив руки.
Не похоже было, что они удивлены.
И уж точно они не радовались тому, что сейчас произойдет.
Я понял, что не хочу этого видеть. Но у меня не было глаз, чтобы их закрыть.
В небе полыхнуло – серые тучи разорвала белая вспышка. На город, кружась и выписывая кренделя, опускался светящийся шар.
Рыболюди ждали.
Шар закружил над городом, словно ястреб, выбирающий жертву. Он то начинал спускаться, то поднимался, зависал, стремительно перемещался, снова начинал плавное скольжение…
А потом упал вниз, совсем рядом со мной, угасая и превращаясь в серую капсулу.
Капсула раскрылась тремя лепестками, и в три стороны потоком выплеснулись крошечные темно-красные создания, сбитые в тесные, будто единым разумом управляемые стаи.
Чистильщики!
Три стаи чистильщиков явно наметили себе цели заранее – три здания, внешне ничем не отличающиеся от других. Но тех, кто попался на пути, они уничтожали тоже.
Оказавшихся на невидимой траектории движения и пытавшихся бежать настигали – из общей массы чистильщика стремительным броском выскакивали красные зубастые твари, с десяток или около того, в прыжке валили беглеца – и с жуткой скоростью раздирали в клочья.
Тех, кто оказался рядом, но не попадал в изначально выбранный коридор движения чистильщиков, твари не трогали.
И это было кошмарнее всего. Горожане стояли, застыв, когда рядом с ними пожирали их недавних собеседников и спутников. Темные пятна крови и ошметки плоти летели на их тела и лица, а они продолжали стоять, не шевелясь и лишь мелко подрагивая.
Что меня потрясло – почти никто из рыболюдей не пытался сопротивляться. Даже те, кто оказались прямо на пути бегущей стаи и не могли не понимать свою судьбу. Стояли и покорно ждали, пока их разорвут на куски…
Потом я понял, почему так происходит.
Один из рыболюдей, по местным меркам – крупный, несший увесистый молот, замахнулся своим орудием и размозжил первые набегающие на него фрагменты чистильщика. Вскинул молот снова, широко открыл рот, то ли крича от страха, то ли призывая к чему-то товарищей… Снова ударил, убив еще один фрагмент чистильщика…
В следующий миг его захлестнула целая волна тварей.
Но его не убили сразу.
Его повалили, вцепились в руки и ноги, растянули на земле. Крошечные крысообразные существа были мелкими и легкими, но они держали сопротивлявшегося бунтовщика зубами, а лапками словно впились в камни.
Потом несколько тварей запрыгнули рыболюду на живот. Одна подбежала к голове, покрутилась вокруг, примеряясь…
И они принялись жрать, пока другие фрагменты чистильщика удерживали жертву.
Это было уже не просто убийство, а показательная казнь.
А я даже не мог отвести глаза, чтобы не смотреть…

Когда чистильщик закончил, его фрагменты вновь устремились вперед, а на мостовой остался скелет с трепещущими внутренностями.
Чистильщики волной влились в намеченные дома.
Рыболюди продолжали стоять.
Чистильщики вернулись, растолстевшие, раздавшиеся. Вбежали в капсулу тремя стаями. Стенки-лепестки сошлись, капсула засветилась и взмыла в небо.
И только тогда рыболюди принялись метаться, размахивать руками, что-то беззвучно кричать…
Темнота.
И наконец-то голос:
– Это запись наблюдательного дрона Прежних, захваченного на планете Гаура. Стандартное стимулирующее воздействие в одном из городов. В нем участвовали… Ми? Ми, ты отвлеклась?
Я сидел в классе. Ну, в чем-то похожем на школьный класс – столы, стулья, даже электронная доска… Эйфелева башня за окном?
Париж?
Я на Земле?
Жница стояла у доски и смотрела на меня. Темнолицая, полная – удивительно, не видел у нас толстых жниц. Я встал, точнее, встал тот, в чьем теле я был. Ми – Мишель, Михаил, Мириам, Микеле?
Вокруг сидели и стояли дети. Кто-то постарше, кто-то помладше. Мрачные, насупленные лица. Европейцы, азиаты, негры… Причудливые одежды, не сочетающиеся друг с другом, никакой дисциплины…
Куколки.
– Я не отвлеклась… – сказала та или тот, в чьем теле я был.
– Кто был занят в стимулирующем воздействии?
– Три чистильщика, модификация… для Гауры – цэ-три?
– Верно, цэ-три. Перечисли составляющие.
– Два мутированных человеческих компонента, один крысиный, один жабий.
– Правильно. В чем цель стимулирующего воздействия?
– Используется на планетах с невысоким креативным потенциалом. Чистильщики появляются с непредсказуемым интервалом. Могут два раза в день напасть, а могут год не появляться. Иногда просто пробегают по улицам и уходят. Но чаще нападают на один из домов и пожирают там всех. И тех, кто на пути окажется…
– Это методика, а цель?
– Деморализация, поддержание высокого уровня стресса и, как следствие, шоковое стимулирование творческого потенциала. Теоретически существуют методы остановить чистильщика, например, выставить на его пути ценный кристалл. Тогда в большинстве случаев чистильщик забирает кристалл и уходит, никого не убивая. Рано или поздно местные осознают это, попутно вырабатывая много смыслов и ускоряя развитие.
– Хорошо. На развитых планетах чистильщики используются?
– Редко. Один раз Прежние его выпускали на Земле, в Тумене…
– В Тюмени. Это город в Сибири, в России. Да, это было еще до того, как Инсеки нас освободили. Чистильщик использовался для уничтожения людей, узнавших о природе Прежних от одного из Слуг… Садись, Ми.
– Это было мерзко, – сказала куколка.
– Да, – согласилась жница. – Но это далеко не самый мерзкий их метод. Сейчас мы попросим Гнездо дать нам запись методики воздействия на планеты иного уровня развития, с космическими кораблями и высокотехнологическим оружием…
Куколки загалдели.
Они были детьми, а всем детям интересны звездные войны…
Снова темнота.
А я понял, что происходит.
Это та самая базовая информация, о которой я просил Форт. «Капсулированные знания», которые должны проявляться в моменты отдыха.
То, что знают все куколки.
То, из-за чего они готовы служить Инсекам.
Ну хорошо, теперь я точно знаю, что Прежние – мрази. Я это и так понимал, пусть и сомневался немного.
Не уверен, конечно, что я бы захотел это увидеть, если бы мне объяснили, что покажут. Зрелище жрущего чистильщика – это не то, что я хотел бы помнить.
Вот только Инсеки тоже не воплощения добра и любви.

И те Измененные, кто им служит, – не ангелы с крылышками.
Что мне делать-то, а?
Ну, наверное, для начала надо проснуться.
Меня запихнули в коробку и усыпили. Но я уже в сознании. И я считываю состав газа… не химическими формулами, конечно, а каким-то общим пониманием. Это мощный и не слишком полезный для здоровья газ. Он усыпил бы и человека, и тэни, и даже Измененного, не успей тот остановить дыхательный цикл и поверхностный кровоток.
Но мой организм уже нейтрализовал большую часть алкалоидов. Если я захочу, они исчезнут полностью.
И, пожалуй, я этого хочу…
Я моргнул и открыл глаза.
Блин! Это похоже на похмелье, наверное!
Голова болит, во рту пересохло, язык распух, кожа на лице зудит, все тело ломит…
Но из плюсов – я не в ящике, я лежу на койке в полумраке, мои руки и ноги не связаны. Из одежды только трусы, ну и на том спасибо…
– Воды… – прошептал я. И похвалил себя за то, что даже в таком состоянии говорю на языке тэни. – Пить…
Надо мной склонился розовокожий беловолосый мужчина. Пожалуй, даже постарше Джагерда.
– Профессор, вы очнулись! – Кажется, его радость была искренняя.
– Я не профессор, я действующий мастер, – прохрипел я.
– Станете профессором, непременно! – ободрил меня мужчина.
– Воды!
Я приподнялся и сел на кровати. Получил из рук тэни высокий трехгранный стакан с водой (рехнулись они на этой форме посуды, честное слово). Жадно выпил, молча протянул – мужчина вновь наполнил стакан из бутылки.
– Что со мной было? – спросил я возмущенно.
– Вас усыпили! Простите, что не предупредили сразу, но мы вынуждены соблюдать меры предосторожности. Оккупанты не оставляют попыток нас найти…
Ага. «Нас». Значит, череда ничего не знающих посредников, женщин и детей, кончилась. Передо мной тэни, который в курсе истории с похищенным кристаллом. Участник местного сопротивления.
Ой, как мерзко-то…
Я ведь сейчас и в самом деле играю за оккупантов против подпольщиков!
– Где мы? – спросил я, озираясь.
Помещение напоминало богато обставленную каюту на корабле. Две койки, с одной стороны закрепленные на стене, с другой поддерживаемые цепями в бархатных чехлах. На полу – ковер, вся мебель из лакированного дерева, с медной или бронзовой отделкой. Две двери, круглое окно-иллюминатор, закрытое плотной шторой. Откуда-то доносился слабый звук работающих машин.
– На корабле, – подтвердил мою мысль тэни. – Большой трансокеанский лайнер «Крылья ветра».
Крылья ветра?
Я встал, подошел к иллюминатору, отдернул штору.
Далеко-далеко внизу серебрилась в лунном свете гладь ночного океана. Мы плыли на высоте пяти-шести километров. Сверху над иллюминатором изгибался подсвеченный луной бок корабля. Луна тоже была видна, маленькая, но очень яркая.
«Крылья ветра» оказался исполинским дирижаблем. Может быть, газета с фотографией лежала в доме не зря? И Джагерд подозревал, куда его собираются доставить?
– Девять часов прошло, – сообщил тэни. – Мы проверяли, нет ли слежки. Да, меня зовут Амонд.
А не поздновато ли он назвался?
– Мы разве не встречались? – спросил я с напускным удивлением.
Амонд смутился.
– Да… не думал, что вы меня запомнили.
Кажется, это все-таки была проверка. Я отреагировал на него не так, как реагируют на знакомого.
– У меня пока хорошая память, – сказал я хмуро. – К чему было меня усыплять? Да еще тайно!
Амонд поднял перед собой руки.
– Не моя идея, Джагерд! Оккупанты используют существ, способных принять чужой облик. Мы даже не могли быть уверены, что вы – это именно вы.

– Сделайте анализы, – предложил я. – Лучевое просвечивание.
– Мы все сделали, – Амонд радостно улыбнулся. – Все нормально. Химия крови, перелом кисти… Кости идеально срослись. Но доктор сказала, что у вас повышены сахар и жиры в крови!
А они даром времени не теряли! Хорошо, что генетический анализ тут пока невозможен; неизвестно, что бы он там показал. Скорее всего, ничего нормального.
– Надо будет пересмотреть вопросы питания, – кивнул я. Не зря Мар ломала мне руку! – Но это… какая-то паранойя!
– Мы пытаемся противостоять могущественной звездной империи, – вздохнул Амонд. – Никакие предосторожности не могут быть излишними… Вы проголодались?
– Да. И если можно…
– Ванная и туалет там, – Амонд указал на одну из дверей. – Комплект одежды… простите, вам придется надеть другую, мы не можем исключить наличия микроскопических передатчиков. Я распоряжусь, чтобы ужин подали как можно быстрее.
Ванная комната была такая же роскошная и пышная, как и каюта. Стены покрыты стеклянной мозаикой бронзового и золотистого цвета, под потолком – хрустальный светильник. Раковина пятиугольная (да, да, это действительно считалось благоприятным для поддержания чистоты, китайцы с фэншуем по сравнению с тэни жалкие дилетанты), ванна – на первый взгляд, прямоугольная, но, если присмотреться, – тоже есть пятый угол. Унитаз… ну вы догадались.
Я умылся. Глянул на себя в зеркало.
Нет, при всей невольной симпатии к биохимику – это не мое. Розовые беловолосые тэни выглядели слишком несерьезно. Не хочу таким быть.
Приготовленная мне одежда оказалась очень похожей на прежнюю. Штаны как штаны, из темно-серой ткани, рубашка белая с застежками-защелками (пуговицы тут знали, но крошечные механические кнопки были популярнее). Еще прилагался короткий красный платок, который носили на шее. Его я тоже повязал.
Выгляжу как персонаж какого-то старого мультика…
Рядом лежал и плащ, когда-то подаренный мне Продавцом, а сейчас еще и обстроченный веселенькой каймой. Я взял его, мысленно смирившись с тем, что избавиться от этого подарка невозможно, даже подозрительные тэни почему-то его оставили. Но надел не сразу.
Вначале я попытался связаться с Фортом. Вслушивался, многократно мысленно звал, но никакого ответа не получил. Уловки подпольщиков сработали, меня действительно потеряли.
Тогда, набросив плащ, я вернулся в каюту. Амонд приветствовал меня одобрительным взглядом:
– Замечательно, Джагерд! У вас крепкий организм, мы ожидали, что вы проспите до утра.
– Голова раскалывается, – пожаловался я, хотя организм уже убрал всю боль.
– Еще раз приношу извинения, – сказал Амонд. – Плащ мы, конечно, оставили, как-никак свадебный подарок…
Так вот оно что! Я мысленно поблагодарил Эми за удачный выбор тесьмы.
Стол уже был сервирован, будто еду держали наготове. Рыба с гарниром из какого-то разваренного местного злака (рыба мне понравилась, каша – нет), напоминающие мидий ракушки, то ли сваренные, то ли просто ошпаренные, несколько закусок, которые могли быть чем угодно. В бутылке, для разнообразия квадратной, оказался слабый алкогольный напиток, который я решил называть вином. Записанная в меня база знаний опознавала не все блюда, поэтому я не спешил и поглядывал, как ест Амонд.
– Куда мы летим? – поинтересовался я мимоходом.
– Честно говоря, даже не помню, – Амонд нахмурился. – Кажется, вначале остановка на острове Мидри, потом лайнер движется к Сегору или Хильду…
Он искоса посмотрел на меня, словно ожидая реакции.
Я молчал, глядя на него.
– Да, да. Мы не объясняли. – Кажется, это снова было проверкой. Либо что-то в моем поведении Амонда тревожило, либо он перестраховывался. – Совершенно не важно, куда летят «Крылья ветра». Нам не требуется где-то выходить. Все уже здесь.
– Мне нужна лаборатория, – сказал я наугад.
– Конечно. Лаборатория подготовлена. Второй салон полностью арендован нами, – Амонд наконец-то расслабился. – Если вы готовы, то поужинаем – и начнем.

Он подцепил пальцами с блюда вареного моллюска, оторвал от панциря и бросил в рот. Прожевал и добавил:
– Все здесь! И наши, и стражи.

Глава четвертая

На самом деле я это подозревал.
Слова локального тактика про измену, сказанные мне в Форту. То, что локальный тактик сам подбирал группу, исчезнувшую бесследно… девять стражей и три старшие стражи, и не те, что при Гнездах на Земле, лишь по профилю являвшиеся бойцами, а настоящие, прошедшие через сражения в иных мирах. Такая группа хорошо вооружена, опытна, она не могла уступить без боя, тем более что у местных и времени-то особо не было на подготовку засады.
Ну и ответ локального тактика на мое обещание вернуть его биологическую форму и наказать предателя – «не обещай две вещи сразу»…
Я же не дурак все-таки!
Скопированное Фортом сознание локального тактика почти открыто сказало, кого считает предателем.
Значит, сообщество Измененных не столь уж послушно Инсекам.
Строящий на меня планы Ана – не одиночка, бунтующий против порядка вещей. Может быть, кстати, он часть какой-то тайной организации, о которой не счел нужным сообщить. И сейчас вокруг моего появления раскручивается целая интрига, куда я так идеально вписываюсь – уникальный человек-Измененный, не лидер восстания, конечно, а ходячий символ… ну или сакральная жертва.
А разве можно было ожидать чего-то другого? Да, Прежние – жестокие твари, но Инсеки ничуть не лучше. Они так же атакуют и захватывают планеты, тормозят их развитие, паразитируют на более слабых. Это куколкам в Гнездах легко промыть мозги, объясняя, с каким злом им предстоит сражаться. Потом куколки вырастают, превращаются в стражу и прочие профили, высаживаются в чужих мирах…
И обнаруживают, что тоже несут боль и смерть.
Кто-то с этим смиряется.
А кто-то нет.
– Им можно доверять? – спросил я, потянувшись за ракушкой.
Амонд очень по-человечески вздохнул.
– Кто знает? Но без них у нас нет шансов. Они принесли кристалл, поделились знаниями, научили закрываться от обнаружения.
– Похоже на честную сделку, – сказал я. Думай, как тэни! И добавил: – Но и сделка с оккупантами казалась честной.
– У нас нет выхода, – повторил Амонд. – Придется рискнуть. Вы уверены, что сумеете извлечь из кристалла сущность?
Да как я мог быть в этом уверенным? Нет, содержание научной статьи Джагерда и восстановленные лабораторные записи лежали у меня в памяти. Но и сам биохимик не знал, насколько близок к решению. И комендант Мар тоже этого не знала.
Или знала, но соврала точно так же, как о семье ученого?
– Эксперимент с оранжевым кристаллом обнадеживает, – сказал я. – После каталитического разложения в щелочной среде был получен бесцветный настой без вкуса и запаха. Я принял его внутрь, после чего испытал резкий эмоциональный подъем, сопровождаемый твердой уверенностью в необходимости бороться за свободу нашей родины и готовностью отдать за это свою жизнь.
– Это нормально, – сказал Амонд.
– Да, – я дернул головой влево, вспоминая лицо Джагерда. Но в сознании всплывало лицо его жены и хрупкие, жалкие фигурки детей. – Однако одновременно с этим я осознал технологический процесс синтеза нового лекарства. Оно должно подавлять развитие патогенных микроорганизмов… это не является моей областью знаний. Над производством лекарства работал коллега, у которого я и купил кристалл для экспериментов. Позже я записал весь цикл синтеза и показал ему. Он пришел в восторг. Сказал, что работал именно в этом направлении, даже был близок к правильной догадке, но решение ускользнуло.
– Вы не писали в статье об этом! – оживился Амонд.
– Не писал, – подтвердил я. – В моем понимании процесса были лакуны, я не смог все запомнить. Но в целом метод сработал.

– Что за сущность может быть в прозрачном кристалле? – вслух произнес Амонд. Вопрос явно был риторический. – Стражи говорят, что это нечто очень ценное, оно станет предметом хорошего торга с захватчиками.
– А кто породил этот кристалл?
Амонд досадливо щелкнул пальцами.
– В том-то и дело! Пожилая женщина, ничем особо не примечательная. Всю жизнь работала врачом, последние годы отдыхает от трудов, нянчит правнуков. Нашла кристалл, отнесла Продавцу… получила такую сумму, что сама попала в больницу с сердечным приступом… Хорошая, заслуженная женщина, но как в ее разуме родилась такая редкость?
– Если бы мы знали больше… – сказал я.
– Если бы… – эхом отозвался Амонд.
Он мне нравился. В меру подозрительный, в меру дружелюбный. И хотел он не супероружие получить, чтобы уничтожить всех Измененных и Инсеков, а всего лишь выторговать для своего мира свободу.
Вот как ему объяснить, что свободы не бывает?
Что если уйдут Инсеки, то придут Прежние. Или кто-нибудь еще гаже. Вряд ли он знает все детали того, как устроена жизнь в Галактике.
…Но ведь стражи и уж тем более локальный тактик это знают!
Выходит, они не киношные злодеи-солдаты, перешедшие на сторону добрых угнетенных повстанцев. У них свои планы на прозрачный кристалл. И вряд ли в этих планах свобода тэни хоть чего-нибудь стоит.
Мы, люди, совсем не так трепетно относимся к сделкам. Мы умеем и любим их нарушать. Так мы устроены.
Амонд налил себе вина в квадратный бокал. Да, все туманящее или расслабляющее сознание ассоциируется с числом четыре… как и смерть.
Но вино они все равно пили. В этом мы похожи.
Я от алкоголя отказался, что удивления не вызвало. Джагерд не был похож на выпивоху. Себе я налил воды из кувшина. Сидел, отпивая понемногу. Амонд о чем-то размышлял, тоже прикладываясь к бокалу и периодически барабаня пальцами по столу. Не знаю, о чем он думал. Я – о лавли и тэни.
В каком-то другом мире, другой Вселенной, мы однажды встретились бы в космосе. Возвышенные эльфоподобные существа, не лишившие себя разума и милосердия, чьи космические корабли были бы похожи на бабочек. Логичные сдержанные тэни, чтящие соглашения, летающие на звездолетах, построенных в стиле стимпанк. Ну и мы… надеюсь, мы тоже соорудили бы что-то красивое.
Мы бы общались, дружили… очень хочется верить, что дружили бы, а не ссорились. Может быть, влюблялись, женились, пытались бы преодолеть генетическую несовместимость… нет, ну а правда, мы ведь очень похожи! Вместе изучали бы космос. Шли бы к этому возвышению, сингулярности, бессмертию…
Но мы опоздали.
Потому что наши предки вышли в космос тысячи лет назад, обнаружили, как все устроено, – и азартно включились в грабеж смыслов. И никакие Высшие, при всем их могуществе, им не мешают. Наверное, потому что сами возвысились тем же путем. Потому что иного не бывает.
Интересно, как им там, в недосягаемых высях и пространствах – совесть не жмет? Или проблемы и страсти инфузорий слишком мелки для Высших?
Но ведь один из них проявил каплю сочувствия!
Не просто разрешил ситуацию, но и спас девочку-стратега.
И даже старую мертвую женщину воскресил…
«Помоги нам, – попросил я мысленно. – Ты был во мне, может быть, осталась какая-то связь? Отзовись! Помоги из своего ограниченного всеведения и всемогущества, хотя бы советом помоги!»
Но никто не отзывался, и я не чувствовал в себе холодного рассудка Высшего.
Проще уж было взывать к Богу, в которого я не верю. Эффект тот же, а Бог хотя бы неограниченно всеведущ и всемогущ…
– О чем вы думаете, Джагерд? – спросил Амонд.
– О жизни, – сказал я. – О смерти. О тайнах Вселенной.
– Понимаю. Могу я задать вопрос?
– Да, – я насторожился.
– Почему вы взяли с собой куклы памяти детей?
– Вы же их не выкинули вместе с одеждой? – ответил я вопросом.
Амонд смутился.

– Нет, конечно… мы же не варвары… но ведь ваши дети живы.
Я не стал говорить, что дети Джагерда мертвы, – как и он сам, скорее всего.
– Был уверен, что не вернусь, – сказал я.
Амонд кивнул.
Ответ был правильный. Отправляясь на войну или в опасную экспедицию, тэни брали с собой куклы памяти, это допускалось.
– Мы не собираемся вас убивать, Джагерд, – сказал Амонд смущенно. – Что вы! Ваше открытие – чудо. И вдвойне чудо, потому что своевременно. Шантажировать захватчиков кристаллом, который мы не сумеем использовать, крайне проблематично. Шантажировать понятой и принятой сущностью – совсем другое.
Бедный Амонд! Он не понимает – смысл по сути своей одноразов. Он как спичка, вспыхивает и гаснет. Сгоревшая спичка не имеет ни смысла, ни ценности…
– Мы заплатим все обещанные деньги, – продолжал Амонд. – И премьер подтверждает обещанный титул…
Так вот оно что, вот откуда размах! Это не просто группа заговорщиков, это какая-то правительственная программа, созданная под принесенный чужаками кристалл!
Все еще хуже, чем могло быть!
Инсеки сочтут произошедшее бунтом, если я не верну кристалл… страшно разочаровав тэни, но спасая их от сурового наказания.
Но я ведь в любом случае не уверен, что смогу вытащить из кристалла смысл. То, что удалось Джагерду один раз, необязательно повторится… тем более что я не Джагерд. Каким бы допросам его ни подвергали Измененные, какой бы химией ни накачивали, но я все больше сомневался, что он сказал все.
– Если вы чувствуете себя нормально, Джагерд…
Я мог бы и отказаться.
Меня ведь накачали наркотой, несколько часов везли в ящике… Можно было бы сказать, что нужно поспать, отдохнуть. Вдруг Измененные поймут, где я, и выйдут на связь…
А хочу ли я этого?
Появления Мар в окружении стражи, захвата дирижабля, передачи кристалла Инсекам…
– Знаете, я на удивление хорошо себя чувствую, – сказал я. – Возбуждение от происходящего, полагаю. Вряд ли удастся сейчас уснуть.
Амонд резко встал.
– Тогда пойдемте! Не будем же медлить!
* * *
Гондола дирижабля и впрямь была громадной, вполне соизмеримой с большим речным теплоходом. А ведь мы, как я понял, оставались в пределах второго салона, где-то был еще как минимум первый и помещения экипажа, и всякие механизмы, приводившие исполинский лайнер в движение.
Коридоры были полны тэни, большей частью солдатами. Нет, формы они не носили, но одинаковое оружие – короткоствольные автоматы с гранеными стволами, громоздкие коробки раций на поясе, выправка, четкие выверенные движения, негромкие команды – все это не оставляло сомнений. Нас сопровождал, то ли охраняя, то ли конвоируя, какой-то крутой спецназ. Дверь одной каюты была приоткрыта, и я заметил не то маленькую пушку, не то здоровенный пулемет, установленный напротив иллюминатора. Они реально готовились отбивать воздушные атаки!
Интересно, кто такой Амонд? Вряд ли ученый, но и на военного не похож. Скорее всего, какой-нибудь разведчик, специалист по инопланетянам. Или политик. Или и то, и другое.
Судя по всему, мы прошли в переднюю часть гондолы. Там ожидаемо находился огромный зал – смесь ресторана, обзорной площадки и, кажется, музыкального салона. Но сейчас большая часть роскошной мебели была сдвинута к широченным окнам, а в центре, на освободившемся месте, стояли лабораторные столы. Колбы, реторты, змеевики, урчащие и булькающие стеклянные трубки… Все это смахивало на лабораторию безумного ученого из кино. Впрочем, последний раз я такую аппаратуру видел на уроке химии в школе. Может, это все так и должно выглядеть, и земные химические лаборатории столь же причудливы?
У столов ждали двое мужчин и женщина тэни. В глухих голубых халатах, застегивающихся на спине, в респираторах с прозрачным щитком, прикрывающим глаза. Впрочем, при моем появлении они респираторы сняли.
– Действующий мастер Джагерд… – со смесью почтения и хорошо скрытой антипатии приветствовал меня один из мужчин, самый пожилой. – Очень рад вас видеть.

– Вы же знакомы с почетным академиком Вевидом? – невольно пришел мне на помощь Амонд.
– Рад вас видеть, – сказал я.
– Адъюнкт-профессор Нарсби, – представилась женщина. Она была помоложе, но тоже в годах.
– Профессор Морир, – назвался третий, самый молодой, лет, может, сорока. – Вы вряд ли обо мне слышали, действующий мастер, но позвольте уверить вас в моей компетенции. Большей частью я работал по закрытым программам правительства.
Я поздоровался с ними. Но смотрел сейчас не на них. И не на два десятка солдат, застывших у окон с автоматами в руках.
В самом конце салона, там, где гондола выступала вперед прозрачным пузырем, стояли Измененные.
Их было шестеро. Четыре стражи, две старшие стражи и локальный тактик в травянисто-зеленом комбинезоне.
Как же так, их ведь тринадцать! Разделились?
– Это наши… союзники, – поймав мой взгляд, сказал Морир с легкой запинкой. – Они вполне дружелюбны.
Стражи остались на месте, а локальный тактик, с копией сознания которого я говорил в Форту, подошел к нам.
Конечно же, локальный тактик сейчас не походил на того парнишку. Он был куда человекообразнее стражи, почти как хранители или жницы. Но все-таки слишком высокий, длиннорукий, с заостренным лицом и совершенно лысой головой. В сочетании с явной молодостью лысина смотрелась жутковато, будто локальный тактик болел чем-то страшным. Зато он выглядел мужчиной даже больше, чем в том образе, в котором я его впервые увидел.
– Меня зовут Ди, – сказал тактик. – При рождении звали Дилан, но мы утрачиваем имена вместе с первоначальным видом.
А я ведь даже не знал его имени…
Ди смотрел на меня испытующе, недоверчиво и не скрывая этого.
– Вы тот самый биохимик? – продолжал Ди.
– Простите, я не понимаю вас, – сказал я, виновато улыбаясь.
Локальный тактик заговорил со мной по-немецки!
– О, извините мою неловкость, – Ди мгновенно перешел на язык тэни. – Я представился, мое имя Дилан, но правильнее будет звать меня Ди. Я вроде как командир нашего маленького отряда…
Он помолчал.
– Нас было больше. Но не все оказались готовы восстать и прийти на помощь вашему народу. Трое воспротивились, трое погибли в бою с ними. Мы потеряли шестерых товарищей.
– Мои соболезнования, – пробормотал я. Шестерых? А где же еще один?
– Я говорю об этом лишь потому, – сказал Ди, – что вы должны отринуть предубеждения. Мы – союзники. Мы не одобряем то, что делают с вашим миром, и дорого заплатили за свое решение.
– Ценю ваш поступок, – искренне ответил я.
– Биохимия не является моей сферой деятельности, – продолжал Ди. – Но я быстро учусь. Я прочитал вашу статью, мне кажется, что в целом выводы верны.
Я повел головой, подтверждая его слова и благодаря за комплимент.
– Кристаллы, при их генерации, кодируют в себе эмоции и породивший их смысл. Даже эмоциональный выплеск очень ценен, и многие разумные виды способны его извлечь. Но для этого их развитие должно быть куда больше, чем у вас или у обычных обитателей моей планеты. Те, у кого воруют смыслы, никогда не могли получить их назад.
Ди подождал моей реакции, не дождался и улыбнулся:
– Догадываетесь, почему кристаллы сделаны такими? Чтобы их не могли похищать низшие существа. Извлечь смысл могут лишь продвинутые виды, идущие к возвышению. Низшие генерируют смыслы, более продвинутые могут получать удовольствие от чужих эмоций, но лишь Инсеки, Прежние и подобные им способны воспользоваться смыслом. Мы, прошедшие Изменение, не воспринимаем кристаллы ни на эмоциональном, ни на смысловом уровне.
– Зачем вы говорите это мне, Ди? – спросил я.
Ди вздохнул.

– Вы же понимаете, уважаемый Джагерд, что я не готов растворить бесценный кристалл в надежде на то, что ваш метод действует. Мы начали с экспериментов над обычными кристаллами, которые несложно достать.
– И? – осторожно спросил я.
– И тэни, и даже мы ощутили выплеск эмоций, – сказал Ди. – Это уже огромный шаг вперед, это прорыв! Хотя… он стоил нам товарища.
– Метод безопасен, – тихо возразил я.
– О, с точки зрения здоровья – да, – подтвердил Ди. – К тому же мы довольно прочные. Это была наша ошибка, первый эксперимент мы провели на блюке… на синем кристалле. Синие кристаллы порождают печаль и горе. Наш товарищ впал в жесточайшую тоску и выбросился за борт.
– Какой ужас… – прошептал я. – Это смертельно? Для вас?
– Падение в океан с высоты нескольких километров? – Ди грустно улыбнулся. – Да. Так вот, эксперименты на других кристаллах подтвердили, что метод работает. Хотя профессор Морир и перенес неловкий момент… зеленые кристаллы такие… волнительные.
Ди вдруг резко сместился ко мне, нависая, что могло бы выглядеть устрашающе, будь в нем веса килограммов на пятьдесят побольше.
– Но мы ничего не ощутили на уровне смысла! Ничего, действующий мастер! Только эмоции!
– Может быть, неудачные кристаллы? – спросил я. – Только с чувствами?
– Не бывает эмоций совсем уж без смыслов, – Ди покачал головой. – Хотя бы какие-то простейшие откровения мы должны были поймать!
Академик Вевид не выдержал и встрял в разговор:
– Но мне кажется, господин Ди, что я ощутил сущность…
– Это не сущность, – оборвал его Ди. – Высказанная вами мысль наивна и не выдерживает критики.
Вевид обиженно замолчал.
– А если использовать многоцветные кристаллы? – спросил я.
– Проверяли, – коротко ответил Ди. – К тому же вы в статье намекаете, что получили смысл от чистого кубического орака.
– Я не писал этого прямо…
– Моя работа – анализ данных, – отрезал Ди. – Вы сказали достаточно. Так вы получили смысл?
Я вздохнул. Поглядел на ждущего моих слов Амонда.
– Да, я уже рассказывал…
– Так в чем же дело? – требовательно спросил Ди. – Вы соврали, вы не получили смысла? Или вы не раскрываете всех деталей эксперимента?
– Не надо так давить, – сказал Амонд неожиданно жестко. – Действующий мастер Джагерд целиком на нашей стороне, и он все объяснит. Ведь верно?
– Конечно, – сказал я.
Вряд ли меня выкинут из дирижабля вслед за невезучим Измененным, который выпил синий кристалл и покончил с собой, подобно усовестившимся Слугам в Третьяковке. Всегда можно развести руками и сказать, что методика экспериментальная, нуждается в доработке…
Но комендант Мар сейчас рыщет по всей планете в поисках меня. И я не хочу, чтобы прозрачный кристалл достался ей, а потом Инсекам.
Я хочу забрать его себе.
Да зачем врать? – я хочу поглотить его смысл!
И для этого мне надо понять, как именно Джагерд это сделал!
Но вначале – забрать.
– Все очень просто, на самом-то деле, – сказал я, глядя в глаза Ди. – Давайте кристалл, я покажу.

Глава пятая

Ди провел рукой по комбинезону. На поясе вскрылся карман, из него Ди медленно достал клочок серебристой ткани. Стал неторопливо разворачивать.
Так просто?
– Уникальный кристалл, – сказал локальный тактик. – Доводилось такие видеть?
У него на ладони оказался искрящийся прозрачный шарик размером с горошину.

Я заметил, что и Амонд, и ученые подались вперед.
– Могу я…
– Возьмите, – Ди протянул мне кристалл.
Нет, серьезно? Так просто?
Я бережно взял кристалл. Погрел в руке. Поднял, посмотрел на свет. Потом вернул Ди. Сказал:
– Это великолепно. Никогда не видел такой красоты… и такой необычной огранки. Хрусталь?
Ди расхохотался. Небрежно бросил кристалл на стол, к колбам и пробиркам.
– Обижаете, мастер! Настоящий алмаз. Как поняли?
– Я не первый кристалл держу в руках, – ответил я. – Кристаллы органические, они иначе теплеют в ладони, по-другому преломляют свет… и немного легче.
– Ну вы же не думали, что я вот так возьму и достану из кармана то, что стоит целую планету? – спросил Ди.
– Конечно.
Ди посерьезнел.
– Покажите нам, как воспринять смысл, на чем-нибудь менее ценном… Вик! Трехцветку!
Одна из стражей подошла, с любопытством посмотрела на меня, потом протянула тактику металлический пенал. Ди открыл – внутри, на темной бархатной подложке, будто драгоценности (впрочем, они и были драгоценностями), лежали в углублениях кристаллы. Он достал и протянул мне крупную трехгранную пирамидку.
Я взял ее и сразу почувствовал знакомую прохладу кристалла, мгновенно согревшегося в руке. Сказал с невольным восхищением:
– Трехцветка…
Когда я промышлял лутом, то никогда не встречал многоцветных кристаллов. Ну, слышать про них слышал, но до того, как сам каким-то образом породил семицветный, – в руках не держал.
– Не просто трехцветный, – сказал Ди. – Оранжево-желто-зеленый. Странная и редкая смесь эмоций. Любовь, отвращение, страсть… не хочу даже знать, что его породило.
– А какой смысл может в нем быть?
– Любой, – глядя на кристалл, ответил Ди. – Смыслы редко несут в себе примитивные формулы и схемы. Куда чаще смысл – это философская или социальная концепция, понимание каких-то законов развития общества или разума. Книга, перевернувшая мировоззрение целого поколения; речь, поднявшая мятеж против тирана; стихотворение, над которым плачут влюбленные, – вот пример настоящего смысла.
Амонд подошел ближе, разглядывая кристалл. Недовольно сказал:
– Какие-то скучные сущности вы называете, уважаемый Ди. Технологические прорывы, новые научные концепции…
– Оружие, – добавил Ди.
– Да, и оружие! Вот что на самом деле важно! Вот чего мы ждем!
Ди посмотрел на него с сочувствием.
– Полагаете? Прежние, когда-то правившие вашим миром, внешне походят на обычных людей. Но они существуют в двух параллельных пространствах, нашем и оборотном. Уничтожив физическое тело в нашем мире, вы не уничтожите Прежнего, он прорастет заново из оборотного мира!
– Что такое оборотный мир? – с живым интересом спросила профессор Нарсби.
– Простите, вы не поймете. Вам требуется слишком много смыслов, чтобы реально принять саму концепцию, – жестко ответил Ди. – А Инсеки используют иную технологию, они сдвинули часть своей структуры в непространство. И этого вам не понять, увы! У обоих методов есть и плюсы, и минусы… но никакое оружие, которое вы способны придумать, им не повредит. А что уж говорить о Высших? Они существуют на всем протяжении линии времени, понимаете? Нет? Я тоже не могу понять, как это, почему при этом Высшие сохраняют подобие личности!
Амонд молчал. Потом спросил, уже без напора, смущенно:
– Ну а философская концепция чем может помочь? Против существ, живущих одновременно в разных измерениях?
– О, господин тайный министр! – Ди улыбнулся. – Концепция включает в себя не чертеж… ну, к примеру, автоматического ружья. Концепция – это общее понимание того, как ружье устроено, каким оно может быть, что за ключевые элементы включает. Пределы усовершенствования, слабые места, тактика использования. Концепция прорастает не мгновенно и требует развития. Но она позволяет создать что-то

неизмеримо более сложное и важное… чем просто ружье. Помните, я дал вам чертеж-схему транспортного экрана Инсеков. Сумели повторить?
– Нет, – признал Амонд. – Каждая деталь требует отдельной многолетней разработки. Включая разработку технологий для создания технологий. Чем дольше мы разбираемся, тем больше проблем! Мы в них завязли.
– Так и есть, – сказал Ди. – А настоящий глубокий смысл… сущность, как вы говорите, объяснил бы весь процесс построения экрана. Это все равно потребовало бы времени, но вы бы знали, как идти и куда идти.
– Надо знать смысл непространства, – тихо сказала стража Вик. – Экраны через непространство переносят.
Ди похлопал ее по плечу. Как-то очень покровительственно, будто глуповатого ребенка, сказавшего что-то умное.
– Молодец, Вик. Ты стараешься.
Стража заулыбалась, что выглядело, конечно, жутковато.
– Ну так как, мастер Джагерд? – спросил Ди. – Вы готовы показать нам чудо?
Я кивнул и пошел к лабораторным столам.
Конечно, в какой-то мере я понимал, что надо делать. Статья Джагерда и заметки его лабораторного журнала сохранились в моей памяти. Вот только бы соотнести их с этими колбами, реактивами и устройствами!
Но мне повезло.
– Позвольте начать процесс? – спросила Нарсби. – Под вашим контролем, разумеется.
– Конечно, – я протянул ей кристалл. – Только подробно описывайте свои действия.
Нарсби с благодарностью посмотрела на меня.
– Первичный этап проводится в баритовой воде с пэ-аш от девяти до десяти… мы привели пэ-аш к девяти с половиной, как в вашем эксперименте…
Она помедлила перед стеклянной емкостью, заполненной прозрачной жидкостью. Глянула на Ди:
– Я растворяю?
Ди кивнул.
Нарсби быстро натянула резиновые перчатки. Положила кристалл в лоток, быстро промыла под струей воды. Взяла пинцетом и опустила в стеклянную емкость. Драгоценный кристалл начал таять, исчезать.
– А ведь это мог быть дирижабль, – с грустью сказал почетный академик Вевид. – За такой кристалл торговцы многое бы дали…
– Дирижабли мы строить умеем, – отрезал Амонд.
Кристалл исчез.
– Двадцать секунд сепарируем органические цепочки в центрифуге при пяти тысячах оборотов… – Нарсби глянула на меня, я кивнул. Она перелила жидкость в другую емкость, закрыла ее и загрузила в массивный ящик. Нажала рычаг, загорелась лампочка, устройство басовито загудело.
– Гидроксид бария токсичен, вы не пробовали другие щелочные растворы? – спросил меня Вевид.
– Другие не подходят, – сообщил я. Знания Джагерда были во мне, все его неудачные эксперименты, мучительные поиски кристаллов или денег для их покупки, расчеты, догадки, споры… – Органические цепочки стабилизируются именно барием.
Нарсби вынула емкость, извлекла из нее что-то вроде мягкой губки.
– Добиться полного осаждения таким варварским способом невозможно, – буркнул Вевид.
– Каждая часть кристалла содержит всю информацию, – сказал Ди. В отличие от стражи (ну, за исключением любопытной Вик), он с интересом наблюдал за происходящим.
– Промываем губку и добавляем изомеразу… – продолжала Нарсби. – Кстати, позвольте восхититься выбором глютатиона в качестве промотора…
Кажется, они знали процесс в совершенстве. В статье Джагерд все описал очень подробно.
– Здесь хватит раствора на несколько применений, – сказал Ди, когда минут через пятнадцать все было закончено. В руках Нарсби держала пробирку с бесцветной жидкостью… которая, по идее, должна была передать нам заключенные в кристалле эмоции и смысл.
Но они ведь уже это делали, и результат оказался не столь впечатляющ!
Я помнил, что произошло со Слугами, изначально способными усваивать эмоциональное содержание кристаллов. Мой кристалл их убил, заставил покончить с собой, на время вернув человеческие эмоции. Среди нас, надеюсь, не было таких

омерзительных монстров, и чужие чувства не вынудят нас прямо здесь наложить на себя руки.
Нарсби разлила жидкость в три пробирки. Спросила:
– Кто… первый?
– Хотите что-то добавить? – спросил Ди. – Мы все сделали правильно?
– Да, – пробормотал я.
– Тогда профессор Нарсби попробует, – решил локальный тактик. Взял вторую пробирку. – И вы берите, мастер!
Я взял. Пробирка была теплая, жидкость казалась обычной водой. Теперь все взгляды обратились к нам. Вряд ли солдаты понимали все тонкости происходящего, но грандиозность события явно осознавали.
Нарсби залпом выпила жидкость.
Несколько мгновений она стояла, прислушиваясь к чему-то внутри себя. Потом поморщилась. Улыбнулась. Скривилась. Согнулась – ее начало тошнить прямо на пол, покрытый мягким ковром. При этом ее лицо вдруг стало одновременно и полным отвращения, и похотливым, и, как ни странно, возвышенным, исполненным какого-то тайного знания.
– Мерзость… – выдохнула Нарсби.
Амонд, с сочувствием на нее глядя, подал женщине стакан с водой.
– Держите.
– Не вкус… вкус как у воды… – Нарсби помотала головой, но воду все-таки выпила. – Это чувство… Я даже не хочу думать, что делал тот, кто создал этот кристалл! Совокуплялся с животными или с трупом? Растлевал детей?
– Как ни странно, он мог всего лишь беззаветно и платонически любить кого-то, – заметил Ди. – Но любить, считая свою любовь греховной и запретной. К примеру, это могла быть жена его друга.
– Больной ублюдок… – пробормотала Нарсби. Кажется, ей стало легче. – Спасибо, Ди. Я буду придерживаться вашей версии, не так противно! Но лучше бы он соблазнил жену своего друга, да пусть и самого друга в придачу!
– А сущность? – спросил Амонд жадно. – Вы ощутили какое-то знание? Поняли что-то, ранее неизвестное?
– Надо было заранее готовить тазик для рвоты, – сказала Нарсби раздраженно. – Пойдет это под великую сущность, открывшуюся мне? Ох, ну что ж за дрянь бывает у людей в головах! А если это на пустом месте, так еще большая дрянь!
– Ну вот, – Ди посмотрел на меня. – Как и с одноцветными кристаллами. Так в чем проблема, Джагерд? Что мы сделали не так?
Не нравился я ему, похоже. Словно он чуял во мне подмену.
– Мы не будем рисковать прозрачным кристаллом без полной уверенности, – твердо сказал Амонд. – Так в чем дело, мастер?
Я вспомнил Джагерда.
Заключенную с ним сделку.
Наш разговор.
«Настоящий риск всегда сводится к крови…»
– В крови, – сказал я. – Дело в крови.
Они смотрели и не понимали.
Измененные практически не нуждаются в медицине, обычно их тела лечат сами себя. У тэни медицина, конечно, была. Но, видимо, инъекции не являлись частой процедурой.
– Раствор надо ввести в кровь, – сказал я.
– Ну разумеется! – воскликнул локальный тактик. – При всасывании через слизистую информационные цепочки повреждаются.
Он покачал головой, укоризненно глядя на ученых.
– Я не биолог. Но как вы об этом не подумали? Принесите шприц.
Возникла суета, несколько тэни вышли. Странно, что они заранее не обеспокоились врачом и медикаментами при эксперименте.
Все-таки чужую культуру трудно понять. Может быть, для них заранее готовиться к возможным медицинским проблемам – значит повышать вероятность неудачи?
Нам принесли несколько шприцев.
Не таких, как на Земле, – пластиковых, одноразовых. Эти были будто из исторических фильмов: увесистые, из стекла и металла, одним своим видом внушающие уважение.
Пришел и мужчина-тэни, явно имеющий медицинскую подготовку.

Затея ему не нравилась, как не понравилась бы она ни одному врачу на свете, – вводить здоровому соплеменнику неизвестный и нестерильный препарат. Ди, впрочем, от его услуг сразу отказался.
– Вы не знаете, где у нас какие вены, – сказал он, набирая шприц. – Лучше помогите мастеру Джагерду. Вы же не против, мастер?
– Не против, – сказал я. Посмотрел на Нарсби, все еще стоящую с кислым лицом и борющуюся с тошнотными позывами. Да что ж она такое мерзкое ощутила, неужели и впрямь какое-то сексуальное насилие? – Хотя мне заранее не нравится эмоциональная составляющая.
Врач закатал мне рукав, протер кожу едко пахнущей жидкостью. Это явно был не спирт.
– Теперь водой, – сказал я. – Вдруг антисептик вступит в реакцию с раствором?
– Вы очень предусмотрительны, – похвалил меня Амонд. – Слышите? Теперь чистой водой!
Врач что-то пробормотал, но протер руку тампоном с водой. Колоть он собирался куда-то выше локтя, у людей там до вены добраться трудно. Но у меня же анатомия тэни…
– Начнем с вас, – решил Ди.
Мне показалось, что Амонду это не понравилось. Однако на мое место он не вызвался и предлагать кому-то заменить меня тоже не стал.
Что ж, я ведь, по их мнению, такую процедуру уже пережил…
– Это совсем не больно, – соврал врач, как положено в его профессии.
На самом деле еще как больно! Вряд ли от самого раствора, просто игла была толстая и длинная. Не удивлюсь, если этой иглой делали инъекции много раз, а потом мыли, дезинфицировали и даже затачивали! Я увидел, как в прозрачном стеклянном цилиндре появилось бурое облачко моей крови, а потом поршень погнал раствор в вену.
Ничего страшного, Джагерд это уже делал, я уверен, я почти уверен, он понимал, что его единственная надежда – я, мы заключили сделку… Если бы он хотел, чтобы я умер, он бы прямо и открыто посоветовал ввести раствор в вену, а он лишь осторожно намекнул…
Врач извлек иглу и прижал к месту укола тампон.
Тэни и Измененные с жадным любопытством смотрели на меня.
Вот же сволочи, а вдруг я все-таки умру?
Я пытался, конечно, понять, что происходит и что в меня попало. Тело призванного умело определять яды. Но я был в чужом облике, да и жидкость, введенная в вену, была водой… почти чистой водой… с этими странными «информационными цепочками»…
И тут я почувствовал весь комплект эмоций, скрытых в кристалле.
Страсть!
Жгучее, обжигающее желание, сводящее с ума, застилающее глаза. Плотская, сексуальная тяга… и неожиданно – яростное обожание, преклонение, чистый яркий восторг от одного лишь взгляда, от одной лишь мысли про объект желания.
Нет, Нарсби была не совсем права, Ди оказался ближе к истине. Эмоции не давали никаких явных образов, но это вряд ли была страсть некрофила или растлителя малолетних. Это была именно любовь, но такая яростная, безнадежная, смешанная с таким самоуничижением, с таким комплексом неполноценности, реальной или нет, что она превратилась в выжигающую кислоту, в смертельный яд.
Он – или она?.. понять было невозможно, но я решил считать его мужчиной – любил.
Любил так сильно, как дано немногим. Безнадежно – так горбун Квазимодо мог мечтать о прекрасной танцовщице, так сопливый пацан из далекой провинции смотрит на экран, где улыбается юная обворожительная голливудская кинозвезда, так едва двигающийся старец глядит на молодую женщину и вдруг понимает, что слишком рано родился.
Но это не была и безнадежная любовь, которая умирает в чьей-то душе, перерождаясь в светлую печаль или оборачиваясь бессмысленной ненавистью. Она росла, она переворачивала все и вся. И тот, кто ее испытывал, начал действовать.
У него было время, упорство и ум. Он добивался своей цели. Медленно, аккуратно, втираясь в доверие, улыбаясь, становясь знакомым, приятелем, другом… и уничтожая все помехи вокруг. Предательство и обман, подлость и ложь… шаг за шагом… он стал экспертом по части лжи и обмана, мотивов и чувств, он научился понимать окружающих и манипулировать ими, он презирал себя за это – и продолжал любить, и продолжал идти к своей цели, ненавидя себя и восхищаясь собой…
Это был путь любви, но он нес ненависть.

И где-то там, в конце, были объятия, и секс, и какая-то вспыхнувшая искренность… но он уже не мог открыться, не мог ощутить ничего по-настоящему. Он сам стал ложью, и уже никакая любовь не могла его спасти.
…Я втянул воздух, понимая, что уже с минуту стою, задержав дыхание под взглядами тэни и Измененных. Сказал:
– Мерзко…
– А есть ли какая-то сущность? – нетерпеливо спросил Амонд.
Я посмотрел на него.
Амонд любил свой мир и свой народ.
Еще больше он любил власть.
На самом деле уход Инсеков его страшил. Он снова стал бы одним из многих чиновников тэни, утратил пост тайного министра. У них почти не было войн и не было приложения талантам Амонда – политика, дипломата, мастера интриг.
Все должно было оставаться, как прежде, только немного улучшиться. Пересмотреть условия сделки, шагнуть вверх по карьерной лестнице, приблизиться к власти… может быть, получить пост наместника Инсеков, добиться того, чтобы мир тэни вошел в их империю как младший партнер… Амонд все-таки знал слишком мало и был достаточно наивен, чтобы питать подобные иллюзии.
Меня, кстати, он собирался отпустить. Возможно. Он еще окончательно не решил.
Смысл кристалла вошел в меня – умение понимать движущие мотивы, затаенные мечты, тайные желания и слабости. Если бы тот, кто породил кристалл, употребил свои таланты не на то, чтобы покорить одну-единственную женщину, он добился бы любых высот, избавился от своих комплексов и, вполне вероятно, завоевал бы ее любовь честно.
Какая ирония!
У него были силы сломать любые стены, а он потратил их на то, чтобы рыть подкоп…
– Сущность есть, – сказал я. – Создатель кристалла безумный, но гениальный интриган. Он научился понимать окружающих. Их мотивы, сильные и слабые стороны.
Я не добавил, что смысл кристалла позволял и манипулировать окружающими. Это они должны были понять сами.
Потому что я уже начал ими манипулировать.
Тэни и Измененные – они стали лишь фигурками на игровом поле. Я сделал ход и привел их в движение.
Какая мощь!
Но сейчас появится еще один игрок. И я знал, кто.
– Пожалуй, лучше проверить мне, – сказал Амонд и протянул руку.
– Двое тэни уже испытали препарат, – возразил Ди. – Теперь я должен убедиться, что он работает на Измененных.
Он воткнул шприц себе в живот, прямо сквозь комбинезон, и вдавил поршень. Кажется, он даже не стал искать вену, а ввел раствор в третье, дополнительное сердце.
На лице Амонда промелькнула смесь обиды и злости, но он смирился.
Ди стоял, прислушиваясь к ощущениям. Я думаю, что ему тяжело дался эмоциональный удар: почти все Измененные лишены сексуальной сферы, даже тактики. Сейчас Ди ощущал то, что по возрасту как раз должен был пережить, останься он человеком: любовь, страсть, ревность, разочарование, печаль. Все сразу и в концентрированном виде… Нелегко ему.
Но я знал, что он справится.
Ди сглотнул, несколько раз моргнул. Повел головой, даже потряс ею. Сказал:
– Это непросто…
А потом обвел всех внимательным взглядом.
Его сознанию, изначально настроенному на логику и анализ, должно быть проще с этим смыслом. С другой стороны, эмоции для Измененных – чуждая область…
Наши глаза встретились.
«Я знаю, – говорил его взгляд. – Я знаю, кто ты на самом деле. Теперь я знаю. И я знаю, что ты знаешь, что я знаю».
Я улыбнулся Ди.
– Сложная ситуация, – сказал Ди. Он сейчас с дикой скоростью прокручивал варианты дальнейшего поведения. В общем-то, ему было проще это делать… вот только он не понимал, почему я так спокоен и почему позволил ему получить новый смысл – бесценный для локального тактика.
«Что же ты задумал?» – говорили его глаза.
Я отвел взгляд. Посмотрел на стражу по имени Вик, терпеливо ждущую рядом с Ди.
Ой.

Ой-ой-ой…
А вот это я не учел.
Не знаю, как оно работало, но кусочки информации сами собой складывались в паззл. Нет, нет, ну не может такого быть! Не должно было мне так повезти… или, напротив, так не повезти… невозможны такие случайности…
Значит, это не случайность?
Стража, стоящая рядом с тактиком, была Викентием, сыном Виталия Антоновича. Тем самым ребенком, ради призрачного шанса спасения которого он погиб.
А это значило, что только что придуманный план летел к чертям.
И мне придется импровизировать.
Не то чтоб я против импровизаций. Но я уже понял, чем они у меня обычно заканчиваются.

Глава шестая

Амонд дураком не был. Пусть ему и не досталось смысла из кристалла, но он, пожалуй, и без того умел читать эмоции и настроения.
Даже у Измененных.
– Мне кажется, дорогие друзья, – сказал он мягко, – что эксперимент со столь сложным кристаллом был ошибкой. Он внес заметное напряжение в ситуацию.
Ди кивнул.
…Я все еще просчитывал его. Что-то не складывалось в характере и мотивах локального тактика. Ну, ну, давай же…
Не знаю, как именно смысл стал воздействовать на меня. Я даже не знал, как он кодировался в кристалле, – не просто формула химического вещества или чертеж, а все в комплексе, целая энциклопедия, опыт и его осмысление. Ди был прав, чертежи и схемы – это все ерунда. Настоящий смысл нес в себе всю жизнь неизвестного мне тэни, все наработанное им мастерство понимания и управления людьми. На Земле такой кристалл мог бы породить какой-нибудь великий авантюрист и манипулятор, десятилетиями вертевший людьми. И сейчас вся закодированная информация проникала в мой мозг, становилась частью моего знания.
Блин, здорово было бы так учиться в школе или институте!
– Можем мы выдохнуть, улыбнуться и вернуться к нашей изначальной ситуации? – спросил Амонд.
– Боюсь… что нет, – ответил Ди. – Ваша цель – захватить кристалл, убедиться в его ценности и попытаться выторговать у Инсеков лучшие условия сотрудничества. Это невозможно, простите.
Амонд рассмеялся.
– Так… допустим. Едва вы обратились к нам, мы сразу же сообщили, что хотим не открытого конфликта, а лишь более честной сделки. А ваша цель? Вколоть себе кристалл и понять, что в нем?
– Мы этого не говорили, – сказал Ди с обезоруживающей прямотой.
…Что-то сложилось у меня в мыслях. Выстроилось, стало понятным и ясным.
В словах и действиях Ди были два мотива.
Нет, три.
Первый – тот, с которым он вышел на спецслужбы тэни. «Мы сочувствуем вам, мы захватили большую ценность, вместе с вами мы будем торговаться с Инсеками». Он сказал, и ему поверили, потому что сказанное отвечало идеологии тэни.
Второй мотив был скрыт под первым. Ди сочувствовал тэни, но никогда не пошел бы на предательство добровольно. Он был локальным тактиком, он выполнял задания, а не принимал самостоятельных стратегических решений. Он выполнял приказ, отданный Мар. Приказ, отданный не в качестве коменданта планеты, а в качестве одного из руководителей Сопротивления Измененных. Прозрачный кристалл не должен был послужить благу Трисгарда и его розовокожих гуманоидов, он был оружием Сопротивления.
Третий… третий мотив еще ускользал, но я почти его понял… Он был связан не только с Ди, а еще с кем-то другим.
– Вы очень близко подошли к нарушению нашей сделки, – сказал Амонд.
Это были вызов и упрек, угроза и оскорбление. Ди это тоже понимал.
– Мы благодарны вам и стремимся получить максимум всеобщей выгоды из этой ситуации. – Ди говорил, но он должен был понимать, что его слова пусты.

Он тянул время!
…Тянуть время… да, это подходит и к третьему мотиву… но не со стороны Ди…
– Летательные аппараты по правому борту! – выкрикнул вдруг один из солдат.
– Левый борт, наблюдаю две цели! – тут же отозвался солдат слева.
Вик, по-прежнему стоявшая рядом с Ди, чуть-чуть шевельнулась. Я увидел, как едва заметно удлинились ее руки. Стража готовилась к боевой трансформации.
А вот тут Амонд дал маху.
Он все-таки был убежден в том, что Ди и его группа – одиночки. Может быть, бесчестные, но работающие без помощи извне. Сколько они тут, почти год? И убили часть своей команды? Достаточно, чтобы поверить…
– Не время ссориться, – сказал Амонд быстро. – У нас гости.
Где-то за дверями, в каютах, застучало, часто и нервно. Пулеметы! Несколько раз бухнуло сильнее – пушки? Солдаты в салоне распахивали окна – створки сдвигались в стороны, в помещение врывался холодный, даже на высоте пахнущий морем воздух. Приседали перед окнами, выставив в ночь граненые стволы автоматов.
Я с тревогой подумал, чем наполнен баллон этого дирижабля. Надеюсь, не водородом, а то нам всем быстро придет конец…
В ночной тьме сверкнуло – и один из солдат с левого борта беззвучно упал на спину. Остальные начали стрелять в темноту.
– Кристалл! – выкрикнул Амонд, глядя на Ди. – Уходим!
Он все-таки еще верил в честность сделки. А как он предлагал уйти? Парашюты или какие-то спасательные капсулы?
– Нет, простите, – сказал Ди. И громко произнес: – Радуга!
Нелепый выкрик был командой. Безучастно стоявшие в носовой камере стражи (даже стрельба не заставила их укрыться) начали действовать.
Две старшие стражи двинулись по левому борту, три стражи – по правому.
Они не доставали оружия, они перешли в боевую форму и ускорились. Теперь стражи напоминали не то гигантских насекомых, не то уродливых рептилий. Взмахи рук с выдвинутыми когтями косили солдат одного за другим. Вик осталась рядом с Ди, вытянув руки, опустив голову и угрожающе скалясь на окружающих.
Но все же Измененные не были неуязвимы, а солдаты тэни готовились и к такому повороту событий.
Один из солдат успел повернуться и выпустил – скорее случайно, чем прицелившись, – очередь в лицо стражи.
Пули оказались необычными. Голову Измененного разнесло, причем в ярко-синей электрической вспышке, тело стражи судорожно вытянулось – и она рухнула.
Ди поморщился. И посмотрел на меня, словно ожидая, что я буду делать.
Погибла, к моему удивлению, и одна старшая стража. Она убила подряд трех или четырех солдат, когда пятый вскинул ей навстречу массивный ствол с раструбом и нажал спуск. Это оказался какой-то примитивный ракетомет. Солдата выхлопом отнесло назад, в облаке дыма и пламени, он упал мертвым с прожженной грудью, но попавший в стражу заряд вынес ее через окно – в ночь, в пустоту, навстречу многокилометровому падению в океан. Салон заволокло дымом, который быстро вытягивался в окна, задребезжал какой-то сигнал, освещение мигнуло и стало тусклым.
Ди издал слабый вскрик, проводив взглядом старшую стражу на ее пути к смерти. И снова уставился на меня. Он тоже просчитывал меня, он понимал, что я морф, но что-то у него не складывалось.
– Джагерд, уходи! – крикнул Амонд, хватая меня за плечо и толкая себе за спину.
Движение оказалось неожиданно резким, да и говорил он очень быстро, так что слова слились в «Джагердуходи!».
Он что, принял какой-то стимулятор?
В руке у Амонда был длинноствольный револьвер с граненым барабаном.
Интересно, сколько граней у тэни считаются благоприятными для убийства?
Ответ немедленно появился из памяти – восемь.
…Так, что-то не то с Амондом… слишком много скорости, ярости и собранности… считай, считай!..
Ди покачал головой.
– Амонд, успокойтесь. Мы не тронем ни вас, ни ученых. Но наше сотрудничество закончено. Сейчас мы уйдем.
– Бесчестнаясделка! – выругался Амонд.
– Всего лишь политика, – ответил Ди. В голосе его не было радости, он не испытывал восторга от происходящего. – Считайте случившееся уроком на будущее.

Я видел за окнами приближающиеся летательные аппараты. Глайдеры, стандартные боевые машины Измененных, были мне знакомы по Саельму. Как ни странно, но они еще не рисковали причалить – дирижабль огрызался огнем пулеметов и скорострельных пушек, моторы надрывно выли, исполинская летучая машина маневрировала, вряд ли надеясь уйти от врага, но спускаясь ниже, к океану.
Две оставшиеся стражи и старшая стража закончили избиение солдат и приближались к нам. Несчастные ученые, которые при первых выстрелах присели у лабораторных столов, теперь согнувшись бежали к выходу. Стражи им не препятствовали.
– Даэтохорошийурок, – скороговоркой согласился Амонд.
И начал стрелять.
Три выстрела в стражу, по одной пуле в каждую.
Я не ожидал, что он такой меткий и быстрый. Но уже знал, каким будет эффект.
Окаменевшие тела рухнули на пол, рассыпаясь.
Метапатроны Продавцов!
Вот это Ди не просчитал, да и я понял слишком поздно. Амонд не просто принял стимулятор, мгновенно ускоривший его (теперь я ощущал биение его сердца – больше двухсот ударов в минуту, а тело тэни будто пылало, температура подскочила градуса на три-четыре).
У него еще и петрификационные патроны были!
– Подлые воры! – Мне показалось, что Амонду пришлось сделать усилие, чтобы произнести слова внятно, а не выплюнуть одним нечленораздельным проклятием. Он нацелился в Вик, которая своим телом закрывала Ди.
К черту, это не стража Вик, это Викентий, сын Виталия, несчастный больной мальчик, превращенный в убийцу…
Я взмахнул рукой, ударив Амонда в висок. Он рухнул, успев выстрелить, но пуля попала в стекло.
Стекло тут же отреагировало – помутнело и рассыпалось белым песком.
Амонд лежал без чувств, но, кажется, был жив.
– Кто ты такой? – спросил Ди, глядя на меня с раздражением.
– Никак не просчитаешь? – Я потянулся, чувствуя, как тело начинает перестраиваться. В моей маскировке под мастера Джагерда больше не было нужды.
– Ты не просто морф, – сказал Ди расстроенно. – Не пойму!
– Мар и сама не знала, – ответил я. У тактика наверняка была связь с комендантом, он знал, что прибудет группа захвата. Вот только почему Мар тянула так долго? Год, чертов год позволять ценнейшему артефакту находиться в руках тэни… изображать бурные поиски, отправить на смерть двух ценных морфов… а что, если бы тэни перебили горстку Измененных и действительно скрыли кристалл? Судя по случившейся бойне – смогли бы, бойцы из них оказались хорошие, еще и боевую химию какую-то придумали, почти уравнявшую их в скорости со стражей. Она не могла рассчитывать на случайное озарение Джагерда, которое позволяло прочесть кристалл.
Чего же ждала Мар?
Ни для коменданта планеты, ни для члена Сопротивления Измененных смысла в ожидании не было.
И тут у меня все сложилось.
– Дилан, – сказал я.
Фальшивая плоть Джагерда сползала с меня пластами, одежда промокла и воняла. Насколько же удобнее комбинезоны Измененных…
– Мар тебя обманывает.
– Ты кто? – снова спросил Ди с напором.
Вик угрожающе шагнул ко мне. Я перестал думать о нем как о страже, он стал для меня Викентием, мальчиком с Земли.
– Не важно. А ты стой на месте, Викентий. Убивать я тебя не буду, а вот уши надеру.
Вик вздрогнул, Ди нахмурился. В хвосте дирижабля дважды громко бухнуло, пол под ногами вздрогнул. Мы явно ускорили снижение.
– Считай же, балбес! – крикнул я Дилану. – Ты и без того тактик, а с этим смыслом внутри должен еще поумнеть! Мар – двойной агент! Она работает на Прежних, кристалл предназначен им!
Ди вздрогнул, его глаза на миг затуманились.
Я стоял и ждал. Меня подмывало взять упавший на пол револьвер Амонда, но я не хотел пугать Вика.
– Это… слишком… возможно… – сказал Ди.
Локальный тактик оглянулся на салон, полный мертвых тэни и стражи.

– Она ждала корабль… или что там еще, не знаю… – Я пожал плечами. – Прозрачный кристалл слишком сладкий приз, ради такого можно пожертвовать и ценным агентом, прозябающим на планете.
– А я пожертвовал своими ради Прежних… – прошептал Ди.
– Ты не знал, – ответил я. – Но да, именно так. Ты пожертвовал своими людьми, убил верных Инсекам и предал тэни. Все для того, чтобы кристаллом завладели Прежние.
– Мар в одном из глайдеров, – сказал Ди после короткой паузы. – Но там нет Прежних, там наши.
– Они не поверят ни тебе, ни мне, – безжалостно сказал я. – Ты бы и сам не поверил, не будь нового смысла.
Ди кивнул.
– Мы снизились до высоты два километра и продолжаем спуск. С высоты сто – сто пятьдесят метров можно прыгать, у вас будут шансы уцелеть.
Я отметил это «у вас».
– Вик, ты переходишь в полное распоряжение мастера Джа… – Ди помотал головой и вопросительно глянул на меня.
– Макс.
– Мастера Макса. Он свой! Подчиняйся ему, как мне, защищай, как меня, – Ди поколебался. – Приказы коменданта Мар больше недействительны. Ей не подчиняйся.
– Я так не могу, – сказал Вик с обидой. – Ди, это нарушение правил!
– Она предатель, – с напором произнес Ди. – Понимаешь? Ты слышал наш разговор. Она работает на Прежних. Мы ненавидим Прежних больше, чем Инсеков. Понимаешь?
Вик издал слабый хныкающий звук. Он колебался.
Дирижабль снова вздрогнул, в хвосте что-то взорвалось. Нас ощутимо тряхнуло, и я почувствовал, что «Крылья ветра» клюнули носом.
– Тут не водород в баллоне? – спросил я.
– Эфир, – отозвался Ди. – Молчи, я считаю, как вам выбраться.
– Эфир огнеопасен, – напрягся я.
– Это не тот эфир, – отмахнулся Ди. – Молчи!
Вик, похоже, принял решение. Он молча прошел к лабораторному столу и вернулся с рулоном бумажных полотенец. На них даже рисунок был, какие-то травки и плоды, точь-в-точь как кухонные до Перемены, когда люди еще не экономили бумагу!
– Оботритесь, мастер Макс, – сказал Вик. – Вы весь в протоплазме.
Я молча принялся обтираться, хотя мне больше помог бы хороший душ. Одежда Джагерда болталась на мне мешком. Еще хотелось жрать.
Пол под ногами снова несколько раз дрогнул.
Вик, не выражая никаких эмоций по поводу ускорившегося падения дирижабля и заметного наклона, прошел вперед. Очень ловко стянул со стражи, лишившейся головы, комбинезон и принес мне.
– Переоденьтесь, мастер Макс.
Я не колебался. Сбросил плащ, стал стягивать одежду.
И тут же ощутил Форт.
Как бы ни работал этот плащ, в него не требовалось заворачиваться целиком, чтобы блокировать связь. Достаточно было накинуть на плечи.
«Привет», – сказал я мысленно.
И ощутил неловкость Форта – будто тот старался меня не замечать.
«Тут целое побоище случилось, – продолжал я мысленно. – Гадкая история. Вообще все тут гадкое, в этой истории. Комендант Мар…»
Форт от меня закрылся.
Не просто прекратил общаться, а словно бы исчез бесследно. Он так может? Или кто-то нажал кнопочку на ретрансляторе, отрезав меня от коллективного разума?
Тогда я знаю, кто это сделал.
Пожав плечами, я стал влезать в чужой комбинезон. Он тоже был здорово испачкан кровью стражи, но скоро ткань всосет ее и разложит.
– Есть один вариант, – сказал Ди. – Вероятность того, что вы с Вик спасетесь, достаточно велика.
– А ты? – спросил я, хотя читал ответ в его словах и движениях.
– Я накосячил, – ответил Ди. – Слишком много смертей и боли для достижения ложной цели.
– Ты не виноват.
Он покачал головой.
– Я не могу просчитать вариант для общего спасения. Будь я полный тактик или стратег, могло бы получиться. А так – не могу. К тому же, повторю, я накосячил.

Дилан улыбнулся, очень по-человечески и очень горько.
– Откуда ты знаешь Вик?
– Я знаю его отца, – сказал я, застегивая комбинезон.
Вик вздрогнул, но ничего не сказал. Ди вздохнул.
– Жаль, что у меня нет времени. Я бы хотел узнать эту историю.
Я кивнул и сказал:
– Я бы тоже хотел узнать твою историю.
Мы с тактиком смотрели друг на друга, ощутив неожиданную и горькую симпатию. Может быть, потому, что мы с ним разделили общий смысл?
– Кристалл, – сказал я.
Ди кивнул:
– Да. Поразительный бесцветный кристалл, порожденный старой женщиной… Ты понял, да? Что с ним и откуда он?
– Кажется, понял, – кивнул я. На самом деле я не понял сам, но я прочитал догадку тактика, поразился ей и принял, как единственную реальную. – Но как это возможно?
– Вот ты теперь и будешь разбираться, – сказал Ди. Встряхнулся и продолжил: – Никаких парашютов, никаких отделяемых капсул. Использовать их – все равно что самому сдаться.
– Глайдер, – кивнул я. – Не умею управлять!
– Вик умеет. – Тактик глянул в окна левого борта, потом правого. – Да что ж они тянут, с воды хотят брать, что ли…
Дверь, ведущая в коридоры, открылась.
– С воды нерационально, – сказала комендант Мар, входя. – Привет, мальчики. Вы хорошо поработали.
Вслед за ней в салон как-то очень быстро переместились шестеро старших стражей. И они не были безоружны, как команда Ди, двое несли стандартные лучевые излучатели, двое секадоры, двое – плазменные пистолеты.
В общем, они подготовились, и мне это не нравилось. Как и то, что я сглупил и не перешел в боевой режим заранее.
Не сомневаюсь, что, если начну сейчас преображаться – меня сожгут или засушат. А вернее всего, вначале засушат, а потом сожгут.
– Привет, Мар, – сказал Дилан. И широко улыбнулся. – Я даже не надеялся, что ты войдешь через дверь, а не через окно.
Дирижабль продолжал опускаться. Мне даже показалось, что я слышу плеск волн, хотя скорее шумели моторы. Вик неловко затоптался на месте, явно не зная, что теперь делать и кому подчиняться.
Мар уставилась на Дилана своими жуткими белыми глазами.
Потом сказала:
– Врешь. Ты строил расчет на атаке через окна.
Я, конечно, увидел, что Дилан блефует. Но было очень неприятно осознать, что Мар ощущает ложь так же хорошо, как и мы, воспринявшие чужой смысл.

Глава седьмая

Я смотрел на Мар и понимал, что стоит мне выкрикнуть «она агент Прежних» и попытаться перетащить стражу на нашу сторону, как комендант отдаст приказ. И нас убьют. Может быть, потом стражи задумаются о моих словах, но только потом.
В нас до сих пор не стреляют лишь потому, что Мар не знает, где кристалл. Боится, что выстрелы его уничтожат вместе с нами. Она смотрела на тактика, я ее интересовал куда меньше.
Зря.
Сейчас мне надо было заставить себя забыть мертвую жену и детей Джагерда. А еще полюбить или хотя бы пожалеть Мар. Это было безумно сложно, но смысл кристалла и девочка, которую я видел в Форту, ободряюще коснулись меня. «Каждого можно любить и ненавидеть, это очень просто…» – ядовито прошептал проросший во мне смысл. А девочка с котенком просто кивнула.
– Маргарита просила передать тебе привет, – сказал я.
Комендант перевела взгляд на меня.
– Какая Мар… Маргарита?
– Девочка, ей было лет десять, – сказал я. – С косичками. Она любила надевать мамину брошку, из «жемчуга». Такую… разлапистую, как морская звезда.

Комендант смотрела на меня белыми непроницаемыми глазами.
А я говорил. Или это смысл кристалла говорил во мне, подсказывая нужные слова?
– Мама не разрешала. Но девочка все равно брала брошку и тайком цепляла на школьную форму. У нее был рыжий котенок, помнишь…
Я осекся. И покачал головой. Я вдруг понял.
– Нет, котенка не было. Ей пообещали подарить рыжего котенка, и она пошла…
– Замолчи! – закричала Мар. Стражи вздрогнули, стволы оружия теперь смотрели на меня. – Замолчи, замолчи! Кто ты? Кто ты такой, ты не просто морф! Кто тебе рассказал?
– Ты мне рассказала, – ответил я. – В Форту.
Мар замотала головой.
– Все Измененные оставляют отпечаток, – сказал я. – В Гнезде, в Форту… Я говорил с мальчиком, который стал тактиком. Я говорил и с тобой.
– Так не бывает! – выкрикнула Мар с надрывом.
Дирижабль вдруг накренился, с лабораторных столов посыпались колбы. Как ни странно, ни одна не разбилась.
– Я не морф, – сказал я. – Ты права. Я призванный, я Защитник Гнезда. Меня призывали дважды, и я стал… необычным. Я говорил с такими вами, какими вы были. Ты обещала, что я могу попросить о помощи.
Мар замотала головой:
– Я тебе не верю!
– Куколка, балетница, воображуля, сплетница, царь, царица, красная девица… – тихо произнес я всеми забытую детскую считалку. – Мар, я прошу тебя о помощи. Девочка Маргарита сказала, что ты стала стервой, но была хорошей.
Где-то впереди и снизу громыхнуло, будто началась гроза. Молния высветила разгромленный салон, окровавленные тела… высветила и осталась, будто мы повисли в сиянии застывшей фотовспышки. Я почувствовал, как мои глаза изменяются, приноравливаясь к слепящему свету.
– Мой глайдер в хвосте дирижабля, – сказала Мар хрипло, будто в ней что-то надломилось. – Ли, Тан, Ол, обеспечьте ему проход! Потом – поддержка с воздуха! Не дайте штурмовикам выйти из экрана!
Она шагнула ко мне, схватила за плечи:
– Кристалл у тебя?
– У нас, – произнес тактик.
– Отдай ему. Нам не уйти, но можно закрыть зону перехода. Ты мне понадобишься, Дилан!
– Я понял, – просто сказал тактик. – Мостик тремя палубами выше.
Он провел рукой в районе пояса и протянул мне маленький серебристый цилиндр. Я прижал его к комбинезону, и тот втянул контейнер, образуя карман.
Сейчас я не смотрел на них. Я смотрел вперед, сквозь стекла обзорной площадки, каким-то чудом уцелевшие при всей пальбе.
Впереди, над бушующим морем (откуда взялась эта буря?), висели, застыв в воздухе, две ослепительные ломаные молнии. От них нестерпимо медленно отрастали огненные ветви.
А между молниями возникал экран – огромный километровый квадрат, сияющий темно-серым. Не всегда, выходит, для перехода нужны металлические рамки.
Мар резким движением выхватила у одной стражи излучатель. Задрала вверх, из ствола вырвался луч, почти невидимый в сиянии молний. Мар крутанула над головой стволом, отпрыгнула – на пол посыпались куски потолка, разрезанный на части стул, какой-то мусор. В потолке салона образовалась дыра диаметром в пару метров. Какая-то резная деревянная фигня упала на неподвижно лежащего Амонда, тот застонал, приподнял голову, сел. Остолбенело уставился на происходящее.
– Ему нужен пилот, – сказал локальный тактик. – Вик, ты с Максом!
– Выполняй! – рявкнула комендант. – Резонанс через тридцать секунд!
Стража Вик с явным облегчением кивнул.
Мар глянула на меня – прощально, словно собираясь что-то сказать… Но промолчала. Подпрыгнула и с места, будто пружиной брошенная, скрылась в прорезанной дыре. Следом, так же легко и небрежно, вознеслись три стражи.
– Сделай что-нибудь хорошее, – сказал мне локальный тактик Дилан. – За нас, мы не смогли.
Тоже скрылся в проеме.
Стражи смотрели на меня. Амонд, часто моргая, кажется, тоже собирался что-то сказать, но так и не решился.

– Глайдер! – скомандовал я.
И мы побежали по вставшему дыбом коридору через весь второй салон, мимо разгромленных кают с выбитыми дверями, по неподвижным телам солдат тэни, сквозь заволакивающий коридоры едкий дым, в спину нам сияли застывшие молнии, и к их свету примешивалось серое мерцание разгорающегося экрана.
Кое-где в каютах торчали овальные носы глайдеров, пробивших обшивку, с распахнутыми люками и пустыми кабинами. Глайдеры застыли, вонзившись в дирижабль, будто снаряды, я не сомневался, что они вполне на ходу, но стражи вели меня дальше – две впереди, одна замыкала. Дважды они начинали стрелять, я даже не замечал, по кому. Наверное, кто-то показался им еще живым…
Глайдер коменданта нашелся в самом хвосте, наполовину вкатившийся в такую же обзорную площадку, как и в носовом салоне. Он был поменьше десантных и более остроносый. Стекла на площадке были разбиты, рамы погнуты, по лицам хлестал холодный ветер. Одна из стражей подхватила меня и забросила в открытый люк, Вик запрыгнул сам. Я заерзал в узком кресле, но оно вдруг будто ожило и окутало меня. В соседнем кресле точно так же зафиксировался Вик, лицо его скрыл выдвинувшийся из подголовника шлем. Никаких приборов или панели управления не было, только два кресла в маленьком отсеке, прозрачном изнутри и серовато-синем снаружи.
Я успел еще раз посмотреть вперед, через весь коридор, по которому прыжками спускались, исчезая в дверях, стражи. Дирижабль падал в гигантский серый экран, пылающий жутким мертвенным светом.
Потом глайдер дернулся и выскользнул из разбитого дирижабля, будто пробка из бутылки, стремительно набрал высоту… похоже, ему было все равно, как лететь – носом или хвостом вперед.
«Крылья ветра» падал.
Я даже задохнулся, глядя на происходящее.
Дирижабль был немыслимо огромен, на Земле ничего подобного не строили. Баллон казался покрытым металлической чешуей, может, он и правда был из металла? При всех своих размерах, по сравнению с огромной многоэтажной гондолой он выглядел непропорционально маленьким – как же он летает-то? Из чешуйчатой оболочки струями вырывался светящийся сиреневый газ.
Рядом с дирижаблем неслись несколько глайдеров. К ним один за другим присоединились еще три, видимо, это стартовали проводившие нас стражи. Казалось, будто гигантская косатка вынырнула из океана в сопровождении стайки рыб поменьше и теперь стремится проскочить через пылающий квадрат.
Вот только это был не дельфинарий, и за огненным квадратом ждали не аплодисменты восхищенных зрителей, а один из миров Прежних.
Я видел, как серое свечение набрало полную силу, над океаном вспыхнул голубой клочок чужого неба, растянутый между ветвями остановившихся молний.
И летающие кораблики, крошечные на таком расстоянии и почти неотличимые от глайдеров, вырывались из экрана навстречу «Крыльям ветра».
От дирижабля стали отваливаться какие-то фрагменты, над которыми вытягивались парашютные стропы. Даже сейчас я испытал облегчение от того, что у кого-то из пассажиров есть шанс спастись.
У дирижабля и тех, кто остался на борту, шанса не было. «Крылья ветра», все сильнее и сильнее забирая вправо, несся к одной из застывших молний. Небо заполыхало вспышками, глайдеры и чужие корабли вступали в бой, сжигая друг друга над морем, несколько аппаратов Прежних вдруг изменили курс и помчались наперерез дирижаблю, полосуя его огненными нитями лучей. Баллон стал разваливаться, сминаться, выпуская облака пылающего газа.
Но остановить «Крылья ветра» было уже невозможно. Дирижабль врезался в столб остановившегося электричества и исчез в ослепительной вспышке. Взрыв был такой силы, что наш удаляющийся глайдер закрутило, небо и океан замелькали, словно в калейдоскопе. Кресло сжало меня как в тисках, завернуло в кокон, оставив на поверхности лишь лицо. Правая молния погасла, исполинский экран задрожал и исчез.
Локальный тактик Дилан и комендант Маргарита сделали все, чтобы исправить свои ошибки.
– Куда мы направляемся, мастер Макс? – спросил Вик.
Глайдер выправился, продолжая подниматься в ночное небо. Далеко внизу полыхали на воде обломки дирижабля, над ними раскачивались на белых куполах спасательные капсулы.
– Не знаю, Вик, – ответил я.

– Тогда я буду держать курс к острову Мидри, – решил Вик. – Это всего шестьсот двадцать три километра. Я там однажды был, там красиво.
– Хорошо, Вик, – сказал я. – Давай на Мидри. Я люблю острова.
– Мастер Макс, я могу задать вопрос?
– Да.
– Вы и правда знаете моего отца?
Я посмотрел на стражу. Лицо Вика было закрыто шлемом, который служил и панелью управления, и дисплеем.
– Да, Викентий. Знал.
– Он умер? – спросил Вик, помолчав.
– Погиб. Мы сражались со слугами Прежних. Это такие существа, вроде людей, но мерзкие и бесчувственные.
– Я знаю, кто такие Слуги, мастер Макс.
Вик замолчал.
– Зови меня Максим, – попросил я. – Мастером тонких биохимических наук был Джагерд. А я буду звать тебя Викентием. Это твое настоящее имя.
– Смешное, – ответил Викентий, помедлив. – Словно я человеческий мальчик.
– Ты и есть человеческий мальчик, – сказал я. – Твой отец хотел, чтобы ты им снова стал. И мы постараемся, чтобы так и было.
– Почему он погиб? – спросил Вик.
– Выполнял задание Прежнего. Тот обещал в награду вернуть тебя на Землю.
– Я его немного помню, – сказал Вик. – Когда Гнездо лечит, то вспоминаешь даже то, что видел совсем маленьким. Я помню, как он смотрел на меня и плакал. И как ругался с врачами. И с мамой. Можно, мы теперь помолчим, мастер Макс?
– Максим.
– Заткнись, Максим?
Почему-то я улыбнулся.
Да, Викентий родился десять лет назад, к тому же неизлечимо больным. Но его исцелило Изменение, он стал стражей, принял информацию от Гнезда и Форта, он воевал. Он давно уже не ребенок.
И, в общем, это хорошо, потому что ребенок бы таких испытаний не выдержал.
Мне и впрямь стоило заткнуться.
* * *
Остров оказался большим.
Я смутно помнил карту планеты: три материка, все в одном полушарии (с этим были связаны какие-то климатические особенности, обозначенные как «шквальный ливень»), и несколько больших островов между ними. Мидри был самым крупным. Ну, не как Гренландия на Земле, но уж точно не меньше Кубы или Сахалина. В общем, когда мы заходили на посадку, ощущения острова не возникало.
Глайдер приземлился на рассвете. Вик спросил, надо ли нам скрываться от тэни, я сказал, что в этом нет необходимости.
Так что глайдер сел на местном аэродроме, куда, наверное, должны были сегодня прилететь «Крылья ветра». Во всяком случае, я заметил причальные вышки, а на краю поля, опустившись на бетонные плиты, стоял еще один исполинский металлический дирижабль, судя по всему, грузовой. Были и самолеты, небольшие, похожие на бипланы времен Второй мировой войны. Авиация у тэни развивалась не так, как у нас.
– Куда мы пойдем, Максим? – спросил Вик.
Мы приземлились на клочке взлетного поля, отгороженном невысокой решеткой. Тут никого не было, здания аэропорта стояли в стороне, и к нам никто не спешил. Видимо, этот сектор аэродрома выделили для Измененных и Инсеков (если те, конечно, снисходили до личного визита на планету).
– Мне надо помыться, – сказал я. – И поесть.
Трансформации в боевой режим у меня не произошло, но голод я испытывал чудовищный. А остатки фальшивой плоти Джагерда так и засохли на мне, комбинезон не смог все переработать.
Ко всему прочему, засохшая кровянисто-серая дрянь еще и воняла, будто блевотина.
– Да, вам надо помыться, – сдержанно согласился Вик. Отошел в сторону, открыл лючок, врезанный в бетонные плиты аэродрома. Достал оттуда черный гофрированный шланг со сверкающим медным наконечником. – Но куда мы пойдем?
К мытью, судя по всему, Измененные относились крайне утилитарно. Я встал, раскинув руки, и Вик принялся поливать меня из брандспойта, которым в обычное время мыли глайдеры.

Тугая холодная струя стегала меня по бокам, я смывал с комбинезона клочья собственного тела, потом расстегнул комбинезон и пустил воду под него. Плащ если и запачкался, то ухитрился очиститься сам.
Блин, как же приятно, когда у тебя снова целых пять пальцев на руке и всего два соска на груди!
– Здесь есть Измененные? – спросил я.
– Маленький пост в городе, – ответил Вик. – Там трое или четверо. Просто так, для порядка. Тэни не бунтуют.
Ага, не бунтуют… просто они это делают с умом…
Я вспомнил Амонда и ученых. Надеюсь, они все-таки выжили. Особенно мне было жалко адъюнкт-профессора Нарсби – мало того, что в патриархальном обществе тэни ей было нелегко достигнуть своего положения, так еще и в экспериментах она дважды испытала бурю чужих эмоций, а смысла так и не получила.
– Не знаю, куда нам идти, Викентий, – признался я. – Куда бы пошел ты?
Вик серьезно обдумал мой вопрос, продолжая поливать меня из брандспойта. Потом закрутил вентиль, аккуратно убрал шланг обратно в лючок. Сказал:
– Локальный тактик Ди говорил про тайный заговор против Инсеков. Что он член Сопротивления. Он говорил, мы должны бороться за свои права, требовать, чтобы после двадцати пяти лет службы нас отпускали на Землю и возвращали человеческий облик.
…Немногого же они хотели от Инсеков…
– Ди говорил, что комендант Мар – из Сопротивления. Что мы прячем кристалл по ее заданию. Но это неправда, верно?
– Он ошибался, – кивнул я. – Может быть, Мар и была из Сопротивления, но она еще и на Прежних работала.
– Я правильно понял, – обрадовался Вик. – Тогда я не знаю. Мы прячемся от Инсеков? От Сопротивления? От Прежних? Или ни от кого не прячемся?
Я, как мог, отжал волосы и стряхнул воду с комбинезона. Потопал ногами на месте. Штанины слегка раздулись, сквозь подошвы струилась мутная грязная жидкость. Сказал:
– Викентий, кристалл, который мне отдал Ди, – даже бóльшая ценность, чем все думали.
– Да? – удивился Вик.
– Без бэ, – задумчиво подтвердил я. – Вот только чем нам это поможет, не знаю.
– Ты можешь его растворить и уколоться?
Меня даже передернуло.
– Наверное. Да, могу, я помню процедуру. Только не уверен, что стоит это делать… Пошли, а то смытая грязь начинает мне казаться очень аппетитной.
– Фу, – сказал Вик. Подошел к глайдеру, прикрыл люки, похлопал по броне. – Хорошая машина. На десантном мы бы не вышли из зоны поражения.
Мы двинулись к зданиям аэродрома. Брать с собой нам было нечего. Из вещей у меня остался только контейнер с прозрачным кристаллом… если, конечно, Ди не соврал напоследок и действительно отдал его мне.
Я подумал, что даже не хочу проверять. Вначале мне надо убедиться кое в чем другом. Впрочем, если догадка тактика верна, то лучше бы этого кристалла не было. Он совсем уж менял весь расклад!
– Максим, на что похож смысл, который ты получил? – спросил Вик. – Это как читать мысли?
– Нет, как понимать людей, – ответил я.
– И меня тоже?
Я глянул на него. Покачал головой.
– Нет, Викентий. Стражи слишком другие. Работает на тех, кто ближе к человеческой форме.
– Это хорошо… – вздохнул Вик. – Тут вкусная еда и много кафе. Зайдем в ближайшее, я тоже хочу есть.
– Мой чекер остался на дирижабле, – вспомнил я. – Платить нечем.
– Кто на этой планете станет требовать плату с Измененных? – удивился Вик и даже покачал головой.
Я еще раз подумал, что нельзя относиться к нему, как к ребенку.

Глава восьмая

Даже во время Великой Отечественной оккупанты расплачивались с местным населением. Были для этого какие-то «оккупационные рейхсмарки», которые ничего, конечно, не стоили. Инсеки такой ерундой не озабочивались. Им нужны были только кристаллы с их смыслами, гарнизоны на планетах либо воевали и брали то, что хотели, либо были слишком маленькими, чтобы серьезно нагружать местную экономику. Измененным централизованно выдавали местную валюту, а если ее не хватало – те просто брали, не оплачивая, а правительство компенсировало убытки.
Разумно, хотя, наверное, обидно.
Мы вышли из аэропорта и доехали до центра города. На обычном автобусе, вместе с тэни. Нас вежливо игнорировали, хотя и поглядывали с любопытством. Ну а что еще могли сделать местные? Стражи внушали страх, а наказание за их убийство было неотвратимым и жестоким. Куда больший интерес вызывал я, слишком странно выглядевший для Измененного.
Наверняка потом местная служба безопасности опросит всех местных, сделает портреты, может быть, кто-то и сфотографировать меня исхитрился – я не следил. И попаду я в каталоги где-нибудь рядом с тактиками и комендантами, как еще одна затейливая и редкая форма захватчиков.
Вряд ли тэни знают, как на самом деле выглядят люди, из которых и Прежние, и Инсеки лепят своих солдат.
Мы вошли в первый попавшийся ресторан, располагавшийся в старинном и красивом здании. Явно дорогой и популярный, судя по обстановке: очень много полированного дерева, меди и бронзы, причудливых светильников и живых цветов. Столовые приборы, вполне земные на вид, были из серебристого металла – то ли серебро, то ли, судя по весу и твердости, что-то еще более ценное, вроде платины. Похоже, что ресторан тут очень давно и успел стать респектабельным.
Несмотря на ранний час, здесь было немало посетителей. Тэни завтракали, пили свои местные напитки, заменявшие им чай и кофе, читали газеты.
Наше появление вызвало заметное напряжение. С ближайших столиков тэни пересели подальше. Несколько посетителей даже бросили газеты, расплатились и вышли. Но большинство осталось. Очевидной угрозы от Измененных все же не исходило, а наше появление было редким шоу.
Это я понял и по поведению официантки. Девушка (блин, как перестать смотреть на почти обнаженные груди?) подошла с искренней улыбкой. Я прочитал ее почти автоматически, смысл во мне окреп и обжился.
Она была молода, не замужем, обожала сплетничать, считала Измененных восхитительно некрасивыми, наш визит для нее стал чудесным поводом оказаться в центре внимания всех подруг и друзей.
– Мы рады принять гостей со звезд, – сказала девушка. – Администратор распорядился предоставить все требуемое бесплатно, как знак нашего внимания и уважения.
Нет, правда, что ли? Я уставился на нее.
Девушка говорила абсолютно искренне. При всей чуждости Измененных, она враждебности не испытывала, а тех, кто нас ругал, считала закоснелыми в предрассудках старыми дураками. Молодежь, оказывается, Измененным симпатизировала и даже завидовала…
Хотя чему я удивляюсь?
Это высоколобые ученые и политики знают, что оккупация Инсеками точно так же держит их мир «на тормозе», как и оккупация Прежними. А для основной массы граждан Инсеки и Измененные – куда более приемлемы. Даже с эстетической точки зрения: Прежние использовали странные, уродливые формы, Инсеки оставили Измененным больше человеческого.
Вик сделал заказ, я подтверждающе мотнул головой и добавил:
– Только мне все в двойном размере!
Минут через пять завтракающие тэни перестали на нас пялиться и вернулись к еде.
Событие было хоть и редкое, но и не исключительное. Принесли и наш завтрак.
Боюсь, что ел я не слишком культурно, жадно и быстро. Проглотил две порции яичницы, очень похожей на земную, – то, что яйца были от рептилий, на вкусе никак не отразилось. Съел гору тонко нарезанного мяса, не то копченого, не то вяленого. Что-то вроде жесткого пресного хлеба, что-то, напоминающее паштет или хумус, что-то, похожее на пахнущих йодом и солью моллюсков, которых уже кто-то прожевал, а потом выплюнул на тарелку… Я и это съел. Густой желтый сок мне не понравился, он был одновременно соленый и сладкий, но я выпил два стакана.

Только горячий напиток, в котором плавали не то крошечные червячки, не то какие-то белесые проростки, я пить не стал, попросил чистой воды.
Воду в высоких хрустальных бокалах вынесла не дружелюбная официантка, а дряхлый дедок – почти лысый, морщинистый, полный. У него и одежда отличалась – видимо, очень старомодная. И смотрел он, щурясь, – наверное, зрение подводило.
Кстати, я никого здесь не видел в очках. Неужели эта простая идея была одним из похищенных смыслов? Да вряд ли, похоже, просто у тэни от природы хорошее зрение…
Но меня старикан разглядел, лишь подойдя к столу. Лицо у него едва заметно дрогнуло, но я понял, что он испуган, растерян и полон неприятных воспоминаний.
– Извините, – остановил я его, когда он поставил бокалы – слегка подрагивающими руками. – Мне кажется, вы видели кого-то, похожего на меня. Верно?
Старик размышлял. Ему и хотелось об этом поговорить, и он боялся разговора… но все-таки любопытство перевесило.
– Это было давно, уважаемый гость. Очень давно… – Он отводил глаза и топтался на месте. – Не вас, хотя мне показалось…
– Присядьте с нами, – попросил я, тронув его за рукав. – Только разговор! Никаких последствий… честная сделка!
Я коснулся рукой своего лба.
– Честная сделка… – Старик едва заметно улыбнулся. – Времена изменились, честные сделки все менее честные…
Он сел на свободный стул. Я подвинул ему один стакан воды, и он с благодарностью отпил. Сказал:
– Я немного испугался. Это было давно… еще при ваших врагах…
– Прежних?
Тэни не понял, но кивнул:
– Да, тех, что явились до Инсеков. Их солдаты были мерзкие. И сами они были жестоки. Даже когда наступил мир, казалось, что они все время сдерживаются, чтобы нас не растерзать…
Да, речь явно шла о Прежних.
– Сейчас я хозяин этого ресторана, – сказал старик. – Тогда им владел мой дед. А я был почти ребенком. Работал здесь, как сейчас моя правнучка… Однажды зашел… такой, как вы. Без монстров. Он все время улыбался.
– Это был другой, – зачем-то повторил я. Ничего хорошего о Прежнем, который улыбался, я не ожидал услышать.
– Не вы, – подтвердил старик. – Но похож внешне. Он сел и попросил что-нибудь особенное. Мы подали лучшие блюда, он попробовал. Кажется, ему понравилось. А еще ему понравилась моя сестра, она тоже работала здесь.
Я кивнул. Я уже все понял.
– Он взял ее за руку и стал что-то говорить, – произнес старик. – Не знаю… самые обычные слова. Про близость всех разумных существ и про то, что ее вид приятен для его глаз. И стал ее раздевать, прямо в зале, никого не стесняясь. А она не сопротивлялась и улыбалась, хотя у нее даже не было еще мужчин… Вы не такой?
– Нет, – прошептал я. – Нет, я не такой.
– Мой отец подошел и ударил его большим ножом. Отсек ему голову. Отец словно с ума сошел. А тот даже внимания на него обращал, хотя отец шел с ножом через зал, и все это видели. Упал… было много крови.
Старик снова выпил воды.
– А потом он снова вошел в зал, – продолжил старик. – Один лежал без головы, другой вошел. И это был один и тот же, я уверен. Он подошел к отцу, забрал у него нож и сделал рукой так… – Старик потряс в воздухе рукой, грозя кому-то невидимому пальцем. У тэни такого жеста не было.
– И что было дальше? – спросил я.
– Он раздел мою сестру и занимался с ней сексом. Долго. Рядом со своим трупом. Мой отец больше не стал подходить. Потом он заплатил за еду, только за еду, и ушел. Смеясь.
– Никого не убил? – спросил я растерянно.
– Никого, – старик посмотрел на меня, и я почувствовал его ужас и боль. – Знаете, мы ждали, что он нас всех убьет! За то, что противились, за то, что один раз его убили. А он… он показал нам, что это бесполезно. Что это такая мелочь, даже недостойная наказания. Их монстры убивали тех, кто сопротивлялся, тех, кто убивал их. Но это понятно, это война! Но для него происходящее не было войной, не было смертью. Мы узнали, что мы как пыль, понимаете?

– Понимаю, – сказал я. Вспомнил, как в Гнезде полковник Лихачев стрелял в Прежнего из пулемета. – Я не такой.
– Вижу, – ответил старик. – Извините, что подумал… что сравнил вас.
Он встал и ушел, унося бокал, из которого пил. Потом девушка (видимо, его правнучка?) принесла новый. Она заметно притихла – может быть, услышала рассказ, а может быть, знала эту историю (да и как не знать?) и поняла, о чем речь.
Я хотел спросить, что случилось потом с сестрой старика и ее отцом. Но не стал, конечно, спрашивать. Надеюсь, они смогли с этим жить.
Может быть, эта жуткая история добавила ресторану популярности? Все-таки тэни были хорошими торговцами и умели извлекать выгоду даже из трагедии.
– Прежний был в хорошем настроении, – заметил Вик. – Мог уничтожить весь город. Из-за секса всякие глупости делаются.
– Это была не глупость и не доброта, Вик, – ответил я. – Думаю, он все рассчитал. Одно дело убийство, даже жестокое, после него появляется желание мстить. А вот когда тебе показывают, что ты пыль под ногами…
– Может быть, – согласился Вик, чуть подумав. – Прежние очень плохие. Наш долг бороться с ними.
– Вам рассказывают такие истории, верно? – спросил я. – Чтобы вы их ненавидели.
– И чтобы хотели искупить свою вину. Ведь мы и Прежние – одинаковы.
Я помотал головой.
– Нет, Вик. Может, они наши предки, а может, параллельная ветвь человечества… или часть людей в таких превращается, а часть не может…
– Не понимаю, – признался Вик, почесывая подбородок.
– Да не важно. Даже если бы мы были одинаковы – не существует общей вины и общей ответственности. Люди про них не знали и ничего не могли сделать.
– А может быть, всегда знали? Только не хотели верить. Называли их богами, героями, монстрами. Только не людьми.
Я посмотрел на Вика и сказал:
– Знаешь, ты иногда ведешь себя, как ребенок… только не обижайся. А иногда я понимаю, что ты умнее меня.
– Спасибо! – Он просиял. – Это Гнездо. Оно меня вылечило и сделало умнее. Теперь я стараюсь хорошо думать… Ты еще будешь есть? Я наелся.
– Аналогично, – ответил я, гадая, где происходила много лет назад та сцена… Надеюсь, что не на этом самом месте.
Краем глаза я видел паренька, идущего от дверей через зал в нашу сторону. На Земле я бы такого назвал старшеклассником, но совершенно не в курсе, сколько здесь учатся в школах.
Парень целеустремленно шел к нам.
Я повернулся, посмотрел на него. Юный тэни слегка замедлил шаг, явно напрягся, но все-таки подошел. Спросил:
– Извините, вы Максим?
Прозвучало у него смешно, «мах-сим». И все-таки он назвал мое имя, да еще и полное.
– Да, – сказал я.
– Извините, меня к вам отправили, – он помялся. – Я могу передать послание?
– От кого? – спросил я зачем-то.
– От Продавца.
Блин. Мог бы и сам сообразить!
– Говори.
– Продавец просил передать, чтоб вы к нему зашли. Сказал, что у него есть то, что вам нужно.
Я едва удержался от того, чтобы грязно выругаться. На языке тэни это прозвучало бы крайне странно, у них была в ходу совсем другая брань. В итоге я только и сказал:
– История повторяется. А где этот Продавец?
– В Лавке. Надо выйти из ресторана, повернуть направо и пройти два квартала, потом еще раз направо и сразу увидите, там рядом.
– Спасибо, – поблагодарил я. – Он тебе заплатил за службу?
Парень поколебался, потом сказал:
– Он мне бесплатно фонарь дал!
– Какой фонарь?
– Ну, в луче которого кристаллики светятся, и их легче искать… А на свой кристаллик я купил… то, что хотел, – парень замолчал.
Похоже, Продавцы ни в одном из миров не платили за поручения честно, а давали скидку девайсами, которые помогали искать новые кристаллы.

– Спасибо, – повторил я. И кивнул Вику: – Видишь? Вот мы и узнали, куда нам надо идти.
– Будешь торговать? – спросил Вик деловито. – Это интересно, я люблю смотреть, как торгуют.
– Буду, еще как буду, – улыбнулся я.
* * *
Торговая точка выглядела как на Земле – бесформенная куча, похожая на что-то мягкое и липкое, упавшее с неба. Только на Земле Комки более приплюснутые, а этот оказался высоким, перекрученным и узким. Скорее всего, исходя из эстетических предпочтений тэни – у них высокий магазин считался заслуживающим большего доверия.
Ну и назывался он здесь проще – Лавка.
А в общем все оказалось знакомо. Деревянная дверь, за ней маленький зал, разделенный прилавком, за ним – Продавец, за его спиной – тяжелая штора. Воздух прохладный, свет неяркий и рассеянный, слабый аромат тропических цветов…
– Привет, – сказал я.
Продавец сбросил капюшон.
К моему удивлению, голова была не человеческой и не тэни. Она вообще принадлежала не гуманоиду, а больше всего походила на жабью – большая, с выпученными круглыми глазами и растянутым ртом. Руки тоже оказались нечеловеческие – с широкими короткими пальцами, между которыми тянулись полупрозрачные перепонки.
– Пр-рив-вет, – со странным акцентом, будто дублируя звонкие согласные, сказал Продавец. – М-максим-м. Спасиб-бо, что пр-ришл-ли.
Это звучало неприятнее любого заикания.
– А я думал, вы из тэни, – признался я. На голове Продавца даже кожа походила на жабью, была землисто-серой, влажной и пупырчатой.
– М-мы стар-раем-мся испол-льз-зов-вать ор-рг-ган-нические части м-максим-мал-льн-но д-дол-лг-го, – любезно сказал Продавец. – Это в-веж-жл-лив-вость по отн-ношен-нию к д-дон-нор-ру. Ин-ног-гд-да аб-бор-риг-ген-ны не пр-рием-мл-лют н-никог-го чуж-жог-го, н-но тэн-ни косм-мопол-литичн-ны. В-вас н-не см-мущает акцен-нт?
– Нормально, – сказал я, быстро вспоминая школу. – «Умная голова, разбирай божьи дела!»
– Ум-мн-ная г-гол-лов-ва, р-раз-зб-бир-рай б-бож-жьи д-дел-ла? – Даже на жабьем лице Продавца появилось недоумение.
– Работает! – обрадовался я.
Продавец часто закивал, издавая не то квакающие, не то смеющиеся звуки:
– А! Шутка!
Он замолчал, внимательно глядя на меня.
– Так. Так-так…
Мне показалось, что он пытается построить фразу, не используя звонких согласных, вырывающихся из жабьего рта со столь досадным удвоением. Но, наверное, это было сложно.
Вообще-то Продавцы очень не любят, когда их передразнивают или пытаются ставить условия. Но я был зол. Не на этого Продавца и не на весь их род, а скорее на всю Вселенную.
– В-вам-м письм-мо, – сказал он наконец.
Достал из-под прилавка и протянул мне конверт.
На планете психованных лавли Продавец от души надо мной поиздевался, выдав мятый конверт и клочок туалетной бумаги для письма.
С Прежними, при всех их конфликтах, Продавцы так себя вести не рисковали. Этот конверт был чистый, из плотной бумаги, с небрежно наклеенной на самый край маркой – почему-то иностранной, древней, багрово-красной, с едва угадываемым силуэтом парусной шхуны.
Я постарался открыть конверт аккуратно, хотя несчастную марку все-таки порвал.
Достал лист глянцевой бумаги.
Похоже было, что писали от руки, очень аккуратным, старомодным, каллиграфическим почерком.
«Дорогой Максим!
Мне было премного приятно получить от тебя весточку. Ты смог меня развеселить. Как ты, должно быть, понимаешь, помочь чем-либо я не могу. Ты не в моей юрисдикции. Мы не имеем к тебе никаких претензий, напротив, ты, пускай и невольно, уже неоднократно нам помог. Если тебе удастся вернуться – не будем против.

Что же касается юного отпрыска покойного Виталия, то я не отказываюсь от своих обещаний. Если ты сумеешь его разыскать и убедить вернуться, то Продавцам открыт депозит на оплату его перемещения.
Остаюсь искренне твой, Иван».
Я молча протянул лист Продавцу.
Тот лишь мельком глянул на письмо, даже не опустив головы, а лишь вывернув вниз выпуклые глаза.
– Д-депоз-зит откр-рыт.
Мы оба понимали, что это лишь начало разговора. И оба собирались перед торгом.
– Не хочу я возвращаться, Максим, – сказал Вик. Зрение у Измененных отличное. – Что мне там делать? В Гнезде у дверей стоять?
Я даже отвечать не стал. Стоял и смотрел на Продавца.
– Чем-м в-вы хотите м-мен-ня з-заин-нтер-ресов-вать? – спросил он.
– Сами знаете, – ответил я. – Локальный тактик Ди перед своей гибелью передал мне контейнер.
Комбинезон открылся под рукой, я достал контейнер и положил на прилавок.
– Не в-вер-рю, – сказал Продавец. – В-вы в-вед-дь осоз-зн-наете цен-н-н-ность кр-ристал-л-л-ла.
– Отправьте нас на Землю, – попросил я. – Обоих.
Вик затоптался за спиной.
– Я м-мог-гу отпр-рав-вить стр-раж-жу, есл-ли он-на хочет, – сказал Продавец. – Пер-рем-мещен-ние опл-лачен-но.
– Не она, он, – поправил я. – Свое я оплачу.
Из жабьего рта выстрелил длинный розовый язык, облизнул губы.
– Это кон-нфл-ликт. С Ин-нсекам-ми. С Пр-реж-жним-ми. Есл-ли м-мы з-заб-бер-рем-м укр-рад-ден-н-н-ный кр-ристал-л-л-л…
«Украденный кристалл» далось ему особенно тяжело.
– Кто сказал, что я собираюсь вам его отдать? – спросил я с наигранным удивлением.
Продавец тихо зашипел. Звук больше подошел бы змее или ящерице.
– Тог-гд-да что ты пр-ред-дл-лаг-гаешь?
– Посмотреть на него, – сказал я и улыбнулся. – Только посмотреть. Тебе ведь очень этого хочется.
– Ум-мн-ный? – спросил Продавец после паузы. – Как ты пон-нял-л?
– Вы бы никогда его не отдали, если могли бы использовать сами, – сказал я. – Вы бы на все наплевали и на всех. Не сообщали бы о кристалле, никогда. К тому же вы наверняка знали, что Мар работает на Прежних и на Сопротивление. Вы не могли взять кристалл, но постарались сделать так, чтобы началась заварушка. Едва не столкнули Прежних с Инсеками напрямую.
– М-мы их н-не л-люб-бим-м, – признал Продавец.
– А кто любит? – пожал я плечами. – Ну так что? Полюбуешься бесцветным кристаллом… и ставки поднимутся.
Неожиданно Продавец улыбнулся.
– Ты ум-меешь уб-беж-жд-дать. Д-да, я хочу н-на н-нег-го посм-мотр-реть. Это тр-ретий сл-лучай в из-зв-вестн-ной н-нам-м истор-рии, з-знаешь л-ли… И пр-ро под-дн-нятые став-вки ты пр-рав-в. М-мы б-буд-дем-м н-наб-бл-люд-дать з-за тем-м, что стан-нет пр-роисход-дить д-дал-льше…
– Мало развлечений? – посочувствовал я.
– Н-не пер-рег-гиб-бай, – серьезно сказал Продавец. – Ты кр-райн-не ин-нтер-ресен-н, н-но н-не считай себ-бя цен-нтр-ром-м В-всел-лен-н-н-ной… Показ-зыв-вай!
– Максим… – сказал за спиной Вик.
– Подожди, – отмахнулся я. Взял контейнер под пристальным взглядом Продавца. Потянул за оба конца.
– Он откр-ручив-вается, – сказал Продавец насмешливо.
Я повернул – и контейнер открылся. На мягкой красной подложке лежал в углублении сверкающий прозрачный кристалл.
Продавец смотрел на него несколько секунд. Потом начал мелко хохотать – на горле раздувался мешок, как у квакающей лягушки.
– Это… это кр-ристал-л-л-лический уг-гл-лер-род-д… Тебя над-дул-ли, М-максим-м!
Я смотрел на бриллиант в полном остолбенении.
Как?
Ди обманул меня? Нет, я же чувствовал его, он все понимал, он не должен был… Он сказал, что кристалл у него…
Нет.

Ди сказал: «Кристалл у нас».
– Максим… – виновато произнес Вик. – Вот…
У него даже контейнера не было, бесценный кристалл лежал просто в кармашке комбинезона. Викентий шагнул вперед и вытянул широченную ладонь.
Он не сверкал, как бриллиант. Он не светился.
Это был просто-напросто прозрачный шарик размером с крупную вишню.
От него нельзя было оторвать взгляд.
Кристалл втягивал в себя, мгновенно став центром комнаты, фокусом взглядов, единственным значимым элементом мироздания, альфой и омегой.
Ему не нужно было светиться или переливаться.
Викентий сжал ладонь, скрывая кристалл, и я понял, что стоял не дыша. Кажется, как и Продавец, – у того глаза выкатились еще больше.
– Долго нельзя смотреть, – наставительно произнес Вик. – Плохо становится.
– Я бы хотел его поглотить и умереть, – неожиданно четко сказал Продавец. – Но это не мое…
Он посмотрел на меня и кивнул.
– Ваш трансфер на Землю оплачен.
Придуривался он, что ли, со своим заиканием?
Или его так пробило с одного лишь созерцания кристалла?
Я протянул руку, и Вик отдал прозрачный кристалл. Как мне показалось, с облегчением.

Глава девятая

Продавец не таился. Отдернул штору, за ней стоял такой же прозрачный куб, как тот, что я видел на Земле. Вместо кушетки, впрочем, оказалось кресло причудливой формы, похожее на косо срезанную половину огромного яйца.
Что он в нем вообще делает? Сидит, выставив перед собой металлические ноги-штыри, если нет клиентов? Книжки читает? Медитирует? Усаживает особо важных гостей, которые допущены за занавес?
Зачем вообще кровати и кресла киборгам? Не знаю.
– Наш способ перемещения отличается от используемого Прежними и Инсеками, – сказал Продавец. Помолчал. – Мы создаем копию перемещаемого объекта и воссоздаем ее в новой точке пространства.
– А что произойдет со мной? – спросил я.
– Вы будете воссозданы в новой точке пространства, – терпеливо повторил Продавец.
– Ну а тот я, который здесь…
– Вы будете разобраны на фермионы и бозоны. Это такие кирпичики, из которых построена материя.
Я помедлил, прежде чем сказать:
– Это звучит не очень хорошо. Словно я умру.
– В каком-то смысле, – согласился Продавец. – Но не беспокойтесь, вы не почувствуете боли. Скорее всего, вы даже не ощутите прерывания вашего существования.
Я колебался.
– Мы сами путешествуем именно так, – добавил Продавец.
– Ваш вид и поведение совершенно точно не служат рекламой таких путешествий… – пробормотал я.
Продавец рассмеялся квакающим смехом и похлопал в ладоши.
– Но все-таки… – Я замолчал. – Один я умру. Другой я появляюсь на Земле. Так?
– Точно так же вы умираете каждый вечер, засыпая, – сказал Продавец.
– А кристалл?
– Будет при вас.
– И у вас останется моя копия, – сказал я. – И копия кристалла. Так?
– Вы осторожны, – кивнул Продавец. – У нас будет копия. Но если мы попытаемся ее дублировать, то получим безмысленное шевелящееся тело и прозрачный органический кристалл. Разум не дублируется, Максим. Смыслы тоже. Это все упростило бы, поверьте, и для людей, и для тех, кто стремится к сингулярности… Но это невозможно.
Я подумал, что это немного успокаивает. Будто мы действительно уснем и проснемся на Земле.
– Наверно, поочередно, – сказал я, глядя на куб. – Или заберемся вместе, Викентий?
Вик положил тяжелую руку мне на плечо.

– Максим… Не обижайся.
Я понял. Но не хотел соглашаться. Замотал головой, глядя на него.
– Викентий, ты вернешься на Землю. Ты станешь человеком!
– Я же не деревянный Пиноккио, мечтающий стать живым мальчиком, – рассудительно сказал Вик. – Когда-то я был мальчиком, больным, я даже думать толком не умел. А потом меня отдали в Гнездо. И мальчик исчез навсегда. Я – Измененный. Я стража. Я жил в Гнезде, учился на Саельме, попал сюда и скрывался вместе с Ди. Меня учили, а у нас учат не так, как в школе. В мыслях моих я старше, чем ты, Максим.
– Но твой отец…
– Мне очень жалко, что он погиб, – сказал Вик. – На самом деле мой отец был хороший, он плакал, глядя на меня. Знаешь, будь он жив, я бы вернулся. Чтобы его порадовать.
Он осторожно, неуверенно улыбнулся.
– Стал бы мальчиком, ходил в школу. Учился только на пятерки. Чтоб он был рад. Только я бы притворялся, Максим. Может быть, я вернусь, может быть, даже стану человеком. Но не так. Не сейчас.
– И что станешь делать? – спросил я. – Ты ведь мятежник!
– Я стража, – ответил Вик. – Я выполнял приказы локального тактика. Потом – коменданта. У меня не было права не подчиниться. Ты уйдешь, а я приду на пост. Сдамся и все расскажу.
– Тебя накажут…
– Как? Пошлют на войну? Я для этого создан. Посадят в тюрьму? Даже не знаю, есть ли у нас тюрьмы.
Он был прав, наверное. Я стоял, пытался подобрать какие-то доводы, чтоб они его убедили. А потом понял, что ищу доводы, которые убедят меня самого.
Это ведь было странно и неправильно: встретить сына Виталия в чужом мире, случайно найти его среди десятков миллионов Измененных…
И узнать, что он не нуждается в спасении.
Или, быть может, как раз это и было правильным? Убедиться, что не всех и не всегда надо спасать. Не держать в памяти груз незаконченного дела. Понять, что у каждого своя судьба.
– Я рад, что ты живой, Вик, – сказал я. – Может быть, мы еще увидимся?
– Может быть, – согласился он. – Не переживай за меня.
Я обнял Викентия. Он был на голову меня выше, одновременно ребенок и тренированный солдат, он видел смысл своей жизни… а я? Кем я был на самом-то деле, помимо фермионов и бозонов, из которых состоит вещество моего тела? В чем заключался мой смысл?
Мне казалось, что я это понимаю.
Но этот смысл лежал очень далеко от смысла Вика.
Нам действительно было не по пути.
– Удачи тебе, парень, – сказал я.
– Очень трогательно, – произнес Продавец. – Но я попрошу вас поторопиться. Возле Лавки уже собралась маленькая очередь, а работа не ждет.
Я кивнул и подошел к кубу. Спросил:
– Не надо раздеваться?
– Только если вам приятнее путешествовать нагишом, – ответил Продавец. – Не беспокойтесь. Уж если мы не перепутаем ни единый нейрон в вашем мозге, то комбинезон от кожи как-нибудь отличим. Верно?
Я вздохнул и, зачем-то пригнувшись, шагнул в прозрачный куб. Да, конечно, мы бы вполне поместились здесь с Викентием…
– Ты точно остаешься? – спросил я.
Вместо ответа он поднял руку, прощаясь со мной.
Присев на пол стеклянного куба, будто бегун в стойке перед стартом, я посмотрел на Продавца. Попросил:
– Может быть, вы посчитаете? От пяти до одного? Чтобы я понимал, когда…
Продавец закрыл дверцу куба (никаких петель, конечно, просто стекло гнулось по ребру), края дверцы словно бы срослись со стенками.
– Как хотите, – сказал Продавец. Голос его теперь раздавался глухо. Никакого дурацкого акцента-заикания, значит, и впрямь дурака валял, бидон на ножках. – Мне не сложно. Пять…
Я понял, что никаких пультов, кнопок, рычагов ему не требуется. И правда, зачем? Он же киборг, сам себе компьютер. Подумал – и сделал.
– Четыре…

Я закрыл глаза.
– Три…
Удар! Толчок в подошвы, подбросивший меня вверх.
Боль в затылке и спине.
Это называется «вы ничего не почувствуете»?
Я привстал, мотая головой и озираясь.
Лавка Продавца пылала.
Часть крыши и одна стена исчезли, будто срезанные наискось гигантским лезвием. Продавец слабо шевелился на полу, заваленный обломками стены, похожими на осколки разбитой керамики. Порванная одежда была запачкана густой синей жидкостью. Он медленно поднимался, раздвигая части стены удлинившимися руками, голова свернута набок и, кажется, сплющена. Стеклянный куб уцелел, но его присыпало мелкой сероватой крошкой.
Вик стоял рядом, дергая стеклянную дверь куба. То ли он был настороже и успел среагировать, то ли страже просто повезло.
Я ударил по стеклу изнутри – и дверь распахнулась. Озираясь, я вышел из куба.
– Уходим! – Вик схватил меня за руку.
В ушах звенело, я едва слышал его голос. Вряд ли сотрясение, но все же удар по Лавке даром для меня не прошел…
Вырвав руку, я подскочил к Продавцу. Тот, запрокинув голову, смотрел в небо. Лицо его было расплющено и скособочено, один глаз лопнул и вытек на щеку комком слизистой массы.
– Что происходит? – крикнул я.
– Орбитальная атака, – спокойно и чисто ответил Продавец. – Я не успел вас перенести. Это тело скоро откажет и войдет в цикл пересборки. Спасайтесь.
– Кто атаковал?
Продавец с трудом повернулся ко мне, подмигнул уцелевшим глазом:
– Три десантных корабля Прежних вышли на орбиту. Я думаю, что вы явились… явились… явились причи… причиной…
Он будто подвисал прямо посреди разговора.
– Как вам помочь? – спросил я.
– Спасайтесь, – повторил Продавец. – Я архи… архи… архивируюсь.
Медленно опустившись (похоже было, что ноги-штыри втянулись в цилиндрическое тело), он застыл посреди развалин грудой хлама.
– Макс!
Вик потряс меня за плечо.
– Сейчас… – Я все еще никак не мог поверить в случившееся. Мысленно я был уже на Земле. Выбирался из такого же ящика в Комке, готовился идти домой или в Гнездо…
– Макс!
Вик буквально вытащил меня из руин Лавки. Теперь, срезанная наполовину, она почему-то походила на разрушенную бомбардировкой церковь.
Но на город упали не бомбы. По нему полоснули из лучевого оружия. По Лавке били прицельно, скорее всего, ставя целью ее разрушить, но не уничтожить. Но повсюду вокруг поднимались столбы дыма и пыли – ударов было много.
– Атаковали от горизонта, – сказал Вик. – Если там три корабля, то высадится до полутора тысяч десантных форм. Круто!
Странное дело, произошедшее привело его в восторг! Наверное, Измененные так уж устроены, что стремятся в бой.
– На посту не больше пяти единиц стражи, – произнес он. – Общий гарнизон планеты чуть меньше тысячи.
– Вы справитесь? – спросил я.
– Должны, – помедлив секунду, решил Вик. – Обороняться всегда проще.
В это мгновение где-то далеко, над самым горизонтом, полыхнуло.
Небо здесь голубое, как на Земле. А вспышка была ослепительно-алой точкой, раскидавшей в разные стороны острые лучи – и угасшей. Осталось лишь темное дымное пятнышко, оседающее вниз.
– Два корабля, тысяча десанта, – сказал Вик. – Повезло. Теперь справимся.
Я понимал, о чем он. Ни Инсеки, ни Прежние не сражались в глубинах космоса, как это бывает в фантастических фильмах. Космос слишком велик, чтобы пытаться перехватить врага вдали от планеты. Именно поэтому на Земле удалась атака Инсеков, замаскировавших корабли под пролетающий мимо Солнца межзвездный астероид. Обычно обе стороны открывали рядом с планетой проход в пространстве, наподобие того, в который чуть не угодил дирижабль «Крылья ветра». Через него шли глайдеры

или грузовые корабли, после чего высаживался десант. Атаковать планету ядерным или лучевым оружием было слишком близко к геноциду и, значит, смертельно опасно, сбивать корабли с поверхности планеты – тоже. Неудачно сбитый корабль способен разрушить половину континента.
Все и всегда решает пехота, все самое главное происходит на поле боя. Наемники из других миров. Измененные люди. Боевая техника и биомеханизмы. Сами Прежние и Инсеки – как последний решающий довод.
Так что разрушенный в атмосфере десантный корабль – это удача для Инсеков.
Я наконец-то услышал крики. Звон в ушах не стихал, но сознание как-то научилось его не замечать. Кричали тэни – кто-то в панике, а кто-то пытался командовать, звал на помощь.
Вмешаются ли они в конфликт? Станут ли помогать Инсекам в защите планеты?
Я сомневался.
– Идем, идем! – Вик дергал меня за руку. А я смотрел на соседний дом – рубанувший по Лавке луч попутно развалил и его. Ни дыма, ни пыли почти не было, трехэтажное здание сложилось аккуратно, почти расплющив нижний этаж. Очень много битого стекла – кажется, тут был магазин с большими витринами, валялись разноцветные тряпки, то ли одежда, то ли постельное белье. Из-под рухнувшей стены торчали ноги, тонкие – или женские, или детские, и подтекала кровь.
Я понял, что спасать придавленного тэни уже поздно.
– Пять минут до высадки! – крикнул Вик. – Надо к нашим! На пост!
Я сдался и кивнул.
* * *
Пост оказался близко, мы успели до высадки. Но поста уже не существовало. Выжженный сад с черными дымящимися пеньками вместо деревьев, воронка с перемолотым в труху зданием, даже не понять теперь, из чего оно было построено – камень или кирпич. Похоже, особняк был немаленький, но накрыли его предельно аккуратно, не разрушив соседних зданий. В них даже окна не выбило, только чуть припорошило пеплом.
На краю воронки стояла старшая стража с пистолетом в одной руке и здоровенной холщовой сумкой в другой. Стояла и смотрела в воронку, будто надеялась, что оттуда кто-то выберется.
– Стража! – крикнул я.
Стража медленно повернулась. Посмотрела на нас безразличным взглядом.
– Я ходила на рынок, – сказала она.
Из туго набитой сумки выглядывали разноцветные фрукты: что-то вроде яблок, что-то наподобие винограда. Я никогда еще не видел стражи в таком шоковом состоянии. Сочетание двухметрового роста, неподвижного нечеловеческого лица, пистолета и сумки с фруктами было жутким.
– Соберись, – попросил я.
– Тут была По, – сказала стража и вновь посмотрела в воронку. – Еще Ти и Ту. Я – Ло, старшая стража. Тут была По.
– Макс, – сказал я. – Это Вик. Мы пришли помочь.
– Тут была По, – снова повторила стража. – Я хотела сделать ей сюрприз.
Очень грустно и трогательно. Вот только сейчас на город обрушится десант Прежних.
Я вздохнул и потянулся внутрь – к скрытой силе второго Призыва, к силе Защитника.
…Все равно, что на живую оперировать самого себя, я ведь помнил, какая будет боль.
Но нас осталось трое, вокруг паниковали ничего не понимающие беспомощные аборигены, а в город сейчас высадится тысяча чужих Измененных.
И боль пришла.
Я ведь не просто выращивал новые органы – менялась каждая клетка тела. Как гусеница, закуклившись, растворяется в питательную жижу, из которой вырастает бабочка, я убивал себя и возрождался в новом теле. Только у меня даже кокона не было, ничего, кроме собственной кожи, под которой кипело Изменение.
Вырвав сумку из руки стражи, я сожрал фрукты вместе с тканью. Сумка показалась мне вкуснее.
В этот раз я не потерял сознания, хотя временами мир вокруг плыл и туманился. А вы пробовали разобрать легковую машину, несущуюся по трассе, и собрать из нее в движении танк? Чтобы не сбросить ход, а радиоприемник не потерял волну и продолжал играть рок-н-ролл?
Старшая стража Ло отступила, едва не упав в воронку.
Я посмотрел вверх – и увидел корабли Прежних. Они шли очень низко, метров сто от земли, уже тормозя и зависая. Никаких видимых двигателей, никаких винтов, турбин,

дюз. Два диска диаметром шестьдесят с небольшим метров, в нижней части по центру выпирает полусфера с рассыпанными по ней очень горячими точками… оружейный модуль…
В общем – две классические летающие тарелки.
Тэни их не замечали, корабли использовали ту же технологию невидимости, что и уничтожители Прежних. Но я теперь видел иначе.
Какую-то информацию в меня все-таки впихнули, то ли еще на Саельме, то ли это Форт постарался. Я знал, где на кораблях расположены энергетические элементы, где именно откроются десантные люки, где выходят эмиттеры силовых полей.
И стандартную схему зачистки территории для высадки тоже знал.
Корабли опустятся, выжигая под собой площадки. Опустятся медленно, Прежним не нужны лишние жертвы. Но они, конечно, все равно будут. Где-то метрах в десяти над поверхностью люки растворятся и десант спрыгнет. Первыми пойдут невидимые уничтожители, скорее разведка, чем серьезная сила. Потом бойцы и панцеры, с поддержкой из нескольких сирен. Второй волной танцоры и стельщики, третьей – буги и чистильщики…
С двух кораблей.
Будет очень трудно.
Поэтому надо сократить их число еще до высадки.
Я потянулся, расправляя свое новое тело. Посмотрел сверху вниз на Ло и Вика.
Блин, жрать как хочется, не хватает органики для полноценной трансформации…
Ничего, еда сейчас будет.
Я пробежал по выжженному саду, прыгнул – на крышу двухэтажного здания, слегка припорошенную пеплом. Еще несколько скачков, черепица хрустела под ногами, но не успевала сломаться.
Сотня метров, многовато…
Но если очень нужно…
Я прыгнул вверх, и воздух стал плотным и вязким. Оттолкнулся – и побежал над городом по невидимой и несуществующей лестнице.
Как я это делаю-то?
А… понятно…
Нога соскользнула, но снова нашла опору. Я скакал по пустоте, забираясь все выше и выше. Силовые поля вспыхивали и гасли под ногами, давая опору. Плащ развевался за плечами, будто у героя комикса, но не было времени его сбросить.
Оружейный модуль на корабле надо мной вздрогнул и начал разворачиваться – не то автоматика, не то кто-то из боевых биоформ Прежних меня отследил.
Я взмахнул рукой.
Невидимая силовая нить протянулась к кораблю, проломила броню и разнесла на куски излучатель. Полыхнуло – и я ощутил, как умирает танцор, изящная и смертоносная форма Измененных, единственная, что могла поспорить со мной в скорости.
Эта же силовая нить втянула меня в развороченный боевой модуль. Там было жарко и фонило. Танцор лежал в крошечном свободном пространстве, заполненном экранами и периферией излучателей, обгорелый и жалкий. Все шесть его рабочих рук и длинные мускулистые ноги еще подрагивали, но он был уже мертв.
Я оторвал и сожрал кусок его плоти, прежде чем выбить люк внутрь корабля. Три панцера бежали ко мне по узкому коридору – здоровенные, угловатые, будто ожившие пиксельные человечки из компьютерной игры. Когда я появился перед ними, они начали перестраиваться, превращаясь из широкоплечих угловатых человечков в приземистых угловатых черепах.
Закрутившись в смертоносном танце, я распорол их на фрагменты касанием рук – как сделал бы танцор, вздумай он уничтожить своих могучих, но неповоротливых союзников. В панцерах слишком мало органики и слишком много кольцевых силикатов, чтобы имело смысл их поглощать, так что я побежал прямо во второй десантный сектор, где размещались чистильщики и буги. Буги нельзя давать время подготовиться к бою.
Второй Призыв не просто подарил мне силу и скорость, как первый. Сделал Защитником. Второй призыв активировал все известные Изменения.
Мне оставалось лишь выбирать.
И восстанавливать затраты энергии.
Одной органики, кстати, для этого мало.
У спуска на десантную палубу я разорвал обшивку в той точке, где почувствовал поток энергии. Там шел обычный высоковольтный сверхпроводник, я смял его ладонью и

втянул столько электричества, сколько смог поглотить выросшими под кожей батареями.
Потом спрыгнул в трюм, где сбились в комки пять стай чистильщиков, пищащих и вполне обоснованно нервничающих. За ними, у самых стен, колыхались смутные серые силуэты, ушедшие по пути Изменения еще дальше. Буги! К счастью, не успевшие выбрать себе формы.
– Вы плохо себя вели, – сказал я, хоть и понимал, что они не успеют меня услышать.
Поднял руку, окутанную синими искрами разрядов, и выжег отсек начисто.
Это было почти что просто.
Но корабль уже заходил на посадку. А дрожь палубы под ногами говорила о том, что на трех уцелевших десантных палубах открываются люки.

Глава десятая

На Земле, отгоняя от Гнезда чужих Измененных, я остановил три сотни стражей. Причем быстро и без смертоубийства.
Но это были свои Измененные, выросшие в Гнездах и повинующиеся Защитнику. Им я мог приказывать.
Те, кого создавали Прежние, меня не слушались.
Удивительное дело: бывшие нашими «родственниками», а то и «родителями» Прежние создавали свои войска совершенно непохожими на людей. Уничтожители, бойцы и панцеры имели по шесть конечностей, танцоры – восемь. Сирены и буги вообще обходились без ног, а чистильщики были коллективным существом.
В то же время Измененные Инсеков, даже монахи и матери, оставались все же человекообразными.
Вот почему так? Может быть, Прежние смелее манипулировали с геномом, создавая биоформы, похожие на насекомых, пауков или, в случае с буги, медуз, а Инсеки боялись испортить исходный материал?
Или же Прежние сознательно создавали свою армию максимально непохожей на людей? Чтобы избежать сожалений, избежать и тени «человеческого» отношения к солдатам?
Как бы там ни было, меня это радовало.
Убивать созданий, непохожих на людей, куда легче.
Я понимал, что они ни в чем не виноваты. Их обратили в монстров насильно, они не были больными и обреченными, согласными на Изменение, как дети в Гнездах. Кто-то из них давно утратил человеческие чувства, стал послушным разумным монстром – например, чистильщики. Но большинство оставались людьми в нечеловеческом облике, уродливыми солдатами галактических войн.
И все-таки то, что они выглядели персонажами фильмов ужасов, отпускало во мне тормоза.
Прежде чем корабль приземлился, я уничтожил бойцов. У них, похоже, был жесткий запрет на использование лучевого оружия внутри корабля – бойцы пытались драться врукопашную и проиграли. Я слегка опасался сирен, оказавшихся в том же отсеке, – они ведь не зря так назывались, их пение завораживало, но на меня оно не подействовало, а брызги ядовитой слизи я нейтрализовал.
Потом корабль приземлился, внутренние переборки открылись, превратив изолированные десантные сектора в круговой коридор и позволив врагам объединиться.
И я удрал.
Как бы ни был силен организм Защитника, но сражаться в одиночку против сотен мутантов, половина из которых имела вживленное оружие, я не мог.
Я выскользнул через один из люков, вдогонку мне неслись выстрелы, один заряд сжег руку до локтя. Я даже не сразу это заметил, была лишь короткая вспышка боли, пораженная часть тела отвалилась, а культя немедленно принялась отрастать новой рукой.
Ввалившись в пустой магазин с выбитыми витринами, я сожрал полприлавка пряных и соленых колбас и долго пил воду прямо из крана. В животе бурлило, будто там работала турбина. Сплюнув, я обнаружил, что моя слюна разъедает стекло.
Как можно настолько изменить живую ткань?
Тут в магазин ворвался танцор – бодрый, быстрый и смертоносный. Это была универсальная форма, благодаря скорости передвижения и реакции танцоры прекрасно

управляли боевой техникой, а в рукопашном бою полосовали противника силовыми лезвиями, пусть и не такими мощными, как встроенные в лапы уничтожителей.
Семь секунд мы сражались с ним среди витрин, прилавков и рассыпавшейся по полу еды. Это был прекрасный танец, который кончился, когда мой противник лишился головы.
А потом я перемещался по еще недавно красивому и мирному городу, играя с врагами в прятки и салочки. Тэни попрятались в дома и подвалы, я лишь несколько раз натыкался на обезумевших аборигенов, блуждающих по пустынным улицам. Десантники на них внимания не обращали. А вот маленькая группа тэни в униформе, вооруженных чем-то вроде короткоствольных автоматов, на моих глазах наткнулась на тройку панцеров и полегла за считаные секунды (успев, однако, уничтожить одну бронированную тварь). Я собрался было отомстить за отважных полицейских, или кем они там были, но за панцерами замелькали буги, и я предпочел уйти.
Довольно быстро я понял, что даже в стычках в меня стараются не стрелять из энергетического оружия. Видимо, и бойцы в корабле не применяли его из опасения сжечь меня дотла, а выстрел вдогонку был, скорее всего, случайным.
Кристалл. Все дело в кристалле.
Что ж, это многое меняло.
Почти час я крался по улицам, затаивался в домах, убегал по крышам. И убивал – при первой же возможности. Когда счет уничтоженным на улицах мутантам перевалил за второй десяток, я оторвался от преследования, забрался в квартиру на верхнем этаже многоквартирного дома, оказавшуюся пустой, нашел кухню и принялся опустошать холодильник. Тот выглядел громоздким и старомодным, но был вместительным и заполненным на совесть.
Я ел все подряд – странное варево, вроде густого супа, прямо из треугольной кастрюли; кислое молоко из стеклянных бутылок (для разнообразия – круглых), сырые овощи и сладкие шарики, похожие на мягкий сыр, смешанный с вареньем.
Я ел, пригибаясь, потолок был низковат, я почти задевал его головой, осторожно поглядывал в окно и размышлял.
Прежние явились за кристаллом, к гадалке не ходи. Они будут ловить меня очень аккуратно, чтобы не уничтожить ценный приз. Прежних много, они умелые солдаты и, в общем-то, шансы на успех у них есть. Моя боевая форма, при всей ее крутизне, имеет ряд недостатков.
Во-первых, я должен постоянно есть. Мой организм сейчас как пылающая топка, куда нужно непрерывно забрасывать горючее. А целый ряд доступных функций требует не белков и углеводов, а энергии в чистом виде – к примеру, электричества.
Холодильник же, между прочим, не работал, тока в розетках не было. Город обесточен, то ли в результате атаки, то ли какой-то умный техник от греха подальше дернул рубильник на электростанции.
Во-вторых, я не могу находиться в состоянии Защитника слишком долго. Я постоянно ощущал позывы преобразиться обратно. Видимо, никакие мутации не могли непрерывно поддерживать живые ткани на таком форсаже.
Все кончится тем, что прямо посреди боя я рухну и начну изменяться. Или мое тело пойдет вразнос и превратится в горку липкой слизи.
В-третьих, у десантников явно имелась какая-то стратегия. Может быть, у них есть оружие, способное меня парализовать? Или уничтожить, не повредив кристалл?
Впрочем, были козыри и на моей стороне.
Во-первых, Вик и Ло (я очень надеялся, что они живы – особенно Вик) не единственные Измененные на планете. Пусть гарнизон тут небольшой, пусть он лишен тактика и коменданта, но тысяча стражей – серьезный противник. Когда они высадятся на острове (а я ждал этого в любую минуту), расклад сил поменяется.
Во-вторых, Инсеки наверняка оповещены о происходящем. Я знал, что обе цивилизации перемещаются между планетами сходным образом. Да, бывали какие-то глобальные перерывы в связи, «отсутствие резонанса», но если смогли напасть Прежние, то и Инсеки придут на помощь своей колонии.
В-третьих, город большой, а тэни, как ни странно, оказались все-таки не робкого десятка. Одного панцера убили на моих глазах, а дважды я натыкался на мертвых десантников, явно уничтоженных из огнестрельного оружия. И сейчас с улицы время от времени раздавались хлопки выстрелов.
Конечно, аборигенам не победить. Но силы захватчиков не бесконечны, и они тают.
Набив живот и почувствовав, что организм немного успокоился, я решил затаиться. Может быть, прямо здесь. Или где-нибудь на окраинах, подальше от местных. Там

найдутся склады, заводы, какие-то другие нежилые строения. Там можно будет передохнуть. Может быть, даже на время вернуться в человеческий облик.
А там посмотрим. Когда придут Измененные или Инсеки, я им помогу. Потом вернусь к Лавке. Если Продавец выжил и восстановился – попрошу отправить меня на Землю. Если погиб – поищу другого. В отличие от Прежних, они на кристалл не претендуют и готовы помочь…
Я прошелся по квартире. Она была довольно большой: кухня, санузел, три просторные комнаты, чулан.
Возле чулана я остановился. Не от неприятных воспоминаний о семье Джагерда. В этой форме мои чувства были куда тоньше, чем человеческие, и я услышал дыхание.
Ну вот какой я молодец!
Кинулся жрать, не проверив, действительно ли один в доме!
Я открыл дверь чулана. И мрачно уставился на прятавшихся там хозяев.
Женщина и ребенок, мальчик-тэни лет пяти. Женщина зажимала ему рот и в ужасе смотрела на меня.
Ну а как еще смотреть на ворвавшееся в дом чудовище ростом до потолка, с алюминиево-матовой, чуть поблескивающей кожей, глазами навыкат и гребнем через вытянутую, острую голову?
– Не надо бояться! – стараясь широко не открывать зубастый рот, сказал я. Поднял руки. – Я не враг! Я Измененный. Я защищаю вас от Прежних!
Женщина чуть расслабилась. Ребенок посмотрел на нее, она успокаивающе кивнула.
– Я сейчас уйду, – продолжал я, отступая от чулана. – Оставайтесь в квартире, на улицах опасно. Хорошо?
– Хорошо… – Кажется, женщина мне поверила.
– Я поел на кухне, – сказал я. – Извините. От боя проснулся аппетит.
– Главное, нас не ешьте, – попросила женщина.
Лишь когда она слабо улыбнулась, я понял, что это шутка.
– Лучше пойду монстров погрызу, – пообещал я. – Будьте в укрытии. Это короткий налет, враги скоро уйдут. А я уже, я уже ухожу…
Ребенок вдруг задергался, вырываясь из рук матери. Сбросил ее ладонь. Уставился на меня и быстро произнес тонким голосом, никак не вязавшимся со смыслом слов:
– Максим Воронцов. Мы знаем, что ты здесь. У нас заложники, мы убиваем одного каждую минуту. Чтобы предотвратить их смерть, ты должен сдаться. Выходи к кораблям и не сопротивляйся!
Выпалив эти слова, ребенок дернулся и заревел. Мать отчаянно прижала его к себе, снова затыкая рот.
Я вдруг понял, что маленький тэни произнес свою речь по-русски.
– Он давно это говорит? – спросил я.
Женщина кивнула. Прошептала:
– Вскоре, как все началось… Я не понимаю, о чем он.
Ребенок дернул головой, снова пискнул:
– Максим Во…
Мать закрыла ему рот ладонью.
– Это пройдет, – сказал я, отступая к дверям. – Наверняка. Это пройдет!
Хотя, немного зная Прежних, я не удивился бы тому, что ребенок (а скорее – все дети в городе) будет произносить эту фразу до глубокой старости.
Как оповестить врага, что он должен сдаться? Телевидения тут вообще нет, радио надо включить, развешивать листовки – долго.
А если превратить часть жителей в живые громкоговорители?
С точки зрения Прежних – очень удобный способ.
То, что враги пытаются меня шантажировать, убивая заложников, было плохо само по себе.
Но еще хуже другое.
Среди них имелся как минимум один Прежний.
* * *
Сквозь замерший, пустынный город я пробирался по крышам. Бежал на четвереньках, временами замирая и пережидая. Выстрелов из огнестрельного оружия больше не слышалось, видимо, редкие очаги сопротивления подавили. Несколько раз я замечал патрули, достаточно многочисленные, чтобы нападать на них было рискованно. В каждом по буги и танцору, а это очень, очень неприятный тандем.
Где же Измененные?

В гарнизоне почти тысяча единиц стражи, это большая сила. У них есть глайдеры для поддержки с воздуха – десант Прежних почему-то техникой пренебрег. Даже каких-нибудь паршивых дронов для воздушной разведки я не увидел.
Так где же Измененные? Почему не отбивают захваченную территорию?
Потом я взобрался на одно из самых больших городских зданий – с высокой тонкой башней, увенчанной узким шпилем. Башня высилась метров на тридцать. Даже не знаю, что это было: городская ратуша, церковь или какое-нибудь учреждение культуры. На крыше я никого не обнаружил, что мне показалось нелепым, все-таки самая удачная позиция для наблюдений. Посадить сюда пару танцоров с дальнобойным вооружением – и можно наблюдать за всем центром.
Но обзорная площадка на башне пустовала, на крытом металлическими пластинами шпиле тоже никого не оказалось. Так что я взобрался на шпиль и, прижимаясь к кровле, огляделся.
Зрение у меня теперь было другим. Стоило сосредоточиться, и мир вокруг начинал меняться. Солнечный свет темнел, зато светились стены домов; в воздухе возникали быстрые призрачные потоки; мир погружался во тьму, в которой синевато мерцали листья деревьев и редкие газоны; брошенные то тут, то там автомобили и автобусы сияли багровым… Я менял диапазоны частот, в которых воспринимал окружающий мир, словно переключал светофильтры в фоторедакторе.
Вначале я понял, почему до сих пор нет Измененных.
Все пространство вокруг, до самого горизонта, в одном из моих новых зрительных диапазонов заполняла серая муть. Она волнами расходилась от одного из кораблей, пульсируя, словно сердце исполинского чудовища. Каждая волна, укатывающаяся вдаль, на миг гасила какие-то вспышки света в застывших машинах и зданиях. Только совсем рядом с кораблями серого сияния не было, иначе генерирующие его механизмы выключили бы сами себя.
Что-то подобное, видимо, использовал Инсек на Селене, защищаясь от Слуг. Серое излучение тормозило работу техники, останавливало в ней все процессы. Глайдеры никак не смогли бы лететь в этой зоне.
Какие-то обрывки знаний, усвоенных на Саельме, все-таки всплыли в памяти. Я не успел досконально изучить этот процесс, но знал, что он называется энергетическим подавлением. Именно из-за него машины и киборги редко использовались в планетарных сражениях.
Для того чтобы помешать врагу быстро добраться до поля боя, энергетическое подавление тоже годилось.
Вот, кстати, и причина, по которой над городом не вьются стаи дронов…
Потом я посмотрел на корабли.
Они выжгли две посадочные площадки, размолов дома и улицы в щебень. Два соприкасающихся пятна, в центре которых застыли диски кораблей, выпустившие короткие посадочные опоры. Я знал, что улететь им не суждено: слишком тяжело будет открыть проходы таких размеров. Это ведь не захват планеты, а короткий пиратский набег. В каждом корабле есть экраны для переходов; когда Прежние захватят добычу – они уйдут, а корабли взорвутся, разнеся полгорода в хлам.
Рядом с кораблями, обхватив руками головы, сидели на корточках тэни.
Да, голос Прежнего, прозвучавший из уст ребенка, не соврал. Они действительно взяли заложников.
Охраняли пленников хорошо. Несколько стай чистильщиков, в непрерывном движении кружащих кольцом. Четыре сирены. Шесть буги, выбравших незнакомую мне форму: исполинских, с меня высотой, морских звезд, передвигавшихся стоя на двух лучах. В центре каждой звезды были небрежно разбросаны глаза, какие-то маленькие щупальца и щерился узкий зубастый рот.
Были и бойцы, и несколько уничтожителей в невидимости.
Прежнего я не замечал.
Если бы до города долетел и третий корабль, площадка с пленными оказалась бы в центре и добраться до нее стало бы совершенно невозможно. Сейчас подход с одной стороны все же был открыт. Тем более, что атакованный мною корабль лишился нижнего боевого модуля, его остатки все еще слегка дымили.
Очень соблазнительная возможность для атаки.
Только плаката с надписью «Добро пожаловать, Максим! Мы очень глупые и здесь можно пройти!» не хватало.
С другой стороны, Прежний мог подумать, что я сочту атаку с этого направления подозрительно легкой… и на самом деле не прикрывать его как следует.
Да, хороший вопрос. Насколько умным он меня считает!

Я изучал корабли и пленников, словно в мощный бинокль. Глаза послушно приблизили изображение (я даже почувствовал, как они перестраивались, выращивая дополнительные хрусталики).
Буги. Меня очень тревожили буги, я знал четыре их боевые формы, но прямоходящей морской звезды среди них не было.
И Прежний, разумеется. Вряд ли их двое или трое, но с меня хватит и одного. Я не Высший, который мог просто подойти и взять паршивца за шкирку. Он в корабле? Если да, то в каком? Наверное, не в том, который я безрассудно атаковал, там бы он со мной и расправился.
Или поджидает снаружи? Если он захочет замаскироваться, то я не увижу его так легко, как невидимых для людей и тэни уничтожителей.
А может, все-таки Прежнего нет? Мог ли кто-то из Измененных воздействовать на тэни, заставив всех детей в городе повторять адресованный мне текст? Может, буги или мараки? Или висперы?
Да. Висперы, пожалуй, могли.
Но тут я увидел Слугу, и все сомнения у меня отпали.
Это был рослый Слуга, выглядящий пожилым, но крепким мужчиной, одетым в старомодный костюм: черный пиджак и серые брюки, белая рубашка с черным галстуком-бабочкой, черные туфли. Удивительно, но среди разрушенного инопланетного города, в окружении космических кораблей, самых разнообразных монстров и пленных тэни, он не выглядел ни неуместным, ни чужеродным. Скорей уж корабли и монстры казались на его фоне случайными и ненужными.
Интересно, сколько лет этому вышколенному дворецкому, сопровождающему хозяина даже в бой на вражескую планету? Сотня-другая, как минимум. Слуги живут долго.
Слуга вышел из-под корабля и направился к пленным. По пути достал из кармана пиджака часы. Да-да, самые настоящие карманные часы! Щелкнул крышкой, глянул. Спрятал обратно. Пошел к сидящим на земле тэни.
Я увидел, как люди пытаются сдвинуться, уйти от него вприсядку, при этом не рискуя встать на ноги. Видимо, они уже убедились, что попытка бегства или сопротивления ни к чему хорошему не приводит.
«Дворецкий» подошел к тэни, равнодушным движением схватил за руку ближайшего пленника и потащил к себе. Это была девчонка-подросток, еще слишком молодая, чтобы в странной манере аборигенов ходить с оголенными верхними грудями.
Девчонка завизжала, дергаясь, цепляясь за женщину, с которой сидела в обнимку.
«Дворецкий» выдирал ее из объятий женщины с терпеливой безразличной силой, девчонка надрывалась – уже не только от страха, но и от боли. Обнимавшая ее женщина вскочила и кинулась на Слугу.
Тому, похоже, было все равно. Он выпустил девчонку, одним движением заломил женщине руку и вытащил из круга. Поволок за собой. Девчонка кричала, дергаясь, но не решаясь ни встать в полный рост, ни броситься вслед.
Кто была эта женщина? Ее мать, сестра? Просто чужая женщина, попытавшаяся защитить?
Я понимал, что сейчас произойдет.
Я ничего не мог поделать. Только смотреть.
И я смотрел.
«Дворецкий» подтащил женщину к невидимому рубежу оцепления – и сильным толчком отправил к ближайшему буги. Вялая, неторопливо переминающаяся на щупальцах-лучах «морская звезда» внезапно раздулась, выросла раза в два, не меньше.
Один из гибких лучей метнулся к женщине – и потащил в открывшуюся пасть.
Женщина закричала.
Я смотрел.
Смотрел до конца, до момента, когда побелевшее лицо женщины скрылось в зубастой пасти. Буги заглатывал ее начиная с ног, по пупырчатому лоснящемуся телу монстра шли ритмичные судороги, изо рта сочилась кровавая жижа.
Женщина исчезла. Монстр медленно сжался, уменьшился до прежних размеров. Потом провел щупальцем по пасти – и облизал его! Будто ребенок, выпачкавшийся мороженым…
«Дворецкий» снова зашагал вокруг заложников.
Прежний не соврал. Они убивали по заложнику каждую минуту.
И в основном это были женщины и дети.
– Ты что, сука, думаешь меня выманить? – прошептал я, глядя на корабли. – Думаешь, ты меня так хорошо знаешь?

«Дворецкий» продолжал прогуливаться рядом с обреченными тэни. Достал часы, глянул, спрятал в карман. Время еще не прошло.
Я спрыгнул со шпиля, оттолкнулся от крыши здания, перескочил на соседнее, пониже, потом с его крыши прыгнул на мостовую.
Да, эти суки все-таки хорошо меня знали.

Часть третья

Глава первая

Самое противное, что я понимал – мне никого не спасти.
Даже если Прежние отпустят заложников.
Десантные корабли не возвращаются, но и врагам их не оставляют. Захватчики уйдут через экраны, прихватив кристалл, а может быть, и меня, если я им для чего-то нужен.
А корабли взорвутся.
Заложникам не выжить.
Скорее всего, никто в городе не уцелеет.
Единственное, чего я добьюсь, – они умрут без мучений, в надежде убежать и выжить.
Но это, наверное, тоже немало?
Я бежал по улице, тут было недалеко, квартал и повернуть налево, потом через маленькую площадь со статуей посередине, еще три квартала – и я окажусь у кораблей.
Не было нужды совсем уж напрягаться, сжигать ресурсы организма. Секунды тут ничего не решали.
Я завернул налево, к площади.
И вылетел прямо к месту схватки.
Если, конечно, можно ее так назвать…
Десяток тэни: часть в форме и с огнестрельным оружием, несколько мужчин и женщин в обычной гражданской одежде, вооруженные чем попало, от ножей до топоров. Все застыли – кто-то целясь, кто-то замахнувшись, кто-то разворачиваясь…
Они слушали песню сирены.
Если не брать Слуг, которых от людей на взгляд не отличишь, сирены – самые человекоподобные. Они даже красивые: высокие, стройные, женственные. У них длинные цветные волосы, чаще розовые или фиолетовые, иногда зеленые или голубые. И они замечательно поют, хотя мне кажется, звук не главное.
Сирена была одна, и ее вполне хватало на десятерых тэни. Она стояла, раскинув руки, и пела. Без слов, одни лишь переливы голоса, чарующие и прекрасные, не похожие ни на один человеческий язык и одновременно напоминающие все языки сразу. Волосы укрывали ей всю спину до ягодиц.
Ну да, они ходят голыми. Наверное, для пущего эффекта.
Люди застыли, слушая. По лицам текли слезы. Может быть, их так тронула песня, а может быть, они видели, что происходит, но не могли пошевелиться. Рядом с сиреной бродил лишь один стельщик, похожий на гигантскую белку-летягу. Тело его покрывал короткий рыжий мех, между руками и ногами была натянута тонкая перепонка. Он, широко разводя руки, неторопливо подходил к очередному тэни. Другие, уже удостоившиеся его объятий, лежали на мостовой грудами переломанной обескровленной плоти.
Я ускорился.
Сирена повернулась и увидела меня. Честное слово, она была очень красивая! И на ее лице промелькнул испуг. Песня оборвалась и началась снова, теперь сирена пела для меня, и я даже ощутил какую-то странную дрожь в теле – то, что еще оставалось в нем человеческого, протестовало против движения, хотело остановиться, замереть и слушать…
Но я был призванным дважды.
Физически сирена мне не противник, я в этом уже убедился. Она брызнула в меня ядовитой слизью (кто бы мог подумать, во что можно превратить молочные железы, если у тебя много извращенной фантазии, и ты лепишь человеческую плоть как пластилин), но этот яд мне тоже был знаком.
Я оторвал сирене голову. В большинстве случаев этого вполне хватает.

Вот к стельщику я приближаться не стал. Ударил силовым полем, почти как уничтожитель, развалив существо пополам, а потом, для гарантии, еще и поперек. И остановился перед выходящими из ступора тэни.
Это была местная полиция или что-то в этом роде. У тэни не очень высокий уровень криминала, но везде, где есть разум и законы, найдутся те, кто попытается использовать разум против законов.
– Я свой! – сказал я, поднимая руки. – Я Измененный. Я на вашей стороне.
Не хотелось, чтобы они начали палить. Во-первых, выстрелы могли услышать, во-вторых, пришлось бы их долго успокаивать.
Тэни с какими-то особо затейливыми символами на груди униформы (наверное, их знаки различия, но я в них не разбирался) сделал жест в сторону своих товарищей. Оружие те не опустили, но и стрелять не стали.
– Почему я должен верить? – выкрикнул он.
– А зачем иначе я вас спасал? – ответил я.
– Это верно, – согласился полицейский. Он мне понравился, в этом кошмаре ему удалось сохранить чуточку здравого смысла. – Где все ваши? Почему вы нас не защищаете, как обещано?
– Наши скоро будут, – ответил я с уверенностью, которой у меня не было.
Полицейский сплюнул, с отвращением глядя на дергающиеся останки стельщика. Нацелил на них свой автомат.
– Не надо, – попросил я. – Услышат.
– Они согнали людей к кораблям, – сообщил полицейский то, что мне и так было известно. – Там много детей.
– Знаю, – сказал я.
– Чего они хотят?
– Чтобы я сдался.
Полицейский смотрел мне в глаза. Что он там может разобрать-то, на уродливой морде Защитника?
– Это никого не спасет, – объяснил я. – Сделка!
И приложил ладонь ко лбу.
Полицейский не стал колебаться. Прижал свою ладонь ко лбу.
– Сделка.
– Идем вместе, – сказал я. – Нужно отвлечь их. Совсем чуть-чуть. Я покажу место, откуда вы сможете стрелять. Продержитесь секунд десять-пятнадцать!
Полицейский молчал.
– Тогда у пленников будет шанс убежать и выжить.
– А у тебя?
– Не знаю, – сказал я.
– А у нас?
– Скорее всего, нет, – признался я.
– Это честно, – сказал полицейский. – Сделка.
И снова приложил ладонь ко лбу. Повернулся к своим. Скорее всего, они слышали разговор, но он все же сказал, повысив голос:
– Мы попытаемся. Кто не должен умирать сегодня – уйдите.
Я думал, что уйдут гражданские. Но они остались. Зато один из полицейских молча отдал стоявшему рядом товарищу пистолет и запасную обойму, развернулся и пошел прочь, по той улице, откуда я появился.
Разумный выбор направления.
– У него есть основания уйти, – не вдаваясь в подробности, сказал полицейский. – Веди нас.
– Меня зовут Макс, – сказал я.
– Имена больше не имеют значения, – ответил полицейский.
Наверное, они бы легко подружились с Лихачевым.
* * *
Организм начинал бунтовать. Я чувствовал, что непрерывная череда изменений не могла продолжаться бесконечно, мне надо было «откатиться» назад, к человеческой форме. Моим клеткам пора очиститься, уничтожить накопившуюся отраву и отдохнуть. Но пока на это не хватало времени.
По пути к кораблям я увидел лавку сладостей. Дверь была открыта, внутри – никого. Я забежал туда и на глазах растерянных полицейских сожрал несколько килограммов странных инопланетных конфет, запив их пятью бутылками сладких сиропов.
У человека, наверное, поджелудочная бы лопнула.
А я чуть взбодрился.

Я оставил свою команду смертников в той точке, которую присмотрел со шпиля. Там был высокий крепкий забор, уцелевший при посадке кораблей, за ним удобно затаиться.
– Дайте мне минуту, – сказал я. – Ровно одну минуту. Потом стреляйте.
Их «минута» была чуть короче земной. Слуга, похоже, отмерял время по земным часам. Я понимал, что, скорее всего, они увидят убийство очередного заложника, впадут в панику или в ярость, а точнее, и в то, и в другое одновременно. Но мне требовалось время.
Я оставил их подбираться к позиции, а сам, скрываясь за зданиями и заборами (хорошо, что тут были в основном особняки с садами), стал обходить корабли. Выбирая между самым соблазнительным и незащищенным направлением и прочими, я решил поставить на то, что Прежний считает меня достаточно умным, чтобы не идти напрашивающейся дорогой.
В общем-то с тем же успехом можно было бросить монетку.
Стрельба началась еще до того, как я подобрался к намеченному месту. Одним рывком пробежав последний десяток метров, я понял причину – Слуга выбрал очередной жертвой совсем маленького ребенка. Он его даже не тащил, а нес на вытянутой руке. На этот раз не к буги, а к одному из чистильщиков. Стая похожих на крыс созданий кружила перед Слугой, ожидая поживы.
Полицейские начали стрелять, и я не мог их за это винить.
Я бросился вперед, и время застыло.
Бойцы. В первую очередь – бойцы с их лучевыми пушками. Теперь я знал, куда надо бить, чтобы уничтожать их с одного выстрела. Мой организм не создал лучевого оружия такого типа, как у бойцов, но мощные электрические разряды все равно заставляли детонировать их биологические излучатели. Раз, два, три, четыре, пять… Запасенная электрическая энергия кончилась, шестому я отсек добавочные конечности с пушками – и срезал голову силовым полем.
Но силовое поле тоже не могло генерироваться бесконечно.
Я смутно осознавал, что при достаточном количестве редкоземельных металлов, в первую очередь гафния и рения, мог бы создать в своем теле энергетический фокус. Тогда все было бы проще. А так приходилось выбирать, кого уничтожать на расстоянии, а с кем придется драться врукопашную.
Уничтожители. Их всего двое, но у них генераторы поля той же природы, что и у меня. Первый сдох сразу, второй ухитрился ускориться, почти как я, – и мы обменялись несколькими ударами на расстоянии. Я отбил его атаку, он отбил мою. Я снова отбил. Он не успел.
Синеволосая сирена начала петь в сторону моих помощников. Я метил в шею, но она, будто почувствовала, начала приседать.
Поле снесло ей макушку, будто срезало верх с яйца.
Этого хватило.
Вторая сирена оказалась на пути, и я оторвал ей руки, а потом кулаком пробил дыру в груди. Если она и выживет, то восстанавливаться будет долго.
Остатками энергии я подхватил малыша, падающего навстречу жадным пастям чистильщиков, – и отбросил его в сторону. Это было сомнительное спасение, я мог переломать ему все кости этим толчком. Но у меня не осталось ни сил, ни времени, чтобы сработать бережнее.
Как ни странно, моя группа поддержки еще стреляла. И даже порой попадала: я видел, как вздрагивают буги, в которых вонзаются пули, как удачный выстрел разнес голову единственному панцеру, которого я даже не приметил со шпиля. Буги откровенно тормозили, а панцер, получив рану, начал перемещать свои кубики-компоненты, перестраиваться в иную форму. Выглядел он при этом, будто головоломка в процессе сборки…
Слуга развернулся и смотрел на меня. Двигался он плавно, все-таки я был куда быстрее, но все равно ускорился так, как я не считал возможным для его породы. Лицо Слуги оставалось невозмутимым, разве что какое-то любопытство в нем появилось. Совсем не боится? Я ведь только что проредил его отряд наполовину…
Мне навстречу кинулась одна из стай чистильщиков. Я упал на четвереньки – и побежал навстречу, в прыжках раскидывая крыс в разные стороны. Выросшие когти сочились ядом, фрагменты чистильщика, которых я коснулся, начинали метаться из стороны в сторону, натыкаясь на соседей, потом замирали. Те, кого они коснулись, умирали тоже.

Я пробежал сквозь стаю, уничтожив ее на две трети, – и коллективный разум чистильщика угас. Уцелевшие фрагменты принялись грызть отравленные части и друг друга.
Слуга продолжал смотреть на меня. Потом встряхнулся, руки и ноги у него стремительно удлинились, одежда лопнула по швам и разошлась. Он превратился в тонкую трехметровую фигуру, будто его вытянули на волочильном станке.
Слендермен? Я знал, что на Земле Слуги порой любят охотиться на людей в таком облике. Но мне-то слендермен не страшен…
Слуга достал из лохмотьев одежды (даже они почему-то выглядели безупречно!) прибор, больше всего напоминающий складной портативный утюг. Направил подошву «утюга» на меня.
Нет-нет, мы так не договаривались…
Я прыгнул в тот миг, когда он нажал на спуск.
Вспышки не было, вообще никаких визуальных эффектов не наблюдалось. Но я почувствовал, как что-то изменилось в пространстве по направлению «утюга». Будто пронеслась в воздухе тяжелая плита…
Землю вдавило широкой полосой, так что образовалась глубокая, метра в два-три, траншея.
Гравитационный ударник.
Время перезарядки – ноль целых восемь десятых секунды. Спасибо, Ана, что перечислял характеристики оружия Прежних, я запомнил.
Восемь десятых секунды – это до фига и больше.
Еще один удар, от которого я увернулся.
Да ну, он серьезно, что ли? Я все-таки быстрее, а ударник бьет узким лучом… Прыгая из стороны в сторону, я помчался к нему.
Слуга выстрелил, как мне показалось, себе под ноги!
Земля под ногами вспучилась, вспухла горбом, меня швырнуло вверх как раз в тот миг, когда я готовился прыгнуть.
Твою ж человеческую мать!
Я изогнулся в воздухе – меня подбросило метров на пять, не меньше. Окинул быстрым взглядом поле боя. Слуга наводил ударник на меня.
Остатками энергии, про которые я даже не подозревал, я сумел создать под ногой опорную площадку. Оттолкнулся вниз, к земле.
Заряд прошел надо мной, силовое поле полыхнуло, на миг стало видимым – будто круглое закопченное стекло, повисшее в воздухе. Гравитационная волна отразилась от поля и, срикошетив, расплющила еще одну стаю чистильщиков, обратив в кровавые брызги на щебенке. Как удачно получилось!
Кувыркнувшись по камням, я выпрямился – уже рядом с врагом.
И прыгнул на Слугу, пока его ударник перезаряжался.
Он, конечно, был выше. Зато я куда тяжелее.
Ударив всем телом в грудь, я повалил Слугу, вырвал ударник. Тело у Слуг не очень-то крепкое, вместе с «утюгом» мне достались в качестве трофея сжимавшие рукоять пальцы. Направил ударник на неуклюже бегущего ко мне буги. Сжал спусковую скобу.
Бух!
«Морскую звезду» унесло метров на полста и разбрызгало по стене уцелевшего дома на соседней улице, размазав с первого этажа по третий.
А хорошая штука! Как здорово, что Слуги пользуются оружием!
Я оскалился, глядя на Слугу. Занес ударник над его головой.
– Не испорти мне Майкла, мальчик. Он старый ценный Слуга. Правда, слишком самонадеянный.
Я не стал стрелять. Просто ударил «утюгом» изо всей силы, размозжив лицо Слуги в кровавое месиво. А сам, отпрыгнув, нацелил трофейное оружие на Прежнего.
Точнее, на Прежнюю.
Она выглядела как немолодая, лет сорока, женщина с вытянутым, угловатым, но при этом аристократическим, «породистым» лицом. Тоже в обычной человеческой одежде – туфли, длинная серая юбка, белая блузка и жакет. Бизнес-леди, в общем. Указку в руку – и выступать перед акционерами.
Прежняя стояла между кораблями, довольно далеко от меня, но слышал я ее так отчетливо, словно она была рядом.
Все три моих сердца бешено колотились, организм молил об отдыхе.
Но расслабляться было нельзя.
– Да мне пофиг на его ценность, – сказал я и с удовольствием пнул Слугу, сломав ребра.

– Понимаю, – согласилась Прежняя. – Но нам стоит поговорить, а это лучше делать без личной неприязни друг к другу.
Я обвел взглядом разбросанные вокруг тела и застывших в движении Измененных.
– А это не личное?
– Нет, – женщина улыбнулась. – Это хорошие отряды, с самого Ровиана. Но мне на них плевать. Кстати, ты можешь расслабиться – я остановила время для нас. Не хочу, чтобы ты свалился в коме посреди разговора.
Да, наверное, это было правдой. Мир застыл. Не замедлился, а именно остановился. Я видел, как висит в воздухе цепочка кровавых слюней, выбитая мной изо рта Слуги. Как застыли в прыжках ополоумевшие фрагменты чистильщика.
Я осторожно сбросил свой внутренний темп. Да, ничего не изменилось.
Мы с Прежней остались, по сути, наедине. Она действительно остановила время.
– А нам есть о чем говорить? – спросил я.
– Да, – просто ответила Прежняя.
Ударник вдруг исчез из моих пальцев.
Вместе с миром вокруг.
Мы оказались внутри корабля. В помещении, про которое у меня не было информации. Стены до середины обшиты темным деревом, выше – золотистая декоративная штукатурка. Да, самая натуральная штукатурка! Драпировки из ткани, ковер на полу. Кожаные кресла, массивный стол, шкафы: в одних книги, в других крошечные цветные фарфоровые статуэтки. На потолке висит люстра из хрустальных пузырей. В стене огромное окно, через которое я видел застывший мир вокруг корабля. Единственное, что тут выглядело чужеродным, – метровой высоты серый металлический конус с небольшой приборной панелью на усеченной вершине. На экране, занимавшем почти всю панель, мерцал широкий диск с миниатюрным отверстием в центре; по диску, от центра кнаружи, медленно пробегали волны света.
Понятно. Устройство энергетического подавления.
– Это иллюзия? – спросил я.
– Нет, – Прежняя села в одно из кресел. – Я предпочитаю путешествовать с комфортом. Садись, Максим.
Я подумал и сел. Кресло подо мной жалобно скрипнуло, но выдержало. На совесть сделано.
– Ты очень интересный парень, – заметила Прежняя. – Зови меня Мод.
Пожав плечами, я промолчал.
– Тебе не нравится происходящее? – спросила Мод.
– Вы убиваете людей.
– Для начала – они не люди. – Мод протянула руку, в ней возник бокал с пузырящимся напитком. – Будешь шампанское?
Я покачал головой.
– Они – тэни, – продолжала Мод. – Человекоподобные, умные, но не люди. Если бы ты не убегал, то и этой надобности не возникло бы… А вот ты, Максим, убивал Измененных людей!
– Убийц.
– Максим, дорогой… – Мод отпила шампанского. – Жизнь, что человеческая, что тэни, длится от силы сто лет. Это ничто, Максим. Пыль на ветру. Имеет ли смысл за нее цепляться и уж тем более беречь?
– С точки зрения живущих – да.
– А с точки зрения тех, кто намерен жить вечно? – Мод посмотрела мне в глаза. – Ты сейчас пребываешь в нечеловеческой форме. Если не будешь злоупотреблять ею… и сердить меня… проживешь несколько сотен лет. Поверь, к концу первой сотни станешь относиться к людям иначе.
– Что поделать, я еще молодой.
Мод улыбнулась.
– Я тоже такой была… Максим, ты же понимаешь, ставка – возвышение. Вечность. Познание Вселенной. Полный контроль над законами природы. Я могу многое, ты уже понял, но сингулярность… стадия Высшего… – Голос ее стал мечтательным. – О, это ведь совсем другое! Немыслимое, неограниченное! Захотел – погасил звезду. Захотел – зажег. Отправился в прошлое или в будущее. Создал разумный вид, который тебе по душе. По сути, стал богом. Одним из многих, конечно.
– Я атеист.
Мод кивнула:
– Я тоже. Хотя когда-то была ревностной католичкой… очень, очень давно. Но ты ведь должен понимать мотивы и перспективы… в том числе и свои.

– Знаете, – сказал я. – Мне уже делали предложение стать Кандидатом. Как потом выяснилось, я отказался. Два раза. Наверное, мне что-то не нравится в деталях.
Мод рассеянно кивнула:
– Догадываюсь. Видимо, это тот, кого ты знаешь под именем Иван. Он молодой, азартный и по большому счету – самонадеянный выскочка. Его предложения должны были быть изначально унизительны, пусть и не со зла. Думаю, ты ему симпатичен, он видит в тебе себя.
– Обрадовали… – пробормотал я. – Нет, вряд ли я соглашусь и на ваше предложение. Знаете, что мне не нравится? Вы когда говорили о Высшем, начали с того, что можно захотеть погасить звезду. Вам нравится разрушать.
– Неправда. – Кажется, Прежняя слегка обиделась. – Это всего лишь яркий пример… А как тебе другое предложение? Вернуться на Землю. С охранной грамотой, так сказать. Никто не посмеет тебя обидеть. Ты сохранишь свои особые способности. Если хочешь, я уберу негативные эффекты, мы работаем с плотью куда лучше Инсеков. Родителей твоих подлечим, омолодим. Дарину сделаем человеком. Всех твоих друзей-приятелей тоже не обидим. Живи нормальной жизнью, радуйся… раз уж тебе так нравится.
– Что в этом может нравиться? – спросил я. – Знать, что Инсеки и вы паразитируете на нас и сотнях других миров – и жить нормальной жизнью? Вот если бы можно было вас стереть в порошок, было бы неплохо.
Мод отставила пустой бокал.
– То есть ты не хочешь принять мое доброе и разумное предложение?
– Если оно начинается со слов «отдай кристалл», то нет.
Мод кивнула:
– Да, оно начинается со слов «отдай прозрачный кристалл». Но ты же понимаешь, что точно так же, как я перенесла тебя в корабль, – могу и превратить тебя в ничто. А кристалл забрать.
Я поерзал в кресле. Все-таки оно было неудобным для этого тела.
– Мод, можно начистоту? – спросил я.
Прежняя кивнула.
– Мне кажется, вы не сильно умнеете, когда становитесь Прежними, – сказал я. – Нет, наверное, знаний в вас вагон и маленькая тележка. И вы умеете делать всякие крутые фокусы – космические корабли, Слуг, солдат, переходы сквозь пространство… Но ума все-таки не прибавляется. Иначе бы вы меня не считали идиотом.
– По твоему мнению, я так считаю?
– Конечно. Если бы вы могли забрать у меня кристалл – вы бы уже давно забрали. Но что-то вам мешает. Может, ваши твари способны это сделать, но их я убью, поверьте. Не знаю, почему, но это как в сказках про волшебные предметы, которые нельзя отнять – надо, чтобы их отдали.
Мод помолчала. Потом вздохнула:
– Да, Максим. Ты прав, а сказки порой не врут. Сама и явным образом я вмешаться не могу. Точно так же, как Иван на Земле не мог открыто напасть на Инсека, но сумел организовать бунт Слуг, которые попытались сделать это за него.
Я кивнул. Я давно уже ни капли в этом не сомневался. Иван сознательно выбрал Кандидатом женщину, которая возглавила восстание Слуг. Она полагала, что сможет сбросить власть Прежних, а на самом деле все шло по плану Ивана.
– Но мои вассалы вправе тебя убить, – продолжала Мод. – Полагаешь, справишься со всеми?
– Да, – сказал я.
Она размышляла. Лихорадочно думал и я. Где пределы ее таинственных ограничений? Вправе ли она перенести в эту комнату сотню Измененных, которые задавят меня числом?
– Кристалл может быть поврежден в схватке, – задумчиво сказала Мод.
– Просто убирайтесь с планеты, – посоветовал я. – Не теряйте гвардейцев попусту. Я не соглашусь, вам нечего мне предложить.
– Вот тут ты не прав, – неожиданно усмехнулась Мод. – Что ж, ты заслуживаешь хорошего предложения.
Она подняла бокал, который вновь оказался полон. Отпила шампанского. И сказала:
– Мы поговорим чуть позже, Максим Воронцов.
И мир вокруг померк.

Глава вторая

У самого берега, где волны били в камни, пена отсвечивала на темной воде. А чуть дальше океан становился непроглядно-черным и сливался с небом. Десятки и сотни огоньков отмечали суда, стоящие на открытом рейде, но у горизонта уже трудно было отличить судовые огни от звезд.
На юге звезды всегда кажутся ближе и ярче.
– Макс, тормозишь! – укоризненно сказал Ростик, с которым мы делили стоящий на ночном пляже столик.
Я чокнулся с ним, глотнул из стакана. Лед растаял, виски стал прохладным, но водянистым. На мне были длинные бермуды, яркая рубашка с коротким рукавом и сандалии на босу ногу.
– У них что, нет камней для виски? – спросил я, глядя на океан.
– Не поверишь, дикари! – рассмеялся Ростик. – Только лед. Слушай, как я рад, что ты приехал!
Он уже изрядно поддал, но у Ростислава опьянение проявляется хорошо, он становится веселым и дружелюбным. Знаю я людей, с которыми пить вместе нельзя, хотя трезвые они вполне годные.
– В жизни только раз бывает двадцать пять лет, – сказал я.
Ростислав серьезно кивнул.
– Долетел нормуль?
– Бизнес был забит, летел каким-то промежуточным классом, – я махнул рукой. – Да ладно, норм. Надо быть ближе к народу.
– Верно! – поддержал Ростик и наставительно поднял палец. – Ибо так учит нас «Единая Россия» и любимый президент!
У него зазвонил смартфон, Ростик глянул на экран, встал, отошел по песку на пару шагов, прижал к уху трубку.
Я поморщился.
Что-то не так…
А что именно?
Я огляделся. Мы сидели в маленьком прибрежном ресторанчике, где столы размещались прямо на песке. Все столики были заняты, но полутьма и расстояние между ними создавали иллюзию интимности и уединенности. В слабо освещенном павильоне повара-азиаты возились над раскаленными плитами. Сверкали ножи, в аквариумах плавала и ползала морская живность…
Да, говорят, тут лучшие крабы, их готовят вкуснее, чем в помпезных ресторанах в городе…
Я посмотрел на свой телефон, лежащий на столе. Поднял, покрутил в руках. Странное ощущение, будто беру в руки что-то давно забытое… Пропущенный звонок от отца. Наверное, вот отчего ощущение неправильности. Ну да, не стал брать. Начнет орать, что на носу экзамены, что нефиг веселиться с друзьями, он не станет еще раз с ректором перетирать, и академический снова брать – последнее дело…
Да ладно. Надо будет – поговорит, не развалится. Отцу и просить не надо, пусть он последний год в кресле министра, но у него все схвачено. Тоже мне… образец морали и ответственного отношения к учебе. Можно подумать, сам в молодости был занудой.
Я опустил телефон на стол. Щелкнул зажигалкой, закурил. В старомодных табачных сигаретах были челлендж и сасс. Ароматный дым пошел в горло…
Блин, какая дрянь!
Закашлявшись, я затушил сигарету. Глотнул вискаря.
Нет, точно что-то не так…
Ростик отошел ближе к павильону, встал в круге света, помахал кому-то рукой. Вернулся, плюхнулся на стул.
– Макс, извини. Сестрец нагрянул.
– Звонит? – не понял я.
– Да нет, час назад прилетела, – Ростик фыркнул. – Сейчас, носик попудрит и подойдет… Вот же! От родителей сбежал, а мелкая решила со мной оттянуться!
– Одна, что ли? – удивился я.
– Ну да…
– Ей восемнадцать есть, одной летать?
– Есть, – кивнул Ростик, размышляя. – Рушит все вечерние планы…
Планы были большие и интересные, включающие ночные развлечения, а уж завтра, когда на днюху прилетят Даниил и Руслан, мы собирались чилить всерьез.

– Значит, так, – рассуждал Ростик, наполняя бокал. – Сейчас покормим Даринку, накатим с ней пару раз… Она с самолета, да и пить толком не умеет, сразу развезет. В такси, закидываем в номер спать, она в твой отель заселилась… а дальше все по плану!
– Одобряю, – согласился я. И помахал рукой сестре Ростика, которая шла к нам от павильона: стройная, высокая, в футболке и коротких шортиках, с сумкой через плечо. Я ее не видел года три как минимум, она училась где-то за рубежом. Ей можно, ее папа не госслужащий.
А Дарина выросла! Я ее помнил нагловатой пацанкой с вредным характером. Характер-то, наверное, не поменялся, но сиськи и задница были достойные, ноги длинные и стройные. И мордочка симпатичная. У девчонок бывает такой период в средней школе, ходят, словно серые мышки-замухрышки, а потом оп – и красотки! Как раз к нужному моменту. Эволюция, хитрая штука!
– Привет, бро, – Дарина наклонилась и чмокнула брата в щеку, предоставив мне возможность заглянуть в вырез футболки. Лифчика она не носила, так что я был совсем не против их братско-сестринских нежностей. – С днюхой, расти большой, не будь лапшой…
– Днюха завтра, – буркнул Ростик.
– Завтра всегда где-то есть… Привет, Макс!
Я отсалютовал ей стаканом. Сказал:
– Да ты меня помнишь! Никак западала в детстве?
– Не пускай слюну, – ответила Дарина с достоинством. – Брат сказал, с кем сидит.
Она шагнула и ко мне, с явным намерением удостоить поцелуем. Я был не против, но встал. Еще не хватало, чтобы соплячка доминировала.
– Ого, я почти с тебя ростом, – сказала Дарина, хотя это и было явным преувеличением. – А помнилось, что ты жердина высокая. И качок-зожник.
– Насчет ЗОЖ все в прошлом, – заверил я.
Дарина примерилась и вдруг поцеловала меня в губы. От нее пахло чем-то сладким, молочно-алкогольным.
– У тебя тоже, – заметил я.
– А я никогда не против «Бейлиса», – Дарина засмеялась. Похлопала рукой по сумочке. – Набила бутылочками за рейс. Стюард славный, насыпал мне прямо в сумку, даром, что педик.
– Фу! – возмутился Ростик. – Что за слова, сестра! Гей!
– Какая в задницу разница? – пожала плечами Дарина. Плюхнулась на стул, сбросила туфли и смешно, с явным удовольствием, завозила босыми ногами по песку. Посмотрела на брата, потом на меня. – Пацаны, не пугайтесь, я вам не помешаю. Сейчас пожую чего-нибудь и в номер. У вас же планы, верно? Громадные и развратные?
– Умная, – сказал Ростик обрадованно. – Чего прилетела-то? Острый приступ сестринской любви?
– Да заколебалась я в этом Цюрихе, – Дарина махнула рукой. – Говно город, никакой движухи, нудные швейцарцы, темперамент, как у спящих гномов… Или кто там спал? А, спящая красавица, гномы, наоборот, песни пели… Песни тоже говно.
Она замолчала.
Я вдруг понял, что она только выглядит бодро, а на самом деле – наклюкалась в умат. Ну и слава Богу, сейчас вольем в нее порцию и отправим спать.
– Ты-то чего здесь забыл? – Дарина глянула на меня.
– Он в Новую Зеландию собрался, – сказал Ростик. – Посмотреть на хоббитские норы и все такое. Ну а по пути решил задницу растрясти и меня поздравить. У него завтра в ночь рейс до Веллингтона.
– Там опасно! – Дарина погрозила мне пальцем. – Там до сих пор эти… бр-р… людоеды!
Она замолчала, глядя на стол. Потом спросила:
– А что ничего не несут?
– Сейчас будут крабы, – сказал Ростик. – Тут лучшие крабы в стране.
– Страна-то невелика, – заметила Дарина. – Крабы… крабы – это хорошо. Есть такой анекдот про крабов… – Помолчав, она честно призналась: – Забыла.
– Сестра, тебе уже хватит на сегодня, – укорил Ростик.
– Это тут сегодня, а в Цюрихе вчера! – Дарина протянула руку. – Смотрите, как смешно. Звезды в небе и огоньки на кораблях. Не отличить, где звезды, а где корабли.
Ростик поморщился и налил себе виски.
– Я тоже про это думал, – сказал я удивленно. – Про звезды и корабли.
– Пикапишь? – спросила Дарина подозрительно.

– Как я могу пикапить сестру друга? – возмутился я.
Ростик вздохнул:
– Можешь, но не стоит, поверь. От нее все парни плачут. Как была врединой, так и осталась.
– Неправда, – сказала Дарина с достоинством. – Просто я чувствую, что живу какой-то неправильной, не своей жизнью… и никак не встречу достойного человека, предна… знача… значи… предназнана… предназначенного мне судьбой.
Она замолчала. Я осторожно посмотрел на нее – глаза Дарины были закрыты.
– Уснула, – сказал Ростик раздраженно. – Вот что ей стоило сразу в отель, а не из аэропорта в ресторан? А я, балбес, кидал ей фотки с геометкой. Посмотри, мол, где сейчас с Максом будем оттягиваться… Тьфу. Кто ж знал, что она в самолете!
– Как она могла твой звонок в самолете принять? – удивился я. – Еще и фотки…
– А что? – поразился Ростик. – Ты в самолете к вай-фаю не подключаешься? Экономишь по мелочи?
Я тупо посмотрел на телефон.
– Подключаюсь. Что-то меня тоже клинит, Ростик. Представляешь, мне вдруг показалось, что в мире нет никаких мобильных телефонов, интернета…
– Жуть! – восхищенно сказал Ростик. – Жизнь человеческая бы остановилась, мы погрузились бы в хаос и дикость.
– Да ну, – ответил я. – Мне кажется, люди настолько адаптивные создания, что ничего бы сильно не поменялось. Нам что эпидемии, что ядерная война, что… ну, не знаю, нападение пришельцев…
– Явление рептилоидов, мутации… – подхватил Ростик.
– Ага. Вот хоть все сразу – все равно будем жить. Останутся государства, останется цивилизация. Все изменится, но останется.
– Глубоко копаешь, – протянул Ростик. Встряхнулся: – Давай накатим. За мою сестру. Она заноза малолетняя, отвязная и безбашенная. Но сестра. И я ее люблю!
– Дарина хорошая, – неожиданно сказал я. Сам поразился тому, что сказал, и посмотрел на Ростика.
– Она хорошая. – Ростик не удивился. – Я знаю.
Он смотрел вдаль, на темное небо и корабли.
– Макс, если ты с ней замутишь, то не обижай. Морду начищу.
Из нас двоих шансы огрести были куда больше у Ростика. Но я так удивился, что сказал:
– С чего ты взял? Она красивая девчонка, но мелкая еще. И тем более – твоя сестра.
– Я думаю, она не из-за меня прилетела, – проговорил Ростик задумчиво. – Я ей три дня назад сказал, что ты собираешься приехать. Она замолчала сразу. А потом начала всякую ерунду молоть. Всегда так делает, когда чем-то ошарашена.
– Да брось…
– Она с детства на тебя западала, – добавил Ростик. – Короче… не обижай, ладно?
Я посмотрел на Дарину.
Девчонка спала, крепко прижимая к себе сумочку от «Луи Виттон». Ноги ее вытянулись под столом, пяткой она касалась моей ноги.
– Никогда не обижал, – сказал я. – Я ее люблю, все остальное – так…
– Че? – Ростик нахмурился.
Да что со мной?
– Шучу! – Я засмеялся. – Хватит глупых сантиментов!
– Ха-ха, – сказал Ростик, глядя на меня с сомнением. – Шуточки у вас, боцман… О, вот и наши крабы!
Я повернул голову.
Официант нес два подноса со здоровенными крабами – то ли вареными, то ли гриль. Крабы были огромные, жутковатые.
– На мараков похожи, – сказал я.
– На кого? – расчищая место на столе, спросил Ростик.
– Мараки, боевая биоформа, создана на Ровиане, главной планете Прежних после утраты ими Земли… – медленно произнес я. – Гибрид ДНК человека и краба, хорошая защита, подвижность и, самое мерзкое, неплохие парапсихологические способности…
– Это из какой игры? – спросил Ростик.
– Не из игры, – ответил я.
Меня потряхивало. Несмотря на душный влажный воздух (почти как в Москве после Перемены, где же мы находимся? Юго-Восточная Азия, это точно… Тайпей? Сингапур? Джакарта?), меня пробил озноб.
Я все вспомнил.

«Мы поговорим чуть позже, Максим Воронцов», – сказала Прежняя по имени Мод.
И теперь я сижу в компании своего погибшего восемь лет назад одноклассника Ростика. Мой отец – министр. С матерью он в разводе, кстати. Правда, в неофициальном. Я заканчиваю институт. Давно бы закончил, но два раза академ брал.
У меня все в жизни хорошо.
В каком-то смысле.
Я очень даже золотой мальчик. Впрочем, Ростик тоже. И его сестра Дарина – моя жница Даринка, которая здесь заканчивает школу в Швейцарии и может себе позволить сорваться и пролететь полмира, – тоже золотая девочка.
Здесь нет и не было Перемены!
Инсеки не прилетали. Впрочем, восемь лет назад случилась какая-то мутная история со вспышками в ночном небе… потом говорили, что столкнулись два астероида…
Значит – не долетели.
В этом мире Прежние правят по-прежнему, вот такой каламбур.
Здесь есть мобильные, интернет, космические станции на орбите. В Москве зимой идет снег, да и лето бывает холодным.
Я в другой жизни!
В другом теле.
В другом себе.
Что это? Правда? Меня вышвырнули в иную реальность?
Или вокруг иллюзия, симуляция, матрица?
– Ростик, у тебя бывает ощущение, что мир ненастоящий? – спросил я.
– Да непрерывно, – беззаботно ответил Ростик. – Давай, налетай.
Я оторвал клешню.
Через час мы подъезжали к гостинице. Я сидел рядом с водителем, улыбчивым смуглым парнем. На заднем сиденье Дарина спала, привалившись к брату. Тот копался в ее сумочке и тихонько ругался.
– У нее тут ликера на вечеринку с подругами запасено. Пошла в отрыв…
Я услышал, как он выгружает бутылочки в дверной карман.
– Парочку ей оставлю, – решил Ростик. – Если ночью решит догнаться. Хотя нет, нафиг. В номере бар есть, а утром шампанским освежится…
Он поколебался.
– Ну что, поедем чилить?
– Что-то я тоже вырубаюсь, – соврал я. – Может, пропустим по одной в баре и спать?
Джетлаг, сволочь, догнал…
– Ага, – с облегчением сказал Ростик. – Ты же на обратном пути тоже задержишься?
Весь настрой дурында сломала…
Сломала…
В той, моей, реальности их дом пылал, подожженный обезумевшей от происходящего толпой. На «золотой миле» много домов пожгли, разграбили и поубивали жильцов… охрана была заодно с погромщиками. На следующее утро ввели войска, и все сразу затихло, но многим не повезло. Отец Ростика и Дарины выбросил их из окна. Четвертый этаж, но высокий. Ростик разбился. Дарине повезло чуть больше, она выжила, но сломала позвоночник и еще кучу костей…
– Ростик, я очень рад тебя увидеть, – сказал я. – Тебя… Дарину.
Ростик растерянно рассмеялся. Мы, в общем, не были лучшими на свете друзьями. Местный «я» оказался здесь почти случайно.
В отеле мы довели Дарину до номера, шла она сама, но без помощи бы точно не справилась. Ростик бухнул ее на кровать, стащил босоножки, подумал, положил на бок и подпер со спины подушками. Пробормотал:
– Если блевать начнет, чтоб не захлебнулась… Меня так один чел научил.
Я достал из мини-бара бутылку холодной минералки, открутил и снова завернул крышку, поставил рядом с кроватью на пол.
– Годно, – одобрил Ростик. – Пошли…
Мы оставили свет у входа в номер, закрыли дверь и спустились в бар. Выпили по коктейлю «Ржавый гвоздь», что вряд ли было очень уж разумно, и Ростик уехал. Жил он, несмотря на все понты, в крошечной квартирке, да, кажется, еще и не один.
Я посидел еще немного. Была глубокая ночь, в баре при отеле жизнь только начиналась. Звенели бокалы, официанты таскали закуски, компании собирались, усаживались надолго или выпивали по шоту и отправлялись вести ночную туристическую жизнь.
Я тупо вертел в руках смартфон. Смотрел на индикаторы сети, вай-фая. Удивительное дело – весь мир в кармане. Мне принесли еще один коктейль, я чувствовал, что

организм уже отравлен алкоголем, но этому «мне» такое ощущение было привычно и даже нравилось.
А мне?
В целом – мне здесь нравится?
Могу ли я тут остаться насовсем?
Хочу ли этого?
И где тот «я», который жил в этом теле? Спрятался, затаился в глубине сознания? Стерт, исчез полностью? Поменялся со мной местами и теперь обалдело смотрит на монстров и Мод?
Может ли он отдать кристалл, который по какой-то причине Прежняя не вправе забрать?
Кристалл ведь остался там?
Я полез в карманы. В боковых была пачка жевательной резинки, несколько сто- и пятидесятидолларовых купюр в серебряной клипсе-зажиме, перочинный ножик-брелок с одним ключом, ключ-карта от номера отеля.
Из кармана на колене я достал прозрачный кристалл.
Как это может быть?
Я ведь не перенесся в иной мир в реальности. Это тело – мое, но другое. Я чувствую, что мало и редко занимался спортом, у меня на правой кисти крошечный шрам, которого не было, зато от способностей Защитника не осталось и следа.
А кристалл – вот он.
Или ему поровну, в каком я мире и в каком теле?
С той секунды, когда Вик отдал его мне, кристалл стал моим, «приклеился» к сознанию? Потому его и не отнять просто так, он, будто Кольцо всевластия, сам выбирает хозяина?
Я сжал кристалл в ладони. Достал из клипсы пятьдесят баксов и оставил на столе. Выпивку запишут на мой номер, это на чай.
Огибая столики, я вышел к лифтам, поднялся на свой этаж.
И обнаружил Дарину. Она стояла у двери моего номера, босиком, сжимая в руке собственную ключ-карту. Лбом Дарина упиралась в дверь, а карточкой постукивала по ней.
Я подошел и тихо сказал:
– Тут есть звонок.
– Я звонила, – произнесла Дарина невнятно. – Ты не открывал.
– Потому что пил внизу. – Я открыл дверь и завел ее внутрь. Хотел было посадить, но передумал и потащил в ванную комнату.
– Я взрослая, – сказала Дарина возмущенно. – Совершенно! Совершенно летняя! Могу делать, что хочу. И… ай!
Я молча умыл ее ледяной водой. По-хорошему стоило бы засунуть под душ, но это было… чересчур рискованно. В первую очередь для меня.
– Нечестно! – заявила Дарина, когда я вытер ей лицо. На полотенце остались следы туши и помады, она забрала его из моих рук. – Я могла сама!
– Конечно, – сказал я. – Конечно, могла. Пойдем.
Я усадил ее в кресло у столика, сам сел напротив. Повинуясь внезапному порыву, достал кристалл.
– Знаешь, что это?
– Бриллиант? – спросила она с легким любопытством.
– Нет. Сложный органический кристалл с записанной на него информацией.
Дарина фыркала и вытирала мокрые волосы. Она была такая же и совсем другая, и дело было не во внешности, не в длинных волосах и косметике.
Я спрятал кристалл.
– У меня есть… вот… – сказала Дарина. Полезла в карман шортиков, достала две пластиковые бутылочки ликера. – Было много. Я где-то потеряла, я не могла все выпить…
– Ростик забрал, – сказал я.
– У-у! – Дарина замотала головой. – Нудник ходячий… Ты со мной выпьешь?
– Нет, тебе хватит. И мне тоже.
Дарина молча откупорила бутылочку и выпила в один глоток. Посмотрела на меня с вызовом.
– Ты совсем старый, – сказала она. – И монотонный.
– Я не старый, – ответил я. – Но тебе сейчас надо поспать.
– Что я, спать сюда пришла? – возмутилась Дарина. – У меня своя кровать есть! Ты тоже нудник, скучный и правильный…

Она махнула рукой, стала совать целую бутылочку обратно в карман.
– Я просто не хотела одна пить, – яростно пихая пузырек, с жаром сказала она. Из кармана выпал пакетик. – Не придумывай, ты не краш!
– И не собирался придумывать.
Я нагнулся, поднял и положил оброненную ею упаковку с презервативом на столик.
Дарина вспыхнула, попыталась резко встать и чуть не упала. Я рванулся и подхватил ее. Она зарыдала, вырываясь.
Я просто обнял ее, прижал к себе и стал гладить по спине.
Дарина замолчала, тихо всхлипывая. Потом спросила:
– Что со мной, Максим?
– Все хорошо, – сказал я. – Просто ты меня любишь не случайно, теперь я знаю.
Она застыла. Потом спросила:
– А ты?
– И я тебя люблю, – сказал я.
Я довел ее до кровати, уложил, накрыл одеялом и сел рядом. Она схватилась за мою ладонь и посмотрела мне в глаза. Спросила:
– Ты будешь так сидеть?
– Да, – сказал я. – До самого утра. А ты будешь спать, тебе надо.
– Спасибо… – Она замолчала. – Я не такая!
– Знаю, – я наклонился и осторожно поцеловал ее в лоб. – Все будет хорошо. Ты не такая… и он тоже.
– Он? – сонно спросила Дарина.
Я не стал отвечать. Я сидел и смотрел, как она спит. Долго, может быть, час, у меня рука затекла.
Потом пошел в ванную. Умылся сам и несколько раз дал себе по щекам. Еще раз умылся, глядя в зеркало. Сказал:
– Только посмей ее обидеть…
Другой «я» растерянно смотрел на меня, будто хотел сказать, что и не думал ничего такого.
А потом я сказал:
– Хватит, Мод. Я понял суть твоего предложения, но у меня есть вопросы.

Глава третья

Мир исчез и родился вновь.
Я вновь оказался в помещении корабля Прежних, обставленном с роскошью капитанской каюты на суперлайнере. Мод сидела напротив и с любопытством смотрела на меня.
– Долго меня не было? – спросил я.
– Твое тело никуда не исчезало, – ответила Прежняя. – Я только что пообещала, что мы поговорим позже. И вот – «позже» наступило.
– Так это была иллюзия… – прошептал я. – Виртуальность, матрица…
По лицу Мод пробежало раздражение.
– Иллюзия? Максим, ты считаешь меня дешевой фокусницей? Думаешь, я предложила бы человеку с твоим характером провести жизнь в симуляции?
– А другому предложили бы?
Мод заулыбалась.
– Неоднократно. Многие умоляют меня об этом. Но симуляция – для других. Ты даже алкоголя не пьешь, зачем предлагать тебе фальшивку… Нет, Максим. Все было честно, по-настоящему.
– Не понимаю. – Я опустил руку и пощупал ткань комбинезона в том месте, где был спрятан кристалл. Ткань разошлась, я ощутил гладкую теплую поверхность. – Так что со мной было?
– Есть разные реальности, Максим. Подобные нашей, но в какой-то момент начавшие жить по своим законам.
– Параллельные миры, знаю, – кивнул я.
Мод встала, подошла к конусу энергетического подавителя. Посмотрела на экран, покачала головой. Провела пальцами по экрану – я увидел, как «шайба» зоны подавления расширилась и замерцала ярче. Похоже, гарнизон не оставлял попыток пробиться к месту посадки.

– Упрямые… – сказала Мод рассеянно. – Да, можно назвать это параллельными мирами.
– Туда можно попасть? – спросил я, глядя на прибор. В центре зоны по-прежнему оставалась крошечная точка, где подавление не работало.
Мод прошлась взад-вперед, поглядывая на экран, развела руками.
– И да, и нет… В физическом теле туда не перенестись. А вот разум – другое дело. Сознание – это ведь не просто слабые токи, прыгающие с нейрона на нейрон…
– Догадываюсь.
– Если в параллельной реальности существует другой «ты», то его сознание можно заместить. Это как надеть другой костюм, понимаешь?
Я кивнул.
– Для нас этот путь давно закрыт, – продолжала Мод. – Мы живем долго, да мы и не отдельные личности в полном смысле этого слова. Нам не в кого вселяться в параллельном мире. А вот человеческое сознание может перепрыгнуть в другую реальность. Скажи, ты ведь оказался в другой версии себя?
Я снова кивнул.
– И что там за мир? – спросила Мод с искренним любопытством. – Когда-то мы проводили эксперименты, потом забросили. Мне кажется, я выбрала для тебя интересную реальность.
– В том мире вы уничтожили корабли Инсеков, – ответил я. – Там все живут по-прежнему. Ничего про вас не знают.
Мод захлопала в ладоши, словно маленькая девочка, услыхавшая хорошую новость. Немного смущало только то, что бокал остался висеть перед ней в воздухе.
– Получилось! И там все хорошо? Путешествия в космос, компьютеры, сети?
– Вроде того.
– Дивный старый мир, – вздохнула Мод. – Я нечасто посещала Землю, но мне там нравилось. Такая милая патриархальность… А ты? Как у тебя там дела?
– Учусь, гуляю, бухаю… – Я пожал плечами. – Папа все-таки дослужился до министра.
– А твоя девушка? Дарина? Ты успел выяснить, что с ней?
– С ней все в порядке, – сказал я без уточнений.
– Чудесно. – Мод взяла бокал из воздуха. – Вот теперь я могу озвучить свое предложение. Отдай мне кристалл, отправляйся в тот мир…
– И убей другого себя?
На лице Мод появилась ироническая улыбка.
– Ты думаешь, я не умею чувствовать интонации? Тот, другой ты, не очень-то тебе нравится.
– Но он все-таки не подонок, – ответил я, подумав. – Его не за что убивать.
– А он и не умрет! Ты куда сильнее, твоя личность его поглотит, вы сольетесь воедино. Но рулить станешь ты, Максим. Исправишь его к лучшему. Захочешь – свяжешься с Иваном в той реальности. Расскажешь ему свою историю, войдешь в наш коллектив, будешь и его менять к лучшему…
Она это что, всерьез?
– Или живи своей жизнью, – Мод чутко ощутила мои эмоции. – Ты ведь понимаешь, что прилет Инсеков не стал благодеянием. Мне кажется, предложение заслуживает рассмотрения.
– А Дарина? – спросил я.
Мод нахмурилась.
– Думаешь, отправить тебя туда насовсем – легко? Ты и представить себе не можешь, каких ресурсов это требует.
– У вас нет проблем с энергией, – ответил я. – Только со смыслами.
– Хочешь, чтобы я вытащила с Земли жницу и отправила вместе с тобой в параллельную реальность… – Мод вздохнула. – Потребуется диалог с Продавцами, уступки… Хорошо, Максим. Это все условия?
Я смотрел на нее и вспоминал Дарину.
Обеих Дарин.
Жницу из моего мира. Девчонку из параллельного.
Она ведь хорошая, та Дарина… Но, конечно, моя Дарина ее «поглотит», растворит в себе. Моя Дарина гораздо сильнее.
Почему все, что придумывают Прежние, несет в себе разрушение?
Было четыре человека в двух мирах, а станет два.
Миры упростятся, во всяком случае – этот мир.
Наверное, чем проще мир, тем легче им управлять.

– Кристалл тоже был там, – сказал я. – Если вы перенесли лишь мой разум, то почему кристалл оказался со мной?
Мод смотрела на меня, размышляла. Я понимал, что Прежние врут легко и непринужденно. Если открыли рот, то, значит, лгут.
Но иногда им приходилось говорить часть правды.
– Ты его хозяин на данный момент, – признала Мод. – Кристалл последует за тобой, за твоим разумом.
Оставался, конечно, вопрос, почему она не могла меня убить – с ее-то возможностями, – и взять кристалл с бездыханного тела. Неужели он при этом исчезнет? А если меня убьют ровианские Измененные – то нет?
Но мне казалось, что я знаю ответ. Мы поняли его вместе с Диланом, едва до нас дошло, откуда вообще взялся прозрачный кристалл.
– Сильно заколдован, – кивнул я.
Мод едва заметно улыбнулась.
– Верно. Хотя колдовства, как ты догадываешься, не существует. Один неглупый человек с Земли когда-то сказал, что очень развитая технология неотличима от волшебства…
– Слышал, – кивнул я.
– Вот представь, Макс, что прорыв Инсеков случился в семнадцатом веке. Ты – боярский сын, сообразительный, но соответственно своему времени. Как бы ты воспринимал происходящее?
Я подумал.
– Напали на Русь-матушку и королевства заморские демоны страхолюдные. Или, того хуже, черти. Варят зелья ведьмовские, делают из людей чудищ и оборотней, чтобы те за них сражались. Есть волшебные миры, куда можно попасть через волшебные двери-окна. В тех мирах живут страшилища и всякие разные… люди с песьими головами. По небу летают, молниями сражаются. А я полюбил боярыню заколдованную…
– Браво, браво! – воскликнула Мод. – Именно так. А что я хотела до тебя сейчас донести?
– Может быть, то, что и я нынче – боярский сын с кашей в голове? И если бы Инсеки прилетели на сто лет позже, я бы все понимал иначе?
– Так, – кивнула Мод. – В каких-то вещах ты бы разбирался лучше. Но многое оставалось бы для тебя чудом. Люди никогда не меняются, Максим.
– Это из-за вас.
– Брось! Мы все-таки бережно относились к Земле. Потихоньку, но развивали. Смягчали нравы. Позволяли ученым изобретать… то, что давно всем известно, конечно. Но это легко, а вот с людьми…
Она покачала головой. Сказала доверительно, даже с теплотой в голосе:
– Мы ведь не вмешивались по мелочам, Максим. Регулировали глобальное развитие, но в лучшую сторону. Иногда даже помогали вам прыгнуть выше головы.
– Цари были хорошие, слуги плохие?
– Слуги… – Мод вздохнула. – Человек, получающий ограниченные сверхсилы, неизбежно скатывается в свинство. Это многое говорит о природе человека, верно? А посредники нам нужны. И расплачиваться с ними надо, и одними лишь деньгами тут не обойтись.
– Вы же используете людей. Хуже – вы используете детей!
Мод всплеснула рукой.
– Да что ты заладил: «Детей используете…» В чем ценность ребенка? Ни в чем! Он еще не человек, он только потенциал развития! Всю человеческую историю с детьми не особо-то церемонились. Отправляли вкалывать на поля и в шахты, девочек выдавали замуж в десять лет, мальчиков забирали на войну в двенадцать! Если голод – выгоняли из дома, а то и съедали всей семьей… главное-то было выжить взрослым, а детей еще нарожают. Рубили головы и руки за воровство, отправляли в трюмах обживать Америку и Австралию… да это же совсем недавно было, восемнадцатый-девятнадцатый век! Ты думаешь, когда мы забирали детей пятьсот или двести лет назад, они были расстроены? Да они первый раз в жизни наедались досыта! Для них Саельм был раем, миром доброй Снежной королевы!
– А вы были Снежной королевой? – спросил я наугад.
Мод осеклась. Потом улыбнулась:
– Случалось, да. Кстати, нынешняя, в двадцатом веке привитая человечеству гуманность, защита прав ребенка – целиком наша заслуга. Но работает лишь ограниченно, в благополучных богатых странах.
Она вздохнула и закончила:

– Мы бы брали взрослых, но отсев идет чудовищный. После двенадцати лет клетки человеческого тела утрачивают потенциал Изменения, дальше идет только медленное умирание.
– А как же Призыв?
Мод ответила быстро, очень быстро, словно ждала этого вопроса:
– Совсем другое. Со своими минусами.
«И плюсами», – добавил я мысленно.
– Не мы плохие, – сказала Мод твердо. – Мир такой, Максим. И уж поверь, мы к людям относимся лучше, чем чужие нам во всем Инсеки.
Я пожал плечами.
– Могу организовать твое возвращение на Землю, – продолжала Мод. – Но там наши силы ограничены, Инсек шевельнет жвалами, и все Гнезда пойдут тебя убивать. Вот поэтому я придумала для тебя иной выход. Гораздо более гуманный и интересный!
Она отпила шампанского, и я подумал, что это скорее дань привычке, чем реальная потребность. Снежная королева Мод могла бы хлестать спирт кружками, ее бы это не опьянило.
– И что ты решил? – спросила она.
– Ваше предложение очень хорошее и щедрое, госпожа Мод, – вежливо ответил я.
– Значит, «нет»? – уточнила Прежняя.
Я кивнул.
– Ты сильный парень, – сказала Мод задумчиво. Снова прошлась, остановилась возле прибора подавления. – Конечно, я сумела бы тебя уничтожить, но… ты все понял правильно, я не имею на это права. Однако вокруг много, очень много гвардейцев. Ты мог бы от них убежать, но они начнут убивать мирных граждан. И ты вернешься. Вступишь в бой. А твои силы на исходе, не понимаю, как ты до сих пор не упал в коме. Тебя растерзают на кусочки и сожрут. Кристалл я заберу, даже если придется выковыривать его из дерьма сирены.
– И все-таки вы сомневаетесь, – заметил я. – Иначе так и поступили бы, а не пытались торговаться.
Мод кивнула, печально глядя на меня.
– Что ж, – я встал, потянулся. – Выпьем по кубку, и да начнется наша беспощадная схватка? Не побрезгуете чокнуться со мной?
– Если это не безумная попытка меня убить, – Мод грустно улыбнулась, – то ты еще интереснее, чем я считала. Жаль, очень жаль, Максим, что ты не хочешь быть на нашей стороне.
Бокал в ее руке исчез, зато появились два тяжелых хрустальных кубка (и зачем я вообще сказал это слово?), наполненных темно-красным вином.
– Это не кровь, – уточнила Мод. – Это великолепное вино. Лозы на Ровиане дают прекрасные урожаи.
Я пожал плечами, подошел, взял из ее руки тяжелый кубок. На всякий случай все же понюхал.
Кровью не пахло.
Я выпил вино залпом, не боясь опьянеть. Мой организм извлечет из перебродившего виноградного сока какую-то пользу, да и алкоголь – это энергия в чистом виде.
А потом, выпустив кубок, я оторвал Мод руку в локте.
Она не была в «рассогласовании», как Иван во время схватки в Гнезде. И ее тело оказалось столь же мягким и податливым, как обычное человеческое.
Мод захохотала, отступая. Из культи брызнуло красным – и тут же кровотечение остановилось. Затем стремительно выросла новая рука. Мод пошевелила пальцами и весело спросила:
– Мальчик, ты все-таки дурак?
– Факт, – сказал я.
И провел пальцами оторванной кисти по экрану энергетического подавителя. Нет, не убирая поле.
А накрывая им круг целиком, распространяя над кораблями, убирая крошечную зону, где мы находились.
Я не знал, сработает ли это. Я думал лишь о том, что Прежние, при всей их мощи, в каких-то вопросах удивительно консервативны. И этот прибор с сенсорным экраном может управляться так же, как обычный игровой планшет или старые смартфоны.
Но для гарантии я все же предпочел сделать это рукой Мод.
Случилось все и сразу.
На экране «шайба» превратилась в круг. Прибор издал тихий свистящий звук, и экран погас.

Мод закричала, прижимая ладони к лицу. Одна ладошка еще не доросла до полноценного размера, и ее трясло, будто Прежняя давала сама себе пощечины.
А на полу салона возникла огромная, отвратительно выглядящая груда плоти. Словно десяток голых человеческих тел – мужских, женских, детских, – переплелись и сплавились в немыслимой оргии. Из женского живота торчала мужская ладонь, лысая старческая голова поросла десятком ушей, вместо женского лица выпирала детская задница. Все это тряслось, дергалось, шевелилось, пыталось ползти во все стороны одновременно, на ковры сочилась кровь, слизь, мерцающая синяя жидкость, похожая на гель внутри Продавца. Пахло – океаном, сырым мясом, дерьмом, озоном и мазутом.
Рты человеческого конгломерата – те, что были свободны, – шептали:
– Дура, дура, убей, убей…
В общем, это походило на оживший фрагмент картины Босха.
Но это была всего лишь основа Прежней. Ее «корень», как называл это Ана.
Мод бросилась на меня с криком:
– Jeg vil drepe deg!
Ее рука уже отросла полностью, а тело вошло в защитное рассогласование.
Она все еще была Прежней.
Но Прежней, чье мягкое беззащитное брюхо колыхалось сейчас передо мной.
Я хорошо помнил рассказ про то, что Прежние существуют в двух мирах – нашем и оборотном, что Прежний в нашем мире – это лишь щупальце, рубить которое бесполезно.
Но связь двух составляющих Прежнего (теперь я видел, каковы их корни, и эта мерзость будет преследовать меня всю жизнь) – это продукт высоких технологий.
Энергетический подавитель оказался палкой о двух концах, он выбросил из оборотного мира изнанку Мод. О, если бы он продолжал работать, то Мод стала бы полностью беспомощна, но подавитель – какая неожиданность – подавил и сам себя.
И силы к Прежней вернулись.
Но те части ее сущности, что всегда были спрятаны в безопасном месте, оказались передо мной.
Я не стал драться с Мод.
Я прыгнул на комок сросшихся человеческих тел.
Во мне не было энергии, чтобы рассечь его силовым полем или сжечь электрическим импульсом.
У меня оставалось лишь здоровенное мощное тело, полный комплект Изменений и избыток ненависти.
Выпустив ядовитые когти, я распорол живот одному из тел и вырвал оттуда… о, нет, не кишки – детскую голову, бешено вращающую глазами и пытающуюся меня укусить!
Голова была на длинной шее, сильной и гибкой, будто питон. Я едва перерезал ее когтями, а уже потом раздавил голову в ладонях. Кудрявые светлые волосы смешались с кровью и мозгами на моих пальцах.
Мод закричала и упала на колени.
Все, что убивало ее корни, убивало и ее саму.
Но даже эта немыслимая мешанина тел и органов, так внезапно лишившаяся безопасного укрытия, пыталась со мной драться.
Руки, торчащие из самых неожиданных мест, пытались бить и рвать, рты – кусать, ноги – пинаться. Дергающаяся гора разъяренной плоти…
Я рвал ее, будто косатка, кружащая вокруг стаи тюленей.
Мод то вставала, то падала, рывками пытаясь приблизиться и защитить себя. Она выла – жутко, нечеловечески, сквозь вой пробивались слова на языках, которые я знал и которых никогда не слышал.
Прежние – коллективная личность. Вот только я и не подозревал, насколько. В ней было десятка полтора людей, то есть бывших людей, разумеется, прошедших путь от человека к Кандидату (может быть, и через Слугу), а потом удостоенных чести превратиться в Прежнего, стать частью Мод.
– Оставь… оставь… – шептала Мод, подползая ко мне.
Я стоял в горе умирающей человеческой плоти, раздирая на части очередное тело. В лицо мне били кровь и синяя липкая жижа. Я вырвал из тела очередного бывшего человека артерию, каких нет у людей, – она была прозрачной, и по ней струился светящийся красный газ. Разорвал зубами и вдохнул – ощутив всплеск радиации.
Сомкнул пасть, глотая кровь, нейрогель и энергетический газ.
Мне было все равно.
Это только вещество и энергия.
Этого полно во Вселенной.

Ничто не имеет ценности, кроме смыслов.
Я вспомнил, как корабли Инсеков стирали в пыль колонию Фрадар. На самой грани дозволенного Высшими, серией точечных ударов и массированным десантом. Я… нет, не я, а высокий бледный юноша, Кандидат, ставший позже частью Мод, которого я только что убил, стоял на скале и смотрел на огненные росчерки, пронзающие черные тучи, на горящие дома и сады, фигурки людей, тщетно пытающихся укрыться и сгорающих на бегу… Фрадар был образцовой колонией для ветеранов, там им возвращали человеческую форму и они жили человеческой жизнью… иногда Прежние играли по-честному. Я стоял, сжимал кулаки и ненавидел.
Я видел, как стая сирен вела к полевому биореактору толпу пленных – нет, не Измененных, это было давно, пленными были Инсеки и их сателлиты-союзники, маленькие пушистые существа, похожие на светло-серых медвежат. В глазах Инсеков и медвежат плескался ужас, но песня сирен тащила их вперед, в подрагивающую воронку, где урчало, сверкало и брызгало… а Мод стояла в стороне и нетерпеливо постукивала ладонью по бедру.
Я чувствовал волну ароматов цветущей плинии на инаугурации младшего консорта Прежних в осеннем дворце морской провинции Ровиана. Мод держалась в задних рядах, но ее удостоили приглашения, рука Мод нежно обнимала талию юной девушки, чем-то похожей на Дарину. Девушка мечтала стать Кандидатом и частью Мод, но я знал, что этого не случится, и в личности Прежней нет ее разума – ночью после инаугурации Мод осталась недовольна ее ласками и выпила ее кровь. Просто так. По старинке.
Я взревел, убивая еще одну часть Прежней, пожилую женщину, разрывая ей покрытую глазами грудь. В ладонях на миг оказался энергетический фокус, но я понял это слишком поздно и не успел поглотить энергию – фокус схлопнулся, оторвав мне палец. Мод вцепилась в ногу. Ее пальцы раскалились, прожигая комбинезон и кожу. Я нагнулся, сгреб Прежнюю за волосы и поднял.
Последние остатки корня умирали вокруг. Я весь был покрыт кровью и плотью.
Мод молча смотрела на меня.
Остатки чужой памяти исчезали.
– Таков твой выбор? – прошептала Мод.
– Я не выбираю между двумя сортами дерьма, – проскрежетал я чудовищной пастью Защитника.
– Вся Вселенная – дерьмо, – ответила Прежняя.
Я подумал и кивнул.
– Наверное. Но это не повод.
Ударив пальцами в лицо, я пробил кости и смял мозг.
Это ничего бы не значило, будь цел корень, но его больше не было.
Стряхнув обвисшее тело, я пошел прочь. Корабль вздрагивал, будто осознавая произошедшее. Но механизмы работали, двери открывались передо мной, я шел наугад, но почти сразу же оказался у открытого десантного шлюза – и спрыгнул на землю.
Мир вокруг медленно оттаивал, время снова набирало ход. Видимо, его остановка не зависела от энергетического подавителя и прекратилась лишь со смертью Мод.
Гвардейцы начинали шевелиться. Пленные тэни так и сидели на корточках, закрывая головы руками.
Я стоял, глядя на них сквозь кровавый туман в глазах.
И понимал, что ничего не смогу сделать.
Даже у призванного дважды есть предел.
Может быть, человеческое тело и прочнее стали, но даже металл устает.
По воздуху будто волна прошла – и мир ожил.
– Ну? – крикнул я. – Я убил вашу Снежную королеву!
Твари, которые когда-то были человеческими детьми, повернулись в мою сторону. Я ощерился, расставил руки, выпустил когти. Не хватало одного пальца и четырех когтей – даже не знаю, кто их успел оторвать…
Идите сюда, я вас всех обниму, бедные злые дети!
На город вдруг легла тень.
Я посмотрел вверх, не поднимая головы (в теле Защитника это довольно просто). И увидел стремительно снижающийся дирижабль, исполинскую металлическую сигару работы тэни, летающую на эфире…
Ну да! Использование местных ресурсов при невозможности использования штатной техники.

Разумное решение. Энергетический подавитель вряд ли работает против столь примитивной конструкции…
Борта гондолы разлетелись, вспоротые лазерными лучами, серпантином посыпались на город. А следом за ними горстью конфетти устремились фигуры стражи.
Сто метров? Пожалуй, выдержат без парашютов…
Я засмеялся и прыжками побежал к тэни. Стандартная тактика боевых групп Прежних – уничтожение заложников при попытке их освобождения. Обычно они успевали.
Но в этот раз им придется пройти сквозь меня.

Глава четвертая

Жидкость была горько-соленой, густой, комковатой. Я узнал вкус еще до того, как пришел в сознание.
Питательный субстрат. Когда-то давным-давно, больше месяца назад, меня отпаивала им Дарина.
После того, как я первый раз убил уничтожителя, напавшего на Гнездо… Каким же страшным и сильным он тогда казался!
Я закашлялся, меня затошнило, но я выпил все, что поднесли к моему рту, до последней капли. Потом будто провалился куда-то во тьму. Потом мне снова дали субстрат, а вслед за ним воду.
Кажется, я выпил не меньше пары литров, прежде чем смог открыть глаза.
Они оказались обычные, человеческие. Я вернулся в свое прежнее тело. И, как ни странно, выжил.
Высоко надо мной парил потолок. На самом деле высоко, я лежал на жесткой кровати или кушетке в огромном зале. Под потолком висела внушительных размеров люстра из переплетенных полос белого металла и розового стекла, двери были широченными, окна витражными, пол из кусочков разноцветного дерева, сложенных вместе, будто мозаика. Мебель отсюда вынесли, но, судя по картинам на стенах, это был какой-то концертный зал или художественная галерея.
Стандартная процедура для полевого госпиталя – размещение в ближайшем заведении культуры. Школьные здания рекомендовалось занимать в случае крайней необходимости, медицинские учреждения вообще отвергались, как потенциальный источник заразы.
В зале стоял десяток коек, но все, кроме моей, уже освободились. Измененные восстанавливаются очень быстро. Однако простыни на койках были смяты, некоторые испачканы кровью и грязью, возле каждой койки высилась стойка с полупустыми флаконами и жгутами трубок. За победу над десантом Измененные заплатили своими жизнями.
Очень смутно я помнил, как стоял возле заложников-тэни, расшвыривая нападавших. Уничтожить пленных направили в основном чистильщиков, а эти мерзкие гибриды мало того, что живучи, они еще и плодятся непрерывно, прямо в ходе схватки.
Честно говоря, я был уверен, что в конце концов они меня сожрут. Видимо, помощь пришла практически сразу, как я потерял сознание.
У моей койки стояла молоденькая рыжая жница Эми.
Вот только комбинезон на ней был необычный, не черный, как у жниц, а темно-багровый.
Память услужливо подбросила мне таблицу цветовой идентификации Измененных.
– Поздравляю, Эми, – сказал я. – От простоватой жницы до могущественного инспектора… и всего-то за пару дней.
Эми кивнула, внимательно изучая меня. Лицо у нее оставалось все тем же, мягким и ласковым, почти человеческим. А вот в глазах многое изменилось. Ушли все оттенки синего, остался насыщенный рубиновый. Не те «красные глаза», которые бывают от усталости или выпивки, а глубокий темно-красный цвет.
Даже почти не страшно.
– Кто ты, Максим? – спросила Эми.
Я молчал.
– В том состоянии, в котором тебя нашли, не выжила бы и старшая стража, – сказала Эми. – Но ты шевелился и ел фрагменты чистильщика. Они грызли тебя, а ты ел их и восстанавливался.
Меня замутило, и я порадовался, что желудок пустой.
– И ты восстановился очень быстро, – продолжила Эми. – Не прошло и суток.

– Круто, – выдавил я.
– При этом семь энергетических фокусов поблизости от тебя были преждевременно истощены, – Эми замолчала, глядя на меня. Я пожал плечами, сел на кушетке. Посмотрел на себя. Да, я в своем теле. Даже не в образе тэни. И совершенно голый. Впрочем, теперь это смутило бы меня в последнюю очередь.
– Я Максим Воронцов.
Эми поморщилась.
– Максим, Инсек настаивал на твоем уничтожении. Я взяла на себя ответственность за предварительный допрос. Ответь мне.
– Не надо меня уничтожать, – ответил я. – Я хороший мальчик… Где мой комбинезон?
– В животе у чистильщиков, – Эми отошла к одной из кушеток, бросила мне чистый комбинезон. – Хватит тянуть, объясняй.
Я влез в комбинезон, застегнул его. Посмотрел на Эми.
– Я был призван дважды. Я Защитник, Эми. Так я это называю.
– Такого не бывает, – сказала Эми твердо.
Закрыв на миг глаза, я поискал Гнездо… точнее – его местную форму, Форт.
Ощутил.
И сказал: «Объясните Эми, что так бывает».
Инспектор вздрогнула, будто ее пробил разряд тока.
Мы смотрели друг на друга, и поглощенный два дня назад смысл раскручивался во мне, считывая ее чувства.
– Не бойся, – сказал я мягко. – Я свой. Это не уловка Прежних. И… не экзамен… нет, не экзамен, проверка? Проверка Инсеков? Ты проходила ее трижды, прежде чем получила свою должность.
У нее задрожали губы.
Я подошел и взял ее за руку. Инспектор – это очень круто, это на уровне полного тактика. Эми имела полномочия, в чем-то превышающие права рядовых Инсеков. Но она за них дорого заплатила.
– Тебя очень жестоко обучали, – сказал я.
– Такая работа, – ответила Эми. – Я слышала истории о Призванном… который придет с Земли…
Она осеклась. Она еще не до конца поверила.
– Тебя послали разоблачить Мар? – спросил я.
Эми кивнула:
– Возникли подозрения. Комендант сообщала о пропаже кристалла, но занизила его значимость. Когда появились данные, что кристалл не многоцветный, а прозрачный…
– Это очень важно, да? – Я кивнул. – Кристалл у меня. А комендант… она раскаялась. Она служила Прежним, но, может быть, не стоит этого никому говорить?
– У тебя нет кристалла! – с вызовом ответила Эми. – Тебя обыскали и просветили!
Я опустил руку в карман комбинезона. Достал и показал ей кристалл, которого секунду назад там не было. Сказал:
– Волшебная штука. Думаю, его сожрал чистильщик, но, понимаешь… силой его не отнять.
Эми кивнула, глядя на кристалл.
– Не отнять, пока ты жив, – мягко сказали за спиной, нежным и певучим женским голосом.
Инсек открыл дверь и вошел так тихо, будто ступал на мягких кошачьих лапах и не имел в длину без малого четырех метров.
Но я слышал его приближение.
– Да, – согласился я. – Поэтому я собираюсь выжить.
И повернулся.
У этого Инсека тело было темно-зеленого цвета, стоял он на четырех ногах, плотно прижав к телу две хватательные, и от этого напоминал исполинскую ящерицу.
– Ты не понимаешь, – сказал Инсек с легкой растерянностью. – Он был найден на принадлежащей нам планете. За него заплатили.
Я пожал плечами.
– Он с планеты тэни, которую вы оккупировали. Заплатили за него кровью Измененных. И он ждал меня.
Инсек размышлял.
Кажется, он уже знал, что в корабле я убил Прежнего. Его сознание было для меня как темный лес, но на его месте любой бы задумался.
– Если этот кристалл то, чем может быть, то цивилизация Инсеков оставит свою территорию человечеству, – сказал он.

– Прежним? – уточнил я. – Ну спасибо. Пожалуй, я откажусь.
– Я буду вынужден тебя остановить, – предупредил Инсек. Его глаза, так похожие на человеческие, буравили меня. – Во всяком случае, я попробую.
– Понимаю, – ответил я. – Уважаю вашу попытку.
Эми шевельнулась. Я глянул на нее – зрачки инспектора едва заметно подрагивали, будто с огромной скоростью читая что-то на невидимом экране.
Читая – или печатая.
В дверь за спиной Инсека вошла стража.
Потом вторая.
Потом сразу две старшие, на ходу выпускающие когти.
Я ждал.
Стража молча встала между мной и чужаком.
– Ты делаешь ошибку, инспектор Эми, – мягко сказал Инсек.
Эми не ответила. Взяла с кушетки свернутый кусок ткани, кинула мне. Я поймал – это был мой плащ.
– Мне кажется, он тебе дорог, – сказала Эми. – Его не съели. Кажется, фрагменты чистильщика дохли, когда его кусали.
Я кивнул и набросил плащ на плечи.
– Спасибо. За все спасибо. Пожалуй, я пойду.
От Инсека пряно пахло тропическими цветами. Я прошел мимо, остановился на миг. Сказал:
– Не обижайтесь. Я вообще-то неплохо к вам отношусь.
Инсек повернул голову и тоскливо посмотрел на меня. Будь я один, он бы рискнул. Он боялся, я начинал его понимать, но он бы рискнул… если бы не молчаливо застывшие стражи.
– Это слишком много для тебя, – сделал он последнюю попытку.
– О да, я знаю, – ответил я и вышел.
Импровизированный госпиталь был совсем недалеко от двух десантных кораблей. Повсюду сновали Измененные и тэни. Местные расчищали улицы и завалы, Измененные, похоже, прочесывали местность. Может быть, в поисках уцелевших боевых форм, может быть, собирая оружие и прочие артефакты.
Среди Измененных я почти сразу увидел Вика. Кажется, он лишь прикидывался, что занят делом, а сам терся возле госпиталя.
Подойдя к нему, я улыбнулся и развел руками.
Вик медленно, напрягая неприспособленные к этому мышцы, улыбнулся.
– Точно не пойдешь? – спросил я.
Стража Вик покачал головой. Наклонился надо мной, обнял на миг.
– Удачи тебе, Максим.
Я похлопал его по спине и пошел по улице в сторону разбитой Лавки.
Меня никто не преследовал, и я знал, что это прощальный подарок девочки Эми.
* * *
Лавка по-прежнему была разрушена, хотя я бы не удивился, увидев ее целой и невредимой. Продавец лишь убрал мусор и закрыл высокими ширмами угол, в котором стоял стеклянный куб. Похоже, он восстановился, даже голова осталась все той же, жабьей.
– Мой билет еще не просрочен? – спросил я, помахав ему рукой.
Продавец, едва заметно прихрамывая, провел меня за ширмы и открыл куб. Сказал:
– Вас нелегко убить, Максим. Но помните, что это возможно.
– Помню, – сказал я, забираясь в куб. – Вот вы, к примеру, сейчас это сделаете.
– Ха-ха! – отозвался Продавец. – Интересный вы парень… Посчитать?
– Сам посчитаю, – сказал я, прежде чем он закрыл за мной дверцу. – Отправление на слово «один», хорошо?
Продавец кивнул.
– Я считаю от пяти, не могу от десяти…
Продавец с любопытством смотрел на меня.
– С четырех сторон враги, хочешь – стой, хочешь – беги… – Я закрыл глаза.
Как это будет? Я действительно не замечу, как умираю и рождаюсь вновь?
– Третий выбор есть всегда, не скажу ни «нет», ни «да»…
Я вдруг ощутил полное спокойствие. На самом деле, мы рождаемся и умираем каждую секунду. Каждый разум – лишь крошечная искра, несущаяся из прошлого в будущее. Нас уже нет в прошлом и еще нет в будущем…
– Два исхода, нечет-чет, повезет – не повезет…
Откуда этот стишок? Из детских считалок, из какой-то книжки? Да какая разница…

– Я и раб, и господин, – прошептал я. – Я решаю все один!

* * *

Наверное, это был старинный замок. Или огромный древний особняк где-нибудь в Европе. Темные стены, драпированные гобеленами, витражные окна, за которыми царила тьма, отчего рисунок витражей едва угадывался – какие-то рыцари на конях, коленопреклоненные люди в пышных одеждах.

Света было мало. Два ярко пылающих камина и горящие ровным огнем свечи в золотых подсвечниках, расставленных на столе. Почему так? Я видел люстры и бра, старомодные, но электрические…

Видимо, традиция.

Стол был овальный, не круглый. Тоже очень старый и такой огромный, что даже в широченные двери не внести, собирали на месте. Стулья с высокими спинками заняты все, я не считал, но знал, что тут собралось двадцать четыре… человека? Нет, конечно. Двадцать четыре Прежних.

В основном мужчины, но присутствовали и три женщины. Много белых, но встречались и азиаты, и негры, и те, чью расу невозможно было угадать.

Все одеты в строгие костюмы, хоть и без галстуков, с расстегнутыми верхними пуговицами. На пальцах поблескивали кольца, по большей части скромные, не слишком дорогие на вид, хотя одна из дам вся искрилась от бриллиантов. Почти все сидевшие были в годах, но четверо мужчин и одна женщина выглядели неприлично молодыми.

Я шел вдоль стола с круглым серебряным подносом в руках. Подходил к каждому сидящему – кто-то брал бокал, кто-то игнорировал. С другой стороны стола двигался мой товарищ – молодой, элегантно одетый… но Слуга. Такой же Слуга, как и я.

В некоторых бокалах было шампанское, в некоторых вино, в некоторых коньяк или виски. Я заметил, что подаю поднос так, что каждому достается свой напиток. Видимо, я хорошо знал, кто что пьет, потому что, когда рука молодого мужчины потянулась к одному из бокалов, я едва уловимым и удивительно ловким движением развернул поднос. Мужчина взял бокал с коньяком, вдохнул аромат, удовлетворенно кивнул.

– Вам никогда не наскучат простые радости, Уильям? – спросил сидевший рядом с ним мужчина. Сам он ничего с подноса не взял.

– Обновлять надо не только внешнее тело, но и внутреннее содержание, – откликнулся Уильям. – Радоваться простым человеческим потребностям тоже надо уметь.

Он запустил руку во внутренний карман пиджака и достал телефон. Огромный, угловатый, с длинной толстой антенной, крупными кнопками, крошечным узким экранчиком.

– Любишь ты эти игрушки… – Собеседник Уильяма тихо засмеялся.

– О, поверь, за ними будущее человечества.

Я шел дальше. Когда мы со вторым Слугой встретились – возле немолодой женщины в бриллиантах, которая взяла бокалы с шампанским с обоих подносов, – то отошли и встали у стены.

На нас внимания будто и не обращали. Мы были настолько надежны? Или наша судьба предрешена?

– Давайте решать вопрос с Россией, – грузный мужчина на дальнем конце стола чуть повысил голос. – Эксперимент заканчиваем, возражений нет?

– Только без лишней траты материала, пожалуйста, – подал голос мужчина средних лет, чье лицо казалось мне знакомым. – Им и так досталось в этом веке.

– Болеете за своих любимчиков? – спросила женщина в бриллиантах.

– Разумеется, – признался мужчина. – У всех нас есть выстраданные проекты, не правда ли?

– Вы еще молоды, – женщина вздохнула, царственным жестом взмахнула рукой. – Не наигрались… Впрочем, почему бы и нет. Сделайте все мягко. И назидательно, по возможности. Сколько вам потребуется лет?

– Пять-семь, – отозвался мужчина. – Если аккуратно. До девяностого справлюсь.

– Не справитесь, – пробормотал Уильям. – Аккуратно не справитесь. Это не сексуальную революцию заканчивать, у коммунистов все перегрето…

– Пари? – предложил мужчина со знакомым лицом.

– Обсудим, – согласился Уильям.

– Не отвлекайтесь, – грузный мужчина поморщился. – Есть проблемы более актуальные. Очередной запрос Продавцов о концессии на Землю…

– Перебьются, – сказал кто-то. Прежние закивали.

– Но мы теряем довольно много смыслов, – задумчиво сказал Уильям. – Люди тратят свой потенциал на то, что всем давным-давно известно. Не разумнее ли впустить Продавцов и разрешить сбор? Может быть, с уменьшением стандартного процента?
Люди за столом закачали головами, глядя на него с явным неодобрением. Уильям развел руками.
– Как угодно! Но это лишний и ненужный конфликт!
– Вы предлагаете сломать людям всю картину мироздания, – сказал грузный мужчина. – Это кризис основных мировых религий…
– Которые мы все равно потихоньку дезавуируем… – не сдавался Уильям.
– В разрешении собирать смыслы с нашей родной планеты, с наших деградировавших потомков я вижу что-то отвратительное, – сказала пожилая женщина властного вида, та самая, что сидела в бриллиантовом колье, в серьгах и кольцах с устрашающего размера камнями. Все замолчали, дожидаясь, пока она закончит. – Это какой-то… духовный инцест. Сродни продаже родственников в бордель. Простите, я против.
Она говорила негромко, без напора, но выслушали ее очень внимательно, а несколько Прежних одобрительно кивнули.
– К тому же допуск Продавцов впадает в противоречие со сложившимся восприятием инопланетных цивилизаций как потенциальной угрозы, – сказал смуглый мужчина арабской внешности.
– Я давно говорю, что надо создавать образ инопланетных пришельцев, как носителей добра, морали и высших ценностей! – парировал Уильям.
– Вот это разумно, – решила женщина в бриллиантах. Я не заметил за столом явно выраженного начальника, но эта женщина, как и грузный мужчина, явно пользовалась большим авторитетом, чем другие. – Поддерживаю. Мы же не опасаемся, в самом деле, что враги вторгнутся на Землю, и нам придется вооружать толпы простолюдинов.
– Хорошо, но хотя бы образ добрых гостей из космоса принимается? – спросил Уильям быстро. Видимо, он был готов довольствоваться малым.
Здоровенный телефон перед ним зазвонил. Это почему-то вызвало всеобщее оживление. Уильям, отмахиваясь рукой, встал, отошел к витражному окну. Я услышал:
– Алло! Алло? Что? Виктор?
Уильям повернулся, держа телефон возле уха, и недоуменно уставился на пожилого мужчину с сильной залысиной и глубоко посаженными глазами. Тот поднес к уху ладонь и громко произнес:
– Уильям, детка, тебя плохо слышно, говори громче!
Захохотали все. Даже Уильям, отключая телефон, смеялся; не знаю, впрочем, насколько искренне.
– Ладно-ладно! – сказал он. – Вы еще убедитесь, как это удобно для контроля…
Уильям пошел к столу, но тут его взгляд упал на меня.
– Что здесь делают Слуги? – резко спросил он.
Все-таки он обиделся. Но на своих, конечно, сорваться не мог.
– Это хорошие, верные Слуги, – сказала женщина в бриллиантах. Но все-таки сделала легкий жест рукой.
Мы со вторым Слугой поклонились и вышли из зала.
Буквально в последнюю секунду я понял, что мужчина со знакомым лицом похож на Ивана.
Его отец? Дед?
То есть, конечно же, он сам – только в другом образе…
…Миг. И все изменилось.
Исчез полутемный зал, исчезли Прежние за столом.
Я сидел в большом потертом мягком кресле. Нас было трое, все мы были подростками, но уже на одной из дальних стадий Изменения. Тело мое раздалось и огрузнело.
Я стал монахом – ученым Измененных.
Ну зачем Изменение делает их такими… грушеобразными? Может, у них дополнительные мозги в заднице?
Еще один монах, совсем уж преображенный, даже лицо его выглядело не слишком молодым, стоял перед нами.
– Прошу отнестись к увиденному со всей серьезностью, – сказал он. – Мы полагаем, что данная запись памяти, скачанная с мозга уничтоженного Слуги, демонстрирует нам всех Прежних, находящихся на Земле. Запись редчайшая, относится к одна тысяча девятьсот восемьдесят четвертому году. По какой причине данная информация закрыта от рядовых Измененных?

– Им не стоит знать, что Прежних на Земле так мало, – ответил тот, в чьем теле я был. – Это приведет к беспечности и, возможно, бесплодным попыткам силового устранения Прежних.
– Всех узнали? – поинтересовался монах. – Большинство, конечно, сменили с тех пор тела. Но почти все остались в пределах своих семейных линий. Они довольно консервативны… Итак, тема сегодняшнего занятия: методики управления человечеством, используемые Прежними до освобождения Земли Инсеками…
– Вот бы еще знать, какие методики используют Инсеки… – дерзко сказал монах, сидящий справа от меня.
– Ученый должен иметь свободный ум, – произнес монах-учитель. – Но все-таки есть границы, Эд.
– Извините, – без особого сожаления отозвался монах.
Учитель еще несколько секунд строго смотрел на него. Потом сказал:
– Прошу подготовить три эссе на темы: сексуальная революция, социалистический строй, мобильная телефония. Меня интересуют цели, стоящие за каждым явлением, и причины, по которым Прежние их закрывали.
– А как же эпидемия ковида? – огорчился тот, кем я был.
– Это на вечернем занятии. У вас тридцать минут, время пошло!
* * *
И я обнаружил, что сижу, плотно сжимая веки.
Ну ничего себе «вы даже не заметите прерывания вашего существования».
У меня целая история в голове пронеслась!
Видимо, сработал еще один кусок чужой памяти, записанный в меня Фортом…
Я сидел, чувствуя под коленом и руками твердое гладкое стекло. И боялся открыть глаза.
Получилось?
Я перенесся на Землю?
Скопировался?
А там, в ином мире, мое тело распалось на элементарные частицы? Интересно, это было зрелищно? Трах-бах, вспышки света? Или я просто исчез, будто и не существовал, превратился в кирпичики мироздания, из которых Продавец потом создаст товары для тэни?
Я услышал, как мягко открывается стеклянный куб. Дохнуло свежестью… каким-то другим воздухом.
– Опасную игру вы затеяли, Максим, – донесся укоризненный голос.
Открыв глаза, я посмотрел на Продавца. Так хорошо знакомого мне Продавца из Комка в Леонтьевском переулке.
– Знаю, – ответил я. – Знаю.
Он протянул мне руку – человеческую руку, насаженную на металлический штырь. Я сжал его ладонь и вышел из стеклянного куба.

Глава пятая

Попав на Саельм – трясущийся от боли и голода, несчастный, ничего не понимающий, – разницу я заметил не сразу. Ну, увеличившуюся силу тяжести ощутил, но после второго Призыва это было мелочью. А вот то, что атмосфера другая, что воздух ничем не пахнет – на Земле такого даже высоко в горах не бывает, – не сразу понял.
Сейчас, даже после Трисгарда, воздух Земли ударил по мне сотнями ароматов.
Я чувствовал запах Продавца, тот сладковатый, чуть мертвенный запах, который издают органические части их тела. Запах табака – к нему заходил кто-то, недавно покуривший. Запах пряностей… может быть, какой-то гурман купил в Комке приправы?
Но сильнее всего пахло чаем.
– Я заварил чай перед тем, как принять вас, – сказал Продавец.
– Принять? – Я даже не сразу понял, о чем он. Я озирался, убеждаясь, что я на Земле, в знакомом Комке. То и дело поглядывал на свои руки и ноги.
– Перенос осуществляется пакетом данных, – пояснил Продавец. – Я рискнул предположить, что задержка на шесть с половиной минут несущественна. Завершил цикл предыдущего заказа, пока вы были в буфере, и заварил чай.
Я кивнул:

– Спасибо. Я выпью чай, да.
Вслед за Продавцом я вышел из отгороженной части Комка. Посетителей не было, видимо, он заблокировал дверь. На прилавке стоял поднос с чайником и двумя чашками.
– Что-то особенное? – спросил я, беря чашку. Руки у меня тряслись, половину я тут же расплескал.
– Простой цейлонский черный чай, – ответил Продавец. – Я так понял, что вы не любитель экзотики.
Я посмотрел ему в глаза. Кивнул:
– Да. Не дорос еще, наверное.
Глотнул чай. Он был горячий и крепкий. То, что надо.
– Не беспокойтесь, тремор пройдет, – сказал Продавец.
– Что пройдет?
– Тремор. Дрожь в руках. Это нервный шок от разборки и сборки.
Я оперся о прилавок, кивнул.
Шок от разборки и сборки. Был в буфере. Подумаешь, эка невидаль. Вся Земля после Перемены в таком буфере… трясется на месте…
– Вы много где побывали? – спросил Продавец с любопытством. – Знаю про Саельм, потом Шогар, потом Трисгард… Что-то еще в промежутке?
– Все, – сказал я. – Три планеты.
– И что хотите делать? Вы ведь ушли с Земли по своей воле.
– Знаете, почему? – спросил я. Взял чайник и налил себе еще чая. Руки тряслись уже меньше.
– Конечно. Вы очень глубоко и сложно взаимодействуете с Дариной. Начинаете продуцировать редкие и сильные смыслы. Инсеки берут с Земли дань людьми, но кристаллы остаются Прежним. Так велел Высший, и его решение нельзя оспорить. Понимаете?
Я понимал. Инсеки не могли позволить мне продуцировать смыслы для Прежних, а Прежние не позволят отдавать их Инсекам.
Я по-прежнему считался человеком, убить меня Инсек боялся, но мог надавить на тех, кто мне дорог. На Дарину, на других Измененных…
А Прежние?
Полагаю, они могли со мной разделаться. Их власть над людьми сейчас была ограничена, но… всегда есть Слуги, которых можно подтолкнуть к тому или иному решению. Прежние умели действовать чужими руками.
Да и другие лазейки оставались. Защищаться им правила не мешали, а ситуация, при которой я сам вцеплюсь в глотку Ивану, вполне возможна. Вряд ли мне повезет так, как с Мод…
Если даже не брать в расчет его умение влиять на людей – я легко мог представить целый ряд гадостей, от которых у меня снесет крышу. Да хоть бы новое нападение на Гнездо и Дарину, совершенное руками Слуг…
– Можете что-нибудь посоветовать? – спросил я.
Продавец задумался. Стоял, нюхая чай, и размышлял.
– Вы знаете, как хорошо я к вам отношусь… – сказал он наконец.
– Да уж…
– Классическое поведение ценного, но слабого игрока в конфликте двух могущественных сил – игра на противоречиях. Прежних вполне устраивает, что вы живете на Земле и продуцируете смыслы, которые так или иначе попадают к ним. Инсека вы устраиваете сам по себе, но не ваши смыслы. Однако я не знаю, какие противоречия вы можете использовать.
– Если я уеду? – спросил я. Сглотнул вставший в горле комок. – Без Дарины? В Европу, в Китай, в Америку… Один, или… Но без Дарины.
– Ваша разлука не помешает вам производить смыслы, – с сочувствием сказал Продавец. – Может быть, смыслов даже станет больше. Дело ведь не в физическом контакте, а в ваших чувствах.
– А как я могу перестать это делать?
– Отупеть, – сказал Продавец. – Можно использовать лоботомию. Можно те или иные нейротропные яды, – он оживился. – Кстати, среди них есть приятные – алкоголь и наркотики вполне годятся! Но они сработают не сразу, некоторое время возможен стимулирующий эффект.
Наверное, я уже немного отупел, потому что несколько секунд всерьез размышлял над этими словами.
– Спасибо, – мрачно сказал я. – А если побиться головой о стену?

– Тоже вариант, – согласился Продавец. – Только не переборщите.
Я стоял, смотрел в пустую чашку, на дне которой лежали чаинки. Жаль, что их было слишком мало, погадать не удастся. Или гадают только на кофейной гуще?
– В иных мирах я тоже продуцировал смыслы, – вспомнил я. – На Шогаре.
– Это Инсеков вполне устраивало, – кивнул Продавец.
– Вы можете меня как-то защитить от излучения? – спросил я.
Вот опять дошел до того, что канючу, пытаясь получить от Продавца помощь!
– Нет. Излучение не блокируется. Но даже будь у меня волшебная шапочка из волшебной фольги, это ситуацию не изменит. Где гарантия, что вы ее не снимете?
– Если бы я стал Измененным…
– Мутагены не сработают на взрослом организме. Да вы и так Измененный, просто другой природы. Вы человек и мутант в одном теле, вы гибрид.
– То есть ничего посоветовать не можете? – спросил я в лоб.
– У нас свои ограничения, – Продавец вздохнул. – Покажете кристалл?
Я достал кристалл из комбинезона и молча положил на прилавок.
– Красивый… – вздохнул Продавец. Осторожно коснулся кристалла кончиком пальца. – Но вы не продаете.
– Да, только показываю, – ответил я. – А вы не покупаете. Почему? Если он такой ценный?
– Даже не представляете, насколько, – признался Продавец. – Вы читали юмористический рассказ про банковский билет в миллион фунтов стерлингов?
– Нет.
– Зря, – сказал Продавец с сочувствием. – У людей хороший юмор. Многие культуры вообще не понимают юмора, представляете?
– А вы?
– Да куда уж нам… – вздохнул Продавец. – Так вот, за банкноту в миллион фунтов нельзя купить ни еду, ни одежду. Ей не оплатишь номер в гостинице или билет на поезд. Понимаете, почему?
Я пожал плечами.
– Сдачи ни у кого нет. – Продавец осторожно пододвинул кристалл ко мне. – И в банк не сдашь, владельцы таких купюр записаны поименно. Вам что-нибудь нужно, Максим?
– Мне платить нечем, – сказал я мрачно, пряча кристалл.
– Какая ерунда! Я запишу на ваш счет, рассчитаетесь со временем. При желании.
А вот это, скажу честно, меня немного напугало.
Но я сделал заказ.
– Пейте чай, – решил Продавец. – Придется подождать несколько минут.
Он стоял, смотрел на меня и будто бы размышлял. Потом сказал:
– Третий совет, Максим. Не думайте, что уникальный кристалл дает вам какую-то защиту.
– Знаю, – сказал я. И нахмурился, пытаясь сообразить: если это «третий совет», то каким был второй? Первый, допустим, «отупеть»… а второй?
Но спрашивать Продавца бесполезно, это я понимал.
* * *
В Москве был не то поздний вечер, не то ночь.
Почему-то я даже не сомневался, что так и окажется. Вышел, держа в руках тяжелый пакет, посмотрел на мрачного, шмыгающего носом мужчину. Тот глядел на меня недовольно, видимо, давно ждал у входа в Комок.
– Пожалуйста, – вежливо сказал я.
– Видок у тебя… – пробормотал мужчина, протискиваясь в дверь.
Как по мне, он и сам выглядел не слишком хорошо. То ли за бухлом в Комок пришел, то ли за чем-то «расширяющим сознание». Несколько мгновений я смотрел на него – и меня вдруг снова пробило понимание, рожденное чужим смыслом.
…Женщина – ссора – брошенные в запале слова – пощечина – ответная оплеуха – захлопнутая дверь – долгая ругань на площадке – блуждание под дождем – звонок приятелю – выпивка – поход в Комок за добавкой – гуляем – собирался подарок ей, дуре, сделать – лучше пропью…
Я постоял, глядя на лунное кольцо, вдыхая теплый влажный воздух. Дождя уже не было, и то ладно, только кое-где высыхали лужи.
Дома.
Дома, на Земле.
Совсем рядом мой дом, мама и папа.
Еще ближе Гнездо. Там Дарина.

Где-то на соседней улице проехала машина, потом пронесся мотоцикл. Снова наступила тишина.
Я понял, что стою и беззвучно плачу.
Я вернулся, но ничего не закончилось и ничего не изменилось. Инсек захочет, чтобы я убрался с Земли.
Может, мне так и делать?
Туда-сюда. Земля—Саельм. Саельм—Земля.
– Совсем тебя расколбасило, – сказал мужчина, выходя из Комка. Его заказ весело позвякивал в сумке, а сам мужчина явно подобрел. – Коньяк будешь?
– Нет, – сказал я, вытирая лицо. – Но спасибо.
И пошел к Гнезду.
– Столетний! – крикнул мне вслед мужчина с явной обидой.
Но я даже не стал оборачиваться. Я шел, смеялся и плакал одновременно.
Два дня назад, на планете Трисгард, населенной розовокожими четырехпалыми людьми, где-то за немыслимые парсеки от Земли, я бежал по коридорам исполинского дирижабля, падающего в открывшийся между океаном и небом портал. Измененные, воюющие за Прежних и Инсеков, испепеляли друг друга в скоротечных схватках, а стража, бывшая когда-то маленьким сыном Виталия, уводила глайдер прочь.
Комендант Мар и локальный тактик Ди направляли дирижабль в огненный столб, искупая свои ошибки и промахи…
Коньяк, говоришь? Столетний? С женщиной своей помирился бы лучше, балбес.
Я дошел до Гнезда. Постоял, глядя на слабо проступающие под паутиной буквы.
Гнездо меня не чувствовало – потому что я так хотел.
«Тихо, – попросил я, открываясь. – Тихо, свои…»
Нахлынуло – тяжелой, валящей с ног волной, ледяной и обжигающей одновременно.
Гнездо незримо ощупывало меня, принюхивалось, будто брошенный пес, дождавшийся хозяина и не знающий, радоваться ему или обижаться.
«Все, все, я дома…»
Я поднялся по ступенькам. Толкнул дверь.
Темно, тепло, тихо.
Мягко.
Прелые запахи.
У меня чуть ноги не подкосились – от усталости и нервов.
Из темноты беззвучно выступила стража. Какая-то мелковатая, видно, совсем недавно прошла Изменение.
– Призванный Макс, – сказала стража.
Я кивнул.
– Ты вернулся на Землю, – стража помолчала. – Это хорошо?
– Не знаю, – честно ответил я. – Наверное, не очень. Но я вернулся.
– Ты меня помнишь?
Я внимательно посмотрел на стражу. Конечно, я сейчас вижу в темноте гораздо лучше, чем человек. Но стражи так сильно меняются…
– Играешь на пианино? – спросил я.
Стража, еще недавно бывшая человеческим мальчиком, покачала головой:
– Стало неинтересно.
– Понимаю.
– У нас тридцать куколок, – похвасталась стража. – Два монаха, только они сами еще не очень умные. Шесть стражей, восемь жниц. Хранитель.
– Дарина? – спросил я, хотя мне было очень страшно это произнести.
– Пока Дарина. Но скоро хранителем станет Лю. Она очень хочет. Из окна выпрыгивала, чтобы к нам отвезли.
– А, – сказал я, вспоминая. Как же давно все это было. – Вот ведь глупая.
– Девчонки, – сказала стража с неизжитой еще мальчишеской заносчивостью. – Ты пойдешь к Дарине?
Я кивнул.
– Иди, – сказала стража. – Она грустная очень. Она обрадуется, когда ты придешь.
– Спасибо… – Я на миг задумался и вспомнил. – Спасибо, Рома.
– Ро, – поправила меня стража. – Теперь я Ро.
Я похлопал его по руке и пошел вглубь Гнезда. Потом сообразил, остановился.
– Хочешь шоколадку?
Конечно же, он хотел.

Я шел по Гнезду, мне даже странным казалось, что раньше я здесь плутал. Голос Гнезда, возбужденный и растревоженный, сопровождал меня. Надеюсь, Дарина его не слышит.
Дверь в каморку под лестницей была прикрыта, но не заперта, как это принято у Измененных. Я постоял, собираясь с духом.
И вошел.
Дарина спала. Лежала на полу, на накиданных друг на друга матрасах, затянутая в черный комбинезон жницы. Измененным требуется куда меньше времени на сон, порой они просто лежат с закрытыми глазами, погруженные в легкую дрему, но сейчас Дарина действительно спала, я это чувствовал. Рядом с ней лежала открытая книжка, тускло светила включенная в розетку настольная лампа с выкрученным на минимум диммером.
Я постоял, глядя на нее. Она была такая хрупкая и беззащитная. Я вспомнил, что боялся ее, когда первый раз обнял. И как она отдалась мне в пустом разрушенном Гнезде. Как светились ее глаза – восторгом и страхом.
Я ведь даже сам не знаю, в какой момент понял, что люблю ее.
Поставив пакет у дверей, я очень тихо присел рядом с Дариной, потом лег, обнял ее. Дарина пошевелилась, я замер, но она продолжала спать.
Тогда я закрыл глаза и тоже уснул.
* * *
Вложенная Фортом память вновь догнала меня во сне.
Наверное, это было какое-то виртуальное пространство – пузырь из света в черном космосе. Где-то далеко-далеко в стороне синей каплей мерцала Земля, рядом серой запятой – Луна.
Инсек стоял на задних лапах, паря в облаке света. Нижняя часть его туловища мерцала красным, будто ошпаренная. Напротив него, раскинув руки, замерла человеческая фигура, вся из колеблющегося темного пламени.
Вначале я подумал, что они сражаются.
Потом понял, что битва уже закончилась. Точнее – была остановлена.

«НЕПРИЕМЛЕМОЕ ПОВЕДЕНИЕ».

Я не видел Высшего, но знал, что он здесь. Это он остановил битву за Землю. И боеголовки ракет превратил в свинец тоже он.

«Мы защищаемся».

Это Прежний.

«ЗЕМЛЯ ИМЕЕТ СТАТУС КОЛОНИИ. ГЕНОЦИД ЗАПРЕЩЕН».

Прежний не пытался спорить. Высший оставался бесстрастным, но мне показалось… быть может, только показалось, что он разозлен. И почему-то даже испуган.

«Прошу разрешить мне опеку над человечеством, как над взятой с боем культурой».

Это Инсек.

«Согласны».

Это Прежний! Что? Он сам согласился?

«Как представитель Инсеков я…»

Инсек. И он паникует. Инсек ошибся. Он запросил власть от своего имени, и Прежние увидели в этом шанс.

«Запрос был на личную опеку. Мы согласны лишь на этих условиях».

Прежний…

«ПЕРЕДАЧА ВЛАДЕНИЯ».

Я чувствовал боль Инсека и ликование Прежнего.

«СМЫСЛЫ, РОЖДЕННЫЕ НА ЗЕМЛЕ, ОСТАЮТСЯ ПРЕЖНИМ, КАК ИСХОДНЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ЗЕМНОЙ КУЛЬТУРЫ. КРИСТАЛЛЫ, ЛИШЕННЫЕ СМЫСЛОВ, ОСТАЮТСЯ ИНСЕКАМ ПО ПРАВУ ВЛАДЕНИЯ. ЛЮДИ, РОЖДЕННЫЕ НА ЗЕМЛЕ, ПРИНАДЛЕЖАТ ИНСЕКУ В РАМКАХ ЗЕМНОГО ПРАВА – ПРИ ИХ СОГЛАСИИ. ЗАПРЕЩЕНО УБИВАТЬ ЛЮДЕЙ, КРОМЕ КАК ПРИ САМОЗАЩИТЕ. ЗАПРЕЩЕНО ПОХИЩАТЬ ЛЮДЕЙ. ЗАПРЕЩЕНО ИЗЫМАТЬ СМЫСЛЫ НАСИЛЬНО. ПРОДАВЦЫ ОБЕСПЕЧИВАЮТ ПОСРЕДНИЧЕСТВО СОГЛАСНО СТАНДАРТНЫМ ПРАВИЛАМ. ИНСЕК ОБЕСПЕЧИВАЕТ УСЛОВИЯ РАБОТЫ ПРОДАВЦАМ. ПРЕЖНИМ И ИНСЕКАМ ЗАПРЕЩЕН ПЕРЕХОД В СИСТЕМУ ИЗВНЕ. ОБЪЯВЛЕН РЕЖИМ ОДНОСТОРОННЕЙ ИЗОЛЯЦИИ».

«Что будет, когда я прекращу существование?»

Это Инсек.

«ЗЕМЛЯ ВЕРНЕТСЯ В СВОБОДНОЕ СОСТОЯНИЕ. ИЗОЛЯЦИЯ БУДЕТ СНЯТА. НОВЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ ВСТУПИТ В ПРАВА ОБЫЧНЫМ ПОРЯДКОМ. ИНСЕКУ ЗАПРЕЩЕНО УНИЧТОЖАТЬ ПРЕЖНИХ, ОСТАВШИХСЯ НА ЗЕМЛЕ. ПРЕЖНИМ ЗАПРЕЩЕНО УНИЧТОЖАТЬ ИНСЕКА ДО ЕГО ЕСТЕСТВЕННОЙ СМЕРТИ».

Ничего не изменилось, но словно бы ушло напряжение. Фигуры, застывшие в пузыре света, шевельнулись.

«Ты проиграл».

Это Прежний, конечно же.

«Я смогу существовать еще долго. Потом придут другие».

«Переход запрещен».

«Лишь переход».

«Путь через пространство долог, а мы будем наготове».

«Я дождусь. Вам запрещено меня убивать».

«Грязную работу необязательно делать самим».

Это было не бахвальство, не ругань после драки, не угрозы. Оба существа общались холодно и спокойно, ни одна мысль не становилась неожиданностью для другого. Они обсуждали сложившуюся ситуацию, словно сражались на одной стороне – хотя ненавидели друг друга. Впрочем, и ненависть эта была спокойной, рассудочной. Ненависть хищников, сцепившихся над одной добычей.

«Высший был расплывчат в формулировках».

«Его мотивы сложны».

Свет стал гаснуть, а фигуры исчезать.

Инсек и Прежние разошлись. Прежние – выстраивать новую жизнь на не совсем уже принадлежащей им Земле. Инсек – дробить Луну под нужды Продавцов и зализывать раны.
Что-то было в этом разговоре. Что-то важное. Но сейчас я не мог поймать ускользающую мысль – я чувствовал осторожные касания, и сон уходил, я просыпался…
* * *
Я проснулся и открыл глаза.
Дарина сидела на корточках и гладила меня по лицу. В окне теплился робкий рассвет.
– Я не сон, – сказал я.
– Знаю, – ответила она. – Знаю…
Она плакала и смеялась одновременно, совсем как я недавно. Я обнял ее, и мы долго лежали рядом, ничего не говоря, лишь глядя друг на друга. Она осторожно трогала кончиками пальцев мое лицо, я смотрел ей в глаза и чувствовал ее дыхание – легкое, теплое и родное.
– Я зря вернулся, – сказал я. – Наверное.
– Тебя не было двадцать семь дней, – прошептала Дарина. – Я загадала, что если не вернешься за месяц, то уйду с Земли тебя искать. Жницы нужны везде…
– Не надо уходить, там плохо, – ответил я. – Как мои, Дарина?
– Нормально, – тихо сказала она. – Ничего не подозревают.
– Что? – Я не понял.
– Я сказала, что ты поехал на север, в Якутск. По заданию Измененных. Что скоро вернешься, но пока звонить вряд ли сможешь.
– Почему в Якутск? – спросил я растерянно.
– Потому что далеко. Что в голову пришло, то и ляпнула. Прокатило…
– Наська не проболталась? За месяц…
– Она только неделя, как ушла. До того была в Гнезде.
– Я же велел ей идти к моим! – Я даже разозлился. – Постой… она стала человеком?
– Стала. Но я ее не могла прогнать. Она ночевала в защищенной зоне, где экраны… думала, что ты через них можешь вернуться. Людям нельзя туда входить, но Гнездо ей позволяло. Наська решила, что будет там ждать. Она тебя очень любит.
– Вот же мелочь упрямая… – только и выдавил я. – Ну почему меня никто не слушает, а? Я ведь собой пожертвовал, подвиг совершил! Думал, хоть у Наськи все хорошо будет… Но она ушла?
– Я ее уговорила. Напомнила, что это твоя просьба. Она ушла, она не проболтается.
Дарина всхлипнула и потерлась лицом о мое плечо, промокнув слезы. Спросила:
– Ты есть хочешь?
– Серьезно, что ли? – поразился я. – Я вернулся на Землю, нас всех хотят стереть в порошок, а ты про еду?
Она неловко улыбнулась.
– Вообще-то хочу, – сказал я. – Поесть. Помыться. Кофе выпить. А потом нам надо будет сесть и серьезно поговорить.
– Нам с тобой?
– И нам с тобой. И всем нашим, кто остался. Ты по-прежнему здесь главная?
– Пока да. Но мы приняли одну девочку, у нее есть потенциал…
– Разрешишь нашим собраться в Гнезде?
– Только Милану позови, – Дарина улыбнулась. – А то знаю я тебя… станешь сомневаться.

Глава шестая

Было четыре часа утра, и в Гнезде почти все спали, только Ро стоял у дверей. Я спустился в душевую.
Мылся я долго. Мне было наплевать на причуды местного душа, который то выдавал порцию ледяной воды, то пытался меня ошпарить. Я извел полфлакона шампуня «Абрикос – без слез», которым была заставлена целая полка в душевой. Из государственных наборов, что ли? Или кто-то пожертвовал для «бедных деток в Гнезде»?
Потом я вымыл комбинезон с тем же шампунем, прополоскал и повесил сушиться. Чтобы полностью избавиться от воды, ткани требовалось минут десять. Я оставил комбинезон на раскладной сушилке, а сам снова встал под душ.

И позвал Гнездо.
Нет, влезать в виртуальное пространство я не хотел. Это довольно страшно, на самом-то деле.
Я просто объяснил, что хочу знать, и попросил Гнездо поискать информацию.
Ответ пришел через минуту. Гнездо не знало.
Я попросил снова. И подкрепил свою просьбу, задав вопрос как Защитник. Гнездо ответило, что отправит запрос к другим Гнездам.
В общем-то это все равно, что выйти в эфир во всех диапазонах и заорать: «Я здесь! Я, Максим Воронцов, дважды призванный, вернулся на Землю! Что, съели?»
Но почему-то я был уверен, что реакция последует далеко не сразу.
Хотя бы по той причине, что мой вопрос касался бесцветных кристаллов.
Им сейчас придется думать. Всем – и Прежним, и Инсеку. Пытаться понять, что именно я знаю и как собираюсь поступить. Я даже вопрос сформулировал так, чтобы он был максимально туманным.
Потом я приказал Гнезду полностью закрыться от других Гнезд, работать только на прием информации и ничего не сообщать. Может быть, у меня не так много шансов, и сам я не стратег, и даже не тактик, и вообще не гений.
Но выхода у меня нет. Значит, я должен справиться.
Я влез в комбинезон, сухой и теплый. Набросил плащ (его и стирать не пришлось, технология Продавцов была еще круче, чем у Инсеков). И пошел в кафе.
Дарина там оказалась не одна. У плиты стояла незнакомая жница, что-то мешала в огромной кастрюле. К моему появлению она отнеслась совершенно равнодушно.
– Это Ми, – сказала Дарина.
– Ми, – кивнула жница. – Я варю кашу.
Я не стал уточнять ее прежнее имя. Скорее всего – «Миша». Спросил:
– Не рановато начала?
– Перловая, – ответила Ми. – Ее надо долго варить. Мама всегда варила долго, тогда она вкусная.
Дарина многозначительно посмотрела на меня, я кивнул. Если жница вспоминает семью, то с ней не все в порядке, значит, она никак не адаптируется к Гнезду.
Лучше не расспрашивать.
– Я бутерброды сделала, – сказала Дарина. – У нас есть колбаса и даже сыр.
– И кофе, – принюхавшись, сказал я. – Мне очень не хватало кофе.
Дарина поставила передо мной тарелку с горой бутербродов, кофейник, чашку. Я жадно принялся есть.
– Ты придумал, что нам делать? – спросила Дарина, осторожно беря самый маленький бутерброд, потом положила его обратно на тарелку.
– Угу… – Я прожевал, кивнул. – Почти. Мне кажется. Но надо разобраться до конца.
Дарина сидела, подперев ладонями голову. Потом сказала:
– Ты изменился, Максим.
– В какую сторону? – насторожился я.
– Стал совсем взрослым. Раньше ты бы просто побежал делать. Или стал бы советоваться со мной. Ты теперь… – Она помедлила, подбирая слова, – осторожнее. Мудрее. И печальнее… Там все так плохо?
– Ты же видела учебные записи, – сказал я. – Спасибо, Дарина. Я пойду, но скоро вернусь.
Она кивнула, но не спросила, куда я собрался.
Кажется, Дарина тоже стала взрослее.
* * *
Выйдя из Гнезда в рассветный сумрак, я сразу поискал взглядом Ивана.
И, конечно же, легко нашел.
На том самом месте, где мы когда-то разговаривали на специально поставленной кем-то скамеечке.
Только в этот раз у стены здания стояло большое кожаное кресло с высоченной спинкой и толстыми подлокотниками, отчего оно походило на трон. Рядом с креслом пристроился журнальный столик, такой же основательный, с массивными ножками, и высокий старомодный торшер с большим матерчатым абажуром. Торшер светился мягким теплым светом.
Иван читал бумажную книжку, держа ее одной рукой. В другой была большая фарфоровая кружка. На столе стоял пузатый кофейник и вазочка с крошечными пирожными. Ноги Ивана были укрыты пледом.
Даже если его и впрямь увлекло чтение, не заметить меня он не мог. Но головы не поднял.

Я вздохнул и подошел к Ивану.
Он перелистнул страницу.
– Интересная? – спросил я.
– Старая, значит – интересная, – ответил Прежний, не отрываясь от книги. – Сейчас не умеют писать книги, это утраченное искусство.
– Почему?
– Ритм жизни изменился, – Прежний наконец-то посмотрел на меня. – Люди не умеют читать быстро, а на долгое чтение не хотят тратить времени. Как будто у них есть какие-то другие важные дела. А хорошая история требует не только сюжета, но и атмосферы.
– Ну и что?
– Атмосфера не создается сюжетом. – Кажется, Иван даже обиделся на вопрос. – Атмосфера всегда вторична. Но чтобы планета ожила, она должна обрести атмосферу. Чтобы ожила история, она тоже должна обрести свою атмосферу: избыточные слова, действия, сцены.
Я посмотрел на обложку. «В поисках утраченного времени».
– Советуете прочитать?
– Что? Нет-нет, Максим, я против лишней жестокости.
Он закрыл книгу и положил на столик, туда же поставил кружку. Снял очки, тоже отправил их на стол и потер глаза.
Только сейчас я заметил, что торшер ни к чему не подключен, шнур с иностранной трехзубцовой вилкой лежал на асфальте.
– Что предложите? – спросил я. – Или вы уже предлагали, а потом стерли память?
Иван вздохнул:
– Увы, больше я повторить этот фокус не смогу. Ты прошел второй Призыв и очень сильно изменился.
Я улыбнулся. Это действительно было приятно слышать.
– А что тебе предлагала Мод? – небрежно спросил Иван.
– Иную реальность. Параллельный мир, где вы не дали Инсекам захватить Землю.
– Она предлагала физически перенести тебя туда? – поразился Иван.
– Только сознание. В другого меня.
Иван покачал головой. С завистью произнес:
– Все равно, очень круто. Мод сильна. Была сильна… Как ты ее убил?
Я снова улыбнулся.
– У меня все равно есть несколько версий, и я предпринял необходимые меры, – сказал Иван с обидой. – Не хочешь – не говори.
– Не хочу и не скажу.
– Я аналогичного предложения сделать не смогу, – вздохнул Иван. – Видишь ли, Мод была старше, сильнее и продвинулась дальше меня. Но зато я ближе к людям, и это дает нам шанс на взаимопонимание.
Я подумал, что для лучшего взаимопонимания он мог бы поставить тут два кресла, но вслух этого не сказал. Просто стоял и смотрел на него.
– Знаешь, зачем мы предлагаем Слугам избавиться от эмпатии?
– Из презрения? – предположил я.
– Нет, для повышения работоспособности. Что толку в личной силе, безопасности, долголетии, если ты тревожишься за близких тебе людей?
– Мод была очень сильна, – сказал я, глядя ему в глаза. – Но я теперь – Защитник. Это моя суть – тревожиться и оберегать.
И мне показалось, что полученный у тэни смысл позволил мне его почувствовать. Напряжение, даже отчасти страх.
– Я не угрожаю, – сказал Иван. – Я лишь разъясняю тебе ситуацию. На Земле нас осталось девять, отвечать за других я не могу. А еще есть Слуги со своими амбициями. И Кандидаты, их несколько сотен. Еще есть Инсек, который недоволен твоим возвращением и возможной генерацией смыслов. Да, такого любопытного предложения, как Мод, я тебе не сделаю. Но, поверь, ты останешься доволен.
– А вы получите бесценный кристалл, – сказал я.
– Да никакой он не бесценный… на данный момент, – Иван осекся. – А ты ведь пытаешься меня прочитать, так? Не надо, Макс. Обижусь.
– Дайте мне время, – попросил я.
– Время… самое редкое, что есть во Вселенной, – Иван вздохнул. – Мы за ним вечно гонимся, его никогда не хватает… Ты хочешь подумать, я понимаю. Поторговаться. Лучше распорядиться добычей… Максим, я могу дать тебе одни сутки. Почти уверен, что другие тебя трогать не станут, я буду очень настойчив и приму все возможные

меры. Вот за Инсека и Гнезда не отвечаю, по понятным причинам… Потом мы встретимся, ты сообщишь свое решение. Договорились… Защитник?
– По рукам, – сказал я. – Если честно, то я рассчитывал выпросить несколько часов.
* * *
Представительство Инсеков работало. Охраны у него стало больше, появился стационарный пост полиции – футуристического вида строение, металлический конус, увенчанный решетчатым диском. То ли какая-то антенна, то ли оружие. Скорее всего, атаку Слуг пост не выдержит, там наверняка какие-то автоматические системы, их взломают, как мой скафандр на Селене.
Но выглядел пост внушительно.
И у полицейских помимо пистолетов появились короткоствольные автоматы.
Никого из знакомых мне охранников не было, никто меня не узнал, ничего запрещенного я не имел. Лишь один буркнул, глядя на меня, что-то про «дурную моду косить под Измененных», но явно не посчитал мою одежду настоящим комбинезоном из живой паутинной ткани.
Так что я прошел внутрь, и ноги сами понесли меня к привычной кабинке, через которую я впервые заговорил с Инсеком.
Там я сразу посмотрел в угол. И улыбнулся, обнаружив конфетный фантик и крошечную бутылочку из-под джина. Приятно, когда в мире есть стабильность.
Экран, который я сломал месяц назад, конечно же, заменили. Я захлопнул дверь, сел на диванчик, вытянув ноги. Посмотрел в серый свет экрана. Сказал:
– Привет. Надо поговорить.
Из экрана медленно высунулась морда Инсека. То ли он никогда не спит, то ли очень быстро просыпается.
– Ты предлагаешь сразиться? – спросил Инсек.
Ему удалось меня удивить!
– Не хочу я ни с кем драться! – воскликнул я. – Я думаю. Решаю, как поступить с кристаллом.
– По совести, ты должен его вернуть нам, – с ноткой обиды произнес Инсек.
– Дай мне сутки на размышление, – попросил я.
– Нет.
– Прежний дал.
– Это его дело.
Инсек нервничал, как и тот, которого я встретил у тэни. Но сейчас рядом со мной не было Измененных.
– Мне нужны сутки на размышление, – твердо повторил я. – И давай без угроз? А то я приму предложение Прежнего.
– Чтобы он ни предложил тебе, Прежний врет, – сказал Инсек. – Их народ обманывал людей тысячелетиями.
– Прежние и есть люди, – ответил я. – Точнее, наши предки.
– Это философский вопрос, – возразил Инсек. – Конечно, они вбирают в себя человеческие сущности. Но в основе Прежних немного иная версия человеческой расы.
Я помолчал.
– Расскажешь?
– Тут мало что рассказывать. Цивилизация Прежних существует куда дольше человеческой. Вначале они развивались примерно так же, как и вы. Но, достигнув того уровня развития, которого Земля достигла бы в середине двадцать первого века, они пришли к идеологии, которую у вас называли трансгуманизмом. Развитие за пределами своей биологической природы, бессмертие…
– Это необычно? – спросил я.
– Ничуть. Общий путь развития для любого разума, – ответил Инсек. – Может быть, ты зайдешь в гости? Ваш воздух, температура и магнитное поле вредны для меня…
Протянув руку, я дотронулся до головы Инсека.
Он действительно находился тут. Частично тут. Это не было изображением, голова Инсека, горячая и твердая, высунулась с Селены на Землю.
– А выпустишь меня обратно? Ты уже обманывал меня.
– Сейчас я даю клятву без права ее нарушить, – очень серьезно ответил Инсек. – Ты вернешься на Землю, как только захочешь, я не стану препятствовать и нападать.
Он медленно втянул голову в светящуюся серую мглу.
Вздохнув, я встал, подошел к экрану – и запрыгнул в него. Это получилось неожиданно легко.
И я снова оказался в корабле Инсека, в слабой гравитации Селены и жаркой влажной атмосфере корабля.

Помещение было незнакомым: небольшой круглый зал с чем-то вроде здоровенной кушетки, на которой полулежал-полусидел Инсек. Спальня, что ли?
– Я ценю твое доверие, – сказал Инсек. – В знак извинений и признательности я принимаю твою просьбу. Ты получаешь сутки на размышление, при условии, что я первый узнаю твое решение.
– Спасибо, – я присел на пол. – Согласен. Так что там было с Прежними?
– Они взяли на вооружение идею перехода к сингулярности, – сказал Инсек. – И поняли, что для этого нет никакой необходимости в росте населения и всеобщем развитии. Элита Прежних обрела почти бесконечную жизнь и технологическое превосходство над основной массой соплеменников. Рядовые граждане на протяжении нескольких поколений деградировали за счет умеренно-высокого уровня гарантированных благ, неограниченного доступа к источникам нехитрых развлечений, контролируемых эпидемий и медикаментозных вмешательств. Их цивилизация разделилась на две несоизмеримые по количеству группы. Несколько десятков тысяч элитарных особей получили неограниченный срок жизни и доступ к продвинутым технологиям. Несколько миллиардов жили в гармонии с природой, короткой, но в целом благополучной жизнью, преклоняясь перед властителями.
– Олимпийские боги, – сказал я.
– Да, вероятно, ваши мифы сохранили отголоски тех времен, – согласился Инсек. – Элита принялась покорять космос, пришла к идее кражи смыслов, как и все прочие цивилизации. Народ служил источником материала для создания солдат и рабочих, хранилищем чистых генетических линий. Земля была планетой-прародительницей, заповедником и местом для развлечений. Похожим путем идут все разумные виды.
– И вы?
– И мы. Никто не возвышается сразу всей цивилизацией, это слишком сложно, долго и затратно.
– А потом вы атаковали Землю…
– Да. И правление Прежних стало не таким явным. Их осталось слишком мало, инфраструктура была разрушена, население деградировало до первобытного состояния. Прежние объявили собственную планету колонией, что дало ей определенную защиту, и стали восстанавливать человечество. Так пастух, у которого пало большинство овец, вновь бережно разводит стадо из немногих уцелевших. Им даже пришлось принимать в свои ряды самых перспективных людей, твой Иван – один из таких, относительно молодых Прежних, самому старому из его компонентов нет и тысячи лет.
– Ясно, – сказал я.
– Земля подходила к повторению этого этапа, – продолжил Инсек. – Инфраструктура была практически создана, необходимость в массовом развитии населения отпала. К концу двадцать первого века основная часть человечества жила бы в новой версии заповедника, довольствуясь крохами технологий, не мечтая о космосе, потребляя экологически чистую пищу и восстанавливая природу, мечтая стать слугами новых богов… Думаю, это была бы технологическая версия древних олимпийцев. Прежние экспериментировали, подбрасывая людям те или иные социальные конструкты, фантастические книги и фильмы, различные модели будущего, изучали реакцию. Технобоги, похожие на людей, но всесильные и прекрасные, с одной стороны, а с другой – живущие в гармонии с природой люди, с небольшим шансом подняться до уровня богов или хотя бы стать обласканной прислугой – это наиболее отвечающая человеческой природе форма существования.
– Неправда! – сказал я.
– Прости, если мои слова показались обидными или жестокими. Но я собрал достаточное количество информации, чтобы прийти к этому выводу. Ваша цивилизация в любом случае подходила к концу. Бессмысленная борьба за экологию, тупиковые пути исследования космоса, всеобщее оглупление населения, деградация образования, процветающие мистицизм и суеверия, осознанное снижение рождаемости и сексуальные практики, не приводящие к размножению, череда эпидемий и неадекватные меры борьбы с ними, декларируемое равноправие всех социальных систем с одновременным угнетением наиболее эффективных из них, военные и политические конфликты, не имеющие под собой никакого реального обоснования… Это та же самая процедура, которую много тысяч лет назад провела цивилизация Прежних, приступая к своему возвышению.
– А вы как поступили? – зло спросил я.
– Нам было проще, – ответил Инсек, помедлив. – Мы не гуманоидная форма жизни, и наше отношение к правам личности и целесообразности развития иное. Мы исследовали проблему и велели большей части населения деградировать. Не было

никаких заговоров и тайного воздействия на массу особей, было общее решение и случайная лотерея среди достойных возвышения.
– Это не по-человечески…
– Конечно. Это гораздо честнее и справедливее. Понимаешь ли, Максим, с определенного момента любой количественный путь развития сменяется качественным. Экстенсивный – интенсивным. Большая часть разумных особей становится ненужной, ее можно либо уничтожить – так делают некоторые виды, или превратить в слуг, стадо, заготовки биомеханизмов. Так поступили мы и Прежние, пусть и разными путями.
– Мерзко, – прошептал я.
– Законы природы не бывают мерзкими, Максим, – они вообще никак не соотносятся с моралью… Так что Прежние не ваши предки. В лучшем случае – старшие братья, но скорее… скорее уж – ваши боги.
– Злые боги.
– Боги, как законы природы, не бывают добрыми и злыми… – Инсек заерзал на кушетке. – Мне нужно провести ряд медицинских процедур, тебе не стоит присутствовать. Я могу сказать что-то еще, что позволит тебе принять правильное решение?
Пожав плечами, я поднялся, шагнул к экрану. Спросил:
– Вы уже находили прозрачный кристалл?
– Да, – ответил Инсек, помедлив.
– А Прежние?
– Да. Зачем ты спрашиваешь?
– Вспомнил одно хорошее правило.
Улыбнувшись Инсеку, я вошел в экран.

Глава седьмая

Как ни странно, мне не хотелось сейчас идти к родителям, наверняка встревоженным моим неожиданным «отъездом», или вернуться в Гнездо и обнять Дарину.
Свою великовозрастную команду я повидать тоже не спешил.
И уж тем более Лихачева, у которого от любопытства, наверное, глаза бы из орбит вылезли. Шутка ли – я первый человек, который отправился к звездам и вернулся, кладезь информации об Измененных, об Инсеках и Прежних, о других разумных видах.
Я хотел ощутить, что я снова дома. А это лучше делать в одиночестве.
Выйдя из Представительства, я побрел куда глаза глядят. Было шесть утра, метро уже полчаса как работало, и людей на улице, конечно, прибавилось. Даже открылись несколько крошечных кофеен, в одной, напротив консерватории, с удивительной надписью «Мы не продаем кофе Измененным!», я взял стаканчик навынос.
Пару месяцев назад я бы на этот лозунг и внимания не обратил. С тем же успехом хозяин заведения мог не продавать кофе Инсекам. Месяц назад я бы разозлился и обозвал продавца расистом. А сейчас мне было все равно. Ерунда, доказательство того, что глупость неисчерпаема.
Кофе был так себе, но бодрил. Я шел, пока не сообразил, что я на Большой Никитской, а значит «глаза глядят» то ли на Гнездо, то ли, скорее, на дом.
Гордо разворачиваться я не стал. Двинулся дальше, но не свернул ни направо, ни налево. У «Рэдки», где собираются наши серчеры, остановился. Кафе было еще закрыто (или уже?). Столики стащили к дверям и приковали цепью к столбику. А вот один стул убрать забыли, никакие ночные тати на него не покусились, так что я сел и уткнулся лицом в ладони. Начинал слегка накрапывать дождик, но он мне не мешал.
Тут мы встречались с Иваном, когда он предложил спасти сына нашего старшего…
Ну и чего мы добились? Виталий погиб. Его сын спасаться отказался. Гибель полусотни Слуг размазали по новостям, и она прошла почти незамеченной, разве что какие-нибудь старички поохали, обнаруживая в некрологах одного кумира юности за другим.
Прежний всего-то убрал ненужные больше инструменты нашими руками. Вначале организовал потешный бунт, рассчитывая…
А на что?
Реально надеялся уничтожить Инсека?
Я подумал и решил, что вряд ли существо, подобное Прежнему, мыслит так мелко. Каждое его действие, вероятно, нацелено на решение множества задач. Попробовать

уничтожить Инсека, нейтрализовать или захватить стратега, убить или приручить меня, повысить свой статус среди девяти оставшихся на Земле Прежних. Иван все время был впереди нас, да и сейчас остается.
А у Инсека, пожалуй, точно такой же сложный набор целей и приоритетов. Выжить самому, ослабить или уничтожить Прежних, добиться преимуществ для себя или своей… как это там у них называется… линии.
Мы пытаемся играть на равных с противниками, которые куда больше, чем люди. На Трисгарде мне повезло – я догадался включить энергетический подавитель, и все то кошмарное месиво человеческой плоти вывалилось в обычное пространство, стало ненадолго беззащитным. Но здесь такого устройства нет, в гараже его не спаяешь. Да и Прежние, скорее всего, догадываются, как погибла одна из них.
Мною вдруг овладела безумная тоска.
Я вспомнил тот мир, где Прежние отбили атаку. Где все было так хорошо… хотя бы внешне. Может, стоило принять предложение Мод?
Потом я вспомнил ту Дарину. Пьяную, плачущую, осознающую, что все не так, но не понимающую, почему.
Нет.
Нельзя было туда убегать. Даже вместе с Дариной. Даже если бы Мод согласилась отправить со мной родителей, Милану, Наську, еще десяток друзей-товарищей…
А ведь она бы согласилась! Я был в этом почти уверен.
Что снова возвращает меня к прозрачному кристаллу невероятной ценности, который нельзя даже отнять силой…
Я достал кристалл из комбинезона. Поднял, посмотрел через него на здание церкви, где когда-то венчался Пушкин (а среди гостей, вот же удивительно, вероятно, был Иван – или одна из его человеческих составляющих).
– Это ведь не я тебя создал, верно? – спросил я зачем-то. И сам устыдился глупой мысли – кристалл появился гораздо раньше. – Но ведь ты не зря попал ко мне. Я это понимаю. Мы с тактиком оба это поняли! Ты меня дожидался, ты знал, что я окажусь на Трисгарде…
Кристалл молчал. Камни не разговаривают, даже если они органические и в них закодирована бездна информации.
Впрочем, исчезать из кармана и снова появляться камни тоже не умеют…
Я вздохнул и спрятал кристалл. Безумно хотелось пойти домой. Но я побрел по улице дальше, свернув по Скарятинскому перед Центральным Домом литераторов – на тротуаре шумно и пьяно тусили. Может, писатели всю ночь веселились, теперь никак разойтись не могут?
Я даже улыбнулся этой мысли. Ну разве писатели могут пьянствовать всю ночь напролет, они же интеллигентные люди, творцы!
Ноги словно сами несли меня вперед. Я вышел к скверику, где на бронзовой скамейке сидела бронзовая статуя с бронзовой тростью – памятник писателю Михалкову.
Стоп, а может, я подсознательно сюда и шел? Хотел увидеть старого знакомого, поэтического бомжа Андрея? Михалков ведь не просто писатель, а еще и детский поэт!
Но у памятника никого не было, кроме стоящей поодаль бронзовой девочки с бронзовым букетиком в руках и бронзового медвежонка. Впрочем, среди бронзовых цветов был и один настоящий – ярко-красная гвоздика.
Я постоял минутку рядом, глядя на памятник. Вздохнул.
И пошел дальше.
Чтобы через двадцать метров остановиться перед другим памятником.
Памятник был странный. Плоские бронзовые силуэты безликих людей, а среди них – одна объемная фигура, которая, запрокинув голову, смотрела в небо. Впрочем, и эта фигура была не совсем нормальная, с одной стороны выпуклая, а с другой вогнутая, будто детская формочка для песка.
Ровно в той же позе, что и бронзовая фигура, стоял бомж Андрей.
Стоял и смотрел в небо.
– Эй! – Я замахал рукой, подходя. – Здравствуйте, Андрей!
«Голос мертвых поэтов», как он когда-то себя назвал, медленно опустил голову.
К моему удивлению, он очень коротко постригся и начисто выбрился. Обычно от этого люди молодеют, но Андрей будто, напротив, состарился. На нем были все те же пестрые бермуды, в которых я видел его месяц назад, только теперь они стали гораздо грязнее, и майка-алкоголичка, неожиданно чистая.
Андрей внимательно посмотрел на меня, погрозил пальцем и сказал:

– Не выходи из комнаты; считай, что тебя продуло. Что интересней на свете стены и стула? Зачем выходить оттуда, куда вернешься вечером таким же, каким ты был, тем более – изувеченным?

– Андрей, вы меня помните? – спросил я.
Андрей опять погрозил мне пальцем:

– Не будь дураком! Будь тем, чем другие не были. Не выходи из комнаты! То есть дай волю мебели, слейся лицом с обоями. Запрись и забаррикадируйся шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса.
[8]

– Андрей, я Максим! – Почему-то меня задела его отстраненность. – Помните, вы говорили, что я ваш друг!
Бомж замотал головой:
– Нет его, нет. Нет моего друга юного, нет его на Земле, затерялся он в небесах, вышел и не вернулся.
– Я вернулся! – Я осторожно взял его за плечо, потряс. – Вот он я!
Андрей нахмурился:
– Нет, нет. Оттуда не возвращаются. Те, кто вышел из людей, обратно людьми не становятся…
Он протянул руку и потрогал меня за лицо. Я нахмурился. От Андрея пахло, но не грязью, а скорее какой-то химией и дезинфекцией.
– Вы что-то пили? – спросил я сочувственно.
– Я? Я всегда пью! – возмутился бомж. – Ты про запах? Это мыло, санитарное мыло, меня забрали в санитарный приемник, заставили вымыться, побрили…
Он вздохнул, снова помотал головой:
– Потом, конечно, к ним пришли, велели отпустить. Я схватил штаны и убежал. Все вещи оставил… Но ничего, ничего, главное – тут!
Андрей постучал пальцем по лбу.
– Стихи! Все стихи тут. Решил пойти к Иосифу. Я к нему редко хожу, его любят, его помнят, ему не так сильно одиноко… Но мне надо. Друга забрали, вещи забрали… Но ничего. Ничего. Есть поэты, есть стихи…
Я понял, что говорить дальше бесполезно. Дождь начинал накрапывать все сильнее, я сбросил с плеч плащ. Усмехнулся. Долгий же путь он проделал со мной, лукавый подарок Продавца, скрывающий мои мысли. Ну что ж, будет справедливо ему остаться на Земле, что бы дальше ни случилось.
– Наденьте, Андрей, – ласково попросил я. – Дождик сильный, вы полуголый.
– Не боюсь дождя! – замотал головой бомж.
– А если полиция? Заберут снова…
Это его убедило, он стал засовывать руки в рукава, бормоча:
– Ну спасибо тебе, словно друг мой, обо мне заботишься… Буду дальше стоять, стихи читать, в них большие когда-то были смыслы…
– Что? – выкрикнул я.
– Смыслы, смыслы, – застегивая плащ, сварливо сказал бомж. – Вот друг мой прежний, наивный и юный, сразу бы понял. Смыслы разные формы принимают, поэты часто рождают смыслы…
Он уставился на меня.
Помотал головой.
Потом, неожиданно резким и ловким движением поднял плащ, укрываясь им с головой.
Застыл, глядя на меня.
– Вы знаете про смыслы? – спросил я растерянно.
– Максим? Ты действительно вернулся?
Взгляд бомжа вдруг стал четким и ясным.
– У нас очень мало времени, Воронцов, – сказал он. – Несколько минут. Но пока еще время есть.
– Кто вы? – Я хотел дотронуться до него, но непроизвольно отдернул руку. В нем было… что-то большее, чем я.
Он едва заметно улыбнулся, уголками губ.
– Как все мы. Больше, чем кажусь другим, и меньше, чем думаю сам.
– Высший? – спросил я. С испугом и надеждой. Вспоминая, как мы с Миланой, посчитав Андрея всемогущим пришельцем, умоляли его помочь.
– Нет.

Андрей покачал головой.
– Если бы я стал Высшим… Нет, Максим. Я был… был поэтом. Средненьким поэтом… А еще…
Он сглотнул, будто ему очень не хотелось продолжать. Горько улыбнулся.
– Еще я был сыном Прежнего, отцом Прежнего и Прежним.
Мне показалось, что после короткого мига просветления он снова сошел с ума.
– Вы не волнуйтесь, – попросил я. – Мы сейчас пойдем…
– Прежним я был совсем недолго, – продолжил Андрей, не слушая меня. – И не главной личностью, частью… Максим, это правда.
– Тогда я ничего не понимаю! – признался я.
– Да что тут непонятного? – Андрей развел руками. – Мой отец – Прежний. Они живут обычной жизнью… частью себя, помимо всего прочего. Женятся, рожают детей… Я не знал, конечно. А потом, однажды, он объяснил. И предложил вобрать меня в себя. Меня и моего сына.
У меня даже лицо перекосилось, когда я это услышал.
– Да, мерзко, – сказал Андрей. – Но моему сыну понравилось. Он остался, а я не смог. Я просил, и меня отпустили.
– Просто отпустили? – поразился я. – Из Прежнего?
– Говорю же, он хороший отец, – сказал Андрей. – И сын хороший… был.
– Иван? – понял я.
– Он больше не мой Ваня, – Андрей поморщился. – Он стал частью Прежнего, тот носит его тело в нашем мире. Он даже внешне изменился, теперь похож на отца в молодости. Завтра пожелает – и станет другим. Мой отец тоже был лишь частью. А ядро личности, подлинный Иван, живет со времен Куликовской битвы. В нем около тридцати сущностей, Максим. Почти все из них мои родственники, предки. Он, знаешь, верит в семейные узы.
– Фу, – сказал я, вспоминая копошащийся комок сплавленных вместе тел, корень Мод. – Какая гадость!
– Зато меня отпустили, а не растворили в общем разуме, – сказал Андрей.
– Я бы с ума сошел от такого!
– Так я и сошел, – бомж улыбнулся. – Сознательно. Ну и алкоголь… помогает.
Алкоголь и стихи.
Дождь шел все сильнее, но Андрей на миг стянул плащ, повел головой, будто черепаха, высунувшаяся из панциря, и снова укрылся. Пояснил:
– Плащ помогает.
– Он экранирует мысли, – сказал я.
– Да. Я почти ничего не помню и не умею, Максим. У меня забрали даже то, что дают Кандидатам. Только крепкая печень и зубы. Я особенно просил зубы, – бомж улыбнулся. – Боюсь стоматологов. Но мысли я слышу. Может быть, это оставили нарочно. Я слышу Прежних… как шум. Слышу лунное кольцо. Слышу внутренний голос Слуг. Слышу шепот Гнезд. Когда пьешь – шум тише…
Он помолчал, глядя на меня. Нахмурился.
– Когда скажу, ты побежишь. Так быстро, как сможешь. Ты успеешь. Я времени не хозяин, даже Прежние лишь придержать его могут, но я умею считать.
– Куда побегу, зачем?
– Поймешь. Ничего страшного, время еще есть.
– Чем я могу вам помочь? – спросил я.
Андрей тихо рассмеялся.
– Спасибо. Честное слово, обнял бы и расцеловал! По старому русскому обычаю, а не по нынешней моде. Только боюсь, от меня все-таки воняет… Но спасибо! Другой бы спросил, чем я могу помочь.
– А вы можете?
Андрей покачал головой:
– Не особо. И ты мне ничем не поможешь. Плащ твой сейчас верну. Но вначале кое-что скажу, запомни!
Я кивнул.
Андрей вновь на миг высунул голову из воротника и натянул плащ на макушку.
– С Прежним, с Иваном, дел не имей. То, что в нем хорошего есть, не для тебя и не для людей. Ни одного слова правды он не скажет.
– Я знаю.
– Хорошо, – Андрей кивнул. – Инсеку тоже не верь. Они одного поля ягоды, их мораль к нам не относится, мы для них – скот.
– И что тогда?

– Есть то, чего они все боятся. Больше, чем друг друга, чем прочих, дерущихся за смыслы.
Я хотел было сказать: «Высших?», – но промолчал. Но Андрей ждал, хоть и не задал вопроса напрямую. И я, подумав пару секунд, кивнул:
– Смысла.
– Да. Смысла, который позволит их победить.
– А такой есть? – спросил я и подумал о прозрачном кристалле в кармане.
Андрей пожал плечами и засмеялся:
– Кто ж его знает? Но они боятся.
– И все-таки?
Андрей вздохнул.
– Помнишь, как Слуг убивал? Я помню… помню, как они кричали внутри себя. Слышал их голоса.
– Я не убивал!
– Ты вернул им совесть, да. Но не обманывай себя, ты их убил так же верно, как если бы головы отрезал. А Прежние, Инсеки… все, кто идут к сингулярности, выбивая смыслы из других… что будет, если доказать им, что они – зло? Ведь зло никогда не признает себя злом, оно ищет оправдания, объяснения, доказательства своей правоты.
Я горько рассмеялся.
– Что, и у них совесть проснется? Прежние расплачутся, Инсеки зарыдают? «Ах, что ж мы делаем-то…»
Андрей осекся. С легким удивлением признал:
– Нет. Нет там уже совести, пожалуй. Даже у самых юных компонентов – нет. Но они боятся! Вот это помни!
Он опять высунул голову из-под плаща, вздохнул и принялся его расстегивать.
– Оставьте! – воскликнул я.
– Нельзя, Максим! Как голоса стихли, я вспоминать начал, а не надо людям такие вещи вспоминать, люди от этого портятся, – Андрей горько улыбнулся. – Либо с собой чего сделаю, либо… либо обратно в Прежнего попрошусь, на коленях поползу… Я же когда-то согласился, понимаешь? Лучше уж так…
Он посмотрел на памятник и забормотал, расстегивая пуговицу за пуговицей:

> – Прощай, позабудь и не обессудь. А письма сожги, как мост. Да будет мужественным твой путь, да будет он прям и прост. Да будет во мгле для тебя гореть звездная мишура, да будет надежда ладони греть у твоего костра…

– Не надо… – попросил я. – Останьтесь!

> – Да будут метели, снега, дожди и бешеный рев огня, да будет удач у тебя впереди больше, чем у меня. Да будет могуч и прекрасен бой, гремящий в твоей груди. Я счастлив за тех, которым с тобой, может быть, по пути…
> [9]

Мгновение он стоял в расстегнутом плаще, неловко вытаскивая руки из рукавов, смотрел на меня, и глаза его туманились, когда возвращался тот «шум», что он глушил алкоголем и стихами, – шум чужих мыслей.
– А теперь беги! – бросая мне плащ, сказал Андрей. – Домой беги!
Я машинально поймал плащ.
– Они идут… – прошептал бомж. И нахмурился, будто пытаясь осознать, о чем говорит.
Но я его уже не слушал.
Я бежал. Напрямик, перепрыгивая через бордюры и клумбы. Мимо качелей, мимо бронзовой девочки, несущей бронзовые цветы бронзовому поэту. Через Поварскую, по Скатертному, потом по Столовому – что-то во мне подсказало, что так будет чуть-чуть быстрее, словно в голове заработали компас и навигатор. Я не отдавал себе никаких приказов, но стал выше, ноги вытянулись так, что джинсы бы задрались до коленок, но чем хорош комбинезон из паутинного шелка – он принимает форму тела. Я не почувствовал, что стал быстрее, пока не увидел, как томительно-медленно ползет по переулку машина и едва различимо открывает рот водитель, когда я перепрыгиваю через капот.
Я был очень зол.
На Андрея – тоже.

Но на злость не оставалось ни времени, ни сил. Я подбежал к дому, увидел, что дверь подъезда распахнута и сорвана с одной петли, свисая тяжелым куском металла с оборванным цилиндром доводчика. Влетел в подъезд и тут же увидел консьержа Андреича, сидящего на полу у батареи. В руке консьерж сжимал сломанную дубинку, но глаза были открыты, и он шевелился – жив.
Надо же, как повторяется история.
Я прыжками понесся наверх.
И догнал незваных гостей на площадке второго этажа – бомж Андрей, бывшая часть Прежнего, и впрямь хорошо рассчитал время.
Хотя, если честно, я бы предпочел встретить эту компанию на улице.
Тут было трое Слуг и уничтожитель. Любят же Слуги эту неуклюжую боевую единицу… видимо, их привлекают устрашающий внешний вид, генераторы силового поля и невидимость.
Впрочем, я теперь прекрасно видел его и без поисковых очков.
Они все были ускорены, включая Слуг. Уничтожитель вскинулся на задние лапы, протянув ко мне четыре передние конечности. Я увидел, как в инфракрасном диапазоне замерцали кистевые импланты, генерирующие силовое поле.
Интересно, как человек, пусть даже преображенный, может управлять шестью конечностями? Надо будет спросить у какого-нибудь монаха…
Я взмахнул рукой и швырнул свернутый комком плащ в уничтожителя. Тот дернул одной конечностью, и мой верный спутник развалился на две части.
– Я по вам соскучился, – сообщил я, хоть и не был уверен, что на такой скорости мое горло издаст понятные звуки.
А потом выбросил левую руку вперед, мысленно впечатывая ее в грудь уничтожителя. Его отбросило к стене, дом вздрогнул, под потолком с яркой вспышкой перегорела лампочка, во все стороны брызнуло красным и бурым.
Уничтожитель опустил мохнатую голову, посмотрел на свою грудь. Там зияла дыра в форме моей ладони.
– Ты сам выбрал, – сказал я без всякой жалости. Прыгнул к нему, схватил за кисти – и почувствовал, как втягиваю энергию излучателей в органы, которых у людей не было и быть не могло.
Уничтожитель пялился на меня огромными мутнеющими глазами. Такая рана не должна была его убить, но, похоже, я обесточил весь комплект имплантов, а без них ему было очень хреново. Я отпустил монстра, и он осел огромной нелепой грудой: здоровенная мохнатая голова, голое тело, тонкие конечности…
– Мы никого не хотели убивать! – выкрикнул один из Слуг.
Я повернулся к ним, замедляясь. Напасть они не пытались, видимо, трезво оценивали свои шансы. Двоих я не знал, а вот третий был мне хорошо знаком.
– Ну привет, Гарри, – сказал я. – Вижу, живой и даже дорос до Слуги.
Юноша, которого идиоты-родители назвали в честь выдуманного волшебника, молчал. Шрам у него на лбу налился кровью, как и у книжного персонажа.
– Есть два варианта, – сообщил я, и они с надеждой уставились на меня. – Первый – быстрый и легкий. Второй чуть более долгий и куда более неприятный. Но в обоих случаях вы расскажете, кто вас послал и зачем вы сюда пришли.
Слуги переглянулись.
– Иван запретил приближаться к тебе, – сказал Гарри.
– Так, – подбодрил я. – И вы пришли к моим… Но вы же должны были понимать, что потом я вас всех убью!
– Он велел охранять твоих родителей и бывшую куколку! – выкрикнул другой Слуга.
Я с удивлением понял, что он говорит правду.
– Охранять?
Слуги закивали.
Так что же, Андрей ошибся? Слуги шли защищать мою семью, а не убивать или брать в заложники?
– Мы никого не убили, – сказал Гарри. Даже с каким-то вызовом.
Я смотрел на него. Андрей слышал не приказы, а мысли. То, о чем думали Слуги, когда шли сюда.
Но… они наверняка не рискнули бы нарушить приказ Прежнего. У них не сняты запреты на бунт. Они бы вломились в квартиру и заявили, что пришли защищать.
Поглощенный на Трисгарде смысл ожил во мне, и я понял Слуг, понял злобу, обиду, растерянность… и готовность выполнить приказ. Они бы действительно вошли и стали охранять. Ненавидя меня и всех, кто мне дорог, но Слуги охраняли бы их даже ценой своей жизни – так приказал Иван.

Конечно, это был бы незваный и неприятный визит.
Трое молодых парней, у одного из которых со мной личные счеты, и монстр, который вряд ли сохранил бы невидимость внутри квартиры. Веселенькая компания, то, что надо для двух стариков и девочки…
У Прежнего своеобразное чувство юмора.
И все-таки это не повод бить во все колокола и командовать «беги со всех ног». Уж тем более – не повод их убивать.
– Берете… этого… и выметаетесь отсюда, – сказал я. – Дверь сегодня же почините. Перед консьержем извинитесь и заплатите компенсацию, сколько скажет. Да… и в подъезде приберетесь. Сегодня же! Лампочку не забудьте сменить!
Кажется, Слуги не могли поверить, что так легко отделались. Двое схватили монстра и потащили по лестнице вниз. Гарри, к моему удивлению, задержался.
– Ты стал крутой, – отметил он, будто бы с укором.
– А ты не изменился, как был дрянью, так и остался, – ответил я безжалостно.
Он даже не обиделся.
– У каждого свой путь. Кому-то свезло больше, кому-то меньше. Каждый крутится, как может.
– Надеешься выслужиться до Прежнего?
– Вряд ли, я же не дурак, – ответил Гарри. – Но не все Избранные, знаешь ли. Когда это осознаешь, то начинаешь на жизнь смотреть трезво.
– Пошел вон, – сказал я. – А то вспомню, как погиб Виталий…
– Я-то при чем? – возмутился Гарри. – Это Ника командовала уничтожителями…
Но поспешил вниз.
Я смотрел вслед и думал – зачем же Андрей направил меня сюда? Причем так, чтобы я перехватил их в подъезде… во мне все сильнее крепла уверенность, что он рассчитал все точно.
Значит, я должен был что-то узнать или понять. Что-то важное.
Вздохнув, я пошел по ступенькам вверх.
Ни одна дверь, что характерно, от грохота не открылась.

Глава восьмая

Прежде чем позвонить, я несколько секунд стоял у двери, держа палец на кнопке звонка.
Рановато еще, конечно.
И жутковато.
Я вдруг представил, как приходили солдаты с войны. Те, кому повезло. У кого уцелел дом, кого дождались, в общем – кому было куда возвращаться.
Там, за спиной, остались кровь, боль и смерть.
А тебе повезло. Ты, в общем-то, целый (что у тебя в голове – никому не интересно). Ты пришел к своей двери, стоишь и боишься войти. Там – родные, которые жили тяжелой, но все-таки не военной жизнью. Что они увидят в твоих глазах, а ты – в их?
Что я вообще могу им сказать, после Шогара и Трисгарда?
Я вспомнил Викентия и в очередной раз подумал, что он был прав. Даже будь Виталий жив, к нему вернулся бы не маленький ребенок, а ускоренно выращенный Гнездом и Школой солдат с долгой и кровавой историей за спиной.
Должен ли я вообще входить? Имею ли право?
Замок щелкнул, и дверь открылась. За порогом стоял отец, в обвислых старых джинсах и майке.
– Привет, папа, – сказал я.
Отец внимательно посмотрел на лестничную клетку. Правую руку он держал за спиной. Потом осторожно поднял ее и поставил пистолет на предохранитель.
– Откуда у тебя ствол? – растерялся я.
– Забыл? Наградной, вместе с пенсией получил, – ворчливо ответил отец. – Что тут за грохот был?
– Да… молодежь гуляла… – ответил я. – Пап, дай, я разряжу…
Отец молча вынул магазин, опустил предохранитель, передернул затвор. Кряхтя, согнулся, поднял с пола вылетевший патрон. Ого, он его в ствол дослал, прежде чем открывать!
– Я еще не в маразме… – сообщил отец. – Заходи, что стоишь…
Я вошел. В квартире было тихо.

– Как Якутск? – спросил папа. С ощутимой иронией.
– Э… прекрасно… – пробормотал я.
Ощущение героя, вернувшегося с войны, куда-то бесследно делось.
Отец неловко обнял меня. Отстранился, подозрительно посмотрел.
– В твоем возрасте уже не растут. Как правило. Это одежда Измененных на тебе?
Я молчал.
– Когда сможешь, расскажешь, – решил отец. – Догадался сувениры захватить?
Я помотал головой.
– У тебя в холодильнике лежит копченая нельма, – сообщил отец. – Потом принесешь, скажешь матери, что привез из Якутска. Не надо ей… про другие миры.
– Наська меня сдала? – предположил я.
– Она сдаст… – буркнул отец, но заулыбался. – Говорю же, я и сам еще не в маразме!
Да, папа у меня не так прост. Давно стоило это понять.
В глубине квартиры хлопнула дверь.
Наська вынеслась к дверям и обняла меня. Уткнулась лицом в живот и застыла.
– Эй, мелочь, а где «здравствуйте»? – спросил я.
Наська молча принялась колотить меня кулачками по бокам. Совсем не больно. То, что делало куколок сильнее взрослого человека, навсегда ушло.
– Сейчас обижусь… – прошептал я. И отвернулся – на глаза сами собой вдруг навернулись слезы. Оказывается, я соскучился по мелкой вредной куколке… впрочем, она уже не куколка, она обычная девочка.
– Пойду мать будить, – решил отец, глядя на нас, и побрел вглубь квартиры. В одной руке он держал пистолет и магазин, в другой патрон.
– Знала, знала, знала, что ты вернешься! – выпалила Наська. И тут же непоследовательно добавила: – А если бы не вернулся? Ты у Дарины был?
– Я был в Гнезде, – я погладил ее по голове. – Скажи, только честно. Ты не жалеешь? Что ушла?
Наська наконец-то отлепилась и очень серьезно посмотрела на меня.
– Только без выдумок! – попросил я.
– Не жалею, – решила она наконец. – Но скучаю.
– Это нормально, – кивнул я.
Наська выдохнула, потом ткнула себя пальцем в живот.
– Видишь?
– Потолстела? – предположил я наугад.
– Дурак! Пижама!
Она была в фиолетово-розовой пижаме, такой яркой, что глаза начинали болеть.
– Моя собственная! – пояснила Наська, видя, что я не понимаю. – Только моя! И тапочки мои!
Я подумал, что в Гнезде – то ли из каких-то воспитательных соображений, то ли по причине пренебрежения модой и гигиеной – ни у кого из куколок не было собственной одежды. И кивнул:
– Шикарно. Если еще добавить единорогов…
– Фу, отстой! Это для примерных девочек!
Из спальни вышла мама, сонная и в халате. Я смущенно посмотрел на нее.
– Максим! – воскликнула мама.
– Мам, я занят был, не получалось никак позвонить…
– Ты совсем худой, ты нормально питался?
Я сглотнул и честно ответил:
– Как-то больше на бегу… Лопал всякую гадость.
* * *
В общем – меня усадили завтракать. Мама сделала омлет, гордо сообщив, что яйца стали выдавать в государственных продуктовых заказах. Отец буркнул что-то вроде «а жизнь-то налаживается», но тоже от омлета не отказался.
Я сидел, ел, пил чай и медленно отмякал.
Будто ничего не случилось!
Не надо мне никаких кристаллов, смыслов и галактических проблем.
И сингулярности вашей не надо. Оставьте нас в покое и грызите друг друга, сколько влезет…
Можно ли отдать кристалл за обещание оставить Землю в покое?
Ну или хотя бы всех, кто мне дорог?
…Нет, наверное, обещание мне дадут. И Прежний, и Инсек.
Только веры им – ни на грош.

Никому нельзя верить, это я уже понял. Они не люди, не тэни, не безумные лавли. Им наши желания и просьбы – по барабану…
– Максим, ты что, вырос?
Я посмотрел на маму, обреченно вздохнул и перестал сутулиться.
– Да. Немного.
– Это как?
– Из-за работы! – выпалила Наська. – Гнезда так влияют. Сейчас даже хотят разрешить людям-лилипутам и прочим людям маленького роста…
Мама вздохнула и отмахнулась:
– Не нравится мне это… Максим, ты опять куда-то поедешь?
– Не знаю. Может быть, – сказал я и поймал тревожный взгляд Наськи. – Но пока дома.
– Скажи… это какая-то государственная работа? – осторожно спросила мама. – Или… самодеятельность?
– Государственная, – вынужденно соврал я. – Рассказать не могу, извини.
– Тогда другое дело, – мама сразу успокоилась. – Что я, не понимаю? Подписку давал? Но с отцом ты обязательно посоветуйся, что и как. У него допуск есть, третьего уровня, но все-таки…
Я посмотрел на отца, тот едва заметно кивнул.
Что он матери-то наговорил?
Какую удивительную работу мне придумал?
– Спасибо за завтрак, – сказал я. – Пойду сейчас, надо с начальством встретиться.
– Я с тобой, – сказала Наська твердо.
Мама вопросительно глянула на меня – и я кивнул.
* * *
В подъезде, конечно, был бардак. И следы нашей схватки на лестнице… Я с удивлением обнаружил, что мой разрезанный на две части плащ сросся, встряхнул его и надел. Наська сказала «ого» и внимательно осмотрела след на стене, оставшийся после уничтожителя. Контуры шестилапого монстра слабо, но угадывались. Я покачал головой, и мы пошли дальше.
Андреич сидел в своем закутке, прижимая к лицу упаковку замороженных куриных наггетсов. На меня он глянул с укором, явно связав воедино мое появление и налет. Я неловко развел руками, решив, что говорить с ним сейчас не стоит.
– К полковнику поедем? – спросила Наська, когда мы вышли.
– В Гнездо пойдем, – ответил я. – Сами придут. Только надо позвонить.
– Тут есть таксофон на углу.
– Знаю.
– Я тоже все тут уже знаю. И в «Рэдку» хожу. Сказала, что я твоя приемная сестра, меня не гонят, зовут Занозой. Я твои поисковые очки взяла, ничего? У меня получается, я вчера орак нашла! Мелкий только… Расскажешь, где ты был? На Саельме? Еще где-то?
Я засмеялся.
На миг мне стало совсем хорошо.
– В Гнезде расскажу. Всем сразу.
Мы подошли к таксофону, и я хлопнул себя по лбу.
– Балбес, у меня же денег нет…
Наська похлопала себя по карману джинсов. Гордо сказала:
– Не бойся, у меня мелочи полный карман!
Я взял у нее с ладошки монеты, вошел в будку.
– Полковнику? Тете Лене?
Я кивнул, глядя на кнопки и не решаясь снять трубку.
– Всем позвонишь?
Сняв трубку, я набрал номер общежития, где жила Милана. Вахтеры не очень-то любят звать жильцов, а у нее в комнате телефона не было. Но я подумал, что если я представлюсь сотрудником отдела «Экс», то вахтер, от греха подальше, оторвет задницу от кресла и сходит за ней.
* * *
Первым приехал Лихачев.
Я болтался в вестибюле, в ожидании своей команды. Незнакомая стража стояла у входа, против обыкновения – с оружием. Я узнал плазмомет: военная модель с двумя энергетическими фокусами, стандартное оружие Измененных. Все живое боится огня. Интересно, это теперь обычная практика или в честь моего возвращения?
Стража кивнула мне, но в разговоры не вступала. Я не настаивал. Бродил по мягкому полу, заваленному рухлядью. Размышлял. Спустилась Наська, села в сторонке на пол,

открыла книжку и принялась читать – временами поглядывая на меня, будто опасаясь, что я исчезну.
Потом ко мне подошла жница – ее я узнал. Та самая девочка, что прыгала из окна, чтобы разбиться и попасть в Измененные, девочка с потенциалом хранителя…
– Можно с тобой поговорить, Макс? – Она сразу взяла быка за рога.
– Конечно. – Я попытался вспомнить ее имя, не смог и всем лицом изобразил внимание.
– Я будущий хранитель, – сказала она.
– Знаю.
– Уже была бы ею. Дарина не хочет передавать пост.
– Она передаст, – успокоил я.
– Все это неправильно… – Жница посмотрела на Наську с каким-то легким удивлением и даже неприязнью. – Куколки, которые становятся обратно людьми. Стража с боевым оружием. Люди в Гнезде. Интриги. Это не на пользу нашему долгу.
– Немного осталось уже, – ответил я. – Потерпи.
Жница кивнула.
– Нам нельзя обращаться к Инсеку напрямую. Но ситуация особая…
– Потерпи, – повторил я. – Скажи, ты действительно рисковала жизнью, чтобы стать Измененной?
– Да.
– Не страшно было? Не жалеешь?
Жница покачала головой. Глянула на меня, взгляд у нее был очень взрослый, и я вдруг подумал, что он всегда был таким. Еще до Изменения.
– Не все родились с серебряной ложкой во рту, Макс.
Мне вдруг стало жутко. Я вспомнил Слугу по имени Ника и Слугу по имени Гарри. Они были на другой стороне, но рассуждали точно так же.
– Потерпи, – снова сказал я.
Жница кивнула и ушла. А я остался. Стоял и смотрел на Наську, читавшую книжку. Почему кто-то остается человеком, даже перестав им быть? А кто-то выбрасывает свою человеческую природу и перешагивает через нее без всякого сожаления?
Лихачев прибыл на служебной машине с выключенными мигалками, которая тут же отъехала в переулки. Поднялся по ступенькам, постоял у дверей, будто решаясь, потом вошел.
Стража обернулась ко мне, я кивнул, она посторонилась.
– Был уверен, что ты вернешься, – сказал Лихачев. – Но думал, что позже.
Мне показалось, что он хотел меня обнять, но в последний миг передумал. Будто смутился своих чувств.
Поэтому я сам его обнял, гадая, мой ли это порыв или подсказано воспринятым смыслом.
Лихачев похлопал меня по спине, потом отстранился и внимательно осмотрел.
– Ты заматерел. Вырос и в плечах раздался.
– Второй Призыв, – ответил я. – У вас как, нормально все?
– Один выговор, одна благодарность от начальства, – ответил Лихачев. – И то, и другое за поход стражи из большого Гнезда через весь город. Ничего необычного. Эй, мелкая!
Наська надулась, но все же встала и подошла. Лихачев похлопал ее по спине. Сказал:
– Между прочим, я совершаю должностное нарушение. Я должен был уведомить твоих родителей, что ты стала человеком.
– Ничего. Те родители от меня все равно отказались, – отрезала Наська. – У меня теперь другие.
Потом стали подходить «старики-разбойники». Первым пришел Василий. Если честно, я боялся, что он сразу начнет извиняться, что не был с нами в Третьяковке, и потянется пустой, бесполезный разговор. Но Василий лишь пожал мне руку и сказал: «Я спешил». И я понял, что никаких объяснений и обещаний нам не нужно. Потом пришла Елена, как всегда бодрая и собранная, обняла меня и сообщила: «Надо было забить пари с Борей, он ставил на полгода».
Деда Боря пришел последним. Он похудел, но выглядел лучше, чем в прошлый раз. Миланы не было.
Мы постояли еще минут десять, говоря о всякой ерунде, – будто встретились просто так, по пустячному поводу, и не виделись-то всего день-другой.
Потом я попросил Наську дождаться Милану, если та все-таки придет, а мы пошли в кабинет, где нас ждала Дарина.
* * *

Кабинет был здоровенный и даже через столько лет после Перемены выглядел неплохо. На полу лежал толстый ковер, больше хлама не набросали, люстра под потолком светила довольно ярко, хотя несколько лампочек успели перегореть. Мы уселись за большим столом, придвинутым к меньшему, где когда-то сидел начальник – замминистра, наверное, не ниже. На маленьком столе мертво стоял компьютер с заклеенным инвентарным номером логотипом, несколько старомодных телефонных аппаратов, давно отключенных от линии, и массивный письменный прибор из бронзы, темно-зеленого камня и белого матового стекла, с какими-то стаканчиками, держалками для ручек и подставками для бумаг.
– Ого, – сказал Лихачев с уважением. – Это даже раньше было антикваариатом. Как бы не с советских времен осталось… Смотрите, это же чернильница!
– Сопри, – посоветовал деда Боря. – Поставишь в кабинете. Скажешь, что это любимая чернильница товарища Дзержинского.
К моему удивлению, Лихачев приподнял прибор и хмыкнул – будто и впрямь примерялся его унести.
– Вы будете чай? – спросила Дарина. – Или кофе? Или воду…
– Спасибо, милая, – Елена улыбнулась. – Не суетись. Мы еще Максима не слышали.
– Я тоже не слышала, – призналась Дарина. – Он ночью пришел.
– То есть у Инсеков работают порталы на Землю? – заинтересовался Лихачев.
Я покачал головой:
– Меня вернул на Землю Продавец. Инсекам и Прежним запрещено появляться на Земле.
– Высшим? – понимающе спросил полковник.
– Да, – я помолчал.
Что рассказывать? Все подряд? Все мои приключения, начиная с момента, когда я шагнул сквозь экран – и оказался на Саельме, под непонимающими взглядами жниц?
– Там, – я посмотрел вверх, – плохо. Там идет война. Инсеки отжимают миры у Прежних, а Прежние – у Инсеков.
– Дело в кристаллах? – спросила Елена.
– Не в самих кристаллах. Кристаллы лишь кодируют смыслы, которые создают разумные существа. Идеи, изобретения… все новое, все, что движет цивилизацию вперед.
Лихачеву я об этом рассказывал, Дарина и сама кое-что знала. А вот «старики-разбойники» переглянулись, для них это было внове. При разговоре с Иваном присутствовал лишь Виталий.
– Вот оно чего, – сказала Елена. – А я-то замечала, медицина будто на месте застыла. Думала, это потому, что Инсеки универсальную вакцину подарили.
– Мы что, изобретаем вещи, до которых Инсеки не додумались? – спросил деда Боря с сомнением.
– Иногда. Большая часть кристаллов – мусор, их жрут как наркотик, чтобы испытать чужие эмоции. Но чем сложнее кристалл, чем больше в нем цветов, тем больше шансов, что он содержит новый смысл.
– То есть они развиваются за наш счет? И все? – все так же недоверчиво спросил деда Боря. – Им настолько нужны новые технологии? Своих не хватает?
– Сингулярность, – пояснил Лихачев. – Они все хотят превратиться в Высших. Чем больше смыслов цивилизация поглощает, тем ближе она к возвышению.
– Инсеки лишь забирают смыслы, – сказала тихо Дарина. – А Прежние стимулируют их выработку. Через страдания. Уничтожать цивилизации запрещено, но если немного помучить… это можно…
– Одни стригут и доят, а другие режут на мясо, – подытожила Елена. – Ясно. Ты точно это знаешь?
– Я видел, – сказал я. – И Дарина знает. Так?
Она кивнула. Поколебалась и добавила:
– Все это знают. С тех пор, как куколками были. Поэтому мы служим Инсекам. Потому что мы виноваты. Все мы, все люди.
– Дети не отвечают за грехи отцов, – твердо сказала Елена. – Не надо этой чуши про коллективную ответственность! Мы – не Прежние. Может, мы их потомки, может, братья, но они не мы, а мы – не они.
Не вставая, она приобняла Дарину, и та прижалась к ней, будто маленькая девочка.
– Максим, ты большой молодец, ты выяснил, что происходит, – Елена вздохнула. – Но что нам делать? Мы ведь не можем воевать с Инсеками и Прежними, весовая категория у нас разная. Отравили Слуг – вот и вся наша виктория. Один раз получилось, второй уже не выйдет.

– Измененные могли бы им противостоять, – задумчиво сказал Лихачев. – Как думаешь, Дарина?
Она замотала головой:
– Нет. Мы получаем оружие от Инсеков. А мутаген дают Продавцы, но за него тоже платят Инсеки. Мы только живем и учимся на Земле, потом отправляемся служить…
– Вас ведь там миллионы! – сказал ей Лихачев. – Десятки миллионов, если не сотни! Так? И у Прежних, и у Инсеков! Почему бы не устроить… – он заколебался, словно это слово ему, полицейскому, было трудно выговорить, – бунт? Революцию? Пусть вернутся на Землю, защищают ее! А с Продавцами договоримся напрямую!
Дарина отвернулась.
– Что не так? – спросил Лихачев с напором.
– Да все не так, – ответил я. – Любой Прежний или Инсек сильнее сотен Измененных. Это для начала. И не все Измененные согласятся вернуться. Кто-то предан хозяевам, кому-то понравилось быть Измененным. А многие, особенно те, что служат Прежним, уже совсем не люди. У них мозги другие, они всю жизнь убивали! Когда обычные солдаты возвращаются с войны, их годами не отпускает.
– Представьте, что вы были здоровенной амфибией, – сказала Дарина. – С раннего детства. Жили в болоте, выискивали местных разумных тритонов и раздирали их на части. Работа у вас такая была, понимаете? Чтобы тритоны притаскивали больше кристаллов и откупались ими от смерти. У вас огромная пасть, шесть лап и когти. И вам уже нравится мучать тритонов и пожирать их. А тут к вам приходят…
– И говорят: «Тебя зовут Вася, тебе семнадцать лет. Пора на Землю. Сдашь ЕГЭ и пойдешь учиться в институт на инженера», – подхватила Елена.
– У Измененных есть какое-то Сопротивление, – сказал я. – Только, знаете… Это туфта. Мне кажется, Инсекам о нем прекрасно известно. Это для выпуска пара, для тех, кому надо чувствовать себя заговорщиком.
Лихачев развел руками.
– Ясно. Ну тогда что, расходимся? Можно мне антикварную чернильницу на память спереть? Я ее под пепельницу приспособлю.
– Давай, Максим, – подбодрил меня молчавший до сих пор Василий. – Я ведь вижу, ты нас позвал не для того, чтобы рассказать, как все плохо.
– Все мы это видим, – добавил Лихачев, посерьезнев. – Говори.
Я достал и положил на стол прозрачный кристалл.
Наступила тишина.
– То, о чем мы все подумали? – спросила Елена после короткой паузы.
– Прозрачный кристалл, – подтвердил я. – С планеты Трисгард. Долгая история… но, в общем, ради него Измененные убивали друг друга, а Прежние спалили агента-«крота» и открыли портал на планету. Говорят, что такой кристалл способен изменить целую цивилизацию. Говорят, он стоит планеты. Говорят, из-за него Инсеки и Прежние могут рискнуть и нарушить запрет Высших.
– Это правда? – спросил Лихачев, глядя на Дарину.
– Я даже не слышала о таких! – растерянно ответила она. – Я спрошу Гнездо…
– В базах данных информации нет, – сказал я. – Инсеки и Прежние находили такие кристаллы по одному разу в своей истории.
– Что подводит нас к интересному предположению, – скрипуче сказал деда Боря. – Именно найдя такой кристалл, они превратились из тех, кого стригут и режут, в тех, кто стрижет и режет сам! Как он у тебя оказался, Максим?
– Да в общем-то случайно, – ответил я. – Повезло. Его нашли на Трисгарде, меня направили туда… все сложно.
– Хм, – Лихачев глянул на меня с иронией. – Постой-постой… Кристалл нашли на другой планете… Измененные убивали друг друга… шпионы, порталы, цивилизации… начались шпионские страсти и небольшая война… ты схватил кристалл ценой с планету, и Продавец вернул тебя на Землю. Я ничего не упустил?
– По мелочи.
– Максим, ты парень везучий, но каковы шансы?
– Да никаких, – согласился я. – Кроме одного-единственного варианта.
– Что ты – Избранный, – сказала Дарина.
Лихачев захохотал. Потом нахмурился:
– А почему никто не смеется? Мы всерьез рассчитываем, что кристалл предназначался Максиму и потому он его получил?
– Почему бы и нет? – вскинулся деда Боря. – Нет, ну позвольте, полковник! Кто-то же должен был его получить, так? Этот кто-то в таком случае автоматически превращается

в баловня судьбы! Максим получил кристалл не потому, что он Избранный, он стал Избранным, потому что получил кристалл!
– Боря, оставь софистику! – возмутилась Елена. – Допустим, получил! А Прежние и Инсеки сидят в немом трепете и не пытаются кристалл отнять? И Продавцы тоже? Если им всем нужны смыслы? Да чушь, ерунда полная!
– Вы еще не все знаете, – сказал я. – Его невозможно отнять. Он снова возникнет у меня.
– Кончай тянуть, – попросил Лихачев. – Все рассказывай.
Дверь кабинета открылась, и мы невольно вздрогнули.

Глава девятая

На пороге стояла Милана, держа за руку Наську.
– Привет… – нерешительно сказала она. – Извините, поезд посреди туннеля сломался. Полчаса стояли…
Она посмотрела на меня, виновато улыбнулась. Я встал, поцеловал Милану в щеку.
– Привет. Я ужасно рад тебя видеть…
Наська едва заметно подмигнула мне. Я исподтишка показал ей кулак.
Как ни странно, настроение у меня сразу улучшилось.
Наша команда была в сборе.
– Много я пропустила? – спросила Милана.
Она села по левую руку от меня. Дарина по правую, Милана по левую. Как-то так само по себе получилось. Наська бродила по кабинету, уходить она не собиралась, но и сидеть вместе со взрослыми, похоже, теперь стеснялась.
– Да ничего, похоже, мы только начали разговор, – сказал Лихачев, крутя пальцем кристалл по столу. Я подумал, что только он один не испытывал перед ним никакого трепета.
– Прозрачный, – сказала Милана с любопытством. – Я думала, что уже все про них знаю.
– С Трисгарда, – повторил я для нее. – Очень интересная планета. Этот кристалл притащила Продавцу старушка, нашла, когда нянчила маленького правнука. Группа Измененных забрала его, но отдавать Инсекам не стала, у них там своя… игра в Сопротивление. Комендант планеты на самом деле была агентом Прежних… – Я махнул рукой. – Не важно! Все полагали, что кристалл породила старушка, но это не так.
– Малыш, – сказала Милана. Улыбнулась. – Правильно?
Я кивнул. Все-таки она очень умная.
Куда умнее меня.
– Это предположил локальный тактик, а я считал его мысль. У старухи не было шанса породить прозрачный кристалл.
– А как ребенок мог придумать смысл? – встряла Наська и тут же безапелляционно заявила: – Маленькие дети вообще думать не умеют!
– Что мы знаем о рождении мысли? – спросила Елена негромко. – Полгода, год – это достаточный срок для того, чтобы начать думать? Где кончается инстинкт – потянуться к груди, зареветь от мокрых пеленок – и где начинается разум? Два года, три, пять… возможно ли сотворить смысл?
– Как я понимаю, смысл – это плод абстрактного мышления, а оно начинает формироваться года в три, – сказала Милана. – У людей. Но… все по-разному… люди не одинаковы. Кто-то, наверное, за всю жизнь не создаст ни одного нового смысла.
Она осторожно погладила кристалл пальцем – будто прикоснулась к детской ручке. Рассмеялась.
– Даже страшно! Он потому и бесцветный, да?
– У ребенка нет понимания того, что возможно, а что – нет, – сказала Елена. – Он наполовину живет в мире фантазий, где возможно все. Чистый лист. Наверное, да, – поэтому кристалл и бесцветный. Он не окрашен эмоциями, это чистая идея, не вызвавшая ни восторга, ни печали, ни страха. Рожденная – и записанная в кристалл. Идеальный смысл.
Лихачев взял кристалл. Повертел в руках. Пожал плечами.
– Человек может понять, что тут зашифровано?
– Нет, – вздохнула Дарина. – Ни человек, ни Измененный, кристаллы специально такими сделали.

– Можем, – возразил я. – На Трисгарде придумали технологию. Я ее помню. Возможно, этот кристалл позволит нам… быть на равных с Прежними и Инсеками.
– Что за технология, Макс? – заинтересовался деда Боря.
– Не очень сложная. Потребуется некоторое количество химикалий и оборудования, – ответил я. – И можно будет воспринять этот смысл.
Наська, все это время бродившая вокруг стола, но внимательно слушавшая разговор, остановилась. И попросила, подняв руку, будто в школе:
– Можно мне сказать? А ведь мы уже становимся как Прежние, верно? Мы украли чужой смысл, с Трисгарда! Какой-то суперкрутой смысл, который придумал инопланетный младенец! И хотим его поглотить, чтобы драться с Прежними и Инсеками за другие смыслы!
Лихачев косо глянул на меня. Положил кристалл. Сказал:
– А ведь Анастасия права. Оно нам надо? Если все кончается такой дрянью? Мы что же, занимаем очередь в палачи, верно?
– Знаете, полковник, уж если знакомство с топором неизбежно, я бы предпочел быть со стороны рукояти, – проворчал деда Боря.
– Пусть решает Максим, – тихо сказала Дарина. – Он заслужил. Он нашел кристалл и принес его на Землю.
Я посмотрел на нее. На Наську. На Милану. На всех остальных.
– Не собираюсь казаться лучше, чем я есть, – сказал я. – Тэни – они славные. Если вдруг у нас получится, мы не станем их обижать. Наверное. Но… мы люди. Я за людей. Я за нас. Не за Инсеков, пусть даже они лучше Прежних. Не за Прежних, пусть они и наши злые старшие братья. И не за всяких прочих разных, живущих в других мирах. Я хочу, чтобы никто не смел нас тронуть. Чтобы наших детей не превращали в чужих солдат. Чтобы Прежние забрали своих Слуг и удрали на свой Ровиан. Я… я не хочу казаться лучше, чем я есть. Я приму этот смысл.
– Вот я одобряю, – сказал деда Боря. – Черт побери, как же хорошо, что я не помер в больничке! Не надеялся до такого дожить!
Лихачев долго смотрел на меня. Потом кивнул:
– Не мы ведь это начали… Зачем нам Вселенная, если в ней не будет людей?
– Я тоже за, – сообщил Василий. – Мы этим гадам еще за Юрку и Виталия не отплатили.
Елена опустила глаза. Помедлила, потом сказала:
– Вовсе не обязательно мы станем такими же мерзкими. Можно забирать не все смыслы, к примеру. А только часть. И расплачиваться за них технологиями, например…
Я посмотрел на Дарину.
– Я с тобой. Как бы ты ни решил.
– Милана? – спросил я.
– Ты решаешь, – ответила она. Но отвела взгляд. Все-таки ей не очень это нравилось. – Ты уже решил. Я согласна.
– Наська?
– А я-то что? – Она надула губки. – Я даже больше не Измененная, я несовершеннолетняя и…
– Наська, – повторил я. – Хоть один голос против, и мы станем придумывать что-то другое.
– Может, там вообще какая-нибудь фигня, – сказала она, подумав. – Рецепт леденцов, которые не кончаются… ну… давайте посмотрим, что там?
Я кивнул.
Нет, я не думал, что там рецепт бесконечных леденцов.
Я был абсолютно уверен, что там смысл, который позволит победить Инсеков и Прежних. Там то, чего они боятся.
Я только не знал, какова будет цена.
* * *
Лихачев отложил блокнот и недоуменно посмотрел на меня. Как-то само собой вышло, что именно он взял на себя общее руководство.
– Все это лабораторное стекло, термостат, гидроксид бария, глютатион – это вроде как несложно достать, – сказал он. – Сейчас пну своих…
– Несложно, – подтвердила Милана.
– Платиновая губка… это, наверное, дорого?
– Не так, чтобы очень, – сказала Милана. – Но я не знаю, где ее можно взять в Москве, и чтобы быстро, и не порошком…
– Я принесу, – сказал деда Боря. – Не беспокойтесь. В какой форме?

– Шарик, не менее полутора сантиметров, – память Джагерда подсказала мне ответ.
– Хорошо, – ответил деда Боря, не моргнув глазом. – Минут через сорок. Нет, через час, рано еще, человек спит.
– А вот что значит «мощный источник протонного излучения»?
– Не менее двадцати мегаватт, – сказал я. – Но нужен лишь один короткий импульс!
Елена рассмеялась.
– Максим, ты сейчас говоришь про линейный ускоритель. Такие в медицине используются… но его никуда не принести. Даже на грузовике.
– У Джагерда была коробочка, – я развел руками, изображая что-то чуть больше книги. – Как я понимаю, не самое простое, но и не самое сложное оборудование. Он ее даже к электричеству не подключал.
Деда Боря покачал головой.
– Твои тэни весьма продвинутая культура. Хоть и летали на дирижаблях.
– Так и дирижабли были не простые, – признал я. – Так что: несем кристалл к линейному ускорителю?
– А если у Продавца купить? – предложил Василий.
Встал, достал из кармана брюк пластиковую баночку из-под каких-то лекарств. Вытряс на стол переложенные ваткой кристаллы.
– У меня тоже есть… – Елена извлекла из сумочки кошелек. Большой, старомодный, матерчатый, яркий. Вынула из него десяток кристаллов – каждый в своем пакетике. – Ну, народ?
Кристаллы были у всех. Даже Лихачев достал два приличных гринка. Последней внесла свой вклад Наська – два вайкра и мелкий, неправильной формы орак. Надо же, она и впрямь находит лут!
– Ребята, спасибо, – пробормотал я, сгребая кристаллы.
– Держи, – Елена дала мне свой здоровенный кошель. Я набил его до отказа. – Хватит?
– Откуда мне знать? Я никогда не покупал карманный ускоритель протонов.
– Если нет, то поедем к ускорителю, – решил Лихачев. – Я позвоню в Курчатовский институт.
– Нам в Обнинск надо, там есть медицинский центр, – сказала Елена.
– Нет, я все-таки для начала ученым позвоню, – уперся Лихачев. – До Обнинска час езды.
Я двинулся к двери, погрозил пальцем Наське, намылившейся было за мной. Вместо нее следом вышла Милана. Прикрыла за собой дверь.
Мы замерли в одинаковой неловкости.
– Максим, я только хотела сказать… – Она запнулась. – Очень рада, что ты вернулся.
– Я тоже рад, – не удержавшись, я взял ее за руку. Мы улыбнулись друг другу. – Хорошо, что… что у тебя все хорошо.
Я вдруг ощутил легкую тень ее эмоций – смущение, радость, грусть, тревога. Все верно, она ведь тоже была призванной, а Призыв не проходит без следа.
– Максим, ты уверен, что это будет правильно?
Ей не надо было объяснять, о чем речь.
– Это чужой смысл, – сказал я. – Но он ждал меня. Я не знаю, как и почему, но он точно ждал, а теперь не желает уходить! Значит, это не так, как у Прежних.
Милана кивнула:
– Хорошо, но… ты все еще умеешь смотреть на то, чего нет?
Я насторожился.
– Если это такая сильная вещь… почему Инсек и Прежние не вмешиваются?
– Высший запретил…
– Но есть Слуги, которыми Прежний может манипулировать, сказать одно, а добиться другого. Мы же знаем: он умеет! Есть Гнезда с Измененными, которые во всем подчиняются Инсеку. А вмешательства нет!
Я развел руками:
– Не знаю, Милана.
Она вздохнула. Выпустила мою ладонь.
– Не ошибись, Максим.
– Так что же мне: не ходить к Продавцу? – спросил я.
– Иди, конечно!
– Может быть, он что-то скажет… – предположил я и сам усмехнулся этим словам. – Ладно, держите оборону. Я быстро.
* * *
Возле Комка тусило несколько серчеров и две пожилые женщины, державшиеся чуть особняком. Атмосфера явно была напряженная.

Причину я обнаружил сразу – к двери Комка цветной канцелярской кнопкой был приколот лист бумаги с аккуратной надписью:

КОМОК НЕ РАБОТАЕТ
ДО 10.49
ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРЕРЫВ
ПЕРЕУЧЕТ
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
РЕВИЗИЯ
ЗА ПОСЛЕДНИМ НЕ ЗАНИМАТЬ!

Похоже, Продавец написал сразу все причины, которые пришли ему в голову.
– Как при совке! – сварливо сказала одна из женщин, увидев меня и явно обрадовавшись свежему зрителю. – Переучет у них, а мы стой! Проворовались, небось!
Судя по ее возрасту, при Советском Союзе она могла разве что в ларек за мороженым сбегать, да и то, если мамка из окна смотрит.
Серчеры (лица вроде знакомые, но имен не помню, не наши) посмеивались и стояли спокойнее. Часов у меня не было, я вопросительно глянул на руку одному парню, тот понял, продемонстрировал циферблат своих. Была половина одиннадцатого утра.
– Давно закрыли? – спросил я.
– Да прям перед носом, – вздохнул парень. – Минут двадцать назад. Тебе не повезло, «не занимать» написано… Слушай, ты что, со жницы снял комбез?
– Со стражи, – ответил я, размышляя. Двадцать минут назад мы решили, что используем чужой смысл, случайно ли совпало время? – Ей голову оторвало, так что уже не нужен был.
Парень улыбнулся было, как сомнительной, но неожиданной шутке. А потом посерьезнел.
Когда ты говоришь что-то странное, но при этом не шутишь, люди чувствуют. Испытывают дискомфорт.
– Это где было-то? – спросил он все же.
– На Трисгарде, есть такая планета, – ответил я.
И взялся за ручку двери.
– Говорю же, закрыто… – начал парень и осекся.
Дверь открылась.
– Я выйду через девятнадцать минут, – сообщил я.
И вошел в Комок. Дверь сама закрылась за спиной.
Здесь многое изменилось.
Исчезла глухая двойная штора, отгораживающая стеклянный куб синтезатора. Исчезла койка (впрочем, может, у этого Продавца ее и не было?). Прилавок был почти полностью разобран, остался небольшой островок посередине комнаты.
Но и синтезатор остался, и Продавец тоже. Он как раз доставал из стеклянного куба серый металлический аппарат.
– Портативный ускоритель протонов, – сказал Продавец, не оборачиваясь. – Чем могу.
Он поставил коробку ускорителя на остаток прилавка. Я молча вытряс туда же все кристаллы из кошелька Елены.
– Тут меньше, чем он стоит, – вздохнул Продавец. – Но… будем считать это дисконтом для постоянного клиента.
– Там люди стоят, – кивнул я. – Покупатели.
– Я их обслужу, – сказал Продавец. – Через восемнадцать минут.
– Вы видите будущее, – сказал я, будто обвиняя.
– Нет, – Продавец вздохнул. – Видеть будущее – огромный дар и великая сила. Видеть – значит иметь возможность что-то изменить.
– Тогда как же…
– Вы можете назвать мне число «пи», Максим?
Я хмыкнул.
– Три, четырнадцать…
– Дальше?
Я вспомнил, как однажды в детстве отец учил меня запоминать число «пи»:
– Чтобы нам не ошибиться, надо правильно прочесть: три, четырнадцать, пятнадцать, девяносто два и шесть!
– Прекрасное мнемоническое правило, – похвалил Продавец. – А до конца?
– Число «пи» бесконечно, – я пожал плечами.
– Почему?

– Ну… как почему… Таков закон природы!
– Число «пи» – это отношение длины окружности к ее диаметру. Но у окружности нет длины.
– Да ну!
Продавец откинул капюшон. Посмотрел на меня человеческими глазами.
– Потому что круг не имеет начала и конца. Мы можем принять точку на круге за условное начало, но это лишь допущение, на самом деле ни начала, ни конца нет. Потому нет и рационального числа.
Я стоял и растерянно смотрел на Продавца. Математика никогда не была моей любимой наукой.
Продавец хихикнул:
– Не заморачивайтесь, Максим. Это лишь аналогия. Мой народ живет в замкнутом цикле времени, длящемся двадцать две минуты. Можно подумать, что это дар, что это предвиденье… но мы не можем изменить то, что случится. Мы лишь видим это чуть раньше других.
– Значит, Продавец на канале знал, что убьет себя? – спросил я. – А Продавец на Трисгарде – что Лавку разрушат и его чуть не прикончат?
– Ну да, – спокойно ответил он. – Именно так. Поначалу очень раздражает, потом привыкаешь.
– Вы можете мне сказать, что случится через двадцать минут?
– Нет, потому что я уже этого не сказал, – Продавец едва заметно улыбнулся.
Я подумал и кивнул:
– Трудно вам… Значит, закрываете лавочку?
– Тех, кто в очереди, обслужу. Мы ценим своих покупателей.
– Но вы уходите?
Продавец помолчал. Оглядел Комок. Вздохнул:
– Мы все уходим, юноша. Сегодня будет много шума, слез и размазанных соплей – все серчеры мира поймут, что им надо искать работу. Мы уходим. Как бы все ни повернулось, но мы уходим с Земли. Очень грустно, я еще не досмотрел несколько сериалов. К примеру, про дочь Шелдона Купера, очень смешной, а вечером как раз новая серия…
Мне показалось, что он был абсолютно серьезен, говоря о сериалах.
– Тогда что вы можете мне рассказать?
– Многое, но вы должны задать нужные вопросы и ограничиться двадцатью двумя минутами, – Продавец вздохнул. – Я же не Высший, чтобы свободно скользить по временной оси своего бытия! Но даже Высшие не могут нарушать принципы причинности.
Я подумал.
– Почему Прежние и Инсек не вмешиваются?
– Они боятся Высшего, – Продавец опять хихикнул. Это явно казалось ему забавным и замечательным. – На самом деле все боятся Высших, но те и сами скованы правилами и законами природы. Так что если припрет – могут и рискнуть.
– В прозрачном кристалле – ценный смысл?
– Ну что за пустой вопрос? Я уже двадцать две минуты злюсь, что вы вообще его задали! Конечно же!
– Там какое-то оружие?
Продавец всплеснул руками.
– У ор-кти, вы знали их под именем лавли, была развитая цивилизация, придумавшая оригинальный способ перемещения в пространстве и полностью гармонизировавшая родную планету! Милые розовые поросята тэни… ну да, да, они эволюционировали из животных, похожих на ваших свиней, создали эфир как субстанцию, хотя это полный абсурд и эфира никогда не существовало в природе! Помогло им оружие против Инсеков и Прежних?
– Так что там?
Продавец иронически посмотрел на меня. Ну да, не любят они отвечать на такие вопросы.
– Это нам поможет?
– Может помочь, – Продавец кивнул. – Может погубить. А может ничего не изменить.
Я беспомощно смотрел на Продавца. Тот вздохнул.
– Уже двадцать две минуты размышляю, зачем я это сказал.
Он вдруг осекся.
– Ага. Вот зачем… Через сорок четыре минуты у вас будет встреча у входа в Гнездо.
– С кем?

– Не знаю, так далеко я не живу. Но раз я сказал, значит, через двадцать две минуты узнаю. Впрочем, догадаться нетрудно, да?
Он вздохнул.
– А сейчас мы попрощаемся, Максим. Может быть, мы еще встретимся, но это уже зависит не от нас.
– Прощайте, – сказал я. – Знаете, я буду скучать… Вам вернуть плащик? Он совсем не износился.
– Ну что вы, это же подарок! – укорил меня Продавец.
– К чему он, а? – спросил я. – Клевая штука, но я так и не понял до конца. Чтобы пробудить разум в Андрее?
– Мы не можем так самовольно вмешиваться, – ответил Продавец возмущенно. – Вам честный ответ?
– Да.
– Он транслирует нам все, что с вами происходит, – Продавец вдруг хихикнул. – Понимаете… мы действительно любим увлекательные сериалы.
Я испытующе посмотрел на него.
– Все остальное – побочный эффект, – сказал Продавец. – На том стоял и стоять буду.
Я взял коробку протонного ускорителя и пошел к дверям.
Все на свете связаны правилами и законами природы. А жизнь состоит в том, что ты ловчишь, пытаясь их обойти.
Было ровно десять часов сорок девять минут. Мне даже не требовалось смотреть на часы, чтобы убедиться.

Глава десятая

Все-таки у нас была слаженная команда. Когда я подошел к Гнезду, таща под мышкой протонный ускоритель (коробка, несмотря на небольшой размер, весила килограммов семь-восемь), от бывшего министерства отъезжал полицейский фургончик, а жницы заканчивали перетаскивать в кабинет оборудование. Лихачев стоял внизу и что-то обсуждал со стражей.
– Достал? – окликнул он меня.
Я постучал пальцем по коробке.
– Хорошо, – сказал Лихачев и похвастался: – Но если что, я договорился в Курчатовском… Как считаешь, подогнать моих ребят для охраны Гнезда? Всю воду в пулеметы, как говорится!
– Зачем в пулеметы воду? – удивился я. – Нет, не надо. Это же словно красной тряпкой помахать, «мы чего-то затеваем».
Лихачев кивнул:
– Вот и я так подумал. Ребятишки говорят, что они обеспечат охрану.
Стража молча и с явным удовольствием продемонстрировала плазмомет.
Я вздохнул.
Это не солдаты. Это дети. А даже тренированных опытных Измененных на одного Прежнего нужны сотни.
Попросить помощь у других Гнезд?
Тогда Инсек поймет, что мы планируем использовать кристалл.
– Пошли, избранный, – Лихачев положил мне руку на плечо. Вздохнул. – Дьявол, ты выше меня…
Мы поднялись в кабинет, превратившийся в лабораторию. Я впустил в себя память Джагерда, помог расставить и собрать оборудование, коротко объяснил Елене и Милане, что надо делать. Дарина была на подхвате, а Наська деловито готовила кофе в электрической кофеварке, которую притащили из кафе. Я налил себе чашку. Рядом с кофейником лежала целая гора рационов, плитки дешевого соевого «шоколада», еще какая-то снедь. Мы тут осаду собираемся держать? Я взглянул на Наську.
– Вдруг проголодаешься, – пояснила она. – Войдешь в Призыв и захочешь есть.
Я кивнул. Это было не лишено смысла. Спросил Дарину:
– Ты как? Гнездо не против того, что мы делаем?
– Я пока еще хранитель, – она нахмурилась. – Ты сам не свой.
– У меня встреча внизу через пару минут. Как я понимаю, с Иваном.
– Гнездо не сообщало!
– Оно еще не знает.

Я поцеловал ее в щеку и пошел вниз. Не стоит выбегать к Прежним запыхавшимся и растерянным.
На самом деле мне даже хватило времени на то, чтобы вытащить на крыльцо кресло и усесться в него, заложив ногу за ногу. Я даже отхлебнул кофе и пожалел, что у меня нет какой-нибудь книжки или газеты.
В этот миг они и появились. Я убрал кружку ото рта – и обнаружил, что перед крыльцом стоит Иван.
А рядом с ним – Инсек!
Он явился во плоти, я ни секунды в этом не сомневался. На газоне оставались следы от лап, а сам Инсек был покрыт, будто кольчугой, полупрозрачной металлической пленкой. Наш воздух даже после Перемены оставался для него холодным и сухим.
Инсек и Прежний посмотрели друг на друга, и я понял, что они ведут безмолвный диалог тем способом и на той скорости, которые для меня недоступны.
Как тогда, в моем сне-воспоминании, когда они рассуждали о будущем после ухода Высшего.
В моей голове будто загудело Гнездо. Даже не тревожно или испуганно, скорее растерянно и бестолково.
– Привет! – сказал я, не вставая.
Инсек и Прежний смотрели на меня.
Потом Инсек сказал:
– Максим Воронцов, ты обещал сообщить мне первому свое решение.
– А я пока ничего не решил, – ответил я. – Время еще есть.
Иван подошел ближе, вглядываясь мне в лицо. Я вдруг понял, чего он боится – того, что во мне снова Высший. Через мгновение Иван закрылся, все, что я успел в нем прочитать, смешалось в полный сумбур.
– Рискуешь, – сказал Иван раздраженно. – Зачем ты дал моему отцу плащ?
– От дождя укрывал, – ответил я, стараясь говорить так же резко. – Я и не знал, что он твой отец… или сын?
– Отец, сын, дальний потомок, неудачный отпрыск фамильного древа… все сразу и ничто, это как смотреть, – голос Ивана стал рассеянным. – А вот ты – это всего лишь ты. За тобой сейчас никто не стоит.
Я улыбнулся – как мог ироничнее.
За мной много кто стоит. Мама-папа, Дарина, Милана, Наська, Лихачев… полное Гнездо Измененных. Только не Высший, который ждал оплошности, чтобы настучать Ивану по голове. За мной те, за кого я отвечаю. Я – Защитник.
– Мы останемся здесь, – сказал Иван. – Сутки были ошибкой. У тебя есть час, Максим. За это время вопрос с кристаллом должен быть решен.
Он повернулся и посмотрел на Инсека.
– Подтверждаю, – сказал Инсек своим мягким голосом.
Нет, что, они всерьез?
Они не могут не знать, что мы решили воспринять смысл кристалла!
Часа с лихвой хватит на то, чтобы выделить его сущность!
– Хорошо, – сказал я, вставая. – Тогда я удалюсь, чтобы принять решение.
Иван кивнул.
И они действительно остались перед зданием. Я вошел, кивнул страже, замершей с оружием в руках.
Что происходит?
Да только одно: мы занимаемся тем, что устраивает и Прежнего, и Инсека!
– Что мне делать? – спросила стража.
Представляю, какой сумбур у нее сейчас в голове! Ненавистный враг и любимый… любимый хозяин – рядом.
– Не вмешивайся, – сказал я. И увидел стоящую в стороне жницу, будущего хранителя. Девушка поймала мой взгляд, но осталась неподвижной.
Как она поступит? Как человек? Или как Слуга?
– Если они захотят войти? – спросила стража. – Макс?
– Не знаю, – ответил я. – Ты… ты должна решить сама. Вы все должны решить сами.
Повернулся и побежал вверх по лестнице.
Мы не правы.
Мы в чем-то ошибаемся!
Может быть, нельзя брать чужой смысл, тем более такой?
Но он же ждал меня, я уверен! Сами по себе кристаллы не исчезают и не появляются, не переносятся в параллельные миры вслед за сознанием, это даже Прежним недоступно, это только Высшему под силу.

Значит, Высший берег кристалл для меня. Привязал его ко мне. Помог вернуться, быть может…
А зачем мне было возвращаться? Я и на Трисгарде мог запустить кристалл в вену и воспринять смысл, какая разница Избранному, где получить новую силу…
Я замедлил шаг, подходя к двери. Что-то вертелось в уголке сознания, едва уловимая мысль, догадка… но почему-то не хотелось ее принимать, не хотелось в нее верить.
Дверь кабинета была полуоткрыта. Я вошел, обнял ждавшую у входа Дарину. Она прижалась ко мне.
На роскошном старом столе стояла аппаратура. На мой (и Джагерда) взгляд, все было уже готово. Василий заканчивал крепить центрифугу, безжалостно вкручивая саморезы в полированное дерево, Наська изо всех сил ему помогала.
– Слушай, золотце, давай я… – попросил Василий.
– У меня такая же отвертка, – куксилась Наська.
– Важен не только инструмент, но и кто его использует, – наставительно сказал Василий, дожимая вслед за ней шуруп. – Народ, мы закрепили…
Я сглотнул.
Ну да. Все же так просто.
Не все рождаются Избранными, так устроен мир.
– Дарина… – прошептал я.
Она тревожно посмотрела на меня.
– Я тебя люблю, – сказал я и поцеловал ее.
За мгновение до того, как мой организм начал превращение в Защитника.
Может быть, я привыкал, и это давалось мне легче. А может быть, помогало Гнездо – растерянное, перепуганное, не знающее, как поступать. Появление Защитника было для него спасительным выходом.
Мы все любим снять с себя ответственность, особенно, если очень страшно.
Я чувствовал, как в вихре превращения тают ткани моего тела, как безжалостно растворяется все, что не нужно будет прямо сейчас, без чего я не умру в ближайшие минуты. Как перерождаются кости и мышцы, меняется форма черепа, кожа становится броней, а живые ткани обретают свойства имплантов Прежних.
Одним прыжком я оказался возле столика с едой. И, оставив свое меняющееся тело пожирать сырую лапшу вперемешку с соевым белком, шагнул в пространство Гнезда.
Они все стояли передо мной в клубящемся сером тумане, стояли рядами и шеренгами, будто солдаты в строю. Стояли и смотрели на меня, все эти дети, прошедшие через Гнездо за восемь лет.
Я поискал взглядом себя. Не нашел, но зато нашел Дарину. Кивнул ей и получил чуть заметный кивок в ответ.
Часть нас навсегда останется здесь. Значит, я никогда не покину Дарину насовсем.
– Я хочу, чтобы меня слышали все, – сказал я. – Все Гнезда на Земле.
И первый раз ощутил что-то вроде иронии в шуме Гнезда.
«Тебя и так все слышат, Защитник. Все Гнезда Земли, все Школы и Форты…»
Серый туман исчез, осталась бесконечная равнина, до горизонта и дальше. И миллионы, десятки миллионов лиц, детских и почти взрослых, белых, желтых, черных.
Да только ли солдаты Инсеков здесь? Не было ли у Прежних своих Гнезд?
– Инсеки и Прежние – зло, – сказал я. – Их смысл – ошибка.
– Но другого нет… – ответил мальчик, бывший когда-то матерью моего Гнезда. Строго заглянул мне в глаза.
– Есть, – не согласился я.
– Для того, чтобы возвыситься, кто-то должен упасть, – сказала девочка, бывшая хранителем до Дарины. – Иначе не бывает.
– Будет, – ответил я.
Даже здесь, в виртуальном Гнезде, я уже выглядел Защитником – чудовищем двух с половиной метров, карикатурой на человека, вобравшим в себя всю боевую мощь Измененных и ровианских гвардейцев. Я понимал теперь, почему Инсеки не использовали такие биоформы в бою, – прошедший двойной Призыв становился почти вровень с ними.
А еще эта искаженная морда не умела улыбаться.
Но я попытался изобразить улыбку взглядом.
– Мы больше ничего не можем тебе дать, – сказала Дарина из Гнезда, выходя вперед. – Третьего Призыва не бывает. Мы можем лишь не подчиниться Инсеку. Разорвать связь. Умереть, пытаясь задержать Прежнего и Инсека. Там, в Галактике, говорят, что ты Призванный Дважды, Порождающий Смыслы, что ты пришел всех спасти. Что ты

Избранный. Но ты знаешь, и мы все знаем, что ты только Защитник. И каков бы ни был смысл – ты не сделаешь мир лучше.
– Не сделаю, – согласился я. – Но он и не для меня, этот смысл. Не надо ничего делать, только не вмешивайтесь. А я выполню свою работу.
Я шагнул назад – и Гнездо исчезло.
Я стоял у перевернутого столика, держа в руке пустую колбу кофейника. Пол был засыпан обрывками пластика и фольги. Из пасти шел пар.
Что, я только что выпил литр кипятка?
– Впечатляет… – тихо сказал Лихачев. В опущенной руке он держал пистолет, и я знал, что секунду назад он целился в меня. Сейчас я был выше всех здесь, нависая над лабораторным столом.
– Вот… – сказал я, доставая из растянувшегося на теле комбинезона прозрачный кристалл. – Доставил… по назначению…
Глотка Защитника не для того, чтобы говорить. Она чтобы рвать и пожирать. Но, кажется, они меня понимали.
Я бросил кристалл в лоток с дистиллированной водой. Честно говоря, сейчас я полагал, что промывать его необязательно, но решил повторить все действия.
– Процесс займет семь минут, – сказал я.
И посмотрел на Милану.
Кажется, она сразу все поняла.
– Ты же не боишься уколов? – спросил я.
– Боюсь, – тихо ответила она.
– Я тоже боялся, – ответил я.
А потом развернулся и прыгнул в окно.
Навстречу Инсеку, который, подобно ящерице, взбегал по стене. Они с Прежним поняли все в тот же самый миг, как я заговорил с Миланой.
Не так важно, правильный ли у тебя инструмент. Важно, сумеешь ли ты им воспользоваться.
Я не Избранный, который сможет осознать новый смысл. Я лишь Защитник.
И я буду делать свою работу.
Мы столкнулись в проеме окна, я выбил Инсека наружу, вцепился, прорывая металл когтями. Кувыркаясь, мы полетели вниз, осыпая друг друга ударами. Это было даже смешно – рукопашная схватка при всей мощи их технологий.
– Ты обещал оповестить меня о своем решении! – все тем же мягким, укоризненным женским голосом сказал Инсек, когда мы рухнули на землю и отскочили друг от друга.
– Соврал! – признался я, взмахивая рукой.
Инсек прикрылся передней лапой, вокруг которой замерцал энергетический барьер. Но я метился не в него. Иван вбегал в двери, и плазменные заряды прошивали его насквозь, взрываясь на доме кооператива «Гнездо». Вспышки выбивали из стен фонтаны кирпичей и бетонных обломков.
Хорошо, что там никто давно не живет.
Выпущенная мной силовая нить захлестнула Прежнему ноги. Он, конечно же, был в защитном рассогласовании, пребывая в нашем мире лишь частично. Но я тоже кое-чему научился, а полностью уйти из нашего пространства Иван не мог – он бы провалился под землю.
Силовая нить вошла в резонанс с частотой Прежнего и отсекла ему ноги по колено.
Инсек засмеялся (нет, не могу я воспринимать эту тварь как женщину).
– Браво, браво, Защитник!
Он мгновенно переместился мне за спину, двигаясь с какой-то уж совершенно немыслимой скоростью. И здесь игры со временем?
Кувыркнувшись, я ушел от удара. Невидимая сила пропахала борозду перед бывшим Минкультом, ушла куда-то в сторону ресторана «Пушкин» и разнесла стену пятого дома по Гнездниковскому переулку. Оттуда дождем посыпалась дорогая посуда, флаконы элитной косметики и, как апофеоз красивой жизни, ювелирные украшения.
Я поймал на лету горячий полупрожаренный стейк и заглотил, глядя на Инсека.
Прежний барахтался в луже крови среди осколков стекла. Видимо, неожиданная травма серьезно вывела его из строя, а может быть, он просто решил не возиться с восстановлением себя – дернулся и замер.
Чтобы тут же возникнуть рядом с собственным телом, живым и невредимым.
Прежний посмотрел на меня, укоризненно покачал головой и опять пошел к двери.
В теле Инсека вспыхнули тепловые маркеры – он активировал новый комплект биоимплантов. Я встряхнул головой, затылочный гребень отозвался сладкой болью, и

туманная пелена окутала мое тело. Удары жесткого излучения я ощутил как слабые толчки в пелену, превратил в энергию и вобрал в себя. Вокруг ощутимо зафонило.
Инсек, да ты в своем ли уме?! Это почти уже нападение на людей…
Я прыгнул к чужаку. Пелена вокруг исчезла, сменившись плоскостной броней. Со стороны (если бы вы могли видеть очень быстрые объекты) я выглядел как монстр, оклеенный листами стекла, похожий то ли на пиксельного человечка, то ли на панцера Прежних.
Броня рассыпалась под ударами Инсека как раз в тот миг, когда я до него добрался.
В общем, как я и предвидел.
Пробив металлическую защиту, я вырвал из горла Инсека один из биоимплантов, отвечающих за скорость перемещения.
Инсек резким движением передней лапы перехватил мою руку и сломал в локте. Я отступил, и это дало ему время повернуться к Ивану. Прежний все еще не мог войти, он стоял у входа в Гнездо, в него лупили из десятка стволов, он был окутан коконом защитных полей и сам испускал потоки энергии. Похоже, что Измененные все же вступили в бой, и Прежний был разъярен всерьез.
Инсек подмигнул мне, будто призывая оценить шутку. Рана на его горле зарастала на глазах.
А потом он что-то сделал – и все биоимпланты во мне погасли.
Как и у Ивана.
Тот завопил, падая и обращаясь в пепел. Его расстреляли в упор и, похоже, на этот раз Прежний не был готов вернуться так быстро. Впрочем, и его «корни» в нашем пространстве не появились, он действительно принял меры.
Мое тело стало тяжелым и непослушным.
Если это раненый, умирающий Инсек, слабейший на корабле, то каковы же они в бою?
Впрочем, с чего я решил, что на корабле вторжения были простые Инсеки? Самый слабый из них мог быть отборным солдатом, одним из лучших среди всей их цивилизации…
– Впечатляет, – сказал я Инсеку. – Ты нас обоих подловил?
– Не люблю наглых обезьян, – ответил Инсек нежным голосом. – Амбициозные агрессивные выскочки.
И в этот миг Иван вернулся.
Портал открылся поперек всего переулка, там, где когда-то я сидел с Иваном в машине, где выслушал его предложение стать Кандидатом, отказался и забыл о нем напрочь.
В воздухе застыли такие же шипящие молнии, как на Трисгарде. Портал зиял между ними, из него шли и шли сплошным потоком Слуги, а среди них те, кто был мне смутно знаком по совещанию в замке. Мужчины с сильными волевыми лицами, молодые и старые, но неизменно красивые женщины… И Слуги, Слуги, Слуги – с оружием в руках. В большинстве своем это была молодежь, пока еще не достигшая карьерных высот, но я узнал среди них и несколько популярных актеров, и скандально известную светскую диву, и еще несколько лиц с экранов и журнальных обложек.
Иван призвал своих на помощь.
И вдруг они все остановились. Замерли, глядя мимо нас.
Я тоже обернулся. У меня отказала часть органов чувств, требующих работы биоимплантов, но осталось достаточно, чтобы ощутить экраны Гнезда, открытые сейчас на прием.
Из дверей и окон выходили Измененные.
Куда больше, чем было в нашем маленьком Гнезде.
В основном стражи и старшие стражи, но мелькали и жницы, и хранители.
Все с оружием.
Две волны нахлынули с двух сторон. Остановились.
Несколько секунд никто не двигался.
Потом Прежние и Слуги стали уходить обратно в портал. Точнее, ушли Прежние и часть Слуг, портал погас, а оставшиеся торопливо пошли в сторону Тверской и к Кремлю.
Инсек издал короткий смешок.
Несколько стражей встали между Инсеком и Гнездом.
– Даже так? – спросил Инсек с иронией. – Но меня вы остановить не можете. Вы так устроены.
Он протянул переднюю лапу и легко сдвинул старшую стражу с дороги. Я видел, что та пытается сопротивляться, пробует поднять оружие, но тело отказывается ей повиноваться.

– Плох тот ученый, который не принимает в расчет возможность бунта подопытных, – сказал Инсек, обращаясь ко всем сразу и ни к кому конкретно. Все-таки высокомерие – универсальный порок.
Он подобрался всем телом и скакнул на стену, цепляясь за паутинный шелк. Я прыгнул следом, это далось мне с трудом, но я все же зацепился за спину твари и принялся бить выпущенными когтями, впрыскивая в тело пришельца яд. Сломанная рука частично восстановилась, но пробивала металл скафандра едва-едва.
– Глупо, – карабкаясь по стене, сказал Инсек. Он даже не пытался меня сбросить! – Неужели ты думаешь, что это мне повредит?
Будто ящерица или гигантская многоножка, он втянулся в окно. Встряхнулся – я слетел с него на пол.
И увидел Милану, кладущую на стол пустой шприц.
Она посмотрела на нас затуманенным взглядом. Сказала:
– Не люблю уколы.
Инсек зашипел, топчась на месте. Лихачев несколько раз выстрелил в него. Инсек, кажется, этого даже не заметил.
– Не надо, – сказала Милана. То ли Инсеку, то ли полковнику.
Инсек пошел к ней, руша по пути стулья.
Милана подняла руку.
Воздух над Инсеком засветился, его пронизали тонкие мерцающие нити, кое-где расширяющиеся и пузырящиеся виноградными гроздьями, кое-где сплетающиеся в жгуты. Пришелец казался то ли запутавшимся в паутине насекомым, то ли глубоководным морским существом, окутанным ловчими щупальцами.
– Очень грубое расширение сущности, – произнесла Милана. – Хотя и более эстетичное, чем у Прежних.
Она подошла к пришельцу и внимательно посмотрела на него. Инсек издал тонкий плачущий звук.

– Улетай, – сказала Милана. – Я разрешаю покинуть планету.
Мою планету.
Прежние уже эвакуируются.

Нет, Инсек не стал спорить, на что я втайне надеялся.
Просто исчез, словно его и не было никогда.
Милана стояла и смотрела на нас спокойным холодным взглядом.
Как странно и жутко… я делил с ней постель… а теперь она…
Я встал и подошел к Милане. Опустился на одно колено, хотя, по-моему, ей теперь было плевать на такие жесты. Сказал:
– Не смог его остановить.
– Ты продержался ровно столько, сколько было нужно, – ответил Высший.
– А если бы я принял этот смысл? – спросил я.
– Мир стал бы другим, – пояснил Высший. – И я тоже. Ты Защитник, но даже Защитник убивает… Галактика устала убивать. Теперь эта девочка понесет в нее новый смысл.
Я кивнул.
– Не надо ее жалеть, – сказал Высший, и мне показалось, что он улыбнулся. – Это произойдет не сразу. И вы тоже принесете в мир свои смыслы. Только мне надо кое-что подправить.
Он коснулся меня, и я понял, что снова принял человеческий облик.
Без всяких комков отпадающей плоти и мучительной боли. Не так, как это бывает при Изменении.
– Призыв нанес тебе повреждения, я их убрал. Ты заслужил. А Измененные смогут исправить себя и сами. Они справятся.
– Но мы забрали смысл у тэни… – прошептал я.
– Так и начните делиться смыслами с них, – ответил Высший словно бы с удивлением.
А через мгновение он исчез, а Милана упала.
Я едва успел ее подхватить.

Эпилог

Можно сказать, что пафосному ресторану повезло – он не был разрушен во время схватки, как дорогие бутики по соседству.
С другой стороны – тут разместили временный штаб. По-моему, Лихачев это специально сделал, он не любил подобные заведения.
Туда то и дело заходили то солдаты, работавшие на разборе завалов, то помогавшие им Измененные. Я не подозревал, что и на Земле есть Измененные-строители.
Солдаты были в костюмах химзащиты, впрочем, их в самую загрязненную зону не пускали. Измененным радиация не вредила.
Повара и официанты, утратив всякий лоск, готовили еду и таскали подносы на улицу, к столам раздачи. Проезды вокруг были перегорожены, мелькали лишь военные машины. Мы сидели внутри. Нам, безошибочно определив статус среди собравшихся, притащили блины с икрой и какие-то вычурные закуски. Наська съела очередной блин, похлопала себя по животу и удовлетворенно откинулась на стуле. Потом громко икнула.
– Фу! – возмутилась Дарина. Мы с ней сидели рядом на диванчике. – Максим, ее воспитанием вообще занимаются?
– Я переела, – ответила Наська, ничуть не смутившись. – Милана, чего ты не ешь?
Милана посмотрела на нее. Отложила вилку, которой ковыряла салат.
– Даже не хочется. Я пытаюсь вспомнить, но все ускользает. Высший ушел и все… как в тумане.
– А смысл? – спросил я ревниво.
– Смысл помню, – кивнула она. – Это будет трудно и долго. Но мы справимся. Если все вместе. Люди и Измененные.
– Просто люди, – сказал я.
Милана кивнула. Подняла на меня взгляд, спросила:
– Как ты понял, что кристалл для меня?
– Потому, что Высший входил в тебя первую, – ответил я. – Он не мог повлиять напрямую, это был бы парадокс. Но он направил тебя ко мне и сделал все, чтобы я смог добыть и принести кристалл. Если бы я сам принял этот смысл, я бы воспользовался им иначе. Я бы уничтожил всех Прежних, всех Слуг, всех Инсеков.
– Мне самой этого хочется, – Милана вздохнула, обхватила руками плечи. – Я кое-что о них помню… бр-р-р… Хочется, но нельзя. Это иной смысл. Я смогу поделиться им с другими, но только если вы все мне поможете.
Я посмотрел в окно. У ресторана стоял Лихачев, беседовал о чем-то со старичками-разбойниками. Деда Боря махал руками и что-то ему доказывал, Елена положила деду Боре руку на плечо, явно успокаивая. Василий стоял чуть в сторонке и тихонько курил. Будто почувствовав мой взгляд, он поднял голову, мы кивнули друг другу.
– У каждого есть своя роль, – сказал я. – Иногда большая, иногда маленькая, но все они важны. Конечно, мы поможем. Начнем с тэни. Они славные поросята.
– Максим, Дарина… – Милана заколебалась. – Когда Высший был во мне…
– Когда ты была такой, какой станешь через тысячи или миллионы лет, – мягко поправила Дарина, и я обнял ее. Сказал:
– Все имеет свое начало. Даже Высшие. Появляется смысл, появляется тот, кто способен его воспринять и понести дальше. В будущее. Может быть, в вечность. Пройти эту дурацкую сингулярность не отбирая, а отдавая. Стать из человека кем-то большим.
– Но она же пока человек? – поинтересовалась у меня Наська. И сама же ответила: – Человек, человек, я вижу!
– Но ты станешь Высшим, – продолжил я. – И сможешь вернуться назад во времени, чтобы помочь себе и всем нам. Интересно, конечно, чем ты будешь занята в обычной жизни… если слово «жизнь» тут подходит.
– Об этом думать страшно… – пробормотала Милана. – Когда я… или мы… я была не одна. Он ведь тоже не единичная личность. В нем даже не тысячи, миллионы… в общем… вы сами узнаете.
– Я понял, – сказал я. – Мы с Дариной тоже в нем были. Так?
Милана кивнула.
– Странно, но… я привыкну к этой мысли, – ответил я. – Мне бы не хотелось с вами всеми расставаться. Только больше ничего не говори, пусть будет сюрприз.
Через зал на меня посмотрел официант. Я сделал какой-то неопределенный жест, он нахмурился, потом просиял и изобразил руками бутыль шампанского, из которого вылетает пробка. Я подумал и кивнул.
В конце концов, сегодня праздник.
– А я? – возмущенно воскликнула Наська. – Я там была? В Высшем? А?

– Куда ты денешься, – Милана улыбнулась.
– Ну смотри, – пригрозила Наська. – Ты сама сказала!
Лихачев со старичками закончил разговор и теперь курил вместе с Василием. Увидел меня, показал жестом, что они сейчас подойдут.
– Сдвигайтесь, будет тесно, – сказал я девчонкам. – Тесно, шумно и весело.
Снял с диванчика плащ, строго посмотрел на него. Сказал:
– Все, кино кончилось. Удачи вам. Найдите свой смысл.
Может быть, мне показалось, а может быть, плащ действительно вздрогнул и стал чуть легче. Я повесил его Наське на спинку стула. А потом помахал официанту и показал два пальца.
Пусть сам решит, что это значит – «victory» или «две бутылки шампанского».
В общем-то оба варианта годятся.
КОНЕЦ

Июнь-ноябрь 2021 г.

Мир Измененных

Вначале они мне приснились.
Парень, зашедший в странный магазин: голые стены неровной формы, прилавок, за которым стоял продавец – закутанная в хламиды внушительная и таинственная фигура. А напротив продавца – юная девушка с сиреневыми глазами и нахальная мелкая девчонка в хулиганской футболке – с четырьмя геометрическими фигурами.

Говорят, только русские могут сразу прочитать зашифрованный здесь текст.
Я знал, что девушку зовут Дарина, а девочку Наська. А парня – Максим.
Вот и вся информация…
Поутру я сел за компьютер, открыл файл с недописанной книжкой последних «Дозоров». Посидел, глядя на Антона Городецкого. Потом мысленно извинился перед ним, перед читателями…
И открыл новый файл.
Я не знал, о чем эта книга, но я уже знал героев.
…У меня были две мысли, которые я хотел опробовать в тексте.
Первая – показать, что после любого апокалипсиса, и даже всех сразу (изначально первый роман назывался «Апокалипсис-лайт») мир не рухнет в одночасье, в нем сохранится некий порядок и люди ухитрятся к нему приспособиться. Собственно говоря, в третьей книге это сказано прямым текстом.
А вторая мысль – собрать воедино все сценарии «конца света», все страшилки из желтой прессы, все мифы-легенды-байки. То, что по-хорошему не является предметом нормальной литературы, а в лучшем случае используется непритязательными авторами развлекательного чтива.
Собрать – и начать рассказывать историю всерьез.
Да – пришельцы! Ядерная война! Рептилоиды! Монстры! Мутанты! Похищенные для зловещих экспериментов дети! Тайные правители мира! Продажные элиты! Искусственные вирусы! Теория заговора в полный рост, но всерьез. С настоящими живыми людьми.
И в какой-то момент (на самом деле я помню, в какой – в тот момент, когда со стены Гнезда упал портрет Мусоргского) я ощутил, что это получилось. Книга ожила.
А еще я понял, что одной книгой не отделаюсь и останавливаться нельзя. Это было как мотоцикл на вертикальной стене – стоит остановиться, сбросить темп, и все рухнет.
…Вначале я думал, что история Максима, ставшего Призванным, растянется на семь книг – по числу кристаллов, кодирующих смыслы и эмоции. Это должен был быть цикл, детектив, в котором Максим служит посредником между Измененными и людьми, постепенно открывает все новые и новые тайны и постепенно меняет мир вокруг.

Но – скорость потребовала другого сюжета. Этот Максим уже не мог оставаться на месте (первая книга вообще почти полностью происходит внутри Садового кольца Москвы). Сюжет потащил его на осколок Луны, а потом и дальше в космос.
Жалею ли я об этом?
Наверное, немного жалею. Но это была бы совсем другая история.
А эта – уже рассказана и закончена.
Ее можно продолжить, но я не думаю, что мне стоит это делать. Дальше герои справятся сами.
…Есть много людей, которых так или иначе я хотел бы поблагодарить за помощь в работе над книгой.
Это издательство «АСТ», в котором я публикуюсь уже четверть века и которое не слишком сильно протестовало (хотя, бесспорно, огорчилось), что впервые книги были опубликованы на электронных площадках.
Это сайты «Литрес», «Автор тудей», «Литмаркет», где книги выходили поглавно, и читатели, как в старые времена бумажных журналов, каждую неделю ждали продолжения.
Это мои читатели – тем более что в данном случае их комментарии и замечания по ходу публикации были крайне полезны и помогли тексту стать лучше.
Это писатель Сергей Котов – самый активный бета-тестер всех трех книг.
Это редактор Ирина Черкашина, самоотверженно боровшаяся с нехваткой запятых и избытком «был» в тексте.
Это художники Екатерина Ферез и Алексей Андреев, создавшие обложки для серии.
Это «Контент-бюро ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ», благодаря которому работа над экранизацией трилогии началась еще до того, как первая книга вышла в свет. Очень надеюсь, что все получится!
Это целый ряд музыкантов и групп, под чью музыку я писал эти книги: группы «Белая гвардия», «Сплин», «Красные звезды», «Оргия праведников» и лично Сергей Калугин, «Пикник», «Сегодня в мире», музыканты Олег Медведев, Павел Пиковский, Сергей «Чиж» Чиграков.
В эту книгу не вошли песни, что для меня довольно необычно, но зато вошли стихи – за которые я благодарен Низами Гянджеви, Владимиру Высоцкому, Иосифу Бродскому, Анне Ахматовой, Сергею Есенину. Очень жаль, что в Москве нет памятника Николаю Гумилёву, потому что его стихотворение «Волшебная скрипка» тоже, несомненно, было бы прочитано «поэтическим бомжом Андреем» главному герою.
Стихотворение «Пойманные капканом созвездий…» принадлежит мне, и я извиняюсь за смелость, с которой поместил его вместе с настоящими стихами.
* * *
Вот, пожалуй, и все. Спасибо, что были вместе с Максимом в мире Измененных, я уверен: он сделал правильный выбор потому, что был не один.
…А в нашей версии реальности межзвездный гость Оумуамуа пролетел мимо Солнца, ускорился и скрылся во Вселенной. Возможно, Инсеки не прилетят. Возможно, даже Прежних не существует.
Верно?

Справочная информация к циклу «Измененные»

Цивилизации, собирающие Смыслы
Прежние (зависимые от них – «Ровианская гвардия»), Инсеки (зависимые от них – Измененные), Продавцы.
Цветовая кодировка кристаллов и их ценность

Рэдка
– красный кристалл, 1-й (высший) уровень ценности. Эмоция – страх, тревога, ужас.

Орик
– оранжевый кристалл, 2-й уровень ценности. Эмоция – любовь, самопожертвование, преданность.

Ёлка
– желтый кристалл, 3-й уровень ценности. Эмоция – отвращение, зависть, стыд.

Гринк
– зеленый кристалл, 4-й уровень ценности. Эмоция – похоть, секс, вожделение.

Блюк
– синий кристалл, 5-й уровень ценности. Эмоция – горе, тоска, печаль.

Инк
– голубой кристалл, 6-й уровень ценности. Эмоция – радость, восторг, покой.

Вайкр
– фиолетовый кристалл, 7-й (низший) уровень ценности. Эмоция – замешательство, удивление, загадка.

Упомянутые в романах цивилизации и их миры, находящиеся под протекторатом Люди (Земля), Титар; Сульдри (болота и грязевые вулканы); звезда Росс 128 (холодная планета Саельм, тренировочный лагерь вначале Прежних, затем Инсеков); Мердри-2; Фрадар и Леле (колонии Прежних); Уорхан (горячие биоактивные болота), Трисгард (население – тэни), Сунерд, Шогар (население – лавли, они же ор-кти), Гаура (рыболюди), Ровиан (главная планета Прежних).
Упоминаемые в романе Гнезда Измененных
Всего в Москве 11 Гнезд, упоминаются: Большой Гнездниковский переулок, 6 (бывшее здание Министерства культуры), улица Раменки, 25 (бывший жилой комплекс, самое большое). Упоминаются Гнезда в Орехово (скользкий пол, зеркала), Перово (с потолка свисают веревки, на полу вода, жарко), Олимпийский проспект (информации нет).
Упоминаемые в романе виды Измененных

Формы Гнезда, начальные стадии трансформации в порядке усложнения:
куколка, жница, стража, старшая стража, монах, хранитель, мать.

Редкая форма:
призванный, человек, прошедший трансформацию для охраны Гнезда.

Уникальная форма:
Защитник, человек, прошедший Призыв дважды.

Формы Школы и Форта, финальные боевые стадии трансформации в порядке усложнения:
стража, старшая стража, монах (как в Гнезде); логистик, учетчик, техник, строитель, контролер, доктор, дозорная, разведчик, локальный координатор; локальный тактик, кардинал, инспектор, полный тактик, лидер, стратег (на Земле не встречаются).

© С. Лукьяненко, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть первая

Глава первая

Был, несомненно, июнь.
Я сидел на лавочке, цедил прямо из бутылки воду с газом и смотрел, как Дарина играет в волейбол.
Говорят, газировка для желудка вредная. Но мне плевать. Если вам не доводилось пить из разорванной артерии Прежней радиоактивный энергетический газ – то не надо со мной спорить о здоровом питании.
Спортивная площадка была при школе, где я когда-то учился. Днем туда посторонних не пускали, конечно, а вот вечером можно было прийти и поиграть. Тусили тут и несколько одиннадцатиклассников, старательно изображающих из себя взрослых, и наши ребята, бывшие серчеры. Кто-то чуть старше школоты, а кому-то и хорошо за тридцатник.
Будь Дарина единственной Измененной на площадке, игра вышла бы нечестной. Но против нее играла стража из Гнезда на Олимпийском, так что команде Дарины приходилось туго. Стражи куда быстрее и сильнее, чем жницы.
Но жницы, во всяком случае на Земле, поумнее. Стражи – бойцы, их готовят по ускоренному курсу.
Так что команда Дарины все-таки держалась и даже вела в счете.
Смеркалось, на небе (сезон дождей неделю как закончился) все ярче и ярче блистало Лунное кольцо. Я поднял голову, выискивая среди звезд Росс 128.
И не увидел.
Я знал, где она – тусклая звезда, у самой короны которой кружит планета Саельм. Я там был.
И звезда, конечно, осталась на небе.
Но мой небывалый второй Призыв прошел. Когда два месяца назад Высший в теле Миланы вернул меня из формы Защитника в человеческий облик, он что-то очень серьезно поменял. «Откатил» меня к моменту первого Призыва и даже дальше. Я чувствовал, что остаюсь сильнее и быстрее обычного человека, наверное, почти на уровне жницы. Но никаких способностей изменять тело, поглощать электричество, швырять лезвия энергетических полей не осталось.
Не то чтобы я сильно переживал…
Хотя вру. Конечно же, немного обидно.
– Сетка! – завопил кто-то из команды противника, когда Дарина сильным ударом вколотила решающий мяч.
Но сетки не было, стража покачала головой, подошла к Дарине и пожала ей руку. Потом что-то шепнула, стянула футболку и подала ей. Дарина перетянула себя футболкой, повязав на манер пояса, и, хмурясь, пошла ко мне. Волосы у нее за последние месяцы отросли до плеч, она была очень похожа на обычную девушку, только глаза остались фиолетовыми, волшебными.
– Умница, – сказал я. – Что за новый обычай?
– Футболка? – рассеянно спросила Дарина. – Трофей… Пошли домой?
Я поглядел на стражу. В шортах и без футболки та, как ни странно, выглядела лучше. Пропала внешняя схожесть с людьми, которую давала одежда. Мускулистое тело со светлой шершавой кожей, крупный подбородок, очень короткие волосы, длинные руки – все было гармонично.
Большинство Измененных больше не носили комбинезоны. Жили они по-прежнему в Гнездах и вроде как продолжали заниматься своими делами, но стали выходить, гулять по городу, общаться. Вот, даже спортом занимаются…
– Посидим? – предложил я.
– Максим…
– Понял, понял. – Я вздохнул, вставая. – Пошли. У меня есть несколько идей на этот вечер.
Дарина рассеянно улыбнулась, уточнять не стала.

Мы дошагали до дома, это совсем рядом, поднялись ко мне. Консьерж Андреич настороженно кивнул нам. Дарину он побаивался, хоть никогда бы и не признался в этом. Он вообще недолюбливал Измененных, а ко мне относился с сочувствием – угораздило же парня влюбиться в нелюдь…

Откуда я это знаю?

Смысл, поглощенный когда-то на планете Трисгард, остался во мне, Высший его не забрал. Я умею чувствовать чужое настроение.

Дома Дарина тут же направилась в ванную и щелкнула замком на двери.

– Эй, я тоже вспотел и тоже хочу в душ! – сказал я.

– Я быстро.

– Может, вместе помоемся?

– Потерпишь…

Зашумела вода, я вздохнул, прошел в гостиную, включил телевизор. В новостях рассказывали об исследованиях по созданию низкоскоростного интернета. Как на мой взгляд, выглядело это уныло, но, может, и сойдет для школоты, не знавшей нормальных сетей. Эх, какой у меня в детстве был интернет! Все летало…

Высший прогнал с Земли и Инсека, и Прежних. Продавцы ушли сами. Кристаллы по-прежнему возникали где попало, значит, орбитальные излучатели работали, выколачивая из людей смыслы. Вот только покупать их было некому.

Почему он так сделал?

Загадка.

Я спрашивал об этом Милану, когда та стала собой, но она не смогла ответить. Высший – это существо, живущее на всем протяжении времени с того момента, когда первый его разумный компонент появился на свет, и… и до конца Вселенной? Не знаю. Вроде как даже Высшие не бессмертны. Так вот, Милана – это начало Высшего. Он может перенести в нее свое сознание, проявиться в ней или в ком-то другом. Но по большей части Высший своими младенческими временами не интересуется. Так, появился пару раз, чтобы обеспечить свое собственное рождение, – и исчез. Может быть, он сейчас гасит и зажигает звезды, рисует туманности, жонглирует черными дырами и закручивает галактики. У него свои интересы.

Милана считает, что я и Дарина тоже станем частью Высшего. Но я подозреваю, что не все так предопределено.

– Дарин, ужин сделать? – крикнул я, когда шум воды стих.

– Я сделаю. – Она вышла в одном халатике, улыбнулась. – Пиццу. Я ведь жница, готовить – моя обязанность. Готовить, лечить, убирать…

– Идеальная боевая подруга! – восхитился я. Попытался посадить Дарину себе на колени, та ловко увернулась.

– Максим, я на кухню.

– Идеальная! – повторил я громко.

И нахмурился.

В общем-то Дарина совсем не против, когда на кухне командую я. Что это с ней?

– Лучше к экзамену готовься! – донеслось до меня. Потом пискнул телефон – она кому-то звонила.

Ну да… экзамен.

Я все-таки собрался поступить в университет. Стать дипломатом. В идеале – межзвездным.

Если, конечно, Измененные однажды разрешат людям пользоваться порталами. Если Инсеки и Прежние захотят иметь с нами дипломатические отношения.

Однажды Лихачев сказал мне, что я поступлю, даже если на экзаменах буду сидеть и загадочно улыбаться. Я единственный из людей, кто побывал на других планетах, общался с несколькими инопланетными цивилизациями, контактировал с Высшим… и даже некоторое время был им. Про такие вещи публично не говорят, но кому надо – те знают. Я две недели с утра до вечера писал отчеты, рассказывал о своих приключениях. Меня даже пытались загипнотизировать для лучших воспоминаний, но кончилось это неожиданно, доктора сами впали в транс. Хотя я ничего не делал, честное слово!

Но мне так не хотелось. Так что я честно учил историю, особенно ту, что «после Перемены», повторял забытые правила русского языка и даже подтянул немного английский и испанский.

Немецкий у меня остался со второго Призыва – это общий язык Измененных, выбранный ими по каким-то своим странным соображениям.

Я полистал учебник, повторяя даты и прислушиваясь, как Дарина шумит на кухне. Что-то она от меня скрывает, но что – я понять не мог. А использовать смысл было бы нечестно.

В конце концов учебник меня все-таки увлек. Я, к примеру, не знал, что «происшествие в Вазастане» было вызвано мигрантами, уверовавшими, что наступил конец света.
Но как открылась дверь, я все равно услышал. Выглянул в коридор.
Наська торопливо скидывала кроссовки. Значит, не от родителей спустилась, бегала куда-то на улицу.
– Привет, я к Дарине, – сообщила она и унеслась на кухню.
– Унюхала пиццу? – спросил я вслед, но ответа не дождался.
Меня подмывало встать и пройти на кухню, к девчонкам.
Но это было словно признать, что у подруги и у приемной сестры от меня завелись секреты. Слишком обидно!
Я упрямо уставился в учебник новейшей истории для 11-го класса. Не хочу на экзамене выглядеть глупее недавнего школьника…
А потом понял, что уже не один в комнате.
Сказать, что я испугался, – ничего не сказать.
Да, Прежних и Инсеков на Земле нет. Я ничуть не сомневался, что прямой запрет Высшего они проигнорировать не рискнут.
Но остались Слуги.
Очень много Слуг, большинство из которых – влиятельные и богатые.
И еще прорва Кандидатов. Если не ошибаюсь, то сами по себе они превратиться в Прежнего не могут. Но способности у них все равно серьезные, Слугам не чета.
А Кандидатам, как и Слугам, любить меня не за что. При этом формально они считаются людьми и запреты Высшего на них не распространяются.
Так что я подскочил, опрокидывая кресло, и замахнулся учебником – единственным, что у меня было под рукой.
– Я уже читал эту книгу, Максим, – сообщил гость.
– Вашу мать! – выкрикнул я.
– Вы же знаете, у нас нет матерей, – укоризненно заметил Продавец.
Громоздкая фигура передо мной была закутана во что-то, напоминающее тонкие полоски мохнатой желто-оранжевой шкуры, стелющиеся по полу, словно бальное платье. Из меха торчала рыжая голова, похожая на лисью, но размером не меньше человеческой. Шерсть на голове подозрительно походила на мех одежды. Лис дружелюбно скалился.
– Дарина! – позвал я, не отрывая взгляд от Продавца. – Только не пугайся, но у нас…
– Она не услышит, – перебил Продавец. – И еще девять минут не появится.
Ну конечно, он ведь живет в закольцованном времени и знает ближайшее будущее, хоть и не может его изменить.
До меня теперь не доносилось ни одного звука с кухни. А Дарина с Наськой наверняка не слышали меня.
– Мы знакомы? – спросил я. – Вы тот Продавец, что работал возле Гнезда?
– Нет-нет. – Лисья голова качнулась. – Мы не встречались. Но он просил передать вам привет и всяческое уважение.
Я уже пришел в себя. Продавцы были себе на уме, они использовали чужие части тела, помогали и нашим, и вашим (в своих интересах, конечно).
Но все-таки, если положить все их поступки на чаши весов, хорошее перевесит, они куда больше помогли и мне, и всем людям. И уж точно были порядочнее Прежних и Инсеков.
– Думал, вы ушли с Земли, – пробормотал я.
– Ушли, – согласился Продавец. – Но почему бы не навестить приятную планету? Одну из немногих, где обитатели имеют пусть ограниченное, но все-таки чувство юмора. И при этом создают неплохие телесериалы… Кстати, у вас не найдется второго сезона «Дочери Шелдона Купера»?
Я подошел к телевизору, молча выдернул флешку и протянул Продавцу. Лисья лапа бережно взяла ее и сунула куда-то под шкуры.
– Вы за этим пришли? – спросил я.
И сам не понял, с надеждой это произнес или с разочарованием.
– Боюсь, что нет, Максим.
– Плохое начало… – прошептал я.
– Вначале всегда все плохо, – кивнул Продавец.
– А потом?
– Потом привыкаешь. – Лисья морда ухмыльнулась.
– Давайте, выкладывайте, – сказал я.
– А кристалл? – капризно спросил Продавец. – Информация стоит смыслов…

Сам не знаю, зачем подобрал вчера этот круглый орик. По привычке, наверное. Сунув руку в карман джинсов, я протянул оранжевый шарик.
– Большой, но мутный… – вздохнул Продавец.
– Вы сам такой, большой и мутный, – ответил я. – Раз пришли, значит, вам нужнее. И времени у вас мало, верно?
Продавец спрятал кристалл. Посмотрел мне в глаза.
– Да, вы правы. Но взять кристалл – это как ритуал перед началом разговора… Максим Воронцов, нужна помощь.
– Кому? – мрачно спросил я.
– Нам. Впрочем, скорее всего, весь мир в опасности.
Я даже не удивился, только разозлился.
– О! Я мечтал спасти мир. Это давно стояло в планах. Успею поужинать?
– Вероятно, да, – кивнул Продавец. – Я не знаю, что вы будете делать и где. Возможно, на Земле. Возможно, вам придется отправиться в путь. Может быть, одному, а может быть, с друзьями. Я лишь знаю, что вы должны быть предупреждены. Шансов, что справитесь, – немного, но иных шансов нет вообще.
Мне вдруг стало не по себе. Как-то слишком серьезно он говорил.
– Можно без этих загадок? Скажите, что происходит?
– Нельзя, – Продавец покачал головой. – Видите ли, Максим, как только я попытаюсь рассказать вам то немногое, что знаю, я серьезно пострадаю.
– Тогда не надо, – быстро сказал я.
– Спасибо, – Продавец кивнул. – К сожалению, я все-таки попытаюсь. Я это знаю. У меня осталась одна минута.
– А потом? – Я насторожился.
– Потом я ничего не вижу, – сказал Продавец. – Вы в курсе, что это может значить для нас.
Я кивнул.
– Но, как бы то ни было, я все-таки попробую. Дело в том…
Продавец исчез.
Мне показалось, что перед этим его одежда на мгновение засверкала, будто по меху пробежали искры.
В воздухе свежо запахло озоном.
– Максим, тебя сколько звать? – донесся с кухни голос Дарины.
Я прошел к тому месту, где стоял Продавец.
Подобрал с пола флешку, орик и оторвавшуюся от одежды рыжую шерстинку.
Плохо, когда знаешь будущее, но не можешь его изменить.
Я бы с ума сошел.

Наверное, вырасти Дарина среди людей, то пиццу сделала бы лучше. Но как по мне, если пицца горячая, то она уже вкусная.
Зато обычная девушка мне бы не поверила.
– Не думала, что Продавцы так умеют, – сказала Дарина, хмурясь. – Вот просто так взял и появился?
– И потом исчез, – кивнул я.
– Грозой запахло? – с любопытством спросила Наська.
– Да! – обрадовался я. – Что-то об этом знаешь?
– Нет, ничего, – замотала головой бывшая куколка.
– Слушай, это не игра! – сказал я строго.
– Да не зна-а-аю я! – возмутилась Наська, начиная тянуть слова. Появилась у нее такая манера, когда она обижалась. – Это в книжках всегда так пишут, когда кто-то исчезает или появляется. Пахнет грозой, искры летят…
– Искры тоже были, – признался я.
– Вот! – торжественно сказала Наська и схватила еще один кусок пиццы.
– Ты же не собираешься… – Дарина замялась, но все-таки закончила: – Что-то делать?
Я покачал головой.
А что я могу сделать?
Да ничего!
Прежние ушли, Инсек ушел. Продавцы ушли. Высший больше не появлялся. Земные власти осмысливают этот факт. Было несколько неожиданных отставок и импичментов в высших сферах власти самых разных стран. Было и несколько неожиданных несчастных случаев, самоубийств и скоропостижных болезней с летальным исходом. Как я понимаю, идет зачистка Слуг и Кандидатов, которых сумели вычислить.

К сожалению, я точно так же понимаю, что это одни Слуги и Кандидаты руками людей зачищают других, менее удачливых.
– Экраны работают? – спросил я на всякий случай.
– Между Гнездами, – ответила Дарина. – На Саельм… не знаю. Уже два месяца как никто не уходил. И не приходил, конечно.
Я знал, что два месяца назад почти пять тысяч Измененных с Земли ушли на Саельм. Те, кто не принял уход Инсеков, кто решил продолжать служить им в войне с Прежними.
Потому что война не закончилась. Она идет по всей Галактике, Прежние и Инсеки делят территории и захватывают чужие миры, собирая смыслы на пути к сингулярности.
Только Земля теперь вне этой войны.
Я поймал взгляды девчонок. Дарина смотрела испуганно и напряженно, а Наська – с живейшим интересом.
– Не собираюсь я никуда уходить! – возмутился я. – Тем более, Продавец ничего толком не сказал! Им нужна помощь, мир в опасности… знаешь, я убедился: мир всегда в опасности, а помощь нужна всем.
Дарина расслабилась, а Наська огорчилась.
– И никаких сроков, кстати, он не называл, – успокоил я и себя, и Дарину. – Никто ведь не запрещает спасать мир в рабочем порядке? Может, мне стоит выучиться, начать работать и уладить конфликт между цивилизациями.
– Учиться – скучно, – сообщила Наська. – Я хочу закончить школу в следующем году. Я почти все знаю, я посмотрела учебники.
В этом я не сомневался. Обучение в Гнезде идет совсем на других скоростях.
– Закончишь, а дальше? – спросил я скептически. – В десять лет?
– Между прочим, мне будет одиннадцать!
– И что станешь делать?
– Отдыхать! – Наська встала, прихватила еще кусок пиццы, сообщила: – С колбасой еще ниче, а с рыбой подгорела… Я домой!
Дарина против ожиданий ничего не сказала, хотя обычно она Наську строит и наглеть не дает. Мелкая подмигнула ей, а меня хлопнула по руке.
– Без меня мир не спасай, лады? Ты мой главный герой! Ну, после Человека-паука, конечно.
– Почему после Человека-паука? – неожиданно обиделся я.
– Он такой красавчик! – сказала Наська драматическим шепотом.
Я демонстративно прошел за ней в прихожую и убедился, что девочка ушла. Потом вернулся на кухню.
Дарина все так же сидела, кутаясь в халатик, перед куском остывшей пиццы. Я обнял ее за плечи.
– Эй… я не собираюсь никуда бежать и никого спасать.
– Знаю…
– С чего вдруг мелкая прибегала? Ты ей звонила?
– Угу. Наська в аптеку сбегала, я попросила. По женским делам.
Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это может значить. Потом я смущенно сказал:
– Рановато, наверное. Но она же растет.
– Это мне, Максим, – сказала Дарина. – Это я стала девушкой, понимаешь?
– Э… – ответил я, складывая воедино стражу, что-то шепнувшую Дарине, повязанную вокруг пояса футболку, принятый в одиночестве душ и шумящую в ванной стиральную машину.
– У Измененных детей не бывает, – сказала Дарина. – У меня никогда раньше не случалось… критических дней. Теперь есть. Видимо, Высший что-то исправил.
– Ага, – сказал я, сел напротив. – Но ты ведь осталась жницей?
Дарина взяла со стола вилку. Согнула ее, потом распрямила. Сказала:
– Вроде как да.
– А могут быть дети у человека и жницы? – спросил я. – Разумеется, если Высший… меня тоже исправил…
Дарина пожала плечами.
– Ну, я рад, – сказал я неуверенно. – Здорово!
– Все становится сложно, – сказала Дарина, не глядя на меня. – Нас на Земле довольно много, одних жниц с миллион. Две трети девушки, остальные парни. Власти с этим мирились…

Я понимал ее. Измененные всегда были занозой для правительств. С одной стороны, бывшие люди, бывшие дети. С другой, уже не люди, куда сильнее и умнее, с доступом к технологиям Инсеков…
Но Измененные не размножались и почти не контактировали с людьми. Можно было не беспокоиться, что они начнут занимать ответственные посты, вытеснять людей. Бесплодные мутанты, пройдет сотня лет, и они исчезнут.
А теперь?
Кто может родиться у жницы и стражи? Или у двух стражей? Или у человека и жницы?
Людям хватает цвета кожи, диалекта языка или маленькой разницы в религии, чтобы начать ненавидеть и убивать друг друга. После Перемены и появления Инсеков все это ушло на второй план.
Теперь возвращается. В новостях снова замелькали террористы, политики вспомнили прежние споры.
И сюда еще добавить Измененных, которые начнут размножаться!
– Все сложно, – признал я и взял в руки ладонь Дарины. – Но мне плевать. Я рад, правда!
В дверь позвонили, и я почувствовал, как Дарина вздрогнула.
– Допустим, Наська решила, что пицца не столь уж плоха, – сказал я, глядя на Дарину. – Но мы уже спим.
Позвонили снова.
– Иди, – сказала Дарина.
Я прошел в прихожую. Помедлил и открыл дверь.
На пороге стоял Лихачев. В штатском, в светлом льняном костюме, будто какой-то немолодой отпускник. Костюм выглядел так, будто ему лет двадцать, а надевали его от силы десяток раз.
Мы кивнули друг другу. Я молчал, и Лихачев ничего не говорил.
– Пройдешь или мне собираться? – спросил я настороженно.
– Пройду, – сказал Лихачев с удивлением. – Есть разговор… А ты будто меня ждал?
Я покачал головой.
– Не ждал, но… в общем, кое-что случилось.

Глава вторая

Лихачев – правильный чел. Мы познакомились, когда уничтожитель Прежних разгромил Гнездо в бывшем Минкульте. Спаслись только Дарина и Наська, и то лишь потому, что их не было в здании.
В общем, дальше все закрутилось. Дарина в панике призвала меня на защиту Гнезда, возглавлявший отдел «Экс» в московской полиции Лихачев попытался меня завербовать… сам не пойму, получилось у него или нет. Мы как-то дальше не касались этой темы, хотя я получил право на ношение оружия и удостоверение консультанта (и недавно, после одной пустяковой истории в метро, убедился, что оно работает до сих пор).
Слишком много всего случилось, чтобы вспоминать такие мелочи.
Дарина появлению Лихачева обрадовалась. От еды полковник отказался, выпить чая согласился.
– Совсем перебралась к Максу? – спросил он Дарину.
– Как будет себя вести, – ответила Дарина с достоинством.
Лихачев рассмеялся. Вот этим он мне и нравится. Никаких дурацких нравоучений.
– Я хотел посоветоваться с Максимом, но, если ты послушаешь, будет еще лучше.
Дарина кивнула.
– Экраны в Гнездах работают? – спросил Лихачев тоном человека, знающего ответ.
Я нервно рассмеялся, даже Дарина улыбнулась. Потом пояснила:
– Максим то же самое сегодня спрашивал… Работают. На Земле – да, на Саельм давно никто не уходил.
– А на Селену?
– Это плохая идея, – ответил я резко.
– Но ведь Инсек ушел?
– Да. Нет. Не знаю. – Я пожал плечами. – Высший велел, Инсек исчез. Может, на свой корабль, может, перенесся в свои миры.
– Скорее всего, ушел, – рассуждал вслух Лихачев. – Значит, его корабль стоит на Селене. Пустой.

У меня даже голова заболела от нехороших предчувствий.
– Игорь Григорьевич, – сказала Дарина. Она единственная звала полковника по имени-отчеству, да и то нечасто. – Не надо этого делать! Высший защитил Землю. Но мы не знаем, как на самом деле все это было и на каких условиях. Мы слышали только то, что говорилось вслух!
– А они общаются иначе, – добавил я, вспоминая полусон-полуявь про разговор Прежнего, Инсека и Высшего, вложенный в мою память Фортом. – Совсем иначе! Это поток информации, очень сложный, мы его воспринимаем лишь поверхностно, какую-то внешнюю форму! Но внутри – целые договора с пунктами и подпунктами, условиями, соглашениями, исключениями…
Лихачев нахмурился, неохотно кивнул.
– Лучше сидим ровно, позволяем Высшему развиваться, – заключил я, ободрившись. – Занимаемся своей родной планетой. Ко мне вот сегодня Продавец приходил…
– Что?
Я коротко рассказал о визите Продавца.
– Он перенесся сюда? Без всяких экранов, без синтезаторов материи? – недоверчиво спросил Лихачев.
– Угу. – Я подвинул к полковнику рыжую шерстинку, лежащую в центре стола. – Вот, с его одежды упало. Или с морды. У него была лисья голова. Пусть аналитики проверят, убежден, что там неземная ДНК.
– А Максим никуда не собирается отправляться и ничего не станет выяснять! – твердо сказала Дарина. – И вам не надо лезть, ни на Саельм, ни на Селену!
– Американцы и китайцы возобновили программы пилотируемой космонавтики, – неохотно сказал Лихачев. – Наши, наверное, тоже. Только у меня нет такого допуска, чтобы знать про наших.
– Пока они еще построят ракеты, – я покачал головой. – Технологии потеряны, а многие теперь не работают.
Лихачев шумно вздохнул и выложил:
– Есть информация, что через одно из американских Гнезд был совершен переход на Селену.
Я посмотрел на Дарину. Та молчала, смотрела на Лихачева.
– И еще неподтвержденная информация о переходе китайской и бельгийской групп.
Почему-то я нервно хихикнул.
– Да, меня тоже удивило про бельгийцев, – согласился Лихачев. Покрутил в руках чашку, допил чай. – Меня попросили предоставить заключение о целесообразности нашего проникновения на Селену, я не рекомендовал. Попросили спросить у тебя, Макс.
– А что у меня-то…
Лихачев хмыкнул, достал из кармана полиэтиленовый пакетик с застежкой, аккуратно стряхнул в него рыжий волосок чайной ложечкой. Он что, всегда ходит с пакетом для улик?
– Хороший ты парень, Воронцов… У кого же еще спрашивать?
– Не надо, – твердо сказал я. – Мое мнение – не стоит.
Полковник кивнул, будто и не сомневался в ответе.
Я проводил Лихачева до дверей, там он наклонился к моему уху и спросил:
– Не ссоритесь?
Я замотал головой.
Лихачев удовлетворенно кивнул, будто Дарина приходилась ему дочерью или племянницей. Похлопал меня по плечу. И вышел.
А я вернулся на кухню, где Дарина убирала со стола. Взял пару чашек, стал мыть. Спросил:
– Ничего не хочешь мне рассказать?
– Я не знала про американцев, – произнесла Дарина. – Была уверена, что никто из наших не пропустит людей через экраны.
– Спросишь? – поинтересовался я.
– Конечно.
Мы навели порядок на кухне. Потом пошли и включили серию «Дочери Шелдона Купера», которую так мечтал досмотреть знакомый Продавец.
Довольно смешной сериал, но у меня голова была забита совсем другими вещами.
Потом я лежал в темноте, слушал, как дышит Дарина. Она стала больше спать – не как человек, конечно, но все-таки ложилась вместе со мной и несколько часов спала обычным крепким сном.

Меня это неожиданно потрясло. В Дарине становится больше человеческого. Теперь еще, оказывается, она может родить…
Вот те раз!
А я к такой неожиданности готов? Оно мне надо?
Я, между прочим, лишился своего основного заработка! Серчеры стали не нужны, лут никто не покупает.
Хотя ходили слухи, что государство вот-вот начнет скупать кристаллы. Вряд ли секрет их употребления остался секретом, Лихачев все наблюдал, отчеты писал… Смыслы государству пригодятся.
И не только России. Метод наверняка узнают и другие страны. А еще авантюристы, жулики и наркоторговцы. Большинство кристаллов несет лишь эмоциональный заряд, ну так этого как раз люди и ищут, когда употребляют наркоту. Некоторые будут мечтать пережить чужую любовь или восторг, а некоторым понравится тоска или злость.
А тут еще вылазки на Селену!
Американцы и бельгийцы. Скучные обстоятельные бельгийцы куда полезли, вспомнили колониальные времена, что ли?
Сейчас начнется: попытки разобраться в инопланетной технологии, подчинить себе корабль Инсеков… всяческая гонка вооружений… мало нам было двадцатого века…
Я вдруг очень четко представил себе Ивана.
Прежний ухмылялся, глядя на меня: «Что, добились своего? Выгнали нас? Ну-ну, поживите сами, мы посмотрим…»
Черт.
Я заворочался.
Может, это и не фантазия, не дрема, а Прежний каким-то образом отправил мне послание через бездны космоса. Они такие, хоть и нелюди, но злопамятные и с огромным самомнением!
Я даже встал и пошел на кухню, попил водички. На глаза попался учебник истории.
Что там, если разобраться, в нашем прошлом? Сплошные амбиции, войны, обиды друг на друга, попытки слабых стать сильными или прилепиться к сильным.
А я вдруг решил, что Высший все это разом исправил?
Милана живет обычной жизнью, что бы ни было в доставшемся ей смысле – оно не стало мгновенным чудом, которое все изменило. Высший лишь обеспечил собственное появление, а сколько сотен или тысяч лет люди будут барахтаться в крови, его особо не интересует. Я же помню тот миг, когда он входил в меня! Да, в нем было слабое сочувствие и приязнь, но в основном – раздражение от окружающих.
А появление Продавца?
Зачем он пришел, как именно, и кто мог его остановить, если ни Прежних, ни Инсека на Земле нет?
Неужели он действительно погиб?
Нет, надо предупредить Измененных. Никаких визитов на Селену!
С этой мыслью я вернулся в спальню, забрался в кровать и уснул, обнимая Дарину.

Самым странным за прошедшие два месяца было то, что Гнезда почти не изменились. Никто больше не уходил через экраны на Саельм. Никаких распоряжений от Инсека не поступало.
Но Измененные по-прежнему занимались своими делами, обучались и проходили военную подготовку. И к ним по-прежнему пытались передать больных детей отчаявшиеся родители.
Когда мы с Дариной подошли к бывшему Минкульту, я подумал, что Гнездо похоже на брошенный где-нибудь на стройке механизм. Рабочие ушли, побросали инструменты, но забыли выключить компрессор. И вот он стоит, тарахтит, выбрасывая сизый дымок, гонит вхолостую воздух в шланги. Пока есть топливо, будет и видимость работы…
У входа в Гнездо стояла женщина средних лет, в длинном платье и темном платке на голове. Наверное, она была моложе, чем выглядела, и я догадывался, почему.
На руках у нее был ребенок. Маленький, года два, в ярком оранжевом комбинезончике. Ребенок спал, как-то очень безвольно повиснув у женщины в руках.
Я прислушался к Гнезду, уловил его слабый бесконечный гул. Люди слышат его иначе, но он вызывает беспокойство, поэтому рядом с Гнездом не задерживаются.
Но женщина стояла, и мне показалось, что она тут уже давно.
– Девочка… – позвала женщина. – Девочка… ты из Гнезда? Ты жница?
Дарина остановилась.

Да, у нее были длинные волосы, и одевалась она в человеческую одежду, но кожа оставалась слишком гладкой, и радужка глаз мерцала сиреневым.
– Да, – сказала Дарина. – Я жница.
– Девочка, как тебя зовут, девочка?
Я мрачно смотрел на женщину. Ничего хорошего этот разговор не предвещал.
– Дарина.
– Дарина, ты хорошая девочка, – быстро заговорила женщина. Я подумал, что она откуда-то с Северного Кавказа, судя по легкому акценту и чертам лица. – Дарина, помоги мне? Моя детка болеет, а Гнезда больше не берут детей.
– В Гнездах нет мутагена, – сказала Дарина тихо. – Мы получали его от Продавцов, но Продавцы ушли.
– Я знаю, знаю, – закивала женщина. – Но посмотри, какой он славный… Может быть, у вас осталось немного?
Дарина сделала шаг, заглянула в лицо ребенку. Потом отступила, внимательно посмотрела на женщину.
– Он маленький, ему немножко надо, – пробормотала женщина. – Он станет стражей, большим и сильным.
– Я спрошу, – сказала Дарина. – Мутагена нет. Но я спрошу.
Женщина часто закивала и что-то зашептала беззвучно. Наверное, ей было достаточно того, что Дарина пообещала спросить.
– Зачем ты ей пообещала? – спросил я тихонько, когда мы поднимались по ступенькам. – Ты же знаешь…
– Мутаген не поможет, ребенок уже умер, – ответила Дарина вполголоса. – Может даже, еще вчера. Она сошла с ума…
Я взял ее за руку, мы остановились. Обернулся на женщину, укачивающую мертвого ребенка.
– Дарина…
– Ничего не поделать, – прошептала Дарина. – И раньше Гнезда спасали не всех. Но…
Мне показалось, что она сейчас заплачет. Но она сильная, она сдержалась. Вместо этого озабоченно произнесла:
– У меня нервы стали какие-то дерганые. Настроение скачет. Слушай, это у всех девушек так? В особые дни?
– Ну… не знаю… – смутился я. – У кого больше, у кого меньше… Да, у всех.
– Тяжело вам с нами, – вздохнула Дарина. – Ладно, я буду себя контролировать. Это всего лишь гормоны.
Мы вошли в Гнездо.
У входа дежурила незнакомая стража. Без оружия, конечно. Помещение преобразилось – исчез весь мягкий хлам, которым раньше был завален пол, большую часть лампочек поменяли, и внутри стало светло. Еще изменился запах, тот характерный запах влаги, ветхости, чужой жизни, который был раньше. Он вроде как и остался, но что-то яркое и острое из него ушло, а что-то смутно знакомое добавилось. Может, в Гнезде вентиляцию запустили?
– Та, что вы сделали? – удивилась Дарина. Она стражу различала лучше меня.
– Ты давно не заходила, – ответила стража. – Мы убрали лишнее! Нам не надо больше готовиться к планетам с зыбкой почвой.
Дарина пожала плечами. Сказала:
– Нам надо поговорить с хранителем.
Стража не удивилась.
– Идите, она ждет.
Но идти не пришлось, хранитель Гнезда вышла навстречу. Странная девочка, которая так мечтала стать Измененной, что сама себя изувечила. И, по сути, «запрыгнула в последний вагон», получив мутаген перед самым уходом Продавцов.
– Здравствуй, Лю, – сказала Дарина.
– Здравствуй, Дарина, – ответила хранитель.
Дарина некоторое время занимала пост хранителя, но чисто формально, мутаген она не принимала. А Лю, которую в человеческой жизни звали Людмилой, прошла все фазы Изменения. Она вытянулась, глаза стали ослепительно-белыми, с такой крошечной точкой зрачка, что и не заметишь.
– Я ненадолго, – произнесла Дарина. Мы остановились в дальнем углу от входа, рядом с лестницей. Хранитель не то чтобы мешала нам пройти дальше, но словно намекала – не стоит.
– Догадываюсь.

Формально Дарина оставалась жницей и членом Гнезда. Фактически она жила со мной. Все сложно…
– Я пришла предупредить. Человеческие власти хотят попасть на Селену. На корабль Инсеков.
– Знаю, – ответила хранитель невозмутимо. – Наши говорили об этом.
– Ходят слухи, что кое-кто уже воспользовался экранами… – осторожно произнес я.
– У нас нет матери Гнезда, – ответила Лю. – Для такой информации нужен доступ матери.
– А какая информация есть? – не унимался я. Было у меня ощущение, что хранитель не слишком-то мне рада, но отношения надо налаживать.
– Говорят, что некоторые Гнезда разрешили переход на Селену, – поколебавшись, все же ответила хранитель. – Маленькое гнездо в Хьюстоне. Гнездо в Брюсселе. Гнездо в Гуанчжоу. Гнездо в Бангалоре.
– Хьюстон, у нас проблемы… – пробормотал я. США, Европа, Китай, Индия? Как тут рассчитывать, что наши останутся в стороне!
– К нескольким московским и питерским Гнездам тоже обращались с этим вопросом, – продолжала хранитель. – Я отказала.
– Правильно, – кивнул я.
– Только мать способна переключить экраны на корабль Инсека, – продолжила Лю. – Я так и объяснила.
– А если бы ты была мать Гнезда? – резко спросила Дарина.
– Я бы думала, – ответила Лю с достоинством. – Прежние ушли, Инсеки ушли, Продавцы ушли. Мы живем в России. Мы зависим от правительства. Нам дают продовольствие, позволяют занимать помещение. И… – Она помедлила. – Я русская девушка.
– Ты Измененная, – заметил я.
– Ну и что? Если другие Измененные уже позволили людям пройти?
Наверное, она была права.
Нет, серьезно, почему американцам и индийцам можно, а нам нельзя?
– Это плохо, это опасно, мы не знаем, к чему все приведет! – сказал я. – Надо объяснить…
– Ну так ты и объясняй. – Лю уставилась на меня белыми, будто слепыми, глазами. – Ты особенный, призванный дважды… прости, могу я опустить все титулы?
Похоже, придется признать – она меня не любит.
– Все-таки я не Измененный, – сказал я. – Вам надо принять общее решение…
– Общее? – удивилась хранитель. – Инсека нет. Каждое Гнездо само по себе. Каждая мать сама решает, как поступать. Если кто-то попытается указать другим – будет война.
Я даже не думал об этом!
Гнезда всегда казались мне едиными. Несмотря на расстояния и границы. Я знал, что там, в Галактике, Измененные из разных Гнезд порой воюют друг с другом, но не на Земле… разве что по приказу Инсека…
Хотя – опасалась же Дарина, что уничтожитель выведен в Большом Гнезде?
– Ты доволен сделанным выбором, Макс? – неожиданно спросила хранитель.
Да, она меня не любит.
Однозначно.
– А ты хотела, чтобы все оставалось как есть? – ответил я.
Хранитель по-человечески пожала плечами.
– Перемены всегда к худшему.
– Если так считать, то надо сидеть в пещерах и охотиться на мамонтов! – вмешалась Дарина.
Хранитель посмотрела на нее.
– Когда Землей правили Прежние, мы даже не слышали о них. Мне было шесть, у меня был маленький розовый телефон, я смотрела Влада А-четыре, хотела стать видеоблогером, и у меня все было хорошо! Потом Перемена, Инсеки, никаких блогов и даже телефонов! Инсеки сказали, что так нам лучше. Я хотела, чтобы все было как при Прежних, хоть я про них и не знала. Но я решила, что буду с Инсеками.
Обычно хранители говорят спокойно, холодно. Мне даже казалось, что они не умеют испытывать эмоции.
Но у Лю получилось.
– Я стояла на балконе, я забралась на перила и смотрела вниз. Мне было очень страшно! Надо было разбиться, но не насмерть. И я не знала, сработает ли мутаген, я ведь уже большая, я даже потрахалась с одним парнем, чтобы знать, как это! Но я прыгнула вниз. И стала Измененной.

Мы молчали.
– Но вы решили, что с Инсеками плохо. Вы всех прогнали. Теперь я хранитель Гнезда без матери, у нас нет мутагенов, жницы и стражи не знают, что им делать. Приходят люди из правительства. Просят показать разные штуки, которые у нас есть. Дать им оружие Инсеков. Намекают, что Министерству культуры нужно здание… и что содержать нас дорого… потом опять просят оружие и разные штуки. Я не знаю, сколько проживет Гнездо. Я не знаю, что с нами будет. А снаружи второй день стоит сумасшедшая женщина с мертвым ребенком!
– Мы не знали, что так будет, – сказала Дарина тихо. – Мы хотели как лучше.
– Все хотят как лучше, – отрезала хранитель. – Все думают, что проблемы кончаются с победой. А с победой просто приходят новые беды…
Она вдруг обмякла, опустила плечи. Я подумал, что, хоть она ростом с меня и выглядит жутко, но ей всего четырнадцать лет.
Это ребенок, который резко поумнел, повзрослел – и понял, что ему не хватает сил быть взрослым.
– Мне очень жаль, – сказал я. – Если как-то можно что-то исправить…
– Гнездо на Олимпийском этой ночью согласилось открыть проход на Селену, – сказала хранитель. – Многие Гнезда осудили это решение. Но Раменское Гнездо сказало, что мы должны сотрудничать с властями… и все замолчали. Пройдет еще месяц, и Большое Гнездо будет решать все и за всех.
– Мы поедем на Олимпийский, – произнес я. – Спасибо, что сказала. Нам… нам правда жаль. Так ведь, Дарина?
Она молча кивнула, вцепившись в мою руку.
– Скажи, призванный… – Хранитель помедлила. – Если бы все вернулось назад, и ты выбирал, что сделать – оставить Инсеков, вернуть Прежних, прогнать всех… как бы ты поступил?
Я подумал.
Нет, я серьезно подумал, прежде чем ответить.
– Я поступил бы так же.
Хранитель кивнула. И сказала:
– Можете пройти на Олимпийский через экран. Мне кажется, что к их Гнезду будет трудно подобраться снаружи.
Экраны Инсеков не разнимают тебя на части, когда через них проходишь. Честно говоря, меня это радовало. Один раз я воспользовался технологией Продавцов – меня разобрали на элементарные частицы, мгновенно передали информацию через сотни световых лет и собрали на Земле заново. Из других частиц, между прочим. Ничего ужасного я не ощутил… но порой просыпался ночью и думал: «Остался ли я собой?». Или я лишь копия, двойник, а настоящий Максим Воронцов распался на бозоны и фермионы, из которых Продавцы потом понаделали товаров для тэни?
Нет уж, лучше «совмещение пространств», как это называли Измененные. Этим методом пользовались Инсеки и Прежние, хотя временами экраны отказывались работать на больших расстояниях из-за отсутствия резонанса (Дарина однажды попробовала объяснить про резонанс, когда мы болтали перед сном, но на словах о пространстве Калаби-Яу и фазовой скорости тахионов я позорно уснул).
Однако на Земле экраны обычно работали исправно. И входить в них было не страшно. Можно было даже высунуться, посмотреть на другую сторону, а потом пройти – или вернуться.
Хранитель провела нас в защищенную зону Гнезда. Мы никого не встретили по пути – наверное, все немногочисленные куколки учились или тренировались.
Мне снова пришла в голову неприятная мысль о забытом и работающем по инерции механизме.
– У тебя не будет проблем из-за нас? – спросил я.
– Вы часть Гнезда, даже ты, Макс, – ответила Лю. – Переход в другие Гнезда не запрещен.
Никаких пультов, конечно, ей не требовалось. Часть металлической стены заблестела, формируя экран.
– Спасибо, Лю, – сказала Дарина. – Мы попытаемся их переспорить.
Хранитель не посчитала нужным ответить. Так и осталась стоять, глядя нам вслед, когда мы подошли к экрану.

Глава третья

Заглядывать в чужое Гнездо мне казалось неудобным.
Так что мы просто вошли в экран и вышли в Гнезде на Олимпийском.
Из бывшего Министерства культуры в бывший «Уголок дедушки Дурова». Что и говорить, во время Перемены российская культура понесла большие потери. Хорошо хоть, что оба московских цирка уцелели.
Защищенная зона Гнезда была точно такой же, как и в Гнездниковском. Вот только если провожала нас одинокая хранитель, то на Олимпийском мы вышли в битком набитый зал.
Во-первых, тут были мать, хранитель, два монаха и три старшие стражи, видимо – охрана. К стражам, монахам и хранителям я привык.
А вот мать своими глазами увидел впервые.
Она была ростом со старшую стражу и очень толстая. При этом непостижимым образом ухитрялась выглядеть… вот даже сформулировать трудно… дружелюбно? Приветливо? Заботливо? Лицо осталось человеческим, выглядело молодым, но совсем бесполым, волосы были умеренно длинными, серо-стальными, у людей такого оттенка не бывает, на седину это не походило. Почему-то хотелось подойти к ней, прижаться, начать что-то рассказывать, жаловаться и требовать утешения…
Я тряхнул головой, прогоняя наваждение.
Это все из-за ее облика.
Мать Гнезда выглядит так, как воспринимает мать маленький ребенок. Большой, мягкой, уютной и одновременно строгой и сильной.
Имеющей право и хвалить, и ставить в угол.
А еще, насколько я знаю, она источает феромоны.
Ну на фиг, эта «мать» младше меня, и она может быть парнем!
– Максим, призванный, – сказала мать и мягко улыбнулась. – Я не удивлена, Максим.
Но помимо Измененных тут были и люди.
Полковник Лихачев. Рядом с ним костлявый старикан под два метра ростом, хоть и в штатском, но с военной выправкой. И пятеро в скафандрах с зеркальными шлемами. На них, конечно, были не космические скафандры, а что-то вроде силовой брони полицейских. Только посовременнее, чем та, которую носили ребята Лихачева. Она была чешуйчатой, напоминающей комбинезоны Измененных; пластинки брони радужно переливались и отблескивали, будто призмы под лучом света. Все пятеро держали в руках какие-то контейнеры и оружие.
Удивления наше появление не вызвало. Видимо, при установке связи Гнездо сообщило матери, кто к ним идет, а та предупредила людей.
– Макс! – сказал Лихачев с укором. Высокий в штатском посмотрел на него осуждающе.
– Не надо туда ходить, – сказал я. – Пожалуйста! Это неправильно.
Почувствовал, что Дарина выдирает руку из моей ладони, глянул на нее – она медленно, как загипнотизированная, двигалась к матери Гнезда.
Я сжал ладонь крепче, и Дарина остановилась.
Это все феромоны.
– Макс, я передал твое мнение, – сказал Лихачев. Выглядел он нерадостным. – Но не мы первые это начали. Надо выяснить, что происходит в корабле Инсека.
– Да как же вы не понимаете! – воскликнул я. – Это боевой корабль, он может планету разнести на куски!
– Тем более, – сухо сказал высокий. Подошел к нам. Положил мне руку на плечо таким уверенным жестом, что я даже не возмутился. – Максим, мы взвесили все за и против. Есть решение руководства. Ребята идут осмотреться, никто не собирается захватывать корабль, нажимать кнопки, взрывать планеты.
– Там нет кнопок, – возразил я. У меня заколотилось сердце. – Там все подчинялось командам Инсека.
– Мы читали твои отчеты, Максим. И ребята читали.
Он по-прежнему держал руку на моем плече, отеческим жестом уверенного в своих решениях начальника.
– Ты опасаешься, что появление людей запустит какие-то процессы в корабле? Так этого бояться поздно. Туда прошло пять групп из разных стран.
– Все равно… – сказал я, уже понимая, что проиграл. – Зачем повторять чужие глупости?
– Вот ты и приглядишь, чтобы глупостей не случилось, – улыбнулся старикан. – Мы будем на связи с командой… ты ведь консультант у Лихачева, верно? И на корабле бывал. Поможешь?

Я посмотрел ему в глаза. И позволил смыслу, когда-то поглощенному на Трисгарде, заработать.
Такое ощущение, будто старикан понял, что я делаю. Он прищурился, но не отвел взгляд, и я провалился в его глаза.
Будто на камни рухнул с высоты.
У него все было четко и правильно. И неспешно. Он не семь раз отмерял, прежде чем отрезать, а семьдесят семь. Все строилось медленно, но уж если план был принят, то он выполнялся. Предельно осторожно. С минимальным риском. Под полным контролем.
Он и жил точно так же, как работал.
И при малейшем сомнении предпочитал ничего не делать.
Сейчас у него сомнений не было.
Я сдался и отвел глаза. В то же мгновение старикан убрал руку, будто решил, что придерживать меня больше не стоит.
Интересно, кто из нас друг в друге больше прочитал?
Вместе со стариком мы отошли от экранов к Лихачеву. Хранитель взирала на нас мрачно, мать Гнезда – с улыбкой. Лихачев выглядел смущенным и расстроенным.
– Что ж, у нас прибавление в команде. – Старик казался самым довольным из собравшихся. – Отважная юная пара… наш мост между Измененными и людьми… Вы же не против, Ла?
Мать Гнезда кивнула.
– Меня зовут Леонид Владимирович, – сказал старик таким интригующим тоном, словно выдал мне какую-то государственную тайну. – Я курирую отношения с Измененными в правительстве.
– А я полагал, что этим занят Иван Андреевич.
Леонид Владимирович кивнул.
– Он был моим коллегой. К сожалению, мы не знали… его истинной сущности. Ну что, команда отправляется… начнем?
– Я готова открыть проход, – сказала мать Гнезда. – Если вы готовы…
В ее голосе слышалась искренняя забота.
Скорее из упрямства, чем надеясь на что-то, я потянулся к разуму Гнезда. Я знал, что это чужое Гнездо, в котором не хранилось отпечатка моего сознания, я даже не был уверен, что получу ответ.
Но ответ пришел. Волна эмоций, смущение и растерянность, печаль и досада. Гнезду тоже не нравилось, что люди отправятся на Селену, но решение принимало не оно.
«А если я попрошу не открывать переход?» – мысленно спросил я.
Нет, я больше не мог командовать чужими Гнездами. Это ушло вместе со вторым Призывом. Но в ответной волне образов я уловил сомнение… и согласие.
Гнездо подчинится!
Оно снимет с себя ответственность. Сделает вид, что обязано подчиниться.
Я быстро повернул голову и посмотрел на мать Гнезда.
А мать посмотрела на меня.
Кажется, мы сейчас держались за одни и те же рычаги управления!
– Как тебя зовут? – спросил я.
Мать смотрела на меня. Улыбка уходила с ее лица, сменялась печалью.
– Лара. Максим, неужели ты думаешь, что я хочу чего-то плохого?
Нет, я так не думал. Мать Гнезда воплощала заботу и безопасность. Но я боялся, что сейчас, в новом мире, где Измененные утратили смысл своего существования и поддержку Инсека, мать не знает, что хорошо, а что плохо.
Я вдруг понял, что все смотрят на меня.
Измененные догадались, что происходит. Мать выжидала, монахам было любопытно, стражи просто ждали приказа.
– Все хотят только хорошего… – прошептал я.
И разорвал контакт с Гнездом.
Мать кивнула. Вновь спросила:
– Я открываю проход?
Леонид Владимирович кивнул, и экран, через который мы прошли, вновь засветился. Пробежали синие искры, поверхность наполнилась серой мглой.
– С Богом, – сказал Лихачев и быстро, будто стесняясь, перекрестился.
Пятеро в скафандрах, так и не сказавшие ни одного слова, двинулись к экрану. И прошли через него, не останавливаясь и не колеблясь.
– Это ваши? – спросил я Лихачева. Не время было дуться и обижаться.
– Нет, – ответил он, явно обрадовавшись, что мы заговорили. – Это очень серьезные ребята.

– Ла, как насчет связи? – спросил Леонид Владимирович.
Рядом с работающим экраном, открытым на Селену, засветился второй, поменьше. На нем появилось изображение – приглушенный свет, мягко изогнутые стены серо-синего металла.
Корабль Инсека!
Судя по тому, что изображение поворачивалось из стороны в сторону, работала камера, закрепленная на шлеме одного из «серьезных ребят».
– Майор, у нас есть картинка, – сказал Леонид Владимирович. – Доложите обстановку.
– Переход нормальный, команда в сборе, находимся в пустом помещении, отвечающем описанию, – голос майора был спокойным, собранным. – Сила тяжести низкая. Признаков активности не наблюдаем. Атмосфера на месте. Анализаторы включены.
– Хорошо, майор. Не спешите. Полный цикл контроля среды, потом запускайте дроны. Скафандры не снимать!
– Есть, товарищ генерал, – ответил майор.
Леонид Владимирович подмигнул мне. Наклонился и сказал шепотом:
– На самом деле я давно в отставке. Но ты же понимаешь, десантникам проще подчиняться генералу, чем чиновнику!
Я подумал, что генералов в отставке не бывает. Или так про сотрудников госбезопасности говорят? Да не важно, скорее всего, Леонид Владимирович там и служил, в танке или самолете его представить было сложно.
Судя по картинке, помещение, где оказалась «команда», было просторным и совершенно пустым. Округлые стены, конусом уходящий вверх потолок, будто в цирке или церкви, несколько темных проходов. Тот же металл, что и в защищенной зоне.
– Сбор информации и обустройство лагеря займут почти час, – сказал генерал. – Может быть, выпьем чая, уважаемая Лара?
– Непременно, – ответила мать.
– Я останусь, посмотрю за ребятами, – пробормотал Лихачев. Я опять поймал его смущенный взгляд.
– Я тоже останусь, – решила хранитель. Отошла к монахам – те стояли у стены, перед ними тоже возникли небольшие экраны со стремительно бегущим текстом. Тоже изучают корабль или поддерживают открытый переход?
Леонид Владимирович похлопал меня по плечу.
– Пойдем? Чай, с бубликами и блинами? А?
Чая я не хотел, лучше бы остался с Лихачевым. Но вот глянуть на чужое Гнездо… Дарина не возражала, и мы пошли. Металлические двери защищенной зоны мягко сомкнулись у нас за спиной.

Все Гнезда непохожи, но это оказалось совсем уж странным. Все внутри было заставлено фанерными и пластиковыми щитами, превратившими помещения в лабиринт из узких проходов. Кое-где к перегородкам добавлялись поперечные балки и грубо сколоченные подиумы – приходилось нагибаться или карабкаться вверх. В нескольких местах по перегородкам струилась вода, стекая в решетчатые дыры в полу. Свет был тусклым, почти как в Гнездниковском Гнезде, но странного синеватого оттенка. И запах – тяжелый, гнилостный, животный.
Мать шла впереди, ловкая и грациозная, несмотря на свои габариты, рядом с ней держалась одна из стражей, вторая замыкала процессию. Третья осталась с Лихачевым, хранителем и монахами.
– У нас своеобразно, – сказала мать, словно извиняясь.
– Поставляли бойцов для планет с пещерами? – спросил я.
– Есть шесть карстовых миров, важных для Инсеков, – признала мать.
– И везде так воняет? – не удержался я.
– Нет. Это слоны. – Мать Гнезда повернулась на ходу, улыбнулась. – Мы поселились здесь, а слоны остались. Считалось, что временно, но как-то все привыкли, они почти как часть Гнезда. Куколки очень любят слонов. И мышей, они тоже остались.
Идущая рядом с матерью стража обернулась и сказала:
– Все любят мышей.
И подмигнула. Только после этого я узнал ее. Эта стража вчера приходила играть в волейбол. Я кивнул в ответ:
– Кроме слонов.
Леонид Владимирович фыркнул. Надо же, мне казалось, что он не склонен веселиться просто так.
В театре зверей тоже было кафе, к которому мы и вышли, не встретив по пути никого из Измененных. Такое ощущение, что им всем велели не показываться на глаза. И в

самом кафе тоже никого не оказалось, хотя на одном, самом большом столе кипел огромный расписной самовар, стояло варенье в вазочках, на блюдах лежали баранки, бублики, блины. Надо же, угадал генерал!
Хотя почему угадал?
– Это по случаю нашего прихода? – спросил я громким шепотом. – Или поставили Гнездо на довольствие?
Леонид Владимирович кивнул:
– Поставили.
– Похоже, первая российская высадка на Луну обошлась бюджету не слишком дорого, – пробормотал я.
Мать посмотрела на меня укоризненно, а вот Дарина едва заметно кивнула.
– Хорошо быть молодым и прямолинейным, – сказал генерал без всякой обиды. – Теперь понимаю, почему Лихачев за тебя горой стоит.
– Что ж вы ссоритесь-то, – вздохнула мать. – Садитесь…
Она сама принялась разливать кипяток, подливать заварку из красного фарфорового чайника.
– Тебе покрепче, Максим?
Я хмуро кивнул.
– Трудно стало, когда ушли Продавцы, – мать покачала головой. – Нескольких куколок забрали родители, но одна уже вернулась. Им нелегко жить с людьми, не слыша Гнезда. Две жницы тоже ушли. А несколько стражей шепчутся, хотят на Саельм… думают, я не знаю.
– Вы меня упрекаете? – спросил я.
– Нет, Максим. И ты нас не упрекай.
Я посмотрел на Лару и подумал, что матерями их называют неправильно. Наверное, их стоило звать бабушками. Обычно бабушки мудрее и мягче, они уже на своих детях потренировались, внуков им воспитывать проще.
– Ладно, больше не буду… – сказал я и осторожно глотнул чая.
А в следующий миг подскочил, будто ошпаренный.
Гнездо!
Из рук матери выпал чайник, ударился о край стола – и разлетелся вдребезги, разбрызгивая густую заварку. Гнездо не говорит, оно посылает эмоциональные волны, в которых можно прочесть информацию. Если бы сейчас на месте Гнезда был человек, он издал бы крик, в котором смешались страх и призыв о помощи.
С прежними скоростью и грацией мать Гнезда кинулась к двери и выскочила из кафе. Стражи, которые оставались у входа, метнулись за ней.
– Что… блин! – Леонид Владимирович, едва успевший устроиться за столом и протянувший руку за бубликом, вытаращился на меня. Исчезновение матери пробило его самообладание. – Максим!
– Вы лучше сидите! – крикнул я, выбегая вслед за Ла.
Дарина кинулась за мной.
Матери и стражей уже не было, где-то в лабиринте перегородок слышался топот ног. Дарина сориентировалась быстрее, я побежал за ней.
Гнездо вопило. Гнездо призывало на помощь.
Может быть, в Гнездниковском я сумел бы добиться от него большей информации. Да там и двигался бы уверенно, призванный чувствует кратчайший путь.
Здесь я лишь старался не отстать от Дарины.
Как мы ни бежали, но догнать мать и стражей не успели, они ворвались в защищенную зону первыми.
А вот что я успел заметить (и мне это совершенно не понравилось), так это выступы на раскрывшихся перед матерью дверях. Будто в двери с чудовищной силой колотили изнутри!
Призыв, мне нужен был Призыв! Хотя бы тот, самый первый, дающий силу и скорость Измененного! Мысленно я закричал, перекрывая вой Гнезда, привлекая к себе внимание, и меня услышали – движения Дарины словно замедлились, теперь мы были с ней в одном темпе.
Вслед за Дариной я вбежал в защищенную зону.
Первое, что я увидел, – разбросанные по полу тела. Они были так изодраны, что я даже не смог понять, трое их или четверо.
Мы же уходили, оставив Лихачева и хранителя с одной стражей, откуда остальные? Первыми прибежали на зов Гнезда или пришли сразу после нас?
Потом я понял, что это останки стражи и монахов.

Те старшие стражи, которые вернулись с матерью, были живы. Пока еще живы. Они стояли в боевых стойках, руки их вытянулись на всю длину, когти выдвинуты. Если бы я не ускорился, то вряд ли сумел бы различить их движения.
Стражи прикрывали мать, склонившуюся над забившимся в угол защищенной зоны окровавленным хранителем.
А вот существ, с которыми они сражались, я никогда раньше не видел, даже в лагере на Саельме, где мне показывали сотни боевых форм Измененных и аборигенов с разных планет. Похожие на людей, но какие-то раздутые, опухшие, с лоснящейся белой кожей, абсолютно голые, без всяких половых признаков, на вид совершенно не опасные, скорее комичные. Их было пятеро, и, на мой взгляд, для старшей стражи они не представляли никакой опасности.
Вот только удары никак им не вредили.
Рассеченная когтями кожа мгновенно стягивалась, лишь проступала на миг в месте разрезов густая белая жидкость. Нейротоксин, который был смертелен даже для самой стражи, на странных пришельцев тоже не действовал. А вот их удары сбивали стражу с ног.
Что меня порадовало – Дарина не кинулась безрассудно на помощь страже. Вместо этого метнулась к лежащему хранителю, подняла и понесла прочь из защищенной зоны, внезапно ставшей самым опасным местом в Гнезде. У хранителя были переломаны ноги, окровавлено лицо и, кажется, распорот живот.
Как эти оплывшие создания, с мягкими и пухлыми, будто сосиски, пальцами, ухитряются наносить раны?
Через мгновение я понял. Трое пришельцев бросились на знакомую мне стражу, та блокировала удары одного, второго, а последнего попыталась ударить ногой, но пухлый белый человечек увернулся, вытянул вперед руки. Из пальцев выскользнули тонкие, будто иглы, белые лезвия – и вонзились страже в грудь.
Гнездо плеснуло волной боли и отчаянья.
Стража отступила, мгновенно утратив легкость движений.
Похоже, ей пробили левое, основное сердце.
Странные создания знали, как убивать Измененных.
А я понятия не имел, как с ними драться. Даже ровианские гвардейцы как-то реагировали на удары. Даже Продавца можно было повредить, даже Прежнего или Инсека вывести из строя, хотя бы временно.
Но драться с этими пухлыми существами?
Словно подушку колотить…
Но стоять и смотреть, как убивают Измененных, тем более знакомых, я не мог. Все-таки я оставался Защитником, пусть и бывшим.
Я бросился вперед, заслоняя раненую стражу. Ноги скользили в крови, заливающей пол.
Трое пришельцев остановились, уставившись на меня. Конечно, если слово «уставившись» годилось – на сужающейся к макушке голове имелись два больших глаза, но они казались нарисованными или наклеенными, черные овалы на белой коже, без зрачков и радужки.
Что-то они мне все-таки напоминали, но не пойму, что.
Наступила секундная заминка. Те двое, что сражались с другой стражей, тоже остановились. Раненая стража тяжело дышала за моей спиной.
– Уходите, – сказал я чужакам, хотя мне меньше всего хотелось их отпускать.
Существа молчали. Да им и отвечать было нечем.
Один из пришельцев пошевелил пальцами – из них выскользнули и снова втянулись тонкие лезвия. Угроза?
– С линии огня! – рявкнули за спиной.
Отставной генерал все-таки нашел защищенную зону и, похоже, достал оружие. Смело, вот только что им пули…
– Уходите! – повторил я с напором.
Все это время я продолжал звать Гнездо, мысленно требовать от него успокоиться, помочь, вывести мои способности на максимум.
Кажется, Гнездо пыталось.
Но что бы ни сотворил со мной Высший, избавляя от второго Призыва, сделал он это качественно, организм сопротивлялся.
Пока существа колебались, я смог рассмотреть их получше. Средний человеческий рост. Пухлые, будто воздухом накачанные тела… я мысленно обозвал их «дутиками» и решил, что прозвище годится.

На руках по пять пальцев, но все одинаковой длины, словно ребенок рисовал. На ногах пальцы лишь слегка намечены. Половых органов нет. Руки-ноги гнутся, как у людей, но суставов не видно. Никакого признака рта. Уверен, что и задницы нет.
А это совсем уж странно.
Все живое должно есть и пить, все живое имеет как минимум два отверстия для ввода и вывода продуктов. Ну ладно, одно, если ты совсем уж простой червяк.
Роботы?
– В сторону! – снова рявкнул за спиной Леонид Владимирович. Ну надо же, еще один Лихачев нашелся на мою голову…
И тут мне стало не по себе. А где Лихачев?
Неужели в этом кровавом месиве под моими ногами?
Нет, я не кинулся на дутиков. Я медленно сместился в сторону, к той страже, что еще не была ранена. Пострадавшая стража последовала за мной, разумно держась дальше от пришельцев.
Откуда они появились? Из корабля Инсека? Переход по-прежнему работал, мерцал серым. Рядом светился обычный экран, транслируя изображение из корабля, но, кроме стен и потолка, там ничего видно не было.
– Выходите, я прикрываю, – сказал генерал напряженным голосом. Наверное, это было самым разумным – выйти из защищенной зоны, закрыть двери и хоть немного обдумать происходящее.
Но дутики были другого мнения. Все пятеро одновременно двинулись вперед мягкой переваливающейся походкой. Из пальцев выдвигались когти, а из кожи в самых разных местах лезли короткие граненые иглы.
Больше Леонид Владимирович говорить не стал, выстрелил.
К моему изумлению, у него оказался не какой-нибудь табельный офицерский ствол, а оружие Инсеков – стандартный плазменный пистолет. В груди одного из дутиков ослепительно полыхнуло. Стрелял отставной генерал метко.
Человеку таким выстрелом разнесло бы всю грудь, а возможно, и разорвало на две половины. В дутике возникла сквозная дыра, через которую можно было просунуть кулак. Он остановился, покачиваясь, мне даже показалось, что существо сейчас рухнет. А потом белая кожа сошлась, осталось лишь маленькое обугленное пятнышко. Вот это было уже совсем плохо, плазмомет – оружие грубое, но надежное!
Мне казалось, что я отвык бояться. Но нет, страшно стало не на шутку. Я отступил к двери, потом краем глаза увидел, что мать Гнезда осталась стоять, подняв вверх руки… она что, сдается?
Мать резко опустила руки.
Защищенная зона вздрогнула, по ней прошла дрожь. Здесь все было из металла: и пол, и стены, и потолок.
И это был «живой» металл, как и тот, из которого состоял корабль Инсека.
Тысячи тончайших нитей выстрелили со всех сторон, пронзая дутиков насквозь. На миг они застыли, будто запутавшиеся марионетки. А потом нити заскользили, стремительно переползая с места на место, смещаясь с пола на стены, а со стен – на потолок.
Будто блендер или шредер, в который внезапно попали пять пухлых созданий.
Хорошо, что им нечем было кричать.
Плохо, что они все-таки оказались не роботами.
Слизью и плотью плеснуло во все стороны. Через секунду нити втянулись обратно, но и вся защищенная зона, и мы оказались покрыты ошметками тел, клочками белой кожи и обрубками когтей.
– Дерьмо… – произнес я, с ужасом глядя на останки дутиков.
Кстати, дерьмо, судя по запаху, тоже было.
– Мне пришлось импровизировать, – сказала мать Гнезда все тем же мягким ласковым голосом. – Готовых протоколов не было.
– Что это? – Генерал вошел внутрь, держа плазменный пистолет в опущенной руке. – Что это такое, простите? Что за мишленовские человечки?
Меня поразило, что он даже не выматерился. Впрочем, его «мишленовские» прозвучало как грубая брань.
Я только сейчас понял, что дутики и впрямь напоминали человечка из шин с рекламы «Мишлен».
– Прошли сквозь экран, – сказала мать.
– Их было семеро, – прохрипела хранитель. Дарина внесла ее на руках, ходить та, конечно, еще не могла, даже у Измененных кости не срастаются так быстро, но

хранитель уже была в сознании и могла говорить. – Они утащили Лихачева. Простите. Я не справилась.
– Что с нашими ребятами? – спросил генерал.
– Мне очень жаль, Леонид. – Мать нагнулась, подобрала что-то с пола и протянула ему. Я подошел ближе, не переставая коситься на работающий экран, и невольно скривился. Предмет оказался металлическим жетоном на обрывке цепочки. – Я боюсь, эти существа и были вашими людьми.
Да, выдержка у генерала оказалась железная. Он молча взял жетон, посмотрел, покачал головой.
– Нет. Это американский.
Все молчали. Мы с Дариной обменялись взглядами, понимая друг друга без слов.
Не стоило лезть в корабль Инсека. Не стоило!
– Возможно, какая-то защитная система, – сказала мать. – Активированная перед уходом ловушка для чужаков. Очень жаль.
Генерал стоял и смотрел на жетон. Потом обтер о штаны и положил в карман. Поглядел на меня.
– Зря мы вас не послушали, Максим.
Я кивнул. Я смотрел на экран перехода. На изображение корабля Инсека.
Из всех нас только я там был.
Возможно, системы корабля это помнят.
И я для корабля не совсем чужак.
– Нет! – воскликнула Дарина.
– Закрывайте проход, – сказал Леонид Владимирович, переводя взгляд на мать. – Мы ошиблись, да. Закрывайте.
Мать посмотрела на меня.
– Дайте ваш пистолет, – попросил я генерала. – Пожалуйста.
– Ты же видел, толку с него чуть.
– Лучше чуть, чем ничего.
Генерал покачал головой.
– Остынь, Максим. Они все уже мертвы… хуже, чем мертвы.
– Мы не знаем, – ответил я. В ноздри бил тяжелый запах крови, плоти и дерьма. Запах смерти. – Дайте, пожалуйста. Или я попрошу мать.
– Вдруг это вирус? – повысил голос Леонид Владимирович.
– Нет таких вирусов, чтобы залезть в скафандр, раздеть человека, заставить мутировать и покрыться белой шкурой! – упрямо ответил я.
– Дарина… – генерал повернулся к ней за помощью.
Дарина молча взяла из его рук пистолет и подошла ко мне. Сказала:
– Одного не пущу.
Я хотел сказать ей, что я не чужой кораблю. Что я защищал его от Слуг, и корабль может это помнить.
Но понял, что говорить бесполезно.
– Закройте за нами проход, – попросил я. – И открывайте каждые полчаса секунд на двадцать.
Леонид Владимирович пожевал губами. Его обляпало меньше, чем нас, но он тоже был в слизи и обрывках белой кожи.
– Мы подготовим вторую группу, – сказал он наконец. – Через три часа. Нет, через полтора.
Я не стал спорить. И говорить, что и вторая группа, и третья, и еще отряд бойцов с оружием Инсеков должны были быть тут изначально, тоже не стал.
Видимо, как часто случается, вся эта авантюра с экспедицией на корабль Инсека была полуофициальной, без лишнего шума и заметных приготовлений, чтобы в случае неудачи списать все проблемы на стрелочников.
Я прикрыл на миг глаза. Гнездо вроде бы успокоилось, перестало истерить. Надо же, какие они разные по характеру… может, это слоны влияют? Они существа нервные.
«Дай мне, что сможешь, – попросил я. – Все, что сможешь».
И пошел к экрану, стараясь не смотреть под ноги.

Глава четвертая

Жарко и легко – как и прежде в корабле Инсека, но совершенно нет приторного грибного запаха… значит, это был запах самого пришельца?

Вообще никакого запаха не чувствовалось, и никакой больше влажности, воздух горяч, сух и безвкусен – как в пустыне. Было темнее, чем раньше, словно работало лишь какое-то дежурное освещение.
Мы с Дариной стояли, прижимаясь друг к другу и озираясь. Это, несомненно, было то самое помещение, куда прошла группа десантников, – тихо жужжали разложенные приборы, ощетинившиеся какими-то антеннами и объективами. Маленький белый цилиндр, на котором мигала зеленая лампочка, астматически всхлипывал, втягивая и выпуская воздух, наверное, контролировал атмосферу. В сторонке лежали свернутые в рулончики серебристые пластиковые одеяла – они тут и ночевать собирались? И открытый ящик с сухими пайками, пластиковыми бутылками воды, крошечной газовой плиткой.
Да, питаться они тут явно собирались.
Рядом с экраном, в раскрытом металлическом чемоданчике, лежали в гнездах плазмометы и секадор, похожий на длинноствольный пиратский пистолет. Я сразу нагнулся и извлек его из гнезда. Это оружие то ли выпаривало, то ли вымораживало воду из органики. Может быть, сработает против дутиков лучше, чем плазменный заряд…
Но дутиков не было. И десантников тоже.
– Никого, – зачем-то сказала Дарина. – Ты видишь следы боя?
Я покачал головой. В Гнезде пришельцы действовали очень кроваво. Я не мог представить, чтобы пятеро профессионалов в крутой броне, вооруженные до зубов, просто сдались им без боя.
– Эй! – позвал я. – Это Максим! Мы за вами! Как вы?
Тишина.
– Игорь Григорьевич! – позвала Дарина. – Товарищ полковник!
Ее голос разнесся в помещении, эхом отозвался под куполообразным сводом и стих. Никакой реакции не последовало.
Я осторожно отошел от портала – два шага унесли меня метра на три, обернулся – экран светился серым, он работал и готов был вернуть нас обратно.
– Максим!
Голос шел снизу, я вздрогнул. Увидел на металлическом полу крошечную камеру на треноге, опрокинутую и смотрящую вверх. Пожалуй, это был единственный беспорядок, все остальное вокруг выглядело образцово-показательным лагерем, разбитым в кратчайшие сроки.
Я поднял камеру, посмотрел в выпуклую линзу объектива.
– Леонид Владимирович?
– Что там, Максим?
– Ну… снаряжение.
Я поводил камерой из стороны в сторону. Она была в металлическом кожухе и совсем простая, даже не вращалась сама.
– То есть лагерь они разбили, – сказал генерал. Звук шел откуда-то из-под камеры, громкий, хоть и с зарезанными частотами. – Следов борьбы нет?
– Нет.
Леонид Владимирович откашлялся. Кажется, он был всерьез растерян.
– А как… вообще?
– Вообще ничего, – начиная ощущать весь идиотизм разговора, сказал я. Только что пятеро непонятных дутиков влегкую разнесли оборону Гнезда и были остановлены лишь чудом. За нашей спиной остался зал, похожий на скотобойню из фильма ужасов (вряд ли на реальных бойнях животных разрывают на кусочки).
А тут – тишь да гладь!
– На то, чтобы разложиться и поставить периметр, им выделялось десять минут… – сказал генерал наконец. И не выдержал, воскликнул с явным сомнением: – Совсем ничего подозрительного?
Похоже, его картина мира, логичная и выверенная, дала трещину.
Я прошел по помещению – оно было почти круглым, с тремя туннелями в человеческий рост, уходящими в темноту. Повращал камеру в разные стороны. И сказал:
– Выключайте экран, мало ли… Мы осмотримся и пройдемся.
– Подожди, – попросил Леонид Владимирович. – Максим, давай мы оставим связь. Хотя бы пока вы не уйдете от экрана. Непосредственной опасности нет, Ла готова в любую секунду прервать переход.
Я глянул на Дарину – она кивнула.

– Хорошо, – согласился я. Поставил камеру на ящик с продуктами, чтобы в объектив попадало больше пространства. – Слушайте, а происходящее записывалось?
– Да, сейчас будем просматривать. Но хранитель говорит, что до момента появления этих…
– Дутиков, – подсказал я.
Генерал вздохнул.
– Пусть дутиков… До их появления ничего необычного не было. А потом стало не до наблюдения… Максим!
– Да, – глядя в камеру, сказал я.
– Вытащи Игоря, ладно? Мы с ним тридцать лет как дружны.
– Я постараюсь, – сказал я после заминки. Повернулся к Дарине. Та как раз делала то, о чем мечтал в своей жизни каждый ребенок, – готовилась подпрыгнуть при низкой силе тяжести.
Наверное, это может показаться странным после только что случившейся бойни?
Ну так Дарина видела и не такое.
Она оттолкнулась, подлетела вверх метра на полтора, мягко опустилась. Улыбнулась.
– Как необычно…
– Необычно, – пробормотал я. И нахмурился.
Что-то было не так. Неправильно.
Но додумать я не успел, услышал в одном из туннелей легкий шорох. Чем-то это напоминало чистильщика, «тюменских мышей» – и я не стал раздумывать. Ткнул стволом секадора в сторону туннеля и выстрелил. Даже успел сдвинуть рычажок, меняющий широту луча.
По туннелю стегнуло оранжевым, но шорох не стих.
Из темноты медленно выкатился миниатюрный, размером с толстую книжку, гусеничный робот, похожий на игрушечный танк. Только вместо пушки у него из башенки торчала видеокамера.
Зеленая защитная окраска как-то недвусмысленно намекала, что это творение наших оружейников.
Не реагируя на выстрел (да и с чего бы, органики там нет), робот выбрался на середину помещения и остановился. На нем замигал крошечный желтый огонек.
– Максим, это разведывательный дрон, – донеслось из камеры.
– Дроны летают! – крикнул я.
– А этот ползает! Мы не знали, есть ли на корабле атмосфера! Как дышится, кстати? Никаких… подозрительных симптомов?
– Да никаких! Воздух стерильный, никакой отравы… – Я запнулся. И понял, что сказал это не случайно. – Нет тут вирусов! Я чувствую!
Какие-то способности Защитника ко мне все же вернулись. Пусть и не так четко и ясно, как после второго Призыва, но я ощущал, что никакой отравы в воздухе нет.
– Мне тоже так кажется, – кивнула Дарина. – Жницы ощущают чужеродные биоагенты… не так, как ты, конечно…
Я подошел к ней, взял за руку, заглянул в глаза. Спросил негромко, чтобы не услышал генерал:
– Ты точно в порядке?
– Что? – Дарина нахмурилась и понизила голос. – Макс! У меня… не инвалидность! Обычное для каждой женщины состояние!
Ну да, она угадала причину моего беспокойства.
– Я так, просто… – смутился я. – Вижу, что прыгаешь…
И тут у меня что-то щелкнуло и сложилось в голове.
– Постой, – сказал я, оттолкнулся от пола и подпрыгнул.
Плавно подлетел в воздух метра на два.
Опустился. И сказал:
– Дарина, мы на Луне.
Она непонимающе посмотрела на меня:
– Ну да. На Селене. Где же еще?
Я покачал головой.
– Нет, ты не поняла. Сила тяжести не та. Десантники не сообразили, но я-то, дурак, я же был… На Селене еще легче, там как воздушный шарик взлетаешь.
– Но Луны нет, – Дарина неуверенно улыбнулась.
Я кивнул.
– Луны нет. Но мы на Луне.
* * *

Корабль Инсека немаленький. Та часть, что находится на поверхности Селены, выглядит полусферой стометрового диаметра. Может, это и есть весь корабль, а может, его половина или часть, в любом случае размеры солидные.
Но внутри свободного места не так уж и много. Мы с Дариной обошли его меньше чем за час – и это была самая унылая и безопасная прогулка на свете.
Изогнутые коридоры, иногда расширяющиеся, а иногда сужающиеся. Отсеки, большие и малые, почти все совершенно пустые. В некоторых, однако, имелись выступы на стенах и потолке, странные бугры на полу – словно металл ожил и обтянул мебель и пульты.
Скорее всего, именно так и было.
Металл. Ничего, кроме серо-голубого металла. Свет исходил из него самого, я приложил ладони к стене, прижал лицо и увидел крошечные, ровно светящиеся точки. Воздух, если он вообще обновлялся, тоже шел из стен.
На ходу я набрасывал наш маршрут на планшете, который взял среди снаряжения. Линии, петли, круги – все выглядело хаотично, но теперь мы возвращались к центру лабиринта, откуда и начали путь.
– Мы словно внутри живого существа, – сказала Дарина. Пистолет она из рук так и не выпускала, но уже расслабилась. – Ходим по венам.
– Скорей уж по кишкам, – возразил я. – Тут никого, корабль покинут. Нет Инсека, нет дутиков…
– Нет американцев, китайцев, бельгийцев…
– Американцев мы видели.
Дарина покачала головой.
– Это не факт. У одного существа был при себе жетон американского солдата. С чего мы решили, что он и есть бывший солдат? Может быть, жетон – трофей?
Я подумал и кивнул. Да, может быть, и трофей. Может быть, у существа все-таки был рот, и оно сожрало бравого американского морпеха вместе с формой и жетоном?
– Но мы не на Селене, мы на Луне, – сказал я. – Вот это точно.
– Нет, – покачала головой Дарина. – Инсеки умеют управлять гравитацией, это не очень-то сложно.
– Или мы в прошлом.
– А вот это им не по зубам, – уверенно сказала Дарина.
Мы вернулись в центральную комнату и первым делом взяли по бутылке воды. Экран перехода все так же светился, дорога домой была открыта.
– Все в порядке? – донеслось из камеры. – Ребята, сдвиньтесь, я вас не вижу!
– Обошли весь корабль, – встав перед камерой, доложил я. – Все пусто. Никого и ничего нет, голые стены.
– Лихачева нет? Десантников нет? Китайцев? – принялся перечислять генерал.
Я молчал, глотая теплую солоноватую воду. Потом покачал головой.
– Чисто. А вы запись просмотрели?
– Ничего полезного, – признался Леонид Владимирович. – Камера опрокидывается, через мгновение из экрана лезут твари.
– Дутики.
Даже хиленький динамик донес до меня вздох.
– Хорошо, пусть дутики. Что происходит, Максим?
– Тут еще одна странность, – признался я. – Сила тяжести слишком высока для Селены. Скорей уж, как на Луне.
– Луны нет. – Генерал задумался. Я услышал, как он кому-то что-то приказывает. – Сейчас, дайте мне пару минут. Тут уже целый штаб…
Я подумал, что, если бы Лунное кольцо чудесным образом собралось обратно в Луну, на Земле бы это как минимум почувствовали. И уж точно сообщили бы генералу. Спросил:
– Что нам дальше делать?
– Возвращаться, наверное, – сказал генерал. – Полчаса еще подождите, готовится вторая группа. Она зайдет, вы вернетесь.
Усевшись по-турецки перед камерой, я кивнул. На душе было очень неспокойно, но ведь мы сделали все, что могли.
Так?
Дарина села рядом, искоса глянула на меня. Сказала задумчиво:
– Мы что-то упускаем, но я не могу понять, что именно.
– Вот то же самое ощущение, – признался я, глядя в искрящийся экран. – Отряд биороботов-охранников я понять могу. Десантников, превратившихся в пухлых белых

монстров, – тоже. От Инсека и не такой гадости можно ждать! Но корабль пустой, он спит!
Из видеокамеры донеслось:
– Луны нет, Максим!
– Что? – не понял я.
– Позвонили в Хабаровск, там посмотрели в небо – Луны нет, Кольцо на месте, Селена на месте. Может, ты ошибся насчет силы тяжести?
Я даже не стал спорить.
– Может, только я не ошибся.
– Луны нет, Лихачева нет, десантников нет… – принялась перечислять Дарина.
– Как Милана любит говорить: смотри на то, чего нет, – согласился я. И невольно нахмурился. Мысль, пришедшая мне в голову, была слишком уж неприятная. – Дарина, послушай… Высший дал пинка Инсеку и Прежним. Те не в восторге, верно? Могут они объединиться против Высшего?
Дарина поколебалась. Кивнула.
– Наверное. Только что они способны сделать?
– Продавец однажды сказал мне, что даже Высшего можно уничтожить… – Я оттолкнулся от пола ладонями, встал. – Наверное, это как с Прежними… я убил Мод, уничтожив ее составляющие части. И Высший тоже объединение личностей! Если убивать его элементы…
– К примеру, нас? – резко спросила Дарина.
– Да.
– Наверное, Высший не позволит.
Я пожал плечами.
– Гибель одной клетки организму безразлична. Я думаю, это действительно ловушка, но только не для вояк, которые сюда пришли.
Дарина тоже поднялась.
– Для нас?
– Или для Высшего. Продавец ведь сказал, что опасность грозит всему миру. Вряд ли он имел в виду Вселенную, так? Скорей уж тот мир, который сейчас возникает, который должна создать Милана.
Я прошелся по помещению, поглядывая на снаряжение. Все есть, только людей нет.
– Максим, не уходи из-под камеры! – потребовал Леонид Владимирович. Я услышал, что он опять принялся с кем-то приглушенно спорить.
– Смотри, тут нет никого, – сказал я Дарине. – Мы решили, что их убили, превратили в монстров, что тут включилась какая-то защита, но если все не так просто? Экранные переходы – технология Инсеков! Если он запрограммировал какую-то специальную ловушку для нас? Тогда понятно, зачем утащили Лихачева, он приманка! И мы послушно за ним побежали!
– Но тут нет опасности! – Дарина развела руками.
– Именно! – кивнул я. – То, чего нет. Пока нет…
Я огляделся. Ровный свет, чистый воздух. Гора снаряжения. Можно попить, поесть, поспать. Никаких монстров.
Я ощутил себя в мышеловке, куда мы так отважно забрались. Мышеловка открыта, она просторная, в ней много сыра.
Но почему же она не захлопывается?
– Максим! – донеслось из камеры. Голос у генерала был озабоченный. – Прав ты или нет, но возвращайтесь! Команда заходит, а вы сразу назад, хорошо?
Я смотрел на экран. Шагни – и ты на Земле, в Гнезде на Олимпийском.
Или экран выключится? Половина окажется на Земле, а половина останется в корабле Инсека?
Но нас можно было рассечь на кусочки и при переходе сюда!
Блинский блин, я чего-то все-таки не догоняю!
Я точно близок к истине, но какую-то деталь не пойму!
– Максим! – выкрикнул генерал.
– Что? – Я шагнул обратно к камере.
– Команда вошла?
Я уставился на экран перехода. Круг в стене продолжал мерцать.
– Нет!
– Они вошли. – Голос Леонида Владимировича охрип. – Семь человек. Я их не вижу!
– И мы не видим, – подтвердил я. У меня вспотели ладони. – Их куда-то не туда отправило. Нам возвращаться?

– Подожди. – Генерал явно размышлял. – Ладно. Тут главный эксперт по всей этой мути, уступаю место.
Мы с Дариной переглянулись. Я-то думал, что главный эксперт – это я…
– Макс, Даринка!
Я вздрогнул, услышав ее голос.
Еще и на Селене… или все же на Луне?
Я просто потерял дар речи.
А вот Дарина радостно воскликнула:
– Милана! Ты тут?
– Я в Гнезде! – отозвалась она. – Меня вызвали, как только этот кошмар начался… с работы выдернули!
Ну да. Будущий Высший в лице Миланы учился и работал в университете.
Конечно, она могла бы попросить у властей пентхаус в Москва-Сити, денежное довольствие и лимузин с охраной и водителем. Но Милана не такая.
– Макс, ты меня слышишь? – позвала Милана. – Или язык проглотил?
– Я слышу… – тихо сказал я. Откашлялся. – Неожиданно очень. Милана, ты сейчас Милана? Ты не Высший?
Она рассмеялась.
– Это я! Ребята, не волнуйтесь. Сейчас мы вас вытащим.
– Ты понимаешь, что происходит? – спросил я.
– Пока не совсем. Видимо, вас закинуло в другую зону на корабле. Подлянка от Инсека, зря Высший его отпустил.
У меня чуть-чуть отлегло от сердца. Милана была очень спокойная и, судя по голосу, в боевом настроении.
– А позвать его ты можешь? Или что-нибудь сделать… такое? – Я развел в воздухе руками, вкладывая в этот жест все чудеса на свете, от превращения плутония в свинец и до подзатыльников, от которых Прежние и Инсеки улетают на другой конец Галактики.
– Нет, не могу, – посерьезнела Милана. – Но если мне будет грозить опасность, Высший проявится. Он это мне обещал.
– И ты веришь? – уточнил я.
– Себе? Конечно!
Дарина рассмеялась.
– Милана, я так рада тебя слышать! Куда ты вообще подевалась, а?
В короткой паузе я услышал все, что не хотел и не мог рассказать Дарине.
То, что Милана в своей человеческой сущности по-прежнему любит меня.
Что однажды мы сорвались с катушек, и я изменил Дарине. В этом самом корабле, между прочим…
– Очень много было дел, Даринка… – вздохнула Милана. – Но я исправлюсь. Сейчас я зайду за вами и вытащу оттуда. И Лихачева найдем, обещаю!
– Не надо! – воскликнул я. – Не рискуй! Если переход отключится на полпути…
– То появится Высший, – сказала Милана очень серьезно. – И сделает кому-то такое а-та-та, что он жвалы в задницу засунет. Ясно?
Я понял, что эта реплика адресована не нам, а Инсеку – на тот случай, если он каким-то образом нас слышит.
– Уверена? – спросил я.
– Максим, – ответила Милана спокойно. – Ничто в этой Вселенной не может повредить мне. Ничто!
Я смотрел то на блестящую линзу камеры, то на искрящий экран перехода.
Ничто не может повредить – это здорово.
Но…
– Милана, стой! – закричал я, бросаясь к экрану, из которого, будто из болотистой воды, проступало ее лицо и руки. – Стой!
Я думал о том, что надо втолкнуть ее обратно. Что, пока хотя бы часть Миланы остается с той стороны экрана, – еще можно все исправить!
Меня подвела гравитация. Пусть мы не на Селене – теперь я был в этом уверен, – но даже на Луне сила тяжести слишком мала. Мой рывок пронес меня мимо экрана, а Милана, увидев это, сделала шаг вперед, попытавшись меня подхватить.
Экран за ее спиной погас.
Я заскользил по гладкому полу, затормозил, неуклюже поднялся. Посмотрел на Милану, основу Высшего, который должен принести в Галактику новый смысл… новый мир – без войн и крови.
– Что мы наделали… – прошептал я. – Что мы наделали…

Милана была в джинсах и рубашке, она коротко подстриглась (я вдруг понял, что это стрижка «под жницу», она неосознанно копировала Дарину). Она казалась напряженной, но улыбалась, явно пытаясь нас подбодрить.
– Максим, ничто в этой Вселенной… – повторила она.
– Милана… – Я встал. Посмотрел на Дарину – и увидел ужас в ее глазах.
Она тоже поняла.
– Мы уже не в той Вселенной.
Улыбка на лице Миланы медленно исчезала.
– Это ловушка, – сказал я. – Это мышеловка! Весь корабль был наживкой, и люди в него полезли. Их превратили в монстров. И они утащили Лихачева. Как наживку. Мы пошли за ним, Инсек знал, что мы пойдем…
– И сами стали наживкой… – прошептала Дарина. – Для тебя…
Она неловко подошла к Милане, обняла ее. И зарыдала.
– Подождите, это не обязательно так! – обнимая ее, сказала Милана. – Не обязательно! Нет, нет!
Поверх головы рыдающей Дарины она посмотрела на меня.
– Даринка, да не плачь ты…
– Прости, слезы сами льются… – пробормотала Дарина.
– Ребята, это невозможно! – Милана покачала головой. – Ни у Инсеков, ни у Прежних нет такой силы!
Краем глаза я уловил какое-то движение. Повернул голову.
И увидел Инсека.
Он сидел у входа в один из туннелей – огромный, маслянисто блестящий – и внимательно смотрел на нас. Потом заговорил своим мягким женским голосом, который мне даже приснился однажды в кошмаре.
– У нас нет таких сил. Но ты же знаешь, что в Галактике не один Высший.

Глава пятая

Инсеки похожи, но они разные. Я не так много их видел: «нашего», сидевшего на Селене, мельком – одного в лагере на Саельме, ну и того, на Трисгарде, который очень хотел, но так и не решился отобрать у меня прозрачный кристалл.
В общем, этот, появившийся в корабле, был «наш».
Я вышел вперед, всматриваясь в него. Конечно, даже после второго Призыва я был ему не ровня, что уж говорить о моей нынешней форме.
Но мне показалось, что Инсек занервничал.
– Несмотря на конфликт при расставании, хочу напомнить, что ты мне симпатичен.
– Ты же назвал нас обезьянами, – сказал я.
– Наглыми обезьянами, – поправил Инсек. – Наглость свойственна млекопитающим. Ничего оскорбительного, это научный факт.
Я смотрел на него, не отводя глаз. Я хотел дать Милане время собраться с мыслями.
– На всякий случай уточню, что настоящего меня здесь нет, – сказал Инсек.
Он взмахнул передней лапой, и та легко прошла сквозь пол.
Я нагнулся, взял из ящика банку тушенки и швырнул в Инсека. Та пролетела сквозь глянцевую морду и укатилась в туннель.
– Меня обижают сомнения в моих словах. – Инсек сделал несколько шагов вперед. В движении он больше напоминал ящерицу, чем муравья. – Я лишь слепок личности. Мне очень неприятно это осознавать и признавать, но я малая часть того, кто был в этом корабле. Говоря понятным вам языком, я упрощенная копия в сознании корабля, голографическая проекция.
– И зачем ты здесь? – спросил я.
– Сообщить вам о вашей судьбе.
Милана мягко взяла меня за руку, отстранила, подошла к Инсеку. Я уже видел такое, только в тот раз в ней был Высший, а Инсек боялся пошевелиться от страха.
– Ты посмел нарушить приказ Высшего? – спросила она.
– Высшего тут нет, – сказал Инсек. – Максим все понял правильно. Вы в иной реальности.
– Но Высший остался в нашем мире, – сказала Милана. – Поверь, он будет крайне недоволен. Ваша цивилизация будет наказана, а нас он вернет.

– Нет-нет, – Инсек издал странный булькающий звук. Может быть, смех? – В этом вся прелесть ситуации! Если мы удаляем ключевой элемент, то Высший не возникнет. Будет кто-то другой вместо него, но ты ему безразлична. Понимаешь?
– Вы напали на Высшего, – с нажимом повторила Милана. – Это непростительно.
Инсек заелозил на месте. Хоть он и был голограммой, не контактирующей с материальными предметами, но вел себя словно живое существо.
– Мы не проявляли агрессии, – сказал Инсек.
– Не проявляли? – возмутился я.
– Защита имущества не возбраняется, – ответил Инсек. – Никто не требовал от вас появляться на корабле. Никто не заставлял важные элементы Высшего пройти через экран. Никто не заставлял ключевой элемент покинуть свою Вселенную и оказаться в альтернативной. Ни одно наше действие не нарушает соглашений!
– Тогда открой проход обратно, – велела Милана.
– Я не могу, – Инсек развел лапами. – Я не знаю, как это сделать. Я не обладаю нужными технологиями и энергией. Само время моего существования окончится через несколько минут, что крайне досадно.
Вот это было совсем неожиданно. Инсек создал свою копию и отправил вместе с нами умирать! Зачем?
Самое поразительное, что ответ был только один.
Он хотел позлорадствовать. Он не хотел умирать вместе с нами, но отправил своего цифрового «клона», чтобы тот похвастался расставленной ловушкой.
Как неожиданно мелко!
– Мы донесли свои тревоги и обиды до одного из Высших, который согласился оказать нам помощь, – продолжал Инсек. – Даже на их уровне развития есть конфликты, удивительно, не правда ли?
– Потому что вы создали такой мир, – сказала Милана. – Мир, в котором все ненавидят друг друга и пользуются чужой слабостью.
– Это неизбежность эволюции, – ответил Инсек. – Вы здесь, а Высшего больше нет.
Инсек опять засучил лапами, приближаясь к Милане. Его голова была на уровне ее лица.
– Уверены? – Милана не сдавалась. – Вы рискнули убить Высшего, а если он уцелеет?
– Но мы никого не убили, – сказал он. – Высший просто не появился! А вы живы. И вы будете жить любое доступное вам время. В корабле есть воздух, температура может показаться вам высокой, но она в границах переносимого людьми. В следующем отсеке по этому коридору вы найдете два соска, выступающих из стены на высоте вашего роста. Один сосок подает воду, обогащенную витаминами и минеральными солями, другой – питательную кашицу, удовлетворяющую все потребности организма. Там же находится сток в полу для удаления нечистот. Если вам потребуется медицинская помощь, достаточно лечь на пол и начать громко кричать. Рано или поздно корабль выпустит сенсоры, обследует вас и проведет лечение.
Он снова забулькал. Да, это несомненно был смех.
– К сожалению, мы не озаботились развлечениями, – сообщил он. – Но мы полагаемся на вашу находчивость. Можете предаваться любимым занятиям обезьян – спариванию, дракам и почесыванию друг друга. Не беспокойтесь ни о чем!
Инсек посмотрел на меня и добавил:
– Все, что происходит на Луне, остается на Луне.
Вот же скотина!
– Вы превратили корабль в тюрьму, – сказала Милана.
– О, мы предпочитаем называть это карантином, – ответил Инсек. – Жница!
Дарина ничего не сказала, только молча смотрела на него.
– Я не питал иллюзий насчет людей, – Инсек повернул к ней голову. – Но вы, Измененные, меня очень огорчили. Мы спасли вас от смерти, вам были дарованы быстрое взросление, здоровье, знания, полная путешествий и приключений долгая жизнь… А вы так легко и бесчестно нас предали! Ты не хочешь покаяться?
– Если мы сможем вернуться назад, – тихо сказала Дарина, – я найду тебя. Настоящего тебя. Найду и убью.
– Ожидал такой угрозы, – Инсек кивнул. – Но вы не вернетесь.
– Посмотрим, – пробормотал я, просто чтобы оставить за собой последнее слово.
– Я в любом случае не увижу, – сказал Инсек. – Мое существование теоретически может быть опасно – разумное существо способно ошибиться, передумать, испытать жалость или иные чувства. Вдруг я решу вас выпустить? Или убить? Так что я заканчиваю свое существование с твердой уверенностью в нашей победе и в сладостном ощущении свершившегося возмездия.

– Ты заманал, – Милана сделала шаг вперед. – Давай, выключайся! Стирай свои мозги, чучело.
– Мне нравятся ваша растерянность и беспомощность… – начал Инсек.
– Да тебе просто страшно, – сказал я. – Тебе велено умереть, и ты умрешь. Вот и треплешься, оттягиваешь миг. Но нравится – не нравится, выключайся, красавица!
Инсек посмотрел на меня. Придумывать не стану, никаких эмоций по его морде я прочесть не мог, тут поглощенный смысл не работал. Но мне хотелось верить, что он посмотрел с ненавистью.
А потом он исчез.
– Стер себя или соврал? – спросила Милана.
Я пожал плечами. Какая, в сущности, разница…
Не дождавшись ответа, Милана вздохнула. Подошла к ящику, взяла бутылку с водой. Отпила немного, сказала:
– Меня терзают сомнения… на что будут похожи обещанные «соски» и каков будет вкус воды.
– Вкус будет максимально мерзким, – согласился я.
Милана неожиданно улыбнулась.
– Слушайте… и все-таки как я рада вас видеть!
Как ни странно, но я ощущал то же самое.
Дарина подошла к нам, обняла – и мы несколько мгновений постояли втроем, уткнувшись головами друг в друга. У меня мелькнула шальная мысль, что если Инсек все-таки не стер себя, а наблюдает за нами, то он может заподозрить нас в каком-нибудь телепатическом общении.
– Милана, попробуй позвать Высшего? – сказала Дарина негромко.
– Я все время зову.
– Не отвечает?
– Да, но это ничего не значит. Он никогда не отвечал.
Наверное, она была права.
– Будем исходить из того, что Инсека с нами больше нет, – решил я. – Есть только корабль.
– Он тоже практически разумен, – сказала Дарина. – Инсеки не позволяют машинам осознавать себя, но с нашей точки зрения корабль не глупее человека.
Я подумал о том, что нам придется общаться с кораблем. Если, конечно, мы не собираемся навсегда остаться на Луне.
Интересно, можно ли переспорить машину?
– Пойду, проверю… – сказал я, не уточняя, что именно.
И двинулся по коридору, возле которого появлялся Инсек.
Да, метров через десять обнаружилось помещение, которого раньше не было. Маленький отсек неправильной формы с низким потолком.
В одном углу была небольшая решетка в полу – канализационный слив.
Недалеко от него, метрах в полутора от пола, из стены выступали две выпуклости, напоминающие женские груди. Каждая заканчивалась соском.
Чувствуя себя извращенцем, я нагнулся и прижался губами к металлу. Тот оказался неожиданно мягким и теплым, что добавляло неприятных ассоциаций.
Из одного «соска» потекла тонкой струйкой теплая, чуть солоноватая вода. Из другого – что-то вроде густого молока или жиденькой каши.
Я молоко люблю и кашу ем с удовольствием любую, кроме гречневой. Но это кашемолоко тоже оказалось невкусным.
Инсек постарался.
Вытерев губы, я отошел от стены.
Ладно. Все мы в младенчестве пили мамино молоко. А это вообще не грудь, это металл. Инсек мог придать поилкам и более обидную форму.
Но все-таки поразительно, Инсек ведь разумное существо, превосходящее людей… ну, на порядок, наверное? Знающее тайны полетов через Галактику, умеющее видоизменять живые организмы, строить почти разумные корабли из наноботов.
Откуда такая мелочная мстительность и тупой юмор?
Я вспомнил, как отец давным-давно сказал про кого-то: «Умная голова, жаль, дураку досталась». Меня это удивило, я спросил, как это может быть. И отец прочитал мне целую лекцию – про разум, ум, интеллект, мудрость. Выходило, что можно быть гениальным идиотом или мудрым простачком, хоть это и странно.
Видимо, у Инсеков при всем их развитии получилось что-то вроде этого – умные дураки.

А может быть, я зря приписываю им тупые шуточки? Может быть, кормушка (как еще ее назвать) в виде сосков – совершенно нормально с их точки зрения. Привычно и удобно для млекопитающих. Как они своих детей кормят?
Ответ всплыл в памяти. Про Инсеков на Саельме говорили немногое, но все-таки базовая информация была. Инсеки живородящие, проходят стадию личинок, кормят их матери, отрыгивая полупереваренную пищу.
Да, еще они гермафродиты на первом этапе развития, а потом уже осознанно выбирают свой пол. Впрочем, могут и поменять.
Я сплюнул в сток и пошел обратно.
Девчонки занимались обустройством лагеря. Дарина пересчитывала запасы продуктов, Милана раскладывала одеяла. Два спальных места рядом, одно чуть в стороне…
– Может, не стоит располагаться надолго? – спросил я.
Милана покосилась на меня. Сказала:
– А ты нашел выход?
Я покачал головой. Но в этих приготовлениях, в пересчете сухих пайков и банок с консервами была какая-то унылая безнадега.
– Пока нет, – сказал я. – Зато обещанную поилку и кормушку нашел.
Лег на пол. Раскинул руки.
И заорал во все горло:
– А!!! Мне плохо!!! А!!!
Дарина и Милана молча смотрели на меня.
– У меня приступ клаустрофобии! – продолжал я. – Боязнь замкнутых пространств! Это мучение! Я в ужасе, в ужасе, в ужасе! А!!!
– Думаю, закончится инъекцией успокоительного, – предположила Милана.
– Лекарства дадут лишь временный эффект! – выкрикнул я. – А!!! Страх замкнутых пространств! Это болезнь, это болезнь! Это психическое расстройство, оно указано в справочниках!
– Пойду, проверю поилку, – сказала Милана.
И ушла в туннель.
– А!!! – продолжал я жаловаться в пространство. – Помощь, помощь, мне нужна медицинская помощь! Клаустрофобия!
Не знаю, чего конкретно я ждал. Ну не свободы же, конечно. Скорее мне хотелось понять, как вообще корабль отреагирует на требование лечения. Может, удастся с ним поговорить? Понять, насколько он разумен и насколько расположен общаться?
Но корабль не ответил.
Вместо этого купол потолка посветлел и растаял.
– Ох ты ж… – прошептал я.
Над головой были звезды. Целое море звезд, а почти на краю прозрачного купола – Земля. Бело-голубая, со съеденным тенью краем, с сероватыми завитками циклонов.
Дарина подошла ко мне, легла рядом. Помолчала.
– Как красиво. Хорошо, что Земля видна.
– Она всегда видна, – пояснил я. – Луна же одной стороной повернута к Земле.
– То есть она не вращается вокруг оси? Не смейся, я правда не знаю!
Я улыбнулся и на ощупь нашел ее руку.
– Вращается. Синхронно с вращением вокруг Земли. И я не смеюсь, люди часто путают.
Вернулась Милана со словами:
– Инсек – больной ублюдок…
Остановилась рядом с нами, посмотрела вверх, с уважением сказала:
– Ого… Это ты добился?
– Выкричал, – ответил я с гордостью. – Нам, клаустрофобам, положено.
Милана легла с другой стороны от меня. Поколебалась, потом взяла меня за руку. Спросила:
– Я уже и не помню… так и было?
– Ага, – сказал я. – Только еще было Лунное кольцо.
– Точно. – Милана провела рукой над головой. – Красивое… Но его нет.
– И это значит, что мы в параллельной реальности, – заключил я. – Прежняя Мод смогла перенести туда мое сознание. Но у Высших возможностей больше.
– Или мы в прошлом, – произнесла Дарина.
Я подумал, что это все-таки сомнительно. Как я понимал, даже Высшие могли путешествовать лишь по «своей» линии времени, да и возможности вмешательства у них были очень ограниченные. Однако спорить не стал. Мы лежали и смотрели в звездное небо, но взгляд невольно цеплялся за голубой шар.

Прошлое, другая реальность… да что угодно! Динозавры, крестоносцы, мир, где Европа вымерла от чумы и ее открыли индейцы, мир, где не открыли электричество, мир, где люди живут в лесу и молятся колесу… Что угодно! Но оказаться бы там, а не в железной коробке, в которой Инсек заточил нас навечно.
– Корабль тебе ответил? – спросила Дарина. – Хоть что-нибудь?
– Нет, – прошептал я. – Ничего.
Я вдруг понял, что с кораблем не договориться. Никак. Он просто не станет отвечать. У него есть заданные рамки – поддерживать нашу жизнь, лечить по необходимости. Но нам не уговорить его выпустить нас. Не сломать компьютер, не подобрать к нему коды и пароли – это не голливудское кино. Не пробить стены, а если и пробьем – то что нам делать в безвоздушном лунном аду?
– Что мы имеем? – сказала вслух Милана. – У меня ничего. Есть знания по биологии, но вряд ли они помогут. Высшего тут нет.
– Я немного знаю технологии Инсеков, – сообщила Дарина. – Но только самые прикладные. Оружие, отчасти экранные технологии… Наверняка все доступное мне на корабле заблокировано.
– Но ты ведь попробуешь? – спросил я.
– Попробую, – пообещала она без энтузиазма. – Максим, а ты?
– Я не в форме, – признал я. – Высший почти все убрал. Силовые поля больше создавать не могу, железяки руками пробивать тоже. Считайте, что я как жница по потенциалу. Только поглупее.
– Гнезда считают иначе, – возразила Дарина. – Они тебя слушаются.
– Разве что. Но тут Гнезда нет.
– Значит, нужна помощь извне, – сказала Милана.
Я поднял руку, нацелил на Землю. Воскликнул:

– Мэйдэй, мэйдэй, мэйдэй!
[10]
Люди на Луне! Помогите!

– Ну а почему бы нет? – Милана села, посмотрела на Дарину. – Тут есть кое-какая техника от десантников. Если соорудить простой, но мощный передатчик…
К моему удивлению, Дарина не рассмеялась. Подумала и сказала:
– Я могу попробовать.
– И посылаем сигнал на Землю, – продолжала Милана с энтузиазмом. – Тут нет Лунного кольца, значит, Инсеков победили. У людей есть космонавтика, лунные программы… Когда они поймут, что сигнал идет с Луны, что тут чужой космический корабль, – сразу начнут готовить экспедицию!
Дарина встала, мимолетно коснувшись моей груди – робким, ободряющим движением.
Я открыл было рот, чтобы перечислить все слабые места этого плана: с чего она взяла, что на этой Земле есть развитые технологии; что в бою Инсеков и Прежних человечество не было уничтожено подчистую; что прозрачный купол пропустит радиоволны (да и купол ли это – может быть, экран, а корабль валяется на обратной стороне Луны); с какой стати корабль, если он почти разумен, позволит нам взывать о помощи; какие земные технологии позволят пробиться внутрь гигантского корабля из живого металла?
Но я посмотрел на Милану – и смысл, украденный у тэни, прочитал ее.
Она не верила. Конечно же, не верила ни на секунду, что нам удастся спаять рацию и вызвать помощь. Все то, что пришло мне в голову, Милана тоже понимала. Она еще и приняла во внимание ту реакцию великих держав, которая может последовать за сигналами с Луны, – панику, недоверие, соперничество, жадность к чужим технологиям и нежелание ими делиться. Да на Земле легко может начаться ядерная война, когда власти поймут, что за приз лежит так близко!
Все это Милана оценила.
И предложила то, что не имело никаких шансов на реализацию. Чтобы мы не паниковали. Чтобы Дарина почувствовала себя нужной и занялась делом. Чтобы хотя бы первые дни и недели нашего заточения мы на что-то надеялись.
А я?
Размышляю о коварстве Инсека и его идиотском чувстве юмора. Любуюсь звездами и Землей, живущей под властью Прежних.
Рядом со мной две перепуганные девчонки, пытающиеся успокоить меня и друг друга, а я ничего не делаю, чтобы их спасти. Хорош Защитник!
Но что я могу? Дарина хоть передатчик может попытаться собрать, а я?

Я снова посмотрел на Землю.
А мне ведь не нужен передатчик!
Я же умею говорить с Гнездами.
Да, на расстоянии это не получается, но мне давно казалось, что дело тут не в самом расстоянии, важнее, чтобы Гнездо, Школа или Форт были в прямой видимости.
Вон она, Земля. И на ней…
Стоп, на ней нет Гнезд. Раз нет Лунного кольца, значит, Инсеки проиграли.
Но там есть Прежние!
Есть вся их инфраструктура, есть то, что заменяло им Гнезда, какие-то тайные убежища, где они готовили своих солдат, чистильщиков и уничтожителей, танцоров и сирен. Что-то подобное Гнездам точно есть, я помню тот миг, когда перед превращением Миланы в Высшего я говорил со всеми Измененными. Их было много, слишком много для восьми лет оккупации. Скорее всего, Инсеки украли у Прежних технологию изменения людей и переиначили на свой лад.
Вот она, Земля.
«Услышьте меня, – подумал я, неотрывно глядя на бело-голубой шарик, летящий во тьме. – Мэйдэй, SOS, спасите наши души! Это Луна, скорее всего, рядом с местом посадки «Апполона-11»! Корабль Инсеков! На Луне боевой корабль Инсеков без экипажа! Вероятно, поврежден, скорее всего, скрыт маскировочным полем. Мы в плену. Помогите, это очень важно!»
Вот на что я надеюсь, глядя на Землю и мысленно взывая о помощи непонятно к кому? С тем же успехом можно молиться.
Потолок вдруг потемнел и стал непрозрачным.
Я моргнул. Ничего не изменилось.
– Закрыли окно? – спросила Милана.
Они с Дариной склонились над оставленной десантниками техникой.
– Закрыли, – задумчиво ответил я, вставая.
Это случайно совпало? Или корабль почувствовал мой призыв и решил его прервать?
– Отвертка нужна, – сказала Дарина. – Максим, у тебя нет отвертки?
– Надо поискать нож, – предложил я.
Корабль тряхнуло.
Мы замерли, глядя друг на друга.
– Лунотрясение, – предположила Милана.
Корабль снова вздрогнул.
По стенам прошла волна, они изгибались, будто были сделаны не из металла, а из гибкого пластика. В нескольких местах вспыхнули и погасли экраны.
– Что происходит? – Дарина быстро достала из-за пояса пистолет.
Я бросился к ним.
Нет, я все-таки надеялся на помощь. Но не ожидал, что она придет так быстро. Если, конечно, это помощь, а не бомбардировка корабля. Прежние, при их отношении к Инсекам, могли вначале уничтожить корабль, а уже потом разбираться, что происходит.
– Я позвал на помощь! – крикнул я. – Мысленно! Смотрел на Землю и позвал, как Гнездо!
– Там есть Гнезда? – нахмурилась Дарина. И побледнела.
– Вряд ли. – Я обнял ее. – Но кто-то, похоже, услышал…
Корабль затрясся мелкой дрожью, будто в него вонзили исполинскую дисковую пилу и резали на куски. Потом послышались далекие хлопки, от которых пол вздрагивал и больно бил в ноги. Ответный огонь?
«Это был подлый и безответственный поступок».
Голос, раздавшийся в глубине сознания, напоминал голос Инсека, но был начисто лишен эмоций.
«Вы неразумно прервали свою жизнь…»
Наверное, корабль собирался еще что-то сказать.
Но в этот миг рядом с нами вспыхнуло белое пламя. В пространстве возникли и развернулись ослепительным прямоугольником застывшие молнии – как тогда, над океаном на Трисгарде, только в миниатюре. Серый свет затопил обозначенный молниями периметр, и из него выступила человеческая фигура. Полупрозрачные щиты размером с ладонь скользили по ней, покрывая неуклюжей силовой броней.
Пришелец развернулся, оглядываясь. Потом уставился на меня. Под мутными, непрерывно двигающимися щитками смутно угадывалось лицо.
Потом щитки посветлели и расступились, стекая с головы.

Прежний оторопело смотрел на нас. Модные очки в тонкой оправе под всей этой футуристической броней выглядели удивительно нелепо.
– Иван, – сказал я. – Привет.
Дарина в моих объятиях напряглась, Милана отступила на шаг и прижалась к плечу.
Вот что тут делать? Смеяться или плакать? Радоваться или паниковать?
Мы расстались с Прежним на том, что старались друг друга уничтожить.
– Ты кто вообще такой? – спросил Иван. – Как ты нас позвал? Какого… какого хрена происходит?
Я подумал, что озадачить Прежнего – почти так же приятно, как и убить.
– Надо отсюда выбираться, – сказал я.

Глава шестая

В чем нельзя обвинить Прежних – так это в медлительности.
Мгновение Иван буравил меня взглядом. На его лице мелькнуло недоумение, он точно так же быстро глянул на Дарину, нахмурился, потом посмотрел на Милану – и вздрогнул, отводя глаза.
Смысл, полученный у тэни, развернулся в моем сознании будто сам по себе. Нет, не в полную силу, он лучше всего работал на людях, а Прежний куда больше, чем человек. Но все-таки я многое понял.
Иван пытался нас прочитать, в нем было что-то похожее на мой смысл понимания людей, их поступков и движущих мотивов. Попытался – и получил отпор. От всех троих, причем от всех по-разному.
Меня защищала сила Призыва, закрывала мой разум глухой непробиваемой стеной. Дарину – ее Изменение, Иван мог ее читать, но ничего не понимал, будто вместо кириллицы наткнулся на россыпь латиницы, иероглифов, пиктограмм и рун. А разум Миланы его просто отбросил – будто девушка влепила пощечину наглому ухажеру, ущипнувшему ее на танцах.
– Кто ж вы такие… – повторил Иван, посмотрел на разбросанное снаряжение. – Груз взять не смогу!
– Не надо, – ответил я. – Уходим.
Портал, через который прошел Иван, продолжал работать. Белые молнии полыхали, я почувствовал запах озона и невольно вспомнил Наську с ее вопросом: «Грозой пахло?»
Проем портала сверкал, будто полимерная пленка, подсвеченная прожектором, за ним угадывалось большое помещение.
– Сто четыре секунды для смены вектора, – сказал Иван.
Прошел к снаряжению, стал с любопытством его разглядывать, с особым интересом изучая оружие и видеокамеру. Энергетическая броня с шуршанием скользила по его телу, пластины непрерывно смещались, топорщились, наползали друг на друга.
Странно!
Прежние никогда не использовали такой технологической защиты.
– Мы можем считать друг друга союзниками? – спросил он, не оборачиваясь.
– Временными, – ответил я.
Иван кивнул.
Корабль Инсека продолжал содрогаться.
А потом стены в нескольких местах разошлись. И сквозь проемы вышли белые дутики.
Иван только что стоял, вертя в руках плазменный пистолет Инсеков. А через миг уже был возле ближайшего дутика.
Силовая броня на нем сомкнулась, пластины потемнели и задвигались быстрее. Иван превратился в кружащийся вихрь, напоминающий панцера и танцора одновременно.
Пластины сформировали клинки на руках, отсекли дутику руки и голову. Серией быстрых движений он раскромсал дутика и отступил к нам, выжидая. Несколько ответных ударов, которые он получил, не смогли пробить броню.
Куски дутика слабо шевелились, но срастись не получалось. Пол покрывала белая слизь и редкие кровавые пятна.
Остальные дутики – их осталось шестеро, – замерли, чего-то ожидая.
Свет моргнул.
Пластины брони на Иване исчезли.
Я непроизвольно фыркнул, едва удержавшись от смеха. Иван оказался почти голый. Он был в пестрых купальных трусах, еще влажных, со спины у него осыпались песчинки.
Прямо с пляжа к нам явился?

– Как я это не люблю, – сказал Иван. На миг обернулся: – Не мешайте.
И легкими широкими шагами двинулся к дутикам.
Я понял, что сейчас будет. Прежний вошел в защитное рассогласование, сейчас его тело большей частью находилось за пределами нашего мира.
Дутики дружно двинулись на Ивана, смешно раскачиваясь на ходу.
Иван ускорился.
Я не заметил, когда и где он взял клинки. С виду – обычные длинные ножи, может быть, даже поварские, никаких понтов. В трусах уж точно такие не спрячешь.
Дутики разлетались в разные стороны от его ударов, на их телах появлялись и зарастали глубокие резаные раны.
Но Иван тоже несколько раз отшатывался, а один раз болезненно вскрикнул.
Рассогласование не было абсолютной защитой.
Первой начала стрелять Дарина. Плазменные заряды из пистолета Инсеков произвели не больший эффект, чем когда стрелял отставной генерал, – раны мгновенно затягивались. Но все-таки она отвлекала дутиков.
Я поднял секадор.
И выстрелил в дутика, который был чуть в стороне от остальных.
Вот тут эффект оказался куда заметнее.
Дутик осел, уменьшаясь, будто сдутый воздушный шарик. Из невидимых пор в белой шкуре хлынули потоки воды. Дутик шевелился, водил руками по полу, будто собирая воду, и медленно надувался. Но очень медленно.
Свет мигнул снова. Я вновь нажал на спуск, но секадор не сработал. Рядом без всякого эффекта пыталась выстрелить Дарина.
Корабль отрубил и наше оружие.
– Время! – крикнул Иван, отступая. – В экран!
Милана не колебалась, шагнула и исчезла в светящемся проеме. Загасить переход корабль, похоже, не смог.
– Дарина! – Я потащил ее к экрану.
По кораблю снова прошла дрожь.
В одной из стен появилась дыра, которая стремительно расширялась. За отверстием была Луна – серо-коричневая поверхность, мозаика ярких скал, освещенных солнцем, и непроглядной тьмы там, куда оно не заглядывало.
И это было настоящее отверстие, воздух взвыл, вырываясь в проем. Дарину потащило из моих рук, меня вслед за ней – наружу, в ледяной безвоздушный ад.
Иван даже не обернулся, отступая от наседающих дутиков. Продолжая двумя клинками отбивать их атаки, выбросил руку в сторону проема – и вой ветра стих, будто отверстие закрыла невидимая стена. Прежний взмахнул еще одной рукой (да-да, именно так, четвертой), и нас с Дариной кинуло к экрану. В движении я поймал ее, обнял – и мы вместе пролетели сквозь экран.
Прямо в большой зал ресторана, где на покрытых белоснежными скатертями столах несколько официантов расставляли тарелки и бокалы, зажигали свечи и раскладывали столовые приборы.
Мы прокатились по полу из темного полированного дерева. Милана помогла подняться Дарине, я встал сам.
Судя по силе тяжести, мы были дома.
Широкие окна вдоль двух стен, за ними море, солнце на закате, крики чаек, запах соли и йода…
Да, мы на Земле.
Вначале я подумал, что официанты просто не замечают происходящего – ни шипящих молний, между которыми мерцал экран, ни нашего появления. Потом поймал внимательный взгляд одного из официантов, немолодого, с высокомерным горделивым лицом – он явно был тут старшим. Метрдотель или дворецкий…
О, я знаю этот взгляд!
Один из официантов замешкался, с любопытством глядя на Дарину.
Метрдотель небрежным движением отвесил официанту легкий подзатыльник. Тот сразу же утратил к нам интерес и занялся работой.
Учитывая, что метрдотель стоял метрах в двух от чрезмерно любопытного официанта, сомнений не оставалось.
Слуга!
Метрдотель двинулся к нам. Я видел, что он продолжает контролировать экран, да и за прочим персоналом приглядывает, но сейчас центром его интереса стал я.
Все это напоминало какой-то отвязный боевик, где происходящее живет по своим законам. Какую-то бондиану…

– Bonsoir, Monsieur, – произнес он. – Comment puis-je vous servir? [11]

Из какого-то упрямства я ответил на немецком, общем языке Измененных:

– Champagner für die Damen, Wodka und Martini für mich. Schütteln, nicht mischen [12].

Фильмы про Бонда я любил.
Метрдотель смотрел на меня. Потом ответил на чистом русском языке:
– Я приготовлю вам «Веспер», господин Бонд.
Чувство юмора у Слуги?
Нет, это точно не наша реальность.
Метрдотель неспешно удалился.
– Вечерня? – спросила шепотом Дарина.
– Это такой коктейль, – пояснил я.
Посмотрел на экран. Что там происходит, где Иван?
Я вдруг поймал себя на том, что хочу, чтобы он выжил. В этом неправильном мире даже мерзкий, но знакомый Прежний был хоть каким-то якорем реальности.
Молнии вдруг замерцали, потускнели, начали угасать. И в последний миг перед тем, как они исчезли, из экрана выпрыгнул Иван.
В отличие от нас он не упал, не потерял очки и даже в мокрых плавках выглядел элегантно. Вот он действительно походил на агента ноль-ноль-семь, вернувшегося с миссии – какой-нибудь пустяковой, в самом начале фильма.
К тому же Иван вернулся не пустым.
Он держал в одной руке планшет, на котором я набрасывал план корабля. Вряд ли Прежнего заинтересовали мои каракули, скорее он надеялся выжать какую-то информацию из планшета.
В другой руке у Ивана был кусок дутика размером с маленькую дыньку «колхозница». Именно что кусок, вырванный из тела, кроваво-белый, сочащийся слизью.
Трусы на Прежнем были разодраны на заднице и свисали лоскутом, что его, впрочем, ничуть не смущало.
– Петр! – крикнул он. – На исследование!
И бросил кусок плоти метрдотелю.
Тот с бесстрастным лицом поймал добычу, взял с ближайшего стола тарелку и положил на нее. Спросил:
– Элеоноре?
– Да, пусть поработает. – Иван швырнул метрдотелю и планшет. – И эту хрень пусть считают полностью. Включая удаленное.
Он вытер руки о трусы и повернулся к нам. Облизнул губы. Спросил:
– Кто вы такие? Как ты смог со мной связаться? Что это за твари… Инсеки никогда не использовали подобные биоформы…
– Долгая история, – ответил я. – Можно привести себя в порядок?
Иван кивнул.
– Да, вам не помешает… как и мне…
Он смотрел на меня, и я ощутил неприятный холодок в висках. Прежний вновь пытался меня зондировать, прочитать если не мысли, то хотя бы эмоциональный фон. Он был уверен в себе, очень самонадеян, его одолевало любопытство, но где-то на самом дне сознания – того, верхнего слоя сознания, который я мог ощутить, – плескались напряжение и опаска.
Я подмигнул Ивану.
– Дьявол! – почти весело выругался Прежний. – Давай договоримся так не делать?
Взаимно.
Я кивнул. И сказал:
– Мы уже начали волноваться. Вы задержались.
Иван осклабился.

– Это были бельгийцы. Преображенные, но в основе – офицеры SOR [13]. А я не люблю бельгийцев.

– Почему? – удивился я. Мне казалось, что Прежние ко всем людям относятся с одинаковым презрением.
Иван поколебался. Потом сказал:
– Полагаю, ты знаешь достаточно много. Сто тридцать лет назад я… частично… жил в Конго. Страна была бельгийской колонией.
Я кивнул.
Кое-что про бельгийцев в Конго я знал.
Честно говоря, даже Прежние и Слуги так себя с людьми не вели.
Так что же, в Иване есть африканский компонент? Никогда бы не подумал.
– В общем, при случае я не оставляю бельгийцев в живых. – Иван едва заметно улыбнулся. – Но если хочешь, то можешь считать это милосердием.
– Если честно, то мне плевать, – ответил я.
Кажется, Ивана вполне удовлетворил мой ответ. Он махнул рукой:
– Эй, ты… – Метрдотель уже унес трофеи, к Прежнему подбежал молодой официант, тот, что недавно получил подзатыльник. – Леонид, верно? Отведи гостей в каюту… э… шестую. Принеси им три комплекта одежды. Когда приведут себя в порядок – сопроводи ко мне.
Только теперь, услышав про «каюты», я понял, что мы не в приморском ресторане, а на огромной яхте.
Иван коснулся моего плеча и негромко добавил:
– Надеюсь, неожиданностей не будет и я не пожалею о своем решении?
– Это зависит в первую очередь от вас, Иван Андреевич, – неожиданно ответила Милана.
И мы пошли за официантом.

Не знаю, считалась эта яхта большой или так себе, средней. Как по мне – она была огромной, будто круизный лайнер.
Широченные лестницы, полированное дерево, бронзовые перила, настоящий камень, старомодные хрустальные плафоны… Все это напомнило мне дирижабль «Крылья ветра» на Трисгарде. Все-таки мы с розовыми свинками очень близки.
Выделенная нам каюта оказалась столь же роскошной и огромной. Кровать такая широченная, что на ней впору спать втроем или вчетвером. Панель телевизора занимала полстены. Массивный диван из бежевой кожи, перед ним столик и пара кресел. И еще оставалось изрядно места.
Если бы из окна не видно было палубы и бассейна на ней, я бы засомневался, что мы на яхте.
В бассейне, кстати, плавал Иван. Совершенно голый. У края бассейна стоял метрдотель, через левую руку было перекинуто полотенце, в правой он держал крошечный поднос с бокалом.
Умом я понимал, что Прежние не могут быть бедными. Они богаты, нет, не так – они чертовски богаты, они просто не считают денег. Но неужели у российского чиновника, к тому же не самого крупного, может быть такая яхта?
Хотя с чего я решил, будто она его? Она же ему не каждый день нужна. Этот корабль может принадлежать Абрамовичу, Гейтсу, Маску, арабскому шейху или китайскому миллиардеру. Захотелось Ивану поплавать по морям-океанам – он получил яхту. Может, даже заплатил за это.
– Фу! – сказала за моей спиной Милана.
Я обернулся. Дарина уже шмыгнула в ванную комнату, там шумела вода. А Милана стояла, изучая содержимое раскрытого гардероба.
Подойдя к ней, я обнаружил, что шкаф набит кружевным бельем, какими-то кожаными ремешками в заклепках, наручниками – от брутальных стальных и до оплетенных розовым мехом и украшенных стразами, плетками – тоже разными, и устрашающими, и такими веселенькими, будто ими принцессы подгоняют единорогов… А еще – фаллоимитаторами всех размеров и цветов и какими-то причудливыми штучками, ни названия, ни предназначения которых я не знал.
– Это комната для сексуальных оргий, – сказала Милана.
– Угу. Тут, наверное, таких много, – пробормотал я.
– Прежние… – закрывая шкаф, согласилась Милана. – А черный пеньюар с кружевами ничего так… Максим, тут есть бар, как думаешь? Я бы выпила шампанское, а то Слуга зажал… Ты видел, да, как у него рука растянулась?
Но искать бар, который, несомненно, тут был, не пришлось: в дверь постучали, вошел еще один официант с подносом – бутылка шампанского, два бокала, коктейль в

высоком стакане. В качестве закуски прилагались канапе с черной икрой и каким-то паштетом.
– Любят красиво жить. – Милана, не колеблясь, осушила полбокала. Я пригубил свой коктейль. Сладковато, крепость не чувствуется, но наверняка есть, и немалая. – Как думаешь, Максим…
– Думаю, тут все прослушивается, – сказал я, глядя на нее. – И просматривается.
Какое странное ощущение.
Она была моей девушкой, пусть и недолго. Я помнил ее губы, ее тело, ее тепло.
Да, я любил Дарину. Но и наши отношения с Миланой не были только лишь сексом.
А потом она стала Высшим. Самым началом Высшего, основой и корнем, буквой «альфа», зерном будущего сверхразума.
И меня отпустило. Думать про секс с Миланой было все равно что мечтать о сексе с тайфуном или сверхновой звездой, нелепо и жутко.
Но здесь она снова была собой и более никем. Моей бывшей девушкой, которая до сих пор меня любила, – я знал это без всякого смысла.
Милана грустно улыбнулась. Я улыбнулся в ответ.
– Обсуждать мы ничего не можем, – сказала Милана. – Наверное, разговор вести придется тебе.
Я кивнул.
– Сможет Иван нам помочь?
Вот это был самый главный и самый сложный вопрос. Я уже думал об этом, конечно.
Прежняя Мод смогла перенести мое сознание в параллельный мир (интересно, в этот или другой?), но лишь сознание. А чтобы вот так… войти в экран и выйти в иной реальности…
– Не знаю, – сказал я осторожно. – Не уверен. Судя по всему, это выше их сил.
Милана кивнула.
Из ванной комнаты вышла Дарина – в пушистом розовом халате, таких же тапочках.
Сказала:
– Какое удовольствие смыть с себя эту гадость. И там такая косметика… так пахнет!
Я действительно почувствовал свежий запах, одновременно травяной и цветочный.
Кажется, у матери был похожий когда-то давным-давно. До Перемены.
– Моя очередь, – сказала Милана и юркнула в ванную, добавив напоследок: – Мужчины должны терпеть, мужчинам не привыкать быть вонючими и немытыми!
– Не хочу быть вонючим, – пробормотал я. Выглянул в окно. Ивана в бассейне уже не было. Вообще огромная яхта казалась пустой, но для кого тогда сервировали столы в ресторане?
В дверь снова постучали.
Три официанта принесли три стопки одежды. Один бы попросту их не донес.
– Ого, – заинтересовалась Дарина. – Это явно мой размер… слушай, тут столько всего!
Действительно, одежды хватало. И белье, не столь эротичное, как в шкафу, но явно дорогое, и верхняя одежда, и обувь… Все было одновременно и разное, и выдержанное в едином стиле. Дарина с восторгом перебирала тряпки и тряпочки, прикладывала к себе и поглядывала в зеркало на стене.
Я как-то даже растерялся. Мы с ней ходили в магазины, она покупала себе одежду вместо комбинезона жницы, но самую обычную, нормальную – джинсы и блузки, курточку от дождя… А что, ей хотелось вот такого всего? Эту тельняшку… с виду обычную, но явно стоившую как целый костюм? Таких вот коротких, по лодыжки, брючек? Мягких туфель на белой подошве, блузок с золочеными пуговицами? Люди после Перемены стали как-то проще относиться к одежде… мне так казалось.
Наверное, я не в те магазины Дарину водил.
Вышла Милана, тоже в халате, веселая и благоухающая парфюмом. Я взял свою стопку одежды (кто бы ее ни выбирал, глазомер у него был хороший), зашел в ванную. Сложил одежду на туалетный столик (ага, пространство позволяло). На мгновение задумался, есть ли тут скрытые камеры. Пожал плечами и стал раздеваться.
Да плевать, если следят – то пусть любуются.
Я вымылся с удовольствием. Напор воды был сильный, температура держалась ровная, как установишь. Помимо шампуней и гелей явно женских, нашлись мужские – в черных дорогих флаконах, пахнущие ментолом и цитрусом. Под конец я вывернул регулятор до конца и постоял под ледяным душем, дожидаясь, пока организм не взмолится о пощаде.
Организм не взмолился.
Все-таки я был в состоянии Призыва. Неполном, но делающем меня крепче и выносливее обычного человека.

Вытираясь, я еще раз попытался осмыслить ситуацию.
Мы живы – это плюс.
Мы выбрались из тюрьмы, где должны были провести всю жизнь, причем сделали это удивительно быстро. Это тоже плюс.
Никто здесь не знает, кто мы такие. Разве что корабль Инсека… но, судя по его сопротивлению, он не сдастся живым и не даст Прежним информации. И это тоже плюс.
А что насчет минусов?
Увы, их еще больше.
Это чужой мир, чужая Земля. Наши места тут уже заняты. Это минус.
Мы в руках Прежнего. И, будем честны, он куда сильнее нас, даже в одиночку. Тоже минус.
И если даже мы уговорим Прежнего нам помогать (с чего бы вдруг, но допустим), то перед нами встает новая проблема. Прежние не способны отправить нас назад. И перенос сознания не поможет, на Земле нас уже нет. Это такой жирный минус, что перекроет любые плюсы…
Одевшись – синие брюки и тельняшка с лейблом Saint James, белые ботинки на мягкой плоской подошве, – я глянул на себя в зеркало.
Нет, владельцем яхты я не выглядел, максимум гостем. Ну и ладно.
…А вот в каюте меня ждал сюрприз.
В одном из кресел сидел Иван. В белом костюме, в белой рубашке… вот он как раз выглядел тут хозяином. Он крутил в пальцах бокал шампанского и что-то рассказывал.
Напротив него, на диване, сидели Дарина и Милана.
Не просто сидели – улыбались и смеялись!
– Давай к нам, Максим! – дружелюбно сказал Прежний. – Я рассказываю девчонкам, как удирал с корабля!
– Это правда смешно! – воскликнула Милана.
Я посмотрел на нее, и она перестала улыбаться. Может быть, вспомнила, как Иван в свое время несколькими словами почти заставил в себя влюбиться?
Усевшись в кресло, я взял бокал с коктейлем. Пить мне не хотелось, но вот руки чем-то занять надо.
– Иван, вы же не используете свои способности? – спросил я, глядя ему в глаза.
– Нет, честное слово, – добродушно ответил он. – Все настолько непонятно, что я не рискую! Максим, так вы действительно сын министра Воронцова?
– Бывшего замминистра, – машинально ответил я. И сам себя мысленно обругал. То, что Иван уже выяснил, кто я такой, – ожидаемо. Но зачем я дал понять, что чужак в этом мире…
– Любопытно, – сказал Прежний. – Министром он стал два года назад… вы из прошлого? Нет, ерунда… Кстати, вы знаете, что Максим Воронцов сейчас в Москве? Вот прямо сейчас, именно в эту минуту?
– Вполне может быть.
Прежний развел руками.
– Ну… если отбросить все невозможное… Вы из иной реальности?
Молчать не было смысла.
– Да.
Прежний вздохнул и поставил бокал на стол.
– Позвольте тогда задать еще один вопрос… В той реальности, откуда вы появились… не спрашиваю, как именно… мы с вами были друзьями?
Я поймал взгляд Дарины. Вздохнул.
Врать тоже было бессмысленно.
– Нет, не были. Случалось разное, но кончилось тем, что я пытался вас убить.
– Получилось? – спросил Иван с живейшим интересом.
Я покачал головой. Иван довольно улыбнулся.
– А я? Я вас пытался убить?
Хороший вопрос…
– Нет, – сказал я с легким удивлением.
Иван хмыкнул. Поглядел на девчонок, потом снова на меня. Спросил:
– Почему тогда вы меня так ненавидите?
Странно. Все-таки он был другим, не таким, как в нашем мире. Я не представляю, чтобы наш Иван задал такой вопрос.
– Потому что вы презираете людей. Весь мир.
– Во-первых, я не совсем человек, – сказал Иван. – Да ведь и вы тоже…
Он встал, прошелся, засунув руки в карманы брюк.

– Во-вторых, вы не правы, Максим. Знаете, как сказал сто лет назад один хороший поэт…
Помедлив, он начал негромко читать вслух:

Во многом знании – немалая печаль,
Так говорил творец Экклезиаста.
Я вовсе не мудрец, но почему так часто
Мне жаль весь мир и человека жаль?

Природа хочет жить, и потому она
Миллионы зерен скармливает птицам,
Но из миллиона птиц к светилам и зарницам
Едва ли вырывается одна.

Вселенная шумит и просит красоты,
Кричат моря, обрызганные пеной,
Но на холмах земли, на кладбищах вселенной
Лишь избранные светятся цветы.

Я разве только я? Я – только краткий миг
Чужих существований. Боже правый,
Зачем ты создал мир, и милый и кровавый,

И дал мне ум, чтоб я его постиг!
[14]

Я вздрогнул.
Кажется, я понял, почему этот Иван – другой.
– Андрей с вами? – спросил я. – Ваш отец?
Иван глянул на меня с острым любопытством.
– Ага… Так вы были дружны с ним? Как интересно…
– Вы не ответили, – сказал я.
– Да, он во мне, – кивнул Прежний.

Глава седьмая

Яхта стояла метрах в ста от берега. Я не спрашивал, где именно, а Иван не счел нужным сказать. Зелень, яркая, но не тропическая, пустынный песчаный пляж, на котором были разбиты пестрые шатры.
Наверное, мы все-таки были в Европе. Средиземное море, какая-нибудь Сардиния или Корсика?
Вполне возможно. В мире полно уютных мест, как людных, так и приватных.
– Вечером предполагались гости, – сказал Иван. – Все отменил.
Он стоял на палубе, глядя на пляж. Засунув руки в карманы, чуть ссутулившись, ничем сейчас не напоминая того Прежнего, которого я знал. Я вышел на палубу вместе с ним, девчонки остались в каюте. Команда яхты к нам не приближалась. Море было спокойным, небо чистым и светлым, с белым пушком облаков на горизонте. Тент прикрывал нас от солнца, было не жарко, а просто тепло и по-летнему хорошо.
Я подумал, что скучал по морю.
А еще в небе белесым серпом висела Луна.
По ней я скучал еще больше.
– Что за гости? – спросил я.
– Большей частью Слуги. И немножко элитки – политики, бизнесмены.
Иван фыркнул, будто его веселила сама мысль о сильных мира сего, развлекающихся в компании нелюдей.

– Секс, наркотики, рок-н-ролл? – спросил я.
– Да где сейчас найдешь нормальный рок? – удивился Иван. – Это надо было в семидесятые слушать. Секс, наркотики, дынц-дынц-дынц…
Он побарабанил пальцами по деревянным перильцам. Сказал:
– Значит, у вас все началось восемь лет назад, когда вторглись Инсеки.
Да, я рассказал ему нашу историю.
Вкратце, конечно.
С большими купюрами.
Деликатно.
– Не совсем вторглись, – поправил я. – Был бой ваших с Инсеками, потом появился Высший и все остановил. После того как вы начали ядерную войну, всех со всеми…
– Зачем?
– Я-то откуда знаю? Наверное, чтобы Земля никому не досталась.
– Возможно, – согласился Иван.
– А здесь вы победили?
Иван вздохнул.
– Инсеки не прилетали.
Я недоуменно посмотрел на него. Спросил:
– Оумуамуа вообще не прилетал?

– Разведчик? – Прежний глянул на меня с любопытством. – Кахаха!
[15]
Знаешь гавайский?

– Нет. Космический объект, его открыли в обсерватории на Гавайях, потому так и назвали. Вначале думали, что комета. А оказалось, это здоровенный вытянутый кусок металла, вроде гигантской сигары… Без всякого льда. Он прилетел из межзвездного пространства, промчался мимо Солнца, сманеврировал в его гравитационном поле и ушел из системы.
Прежний нахмурился.
– Так… и что на Земле, паника началась?
– Нет. Решили, что это астероид. Межзвездный. Пообсуждали, да и забыли.
Теперь во взгляде Ивана появилось подозрение.
– Серьезно? Из дальнего космоса точно к звезде прилетела металлическая хрень… Она что, летела по баллистической траектории? Не отклонялась?
– Немножко сманеврировала возле Солнца.
– И что?
– Да ничего, решили, что случайно… может, там все-таки был лед, испарился… – Я замолчал под взглядом Ивана и добавил: – Незаметно так испарился и толкнул астероид…
– Понимаю, что люди в большинстве своем идиоты и видят лишь то, что хотят видеть, – сказал Прежний. – Но почему не отреагировали мы?
Я пожал плечами.
– Ладно, допустим, сочли аппарат неработоспособным. Или догнали и уничтожили, а основной кластер шел следом скрытно. Лучше поговорим о другом. Дарина – Измененная, солдат Инсеков. Ты тоже… нечто подобное. Но кто такая Милана?
Прежний смотрел на меня.
Нет, выхода не было.
Вранье он бы почувствовал.
– Милана – основа Высшего, – сказал я.
– Ого, – Иван криво улыбнулся. – Того самого Высшего из вашей реальности, остановившего войну?
– Да.
– Кроме этого случая он вмешивался в происходящее на Земле? Вернувшись по временной оси?
– Несколько раз. Остановил вас, когда вы собирались нас всех убить…
– Все-таки собирался! – Прежний будто бы обрадовался. – Наверное, вы меня серьезно напрягли. Обычно я не опускаюсь до такого.
– А потом Высший выгнал с Земли и вас всех, и Инсеков. Объявил Землю запретной.
К моему удивлению, Иван захохотал.
– Всех подловил, значит? Красава… А Продавцов? Не люблю я их.
– И Продавцов.
Иван похлопал меня по плечу.

– Что ж, звучит не так уж и плохо. Я чувствую, что ты нас не любишь, но поверь – Инсеки хуже.
– Они говорят то же самое, – не удержался я.
– А разве могло быть иначе? – удивился Иван. – Но я тебе открою секрет Полишинеля – для людей все мы плохи. Секрет Полишинеля означает…
– Секрет, который всем известен, – кивнул я. – Знаю.
– Но как вас вышвырнули в иную реальность? Ни у нас, ни у Инсеков нет такой силы.
– Наверное, участвовал еще один Высший.
– Ага, – сказал Иван с чувством. – Ага! Грызня богов, с раздачей оплеух полубогам и человеческим героям…
Мне вдруг показалось, что Прежний искренне наслаждается ситуацией. Словно смотрит увлекательное кино.
– Вас не тревожит, что Высший вас выгнал с Земли? – спросил я.
– Нас? – Иван рассмеялся. – Максим, не путайся! Он выгнал не нас! Он выгнал другую нашу версию. Раз выгнал, значит, те оказались слабаками. Подставились, дали Высшему возможность вмешаться. Почему я должен о них переживать? Вот ты переживаешь за своего двойника в этом мире?
– Да, – ответил я не раздумывая. – Кстати, что с ним тут? Как он живет? Как… родители?
Иван кивнул.
– И впрямь переживаешь… Все у него нормально, Максим. Живет, у него две подруги, прям как у тебя…
– У меня не две подруги!
Иван лишь улыбнулся.
– И родители живы-здоровы. Я ведь знаю твоего отца, жаль, с тобой здешним был незнаком.
Я отметил, что он уже какое-то время разговаривает со мной на «ты». И вполне дружелюбно, на равных.
– В курсе, что знаете. А вообще?
– Вообще? Все хорошо. Видишь ли, было два плана по использованию населения Земли. Один жесткий, с нравственным и технологическим обрушением – эпидемии, конфликты, локальные войны, вплоть до ограниченного ядерного конфликта. Второй – плавное развитие, «золотой век». Судя по твоему рассказу, вы выбрали первый. Мы – второй.
Я недоверчиво уставился на Ивана.
– Не веришь? – спросил он.
– Не очень, хотя… – Я вспомнил ту версию реальности, в которую меня переносила Мод. Идеальной ее назвать было нельзя, но и кошмарный сон она не напоминала. – Почему? Почему у вас иначе?
– Резонный вопрос, – признал Иван. – Выбор зависел от противостояния в Галактике. Земля – основная база человеческого ресурса, все остальные планеты не настолько заселены. Очевидно, в вашей реальности наши дела пошли плохо, и потребовалось очень много живой массы…
– Детей? – уточнил я.
– Да, – кивнул Иван. – Как там в песенке пелось? Война – дело молодых…
Я молчал.
– Я же сказал, люди в любом случае в проигрыше. – Прежний пожал плечами. – Но проигрыш тоже может быть разный, да?
Я смотрел на него и думал, что где-то в ином пространстве немыслимым образом слит воедино шевелящийся ком человеческих тел. Объединены не только их тела, но и души. Там есть древний русский воин или боярин, его потомки, там есть негр из Конго, каким-то удивительным образом удостоившийся чести стать частью Прежнего. Там десятки людей, соединившихся в один организм. Это его корень, а Иван – лишь внешняя часть, высунутый в наш мир стебель.
И где-то там, в ином пространстве, есть отец Ивана, который в нашем мире бродил по Москве и читал памятникам поэтов их стихи.
Наверное, уже из-за этого здешний Иван чуть лучше, чем наш.
Но он все равно Прежний, сверхсущество, для которого люди – пыль, расходный материал…
– Что мне с вами делать? – спросил Иван.
– Верните нас домой, – быстро ответил я.
– Не могу. – Прежний развел руками. – Это не в моих силах. И никто из наших не способен физически перейти из одной реальности в другую.

Он вновь дружелюбно похлопал меня по плечу.
– Да не грусти ты так! У нас лучше. Обижать тебя никто не станет… и, между прочим, ты стал бы прекрасным Кандидатом. Возможно, что и твои девчонки достойны. Подыщем хороший город для жизни…
Видимо, по моему лицу было заметно, что я об этом думаю. Иван посерьезнел.
– Хорошо, так чего бы ты хотел? Я, как видишь, отношусь к тебе…
– С симпатией! – выпалил я. – Устал это слышать! Нам надо вернуться, Иван! Подскажите, вы же… очень развитое существо!
– Высший, – он ответил не раздумывая. – Вам может помочь лишь Высший. Только они способны перемещаться во времени, пусть и ограниченно. Только они способны открывать переходы в иную реальность.
– А вам сил не хватает?
Прежний не обиделся.
– Ума. Собравшись воедино, мы способны оперировать энергиями на уровне Высших. Известны случаи, когда цивилизации, близкие к сингулярности, побеждали Высшего, который выступал против них. Но это поединок силы. Атомная бомба способна разрушить вычислительный центр, но она не способна рассчитать даже простенькую задачу. Понимаешь?
Я кивнул. Сказал:
– Тогда я должен найти Высшего. Дружелюбного. Который поможет.
– Удачи тебе.
Кажется, Иван даже не ерничал.
– Вы поможете? – спросил я в лоб. – В поиске?
Прежний развел руками.
– Помочь? Хорошо. Назови причину, почему я должен тебе помогать. Хотя бы одну.
– Вам наплевать на Прежних и Инсеков из моей реальности.
– Да, но это не причина помогать.
– Вам должно быть интересно, чем все закончится!
– Я никогда этого не узнаю.
Взмахнув рукой, я отвернулся от Ивана.
– Причина есть, – сказал Прежний. – Но ты должен назвать ее сам. Получится до вечера – я помогу.
– Это такая проверка?
– Да. Помощь надо заслужить. Дураки ее недостойны.
– Могу я поговорить с Андреем? – спросил я, помедлив.
– Отец и так тебя слышит, – ответил Иван. – На поверхности сейчас мой разум, так удобнее. Но тебя слышат все мои составляющие, и папа тоже.
– И все-таки попросите его что-нибудь сказать, – упрямо повторил я.
Иван молчал, и я подумал, что он не отзовется. Но он заговорил. Голос не изменился, но вот интонации стали другими:

> Никто никогда ничего не знает наверняка.
> Глядя в широкую, плотную спину проводника,
> думай, что смотришь в будущее, и держись
> от него по возможности на расстояньи. Жизнь
> в сущности есть расстояние – между сегодня и
> завтра, иначе – будущим. И убыстрять свои
> шаги стоит, только ежели кто гонится по тропе
>
> сзади: убийца, грабители, прошлое и т. п.
> [16]

– Я рад вас слышать, Андрей, – сказал я тихо. – Спасибо.
– Это тебе помогло? – поинтересовался Иван, и я понял, что «на поверхности» снова он.
– Пока не знаю, – честно ответил я.
Иван кивнул.
– Тогда зови своих неординарных подруг, Максим. Отправимся на берег. Зря, что ли, Слуги старались?

Дарина не бывала на море. Никогда.
Милана выросла у Белого моря, и если не шутила, то летом там очень даже можно было купаться. Она действительно хорошо плавала и сразу же рванула от берега в сторону яхты, так резво, словно собиралась вплавь на нее вернуться. Иван рассмеялся и поплыл за ней. Я задавил беспокойство – что бы ни было тому причиной, пока Прежний вел себя достаточно дружелюбно. Взяв Дарину за руку, я потащил ее в воду.
Она боялась.
На самом деле боялась воды! Умение плавать когда-то давным-давно прописало в ее сознании Гнездо, но она даже в бассейне не плавала.
Так что, когда мы вошли по грудь, Дарина повисла на мне и зашептала на ухо:
– Не надо дальше!
– Хорошо, – согласился я. – Тебе нравится?
– Не знаю, – она попыталась улыбнуться. – Мне предлагали другое Гнездо, в аквапарке в Лужниках, там готовят для водных миров… я отказалась. Куколки обычно соглашаются, это же интересно – стать амфибией. Но я не захотела.
Я медленно сдвигался от берега, пока мы не зашли в воду по шею. Дарина напряглась, и я остановился.
– О чем вы говорили с Иваном? – спросила она.
– Уговаривал отправить нас назад. Он сказал, что на это способен лишь Высший. Я попросил помочь встретиться с ним… Иван обещал подумать.
Дарина ждала, глядя на меня.
– Говорит: «Назови причину, по которой я должен тебе помогать».
Дарина помолчала, потом сказала:
– Ты только не думай, что он тут хороший. Он такой же, как всегда. Улыбается, а через минуту может убить. Помнишь, как в Гнезде?
Я вздохнул. Странно было стоять в теплой спокойной морской воде, в мирной и благополучной версии нашего мира, обнимать любимую девушку… и понимать, что на самом деле здесь все так же, как у нас.
Только грязь заметена под ковер.
– В нем есть Андрей. А он хороший.
– Он ничего не решает, – сказала Дарина. – Максим… тебе очень хочется сейчас найти в Иване что-то лучшее. Мне тоже. Но этого нет! Если он и готов нам помочь, то только из-за своих интересов.
– Знать бы, в чем они… – Я вздохнул. – Задержи дыхание!
И присел.
Дарина мгновенно отцепилась, всплыла. Я сидел на дне, глядя на нее, соленая вода щипала глаза, но я так умел и раньше, когда был обычным человеком. Потом вынырнул.
– Балбес! – выкрикнула Дарина, плеснула в меня. Напрыгнула, надавила на плечи: – Я испугалась!
– Зато поплыла! – рассмеялся я.
Мгновение Дарина размышляла, потом поплыла от берега.
Я – за ней.
Все-таки это было хорошо. Лето, нормальное лето, а не наши московские тропики.
Лето и море.
Почему-то я знал, что это ненадолго.
Все ненадолго.
«Возможно, вам придется отправиться в путь», – сказал мне совсем недавно Продавец.
И вот я уже в пути, так далеко, как еще не заходил ни один человек. В мире, где есть Милана с ее волшебным смыслом, который должен изменить будущее, но нет Высшего. А ведь это единственная сила, что способна защитить нас даже от Прежних и Инсеков.
Но его же тут нет…
Ага!
Я догнал Дарину, она плыла хоть и технично, но очень осторожно. Сказал:
– Спасибо…
Хотя, наверное, должен был бы в первую очередь поблагодарить Милану – за ее постоянную фразу «смотри на то, чего нет».

Мы ужинали на берегу, в одном из просторных шатров, накрытых прямо на пляже. Еще два стояли пустые, столы даже не стали сервировать. Гостей предполагалось много, судя по небольшим подмосткам на берегу, где одиноко торчали две микрофонные стойки. Кто-то должен был развлекать гостей, и почти наверняка даже я бы его узнал.

Прежние не разменивались на второсортных певцов или артистов, им прислуживали самые модные звезды.
Наверное, хорошо, что я не увидел выступающих.
Со стороны мы выглядели как компания очень, очень богатых и беззаботных отдыхающих. Стоящая в море яхта (ну, наверное, не самая большая на свете, но очень немаленькая), суетящиеся вокруг стола официанты, в стороне – трое поваров за автономными плитами, доставленными с яхты. Список блюд был как в хорошем ресторане (откуда, скорее всего, и позаимствовали поваров).
Интересно, Ивану действительно интересна эта показная роскошь? Или цель в другом – продемонстрировать «элитке» свои возможности?
Когда солнце ушло за горизонт, официанты зажгли на столе свечи и удалились. Иван сам налил себе коньяк из хрустальной бутылки, с улыбкой посмотрел на меня.
– Ну как, Максим? Ты готов меня уговорить?
– Попробую, – осторожно сказал я.
Иван кивнул, крутя в пальцах бокал.
– Вы мне нравитесь больше, чем наша версия, – начал я. – Но думаю, вы бы нас сдали на опыты. Без всяких сомнений.
– Пока нам есть что изучать, – заметил Иван.
– Однако есть одна причина, по которой нам с вами лучше сотрудничать.
Иван вопросительно приподнял бровь.
– Милана, – пояснил я. – Она основа Высшего.
– В вашем мире.
– Да. А если и в вашем тоже?
Иван вытянул руку и положил на плечо Милане. Сказал небрежно:
– Но я ведь могу этому помешать? В вашем мире, как я понял, Прежним запрещено убивать людей. Но не у нас.
– Это если не появится Высший, – возразил я, глядя на Милану. Сердце у меня бешено забилось. – А если да? Как он поступит, если почувствует угрозу своему существованию?
Иван убрал руку.
– Я просто размышляю, – сказал он. – Никаких угроз!
– Самое удобное и выгодное для вас, – произнесла Милана, – это помочь нам уйти. Мы унесем смысл, унесем саму возможность появления Высшего.
Голос у нее почти не дрожал.
– Все так, – согласился Иван. И широко улыбнулся: – К тому же вы мне действительно симпатичны! Но шансов на успех у вас немного.

Глава восьмая

Странный это был вечер. На берегу моря, в просторном легком шатре – я с девчонками и наш враг, на время ставший… не другом, конечно, но союзником.
Официанты и повара куда-то исчезли – то ли вернулись на яхту, то ли просто ушли в темноту. Мягко плескали о берег волны, на яхте светились навигационные огни и иллюминаторы. А так – тишина. Даже комары не беспокоили, видимо, как в анекдоте, – «не положено». Удивительно, я второй раз в иной реальности и снова ужинаю у моря! Так и привыкнуть можно.
– Для начала я объясню вам, как все устроено, – сказал Иван.
Он поднял руку, и тонкий лучик зеленого света вытянулся к полотняной стене шатра. Можно было бы подумать, что у него лазерная указка, вот только рука была пуста. Луч рождался в воздухе, рядом с пальцами.
– Есть люди… и прочие разумные существа… Каждое существо мечтает стать сильнее, жить дольше… иными словами – достичь сингулярности.
Лучик забегал у самого песка, рисуя на стене вертикальные черточки. Я даже не удивился тому, что светящиеся линии не угасали, лишь чуть меркли, но продолжали мерцать.
– Каждый разум в той или иной мере самобытен, интересен и уникален, – снисходительно сказал Иван. – Но это лишь крошечная вспышка, которая не имеет шансов стать чем-то значительным или долговременным. Трава.
– Мы знаем ваше отношение к людям, – кивнула Милана.
– О, я хотел бы относиться к ним лучше! – воскликнул Иван. – Я ведь сам из них, плоть и кровь, так сказать! Но они не дают оснований. Ленивая, трусливая и полная

животных инстинктов масса, которая сама давит в себе как проблески интеллекта, так и лучшие духовные порывы!.. Однако продолжим. По мере развития цивилизации появляются возможности продлить жизнь, поднять уровень интеллекта, создать что-то уникальное… мы называем это смыслами. Разумеется, все и сразу на это не способны. Появляется узкий круг, если угодно – каста, превосходящая основную массу. Поначалу все очень примитивно. Развитая медицина, хорошее образование, правильное питание. Потом пересадка органов, потом клонирование тела и пересадка мозга… та еще гадость, кстати… Зовите их как угодно – постчеловеки, трансчеловеки, предсингулярные личности…
Лучик запрыгал по стенке, рисуя что-то вроде кустиков.
– Слуги, – не удержался я.
– Отчасти они постлюди, – согласился Прежний. – Вот только не сами развились, а получили свои особенности от нас… потому и Слуги. Стать настоящим трансчеловеком – уже прогресс. Разумные существа проживают срок в несколько жизней, все глубже постигают природу, изменяют свою биологическую структуру. Пути совершенствования могут быть разными. Копирование сознания в искусственно созданные тела – без рискованных и неприятных хирургических операций. Перенос разума на небиологические носители, к примеру, электронные.
– Почему же вы… – не удержался я. И замолчал. Не стоило разъяснять, что я видел изнанку Прежних, их «корень» из сросшихся человеческих тел.
– Потому что переход из биологической формы в небиологическую несет в себе и целый ряд минусов, – ответил Иван. – К тому же в любом случае остается ограниченность одиночного сознания. Для полноценного развития разумы должны сливаться. Так поступили мы, так поступили Инсеки. Мы уже не просто транслюди, мы предсингулярные существа, организовавшиеся из нескольких личностей.
Зеленый луч вновь начал двигаться, кустики обзавелись ветками, корнями.
– Вам трудно понять, как это, – сказал Иван с сочувствием. – Быть одновременно и личностью, и коллективом. Одним голосом – и целым хором! Разделять мысли, чувства, мечты!
– А вы объясните, – попросила Милана.
– Не получится. – Прежний развел руками. – Пока я был Кандидатом, я пытался представить себе, но… Ладно, оставим это! Итак. Мы, Инсеки, еще четыре известные нам сверхцивилизации… нет, вы их не знаете, у нас различные… э…
– Пастбища? – спросил я.
– Я хотел сказать «зоны влияния». Но «пастбища» – тоже годится, – не стал спорить Иван.
Он вновь взмахнул рукой, и на полотне высветились стилизованные деревья.
– А вот это Высшие. Известный нам итог достижения сингулярности. Наша… цель.
Прежний покосился на Милану и с иронией добавил:
– Может быть, теперь вы расскажете мне, как это – быть Высшим?
– Не получится, – ответила Милана, то ли передразнивая Ивана, то ли искренне. – Когда Высший входил в меня, я все понимала. А теперь это словно забытый сон.
– Верю, – согласился Иван. – Итак, Высшие… нам известно более двадцати их проявлений, каждое из которых мы считаем самостоятельной сущностью. С предсингулярными культурами они взаимодействуют крайне редко, лишь в тех случаях, когда задеты их интересы. Каждый Высший развился из целого созвездия личностей… во всяком случае, мы так считаем. В чем смысл их существования, бессмертны они или нет, всерьез ли враждуют между собой или это лишь игра, есть ли у них следующая стадия развития, мы не знаем.
– А сколько всего Высших? – спросил я.
Иван пожал плечами.
– Неизвестно. Вы, люди, трава. – Он ткнул рукой в мерцающую картинку. – Когда рядом вырастает куст, высасывает воду из почвы, закрывает вас от солнца, вы видите последствия, иногда даже догадываетесь, что дело в кусте, и ругаете его. Куст – это мы, предсингулярная культура. Но Высшие – как могучие деревья. Они были до вашего рождения, будут после, они для вас часть мироздания, закон природы. Вы даже понять не можете, что живете в тени дерева, и если на вас упадет сухая ветка и раздавит – не поймете, что произошло. Трава может пытаться задушить куст, но она не убьет дерево. И уж тем более травинка не подозревает о существовании леса. Но и с высоты куста видно немногое…
– Я никого не хочу убивать, – резко сказала Милана.
– Все равно придется, – равнодушно ответил Прежний. – Итак, Высшие… Они могут двигаться по всему протяжению своей жизни, отчасти меняя реальность. Они могут

открывать проходы в иные пространства. Порой у них случались конфликты с предсингулярными культурами, известны два случая, когда в итоге Высшие были повержены, но это очень маловероятный итог. Как правило, мы уступаем. В вашем мире Высший остановил бой за Землю?
– Да, – сказал я.
– Высшие не допускают геноцида, поскольку он снижает разнообразие смыслов. Но в обычные конфликты, как людские, так и предсингулярных культур, они не вмешиваются. Значит, были задеты интересы Высшего, в опасности оказался он сам…
Прежний на миг задумался.
– Полагаю, что и мы, и Инсеки после вмешательства решили, что этот Высший – порождение кого-то из нас. А он, выходит, был третьей силой. Обеспечивал безопасность нашей дорогой Миланы… то есть свою.
Он снова замолчал, потянулся за бокалом. Продолжил:
– Но кому-то его появление не понравилось. Кому? Мы считаем, что среди Высших есть и наши культуры, перешедшие черту сингулярности. Жаль, что они не считают нужным представиться… – Иван тихонько рассмеялся. – Но допустим, что возникновение нового Высшего задело интересы нашего… или того, которого породят Инсеки. И кто-то из них, а то и оба они вместе, соорудили ловушку. Переместили корабль с Луны в нашу реальность, резонно полагая, что рано или поздно Милану попросят помочь, и она попадет в ловушку.
– Оба вместе? – нахмурился я.
– Мы с Инсеками враги, – кивнул Иван. – Но это такая вражда… конкурентная. Как бы тебе попроще объяснить, Максим? Великобритания и Германия могли друг с другом воевать, бомбить мирные города – это не мешало после войны снова дружить, ездить в гости и торговать. Верно?
Я кивнул.
– Это потому, что смыслы у них были примерно одинаковые. – Иван вновь широко улыбнулся. – Разногласия, конечно, возникали, но временные. А вот в отношениях с Россией, особенно советской, все было иначе. Могли заключаться союзы, но стоило исчезнуть общей цели, и начиналось противостояние. Почему? Потому что смыслы противоположны. Векторы развития разные.
– Вы что, коммунист? – с любопытством спросила Милана.
– Частично, – Иван мило улыбнулся. – А частично капиталист, еще немного княжеского рода… Это все так смешно и не важно, Милана! Капитализм, коммунизм… вы еще сексуальной ориентацией или любимой музыкой поинтересуйтесь. Я говорю о коренных противоречиях существующих цивилизаций. Когда мы уйдем в сингулярность, нам станет нечего делить с Инсеками, ушедшими в сингулярность. Может, и появятся новые противоречия, о которых мы пока не подозреваем, но старые споры волновать нас не будут. А вот твой Высший – это что-то новенькое. Он потенциально может изменить будущее. Возможно – не даст нам с Инсеками достичь сингулярности. Переломит историю и втянет наши культуры в свою, или же уничтожит. Понимаешь?
Милана осторожно кивнула.
– Поэтому он нам тут не нужен, – торжественно сказал Иван. – Подкинули соседи подарочек… благодарю покорно! Нам это не нужно, и нашим потенциальным Высшим тоже. Так что я хотел бы отправить вас назад.
Мы переглянулись.
Мне снова захотелось спросить, не жалко ли ему Прежних и Инсеков нашей реальности. Но я уже понял – нет, не жалко. Скорее уж он мстительно предвкушает их реакцию, когда «подарочек» вернется и Высший начнет чинить расправу над обнаглевшими «предсингулярными культурами».
Все-таки между нами пропасть. Мы совершенно иначе относимся к миру.
– Вся проблема в том, – заключил Иван, – что Высшего нельзя позвать. Он приходит сам, когда затронуты его интересы. А если в нашем мире твой смысл не дает всходов, то ты никому не интересна.
Прежний подмигнул мне и бархатным голосом добавил:
– Кроме меня, разумеется. Я очарован. Скажите, а там, у вас… между нами ничего не было?
– Кроме стойкой неприязни? – спросила Милана.
Иван рассмеялся.
– Ладно, ладно… Итак, вам нужно привлечь внимание Высшего и убедить его отправить вас назад. У вас есть идеи, как это сделать?
– Иван, наверняка идея есть у вас, – сказал я.

Иван кивнул.
– Конечно. Преимущество предсингулярного существа в том, что я могу заниматься многими делами одновременно. План есть, он нравится мне, но сомневаюсь, что он понравится вам.
Мы молчали. Прежний отпил из бокала, сказал:
– Мы можем уверено предполагать, что существуют двое Высших, которым небезразлично ваше появление.
– Ваш и Инсеков.
– Да. Если вы вмешаетесь в наше противостояние, то любой из них может появиться в нашем времени и изменить происходящее… как, очевидно, произошло и у вас. Интересы этих Высших понятны – обеспечить собственное существование и помешать возникновению вашего Высшего, поскольку, как мы можем судить, он несет неприемлемый для нас смысл.
– Это хороший смысл… – произнесла Милана.
– Не спорю, но нам он не нужен, – Иван окинул нас взглядом. – Итак… вы готовы вмешаться в войну людей с Инсеками?
– Войну Прежних с Инсеками, – буркнул я. – Мы так вас зовем.
– Я уже понял. Но здесь, знаешь ли, мы не Прежние, мы Нынешние. Итак, ваш ответ?
– У нас разве есть выход? – Я развел руками.
– Не знаю, настолько ли мы серьезная подмога, чтобы вмешаться в войну… – тихо сказала Дарина. – Что мы сможем против всей мощи Инсеков?
Иван тихо засмеялся.
– О нет, милая девочка. Я не зову вас в ряды ровианских гвардейцев или в лагеря подготовки на Саельме… Вам надо вмешаться на стороне Инсеков.
– Что? – Мне показалось, что я ослышался.
Иван лыбился, явно наслаждаясь ситуацией.
– У него своя интрига, – тихо сказала Милана. – Верно?
– Верно, – согласился Иван. – Только не придумывайте лишнего, я хочу нашей победы. Но вы трое, конечно же, не сможете повлиять на ход боев с нашей стороны. В рядах панцеров и танцоров вы будете лишь досадной помехой. А вот среди Инсеков…
– Не понимаю, – признался я.
– Люди оказались самым удобным материалом для создания солдат, – Иван посерьезнел. – Так уж получилось, в генетических модификациях преимущество за нами, человеческий геном был изменен еще сотни тысяч лет назад, во времена нашей изначальной цивилизации.
– До ее уничтожения?
– Да. Но даже вы, одичавшие и деградировавшие, несете в себе спящие гены, позволяющие вас перестраивать. Другие разумные виды в Галактике не имеют такого потенциала. Поэтому Инсеки захватывают человеческих детей на всех завоеванных планетах, свозят к себе и преобразуют в системе Гнезд. У вас эти Гнезда размещены на Земле, так?
Я кивнул.
– Вот. А у Инсеков на их материнской планете. Они создают свои боевые формы, хотя и куда более ограниченные, чем наши: стражи, монахи…
– И у нас так, – согласился я.
– Тогда вы понимаете. Основные боевые силы с обеих сторон – люди. Одни сражаются за нас, другие, с промытыми мозгами, за Инсеков. Но им не хватает бойцов. Видите ли, даже на Ровиане население составляет полмиллиарда человеческих особей. На обычных планетах – это десятки или сотни тысяч. Даже при полной оккупации планеты, что случается нечасто, Инсекам достается не так уж и много особей, пригодных к Изменению.
– У нас в Гнезда отводят смертельно больных детей… – тихо сказала Дарина.
– А у нас Инсеки гребут всех. Предпочитают тех, кто младше, конечно. Их проще изменить, проще убедить воевать на их стороне. Но, повторю, им достается не так уж и много. Полагаю, что, если вы окажетесь в одном из Гнезд, вам удастся с ним договориться?
Я пожал плечами.
– Возможно. И что дальше? Хотите, чтобы мы перевербовали Измененных?
– Вряд ли это возможно, – вздохнул Иван. – Но у меня есть план, я продолжаю над ним работать. К утру, вероятно, все будет готово. А пока – давайте отдыхать? Может быть, танцы?
Я с сомнением посмотрел на пляж.

– Нет-нет, смотаемся на Ибицу, – предложил Иван. – Хороший ди-джей, вкусные коктейли…
– Нам лучше поспать, – сказала Дарина. – Мы же не такие «предсингулярные», как вы.
– Ну как хотите. – Иван развел руками. – Вы нормально разместились? Может быть, каждому свою каюту?
– Мы вместе, – хмуро ответил я.
– Завидую, – Прежний подмигнул мне. – Так что, мое предложение принимается?
Я кивнул. Дарина и Милана переглянулись, тоже кивнули.
– Кстати, – Иван помедлил. – Я параллельно обдумывал историю вашего попадания к нам. Если вам удастся вернуться, присмотритесь к человеку, командовавшему операцией.
– А что так? – спросил я.
Конечно, я довольно подробно рассказал Прежнему, как мы попали сюда, но про отставного генерала сказал разве что пару слов.
– Странное поведение. Во время проведения вылазки вдруг отправиться гонять чаи, забрав с собой тех, кто хотя бы теоретически мог дать отпор, – мать Гнезда и Измененных! Не обеспечить надежную охрану и оперативный резерв. Оставить в опасной точке значимого для вас человека, за которым вы готовы были отправиться на корабль. А потом позволить Милане, прекрасно понимая всю ее ценность, пройти через экран!
– Он работает на Прежних? – воскликнула Милана.
– Может, на Инсеков. А может, и на нас, – Иван кивнул. – Но для профессионального военного такие ошибки непозволительны. Мой вам совет, друзья, когда вы видите странное поведение опытного человека, то первым делом ищите скрытые мотивы, а уж потом ошибку или глупость… Да, в случае большинства людей начинать надо с ошибки, но тут явно другой случай.
Прежний встал.
– Я провожу вас до катера.
Пожалуй, я был этому рад. Мне действительно хотелось спать. Но я уточнил:
– Проводите? А сами?
– А меня ждет веселая компания, которая должна была прибыть сюда. – Иван вздохнул. – Пришлось отправить ее в другое место, но мой долг хозяина вечеринки никто не отменял.

На яхте было тихо, словно вся команда куда-то исчезла. Молчаливый моряк доставил нас на борт, после чего катер вернулся на берег, а пожилой Слуга отвел к каюте. Спросил на безупречном русском языке:
– Есть какие-то пожелания?
Я покачал головой.
– Вызывайте в любой момент, я всецело в вашем распоряжении, – сообщил он и удалился.
В каюте прибрались, исчезли малейшие следы нашего короткого пребывания. На кровати прибавилось подушек. На столике в ведерке со льдом стояла бутылка шампанского. Никто из нас к ней не потянулся.
– Я на диванчик, – подхватывая с кровати подушку, сказал я.
– Макс, не валяй дурака, – попросила Милана.
– Вот именно, – поддержала Дарина.
Я замялся.
– Макс, нам просто будет спокойнее спать с тобой рядом, – сказала Милана. – Ложись в центре и все. Приставать не стану.
– А я бы пристала, но не время, – добавила Дарина и улыбнулась. – Максим, нам всем надо нормально выспаться.
– Хорошо, – согласился я.
Поколебался секунду, разделся до трусов, забрался в кровать и закрыл глаза.
Да уж. О сексе, конечно, не думалось.
И, честно говоря, когда девчонки, сходив в душ, разделись и легли, я уже почти спал. Дарина сразу взяла меня за руку и уснула. Милана легла чуть дальше, кровать позволяла, но среди ночи я в полусне ощутил, как она обнимает меня.
Интересно, что же все-таки придумал Иван, как собирается нас использовать и есть ли у нас шанс вернуться домой…
Я думал об этом, когда несколько раз просыпался ночью. Пытался своей единственной головой решить задачу, ответ к которой искала коллективная личность Прежнего. Ничего, конечно, придумать я не смог.

До самого утра.
А проснулся я от теплого цветочного запаха, который показался мне смутно знакомым. Да что уж там говорить. Не смутно.
Я открыл глаза. Присел на кровати, высвобождаясь из рук спящих девчонок. Продавец стоял рядом. Вначале мне показалось, что он стоит на коленях, потом я понял, что он почти до основания втянул металлические ноги в свое цилиндрическое тело.
– Привет, – сказал я.
– Доброе утро, Максим, – негромко произнесла рыжая лисья голова из-под капюшона. – У нас есть семь минут до того, как проснется Дарина и все изменится.
– Удивлен, что вы все-таки живы, – так же шепотом ответил я. Хотя раз уж Продавец сказал про семь минут, то можно хоть в голосину орать.
– Я тоже, – признался Продавец, два дня назад навещавший меня в моей реальности. – Но я не уверен, что на самом деле жив.

Глава девятая

Опустив ноги с кровати, я протянул руку и потрогал щеку Продавца.
Мех был пушистый, мягкий и словно бы чуть-чуть маслянистый на ощупь. От лица шло тепло.
– Живой, – сказал я. – Точно вам говорю.
Продавец смотрел на меня изучающим взглядом. Потом кивнул.
– Я пришел к иным выводам. Скорее всего, я нахожусь в вероятностном состоянии. Как кошка Шредингера.
– Кот, – поправил я.
– Кошка. Эрвин Шредингер экспериментировал только на кошках. Он вообще недолюбливал мужчин, зато обожал женский пол. У него было немыслимое количество любовниц, включая совсем уж несовершеннолетних, из-за чего он вдрызг разругался с коллегой по Оксфорду, чопорным и набожным писателем-фантастом Клайвом Льюисом, и другим фантастом, Рональдом Толкином, хотя там причиной было…
– Тьфу, – сказал я. – Слушайте, зачем мне это?
Продавец вздохнул.
– Не знаю. Но я вынужден это рассказывать, потому что я это расскажу. Итак, Эрвин экспериментировал только на кошках, и знаменитый кот, который то ли жив, то ли мертв, был на самом деле кошкой…
– Хватит, – сказал я. – Я знаю, что вы любите шутки. Но мне плевать на Шредингера, его кошек и его девиц.
Лисья морда нахмурилась. Потом Продавец улыбнулся.
– Получилось! Я должен был рассказывать про Эрвина еще три минуты, но вы меня заткнули! Эксперимент удачен, я действительно в вероятностном состоянии. Что ж, это хоть что-то.
– Теперь вы не знаете, что случится в будущем? – спросил я.
– Да! Это удивительное ощущение, Максим! Это – свобода! – Продавец мягко выпрямился, его одеяния потянулись за ним с пола. – Полторы тысячи лет знания ближайшего будущего, и вдруг все исчезло!
– Поздравляю, – кисло сказал я. – Снова будете загадками говорить?
– Нет, нет, – Продавец замотал головой. – Теперь необязательно… Вы поняли, что произошло? Вас всех заманили в иную версию реальности. Я пытался вас предупредить, но мне не дали. Я знал, что не дадут, но должен был попытаться…
– Кто это сделал? – спросил я.
– Инсеки с помощью Высшего, конечно же! – Продавец словно бы обиделся на такой наивный вопрос. – Мы не были уверены, что войны между Высшими возможны, точнее – считали, что на войну во времени у них вето. Но…
Он развел руками.
– Мы так и поняли, – сказал я. – А вы-то откуда узнали?
– Сообщил Высший. Наверняка это был наш Высший. Он был встревожен. Видишь ли… – Продавец заколебался. – Тот смысл, который пытаемся реализовать мы, должен привести Вселенную к состоянию хоть и не идеальному, но достаточно мирному и благополучному. Смысл, который несет Милана, – это понимание разумными существами друг друга, гармония желаний и отношений, поиск компромиссов и

мирное сосуществование. Это не наш смысл, но… – Лис вздохнул, – он дружественен. И мы способствовали его появлению.
– Лучше торговать, чем воевать? – уточнил я.
– Да. Наш смысл – поиски взаимной выгоды. Честные сделки… поэтому нам так симпатичны тэни.
– Вы нам помогали… – сказал я задумчиво.
– Вам, Максим, но лишь как инструменту. Вы не смогли бы принять тот смысл, и мы не могли, но Милана вполне подходила. Она словно создана для рожденного тэни смысла! Мы получили совет…
– Приказ, – поправил я. – Высшие не советуют.
– Советуют, – опять вздохнул Продавец. – Только их советы равнозначны приказам. Для того чтобы вы оказались на Трисгарде и принесли Милане смысл, нам пришлось помочь Инсекам завоевать Землю, а потом помочь вам…
Меня даже в жар бросило.
– Извините, – сказал Продавец. – Но мы внимательно все просчитали. Вам может казаться, что мы ответственны за многую кровь и многую боль. Но на самом деле это игра с положительной суммой для всех участников. И грандиозным общим выигрышем в перспективе.
Я молчал.
– Ну хотите – убейте меня, – сказал Продавец. – Я подскажу несколько способов.
– Обойдетесь, – пробормотал я. – Что с вами-то произошло?
– Попытался вас предупредить и оказался здесь, в этой комнате. Что было между этим – не помню… Скорее всего – для меня ничего не было. Изучил обстановку и пришел к выводу, что вас выкинули в иную реальность. Заманили через портал?
– Да.
– За кем вы пошли? Они похитили Наську?
– Господи, нет! – выдохнул я. – Утащили Лихачева.
– Тоже жалко, – кивнул Продавец. – Я так понимаю, что у вас союз с Прежним?
– Верно.
Дарина зашевелилась, присела на кровати. Протерла глаза рукой. Я боялся, что она закричит, но она молчала, глядя на массивную фигуру. Потом спросила:
– Это тот самый?
– Его выкинули за нами вслед, – подтвердил я.
– Нет, скорее всего, меня никто не выкидывал! – запротестовал Продавец. – Моя попытка предупредить вас привела к тому, что меня вообще стерли из реальности. Но в этой реальности вы стали для меня чем-то вроде якоря. Точкой возможного воплощения. Скорее всего, я буду вот так вот появляться и исчезать, пока вы окончательно не утратите возможность вернуться – или же, наоборот, не вернетесь в свою реальность. Прежний обещал помочь?
– Да. Предлагает забросить нас к Инсекам, чтобы мы воевали на их стороне…
– Интереснейшее решение, стоит обдумать, – сказал Продавец и замолчал.
Я обнял Дарину, прижал к себе. Она была настоящая, живая, теплая, от нее пахло человеком, и стоящая рядом фигура Продавца сразу начала казаться дурным сном, ночным кошмаром. Дарина молчала, склонив голову мне на грудь.
– Советую принять его план, – произнес Продавец. – Очень рискованно, но хоть какой-то шанс. Или оставайтесь здесь жить. В этом мире Иван человечнее, и сам мир не столь ужасен…
– Вы-то откуда знаете? – спросил я с подозрением.
– Я все это время качаю информацию из сети и спутниковых каналов, – ответил Продавец с обидой.
Ну да, и впрямь. Он ведь тоже «предсингулярная личность».
– Кажется, я сейчас выпаду из реальности, – продолжил Продавец с тревогой. – Ко мне возвращается видение будущего, но лишь на следующие тридцать секунд! Есть еще вопросы?
– Послушайте, вы же наврали про Шредингера? – спросил я.
– Наврал.
– Я так и знал!
– Он проводил эксперимент с котом, – продолжил Продавец. – Ну как Эрвин мог подвергнуть опасности кисок, он ведь так любил женский пол…
И он исчез.
– Какой еще Эрвин? – удивилась Дарина.
– Забудь… – рассеянно ответил я. – Они любят пошутить. Даже в таком вот состоянии… Я в душ.

– Нет уж, подожди. – Дарина спрыгнула с кровати и исчезла в ванной комнате.
Я вздохнул, вытянулся на постели. Посмотрел на Милану. Во сне она скинула одеяло и лежала на боку, спиной ко мне. Как и раньше, Милана носила совершенно символические трусики-танга.
Я отвел взгляд.
Какая у меня все-таки сложная личная жизнь.
Надо как-то отсюда выбираться. Если мы продолжим путешествовать втроем (а разделяться нам никак нельзя), то добром это не кончится.

Я ожидал, что Иван поутру будет свеж и бодр. Ну а что ему, сверхсуществу, какая-то ночная гулянка, пусть даже с излишествами? Я помню, как он себе оторванные конечности отращивал и пулеметный огонь в упор игнорировал!
Но Иван выглядел помятым и невыспавшимся. Поприветствовал нас вялым взмахом руки, жадно глотая апельсиновый сок. Мы подсели к нему за столик, одни в огромном салоне (или как тут на яхтах миллиардеров принято говорить? Ну не столовой же это зовут, не рестораном и не кают-компанией…). Официанты беззвучно сервировали перед нами стол. Окна были раскрыты, воздух чистый, морской… Я смутно вспомнил, как давным-давно, в детстве, мы с родителями катались на яхте… как же это было давно.
– Всем овсянки, – сказал Прежний. – И сока.
– А мне яичницу, – попросил я из упрямства. – С ветчиной и грибами.
– Трюфелей ему туда насыпьте, – посоветовал Иван. – От души так…
Он протянул руку и взял бокал с шампанским, который как-то очень незаметно и ловко подал ему метрдотель.
– Бурная выдалась ночка? – спросил я.
– Я слишком стар для этого дерьма… – пробормотал Иван, в два глотка осушая бокал.
Шампанское поставили и перед нами. Милана пожала плечами и отпила глоток, мы с Дариной не стали.
– Скажите, а зачем вы страдаете от похмелья? – спросила Милана.
– Я нюхал кокаин с голого животика модной молодой актрисы, – сказал Иван саркастически. – Потом пил пятидесятилетний виски… не очень удачный, кстати… Ну и до утра эту актрису мы вместе с модным, хоть и старым режиссером…
Он глянул на Дарину, хмыкнул и взял еще бокал.
– Я не спрашиваю «почему», – сказала Милана спокойно. – Я поняла, что вы занимались развратом в компании юной красивой девушки и мерзкого даже внешне деятеля культуры, а еще жрали наркотики и безжалостно хлестали алкоголь, бутылка которого стоит как спасение жизни больного ребенка. Где-то в перерывах вы двигали, как вам было нужно, большую политику, издевались над гостями, которые старались этого не замечать, и вообще вели себя как свинья. Что вам, в принципе, было противно и неприятно. Но зачем вы теперь страдаете? Вы же можете свой организм разобрать и собрать на ходу.
Иван хмыкнул. Кивнул:
– Могу. Ты задала правильный вопрос, милая. Зачем я страдаю? Я хочу страдать. По нашим меркам я молод, и мне действительно не нравится многое из того, что я делаю. Поэтому я принимаю определенные последствия своих действий. Видимо, часть меня считает это справедливым.
– А те части, что не считают? – спросил я.
– Им все равно, они заняты своими делами, – пробормотал Иван. – Уверен, папочка нашел бы под это дело красивый нравоучительный стих, но позвольте не выпускать его на поверхность…
– Мне очень жаль, – сказала Милана. – Наверное, даже вам можно помочь. Со временем.
– Вот благодарю покорно, – Иван поморщился. – Отправляйтесь назад и помогите моей версии в своем мире. Тут мы как-нибудь сами справимся…
Он взял ложку и стал мрачно хлебать овсянку. Я тоже попробовал чуть-чуть, но овсянка оказалась совершенно диетической, на воде, без соли и сахара, так что я отодвинул тарелку и дождался яичницы.
Самая обычная яичница из трех яиц с тонкими черными пластинками трюфеля, чей запах перебивал все на свете. Я сгреб трюфель к краю тарелки и съел жареные яйца, подбирая желток кусочком хлеба.
Хлеб, кстати, был великолепный, свежий.
– Я все продумал, – вновь принимаясь за шампанское, начал Иван. – Самый правильный вариант – вбросить вас в мир Инсеков. К сожалению, в материнский мир я

прямой проход не открою, но я нашел альтернативу, которая поможет внедриться в ряды Измененных. Очень-очень горячая точка, как на заказ… Тебе понравится, Максим!
Он ухмыльнулся, как человек, придумавший хороший розыгрыш.
– Допустим, внедримся, – сказал я. – И что дальше?
– На ваше усмотрение. Вы можете помогать Инсекам, что вызовет реакцию нашего Высшего, или вредить им, что вызовет реакцию Высшего Инсеков. Вы в любом случае нарушаете тот путь, которым пойдет наш мир, так что, оказавшись в активной точке, начнете эту реальность рвать и отравлять! Стремительно и безжалостно, будто клинок, пробивший парус, или крупинка яда в бокале вина…
Милана подняла бровь и спросила:
– Вы пиратом не были?
– Не довелось, увы. Отравителем был, признаю… Вероятность, что вы станете сильным раздражителем и вами займется Высший, – почти сорок процентов. Далее… ну пятьдесят на пятьдесят, что он предпочтет выбросить вас обратно, а не уничтожить. Хороший план?
– То есть у нас один шанс из пяти? – уточнил я.
– Да! Представляете, как это много в сложившихся обстоятельствах?
Я посмотрел на Ивана и решил, что он прав и даже не издевается. Ответил:
– Спасибо. Даже не знаю, почему вы решили нам помочь. Мне кажется, не только из страха, что здесь появится другой смысл.
– Мне интересна эта ситуация, – пробормотал Иван. – Она настолько неслыханная, что…
Он вдруг поставил бокал и взмахнул рукой.
– Я отправлю вас прямо сейчас. К сожалению… вами начинают активно интересоваться…
Иван сморщился, будто от зубной боли.
Я понял. Я даже не стал ничего уточнять.
Этот Прежний хоть и был сволочью, но человечности в нем осталось побольше, чем в нашем. А вот насчет других Прежних я не был уверен. Я вспомнил Мод, которую смог разорвать на куски, вспомнил увиденный чужими глазами зал, в котором собирались правители нашего мира. Вспомнил все эти рожи – большей частью холеные, аристократические, надменные, вспомнил старушку в бриллиантах, вспомнил Уильяма, Виктора, прочих, известных всем и не известных никому…
– Отправляйте, Иван, – сказал я быстро. – И спасибо… вам и вашему отцу.
Экран вспыхнул рядом со столиком, попавший под него стул развалился на части, и запахло горелым деревом. Одновременно в дальнем углу салона стал формироваться другой портал. Официанты шарахнулись в разные стороны, оказаться рядом с несколькими Прежними (а у меня не было сомнений, кто сейчас сюда прибудет) им не хотелось.
Как и мне.
– Девчонки, ходу! – крикнул я, вскакивая. Схватил за руку Дарину, другой рукой Милану – она чего-то тормозила, – потащил к экрану. Тот наливался знакомым серым свечением.
Мне показалось, что, когда мы вбежали в портал, из второго кто-то начал выходить. Но я не увидел, кто именно. Да и не особо рвался.
В лицо дохнуло жаром – не влажной духотой корабля Инсеков, не горячим солнцем пустыни, а раскаленным металлом, пылающим деревом, смрадом запекающейся органики.
Ноги провалились в пустоту – портал открылся в метре над землей. Я упал, в последнюю секунду успев отпустить девчонок и повернуться боком. Плечо отозвалось болью – где же мои чудесные способности Защитника…
Перед глазами все кружилось и мельтешило, разум никак не готов был к такой резкой смене обстановки. Мы лежали на булыжной мостовой – очень ровной, аккуратной, декоративной, как на вылизанных туристических улочках Европы. Но камень – это все-таки камень… Я сел, морщась, потер левое плечо.
Город, очень похожий на человеческий.
Полыхающий город.
Уже второй раз на моей памяти.
Я узнал его, а может быть, не узнал, а почувствовал. Мне даже название его было незнакомо, я помнил лишь, что остров называется Мидри и это кооперативное государственное образование, созданное в кредит и находящееся в залоге у одной из империй планеты Трисгард… у какой же именно…

Да плевать!
Мы оказались посредине узкой пустынной улочки, засыпанной битым стеклом, – в домах вокруг не осталось ни одного целого окна. Вряд ли выбило осколками или ударной волной, скорее какое-то экзотическое оружие: стекла целиком перемололо в мелкую сверкающую пыль.
Совсем рядом с нами пылал завалившийся на бок автобус. Широкое заднее колесо было пробито, автобус врезался в стену здания и перевернулся. Из автобуса несло горелой плотью.
– Мы на Трисгарде… – прошептал я и посмотрел на Милану. Та сидела, бережно сжимая что-то в руке. – Ничего не чувствуешь?
– Что? – Она оторопело посмотрела на меня. – Не разбилась!
Я только сейчас увидел, что в руках Милана сжимает открытую бутылку шампанского.
– Ты чего? – спросил я.
– Решила, будет смешно… – пробормотала она.
Понятно. В шоковой ситуации люди порой совершают нелепые поступки.
Я взял бутылку и глотнул. Пузырящаяся жидкость смыла с губ вкус яичного желтка. Я вернул шампанское Милане, она очень аккуратно поставила бутылку на мостовую.
Помог встать Дарине, протянул руку Милане, но она поднялась сама.
– Это Трисгард, откуда родом твой смысл, – сказал я. – Не ощущаешь какой-то связи?
Милана покачала головой, озираясь. Спросила:
– Что тут происходит?
Над городом прокатился тонкий визжащий звук, будто исполинская дисковая пила перерезала напополам пару зданий.
– Полагаю, то же самое, что я уже наблюдал, – сказал я и мягко подтолкнул девчонок к ближайшему зданию. – Инсеки и Прежние дерутся за этот мир.
Теперь слова Ивана про «альтернативу», которая «как на заказ», стали понятными. Он действительно отправил нас в самую горячую точку противостояния. Здесь Измененные Инсеков сражаются с гвардейцами Прежних. Здесь они умирают и убивают тысячами (а мирных жителей так просто не считают).
И тут, пожалуй, мы можем затеряться в хаосе, примкнуть к Измененным и…
Что «и»?
Помочь им захватить планету? Или удержать? Под кем она вообще сейчас? Здесь история шла иначе…
А может быть, Иван рассчитывал, что мы выступим против Измененных?
Но нет, он не дурак. Он понимает, что боевые биоформы Прежних нам отвратительны.
Мы вбежали в один из домов. Дверь была распахнута, внутри царила какая-то жуткая, неестественная тишина. Мы оказались в просторной прихожей, с множеством шкафчиков и стульев. Какое-то общественное место?
– Эй… – позвала Милана. Замолчала. Спросила: – Почему так тихо?
Я жестом указал на устройство, закрепленное на стене у дверей, – пятигранную звезду из полированного металла. На лучах звезды были затянутые тонкой серебристой сеткой решетки, из-под которых светило сиреневым.
Видеть устройство раньше мне не доводилось, но в полученной когда-то базе данных оно значилось.
– Это генератор звукового барьера, – сказал я. – Изолирует небольшую зону от шума. Технология низкочастотного эфира.
– Чего? – удивилась Дарина.
– Да я и сам не знаю, не спрашивай… – Я осторожно прошел по комнате, заглянул в соседнюю.
Там обнаружилось множество маленьких треугольных столиков с треугольными тарелками, в которых лежало что-то вроде каши. Еда была нетронута, видимо, ее только успели разложить. Окна тоже вылетели, все запорошено мелкими осколками, а вот яркие картинки на стенах остались чистыми: небо, солнце, дождик, радуга, цветочки и летящие птички, покрытые ярким пушком вместо перьев…
– Тут на шкафчиках какие-то зверюшки нарисованы, – сказала Дарина из прихожей. – Это…
– Местный детский сад, – подтвердил я.
Милана заглянула мне через плечо. Сказала:
– Никого нет… Хорошо. Детей куда-то увели.
– Лучше бы мы нашли отделение полиции, – сказал я. Вошел, подобрал с пола мягкую игрушку – животное вроде жирафа, с коротенькими ножками и длинной шеей. – Погремушками драться неудобно.
– Ты можешь стать Защитником? – спросила Милана.

Я покачал головой.
– Нет. Высший… ну то есть ты… все забрал.
– Ну извини. – Милана прошла по комнате, взяла тарелку и понюхала кашу. – Капустой пахнет… Ты сейчас обычный?
– Быстрее, чем человек, и сильнее. Но даже до первого Призыва не дотягиваю. Если нас схватят Прежние, то с меня толку мало.
– Я могу драться, – попыталась ободрить меня Дарина. – Я не стража, но…
Я даже не стал ничего говорить. На Земле – как же давно это было, скоро уж три месяца как – один-единственный уничтожитель вырезал все Гнездо. Десятки стражей и старших стражей, хранителя и мать – не говоря уже о монахах, жницах и куколках. Да, это было неожиданное нападение, а Гнездо на Земле – тот же детский сад по сути, но никаких шансов в бою у Дарины не будет.
А уж если нападут чистильщики или буги…
– Нам нужно оружие, – решил я. – Пошли отсюда.
Дарина кивнула. А вот Милана осталась стоять, будто вслушиваясь в звенящую тишину.
– Милана? – спросил я.
Она молчала. Потом покачала головой.
– Я… я что-то… чувствую…
Бросив игрушечного жирафа, я поискал взглядом что-нибудь весомее. Увидел кастрюлю с остатками каши, из которой торчал черпак. Вынул его, отряхнул кашу на пол. Черпак был с треугольным ковшом, как положено для всего, имеющего отношение к пище. Это хорошо. Металлический, увесистый и с острой чашей…
– Тут никого нет, – сказала Дарина. – У меня очень хороший слух.
Милана покачала головой. Заговорила, и голос у нее был словно сонный:
– Нет… не звук… он зовет… он рядом…
Она двинулась по комнате, не замечая детских стульчиков, опрокидывая их. Открыла дверь, вошла в следующую комнату.
Это была спальня. Крошечные кроватки, яркое постельное белье.
– Тут никого нет, – сказал я, входя за Миланой.
Но Милана молча подошла к одной из кроватей и осторожно приподняла одеяло.
Под ним, совершенно незаметный ранее, лежал маленький мальчик-тэни. Я знаю, что тэни произошли от существ вроде наших свиней. Но эволюция такая штука, что похожий результат можно получить разными путями. Так что у меня язык бы не повернулся пошутить про поросенка. На кровати лежал ребенок лет трех, розовокожий, с белыми, легкими, будто пух, волосами, в одних трусиках, словно он всерьез собирался спать.
Но он не спал. Лежал и молча, внимательно смотрел на Милану.
Та наклонилась, мальчик обнял ее и оказался у нее на руках.
Вот еще нам проблемы не хватало…
– Надо найти местных и пристроить его, – сказал я. Конечно, девчонок не заставишь бросить ребенка, да я и сам не готов на такое.
Милана повернулась ко мне.
Медленно покачала головой.
И она, и мальчик смотрели на меня каким-то совершенно одинаковым взглядом.
Я вздрогнул, понимая.
И позволил доставшемуся мне когда-то смыслу развернуться и увидеть их связь.
Мальчику было очень страшно, но, когда воспитательница всех уводила, он остался, спрятался – в кровати, под одеялом, в самом надежном укрытии для любого ребенка. Он не мог уйти – то, что было куда больше его, знало о приходе Миланы, кричало внутри и подсказывало каждый шаг. Научило, как отвлечь воспитательниц, как укрыться, утешало и уговаривало ждать.
Поскольку это было важнее всего, важнее его страхов и его жизни. Он не смог бы это сказать и объяснить, он сам этого не понимал. Даже Милана еще до конца не понимала. А до меня уже дошло.
К Милане прижимался маленький тэни, в нашей реальности породивший тот смысл, что достался вначале Измененным, потом мне, а в итоге – ей.
Ну а здесь смысл остался с ним. Непроявившийся, не выловленный технологиями Продавцов. Этот беспомощный малыш – основа Высшего.
Во что же мы ввязались-то на самом деле?

Часть вторая

Глава первая

Маленькие дети все время болтают. Во всяком случае, мне так кажется, я ведь не специалист, братьев и сестер у меня нет, кроме Наськи. Но она вроде приемной сестры и вообще не совсем обычный ребенок.
Этот чужой малыш молчал, мы даже имени его не знали. Сидел на руках у Миланы, временами поглядывал то на меня, то на Дарину. Но ощущение было такое, словно он ни в ком, кроме Миланы, не нуждался. Словно у них шел беззвучный диалог, наподобие общения Измененных через Гнездо.
Милана помогла ему одеться, потом отвела в соседнюю комнату и напоила соком из кувшина. От еды он отказался, Милана не настаивала.
Я хотел было пошутить насчет «включившейся мамочки». Видал я такое, и не раз, когда самые оторванные и хайповые девчонки при виде малыша начинали сюсюкать и возились с ним, позабыв все на свете.
Но тут явно было другое, и я смолчал. Отошел к выбитому окну, оглядел улицу. Тихо. Ну это, допустим, работает шумоподавитель. Пустынно. Трехколесный автобус, мусор, осколки стекол. Несколько столбов дыма в стороне. Потом сквозь неестественную ватную тишину едва-едва пробился звук, будто отголосок далекого взрыва. И в паре улиц от нас над домами полыхнуло.
Бой еще идет. Полиция и армия тэни давно уже были бы подавлены, значит, сражаются Измененные и ровианцы.
Есть у нас выбор?
Нет у нас выбора, даже Иван это понимал. Мы можем принять лишь одну сторону. Присоединиться к Измененным и биться за Инсеков.
Я осмотрел ситуацию со всех сторон и решил, что это может получиться. Измененные, как ни странно, не так уж и много контактировали со своими хозяевами. Те ставили лишь общие задачи, все вопросы решались тактиками, комендантами, инспекторами, прочим начальством. Появление трех странных Измененных их встревожит, но вовсе не обязательно они тут же доложат о нас.
Подошла Дарина, тоже выглянула в окно. Спросила:
– Ты придумал план?
Пожав плечами, я осторожно отвел ее в сторону. Глянул на Милану – та сидела на корточках, держа за руки маленького тэни. Они смотрели друг на друга, глаза в глаза.
– Жуть… – тихо сказала Дарина, тоже покосившись на них.
Когда жница говорит «жуть» – ей можно верить.
– Надо выбираться… – Я едва не сказал «к нашим», но поправился: – К Измененным. Я видел взрыв недалеко, придется рискнуть и пойти туда.
Дарина храбро кивнула.
– Пойду один, – сказал я, косясь в окно. – Разведаю, что и как, вернусь за вами…
Дарина вздрогнула, но ничего не возразила. Да, нам не хотелось расставаться, но это разумное решение, ведь так?
И тут я заметил краем глаза движение на улице. Мягко сдвинул Дарину еще дальше от окна и осторожно выглянул.
Вдалеке, за перевернутым автобусом, появился танцор.
Высокий и тонкий, он напоминал артиста балета, и не рядового, а какого-нибудь прославленного премьера. Обтягивающее тело белое трико добавляло сходства. Рост под два метра, длинные и изящные ноги, почти человеческое лицо – только бледное, застывшее, неподвижное, будто обколотое ботоксом, оно напоминало фарфоровую маску. Людей с такими лицами не бывает.
Ну и рук было многовато. В отличие от уничтожителя, у которого вторая пара рук крепилась где-то на ребрах, все шесть рук танцора шли от усиленного плечевого пояса – одна добавочная пара вытянута вперед, еще одна – назад.
Как он управляется с восемью конечностями – загадка.
Но, как будто этого мало, вокруг танцора кружили, хаотично перемещаясь в разные стороны, мелкие, размером с крысу, твари.

Чистильщик!
Странно, обычно танцоры работают в паре со стельщиками…
Будто откликаясь на мою мысль, за танцором появился и стельщик. Похожий на исполинскую белку-летягу, он неуклюже ковылял по мостовой. С ним одним я, пожалуй, смог бы справиться…
С танцором и чистильщиком – нет.
Я отступил от окна, успев заметить, что танцор останавливается возле каждой двери, а несколько фрагментов чистильщика забегают внутрь – проверяют помещения.
– Надо уходить, – прошептала Дарина.
Да, наверное. Надо было.
Только раньше.
Из этого «садика», похоже, был лишь один выход.
Нас непременно заметят.
А от танцора не убежишь.
Я закрыл глаза. Постарался успокоиться.
Тут есть Измененные.
Они такие же, как в нашем мире.
Даже если в городе нет большой группы Измененных, если тут лишь высадившийся десант или какие-то закрепившиеся в обороне войска – у них должна быть связь с Фортом.
А Форт – это почти как Гнездо.
«Мне нужна помощь», – мысленно позвал я.
Не так, как с Луны, когда я кричал в космическую пустоту, глядя на шар Земли, родной и чужой одновременно.
Я почему-то знал, что здесь так нельзя. Надо иначе.
«Форт, отзовись! Наблюдаю три биоформы Прежних: танцор, чистильщик и стельщик. Нужна помощь для уничтожения гвардейцев».
Несколько мгновений мне казалось, что мой крик уносится в никуда. Что никто меня не услышит и не отзовется. Что не будет мягкой теплой волны, касающейся сознания.
Да, никакой волны я не ощутил.
Это больше походило на порыв ледяного ветра. И если Гнездо «говорило» эмоциями, всплесками настроения, складывающимися в вопросы и ответы, то голос Форта Инсеков оказался совсем другим. Он будто вколачивал в меня… нет, не слова… скорее уж целые образы.
Будто ледяные иероглифы, бьющие в разум.

«
Отсутствие резерва
» – «
неясный источник запроса
» – «
отказано
».

«Я Призванный! – выкрикнул я. А есть ли у них Призванные, поймет ли меня Форт вообще? – Я человек-Измененный. Со мной жница и уникальная особь человека. Со мной очень ценный тэни. Мне нужна помощь!»
Снова порыв ветра.

«
Информация отсутствует
» –
«низкая достоверность»
– «
отказано
».

Я поймал последний порыв, категорическое и жесткое «отказано». Поймал и рванулся вдоль невидимой нити, в ревущий тайфун Форта. Форт вздрогнул и попытался меня отбросить.
Но я был столь же странным для него, как и он для меня.
И у меня оказалось слишком много опыта таких разговоров, чтобы Форт смог закрыться.

Я пробил ледяной барьер – и закружился в вихре из света и ветра. Желто-зеленый свет, принявший форму нитей, шаров и полотнищ, вращающийся вокруг меня, живой и разумный свет.
Не так, как в Гнезде или Форте в моем мире, совсем не так!
Здесь Инсеки не захватили Землю. Здесь Гнезда и Форты построены по другим принципам, по чужой логике.
Я подавил панику.
Это все равно коллективный разум Измененных.
Принявший другую форму, но все-таки человеческий.
Те же самые дети, пусть не с Земли, а с планет Прежних. Похищенные, завербованные, превращенные в Измененных без всяких оснований и отговорок.
Но это люди, и я тоже человек.
– Я Максим! – выкрикнул я в кружащие вокруг сполохи света. – Я был призван, я Защитник! Я помогал вашим, помогите же и вы мне!
Светящиеся вихри свивались в спирали и кольца.
Потом я услышал голос.
Неуверенный, тонкий, то ли девичий, то ли мальчишеский. Запинающийся, говорящий на каком-то восточном языке, которого я не знал, но сейчас почему-то понимал.
– Кто ты? О тебе нет информации! Возможность Призыва не использовалась в реальности!
– Я из другой реальности! – крикнул я.
Свет засиял ярче, потускнел, кольца огня закружились вокруг. И уже другие голоса зашептали:
– Он не обманывает…
– Или думает, что говорит правду…
– Это могут быть Прежние…
– Нет, нет, нет…
Я ждал, а вокруг меня возникали и гасли вихри и всполохи, туманности и звезды. Будто я в исполинском мозгу, среди нейронов, по которым прыгают искры электрических потенциалов…
– Мы не можем помочь…
Вернулся тонкий голосок, заговоривший первым:
– Ты можешь быть прав, но у нас нет возможности помочь. Мы отступаем. Прежние закрепились, нам не удержать планету. Прежние откроют портал на Ровиан через тридцать семь минут, плюс-минус две. Тактик отдал приказ отступать.
– Мы определили, где ты находишься, это рядом с открывающимся порталом. Нам не пробиться. – Этот голос был мужской, взрослый. – Очень жаль, мы бы хотели получить информацию.
– Можем нанести энергетический удар по точке твоего нахождения, – вернулся тонкий голос. – Вы погибнете быстро и без мучений.
Точно так же, как они понимали, что я не вру, так и я понимал, что Форт говорит правду.
Измененные отступали. Трисгард и в этой реальности был под их контролем, но они не смогли его удержать. Гвардейцы откроют портал и захватят планету.
Или…
– Мне не нужна материальная помощь, – сказал я. – Мне нужен Призыв.
– Ты уже призван, – напомнил тонкий голосок.
– И что с того? – спросил я. – Призовите меня снова.
– Это будет второй Призыв, а второй Призыв это… – Светящееся облако подплыло ко мне.
– Это будет третий, – ответил я.
И все стихло.
Вихри света перестали кружиться и померкли.
Потом сквозь сияние проступила фигура, будто свет уплотнился и обрел форму, – невысокая смуглая девушка в цветастом платье. Заглянула мне в глаза. И сказала, строго и укоризненно:
– Так нельзя. Это не получится.
– А вы попробуйте, – попросил я.
– Третий Призыв не пройдет, – повторила девушка, внятно, как для ребенка.
Улыбнулась: – После второго изменять в тебе уже нечего.
– Высший стер во мне все, что дал второй Призыв, – пояснил я. – И большую часть первого.
Во мне нарастало какое-то свирепое веселье, и девушка перестала улыбаться.

– Высший? – спросила она.
– Да.
– Стер? – удивилась она.
Я пожал плечами.
Девушка невесомо коснулась кончиками пальцев моей руки. Постояла так, размышляя.
– Не знаю, что из этого выйдет, – сказала она.
– Давайте попробуем? – предложил я. – Если получится, то я попытаюсь разрушить портал.
– А если нет, то ты умрешь.
Я потянулся к девушке – и обнаружил, что она нематериальна, моя рука прошла сквозь ее плечо. Понятно, что в виртуальном пространстве Форта все лишь кажется настоящим, но эта Измененная была чем-то вроде голограммы в виртуальности, наподобие Инсека, когда тот являлся через экраны. Но я все-таки наклонился к ее уху и прошептал:
– Я и так умру, если не попытаюсь.
Девушка размышляла – и одновременно таяла, расплывалась пятнами цветного света, будто мое касание разрушило какую-то пленку, удерживающую иллюзию.
– Ты должен будешь нам все рассказать, – потребовала она с капризной ноткой. – Если выживешь. И разрушить портал. Обещай!
– Попробую, – кивнул я.
Пространство Форта полыхнуло белым светом – и меня вышвырнуло вон.
А вслед неслись, вколачиваясь в разум, ледяные слова-символы.

«Ты» – «призван» – «нами» – «исполни» – «долг».

Я открыл глаза и понял, что сижу на полу, прислонившись к стене. Дарина трясла меня за плечи. Было по-прежнему тихо, значит, танцор с эскортом еще не добрались до нас.
– Норм, – сказал я, глядя в перепуганные глаза Дарины. – Я докричался до Форта.
– Они помогут?
– Уже помогли… надеюсь… – Я встал. Прислушался к своим ощущениям.
Вроде бы ничего не изменилось. Сердце стучало в груди слева, не возникло ни второго, ни третьего. Я коротко размахнулся и ударил рукой по стене – кулак отозвался болью, стена устояла.
Они меня призвали или нет?
Неужели ничего не получилось?
– Ты попросил Призыв… – прошептала Дарина.
– Да, но я не чувствую…
Я помнил, может быть, даже слишком хорошо, как сработал второй Призыв. Мучительную боль, наполнявшую тело. Исказившийся мир, когда зрение начинало меняться, и я видел все, от тепла и рентгеновских лучей до ультразвука и движения электронов в проводах. Тянущее ощущение в кистях, когда запястные железы генерировали силовое поле.
Ничего не было.
– Надо уходить, – сказал я. Подошел к окну, глянул вдоль улицы. Танцор со стаей «тюменских мышей» подходил к дому, где мы укрылись.
– Милана! – Дарина выбежала в соседнюю комнату, схватила подругу за руку, потянула за собой. Милана подняла на нее затуманенный взгляд. Встала, подхватив малыша тэни в охапку, пошла за Дариной.
– Выберетесь через окно, – сказал я. – Как только они войдут. И убегайте от центра города!
Я махнул рукой, указывая направление.
Дарина замотала головой. Милана все так же задумчиво смотрела на меня. Ребенок засунул в рот палец и увлеченно его сосал.
– Там открывается портал, – кивнул я в направлении центра. – В парке, рядом с памятником Соразмерности, километр триста метров от нас, до открытия тридцать две минуты. Гвардейцы оттесняют Измененных, те уходят. Десантные боты ждут на окраине, у разрушенной эфирной фабрики…
Я замолчал.
Откуда я это знаю?
Все эти памятники, фабрики… минуты и километры…
Что-то изменилось.
Что-то кипело во мне, менялось, но не так, как я привык.

Все иначе.
Я чувствовал бушующую энергию, но будто придавленную крышкой. Ядерный реактор, в который опущены замедляющие стержни. Широкая река, перегороженная плотиной.
Образы, только образы. Неясные тени того, что со мной происходит. Попытка разума осмыслить то, что не предназначено для человеческого сознания.
– Мы не уйдем, – просто сказала Дарина. Встряхнула руками – из пальцев выдвинулись короткие когти. Жница посмотрела на них с удивлением, словно не ожидала, что это получится.
– Мы тебя не бросим, – произнесла Милана.
Я застонал, осознавая, что мне их не переспорить.
А еще ужаснее было понимать, что Форт все-таки дал мне третий Призыв. Но он не сработал.
Девушка из Форта не зря спросила: «Стер?» – с таким недоверием.
Ничего Высший не стирал.
Заблокировал. Наглухо.
Оставил какие-то крохи, обрывки.
Я не смогу принять третий Призыв.
Из соседней комнаты донесся шелестящий звук, шепот маленьких лапок, когда несколько фрагментов чистильщика вбежали внутрь.
Вбежали и замерли.
Потом послышался писк, радостный и возбужденный. Чистильщик почуял добычу.
– Бегите! – выкрикнул я, уже не таясь. Схватил Милану за плечи и потряс. – Бегите!
Послышался новый звук, быстрый, словно что-то стремительное ворвалось в помещение.
В следующий миг случилось все сразу.
Дарина шагнула к дверям, слегка наклоняясь в боевой стойке жниц. Взгляд Миланы прояснился, будто она очнулась от забытья.
А маленький тэни вынул палец изо рта, протянул руку и прикоснулся к моему лбу.
Плотина во мне хрустнула и раскололась.
Мир застыл и утратил цвета.
Стал черно-белым, как рисунок в книжке.
Утратил объем.
Превратился в двумерную схему, где двигался только я.
Я потянулся к Дарине, Милане и мальчику тэни. Его звали Карир, ему было три с половиной года, и в нем пылал непроявившийся смысл.
Мысленно я склонил голову и пообещал, что все мои действия временны и вынужденны.
Потом вобрал Дарину, Милану и Карира в схему своего существования.
И вышел в реальный мир.
Девчонки исчезли, и мальчик исчез.
Я стоял, глотая воздух, скорее по привычке, потому что в дыхании не было никакой необходимости.
Второй Призыв – это было очень круто. Почти на грани предсингулярной личности, близко к силам Прежних и Инсеков.
Как лихо я сражался с гвардейцами в этом самом городе…
Но теперь я не просто я.
Нас стало больше.
В дверях возникает танцор. Он появляется так быстро, словно материализуется из воздуха. Неподвижное белое лицо с застывшими в полуулыбке тонкими чертами поворачивается ко мне.
Я-мы смотрю на танцора и скапливающихся за ним «тюменских мышей».
Передние и боковые руки танцора протягиваются к нам. Из кончиков пальцев выхлестываются тонкие, будто стилеты, силовые лезвия.
Потом танцор перемещается к нам, вращаясь в стремительном фуэте. Все шесть рук ударяют по нам, лезвия пронзают тело, танцор замедляется и останавливается, выжидая.
Я-мы перевожу взгляд на чистильщика.
Две женские ДНК, краб и опоссум. Господи, зачем опоссум-то? Чтобы откуда-то взять мех? Краб – понятно, краб отвечает за короткие клешни у рта. Удивительно мерзкая биоформа.
Фрагменты чистильщика трясутся и превращаются в белую слизь.

– Kuka sinä olet?
[17]
– спрашивает танцор. У него чуть-чуть шевелятся губы, как у хорошей куклы.

Почему-то я-мы раньше не думал, что он умеет говорить – нормально, ртом, как люди. Хотя почему бы и нет?
Этот язык снова мне-нам незнаком, но это не мешает.

– Melkein ainutlaatuinen persoonallisuus
[18]
, – отвечаю я-мы, потому что любой вопрос заслуживает ответа.

Подхожу к танцору и обнимаю его, краем сознания ощущая, как силовые лезвия беспомощно пронзают мое тело.
Танцор сминается, как надувная кукла, из которой выпустили воздух. И падает на пол двумя обнаженными телами, покрытыми клочьями слизи и сгустками крови. Девушка и парень. Странно, я-мы думал, их будет трое…
Ах, да!
Считать надо по общему количеству конечностей! Вот как они управляются.
Парень хнычет, прижимая ладони к лицу. Девушка вздрагивает, молчит, молотит воздух руками и ногами.
«Не убивай их», – просит Милана.
«Скорее всего, их убьет нервный шок», – говорит Дарина.
Карир молчит. Но где-то в своем плане существования он тоже просит не убивать.
Я-мы перешагиваю через тела и иду к дверям. Остатки чистильщика хлюпают под ногами. В двери вваливается стельщик, мгновенно оценивает происходящее и топчется, неуклюже разворачиваясь.
Мимолетно подумав, что вампироподобные биоформы не имеют права существовать, я-мы превращаю его в пар и прохожу насквозь.
«Мне немного их жалко», – говорит Милана.
«Не думай, что мы неуязвимы», – отвечает Дарина.
«Твой смысл – он же в любви и понимании, – говорю я. – Ты знаешь, что нам придется сделать. Уверена, что мы сохраним целостность?»
«Не путай любовь и глупость, – возражает Милана. – Иди, я покажу».
Я-мы двигаюсь по улице – в сторону портала. Я-мы уже чувствую потоки энергии, собирающиеся на грани пространства, чтобы открыть огромный проход к Ровиану.
«Сверни направо», – просит Милана.
Я-мы поворачиваю в узкий переулок.
И вижу тела.
Два взрослых и одиннадцать детских.
Воспитатели уводили детей из детского сада, но им встретился панцер. Эта биоформа не питается органикой, но любит ее уничтожать.
«Любовь и понимание, – говорит Милана. – Может, и так. Но я не люблю то, что нельзя понять».
Я-мы знаю, что она каким-то образом блокирует Карира, словно заслоняет ему глаза ладонью. Но все равно отворачиваюсь и иду дальше к порталу.
Да, мир стал другим, совсем другим, и мне еще придется разбираться с этим.
Теперь я-мы слышу Форт – ледяные ветра-символы, несущиеся над городом. Чувствую каждую биоформу врагов.
И ощущаю два раскаленных пятна, пылающие возле портала. Я-мы не могу их разглядеть, это словно смотреть на сварку, но я знаю, что они такое.
«Кто ты?» – доносится от одного из огней.
Я-мы узнаю этот голос.
«А как ты думаешь, Мод?»
Пауза.
«Высший? Ты не вправе вмешиваться, мы не нарушаем правил!»
«Мы не Высший, – отвечаю я-мы. – Мы человек в предсингулярной форме».
«Невозможно, – отзывается Мод. – Но если это так, то у нас есть основание для переговоров».
Несколько секунд я-мы обдумываем сказанное.
С достоверностью, близкой к абсолютной, Мод собирается тянуть время.
«Основания для переговоров нет, – отвечаю я-мы. – Мы идем вас убивать».

Глава вторая

Давайте я вам объясню.
Или хотя бы попробую объяснить, потому что это почти так же сложно, как рассказывать про цвета слепому или про звуки глухому. Я знаю, что люди способны так или иначе понимать абстрактные вещи, которые не воспринимают своими органами чувств, ну или заменять одни каналы информации другими. Один мой знакомый, у него абсолютный музыкальный слух, говорил, что он слышит звуки цветными.
Представляете?
Слышит – цветными!
Приятель сказал тогда, что это нельзя понять, если сам не испытывал, что это такое редкое состояние психики, почти болезнь – «синестезия».
Ну или как у физиков, которые говорят про цветные кварки или про аромат кварков, хотя кто смог бы увидеть или понюхать кварк?
Я, кстати, теперь мог. Но не советую, кварки и пахнут мерзко, и вид у них неприятный.
Когда маленький тэни Карир ткнул меня в лоб слюнявым пальчиком, произошло все и сразу.
Наложенный Высшим блок исчез – потому что в Карире и Высшем был один и тот же смысл. Они не братья и не близнецы, они – единое целое, разнесенное в разные Вселенные.
Сам Карир ничего не мог создать, вся возможность его взросления, осознания смысла, да что там – выживания, была близка к нулю. Но его касание сняло все запреты, наложенные на меня Высшим.
Почему? Я не знал.
Но третий Призыв, которого не могло быть, сработал. Причем совершенно неожиданно.
Первый затронул лишь клетки моего тела, перебрал их, улучшил, добавил функции, которых нет у людей.
Второй вторгся куда глубже. Теперь-то я понимал, что лишь внешне оставался человеком, но изменился на молекулярном уровне. Причем изменился куда сильнее, чем предполагал. Все мои ядовитые клыки, пищеварительная система, переваривающая дерево и кости, биологические аккумуляторы и генераторы силового поля были не более чем мишурой, оберткой и маскировкой. А внутри каждой клетки, записанная в кольцевых РНК, дремала информация, про которую я не знал.
Третий Призыв, когда Карир снял блок, пробудил этот спящий информационный пакет.
И дальше произошло то, о чем, я был уверен, создавшие Измененных Инсеки не подозревали.
Активировались структуры второго Призыва, но лишь частично. Я не отращивал новых органов, новому мне это было не нужно, как оглобли не нужны автомобилю. Но в доли секунды мой организм выжал из себя всю имеющуюся энергию – и переключился на новый источник, скрытый в размерности мироздания.
Проще говоря, из трех измерений одно исчезло, а я стал проекцией на два других, существуя за счет перепада потенциалов. Дальше было проще, обладая огромной энергетической мощью, я перевел в проекцию девчонок и Карира, совместил наши тела – это очень просто, когда оперируешь всего двумя измерениями, – и снова вышел в трехмерность.
Ну, большей частью.
Как вам, стало что-то понятно?
Сомневаюсь.
Тогда представьте себе компьютерную игру.
Тысячи и миллионы человеко-часов работы. Гигабайты кода, упакованные в крошечную флешку. Вы вставляете ее в компьютер, что-то происходит, игра разворачивается, запускается…
И вот перед вами экран. Вы можете бегать, прыгать, летать. Вы не знаете, как именно касание кнопок и наклон джойстика приводят к нужным действиям, вы лишь знаете, какими они будут. Не вы писали код, вы – пользователь перед «интуитивно понятным» интерфейсом. Вы даже не заглядываете в инструкцию, если это не станет очевидно необходимым. И вы не единственный игрок, вы в команде и понимаете, как будут действовать ваши напарники, что им можно поручить и в какой ситуации…
Это тоже очень примерная аналогия, но она ближе к тому, что произошло.

Я совершил переход в новое состояние не раздумывая, информационный пакет дал мне знания с той же легкостью, с какой Гнездо обучает куколок. Все шло словно на рефлексах, а сознание осталось мое, только дополненное разумами Миланы, Дарины и Карира. С разумом маленького тэни было проще, с девчонками, особенно с Миланой, сложнее – внутри Миланы угадывалось что-то вроде бездонной пропасти, жуткой и притягательной одновременно.
Самое странное и даже страшное было в том, что мы теперь думаем по отдельности и вместе. Одновременно.
И делим воспоминания на троих.
Причем воспоминания стали ясными и четкими, казалось, легкое усилие – и провалишься в прошлое.
Неловкости больше нет места. Мы сами по себе – и вместе.
Я скольжу по сознанию Миланы, зачарованно разглядывая картинки из ее прошлого. И я не один, я вместе с Миланой, Дариной и – совсем чуть-чуть – с Кариром.
* * *

… – Дай. – Я забрала у Лары сигарету, затянулась.

Дым был горький и противный. Я курила пару раз, но там сигареты были тонкие и с ментолом. Я вернула сигарету и сплюнула.

Мы с Ларой сидели за гаражами у ее дома. В узком проходе между ржавыми железными коробками гаражей и серым бетонным забором на раскисшую землю были набросаны доски, грязные, но крепкие. На досках стояли пластиковые ящики, спертые из овощного магазина. В маленьком детском ведерке набросаны окурки и какой-то мелкий мусор.

Сюда приходили подростки со всех окрестных дворов: покурить (кому запрещали), побухать (порой даже взрослые), ну и пообжиматься. Говорят, тут и трахались тоже, но мне хотелось верить, что это не так. Ну… как-то уныло, безыдейно – прислонившись к грязному бетону, стоя на скрипящих досках. Мне казалось, что так нельзя.

Хотя, может, я не права. Мне пятнадцать, и у меня еще никого не было по-настоящему. Может, чего-то не понимаю…

Внизу живота вдруг сладко потянуло, и я подумала, что, может быть, и начинаю понимать. Думать о сексе было и приятно, и страшновато одновременно.

– Хочу в Архангельск, – сказала Лара задумчиво. – Там жизнь. Там веселее. Надоела наша дыра.

– А я в Москву хочу, – ответила я из принципа, чтобы не повторяться. Хотя вообще-то я думала про Северный медицинский университет в Архангельске. Мне нравились биология и медицина.

– Дура, ты же умная, – произнесла Лара непоследовательно. – Ты можешь на медаль закончить. Ты спортом занимаешься, книжки читаешь. Имя у тебя красивое – Милана! Это мне Москва не светит, если какого-нибудь папика не подцеплю. Но вряд ли…

Она забычковала сигарету, задумчиво добавила:

– Вот если забеременеть от богатенького москвича, а потом сказать, что несовершеннолетняя, и пригрозить в полицию сдать – то можно попробовать. На Вычегду и Вашку приезжают рыбачить такие – все из себя и без телок. Устроиться там работать… Я на восемнадцать выгляжу?

– Нет, – я покачала головой.

– Жаль, – вздохнула Лара. – Да и мужик пуганый пошел, возраст проверяют. Нет, Архангельск – мой потолок. До Москвы мне как до Кольца…

Мы дружно покосились вверх, на плывущие в небе каменные обломки.

– Может, мы вообще школу не закончим, – предположила я. – Рухнет на голову вся эта хрень.

– По телеку говорят, что не рухнет, – ответила Лара. – Хотела бы я там побывать. На Селене или Диане.

Меня даже передернуло от этих слов.

– На фиг! Жуть какая…

Я знаю, что Лара была лучшей школьной подругой меня-Миланы.
Она поступила в техникум в Архангельске.
А потом все-таки подцепила богатого папика! Только не из Москвы, из Питера. И даже не любовницей стала, он на ней женился, а она ему родила дочку. Так что у Лары все хорошо, и меня-нас это радовало. Мы обменялись этой радостью за Лару, которая боялась будущего, но будущее ее не обидело…
Само или потому, что она была рядом с Миланой?
Я не знаю, и Милана не знает.
Мы скользим в нашей общей памяти, словно неторопливые большие рыбы в глубинах вод.

…Дома высокие, дорога широченная, велосипед трехколесный, потому что быстро ездит то, у чего три колеса, я маленький, но знаю.

Я кручу педали и смеюсь.

Мама хмурится, она боится за меня, отец улыбается, но он тоже встревожен.

А еще они ругались весь вечер, когда думали, что я сплю.

Я не знаю, почему.

Но я знаю, что все будет хорошо.

Это знание внутри меня. Оно рвется наружу.

Я знаю, как все сделать хорошо.

Для всех.

Почему-то все думают, что так не бывает, а я знаю, что может быть.

Я останавливаю велосипед, надо нажать на ручку – вот так. Ручка с четырьмя гранями, четыре – это остановка, это знают все, и я тоже знаю. Мир полон загадочных правил, но главное правило во мне, и его еще не знает никто.

Я протягиваю руки и касаюсь мамы и папы.

Смотрю им в глаза.

Знание внутри меня не может открыться в полную силу. Не знаю, почему. Но оно все же есть, и в глазах мамы и папы загорается свет.

Они не будут ругаться и бояться до…

Нет, я не стану думать об этом.

Знание во мне затихает, и я снова жму на педали.

Мама и папа смеются.

Я знаю, что мир изменится через два дня. Откуда? Не знаю.

Но ведь два дня – это целая вечность!

И я качу по широченной дороге…

Я отступаю от сознания Карира, в котором бьется нераскрывшийся смысл. Я не могу его постичь, даже Милана не может, надо стать Высшим, чтобы воспринять его в полной мере.
А значит, чудо не случится сразу.
Высший не остановит Прежних и Инсеков в один миг.
Ему надо возникнуть, пройти все этапы эволюции, чтобы потом изменить Галактику. И на этом пути ему будут мешать – все те, чьи смыслы противоположны, все те, кто не верит и боится, кто не знает, что хорошо может быть для всех. Карир понимает, что придется делать, и он боится, это входит в противоречие с его смыслом.
Милана обнимает его – в двумерном пространстве, в котором они спрятаны. И они погружаются в сонный спокойный транс, одновременно оставаясь со мной.
А я сливаюсь с Дариной.

…Комната пылает, она как раскаленная печь, стекла дрожат, в них отблески огня, и я понимаю, что сейчас они лопнут и пламя выхлестнется на маленький открытый балкон, «покурильничек», как называет его папа. Отец не курит, разве что иногда, с

друзьями, и тогда мама выгоняет их на балкон. А сейчас дом горит, и мама… нет… нет…

Отец стоит, опершись о перила, и смотрит вниз. Только что было самое страшное, Ростик перелез через перила, что-то шептал отцу, а тот качал головой и о чем-то умолял, и брат с криком прыгнул вниз…

– Даринка… – говорит отец, повернувшись. Лицо его кажется красным от отблесков огня. – Все хорошо. Ты закроешь глаза, хорошо? Я тебя подниму и кину. В кусты. Как братца Кролика. Ты немножечко ушибешься, но немножечко. Хорошо?

Я плачу и обнимаю отца.

Я знаю, что мы высоко.

От стекол пышет жаром.

Я не маленькая. Я понимаю, что, когда стекла лопнут, нас сожжет в один миг.

Я пытаюсь повернуть голову и посмотреть вниз. Но отец не дает.

Это значит, что брат прыгнул плохо.

Это значит, что Ростика больше нет.

У нас такой дурацкий дом, наш балкон торчит под самой крышей, рядом нет других балконов и на крышу не залезть, я даже боялась сюда выходить, и когда папа с друзьями выходил, волновалась за них.

А мама говорила, что нужно поставить на балконе лебедку или положить веревку. На случай пожара. И отец всегда говорил, что это хорошая идея.

Но так и не поставил и не положил.

– Закрой глаза, Даринка… – шепчет мне в ухо отец. Целует.

Я закрываю глаза, он поднимает меня на руки. Я чувствую, как он напрягается. Он хочет кинуть меня далеко-далеко, до мягкой клумбы и кустов, как Волк кидал братца Кролика…

Мне страшно, а когда мне страшно, я не закрываю глаза. Но отец велел закрыть, и я закрыла.

Толчок сильный.

И наступает невесомость.

Это я падаю.

Мне очень страшно!

Я вспоминаю, как вчера Ростик пришел из школы, и он был такой веселый, и все в мире было еще хорошо. С ним забежал его одноклассник, Макс, красивый парень, он мне немножко нравится. Макс подмигнул мне, а я так смутилась, что высунула язык, словно детсадовка…

Вспоминать Ростика слишком больно.

И я думаю про Макса.

Вокруг меня пустота и невесомость, я все падаю и падаю, мне очень страшно…

И я думаю про Макса…

Я-мы обнимаем Дарину, укачиваем, прижимаем к себе. Все, включая Карира. Ему тоже очень страшно и очень жалко.
«Прости меня, – говорю я Дарине. – Прости, прости, прости…»
И показываю, за что прошу прощения.
Показываю, как мы с Миланой стоим голые в душевой кабине. На Селене, в корабле Инсека. Как мы целуемся…
«Прости», – шепчет Милана.
«Я знаю, – отвечает Дарина. – Я бы тебя тоже соблазнила. Прости меня…»
И я вновь оказываюсь в ее сознании.
В теплом, влажном, мягком Гнезде.

…Я смотрю на Максима. Мне очень стыдно за то, что я сделала, и еще больше за то, что сделаю сейчас.

Я уже его призвала.

Да, я испугалась, но Призыв навсегда испортит его жизнь. У него не будет детей, а воспоминания о Гнезде и контакте с общим разумом отравят его до конца его дней.

Ему и без того будет плохо. Я еще могу его отпустить… но он мне нужен, мне нужно защитить себя и Наську, мне надо возродить Гнездо. Я не могу общаться с Гнездом полноценно, и Гнездо не в силах рассказать мне, что произошло. Я вижу лишь смутные образы врага, смертоносного и безжалостного.

А значит, мне нужен Максим. Весь целиком.

Я должна сделать так, чтобы у него даже мысли не возникло уйти.

Чтобы он исполнил все, что может, – и еще больше.

– Я пока очень похожа на человека, – говорю я. – Жницы недалеко уходят по пути изменений. Если я стану хранителем, то все будет иначе… Максим, я вызываю у тебя отвращение?

– Нет, – говорит Макс охрипшим голосом.

– Мне вчера показалось, когда ты меня обнимал…

– Тебе не показалось.

– Максим, это у меня первый и последний раз, наверное. Если… если я тебе не противна…

Встаю, глядя в пол. Максим подходит ко мне. Я слышу, как колотится его сердце, учащается дыхание, ощущаю запах гормонов. Я не человек, я только выгляжу похоже. Мои пальцы теребят поясок халата.

– Может, меня кто-то посчитает… психом, – отвечает Макс. – Но ты мне нравишься.

Я сбрасываю халат.

Пальцы Максима касаются моего лица. Он целует меня, и я отвечаю, неумело, но старательно. И мне это нравится.

Он действительно мне нравится, и от этого хочется рыдать.

– Открой глаза, – говорит Макс.

Мотаю головой.

– Не бойся, – говорит Макс. – Я хочу их видеть.

Это как раз то, что ему видеть не следует.

Но я жница, и у меня есть долг.

Он мне нравится, нравится, да. Но я должна сделать больше. Я должна его в себя влюбить. Начисто, до безумия. Чтобы он пошел до конца, ведь Призыв – это еще не приказ…

Я поднимаю взгляд на Макса.

Глаза – зеркало души. Ну а если серьезнее, то глаза – это тот кусочек мозга, который опасливо выглядывает наружу из тела.

Измененные не способны к телепатии. Через Гнездо мы можем обмениваться эмоциями, несущими в себе информацию. Но кое на что мы способны и сами по себе.

Стражи способны проецировать страх и угнетать волю врага. Беззащитные монахи – вызывать дружелюбие и симпатию.

Мы, жницы, в первую очередь – учителя. Мы умеем порождать интерес и любовь. Ну да, это для куколок. Но разница невелика.

Смотрю в глаза Максима. Знаю, что сейчас мои глаза начинают мерцать сиреневым светом.

Я проецирую в его разум любовь.

И слишком поздно понимаю, что в этом не было нужды.

Глаза – это зеркало…

Что это было? Я открылась, и он влюбил меня в себя? Или меня ударило моим собственным отраженным приказом любить?

Мне стыдно, стыдно, стыдно!

Я рыдаю, а Макс целует меня, и я целую его в ответ, я не могу его не целовать, я люблю его… и я заставила его полюбить меня…

Что я наделала?

Как мне теперь с этим жить?..

Я обнимаю Дарину – в тех искаженных пространствах, где спрятаны материя и энергия наших тел.
Милана и Карир отступают, они знают, что сейчас нам надо быть вдвоем.
Я-мы просто стоим в белом сиянии, в виртуальной среде, которую я-мы создали для этого. Но все как настоящее. И наши нагие тела, и соединившиеся руки, и слезы на глазах Дарины.
Делаю усилие и максимально отсоединяю свой разум, чтобы говорить от имени Максима.
– Дарина… ничего ты со мной не сделала…
Она поднимает глаза. Это почти как тогда, в Гнезде…
– Я тебя раньше полюбил, – говорю я и улыбаюсь.
– Когда? – спрашивает она с подозрением.
Пожимаю плечами. Я не могу это сформулировать, это произошло не в один миг. Очень быстро, но все же…
Мы стоим обнявшись.
Потом Дарина вздыхает.

И говорит:
– Надо возвращаться. Приближаются гвардейцы.
– Это не страшно, – отвечаю я.
– Конечно. Но там двое Прежних, они хотят прощупать нас и определить границы возможностей.
– Значит, придется уничтожить гвардейцев по старинке, – отвечаю я.
– Но потом будут двое Прежних. Даже если мы равны им, их двое.
– Мы сильнее, – отвечаю я. – И я уже сражался с ними. Я знаю их слабые места. А с нами еще никто не сражался.
Дарина кивает.
Время вокруг течет очень, очень медленно. Но время кончается, я не Высший, чтобы им управлять.
Мое биологическое тело идет по улице, его окружают.
– Я буду помогать, – говорит Дарина. – У меня есть базовый боевой курс. Но Милана и ребенок помочь не смогут, их смысл в любви… или чем-то похожем…
– О, ты не представляешь, какой смертоносной может быть любовь, – возражаю я.
И мы соединяемся воедино, все четверо.
Обмениваемся короткими ободряющими касаниями.
Я-мы выходим на физический уровень бытия.
С каждой секундой я-мы все лучше понимаем, на что способны.
Но пока мне придется это скрывать.
Я-мы вижу выходящих навстречу по улице гвардейцев. Это сборная солянка, кого тут только нет. Но основная масса ровианцев подступает сзади и через здания.
Я-мы улыбаемся.
И превращаем свое тело в тело Защитника. Гораздо медленнее, чем могли бы, зато впечатляюще – я-мы рычим, вскидываем руки, вытягиваемся, на нас трещит и разрывается одежда…
Я-мы не переборщили?
В нас три с лишним метра роста!
Но ничего. Пусть Прежние считают, что мы лишь какая-то продвинутая версия Призванного.
Я-мы колотим себя в грудь, словно Кинг-Конг. Это идея Миланы, и она смеется.
Навстречу мне неуклюже бегут панцеры, я-мы бежим навстречу.
И начинаем убивать.

Глава третья

Я больше не я-мы. Я – просто я, четыре личности слились в одну. У меня нет времени, чтобы разделять сознания.
У меня есть преимущество перед Мод и вторым Прежним – они не понимают, кто я такой. Люди были заготовкой для гвардейцев и Слуг, резервуаром для случайных мутаций и нечастого притока Кандидатов. Люди не планировались для сингулярности, как овец не готовят для поступления в университет.
И теперь Прежние пытаются понять, что я могу.
На бегу я анализирую все, что сказал Мод. Прав ли я был, обозначив себя как предсингулярную личность? Может быть, стоило назваться Защитником, понизив свои возможности? Или заявить, что я – Высший, и заставить их отступить?
Нет.
Все верно.
Они не поверят в любом случае, ведь они никогда не сказали бы правды.
Они стали бы проверять меня, прежде чем принять решение.
…Панцеры впереди уже модифицировались в три основные боевые формы. Несколько из них стали угловатыми черепахами со сложенными из кубиков спинами, прямоугольниками ножек и конусовидными головами. Основная масса похожа на громоздких неуклюжих людей. Кубики их тел скользят друг по другу, перетекают с места на место. Я знаю, что каждый такой кубик, размером с человеческую голову, способен функционировать самостоятельно и нуждается в индивидуальном поражении.
Но единственный, кто меня беспокоит, – это гигантский панцер, сложившийся из нескольких особей. Он тоже выглядит как гуманоид, но ростом даже выше меня. Великан-огр из детских сказок, способный заглянуть в окна второго этажа…

Вспоминаю раздавленные тела в переулке, чтобы не позволить себе даже тени сомнения, даже капли жалости.
И понимаю, что это лишнее, – никакой жалости нет.
Я выпускаю силовые лезвия из пальцев, как сделал бы танцор. И начинаю движение среди своих могучих врагов. Меня успевают задеть пару раз, удары болезненны, но я их пропускаю – пусть верят, что могут победить. Пробегаю сквозь атакующие порядки, в какой-то миг падаю и качусь среди панцеров-черепах. Встаю перед огром, даже не оглядываясь. Я знаю, что за мной истекают биогелем рассыпавшиеся кремниевые кубики.
Огр взмахивает руками – те удлиняются, кубики из тела перетекают в них, огр трансформируется на ходу. Я улавливаю силовые поля, исходящие из ладоней. Ого! Первый панцер на моей памяти, который способен так оперировать энергией.
Приседаю, ухожу от удара – над головой гулко сталкиваются две невидимые плоскости. И прыгаю вперед, на панцера, сжимаясь в комок. Силовые лезвия выстреливают из пальцев, я вращаюсь, вонзаясь в огра шипастым ядром, прохожу насквозь в крошеве и брызгах.
Разворачиваюсь и бью по падающему телу, пронзая каждый кубик.
Улица выглядит так, словно на ней рассыпали детский конструктор для великанов, а потом полили чем-то липким и вонючим.
Я иду дальше, навстречу поющим сиренам.
Очень красивые женщины. Голые, с длинными волосами. Сиськи зачетные. Все остальное, увы, отсутствует – ниже пояса у сирены «хвост», изящное щупальце-нога, на которой она вполне ловко передвигается по суше.
Зачем Прежние так уродуют своих гвардейцев? Могли бы и оставить две ноги, а не превращать сирен во вставших на дыбы пиявок.
Сирены поют, их голос чудесен, их лик прекрасен, глаза наполнены обещанием любви и покоя…
Я подбегаю к ближайшей и отрываю ей голову. Это уже разок сработало, не грех и повторить. Из шеи бьет кровь, из грудей брызжет ядовитая слизь, оторванная голова смотрит на меня затуманенными глазами, в которых появляются слезы…
Я торжествующе ору и швыряю голову в бойцов, которые стоят за сиренами.
Те начинают стрелять.
Бойцы быстрые, не чета панцерам и сиренам, быстрее их только танцоры. Они способны генерировать небольшие защитные поля из своих верхних, человеческих, рук. Бойцы наиболее похожи на людей, и разум у них почти человеческий, если бы не добавочные руки с одноразовыми лучевыми разрядниками – могли бы спокойно гулять по московским улицам…
Впрочем, может, они и гуляют – надев пиджак пошире и прижав средние недоразвитые руки к телу…
Бойцы стреляют, и мне не увернуться.
Закрываюсь щитами. Перевожу их в отражение. Хорошо, что тепловой луч – это не лазер, у меня есть несколько миллисекунд.
Бойцы сгорают в собственных выстрелах, в прыжке я отражаю заряды обратно. Из пятерых остается лишь один, то ли я промазал, то ли он успел закрыться. Конус излучателя на левой руке рассыпался, новый отрастет не скоро, рука болтается как ненужный, случайный придаток. Правым излучателем боец пытается нацелиться. И кричит – мысленно, но он умеет, с бойцами можно говорить.
«Я сдаюсь! Не убивай, я не хочу умирать!»
Знаю, никто не хочет умирать. В этом-то и вся проблема…
Собираю энергию с перегретых щитов и обрушиваю на бойца. Он и впрямь быстрее других, опять закрывается и держит свои щиты больше секунды, прежде чем мой удар обрушивается на него.
Боец сгорает.
Я иду, ощущая Прежних впереди и все так же неудержимо приближающихся со всех сторон гвардейцев.
Было бы хорошо вот так и идти, уничтожая одну биоформу за другой. Но Прежние ведут себя не как полоумный Темный властелин, посылающий навстречу врагу свои легионы поодиночке…
Гвардейцы концентрируются вокруг. В домах вдоль улицы. За спиной. Впереди, между мной и Прежними.
Их несколько сотен особей. Все тут, я вычисляю отдельные сигнатуры – мараки, ходоки, буги, чистильщики, уничтожители, оводы, меры. Есть даже парочка аху,

которых обычно не берут в десант. А под мостовой, на глубине трех метров, стремительно прогрызает себе дорогу кусака…
Они пойдут в атаку все вместе, и город превратится в ад.
Нет, я справлюсь.
Но число сопутствующих потерь заставляет меня кричать от ужаса.
В большинстве домов есть тэни, затаившиеся в квартирах и подвалах, прячущиеся в кладовках и ванных комнатах…
Я проверяю все варианты, просчитывая методы боевого взаимодействия так быстро, что мир застывает, будто стекло.
Лучший вариант – плазменный шар со мной в центре. Минимизация сопутствующих потерь, полное уничтожение гвардейцев, частичное повреждение Прежних…
Очень хороший вариант.
Прежние будут дезориентированы, но моих реальных возможностей не поймут.
Манипуляции с чистой энергией – это так просто…
Я считаю сопутствующие.
Дарина охает.
Милана и Карир кричат во мне. Потом замолкают. Это не их смысл, не их путь эволюции, но мы сейчас не тот Высший, которым они хотят стать.
Кстати. Высший бы именно так и поступил. Да, он мир и добро, понимание и сотрудничество. Но он Высший, он твердо знает, что сопутствующие потери есть всегда. Точно так же, как на Земле он поглядывал на людей с брезгливым раздражением – при всей своей доброте. Он как суровый ветхозаветный Бог, до того, как разок воплотился в человека.
Плазменный шар. Радиус поражения триста метров.
Четыреста восемь гвардейцев.
Около полутора тысяч тэни.
Они ведь даже не люди, верно? Иначе их погибнет больше, счет в мою пользу…
А потом можно будет заняться Прежними.
Дарина, Милана, Карир молчат. Я молчу.
Потом перевожу мир в плоскость.
Я не могу дотянуться до Прежних, они слишком многомерны, они существуют в двух пространствах.
Но я разворачиваю перед собой огромный лист со штрихами домов и пылающими точками – тэни и гвардейцами.
Мир застывает, только шевелятся багровые огни Прежних. Они пытаются понять, что я делаю.
Что ж, понять несложно.
Я стираю из реальности гвардейцев, это так же просто, как стереть ластиком след от мягкого карандаша. И выворачиваю мир обратно в три измерения.
Вокруг становится очень тихо. Оказывается, я слышал все эти движения – бешеный перестук сердец танцоров, тонкий топот лапок чистильщиков, шелест клешней мараков, хлюпанье буги и чавканье меров.
Теперь звуков нет, исчезли вместе с ними.
Я иду. Я снова един.
И мой облик Защитника, моя маскировка, спадает, я становлюсь собой – Максимом Воронцовым. Никаких бурных эффектов, отпадающих кусков плоти, я просто меняюсь, поскольку дальнейший бой не потребует клыков и мышц.
Я выхожу на площадь, к памятнику Соразмерности, стоящему на краю маленького парка или большого сквера.
Памятник красивый, высоченный, метров в десять, из металла, похожего на темную бронзу.
В культуре тэни много странного, от культа честной сделки (ну кто бы ждал от свиней, а?) и до зацикленности на многогранниках: питаться с треугольного и ездить на машинах с тремя колесами (между едой и движением, кстати, они видят связь, хоть и очень странную), использовать пятиугольные вещи для гигиены, считать эротичными четырехугольники (тут, наверное, дело в четырех грудях).
Но Соразмерность – то, что у тэни никак не обсуждается. Это что-то вроде инстинкта, и даже в моей нынешней форме суть мне недоступна. Кажется, это какой-то уникальный смысл, который тэни успели создать до оккупации Инсеками.
Памятник Соразмерности – две огромные фигуры, мужская и женская. Мужчина гораздо выше, одет в строгий костюм почти человеческого кроя, в одной руке у тэни причудливый прибор, который на самом деле всего лишь безмен, другую руку он положил на обнаженную нижнюю левую грудь женщины. Лицо его благородно и

одухотворено. Женщина куда ниже, одета в лохмотья, платье полуспущено на левом плече. Одну руку она положила мужчине на лоб, в другой держит треугольный кувшин, из которого сиреневым дымом струится, развеиваясь в воздухе, эфир. Лицо ее кажется усталым и несчастным.
Знаний Карира недостаточно, чтобы понять смысл памятника, но мальчик считает его очень красивым, а мужчину и женщину – абсолютно одинаковыми.
Я вдруг с удивлением понимаю, что каждый мир в Галактике, даже похожий на Землю, наполнен чем-то уникальным, особенным. Что каждый идет своим путем, что любая попытка привести миры к одному знаменателю преступна и обедняет реальность. Что именно в этом главная вина Прежних, Инсеков и всех прочих, идущих путем сбора чужих смыслов.
Потом надо будет узнать про Соразмерность.
Но это потом.
В сквере за памятником пылают, медленно поднимаясь в небо, огненные столбы. Это выстраивается портал, через который хлынет лавина вторжения.
Перед порталом стоит женщина в белом платье, усыпанном сверкающими бриллиантами. Я узнаю ее, в нашей реальности мы уже встречались. Мод, Снежная королева Саельма.
Второй Прежний мне незнаком. Его внешний образ – юноша моих лет, красивый мужественной суровой красотой юного воина. Дарина и Милана отмечают это первым делом, я же изучаю снаряжение Прежнего. Странный тип, выглядит как греческий полубог – мускулистый, загорелый, одет в кожаную броню, в руке держит короткий меч… Не наигрался, пока был человеком?
Я иду к Прежним, они ждут. Мы сходимся возле незаконченного портала, так близко к нему, что от гудения огненных струй начинают ныть зубы. Под ногами мягкая зеленая трава, вокруг деревья с сероватыми игольчатыми листьями. На одной из веток, в опасной близости от открывающегося портала, сидит мелкая птичка, покрытая тоненькими, будто ворсинки, перышками, и таращится на нас.
Иногда внимательный взгляд – вовсе не признак ума.
– Это было впечатляюще, – говорит Мод.
Парень молчит, изучая меня. Прихожу к выводу, что он куда опаснее, чем кажется. Но вовсе не обязательно умен.
– Уходите, – говорю я. – Иначе вам никогда не добраться до сингулярности.
– Встречное предложение, – отвечает Мод. – Присоединяйся к нам. Твои возможности интересны. Мы можем объединить наши смыслы.
– И пока еще есть шанс сделать это добровольно, – добавляет юноша.
– Как твое имя? – спрашиваю я.
– В данный момент – Икар, – отвечает юноша и улыбается.
– Слышал, ты разбился, подлетев слишком близко к Солнцу, – произношу я серьезным тоном.
– Злые языки, – коротко отвечает Икар.
Можно еще попытаться их переубедить. Но я уже знаю, что это ничего не даст. То, что я сделал, их напугало, но еще больше заинтересовало. Если они овладеют моими смыслами, то возвысятся почти до сингулярности… а может быть, даже перейдут на новую ступень существования. Я для них больше не загадка, я добыча, пусть очень опасная, но одновременно и ценная.
И я смотрю на них, используя тот маленький, но важный смысл, который когда-то приобрел на Трисгарде. Вижу желания, стремления, помыслы. Вижу опасения, планы, расчеты.
Раньше я не мог использовать этот смысл так сильно и глубоко. Он изменился вместе со мной.
– Я готов обсудить это с тобой, Мод, – говорю я. – Лишь с тобой, поскольку мы встречались в иной реальности. Но вам все равно придется уйти с планеты, даже если мы с тобой соединимся!
В моих словах слишком много того, что хотела бы Мод. И они слишком льстят ее мнению о себе, ее презрению и зависти к Икару. В иерархии Прежних она ощутимо ниже, Икар живет на Ровиане почти три тысячи лет, он из элиты, его основа – почти сотня личностей, сама Мод просто не сумеет удержать столько сознаний и тел…
– Что ж, мы можем начать обсуждение, – говорит Мод.
И мир вокруг застывает, она остановила время. Это ее фишка, ее уникальная особенность, которой лишен ее спутник.
– Слишком… напыщенный, – говорю я, кивая на Икара. На мой взгляд, все Прежние больны самомнением, но это не важно.

– Старая аристократия, – соглашается Мод. – Ты правильно выбрал.
В моих словах пока не было лжи, и она это чувствует. Напряжение начинает ее слегка отпускать, слишком блистательные перспективы открываются перед Снежной королевой, с такими усилиями выбивающейся в элиту Прежних.
– Не помешает? – спрашиваю я.
– У него нет на это времени, – усмехается Мод. – Но нам не стоит тянуть. Твои условия?
– Ваш уход с планеты, я обещал ее защитить, – начинаю я. – Наше равноправное слияние.
– Неприемлемо, обсуждаем рамки. – Мод качает головой.
– Мой интеллектуальный контур замкнут лишь на меня, – произношу я. – Он остается со мной.
Мод хмурится, пытаясь понять, что такое интеллектуальный контур.
Да я и сам не знаю, Прежняя, ляпнул что попало, я тяну время…
Икар медленно разворачивается к нам, словно движется в тягучем желе.
– Тупая выскочка, – говорит он с презрением.
Его меч пронзает воздух, пространство разрывается щелью, в полутьме открывается что-то замкнутое, мягкое, колышущееся, наполненное телами и сгущенным воздухом, искрами электричества и вспышками света.
Раздается крик, который издают десятки людей, терзаемых мгновенной болью.
Кричит и Мод, ее взгляд вдруг становится осмысленным, будто гибель корня неожиданно сделала ее умнее.
Двое Прежних – слишком много для меня, раскрывшего перед ними свои козыри.
Я упростил ситуацию.
Щель в иное пространство схлопывается, Мод оседает на траву. Меч в руке Икара исчезает, что бы это ни было – оно одноразовое.
Прежняя хнычет, рвет на груди платье, бриллианты осыпаются, будто держались только силой ее воли. Лицо ее стремительно стареет, кожа сморщивается.
– Решу, что с тобой делать, позже, – сообщает Икар.
И смотрит на меня с любопытством.
О да, он силен и уверен в себе.
Для пробы я сворачиваю часть пространства и пронзаю Икара невидимой полосой, в которой существует лишь одно измерение.
Прежний пожимает плечами. Говорит:
– Очень, очень интересно.
Я бью в него потоком чистой энергии. Мир вокруг начинает дрожать, с земли взмывают в небо камни, солнечный свет меняет спектр, трава покрывается инеем.
Слишком быстрый отток энергии рушит размерность пространства и нарушает физические константы.
– Но это совсем глупо! – качает головой Икар.
Да, согласен.
Я и должен выглядеть самоуверенным глупцом.
Пространство сворачивается, превращаясь в плоскость. На этот раз я не определяю границы – вся планета становится исполинским диском, многослойной проекцией. Так вот ты какая, плоская Земля!
И на этой плоской планете, будто на круглом плоту, стоим мы с Икаром. Он сумел удержаться, хотя я и чувствую: это далось ему нелегко.
Но я и не рассчитывал, что все будет так просто.
Я сгибаю плоское пространство, соединяя разные точки. Снова выправляю.
Мы с Икаром висим в космической пустоте. Звезды все так же далеки, кроме одной – здешнего солнца, которое стало в два раза ближе. Вакуум холодит лицо, хоть я и понимаю, что это чушь, что у пустоты нет температуры.
– И что? – говорит Икар с презрением. Да-да, в космосе взрывы не бабахают, а голос не разносится, но нам на это как-то плевать.
Прежний наносит удар.
Это что-то очень, очень сложное, многомерное и немного живое. Оно почти пронзает меня, я меняю форму, пропуская удар насквозь.
И снова сворачиваю и разворачиваю пространство.
Мы висим прямо над местным солнцем. Над огромной полыхающей звездой, над морем огня, в потоках излучения, в тисках гравитации, тянущей нас в пламенное горнило.
Рядом с нами ревет протуберанец диаметром с Землю, вздымаясь на миллионы километров.

Шары плазмы, иные размером с город, а иные – с континент, отрываются от поверхности звезды, всплывают в пространство и рушатся назад. Над огненным морем несутся огненные валы с огненной пеной, и мне на миг кажется, что в этом плазменном безумии мелькает что-то упорядоченное, безмерно чуждое, но живущее какой-то своей немыслимой жизнью…
Икар кричит.
Он пытается открыть путь в многомерные пространства, в свои компактные вселенные, где спрятана его сила.
Но я вновь выворачиваю мир в плоскость, и его корень вываливается в двухмерность.
Я возвращаюсь к трем измерениям и смотрю на Икара.
Он уже не один.
Их целая череда, лента, сцепившиеся руками мужчины, юноши, мальчики. Все чем-то похожие, все немножко древнегреческие герои, все в туниках, доспехах, хитонах. Ни одной женщины, кстати, ох уж эти древние греки… Одежда на них вспыхивает и сгорает в мгновение ока, но они крепче, они Прежние и состоят не только из хрупкой органики.
Икар и его команда падают в солнце, все так же сцепившись, словно обезьянки-акробаты из детской игрушки. Потом они начинают таять, будто воск, а потом исчезают в облаках плазменного пара.
– Мифы не врут… – говорю я зачем-то.
И выворачиваю пространство, переносясь через двухмерность обратно на Трисгард. К точке старта, к памятнику Соразмерности и почти собравшемуся порталу. Боковые стенки уже выросли до нужной высоты, между ними нарастает верхняя перекладина.
А Мод-то исчезла! Убежала куда-то или рассыпалась в прах?
Плевать…
Я вдруг понимаю, насколько вымотан.
Это не усталость биологического тела или нехватка энергии, как было в форме Защитника.
У меня бунтует и отказывает сознание… сознания…
Слишком сложно оперировать такими силами, слишком сложно рассчитывать изменения размерности.
Но есть еще одно, что я обязан сделать, иначе – все зря.
Я смотрю на портал, мучительно решая, как же с ним поступить. Обрывки знаний, пришедших ниоткуда, предлагают мне десятки и сотни решений, но мне сложно выбрать, я почти разучился выбирать. Перед глазами огненным пятном пылает солнце и сгорающие в нем полубоги…
Тогда Карир тянется к порталу и делает так, что тот перестает существовать. Миг – он был, следующий – исчез.
Кажется, я справился.
Не совсем понимаю, кто из меня это делает, но мы разделяемся.
И падаем на траву.
Я снова всего лишь человек!
Карир засмеялся и засопел, похоже – мгновенно уснул.
– Дарина? Милана? – тихонько позвал я. Повернул голову.
Дарина лежала рядом и тоже спала.
Милана подняла голову, кивнула мне – и уткнулась в траву.
Я подумал, что сейчас засну.
Что это здорово.
Но перед тем как провалиться в сон, я услышал шорох, похожий на топот сотен маленьких ножек.
Это было плохо.
Но я уже не мог бороться.
Я уснул.

Глава четвертая

Судя по тому, что я проснулся, – чистильщик меня не сожрал.
Даже не открыв глаз, я понял, что лежу на том же самом месте. И почувствовал внимательный, изучающий, чужой взгляд.
Пожалуй, дольше притворяться бесчувственным телом было глупо.
Я вздохнул и открыл глаза.

Измененная с белыми глазами, в которых терялся крошечный, будто булавочный укол, зрачок, сидела рядом со мной на корточках. И жевала травинку.
Это травинка в ее губах выглядела так мирно и неожиданно, что я улыбнулся.
– Привет, Мар.
Комендант Трисгарда, которую я знал по другой реальности, нахмурилась.
– Мы знакомы?
Ох уж мой не в меру торопливый язык…
– Все сложно, – пробормотал я и присел. – Я Максим. Можно Макс.
Оглянулся.
Дарина, Милана и Карир спали рядом. Милана обнимала Карира, словно собственное дитя.
– Они спят, – сказала Мар. – Я полагаю, с ними все в порядке.
Я кивнул, оценивая обстановку.
Моя команда невредима. Это хорошо.
Портала нет, остались только два выжженных пятна на земле. Как Карир сумел его убрать? Я ведь понял в тот миг, что он сделал… но теперь мне не хватает для этого ума.
В отдалении бродили несколько групп стражей. Некоторые перевязаны, окровавлены, все до сих пор в боевых формах и с оружием. Поглядывали на нас, но и за внешним периметром наблюдали.
Совсем рядом земля и трава перепаханы, запачканы кровью и какими-то ошметками.
– Чистильщик? – спросил я.
Мар кивнула:
– Тебе повезло, что мы шли следом. Он как раз собирался перекусить.
– Сколько времени я провалялся без сознания?
– С момента исчезновения портала прошло меньше часа. Это ты уничтожил портал?
– Мы.
Мар кивнула. Выплюнула травинку.
– А те биоформы, что валяются по пути вашего движения? Кто их…
– Тоже наша работа.
– Я вижу жницу, но ее нет в базах данных. А в чем уникальность человеческой девушки? Чем ценен ребенок тэни?
– Вижу, ты общалась с Фортом, – пробормотал я.
– Разумеется. Я комендант, знаешь ли.
– Знаю. Мальчик ничем особенным не ценен.
Мар размышляла.
– Ты не ответил на мой вопрос. Мы знакомы? Откуда у тебя информация обо мне?
Я встал. Голова чуть кружилась, хотелось есть, но в целом я ощущал себя нормально.
– Мар, я все расскажу. Но не здесь и не сейчас. Разговор будет долгим и сложным.
Комендант смотрела на меня снизу, продолжая сидеть на корточках. Комплексами она не страдала, то, что я стоял и «доминировал», ее ничуть не волновало.
– Ты очень странный. Я должна передать тебя Инсекам.
– Но ты ведь не сообщала им о нас.
Мар коротко рассмеялась.
– Почему? Если ты меня знаешь…
Надо было быть осторожным, очень осторожным. Мар безжалостна, по ее приказу (если, конечно, она не лично это сделала) в другой реальности убили семью безобидного ученого-тэни Джагерда.
А еще она была двойным агентом.
– Потому что ты работаешь на Прежних, – сказал я. – И тебе важно понять происходящее, прежде чем делиться информацией с Инсеками.
Мар даже не стала ничего оспаривать. Встала, вполне человеческим движением отряхнула свой белый комбинезон и спросила:
– Что помешает мне сейчас тебя убить?
Я пожал плечами.
– Во-первых, ты видела дорогу, которой я шел, и тех, кто пытался меня убить. Во-вторых, тебе и впрямь стоит многое узнать. А в-третьих…
– Ну? – подбодрила Мар.
– Куколка-балетница, воображуля, сплетница, царь, царица, красная девица…
Это сработало даже лучше, чем в первый раз.
У коменданта затряслись губы. Она сглотнула.
– Маргарита, я все объясню, – добавил я.
– Лучше бы объяснить… – прошептала Мар. – Иначе, клянусь…

Она замолчала. Потом продолжила, уже прежним жестким тоном:
– Вызову свой глайдер. Поговорим на пути в гарнизон.
– Девчонок не брошу, – предупредил я.
– Разумеется, – согласилась Мар. – Ты думаешь, я бы их оставила без присмотра?

Глайдер коменданта прилетел минут через двадцать. Удивительно долго, на мой взгляд, это ведь быстрые машины.
За это время я смог разбудить девчонок. Карир продолжал спать, что меня вполне устраивало – только детского хныканья нам не хватало. В составе нашей коллективной личности маленький тэни вел себя вполне разумно, но вряд ли он сохранит спокойствие, оставшись один.
Хотя кто знает, как себя поведет его смысл.
Нам принесли воды и пищевые рационы, которые Измененные использовали в боевой обстановке. Я помнил их еще по учениям на Саельме, Дарине они тоже были знакомы. А вот Милана попробовала сладко-соленую пасту с явным недоумением. Но тоже все съела. В предсингулярной форме мы брали энергию не из еды, однако теперь все проголодались.
Мар стояла молча, поглядывала на девчонок. Один раз приблизилась и осторожно погладила по голове Карира под подозрительным взглядом Миланы. Косо улыбнулась ей и снова отошла.
То ли ее заинтересовало, что мы такого нашли в местном ребенке, то ли у нее все же остались какие-то материнские инстинкты.
Я уже уверился, что малыш тэни прилип к нам надолго, и предвидел множество связанных с этим проблем, от бытовых (он хоть на горшок-то сам умеет ходить?) и до глобальных (куда его девать, особенно если нам удастся вернуться домой?).
Но все сложилось иначе. Вокруг оцепленного стражей сквера болталось некоторое количество тэни, видимо, Измененные действительно их не слишком пугали. Близко не подходили, но с любопытством изучали нас – мне даже показалось, что фотографировали или смотрели в бинокли.
А потом сквозь эти группы прошли две женщины тэни. Одна молодая, другая пожилая, очень похожие, видимо, мать и дочь. Вначале они шли осторожно, потом, приблизившись, побежали к нам.
Мар посмотрела на меня.
Я пожал плечами. Комендант махнула рукой, и вышедшие было навстречу женщинам стражи расступились.
Карир неожиданно проснулся на руках у Миланы. Заулыбался и начал махать женщинам ручонкой.
– Это его мать и бабушка, – сказала Милана. Не предположила, а сообщила, как всем очевидную истину. Присела, опуская Карира на траву.
Секунду они смотрели друг на друга, будто вели безмолвный разговор.
Потом малыш рассмеялся. Помахал Дарине. Побежал навстречу женщинам, но вдруг остановился. Повернулся ко мне.
Я помахал ему рукой.
Карир продолжал разглядывать меня.
Что-то происходило, я это чувствовал.
И только когда мальчик пошел назад, ко мне, я понял, что мир вокруг остановился. Лица тэни и Измененных стали неподвижны, будто у восковых кукол. Мать Карира замерла на бегу, обе ноги висели в воздухе. Травинки и листья будто окаменели… да что там листья, над деревьями застыла в полете птица.
Я присел.
Карир остановился передо мной, склонил голову набок и замер, вглядываясь. Кажется, я удостоился такого же взгляда, каким он смотрел на Милану.
В общем-то дети у тэни милые. Светлокожие и беловолосые, но без болезненной бледности альбиносов и с глазами привычного цвета – к примеру, глаза Карира были серыми.
Но сейчас никакой милоты в Карире не ощущалось. И хрупкости, несмотря на тощие ручки-ножки, торчащие из яркой детской одежки, успевшей перепачкаться за последний час, – тоже.
Я склонил голову и сказал:
– Приветствую, Высший.
– Приветствую, Макс, – ответил Карир. Голос остался детским, тоненьким, но будто вибрировал от скрываемой мощи. – Вы помогли мне родиться.
Я кивнул, понимая, о чем он. Спросил:

– О вас можно больше не беспокоиться? Вас не обидят?
Странно было обращаться к ребенку на «вы», но иначе я не мог.
Мальчик развел руками перед собой, принятым у тэни жестом неопределенности.
– Мир суров. Но теперь у моего смысла есть шанс. В твоей реальности все сложнее.
– Вы знаете про нашу… – начал я и запнулся.
Ну конечно же, знает.
Мы делили разум на четверых, он знает все, что знаем мы. Карир сейчас не ребенок, он сверхсущество, которому подвластно даже время.
– Вы поможете нам вернуться? – спросил я.
– Нет. – Карир помедлил. – Извини.
– Мы что-то еще должны сделать?
Карир вздохнул.
– Нет. Переход между реальностями – это слишком заметное действие. Словно яркая громкая вспышка среди тишины и тьмы. Меня раздавят.
Он звонко хлопнул ладошками.
– Кто?
– Высший Инсеков. Высший Прежних. А еще те, о ком ты даже не слышал, но кто близко. Едва родившийся Высший уязвим.
Карир снова вздохнул.
– Я бы объяснил, почему, но сейчас тебе не понять.
– Ну… я должен был спросить… – пробормотал я. – Хорошо. Удачи вам!
– Ты ничего не станешь просить? – поинтересовался Карир.
Я задумался. То ли из-за детского тела, в котором он находился, то ли по иной причине, но этот Высший казался куда человечнее нашего.
Блин, неужели это потому, что свиньи лучше людей?
Карир едва заметно улыбнулся. Кажется, он и сейчас мог читать мои мысли.
– «Вся плоть – трава», как говорят Прежние. Думай, даже мне трудно держать время.
– Мы ведь сможем и дальше так вот… соединяться? – спросил я. – Сами, без вас? Если потребуется?
– Не злоупотребляйте. – Карир человеческим жестом погрозил мне пальчиком. – Это опасно. Понимаешь, почему?
– Нет.
– Милана взяла тот же смысл, что у меня, – сказал Карир. – В вашей реальности она должна стать Высшим, вобрав множество личностей.
– Включая меня и Дарину, – прошептал я. – Да, я знаю. Это страшновато, но я уже привык к этой мысли. Тем более мы уже…
– То, что произошло здесь, не должно было случиться, – перебил меня Карир. – Вы превратились в нечто совсем иное. Я помог, но лишь помог, это все было ваше, собственное. Не имеющее отношение ко мне или к Милане.
До меня начало доходить. Я все-таки не дурак.
– Мы были предсингулярным человеком. Почти… Высшим.
– Да. Очень близко к полному переходу на новый уровень, – подтвердил Карир. – Для Миланы опасно погружаться в это состояние, она размывает собственный смысл. Может быть, один или два раза… максимум – три. Дальше она утеряет тот смысл, который должна принести. Ее Высший не появится.
– Но он появлялся!
– Вот именно. Потеряв смысл Миланы, вы измените собственную реальность и потеряете возможность вернуться.
– Понял, – сказал я. – Спасибо. Я понял. Может быть, я могу узнать еще что-то? Кто отослал нас сюда? Как вернуться? Лихачев живой? Продавцы в этом замешаны?
– Хорошие вопросы, – одобрительно сказал Карир. – Но ответить я не могу. Чужие ответы опасны, тебе придется найти свои. К тому же… мне кажется, ты уже обо всем догадываешься. Только не хочешь себе в этом признаваться.
Он засунул палец в рот, сосредоточенно пососал, протянул ко мне руку и повозил пальцем по лбу. Я невольно вспомнил, как в детстве мама таскала меня в церковь (был у нее не очень долгий период, когда она решила, что верит в Бога), и священник чем-то мазал мне лоб.
– Это какой-то ритуал, Высший? – спросил я. – Или вы мне что-то даете так?
Карир хихикнул.
– Нет. Просто ты смешно морщишься, когда я мажу тебя слюнями.
Да, этот Высший определенно был веселее нашего.
Но он тут же посерьезнел.

– Я желаю всем вам удачи. И покиньте мою Вселенную. Иначе может случиться так, что мы встретимся не друзьями.
– Постараемся, Высший, – сказал я.
Что меня дернуло – не знаю. Но я протянул руку и потрепал легкие, будто пух, волосы. Карир рассмеялся и побежал прочь – к маме.
Я ощутил, как что-то немыслимо сложное, огромное и могучее исчезло. Время снова двинулось, странная местная птица с цокающим пением пролетела над головой, маленький тэни пронзительно закричал:
– Ма-а-а-ма!
– Вы его отпускаете? – спросила Мар. Похоже, она не заметила остановки времени.
– Конечно, – ответил я. – Видите, он же нашел маму.
– Так чем был ценен мальчик? – нахмурилась комендант.
– Он же ребенок, – нагло ответил я. – Тем и ценен. Мы его спасли.
Мар буравила меня взглядом.
– Хотите, так проверьте, – продолжил я. – Мы малыша отбили у танцора, ну и как бы приняли на себя ответственность!
Милана подошла к матери Карира, обнимавшей сына, они заговорили. Я поразился было тому, что она знает язык тэни, но понял, что это следствие слияния.
– Мы проверим, – пообещала Мар. Но без всякого энтузиазма, вероятно, она и сама пришла к выводу, что Карир – самый обычный детеныш тэни.
В небе наконец-то появился и стремительно снизился глайдер: большой, с автобус размером, похожий на десантный, но все-таки выглядящий чуть иначе, «пузатее». Кажется, это была штабная модель, летающий пункт управления. Приземлился глайдер тихо и аккуратно, только траву под ним прижало и выгладило.
Из открывшегося люка вышли две стражи, Мар вполголоса переговорила с ними и кивком указала мне на глайдер. Я дождался девчонок – они обнялись с матерью и бабушкой Карира, даже расцеловали малыша (хотя у тэни это не очень-то принято), и мы двинулись следом за Мар.
– Я сама поведу, – сказала комендант страже. И добавила нам: – До гарнизона два часа полета, успеем пообщаться.
Ни стража, ни мы с Мар, конечно, не спорили. Для Измененных она была начальством, а мы как раз хотели поговорить наедине. Мне даже показалось, что они отошли от глайдера с радостью.
Мар настолько побаиваются?
– А как он летает? – с интересом спросила Милана, входя в машину. За крошечным тамбуром обнаружилась штабная зона – овальный стол с поверхностью-экраном, вокруг несколько кресел. В кормовой части за дверью скрывался туалет и, если мне не изменяла память, маленький медицинский отсек. Спальные места здесь не предусматривались, хотя во время военных операций в глайдерах проводят по несколько дней. Измененные спят мало. Несколько иллюминаторов были скорее данью традиции. Я даже не был уверен, что они настоящие, а не экраны.
– Сдвиг гравитационного вектора, – ответила Дарина. – Не очень экономичная технология, но надежная. И экологически чистая.
Мар искоса глянула на нее, проходя в переднюю часть глайдера, к креслу пилота. Села, опустила пилотажный шлем на лицо.
– Пристегнуться? – тихо спросила Милана.
Глайдер взмыл в небо, в иллюминаторах мелькнула земля. По ощущениям, ничего не изменилось, будто мы продолжали стоять.
– Тут гравитация всегда направлена к полу, – пояснила Дарина. – Это хорошая машина, большая. Чтобы можно было работать и ничего не отвлекало.
Мар встала из кресла и подошла к нам. Уселась за стол, буркнула:
– Глайдер на автопилоте… Мы можем говорить свободно.
Мы расселись за столом. Мар помолчала, потом спросила:
– Кто у вас за главного? Макс?
– Да, – ответила Милана, прежде чем я успел указать на нее. Дарина кивнула.
– Будет лучше, если ты все расскажешь кратко, четко и правдиво, – сказала Мар. – Начинай.
Удивительное дело!
Она видела, что мы сотворили с десантом Прежних. Наверняка и то, как был погашен портал, как-то зафиксировала. А еще я знал, что она ведет двойную игру. И странную считалочку, которая для нее была чем-то очень значима, назвал.
В общем – не лучшая ситуация, чтобы качать права.
Тем более, оказавшись с нами троими наедине в глайдере.

Но Мар вела себя как хозяин положения, будто допрашивала нас, связанных и сидящих под прицелом.
– В обмен на твой ответ, – сказал я.
Мар пожала плечами.
– Что за фраза? Куколка-балетница…
Комендант фыркнула.
– Девчачья считалочка…
– Это не ответ.
– Зачем тебе? – Мар запустила руку в карман, достала знакомый мне предмет – похожий на зажигалку контейнер с ароматическими жуками. Щелкнула пьезоэлементом, поднесла к носу.
– Хочу тебя понять.
Мар кивнула, будто посчитав объяснение достаточным.
– Меня похитили, когда мне было десять. Женщина на улице пообещала подарить котенка. Я села с ней в «Волгу»… была такая машина, большая, черная… ты же из России? Должен знать…
Она глубоко втянула дурманящий запах. Уставилась на меня своими жуткими глазами.
– Я очень боялась… понятно чего, да? Но меня не насиловали. Меня протащили через экран на Саельм. Там было холодно и страшно. Нас держали в куполе, два десятка девчонок, кроме меня, русскими были только Айгуль и Гинтаре. Остальных мы не понимали, только Гинтаре чуть-чуть знала немецкий… там была немецкая девочка…
Мар смотрела куда-то мимо меня и негромко, без эмоций, рассказывала.
– Нас каждый день забирали и что-то с нами делали. Кололи уколы. Заставляли раздеваться и кололи по всему телу… очень страшно. Брали кровь. Ставили в какие-то приборы, вроде рентгена… Но мы все равно вечером играли. У нас была эта считалочка, мы ее повторяли. Как пароль. И когда уводили и кололи, я тоже ее твердила. Становилось не так страшно. Потом девчонки стали меняться. Айгуль стала танцором. Рассказывала, что ее ставили в прибор с каким-то мальчиком. Объясняли, что они станут единым целым… прибор синхронизировал их тела… они и стали. Она погибла через три года, при штурме Лаксе-два. Ее убили местные, попали из пушки. Представляете? Чугунным ядром. Танцоры быстрые, но…
Она снова щелкнула «зажигалкой». Посмотрела в иллюминатор. Я тоже глянул, увидел бездонную черную тьму с огнями звезд и понял, что мы где-то в космосе. Суборбитальный перелет?
– Гинтаре стала чистильщиком. Я потом уже узнала, а тогда ее увели, и она не вернулась. А из меня сделали разведчика. Минимально модифицировали, иначе Инсеки не смогли бы откатить Изменение. И я сдалась Инсекам. Все было сделано так, чтобы я заняла пост тактика, но на тактика я не потянула. Служу комендантом… Ты услышал, что хотел?
– Почти, – сказал я. – Почему же ты служишь Прежним? После… всего?
– Потому что Инсеки ничем не лучше. – Мар жестко улыбнулась. – У них… точно такие же методы. Набег, плен, Изменение… Прежние хотя бы люди. Если я заслужу, то они сделают меня человеком. Юной девушкой. Отправят на планету, где живут ветераны. Я видела эти планеты, там хорошо.
Она замолчала.
– Так нельзя. – Я покачал головой. – Выбирать между двумя сортами дерьма…
– Выбор невелик, шоколада не завезли, – отрезала Мар. – Теперь отвечай ты. Откуда ты знаешь считалку? Форт сказал, что ты из другой реальности… это так?
– Да.
– И ты встречал меня?
– Да.
– И я помогла?
– Вначале предала, потом помогла, – ответил я. – Скорее всего, потом погибла. Но я не знаю точно.
– И какая я была? – поинтересовалась Мар.
– Стерва, – честно ответил я. – Играла на стороне Прежних, подставляла своих, пыталась украсть у Инсеков прозрачный кристалл со смыслом.
– Ого, – произнесла Мар с уважением.
– И тоже была комендантом этой планеты, – продолжил я. – Хотя там дела у Инсеков шли получше, они захватили Землю и Саельм. Но ты продолжала работать на Прежних. Вот что меня удивляет.

– Я такая, – кивнула Мар и ухмыльнулась. – Непредсказуемая… А теперь рассказывай все про вашу троицу. Кто вы такие, чем связаны, каким образом ты уничтожил толпу гвардейцев и двух Прежних?
– Не наседай, – пробормотал я.
– Даже не собираюсь, – сказала Мар. – В глайдер загружена коллапсарная бомба. Если энергетические показатели в кабине изменятся – она сработает. Если глайдер начнет приближаться к планете – она сработает. Если через полчаса я не отменю приказ – она сработает… Ты знаешь, что такое микроколлапсар?
– Маленькая черная дыра?
– Малипусенькая, – кивнула Мар. – Она нестабильна, втянет в себя глайдер и испарится в виде энергии. Но ни Прежние, ни Инсеки этого не выдерживают, полагаю, что и вы не сможете.
Спрятав свой нюхательный прибор, она перегнулась ко мне через стол и прошипела:
– Так что рассказывайте все!
– Ты блефуешь! – сказала Милана.
Мар даже не посмотрела на нее.
– Она не блефует, – глядя на Мар, произнес я. Мой смысл подстроился к внешности Мар и начал работать. – Ей все надоело. Она ненавидит Прежних, Инсеков, Измененных, гвардейцев, тэни… всех. Даже себя. Она хочет снова быть девочкой, сидеть на берегу моря и слушать волны. Но не верит, что это возможно.
– Все так, – без удивления подтвердила Мар. – Так что давай, земляк. Рассказывай. Постарайся убедить меня, что у вас есть смысл жить.

Глава пятая

Есть время врать, а есть время говорить правду. Надо только уметь их отличать.
Я рассказал Мар нашу историю всю как есть. Без ненужных деталей, конечно, но почти ничего не скрывая.
Только об одном умолчал: что смысл, доставшийся Милане и породивший нашего Высшего, в этой реальности скрыт в маленьком Карире.
Глайдер по-прежнему висел на орбите Трисгарда, планета бело-голубым шаром застыла под нами. Судя по расстоянию, мы вышли на высокую геосинхронную орбиту? Чтобы не уничтожить Трисгард, если Мар активирует коллапсар?
– Я вам верю, – сказала Мар. – Странная история, но объясняет все.
– Взрыв отменяется? – спросил я.
– Пока – да, – кивнула Мар. – Чего вы хотите?
– Вернуться, – ответила Дарина. – Здесь не наш мир.
– Могли бы жить на Земле, – возразила Мар.
– Кажется, из всех Прежних на это согласился бы только Иван. – Дарина покачала головой. – И мы нужны в своей Вселенной.
– Чтобы породить Высшего, – согласилась Мар. – Понимаю.
– Тебе не нравятся Инсеки, не нравятся Прежние, – сказала Милана. – Нам тоже. Так позволь вернуться! А у вас тоже появится Высший с новым смыслом…
Мар развела руками.
– Какой помощи вы хотите от меня? Я не могу открыть вам проход в иную реальность.
– Не выдавай, – попросила Милана.
– Помоги попасть на материнскую планету Инсеков, – пояснил я. – Там максимальная вероятность встретить Высшего… ну или на Ровиане, наверное, но там нас сразу раскусят.
– И у Инсеков раскусят, – возразила Мар. – Не надо переоценивать мои возможности и недооценивать способности Инсеков. Их мир… – она издала тихий шипящий звук, что-то вроде «Чш-чшш-жж», я даже не сразу понял, что это название, – давно и жестко структурирован. Есть зоны проживания рабочих особей Инсеков, причем они делятся на отдельные кланы, испокон веков враждующие между собой. Есть зона правителей кланов…
– Одна на всех? – не понял я.
– Ну да. Властям-то чего делить? Это низовые рабочие особи ненавидят друг друга, а те, кто движется к сингулярности, обитают вместе… И есть зона, где организованы Гнезда для Измененных. Но туда не возвращаются.
– Никогда? – спросила Дарина.

– Почти никогда. Могут взять в качестве инструктора или организовать поездку с пропагандистскими выступлениями перед куколками… – Мар криво улыбнулась. – Но это редкие случаи. И таких Измененных очень тщательно проверяют. Даже то, что вы умеете общаться с Гнездами, вам не поможет, проверять станут Инсеки.
– Плохо, – сказал я.
– А что вы хотели там найти? – Мар пожала плечами. – Это совет Прежнего, да? Ну так вряд ли он всерьез заботился о вас, и уж тем более не хотел поражения своей стороне. Думаю, пытался вас туда забросить как ходячую мину. Потормошить Инсеков. Посеять у них недоверие к Измененным.
Я переглянулся с девчонками – и не нашел, что ответить.
– И на Ровиане вам ничего не светит, уж я-то знаю, – продолжила Мар. – Там даже нет мутационных центров, зачем Прежним толпы уродов в их раю?
– Но ведь говорят «ровианская гвардия»…
– Да. Потому что гвардейцы служат Ровиану. Но центры мутаций расположены на Саельме, Гарусе, еще нескольких планетах. Туда свозят избранных детей с Земли, Ровиана и мелких колониальных миров. А на Ровиане живут сами Прежние, их Слуги и изрядное количество обычных людей. Это такая резервная Земля, понимаете? Заповедник. Пруд, где можно ловить здоровую красивую рыбу. Люди на Ровиане счастливы, довольны своей жизнью и своими повелителями. Они живут в маленьких уютных городках и селах на очень красивой и ухоженной планете. Если кого-то из детей забирают – это счастье и успех. Про то, что ребенок может превратиться в стаю хищных крыс или вампира, никто и не подозревает, считается, что его берут в Слуги. А стать Слугой – великая честь. Какие-то высокоинтеллектуальные формы гвардейцев иногда вызывают к Прежним для докладов и доведения новых приказов, но это исключительные случаи.
Мар достала свой ароматический прибор, щелкнула, вдохнула. Пробормотала:
– Все мы изгои, ребятишки. Что Измененные, что гвардейцы. Монстры, быдло, солдафоны. И никто не рад нас видеть в благородном обществе, ни Прежние, ни Инсеки.
– Но Прежний… – начал было я. И замолчал.
– Преследовал какой-то свой интерес, я же говорю, – сварливо ответила Мар. – Я вам благодарна за помощь, конечно…
– Ты же работаешь на Прежних! – недоверчиво воскликнула Милана.
– Девочка, не рассматривай Прежних как единый монолит, – отмахнулась Мар. – Что я вам четверть часа пытаюсь объяснить? Слушать умеешь? Даже между предсингулярными Инсеками случаются грызня и интриги, в ходе которых Измененные воюют друг с другом! А уж между Прежними это обычное дело. Мое задание… – Она замолчала. – Ну, если кратко – ждать. Работать на Инсеков до особого распоряжения. Прежние, напавшие на Трисгард, преследовали свои цели. Распоряжений не было, и я честно пыталась отбить вторжение. Так что спасибо за помощь, меня наградят за успешную оборону планеты.
– Всегда рады помочь, – мрачно сказал я. – У меня в горле пересохло, пить хочу.
– И я тоже, – сказала Дарина.
– Так пейте.
Я пошел в кухонный отсек, вернулся с бутылкой воды и стаканчиками. Налил себе и девчонкам, Мар не попросила, дождалась, пока мы напились, и продолжила:
– В общем, за помощь благодарю. Отправлять к Инсекам не собираюсь, вас разоблачат, а значит, пострадаю и я. Могу как-то поспособствовать тому, чтобы вы добрались до Ровиана, но и там вам ничего не светит.
– Но ты бы хотела, чтобы в мире появился новый смысл? – спросила Милана. – Что-то кроме крови и войны?
– Конечно, – легко согласилась Мар. – Но, если верить вам, он и так появится.
– Мы про нашу реальность, – не уступала Милана.
– Я не против. Но не вижу, чем вам помочь. Кстати, если вам встретится Высший, неважно чей, то, скорее всего, он вас просто уничтожит. Зачем ему конкуренты, даже в иной реальности?
Она откинулась в кресле и с явным удовольствием произнесла:
– Все врут! И чем выше находятся, тем больше! Из вашего мира вас вышвырнули, потому что это было проще, чем уничтожить. Но тут вы беззащитны перед Высшими, а ваше уничтожение не несет никакой угрозы.
– Но Иван… – упрямо повторил я.

– Прежний? Он – предсингулярное существо. Полубог, не более того. Очевидно, он оценил ваш потенциал куда лучше, чем вы сами, и предпочел спровадить с Земли. Вы же уничтожили двух Прежних…
Мар вдруг рассмеялась. И совершенно по-детски захлопала в ладоши.
– Я поняла! Поняла! Вот ведь какой хитроумный ваш Ваня! Он знал о готовящемся вторжении на Трисгард! Либо это его не устраивало, либо он имел зуб на тех особей.
– Мод та еще стерва, – кивнул я. – А уж Икар…
– Так там был Икар? – Мар посмотрела на меня с уважением. – Вы и впрямь сильны. Икар – древний и могучий Прежний. С массой врагов, разумеется. Видимо, Иван оценил вас как значительную опасность и не решился на поединок. Вместо этого столкнул с Икаром и Мод. Результат – вы их убили, чего Ивану и требовалось.
– Мы убили только Икара, – поправила Милана.
– А Мод?
– Ее ударил Икар… ей стало очень плохо… потом мы на время исчезли с планеты… – Милана с тревогой посмотрела на меня.
– Когда вернулись, Мод уже не было, – кивнул я.
Мар помрачнела.
– Плохо. Она куда-то сбежала.
Глаза у коменданта забегали, зрачки то расширялись, то сжимались. Я знал, что так происходит, когда Измененные общаются с Гнездом или Фортом.
– Ее будут искать, – сообщила Мар. Встряхнулась. – Неприятная новость. Ну да ладно. Вернемся к вашей ситуации. На ключевые планеты вы не попадете, даже не надейтесь. А что такого вы должны натворить в периферийных мирах, чтобы появился Высший, и как помешать этому Высшему вас уничтожить, я не знаю.
– Мар, нам очень надо вернуться, – сказала Милана. – Пожалуйста! Ты умная.
Польстили коменданту эти слова или нет, не знаю. На лице у нее ничего не отразилось.
– Вы совсем еще дети, – сообщила она. – Вас расчетливо используют в своих целях могущественные существа, а вы продолжаете просить чужих о помощи? И доверять тем, кого видите впервые?
– Ты про себя? – спросила Милана.
– Конечно.
Я смотрел на Милану и думал, что же она ответит. Я был с ней, и мне казалось, что я ее неплохо знаю. Больше того, какое-то время мы существовали как единое целое, знали мысли друг друга, читали воспоминания, общались с такой доверительностью, о которой людям можно лишь мечтать.
Но мы остались сами собой.
И сейчас, когда связь была прервана, я не знал, что скажет Милана.
– В этом мой смысл, – ответила Милана. – Там много всего, но в основе – доверие.
– Как же ты собираешься выжить… – пробормотала Мар.
– Доверяя тем, кому можно доверять.
– Мне можно? – спросила Мар с любопытством.
– Да, – твердо ответила Милана.
– Я агент Прежних, работающий на Инсеков, – сказала Мар. – Значит, я предатель. Я комендант планеты, мне приходилось принимать решения, обрекающие на смерть десятки и сотни разумных существ. Значит, я убийца. Вы спасли планету и мою задницу, а я заманила вас на заминированный глайдер. Значит, я неблагодарная лживая сука, которая не ценит ни свою, ни чужую жизнь. Почему ты считаешь меня достойной доверия?
Милана посмотрела в иллюминатор.
– Потому, что ты отвела глайдер от планеты на несколько тысяч километров.
Мар несколько мгновений молчала. Потом вздохнула:
– Все равно бы Трисгарду досталось при взрыве…
Потянувшись, она взяла бутылку и несколькими глотками допила воду. Поставила обратно и похлопала Милану по плечу. Потом сказала, уже совсем другим тоном:
– Не гожусь я вам в союзники! Вы мне дали надежду, что в этом дрянном мире что-то когда-то может измениться к лучшему. А я вам ничего дать не могу.
– Это потому, что вы рассматриваете происходящее исключительно с точки зрения данной реальности и знакомых вам сущностей, – произнесли за моей спиной.
Мар вскочила, из пальцев у нее выдвинулись когти. Милана вздрогнула и сдвинулась вместе с креслом. Только Дарина улыбнулась.
И я не стал дергаться. Не вставая, развернулся и посмотрел на Продавца. Спросил:
– Снова воплотились?

Продавец внимательно осмотрел свои руки, покрытые рыжеватым мехом. Почесал переносицу. Он выглядел как очень сосредоточенный и очень серьезный лис.
– Воплотился. Это очевидно. Следовательно, сейчас снова ключевой момент вашей судьбы… Постойте! Мы не на Земле?
– Мы в космосе поблизости от Трисгарда.
– Замечательная планета! – воскликнул Продавец с энтузиазмом. – Я тут бывал…
Он попытался шагнуть, дернулся и чуть не упал. Подтянул свой халат и недоуменно посмотрел вниз. Покачал головой:
– Ах, какая незадача…
Его металлические, похожие на птичьи лапы ноги вросли в пол, будто составляли с ним единое целое.
– Не очень… удачное… воплощение… – подергиваясь и пытаясь вытащить ноги из пола, сказал Продавец.
Потом, смирившись, махнул рукой.
– Мне придется стоять. Но это, очевидно, недолго.
– Что вы тут делаете? – воскликнула Мар. – Как вообще…
– Он из нашей реальности, – объяснил я. – Говорил же, он предупредил меня…
– А, тот самый. – К Мар вернулось хладнокровие. Она обошла стол, встала перед Продавцом. Тот был выше нее, и коменданту пришлось задрать голову. – Не люблю я вашу породу!
– Мы умные и хитрые, нас никто не любит, – согласился Продавец.
– Умных я люблю, хитрых тоже, – пробормотала Мар. – Но вы отрезаете головы живым существам…
– Только умирающим. Даем им новую жизнь! – запротестовал Продавец.
– И вы ускользнули от всех, от Инсеков и от Прежних, с вас не собирают дань ни смыслами, ни жизнями, вы…
– Ты знаешь, каков был наш мир и каковы были мы? – спросил Продавец.
– Нет, – Мар покачала головой.
– Тогда заткнись. Ты даже не представляешь, через что мы прошли и чего лишились. – Голос Продавца утратил всякое добродушие.
Я замер, ожидая реакции коменданта.
– Да, вы правы, – неожиданно сказала Мар. Кивнула: – Мои извинения.
– Принято, – ответил Продавец.
Мар обошла Продавца кругом. Тот молча следил за ней, голова его при этом совершила полный оборот.
– Вы близки по возможностям к Инсекам и Прежним, – сказала Мар с явным любопытством. – Но ухитряетесь удерживать нейтральный статус, что само по себе огромное достижение.
Продавец кивнул.
– Однако для этого вы пожертвовали своим родным миром и своей биологической сущностью, – продолжала Мар. – Как вы ухитрились сохранить рассудок? У других разумных видов это не получилось, они утрачивали смысл существования. Даже Высшие периодически воплощаются в простые жизненные формы.
– Именно поэтому мы входим в симбиоз. – Продавец торжественно коснулся своей лисьей головы. – Мы не ходячие компьютеры. Мы киборги.
– Ага, – кивнула Мар. – Понимаю.
– Вам так и не удалось найти Высшего? – спросил Продавец, обращаясь ко мне.
– Одного нашли, – признал я. – Довольно дружелюбного. Но он отказался. Боится других.
– Я опасался такой ситуации. – Продавец вздохнул. – Вы же понимаете, что из этого следует?
Я пожал плечами.
– Вам придется поставить Высших в безвыходное положение, – сказал Продавец. – Понятно же, какую тактику игры вы можете использовать?
Он помолчал, глядя на меня. Я покачал головой.
Продавец вздохнул.
– Есть два варианта взаимодействия. Игра с нулевой суммой и игра с ненулевой суммой… Так понятнее?
– Понятнее, – сказала неожиданно Милана. К моему удивлению, Мар тоже кивнула.
– Мне нет, – признался я.
– В игре с ненулевой суммой могут выиграть все стороны, – пояснил Продавец. – Мы в свое время поставили Высших именно перед такой ситуацией. Сотрудничество с нами

было выгодно для всех – и для Прежних, и для Инсеков, и для прочих цивилизаций. Даже для подчиненных миров мы смягчали тяжесть оккупации.
– И себя не забывали, – заметила Мар.
– Разумеется, – ответил Продавец с достоинством. – Общая выгода перевешивает. Но вам нечего предложить другим! Это классическая игра с нулевой суммой: если выигрываете вы, то проигрывают иные Высшие.
– И что тогда делать? – спросил я. – Нам действительно нечего предложить! Даже местному варианту нашего Высшего!
Продавец улыбнулся.
– О! Вы все-таки можете кое-что предложить! То, чего нет. Третий вариант взаимодействия.
Я посмотрел на Милану.
– Мне не нравится, – произнесла она.
– Но это единственное, что у вас есть, – сказал Продавец. – Я уже собрал достаточно информации, чтобы понять – вы сможете. Вы достаточно сильны.
– Но я не хочу, – ответила Милана.
Дарина коснулась моей руки, негромко спросила:
– Ты понимаешь, о чем они?
– Кажется, – сказал я. – И мне тоже это не нравится. Но если есть плюс и есть нуль, то есть и…
– Игра с отрицательной суммой, – прошептала Дарина.
– О да, – кивнул Продавец. – Именно. Вы должны создать ситуацию неприемлемого ущерба. Такого чудовищного минуса, что Высшим придется пойти вам навстречу и открыть проход в вашу реальность.
– Они же Высшие, – сказал я. – Их возможности куда больше наших.
– Кто больше имеет, тот рискует больше потерять, – хладнокровно ответил Продавец. – Это как с ядерным противостоянием в вашей истории. Страна могла быть сколь угодно слабее противников, но, получив ядерное оружие, она становилась неуязвимой. Минусы конфликта перевешивали плюсы.
– То есть нам надо припугнуть Высших? – поразилась Милана.
– Нет-нет! Не просто припугнуть! – Продавец погрозил Милане пальцем. – Если угроза фальшива, они поймут. Вы должны быть готовы вступить в конфликт. Должны стремиться действительно уничтожить Высших.
Он помедлил и сочувственно спросил:
– Сможете? Это ведь должно быть трудно… для вашего смысла…
Милана молчала.
– Но вы так изящно и так безжалостно расправились с Икаром. Вам помог местный Высший, так?
Я нахмурился.
Продавец очень быстро собрал данные. Пожалуй, быстрее, чем Мар. Наверное, киборгу проще перехватить электронные информационные потоки.
Но одной вещи он не понял.
Не Милана с ее смыслом уничтожила Прежних.
Это сделали я-мы. Что-то новое, родившееся на Трисгарде. Принадлежащее только людям, Карир нас лишь подтолкнул.
– Она справится, – быстро сказал я, чтобы Милана не ответила. – Если надо – справится!
– Тогда все же отправляйтесь в путь, – кивнул Продавец. – К Инсекам или Прежним, решите сами – кого вам проще возненавидеть.
– Но ведь Высшего там не будет! – воскликнула Милана. – Их Высшие еще не родились!
– Но точно так же могут путешествовать во времени, как и твой, – Продавец хихикнул. – Каждый Высший уязвим в момент своего зарождения. На Ровиане и на Чш-чшш-жж начинаются их пути. И если уничтожить планету со всеми ее обитателями, это убьет или чудовищно ослабит Высшего. Угроза всей планете заставит их появиться и пойти на переговоры.
Он произнес название планеты Инсеков куда легче, чем Мар, будто его голосовой аппарат оказался для этого лучше приспособлен.
– Там же есть и обычные люди, – сказал я. – Или обычные Инсеки…
– Не повезло, – хладнокровно ответил Продавец. – Но вы должны быть готовы и к этому. В игре с отрицательной суммой нельзя блефовать.

– Какие вы все-таки жестокие и коварные существа, – вздохнула Мар. Отошла в сторону, щелкнула ароматическим прибором, глубоко вдохнула. – Даже мне не по себе. Слушай, хитрый лис, а с чего ты так помогаешь ребятишкам?
– Это как раз пример игры с ненулевой суммой, – ухмыльнулся Продавец. – Во-первых, их Высший нам не враждебен. Во-вторых… если они вернутся, то и я, скорее всего, возникну в нашей реальности.
– «В-третьих» будет? – спросила Мар.
– Через несколько секунд я исчезну отсюда, я это вижу. – Продавец развел руками. – А еще через минуту вас ждет сюрприз, приготовьтесь.
– Скажете, какой именно? – Я посмотрел Продавцу в глаза.
Тот замялся.
– Ожидаемый. О котором вам следовало подумать сразу. Я полагаю, что вы выкарабкаетесь, а возможно, даже используете ситуацию к своей выгоде. Удачи вам.
Он исчез.
– Не люблю я их, – сказала Мар задумчиво. – Не люблю… Есть мысли, о каком сюрпризе он говорил?
Я встал из-за стола, вслед за мной поднялась Дарина. Милана подошла к нам. Я обнял девчонок.
– Мысли есть, – сказал я. – Прежняя Мод, скорее всего, где-то здесь, с нами.
– И вряд ли она в хорошем настроении, – крепко сжимая мою руку, произнесла Дарина.

Глава шестая

Мар недоверчиво смотрела на нас несколько мгновений. Потом покачала головой.
– Нет. Невозможно. Внутри глайдер контролируется. Удержаться снаружи, на корпусе… даже для Прежней это очень сложно. Продавец имел в виду что-то другое!
– Но ведь они умеют прятаться в иное пространство, – возразил я. – Там находятся их корни… совмещенные организмы.
– Что-то всегда должно оставаться снаружи, – уверенно сказала Мар.
– А если она замаскировалась? – спросила Милана.
Комендант расхохоталась.
– Вы имеете в виду меня? Нет, серьезно? Я пришла с отрядом Измененных, знающих, что там были враги, а искалеченная Прежняя ухитрилась меня подменить у них на глазах? Нет, тогда уж скорее…
Мар перестала смеяться.
– Нет, – сказал я. – Да нет же!
На самом деле я сразу понял, о чем она говорит.
Понял и поверил.
Но не мог не попытаться возразить.
– Кто-то из вас, – очень спокойно сказала Мар. – Мод подчинила кого-то из вас, пока вы валялись без памяти. Если Икар уничтожил все ее личности, кроме одной, то она в отчаянье могла соединиться с тем, кто был рядом. И скрыться в своем пространстве, ментально слившись с жертвой. Контролируя или просто наблюдая. Может быть, вы даже этого не ощущаете.
– Бр-р. – Милана обняла себя за плечи. – Ты можешь как-то это проверить? Не хочется… чтобы вдруг выскочила Прежняя.
Дарина боязливо оглянулась. Отступила к переборке, виновато улыбнулась мне. Я бы тоже прижался спиной к стене, но очень не хотелось показывать тревогу.
– Очень просто. – Мар нехорошо улыбнулась. – Я досчитаю до пяти. Если Мод не объявится, я взорву глайдер. В таком состоянии она точно не сможет помешать. Даже если уцелеет, то останется в карманной вселенной, без возможности выйти. Жутковатая смерть, правда? Считать?
– Давай, – сказал я. – Считай.
– Уверен? – Теперь улыбка Мар походила на хищный оскал.
– Абсолютно. Внутри нас она, в ином пространстве, по обшивке глайдера тонким слоем размазалась – не важно! Если не объявится, то взрывай.
Я не стал говорить, что на счет «четыре» собираюсь объединиться с Дариной и Миланой, а потом перенестись на планету. Если получится, то мы спасемся. Может быть, и от Мод избавимся при этом, и от Мар.
Все-таки не было во мне симпатии к Мар, пусть даже в этом мире она человечнее, чем в нашем.

– Один, – сказала Мар. – Эй, Прежняя, выходи!
Я сжал кулаки, прислушиваясь к ощущениям.
А вдруг Мод во мне? Прицепилась, будто пиявка, к разуму и телу, скрылась в своей карманной вселенной, сидит там, зализывая раны и мечтая о мести…
– Два, – продолжала Мар. – Я тебя помню, Мод. Ты управляла Саельмом, когда меня изменяли.
Вот так, я подозревал, что в решимости коменданта погибнуть вместе с Прежней есть что-то глубоко личное.
– Три, – произнесла Мар. – Лучше я сделаю все быстро, чем попаду тебе в руки, Снежная королева…
– Стоп, – сказала Дарина. – Прекрати отсчет.
– Почему? – Мар недоуменно глянула на нее.
– Я вышла.
Почему-то я думал, что Мод появится во плоти. Был почти уверен, что она возникнет где-нибудь у меня за спиной, что именно ко мне она прицепилась, пока я лежал без сознания.
А она скрывалась в Дарине! И предпочла говорить ее губами, не высовываясь.
– Причинишь ей зло, – прошептал я, глядя на Дарину, – тебе не жить.
– Знаю, – ответила Прежняя в теле Дарины, повернувшись ко мне. – Мне не жить, и придется еще долго молить тебя о смерти. Я все понимаю и отношусь к твоей угрозе с должным уважением.
Милана за спиной Дарины вопросительно посмотрела на меня. Я качнул головой.
Нет.
Сейчас не время для драки.
– Есть возможность решить дело миром? – спросил я.
Лже-Дарина кивнула.
– Надеюсь. Насколько я понимаю, это не ваша реальность и не ваша война. Мне плевать на вас, вам на меня. Вы предлагали уйти, теперь бы я согласилась.
– Очень хочется все взорвать, – задумчиво сказала Мар.
– Я тебя не помню, милая, – отозвалась Мод. – Корень погиб, я потеряла большую часть памяти. Неужели я тебя так сильно обижала?
– Не меня.
– Что поделать, жизнь сурова, – вздохнула Мод. – Не оправдываюсь, но наш вид никогда не отличался милосердием. Как и люди, впрочем. Будем договариваться?
Я подошел к Дарине вплотную. Взял ее за руку. Сказал:
– Будем. Держись, Даринка.
– Ее сознание спит, – пояснила Мод. – Но если тебе хочется произнести положенные слова, пытаясь достучаться до разума Дарины, то говори. Можешь даже поцеловать ее, ведь поцелуй любви творит чудеса.
– Не паясничай, – ответил я. – Чего ты хочешь? Уйти? Мы тебя отпустим. Клянусь.
Мод покачала головой.
– Я серьезно пострадала. Мне нужно принять в себя новые личности, чтобы восстановиться. Кто попало не сгодится.
– Исключено, – сказал я. – Нас ты не получишь!
– Понимаю, – кивнула Мод. – Да вы мне и не нужны. Если я приму ваши личности, то вы одержите надо мной верх.
– Я могу стать частью тебя, – неожиданно произнесла Мар. – Только договоримся о правилах.
– А как же ненависть к Прежним? – Мод рассмеялась. – Ох, какая знакомая история…
Удивительно. Это была Дарина. Тело Дарины, лицо Дарины, голос Дарины, даже мимика, улыбка, то, что левый уголок губ поднимался чуть выше правого, то, как она едва заметно щурилась, смеясь, – все это было Дариной.
Но я ее больше не видел, я видел Мод. Холодную, безжалостную, саркастичную Мод.
Как она проявилась в Дарине?
В словах?
Или есть что-то глубже и сильнее слов, что мы чувствуем сразу? То, что называют «любовь с первого взгляда», «сразу возненавидел», «сходу подружились»?
Мод, какой бы побитой и искалеченной Икаром она ни была, оставалась все той же злобной тварью. Даже в теле Дарины.
– Патриотизм, вера, любовь… – сказала Мод, будто выплевывая слова. – Сколько я таких повидала. И за родину готовы умереть, и за идеалы до смерти бороться, и вместе с любимым человеком погибнуть. А поманишь чуток, пообещаешь… даже не бессмертие и силу, а лишь долголетие и деньги… И все, глядишь, человечек из кожи

вон лезет, чтобы лишнюю сотню лет прожить в тепле и сытости. Готов дерьмо жрать, родных детей на заклание отдать…
Она торжествующе посмотрела на Мар.
– Я попробую тебя побороть, – сказала комендант. – Сделать другой. Только отпусти девчонку, возьми меня. Ты ничем не рискуешь, ты будешь контролировать бомбу.
– Хорошая попытка, – пробормотала Мод. – Возможно, ты и впрямь настолько самонадеянна… хотя я чую подвох. Нет, спасибо. У меня другое предложение! Хотите выманить Высшего и поставить ему ультиматум? Что ж, Продавец не дурак, это может сработать. Я помогу вам атаковать Ровиан.
– Что? – Я не поверил услышанному.
– Атаковать Ровиан, – повторила Мод. – Вам нужно, чтобы пришел Высший. А мне нужно достаточное количество разрозненных Прежних, чтобы вобрать их и войти в старший аркан…
Я не понял. Я не знал иерархию Прежних настолько хорошо. А вот Мар встрепенулась.
– Метишь в Императрицы, Мод?
– В моем положении терять уже нечего. – Прежняя вскинула голову. – В Волшебника… а то и…
– В Дурака? – Мар уставилась на Мод в каком-то брезгливом восхищении.
– Поглядим, – ответила Мод.
Милана переводила взгляд с Мод на Мар, потом спросила:
– Это же карты Таро, так?
– Карты Таро названы в честь различных сущностей в иерархии Прежних, – пояснила Мар. – Госпожа Мод из младшего аркана… а вот Икар был из старшего.
– Сила, – кивнула Мод. – Очень жаль, что вы уничтожили его полностью, достаточно было выбить десяток-другой основных личностей. Остальные давно лишились воли и покорились бы мне.
– А у вас все непросто, – сказал я.
– У всех все непросто. Ну как, поработаем вместе?
Мы с Миланой переглянулись.
– Предложение честное, – заверила Мод. – Ваши личности мне не годятся, я даже девочку взяла не без труда. В нынешнем положении меня ждут тысячелетия прозябания. А вот если вы нанесете удар по Ровиану и разрушите десяток Прежних, обязательно явится Высший. Вы отправитесь домой, я поглощу осколки мертвых, возьму власть и стану основой Высшего. Всем хорошо.
– Кроме тех Прежних, кого мы убьем, – сказала Милана.
Мод посмотрела на нее, как на сумасшедшую.
– Вам-то что?
Я решил, что дальше предаваться моральным терзаниям не стоит. Спросил:
– Как мы можем доверять друг другу?
– Да это же выгодно всем! – ответила Мод. – Как говорил ваш друг Продавец – игра с ненулевой суммой. Я восстанавливаюсь, более того, продвигаюсь на самый верх. Вы возвращаетесь в свой мир. Высшему ситуация более-менее безразлична. Мар… что ж, обещаю ее не трогать. Что ты там хотела, комендант? Отставку, человеческое тело и домик на теплом берегу? Все будет. Без вас мне никого из Прежних не одолеть, я обессилена. Вам без меня не ударить по Ровиану, тут требуется не только сила, но и знания. Мы нужны друг другу!
Я все еще колебался.
Мод вздохнула:
– Эй, Максим! Ау! Если я решу предать, меня все равно уничтожат. Узнают все, что я сейчас наговорила, и соорудят персональный ад на ближайшую тысячу лет! Если вы решите меня предать и после победы не позволите взять власть на Ровиане, миры Прежних охватит анархия. Человечество рухнет под ударами Инсеков, а вы ведь этого не хотите.
Я подумал, что «пауки в банке» – это недостаточно точная характеристика Прежних. Скорей уж, «голодные крысы в коробке». И пожирать друг друга, причем в буквальном смысле слова, забирая часть чужих личностей в свое коллективное сознание, – это у них в порядке вещей.
Вот ведь жуть какая. Три месяца назад несчастный уничтожитель, ворвавшийся в Гнездо, казался мне воплощением всех возможных кошмаров!
Сейчас я стою и разговариваю с древней тварью, управляющей из потаенного пространства моей любимой девушкой. С тварью, ранее состоявшей из десятка личностей, а в будущем планирующей поглотить сотню других!
Она безумна?

По человеческим меркам – несомненно.
Она омерзительна?
То же самое.
Но в мире Прежних это вполне обычное поведение.
– Хорошо, – сказал я. – Но ты освободишь Дарину.
– Я не настолько глупа, – ответила Мод.
– Для боя с Прежними нам придется объединиться, – объяснил я. – Ты нам в составе команды не нужна. Только помешаешь, и мы все проиграем.
Мод кивнула:
– Это убедительно. Я верну ей свободу, но перед самым боем.
– Нет… – начала Милана.
– Мы согласны, – вмешался я. – Излагай свой план.
Мар вздохнула. Отошла к креслу пилота, прислонилась к спинке, с сомнением глядя на меня. Сказала:
– Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь, Максим. Это походит на затейливое самоубийство.
– Делаю что могу, – ответил я. – Но ты же и так собиралась нас всех взорвать.

Может, и хорошо, что Мод так явно проступила в Дарине. Не было ощущения, что я вынужден говорить с террористом, что моя девушка заложник и в плену. Я словно отключил все мысли о ней, сосредоточился на главном.
А Дарины здесь вообще нет. Дарина уехала, Дарина где-то далеко, Дарина в безопасности. То, что я вижу и слышу, – это просто нечто на нее похожее.
У меня однажды была такая ситуация, когда хороший приятель, даже почти друг, вдруг повел себя как скотина. Причем он никуда не делся, мы продолжали видеться, разговаривать, тусили в одной компании… ну, без всякой дружбы, конечно. Я вначале думал, что мне будет неприятно и тяжело, я стану вспоминать прежние отношения. А потом понял, что смотрю на него совершенно спокойно. Потому что мой друг и этот человек – они совершенно разные люди, их не надо смешивать.
Так и с Мод.
– Ключевые планеты редко подвергаются глобальной атаке из космоса, – объясняла она, сидя у стола. – Это всегда риск вмешательства Высшего.
– Но ведь Землю атаковали в далеком прошлом, – заметил я.
– Да, после этого и произошло переселение на Ровиан, а Земля стала нашей же колонией, – кивнула Мод. – Но в тот момент наш Высший только зарождался и был уязвим. Однако он вмешался и помог сохранить планету и остатки цивилизации.
Сейчас негласная договоренность защищает Ровиан и Чш-чшш-жж. Пройти на Ровиан через портал мы не сможем: ключ перехода был одноразовым, разрушив портал, вы его скомпрометировали. Поэтому – только атака из космоса.
– На Трисгарде есть единственный корабль, способный совершить прыжок к Ровиану, – заметила Мар. – Это легкий корвет, он предназначен скорее для эвакуации, чем для боя.
– Но ты ведь сможешь его реквизировать, – сказала Мод. Она не спрашивала, она утверждала.
– Смогу. После этого у меня не будет пути назад.
Мод пожала плечами.
Глайдер приближался к планете. Я стоял у иллюминатора, поглядывая то на Мод, то на Трисгард. Как ни странно, из космоса этот мир выглядел совсем непохожим на Землю. Какой-то другой оттенок облаков, слегка синеватый, суши гораздо меньше, и она выглядит сглаженной. А ведь и впрямь! Вспоминая полученную когда-то информацию, я понял, что здесь почти нет гор.
Интересно, почему? Более старый мир? Меньшая вулканическая активность?
Значит, у тэни нет альпинистов, и на горных лыжах они не катаются.
А что еще может измениться в обществе, если цивилизация существует на плоскости? Будут ли они больше стремиться в небо или, напротив, утратят к нему интерес? Появятся ли мифы о богах, если нет Олимпа?
Я вновь начал злиться, думая о бесчисленных мирах, которые покорят Инсеки и Прежние. Похожих, но при этом разных. Способных просто поделиться друг с другом культурой и знаниями, а вместо этого превращенных в беспомощные колонии.
Вся эта чертова гонка за сингулярностью, за всезнанием и бессмертием как можно скорее – зло. И пусть я не знаю до конца, как собирается действовать «наш» Высший, но он хотя бы предлагал делиться смыслами… с теми же тэни, например.

Если бы можно было не просто вернуться в наш мир, а еще и уничтожить Высших у Прежних и Инсеков! Лишить смысла их цивилизации!
Но я же не самонадеянный идиот, я понимаю, что это неосуществимо. Даже одного Высшего не победить, можно лишь угрожать ему неприемлемым ущербом!
– Думаешь о том, как хорошо было бы владеть всем миром? – спросила Мод.
Как ни странно, произнесла она это без всякой иронии.
– Да, – признался я.
– Вот с этого все и начинается, – сказала Мод с видимым удовольствием. – С того, что кто-то решает сделать все хорошо. А для этого что надо? Надо иметь власть. Силу. И время, конечно. Но «хорошо» у всех разное. И приходится этих «всех» переламывать.
– То есть не надо делать всем хорошо? – спросила Милана.
– Надо, – кивнула Мод. – Только признайтесь себе, что для этого придется многим делать плохо. Что, думаешь, ты получила какой-то совсем-совсем уникальный смысл? Который сразу всю Галактику превратит в цветущий сад? Девочка, каждый из нас когда-то так думал. Потом пришел к выводу, что кое-кого придется пустить на удобрения для сада. А потом понял, что единственный способ сделать хорошо всем – сделать всех собой!
– Ты размываешь мой смысл, – заметила Милана.
– Не специально, – отмахнулась Мод. – Но если ты пройдешь свой путь осознания быстрее, то хорошо. Мы еще поболтаем с тобой, будучи Высшими, через миллион лет, в твоей или моей реальности. А потом, возможно, сойдемся в поединке, от которого черные дыры будут лопаться, будто воздушные шарики, а галактики гаснуть, как спички на ветру.
Мар, сидящая в кресле управления, негромко сказала:
– Какая самонадеянность, госпожа Мод.
– Да брось, ни малейшей, – отозвалась Мод. – Может, я и проиграю. А может, мы не станем сражаться, а сольемся воедино. А?
Она легонько, дружески ткнула Милану в бок.
– Без шансов, – ответила Милана.
– Ты личинка своего Высшего, – сказала Мод. – Как и я, кстати. Все мы, Прежние, – потенциальная часть нашего Высшего. Но я умнее тебя, нас много, поэтому наш Высший куда лучше защищен. И я рискну, повышу свою значимость в нашем будущем боге. Я стану определять, каким он будет.
– Вот уж оптимистично, – снова вмешалась Мар.
– По-прежнему хочешь слиться со мной и побороться за власть? – спросила Мод. – Хорошо, я дам тебе этот шанс. Ты достаточно авантюрна и нагла для этого. Будет интересно.
– Причалим к кораблю через минуту, – сказала Мар.
Мод кивнула.
– Все-таки ты не права, – произнесла Милана. – Наш Высший… он другой.
– Тебе так кажется, – безапелляционно заявила Мод. – Понимаю, когда он сливался с тобой, ты чувствовала его уверенность в собственной правоте и чистоте. А как иначе? Все считают себя достойными и хорошими, даже самая последняя тварь.
Она замолчала, глядя на меня. Продолжила, словно с неохотой:
– Но… ваш Высший силен. Он ведь не воплотился полноценно, так? Но уничтожил Икара…
Похоже, Мод до сих пор не понимала, что с Икаром сражался не Высший. Значит, память Дарины не открыта ей до конца. Или же Дарина сама этого не понимала, мне открыл глаза только разговор с Кариром, пока время вокруг нас застыло.
– Хватит нашей силы на то, чтобы угрожать Ровиану? – спросил я.
– Полагаю, что да, – ответила Мод, не колеблясь. – Вы оперируете размерностью мира в сторону уменьшения, такого никто еще не делал. Я бы не стала рисковать открытой схваткой на важной для меня планете. И наш Высший не станет.
– Прибываем, – сказала вдруг Мар.
Почему-то я думал, что корвет на планете.
А он был на орбите Трисгарда!
Огромная фигня из серого металла, похожая на пятигранник с дыркой в центре. Никаких мерцающих огней, никакого видимого движения, просто кусок металла, оброненная великаном в космосе гайка.
– Пентагон летающий, – сказала Милана, и я мысленно с ней согласился. Спросил:
– Мы справимся с управлением?
– Там есть экипаж. Два десятка стражей, монахов и пилотов, – пояснила Мар.
Про корабли Инсеков меня на Саельме не учили. Значит, два десятка?

– Но они…
– Будут мне подчиняться, – уверила Мар.
– Они же погибнут, когда мы нападем на Ровиан!
– Мы солдаты, – сказала Мар. – Поверь, идея ударить врага в самое сердце им понравится.
Мод одобрительно кивнула. Помолчала несколько секунд, будто ожидая наших возражений. Не дождалась. И произнесла, обращаясь то ли к Милане, то ли ко мне:
– Вот видите, как легко смириться с необходимостью жертв, когда умирать будут другие?

Глава седьмая

Не знаю, как именно летают корабли Инсеков. Видимо, не так, как корабли Прежних, потому что Мод с любопытством осматривалась внутри, а потом заметила:
– На наших кораблях применение умного металла невозможно, двигатель его дестабилизирует.
Да, корабль Мод, где я когда-то ее убил, выглядел иначе. Более человеческим, с открывающимися дверями, прямыми линиями, лампами на потолке.
В ее каюте даже люстра висела.
И пахло свежестью.
А здесь, на легком корвете Инсеков, все было как в лунном корабле из нашей реальности. Серо-голубой «умный металл», сплошь кривые линии, полутьма, высокие влажность и температура.
Не хотел бы я здесь служить.
Впрочем, экипаж мы даже не увидели. Мар общалась с ними мысленно, я тоже ощущал присутствие чего-то, напоминающего Форт, – какой-то общей нейронной сети, – но подключаться к ней не стал. Пока не надо.
Помешает думать.
Как бы там ни было, я ни на миг не верил ни Снежной королеве Мод, ни коменданту Маргарите.
Мар реально хочет побороться с Мод за контроль? Не может она быть настолько наивной! Ей не справиться с древней хитрой тварью, как бы та ни была ослаблена.
Мод на самом деле хочет нанести удар по Ровиану, сожрать куски убитых Прежних и позволить нам уйти? Никогда ей этого не простят оставшиеся в живых! Ни предательства, ни такого резкого возвышения.
А Продавец Шредингера, то возникающий, то исчезающий рядом с нами? Он действительно хотел помочь нашему Высшему, потому что не считает его конкурентом? Разве так бывает среди Высших?
Я могу верить лишь своим. Лишь Дарине и Милане. Даже маленький Карир, пусть и помог нам, прямо велел уходить и больше не попадаться.
Высшие не умеют дружить. У каждого из них собственный смысл, противоположный остальным, разный образ будущего. А уж Прежние – это ложь в кубе.
Мы шли по дуге коридора, от оставшегося в ангаре глайдера к рубке управления, а я все пытался понять, что именно задумали Мод и Мар. От этого зависела наша жизнь и, возможно, жизни миллионов – и людей, и тэни, и прочих существ.
Жизни Прежних и Инсеков меня, если честно, особо не заботили.
Чего на самом деле хотят эти две столь непохожие женщины?
Мы вошли в рубку, удивительно маленькую для такого большого корабля. Шар из темно-серого материала, диаметром метров пять. В центре шесть кресел, развернутых спинками друг к другу, словно лепестки цветка или патроны в барабане револьвера.
Казалось странным, что спускаться к креслам придется по наклонной поверхности, но, когда я осторожно перенес ногу через порог двери, шар словно наклонился надо мной.
Я сделал шаг, другой и понял, что в каждой точке шара свой вектор гравитации.
Наверное, можно даже было подняться и встать на потолке, вниз головой.
Но я не стал пробовать себя в акробатике. Дошел до одного из кресел, сел в него и почувствовал, как подлокотники мягко изгибаются, фиксируя меня.
– Это резервный центр управления, – пояснила Мар. – Не стоит смущать экипаж появлением в главной рубке. К тому же тут лучше вид, а места для нас хватает с избытком.
– А где системы управления? – спросила Мод.
– Мысленное.

– И, конечно, настроено лишь на тебя?
– Да.
– Ты ведешь свою игру, – задумчиво сказала Мод. – Что ты задумала, Мар?
– Все как договорились, – ответила комендант. – Мы летим к Ровиану. Атакуем. Ты примешь меня к себе. Уверена, мы обе не прогадаем.
– То ли ты очень умна, – произнесла Мод, – и сделала правильную ставку. То ли очень глупа и самонадеянна. Что ж, увидим… В любом случае мне нужна система связи, совместимая с нашими. Иначе нас уничтожат еще до приближения к планете.
– Сейчас будет, – согласилась Мар.
Перед Мод повисло светящееся полупрозрачное изображение – овальный пульт с какими-то символами. Мар и Мод принялись обсуждать каналы и протоколы связи, я не вслушивался, лишь спросил:
– Сколько нам лететь?
– Полчаса, – ответила Мар.
– Это так близко? – поразился я.
– Расстояние не имеет значения. Нужно время на разгон и формирование портала, сам переход происходит вне времени.
Мне показалось, что в голосе Мар мелькнула снисходительность. И что-то вроде облегчения… вот это мне очень не нравилось.
Она действительно ведет двойную игру.
Я посмотрел на Милану, сидящую по правую руку от меня. Она повернула голову, улыбнулась мне. Я позволил своему смыслу работать – и понял, что Милана тоже все понимает. От Мар и от Мод нужно ждать подставы.
Но совершенно разной.
Я все смотрел и смотрел на Милану. Между нами сейчас не возникло никакой мысленной связи, а ее смысл был погребен в глубинах сознания. Но она всегда мне помогала думать. С тех самых пор, когда сказала «смотри на то, чего нет».
Чего нет?
Мод. У нее нет шансов войти в этот самый «старший аркан».
Да, она хочет пробиться на самый верх в иерархии Прежних. Считает себя незаслуженно обойденной. Никакие поглощенные фрагменты Прежних ей не помогут, конечно. Толпой ее задавят, а ее в любом случае будут давить: все поймут, что именно она привела врагов. Даже если сейчас она захватит власть на Ровиане, то после того как мы уйдем, ее подловят и уничтожат. Ни один Прежний, пусть даже самый сильный, не справится с толпой Прежних. Тут только Высший, да и то с трудом…
Ага.
Я понял. Четко и ясно.
У Мод был единственный шанс победить, отчаянный, авантюрный, но вполне отвечающий ее характеру.
Теперь я знал, как все будет происходить.
Я улыбнулся Милане уголками губ. Все будет сложно, очень сложно, потому что нам все равно придется сотрудничать с Мод… до определенного момента.
Теперь Мар.
Чего нет у тебя, бедная девочка из прошлого века, которую утащили на Саельм, чья страна давно исчезла, чьи родные умерли, чьи подруги превратились в монстров у тебя на глазах, ставшая дважды предательницей? Ну же, воображуля, сплетница, царь, царица, красная девица…
У тебя нет шансов победить Мод, когда она вберет тебя в свой корень. И ты это знаешь, Мар.
Чего еще у тебя нет?
Желания жить.
Ты просто хочешь отомстить. Всей Вселенной. Но уж Прежним – в первую очередь.
Да.
Кажется, я понял и ее план. Догадался, что за козырь комендант прячет в рукаве.
И мне придется ей подыграть… до определенного предела.
Кажется, будет очень сложно.
Но теперь уже можно признать и то, чего нет у нас.
У нас нет другого выхода, кроме как играть краплеными картами в компании двух жуликов против толпы бандитов. И надеяться, что когда в разгромленный игорный зал ворвется разъяренный хозяин притона, то именно мы сможем диктовать условия.
– Мар, можно ли как-то спасти экипаж корабля? – спросила Милана, глядя на меня.
– Зачем? – поинтересовалась Мар.
– Потому что мой смысл требует этого, – серьезно ответила Милана.

– Нам надо попасть на Ровиан, – сказала Мод. – Разве есть иные варианты?
– А если мы остановимся подальше от планеты, продолжим полет на глайдере, а корабль уйдет?
Вначале я подумал, что Мар отвергнет предложение с порога. Потом сообразил, что ее это вполне может устроить. Если не возразит Мод, конечно.
– Определенный смысл есть, – неожиданно сказала Мод. – Нас с большей вероятностью пропустят на планету.
– Если ты настаиваешь. – Мар была сама любезность.
– Только бомбу с глайдера придется убрать, – неожиданно произнесла Мод. – Видишь ли, Мар, нас могут пропустить, но оружие такой разрушительной силы – никогда.
К моему удивлению, Мар ответила очень спокойно:
– Конечно, Мод. Глупо было бы так рисковать.
Мод хмыкнула.
Значит, она подозревала то же самое, что и я. Значит, мы оба неправильно предположили, какой козырь прячет Маргарита.
Нет, не микроколлапсарная бомба.
Тогда что же?
– Отправляемся? – спросила Мод самым светским тоном, который только можно представить.
– Уже летим, – добродушно ответила Мар.
И серый шар вокруг нас стал прозрачным.
Нет, конечно, это было лишь изображение. Но абсолютно реалистичное.
Мы неслись в космосе, все дальше и дальше удаляясь от Трисгарда. Плыли в креслах, висящих в пустоте среди тысяч звезд. Планета стремительно уменьшалась, а звезды были все столь же обманчиво далеки.
Что задумала Мар?
Глайдер, превратившийся в энергию на поверхности планеты, – это серьезный удар. Может быть, даже конец Ровиана. Но бомбы в глайдере не будет, Мод подумала о ней в первую очередь.
Так что же тогда?
Способ Миланы не работает, у коменданта нет вообще ничего. Только она сама, девочка Маргарита, ставшая Измененной…
Ага!
Я закрыл глаза, космос был слишком прекрасен, чтобы смотреть на него и думать одновременно.
Вот теперь все сложилось.
Я понял гамбит, который играет Мод, и эндшпиль, который задумала Мар.
Мне только надо понять, когда делать свой ход.
Да-да, я ходил в шахматную секцию. Даже получил первый разряд.
– Готовимся к открытию портала, – сказала Мар. – После выхода у нас будет не так много времени, верно?
– Не беспокойся, – ответила Мод.
Я попытался повернуться, чтобы увидеть портал. Нет, кресло осталось неподвижным, но мир вокруг крутанулся. Судя по реакции Миланы – только для меня. Как Инсеки это делают? Для каждого сидящего в рубке транслируется свое изображение?
Теперь Трисгард остался за спиной, невидимый и далекий. Передо мной была только бездонная тьма, усеянная огоньками звезд. Потом впереди зажглась еще одна звезда, угловатая и дрожащая, на глазах превращающаяся в призрачную пентаграмму, затянутую внутри синей мглой.
И корвет мчался прямо в эту мглу.
– Активирую связь. Не подведи, – сказала Мар, когда синее свечение охватило нас.
Корабль неожиданно тряхнуло, несильно, но ощутимо, будто он прорывал невидимый барьер. Сияние исчезло, звезды мигнули и зажглись в других местах. А далеко впереди засияло теплым желтым светом солнце Ровиана.
Мод не отвечала. Сидела с закрытыми глазами, как я недавно, во что-то вслушивалась или вела неслышимый диалог. Потом сказала:
– Две минуты на отстыковку, курс на орбиту, высадка на планету запрещена.
Вокруг нас вновь возник серый шар рубки. Кресла расслабились, выпуская нас.
– Быстро, быстро, быстро! – выкрикнула Мар и побежала к двери.
Мы – следом.
* * *
Времени хватило. Глайдер вышел из ангара, взмыл над кораблем и рванул в сторону. А может быть, и корабль начал удаляться от нас. Мар снова была в пилотажном кресле, а

мы стояли за ее спиной. С одной стороны, казалось диким стоять в несущемся с ускорением глайдере, а не сидеть в каких-нибудь креслах или лежать в защитных капсулах. С другой стороны, я понимал, что, если генераторы гравитации откажут, никакие кресла нас не спасут.
– Что ты им сказала? – спросила Мар.
– Правду, – коротко ответила Мод. Помолчала и добавила, видимо, решив, что нужно пояснить: – Десант был уничтожен, Икар погиб, я пострадала, возвращаюсь на корабле Инсеков.
Я не сомневался, что это не все сказанное.
– Кораблю дадут уйти? – спросила Милана.
– Не интересовалась. Сомневаюсь.
Мод была вся на нервах, вся в предвкушении, я это чувствовал.
– Нам пора собраться, – сказал я.
Мод колебалась. Потом буркнула:
– Рано еще… Смотри, впереди Ровиан!
Как ни странно, но это прозвучало искренне. Я посмотрел на экраны перед Маргаритой. Нахмурился.
Планета казалась очень знакомой даже на расстоянии.
– Ровиан с кольцом? – поразился я. – Продавцы постарались?
Мод рассмеялась.
– Разумеется, нет! Это Даут, газовый гигант. Ровиан – его спутник. Голубая точка между гигантом и звездой, видишь?
Я видел. Крошечная искра, довольно далеко от окольцованной планеты.
– Ровиан – очень красивый мир, – сказала Мод. – Прекраснее Земли. Вращение синхронизировано, он всегда между звездой и Даутом. Ночью солнце заходит, а Даут поднимается на небе. Это потрясающе.
Кажется, ей действительно нравился ее мир.
– Наверное, – признал я. – Но это значит, вы никогда не видите звезды.
– Кому нужны звезды! – резко ответила Мод.
Я не стал уточнять, было ли такое «застывшее» положение Ровиана природным, или Прежние переместили планету, исходя из своих эстетических предпочтений.
– Мод, мы должны собраться воедино. Отпусти Дарину.
– Могу я быть уверена, что ты не замыслил предательства? – спросила Мод после секундного колебания.
– Ты же сама говорила про игру с ненулевой суммой, – напомнил я. – Мы все выиграем.
– Еще раз согласовываем действия.
Я вздохнул.
– После появления других Прежних я наношу им максимально возможные повреждения, чтобы ты могла вобрать их корни. Уничтожения двух-трех Прежних старшего аркана или десятка из младшего должно быть достаточно для того, чтобы ваш Высший вернулся во времени и воплотился. Я ставлю перед ним ультиматум – открыть проход в нашу реальность. Он должен принять это предложение как оптимальное. Мы уходим. Ты принимаешь в себя Маргариту. Все получают то, что хотели. Ты наверху, мы в ином мире.
– Все так, – согласилась Мод. – Не подведите, детки. Иначе всем придется туго.
– Освободи Дарину, – упрямо повторил я.
– Скорее всего, кто-то из старшего аркана захочет лично войти в глайдер и проверить, что к чему, – будто не слыша меня, сообщила Мод. – Будет довольно неприятно, если схватка произойдет на орбите.
– Тогда что?
– Я предупрежу о приближении инспектора, – сказала Мод. – Перенесешь нас на поверхность?
– Да, но для этого мы уже должны быть вместе!
Мод вздохнула. Спросила:
– Ты ее действительно так любишь, парень? Хорошо. Последнее предупреждение – не глупи. Наши уже отслеживают мое приближение, если я погибну, это станет сигналом тревоги. Глайдер уничтожат, даже твоих способностей не хватит для защиты. Пока я жива, они спокойны.
– Понимаю.
– Не хочется мне с ней расставаться, – покачала головой Мод. Посмотрела на меня. Улыбка Мод на лице Дарины казалась злобной гримасой. – Свеженькая, я таких люблю. Ладно, бери. Возвращаю.

Я не знал, как это произойдет, как будет выглядеть. Мод в своем настоящем облике возникнет рядом с Дариной? Откроется проход в тайное измерение, в карманную вселенную?
Наверное, я недооценивал Прежних.
Из всех решений они всегда выбирали самые отвратительные.
Мод неторопливо подняла руки. По-прежнему улыбаясь, с любопытством глядя на меня. Положила ладони на лицо. И потянула.
Я вздрогнул.
Мод продолжала тянуть, пальцы побелели, впиваясь в плоть.
И она начала разделяться.
Голова Дарины будто вытянулась вперед, я услышал вскрик – не Мод, а Дарины. Мод медленно выдирала Дарину из своего тела, вот уже показалась ее голова, лицо, а голова Дарины была запрокинута вперед, шея выступала из шеи Мод, она бешено билась, дергалась, а Мод уже смотрела на меня своими глазами, продолжая выдирать тело Дарины из своего. Она вновь была красива и высокомерна – ничего общего с той жалкой старухой, в которую ее превратил удар Икара.
Я стоял, до боли сжимая кулаки. Я не знал, к чему приведет попытка вмешаться. Хорошо хоть, не было ни крови, ни разорванной кожи. Мод вытаскивала Дарину из себя, будто фокусник, вынимающий один платок из другого. В какой-то момент я понял, что руки Дарины бессильно свесились, а Мод выпихивает ее своими руками, упираясь в затылок, в спину, сгибая, толкая… и не отрывая от меня взгляда.
Я стоял. Я ждал.
Кажется, Мод надоело. Может быть, она рассчитывала на другой эффект. Поморщившись, Прежняя отступила на шаг назад, и Дарина рухнула на пол, свернувшись калачиком и подрагивая в конвульсиях.
Я подошел и поднял ее на руки. Прижал к себе.
От нее пахло чем-то чужим, едким, похожим на запах старых книг или прелой листвы. Дарину сотрясали судороги, но глаза были открыты, она ловила мой взгляд и с мучительным усилием обняла меня за шею.
– С ней все в порядке, – сказала Мод. – Она не пострадала.
Я молчал, обнимая жницу.
– В этом не было ничего оскорбительного или унижающего, – произнесла Мод. Кажется, она начала волноваться. – Такова наиболее быстрая и простая процедура.
Я почувствовал, что Милана стоит за спиной, обнимая нас с Дариной. И плачет. Давно она так? Не знаю.
– Все-таки тебе не стоило ее брать, – сказал я.
– Я была слаба, бороться с вами было опаснее, – призналась Мод. – Ты помнишь? Мы союзники?
– Помню, – сказал я. – Слушай, почему вы такие мерзкие? А? Ну все эти сверхсилы, возможности… в космосе парите, лазерными лучами стреляете, время тормозите… и все равно вас тянет к какой-то дряни! Люди мечтали, что станут подобны богам, а вы…
– А ты хорошо помнишь, чем занимались боги? – ухмыльнулась Мод. – Пожирали и порабощали смертных, трахали их без разбора пола и возраста, сами превращались в чудовищ, требовали жертвоприношений, испытывали почитателей муками и страданиями, сжигали целые города, уничтожали государства и народы. В лучшем случае были равнодушны к чужим страданиям и горестям, но призывали терпеть.
– Да, ты права, – согласился я. – Я как-то не подумал.
– Раз уж ты начал играть в наши игры в таком юном возрасте, – Мод вроде как сказала это с ноткой уважения, – так не цепляйся за человеческие представления о добре и зле.
– Но ведь вы цепляетесь! – сказал я. – Только почему-то лишь за представления о зле.
– Ты не прав. – Мод покачала головой. – Дело в том, что добра нет.
– А зло, значит, есть?
– Зла тоже нет. – Кажется, Мод развеселилась.
– Она хочет сказать, что ее добро – зло для кого-то другого, – прошептала Милана. – Что все зависит от точки зрения.
Мод кивнула.
Дарина дернулась в моих руках, попыталась высвободиться. Я помог ей встать, заглянул в глаза.
Да, это была она.
Моя Дарина.
– Ты как? – спросил я.
Она покачала головой и не стала ничего отвечать.
– Мир! – воскликнула Мод.

Я кивнул:
– Да, мы союзники. Мир.
– Ты не понял. – В голосе Мод появилось напряжение. – Нас решил проверить Мир.
– Это хорошо или плохо?
– Он из старшего аркана, хоть и не из главных. – Мод волновалась все больше и больше. – Я даже не знаю, в какой личности он явится. Нужно на планету! Давайте, живо!
– Дарине надо прийти в себя, – сказал я мстительно. – Просил же раньше!
– Макс, я готова.
– Поспеши! – Теперь уже Мод паниковала. – Он сразу все поймет!
Да, наверное, медлить не стоило.
Вот только как снова войти в то предсингулярное состояние… в прошлый раз меня подтолкнул Карир, но сейчас его нет, он на Трисгарде, ничего не помнящий о своем могуществе, мамочка кормит своего поросеночка из ложечки, а он пускает сопли и…
Я поднял руку и потер лоб – там, где вредный Высший меня обслюнявил.
Вселенная повернулась вокруг меня, и на миг я стал ее центром.
Нет, не я.
Снова я-мы.
Я-мы сливаемся, это болезненный короткий процесс, когда наши сознания складываются воедино и умножаются друг на друга.
На этот раз все чуть проще, надо только привыкнуть к мысли, что Карира с нами нет. Но есть эхо его присутствия, легкий отпечаток сознания, затаившийся в нас, и это помогает.
Я-мы осматриваю пространство вокруг.
И чувствую встречный… взгляд? Нет, не так. Встречный интерес. Любопытство. Настороженность. Уверенность в своей силе.
Тот, кого зовут Мир… впрочем, это не имя, это что-то среднее между должностью и званием, место в иерархии Прежних.
Он уже здесь. Он изучает глайдер непринужденно, будто держит его на ладони.
В каком-то смысле так оно и есть.
Его нет здесь в физическом облике, и одновременно он есть – исполинская фигура, парящая среди звезд. Я-мы можем воспринять его лишь так.
Исполин в пространстве и глайдер на ладони…
И ладонь стремительно сжимается.
Я-мы завершаю слияние.
Я обретаю целостность и понимаю, что все будет еще сложнее, чем я думал.
Но выхода нет.
И я возникаю в пространстве напротив Мира. Между нами медленно разгорается вспышка взрыва и разлетаются куски раздавленного глайдера.
Это не важно, потому что я заранее убираю из пространства Мод и Мар, а глайдер мне больше не нужен.
«Кто ты?» – произносит Мир.
«Макс», – отвечаю я.
И наношу удар.

Глава восьмая

В этот раз все иначе, не как в схватке с Икаром.
Наши физические формы реже тумана, наши тела простираются на тысячи километров.
Настоящие мы сокрыты: Мир в гнезде многомерного пространства, я в плоскости.
Но если посмотреть со стороны – и я каким-то образом смотрю, будто меня унесло на миллион километров от точки поединка, – то туман обретает плотность, и можно увидеть две парящие исполинские фигуры.
Мир – смуглый, статный и одновременно изящный. Прежние любят красивые тела. Странно лишь то, что в Мире сочетаются и мужские, и женские черты. Его тело мерцает, непрерывно преображается, то меняя пол, то застывая в каком-то неестественном смешанном состоянии.
А я в облике Миланы, стройной обнаженной девушки.
Иллюзии нашего разума или изменившаяся реальность?
Не знаю.

Я бью в Мира потоком жесткой радиации, его призрачное тело распадается и снова срастается. Он отвечает точно такой же атакой, мне развеивает руку, но она собирается вновь.
Это даже не проба сил, это аналог пренебрежительной ухмылки в лицо противнику.
Мы размышляем, кружа в пустоте.
«Чего ты хочешь?» – спрашивает Мир.
«Вернуться в свою реальность».
«Ничем не могу помочь».
«Знаю».
Мир начинает рвать метрику пространства. Меня разбрасывает по всей системе. Часть меня оказывается рядом с кипящей вихрями поверхностью Даута. Газовый гигант крупнее и тяжелее Юпитера, хоть еще и далек от того, чтобы стать звездой. Он довольно сильно излучает, и я понимаю, что Ровиан прикрыт от Даута щитом.
Щит я тоже чувствую. Он не дает мне приблизиться к Ровиану.
Другие фрагменты откинуло к границам системы. Я вижу разгоняющийся корвет, пытающийся уйти в портал. И неторопливо настигающий его смертоносный выброс энергии.
Это проверка. Миру интересно, стану ли я защищать кораблик. Тест на сострадание, потому что сострадание – это слабость.
У Миланы нет выбора, ее смысл требует спасти экипаж.
Но я стараюсь сделать все так, чтобы у Мира остались сомнения. Я впитываю энергетический выброс и собираюсь между Миром и Ровианом. Двигаюсь, оставив Прежнего без внимания.
Мир оказывается рядом.
Его рука касается плеча Миланы. Наши частицы перемешиваются – и взрыв разбрасывает нас в стороны.
Я смеюсь.
Да, моя призрачная туманная плоть – из антивещества.
Мне кажется, это удачная шутка.
Но шутку не стоит повторять дважды, и я возвращаю материю в более привычное для этой части Вселенной состояние.
«Глупо, – говорит Мир. Он не заметил подвоха, но ничуть не уязвлен и не растерян. – Ты понимаешь, куда пришел?»
«Зови на помощь мамочку», – отвечаю я.
И убираю слабые взаимодействия там, где находится Мир.
Его внешние проявления должны исчезнуть, но ничего не происходит. Он как-то парировал удар.
Зато я ощущаю сознание Мира в своем разуме. Опять же не знаю, как он это сделал, но Мир частично соединил наши сущности и теперь стремительно пытается выкачать информацию.
Этого позволять нельзя.
Я отступаю, ускользаю от Мира, позволяя ему захватывать какие-то пустые и неважные фрагменты своей памяти. Он наступает, жадно и агрессивно. Если посмотреть издали, глазами – то призрачный темнокожий гигант положил ладони на лоб исполинской призрачной девушке, пальцы его вплавляются в плоть, он давит и давит, шагая по пустоте, тесня и сминая…
Битва с Миром не выигрывается силой или хитростью. Его сила больше, он прожил тысячи лет, в основе его личности – сотни поглощенных Прежних, тысячи Кандидатов, мечтавших о вечности, полной силы и удовольствия. Я будто слышу их вой, бушующий под главенствующим сознанием. Но разум Мира спокоен и тверд, он режет мою память, пробивает защиту. Я даже постигаю имя его главенствующей сущности – Тхе, он бросает мне его, как подачку, будто желая, чтобы я знал, кто меня уничтожит.
Мне кажется, что я испытываю страх.
И вдруг понимаю, что все это время, пока я уклонялся от схватки и защищался, та часть меня, что была Миланой, прокрадывалась к корню Мира, к его карманной вселенной.
Пространство раскрывается, расслаивается. Где-то там, в обычном мире, борются призрачные великаны – гермафродит пытается уничтожить женщину, опирающийся на свой корень Тхе терзает наше общее сознание, пытаясь его подчинить.
А здесь, в локальной вселенной, залитой голубым и желтым сиянием, парят, будто осколки стекла в калейдоскопе, тысячи и тысячи нагих тел. Вокруг – бесконечная пустота, полная света, тела кажутся застывшими и спокойными в своем вечном кружении, они ничем не связаны, это не та чудовищная мешанина из слившихся

изуродованных людей, что была в корне Мод. Но я знаю, что связь есть, она просто на другом, совсем другом уровне, не таком грубом и вещественном.
Еще они кричат. Беззвучно. Они хотели не такого будущего, присоединяясь к Миру. Но если даже жестокая Мод выпускала порой на поверхность свои поглощенные личности, то Мир не испытывает в этом нужды. Тхе – полновластный господин, уверенный в себе…
Нет, не просто в себе. Я понимаю, что Тхе – изначально двойная личность, брат и сестра, слившиеся в глубокой древности, полностью поглощенные друг другом и уверенные в своей идеальности. В моем сознании проносятся образы: изящные здания из стекла и металла, вздымающиеся над буйной зеленью джунглей, склонившиеся и распростершиеся ниц люди. А над ними – обнаженные бронзовокожие юноша и девушка, очень похожие, парящие в небе и беззастенчиво ласкающие друг друга. Их движения полны гармонии, по-своему прекрасны… и столь же отвратительны.
Я понимаю испуг Мод, когда она поняла, кто приближается. Оба проявления Мира чудовищны и равнодушны к окружающим. Но хуже всего, когда они соединены.
Мир – один из самых сильных Прежних. Возможно, он не главный лишь потому, что ему безразличны внешние символы власти.
Я обнимаю тела, лежащие в корне Мира.
Не знаю как, но все сразу.
Кажется, это делает Милана.
Шепчу им что-то тихое, успокаивающее, глажу лица и волосы, целую губы и лбы.
Обнимаю, укачиваю, обещаю.
Кажется, это делает Дарина.
Крик затихает. Корень Мира слышит меня. Беззвучно просит помочь. Рыдает, кружась в своей вечной карусели.
Я плачу вместе с ним. Я не могу помочь. Я даже не могу их убить, они слишком надежно защищены. Но…
Я могу научить их умирать.
Кажется, это делает Максим.
Тысячи голосов отвечают, что это и есть помощь. Что иногда смерть – единственное спасение. Что они лишены смерти и приговорены к жизни.
Тхе останавливается, пытаясь понять, что происходит.
Милана отступает, закрывается, ее смысл опасно перегружен. Дарина остается с Максимом.
Мы теперь вдвоем, Дарина и Максим. Мы не можем убить корень, но подчиненные разумы Мира слушают меня – и я рассказываю им про то, как умереть.
Я проношусь по всем сознаниям, запертым в тысячелетней агонии, и открываю им тайну смерти.
Оказывается, она всегда была во мне, скрытая с рождения.
Они принимают этот дар, касаются его и возвращают обратно, измененный прикосновением к их разуму.
Тела все так же витают в мертвенном свете, но теперь в них нет жизни.
Калейдоскоп застывает.
Тхе врывается в свою карманную вселенную, но меня уже там нет. Я стою в пустоте, глядя на застывшего гермафродита. Пространство дрожит вокруг. За время схватки мы сместились и сейчас парим рядом с Даутом, над плоскостью кольца.
Тхе возвращается, призрачная фигура вновь оживает. Я ощущаю его ярость и готовность биться до конца. Он все еще силен, куда сильнее меня.
Мне нужен символ.
Я обнимаю Тхе.
Я полон жалости к Прежним, которые когда-то были невинными детьми, потом юношей и девушкой, плененными запретной любовью, а потом превратились в уродливую, исковерканную гармонию.
Я утешаю их и обещаю, что в какой-то иной форме их больная жалкая любовь останется навсегда. Я говорю, что все будет прощено.
И отдаю Тхе тайну смерти, преображенную его корнем, как самый драгоценный дар.
Туманная плоть развеивается, в пространстве остаются два тела – обычных, человеческих, юноша и девушка – похожие, как только могут быть похожи брат с сестрой. В последнем усилии они тянутся друг к другу, обнимаются, их губы соприкасаются. Я им не мешаю. Я жду почти минуту, пока вакуум выжимает тепло и влагу из их тел.
Удивительно, но Тхе больше не сопротивляется.
Он успокаивается, словно нашел ту гармонию, к которой стремился.

Он умирает.
Где-то в их гаснущем разуме остается тот смысл, который брат с сестрой когда-то поделили на двоих, начиная свой путь к сингулярности. Могучий смысл любви, не знающей границ, гармонии двух сознаний, целиком поглощенных друг другом.
Смысл витает в пространстве, я могу его взять.
Но я знаю, что он отравлен, потому что даже у любви должны быть границы.
Я развеиваю смысл и ухожу, оставив два тела в пустоте.
Я шагаю по кольцу газового гиганта Даута, мои ноги топчут летящие по орбитам камни и осколки льда. Я так огромен, что меня можно увидеть с Ровиана, и я знаю, что меня видят.
Не будет следующего противника, которого пошлют против меня Прежние. Они не совершат такой ошибки. Они ударят все разом.
И я, конечно же, не устою, если позволю им это.
Но пока я шагаю по планетарному кольцу, чувствуя холод астероидов под ногами. Мои волосы километровыми прядями развеваются в пустоте. Я смотрю на звезды.
И думаю о том, что мир, в котором есть лишь одна любовь, слишком мал для меня.
Наступает время, когда мне нужна Мод. Я переношу сознание в двухмерность и рассказываю Прежней о том, что произошло.
Мод в ярости.
Ей плевать на Тхе, она ненавидит его так же, как и прочих в старшем аркане. Но гибель тысяч разумов в корне Мира причиняет ей боль.
Разумеется, лишь потому, что она хотела бы забрать их себе.
Я объясняю ей очень спокойно, что это был единственный способ победить Мира. Что ей достанутся сознания других корней.
Мод успокаивается или, скорее, примиряется со случившимся.
Она объясняет мне, как выстроена оборона Ровиана. Кто из Прежних наиболее опасен, какими возможностями располагает каждый из них. И предлагает несколько путей шантажа. Среди них есть достаточно экзотические, вроде дестабилизации планетарного ядра и срыва атмосферы.
Разумеется, большая часть предложенного подействует лишь на людей и слабых Прежних из младших арканов. Но этого будет достаточно, чтобы явился Высший.
Я соглашаюсь с ее планами. Слишком быстро, Мод начинает подозревать неладное.
Не важно. Время предательства еще не пришло – ни для нее, ни для меня.
Я сбрасываю свой туманный облик, оставляя его шагать по кольцу вокруг Даута. На несколько секунд это может обмануть Прежних.
Я убираю пространство между собой и Ровианом – вместе со всеми линиями и сетями защиты, ловушками и сторожевыми системами.
И встаю на землю чужой планеты, по-прежнему в теле Миланы, но уже обычных размеров и форм.
Здесь красиво.
Я на невысоком холме, сплошь поросшем зеленой травой и крошечными белыми цветами. Не знаю таких цветов, они выглядят будто микроскопические розы, очень нежные и без шипов.
Рядом со мной городок, словно сошедший с иллюстраций к волшебным сказкам. Маленькие домики из красного кирпича с черепичными крышами, дорожки между ними вымощены брусчаткой. Несколько зданий побольше, видимо, общественные. Одно очень напоминает церковь, только вместо креста на нем сверкающий металлический «атомиум» – соединенные перекладинами шары, напоминающие модель атома. «Атомиум» медленно вращается.
Красиво.
Над головой совсем обычное небо, голубое с редкими легкими облачками. И звезда Ровиана похожа на земное Солнце…
– Владычица…
Я поворачиваюсь на голос.
На холме я не один.
Десяток девочек-подростков, все в белых платьях и босиком. Кажется, они плели венки из цветов. С ними девушка постарше, лет двадцати, тоже в белом – не то учитель, не то воспитатель. Во всех взглядах – восторг и обожание.
– Владычица… – Старшая девушка кланяется. Девочки опускаются на колени.
«Владыка» и «Владычица» – это обращение людей к Прежним на Ровиане. Разумеется, в том случае, если люди не знают, с кем именно удостоились чести разговаривать.
– Что мы можем сделать для вас? – спрашивает девушка.
Я знаю, что она готова на все.

Больше всего, конечно, она мечтает стать частью Прежнего, войти в корень, удостоиться чести быть Кандидатом.
Но и превратиться в Слугу – завидная судьба.
Ну или просто услужить любым способом.
В крайнем случае она готова просто умереть, исполняя мои прихоти.
Если я попрошу убить ее подопечных, она примется их душить. А те и не подумают сопротивляться.
Прежние – живые боги, погибнуть ради них – великая честь.
– Уходите, – говорю я. – Быстро!
Плохо, что я оказался так близко к городку. Но что поделать!
Я чувствую, что Прежние приближаются со всех сторон. Мод во мне вопит, что я должен дать ей фрагменты поверженных врагов. Что тогда она станет сильна и сможет мне помочь. А иначе мы погибнем все.
К сожалению, так оно и есть. Мы до сих пор нужны друг другу.
Я жду.
Кто-то из Прежних ошибется, кто-то вырвется вперед. Я слишком интересная добыча.
Вперед вырывается Жрица.
У нее практически нет воплощения в материальном мире. Все Прежние очень разные, и Жрица ушла по пути к сингулярности очень далеко.
Все, что я могу наблюдать, – это всполохи и буйство энергии. Словно сухая гроза обрушивается на холм: с безоблачного неба бьют молнии, разноцветные полотнища света свиваются в воздухе, будто северное сияние спустилось с полярных небес на землю.
Одна из молний прошивает меня насквозь.
Другая сжигает несколько убегающих девочек. Вряд ли попадание случайно, скорее уж Жрице хотелось кого-то убить.
Я превращаю мир в плоскость и вышвыриваю энергетические разряды из реальности.
Энергия не исчезает.
Разряды будто выжжены в двух измерениях – линиями, точками, зигзагами.
Я думаю.
Жрица приближается. Она словно ощупывает изменившийся мир короткими выбросами энергии, пытаясь понять, что я сотворил. Она заинтригована, но цела.
Времени мало.
Я складываю пространство, будто лист бумаги, изгибая и перекручивая. Свожу потоки энергии вместе и направляю друг в друга.
Мир дрожит, опасно близко к нестабильности. Я вижу вход в карманную вселенную Жрицы и врываюсь туда.
Здесь свои законы природы, я снова в трехмерности.
Это гигантский многогранник, клетка из пылающих огненных шнуров, порталами открывающаяся во все стороны. Серо-огненная муть порталов похожа на упругие стены.
В порталах, пронзенные и распятые замершими молниями, корчатся люди.
Нет, это давно уже не люди, это полноправные части Жрицы. Она вся здесь, ее проявление в реальном мире лишь энергетическое. У Жрицы не так много частей, меньше двух десятков. Они пылают, не сгорая, их плоть давно видоизменилась, стала больше энергией, чем материей. Они не страдают, они увлечены происходящим и на равных участвуют в сознании Жрицы.
Они смотрят на меня.
Я слышу вздох Мод – она не способна пока напрямую поглотить энергию Жрицы.
Я вычленяю часть пространства, на которой стою, изолирую один из элементов Жрицы и вырываю из портала.
Обугленное дымящееся тело корчится у моих ног. Плоть стремительно регенерирует, лицо обретает человеческие черты. Это пожилой благообразный мужчина. Глаза живые, с интересом глядящие на меня. Происходящее занимает его куда более, чем собственная безопасность.
Я выпускаю Мод и Мар.
Мар дезориентирована и плоховато выглядит. Я ловлю ее взгляд и киваю. Она понимает и кивает в ответ.
Мод обнимает мужчину, целует его в губы. Тот вздрагивает, застывает, будто парализованный. Мод крепко обнимает его и словно вжимает в себя. Несколько мгновений они неподвижны, и я понимаю, что сейчас идет незримая схватка. Мод пытается подчинить себе элемент Жрицы. Это сильный Прежний, но Жрица словно оглушена, а у Мод огромный опыт командования.

Мужчина исчезает.
Мод смеется, быстрым взглядом окидывает застывшие в клетках тела. Она как ребенок в конфетной лавке, отданной на разграбление.
«У нас мало времени, – сообщаю я. – Подключайся быстрее».
Из рук Мод вырываются разряды, сбивая еще одно тело с потолка. Его она поглощает быстрее.
– Я! – кричит Мар.
Мод смеется и забирает ее легко и непринужденно.
Смотрит на меня, еще с опаской, но уже и с вожделением.
«Жду снаружи», – говорю я и вырываюсь из гибнущей Жрицы.
Вокруг все изменилось.
Городок завален сугробами снега, достигающими крыш.
Небо затянуто разноцветными тучами, пылающими изнутри. Идет снег, большей частью белый, но отдельные тучи будто сошли с ума, сыплют черные и красные снежинки. Вот по утопающему в белизне игрушечному городку сыпануло алым…
В воздухе висит низкий тяжелый гул.
Прежние пришли.
Сейчас меня будут убивать.
Впрочем, если Мод успеет быстро переварить и подчинить себе Жрицу, то убить и вобрать меня попробует она. После этого она станет главной и, вполне вероятно, сумеет одного за другим подчинить прочих Прежних.
Я понимаю, что Прежние уже давно могли бы уйти в сингулярность – если бы объединились. Каждый из них уникален, каждый владеет какими-то смыслами, составляющими часть возможностей Высшего.
Но они понимают, что главным станет кто-то один.
Их путь к всемогуществу не подразумевает равенства. Они будут и дальше грабить Галактику, пока кто-то не сумеет резко обогнать остальных.
Сейчас это хочет провернуть Мод.
А Высшему… Высшему это безразлично. Сколько бы ни жрали друг друга Прежние, укрупняясь и усложняясь, все равно получится одна и та же могущественная тварь.
Маленький злой божок.
Над городком вдруг появляются клубы дыма. В нескольких домах затопили камины!
Это так смешно, так святочно и по-новогоднему уютно, что я хохочу.
Наверное, я выгляжу жутко!
Голая женщина по колено в снегу, посреди апокалипсиса.
Ладно, тянуть не стоит.
Я переворачиваю пространство, обращая ту точку Ровиана, в которой нахожусь, к газовому гиганту.
Наступает ночь.
Только Даут с исполинским кольцом сияет над головой сквозь снежные тучи. Я даже вижу, как по кольцу продолжает идти, будто заводная игрушка, моя громадная фигура. Она на глазах тает, расходится туманом, но упорно идет вперед по своей бесконечной дорожке.
Я смотрю на Даут.
Он слишком мал, чтобы стать звездой, но ему можно помочь. Хотя бы ненадолго.
Силовой щит между Ровианом и Даутом очень сложен и чрезвычайно устойчив. В случае необходимости он может непроницаемым пузырем закрыть всю планету.
К сожалению для Прежних, я уже убедился, что упрощение лучше всего работает против сложных и устойчивых систем.
Я собираю щит в точку. Спрессовываю плотнее микроколлапсара, которым угрожала Маргарита.
Перемещаю в центр Даута.
И освобождаю.
Даут вздрагивает.
С его поверхности срываются в космос вихри газа, будто внутри водородно-гелиевого пузыря заработала мощная горелка.
Хотя почему «будто»?
Рядом со мной возникает Мод.
Она изменилась, стала выше. Одежда на ней исчезла. Глаза Прежней светятся, с пальцев стекает кипящая кровь и сыплются искры.
– Что ты творишь! – кричит она.
Ну конечно, она вовсе не хочет гибели Ровиана. Ей нужно королевство, которым она станет править.

– Зову Высшего, – успокаиваю я Мод.
Прежняя издает воющий звук, взмахивает рукой, будто собираясь меня ударить.
И тут приходит Высший.

Глава девятая

Разумеется, Высший не является во вспышках света и раскатах грома, подобно древнему богу, спустившемуся с небес.
Даже у них, достигших сингулярности, есть свои ограничения. И одно из них – они способны проявиться лишь в том, кто рано или поздно войдет в их коллективный разум.
Высший проявляется в Мод.
Выглядит это так, словно кукла-марионетка внезапно ожила. Прежняя глубоко вдыхает, свет ее глаз гаснет, превращаясь в бездонную тьму. Капающая с рук кровь повисает в воздухе, кружась вокруг кистей причудливыми браслетами.
– Чего ты хочешь, чужак? – говорит Высший.
– Всего лишь вернуться домой, – отвечаю я.
– Ты не можешь открыть проход, – констатирует Высший.
– Да.
Высший размышляет. Я чувствую, что он изолировал нас в круге остановившегося времени – это самая сильная из способностей Мод. За пределами круга – другие Прежние, заваленный снегом городок, готовый взорваться Даут и вся прочая Вселенная.
– У тебя нет аналога в нашей реальности, – произносит Высший губами Мод. – Тебя нет в нашем будущем.
Высший прав, я не спорю, я жду.
– Значит, ты не можешь быть равен мне, – произносит Высший. – Ты слабее.
Он знает все, что знает Мод. И он испытывает ту же самую жажду, что и она. Забрать мой смысл. Усилиться.
Я понимаю ход его мыслей. Сейчас он лишь одна из многих десятков, а то и сотен сущностей, достигших сингулярности. В своем далеком будущем он ведет сражения и закручивает интриги, пытаясь перейти на какой-то следующий уровень, вобрать в себя еще больше энергии, пространства, знания… поглотить всю Вселенную.
Это и есть их главный приз, на самом-то деле.
Не просто бессмертие, знания и сила.
Вечность, всеведение и всемогущество!
То, что является атрибутом Бога с большой буквы.
Если бы материальная форма сейчас что-то для меня значила, у меня бы закружилась голова.
– Мне нужны твои смыслы, – решает Высший наконец.
Это как формальное объявление войны.
Я его ждал.
Все, что говорила Мод, ничего не значило. Высший мог открыть мне проход обратно, будь я достаточно силен, но при этом неинтересен для него.
К сожалению, я силен, но недостаточно, зато весьма интересен.
– Я уничтожу Ровиан, – сообщаю я. – И ты исчезнешь.
– Нет, – говорит Высший. – Гибель Ровиана уничтожит сотни миллионов живущих здесь людей. Погибнет вся цивилизация Прежних. Человечество будет захвачено Инсеками. Твоя суть этого не допустит.
Он ошибается. Он оперирует данными Мод и Маргариты, думает обо мне как о Высшем, что вырастет из Миланы. Сотрудничество, взаимопонимание, честные сделки…
Но Милана лишь часть меня.
Я сам-то не очень пока понимаю, во что превращаюсь.
Но я знаю, что я – нечто большое.
Я пробиваю зону остановившегося времени.
И взрываю Даут.
Это похоже на фильм-катастрофу, снятый сумасшедшим режиссером с неограниченным бюджетом.
Гигантская планета над нашими головами начинает сиять. Свет пробивается сквозь тысячи километров густой атмосферы по мере того, как металлический водород ядра

переходит в обычную молекулярную форму. В Дауте все-таки маловато массы для превращения в полноценную звезду, но коричневый карлик из него получится.
Ну а для начала с него сорвет и вышвырнет в пространство внешние слои атмосферы.
Даут начинает разбухать. Выплескивает, будто протуберанцы, щупальца газовых струй.
С него поднимаются и медленно улетают кружащиеся огненные вихри. Облака пронизывает сеть электрических разрядов – вся сложная структура гигантского газового пузыря распадается на глазах.
Даут светится призрачным красным сиянием.
Я знаю, что в пике расширения газовый гигант окутает плазменным облаком весь Ровиан, запечет его до состояния каменного шара, прежде чем сжаться и начать излучать свое тусклое тепловое свечение.
Я снова вхожу в замершее время и смотрю на Высшего.
Милана в ужасе, происходящее приносит ей невыносимую боль, но она молчит.
Дарина мысленно обнимает нас.
– Это надо остановить, – говорит Высший.
Я жду.
Еще не все игроки сделали свой ход.
– И я смогу, – решает Высший.
Дело не в том, что он способен утихомирить сгорающую планету. Я и сам способен на это.
Высший готов рискнуть воевать на два фронта: сражаться со мной и тушить разгорающийся коричневый карлик.
В следующий миг меня уже нет, вещество моей физической формы разбросано в пространстве и преображено до неузнаваемости.
Высший в облике Мод стоит на снегу, глядя на Даут, и что-то с ним делает.
Я наблюдаю за ним из плоского мира. Конечно же, я ждал, что меня уничтожат.
Черный силуэт Высшего на белом снегу.
Колеблющийся силуэт Даута над ним.
В детстве я любил вырезать аппликации. Это чем-то похоже.
Я атакую Высшего из плоскости, пытаюсь изолировать и выбросить с Ровиана.
И обнаруживаю, что он защищен.
Мод хватило данных, чтобы разработать стратегию борьбы. Сама бы она не справилась, но в ней сейчас Высший – и сотни разумов, составлявших ранее Жрицу.
Это сражение идет скорее в области математических символов и абстракций – не спрашивайте, как именно. Но Жрица была в этом сильна.
Я жду.
Я все еще верю в Маргариту. В маленькую девочку, ставшую шпионом и предателем.
А еще больше я верю в ее ненависть.
«Ну же, – думаю я. – Давай, Мар. Вспомни все. Как было страшно и больно. Как забывались лица родителей. Как превращались в монстров твои новые друзья и подруги. Вспомни. Вот он, твой шанс».
Где-то в карманной вселенной Мод Маргарита, сплетенная в чудовищный комок плоти с другими сущностями, открывает глаза.
Выдвигает из пальцев когти.
Вонзает их в исковерканные тела, связанные с ней в единый организм.
И в себя.
Нейротоксин впрыскивается в вязкую густую жидкость, заменяющую сущностям кровь.
Даже сами Измененные беззащитны перед своим ядом.
Высший сгибается пополам, начинает скрести пальцами голый живот, разрывать, будто пытаясь достать что-то, терзающее его изнутри.
Нет, я не рассчитываю на то, что Мод погибнет полностью, угробив и Высшего. Она сумеет изолировать и исторгнуть из себя пораженные части.
Но на это нужно время, силы и внимание.
Я собираюсь из плоскости за спиной Мод. То, что прежняя материя моего тела уничтожена, не значит ничего. Вещество везде вещество.
В этот раз я в образе Защитника. Снежно-белая кожа, два с половиной метра роста и весь арсенал Измененных в теле.
Интересно, что, даже взрывая планеты, останавливая время и оперируя метрикой пространства, разумное существо всегда найдет минутку для мордобоя.
Я бью Мод по затылку так, что хрустят сминаемые кости. Это ведь не олимпийские игры.

Мод падает, встает, ее тело регенерирует так стремительно, что начинает сиять в инфракрасном спектре.
Прыгаю, подминаю под себя, вжимаю колено в расцарапанный живот, начинаю колотить головой по земле. Жаль, что снега много и он пушистый…
– Верни! Меня! Домой! – кричу я.
Мне ведь не так много нужно, верно?
Мод отбивается, в какой-то миг наш бой переходит в несколько слоев реальности. Наши тела охвачены огнем, снег вокруг растаял, земля запеклась глинистой коркой, пространство сияет от выбросов энергии, в небо от нас бьет фонтан разноцветных световых полотнищ, будто кто-то пробурил скважину по добыче северного сияния. Но при этом мы колотим друг другу морды.
– Открой проход! – кричу я снова.
Мод харкает кровью. Кажется, Высший понял, что уничтожить меня – задача не такая простая.
– Не могу! – кричит он в ответ.
Я настолько растерян, что прекращаю его бить.
Высший не атакует. Садится, поджимая колени. Тело его быстро очищается, это снова красивая обольстительная женщина, я чувствую неожиданное возбуждение.
Но в этой паре из красавицы и чудовища число чудовищ равняется двум.
– Я не могу открыть проход! – говорит Высший.
– Но в моей реальности…
– Значит, это был не я!
Пазл складывается. Я начинаю понимать финальный рисунок.
Главное – не забыть, не потерять все детали, когда и если я снова стану человеком.
– Я думал, у всех вас одинаковые возможности.
– Не совсем, – отвечает Высший. – Давай обсудим перемирие.
Я размышляю. Я смотрю на застывший мир вокруг (время снова стоит). Все Прежние разные, у каждого есть какая-то «фишка». Мод, к примеру, умеет останавливать время. В иную реальность она смогла отправить лишь мой разум, не физическое тело.
Значит, это умеет кто-то другой.
Для него я и делаю грязную работу на Ровиане.
Для кого-то амбициозного, хитрого, мечтающего занять место в элите. А как этого добиться?
Заставить Высшего использовать его тело. Снизойти, скажем так, до него. Сделать свой смысл важным и главным. И пусть дальше развитие Высшего пойдет чуть-чуть иначе.
– Перемирие не поможет мне, Мод, – говорю я.
Взгляд Высшего становится понимающим. Потом я почти физически ощущаю, как он освобождает сознание Мод и ее тело.
– Нет! – кричит Мод.
Я взмахиваю рукой, силовое поле невидимым лезвием отсекает ей голову, Мод падает, хлещет кровь. Наш короткий союз не мог окончиться иначе.
На самом деле она еще жива, она прячется в своем корне, что ей отсечение головы? Мод не банальный вампир. Она и голову может новую вырастить, и сожженное тело способна восстановить, но…
– Она не способна открыть проход в иную реальность.
Я встаю и смотрю на Ивана.
Портал пылает за его спиной.
Насколько я помню, он единственный из Прежних, открывающий порталы с такой легкостью и без всяких технических средств.
Иван в дорогом темно-синем костюме, в белой рубашке в мелкий рубчик, в галстуке спокойного серо-голубого цвета. Очки в тонкой металлической оправе, из кармана пиджака торчит краешек платочка. Только мягкие кожаные лоферы вносят нотку неформальности в его гардероб.
– Сними-ка очки, – говорю я понятную каждому ребенку фразу.
– Успокойся, здоровяк! – Иван примирительно поднимает руки. – Я отправлю вас домой. Все в силе.
Я смотрю на Прежнего и размышляю. Он заметно нервничает.
– Можно было договориться сразу, – рычу я.
– Можно было договориться, – соглашается Иван. – А можно было и не договориться. Ты хочешь уйти, я хочу остаться. Все хорошо.
Высший где-то здесь, рядом, но пока он не вселился в Ивана.
– Не могу доверять тебе, – отвечаю я. – Выпусти отца.
Иван кивает.

И преображается. На этот раз Иван не просто «выпускает на поверхность», а дает Андрею возможность стать самим собой.
Я смотрю на человека, которого встретил когда-то возле Комка сумасшедшим бомжом. В нашем мире он отверг судьбу Прежнего, отказался быть частью его коллективной семейной личности. Здесь – согласился.
Могу ли я ему доверять?
– Могу ли я тебе доверять? – спрашиваю я.
Андрей смотрит на меня.
– В твоей реальности мы дружны?
– Да, в какой-то мере, – признаю я.
– Тебе удобно говорить с такой… пастью? – интересуется Андрей.
Я смеюсь. Конечно же, не очень удобно. Но я не хочу менять форму Защитника, она придает мне уверенность.
– Нормально, – говорю я. – Так скажи, это все ты замутил?
– Я лишь воспользовался ситуацией, – уверяет Андрей.
– А кто меня сюда отправил?
– Возможно, что и я, – признает он. – Но тут ничего не могу гарантировать. Одно скажу честно, если Высший войдет в нас, мы отправим тебя домой. Это наиболее разумное решение, ты слишком непредсказуем, чтобы пытаться тебя поглотить.
– Вот, значит, как…
Андрей виновато улыбается и добавляет:
– Это не мое личное мнение, это коллективное.
– Что будет на Земле? – спрашиваю я. – На здешней?
Ничего особенного я не жду, но Андрей меня удивляет.
– Прежние уйдут с Земли. Мы сохраним ее нейтральной, это коллективное решение.
– Почему?
Ждать от них моральных решений не стоит, но мне кажется, что Андрей не врет.
– Все усложнилось, – объясняет Андрей. – Мы заигрались с человеческой цивилизацией. Если у нас появится кто-то подобный тебе, то лучше сохранить нейтральные или союзнические отношения.
– А что будет на Ровиане?
Андрей смотрит вверх. Я замечаю, что расползающиеся в разные стороны газовые протуберанцы немного сдвинулись, а замершие зигзаги молний начали неспешно ползти по поверхности Даута.
– Вначале надо стабилизировать ситуацию, – вздыхает он.
– А потом?
Андрей начинает негромко декламировать:

Не плачь о неземной отчизне,
И помни, – более того,
Что есть в твоей мгновенной жизни,
Не будет в смерти ничего.
И жизнь, как смерть необычайна…
Есть в мире здешнем – мир иной.
Есть ужас тот же, та же тайна –
И в свете дня, как в тьме ночной.

Мне нравится, когда он читает стихи. Я их совсем не знаю, но они красивые. И мне кажется, что каждый раз я понимаю чуть больше, чем в них сказано.
– А что там дальше? – спрашиваю я.
Андрей продолжает:

И смерть, и жизнь – родные бездны;
Они подобны и равны,
Друг другу чужды и любезны,
Одна в другой отражены.
Одна другую углубляет,
Как зеркало, а человек
Их съединяет, разделяет
Своею волею навек.

И зло, и благо, – тайна гроба.
И тайна жизни – два пути –
Ведут к единой цели оба.
И все равно, куда идти.
Будь мудр, – иного нет исхода.
Кто цепь последнюю расторг,
Тот знает, что в цепях свобода
И что в мучении – восторг.
Ты сам – свой Бог, ты сам свой ближний.
О, будь же собственным Творцом,
Будь бездной верхней, бездной нижней,

Своим началом и концом
[19]
.

Я киваю. Мое тело жаждет действия, ему хочется сражаться, рвать на куски, восстанавливать справедливость и приносить добро.
Но не время для боя.
– Может быть, ты немного исправишь свой смысл, – говорю я Андрею. – За Землю спасибо. Если вернусь, то проверю.
Андрей едва заметно щурится, его взгляд становится похожим на взгляд Ивана, и я напоминаю себе – это не наш добродушный сумасшедший Андрей, отвергший судьбу Прежнего, это часть монстра, пусть и лучшая его часть.
– В ее корне, – я показываю на останки Мод, – есть Измененная по имени Маргарита. Если возможно вытащить ее живой… если она еще жива…
Андрей ждет.
– Она хочет всего лишь стать снова человеком, – говорю я. – И жить где-нибудь на берегу моря. Сделай мне такой подарок.
Андрей кивает. Его лицо начинает преображаться, я успеваю заметить десятки людей, словно выглядывающих на мгновение из таинственных глубин, с любопытством глядящих на меня своими глазами – и исчезающих.
Чтобы снова вернуть управление Ивану.
Все-таки он необычный Прежний. У него рулит самая молодая личность.
А потом взгляд Ивана меняется.
Высший вошел в него.
Значит, он сделал выбор, и в его основе будет не Мод со своей кунсткамерой уродцев, а Иван с компанией.
– Ты вернешь меня в мою реальность? – спрашиваю я.
У меня есть еще козыри в рукаве, хотя я бы не хотел их раскрывать.
– Выброшу, – говорит Высший. – Здесь слишком много проблем, чтобы отвлекаться на тебя.
– Договорились, – киваю я.
– Но тебе придется разъединиться, – сообщает он. – Ты должен уйти так же, как пришел. Тремя отдельными личностями.
«Нет», – говорит во мне Дарина.
«Нет», – поддерживает ее Милана.
Я смотрю на Высшего.
Он что, серьезно?
Предлагает мне довериться ему полностью?
Разоружиться?
В человеческом теле, да пусть бы даже и в теле Защитника, я совершенно беззащитен перед ним.
– Да, – говорю я.
И преображаюсь.
Мы стояли рядом, все трое. Голые и босые.
Выл ветер, над головой раздувался Даут. Было очень холодно.
От обезглавленного тела Мод тянуло жаром. Ее отрубленная голова внимательно и зло смотрела на меня.
Ну я же чувствовал, что она жива!
– Поразительно, – сказал Высший.

Если бы в нем сейчас командовал Иван, то обязательно отпустил бы реплику в адрес обнаженной Миланы. Какой-нибудь сочный комплимент. Она ему явно нравилась.
Но это Высший, от плотских радостей он далек. Сколько в нем сознаний, тысячи или миллионы? И как этот бедлам способен работать вместе, вообще непонятно. Человек в дорогом костюме и очках – даже не вершина айсберга, это острие иглы, уходящей в бесконечность пространств и времен. Имеют ли для него хоть какую-то силу обещания Ивана?
Сомневаюсь.
Высший поднял руки к зениту. Даут начал колебаться, пульсировать, словно воздушный шарик, из которого то выпускают воздух, то выдыхают обратно. Высший даже не смотрит на гигантскую планету, он изучает нас.
– Почему ты рассчитываешь, что я исполню обещание? – спросил он.
– Потому что иначе ты погибнешь, – ответил я.
Высший в замешательстве нахмурился. Я стоял, обняв девчонок, ветер бросал в нас липкий тяжелый снег.
Нет, правда, очень холодно стоять голым на снегу в метель.
– Объясни, – попросил Высший. – Я могу поглотить вас и узнать все, но это станет необратимым поступком.
– Правильно, – подтвердил я. – А тебе очень нужно, чтобы мы вернулись в свою реальность и довели дело до конца.
Высший молчал.
Все-таки, когда они пребывают в человеческой форме, то начинают тормозить. Как гоночный автомобиль в городской пробке, ну не приспособлен он для езды на малых скоростях от светофора к светофору.
– А… – наконец-то сказал Высший.
– Можно еще попросить штаны? – добавил я. – И рубашку.
И почувствовал на себе одежду – джинсы и рубашку. Мокрые. Высший одел нас прямо на облепленное снегом тело, и снег, конечно же, начал таять.
– Вот как, значит… – произнес Высший задумчиво. – Спасибо за предупреждение.
Я кивнул.
– О чем он? – прошептала мне на ухо Дарина. Они с Миланой тоже «оделись».
Кажется, все мы получили совершенно одинаковые джинсы и рубашки, только каждый своего размера.
– Дома объясню, – ответил я шепотом, хотя понимал, что Высшему это не помешает.
– Желаю удачи. – Высший кивнул в сторону Мод… Впрочем, Прежней там уже не было. Тело исчезло, а в воздухе повис серый искрящийся портал.
– Извини, что мы тут… насвинячили… – сказал я.
Высший даже не отреагировал. Все так же стоял, вытянув руки вверх, словно удерживал на весу Даут.
Надеюсь, у него получится – газовый гигант разбушевался не на шутку.
Я подхватил девчонок под локти и повел к порталу.
Ногам было холодно. Обувь я не попросил, а Высший не стал проявлять инициативу.

Часть третья

Глава первая

Мы выскочили из портала с ускорением, словно вбежали в него, а не вступили. Не знаю, почему, раньше переход всегда происходил плавно, даже между реальностями. Не удивлюсь, если это был какой-то аналог напутственного пинка от Высшего Прежних.
В слабом притяжении Селены ускорения хватило, чтобы нас пронесло через весь зал и приложило об стену. Мы повалились, смешавшись в кучу-малу. Милана вскрикнула, но через мгновение засмеялась:
– Мы дома! Дома!

Мы поднялись, хватаясь друг за друга и стараясь не делать резких движений, настороженно оглядываясь. Мы были в корабле Инсека, тихом и жарком, с едва работающим освещением. Хорошо знакомый зал – круглый, с купольным потолком, с тремя туннелями в стенах.
И никаких следов десантников, никакого снаряжения, никаких неуклюжих белых монстров.
Портал уже погас.
– Мы на Селене, – пробормотал я. – Значит, корабля два? Один остался у нас, другой возник в той реальности?
Здесь было очень тепло, и это радовало. Пока радовало, во всяком случае. Снег на нас мгновенно растаял. Тишина стояла такая неживая, ватная, в которой вязло даже наше дыхание, что я понял ясно и четко – тут действительно никого нет.
– Мне кажется, мы тут одни, – подтвердила мое ощущение Милана. Плавно села на пол, по-турецки сложив ноги. Потрясла головой. – Можно, я в себя приду?
Я подумал и присел тоже. Рядом опустилась Дарина. Не сговариваясь, мы взяли друг друга за руки, замкнув круг.
Странное ощущение.
Никогда я еще так себя не чувствовал. Ни с родителями, даже в детстве. Ни с друзьями, ни с подругами. Ни с Миланой или Дариной поодиночке.
Мы на какое-то время стали единым целым, и это останется с нами навсегда.
Разделенные мысли, желания, силы и пространство. Я ведь даже думал как-то иначе в том состоянии, время текло по-другому. Сейчас я ощущал его пробегающим и уходящим, стремительной рекой. А когда мы были вместе – время словно стояло, я плыл в нем, как в спокойном дремлющем озере. Жуткое ощущение, если честно. И прекрасное.
– Максим, – спросила Дарина. – Что произошло? Почему Высший отпустил нас?
– Мне казалось, что он не собирался, – добавила Милана. – И не надо «расскажу потом, сейчас не время», хорошо?
Я кивнул.
– Хорошо.
Милана с Дариной ожидающе смотрели на меня.
– Кто нас отправил в иную реальность? – спросил я.
– Высший Инсеков, – ответила Милана. Нахмурилась. – Нет?
– Мог и Высший Прежних, – заметила Дарина. – Но ведь Продавец говорил про Высшего Инсеков?
– Если верить Продавцу, – согласился я. – Да, Инсекам обиднее всего, планету забрали. Но и у Прежних забрали, их тоже выбросили с Земли. Самые очевидные подозреваемые. Иван так вообще сказал, что они могли действовать вместе.
Милана пожала плечами. Нетерпеливо фыркнула:
– Ну раз ты так говоришь, то дело не в них.
Я вздохнул.
– Девчонки, напрягитесь! Кто нас отправил в иную реальность?
Милана с Дариной переглянулись.
– Нас отправил… – В глазах Дарины мелькнула тревога. – Нас отправил генерал… Леонид Владимирович… так?
– Он странный вообще-то, – согласился я. – Даже Иван заметил, помните? Что как-то криво все было организовано, без огневой поддержки, что он позволил Милане пройти через экран… Но это не в человеческих силах – открыть проход в иной мир. И не в силах Измененных. Ему нужна была поддержка свыше.
– Мы знаем две цивилизации, которые породят Высших, – сказала Милана. – Прежние и Инсеки.
– И еще Продавцы, – напомнила Дарина.
Я кивнул.
– Верно. Продавец появился первым. Рассказал про всякие ужасы, про то, что я должен спасти мир. Ну, «ты избранный», все такое… Мы бы и не дернулись, если бы не его слова, не пошли в Гнездо, не кинулись за Лихачевым.
– Допустим… – Милана замолчала. – Ну и что это меняло для Высшего Прежних? Кто бы нас ни выбросил в чужую реальность, мы стали добычей. Он очень сильный, он бы победил!
В глубине души я понимал, что она права. Это была бы жестокая схватка, в ходе которой пострадал бы Ровиан, но, скорее всего, Высший нас бы поглотил. Но я сказал:
– Еще не факт, что справился бы… Дело в другом. Мы отрава.
Милана нахмурилась.

– Мы слишком разные с Высшим Прежних, – добавил я. – К счастью, он это понял. Ни один Высший не доверился бы другому, как мы.
– Мой смысл необратимо изменил бы его, – согласилась Милана. – Исказил. Разрушил. Он стал бы совсем другим.
– И вовсе не обязательно хорошим, – заметил я. – Но слабее. Это… – Я подумал, подыскивая аналогию. – Как добавить в чай молоко и лимон сразу. Все испортится.
– То есть нас обманом отправили в иную реальность, чтобы мы погубили Высшего Прежних? – спросила Дарина. – Подождите… а если бы мы отправились к Инсекам, как хотели вначале?
– Мы могли бы погубить Высшего Инсеков, – сказал я. – Видимо, это тоже годилось.
– Зачем? – Дарина вновь пожала плечами. – Убрать Милану, чтобы исчез ее Высший, – это понятно. А уничтожить Высшего в другой реальности, кому это нужно?
– Тому, для кого мало этой, – ответила Милана.
Я почувствовал, как ее ладонь в моей руке стала жесткой и напряженной. Милана встала, совершенно обычным движением, будто гравитация перестала играть для нее всякую роль. Подошла к стене – и та вдруг стала выворачиваться перед ней, формировать туннель.
– Высший… – прошептала Дарина.
Раньше появление Высшего Миланы вызвало бы у нас восторг. Наш защитник, в какой-то мере даже друг… наше будущее, в конце концов!
Но теперь все было иначе.
Мы сами становились чем-то похожим.
Мы теперь лучше понимали Высших.
Они от нас безмерно далеки.
Это как Бог. Тот, который в Библии. Можно его назвать добрым? С одной стороны, вроде как да. Не убий, не укради, все такое…
А с другой – потоп, Содом и Гоморра, казни египетские, испытания Иова на праведность. И если с потопом, Содомом и Египтом хоть какие-то основания есть, так с Иовом и его детьми очень некрасиво получилось.
Так вот и Высшие.
Они могут хотеть хорошего, могут быть на твоей стороне, могут помочь и даже сказать чего-нибудь доброе. Но когда им что-то не нравится, они даже рассуждать не станут, кто может пострадать: хороший человек, ребенок, котенок, милый городок, похожий на старинную открытку…
Были у меня какие-то душевные терзания, когда я устроил маленький апокалипсис на Ровиане? Да никаких. Сказал юным девам, чтобы уходили, и выбросил их из головы.
Но все-таки мы с Дариной тоже часть Высшего Миланы. Так что можно надеяться, он нас не убьет и не кинет на Селене…
Мы переглянулись со жницей, и я понял, что думаем об одном и том же. Пребывание в постчеловеческом состоянии здорово сближает сознания.
Вскочив – для нас это было куда труднее, чем для Высшего, слабое притяжение приятно, только если ты не двигаешься, – мы пошли в туннель, где уже скрылась Милана.
Ушла она недалеко.
Метрах в пяти туннель закончился небольшой комнатой, выглядевшей как внутренности машины или живого существа. Из стен свисали какие-то кабели, торчали причудливо изогнутые предметы из полупрозрачного материала, ребристые трубки – из некоторых капала бесцветная жидкость. Несколько участков стены плавно пульсировали. Пол и потолок слабо светились тускло-багровым.
Милана неподвижно стояла посреди комнаты.
Потом повернулась к нам. Сообщила:
– Корабль пуст. Сознание корабля перенесли в ту реальность. Это оболочка… умирающая.
Мы молчали.
– Вы спасали в первую очередь себя, – продолжил Высший. – Но вы спасли и меня, я благодарен. Я прерывался – это очень неприятно.
Жуткие у Миланы глаза, когда в ней Высший. Зрачки расширены, и в них какие-то красные искры мелькают.
– Мы старались, Высший, – осторожно ответил я. – Что это значит – «прерывался»?
Я бы не удивился, проигнорируй он вопрос.
Но Высший посмотрел на меня с каким-то неожиданным уважением.
– Это как смерть, – ответил он. – Я был, потом меня не стало. Затем я появился снова. Раньше со мной такого не случалось.

– Скорее на сон похоже, – сказал я.
– Мы не спим. Но иногда умираем.
Высший подошел к нам. Бесцеремонно взял Дарину за подбородок, заглянул в глаза.
– Ты становишься обычным человеком. Еще два-три месяца, и все изменения сотрутся. Тебе это нравится? Быть обычной девушкой, с обычной силой и скоростью реакции, с обычной памятью, разумом, эмоциями?
Дарина испуганно глянула на меня.
Я знал, о чем она думает. Даже не используя доставшийся мне смысл.
Что за чувство на самом деле между нами? Люблю ли я обычную девчонку Дарину, или меня привлекает загадочная жница? Если она действительно станет человеком, то останусь ли я с ней?
«Ты моя девушка, – подумал я, глядя на Дарину. – Мне все равно, сильная ты или слабая, можешь ли запомнить книжку с одного прочтения и пробежать стометровку быстрее олимпийского чемпиона. Мне даже все равно, что ты заставила себя полюбить, я сам хотел, чтобы меня заставили. Я вовсе не идеальный. Но ты знаешь, я ведь действительно избранный. Ты меня избрала. Я этим горд».
И я едва заметно улыбнулся ей.
– Да, – ответила Дарина.
Высший кивнул и повернулся ко мне.
– Я объясню происходящее в той мере, в какой оно доступно тебе. Постарайтесь понять, я буду говорить максимально просто.
Я кивнул, и Высший продолжил:
– Во Вселенной нет ничего неизменного, Максим. Ничего, кроме прошлого. Но мы, Высшие, можем обмануть даже прошлое, возвращая свое сознание назад. Раньше этого разговора не было. Теперь он будет. А значит, изменится и мое настоящее. Понимаешь?
– Да.
– Мое настоящее не так уж и далеко. В двух тысячах трехстах семи земных годах дальше во времени. В этом периоде в нашей Галактике существует около двадцати Высших. Иногда кто-то из них исчезает, на время или навсегда. Порой они возвращаются… другими.
Худо-бедно, но это у меня в голове укладывалось.
– Новые Высшие не возникали уже больше тысячи лет. Это значит, что урожай доступных смыслов практически собран. Конечно, будут еще цивилизации, которые перейдут к сингулярности, но большую часть их примет в себя кто-то из существующих Высших.
– Это что, конец истории? – спросила Дарина.
Высший улыбнулся.
– Конец цикла, девочка. Мы, Высшие, общаемся друг с другом. Опекаем те цивилизации, которые нам важны. Вырабатываем правила игры для предсингулярных культур. Вступаем в альянсы. Иногда воюем и уничтожаем друг друга. Бывает, что и бесследно, но, как правило, вбираем побежденного в себя. Во мне не только человечество, во мне и тэни, породившие исходный смысл, и многие другие культуры. Я уже присоединил к себе четверых Высших, это много.
Наверное, на наших лицах что-то отразилось, потому что Высший покачал головой.
– Это было дружественное поглощение. Вы же знаете мой смысл! Сотрудничество, мир без конфликтов. Те Высшие были слабее, они были обречены. Вступив со мной в альянс, они сохранили часть своей идентичности. Рано или поздно в Галактике останется только один Высший, и он пойдет дальше. Перейдет на новый уровень сингулярности, который даже я не могу представить. Это и будет концом цикла, концом существующей истории. Не таким уж и длинным! Мы считаем, что наш цикл начался меньше ста тысяч лет назад и продлится еще сотню-другую тысячелетий. Потом тот, кто соберет в себе все знания Галактики, уйдет дальше.
– А что будет со звездами, планетами, людьми? – спросил я.
– Звезды и планеты большей частью сохранятся. Разумные… кто-то исчезнет, – небрежно сказал Высший. – Вымрет или предпочтет иной способ существования. В солнечной плазме и в земной коре, к примеру, есть несколько упорядоченных структур. Мы полагаем, что это дочеловеческие цивилизации Земли, которые предпочли перейти в энергетическую и кристаллическую форму.
– Динозавры? – попытался я пошутить.
– Возможно, не интересовался, – ответил Высший. – Они не идут на контакт и предупредили, что при попытке к ним проникнуть – уничтожат и себя, и окружающее пространство. Это еще один путь эволюции, не гонка за всемогуществом, а

самоизоляция. Есть карманные вселенные, вроде тех, что используют Прежние, но более просторные, туда помещаются звезда, несколько планет и разумные существа.
Он помолчал секунду, а потом добавил:
– Даже некоторые туманности – это рассредоточенная разумная форма с крайне медленным темпом жизни. Впечатляет?
– Голова кругом идет, – признался я.
– Не думай об этом. Все это аутсайдеры, которые ограничили свое развитие и решили выйти из вселенской гонки. Неудачники. В основе развития – те, кто решает возвыситься и собрать все смыслы мира.
– Я понял, наверное, – сказал я. – Все развиваются, бегут по дорожке, некоторые сходят с дистанции и садятся на обочине. Те, кто бегут, по пути жрут друг друга. Добегает один… и куда-то уходит. А на дорожку выходят новенькие бегуны.
– Все верно, – кивнул Высший.
– Может быть, те, кто побеждают в очередном цикле, где-то там… – я неопределенно повел рукой, – бегут дальше? На новой дорожке, на новое расстояние?
– Возможно, – согласился Высший.
– Но я так и не понимаю, что произошло с нами. Кого пытались убить, забросив нас в иной мир? Высшего Прежних? Или Высшего Инсеков?
Высший вздохнул.
– Максим. Смысл Прежних и Инсеков очень схож. Они так долго сражались, что сроднились. В моем времени и у Прежних, и у Инсеков один Высший.
– Блин, – сказал я. – Блин, блин, блин!
Я не знаю, почему это так меня задело. Может, потому, что мы долго лавировали между ними, сражались, пытались воспользоваться помощью одних против других? А это оказались две головы одного дракона!
– Это чья-то большая игра, – продолжал Высший. – А в больших играх не бывает простых и однозначных целей. Каждое действие рассчитано на достижение нескольких результатов. В данном случае очевидными кажутся два результата: уничтожить меня в этой реальности и серьезно ослабить Высшего Прежних и Инсеков в другой. Так?
Он смотрел на меня и ждал ответа. Я подумал.
– Не знаю. Ведь оба результата не достигнуты. Вы целы, Высший Прежних не пострадал.
– Верно, – Высший кивнул. – И это меня тревожит, Максим. Нам случается обманывать и использовать друг друга, но обычно это сразу становится понятным.
– А сейчас вас поимели, но непонятно как, – сказал я.
– Нас поимели, – поправил Высший. – Не забывай, я – и твое будущее тоже.
Я кивнул.
– В обычной ситуации я разобрался бы в происходящем сам, – продолжал Высший. – Но сейчас мне важнее получить информацию в моем времени. А вы попробуйте что-то выяснить здесь.
Разумеется, он не просил, не предлагал, даже не командовал. Он информировал.
– Да, мой господин и повелитель, – сказал я.
Высший на мой жалкий сарказм не отреагировал. Наверное, даже не заметил.
– Разберитесь с людьми, которые позволили Милане уйти из нашей реальности. Они могут что-то знать. Поговорите с Продавцами, очень вероятно, что те замешаны в происходящем.
– Я тоже думаю, что вмешался их Высший, – признался я. – Вы могли бы выяснить у него? В вашем времени?
– Высший Продавцов, даже если он существует, не идет на контакты.
– А если он… или кто-то другой появится у нас?
– Я тоже появлюсь. – На лице Миланы возникла недобрая улыбка. – Берегите Милану, ясно? Она ключевой элемент меня.
– Мы ее бережем! – возмутилась Дарина. – Милана наш друг.
– Тогда пожалейте ее, она страдает без Максима, – холодно сказал Высший. – Ей все время хочется его коснуться, обнять, заняться с ним сексом, гулять по вечерним улицам, уехать куда-нибудь на край света, родить от него ребенка… Меня даже сейчас отвлекают ее фрустрации.
Я онемел. У меня в животе похолодело, а к лицу прилила кровь.
– Фрустрации – это когда желания не совпадают с возможностями, – добавил Высший, глянув на Дарину.
Наверное, она не поняла, вот он и ответил на ее мысль.

Нет, ну мы все трое все знали и понимали. Что уж тут, после того как разделяешь разум. Дарина знала о моих чувствах, и про измену знала, и что Милана меня любит. И я знал, что она знает. И Милана знала, что тайн никаких больше нет.
Но вот так вот взять и сказать…
Да что ему, Высшему, наши переживания и комплексы. Они и Прежним-то смешны, а уж ему…
Я мучительно искал какие-то слова для ответа, но ответила Дарина:
– Как-нибудь сами разберемся в наших отношениях. Не беспокойтесь.
– Хорошо, – решил Высший. – Надеюсь, мои слова никого не задели?
Мы молчали.
Похоже, что Высший все-таки немного смутился. Сейчас, в теле Миланы и у начала своей жизни, он был ближе к человеку, чем привык.
– У вас по-прежнему есть масса ценных и сильных возможностей, – сказал он, будто уводя разговор в сторону. – В Милане мой ключевой смысл, я в любой момент могу в нее вернуться. У Максима остается потенциал второго Призыва и моя метка из другой реальности, позволившая принять третий Призыв.
– А у меня глаза сиреневые, – мрачно сказала Дарина.
– Не только, – ответил Высший. – Ты их объединяешь. Максима и Милану. Ты тот элемент, который позволял вам на равных сражаться с Высшим.
Если это были не извинения за бестактность, то что-то максимально близкое к ним.
– Я вернусь через трое суток, – сказал Высший. – Постарайтесь за это время выяснить что-то полезное.
– А нам что, так тут и сидеть? – спросил я. – В дохлом корабле?
– Зачем? – поразился Высший. – Идите домой, отдохните.
– Как? – спросил я и был удостоен укоризненного взгляда.
– Ты оперируешь с пространством, как Высший, и задаешь такой вопрос? Ну хорошо…
Высший небрежно ткнул пятерней в стену – стена затрепетала и сформировала светящийся серым экран.
– Через трое суток, – повторил Высший.
И Милана обмякла.
Высший удалился в свое время.
– Милана? – спросила Дарина осторожно.
Милана повернулась к ней… и я понял, что она отводит взгляд.
– Дарин…
– Не надо ничего говорить, – сказала Дарина. Взяла Милану за руку, кивнула мне: – Пошли, Максим. Не нравится мне тут. Воздух совсем тяжелый стал.
Она была ниже Миланы на полголовы, и, если уж честно, Милана всегда казалась куда бойчее и увереннее в себе. Но сейчас я смотрел на них и думал о том, что Высший не соврал. Дарина была тем клеем, который все соединял и не давал развалиться.
Они с Миланой прошли в экран первыми, я за ними.
…Когда Высший сказал «идите домой», это оказалась не фигура речи. Мы стояли в моей квартире, посреди гостиной. Никакого экрана не наблюдалось, даже витающего в воздухе. Было темно, свет шел только от фонаря с улицы и Лунного кольца на небе.
Если смотреть на градусник, то стояла обычная после Перемены московская летняя жара, даже несмотря на ночь, а кондиционер был выключен.
Но после корабля Инсека воздух все равно казался чистым, свежим и прохладным.
– Как хорошо-то, – сказал я чуть громче, чем требовалось. – Девчонки, мы дома!
– Вы дома, – ответила Милана. – Дарина, ты извини, я помню, что говорил Высший, он…
– Он дурак, – сказала Дарина беззаботно. – Такой умный, что дурак. А ты дома, ясно? Я в душ…
И быстро вышла в коридор. Щелкнул выключатель, в коридоре зажегся свет, потом стукнула закрывшаяся дверь ванной комнаты.
– Максим, мне очень стыдно, – сказала Милана, глядя мне в глаза. – Но Высший сказал правду, да.
– А можно, я спасу мир? – спросил я. – Или взорву какую-нибудь планету?
– Можно, – разрешила Милана серьезно. – Но потом все равно придется что-то решать.

Глава вторая

Я открыл дверь родителей ключом, всегда висевшим у меня в прихожей. Открыл тихонько, было без четверти двенадцать ночи.
И наткнулся на отца, крадущегося – иного слова не подберу – с кухни. В руках он держал бокал, на четверть наполненный чем-то коричневым. Отец был в пижаме и тапочках, значит, выбрался из постели.
– Найт кап, – сказал отец, увидев меня.
Честно говоря, я ожидал какой-то другой реакции после двухдневного отсутствия.
– Чего кап? – не сразу понял я.
– Ночной колпак, – пояснил он. – Англичане так называют маленькую выпивку перед сном, а они в выпивке большие специалисты… Не спится.
– Ясно, – сказал я.
Они что, не заметили моего отсутствия? Даже обидно немного.
– Пойдем на кухню, – решил отец. – Ты что-то хотел рассказать? Вы с Дариной как утром умотали на весь день, так и не появлялись. Я заходил вечером.
Утром?
Хотя чему я удивляюсь. Время в разных реальностях может течь по-разному.
Мы прошли на кухню, отец, не спрашивая, налил мне кипяток и дал пакетик чая. Чай пах сеном, но он был горячий, и я сел, грея руки о чашку. Холод Ровиана до сих пор сидел где-то глубоко во мне.
– Странная у тебя рубашка, – сказал отец. – И джинсы.
– Почему?
– Если не ошибаюсь, ни на рубашке, ни на штанах нет ни пуговиц, ни швов. Как ты их надеваешь? Какая-то инопланетная технология?
– Инопланетная, – пробормотал я, обнаружив, что отец прав. Высший дал нам очень своеобразную одежду.
Отец кивнул, сделал маленький глоток, поморщился. Скорее всего, это был какой-то гадкий напиток, который англичане пить бы не стали.
Хотя почему я так думаю? Я про тэни знаю куда больше, чем про англичан.
– Ты хотел посоветоваться, – сказал отец. – Спрашивай.
– С чего ты решил?
– Ну вряд ли ты надумал в полночь нас проведать. Денег ты просить у нас тоже не станешь. – Отец улыбнулся. – Что-то с девчонками?
Он так и сказал: «с девчонками», во множественном числе.
– Нет, – ответил я. – То есть да, но сам разберусь…
Отец молчал, выжидая, я вздохнул.
– Если кратко – они обе меня любят. А я их, наверное. Есть же такие семьи.
– Мама расстроится, я позавидую, – хладнокровно заметил отец. – Но извини, советовать ничего не стану.
– И хорошо, я действительно сам разберусь, – ответил я с облегчением. – Нет, я о другом. Про другие отношения.
– С Инсеками?
– И с ними тоже, – сказал я мрачно. – В общем, я как-то во многое влез, очень сильно…
– Скажи, ты причастен к тому, что Инсеки улетели? – спросил отец.
– С чего ты взял? – удивился я.
– Просто ответь.
– Самым прямым образом, – признался я. – Пап, я вообще уже не совсем человек!
Он молчал и смотрел на меня.
– Я убивал! – сказал я.
– Но они были плохие люди?
– Пап, ты издеваешься?
– Нет, спрашиваю, – ответил он.
– По большей части они вообще были не люди.
Отец пожал плечами.
– Тогда с юридической точки зрения – это не считается.
– Я не про юридическую!
– Хочешь, чтобы я тебя поругал? Не стану, ты мой сын. Похвалил? Ну, если ты спасал людей или защищался, то похвалю.
– Я чуть планету не взорвал, – сказал я.
– Большую?
Нет, все-таки он мне просто не верит!
– Больше Юпитера.
– Маме не станем рассказывать, – сказал отец и сделал еще глоток.
– Скажи, ты все-таки шутишь? – спросил я с надеждой.

– Нет, сынок. – Отец вздохнул. – Я понимаю, что у тебя какая-то своя, огромная и непонятная жизнь. И ты, наверное, стал больше, чем человек. Как эти, Измененные.
Я кивнул.
– Но я не знаю, чем тебе помочь. – Он покачал головой. – Если скажешь, что надо сделать, – сделаю. Ты же наш сын. Но, наверное, сейчас пришло твое время решать и действовать. Потому что этот мир твой. Дарины. Анастасии.
– Чего шумите? – донеслось из коридора.
Повернувшись, я увидел сонное лицо Наськи, выглядывающей из полуоткрытой двери ее комнаты.
– Привет, – сказал я. – Чего прячешься, иди к нам.
– Я не одета, – ответила она с достоинством. – И спать хочу. Болтайте потише, а?
И действительно – прикрыла дверь и исчезла. Я мстительно подумал, что когда она узнает о наших приключениях, то будет очень жалеть, что не услышала о них сразу.
– Уже ухожу, – сказал я. – Ладно, пап. Мне просто надо было узнать, что у вас все в порядке. Завтра день суматошный.
Он кивнул. Помолчал мгновение, спросил:
– Про Юпитер правда?
– Ну это был не Юпитер, покрупнее немного, – уточнил я. – Чистая правда.
Отец покачал головой, и я подумал, что после моего ухода он может и повторить свой «ночной колпак».

День был чудесный.
Бывают в Москве такие летние дни, когда погода становится похожей на прежнюю. Нет ни тропической духоты, ни ливней, ни стремительно набегающих туч. И на тротуарах людно, и машин на улицах много, и, если не смотреть в небо, – все как в детстве.
Ну, почти все. С двумя девчонками я бы гулять постеснялся, засмеют.
А сейчас не стеснялся. Совсем.
И плевать мне на все сложности отношений.
Мы как-нибудь в них разберемся.
Уж если могли существовать единым сознанием, то обязательно разберемся. Главное, мы вместе. И без всяких недомолвок и тайн.
Мы доехали до уголка Дурова на полупустом автобусе, но выйти пришлось на следующей остановке, у аквапарка. Гнездо было оцеплено полицией, мы переглянулись, но ничего говорить не стали.
И, когда вышли, молча пошли по Олимпийскому назад, к украшенному фигурами зверей зданию.
Полицейские были не из отдела «Экс», обычные муниципалы. Видимо, их поставили во внешнее оцепление, и они откровенно скучали.
– Ребята, проходите мимо, – сказал сержант, когда мы направились к зданию. – Тут закрыто.
– Слон сдох, – поддержал его напарник.
– Слон живой и здоровый, – мрачно сказала Дарина.
– А воняет, как дохлый! – Видимо, второй полицейский ждал этой фразы и заранее заготовил шутку. Он даже тоненько хихикнул, что не очень-то вязалось с его формой и мужественной внешностью. Потом нахмурился, внимательно разглядывая Дарину.
– Я жница, – сказала она. – Пропустите.
Дарина все меньше и меньше напоминала Измененную, но все же цвет глаз и неестественная гладкость кожи ее выдавали.
– Извини, жница, но надо спросить начальство, – вмешался сержант. – Это твое Гнездо?
– Нет.
– Вот! – обрадовался сержант. – Порядок должен быть…
– Скажите, что пришли Максим, Дарина и Милана, – вмешалась Милана.
Он отошел на несколько шагов, забормотал в рацию. Мы терпеливо ждали.
– Пусть сразу к Леониду Владимировичу обратятся! – крикнул я сержанту. – Такой… высокий тощий старикан.
– К кому надо, к тому и обратятся, – сказал сержант, возвращаясь. На нас он теперь смотрел с любопытством. – Вы тут уже были?
– Вчера, – сдержанно сообщил я.
Сержант замялся. Поинтересовался:
– Что тут стряслось-то?
– А у вас допуск есть? – спросил я.

Полицейский обиделся и замолчал. Через минуту его рация забубнила, кто-то отдал команду, и сержант повел нас ко входу. Я напряженно вслушивался, пытаясь поговорить с Гнездом, но, кроме фонового давления, отпугивающего случайных людей, ничего не ощущал.
Видимо, Гнезду было не до нас. Хватало проблем внутри.
У входа дежурили уже другие полицейские, из отдела «Экс» – в силовой броне, неразговорчивые. Мне показалось, что они нас узнали, но вслух, конечно, ничего говорить не стали.
Нас быстро завели внутрь и оставили в небольшой комнате у самого входа. Судя по тому, что там все выглядело привычно, по-человечески, эту комнату Гнездо использовало для общения с людьми. Столы, стулья, на стенах древние плакаты с животными и рекламой театра зверей…
Мы уселись и стали ждать. По-прежнему молча. Не обсуждая ни время, проведенное в чужой реальности, ни наше возвращение.
То, что происходит дома, остается дома.
– Живые!
Отставной генерал Леонид Владимирович ворвался в комнату в одиночку, хотя за его спиной мелькнуло несколько военных.
И похоже было, что он действительно рад нас видеть. Глаза у него были красные, невыспавшиеся, кажется, он тут и впрямь провел сутки с момента нашего ухода. И пахло от него так, как пахнут старые люди, не помывшиеся один день: кисловатым и затхлым. Только рубашку он сменил на чистую, отглаженную.
– Как? – тряся меня за плечи, спросил он. – Как вы вернулись?
– Помогли, – ответил я. – А вы знаете, где мы были?
Леонид Владимирович покачал головой. Сел на свободный стул. Сказал:
– Рассказывайте!
– Да, есть о чем поговорить, – согласился я. – Только скажите вначале, где Лихачев?
– Так что, он не с вами? – Генерал помрачнел и напрягся.
Как-то мне не понравился его взгляд. С какой-то обидой он на меня смотрел, с напряжением.
Я глянул на Милану. Она кивнула.
– Давайте я расскажу, как все с нашей стороны выглядело? – предложил я. – Через экран мы попали в другую реальность. В параллельный мир. Это была ловушка, куда мы вляпались, ловушка на Милану. Когда она ушла из нашего мира – ее Высший исчез. Но нам удалось… договориться с местными. И нас вернули обратно.
Соображал Леонид Владимирович быстро. Прищурился, глядя на меня, потом спросил:
– И вы решили, что к этой ловушке причастен я?
Я пожал плечами.
– А проход в иной мир тоже я открыл?
– Ну, не сами, конечно. – Моя уверенность в заговоре начала испаряться. – Но вы как-то очень странно все организовали, неаккуратно. Увели нас от экрана, оставили там Лихачева, позволили вначале нам отправиться на чужой корабль, потом Милане…
– Высший порекомендовал разобраться, – добавила Милана. – Вы же понимаете, когда он вернется, а он вернется…
– И все мотивы поймет, – вставила Дарина.
Леонид Владимирович размышлял, глядя то на меня, то на Милану.
Потом развел руками.
Но смотрел по-прежнему с легким недоумением, и это напрягало.
– Ну да, – сказал он. – Все было организовано черт знает как. Я бы в жизни так операцию не проводил.
Я ждал.

> – Максим,
> вы
> уверены, что хотите услышать мой рассказ? – спросил он с каким-то напором, явно выделяя слово «вы».

– Леонид Владимирович… – Я вдруг почувствовал себя школьником, которого вызвал строгий директор. И никакого значения не имело, что сутки назад я сворачивал пространство в трубочку и едва не заставил газовый гигант лопнуть, будто это был воздушный шарик. – Вы сейчас на что-то намекаете, так?
Генерал кивнул.

– Так вот, я не понимаю этих намеков, – сказал я. – Я хочу услышать ваш рассказ. И девушки тоже. Наверное, у нас какое-то недопонимание… так давайте же поговорим и все выясним?
Леонид Владимирович вздохнул. Потер подбородок. Я подумал было, что он колеблется, но смысл от тэни вдруг сработал и подсказал, он в эти секунды готовил свой рассказ. Даже не рассказ – доклад. Ему приходилось докладывать и генералам – когда он сам еще им не был, и министру обороны, и президенту. Он это умел.
– Трое суток назад мы получили подтвержденную информацию о начале исследования корабля Инсека со стороны американцев, китайцев и европейцев, а конкретно – немцев. Европа действовала прокси, через Бельгию, американцы и китайцы самостоятельно. Меня вызвали… я ведь действительно в отставке. Раньше курировал ряд программ, но стал козлом отпущения, когда Высший прижал Прежних.
– Сочувствую, – сказал я.
– Ничего, это в нашей работе неизбежно. Мы действительно знали о существовании Прежних и смысле работы Гнезд, но что мы могли поделать? Вылетел по выслуге лет, и на том спасибо. Так вот, меня вызвали и предложили возглавить неофициальное исследование корабля. Пан или пропал.
Я кивнул.
– Ресурсы у меня были ограничены, в первую очередь человеческие, – продолжал Леонид Владимирович. – Велели действовать полуофициально… в общем, «нас там нет». Я обратился к Лихачеву. Он на самом деле мой старый приятель, когда-то я его прикрыл, помог остаться хотя бы в полиции. Игорек к приказу отнесся без энтузиазма, он считал, что ушли чужие – и слава Богу. Знаете, какое у него было прозвище?
Подумав, я предположил:
– Лихо?
– Верно, – усмехнулся старик. – Присказка у него была раньше – «не буди лихо, пока оно тихо». Тут он снова это сказал. Но помочь согласился. Только предложил вначале поговорить с тобой.
– Почему не со мной? – спросила Милана. – То есть не со мной, а с Высшим?
– Чтобы Высший не запретил сразу, – с ноткой удивления ответил Леонид Владимирович. – Игорь сходил, поговорил, отзвонился и сказал, что ты не рекомендуешь… Мы поспорили чуть, но сошлись на том, что идти все равно надо. С матерью этого Гнезда контакт уже был налажен.
Он замолчал, буравя меня взглядом. И я вдруг тоскливо подумал, что не хочу слышать продолжение.
Оно мне не понравится.
– Вчера в полтретьего ночи Лихачев меня разбудил, – продолжал Леонид Владимирович. – В дверь позвонил. Впрочем, мог бы и не звонить, что ему замки и охрана… он пришел с Высшим.
Опаньки!
Я глянул на Милану. Та беспомощно развела руками.
Ну да, конечно.
Если Высший не хотел, чтобы она что-то знала, так она и не запомнит…
– В общем, Высший разбудил Лихачева, притащил ко мне… как я понимаю, они не на такси ехали, а просто перенеслись. – Леонид Владимирович криво усмехнулся, не отрывая от меня напряженного взгляда. – Высший соизволил отдать распоряжения. Одобрил исследование корабля. Предупредил, что на корабле остались системы безопасности. Приказал после перехода десантной группы покинуть защищенную зону, к примеру, – уйти пить чай. Вместе с Максимом и Дариной. Лихачеву велел оставаться. В случае непредвиденного развития событий настоятельно рекомендовал вызвать Милану. О его визите потребовал никому не говорить, и что мы знаем, как будут развиваться события, не показывать.
– Высший знал, что мы придем? – уточнил я на всякий случай.
Леонид Владимирович кивнул.
– Конечно.
– Ребята, я не помню ничего такого! – воскликнула Милана. – Ничего! Я спала всю ночь!
– Ну а почему бы ты помнила, дорогая? – сказал генерал. – Не ты приходила.
– А кто? – Кажется, Милана даже расстроилась от этих слов.
Леонид Владимирович молча смотрел на меня.
– Кажется, он хочет сказать, что приходил я, – сказал я Милане.
Генерал кивнул.
Интересно, а ведь вслух он так этого и не произнес. Не стал нарушать приказ Высшего.

– Я был дома, – сообщил я. – Спал. Вот… Даринка подтвердит. Это ничего не значит, конечно.
– Ты просыпался и вставал, – неожиданно сказала Дарина. – Я проснулась часа в четыре, тебя не было. Потом ты пришел, лег. Думала, ты в туалет встал.
– Не помню такого, – признался я.
Она помолчала секунду, а потом тихо рассмеялась:
– Я глупая. Я же еще подумала сквозь сон, почему ты такой ледяной, будто из холодильника вылез…
Посмотрев на Леонида Владимировича, я спросил:
– Точно был я?
– Тело походило на твое. – Генерал слегка улыбнулся. – Но в нем был Высший, без сомнения. Мне доводилось с Прежними разговаривать, еще до того, как их прогнали. Тоже чувствуешь, что за человеком что-то жуткое стоит, но когда с Высшим… тут не ошибешься. Пальцы на ногах холодеют.
Думаю, если бы не Милана и Дарина, он бы выбрал другой образ, а не «холодеющие пальцы».
– Я не помню! – Я вскочил, прошелся по комнате. – Зачем он так? Милана?
Милана развела руками. Она выглядела виноватой, словно отвечала за действия своего Высшего.
– Ты не знаешь судьбу Лихачева? – спросил Леонид Владимирович с надеждой.
– Нет. – Я покачал головой. – Да я же сам его спасать бросился, он хороший мужик!
– Вот и Лихачев то же самое сказал, – старикан словно задался целью меня добить. – Когда Высший… когда ты исчез, просто исчез из моей квартиры, я его спросил: «Игорек, будем исполнять? Мутное дело затевается». А он пожал плечами и ответил: «Максим хороший парень, не подставит».
– Я никого не подставлял, – сказал я с яростью. – Да мы сами там чуть не померли. Мы же оказались в мире, где нашего Высшего нет, нас там чуть на лоскуты не порвали!
– Надо его спросить, – сказала Дарина. – Зачем он так, он же сам…
Она вдруг замолчала.
Нахмурилась.
– Максим, Милана… Так, может быть, это был чужой Высший? Прежних, Инсеков, Продавцов? Еще кого-нибудь?
– Если я правильно понял, Высшие возникнут в будущем, – ответил я. – А в нашем времени они появляются, сдвинувшись назад во времени. Перенося часть своей сущности.
– И только в того человека, кто со временем эволюционирует именно в этого Высшего, – произнесла Милана.
У нее вся кровь от лица отхлынула. Она посмотрела на меня с ужасом.
– Я часть твоего Высшего! – воскликнул я. – Мы же вместе будем. Высший сам это сказал!
Милана встала. В ее лице что-то неуловимо изменилось.
Ну да, Леонид Владимирович был прав. Пальцы на ногах и впрямь похолодели.
– Сказал, – произнес Высший. – Но, похоже, мы имеем дело с очень редким случаем.
– Нет, – сказал я. – Да нет же, нет! Мы были вместе!
– В чужой реальности ты действовал не так, как действовал бы я, – ответил Высший. – Мальчик Карир не пробуждал в тебе мой смысл, он позволил тебе активировать твой собственный потенциал.
– Да не так это все!
Краем глаза я увидел, что Леонид Владимирович поднялся удивительно спокойным и естественным движением, приобнял за плечи Дарину и стал отступать к двери. Дарина пятилась, в ужасе глядя на нас.
И самое ужасное – она молчала.
А еще молчало Гнездо. Даже шум исчез.
Теперь я понял, почему не смог с ним связаться, когда мы вошли. Гнездо ощутило, что я изменился. Что я не совсем тот, кем был.
– Ты – возможная часть меня, – продолжал Высший. – Пусть третьестепенная, но часть. К сожалению, ты еще и часть другого Высшего. Боюсь, что ключевая.
– Милана, это не так! – сказал я как можно тверже.
– Ты пытался меня уничтожить.
– Я же сам чуть не погиб, мы были вместе, ты знаешь мои мысли!
– Только те, которые ты знаешь сам. – Высший покачал головой. – В том мире – это все был ты. Ты сражался, принимал решения, развивался. А мой смысл подвергался искажению и едва не был уничтожен.

Я покачал головой.
Передо мной внутри Миланы был Высший. Но в нем ведь была и Милана.
– Я не хочу быть частью какого-то другого Высшего, – сказал я. – Я хочу стать частью тебя. Меня вполне устраивает! Что надо сделать, подписать официальную бумажку об этом?
Я пытался улыбаться, надеясь, что Милана улыбнется в ответ и мы как-то решим этот вопрос.
– Боюсь, никакая бумажка ситуацию не изменит, – ответил Высший.
Я почувствовал – не знаю как, не знаю чем, – что пространство вокруг начинает меняться. Как текут градиенты энергии, пульсирует магнитное поле, колеблется гравитация…
И тогда я ушел в двумерное пространство, сложив и развернув его, будто складывал оригами, – и оказался в другом месте.
Точно так же, как несколько дней назад, ночью (теперь я это отчетливо помнил), перенесся к Лихачеву и вместе с ним – к отставному генералу Леониду Мельникову, получившему распоряжение негласно изучить корабль Инсека.
Я убежал.

Глава третья

Я никогда не прятался от неприятностей дома, скорей уж старался все решить и исправить, а лишь потом вернуться, «не тащить за собой проблемы».
Так что было очень странно оказаться в своей квартире – когда в моем распоряжении была вся планета Земля. Как минимум Земля.
Я вновь осознал себя уже стоящим у окна на кухне и глядящим во двор. То, что проявлялось во мне – к черту недомолвки, во мне был Высший!.. – ушло, исчезло, затаилось.
Я сбежал от Высшего Миланы.
Скрылся легко и уверенно, потому что был ему как минимум равен.
Прежде, когда Высший входил в меня, я ощущал его мысли. Не в полную силу, конечно, – наверное, от этого можно было бы сойти с ума, – но в какой-то доступной мне мере: интерес, раздражение, ярость.
Сейчас ничего не было. Этот Высший использовал мое тело, но мыслями и чувствами он не делился.
Я стоял, облокотившись на подоконник, тяжело дыша и глядя во двор, где соседка выгуливала коляску с младенцем и двух смешных энергичных такс.
Давно уже я не чувствовал себя таким одиноким.
Одиноким и, вопреки разуму, виноватым. Будто в стандартном шпионском кино, я оказался двойным агентом. Помогал Милане, сражался за спасение ее Высшего… а сам был чужой марионеткой!
А что сейчас думала обо мне Дарина?
Неужели она решила, что я заранее обо всем знал и каким-то образом скрывал от нее предательство? Да нет же, не может быть, мы были едины, мы знали мысли друг друга!
Но при этом я не помнил, как ночью встречался с Лихачевым…
– Максим?
Резко повернувшись, я обнаружил стоящую в коридоре Наську. Смотрела она на меня растерянно и как-то виновато.
– Ты чего? – Я не нашелся, что сказать умнее.
– Я… ничего… – Наська оправила цветастую юбку, которой позавидовала бы самая безбашенная цыганка на свете. Превратившись из Измененной в обычную девочку, она напрочь перестала носить привычную для куколок одежду унисекс. Только платья-юбки-сарафаны и все тому подобное.
У женщин зачем-то множество названий для одежды, которая по большому счету просто мешок с дырками для рук и головы.
– Ничего? – на всякий случай с напором произнес я.
Наська сдалась и виновато опустила голову.
– Я на компе… играла. Ну раз вы ушли, я взяла ключ…
– А пароль мой откуда знаешь? – Во мне включился воспитательный инстинкт.
– Видела, как ты набирал…
Она продолжала топтаться на месте.
– Нехорошо так поступать, – сказал я.

– Я по твоим файлам не лазила! – ответила Наська с таким апломбом, что стало ясно – еще как лазила. И тут же перешла в наступление: – Милана тоже у тебя ночевала?
– Да.
– А что за одежда странная валяется? Без пуговиц и застежек? Зачем вы ее ножницами резали?
Я вздохнул.
– Потом как-нибудь расскажу. Знаешь, иди-ка ты домой, а?
– Ты чего? – насторожилась Наська. – Что-то случилось?
Я заколебался. Безумно хотелось поделиться происходящим. Хоть с кем-то. В конце концов, Наська много чего повидала.
А вдруг через нее все узнает Высший? Она вроде как тоже станет его частью?
Но, может, и хорошо, если узнает?
Попытаюсь оправдаться, что ли…
Вздохнув, я налил из термопота кипятка, кинул пакетик заварки. Наська, заинтригованная, уселась за стол и попросила:
– Мне тоже сделай.
Я налил чай и для нее, сел напротив. Развел руками:
– В общем… проблемы возникли. Я поругался с Высшим Миланы.
Наська нахмурилась.
– Не совсем я, Высший во мне.
– Ты поругался сам с собой? – Наська явно заинтересовалась. – А что, такое бывает?
Нет, зря я это все затеял…
– Наська, иди домой, – сказал я. – Не стоит тебе ничего обсуждать со мной. Это даже может быть опасно.
– Для тебя?
– Нет. Для тебя. Вдруг Высший решит, что тебе не надо ничего знать.
– Ты меня не обидишь, – уверенно возразила Наська. – Даже если в тебя двое Высших влезет.
– В любом случае нечего тебе вмешиваться! – твердо ответил я.
– Почему? – возмутилась Наська. – Когда я в Гнезде помогала, было можно, а теперь – маленькая?
– Я не сказал, что маленькая, – парировал я. – Просто… незачем тебе в этих разборках участвовать.
– Между прочим, я твой боевой товарищ! – сказала Наська с вызовом. – И фактически твоя сестра, а если у твоих мамы с папой получится все бумажки оформить, то и юридически буду сестрой!
– Да хоть бы ты была трижды родной и старшей, не надо тебе в эту заваруху лезть!
Наська стукнула кулачком по столу. Получилось громко, даже кружка с чаем подскочила и тревожно звякнула.
– Вот только попробуй со мной не посоветоваться! Я отомщу!
– Как? – заинтересовался я.
– Будешь старенький, я тебе стакан воды не подам! – пригрозила она.
– Найдется кому подать…
– Думаешь? Вначале ты поженишься на Дарине, а потом с ней поругаешься, она тебя бросит. Ты будешь страдать, переживать, потом поженишься на Милане, но и она тебя тоже бросит. А детей у вас не будет, из-за твоих мутаций! От горя и одиночества у тебя отнимутся ноги, ты станешь лежать в кровати и страдать, старый и никому не нужный! А я буду приходить, молодая и красивая, кормить тебя с ложечки кашей, поить водичкой и говорить: «Бедненький, ну что, довели тебя твои похождения?»
Я вытаращил глаза.
Наська расхохоталась зловещим сатанинским смехом. Спросила:
– Ну что, страшно тебе?
– Лучше сама напугайся, – ответил я. – Придется ведь не только кашей поить, но и памперсы мне менять. Раз уж я стану такой старый и больной, а ты останешься молодая и красивая.
– Фу! – завопила Наська и замахала руками.
– Вот-вот, – сказал я ехидно.
Но мне как-то полегчало. От Наськи, от ее обычного неудержимого потока фантазий, пусть даже на этот раз таких кровожадных.
– Максим! – Наська вскочила, обняла меня, сказала: – Ну не надо меня гнать, расскажи, что случилось! Я умная!
Я вздохнул, похлопал ее по спине.

– Ладно. Если очень кратко… в меня вселялся какой-то Высший. Заманил нас с Дариной и Миланой в иную реальность, чтобы Высший Миланы у нас не возник. Но мы обратно выбрались, он снова появился. И тут выяснилось, что это я же все и подстроил, только ничего не помню. Ну и… я сбежал от Высшего.
– Как?
– Использовал волшебные способности своего Высшего. Свернул и развернул пространство.
– Круть… – Наська отстранилась, подозрительно посмотрела на меня. – Ты не обманываешь, нет?
– Нет. На самом деле я сижу как на иголках. Если Высший Миланы появится, то я снова убегу. Или придется с ним драться.
– А что у тебя за Высший?
– Не знаю, в том-то и дело. – Я развел руками. – Может быть, от Прежних? Мы с ними общались в иной реальности. Вдруг это на меня повлияло?
Наська кивнула и вернулась на свое место. Осторожно попробовала чай, без спроса полезла в шкаф за сахарницей и бухнула себе три ложки. Потом уставилась на стоящую на столе баночку малинового варенья. Хлопнула себя по лбу, покачала головой и добавила в чай еще и варенья.
– Кхм, – сказал я.
– Не слипнется, проверено, – успокоила меня Наська. – Вряд ли твой Высший от Прежних. А чего он хочет?
– Не знаю. Пытался уничтожить Высшего Миланы, это факт.
Наська пожала плечами.
– Может, факт, а может, и не факт. Он с тобой не говорит?
– Нет.
– Посоветуйся с Лихачевым…
– Наська… я его подставил. Отправил на корабль Инсека, там какие-то монстры… даже не знаю теперь, живой Лихачев или нет.
Я ожидал, что она как минимум охнет или заплачет. Но Наська только сжала покрепче губы и принялась яростно размешивать чай.
– Мне нужен совет, да, – сказал я. – Но наш Высший теперь мой противник. Тот, что в меня вселялся, молчит, как партизан на допросе. Прежние и Инсеки не помогут, да и нет их на Земле.
Наська вытащила ложку, облизала и задумчиво произнесла:
– Тебе точно совет нужен. Ты, конечно, очень умный и хороший, но тут нужен кто-то другой.
– Вроде тебя?
– Нет, я тоже только умная, а тебе нужен мудрый. А это редкость. Может, тетю Лену спросить?
Я не сразу понял, что она имеет в виду старенькую докторшу Елену Филипенко. Как-то она ухитрилась произвести на куколку впечатление.
– Если бы мне надо было что-то отрезать или пришить, то я бы точно к ней пошел, – вздохнул я. – А так… не хочу попусту волновать наших боевых пенсов.
– Давай я схожу к Милане, – предложила Наська. – Поговорю. Что это Высший на тебя бросается? Неужели надо сразу драться? Они же такие, всемогущие… чего к нам привязались?
Я смотрел на нее и думал, что Наська все-таки еще совершеннейший ребенок. Со своим странным детством, инсековским Изменением, сражениями, в которых участвовала, и передрягами, в которые попадала, она осталась обычной хорошей девочкой… которая считает, что обо всем можно договориться.
Даже с Высшими – могущественными скоплениями личностей, обитающими где-то в глубинах космоса и времени, мечтающими возвыситься до полного всемогущества и всезнания, а в наши времена заглядывающими лишь, чтобы обезопасить свое собственное прошлое.
Они потому и не позволяют обычным цивилизациям совсем уж безобразничать – это опасно для самих Высших. Уничтожат подчистую каких-нибудь разумных жаб, а у Высшего интеллект упадет или он вообще не возникнет.
Но, с другой стороны, Высшие и не воюют между собой в нашем времени. Ведь так? Скорей уж, это с ними порой конфликтуют предсингулярные цивилизации и даже порой их уничтожают. А друг друга Высшие «в младенчестве» не убивают. Опять же, не из-за морали, скорее это негласное соглашение. Ну, как не принято убивать правителей, даже когда страны враждуют и воюют…
И что же произошло, что изменило все правила?

Какой еще Высший вселился в меня и попытался погубить Высшего Миланы?
Не зря он таится, кстати. Он нарушил правила! Его за это не только наш Высший будет преследовать, его все остальные попытаются уничтожить. Потому и прячется, наверное, даже со мной не общается.
– Ты умница, – сказал я. – Сходи, правда! Милана и Дарина в Гнезде на Олимпийском. Может, даже не ушли еще. Скажи им, что я ни сном ни духом!
– Чего?
– Ну, я не знаю, кто этот Высший, почему он меня использовал… – Я вздохнул. – Хотя в любом случае я виноват, понимаешь? Если Высший в меня переместился, значит, я одна из его частей. Но ты права. Давай, двигай к Милане!
– Ты меня не прогоняешь? – насторожилась Наська.
– Нет, ты же сама предложила. Кто мне еще поможет! Найдешь дорогу?
– Спрашиваешь!
Оставив недопитый чай (видимо, даже ей было слишком сладко), Наська рванула к дверям. Разумеется, не удержавшись от реплики:
– Ты, главное, никуда больше не суйся, а я тебя спасу!
– Дорогу аккуратно переходи! – крикнул я вслед.
Дверь хлопнула. Я отставил свою пустую чашку. Подумал, взял Наськину и допил. Ничего себе сироп…
Вряд ли Высший еще в Гнезде.
Да и Милана с Дариной, вполне вероятно, уже не там.
Но мне стало как-то спокойнее, что названая сестренка будет подальше от меня.
На самом деле Наська помогла мне задать себе очень важный вопрос. Не о том, что за Высший мной манипулирует, тут гадать можно бесконечно. Я даже Инсеков не рискнул бы исключить.
Самое главное – с чего вдруг эти сверхсильные существа, занятые своими загадочными делами в будущем, вдруг начали интриговать и делать друг другу гадости в нашем времени?
А еще я подумал, что у меня есть пусть маленькая, но все же идея, к кому обратиться за советом.
Я поставил чашки в раковину, будто это имело какое-то значение.
И обнаружил, что больше не один на кухне.
– Вы очень взволнованы, Максим.
Продавец стоял в проеме кухонной двери. Капюшон меховой накидки был сброшен, смешная лисья голова с любопытством смотрела на меня. Такой знакомый Продавец, с чьего появления все и покатилось под откос.
Я-то думал не о нем, но и Продавец мог кое-что подсказать.
Меня вдруг будто током пробило.
– Это был ваш Высший? – Я кинулся к Продавцу, остановился, борясь с желанием ударить его.
Бить по сверхпрочному металлическому телу – глупо. Бить по голове, принадлежащей совсем другому существу, – не за что.
– Наш Высший? – Продавец казался искренне удивленным. – Где?
– Он появлялся сегодня в Олимпийском Гнезде? – чуть сбавил я напор. – Говорите!
Продавец покачал головой.
– О чем вы, Максим? Мы не можем контролировать появление Высшего, это ведь сверхсила! Вы считаете, что сегодня встретили нашего Высшего?
Я замялся. Пришедшая мне в голову мысль была такой логичной, такой правдоподобной…
Но, возможно, ошибочной.
– В меня вселялся Высший, – сказал я. – Это он подстроил наше попадание в иную реальность. Я решил… решил, что это ваш Высший.
– Как же это может быть? – удивился Продавец. – Даже если я отрежу вашу голову и надену ее, вы не сможете стать частью нашего общества, Максим!
Я пожал плечами, а Продавец успокаивающе продолжил:
– Скорее всего, вы ошибаетесь. Инсеки – вот кто был заинтересован в вашем изгнании. Мы получили предупреждение, что Инсеки попытаются изгнать из реальности Высшего Миланы, что шанс его спасти есть лишь у вас. Высший, чьи смыслы несет Милана, нам симпатичен. Он помогает сдерживать агрессивность Прежних и Инсеков. Потому я и пришел к вам, потому и рискнул, вследствие чего попал в свое прискорбное состояние.
– А вас кто предупредил?
– Наш Высший, разумеется!

Продавец вздохнул и втянул свои металлические ноги, оказавшись на уровне сидящего человека. Похоже, это было приглашение к беседе – я пододвинул табуретку и уселся напротив.
– Вы же понимаете, их присутствие ощущаешь сразу, – произнес Продавец с благоговением. – Не так уж и часто они снисходят до наших времен. Мы, как вам известно, живем поодиночке, нас всего-то несколько тысяч особей…
– Не знал.
– Нас немного. – Продавец опять вздохнул. – Но мы ощущаем друг друга и свободно обмениваемся мыслями. Высший встретился с Продавцом, с которым вы часто общались, он работал в Комке поблизости.
– Как он, кстати?
– Скучает по Земле. Может быть, поэтому Высший к нему и пришел? Предупредил об опасности для Миланы, велел предупредить вас. Сообщил, что это опасно. Выбор пал на меня, я попытался предупредить… и мое существование стало лишь вероятностью. Понимаете? Мы не настолько хорошо информированы, как хотелось бы. Поскольку упоминались Инсеки, то логично было предположить, что действовал их Высший. Но… он бы не смог вселиться в вас, Максим.
– А кто приходил к моему знакомому Продавцу?
– В физическом теле никто. – Лисья морда ухмыльнулась. – Зачем? Он просто ощутил присутствие Высшего в своем разуме, тот отдал распоряжение и ушел.
– Человек бы решил, что у него крыша поехала, – мрачно сказал я.
– Несомненно! На самом деле очень многие случаи человеческого сумасшествия, озарения, предвиденья – это именно попытки Высшего достучаться до прошлого, произвести какие-то требуемые изменения.
– То есть человек изобретает что-нибудь, потому что так Высший велел?
– Ага. Многие странные человеческие поступки, как добрые, так и злые, которые не объяснимы с точки зрения логики, – это действия Высшего из сингулярного будущего.
– Удобно, – пробормотал я. – Зачем вы, гражданин Раскольников, старушек топором-то? А мне Высший велел!.. Как-то сложно!
– Именно, – согласился Продавец. – Это все ужасно сложно звучит для существ, которые живут в одной точке времени.
Он повел рукой в воздухе.
– Вы скользите по линии времени… из прошлого в будущее… крошечная искра на бесконечном фитиле. Впереди то, что вам неизвестно: то ли сухой фитиль, который вы зажжете, то ли мокрый шнур, где погаснете, то ли вообще обрыв шнура. А за вами лишь пепел: застывшее, неизменное прошлое. Скелет прожитого времени. В этом есть своя притягательная свобода, теперь-то я знаю, но жить так постоянно… Ужасно! Мы по своей природе чуть сложнее, мы не искра, мы язычок пламени, мы живем в маленьком отрезке времени и обычно видим ближайшее будущее. А Высшие могут вернуться, могут чуть-чуть переиграть события.
– Да знаю я, знаю! Но все равно, когда они уйдут, останется лишь пепел.
– О, да. Только пепел. И мы для них лишь пепел, далекое прошлое, которое можно подправить, но лишь чуть-чуть, очень осторожно. Вы говорите, что в вас вселялся Высший? Это мог быть лишь тот же самый, который приходил в вас и ранее. Если только…
Он замолчал.
Потом резко поднялся и отступил на шаг. Покачал головой.
– Нет-нет! Невероятно! Максим, скажите, вы всегда хорошо находили кристаллики?
Я фыркнул.
– Не пожалуюсь. Никогда не встречал многоцветных, а вот простенькие – часто.
– Очень часто?
– Бывали те, кто куда чаще находил, – признался я.
– А вам хватало?
С чего вдруг Продавца заинтересовали кристаллики, эти нерожденные смыслы? Кончилось их время. Продавцы исчезли, и кристаллы некуда стало девать. Кто-то продолжал собирать в надежде, что либо Продавцы вернутся, либо другой покупатель найдется. А я перестал. Так, если попадался на глаза…
– На жизнь – вполне.
– Вы собирали ровно столько, сколько вам было нужно, – сказал Продавец.
Я кивнул. Можно сказать и так, конечно. Я никогда не упарывался в поисках, не бродил ночи напролет.
– А потом вы нашли семицветный кристалл. Концентрат эмоций и смыслов.
– Да, – признал я. – Повезло. Я его растворил в итоге…

– Знаю, знаю… – Продавец закивал. – Чтобы отравить большую группу Слуг, вернув им на время совесть. Но вы в курсе, что это был порожденный вами кристалл?
– Вроде как да.
Я начал чувствовать себя неловко.
– Удивительно, – сказал Продавец. В его голосе послышалось какое-то… благоговение? – Я первый раз присутствую!
– При чем?
– При родах. – Лисья морда оскалилась в улыбке. – Фигурально выражаясь, конечно!
Я ждал. Захочет – расскажет, а если нет, то просить бесполезно.
– Вы большей частью собирали свои собственные кристаллы, Максим, – сказал Продавец. – Вы их создавали, понимаете? Когда вам было нужно. И заглядывая в темный заплеванный уголок в парке, вы не чужой кристалл подбирали, а свой. Ровно такой, как вам требовался. Когда спасти вас мог только многоцветный кристалл, вы создали его.
Я упрямо продолжал молчать.
– А когда вас выбросили в чужой мир, то спасти вас могло лишь одно, – продолжал Продавец. – Карир ведь отказался участвовать в вашей схватке, побоялся рисковать. А сами вы никогда бы не справились с Высшим.
– Мне дали третий Призыв, – напомнил я.
– Это бы не сравняло ваши силы. – Лис замотал головой. – Это лишь максимально подготовило вас… а потом маленький толчок от Карира… Восхитительно! Первый раз слышу про такое! Чтобы один Высший помог родиться другому!
– Что?
– Наверное, потому, что вы пришли из другой реальности, и он понимал, что ему не конкурент…
– Какому Высшему помог родиться Карир?
– Вашему, Максим! Ну что вы так тупите! – Продавец нервно потер ладони. – Вы от природы талантливый юноша, способный рождать смыслы! Вы были под завязку изменены Призывами Гнезда! Милана ничего сделать не могла, в той реальности она оставалась обычной девушкой. Там ее смысл достался маленькому тэни, который не собирался с ней делиться и боялся слишком уж рано себя обнаружить. Но Карир оказался очень благороден, он рискнул пробудить вашего Высшего. Хотя… не слишком он и рисковал! Либо вы победите и уйдете, либо погибнете… да, иного варианта не было. Малыш видел, что вы жаждете уйти… Ох, представляю, как он смеется сейчас! В их реальность выкинули огрызок Высшего, а он помог вернуться обратно двум Высшим! Устроил переполох в курятнике!
Продавец выжидающе посмотрел на меня.
– Чего? – спросил я.
Нет, я не тормоз, просто некоторые вещи надо осмыслить.
– Хорошая шутка про курятник? Учитывая мой вульпесоподобный облик? Вульпес – это лисица.
– Я что, стал Высшим? – уточнил я.
– Личинкой Высшего, как Милана. – Продавец негромко захлопал в ладоши. – Понимаете, вы пережили серьезный шок в результате переноса в иную реальность. Вы были готовы, вас подтолкнули… В этот момент мог бы появиться прозрачный кристалл, но вы вобрали его смысл. И стали личинкой Высшего. Теперь, когда вы вернулись назад, наша реальность изменилась. В ней есть не только Высший Миланы, с его симпатичным, но все же заимствованным у тэни смыслом сотрудничества, баланса интересов и взаимопонимания! Этот смысл должно было нести в будущее человечество, привлекая иные культуры, тех же самых тэни… многих других… конкурируя с Прежними, Инсеками и прочими Высшими. Но в игру вступил джокер!
Запрокинув голову, Продавец расхохотался.
– У человечества появился и собственный смысл! Шанс развить собственного Высшего! Вы его зародыш!
Хорошо, что я сижу.
– Он в вас и приходит, – добил меня Продавец. – Вы для него основа, его центральный элемент.
– Но он приходил еще до того, как мы попали в иную реальность.
– Конечно! Он может и в ваше младенчество прийти. Теперь он есть и распоряжается всей линией жизни.
– А как же… – Я запнулся. – Как я теперь объединюсь с Высшим Миланы?
– Никак.
Продавец вздохнул и вдруг посмотрел на меня с жалостью.

– Вы с ней теперь конкуренты, Максим. Она, будучи человеком, собиралась строить себя, включая в свою личность людей, собирая человеческие смыслы, хотя бы поначалу. И вы, поскольку вы человек, привязаны к своей цивилизации, она тоже ваша питательная среда. Два медведя в одном лесу не уживутся, Максим…
Он наклонился ко мне, заглянул в глаза. Сказал негромко:
– Кажется, я сейчас снова на время исчезну. В любом случае, кто бы из вас ни победил, я надеюсь, что наши Высшие станут сотрудничать! Мы друг другу не конкуренты. Но… мне очень жаль, Максим… ведь кто-то должен будет погибнуть. Или вы, или Милана.
Продавец помолчал. Добавил:
– Даже хорошо, что я сейчас удалюсь. Во-первых, это очень грустная ситуация, а я довольно сентиментален, что свойственно нашей культуре. Во-вторых, я боюсь за целостность своего тела в ближайшие минуты.
И он действительно исчез.

Глава четвертая

Как ни странно, я не злился.
Злиться по-настоящему можно только на кого-то другого, я давно понял. Себе скорее сочувствуешь, находишь оправдания.
Вот на Высшего Миланы, хоть он и помогал нам, я мог злиться. На Инсеков, Прежних… А на себя-то? На тот неведомый мне смысл, который я, оказывается, создал, который даст возможность появиться Высшему… и пользоваться моим телом, словно куклой?
Это же мой смысл, в чем бы он ни состоял.
То, что Высший Миланы сейчас появится, было несомненно. Может, он специально не погнался за мной следом сразу, чтобы ушла Наська, чтобы появился и исчез Продавец. Дал мне обдумать происходящее.
Но вряд ли позволит уцелеть. Мы с ним прямые конкуренты.
Или шанс все-таки есть? Ведь его смысл – в поиске компромиссов…
Я прошелся по квартире, размышляя, не сбежать ли вообще подальше. Но, судя по словам Продавца, – не выйдет.
Кстати, о Продавцах…
Я уставился на подаренный когда-то одним из них плащ, сиротливо висевший в прихожей у двери. Он сам себя чинил, кажется, даже защищал, а главное – экранировал мысли от Прежних. Подарочек был с подвохом, транслировал Продавцам все мои приключения.
Но какая разница…
Я снял плащ с крючка и надел на рубашку, чувствуя себя то ли придурком, то ли супергероем. Впрочем, каждый настоящий супергерой – немного придурок…
В дверь позвонили.
Помедлив, я открыл.
На пороге стояла Милана.
– Привет. Можно войти?
Кивнув, я отступил от двери. Спросил:
– Это ты или Высший?
– Это больше, чем я, – ответила Милана, входя.
Собственно говоря, мне так и показалось. Прямого присутствия Высшего я не чувствовал, но что-то в Милане было не то и не так.
Она прошла, вопросительно посмотрела на меня.
– Давай на кухню, – сказал я. – Чаем угощу. Расскажешь, что такое «больше, чем я»?
Повернуться к Милане спиной оказалось неожиданно сложно, но я повернулся. Пошел на кухню, налил две кружки чая. Искоса посмотрел на Милану. Та стояла у окна.
– Тут был Продавец.
Не вопрос, утверждение.
– Верно. Тот самый, который то потухнет, то погаснет. Опять напустил тумана. Но сказал, что я породил смысл и стал основой Высшего. Так кто ты?
Милана глянула на меня и слабо улыбнулась.
– «Больше, чем я» – потому что думаю я сама и говорю с тобой сама. Но Высшего чувствую. Он где-то в глубине меня, выжидает и не вмешивается. Просит извинить за свою резкую реакцию.

У меня появилась слабая надежда, что договориться все-таки возможно.
– Скажи Высшему, что я очень сожалею. Я этого не хотел.
Милана кивнула.
– Высший слышит. Он тоже не хотел тебя испугать. Мы не будем сейчас драться.
Мы оба как-то чуть-чуть расслабились. Будто вели сложные переговоры, в которых Милана была только переводчиком. А мы оставались рядом.
– Где Дарина? – спросил я.
– Мы… Высший попросил ее не приходить. Она в Гнезде. В своем. Мы Наську встретили, они вместе.
Я кивнул. Мне было одновременно и радостно, что девчонки в безопасности, что Высший не имеет к ним претензий, и больно.
– У твоего Высшего есть какие-то предложения? – спросила Милана, помолчав.
– Он со мной вообще не разговаривает! – Я покрутил по столу чашку, в которой стыл чай. – Может, он все-таки не мой? Чужой? Инсековский?
Милана покачала головой.
– А у твоего есть план, как нам разобраться в ситуации?
В глазах у Миланы появились слезы.
– Он говорит… говорит, что выхода нет. Либо он будет развиваться, либо твой Высший.
– Если мы уйдем? – спросил я. – Прости. Если уйдем с Дариной? Или я один? Куда-нибудь в другой мир. В изгнание. Отпустишь, не обидишься?
Я попытался улыбнуться.
– Мой Высший как раз специалист по компромиссам и сотрудничеству, – сказала Милана. – Он потому и расстроен, Максим. Его такой вариант устроит, твоего Высшего – никогда. Ведь если ты уйдешь, то это его смерть. Он не разовьется, перестанет существовать. Ты согласишься, а он – нет. Ты его основа…
– Я не основа! – выкрикнул я. – Меня зовут Максим Воронцов! Три месяца назад я всего лишь захотел помочь Дарине! Не просил делать меня героем, не собирался придумывать какой-то смысл… да я и сам не знаю, что придумал! Я хочу жить нормальной жизнью!
Милана закрыла глаза. Посидела так несколько мгновений.
Потом посмотрела на меня вновь.
– Предлагай. Поговори со своим Высшим. Пусть подключается. Если он сумеет найти компромисс, мой Высший согласится.
– А если нет?
Милана молчала.
– Ненавижу их всех! – сказал я искренне. – Как было просто и хорошо раньше: Инсеки, Продавцы, Измененные…
– Мой Высший дает тебе ровно сутки. И предлагает затем встретиться где-нибудь в безлюдном месте. Максимально безлюдном. На тот случай, если ты не придумаешь выхода.
– Понятно, – кивнул я.
Милана поднялась.
– Все, мне надо уходить. Встретимся через сутки, Максим.
– Как сообщить, где буду?
– Высший тебя найдет. – Она слабо улыбнулась. – Придумай что-нибудь, а?
Нетронутый чай так и остался на столе.

…По крайней мере, у меня впереди были целые сутки.
День, ночь и утро лета.
Целая вечность, если подойти с умом.
Я так и вышел из дома в плаще. Хотя московская погода нынче так переменчива, что дневной зной мог быстро смениться грозой. Отсутствие Луны виновато.
Посмотрев в небо, на Лунное кольцо, я подумал, что любой Высший способен слепить наш несчастный спутник обратно. Наверное, и я могу. Вот только то, что во мне, – молчит, пробуждаясь лишь для странных нелогичных поступков.
Ну зачем я пытался выбросить из нашего мира Высшего вместе с Миланой и Дариной? И с самим собой, уж если на то пошло?
Я брел куда-то в сторону Арбата, но не по Никитскому или Мерзляковскому переулкам, что имело бы хоть какой-то смысл, а через дворы, забирая в сторону Садового, ныряя в те неприметные калитки и проходы, что знают лишь местные.
И бормотал, разговаривая сам с собой, точнее – с тем, кто из меня когда-то вырастет:

– Ну чего ты хочешь? Что ты затеял? Я не стану драться с Миланой, когда в ней Высший. И ты проиграешь. Меня убьют, и ты умрешь. Ясно? Ну хоть поговори со мной, чужой Высший не брезговал!
Но он, разумеется, молчал.
– Я тебя буду звать Супермакс, – продолжал я. – Знаешь, почему? Это смешно звучит. Стыдно быть Супермаксом. Это имя для пса-супергероя.
Никакого ответа. Но я не сдавался. И когда вышел к памятнику писателю Бунину на Поварской, остановился и очень внимательно огляделся.
А может, я не зря так иду?
Может быть, мой молчаливый Супермакс меня ведет… привел сюда?
Надеяться на то, что поэтический бомж Андрей, в нашей реальности вырвавшийся из личности Прежнего, окажется именно здесь, не стоило. Он ведь ходит между памятниками поэтам, а Бунин писатель. Я точно знаю, я читал сборник его рассказов «Темные аллеи», когда учился в седьмом классе.
Может, он и стихи писал?
В старину все писатели не только прозу сочиняли, но и стихи. Наверное, подразумевалось, что если умеешь складывать слова, то уж рифму как-нибудь к ним прикрутишь. Ну или это у них считалось чем-то обязательным, как для любого музыканта – немного наигрывать на пианино.
Но бомжа Андрея тут не было.
Однако я заподозрил, что и впрямь иду не куда глаза глядят, а с какой-то целью. Чуть дальше по Борисоглебскому должен быть еще какой-то памятник, то ли Ахматовой, то ли Цветаевой, я их вечно путаю.
Я ускорил шаг и через пару минут оказался возле памятника женщине, которая сидела в задумчивости, склонив голову на руки.
Точно, Цветаева. Напротив, оказывается, был ее дом-музей. Даже как-то неудобно, что всю жизнь рядом прожил, а не запомнил.
Но Андрея тут тоже не оказалось. Стояли две некрасивые тощие девушки, взявшиеся за руки, у гранитного подножья памятника лежал букетик красных роз.
Я подождал немного, но девушки явно не собирались куда-то двигаться. Пришлось их побеспокоить.
– Привет, – сказал я. – Вы тут не видели странного человека? Немолодой, одет, скорее всего, как попало. Может, даже на бомжа похож.
Одна из девушек посмотрела на меня и фыркнула:
– Не видели. Зря пикапишь.
– Да я не… – Махнув рукой, я отошел в сторону. Наверное, это были какие-то фанатичные поклонницы поэтессы, а я их отвлек. Пикапить… было бы кого…
И все-таки я же не зря сюда шел. И не зря, наверное, еще в квартире подумал о единственном человеке, который, хоть и безумен, но может что-то разумное посоветовать.
– Не хочешь говорить, так и не надо, – пробормотал я, чувствуя, что девицы косятся на меня. – Но мне нужно найти Андрея. Либо я сейчас пойду, куда глаза глядят. Побегу! Либо ты поможешь…
Кажется, я моргнул.
Потому что мир вокруг изменился, а как это произошло, я не заметил.
Над головой собирались тучи, накрапывал мелкий дождик.
Тихо, очень тихо. Только откуда-то доносился легкий гул машин, поблизости шла трасса.
Вокруг – высокие деревья. И очень, очень много старых надгробий – покосившихся, со стертыми буквами, почти все без оградок.
Меня занесло на кладбище!
Но хотя бы я убедился, что мой Высший слушает меня. И даже как-то реагирует.
Что же это значит? Андрей умер, его похоронили?
Да непохоже, что тут часто хоронят… А судя по группе людей в сторонке, стоящих рядом с тихо говорящей женщиной, по виду типичным экскурсоводом, кладбище непростое.
Я пошел между могилами, невольно читая имена. Многие казались смутно знакомыми.
Какое-то кладбище писателей?
И тут я увидел Андрея.
Бомж сидел на корточках перед одним из надгробий, водил в воздухе рукой, будто дирижируя. Окликнуть его я не рискнул, кричать на кладбище как-то неправильно, поэтому пошел быстрым шагом. Дорожки между могилами местами здорово заросли,

кое-где пробивались корни деревьев. Ну, в общем, толпы посетителей сюда не ходили, наверное, кладбище где-то на отшибе или за городом.
Я подошел к Андрею и остановился. На памятнике из серого камня было только имя «Арсений Тарковский» и даты жизни. Андрей что-то бормотал, я прислушался:

Предчувствиям не верю, и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет:
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,

Когда идет бессмертье косяком…
[20]

Андрей замолчал. Скосил на меня глаза. Неожиданно светло улыбнулся и замахал руками в воздухе.
– Максим! Максим! Друг мой, ты вернулся из странствий!
– Да. – Я невольно улыбнулся в ответ. – Хорошо, что я вас нашел.
Андрей кивнул и торжественно произнес:

Когда тебе придется туго,
Найдешь и сто рублей и друга.
Себя найти куда трудней,
Чем друга или сто рублей.
Ты вывернешься наизнанку,
Себя обшаришь спозаранку,
В одно смешаешь явь и сны,

Увидишь мир со стороны
[21]
.

Он попробовал подняться, крякнул, чуть не завалившись набок, оперся о траву.
– Дорогой Максим, не будет ли обременительной просьба помочь мне подняться? У меня затекли ноги…
Я протянул руку и помог ему встать.
– Да и колени у меня давно не те, что в молодости, – со вздохом продолжил Андрей. – Честно говоря, из всех моих органов уважения заслуживают лишь мозг и печень… Но не станем о грустном!
Андрей был одет в унылый темно-синий костюм того скучного официального кроя, что позволяет ходить в нем хоть в магазин за кефиром, хоть на прием к президенту. Под пиджаком, впрочем, была легкомысленная рубашка, оранжевая с белым, да еще и с оторванной на видном месте пуговицей. Костюм был когда-то хорошим, но сейчас явно нуждался в химчистке.
Или, как минимум, в сушке.
– Вы промокли, – сказал я.
– Небо плачет, – сообщил Андрей. – На кладбище это уместно, я нарочно ждал дождя… В Москве льет?
– Нет еще. А мы где?
Он вопросу не удивился.
– В Переделкино. Хорошее тут кладбище, много великих тут спит. Понимаешь, Максим, один-то памятник есть у каждого поэта, даже если в городах изваяний не удостоились… Тут хорошо… Женя Евтушенко тут, Боря Пастернак, Роберт

Рождественский… ах, какие имена, какие имена, Максим! Какая сила! И те, что в тени у них были, тоже здесь… многие… дедушку Корнея и ты, наверное, знаешь?
– Чуковского? – Мне даже стало обидно. – Знаю, конечно! А Тарковский разве писал стихи? Он ведь кино снимал!
Андрей вздохнул.
– Кино сын его снимал, вот, крест стоит… Арсений стихи писал.
– А я в городе вас искал вначале. У памятника Цветаевой.
– Я там нечасто бываю, только из чувства долга. – Андрей внезапно поморщился. – Зато сюда как на праздник прихожу.
Странные у него, конечно, понятия о празднике.
Как и весь образ жизни – бродяжничать, читать стихи памятникам поэтов и пить без отдыха.
Словно услышав мои мысли, Андрей достал из внутреннего кармана пиджака маленькую фляжку, уже наполовину пустую, осушил ее в два глотка. Выдохнул и сказал:
– Тебе не предлагаю, помню, ты не пьешь. Очень мне нравится ваше поколение, здоровье бережете… Ты пришел послушать стихи?
Я неловко пожал плечами.
– Да ничего, – сказал Андрей беззаботно. – Время читать и слушать стихи придет, непременно! Главное, до него дожить.
Пустую фляжку он спрятал обратно, а из другого кармана достал мятый галстук – такой безумной расцветки, что оранжевая рубашка померкла. Встряхнул, сказал, будто это что-то разъясняло:
– Мне сейчас к Жене Евтушенко… Вот только уйдет экскурсия от памятника… Так зачем ты пришел? И кто ты теперь, Максим?
Взгляд у него был совершенно трезвым и без тени безумия.
– Я больше, чем раньше, – признался я. – Во мне сидит Высший.
– И сейчас? – с легкой опаской спросил Андрей.
– Угу.
– Но это же… не в первый раз…
– Это другой Высший. Тот был чужой, его основа Милана, а для этого основа – я!
Бомж нахмурился. Подошел ближе, с тревогой заглянул в глаза.
– А как ты ощущаешь его присутствие? Как нечто находящееся внутри тебя и вызывающее беспокойство? Его голос звучит внутри головы или снаружи?
– Я не псих! – выкрикнул я возмущенно.
– Нет-нет, я вовсе не это хотел сказать… – пряча глаза, произнес Андрей.
– Он вообще со мной не говорит! Но сделал пакость Высшему Миланы… и теперь они готовятся между собой сразиться. Здесь, в нашем времени.
Андрей прищурился.
– Должен остаться только один? Оба хотят развиваться на базе человечества?
Я кивнул.
– Видишь, помню кое-что… из прошлого… – Андрей поморщился. – Удивительно. Один человек, которого используют двое Высших… какой чудовищный конфликт интересов! А в чем их смыслы?
– У Миланы вроде неплохой, – признал я. – Ее Высший умеет находить общие интересы, компромиссы. Он за мирное сосуществование, в общем.
– Действительно неплохо, – признал Андрей и тут же быстро добавил: – Извините… не хотел вас обидеть!
– Я своего зову Супермакс, – мстительно сказал я.
– Извините, Супермакс, – послушно повторил Андрей. – А в чем смысл уважаемого Супермакса?
– Не знаю. Он не колется, понимаете? Не считает нужным что-то объяснять.
– Хм. – Андрей обошел вокруг меня. – А ты уверен, что…
В следующий миг земля под ногами будто провалилась. По нам хлестнули ветви, осыпая листья и древесный сор на могилу поэта Тарковского. Мир уходил вниз… нет, это мы взмывали в небо. Быстро, тучи мы пронзили через мгновение, вырвались в ослепительный солнечный свет, пробили еще какие-то облачка, легкие и воздушные. Вокруг ревел яростный воздушный поток, но у нас даже волосы на голове не шевельнулись. Мы поднимались все выше и выше, Андрей одной рукой судорожно вцепился мне в локоть, другой, с зажатым в ней галстуком, ловко выхватил полную стеклянную фляжку (склад у него, что ли, в пиджаке?), вцепившись зубами в пробку, открутил ее, глотнул. Спрятал обратно. И твердым голосом сказал:
– Простите, с детства боюсь упасть…

Небо вокруг потемнело, как бывает, если летишь в самолете на большой высоте. Мы продолжали подниматься.
– Это не я делаю, – пояснил я. Пошевелил ногами. Они свободно двигались в воздухе, но стоило остановиться – как будто находили опору.
– Я все понял, я верю, верю. – Андрей бросил взгляд вверх, поежился. – Очень… убедительно. А мы не задохнемся?
– Уже бы задохнулись, – глядя, как горизонт начинает закругляться, ответил я. – Мы в стратосфере.
– И куда он нас… тащит?
– Он меня к вам перенес, – сказал я. – Понимаете? Значит, хочет, чтобы вы что-то сказали. Как-то помогли!
– Помочь победить другого Высшего? – Андрей захихикал. Кажется, алкоголь все-таки пересилил даже его подготовленный организм. – Я не Высший! Я не порождал такие смыслы и не встречал их! Я был частью Прежнего, который когда-нибудь может стать частью другого Высшего, но я лишь капля в дожде! И я давно высох, я отказался, ушел, струсил… побрезговал. Я параноик и алкоголик, у меня даже диагнозы есть! Что я могу сказать сверхразуму?
– Вы должны что-то сказать мне!
– Что? – Андрей снова засмеялся. – Ты хороший, умный, ответственный мальчик, который старается все делать правильно. Тебе приходится туго, а ты заботишься о других. Ты даже породил какой-то великий смысл, который сможет изменить мир!
– Но я не понимаю, какой!
– Вот! – выкрикнул Андрей. – Тогда понятно, почему он с тобой не говорит! Ты не осознал себя до конца. Ты не понимаешь, что в себе несешь!
– Но он-то знает!
– Высший не может сказать, это будет парадокс, понимаешь?
Мы были уже в космосе. Нет, до Лунного кольца еще далеко, наверное, на этой высоте летают старые мертвые спутники. Но вокруг уже развернулась черная бездна космоса, звезды, а под ногами – бело-голубой шар.
Ладно, не шар, не настолько высоко мы взлетели. Полушарие.
И, кажется, мы остановились. Застыли в воздушном пузыре над планетой.
– Это роды! – воскликнул Андрей. – Твой Высший ворочается, стучится, у тебя схватки и потуги, ты пытаешься осознать, что именно ты понял. Головка у этого ребенка слишком большая, тебе…
– Андрей, хватит гинекологии!
– Хорошо, хорошо! Но ты должен разобраться в себе, должен понять смысл своего Высшего! Тогда он заговорит, тогда ты сможешь с ним общаться, понимаешь?
– Но я не хочу убивать Высшего Миланы!
– Может, и не придется? – без особой уверенности отозвался Андрей. – Но надо понять! Я только не знаю, чем могу помочь? Я всего лишь читаю стихи!
– Так читайте!
Наверное, это был самый странный поэтический вечер во всей человеческой истории.
– У меня все из головы вылетело… – жалобно сказал Андрей. – Максим, тебе не кажется, что становится жарко?
Я кивнул. Да, становилось.
– У нас не очень много времени, Андрей. Прочтите хоть что-нибудь. Хоть Агнию Барто!

Глава пятая

Вот представьте: вы немолодой человек, который обнаружил, что некоторые из его предков до сих пор живы, существуя в ином измерении как множественная личность со сверхсилами и неведомыми людям целями.
Ну и вас они в себя включили в качестве великой милости, а потом даже выпустили, когда вы взвыли от такого подарка, оставив то ли случайно, то ли намеренно память, голоса в голове и железное здоровье. Здоровьем вы пользуетесь вовсю, много лет пребывая в постоянном состоянии опьянения, а голоса заглушаете, шатаясь по Москве и читая наизусть стихи памятникам поэтов.
Вы немножко помните, каково на самом деле мироздание, и от этой памяти вам хочется напиться до полусмерти – вы знаете, что среди людей живут монстры и полубоги, а иногда и настоящие боги (хоть и с маленькой буквы) способны возникнуть. Доктора

участливо выслушивают вас, ставят диагноз, с которым вы не спорите, и выписывают таблетки, которые вы не пьете. Вас устраивает такое существование.
Но вот один из таких настоящих богов, пусть даже новорожденный и странный, хватает вас и возносит над Землей в космос. И требует почитать стихи.
Агнию Барто.
Пожалуй, тут и здоровый человек с ума сойдет.
– Барто? – воскликнул Андрей. – Агнию Львовну? Про резиновую Зину или про зайку под дождем – устроит?
Взгляд у него стал каким-то совсем несчастным. Может, он не любит детских стихов?
– Да не знаю! – ответил я. – Пушкина! Маршака! Этого… Рабиндраната Тагора!
– Зачем? – переходя на взвизг, спросил Андрей. Задергался, словно пытался в воздухе отбежать от меня. – Кстати, ты любишь Тхакура?
– Не люблю! Не знаю, откуда имя выскочило! Но каждый раз, когда вы мне читаете стихи, я словно что-то новое понимаю.
Андрей вскинул руку и замахал ею, призывая меня остановиться. Наморщил лоб. Пробормотал, будто вспоминая:

> – О, всеединство разума, духа и бренной плоти! Тайна жизни, которая в вечном круговороте…
> [22]

Он уставился на меня. Чтение стихов явно приводило его в чувство. Потом медленно покачал головой:
– Нет, нет, дорогой мой друг! Тебе уже не помогут чужие стихи. Может быть, они были важны раньше, пока искал дорогу… но теперь ты должен осознать себя сам. Понимаешь?
С неожиданной силой он схватил меня за плечи, выронив при этом свой разноцветный галстук, и тот стремительно унесся вниз.
– Ничего я больше не могу тебе сказать, ничего не могу дать, я сломаю твой смысл, понимаешь? – выкрикнул он. Его глаза сверкнули, и я вдруг растерянно осознал, что этот смешной нелепый человечек был взят Прежним в свою личность вовсе не по родственным связям – плевать Прежним на отцов и детей, и не смеху ради – плоховато у них с чувством юмора. Каким бы мирным литературоведом он ни был в прошлой жизни, но человеком был очень неоднозначным. – Ты не должен был вообще ввязываться во все это, но раз уж влез, то сам исправляй! Только ты сможешь!
Словно для убедительности он еще несколько раз потряс меня. Так, что у меня что-то в шее хрустнуло, у обычного человека точно бы позвонок сломался. А потом, отпустив, растерянно посмотрел на свои ладони.
– Хорошо, – сказал я. – Хорошо, только вы меня больше не трясите так, ладно?
– Простите… простите, Максим… Супермакс…
– Мы опускаемся, – сказал я.
Тучи были уже где-то совсем близко, а горизонт выпрямился.
Что же это получается, Высшему хватило эмоциональных слов Андрея, чтобы перестать выпрашивать помощь?
Или он получил что-то, чего я сам еще не понял?
– Не знаю, что на меня нашло… – извиняясь, произнес Андрей. – Максим, я прошу меня простить, накатило…
Я хотел было сказать, что на меня так накатывало, когда в меня вселялся Высший. Но не стал. Хватит с него волнений.
– Ничего страшного! – воскликнул я, когда мы нырнули в мокрый серый ком облаков. – Вы правы, мне надо думать самому, а не искать подсказок!
Кажется, Андрей успокоился.
– Галстук я уронил, – вздохнул он. – Сгорит в плотных слоях атмосферы… Как мне к Жене-то идти, без галстука?
– Он у вас на шее, – сказал я. – Очень хорошо завязан, кстати.
Андрей скосил вниз глаза, приподнял разноцветную ленту, хмыкнул.
– Да… а еще пятно от портвейна исчезло… хотя и незаметное было, но очень любезно с вашей стороны… благодарю, Супермакс…
У меня были очень серьезные сомнения в том, что мой Высший хоть как-то был к этому причастен. Но спорить я не стал.
Мы вынырнули из облака и плавно опустились на то же самое место, откуда нас выдернули к звездам. Так плавно, что я не сразу осознал, что под ногами уже твердая земля.

– Как хорошо, как хорошо-то! – воскликнул Андрей. Рухнул на колени и стал целовать землю. Не картинно, а искренне, словно космонавт, вернувшийся после года на орбите, или моряк, выброшенный штормом на берег. Я все-таки отвел взгляд – и обнаружил стоящую метрах в десяти пожилую женщину, оторопело глядящую на нас.
Ну точно – наблюдала спуск из поднебесья.
Уж не знаю, что меня дернуло, но я развел руками и негромко сказал:
– На минуточку, проведать…
Женщина часто-часто закивала, потом развернулась и пошла в сторону, все ускоряя шаг. Ну все, породил кладбищенскую легенду.
Андрей встал, отряхнул с колен мусор, спросил:
– Я могу идти?
Что бы там ни мелькало на миг в его глазах – явление Высшего или отголосок Прежнего, частью которого он недавно был, оно уже ушло.
– Идите, – сказал я ласково. – Женя ждет, уверен. А как тут к электричке пройти?
Я чувствовал, что доступные мне чудеса на время кончились.
Высший во мне не исчез, но словно бы притих.
– А тут рядышком! – обрадовался Андрей. – Вот, по тропинке, туда, там храм увидишь, а дальше уже подскажут…
Когда я уходил через кладбище, под тихий шелест дождя, то один раз обернулся. Андрей пил из фляжки, запрокинув голову. Угробит он себя все-таки.
То, что под легким, но непрерывным дождем на меня не упала ни одна капля, я понял, только дождавшись электрички и войдя в вагон. Я оставался неприлично сухим. Надеюсь, заметившие решили, что у плаща был капюшон или я накрывался зонтом, – люди вообще очень невнимательны.
На возникший у меня под ногами пятигранный орик тоже никто внимания не обратил. Шикарный орик, между прочим, яркий и чистый.
Я наступил на него и аккуратно раздавил.

Трясясь в полупустом вагоне, глядя на пригороды – все больше домов, заброшенных восемь лет назад, вновь были заселены, светились окна, во дворах играли дети, – я думал о том, что никогда не верил в чудеса. Может, это отец так повлиял, он всегда говорил, что нельзя надеяться на удачу, на выигрыш в лотерею, на легкий билет на экзамене. Я и не надеялся. Был уверен, что займу хороший пост где-нибудь во власти, но пахать до него буду лет тридцать, а не выскочу шальной кометой на небе. Пусть девчонки мечтают выйти замуж за принца и вскоре стать королевой.
И гением я себя не считал. Учился на пятерки, но без легкости. Читать разве что любил, но всякую развлекательную литературу, Толстого и Достоевского можно и в пересказе пролистать. Занимался спортом, качался, но тоже без мечтаний об олимпийских медалях и всемирной славе.
Ну откуда во мне взяться какому-то смыслу, который должен породить полубога и изменить мир?
С другой стороны, ведь на Трисгарде смысл ухитрился породить годовалый малыш. Он-то что мог понять и придумать в своем невинном возрасте, когда только первые слова начинают лепетать…
Значит, дело не в уровне интеллекта, так? Не в накопленном опыте, не в жизненных переживаниях? Какое-то озарение, способность взглянуть на мир под новым углом и понять что-то, чего не было раньше. Ну или было, но не находило воплощения.
Громыхает ли молния, трещит ли раздробленное ею дерево в глухом лесу, где некому услышать звук? Волна в воздухе – это ведь еще не звук, это просто волна…
А можно ли услышать то, чего нет, – и заставить это появиться? Глупая мысль, но Продавец как-то сказал про упрямых тэни, которые создали «эфир» – несуществующий в природе. То есть, получается, смысл может изменить реальность? Интересно, надо будет над этим подумать…
Смысл, который несет Высший Миланы, – это сотрудничество, баланс интересов, компромисс. Улаживание конфликтов. Хороший смысл, чего уж спорить. Но ведь всем и без того должно быть понятно, что сотрудничать лучше, чем враждовать! Во всех детских сказках этому учат – и что, помогли человечеству эти сказки? Как в древности воевали, как дрались за смешные ценности вроде золота и территорий, так и продолжали. А Высший Миланы каким-то образом ухитрился эту древнюю и никому не нужную истину претворить в жизнь.
Смысл Высшего Продавцов тоже понятен. Как ни смешно, это торговля. И пусть не все согласятся, но ничего плохого в торговле тоже нет, если она честная. Но что-то же они добавили к этому смыслу, если он станет основой их сингулярности?

Даже Высшие у Прежних и Инсеков, пусть они и мерзкие, понятны. Есть лучшие, избранные, они идут вперед, им принадлежит будущее, мир, знания. Остальные – отбросы, планктон, стадо. Только Прежние свою элиту выбрали по праву сильных, а Инсеки случайным образом. Кстати, я совсем не удивлен, что такие смыслы появились и процветают. Они ведь очень простые на самом-то деле. Животные, первобытные – пожирай слабых и расти. Только в природе есть предохранитель – смерть, чтобы одно животное не сожрало все и вся, а Прежние с Инсеками сумели его отключить.
Про других Высших я ничего не знаю, кроме того, что они есть. Ну, допустим, один Высший может превратить в смысл искусство и красоту, другой, какой-нибудь космический Ктулху, разрушение и уничтожение. Не важно. Все равно они будут конкурировать, собирать смыслы попроще, вроде изобретений и физических идей, все равно они соперники. Даже Высший Миланы с его «сотрудничеством» всего лишь собирается объединить разные миры, с которых Прежние и Инсеки собирают смыслы. С Прежними и Инсеками он сотрудничать не станет, они прямые антагонисты.
Четверо. Для простоты буду считать, что в нашем районе Галактики болтаются четыре силы, четыре сингулярные личности. Высшие Прежних, Инсеков, Продавцов и тот, кого породили тэни. Прежние с Инсеками в будущем объединятся. Высший Миланы и Высший Продавцов, возможно, тоже, их идеология близка.
И будущее это не определено. Высшие могут смещаться во времени, вмешиваться в дела друг друга и предсингулярных цивилизаций, защищать какие-то миры и каких-то важных для них личностей. Отсюда и их суровое требование не допускать геноцида, это ведь сделает беднее всю Вселенную. В далеком будущем они сойдутся в поединке, уцелевший и укрепившийся пойдет дальше… тьфу, не надо даже об этом задумываться, голова кругом идет. Но пока есть некое равновесие.
Тут появляюсь я. Лежал на карточном столе джокер, должен был стать частью Высшего Миланы, и вдруг обернулся самостоятельным игроком. Мы бы, конечно, в будущем нашли компромисс, вот только у нас с Миланой одна колода карт, а играть надо обоим.
Можно сказать, Высший Миланы еще очень сдержан. Дал мне время подумать, поискать выход… ну, это его суть, конечно, его смысл…
А мне бы понять свой, как Андрей советовал.
Возможно, тогда найду выход?
Ведь иначе, хочу я того или нет, мой Высший схватится с Высшим Миланы. Я ему помешать не смогу.
Пока я знаю лишь то, что устроил ловушку – в которую и сам отправился, и в которой, похоже, сгинул Лихачев. Не очень-то красивый поступок. Неприятно обнаружить, что ты вовсе не такой хороший, каким себя считаешь…
– О чем задумался, задрот?
Я вскинул голову, но обращались не ко мне.
Возле меня никого не было, а вот через ряд кресел сидела компания из четырех парней. Впрочем, нет, не компания – когда я садился, там был только тощий подросток лет семнадцати, в наушниках и с книжкой в руках. Типичный «мальчик из хорошей семьи», только очков не хватало, чтобы выглядеть классической жертвой хулиганов. Зато трое присевших к нему ребят – постарше, лет по двадцать – были просто эталонными гопниками в поисках жертвы. Слегка поддатые (мне даже показалось, что я чувствую запах алкоголя), в джинсах и черных рубашках – почему-то у подмосковной шпаны в последние годы пошла такая мода. Один из парней как раз аккуратно, без видимой агрессии вытащил наушник из уха паренька с книжкой, вставил себе, поморщился. Изрек:
– Дрянь какую-то слушаешь.
– Чайковского, – забирая наушник, ответил подросток. – Извините, вы меня отвлекаете.
Если он не напрашивался на разборку, то я Дед Мороз!
– А ты знаешь, что твой Чайковский педик? – спросил парень.
– Вам лучше знать. – Подросток демонстративно вставил наушник обратно в ухо и уставился в книжку.
Честно говоря, я обрадовался. Мне хотелось отвлечься.
Я встал, подошел, наклонился над парнями. Негромко сказал:
– Встали, вышли в соседний вагон и до Москвы едете молча.
– А то что? – спросил молчавший до сих пор парень, над которым я нависал. Я посмотрел ему в глаза.
– А то я оторву вам руки. Может быть, и головы.
Конечно, я бы не стал так делать.
Только если бы превратился в Защитника, но этого не требовалось.

В глазах у парня вдруг появился страх. Он молча встал, за ним поднялись его приятели. Кажется, те были уверены, что начнутся разборки, но нет – товарищ молча потащил их по проходу.
Даже не матюкнулся и не попытался бросить на ходу «псих» или еще как-то спасти репутацию.
Не в первый раз убеждаюсь, что чем люди проще, тем быстрее чувствуют реальную угрозу. Не понимают, что происходит, но чувствуют.
Я сел напротив подростка. Тот снял наушники, уставился на меня. Взгляд у него все-таки был напряженный.
– Вы им что, ствол показали? – спросил он хриплым, недавно сломавшимся голосом. – Или удостоверение?
– Нет, просто пригрозил искалечить, – ответил я и растерянно подумал, что ведь «корочка» у меня и впрямь есть. – А ты зачем нарывался на драку?
Пацан помолчал. Потом сказал:
– Тренирую характер.
– Ты вначале тело потренируй, а потом за характер берись, – посоветовал я.
– Что бы они мне сделали? Тут люди.
– Много к тебе людей подошло?
Подросток подумал, потом ухмыльнулся.
– Вы же подошли. Хорошие люди всегда есть.
– Балбес ты. – Я покачал головой. – Не нарывайся попусту. Они пьяны, а им много не надо, мозги-то крохотные.
Мы обменялись усмешками, потом я встал и пошел в тамбур. Лучше понаблюдать через стекло за дураками.
Но в соседнем вагоне их уже не было. Ушли подальше. Мы подъезжали к Киевскому вокзалу, я встал у дверей, глядя в замызганное стекло. Кроме меня, в тамбуре был только пожилой мужчина, стоявший в углу и тихонько куривший электронную сигарету, пряча ее в кулаке.
Стукнула дверь, подошел подросток, за которого я заступился. Сказал без предисловий:
– Извините, я соврал. Я вовсе не тренировал характер. Пытался понять, есть ли он вообще у меня.
Я посмотрел на него и позволил смыслу сработать. Покачал головой:
– Зря. Не надо проверять, достоин ли ты ее. Надо в это верить.
– Догадались? Но вы не понимаете, я…
– Понимаю. Не вмешался, сделал вид, что все в порядке, струсил… Ну так нагрубить в ответ хулиганам – не смелость, а глупость.
– Сейчас скажете, что надо идти заниматься единоборствами? Или в армию по контракту?
– А это всем по-разному. Может, тебе достаточно санитаром в больнице поработать, прежде чем в медицинский поступать.
Подросток нахмурился.
– Откуда вы знаете?
– От верблюда.
– Вы странный. – Он насупился, глядя на меня. – Мне показалось, что вы добрый.
– Нет, – ответил я задумчиво. – Я не добрый. Я просто не злой.
Поезд остановился, двери с мягким шипением разошлись.
Я вышел на перрон, оставив юнца маяться в его подростковом аду, когда легкая ссора с девчонкой, о которой он забудет через месяц, кажется концом света. Пошел к метро.
А ведь я правду сказал.
Я ему помог вовсе не потому, что добрый. Добрые люди, пережив мои приключения, ночами бы спать не смогли. А я спокоен и уверен, что поступал правильно. И когда рвал на части сумасшедших лавли, и убивая гвардейцев на Трисгарде, и обрекая на смерть людей на Ровиане.
Но я и не злой, честное слово! Злой, как мне кажется, совершает свои злодейства с удовольствием. У меня же никакой радости от этого не было.
Ну и что же я тогда за тварь?
Меня мягко взяли за рукав плаща у самого входа в метро.
– Максим?
Вначале я подумал, что меня нагнал нервный подросток, потом понял, что и голос совсем другой, и парню я не представился. Оказалось, что меня остановил грузный немолодой дядька, одетый в такие старомодные, узковатые ему пиджак и брюки, в такие невыразительные черные лакированные ботинки (при этом одежда и обувь выглядели совершенно не ношеными), словно он с трудом влез в свой свадебный

наряд. Бывают такие люди, им одного костюма хватает на всю жизнь: в нем женятся, ходят на чужие свадьбы и похороны, выходят на пенсию, а потом ложатся в гроб.
– Да? – сказал я, отступая с прохода.
– Пойдемте со мной, – попросил мужчина. – С вами поговорить хотят.
На человека из ведомства Лихачева или Леонида Владимировича он никак не походил.
Почти машинально я прочитал его.
В общем, почти неплохой человек. Почти честный. Почти любит жену и еще одну женщину. Все «почти», но так часто бывает.
Напуганный, но в меру. Чего-то совсем плохого не ждет. Наоборот, предвкушает что-то очень хорошее для себя. Но волнуется изрядно, на лбу пот проступает.
– Кто ждет? – спросил я.
– Вы его знаете, – уклончиво ответил мужчина. – Тут рядом, в машине.
– Идем, – согласился я.
В конце концов, чего мне-то бояться?
Во мне сидит Высший, а другой Высший намерен меня завтра прикончить.
Я молча пошел за мужчиной. Мы пересекли площадь Киевского вокзала, спустились на парковку торгового центра – не для посетителей, а на ту, где разгружаются магазины.
Припаркованная там машина оказалась небольшим рефрижератором с надписью «Дары далеких морей» по борту и рисунком, изображающим жизнерадостных омаров и рыб в лазоревой воде. Удивительная привычка у рекламщиков – на упаковках яиц рисовать счастливых куриц и пушистых цыплят, а на банках тушенки – довольных коров и овец…
Сам мужчина остановился в стороне, у кабины, кивнул мне на заднюю дверь рефрижератора. Я огляделся. Парковка была умеренно заполнена грузовичками и фургонами, обычно они приезжают по ночам. Из одного грузовика разгружали тюки туалетной бумаги и разовых полотенец, из другого здоровенные коробки с какой-то техникой.
Пожав плечами, я подошел к дверям рефрижератора. Они были чуть приоткрыты, я осторожно заглянул внутрь.
Темно.
И тепло.
Принюхался.
Тяжелый землисто-цветочный запах был мне хорошо знаком.
– Эй, дядька, – позвал я водителя. – Тут к тебе кто-то заполз и сдох.
– Нет, не должен, – серьезно ответил тот. – Сказал, что до вечера доживет.
– А потом? – уточнил я.
– Потом машину сожгу в лесу, – ответил водитель. Вытер пот со лба. – Он велел честно тебе отвечать.
– А сам-то?
– Беру семью и вечерним рейсом на Сардинию. – В голосе водителя прорезался затаенный восторг. – У меня теперь там дом с апельсиновой рощей.
– Ясно, – кивнул я. – Жарко в Италии после Перемены-то…
Приоткрыв двери, я подтянулся и забросил ноги внутрь. Встал. В рефрижераторе было темно и жарко, холодильник не просто выключили, а словно запустили на нагрев, если это вообще возможно. В глубине едва угадывались громоздкие очертания.
– Ну вот, пришел, – сказал я.
Инсек в глубине кузова пошевелился, вытянул ко мне голову. Выглядел он неважно, неужели ему так тяжело на Земле?
– И я пришел, как мы договаривались, – ответил Инсек.

Глава шестая

Это был «мой» Инсек.
Наверное, поглощенный смысл, хоть и не позволял «читать» личность Инсеков, все же помогал их различать.
Пусть я и не знал его имени, но это была именно та особь, с которой я общался через экраны, которая помогала, просила помощи, предавала, а под конец дралась со мной насмерть, высказав все, что думала о людях.
Тот самый Инсек, которому Высший Миланы велел покинуть Солнечную систему и не возвращаться.

Об этом я и спросил, лихорадочно соображая, что же значат его слова. Впрочем, я догадывался…
– Неужели рискнул воспротивиться Высшему?
Инсек покачал головой, разглядывая меня. Глаза, похожие на человеческие, и мягкий женский голос превращали его облик из чудовищного в кошмарный.
– Значит, в тебе сейчас нет Высшего…
– Почему?
– Он бы знал, кто я.
– И кто же ты?
– Клон. – Инсек шумно вздохнул. – Клон для одноразового применения. В иной реальности ты должен был иметь дело с моим виртуальным двойником. Так?
– Да. Он уже мертв.
– Ожидаемо. А я биологический двойник. Клон с записанной памятью. Когда я был самим собой, меня ничуть не тревожила мысль о создании двойников, что виртуальных, что биологических. Я не испытывал к ним ни жалости, ни сострадания. Оказаться в этой роли самому стало неприятным сюрпризом.
Я хмыкнул. Против ожиданий я почувствовал жалость к этому существу, созданному для одной-единственной миссии.
Присев на корточки, так, что голова Инсека нависала надо мной, я сказал:
– На самом деле Высший во мне. Но он молчит.
– Ты и сам не слишком говорлив. Пока не начинаешь просить за кого-то.
Инсек вытянул лапу и потрогал меня за плечо.
Я стерпел.
– Кажется, да. Кажется, он в тебе. Не беспокойся, я не настолько глуп, чтобы атаковать предсингулярную особь, являющуюся основой Высшего. К тому же мы заключили соглашение.
– А ты умеешь выполнять соглашения? – спросил я. – На милосердие ты точно не способен.
– Все сложно, – сказал Инсек. – Договоры имеют ценность лишь в том случае, когда они заключаются с равными или вышестоящими.
– А милосердие?
Теперь он замолчал. Мне показалось, что у Инсека не слишком здоровый вид: он и дышал шумно, и глаза были мутными, с крошечными, несмотря на полутьму, зрачками.
– Как выяснилось, оно кажется не лишенным смысла, когда в нем нуждаешься сам.
– Сочту за извинения, – решил я. – Ну? Для чего мы договорились об этой встрече?
– Это была твоя инициатива.
– Возможно, но сейчас я об этом не помню. Тогда расскажи, для чего мы встречались раньше и о чем договаривались.
– Ты появился на нижнем ярусе Третьего Храма на Чш-чшш-жж и сделал предложение, которое было сочтено достойным.
Я вздохнул.
Ну да, что для Высшего галактические дистанции? Даже в предсингулярном состоянии мы прыгали по космосу без всяких усилий.
Значит, я все-таки побывал на родной планете Инсеков с ее невыносимо шипящим названием. Вышел на контакт с властями Инсеков, сделал им какое-то «достойное» предложение…
Может, попросить клона рассказать, о чем мы договорились?
Но что-то в этом будет унизительное и неправильное, превращающее меня в марионетку, в куклу, в нечто, с чем нет смысла говорить всерьез…
Со мной что-то происходит.
Я размышляю – не так, как обычно. Очень быстро и очень четко, анализируя мир вокруг и выстраивая цепочки причинно-следственных связей.
Мне нужно выбрать лучшее решение.
Клон Инсека ждет. Его клетки были искусственно созданы за пределом Хейфлика, теломеры полностью разрушены. Смерть клона была бы мучительной, но его болевые рецепторы тоже подавлены.
Он действительно одноразовый.
Я делаю выбор и открываю перед Максимом часть его памяти.

…Дарина спит, за окном светлая ночь, в небе ожерельем драгоценных камней сверкает Лунное кольцо.
Высший садится на кровати. Смотрит на Дарину. Легонько касается ее головы – теперь она не проснется до утра.

Высший встает и подходит к окну. Открывает его, будто стекло является преградой. Смотрит в небо.
Чш-чшш-жж с Земли можно увидеть в телескоп. Ну или невооруженным взглядом… при очень остром зрении, без городской засветки и при ясном безлунном небе.
Чш-чшш-жж на земном небе – звезда шестой звездной величины. На самом деле она немного ярче и больше Солнца и находится не так уж далеко по галактическим меркам, меньше чем в шестидесяти световых годах.
Прежним с Инсеками суждено было встретиться. А то, что обе цивилизации развивались почти синхронно и выбрали один и тот же путь грабежа чужих смыслов, сделало конфликт неизбежным.
Высший размышляет.
Будущее многовариантно.
Высшие несут в будущее разные пути развития. Иногда, очень редко, у них нет причин конфликтовать. Иногда они вынуждены хранить мир. Иногда столкновение неизбежно. Каждая культура порождает свои смыслы, порой совершенно уникальные, которые не повторит никто другой. Именно поэтому Высшие запрещают геноцид. Это не мораль, это логика. Высший Продавцов пытается проскочить в будущее чистеньким, он ухитрился стать полезным для всех и собирает огрызки смыслов, терпеливо приближаясь к сингулярности. Его смысл – посредничество. Прочие Высшие гребут все, до чего могут дотянуться, ведь иначе поглотят их самих.
Высший Миланы хочет создать нечто новое. Сделать выгодным сотрудничество, торг смыслов, позволить каждой разумной культуре максимально развиться – и прийти к сингулярности вместе.
На самом деле это грандиозно.
Разум человека, что Миланы, что Максима, не способен вместить смысл, рожденный народом тэни. Он обманчиво прост на первый взгляд, но когда он разовьется… о да, он сумеет примирить непримиримое. Даже Прежних с Инсеками, которые иначе сойдутся в схватке, в которой одна из цивилизаций будет повержена и вынуждена покориться другой. В бизнесе такие вещи называют «недружественным слиянием», и это неизбежно.
Если Высший Миланы не сумеет примирить цивилизации этого сектора Галактики. Высший Максима готов уступить, но он знает, что Высший Миланы ошибается. Галактика слишком велика и стара.
Такой смысл уже должен был возникнуть и охватить ее всю, подобно пожару. Если этого не случилось, значит, в Высшем Миланы есть фатальная ошибка.
Высший принимает решение и сворачивает пространство в складку, уничтожая расстояние между собой и Чш-чшш-жж.
О, это вовсе не грубое название, похожее на скрежет железа о бетон.
Там есть оттенки звуков, мелодия, недоступная человеческому восприятию.
Там есть свой смысл, он определяет цивилизацию Инсеков так же верно, как резкое и материальное «Земля» определяет смысл всей человеческой расы. Люди – властелины земли и пленники Земли. Они защищают землю и покоряют ее, они уходят в землю, они изучают Землю. Им никуда не деться от ощущения вещественности своего мира, которое дает это слово. Им нужны чужие миры – грубо и реально, нужны, чтобы сделать их похожими на Землю. Но Земля – одна. Потому эта планета так дорога была Прежним, потому она стала самым ценным призом для Инсеков… потому ее первым делом отобрал у всех Высший.
Чш-чшш-жж – совсем другое. Слово не значит ничего материального, это лишь ощущение места и единства в нем, сейчас и навсегда. То-где-мы-ощущаем-друг-друга-во-всей-полноте. Оно связывает воедино мудрые материнские особи, суровых солдат, умных мыслителей, трудолюбивых селян. Единичная особь не имеет ценности вне культуры Инсеков. Они не способны к предательству своего вида, готовы принять любые лишения. Они разделили свою цивилизацию на тех, кто пойдет к возвышению, и тех, кто умрет в пути, простым жребием, и никто не пытался схитрить.
Это не по-человечески, но заслуживает уважения.
Очень плохо, что их единство распространяется лишь на них самих.
Высший парит в пространстве над планетой. Для человека она выглядит слишком жаркой, слишком влажной, заросшей сплошным ковром темно-зеленых и лиловых джунглей. Для Инсеков это воплощение рая.
Высший чувствует, как потоки энергии ощупывают его человеческое тело. Он ждет, ничего не предпринимая. Он далеко от планеты, на том расстоянии, на каком его присутствие не выглядит явной угрозой, – голый человек, чье тело в тени планеты медленно покрывается корочкой льда. Высшего не смущают ни нагота, ни лед, ни

излучения, ни вакуум. Дыхание выносит последний воздух из легких, и на носу у него повисают красноватые сосульки. Высший машинально обламывает их пальцем, движением, позаимствованным у Максима.
Вполне возможно, что сейчас появится Высший Инсеков, встревоженный его визитом. Но вместо Высшего он ощущает коллективный призыв Инсеков. Они приняли его просьбу о переговорах и готовы к встрече на планете. В личном присутствии нет особой нужды, но это дань традициям, а еще уравнивает их силы.
Да, если произойдет конфликт, Инсеки способны его уничтожить.
Или он их.
Как пойдет.
Высший переносится в глубины Третьего Храма. На два с половиной километра под поверхностью, к тому же древние лабиринты здесь усилены современной технологией. Высший вынужден раскрыть часть своих возможностей, преодолевая барьеры и уклоняясь от ловушек.
Отчасти это жест доброй воли, его действия непрерывно анализируют.
Отчасти доказательство серьезности намерений и предостережение от внезапной атаки.
Высший стоит в центре маленького подземного зала. Здесь нет никаких украшений, никаких технологий, никаких святынь.
Помещение – само по себе святыня.
Здесь был порожден смысл, ставший ключевым для Инсеков.
То, что в очень упрощенном виде они вручили Измененным, создав Гнезда.
Здесь Инсеки стали из цивилизации одиночек цивилизацией единой общности.
Высший стоит на черном каменном полу (он отполирован до блеска, но не инструментами, а ногами Инсеков, оттого это блистающее зеркало слегка волнисто). С Высшего стекает розовый пот: выжатые вакуумом соки человеческого тела и растаявший лед.
Высший вдыхает влажный горячий воздух и восстанавливает организм Максима в его целостности.
В зале только двое Инсеков, но он чувствует присутствие всех без исключения особей на планете, связанных общим смыслом.
Потом из единственного извилистого прохода появляются еще четыре особи Инсеков, пришедшие в храм через экраны. Три из них мужские. Общество Инсеков можно назвать матриархальным, но в данный момент старейшины хранят половое равновесие. Так уж получилось, что мужчины – лучшие воины в любой культуре, а цивилизация Инсеков воюет уже тысячи лет.
– Я пришел сделать предложение, которое будет достойным, – говорит Высший.
Человеческое горло и связки не способны в полной мере передать спектр голоса Инсеков. Но Высший говорит на изысканном языке нижних уровней, потому что это вежливо и ничуть его не затрудняет.
– Мы с удовольствием выслушаем твое предложение со всем благожелательным вниманием, – отвечает одна из особей на чистом русском языке. Значит, они вполне понимают, кто перед ними.
Обмен любезностями завершен, настало время обмена информацией.
– Земля моя, – сообщает Высший. – Если вы согласны с этим, мы можем продолжить.
Инсеки размышляют.
– Земля – важный источник бойцов и неплохой источник смыслов, – сообщает одна из особей общее мнение. – Но она также источник силы для Прежних. Нас устроит твое владение, если оно исключает владение Прежних.
Это хороший шаг к сотрудничеству. Высшему с трудом даются компромиссы, это не его смысл. Но он старается.
– Высший, рожденный в мире тэни, также претендует на Землю. Мне нужна ваша помощь, чтобы исключить его из реальности.
Инсеки двигаются, покачивают головами, шелестят лапами. Обмен информацией идет на защищенном от Высшего уровне, но живые организмы производят множество потоков данных.
– Нам ясен смысл Высшего, рожденного тэни и доставшегося людям. Он соединяет и гармонизирует смыслы. Это чуждо, но, если он преуспеет, не нанесет нам вреда. Замедлит, но не уничтожит. Почему мы должны помогать тебе? Что ты такое?
Инсеки употребляют слово «что» не с целью оскорбления, Высший выходит за рамки живого существа, он подобен явлению природы. Инсеки дают понять, что именно их интересует.
– Я то, что нужно всем, – отвечает Высший.
И открывает им часть вероятного будущего.

Это слишком много даже для предсингулярных личностей. Потоки информации вливаются напрямую в сеть, и информации много, слишком много, чтобы ее воспринять.
Калейдоскоп.
Человек и Инсек, сидящие у берега лазурного океана под огромным багровым солнцем. Что-то исполинское, бесформенное шевелится в воде, потом тонкие прозрачные нити тянутся на берег – будто ожил сам океан и робко потянулся к чужакам. Инсек и человек протягивают руки навстречу, касаются нитей, те рассыпаются брызгами, собираются вновь и замирают… Человек смеется, Инсек начинает говорить…
Белая звезда, окутанная сверкающей кристаллической сетью, словно пойманная в сачок немыслимых размеров. Пульсирующие протуберанцы в ячейках сети. Космический корабль, похожий на прозрачную пирамиду, в центре, будто мошка в янтаре, застыло розовое безволосое тело тэни… и капли фиолетового эфира танцуют в пирамиде в том же ритме, что протуберанцы…
Милана – или Высший в ее теле? Она идет по полю, напоминавшему бы пшеничное, не будь оно ярко-оранжевым. На ней короткое серое платье, она боса, она что-то говорит идущему с ней рядом. Это Прежний, в сверкающих плоскостях силовой брони, на каждом шаге он оставляет за собой выжженный след на поле, а за Миланой даже не сминаются колоски. Милана вдруг берет Прежнего за руку, будто не замечая силовой брони, разворачивает, показывает на выжженный след. Что-то говорит, серьезно и долго. Броня на Прежнем исчезает, дальше он просто идет рядом с Миланой, внимательно слушая.
Это тысячи, десятки тысяч коротких картин, клипы, прокрученные одновременно на тысячах экранов. Некоторые странные, некоторые интригующие, некоторые кажутся простыми или знакомыми.
Но в них нет ничего плохого.
Нет.
Ничего.
Плохого.
А потом Галактика открывается вся сразу – сотни миллиардов звезд, закрученных в спираль, полных энергии, жизни, смыслов…
И исчезает.
Звезды гаснут, словно свечи под порывом ветра. Некоторые мерцают чуть дольше, вокруг них вскипают энергетические выбросы – и тоже исчезают. Кажется, будто проносится выдох – затихающий, последний выдох неисчислимых миллиардов…
Тьма.
Черное пятно в небе.
Свет других галактик, плывущих во Вселенной.
Потом начинают гаснуть и они.
Инсеки прижались к полу, лапы растопырены, передние вытянуты в защитном жесте. Они восприняли максимально возможный объем информации, их сеть перегружена, и до других особей дошли лишь обрывки.
Высший ждет.
Если бы он был человеком, ему было бы грустно.
– Ты нужен, – говорит Инсек, который первым приходит в себя. Теперь Высший идентифицирует его. Это та особь, с которой имел дело Максим. Тот, кто был на Селене, тот, кого вышвырнули с Земли. Когда-то он был стажером, но его заслуги оценили очень высоко, теперь он у вершин власти. – Нужен всем.
– Да, – говорит Высший. – Теперь вы знаете, и ваш Высший тоже знает.
– Какую помощь ты хочешь получить? – Инсек вдруг обретает подвижность и силу, утрачивает сомнения. Он будто раздувается, вытягивается на ходильных лапах и движется к Высшему Максима.
Они сходятся лицом к лицу.
Двое Высших, несущих разные смыслы. Вернувшиеся к истокам своего существования, чтобы изменить будущее.
– Высший Миланы не должен развиться, – говорит Высший Максима.
Высший Инсеков размышляет.
– Он следит за своей основой.
Высший Максима объясняет. Это простой план, в котором есть человеческая жадность и любопытство, помноженные на человеческую дружбу и преданность.
– Ты можешь открыть проход в иную реальность и сам, – отвечает Высший Инсеков.
– Если я буду в этом теле, он почувствует. Моя основа станет наживкой.
– Ты рискуешь собой.

– Я эволюционирую и вернусь.
– Необязательно. Ты рискуешь.
– Таков мой смысл, – отвечает Высший Максима. – В любом случае вы предупреждены.
Все сказано и не нуждается в разъяснениях.
Высший Инсеков исчезает, Инсек оседает на пол. Трясет головой. Произносит:
– Когда ты вернешься, я отправлю к тебе свою копию. Это может быть самым безопасным способом связи.
– Хорошо, – соглашается Высший.
И тоже исчезает.
Возникает в спальне и смотрит на Дарину.
Идет на кухню, наливает стакан воды.
И исчезает.
Максим стоит у стола, сонно глядя на стакан. Отпивает из него, откашливается, идет в спальню.

…Я дернулся и закричал.
Остатки воспоминаний, открытых Высшим, до сих пор огнем пылали в мозгу.
– Сволочь! – закричал я, прислушиваясь к себе. – Тварь всемогущая, голым в космос вытащила, вот почему у меня грудь болела поутру!
Инсек разразился скрежещущим звуком. Спросил:
– Ты вспомнил встречу в Храме? Твой Высший удостоил тебя знанием?
– Он не мой!
– Твой, именно твой. – Инсек завозился, подтягивая под себя лапы. – Тебе больно и грустно, верно?
– Что ты знаешь о боли?
– Все. Ты понял, кто ты?
– Нет, но я понял… понял, что не справился. Раз уж Милана вернулась.
Я замолчал.
– А еще? – с любопытством спросил Инсек.
– Что если я позволю Высшему Миланы развиться, то погибнет весь мир.
– С моей точки зрения, – сказал Инсек, – информация полезна и не допускает двоякого толкования.
К сожалению, он был прав.
– Желаю спокойно умереть, – пробормотал я. – Если это для тебя важно… я больше не в обиде.
Инсек помолчал.
– Не важно. Но благодарю.
Я выпрыгнул из темного зловонного фургона. Аккуратно закрыл двери.
Водитель курил, пряча сигарету в кулаке. Наверное, ему было интересно, что там происходило, но впереди у него маячила Сардиния, апельсиновая роща и дом на берегу моря. А он был достаточно умен, чтобы понимать: очень часто незнание – благо.
Надеюсь, ему понравится на Сардинии.
– Можешь ехать, – сказал я. – Бензина возьми побольше.
– Запасся, – коротко ответил водитель. Какие-то вопросы все-таки вертелись у него на языке, но он промолчал, полез в кабину.
А я пошел к лифту.

Глава седьмая

Самым странным в Комках было то, что они остались.
Исчезли только Продавцы.
Сами бесформенные сооружения продолжали стоять, и ничего с ними не делалось. Горел внутри свет, работала вентиляция. Остались занавески между торговой зоной и местом, где Продавцы отдыхали на кушетке и получали товары из стеклянного куба-синтезатора.
Занавески, разумеется, скоро сперли.
Кушетки и стеклянные кубы тоже быстро утащили.
Государство опечатало и охраняло несколько Комков в Москве, но, как говорил Лихачев, кушетка оказалась просто кушеткой, штора просто шторой, а стеклянный куб – кубом из стекла. Никаких признаков высоких технологий.

В кубе-синтезаторе, скорее всего, технологии были. Но то ли оказались нашим ученым не по зубам, то ли Продавцы извлекли их, оставив пустую стеклянную коробку.
Так что бóльшая часть Комков осталась бесхозной и разграбленной. В некоторых открыли бары и маленькие клубы, в других поселились психи, обожествляющие Продавцов, или бомжи. Некоторые стояли пустыми, лишь иногда в них устраивали тусы подростки, бухающие и трахающиеся прямо на прилавке.
В «моем» Комке, рядом с Гнездниковским, неделю процветал самый натуральный карго-культ. Какой-то псих замотался в балахон, копирующий одежду Продавцов, и принимал у серчеров кристаллики, расплачиваясь рукописными расписками: «Принято в обмен на лекарство для улучшения памяти», «Принято в обмен на ящик коньяка «Деламен» пятидесятилетнего», «Принято в обмен…»
Курс был даже лучше, чем у Продавцов, а псих уверял, что его назначили временно принимать кристаллы и потом все будет выплачено.
К нему приходили и сдавали лут, хотя, наверное, понимали – это фуфло. Так когда-то люди вкладывали деньги в финансовые пирамиды.
Через неделю серчерам надоело. Психа побили, сорвали занавеску, которую он повесил вместо украденной, и обнаружили старую акриловую ванну, засыпанную кристалликами. В ней псих и спал, раздевшись догола, что помогло кристалликам не протухнуть, но обошлось ему еще в несколько хороших пинков и затрещин.
Вместо стеклянного куба, кстати, он поставил пустой разбитый аквариум, в который зачем-то положил мягкую игрушку – рыбку дори.
После этого Комок опустел. Иногда молодежь тут тусила, но отпугивающее излучение Гнезда все-таки делало место не слишком уютным.
Вот и сейчас, когда я вошел в Комок (дверь оказалась не такой прочной, как стены, и болталась на одной петле), там никого не было. Горел свет, воздух оставался чист и прохладен, несмотря на то что на прилавке стояли в ряд пустые пивные бутылки и лежали в бумажных тарелках остатки вяленых лещей. Ну или какой-то иной рыбы, я в ней плохо разбираюсь.
Хорошая вентиляция. Но, в общем, и гуляли тут довольно культурно, свинячили в меру.
Сам не знаю, зачем я сюда зашел перед визитом в Гнездо. То ли ностальгия какая-то прорезалась, то ли хотелось верить, что открою дверь, а за ней все как прежде.
Но жизнь так устроена, что как прежде никогда ничего не бывает. Лучше, хуже, но всегда иначе.
Я запрыгнул на прилавок. Посидел в ожидании, глядя на перевернутую ванну и разбитый аквариум. Плюшевая рыбка смотрела на меня восторженными глупыми глазами.
Ну, давай… шредингеровский Продавец. Появляйся из небытия!
Нет, никого не возникало.
– Я этого не хотел, – сказал я негромко. – Меня все устраивало. Это родители переживали, а мне такая жизнь нравилась.
Я помолчал, но ответа, конечно же, не было. В этом преимущество разговора с пустотой.
– Но я же не мог пройти мимо, – продолжил я. – Отпустить девчонку одну в Гнездо, где всех поубивали. Я не мог.
– Да мог ты, мог, – раздалось за спиной.
Я обернулся и увидел Ивана.
Прежний стоял у двери, закутанный во что-то вроде накидки из тонких искрящихся нитей, будто нацепил на себя пучок гирлянд. По нитям пробегали разноцветные огоньки.
– Вот уж не думал, что вы пользуетесь такими технологиями, – сказал я.
– Почему?
– Ну, раньше…
– Раньше не требовалось. – Прежний усмехнулся. – Эта штука экранирует меня от всего.
– Но я вас вижу.
– Потому что я так захотел. Кстати, не называй меня по имени, хорошо? Твои слова могут услышать.
Я подумал и кивнул.
Что ж, если я встретил Инсека, пусть даже клона, стоило ожидать и визита Прежнего.
– Чего хотел жук?
Я даже не сразу понял, что речь об Инсеке. Все-таки они не были насекомыми, несмотря на внешнее сходство.

– Ничего. Видимо, это я просил о встрече, когда был на Чш-чшш-жж.
Иван поморщился:
– Какой чудовищный акцент. Для Инсека твои слова прозвучали бы как «на вращающейся в воде игле».
Я пожал плечами.
– Зачем ты просил о встрече?
– Чтобы отчитаться… – Я подумал. – Нет. Чтобы вспомнить.
– Твой Высший продолжает темнить?
Я глянул на Ивана с любопытством.
– И это знаете?
– Да от тебя несет его присутствием. – Прежний передернул плечами. – Нет, сейчас его нет, но он тебя хорошенько использовал… А ведь я сразу говорил, Максим не так прост. Я всем это говорил!
– Может, знаете и кто он такой?
– Нет, и в этом вся проблема. – Прежний развел руками. – Но он враг Высшему Миланы, значит, нам не враг.
– Все не так просто.
– Просто никогда не бывает. Но ты видишь, я рискнул прийти.
Говоря о риске, он, конечно, был прав. Высший выгнал Прежних с Земли, а Высшие не шутят.
– Хорошо. Что дальше?
– Хочу предложить помощь.
Я пожал плечами.
– Ты же не побрезговал обратиться к Инсекам? А они относятся к людям куда хуже нас.
– Какую помощь?
– В противостоянии Высшему Миланы.
Прежний неторопливо подошел, уселся рядом со мной. Дружелюбно улыбнулся.
– И не спеши, не говори «нет». Во-первых, мы согласны на независимость Земли. Это болезненно, но мы справимся. А ты развивай Землю, как сочтешь нужным. Будем… немножко союзниками. Ну или хотя бы не врагами. Если поможешь задавить жуков – совсем хорошо. Станешь держать нейтралитет – прекрасно. Во-вторых, тебя терзает мысль, что придется сражаться с девушкой, которую любишь. Если мы поможем, есть шанс победить Высшего, не убивая ее. Ну что, все еще хочешь отказаться?
Я молчал.
– Ты попал в неприятную ситуацию, ты не можешь разделить с Миланой Землю. И я понимаю, что и сдаться ты не можешь. Даже если решишь поиграть в благородство – твой Высший этого не позволит. Ты вынужден сражаться.
– Дело не в этом, – сказал я. – Если я уступлю и мой Высший исчезнет, то погибнет вся Галактика.
Иван некоторое время смотрел на меня. Потом расплылся в улыбке.
– Максим… прости, если задену твое самолюбие… но такого не бывает. Высшие появляются и исчезают, уходя на следующую ступень бытия. Начинают возвышаться другие цивилизации, идут к сингулярности, порождают предсингулярных особей, потом превращаются в Высших, уходят…
– Бла-бла-бла, – сказал я. – Мне знакома эта история.
– Откуда?
– Ты сам ее рассказал. В другой реальности, куда я уходил.
– Ну вот видишь! Это вечный процесс развития разума, друг мой. Все уже было! Нет ничего нового под Луной, да и Луны уже нет. Я всецело за то, чтобы ты победил. Но я против такого наглого вранья! Если твой Высший погибнет, то мир исчезнет лишь для него.
Я размышлял.
Могут ли Высшие врать?
Да конечно же, могут.
– Так что прими нашу помощь, – сказал Иван. – Девчонку спасем. Ты же знаешь, она мне тоже нравится!
Он подмигнул мне, но как-то не обидно, словно искренне завидуя, без скабрезностей и угроз.
– А кто у тебя основа? – спросил я.
– Мы не называем их основой, – ответил Иван серьезно. – Только корнем. Мой первый… он был воин. Князь. Широко известный… в узком кругу. Была битва… в общем, он создал неплохой смысл. Его заметили. Те, настоящие Прежние, оставшиеся с

прошлых времен. Мы же принимаем новичков, хоть и нечасто. Вот и меня… его… приняли. Сочли достойным и полезным.
– Что за смысл у него был?
– Такого не спрашивают. – Иван погрозил мне пальцем. – Но, если упрощая… это была дерзость. Дерзость в бою, готовность поставить все на кон, рискнуть.
– Это может быть смыслом? – поразился я.
– В той ситуации? Когда князь достал из ножен меч и стал прикрывать отход своих убегающих ратников? Да. Это был удивительный смысл. Разбитая армия остановилась и снова пошла в бой. И победила.
– Наверное, он был неплохим человеком, – сказал я, помедлив. – Как же ты таким говном стал?
– Жизнь заставила. – На лице Ивана не дрогнул ни единый мускул. – Ну так что, принимаешь нашу помощь?
– Опять ставишь все на кон и достаешь меч из ножен?
Иван подумал и просиял.
– В общем-то, да!
– Могу я с ним поговорить?
– Он лет сто не высовывался.
– Как я его понимаю. И все же?
Иван закрыл глаза.
Он сидел так довольно долго. С минуту, быть может, а учитывая, что время для Прежних величина относительная – его разговор с «князем» мог занять и несколько часов, и несколько дней.
Но когда Иван снова глянул на меня, я понял, что это взгляд другого человека.
– Приветствую, – сказал я.
Прежний снял очки и положил их между нами. С любопытством осмотрелся. Не думаю, что он был не в курсе, где находится и что происходит, но, наверное, когда новая личность выныривает из карманной вселенной, она воспринимает все иначе.
– Что ты хотел, Максим?
У него стал другой голос. Не то чтобы жестче. Тверже, более усталый и разочарованный. Чем-то похожий на голос Лихачева – я подумал о полковнике, которого подставил, и у меня заныло в груди.
– Хотел, чтобы вы сказали, как поступить.
– Ты не знаешь меня, но поверишь моему совету?
– Я знаю его и не поверю его совету.
Прежний понимающе кивнул.
Спросил:

> – Иван не такой уж пятигуз
> [23]
> и негораздок
> [24]
> , как ты думаешь. Все-таки мое семя… Идешь к своей жнице?

– Она уже не совсем жница. Она превращается в человека. – Не знаю уж зачем, но я добавил, будто хвастаясь: – У нее даже женские дела начались.
– Человека не делает человеком пролитая кровь, – сказал Прежний. – Ни своя, ни чужая. Ни кровь смерти, ни кровь жизни. Ни мужчину, ни женщину.
– Кровь – это плохо, – согласился я.
– Кровь не хорошо и не плохо. Кровь – это сама жизнь.
– А что тогда делает человека человеком?
Не знаю, зачем я это спросил. Наверное, мне просто было интересно разговаривать с этим существом из тьмы веков.
– Если бы я знал, юноша… – Прежний иронично посмотрел на меня. – Возможно, тогда мой смысл был бы важен для всей Галактики? Иван сказал правду. Так, как он ее видит и понимает. Он готов помочь, правители Ровиана тоже придут. Не все, но многие.
Я вспомнил Мира, Жрицу… кто там еще в колоде? Шут, Император, Императрица… Это если не явится Высший Прежних, который воплощает все их смыслы.
Ну конечно же, мы победим Высшего Миланы.
У них был бы шанс и без меня, а уж со мной – без вариантов.
– А Земля… – пробормотал я.

– Землю оставят тебе. Они пришли из таких глубин времен, Максим, что я для них несмышленое дитя. Правители Ровиана плохо учатся новому. Но все-таки учатся, и они решили попробовать сотрудничество. Это огромный шаг с их стороны.
Я кивнул.
Наверное, так оно и есть.
– Не слушай ни меня, ни моего амбициозного потомка, – сказал Прежний. – Не пытайся переложить свой выбор на других, он перестанет быть твоим выбором. У тебя может не быть ничего, кроме выбора, но пока он есть – ты существуешь.
– А если нет?
– О, выбор есть всегда.
Прежний закрыл глаза. Сказал:
– Мне тяжело здесь. Ты спросил все, что хотел?
– Вы правда князь?
Прежний приоткрыл один глаз и насмешливо посмотрел на меня.
– Боярин…
– Жаль.
– Тогда считай князем, я привык.
Он снова закрыл глаза, а когда поднял веки – это уже был Иван.
– Поговорили? – спросил он с жадным любопытством.
– Да, – коротко ответил я.
Похоже, корень не позволил своим отпрыскам присутствовать при разговоре.
– И что?
Я смотрел на него и вспоминал Гнезда.
Измененных, изуродованных Инсеками. Жниц, стражей, монахов… всех.
А еще те миллионы и миллионы детей, что тысячи лет рекрутировали с Земли Прежние.
Дарина как-то сказала, что чума в Европе была прикрытием для массового забора в ровианскую гвардию. Прежние тогда терпели поражение за поражением, им нужны были миллионы рекрутов, а это очень много для четырнадцатого века.
Труден выбор между двух зол.
– Приходите, – сказал я.
– Куда? – быстро спросил Иван.
– Найдете, – коротко ответил я.
Он не стал спорить. Ободряюще улыбнулся мне и исчез, только накидка из нитей полыхнула напоследок.
Я прислушался к себе.
Высший никак не реагировал. Кажется, он и впрямь на время ушел.
Одобряет он или нет?
Я подумал и решил, что мне плевать.
Нельзя перекладывать свой выбор на других.

Гнездо притихло, когда я подошел к дверям. Показалось мне, или оплетающей министерские стены паутины стало меньше? Паутина – побочный продукт, возникающий при строительстве Гнезда. Люди создают кристаллы, Измененные – паутину. В кристаллах скрыты эмоции и смыслы, в паутине – нейронная сеть Гнезда. Если Измененных становится меньше, то и паутина прирастает медленнее.
Обезумевшей женщины с мертвым ребенком возле Гнезда не было. То ли сама ушла, то ли увели родственники или полиция.
Я открыл дверь и вошел во влажную полутьму.
Вдохнул воздух Гнезда.
Пахло чем-то прелым и древним. Такой запах, наверное, в плохих и запущенных домах престарелых.
Пахло тленом и угасанием.
Гнездо умирало.
Теперь я понял это внезапно и с болезненной отчетливостью. Все, лишившееся цели, умирает. Уходят из жизни люди, создавшие все, что могли создать, и воспитавшие детей. Рушатся дома, в которых не живут; тускнеет и рассыпается жемчуг, который не носят; истощаются аккумуляторы, которые не заряжают.
Наверное, гаснут даже звезды, которым не для кого светить.
На самом деле в этом почти нет грусти. Есть только обида, что путь кончается в самом начале дороги. Что не удастся узнать, что там, в конце. Это как сожаление Продавца, что не удастся досмотреть сериал… мелочь, но досадно.

Мне показалось, что я начал понимать Прежних и Инсеков, когда-то решившихся любой ценой досмотреть сериал до конца. Узнать, каков будет финал Вселенной и как начнется – если начнется – новая.
Это ведь по-настоящему большое искушение.
Охраны у дверей тоже не было, зато стояло большое мягкое кресло. Рядом с ним валялось несколько грязноватых декоративных подушек – жалкие остатки былого великолепия. Почти на всех подушках были изображены котики – видимо, у какой-то куколки рука не поднялась их выбросить… Я сел в кресло, подпер подбородок рукой, уставился вглубь Гнезда.
Они же знают, что я здесь.
Что я человек Максим Воронцов и я не виноват, что стал основой какого-то непонятного Высшего. Я убивал и умирал за это Гнездо, как и за все другие. Распрощался со своей человеческой сущностью и снова ее обрел.
Нечестно как-то!
Я потянулся к Гнезду. Попытался погрузиться в его виртуальное пространство. Но Гнездо уворачивалось, ускользало, то ли боялось меня, то ли брезговало. Я мог бы пробиться силой, но не стал. Все равно не знал, что хочу спросить и сказать.
– Максим…
Зрение у меня по-прежнему было лучше человеческого. Я узнал их, едва они показались на лестнице.
– Елена! – крикнул я, вскакивая. – Деда Боря!
Старички-разбойнички неловко улыбались, спускаясь ко мне.
– Василий не смог приехать, – сказала Елена. – У него жена рожает, прямо сейчас.
– Чего? – Почему-то я поразился. – Жена? Он же…
– Старый? – хихикнул деда Боря. – Ему полтинник с небольшим, юноша… Ну, как ты?
Я неловко пожал плечами.
Деда Боря взглядом показал Елене на кресло, та не стала кокетничать, села. Деда Боря, крякнув, присел на пол, брезгливо подгреб под спину пару подушек.
– А как вы? – спросил я, садясь рядом.
– Пока живой, – ответил он раздраженно. – Слушай, ты можешь меня сделать молодым, здоровым и богатым?
– Это три желания? – Я попытался улыбнуться.
– Нет, это первое. Так можешь или нет?
– Высший может, конечно. Но он со мной не общается.
– Вот и Милана так говорит, – вздохнул деда Боря. – Ладно, юноша, рассказывай.
Елена подняла руку.
– Погоди. Для начала – мы знаем, что в тебе проявляется какой-то новый Высший. И что у него… конфликт. С Высшим Миланы. Ты его заманил в параллельный мир, хотел уничтожить. Теперь рассказывай.
– Я мало что могу рассказать, – покачал головой я. – Все так и было, только я про это не знал. Я сегодня кое-что выяснил… в общем, этот Высший все проделал с помощью Высшего Инсеков.
– Главный вопрос – зачем, – заметил деда Боря.
– Милана тут?
– Максим, кто тут может отвечать вопросом на вопрос?
Я пожал плечами, но на всякий случай сказал:
– Вы.
– Правильно. Миланы в Гнезде нет. Дарина и Анастасия тут. Мы попросили их пока не выходить, раз уж они нас позвали. Зачем твой Высший все это творит?
– Я скажу, только это больше мои догадки, – ответил я. – Понимаете, каждый мир разумных существ рано или поздно, ну, если ему позволить, обретает какой-то один основной смысл. Создает Высшего, который собирает в себе все знания цивилизации, все ее мечты… всю ее память. Ну… вроде планетарного бога становится.
– Эгрегор, – непонятно произнес деда Боря. С явным удовлетворением.
– Да уймись ты со своим эгрегором! – раздраженно ответила Елена.
– Планетарный эгрегор! – упрямо повторил деда Боря.
– Ноосфера! – с напором сказала Елена. – Мы же обсуждали это миллион раз! Ноосфера и точка Омега! Что писал Тейяр де Шарден? «Последний член ряда, он вместе с тем вне ряда»! Вот что такое Высший – Омега! Автономный, существующий, необратимый, трансцендентный! Все признаки налицо! И, кстати, Франк Типлер прямо называл Омегу результатом сингулярности!

– Я не могу понять, почему ты упрямо именуешь эгрегор – Омегой, – мрачно ответил деда Боря. – Но тебе не кажется, что мы ведем спор о терминах, а у бедного мальчика сейчас остатки мозгов закипят?
Старички-разбойнички уставились на меня.
– Слушайте, моим мозгам уже все равно, – ответил я. – И мне плевать, как называть… это… Высший, эгрегор, Омега… Он в любом случае должен быть единственным. Как итог развития цивилизации. А их с Высшим Миланы – двое. Значит, остаться должен только один.
– Как Дункан Маклауд! – торжественно сказал деда Боря.
– Слушайте, я не читал столько книг, я не знаю этих ученых…
Деда Боря вздохнул, закатил глаза, но промолчал.
– В общем, они вынуждены биться, – сказал я. – За выживание. И мое мнение тут ничего не значит.
– Никак не можешь повлиять? – тихо спросила Елена. – Тебе ведь нравится Милана. И Высший у нее неплохой, правда?
– Только он не наш, – возразил я. – Его породили тэни, а мы забрали. Я чувствовал, что расплата за это будет, вот она и пришла.
Елена кивнула.
– К тому же он дал мне немного своей памяти, – продолжил я. – Из будущего. Там очень много всего, полный сумбур, но я обдумал. Вроде как вначале все выходит хорошо. Даже Прежние и Инсеки принимают его смысл, он как-то всех объединяет. А потом мир гибнет.
– Наш мир? – спросила Елена.
– Весь мир. Галактика. Или даже все галактики. Я не знаю, в чем дело, но нельзя позволить ему развиться.
Елена и деда Боря переглянулись.
– Может, врет? – спросил деда Боря с надеждой.
– Может. Но почему-то я верю.
Елена всплеснула руками. Встала, пнула подушку. Сказала:
– Ну почему все так, а? Мы этой весной мечтали об одном – узнать, существуют ли Прежние, навалять им хотя бы немного. Все было так просто! А теперь…
– А теперь еще проще, – ответил деда Боря. – Мы ни на что повлиять не можем. Только вот этот мальчик может, но мы не знаем, за него надо болеть или за Милану.
Мы смотрели друг на друга. Я развел руками.
Я и правда не знал, за кого им болеть.
– Пойдем, Борис, – сказала Елена. – Пусть молодежь думает и решает.
– Думаешь, они решат правильно? – Деда Боря с кряхтением поднялся, я придержал его за сухую тонкую руку.
– В молодости решаешь проще…
– Но не факт, что верно…
– Не факт.
Они пошли к лестнице, даже не прощаясь со мной.
Я подумал, что понимаю, почему так. Они не знали, желать ли мне удачи.
Я снова остался один, если не считать Гнездо. Я вновь его чувствовал – теплое, ласковое касание.
Меня жалели, и от этого хотелось плакать.

Глава восьмая

– Хочу, чтобы все было как прежде, – вздохнула Дарина.
– Я тоже, – ответил я.
– Но я не хочу, чтобы Милана погибла.
– И я не хочу.
Мы стояли, обнявшись, и тихо, одними губами, шептали то, что и так знали оба.
– Я не пойду сейчас с тобой. Я останусь в Гнезде.
– Понимаю.
– В старых книжках девушки в такой ситуации молятся, – сказала Дарина и впервые едва заметно улыбнулась. – Но я не знаю, кому.
– Тоже не знаю, – согласился я.
Слишком уж много богов я повидал за эти месяцы. И никому из них молиться не хотелось.

– Просто пойду к себе и буду ждать, – решила Дарина. – Не обидишься?
Я покачал головой.
Наверное, вопрос читался на моем лице, она ответила:
– Нет, не тебя. И не Милану. Я буду ждать, что все как-то наладится. Что случится чудо, вы сможете поладить или разойтись миром.
Я знал, что это невозможно, но кивнул.
– А я пойду домой, – сказала Наська с вызовом. – Во-первых, я позвонила и уже получила от бабушки нагоняй. Во-вторых, знаю, что все будет хорошо.
Она, конечно, стояла чуть в стороне. Проявляла деликатность, можно сказать. Но не настолько далеко, чтобы нас не слышать. Я украдкой показал ей кулак. Наська презрительно фыркнула.
Пожалуй, только она проявляла какой-то оптимизм.
– Идите, – сказала Дарина. – А я пойду к куколкам. У нас еще остались четыре куколки, за ними почему-то не пришли. Я буду им рассказывать про то, как устроена Вселенная.
– Что там сложного-то, – пробормотал я. – Очень много пустоты, немножко разума, а кое-где носятся сумасшедшие Высшие со своими закидонами…
Дарина кивнула и отступила на шаг.
– Идите.
– Все, пошли. – Наська взяла меня за руку. – А то будете стоять, облизывать друг друга и проливать горькие слезы.
Дарина повернулась и ушла первой. Я тоже двинулся к выходу, Наська тащила меня с такой энергией, словно к ней вернулись силы Измененной.
– Заранее договорились? – спросил я, когда мы вышли из Гнезда.
– Чего? – возмутилась Наська.
– О том, что ты меня уведешь.
Мелкая глянула искоса и явно обиделась.
– Мысли читаешь?
– Я не умею читать мысли. Я могу понять характер… в общем, это другое. Нет, ничего не читаю. Понял, и все.
– Договорились, – призналась Наська. – Дарина сказала, что минутку с тобой поговорит, а потом я тебя должна увести. И так дольше ждала…
Минут пять мы шли молча. Вечерело, включились фонари. На Тверском бульваре, возле детской площадки, стояла тележка с мороженым. Нечестный прием, как по мне! Впрочем, детей на площадке почти и не было, лазила по сетчатым стойкам пара малышей, а в основном скамейки занимали пенсионеры: поодиночке и парочками. Они и были основными потребителями сладкого.
– Это неправильно, – решила Наська, глядя на пенсов. – Купи мне мороженого. Самого красивого! Себе тоже можешь…
Я заплатил за круглую разноцветную шайбу, зажатую между хрустящими вафлями, а себе взял обычный стаканчик с пломбиром. Мы сели на скамейку.
– Рассказывай, – вгрызаясь в мороженое, сказала Наська. – Что твой Высший говорит?
– Ничего. Я вроде как должен сам понять его смысл.
– Что тут сложного? – Наська глянула на меня с возмущением. – Ты что, не понимаешь?
Я пожал плечами.
– Ты защитник.
– Уже нет, это после второго Призыва…
– Балда. Ты им был даже до первого! С самого начала. Когда пошел в Гнездо с Даринкой. Когда с гвардейцами дрался. Когда от наших защищал.
– Да какой я защитник!
– Такой. Это твой смысл, понимаешь?
– Наська, ты понимаешь вообще, сколько я народа положил? – спросил я жестко. Нельзя, конечно, так с десятилетней девчонкой, пусть она и прожила большую часть своей жизни в Изменении… Но какая-то злая обида внезапно проснулась во мне. – Я защитник? Убивал Измененных, гвардейцев, тэни, лавли, людей… всех, кто на пути стоял. Я их даже жрал, понимаешь? Ням-ням! Рвал на части! Хороший у тебя братец?
Наська сжала губы, мне показалось, что она сейчас заплачет. Но она замотала головой и ответила с той же жесткостью, что и я:
– А кто говорит, что защитник – добренький? Ты их всех что, просто так убивал, для развлечения? Нет! Чтобы других защитить и спасти. Ты убивал плохих. А защищаешь ты… хороших.
– Все так говорят, – пробормотал я.

– Ну да, можно ничего не говорить и ничего не делать, – сказала Наська. Мороженое начало таять у нее в руке, и несколько капель упали на разноцветную юбку. – Многие так делают, пока их самих не трогают. Ну подумаешь, миллион детей в год превращают в монстров и отправляют воевать…
– Вы не монстры…
– Еще какие! Всем было плевать, лишь бы их не трогали! А ты стал нас защищать!
– Многие вас защищали! Не у всех получалось.
– Потому что они не избранные, у них не было настоящего смысла. Ты его нашел, понимаешь? Это твой Высший, потому что он защищает нас, защищает Землю.
– У Миланы тоже защищает.
– Не так! Он… – Наська запнулась, подыскивая слова. – Он уговаривает всех притереться друг к другу. А кто при этом умирает, ему все равно. Может, это и лучше, чем Инсеки с Прежними, но… но…
Вот теперь она точно была готова расплакаться.
– Мой Высший говорил с Инсеками, – сказал я быстро, чтобы ее отвлечь. – Сказал, что если Высший Миланы победит, то потом погибнут все. Звезды погаснут, целые галактики исчезнут.
Сработало – глаза у Наськи загорелись.
– Вот! Вот! – воскликнула она. – А знаешь, почему? Я догадалась. Потому что придет какой-нибудь супер-Высший из другой галактики. И всех поглотит. Если тебя не будет!
Она наконец-то заметила, что ее мороженое тает, и откусила кусок.
– Теперь все понятно, – продолжала она, торопливо глотая. – Ты защитник. И ты нужен, чтобы защитить всю Галактику от внешних врагов.
– Наська…
– А что не так?
Я задумался. Вспомнил гаснущие звезды.
Блин. А может, и впрямь? Если Высший Миланы сотворит такую галактику, которую легко завоюют Высшие из другой? Ну а почему и нет? Наши Высшие перестанут друг с другом конкурировать, перестанут быть злыми и зубастыми, а тут явится какой-нибудь супер-Инсек из Магелланова Облака…
– Молодой человек…
Я поднял взгляд. К нам подошел один из пенсионеров, вставший с соседней скамейки.
– Это моя сестра, – сказал я на всякий случай. – Мы не ругаемся, мы…
– Кино фантастическое обсуждаем! – поддержала Наська.
– Я вижу, что сестра, – миролюбиво сказал пенсионер. – Одно лицо. У вас из стаканчика мороженое льется на штаны.
И с довольным видом вернулся на свою скамейку.
– Тьфу, ты меня заболтала… – Я отхлебнул из размякшего стаканчика холодной сладкой жижи и бросил остатки в урну. – И не сиди такая довольная, ты тоже себя закапала!
– Я не потому довольная, – сообщила Наська, проглатывая остатки и облизывая пальцы. – Я потому, что «одно лицо». Если я волосы покрашу, буду совсем похожа. Хотя нет, лучше ты крась…
– Да ну тебя, – вздохнул я. – Пошли. Родители волноваться будут.
И мы пошли.
– Ничего, что я их зову бабушкой и дедушкой? – озабоченно спросила Наська. – У меня как-то само получается…
– Ничего.
– Ты скажи, я ведь правильно придумала? Ты защитник, ты самый важный в нашей Галактике!
– Помолчи, – отмахнулся я. – Думаю.
– Ну?
Я вслушался в себя. И покачал головой.
– Нет, Анастасия. Что-то не складывается. Я думаю, если… как только я пойму, кто я и для чего… Высший со мной заговорит.
– А он молчит?
– Как рыба об лед.
Мы дошагали до дома, молча не хуже моего Высшего. Лифт работал, но мы не сговариваясь пошли по лестнице.
– Наська, если бы пришлось выбирать между Инсеками и Прежними, ты бы кого выбрала? – спросил я, остановившись у своей двери.
– Тебя, – просто ответила она.
И побежала вверх по лестнице, по-мальчишески размахивая руками.

Я дождался, пока ей открыли дверь и послышался рассерженный голос мамы вперемешку с насквозь неискренними объяснениями Наськи.
А потом тихонько вошел к себе и запер замок.

Ничего мне не хотелось – ни есть, ни спать, ни смотреть телевизор, ни читать книжки. И даже если бы Дарина пошла со мной, ничего бы не изменилось. Ни секса, ни разговоров. Я точно так же лежал бы одетым, только плащ сбросив, на кровати, грыз зачерствевший кусочек сыра, найденный в холодильнике, и вспоминал. Не думал даже, а именно вспоминал.
Ровиан. Чш-чшш-жж. Трисгард.
Родные планеты Высших.
Странно, что люди… ладно, не сами люди, а наши предки, Прежние, оказались так непохожи внешне, но так духовно близки с Инсеками. В этом есть что-то противное, я теперь никогда не избавлюсь от мысли, что в каждом человеке таится многоногая тварь.
А вот поросята-тэни молодцы.
Все-таки их Высший получше будет.
Почему?
Я вспомнил странный памятник Соразмерности – мужчину и женщину, которых маленький Карир твердо считал «одинаковыми». Не потому, что не понимал половых различий, там одного телосложения и одежды хватило бы увидеть разницу. Нет, он считал их одинаковыми на каком-то другом уровне, по внутренней сущности, которая важнее внешности.
Ну да, наверное, в силу такой вот «соразмерности» порожденный тэни Высший и может находить компромиссы для разных культур.
Я не такой. Мне нравятся тэни. Даже их женщины, когда первая оторопь проходит, привлекательны. Но я четко знаю, что они – это они, мы – это мы.
И это вовсе не значит, что я считаю людей лучшими, превосходящими всех и вся.
Вовсе нет. Но мы все-таки другие, и это здорово.
Я завозился, сбросил, не вставая, кроссовки. Раздеваться не хотелось. А спать глупо. Мне не нужно высыпаться перед боем: когда Высший проявится во мне, бодрость сама придет. Лучше подумать.
Совсем скоро все мы сойдемся в схватке, я ни секунды не сомневался.
Придут Инсеки, не зря мой старый знакомый клонировал себя и отправил пообщаться со мной перед смертью.
Придут Прежние, я сам их позвал.
…Впрочем, Инсеков тоже я пригласил, когда был Высшим. Не напрямую, конечно, тогда бы они не пришли. Но я сделал все так, чтобы они пришли.
Я нахмурился, глядя в потолок.
Мой Высший этого хотел.
Он сплел паутину и даже сам в нее забрался ради того, чтобы свести всех местных игроков в одной точке и в одном времени. Это был его план.
А ведь есть и другие Высшие. Тот, кого породят Продавцы, – он тоже не упустит возможности понаблюдать.
И еще какие-то, неизвестные мне.
Неужели они пропустят такое редкое событие?
Да ни за что на свете!
Другие… может быть, дело в них?
Измененные считали, что все Высшие одинаковы, но они черпали информацию от Инсеков. Наверняка есть различия. Это у людей и Инсеков схожие методы, разумные и безжалостные. У других наверняка есть нюансы.
Ну и что это мне дает?
Ничего.
Не мог же мой Высший всерьез надеяться, что он соберет всех конкурентов в кучку и передавит – в лучших целях, конечно же! Даже если он объединится с Инсеками и Прежними, всех сразу не победить, Высшие примерно равны по силе, это я уже понимал.
И все-таки мне показалось, что я начал что-то нащупывать. Какую-то слабую ниточку к правде, к тому, что замыслил Высший… к тому, кем и чем он является.
– Кто ты? – спросил я.
Нет, ответа не было.
Только ироничная мысль: «А кто ты?»

– Я Максим Воронцов, – сказал я упрямо. – Я человек. Надеюсь, неплохой, но человек. Я не умею всех любить, я знаю, что все разные и не все достойны любви.
«Кто ты?»
– Я твоя основа, – произнес я в полутьму. – Но не знаю, почему.
«Тогда меня не будет. И ничего не будет».
Вот так я с Высшим еще не разговаривал. Я уже не сомневался, что это он, что это его голос звучит во мне. Но теперь он не приказывал, не требовал, он говорил негромко и спокойно, как я с Кариром, когда мы слились.
– Ты уже есть.
«Я есть, и меня нет. Я лишь вероятность. Шредингеровский Высший. Квантовая пена на ткани бытия».
– Как это?
«Слишком сложно. То, что я говорю тебе, лишь аналогии».
– Почему ты не можешь просто объяснить? Кто я, кто ты? Что за опасность грозит всему живому, если Милана победит?»
«Если я скажу, возникнет парадокс. Слишком значительный даже для меня. Я исчезну, а может быть, исчезнет вся Вселенная».
Я подумал.
– Но ты вмешивался.
«Защищая себя, а не помогая себе родиться».
– Защищая… Наська думает, что ты защитник.
Высший молчал. Тогда я собрался с духом и спросил:
– Лихачев жив?
«Ты мог бы отправить его на смерть?»
– Нет!
«Значит, он жив».
– Верни его!
«Вернул».
– А все остальные?
«Большая их часть не была достойными людьми».
Да уж, хорош защитник…
Я лежал и разговаривал с голосом в своей голове. Обычно такие вещи – повод для визита к врачу, но в моем случае все еще хуже. Как там спрашивал Андрей, «голос изнутри или снаружи»? В моем случае изнутри. Интересно, что хуже…
– Мне всегда помогало поговорить с Андреем, – сказал я, размышляя. – Он как-то так читает стихи, что начинаешь понимать…
Высший не ответил.
– А в этот раз ничего не прочитал, – продолжил я. – Даже Агнию Барто…
Хотя нет! Он же прочитал пару строчек! Этого, индуса… Тагора или Тахира…
Я прошептал, слова вспомнились неожиданно легко:
– О, всеединство разума, духа и бренной плоти!
Тайна жизни, которая в вечном круговороте…
Высший молчал.
Сердце застучало в груди. Я сглотнул пересохшим ртом. И начал дальше читать стихи, которых никогда в жизни не слышал:

От века не прерывается, исполненная огня,
В небе игра волшебная звездных ночей и дня.
Вселенная воплощает тревоги свои в океанах,
В скалах крутых – суровость, нежность – в зорях багряных.
Сплетенье существований, движущихся повсюду,
Каждый в себе ощущает, как волшебство и чудо.
Сквозь душу порой проносятся неведомых волн колебания,

Каждый в себе вмещает вечное мироздание…
[25]

Высший молчал.
Мне должно было стать легче?
Я должен был понять, что и к чему?

Да что «неведомых волн колебания», что «квантовая пена» – это лишь слова, они ничего не объясняют!
– От века не прерывается исполненная огня, в небе игра волшебная… – произнес я.
Высший молчал.
– Я знаю, кто я такой, – прошептал я. – И кто такой ты.
Будто что-то вздохнуло во мне: огромное, могущественное и одинокое.
– Не бойся, – сказал я. – Теперь мы вместе. Мы справимся. Будет трудно, но справимся. Только… не смей больше никогда меня отключать! Ясно?
«Договорились», – ответил Высший.
Я встал. Глянул на скомканный плащ, увидел информационный канал, тянущийся в глубины космоса – к коллективному разуму Продавцов. Погрозил плащу пальцем.
На том конце запаниковали. Плащ вздрогнул и попытался уползти под кровать. Я дотянулся, набросил его на плечи. Пусть смотрят.
Я переместился на два этажа выше, в свою старую детскую, теперь отданную Наське. Она сидела на кровати при свете бра и, высунув язык, красила ногти на ногах ярко-алым лаком.
При моем появлении Наська одновременно вытаращила глаза, попыталась спрятать пузырек с лаком и негодующим шепотом спросила:
– Тебя стучаться не учили? Между прочим, это моя комната, а я – девочка! Вдруг я была неглиже?
– Я же знал, что нет, – садясь на край кровати, ответил я. – У мамы лак сперла?
Наська кивнула и с гордостью произнесла:
– «Шанель»! Он засох, я его сама ацетоном развела… Ты сейчас Высший?
– Раз уж появился из ниоткуда… – уклончиво ответил я.
– Высший, – кивнула Наська. С гордостью сказала: – У меня подруга – Высшая, и брат – тоже Высший. Во мне обязательно прорежутся неслыханные таланты, вот увидишь… Ты защитник?
– Ну… более-менее… – опять ушел я от ответа.
– Колись! – потребовала Наська.
– Не скажу.
– Я сейчас позову ма… бабушку!
– Не позовешь, тебе за лак попадет, – усмехнулся я. – Ацетоном все провоняла, где ты его вообще взяла? Окно открой!
– Кто ты?
Я загадочно улыбнулся, поцеловал ее в лоб. Сказал:
– В любом случае ты помогла, спасибо. Ложись спать.
И переместился очень, очень далеко от Медвежьего переулка, Москвы и вообще родной земли.
Собственно говоря, земли здесь никакой не было.
Только вода.
Зато здесь был день и ярко светило солнце.
Я прищурился. По привычке, конечно. Не думаю, что меня сейчас ослепил бы свет ядерного взрыва.
Если бы я был географом, сказал бы, что нахожусь в точке с координатами 48 градусов 52 минуты южной широты и 123 градуса 23 минуты западной долготы.
Будь я романтичным географом, сказал бы, что нахожусь в точке Немо – самом удаленном от людей месте на планете Земля. До ближайшего островка под названием Дюси было две тысячи шестьсот восемьдесят восемь километров, впрочем, даже этот остров являлся необитаемым.
Будь я космонавтом из прежних времен, пролетал бы над этой точкой на высоте четыреста километров и грустно вздыхал, глядя на просторы Тихого океана, – в точке Немо люди затапливали космические станции, грузовые корабли и спутники.
Будь я биологом, отметил бы, что в этом месте крайне мало живности. Океан на самом деле очень густонаселен, но из-за кольца течений в точке Немо мало пищи, и здесь не любят селиться ни рыбы, ни акулы, ни киты.
Будь я литературоведом, то отметил бы интереснейший факт: именно в этой точке писатель Лавкрафт когда-то поселил космическое чудовище Ктулху, спящее на дне океана в ожидании момента, когда оно сможет разрушить мир.
Я всего лишь Максим Воронцов, но во мне сейчас был мой Высший, и я знал все эти забавные факты.
Тихий океан вовсе не тихий, но сейчас он был спокоен. Я стоял на воде, что совсем не сложно, если изменить закон поверхностного натяжения, и смотрел в темную чистую бездну. Подошвы кроссовок оставляли на воде рубчатые, медленно затягивающиеся

отпечатки. Пахло солью, но почти совсем не пахло йодом, как на берегу. Нагнувшись, я коснулся воды.
Холодная…
Кстати, Ктулху там, в глубине, действительно был. Боевая биоформа, в которой воплотился один из Высших еще в предыдущие циклы существования, очень и очень давно, во тьме веков. И это на самом деле его имя – если попытаться озвучить его человеческим голосом.
Он вторгся на Землю, сражался с Высшим, который владел нашей планетой до Прежних, проиграл и погрузился на дно в надежде отлежаться и продолжить схватку. Но ему не повезло. Лавкрафт ошибся, Ктулху сдох, его органические части разложились, кристаллические структуры окаменели. Лишь остатки энергетической составляющей угасали до сих пор, временами выплескивая в пространство информацию, которую улавливали особо чувствительные люди.
Покойся с миром, космический монстр, мы теперь и сами чудовища.

Глава девятая

Времени было так много, что я тратил его с толком. Только в цейтноте тянет заниматься ерундой.
Не уходя из точки Немо, я проверил, вернулся ли Лихачев.
Да, вернулся и сидел сейчас совершенно обалдевший, но живой и здоровый, перед отставным генералом. Вместе со всей командой столь же растерянных разведчиков. Похоже, для них время пролетело в один миг. То же случилось и с китайским отрядом. Честно говоря, не вернулись только американцы и бельгийцы. Видимо, в качестве расходного материала для создания монстров-дутиков Высший Инсеков использовал именно их.
Я посетил корабль Инсека. Он и впрямь оказался шаром, а не куполом, глубоко заглубленным в лунный грунт. Там не было никаких признаков жизни, температура внутри упала, содержание кислорода в воздухе тоже. По коридорам ползали два дрона – американский и китайский. Я прошел мимо бесплотной и неощутимой тенью, прежде чем покинуть корабль навсегда.
Потом я проверил окрестности Земли. Не было никаких следов Инсеков, Прежних или Продавцов. Возле Венеры и Юпитера я обнаружил останки двух межзвездных кораблей, погибших в немыслимо далекие времена, но они были мертвее Ктулху. Да и вряд ли Высшим, которые придут к Земле, потребуются корабли.
Но я все же осмотрел древний звездолет, вмороженный во льды Европы. Это было нечто удивительно простое: гигантский цилиндр с фотонным отражателем и термоядерным двигателем. От корабля давно уже остались лишь фрагменты металлических конструкций. Скорее всего, это был автоматический зонд, некогда запущенный амбициозной цивилизацией, немногим превосходящей нынешнюю земную. Удивительно, если вдуматься, – исследовать Вселенную таким примитивным образом!
…В то же самое время я сидел на поверхности океана, раскачиваясь на пологих волнах, и болтал ладонью в воде. Мелкая одинокая рыбка, которую как-то занесло в этот унылый уголок океана, крутилась вокруг и тыкалась в пальцы. Рыбешка была серенькой, очень обычной. Даже как-то обидно в такой дали встретить лишь скучную ставридку.
Как я мог одновременно все это видеть?
Как мог пройти по вымороженным коридорам, наполовину заполненным грязным льдом Европы, одновременно играя с рыбешкой?
Не знаю.
Наверное, Высший позволил мне путешествовать без билета, прячась за его спиной… Пока он занимался своей работой, позволяя мне наблюдать за собой, я мог спокойно подумать о происходящем.
Вселенная – она ведь очень большая. Настолько, что даже Высшему ее всю осознать сложно.
И разум в ней – обычное дело, а не исключение из правил. Разум заложен в самой основе пространства и времени, он такое же свойство природы, как гравитация или деление ядра. Само вещество, сама энергия стремится к тому, чтобы осознать себя. Начать двигаться, расти, поглощать.
Преображать мир.

Это жажда, неутолимая и бесконечная. Жажда познавать, жить, развиваться. Прорастать во времени, оставляя после себя хоть что-то – построенный дом, выросшее дерево, сына или дочь, мелодию или книгу, смешную шутку или удачную фразу. Иногда, конечно, наоборот: Герострат не зря хотел славы любой ценой. Но все это, и хорошее, и плохое – лишь эрзац, заменитель того, что хочется на самом деле.
А хочется вечности. Бесконечного познания. Бесконечной силы. Рухнувшие империи, которые грозились стоять тысячи лет, осыпающиеся пирамиды, которые эти тысячелетия простояли, – все это лишь безнадежный крик в будущее, в вечность, до которой не дотянуться.
С другой стороны – уходящие в нирвану, изнуряющие себя в молитвах и постах, отказывающиеся от еды и воды монахи и святые. Не крик, но шепот, а в основе та же самая попытка прикоснуться к вечности. К абсолюту.
И рано или поздно, то в одном мире, то в другом, происходит чудо.
Возникает и воплощается идея.
Смысл.
Разум придумывает, как бесконечно обновлять биологическое тело. Или перенести сознание в иную форму. Как стать вечным и всемогущим… если получится.
Но в основе-то все равно лежит та древняя безмозглая тварь, получившая первую искру жизни и принявшаяся завоевывать мир. Жрущая, гадящая, плодящаяся и подгребающая под себя все, до чего можно дотянуться.
А значит, чаще всего будут появляться именно они. Рептилоиды… и это смешное слово уместно, потому что каждый из людей имеет общего предка с рептилиями.
Доставшийся нам мозг хранит в себе древнее ядро, отвечающее именно за это: жрать, убивать, размножаться.
И вот эти твари, люди и нелюди, начинают свой путь к вечности. Они очень быстро понимают, что на этом пути не нужны миллиарды. Они выбирают качество, а не количество, оставляя большую часть существовать в заповеднике, генном резервуаре, сокращая население войнами, отказом от размножения (ну не случайно вдруг возникли десятки «полов» и сексуальных практик, которые ведут к вымиранию), а в самом честном случае, как у Инсеков, простой лотереей.
Горстка полубогов начинает развиваться. Родной мир уже не способен дать требуемое. Значит – экспансия. Выжимание смыслов из чужих миров, безжалостное и неудержимое. Столкновение с иными полубогами. И постепенное уменьшение собственной численности, когда проштрафившиеся или слабые поглощаются более удачливыми соплеменниками, со всеми их знаниями, смыслами, мечтами и надеждами.
Потом… потом сингулярность. Высший, собравший знания кучи миров. И каким бы ни было число вобранных им личностей, все равно он сохраняет индивидуальность.
А где-то там, совсем уж далеко во времени, Высшие сходятся в схватке, их число уменьшается… и кто-то один уходит на следующую ступень.
Сколько их всего, этих уровней познания Вселенной?
Я не знаю, мой Высший тоже. Конечна Вселенная или нет, но даже она существует в разных вариантах. Где-то там наша Земля завоевана Ктулху, в нашем мире мертво лежащим на дне. Где-то по ней прокатилась ядерная война, где-то бушуют эпидемии. На ней царят диктатуры, демократии, теократии, коммунизм, все возможные формы правления, и в ходу самые странные обычаи.
Бесконечные миры и бесконечные смыслы.
Сколько уровней у бесконечности?
Но рождаются, конечно, и те смыслы, что позволяют вырваться за пределы жадного рептилоидного сознания. Тогда появляются Продавцы, лавирующие между предсингулярными обществами и пытающиеся возвыситься на достающиеся им крохи, не творя особого зла. А иногда (наверное, совсем уж редко) приходят такие, как Высший тэни, – способные уладить все противоречия и примирить непримиримое.
Это ведь хорошо, да?
Ох, если бы все было так просто…
…Волна плеснула подо мной, рассыпалась брызгами на лице, намочила джинсы и рубашку. То ли излишне любопытная, то ли очень голодная рыбешка вильнула и стремительно ушла в глубину.
Я встал.
Океан должен быть спокойным. Я так хотел.
Значит, я уже не один, и мое желание не единственное.
Небо над головой стало затягиваться тучами. Они сходились со всех сторон света, зарождаясь прямо в чистом воздухе, вначале – легкими белыми перышками, потом стремительно темнели, обретая иссиня-сизый, грозовой цвет. Только на западе, у

самого горизонта, пылало солнце, но и оно становилось тревожным, красным, будто умирающая звезда Росс 128. Море забурлило, волны пока еще боялись приближаться ко мне, но уже пошли валы, заинтересовавшие бы Айвазовского.
В воздухе наконец-то повис йодистый запах, к которому примешалась острая бодрость озона. Над головой громыхнуло, тучи пронзил разряд молнии, очень натуральный, ломаный, как на детском рисунке. Молния шла горизонтально, казалась плоской, фиолетово-белой и очень, очень страшной.
Ну что поделать, девочки – такие девочки. Особенно если в гневе, если считают, что их обманули и предали.
Даже если девочка – Высший.
– Я здесь, Милана! – выкрикнул я и помахал рукой. – Привет!
Но она пришла не сама. Ее отношения с Высшим были еще сложнее моих. Все-таки неродные.
…Молния ударяет с небес, расплескивается о мою голову, стекает в воду шипящими разрядами.
Максим Воронцов сгорел бы дотла. Но я больше не он.
Я снова больше, чем он.
И я вижу Высшего, стоящего на воде передо мной. Он похож на Милану, но он весь энергия и свернутое пространство.
Он пришел биться насмерть, защищая и отстаивая свой смысл.
Этот Высший нравится мне больше других. Не потому, что я принес этот смысл на Землю. Не потому, что он входил в мое сознание и, скажем прямо, помог. Даже не потому, что он принят Миланой.
У людей есть такое понятие – суррогатное материнство. Я не сужу о нем с моральных позиций человека, я не могу позволить себе такой роскоши. Но все-таки любое искажение природы несет в себе зерна проблем.
Проблема Высшего в том, что он родился не там, где был зачат.
Малыш Карир мог бы почувствовать неладное на своем пути. Милана – нет.
Значит, вначале я должен ее победить.
Я парю в воздухе. Не потому, что взмыл над океаном, это океан прогнулся подо мной, я сливаю излишки энергии вниз, в воду, в земную кору. Излучения колотят в меня, я рассеиваю их. Вода расступается, будто сверху на нее давит невидимый гигантский многокилометровый пузырь. Когда вода расходится до самого дна, я вижу останки Ктулху. Он не так велик, как я ожидал, в нем меньше полукилометра длины. Органические ткани сгнили или сожраны земной биосферой, это известковая кукла с хрупкими, местами сломанными щупальцами и конечностями. Несколько энергетических ядер памяти еще тлеют, источая тяжелые медленные мысли. Удивительно, даже этот древний труп убежден, что хотел Вселенной и людям только лучшего.
Да, мы такие.
Я тянусь к Высшему Миланы.
«Нам надо поговорить».
Нет, он уже не хочет разговоров. Он считает их бессмысленными, а то и хитрой уловкой.
Теперь я вижу и Высшего Инсеков. Воплощение похоже на Инсека, вот только циклопических размеров, немногим уступающее Ктулху. Высший балансирует на гребне волны, похожий на серфингиста, придуманного Босхом. Он один.
А еще тут Высший Прежних. Я думал, что он придет в теле Ивана, но Высший выбрал главного Прежнего Земли. Он похож на древнюю старушку с чопорным лицом, в скромной строгой одежде, но при этом в бриллиантах британской короны. В руках у старушки раскрытый зонтик, она летит над океаном, с неодобрением наблюдая за схваткой. Никаких ровианских правителей, Шутов и Императриц, Мира и Отшельника, Иерофанта и Повешенного и близко нет. Вернее, впрочем, сказать, что они все в ней.
Ох уж этот тонкий английский юмор…
С небес обрушивается луч гамма-излучения, проходит сквозь меня и испепеляет скелет Ктулху. Шепот мертвого монстра затихает. Что ж, на Земле станет меньше кошмаров…
«Милана, нам надо поговорить…»
Это очень важно Максиму Воронцову, он верит, что сможет докричаться до ее разума. Ни малейших шансов, разумеется, но я даю ему шанс. У каждого есть свои убеждения и свои ошибки…
На самом деле я знаю, что он делает. Заходящее за горизонт Солнце пять минут назад выбросило гигантский протуберанец. Протуберанец растаял, едва выйдя из фотосферы звезды, превратился в тончайший энергетический луч – и устремился к Земле. Войдя в

атмосферу, луч расширится до толщины спички, он пробьет планету насквозь, но вначале попадет в меня – и выплеснет почти весь свой заряд.
Высшим все равно, откуда брать энергию, но в этом решении есть чисто женское изящество.
Возможно, луч меня убьет.
Теперь я вижу и других Высших. Они не приближаются, они за пределами Земли, где-то рядом с Лунным кольцом, но это им не мешает. Все они хранят в себе память и формы своих основ. Похожие на людей, похожие на насекомых, похожие на кальмаров и драконов, пауков и скатов. Существо, состоящее из электромагнитных полей вокруг микроколлапсара, истекающего энергией. Существо, состоящее из замедленного света. Существо, похожее на гигантскую амебу.
Если они решат вступить в схватку – со мной, с Высшим Миланы, с Инсеками или Прежними, между собой, – вся Солнечная система лопнет, как хрупкое ожерелье. Расколотые обугленные шары планет разлетятся в разные стороны, прежде чем их догонит плазменная волна взорвавшегося Солнца.
Кстати, это вполне вероятно. Схватка двух Высших будоражит и всех остальных. Реальность размягчается, будущее становится все более и более неопределенным, искушение вмешаться растет…
Это не входит в мои планы, и я считаю свой долг перед Максимом исполненным.
Высший Миланы видит мир во всей его сложности и глубине.
А я склонен упрощать.
Первый шаг всегда сложнее всего.
Вселенная превращается в плоскость.
В бесконечную плоскость.
Вся Вселенная – но не Высшие.
Они осмыслили мои возможности и выработали защитные механизмы. Они над плоскостью, вне Вселенной, как и я.
Мне смешно.
Я и не ожидал, что будет так легко.
Я убираю еще одну координату.
Вселенная становится линией.
Часть Высших исчезает, полностью утратив вещественность.
Старушка под зонтиком остается вне линии, кажется, она грозит мне пальцем.
Инсек уплощается, становясь тенью, но не исчезает до конца.
Высший Миланы тоже остается, он знает меня лучше всех.
Инсек и Прежняя что-то делают друг с другом. Я чувствую их противоборство, их боль и ярость.
Скорее всего, они убьют друг друга.
Но, к сожалению, и это не входит в мои планы.
Я убираю последнее измерение, и Вселенная превращается в точку. В ней нет ни пространства, ни массы, ни времени, ни вещества, ни энергии. Это абсолютное ничто – и все вместе одновременно.
Это инфлатонное состояние, как его называют земные ученые.
Меня тоже нет. Я внутри.
И все остальные внутри меня.
Все смыслы мира во мне.
«Слушайте», – говорю я.
Они больше не могут ни драться, ни спорить.
Они вынуждены слушать и смотреть.
Я показываю им всем то, что будет, если Высший Миланы победит.
Гаснущие галактики.
Великое ничто, заполняющее мир.
Кажется, они не понимают. Я чувствую их мысли. Это все то же самое, рептилоидное, оставшееся в разуме даже через миллионы лет, прошедшее через всю вереницу зубастых предков.
Враг!
Нашествие из иных галактик!
Враг из иных реальностей!
Злость, страх и возмущение.
И обращенный ко мне вопрос: так ты сможешь защитить? Ты ведь Защитник?
Странно, что всемогущие существа мыслят так же просто, как маленькая девочка…
– Я Защитник, – говорю я.

У меня нет рта, чтобы произнести это вслух, вокруг вообще нет материи. Но сейчас я представляю Максима Воронцова, мою смешную человеческую основу.
Я буду говорить так, как сказал бы он.
– Я Защитник. Но я защищаю не только людей и не только Землю. Я защищаю всех и вся. Защищаю друг от друга. От того, чтобы победил кто-то один. Вобрал все смыслы – и ушел дальше.
Они задумываются.
– Вселенная бесконечна во времени и пространстве. Вселенная и есть жизнь. Разум рождается и умирает, тянется к вечности – и уходит в нее, когда приходит срок. Уходит, оставляя место для новых миров, для новых разумов, пытающихся познать бесконечность. Конфликтуя, сражаясь, интригуя. Все вы едины перед бесконечностью. Но если придет тот, кто всех примирит, если в вечность уйдут все – Вселенная погибнет. Поглотит сама себя, познает все смыслы, исчислит каждый атом. Нет иного врага, кроме единообразия, кроме абсолюта.
Они начинают понимать.
– Кто-то из вас неприятен мне больше, кто-то меньше, кто-то нравится. Кому-то я могу помогать, с кем-то сражаться. Но я не позволю никому из вас победить и объединить все.
Они сомневаются.
– Я защищаю Вселенную, – поясняю я. – Я предохранитель, не дающий разуму сожрать себя. Я не смогу сражаться со всеми, но…
Они понимают.
– Если придется – я перезапущу мир. Как это сделал мой предшественник пятнадцать миллиардов лет назад. Мне не хотелось бы так поступать. Тем более так рано. Но будет новая Вселенная, новые разумы, новые смыслы. И кто-то всегда будет охранять вечность. Берите то, что можете взять, в этом суть жизни. Но никогда не пытайтесь взять все.
Я жду. Здесь нет времени, здесь ничего нет, но даже мне трудно сдерживать безумный потенциал жизни в себе.
– Я не Защитник, – говорю я, когда они смиряются с неизбежным. – Я Страж.
И я разворачиваю точку.
Бережно и не спеша.
Вначале – пространство. Всего одно измерение. Запускаю время. Разворачиваю линию в плоскость. Вспыхивают звезды – сверкающие отблески звезд.
Я раскрываю мир в трех измерениях и позволяю ему расти дальше по оси времени.
С каждым движением я теряю смыслы. Даже мне-Высшему, Супермаксу, становится непонятным происходящее. С каждым потерянным измерением я становлюсь все глупее и слабее. Я снова обычный Высший, вернувшийся к своей основе.
В последний момент я ловлю выплеск энергии Солнца. Он полон мощи, я трачу ее на то, чтобы скрепить самые крупные обломки Луны обратно, оставив в кольце лишь мелочь, и стабилизировать Землю, не позволив океанам прокатиться по суше.
Над точкой Немо ревет ураган. Уши закладывает до боли, такие сейчас перепады давления.
Старушку с зонтиком давно унесло. Инсек скрывается, взмахом лапы открыв перед собой экран. Высшие один за другим исчезают из Солнечной системы, в иные пространства и времена.
Меня болтает ветром, плащ хлопает, словно крылья, его бы сорвало, не цепляйся он за мои плечи. Милана возникает передо мной, я чувствую, как ее Высший собирается уйти.
– Я хотела, чтобы всем было хорошо! – кричит Милана.
Она выглядит совершенно обычно, в джинсах и блузке, только вот обычные девушки не летают по небу над океаном.
Я беру ее за руки. Мы парим в центре бури.
– Знаю! Но так не бывает! – отвечаю я.
– Мне жаль!
Кажется, это говорят сразу и Высший, и она.
– Мне тоже!
Ее Высший исчезает, уносится в будущее.
А следом я ощущаю… я ощутил свое тело и тяжесть земного притяжения.
Мы падали в бурлящие волны, в стремительно заполняющуюся водой исполинскую воронку.
Я понял, что остался один. Супермакс ушел!
Только что я был всем мирозданием, а сейчас утону в обычной соленой воде!

– Прости! – крикнул я.
И понял, что это будут последние мои слова перед ударом.
А в следующий миг крепкие рыжие лапы обхватили нас обоих.
– Вы позволите? – спросил Продавец.
Порывы урагана сорвали с него капюшон и смешно прижали к голове острые лисьи уши.
– Если совместное самоубийство не является вашим желанием, то я бы мог нас куда-то перенести, – произнес Продавец. – За небольшую плату, конечно. Может быть, хороший гринк? Мое вероятностное существование окончено, и я должен соблюдать правила…
Бурлящая поверхность океана приближалась, но уже куда медленнее.
– У меня нет кристаллов! – выкрикнул я. – Авансом можно?
– К сожалению, нет!
– Годится? – Милана, извернувшись, сорвала с шеи цепочку. На ней болтался в тонкой оправе крохотный фиолетовый кристалл.
– Не лучший вайкр, – вздохнул Продавец. – Но… в надежде на будущее сотрудничество…
И буря вокруг исчезла.
Мы стояли рядом с Комком в Леонтьевском переулке.
В Москве было раннее утро – лучшее время суток, если вам не надо никуда спешить.
– Это было впечатляюще, – сказал Продавец. – В очень упрощенной форме наш Высший сообщил нам суть происходящего… Откуда у вас кристалл, Милана?
– Первый, который я нашла, – ответила Милана растерянно. – Макс меня учил… я кристалл оставила на память… о нем.
– Очень поэтично, – решил Продавец. По-собачьи потряс головой, разбрасывая брызги. Попало и на нас, но я все равно был мокрый с головы до ног, как и Милана.
От стены Комка с мягким хлюпаньем отвалился кусок, упал на асфальт и стал таять, будто масло на сковородке.
Мне тоже хотелось упасть и растечься по земле. Ноги подкашивались.
– Ретрансляторы разрушены, необходимость в магазине отпала, – вздохнул Продавец. – Ничто не вечно, верно? Кроме Вселенной, конечно.
– Кроме жизни, – поправил я его.
Продавец кивнул.
– Разница невелика… Буду рад снова встретиться, при менее драматических обстоятельствах, Страж.
– Мой Высший ушел, – заметил я.
– Что с того? Они всегда уходят. А вот вам надо что-то решать, девушка.
Милана кивнула.
– Я уже решила.
– Тогда не говорите, – попросил Продавец. – Люблю сюрпризы… Все, простите, Комок развалится через девять минут, а мне еще надо активировать механизмы эвакуации. Земля хорошая, но у нас свой путь.
– Это важно, чтобы путей было много, – согласился я.
Продавец кивнул и вошел в Комок, бережно прикрыв за собой покосившуюся дверь.
– Идем в Гнездо, – сказал я Милане. – С ног валюсь!
– Максим, мне надо…
– Знаю, но потом. – Я взял ее за руку. – Пошли! Даринка с ума сходит, наверное.
Но знаете, она не сходила с ума.
Она спала.
Может быть, Дарина верила в нас больше, чем мы сами?

Эпилог

Говорят, Высшего нельзя призвать.
Даже если ты основа, если когда-то породил его смысл.
Высший приходит, лишь если это нужно ему самому.
В моем случае – если это нужно Вселенной.
– Это правда Трисгард? – спросила Милана с сомнением.
Мы стояли в саду, рядом с маленьким коттеджем почти земного вида. Чем мне нравятся тэни – они не слишком любят жить в многоквартирных домах.

– А ты присмотрись к деревьям, – сказал я. – К птичкам. Вон, на дереве…
– Она мохнатая! – с восторгом прошептала Милана. – На ней шерсть!
Дарина, которую я обнимал (кажется, я делал это уже слишком долго – и на Земле, и когда вернулся мой Высший и открыл экран, и когда мы в него вошли), энергично замотала головой:
– Это перья, но так сложилось эволюционно, что выглядят будто шерстинки…
Милана посмотрела на нее с уважением.
– Ты изучала их биологию?
– Не специально. Но я же учитель.
…Вернувшись в Гнездо, мы вымылись. В разных кабинках, если вам интересно. Переоделись.
Выспались и поели.
А потом Милана сказала, что она готова.
И мой Высший пришел, чтобы перенести нас на Трисгард…
– Он за домом, – сказала Милана напряженно. – Играет.
– Чувствуешь? – спросила Дарина.
– Ага.
– А твой Высший? Он готов?
Милана пожала плечами. Мы тихонько обошли коттедж и обнаружили идиллическую картину. В тенечке на скамейке тихо спала старая тэни (я искренне порадовался тому, что с определенного возраста их женщины переставали обнажать груди). Рядом с ней стоял полупустой кувшин с чем-то розовым, лежали какие-то игрушки и скомканный носовой платок. Рядом со скамейкой, в песочнице, маленький Карир в трусиках и цветастой панамке сосредоточенно возился с совочком и формочками – играл в куличики.
Я сразу же приложил палец к губам. Но Карир не испугался. Он вообще не смотрел ни на меня, ни на Дарину.
Только на Милану. Как и его двойник в иной реальности.
Мы с Дариной остановились.
А Милана подошла к песочнице. Карир встал и серьезно посмотрел на нее.
– Здравствуй, – сказала Милана. – Ты когда-то потерял. Но это твое.
Я не знал, как это будет. Я вообще не понимал, как можно передать усвоенный смысл. Видимо, это сделал ее Высший.
Милана протянула руку. На ладони сверкнул кристалл – прозрачный, чистый, ослепительный, будто звезда.
Маленький тэни бросил совок. Взял кристалл, очень бережно.
И тот исчез в его пальцах.
Тому, кто создал смысл, не надо закачивать его в кровь. Он и так его.
– Карир… – сказал я, подходя и наклоняясь над ним. – Он твой. И он очень хороший. Но ты все равно не должен объединять всех. Мир умирает, когда в нем нет конфликтов.
Беловолосый малыш внимательно посмотрел на меня. Потом шкодливо улыбнулся. И, быстрым движением засунув палец в рот, мазнул им меня по лбу.
– Да тьфу на тебя, – сказал я. – Стараешься тут, Вселенную спасаешь… Умей остановиться вовремя!
«Еще посмотрим», – пронесся у меня в голове ехидный ответ.
Карир сел и, утратив к нам интерес, принялся копать песочек.
Нет, я почти уверен, что, если Вселенной когда-то настанет конец и ее придется перезапускать, – так это не по злой воле, а из чьих-то наилучших побуждений.
– Ты как? – спросила Дарина с тревогой.
– Ну не знаю, – Милана развела руками. – Если честно… Стало легче.
– Не важно, кто из нас основа, – попытался я утешить ее. – Уверен, мы будем вместе! В будущем.
– Даже не сомневаюсь.
Мы тихо обошли коттедж, оставив основу Высшего под бдительным присмотром бабушки.
– Как мы вернемся? – спросила Дарина.
– Может, мой Высший нас вернет? – Я пожал плечами. – Или отправимся в Форт. Тут ведь есть экраны, попросим отправить нас на Землю. У нас будет много дел, но вот что…
Девчонки выжидающе смотрели на меня.
– Я знаю хороший ресторан поблизости, – сказал я, улыбаясь. – Тем более, с людей тут денег не берут, и я знаком с хозяином.
Дарина с Миланой переглянулись.
И согласились, что это хорошая мысль.
У нас, конечно, масса дел на Земле. Мне надо разобраться со своими способностями основы и поступить в университет – для межзвездных дипломатов скоро будет много

работы. Дарина хочет серьезно заняться адаптацией Измененных к человеческому обществу. А Милана мечтает разобраться с механизмом мутаций, чтобы люди могли их использовать, а Измененные и гвардейцы – вернуть себе человеческий облик.
Дел очень много!
Но все можно успеть, когда знаешь, что впереди – вечность.

Москва, февраль – июль 2022

Андрей Кощиенко
Черт-те где

Выражаю благодарность Андрею Буревому за разрешение использовать элементы оригинального мира, воссозданного в цикле его романов «Охотник»

На севере дальнем, средь белых снегов
Родится способный снять с мира покров.
Пришедший из мрака со светлой душой,
Он сделает выбор, сверяясь с собой…

Мир Далор

Бассо эль Эгардо

– Шарехсах!! Шарехсах!! Ий кет то орел дрон!! – Невысокого роста паренек в черном балахоне радостно скакал вокруг сияющей на полу пентаграммы.
Я в онемелом изумлении взирал на него изнутри. Где я? И что случилось? Меня что, призвали? Вот этот мелкий паршивец? Сихот меня подери! Надо мной ведь теперь весь Эсферато ухохатываться будет! И шутить даже не придется! Стоит только на глаза попасться… Проклятье! Кто он такой и чего ему от меня нужно? Я откинул назад голову и неожиданно коснулся затылком крыльев. Сихот, я в истинном облике! Я глянул на себя вниз. Да, так и есть – чешуя, когти и еще крылья… А вот это уже не смешно! Вляпаться самому и засветить всех – дополнительный позор… Значит, необходимо по-быстрому прибить мага и валить отсюда…
– Порехот ма! Порехот ма! – Вызвавший меня маг перестал бегать вокруг пентаграммы и, встав за пюпитр с лежащей на нем открытой книгой, начал заунывно произносить одну и ту же фразу: – Порехот ма!
Ну как и есть придурок! Демона вызвать он сподобился, а подумать о том, на каком языке с ним разговаривать, видно, уже мозгов не хватило…
– Ку! – Я присел, распахивая крылья и раскидывая руки с выдвинутыми когтями в стороны.
– Салик! – испуганно возопил паренек, шарахаясь назад.
Змееныш… Дай мне только до тебя добраться, такой Салик тебе будет! Я двинул вперед, проверяя прочность пентаграммы. Крепко смастрячил, Сихотово отродье!
– Порехот ма! Порехот ма! – снова забубнил паренек, осторожно выглядывая из-за пюпитра. Я почувствовал, как во мне начала подниматься волна злобы. Только вот впасть в ярость мне сейчас не хватало!
– Гарахаа!! – Я заревел, пытаясь сбить поднимающуюся во мне алую волну гнева.
– Салик! – Парень полетел на пол вместе со своей книгой.

– Зарраза! – Я неожиданно ощутил волну страха, пришедшую от упавшего. Что? Он не поставил ментальный щит? Или тот с него слетел? Ну точно придурок! Я чуть повернул голову, присматриваясь внутренним взором к эфиру. Есть! Вот он! Ярко пульсирующее разноцветное пятно. Судя по обильным переливам красного цвета – индивид с садистскими наклонностями… Хотя чего еще ожидать от некроманта? Вон как темные полосы закручиваются…
– Че те нужно, придурок? – задал я вопрос, сцепившись с сознанием мага.
– Ой! Ты кто? – испуганно прилетело в ответ.
– Я те щас дам – ты кто? Демона вызывал?
– Вызывал…
– Ну так я тебя спрашиваю: чего надо?
– А как ты мне в голову попал?
– Слушай, мое терпение не безгранично. Еще раз повторяю: чего тебе от меня нужно?
– Покорись мне!
– Чего?!
– Признай мою власть над собою и покорись мне!
– Щаассс! Калоши только надену!
– Что?
– Чтобы демон покорился низшему, да еще такому сопляку? Да я тебя на ленточки порежу! – зарычал я и, выпустив когти, начал яростно размахивать руками, показывая ему, как это будет.
Паренек приклеился взглядом к моим когтям, затем как-то странно дернулся, и его взгляд неожиданно стал каким-то стеклянным и пустым.
Чего это он? Да он шиза! – поняв, ахнул я. – Вон и зелень в ментал полезла. Торкнуло, видать…
– Покорись мне! Покорись! – между тем снова начал завывать пацан, приближаясь к пентаграмме с перекошенной улыбкой и растопыренными пальцами.
Не люблю сумасшедших. У них такие мерзкие, хаотично пульсирующие ментальные цвета… По мне так если сразу нельзя убить, то тогда лучше держаться от них подальше. Убежать я не могу, значит, только один выход…
– Покорись мне!
– Облезешь… – Я нахально оскалился в ответ, одновременно готовясь к ментальной атаке на его мозг.
– Ты покоришься мне! Покоришься моей силе! Шагес Рах! – Пацан неожиданно выхватил из складок балахона какую-то дрянь и ткнул ею в мою сторону. В том, что это дрянь, сомнений не было никаких. Меня скрутило от боли так, что, казалось, глаза наружу полезли!
– А-ха-ха! Что, больно, демон? Сейчас будет еще больнее! Шагес Рах! – Некромант опять выкинул в мою сторону руку с сжатой в ней штуковиной. – Шагес Рах!
– А-а-а, гадина! Ну все! Конец тебе! – Видя все в багровом цвете от ярости и боли, я ринулся к мозгу этого маленького чудовища. Убью! На!! Получи!
– А-а-а-а! – завизжал, дергаясь, мальчишка.
– Что, не нравится? Будет тебе щас Шагес Рах по полной программе! На!!
– А-а-а-а! – Мальчишка взвыл еще раз и рухнул на пол.
– А-а-а! – Это уже орал я. Чудовищная сила продолжала скручивать мое тело, не выпуская из линий пентаграммы. Хрум! Хрустнула какая-то кость. Хрум! Хрустнула еще одна. Хрум, хрум, хрум…
А-а-а-а! Он же умер! Почему его магия продолжает действовать? Это была последняя моя мысль, потом осталась только боль… И мрак…

За некоторое время до этого. Там, где собираются боги

– Как глава совета круга, я собрал вас для того, чтобы сообщить, что у нас возникли проблемы… – Толстенький человек, с поблескивающей лысиной, внимательно оглядел сидящих за круглым столом.
– Неужели мир внял нашим молитвам и у нас наконец-то появились проблемы? – с иронией в голосе произнесла женщина в платье, целиком сшитом из тонких черных и белых ленточек.
– Да. Проблемы! – с нажимом в голосе произнес толстячок. – И касаются они, как ни странно, и тебя, Хель!

– Проблемы у богини смерти? Это еще что за ерунда? Какие могут быть у нее проблемы? – удивился сидящий рядом за столом с Хель здоровяк в сверкающих золотых латах.
– Ну… проблемы в большей степени у нас… – после паузы нехотя сказал толстяк.
– Значит, я не ваша? Забавно! – мгновенно отреагировала на его фразу Хель.
– Давайте только не будем опять начинать выяснение отношений. Это невыносимо! – вмешалась юная девушка в белой тунике с обнаженным правым плечом. – Пусть Коин просто расскажет нам, что за причина побудила его собрать нас здесь, – продолжила она.
– Да, хотелось бы узнать подробности… – поддержала ее женщина в зеленом, словно трава, платье, сидящая напротив Хель.
– Подробности? – Коин неспешно оглядел всех, скривился, как от зубной боли, и сказал: – У нас пророчество!
– Забавно… – улыбнувшись краешком губ, чуть слышно произнесла Хель.
– И ничего тут забавного нет! – неожиданно яростно заорал Коин, хлопнув ладонью по столу. – Развели, понимаешь, тут балаган с этими предсказательницами, пророками и провидцами! Все шуточки вам! Развлекаются они! А я вас предупреждал! Говорил вам – доиграемся! И вот вам, пожалуйста – получите!
– Гм… не понял? Ну, пророчество, ну и что? – недоумевая, спросил здоровяк в латах.
– Великое пророчество! Понятно теперь? – продолжая яриться, ответил Коин.
– Может быть, уважаемый бог торговли немного поостынет и расскажет нам о сути пророчества? – спокойно произнесла Хель.
– Да, а то как-то все непонятно, – поддержал здоровяк, пожимая плечом.
– Сейчас вам все станет ясно, уважаемый бог войны! Сейчас всем все станет ясно… – сбавив тон, сказал Коин. – Подробности такие… Пророчество было сделано какой-то монахиней. Причем, хочу отметить, монастырь, где она это сделала, находится под покровительством присутствующей тут богини любви. И говорится в пророчестве ни много ни мало о конце света! По мелочам ваши подопечные, видно, не размениваются, – с ядовитым сарказмом в голосе продолжил Коин, адресуясь к юной красавице в тунике. – Все бы было ничего, не первое предсказание и не последнее, но это неожиданно вплелось в мировые потоки и обрело силу Великого пророчества! Богиня судеб Сатия не может сказать, как такое могло случиться. Впрочем, это меня не удивляет. У нас уже давно стало традицией, по которой никто не может внятно объяснить, что получилось, после того как кто-то поразвлекся, и главное, что делать с этим дальше… Теперь вам все понятно? Если еще кто не понял, то повторяю – у нас есть действующее Великое пророчество о конце света! Уяснили?
– Уяснили, – кивнул головой бог войны. – Непонятно только, почему столько шума по этому поводу?
– Шума?! Развоплощение – это не повод для шума? Или ты устал и желаешь уйти, – пригнувшись к столу, зашипел в сторону бога войны Коин. – Желаешь?
– Не, не желаю! – поспешно ответил тот, испуганно отодвигаясь от стола.
– А если не желаешь… – Закончить фразу Коин не успел.
– И чем же будет вызван конец света? – перебив его, спросила Хель.
– Избранный снимет завесу…
– Завесу? Между моим миром и миром живых?
– Вы поразительно догадливы, госпожа Хель!
– Я больше не знаю никаких завес в мире, которые стоили бы хоть какого-то внимания, – ответила Хель. – Интересно, а как ему это удастся? Даже я не в курсе, как это сделать, а он, значит, придет и снимет? Хотелось бы мне это увидеть!
– Боюсь, что мы все это увидим, – ответил бог торговли.
– Какой ужас… – тихо промолвила богиня любви и с неприязнью посмотрела на Хель.
– А в чем проблема-то? Соберем армию, устроим небольшую войнушку… А? – снова влез бог войны.
– Войнушку? Небольшую? Ты хоть представляешь, сколько у нее там накопилось? – снова взъярился Коин. – Да они тут всех за раз сожрут! И вякнуть никто не успеет! Да, Хель?
Все сидевшие за круглым столом с невольным испугом уставились на богиню смерти. Та ответила загадочно – неопределенной улыбкой.
– И что тогда будет? – растерянно спросил бог войны.
– Что будет, что будет! Попробуй представить себя без своих верующих! Тогда и поймешь, что будет! – зло ответил ему Коин.
– Так ведь это… Да я… – Неожиданно бог войны побагровел и заорал: – Да я ее!
– Минуточку, – спокойно сказала Хель, поднимая вверх правую ладонь, – минуточку! Дорогой Марсус, ваша ярость явно не по адресу. Не я придумала это пророчество, и не я буду снимать завесу. Хочу еще заметить, в том, что у меня огромное число подданных, есть

и ваша заслуга. Вы просто неутомимы в организации новых войнушек и побоищ. А в них, знаете ли, умирают…
– Зря смеешься, Хель! Ты ведь за нами пойдешь… только позже – неожиданно спокойно сказал Коин.
– Да? С чего бы это? – иронично хмыкнула та.
– Сама подумай! Ну вот прикончат твои всех живых. Но ведь после этого больше никто к тебе за завесу не придет. Дальше-то что делать будешь? Со своими сидеть? Они тоже не вечные. Ну высосешь ты их всех в конце концов. А других не будет! Так что потом отправишься ты вслед за нами, – ухмыльнулся Коин.
– Там надолго хватит, – приподняла уголки губ в улыбке Хель.
– Не стал бы на твоем месте на это рассчитывать. Когда эта катавасия начнется, верующие попросят у нас защиты и помощи. И мы не сможем не откликнуться, ибо просить будут все как один. И младшие боги тоже в стороне не останутся. Так что мы будем все – против одной тебя. Подозреваю, что всех твоих нам не положить, но ощипать – ощиплем. До костей. Может, и тебя успеем… – Коин постарался воспроизвести на своем лице улыбку, – Хель.
За столом воцарилась нехорошая тишина.
– Это угроза? – через некоторое время спокойно спросила богиня смерти, чуть наклонив голову вправо.
– Нет, ну что ты! Я просто объясняю возможный путь развития событий.
– Возможный… – не торопясь произнесла Хель, так, словно ей нравился вкус этого слова. – У тебя что, как всегда, есть еще один вариант?
– К сожалению, ничего конкретного на этот раз предложить не могу. Разве что… Поговори ты с ним! А?
– С кем? С избранным? – В голосе богини прозвучало неподдельное изумление.
– Мугу… – уныло промычал Коин.
– Великое пророчество править? Да ты что! Ты знаешь, во что мне это обойдется?
– Ну а кто еще? Только ты это и потянешь. Да и касается это тебя…
– Касается, как я уяснила, всех, а насчет – кто еще, пусть вон богиня жизни или любви этим занимается! Это по их профилю, да они тут, кстати, недавно хвастались, что почитателей у них побольше, чем у меня…
– Ну мало ли чего они там говорили! Не смогут они… Нет у них столько, сколько у тебя… – безнадежно махнул рукой Коин.
– Значит, мне, богине смерти, предлагается спасти мир? Забавно…
– Ну а какие еще варианты? Больше никаких. Правда, если кто еще чего предложит… – Коин без особой надежды взглянул на сидящих за столом.
– Вот сама видишь. Только ты! – через несколько секунд провозгласил он, правильно интерпретировав растерянные взгляды присутствующих.
– А с чего ты взял, что я вообще буду чего-то делать? Может быть, я давно мечтала стать владычицей мира?
– Хель, не стоит так шутить…
– Ты думаешь, это шутка?
– Ну, Хель, ну прекрати! Ну какого мира? Кто тебе в нем кланяться будет? Твои только. Они тебе и так кланяются. А больше никого не останется. Даже нас! Тебе ведь и поцапаться будет не с кем. Ты ведь помрешь со скуки. Сама помрешь!
– Да? Ну… может быть… А что я с этого получу?
– Хель, это уже просто невыносимо! Я бог торговли. Я! Это мне положено торговаться, а не тебе. Ну чего тебе не хватает? Моя фантазия просто отказывается работать, когда я пытаюсь представить, чего у тебя нет. Или я неправ?
– Неужели ты думаешь, что я задарма буду для всех таскать каштаны из огня?
– Я просто не представляю, что тебе предложить!
– Значит, задаром?
– Ну хорошо, хорошо… Скажи, чего ты хочешь? – сдался Коин.
– Чего я хочу?.. Я хочу… – задумчиво приложив к левой щеке пальцы, протянула Хель и замолкла, задумавшись.
За столом противненько захихикали. Похоже, кто-то из богинь.
– Свои условия я сообщу чуть позже! И это будет дорого! – услышав хихиканье, громко заявила богиня смерти.
– Хорошо, мы согласны, – устало сказал бог торговли, – только сделай что-нибудь. А там разберемся…
– Ладно, договорились. – Хель обвела всех взглядом своих прозрачных глаз. – Надеюсь, это будет весело. Хотя бы для меня…

Бассо

Возвращение в сознание было быстрым и ярким, подобно вспышке. Бац – и я нахожусь посреди чего-то белого без верха, без низа, без стен. Ровный белый свет со всех сторон. Недалеко, на стоящем на возвышении кресле с высокой спинкой восседает женщина с ослепительно-белыми волосами и холодным красивым лицом. На ней какое-то непонятное платье из многочисленных черных и белых лент. Кто это? Низшая? Тут мои глаза встретились с ее прозрачными глазами, и я вздрогнул. Низшая? Ну уж дудки. Похожий взгляд я видел только у повелителя!
– Приветствую тебя, прекраснейшая! – Я, не раздумывая, преклонил колено.
– Прекраснейшая? Забавно… Хотя приятно осознавать, что воспитание оно и невесть где воспитание.
Не понял… Невесть где это где? Ладно, потом. Продолжаем разговор!
– Будет ли мне позволено узнать, с кем имею честь беседовать? – спрашиваю я.
– Хель. Богиня смерти.
– Богиня! – Я низко нагибаюсь к полу, совершая поклон высшего уважения. В таком положении жду ее реакции. Мысли в это время стремительно несутся в голове – Богиня! Сама богиня! Причем смерти! Я что, умер? Если да, тогда почему у врат смерти меня встречает чужая богиня? А где Сатос? Странно… Умерших должен встречать Сатос. Откуда она вообще взялась эта Хель?
– Встань!
Я послушно разогнулся и взглянул на Хель. Богиня, чуть склонив голову, продолжала меня разглядывать. В уголках ее губ была заметна легкая улыбка.
– Кто ты такой? – после небольшой паузы спросила она меня.
– Позвольте представиться! Бассо эль Эгардо, младший сын князя д’Эгардо из дома Изменчивых! – И я ловлю себя на том, что снова совершенно автоматически делаю церемониальный поклон. М-да, крепко же папочка вколотил в меня придворный этикет!
– Дом Изменчивых? Где это?
– Мир Эсферато, богиня!
– Никогда не слышала о таком.
Да? Если богиня смерти не слышала о Эсферато, то куда же меня занесло? Неприятное предчувствие кольнуло мое сердце. Молча таращусь на Хель, пытаясь понять, как такое может быть.
– Откуда ты здесь?
– Меня подло завлекли в пентаграмму призыва… – начинаю было я.
– О, эту часть я знаю, – сделав отрицательный жест кистью руки, перебивает меня Хель. – Меня интересует, откуда тебя в нее призвали? С Эсферато?
– Нет, богиня… – Я торопливо прикидываю, о чем можно трепаться, а о чем нужно держать язык за зубами. Не рассказывать же первой встречной богине все тайны дома! – Я путешествовал… Я был в другом мире… – осторожно отвечаю я.
– Как интересно! Твой дом известен как дом великих путешественников?
– Нет, великая! Мы знамениты в основном другим… – Сихот, как бы это объяснить?!
– И чем же?
– Мы… мы известны в Эсферато своими шутками, богиня!
– Чем? – с изумлением в голосе переспросила та.
– Шутками… – повторяю я, ощущая себя слегка кретином. Понимая, что, услышав столь неожиданное признание, Хель от меня без подробностей не отстанет, начинаю объяснять ей нюансы нашей жизни, тщательно подбирая слова. Про то, что у нашего повелителя порой бывают приступы черной ипохондрии, и тогда входить к нему осмеливается только мой отец – темный князь д’Эгардо, личный шут его высочества. Что в Эсферато живут долго, некоторые до нескольких тысяч лет, и все, что может вызвать эмоции в тысячелетней душе, ценится дороже кристаллов душ. Потом, ведь шутки тоже бывают разными… Прожить несколько тысяч лет для того, чтобы твоя жизнь закончилась шуткой? Большего позора в Эсферато, пожалуй, не было. Некоторые просто из чешуи вон лезли, пытаясь не сдохнуть, когда до них доходило, что их смерть будет смешной… Некоторым это порой удавалось. Однако шутки нашего дома всегда славились оригинальностью.
Поэтому дом Изменчивых был одним из могущественных в Эсферато. С нами конкурировали всего несколько домов – Разрушителей, Темных клинков, да и, пожалуй, дом Золотых. Но они обладали чистой силой и мощью. Никакого изящества. Все это я, как мог, постарался объяснить богине.
– Смерть – шутка? Однако…
– Дело в том, что у нас… – снова начал я.

– Не продолжай… Я тебя прекрасно поняла. Скажу, что в твоем доме – знатные умельцы, – усмехнулась Хель.
– Благодарю, богиня. – Делаю благодарственно-уважительный поклон.
– Только мне никогда и в голову не приходило, что существуют демоны, основной доблестью которых является удачная шутка.
– О нет! Это не единственная наша доблесть. Скажем так – она одна из многих! – ответил я снова с полупоклоном, невольно копируя интонации отца.
– Не сомневаюсь, что подробности твоей жизни окажутся весьма занимательными, но, к сожалению, у нас с тобой сейчас мало времени. Впрочем, я рассчитываю услышать их при нашей следующей встрече! – после небольшой паузы с легкой улыбкой сказала Хель.
– Непременно, – кланяясь, ответил я, – но, наверное, это будет не скоро?
– Кто знает… – снова улыбнулась Хель.
Оптимистичненько…
– Видишь ли, Бассо, имеет место быть одна проблема… – Богиня пристально посмотрела на меня своими прозрачными глазами. – И проблема эта в том, что ты убил призвавшего тебя мага, а у него был долг…
Я молча смотрел на нее, ожидая продолжения.
– Не хочешь узнать какой?
– О нет! Это ведь не мой долг, а многие знания прибавляют печалей…
– Весьма разумный подход. Однако дело в том, что убитый тобой Эриадор должен был исполнить пророчество, от которого зависит судьба этого мира.
– Я только защищался. Он вынудил меня прибегнуть к крайним мерам! – быстро произнес я.
– Собственно, по поводу смерти Эри у меня к тебе претензий нет. Это ваши смертные дела…
– Эри?
– Да, Эри – это сокращение от Эриадор. Честно говоря, Эри мне не нравился. Я долго откладывала разговор с ним, надеясь, что его неуравновешенность пройдет… Но благодаря тебе наш с ним разговор так и не состоялся.
Неуравновешенность? Да он был откровенной шизой, подумал я, но вслух сказал совершенно другое:
– Я весь внимание, богиня, – и поклонился.
Богиня не отрывала от меня своих прозрачно-холодных глаз.
– Видишь ли, Бассо, – после паузы снова начала Хель, – устройство нашего мира таково, что в нем существуют пророчества. Пророчества появляются, когда возникает необходимость перемен. Они могут и не исполняться, если течение мировых потоков возвращается к норме. Однако существуют пророчества особого вида – Великие пророчества. Это несколько иное. Великие пророчества вплетены в структуру мира и являются, собственно, его путем движения. Такие пророчества исполняются всегда! Эри был избранным Великого пророчества…
Я склонил голову, выражая почтительное внимание.
– Великое пророчество не может не осуществиться. Для своего свершения оно выбирает себе избранного, и если таковой погибает, то оно находит себе другого… – Хель, не отрываясь, пристально смотрела на меня.
– Я весь внимание, богиня! – внутренне напрягаясь, снова сказал я.
– В этот раз оно выбрало тебя… – спокойно произнесла богиня.
Сихот меня побери! Похоже, у меня началась полоса неудач!
– И что теперь со мной будет? – стараясь оставаться спокойным, спросил я.
– Тебе придется исполнить пророчество. Ты теперь избранный. Поздравляю! – широко улыбнувшись, произнесла Хель.
– Благодарю, богиня. – Я шаркнул ногой. – А нет ли кого-нибудь более достойного быть избранным? Из этого мира?
– К твоему сожалению… нет!
– Это очень печально, богиня. У меня были другие планы…
– Я понимаю тебя, но Великое пророчество есть Великое пророчество и ничего с этим не поделать… Даже мне.
– Я понял, богиня. Могу ли я узнать, о чем оно?
– Суть его проста. Это пророчество о конце света.
– Вау! – от неожиданности выдал я.
– Я вижу, ты впечатлился, – усмехнулась богиня.
– Прошу прощения, – поклонился я, – но судьба целого мира?
– Рассчитывал сходить куда-нибудь, убить какую-нибудь тварь и развязаться с этим? – снова усмехнулась Хель.

– Такой размах!
– О да! Размах у нас любят. Но это к слову… Общий смысл пророчества понятен. Однако его текст, как и положено, маловразумителен…
– А уточнить у пророка нельзя? – внес я предложение.
Хель несколько секунд молча буравила меня своими прозрачными глазами.
– Не стоит казаться умнее, чем ты есть, Бассо, – наконец произнесла она. – Это было сделано первым делом.
Чего это она рассердилась, подумал я, делая с виноватым видом поклон.
А кто ее знает! Сихот этих богов разберет. Никогда не угадаешь, что придется им по нраву, а за что они пообрывают тебе крылья. Лучше помалкивать. Как бы Хель не вспылила. Наши боги вообще пылят по любому поводу… Я снова поклонился, изображая глубокое раскаяние.
– Так вот, когда стало известно о пророчестве, мы, конечно, попытались найти пророка, дабы узнать подробности. Однако монахиня, которая его сделала, к этому времени уже успела умереть. Я призвала ее к себе, но узнать мне ничего не удалось…
– А почему? – снова влез я и тут же принялся ругать себя за свой длинный язык.
– Почему? – Прозрачный взгляд богини был тяжел. – Потому, что она «погасла»! Души людей, проходя через завесу, предстают передо мной разными, Бассо… Некоторые сохраняют свою сущность и память о прошлой жизни. Однако большинство забывают, кем они были, или проще говоря – «гаснут». У них не остается ничего, кроме желания пить свет и тепло покинутой ими жизни. С прорицательницей произошла такая же история – она «погасла». Поэтому подробностей выяснить не удалось… Еще вопросы? – резко спросила Хель.
– Нет, богиня, – кланяюсь я.
– Это хорошо… Значит, идем дальше. В общем, в пророчестве говорится об избранном, который разрушит преграду между моим миром и миром живых. Снимет завесу, что неизбежно приведет к концу света. Зачем он это сделает и как – остается загадкой. Завеса является частью мирового устройства, и снять ее в этом мире не по силам никому, в том числе и мне. Поэтому пророчество для меня казалось невыполнимым, и я особо не волновалась. Но с появлением тебя – демона, пришедшего из другого мира, ситуация становится неопределенной. Похоже, мы заблуждались насчет Эри. Возможно, он был отнюдь не избранным, а только открывал путь к истинному избраннику. И мне это совсем не нравится! Проще всего было бы избавиться от тебя, но, к сожалению, я на это не могу пойти. Боги не имеют права изменять судьбу мира. Это могут делать только смертные. Мы слишком сильны, и наша борьба за «правильный» путь неизбежно приведет к потере равновесия и, соответственно, ко всеобщей гибели. Поэтому мы вынуждены действовать через смертных. Такое мироустройство заставляет нас нуждаться в смертных, а они нуждаются в нас. В итоге все уравновешено, и все сохраняется. Если же кто-то из богов напрямую попытается исказить пророчество с выгодой для себя, тем самым изменив мировой путь, то будет наказан за это самим миром. Он потеряет большую часть своей силы. Если же этот бог окажется слабым, то дело может дойти и до развоплощения. Он просто исчезнет! Поэтому заниматься пророчеством приходится мне – самой сильной богине этого мира! Ты осознаешь это? – Голос Хель неожиданно приобрел силу и мощь и стал подобен раскатам грома.
– Я потрясен, о великая! – склонился я в поклоне, одновременно пытаясь быстро обдумать услышанное.
Вот это я попал! Съездил, называется, в экспедицию. Отец будет рвать и метать! Верховному магу не отвертеться. Его наизнанку вывернут за меня! А что эта светлоглазка говорила про то, что от меня лучше избавиться? Избавиться – значит убить? Хм… Правда, она потом сказала, что это ей не по зубам… Получается, что у меня есть надежный защитник – Великое пророчество, и связываться со мной за просто так никто не захочет… Это плюс. Хоть тут повезло… Значит, можно особо не гнуться перед высшими… Конечно, наглеть не надо. У богов наверняка найдется масса способов сделать мою жизнь отвратительной и без моего умерщвления, но тут ко мне, похоже, есть какой-то особый интерес. Иначе к чему все эти длинные разговоры?
– Потрясен, говоришь? По тебе этого не скажешь…
– Не сомневайтесь, богиня, потрясен! Просто мне вдруг неожиданно показалось, что вы мне что-то хотели предложить… Или я ошибаюсь? – говорю я с легким поклоном.
– Хм… Ну что ж, перейдем тогда к делу.
– Слушаю, богиня, – почтительно склоняю голову я.
– Хорошо! Хочу тебя предупредить, что этот разговор стоит мне много сил и боли. Поэтому будь внимательным, Бассо, и постарайся попусту не раздражать меня и не отвлекаться на мелочи. Итак, как понимаешь, речь пойдет о пророчестве. В его тексте есть

указание на то, что перед избранным будет стоять выбор – снять завесу и погубить мир либо не снимать и умереть самому. Поэтому я здесь для того, чтобы просить тебя… – при этих словах богиня поморщилась, – просить тебя сделать правильный выбор…
– Я польщен… богиня!
– Будь ты из нашего мира, было бы все гораздо проще… Но ты чужак, Бассо, и я даже не знаю, как просить тебя умереть за этот мир!
– Ммм? – приподняв брови, в изумлении промычал я.
– Да, Бассо, да! Хоть я богиня смерти, но в этот раз я буду просить за жизнь! Мир не должен исчезнуть!
– Хм… но тогда получается… получается, что умереть должен я?
– Ты все равно был обречен умереть. Ты же не собирался жить вечно? – Лицо Хель исказила судорога.
– Но… богиня! Променять тысячи лет жизни на какие-то жалкие… А когда срок исполнения пророчества?
Хель сделала неопределенный жест рукой.
– Что, он может наступить уже завтра? – изумился я.
– Вряд ли. Пока ничего такого необычного в мире не происходит. Я думаю, что тут можно говорить о сотне-другой ближайших лет… – Хель явно чувствовала себя неважно.
– Богиня, вы хотите слишком многого…
– Почему-то я так и думала! Самопожертвование – это не для демонов. Однако, может, есть что-то, что изменит твое решение? Чего бы ты желал, Бассо?
Хм… чего бы я желал? На ум приходит сразу масса всяких интересных вещей! Но только… оно мне надо? Чужой мир, ни разу не виденный, еще неизвестно, что тут и как… Что мне тут делать? Дома же у меня все понятно и планы есть… Да и потом, за просто так боги ничего не дают. Эта вон сразу требует в уплату жизнь! Еще неизвестно даже в обмен на что… Не, пусть такие подарки Сихот принимает, а мне, пожалуй, лучше домой!
– Пожалуй… пожалуй, я бы желал вернуться в Эсферато.
– Однако, – удивленно качнула головой Хель, – я думала, демон захочет силы и власти! А ты собрался домой. Странный ты какой-то демон. Но я вынуждена тебя огорчить – помочь тебе вернуться я не могу. Я никогда не слышала о твоем мире и даже не представляю, из каких глубин Эри вытащил тебя сюда. Наверное, тут замешано пророчество… Скорее всего, так оно и было… так что я не могу выполнить твою просьбу. Проси что-нибудь другое!
– Гм… – сглотнул я – горло внезапно пересохло, – а другие боги? Может, они знают, как попасть в мой мир?
– Другие? Может, и знают… Хочешь, чтобы я разузнала?
– Постойте! А есть ли смысл? Если я сниму завесу, то награды мне не будет. А если не сниму, то умру… зачем мне тогда награда?
– А чем тебе плоха посмертная слава? – спросила Хель.
– Посмертностью…
– Понятно. Мм… послушай, Бассо! Тут есть еще один тонкий момент… которого ты, как чужак, похоже, не понимаешь… – делая паузы, медленно произнесла Хель. – Короче говоря, если ты снимешь завесу, то в живых ты тоже не останешься. Дело в том, что у меня, за завесой, много подданных… Очень много! Мне неприятно признавать, но я просто не смогу удержать всех погасших, когда преграда на их пути в мир живых исчезнет. А потом ко мне хлынет поток умерших… Я не смогу ничего с ними со всеми сделать! Да и никто не сможет. Если падет завеса, мир живых умрет! А вместе с ним умрут все боги. Боги живут, пока в них верят… Ты понимаешь меня, демон?
Так вот оно что! Вот к чему весь этот длинный разговор. Боги просто не хотят умирать!
– Понимаю, богиня, – кивнул я, – но пророчество говорит о том, что снявший завесу останется в живых. Вы же сами сказали!
– Текст пророчества смутен. Тебе об этом было сказано. Или ты уже забыл?
– Да… но все же…
– Я тебе только что объяснила весь расклад. Надеешься остаться в живых, когда погасшие вырвутся на свободу? На твоем месте я бы не стала на это рассчитывать! Наверное, это потому, что ты их просто никогда не видел. Хочешь, я тебе их покажу? Пойдем.
– Спасибо, великая. Как-нибудь в другой раз! – торопливо сказал я. – Вот так вдруг узнать, что твоя жизнь отменяется и ты в ближайшее время умрешь – я просто в шоке!
– В чем ты? – недоуменно спросила богиня.
– В шоке. В смысле потрясен… Так говорят в одном мире… Но что же мне теперь делать? Я совсем не хочу тут умирать!
– Я тебя понимаю, Бассо, – неожиданно мягко сказала богиня. – Я очень много общалась с умершими, и твои чувства для меня открыты и ясны. Я такое видела не раз. А на твой

вопрос, что тебе делать, могу ответить – смириться и принять свою судьбу как есть. Спасти целый мир – разве это не подвиг, достойный жизни? Как ты думаешь?
– Да… только никто об этом подвиге не узнает… – вяло ответил я, лихорадочно соображая, как выкрутиться из этой неприятной ситуации.
– Как не узнает?! Весь мир будет помнить своего героя! – с воодушевлением произнесла Хель.
– Да мне на этот мир… если он еще к тому же решил покончить с собой! Оно мне надо? Может, тут просто пришла пора тушить свет? И пророчество появилось поэтому? Сами говорили – пророчества появляются, когда требуется корректировка! Может, конец света – это как раз то самое лекарство, которое ну просто необходимо вашему миру? – зло ответил я, начиная раздражаться. А нечего держать меня за идиота! Весь мир будет помнить своего героя! Ха, мир низших! Тьфу! Как бы не так! Два дня попомнят, на третий разбегутся по своим делам. Хорошо, если за эти два дня успеют памятник сляпать. А то так и останешься – безымянным героем…
– Будем считать, что я этого не слышала… – после продолжительной паузы негромко сказала Хель. – А насчет конца света – так это не моя идея и не мое пророчество. Прорицательница была вообще из монастыря, который патронирует богиня любви! Можешь при случае высказать ей свои претензии. Хотя она тоже в общем-то ни при чем. Так устроен мир… Я тоже такая же заложница ситуации, как и ты. И сейчас испытываю давно забытое чувство – боль, потому что вмешиваюсь в пророчество, чего мне делать совершенно не стоит! Мои силы тают… Но вместо того чтобы прибить нахального иномирца, я вынуждена его уговаривать! Ты понимаешь меня, Бассо?! – Голос богини снова усилился до громовых раскатов.
– А вы меня понимаете?! Я демон! А это мир низших! Спасти мир низших, стать у них героем-спасителем – это худшая посмертная шутка, которую можно только себе вообразить! – не сдерживаясь, заорал я в ответ.
– Мир низших… – повторила Хель в наступившей тишине.
– Прошу прощения, богиня…
– По крайней мере, твое упрямство становится понятным… – ответила Хель.
– И что теперь? – спросил я.
– Что теперь? Можно оставить все как есть, и пророчество выберет тебя. Или попробовать договориться еще раз… Иногда я бываю ужасно терпеливой, Бассо… Но сейчас не та ситуация, в которой можно проявлять бездну терпения.
– Понимаю, богиня…
– А если понимаешь, то прекращай артачиться! Все равно тебе никуда не деться. Пророчество должен исполнить ты! Как бы тебе ни хотелось этого избежать. Единственное, что ты можешь сделать, – это выбрать, как существовать до пророчества: либо ты живешь хорошо, жертвуешь собой ради мира и остаешься героем в истории, либо ты живешь плохо, очень плохо. Плохо умираешь, и никто о тебе больше не вспомнит, потому что вспоминать будет некому! Я доходчиво объясняю?
– Вполне. Только вот вы, богиня, кажется, тоже не понимаете или не знаете одного момента. Мы, демоны, существа с очень тонкой душевной организацией и очень не любим, когда нас принуждают. Мы от этого очень страдаем и стараемся убить приносящего нам страдания как можно быстрее. Не нужно заставлять меня страдать. Это не в ваших интересах. Надеюсь, вы меня понимаете, богиня?!
– О, даже так?! – с изумлением воскликнула Хель.
– Именно так, богиня! – Я слегка склонил голову и твердым взглядом уставился в ее прозрачные глаза. Я был зол. А когда я зол, мне сам черт не брат, как говорят кое-где…
– Хм… А ты не пожалеешь, демон? – тоже пристально смотря мне в глаза, спросила Хель.
– Нет, богиня!
– Ну что ж, похоже, наш разговор окончательно зашел в тупик. Или я ошибаюсь?
– Похоже, да. Но мне бы не хотелось завершать его столь категорическим образом! Поэтому я хочу сказать, что обязательно рассмотрю ваше предложение, богиня, – ответил я, не отрывая своего взгляда от нее.
– Рассмотришь мое предложение? Да ты просто наглец… – тихо прошептала Хель, наклонившись вперед в своем кресле и глядя на меня с нехорошим прищуром.
– Я очень сожалею, великая, что у вас сложилось обо мне такое мнение. Но в данной ситуации я намерен в первую очередь думать о себе, а не о судьбе вашего мира! Как вы правильно заметили, у меня нет никаких причин жертвовать своей шкурой ради его спасения. И поэтому я не собираюсь ничего обещать, не имея на то серьезных причин. Демоны не приносят клятвы просто так!

После моей фразы воцарилась тишина. Хель молча продолжала разглядывать меня из-под своих тонких бровей. Я продолжал смотреть ей прямо в глаза, намереваясь сдохнуть, но не отвести взгляда.
– Скажи, Бассо, а враги у твоего дома есть? – после бездны тишины обратилась ко мне Хель с неожиданным вопросом.
– Есть, и немало! – не ожидавший резкой смены темы разговора, не задумываясь, ответил я.
– А как ты думаешь, твое появление здесь – это, случаем, не шутка ваших врагов?
Шутка? Хм… шутка… Хм… нужно подумать… Может, и шутка. Хотя это выглядит довольно невероятно, но такое тоже случается… Хм… Или это Хель играет со мной, пытаясь как-то повлиять на мое решение? Тоже может быть… С богами нужно держать ухо востро, они тоже любят пошутить…
– Не знаю, богиня. Но если это так, то такая шутка достойна богов, – ответил я.
– Да вся эта история выглядит одной большой шуткой! – В голосе Хель послышался гнев. – Великое пророчество о конце света – уже дурная шутка, избранный, наглый демон из другого мира, из дома шутников – хороший повод улыбнуться, и богиня смерти, уговаривающая смертного… Одна сплошная забава!
– Хм… м-да, вы правы… В этом действительно есть что-то забавное, – ответил я, обдумав слова богини.
– Забавное? Решается судьба целого мира! Ты находишь это забавным?
– Ну, это же не мой мир. И потом, я ведь тоже участвую. Меня поймал в пентаграмму какой-то ненормальный пацан. Хи-хи, разве это не смешно?
Некоторое время Хель молчала, потом сказала:
– Шутишь, демон?
– И в мыслях не было, богиня!
– Не забывай, Бассо, что шутить можешь не только ты один… – Хель приподняла уголки губ, обозначая улыбку.
– Прошу прощения, если невольно позволил себе лишнего, – сделал я легкий полупоклон.
– Хм… наглый, но с воспитанием… Что ж, считаю свою миссию выполненной. Пусть теперь с тобой возятся другие. Посмотрю, как это у них получится… Или, может быть, ты все-таки передумаешь?
– Прошу прощения, богиня, что приходится огорчать вас отказом, но поставьте себя на мое место. Попадаешь неизвестно куда, а там с тебя сразу требуют поклясться в том, что пожертвуешь собой ради того, чего ты еще и в глаза-то не видел!
– Тебе все равно придется свершить пророчество!
– Я постараюсь избежать этого!
– Избежать Великого пророчества? Не слишком ли ты самоуверен?
– Но это бы устроило всех. Мир остался бы цел, я остался бы жив. Как вы думаете?
– Пустое! Никогда и никому не удавалось избежать неизбежного, – махнула рукой Хель, откидываясь на спинку кресла.
– Все когда-то случается в первый раз. Почему бы не попробовать? – продолжил настаивать я.
– И как ты себе это представляешь?
– Ну… Я думаю, для начала мне нужно осмотреться…
– Ну что ж… осмотрись. Спешить тебе некуда. До исполнения пророчества все время мира – твое, – усмехнулась Хель.
– Спасибо, великая, – поклонился я и продолжил: – Тогда, рассчитывая на вашу щедрость и доброту, хочу просить вас о даре!
– О чем ты хочешь просить? – с удивлением в голосе и чуть наклонив голову набок, спросила Хель.
– О даре богини! – снова кланяюсь я.
– Ну ты наглец, Бассо! Значит, просьбу богини ты исполнить не можешь, а дар просишь? Причем не молишь, а просишь! Или ты надеешься, что пророчество защитит тебя от моего гнева?
– Моя просьба продиктована только желанием скорейшего разрешения наших проблем, о великая! Ничего такого я и в мыслях не имел, – ответил я, делая акцент на слове «наших».
– Наших проблем? Забавно… Вот уж никогда не думала, что у меня со смертными будут одни и те же проблемы… Хотя… – Хель призадумалась. – И что же ты хотел бы получить в дар от богини смерти? – спустя некоторое время спросила она. – Надеюсь, ты умеешь просить?
Умею ли я просить? О да! Извратить желание смертного – любимое развлечение высших. Это как в анекдоте, услышанном мною на Земле. В нем один темнокожий житель, погибающий в пустыне от жажды, получил возможность загадать желание. Он пожелал стать белым и чтобы вокруг было много воды. В результате он стал белым унитазом.

Формально желания выполнены, а по сути – сплошное издевательство. Обращаясь с просьбой к богам, нужно было быть предельно осторожным и оговаривать все мелочи.
– Да, богиня, – ответил я.
– Отлично. Так чего же ты хочешь?
– Я хочу уметь читать, писать, говорить на всех языках живших и живущих народов этого мира и понимать их! – высказал я свое желание.
– Однако! А ты не треснешь? – ответила мне Хель.
– Эээээ… Богиня? – сделал я непонимающий вид.
– Не прикидывайся, демон! Все ты понимаешь. Читать и писать – это для отвода глаз. Главное в твоей просьбе – понимать! Чтобы понимать, нужно знать про этот народ все. Историю, культуру, обычаи и все интеллектуальное богатство, накопленное этим народом. Только тогда ты сможешь понимать. Ты только что попросил у меня ни много ни мало знания всего мира! В том числе и богов. Вот я и спрашиваю тебя – а ты не треснешь? Ты думаешь, что в тебя это все влезет, а, Бассо?
– Ну… я как-то не подумал…
– А мне вот почему-то кажется, что ты все хорошо обдумал и просто пытаешься использовать меня. Знаешь, демон, я и не таких шустрых видала!
– Что вы, богиня! И в мыслях не было! Я просто не успел обдумать формулировку просьбы! Поэтому такая двусмысленность и вышла… – торопливо оправдывался я, ругаясь про себя на ее догадливость. А что делать? Не изучать же полжизни местные диалекты…
– Прибить бы тебя за наглость, демон… – задумчиво сказала Хель, – ну да ладно! Коль у нас теперь с тобой общие проблемы… выполню я твою просьбу. Только частично, чтобы ты не треснул. – Она усмехнулась и продолжила: – Думаешь найти способ открутиться от пророчества в мудрых книгах? Ну-ну, дерзай, смертный!
Неожиданно мою голову пронзила дикая боль. Не удержавшись на ногах, я со стоном упал на колени. Ощущения были просто непередаваемые! С колен я перешел на карачки. Боль не прекращалась, а, казалось, наоборот, нарастала. Не выдержав, я плашмя рухнул на пол, распластавшись у ног Хель. Внезапно боль исчезла.
– Что ж, я выполнила твою просьбу… Надеюсь, что у тебя будет время подумать и о моей… – прошелестел в голове голос богини. – До встречи, демон-шутник!
Белый свет в моих глазах померк, стянувшись в одну черную точку, и я отрубился.

Пиуу! Сознание вернулось… Лежу… Очень неудобно лежу… Как-то наперекосяк. Ноги где-то навыворот сбоку и выше. Щекой плющу пол. Пол каменный, холодный и грязный. Вон что-то прилипло… Скашиваю глаза на комочек грязи на полу. Интересно, что это было?
Сихот меня побери! Мне что, делать больше нечего, как грязь на полу рассматривать? Это, наверное, последствия встречи с богиней… Интересно, она будет мне мстить или нет? Пожалуй, Хель до мести не опустится. Не ровня я ей. Прихлопнет по случаю, это да. А мстить не будет. Это было бы хорошо… если так. Иметь во врагах богиню смерти… Брр! Ладно, буду надеяться, что пронесет… А что же мне делать с этим пророчеством? Вот ведь не повезло-то как! Причем совершенно неожиданно. Никуда не лез, никого не трогал, занимался своими делами, и вдруг – бац, нате! Избранный! Пакость-то какая! Что же делать? Ммм…
Наверное, для начала нужно подняться, а то валяться на грязном полу как-то унизительно, решил я.
Пытаюсь двинуть рукой. Рука никак не реагирует. Это еще что такое? Пытаюсь еще раз. Опять ничего не получается! Что со мной? Почему я не могу двигаться? Я ранен? Тогда почему ничего не болит? Или болит? Нет, не болит… Только слабость какая-то… Что тогда случилось?
Неожиданно в памяти всплыл хруст моих ломаемых костей. Ааа! У меня, наверное, сломан позвоночник, и меня парализовало! Этого еще только не хватало! И сколько мне придется валяться тут, сращивая кости? А если кто придет и наткнется на беспомощного меня? Еще неизвестно, кто тут водится, могут ведь и живым сожрать, костей срастить не успеешь… Нужно срочно восстанавливаться!
Я обратил взор внутрь себя, пытаясь определить разрушения тела.
– Сихот меня побери! – только и смог сказать я через несколько мгновений. Я ничего не определил. Как будто тела у меня не было. Как же это так? Что со мной случилось?
Я опять попытался пошевелить рукой. Вау, получилось! Рука начала неуверенно, но слушаться. И вторая вроде шевелится… Шевелится! Так. А ноги? О! И ноги двигаются! Хорошо! Нужно попробовать сесть! И разз!
Сесть мне удалось с третьего раза. Сижу, дышу, держусь руками за пол, пытаюсь унять головокружение.

Пол скользкий какой-то… Когти скользят… Перевожу взгляд на правую руку.
Это еще что такое?! Вместо своей родной руки наблюдаю какую-то тонкую бледную конечность с грязными человеческими ногтями. Человеческими? А мои где?! Отдираю руку от пола, подношу к лицу, шевелю пальцами. Шевелятся! Я ими шевелю! Значит, это – мои? Бред какой-то! Опускаю взгляд вниз. Это что, мои ноги? Шевелю. Шевелятся! Значит, мои! Но как же так? Это же не мое! А где мое? Смотрю по сторонам. Где я?
Небольшое помещение с каменными стенами из серого булыжника, освещаемое многочисленными красными свечами. Свечи повсюду – на полу, на настенных полках. У дальней стены по центру вроде жертвенник. На нем кто-то лежит. Перед жертвенником на полу пентаграмма призыва со слабо мерцающими багровыми линиями. Внутри пентаграммы какое-то большое темное тело. Тело все жутко перекручено и изломанно, под ним огромная черная лужа, похоже, кровь. Сразу даже не поймешь что это не шмат мяса, а чье-то тело. Из мяса торчат наружу острые осколки костей, кусок крыла. Вид просто ужасный.
Крыла?! Меня аж тряхнуло. Не может быть! Это… Это же мое крыло! Это же я был в пентаграмме, когда пацан шарахнул меня своим заклинанием! Так, значит, эта куча там – все, что от меня осталось? А я тогда где? Оглядываю себя. Где-то я уже видел этот черный балахон… Точно! На придурке, который меня призвал! Но… тогда получается что… что… я в его теле! Как такое может быть?
Я что, сошел с ума? Или… или это месть Хель за мою наглость? Бррр! Что же произошло? Как же меня угораздило попасть в такую ситуацию? Некоторое время занимаюсь тем, что ошарашенно перевожу взгляд со своего тела в пентаграмме на свои ноги в балахоне. Никаких мыслей. Одна растерянность.
– Господин Эриадор, вы слышите меня? Что случилось, господин княжич? – неожиданно я улавливаю чей-то глухой голос. Это еще кто? – Господин княжич, откройте дверь! Господин княжич! Мы очень беспокоимся за вас, господин! – Бум! Бум, бум!
Стучат! Куда стучат? Похоже, в дверь… А вон она где! Открыть или пусть ломают? Зачем ее портить? Она же не виновата… Значит, открыть… Кое-как встаю на ноги и с трудом делаю несколько шагов к двери. Взгляд снова упирается в неподвижное тело в пентаграмме. Какой кошмар… Как же мне досталось! Одно крыло, пожалуй, и уцелело… Бум! Бум! Дверь, сдается мне, начали ломать. Ну и Сихот с ними! Пусть ломают. Я делаю еще несколько шагов вперед. Неожиданно под ноги что-то попадается, и я чуть не падаю. Что еще там? С трудом опускаю взгляд. Сердце! На полу, в луче пентаграммы, лежит сердце. Мое сердце? Как оно сюда попало? Выскочило? Приглядываюсь. Нет, пожалуй, не мое. Слишком маленькое. А чье тогда? Смотрю на жертвенник. Теперь вижу, что к нему привязана молодая мертвая девушка. Живот и грудь разрезаны, внутренностей нет. А… понятно! Это ее Эри ухайдакал. Видать, использовал для моего призыва… Придурок! Жаль, что его нельзя еще раз убить! Я бы с удовольствием это сделал! Только на этот раз медленно…
Ба-бамс! Оборачиваюсь на звук выбитой двери. От резкого движения головой мир неожиданно перекашивается и наклоняется.
– Господин княжич, что случилось?
Убью! Всех убью, успел еще подумать я, падая лицом вперед в пентаграмму, а потом, в который раз за сегодня, потерял сознание.

Там, где собираются боги

– М-да… вот это дела… – озадаченно протянул Коин, рассеянно потирая правой рукой свою блестящую лысину, – дела…
– Действительно, выглядит как чья-то шутка. Глупая шутка! – сердито сказала сидящая рядом с ним в зеленом костюме охотницы богиня жизни.
– А он точно демон? – спросила Мирана, задумчиво накручивая один из локонов своих золотых волос на тонкий указательный пальчик.
– Ты сомневаешься в моих способностях? – с иронией в голосе ответила ей Хель.
– Нет, что ты! Но просто так необычно…
Хель молча поджала губы.
– А может, это Прежние? – предположила богиня жизни, обращаясь ко всем.
Над столом внезапно повисла недобрая тишина.
– Прежние? Да когда их видели! Мы им так вломили последний раз, что они теперь, пожалуй, вовек к нам не сунутся! – пренебрежительно махнул рукой Марсус.

– Не знаю, не знаю… Тогда мы тебя еле откачали… – задумчиво сказал бог торговли, перестав гладить лысину и принявшись барабанить пальцами по столу. – Или ты уже забыл? – продолжил он, обращаясь к богу войны.
– Ничего я не забыл… – буркнул Марсус. – Просто некоторые моменты жизни не стоит часто вспоминать…
– Если ты имеешь в виду момент про те чудные отравленные стрелы, которые воткнулись в твой голый… гм… пониже спины, то, наверное, да, не стоит! Скажу тебе откровенно, я до сих пор не могу понять, как им удалось тебя туда ранить? Это же твое самое защищенное место!
– Ничего не самое! – прогудел багровеющий бог войны. – Просто я не учел направления ветра, когда показывал им наше отношение к ним… Стрелы оказались слишком легкие, вот их ветром и донесло…
– Ха-ха-ха! Ну ты даешь! Наше отношение! Ха-ха-ха! А я-то все голову ломал, как им это удалось? – заржал Коин. – Ну ты и затейник!
– Не я один, – перестав багроветь, польщенно ответил Маркус. – А помнишь, как Диная…
– Так, я не поняла, у нас тут что, вечер воспоминаний начался? – повысив голос, спросила богиня жизни. – Может, еще за бочонком сбегать, чтобы воспоминания четче стали?
– Да ладно тебе, Дин! Уже и отвлечься на минуту нельзя, – обиженно пробасил бог войны.
– Мы тут собрались решать, как мир спасать, или чьи-то россказни слушать? Если языком трепать, то я пошла! – Диная сделала вид, что собирается вылезти из-за стола.
– Хм… гм… да, мы несколько отвлеклись – прокашлялся бог торговли. – Диная, пожалуйста, останься! Давайте вернемся к нашим проблемам… Все слышали рассказ Хель. У кого какие мысли?
– Я думаю, что это происки Прежних, – быстро сказала Диная.
– Кхм… Вряд ли… Если только они резко не поумнели с нашей последней встречи… Слишком сложно для них. Хотя проверить не будет лишним… Марсус, тебе не составит труда прокатиться с Динаей по внешней границе? Вроде сигналов не поступало, но свой глаз… сам понимаешь! – предложил бог торговли.
– Да запросто, – ухмыльнулся в ответ здоровяк, переводя взгляд на богиню жизни.
– Ну и отличненько! Диная, у тебя возражений нет?
– Да я и сама могу, – сварливо ответила та, без всякого восторга глядя на Марсуса.
– Верю. Но если ты права насчет Прежних, то тогда одной по границе шастать не стоит. Диная нехотя, медленно кивнула.
– Ну и отличненько. Еще у кого какие идеи есть?
– Может, нам отправить демона обратно? – предложила богиня любви.
– Куда обратно? – удивилась Хель.
– В его мир! Пусть сидит у себя, а у нас пророчество не исполнится!
– Вот как? Значит, ты знаешь, где его мир? – усмехнулась Хель.
– Нет, но я думала, ты знаешь…
– Я же всем сказала, что не знаю, откуда он взялся! Или ты меня не слушала?
– Почему… слушала…
– Я и вижу, как ты слушала!
– А мне нравится эта идея, – громогласно вмешался Марсус. – Точно! Давайте выкинем его из нашего мира, да и дело с концом!
– А мир решит, что мы препятствуем Великому пророчеству, и выкинет всех нас. Или, может, выберем одного, кто пожертвует собой ради остальных? Я лично – пас! – язвительно сказала Хель.
– Хм… Да… Хель права… Да и потом, что стоит пророчеству найти нового избранного. Тогда и жертва окажется бессмысленной… – произнес бог торговли.
– Что же тогда мы можем сделать? – спросила Диная.
– Я думаю, его нужно убить! Пророчество выберет себе нового избранного из наших смертных, и все станет гораздо проще… – сказал Марсус.
– Да кто ж против-то! Скажи только как? – воскликнула Хель.
– Ну как… как. Как обычно. Как смертных убивают!
– Понятно, что как обычно. Меня интересует, кто потом за него перед пророчеством ответит?
– Мм… ну тогда надо, чтобы это кто-то за нас сделал. Вроде само как-то вышло… Случайно… – предложил Марсус, делая непонимающее лицо и разводя руками.
– Так сделай! Я с удовольствием посмотрю, как у тебя это получится. Только имей в виду, сколько бы ты посредников ни привлек, ты все равно будешь организатором. А если так, то… Ну ты сам понимаешь… – сказала Хель.
– Э-э-э… – произнес Марсус и замолк.

– Ситуация… – прервал затянувшееся молчание Коин. – Единственное, что приходит в голову, – сделать так, чтобы этот избранный сам решил спасти наш мир…
– Это понятно, – хмыкнула Хель, – только как это устроить? Ему тут просто не за что умирать.
– Значит, нужно сделать так, чтобы было! – хлопнул по столу ладонью Коин. – Есть! Все просто!
– Что просто? – спросил Марсус.
– Он же смертный! Что нужно смертному? – спросил, не обращаясь ни к кому конкретно, бог торговли и ответил сам себе, поочередно загибая пальцы на правой руке: – Власть, богатство и женщины! Простой набор! Давайте ему это все дадим, и он сам пожертвует собой ради всего этого.
– Да?.. – скептически отозвалась Хель. – Что-то я сомневаюсь…
– В чем?
– Знаешь, когда наступает время уходить за завесу, смертные бросают все – и богатство, и власть, лишь бы пожить подольше. Я столько раз это видела, уж поверь мне.
– Хм… да, пожалуй, ты тут права… Ну а женщины? Неужели он не пожертвует собой ради любви? – спросил Коин.
– Он демон, где мы тут ему демоницу найдем? – резонно возразила ему Диная.
– Уже не демон. Он уже в человеческом теле… – ответила ей Хель.
– Это ты его туда засадила? – с интересом спросил Коин.
– И в мыслях не было, – фыркнула Хель. – Мне уже досталось от пророчества, чтобы снова подставляться под удар. Просто мага он убивал через ментальный канал, а пока он это делал, маг уничтожил его самого. Душа демона умирать, похоже, не захотела и по-шустрому перебралась в новое тело, так что наш избранный нынче – юнец семнадцати лет от роду…
– Обалдеть! – сказал бог торговли, шлепая себя пятерней по лысине.
– Я думаю, что тут не обошлось без пророчества… – после некоторой паузы задумчиво сказала Хель. – Трудно представить демона-избранника, который бы незамеченным ошивался десятилетиями по нашему миру в ожидании свершения. Наверное, пророчество его таким образом замаскировало. Хотя вероятно, я неправа… Точнее может сказать богиня судеб. А кстати, где Сатия? Почему она не ходит на наши собрания? Она что, выше этого?
– Она сказала, что не видит будущего избранного и поэтому не собирается тратить время впустую, ходя на наши встречи… – потупив взор, произнесла богиня любви.
– Отлично! Я, значит, хребет свой подставляю под пророчество, а она ничего не видит и поэтому не считает нужным тратить свое время! Я тоже не вижу его будущего, но это не помешало мне растратить половину своих сил, пытаясь спасти мир, в котором, между прочим, живет эта старая карга! – вспылила Хель.
– Что, половину? – тихо спросил Коин.
– Да, половину! А эта старая… – Хель внезапно прервалась и, глядя на присутствующих своими прозрачными глазами, сказала неожиданно спокойным голосом: – Я ей это припомню! Надеюсь, вы не забыли, что обещали выполнить одно мое желание?
– Наш уговор остается в силе, Хель, – ответил за всех бог торговли, ежась под взглядом богини смерти, – но я надеюсь, ты не потребуешь ничего такого…
– Посмотрим! – отрезала Хель. – А пока давайте вернемся к нашей проблеме. На чем мы остановились?
– На любви… – осторожно подсказал бог войны, смешно вытягивая трубочкой губы.
– Да! Можно надеяться, что ради любви избранный пожертвует собой… – сказал Коин.
– Но мы не в курсе, когда исполнится пророчество. Это могла бы знать Сатия, но ей некогда заниматься с нами всякой ерундой! Как угадать, что избранного пора влюблять? Не можем же мы держать его в состоянии любви веками? Или сможешь? – спросила Хель, обращаясь к богине любви.
Та в ответ отрицательно покачала головой.
– Смертные только раз могут испытать истинную любовь, – тихо произнесла Мирана. – Но чтоб веками… Да они столько и не живут… – Богиня снова покачала головой.
– Ну есть же у нас долгоживущие! Эльфы, гномы… Найди там кого-нибудь! – раздраженно предложила Хель.
– У долгоживущих свои судьбы… И я не думаю, что их можно легко изменить…
– Опять Сатия! Мы что, не можем вызвать сюда эту маразматичку? Мы тут что, вообще никто? – яростно зашипела Хель.
– У меня идея! Дети! – громко воскликнул бог войны, поднимая вверх правую руку с отставленным указательным пальцем.
– Что дети? – переспросил Коин.

– Смертные очень любят своих детей! И, не задумываясь, жертвуют собой ради них, – радостно сообщил Марсус. – Я много раз видел, при штурмах осажденные в первую очередь пытаются спасти детей. Ну и женщин…
– Хм… хорошая идея! Только у избранного нет детей… – сказала Хель.
– Ну так будут! Процесс известный, богиня любви есть. Не вижу никаких проблем! – громко сказал Марсус. – Или есть проблемы, Мирана?
– Нет… – неуверенно сказала богиня любви, – только вот судьбы…
– Слушай, Мира! В конце концов, ты богиня или нет? – перебил ее бог торговли.
– Богиня! Просто дар любви меняет судьбы, а судьбы это…
– А судьбы это Сатия! Понятно! – перебила ее Хель. – Значит, сама, без нее, ты ничего сделать не можешь?
– Нет, ну почему, могу…
– А если можешь, тогда делай!
– Хорошо, – кивнула головой Мирана, – я подарю ему истинную любовь!
– Не ему! – сказал Коин.
– А кому? – с удивлением спросила богиня любви.
– Не ему! – твердо сказал бог торговли. – И вообще не лезь к избранному. Если ты одаришь его, то вполне возможно это будет расценено, как попытка изменить пророчество… и может случиться так, что мы тебя тогда больше не увидим…
– А… ну да… А как же тогда? – растерянно спросила Мирана.
– Действуй через его избранницу! Пусть она полюбит его, а он загорится ответным чувством, – ответил Коин.
Мирана наморщила лоб, пытаясь осмыслить услышанное. За столом наступила тишина.
– Кои, я, конечно, понимаю, что ты разбираешься во многих вещах, но все-таки любовь, похоже, не твоя стезя! Откуда возьмется избранница, если он никого не любит? – нарушила длинную паузу Хель.
– Вы что, не слышите меня, что ли? Я же сказал, пусть его кто-нибудь полюбит! А он полюбит в ответ! Что тут сложного? – рассердился Коин.
– Ну… это непросто… – растягивая слова, задумчиво сказала богиня любви, – совсем непросто…
– А кто сказал, что спасать мир – это легко? Зато скучно не будет! Придумаешь что-нибудь новенькое, покажешь, на что ты способна!
– Вот уж не думала, что ты у нас сторонник перемен, – удивленно сказала Хель, обращаясь к богу торговли.
– О, вы еще и половину обо мне не знаете! – самодовольно ответил тот. – Значит, так, предлагаю план! Поскольку богиня судьбы у нас вне игры, будем действовать без оглядки на равновесие, так сказать, по обстоятельствам, – энергично потер руки бог торговли. – Основная надежда у нас на Мирану! Она должна обеспечить избранному любовь и детей, ради которых он пожертвует собой, спасая наш мир.
Все сидящие за столом разом посмотрели на растерянно хлопающую глазами богиню любви.
– Но и остальным тоже не стоит оставаться в стороне, – в том же духе продолжил Коин. – Пусть каждый из нас попробует привязать избранного к нашему миру, используя свои возможности. Лично я намереваюсь позаботиться о его благосостоянии. Даже если Хель и права в том, что смертные перед завесой бросают все, но случаи разные бывают… Может, он захочет чтобы нажитое не пропало! Поэтому каждый из нас должен что-нибудь предпринять для своего спасения. Только учтите – никакого прямого воздействия на избранного! А то до конца света не доживете… – усмехнулся бог. – Еще вопросы или идеи есть? – после небольшой паузы спросил он.
Ответом ему была ошеломленная тишина.
– Ну и отличненько. Тогда действуем по моему плану!

Где-то на севере. Замок князя Шартона Аальста

Лежу… дышу… Лежу на чем-то мягком и нехолодном. Уже хорошо… Медленно приоткрываю неожиданно тяжелые веки.
– Господин княжич, вы очнулись?
Фокусируюсь на вопрошающем… Низшая… Тетка… Не Хель… Это тоже хорошо… Опять закрываю глаза.
– Господин княжич? – Шорох одежды, легкие удаляющиеся шаги, стук двери.
Быстрый шепот:

– Княжич… доложить… Господин князь… Шу-шу-шу… – Стук закрываемой двери. Приближающиеся шаги…
– Господин Эриадор, как вы себя чувствуете?
Открываю глаза и впериваюсь взглядом в глаза служанки.
– Господин княжич? – Служанка меняется в лице.
Неохота мне с ней разговаривать… Мне бы мозги в кучу собрать, а не со служанкой болтать… Обойдется…
Бамс! Грохот распахиваемой двери.
– А, очнулся красавец!
Перевожу взгляд на ворвавшегося. Кто это? Мм… Его высочество святейший князь Шартон Аальст, отец Эри, точнее теперь мой отец. Хм… откуда я это знаю?
– Ну, что скажешь? – Князь с размаху плюхнулся в кресло рядом с моей кроватью.
– А что бы ты хотел услышать? – с трудом ворочая языком, отвечаю я.
Князь, похоже, не ожидал встречного вопроса и малость притормозил.
– Что я хочу услышать? Что я хочу услышать? Для начала я хочу услышать о том, как мой сын украл у меня книгу и амулет! – повысил голос князь.
Черт, я такого не помню… Эри, что ли, подсуетился? Вот не было печали за чужие грехи отвечать…
– Не украл, а взял попользоваться…
– Попользоваться? А служанку ты что, тоже взял попользоваться?! – еще повысив голос, продолжил князь и, оглянувшись на стоящую у стены девушку, заорал ей: – Пошла прочь, дура!
Та молнией метнулась через комнату. Н-да, высокие отношения, подумал я, провожая взглядом исчезающую в дверях юбку. Какую служанку я у него взял? А, наверное, это ту, которую Эри выпотрошил… Интересно, сколько еще грешков за ним?
– Служанку?
– Да, служанку!
– У нас что, это была последняя служанка?
– Что?! – изумленно спросил князь.
– Да ладно, служанкой больше, служанкой меньше… У меня вот голова болит…
Несколько секунд царила тишина, в течение которых князь пристально всматривался в мои глаза, затем неожиданно спокойно спросил:
– Как ты сказал?
– Что-то не так? – ответил я.
– Не так? Хм… – переспросил князь и задумался, барабаня пальцами в золотых перстнях по подлокотнику кресла.
Пока он о чем-то думал, я разглядывал его. Князь был мужчиной лет за сорок, с тонкими породистыми чертами лица. Густые, темные, слегка вьющиеся волосы доставали ему до плеч. Лицо, пожалуй, чересчур бледное, и под глазами залегли темные круги. Больше всего привлекали к себе внимание глаза. Необыкновенно темные, какого-то антрацитово-черного оттенка, да еще с какой-то нездоровой искоркой внутри. Может, это признак семейной шизы, которую я наблюдал у Эри? Вполне вероятно…
– Я хочу знать, что произошло. Подробно! – резко вынырнул из своих раздумий князь.
Всего-то? Я и сам был бы не прочь узнать подробности. Но кто ж мне скажет… Так что придется князю довольствоваться малым…
– Ну… если в двух словах… – мученически морщась, начал я свой рассказ. – В общем, я вызвал демона…
– Это я уже заметил, – язвительно перебил меня князь, – как, впрочем, и те, кто тащил его из подвала на костер!
– На костер?! – От услышанного я даже приподнял голову от подушки.
– На костер! Или ты думал, что он будет вонять в замке, ожидая того момента, когда ты встанешь и решишь немного прибраться в своей лаборатории?
На костер! Меня сожгли! Подумать только! Меня сожгли… Все… это конец…
– Эй, Эри! Эри! Очнись! – Князь пощелкал у меня перед носом пальцами, привлекая внимание. – Эри, ты где?
– Тут… – буркнул я, выходя из ступора.
– Ты чего так опечалился? – спросил князь.
– Ну… он… это… он ведь был почти мой!
– Кто?
– Демон!
– Понятно, – хмыкнул князь. – А скажи-ка мне, сын мой, зачем это тебе понадобился демон?

Действительно, а на фига Эри демон? Помню, что он хотел сделать из меня слугу… Но вот для чего конкретно я ему был нужен? Как-то он не успел просветить меня в этом вопросе… Нужно сказать князю что-нибудь нейтральное… А можно ничего не говорить! Пусть сам догадается!
Я молча пожал плечами.
– Надеюсь, это никак не связано с твоей помолвкой? – не дождавшись ответа, спросил князь, пристально глядя на меня.
Оба-на! У меня тут, значит, свадьба на носу, Сихот меня подери! И когда? Можно попытаться узнать…
– Почему это должно быть как-то связано с моей помолвкой? – сделав угрюмое лицо, спросил я.
– Не придуривайся, Эри! Я же вижу тебя насквозь! Неужели ты призвал демона в надежде повлиять на мое решение?
На его решение! Похоже, Эри хотел жениться так же, как и я сейчас… Понятно.
– Ты ошибаешься… Это должен был быть подарок… Невесте… – буркнул я.
Князь изумленно вздернул вверх брови и вдруг захохотал:
– Ха-ха-ха! Ой, не могу! Подарок невесте! Ха-ха-ха! Хотел бы я посмотреть на рожу Гессена, когда бы ты вытащил свой подарочек! – смеялся князь. – Да и доченька его ненормальная тоже, наверное бы, изумилась! Ну насмешил! – Князь от избытка чувств хлопнул себя по колену.
– Ненормальная?
– Да не обращай внимания! Бабы, они все с вывихом в голове! Просто вместо того чтобы, как все девицы, сидеть и вышивать или на мандолинке дрынькать, твоя любит с мечами скакать. Все неймется ей! Хочет, видно, отцу сына заменить. Гессен ведь так и не сподобился себе наследника сделать! – снова хохотнул князь.
Невеста – амазонка? Феерично…
– Может, все-таки обойдемся без женитьбы? – пользуясь весельем князя, закинул я удочку.
– Опять ты за свое! – Веселье с князя слетело моментом. – Тебе что, княжество не нужно?
– Почему не нужно? Нужно… Просто, может, отложить помолвку? Скажем, на год? – предложил я.
– На год? Я же тебе уже говорил, что к зиме сосед Гессена, князь Седрик, добьет этого неудачника Галиндо! – возмущенно сказал князь.
– И… что из этого следует? – спросил я.
– Как что?! Ты опять, что ли, все забыл? Из этого следует, что он освободится и следующей весной нападет на Гессена! Я тебе говорил.
– А при чем тут моя помолвка?
– Совсем не соображаешь? Тогда Седрику придется воевать против нас и Гессена! А на это он не пойдет!
– Почему?
– Ну, он хоть и дурак, а со здравым смыслом у него все в порядке. Меня одного ему не одолеть, а уж нас с Гессеном на пару – тем более! – Князь встал и подошел к окну, повернувшись ко мне спиной. – Поэтому, выдав Фелию замуж за тебя, Гессен спасет себя и дочь, а ты получишь княжество. Что тут неясного? – Князь обернулся ко мне.
– И жену в подарок…
– Поверь, это не такая уж большая плата. Потом, судя по портретам, Фелия не так уж и дурна… Не понимаю, чего ты так упираешься… – обернулся ко мне новообретенный отец.
Судя по портретам! Значит, я ее живьем не видел. А если предложить другой вариант?
– А если подождать, пока Седрик прибьет Гессена, и сразу напасть на него? Его войска будут ослаблены потерями и окажутся легкой добычей. Тогда мы сможем захватить сразу земли Седрика и Гессена! И будем сами всем владеть, без родственников, – предложил я.
– Хм… мысль, конечно, неплохая, но ты не учитываешь один момент. Смотри – владения Гессена сначала будет топтать армия Седрика, а потом мы. И что от него останется? Тебе нужно разоренное княжество? Я полагаю, что нет. Подумать страшно, сколько потом понадобится денег, чтобы все восстановить… Нет, это плохая идея, – покачал головой князь.
– А земли Седрика? – сделал последнюю попытку я.
– А! У него, кроме снега, ничего нет, – махнул рукой князь. – Он поэтому и воюет, что у него жрать нечего.
М-да, местный геополитический расклад понятен…
– Так что вопрос с твоей помолвкой решен! А осенью Фелия выйдет за тебя замуж. И я больше не хочу слушать от тебя никаких возражений!
– А Фелия согласна?

– При чем тут Фелия? Ее отец согласен! Он прекрасно понимает, что, если она за тебя не выйдет, тогда она выйдет за солдат Седрика, причем за всех сразу! Так что ее согласие тут никого не интересует. Да и вообще… Чего это ты озаботился ее согласием? – с недоумением в голосе спросил князь.
– Ну… мне вроде жизнь с ней жить…
– Ха! Кто тебя заставляет с ней жить? Посадишь ее в башню и живи в свое удовольствие! Я смотрю, у тебя в голове полный бардак. Ты что, наслушался историй про благородных рыцарей?
– Да нет… – Я пожал плечами.
– А если нет, то тогда выкидывай розовые сопли из головы и займись делом!
– Каким? – поднял я глаза на князя.
– Приведи себя в порядок! Помойся, подстригись, наконец! Да и одежду смени! А то ходишь по замку нечесаный, в драной черной хламиде, смотреть уже нет сил! Ногти подстриги!
Я поднес к глазам пальцы правой руки. М-да, ну и когти! Еще и грязь под ними. Фу! И тело чешется… Он что, тут вообще не мылся?
– Быть темным магом это вовсе не значит ходить с метровыми ногтями в вонючей черной мантии, распугивая запахом прислугу! – продолжил читать мне нотацию князь.
Темным магом? Я темный маг? Просто замечательно! Что я еще узнаю интересного?
– В конце концов, ты почти князь! Сколько можно тебе это повторять! – гневно закончил князь. – Эри, ты меня слышишь?
– Слышу… – уныло протянул я.
– А если слышишь, то выполняй! Бери пример со своего старшего брата, который уже…
– Да понял я, понял! – прервал я его.
– Не смей меня перебивать! Я твой отец и поэтому изволь проявлять ко мне должное уважение! Мне надоело твое отношение к жизни! Все, хватит! Больше никакой магии до помолвки! Все твои книги я забрал, а подвал закрыл! Достаточно мне всяких неожиданностей! Еще не хватало, чтобы в один прекрасный день оттуда полезли полчища нечисти, приглашенные моим сыном на обед. Обед, на котором мы все будем главными блюдами!! Магия отныне только с наставником! Ты меня понял?! – Под конец князь уже орал.
– Понял… – буркнул я.
– Не слышу! Громче!
– Понял!
– А если понял, то выполняй! И только попробуй еще раз огорчить меня! – Князь подскочил и быстрым шагом вышел из комнаты, напоследок громко хлопнув дверью.
М-да… Высокие отношения! Родственничек… Сихот меня побери, подумал я, откидываясь на подушку и закрывая глаза. А как все хорошо начиналось…
Я невольно вздохнул, припоминая цепь событий, приведших меня сюда. В тот день, когда отец позвал меня к себе, я бил баклуши, предаваясь любимому развлечению – охоте на спайклов. Спайклы – это наша летающая дичь. На Земле эти птицы, пожалуй, по размерам соответствуют гусям. Только, в отличие от земных охотников, сидящих на земле и истерично пуляющих во все, что движется, наша охота состоит в непосредственном преследовании каждого спайкла с последующим сворачиванием тому шеи. Спайклы летают не очень быстро, так что за ними могут угнаться даже такие крупные крыланы, как демоны. Особенно если они молоды и не из дома Разрушителей или Золотых. Этим тушам вообще сложно удержаться в воздухе, не говоря уже об охоте за спайклом. Но и для шустрых демонов вроде меня поймать спайкла совсем не простая задача. Эти разноцветные заразы тоже хотят жить. А инстинкт самосохранения, как известно, резко обостряет ум. Пытаясь выжить, спайклы придумали селиться в каменных дольменах, которыми щедро уставлены пустоши Эсферато. Видно, сообразив, что скорость не их конек, спайклы сделали ставку на увертливость. Поэтому охота за ними превращалась в азартную погоню с крутыми поворотами, торможениями, проскакиванием на скорости сквозь щели между скалами и прочими акробатическими трюками.
– Бассо, ты где? – Неожиданно раздавшийся в голове голос отца заставил меня притормозить, что позволило почти пойманному спайклу нырнуть в очередную расщелину.
Шагес шах! – ругнулся я про себя и ответил:
– На плато. Спайклов гоняю!
– Делать тебе больше нечего! Давай бросай это занятие и лети ко мне. Я жду тебя в кабинете!
– Хорошо, сейчас буду! – сказал я отцу и, с сожалением проводив взглядом улепетывающего во все крылья спайкла, развернулся к замку.
Через час я был дома.

– Привет! – сказал я, заходя в кабинет отца. Он, как обычно, что-то читал.
– Привет, привет! И когда ты думаешь начать взрослеть? – спросил меня отец, выглядывая из-за листа бумаги…
– Э… а что? – осторожно спросил я.
– Ходят слухи, что спайклы скоро перейдут в разряд легендарных животных.
– Это как? – не понял я.
– Они кончатся. Благодаря тебе, – усмехнулся отец.
– Ой, да ладно! Там еще на тыщу лет хватит. Знаешь, какие они увертливые?
– Знаю, знаю. Сам гонял. Однако нельзя провести жизнь, занимаясь только охотой на спайклов! – Родитель назидательно поднял вверх палец.
– Возможно. Но это никем не проверенный факт! – возразил я, тоже поднимая вверх палец.
– Так ты собираешься проверить? – Отец наклонил голову и с прищуром посмотрел на меня.
– Вообще-то нет, но я хотел обратить твое внимание на этот момент.
– М-да, похоже, безделье влияет на уровень дури в твоей голове. Он непрерывно повышается… Поэтому, чтобы не произошло переливания через край и несчастья в виде утопления твоего мозга, я нашел тебе полезное занятие… – Родитель сделал паузу и уставился на меня.
Не дождавшись от меня никаких эмоций, отец хмыкнул и продолжил:
– Я решил отправить тебя в экспедицию!
Куда? В экспедицию? Я аж подпрыгнул! Чего не ожидал так не ожидал!
– Я вижу, ты не против… – усмехнулся отец.
– Совершенно! – замотал я головой.
– Замечательно. Не хочешь спросить куда?
– В горы Клыков?
– Клыков? Хм… Бассо, если я узнаю, что тебя туда понесло, – поймаю, и потом не обижайся! Понятно?
– Понятно… Но там же Древние…
– Вот именно поэтому!
– А куда тогда? Надеюсь, это не экспедиция в библиотеку? – с закравшимся подозрением спросил я.
– Кхм, у тебя сплошные крайности. Если не к древним могилам, то в библиотеку! Хе-хе… Крайности – признак молодости… Хе-хе.
– Молодость – это такой недостаток, который быстро проходит! Сам говорил! И поэтому ее нужно провести весело и искрометно! – надулся я.
– В этом ты прав, – вздохнул отец и посмотрел в окно. – Вот я и решил немного добавить тебе ярких впечатлений… Ладно, шутки в сторону! – Родитель стал серьезным. – Наши маги в кои веки сподобились сделать что-то полезное. Недавно им удалось установить портал в новый мир…
– Вот это да! – Я невольно открыл рот от изумления. – Такого уже тыщи лет не было!
– Если точнее, то две тысячи двести лет, – сказал отец.
– И что теперь? Повелитель объявил поход? – жадно спросил я.
– Не так все просто… Во-первых, маги сказали, что канал нестабилен и просуществует примерно год, максимум полтора. Какие-то у них там проблемы с флуктуацией пространства… Какой тут поход! Маги обещали подшаманить, но надежды на них особой нет. Лично мне кажется, что у них руки не оттуда растут… – усмехнулся отец. – Верховному магу давно пора разогнать половину своих дармоедов, глядишь, дело бы и пошло. Ну да ладно, повелителю виднее! – продолжил он. – Но канал у магов вышел практически односторонний. Туда можно с собой что-то протащить, оттуда нет! Ко всему в открытом новомирье очень минимальный магический фон. Можно сказать, что его там практически нет. Затевать экспансию без магии мы не можем, это даже и спайклам понятно, поэтому сегодня повелитель скрепя сердце признал открытый мир бесперспективным в плане вторжения. Он объявлен представляющим интерес только для исследований. Повелитель приказал отправить туда несколько экспедиций, может, попадется что-то путное. Я решил послать с одной из этих экспедиций тебя. Как ты на это смотришь? – обратился он ко мне.
Вот это да! Меня – в новый мир! С ума сойти!
– А-а… – только и смог сказать я.
– Следует расценивать этот звук как согласие? – усмехнулся отец.
– А моя учеба? – неожиданно для себя выдал я совершенно не к месту дурацкий вопрос.
– Учеба? Вот уж не думал, что ты вспомнишь об этом. Неужели-таки университет выполняет свое предназначение? – с удивлением в голосе спросил отец.

Нужно тут пояснить, что в истории Эсферато были неприятные страницы, приведшие к созданию университета. Как-то из сопредельного измерения неожиданно к нам завалилась толпа вечно голодных и помешанных на убийстве тварей. То ли нам не повезло, то ли твари все так удачно рассчитали, но портал они открыли точнехонько в замке тогдашнего повелителя. Его сожрали первым, потом и придворных. Все дома Эсферато, ощутив гибель повелителя, опьяненные чувством свободы и безнаказанности, вместо организации отпора захватчикам, занялись более насущными и интересными делами. Необходимость которых назревала сотни лет – сведение счетов и захват чужого добра. Веселуха тогда была полная. Наши жрали друг друга, твари жрали наших, и все это происходило в таком быстром темпе, что вопрос о спасении Эсферато встал с неожиданно пугающей остротой. Не появись тогда новый повелитель, кончилось бы все это наверняка очень плачевно. Повелителю удалось вразумить особо буйных из наших, собрать оставшихся под свои знамена и вломить захватчикам по первое число. Агрессоров выбили, портал запечатали, но обошлось это все ой как недешево. Посчитав потери и осмыслив произошедшее, новый повелитель приказал создать университет, дабы повысить у своих подданных уровень терпимости друг к другу и воспитать тягу к деятельности на общее благо. Теперь все молодые демоны из всех домов без исключения должны проходить обучение в этом университете… Учить там толком ничему не учат, да это и неудивительно. Кто же согласится открывать свои секреты! А вот мирному сосуществованию и взаимодействию на благо государства пытаются научить. Повелитель надеется, что если еще раз приключится такая ситуация, то его подданные сначала порвут на ленточки врагов и только потом начнут резать друг друга. Главное, чтобы Эсферато уцелел, а то править негде будет!
– Ну, не то чтобы я люблю университет, но ты же знаешь, как там строго с прогулами, – ответил я отцу.
– Знаю. Но ты не волнуйся. В новом и нашем мире время идет по-разному. Примерно пять лет там за наш один месяц. Так что успеешь.
– Ого! А чего так?
– Маги его знают, – махнул рукой отец.
– Ага, понятно… – глубокомысленно сказал я.
– Понятно? Хм. Мне вот ничего не понятно, – хмыкнул отец, – ну да ладно! Перейдем, собственно, к экспедиции. Ее решил возглавить сам верховный маг, так что о своевременности своего возвращения не беспокойся. Я не сомневаюсь, что он способен отследить состояние портала и сообразить, когда и что нужно делать. Когда дело касается его личной безопасности, тут я совершенно уверен в его умственных способностях. Твоей основной задачей в новомирье будет знакомство с историей, обычаями и главное – развлечениями местных жителей. Повелитель опять хандрит, а развлекать его с каждым столетием становится все сложнее и сложнее… – Отец задумчиво забарабанил пальцами по столу, уйдя в свои мысли.
– Гм… – напомнил я о себе, прерывая затянувшуюся паузу.
– Да, с местными развлечениями… Собирай все, что покажется мало-мальски ценным! Короче, греби все подряд, потом разбираться будем… Говорят, что там совершенно невероятный мир. Местные очень искусны в обработке металла и понаделали всяких механизмов, которые используются у них вместо магии. Главный маг и рвется-то туда, чтобы на все это глянуть. Наверное, мысль о мире без магии ему как нож в сердце. – Родитель снова усмехнулся.
– Отец, а ты сам не хочешь поехать? Ты бы наверняка лучше меня там разобрался, – предложил я.
– Хотелось бы, да не могу. Повелителя опять одолевает скука, соседи, как обычно, интригуют… К сожалению, нужно заниматься делами. Так что начинай разбираться сам. Пора уже взрослеть, Бассо! И спайклы целее будут, – улыбнулся мне отец.
Так вот совершенно неожиданно для себя я попал в экспедицию. Потом последовало несколько суматошных недель подготовки. Пожалуй, сложнее всего было внутренне перестроиться. В принципе у всех жителей Эсферато есть способность к частичной модификации своего тела, но только наш дом владеет этим искусством в совершенстве. Оттого мы и дом Изменчивых. В этот раз требовалась память, память и еще раз память. Утащить на себе что-то материальное из нового мира не представлялось возможным ввиду «кривизны» канала, созданного магами, поэтому главной добычей экспедиции должна была стать информация. Две недели я под наблюдением отца занимался своим изменением. Поскольку ситуация была «время не ждет», делалось все в ускоренном темпе. Расплатой стали непрерывные головные боли и передвижение по стеночке. Личины иномирцев мы натягивали уже под присмотром верховного мага и его команды. Пока мы занимались прилаживанием маскировки, у меня не раз был повод вспомнить отцовский комментарий про руки магов, и каждый раз меня пробивало на хи-хи. Верховный косился на меня, но

молчал. То ли занес меня в свой личный список придурков, то ли решил не связываться с сыном главы одного из могущественных домов… В общем, у меня создалось впечатление, что верховный маг пытался олицетворять собой великотерпение, обладатель которого не опускается до проблем мелких личностей вроде нас. Правда, раз он все-таки вышел из себя. Это случилось, когда к нам приперлись представители дома Разрушителей с полной уверенностью, что они тоже участвуют в экспедиции. У верховного в этот день и так было неважное настроение, а тут еще могучие, но простые, как копыто, Разрушители. Когда начальник экспедиции увидел эти туши и узнал, зачем они здесь, то он не выдержал и разорался, что он, конечно, невероятно велик и могуч, но все же не настолько, чтобы сложить их вшестеро, дабы они хоть отдаленно стали напоминать трехметровых землян. Разрушители сопели и долго не могли въехать, что шлагбаум перед ними закрыт. Потом наконец до них дошло, и они сделали то, что у них получалось быстрее всего, – они обиделись. Не, наш верховный маг, безусловно, невыразимо крут, но лично я не хотел бы иметь во врагах Разрушителей. Но самый писк произошел примерно полчаса спустя, как утопали разобиженные Разрушители. Едва верховный начал успокаиваться, как в дверях нарисовался дом Золотых. А эти ребята по комплекции совсем не уступают Разрушителям, разве только чуть менее непосредственны. Они тоже собрались в экспедицию. Когда я дал отцу просмотреть из своей памяти беседу верховного мага с Золотыми, он просто сполз с кресла на пол от смеха.

– Какая прелесть! Экспедиция еще не началась, а уже такой материал! Думаю, увидев это, повелитель отложит свою хандру! – отсмеявшись, сказал отец.

Подготовка закончилась ускоренным изучением языка аборигенов, и ровно в конце третьей недели мы, увешанные сумками с золотыми пластинками и с разламывающимися от боли головами, шагнули в портал, связывающий миры…

Первое ощущение по прибытии – пустота. Нет чего-то привычного. То ли звуков, то ли запаха… Потом до меня дошло – магии! Эфирные потоки манны совсем не ощущаются. Непривычно. Я, пожалуй, до конца так и не смог привыкнуть к этой пустоте… Встречала нас команда разведчиков, прибывшая в этот мир перед нами. Тут я впервые увидел автомобиль. Как оказалось потом, это было только началом тех невероятных штуковин и штукенций, которые есть на Земле. По пути к нашему жилью разведчики сразу начали пичкать нас свежедобытой информацией. Страна, на территории которой находился портал, называлась Россия, и как говорили местные: тут бардак. Как выяснилось потом, бардак – это для нас очень даже неплохо. Золотые пластинки, которые мы притащили с собой, очень легко меняются на всякие местные нужности без лишних вопросов. Начиная от денег и заканчивая документами. В общем, как показало время, подготовились к экспедиции мы хорошо. Единственное, с чем мы прогадали, так это с языком. Русский язык оказался не самым распространенным в этом мире. Однако с моей измененной памятью изучение других языков было не проблемой. Лично для меня основной трудностью стало общение. Я долгое время видел в аборигенах только низших, что никак не способствовало плодотворному сотрудничеству между нами.

Первые несколько лет на этой почве у меня были непрерывные конфликты. Я молодой демон, и личина, надетая на меня для маскировки, отразила юность моей души. Поэтому на Земле я выглядел юношей лет девятнадцати и крутился в студенческой среде, используя ее как прикрытие. Но, как оказалось, студенты – народ простой, с массой энергии и непосредственной реакцией. Пока я обживался, мне постоянно кто-то хотел набить морду или пытался это сделать. Уже потом, изменив свой подход к аборигенам, я решил свою проблему общения с низшими. Правда, от придуманной каким-то острословом кликухи Прибалт избавиться мне не удалось. Но это, в общем, так, мелочи, а по большому счету новый мир произвел на меня незабываемое впечатление. Столько живых, столько стран! Все бурлит, клокочет, постоянно где-то что-то происходит! Столько жизни! Наш мир по сравнению с Землей – скучное зеленое болото. А все эти технические штукенции! Не, магия, конечно, это вещь, но уровень умений землян тоже можно назвать магией. Причем, пожалуй, не хуже нашей. Верховный маг вообще первое время ходил в прострации, потом оклемался и начал где-то пропадать. Рожа у него стала хитрющая-хитрющая! И предовольная. Наверное, нарыл что-нибудь ценное. Я тоже рыл. Благо было где. Интернет потрясающ! Какая классная штука! Я прямо пожалел, что в Эсферато нет такого. Правда, по-первости в Сети меня сильно напрягало то, какое значение аборигены придают вопросам размножения. Постоянно на экран вылезали полуголые и совсем голые местные самки. По одной или в компании с голыми самцами. Это я уже потом понял, что самое большое значение на Земле придается не размножению, а деньгам. И все эти картинки всего лишь один из способов их добычи. А тогда я честно запоминал все виденное, становясь экспертом в вопросах эротики и не совсем эротики. Нужно сказать, что с местными самками у меня было достаточно много проблем. Моя внешность оказалась, на их взгляд,

привлекательной. Еще более привлекательным для них, как я понял, было у меня наличие денег. Поэтому я постоянно имел переизбыток ненужного мне внимания со стороны, как тут говорят, прекрасного пола. Наши за моей спиной ржали и муссировали тему «Неплохо было бы провести эксперимент по близкому общению с самками новомирцев и положить этот бесценный опыт в копилку экспедиции». Хотя разговоры велись в отвлеченно-обезличенной форме, намеки были понятны.
Однако придраться было не к чему и повода дать в морду тоже, поэтому приходилось терпеть. Конечно, это не способствовало улучшению моих отношений с прекрасным полом. Да я вообще не хотел иметь с ними никаких отношений! Я демон, а не суккуб-извращенец! И с низшими не собираюсь… Это же как с животными! Но дамы этого не знали и постоянно пытались наладить со мной контакт. В конце концов я научился их отшивать, не вызывая подозрений своим нестандартным поведением. Как? Стал прикидываться местным извращенцем. Это их так огорчало, что будь я добрее, я бы, пожалуй, плакал каждый раз, когда сообщал им, что я голубой. Вообще надо сказать, что самкам в этом мире многое позволено. Когда я наткнулся в Сети на статьи о феминизме, я честно поначалу думал, что очень удачно нарыл забавную юмористическую тему. Ну разве не смешно, когда одного профессора судят за то, что он слишком пристально смотрел на свою студентку – «за излишний визуальный контакт», а другого преподавателя – за то, что он вообще не смотрел на свою студентку – за недостаток визуального контакта? Прикинул, как я расскажу этот анекдот в нашем университете, и чуть не упал со стула от смеха, представив выражение морд Разрушителей, обдумывающих услышанное. Однако оказалось, что феминизм не шутка, а местная реальность. Когда я это понял, в голову мою пришла одна только мысль – ненормальные! Вообще, у меня было много поводов сказать это слово.
Я греб все подряд – историю, литературу. Там было столько не укладывающегося в голове, что прямо хоть стой, хоть падай! Кино и телевидение вызвали у меня не менее ошеломляющее чувство, чем Интернет. Вот что нужно повелителю! Когда вернусь домой, буду просить его, чтобы он заставил своих магов сделать нормальный двухсторонний канал с Землей. Тут столько развлекухи, что проблема хандры повелителя не будет актуальна, наверное, с тысячу лет! Потом я увлекся местной музыкой. Впервые услышав тяжелый рок, я под марш мурашек на своей спине понял – это музыка демонов! Пожалуй, это стало одним из моих самых сильных впечатлений. Настолько сильным, что я поступил в консерваторию и создал свою рок-группу. Дабы преуспеть, я, втихаря от верховного мага, потратил запас манны в амулете, взятом с собой с Эсферато. Изменил себе немного руки для улучшения подвижности пальцев и голосовые связки. Благодаря моим стараниям группа уверенно набирала популярность, и я, признаю, никогда не испытывал такого восторга, как занимаясь творчеством, разве что только от полета. Если бы не проблемы наших магов с руками, я бы приволок домой всю звуковую аппаратуру, до которой только бы смог дотянуться! Но поскольку это было невозможно, мне пришлось довольствоваться усиленным запоминанием слов и мелодий, в надежде повторить их впоследствии. Я, правда, попытался разузнать подробную технологию изготовления электрогитары и усилителя, чтобы сделать такую же дома. Но это был дохлый номер. В Сети я легко находил описания самых разных вещей, но как только дело касалось деталей, все тормозилось. Подробности знали, собственно, производители штуковенций, но в свободный доступ они их как-то не выкладывали. Я, конечно, понимаю их мотивы, но было чертовски досадно! Одно время я пытался найти людей, знающих технику, но оказалось, что процесс изготовления вроде самых обычных вещей имеет столько различных промежуточных операций, что одному человеку знать его весь просто невозможно. Расстроившись, я махнул на это рукой и дальше греб технологическую информацию по принципу «что попадется», делая основной упор на индустрию развлечений. Так в делах и заботах незаметно пролетели двенадцать лет моей жизни на Земле или два с небольшим месяца в Эсферато. Я играл в рок-группе, пытался засунуть себе в голову все развлечения Земли, и пора было уже потихоньку думать о возвращении домой, как тут этот дурацкий призыв! И вот я теперь избранный и спасаю мир, которого даже и не видел! Дурдом! Причем полный!

Пум! Хлопнула дверь, прерывая мои воспоминания. Шаги. Две пары ног. Опять кого-то несет… Неохота даже глаза открывать. Видеть никого не хочу…
– Господин княжич, – громкий шепот, – вы спите?
Открываю глаз. Служанка. И с ней какая-то тетка с недовольной миной и поджатыми губами. Кто такая? Не помню…
– Господин княжич, целительнице нужно осмотреть вас!
Целительница? А чего это она такая кислая, эта целительница? Живот болит? Или я ей не нравлюсь? С таким кислым лицом к пациентам ходить – низкий класс. Зачем мне

низкоклассная целительница? Не надо! Пусть идет коров лечит! Отрицательно качаю головой.
– Но, господин княжич, вам нужно поправить здоровье! – Голос служанки стал просительно жалобным.
– Вон!
– Что? – испуганно спросила служанка, а выражение на лице целительницы стало кисло-изумленным.
– Вон! Все вон! – неожиданно для себя заорал я, приподнявшись на локте и другой рукой указывая на дверь.
Секундная пауза, и посетительницы устремляются к выходу. Служанка торопливо и испуганно, а целительница с видом оскорбленного достоинства.
– Вон! – еще раз шепотом повторил я и плюхнулся на кровать, поглубже зарываясь в одеяло. Меня била дрожь. Сихот меня побери! Сорвался! Это, наверное, у меня уже крыша едет. Столько впечатлений за последнее время и каждое как удар ниже пояса! Так и с ума сойти недолго. Один разговор с Хель чего стоил! Видно, она загнала меня в это тело! Больше некому. Она же намекала мне, что не один я умею шутить. Вот и пошутила! Что ж, шутка ей удалась на славу! Что может быть смешнее демона в теле низшего? Такого никто даже убивать не станет. Оставят на потеху…
Гадина! Я с силой сжал челюсти. Ладно, у меня еще будет возможность отыграться! Спасу я тебе мир – щас, размечталась! Калоши только надену… Калоши? Что за калоши? Несколько мгновений я пытался вспомнить, что такое калоши. После некоторого усилия вспомнил. Потом несколько мгновений лежал без единой мысли в голове, тупо разглядывая потолок. Калоши… Похоже, дело дрянь. В голову лезет всякая чушь, которая должна была тихо и спокойно лежать в памяти… Калоши… И что же мне делать? Что делать, что делать… На первый взгляд у меня есть следующие варианты – просто сдохнуть, отомстить и сдохнуть, и… и… ну и слинять отсюда, и не сдохнуть. А самый лучший вариант – отомстить и слинять! Отомстить и слинять… Как отомстить – понятно. А вот как слинять? Совершенно непонятно! Но если рассуждать логически – я ведь как-то сюда попал? То есть возможность попадания сюда есть. Значит… Тогда, значит… Что? А это значит, что для начала нужно узнать, как меня сюда призвали, и посмотреть, как сделать то же самое только в другую сторону! Правильно? Правильно! А как это узнать? У того, кто это сделал! А кто это сделал? Эри! Но его уже нет… А я в его теле… Ну и что? Может, что-то осталось у меня в голове от его памяти? Вполне возможно… Потом, когда он меня призвал, у него была книга, за которой он прятался. Не думаю, что он сам додумался до формулы призыва. Наверняка прочел в книге! А ну как в ней все и написано? Очень даже вероятно… Значит, мне просто нужна та книга! Причем срочно! Может, все проблемы яйца выеденного не стоят? Йеесс! Мне нужна книга! А… а где она? Последний раз я ее видел в подвале… Бегом в подвал!
Я подскочил на постели и опустил ноги вниз. В ответ на резкое движение так же резко закружилась голова, и стены комнаты лихо крутанулись вокруг меня. От слабости меня пробила испарина.
– Сихот меня побери! – ругнулся я шепотом, пытаясь не упасть обратно в постель. Просто чудные ощущения! Не тело, а недоразумение. Как можно жить в таком? Я попытался оглядеться по сторонам. Однако мне это особо не удалось, поскольку, видно, уже свечерело и в комнате царил полумрак.
– Тут что, на свете экономят? – пробурчал я себе под нос и попытался перестроить зрение. Не тут-то было! Сумрак как стоял по углам комнаты, так и остался стоять.
Тьфу ты! Я же не в своем теле! Какое-то убожество, а не глаза! Ладно, подсветим по-другому!
Я взмахнул правой рукой, разворачивая ее ладонью вверх, для вызова малого шара огня.
– Ааа! Бжаса сахара ерк! – заорал я во весь голос эсфератское ругательство.
Руку обожгло огнем. Пытаясь уменьшить боль, я отчаянно затряс ею в воздухе.
– Это еще что за… – Я с ужасом и изумлением уставился на свою ладонь. Ладонь покраснела и вспухала прямо на глазах. На подушечках пальцев отчетливо были видны крупные черные подпалины. И они явственно дымились.
Расширенными глазами я смотрел на этот ужас, пытаясь понять, что произошло.
На меня кто-то напал? Или это какое-то охранное заклинание сработало? Я перешел в режим магического зрения, желая увидеть проявления волшбы вокруг меня, точнее попытался перейти…
На третьей попытке я понял, что ничего не вижу. Осознание этого произвело на меня просто ошеломительный эффект.

Я ничего не вижу! Этого же не может быть! Мысли галопом мчались в моей голове, поднимая волну паники и ужаса. Я что, потерял свою магию? Как же я буду тогда жить? Это же просто невозможно! Нет! Этого не может быть!
Я торопливо попытался создать сгусток огня. В этот раз боли не было. Ничего не было! Ни огня, ни боли. Как же так?! Я попытался еще раз. На десятом разе мне пришлось признать, что я не могу создать простейшее заклинание – сгусток огня. Еще полчаса попыток убедили меня в том, что я не могу создать вообще никакое заклинание!
– У меня нет магии! Это конец… – сказал я сам себе и обессиленно рухнул обратно в кровать, где через несколько мгновений забылся тяжелым сном.
Всю ночь мне снились кошмары. Во сне меня не пускали в Эсферато, я упрашивал, уговаривал, доказывал, что меня ждут, но ничего не помогало. Меня не пускали. Говорили, что я не демон, что у меня нет крыльев и я не умею летать. Я кричал, что это страшная ошибка, просил позвать отца, но привратники были неумолимы. Потом откуда-то появилась Хель, почему-то с белыми крыльями, и принялась демонстративно летать через границу, туда-сюда. При этом она гнусно ухмылялась и шипела: «Видишшшь, Бассо, я тоже умею шшшутить!»
В общем, ночь протекала феерично. Но, к счастью, во всех мирах есть одна одинаковость. И заключается она в том, что все когда-то кончается. Кончилась и моя тяжелая ночь, и я проснулся утром, ощущая себя неожиданно бодрым и готовым к подвигам и свершениям. Похоже, я пришел в себя ранним утром. Комната была еще не совсем освещена, но с каждым мгновением становилось светлее. Рядом с моей постелью, сидя на стуле, спала служанка.
Хм, работнички! Сдохнешь тут, никто и не заметит, подумал я и перевел взгляд со служанки на окно, за которым начинался новый день. Что ж, как говорится, утро вечера мудренее, попробуем еще раз. Я снова принялся экспериментировать с заклинаниями. Через некоторое время, попробовав так и сяк, я был вынужден признать, что действительно потерял способность создавать заклинания, и это никакой не сон.
Спокойно, только без паники! Примем это как данность. Магия была – магии нет! Вопрос – в чем причина? Минут пять я под сопение спящей на стуле служанки пытался вспомнить об известных мне случаях пропажи магии и ее восстановлении. Однако ничего радостного не вспомнил. Да, были в Эсферато такие случаи. Нечасто, но были. И конец у них был одинаков – если магия пропадала, то назад она уже не возвращалась. Еще у этих случаев была общая особенность – потерявший обычно переусердствовал, нещадно используя свои магические способности. Но я ведь ничего такого с магией не вытворял, чтобы довести себя до истощения! Что же изменилось?
Тело, неожиданно молнией мелькнула мысль. Чужое тело! И мир чужой! Точно! Наверно, тут просто все по-другому, а не так, как я привык! Ведь вчера мне руку обожгло магией! Ничего другого быть не могло! Значит, магия у меня есть, просто заклинание пошло наперекосяк! Точно! Уф! Напряжение буквально схлынуло с меня, оставив ощущение легкости и восторга.
Однако состояние эйфории продлилось недолго.
– Ну и чего я радуюсь? – спросил я сам себя. – Пользоваться-то ею я все равно не могу! Толку-то с того, что способности остались! Что же делать? Как же снова научиться пользоваться магией?
Я задумался.
А не переложить ли мне свои проблемы на чужие плечи? Ведь учил же кто-то Эри магии? Учил! Князь говорил про наставника. Да и сам мой новообретенный отец наверняка владеет магией. Стал бы он так наезжать на мага, пусть даже тот молодой и его сын, не имея в запасе парочки серьезных контраргументов? Я думаю, навряд ли. Так что пусть он меня и учит! Он должен быть в этом заинтересован. Отличная идея! Так и поступим! Только прежде чем идти к князю жаловаться на жизнь, нужно привести себя в порядок, выпить чашечку кофе… Тьфу! Опять какая-то ерунда в голову лезет! Ладно, с мозгами я буду потом разбираться, когда восстановлю свои магические способности, а сейчас не мешало бы позавтракать, да и помыться надо, а то уже все чешется! Секундочку! А как мне с князем общаться? Он же думает, что я его сын, а я даже не представляю манеру разговора Эри! Не бросится ли ему в глаза резкое изменение в поведении сына? Хотя… если Эри был не в ладах со своей головой, то наверняка закидоны у него и раньше случались. Так что князь особо поражаться не должен. Главное, чтобы чего чужого на магическом уровне не увидел. Но эту проверку я уже, похоже, прошел, будучи в отключке. Наверняка меня осматривали, когда лечили. Если до сих пор никто ничего мне не сказал, значит, никто ничего и не заметил… Это хорошо. Для самоуспокоения буду считать себя по-прежнему в экспедиции, только не на Земле, а черт-те где. А там видно будет! А сейчас мыться, стричься и марафетиться!

– Грм! – издал я громкий звук.
– Ой! – подскочила на стуле разбуженная служанка.
Я молча смотрел на нее.
– А… господин княжич уже проснулся? Как вы себя чувствуете?
– Просто замечательно! Хочу поесть, помыться и подстричься!
– А… – Служанка открыла рот. – Как желаете! – Служанка закрыла рот.
Дальше полдня пролетели в хлопотах. Меня кормили завтраком, грели воду, мыли, стригли ногти, снова мыли. Потом появился человек с ножницами и спросил, какую бы мне хотелось прическу.
– Покороче! – отрезал я, и местный парикмахер, чуть слышно вздохнув, приступил к работе.
Потом наступил черед одевания. Мне притащили какие-то шмотки, и три служанки в шесть рук стали напяливать их на меня. Я молча терпел непритязательный сервис, рассуждая философски, что все когда-то заканчивается. В конце концов, меня одели и подвели к большому настенному зеркалу. Я взглянул в его тусклое отражение.
Из зеркала на меня смотрел невысокий молодой парень в темном камзоле с вышивкой, в штанах в тон камзолу и мягких кожаных сапожках. На боку – короткий клинок в черных ножнах. Темный шатен с большими темными глазами на бледном лице. Тонкие пальцы, тонкие руки, тонкие ноги, простое лицо.
Какое убожество, подумал я через пару секунд ознакомления со своей внешностью, – хилое, бледное, несчастное создание… Смотреть противно! И это теперь я? Как же я смогу отомстить, имея вместо нормального тела это недоразумение?
Я еще некоторое время разглядывал себя в зеркале. С каждым мгновением настроение у меня падало все ниже и ниже. Мне уже просто хотелось плюнуть в свое отражение.
– Господину княжичу нравится? – с заискивающими нотками в голосе спросила одна из одевавших меня служанок, видно забеспокоившись из-за моего долгого молчания.
– Нравится? Это? – Я оторвал взгляд от зеркала и мрачно посмотрел на нее.
– А что вам не нравится? Скажите, мы исправим… – растерянно пролепетала та.
– Лучше что, ничего не было? – спросил я, рукой оттягивая в сторону правую полу камзола.
– Э…э… это из вашего гардероба… Мы можем принести вам что-нибудь другое… Хотите? – ответила служанка.
– Потом! – поморщился я. Будут они опять на меня тут тряпки пялить! Убожество, а не камзол…
– Может, господин желает, чтобы его проводили в его комнату? – с радостью в голосе спросила служанка, видно обрадовавшись, что можно сменить тему разговора.
Хм… Да я и сам дойду… Или тут княжича за ручку водили? Ну ладно, пусть ведет, а то еще заплутаю здесь с непривычки.
– Проводи, – кивнул я, и мы направились по коридорам замка. Однако мы пришли не в ту комнату, где я лежал, а в другую, у дверей которой стоял охранник в легком кожаном доспехе.
Это куда мы, удивился я, потом неожиданно вспомнил: это же моя комната! И охрану я сам требовал поставить, чтоб никто не лазил. Странно у меня память себя ведет… Пока не увижу своими глазами – не вспомню!
Служанка отступила в сторону, освобождая мне дорогу к двери, стражник сделал движение типа «на караул», и они вдвоем уставились на меня, ожидая моих дальнейших действий.
Я молча шагнул мимо и толкнул рукой дверь. Она неожиданно легко повернулась на петлях, открывая моему взору обстановку комнаты. И запах. Ну и вонь! Ну и бардак! И я тут жил? Во всем этом? Точнее он тут жил?
Ну ни фига себе! Я перешагнул порог своей комнаты.
М-да… понятно, почему князь так вопил, требуя навести порядок, подумал я, разглядывая комнату. На столе и на полу стояли какие-то посудины с засохшей и заплесневелой едой в окружении объедков, валяющихся уже просто так, без посуды. На неубранной кровати и стульях висела грязная одежда, вид которой вызывал брезгливость и зуд по телу.
Единственным более-менее чистым местом был стол у запыленного окна. Видно, это было рабочее место Эри.
Ну и типчик был этот Эри! Из-за него в обращенных на меня взглядах окружающих вместе со страхом проскакивало порой отвращение…
– Иди сюда! – махнул я рукой служанке, исподтишка заглядывающей в комнату.
– Что желает… – начала было та, заходя в комнату и брезгливо приподнимая край юбки над полом.
– Убрать! – перебил ее я, делая широкий жест рукой. – Все убрать! Пол, окна помыть, постель поменять! Ясно?
– Как желаете… – растерянно произнесла служанка.

– Желаю побыстрее! А пока проводи меня к моему отцу! – выдал я следующее указание.
Служанка молча присела и, повернувшись, пошла к двери. Я последовал за ней, внимательно контролируя свою походку. Новое тело периодически путало ноги и теряло равновесие. Это не было для меня каким-то невероятным, новым ощущением, после изменения тело всегда ощущается несколько странно, но это сильно напрягает и требует повышенного внимания, что не способствует улучшению настроения… Служанка привела меня к дверям столовой. Оказалось, уже обед, и князь изволил трапезничать.
– Эри, это ты? – с неподдельным изумлением в голосе произнес князь, увидев меня входящим в зал. – Неужели ты решил почтить нас своим присутствием?
За столом рядом с князем сидела миловидная девушка лет двадцати со светлыми волосами и большими карими глазами. На ней было бежевое платье простого на вид покроя с глухим воротником. Девушка тоже с изумлением смотрела на меня.
Эдария! Моя старшая сестра… – внезапно сработала память. М-да… просто чудненько у меня с головой…
– Почему бы и нет? – небрежно ответил я на вопрос князя. – Надеюсь, у вас найдется еще один столовый прибор для меня?
– Хм… найдется. – Князь кивнул слуге, стоявшему рядом с ним. Тот быстренько метнулся куда-то в простенок и через мгновение выскочил с деревянным подносом в руках, на котором стояла посуда.
– Привет, Эда! – небрежно сказал я, усаживаясь за стол.
И так немаленькие глаза сестры стали еще больше.
– И тебе… привет… – с запинкой произнесла она.
– Чем тут нынче кормят? – спросил я, поддерживая светский разговор. – А то я страсть как проголодался!
– Сын, я тебя просто не узнаю! Ты, что ли, подстригся? – перебил меня князь. – Что с тобой?
– Ты же сам мне велел привести себя в порядок! Или я чего не так понял? – делая слегка изумленный вид, спросил я.
– А, ну да… – немного растерянно сказал князь.
– Ну вот я и привел себя в порядок! – сказал я, запуская ложку в первое.
Князь с сестрой обменялись странными взглядами, немного понаблюдали за мной и, убедившись, что я действительно ем, тоже приступили к прерванной трапезе.
Обед протекал далее в несколько напряженной обстановке. Присутствующие явно хотели поговорить со мной, но, видно, не представляли, о чем или с чего начать. Я к ним тоже не лез, стараясь не смущать, и занимался знакомством с местной кухней. Благо княжеский стол давал для этого неплохие возможности.
– Я хочу поговорить с тобой… Наедине… – сказал я, поймав на себе за десертом очередной изучающий взгляд князя.
– Хорошо. О чем?
– О грустном… – вздохнув, ответил я. Князь удивленно посмотрел на меня, но больше спрашивать ничего не стал. После обеда, оставив Эду доковыривать десерт, мы прошли с князем в его кабинет, где я печально поведал ему о своих проблемах с магией. Он сначала не поверил. Но видя мою серьезность, начал суетливо бегать вокруг меня и махать руками. Не знаю, чего он там делал, наверное, ауру исследовал. Потом стал орать, что у меня все нормально и мои дурацкие шутки совсем не смешные, а такими вещами не шутят! Дабы убедить его, что я не придумываю, я продемонстрировал, как у меня теперь получаются заклинания. Ничего не увидев, князь озадачился и принялся ставить на мне опыты, результат которых мне уже был заранее известен.
– Ну как такое могло случиться?! – спустя пять минут орал на меня нервно бегающий по комнате Шартон Аальст. – Нет, ты скажи мне! Ну как?!
– У меня была схватка с демоном, и мне кажется причина в этом… – обтекаемо предположил я.
– Схватка? С демоном?! С дурью со своей у тебя была схватка, а не с демоном! С дурью! – остановился бегающий по комнате князь. – Сколько раз я тебе говорил, чтобы сам ты ничего не придумывал! А? Говорил или нет? И ты меня послушал? И что теперь делать? Когда соседи узнают, что мой сын потерял магию? Ну?!
– Ничего я не терял!
– Не терял? А тогда чего ты мне тут рассказываешь?
– Я не терял! Просто у меня некоторые временные трудности. Магия у меня есть, но как-то не так себя ведет… Может, мне нужно немного позаниматься, начать с самых простых вещей… Я думаю, что все восстановится.
– Посмотрите на него! Он думает! А если не восстановится?

– Восстановится! – уверенным голосом сказал я и добавил: – Наверное, у меня это просто переход на новый уровень силы… после битвы с демоном!
– Чего? – Князь аж рот раскрыл. – Какой такой новый уровень силы? Что у тебя вообще в голове творится? Чему тебя Фестер учил? Не, ну это ж надо! Новый уровень силы! Нет, пусть Фестер сам посмотрит на своего ученичка!
Князь подскочил к стене и яростно принялся дергать за свисающий с потолка шнурок.
– Магистра ко мне! Немедленно! – заорал князь сунувшемуся в дверь слуге.
– Он уже здесь, господин! – поклонился тот.
– Зови! – махнул ему рукой князь.
В дверях нарисовался невероятно колоритный типаж. Пухленький, невысокого роста человек, абсолютно лысый, со свисающими щеками, бледной кожей и глубокими черными кругами под большими глазами. Одет он был в отделанный по краям серебряным шитьем камзол, на первый взгляд из черного бархата. Под камзолом белая рубаха без пуговиц, со стягивающим ее у ворота роскошным, хитро наверченным бантом. Пуговицы на камзоле тоже обшиты серебром. Ниже, до колен, мешковатые штанцы в цвет камзола, далее – белые чулки. На ногах черные тупоносые туфли с блестящими серебром пряжками.
Я чуть было не открыл рот, разглядывая это великолепие.
– Вот, Фестер, полюбуйся на это чудо! – протянул руку в мою сторону князь.
– Что случилось? – неожиданно писклявым голосом, совершенно не подходящим к его внешности, спросил Фестер.
– Случилось? – спросил малость успокоившийся князь. – Эри вызвал демона и теперь не может создать простейшее заклинание! И ты только послушай, что он мне тут наговорил! – Князь принялся с возмущением пересказывать нашу с ним послеобеденную беседу.
Фестер внимательно выслушал, кивнул, посмотрел на меня и сказал:
– Что ж, давай посмотрим!
Началась вторая серия с маханием надо мной руками и смелыми магическими экспериментами с моим участием.
– Странно, очень странно… Что же это приключилось с тобой, Эри? – через некоторое время спросил Фестер и, подойдя практически вплотную, принялся пристально вглядываться в мои глаза.
В гляделки со мной решил поиграть? Ну-ну. Я тут недавно с самой богиней играл. Она уж покруче тебя будет!
– Не знаю! – безмятежно сказал я.
Услышав, каким легкомысленным тоном это было произнесено, князь опять вскинулся:
– Нет, ты только посмотри на него! Он совершенно спокоен! Наделал делов и в ус не дует! А мне расхлебывай теперь все это! – Князь негодующе махнул рукой.
– Я думаю, господин князь, ничего страшного не произошло – пискляво и немного картавя сказал Фестер, задумчиво глядя на меня. – Магия его при нем. Мы оба с вами ее ощущаем. Я бы даже сказал, что она стала несколько ярче… Думаю, что тут дело просто в небольшом переутомлении. Вызвать демона – это ведь совсем не шутка! Не многим это удается. Удачный призыв – это показатель высокого уровня мастерства и, скорее, повод для гордости, чем для наказания. – В голосе Фестера появились нотки осуждения поведения князя.
– Да? А если бы он его сожрал? – ответил князь. – Вызвать демона это половина дела. С ним еще потом нужно совладать!
– Тут вы совершенно правы, господин князь! – Теперь осуждение в голосе Фестера было направлено в мою сторону. – С дисциплиной у Эри действительно плохо. Я неоднократно предупреждал его о возможных неприятных последствиях непродуманных действий!
– Вот именно, непродуманных! Демонов мы призывать уже умеем, но думать о последствиях своих поступков так и не научились! – сердито сказал князь.
– Я думаю, это проблемы возраста… – после небольшой паузы глубокомысленно пискнул Фестер.
– Я тоже надеюсь на это, – ответил ему князь, – но делать-то сейчас с ним чего?
– Предлагаю устроить вашему сыну небольшой отдых! – сказал Фестер. – Минимум занятий, но побольше движения на свежем воздухе!
– Хм… ты думаешь, это ему поможет? – с сомнением в голосе спросил князь.
– Думаю, что отдохнуть совсем не повредит. Вспомните, сколько он занимался последнее время, – ответил Фестер.
– Ну… может, ты и прав… – кивнув, задумчиво ответил князь. – Эри, ты слышал? – спросил он, обращаясь ко мне.
– Да я не против… – ответил я. – Я смогу немного потренироваться с мечом…
– Чего? – изумился Шартон Аальст. – Это тебе еще зачем? Ты же бегал от него как от огня!

– А что я буду делать на свежем воздухе? Цветочки, что ли, нюхать? Так хоть с пользой время проведу. Тем более что невеста у меня, сам сказал, мечами махать горазда! – ответил я.
– Так ты решил в первую брачную ночь с Фелией бой на мечах устроить? – иронично приподняв одну бровь, спросил князь. – Уж поверь мне, против новобрачной тебе понадобится совсем другое оружие!
– Всему свое время… – глубокомысленно ответил я ему на подколку.
– Ха-ха-ха-ха! – засмеялся князь. – Всему свое время! Ха-ха-ха!
Фестер тоже заулыбался. Я молчал, скорчив страдальческую физиономию – подросток в кругу придурочных взрослых.
– Ну ладно, – отсмеявшись, сказал князь, – надеюсь, физические упражнения на свежем воздухе прояснят тебе голову!
– Ну тогда я пойду? – Я исполнил легкий полупоклон, намекая на завершение разговора.
– А? Ну да, иди! – ответил князь, и я поплелся в свою комнату.
Там уборка была в самом разгаре. Лужи на полу, ведра воды, мешки с тряпьем на входе и довольный охранник, подглядывающий за моющими пол служанками. Все при деле. А мне-то куда податься? Пойду по замку бродить, решил я и, сделав многозначительное лицо, направился прочь от своей комнаты, исподтишка осматриваясь вокруг. Коридоры замка не впечатляли. Серые холодные каменные стены, факельное освещение, сквозняки. В общем, аскетизм и примитивность. В Эсферато у нас замок гораздо лучше, просто ни в какое сравнение не идет!
Убожество, про себя скривился я, чуть не навернувшись на выщербленной каменной ступеньке. Что, дырку замазать нельзя? А-а-а! Тут, наверное, и цемента-то нет… Дикари! Хотя в Эсферато тоже цемента нет… Хм… А чем в Эсферато дырки в стенах замазывают? Я задумался, пытаясь припомнить, что там у нас вместо цемента…
– Эри! – вдруг кто-то окрикнул меня.
– Да? – обернулся я на звук голоса. А, сестренка!
– Ты куда идешь? – спросила Эда, выходя навстречу из соседнего коридора.
– Так, гуляю, – неопределенно махнув рукой, ответил я, – хочу подышать свежим воздухом…
– Может, возьмешь меня с собой? – как-то настороженно глядя на меня, спросила сестра.
– Да запросто, – ответил я, делая приглашающий жест. – Куда пойдем?
– Пойдем на башню. Свежего воздуха там предостаточно! – предложила Эда.
– Пойдем, – легко согласился я. Мне в общем-то все равно, куда идти. Интересно, почему она так подозрительно смотрит? Я вроде не кусаюсь… А может, Эри кусался? Тогда объяснимо. Или она что-то заподозрила? Тоже вполне возможно. Не расслабляться!
Пока мы шли по коридору до башни и поднимались вверх по винтовой лестнице, Эда не проронила ни слова. Я тоже на разговор не набивался, спокойно шел за ней, следил за своими ногами и глазел по сторонам. Вот и верхняя площадка. Яркий луч солнца ударил мне в глаза, на мгновение ослепляя. Солнце! Здорово! Люблю солнце! В Эсферато всегда солнечно!
В Эсферато…
– Приветствую господина и госпожу! – неожиданно прогудел голос откуда-то сзади и сверху.
Оборачиваюсь. Мужик в кожаной тужурке и таких же штанах, с блестящим медным горном на ремне через плечо. Стражник? Мм… нет, дозорный! – подсказала память.
– Оставь нас! – неожиданно сказала Эда, обращаясь к дозорному.
– Как изволите, госпожа! – ответил тот и, сдвинув свой горн за спину, начал спускаться по лестнице.
Не глядя больше на стражника, сестра развернулась к нему спиной и подошла к парапету башни. Легкий ветерок тут же принялся играть с ее светлыми волосами, создавая летящую паутинку. Эда молча глядела куда-то за горизонт, словно позабыв о моем присутствии. Кажется, сейчас будет неприятный разговор, почувствовал я, подходя к парапету башни и становясь рядом с сестрой. Ну, пусть начинает, посмотрим, что она мне хорошего скажет. Эда, однако, не торопилась начинать, и я, воспользовавшись возникшей паузой, принялся разглядывать открывавшуюся с башни панораму.
Вдали на фоне голубого неба выделялась синяя горная гряда. Пространство между ней и замком заполняли, сливаясь у гор в одну линию, желтые и зеленые участки земли. Наверное, леса и поля, подумал я и посмотрел направо. Там был город. Он начинался чуть ли не под стенами замка и уходил своими рыжими черепичными крышами дальше за реку. Она была широкой и блестела на солнце, напоминая о прохладе и свежести.
Интересно, глубокая или нет? Наверняка и рыба есть…
Додумать я не успел.

– Эри… я хотела тебя спросить… – начала Эда.
– М-да? – ответил я, отвлекаясь от созерцания окрестностей.
– Это правда, что ты убил служанку? – резко развернувшись ко мне лицом, спросила Эда.
– Не-а, – протянул я, – неправда!
– Да? – пытливо всматриваясь в мои глаза, спросила сестра.
– Ага, – кивнул головой я.
– А… а-а, а кто тогда?
– Ее убило чудовище… – глядя в глаза сестры, совершенно спокойно ответил я.
– Правда? – с облегчением в голосе спросила она.
– Правда! – ответил я.
А то, что этим чудовищем был твой брат, тебе знать не обязательно… Я ведь вроде сейчас за него, про себя подумал я.
– Ой, Эри, я так рада, что это неправда!
– Да? А почему? – спросил я ее.
– Ну… – сказала сестра и отвела глаза.
– И все-таки? – настоял я.
– Эри, я так боюсь за тебя, – ответила сестра, смотря в сторону, – последнее время ты совсем перестал быть похожим на моего младшего брата, которого я знала! Что с тобой происходит, Эри? – Сестра подняла на меня полные грусти глаза. – Скажи мне!
Что происходит, что происходит? Крыша у Эри едет, вот что происходит! Ну и что ей сказать?
Что бы такого придумать, чтобы я тут был ни при чем? О! Идея!
– Это магия, – ответил я, глядя на сестру.
– Что магия? – с недоумением спросила она.
– За все приходится платить, – со спокойным видом пожал я плечами, – занятия магией берут свою плату…
– Я так и знала, – воскликнула сестра, хлопнув от избытка чувств ладонью по каменному парапету, – сначала отец, теперь вот ты!
Да… Групповая семейная шизофрения? Или дурная наследственность? А собственно, не все ли равно? Мне-то какое дело? Я тут так, проездом…
– Я думаю, все будет хорошо! – уверенным голосом сказал я фразу-успокоилку.
– Правда? А я думаю, что дальше будет только хуже… – печальным голосом сказала сестра, теребя плетеный поясок на своем платье. – Иногда мне кажется, что это дурной сон. Что нужно только проснуться, и все будет, как прежде…
Так, Эда, похоже, собирается закончить разговор слезами! Если я не хочу, чтобы мне плакались в жилетку, нужно поговорить о чем-нибудь другом…
– А мне кажется, ты преувеличиваешь! – бодро сказал я. – Вот увидишь, скоро все образуется. Найдешь себе жениха, выйдешь замуж, заведешь хозяйство, и все твои нынешние тревоги через пару лет покажутся тебе смешными и надуманными!
– Замуж? – клюнула на смену разговора Эда. – Это за кого же?
– Ну прям так и не за кого! Мне же вот нашлась половинка. И тебе найдется!
– Я не хочу так! – нахмурилась сестра.
– Как так?
– Как кота в мешке! Я по любви хочу!
Хм, и тут все хотят по любви! На Земле с ней носятся, не зная, куда бы еще ее приткнуть, чтобы на ней заработать, и здесь, похоже, любовь – фэйворит фуд! Вот уж любители любви!
– А что плохого в практичном подходе? – спросил я. – Когда родители выбирают, наверное, в первую очередь о своих детях думают?
– Ничего ты, Эри, не понимаешь! Это их выбор, а я хочу сама выбрать!
– Ха! Тогда тебе нужна свобода, а не любовь! – ответил я.
– Это почему?
– Ну не я же произнес слово «сама»? А сама – это значит «сделала, как хочу»! Или свобода, если коротко. Или я неправ? – спросил я задумавшуюся сестру.
– Ну… может быть… Я как-то об этом не думала… – протянула та.
Вот и поразмысли, может, чего и придумаешь… Мне тоже нужно думать, как свалить отсюда. Не расслабляться, а думать, думать и думать! Ежесекундно, ежеминутно, ежечасно думать! Иначе придется исполнять дурацкое пророчество, на радость всяким вечноживущим…
– Эри, ты о чем задумался? – выдернула меня сестра из моих мыслей.
– Я? О своей невесте! – с ходу выдал я первое пришедшее в голову.
– Да? – заинтересованно спросила Эда. – И о чем же именно ты размышлял?
– Да вот гадаю, удастся ли мне научить ее бить в барабан и маршировать?

– Что? – изумленно сморгнула Эда.
– Да так… – ответил я.
– Зачем ей бить в барабан?
– В поход пойдет!
– Да ну тебя! Я серьезно его спрашиваю, а он дурака валяет! – обиделась сестра.
– Да че там! Ну, невеста! Две руки, две ноги, голова! А, ерунда все это! – отмахнулся я.
– Ну, Эри, как же ты не понимаешь! Свадьба – это ведь такой момент, которого каждая девушка ждет всю жизнь!
– Ну прям-таки и всю! Потом, это кажется не мой вариант! Уж меня-то она точно не ждала! – ответил я.
– Это ужасно, Эри! – искренне сказала сестра.
– Зато удобно! Не нужно носиться в поисках суженой, выяснять, любит она тебя или нет, каково ее приданое…
– Бедный Эри! – Сестра неожиданно протянула руку и погладила меня по голове. – Не переживай! Я буду молиться, чтобы Фелия оказалась хорошей девушкой и полюбила тебя…
– А я? А как же я? Кто за меня молиться будет? – уворачиваясь от ее руки, воскликнул я.
– Я буду молиться за вас обоих! – щедро пообещала Эда.
Что-то разговор принял какое-то душеспасительное направление, нужно завязывать с этими слезными речами…
– Слушай, Эда! Кажется, тут становится жарковато! Не пойти ли нам в тенек? – предложил я.
Солнце действительно припекало без всяких фантазий. В чистом небе не было ни облачка, и ничто не мешало ему изливать на землю свет и тепло.
Какое голубое небо! Я задрал голову к зениту. Эх, сейчас бы распахнуть крылья и махануть бы прямо с башни вверх, к солнцу! Как же давно я не летал!
– Хорошо, пойдем, – согласилась Эда. – Куда ты хочешь?
– Хочу посмотреть, как там у меня убрались в комнате, вроде уже должны были закончить, – ответил я.
– Ты навел порядок у себя в комнате? Не может быть! – воскликнула сестра. – Я тоже хочу посмотреть!
– Идем! – предложил я.
И мы пошли. Эда впереди, я на своих хитро заплетающихся ногах за ней. Спустились по лестнице башни, мимо кайфующего в прохладе наблюдателя с горном, минули пару коридоров, свернули несколько раз и оказались перед воином, охраняющим мою комнату.
– Прошу! – сказал я и распахнул дверь, пропуская сестру вперед.
Комната сияла свежевымытыми окнами, пахла мокрыми деревянными полами и чистым бельем. Из воздуха исчез запах помойки и ношеной одежды.
М-да… аскетичненько так. Я вновь оглядел обстановку комнаты. Особенно удались серые каменные стены. Интересно, а обшить их деревом недосуг было? Наверно, тут очень уютно зимними вечерами… Или тут зимы не бывает?
А это еще что? Мой взгляд упал на мольберт, сиротливо стоящий в углу комнаты. Откуда он тут взялся? Его что, служанки из-под тряпья выкопали?
Я подошел к мольберту. К нему был приколот лист бумаги, причем уже, видно, давно. Бумага выглядела пыльной и посеревшей. На ней был начат рисунок грифелем – одинокий путник, идущий по дороге к горизонту. Была какая-то печаль в слегка ссутуленной фигуре, в линиях, обозначающих закат…
Что-то знакомое, где-то я это уже видел… Только вот тут нужно не так!
Я взял с полочки мольберта грифель и провел им по рисунку, поправляя линию. И вот тут…
– Эри!
Я вздрогнул, когда мне сзади на плечи легли две легкие ладошки.
– Эри, ты снова будешь рисовать? – спросила меня сестра, разглядывая у меня из-за спины рисунок.
Рисовать? Я? Я никогда не рисовал!
– А я все твои рисунки сохранила! – продолжила между тем сестра, не видя моего замешательства.
– Возможно… – уклончиво ответил я, пытаясь справиться с охватившей меня растерянностью от неожиданно открывшегося у меня таланта.
– У тебя так хорошо получалось! А потом ты все забросил, занялся своей магией… – с грустью в голосе сказала Эда и, убрав руки с моих плеч, отошла от меня к столу у окна и принялась что-то разглядывать на нем.

Я подошел и встал рядом. Похоже, стол был единственным местом, по которому не прошлись тряпки служанок. Легкий слой пыли покрывал деревянную столешницу, стопку книг в зловещих черных обложках и писчий прибор на краю стола. Работницы, видимо, побоялись прикасаться ко всему этому, или им было запрещено тут убираться.
Книги! А нет ли среди них той, которая мне нужна?
Я с нетерпением протянул руку к стопке.
– Ах, Эри! – огорченно сказала сестра, увидев мой нетерпеливый жест. – Похоже, это действительно сильнее тебя…
– Да нет, ерунда, – сказал я, открывая взятую книгу, – просто мне нужно глянуть одну вещь…
Эда постояла, смотря на меня, и немного погодя сказала:
– Я тогда пойду?
– Угу… – промычал я, пытаясь разобраться, что значат закорючки, нацарапанные в книге.
Сестра вздохнула, грустно взглянула на меня и, повернувшись, ушла…

Солнце! Начинается новый день! Интересно, сегодня будет жарко или нет? Я размышлял, потягиваясь в своей кровати и наблюдая за лучами солнца на стене. Если будет жарко – неплохо…
Жара мне нравилась. Я мог целый день находиться на солнце и не испытывать при этом дискомфорта. Правда, для начала пару раз у меня обгорела и слезла кожа, но зато теперь я совсем не походил на то бледное существо, каким был Эри. Скорее, напоминал южан Земли, из Италии или еще каких солнечных мест. Загорелая кожа, карие блестящие глаза, темные волосы и белые зубы – типичный андалузец! Местные солнце не любили, хотя, как я понял, жили на севере и вроде бы должны были страдать от его недостатка. Как только начиналась жара, все дружно прятались в холодных стенах замка и носа не казали на улицу. Я их иногда даже называл про себя: вампирье. Такие же бледные и бескровные. Моя страсть к солнцу, похоже, вызывала недоумение, но особо никто не докапывался. Я был сыном князя, и чудачества мне положены по статусу. Прошло уже полгода, как я загремел сюда. Не скажу, что они были насыщены событиями, но и скучать мне не приходилось. Основное мое занятие в эти полгода – простые и незатейливые развлекухи, а именно: сживание со своим новым телом, поиск утерянной магии, ну и ознакомление с местными реалиями. Последние меня интересовали постольку-поскольку. Задерживаться тут я не собирался, поэтому получал в основном жизненно необходимые знания. Типа – туда не ходи, сюда ходи! Там снег башку оторвет! Тьфу ты, память моя! Меня больше волновали проблемы моего тела. Если о потере магии я мог еще забыть, отвлекшись на изучение того, куда меня занесло, или порисовать, то мое тело было всегда при мне. Эта слабость, медлительность и вялость движений, эта тормознутая реакция – все просто убивало! Я чувствовал себя больным инвалидом, лишенным даже надежды на выздоровление. Чтобы хоть как-то исправить ситуацию, я решил заняться физической подготовкой, чем вызвал немалое изумление у окружающих. Я не стал шифроваться и придумывать какие-то оправдания. Я сказал просто: хочу! И никто не стал перечить.
Князь, правда, немного повращал глазами, когда я озвучил ему свое желание, но вызвал командира гарнизона замка и велел обеспечить исполнение моей воли. Мне выделили двух инструкторов, умеющих размахивать железом, и напутствовали фразой навроде: флаг тебе в руки! Первое же занятие показало всю мою ущербность. У меня оказались слабые тонкие запястья, и грубо кованные железные палки, которые здесь назывались мечами, совершенно не держались в руке. Они были слишком тяжелые и постоянно норовили вывернуться из кисти. Кроме того, бой на мечах мне совершенно не понравился. Это действо даже в исполнении местных мастеров выглядело более чем убого. Мечи тут использовались скорее в качестве дубин, чем режущего оружия. Причина этого становилась понятна, стоило только взять их в руки. Качество! Просто ужас. В общем, через пару занятий с этими плоскими железками мне было совершенно ясно, что ловить тут нечего, и я сказал обучавшим меня мордоворотам: «Завязываем!» Судя по их ухмылкам, другого они от меня и не ожидали.
Однако мое предложение, последовавшее за этим, заставило их физиономии вытянуться. Просто предыдущим вечером я посидел, прикинул дальнейшее развитие событий и понял, что, если я хочу иметь здесь хоть какое-нибудь оружие, которым могу дать по зубам желающим, придется крутиться самому. В Эсферато мечи популярностью не пользуются. Основным нашим оружием являются когти, клыки и магия, но катающийся по земле клубок из двух сцепившихся демонов представляет собой неэстетичное и малоинформативное зрелище. Разобрать, кто как кого дерет когтями, крайне сложно, а о красоте ударов и стиле вонзания клыков говорить вообще не приходится. Поэтому для показательных боев на арене мы используем шагсс. Шагсс – это такая небольшая металлическая палка,

снабженная дополнительными частями на концах. Нажимаешь на кнопку и – шагсс-с! Она превращается в длинный блестящий металлический шест. На его концах можно установить клинки, острые наконечники или магические камни. Кому что нравится. Бой на шагссах выглядит потрясающе! Когда я на Земле первый раз увидел взлетающий грузовой вертолет, то на память мне сразу пришел Разрушитель с шагссом в руках. Это вам не мечами махать!
В университете я входил в первую тридцатку по боям на арене. В моих планах было перейти в следующем году в двадцатку, но серьезной преградой на пути этого желания стояли бойцы из дома Темных клинков. Техника боя у них просто невероятная! Поэтому, вспомнив свои университетские подвиги, я решил вернуться к знакомому мне оружию. Плюсом такого решения было то, что я мог тренироваться сам, не прибегая к услугам сомнительных инструкторов.
Шагсс мне тут, конечно, взять было негде, но я решил обойтись шестом из какого-нибудь легкого и твердого дерева. Насчет того что шест могли перерубить мечом, я особо не беспокоился. Ну, во-первых, я умел сражаться и с двумя короткими шагссами в руках. А во-вторых, видел я эти местные мечи! Не очень уверен, что ими можно что-нибудь перерубить. Расплющить – это да! А вот перерубить – вряд ли! Да и на всякий случай, на шест можно надеть какие-нибудь металлические кольца… Конечно, не очень удобно будет таскаться с длинным шестом, но что делать? Жизнь, она вообще штука, далекая от совершенства… Приняв решение, я сообщил своим учителям, что мечами мы больше не занимаемся, а мне нужен шест и спарринг-партнер, умеющий тоже махать шестом. Когда они это услышали, физиономии у них вытянулись, и они стали переглядываться друг с другом, словно пытаясь узнать, кто чего услышал. Как выяснилось, ничего они не услышали, а если и услышали, то мало что поняли. Про бой на шестах они отродясь не слыхали, и шестов у них в арсенале не было. Были только здоровущие копья. Пришлось, чертыхаясь про себя, шест делать самому. Ну не самому, конечно, но попытка втолковать местному столяру, как смастерить орудие, стала моей проблемой.
В итоге тот сделал мне несколько шестов. Три штуки – просто полированные сбалансированные палки из твердого дерева, и еще пару с широкими бронзовыми кольцами. Кольца делал местный кузнец. Тот ещё конструктор и технолог! А когда я свел вместе кузнеца и столяра для того, чтобы они обсудили совместную работу, дело вообще встало! Пришлось прибегнуть к угрозам. Обещания кар, готовых обрушиться на их голову, взбодрили эти организмы, и они начали суетиться. В общем, на изготовление хорошего шеста ушел почти месяц. Это на палку с надетыми на нее металлическими кольцами! С ума сойти… Пока местная промышленность осваивала новую для нее продукцию, я приступил к тренировкам. Партнера для меня так и не нашли, пришлось заниматься в гордом одиночестве под ироничные взгляды окружающих. После первого дня моих занятий на тренировку пришел князь, поглядеть на мои чудачества.
– Ну и зачем тебе эта палка? – спросил меня князь, понаблюдав за моими упражнениями.
– Я решил обзавестись посохом! – ответил я.
– Для чего?
– Ну, магу неплохо иметь посох… – уклончиво ответил я.
– Зачем магу посох? – удивился князь.
– Посох можно зарядить магией…
– Хм … – сказал князь, – а зачем ты тогда учишься им сражаться?
– А если возникнет такой момент, когда я не смогу использовать магию? Все подумают, что я беззащитен, а у меня посох есть! Если неожиданно врезать палкой по кумполу, мало никому не покажется! – отмазался я сочиненной на ходу бредовухой.
Князь похмыкал, покачал головой и пошел по своим делам. А я остался со своей палкой заниматься дальше. Поначалу дело шло очень плохо. Тело было незнакомым для меня, движения, которые я разучивал, были незнакомы для тела. Но я не отчаивался, я поставил перед собой цель – иметь оружие, и шел к ней, невзирая на ноющие мышцы и мозоли на руках. Первое время было очень тяжело, потом я втянулся, тело набрало сноровку и стало полегче. Пару месяцев спустя дело пошло на лад. Я уверенно размахивал шестом и выполнял более-менее простые связки между движениями. Однако в магии я не сдвинулся ни на шаг. Магистр Фестер списывал неудачи на то, что мне нужно отдыхать, и ни в какую не хотел общаться со мной. Похоже, он просто занимался какими-то своими делами, обрадовавшись возможности официально ничего не делать. Я особо не напирал, у меня хватало проблем с телом, да я и сам тренировался потихоньку. Получаться у меня ничего не получалось, но я надеялся на простой эффект перехода количества в качество.
Короче, к концу второго месяца, когда я наконец перестал запутываться в своих ногах, я решил, что пора заняться вопросом возвращения своих магических способностей вплотную. Я стал очень настойчив в своих просьбах, и Фестер наконец снизошел до меня. Для начала он попробовал сделать пару каких-то фокусов, видно, в надежде решить дело

по-быстрому. Однако это не прокатило, и магистр взялся за меня всерьез. Может, он решил, что это вызов ему? Не знаю… Я, впрочем, не возражал и рьяно выполнял все его задания и упражнения, в надежде быстрее вернуть себе утерянные способности. Первым результатом занятий стала моя отсиженная задница, на которой я сидел, предаваясь бесконечным медитациям и внутренним созерцаниям. Интересно, почему медитировать надо сидя в позе со скрещенными ногами? В Эсферато мы, помню, прекрасно делали это, уютно растянувшись на мягком матрасе. И ничего, медитировалось! Главное было не заснуть. Однако я не роптал, и к концу второго месяца занятий мой труд был вознагражден – я наконец смог увидеть ауру. Еще удалось восстановить способность управлять слабыми магическими потоками и видеть их. Но это все было бледной тенью моих предыдущих возможностей. Я так и не понял, что случилось со мной. Было подозрение, что мое демоническое тело имело более высокую магическую энергетику, чем теперешнее. Но в этом ли загвоздка и что делать исходя из этого знания, я не знал. Не мог же я подойти к Фестеру и сказать: «А вот когда я был демоном, у меня все получалось! А с вами – нет. Как вы думаете, в чем причина?»

Князь был очень недоволен моими успехами и Фестером, учитель был недоволен мной и докапывающимся до него князем, но я был круче всех! Я был недоволен ими всеми плюс еще всем миром сразу! Все были недовольны и раздражены. Однако подготовка к свадьбе не прекращалась. Мне усиленно шили разные праздничные облачения: свадебный костюм, парадный костюм, костюм для помолвки, костюм для охоты… Я просто изнурился примерять все эти тряпки! Фасоны были ужасные, ткани еще ужаснее, перспектива заиметь местную самку в жены выглядела совсем уж кошмарно. Теперь по распоряжению князя у меня в комнате висел портрет Фелии.

Это еще зачем? Для того, чтобы я привыкал, что ли? Фелия была нарисована в полный рост, видно, для того, чтобы у жениха не было сомнений в комплектации поставляемого товара. Судя по портрету, у невесты были вьющиеся каштановые волосы, стройная фигурка и милое личико.

Ну, если учесть фантазию художника, то ничего особенного! Я и не такую красавицу могу нарисовать!

Рисовал я теперь каждое утро. Это позволяло мне на некоторое время забыть о том, куда я попал. Я и не знал, что это так здорово – уметь рисовать! Сначала я пытался это делать вечерами, после всех остальных занятий. Однако после размахивания шестом у меня уставали руки и пальцы слабо держали грифель, да и свет вечером уже не тот. Поэтому по утрам я рисовал, после обеда махал шестом и танцевал, а вечером занимался магией. С танцами подсуетилась сестра. Похоже, ей было скучно, и, воспользовавшись моей свадьбой как предлогом, она как-то за обедом завела разговор о том, что неплохо бы мне подучиться, дабы не опозориться на своем свадебном балу. Я малость обалдел от перспективы после тренировок заниматься еще и танцами, поэтому промычал в тарелку ответ типа: «Обойдутся».

Князь, однако, похмыкал и сказал, да, мол, нечего нам позориться, не хватало еще, чтобы я на глазах у всех оторвал у невесты подол платья, наступив на него, так что давай – учись и не выделывайся! Я начал было активно сопротивляться, но князь закусил удила и попер вперед, не желая ничего слушать. Поняв, что в этот раз мне настоять на своем не удастся, я подумал, что пусть это будет экспедиционным моментом изучения местной культуры, и коль я сказал самому себе, что считаю себя в экспедиции, то нужно соглашаться. В общем, Эдарии при поддержке князя удалось заполучить меня в свои ручки. Сначала на радостях она утанцовывала меня до легкой невменяемости. Ничего стоящего я в этих танцах не обнаружил, как говорится, овчинка выделки не стоила. Так что я с месяц вообще еле ноги таскал. Потом Эда, видно, сама подустала и несколько снизила интенсивность занятий. Чтобы не чувствовать себя полным дураком за подневольным занятием, я себя успокаивал, что это разучивание танцев не для увеселения низших, а упражнения по координации движений для себя любимого. Для моих самозапутывающихся конечностей… Кроме танцев попутно удалось познакомиться с местными музыкальными инструментами. Вот это была чистая жуть! После электрогитары держать в руках что-то сделанное из дерева, кишок и волос животных? Кошмар! Не, я, конечно, знаю, что на Земле полно фанатов скрипок Страдивари и прочего деревянного зодчества. Но рок на кошачьих кишках не играют… Короче говоря, развлечения сами находили меня, так что скучать мне не приходилось. В замке жизнь в целом протекала скучно, как и во всякой деревне. Поэтому мои чудачества и будущая свадьба придавали местному быту изюминку – вокруг меня крутились все кому не лень, пытаясь разнообразить течение собственных дней. Я это понимал, но подъема настроения почему-то не испытывал. Свадьба меня уже просто достала! Все разговоры с князем в итоге заканчивались обсуждением этого события и того, что за этим последует. Оказалось, мой старший брат, еще ни разу не виденный мной, уже женат на дочери соседа,

и его княжество граничит с княжеством князя. Женив меня, князь намеревался расширить свои владения. Он почему-то был уверен, что будет владыкой всех трех объединенных княжеств. Ну, надежды юношей питают, как говорится, но вопрос власти меня не волновал. Я не собирался тут задерживаться, и поэтому, кто будет править этими убогими землями, мне было все равно. Княжества располагались где-то на севере, и большую часть времени года здесь была зима, которую я, к счастью, еще не видел. С сельским хозяйством тут было плохо, с ресурсами плохо, с технологиями плохо, с комфортом плохо, короче, выглядело все, как должно выглядеть дремучее Средневековье. Где конкретно находится княжество Аальста и есть ли в этом проклятом мире места получше, мне тоже не удалось узнать, поскольку я не нашел в замке ни одной карты, кроме карты самого княжества. Может, у князя и имелась карта мира, но на мою просьбу показать ее он ответил как обычно: «Потом, после свадьбы!» Он что думает, я сбегу? Хотя правильно думает… сбегу! Определюсь вот только с направлением…

Делать тут решительно нечего! У князя даже библиотеки нет! Хотя, может, и есть, ведь для занятий магией без книг не обойтись, но я ее пока не видел. Те три книги, которые я обнаружил на своем столе, оказались полной ерундой. Одна называлась «Введение в демонологию», а две другие оказались не книгами, а тетрадями и, насколько я понял, являлись личными дневниками Эри. Когда я пролистал книгу, выборочно читая куски текста, у меня возник один лишь вопрос: «Интересно, что курил автор?» Так часто выражалась на Земле молодежь, когда хотела сказать про чье-нибудь произведение, что это полная хрень. Вот и мне захотелось узнать, каким образом можно написать такое про демонов. Уж точно автор был не в себе или совсем не разбирался в вопросе. Дневники Эри я изучил с пристрастием. Надеялся, что там может быть описание способа вызова, который он использовал. Однако ничего путного не нашел. Тетради были заполнены примерно на четверть какими-то непонятными значками, звездочками и закорючками. Дальше шли чистые страницы. Похоже, все было написано шифром или языком сумасшедшего. А такого языка я не знал. Хоть Хель и накидала мне в голову чего-то, но подобного там не было. М-да… схалтурила богиня! А может, специально так сделала… Кто ж ее знает? Да и убегать было рано еще и по той причине, что я так и не добыл книгу Эри, которую забрал князь. Я даже не знал, как она называется! Сколько я ни просил князя, ответ один: после свадьбы! В конце концов, после очередной моей безрезультатной просьбы мое терпение лопнуло, я пришел в ярость и решил организовать князю шутку. Однако немного поостыв и спокойно подумав, я пришел к выводу, что это не совсем хорошая, я бы так сказал, неправильная идея. Князь ведь не Бассо эль Эгардо заставляет выполнять свои желания, а сына, и он в своем праве. Что ж это будет за шутка, если князь даже не поймет, за что она ему? А чтобы он понял, мне придется открыть свое инкогнито и объяснить…

Не… на это я пойти никак сейчас не могу, всесторонне обдумав последствия такого шага, решил я. Князя оставим пока в покое, но вот со свадьбой нужно что-то делать! Как ни крути, а там мне придется дать клятву – хранить и оберегать супругу, и не отвертишься. А клятва – это клятва! Ее придется выполнять. Нет, я, конечно, слышал про демонов, нарушивших клятвы, но как-то мне не хотелось им уподобляться. Как правило, все они плохо кончили, да и выглядело все это очень некрасиво. Не то чтобы я боялся возмездия за клятвопреступление, но если я начну еще и клятвы нарушать, то во что же я тут тогда превращусь? И так, считай, от меня ничего не осталось, кроме моего духа, так если еще плевать на традиции, то я вообще низшим стану! Не, клятвопреступление – это не мой путь! А раз так, то помолвки нужно избежать! Не хочу я тут никому клясться! Да и для низшей слишком жирно будет огрести себе за просто так в мужья демона. Облезет! Застряну я потом тут с этой клятвой неизвестно насколько… Храни и оберегай, пока она не умрет! А сколько она проживет, наверное, одна Хель знает! А мне домой нужно… Не… это неприемлемо! Как бы мне так от помолвки отвертеться?

Я стал периодически думать в этом направлении, и однажды у меня появился план. Не то чтобы гениальный, но имеющий шанс на реальное осуществление. В его рождении отчасти помог сам князь. Меня с самого начала несколько удивило, что мы с Фелией никогда не видели друг друга. Вроде соседи, а для свадьбы пришлось портреты слать. Оказывается, у князя когда-то была стычка с Гессеном. Князь как-то раз об этом вскользь сказал, но я понял. Похоже, тогда князю сильно прищемили хвост. И вот теперь сосед вынужден идти к нему на поклон, отдавая замуж за его сына свою единственную дочь, фактически даря ему свое княжество. Для самолюбия Аальста это была ария с оркестром, и, похоже, он спал и видел, когда наступит день его триумфа – моя свадьба. Мне же его триумф был неинтересен. Меня интересовала книга и как отсюда свалить, а заниматься сельским хозяйством и иметь в женах низшую, меня совсем не устраивало. Окончательно идея, как избежать свадьбы, сформировалась у меня в голове, когда я узнал, что еду к Гессену только с магистром Фестером.

– Так ты что, разве не едешь? – с удивлением переспросил я князя, услышав эту новость.
– Я буду тут, в замке! – ответил он.
– Я думал, ты со мной поедешь… – сказал я.
– Да, я бы поехал, хотя бы для того чтобы посмотреть на вытянутую рожу этого Гессена, но боюсь, как бы желание убить нас обоих не пересилило бы у него доводов разума! – пояснил мне князь.
Высокие отношения! Я, значит, еду, а князь остается тут в качестве гаранта неотвратимого возмездия, если отец невесты начнет чудить! Просто прелесть! Какие тут веселые, оказывается, свадьбы у князей! Хм… но если я еду без князя, и меня там сильно не любят, тогда, может, попробовать сорвать свадьбу силами потенциальных родственников? Почудить там немного, невесту взбодрить. Рассказать ей про наше с ней светлое будущее, про башню, которая ее ожидает. Если девушка мечами увлекается, значит, с характером у нее должно быть все в порядке! Вряд ли она согласится на добровольное пожизненное заключение… А там и папа ее подключится! Думаю, что он тоже выскажется против башни для единственной дочки. Помолвка будет разорвана, я вернусь печально-печально назад, в замок, в качестве моральной компенсации стрясу с князя книгу, а свадьба-то тю-тю! А князь утрется. Будет забавно наблюдать, как он задергается, когда у него между зубами пролетит княжество Гессена. Это ему будет такая маленькая шутка от меня. За то, что он не отдал книгу, когда я его просил… Только нужно будет сделать все аккуратно… Чтобы ко мне потом у Шартона Аальста не было претензий! Хм… а ведь неплохой план у меня появился! Ну ладно, планы планами, а как оно там пойдет, еще неизвестно. Как говорится, смертные предполагают, а боги располагают. М-дя… хорошо-то как!
Так, сегодня обязательно нужно закончить портрет Эды… Послезавтра выезжаем, остался всего день…
Мне, собственно, было все равно, что рисовать, но сестра всегда приходила в такой восторг, когда получала свой портрет, что я как-то стал рисовать только ее. Что поделаешь, все художники любят, когда ими восхищаются. И я, как оказалось, ничем от них не отличаюсь в этом вопросе. Хотя я был совершенно не против того восторга, который изливала на меня сестра. Благодаря ее столь ярким эмоциям я неожиданно стал снова чувствовать… В Эсферато очень многие владеют эмпатией. Причем не только на уровне ощущения чужих эмоций, но и в обратном направлении – транслируют свои чувства собеседнику для создания у него соответствующего настроя. Я тоже владел такими способностями, пока не попал сюда, в это проклятое место… Страшно неприятно оказаться без того, что для тебя так же естественно, как умение дышать. Слово «неприятно», конечно, не совсем подходящее, ну да ладно, все равно нет слов, способных выразить испытываемую мной гамму чувств. В общем, слабенько-слабенько, но настроение сестры я стал чувствовать. А потом и настроение окружающих. Конечно, это было совсем не так, как раньше, но хоть что-то! Как говорится, тут уж не до жиру. Считай, я тут с голым задом очутился. Ни магии, ни силы, ни оружия! Хоть ложись да помирай…
– Но помирать нам рановато, ведь врагов недобитых – ну тьма! – промурлыкал я себе под нос, потягиваясь. – Причем враги лезут, откуда не ждали…
Случай произошел, когда мне наконец-то подыскали напарника для тренировок. Правда, я не знал, смеяться мне или плакать, когда услышал об этой радости от моих учителей. Оказывается, в охрану замка приняли новобранца из деревни, и он сказал, что умеет драться оглоблей, поскольку этот вид спорта в их деревне всегда был развит. Видно, образы оглобли и шеста совпали в мозгу моих суперинструкторов, и они побежали сообщать мне о найденном ими для меня партнере. Ну, я пошел, посмотрел на это деревенское чудо. Здоровый парень, смотрит угрюмо, глаза отводит. Не понравился он мне, мрачный какой-то. Работа на свежем воздухе должна делать людей радостными, веселыми, а этот пахарь полей зыркает глазами, как будто всю жизнь в пещере троллем просидел. Как бы он мне башку не проломил своей оглоблей, подумал я, разглядывая парня. И на эмпатическом уровне ощущалось что-то неприятное… Но мне стало интересно – как я? Смогу хоть против деревенского выстоять? Поэтому приказал дать ему шест из моих запасных.
Поначалу бой проходил без особых эксцессов. Парень делал могучие сенокосные замахи шестом, пытаясь зацепить меня. Я уворачивался или перепрыгивал через его шест и тыкал своим в ответ. В отличие от парня, мои удары достигали цели. Минуты через три мне все стало понятно: деревенщина мне не соперник и я не зря самоистязал себя тренировками. Тело слушалось, ноги не путались, и реакция у меня была на уровне.
– Ну все, хватит, – сказал я, останавливаясь и отставляя руку с шестом в сторону.
Вот тут-то и произошло неожиданное. Мой соперник, красный от гнева, внезапно отшвырнул свой шест и, выхватив из-за голенища сапога здоровенный нож, резво кинулся ко мне.

Это что еще за штучки? Я отскочил в сторону. Реакция меня не подвела, и прыганул я не просто так, а ткнув посохом в солнечное сплетение нападавшему. Причем сдерживаться я не стал и с перепугу врезал ему, как говорится, со всей дури. Парень вякнул и отлетел назад, шлепнувшись на пятую точку.
Придурок! Куда ж ты с ножом против посоха, подумал я, окончательно опрокидывая его на землю вторым прямым ударом в грудь.
Тут подскочили мои инструкторы, прозевавшие начало нападения.
– Вяжите его! – приказал я им, указывая концом посоха на корчащегося поверженного.
Нападавшего связали и обыскали. Кроме ножа, у него ничего не нашлось.
– Ну и чего? – спросил я его, подойдя к нему. – Чего это тебе так вдруг дуркнулось?
– Собака! – яростно выплюнул он мне в ответ ругательство.
– Не понял, – сказал я, – когда ты успел вырастить столь большое чувство неприязни ко мне? Мы ведь с тобой и полчаса не пообщались?
– Сволочь! Ты убил Ольви! – прорычал он, с ненавистью сверкая на меня глазами.
– Ольви? Это кто? – спросил я, роясь в своей памяти.
– Ха-ха-ха! Ты даже не знал имя девушки, которую убил! Твари! Обращаетесь с нами хуже, чем с животными! Будьте вы прокляты, подлые убийцы!
Девушки? Хм… А это, случаем, не та, которая была привязана к жертвеннику? Наверное, она… Если Эри до нее еще кого-то не успел угробить…
– Ты имеешь в виду служанку? – спросил я извивающегося на земле парня.
– Несчастная Ольви! Говорил я ей, не приближайся к этому проклятому замку! Так нет же… – не обращая внимания на мой вопрос, продолжал говорить парень.
– Кто она тебе? – спросил я, ткнув в него посохом для привлечения внимания.
– Я любил ее! Если ты понимаешь, о чем я, темная тварь! – с ненавистью ответил тот.
А, несчастный влюбленный! Ему не повезло, и поэтому он решил зарезать меня… Феерично! А не испортить ли ему месть?
– Ты ошибся! – ответил я. – Я ее не убивал! Ее убило чудовище!
– Чудовище, вызванное тобой! – без нотки сомнения в голосе ответил тот.
М-да… похоже, мой выпад не удался… Упертый тип.
И чего с ним дальше делать?
Тут появился всполошенный князь. Пока я беседовал с террористом, за князем успели сбегать, и он примчался на всех парах, сопровождаемый четверкой стражников.
– Что случилось? – переводя дыхание, спросил он.
– Вот, чуть не зарезали, – ответил я, поворачиваясь ему навстречу.
– Этот? – мотнул головой на связанного парня князь. – Кто такой?
– Жених несчастной девушки, которую убило чудовище у меня в лаборатории, – ответил я, – ну ты помнишь…
– А, мститель, значит! – сразу все понял князь. – Понятно! И что ты собираешься с ним делать? – через секунду спросил он меня.
– Почему я должен с ним что-то делать? Ведь ты же князь? Ты и властвуй! – удивился я.
– А тебе самому не хочется его повесить? Он же хотел убить тебя!
– Ну, если тебе так хочется, я могу его и повесить, – ответил я, – но лучше бы было, если бы ты вернул мне книгу, и я бы тогда его…
– Нет! Об этом сейчас не может быть и речи! – резко оборвал меня князь.
– Ну, тогда вешай его сам! – ответил я и сделал вид, что обиделся.
– Как хочешь, – ответил князь и, обернувшись к стражникам, скомандовал: – Тащите его в подвал! Посмотрим, не подослал ли его кто-нибудь…
Стражники подхватили побледневшего парня под локотки и потащили в сторону башни замка, где были подвалы.
Делать мне больше нечего, как вешать всяких придурков…
Тема получила продолжение вечером, за ужином. Сестра охала и ахала, выспрашивая подробности. Когда я рассказал, что нападавший пришел мстить за свою любимую девушку, сестра внезапно замолкла и до конца ужина о чем-то усиленно думала. Думать она закончила, когда пришло время десерта.
– Отец, его нужно простить! – решительным тоном сказала сестра, резко поворачиваясь к князю.
– Кх… кого? – поперхнулся от неожиданности тот.
– Этого юношу, который сегодня напал на Эри!
– Это еще почему? – изумился князь.
– Он же любил! И его поступок был продиктован исключительно благородными чувствами, которые он испытывал!
– Чего? – изумленно спросил князь, отвесив челюсть. Похоже, он никак не был готов к такому повороту разговора.

– Да, его нужно простить! Он ошибся! Ведь его девушку убило чудовище, а он подумал на Эри! Эри мне сам рассказал, что он совсем не виноват! Это все стечение обстоятельств!
– Эри тебе рассказал это? – еще более изумился князь, вытаращившись на меня. – Не виноват?
Я скромно улыбнулся князю на его изумленный взгляд и, кокетливо наклонив голову на левое плечо, принялся внимательно изучать содержимое стоящей на столе тарелки с фруктами.
– Да! Он все рассказал! Он сказал, что он тут ни при чем, и…
– Ах, он рассказал, – перебил ее князь, поднимая брови вверх и кивая головой, – рассказал, значит! Хорошо! Пусть тогда он скажет, что думает по поводу твоего протеже! Я тоже послушаю!
– Эри, скажи! – требовательно обратилась ко мне сестра.
– Что именно ты хотела бы услышать? – отрываясь от созерцания тарелки, вздохнул я.
– Скажи, что я права! И его нужно простить и отпустить!
– Отпустить? С какого это перепугу? Он пытался меня убить! Какое ему прощение?
– Но он же не виноват! Он просто любил…
– Ага. И руководствуясь этим прекрасным чувством, он решил заняться убийствами! Хорошо, что он начал с меня! А если бы ему под руку первой подвернулась ты? Ты об этом подумала?
– Ну… – протянула сестра, – ты как-то все извращаешь! Что же, по-твоему, получается, что любовь привела его к убийству?
– Если хоть немного подумать, то такой вывод вытекает сам собой! Ты вообще слышала, что я сказал? Он мог напасть на тебя! – ответил я.
– Влюбленный юноша никогда бы не напал на девушку! – с уверенностью в голосе ответила мне сестра, отрицательно взмахнув рукой.
Чего? И эта девушка живет в Средневековье? С такими идеями? Обалдев, я уставился на Эду, пытаясь понять, шутит она или нет? В ответ я получил взгляд сестры, совершенно уверенной в своей правоте. Я посмотрел на князя. Тот сидел с выражением крайнего изумления на лице и смотрел на свою дочь. Разве что только рот не открыл.
М-да, непросто будет супругу Эды, подумал я, снова переводя взгляд на сестру.
– Что вы на меня так смотрите? – недоумевая, спросила Эда, видимо, осознав, что пауза в разговоре несколько затянулась.
– Гм, сестренка, я совсем не готов вести с тобой диспут по поводу любви, – начал я, решив не устраивать базар. – Скажу только одно. Этот юноша достоин смерти только за то, что нарушил клятву, данную своему господину. Он совершил предательство – поклявшись хранить и служить, попытался убить. Одного этого уже достаточно для его смерти. Надеюсь, ты согласна с тем, что клятвопреступление – достаточное основание для наказания?
– Ну… в общем-то да, – нехотя согласилась со мной сестра, – но…
– А если согласна, то тогда давай не будем отвлекаться от десерта на всякую ерунду! – предложил я, запуская ложечку в вазочку с десертом и всем своим видом стараясь показать, что нет для меня дела важнее.
Сестра посмотрела на князя, видно пытаясь найти у него поддержку.
Тот ответил ей совершенно лишенным сочувствия взглядом.
– Не хочу я десерта! – сказала Эда, решительно отодвигая от себя вазочку. – Я пойду отдыхать!
Мы с князем одновременно кивнули и молча проводили взглядами явно обиженную девушку. После ее ухода мы несколько секунд просто сидели и смотрели на закрывшуюся за ней дверь.
– Мне кажется, – сказал князь, прерывая затянувшееся молчание, – что ее нужно отдать замуж! Причем срочно!
– Угу… – глубокомысленно откликнулся я.
Больше мы с ним в этот вечер на эту тему не говорили.
На следующий день, за завтраком, князь сказал сестре, что хочет с ней обмолвиться парой слов и ждет ее в своем кабинете сразу после трапезы. Меня не приглашали, да я, собственно, не рвался, предполагая, что ничего веселого там не будет. Я оказался прав. Из кабинета отца Эда вышла сердитая и надутая. Не пожелав ни с кем разговаривать, она отправилась прямиком к себе. Как и подтвердилось, после моей свадьбы ее очередь. Князь сказал, что хватит ждать набега женихов, и теперь он берет дело в свои руки. Никакие уговоры Эды повременить до прихода настоящей любви в расчет больше приниматься не будут, и князь сам займется подбором достойного кандидата. Некоторое время Эда ходила злая, потом грустная, потом повеселела и принялась изучать списки возможных кандидатов, которые подсунул ей хитрюга князь.

М-да, вот уж, как говорится, все, что ни делается, к лучшему, подумал я, закидывая руки за голову и разглядывая потолок над своей кроватью. Интересный вообще путь к замужеству у Эды получается! Чтобы она вышла замуж, Эри принес в жертву служанку, вызвал меня, я убил Эри, жених Ольви попытался убить меня, князь его повесил, и вот теперь Эда выйдет замуж! Нет, она, конечно, вышла бы замуж и без этого, но все же забавно, если так подумать… Только Эде об этом рассказывать не стоит – не поймет юмора…
Так, а где мои девчонки? Опять, что ли, дрыхнут? Тоже мне крестьянки, встающие с первыми лучами солнца! Не добудишься! Проведя тут пару месяцев, я убедился в том, что меня принимают за сына князя, и никто ни в чем меня не подозревает. За это нужно было сказать спасибо Эри, за проделанную им огромную работу по дураковалянию и демонстрации своей ненормальности. Если что-то я делал не так, никто не подрывался бежать докладывать князю, что я не тот, за кого себя выдаю. Я понял, что в замке, пожалуй, все думали, что я опасная, больная на голову сволочь, от которой лучше держаться подальше, и поэтому мои проколы не замечали в упор, видно, стараясь просто не привлекать к себе мое внимания. Меня это вполне устраивало, я малость воспрянул, расслабился и решил пусть хоть чуть-чуть, хоть как-то создать себе привычные условия жизни. Для задела обзавелся новыми служанками. Вообще-то у меня были две служанки, и поначалу они меня как-то устраивали. Но потом, со временем, их плотные фигуры и суровые, словно высеченные из камня лица мне порядком поднадоели. Ну, это было бы еще ничего, мне от них эстетика совсем не нужна, но в возникший у меня план они не вписывались. Я решил организовать себе массажик. В Эсферато понимают толк в комфортной жизни и телесных удовольствиях. И я, как истинный сын своего народа, тоже ничего не имел против удобств. Полежать в горячей воде, почувствовать, как расслабляются мышцы, а потом массажик… ммм… красота! На Земле я тоже не забывал своих привычек. Поэтому тут, когда у меня начали ныть мышцы после физических нагрузок, идея про массаж первой в голову и пришла. А коль хорошая мысль явилась, то ее нужно осуществить. Баня в замке нашлась. Хорошая такая баня, со всеми полагающимися ей вещами. Хотя я бы удивился, если бы ее тут не было. Коль тут, как говорят, север, то без бани в холоде никак. А вот с массажем возникла некоторая проблема. Как я выяснил, массаж тут был смелой экстравагантностью, граничащей чуть ли не с извращением… Если массажистом был мужик, то это было что-то типа «мужик с мужиками». Массажистки были другим родом извращения – «мужик с бабами». Вот и выбирай! Ну, я малость почесал в затылке и решил, что в моем случае мне больше подойдет извращение «мужик с бабами». Во-первых, это естественней и ближе к жизни, а во-вторых, у мужиков более жесткие руки. Пусть они у них сильнее, но мягкие женские ладошки мне нравятся гораздо больше, да и потом у крестьянок руки должны быть достаточно сильными. Поэтому как-то при случае я сделал простую-простую физиономию и заявил князю, что мне нужны служанки.
– У тебя же есть? – удивился он.
– Они мне надоели, – лаконично ответил я.
– Не понял? – сказал князь.
– Ну, надоели они мне! Старые они…
– Ах, вот оно в чем дело, – поднял брови князь, – понятно! Однако хочу тебе напомнить, Эри, что твоя последняя выходка меня очень огорчила, и я даже не знаю…
– Все делают ошибки, – без особого раскаяния в голосе сказал я, – но с тех пор я стал мудрее! Можешь не беспокоиться, теперь все будет в рамках!
– Да? Мудрее? А не будет ли на этот раз проблем другого рода? – спросил князь, хитро щурясь.
Он что, считает, я с ними спать буду? Типа тренировки перед свадьбой? Ха, наивняк! Ну ладно, пусть думает, если ему так понятнее. Мысли у меня были одни, но сказал я совсем другое:
– Это кого-то сильно волнует?
– Хм… – князь задумчиво потер пальцем переносицу, – думаю, что нет.
– Мне тоже так кажется, – усмехнулся я, подумав, что уж если жертвоприношение и вызов демона прошли без чьего бы то ни было вяканья, то на стандартные развлечения княжеского сына все должны смотреть как на само собой разумеющееся.
– Ну ладно, хорошо! Но смотри, Эри, только никакой магии! Ты меня понял? – пристально глядя мне в глаза, спросил князь.
– Не беспокойся, я отлично все понял, – ответил я спокойно.
Князь вызвал своего управляющего – низенького полненького мужичка с печальным лицом. Услышав распоряжение, управляющий еще больше погрустнел, но поклонился и сказал, что все сделает через неделю.
В положенный срок мне были представлены пять претенденток на должность служанки. На развлекуху, процесс отбора персонала, пришли посмотреть князь и Эдария. Во взглядах

князя, обращаемых на меня, я улавливал одобрение. Сестра же, наоборот, была хмурая и недовольная. Мне не нужно было даже напрягаться, чтобы понять, что она не в духе. Девушки были выстроены в ряд, и я пару раз прошелся вдоль строя, внимательно их разглядывая. По окончании осмотра я обратился к управляющему, стоящему рядом со строем:
– А почему я не вижу тут хромых, одноглазых и горбатых?
– Э… э-э-э – простите, не понял? – опасливо спросил он меня, бросив быстрый взгляд на князя.
– А какое наказание положено за оскорбление князя? – обратился я уже к князю, поворачиваясь спиной к управляющему и игнорируя его вопрос.
– Смерть через повешение! – незамедлительно откликнулся тот. – А о каком оскорблении ты говоришь?
– Вот об этом! – сказал я, указывая рукой на строй претенденток. – Похоже, твой управляющий хочет сказать, что в твоем княжестве ничего лучшего нет. Не знаю, как тебе, но, по мне, это просто оскорбление!
Князь наклонил голову набок и, выпятив нижнюю губу, принялся задумчиво разглядывать девушек. Они были типичными крестьянками в худшем смысле этого слова. Невысокие, некрасивые, сутуловатые, с большими руками, огрубевшими от работы. На их больших круглых лицах, с синяками под глазами от недосыпания, проступали усталость и обреченность.
– Хм… а действительно… Где ты таких страшных нашел? – обратился князь к управляющему.
– Э-э-э… ваша светлость… – растерянно проблеял управляющий. Далее начался разговор князя с управляющим, в котором всплыли подробности, объясняющие столь непритязательный вид претенденток. Оказалось, что насобирали их по соседним деревням и все они сироты.
Понятно, в деревнях нашли, кого не жалко отдать на заклание в замок, и выпихнули – нате вам!
– Не, так дело не пойдет, – решительно сказал я. – Да надо мной все гости на свадьбе смеяться будут, если я появлюсь с такими служанками!
Слово «свадьба» попало князю в нужное место. Если до этого он воспринимал все как шутку и блажь своего сына, то после произнесения мною магического для него слова все предстало для него в совсем другом свете.
– Ты что, опозорить меня решил? – изумленно спросил управляющего князь, вздернув правую бровь.
– Э-э-э… виноват, ваша светлость! Ошибочка вышла! Исправлюсь обязательно, обязательно… – забормотал, кланяясь, управляющий. – Через неделю… все будет… испр…
– Три дня! – жестко сказал, сурово сдвинув брови, князь.
– Ваша светлость… – просительно заныл управляющий.
– Через три дня! – повторил князь. – Ты понял?
– Будет исполнено, ваша светлость!
– Ох, смотри у меня! – сказал князь, погрозив ему указательным пальцем. – А этих, – князь мотнул головой в сторону девушек, – гони обратно по деревням, пусть там сидят!
– Все будет исполнено, ваша светлость… Все будет исполнено… – лебезя зачастил управляющий.
Князь еще раз кинул на него взгляд, потом кивнул мне и пошел к себе, а я остался стоять вместе с сестрой во дворе. Как оказалось, совершенно напрасно, лучше бы я пошел с князем.
– Эри, я хочу с тобой поговорить! – ледяным голосом сказала сестра, едва только князь удалился от нас на десяток шагов.
– Я весь внимание… – рассеянно ответил я, наблюдая за тем, как управляющий принялся командовать крестьянками, организовывая их вышибание из замка.
– Эри, ты ведешь себя недостойно звания дворянина! – решительно заявила сестра.
– Чего? – удивился я, переключая свое внимание на Эду. – С чего это ты так решила?
– Эти девушки! Их оторвали от родных, близких и привезли к тебе, потому что тебе захотелось иметь молоденьких служанок! Это мерзко! – запальчиво произнесла Эда.
– У них нет семей, – спокойно сказал я, – они сироты. Ты же сама слышала!
– Но ты же отправил их назад! – немного осеклась сестра. – Значит, привезут других, и, может, уже не сирот!
– Ну и что? – спросил я.
– Как что? Их ведь разлучат с их близкими! Как ты не понимаешь? – возмутилась Эда.
– Но послушай, в этом возрасте девушки обычно выходят замуж. Они все равно через год или два уйдут из семьи. Какая разница? – удивленно пожал я плечами.

– Ну… они же будут жить рядом со своими… – сказала сестра.
– Они и так будут жить рядом, – ответил я. – Или ты думаешь, что наш управляющий сумеет за три дня смотаться на другой конец мира и вернуться? Опять же по ближайшим деревням пройдется… Потом, в клетках я служанок держать не собираюсь. Пусть близкие приезжают сюда или они к ним… Я разве против? И вообще, я не понимаю, чего ты от меня хочешь?
– Это нехорошо, это по отношению к ним – насилие! – сказала сестра.
– Если тебя это волнует, – сказал я, – тогда посмотри на это с другой стороны. Как ты думаешь, какая судьба ждет их в деревне? Выйдут замуж, нарожают детей, всю жизнь в поле, да за скотиной ходить… Красоты, здоровья и долголетия от такой жизни немного. Видела, как крестьянки выглядят? Видела? – настойчиво спросил я сестру.
Эда нехотя медленно кивнула.
– Ну, так вот, – продолжил я, – что они там в своей деревне за всю свою жизнь увидят? Да ничего! Думаю, что никто из девушек особо не желает себе судьбы крестьянки. И близкие их тоже наверняка не хотят этого. Поэтому тем, кто попадет ко мне в служанки, можно сказать, повезет. Жить в замке гораздо безопаснее и сытнее, чем в деревне, не правда ли? Потом тут есть город, в котором водятся не только крестьяне. Если судьба улыбнется, можно найти в женихи какого-нибудь сына лавочника или торговца и не торчать потом всю жизнь в поле задом кверху.
– И за это свое везенье они должны расплатиться тем, что будут проводить ночи в твоей постели? – глядя мне прямо в глаза, спросила сестра.
Ах, вот что тебя волнует, моралистка! Я посмотрел на Эду. Ну какое ей дело вообще до крестьянских девок, которых она даже еще не знает? Чувствую, что взаимопонимания мы не найдем. Ладно, будем шутить…
– Ну, Эда, ты меня ставишь в неловкое положение. У меня скоро свадьба, должен же я где-то потренироваться! Представь, как будет разочарована Фелия, когда узнает, что я полный профан! – выдал я подколку сестре.
– Потренироваться! – взвилась Эдария. – Вот, значит, как это называется! И еще прикрывается именем невесты! Да как у тебя язык поворачивается такое говорить!
– Нормально поворачивается. Вот, смотри! – Я открыл рот и, высунув язык как можно дальше, повертел им. – Видишь? – спросил я Эду.
– Эри, не смей паясничать! – сердито закричала на меня сестра, махнув кулачком сверху вниз.
– Хорошо, не буду, – вздохнул я. – Скажи, чего ты от меня хочешь?
– Поклянись, что ты пальцем не прикоснешься к ним! – грозно потребовала от меня сестра.
– Хорошо, – кивнул я, – поклянусь. Но только при одном условии!
– Каком? – спросила Эда.
– Тогда ты все объяснишь мне сама!
– Что объяснишь? – не понимая, спросила сестра.
– Что с невестой делать! Ну, вот уложил я ее на брачное ложе. Дальше-то что? – Я протянул к ней в вопрошающем жесте руки. – Че делать-то с ней? – не дождавшись ответа, опять спросил я Эду и для выразительности покачал руками вверх-вниз.
– А то ты не знаешь! – огрызнулась покрасневшая сестра.
– Представь себе – нет! Я весь такой целомудренный, что просто дальше некуда! Все с книжками да с книжками… сама знаешь. Вот, хотел узнать подробности, а ты мне запрещаешь… – смеясь про себя, сказал я.
– Иди вон к отцу. Пусть он тебе расскажет! – перевела стрелки красная и сердитая Эда.
– Сестренка, ты когда-нибудь пробовала учиться ездить на лошади вприглядку? – сказал я, обнимая ее рукой за талию и прижимаясь к ней правым боком.
– Невеста… не лошадь! – сказала сестра, с усилием отдирая от себя мою руку.
– Случаи разные бывают… – глубокомысленно изрек я.
– Ты мне зубы не заговаривай, – сердито сказала Эда.
– Да я и не заговариваю. Просто если я поклянусь… – я сделал паузу и печально посмотрел на сестру, – то моя семейная жизнь может оказаться не настолько счастливой, как мне хотелось бы… И все из-за твоей клятвы! – Я обвиняюще выставил в сторону Эды указательный палец.
– Не беспокойся! Фелия тебе все объяснит! – сказала сестра.
– Ты хочешь сказать, что она уже все знает? Интересно откуда? – поинтересовался я.
– Развратник! – гневно припечатала меня сестра и, подхватив подол своего платья, двинула от меня прочь.
Идеалистка, подумал я, глядя ей вслед.
Новых претенденток привезли на третий день. Управляющий суетился у строя, самолично поправляя на девушках их одежку. На этот раз контингент был получше, не то чтобы земля

и небо с предыдущими, но получше. Девушки были испуганные, у некоторых припухли от слез глаза.
Ну да, в замок на съедение людоеду… Я прошел вдоль строя. Мне приглянулись две стоящие рядом девушки, примерно моего возраста. Обе со светлыми волосами и даже чем-то похожими лицами.
Да, это не тайлиш, но ничего другого тут нет, с грустью вспоминил я дом. В Эсферато есть традиция – иметь слуг-сопровождающих. Две служанки-тайлиш чуть сзади, по бокам своего господина. Они должны быть красивыми и богато одетыми. Их одежда отражает, собственно, статус их хозяина. Случалось порой так, что иногда, с возрастом, демоны задумывались о смысле жизни. В своей философии некоторые мыслители порой заходили так далеко, что начинали отрицать физические радости бытия, носили всякие экстравагантные рубища и питались травой. Но тайлиш оставались в прежнем одеянии. Если вдруг в Эсферато навстречу попадался демон, одетый в непонятное тряпье, но сопровождаемый двумя тайлиш в дорогих одеждах и сверкающих драгоценностях, то все понимали, что этот демон – философ, ищущий свой путь. Он усомнился в обществе, на что указывает его хламида, но никак не отрицает его, на что указывают две драгоценные тайлиш сзади. Демоны в хламидах, но без тайлиш водились у нас только на окраинах, где жила откровенная голытьба.
– А ну-ка, красавицы, покажите мне свои ладошки! – сказал приглянувшимся мне девушкам.
Секунду помедлив, они показали мне свои руки.
Мозолей нет, то, что нужно.
– Вот эта и эта! – сказал я, делая свой выбор. По строю претенденток пронесся вздох облегчения, мои же новые служанки закусили губы, видно, пытаясь не зареветь.
Эдария, разумеется, присутствующая, как и князь, при осмотре, громко фыркнула, когда я огласил свой выбор.
Князь немного удивленно посмотрел на нее, потом перевел взгляд на меня.
– Уверен? – спросил мой новообретенный отец.
– Угу, – кивнул головой я.
– Хорошо, тогда забирай их и устраивай! – сказал князь управляющему.
– Куда прикажете, господин князь? – спросил управляющий, у которого на лице было написано: отлегло…
– Рядом с моей комнатой! – не дав сказать князю, влез я.
Эда опять хмыкнула, князь, прищурившись, посмотрел на меня.
– Я вижу, сын, ты уже все решил? – спросил князь.
– Да, я все обдумал, – кивнул ему я, – так ведь будет удобнее!
– Ну что ж, раз обдумал, тогда и занимайся! Все вопросы с новыми служанками решает мой сын! – сказал Шартон Аальст, обращаясь к управляющему.
– Как прикажете, господин князь! – согнулся в поклоне тот.
– Так, девочки, за мной! – скомандовал я своим новым служанкам и, сделав приглашающий жест рукой, повел их в сторонку, знакомиться. Эда фыркнула мне вслед.
Может, она меня ревнует? Все может быть…
Девушек звали Мила и Лора. Как я и предполагал – крестьянки из соседних деревень. Только на этот раз они были не сиротами, а из более-менее сводивших концы с концами семей.
Новых служанок я определил в комнату для прислуги, которая находилась рядом с моей и пустовала со времени смерти Ольви. Она была достаточно большая, чтобы поставить две кровати, и имела колокольчик со шнурком, уходящим в мою комнату. Можно было вызывать прислугу, дергая за шнурок. Показав им, где они будут жить, я произнес напутственную речь. Сказал, что в их жизни произошли перемены к лучшему. Что жить они будут теперь в безопасности, за крепкими стенами замка, рядом с городом, в котором есть масса интересных вещей и возможностей. Главное, быть хорошими девушками, и счастье само постучится к ним в дверь. А быть хорошими девушками – это значит работать от зари до зари и не наглеть. А то с нехорошими девушками происходят всякие нехорошие случаи, которые никак не способствуют приходу счастья. В общем, толкнул нравоучительную речь – попурри из просмотренных мной на Земле романтических фильмов. Убедившись по их лицам, что они хотят быть хорошими и ужасно не желают оказаться плохими, я решил, что первый этап знакомства завершен. Остаток дня я отвел им на обустройство, на наведение порядка в комнате и перетаскивание вещей, которых у них совсем немного. На следующий день я приказал служанкам надеть свои лучшие платья, которые у них были, и явиться ко мне. Естественно, наряды были совсем не те, что нужно, поэтому я взялся их одевать исходя из своего понимания того, в чем должны ходить княжеские служанки. Взяв лист бумаги и грифель и немного подумав, я набросал пару

фасонов платьев и, приказав служанкам сопровождать меня, пошел к уже хорошо известному мне портному. У него, как обычно, дым стоял коромыслом: шили тряпье для моей свадьбы, и когда я сунул ему под нос свой рисунок и сказал: «Срочно!» – тот чуть не завыл.
– Господин княжич, помилуйте! Я же не успею к вашей свадьбе! – взмолился он, прижимая к груди какую-то тряпку.
– Успеешь! Поторопишься и успеешь! Мой заказ тоже к свадьбе. Так что – давай! – сказал я, выпихивая вперед своих служанок. Портной вдохнул-выдохнул, похоже, мысленно произнес проклятие в мой адрес и кликнул своих подмастерьев.
Ха, смертницы! Я с усмешкой наблюдал за тем, как мою растерянную прислугу потащили за занавески, снимать мерки – они помирать собрались, а их тут кормят и платья шьют. Хе-хе…
Девчата были, на мой взгляд, малость тощеваты. Поэтому в первый же день я дал указание управляющему проследить, чтобы их нормально кормили. Пока шили платья, я сдал свою новую прислугу на руки тому же управляющему, наказав обучить их основам профессии служанок. Для начала я решил сделать упор на обслуживание за трапезой. У князя было кому сервировать стол и подавать еду, поэтому я резонно решил, что девушек научат не путать вилку с ложкой. Еще мне хотелось быть уверенным, что они не вывернут на меня тарелку с горячим, когда будут мне ее подавать. Неделю с лишним они учились, а я ждал, пока пошьют платья. Наконец портной выполнил заказ, и к концу второй недели я явился на обед в сопровождении Лоры и Милы, одетых в голубые, по фигуре платья с белыми воротничками, неширокими юбками, с белыми передниками поверх них, и в новых, голубеньких туфельках, которые частенько мелькали по низу юбок. Светлые, льняного цвета волосы девушек были красиво уложены и венчались небольшими белыми чепчиками. Смотрелось все очень даже неплохо.
Князь при виде такого шествия открыл шире глаза, а Эда вообще поперхнулась. Я, делая вид, что все идет, как и должно, важно сел на свое место и милостиво кивнул. Мила и Лора, смущаясь и притормаживая под взглядами князя и Эды, принялись хлопотать вокруг меня, подавая столовый инструмент и тарелки с едой. Все прошло прекрасно. Никто тарелку мне на голову не надел и в глаз вилкой не ткнул. Я в процессе обеда вел непринужденный разговор с родными, делая вид, что не замечаю, как у меня меняются тарелки с едой, салфетки и столовые приборы.
– И что, все мои денежные затраты стоили того? – спросил меня князь в конце обеда, кивая в сторону стоящих за моей спиной служанок.
– Несомненно! – не задумываясь, ответил я.
Князь хмыкнул на мой ответ, Эда же нахмурилась.
Сочтя первый опыт прошедшим удачно, я взялся за обучение девчат технике массажа. В качестве наглядного пособия я выбрал парня помоложе из замковых стражников, приказал раздеться до пояса и лечь животом на стол. Ох, и рожа была у него! Не знаю, чего он там себе навоображал, но вид у него был очень испуганный. Сначала я показывал сам, что нужно делать, потом под моим присмотром мои действия повторяли девчата. Мила и Лора поначалу смущались, но когда я рассказал им, что действо это лечебное и на этом можно впоследствии зарабатывать деньги, прониклись и принялись усердно осваивать новую профессию. Парень, поняв, что его резать никто не будет, а наоборот, даже лечат за просто так, расслабился, а уж когда ему спину начали гладить девичьи ладошки, вообще разомлел. Короче, дело с массажем пошло гораздо быстрее, чем я предполагал.
Так что через месяц после начала моей затеи со сменой служанок я имел эскорт, массажисток и прислугу. Элементы приличной жизни, о которой тут, похоже, не слыхали. Чудаки, думал я иногда, нежась после бани под руками Милы и Лоры, в жизни столько замечательных моментов, а они тормозят… чудаки…

Замок князя Гессена

– Вон он, замок князя Гессена! Мы прибыли, господин князь! – закричал стражник, указывая рукой на показавшиеся башни замка.
Прибыли? Неужели это все-таки случилось? Я уж начал подозревать, что конца-краю не будет этой пытке. Путешествие оказалось неожиданно долгим для моей непривычной к седлу пятой точки. Три дня мы тащились до границы княжества Аальста, где нас встретил почетный эскорт князя Гессена, и вот уже второй день мы плюхаем по его княжеству. Хитрюга этот князь Аальст – сам остался сидеть в удобном замке, а меня отправил трястись по этим пыльным дорогам. Ладно, это тоже отзовется ему в моей маленькой шутке!

Я вспомнил довольную физиономию провожавшего меня князя и вздохнул. Интриган, Сихот его побери! Если бы не его интриги, я бы сидел сейчас в замке, а не мучился в этом проклятом седле. Я с неожиданной теплотой подумал о своей комнате в замке, удобной кровати, мольберте у окна… Вот ведь до чего лишения доводят! Уже и место, показавшееся сначала жуткой дырой, начинает вызывать умиление. Так, глядишь, и постоялые дворы с их едой начнут нравиться…

Путешествие с каждым днем становилось все ужаснее и ужаснее. Я просто изнемогал. Сервис постоялых дворов, где мы останавливались на ночлег, был одинаково безобразен. Первую половину ночи я обычно отражал атаки кровососущих насекомых, а вторую ее часть вертелся, пытаясь хоть как-то поспать на неудобной кровати. Звукоизоляция в помещении отсутствовала в принципе. Было такое ощущение, что ночной храп всех постояльцев концентрировался именно в моей комнате. Готовили тут жирно, с большим количеством специй… У меня от такой еды начинало ныть в боку и пропадал аппетит. Посуда была скользкой на ощупь и вызывала отвращение. Есть из нее мне не хотелось никак. Кривые дороги, по которым мы ехали, тоже пытались понизить мое настроение. Последнее время дождей в княжестве не было, и на дорогах, и на кустах вдоль них – всюду лежала пыль. Она набивалась в нос, глаза, оседала на лицо, волосы и иногда хрустела на зубах. Настроение у меня от этого становилось просто волшебным! Я только и мечтал о том моменте, когда я смогу наконец умыться, прополоскать рот и слезть с этой дурацкой лошади. Лошади были неудобные, вонючие, тупые и всеядные. Стоило только расслабиться, как они начинали объедать придорожные кусты, траву и хватать что-то с дороги. Как рассказал командир сопровождающих нас стражников, ему попадались лошади, способные жрать камни. Глядя на то, что вытворяет мой конь, я ему верил, даже не прибегая к своим эмпатическим способностям. Поэтому приходилось не зевать и периодически дергать за повод, чтобы заставить коня не выпадать из процесса транспортировки моего тела. А еще лошади занимались привлечением насекомых. Туч тупых насекомых! Тупых – потому что они не разбирали, где лошадь, а где всадник, и кусали всех подряд. Я устал расчесывать укусы и обмахиваться веткой. С общением в пути было никак. Разговаривать – это было смело, но безрассудно. Пыль моментом запорашивала горло плюс еще насекомые норовили залететь в рот. После того как я проглотил какую-то летающую фигню с крыльями, с разговорами я окончательно завязал. Да и обмениваться мнениями было в общем-то не с кем. С сопровождающей стражей мне болтать было по статусу не положено, да, собственно, и не о чем. Стражники и стражники. Всю жизнь на службе, окромя ее ничего и не видели. А магистр Фестер был из породы молчунов и открывал рот в крайнем случае. Может, он стеснялся своего писклявого голоса? Мог бы давно изменить, если маг, размышлял я. А если они тут и не умеют ничего? Может, и не умеют…

Я так особо и не выяснял, что тут есть интересного и примечательного по причине того, что не собирался тут задерживаться, и почел за пустое тратить время на сбор информации. Одного взгляда на замок Аальста и городок рядом с ним было достаточно, чтобы понять, что по сравнению с Землей это просто дыра, и ничего я тут интересного не найду. Лучше побыстрее вернуться на Землю. Там еще столько любопытного осталось!

С красотами в пути тоже было напряженно. В окрестностях, окромя леса и убогих поселений, поглазеть было не на что. Достопримечательностей не наблюдалось решительно никаких! Скорее, главной местной достопримечательностью являлся мой кортеж. Во всех деревеньках и городках смотреть на нас сбегалось, наверное, все имеющееся в них население. На меня пялились, зубоскалили и показывали пальцами. Я их восторги прекрасно понимал, ведь в кои-то веки в их жизни появилось что-то выпадающее из повседневной серости, но тыкающим в меня пальцами людям очень хотелось двинуть по голове.

Кортеж смотрелся неплохо. Для местных так, наверное, было вообще счастьем увидать такую роскошь. Впереди отряда двигался десяток стражников князя Гессена в начищенных нагрудных панцирях, с поднятыми вверх пиками. Среди них четверо знаменосцев держали длинные древки сине-желтых стягов. Под панцирями у всадников тоже была одежда сине-желтых цветов, родовых цветов князя Гессена. При въезде в город или деревню один из всадников начинал трубить в ярко начищенный медный рожок, который издавал невероятно пронзительные и противные звуки, вызывающие у меня вибрацию где-то в зубах. За людьми князя Гессена двигались шестнадцать всадников князя Аальста, с черно-красными флагами и в одежде с таким же сочетанием цветов. За ними следовали я, жених, и доверенное лицо князя – магистр Фестер. По бокам, слева и справа, нас прикрывали по тройке всадников, сзади было еще двенадцать воинов князя Аальста, затем шли два наших фургона с подарками для невесты, слугами и припасами для солдат сопровождения. За фургонами замыкали кавалькаду еще двенадцать всадников Гессена тоже со стягами и еще

одним визгливым рожком. Пылища была от нас – хоть вообще не дыши! Особенно плохо становилось, когда, проезжая перед поселением, кавалькада ускорялась, чтобы проскочить его «на рысях». Наверное, считалось, что так будет выглядеть круче, или, может, боялись покушения? Я не спрашивал, мне было по барабану. Едем и едем! Чем быстрее доедем, тем лучше! Публика вдоль дороги собиралась под стать городкам. Такая же убогая и сиротская с виду, как и их дома. Лица людей были бледные и усталые, видно, жизнь тут была не сахар. Перед въездом в очередной населенный пункт я переставал гонять мух, оводов и других местных кровопийц, прятал веточку и принимал в седле горделивую позу. Князь едет! Нужно держать марку, даже если у тебя натерта седлом задница! Народ глазел, проникался и вел себя прилично. Помидорами в нас не швыряли, и свиста я тоже не слышал.

Еще бы, подумал я, вспомнив про помидоры, попробовал бы кто только кинуть! За полгода, которые я пожил здесь, я более-менее узнал о статусе князя Аальста среди местных княжеств. Князь оказался магом. Причем по местной классификации он был темным магом. Как и на Земле, темным тут вменялось в обязанность заниматься делами, нервирующими местное население. Всякие там умертвия, мертвецы, зомби, черные одежды и зловещий хохот по ночам. Правда, я ни разу не слышал, чтобы ночью в замке кто-то хохотал, но князь отдавал в одежде предпочтение черному цвету. С одной стороны, это можно было воспринять как тягу к темной силе, а с другой стороны, было совершенно ненаказуемо. Ну любит человек темные цвета! Между прочим, очень практично, и они стройнят. Еще я уловил, что магов-князей в округе больше не водилось. Князь являлся единственным и неповторимым. Все наши соседи были обычными феодалами, ведущими натуральное хозяйство. Поэтому когда князь говорил, что Седрик к нему не полезет, он не хвастался. Людей, обладающих магией, тут, похоже, сильно боялись и уважали, особенно темных. Так что летающих помидоров можно было не опасаться. Никогда ведь не знаешь, где тебя потом настигнет темное проклятие или кто к тебе приползет ночью с кладбища…

Впереди провизжал рожок, и лошади пошли быстрее, прерывая мои размышления.

Опять деревня, что ли? О-о-о, моя бедная натертая попа! Когда ж я наконец доеду до этой невесты? Главное, чтобы она не попалась мне в первый момент. Задушу ведь в объятиях на радостях, что добрался, подумал я, пряча веточку и поудобнее устраивая свою нижнюю часть в седле.

М-да… похоже, теперь я знаю, почему в зоопарке обезьяны такие раздражительные! Это пришло мне в голову двумя минутами позже, когда я проезжал мимо таращащейся на меня ватаги чумазых детей, одетых в тряпье. Трое из них стояли, открыв рот, один сосредоточенно ковырял в носу. Немного дальше за ними, через ограду, на меня пристально, видно, пытаясь запомнить на всю жизнь, смотрели две грязные свиньи…

Может, душу кому продать? В обмен на то, чтобы меня только отсюда забрали…

Интересно, продешевлю или нет? Наверное, нет.

– Вон он, вон он, замок князя! Мы прибыли, господин Эриадор! – полчаса спустя закричал стражник, прерывая поток моих безрадостных размышлений.

Фелия

– Едут! Едут! – Громкий детский крик отразился от стен замка и достиг ушей стоящей у окна невысокой стройной девушки с каштановыми волосами. Девушка вздрогнула и выронила маленькое зеркальце, которое рассеянно вертела до этого в руках.

Дзинь… – сообщило с полу зеркальце о завершении своей земной жизни.

– Ах, Фелия! Это ведь дурная примета! – вскрикнула находящаяся в комнате другая, нарядно одетая, девушка, приседая у разбитого зеркальца.

– Все дурные приметы уже сбылись, – ответила Фелия, наблюдая за подругой, собирающей осколки, – хуже уже не будет…

– Не нужно так говорить, – серьезно глядя на нее снизу-вверх, ответила та, – может быть, все не так уж плохо!

– Не так уж плохо! – грустно усмехнулась Фелия. – Выйти замуж за темного мага, который приносит в жертву молодых девушек, вызывая всякие мерзкие отродья… Это у тебя не так уж плохо? Что же у тебя тогда плохо, а, Риона?

– Может, это только слухи и пустые сплетни. Мало ли чего болтают, – ответила Риона, поднимаясь с пола.

– Ах, Ри! Я бы тоже этого хотела, но шпионы отца не врут! Я сама читала это донесение. Папа, конечно, был очень недоволен и после этого сменил замок у себя в тайнике, но это действительно правда!

– Ты залезла в тайник отца? – с изумлением спросила Риона.

– Ну а что мне оставалось делать? – пожала плечами Фелия. – Сначала он мне вдруг сообщил, что я выхожу замуж, сказав при этом только имя жениха и откуда он. Потом сказал, когда будет помолвка. И все! Больше ничего. Будто мне ничего знать больше не нужно! Словно я какая-то вещь, которую можно взять и выдать замуж, даже не интересуясь моим мнением. – Фелия сердито дернула головой.
– Ой! – ойкнула Риона, прикрыв рукой рот и сделав круглые глаза. – А я, когда получила приглашение, думала, что у тебя любовь. Как же твой отец мог поступить так с тобой? Он же тебя всегда так любил!
– А! Это все политика. Папа сначала ничего не хотел говорить, но я ему устраивала скандалы каждый день, и он не выдержал. Это все из-за Седрика! Отец уверен, что он собирается в следующем году воевать с нами.
– Князь Седрик? Говорят, что он красавчик и очень храбр!
– Не знаю… – ответила Фелия, – в донесениях шпионов об этом ни слова. Зато там было написано, что девушкам он предпочитает мальчиков, – немного ехидно глядя на подругу, сказала Фелия.
– Да ты что! – ахнула Риона, от избытка чувств прижав к щекам ладони.
– Ага… В жизни все не так, как выглядит на первый взгляд… – грустно сказала Фелия.
– Вот уж не ожидала! Нужно будет обязательно подругам рассказать, а то они такие фантазерки, понапридумывали невесть что! А зачем ему на вас нападать? – с интересом спросила Риона.
– Ну… папа сказал, что мы сейчас не в лучшем положении, – нехотя сообщила Фелия. – Седрик об этом знает, и поэтому нам нужен союзник. Вот отец и решил…
– А что, разве кого-то другого не нашлось? – с удивлением спросила Риона.
– Не-а… – отрицательно мотнула головой Фелия, – никто не хочет воевать просто так, а денег заплатить наемникам нет… Потом говорят, что сейчас все наемники к Седрику идут. У него можно больше заработать. Вот князь Аальст и воспользовался моментом. Прислал предложение – свадьба с его сыном в обмен на военный союз… Отцу пришлось согласиться…
На башне замка звонко протрубил горн.
– Подъезжает… – прошептала Фелия, глядя в окно.
– Тебе разве не нужно идти встречать? – спросила Риона.
– Нет, – покачала головой Фелия, – отец сам его встретит. Я увижусь с ним вечером, за ужином. Праздничным ужином… – грустно усмехнулась Фелия.
– Фели! Ну прекрати! Я тебя совсем не узнаю! Ты же всегда была такая веселая! Ты же всегда говорила, что, пока ты жив, всегда есть шанс победить!
– Это меня Франк научил так говорить, – грустно улыбнулась Фелия, – извини…Что-то устала я. По ночам совсем не сплю…
На башне замка снова громко протрубил горн. На этот раз, правда, уже два раза.
– Пойдем, посмотрим! – дернула Риона подругу за рукав. – Интересно же!
– Что там смотреть, насмотрелась уже! Вон… – кивнула Фелия головой в сторону портрета, висящего в углу комнаты.
– Это он? – с жадным интересом спросила Риона, подбежав к портрету и, оценивающе уперев руки в бока, принялась его рассматривать. – Кривенький какой-то… и бледный! – вынесла через несколько секунд свой вердикт подруга.
Фелия вздохнула.
– Ой, Фели, – вскрикнула Риона, – я не то хотела сказать!
– Можешь не извиняться. Я знаю, какой он красавчик! Ладно, пойдем посмотрим. А то мне что-то тошно в комнате…
– Пошли! – обрадованно сказала Риона.
Девушки вышли из комнаты, спустились по лестнице и оказались в большом коридоре.
– Сюда! – дернула подругу за рукав Фелия.
– Но ведь вход там? – удивленно сказала та.
– Нечего там нам делать. Из окна башни посмотрим. Пошли быстрее! – ответила Фелия.
Быстро пробежав по переходам замка, девушки поднялись до середины башни и, спугнув от окна служанок, расположились на их месте. Отсюда участок двора перед главным входом был виден как на ладони. В этот момент на надвратной башне трижды пропел горн. В ответ ему из-за стен замка трижды визгливо просигналил походный рожок, и внезапно двор заполнился грохотом лошадиных копыт – это пока еще не видимые всадники въехали на деревянный подъемный мост.
– Едут! – закричала Риона, лежа на подоконнике и до половины высовываясь наружу.
– Не упади! – ухватила Фелия подругу за пояс платья.
– Вон они!

Через двор замка стремительной рысью мчались всадники в ярко начищенных доспехах, с развевающимися стягами. Фелия увидела, как сине-желтые пронеслись по двору и повернули вправо перед парадным крыльцом, уступая место черно-красным, скачущим вслед за ними. Из-за мелькания флагов, людей и лошадей Фелия немного растерялась. Ей никак не удавалось увидеть бледное лицо своего жениха. Неожиданно мельтешение прекратилось, и все черно-красные оказались построены в две шеренги, внутри которых находились два всадника: молодой парень и неопределенного возраста тип с обвислыми щеками, бледным лицом и темными кругами вокруг глаз. Оба они были в темном.
– Смотри, смотри, – пихнула в бок Фелию Риона, – который твой? Вон тот, бледный? Который толстый?
Фелия растерянно смотрела на двух всадников – действительно, который из них? Жених на портрете имел бледное лицо. Неужели толстяк? Тогда кто этот загорелый парень?
Во дворе внезапно наступила тишина. Было слышно только дыхание лошадей, переводящих дух после быстрой скачки, и звяканье сбруи. Прибывшие несколько секунд неподвижно сидели в седлах, оглядывая двор, а затем стали неспешно слезать с лошадей. Парень, оказавшись на земле, дернул поводья своего коня и что-то с улыбкой негромко сказал повернувшейся к нему морде. Затем выпустил поводья и, подождав своего бледнолицего спутника, зашагал вместе с ним к крыльцу замка, на котором стоял отец Фелии в окружении своих людей. Их сопровождала четверка воинов в черно-красных одеждах. Первым на широкие каменные ступени парадного входа шагнул толстяк с бледным лицом. Парень шел за ним. Поднявшись вверх по лестнице, толстяк поклонился и начал что-то говорить князю Гессену, стоявшему с мрачным лицом и нахмуренными бровями. Затем он указал на парня и отступил в сторону. Молодой человек шагнул вперед, несколько мгновений вглядывался в лицо князя, сделал изящный поклон и что-то произнес. Через несколько мгновений князь Гессен, так же внимательно вглядываясь в лицо гостя, произнес ответные слова, поклонился и сделал приглашающий жест рукой.
– Вон твой! Худой! – снова пихнула Фелию в бок подруга. – А он даже очень ничего! Интересно, кто нарисовал такой ужасный портрет?
– Ну… – Фелия неожиданно ощутила, что она снова дышит. Оказывается, пока она наблюдала за этим парнем, она забыла, что нужно дышать. Уф!
– Чего ты? – оглядываясь, спросила Риона.
– Госпожа Фелия! Госпожа Фелия! Где вы? Ваш отец требует вас к себе! Госпожа Фелия! Где вы?
Раздавшиеся где-то далеко в коридорах замка крики служанок дали возможность Фелии не отвечать на вопрос подруги.
– Пошли. Меня ищут, – сказала Фелия.

Эри

Ну наконец-то добрались! Слава всем богам, подумал я, развалившись в стоявшем у окна кресле. Однако покои тут еще те… На грани оскорбления. Чуть хуже – уже точно хлев, а так на грани. Похоже, Гессен совсем не в восторге от созерцания моей персоны, – припомнил я хмурую физиономию отца Фелии, мрачно разглядывавшего меня из-под своих кустистых бровей. Не нравлюсь, видать, ему я. Ну что ж, плакать по этому поводу я не собираюсь, скорее наоборот – повод для радости, поскольку шансы моей затеи повышаются… Нужно только делать небольшие провокации и реагировать на все, как на потенциальное оскорбление… Вот, к примеру, моя комната! Интересно, князь ее специально приводил в такой вид для меня, или у него таких комнат полно, и они все живут тут, как в сарае? Я снова оглядел убогую обстановку. М-да, нужно будет выяснить! Если мне выделили самые плохие – устрою скандал, а если нет… тогда придется как-то перекантоваться… Надеюсь, это ненадолго… Житье тут планировалось дней на десять, а если все пойдет не так, то я должен свалить отсюда раньше…

Ах, если все пойдет не так,
Какая будет радость!
Ах, если все пойдет не так,
Наступит шутки радость!
Ах, если все пойдет не так,
То стану я свободен!
Ах, если все пойдет не так,
То… то… то…

Последняя рифма к пришедшему в голову стишку никак не придумывалась. Слова «моден» и «годен» явно не подходили.
Да и ладно! Стихи сочиняются, значит, настроение есть! А если есть настроение, то все у меня получится. Так, скоро вечер, а вечером у меня праздничный ужин и знакомство с невестой. А я еще не готов! Хотя оно мне в общем-то и не сплющилось, могу и непричесанным прийти, но марку держать нужно… Где там мои тайлиш?
– Девочки! Мила! Лора! Вы где? – принялся я звать своих служанок.
– Что господин княжич желает? – В открывшуюся дверь заглянула Лора.
– Что желает? Через три часа я должен быть на ужине, а я еще не готов! И что желает господин княжич? – наклонив голову и вопрошающе смотря на нее из-под бровей, спросил я.
– Сейчас мы вами займемся! – улыбнувшись, пообещала Лора, делая книксен.
– Это было бы очень мило, – ответил я Лоре.
– Мы почти готовы! – снова присела та.
Знаем, как вы готовы, плавали – знаем! Избалуются скоро вконец. Ну ладно, пусть балуются, пока меня это не напрягает. Вот свалю отсюда, баловство их и закончится…
– Ладно, девочки! Давайте побыстрее! Побыстрее! – скомандовал я, несколько раз хлопая в ладоши. Следующие три часа пролетели в подготовке к торжественному мероприятию. Помывка, сушка, глажка, чистка, примерка, ну и прочие заботы, предшествующие выходу в общество. Сначала одели меня. Потом Мила и Лора убежали одеваться к себе, затем я проконтролировал, как они выглядят. За четверть часа до начала пришел почему-то мрачно настроенный Фестер, в серебряном парадном камзоле, в сопровождении наших солдат, тоже в парадном одеянии. Принес шкатулки с драгоценностями – мой подарок невесте. Их Фестеру самолично, из рук в руки, вручил князь Аальст перед отбытием. Я туда заглянул, но не впечатлился. На Земле такое называется «ширпотреб».
Ну и ладно, сойдет! Я же не всерьез жениться еду? Значит, сойдет!
И вот в назначенное время в сопровождении людей Гессена, проведших нас по длинным коридорам замка, мы подошли к дверям зала, в котором было назначено торжество.
– Господин Эриадор Аальст с сопровождающими! – громогласно объявил пухленький мажордом, одетый в какую-то белую хламиду с претендующей на что-то вышивкой серебряными нитями, и стукнул посохом об пол.
Что-то как-то куцевато меня объявил этот толстячок, решил я, входя в зал. Схалтурил, поди… или завуалированное оскорбление? Ладно, тоже запомним…
Я переступил через порог и, прищурясь, быстро бросил несколько взглядов по сторонам. В большом зале с высокими стенами белого цвета стояли рядами накрытые скатертями длинные столы с яствами, ярко горели масляные лампы, и было полно в пух и прах разодетого народу, все как один дружно пялились на меня.
Интересно, откуда Гессен их столько понабрал? Соседи и дальние родственники? Для того чтобы зафиксировать помолвку большим числом свидетелей, или свадьба тут единственное развлечение, доступное местным феодалам? Я сделал неглубокий поклон обществу и, выпрямившись, стал смотреть, как мне кланяются в ответ.
– Прошу вас, господин княжич! – Стоявший сбоку мажордом сделал с поклоном указующий жест рукой в направлении главного стола, на небольшом возвышении у дальней стены.
Кивнув, я двинулся вперед. Следом за мной вошли в зал стоявшие за дверью и поэтому не видимые до этого момента публике мои тайлиш. На Миле и Лоре были облегающие платья глубокого темно-синего цвета, резко отличающиеся по силуэту от широкоюбочных платьев присутствующих в зале дам. Высоко уложенные светлые волосы открывали изящные девичьи шейки, красоту которых подчеркивали сережки, сделанные длинными висюльками. На груди у девчонок, через расстегнутый ворот платья, блестели ожерелья в форме слезы. Хитро граненное стекло на украшениях пускало лучики даже в неярком свете масляных ламп, выдавая себя за крупные бриллианты. На руках Мила и Лора держали в цвет платьев синие подушечки с вышитыми золотыми нитками монограммами рода Аальстов, на которых стояли шкатулки с подарками.
– Аа-хх… – выдохнул зал при появлении моих красавиц.
Вот вам и ах, подумал я, вспомнив, как я одевал Милу и Лору. Превращение их в тайлиш случилось как-то постепенно и само собой. Наверное, это произошло из-за моей ностальгии по Земле и Эсферато. Сначала мне захотелось сделать им нормальные платья, чтобы они не мелькали вокруг меня черт-те в чем. Новые платья им уже сшили, но появляться на публике с тайлиш, одетыми в платья служанок, было моветоном. Поэтому как-то раз я, повинуясь внезапно возникшему порыву, просто положил перед собой на стол лист бумаги и принялся

рисовать. Затем я взял свои наброски и пошел к любимому моему портному, которому я уже осточертел своими капризами, а он мне своими примерками, и у которого последнее время появилась забавная привычка прятаться при виде меня. Но как говорится, никто не спрячется, когда я лечу со своим большим сачком! Вытащив портного из его убежища за занавеской, я подтащил его к столу, сунул ему под нос свои рисунки и принялся объяснять задачу.
Портной, как обычно с ходу, даже еще не вникнув, начал исполнять свою любимую песню «Ой, не успею, не успею, не успею я пошить!», но, разглядев мои эскизы, заткнулся.
– Но так ведь никто не шьет! – с удивлением сказал он, водя правым указательным пальцем по рисунку.
– Значит, ты будешь первым, – спокойно ответил я.
– Но это же неприлично! – возразил он.
– Что неприлично? – спросил я.
– Ходить в таком платье неприлично для благородной леди! – с жаром сказал портной, прижимая левой рукой к груди кусок какой-то тряпки. Вполне возможно, что ткань была частью моего будущего парадного костюма.
– Да ну? – сказал я. – Ну если тебя это волнует, то я тебя успокою: эти платья не для благородных дам.
– А… могу я спросить, для кого эти платья? – полюбопытствовал портной.
– Для моих служанок, – ответил я.
– А! Тогда понятно, – кивнул портной.
– И что же тебе понятно, милейший? – грозно спросил я, придвигаясь к портному и приближая свое лицо к его лицу. – Что именно тебе понятно?
– Э-э-э… ваша светлость… понятно, что для вашего заказа потребуется дорогая ткань, а ее у меня нет!
– Что, прямо-таки ни кусочка? – спросил я.
– Честное слово, ваша светлость, нету! Нужно покупать…
– Ну так покупай! Что тебя сдерживает?
– Деньги, ваша светлость! Вернее, их отсутствие. Ваш отец… он будет очень недоволен, если я потрачу выделенные им деньги на что-то другое!
– Хм… что ж, мыслимое дело, – сказал я. – Ладно, ты пока обдумывай мой заказ, а я пойду решу вопрос с деньгами…
Вопрос с деньгами я пошел решать к князю, единственному человеку здесь, у которого они водились. Князь был у себя.
– Мне нужны деньги! – с порога взял я быка за рога, распахнув дверь его кабинета.
– Мне тоже, – лаконично ответил он мне, не отрывая голову от внимательно изучаемого им листа бумаги.
– Мне нужнее! – ответил я.
– Это почему? – удивился он, поднимая голову.
– Тебе на дело, а мне на развлечения! – ответил я. – Значит, мне нужнее!
– Кх… – поперхнулся князь. – Это как?
– Дело никуда не денется, его все равно придется делать, а вот желание развлекаться может пропасть. Поэтому на развлечения деньги нужно тратить в первую очередь! – с уверенным видом провещал я.
– Да ты меня так по миру пустишь! – возмутился князь, откидываясь на спинку кресла и бросая на стол листок.
– Не успею. У меня скоро будет свое княжество, так что если кого и пущу, так это только себя, – напомнил я ему о приятном.
– Ты что, намерен пустить по ветру свое княжество? – изумился Аальст.
– Отнюдь. Я думаю, с княжеством у меня все будет в порядке.
– И что же тебе помешает разорить его с таким-то подходом? – прищурясь, спросил князь.
– Мой трезвый взгляд на вещи. Тогда уже будет не до гулянок! Тоже буду, как ты, – в дело вкладывать, – подольстился я.
– Хотелось мне, чтобы это было так. А зачем тебе деньги? – клюнул он на лесть.
– Да так, по мелочи. То да се… Служанок вот приодеть надо, а то ходят, как оборванки! – небрежно ответил я.
– Служанок? – сделал стойку князь. – Да? Они настолько хороши, что ты опять решил их наградить? – ухмыльнувшись, подмигнул он мне.
– Нормально! – не стал уточнять я.
– Нормально… – с ноткой разочарования в голосе повторил князь. Видать, он был не прочь более подробно узнать о том, с чего это я решил одарить Милу и Лору новыми платьями. – Не слишком ли ты их балуешь?
– Да я вроде еще и не начинал! – ответил я.

– Не начинал? – удивился Аальст. – А те новые платья, в которых они ходят?
– Но этого же мало! Нужно еще несколько. Не будут же они ходить все время в одном и том же! – ответил я.
– Несколько? – Глаза у князя расширились. – Ты знаешь, Эри, я, конечно, все понимаю, но где я тебе денег наберусь? И так с твоей свадьбой столько потрачено, что я просто не знаю!
Так, понятно, у князя, похоже, приступ жадности, и денег он, кажется, не даст… Неприятно… Я наморщил нос.
– Хотя если тебе очень нужно, я могу дать тебе в долг… – неожиданно предложил князь, глядя на меня.
– В долг? – удивленно переспросил я. – А с чего я тебе его верну?
– Сам же только говорил, что у тебя будет княжество! Да и потом у Фелии ведь есть приданое, – ответил он.
А ведь точно, я же действительно считай без пяти минут князь! Под это ж дело можно и кредитов набрать! На Земле шустряки так и делали. А потом бац, форс-мажор, и деньги отдавать не надо! Главное вовремя смыться. А этот Аальст еще тот жук! Родному сыну в долг дает. Хотя если так подумать – нормальная практика… По-деловому. Князь с князем дела ведут. Но хотя… все-таки… как-то оно не так. Ну да ладно, этику отставим, мне это предложение очень даже подходит. Сам предложил, так что я тут ни при чем, если мне отдавать нечем будет. Отлично!
– Знаешь, я как-то об этом варианте не подумал… – подыграл я князю, – но это отличная идея! Сколько ты можешь дать мне в долг?
– А сколько тебе нужно? – осторожно спросил он.
– Мм… я даже не знаю. Может, сделаем так – если что-то буду покупать, отправлю торговцев к тебе? А ты потом назовешь мне итог, на сколько я нагулял. Хорошо? – предложил я.
– Гм… хорошо! Только при условии, что это будут разумные суммы, – предупредил князь.
– Все будет абсолютно разумно! – убедительным голосом сказал я.
Получив таким образом кредит доверия, я отправился обратно к портному, размышляя по дороге над тем, насколько будет потрясен Аальст, когда узнает, что отдавать мне нечем, поскольку помолвка не состоялась. Гнева его я особо не боялся, рассчитывая перевести стрелки на негодяя Гессена и его ненормальную дочку, не выполнивших взятых на себя обязательств.
Да и потом, князь своего сына любит, думал я, шагая к портному. Ну поорет малость, да и успокоится. Я же не виноват в том, что Гессен такой нехороший человек? Князь Аальст знает, что Гессен нехороший человек, убеждать его в этом не нужно… Он просто добавит эти деньги к своему счету на месть Гессену – и все дела! А мне это будет небольшой компенсацией за мои моральные страдания тут…
Снова найдя портного за его любимой портьерой, я сообщил ему, что деньги есть, и он может начинать творить. На что он мне ответил, что нужно поехать в город, поискать в лавках подходящие ткани.
Поскольку до города было, как говорится, рукой подать, то я кликнул служанок и сообщил им, куда и зачем мы едем. Девчата за время пребывания в замке малость пообжились, перестали шарахаться от всего и вся и потихоньку начали наглеть. Взялись вступать со мной в длинные разговоры и даже пробовали строить мне глазки. Короткие фразы типа: «Слушаюсь, господин княжич», «Будет исполнено, господин Эриадор» я уже почти перестал слышать…
Узнав, что мы едем в город за новыми платьями, Мила и Лора попытались начать визжать и даже вроде дернулись броситься мне на шею. Но не бросились. То ли их остановила пропасть в нашем «табели о рангах», то ли моя сестра, хмуро стоящая рядом и наблюдающая за нами.
– Тебе не кажется, что это уже чересчур? – нахмурив брови, спросила она меня.
– Что именно, сестренка? – прикинулся валенком я.
– Покупать служанкам дорогие платья, вот что! – сердито ответила Эда. – Всем сразу ясно, в чем тут дело!
– Ну и что? – пожал плечами я. – Что хочу, то и творю! Князь я или не князь?
– Ведешь себя, как… как… – Сестра никак не могла подобрать подходящее слово.
– Как человек, любящий жизнь? – подсказал я ей. – Слушай, Эда, а давай мы и тебе платье сошьем? Нет, не платье, а охотничий костюм! Такой миленький зеленый брючный костюмчик, с зеленой береткой и зелененькими перчаточками! Он тебе должен очень пойти. Из тебя получится очень милый мальчик-паж!
– Извращенец… – прошипела сестра и, развернувшись ко мне спиной, гордо удалилась.

– Не хочешь? Это ты зря… – крикнул я ей вслед. – Девушкам идут мужские костюмы! Хотя… хотя у меня, пожалуй, есть кого превратить в пажей. – Я окинул оценивающим взглядом скромно стоящих рядышком Милу и Лору…
Поездка в город получилась довольно насыщенной. Мало того что надо было пошариться по лавкам в поисках подходящего материала, так мне еще пришла в голову мысль о драгоценностях. Платья платьями, но тайлиш должны еще сверкать!
М-да, и как же заставить их сверкать при таких-то ценах? Шарон де Аальст явно крякнет, когда получит счет на драгоценности…
– А не совсем драгоценные драгоценности ты сделать сможешь? – спросил я ювелира.
– Что вы имеете в виду, ваша светлость? – осторожно поинтересовался тот.
– Фальшивки сделать сможешь? – прямо спросил я его.
– Ваша светлость, но людям вашего положения недостойно носить… – начал было тот.
– Не мне! Так что не беспокойся, моя гордость не пострадает! – перебил его я.
– А… да… а-а… кому? Могу ли я узнать? – понизив голос, полюбопытствовал ювелир, наклоняясь ко мне.
Какие все любопытные!
– В свое время, – уклончиво ответил я. – А скажи мне, сможешь ли ты сделать украшения по моему рисунку? Бумага у тебя есть?
Полчаса я ему рисовал и объяснял, чего мне нужно. Форму украшений я скопировал с виденного мною на Земле. Раз приходится лепить из простых материалов, будем брать дизайном и хитростью огранки, решил я. Ювелир понял, что ему делать, и взялся изготовить требуемое. Договорившись о сроках и об оплате, я откланялся.
Потом мы пошли к башмачнику, заказывать девчонкам туфли. Там тоже пришлось потратить массу времени, объясняя, чего мне нужно. Опять был вынужден много и упорно рисовать, чтобы до башмачника дошло. В процессе беготни я мимоходом отметил странное выражение глаз Милы и Лоры, когда они смотрели на меня. В их взглядах появилось что-то такое… особенное… Как бы это сказать? Благосклонность, что ли? В общем, если бы мне это было нужно, я бы, пожалуй, решил, что мои шансы очень сильно возросли.
Я ругнулся про себя, сообразив, что могут означать такие взгляды. Как бы им еще ума хватило ко мне ночью не приперетьься благодарить. Комнаты-то рядом! Если я их выставлю, то это будет совсем не айс! По легенде, я же с ними сплю… а если выгоню, то растрепят по всему замку… с них станется. Будет смешно… только не мне. М-да, не было печали… И чего делать?
Да и Сихот с ними! Может, не придут еще. А придут, буду решать на месте, не спать же мне с ними, в конце-то концов, решил я, так ничего и не придумав.
Выйдя от башмачника, я не спеша направился по улицам городка в сторону оставленных у таверны лошадей, рассеянно думая о костюмах пажей для тайлиш.
Ткани я купил, пряжки, пуговицы тоже, перечислял я про себя покупки, однако меня не оставляла мысль, что не хватает какой-то детали, и я никак не мог сообразить – какой.
Шпаги! Для пажа нужна короткая шпага или кинжал! Точно! Значит, нужно зайти посмотреть, чем тут оружейник торгует, может, у него есть что-то подходящее?
Расположение лавок я знал, поскольку несколько раз уже успел обойти этот городок за время моей жизни в замке. Можно было никуда не сворачивать, оружейная лавка была, как говорится, по дороге.
– Как удачно, господин княжич, что вы ко мне сегодня зашли! – восторженно произнес хозяин лавки, завидев мою персону на своем пороге. – У меня есть пара великолепнейших кинжалов из Серых пустошей! – округлив глаза, с придыханием продолжил хозяин.
– Серых пустошей? – переспросил я. Лично мне кинжалы были совершенно не нужны, но вот интонация, с которой было произнесено, видимо, географичекое название Серые пустоши, меня заинтересовала.
Любопытно, что это такое. Спросить? Хм… а не попаду ли я в глупое положение? Может, об этих пустошах знает и стар и млад, а я полезу расспрашивать, что это такое? Конфуз, однако, может выйти… и немаленький. Это не замок, где меня все знают… Ладно, позадаю наводящие вопросы…
– Да ладно, не может быть, – недоверчиво махнул я рукой, – откуда тут такое!
– Это вы совершенно зря так говорите, господин княжич! – сделал вид, что обиделся, хозяин лавки. – У меня очень обширные связи, и я могу отыскать практически любой товар, стоит вам только заказать! – продолжил он саморекламу.
– Охотно вам верю, уважаемый, – ответил я ему, – только вот из пустошей как-то сомнительно… Кто же их оттуда приволок?
– У меня есть знакомства среди охотников, – многозначительно ответил хозяин, ставя на стол продолговатый ящик из покрытого лаком светлого дерева. – Вот, взгляните! – сказал он, откидывая его крышку.

Я с интересом заглянул внутрь. На черном бархате в специальных гнездах лежали два светло-серебристых кинжала, совершенно необычного вида. Странность их заключалась в том, что они состояли как бы из двух разных лезвий. Одно лезвие было плоское с острой режущей кромкой по обеим сторонам и скошенным, тоже остро заточенным концом. Затем шла рукоять, набранная из каких-то темных колец, затем начиналось другое лезвие. В отличие от первого, оно было очень узким, с острым концом-иглой. Скорее это было шило, чем лезвие. По бокам рукояти, в обе стороны, были сделаны металлические вилки, для защиты рук и зажимания клинков вражеского оружия.
– Оружие древних… – благоговейно прошептал хозяин.
Древних? Интересно, кто такие… Нужно будет узнать… Серые пустоши, древние… А клинки у них достаточно длинные, выглядят как совсем короткий шагсс, а ну-ка!
– Вы позволите? – спросил я хозяина, протягивая руку.
– Да, да, конечно! – торопливо ответил тот, пододвигая ящик ко мне.
Я взял один из кинжалов и потянул его из ящика.
Кинжал оказался неожиданно легким, с отличной ухватистой рукоятью, удобно легшей в ладонь. Невзирая на то что он имел с двух сторон совершенно разные клинки, он был отлично сбалансирован. Я немного покрутил его в руке, проверяя центровку и примериваясь, затем поднес к глазам и снова принялся рассматривать. Металл лезвий был голубоватого оттенка, с тонким узором из цветов, похожих на розы, по всей поверхности. Режущая кромка широкого клинка и кончик шила были невероятно острыми.
– Ого! – с невольным уважением сказал я, осторожно попробовав пальцем остроту кончика.
– Да, господин! Невероятное качество! – с жаром поддакнул мне хозяин.
– И много в пустошах таких вещиц? – небрежно спросил я, осторожно вытаскивая из ящика второй кинжал.
– Что вы, господин княжич, – всплеснул руками хозяин лавки, – оружие древних – большая редкость, а найти его в таком прекрасном состоянии – вообще чудо!
Ну, понятно, сейчас будет драть за эксклюзив, подумал я, неспешно выполняя небольшую связку для двух коротких шагссов – почти как шагссы, но уж совсем короткие! Однако это не местные кованые железки, совершенно другой уровень…
– И сколько ты хочешь за них? – спросил я, разворачиваясь в боковую стойку.
– О, господин княжич! Это уникальнейшие клинки! Можно даже сказать – бесценные! – воодушевился хозяин лавки.
– То есть ты их не продаешь и хочешь преподнести мне в качестве подарка к свадьбе? – уточнил я, продолжая делать упражнения с кинжалами.
– Кх-кхр! – закашлялся в ответ тот.
– Так да или нет? – улыбаясь про себя, переспросил я хозяина.
– Господин княжич, – изменив интонации на просительные, заныл он, – ну откуда у бедного хозяина лавки деньги на такие подарки? Я бы и рад сделать вам подарок, но эти кинжалы мне даже не принадлежат! Я взял их на продажу… а то, что я заработаю на этом, такие пустяки…
– В общем, я понял, что подарка мне не будет, – сказал я, делая печальную физиономию.
– Господин княжич! Ну вы ж поймите… это только из-за моей беспросветной бедности, а не по причине жадности, – снова заныл хозяин, – и у меня семья…
– Тогда скажи сколько! – сказал я. – Только без выкрутасов!
– Господин княжич…
– Без выкрутасов! Ну!
– Пятьдесят золотых… – полузадушенно просипел хозяин оружейной лавки.
Я чуть кинжал не уронил на ногу!
– Скока, скока? – потрясенно переспросил я.
– Пятьдесят… золотых… – с трудом вытолкнул из себя хозяин.
Сумма была невероятной. По моим прикидкам, на нее можно было лет этак десять одному жить и горя не знать…
– Ну ты даешь! – с уважением сказал я хозяину. – Одно непонятно, где ты тут рассчитываешь найти человека, которому жмут кошелек пятьдесят золотых монет?
– Э… господин княжич… хочет предложить свою цену? – ответил тот.
– Пять золотых! – ответил я. – И то только по доброте своей душевной!
– Что вы, что вы, господин Эриадор, – возмущенно замахал руками хозяин, – это просто смешная цена! Вы шутите?
– Ничего я не шучу, – ответил я, – посмотри сам! Кинжалы редкой формы. Ты вот, например, знаешь, кто сейчас может научить, как с ними обращаться? Я лично не знаю… Значит, их можно купить как редкую вещицу, не более. Скажем, для коллекции… Идем далее… Кто у тебя тут их купит за такую сумму? Выгляни за дверь! Неужели ты думаешь, что у людей, которых ты там увидишь, есть хотя бы один золотой в кошельке? И еще… Вот

тут на эфесах что-то написано! – ткнул я пальцем в три хитро завитых друг вокруг друга иероглифа на эфесе одного кинжала. – Что, ты знаешь? Может, это какое-то древнее проклятие! А? Отвечай! – наехал я на хозяина лавки. Вообще-то на них было написано: чак. Чак, неожиданно всплыло в памяти, оружейная мастера Чака Алениума, Вечный город. Спасибо тебе, память! Нафиг оно мне нужно сейчас это знать?
– Э-э-э… – растерянно промычал хозяин, – маги смотрели… Проклятий никаких нет!
– А то прям маги все знают! – воскликнул я. – Любому понятно, что с древними все не просто так. Если бы маги все знали, они бы сами стали древними! Что, разве не так?
– Ну да… Древние это непросто… – неохотно согласился со мной хозяин, – но пять золотых за такие кинжалы … это… это невозможно!
Дальше начался банальный торг, в котором я использовал и силу своего логического убеждения, административный ресурс в лице князя и кое-какие приемчики, изученные мною на Земле. В общем, сошлись мы с ним на двадцати пяти золотых. Конечно, значительно меньше начальной суммы, но все равно очень дорого. Что подтвердил и князь, попытавшийся прочитать мне лекцию о вреде мотовства. Начало лекции я честно выслушал, затем, воспользовавшись подходящим моментом в разговоре, достал кинжалы. Внимание князя переключилось, и последующая часть лекции оказалось скомканной и неубедительной. Князь принялся рассматривать оружие, а я под это дело попытался выяснить у него про пустоши и древних. В итоге наводящих вопросов я разузнал, что когда-то давным-давно существовало государство, которым правили могучие маги. И жили они не тужили и правили, как считали нужным. А потом у них чего-то там бумкнуло. То ли за чем-то не уследили, то ли еще чего развалилось. И там, где это произошло, теперь пустоши, по которым шарится предприимчивый народ, добывая всякие древности. Понятненько, подумал я, склеив общую картину из обрывков добытых сведений. Древние развалины, в которых можно пошарить… Ничего интересного. Хотя… Если маги были могущественны, может, там повезет найти книги, в которых есть описания порталов в другие миры… Однако сохранились ли эти книги? Книги это не кинжалы, которые сто лет пролежат и почти как новенькие…
Вот так, отправившись за покупками для служанок, я совершенно случайно обзавелся почти шагссами. Кинжалы были действительно хороши. Единственным их недостатком было неудобство транспортировки. Со всех сторон торчали острые лезвия, и носить их можно было только за ручку. Ни о каких там ножнах речь даже и не шла. Зарезаться при таком ношении было плевым делом. Недолго думая я поручил таскать за мной кинжалы своим тайлиш, сделав для каждого по небольшому чемоданчику, обитому снаружи черным бархатом, с вышитой на крышке золотыми нитками монограммой и хрусталиком в правом верхнем углу. Вышло все очень стильно. На тренировках теперь тайлиш подавали мне оружие, лили на меня воду из больших белых кувшинов после тренировки, растирали полотенцами. Бонусы высокородной жизни… Особенно хорошо это стало смотреться, когда я одел Милу и Лолу в черные костюмы мальчиков-пажей, в черные береты с белыми перьями и в белые обтягивающие перчаточки. Сестренка как увидела первый раз, так просто онемела.
«Боже, какой разврат!» – всплыла у меня в голове какая-то фраза с Земли, пока я ждал, пока Эда заговорит. Ждал я, оказывается, зря: Эда не заговорила, а молча повернулась и ушла.

Все эти воспоминания молнией пронеслись у меня в голове, после аха блестящего общества, собравшегося в зале. Не подавая вида, что я услышал, как на меня среагировали, я не спеша продефилировал по коридору, образованному толпой, и сопровождаемый тайлиш, магистром и почетным эскортом, подошел к дальнему столу, возле которого меня ждал князь Гессен со своей свитой.
– Рад приветствовать вас в добром здравии, князь! – сделал я поклон.
– Я тоже рад видеть вас, господин Эриадор… – поклонился мне в ответ Гессен.
А вот твоя физиономия говорит о том, что ты врешь, подумал я, увидев кислое лицо князя.
– Позвольте представить вам мою дочь Фелию, вашу будущую супругу, – продолжил между тем Гессен, поворачиваясь вполоборота и делая указующий жест рукой на девушку, стоящую справа, чуть позади него.
Я взглянул в направлении его руки и наткнулся на взгляд двух внимательных карих глаз. Прямой, открытый, и в нем было возмущение. Фелия! Так вот ты какая…
Фелия была в платье зеленоватого оттенка с широкой юбкой, украшенном пришитыми сверху переливающимися перламутром камнями. Ее не очень длинные каштанового оттенка волосы были убраны в серебряную сетку красивого плетения. Взглядом художника я отметил у девушки правильный овал лица, красивые губы и большие глаза. Подкачал, пожалуй, только нос. Точнее его некоторая курносость. На ушах и пальцах невесты сверкали драгоценные камни, на шее – колье.

– Я очарован! Наконец-то я имею счастье видеть вас вблизи, о несравненная! – сделал я низкий поклон Фелии.
Хм, а Мила с Лорой блестят, пожалуй, не хуже невесты, подумал я, разгибаясь.
– Я тоже рада видеть вас, господин княжич, – сделав паузу, ответила Фелия, переводя взгляд с меня на моих служанок и обратно.
– Я несказанно счастлив, что разговоры о вашей красоте оказались сильно преуменьшены, и я чувствую себя счастливейшим из людей, имея такую красавицу в женах! И чтобы подчеркнуть вашу красоту, прошу принять в дар от меня эти украшения… – Я сделал жест рукой Миле и Лоре. Те шагнули вперед и, открыв шкатулки, с поклоном протянули их Фелии.
– Благодарю вас, господин Эриадор, за подарок… – нахмурившись, ответила Фелия, заглянув в шкатулки. От меня не укрылись взгляды, брошенные ею на камни тайлиш и на подаренные украшения.
Сравнила… хе-хе, не зря я ювелиру руки выкручивал, заставляя сделать, как мне нужно… Похоже, мой первый взнос для срыва помолвки сделан…
– Уважаемые гости… – Хмурый папа Фелии начал речь. Она была не очень длинной, но политически выверенной. В ней рассказывалось для тех, кто не знает, зачем мы тут собрались, что будет дальше и какие обязательства кто на себя берет. Из речи я узнал, что помолвка состоится через четыре дня, на пятый, а до этого времени мы будем пить, есть и гулять.
Праздник обжорства во славу молодых – кульненько… ничего не скажешь. Ладно, будем есть, пить, гулять… На то, чтобы произвести неизгладимое впечатление на Фелию и ее родственников, у меня есть четыре дня…
Все время, пока мой вероятный тесть говорил речь, я стоял сбоку и исподтишка разглядывал невесту. Она тоже периодически бросала на меня внимательные взгляды. Судя по выражению ее лица, моя персона у нее восторга не вызывала.
Надеюсь, она не окажется пай-девочкой, во всем слушающейся своего папу. Иначе у меня ничего не выйдет, подумал я, внимательно следя за изменениями выражения лица Фелии.
– …союзом двух влюбленных сердец! – закончил свою речь князь Гессен.
Сборище местной знати хлопками и выкриками с одобрением встретило его выступление.
– А теперь, уважаемые гости, прошу вас отметить это событие за праздничным ужином! Прошу всех за столы! – сделал князь широкий жест рукой.
Загомонив, гости принялись рассаживаться, нас тоже стали усаживать за стол. Князь и дочь заняли места во главе стола, меня посадили рядом с невестой, по правую руку от князя, магистра – слева от князя.
Это чтоб я не мог совета у магистра спросить, что ли? Иначе зачем нас разделили?
Мила и Лора, передав шкатулки людям князя, встали за моим стулом.
– Первый тост за молодых! – провозгласил Гессен, поднявшись и держа в руке кубок с вином.
– За молодых! – подхватил зал, вздевая вверх кубки, и жорник начался.
После первого тоста и нескольких минут тишины, вызванной поеданием первой порции закуси, накатили второй тост, и ужин пошел по выверенному годами пути.
Я сидел, ел, помалкивал и глазел по сторонам на убранство зала и наряды гостей.
– Надеюсь, путешествие было необременительным? – Неожиданно голос Фелии вывел меня из задумчивого созерцания гостей.
Так, Фелия хочет, видно, определить отношения… Ладно, поговорим!
– Увы, вынужден вас огорчить, но путешествие было ужасным, – ответил я, поворачиваясь к ней, – отвратительная еда, пыльные дороги и ужасные лошади.
– Лошади? – немного растерявшись, спросила она.
– Особенно лошади! – ответил я.
– И что же в них такого ужасного? Я видела, как вы, улыбаясь, разговаривали со своим конем, когда приехали. Мне кажется, вы преувеличиваете ужасность лошадей… – с натянутой улыбкой ответила мне Фелия.
– Разговаривал со своим конем? – переспросил я. – А-а… а, вы про это! Я просто пообещал этой скотине, что когда мы вернемся, то я его кастрирую! Представляете, перед самым въездом в ваш замок ему попалась на глаза какая-то кобылица. И он решил, что это самый подходящий момент, чтобы заделать пару жеребят! Я чуть не вылетел из седла и не свернул себе шею, когда этот урод на полном скаку свернул в сторону! Подумать страшно, какая это была бы потеря, если бы я не доехал до вас какую-то сущую ерунду и умер, так и не взглянув в ваши прекрасные глаза! – с придыханием сказал я, наклоняясь к Фелии.
– А… да… – растерянно ответила Фелия и, отвернувшись от меня, уткнулась в свою тарелку.

– Скажите, Фелия, это правда, что вы увлекаетесь фехтованием? – решил я взять инициативу в свои руки, видя, что девушка не собирается больше поддерживать разговор.
– Да, а что? – отклонившись в сторону и настороженно глядя на меня через плечо, спросила она.
– Это же просто здорово! Давайте я прикажу для нашей первой свадебной ночи организовать большое количество пуховых подушек, а вы прихватите свой меч! – широко улыбнулся я невесте.
– Зачем? – с подозрением в голосе спросила та.
– Устроим бой на мечах! – бодро ответил я. – Только представьте – облака белого пуха… словно метель… И вы среди этой метели… обнаженная… с мечом… – Я мечтательно закатил глаза к потолку.
– Княжич, вы что, ненормальный? – ледяным голосом спросила Фелия.
– А вы что, заметили? – будто бы удивился. – Я совсем потерял голову от вашей красоты!
Фелия обожгла меня взглядом и, дернув плечом, отвернулась.
Поговорили, с удовлетворением подумал я, пригубляя кислое вино из своего кубка. Похоже, дело идет на лад.
Ужин между тем продолжался. Гости раскраснелись от вина, языки развязались, и зал наполнился шумом и гомоном. Слуги приносили еду и уносили объедки. Мои тайлиш перехватывали подносимые ими яства и ставили их на стол ко мне уже сами. Все мое обслуживание шло через их руки. Этот факт не остался незамеченным. Я уловил несколько быстрых взглядов, брошенных Фелией на моих служанок. Однако невеста молчала.
Молчать не стал ее папа. Видать, выпитое им вино повысило уровень агрессивности, сдерживаемый до этого доводами трезвого разума.
– А скажите, княжич, – высовываясь из-за дочери, начал он, – почему вас обслуживают ваши служанки? Вы что, не доверяете мне?
– Ну что вы, господин князь, – с удивлением в голосе ответил я ему, – как можно! И в мыслях даже не было подвергнуть сомнению открытость и чистоту ваших помыслов. Мы же уже почти родственники! Ваше здоровье, князь! – Я поднял в его сторону бокал с вином, в который только что из кувшина Мила подлила вина, и затем сделал из него большой глоток.
Бррр, кислятина! С трудом подавив гримасу отвращения, я поставил кубок на стол и попытался улыбнуться князю как можно шире.
Князя тоже перекосило. Но только не от вина, а, похоже, от моей фразы про то, что мы родственники.
– И все же, – решил продолжить пьяные разборки князь, – объяснитесь, почему вы игнорируете моих слуг? Они что, по-вашему, недостаточно хороши для вас?
– Да боги с вами, князь! Какое игнорирование! Просто вопрос эстетических предпочтений. Люблю окружать себя всем дорогим и красивым, особенно красивыми женщинами, – ответил я. – Надеюсь, вы позволите мне эти небольшие чудачества? – Я мило улыбнулся князю. Ну или постарался сделать, чтобы улыбка вышла милой.
– Даже еду вам должны подавать красавицы? – влезла в разговор молчавшая до этого Фелия.
– Еду – тем более! – без тени сомнения в голосе ответил я. – Ничто так не радует в жизни, как вкусная еда и красивые женщины! А если бы еду подавали мне вы, это было бы верхом моих мечтаний. – Теперь я мило улыбнулся Фелии.
– Это что же, заменить служанок моей дочерью? – В голосе князя послышался пьяный гнев.
– Ну что вы, князь, как можно заменить моих служанок вашей дочерью! Ведь она звезда, сверкающая в черном бархате небес моей жизни! Что вы такое говорите, князь? – с возмущением в голосе сказал я, делая небольшое ударение на словах «моих» и «вашей».
– Но вы сами только что сказали… – немного растерянно ответил тот, видно, пропустив мимо своих подвыпивших ушей некую двусмысленность моей фразы о замене.
– Речь шла о небольшой шутке, игре, забаве… Ну знаете, когда влюбленные играют… – сказал я и, улыбаясь возмущенной Фелии, покрутил в воздухе пальцами правой кисти, – ничего более! Ну вы же понимаете, князь!
– Хм, ну да… – несколько растерянно произнес тот, немного помедлил и задвинулся обратно за Фелию.
Фелии задвигаться было некуда, и она пару секунд морозила меня своим взглядом, затем снова уткнулась в тарелку.
Ну вот, с удовлетворением отметил я, папа дочку в обиду давать не собирается! Это очень хорошо! Просто замечательно!
Между тем праздничный ужин шел своим чередом. Гости пили, ели, произносили здравицы, опять пили, смотрели на нас и зубоскалили. Мужская половина набралась ударными темпами, и взгляды, которыми они оглядывали невесту, стали откровенно

похотливыми. Фелия сидела, не поднимая глаз. На меня же смотрели по-разному. Мужики иногда с завистью, порой с насмешкой. Женщины отставали от своих кавалеров в скорости надирания и поэтому вели себя более прилично. Они что-то таинственно шептали друг другу на ушко, глядя на меня своими блестящими глазами, и при этом этак пьяно, загадочно улыбались. Я улыбался им в ответ, поднимал кубок в их сторону и кивал, стараясь делать это так, чтобы это было видно Фелии. Из всей мешанины пьяных глаз и улыбок я выделил один взгляд. Юноша лет двадцати смотрел на меня с откровенной ненавистью. Когда же он переводил свой взгляд на Фелию, он становился полным тоски и печали. Гляделец глушил вино из кубка, как воду, и при этом на вид оставался совершенно трезвым.

Хм, что это он так на меня смотрит? Я поймал на себе его полный злобы взгляд. Я ему что, денег должен?

Немного понаблюдав за этим типом, я задумался.

А не влюблен ли этот молокосос в мою невесту?

Хм, а ведь это было бы неплохо! На крайняк можно и его привлечь для разрыва помолвки. Только нужны будут доказательства, а то без них это будет выглядеть несерьезно…

– А скажите, Фелия, – наклонился я к девушке, – кто этот молодой человек?

– Который? – вздрогнула она, неожиданно услышав мой голос у своего уха.

– Вот тот! – Я грубо ткнул в заинтересовавшего меня парня пальцем.

– Это наш дальний родственник, сэр Леронт, – приглядевшись, ответила она, – он живет у нас. Зачем он вам?

– Меня заинтересовала его удивительная способность… – ответил я.

– Какая?

– Он пьет как лошадь! За то время пока я за ним наблюдаю, он уже успел полбочки вина вылакать в одиночку. Причем не закусывая! Просто удивительные способности у ваших родственников! – съязвил я.

– Знаете что, Эриадор, – вспыхнула Фелия, – не смейте оскорблять моих родственников!

– И в мыслях не было, – ответил я, – я просто восхищен до глубины души его умением и намереваюсь подружиться с этим молодым человеком, чтобы взять у него пару уроков.

– Вы еще и пьете? – расширив глаза, спросила Фелия.

– Что значит «еще»? И что значит «пью»? – делано возмутился я. – Вино утоляет печали. Вы слышали об этом?

– И много у вас печалей? – с раздражением в голосе спросила Фелия.

– Ну бывают иногда, может, чуть чаще, чем у других… Знаете, мир порой так скучен… – ответил я, делая вялый жест правой рукой.

Фелия пристально посмотрела на меня и резко отвернулась.

Я перевел взгляд на парня. Тот сидел с закаменевшей рожей и сжатыми челюстями. Его пальцы, обхватившие ножку кубка, побелели.

Увидел, что я на него пальцем показал. Ну не стоит так остро на все реагировать, малыш…

Больше за вечер не произошло ничего особо интересного. Досидели допоздна и стали расползаться. Фелия ушла раньше, сославшись на усталость и головную боль. Я посочувствовал, покивал головой и остался за столом разглядывать пьяных гостей. Самые стойкие продолжали веселиться, другие ослабевали лицом в салатницах или сползали спать под столы. Оттуда их выволакивали слуги и растаскивали по «нумерам». Некоторые ослабевшие от тряски просыпались, начинали упираться, требуя продолжения банкета, и бузить, обещая поутру повесить наглых слуг. Тогда на сцене появлялись супруги бузунов и начинали их увещевать и упрашивать. При виде женского лица у пьяных супругов порой просыпалась нежность, которую они пытались тут же продемонстрировать. Некоторые с заваливанием супруги на стол или под стол. Это кому уж как повезло. Визги, крики, пьяные разборки…

Типичная земная корпоративная пьянка… только в других декорациях, вывел я, посидев за столом и понаблюдав за всем этим действом. Тоска…

Смотреть на это безобразие мне быстро надоело, и я решил откланяться, благо невеста уже свалила и у меня тоже был повод – голова с дороги болит! Вылез из-за стола, подозвал к себе командира охраны и дал ему указание обеспечить безопасность моим тайлиш. Не хватало еще, чтобы их тут кто-нить под стол завалил… Ни-ни! Мое!

– Выдели людей, и чтобы ни на минуту не оставляли одних! – грозно дал я указания командиру. – А вы, – обратился уже к Миле и Лоре, – узнаю, что одни шастаете, прикажу выпороть! Давно уже собираюсь, так вот на этот раз точно выпорю! Понятно?

– Да, господин княжич, – присели те.

– Смотрите, – сказал я и, погрозив им указательным пальцем, в сопровождении охраны потопал к себе, спать.

Фелия

– Он к тому же еще и пьяница! – яростно воскликнула Фелия, расхаживая по комнате.
– Откуда ты это знаешь? – спросила Риона, сидя в кресле и наблюдая за тем, как Фелия мечется по комнате. – Когда мы уходили, он вроде нормально сидел…
– Он сам сказал! Ему понравилось, с какой скоростью пьет сэр Леронт, и он решил взять у него пару уроков!
– Ах, сэр Леронт! Он ведь влюблен в тебя? – с легкой улыбкой спросила Риона.
– Оставь свои шутки! У меня не о том голова болит! – воскликнула Фелия.
– А о чем?
– Он привез с собой своих любовниц! Нет, ты видела?! На помолвку привезти любовниц! Да еще из служанок! Нет, ну разве он не подонок?
– Ну почему любовниц? – вяло попыталась обелить жениха Риона. – Может, они просто служанки и все…
– Просто служанки? – взвилась Фелия. – Ты видела, как они одеты? Ты видела?! Что, просто служанок так одевают? А украшения, которые были на них? Да они лучше, чем он мне подарил!! Я совсем не дура и понимаю, за что так одевают служанок! За моей спиной уже смеются и сплетничают все кому не лень и показывают на меня пальцами! Разве не так?!
– Ну Фели, ну успокойся, может, все не так плохо, как кажется…
– Все плохо, все просто ужасно! Я чувствую, он презирает меня! Он смеется надо мной! Над моим платьем, над нашим замком! Я чувствую это! Не спорь! Наглая заносчивая скотина, посмевшая притащить на помолвку своих любовниц! Негодяй!
– Ну Фели…
– Что Фели?! Что Фели?! Он позорит меня! Меня и мою семью! А отец молчит, не хочет ничего видеть! Смотрит на все сквозь пальцы! А я должна терпеть эти унижения! Из-за этого проклятого Седрика! Из-за этой проклятой войны, которой, может, еще и не будет! Ну почему я не мужчина?! Я бы вызвала его на дуэль и убила бы этого заносчивого, наглого труса!!
– Труса? Он трус?
– Конечно, трус! Пользуется моментом и изгаляется, как может! Подлец! – От избытка чувств Фелия хлопнула ладонью по спинке кресла, мимо которого пробегала в этот момент.
– Но тогда, может, это сделает вместо тебя кто-то другой? – сказала Риона.
– Другой! Кто другой? Где он этот другой?! Что? Что ты сказала? – резко остановилась Фелия, когда до нее дошел смысл сказанного подругой.
– Другой, – неспешно повторила Риона, многозначительно подняв брови, – кто-нибудь другой…
– Ты что, предлагаешь… – прошептала Фелия и замолчала.
– Ну ты же этого хочешь? – спросила Риона, наклонив голову и глядя на Фелию из-под бровей.
– Но тогда… Седрик… отец… наш замок… – медленно проговорила Фелия. – Нет, не могу!
Фелия отрицательно мотнула головой и, резко отвернувшись, подошла к окну.
– Ну пусть тогда проучит этого наглеца. Ранит его, изваляет в грязи, прилюдно унизит, чтобы он не был таким, – предложила Риона.
– Унизит… – медленно повторила Фелия, стоя спиной к подруге, – да! Унизит! Но кто же это сделает? – обернулась она к Рионе. – Кто захочет вызвать Эриадора на дуэль? Перед самой помолвкой? Ведь тогда мой отец и князь Аальст… Я думаю, никто на это не пойдет!
– У тебя же есть верный рыцарь – сэр Леронт! – как-то криво усмехнулась Риона. – Он больше ни на кого и не смотрит, только на тебя…
– Леронт? – задумчиво произнесла Фелия. – Ты хочешь сказать, что если я попрошу…
– Если ты попросишь, то он спрыгнет для тебя с башни, даже не размышляя! – не дав договорить, перебила Фелию Риона.
– Ты думаешь? – с удивлением спросила Фелия.
– Да что тут думать! – фыркнула Риона. – Вспомни, какими глазами он на тебя смотрит. Все давно уже знают, что он в тебя влюблен. Одна ты не знаешь!
– Нет, ну почему. Я видела, что он на меня смотрит, – начала оправдываться Фелия, – но я никогда не думала ничего такого…
– Иди и попроси его! Или хочешь, я это сделаю от твоего имени? – предложила подруга.
Фелия, задумавшись, уставилась в пол.
– Хорошо, попроси, – наконец подняла она голову, – только скажи, чтобы он не убивал Эриадора. Пусть ранит или как-нибудь унизит его, но не убивает! Иначе тогда мой отец и князь Аальст убьют его. Хорошо?

– Ладно, – кивнула Риона и на мгновение задумалась. – Слушай, а ведь это у нас с тобой заговор! Как в книгах! – через секунду восторженно выдала она.
– Заговор? – не поняла Фелия.
– По спасению прекрасной дамы от лап черного властелина! Рыцарь придет и спасет даму своего сердца! Ты будешь дамой, Леронт – рыцарем, а Эриадор – исчадием зла. А я буду подружкой дамы, которая поможет рыцарю победить зло. Прям как в книге о рыцаре Ланселоте и его возлюбленной леди Ребекке. Ой, как здорово! – захлопала в ладоши Риона.
Фелия, распахнув глаза, изумленно смотрела на нее.
– Здорово, здорово! Все, Фели, я побежала искать твоего верного рыцаря! Мы спасем тебя от черного колдуна. Ты главное – держись и дождись нас! Мы обязательно тебя спасем! Все, я побежала! – Риона соскочила с кресла, в котором до этого сидела, и, подхватив юбки платья, выскочила за дверь.
Фелия так ничего не успела ей сказать.

Эри

Утром нас разбудили вместе со всеми гостями рано, часов эдак около девяти. Сегодня у нас была по плану охота.
Какая, на фиг, охота, подумал я, сидя за столом и разглядывая помятых гостей, притащившихся на завтрак. Некоторые болезные ведь еле ползут… Им щас только на коня садиться… Поубиваются ведь. Хотя нет, есть экземпляры…
Я перевел взгляд на угловой стол, за которым шумная компания сражалась с завтраком. Завтрак явно проигрывал сражение. Верховодил в битве невысокий красномордый мужик с лихо закрученными в колечки усами. У него были темные волосы и невероятно живые озорные глаза, из которых, казалось, так и брызгало энергией. Вчера он веселился больше всех.
Да, этот, пожалуй, прикажет после своей смерти поставить на могиле бочку с вином и слугу завещает отрядить, который бы следил, чтобы капало непрерывно, подумал я, наблюдая, как усач энергично вздевает вверх кубок с вином, побуждая свою компанию сделать то же самое.
– Скажите, князь, а кто этот весельчак? – спросил я князя Гессена, сидевшего рядом со мной. Князь со вчерашнего стал еще смурнее, чем был, и от него несло перегаром. На взгляд можно было сказать, что князь находится в тяжких раздумьях.
– А? Что? Где? – очнулся потревоженный моим вопросом князь.
– Вон справа! Такой весельчак с усами! – указал я.
– Этот? Это князь Белогур. У него княжество у самых гор. Имеет серебряный рудник и может позволить себе жить, ни о чем особо не задумываясь, – слегка скривился князь.
– Понятно, – ответил я. – А где ваша дочь? Почему я ее не вижу на завтраке? Вчера она сказала, что у нее голова болит. Фелия, случаем, не заболела? – сделал я участливое лицо.
– Фелия? Нет, не заболела. Просто она… будет позже, – хмуро глянул на меня князь и, не отрываясь, маханул с половину кубка.
Хм… если невесты нет, то как же я буду ее наталкивать на мысль, что наш союз – вещь в принципе невозможная? Князя возбуждать? Он уже набраться успел или с вечера не просох… А может, устроить пьяную драку с князем? Уж тогда точно… Хм…
Я перевел взгляд на совершенно трезвого и не менее хмурого, чем князь, магистра Фестера. Не, не прокатит, понял я. Ладно, не будем спешить… А мысль про драку, однако, неплоха! Князю, кажется, много не надо. Судя по всему, он на взводе. Хорошо, оставим драку на последний день перед помолвкой. Если ничего другого не выгорит…
– Благодарю вас, князь, – откланялся я, вылезая из-за стола, – пойду переоденусь к охоте.
Князь молча кивнул мне в ответ и опять ухватился за кубок.
Алкаш, подумал я, раскланиваясь с публикой за столами. Кивнув пару раз в разные стороны, я вышел в коридор и, поймав первого подвернувшегося под руку слугу, велел показать мне выход. Хотелось на воздух. Получив направление, я пошел к выходу, без особого интереса глазея по сторонам. Замков я, что ли, не видел? Тем более что смотреть было особо не на что. Выглядело все тут намного аскетичнее, чем у Аальста. Видать, дела у Гессена действительно не очень, сделал вывод я, выходя во двор.
Солнышко. Ветерок. Хорошо-то как! Я вдохнул воздух полной грудью. Оглядел двор замка и удивленно заморгал. Во дворе был базар. Не в смысле, что тут торговали с рядов, а в смысле кипения жизни. Двор был буквально забит людьми и лошадьми. Люди в разноцветных нарядах седлали и расседлывали лошадей, накрывали их какими-то цветными тряпками и крепили на них седельные сумки. Некоторые лошадники переходили с места на место, таская при этом за собой на поводу оседланный скот. Лошади самых

различных мастей и пропорций беспорядочно ржали, люди говорили громко, кажется, все сразу и безостановочно. Кое-где откровенно ругались и хватали друг друга за грудки. Сверху это действо радостно накрывала туча насекомых, с которыми я уже успел столкнуться по пути сюда.
Содом и Гоморра! – было мое первое впечатление от увиденного.
Что тут происходит?
А… а-а… охота! Мы же сегодня на охоту едем. А это слуги седлают лошадей своим хозяевам.
Ну это ж надо… А запах-то тут какой! Явно не амброзия – я невольно поморщился, когда ветерок принес амбре лошадиного пота, навоза, человеческого пота и лука.
Луком-то чего так воняет? Я задержал дыхание. Слуги, что ли, нажрались? Настроение у меня резко упало. Вместо свежего воздуха и желанного одиночества, чтобы немного отдохнуть от общения, я попал в толпу крепко пахнущих аборигенов и их вонючих лошадей.
Так, надо валить отсюда. Я увидел надвигающийся на меня здоровенный зад лошади.
– Смотри, куда прешь! – заорал я, торопливо отходя в сторону.
Лошадь перестала пятиться, остановилась и оглянулась на меня. Рядом с ее мордой появилось человеческое лицо с вытаращенными глазами и обалделым выражением.
– Ммм… о-о-о… ваш… э-э… о… – промычало лицо.
Дятел!
Не дожидаясь более связного речевого сообщения, я развернулся и пошел вдоль края двора, намереваясь завернуть за башню замка, в надежде, что смогу найти там немножко тишины и свежего воздуха.
– Сихот! – ругнулся я, внезапно поскользнувшись, и чуть не упав. – Бли-и-ин! Дерьмо!!! – возмущенно заорал я, увидав, на чем я поскользнулся. Я вляпался прямо в середину свежей кучи лошадиного навоза. – Понасрали тут! – продолжал я возмущаться вслух, стоя на одной ноге, а вторую, обляпанную, держа на весу.
Но вокруг никому не было дела до того, что наследник древнего рода Аальстов, жених невесты, на чью помолвку тут все и собрались, наступил в дерьмо и теперь стоит на одной ноге рядом с кучей, как цапля.
– Уррроддды! – подумал я вслух об окружающих и, продолжая ругаться себе под нос, принялся оттирать свой сапог. Кое-как его отчистив, я, все еще внутренне кипя, двинул к башне, к которой собирался. Но добраться мне до нее было не суждено. – Ай! – вскрикнул я, когда меня внезапно кто-то пребольно схватил за левое плечо.
Поворачиваю голову – лошадь! Ухватила меня своими здоровенными желтыми зубами и не отпускает. Еще и губу верхнюю задрала, типа смеется.
– Ах ты ж тварюга! – Недолго думая я со всей силы шарахнул правым кулаком по наглой морде.
И… ги-ги!
Лошадь отпустила мое плечо и взвилась на дыбы.
– Ще-е-ет! – ругнулся я, выскакивая из-под занесенных над моей головой копыт.
– Эриадор, зачем вы ударили Рыжика! – раздался откуда-то сбоку негодующий голос.
Поворачиваюсь – Фелия! В светло-коричневом плотно сидящем в верхней части платье, волосы завиты в спиральки. И вид такой возмущенно-сердитый.
– Эта наглая скотина укусила меня! И обслюнявила мне камзол! – сердито ответил я, одергивая одежду.
– Он просто хотел поиграть! Он так шутит! – Фелия успокаивающе положила руку на обиженную морду подскочившего к ней коня.
– Шутит? Я тоже хочу пошутить! Конская колбаса «Рыжик»! Я думаю, эта тварь оценит мою шутку по достоинству!
– Как вы можете так говорить! – возмутилась Фелия. – Он просто еще молод. У него на уме одни игры!
– Очень жаль, что его мозгов не хватает на усвоение даже простейших правил поведения! Похоже, его хозяин совсем не занимается его воспитанием!
– Это мой конь! – гордо сказала Фелия.
– Тогда понятно, – ответил я.
– Что вам понятно?
– Понятно теперь, почему этому придурку сходят с рук его шуточки! Принадлежи он кому-нибудь другому, а не вам, его давно бы уже отправили на живодерню. Кому нужна глупая скотина, которая развлекается тем, что кусает людей? – протараторил я.
– Вы… вы… вы – жестоки! Вы… – грубы и невоспитанны! – просто задохнулась от возмущения Фелия.

– Нормально у меня с воспитанием! Только оно, похоже, немного отличается от вашего. Ну это не беда! После нашей свадьбы я постараюсь, чтобы вы как можно скорее начали разделять мои взгляды.
– А… – Фелия хотела что-то сказать, но не смогла.
– Всего хорошего, – сделал я легкий поклон, – пойду отчищать свою одежду от слюней вашего любимца!
Мило пообщались, подумал я, шагая в свои комнаты. В жилу, как говорится. И жеребец этот вовремя подвернулся… Не, ну какая скотина! Укусил ведь, сволочь! Больно. Синяк, наверное, будет… Сихотова охота…
В комнатах меня уже ждали малость всполошенные моим отсутствием тайлиш, магистр и охрана.
– Эри, где ты ходишь? Скоро выезд, а тебя нет! Где ты был? – запищал на меня магистр.
– Да так, – пожал я плечами, – вышел подышать и случайно наткнулся на Фелию. Немного пообщались.
– И о чем вы говорили? – спросил Фестер.
– О лошадях. Фелия, оказывается, неисправимая лошадница. Мы ходили рядышком по густо унавоженному двору и обсуждали проблему изготовления колбасы из ее рыжего коня. Все было очень мило и романтично. И пахло розами! – с совершенно серьезным лицом ответил я.
Магистр изумленно моргнул.
– Ты шутишь, Эри? – когда информация усвоилась, поинтересовался Фестер.
– Вполне возможно, – неопределенно ответил я и поинтересовался: – А что у нас за пожар?
– Так скоро выезд, а вас нет! Вам одеваться нужно! – немного испуганно и с расширенными глазами сказала мне Лора. – От господина князя уже приходили, спрашивали, когда вы будете готовы.
Одеваться, скривился я. Что-то за завтраком, пока допивали оставшееся с вечера, никто никуда не торопился… Да и Фелия только что во дворе была… А мне, значит, одеваться…
– Ладно, давайте одеваться, – вздохнул я.

Фелия

– Госпожа, вы такая красивая! – Окончившая одевать Фелию служанка с восхищением смотрела на ее отражение в зеркале.
В зеркале отражалась стройная девушка в зеленой амазонке, с красными вставками на рукавах и поясе. Силуэт платья выгодно подчеркивал фигуру и гибкую талию хозяйки. На голове красовалась небольшая шляпка с перышками, кокетливо сдвинутая набок.
Красивая… только вот счастья от этого… – подумала Фелия, смотря в зеркало. – Зачем нужна красота, если придется жить рядом с уродом?
– Госпожа, госпожа! Ваш отец ждет вас внизу, у парадного крыльца, вместе с вашим женихом! Ваш отец просил вас поторопиться! – завопил за дверями прибежавший мальчишка-посыльный.
Женихом… – скривилась про себя Фелия.
– Я готова, – стараясь ничем не выдавать своего настроения, ответила Фелия. – Идемте, – кивнула она окружающим ее служанкам и, подхватив длинный конец своей юбки, пошла к дверям.
Спустившись на крыльцо, она увидела, что весь двор замка, как и утром, был забит лошадьми и людьми. Особенно плотная толпа окружала крыльцо. А на крыльце…
Да как он посмел! – первое, что пришло в голову Фелии.
На крыльце, рядом с ее отцом красовался ее жених. В зеленом охотничьем костюме, отороченном на плечах рыжим мехом, в какой-то необычной узенькой шапке с пером и загнутыми вверх полями… и… и… с двумя своими девками по бокам, одетыми в черные мужские костюмы! Эриадор был весел и, улыбаясь, что-то увлеченно рассказывал ее отцу и совершенно не обращал внимания на толпу, которая плотно их обступила и разглядывала его и служанок. Все ждали невесту и ее реакцию на любовниц жениха. Это Фелия поняла по тому, как толпа быстро расступилась и развернулась к ней, жадно впиваясь взглядами в ее лицо. Все хотели увидеть, как поведет себя Фелия.
Первой реакцией Фелии было – исчезнуть, чтобы не видеть этого позора! Но сзади уже стеной стояли сопровождавшие ее служанки, с интересом вытягивающие шеи вперед, желая разглядеть, что там происходит.
Растерянно обернувшись, Фелия поняла, что если убегать, то ей придется прорываться сквозь толпу, и выглядеть она будет при этом полной дурой.

Уж гости повеселятся на полную, подумала Фелия, стараясь вдохнуть побольше воздуха, которого ей стало внезапно не хватать.
Так… ладно, он за это заплатит! – сказала себе Фелия и, пару раз вздохнув, решительно шагнула вперед, задирая вверх подбородок.
– А вот и вы! – с наигранным восторгом обратился к ней жених. – Понимаю теперь, почему вы задержались!
Эриадор окинул взглядом наряд Фелии и продолжил:
– Да, такая красота стоила того, чтобы ее ожидать! – и поклонился.
Скотина! – подумала Фелия и, улыбнувшись, произнесла в ответ:
– Благодарю вас!
Глаза Фелии невольно перескочили с жениха на служанку, стоящую справа от него.
Девка бесстыжая! Скромницу из себя строит! Глазки потупила. Небось нравится, что на нее благородные пялятся! Мерзавка!
– Ну что же, коль все собрались, можно выезжать! – вмешался в обмен любезностями между будущими супругами князь Гессен и обернулся к стоящему рядом слуге с горном: – Труби!
Слуга поднес горн к губам и трижды гнусаво просигналил.
– Лошадей князю Гессену! – заорал мужик у крыльца.
Распихивая табун лошадей на площади, слуги подвели к крыльцу трех коней. Одного – князю, двух других – Фелии и Эриадору.
– А где же ваш рыжий любимчик? – с удивлением спросил Эриадор, увидев, что Фелии подвели белую кобылу.
– Он нездоров. После того как он прикоснулся к вам, у него расстроился живот! – не удержалась от колкости Фелия.
– Ну почему же? – спокойно возразил княжич. – Уверен, что этим утром он облизал не только меня. Он у вас вообще, кажется, с головой не дружит, не понимает, что можно тянуть в рот, а что нельзя.
– Да уж поумнее некоторых! – резко ответила Фелия.
– О чем разговор? – вмешался князь Гессен.
– Да так, – пожал плечами Эриадор, – просто я сегодня утром был покусан бешеным конем, оказавшимся любимцем Фелии.
Наябедничал, паскудник… – с тоской подумала Фелия, – опять отец меня будет воспитывать…
Князь с удивлением вопрошающе уставился на Фелию. Та, однако, не торопилась высказаться по этому вопросу и хмуро глядела на отца.
– Ну что вы, князь, это такие пустяки! – сказал Эриадор, видно, почувствовав, что пауза в разговоре между отцом и дочерью затягивается. – Не сомневаюсь, что он уже давно всех тут перекусал, так что ничего страшного, значит, он незаразный! Тем более что это же конь вашей дочери! Возможно, я просто еще новичок, и после пятого укуса я привыкну, и мне станет это даже приятно…
Эриадор во все зубы улыбнулся князю, а потом Фелии.
– Опять он у тебя людей кусает? – так и не дождавшись ответа, спросил князь, обращаясь к дочери.
Фелия с трудом удержала на языке готовящуюся сорваться фразу: «Людей он не кусает!», но сдержалась и сказала другое:
– Отец, мы опаздываем!

Эри

Утомительно… Просто до безобразия, подумал я, с размаха заваливаясь спиной на кровать как есть, в сапогах и охотничьем костюме. Не понимаю, что может быть интересного в таком времяпровождении?
Я только что вернулся с охоты и, быстро раскланявшись со своими потенциальными родственниками, двинул к себе, торопясь поскорее «кинуть кости».
– Ох… – вздохнул я, поудобнее устраиваясь на кровати, – бедная моя поясница!
Вся охота была каким-то клубком сложностей. Сначала мы бесконечно долго выезжали из замка. Ждали Фелию, потом – пока слуги посадят на лошадей женщин, тоже едущих на охоту. Дождавшись, пока всех баб распихают по лошадям, мы наконец-то двинулись к выходу, но не тут-то было! Весь двор замка был забит скотом, и сделать коридор в этом стаде, чтобы проехать к воротам, потребовалось немало времени. Потом, когда князь, я, Фелия и наша свита все-таки выбрались за ворота, в них образовалась пробка. По

совершенно простой причине – все гости поехали разом в одну дырку. Крики, ржание и нецензурные слова в воздухе.
– У вас тут что, всегда так весело? – спросил я Фелию, сидевшую рядом на своей белой лошади и вместе со мной следившую за торжественным выездом гостей.
Невеста меня ответом не удостоила.
Ну и ладно, молчание – это тоже показатель…
В конце концов пробку из ворот выдернули, и кавалькада двинулась по дороге к лесу. Поскольку уже изрядно задержались, коней погнали быстро. Тут началась другая веселуха. Часть гостей, наверное, наиболее дурная или уже хорошо принявшая, устроила скачки. Взялись обгонять друг друга или вклиниваться между лошадьми, стараясь выпихнуть на обочину.
Снова крики, гиканье, ржание и нецензурные слова.
М-да, организация массовых мероприятий, похоже, тут не на высоте, решил я, наблюдая за этими развлечениями из-за спин стражников. Моя стража и охрана князя окружали нас плотным кольцом, не давая никому из гостей пробиться к нам. Так что мы в гонках не участвовали.
Наконец мы добрались до опушки леса. Такая милая опушка, с ярко-зеленой травой, с шатрами из белой, красной и синей ткани. С длинными столами, покрытыми белыми скатертями, уже с какой-то едой. Высокие флагштоки с вяло шевелящимися на них разноцветными знаменами. Откуда-то тянуло дымком деревянных полешек и запахом жаренного на огне мяса.
Шашлык, что ли, готовят? Только приехали, еще и дичинки не убили, а тут уже мясо жарят! Что же это за охота такая, подумал я, принюхиваясь.
Хотя я не против, мясо, приготовленное на огне, я люблю! Главное, чтобы правильно было пожарено… Ммм… а вкусно-то как пахнет!
Но нанюхаться мне не дали. На опушку вывалила толпа на лошадях. Зеленая травка враз оказалась вся взрыта копытами, запах мяса пропал, а вместо него в воздухе появилось уже надоевшее амбре лошадей и навоза.
Блин!
Князь спешился и вместе со свитой определился в центральный ярко-красный шатер. Фелию расположили в стоящем справа от него белом, а мне достался левый синий. Гости же устроились кто как мог. Кто в свои шатры, кто на свежем воздухе. Только все выгрузились, как ко мне явились посыльные от князя и позвали за стол.
Не понял, мы сюда жрать приехали, что ли? Я направился к столу, за которым уже сидели Гессен и Фелия. Мы же на охоту собирались! Есть можно было и в замке, там удобнее…
Едва я уселся рядом с невестой, как у стола громко зазвучали какие-то гнусавые трубы. Похоже, это был какой-то важный этап охоты. Важный-то важный, но я на какое-то время стал глухим на левое ухо, когда мне в него со всей дури загудели.
А чтоб тебя! Я разозлился, затыкая ухо пальцем и оборачиваясь в сторону дудельщика. Наткнулся на красную рожу с вытаращенными глазами и неестественно, до треска, раздутыми щеками. Чтоб ты лопнул, придурок, пожелал я ему, пытаясь отодвинуться подальше от ревущей трубы.
Тут я заметил обращенный на меня злорадный взгляд Фелии. Сама она сидела, прикрыв уши ладошками.
Ясно. Значит, все в курсе, что за чем тут следует, один я, деревенщина, первый раз на охоте и получаю по ушам, подумал я, осторожно ковыряя у себя в ухе мизинцем.
Внезапно дудеть перестали, и наступила оглушительная тишина.
Спустя несколько мгновений откуда-то издалека донесся ответный звук труб, потом, через некоторое время, еще – чуть дальше, и еще.
По репликам загомонивших вокруг людей я понял, что это подали сигнал загонщикам начинать движение.
И что, куда они гнать-то собрались? На нас, что ли? Прямо на столы? Если так, то сейчас тут будет весело!
Но я оказался неправ. За столы мы сели, чтобы сказать пару тостов и вмазать по паре раз из кубков. Быстро сделав это, видно, совершенно необходимое для охоты дело, князь подал знак, и сидевшие стали выбираться из-за столов и опять лезть на лошадей.
Дурь какая-то, недоумевал я, карабкаясь на своего коня. Че слезать-то было? Вмазать можно было и на лошади…
Сев на коня, я проехал за князем пару шагов в сторону от опушки и встал, потому что встали все.
Тут подбежали слуги и начали за поводья растаскивать лошадей, выстраивая их в линию, на небольшом расстоянии друг от друга, у вкопанных в землю желтых флажков. Расставив лошадей, слуги остались держать их под уздцы, а сзади появились еще люди, несущие в

руках какие-то палки с дугами и колчаны, из которых торчали разноцветные оперения стрел.
Е-мое, арбалеты, изумился я, когда понял, что это такое. И Фелия тоже будет палить?
Я оглянулся по сторонам, пытаясь определить, куда она делась. Невеста обнаружилась справа на взгорочке, в толпе дам.
Ага, охота не женское дело, понял я, увидев эту разноцветную толпу. И правильно! Я вспомнил, как мы ездили с отцом и братьями в Эсферато на охоту на рюкрога. Совсем не для демонес! Вот то была охота так охота! Не то что это несчастье…
– Господин, пожалуйста, возьмите арбалет, – прервал мои воспоминания слуга, протягивая мне оружие снизу.
Вздохнув, я нагнулся в седле и взял арбалет и колчан. В колчане оказались не стрелы, а арбалетные болты с окрашенными деревянными концами.
А зачем мне болты, подумал я, недоуменно вертя колчан в руках. Сзади вон заряжающие вроде выстроились…
Я оглянулся назад. Действительно, за моей лошадью цепочкой стояло пятеро слуг с арбалетами в руках. Три разряженных, видно, чтобы не тянуть струну, и два взведенных, но без болтов.
Ага! Это значит, болты я буду вкладывать сам, понял я. Это, наверное, для того, чтобы слуги случайно не засадили болт в спину благородному. Случаи ведь всякие на охоте бывают! Что ж, предусмотрительно…
Некоторое время ничего не происходило. Я, любопытствуя, немного повертел в руках арбалет, ужаснулся его качеству и, положив его на круп лошади, принялся глазеть по сторонам.
Справа от меня находился князь, тоже с арбалетом на спине лошади. За ним и слева от меня на лошадях сидели незнакомые мне охотники из приглашенных гостей и ждали, когда на них набежит дичь.
Скукотища…
Тут где-то за деревьями заревели трубы. Мои соседи оживились, завертели головами и начали заряжать свои арбалеты.
Пора! Я вытащил из колчана арбалетный болт и начал прикладывать его к арбалету. Запихав его в подходящее место, я пару раз приставил оружие к плечу, дабы прикинуть механику процесса, и снова принялся ждать.
Трубы заревели где-то уже близко, и стал слышен звонкий собачий лай.
На подходе, уразумел я и оказался прав.
Первыми пролетели мимо ряда всадников какие-то дикие птицы. По ним кто-то сгоряча пальнул, но промазал. Затем на линию огня выскочила лиса.
Оп… па! Интересно, она когда-нибудь думала, что станет ежиком, пришла мне в голову мысль, когда я наблюдал, как утыканная стрелами лисичка превращается в катящийся по земле шар. По лисице засадили, наверное, всей линией, и шансов у нее не было никаких.
Спустя секунду вслед за лисицей из кустов выскочил перепуганный маленький пятнистый олешек.
– А…а-а! – кровожадно выдохнул строй охотников. Но арбалеты были уже разряжены по лисе. Мимо олешки свистнуло всего лишь пару болтов, и он, сделав несколько высоких прыжков, благополучно проскакал мимо и исчез в кустах справа.
– Арбалеты! Арбалеты давай! Шевелись, твою мать! – понеслось справа и слева. По всей линии заряжальщики торопливо совали в руки охотников взведенные арбалеты и, отчаянно суетясь, натягивали струны разряженных.
Опять где-то уже совсем рядом взревели трубы, и внезапно из леса повалило зверье.
Тут было несколько олешек, здоровый олень с раскидистыми рогами, животина типа лося и всякая мелочь вроде зайцев и лис. Кажется, даже пара волков мелькнула.
Ну, тут охотники уже не зевали и начали валить дичину. Из крупняка никто не добежал до кустов справа. Мелочь вроде какая-то проскочила, а вот здоровякам не повезло.
– Стреляйте, стреляйте же, господин! – Азартный шепот снизу вывел меня из состояния созерцания.
Мой первый заряжающий возбужденно приплясывал возле правого стремени и даже пытался тыкать в меня арбалетом, который держал руках.
А, ну да, впомнил я. Мне же тоже стрелять нужно! Прижав арбалет к плечу и прицелясь, я нажал на спуск.
Пиу… у! Арбалет дернулся у меня в руках, и стрела куда-то свистнула. Куда, я не понял.
– Другой! – сказал я заряжающему, беря у него из рук заряженный арбалет и отдавая свой.
Пару минут я развлекался тем, что палил из арбалета в белый свет как в копеечку. Но это продолжалось недолго, поток живности иссяк, и пулять было уже не в кого.
Все, что ли? Я оглядел поляну с телами убитых животных.

Но это было еще не все. Внезапно слева раздался треск, и из лесу выскочило семейство кабанов – кабан, кабаниха и три или четыре кабанчика. Увидев новую цель, охотники радостно дали залп. Кабанчики, визжа, покатились по земле. Однако на кабана и кабаниху залп не произвел никакого впечатления. Они резко остановились, тормозя всеми четырьмя копытами, дружно развернулись в сторону охотников, пару секунд разглядывали врага своими налитыми кровью глазками, хрюкнули и ринулись мстить.
Две огромные туши, полные ярости, стремительно набирая ход, мчались на линию стрелков, нацеливаясь на левый фланг. Я был на правом.
И хорошо, что на правом, подумал я, услышав вопли ужаса и проклятий, раздавшиеся слева, когда в строй врубились два разгневанных кабана. Что именно там происходило, я не видел из-за моих соседей, перекрывавших обзор, но случилось там явно что-то нехорошее для стрелков.
Ух ты! Во дают! Над головами людей, мешающих увидеть мне место битвы, взлетела задняя часть чьей-то лошади. В верхней точке ее траектории от нее отстыковался всадник и продолжил полет уже в автономе. Вокруг стояли ор и мат. Бежали куда-то слуги с арбалетами и копьями в руках, бестолково метались и ржали лошади. Из леса выскочила свора охотничьих собак и, истерично лая, принялась носиться у всех под ногами. Лошадей это взбудоражило еще больше.
Сихот меня побери! Где я, кто я, и что я тут делаю?
Я наклонился вперед, хватаясь за шею своего внезапно пришедшего в волнение коня, чтобы не свалиться с него. Ор и вопли продолжались несколько минут, затем накал агрессии пошел на убыль.
Завалили, понял я и принялся пихать своего коня пятками в брюхо, пытаясь привести его в чувство. Тут какой-то удачно подвернувшийся слуга ухватил его за повод, и мы вдвоем, общими усилиями в конце концов его угомонили. Я с удовольствием слез с придурочного животного и пошел смотреть, что там произошло. Протолкавшись сквозь народ, я вышел на место побоища. На зеленой траве, среди коричневых комьев взрытой земли, лежали две кабаньи туши, три лошади и пять неподвижных человеческих тел. Еще три лошади бились на земле в безуспешных попытках встать, и кого-то куда-то тащили под громкие стоны. Кишки, кровища, вонища!
– Шы-шы-ы! – присвистнул от увиденного я. А неплохо кабанчики погуляли! Что ж, как говорится, зуб за зуб, глаз за глаз, вполне справедливо.
Этим кровавым событием охота и закончилась. Слуги начали оттаскивать подстреленных животных на разделку, охотники повыдергивали стрелы из трофеев и принялись шумно спорить, чья это добыча. Постепенно толпа спорщиков плавно сместилась к столам, потом за столы, и начался праздник удачной охоты. Подавали жареное мясо, овощи, хлеб и вино. Есть нужно было руками, по-охотничьи. Завтрак остался далеко позади, поэтому с аппетитом у меня проблем не было, и я с удовольствием жевал мясо и хрустел огурцами под хвастливые тосты присутствующих.
– Вас вообще что-то может лишить аппетита? – недовольно прилетело сбоку, оттуда, где сидела Фелия.
– Очень немногие вещи, – неспешно ответил я, вдумчиво прожевав.
– Я вижу, что мертвые и кровь в эти вещи не входят! – возмущенно сказала Фелия. Сама она сидела над своей тарелкой, не притронувшись ни к кусочку.
– А в чем, собственно, дело? – спокойно поинтересовался я, вытирая руки об выданную Милой салфетку.
– В чем дело? На ваших глазах убили людей! А вы тут сидите и едите, как ни в чем не бывало! – возмущенно произнесла невеста.
– Ну и что? – пожал плечами я. – Я же живой! А если у вас от вида мертвецов пропадает аппетит, так это ваши проблемы. Вас же никто не заставлял ходить и смотреть на них, но вы сами туда поперлись, желая острых ощущений. В результате теперь вы не можете есть и почему-то требуете от меня, чтобы я тоже отказался от еды и разделил ваши позывы к рвоте. Знаете, Фелия, я, конечно, понимаю, что у супругов должно быть все пополам, но хочу сказать, что такое поведение с вашей стороны просто эгоистично!
– А… – ошеломленно произнесла Фелия и уставилась на меня расширенными глазами, забыв закрыть рот.
Бе, передразнил я ее про себя.
– Вы хотите сказать, что я пошла туда просто поглазеть? Да как вам такое могло прийти в голову! Я ходила туда, чтобы помочь! Да я… – От возмущения Фелии не хватило воздуху.
– Не знаю, зачем вы туда ходили, – пожал плечами я, – но результат, как говорится, налицо! Теперь вы пытаетесь лишить меня пищи!
– Я? Вас? Пищи? Да боже мой! Съешьте хоть все тут, я вам слова не скажу!
– Премного благодарен! – ответил я и потянул к себе отодвинутую тарелку с мясом.

Фелия еще раз потрясенно оглядела меня и резко отвернулась.
Поговорили, удовлетворенно подумал я, жуя сочный кусочек какой-то дичинки. Похоже, образ толстокожего обжоры мне удался… Вот буду я еще переживать за порешенных кабанами неудачников! Если вы на кого-то охотитесь, то будьте добры быть готовы к тому, что однажды ваши жертвы попробуют убить вас. А если вас убила ваша дичь, то что ж, не на того напали!
М-да… развлечения тут – утомительнейшая ерунда, подвел я итог сегодняшней охоте, почесывая зудящую коленку. Однако нужно снять с себя охотничий костюм, да и пыль с себя смыть не мешало бы…
– Мила, Лора! Как там помыться? – закричал я с кровати.
В дверь заглянула Мила, все еще в костюме пажа, так впечатлившем местное дворянство и невесту. Вид у нее был растерянно испуганный.
– А воды нет… – доложила она, недоуменно разводя руками.
– Что значит нет? – с удивлением спросил я.
– Говорят, гости все вылили, – растерянно пролепетала та. – Нужно ждать…
– И сколько ждать?
– Говорят, часа два…
– Чего? Два часа? Они что там, вообще охренели? – возмутился я. – Я должен два часа сидеть в грязных тряпках, ожидая, пока они нагреют воды? Они что, не знают, сколько у них гостей? О чем они там вообще думают?
– Говорят, что все потратили, – нервно сплетая пальцы, сказала Мила, – осталось только для госпожи Фелии…
– Фелии? А для меня? Фелии, значит, есть, а мне нет! Фелии… Хм… у-у-у как интересно! – задумчиво протянул я, – Фелии, значит… А ну-ка, зови Лору, берите принадлежности для помывки и пошли! Покажешь, где тебе это сказали! – скомандовал я Миле.

Фелия

– Куда вы делись? На охоте не было ни тебя, ни Леронта! Ты обещала, что поговоришь с ним! – пытала вопросами Фелия подругу, чуть ли не вплотную приблизившись к ней.
– Я и поговорила! Когда нашла… – ответила, отодвигаясь, Риона.
– Что значит нашла? Где он был?
– Ты знаешь, он так набрался в тот вечер, что, когда утром все поехали на охоту, он просто не смог проснуться. Я весь замок облазила, пока не нашла его на складе за мешками с зерном. Заметь, я твой замок не знаю, так что можешь представить, сколько я сил потратила, разыскивая твоего рыцаря!
– Набрался? И этот туда же…
– Ему было мучительно больно видеть тебя рядом с другим, его сердце разрывалось от боли и муки, и, чтобы хоть как-то уменьшить свои страдания, он прибег к вину, надеясь найти в нем забвение! – трагическим голосом произнесла Риона, приложив правую руку к сердцу, а левую ко лбу.
– Это он сам тебе сказал? – глядя на подругу заблестевшими глазами, спросила Фелия.
– Пфф! Сам сказал! Ха! Видела бы ты его, когда я его растолкала! Он вообще с трудом говорил и понимал, где он находится! – уже с насмешкой в голосе произнесла та.
– А… что же ты тогда говоришь? – растерялась Фелия. – Ты придумала все, что ли?
– Почему придумала? – вскинув брови, сказала Риона. – Я совершенно уверена, что он бы это сказал, если б смог! Леронт очень благороден, только излишне скромен и малость косноязычен. Жених твой побойчее на язык будет!
– Жених! – скривилась Фелия. – Ты представляешь, он утром ударил моего Рыжика и сказал, что из него нужно колбасы наделать!
– Да ты что! – ахнула Риона. – Вот гад!
– Да, а еще он ябедник, извращенец и толстокожий урод! На охоте был такой ужас, кабаны напали на охотников и убили пять человек! Там такое творилось! Ну наверное, ты слышала об этом?
– Да… да… – закивала головой Риона. – Все только об этом говорят!
– Так вот, ему было совершенно все равно! Он сидел и жрал свое мясо, как будто ничегошеньки не случилось! Бездушная скотина!
Риона сжала губы, нахмурила лоб и снова понимающе закачала головой, соглашаясь с Фелией.
– А его девки! Это просто ужас какой-то! – продолжила жаловаться на жизнь Фелия. – Он их одевает в мужские наряды, как будто они мальчики! И таскается везде с ними! Я просто

глаза не знаю куда девать, а ему хоть бы что! Ни капли стыда, ни уважения ко мне! Даже в мою купальню их притащил!
– Да, а что там было в купальне? – подалась вперед Риона с загоревшимися глазами. – Говорят, что ты застала его, когда он принимал ванну вместе со своими служанками!
– Стыдобища там была… – нехотя, после паузы ответила Фелия.
– И что, он действительно… в одной ванне с ними? Мм? – с жадностью профессиональной сплетницы спросила Риона.
– Нет, не в ванне… Они его гладили…
– Гладили? Как гладили? – не поняла Риона.
– Спину руками гладили! Он лежал на животе, а они ему гладили спину.
– Ну и что? – опять не поняла Риона. – Гладили спину, ну и что тут такого?
– Голую спину! Голую! Понятно? – взорвалась Фелия. – Он лежал на скамье, а они гладили ему голую спину! И штанов на нем не было! Только простыня… и все!
– Вот это да! – потрясенно ахнула Риона, открыв рот и распахнув глаза. – И что ты ему сказала?
– Что он подонок и извращенец!
– А он?
– А он сказал, что мы из деревни и что я ничего не знаю о нормальной жизни. Что мы дикие и отсталые… Что все современные князья в курсе, что такое мей… с… сайж!
В разговоре возникла пауза. Подруги замолчали, обдумывая каждая свое.
– Ни разу не слышала… – задумчиво сказала Фелия, нарушив тишину. – Может, ты знаешь, что это? – обратилась она к Рионе.
– Нет, не знаю, – поджав губы, отрицательно помотала головой та, – хотя, может…
– Что? – спросила Фелия замолчавшую подругу.
Риона сделала заговорщический жест Фелии, поманив ее рукой, и когда она приблизилась, наклонилась к ее уху и принялась азартно шептать.
Через секунду от услышанного глаза Фелии широко распахнулись.
– Какая гадость! – с гримасой отвращения воскликнула княжна, отодвигаясь от подруги. – Риона! Откуда ты это знаешь!
– Слышала… – уклончиво ответила та.
– Фу, фу, фу! – сказала Фелия. – Мерзость! А вдруг он…
Фелия оборвала себя на полуслове и уставилась на Риону расширенными глазами.
– Что он? Что после свадьбы он захочет, чтобы ты ему делала это? – догадалась та.
– Ни за что! – с решимостью в голосе произнесла Фелия. – Я скорее умру, чем…
– Не болтай ерунды! Вот еще! Помирать ты будешь! Мы найдем управу на этого Аальста, вот увидишь, – уверенным голосом произнесла Риона, уперев руки в бока.
– Хорошо тебе говорить… – печально сказала Фелия, – до помолвки осталось несколько дней, а мой единственный рыцарь, который мог бы призвать наглеца к ответу, валяется пьяный… Хоть сама бери меч в руки!
Фелия нахмурилась и с мрачным выражением лица принялась глядеть в темное окно.
– Фели! Ну ты что! Вот увидишь, все будет хорошо! – подскочила к ней Риона и, взяв ее руками за плечи, пару раз встряхнула.
– Может быть… – вяло улыбнулась та. – Знаешь, а мне сегодня такой сон приснился!
– Какой сон? – спросила Риона.
– Представляешь, мне приснилась богиня любви Мирана! Она была в чем-то таком белом и красивом и сама такая красивая! Вот бы хоть капельку быть такой же красивой, как она!
– И что? Она тебе что-нибудь сказала? – заинтересованно спросила Риона.
– Да. Она так ласково посмотрела на меня и сказала, что дарит мне истинную любовь! А потом взмахнула своим маленьким золотым скипетром с крылышками, и пошел золотой снег! Прямо целое облако! И свет! Он отражался от золотых снежинок, все так красиво переливалось и сверкало! И музыка! Риона, я никогда не слышала такой прекрасной музыки! Я чувствовала себя такой счастливой! И на сердце было так хорошо-хорошо!
– А потом? – спросила замолчавшую подругу Риона.
– А потом я проснулась, кругом было темно, тихо, и я вспомнила про Эриадора и помолвку… – Появившаяся было улыбка вновь исчезла с лица Фелии.
– Может, это был вещий сон? – вопрошающе промолвила Риона.
– Вещий сон? – переспросила Фелия. – Ты думаешь?
– Конечно! Все знают, что когда снятся боги, то это к удаче! А если они тебе еще что-то при этом говорят, то это обязательно сбудется! – ответила Риона.
– Сбудется… – задумчиво сказала Фелия, – что сбудется-то?
– Любовь! Она же сказала, что дарит тебе истинную любовь!
– Ну и зачем мне любовь? Кого мне любить?

– Ммм… Ну может, ты Эриадора полюбишь… и станешь счастливой? – сделала предположение Риона.
– Эриадора? – негодующе фыркнула Фелия. – Этого самовлюбленного эгоиста и развратника? Ну уж нет! Ри, как тебе могла прийти в голову такая мысль?
– Ну… боги любят пошутить!
– Не надо мне таких шуток! Ладно, Риона, хватит болтать о пустом! Ты мне обещала рыцаря, который вступится за мою честь! И где он?
– Да я уже с ним договорилась! Когда до него дошло, что это нужно сделать для тебя, он мне руки чуть не кинулся целовать и называл меня крылатой, принесшей светлую весть!
– Он действительно тебя так называл? Или назвал бы, если б смог? – уточнила Фелия.
– Ну почти так, – не стала вдаваться в подробности Риона, – но он поклялся, что вызовет этого труса и подлеца на поединок.
– Когда? – уточнила Фелия.
– В ближайшее время… – ответила Риона. – Как только будет готов, так сразу его и вызовет. При свидетелях, чтобы он не смог отвертеться!
– Готов? А как он собирается готовиться? – недоуменно спросила Фелия.
– Ну знаешь, Фели, Леронт хотя и благородный сэр, но с деньгами у него туго. Он сказал, что ему просто не в чем выйти на поединок. У него есть только меч, а достойных доспехов, в которых можно сражаться за честь дамы сердца, у него нет! Ему нужно раздобыть доспехи. Как только он их найдет, так сразу Эриадора и вызовет!
– Вот оно в чем дело! – слегка нахмурилась Фелия. – И где он собирается их искать?
– В замке много гостей. Он сказал, что возьмет у них под честное слово рыцаря.
– Да?.. И сколько ему потребуется времени? А потом еще возьмет да и скажет кому-нибудь, для чего ему доспехи! Отцу сразу донесут! И все сорвется!
Мм… как же быть? Фелия поджала губы и забарабанила пальцами по спинке кресла, возле которого стояла. Мм…
– Может, у тебя есть деньги, в залог доспехов? – предположила Риона.
– Нет, денег у меня нет… но я знаю, где взять ключ от второй оружейной!
– А что это за оружейная? – спросила Риона.
– В ней лежат доспехи и оружие, которые сейчас не нужны, и еще всякие старые вещи. Туда редко ходят, и если мы там оденем моего рыцаря, то этого никто не заметит!
– Здорово! – сказала Риона. – И когда ты сможешь достать ключ?
– Прямо сейчас! – ответила Фелия. – Пошли!
– Постой, Фели!
– Что?
– Нужен твой платок!
– Мой платок? Зачем?
– Дама дарит своему рыцарю платок, в знак своей благосклонности! Леронту нужен твой платок!
– Да?.. – растерялась Фелия. – Он что, просил?
– Да, он просил! Сказал, что и не смел мечтать о таком счастье, но боги смилостивились над ним, и он будет счастливейшим из людей, когда его получит!
– Мой платок – счастье? – совсем растерялась Фелия.
– Да не платок, а то, что он символизирует! Ну ты что, не понимаешь?
– А-а-а… – протянула Фелия и сделала понимающее лицо, – да-да, конечно! Вот возьми! Он чистый.
– Хорошо, – сказал Риона, пряча платок на груди, – пошли за ключом!
– Знаешь, – передумала Фелия, – подожди меня лучше тут! Я сейчас его принесу!
– Ладно! Давай быстрее! Мне еще Леронта нужно найти!
– Я быстро! – Фелия торопливо вышла за дверь.
– Ха! Он сам его просил? Мой платок – счастье? – передразнивая Фелию, произнесла Риона, смотрясь в зеркало у двери, как только Фелия ушла. – Она книжек, что ли, не читает совсем? Правильно Эриадор ей сказал – деревня!

Риона и Леронт

– Сэр рыцарь, дама вашего сердца передает вам платок! – Риона торжественно вынула платок и медленно его развернула.
– Платок? – удивленно посмотрел на него Леронт. – Зачем мне платок?
Риона крепко сжала губы и втянула носом воздух, сколько смогла.
– Это знак! – выдохнула она.
– Знак? Знак чего?

– Того, что ты ей небезразличен! Того, что она признала тебя своим рыцарем! Ты же рыцарь! Ты что, не знаешь? – агрессивно и раздраженно выдала Риона.
– Ах… ну да, да… конечно! – сделал понимающее лицо Леронт. – Давай!
Они с Фелией – два сапога пара, подумала Риона, протягивая платок.
Леронт взял его и принялся вертеть в руках. Вид у него был несколько растерянный. Похоже, он не знал, что делать с платком.
– Носи у сердца! – сказала Риона, предупреждая новые вопросы.
Леронт сделал вид, что только собирался это сделать, но не успел, бережно сложил платок и убрал его за пазуху.
– Передай леди Фелии, что вся моя кровь, до капли, отныне принадлежит ей! – напыщенно произнес Леронт и поклонился.
Ну наконец-то! Дошло, подумала Риона, кланяясь в ответ.
– Непременно передам ваши слова, о благородный рыцарь, даме вашего сердца! – произнесла Риона и добавила: – Еще дама вашего сердца посылает вам ключ, сэр, от оружейной, где вы сможете найти достойные вас доспехи!
– Вот здорово! А где эта оруж… – обрадовался Леронт, но осекся под взглядом Рионы и после некоторой заминки продолжил: – Передайте прекрасной даме моего сердца, что ее забота обо мне проливается бальзамом на мое израненное сердце!
То-то же, довольно подняла голову Риона. Я вас научу говорить, как нормальные люди!
– Идемте, сэр рыцарь, я провожу вас! – скромно потупив глаза и делая книксен, произнесла Риона.
– Ага, пошли! – ответил Леронт.
Деревня, вздохнула про себя Риона и, приподняв юбку, пошла вперед.

Эри

– А вот еще был случай! – заплетающимся языком начал новую историю уже изрядно датый сэр Виолконст.
Мы пили уже, наверное, третий час, а может, четвертый, часов у меня не было, и поэтому я прикидывал время по маленьким бочонкам вина, выставляемым на стол. Это был четвертый.
– «Налимское»! – гордо сказал князь Белогур, водружая его на стол под одобрительный гул сидящих. Он был сегодня главным поставщиком, виночерпием, так сказать. В самом начале посиделок, когда все только выпили по первому кубку вина из подвалов Гессена, он заговорщическим тоном сказал, что у него есть кое-что поинтереснее, и велел своим слугам убрать все кувшины со стола и притащить «верхний бочонок, из тех». Слуги притащили. Бочонок ушел со свистом, ну тут, как говорится, и понеслось! Все пили, смаковали, обсуждали, сравнивали. В общем, начался «сейшен». Подвыпивший Белогур, разошедшись, пообещал нам, что познакомит нас со всем вином, которое тут только есть в окрестностях, и его слуги принялись таскать бутылки, бочонки и бочоночки с напитком. Ну да, первое время оно действительно было разным, но потом как-то стало одинаковым… Как с одной бочки наливали!
В компашку охотников, отмечающих сегодняшние подвиги, я попал совершенно случайно. Возвращаясь из купальни и находясь в приподнятом настроении после очередной стычки с Фелией, я был зазван на кубок вина в компанию, возглавляемую Белогуром. А почему бы и нет, спросил я себя, ну и присел к ним за стол, послушать охотничьи байки да и выпить холодненького. После помывки и массажа сидение в компании да за столом с едой и вином сильно укрепляет веру в жизнь, как говорится…
Планировал я ненадолго, а застрял на целый вечер. Да я, собственно, никуда и не торопился. Был уже вечер, Фелия ушла куда-то к себе копить обиду – все, что мог, как говорится, сегодня я уже сделал. Рассказчики за столом собрались хорошие, вино не кислое, да и закуска из дичи тоже была неплоха. Потом вообще начался винный фестиваль, так что я задержался.
– Опять, что ли, про уток? – перебивая Виолконста влез мой сосед справа.
– Каких уток, – обиженно замахал на него руками рассказчик, – про лося!
– А… ну тода… ик! Давай! – согласился сосед.
– За… ло… со… сей! – качнулось вперед с кубком в руке, похоже, уже совсем пьяное предложение слева.
– За лосей! Чтоб не перрр… еводи… лись! – поддержал тоже выписывающий в воздухе круги кубком Белогур.
Выпили! За лосо… сей.

– Так вот… – продолжил заплетающимся языком свой рассказ Виолконст, – пошел я как-то раз на охоту… И все куда-то делись… Иду один. Никого нет… а лес такой густющий, мрачный, аж страх берет! И вот иду я, значит, иду, и вдруг кусты как… затрещат! И из них… на меня… как выскочит! – Виолконст выпучил глаза и растопырил руки, видно, пытаясь создать напряжение в рассказе.
– Баба! – влезло, перебивая его, пьяное предположение справа.
– Голая! – откликнулось такое же пьяное слева.
– Гы-гы-гы! – заржали кругом.
– Какая баба, – обиженно замахал руками на испортивших ему рассказ шутников Виолконст, – лосиха! Вот такая!
– За баб! – щедро предложили слева.
– Точно! С во-о-от такими!
Выпили. За во-о-от такие!
– Ну… я за арбалет, – упорно продолжил торить путь к концу своего рассказа сотрапезник, – выстрел! Бац! Попал!
– Да ну, – поразились слева.
– Да, попал! – пьяно и гордо сказал Виолконст. – Но не совсем удачно, только ранил…
– Кого? Бабу? – изумленно спросили справа.
– Какую бабу! Ты че? – зашикали на спросившего.
– А к… го? Ик!
– Лосиху. Слушать надо!
– А… – глубокомысленно сказал спросивший.
– Да… вайте за мет… кгость, – внесли предложение слева.
– Точно! За… нее! – поддержали по центру.
Выпили. За нее!
– И вот я гн… ался за ней, гн… ался, наверное, полдня…
– Тост! За вын… нос… лослисвость!
– Да погодь ты, дай дослушать!
– Тссс…
– Так вот, г… нал я ее, г… нал, и тут овраг! Упала она туда и все, хана! Кровь вся вышла… Слез я, значит, в этот овраг за ней, сс… тою, сс… мотрю на нее и думаю, что делать? Мяса-то вон сколько, а все-то гг… де?! Мне столько не упереть… А кругом волки! Так и рыщут! Так и рыщут! Уйдешь – ведь все сожрут!
– За волков! – влезли слева.
– А чего… за волков-то… пить?
– Чего? А шоб ходили другой дорогой! Гы-гы-ы!
– Го-га-га! – поддержали за столом.
– Да! За серых!
Выпили. За серых!
После тоста за серых Виолконста заметно качнуло, но сдаваться он не собирался:
– Ну и вот, ду… маю, что ж мясу-то про… падать? Хоть о… окороков наделаю! Отрубил я ей задние ноги, здоровущие такие… Положил себе на плечи и стал выбираться из оврага…
– За добычу! – возник справа кубок.
– За добычу! – радостно поддержал стол.
Выпили. За добычу!
– Ну и что дальше-то было? – пихнули замолчавшего рассказчика.
– Где? – качаясь над столом, спросил Виолконст.
– Ну ты ж рассказывал! Что там дальше-то было?
– А… ну да… – помотал головой Виолконст. – А на чем я остановился?
– Как ты ее ноги положил на плечи… – подсказали слева.
– А, ну да! Пп… оложил я, значит, ее ноги себе на плечи, и… как… ей… вдую!
– Кому? – ошеломленно спросили слева. – Лосихе?
– Кк… акой лосихе? – уставился мутными глазами на спросившего Виолконст. – Ты че несешь? Какой лосихе?! Это была леди! Настоящая леди, морда ппп… яная!
– Кто морда п… яная? – возмутились слева. – Сам про лосиху рассказывал, а теперь она у него леди стала!
– Ты што, хош сказать, что моя леди – лосиха? А? Ты шо сказал?! Убью!
Виолконст рванулся с места, пытаясь, видно, вцепиться в обидчика, но это ему не удалось, и он грохнулся на стол, опрокидывая тарелки с закуской и кубки с вином.
– А-а-а! – заорали сидящие, пытаясь ухватить бузуна или выскочить из-за стола. Некоторым это даже удалось.
– За лосих – убью! – внятно сказал Виолконст, лежа на тарелках, и бессильно уронил голову на столешницу, отрубившись.

– Так, все! Лосям больше не наливать, – заорал Белогур, – только вино переводят! Тащите его отсюда на хрен!
Виолконста стянули со стола, передав на руки подбежавшим слугам. Побитую посуду и плющеные кубки недолго думая сбросили на пол, и веселье продолжилось. Нехватку емкостей возместили, вспомнив про древний обряд братания – когда все пьют из одной посуды.
– От этого все становятся побратимами! – утверждал вспомнивший этот обряд.
Конечно, зараза-то одна на всех будет, подумал я, услышав рассказ про чудный древний обычай, – общая зараза действительно сближает… Стены замка и все вокруг меня потихоньку покачивалось.
Набрался я, что ли? Какое тут, однако, пьяное вино делают. На Земле столько приходилось пить, чтобы хоть немного окосеть, а тут с пары кубков такой эффект! Однако…
Тут возникла небольшая техническая пауза. Вокруг нас принялись суетиться слуги, восполняя недостаток посуды и пытаясь хоть как-то навести порядок вокруг стола. Наконец их раздражающее мелькание перед глазами прекратилось, и мы смогли продолжить.
– Выпьем за князя Белогура! За его победу над диким вепрем! – провозгласил, поднимая кубок, неизвестный мне мужик с правого торца стола.
– Да, за князя! За князя! – подхватили все.
Оказывается, на охоте, когда кабаны принялись расшвыривать охотников, князь не растерялся, схватил копье и умудрился заколоть одного из них.
Неслабо, кабаны там еще те были!
– Благодарю вас, д… ддрузья, – проникновенно сказал князь и опрокинул в себя кубок, – благодарррю!
– А скажэ… те, князь, как вам удалось? Если бы я сам, своими глазами не видел, то в жизнь бы не поверил, что это возможно, – спросил кто-то.
– Ну… это было непросто, – польщенно ответил Белогур, – однако, скажу вам, это сущие пустяки по сравнению с тем, когда вы идете на кабана с двуручным мечом!
– На кабана с двуручником? Это невозможно! Вы шутите! Э… князь, вы шутите?
– Шучу? Ха! Приезжайте ко мне в замок, и я покажу вам головы кабанов, которые я отрубил самолично!
– Князь, вы великий человек! – потрясенно выдохнул кто-то. – Но как вы это дел… лаете?
– Как я это делаю? – рисуясь, переспросил князь. – Очень просто. Нужно пропустить кабана мимо себя и взмахнуть мечом. Вжик – и все! Один удар! Нужно только знать, куда бить!
– И куда бить? Расскажите, князь!
– Ну… ик, ки… к я вам расскажу? Тут показывать нужно!
– Ну так пк… ажите! – пьяно качаясь на стуле, предложил кто-то. – Или это секрет?
– Да запросто! – ответил Белогур. – Дайте мне каб… бана, и я вам покажу! Где кабан?
– В лесу… – после некоторой паузы задумчиво сказал кто-то.
– Так что же мы тут сидим? В лес! Все в лес! – энергично вскричал князь, делая указующие жесты правой рукой и задавая направление.
Ну уж дудки! Еще по ночному лесу меня Сихот не носил, подумал я, пытаясь свести двух размахивающих рукой Белогуров в одного.
– Там уже темно… – очень кстати вспомнил кто-то, – лошади ноги переломают…
– Но как же я тогда вам покажу? Где мы возьмем кабана? – с пьяным недоумением спросил князь, обводя всех непонимающим взглядом.
– На кухне! – осенило кого-то.
– На кухне?
– Ага. Туда сегодня же с охоты ввс… ех кабанов привезли.
– Точно! Да ты г… гылова! Давайте выпьем, и на кухню – за кабаном! Князь, где ваш меч?
– Меч! Где мой меч?! Принесите мне мой меч! Быстро! – закричал Белогур своим слугам.
Побежали за мечом. Пока они бегали, мы успели накатить еще пару раз. Наконец слуги притащили меч. Белогур выбрался из-за стола, лихим жестом подкрутил усы, затем, совершенно не напрягаясь, взял двуручник из рук слуг, которые держали его вдвоем, и легко закинул его себе на плечо. Стол разразился ликующими криками.
– Виват! Виват князю! – орали во все глотки.
Белогур стоял, картинно расставив ноги и придерживая лежащий плашмя на плече меч правой рукой. Левую руку он вытянул чуть под углом вверх, подняв вертикально ладонь.
– Вперед, господа охотники! Вперед! – вскричал он и сделал указующий жест.
– Вперед! – заорали все и стали выбираться из-за стола. Я полез вместе со всеми.
Через пару минут по коридорам замка Гессена шествовала процессия из вдрабаган пьяных гостей, возглавляемая князем Белогуром с огромным двуручником на плече. Я шел вместе с

великими охотниками вдоль качающихся стен и дыбом встающих полов на кухню, за кабаном.

Отец и дочь

– Добрый вечер, отец. – Фелия сделала небольшой книксен и почтительно наклонила голову.
– А, Фелия! Добрый вечер, дочка. Ты что-то хотела?
– Да, отец, я зашла пожелать тебе спокойной ночи… и… и еще я хотела поговорить.
– Надеюсь, это не снова про жениха? – кисло скривился князь.
Фелия молча кивнула.
– Ну о чем говорить? Все уже говорено не один раз. Через два дня у тебя помолвка. Гости собрались. Ну чего ты от меня хочешь?
– Эриадор… он… он не такой!
– Какой не такой? Не такой, как в девичьих снах?
– При чем тут девичьи сны! Он вообще не такой! – резко ответила Фелия.
– А кто такой? Где такой? У меня под стенами замка скоро будет Седрик со своими бандитами, а ты мне тут загадки загадываешь – такой не такой, – начал заводиться Гессен. – Чем он тебе так не глянулся? Ну с причудами, да! Но не чудаковатее некоторых!
– Он… – начала Фелия, но тут ее перебили.
– Господин князь, господин князь, беда! – заорал в дверях прибежавший запыхавшийся слуга.
– Что там? – Лицо у князя вмиг стало жестким, и сам он напрягся словно струна.
– Гос… ти, князь, – ответил слуга, перехватывая воздух, – ваши гости, господин князь! Они рубят мебель в кухне! Они уже все там разнесли!
– В кухне? Мебель? – удивленно поднял брови Гессен. – Зачем они это делают? Им не понравилось, как у меня готовят?
– Нет, господин князь, они охотятся там на кабана!
– На кабана? На кухне? – не поверил своим ушам князь. – Откуда там кабан?
– Не знаю, господин, но они сказали, что охотятся на кабана!
– Они – это кто? – спросил Гессен.
– Я всех не знаю, – замялся слуга, – я видел там князей Белогура, Горенца и Воденста. И еще там жених госпожи!
– Вот как? Значит, у Эриадора тут уже появились друзья в виде компашки Белогура? Быстро же они нашли друг друга!
– Я только что тебе хотела сказать, отец, что он – пьяница! – влезла Фелия.
– Ну почему сразу пьяница! – ответил князь. – Благородные люди отмечают охоту, это нормально. Правда, вот только при чем тут моя кухня?

Эри

– Так! На счет три тяните! – скомандовал я двум слугам, державшим в руках веревки. У слуг были ошалелые, перепуганные глаза. – Щас… Момент! – сказал я, отходя от имитатора кабана и стараясь не навернуться на намазанном жиром полу. Пока собирали стенд, я уже успел пару раз упасть, как, впрочем, и все участники. Правда, они называли это другим более емким словом, но ведь главное не слова, а их суть, не так ли? А суть одна – пол очень твердый, если на него грохнуться. Особенно если он каменный.
Когда мы добрались до кухни, то кабана в ней не нашли. Расспросы перепуганной прислуги позволили найти искомое рядом, на леднике. Обнаружив разыскиваемую тушу, Белогур обрадованно завопил и тут же, как говорится, не сходя с места, продемонстрировал свой коронный удар.
Бум! Взлетевший меч князя воткнулся в низкую потолочную балку.
– Хек! – сказал никак не ожидавший такой подлянки князь, выпуская из рук рукоять меча и шлепаясь на каменный пол. Меч остался висеть, застряв в балке.
– Вот ж… – ошеломленно сказал Белогур, задирая голову.
Меч он выдернул, только вот балка после этого просела, и сверху посыпалась пыль, запорошив нам всем глаза.
Проматюкавшись и промыв, нет, не глаза, а внутренности прихваченным с собой в поход вином, мы вытащили кабанью тушу из ледника на кухню.
– Во, другое дело, – сказал Белогур, поднимая вверх руки с мечом и примериваясь к высоте кухонного потолка, – а то, понимаешь, понаделали тут каморок, не размахнешься!

Он показал, в какое место нужно бить за кабаньей головой и, прицеливаясь, уже пару раз взмахнул мечом перед ударом, как внезапно раздался голос одного из присутствующих:
– Уважаемый князь, вы ж… ик! Говорили, что кабана нужно пропускать мимо себя и потом рубить! А про… сто рубить голову неинтересно! Это как мясник на рынке!
Услышав такую заяву, Белогур набычился:
– Так он же мертвый! Как я покажу удар с разворота, если он не бежит?
– А давайте его привяжем к столу и будем на веревках тащить мимо князя! – предложил я.
Моя идея всем очень понравилась. Быстро освободили подходящий стол, без затей просто покидав все на пол. Привязали к нему кабана найденными веревками. Послали слуг Белогура за длинными веревками, а сами попробовали потаскать стол на руках. Но не тут-то было! Стол цеплялся ножками за неровные камни пола и никуда не тащился.
– Нужно перевернуть стол! – осенило меня.
Кабана отвязали, стол перевернули. Дело пошло лучше. Стол как-то стал ездить по полу, но тут выяснилось, что теперь некуда привязывать кабана! Он проваливался между ножками и волочился где-то на уровне пола, что категорически не устраивало Белогура.
– Нужны доски! – продолжил я генерацию идей.
На доски разломали еще два стола и пару попавшихся под руку шкафов. Зачем рубили мечами шкафы, я не понял, но было весело. Из одного из них полетела мука, и мы смогли устроить метель среди лета. Правда, все вусмерть перепачкались, но это еще больше нас повеселило.
Пришли слуги, принесли веревки. Я привязал их к столу и дал команду тянуть. Стол поехал, но криво и медленно. Кабан был тяжелый и сильно придавливал крышку стола к полу.
– Нужно смазать! – догадался я.
Кинулись шариться по разоренной кухне в поисках смазки. Нашли жидкое масло в двух здоровенных бутылях, какой-то жир в бадье и куски сливочного масла.
Я намазал дорожку до дверей жиром и сливочным маслом, а потом еще полил сверху из бутылей.
То, что жидкое масло было лишним, я понял, когда все стали скользить и падать на пол. И так еле на ногах стояли, а тут еще пол скользкий! Но всем понравилось! Это так здорово, когда ты падаешь, сбивая кого-то с ног! Он сбивает еще кого-то, тот следующего, и вот все лежат на полу, политом маслом, посыпанным мукой и специями, и умирают со смеха. Особенно смешно, когда найдется кто-то, не понимающий юмора и упорно пытающийся встать на ноги, сердясь и ругаясь на окружающих. Тут вообще от смеха можно живот надорвать! В конце концов, отсмеявшись и кое-как собравшись с силами, мы приступили к запуску «бегущего кабана».
– Раз, два, три! Тяните! – заорал я, отойдя подальше и для устойчивости прижавшись к стене.
Слуги что есть силы потянули пропущенные через отверстия в дверях веревки. Стол с привязанным кабаном сделал рывок и устремился к выходу, мимо Белогура, стоявшего наизготовку с мечом.
– Ха-а… к! – выдохнул князь, красиво разворачиваясь и с размаху опуская меч на проносящийся мимо него стол с кабаньей тушей.
Ба-бах! Раздался грохот разваливающейся приспособы, и все полетело на пол. Кабан, стол и сам князь, задрав ноги вверх. Похоже, он смог перерубить мечом не только кабанью шею, но и доски под ней.
– Ха-ха-ха! – стали падать на пол от смеха присутствующие. Ноги их уже и так не держали, а смех отнял последние силы.
– Что тут происходит? – в самом разгаре веселья раздался чей-то недовольный голос.
В дверях кухни, за спинами охраны, появился хозяин замка.
– О, князь Гессен, – обрадованно откликнулся даже уже не пытающийся встать с пола Белогур, – вы себе не представляете! Мы охотимся на кабана! Мне уже давно не было так весело!
– Пропустите! – с раздражением в голосе сказал Гессен своим стражникам и, отпихнув в сторону одного из них, зашел на кухню.
Это он зря… сюда зашел, подумал я, наблюдая за ахнувшимся с размаху на пол князем. Вокруг над пытающимся встать и сыпящим проклятиями Гессеном радостно ржали валяющиеся гости, приветствуя нового товарища по играм.
Стражники, пришедшие с князем, как-то особо не спешили прийти на помощь своему господину, нерешительно толпясь в дверях и с опаской заглядывая внутрь.
Да… я бы тоже не стал спешить заходить сюда… Особенно после освещенного коридора. Кухня представляла дикое зрелище. Остовы двух изрубленных шкафов сияли свежей щепой и щерились недооторванными дверцами. Пол был весь усыпан мукой, крупой,

корешками и сушеными листьями, бывшими раньше специями. Кроме того, кругом валялись еще какие-то тряпки, щепки и осколки посуды. Тут и там виднелись пятна масла, издали похожие на муке на темные пятна крови. Стол, с освежеванным кабаном, из которого торчали осколки белых костей, казался пыточным приспособлением с привязанным к нему замученным телом. Вокруг на четвереньках копошились пьяные гости. Все они были перепачканы жиром, маслом, мукой и облеплены сором, который они насобирали на себя, валяясь по полу. Их обсыпанные мукой белые лица с черными провалами глаз и блестящими зубами хохочущих ртов придавали им вид зомби. Если учесть еще два неустойчиво горящих масляных светильника, которыми все это освещалось, то картина получалась совсем адская.
Зомбиленд… – пришло мне в голову слово после осмотра кухни.
Вдруг меня привлекло еще какое-то движение в дверях кухни. Фелия!
Безрассудно выбившись вперед стражи, Фелия стояла у самого порога и, пугливо вытянув шею, открыв рот и округлив глаза, осторожно заглядывала внутрь.
Какие у нее зубки, такие ровные, блестящие и влажные! Почему я их раньше не замечал?
Взгляд Фелии, тем временем проделав путь по кухне, остановился на мне, и через пару секунд недоумение в ее глазах сменилось узнаванием.
Испуганная лань, внезапно пришло мне в голову сравнение. Не, ну какие у нее глазки! Просто прелесть! Надо срочно ей об этом сказать!
Я отклеился от стены, с помощью которой противостоял нападкам периодически вертикально поднимающегося пола, и устремился к невесте.
Как выяснилось мгновением позже, я тоже зря это сделал… Ноги мои разъехались самым предательским образом, и я, сделав пару немыслимых пируэтов, тоже грохнулся на четыре точки. Однако мой стартовый толчок от стены оказался достаточно силен, для того чтобы я поехал по жировой дорожке в направлении Фелии.
– Поберегись! – крикнул я, проезжая мимо ползущего на четвереньках в направлении выхода сердито сопящего Гессена. Князь от неожиданности дернулся и шлепнулся на живот, не совладав с разъехавшимися конечностями.
– Ах, Фелия! – воскликнул я, доехав до порога и хватаясь снизу за ее юбку.
– Ой, мама! Не подходи! – взвизгнула та, отскакивая назад и пытаясь выдернуть подол из моих рук.
– Ну что значит не подходи? – обиделся я. – Мне так много нужно тебе сказать!
Я потянул ее юбку вниз, на себя, пытаясь встать.
– Отпусти-и-и! – завизжала Фелия и, ухватившись чуть выше моих рук, принялась дергать юбку влево-вправо, стараясь отцепить меня от нее.
Внезапно от этого укачивающего движения в моей голове что-то сдвинулось, и все выпитое за вечер вино, как-то до этого удерживающееся в желудке, могучим потоком ринулось вверх. Меня вывернуло… Прямо ей на юбку…

Утро добрым не бывает, припомнилось мне из студенческой земной жизни. Вот уж точно подмечено! Бедная моя голова! Бедный я сам! С утра заходил магистр, помахал руками у меня над макушкой, стало получше, но не кардинально. В левом виске кололо, в затылке отдавался висок, мутило и хотелось, чтобы это все внезапно как-то прошло. Тут еще пришел посыльный от Гессена, который стучал, казалось, не в дверь, а прямо по моей голове, и пригласил завтракать. Я снова чуть не вывернулся наизнанку, когда представил, что я что-то ем… Первой моей реакцией было послать приглашение вместе с завтраком, но потом, вспомнив, как я «лечился» на Земле, я все-таки решил пойти хоть немного поесть.
Кое-как встал, кое-как умылся, кое-как натянул с помощью Милы и Лоры одежду и дал им себя отвести к столу. За завтраком было тихо…
М-да, нас явно стало меньше, подумал я, оглядев поредевшие ряды гостей и стараясь вдыхать пореже, чтобы не ощущать запаха еды. Всего второй день жорно-питьевого марафона, а уже такие потери!
Взяв себе тарелку какой-то каши-размазни типа овсяного клейстера, я принялся макать в нее ложку, доставать ее и внимательно смотреть, как по ней стекает каша. Я готовился к тому, что я сейчас буду есть… это можно съесть… и оно не вылезет назад… это даже вкусно…
Неожиданно в тишине зала, в котором было слышно только звяканье столовых приборов о посуду, раздались шаги нескольких пар ног, и на входе в зал появились Гессен и Фелия в сопровождении слуг.
Привет с охоты, сказал про себя я, увидев, что князь прихрамывает. Наверное, вчера на кухне об пол приложился… Я перевел взгляд на дочь князя.
Фелия! Ах… ты ж… Я застыл с ложкой в руке. В памяти всплыла картинка, как я, стоя на коленях, тяну ее за юбку на себя и что-то там лопочу. Блин!.. Я стоял на коленях перед

низшей! Я, Бассо эль Эгардо, стоял перед ней на коленях! Да Сихот бы с ними, с этими коленями, хуже было, что я желал ее! Я, демон, хотел низшую!
О боги, какое позорище! Я схватился за разламывающуюся голову рукой. Какой ужас…Что же вчера было?!
– Вам нездоровится? – участливо спросил меня подошедший Гессен.
Лучше было умереть, подумал я, промычав в ответ что-то нечленораздельное.
Князь с дочерью уселись за стол рядом со мной. Я сидел, стараясь не поднимать глаз, сгорая от стыда.
Как я опозорился, Сихот меня подери! Если дома узнают, то я до конца жизни стану посмешищем всего Эсферато! Подумать только, какая будет сплетня – сын Эгардо гонялся за низшей самкой! Потянет на шутку столетия! В университете прохода не будет… Засмеют вусмерть! Сихотовы копыта, что это меня так торкнуло? На Земле столько времени было, да и возможностей тоже… Некоторые самки чуть ли не в штаны мне лезли – и ничего, хоть и выпивши тоже был! Даже и мыслей не возникало… А тут такой алес!
Что со мной? Может, я болен? Я прислушался к своим ощущениям. Вроде нет, состояние, конечно, хреновое, но вроде как после обычной пьянки, ничего особенного…
А может, это Хель шуткует, пришла мне в голову мысль. Так сказать, шутка за несговорчивость? Вот ведь зараза! Точно она! А что еще может быть? Не краса же Фелии меня поразила?
Вот, ничего особенного… Я перевел взгляд на Фелию.
Заметив, что я ее рассматриваю, невеста одарила меня взглядом, который, похоже, по ее задумке должен был заморозить меня в сосульку. Но мне ее взгляд был безразличен, впрочем, как и то, что она обо мне думает.
Вот ведь гадство-то какое! Мало того что похитили меня из другого мира, тела лишили, так еще изгаляются, гады! Шутки шутят! Проклятые высшие! Во мне начал подниматься гнев. Кинуть бы сюда пару наших легионов, они бы тут быстро запели по-другому, подумал я, видя перед внутренним взором марширующие легионы повелителя. Тех бы Разрушителей сюда! Они бы уж точно Хель ленточки на ее платье в бантики повязали… Ну, может, маги помогли бы малость… Вот только как это сделать? Хм… А ведь это идея – призвать верховного мага, и пусть он отсюда портал в Эсферато вертит! Отец, помнится, говорил, что, когда дело касается его шкуры, то у верховного резко обостряется соображаловка. Вот пусть и сообразит! А там наши подтянутся и…
– Знаете, Эриадор, хочу вам сказать, что компания князя Белогура это не совсем та компания, в которой я бы хотел видеть своего будущего зятя… – очень некстати начал разговор со мной Гессен, отвлекая меня от картин сладостной мести.
– И чем же плоха его компания? – хмуро поинтересовался я, перестав зомбировать Фелию невидящим взглядом и фокусируя его на князе. – Я вчера не заметил среди них недостойных людей!
– Нет, без всякого сомнения, это все замечательные и в высшей степени достойные и уважаемые люди, – быстро согласился со мной князь, сделав в подтверждение своих слов утверждающий взмах рукой. – Единственный их недостаток – они слишком увлекаются вином!
– То есть вы намекаете на то, что я вчера немного выпил? – так же хмуро поинтересовался я.
– Э… видите ли… – начал было князь, но закончить не успел.
– Немного?! Да ты нажрался как свинья! И облевал мне юбку!
Похоже, у Фелии сорвало клапан от возмущения, и она не стала разводить политесы, назвав вещи своими именами.
За столом возникла пауза. Гессен и я уставились на Фелию, но если он с изумлением, то я, пожалуй, с отвращением.
– Князь, при всем моем уважении к вам, я все же вынужден заметить, что ваша дочь дурно воспитана! Мало того что она употребляет слова, которые знать юным девушкам совсем не годится, так она еще влезает в мужские дела и комментирует то, что явно выше ее понимания! – ответил я на ее выпад.
Услышав такое, князь шумно засосал в себя воздух и принялся багроветь, но пока молча. Видно, соображал, чего ему сказать.
Однако Фелия уже сообразила, что ей сказать, или не соображала вообще, а сразу выдавала на язык свежак, только что пришедший в голову.
– Я дурно воспитана?! Можно подумать, что это я вчера в скотском состоянии ползала по полу и изгадила вам одежду!
– Что касается небольшого прискорбного инцидента, лишившего вас юбки, считайте, что я вам должен две! Я вам их обязательно куплю! – хмуро ответил я. – А насчет того, что кто-то где-то ползал, хочу вам заметить, что я там был не один, а в компании уважаемых

гостей, которых ваш уважаемый отец пригласил, между прочим, на вашу помолвку! И потом, я же вам говорю, что вы совсем не понимаете мужских занятий! То, что вы видели, это была засада на кабана, которую вы, по своему недопониманию, приняли за невесть что!
– Ах, засада! Вот, значит, как! Значит, мой жених мастер по засадам на кухне! Что-то я не видела вас на охоте сражающимся с напавшими кабанами!
– То есть вы хотите обвинить меня в трусости? – уточнил я, вопрошающе подняв брови и наклонив голову.
– Пока нет, но я хочу убедиться, что мой жених смелый человек! Эриадор, я хочу с вами сразиться! Я вызываю вас на поединок! – выдала Фелия.
Совсем охренела!
Князь попытался засосать еще воздуха, видно, забыв, что он у него уже есть. В зале наступила внимательнейшая тишина. Все присутствующие обратили взгляды на меня и ждали, что я отвечу.
– Это невозможно, – сухо ответил я.
– Почему? – спросила Фелия.
– Видите ли, это небезопасно… – парировал я.
– То есть вы боитесь? – добавив в голос наигранного удивления, спросила Фелия.
Хм, какая подстава… Стоит мне сказать сейчас, что я боюсь, то следующим шагом Фелии будет наверняка заявление, что за труса она не выйдет, и значит, свадьбы не будет. Собственно, то, чего я и добивался… Хм… Заманчиво! Только вот придется стать трусом в глазах окружающих… Как-то оно мне не нравится, такое решение. И Аальст меня не поймет… Не, пожалуй, я откажусь от такой сомнительной победы. Будем крутить колбасу дальше…
– Боюсь, но не за себя, а за нас… – ответил я.
– Что значит за нас? – не поняла Фелия.
– Видите ли, дорогая, в сражениях всегда есть победитель и проигравший. Побежденный долго помнит горечь поражения, а победитель порой слишком долго живет воспоминаниями о победе. Когда дело касается чужих друг другу людей, то это не имеет значения, но все меняется, когда люди не враги. Мы с вами не чужие, начинаем совместную жизнь, стоит ли ее начинать с обиды? – принялся я витиевато выруливать, чтобы избежать прямого столкновения с Фелией.
За столами одобрительно зашушукались.
– Да и потом, поединок – это дело опасное, даже тренировочные бои. Можно случайно ранить партнера, совсем не желая того. А у нас с вами помолвка на носу. Уважаемые гости и ваш уважаемый отец наверняка огорчатся, если помолвка не состоится! Не так ли, князь? – сделал я вопрошающий жест рукой в сторону Гессена.
– Да, да, конечно! – наконец-то выдохнул Гессен. – Ни о каком поединке не может быть и речи! Это даже не обсуждается!
Фелия сидела, прикусив нижнюю губу и сердито глядя на меня.
– Я просто хотела убедиться в смелости моего будущего мужа, – после небольшой паузы сказала она, обращаясь к Гессену, – хотела удостовериться, что он так же смел, как и говорлив!
За столами гостей послышались смешки.
– Благодарю вас за оценку моих талантов, – улыбнулся я Фелли, – но, к сожалению, испытание моей смелости с вами категорически невозможно!
– Я могу заменить вам Фелию! – За боковым столом подскочил какой-то парень и остался стоять, гордо задрав подбородок и сжимая в правой руке рукоятку меча, висевшего на поясе.
– Аххх! – выдохнул потрясенный зал, а я немного обалдел.
Это еще кто? А, сэр Леронт – безнадежно влюбленный влюбленный! Хм…
Краем глаза я неожиданно отметил изменение выражения лица Фелии. Она смотрела на Леронта с восхищением, надеждой и даже, может, какой-то мольбой. Это длилось какое-то мгновение, затем Фелия снова надела маску на лицо. Я перевел взгляд с нее на Леронта. В зале стояла оглушающая тишина. Все ждали моего ответа.
– Это невозможно! – снова сказал я.
Зал разочарованно выдохнул, а на лице Фелии появилась торжествующая улыбка.
Заговор, подумал я, невеста пытается выставить меня трусом и подвести под поединок? Возможно… Если вы пошли на охоту, то будьте готовы, что охотиться могут начать на вас…
Уровень моего раздражения прыгнул еще на несколько делений вверх. Мало мне вчерашнего позорища, так теперь занимайся тут возней с интригами невесты! Проломить бы ему голову без всяких затей и политесов! Я оценивающим взглядом окинул фигуру Леронта. Великим бойцом он не выглядел…

– Заменить столь дивный и прекрасный цветок, – я указал рукой на Фелию, – на вас? Это невозможно!
– Аххх! – выдохнул зал.
– И вообще, сэр Леронт, не знаю, что за нравы там, где вы выросли, но прилюдное признание в любви к мужчине, это слишком! Я, конечно, человек широких взглядов, но это уже чересчур! Я не могу принять вашу любовь!
– Какую любовь? – изумленно пролепетал Леронт, вытаращив глаза.
– Вы ведь только что предложили заменить собой Фелию! Разве это не было признанием в любви?
– Шш…шш… – зашушукался зал.
– Вы что, хотите сказать, что я предложил вам… Что я?.. – обалдело спросил Леронт.
– Все слышали, что вы сказали! – ответил я.
– Я имел в виду замену на поединке!
– Так это было не объяснение в любви? А-а! Так вы просто косноязычны и не умеете выражать свои мысли? Тогда я вам скажу, сэр, что вы дурно образованы! Принимая во внимание этот печальный факт, я не буду требовать от вас удовлетворения за нанесенное мне вами, по недомыслию, оскорбление!
– Мне… вам… вами… оскорбление? – Леронт пошел красными пятнами. – Вам оскорбление? Вы только что оскорбили меня, назвав неучем! Я этого не потерплю!
Мм… как же хочется врезать ему по башке, тупой башке! Ммм… А может, действительно врезать? А то мне этот балаган начал уже надоедать…
– Я не назвал, а констатировал… И потом, сэ-э-эр, вы меня оскорбили первым, предложив себя вместо моей невесты! Это ж надо, дойти до такого разврата, чтобы прилюдно предлагать такое! Вы просто низкий извращенец, сэ-э-эр! И я совсем не удивлюсь, если завтра узнаю, что вас с вашим конем связывает не только боевая дружба!
За столами захихикали.
– Что? Я?! Да я! Я… я вызываю вас на поединок! – яростно выдал уже совершенно красный Леронт. – Завтра, на рассвете!
– Чего? На рассвете? Вы что же, миллллейший, – процедил я сквозь зубы, – думаете, что я вам какой-нибудь крестьянин, встающий с первыми лучами солнца? Да вы совсем обалдели! Не раньше полудня! И вообще, слыша от вас такие предложения, я уже сомневаюсь, что вы благородных кровей и достойны поединка со мной! Это ж надо, на рассвете! А вы, случаем, сами не из крестьян будете, миллллейший?
– Что? Я? Ах ты наглец! Да мой род восходит к самому Реймону Завоевателю!
– М-да? А по вашему ободранному виду и не скажешь…
– ВСЕ! Я больше не намерен слушать ваши гнусности! Я требую поединка! НЕМЕДЛЕННО! – напрягая жилы на шее, заорал взбешенный Леронт.
– Да запросто! Я принимаю ваш вызов! – пожал плечами я. – Надеюсь, вы только позволите мне сходить за доспехами и оружием?
– НЕМЕДЛЕННО! – снова заорал Леронт.
– Скажите, князь, а что, разве ваш родственник практикует поединки с безоружными? Это не делает чести вашему роду! Себе-то он меч прихватил! – обратился я к присутствующему тут князю.
Гессен сидел с открытым ртом и тоже весь в пятнах.
Родственнички, подумал я, глядя на них. Похоже, князь не успевает за событиями…
– Э-э… мм… сэр Леронт излишне порой импульсивен… бывает… – начал князь, не отрывая растерянного взгляда от Леронта, – а сейчас он… очень импульсивен… я просто не предполагал… что он может быть таким… э-э импульсивным.
Растерянность в глазах князя внезапно сменилась бешенством.
Ага! Дошло, чем может обернуться для тебя наш поединок, со злорадством подумал я, теша свое раздражение.
– Так что там насчет подготовки к поединку? – спросил я князя, немного приподнимая брови.
– Думаю, что все будет нормально! – ответил Гессен, пытаясь испепелить взглядом Леронта.
– Я настаиваю на поединке! НЕМЕДЛЕННО! – неуступчиво снова заорал Леронт.
– Я здесь хозяин! – грохнул кулаком по столу Гессен. – И все будет по правилам! Поединок состоится в полдень! ВСЕ, Я СКАЗАЛ!
– Благодарю вас, – сделал я поклон князю, когда вылез из-за стола, – пойду готовиться.
У Фелии были слегка расширенные глаза и бледное лицо.
Что, интриганка, допрыгалась?
Я злорадно взглянул на девушку.

Сейчас два благородных человека пойдут выпускать друг другу кишки! И все из-за твоих интриг! А не сказать ли ей чего-нибудь приятного перед поединком? Я ведь как-никак жених!
Обойдя стол, я подошел к Фелии и наклонился к ее уху.
– Дорогая, у вас очень испуганный вид! Что с вами? – прошептал я.
– А… вот… да… нет! – сбивчиво ответила та, пряча от меня глаза и нервно разглаживая руками невидимые складки на своей юбке.
– Я вас понял! Вы переживаете за меня! О, благодарю вас! Но не волнуйтесь так! Я проучу этого наглеца! Единственное, прошу вас заранее меня простить, если его мозги забрызгают вашу юбку! Тогда будем считать, что я вам буду должен четыре! Договорились?
– Э-э-э… – произнесла Фелия, с испугом глядя на Леронта. Бледное ее лицо приобрело зеленоватый оттенок.
– Всего хорошего! – кивнул я ей, улыбнулся в тридцать два зуба все еще стоявшему за столом Леронту, кивнул еще раз красному от гнева Гессену и потопал к себе, одеваться…

– Эри! Что ты себе позволяешь! – гневно пропищал магистр, сердито уставясь на меня и агрессивно уперев руки в бока.
– А в чем, собственно, дело? – спросил я, разглядывая себя в зеркале.
– Поединок! Перед самой помолвкой!
– Ну и что? Что ж, я, по-вашему, должен был промолчать, когда этот деревенщина оскорбил меня и мою невесту? – мрачно спросил я, пытаясь застегнуть пуговицу на манжете. Злость, посетившая меня с утра, так меня и не покинула, и мне по-прежнему хотелось кого-нибудь прибить. Тихо и без затей.
– К сожалению, меня не было на завтраке, и я не могу судить, насколько эти оскорбления были оскорбительны… – ответил Фестер.
– Вы что же, магистр, не верите моим словам? Если я сказал, что был оскорблен, то это значит, что я был оскорблен! Или моего слова вам недостаточно?
– Поединок будет катастрофой! – не ответив на мой вопрос, сказал Фестер.
– Катастрофой будет, если мне не в чем будет на него пойти, – ответил я. – Ну все пошили: и для охоты, и для танцев, и для посиделок… А для поединка – нет! Вот в чем мне теперь, по-вашему, идти?
– Ну… никто не предполагал, что на помолвке ты устроишь поединок! – растерянно ответил магистр. – И вообще, Эри, ты ведешь себя так, словно не понимаешь, что это может для тебя плохо кончиться!
– Если для меня это кончится плохо, то для Гессена еще хуже. Если все неудачно сложится, то его ждут две волнительные встречи – одна с моим отцом, а другая с Седриком! Хотя я подозреваю, что ему будет достаточно и одной!
Я хищно усмехнулся, глядя в зеркало. Я был зол.
– Так ты рассчитываешь, что Гессен это как-то замнет? – с задумчивым видом спросил магистр.
– Посмотрим, – пожал плечами я. – Его проблемы, пусть он и крутится, а мне одеваться нужно! Мила, Лора! Ну где вы там?
Дверь распахнулась, и появились служанки, неся в руках мешки с одеждой. Вид у них был испуганный.
– Вот… – сказала Мила, расшнуровывая мешок и начиная раскладывать одежду на кровати.
– Ну… давай посмотрим… – сказал я.
Через некоторое время выяснилось, что надевать нечего.
– Вот так я и знал! Нет ничего подходящего! Не могу же я явиться на поединок в костюме для охоты! Во-первых, его уже все видели, а во-вторых, это неприлично! Меня просто не поймут! Что же мне делать? – валяя дурака, с недоуменным видом обратился я к магистру. – Поединок, а мы не готовы! Нет, мы не готовы! Совершенно!
– На поединок надевают доспехи, а не охотничьи костюмы! – скривился тот. Он, похоже, еще не понял, что я дурачусь.
– А где мои доспехи? – спросил я, обращаясь к Миле и Лоре.
Те испуганно уставились друг на друга, видно, лихорадочно соображая, кто из них двоих забыл положить их в багаж перед отъездом.
– У тебя нет доспехов, – кисло сказал Фестер, который наконец догадался, что я прикалываюсь, – и никогда не было! Какие к Херуну доспехи! Ты отродясь их не надевал, потому что они, видите ли, тяжелые! И меч в руках ты толком держать не умеешь, потому что – зачем это нужно?! А вот теперь понадобилось! Я вообще не понимаю, что у тебя было в голове, когда ты соглашался на поединок! В чем и с чем ты пойдешь? У тебя даже магии сейчас нет!

– Учить нужно было лучше, – не удержался я от язвительного замечания, – может, и проблем бы сейчас не было!
Магистр поджал губы:
– Знаешь, Эри! У меня было немало учеников кроме тебя, так вот я скажу тебе честно: ты – один из самых тупоголовых! Понятно?!
Поговорили… Ладно, оставим магистра в покое, а то он, кажется, начинает закипать…
– Благодарю вас, учитель! – сделал я кивок.
– Всегда пожалуйста! – прищурив сердито глаза, ответил тот.
Так, но все же что мне надеть? Попробовать стрельнуть у кого-нибудь доспехи? А есть ли в этом смысл? Если я отроду их не носил, то как же я смогу в них двигаться? Да, скорее всего, никак!
Хм… И что тогда? Идти как есть? Похоже, да… только, пожалуй… нужно что-то более яркое! Да! Карнавально-брутально-самцовое! Зрелищное! Точно! Нужен яркий выход… и смелый образ! Именно так! Хм… и что же это может быть? А ну-ка, посмотрим!

Папа и дочь

– Фелия, что ты себе позволяешь! – не сдерживаясь, орал Гессен на свою дочь, потрясая над своей головой руками со сжатыми кулаками. – Это ж надо додуматься, вызвать своего жениха на поединок! При всех! Просто уму непостижимо! Как такое могло тебе вообще в голову прийти! Ты же из меня посмешище делаешь! Посмешище! Ты что, не понимаешь?
Фелия стояла перед отцом, с недовольным видом поджав губы и уставясь в пол.
– Ну что ты молчишь? Скажи мне уж что-нибудь? – разводя руки в стороны, уже несколько спокойнее сказал Гессен. – Ну?
В ответ Фелия только упрямо сжала губы.
– Нет, ну я так не могу! – хлопнул себя ладонями по бедрам князь. – Стараешься, стараешься, растишь, растишь, а в ответ вместо благодарности получаешь одно ослиное упрямство! И от кого? От родной дочери! За что мне такое наказание! За что?
Фелия еще сильнее сжала губы.
– Значит, так, – не дождавшись ответа, сказал князь, – еще раз выкинешь подобное – выпорю! Самолично! Не посмотрю, что уже здоровая! Десять лет уже обещаю, но на этот раз выполню! Будешь перед алтарем стоять с драной жопой! Понятно?
Фелия хмуро посмотрела на отца из-под бровей.
– Да, вот так вот! – качая головой, сказал князь. – Я уже не знаю, как на тебя воздействовать!
Фелия снова нахмурилась и молча уставилась в пол.
– Все, поговорили! – махнул Гессен. – Иди к себе и сиди там! А я пойду поговорю еще с одним… ослом…

Родственники

– Леронт! Что ты себе позволяешь! – повысил голос князь Гессен.
– Мм… а что? – набычившись, угрюмо спросил Леронт, смотря в пол.
– Да ты вообще охренел! Устраивать поединки с женихом моей дочери в моем замке! И это после всего, что я для тебя сделал? Это что, твоя благодарность?
– Он оскорбил меня… – вяло ответил Леронт, отворачивая голову в сторону.
– Оскорбил? Да не влезь ты со своим предложением заменить Фелию, ничего бы не было! Чего ты влез? Зачем?
Леронт сжал губы и промолчал.
– Зачем ты это сделал? – снова спросил Гессен. – Может, это тебя кто-то подучил? Может, это заговор против меня? А? – нагнув голову к плечу и пристально глядя на Леронта, спросил князь. Взгляд у него стал колючим и подозрительным.
– Никто не подучивал! – поднял голову Леронт.
– А почему же тогда?
– Я… я… просто… Я люблю вашу дочь! – подняв вверх подбородок, громко произнес Леронт.
– Грм! – озадаченно произнес Гессен. – Гм… и что?
– Как что? Я ее люблю!! – с удивлением повторил Леронт.
– И поэтому ты решил испортить ей жизнь?
– Испортить жизнь? – растерянно произнес Леронт. – Не понимаю… почему испортить?

– Не понимаешь? А ты подумай немного! Надеюсь, ты слышал про Седрика? У? Слышал? Что мы у него следующие на очереди?
– Я всю кровь отдам, до капли, защищая Фелию! – развернув плечи и еще выше задрав подбородок, произнес Леронт.
– Эх, если бы этого было достаточно! – вздохнул князь. – Если бы было… Ну скольких ты убьешь? Троих… десяток… ну пусть даже два десятка! А их сколько? Что будет потом с Фелией, когда ты упадешь, а? Ты подумал? Что с ней сделают наемники Седрика, если она попадет к ним в лапы?
Леронт угрюмо потупился.
– То-то и оно! Об этом ты и не подумал… – снова вздохнул князь, – то-то и оно!
Леронт молчал.
– Так что, Лер, давай не дури, успокойся и откажись от поединка!
– Отказаться от поединка? Это невозможно! Я ведь обещал!
– Обещал? Кому? – вскинулся князь.
Леронт плотно сжал губы.
– Значит, все-таки обещал! Значит, все-таки предательство! Уж от кого-кого, а от тебя я не ожидал ножа в спину! Эх, Леронт, Леронт! – Князь огорченно махнул рукой.
– Это не то, что вы думаете! Это не предательство! Нет! Это не то, что вы… Я… я скажу! Только пообещайте, что не скажете ей! – с мукой в голосе сказал Леронт.
– Кому ей? – не понял князь.
– Фелии!
– Ну хорошо, обещаю, что не скажу! – не понимая, согласился князь.
– Я… я… обещал это… Фелии! – Последнее слово Леронту далось с трудом.
– Фелии? – в изумлении переспросил Гессен. – Фелия хотела, чтобы ты убил Эриадора?
– Нет… – помотал головой Леронт, – она хотела… чтобы я его… унизил… за наглость. Повалял по земле, испугал… Чтобы все видели. Но не убивал!
– Наглость? Унизил? Ах вот оно что! – Князь в задумчивости выпятил вперед губы и прижал их к носу. – Наглость, значит! Понятно теперь! Ах, дочура, дочура! Драть тебя в детстве как следует нужно было! И каждый день! Но теперь, похоже, уже поздно…
– Так, – после небольшой паузы сказал князь, – никакого поединка не будет! Сегодня в полдень ты принесешь свои извинения Эриадору, и на этом все!
– Извинения? Ему, этому мерзавцу? Ни за что! – возмутился Леронт.
– Тогда к следующему лету Фелия умрет! – жестко сказал князь. – Выбирай! Твоя гордость против ее жизни!
– Это… это невозможно… Я ведь… не смогу… – потрясенно пробормотал Леронт.
– Ты же говорил, что готов жизнь отдать за нее! Говорил? А я не прошу твоей жизни! Только гордость!
– Но как же я потом… жить буду? Ведь она… отвернется от меня, будет презирать… как труса! Ведь я ей обещал! Вы поймите! Я же не смогу… без нее! Не смогу! – растерянно развел руками Леронт. – Я… я умру без нее! Правда!
Леронт смотрел полными отчаяния глазами на Гессена.
– Э-эх! Ну что я могу тебе сказать? – сокрушенно покрутил головой князь. – Ну такая она, эта жизнь! Почему-то всегда выходит, что для того, чтобы кто-то жил, кто-то должен умереть! Всегда! Ты ведь рыцарь, Леронт! Рыцарь! А значит, должен совершить подвиг! Отдай свою жизнь взамен другой!
– Подвиг… – сглотнул Леронт, – я думал… это будет иначе…
– Под звон мечей и рев труб? – грустно усмехнулся князь. – Если бы все подвиги совершались так! Говорят, что самый великий подвиг это тот, о котором никто не узнает! Даже тот, кто будет жить… благодаря герою, о котором и не слышал! Я ведь тоже не в восторге от этого Аальста! Одни боги знают, чего стоило мне решение выдать дочь за его сына! Но я наступил себе на горло и теперь знаю, что моя дочь будет жить! Пусть она сейчас этого не понимает! Но она будет жить!
В комнате наступила тишина. Каждый из мужчин думал о своем.
– А как же честь? – поднимая взгляд от пола, спросил Леронт. – Ведь лучше умереть, чем бесчестье!
– Бесчестье? Какое бесчестье? Фелия выходит замуж за сына богатого и сильного князя! Брак будет заключен по всем правилам, при свидетелях! Где тут бесчестье?
– Но ведь она не любит его! – горячо воскликнул Леронт.
– А с чего ты решил, что она любит тебя? Или она тебе что-то обещала? – прищурился Гессен.
– Нет… но я думал… я надеялся… – растерянно произнес Леронт.

– Вот! Ты надеялся, – поднял указательный палец Гессен, – надеялся! А Фелия сейчас не любит ни Эриадора, ни тебя! И может быть, уже никогда никого не полюбит, если ты сейчас убьешь ее жениха! У нее просто не будет на это времени. Понимаешь?
– Да… – прошептал Леронт, медленно потирая правой рукой шею, – понимаю…

Леронт

Пум!.. Пум!.. Пум! Пум! Как же колотится мое бедное сердце. Как больно… Сердце, прошу, разорвись! Я не могу больше…Фелия… Моя любовь! Моя жизнь! До полудня остается час… Всего час… А в полдень меня уже не станет… я умру… Я откажусь от всего, что было моей жизнью… Я сам откажусь от своей жизни! Я никогда не смогу быть рядом с ней! Никогда… Какое слово… Ни-ког-да! И все! Никогда! Никогда…
И я ничего не могу сделать… Ничего… Ничего и никогда! А вдруг она меня все-таки любит? Может, просто нужно пойти и спросить?
А если она скажет – нет? Тогда… тогда я просто не знаю… Сейчас у меня есть хоть какая-то надежда, а так… Только умереть… А вдруг она скажет – да? И что тогда? Князь прав, против Седрика не выстоять… Полгода счастья в ожидании смерти? Я готов отдать свою жизнь за эти полгода. Но Фелия! Она должна жить! Бежать? А потом что? Жить как простолюдины? Фелия ведь достойна всего самого лучшего! Она будет страдать… Проклятая бедность! Ничего, кроме меча, у меня нет… Да и Гессен княжество свое не бросит… Получится, что ради меня она принесет в жертву отца! О боги! Как все запутано! Но почему нельзя быть просто счастливым? Почему нужны эти страшные муки??
Пум!.. Пум!.. Пум! Да, сердце, да! Разорвись! Давай отдохнем… Мы так устали с тобой от боли…
– Так что ты решил? – как сквозь туман доносится до меня голос Гессена.
– Я… откажусь… – шепчу я сквозь сдавленное спазмом горло, – я откажусь от нее… ради нее… навсегда…
– Хорошо, – кивает головой князь, – это правильное решение, Лер. Ты пойми! Это просто судьба!
– Судьба… – повторяю я сквозь застилающие глаза слезы, – судьба…
– И знаешь, Лер, уезжай! Мой тебе совет! Я дам тебе коня, оружие, доспехи, и уезжай! Что понапрасну мучить себя!
– Я уеду! Сразу же! В полдень!
– Ну вот и хорошо…

Замок Гессена. Полдень

Эри

Солнце радостно заливало двор замка Гессена своими лучами.
Хорошо погодка разгулялась, подумал я, задирая голову в голубой небосвод. Красотень!
Я топал по двору в направлении места поединка. Хотя точнее не топал, а топали… Впереди я, с шестом на плече, затем Мила и Лора в черных костюмах пажей, в черных беретах, белых перчатках и с черными чемоданчиками в руках, потом злой магистр с командиром нашей охраны и четыре охранника в кольчугах и с оружием.
Ага, вот и башня! Сказали, вроде за ней!
Я обогнул башню и вышел на площадку, заполненную народом. Похоже, поглазеть на поединок пришли все, кто смог. Местом поединка был большой квадрат земли, обозначенный вертикальными свежеструганными деревянными столбиками с висящими между ними темно-красными бархатными лентами. Само место было посыпано чистеньким желтым песочком и аккуратненько разровнено грабельками. Вокруг этой красоты уже стояли разновысотные скамейки типа трибун, на которых сидели гости князя, в основном дамы. Еще множество людей толпилось вокруг, они шумно что-то обсуждали.
Ничего себе, подумал я, увидев все это великолепие. Еще пара скамеек, и почти Колизей! Однако быстро Гессен подсуетился со зрелищем для гостей!
При виде меня, вышедшего из-за башни, гомонившая толпа начала затыкаться и через пару секунд затихла совсем. Все повернулись и молча смотрели на меня.
Ну что ж, смотрите! Думаю, что такого поединщика вы еще не видали! – усмехнувшись, подумал я, небрежно подкидывая посох на плече и спокойно направляясь к «главной

трибуне», на которой сидел Гессен. Толпа расступалась передо мной, сканируя меня с ног до головы самым внимательнейшим образом.
На мне была ослепительно-белая шелковая рубаха свободного покроя с большим воротником, отделанным кружевами, огромные рукава собирались в манжеты на запястьях. Рубаха была заправлена в черные узкие брюки с широченным черным кожаным поясом, украшенным какими-то прозрачными камушками. Я надеялся, что они блестят на солнце так же, как и бронзовые кольца на моем шесте, которые только что закончили надраивать мои охранники. Брючины, в свою очередь, были заправлены в узкие черные сапоги, сделанные небольшой гармошкой. Волосы мне Лора с Милой стянули в хвост и повязали его узкой белой ленточкой.
Ага! Похоже, впечатление мне произвести удалось – я увидел, как зашушукались после нескольких секунд паузы дамы на скамейках, а мужики стали захлопывать обратно отвисшие челюсти. Увидев меня, князь Гессен встал со своего кресла и спустился с трибуны. Рядом с его местом я заметил сидевшую на скамеечке со спинкой Фелию. Спуститься вместе с отцом ко мне она не соизволила.
– Приветствую вас, княжич! – хмуро сказал князь, подходя ко мне. – Вот ваш секундант! – кивнул он в сторону стоящего рядом Белогура. – Князь сам любезно вызвался быть вашим секундантом!
– Благодарю вас! Премного польщен! – сделал я легкий поклон им обоим.
– Эриадор! Но где же ваши доспехи? И меч? – сразу взял быка за рога Белогур.
– Да, собственно, они мне как-то и не нужны! – ответил я, утыкая концом в землю шест.
– Но как же! Это же нарушение правил! – удивился Белогур.
– Ну вот нету! – спокойно ответил я.
– Как это нету? Вы же пришли на поединок? Без доспехов? И без меча? Вы что, так шутите?
– Ну не взял я меч!
– Так нужно срочно за ним послать!
– Не надо! Я собираюсь сражаться не мечом!
– А чем?
– Вот! – Я выставил вперед руку с шестом.
– Палкой? Но… как же так? Без меча…
– Это шест. А что, разве только мечом можно?
– Воины сражаются мечами. Вы не знаете правил?
– Я не воин! Я маг!
– Применение магии на поединках строго запрещено кодексом!
– М-да?.. И как же тогда маги ходят на поединки? – удивился я.
– Э-э-э… вообще-то я не слышал, чтобы маги ходили на поединки… – задумчиво сказал князь, оттопыривая нижнюю губу.
– А что так? – поинтересовался я.
– Маги убивают на месте, если что им не нравится. Так что дураков нет вызывать мага на поединок!
– А вот для меня нашелся! – сказал я.
– Но, Эриадор, если вы согласились на поединок, то должны следовать правилам!
– Чтобы позволить себя убить? Не, я так не согласен! Я всю жизнь занимался изучением магических заклинаний, а мой противник учился размахивать мечом. И что теперь, я должен забыть о магии и, взяв в руки меч, который держал всего пару раз в жизни, попытаться убить им человека, который всю жизнь только и делал, что учился им владеть?! Это совершенно неравные условия для участников! – заявил я.
– Э… да… Но таковы правила!
– Тогда давайте это будет магический поединок! Мы оба будем использовать только магию и все! Как вам мое предложение?
– Но Леронт не владеет магией! – удивился Белогур.
– Какая жалость! А я не владею мечом! И что теперь? Я должен сражаться в заведомо худших для себя условиях?
– Ну не знаю, – взмахнул руками Белогур, – ваши доводы вполне разумны! Но как же тогда быть с кодексом?
– А это ваши проблемы, как моего секунданта. Решайте!
Белогур пару секунд обдумывал сложившуюся ситуацию, но, похоже, ему смогла прийти в голову только одна замечательная мысль – спихнуть решение на кого-то другого.
– Князь, вы как хозяин что скажете? – обратился он к Гессену.
Гессен хмуро оглядел меня, мой посох и сказал:
– Пусть все остается, как есть! Придет Леронт, и если он согласится, пусть все так и будет!
– Хорошо, господин князь! Как скажете! – кивнул Белогур.

Неожиданно люди вокруг нас заволновались.
– Леронт, Леронт! – зашептали вокруг.
Я развернулся в сторону, куда смотрели все. Опустив голову, от башни к месту поединка шел Леронт.
Как-то странно он идет, подумал я, глядя на него.
В походке Леронта было что-то механическое. Словно ноги у него плохо гнулись в коленях.
Толпа молча расступилась перед ним, как недавно передо мной. Леронт подошел к нам и остановился, уставясь в землю. Возникла пауза.
– Леронт, ты что-то хотел сказать? – спросил Гессен, когда пауза явно затянулась.
– Да… – тихо ответил он и поднял лицо.
Какие у него круги вокруг глаз! И глаза краснющие! Что это с ним? Когда я его видел последний раз, он выглядел пободрее.
– Я… при… шел сюда, чтобы принести свои… извинения господину Эриадору. Я был неправ и прошу его принять мои извинения… – тихо произнес Леронт, не глядя на меня. Слова ему давались, похоже, с невероятным трудом.
Вокруг воцарилась оглушающая тишина. Леронт на секунду оторвал свой взгляд от князя, на которого он все это время смотрел, и взглянул куда-то назад, за него. Я тоже повернулся в ту же сторону. Фелия! Фелия сидела, выпрямившись, словно натянутая струна, которая вот-вот лопнет.
– Эриадор, вы удовлетворены? – сухо обратился ко мне Гессен.
Хм… удовлетворен ли я? В принципе я рассчитывал на поединок, но… какой, к Сихоту, из него сейчас боец – что-то с ним не в порядке…
И эта сидит, как аршин проглотила… Я еще раз взглянул на напряженную Фелию.
– Вполне! – ответил я. – Я принимаю извинения и надеюсь, что этот прискорбный инцидент не омрачил наш праздник!
– Хорошо, – медленно кивнул Леронт, – прощайте!
Больше ни на кого не глядя, он развернулся и так же механически зашагал назад. Все молча смотрели ему вслед. Никто не нарушал тишины. Я тоже смотрел ему вслед. Что-то явно происходило, но что именно, я не понимал. Внезапно у Леронта, уже успевшего проделать половину пути до башни, при очередном шаге как-то разом подогнулись колени, и он упал, завалившись назад и на правый бок. Прошло несколько секунд, но он и не думал подниматься.
– Леро-о-онт! – сзади меня горохом простучали по деревянному помосту каблучки, и мимо пронеслась Фелия. – Леронт!
Фелия летела к упавшему, едва касаясь земли носками туфелек и выставив вперед руки. Ее пышная серая юбка сдвинулась назад, не успевая за своей хозяйкой.
– Леронт! – Фелия с размаху грохнулась рядом с ним на колени и принялась его тормошить. – Лер, вставай! Ну же! Что с тобой, Лер?
Вот это да, подумал я, наблюдая эту картину с отвисшей челюстью.
– Что вы стоите! Помогите ей! – закричал опомнившийся Гессен.
Со всех как будто ступор сошел. Гости и слуги побежали к Фелии и упавшему Леронту. Через пару мгновений там уже была толпа, скрывшая от меня дальнейшее действо.
Оглянувшись, я встретился взглядом с Гессеном.
– У Фелии очень доброе сердце! – сказал он, не отрываясь смотря мне в глаза.
– Да… я вижу… – ответил я.
Князь поджал губы и повернулся к толпе, хлопочущей вокруг Леронта.
– Ну неприятная ситуация с поединком благополучно разрешилась, – через пару секунд снова заговорил он, – Эриадор, может быть, выпьем по кубку вина?
– Мм… благодарствую, князь! Но знаете, мне бы хотелось немного поразмяться! А то что-то засиделся я! Где бы это можно было сделать? – спросил я, совсем не желая сидеть в компании князя. И вообще, мне хотелось побыть одному и спокойно подумать.
– Поразмяться? – переспросил князь.
– Да, место, где бы можно было помахать железом…
– А-а-а! Это можно сделать на арене! Я прикажу, вас проводят!
Князь подозвал слугу и отдал ему указания.
– Прошу вас, следуйте за мной! – низко поклонившись, сказал слуга.
– Сейчас! – Я обернулся к магистру и начальнику охраны. – Пойду немного потренируюсь! Нужно быть в форме! – сказал я им. Начальник вытянулся, а магистр кивнул.
– Хорошо! – сказал магистр, как-то по-другому глядя на меня. С уважением, что ли?
– Дать вам сопровождение? – предложил начальник охраны.
– Нет, не нужно! Милу и Лору возьму и все! Пошли! – кивнул я своим служанкам.
Бросив еще раз взгляд в сторону толпы вокруг Леронта, я пошел за слугой.

Арена оказалась большим деревянным сараем, внутри которого были две площадки, посыпанные крупным желтым песком и огороженные длинными жердями.
– Прошу вас! – церемонно поклонился слуга, указывая рукой внутрь.
М-дя… арена… Ну ладно, что есть, то есть…
– Дайте мне кинжалы! – сказал я тайлиш.
Не хотелось мне сейчас размахивать шестом. Слишком резко. Мне надо было подумать. Неспешно танцуя с кинжалами, это можно было сделать. В Эсферато есть такие медитативные танцы с короткими шагссами. Плавные повороты корпусом, медленные движения руками и соответствующий ритм дыхания позволяли расслабиться и достичь состояния, при котором хорошо думалось. Взяв кинжалы, я вышел на одну из площадок и приступил к разминке. Но углубиться в медитацию мне не удалось. Только я закончил разминку и приступил, собственно, к танцу, как у входа на арену раздался голос:
– Теперь ты не сможешь извернуться! Защищайся!
В проеме дверцы стояла Фелия, держа в правой руке острием вверх блестящий меч с красивым узким лезвием.
Опа! Похоже, я попался! Сейчас Фелия будет меня убивать! Ну если не убивать, то резать на кусочки… Интересно, а могу ли я тут рассчитывать на услуги целителя? Надеюсь, что он у них вообще есть…
Я поудобнее перехватил чаки и взял в сторону, отодвигаясь подальше от невесты.
Княжна двинулась за мной по кругу, боком переставляя ноги. Меч она держала двумя руками, глядя поверх его острого кончика на меня. Лицо ее было сосредоточенно, глаза прищурены, губы плотно сжаты. Фелия была готова действовать.
Убьет ведь, подумал я, внимательно следя за ее движениями, вот ведь настырная девчонка! А вот не надо было злить ее! Не дразнил бы, так сидели бы с ней сейчас на диванчике, играли бы в ладушки… Ага…
Покружив со мной с минуту по площадке и не дождавшись от меня никаких действий, Фелия пошла в атаку.
Дзинь, дзинь, динь! Я успешно отразил ее связку из трех ударов.
Шустрая какая! Быстро мечом орудует! Сильная! А на лошадь вроде по комплекции не похожа… Или, может, у нее меч особый? Какой-нибудь облегченный…
Дзинь, дзинь, дзинь… Ха!
Промазала! Изогнувшись, я пропустил мимо себя ее прямой выпад.
Дзинь, дзинь, дзинь… Мимо!
Точно, у нее меч облегченный! Не, это нечестно! У меня такого нет!
Дзинь, дзинь, дзинь, дзинь… ших! Мимо!
И надето на ней что-то хитрое… Когда переодеться успела? Я присмотрелся к наряду Фелии. Если сверху была ничем не примечательная коричневая кожаная куртка с узкими рукавами, то низ выглядел интересней. На Фелии были какие-то штаны с широченными брючинами. Этакая юбка-штаны.
Какие штанишки! Интересно зачем? Военная хитрость, чтобы ног противнику не было видно, или для соблюдения приличий, чтобы солдатня не пялилась на княжеские ножки?
Дзинь, дзинь, дзинь… Ха!
И долго это будет продолжаться? Что, пока она не устанет? Еще неизвестно, кто быстрее устанет… Я не железный… А она, похоже, все же лошадь… пусть и в прошлой жизни…
Дзыннннь!!
Блин, чуть не достала! Вот бы кто-нибудь пришел и успокоил Фелию! Люди, вы где? Ау-у-у!
Дзинь, дзинь… дзинь!!
Ха, специалистка! Кто ж так делает! Я остановил правый боковой удар Фелии левым чаком, правая-то рука у меня свободна! Вот оно, голое горло-то!
Я отскочил назад, разрывая дистанцию. Тут на мои глаза попался появившийся у ограды плотный мужик в кожаном доспехе, пестрящем многочисленными блестящими металлическими бляхами. Мужик стоял, скрестив руки на груди, и хмуро смотрел на наши упражнения. Воспользовавшись паузой от моего тактического отхода, он громко произнес:
– Госпожа Фелия, прошу вас прекратить бой! Если ваш отец узнает, то он будет очень недоволен!
– Не мешай, Франк! – азартно облизнув губы, ответила Фелия, снова приближаясь ко мне с выставленным вперед мечом.
Дзинь, дзинь, дзинь, дзинь… ших!
Упертая! А нехорошо старших не слушаться! Порол тебя папочка, видно, мало в детстве! А теперь уже поздно… Что выросло, то выросло…
Дзинь! Ших! Ших!

Дать бы ей по попе за упрямство… Хм! А ведь это идея! Двуручным боем она, похоже, никак не владеет… Одной рукой блокировать ее меч, а вторая рука у меня свободна! И чаком по попе! А ну-ка!
Дзиннь! Дзыннь! Дзрргг!
Рукояти чаков у меня были снабжены металлическими вилками по две штуки с каждой стороны. В эти вилки можно было ловить оружие противника, и поворотом кинжала зажимать его лезвие. Тут все дело в силе. Если ее достаточно, то можно вообще выдернуть оружие противника у него из рук. Фелия, похоже, не знала назначения этих вилок. По крайней мере, осторожности в размахивании железякой с ее стороны заметно не было. Видя такое легкомыслие, я решил попробовать использовать его в своих целях.
Дзрргг! Меч Фелии проскрежетал по подставленному мною под углом лезвию левого кинжала и остановился, уткнувшись в рукоять.
Оля-ля! Зажав клинок Фелии поворотом кинжала, я сделал шаг вбок и правым чаком плашмя, особо не сдерживаясь, шлепнул ее пониже спины.
– Ай! – изогнувшись, взвизгнула та. Мужик у ограды дернулся было вперед, но я уже освободил клинок из захвата и отскочил в сторону.
– Дорогая, я же вам ясно сказал, что не желаю биться с вами на мечах! Вы проявили самовольство, не послушав меня! Поэтому я вас сейчас отшлепаю по попке, как нашкодившую девочку… – издали, не приближаясь к Фелии, сказал я, внимательно наблюдая за ее движениями… – И это будет просто, потому что вы совершенно не умеете обращаться с оружием!
Дзиннь! Дзыннь! Дзиннь! Дзыннь! Дзиннь! Дзыннь! Вспыхнувшая Фелия налетела на меня как ураган.
Дзиннь! Дзыннь! Дзрргг!
– Ай!
Я опять подловил ее меч на вилку.
– Ах, дорогая! Какая у вас замечательная, упругая попка! От нее так хорошо (дзинь, дзинь) отскакивает! – пытаясь не сбить дыхание, продолжал я злить девушку.
Краем глаза я заметил новые лица, появившиеся в сарае. Гости князя Гессена, привлеченные звоном металла, начали подтягиваться на зрелище.
– Я думаю (дзинь, дзинь), что не всем женихам так повезло (дзинь) иметь такую (дзинь, дзинь… дзинь, дзинь) упругую попку у невесты!
Дзиннь! Дзыннь! Дзрргг!
– Ой!
– Дорогая, сдавайтесь! Иначе на сегодняшнем ужине (дзиннь! дзыннь! дзиннь!) вы будете стоять рядом со мной как памятник (дзиннь! дзыннь!), потому что не сможете сидеть (дзиннь!), но если вам нравится, и вы настаиваете на продолжении (дзиннь! дзыннь!), тогда я принесу вам подушечку, – продолжал издеваться я.
Дзыннь! Дзрргг!
Внезапно Фелия сделала то, чего я никак не ожидал. Она выпустила из рук меч и, воспользовавшись тем, что я стоял перед ней враскорячку, одной рукой удерживая ее клинок, а второй протянувшись чаком к ее попе, кинулась на меня и вцепилась в горло. Я на такой финт от нее никак не рассчитывал и поэтому с размаха грохнулся на спину, растопырясь, как морская звезда. Фелия же навалилась сверху и, не теряя времени, с энтузиазмом принялась душить меня обеими руками.
– Караул! Спасите! Насилуют! – дурным голосом заорал я, пытаясь оторвать ее руки от своей шеи.
Услышав мой вопль, Фелия притормозила и на миг ослабила хватку. Видно, слово «насилует» было известно ей только как действие мужчины в отношении женщины, а никак не наоборот. Воспользовавшись заминкой невесты, обдумывающей неожиданную смену ролей, я, извернувшись, пихнул ее правым коленом в бедро, а левой ногой повел ноги Фелии в другую сторону, опрокидывая ее набок.
– Оля-ля! – сказал я, наваливаясь сверху на невесту. – Сдаешься? – через пару секунд спросил я, удобно расположившись сверху и надежно прижимая ее к песку. – Ну?
Ах, какая картина, подумал я, глядя практически вплотную в полные ярости глаза девушки. Главный герой сверху, укрощенная самка под ним и уже почти не трепыхается… Теперь по законам жанра требуется страстный поцелуй, и она обмякнет в его объятиях, обвив его шею своими руками… Хеппи-энд! Извини, дорогая, только мы герои разных историй, заключил я, даже не думая целовать ее, – я низших не целую…
– Что тут опять происходит? – раздался рядом чей-то знакомый недовольный голос.
Князь Гессен! Как вовремя! В самый пикантный момент! Застать свою дочь, валяющуюся посреди арены с женихом сверху, в окружении толпы благодарных зрителей… Забавно…
Услышав голос отца, Фелия обмякла подо мной и перестала вырываться.

Так, похоже, можно безопасно встать, наверное, никто не будет на глазах отца пинать меня мстительно вслед по всяким нежным местам…
Я отжался на полусогнутых руках, дабы совсем не поплющить прижатую к земле невесту, и постарался как можно быстрее отскочить в сторону. Мало ли чего ей в голову взбредет!
– Господин Эриадор, я хочу знать, что тут происходит? – повышая голос, повторил свой вопрос Гессен.
– Что происходит? – переспросил я, пожимая плечами. – Да в общем-то ничего особенного… Хотя нет! Можно сказать, что тут происходит процесс становления новой семьи! У будущих супругов возникли разногласия по одному важному для них обоих вопросу, и они попытались разрешить их доступными средствами… – продолжил я. – Вы, собственно, застали момент окончания спора…
– И о чем же вы так яростно спорили, размахивая оружием? – мрачно спросил Гессен.
– О чем спорят с оружием в руках? О власти, конечно! Мы решали вопрос – кто в семье будет главным! Я только что отстоял свою точку зрения – сверху буду я!
Говорил я громко, и все мои слова прекрасно долетали до слушателей, собравшихся вокруг арены. Услышав, что я сказал, гости зашушукались, и среди них раздались смешки, а какой-то невидимый мне мужик откровенно заржал. Лицо князя перекосило. То ли он боролся с улыбкой, то ли с раздражением для сохранения приличий… Непонятно…
Заметив, что Фелия по-прежнему лежит на песке, только приподнявшись на локтях, я сделал шаг в ее сторону.
– Дорогая, вставайте! Лежать на холодной земле вредно для здоровья! – сказал я, протягивая ей руку.
Проигнорировав мой заботливый жест, Фелия сама поднялась с земли и, сделав шаг ко мне, тихо прошипела, яростно глядя мне в глаза:
– Языкастый ублюдок!
Затем развернулась ко мне спиной и, гордо закинув голову, пошла на выход, не обращая внимания на толпу гостей, расступающуюся перед ней с шушуканьем и смешками.
Я посмотрел на князя и, пожав плечами, с недоуменным видом развел руками: мол, и чего это она?

Отец и дочь

Слезы собирались на кончиках длинных густых ресниц в большие капли и срывались вниз по щекам, оставляя на них длинные мокрые дорожки. Фелия и не думала их вытирать. Она их не замечала. Она, ничего не видя, безотрывно смотрела в окно, скрестив руки на груди.
– Госпожа, прошу вас, не плачьте…
– Ты же говорил, Франк, что у меня все хорошо получается! – с рыданием в голосе, не оборачиваясь, ответила Фелия. – Говорил. И вот… такой позор! Значит, ты меня обманывал? И я ничего не умею? Глупая маленькая девочка…
– Госпожа… Вы никогда не тренировались против противника с двумя клинками. У нас никто не владеет таким боем. Даже не знаю, справился бы я с ним… Он очень быстр!
– Не нужно меня жалеть! – чуть повернув голову от окна, с надрывом в голосе произнесла Фелия.
– Я говорю так, как есть. Если бы он захотел, то за поединок он мог убить вас несколько раз.
– Дура… – прошептала Фелия, закусывая нижнюю губу.
Раздались шаги, и вошел хмурый Гессен. Он осмотрелся, задержал взгляд на плачущей у окна Фелии и глубоко вздохнул.
– Ладно, Франк… иди! А мы тут поговорим…
Франк молча поклонился и вышел из комнаты.
В комнате наступила тишина, нарушаемая только шмыганьем Фелии.
– Эхе-хе-хе… – начал князь, – уж не знаю, доживу ли я до твоей свадьбы… Каждый день что-то новенькое! Фели, ну чего ты добиваешься?
– Чего я добиваюсь?! Я хочу, чтобы ко мне перестали относиться, как к вещи! Чтобы все решали за меня! Я не кукла, которую можно поставить туда, посадить сюда, и она будет молчать и счастливо улыбаться! Я живая! И у меня есть душа! Понятно?!
– Эххх-хе… Понятно. Но и у меня есть душа! И я хочу, чтобы моя дочь была жива и счастлива!
– Счастлива? С этим чудовищем, которое ты нашел для меня в мужья?
– Ну… он достаточно своеобразен… но, может, не так все плохо? Вероятно, у него есть и положительные качества? Поживешь с ним, присмотришься… Наверняка они найдутся. Не может же быть, чтобы у человека не нашлось ни одного положительного качества!

– Вот сам и живи с ним! И ищи эти качества! А я не буду!
Князь глубоко вздохнул.
– Значит, ты смерти моей хочешь? – спросил он.
Фелия промолчала, глядя в окно.
– Ты же знаешь, что княжество я не брошу. Тут могилы моих предков, моего отца, деда и твоей матери тоже. Я тут вырос, ты тут выросла! Я был тут счастлив. И что, отдать это все на поругание какой-то банде наемников без роду без племени?
Фелия молчала, упершись лбом в стекло.
– Ну если я тебе безразличен, то подумай о своей нянюшке, служанках, Франке, Рыжике, наконец! Что с ними будет? Скажи мне!
– Почему я должна жертвовать собой ради других? – прошептала Фелия.
– Почему? Потому что ты княжеская дочь. Вот почему!
Фелия в ответ шмыгнула носом.
– Дочь, прошу, не рви мне сердце, – с болью в голосе произнес Гессен, – не плачь! Все наладится, вот увидишь! Все будет хорошо!
– Не знаю… – прошептала Фелия, глядя сквозь слезы в окно.
– А я знаю! – с уверенностью в голосе сказал Гессен. – Уж поверь мне! Поверь своему старому отцу! Ты мне веришь?
Фелия неохотно кивнула головой.
– Ну вот и хорошо! Тогда успокойся и пойди поговори с Эриадором!
– Зачем? – слабым голосом спросила Фелия, вытирая стекающие по щекам слезы.
– Успокой его, поговори с ним, скажи, что все в порядке…
– Успокой? Зачем? Он, по-моему, тут единственный, кто ни о чем не беспокоится!
– Зря ты так о нем думаешь! Видела бы ты его глаза, когда ты возилась с Леронтом!
– С Леронтом? Возилась? Он мой родственник! И пусть Эриадор засунет свои гнусные измышления куда захочет! – возмущенно сказала Фелия, оборачиваясь от окна к отцу.
– Доча, доча, ну нельзя же так! Кстати, что там с Лером?
– Целитель сказал, что это последствия какого-то сильного потрясения. Ему дали лекарство, и он сейчас спит. Проснется завтра.
– Ага, – ухватил себя рукой за подбородок князь, – понятно. Значит, завтра… И все-таки я тебя как отец очень прошу! Сходи к жениху!
– Зачем? – снова спросила Фелия, отворачиваясь к окну.
– Ну поговори ты с ним! Без посторонних. Может, найдете общий язык! Вы так ни разу не поговорили.
– Кто в этом виноват? – прошептала Фелия.
– Ну Фели, ну я умоляю! Ну для меня! Сходи! Поговори! Сходишь, а?
Фелия медленно и неохотно кивнула.
– Спасибо! Ты замечательная дочь! Сходи! Пойдешь?
– Завтра, – тихо сказала Фелия, – сегодня я не в силах, не заставляй меня…
– Ну хорошо, хорошо. Завтра! Конечно, отдохни… А я… я пойду! Гости, будь они неладны! Ни минуты нельзя оставить без присмотра. Отдыхай!
Князь поднялся и торопливо прошел к выходу, словно боясь, что Фелия передумает.
Пух! Хлопнула закрывшаяся за князем дверь.
– И…и-и-и… – тихо завыла Фелия, уткнувшись лбом в стекло и не обращая внимания на вновь хлынувшие потоком слезы, – и…и-и-и…

Эри

– Сихотский кабан, – пробормотал я, массируя свой живот.
Вечер предыдущего дня, как обычно, закончился обжираловкой. Сначала я сидел за столом у князя и пробовал кабана в трех видах: жаренном на углях, тушенном с овощами и вяленом. Князь был сама любезность, чуть ли не сам подкладывал мне на тарелку кусочки вепря. Выглядел он, я бы так сказал, растерянно, может, даже немного испуганно. Фелии не было. Нажравшись до отвала и заскучав до выворачивающей челюсти зевоты, я решил пойти завалиться спать, потому что не представлял, чем еще можно заняться. Но слинять по-тихому мне не удалось. Я опять был зазван за стол к друзьям Белогура. В этот раз они мусолили тему рыбалки.
Посидел, послушал, покивал. Пить я с ними не стал, объясняв это наличием у меня невесты, а на самом деле просто не желая отправиться с ними ловить рыбу из какой-нибудь бочки с вином в подвалах князя. Наличие невесты засчитали уважительной причиной.
Посочувствовали. Поговорили о странностях женской натуры. Потом меня попросили поделиться своими впечатлениями от моего лежания на Фелии. Как невеста на ощупь? Будь

я такой же «тепленький», как они, я мож, чего бы и порассказал, но в трезвом виде это было бы не смешно, и поэтому я по-быстрому закруглил беседу и пошел к себе, с четким намерением лечь спать. Но поспать мне не удалось. Сначала вкус жира дикого вепря во рту, которым меня усиленно потчевал князь, не давал мне уснуть первую половину ночи. Но как только желудок наконец справился со съеденным, наступил черед матраса. В матрасе внезапно обнаружились комки! Причем комков было так много и располагались они так замысловато, что, каким бы я зигзагом ни изгибал по матрасу свое бедное тело, всегда находилось несколько штук, которые давили в самые чувствительные места. Я с тоской вспоминал свою кровать в Эсферато, ортопедические матрасы Земли и проклинал этот убогий мир с его жирными вепрями, комками в матрасах и тупыми жителями, неспособными сделать хотя бы нормальные кровати. Короче говоря, ночь была ужасной, и заснул я только под утро, окончательно измучившись от верчения на этом проклятом ложе. Но и утро решило сделать все, чтобы я не расслаблялся. Мало того что я просто не выспался, так еще вепрятина переместилась за ночь в кишки и теперь развлекалась там тем, что периодически завязывала их в узел, а затем медленно отпускала…

Посланная за Фестером Лора вернулась одна, но с ценным советом – надо меньше жрать! Магистр, похоже, все еще дулся на меня за вчерашнее. Поскольку ценный совет приложить было не к чему, я забрался в кресло в ожидании, когда «оно само пройдет».

Так что утром я сидел в кресле невыспавшийся и злой, маясь животом и ругаясь про себя при особо сильных схватках в кишках.

Пум! Хлопнула дверь.

– Князь Эриадор, я хочу с вами поговорить! – раздался голос Фелии.

Сколько холода-то в голосе! Ну прям снежная королева! А что, мы уже так близки, что можно врываться ко мне без стука? Не, ну это уже наглость! Обойдется без поклонов!

Я недовольно разглядывал вошедшую ко мне в комнату невесту.

– Я весь внимание, – ответил я, продолжая расслабленно лежать поперек кресла, перекинув ноги через левый подлокотник. В такой позе живот болел меньше всего.

Увидев, что я не собираюсь вставать и приветствовать ее, Фелия гордо вскинула голову и гневно раздула ноздри.

– Князь, вы мне омерзительны, и я не желаю быть вашей супругой! – громко заявила она.

Бодро начала! Чудный характер у девушки! Ну ладно, поговорим…

– Это самая замечательная новость, услышанная мною за последние несколько дней! – ответил я, придав радости своему голосу. – Значит, я теперь могу заняться своими делами и не тратить свое время на такое дурацкое занятие, как свадьба? А какой праздник будет у Седрика и его людей, когда они узнают, что вы мне отказали! – продолжил я с сарказмом. – Ведь теперь ничто не помешает им познакомиться с вами поближе. Причем это произойдет не далее чем следующим летом. Я думаю, что такой приз, как вы, придаст им дополнительных сил и отваги при штурме вашего замка!

– Негодяй! Ты подло пользуешься моей безвыходной ситуацией! – яростно сверкнув на меня глазами, воскликнула Фелия.

Нужна ты мне, подумал я про себя, прислушиваясь к своему животу, – больно большого мнения о себе…

– Дорогая Фелия, вы совершенно несправедливы ко мне! Мое желание взять вас в жены продиктовано исключительно вашей несравненной красотой и вашим чудным характером, который я имею счастье наблюдать сейчас вблизи! – иронично сказал я, устраиваясь поудобнее в кресле.

– Не смей меня так называть!

– Как?

– Дорогая!

– А как же тогда? Может… лапушка?

– Подонок!

– Послушай, ты сюда оскорблять меня приперлась, или мне уже начинать разочаровываться в твоих умственных способностях? – грубо спросил я, надеясь привести в чувство входящую в раж Фелию.

– Негодяй!

Я не стал отвечать и спокойно разглядывал разъяренную девушку.

Не получив ответа, Фелия яростно сцепила зубы и начала усиленно дышать носом, видно, пытаясь успокоиться. Я смотрел на ее высоко вздымающуюся грудь и молчал.

– Я хочу заключить с тобой соглашение! – немного успокоившись, с непримиримостью в голосе сказала Фелия.

Оррригинальный способ заключать соглашения! Сначала нахамить, а потом начать договариваться. Или я так ей противен, что красавица при виде моей персоны теряет разум? Тоже вариант…

– Я весь внимание! – повторил я уже говоренную мной фразу.
– Князь, я согласна выйти за вас замуж при условии, что у нас с вами потом не будет никаких личных контактов! – гордо закинув назад голову, официальным тоном произнесла Фелия.
Да я и не собирался иметь с тобой никаких личных контактов, подумал я про себя, но спросил совершенно другое, сделав при этом изумленное лицо:
– А что вы подразумеваете под личными контактами?
– Мы спим в разных спальнях! – отрезала Фелия.
Подумать только, какая потеря! Как там один сказал: «Сколько в жизни смешных потерь?»
– Это будет страшная жертва с моей стороны! – скорбным голосом произнес я. – А что я получу взамен, если соглашусь на нее?
– Как что, – удивилась Фелия, – разве княжества тебе мало?
– А если я откажусь от свадьбы с вами, то вы потеряете княжество… и жизнь! Не так ли? – спросил я ее. – Вам не кажется, что вы несколько запуталась? Лично мне представляется, что за мое согласие на свадьбу, мне положены дополнительные награды!
Фелия открыла было рот, чтобы что-то сказать, секунду помедлила, потом захлопнула его и плотно сжала губы, с ненавистью глядя на меня.
Ну и что ты будешь делать дальше, гордая моя?
Я не отрывал от нее глаз.
– Ты пожале-ешшшь… – опустив голову и глядя на меня из-под бровей, с угрозой в голосе прошипела Фелия.
– Дорогая, вы плохой переговорщик! Не успев чего-то предложить, вы уже переходите к угрозам. Так переговоры не ведут! – сказал я и, переходя на «ты», продолжил: – Я, впрочем, тоже не в восторге от перспективы спать с тобой! И поэтому в нашем чувстве обоюдной неприязни мы можем найти компромисс…
Я усмехнулся, глядя на вскинувшую голову девушку, услышавшую, что она мне неприятна.
– Какой же? – спросила она.
О, дорогую уже проглотила! Ну что ж, озвучим условия договора, я думаю, они тебе не понравятся…
– Видишь ли, дело в том, что мы будем жить в замке, а в замке есть слуги… – неспешно начал я.
– И что? – прервала Фелия мою затянувшуюся паузу.
– А то, что от них не укроется, что мы спим в разных спальнях! Поползут слухи, разговоры… Через некоторое время сплетня о том, что красавица Фелия не допускает к себе мужа, достигнет ушей соседей, и я стану поводом для всяческих шуток и насмешек! И что ты мне тогда предлагаешь делать? Вызывать всех остряков на поединок? А если они меня убьют? Знаешь, я тоже люблю жизнь не меньше тебя! И потом, у женщин случаются дети… В каком двусмысленном положении я окажусь, если у тебя будет ребенок? Естественно, все тут же скажут, что это не мой наследник, ведь мы спим в разных спальнях! И что тогда? Опять поединки? Или, может, ты думаешь, что нашла оригинальный способ избавиться от меня таким образом? Я совершенно против такого развития событий! Однако великодушно идя навстречу твоему столь сильному чувству отвращения ко мне, я предлагаю тебе следующее… – Я опять сделал театральную паузу. – Короче, после свадьбы ты переезжаешь в башню! – быстро сказал я.
– Ку-у-уда-а-а? – изумленно спросила Фелия, широко распахнув глаза.
– В башню! Там у тебя будет отдельная спальня с прочными решетками на окнах и дверях, в которой тебя никто не побеспокоит. Как муж, взявший на себя заботу о благе и здоровье жены, трехразовую кормежку в день я тебе гарантирую! Правда, там будет скучновато, но зато меня ты там точно не увидешь! Ну что, согласна? – спросил я ее.
– Ты не посмеешь… – потрясенно прошептала Фелия, глядя на меня округлившимися глазами.
Я с неопределенным видом пожал плечами.
– Какой же ты негодяй… – снова прошептала Фелия.
Негодяй – это ваш повар, который приготовил этого вепря, подумал я, прислушиваясь к своему животу. Мало того что все болит, так еще приходится выслушивать истерики всяких нежданных невест! Интересно, она долго еще тут мне хамить собирается? Надоело уже!
– Я не совсем понял, это да или нет? Если да, то тогда у меня к вам, дорогая, будет еще одна маленькая просьба, – сказал я, обращаясь к Фелии. – Поскольку свадебная ночь, как я понимаю, мне не светит, и я не смогу удостовериться во всем сам, то я прошу вас сделать для меня небольшое одолжение! Мне просто хочется быть уверенным, что у моей невесты все в порядке! Если с верхней частью все более-менее ясно, – продолжал я, выразительно глядя на ее грудь, – то при взгляде на ваши многочисленные юбки меня начинают терзать

смутные сомнения… Мне кажется, от меня что-то хотят скрыть! Дорогая, не могли бы вы продемонстрировать свои ножки? Совершенно не хочется узнать через пару лет, что у моей жены какие-то несчастные кривульки…
– Хам!! Мерзавец!! Ничтожество!! – Фелию трясло от бешенства. – Я… я… убью тебя!!
Ого! Сколько экспрессии! А не перегнул ли я палку? Что-то уж больно сильно она раскочегарилась! Хотя пожалуй, я тут ни при чем. Виноват местный повар и его чертов вепрь! Если стану тут князем, заставлю этого волшебника кастрюль и сковородок приготовить самого крупного вепря и сожрать его в одиночку! Пусть знает. У меня тут личная жизнь из-за него, можно сказать, рушится. Ведь совершенно невозможно маяться животом и одновременно кокетничать с невестой! Ясное дело, что она недовольна тем, что не все мое внимание достается ей!
– Дорогая Фелия! Глядя на то, как вы темпераментно желаете моей смерти, я начинаю сомневаться в правильности своего решения. Мне вдруг подумалось, что наша брачная ночь пройдет незабываемо! Пожалуй, я откажусь от своего предложения насчет компромисса… – Интересно, она еще долго намеревается выслушивать от меня гадости? Мне вообще удастся ее спровадить отсюда или нет?
– Только попробуй!
– В смысле «попробуй»? – сделав недоуменное лицо, спросил я. – Или вы хотите сказать, что согласны на башню?
– Ничтожество! – яростно прошипела Фелия и, развернувшись, кинулась к двери, подхватывая на ходу свои длинные юбки.
Бамс! Хлопнула, закрываясь, дверь.
Хорошо-то как! Тихо, подумал я, потягиваясь в кресле. И живот почти перестал болеть…
– Красота! А без невесты жизнь гораздо лучше… Однозначно…

Фелия

Фелия летела по коридорам родного замка, не видя пути из-за застилающих глаза слез. О боги, за что мне это? За что вы меня так наказываете? Что я сделала не так, что вы меня так покарали?
– Ой, Фелия! – внезапно сказал кто-то, на кого она налетела.
Сморгнув несколько раз и смахнув слезы, она смогла увидеть, кто перед ней.
– Леронт? – с удивлением спросила она.
– Я хотел зайти попрощаться… но не смог, – криво усмехнувшись, ответил Леронт, смотря в сторону.
– Ты уезжаешь? – спросила Фелия, непонимающе смотря на него своими большущими глазами.
– Да. Так будет… лучше… для всех!
– Ты уезжаешь и… бросаешь меня тут одну?
– Э… э-э-э?
– Леронт, как же ты можешь! Ведь… я же не смогу… без тебя! – растерянно сказала Фелия, разводя руками. – Ведь я… я… я люблю тебя, Лер!
– Что?! – потрясенно выдохнул Леронт.
– Да! – без тени сомнения в голосе сказала Фелия. – Я тебя всегда любила! Я сейчас это вдруг поняла! Как странно! Правда? А ты… ты любишь меня?
– Больше жизни!
– Леронт…
– Фелия…
– Леронт…
Сияние глаз, стук сердец, касание рук, прикосновение губ…
– О Фели!
– Ах Лер!

Невидимая смертным богиня любви хмуро взирала на двух влюбленных, раздосадованно похлопывая маленьким золотым жезлом по левой ладони. Взглянув еще раз на окружавшее Фелию золотое облако и золотую нить, протянувшуюся от Фелии к Леронту, она разочарованно пожала плечами и исчезла.

Эри

– Эри, ты слышал последние сплетни? – пропищал хмурый магистр, заходя в мою комнату.

– Да нет, как-то пока не дошли… – рассеянно ответил я, разглядывая ободранные костяшки своих пальцев на правой руке, – а что? Что-то интересное?
– Ходят слухи, что Фелия сбежала! – хмуро сказал Фестер.
– Сбежала? Фелия? – не поверил своим ушам я.
– Угу… Да, говорят, еще не одна! А вместе со своим родственником Леронтом!
– Да вы что! – потрясенно сказал я, стараясь не выплеснуть наружу своего ликования. Ай да Фели! Ай да молодец девчонка! Будь я на Земле, я бы ей обязательно тортик купил!
– И… и что теперь? – Я постарался придать своему лицу растерянное выражение.
– К князю идти нужно… – неохотно сказал магистр, – объяснений требовать! Если это правда…
Правильно, восхитился я, забить, так сказать, последний гвоздь в крышку гроба помолвки!
– Если правда, то…
– То нужно собирать манатки и мотать отсюда! – неожиданно рявкнул магистр. – Пока целы…
– Ну так пошли! Это нельзя так оставить! – подскочил я.
– Пошли… – вздохнул Фестер, – начальника охраны я предупредил… Амулет при тебе?
Защитный амулет за два дня до отъезда из дома мне торжественно выдал князь. Сопроводив выдачу речью, смысл которой сводился к тому, что это такая офигительнейшая штука, и если я ее прощелкаю, то он сам не знает, что со мной сделает! Но сделает! Поскольку это такая нынче редкость, что просто нет слов!
Амулет представлял собой простенький медальончик на шнурке, который вешался на шею. Уж можно было и на золотую цепочку разориться для такой-то офигительной вещи, подумал я, вертя его в руках. Медальон позволял тормозить и отклонять быстро движущиеся предметы вблизи себя. Неприятные предметы типа мечей, копий, стрел или сапог, которыми в вас запустили. Князь научил меня активации амулета, показал, как он действует, но долго баловаться не дал, сказав, что нужно беречь запасенную в нем манну. Вручая мне амулет, князь был, пожалуй, разочарован моей вялой реакцией. Видно, он ожидал большего восторга, чем я выказал. А чего, собственно, было восторгаться? Амулеты начального уровня я и сам дома делал. Это уже то, что посложнее, у нас маги делают. А так этот амулет – ничего особенного. Пожалуй, как раз и начального уровня.
– Да, на шее! – ответил я магистру, как-то не задумываясь, чего он о нем спрашивает.
– Хорошо! – кивнул тот. – Если ты готов, то пошли!
– Готов! – ответил я.
И мы пошли, прихватив с собой четверку охраны.
Гессена мы нашли в парадном зале, где он сидел в своем большом кресле, стоявшем на возвышении. Пока мы шли по коридорам замка, я отметил разнообразие взглядов, которыми я был одарен попавшимися навстречу людьми. В них были злорадство, насмешка, интерес, и даже пару раз я уловил сочувствие.
Увидев Гессена, я прямиком направился к нему.
– Князь, по замку ходят странные слухи! Я хочу прояснить ситуацию, перед тем как начну выдирать длинные языки изо ртов лжецов! – громко, на весь зал, произнес я, остановившись перед князем и разглядывая его багровое лицо и красные пятна на шее.
– Какие слухи? – прикинулся непонимающим Гессен.
– Где ваша дочь, князь? Я хочу ее видеть! Немедленно!
Князь на секунду прикрыл глаза.
– Ее сейчас нет… – медленно ответил он, – она будет позже…
– Так, значит, это правда! – громким голосом сказал я, играя на присутствующих в зале гостей.
– Что правда? – спросил князь, оттягивая неизбежное признание.
– Что она сбежала со своим родственником!
– Э… Эриадор… не нужно настолько доверять слухам… Я думаю, все утрясется… Фелия вернется… мы поговорим… и все будет хорошо… – понес какую-то ахинею Гессен.
– Что? Вы мне предлагаете подождать, пока ваша дочь вдоволь наваляется по кустам с этим Леронтом, а потом вернется ко мне? Вы что же, серьезно думаете, что я возьму эту блудницу в жены?
– Что? Моя дочь блудница? – заревел князь, привставая с кресла.
– А как еще назвать невесту, которая убегает из-под венца, да еще со своим родственником! Уж точно не приличная девушка!
– Это ты виноват, что она сбежала! – неожиданно заорал вставший с кресла князь, обличительно указывая на меня рукой.
– Я?! – ошарашенно переспросил я.
– Да, ты! Все вы, Аальсты, извращенцы и подонки! Она просто не смогла находиться рядом с таким чудовищем, как ты! Бедное мое дитя!

– Ты проглотишь свои слова вместе со своим языком! – пообещал я.
– Негодяй! Ты лишил меня дочери! И за это ты умрешь! Я сам убью тебя, Аальстово отродье! – Князь с энтузиазмом выдернул из ножен свой меч.
Ну ничего себе, подумал я, хватаясь за свой парадный клинок, висящий у меня на поясе. Эк он возбудился! А у меня только зубочистка с собой!
– Эри! Амулет! – неожиданно крикнул Фестер, делая пасс рукой.
От руки магистра по залу пронеслась волна воздуха, раскидывая в стороны всех, кто оказался на ее пути.
Ага, не на тех напали, злорадно подумал я, активируя свой амулет.
– Эри, уходим! – закричал магистр, оглядывая зал и что-то опять делая руками.
Да я не против, пятясь назад, подумал я.
Кругом раздавались крики и проклятия упавших людей.
– Убейте их! Убейте этих скотов! – заорал обмотанный оборванной красной портьерой Гессен, вылезая на карачках из-за своего опрокинутого кресла.
– Быстро! – сказал магистр и побежал к выходу. Я рванул за ним, охранники за мной. Мы вихрем пронеслись мимо воинов князя, с вытаращенными глазами стоявших на входе в зал, и понеслись по коридору.
– Куда, – закричал магистр, когда увидел, что я свернул к своим покоям, – на конюшню!
– А остальные? – спросил я, затормозив на повороте.
– Все уже должны быть там! Я распорядился! Давай! – крикнул Фестер, и мы понеслись дальше.
По дороге нас никто не останавливал, все только смотрели круглыми глазами на ненормальных, бегущих по коридорам, и все.
На конюшне нас ждали оседланные лошади и вся охрана уже верхом на конях. Тут же были и наши повозки, в первой из которой я увидел выглядывающую из нее испуганную Милу.
– Пошли! – махнул рукой командир охраны, как только мы с магистром оказались в седлах.
– Юх… хе!
Передовая часть отряда, сразу переходя в галоп, рванула через двор к воротам замка, распугивая людей, оказавшихся на пути. За ними помчались повозки, а следом за ними уже мы с магистром, командиром и замыкающей частью отряда.
– Юх… хе!
Передовой отряд с ходу проскочил ворота и оказался на мосту. За ним неслись, трясясь и подпрыгивая на камнях дворовой площади, набравшие наконец-то скорость повозки. Еще чуть-чуть, и мы выскочим! Но мы не успели.
Звяк-звяк-звяк… ды-дыщь! – с грохотом рухнула вниз решетка ворот, преграждая нам дорогу.
Йиги-ги! Черный конь взвился на дыбы, пытаясь затормозить перед возникшей у его морды преградой.
Крак, хрясть! Повозка опрокинулась набок. Испуганно завизжали девчонки.
Остальные повозки с ходу стали втыкаться в первую и друг в друга, загромождая выезд из замка.
И тут в нас полетели стрелы.
Шикс – рядом со мной, захрипев, завалился с коня охранник со стрелой в шее.
Вжик, вжик, вжик – свистнуло где-то рядом.
Сихот, они убивают моих людей! Ну почти моих… Они же пришли со мной, значит, мои люди!
– За повозки! Всем спешиться! За повозки! – надрываясь, орал командир нашего отряда.
Охранники стали спешиваться и прятаться за повозки, стараясь укрыться за ними от стрел.
Я тоже спрыгнул с коня и, протиснувшись в щель между бортами двух повозок, побежал к самой первой, туда, где слышал визг моих тайлиш.
Вжик! Вжик!
На миг вокруг меня вспыхнуло голубоватое свечение сработавшего амулета.
Меткие, гады!
Я припустил зигзагом.
– Шагсс! Шагсс давай! – закричал я Лоре, нырнув под тент лежащей на боку повозки.
– Чтт… то? – с вытаращенными глазами спросила меня перепуганная Лора.
– Шест, говорю! Где мой шест? – заорал я.
– Тт… там… где-то… – показала Лора рукой на нагромождение опрокинутых коробок и тюков.
– Сихот, Мила где?
Мила обнаружилась под тряпкой рядом.
Вроде целые!
– Где кинжалы?

– Вот!
Чемоданчики оказались у них под руками.
Хвала Дорену! И что там у нас? Я схватил оружие и осторожно выглянул из-за тента повозки. Та-а-ак!
Положение было дрянь… Мы скучились у ворот, и в нас обильно сверху летели стрелы. Причем они летели не только в нас, но и во вторую половину отряда, успевшую проскочить на мост. Не имея никакого прикрытия, те вынуждены были, спасаясь от стрел, отступить дальше, оставив на мосту три неподвижных тела. У нас тоже имелись потери. Особенно сильно нас обстреливали с правой башни. Мы с нее были как на ладони.
Внезапно я увидел магистра, который вышел на открытое место перед воротами и делал какие-то вихляющиеся движения правой рукой и туловищем.
Вжик! Вжик! Свистнули стрелы, и магистра на миг окружило похожее на пленку голубое сияние.
У магистра тоже амулет, понял я. Молоток-мужик!
Перед правой ладонью Фестера возник маленький темно-оранжевый шарик. Через пару мгновений он превратился в шар размерами и формой похожий на небольшой лохматый кочан капусты.
Вжик! Вжик! Снова свистнули стрелы вокруг магистра.
Шшш… а-а-а! Шар оторвался от руки Фестера и неторопливо полетел в сторону башни. Несколько мгновений полета, и он влетает в ее бойницу.
Пы-пых! Пыхнули во все стороны длинные голубые языки пламени из бойницы, и башня на миг стала похожа на газовую конфорку с подскочившей крышкой.
– А-а-а!
Из бойницы вылетели, размахивая руками и ногами, двое и, оставляя за собой дымный след, полетели вниз.
Пум! Пум! Удары о землю.
Два тела неподвижно лежат на земле, и от них идет дымок. Странный крупитчатый дымок. Черный, но как бы состоящий из множества мелких точек.
Так, с башней разобрались…
– Нужно поднять решетку! – закричал я, подбежав к магистру.
– Сам знаю! – огрызнулся тот. – Только как? Фаером я ее не пробью!
Я быстро обежал глазами надвратную башню. С внутренней стороны двора в нижней части башни я заметил дверь, сделанную из могучих досок.
– Дверь! Вышибай дверь! – крикнул я, указывая магистру направление. – И пусть охранники лезут внутрь и поднимают решетку! Вышибай!
– Я тебе лучник, что ли? – заорал на меня Фестер. – Нужно ждать отката заклинания!
Отката? Н-да, как тут все безрадостно…
Я первый раз видел Фестера «в деле» и до этого не подозревал, что тут какие-то откаты есть.
Когда меня Фестер учил, эта тема как-то не всплывала… Или это для энергоемких заклинаний откаты?
Два глухих, тупых удара – и двоих охранников буквально отбросило от борта опрокинутой повозки, за которой они прятались, сжимая в руках мечи. У каждого торчало в груди по арбалетному болту.
Они убивают моих людей! Я ощутил внутри себя просыпающийся гнев.
Я выглянул из-за повозки. Напротив нас, метрах в тридцати, у стены замка, стояли четверо солдат Гессена и торопливо крутили воротки перезаряжаемых арбалетов.
Да они вообще обнаглели! Тир тут, что ли? Они что, собрались нас всех тут просто тупо перестрелять? Я закипал. Ладно, сейчас посмотрим, кто тут на кого охотится на самом деле!
– Бери людей, ломай двери и поднимайте решетку! – не терпящим возражения тоном скомандовал я магистру. – А я пойду… мозги им вправлю…
– Куда? Эри, стой! – заорал Фестер, увидев, что я направляюсь из-за баррикады.
– Ворота! Я сказал – ВОРОТА! – крикнул я в ответ и, выскользнув из-под прикрытия повозки ринулся к увлеченно крутящим арбалеты стрелкам Гессена. Дураками они не были, и пока трое крутили, четвертый стоял на страже. Увидев бегущего меня, он предупреждающе заорал и, бросив арбалет, который держал в руках, выхватил из-за пояса меч.
Я подскочил к нему, не снижая скорости и прикрываясь скрещенными перед собой клинками чаков.
Дзынь! Левый клинок уводит в сторону выброшенный навстречу меч.
Чвяк! Правый клинок шилом глубоко входит в глаз противника. Арбалетчик, дернувшись всем телом, начинает заваливаться в мою сторону.

Привались-ка ты к кому-нибудь другому, думаю я про себя, уходя в сторону, – раз!
Испуганно вытаращенные глаза другого стрелка.
Шик! Цепляю широким клинком его шею пониже левого уха. Оттуда ударяет ярко-алая струя крови. Два!
Дзынь! Успевший зарядить арбалет разряжает его в меня практически в упор.
Мазила! Даже амулет не сработал, так далеко в сторону! Это ты поторопился, дружок, подумал я, втыкая ему шило чуть выше ключиц. Три!

Досчитай, досчитай до ста!
Досчитай, досчитай до ста!

В моей голове неожиданно закрутился припев земной песни. «Тату», вспомнил я. А я их!

Досчитай, досчитай до ста!

Последний оставшийся в живых арбалетчик швырнул в меня незаряженный арбалет и, повернувшись ко мне спиной, дал деру. С трудом увернувшись от просвистевшего мимо арбалета, я рванул за ним. Бежали мы несколько секунд, но я был явно быстрее. Догнав воина, я дал ему по ногам. Тот запнулся, пробежал еще несколько шагов, вытягивая вперед руки и все сильнее наклоняясь к земле. Наконец он не удержался и полетел пузом на землю. Четыре! Шило втыкается ему ниже затылка, под основание черепа.

Досчитай, досчитай до ста!

Я чувствовал необыкновенный прилив сил. Мой гнев горел внутри меня ровным алым огнем. ОНИ УБИВАЮТ МОИХ ЛЮДЕЙ! Посмотрим…
Быдыщь!!! – донеслось от ворот.
Похоже, магистр вскрыл замок, подумал я, услышав взрыв, значит, нужно еще немного поотвлекать местное население, пока не поднимут решетку…
Я бросил взгляд вперед. А вот и местные… Ко мне бежали трое в кольчугах с мечами в руках. Посмотрим… Дальше было отрывками. Звон металла, рывки. Повороты, вспышки сработавшего амулета. Падающие враги. Опять откуда-то лезущие враги. Мой танец с шагссами. Их смерть. Моя ярость.

Досчитай, досчитай до ста!

Тринадцать!

Досчитай, досчитай до ста!

– Убейте, убейте его! Что вы смотрите!
Ба, знакомый голос! Оборачиваюсь на источник – князь! Какая встреча!
На крыльце с большими каменными перилами и широкой лестницей стоит Гессен в окружении своих солдат и тычет в меня из-за их спин мечом:
– Убейте его!
Щас, оскалился я, калоши только надену и убьюсь! Жди!
Я несколько раз крутанул кинжалы в руках и двинул к крыльцу.
Вжик! Вжик! Свистнули мимо меня стрелы, отклоняемые амулетом. За Гессеном, ступеньками выше, появились лучники.

Досчитай, досчитай до ста!

Неожиданно, откуда-то из-за лестницы, выскочил воин, в полном латном доспехе, со щитом и булавою.
Ах ты! Какая толстая консервная банка, подумал я, проскрежетав клинком по его шлему и уворачиваясь от его булавы.
Но вот зазоры в твоей банке большие, подумал я, крутанувшись вокруг себя и втыкая с разворота шило другого кинжала ему под предплечье правой руки с булавой.
Тяжело бронированный воин издал глухой вопль внутри доспехов и, загрохотав железом, грохнулся лицом вперед.
Четырнадцать!

Досчитай, досчитай до ста!
Досчитай, досчитай до ста!

Классные кинжалы! Особенно шило! Отлично проходит в щели, да и кольчуги пробивает на раз! Я поднял глаза на крыльцо и оскалился.
Бы-дыдыщь! – донеслось со стороны ворот.
Я мельком глянул туда. Из бойниц надвратной башни валил дым.
Магистр зажигает! Сейчас будут поднимать решетку! Нужно отступать! Князя бы еще достать! По-быстрому…
– Стреляйте! Да стреляйте же в него! Что смотрите! Несите дварфовы болты! Быстро! Убейте их всех, пока они не сбежали!
– Теперь ты! – Я вытянул вперед правую руку с кинжалом, указывая им на князя.
– Убейте его! Вперед! – заорал тот.
Четверо воинов передней линии осторожно двинулись на меня.
Сорри, ребята! Мне сейчас не до вас, сказал я себе, вспрыгивая на перила.
– Убейте его!
Айн момент! Я перепрыгнул через прошедший под ногами меч и побежал вверх по перилам, намереваясь проскочить мимо стоящих стеной на лестнице воинов и добраться до князя.
Бабамс!!
Что-то со страшной силой ударило меня в спину, и одновременно с этим меня ослепила яркая вспышка сработавшего амулета. Меня смело с перил и швырнуло вниз, во двор.
Хорошо, что не очень высоко, подумал я, приземляясь на ноги. Рядом со мной упало на землю короткое копье.
Блин! Не нужно оставлять врагов за спиной! Даже ради мести.
Я поднял голову наверх. Через перила, на меня сверху вниз, молча смотрела толпа воинов Гессена.
Быдыщь! Донеслось опять от ворот.
Что он там делает? Дырку, что ли, в стене вертит? Решетку должны были уже начать поднимать! Нужно пойти посмотреть, что там происходит! Может, помощь нужна? Князя достать, пожалуй, не получится… а жаль…
Я сделал насмешливый поклон глазеющим на меня воинам и, развернувшись, побежал к воротам. Сзади раздались ликующие крики.
Ага! Победили, подумал я, ускоряясь.
– Что с решеткой? – немного спустя спросил я злого магистра, проскочив за повозки. – Почему не поднимаете?
– Механизм подъема сломался, – хмуро ответил тот.
– Как сломался?
– Попал я в него… Шаром… – нехотя ответил магистр.
Сихотов снайпер!
– И что теперь? – спросил я. – Сдохнуть тут?
– Сейчас портал открою… Не хотел тратить, но, видно, придется… – сердито ответил Фестер, вытягивая из-за пазухи какую-то висюльку.
Портал? Это ж что, он мог его сразу открыть? Вот же скряга!
Магистр сделал несколько пассов руками, и неожиданно, совсем невысоко над землей, появился зеркальный мерцающий круг.
– Быстро! – заорал магистр.
– В портал! Быстро! Ты, ты и ты! – подключился командир отряда, указывая на своих воинов.
Воины подхватились и, подбежав к порталу, один за другим исчезли в нем.

Неожиданно вокруг меня сверкнула вспышка красного цвета, а мимо уха что-то резко свистнуло.
– Ай! – вскрикнул магистр.
Оборачиваюсь. Согнувшийся Фестер, ухватившийся правой рукой за торчащую из левого бока арбалетную стрелу.
– Магистр! – подскакиваю к нему я.
– Дварфовы болты, – скривившись от боли, выдыхает тот, – проклятый Гессен! Они у него еще остались!
– Что делать? – бестолково суечусь вокруг него я.
– В укрытие! Амулеты их не держат! Если я умру, портал исчезнет! Быстрее…
Пара воинов оттащили кривящегося от боли магистра под прикрытие повозки, и эвакуация продолжилась ускоренными темпами.
Я стоял рядом с магистром и наблюдал, как в портале один за другим исчезают тайлиш, слуги, воины. Вот остались только я, магистр и тройка воинов с командиром.
Со стороны двора послышались приближающиеся воинственные крики. Похоже, Гессен кинул своих людей в атаку.
– Эри! Быстрее! – мотнул головой в сторону портала бледный магистр.
– А ты?
– Я последним… Мне нужно держать… портал… тащите меня к нему!
Двое воинов и командир подхватили магистра и потащили его к порталу. Фестер закусил от боли губу.
– Эри, пора!
Ну что ж. Пора так пора. Я пожал плечами и шагнул вперед.
Бамчь! – еще успел услышать я знакомый звук, но обернуться и увидеть арбалетную стрелу, разнесшую череп магистру я уже не успел.

Пустоши

Эри

Хоп! Земля сильно ударила меня по ногам, и я, не удержавшись, полетел куда-то вперед, крепко сжимая чаки в руках. Шмяк! Пшшууу!
– Тьфу! – В рот попала изрядная порция песка. – Тьфу! Тьфу! Пффф! – Откуда у Аальста столько песка в замке?
Вытащив лицо из песка, я вскочил на ноги и принялся торопливо моргать, стараясь быстрее вернуться в боеспособное состояние. Через пару секунд мне удалось кое-как разлепить правый глаз и оглядеться по сторонам.
– Иде это я? – изумленно сказал я самому себе. – Это явно не замок князя Аальста! Это совсем где-то не там!
Я стоял на вершине кучи серого песка. Вокруг меня, насколько хватало глаз, до самого горизонта простирались барханы такого же цвета, сливаясь на краю неба в одну сплошную серую линию. Внизу, под грудой, на которой я стоял, гордо зеленело какое-то растение, по виду напоминающее кактус. Над всем этим прозрачно голубело бескрайнее небо и ярко светило бело-желтое солнце.
Пустыня какая-то, подвел итог я своему впечатлению. Куда это меня магистр шуранул? Причем одного… Если бы все сюда попали, то я бы сейчас сидел в компании, которая прыгнула в портал вперед меня. А так я один и непонятно где… И за что это он так меня? Или не он? Боги шуткуют? Хель, например? Или… Магистр же был ранен, мог портал не удержать, сознание потерял… Вполне возможно… Но тогда получается, что он остался в замке Гессена, один на один с князем, его воинством и его Сихотовыми зачарованными болтами… Н-да, если это так, то тогда магистру будет совсем непросто выжить в одиночку… Мм… ладно, будем надеяться, что ему удастся выкрутиться. Дядька с опытом, может, чего придумает… Все равно я ему ничем помочь не могу…
Я воткнул чаки лезвиями в серый песок и, вытянув вперед ноги, прилег на спину, опираясь на локти.
– Уф… – через некоторое время сказал я, почувствовав, как отпускает тело горячка боя.
А неплохо мы почудили у Гессена, подумал я, возвращаясь мыслями к недавним событиям. Если бы не его болты, так, пожалуй, могли бы попробовать и замок захватить! На пару с магистром. Он весьма неплохо зажигал! Жалко будет, если ему там шею свернут! С решеткой он, конечно, лопухнулся, но в остальном был очень даже ого-го! Да и я тоже

повеселился неплохо! Проредил замковый гарнизон… Жаль, до Гессена не добрался! Такая скотина! Так оскорбить наш древний род Аальстов!
– Стоп! Какой наш род? Какое оскорбление? – сказал я себе. – Что-то меня заносит! Кажется, я глубже, чем нужно, вжился в роль сына Аальста. Не стоит увлекаться! Я знаю, что натура я творческая, тонко чувствующая и увлекающаяся, но это уже перебор…
Да… однако встает вопрос – что мне теперь делать? Получается, что я один в этом огромном, чужом мире, без замка, без тайлиш, без еды… Один-одинешенек… Одинокий демон… черт-те где…
Я сел вертикально и, вглядываясь в горизонт, принялся размышлять о сложившейся ситуации.
Единственный плюс, который был виден, это то, что я избавился от контроля князя Аальста. Не нужно теперь прикидываться его сыном, периодически размышляя о том, не сказал ли я чего ненужного? Плюс. Единственный плюс! Зато все остальное – одни сплошные минусы!
Замка – нет, охраны – нет, удобства пропали вместе с замком. Тайлиш нет! Ничего нет! И книга! Книги тоже нет, вспомнил я. И как я теперь ее получу? Где князь, а где я? Я же даже не узнал, где княжество находится! И как я его теперь найду?
– Сихот его побери, весь этот мир! – с глубоким чувством высказал я вслух пожелание. Но ничего не произошло. Солнце как светило, так и светило, и кактус так же бодро зеленел. Проклятие явно не удалось.
Н-да… а солнышко-то припекает, пару секунд спустя подумал я, задирая голову в небо. А ведь воды у меня тоже нет! Как и еды… А вообще, что у меня есть?
Я встал и принялся шарить по карманам, проводя ревизию имеющегося у меня имущества, которого оказалось немного. Одежда – на мне, кинжалы – воткнуты рядом в песок, в карманах обнаружился платок и две серебряные монетки. Еще амулет на шее. Причем неработающий. Я попытался его активировать – но в ответ ни гу-гу. Наверно, дварфовый болт его подкосил, подумал я, вспомнив яркую красную вспышку, когда мимо меня просвистела арбалетная стрела, да и так я его не жалел…
Вздохнув, я отправил амулет обратно за пазуху. Пусть болтается! Может, заряжу потом… как-нибудь…
Небогато, подвел итог я ревизии, даже более чем!
Однако нужно куда-то двигать отсюда. Зажарюсь!
Я поднялся на ноги и принялся внимательно вглядываться вдаль, приложив руку козырьком ко лбу. Просмотрев по кругу примерно половину горизонта, я наткнулся взглядом на зеленую точку. Похоже, зелень. Я прищурился, пытаясь понять, что это такое. Оазис? Вполне возможно… А что еще есть?
Я просмотрел весь горизонт. К сожалению, больше ничего такого, что можно было бы сделать целью своего путешествия, не обнаружилось. Ровная серая линия, разделяющая небо и землю. И все.
– Ну что ж, выбора нет… – сказал я сам себе, вновь разглядывая зеленый мазок на горизонте. Отсутствие выбора – тоже хорошо. Голову ломать не надо… Цвет намекает на наличие зелени. Судя по всему, там должна быть вода… А также хищники и какие-нибудь лихие бедуины, поджидающие в оазисе одиноких путников, случайно оказавшихся в пустыне… Хм… вполне возможно, но вариантов нет. Нужно идти!
Я встал, отряхнул колени, вытащил кинжалы из песка и потопал вниз по бархану, в направлении замеченного мной зеленого пятнышка.
Хорошо, что я хоть на верхушку свалился, а не между гребнями попал, подумал я, спустившись вниз и прикидывая высоту следующего бархана, на который мне предстояло взобраться. Метра три бы пролетел… еще неизвестно, чего бы себе сломал или на чаки бы напоролся… Везунчик, одним словом… тьфу!
Я прошел мимо зеленого кактуса и стал взбираться на бархан. Была у меня мысль покоцать кактус кинжалами и добыть из него воду, но, глянув на его колючки и общий угрюмый вид, я махнул рукой – Сихот с ним, с этим кактусом! Еще какой-нибудь отравленный сок в нем вместо воды! Обойдусь!
Следующие часа полтора были весьма бессодержательны. Вверх на бархан, вниз с бархана, вверх на бархан, вниз с бархана, вверх – вниз, вверх – вниз… Солнце печет, ноги вязнут, песок хрустит на зубах. Сдохнуть можно…
Зато голова совершенно свободна – думай не хочу! Ну я и думал…
Как-то я себе иначе представлял срыв помолвки… Мордобой и трупы в моем воображении вообще отсутствовали. Я почему-то думал, что Гессен просто откажет мне, и я спокойненько поплюхаю обратно к Аальсту в замок. А тут оно вон как вышло! Чуть не прибили! Хотя если так подумать, то Гессена понять можно. Дочь сбежала, свадьба тю-тю, военный союз с Аальстом сорвался. Не мог же он при всех признать, что у него дурная

дочь? Ясно, что не мог! Проще было обвинить во всем меня, сына своего давнего врага. Вот он на меня стрелки и перевел, мол, это я виноват, что Фелия сбежала! Отыграться, наверное, хотел хоть как-то. Свадьбы не будет, следующим летом воевать с Седриком, причем с весьма туманными перспективами… А так хотя бы счеты свести – Аальсту отомстить. Понятно все… Единственное непонятно, почему такой вариант развития событий мне в голову не пришел? Как-то я даже не думал, что на меня кто-то посмеет напасть! Похоже, я малость расслабился. В Эсферато отец и дом, на Земле – верховный маг, да и не было там никого, с кем бы я не справился. Тут князь Аальст меня под крылышком держал… Расслабился я. Осторожность потерял. Вот и не продумал все варианты… Не продумал – и получил. Хорошо, магистр выручил! А так бы валялся я сейчас у Гессена во дворе, с болтом в груди… М-да… Сихотова пожива!

Шшш-пфу-пфу-пфу!!!

Неожиданно рядом раздалось громкое шипение, и мне в глаза влетела горсть песка, сопровождаемая плюющимися звуками.

Гадство! Что за.?.. Я отчаянно пытался разодрать веки, но это мне не удавалось. Глаза отчаянно сжались и никак не хотели открываться. Сихот! Я попытался увидеть, что вокруг происходит, магическим зрением, совершенно забыв, что это у меня тут выходит весьма плохо. Но неожиданно у меня получилось, и я увидел презабавную штуку. На сером фоне, прямо передо мной, над песком, висел небольшой, вращающийся «бублик» белого цвета. Судя по характерному движению и некой «взлохмаченности» его поверхности, похоже, он состоял из замкнутых энергетических нитей. Причем довольно сильных. Об этом говорил их белый цвет. Бублик периодически подхватывал песок из-под себя и плевался им в мою сторону.

Что за дрянь, подумал я, торопливо отступая, пескоплевательница какая-то!

Отскочив назад и убедившись, что «бублик» остался на прежнем месте и не ползет за мной, я занялся своими бедными глазами. Минут через пять, используя платок и кучу эсфератских ругательств, мне удалось вычистить из них песок. Теперь у меня беспрерывно текли слезы, и глаза резало так, что хотелось завыть.

Гадская дрянь, решил я, вновь разглядывая свою находку магическим зрением. Что же ты такое? Посмотрел так и эдак, но ничего не понял. Пучок вращающихся замкнутых силовых линий. И все!

– Кому нужно было городить это? – задал я себе вопрос, на который у меня не было ответа. Да и Сихот с ним! Есть много вещей, друг Горацио, о которых мы даже не подозреваем!

Я глянул дальше, за бублик, и неожиданно заметил в песке инородное вкрапление. Совсем неглубоко, буквально на поверхности. Небольшой кружок, светящийся теплым желтым светом.

Интересно, а там что? Я осторожно обошел «бублик». Посмотрим… Как бы только эта штука не оказалась какой-нибудь подлой фигней…

Аккуратно приблизившись, я долго наблюдал за вещицей, пытаясь определить, насколько она опасна. Однако ничего такого, угрожающего моей жизни, я в ней не увидел и решил достать ее из песка, чтобы посмотреть, что это такое.

– Опять я любопытствую! – сказал я себе, опускаясь на колени рядом с находкой. – Любопытство погубило кошку…

У нас, демонов, есть одно слабое место – любопытство. Наверное, потому что мы долго живем. Нас так и тянет к тому, что мы еще ни разу не видели. Но за любопытство порой приходится платить… и дорого…

Я осторожно провел ладонью над песком. Ничего… Опустил руку и провел ею по песку, снимая верхний слой, – тоже ничего! Осмелев, я двумя движениями смел оставшийся песок в сторону и выкопал… камешек. Небольшой, неровный камешек.

Фу-ты ну-ты! Ценная находка, иронизировал я над собой, вертя ее в руках!

Он был красивый. Полупрозрачный, с блестками внутри, и на магическом плане излучал приятный желтый свет.

Симпотный камешек, подумал я, запихивая его в кармашек на поясе, – пригодится! Подобрал, не выкидывать же теперь! Уложив добычу, я бросил взгляд на оставленный позади «бублик». Тот висел, где был, но песком уже не плевался.

Успокоился, засыпал мне глаза и успокоился! Просто чудесно! Придется теперь пользоваться магией, чтобы не нарваться еще на один такой «подарочек»!

Следующий час я шел, выбирая дорогу магическим зрением, с энтузиазмом думая о том, что, возможно, ко мне возвращаются утерянные умения, и жизнь, похоже, налаживается. Глаза, из которых беспрерывно текли слезы, я держал закрытыми. Поэтому было не так больно. По дороге мне попался еще один «бублик», правда на этот раз огромный, метра три в диаметре. Я его заметил издали и благополучно обошел стороной. Минут пятнадцать спустя в песке обнаружился еще один камушек. Он был побольше, светился синим и зарыт

оказался гораздо глубже. Не поленившись, я его раскопал и добавил находку в карман к первому. Больше ничего интересного по пути мне не попалось. Солнце светило, горло пересохло, на зубах хрустела пыль, в сапоги набился песок… В общем, я утомился…
К вечеру, когда солнце начало уже цепляться за горизонт и стало красным, я, лежа на животе, осторожно выглядывал из-за гребня бархана, рассматривая зеленые кусты оазиса и пытаясь понять, есть там кто-нибудь или нет. Сильно хотелось пить, но я не спешил, понимая, что в данном случае торопливость неуместна. Однако сколько бы я ни вглядывался в зеленые заросли, движения я там никакого не заметил. В конце концов, решив, что я увидел достаточно, я стал прикидывать, как наиболее незаметно проскочить к кустам, используя естественные укрытия. Наметив путь, я отполз назад и, поднявшись на ноги, отправился в оазис…

Оазис

И кто это может быть?
Я сидел, расслабленно привалившись к стволу пальмы, и ждал появления всадников из-за ближайшего бархана. Заметил я их довольно давно, когда пялился на пустыню. Пошел уже второй день моего вынужденного заточения на этом островке жизни в сердце песков. Ну может, и не в сердце, но глухомань тут была полнейшая. За все время я не заметил ни одного движения на горизонте. Первый день, а точнее вечер, когда я попал сюда, я потратил на разведывательную работу, так сказать, проводил проверку на наличие всевозможных опасностей. Таковых не оказалось. Оазис был совершенно пуст и умиротворяюще тих. Удостоверившись, что на меня тут никто внезапно не выскочит из-под куста, я занялся тем, зачем, собственно, и пришел сюда – добычей воды. Колодец стоял в окружении трех высоких пальм и выглядел, как полагается выглядеть колодцу в пустыне, – узкое круглое кольцо, сложенное из неровных серых камней, скрепленных между собой каким-то раствором. А может, просто глиной. Сверху на нем лежала крышка из белых, выгоревших на солнце досок разной ширины. Трясущимися от нетерпения руками я снял легкую, иссохшую крышку и заглянул в глубину колодца.
Темно! Ничего не видно… Но пахнет сыростью!
Я бросил вниз маленький камешек, выпавший из кладки. Внизу булькнуло. Вода!
Но как мне ее оттуда достать? На колодце напрочь отсутствовали механизмы для ее подъема. Ни веревок или цепей с ведром, ни ворота, ни уж обычного земного электронасоса…
Гадство, подумал я и начал пляски с добычей воды.
Для начала я тщательно обшарил ближайшие кусты на предмет возможных полезных вещей. Удалось найти ручку с куском керамики от разбитого кувшина. Больше ничего.
И то хлеб, заключил я, вертя находку в руках, – чуток воды в ней удержится. Остается только найти способ опустить ее вниз и поднять наверх!
Вот тут дело и встало! Как я ни шарился по кустам, больше ничего такого пользительного, что могло бы помочь мне, найти не удалось. Похоже, местные бедуины были очень экономным народом. Они ничего не выбрасывали, а все уносили с собой.
Жмоты. Я сел у колодца, отдыхая от бесплодных поисков. И что теперь? Прыгать мне туда, что ли? А обратно? Вылезать по стенке колодца, втыкая в нее кинжалы? Сомнительная авантюра… А что тогда? Сдохнуть от жажды, сидя рядом с колодцем, полным воды? Это будет забавно… Тот, кто найдет мое высохшее тело, обхохочется. Я стану его лучшим анекдотом до конца дней. Мм…
Где же мне взять веревку? Эх, если бы я не потерял свои возможности! Давно бы уже этот черепок слетал вниз, да и вылетел бы наверх, полный воды. А так…
Я напрягся и попытался заставить левитировать свою находку. Дудки! Даже не шевельнулась! Что же делать? Я рассеянно скользил взглядом по сторонам, лихорадочно прокручивая в голове всякие возможные варианты подъема воды. Неожиданно мой взгляд остановился на ветке кустарника. Длинная такая ветка, чуть качающаяся на ветерке, дующем из вечерней пустыни.
А не использовать ли мне ее вместо веревки, осенило меня. А ну-ка!
Следующие полчаса я стругал, резал и вязал. Срезанная мною ветка оказалась слишком короткой и не доставала до воды. Я срезал вторую и, используя гибкие молодые побеги, кое-как связал их между собой. Получилось длинное такое удилище, которым я смог достать до воды. Потом я долго макал его в воду, поднимал наверх и жадно высасывал те капли влаги, которые оставались на его конце. С горьковатым привкусом сока от срезанной ветки, эти капли были просто божественно вкусны!

Пригасив пылающую во мне жажду, я принялся прилаживать осколок кувшина к концу моего удилища. В итоге мне удалось его надежно привязать и я наконец-то смог напиться. Однако пока я всем этим занимался, окончательно стемнело, и на оазис опустилась непроглядная ночь. Причем холодная! Перестав скакать со своей приспособой и сев на месте, я очень быстро понял, что замерзаю. Поскольку никакой другой одежды, кроме той, что на мне, у меня не было, пришлось встать с враз остывшего песка и начать делать зарядку.

Моя первая ночь в пустыне протекала очень необычно. После всех тревог и волнений дня на меня накатила усталость и зверски захотелось спать. Но стоило только сесть и прикорнуть, прислонившись к стволу пальмы, как через некоторое время я просыпался от холода, пробирающего до костей. Приходилось вставать и начинать махать руками или бегать, пытаясь согреться. После активного движения я пытался поскорее уснуть, чтобы поспать подольше, до того как «остыну». Однако после зарядки быстро усыпить организм было нереально. Как только я в конце концов успокаивался и засыпал, похоже, тут же и просыпался от холода. От такого дурацкого ночного времяпровождения я к утру был бодр, как морковка, забытая месяц назад в холодильнике. Однако с восходом солнца потеплело, и мне удалось заснуть надолго. Проснулся я уже от жары и пересохшего горла. Мысленно ругаясь, я поплелся к колодцу за водой. К жажде добавилось крепкое желание чего-нибудь перекусить.

И сколько я так протяну, мрачно размышлял я, вытягивая очередную порцию воды из колодца. Ослабну, на фиг… воду не смогу доставать… Интересно, от чего быстрее сдохну – от голода или от жажды? М-да, оптимистичные у меня с утра мысли…

Напившись, я провел осмотр пальм на предмет кокосов. Шаром покати! Ни одной кокосины!

Почкованием они, что ли, размножаются – разглядывал я зеленую верхушку очередной пальмы. Или, может, бедуины уже все обнесли?

Поняв, что фруктовая диета мне не светит, я переключился на поиск мяса.

Должны же тут быть змеи, думал я, сканируя магическим зрением верхние слои земли вокруг колодца и отложив на потом очень интересный вопрос – как я буду их есть в сыром виде?

Но змей не водилось. Оазис был на редкость пуст и лишен жизни, невзирая на наличие в нем воды.

Похоже, что тут все подохли… Какая-нибудь змеиная чумка или холера пронеслась… А может, им тут просто жрать нечего? Тушканчиков и мышей тут тоже нет, а одной водой сыт не будешь, вздохнул я.

День прошел феерично, как и ночь. Полубред, полусон на жаре, походы к колодцу за водой и усиливающееся желание поесть. Потом еще одна свежая звездная ночь с энергичной зарядкой в темноте. Потом утро… Вот уже перевалило за вторую половину дня.

Измотанный невысыпанием и малость ослабевший от голода, я сидел на краю оазиса в тени пальмы и пялился в пустыню. Я размышлял о том, стоит ли мне попробовать съесть пальму или нет? На Земле в некоторых из них есть мучная субстанция, которую можно есть, если отжать ее от сока. Но сам я никогда ее не добывал, а только видел, как это делают по ТиВи. Потом, то было земное дерево, а тут еще неизвестно, что внутри… Идея валить пальму кинжалами меня совсем не воодушевляла, но другого выхода, похоже, не было… Пока еще есть силы… а то чаки как-то малость потяжелели…

Я бездумно смотрел в пустыню, банально оттягивая начало лесоповала, как вдруг увидел на горизонте несколько точек. Они появились и исчезли. Потом снова появились и исчезли. Люди, сообразил я, сюда идут люди! Люди – это еда, одежда и… неприятности! Гипотетические неприятности… А еда у них точно есть!

Понаблюдав за движущимися точками и убедившись, что это не мираж и не обман зрения, я принялся размышлять о возможных вариантах нашей встречи, точнее к чему она может привести. Естественно, первыми были рассмотрены негативные сценарии вроде встречи с кочующими людоедами-некрофилами, работорговцами-гомосексуалистами и разбойниками-маньяками. Представленные мною сцены общения с этими малосимпатичными личностями меня совершенно не вдохновили и родили в голове здравую идею слинять отсюда куда-нибудь подальше или спрятаться.

Слинять, понятно, не получится, да и прятаться тут тоже негде… Я окинул взглядом лысые кустарники оазиса – это с пустыни они выглядят зеленой стеной, а изнутри просматриваются даже очень замечательно… Единственное место, где можно тут спрятаться – так это сигануть в колодец…

Я сделал рожу, сморщив нос.

Ладно, будем встречать гостей на входе, решил я, все равно без людей мне тут не выжить. Нужно налаживать контакты. Ну а если не повезет, буду дорого продавать свою шкуру…

не по трешке, а скажем… по пятнашке… Я прикоснулся к ручкам чаков, воткнутых в песок рядом со мной.
Надеюсь, что покупатели ценнику на моем трупе не обрадуются… Я перевел взгляд на пустыню и снова принялся наблюдать за всадниками.
Прибывающие особо не торопились, и прошло немало времени, прежде чем они перевалили через ближайший бархан. Насколько мне удалось рассмотреть, всадников было трое, они вели на поводу еще двух лошадей. Спустившись вниз, они как-то пропали, не спеша появляться на верхушке последнего бархана. Возникла пауза.
Похоже, заметили, и что они будут делать?
Словно в ответ на мои мысли, из ложбины между двумя барханами показался всадник на сером коне и медленно направился ко мне. Глядя на то, как он сидит, и на неспешную трусцу его коня, у меня возникло ощущение, что наездник готов в любой момент развернуться и дать ходу назад.
Боится, наверное, думает, что я тут не один… Это хорошо. Только вот тут как раз я один-одинешенек… Ладно, пора знакомиться…
Я поднялся с песка и, замахав над головой руками с раскрытыми ладонями, заорал:
– Хелло, эврибади!
Всадник резко осадил коня.
Че это я несу? Это явно не к месту!
– Хай! – снова закричал я, размахивая руками и стараясь дружелюбно улыбаться, одновременно прикидывая необходимое мне время на выдергивание кинжалов из песка.
Всадник послал вперед коня, усиленно вертя головой по сторонам, явно выглядывая засаду.
– Селайя! – поприветствовал он меня, приблизившись. – Лесто от вит?
– Ай донт андестенд! – ответил я, пожимая плечами и изображая непонимание. Что это меня на английский пробило? С перегрева, не иначе…
Я внимательно следил за движениями незнакомца, намереваясь не прозевать момент, когда нужно будет хвататься за чаки. Незнакомец был мужчиной в летах, плотным, широким в плечах, со смуглой кожей и цепким, внимательным взглядом темных глаз. На голове у него была светлая шляпа с большими полями, покрывающими тенью все его лицо. На его плечах был накинут плащ песчаного цвета, под которым виднелся коричневый кожаный доспех. На шее болтался платок из пестрой материи по типу тех, котрые носили ковбои на Земле.
– Орто дель сотол? Ора интера меня? – спросил всадник, с недоумением разглядывая меня из-за шеи своего коня.
«Меня», – выловил я знакомое слово.
– Куд ю репит, плиз… – сказал я. – Да что такое с этим английским!
– Кто вы такой? – совершенно отчетливо произнес всадник.
О! Кажется контакт установлен! Это я удачно у Хель полиглотство попросил… Да и она не надула… Какой я умный!
– Одинокий путешественник, заброшенный силой обстоятельств в эти негостеприимные края! – ответил я и сделал легкий полупоклон, ни на миг, впрочем, не отрывая взгляда от собеседника.
– Путешественник? – с изумлением в голосе переспросил тот, скользя по мне взглядом сверху вниз. – Одинокий?
– Да… увы… – развел я руками, хребтом ощущая, где именно торчат из песка мои чаки.
– Удивительно. Никогда не слышал о таком! – Всадник зафиксировал свой взгляд где-то чуть позади моих ног.
Чаки увидел, понял я.
– Всегда что-то случается в первый раз, – философски ответил я, пытаясь эмпатически «прочитать» собеседника. Агрессии вроде не ощущалось…
– Взгляните! – Я приглашающе махнул себе рукой за спину.
Тот оторвал взгляд от торчащих из песка клинков, глянул на меня и, объехав меня по кругу, заглянул в оазис через просвет между кустами.
– Хм… – сказал он, оглядываясь, – действительно! Ну что ж… значит, места хватит всем!
С этими словами незнакомец развернул коня и погнал его к бархану.
Спустя пару минут он появился вновь, но уже в сопровождении своих спутников.
Ими оказались мужчина и женщина. Они тоже были одеты в длинные плащи, шляпы, кожаную броню, и у них болтались на шее платки.
Неспешно приблизившись ко мне, они остановились, всадник, которого я увидел первым, спрыгнул с коня и, увязая ногами в песке, подошел ко мне.
– Позвольте представиться, – сказал он, снова обегая меня цепким взглядом и делая кивок головой, – эрт Доминго, капитан отряда искателей. А это мои спутники – эрт Вирт и эрта Стайли!

Доминго сделал указующие жесты в сторону всадников. Те, не слезая с коней, кивнули головами.
– Княжич Эриадор Аальст, младший сын князя Шартона Аальста! – представился в ответ я, также кивнув в ответ.
– Княжич? – откровенно изумился Доминго.
– Княжич, – подтвердил я. – А что вас смущает?
– Вот никак не рассчитывал встретить княжича в Серых песках! – ответил тот.
– Я тоже в общем-то не рассчитывал тут оказаться…
– Вы хотите сказать, что вы тут случайно? Как же вы сюда попали?
– О! Это длинная и грустная история… – пытаясь сделать свой голос как можно более печальным, ответил я, – всему причиной трагический случай, произошедший на моей помолвке…
– Да? – с интересом протянул Доминго. – И что же случилось?
– Я могу рассказать… тут нет никакой тайны… Но я думаю, что комфортнее ее будет слушать в тени оазиса, под пальмой…
Вирт хмыкнул, внимательно разглядывая меня с высоты коня.
– Действительно, Доми, очень хочется в тенек… попить и умыться. А истории можно и за ужином послушать!
Ужин – какое чарующее, ласкающее слух слово! Я с благодарностью взглянул на Вирта.
– Да, пожалуй, это верно… Пошли! – сказал Доминго и потянул за узду своего коня в оазис.
Его спутники направились за ним.
Я подождал, пока они проедут мимо меня вместе со своими запасными лошадьми и, выдернув из песка чаки, пошел следом.
Доехав до колодца, прибывшие слезли с лошадей и принялись стягивать с себя платки и плащи.
Увидев меня, приближающегося к ним с кинжалами в руках, они насторожились.
– Никаких проблем! – закричал я издали. – Просто у меня ножен нет к ним!
Народ расслабился.
– Какие у вас интересные кинжалы, господин Эриадор! – сказала Стайли, когда я подошел к ним. – Разрешите посмотреть?
Идея отдавать оружие в руки первому встречному мне совершенно не понравилась. Но тут же пришла в голову мысль о том, что нужно налаживать отношения… Дам один. Компромисс!
– Извольте, – сказал я, протягивая чак, который держал в левой руке.
Кинжал произвел фурор. Каждый из искателей подержал его, примерил к руке, покрутил. И у всех он вызвал восхищение.
– Какая замечательная вещь! – с восторгом сказал Доминго. – Откуда он у вас, господин княжич?
– Купил себе по случаю… Как подарок к свадьбе… – ответил я.
– Хороший подарок! Я бы тоже от такого не отказался! – с блеском в глазах ответил тот, щелкая по широкому клинку ногтем и слушая, как тот звенит.
– Даже если к подарку прилагается невеста, которую до этого в глаза не видел? – спросил я.
– Невиданная невеста? Хм… Не знаю… Рискованно как-то! – ответил он, пожав плечами.
– Более чем, – согласился я, – ведь у невесты еще и родня есть! Тоже… невиданная…
– А что у вас случилось, Эриадор? Вы позволите вас так называть? – спросила Стайли.
– Я не против, – ответил я, – но это рассказ не из двух слов, а вы, кажется, собирались разбить лагерь?
– Да, Стайл! У нас еще лошади не расседланы, а ты уже готова бросить все ради свежих историй! – сказал Вирт.
– Ставим лагерь. Разговоры потом! – приказным тоном сказал Доминго.
Стайли не стала спорить. Отошла к своей лошади и принялась ее расседлывать. Ее спутники занялись тем же самым. Я отошел в сторону, чтобы не мешать, сел в тенек и принялся наблюдать за процессом. Чувствовалось, что у моих новых знакомых опыт в этом деле большой. Движения точные, уверенные. Они четко знали, где у них что лежит и что в какой последовательности нужно делать. Очень скоро все лошади были расседланы, вытерты и напоены. Снятые с них тюки и сумки были аккуратно сложены в кучу.
Закончив с лошадьми и разгрузкой, Стайли и Вирт принялись ставить палатку. Доминго взялся за ужин. Разжег костер из каких-то желтоватых веток, которые он привез с собой. Повесил над ним котелок с водой и достал из большого мешка какие-то небольшие кулечки. Похоже, с припасами. Мне очень хотелось есть, но идею подойти и попросить чего-нибудь пожрать я постарался выкинуть из головы. Несолидно… не по-княжески… просить… Пусть сами предложат… Потерплю, пока можно…

Чтобы отвлечься от своего желудка, я принялся снова рассматривать своих новых знакомых.
Стайли была невысокой женщиной, лет эдак под тридцать. Такая плотненькая, может, даже кругленькая, с короткими темными волосами и загорелым лицом. Лицо тоже было кругловатое, высокие брови, серые глаза. Вирт был худее и выше Стайли. Несколько, я бы сказал, жилистый тип, с длинными конечностями. Лицо продолговатое, с длинным, слегка крючковатым носом и прозрачными глазами. Волос у него практически не было. Когда он снял свою широкополую шляпу, я увидел у него на голове здоровенную загорелую лысину, обрамленную по вискам остатками седых волос.
Доминго выглядел вообще колоритно. Смуглокожий, с немного крючковатым носом и густыми насупленными бровями он походил на жителей пустынь Земли. Особенно сходства добавляла выбритая налысо голова.
Как яичко, подумал я. Ох, жрать-то как хочется!
– Ну вот, еще минут пятнадцать, и можно будет есть! – сказал Доминго, загрузив чем-то котелок с кипящей водой.
– Эриадор, надеюсь, вы не откажетесь разделить с нами трапезу? – обратился он ко мне.
– Совершенно не вижу никаких препятствий к этому! – ответил я, стараясь незаметно проглотить слюну, заполнившую рот…

А жизнь-то налаживается, несколько часов спустя проваливаясь потихоньку в теплую сытую дрему, неторопливо думал я.
В желудке еда, подо мной – толстая войлочная подстилка, на мне – теплое шерстяное одеяло.
Пожалуй, сегодня я ночью буду спать… Я чуть подвинулся, пытаясь достичь максимального комфорта. Хотя спать мне как раз бы и не стоило… В компании малознакомых людей… Хоть мы вроде теперь один отряд. Легкомысленно… Придушат ночью и ограбят… Кинжалы им мои очень понравились…
Ну и чего… сторожить их, что ли, всю ночь? Не высижу… Две ночи сна урывками. Пусть лучше видят, что я им доверяю. На маньяков-разбойников они не похожи. Судя по эмоциям, ничего дурного в отношении меня не замышляют. Стоило тогда им разводить бодягу с приглашением меня к себе?
Я с удовольствием крепко зевнул.
Буду спать, принял решение я. Сторожить ночью – это уже из параноидальных идей.
За ужином мне пришлось изрядно поболтать. Рассказал, кто я, откуда. Про свою помолвку. Версию событий, конечно, представил правленую. В ней я был послушным сыном своего отца, попавшим в вертеп старого недруга семьи. Там меня никто не любил, включая лошадей и невесту, которая в итоге сбежала от меня со своим родственником… Рассказал про то, как я чудом вырвался из западни, которую мне устроил несостоявшийся тесть. О том, что мы при этом с магистром кой-кого поубивали, я умолчал… Это бы несколько подпортило образ белого и пушистого (который я себе ткал), попавшего в сложные жизненные обстоятельства. Понятно, конечно, что мы под стрелами там не стояли, разинув рты. Но акцентироваться на трупах я не стал… Для усиления атмосферы рассказа я вовсю пользовался обмылком своего эмпатического умения. Сам верил в то, что говорил, и пытался эту уверенность транслировать слушателям.
У слушателей глаза были по семь копеек. Они и не подозревали, что князьям так непросто живется в этом мире! После окончания моего пространного рассказа с отступлениями и многочисленными пояснениями, у догорающего костерка наступило продолжительное молчание. Народ переваривал услышанное.
– Н-да, надо сказать… однако… – высказался Вирт. – Никогда не слышал, чтобы помолвка так неожиданно закончилась! Что же невеста-то так… А? Поперек воли отца…
Вирт сокрушенно покачал головой.
– Сердцу не прикажешь… – задумчиво ответила ему Стайли. – Может, она его давно любила!
– Но как же! Она же дала согласие! И нарушила обещание!
– А может, это любовь, которая бывает раз в жизни? – спросила Стайли.
Ага, которая все спишет, подумал я, как война… Какие могут быть претензии? Это же любовь!
Но вслух я ничего не сказал, а сидел с грустным видом, стараясь не выбиваться из облика рыцаря печального образа.
– Ну и что? – возразил Доминго. – Ну и что, что любовь? Есть же обязательства, обязанности, долг, наконец!
– Сразу видно, что ты никогда не любил! – отрезала та.
– Не, ну почему… – начал оправдываться Доминго.

– Если б любил, то ерунды такой бы не говорил!
Доминго заткнулся и призадумался. Видно, анализировал, была ли у него любовь или нет? Интересно, по каким параметрам он пытается это определить? На Земле, у их прекрасной половины это было одним из безотказных приемов полоскания мозгов самцам. Ах, любовь! И делают такой вид, что понимают, что такое любовь, а что нет. А самцы ни фига не понимают, мозгами скрипят, пытаясь сообразить, как определить: любовь это или нет? Гормоны мешают понять, что их просто дурят…
Вообще, очень интересно, миры разные, друг от друга один Сихот знает на каком расстоянии расположены, а ситуации – одни и те же. Миры низших с одного шаблона, что ли, лепили?
В разговоре у костра возникла пауза…
Я решил воспользоваться моментом и добыть информации для себя. Не только же служить ее источником!
– Я бы был вам очень признателен, если бы вы мне рассказали, куда же я попал? – сказал я, обращаясь ко всем присутствующим.
– А вы что, разве не знаете? – удивился Доминго.
– Не представляю, – ответил я, пожав плечами.
– Это Серые пески! Неужели вы о них не слышали?
– У нас рассказывают про Серые пустоши… Но я подозреваю, что это вполне может быть одним и тем же местом, – сказал я, не став добавлять, что, по моему мнению, оба эти места правильнее называть одним словом, начинающимся с буквы «ж»…
– Хм, вполне возможно… – ответил Доминго. – А что у вас о них рассказывают?
– Ну-у-у… я не очень интересовался вопросом, – протянул я, глядя на начавшие подергиваться пеплом угли костра. – Княжество отца расположено далеко от пустошей, так что все, что я знаю, это то, что жили там могущественные маги, и вдруг у них случилась какая-то неприятность. И там, где они жили, теперь Серые пустоши… Вот в общем-то и все, что мне известно…
– Неприятность… – пробурчал себе под нос Вирт, – триста лет войны. Хороша неприятность!
– Войны? – полюбопытствовал я. – Кто с кем и за что?
– Говорят, светлые против темных… – ответил Вирт.
– Да? И что же они делили? – спросил я.
– Хм… что-то делили… наверно, очень ценное, если чуть весь мир не уничтожили!
– Как любопытно, – сделал я заинтересованную физиономию. – А поподробнее вы мне не расскажете?
– Подробнее… Да не знаю я подробностей. Слухи только да россказни всякие. Подробности нужно у магов спрашивать… Или у Белого ордена… Только и те и другие просто так ничего не расскажут. У них все только для своих…
Ага, понятно… Монополия на информацию… Знакомо…
– А что это за Белый орден? – спросил я. С магами ясно. Маги они и в Африке маги…
– Та! – скривился Доминго. – Есть тут у нас… Объявили себя наследниками Света. Лезут, куда их не просят. Все пытаются по-своему устроить… Чтобы все жили по их указке…
Понятно, религиозная организация, возможно, с элементами фанатизма… Вон как Доминго кривится, когда о них говорит. Пожалуй, мне туда не надо…
Так, тему Белого ордена педалировать не будем, что-то все как-то разом погрустнели. Если понадобится, потом спрошу…
– Но может быть, вы мне все же расскажете про пустоши? – снова повторил я свою просьбу.
– Хм… Ну что ж… Если вы настаиваете… Тогда слушайте, – начал Доминго.
Дальше последовал пространный рассказ о событиях многовековой давности. Как я понял, это была одна из версий, известная рассказчику, поскольку его спутники пытались несколько раз перебить Доминго и поправить изложение, потому что: «Доми! Но ведь это было не так!»
Сделав выжимку из услышанного, я мог сказать, что информация, которой я располагал до этого, не сильно отличалась от рассказанной Доминго. Пустыня, в которой я сейчас сидел у костра, была кладбищем когда-то великого государства, населенного великими магами и кудесниками. Но, как говорится, ничто не вечно под луной! Как-то маги допрыгались. Что именно послужило падением их государства, было не совсем ясно. История Доминго была в этом месте наименее вразумительна. Наверное, он сам не знал. В общем, что-то там произошло, и это послужило началом апокалипсиса. То ли внезапно вспыхнувшая борьба за власть, то ли нехватка чего-либо в виде ресурсов, то ли какие-то еще проблемы… Неясно. Но мне подробности были и ни к чему. Я видел – было и нету! Вот и все. Города разрушены, вместо плодородной земли – песок, жители вымерли. Остались легенды,

развалины и свист ветра в кактусах. И вот в этих руинах цивилизации бродили искатели, в надежде легкой поживы. Ну насчет легкости я, пожалуй, загнул. Как рассказали мне собеседники, Серые пустоши были местом, в котором можно было очень легко и быстро умереть. Применявшиеся в прогремевших тут магических войнах заклинания были настолько мощными, что и сейчас, спустя несколько сотен лет, тут был шанс нарваться на редкие, несовместимые с жизнью необычности. Как правило, счастливчик, нашедший такую неожиданность, отдавал богам душу, причем почти наверняка. Поэтому в эти места ходили исключительно с магами, которые могли издалека заметить «проклятые места» и обойти их стороной. Кроме магических заподлянок тут водились еще и «чудеса на ножках». Доминго назвал их демонами пустошей. Знакомое слово «демоны» приятно легло на слух, но подробности разочаровали. Судя по рассказам, никакие это были не демоны, а какие-то мутанты, живущие в гадостном месте и жрущие не пойми что.
М-да… «Сталкер» форэва! Куплю себе для начала АКМ, резиновый противогаз и аптечку. Потом пара удачных ходок в зону – и вуаля! Я – счастливый обладатель экзоскелета и гаусовки. Буду жрать антидот горстями и ширяться до полной обдолбанности из велоаптечки… Ага… Щас! Калоши только надену… Играл я в этот хохлятский «Сталкер». Прилично так посидел. Завязал я с ним, когда у меня как-то посреди игры тупо не открылась дверь в бункер к ученым.
– Зона полна неожиданностей! – произнес тогда я, снося с компа чудо-игру. – Никогда не знаешь, где вляпаешься в аномалию или где тебя укусит за задницу грязными зубами волк-мутант!
Хохлы, наверное, тоже не ожидали, что я так резко снесу их игрушку. Внезапно, как выброс в зоне! Да… было дело…
Как и во всякой зоне, здесь, в Серых пустошах, тоже водились артефакты. На жаргоне местных сталкеров – камешки… Они шли как украшения, как порошок в составе лекарств, как элементы магических побрякушек. Еще в пустошах можно было найти древности от сгинувших жителей. Но это было опасно. Они находились в развалинах, а это было тут самым гиблым местом. Там-то как раз и пропали два члена отряда Доминго, лошадей которых и привели в оазис. Один из погибших был магом.
– Приспичило, видите ли, ему! Тайны древних познать захотелось! Познал! Ладно бы сам, так еще и Сена с собой прихватил! Сопляк! – с неподдельным возмущением в голосе рассказывал Доминго. – Ну и лез бы один!
Погибший был молодым и малоопытным магом, которого понесла в пустоши не жажда денег, а, похоже, более страшная нужда – жажда знаний. Так, по крайней мере, он говорил. Скорее это была жажда власти, а не знаний. Ведь знание – это власть!
Однако, как бы там ни было и какие бы мотивы ни двигали им, но итог был прост – он полез не туда, и отряд остался без мага. И охотники попали в сложную ситуацию.
Не имея возможности видеть под слоем земли, надеяться найти что-то в пустошах было совершенно бредовой затеей. Поэтому искатели быстренько закруглились и потихоньку поползли назад в город, пытаясь по пути не вляпаться в невидимые им аномалии. В городе они собирались искать нового мага.
– Найдем… – задумчиво сказал Доминго, шевеля палочкой уже совсем потемневшие угли. Но особой уверенности в его голосе не чувствовалось. Как я понял, магов и так было немного, а чародеи, желающие подвергать риску свою жизнь, бродя по пустошам, – и вовсе редкость. Наемников можно было набрать без особых проблем, а вот с магами, как в песне, – вот только с ежиком и вышел-то прокол! К тому же маг должен быть не просто магом, а с соответствующей специализацией…
Я попросил уточнить этот вопрос и узнал невероятные вещи. Оказывается, у местных кудесников есть четкое разделение по направлениям. Одни хорошо работают с огнем, другие делают только воздушные заклинания, третьи – специалисты по воде… И в результате такого разделения, специалист в одной области, совершенно не владеет заклинаниями из другой. А чтобы ходить в пустоши, нужен маг, видящий, что есть под землей, и умеющий бросаться фаерболами и молниями, чтобы отпугнуть «чудеса на ножках». А таких магов не бывает…
Что за ерунда? Как это не бывает? А как же я? Могу и молнию кинуть, и костер под задницей развести, и ноги к земле приморозить! Ну мог когда-то… Но мог ведь! А тут? Что же это за маги такие? Калеки, а не маги. Вот уж меня занесло так занесло… Ну и мирок! Просто дом юдоли и скорби какой-то! Интересно, а как же их маг земли отбивался от мутантов?
– А как ваш маг справлялся с чудовищами? – задал я заинтересовавший меня вопрос.
– Справлялся? Да очень просто. Он их утапливал в песке и все, – пожал плечами Доминго.
Утапливал? Оррригинальненько! Простенько и со вкусом…
– А что за камушки вы ищете? – спросил я.

– Камушки?
– Да. Как они выглядят, эти камушки?
– А. Сейчас покажу. Вот, смотрите!
Доминго полез куда-то себе за пазуху и вытащил небольшой мешочек.
– Вот!
На ладони у него лежал небольшой, размером с горошину, непрозрачный камушек, светящийся красным цветом. Где-то я это уже видел…
– Такие? – спросил я, выуживая из ременного кармашка свои находки. Мои камушки были покрупней, чем у него… Если только он не держал крупняк в другом мешочке…
– О, – удивился Доминго, – какие большие! Где вы их взяли?
– Нашел… – ответил я.
– Нашли? – снова удивился Доминго. – Как нашли?
– Просто… в песке. Увидел и выкопал! – сообщил я подробности находки, видя недоверие в глазах слушателей.
– Эриадор, вы маг?
В трех парах глаз, обращенных на меня, появилось какое-то новое выражение… настороженность и… деловая заинтересованность, что ли?
– Ну… в общем-то… да… – осторожно ответил я, переводя взгляд с одного слушателя на другого, – только имеют место быть некоторые проблемы…
– Какие?
– Я сейчас не в лучшей форме… – неопределенно ответил я. – А что?
– А какие у вас планы, Эриадор? – аккуратно поинтересовался командир отряда.
Сейчас будет сватать! Ладно, посмотрим, что у него за товар…
– В общем-то я собирался отправиться домой… – ответил я.
– Домой? А когда?
– Мм… как только узнаю дорогу…
– То есть вы еще не знаете дороги? Хм… А скажите, Эриадор, вот пока вы будете ее искать, вы думали, на что вы будете жить?
– А если она очень быстро найдется? – сделал мечтательное предположение я.
– Мм… Не хочу вас разочаровывать, но думаю, что это будет не настолько быстро, как вам хочется!
– Н-да? Это печально… – с грустью в голосе сказал я. – И что же тогда делать?
– Эриадор, а как вы смотрите на то, чтобы попробовать себя в качестве искателя? – не стал разводить долгие политесы Доминго.
– Искателя? Хм… Знаете, уважаемый Доминго, тут есть некоторый нюанс… – задумчиво протянул я, соображая, стоит ли мне говорить о том, что как боевая магическая единица – я полный нуль.
– Какая?
– Видите ли, я делал кой-какие опыты… И кое-что пошло не так… Короче говоря, в данный момент я не могу делать заклинания типа молний или огненных шаров. Понимаете? Однако это не навсегда, и я ожидаю в ближайшее время возвращения моих способностей в полном объеме! – ответил я, акцентируя внимание на ожидаемом возвращении силы. Чтобы им было о чем подумать, если они начнут думать о чем-нибудь таком…
– Хм… – отреагировал Доминго, – хм… Но ведь вы видите, что скрыто под землей? – спустя несколько мгновений спросил он. – Видите?
– Вижу!
– Этого вполне достаточно, – ответил тот.
– А что мы будем делать, если на нас набегут чудовища? – поинтересовался я.
– Чудовища? У нас есть свитки. Отобьемся, если что. А потом, может, еще мага в отряд возьмем… Воздушника… или огневика…
Свитки? Вероятно, он имеет в виду какие-то артефакты, заряженные заклинаниями?
– Так что вы скажете по поводу моего предложения, Эриадор? – снова спросил Доминго.
– Право, не знаю… – растягивая слова, сказал я, подумав, что посреди пустыни предложение Доминго очень кстати. По крайней мере, оно давало шанс выбраться из нее… – У меня нет никакого опыта… Это ведь очень ответственно… – продолжал ломаться я, не торопясь согласиться сразу. А то еще подумают, что я, как утопающий, схватился за первую соломинку!
– Это хорошо, что вы заговорили про ответственность! – с одобрением сказал Доминго. – Приятно видеть, что вы хоть сейчас еще и в юном возрасте, но уже задумываетесь об этом. А то есть некоторые люди, пусть и старше вас, даже не подозревающие о существовании такого слова – ответственность! Особенно перед другими!
Доминго, похоже, был крепко обижен на мага, покинувшего отряд ногами вперед и оставившего их в пустыне ни с чем.

Что ж, приятное впечатление обо мне как о возможном члене отряда есть! Поедем дальше…
– А что я буду с этого иметь? – наклонив голову к правому плечу и стараясь выглядеть как можно более мило, спросил я.
– Хм… маг получает третью часть от добычи… – сказал Доминго.
О! Мне нравится! Справедливая цена!
– Звучит очень заманчиво. Пожалуй, я приму ваше предложение!
– А у вас есть патент? – влез в разговор молчавший до этого Вирт.
– Какой патент? – не понял я.
– Патент мага! – ответил тот.
Ах, вот оно, значит, как!.
– Так я не понял, – сказал я, обращаясь к Вирту, – вам шашечки или кататься?
– Э… что? – озадачился тот.
– Так вам маг нужен или патент?
– Только патентованный маг имеет право на третью часть добычи! – твердо сказал тот, глядя мне в глаза.
– Хм… – сказал я.
Похоже, у кого-то проснулась жадность…
– Мы легальные искатели, состоим в гильдии, а у гильдии есть правила. Вы понимаете?
– Понимаю… – вздохнул я, – но патента у меня нет!
Вирт молча уставился на Доминго. Тот насупился, смешно вытянув при этом губы трубочкой.
– А где можно получить этот патент? – спросил я в затянувшейся тишине.
– Его выдают в университете по окончании учебы… Столичном университете магии… Ну формально Вирт прав… Патент должен быть… – ответил Доминго и вопрошающе посмотрел на Стайли.
Та скептически оттянула правый угол рта и, подняв вверх глаза, затрясла головой, словно пытаясь сказать своей гримасой: «Ушам своим не верю!»
– Что, думаешь, оставим так? – спросил Доминго, увидев ее кривляния.
– Ты командир, тебе виднее! – ответила та, поднимая брови вверх, насколько это возможно.
– Хорошо! Эриадор, вы согласны на четверть? Как маг без опыта и патента? – спросил Доминго.
– Нет возражений, – ответил я после солидного молчания, – только камешки, которые я нашел, в оплату не идут! Я нашел их до вступления в отряд!
– Справедливо, – кивнул Доминго.
На этом мы и порешили.
Все, спим, сказал я сам себе, чувствуя, что проваливаюсь в сон, – завтра будет новый день… наверняка суматошный…

Я оказался прав. Утром я был разбужен ни свет ни заря суетой сборов, которая царила в лагере.
Как оказалось, командир решил выйти на маршрут по холодку. Идея, конечно, разумная, особенно в пустыне, но я бы еще поспал. Но моего мнения никто не спрашивал. А я с ним ни к кому не лез. Благо было чем заняться. Позавтракал сваренной Стайли кашей. Ничего так кашка, с мясом, и не пригорела.
Потом примерил и подогнал предложенное Доминго снаряжение – плащ и шляпу, оставшиеся в седельных сумках лошадей погибших членов отряда. Потом познакомился со своей новой лошадью.
– Вот ваша красавица! – сказал Доминго, подведя меня к лошади и с удовольствием хлопая ее ладонью по крупу. – Очень красивая кобылка! Кличка – Серая! От мага осталась…
Серая повернула голову и посмотрела на меня. Я посмотрел на нее. Лошадь была пегой масти, с длинной белой гривой. В целом она произвела на меня хорошее впечатление. Длинноногая, пропорциональная, с большими печальными глазами.
Единственным ее недостатком было то, что на ней нужно ездить…
Серая обнюхала меня и фыркнула. Похоже, тоже составила обо мне мнение.
– Любит морковку и сахар, – продолжал увлеченно рассказывать мне о лошади Доминго, – и еще купаться…
Да, сведения про купание, несомненно, очень ценны, особенно в пустыне! Я бы тоже сейчас с удовольствием искупался!
– Ну ладно, – сказал Доминго, закончив расхваливать гужевой транспорт, – минут через пятнадцать будем выступать. Готовьтесь!
Выступать так выступать, лениво подумал я. Я, собственно, готов…
Мы залезли на лошадей и двинули в пустыню.

Прощай, прощай, подумал я, оборачиваясь назад и кидая взгляд на оазис. Ты мне очень помог. Спасибо тебе! Но говорить – до новых встреч я не буду. Извини. Уж больно тут у тебя скучно!
Я отвернулся и стал смотреть вперед, на бесконечные хребты барханов, уходящие к горизонту. Солнце еще не взошло, только подсвечивало небо своими лучами, намекая на то место, где оно собиралось выскочить. Было прохладно, и тянул легкий ветерок.
Красота! Вот бы тут было всегда так!
– Ну Эриадор, приступайте! – неожиданно раздался справа голос Доминго, выдергивая меня из мечтательной созерцательности, в которой я пребывал.
– К чему? – спросил я.
– Как к чему? – удивился тот. – К поиску! Вы же теперь маг-поисковик!
А, ну да, я ж теперь искатель, сообразил я.
– Э-э… – сказал я, – а вы бы не могли уточнить… Что, прямо вот так, с лошади?
– Ну да, – удивленно ответил тот, – все так делают! Устанете, скажете. Остановимся, отдохнем…
Да? Все так делают? Однако работенка еще та! Это я, значит, тральщиком буду работать? По принципу – греби, что попадется… М-дя…
– А я думал, что камушки встречаются в определенных местах, – ответил я Доминго, – ожидал, что приедем на место и займемся работой.
– Нет, Эриадор, вы не правы. Камушки разбросаны тут везде. Говорят, что они остаются из «проклятых мест», которые передвигаются по пустыне.
– Передвигаются?
– Да, есть неподвижные «проклятые места», а есть такие, которые двигаются. Но после тех и тех остаются камушки. Кстати, вам нужно следить, чтобы мы не попали в такое место!
– Угу, – сказал я, переходя на созерцание магических потоков. – А откуда они берутся, эти камушки?
– Точно никто не знает, – ответил он мне, – у магов есть несколько объяснений. Самое простое и понятное мне, что в «проклятые места» что-то попадает. Ну скорпионы там какие-нибудь или перекати-поле, например. И вот когда они попадают туда, с ними что-то происходит такое, что превращает их в камушки. Поэтому возле «проклятых мест» следует быть особо внимательными!
Ну да, свои находки я тоже сделал возле «бубликов», понятно… Если эта теория верна, а выглядит она вполне разумной, то тогда можно предположить, что сорт камушка связан с тем, что попало в аномалию. Скажем, из скорпионов получается одно, а из ящериц – уже другое! Интересно, а если собрать несколько аномалий в одном месте, сторожить их, чтобы не расползались, и кидать в них что-нибудь такое, чтобы получались самые ценные камни? Это ведь целая ферма по производству артефактов получится! И по пустыне мотаться не нужно… Интересно, до этого тут что, никто не додумался раньше? Или аномалии никак нельзя заставить двигаться, куда надо? А может, время изготовления артефактов очень большое? Замучаешься ждать? Хм… Обдумывая пришедшую в голову идею, я не забывал сканировать окружающий мир на наличие опасностей и находок. Это не требовало от меня каких-то особых усилий и сосредоточенности.
Взобравшись на очередной бархан и двигаясь вдоль его длинного хребта, я заметил предмет наших поисков.
– Камушек, – сказал я, останавливая лошадь, – тпру, скотина!
– Где? – всполошился ехавший за мной Вирт.
– Прямо подо мной, метров пять, – сказал я.
– Пять? Вы так глубоко видите? – изумился подъехавший Доминго.
– Да, – пожал плечами я, – а что?
Доминго с Виртом переглянулись.
– А глубже? – спросил Доминго.
– Не знаю, – снова пожал плечами я, – подвернется случай, посмотрим!
– Здорово, – сказал Вирт, – если это так, это прекрасный результат!
– Что значит, если это так? – поинтересовался я. – Вы что, думаете, что я вас обманываю?
– Нет, ну что вы! Просто все маги, которых я знал, видели обычно метра на два, со снадобьями – на три. А вы так свободно… на пять метров… Удивительно!
И что же тут за маги такие? Задохлики какие-то, снова подумал я. Ну и мирок!
– Так что с камушком будем делать? – спросил я. – Копаем?
– Копать? – вперился Доминго в песок, словно хотел проникнуть взглядом в глубь бархана. – Если метров пять, то мы тут день будем копать! Если не больше…
– Тогда поехали? – предложил я.
– А достать его вы никак не можете?
– Уку! – отрицательно покачал головой я.

– Тогда поехали… – печально вздохнул Доминго.
– Поехали…
В общем, так она дальше работа и пошла. До обеда мы таскались с бархана на бархан в поисках артефактов. К полудню, когда зной стал одуряющим, встали небольшим бивуаком в жалкой полуденной тени бархана. Натянули тент, попили водички, вяло пожевали всухомятку. Часа через два снова выступили. Опять барханы, опять вверх-вниз и так до вечера. Сделав большую петлю по пустошам, мы снова вернулись к оазису, из которого утром и стартанули.
Ну вот те здрасте – знакомый колодец. Утром только распрощался, а вечером снова вернулся к тому, чего уж думал, никогда больше не увижу! Вот она жизнь! Никогда не знаешь поутру, чем закончится день. Диалектика…
– На ночевку! На ночевку становимся! – заорал Доминго перекидывая ногу через седло и съезжая по боку лошади на землю. – Шевелимся, шевелимся!
Я с трудом слез с лошади. От долгого сидения ноги подзатекли и плохо слушались.
Что-то не нравится мне эта затея с искательством, подумал я, ходя полуприсядом вокруг лошади на никак не желающих распрямиться ногах и прикидывая, за какой ремень первым тянуть, чтобы ее расседлать. Ходишь после дня работы на полусогнутых, а за весь день ничего так и не нашли! И есть охота… И попить бы не мешало… Интересно, и часто тут так с находками?
– Не расстраивайтесь, Эриадор, бывают такие дни! – сказала, подходя ко мне Стайли. Видно, приняла недовольство на моей физиономии за огорчение и решила утешить…
– Да я не расстраиваюсь… Просто подустал малость… Хочется принять ванну, съесть кусок жареного мяса с салатиком и холодным компотиком, да и завалиться в чистую постель! – мечтательно сказал я.
Стайли буквально изменилась в лице.
– А мне-то как хочется! – выдохнула она. – Как я мечтаю избавиться от этого проклятого песка! Чтобы он не сыпался отовсюду… Ну хоть пусть еда будет без песка!
Да, еда без песка это было бы просто чудесно, согласился я про себя с ней – песок уже достал…
Он был везде. В волосах, в сапогах, ушах, на зубах и в глазах. А еще он был в еде. Не ложками, конечно, но похрустывал. Порой весьма неожиданно.
– А сколько мы еще планируем тут пробыть? – спросил я Доминго, закончив кое-как с расседлыванием Серой.
– Что, работа искателя уже не кажется такой привлекательной? – прищурившись, с легкой насмешкой произнес он.
– Нельзя так резко начинать! Нужно было подготовиться сначала… Хотя бы морально! – ответил я.
– Хм… морально, – хмыкнул он, – морально… Рассчитывайте на две недели, Эриадор. Припасов у нас на две недели.
Две недели? С ума сойти! Я же тут засохну!
Ветер завывал по каменному ущелью, хлопая нашими плащами и трепля гривы лошадей. Уже полдня как мы въехали между двумя крутыми каменными стенами и постепенно поднимались вверх, к перевалу.
– Дикий перевал! – сообщил мне Доминго его название.
Действительно дикий, подумал я, задирая голову и разглядывая серые неприступные скалы, отвесно вздымающиеся слева и справа от дороги, – самое подходящее название! Дикий перевал, ведущий в дикие земли! Все правильно с названием…
В диких землях, под названием Серые пустоши, мы пробыли, как мне и было обещано, две недели. Хорошо, что не больше, иначе бы я не знаю, что сделал! Может быть, кактусы начал бы жрать… Тоска была смертная. Каждый день вставали ни свет ни заря, седлали лошадей и отправлялись в пустыню – «тралить», как я называл это скучное действо. Сидишь на лошади и смотришь, нет ли чего нужного в песке? А в песке в общем-то ничего и нет! За две недели нашли шестнадцать камней. Грубо говоря – в день по камню.
– И сколько это все стоит? – поинтересовался я у Доминго в последний день.
– Ну… думаю, что десять золотых мы за них получим… – задумчиво протянул тот.
По три золотых на нос? За две недели сидения в пустыне? Негусто, быстро прикинул я. Учитывая жару, теплую тухловатую воду и еду с песком, то совсем негусто! А если еще вспомнить, что нас пару раз пытались сожрать, так это вообще слезы…
Первый случай произошел к концу моей первой недели в пустошах. Сканируя песок, я неожиданно увидел впереди под ним какой-то живой организм. В магическом плане он выглядел как толстая сосиска из багровых энергетических жгутов с широкой средней частью и сужающимися концами. Один из краев сосиски находился у самой поверхности песка. Багровый цвет принес ощущение опасности.

– Стоп! – заорал я, резко натягивая поводья.
– Камушек? – с надеждой в голосе спросил Вирт, не думая останавливать лошадь и направляясь ко мне.
– Стой! – снова закричал я. – Тут какая-то штука в песке!
– Какая штука?
Паxx!
Впереди, метрах в четырех от нас, внезапно произошел песчаный взрыв. Над поверхностью взметнулось большое облако серого песка, из которого во все стороны стеганули какие-то фиолетово-лиловые нити. Не достав до нас буквально чуть-чуть, нити бессильно упали на песок.
Лошади, заржав, взвились на дыбы. Я бросил поводья и что есть сил обхватил лошадиную шею руками, пытаясь не свалиться. Кое-как успокоив Серую и добившись от нее повиновения, я наконец-то смог глянуть вперед. В чуть осевшем облаке песка, впереди, проступила шляпка какого-то гриба. Все фиолетовые нити вели к нему.
– Песчаный джанкель! – выдохнул, изменяясь в лице Вирт, тоже висящий на шее своей лошади. – Светлые боги!
– Что за пакость? – поинтересовался я, выпрямившись в седле и наблюдая за нитями, которые стали небольшими рывками подтягиваться к грибу.
– Джанкель! – ответил Вирт, с отвращением глядя на подергивающиеся движения на песке.
– А чем он знаменит? – продолжил я расспросы, поскольку слово «джанкель» мне ничего не говорило.
– Знаменит? Ну вы скажете, Эриадор! Знаменит! Ха! – Это вмешался в разговор подъехавший сзади Доминго. – Знаменит он тем, что, кто к нему попал, тот уже навек пропал! Видите вон те кривые коготки на отростках? Они с ядом. И если они вцепятся в человека, то его уже ничего не спасет. Он умрет в страшных мучениях. Я один раз видел такое. Ужасное зрелище! Ваше счастье, Эри, что он до вас не достал!
Вот оно, значит, как выглядит мое счастье, подумал я, разглядывая уползающие щупальца. Кто бы мог подумать! А я-то думал, что мое счастье выглядит несколько иначе…
– Нужно уходить отсюда, – с тревогой в голосе вмешалась Стайли, – он сейчас подтянет свои отростки и попробует еще раз нас поймать!
– Да, поехали, – поддержал ее Доминго, – нечего нам возле этой пакости делать.
– А все-таки что это за штука? – продолжил любопытствовать я, как только мы отъехали от противненько выглядевшего джанкеля.
– Демон пустошей! – коротко ответил Вирт. – Их тут много. Вы, Эриадор, лучше не отвлекайтесь! Видите, что тут водится?
Да, вижу, какая тут фигня обитает, интересно, а чем она питается? Судя по ее размерам, это должно быть что-то немаленькое. И попадаться это немаленькое должно не так уж редко. Иначе джанкель сдох бы от голода. Или слинял бы отсюда… Интересно, а джанкель умеет ходить?
Я озвучил свои вопросы вслух, обращаясь к моим спутникам. Но, к своему удивлению, ответов я так и не услышал. Команда Доминго впала в какую-то задумчивость.
– А ведь парень прав, – сказал Вирт, обращаясь к Доминго, когда я уже намеревался повторить свой вопрос, – должен же он что-то жрать, этот проклятый джанкель!
Вирт с Доминго обменялись взглядами.
– Демоны! – выдохнули они практически одновременно.
– Если он тут сидит, значит, он на них охотится! А если он на них охотится, значит, их тут много! Нужно немедленно уезжать отсюда! – напряженно, с тревогой в голосе сказала Стайли.
– Точно, – кивнул Вирт, – демоны нам ни к чему!
Ну, хороший демон будет украшением любой компании, но, похоже, тут о хороших демонах не слыхали. Тут водятся, видно, только плохие… Недодемоны… Так что я, пожалуй, тоже откажусь от встречи с ними…
Доминго достал штуку, с помощью которой он определял направление, и карту. Покрутил их в разные стороны и сказал, указывая рукой направление:
– Туда!
Ну, туда так туда.
Я потянул за повод Серую, разворачивая.
– Это куда? – спросил Вирт.
– В Лысый оазис! – ответил Доминго.
Многообещающее название, интересно, как он умудряется ориентироваться по этому папирусу? Там ничего не поймешь!
Я уже успел сунуть в него нос, но после ознакомления разочарованно вытащил его обратно. Назвать это картой можно только с большим натягом. Скорее, это была грубо рисованная,

упрощенная схема. Лично я бы не рискнул выйти в пустыню, имея в качестве путеводителя подобные каракули…
– А почему туда? – поинтересовался у командира Вирт.
– А почему бы и нет? – ответил Доминго. – Или у тебя есть другое предложение? Оррригинальный способ выбора маршрута! Почему бы нам не пойти туда? Ну вот просто так, взять и пойти? Без всяких оснований? Просто так. М-да… с таким подходом мы тут много чего найдем… Точнее не найдем…
– Да нет, – пожал плечами Вирт, – предложений нет. Пойдем к Лысому!
– Вопрос! – поднял я вверх правую руку для привлечения внимания. – А нет тут мест, где камушки часто встречаются?
– Ну почему же, есть… – ответил, вздохнув, Доминго. – Как раз у развалин они встречаются часто. Только мы туда не пойдем!
– Почему? – поинтересовался я.
– Ну, во-первых, там всегда много «проклятых мест», во-вторых, эти места там порой резко двигаются, в-третьих, там всегда полно демонов, и соваться туда без нескольких сильных магов это верная смерть!
– Понятно…
И мы двинули к оазису с многообещающим названием, оставив позади разочарованного, голодного джанкеля.
– Интересно, а джанкель съедобный? – обернулся я к едущей чудь позади меня Стайли, как к главной поварихе отряда. Обратился я не вовремя. Стайли в этот момент решила попить водички из своей фляги. Услышав мой вопрос, она поперхнулась посреди глотка, и часть воды, не попав по назначению, плеснула ей в подбородок.
– Га… дс… гадство! – прокашлявшись, вытерла подбородок рукой она. – Да будь он хоть трижды съедобен, в жизни не возьму в рот эту дрянь! Как тебе такое могло в голову прийти, Эри?
– Ну почему же дрянь? – в недоумении приподнял я брови. – Может, если обрезать всякие ядовитые части, то оставшееся будет очень даже ничего? С лучком, на сковородочку и пожарить? Мм?
– Вы, мужики, готовы все сожрать, все, что шевелится! Главное, чтобы жареное было! – с возмущением в голосе громко произнесла Стайли.
– Ну почему бы и нет? – безмятежно произнес Вирт. – Еду нельзя есть только в одном случае – когда она отравлена. Во всех остальных случаях всегда можно что-нибудь придумать, чтобы ее съесть!
– Например? – с иронией спросила Стайли.
– Ну выпить перед едой, например… Или зажмуриться…
Стайли фыркнула.
– И потом, Стайли, все, что шевелится, можно не только есть… – многозначительно подняв брови, голосом умудренного старца сказал Вирт.
– Да знаю я про ваши две извечные проблемы, – небрежно махнула рукой та, – первая – где пожрать, вторая – где поблудить!
– Все-то ты знаешь… – печально произнес Вирт, – а вот как сделать, чтобы песок не попадал в твою кашу, не знаешь…
– Почему не знаю? Знаю! – удивилась Стайли.
– М-да, и как? Почему тогда не делаешь? – заинтересовался Вирт.
– Просто готовить нужно отдельно… отдельно от пустыни! Тогда песка в каше и не будет! – глядя со злорадством на Вирта, сообщила секрет Стайли.
– А… – открыл рот тот, не зная, что сказать.
Доминго заржал, потешаясь над его растерянным видом. Стайли тоже засмеялась.
Одному мне было не до смеха.
– Какая-то хрень скачет слева по барханам! – напряженным голосом выдал я сообщение весельчакам. Смех как ножом отрезало.
– Где?! – развернулись все разом ко мне.
– Вон! – вытянул я руку, указывая направление.
Вдали, на третьем от нас хребте бархана что-то бодро прыгало длинными прыжками. Как кенгуру. И прыгало оно в нашу сторону.
– Демоны!! – истошно заорал Вирт.
Ну все, конец, подумал я, услышав этот полный ужаса и паники крик, – допрыгались!
– Доминго, свиток! – закричала Стайли, торопливо доставая что-то из-за пазухи.
– Сейчас! А… чтоб тебя! – закричал Доминго, запутавшись рукой в плаще.
Пару мгновений заминки, и наконец он тоже достал плотно свернутый в трубочку желтоватый лист бумаги.
– Уходим отсюда! – заорал Вирт, разворачивая лошадь.

Я тоже последовал его примеру, готовясь сделать «тапки в пол». Хотя паническая скачка по барханам, с сидящими в них джанкелями, была очень сомнительной затеей.
– Стой, – закричал Доминго, – он один! Мы его завалим! Где твой свиток?
Окрик командира подействовал на Вирта отрезвляюще. Он сунул руку в сумку, которая лежала впереди седла, и тоже достал оттуда свиток.
– Наверх, – мотнул головой Доминго в сторону гребня бархана, по средней части которого мы ехали, – встретим его там!
Пришпорив лошадей, мы птицами взлетели на верхушку. Лошади нервничали и сил не жалели.
– Вон он! – протянул руку со свитком Вирт, указывая на прыгающую в нашу сторону тварь, которая только что перемахнула верхушку второго от нас бархана.
– Нападем, когда он будет внизу, под нами! Все вместе, разом! – напряженным голосом сказал Доминго. – Всем ясно?
– Да! Да! – ответили Вирт и Стайли, тоже не на шутку взволнованные.
– Втроем мы его завалим! – бодрясь, произнес Доминго, глядя на соседний бархан, за которыми скрывался в данный момент наш преследователь.
– Вот он!
Взметнув небольшое облако песка, на гребень выпрыгнула туша песчаного оттенка. Секунду помедлила, видно фиксируя нас в поле своего зрения, и, сделав прыжок, ринулась вниз.
– По моей команде! – звенящим голосом закричал Доминго.
Хищник сделал еще несколько прыжков и оказался в самом низу, в расселине между барханами.
– Готовьсссь! – заорал Доминго, не отрывая взгляда от твари и, видно, лихорадочно высчитывая момент начала атаки.
Тварь сделала первый прыжок на наш бархан.
– Давай! – скомандовал Доминго.
Доминго, Стайли и Вирт одновременно резко вытянули правые руки в сторону твари. Три ярких разноцветных вспышки разом! Удар настиг ее в момент прыжка. Тварь вякнула, перевернулась в воздухе и грузно упала на спину. Немного проехав на потекшем под ее весом песке, она перевернулась через голову, потом кувыркнулась еще раз и еще раз и наконец остановилась внизу бархана, вяло перебирая задранными вверх лапами.
– Есть! – ликующе закричал Доминго. – Готов! Эриадор, смотрите, как он там, сдох или нет?
Я присмотрелся к мутанту. Магическим зрением было видно, как дрожат и распадаются светящиеся линии, образующие каркас энергетической оболочки существа.
– Он умирает! – кивнул я Доминго, который уже успел достать новый свиток и крепко сжимал его в правой руке.
– Хвала пресветлым богам! – воскликнул тот, услышав, что я сказал.
– Он умер… – спустя несколько мгновений сказал я, увидев, как распалась энергетическая оболочка.
– Хорошо, – ответил Доминго, убирая свиток, – пойдем, посмотрим! Может, можно чего взять с него. Три свитка извели!
– А сколько стоит свиток? – поинтересовался я, пытаясь направить лошадь к убитой твари. Однако Серая фыркала, дергала ушами, но спускаться вниз не желала.
– Эти свитки стоят по ползолотому! – сварливо ответил Вирт, слезая с лошади. – А вы, Эриадор, зря понукаете лошадь, не пойдет она. Боятся они демонов. Что-то, видать, чувствуют такое… Страшное…
Вот же пугальщик-нагнетальщик, подумал я, слезая с лошади. Страшное! Страшное, это то, что полтора золотых улетело! Это только на одного мутанта! А если их толпа припрется? Все, что добудем, – за свитки уйдет? Не… неправильные тут какие-то экспедиции. Недоходные!
Мы слезли с лошадей, Стайли осталась их сторожить, сказав, что и так плохо спит по ночам, а созерцание дохлых чудовищ спокойствия не прибавляет. А мы, утопая ногами в песке, пошли к валяющейся внизу туше. Спустившись, осторожно подошли к поверженному, еще раз убедились, что он сдох, и приступили к осмотру.
Мутант лежал спиной на песке, задрав широкие трехпалые ступни в небо. Каждый палец ступни заканчивался здоровенным крючковатым когтем темно-коричневого цвета. Когти были малость поободраны песком. Видно, немало ему пришлось поноситься по пустыне. Ноги у мутанта были мощные, особенно в бедрах, с узлами мышц под серой кожей. Они росли из продолговатого тела, имевшего еще одну пару конечностей. Только на этот раз тощую, с тремя пальцами на каждой ноге. Сверху к телу крепилась морда. Какая она, видно не было, но создавалось такое ощущение, что все тело сверху – это морда. Даже не морда, а

пасть, со здоровенными треугольными зубами желтого цвета и лиловым раздвоенным языком, вылезшим между ними.
Сам демон был серо-песчаного цвета с сухой и жесткой на вид кожей, собирающейся местами в складки. Походив вокруг туши и попинав ее для верности ногами, искатели приступили к разделке, радуясь, что тварь лежит брюхом кверху. От мутанта исходил неприятный запах, плюс еще воняли подпаленным мясом раны, нанесенные свитками, а уж когда ему распороли брюхо, вонь стала просто невыносимой. Я поспешил убраться подальше, потеряв всякий интерес к тому, какие ценные органы и части можно вырезать на продажу. И вообще, было совершенно непонятно, как их можно было дотащить по такой жаре до покупателя. Ведь все протухнет! Причем наверняка! Но у искателей были свои виды. Они торопливо суетились вокруг мертвеца, занимаясь вивисекцией. В результате их действий демон лишился когтей, наверное, почти всех зубов, кожи, желчи и, может, еще чего, что я издали не заметил. Все это было аккуратно упаковано и разложено по седельным сумкам.
– И сколько это все стоит? – полюбопытствовал я.
– Ну… я думаю, на два золотых потянет, – с оптимизмом ответил Доминго, – а то и на три! Все будет зависеть от спроса.
Ну, значит, свитки должны отбиться, – подумал я.
Эти встречи оказались единственными нашими встречами с представителями местной фауны. После последнего происшествия отряд передислоцировался в более безопасную местность, и больше неприятных сюрпризов не было.
И вот по окончании второй недели в пустыне мы двинулись в направлении цивилизации. Чтобы в нее попасть, сначала нужно было преодолеть перевал, отделяющий мир людей от мира песков.
Самое место для засады! Обобрать искателей, возвращающихся с добычей, самое милое дело, пришла в голову мысль от созерцания угрюмости ущелья.
– А что, не шалят тут? – обратился я к Доминго.
– В смысле? – не понял тот.
– Не грабят? – спросил я.
– Да ну! Напасть на отряд с магом – это вообще без башки нужно быть! – искренне изумился Доминго. – Таких уже давно нет!
Понятно… Только вот я как бы не совсем сейчас маг… Я сосредоточился на созерцании магических потоков, надеясь обнаружить возможную засаду как можно раньше.
Но засады не было. Мы поднимались сначала по пологой, а затем по все более крутой дороге все выше и выше и наконец достигли высшей точки перевала, на которой стояла сложенная из мелких камней четырехугольная башня с подъемным мостом и куском стены, наглухо перегораживающим ущелье.
Отряд направился прямиком к мосту. Подъехали, постояли, поорали. Нам поорали в ответ с башни. После выяснения – кто такие и пошто мост опустили, мы въехали внутрь крепости, предвкушая встречу хоть с какой-то цивилизацией, перед тем как двинемся дальше вниз, в долину…

Княжество Уртхейм

– Господин Эриадор не желает девочку? – спросил, льстиво улыбаясь из-за стойки, хозяин таверны, в которой я остановился. По внешности он на сто процентов соответствовал образу владельца таверны. Невысокий, полненький, лысый. И руки держит под стойкой, что невольно наводит на мысли о парочке тесаков или, на худой конец, дубинок, которые прячутся там.
– Не-а! Не желает! – помотал головой я.
Не желал я девочку, единственное, чего я страстно желал, это карту с маршрутом эвакуации из этого гадостного мира, но у Бинко, так звали владельца таверны, ее не было на сто процентов.
– Ну как же так, – почти искренне огорчился Бинко, – столько времени в пустыне и не желаете? Как-то не по-людски! А девки хорошие, сисястые! То, что надо!
М-да… понимаю, что мое поведение выпадает из стандартного. Ну и чего теперь, взять для вида, чтобы отстал? Так сисястая ведь точно разболтает, что ее не использовали. Еще подозрительней. Да и денег жалко! Скоро совсем кончатся… А новых пока нет. Доминго обещал, но что-то не торопится. Теперь отчасти мне стала понятна забота Вирта о соблюдении правил гильдии. Добыча искателей по большей части была узкоспециализированной, и, окромя как магам и другим всяким оккультистам, она была

нафиг никому не нужна. Члены же гильдии имели право на гарантированную продажу. То есть их добычу всегда покупали. Поэтому этим правом и дорожили. Доминго сдал найденное в пустошах еще в первый день по прибытии в город, но денег пока не было. Как мне пояснили, сроки оплаты могли быть растянуты до двух недель.
Бюрократы, ругнулся я про себя, услышав про такие сроки. А жить-то на что?
Хорошо, у меня были две серебряные монеты, на которые удалось снять жилье, не беря у Доминго в долг. Причем поменять аальстовское серебро на местную валюту у менялы была еще та песня.
Не знаю, что за монеты, долдонит, никогда не видел таких! И все тут! Кое-как, со скрипом и плясками, поменял их по цене металла, сильно проиграв в цене и одновременно поняв, что связи с княжеством, куда я собирался вернуться, нет никакой. Иначе бы меняла не удивлялся виду монет. Все непросто под луной! Луна тут, кстати, тоже была. Только цветом не серебристая, как на Земле, а какая-то зеленоватая. Но смотрелась так же неплохо. Но Сихот с ней, с луной! Больше меня волновали в данный момент не местные красоты, а отсутствие у меня денег. Я находился в стесненных обстоятельствах, и тратить мои небольшие финансы на ненужное, а тем более девок, не было абсолютно никакого желания. Однако и выделяться из общего фона, вызывая к себе излишнее внимание, тоже не хотелось. Одежду я уже сменил. Мой камзол, в котором я так стремительно бежал с помолвки, за время двухнедельного скитания по пустыне поистрепался и приобрел весьма затрапезный вид. Ну не был он рассчитан на такую эксплуатацию! Поэтому я сдал его на тряпье, или на что там еще, барахольщику, а сам прикупил местного прикида, надеясь слиться с окружающими. Хотя сразу было понятно, что для того чтобы не выделяться, нужно еще вести себя, как окружающие… Вот как раз сейчас на местных я и не похож… Ладно, напустим туману для маскировки.
– Уважаемый Бинко, – проникновенно начал я, – вы слышали про такую вещь, как любовь? Я берегу себя для той, единственной…
Я постарался сделать физиономию поодухотворенней и закатил глаза к потолку.
Услышав, что я сказал, трактирщик тоже кое-что сделал с глазами – он их изумленно выкатил…
– Как можно! С терпежа-то такого с единственной потом чего-нить случиться может! Известное дело, как оно порой бывает, когда с голодухи до еды дорываются!
М-да, Бинко, похоже, прагматик, твердо стоящий на земле… Бывалый…
– А про платоническую любовь ты слышал? – вздохнул я.
– Да чего ж платоническую-то? Вон бабы рядом ходят, живые! И вам радость, и им деньги! Им же тоже жить нужно!
Ага, щас я прямо-таки всплакну на тему рикши, который лег голодным, потому что я на нем не проехал! Нет уж, дудки! Свой желудок ближе к позвоночнику!
– Возможно, вы правы, уважаемый Бинко! Вы старше и наверняка повидали больше, чем я! – плеснул я меду на самомнение трактирщику. Может, скостит потом цену за проживание? – Я подумаю, над тем, что вы сказали. Вполне возможно, что мне стоит поменять свои жизненные принципы, – продолжил я, – но знаете, Бинко, смена принципов – дело не одномоментное и не быстрое… Тут время нужно! Понимаете?
Бинко с важным видом кивнул головой, одновременно расцветая улыбкой: да, мол, понимаю, принципы это серьезно! Меда я, похоже, капнул ему куда нужно… Но трактирщик тут же постарался застолбить возможный доход, испортив красоту разговора о высоком:
– Только, господин Эриадор, когда смените свои принципы, приходите ко мне! У меня самые лучшие девки! Самые красивые, длинноногие и умные!
А ум-то им зачем? Вместо ума нужно было про сисястость сказать, подумал я про себя.
– Хорошо, договорились, – с уверенным видом кивнул головой я, как будто действительно намеревался выполнить обещание.
Надеюсь, теперь он отстанет от меня со своими девками? Нужно валить отсюда, а то так и буду слушать его бред… Бинко, похоже, настроен поговорить…
– Пойду пройдусь, – сказал я трактирщику, намекая на окончание разговора, – ноги разомну!
– Да, хорошо! Погода нынче хороша! – явно разочарованно закивал головой тот.
Я еще раз кивнул ему и, толкнув дверь, вышел на улицу. Фига себе хорошая погода! Солнце! Жарища! На перевале жара как-то не ощущалась, но, спустившись вниз, я был удивлен, насколько тут жаркое солнце.
Прямо как в пустыне! Уж на что я люблю солнце, но и мне пришлось малость попривыкать, чтобы ходить по улице. В серых песках было легче. Может, потому что при деле был? Когда при деле, всякие трудности легче переносятся… По крайней мере, у меня…

Сунув руки в карманы, я неторопливо, вразвалочку, пошел по улице, стараясь держаться в тени домов. Мысли у меня текли неторопливо, в такт неспешной походке. Я обдумывал план действий. Два дня после прибытия в сей славный город Ортольф были заняты устройством, налаживанием быта и ознакомлением с местными реалиями. Сегодня был первый день, когда я вроде бы решил все текущие проблемы и мог заняться долгосрочным планированием. Самым главным пунктом плана, несомненно, был вопрос о встречной шутке Хель. Потом – свалить отсюда. Это, так сказать, глобальная задача. Второй частью моего марлезонского балета был сбор информации об этом убогом мирке. Задача – найти дорогу в княжество Аальста, чтобы забрать книгу и дорогу отсюда вообще, если получится. Ну и третья, лежащая буквально на поверхности, – где взять деньги? Не хотелось бы доводить дело до состояния, когда мне банально жрать нечего и живу я на улице…
Думаю, что деньги Доминго в конце концов принесет, но жить нужно прямо сейчас, так что мне необходим еще один источник дохода… Свой. Независимый… Может, завтра Доминго трамвай банально переедет! И денежки мои тю-тю! Ну не трамвай, нету их тут… Ну так, прирежет его кто-нить по пьяни в кабаке или за углом… Городок тут тот еще! Веселый… За два дня пребывания тут я уже успел слегка ознакомиться с местным контингентом. Рожи у некоторых были из серии не для ночных встреч…
М-да, но все же где бы мне разжиться деньгами? Хорошо на Земле было! Притащили золото с собой, и никаких проблем! А тут придется что-то делать. Причем не роняя княжеского достоинства… Добывать хлеб насущный тяжелым трудом я не собираюсь. Ибо не княжье оно дело! Буду князем, пока не припрет. А поскольку пока не приперло, то подумаем…
Итак, чего бы я мог тут поделать? Ну… начнем с самого доходного – торговля наркотиками. Прибыльно. Не спорю… Но вряд ли осуществимо. Думаю, что местный криминальный мир вряд ли обрадуется конкуренту. И у меня будут проблемы… С их-то рожами! Не, будь я в своем нормальном теле, я бы не очень озаботился мнением местных бандитов, но сейчас… в ненормальном теле… Придется учитывать их пожелания, вздохнул я.
Так, следующее по списку высокодоходное занятие – фальшивомонетчик. Тоже… малоосуществимо. Нужно будет обзаводиться инвентарем, базой… Это деньги, время и кандалы на ногах. Не бросишь же потом все это! А я собираюсь в ближайшее время отсюда свалить. Опять же криминал будет недоволен…
Что там у нас еще есть из пороков? Винно-водочный бизнес и табакокурение? Курящих тут я не видел, а производство водки налаживать – это почти как с клише для фальшивых монет. Имущество, которое потом не бросишь… Тоже зачеркиваем.
Игра на деньги? Хм… Казино неплохих денег стоит… И тоже имущество, которое не бросишь…
Шулером заделаться? Может, используя свою способность видеть магию, я смогу заглядывать в карты? Хм… нужно будет попробовать… Однако что-то сомнительно мне. Уж коли до меня магия тут была, неужели я один додумался до этого? Скорее всего, на таких умных, как я, тут уже давно средства противодействия есть… Хм… Ладно, поставим галочку… Уточним.
Что там осталось? Проституция… Открыть бордель? Тоже дорого. Да и этот вид услуг прямо на местах предлагают, вспомнил я Бинко. Ясно, что у них дешевле будет! Клиент уйдет туда, где дешевле…
М-да, безрадостно, невольно почесал я себе затылок. И что же мне делать?
Ладно, поступим хитро! Возложим решение задачи на подсознание! Оно мудрое, в нем миллионы лет эволюции хранятся. Так по крайне мере на Земле в книгах пишут, так вот пусть оно и решает проблему. А я пока пошарахаюсь по городу, поглазею… Подсознание, ты поняло задачу?
Так, балагуря сам с собой и глазея по сторонам, я неспешно брел по улицам, надеясь, что так или иначе, но я придумаю, как решить мои проблемы.
Городок был так себе – средневековое зодчество. Мостовые, стены домов – все серый камень.
Над городом, на холме, крепость местного властелина. Тоже камень и тоже серый. Башенки, флаги, подъемный мост. За холмом с замком, чуть в отдалении, торчит здоровенная голая скала со скошенной плоской верхушкой. Тоже из камня и тоже серая. И ни тростинки зелени в поле моего зрения.
Унылый каменный мир… Как тут можно жить? Наверно, и рожи у местных поэтому такие безрадостные. Жизнь среди камней… Я бы тоже, наверное, как тролль выглядел…
Ноги вынесли меня на небольшую площадь, уставленную крытыми торговыми рядами – местный рынок. Побродив по рынку и приценившись от нечего делать к паре деревянных весел, я вышел на его другой конец, размышляя над вопросом, где они тут плавают? Если

есть весла, то к ним в комплекте обычно идет лодка. А к лодке в комплекте прилагается река.
Интересно было бы посмотреть, что тут за река такая? В такую жару искупаться – это же блаженство!
Неожиданно, на крайнем доме, возле которого заканчивались торговые ряды, мне попалось на глаза объявление: «Пишу письма. Документы. Господин Жеадан».
Надпись была выполнена на широкой белой доске красивым каллиграфическим почерком и обрамлена рисованной рамкой с хитрыми завитушками.
– Хм… – сказал я себе, – хм. А ведь это идея! Грамоте, благодаря Хель, я обучен. Причем пишу на всех известных языках мира (правда если мне их покажут!). Думаю, что такую услугу тут никто не предложит, кроме меня. И работа не зазорная для моего княжеского титула. Интеллектуально и чистенько. Хм… А неплохо придумано, Джузеппе! Только вот как тут со спросом на такие услуги? Дощечка явно требует, чтобы ее освежили…
Я присмотрелся внимательнее к объявлению.
Точно, в обед сто лет! Видать, не шибко тут сильная переписка идет…
Я обернулся и окинул взглядом базарную площадь.
М-да, с такими рожами только письма писать – судя по количеству интеллекта на лицах, письма местные пишут так же часто, как тут идет снег…
Я задрал голову к голубому безоблачному небу, в котором радостно светило неутомимое солнце.
Эх, полетать бы, подумал я, с сожалением оглядывая распахнутый небосвод. Красота-то какая!
А зачем мне запрягаться в работу писаря? Я же рисовать умею, неожиданно пришла в голову мысль. А если предложить народу рисованные письма? Типа комиксов? Такого тут, наверное, точно нет! Отличная идея! Ммм… А потом ведь еще можно кое-что рисовать. Например – веселые картинки. Обнаженные местные самки в разных позах! Уж нарисую. Зря я, что ли, столько времени всякую бурду в Интернете на Земле по первой изучал? Вот и пригодилось! Кто бы мог подумать… Местные от землян телосложением не отличаются, так что, думаю, мои рисунки будут пользоваться спросом. На секс всегда есть спрос… Это я на Земле четко понял.
Йес! Я щелкнул пальцами от красоты идеи – самое то! Чистенько, интеллигентно и интеллектуально. Княжья работа!
Так, значит, мне надо купить бумагу и чем рисовать, прикинул я последовательность своих действий. Потом договориться с Бинко, сколько он хочет получать за то, что я у него открою свой бизнес… Потом рекламу нужно сделать… Вроде бы и все. Хлопот немного получается… Это хорошо. Значит первое – бумага!
Приняв план действий, я вернулся обратно на рынок и принялся расспрашивать у торговцев, где тут можно купить бумагу.
Очень скоро мне дали наводку на лавку, где продавали писчие принадлежности.
Я вышел с рынка и свернул в лабиринт узких городских улочек, следуя указанному маршруту. И очень скоро я набрел на искомую лавку. Над входом, на двух цепях, висел кусок доски с малость уже выгоревшим изображением раскрытой книги.
«Книги. Редкости» – лаконично значилось под вывеской.
Похоже, это где-то тут, подумал я, разглядывая вывеску над лестницей, ведущей вниз.
Лавка располагалась в полуподвале. Я спустился по короткой каменной лестнице и толкнул рукой плотную дверь из солидных досок с темным массивным железным кольцом вместо ручки. Дверь неожиданно легко открылась, повернувшись на хорошо смазанных петлях.
Дзинь-бряк – звякнул над головой колокольчик, повешенный над дверью.
В лавке было прохладно и тихо. Большое пространство полуподвала было уставлено рядами деревянных шкафов, отгороженных от входа лакированной деревянной стойкой-прилавком светлого дерева.
Вау-у-у! Какой стильненький подвальчик! У меня невольно вырвался вздох восхищения, когда я огляделся.
Ровный пол выложен светлыми камнями разных форм, небольшие промежутки чуть более желтого раствора между ними. Стены, уже из более серого камня, с полусводами к потолку, узкие вертикальные окошки с облицовкой из черного дерева и желтоватыми стеклами за тонкой решеткой из прутьев, по виду похожих на бронзу. С потолка на коротких цепях свисают темно-красные металлические светильники. Деревянные шкафы из темного дерева с лежащими на их полках коробками, свитками и книгами в темных переплетах. Пахнет деревом, бумагой, кожей и, кажется, сладкими духами.
Я бы тоже от такого подвальчика не отказался! Прямо дизайнерская работа!
– Добрый день! Чем могу быть полезен? – Откуда-то из-за ряда боковых шкафов вышел человек в просторном сером одеянии, похожем на мантию, с расшитым серебром

воротником и встал за прилавок. Мужчина был в возрасте, моего роста, с темными волосами, с сединой на висках и множеством мелких морщинок в уголках глаз, как будто ему приходилось часто улыбаться. Глаза у него были хорошие – серого цвета, ясные, и в них чувствовался ум.
– Добрый день, – ответил я, – мне нужна бумага.
– Бумага? Какая именно? Обычная, писчая, писчая высшего качества, оберточная… Неплохо. Каково предложение! Прям как в супермаркете…
– Мне нужна бумага для рисования… И тонкие грифели, чтобы рисовать…
– Один момент! – ответил продавец и ушел куда-то в глубь шкафов.
Через минуту он вернулся, неся две стопки бумаги и пару коробочек, наверное, с грифелями.
– Вот, прошу вас, выбирайте! – сказал он, ставя принесенное передо мной.
– Благодарю, – кивнул головой я и принялся рассматривать товар.
Бумага была хорошая, гладкая, как раз для рисования. Грифельки тоже были нормальные – тоненькие и плотненькие. Не должны были крошиться. Товар мне понравился, единственное, что не понравилось, так это цена. Она практически обнуляла мои денежные средства.
Это меня категорически не устраивало. Я попытался поторговаться, но ничего хорошего не вышло. Продавец хоть с виду и был улыбчивая душка, но интерес свой блюл строго и цену не скидывал. Так, пустячок какой-то для вида.
Пришлось поумерить свои аппетиты, взять бумагу посерее и совсем чуть-чуть.
Ладно, пущу это на рекламу! Заодно посмотрим, как пойдет! Если плохо, то потрачу меньше. Тоже несомненный плюс…
Я расплатился, и продавец приступил к процессу упаковки.
– А какие книги у вас есть? – спросил я, наблюдая за неспешным заворачиванием моей небольшой покупки в кусок уж совсем дрековской бумаги.
– А что вас интересует? – не отрываясь от действа, спросил продавец.
– Меня интересуют книги о порталах. Особенно о межмировых… – сказал я.
– О! Книги о магии? – приподнял брови продавец. – Увы, юноша, я вас разочарую. Таких книг у меня нет. И вряд ли вы вообще где-то найдете здесь магические книги!
– Да, и что так? – наклонился я к нему. – Они что, под запретом?
– Нет, ну почему, – удивился тот, – совсем нет! Но вы, как я вижу, прибыли издалека, если задаете такие вопросы. Откуда вы?
Я прикинул, что информация, полученная от этого с виду совсем неглупого человека, могла быть весьма ценной, и решил открыть свое инкогнито. Хотя я, честно говоря, не знал, имеет ли тут хоть какую-то ценность мое инкогнито или нет. Или тут, как в московском метро: всем в сущности плевать, в чем ты одет, лишь бы не пах и не пачкался?
Я поведал историю моего появления в этом городе, благо я ее уже рассказывал искателям. История понравилась. В обмен на мою басню Парелус, так звали продавца, мы с ним познакомились в процессе разговора, рассказал мне о местных реалиях.
Оказывается, все магические книги делились тут на две категории – современные книги и древние. Первые можно было найти в магазинах, владельцам которых соответствующий директорат при Верховном совете магов выдал разрешение на торговлю. Свободное распространение книг магами не приветствовалось. Причину этого Парелус мне не объяснил, но мне в общем-то и неинтересно. Их книги, пусть что хотят с ними, то и делают. Какое мне дело? Книги древних магов были отдельной статьей. Мало того что они были сами по себе очень редки, так еще за ними велась настоящая охота как со стороны магов, так и со стороны членов Светлого ордена. И стоили они сумасшедших денег – суммы измерялись сотнями золотых. Владелец книги, похоже, испытывал просто адские мучения. Зеленое животное, под названием жаба, наверное, так душила владельца при озвучивании сумм за книгу, что бороться с ней у него не было никакой возможности.
– Хотя честно говоря, не совсем понятно, за что такие деньги… – разоткровенничался Парелус, – написаны они на древнем языке, который уже никто не помнит… Хотя если берут, то, значит, надо. Может, где-то есть переводчики… – задумчиво закончил он, поставив локоть на прилавок и подперев рукой подбородок. – …Так что если вам нужны магические книги, молодой человек, то я советую вам отправиться в столицу, славный город Тайлор! Там есть магазины, торгующие магической литературой. Увы, но тут таких магазинов вы не найдете. Кроме того, в столице полно квалифицированных магов, которые наверняка помогут вам решить ваши проблемы с магией!
Решить проблемы с магией? Это было бы неплохо… А то что-то никаких изменений, хоть я и стараюсь каждый день заниматься… Похоже, действительно придется ехать в столицу…
Я поинтересовался, где это и как туда добраться. Парелус вытащил из шкафа карту и расстелил ее на прилавке. Карту! Первую увиденную мной в этом мире карту, похожую на

нормальную! Я с интересом разглядывал кусок мира, доступный для изучения. На карте была изображена только империя Элитания, в которой я сейчас пребывал, и земли государств, с которыми она граничит.
Судя по карте, находился я на самом ее верху и соответственно на самой окраине империи. Выше были только горы и белое пространство с надписью «Серые пески».
Княжество Уртхейм тоже располагалось в окружении гор. Сверху широкая горная гряда перед песками, слева и справа – более узкая, отделяющая его от соседей. Ниже еще одна горная цепь. Во всех этих перегородках были обозначены места проходов. Судя по карте, княжество сообщалось с внешним миром через четыре перевала. Южный проход в горах, собственно, и вел в глубь империи, к ее столице.
– Вот ваш путь, – провел Парелус пальцем по карте сверху вниз, перечисляя названия княжеств и городов, которые попадутся мне на пути.
– И сколько примерно потребует времени путешествие до столицы? – поинтересовался я у него.
– Ну… я думаю, недели три… или чуть больше… смотря как дороги… – ответил он.
Чудненько! ТРИ недели на ЛОШАДИ! Об этом можно только мечтать… А нет ли у них тут более комфортабельного транспорта типа дилижансов каких-нибудь или почтовых карет?
Я задал вопрос и узнал, что да, есть что-то типа почтовых карет, которые регулярно курсируют между городами, но это дорого, и проще добраться с попутным транспортом, автостопом, так сказать… Тут всплыла неприятная новость. Оказывается, жителям империи было необходимо иметь при себе документ, подтверждающий личность. Без него путешественник автоматически переводился в статус бродяги, а дальше его будущее зависело от настроения и причуд хозяина земли, на которой его поймали. Причем паспорта имело только дворянское сословие. Поскольку тут царил феодальный строй, то население делилось на две категории – дворяне и все остальные. Все остальные были собственностью дворян и если болтались сами по себе, то считались бродягами. А вот дворянам полагался документ, подтверждающий их статус.
Ну, здорово, ну и мирок! Матрасов нормальных делать не научились, а паспорта уже придумали! Ладно, ну и как получить этот портфолио?
С этим оказалось тухло. Поскольку империя периодически «дружила» с соседями, то все чужаки рассматривались как потенциальные шпионы. Для получения документа требовалось оформление прошения с подробным объяснением, почему я так хочу жить в этой прекрасной стране, подробной биографией и списком людей, которые тут могут за тебя поручиться, или, другими словами, кого вешать, если меня не смогут поймать в случае чего…
– И сколько времени длится рассмотрение прошения? – поинтересовался я, начиная догадываться, что легализация тут будет делом непростым.
– Когда как… – растягивая слова, произнес Парелус, – обычно от полугода до года… Правда, можно заплатить за ускорение процесса рассмотрения прошения… но это дорого и все равно несколько месяцев. Быстрее всего это можно сделать в столице…
Мыслимое дело, в столице колеса бюрократии всегда быстрее крутятся… Смазки там гораздо больше, чем на периферии… Только вот как добраться без документов до столичных взяточников, чтобы сделать документы? Похоже, это чисто бюрократический прикол…
– А какие-нибудь другие способы получения документов есть? – делая невинное выражение лица, поинтересовался я у Парелуса.
Оказалось, что нет. Документы магически защищались от подделки. Для этого на них ставилась особая печать. Когда владелец документа прикасался к ней, то она начинала светиться, подтверждая, что документ выдан именно этому человеку. Одновременно светился и текст, показывая, что печать не перенесена с другого документа. Поскольку документы делались в присутствии заказчика с использованием его ауры, то подделать такой документ было совершенно невозможно. Единственное, что можно было сделать – написать какую-нибудь фигню в тексте. Но для этого требовался сговор двух умников, которые при необходимости очень легко вычислялись по отпечаткам аур, вложенным в печать. Маг ведь тоже вкладывал в нее свою ауру. Изготовлением таких хитрых документов занимались маги определенной специализации – изготовители магических вещей…
Артефакторы, перевел я на привычный мне язык услышанное.
Артефакторы были тут чем-то вроде земных нотариусов. Заверяли все документы и, похоже, так же, как и их тезки на Земле, имели с этого неплохие деньги.
Наверняка они делают и «левые» документы, но стоить это будет… Даже только найти желающего, готового рискнуть доходным местом ради разового заработка… Не имея ни

знакомств, ни связей… Утопия! Хотя в принципе все вопросы решаются, были бы деньги… Только вот их как раз и нет! На пару листов бумаги не хватает…
Я вздохнул. Тут мне в голову пришла другая мысль, которую я поспешил озвучить.
– Так это что, если у меня нет сейчас документов, подтверждающих, кто я такой, так, значит, меня в любой момент могут принять за бродягу? – спросил я.
– Не беспокойтесь, – отрицательно покачал головой Парелус, – наш князь закрывает глаза на многие вещи. Вы можете спокойно ходить по улицам, никто не будет требовать с вас документов. Ну… если только вы не совершите чего-нибудь этакого, что потребует судебного разбирательства. Вот тогда с вас и спросят, а так нет.
– А что так? – поинтересовался я.
– Все просто, – ответил Парелус, – княжество бедное, ничего тут нет. Плюс еще постоянные засухи… Солнце сами видите какое! Так что искатели – тут, пожалуй, единственный стабильный источник дохода. А они люди с проблемами. Будет ли кто без проблем, просто так, ходить в пустыню в пасть к демонам? Нет, и такие, конечно, есть! Но очень мало… Открою вам секрет, Эриадор, если вы еще не поняли. Среди искателей почти нет благородных людей… Вы понимаете меня?
Парелус внимательно посмотрел мне в глаза.
– Вполне, – кивнул в ответ я.
Что тут непонятного? Бродяги, одним словом, как бы их назвали в других княжествах. Сбежавшие от господ и выбравшие между разбоем на дорогах и виселицей нечто третье – походы в пустоши. А местный князь собирает с них каким-то образом деньги и глаза закрывает на то, что по законам империи их вешать, наверное, всех нужно. Если с искателей документы требовать – разбегутся… нету их у них. А искатели разбегутся – дохода не будет. Все просто, как дважды два… Голая экономика. Значит, придется изучить местные законы, дабы чего не нарушить… Я ведь сейчас, как черепашка-ниндзя, потерявшая в канализации панцирь. Весь такой мягкий и нежный… Лучше, как говорится, не отсвечивать…
– А у вас есть сборник законов? – поинтересовался я.
– Один момент! – одобрительно глянул на меня Парелус и ушел за шкафы.
– Вот! – спустя пару минут сказал он, выкладывая на прилавок довольно толстый фолиант.
– И сколько это стоит? – кисло поинтересовался я, разглядывая объемный труд.
– Тридцать серебряных монет, – сказал он и, глядя на мою скривившуюся физиономию, добавил: – Совсем недорого по сравнению с ценой жизни, не так ли?
– В сравнении с жизнью – да! – согласился я.
Только вот нет сейчас этих тридцати монет! И что потом делать с этой книгой? Таскать за собой? Тяжеленная, сказал я себе, взвешивая книгу на руке. М-да…
– Вы знаете, уважаемый Парелус, – решил я проблему по-другому, – в самое ближайшее время я планирую много путешествовать, вернуться домой… Понимаете?
Парелус кивнул.
– Так вот, – продолжил я, – боюсь, что эта книга не скрасит мою дорогу. Она тяжелая, и ее содержание наверняка не вызовет желания ее перечитывать…
– Это уж точно! – усмехнувшись, перебил меня Парелус.
– Мне, собственно, нужно ознакомиться с законами… – сказал я, – сама книга мне не нужна. Если бы я заплатил только за прочтение книги, вас бы это устроило?
– Хм, почему бы и нет? – пожал плечами Парелус. – Свод законов это действительно не та книга, которая скрасит отдых у костра, однако хочу сказать, что вы не заметили у нее одного несомненного качества, молодой человек!
– Это какого? – поинтересовался я.
– При необходимости ею можно будет легко отмахнуться от лихого человека на дороге! – с совершенно серьезным видом сказал Парелус.
М-да… Если приложить с разворота, мало никому не покажется, подумал я, еще раз оценивающе окидывая взглядом фолиант, – серьезный труд!
Я поднял глаза на Парелуса и увидел в уголках его глаз смешинку.
Да он смеется, понял я.
– Это будет невыразимой жестокостью… – с серьезным видом сказал я, отвечая на шутку, – ведь наверняка при ударе по голове лихого человека часть содержимого этой книги переместится ему в голову! Просто страшно подумать, какие мучения будет испытывать бандит с большой дороги, обнаружив у себя в мозгах свод законов империи! Нет! На это я пойти не могу!
– Вы думаете, это будет жестоко? – уже откровенно улыбаясь, спросил Парелус.
– Просто невыразимо! – подтвердил я, тоже широко улыбаясь.
– Да, об этом я как-то не подумал… Ну что же, Эриадор, однако я вижу, вы сейчас не при деньгах! Появятся – приходите! Я думаю, мы договоримся, сколько будет стоить прочтение

этой замечательной книги! – Парелус смачно похлопал ладонью по кожаной обложке свода законов. – Договорились?
– Договорились! – кивнул я.

– И… эти… побольше им нарисуй!
– Сиськи?
– Ага!
– Хорошо! Сиськи побольше…
Я принимал заказ у очередного клиента. Прошла уже неделя с небольшим, как я занялся бизнесом. Все оказалось достаточно просто. Купив бумаги, я вернулся в таверну и сделал несколько рисунков. Один был шаржем на Бинко за стойкой, другой был рисунком искателя, стоящего на груде сокровищ с повисшими у него на плечах двумя грудастыми девицами. Поверх картинки шла дугообразная надпись: «Привет из пустошей!» На третьем рисунке я изобразил молоденькую самочку, которая, прогнув спинку, стояла в очень интересной позе. Сделав рисунки, я понес их показывать Бинко, надеясь, что у него все нормально с юмором. Волновался я зря. Бинко себя сразу узнал и, поняв, что это просто шутка, долго смеялся, восхищенно разглядывая рисунок.
Подождав, пока он отсмеется, я начал разговор с ним о совместном деле, используя, так сказать, позитивный момент. На мое удивление, Бинко схватил идею на лету и дал согласие. Мы с ним, конечно, попрепирались насчет причитающихся ему процентов, но довольно быстро пришли к «общему знаменателю», устраивающему нас обоих.
– Только вот таких не рисуйте! – в конце разговора сказал Бинко, тыкая пальцем в третий рисунок.
– Каких таких? – спросил я.
– Худых. Ребята любят попышнее. А эту будто не кормили никогда…
То, что ребята «тут любят попышнее», в этом я сам имел в скором времени возможность убедиться.
Худышки тут были не в чести. Если уж баба – то ух! Размер груди от четырех и выше! Да мне, собственно, было все равно, что рисовать. Не жалко. Нравится людям – пусть смотрят!
Я нарисовал стопку «пышечек» и отдал Бинко на продажу, с расчетом по факту. У него это хорошо получалось – с таинственным видом и из-под стойки. Оттуда товар уходил гораздо быстрее, чем с открытого лотка. Может, народ думал, что это контрабанда? Не знаю, что там на самом деле думали, но бинковская стопочка таяла быстро, радуя меня приятным звоном монет в конце дня. Моя придумка оказалась верной. Такого действительно тут ни у кого не было, и народ ко мне потянулся. Правда, пытались разок побить, но я удачно разрулил ситуацию. Пришла компания, неплохо посидели, а один возьми да закажи шарж на друга. Ну я нарисовал. Когда компания увидела рисунок, она натурально уползла под стол от смеха, а шаржированный, с лицом, красным от гнева, кинулся бить мне морду. Но мне его удалось перехватить и направить его энергию в мирное русло. Хорошо, он оказался не вусмерть пьян и понял, что я ему говорю. В результате компания весь вечер заказывала друг на друга шаржи, и я весьма неплохо заработал. Однако после этого случая я стал очень аккуратным с такой публикой. Рассмешить выпившего – дело несложное, порой палец покажи – уже смеется. Только вот и по морде получить тоже недолго…
Заказывали мне и письма-комиксы. Выглядело это так: на первой странице – отправитель с поднятой рукой в крутом прикиде искателя с подписью вроде: «Привет, Вася, это я, Петя! Помнишь меня?» Далее: «Я вот хожу по пустоши (картинка – отправитель на лошади на фоне барханов), вчера мы нашли сокровища (картинка – отправитель у груды монет и торчащих из нее граненых камней), а потом мы классно погуляли (картинка – таверна, за ломящимся от еды столом отправитель, сисястые девки с кружками в руках и пьющие-жрущие товарищи)». И подпись на последнем листе: «Приезжай, Вася, тут здорово!»
Сначала я рисовал азартно, с интересом, затем мне стало это как-то надоедать. Одно и то же! Туповатый контингент тут все же… Никакой фантазии… Скучно…
Но скучно, не скучно, а денежка пошла. На жилье и еду уже хватало, и кое-что еще сверху оставалось. Но это решило только насущные проблемы, а для решения стратегических задач типа поездки в столицу и обзаведения документами это были сущие слезы. Но я не роптал, а работал, рассчитывая что-нибудь придумать и совершить качественный скачок, который позволит заработать сразу много денег. Поэтому и сегодня я сидел в своем углу и принимал заказ на очередное письмо-комикс. Дело близилось к вечеру, в таверне собирался народ, уже была хорошо погулявшая компания, которая активно шумела за столом в другом конце зала. Тут еще притащился местный менестрель – тощий тип с козлиной мордой – и начал завывать под свою арфу. Я, когда первый раз его увидел и услышал, своим глазам и ушам не поверил. Это с таким репертуаром, голосом и инструментом он

собирается деньги зарабатывать? Не, ничего, слушали и деньги кидали. Пипл тут хавал все! Вот и сейчас он исполнял какие-то баллады по заказам веселящихся. Я слушал краем уха и тихо ехал крышей. В данном случае более уместными были бы какие-нибудь похабные частушки, деревенские песенки, а никак не стенания про рыцарей и драконов. Но пьяной компашке, похоже, нравилось, они периодически просили его что-то спеть и потом кидали ему медяки.
– Хорошо, – сказал я заказчику, – завтра после обеда будет готово!
– А что не сегодня? – спросил тот.
– Так ведь рисовать много! Да и свет уже не тот! – Я кивнул головой в сторону темнеющих окон. – Вечереет! Если хочешь сегодня, то это будет срочная работа, в три раза дороже!
– Э… лучше завтра!
– Договорились! Тогда удачи!
Поняв, что разговор закончен, заказчик распрощался и вылез из-за моего стола. В принципе работы там было на час, но рисовать сейчас мне было просто в лом. Еще этот козломунустрель со своими завываниями…
– Ила, принеси моих любимых сухариков и компотика! – затормозил я за юбку пробегающую мимо разносчицу с подносом.
– А вина вы не желаете? – обернулась та, поудобнее перехватывая поднос, который она держала на уровне плеча одной рукой.
– Напоить меня хочешь? А потом что-нибудь сделать со мной, беззащитным? А? Признайся!
– Скажете тоже! – Ила сделала вид, что смутилась, и, наклонившись вперед, потянула у меня из руки юбку. – Отпустите, принесу!
Ну неси, неси, подумал я, отпуская ее. Ага, смутилась она! Тут такое по вечерам говорят – уши трубочкой заворачиваются…
Разносчицы у Бинко были отборные. С грудями, как с рекламы немецкого пива, и широкими звонкими задницами, по которым их так любили хлопать посетители таверны. Носили они серые просторные юбки до пят и серые блузки, в вырезе которых была видна верхняя часть пышной груди. Разносчицам я нарисовал по портрету, изрядно, правда, приукрасив образец.
Это я сделал так… по случаю своего хорошего настроения и с заделом на будущее – мож, пригодится. Хорошие отношения – вещь стоящая, особенно если она тебе ничего не стоит…
Так что девчата со мной дружили, что, впрочем, не мешало им периодически пытаться подсунуть мне что-нибудь алкогольное и дорогое или намекнуть, что если кто-нибудь будет поактивней, то в этом мире все возможно… Но я им не поддавался, решив для себя, что они и так нормально имеют, обсчитывая пьяных посетителей и трахая клиентов с дикими воплями и стонами в каморке у кухни. Не про вас мой цветочек рос…
Ила принесла мне большую глиняную миску с сухариками и кувшин компота из ягоды, похожей на вишню. Очень вкусно слегка размачивать сухарики в кружке с компотом, а потом догрызать их. А вино тут – сплошная кислятина, бррр! Еще и разбавленная. А пиво… не знаю, не пробовал, но, наверное, такой по вкусу должна быть ослиная моча. То ли дело на Земле! Шампанское… Бейлиз со льдом… Я погрузился в приятные воспоминания о Земле, о том, что и когда я ел и пил…
– Светлый князь, гроза драконов, вынул меч Дерадикон! – взвыл пронзительным тонким голосом менестрель, выдергивая меня из приятных грез.
– Сколько же тебе нужно, чтобы ты наконец заткнулся? – вздрогнув от неожиданности, совершенно искренне громко спросил я, забыв, где я и что я…
В зале таверны возникла пауза. Тип с арфой заткнулся на середине строки, вытаращив глаза.
Тишина… что-то затянувшаяся… Подозрительная, я бы сказал, тишина…
– Это кому тут не нравятся наши песни?
Ну так и есть! Здоровый мужик из компании, которая весь вечер прикармливала менестреля монетами, солидно поднялся из-за стола и навис над ним, упершись в столешницу сжатыми кулаками.
– А? Не слышу!
Прелюдия к банальной трактирной драке, подумал я, опуская руку на сумку с кинжалами. Появившиеся от бизнеса деньги позволили мне сделать у скорняка нужную сумку, и кинжалы были всегда со мной. Только вот не слишком их много для меня одного? И не будет ли потом судебного разбирательства? До книги законов я так и не добрался. Решал другие проблемы, да и, честно говоря, неохота мне было ее читать…
– Что, язык проглотил? – продолжили эскалацию конфликта из угла. Рядом со стоящим поднялись еще двое и так же уперли кулаки в стол.

Я окинул взглядом их фигуры и определил: орангутангус обыкновенный, причем здоровый. Ладно, попробуем для начала поговорить… Если че, тапки в пол и ходу! Бегаю я быстро – пьяные не догонят. Главное, чтобы в угол не зажали и выходы не перекрыли. Фигня! Прорвемся!
– Уважаемые, вас гнусно обманывают! – громко сказал я, обращаясь к восставшим фигурам. – То, что вам предлагает данный исполнитель, на самом деле является низкопробным ширпотребом и сомнительной квинтэссенцией героических эпосов, исполняемых инструментом и голосом, совершенно не подходящими для передачи энергетической составляющей героического произведения!
– Чего? – прилетело из угла после паузы.
– Петь он не умеет! И песни у него дурацкие! – уменьшил я количество информации в сообщении.
Снова пауза. В углу пьяными мозгами обдумывали услышанное.
– Врет он все! – свечкой взвился опомнившийся менестрель. – У меня лучшие песни! Я при императорском дворце выступал!
– Ага, – сказал я, – в театре! Эпизодическая роль осла за занавесом!
– Ах ты ничтожество, – задохнулся от злости тот, – завистник! Ничего сам не умеет, только на пустую хулу способен!
– Мои песни тебе и не снились! – прищурившись, сказал я, прикидывая степень агрессивности упертых в стол мужиков.
– Ну так, может, споешь? А мы оценим, кто лучше! – внезапно предложил мужик, вставший первым и, вероятно, главный в компашке. – Лучшего отблагодарим!
Мужик небрежным жестом извлек откуда-то из-за пояса золотой. В зале восхищенно ахнули посетители.
Ого! А вот это уже вызов! И никто меня за язык не тянул… сам вылез. Залезать обратно уже поздно… Хм… придется петь… А что я могу спеть? Без гитары… и вообще без ничего?
Ммм? А если? Точно! Отличная идея!
– Щас спою! – громко объявил я. – Из королевского репертуара! Пару минут на подготовку и спою. Устроит?
– Договорились! – хлопнул ладонью по столу мужик и начал усаживаться обратно, собираясь смотреть шоу. Его сотрапезники последовали его примеру.
Я выскользнул из-за стола и, перекидывая сумку с кинжалами через плечо, шагнул к трактирной стойке.
– Крикни, пусть с кухни принесут пару разделочных досок! – сказал я с удивлением смотрящему на меня Бинко, а я пока тут… дощечку подберу…
Пол в обеденном зале таверны был каменный, но перед стойкой был участок, застланный широкими деревянными досками. Я стал по очереди топать ногой по каждой из них, слушая, какой звук получается при этом.
Не то, не то… эта тоже… эта подгнила… О! Вот эта! Да, она!
– Доски! – сказал Бинко, держа в руках две небольших разделочных доски с ручками.
– Давай!
Так, что тут получается? Друг о друга?.. Не то… О стойку? Угу… пойдет!
– Ну что, споем? – обратился я к посетителям таверны, поскольку все уже давно бросили есть, пить и болтать, следя за моими манипуляциями.
– Пой! – махнул из угла рукой мужик, ставший внезапно главой жюри.
– О’кей, – кивнул я, – погнали!
Главное сейчас, чтобы голос не слетел с первой строчки…

Пум-пум-пу… м! Пум-пум – пу… м!
Наверное, с полминуты я отбивал ногой об пол и разделочными досками об стойку известный всем землянам ритм. Убедившись, что я из него не выпадаю, приступил к первому куплету, стараясь брать повыше:

Buddy you’re a boy make a big noise!

Playin’ in the street gonna be a big man some day…
[26]

А теперь припев:

We will, we will rock you!
We will, we will rock you!

Эх, где моя гитара!
Исполнив второй куплет, я кинул на стойку разделочные доски и стал хлопать в ладоши в ритме песни, повторяя припев.
– А теперь все вместе! – крикнул я.
Народ сначала не понял, чего я от них хочу, но потом до них дошло. Причем первым оказался руководитель жюри. Видать, творческая душа с нереализованным потенциалом… Минуты через две уже весь трактир хлопал руками, топал ногами и, раскачиваясь, распевал:

We will, we will rock you!

Так мы хлопали и пели минут пять с лишним. Увидев, что публика начала уставать, я свернул выступление.
– Сенкью! Спасибо! Сенкью! Понравилось? – закричал я, прыгая и размахивая поднятыми руками. Так я обычно заканчивал свои выступления на Земле.
– Да! – заревел трактир.
Как они слаженно! Не стадион, но все же… Приятно!
– А где этот, с арфой? – вспомнил я про менестреля.
Кинулись искать. Нету! Был, но куда-то делся. Так и не нашли! Золотой мне вручили как единственному участнику и победителю, я ответным жестом поставил на него всему трактиру выпивку, и веселье продолжилось.
– Отличная песня, Эриадор! – сказал Бинко, плюхая рядом со мной на стол четыре кружки с пивом. Он вылез из-за стойки, чтобы самолично притащить за мой стол пива. – Королевская! А что это за язык, и какие королевы ее поют?
– Это песня о том, как становятся королями, – сказал я. – Припев можно перевести как: «Я покорю весь мир!»
– Ну надо же! – покачал головой трактирщик. – И где же поют такие песни?
– У нас, на севере… в России… – уклончиво сказал я. Бинко был уже в курсе моей нелегкой судьбы и о том, как я сюда попал, спасаясь от разгневанного отца невесты. Сообщая ему эту информацию, я рассчитывал таким образом сгладить нюансы моего странного поведения в глазах окружающих. Иностранец, итить его! Что с него возьмешь? Только вот пребывая у Аальста, я как-то не удосужился выяснить, как называется его страна. Княжества да и княжества! А Бинко меня спросил. Странно было бы не знать названия страны, где родился и жил, не правда ли? Ну я ему и сказал, чтобы не придумывать, – Россия! Я там действительно жил, и там и вправду север. Почему не Эсферато? Не знаю… Итогом вечера стал просаженный золотой и куча приобретенных поклонников. Я счел это неплохим обменом, тем более что золотой с неба упал…

– Проходите, проходите, Эриадор! Вот сюда… – Парелус указал мне на проход между шкафами, – там у меня есть стол, и вы сможете спокойно почитать… Никто вас там не побеспокоит. Я, право слово, удивлен, что вы все-таки решились взяться за изучение законов. От молодых людей… ожидать добровольного изучения законов… Это удивительно.
– Судьба у меня такая, – сказал я, проходя в указанном направлении, – а от судьбы, как говорится, не уйдешь…
– Это да… У богини судьбы все уже записано…
Хотелось бы мне почитать эти записи… С ластиком и карандашом, а то прямо не знаешь, что день грядущий мне готовит! То эротические рисунки самопального изготовления продаю, то в таверне распеваю, развлекая местных аборигенов… Интересно, как низко я смогу еще пасть? Демон я или кто?
С утра у меня было кислое настроение. Вроде все неплохо складывается, но все же что-то было не так. Как-то несолидно. Ладно, я на Земле местных веселил, но хоть что-то из себя представлял. Не ровня, конечно, демонам, но у них была техника, Интернет, рок. Электрогитару я у них тоже взял. А тут-то что? Каменный век. И я, демон, высшее существо, развлекаю питекантропов в местной таверне, чтоб им веселее елось… Ужас

какой-то! А с другой стороны, что делать? Не обращать на них внимания и относиться к ним так, как они этого заслуживают? Я ж тогда гикнусь тут в одиночестве от скуки… Ну попал так попал…
Короче, с утра у меня в мозгах был не айс. Бинко еще туда добавил, предложив каждый вечер устраивать песенный марафон. Уж очень ему вчера понравилось, сколько посетителей на веселье набежало… Я уклончиво ответил, что подумаю, но мне после его предложения стало еще смурнее.
Нарисовав по-быстрому заказанное вчера письмо и добавив этим еще кислятины себе в настроение, я решил пойти к Парелусу почитать законы. Уж если портить настроение, то, как говорится, портить его до конца! Зато потом, в хороший день, не нужно будет насиловать себя, читая всякую тягомотную скукотищу…
Так! А это что тут у нас такое? Я резко остановился в проходе. Из бокового шкафа торчал гриф гитары.
– Что вы остановились, Эриадор? – спросил налетевший на меня Парелус, выглядывая у меня из-за спины.
– А что там у вас такое? – спросил я хозяина лавки.
– Где?
– Вот! – указал я рукой на заинтересовавший меня предмет.
– Позвольте! – Парелус, обойдя меня, протиснулся между мной и шкафом и, продвинувшись вперед, потянул гриф на себя. – Это гитара! – объявил он, снимая инструмент с полки шкафа.
Я уже и сам вижу…
– Вы позволите? – спросил я, протягивая руку.
– Пожалуйста, – сказал Парелус. – Вы играете?
– Немного… – уклончиво ответил я, беря в руки гитару. А еще танцую, пою и пляшу для низших форм жизни, добавил я уже про себя.
Так, и что тут у нас есть? Я покрутил гитару в руках. О! Семь металлических струн, все отпущены… чтобы не вытягивались… Красивый лакированный корпус из какого-то симпатичного дерева… Большой. Должен быть хороший звук…
– Можно? – спросил я Парелуса, начиная подкручивать колки, намереваясь настроить гитару.
– Извольте! – ответил тот, с интересом следя за моими действиями.
Натянув струны, я пробежал по ним. Звук мне понравился. Звонкий и чистый вверху и приятно басовитый снизу.
– Продается? – поинтересовался я, медленно переставляя пальцы на струнах и вспоминая, как это, играть на гитаре.
– Конечно! Тут все продается, – кивнул головой на шкафы Парелус, – только хочу вас сразу предупредить, молодой человек, что это эльфийская гитара и стоит она очень дорого!
Эльфийская гитара? Выкованная гномами в подземельях Моргота? А играл на ней Элвис Пресли? Ага… щас…
– И сколько? – хмуро спросил я.
– Пять золотых!
Обдираловка! За кусок доски и семь струн – пять золотых? Похоже, этот мир мне не по карману! Пока…
– И за что же такая цена? – поинтересовался я.
– Я же сказал, что это эльфийская гитара. А у них музыкальные инструменты – самые лучшие в мире! У вас разве эльфы не живут?
– Вымерли! – отрезал я. Откуда я знаю, кто тут где живет?
– Да что вы! – ахнул Парелус. – Кто бы мог подумать! Они же почти вечные!
– Жизнь полна внезапностей! – ответил я и, уводя Парелуса от скользкой эльфийской темы, спросил: – Сколько уступите?
– Практически ничего, молодой человек, практически ничего!
– Понятно… – вздохнул я, отпуская колки и возвращая гитару на полку. – Пойдемте тогда читать чудо-книгу!

– И они готовы взять еще! Говорят, в столице сейчас мода на украшения с камнями из пустошей! – Доминго прихлебнул пива из глиняной кружки. – Как вы на это смотрите?
Он уже полчаса сватал меня в поход. Заканчивалась уже почти вторая неделя, когда наконец он принес обещанный расчет. На меня пришлось почти восемь золотых.
Неплохо, подумал я, взвешивая тяжелые монеты в руке. Останется еще три…
Пять я знал, куда потрачу. Гитара мне уже успела два раза присниться. Купить ее стало идеей фикс. Попав сюда, я как-то не страдал без своего прежнего увлечения, но стоило взять в руки инструмент, как все вернулось. До зуда в пальцах. Так хотелось ощутить под

ними струны! Я прошерстил город в поисках чего-нибудь подходящего и более дешевого, но, увы, музыкальные инструменты тут были самыми последними в ряду необходимостей местных жителей. Нашел одно… несчастье. Которое противно в руки было взять, так кривенько выглядело, а уж про звук – я вообще молчу. Кошка в поиске партнера – и та мелодичнее… Так что я ходил вокруг парелусовской гитары и облизывался, но, как говорится, близок локоть…
– Так как вам мое предложение? – снова поинтересовался Доминго.
Да, собственно, никак – опять этот песок, ветер, жара и лошадь… Совсем не айс… С другой стороны – восемь золотых за две недели… А сейчас должно быть больше… Я тут своим бизнесом за это время и одного не набрал… И как-то поток клиентов у меня уменьшился… Может, уже произошло насыщение рынка? Рекламу нужно давать, что-то новое придумывать… Мелкая возня! Только на жизнь и хватает… Пойду, наверное…
– Когда и на сколько? – поинтересовался я.
– К концу этой недели, и, пожалуй, недели на три. Если быстрее камней наберем, то вернемся раньше!
Ну да, пока есть спрос, можно продать по высшей цене!
– Хорошо! Договорились! Я согласен!
– Отлично, – во все зубы улыбнулся мне Доминго, – тогда с вас ползолотого на снаряжение!
Ползолотого! Фига себе как все дорого!
– Только у меня просьба, – сказал я, протягивая деньги, – купите мне снаряжение! Я все равно в его качестве и местных ценах не разбираюсь. Хорошо?
– Сделаю, – кивнул Доминго, – это правильно! А то тут такой народец, три шкуры дерут!
Не три, а пять… А порой и шесть, подумал я и сказал:
– И еще, Доминго, у меня… этой нет… лошади!
– Купим! – с готовностью пообещал Доминго.
На фига мне лошадь? Она же жрет каждый день как… Как лошадь! И ее парковка…
– А нельзя ли взять у кого-нибудь на время? Серая вроде была…
– Найдем! – ответил Доминго.
Какой он покладистый, видать, свербит ему с этим походом…
Обговорив со мной еще пару организационных вопросов и назначив время предварительной встречи, Доминго откланялся.
Точно свербит ему с походом, снова подумал я, наблюдая, как торопливо он пересек зал и выскочил в дверь. Ну и ладно! Не знаю, кто куда, а лично я – за гитарой!

А-а-а! Мои кривые пальцы! Куда они попадают! Уродство какое-то вместо тела подсунули! Хель – сволочь! Нет! Нужно прерваться, пока я не покусал себя за пальцы или не разбил гитару! Я принял волевое решение и, кипя от раздражения, отложил инструмент. Гадский мир! Тело мое раньше никогда не играло на гитаре. Это было понятно по движениям пальцев. Никакой моторики. Я, собственно, заново учился играть. Зная, что должно быть, и слыша, что выходит, я чуть ли не в бешенство приходил. Понятно было, что нужно просто позаниматься подольше, но я хотел сейчас! Я же играл! И вот теперь не могу! Гадство! Пойду вниз выпью чего-нибудь! Прохладительно-успокоительного…
Спустившись в обеденный зал, я плюхнулся за стол, за которым обычно сижу, заказал Иле кувшин молока и пирог с ягодной начинкой, подпер голову рукой и принялся бездумно смотреть в окно, ожидая заказа. За окном было скучно. Я перевел взгляд в зал. Внезапно, через два столика от меня, я увидел удивительно красивую девушку. Короткое черное каре обрамляло лицо удивительно правильных очертаний. Большие темные глаза с тонкими бровями и длинными ресницами, идеальный ровный нос, плавные линии губ. Незнакомка выглядела на пять с сумасшедшим плюсом. На ней был костюм мужского покроя с невысоким воротником-стоечкой. Из-под расстегнутого ворота выглядывал светлый шейный платок, замечательно подходящий по цвету к костюму. Руки девушки, лежащие на столе, тоже были близки к совершенству. Чуть вытянутые, с длинными пальцами, они выдавали благородное происхождение хозяйки. Девушке было на вид эдак за двадцать.
Какие тут фотомодели шастают! Иле с подружкой до нее как до луны…
Словно почувствовав, что ее разглядывают, девушка грациозно повернула голову и посмотрела на меня. Было видно, как она обежала меня глазами и нахмурилась.
Ну да, я не Брэд Питт, подумал я, мило улыбаясь незнакомке, но тоже не лишен своеобразного шарма!
Увидев мою улыбку, девушка еще больше нахмурилась, но потом, словно ей пришла в голову какая-та забавная мысль, она насмешливо прищурилась и тоже улыбнулась мне в ответ.
Однако в ее улыбке была какая-то странность. Какая-то излишняя старательность.

Че это она? Губу верхнюю зачем-то задрала… Сихотовы копыта, да у нее клыки!
В верхнем ряду беленьких ровненьких зубок незнакомки ясно были видны два белых клыка.
Ничего себе!
Я с интересом разглядывал ее клыки.
Зачем они ей? Она вампир, что ли? Любопытно…
Чтобы было виднее, я малость пригнулся к столу.
Увидев мое движение, девушка захлопнула рот и с любопытством уставилась на меня. Правда, длилось это недолго. Спустя пару секунд девушка вновь стала хмуриться. И чем дальше, тем смурнее она становилась, глядя на меня своими постепенно сужающимися глазами.
Тут я сообразил, что откровенно пялюсь на какую-то неизвестную мне местную зубастую хрень, которой это не нравится. И даже не представляю, чем это может для меня кончиться.
Так, не отсвечиваем, скомандовал я себе, отводя взгляд в сторону. Неизвестно, кто это или что это! Кусаться еще начнет, у нее есть чем… Интересно, кто она? И зачем ей клыки? Может, в них яд? Эдакая женщина-змея? А хвост у нее есть?
Тут Ила наконец притащила мой заказ, прервав полет моей фантазии. Но только я вонзил в пирог свои зубы, как по закону подлости рядом со мной нарисовался клиент, желающий нарисоваться. Такта у местных не было в принципе. Видит же – человек занят! Кушает! Нет, блин, неймется ему. И не прогонишь – деньги пришли! Мысленно вздохнув, я отставил в сторону укушенный кусок и взялся выяснять, чего бы ему хотелось. В этот раз случай оказался непростой. Клиент сам не знал, чего он хочет, но ему это было надо! Бывают такие типы.
Я угрохал на него кучу времени, но в конце концов мы с ним договорились, и он ушел. Придурок, подумал я, провожая взглядом его спину и подтягивая к себе недоеденный кусок пирога. Чуть все мозги мне не высушил!
Я бросил взгляд в зал. Пока я трендел с заказчиком, прошло немало времени, и заинтересовавшей меня клыкастой девушки уже не было.
Ушла, решил, жуя пирог. Надо будет у Бинко спросить, что это было? Вот доем только…
Трактирщик, которому я задал вопрос про зубастую незнакомку, нахмурился.
– Варга это! – ответил он и, осторожно оглянувшись по сторонам, добавил, но уже гораздо тише: – Шастают тут, черное отродье!
– Варга? – переспросил я, поскольку это слово мне абсолютно ничего не говорило. – А кто это?
Бинко с удивлением посмотрел на меня, но потом, видно, вспомнив, что я не местный, принялся шепотом просвещать меня. По его словам выходило, что это слуги древних магов, которые создали их для своих развлечений. Каким-то образом они сумели выжить в войне, погубившей их хозяев, и сейчас жили неподалеку.
– Через западный перевал, там эти демоницы живут, – сказал Бинко, для убедительности махая рукой в направлении, должном означать место жительства демониц.
Этория! Я вспомнил название княжества, написанное на карте Парелуса. Понятно… Что-то Бинко неласково о них отзывается…
– Смотрю, они вам не нравятся, уважаемый Бинко, – сказал я, глядя на мрачную физиономию трактирщика, – или я ошибаюсь?
– Не ошибаетесь, Эриадор, – вздохнул Бинко, – твари они. Почем зря мужиков убивают…
– Мужиков? А баб они что, не убивают?
– Ну почему не убивают? Убивают, потому что твари, они и есть твари! А мужиков сразу видно. Они им горло вырывают! Клыками!
– Горло? Клыками? – удивился я. – Зачем? Они что, кровь пьют?
– Кровь… не знаю, может, и пьют… От них всего можно ожидать!
– Все-таки я не понял, – снова спросил я, – зачем вырывать горло зубами-то? Кинжалом или мечом ведь гораздо удобнее!
– Не знаю я… – сказал трактирщик, – бесятся они так. Пойдут с мужиком, а потом наутро – бац – у того горло вырвано и все в кровищи! А ее и след простыл! Уж сколько тогда князю жаловались… все без толку!
– А что князь? – спросил я.
– Да нет на них управы! Твари они, темными магами выведенные! Быстрые и сильные, как демоны! Такая против нескольких латников устоит! Только на копья ее толпой брать, больше никак!
Ну ничего себе, вот это новость! А я тут по улицам вечерами хожу! А тут такое, оказывается, рядом бродит!
– Так что, по ночам тут лучше дома сидеть? – обеспокоенно спросил я трактирщика.

– Если вы варг имеете в виду, то за это не волнуйтесь. Больше лихих людей опасайтесь! Прадед нынешнего императора привел их в чувство. Теперь они на службе, и безобразить им запрещено. Им на развод каторжников отдают! Главное, самому к ним не лезть!
– На развод, – не понял я, – как это?
– Ну мужиков у них своих нет ведь! Я разве не сказал? Мужиков у них нет! Одни бабы! И рождаются у них только девки! Твари они и есть твари! – огорошил меня трактирщик.
Вот это да! Какая тут экзотика, оказывается, есть! Ведь что же в итоге получается? Мужиков у варг нет, и размножаются они с каторжниками. Любимый вид развлечений – вырывание горла зубами у особей мужского пола. Сильные и быстрые, сделаны древними магами. Просто феерично! Выходит, соседнее княжество находится под властью мутантов, выведенных искусственным путем, умудрившихся пережить апокалипсис и развлекающихся кровавыми играми. Видать, Этория – это еще то местечко! Мне вдруг вспомнились земные фильмы о постапокалипсисе. Там, где все такое в зеленых тонах, повсюду бродят полуразложившиеся зомби и все время кого-то едят. Причем исключительно живьем… Так, значит, мне туда не надо – ставлю галочку…
Пойду я гитару помучаю… мож, пробьет в конце-то концов!

– Это ты нарисовал?
На стол рядом со мной шлепнулся листок с изображением пышечки, сосущей свой пальчик. Пышечка сидела, выпрямив спину, и ее орудия крупного калибра были прекрасно видны, потому что пышечка как-то напрочь забыла на себя хоть что-то надеть.
Поворачиваюсь – вчерашний зубастик. А настроение у меня кислое. Кончики пальцев натерты, гитару в руки не возьмешь… А не получается так и… ничего! А тут так покровительственно и на «ты»…
– Желаете, чтобы я вам мальчика нарисовал? – воткнул я встречный вопрос во внимательный взгляд темных глаз.
– Мальчика? – удивились глаза.
– Ну можно мужика, можно нескольких… побольше и помускулистее! Хотите – в штанах, хотите – без штанов! Как хотите! – предложил я еще вариантов на выбор.
– А ты шустрый… – задумчиво протянула варга после нескольких секунд моего внимательного разглядывания.
Такой же шустрый, как кое-кто наглый.
– Ну так что, какое решение вы приняли? – поторопил я коней.
– Не сердись, – неожиданно мягко улыбнулась мне варга, – я не хотела тебя обидеть!
Как она улыбается! И клыков не видно… На земле бы она с такой улыбкой всех фотомоделей за пояс заткнула! «Шанель» с «Ланкомом» дрались бы за то, чтобы она была лицом их фирмы! Но чего это она так вдруг мила со мной? Похоже, ей что-то от меня нужно! Надеюсь, это не моя кровь или горло? Я невольно потер шею о воротник, вспомнив вчерашний рассказ трактирщика.
– Ну что вы, леди, какие обиды! Когда к тебе обращается такая красивая девушка, о каких обидах может идти речь? – восхищенно выдохнул я, делая восторженное лицо.
Что там у нее в ментале? Я попытался прочитать ее настроение. Агрессии вроде нет, скорее любопытство. Ладно, есть меня прилюдно сейчас не будут, так что оттранслирую я ей восхищение и восторг… Красавицы привыкают к тому, что ими восхищаются… Не будем настораживать, выпадая из общей массы… Я представил, как я восхищен красотой собеседницы, как она мне нравится, и закрепил это чувство в своей энергетической оболочке. На все ушло пару мгновений. Теперь варга, общаясь со мной, должна будет ощущать исходящую от меня симпатию и восторг. Истинные мои эмоции она чувствовать не будет. Фигня, конечно, осталась от моей эмпатии, но на местных действует. Несильно, но действует. Проверял, когда бизнес делал…
Судя по благосклонной улыбке, полученной в ответ, я пошел по правильному пути.
– А где ты так хорошо научился рисовать? – дружелюбно спросила варга, усаживаясь за мой стол напротив меня.
– Дар богов, – скромно улыбнувшись, сказал я. – Хель подарила!
– Хель?!
Я чуть не рассмеялся, глядя, как у нее вытянулось от изумления лицо.
– Да, по случаю… – сказал я, глядя на нее своими честными глазами. Ну по крайней мере, они должны были выглядеть так. И ведь почти правда! Хель же меня засунула в это тело? Хель! А то, что Эри умел рисовать, так это считаю подарком. Мизерная компенсация моих потерь…
– Такими вещами не шутят, мальчик! – нахмурясь сказала варга.
Мальчик? И кто тут мальчик? А-а-а… это я мальчик, вспомнил я свое отражение в зеркале. Я, значит, для нее мальчиком выгляжу! И что тете нужно от мальчика? Неужели в Этории

забавляются еще и педофилией? Если что, императору стукану! Отправлю ему письмо в рисунках… В подробнейших рисунках… Пусть поглядит, что у него по окраинам творится…
Я неопределенно пожал плечами. Не дождавшись больше от меня никакого ответа, кроме этого движения, варга продолжила разговор:
– Мне просто захотелось взглянуть на того, кто делает такие замечательные рисунки! Ты знаешь, что у тебя талант?
– Благодарю вас за прекрасные слова о моих скромных способностях! – Я с польщенным видом прижал подбородок к груди, наклоняя голову.
Ну и что дальше? Я распрямил шею и снова встретился с ней глазами. Я собирался пойти чехол для гитары заказать, а она мне тут пустые разговоры ведет. Че надо-то?
– А ты бы не хотел поехать учиться?
– Учиться? Чему?
– Рисовать! Красками. Ведь ты наверняка не умеешь писать красками!
– Да? И где этому учат?
– В Этории есть замечательная художественная школа! И у меня есть там знакомые преподаватели! Станешь настоящим художником, будешь рисовать большие картины и получать за них хорошие деньги! Не хочешь стать известным? Что скажешь?
Что я скажу? Скажу я, что ты тетка – извращенка, как пить дать! Не знаю, уж на какую часть моего тела ты там запала, пусть даже и на шею, но то, что я с тобой никуда не поеду, так это точно! И как говорит-то уверенно! Словно сама верит! Ну уж нет, спасибо, я порисую где-нибудь в другом месте!
– Премного благодарен вам за ваше желание принять участие в моей судьбе! Однако к большому своему сожалению, я вынужден ответить отказом. У меня в данный момент есть ряд обещаний и обязательств, которые не позволяют его принять. Но, не желая показаться невежливым, грубо отталкивая столь великодушно и щедро протянутую мне руку помощи, я готов нарисовать ваш портрет за четыре золотые монеты, которые, несомненно, сыграют важнейшую роль в моей дальнейшей судьбе художника! – добрался я наконец до конца своей пространной мысли, суть которой была проста. Благотворительница, говоришь? Тогда деньги давай!
– А, м… ма… – похлопала глазами благотворительница, переваривая мои слова. – Четыре золотых? – наконец дошло до нее главное. – Сколько, сколько?
– Искусство нынче дорого… – печально вздохнул я, глядя в ее малость покруглевшие глаза.
– Не кажется ли тебе, что ты чересчур самоуверен? Неужели ты думаешь, что ты великий Рафалуджио, чтобы брать такие деньги?
Ага, теперь я знаю, сколько тут получают местные великие холстомаральщики! Негусто в общем-то…
– Ну а как же иначе! – делая изумленные глаза, с недоумением взмахнул я руками. – Чем красивее натура, тем дороже! Красота стоит дороже! Придется все черточки прорисовать, чтобы ни капли вашей красоты не пропало!
– Так ты что же, меня в четыре золотых оценил?!
– Я с удовольствием возьму с вас больше! – доверительным голосом сообщил я. Чуть наклоняясь к варге и создавая некую интимность общения, с легким придыханием спросил:
– Итак, сколько?
Та несколько секунд с обалделым видом хлопала своими длинными ресницами, потом рассмеялась:
– Это ты так торгуешься? Клиентов без штанов оставляешь? Кто же себя дешево оценит! А? Я ведь права? – Она положила локти на стол и тоже наклонилась ко мне, с насмешливой улыбкой смотря мне в глаза.
– Ну что вы! Просто я думаю, что талант не должен быть голодным! – сказал я, внимательно глядя в ее близкие глаза. – Ну так что, я услышу сумму?
– Хм… ну что ж, рисуй! Понравится, заплачу! Так и быть – золотой!
Не, ну наглая какая! Золотой! И еще так по-королевски, одолжение делает!
Мы несколько секунд смотрели в глаза друг другу. Красивая… Тайлиш из нее бы сделать… Хм… Ладно… нарисую… Сама попросила!
– Хорошо, – кивнул головой я, отодвигаясь, – договорились!
– Когда? – по-деловому спросила она.
– Недели через три…
– Отлично, я как раз буду возвращаться! Меня зовут леди Дина!
– Княжич Эриадор! – кивнул я.
– Княжич? – неподдельно удивилась леди, обегая глазами мой прикид. – Княжич?
– Да, – ответил я.
– А что тут дела…

– Это печальная и трагическая история, которую я предпочитаю не рассказывать, потому что еще не пришел в себя от потрясения… Вы понимаете, леди? – перебил я ее начавшийся допрос.
Мне чехол нужно заказать и целителя попробовать найти, может, он мне кожу на подушечках пальцев подлечит, а с тебя, красавица, похоже, уже больше ничего не вытрясешь. Так что побегу я по своим делам, сказал я сам себе, не желая тут больше трындеть попусту.
– Понимаю, – кивнула головой Дина.
Ну и отличненько. Валим отсюда!
– К сожалению, вынужден вас оставить! – сказал я, вставая из-за стола. – Просто не терпится приступить к вашему портрету!
Аж скулы сводит, добавил я про себя.
Дина, чуть нахмурившись, кивнула.
Хм… красками рисовать… Она что, думает, что я не умею… А ведь в принципе я действительно ни разу не пробовал… Вот как раз подходящий случай и попробовать! Интересно, у Парелуса в его свалке найдутся краски и кисточки? Нужно будет зайти, подумал я, выходя из трактира.

Богиня любви, зажмурившись и прижав голову к левому плечу, отчаянно трясла своим скипетром над головой ничего не подозревающей Дины. Скипетр она держала в правой, полностью вытянутой руке, словно стараясь быть от варги как можно дальше. У богини был такой вид, будто она что-то сыпет в стоящую на огне сковородку и знает, что это может жахнуть. Но пока в сковородке было тихо. Сыпящиеся со скипетра золотые песчинки потихоньку окружали Дину переливающимся золотым облаком, начиная медленно вращаться вокруг нее. Закончив трясти скипетром, Мирана несколько секунд постояла, плотно сжав веки и втянув голову в плечи, словно ожидала удара. Не получив ожидаемого, она приоткрыла правый глаз и осторожно поводила им из стороны в сторону, оглядывая окрестности.
– Уф! – выдохнула богиня любви, убедившись, что опасности нет. – Проклятое пророчество!

Где-то в пустошах

Ветер выл на разные лады, зачерпывая из носящейся вокруг стены песка увесистые горсти и пытаясь швырнуть их мне в глаза. Воздух вокруг был полон мелкой удушающей пыли, от которой повязанный на лицо платок никак не спасал. Дышать было совершенно нечем. Легкие сжались, и втягивать воздух приходилось через их упорное сопротивление.
«И что мне не сиделось в прохладном трактире, без шума, без гама, без пыли?» – В который раз я начал ныть про себя. А тут у меня скоро все легкие будут полны песка! Непонятно, чем там еще лошади дышат. Ноздри-то у них гораздо больше будут! Гадство! Понесло же меня!
Песчаная буря налетела не сразу. Она медленно надвигалась справа серой колышущейся стеной, и было непонятно, то ли мы в нее попадем, то ли она пройдет стороной.
Доминго повел нас влево, и мы, свернув с маршрута, довольно долго шли под чистым небом, периодически оглядываясь на колышущуюся позади серую мглу. Но потом ветер резко усилился, и нас накрыло.
– Лошадей укладывай! Укладывай лошадей! Мордами друг к другу! В круг! – орал Доминго, отплевываясь от песка и стараясь пересилить завывания ветра. Наш маленький отряд спешился, и мы, таща за поводья упирающихся лошадей, кое-как уложили их в круг. Потом мы замотали им головы мешковиной, которая рвалась из рук и собиралась куда-то улететь, и сами легли рядом с лошадьми, тоже накрывшись плащами. Было жарко и пыльно.
Сихотова погода, лежа думал я, привалившись к боку своей лошади, дрожащей мелкой дрожью. А я уже губу раскатал на ванну, полную воды, и кувшин холодного компота у Бинко…
Прошло уже почти три недели, как мы спустились с перевала и вышли в пустыню. Поход наш протекал буднично и скучно. Целый день мы плюхали по жаре, делая длинные петли возле оазиса или совершая переходы между ними. Я сканировал песок, спутники пялились по сторонам, выискивая монстров, и так день за днем. Монстры не появлялись, аномалии мы обходили, короче, тупая, однообразная работа. Общения было немного, целый день я был занят, просматривал песок, и говорить было напряжно. Разрядка наступала, когда мы

становились вечером лагерем. Там я доставал гитару, и жизнь становилась интереснее. В конце концов процесс пошел, и я начал извлекать из гитары звуки, близкие к моим ожиданиям. Добившись более-менее внятного аккомпанемента, я попробовал петь. К сожалению, у меня не было возможности записать свой голос, чтобы послушать его со стороны. Но спутники уверяли, что он у меня хороший, звонкий.
Ну ладно, решил я, выслушав их отзывы, примем мнение этих простых тружеников пустыни за истину. Будем считать, что с голосом мне повезло!
Еще я открыл для себя одну приятную неожиданность. Поскольку я был тут чужаком, попавшим сюда с далекого севера, то мог, совершенно не беспокоясь, исполнять песни на любом языке. Хоть на земном, хоть на эсфератском. И на вопрос всякого любопытного слушателя: «А на каком языке эта песня?» мог спокойно и честно сказать, глядя ему в глаза: «А это один из наших северных языков – итальянский!» Или там немецкий.
– А-а-а! Ага… – глубокомысленно говорил спрашивающий, с умным видом кивая головой, будто что-то понял. С русским вообще интересно получилось. Он очень хорошо переводился на местный. Песня по ритму и звуку получалась почти один в один с оригиналом. Иногда, правда, попадались словечки, нарушающие рифму, но это было несмертельно. Не так уж часто они и попадались, да и потом всегда можно было эти шероховатости сгладить голосом или добавить пару гитарных звуков. Так что я мог петь, что угодно.
Ну хоть тут повезло.
Камушки в этот раз попадались часто, и мы быстро набрали заказанное количество. Буквально за полторы недели. Я уж было намылился на возвращение, но вечером того дня, когда стало ясно, что дело сделано, на большом совете отряда у костра Доминго удалось заразить всех жадностью.
– Коль такая удача пошла, – убедительно говорил он, вытаращивая глаза и широко разводя руками с растопыренными пальцами, – это просто против богов идти, отказываясь от посланного! Может, это нам знак свыше, что деньги нам скоро очень понадобятся! Чтобы мы смогли пережить трудности!
М-да… приятно считать себя личностью, о которой пекутся высшие силы, это несказанно повышает самомнение и создает ощущение своей исключительности, иронично подумал я про себя.
Но как бы там ни было, тактика Доминго оказалась верной… Ломались все недолго и быстро дали ему себя уговорить. Лично я имел свое отдельное мнение о том, что значит божеская забота. Но я его не озвучивал. Может, действительно наткнулись на грибное место? Что разбрасываться-то?
Деньги всегда кстати, вспомнил я земную фразу, с которой был полностью согласен.
В общем, мы остались еще на недельку. И вот, когда мы уже возвращались, нас настигла эта невесть откуда взявшаяся песчаная буря.
Ладно, будем ждать, пока стихнет. Все когда-то кончается…
Я поплотнее завернулся в плащ.
– Что там?
– Не знаю, труба какая-то… большая! – ответил я, задумчиво разглядывая песок впереди себя.
Буря длилась полдня и, может, всю ночь. Ну или не всю. Ночью я спал, как, впрочем, и все. На охрану забили, решив, что ни один приличный демон в такую погоду не вылезет. Думаю, что мы были в корне неправы. Наверняка лазают. Но организовать наблюдение и отпор внезапно появившейся живности не представлялось возможным. Мало того что за песком было ни фига не видно, так еще и свист ветра глушил все звуки. Поэтому все завалились спать, в надежде провести неприятные часы как можно быстрее и проснуться живыми, когда буря уже стихнет. Так и произошло.
Утром я стряхнул с плаща давивший на спину песок и выбрался на воздух, огляделся по сторонам. Пустыня сияла чистыми голубыми небесами, только что вылезшим нежарким утренним солнцем и заново переложенными, без единого изъяна, нарушающего их гладкую поверхность, барханами.
Лепота! Полетать бы!
Проснулся я самым первым и принялся будить остальных, пихая кучи песка, которые начинали после этого забавно шевелиться. Все проснулись, продрали глаза и принялись считать убытки, нанесенные бурей. Их не оказалось. Никто не помер, все были живы, в том числе и лошади. Что несказанно радовало, ибо тащиться на своих двоих совершенно не хотелось. Напоив лошадей и по-быстрому позавтракав, мы собрались и двинулись назад, намереваясь пройти как можно больше до того момента, когда полуденная жара заставит нас остановиться. Примерно через час пути я, уже на автомате сканирующий песок, внезапно заметил под его толщей большое инородное тело.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил Доминго, увидев, что я встал.
– Какая-то штука под землей… – ответил я, пожав плечами.
– Какая штука? – переспросил тот.
– Не знаю… что-то длинное… и неживое. Глубоко.
– Может, лучше объехать? – обеспокоенно предложил Вирт.
– Давайте объедем! – сказал я. Мне было все равно. Опасности я не ощущал.
Мы свернули влево и пошлепали вдоль зарытой в песке штуковины. Метров через пятьдесят штуковина не закончилась, а стала ярче и как будто ближе к поверхности. На что-то это похоже…
– Не кончается! – сообщил я, останавливая лошадь.
– Не кончается? И что делать? – с тревогой в голосе спросил Доминго.
– По-моему, это какой-то тоннель! – сказал я.
– Тоннель? – изумился Доминго.
– Похоже… – сказал я, перебирая поводья, – может, посмотрим, куда он ведет?
– А вдруг это какой-нибудь древний подвал… – с мечтательностью в голосе сказала Стайли, – с сокровищами…
После ее слов наступила тишина. Отряд обдумывал открывающиеся перспективы.
– Гм… хм… – прокашлялся Доминго, – хм… так близко от перевала найти неразграбленный подвал? Вряд ли! Тут уже все исхожено давно вдоль и поперек.
– Вечно ты что-нибудь скажешь, – вздохнула Стайли, – на месте мечту убиваешь!
– А ты мечтай меньше! – ответил ей Доминго. – Целее будешь! И разочарований меньше…
– Ну если все уже украдено до нас… – сказал я, – тогда что, поехали на перевал?
Но мои спутники не спешили. Похоже, произнесенное слово «сокровища» вызвало дрожание их струн души.
– Может, стоит сходить посмотреть? – внес предложение Вирт. – Коль там уже все исхожено, то опасности нет. Пойдем?
– А зачем? – спросил Доминго. – Поглядеть на голые стены?
– А вдруг там остался не замеченный никем тайник? – с надеждой в голосе ответил Вирт. – А Эриадор у нас гораздо лучше видит, чем все маги, которых я до этого знал. Может, он найдет там чего-нибудь?
Все дружно уставились на меня. В глазах было одно и то же выражение.
«Найдешь?» – спрашивали их глаза.
Жадность человеческая! Ну есть же мешок камней, есть заказчик, готовый заплатить! Нет! Нам этого мало! Еще хочется приключений на… Хотя с другой стороны… Вдруг там книжонка какая завалялась… Мож, действительно сходить? Если безопасно-то…
– Ну давайте сходим! – пожал плечом я.
– Пошли! Веди! – скомандовал Доминго, принимая решение.
Мы снова пошли вдоль тоннеля. Он быстро поднимался все ближе к поверхности, и через каких-то сто метров он был уже почти под ногами. Теперь мне стали видны слабые энергетические потоки, текущие по его поверхности.
– Он почти рядом! – сказал я, останавливая лошадь, и указал рукой: – Вот здесь!
– Давайте копать! – сказал Доминго и стал слезать с лошади. Его спутники последовали его примеру. Я остался сидеть на своей кобыле, намереваясь наблюдать за процессом раскопок сверху. Обязанности в отряде давно уже были распределены: я ищу, они копают.
Но в этот раз долго копать не пришлось. Свод тоннеля обнаружился буквально под пятисантиметровым слоем песка.
– Ух ты! – сказал Вирт, расчистив руками небольшой пятачок.
Под песком оказалась серая поверхность. Серость ей придавали серебристые песчинки, вкрапленные по всей ее глубине.
– Никогда не видел такого! – сказал Доминго, стоя на карачках рядом с Виртом.
Почти приложив правое ухо к расчищенному месту, он постучал костяшками пальцев по поверхности. Звук был еле слышен.
– Толстый, – уважительно сказал Доминго, имея в виду толщину свода тоннеля, и, обернувшись к Вирту, сказал: – Тащи кирку!
Вирт безропотно сходил к лошади и принес кирку.
– Ну давай! – скомандовал ему Доминго, отойдя в сторону и отряхивая свои колени от песка.
Вирт расставил ноги пошире, поудобнее ухватился за ручку и широко размахнулся.
Бздыщь! – ударилась кирка о свод тоннеля.
Вау…вау… вау… – прошли волны отдачи по рукам Вирта, его плечам и телу.
– Е…!! Тв… …! Сука! – сообщил нам всем Вирт, вытаращив глаза и тряся отбитыми руками. Кирку он бросил, и она со звоном упала вниз.

– Ха-ха-ха! – заржал Доминго, глядя на изумленное лицо Вирта. – Что, крепко древние строили? – смеясь, спросил он.
– Вот возьми сам и попробуй! – огрызнулся Вирт, дуя на свои отбитые ладони.
– А я не поняла, зачем ты взялся бить дырку? – задала вопрос Стайли. – Ведь если тут уже все украдено до нас, как сказал Эриадор, то где-то должен быть вход! Просто надо дойти до него!
– Да, зачем ты начал махать киркой? – спросил Доминго Вирта. В его глазах все еще плавали смешинки.
– Так ты ж сам сказал! – удивился тот.
– Я-то думал, ты постучишь ею. А ты сразу принялся ею махать! Я и слова тебе не успел сказать! – ухмыляясь, сказал Доминго.
– Ага, – рассердился Вирт, глядя на улыбающиеся лица, – все, значит, умные, один я дурак!
– Ладно, не обижайся, – примирительным тоном сказал Доминго, – пойдем лучше вход поищем, Стайли дело говорит!
Вирт с обиженным видом поднял кирку и пошел к своей лошади. Отряд снова взобрался на лошадей и двинулся дальше. Но далеко ехать нам не пришлось. Тоннель кончился буквально через сто метров.
– Приехали, – сказал я, – конец! Тоннель закончился!
– Где? – спросила Стайли.
– Вот! – указал рукой вниз. Под песком мне была видна более сложная энергетическая структура. С какими-то петлями, перекрещивающимися линиями и кругами. – Похоже, тут дверь! – сказал я, кончив все это разглядывать.
– Дверь? – оживился Доминго. – Вирт, неси лопаты!
– Чуть что, сразу Вирт! – пробурчал тот себе под нос, но так, чтобы всем было слышно.
– Ладно, не бухти! Все вместе будем копать! – сказал Доминго. – А потом Эриадор найдет пропущенный всеми тайник!
У Вирта загорелись глаза, и он с энтузиазмом ухватился за черенок лопаты.
Ну прям дите малое, подумал я, слезая с лошади. От сидения в седле у меня вспотела задница, и я решил, что ее будет неплохо проветрить…
Начавшиеся раскопки принесли сюрприз. Вместо ожидаемого зева туннеля, забитого песком, мы наткнулись на вертикальную серую плиту, перегораживающую вход.
– Плита! – удивленно констатировал Вирт, для верности постучав по ней лопатой.
– Угу… – отозвался Доминго. – Закрыто, что ли?
– Может, это одна створка, а вторая открыта? – предположила Стайли, тоже копающая вместе со всеми.
– Может, – пожал плечами Доминго. – Ладно, копаем дальше!
Через час докопались до другой стороны свода тоннеля.
– Тю… – сказал Доминго, обозревая открывшееся в раскопе, – точно закрыто!
– Ага! – подтвердил Вирт, увязая ногами в осыпающемся песке на склоне ямы.
– Тогда получается, что тут еще никто не был? – спросила взмокшая Стайли с лопатой наперевес.
– Может быть… – задумчиво глядя на плиту, сказал Доминго. – И как ее открыть? – через секунду обратился он ко мне.
– А это нужно? – вопрошающе наклонив голову к левому плечу, спросил я. – Может, не стоит?
– Как это не стоит? Как это не стоит! – взбудоражился Вирт. – А сокровища?
– А демоны? А магические ловушки? У нас заказ выполнен. Считай, деньги уже в кармане! – напомнил я ему, зачем мы здесь. – Стоит ли это неизвестное того, чтобы терять то, что у нас уже есть?
Доминго выпятил губы трубочкой вперед и прижал верхнюю к носу.
Командир находится в сложных раздумьях, как понял я, глядя на его гримасу.
– И что, мы вот так просто уйдем, – не веря, спросил Вирт, – от дверей сокровищницы?
– Вирт, Эриадор прав, – нехотя медленно сказал Доминго, разглядывая плиту, – там может что угодно быть… Вспомни наш последний поход! Двоих тогда потеряли…
Наступила тишина. Народ обдумывал варианты.
– Может, только заглянем? – робко спросил Вирт.
Не… Отсюда мы просто так не уйдем…
– Эриадор, вы чувствуете что-нибудь за дверью? – обратился ко мне Доминго.
– Уку, – отрицательно покачал я головой в ответ, – ничего!
– Хм… – хмыкнул он, – тогда, может, все же попробуем открыть? Уходить от запертой двери, даже не заглянув… Это как-то не по-искательски даже! Давайте все же откроем!
– Я – за! – сказала Стайли. – Только как ее открыть? На ней ведь нет никаких ручек или отверстий!

– Может, ниже? – предположил Вирт. – Давайте копать!
Да, копайте, копайте… Говорят, что физический труд проясняет мозги…
Еще через два часа раскопок показался низ плиты. Только вот никаких рычагов и дырок на ней так и не обнаружилось. Плита и плита. Ровная и серая.
– Нету, – констатировал Вирт, чуть ли не носом обнюхав каждый сантиметр плиты, – нету ручек!
– А может, у нее магический замок? – предположила Стайли. – Древние же были магами! Зачем им ручки и ключи?
– Что скажете, Эриадор? – обратился ко мне Доминго.
Что я скажу, что я скажу… Я скажу, что пытаться открыть замок, настроенный на ментальное излучение хозяина, полная бредятина. На Земле данные шифруют с помощью электронных ключей длиной 512 или кое-где уже 1024 килобайта. Но ментальный ключ гораздо длиннее… И многомернее… Это вам не тупая последовательность из цифр…
– Попробуем, – бодро сказал я, изображая энтузиазм, – попробуем!
Я встал с песка, величественно запахнул плащ, стараясь походить на римских императоров, потянул край своей шляпы вниз, как Индиана Джонс, и торжественно шагнул в раскоп как Черный археолог. Однако образ не удался. Песок предательски поехал под ногами, и я слетел в яму, размахивая руками, словно подбитая ворона крыльями.
– Опс! – сказал я, плюхаясь на зад перед плитой. Неудачненько вышло!
Над моим падением хихикать не стали. Может, даже не из уважения, а просто не заметили. Все уже были там, за дверью… С сокровищами…
– Все, – сказал я, усаживаясь поудобнее с видом, что я и собирался тут сесть, а не случайно прилетел, – теперь не мешайте, буду смотреть!
– Да, да, конечно! – ответил мне Вирт, и все торопливо полезли из ямы.
Чудненько!
Наклонив голову к плечу, я задумчиво посмотрел на плиту.
И как же ты открываешься?
В магическом плане дверь выглядела частой решеткой из слабо пульсирующих энергетических линий белого цвета. Таким же белым цветом светилась внешняя сторона свода тоннеля. С левой стороны виднелось что-то навороченное. Какие-то узлы и многочисленные разветвления линий, но уже разных цветов. Энергетика тут явно была пониже.
– Итак, что мы имеем? – задал я вопрос сам себе и начал на него отвечать: – Во-первых, тяжеленную плиту, которую нужно отодвинуть. Как это можно сделать? Судя по всему, плита и раньше выполняла функции двери, значит, у нее должен быть стандартный привод, двигающий ее туда-сюда…
Я принялся разглядывать переплетение энергетических линий.
Вот эта штука больше всего на него похожа… И энергетика у нее соответствует – белого цвета!
Похоже на телекинетическое заклинание… Странное, но вроде оно… А как его привести в действие? От клубка линий белого цвета вверх вели два энергетических тонких жгутика зеленого и красного цветов. Жгутики поднимались вверх и пропадали внутри спутанного клубка разноцветных линий.
А это, похоже, собственно, замок… Я попытался отследить путь жгутиков. Но это мне не удалось. Больно плотно все увязано…
И за что же мне тут дергать? И можно ли дергать? Похоже, тут все находится «под напряжением», и вполне возможно, что на неправильные действия в ответ может и «плюнуть». Хм. Да и вообще, смогу ли я до него добраться? Наверняка замок должен быть защищен от того, чтобы в нем копались все желающие.
Но к моему удивлению, я не встретил никаких преград, когда попытался дотянуться ментально до энергетической структуры замка. Едва я коснулся зеленого жгута, как внезапно свечение того, что я определил, как привод, усилилось, и плита, преграждающая проход, дрогнула и под скрежет песка, попавшего между двумя каменнымих плитами, поползла в сторону.
Дум-с! Раздался звук удара дошедшей до упора плиты.
Пшш… шшш… шш… – посыпался отовсюду песок.
– Лазурные небеса! – раздался сзади восхищенный вздох.
Я оглянулся назад. На краю ямы, опустив ноги вниз, сидели три потрясения с открытыми ртами.
Надеюсь, у меня самого рот закрыт? Я торопливо стиснул челюсти. Вот уж никак не ожидал, что она откроется!
– Прошу! – сказал я, встав, и с шутливым полупоклоном сделал приглашающий жест в сторону открывшегося входа.

Круче меня только горы, подумал я, выпрямляясь.

Бог торговли с довольным видом потер левой рукой подбородок и улыбнулся. Избранный был на пути к богатству.
И вряд ли он его бросит, подумал Коин, наблюдая за тем, как четверо смертных осторожно заглядывают внутрь тоннеля. Демон, похоже, парень хозяйственный, разбрасываться добром не будет… А значит, пожертвует собой… И все будут мне обязаны…
Коин еще раз улыбнулся широкой улыбкой, делавшей его так похожим на улыбающегося Будду, и исчез.

– Что там? Есть ловушки? – испуганным, полузадушенным шепотом спросил Вирт, круглыми глазами заглядывая в темноту. – А?
– Да вроде нету… – задумчиво ответил я, тоже пялясь в том же направлении. Только я смотрел, используя магическое зрение.
– «Вроде» – это не то слово, которое следует применять в руинах! – таким же полузадушенным шепотом прошептал мне справа Доминго. – В руинах есть два слова – «да» или «нет». Слово «вроде» – это путь к быстрой смерти! Вы понимаете меня, Эриадор? – продолжил он.
– Вполне! – ответил я, еще раз сканируя вход. – Тогда я скажу по-вашему… – ловушек нет!
– Тогда вперед? – испуганно спросил Вирт, просительно глядя на меня.
– Вперед! – сказал я и шагнул на порог.
Джжжж… тресь… тресь… тресь… Со звуком, похожим на включающиеся лампы дневного света, вспыхнул свет. Сначала у входа, потом дальше, еще дальше и еще. Тоннель озарился неярким белым светом.
– Вау! – восхитился я. – Тут свет есть!
Я оглянулся на спутников. Те стояли с испуганным видом и вытаращенными глазами смотрели на новое чудо.
Если мы так будем застывать по всяким мелочам, мы тут на месяц застрянем, недовольно подумал я.
– Это просто свет! – сказал я.
– Потрясающе! – пробормотал Доминго, ступая на порог. – Свет! Значит, тут еще что-то работает! И тут никого не было! Тут можно найти что угодно! С ума сойти!
Однако что-то куч богатств по углам пока не наблюдается. Я сделал несколько осторожных шагов вперед – голые стены и свет. Больше ничего!
Гладкий пол уводил куда-то вниз. Из стен, насколько было видно, через равные промежутки выходили арки, поднимаясь к полукруглому потолку. Все было сделано из того же материала, который мы видели снаружи. Серый полупрозрачный камень с мелкими серебряными блестками.
Голо, пусто и тихо. Постояв, мы потихоньку пошли под уклон. Я сканировал пространство впереди, искатели вертели головами по сторонам.
Спустя какое-то время впереди показалась арка, резко отличающаяся от своих подружек. По всей ее внутренней поверхности медленно загорались и гасли зеленые символы, образуя от пола до пола, с переходом через потолок, длинную надпись.
Я усмехнулся.
Добро пожаловать в пещеру Али-Бабы!

– И как мы это все потащим? – с недоумением спросила Стайли.
Вопрос не был риторическим. Гора ящичков, высившаяся в углу зала, вызывала невольное уважение своими размерами.
– На лошадей погрузим! – уперев руки в бока и по-хозяйски оглядывая кучу, сказал Доминго. – А сами пешком пойдем.
Просто чудненько! Всю жизнь мечтал тащиться за лошадиным хвостом!
Мы потратили целый день, обшаривая тоннель. За хитрой аркой обнаружились многочисленные помещения, образующие ответвления от центрального тоннеля. И, похоже, это был склад. На многочисленных полках лежали такие же многочисленные ящички и ящулички, радуя глаз и сердце кладоискателя. С другой стороны тоннеля были, видимо, конюшни. Так мы решили, потому что все пространство больших помещений было разделено на отдельные загоны, в которых стояли поилки и пустые кормушки для зерна. Зерно обнаружилось в помещении рядом.
– Не сгнило… – с удивлением сказал Доминго, сыпя сквозь пальцы зачерпнутое в ладонь зерно, – столько лет прошло, а оно как вчера собрано!
Ну, ничего тут удивительного нет, похоже, просто заклинание времени. Интересно, как оно тут выглядит? Я заозирался по сторонам.

В Эсферато заклинание времени было одной из тайн нашего дома Изменчивых. Для изменений порой требовалось время, и причем немалое. Терпения тупо сидеть и ждать, что же в результате получится, порой не хватало даже у демонов. Поэтому тот, кто умел управлять временем, мог изменяться. Кто не мог – тот ходил в том, что выдали при рождении. Мы умели. Поэтому мы могли быть разными.
Кажется, это оно! Я выделил из общей сияющей мешанины структуру, оплетающую зернохранилище своими линиями, и попытался понять, как она работает.
– Эриадор!
– А? – спросил я, отвлекаясь от своего занятия.
– С тобой все нормально? – спросила Стайли, немного встревоженно глядя на меня.
– Да, нормально, – пожал я плечами, – а что?
– Третий раз тебя спрашиваю, а ты только ответил! Ты чего?
– Да так… задумался… – неопределенно сказал я, – что ты хотела?
– Может, лошадей сюда приведем? А то там наверху жарко.
– Веди, – сказал я, – в чем проблема?
– Хотела с тобой посоветоваться, ты же маг! А ты не отзываешься.
– Сканировал… – ответил я, – вдруг чего тут не так. Понимаешь?
– Ага… – кивнула головой Стайли. – Ну и как?
– Нормально. Так что – тащи лошадей.
Лошадей привели в древнюю конюшню, расседлали и распределили по загонам, а сами принялись шариться по углам, стаскивая найденное в одно место. Результатом нашей деятельности и стала куча, на которую теперь с удивлением взирала Стайли.
В ящиках оказалась посуда. Красивые серебряные бокалы на тонких ножках и тарелки расписного тонкого фарфора. Еще были серебрёные столовые приборы.
Дизайнерская работа, подумал я, вертя в руках бокал.
Он был сделан в виде распускающегося цветка. Тонкая серебряная ножка-стебелек заканчивалась серебряными лепестками, держащими узкий и вытянутый высокий стеклянный сосуд.
Под шампанское… под отличное шампанское! В такие бокалы можно только такое лить…
– И сколько, интересно, это может стоить? – спросил я, осторожно стукая два бокала друг о друга и слушая, как они звенят.
– Мм… Думаю, что золотых по шесть-семь… А может, и по десять… – отозвался на мой вопрос Доминго, стоящий рядом.
Неплохая находка! Если так прикинуть на число ящиков, то это очень даже неплохо может выйти…
Кроме посуды, в ящиках больше ничего не нашлось. Ни книг, ни оружия, ни денег и драгоценностей. Народ, обнаружив в ящиках одну лишь столовую утварь, малость подувял, но, когда подсчитали количество найденного и прикинули сумму, которую можно выручить, снова все повеселели. По грубым прикидкам выходило под две тысячи.
– С ума сойти, – шевеля губами, произнес Вирт, – две тысячи! Это ж пятьсот золотых на каждого! А вы еще не хотели сюда идти.
М-да… Это мы неплохо зашли… Если бы еще на втором этаже отыскалось бы что-нибудь ценное…
Обследуя подвал, мы нашли большую винтовую лестницу, ведущую вниз. Когда мы спустились по ее широким ступеням, то обнаружили еще одно помещение. Но на этот раз никаких ящиков мы там не увидели. Там было только шесть высоких серых параллелепипедов. И все.
Горели они, что ли?
Я принялся разглядывать их поверхность. Снаружи она выглядела так, как будто подвергалась воздействию высокой температуры – малость поплывшая и с подтеками. В магическом плане параллелепипеды выглядели интересно – белые энергетические линии, связанные в плотные клубки. Линии входили и выходили из них и исчезали где-то в потолке и стенах.
Похоже на энергетические машины… Лучше туда не соваться… А то еще что-нибудь отвалится… Или жахнет! Будем потом без света сидеть…
– Все, назад! – скомандовал я сопящим мне в спину искателям. – Это может быть опасно!
– А что, что там? – полез вперед Вирт.
– Магия там! – ответил я.
– А… – увял тот.
– Да там все равно ничего нет, – сказал я, – пусто. Смотри.
– Ага, – сказал Вирт, оглядев пустой зал, – тогда пошли.
Больше никаких помещений в подвале мы не нашли. Имелась еще одна арка с куском коридора, но там все было забито песком. И вообще, когда я смотрел, что же там за ней, то

не увидел ничего. Ни обломков стен, ни других, пусть и разрушенных помещений. Вообще ничего. Один песок… Что выглядело довольно странно. По внешнему виду наш подвал являлся когда-то частью другого большого здания, а вот куда оно делось, было непонятно. Словно его оторвали и куда-то утащили.
Странно, куда делось все остальное?
Объяснить себе я это не смог и, подумав-подумав, в конце концов махнул рукой. Нет и нет. Сихот с ним! Найденное бы утащить. Груз получался немаленький. Причем не столько по весу, как по объему.
– Может, вынуть из ящиков и сложить в мешки? – предложил Вирт.
– Ага. И что мы привезем? Осколки? – скептически отреагировал на эту идею Доминго.
– Ну тогда, значит, пойдем пешком, – сказал Вирт.
– Пешком так пешком. Для того чтобы больше не ходить в пустоши, я готова пешком полпустыни пройти! – сказала Стайли.
После предварительной оценки найденного Стайли во всеуслышание объявила о завершении карьеры искательницы. Она посчитала, что пятьсот золотых ей за глаза хватит на то, чтобы открыть трактирчик и дожить до старости без песка в каше.
Доминго с Виртом понимающе покивали головами и отговаривать ее не стали. Видно, в их головах бродили схожие мысли.
А ведь это, пожалуй, последний поход… Все разбегутся по своим трактирам, и больше не будет отряда искателей под командованием Доминго…
– А что будем делать с подвалом? – спросил я.
– А что с ним можно делать? – удивился Доминго.
– Просто бросим? – спросил я. – Тут есть свет, вода, зерно. Не жарко опять же. Неплохое место посреди песков.
– Хм… хм… – потер подбородок Доминго. – Эриадор, вы что, предлагаете сделать тут аванпост?
– Как вариант, – пожал плечами я. – Что добру-то пропадать?
– Без меня, – сказала Стайли, – я в песках жить не буду! Надоело!
– Да… идея интересная, но вот как возить сюда продукты… И от перевала довольно сильно в сторону… А сзади горы. Кто сюда будет ходить? Если бы подальше в пустыню… Да поближе бы к дороге на перевал…
– А давайте тогда продадим его! – предложил я.
– Продадим? Кому? Кому он нужен?
– Кому нужен? – задумчиво переспросил я. – Кому-нибудь да нужен. Тем же магам, например. Наверняка они захотят иметь обломок замка древних магов со светом, водой и массой всяких заклинаний.
– А ведь точно! – хлопнул себя от избытка чувств по бедру Вирт. – Да за этот подвал они такие деньжищи отвалят!
– Какие? – поинтересовался я.
– Ну не знаю… – растерялся Вирт. – Много!
– Много в кошелек не положишь, – сказал я. – Думаю, нужно просить тысяч триста…
– Сколько? – потрясенно вытаращился на меня Доминго.
– Тыщ триста, потом сторгуемся до двухсот… – сказал я.
– А… – понял Вирт, у которого перехватило дух. – Это же по пятьдесят тысяч! КАЖДОМУ!
– Нормальная сумма за работающий артефакт древних, – спокойно сказал я и спросил, обращаясь ко всем присутствующим: – Надеюсь, ваши маги не бедствуют?
– Совершенно, – покачала головой Стайли, – вот кто у нас не бедствует, так это маги!
– Отлично. Значит, деньги у них есть. Пусть платят, – сделал я вывод.
– Триста тысяч… Триста ТЫСЯЧ… – забормотал потрясенный Вирт, – триста тысяч…
– Пока их у нас нет, – сказал я, – поэтому не расслабляемся. Давайте лучше подумаем, как впарить магам нашу находку. Может, у кого есть связи, знакомые. Чтобы нам потом головы не поотрывали… Деньги-то большие.
– Да… деньги большие. Это вы, Эриадор, правы. За такие деньги убьют кого угодно, – погрустнел Доминго.
– Поэтому нужно все хорошенько продумать, – посоветовал я, – и главное, держать язык за зубами, когда вернемся…
– Это точно, – кивнула головой Стайли.
На том и порешили. Ночь мы провели в одном из стойл, рядом с лошадьми. Вирт принялся толкать идею заночевать на зерне, но я его поймал под локоток и объяснил про нюансы со временем в этом месте. Что когда мы там проснемся, то тут от лошадей останутся одни скелеты. Вирт проникся и малость даже побледнел.

Утром мы встали, позавтракали и долго-долго вьючили лошадей. Все пришлось перевязать несколько раз. Но в конце концов мы все упихали и двинулись на выход.
Выйдя из подвала на яркое солнце, я закрыл за собой дверь и попытался придумать, как бы так зафиксировать ее, чтобы никто сюда не влез без меня. Что-то типа замка с секретом. Но у меня ничего не вышло. Все было как-то странно и непонятно сделано, что у меня ничего не получилось. Может, причина была еще в том, что у меня были проблемы с магией и элементарно не хватило сил? Но как бы там ни было, пришлось оставить все, как было, в надежде, что, коль тоннель от больших дорог и линий далеко, то никого сюда не принесет.
Но тут неожиданно вмешался Доминго. Видно, мое недовольное лицо, вкупе с моим получасовым молчаливым глядением на дверь, навели его на мысль, что что-то тут не то.
– В чем дело? Что-то не так? – озабоченно спросил он меня.
– Да вот не могу замок на дверь поставить, – пожаловался я. – Боюсь, как бы кто не залез, пока нас нет.
– М-да… – задумчиво протянул Доминго и неожиданно предложил: – А давайте яму обратно засыплем?
Здорово! Через пару дней ветер сгладит следы, а через неделю тут вообще издали ничего не увидишь. Бархан и бархан. Только маг и заметит, что что-то внизу есть.
– Отличная идея! – сказал я вслух. – Где ваши лопаты?

– Что угодно госпожам? – Бинко с почтительным видом наклонил голову, обращаясь к трем варгам, стоящим у его стойки.
– Ты помнишь меня? – спросила девушка с темными волосами и на вид самая старшая из них.
– Да, госпожа Дина, вы останавливались у меня несколько недель назад.
– Хорошо, – кивнула темноволосая, – мы хотим остановиться у тебя дня на три, пока не подъедут еще две наши подруги. У тебя найдется жилье на пять человек?
– Найдется, госпожа, найдется, – залебезил трактирщик. – Лучшие комнаты как раз сейчас свободны!
– Отлично! Мы займем их!
– Все к вашим услугам, госпожа! К вашим услугам! Прошу прощения, но у меня есть для вас посылка!
– Посылка? – удивилась Дина.
– Да, княжич Эриадор нарисовал ваш портрет и просил его передать вам. Сам он сейчас отсутствует, но деньги за портрет он просил отдать мне!
– Княжич? Портрет? – искренне удивилась светловолосая девушка, стоящая слева от Дины. – Ди, ты что, закрутила роман с княжичем? И он рисует твои портреты? Признавайся!
– Какой роман! – поморщилась Дина. – Сразу ты, Эльвира, что-то придумываешь! Просто я заказала портрет местному художнику! И все!
– С каких это пор княжичи подрабатывают художниками по трактирам? – с легкой ехидцей в голосе спросила уже другая спутница Дины, делая при этом невинное лицо и хлопая ресницами.
– Он сказал, что к этому его привели трагические обстоятельства его жизни…
– О! Так ты с ним уже успела по душам поговорить? Как интересно! И молчит, тихушница! А ну-ка, рассказывай! – Спутница шутливо пихнула Дину локтем в бок.
– Да что там рассказывать! – нахмурилась в ответ та. – Заказала портрет и все! Ничего не было!
– С чего это ты вдруг по трактирам портреты заказываешь?
– Ну… просто мальчик очень талантливый… Я подумала, что, может, ему нужны деньги…
– Мальчик? – подняла правую бровь Эльвира. – Так он еще и мальчик? Ну Дин, ты даешь!
– Да ну тебя, – обиделась Дина, – вечно одно на уме!
– Ваш портрет, леди, – влез в их разговор трактирщик, вертикально выставляя на стойку большой плоский сверток, обернутый в серую бумагу. – Куда прикажете?
– Ой, какая миленькая розовая ленточка! И бантик! – восхитилась спутница Дины, прижав пальцы к щекам, делая большие глаза и качая головой. – Какая прелесть! Этот розовый цвет, несомненно, что-то значит!
– Жаклин… прекрати! – устало сказала Дина. – Пусть отнесут его в мою комнату! – сказала она, обращаясь уже к трактирщику.
– А чего это в твою комнату? Мы тоже хотим посмотреть! Давай, разворачивай!
– Госпожа, господин Эриадор сказал, что вы обещали ему золотой за его работу! – сказал трактирщик, выглядывая из-за свертка, который он держал перед собой обеими руками.
– Золото-о-ой! – протянула Жаклин, многозначительно подняв брови. – Целый золотой! Нет, это мы точно должны увидеть! Открывай! – скомандовала она Дине.

– Да, я тоже хочу увидеть! – поддержала подругу Эльвира.
– Давай, давай, – сказала Эльвира, видя, что Дина не спешит распаковывать портрет, – неужели тебе не интересно?
– Да нет… Интересно… – ответила Дина.
– А если интересно, то тогда открывай! Давай!
– Хорошо, держи крепче! – приказала Дина трактирщику и потянула за кончик ленточки, торчащий из бантика.
Раз, два, три! Ленточка отброшена в сторону, бумага снята с портрета. Из-под бумаги падает на стойку сложенная пополам бумажка. Секунда тишины, все осмысливают увиденное.
На картине, чуть наклонившись вперед, небрежно сидит обнаженная леди Дина, повернувшись левым боком. Правой рукой она держит упертый острием вниз серебристый меч с большим широким лезвием и черной рукоятью. Другая ее рука касается верхушки блестящего щита, прислоненного к чему-то ниже ее левого бедра. Левая нога согнута, правая носочком вытянута вперед, безупречные линии икр и бедер. На ступнях – легкие сандалии с завязками из тонких темных веревочек. Веревочки поднимаются по икрам до колен, еще более подчеркивая их изящество. Выше – безупречный живот и грудь, практически обнаженная, поскольку ее скрывает лишь ажурная конструкция из завитой в спираль тонкой металлической ленты, завершающейся маленьким кругляшком в районе соска. Черные блестящие волосы до плеч, на лбу тонкий золотой обруч с тремя большими драгоценными камнями по центру. Гордый, холодный взгляд и чуть видная усмешка в правом уголке губ. На запястьях широкие темные браслеты. Какая-то линия в районе талии, намекающая, что там все-таки что-то тоже надето на эти упругие ягодицы.
– Вот это да! – ошеломленно прошептала Эльвира. – Ну ты, Дин, даешь! Ты что, голая ему позировала?
– С ума сошла?
– А откуда он тогда…
– Я тоже хочу об этом узнать!
– А ведь как похоже! И бедра… и грудь у тебя точно такая…
– Эльви, заткнись! Мы тут не одни! – сердито сказала Дина, с неудовольствием глядя на Бинко, который попытался заглянуть из-за картины, чтобы увидеть, что же там нарисовано.
– Все, заворачивай! – сказала ему Дина, накидывая на картину серый лист бумаги.
– Дин, а тут еще бумажка какая-то! – сказала Жаклин, беря со стойки и разворачивая лист белой бумаги, выпавший при распаковке. – И что-то написано!
«Уважаемая леди Дина, если Вы читаете это письмо, то это значит, что, к моему большому огорчению, мне не удалось передать Вам портрет самолично, – принялась она читать вслух. – Предвидя такую ситуацию, я попросил уважаемого владельца трактира, Бинко, передать его Вам, коль будет у него такая возможность. Предвосхищая Ваши возможные вопросы по построению композиции и выбору сюжета картины, сообщаю Вам, что у меня просто не хватило красок. Вы как-то совершенно забыли заплатить мне аванс, и мне пришлось использовать краски из своего скромного запаса. Надеюсь, что картина Вам понравится, и Вы оставите оговоренную с Вами плату размером в один золотой у трактирщика Бинко.
С уважением и надеждой на новую встречу, Ваш художник, княжич Эриадор».
– Краски ему не хватило… – удивленно моргнув, сказала Жаклин, закончив читать и снова складывая лист пополам. Жаклин моргнула еще раз, и тут ее пробило на хи-хи. – Хи-хи-хи, – тонким смехом залилась она, – ему краски не хватило тебе на одежду! Поэтому он тебя голой и нарисовал! Понимаешь? Он сэкономил! Ой, не могу! Хи-хи-хи! Что ж ты мальчику аванс не оставила? Пожадничала? Будешь теперь сто лет на портрете голой сидеть! Хи-хи-хи! Ой, держите меня!
– Ха-ха-ха! – рассмеялась Эльвира, поддерживая подругу. – Ха-ха-ха!
– Дай сюда! – Красная и сердитая Дина дернула портрет из рук Бинко.
– Госпоже понравилось? – льстиво улыбнулся тот, выпуская его из рук.
– Понравилось? Ха-ха-ха! Дин, тебе понравилось? Ой, не могу! Ха-ха-ха! – Эльвира рухнула на стойку и уперлась в нее локтями, стараясь не упасть от смеха.
– Конечно, госпоже понравилось! Хи-хи-хи! Кому ж такое не понравится? Плати, давай, Дин! Хи-ххи-хи!
– Паршивеццц… – прошипела Дина и, резким движением сунув портрет под мышку, гордо зашагала к лестнице на второй этаж.
– Госпожа! А… а деньги? – вякнул ей вслед трактирщик.
– ЧтоОО? – Дина с высоты двух ступенек глянула через плечо на Бинко. – ДЕНЬГИ?
Под ее взглядом трактирщик втянул голову в плечи и начал медленно приседать за стойку.
– Я ему заплачу! САМА!

– А вот тут… вот такая штука… – Мой грифель быстро бегал по листу, воплощая в «твердое» изображение образы из моей памяти.
– Текс… текс… текс… – с интересом сказал представитель славной магической гильдии Вольстер, следя за появляющимся на бумаге рисунком, – и что это может быть?
– Понятия не имею! – глядя ему в глаза, честно сказал я.
Мы только сегодня вернулись из похода. Появление на перевале нашего каравана, груженного кучей ящиков, вызвало фурор. Смотреть на нас сбежался весь немногочисленный гарнизон этой убогой крепостишки. Такое внимание мне очень не понравилось. Если уж здесь мы вызываем такой ажиотаж, то что будет, когда мы пойдем по более людным местам? Мало ли чего кому в голову придет? А нас всего четверо.
Но понимал это не только я. Доминго собрал нас и сообщил, что собирается взять в охрану из крепости солдат. Рассчитаться он предложил предметами, найденными в подвале. Отряд с одобрением принял идею командира. Договорились с начальником крепости насчет охраны. Это нам обошлось в два древних бокала. Один – начальнику и один – пятерке солдат. По мне, так с охраной наш караван стал выглядеть еще привлекательнее для грабителей.
Однако все прошло без происшествий, и, благополучно спустившись с перевала, мы разгрузились на хранение у «надежного человека», как сказал Доминго. Оставили Стайли и Вирта присматривать, а сами с Доминго, прихватив несколько камушков и образцы из подвала, отправились в «пункт приема магического вторсырья».
– Если что, сами продадим, – рассуждал вслух Доминго, – а то на этих магов порой жадность такая нападает…
Да, древности и без магов продать можно, согласился я про себя, слушая его рассуждения, – антиквариат всегда можно продать…
Но Доминго беспокоился зря. Когда Вольстер увидел наши образцы, он тут же сказал, чтобы мы даже и не думали продавать на сторону, он заберет все. Причем по деньгам предложил даже больше, чем мы рассчитывали. Выходило по шестьсот золотых на нос. Плюс еще по восемь золотых за камушки, которые смотрелись на фоне шестисот более чем смешно. Услышав сумму, Доминго не стал кочевряжиться и дал согласие.
В принципе нормально, а то будешь потом по одной штуке в месяц продавать… В конце концов продашь-таки, но сколько просидишь с этим барахлом…
Ударив с Вольстером по рукам, мы перешли к продаже подвала.
Доминго будничным голосом сообщил, что у нас еще есть кусок древней крепости с работающими заклинаниями древних магов, и мы хотим его продать.
Подвал превращается, подвал превращается, превращается… в обломок могучей древней крепости! Молодец Доминго! Соображает в рекламе! Судя по вытянувшемуся от изумления лицу Вольстера, это сообщение должно было его заинтересовать. И действительно, он просто как клещ вцепился в нас, пытаясь выжать как можно больше информации. В конце концов, я потребовал себе лист бумаги и принялся рисовать, пытаясь подробно изобразить на рисунках все, что мы там видели.
Часа два я рисовал и рассказывал, пока у меня не пересохло горло. Вольстер был в восторге и, кажется, приготовился просидеть со мной весь оставшийся день и всю ночь.
Тут Доминго, тоже уже отсидевший весь зад, решил, что рыба окончательно заглотила крючок и обратно уже не выскочит, и озвучил сумму – триста тысяч золотых.
Вольстер было дернулся, но быстро вернул невозмутимое выражение на лицо.
– Это очень большая сумма… – покачав головой, сказал он, – и я такими деньгами не распоряжаюсь. Но в любом случае я сообщу о вашей находке в столицу. Пусть совет магов решает – нужна она ему или нет! И рисунки ваши, господин Эриадор, отправлю… для наглядности, – добавил он, выравнивая листки, стукая краем стопочки рисунков по поверхности стола. – Надеюсь, вы не против?
– Совершенно, – сказал Доминго, разочарованно поджимая губы. – И когда можно ждать ответа?
– Увы, увы… – ответил Вольстер, – вряд ли я вам это скажу. Пока депеша дойдет до совета, пока они соберутся, пока примут решение… Вы же понимаете, что процесс абсолютно непрогнозируемый! Особенно отсюда.
– Понимаю… – покачал головой разом погрустневший Доминго, – хорошо, будем ждать! Тогда мы пошли за нашими находками?
– Да, Да! Давайте, несите! Только прошу вас о второй находке не распространяться! Как бы у некоторых людей не вызвало это нездорового рвения. Я имею в виду Светлый орден… – сказал Вольстер. – Вы меня понимаете?
– Конечно! Какие могут быть вопросы! – набрал воздуха в грудь и раздул щеки Доминго. – Это можете не сомневаться! Вы же давно меня знае…

– Хорошо, хорошо! – выставил правую ладонь вперед Вольстер, прерывая словесный поток Доминго. – Мы с вами действительно давно работаем, и у вас хорошая репутация. Надеюсь, что и в этот раз вы не подведете! Ну что ж, господа, не буду вас больше задерживать! Очень хочется посмотреть на ваши находки! Несите!
Мы откланялись и пошли на склад, где оставили Вирта и Стайли. Опять загрузились, правда в этот раз на телегу, и снова поехали к Вольстеру. Потом мы долго передавали найденное. Мы распаковывали, предъявляли, Вольстер осматривал, записывал, его слуги укладывали обратно… В общем, к вечеру мы умудохались по полной программе.
– Уф, – выдохнул Доминго, когда все закончилось и мы выбрались на свежий воздух, – давненько я так не работал!
– Ага… и я тоже! – ответила потягиваясь Стайли. – Но я думаю, что это стоило того! Наконец-то у нас будут нормальные деньги!
– Через неделю! – влез Вирт.
Вольстер, как обычно, сразу денег не дал, а обещал расплатиться потом.
– Ладно, я думаю, все будет нормально. До этого он нас никогда не обманывал! – сказал Доминго.
– Всегда что-то случается в первый раз… – философски отозвался я.
– Да бросьте, Эриадор! – парировал Доминго. – Пойдемте лучше что-нибудь поедим! И горло промочим! А то ведь, считай, только утром сегодня и ели!
– Это дело! – поддержал его Вирт. – И я думаю, что нужно отметить наш успех! Мы богачами стали!
– Я вообще-то помыться сначала хотел… – неуверенно сказал я.
– А в чем проблема? – спросил Доминго. – Пойдем к Лысому в бани! Закажем, пока готовят, успеем помыться, а потом и отметим! Как вам идея?
– Да, неплохо! – пожал плечами я. – Я не против!
– Тогда пошли? – предложил Доминго, обводя всех взглядом.
– Пошли! – дружно отозвалась его команда.
– А вот еще один случай был. – Раскрасневшийся после бани и вина Доминго перешел к следующей байке: – Пошли мы как то с Беспалым Гимом за шкурой пещерного гризли… Прошло уже, наверное, часа два, как мы вылезли из купальницы и переместились за стол. Стол ломился от еды и выпивки. Красное сладкое вино было очень даже ничего.
Первый раз нашлось что-то путное среди местной кислятины… Я, лениво подперев голову рукой, слушал, что там врет Доминго, – хорошо-то как! Помылся… буду спать в нормальной кровати… и в еде песка нет… Красота!
– Так вот, – продолжил между тем Доминго, – узнали мы, что в пещерах, совсем недалеко от города, объявился пещерный гризли. Огромный-преогромный! И стукнуло нам с Гимом в голову пойти добыть его шкуру. Шкуры гризли тогда ценились, не то что сейчас. Взяли мы с ним по арбалету, значит, и пошли…
– Кто ж на медведя с арбалетом-то ходит? – удивился уже изрядно пьяненький Вирт. – Это надо копья брать, собак…
– Да у нас тогда, кроме арбалетов, и не было-то ничего больше… – ответил Доминго, – молодые были, дури много…
– И что? – спросила Стайли, глазами обожравшегося кролика смотря на стоящую перед ней еду.
– Ну пошли мы с ним, – ответил Доминго, – выспросили место, где его видали. Долго, помню, искали, уже хотели плюнуть, но вдруг услыхали этакое порыкивание…
Доминго взял со стола кубок и неспешно приложился к нему, создавая паузу.
– И что? – не выдержал Вирт.
– Услышали, значит, и пошли на звук – а там пещера! Черная-черная! Ничего не видно внутри! И вот оттуда, из черноты, кто-то рычит! Мы арбалеты зарядили, а стрелять-то куда? Темно! Ну, Гим и придумал камни кидать. Дескать, медведю интересно станет, кто там кидает. Он и вылезет. А мы его подстрелим!
Доминго снова сделал паузу, словно припоминая.
– И что? – не выдержал опять Вирт.
– Два раза успели кинуть. А потом из темноты – зубы! Огромные! Белые! И клыки! С два пальца! Я с перепугу и выстрелил! А медведь как зарычит! И зубы – ко мне! Я арбалет кинул и бежать! Бегу, смотрю, а впереди меня Гим несется! И быстро так! Ну тут я сообразил, что медведь первого меня сожрет, если я Гима не обгоню! Я ходу прибавил, пытаюсь догнать его, а он, как услыхал, что я его догоняю, еще быстрее припустил! А у меня сапоги тяжелые, бежать трудно. По камням бухают, не слышно, где там медведь. Обернуться страшно, да и нельзя. Обернешься – на камнях шею свернешь! Бегу, только спина Гима впереди мелькает! Долго мы с ним так бежали. Чувствую – нет сил больше, сейчас упаду! Оглянулся назад, а медведя-то и нету! Отстал… или не побежал за нами. Ну я

к Гиму оборачиваюсь, хочу сказать, что, мол, стой! А он тоже устал, спина уже прямо передо мной. Я ему кричу: «Гим, стой!» А горло-то у меня от бега пересохло, и только один хрип вышел: «Хррр… Хрр!» А Гим хрип услыхал, да вдруг как заорет: «Я не стрелял! Я не стрелял!»
И как припустит! Только я его и видел! Наверное, решил, что медведь его догнал. Только в городе его потом и встретил…
– И что дальше? – спросила Стайли.
– Арбалет тогда я потерял. Не рискнул за ним пойти. И друга потерял. Дал я тогда Гиму в его трусливую морду, и разошлись с тех пор наши пути-дорожки… – задумчиво сказал Доминго. – Не стрелял, видите ли, он! Сволочь…
– Грустная история… – сказал я, – а хотите я вам песню про дружбу спою?
– Давай! – обрадовалась Стали. Она всегда с удовольствием слушала мои гитарно-песенные изыскания.
– О'кей! – кивнул я, вытаскивая гитару из чехла.
Как там у нас?

Пам-пам парарам, па пара-рам-рам,
Пам пара-ра-рам па-пам-пам!
Если с другом вышел в путь,
Если с другом вышел в путь…
……
Что мне снег, что мне зной,
Что мне дождик проливной,

Когда мои друзья со мной
[27]
.

– Какая чудная, веселая песенка! – раздался насмешливый голос откуда-то справа от входа. Оборачиваюсь – леди Дина! Чем-то недовольная и с насмешливой иронией в глазах. Рядом с ней, по бокам, четыре девушки помоложе. Светленькая, светленькая… еще светленькая и темненькая. Вообще-то очень ничего… я бы сказал…
А не сделать ли мне из них тайлиш? Деньги у меня теперь есть, приодену, приобую, и будет у меня эскорт из четырех тайлиш. Приеду в столицу как нормальный демон… Нужно будет подумать!
– Леди, – я отложил гитару и, качнувшись, выбрался из-за стола, – несказанно счастлив снова видеть вас!
Я акккуратненько сделал поклон. Надеюсь, он у меня вышел. А то что-то стол покачивает…
– Да неужели?! Я тоже хотела тебя видеть!
– Правда? А с какой целью?
– Мне очень хочется поговорить с тобой об одном твоем произведении!
– Где? А-а-а… Вы имеете в виду портрет? – качнулся я вправо. – А что там не так? Все правильно! И ноги, и попка, и сись… грудь – все на месте! Все, как есть! Все в лучшем виде!
– Чего? – ошеломленно спросила Дина. Ее подруги, чуть улыбнувшись, переглянулись, а в зале как-то стало тише.
– У меня все точно нарисовано! Я же вижу! – Я уставился на грудь Дины, словно собираясь призвать ее в свидетели.
– Точно? Видишь? Все видишь? – Дина, сделав несколько шагов, подошла ко мне. – Ты зачем, паршивец, меня голой нарисовал? – тихо спросила она, вплотную приблизив ко мне свое лицо. – Знаешь, что я с тобой за это сделаю?
Какие у нее бездонные глаза! И губы… и пахнет от нее чем-то таким…
– Поцелуешь? – предположил я.
– Че-е-его-о-о? – удивленно распахнула глаза Дина.
– Того! – ответил я и решительно качнулся вперед, припадая к ее губам.
Мм… восхитительно, подумал я, наслаждаясь вкусом ее губ, какие они у нее нежные! И клыки не мешают!
Тресь!
Мгновенное ощущение полета, и я во что-то врубаюсь головой!

Бамц! Ух, блин, больно!
Где я? Это лавка… а я под лавкой… лежу спиной на полу – как это я?
А… Это меня Дина отблагодарила за поцелуй! Вон стоит посреди зала с красным от гнева лицом и сжатыми кулаками. Ну подумаешь, поцеловали! Не понравилось – так и скажи… Что сразу драться-то?
– Госпожа, госпожа! Прошу вас, не сердитесь на нашего друга! Он немного перебрал по молодости… – Из-за стола выскочил Доминго и, встав между мной и Диной, начал торопливо говорить, энергично жестикулируя. – Мы только сегодня вернулись из пустошей, вот он немного и расслабился! Знаете, солнце, жара, усталость… Вот он немного и не рассчитал! Он извинится! Он сейчас встанет и извинится! Эри, вставай!
Я попытался оторвать голову от пола. Не получилось.
– Не буду я вставать, – с трудом ворочая языком, сказал я, – мне и тут хорошо…
– Эри, вставай! Леди, он уже извиняется!
– Что-то я не слышу, – зловещим голосом произнесла Дина, наклонив голову к правому плечу и смотря на меня сузившимися глазами.
– Извиняется! Извиняется! Эри, ты ведь извиняешься, правда?
– Мм… – ответил я, осторожно ощупывая свою макушку.
Ничего себе шишак! Чуть голову не проломила… дура! Да ну ее с ее извинениями! Обойдется. Налицо несоизмеримое применение силы, как говорят на Земле.
– Я вижу, твой друг не торопится шевелить языком, – сказала Дина и, небрежно отодвинув Доминго в строну, подошла ко мне.
– Ну где же твои извинения? – Дина несильно толкнула меня в бок носком сапога. – Не слышу!
Сихот бы тебя побрал! Ну че ты докопалась до меня, зубастая? Не видишь, что ли, плохо… человеку?
Голова кружилась. То ли вино в голове взболталось после удара, то ли удар вино взболтал… Дина в моих глазах покачивалась и поворачивалась туда-сюда… Муть такая!
– Так вот, слушай сюда, паршивец! Ты оскорбил меня! Портретом и своей выходкой! Будь кто другой на моем месте, ты бы давно уже был на пути к Хель! Ты меня понимаешь?
Я молча взирал на нее с пола.
– Но я добрая. Очень добрая. И я тебе дам шанс. – Не дождавшись от меня ответа, Дина опустилась ко мне на одно колено и, ухватив за грудки, немного приподняла с пола. – Ты поедешь со мной в Эторию, ко мне! И нарисуешь мой портрет так, как нужно. Чтобы мне понравилось. И если ты хорошо постараешься, я, может, тебя и прощу! Ты меня понял? – Дина несколько раз тряхнула меня, видно, недовольная моей активной пассивностью.
– У-у-у… не тряси… Голова… – промычал я в ответ.
– Что? – не поняла та.
– Не могу я поехать… – грустно глядя ей в глаза, сказал я, – у меня калош нету…
– Калош? Каких калош?
– Резиновых… – так же грустно ответил я, – а без резины к леди – тортик на ветер!
– Да ты совсем пьян, паршивец, – брезгливо сморщилась Дина, отпихивая меня от себя, – несешь какую-то ахинею!
Пум!
Опять моя голова обо что-то ударилась. На этот раз, кажется, об пол.
Да что это за обращение такое со мной?! Лениво-добродушное настроение, в котором я до этого пребывал, сменилось раздражением.
Какого черта она себе позволяет? Валяет меня по полу как тряпку! Меня, Бассо эль Эгардо, младшего сына князя д’Эгардо дома Изменчивых! Да она охренела! Похоже, я начал трезветь.
– Я тебе грифель с собой дам, – сказал я, обращаясь к нахалке, – сама себя нарисуешь! Или даже два! Обрисуешься!
– Что? Что ты сказал? – наклонилась ко мне Дина.
– Того самого. Недосуг мне с тобой ездить! У меня другие планы!
– Ах, даже так? Мальчик решил показать зубки? – насмешливо сказала Дина и, не дождавшись от меня ответа, продолжила: – То есть ты не поедешь?
– Уку, – отрицательно помотал головой я, – не поеду!
– Ну что ж, – Дина поднялась с колена и еще раз бросила на меня насмешливый взгляд, – посмотрим! Пошли! – сказала она, уже обращаясь к своим спутницам и направляясь к выходу.

Богиня любви с удовлетворением смотрела на нить, протянувшуюся из золотого облака Дины к избранному.

– Ну наконец-то! – самодовольно улыбнувшись, сказала она. – Я свое дело сделала! Посмотрим теперь, что из этого выйдет!
Мирана еще раз глянула на нить и, улыбнувшись, исчезла.

– Какое прелестное наказание ты придумала своему мальчику – прощебетала Эльвира с самым невинным видом, – забрать к себе и, если «ты хорошо постараешься»… Не сомневаюсь, что он будет очень стараться, рисуя тебя в самых разных позах по нескольку раз в день… Глядишь, и дочку тебе нарисует, а может, даже и не одну, если успеет!
– Эльвира, заткнись! – коротко сказала Дина.
– Нет, а что? Я разве неправа? Очень миленькую зверушку ты себе нашла! И рисует, и на гитаре играет… да и симпатичный! И нас не боится. Только вот как наша служба безопасности на это посмотрит? Или ты на тетку свою надеешься?
– Он чужестранец, случайно оказавшийся тут, и законы нашего императора на него не распространяются! Его искать никто не будет!
– Ох, и хитрая ты, Динка! Ну допустим, законы императора распространяются на всех в империи и в первую очередь на нас! А вот то, что его искать никто не будет… это да. Это другое дело! Везучая ты! Может, отдашь его мне? Я его тоже с удовольствием бы «понаказывала»!
– Рядовой, вы забываетесь! – резким голосом ответила Дина.
– Прошу прощения, госпожа лейтенант! Что прикажете? – вытягивая руки по швам и тоже совершенно уже другим тоном спросила Эльвира.
– Мне нужна еще одна лошадь! И провиант на одного человека до Этории из расчета движения по тропам! Сегодня к полуночи!
– Слушаюсь, госпожа лейтенант! Разрешите выполнять? – отдала честь Эльвира.
– Выполняйте!

– Эриадор, вы категорически неправы! Целоваться с варгой это самое худшее развлечение, которое может придумать себе человек! – назидательно выговаривал мне Доминго, подняв правый указательный палец. – Вы меня слышите?
– Слышу… слышу… – уныло ответил я.
Я сидел, приложив к голове тряпку, намоченную холодной водой. Настроение было кислое. После вспышки гнева, спровоцированной стычкой, все опять куда-то пошло вниз. Все стало ленивым и вялым. Голова кружилась.
Наверное, это от вина, плюс еще усталость, накопившаяся после похода…
И что она так возбудилась? Картина ей прям так не понравилась, что ли? Это она брешет! Все там нормально нарисовано. Это она, наверное, чтобы не платить. Жмотяра… да ну ее!
Я решил выкинуть мысли о Дине из головы.
– У нас там вино еще осталось? – спросил я, поворачиваясь к Вирту.
– Эри, мне кажется, тебе на сегодня хватит, – сказала Стайли, с сочувствием глядя на меня, – тебе еще до трактира идти!
– Да дойдем! – махнул рукой я. – Смотрите, сколько еще еды осталось! Всухомятку это не съесть! Наливай! – скомандовал я, протягивая кубок Вирту.

Шумел к-аа-аамыш, деревья-я-я гггнулись.
А ночка темная бы-ыла-а-а!

Ночка была сегодня, действительно, темной. Мы еще часок с лишним посидели и стали расползаться по своим местам жительства. Когда мы вывалились на порог, было уже совсем темно. Мы сгрудились в плотную компашку и двинули по безлюдным улицам. И тут меня пробило на песни.

Домо-о-ой!
Туда, где бьется сердце северных гор!!
Домо-о-ой!!

Голосил я, что есть мочи. Песня улетала куда-то в черный небосвод и распространялась по сонному городу.
– Эри, тише! Ты всех бандитов к нам привлечешь! – ругалась на меня Стайли.

– Какие бандиты, – отвечал я, – круче нас только горы! Наверняка они подумают, что если мы так смело себя ведем, то у нас есть на это основания! И сто раз подумают, прежде чем что-то предпринять. А пока они будут думать, мы успеем добраться, куда нам нужно!
– А если они не будут думать и нападут сразу? Может, они без мозгов?
– Не, – уверенно сказал я, – безмозговые давно уже все вымерли! Выживают только с мозгами!
– Что-то я в этом сомневаюсь…
Так мы, распевая и потихоньку переругиваясь со Стайли, добрались почти до моего трактира.
– Ладно, все, я пошел! – сказал я, увидев впереди знакомое освещенное крыльцо. – Всем пока!
– Дойдешь? – спросил меня Вирт.
– Да че там! – махнул рукой я. – Чего там идти-то?
– Ну ладно! Тогда бывай! – сказал Вирт.
– Пока-пока! – сказал я и, пожав всем руки, повернул к трактиру.
– Пока, – сказала Стайли, направляясь в переулок вместе с Виртом и Доминго, – до встречи!
– Бай! – сказал я и, немного покачиваясь, пошел к своему трактиру.
Сейчас приду и завалюсь спать… Я лениво думал, неспешно переставляя ноги. Завтра просплю до обеда, и фиг меня кто разбудит!
Но дойти до трактира мне было не суждено. Из темной подворотни, кажется единственной на пути, внезапно ко мне метнулись два силуэта, протягивая руки.
Ну ворья-то поразвелось, еще успел подумать я, до того как в меня вцепились четыре руки и потащили в подворотню.
Врешь! Не возьмешь! Я крутанулся вокруг себя, сбрасывая с плеч чужие руки. Где тут мои чаки?
Я рванул вперед, судорожно пытаясь нащупать крышку сумки.
Вот блин, был бы обычный кинжал, давно бы уже вынул! А этот Сихотов эксклюзив пока достанешь…
Тут меня снова схватили сзади за плечи. Не оглядываясь, я лягнул ногой назад, одновременно открывая сумку с кинжалами.
– Вэяк! – ошеломленно вякнули сзади.
Попал! Но мои успехи на этом закончились. Меня дернули за мою лягающуюся ногу, и я полетел носом вперед. Не успел я ничего понять после падения, как кто-то навалился мне на спину, придавливая к земле, и я ощутил у себя на шее твердые пальцы.
Су-у-ук…и-и-и… – только и успел подумать я, теряя сознание от пережатой сонной артерии.

Утро следующего дня. Где-то в лесу

– Давай просыпайся, красавчик! Хватит валяться!
Меня кто-то пихал в бок.
Да что за черт! Я же собирался сегодня поспать до упора! Какая скотина меня будит? Я попытался продрать никак не желающие слушаться глаза.
– Вставай давай!
Меня опять пихнули в бок.
Да что это за гадство такое! Кто тут в моей комнате?
Мм… пожалуй, это не моя комната… Я в конце концов разлепил свои глаза – деревья и много-много свежего воздуха! Это явно не трактир Бинко.
Где я и что тут делаю?
С попыткой напрячь извилины голова отозвалась колокольным набатом.
– Мм… голова, – ухватился я руками за виски, – Сихот…
– Что, головушка болит? – насмешливо спросили меня. – А вот не надо было нажираться вчера так!
Поднимаю глаза. Какая-то девица в мужском костюме и высоких сапогах. Ехидно скалится.
Огляделся: лежу в каком-то стогу сена, рядом деревья… Лес. Так, де я? И кто эта громкоголосая дура? Почему я валяюсь в сене? Я что, ночевал тут? Похоже, да… Один? Или… или не один? Я уставился на девицу. С ней? Если да, то это… это алес! Черт, ничего не помню!
– Ты… хто? – пересохшим горлом хрипло спросил я, чувствуя, что брови мои уползают куда-то на лоб.

– Твоя утренняя побудка, – насмешливо ответила она. – Вылазь давай!
– А… ты… где спала? – решил расставить все точки над «i» я.
– Где? Да уж точно не с тобой, – фыркнула она. – Ты решил, что мы провели с тобой веселую ночку в стогу? Ой, умора! Ха-а-ха-ха! Дина, твой подумал, что он со мной в стогу ночевал! Ха-ха-ха! Иди, посмотри!
Откуда-то сзади послышались шаги. Я сделал нечеловеческое усилие и сел, пытаясь оглянуться. Сзади к стогу не спеша подходила Дина.
Дина! Ну я влип! Все события прошлой ночи внезапно всплыли перед глазами. Как меня тащат в подворотню, как я там отбиваюсь, потом меня прижимают к земле, пальцы на шее, потом тьма. Потом я прихожу в себя, от того что кто-то льет мне в рот какую-то горькую гадость, не давая ее выплюнуть. Я проглатываю ее и опять отрубаюсь…
Украла! Вот зараза! В Эторию, к себе! Она же намекала! Похоже, я попал!
Дина подошла и молча уставилась на меня, словно не зная, что сказать.
Я, тоже молча, смотрел на нее, ожидая ее слов.
– Ты как? – наконец спросила она.
Пожелания доброго дня не будет…
– Чем обязан?
– Ты едешь со мной!
– Это я уже понял! А на каком основании?
– Я тебе уже сказала, что ты должен мне за нанесенное оскорбление, или у тебя тогда уши были залиты вином?
– Это похищение! И нарушение законов империи!
– Пусть это тебя не волнует! Империя чужестранцев не защищает! Ты должен соблюдать ее законы, коль ты тут, а вот правами имперца ты не обладаешь. Так что успокойся, никакого нарушения закона тут нет.
– Параграф семнадцать, пункт семь: «Иностранные граждане, официально находящиеся на территории империи, обладают правами по защите здоровья, свободы и имущества наравне с гражданами империи…» – процитировал я на память страницу из сводов законов, читанных у Парелуса.
– Совершенно правильно! Молодец! Законы знаешь, – улыбнувшись, похвалила меня Дина, кивнув головой, – но ты сам сказал: «официально находящиеся на территории империи». А у тебя разве есть документ, подтверждающий, что ты тут на законных основаниях, а не чей-нибудь шпион? А? – Дина вопросительно наклонила голову к плечу.
Уела! Документов у меня никаких нет! И, похоже, она прекрасно об этом знает. Наверняка обыскала, пока я был в отключке! Зарррраза! Чтоб тебя…
– Ну не стоит злиться! – с насмешливым превосходством улыбнулась Дина. – Будешь хорошо себя вести, отработаешь, и я тебя отпущу.
Хорошо себя вести? Отработаешь?
У нее что, работать некому? Слуги закончились?
Я вспомнил бинковские рассказы про вырванные горла и уже настороженно глянул на Дину.
Дина хмыкнула, как будто почувствовала смену моего настроения.
Стоп! Она читает меня, как открытую книгу! У меня что, лицо после вчерашней пьянки стало зеркалом души и на нем все видно? Непорядок! Нужно поставить защиту!
Я вспомнил, как я прятал эмоции при первой встрече с Диной, и извлек из памяти те ощущения и чувства, которые были тогда. Раззз! Готово! Я теперь Дину люблю и восхищаюсь! А что я на самом деле чувствую, это ее не касается!
– Давай вставай! Нам пора ехать!
– А если я откажусь? – чисто из академического интереса поинтересовался я.
– Тогда поедешь связанный, – пожала плечами Дина, – а на привалах будешь растирать свои затекшее конечности…
М-де… перспективка. Впрочем, чего-то подобного я и ожидал. Придется, похоже, выразить лояльность к похитителям и добровольно взобраться на лошадь.
– Ну что, вылезаешь или мне крикнуть, чтобы несли веревки?
– Вылезаю… – буркнул я, начиная шебуршиться в стогу.

Тум, бум, тум, бум!
Глухие удары копыт моей лошади отдавались у меня в голове, делая мою жизнь еще более мучительной. Вчерашняя гулянка отразилась на теле, превратив его в какой-то бесхребетный мешок с костями. Сначала я сидел в седле прямо, как и положено всаднику, но примерно через полчаса меня стало неудержимо клонить в сон, и я пару раз чуть не завалился набок. В конце концов я плюнул на условности и завалился на лошадиную шею,

обхватив ее руками. Лошадь удивленно всхрапнула, но я успокоительно похлопал ее ладонью, мол, все нормально! Ты шевели копытами, а я тут немного посплю…
– Эри, ты никак спать завалился, – раздался сзади насмешливый голос Жаклин.
Какой я тебе Эри, хамка! Господин княжич я тебе, а не Эри. Плебейка…
Но отвечать я ей не стал. Не чувствовал в себе сил. Последние на мысли ушли. Когда я вылез из стога и прошел в указанном направлении, я обнаружил за кустиками шесть оседланных лошадей и еще трех варг.
Пять зубастиков… на одного меня… М-да, похоже, с побегом будут проблемы…
Я оглядел глазеющую на меня компанию – все при оружии, и вид у них какой-то… бодро-военный…
Под взглядами пяти пар глаз я с трудом взобрался на указанную лошадь, сам чувствуя себя спортивной кобылой на заполненном народом ипподроме. Что-то не понравилось мне в выражении этих глаз… Словно они знают что-то такое смешное… О чем я не догадываюсь…
Мое неуклюжее влезание на лошадь вызвало смешки и хихиканье у спутниц.
– Грешно смеяться над больными людьми! – печально сказал я, взгромоздясь наконец на лошадь и оглядывая варг, чем вызвал новые смешки и фырканье. Кроме Дины было еще четыре девушки – Эльвира, Жаклин, Рима и Линеллла. Дина мне их представила. Все они выглядели моложе нее, но тоже были красивы. Причем каждая по-своему.
Красивые сихотки, вот кого нужно в тайлиш брать! Красавицы и оружием владеют. Два в одном! Прям как «Хедде Шолдерс»…
Вероятно, девушки правильно оценили мой взгляд и заулыбались в ответ. Насмешливо так, типа – я вижу, что я тебе нравлюсь, но только тебе ничего не обломится! Облизывайся издали!
Нужны вы мне… Интересно было бы посмотреть на ваши лица, если бы вы узнали, что вы мне никаким боком не сплющились…
Но они об этом не знали, и поэтому я порой ловил на себе их насмешливые взгляды.
Однако я уже был совершенно равнодушен к ним. Я думал. Я напряженно думал о случившемся в банях, а именно о том, с чего это я полез целоваться к Дине? Она же низшая!
– Один раз – это случайность, два – это уже закономерность! – пробормотал я себе под нос земную студенческую поговорку.
Сихот меня побери, что же со мной происходит? Тот раз Фелия, теперь Дина… Что со мной?
Я стал подробно вспоминать оба случая, пытаясь понять, что же меня сподвигло на эти недостойные действия. Через минут пятнадцать скрипения больными мозгами я пришел к выводу, что случаи совершенно разные и в них нет ничего общего, кроме одного: и в тот и в этот раз я крепко выпил!
Ну и что? На Земле я тоже шампанское с ликером любил мешать и ничего! А тут-то что? Слабенькое вино… С земным «Хеннесси» не сравнить… Воздух тут, что ли, какой-то особенный…
Сихотский ты дурак! На Земле-то ты в чьем теле был? В своем! А тут в чьем? В чужом! Вот и вся разница! Видно, тело Эри слабо на алкоголь, чуть выпьет, и его тянет на подвиги. Мозги в даун, а наверх всплывают основные инстинкты! И все дела! И Хель тут ни при чем… Вот не было печали! Мало того что оболочка досталась хилее некуда, так она еще и на баб падкая! Ну полный алес!
Несколько минут я сыпал про себя проклятиями и задавался вопросом: есть ли во вселенной еще более унылые помойки, чем та, в которую я попал? Но проклятиями делу не поможешь.
М-да… Значит, так, больше никаких пьянок! Вино – стаканчик и все! Ну два. Пиво или местную мочу с одноименным названием можно вообще не пить! А то я как-нибудь проснусь в компании аборигенки… А что, запросто. Окажись та же Фелия посговорчивее, и будь я хорошо принявши, да совпади мы во времени и пространстве…
Ммм!!!
Я помотал головой, отгоняя жуткое видение. Не, Фелия вообще-то молодец девчонка! Смелая и гордая! Как она меня убивать пришла, мечом! Не побоялась… Сказала: не хочу, и точка! Это по-нашему… По-эсфератски!
– Что? Плохо? – подъехала сбоку Дина. В голосе ее было сочувствие.
Вот еще одна зараза.
Я заулыбался ей во все свои клыки, которых у меня не было.
Ну ей-то что от меня нужно? Только дело продвинулось, деньги появились, чтобы документы сделать да в столицу двинуть… нет, влезла, зарраза…

– Все прекрасно, леди, – ответил я, вытаращивая глаза и тряся головой, – все просто прекрасно!
– Да?
Похоже, она мне не поверила – ее проблемы…
Так мы плюхали верхом до обеда. Две варги спереди, две сзади, Дина сбоку. На обед остановились у ручья. Пообедали всухомятку.
От еды я гордо отказался. Один ее вид вызывал у меня отвращение.
– Жертвую голодающей Африке! – махнув рукой, сказал я.
– Какой Африке? – не поняла Рима.
– Неважно! – ответил я. – Короче, я не буду!
– Как хочешь, – пожала та плечами и отвернулась.
Я же занялся гитарой. Слезая с лошади, я зацепился за мешок на ее боку, который отозвался жалобным звоном струн.
Гитара!
Меня как током тряхнуло – у меня же с собой была гитара!
Если эти зубастики ее сломали… о-о! Я даже не знаю, что я с ними тогда сделаю!
Я осторожно потянул гитару за гриф из мешка.
Хм… не, вроде целая! Кому-то повезло… Очень-очень повезло!
Я мрачно посмотрел на жующий отряд. Варги как-то сразу насторожились и подобрались, внимательно глядя на меня.
Чего это они? Опять, что ли, по лицу у меня все читают? Физиогномистки какие!
Вы мне нравитесь, вы такие милые, красивые и добрые, принялся я усиленно транслировать на эмпатическом уровне. Зубастики пару секунд спустя расслабились, и напряжение спало.
Что-то тут не то, как-то все странно это… А не эмпаты ли случайно эти варги? Этого еще только мне не хватало! Я аккуратно засунул гитару обратно в мешок, а то будешь как на ладони… А где, кстати, мои чаки? Гитара есть, помнится, и чаки были…
Я осмотрел лошадь, но сумки с чаками на ней не нашел.
Похоже, что их кто-то прихватизировал…
– Ты что-то ищешь? – подойдя, спросила Дина, которая, как я заметил, старалась не выпускать меня из поля своего зрения.
– Да так, кинжальчики тут у меня были, – небрежно ответил я, – ты, случаем, не видала?
– Они у меня! – последовал лаконичный ответ.
– И? – спросил я.
– Что и?
– Когда я получу их назад?
– Зачем они тебе?
– Это мои кинжалы! – ответил я, глядя ей в глаза.
– Они слишком острые для тебя…
Так, понятно, грабеж под маской добродетели. Не видать мне моих кинжальчиков, как своих ушей! Ладно, плюсуем их к общему счету мести.
Ты еще пожалеешь, что со мной связалась!
– Так будет лучше! – сказала Дина, гладя лошадь рукой по крупу.
Несомненно. Осталось только выяснить, кому именно…
Потом мы опять сели на лошадей и поплюхали дальше, опять по каким-то заросшим тропам, ныряющим то в овраги, то в кусты. После обеда мне стало полегче, и я решил выяснить, прав ли в своих подозрениях насчет эмпатической способности варгов.
Над головой в прорехи деревьев светило голубое небо, лился солнечный свет, зеленели кусты… Все было ярко и празднично. И вот среди этого великолепия и красоты я ехал и «вонял». В ментале. Я представлял себе блевотину. Какая она мерзкая на вид. Какая она вонючая, противная и зеленая. Как она пахнет и что там в ней есть. И все чувства, которые я при этом испытывал, я усиленно транслировал в ментал, стараясь поделиться ими по максимуму с окружающими.
Зубастики как-то подотстали и ускакали вперед. Рядом осталась только леди Дина с кислым лицом. Я заметил, как она пару раз поморщилась.
Хорошо, похоже, эффект есть… А если теперь сменить направление вектора?
Я принялся усиленно думать о том, какие варги прекрасные существа, как они красивы и какое счастье находиться с ними рядом.
Ускакавшие вперед Рима и Линнела притормозили, давая себя догнать. Отставшие Жаклин и Эльвира пришпорили коней. Дина улыбнулась.
Так, отлично, а теперь снова – блевотина!
Картина повторилась, как и в первый раз. Все постарались быть от меня подальше.
Чудненько.
Я снова поменял вектор.

Поэкспериментировав и погоняв настроение туда-сюда, я пришел к безрадостному для себя выводу. Зубастики были менталками. Причем, похоже, врожденными.
Прелестно, просто прелестно! Это ведь они меня насквозь чувствуют! Ничего не скроешь. Соврать не получится – враз ущучат! И как же мне теперь быть? С моими остатками эмпатии? Сихотский мир! Угораздило же меня…
Оставшееся время до вечернего привала я размышлял над тем, как мне быть и что мне делать.
Тут еще в голову влез дурацкий припев из земного фильма:

Мама, мама! Что я буду делать? Ку…

Мама, мама! Как я буду жить? Ку…»
[28]

Прокрутив его в голове под свои невеселые мысли раз пятьсот, я наконец поклялся забыть этот припев навеки и принял решение.
Придется делать хитрое плетение, чтобы при обращении к любой из них автоматически излучались в ментал восхищение и радость. Вроде должно получиться… А вести буду себя, как добрый, но простой-простой княжеский сын, оставшийся разумом где-то еще в детстве. Что с такого возьмешь? А сам пока поищу способ слинять, да и отшутиться нужно. Сориентируюсь только, где тут пошутить лучше всего… Чтоб запомнилось…
На ночевку встали на большой поляне, подальше от деревьев. Расседлали лошадей, развели костер и принялись готовить ужин.
Я ни к кому не лез, сидел и потихоньку наблюдал за окружающими. На меня не обращали внимания, все занимались своими делами. Даже были моменты, что со мной рядом вроде никто не находился.
На побег, что ли, провоцируют? Вот и не угадали! Прям щас я так вскинусь и побегу в вечерний дикий лес с голыми руками! Дудки! Дураков нет! Подождем более благоприятного момента…
То, что я был прав и от меня ожидали более активных действий, я понял по нескольким разочарованным взглядам вернувшихся зубастиков, которые непонятно зачем куда-то ходили.
Обойдетесь… Я вам потом развлекуху устрою…
На ужин давали кашу из местных бобов с мясом.
Горелая…
Я поморщился, попробовав первую ложку.
– Что? Не нравится? – агрессивно поинтересовалась кашеварившая Рима.
– Помню, как-то батюшка нашего повара за такую кашу приказал пороть на конюшне! – провещал я, глядя ей прямо в глаза и лучезарно улыбнувшись.
Какая ты красивая и замечательная! Я в восхищении, добавил я в ментале.
Услышав, что я сказал, Эльвира и Жаклин одновременно фыркнул в свои ложки. Каша полетела во все стороны.
– Дарг! – ругнулась Дина, вытирая лицо.
– Что ты сказал? – вспыхнула Рима.
– Да так… О доме вспомнил… Скучаю… – невинно улыбнулся я, глядя ей в глаза.
Я не вру… Я действительно хочу домой…
Я кинул в ментал свои чувства, вспоминая Эсферато.
Эльвира с Жаклин захрюкали в свои миски. Мгновение спустя к ним присоединилась Линеллла.
Рима пристально смотрела на меня, но я безмятежно улыбался ей в ответ, посылая сигналы – ты прелесть, ты просто прелесть.
– Скучай следующий раз про себя! Молча! – наконец сказала она, бросив взгляд на леди Дину.
– Хорошо, – послушно кивнул головой я, злорадно ухмыляясь про себя.
Больше ничего интересного за вечер не произошло, и отряд принялся готовиться к ночевке.
– Держи! – сказала Рима, и рядом со мной на землю плюхнулась тощая скатка.
Вот из ит?
Я осторожно приподнял вещь за край двумя пальчиками.
– Ты что, никогда не спал на походной постели? – хмуро спросила Рима, наблюдая за мной.
– Почему? Спал… – ответил я, – только те были потолще…

– Это из специальной ткани. Такие делают только в Этории!
Продукт высоких технологий? Ну ладно, посмотрим…
Я принялся раскатывать выданную постель. Через пять минут Дина назначила очередность охраны, и все завалились спать.
Динка-то вроде офицер, командует!
Я плотнее завернулся в одеяло.
Какая-то она тонкая, эта высокотехнологичная постель! Все неровности почвы на ребрах…
Так, что там у меня с заклинанием ментальной защиты? Значит, нужно это прицепить сюда… А это должно реагировать на это… и как это будет?
Однако долго мне позаниматься защитой не удалось. Я банально вырубился. Видно, сказались волнения и тревоги предыдущей ночи и дня. Проснулся я посреди ночи от холода.
Спросонок, лязгая зубами, я не понял, где нахожусь.
А, все там же! Сихот! Как чувствовал, что-то не то с этой постелью! Слишком тонкое это нанополотно!
Я попытался поплотнее завернуться, но это было бесполезно. Холод пробирал до костей.
А может, это мне специально такое подсунули? Типа шутки? Сами-то дрыхнут без задних ног!
Ну, точно! Спят как миленькие!
Я поднял голову, оглядывая спящий лагерь.
И Дина дрыхнет!
Ладно, если я не сплю, то почему должны спать другие?
Я встал и, прихватив свою постель за край, потащил ее к Дине.
– Ты чего? – мгновенно среагировала та, поднимая голову.
Ну точно не спала! Наверное, слушала, как я верчусь, околевая…
– Двигайся! Замерз я! – громким шепотом сказал я, плюхая свою постель рядом с ней.
– Чего-о-о?
– Того! Слышала, что один индеец под двумя одеялами замерзает в снегу, а два индейца под одним одеялом – нет?
– Какие индейцы?
– Краснокожие! Двигайся давай!
– Да ты что себе возомнил?!
– Чего возомнил? Украла ребенка, так заботься теперь!
– Какого ребенка? – обалдело спросила Дина.
– Меня украла? Вот и заботься! Или ты хочешь привезти в Эторию мою мороженую тушку?
– Какой же ты ребенок?
– Сама мальчиком называла!
Откуда-то сбоку, из темноты до моего слуха долетело хрюканье, как будто кто-то давится смехом в подушку, стараясь, чтобы его не услышали. Дина его тоже услышала. Она приподнялась на локте, вглядываясь в темноту.
– Тсс, – приложил я палец к губам, – перебудишь всех! Вот будет завтра погоня, а мы не выспамши…
– Какая погоня? – вскинулась Дина.
– Какая, какая… Жестокая и беспощадная!
– Откуда? Кто?
– Какая ты любопытная… Вот будет, сама все и увидишь! А перед погоней выспаться нужно. Двигайся давай!
Хрюкали уже с трех сторон.
– Спокойной ночи, – сказал я, ложась рядом с Диной и, поворачиваясь к ней спиной, продолжил: – Надеюсь, ты не будешь на меня складывать ночью ноги? Терпеть не могу, когда на меня складывают ноги.
– И-и-и-и! – долетело до меня из темноты. Похоже, у кого-то началась истерика.
Дина замерла, видно, не понимая, что ей делать. Я тоже замер, посылая в ментал: Диночка, какая ты прелесть! Я так восхищаюсь тобой! И я так счастлив находиться рядом!
Еще немного поколебавшись, Дина молча легла на свое место. Я шумно счастливо вздохнул и привалился к ней спиной.
Завтра нужно срочно доделать заклинание, подумал я, смеживая веки. А теперь спать, спать… спать…

Утром я был разбужен достаточно бесцеремонно.
– Вставай! – пихнули меня в спину.
С добрым утром, Бассо, перевел я и сказал, потягиваясь:
– Мм…

– Хватит валяться! Вставай!
Дина, похоже, проснулась не в самом лучшем расположении духа.
– С добрым утром! – Я повернулся к ней и счастливо улыбнулся. – Что-то случилось?
Прелесть зубастая!.
– Хватит спать! Пора собираться!
Ну… кому пора, тот пусть и собирается! Лично я никуда не тороплюсь.
Я снова отвернулся и натянул одеяло на голову.
– Вставай, я сказала!
Меня опять пихнули в бок.
Вот блин! Похоже, утро началось с урока послушания… Так, кто я там по легенде? Юный изнеженный княжич? Отлично! Не будем выпадать из образа…
– Ну чего та-а-ам? – плаксивым голосом проныл я, высовывая один прищуренный глаз из-под одеяла. – Ну да-а-ай поспа-а-ать!
Дина стояла надо мной с изумленными распахнутыми глазами.
– Что, мальчик вставать не хочет? Непослушный какой! – ехидно поинтересовалась подошедшая Рима. – Может, его нужно отшлепать?
– Отшлепать нужно того, кто сделал эту кровать! – сказал я, выглядывая из-под одеяла. – Ерунда полная эта ваша эторская ткань! Совершенно не греет! Спишь будто на голой земле!
Ехидная улыбка Римы как-то увяла, и она бочком, бочком двинулась в сторону, с видом «а я тут ни при чем, совсем я ни при чем»…
– Как это, – тряхнула непонимающе головой Дина, – где? А ну-ка, дай!
Она резко дернула мой матрасик из-под меня. Я кубарем покатился по земле, заворачиваясь в одеяло.
– Это еще что такое?
Дина держала на вытянутой руке мой матрасик. Выглядел он довольно уныло и совсем не как матрасик, а как тощая простыня.
– Рима!
Успевшая почти скрыться за лошадью варга вздрогнула и встала как вкопанная.
– Рима! Это что еще такое? Что ты себе позволяешь? Где матрас?!
Рима повернулась лицом к Дине и, опустив голову, беспомощно шарила взглядом по земле.
– Да ты совсем охренела! Что ты себе позволяешь! Ты что, думаешь, если у нас хорошие отношения, так можно мне на шею сесть?! – орала Дина, тряся перед ней пустым подматрасником.
– Э… нет… – невнятно полепетала та.
– Все, мне надоели ваши выходки! Совсем разболтались! Никакой дисциплины! Назначаю тебя дежурным по кухне! Вечным дежурным! До прибытия в Морхейм! Ты поняла?
– Поняла… – тихо сказала Рима, кивая опущенной головой и ковыряя ногти.
– Не слышу тебя, рядовой! – рявкнула Дина.
– Слушаюсь, госпожа лейтенант! – вытянулась во фронт Рима, отдавая честь.
– Выполняйте! И приведи все в порядок.
Дина с размаху швырнула к ее ногам скомканный подматрасник.
– Есть!
Ого!
Я с удовольствием наблюдал с земли за приведением в чувство подчиненного.
Динка зажигает! Как она стружку с нее сняла. Только теперь мы, похоже, обречены на вечно горелую кашу… Неправильное решение, госпожа лейтенант!
– А ты чего все валяешься! А ну вставай! – напустилась она уже на меня, заметив, что я по-прежнему лежу на земле.
– Размотайте-е-е… меняя-а-а-а… – задушенным голосом просипел я.
Дина сделала два шага, нагнулась ко мне и дернула за край одеяла.
Ну не так же резко! Дура!
Я второй раз за утро кубарем покатился по земле.
– Еще раз с добрым утром, Бассо! – сказал я себе, садясь на земле и очумело мотая головой. С началом еще одного чудного дня на этой помойке…
– Вставай давай!
– Встаю даю… – буркнул я себе под нос, поднимаясь.
Идиотка…
Я встал на ноги оправил одежду и немного причесал руками волосы. Повернувшись, я наткнулся на взгляд Римы, прижимающей к груди мой пустой подматрасник. Вид у нее был… такой… задумчивый. Не определившийся. Не удержавшись, я показал ей язык. Рима вспыхнула, и взгляд ее приобрел осмысленность. В нем появилась злость.

Может, и не нужно было этого делать… но уж больно хотелось… Это ей за мою бессонную ночь!
– Собираемся! Быстро! – принялась командовать злая Дина.
– А завтрак? – спросил я.
– Обойдешься! Вставать нужно было раньше! Понятно?!
Ладно, плюсую к счету, подумал я и поплелся седлать свою лошадь.

На этот раз мы ехали только полдня и остановились на берегу небольшого лесного озера.
– Привал, – скомандовала Дина, останавливая лошадь, – до вечера!
У… слава Сихоту – полдня без лошади!
Мы слезли с лошадей, расседлали их и принялись разбивать лагерь.
– Рима, готовь обед! – приказала Дина, направляясь к Жаклин и Линеллле, которые ставили палатку. Эльвира пошла в дозор на возвышенность.
Следит! Как бы мне так покинуть эту зубастую компанию? Не прощаясь… По-английски… Бамц!
Звякнув ручкой, рядом со мной на землю плюхнулся котелок с остатками вчерашней каши.
– Ты чего тут расселся? Сходи помой!
Поднимаю глаза – Рима! Ага, щас! Прям так подхватился и побежал котелок драить!
– С чего это вдруг? – спокойно поинтересовался я. – Не княжье это дело! Ты же у нас вечный дежурный по бачку, так ты его и наяривай!
– Чего? Ах ты, паршивец! – Рима схватила меня за грудки и резко дернула наверх, ставя на ноги. – Слушай меня сюда, маменькин сынок! Запомни, ты теперь никакой не князь! Ты теперь зверушка, понял? И будешь делать то, что тебе прикажут! Понял? А ну пошел мыть котелок!
Фига себе обращеньице, мстительница чертова!
Жаль… очень жаль, что я нынче не в форме… летела бы ты сейчас… котелок обгоняя!
– Кровь есть кровь! Благородная кровь другой не станет! – спокойно сказал я, глядя ей в глаза. – Я до последней минуты жизни останусь князем, как кое-кто до конца жизни останется с котелком в обнимку!
– Так ты что, простолюдинкой меня считаешь? – притянув к себе, зашипела мне в лицо Рима. Из-под губ у нее показались кончики белых клыков.
Так, похоже, пора прекращать злить девочку, подумал я, но не смог удержаться от еще одной шпильки.
– Что-то я не слыхал, чтобы благородные котелки драили! – насмешливо улыбаясь, сказал я.
– Да я тебя сейчас порву на мелкие…
Договорить Рима не успела. От ее резкого рывка я потерял равновесие и повалился назад, увлекая ее за собой. Ну не одному же мне падать? Мы с треском завалились в кусты. Я увидел перед собой два блестящих белых клыка. Но у меня почему-то не было ощущения опасности. Наверное, потому что я не чувствовал у Римы жажды крови. Злость в ментале была, да. Но не желание убивать. Не тот накал. Ошеломленная сменой положения Рима замерла на мне, чуть ли не вплотную уставившись в мои глаза.
– Какие у тебя красивые глаза, – с придыханием, шепотом сказал я, усиленно транслируя в ментал восхищение, – словно звезды в бархате ночного неба!
Рима удивленно моргнула.
– Ты самая красивая из всех варг, которых я видел! – честным голосом продолжил я, осторожно вытаскивая свои руки из-под лежащей на мне Римы.
Рима опять моргнула. Но злость в ее глазах померкла и стала уступать место другому чувству, похожему на любопытство.
– Я так давно хотел ощутить на себе твою упругую грудь!
Я вытащил руки и медленно поднес раскрытые ладони к лицу Римы, не касаясь его.
Девушка немного наклонила голову набок и, чуть выставив вперед правое ухо, с интересом уставилась на них.
Так! Отвлечь мне ее удалось, теперь ее нужно как-то заставить слезть с меня!
Я соображал, что же мне теперь делать дальше.
– Это что тут такое происходит?! – раздался рядом гневный голос.
Римку с меня как ветром сдуло.
Дина! Полная ярости и уперевшая руки в бока.
– Да так, – ответил я, продолжая лежать на спине. – Рима уговаривает меня сходить помыть котелок!
– Что? Ах ты!
Я был самым бесцеремонным образом выдернут из куста и поставлен на ноги.

– Это моя добыча! – яростно сверкая глазами, заорала Дина на Риму. Меня в этот момент она держала на вытянутой руке за шкиряк, словно нашкодившего кутенка. – Тебе понятно?! – продолжала орать Дина. – А если ты имеешь какое-то свое мнение, то давай устроим поединок!
При этом она яростно трясла меня за воротник, и я болтался на нем, как Буратино на веревке.
Да что за дела такие! Да отпусти ты меня наконец, психованная!
– Да нет, нет, ничего я не имела в виду! – испуганно залепетала Рима. – Мы случайно упали…
– Вгет она… – полузадушенно просипел я из-за сдавившего мне горло воротника, – она мне себя предлагала в обмен на чистый котелок!
– Что?! Ах ты, врун! – вспыхнула Рима.
Я промолчал, одергивая одежду. Дина наконец-то меня отпустила.
– Значит, все-таки что-то было? – с подозрением в голосе спросила Дина у Римы.
– Ничего не было! – возмутилась та.
– Было, было – сказал я, поправляя волосы.
– ВЗЯЛ! КОТЕЛОК! И! ПОШЕЛ! МЫТЬ! – громко и раздельно сказала Дина, смотря на меня бешеными глазами.
Я секунду поколебался, но, глянув в Динкины глаза, молча нагнулся, подхватил котелок за ручку и потопал к озеру.
– А с тобой мы сейчас поговорим! – услышал я сзади Динины слова, обращенные к Риме.
Да! Да, давай, дрюкни ее еще разок, командирша Сихотова, подумал я, идя и покачивая котелком. Вообще оборзела! Княжича гонять котелок мыть! Зарраза зубастая! Может, она еще думает, что я теперь всегда его мыть буду? Как там? Один раз объезженный осел катает потом всю деревню? Ну уж дудки!
Я взглянул на котелок.
Котелок, котелок, какой же ты грязный! Не, мыть его я не буду. А что тогда? А тогда, перефразируя одного деятеля на Земле, – нет котелка, нет проблемы!
Я перевел взгляд на озеро и прищурился:
– Раз, два, три, пуск!
Я несколько раз крутанул котелок и выпустил его ручку. Тот стремительно взмыл в небо над озером, мгновение повисел в высшей точке и ринулся вниз.
– Бульк! – сказал он, уходя ко дну.
Хорошо вошел, почти без брызг.
Я присел на подвернувшееся бревнышко у воды, наблюдая за замирающими кругами на воде.
Спи спокойно, старый, вечно грязный друг!
Я еще немного посидел, прищурившись смотря, как солнце отражается в мелкой ряби на поверхности озера.
Красота! А не искупаться ли мне? А то еще когда подвернется такой случай?
– Ты чего сидишь?! Почему бездельничаешь?
Оборачиваюсь. Рима с красным лицом и слегка растрепанными волосами и Линеллла с кислой рожей.
Похоже, и ей клизму вкатили… Динка, видать, со всеми поделилась своим настроением.
– Вот, сижу, жду, когда мне котелок вернут! – махнул я рукой в сторону озера.
– Кто вернет? – обалдело уставилась на меня Рима.
– Не знаю, – пожал плечами я, – старичок какой-то!
– Какой еще старичок?
– Зеленый такой. Сейчас расскажу. Только, значит, я стал котелок мыть, а из воды зеленый старичок… – глядя на них честными глазами начал плести я, придумывая на ходу, – худющий-худющий, кожа да кости. И бороденка жиденькая такая, клоками… И вот этот старичок мне и говорит: «Мил человек, ради всех богов, покорми! Уже полгода ничего не ел! Хоть корочку хлеба!» А у меня-то ничего и нет! Ну я ему и говорю: «Жаль мне тебя дедушка, но ничего-то у меня нет с собой, ни крошечки!» «А ты мне котелок дай! – говорит он. – Там много чего осталось! Я его поскребу и найду для себя пропитания. А котелок я тебе верну! Чистый. Не сумневайся!» Так жаль мне его стало! Доходяга ведь совсем! Я и отдал ему котелок! Теперь вот сижу, жду, когда вернет… – закончил я свой рассказ.
Рима с Линелллой с изумлением уставились друг на друга, открыв рты.
– Дух озера или умрун? – предположила первой пришедшая в себя Линеллла.
– Умрун? Врун это, а не умрун! – заорала Рима. – Этот паршивец просто утопил котелок и теперь нагло врет нам в глаза!
Соображает, подумал я, делая возмущенную физиономию.
– Кто это врет? – показно оскорбился я. – Честнее княжьего слова не бывает!

– Да? А кто наплел Дине, что я себя за чистый котелок отдавала?!
– А кто меня в кустики завалил и грудью прижимался? И в шею дышал? А? – пошел я в наступление.
– Что? В кустики? Да я тебя!
– Рима, стой! А давай его в озеро закинем? Пусть котелок поищет! – неожиданно предложила Линеллла.
Чего? Это кого? Меня? В озеро?
– Давай! – обрадовалась поддержке Рима. – Ты за ноги!
Подскочив ко мне, она резким движением сдернула меня, не ожидавшего от нее такой прыти, с бревна. Я полетел на землю, не успев даже матюкнуться. Они схватили меня – одна за руки, вторая за ноги, и принялись раскачивать.
– И раз! И два! – отсчитывала радостным голосом Рима. – И… три!!
Суки-и-и-и…
Я взлетел над озером, нелепо размахивая руками и дрыгая ногами.

Дина

Да сколько с ним проблем! Если бы я только знала! Сегодня ночью он пришел ко мне спать, заявив, что замерз, и коль я его украла, то должна о нем заботиться!
Нет, ну каков? Поставил меня в такое глупое положение! Девчонки ведь знают, для чего он мне, и выпихивать его, когда он сам пришел, это просто смешно. Вообще-то я думала, что все будет несколько иначе. Что это именно я буду проявлять инициативу, и все пойдет по моему плану. А он сам пришел! Паршивец… Но какой хорошенький! Когда смотрю на него, по сердцу прям какой-то мед растекается… Я даже и не думала, что это так приятно! Потом он начал крутить какие-то шашни с Римой. Сначала высмеял ее кашу, а потом я их обнаружила вдвоем в кустах. Иду, а из кустов ноги торчат! Ну ничего себе! И эта сверху лежит на нем! Рожа довольная! Меня аж всю заколотило. Мой он! Я его себе нашла! Римке надо – пусть ищет! А то на чужое добро… Я ей прямо так и сказала – еще раз увижу, не посмотрю ни на дружбу, ни на соседство… Пусть пеняет на себя! И девчонки тоже туда же! Что-то часто они на него поглядывают! Я, конечно, понимаю, что скучно, – молодые, и интересно, но все-таки нужно совесть иметь. Найдите себе и занимайтесь! Нет вот, все норовят у других утащить! Только и гляди…
А Эри – замечательный! Какие у него яркие чувства! Когда он на меня смотрит, я прямо чувствую, что он мной восхищается. Так приятно! И девчонки тоже это чувствуют…
Как бы они ничего не откололи… Мой он! Нужно будет заявить на Эри свои права. При всех. Чтобы потом не было – ой, а ты не говорила, а я не знала, а я думала…
А где Эри? Что-то давно я его не видела!
От озера, куда я его отправила, внезапно донеслись вопли и визг.
– Эри! – Я вскочила на ноги и что есть духу понеслась на шум. – Эри, я сейчас!

Эри

– Буль-буль-буль! Хрррр! Буль-буль! Хрр-пшш!
Вода пыталась попасть в нос и залиться в уши. Я сидел в воде, как говорится, по самые ноздри. Когда эти две ненормальные зашвырнули меня в озеро и его воды сомкнулись над моей головой, я не стал торопиться всплывать. На дне обнаружились очень удобные корни, хватаясь за которые можно было очень быстро передвигаться под водой. Магическим зрением я вообще их отлично видел. Сориентировавшись, я усиленно зачастил руками в сторону берега, заросшего камышом.
Самый подходящий момент уйти, не прощаясь. Кто утопленника искать будет? Не найдут – зеленый утащил вместе с котелком… Да где же эти сихотские камыши? Воздух кончается! А, вот они!
Я осторожно, повернувшись боком, протиснулся в удачно попавшийся разрыв между стеблями камышей и несколько раз дернулся в сторону небольшой проплешины между ними.
Воздух! Како-ой вкусный!
Я незаметно всплыл, стараясь не булькнуть и не плеснуть, чтобы не привлечь внимание.
– Фу-у-у… – осторожно выдохнул я, – и что там у нас происходит на поверхности?
На поверхности было тихо. К сожалению, камыши закрывали место моего старта, и что там делают Рима с Линелллой было не видно.
Несколько мгновений тишины, потом до меня долетает напряженный голос Римы:

– Где он?!
– Не знаю… – отвечает Линеллла.
Ага, заволновались зубастики! А вы меня вообще спросили, умею ли я плавать, перед тем как в озеро кинуть? Щас Динка прибежит, она вам устроит!
Я злорадствовал.
– Я сейчас! Пшшш… – Кто-то стремительно ворвался в воду. Похоже, Рима.
Да, давайте искупаемся! Мне тут одному скучно! А водичка-то прохладная. Я только сейчас обратил внимание на температуру воды. Может, ключи тут бьют?
– Пшшш… – Еще одно тело с шумом приняли воды озера.
– Где-то тут, ныряй!
Ныряйте, ныряйте, сегодня вы нанyряетесь на год вперед…
Минут пять я слушал, как они ныряют и, всплывая на поверхность, спрашивают друг друга: нашла?
В конце концов Рима произнесла слово, которого я так ждал: утонул!
– Утонул… – растерянно произнесла Рима.
– А где он тогда? – отфыркиваясь, спросила Линеллла.
– Не знаю… – так же растерянно произнесла Рима, – может, умрун утащил?
– Ты же сказала, что он все придумал?
– Ну… – начала Рима, но закончить она не успела.
– Что случилось? Где Эри?! – заорала с берега Дина.
А вот и бешеная прибежала…
На всякий случай я поглубже погрузился в воду.
Затем я выслушал, как Рима с Линелллой что-то блеяли про меня, внезапно упавшего в воду. Потом слушал, как Дина минут пять ныряла, самолично обшаривая озеро.
Брр, холодно! Давайте быстрее заносите меня в покойники и валите отсюда! Я тут скоро околею!
– Что вы с ним сделали?! – звенящий Динкин голос.
Разборки третьего уровня, подумал я, осторожно двигая руками и ногами в воде, стараясь согреться.
– Бульк! – Неожиданно рядом со мной возник небольшой водоворотец, из которого вынырнул и закружился в нем утопленный мной котелок. А под ним, в воде, появилась ухмыляющаяся зеленая рожа.
Я от неожиданности издал вопль слона, увидевшего пустую кормушку в час обеда. Рожа победно ухмыльнулась и ушла вглубь. Меня что-то мазнуло по ногам и исчезло.
– Там! Быстрее!
Ко мне стал приближаться шум от нескольких тел, стремительно рассекающих воду.
Сихот, кто это был?
Я стоял, испуганно озираясь вокруг, стараясь заметить малейшее движение. Но в воде ничего больше не мелькало. Только котелок кружился, постепенно останавливаясь возле меня.
Чистый-то какой!
Я поразился, бросив взгляд внутрь его.
– Ты чего тут делаешь? – В камыши просунулись сразу три головы.
– Вот… тт. Кот… ттелок забрал! – ответил я неслушающимися замерзшими губами.
– Ко-о-отелок? – поразилась Рима.
– Ага, – ответил я, – ззз… аб… рай! Следующий раз сама ддддраить буде… шь!
– Ну… – выпятила губы та.
Баранки гну! Нужно скорее выбираться из воды! Как же я замерз…
– Эри, ты как? – это уже Дина.
– Замммерз. Хочу жжжжрать, ссспать и чаю!
– А где ты был?
– Наккк… ормите – расск… кажу, – пообещал я и полез через камыши к берегу, трясясь от холода. – Хх-ххы… Холодрыга! – Спалил зеленый! Вот же не повезло! Не знаю, кто он, но спалил… Уже почти в покойники засчитали…

– И вот он мне и говорит – потешишь меня, сыграешь на гуслях, отпущу я тебя на чистое небо и теплое солнышко! А нет, то уж извини, княжич Эриадор, земной гость, будешь у меня под водой тысячу лет жить! – заунывным голосом рассказывал я, вырисовывая в воздухе круги руками перед собой. Я был завернут в сухое одеяло и сыт. Для спасенного нашлось и пожрать и даже засахаренные фрукты. В данный момент я сидел и травил байки про свои приключения, на ходу адаптируя сказку «Садко – торговый гость» к своему случаю.
– А что такое гусли?

– О, это такой инструмент в виде доски со струнами. Играющий на нем испытывает невероятные мучения, потому что пальцы постоянно проскакивают и застреваютмежду струнами и доской, – ответил я.
– У-у-у…
Ну, прямо как дети, подумал я, обводя взглядом лица слушательниц. Глаза по семь копеек, только что рты не пооткрывали. Аборигенки… Молодые еще. Года на два-три старше Эри. Дина повзрослее, а эти молодые…
– А дальше?
– Чайку! – сказал я, протягивая кружку.
Кружку безропотно наполнили.
Ну чем не тайлиш?
– А дальше было вот что…
Что там в фильме-то дальше было?

Дина

С ума сойти! Эри побывал у морского царя! По крайней мере, он так рассказывает. Я, конечно, не поверила и попыталась поймать его на лжи, используя методы косвенного допроса пленных. Но мне не удалось уличить его. Он приводил массу всяких деталей и подробностей, словно действительно все видел своими глазами. И уверенность, с какой он отвечал… Я чувствовала, что он не врет. Но если он не врет, то тогда получается, что в этом озере есть проход к морскому царю? Никогда раньше не слышала о таком царе! Нужно будет доложить… по прибытии… А может, не стоит? Слишком безумно это все выглядит. Как бы меня на смех не подняли… Хотя нет… Доложить все равно придется. Девчонки обязательно растрепят. Жаль, я сама не видела. Рима с Линеллой в один голос говорят, что он под водой пробыл больше пятнадцати минут и появился уже с чистым котелком, который ему вычистил зеленый умрун. Все это, конечно, здорово, но как представлю, что все могло кончиться по-другому, у меня в животе холодеет. А все эта Римка со своим дурацким котелком! Решила свалить свою работу на другого. Я еще с ней поговорю!
Нужно быстрее заявить права на Эри. А то он пока у меня как-то в двусмысленном положении. Забрать я его забрала, но официально никому ничего не сказала. Вот они к нему и цепляются! Нужно срочно это исправить.
– Так, слушайте меня внимательно, – сказала я, собрав свою команду вне зоны досягаемости ушей Эри, – я объявляю Эри своей добычей! Есть ли тут кто-нибудь, кто хочет тоже заявить на него права?
Я внимательно осмотрела лица подчиненных. Все они отводили глаза и конфузно морщились.
– Да ладно, Дин, – сказала в итоге за всех Эльвира, – ты нашла, значит, твой он! А мы себе сами найдем!
На этом и порешили.
– Все! К Эри теперь только через меня! Никаких приказов, заданий и прочего! Он теперь мое имущество, и все решаю я! Понятно? – сказала я.
Девчонки согласно кивнули. Чего тут непонятного?

Эри

– Ап… Ап… Ап АпЧХИ!
Насморк меня доканывал. После вчерашнего купания я проснулся посреди ночи оттого, что у меня был заложен нос. Утром я встал с чугунной головой и глухим насморком. Попив с утра горячего чая, я полез на лошадь, чувствуя себя полной развалиной.
Сихот бы побрал это тело! Оно не только пить не умеет и баб любит, оно еще и болеет!
Затем мне в голову полезли добрые мысли. Я стал размышлять о своих делах.
Интересно, сколько времени меня будет ждать Доминго с деньгами? За камушки и посуду Вольстер обещал рассчитаться на следующей неделе. Хотя я думаю, что он, как обычно, затянет на две. Как бы доминговцы не сорвались трактиры покупать… Где я их потом искать буду? Но думаю, что они все же дождутся ответа из столицы по поводу подвала. Уж больно здоровый куш! Значит, что там у меня получается?
Я прикинул расстояние и сроки со слов Парелуса.
До столицы… обратно, плюс время на принятие решения… Чуть больше полутора месяцев. Значит, через полтора месяца я должен кровь из носа, а вернуться. Или мои денежки тю-тю!

– АпЧХИ!
Сихотский мир! Ну как можно устраивать побег в таком состоянии?

Два дня спустя

– За перевалом уже начнется Этория! – Дина воодушевленно указала рукой вперед.
Перевал? М-да… А по виду это смахивает на ущелье… Хотя у Парелуса на карте тоже, помнится, было написано: перевал. Ох, и мирок!
Последние два дня путешествия протекали мирно. До меня никто не докапывался. Похоже, девчата примирились с моим присутствием и ко мне не лезли. Меня такой факт вполне устраивал. Я старался восстановить свое пошатнувшееся здоровье и занимался планированием побега. С побегом шло плохо. Варги были фанатами военного дела. Караулы, наблюдение, скрытое передвижение… все это они делали с превеликим удовольствием. Словно ненаигравшиеся дети. Думаю, что мой побег стал бы для них подарком.
Поймают, подумал я, вспоминая, как сегодня утром Рима с Линелллой с азартом махали мечами, разминаясь, – быстрые… гейши… А мне в чужом лесу… в чужом мире… Не, я, конечно, крут… Невыразимо крут! Но поймают. Тут нужна необычная ситуация для побега. Как на озере. Эх… зеленый! Спалил ты меня! Я понимаю, что сидеть в озере – скука смертная, и ты повеселился, пошутив надо мной… Но мне от этого не легче… Сейчас вот заедем в Эторские земли, так там вообще, наверное, будет сложно ноги сделать! Нет, куда смотрит правительство? Людей, даже, можно сказать, детей, воруют и везут черт-те куда! И хоть бы один стражник по дороге попался! Безобразие! Как же мне сбежать?
На хрена я ей вообще нужен? Неужели она действительно извращенка? Или озабоченная? Вроде не заметно. Не пристает. Смотрит, правда, как-то чересчур пристально, а так больше ничего… И в ментале ощущается расположение ко мне и удовольствие при виде моей персоны. Ну и все… Чего ей от меня нужно, я так и не понимаю. Я попытался как-то поговорить на эту тему, но Дина ушла от разговора, опять начав нести ерунду про отработку оскорбления и закончив коронной фразой: «Мы потом об этом поговорим!»
Потом это когда? Когда она меня к себе, что ли, притащит? Тут неудобно, что ли? И вообще, кто это «мы»? Кажется, она под этим «мы» что-то имеет в виду! И я себе, честно говоря, поражаюсь! Как-то я спокойно с ними… Если бы мне сказали раньше, что меня украдут, силком будут куда-то везти, а я с похитителями буду вась-вась-хрю-хрю… Ну… Я бы, мягко говоря, не поверил. Но в данный момент все именно так. Нравятся они мне, что ли? Да, красивые… очень красивые… ну и что? Я же трезвый! Хм… странно это как-то… Нужно быть поосторожнее…
– Сейчас объедем последнюю заставу, через перевал, а там дальше уже Этория! – сказала Дина, обращаясь ко мне.
Похоже, меня все-таки никто не спасет. Видно, спасение украденных тут – дело рук самих украденных! Ладно, буду себя сам спасать…
Мы спустились вниз по холму по узкой тропке, вилявшей между кустами. Заставу я так и не увидел. Наверное, она осталась где-то в стороне и за буйной зеленью, растущей в этом месте, была не видна.
– Перевал! – сказала Дина.
Каньон, поправил я ее про себя, крутя головой по сторонам. Нужно тщательнее запоминать дорогу, а то мне еще обратно топать…

Этория

– Эри, нам нужно с тобой поговорить! – каким-то особенным голосом произнесла сидящая напротив меня Дина.
Полдня мы уже путешествуем по Этории и сейчас встали на ночевку, разбив лагерь. Въехав в Эторию, мы некоторое время провели на варговской заставе, где Дина таскала меня повсюду за собой, ни на секунду не оставляя одного. Я сначала не понял суть сего маневра, но, заметив оценивающие взгляды, которые бросали на меня варги из гарнизона, допер. Значит, Дина у нас конкуренции боится! Забавно… Нужно запомнить, а может, мне перемигнуться с какой-нибудь дозорной да остаться тут, на границе? Все ближе назад топать…

Однако развить мысль в этом направлении я не успел. Динка скомандовала сбор, и мы по-быстрому отвалили из гарнизона. Немного проехав по довольно неплохой по местным меркам дороге, мы опять свернули в лес и встали на ночевку. Я вообще-то ожидал, что мы больше не будем лазить по буеракам, а поедем по нормальной дороге с тавернами, где можно поесть негорелую еду, помыться и поспать в нормальных кроватях. Ну почти в нормальных.
Но вместо этого мы опять поперлись в лес. И, наверное, я теперь знаю почему – Дина хочет о чем-то со мной поговорить… Один на один.
Судя по тому, как она выделила слово «нам», разговор будет явно непростым!
Я сидел, тыкая прутиком в костер, над которым закипал котелок-утопленник. Все остальные члены отряда куда-то рассосались, и у костра царила интимно-доверительная атмосфера для двоих. Ну может, так кому-то казалось… со стороны.
– О чем? – делая наивные глаза, посмотрел я на нее.
– О наших дальнейших отношениях!
Ого! А что, они у нас есть? Я как-то раньше этого не замечал… Все до этого было абсолютно на принудительной основе.
– И что же у нас с отношениями? – поинтересовался я.
– Знаешь, Эри… – Дина помолчала, видно, собираясь с мыслями, – у нас в Этории несколько иные порядки, чем во всей империи…
Слыхал.
– И что же в них необычного? – продолжая изображать наивнячка, поинтересовался я.
– Что ты слышал о варгах? – спросила меня Дина, глядя на меня сверкающими в отблесках костра глазами.
– Да ничего, – пожал плечами я, – я тут недавно…
– Хорошо, – кивнула головой Дина.
Хорошо в смысле, что мне можно свободно вешать лапшу на уши?
– Давай я тебе тогда немного расскажу о варгах, – сказала Дина.
– Давай… – согласно кивнул я.
– Видишь ли… Эри, варги сильно отличаются от обычных людей. С виду мы выглядим почти так же, как обычные женщины, но на самом деле мы несколько иное…
Ну не сказал бы, что вы не отличаетесь от других людей.
Я вспомнил ее клыки.
– Интересно, – подбодрил ее я.
– Когда-то давным-давно, во времена древних, мой народ был создан одним могучим магом…
Наверняка он был большим эстетом, судя по тому, каких красавиц сотворил.
– Говорят, что он создал нас для войны…
Интересно! Киборги-мутанты?
– Он дал нам очень многое: красоту, быстроту, силу и выносливость. И еще он дал нам способность чувствовать. Мы ощущаем, что испытывает к нам человек, находящийся рядом с нами. Поэтому нас сложно обмануть или застать врасплох.
Я был прав! Интересно, а на каком расстоянии? Нужно будет поэкспериментировать…
– Но, как и всякое благо, эта способность имеет и обратную сторону… – Дина замолчала, уставившись в огонь. – Нам очень трудно найти себе мужчину, – продолжила Дина. – Ты меня понимаешь?
– Не очень, – честно ответил я. – Красивым девушкам и никого не найти?
– Дело в том, что мы читаем чувства и поэтому ощущаем малейшую фальшь в отношениях…
А… ну да! Я как-то раньше не задумывался, что значит быть эмпатом в окружении не владеющих этим даром. Конечно, если ты там чего-то крутишь или химичишь, то читать других в этом случае нужно и даже полезно. Но вот если эмпат решил полюбить не эмпата…
Это должно быть очень забавно. В Эсферато с этим проще, потому что все эмпаты. Кто больше, кто меньше, но эмпаты. Закрылся и пошел. У нас без эмпатического щита вообще никто не ходит. А тут… Забавно.
– Очень сложно найти человека, который бы действительно любил тебя, – сказала Дина, печально глядя в огонь. – Ты меня понимаешь?
Дина подняла глаза на меня.
Э-э-э… и куда это она клонит? Или она решила, что моя ментальная обманка это любовь? Да она сдурела!
– Не уверен, – ответил я.
– Это потому что ты еще совсем молод, – решила Дина.
И ты вроде еще не старушка.

Я нахмурился, делая озабоченное лицо, как будто всерьез думаю над ее словами.
– Не хмурься, – заметив мою гримасу, сказала Дина, – в этом нет ничего обидного. Это молодость. А она, к сожалению, быстро проходит…
Ну… у кого как, и все же куда она клонит? Чем закончится это длинное вступление? А если ее немного «прижать»?
– Леди, к чему вы клоните? – напрямую спросил я.
– Эри, ты знаешь, что ты любишь меня?
Дина пристально смотрела на меня своими прекрасными глазами.
Так, приплыли… И чего мне теперь делать? Сказать, что не люблю? А если взбесится? Я ее уже видел в ярости. Как бы у нее от огорчения «планка» совсем не упала! Не на пустом же месте бинковские рассказы про варг возникли! Да и клыки у них зачем-то есть. И потом, ну не поверит она мне, пока я в ментал любовь и счастье излучаю. Снять обманку и продемонстрировать свои истинные чувства? Тоже может сорваться, да и секреты свои выдавать не хочется. Почему-то мне кажется, что варги не обрадуются появлению еще одного эмпата. Причем чужого. Ситуация… Похоже, я опять попал…
– Я в этом не уверен, – осторожно ответил я.
– Я знаю, – согласилась Дина, – я чувствую!
Бли-и-ин! Вот дура!
– А я не чувствую! – ответил я.
– Просто ты еще не осознал! Осознание у тебя придет чуть позже!
Откуда ты знаешь? У тебя что, огромный опыт в этом вопросе? А может, мне все же попробовать отмазаться?
– Это все так неожиданно, – ответил я ей, – любовь это такое чудесное чувство, которое наполняет жизнь смыслом. Но я ничего не ощущаю! Мне кажется, мне нужно привыкнуть к этой мысли. Побыть одному, разобраться в себе…
– Нет, Эри, – отрицательно покачала головой Дина, – никуда я теперь тебя не отпущу!
Я в общем-то и не ожидал, что моя хилая уловка сработает. Но все же…
– Ограничение свободы – это насилие! Ты рассчитываешь на рождение у меня светлого чувства к тебе, совершая насилие по отношению ко мне? Тебе не кажется, что это не совсем правильный путь? – сказал я.
– Все будет хорошо, – уверила Дина, отвергая мою претензию, – ты сам увидишь!
Так, слинять не получится. Она собирается держать меня рядом с собой, пока не добьется того, чего ей нужно…Зарррраза!
Ладно. По сути, мои тактические планы не меняются. Слинять, получить деньги и добраться до столицы. Просто в плане расставлены некоторые точки и добавлены новые параметры в виде озабоченной вопросом личной жизни варги. Может, так даже будет проще. Пока ей от меня что-то нужно, можно получить с нее больше уступок и свобод, что, в конечном итоге, позволит мне сбежать от нее. Ладно, буду исходить из этого. Стоп! Что-то я как-то не сообразил. А не потащит ли она меня в постель? Любовь это не только духовные чувства. У нее ведь еще одна сторона есть. Нужно пресечь возможные намеки прямо сейчас!
– Хорошо… – послушно кивнул головой я, – у меня вообще-то были некоторые планы, но если это нужно для тебя, то я, пожалуй, повременю с ними…
Дина просто просияла, услышав, что я сказал.
– Но я хотел бы обговорить один момент… – перешел я к главному.
– Какой?
– Мне нужно время… чтобы привыкнуть… понять… разобраться в себе… Надеюсь, ты не будешь торопить события, пока я не готов? Цветок любви ведь так хрупок, что его порой может сломать даже слабое дуновение ветерка… Ты понимаешь, о чем я?
– О Эри, ты так красиво говоришь! Конечно, я подожду! – выгибаясь, с довольным видом кошки, обожравшейся сметаны, сказала Дина. – Это будет даже интересней, чем сразу!
Зарррраза! Но красивая…
Дина правильно поняла мой взгляд и широко, поощрительно мне улыбнулась.
Так, кредит мне открыт… Можно пользоваться в любой момент, подумал я, глядя на ее улыбку. Однако к кредитной карточке всегда прилагаются проценты, о которых, правда, предпочитают не вспоминать, пока не придет время расплаты.
– Договорились! – кивнул я.
– Подожди, – сказала Дина, вставая и направляясь ко мне. – Не оборачивайся! – подошла она ко мне сзади.
Что, начинаются милые любовные штучки? Мы же вроде договорились!
Неожиданно я почувствовал прикосновение к своей шее.
– Вот, – раздался голос Дины из-за спины.
Что это? Я ухватился руками за шею. Какой-то ремешок… ОШЕЙНИК?!

– Что это?! – не веря себе, с вытаращенными глазами, оборачиваясь, спросил я.
– Это знак того, что ты принадлежишь мне!
– Принадлежу?! Это что, РАБСКИЙ ОШЕЙНИК?!
– Ну почему рабский. Просто у нас, в Этории… – начала Дина. Но я не дослушал. У меня «сорвало крышу».

Возвращение в мир было неспешным. Сначала через пелену гнева и ярости стала пробиваться боль в боку, потом ломота в туго связанных за спиной руках, потом ощущение жара в правой ноге и боль в левом колене. Потом стал возвращаться слух, и с глаз стала сходить алая пелена. Я лежал, слушая стихающее буханье успокаивающегося сердца, и думал.
ОНА НАДЕЛА НА МЕНЯ ОШЕЙНИК! НИЗШАЯ НАДЕЛА НА МЕНЯ ОШЕЙНИК! Все! Шутки кончились! МЕСТЬ! Прощения этому нет и быть не может! Будь проклят этот мир! Будь проклята эта земля! Будь тут все проклято!

Там, где собираются боги

– Я всех приветствую! – сказал бог торговли, бодрым шагом входя в зал совещаний. – Что у нас за пожар?
– Пожара у нас нет. У нас все просто прекрасно! Мирана избранному подружку нашла. – В голосе Хель был слышен неприкрытый сарказм.
– Ну так это же замечательно! Значит, все идет по плану. А, Мирана? – спросил Коин, усаживаясь на свое место.
Мирана не ответила, с хмурым видом водя тонким пальчиком по линиям дерева, просвечивающим сквозь прозрачный лак столешницы.
– Так что же все-таки случилось? – так и не получив ответа, поинтересовался бог торговли, придвигаясь на стуле к столу.
– Мирана подружку избранному нашла, – повторила Хель, – варгу!
– Варгу? Варгу… варгу… варгу… – забарабанил пальцами по столу Коин, припоминая. – Варгу?! Мирана, ты с ума сошла, что ли?
Богиня любви оторвала взгляд от стола и хмуро посмотрела на Коина из-под золотых локонов, упавших ей на глаза.
– Я, значит, жизнью рискую, богатство ему обеспечиваю, кусок замка Древних притащил с другого края земли, а ты его варгам скормила! Ты вообще соображаешь, что ты делаешь?!
– Вот в следующий раз бери сам и делай! – огрызнулась богиня любви.
– Что значит сам? Тебе доверили, а ты, значит, в кусты? Или ты мне свой скипетр хочешь отдать? Давай! Буду богом торговли и любви. А что? Любовь к деньгам это тоже любовь.
– Коин, не тарахти! – поморщилась Хель. – Сейчас нужно понять, что нам делать дальше, а не выяснять, кто больше виноват.
– А я не понимаю, почему нельзя взять и весь город посыпать твоим золотым песком, – влез в разговор Марсус. – Ну тот, в котором избранный находится? Глядишь, кто-нибудь да влюбится в него истинной любовью.
– А потому что это не военное заклинание, – пригнувшись к столу, зашипела в его сторону Мирана, – это тебе не из катапульты по площадям стрелять! Истинная любовь это штучный товар, понятно?! И потом, если всех осыпать, это совсем не значит, что они влюбятся в избранного! Это только Сатия знает, в кого они влюбятся! Ясно?!
– А-а-а, – ответил Марсус, – а тогда как ты выбираешь ему подружку? Что, на первую встречную сыпешь?
– Понравилась она ему! И ей он понравился! Вот я ее и одарила!
– А откуда ты знаешь, что она ему понравилась?
– Слушай, не задавай глупых вопросов! Я богиня любви или кто? Я же вижу! И чувствую!
– А… ну тогда все ясно, – кивнул бог войны.
– Это хорошо, что хоть кому-то что-то ясно, – с сарказмом в голосе произнесла Хель, – а мне вот, например, совершенно неясно, что же делать дальше? Избранный сидит в ошейнике и воет на луну, как паршивый пес. Мне кажется, что любви у него к нашему миру не прибавилось ничуточки. Скорее наоборот.
– Что, прям в ошейнике? – спросил Коин.
– Угу… – кивнула Хель.
– Сурово… – покачал головой бог торговли.
– Может, варг… этого… того? – мотнул головой Марсус.
– Чего того? – спросила Хель.

– К тебе отправить?
– Нравишься ты мне, Марсус! И чем дальше, тем все больше и больше, – произнес Коин, все так же задумчиво барабаня по столу пальцами.
– И чем же это? – немного набычился бог войны.
– Простотой решений. Чуть что – сразу к Хель!
– Не нравится, ну предложи сложное решение. Ты у нас любитель… головоломок, – продолжая дуться, ответил Марсус.
– Всегда пожалуйста! – снисходительно улыбнувшись, ответил Коин. – В данном случае я предлагаю ничего не делать!
– Как это? – не понял Марсус.
– Да очень просто! Смотрите, – принялся объяснять всем свою мысль бог торговли, – если избранный находится под защитой Великого пророчества, то он и сам выкрутится, без нас. Пророчество его вытащит. Если же этого не случится и варги убьют его, тоже хорошо. Тогда пророчество найдет себе другого избранника, но уже из нашего мира. И уговаривать его спасти мир нам уже будет не нужно, потому что он будет наш и ему будет тут за что или за кого умирать. Понимаете?
– Хм, а ведь действительно, – сказал Марсус, – тогда получается, что Мирана сделала отличный маневр. Возможно, мы избавимся от этого избранного!
– Что-то сомневаюсь я… – медленно и задумчиво произнесла Хель, – чувствую, попьет он еще нашей кровушки…
– Увидим, – сказал Коин, – а пока давайте не будем торопить события…

Дина

Я и не предполагала, что он так остро отреагирует! Я думала, что мои чары уже оказали на него воздействие и он примет от меня все с восторгом. Но, похоже, я поторопилась. Эри пришел в такую ярость, что я даже не знаю, с чем сравнить. Он попытался убить меня самым натуральным образом. Хорошо, я успела среагировать на его бросок и не дала ему вцепиться мне в горло. Он даже на удары мои не реагировал. Что там удары! В пылу борьбы он влетел в костер и опрокинул на себя котелок с кипятком. Он и этого не заметил! Так он хотел добраться до меня. Не знаю, мне, наверное, пришлось бы убить его, не прибеги девчонки на помощь. По-другому он, наверное, не остановился бы. Когда мы его втроем связали, он еще минут пять пытался разорвать веревки, пока не потерял сознание. Он него исходила прямо нечеловеческая ярость. Никогда я не ощущала такой силы чувства. Какой он, оказывается, необычный, этот княжич! Как же я поторопилась… Но кто мог знать! И на заставе, на въезде, на него уже смотрели… как на цыпленка, залезшего к лисам. Я ни на шаг от него не отходила. Как его без знака в Эторию везти? Вмиг отнять попытаются… Может, нужно было сначала с ним поговорить, объяснить? Чтобы он понял? Хотя судя по его реакции, вряд ли он согласился бы. Даже не знаю, как я теперь говорить с ним буду, когда он очнется… Как же все неудачно сложилось!

Эри

Какой же я сихотский дурак! Вот так просто дать надеть на себя ошейник! Без драки, без боя, без сопротивления! Взять и подставить шею! Не, со мной явно что-то не то!
Я лежал ранним утром под одеялом и размышлял. Руки у меня были по-прежнему связаны, я их уже не чуял, а еще зверски хотелось в туалет. Но я не спешил выказывать признаки пробуждения. Мне нужно было подумать, как вести себя дальше.
Не бросаться же снова на нее, не достану… не то тело… не мое. Опять побьют и свяжут… Пара таких безрассудных выходок, могут и избавиться… Они тоже порой в бешенство впадают… Прикопают в лесочке, и привет! Никакой мне мести не будет. А поэтому… поэтому буду реалистом… Никаких открытых боевых действий. Буду ждать подходящего момента. А там посмотрим! Первое, что нужно сделать, это немного перестроить свою ментальную обманку. Чувства любви и восхищения к варгам оставляем, но убираем их в глубину, ослабляем… а на первый план нужно выставить чувство обиды и… и одиночества! Да, именно одиночества!
Вот так… и так… Все! Можно общаться с зубастиками!
Я активно зашевелился под одеялом, подавая признаки жизни. Через пару минут одеяло откинули с моей головы.
А-а-а… покойница!
Я, жмурясь от яркого света, увидел, кто рядом со мной.

Дина была смурная-смурная.
Погоди, то ли еще будет!
Я тоже сделал смурную физиономию.
Стянув с меня одеяло, Дина не торопилась начинать общение со мной. Она стояла и пристально разглядывала меня, словно не зная, что сказать. Зато я знал. В туалет хотелось все сильнее.
– Развяжи… – хмуро сказал я.
Дина зашла мне за спину и развязала веревки.
Руки, мои руки! Я же их не чувствую!
Внезапно Дина присела рядом со мной, взяла мою правую руку и принялась ее растирать. Я чуть не заорал от пронзившей меня боли.
– Давай другую, – сказала Дина, закончив растирать правую.
– Как я ее тебе дам, если она не шевелится? – сквозь зубы процедил я.
Правую руку после массажа пронзало словно иголками. Дина ничего не ответила, а молча принялась массировать другую руку.
У-у-у… блин, как больно!
– Нам нужно поговорить! – внезапно сказала Дина.
– Вчера… поговорили…
– Эри, ты меня не понял…
– Я все прекрасно понял! Пусти! – сказал я, почувствовав, как во мне ворохнулся гнев.
Так, все… я расслабился, я спокоен, я совершенно спокоен! Я не буду вцепляться ей в горло… на этот раз. Все потом. А сейчас я спокоен, я совершенно спокоен…
– Как хочешь, – сказала Дина, поднимаясь на ноги.
Да, я так хочу. И еще я хочу кой-куда. И это важнее твоих сердечных переживаний…
Спустя пять минут я сидел на своей походной постели и растирал кисти рук.
Чувствительность к ним уже вернулась, но горели они огнем. И нога горела. Задрав штанину, я обнаружил под ней здоровенное красное пятно. Ожог! И на штанах, снизу, прожженные дырки.
В костер меня вчера, что ли, занесло?
Чертов ошейник! В кустах я первым делом, нет, вторым делом попытался его стянуть с себя, но не тут-то было! На мои попытки он стал сжиматься, сдавливая горло. И так плотно сидел, палец не просунешь, а тут еще меньше стал!
Он еще и магический! Вот гадство!
То, что я не ошибся в своих выводах, подтвердила Дина.
Увидев меня, вылезшего из кустов с покрасневшим лицом из-за пережатого горла, она подошла ко мне и сказала:
– Не пробуй снять, или он тебя задушит. И еще. Уйдешь от меня больше чем на километр, он тоже начнет сжиматься! Понятно?
Тварь!
Не дождавшись от меня ответа, Дина резко отвернулась, а я пошел к себе, руки тереть. Мне никто не мешал. Вокруг меня сновали варги, готовясь к отъезду, но ко мне не цеплялись. Издали поглядывали и все. Правда, Рима предложила позавтракать.
Небось опять горелости, у нее без них не бывает…
Но я подумал и согласился. Неизвестно еще, когда в следующий раз кормить будут…

Второй день мы движемся по территории Этории, в сторону славного города Морхейма. Ну что сказать про это славное государство, или княжество, или что там еще у них? Побогаче будет, побогаче. Дороги поровнее и поширше. Постоялые дворы у дорог побольше и почище.
Но так, в целом обычное Средневековье. Обещанных Бинко кровавых игр местных жителей я не увидел, никто тут никому горло не рвал. Ни каторжникам, ни друг другу. Все чинно-мирно. Правда, все встреченные мною мужчины имели на левой стороне груди ярко-красный круглый значок, а на мой ошейник местные варги тайком бросали очень заинтересованные взгляды, а потом переводили их на Дину, которая была сама невозмутимость.
Заметив, что я рассматриваю красный значок трактирщика, Дина просветила меня на его счет.
– Интересуешься? – сделала она движение головой и бровями в направлении моего взгляда.
– Любопытствую, – ответил я.
– Могу рассказать.
– Да я и сам узнаю. Спрошу кого-нибудь. Риму, например… – ответил я.
Дина нахмурилась:
– Ты не желаешь со мной разговаривать?

Я промолчал, не считая нужным отвечать на ее вопрос.
– Если бы ты тогда выслушал меня, то сейчас не обижался бы. Ты бы понял, что у меня просто не было другого выхода!
– Выход есть всегда, – ответил я.
– Не в этом случае. Все мужчины, живущие в Этории, носят знак, который показывает, что они граждане нашего анклава и находятся под защитой его законов.
– Защитой от кого? – поинтересовался я.
– Ну… я, наверное, не совсем правильно выразилась. Я хотела сказать, что он показывает, что на них распространяются те же законы, что и на варг…
Понятно, от кого защита. От своих. Похоже, насчет кровавых оргий Бинко не соврал. Знак – это запрет трогать местную рабочую скотину. А то если всем мужикам глотки повырывать, кто ж работать-то будет? Самим придется. Да и торговля тогда умрет на корню. Торговцы за тридевять земель будут объезжать такое гостеприимное место.
– И что же это за законы? – спросил я.
– Ну… это такие законы… в которых говорится о равных правах…
– Ты меня обманываешь! – обличительным голосом сказал я.
– Почему? – немного растерялась Дина.
– Ты все время что-то недоговариваешь, что-то от меня скрываешь, – обиженно сказал я, – я не могу тебе доверять!
– Эри… я… – Дина замолчала.
– Ты нехорошая! – без тени сомнения в голосе сказал я.
Услышав мое детское заявление, Дина выпучила глаза.
А ты как думала? Любви захотелось? Будет тебе любовь! Вот тебе для начала мальчик-капризуля. Посмотрим, как ты с ним сладишь. А потом еще есть такая штука, как муки ревности. Вижу, ты еще та собственница. Думаю, мои показушно-теплые отношения с другими варгами вряд ли тебе понравятся. Это будет отличной шуткой для тебя, дорогая!
– Эри, ты ведешь себя прямо как ребенок! – растерянно произнесла Дина.
– Которого ты постоянно обманываешь, – ответил я. – Думаю, что правдивую информацию мне следует узнавать у кого-нибудь другого. У Римы или Жаклин…
– У Римы? – приподняла вверх правую бровь Дина.
Ага, вот и объект для травли – Рима! Видать, наше с ней валяние в кустах глубоко запало тебе в сердце, Динуля! И эта кашеварница-отравительница тоже пусть свое получит. За мое купание в озере и попытку принуждения меня к рабскому труду. Это ж надо, заставлять княжича драить котелок! Думала, что ей все сойдет с рук? Это она зря…
Итак, у меня есть теперь динамо-машина: Дина плюс Рима. И если я не буду лениться ее крутить, то остаток моего путешествия пройдет под яркие сполохи электрических разрядов. А потом у меня есть еще Жаклин, Эльвира и Линелла. Они ведь тоже могут поучаствовать! Настроение у меня резко пошло вверх. Повеселимся?!

Дина

– Фух! Наконец-то я дома! – произнесла я, входя в прихожую.
– С прибытием, леди, – сделала поклон встречавшая меня домоправительница Ярина, – надеюсь, путешествие было удачным?
– Вполне, – кивнула головой я.
Если бы этот паршивец еще не мотал мне нервы…
Последние три дня до Морхейма были просто ужасны. Этот большеглазый гаденыш нашел способ отомстить мне за ошейник! Я только зубами скрипела, когда видела, как он, улыбаясь, шепчет что-то на ухо Риме. И с другими тоже любезничал. Улыбка во все зубы и куча комплиментов: «Эльвира, как у тебя сегодня красиво лежат волосы! Жаклин, а что это у тебя за такой интересный шарфик! Я его раньше не видел! Тебе очень идет!» Тьфу! А меня как будто рядом нет. Подчеркнуто-отстраненно-холодно – леди Дина, леди Дина! Так обидно! А эти дуры еще уши поразвесили и летят на его речи, как мотыльки на огонек. Глаза от меня прячут, а сами все к нему липнут. А он и песни под гитару им, и смешинки какие-то рассказывает, так что они под стол уползают. Однако стоит только мне подойти, как он замолкает. Негодник такой!
Но я сразу поняла, зачем он это делает, и ни разу не сорвалась за эти три дня. Хотя одна Арист знает, чего мне это стоило! Было, правда, сильное желание струны на гитаре оборвать, но и тут я сдержалась. Никуда он не денется. Я же чувствую, что он по-прежнему восхищается мной и любит меня. Только на первом месте у него теперь обида. Хорошо, я подожду. Обида пройдет, не сможет он против варговских чар устоять. Тогда он прощения у меня и попросит… Очень хорошо попросит…

Попросит?
Я обернулась на стоящего сзади меня Эриадора, который, прищурившись, оглядывал прихожую.
Попросит! Только ему придется очень сильно постараться… чтобы я его простила… Я, тоже прищурившись, окинула Эри взглядом.
– Леди, у нас гости? – вывела меня своим вопросом из раздумий Ярина.
– Ах да, – вспомнила я, что ничего не сказала про Эри, – это княжич Эриадор! Он будет жить у меня. Подготовь комнату на втором этаже.
– Слушаюсь, – поклонилась Ярина, – что-нибудь еще?
– Мыться, есть и отдыхать, больше ничего! – ответила я.
– Вода уже греется, еда готовится! – снова кивнула головой домоправительница.
– Отлично! – сказала я ей.
– Эри, проходи, – скомандовала я княжичу, – и чувствуй себя как дома!
– Но не забывай, что ты в гостях… – ответил этот негодник, проходя в зал мимо меня.
Ладно, и за это будешь прощения просить. Интересно, как ему понравится мой дом?

Эри

В целом можно сказать, что городок Морхейм произвел на меня благоприятное впечатление. Довольно-таки чистенький и, может быть, даже местами уютненький. Помойками не пахнет, улицы широкие, мощены ровной прямоугольной светло-серой плиткой. По первым этажам двух-трехэтажных домов многочисленные лавки, в которых «шевелится жизнь» в виде покупателей. Архитектурно город тоже выглядел неплохо. Фасады домов, выполненные с многочисленными финтифлюшками, вроде козыречков, балкончиков, выступов и маленьких окошечек, придавали домам эдакий дополнительный шарм. Короче, город производил впечатление богатого и зажиточного. Вот что мне тут не понравилось, так это городские стены.
И зачем они это так строят, стало любопытно мне, когда я проезжал мимо здоровенных и высоченных каменных громад, отделяющих город от внешнего мира. И как я буду их перелезать? Когда бежать придет время.
Немного покружив по городу среди торговых улиц и толкотни, мы, похоже, въехали в богатые кварталы. Улицы стали гораздо шире, дома пошли подальше друг от друга и с претензиями на индивидуальный проект. У каждого дома – палисадничек с цветами и дворик, отгороженный невысоким, где-то примерно по грудь мне, заборчиком из светлого некрупного камня.
Дина при деньгах? Что ж, это гораздо лучше, чем жить в казарме…
– Вот! Вон тот дом! – с радостным выражением лица обернулась ко мне Дина, указывая рукой на третий дом от начала улицы, в которую мы свернули.
Я окинул взглядом большой двухэтажный дом с потемневшей красной черепичной крышей. Ничего так… сарайчик, солидненький… издали, по крайней мере.
Да, что ни говори, а приятно возвращаться домой, подумал я, бросив взгляд на довольную Дину, я бы тоже радовался, вернись я в Эсферато.
Я малость ушел в себя, загрустив, вспоминая свой дом.
Пока я предавался меланхолии, мы успели доехать до конечной цели путешествия. Из дома вышли слуги, приветствуя Дину с радостными улыбками на лицах.
Похоже, не врут, – я считал их настоящие эмоции, – видно, Дина неплохая хозяйка.
Сдав лошадей слугам, мы прошли в дом, где Дина представила меня своей домоправительнице.
Ярина была женщиной на вид лет тридцати пяти, с убранными под белый чепчик темными волосами. Лицо у нее было кругленькое, с ясными, внимательными глазами. Надета на ней была длинная, до пят, темно-коричневая юбка и белая блузка с вышитой безрукавкой.
Интересно, а в каком это статусе Дина представит ей меня?
Я разглядывал Ярину, ожидая это услышать. Ага! Типа гость…
Ярина послушно поклонилась Дине, но я заметил, как она мазнула своим взглядом по моему ошейнику.
Ясно, я тут никто, и звать меня никак! Хотя в общем-то на что ты рассчитывал, чудак, имея такое украшение на шее?
– Эри, проходи, – скомандовала мне Дина, – и чувствуй себя как дома!
– Но не забывай, что ты в гостях… – ответил я, обходя ее.
У меня язык просто чесался ей что-нибудь сказать. Хоть я и старался следить за собой, но все равно периодически у меня что-нибудь этакое выскакивало. Наверное, в этом был виноват мой гнев, который никуда не делся, а клокотал, словно магма, где-то глубоко

внутри меня жарким алым пламенем. Хоть я его и «утопил», затолкав его на самый «низ» своего сознания, но он все равно был готов пыхнуть в любой момент, подобно извержению вулкана. Тем более что пока не находилось никаких поводов для его охлаждения. Моя идея заставить искрить варг между собой полностью провалилась. Дина, похоже, догадалась, что стоит за моей внезапно вспыхнувшей жаждой общения с ее командой. И сколько бы я ее ни провоцировал, ни разу ничего мне не сказала.
Аж абыдно… Ладно, еще что-нибудь придумаю.
У-у-у… Как у нее стильненько, подумал я, окидывая зал, в который вошел, – а у нее, похоже, есть вкус!
Зал представлял собой большую прямоугольную комнату с высокими узкими окнами. На окнах – тонкий прозрачный белый тюль и светлые шторы, отлично гармонирующие с таким же светлым деревянным полом янтарного оттенка. У окон – мягкие светлые диваны и кресла вокруг невысокого длинного столика. В глубине зала – встроенные в стену стеллажи с книгами, широкая деревянная лестница с лакированными перилами, ведущая на второй этаж. На полу, перед лестницей, лежал большущий темно-вишневый ковер с толстым ворсом. Пахло деревом, книгами и немножко кожей. Наверное, от книжных переплетов.
– А у тебя очень мило! – обернувшись, сказал я Дине.
– Правда? – неподдельно удивилась та, наклонив голову к правому плечу.
Ой, чего это я? Я же не собирался ей говорить комплименты.
Пару секунд я смотрел на довольную Дину и, немного подумав, добавил:
– У тебя хороший вкус!
Дина даже немного порозовела от удовольствия.
Ну, коль начал говорить комплименты, то нужно заканчивать. И все же, что это такое со мной? Странно…
– Проходи, Ярина покажет тебе твою комнату! – с довольным видом сказала Дина.
– Пойдемте, господин! – сказала мне Ярина, делая приглашающий жест рукой.
Я, молча соглашаясь, задумчиво кивнул головой.
Поднявшись на второй этаж, мы прошли с домоправительницей по небольшому коридору с голым полом и маленькими узкими окнами под потолком и остановились перед дверью из светлого дерева с большой фигурной металлической ручкой.
– Прошу вас! – сказала моя сопровождающая, распахивая передо мной дверь.
Светленько… уютненько… кровать, стол, шкаф, светло-коричневый коврик на полу.
Большое окно.
А вид…
Я подошел к окну и отодвинул в сторону полупрозрачный белый тюль.
Вид на улицу.
– Прошу вас, располагайтесь! – сказала Ярина, стоя в дверях. – Как только ванна будет готова, я вас позову.
– Хорошо, – согласился я.
– Что-нибудь еще? – спросила Ярина.
– Да. Пусть принесут мою гитару, – ответил я.

Дина

А он может быть очень милым, подумала я, разглядывая в зеркале на своем правом ухе сережку: как он оценил мой вкус! Очень искренне. А вкус у меня действительно есть…
Я критически оглядела себя в зеркале.
Нет! Пожалуй, эти сережки сюда не идут. К этому платью нужны более легкие. Эри сразу увидит, что они сюда не подходят… Эри? Эри…
Я, кажется, волнуюсь? Волнуюсь… Странное ощущение… Так хорошо на сердце… И ожидание чего-то радостного. Как праздника, которого долго ждала. Как необычно! Может, это любовь?
– Влюбилась? – тихо произнесла я, приблизив лицо к своему отражению в зеркале и пристально смотря себе в глаза. – Дина, ты влюбилась? А? Дина, – я шутливо погрозила своему отражению пальцем, – ты же знаешь… что варгам нельзя любить … Нельзя любить того, кто…
Так. Стоп! Все! Я вернулась домой, у меня хорошее настроение, и я буду просто дурой, если сама себе его испорчу! У меня будет неделя отдыха после задания. У меня в доме есть большеглазый симпатуля, который вроде начал понимать, что он был неправ… А когда он меня увидит в платье, он еще больше поймет… как он был неправ!
– Нет, эти сережки сюда совершенно не идут, – окончательно решила я, покрутив влево и вправо голову, – сюда лучше подойдут с рубинами!

– Госпожа, он заканчивает мыться, – осторожно заглянула ко мне в комнату служанка.
– Хорошо, проводишь его потом в малый зал, – сказала я, – там уже накрыли?
– Да, все готово.
– Хорошо, я буду ждать там. Иди! – приказала я, открывая шкатулку с драгоценностями.

Где он там пропал?
Десятью минутами позже я стояла у накрытого стола и ждала Эри.
Как есть хочется! Мои любимые острые крылышки! Ммм! Какой запах! Да где же он там?
Я не садилась за стол по совершенно прозаической причине. Если я сяду, то Эри не увидит целиком надетого на мне платья. А Эри все никак не мог выбраться из ванны, и я испытывала просто страшные мучения, раздираясь между желанием перекусить и покрасоваться.
– Пожую пока, – сказала я себе и быстро сунула в рот кусочек куриного крылышка.
Ммм! Как же все дома вкусно! Эта Римка со своей готовкой уже натуральную изжогу вызывала! Нужно было назначить ее не вечной кашеваркой, а вечной чистильщицей котелка! Вот это было бы правильно! Пожалуй, тут я погорячилась…
Внезапно моего слуха коснулся звук шлепающих по полу босых ног. Это было так странно, что я прекратила жевать и наклонила голову, прислушиваясь.
Кто же это у меня такой по коридору ходит?
Я едва успела подумать, как дверь широко распахнулась, и на пороге появился босой Эри, завернутый в белую простыню.
– Аве, Дина, – сказал он, принимая величественную позу и поднимая вверх правую руку с открытой ладонью, – аве!
Эри явно кого-то копировал. Сзади, за его спиной, я заметила служанку с ошарашенным видом.
– И что это значит? – торопливо проглотив недожеванный кусок, спросила я.
– Приветствие такое, – неторопливо ответил он, входя в комнату.
– А почему я его раньше не видела?
– Это по особым случаям… приветствие, – сказал Эри, остановившись у стола и внимательно рассматривая, что на нем стоит, – праздничным…
– А какой сегодня праздник?
– Не знаю, – ответил он, пожав плечами, – но я вижу празднично накрытый стол и вас, красивую, и поэтому решаю, что нынче праздник. Этого достаточно?
– А почему в простыне? – поняв все про праздник, спросила я.
– А в чем я, по-вашему, должен был прийти, – в голосе Эри послышалось раздражение, – в грязных вонючих тряпках, в которых я неделю с лишним потел и пачкался по всяким привалам под открытыми небом? Вы же, похищая меня, не удосужились прихватить в комплекте со мной мой багаж!
А ведь и правда у него ничего нет! Только то, что на нем. Нужно будет его приодеть… Завтра нужно это обязательно сделать!
– Может, у слуг что-то найдется? – как-то без задней мысли сказала я. – Я сейчас спрошу! Ярина!
– Слуг? – с недоумением в голосе переспросил Эри, приподнимая брови.
– Да, а что?
Эри несколько секунд внимательно изучал мое лицо и наконец неспешно произнес:
– Сдается мне, леди Дина, что вы хотите меня обидеть! Считайте, что вам это удалось! Я удаляюсь! Прошу вас, распорядитесь, чтобы еду принесли в мою комнату!
С этими словами Эри величественно закинул висящий край простыни себе на правое плечо и неспешно повернулся ко мне спиной.
Ой!
Я невольно схватилась ладонями за щеки и почувствовала, что у меня от удивления открывается рот.
Сзади у Эри ничего не было! Простыня была наверчена на нем таким хитрым образом, что спереди она создавала иллюзию какой-то монашеской тоги, а вот сзади… Там, из-под завязанного на поясе узла торчала голая поджарая попа. И все!
Понятно, почему у служанки в коридоре глаза такие были.
Увидев, что он направился к двери, крикнула:
– Стой, ты куда? И что у тебя за вид?
– Простыни у вас короткие, – с довольной интонацией в голосе сказал Эри. – А иду я к себе, переваривать нанесенное мне оскорбление… – спустя пару мгновений ответил он и на мой второй вопрос.
– Какое оскорбление? – не поняла я.

– Предложить княжичу тряпье слуги… это ли не оскорбление? – печально посмотрел он на меня через плечо своими большими глазами.
Он же княжич! Какая же я…
– Всего доброго! – сказал Эри, и его голый зад исчез за дверью.
А как же ужин, хотела спросить я, но уже было не у кого. Я в растерянности плюхнулась на стул.
Как все получилось… как все так… не так! Я думала, что мы… а он… Показал мне голый зад и ушел! И про мое платье ничего не сказал…
– Прикажете отнести ему еду? – спросила меня девушка, прислуживающая за столом.
Дарг! Весь вечер испорчен! Зачем я тогда одевалась? И вроде как сама виновата… А может, он это специально? Чтобы позлить меня? Больно голос у него был довольный… С него станется… Хотя, конечно, зря я про одежду ему сказала.
– Госпожа… – напомнила о себе служанка.
– Обойдется! – приняла решение я. – Пусть поголодает! Хуже ему не будет. А то у него на зад уже простыни не налезают!
– Госпожа…
– Все, дай мне спокойно поесть! – рявкнула я, придвигая к себе салатницу.
Внезапно моего слуха коснулась приглушенная стенами печальная гитарная мелодия.
Я замерла, не успев донести кусок до рта, слушая одинокую гитару, которая словно жаловалась миру на свою судьбу. Неожиданно мелодия оборвалась, и стало тихо. Я некоторое время прислушивалась, ожидая продолжения, но напрасно. Гитара молчала.
– Ладно, отнеси ему… – вздохнула я, – возьми на кухне. И… положи побольше! Он, наверное, есть хочет…

Эри

На следующий день я встал довольно-таки поздно, часов около десяти. Меня никто не тормошил, никуда не погонял, и я вдоволь повалялся в чистой постели.
Красота, думал я, блаженно потягиваясь под одеялом: лошадей нет, комаров нет, камней под ребрами нет! Горелой каши тоже нет! Вот оно, локальное счастье-то!
М-да, я вспомнил вчерашний день. Честно говоря, думал, что Динка сорвется. Ничего подобного! Мою выходку снесла стоически. Даже ужин прислала. Я на это и не рассчитывал, даже сыграл небольшую композицию своего сочинения на гитаре под названием «Одинокий голодный демон». Но потом вдруг случилось чудо – о, слава богам! – дверь открылась и появилась служанка с подносом!
Это даже как-то подозрительно, может, зубастая хочет меня взять комфортом? Рассчитывает на то, что к хорошему быстро привыкают, и я тоже привыкну?
Это она зря, я ее не простил. И не прощу! Такое не прощают. Хотя в общем-то странно… Вроде бы и зол на нее, а вроде бы и нет… Как-то смотрю на нее без ярости, пока не вспомню, что она со мной сделала. Даже, пожалуй, нравится она мне. Бестолочь, правда, но красивая… Подозрительно все это. Никогда я раньше такого двоечувствия за собой не замечал. Словно «Запеченная Аляска» – на Земле так называют одно блюдо. Кусок замороженного мяса быстро жарят на сковородке и получается такая штука – снаружи пожарилось, а внутри мороженое мясо – «Запеченная Аляска». Так и у меня: внутри гнев, а снаружи – отношения, похожие на симпатию. Что-то тут не то!
В дверь моей комнаты осторожно постучали.
– М-да… – откликнулся я.
– Хозяйка дома приглашает вас на завтрак! – сообщил мне молодой женский голос из-за двери.
О как! Хозяйка дома! А ко мне обращение вежливое, но обезличенное…
– Передайте хозяйке, что мне не в чем явиться пред ее прекрасные очи! Но если она ничего не имеет против простыни, то я конечно же приду! – ответил я, вспоминая свою вчерашнюю шутку. Простыню я прилаживал минут пять. Без зеркала это было чертовски неудобно.
– Ваша одежда выстирана, высушена и поглажена, – сообщили мне из-за двери. – Если вы не возражаете, то я вам сейчас ее передам!
Расторопненько тут, однако, подумал я и скомандовал:
– Входи!
Дверь открылась, и в нее заглянула светловолосая молодая служанка, держа на руках мою аккуратно сложенную одежду.
– Заходи! – еще раз сказал я. – Тебя как зовут?
– Лили, – сделала книксен она.

– Красивое имя, – сказал я, – положи там!
Я мотнул головой в сторону стоящего у стены стула.
– Помочь вам одеться? – предложила она.
– Да нет, я, пожалуй, сам, – сказал я, опуская ноги с кровати, – ты пока подожди меня за дверью, проводишь, а то я тут впервой.
– Как будет угодно, – снова сделала книксен Лили и вышла за дверь.
Я встал, оделся в принесенную одежду и глянул в зеркало. Из него на меня смотрел загорелый темноволосый парень с благородными чертами лица и большими темными глазами. На его шее темнела неширокая, в два пальца, полоска ошейника.
Гадость, сморщил нос я, прямо в глаза так и лезет! Как бы его прикрыть? Хм… а лицо у меня как-то поинтеллигентнее вроде стало, или мне это кажется? Мм… пожалуй, да. Определенно, черты лица немного изменились! И чего это вдруг? Как-то странно все… Ладно, нужно идти. Дина ждет, да и позавтракать не помешает…
Завтракали мы совсем не в том месте, где я демонстрировал свои обнаженные ягодицы. На этот раз это была совсем маленькая полукруглая веранда-балкон на втором этаже. Посреди нее стоял круглый стол, накрытый белоснежной скатертью, на котором стояли молочники, чайнички, чашечки и тарелочки из тонкого розового фарфора. Одно из окон веранды было приоткрыто, и в него струился свежий утренний воздух, шевеля тонкий тюль. В окна лился яркий свет, было видно чистое голубое небо, и все было ему под стать – чисто, ярко и свежо.
За столом сидела Дина, в уютном на вид белом домашнем халате с опушкой по плечам.
– Доброе утро, Эри, – широко улыбнулась мне Дина, – как спалось?
– Замечательно, – улыбнулся я ей во все свои тридцать два зуба, – с добрым утром!
– Присаживайся, – Дина указала мне место за столом напротив себя, – ты, наверное, проголодался?
– С чего бы это мне проголодаться? – спросил ее я, усаживаясь на стул и разворачивая салфетку. – Лили вчера мне большущий поднос принесла.
– Ну… молодые мужчины обычно всегда голодны… – протянула Дина, накручивая на правый указательный палец свой темный локон.
Так, похоже, кто-то встал сегодня в игривом настроении, выспалась, что ли?
И подумать только, какая метаморфоза! От мальчика до молодого мужчины за одну ночь! Когда я только успел?
Молча пожав в ответ плечами, я подтрунивал про себя над ее фразой и неспешно присматривался к тому, чего тут можно съесть.
– Я оценила твою вчерашнюю шутку, – немного погодя сказала Дина, увидев, что я молчу.
– Это была не шутка, – сказал я, подцепляя с общей тарелки гренки, – это была необходимость! Не мог же я появиться на ваши глаза в грязном?
– Тебе не все равно, как ты выглядишь в моих глазах?
– Я сын князя, и мне известны понятия о приличиях, – я поднял глаза и пристально посмотрел на Дину, – в которые, кстати, никак не входит одежда для слуг.
Дина смутилась под моим взглядом и опустила глаза. За столом возникла пауза.
– Эри, я была вчера неправа! И допустила непростительную ошибку. Прости меня, пожалуйста! – неожиданно сказала Дина, поднимая на меня свой взор.
Ого! Чего это она такая вдруг пушистая? Не, определенно она хочет усыпить мою бдительность, творя хорошие дела и идя на уступки!
– Я подумаю, – пообещал я, укладывая рядом гренки в своей тарелке.
– А пойдем и купим тебе одежду, – предложила Дина, – какую захочешь! А?
Щедрая какая! Я сам себе одежду покупаю. А так буду действительно, как мальчик, стоять, пока она меня одевать будет. Она бы вообще определилась, кто я: мальчик или молодой мужчина? А то что-то ее колбасит слева направо, как пьяную фуру по дороге. Зубббастая… Хотя… с другой стороны, одежка нужна, не ходить же мне в одном и том же! Да и пообтрепался я уже малость… И потом, можно найти что-нибудь с воротничком-стоечкой, чтобы закрыть этот дурацкий ошейник!
– У нас есть отличный магазин, в котором все самые модные вещи! Прямо из столицы! – сказала Дина, видно, приняв мои раздумья за нежелание.
Столичные штучки? Наверняка дорогие… Может, разорить ее в этом магазине? Вот будет забавно, если у нее денег не хватит! И еще можно будет покапризничать… Хорроошая идея!
– Хорошо, – уступил я, – пойдем купим!
Дина просияла.
– Тогда сразу после завтрака, хорошо? – предложила она.
– Ладно, – как бы нехотя произнес я.
– Ты тогда ешь, а я пойду одеваться! Мне еще нужно будет в полдень зайти отчитаться о поездке. Времени мало. Хорошо?

– Угу, угу – закивал я, зажевывая хрустящую, хорошо поджаренную гренку.
– Я пошла. – Дина встала из-за стола и, крутанув низом халата, вышла.
Проводив ее задумчивым взглядом и принявшись неторопливо намазывать на следующую гренку масло, я думал.
Все страньше и страньше… Она спрашивает моего согласия. С чего бы это? Хм… как-то резко она изменилась… Похоже, за этим что-то есть… Причем, несомненно, коварное… нужно быть начеку! Что-то происходит, чего я не понимаю. Почему она так обрадовалась моему согласию пойти в магазин?
Закончив завтракать, я в ожидании Дины спустился в гостиную и от нечего делать принялся изучать содержимое книжных полок.
Так, любовный роман (воткнул взятую книгу обратно на место), еще один, и еще… еще… Интересно, тут в принципе какое-нибудь другое чтиво есть?
– Любишь читать?
Я от неожиданности вздрогнул и поднял глаза от книги. Как она бесшумно подошла! На верхней ступеньке лестницы стояла леди. На Дине было платье цвета изумрудной волны. Тугой лиф, шитый серебряными нитями, плотно облегал ее грудь, подчеркивая все, что следует подчеркнуть, в самом выгодном свете. От узкого серебряного пояска, завязанного на талии небольшим узелком и свисающего вниз двумя длинными концами, начиналась юбка. Плотная вверху, по бедрам, она примерно от их середины расширялась колокольчиком и заканчивалась крутыми воланами внизу, из-под которых выглядывали носочки зеленых туфелек. Длинные, блестящие сережки и колье на груди довершали образ. Дина была великолепна.
«Ну как?» – спрашивали ее глаза, подведенные по контуру черным.
– Люблю, – коротко ответил я на ее вопрос.
А вот про твой наряд… я ничего тебе не скажу! Хотя правильнее было бы сказать.
– У нас тут есть хорошая библиотека, можно будет зайти. Хочешь? – сказала Дина, не показывая вида, что разочарована отсутствием комплиментов. Но в ментале было все слышно.
– Пожалуй, – сказал я. – Идем?
– Пойдем, – кивнула Дина.

Чего она так обрадовалась моему согласию пойти в магазин, это я понял уже минут через пять после нашего выхода из дома. Все встречные варги глаза об нас сломали. Особенно их интересовали я и мой ошейник. Неотрывно они на меня, конечно, не пялились, но куда они бросали взгляды, я прекрасно замечал. В ментале я чувствовал любопытство и зависть, кругами распространявшиеся вокруг нас.
Дина же была на вид совершенно спокойна. Однако я прекрасно ощущал самодовольство и гордость, которые она излучала.
И знаешь, как это называется, чудик, спросил я сам себя, суммировав все взгляды и чувства. А называется это – прогулка хозяйки с собачкой редкой породы! Вот как это называется! А в роли собачки – Бассо эль Эгардо собственной персоной! Сихот, как же я низко пал! Интересно, это уже дно, или есть еще куда ниже? И что делать? Драку устроить? Ммм…
Я почувствовал, как во мне вскипает гнев, явно намереваясь дойти до краев и выплеснуться наружу.
Так, все! Стоп! Вдохнули-выдохнули! Послушай, Бассо, сказал я себе, прямолинейность это, конечно, хорошо, искренне, но, однако, это и один из признаков недалекого ума… Что ты все сразу в морду да в морду! Неужели других вариантов нет? Ты же демон! Пусть ты нынче приболел и ослаб, но мозги-то у тебя должны были остаться! Помнишь, как на Земле говорили: коварный демон! Почему бы тебе не побыть коварным? Устроить что-нибудь соответствующее, демонское…
А ведь это неплохая идея, Джузеппе! Привлечь мозги…
Я перевел взгляд на лучащуюся в ментале довольством Дину и задумался. Вот есть зубастая тварь, которая быстрее и сильнее меня. Физически я с ней не справлюсь, и вокруг масса ее таких же зубастых товарок. Но мне нужно ее наказать. Как можно это сделать? Убить? Несомненно! Я ей за ошейник голову оторву! Но… это будет несколько позже, когда у меня будет достаточно для этого сил. И потом, быстрая смерть это слишком просто, как любит повторять отец. Лучшая шутка – это отъем всего самого дорогого, с последующим осознанием индивидуумом, что у него отнято. Это, несомненно, более забавно, чем за секунду свернутая шея. Враг помрет и, может, даже не поймет, что это было. Нужно повременить, чтобы он осознал размеры своей потери и взбесился. Тогда это смешно.
Буду следовать традициям дома, решил я. Итак, что можно отобрать у леди Дины?
Я перевел взгляд на свою довольную спутницу и мило улыбнулся ей.

Ну… в голову приходит сразу много вещей. Здоровье и красота, например. Хотя… Она же воин. К шрамам и уродствам она, пожалуй, морально готова. Ее этим вряд ли проймешь, да и не видел я в Этории пока варг-инвалидов. То ли целители тут такие хорошие, то ли свои на месте добивают, чтоб не мучились… Я в общем-то о них ничего толком не знаю. Одни сплетни да полуслухи… Конечно, начинать шутить, не зная подробностей, это дилетантизм. Но начинать с чего-то все-таки нужно!
Что еще? Я снова посмотрел на Дину.
Что еще… что еще… а вот еще что! Чувство превосходства! Ммм, хорошая мысль! Я вижу, как они смотрят на местных аборигенов. Со скрытой насмешкой и презрением. А если их поменять местами с аборигенами? Да Дина облезет! Вот это будет удар так удар!
Только как это сделать? Этак сколько нужно информации собрать о варгах, чтобы найти уязвимое место… Ладно, задача трудная, но не неразрешимая, и, пожалуй, дело стоящее. Пока я тут, нужно заняться сбором данных… Из первых клыков, так сказать…
Я снова улыбнулся Дине, делая восторженное лицо, и щедро плеснул обожания в ментал. Шедшая нам навстречу варга аж споткнулась. Бедняжка! А не зевай… И рот закрой.
Так, что еще у нее можно отнять? Жаль, что я так мало о ней знаю… Чем она дорожит? Ведь что-то наверняка ей дорого? Подруги, например. Есть же они у нее? Или родственники, которых она любит…
Придется превращаться в Большое Ухо и начинать копить данные, пришел к выводу я. И втираться, втираться в доверие… И сколько на это уйдет времени? У меня ведь сроки! Хотя… шутка – она дороже денег. Ради шутки, могу и отказаться… Жаль, конечно, такой фарт подвалил… но что поделать…
Мм… потом еще такой момент. Когда Дина перейдет к активным действиям. Не будет же она вечно вздыхать на луну и за ручку держаться! Уверен, что в ее плане есть не только духовные переживания. И когда она потащит меня в постель, это будет тот самый момент. Тут ментальный щит уже не поможет. Поэтому нужно смыться по-любому до этого срока… Еще бы как-нибудь снять ошейник…
Тут мне в голову пришла неожиданная мысль: а почему бы мне не отнять у нее меня? Похоже, я для нее очень даже ценная игрушка… А кому понравится, когда их любимая игрушка куда-то девается? Что она там ко мне испытывает?
Я сосредоточился, читая чувства Дины в отношении меня, – удовольствие, гордость, ожидание чего-то приятного, счастье… скрытая печаль, чувство вины…
Многокомпонентная смесь, подвел я итог, но, похоже, она питает ко мне самые теплые чувства. А если я исчезну, то это, несомненно, ее огорчит. Не знаю, будет ли это ударом для нее, но то, что огорчит – это точно. Мм… А ведь можно усилить огорчение! Она так игриво настроена в отношении меня, что будет совсем не сложно подыграть ей. Изобразить пылкого влюбленного и дать то, чего, похоже, ей так хочется, – чувство любви и поклонения. И в самый интересный момент исчезнуть! Это будет забавно! Не, пылкого, пожалуй, чересчур. Так она меня моментом в постель потащит. Лучше скромного и благородного! О, вот это другое дело! Тогда сюда можно приплести метания души, что мы не пара и мой отец не одобрит наш брак. Это на случай, если она меня совсем домогаться будет. А так – благородный влюбленный, разрываемый между долгом и чувствами. Под это дело можно много чего списать в моем поведении… Да, впрочем, с чего мне переживать? На Земле я столько мелодрам пересмотрел. Уж как-нибудь, с Сихотовой помощью, роль влюбленного вытяну. Я же могу ей любые чувства изобразить! От светлой любви до глухой, черной тоски, все что угодно!
Я критически оглядел Дину. Заметив мой взгляд, она мне ласково улыбнулась.
Зубастая, если бы ты только знала, какие у тебя проблемы, щерясь ей в ответ, подумал я. И я в них не виноват! Ты сама пришла…

Магазин, наверное, был роскошным. По местным меркам. По мне же – унылая лавка, пытающаяся на что-то претендовать. Нет, там, конечно, и зеркала были в рост, и манекены в платьях, и даже целых две небольшие стеклянные витрины. И охранник на входе. Но после Земли… Короче, зная, как оно должно быть, я весьма скептически глядел на эти потуги. Дина же зашла в магазин, как в храм.
– Нравится? – обернулась она ко мне с неприкрытым восторгом на лице.
– Потрясающе! – выдохнул я, честно пытаясь сделать соответствующее фразе выражение лица.
– У нас все самое лучшее! Все самое модное! Все только из столицы! – погнала рекламу из-за прилавка торговка. – Что желает госпожа?
Не варга, подумал я, разглядывая говорушу. Значит, и торговля тут – плебейское дело…
– Я хотела… приодеть молодого человека! – сказала с небольшой заминкой Дина, подходя к прилавку.

– Хорошо, что вы к нам зашли! У нас есть отличные камзолы! Одну минуточку! – бросая на меня взгляд, ответила продавщица.
Как-то не так она на меня посмотрела…
Продавщица тем временем свистнула помощницу, и они вместе метнулись куда-то в подсобку.
– Вот, пожалуйста. – Буквально через минуту вернувшись назад, продавщицы стали выкладывать на прилавок принесенное.
Аж целых три штуки! Роскошный выбор…
– Эри, смотри! Какой тебе нравится? – обернулась ко мне Дина.
Что-то энтузиазма в ней чересчур. Прям глаза горят! Словно свое любимое чадо привела одевать в магазин…
Я молча сморщил нос, показывая свое негативное отношение к ее предложению.
– Ничего не нравится? – неподдельно удивилась она, вскидывая брови.
Я отрицательно помотал головой, снова сморщив нос.
– Ну что же вы так, молодой человек, – укоризненно сказала мне из-за прилавка продавщица, – ну посмотрите! Вот этот, несомненно, будет вам к лицу!
С этими словами она взяла один из камзолов и приложила его к себе.
– Ну как вам? – спросила она меня.
– Что?! Мне в ЭТОМ? Однобортном? Да вы што-о?! Вы что, не знаете, что в однобортном уже год как никто не ходит?! – искренне возмутился я.
– К…а-ак не ходит? – совершенно растерявшись, прокаркала продавщица.
– Вот так! – развел я руками и вытаращил глаза. – Представьте себе! И вообще, для такого большого магазина, как ваш, предложить всего три вещи на выбор – это смешно!
– Эри! Откуда ты можешь знать, что носят в столице? – влезла в мой возмущенный монолог Дина. – Ты же там никогда не был!
– У нас такое не носят! – выделяя интонацией слово «нас», сказал я.
– Ну… у вас не носят, а у нас носят!
– То, что у нас такое не носят, вполне достаточно! – высокомерно и неуступчиво сказал я.
Дина сжала губы.
– Но ведь ты тогда будешь смешно выглядеть, – секундой позже привела она мне аргумент, пришедший ей в голову, – ты же будешь отличаться от окружающих!
– Я никогда не желал смешиваться с толпой! – совершенно искренне ответил ей я.
– И как тогда быть? – непонимающе спросила она меня. – Ты что, так и будешь ходить только в том, что на тебе?
– А что, в вашем городе только один магазин? В другой разве нельзя сходить?
– Это вы совершенно зря, молодой человек! Такого качества, как у нас, вы нигде не найдете! – ожила за прилавком продавщица.
– Обращайтесь ко мне господин Эриадор! Что вы заладили, молодой человек да молодой человек! Если претендуете на статус лучшего магазина, так соответствуйте! Обращайтесь к посетителям как положено! – со скандальными интонациями в голосе громко сказал я.
– Э… да… – растерянно проблеяла та, бросая сначала взгляд на мой ошейник, а потом на Дину.
– Дорогая, давайте покинем эту презренную лавку! Тут пахнет молью, – сказал я, обращаясь к Дине, и отставил левый локоть, предлагая ей взяться за него.
Зубастая пару секунд растерянно похлопала глазами, а потом осторожно, я бы даже сказал опасливо, протянула правую руку и взяла меня под локоть, пристально смотря мне при этом в глаза.
– Пошли! – скомандовал я и, оглянувшись, быстро подмигнул продавщице, стоящей с вытаращенными глазами.

Дина

– Дина, почему ты в платье?
– Тетя Эста, я не успела переодеться… У тебя было назначено, и я не могла не прийти… – начала голосом маленькой девочки оправдываться я.
– И чем же ты была занята?
– Я… я по магазинам ходила… – опуская голову и делая виноватый вид, тихо сказала я.
– По ма-агази-и-инам?..
И столько удивления было в ее голосе, что, даже не видя ее лица, я поняла, что светлые теткины брови поехали на лоб.
Я молча, с самым виноватым видом кивнула опущенной головой.

– И какая же была необходимость, позволь тебя спросить, на следующий день после возвращения нестись по магазинам, даже не зайдя ко мне для доклада?
– Мне нужно было кое-что купить… – тихо произнесла я, поднимая голову.
– И что же это за кое-что? И где это кое-что? В приемной оставила? – насмешливо прищуриваясь, спросила тетка.
В общем-то да, подумала я, вспомнив сидящего в приемной Эри. Именно из-за этого «кое-что» я и опоздала. Эри мне устроил прямо марш-бросок по магазинам. И нигде ему ничего не нравилось. Он во всем находил какие-то изъяны. Я даже и не подозревала, что он такой привереда! Если бы кто другой так начал выкаблучиваться, я бы давно уже возмутилась, но Эри… Эри предложил мне ходить с ним под руку! Это было так неожиданно! И так приятно… Значит, он мне уже немного доверяет. Как мило!
А как мне было приятно смотреть на встречных варг! Они прямо в ступор впадали, когда видели нас вдвоем под ручку! Я их зависть за километр чувствовала. И знакомые среди них были. Так что я с большим удовольствием ходила от магазина к магазину, делая вид, что совершенно не замечаю взглядов, обращенных на нас. Каждый такой переход дарил множество необычных ярких эмоций! Только за все удовольствия приходится платить. И в этот раз тоже пришлось заплатить. Я увлеклась и совершенно перестала следить за временем. Спохватилась, когда уже бежать переодеваться было поздно. А моя тетка Эстела плохо понимает, когда к ней не приходят в назначенное время. И еще она не приемлет, когда к ней по служебным делам приходят не в форме. Но делать было нечего. Я подумала, что одно нарушение ведь лучше, чем два, и решила идти так, как есть, в платье.
– В общем-то да… – расплывчато ответила я на теткин вопрос.
– Ну так неси! Показывай! Я уже сто лет в магазинах не была, интересно, что там нынче продают.
Я мысленно застонала. Самое смешное, что мы так ничего и не купили. В конце концов, Эри заявил, что устал, и предложил перестать таскаться по городу, а вместо этого зайти к портному и пошить то, что ему нужно. Я не возражала. У портного Эри несколько раз попытался объяснить, что ему нужно, но потерпел неудачу. Его не понимали. Тогда он потребовал бумагу и грифель и принялся рисовать. Я ни во что не вмешивалась, просто стояла и смотрела. Он так быстро рисует! Изображние словно проявлялось на бумаге, когда он прикасался к ней грифелем. Увидев нарисованное, портной все сразу понял и пригласил Эри за ширму, чтобы снять мерки. Пока мастер занимался своей работой, я разглядывала оставленные на столе рисунки. На них был нарисован несколько странного вида камзол с высоким, стоячим воротником.
Ах, вот что ему нужно было! Вот почему он меня таскал по магазинам! Он надеется скрыть за ним свой ошейник. Бедный мальчик… Я понимаю тебя… Но ничего не могу с этим сделать. Если я его сниму, то на тебя налетят со всех сторон. Вот тогда тебя точно разорвут на кусочки… Потерпи, большеглазик… Надеюсь, ты меня простишь…
– Дина, ты тут?
– Да, а что? – немного взволнованно ответила я, выныривая из своих мыслей.
– Ты, похоже, малость сегодня не в себе, – внимательно глядя на меня сказала тетка, – пришла ко мне в платье, где-то витаешь… Это на тебя так твоя зверушка действует?
– А откуда вы знаете? – растерялась я. – Мы же только вчера при…
Я не договорила, сообразив, что говорю глупость.
– Ага, сама поняла, – довольно кивнула головой Эстела, – мозги все-таки есть! Кому как не твоей тетке, начальнице тайной стражи, знать все новости!
Я только молча вздохнула.
– Ну рассказывай, хвастайся! Кто он, что он, откуда?
Тетя, похоже, решила устроить мне допрос, подумала я.
– Он… он очень хороший… – начала я свое повествование.
Тетка фыркнула.
– Уж я-то в этом не сомневаюсь, – улыбаясь, сказала она. – Как его зовут?
– Княжич Эриадор…
Тетка мигом перестала улыбаться и насторожилась.
– Княжич? Благородный?
– Да, он…
– Динка, ты сдурела? Ты что, законов не знаешь?
– Знаю, – утвердительно кивнула головой я, – просто он не наш, не из империи!
– Не из империи? – еще больше насторожилась тетя. – А откуда?
– Откуда-то из-за Серых песков. Он телепортировался в замок своего отца, и у него произошла какая-то неисправность с порталом. И он попал сюда…
– Откуда ты это знаешь?
– Он мне сам рассказал… – непонимающе посмотрела я на Эстелу.

Тетка прикрыла глаза и шумно втянула носом воздух.
– В замок отца… – медленно повторила она, не открывая глаз. – Сколько ему лет?
– Шестн… Семнадцать! – быстро поправилась я.
– Чего?! Сколько?! – выпучив разом открывшиеся глаза, заорала тетка.
– Семнадцать… – тихо повторила я, опуская голову.
– Семнадцать? Семнадцать! Да ты точно сдурела! Семнадцать! А тебе сколько?!
– Двадцать четыре… – не поднимая глаз, ответила я.
– Двадцать пять! Двадцать пять! Через два месяца – двадцать пять! Дина, ты что творишь?! Ты ведь никогда раньше дурой не была! Ты вообще соображаешь, что ты делаешь?! – продолжала яростно орать тетка, лупя себя правой ладонью по лбу. – Соображаешь?
– Ну… семь… восемь лет… я думаю, что это не очень большая разница…
– Да хоть шестнадцать, хоть тридцать два! Тебя, кроме этого, ничего больше не волнует? С чего ты взяла, что он из-за Серых песков?!
– Он сам сказал…
– Сам сказал! А если он сбежавший из дома в поисках приключений сын какого-нибудь захолустного имперского дворянина? А? А если узнают, что ты его увезла? А? Что тогда? Еще славы похитительниц детей нам не хватало! И так всех собак, каких только можно, на нас вешают. Теперь еще и это будет!
– Но тетя, ему уже семнадцать… какой же он ребенок? И потом, я ведь чувствую, когда мне врут. Он был совершенно искренен!
– Искренен, – немного сбавила тон Эстела. – А что, если это провокация? Вдруг он находится под глубоким внушением? Какая-нибудь очередная затея Белого ордена? Эти спят и видят, как нас со свету сжить. Может, это все спланировано, и завтра сюда явится отряд имперской стражи в сопровождении магов и предъявит обвинение в похищении и нарушении законов императора? И что тогда мы будем делать? Ты об этом подумала?
– Глубокое внушение?.. – наморщила я лоб. – Никогда не слышала о таком! Разве такое возможно?
– Возможно, невозможно, – буркнула тетка, скрещивая на груди руки и отворачиваясь к окну, – в этих пустошах чего только не пооставалось! А орденцы рыщут в развалинах, словно плешивые гиены! Даже смерть их не останавливает! Одна Хель знает, чего они там понавыкапывали!
– Я… я не знала… – растерянно сказала я.
– Чего ты не знала? – обернулась ко мне тетка. – Не знала, что правилам надо следовать?
– Нет. Про глубокое внушение…
– Дина, я тебе просто поражаюсь! Вроде нормальная, взрослая девушка, а творишь такое… не всякая зеленая курсантка-первогодка додумается!
Я с виноватым видом молчала, уставясь в пол, видя, что Эстела успокаивается, и зная, что сейчас лучше всего просто молчать.
– Ладно… – устало махнула рукой Эстела, – хватит на сегодня об этом! Может, это у меня просто уже паранойя начинается. Нужно отдохнуть… Развеяться. По магазинам хотя бы пройтись… Ты отчет принесла? – спросила она меня, переводя разговор на другую тему.
– Да, вот. – Я достала из сумочки конверт с отчетом о поездке.
– Хорошо. Положи на стол, потом посмотрю, – массируя виски указательными пальцами, сказала Эстела.
– А… что мне теперь делать? – спросила я.
– В смысле? – не поняла тетка.
– Ну… с Эри. С Эриадором, – поправилась я.
– С Эри? – усмехнулась правым уголком рта Эстела. – Действительно, что же теперь с ним делать? – Тетя насмешливо покачала головой. – Ладно… Оставим пока все как есть. Будешь за ним присматривать. Если вдруг что подозрительное увидишь – сразу докладывай! Я тоже распоряжусь, приглядим за ним. Да, и еще! Приведешь его ко мне, хочу на него посмотреть. Чувствую, придется еще перед советом за тебя оправдываться. Наверняка спросят, почему моя племянница законы нарушает. Хочу увидеть, за что мою кровь пить будут.
– А… а он тут… в приемной, – пролепетала я.
– Ты что, со зверушкой ко мне притащилась? К начальнице тайной стражи для доклада со зверушкой? У тебя вообще мозги есть? – снова повысила голос Эстела.
– Но… а куда мне было его девать? – беспомощно разводя руками, спросила я. – Я опаздывала… и вообще…
– И вообще? Я вижу, что у тебя с головой что-то явно не в порядке! Ладно, веди его сюда! Показывай. Хвастайся…

Эстела

Хм… понятно теперь, почему Дина сама не своя ходит! Такое чудо отхватила… Везет же некоторым! Не то, что мне… Но как-то все слишком хорошо… Паренек, конечно, симпатичный и вроде не врет. Ну по крайней мере, сам верит в то, что говорит. Только вот… странно он реагирует на варг. Что на Дину, что на меня, что на охрану и секретаря. С одинаковым восхищением. Он что, без ума от всех нас? Почему тогда Динка говорит, что он выкаблучивается? Так восхищается и выкаблучивается? Странно… Как бы это действительно не оказалась ловушка… Сейчас нам только проблем с империей не хватало. Мы, как обычно, – на грани. Сколько себя помню, всегда так было. При внешнем благополучии – внутри полное дерьмо. Доходы анклава, как всегда, пытаются сократиться. Они вечно в одну сторону движутся… И даже порой совершенно непонятно почему. То конъюнктура не та, то войны нет, то гильдии империи сговариваются друг с другом и с нас пытаются содрать три шкуры. За всеми не успеть. Чтобы знать, что они затевают, нужно быть среди них, а как? Хоть мы и умеем очаровывать, но все равно варгу сразу видно. Боятся нас. И ненавидят. А мы разве виноваты, что нас Дарг такими сделал? Как где-то что-то посложнее и поопаснее, а не просто силой ломить, так к нам бегут. А когда видят, что без нас обойдутся, то начинается – проклятые создания, твари зубастые… Придушила бы таких говорунов своими руками!
Одна отрада – столичный гарнизон. И почет – принцессу с императрицей охранять. И деньги идут, и разведка хоть как-то среди столичных болтунов свой хлеб отрабатывает. Однако мы очень многим там как кость в горле. Особенно белоорденцам. Так и шныряют, так и шныряют! Хотят наше место занять. Силы они, конечно, поднабрали за последнее время. Как-то удачно у них все складывается. Не то что у нас…
Я вздохнула, припоминая последние наши беды. Засуха и последующий мор среди крестьян, три пятерки, пропавшие в Серых песках, семеро погибших за полгода на имперских заданиях. Хуже всего, когда погибают варги. Деньги, продовольствие – все можно восполнить, но вот ушедших к Хель уже не вернешь.
А с рождаемостью дела, как всегда, плохи. Император хоть и присылает каторжников, но толку от этого нет. Больше нас не становится. Наоборот – все меньше и меньше… Проклятый Дарг! Почему ты нас такими сделал? Чтобы вечно горел там, за завесой, негасимым пламенем, тварь бездушная! Бороться за жизнь и видеть, что все бесполезно? Что все равно мы медленно вымираем? И Арист ничем не помогает. Сколько ни молимся, ни просим – ничего! Зачем такая богиня нужна?
Так, все! Никаких крамольных мыслей! Боги есть боги. У них свои пути, а у нас – свои. Мне сейчас нужно решить, что делать с динковским найденышем. По-хорошему – услать бы ее с ним куда подальше, с глаз долой. Только вот потом что? Тут они у меня под присмотром, а будут Дарг знает где, как за ними уследишь? Пока доложат, пока приказ передашь, и как его еще выполнят… И в совете сейчас вой поднимется: как это так, племянница Эсты законы нарушает?! Ох, чувствую, и визга там будет! Наверняка придется показывать его совету и рассказывать, какой он хороший… Племяша, конечно, мне удружила… Пока каждая по куску мяса себе в совете из меня не вырвет, они от меня не отстанут. Я их знаю. И они меня. Знают, что Динку я им не отдам, и будут этим пользоваться.
Ладно, переживем… и не такое переживали…
Значит, так! Наблюдение за Эри, и чтобы глаз с него не спускали! А там посмотрим, кто кого и за что любит…

Эри

Непонятно… сказал я сам себе, размышляя и неспешно водя грифелем по бумаге, совсем непонятно…
Вот уже прошла неделя с небольшим, как я тут ошиваюсь. Я бы, конечно, с удовольствием не ошивался, но обстоятельства, как говорится, сложились так, что ошиваться приходится. Устал я за эту неделю, как собака. От общения. Дина, кажется, специально придумывала всяческие предлоги, чтобы побыть со мной. Эри то, Эри се… А давай это, а давай то… Утомила. Но я виду не показывал и улыбался и сиял, как Джеймс Бонд на задании, так же, как он, собирая информацию, где только возможно, и прикидывая варианты дальнейшего развития событий.
Первым делом я перетряс в доме все Динкины книжные полки, в надежде найти там что-нибудь, что могло бы меня заинтересовать. Ага, щас! На полках стояли в основном книги

двух категорий – романы про любовь и сказки. Да, да. Прямо так и написано: сказки. Ну еще редкими вкраплениями попадались сборники стихов любовного содержания.
– Кто бы мог подумать, – сказал я сам себе, закончив рыться в этом барахле и окидывая взглядом торчащие с полок корешки книг, – зубастая, оказывается, весьма романтичная натура!
Нужно это учесть…
С Диной у меня за неделю сложились довольно ровные отношения. Держались мы друг от друга на некотором расстоянии и попыток уменьшить это расстояние с ее стороны я пока не замечал. Ну а про меня уж можно было не говорить. Вообще у меня возникло ощущение, что Дина чего-то ждет.
Может, действий с моей стороны, пришла мне в голову мысль, когда я обдумывал сложившуюся ситуацию. Если так, то хе-хе… пусть ждет.
Разговаривали мы с ней на стандартные темы, как принято между малознакомыми людьми. Я ей травил байки про свою жизнь в замке у князя, активно пользуясь своей фантазией, рисовал ей рисунки и даже играл на гитаре.
Такое странное ощущение – я словно стал состоять из двух половин. В одной клокочут гнев, ярость и жажда мести, а в другой – тишь да гладь, светит солнышко, зеленеет травка, и есть красивая девушка Дина… С которой мне даже приятно общаться…
Хм… как-то все непонятно… Память меня не подводит. Стоит только вспомнить про ошейник, как крышечка тут же подскакивает, и хочется придушить Динку тут же, на месте, и голыми руками. Нормальная, адекватная реакция. С другой стороны, если об этом не вспоминать, то все уходит на второй план и становится как-то не столь остро. Вроде бы и ничего страшного не случилось. Вот это явно ненормальная реакция, но она имеет место быть. И даже, я бы сказал, что это реакция у меня основная…
И почему это со мной так? Я снова задал себе вопрос, на который никак не мог найти ответа. Раньше я за собой двойственности не замечал… Всегда чувствовал себя одним целым. Может, это какая-нибудь магия? Или она мне в еду чего-нибудь сыпет? Каких-нибудь там местных транквилизаторов или галлюциногенов? А? Вроде нет… Тонкие потоки магии я периодически отслеживаю и пока направленного на себя воздействия не ощущал. Еду за столом служанки накладывают из общих салатниц и гусятниц. Напитки наливают из одних графинов. Можно предположить, конечно, что Динка потом у себя в комнате пачками жрет противоядие, но, пожалуй, это чересчур сложно.
Может, это мое тело опять дурит, пришла мне в голову мысль. Но я тут вообще ничего алкогольного не принимаю. Местное вино – такая кислятина, бррр! Лучше морсик глушить…
Снова не сумев определить причину своего странного поведения, я решил, как и раньше, пока не заморачиваться, а продолжать наблюдать. А в качестве контрацептического средства против благодушия почаще вспоминать про «украшение» на своей шее.
Отрезвляет… Я попытался правым указательным пальцем подцепить край ошейника. Плотный какой, зараза… Как же тебя снять, пакость ты такая?!
Магическим зрением я видел ошейник как кольцо красного цвета, без стыков, швов и каких-либо узелков, рождающих мысль о застежке. И как его стянуть, было совершенно непонятно. Может, не будь у меня так провально с магией, я еще что-нибудь и увидел бы, но… Как это по-русски? Абы да кабы, если бы во рту росли грибы… Тьфу!
И в реальном мире на ошейнике не было никаких пряжек или замочков. Гладкая прочная лента вокруг шеи и все! Ногтем не зацепишь. Я его уже, наверное, тысячу раз ощупал… Гадская вещь.
– Рисуешь?
Я вздрогнул от неожиданности, услышав за своей спиной голос Дины.
Сихот! Как она подкрадываться умеет!
– Рисую, – оборачиваясь, подтвердил я, стараясь не показать вида, что испугался.
– А что ты рисуешь? Можно посмотреть?
Что рисую? Да черт его знает, что я тут нарисовал, рука сама бегала, пока я размышлял…
Я глянул на лист. Крылатое. Причем крупно крылатое.
– Кто это? – удивленно спросила Дина, нагибаясь через спинку дивана и заглядывая мне через плечо.
– Это? Это Бэтмен – ответил я, стараясь не ухмыльнуться.
– Бэт… мен? А он кто?
– Крупная летучая мышь…
– Как интересно! А где он живет?
– У нас. У нас их много, – ответил я, имея в виду Эсферато. Судя по рисунку, нарисовался у меня Разрушитель. Их вообще-то не так уж много, если брать в количественном

отношении, но вот в качественном, особенно когда они рядом с тобой, их МНОГО просто до нереальности!
– А где они у вас там живут?
Так! Никак она опять набивается на общение? Хватит! Я тоже человек! Ну пока почти человек…
– Леди, вы что-то хотели? – обрезал я намечающийся треп.
Дина вздохнула и разочарованно поджала губы.
– Я хотела тебе сказать, что положенный мне после задания отпуск закончился, и я теперь буду ходить на службу.
Да ради бога, ходи себе на здоровье, служи, солдатка! Отдохну хоть от тебя…
Я индифферентно пожал плечами. Мол, твое дело! Но, как оказалось, рано я радовался.
– Ты завтра пойдешь со мной! – заявила Дина.
– Куда это? – удивился я.
– В бараки.
Я оторопел. Какие еще бараки? Сдались мне какие-то бараки! Мне и тут хорошо!
– Зачем? – поинтересовался я.
– Я буду служить, ну а ты… ты…
Да, да, придумай давай, что я там буду делать? Опять, что ли, рядом с тобой бобиком бегать?
Я начал раздражаться.
– А ты посмотришь, как там у нас все здорово устроено! – радостно сказала Дина.
Придумала-таки! Сдается мне, зубастая, что ты ни на миг не хочешь оставлять меня одного! Похоже, для этого есть какая-то серьезная причина. Помимо твоих амурных переживаний… Интересно… Значит, нужно как-то остаться одному. С другой стороны, поход с ней – это повод узнать что-то новое из жизни анклава.
Я же ДжеймсА БондА и ШтрирлицА в одном лице! – напомнил я себе. Поэтому можно и сходить. Добыть информации.
– Хорошо, я с удовольствием схожу с тобой! – покладисто сказал я, добавляя в ментал соответствующий фон.
– Эри, ты такой милый! Можно, я с тобой посижу?
Я пожал плечами, что должно было означать: садись. Ты же тут хозяйка! Чего меня спрашивать?
– Спасибо, – сказала Дина, обходя диван и усаживаясь рядышком.
Мы сегодня подозрительно вежливые… Как она боком села! Длиннющий разрез на юбке разошелся. А в нем – ножка в чулке… почти вся на виду… С точки зрения художника – абсолютно правильных геометрических пропорций. И чулок такой, на первый взгляд – очень земного качества. Телесного цвета, плотный и гладкий… Наверное, приятный на ощупь… прямо так и хочется потрогать! И начало ажурной резинки в разрезе виднеется… И черная туфелька на высоком каблуке… Все вместе это смотрится как… как-то… как-то так… смотрится. Волнующе, что ли?
– За что спасибо? – с трудом отдирая свои глаза от ее ноги, спросил я. – Мне всегда приятно ходить с тобой куда-нибудь.
– Правда? – спросила Дина и неожиданно придвинулась ко мне, прижавшись боком, пользуясь тем, что я сижу в углу дивана и отодвигаться мне некуда.
Эй-эй-эй! Куда это она?
– Правда, – с удивлением прислушиваясь к стуку своего зачастившего сердца, сказал я, стараясь не выходить из роли. – Ты такая красивая! С красивой девушкой приятно гулять…
– М-да? – кошкой промурлыкала Дина, выгибая спину и небрежно кладя левую руку на спинку дивана, аккурат за моей спиной. – Но с девушками можно не только гулять, – шепотом сказала она, наклоняя голову в удобную для поцелуя позицию, – ты ведь знаешь?
Похоже, меня сейчас будут зажимать, подумал я, ощущая левым боком врезавшийся в него подлокотник дивана, а правой ногой – бедро прильнувшей ко мне кошки.
Какие у зубастой беленькие зубки… А какие у нее сладкие губы, неожиданно вспомнил я, смотря на ее такое близкое лицо.
Словно уловив мои мысли, Дина еще больше наклонила голову на плечо и прикрыла глаза, подставляя мне губы.
Я ее сейчас поцелую! Как тогда, неожиданно понял я.
Сердце бухнуло и замерло в ожидании. Моя голова стала медленно клониться к ее губам.
Внезапно что-то уперлось мне в подбородок.
Ошейник!!! ОНА НАДЕЛА НА МЕНЯ ОШЕЙНИК! И она думает, что я после этого еще и целоваться с ней буду? Ну уж нет!
Вспыхнувшая внутри меня злость мигом развеяла поцелуйное настроение.

– И что же именно с ними можно делать? – откидывая голову назад, громко поинтересовался я.
Дина резко открыла веки. В ее глазах я увидел мелькнувшее и ушедшее в их глубину разочарование. Отодвинувшись, она несколько секунд массировала свой правый висок указательным пальцем, внимательно разглядывая мое лицо, затем молча поднялась, гибко качнув бедрами, и ушла, так и не сказав мне ни слова.
– И что это было? – спросил я себя, переводя дух и проводя рукой по своей шее.
Ошейник! Гадость моя! Я вновь ощутил под ладонью его гибкую ленту. Кто бы мог подумать, но в данный момент – как хорошо, что ты у меня есть!

– Ты готов? – спросила меня Дина, поворачиваясь от большого зеркала в прихожей, возле которого она красовалась.
– Всегда! – ответил я, вытягивая шею из своего воротника.
Дина без восторга посмотрела на меня.
Сегодня она была сама строгость. Черные волосы были плотно собраны назад в тугой пучок, открывая лоб и зрительно делая ее глаза еще больше. Плотно сидящий черный камзол военного покроя со стоячим воротником и обтягивающие штаны, заправленные в блестящие черные сапоги придавали ее фигуре гибкость и грациозность. Особенно этому способствовал пояс, с большой желтой бляхой. На бляхе была изображена голова оскалившейся пантеры или еще какого-то крупного кошачьего с большими клыками.
– Эри, я тебя очень попрошу, веди себя прилично! Там будет много моих сослуживцев, и мне бы не хотелось, чтобы из-за твоих шуток я выглядела глупо…
– Может, мне тогда лучше остаться? – предложил я. – А то ведь сослуживцы разные бывают… у всех свои понятия о шутках.
– И что ты будешь делать один целый день? – чуть нахмурившись, спросила Дина.
– Ну… за целый день можно сделать много всяческих полезных вещей… Поиграть на гитаре, порисовать, познакомиться с кухней ближайшей таверны…
– Нет, – категорическим тоном сказала Дина, – ты пойдешь со мной!
– Ну нет так нет, – спокойно сказал я, поправляя свой шейный платок перед зеркалом так, чтобы он как можно больше прикрывал ошейник.
Посмотрим, что там за барак, в котором ты служишь…

Молодые зубастики

– А у лейтенантши губа не дура… – Молодая варга, произнесшая эти слова, задумчиво смотрела внутрь своей кружки, словно там было что-то интересное.
– Ты о ком? – поинтересовалась ее соседка, сидевшая рядом за столом таверны, такая же молодая и тоже в форме курсантки.
– Да я про Дину. Ты видела, какую зверушку она себе приобрела?
– Зверушку? Не видала… Я сегодня в наряде была… А где она ее приобрела? Может, и нам там можно?
– Ха! Как же! Держи карман шире! – Первая варга подняла голову от кружки и усмехнулась. – Там только для старших. Нам не положено. Отберут!
– Как не положено? – возмутилось вторая. – Кто нашел, того и зверушка! Таковы правила!
– Ха, правила! А ты думаешь, чего она его сегодня на занятия притащила?
– Ну… не знаю.
– Оставить боится! Чтобы не отобрали, до того как он зверушкой станет! И думать нечего!
– Да ладно! Если по-твоему, так она бы его дома оставила. Чтоб не видел никто. А так она, наверное, что-то хотела. Что она с ним делала?
– Ну… может быть… – Первая варга задумчиво почесала затылок. – А что делала? Да ничего! Мы размялись, потом, как обычно, тренировки с мечами… А потом она ему предложила тоже попробовать.
– Попробовать? – удивилась вторая. – Человек против нас? Он что, мастер какого-то боя? Согласился?
– Отказался! Сказал, что у него по дороге, как он выразился, сперли кинжалы, и вообще он не собирается тут всех веселить…
– Похоже, мозгов у него побольше будет, чем у нашей Дины… – сказала вторая.
– Наверное… – задумчиво ответила первая, – благородный как никак…
– Благородный? Так ведь это запрещено!
– Вот я тебе и говорю, что у нас отберут! А ты мне правила, правила! Для кого правила, а для кого так… особенно у кого тетка в начальницах тайной стражи ходит… Болтают, что она его прямо из замка выкрала!

– Да ты что! – ахнула вторая, распахнув глаза. – А родственники его что? Императору разве не стали жаловаться?
– Говорят, что она куда-то за ним на окраину ездила. Куда-то далеко-далеко. Чуть ли не за Серые пустоши. Императору на таких плевать.
– Ух ты! Это ведь целая охота! Я тоже себе хочу благородного! А что, теперь всем будет можно на окраины за зверушками ездить?
– Губки-то позакатай! Раскатала! Благородные – это не для всех! Это только для избранных. Если все будут ходить с благородными, тогда чем избранные будут отличаться от нас? Так что остынь. Для нас – каторжники!
– Но это же несправедливо… Одним, значит, все…
– Вот заведешь себе тетю – начальницу тайной стражи, будет и у тебя благородный! Будет тебе петь, стихи читать, на гитаре играть и портреты рисовать!
– А он все это делает?
– А ты думала! На то он и благородный. Еще и восхищается ею так, что на соседней улице слышно!
– У-у-у… вот бы мне такого! А то эти каторжники… У них такие рожи… двух слов связать не могут и так нас боятся! Просто противно… Прямо так и хочется прибить их на месте за это! И почему среди каторжан нет благородных?
– Ха! Благородные среди каторжан? Мечтательница… У благородных что? У них права! На землю, на имущество, на наследование. Если ты приговариваешь благородного к смерти, то должна быть уверена, что он не вернется и не предъявит их по возвращении. Поэтому лучше своими глазами видеть, как они уходят к Хель, а не спать, потом ворочаясь по ночам, думая – вернется или не вернется? Соображаешь?
– Ну… ведь можно лишать прав наследования…
– Ага… жди! Император так и пожертвует своим покоем, лишь бы у тебя благородная зверушка была! На плаху и все!
– Да-а-а… – грустно протянула вторая.
– Ага… – в той же тональности откликнулась первая.
За столом на несколько секунд воцарилось грустное молчание.
– Слушай, – неожиданно сказала вторая, – ты говорила, он на гитаре играет?
– Угу, а что?
– Знаешь… мне в голову мысль пришла…
– Какая?
– Если он издалека, то, может, он знает какие-нибудь песни или мелодии… неизвестные. Которые никто не слышал. У нас ведь скоро показательные выступления…
– И что?
– Что значит – и что? Я думаю, что за выступление под новую музыку можно получить отличные баллы! И нас запомнят надолго!
– Слушай, а ведь точно! Прекрасная идея! Ты всегда отлично соображала! Нужно будет с ним поговорить. Поговоришь?
– Ну… мне как-то неудобно. Я его даже не видела… Может, лучше ты?
– Хорошо! Поговорю. Заодно и познакомлюсь поближе… с гла-а-азастеньким…
– Отлично! Пойдем нашим расскажем!
– Пойдем!
Девушки быстро встали из-за стола, кинули, проходя мимо стойки трактирщика, несколько монет в уплату и вышли.
Сидящая за соседним столиком молодая светловолосая девушка в такой же форме, как и у них, и тихонько подслушивавшая весь их разговор, проводила их задумчивым взглядом.

Дина

Что они ко мне все цепляются? То тетка, то капитан: «Дина! Что ты делаешь? Ты в своем уме?»
А что я делаю? Ничего я не делаю! Я просто хочу получить себе кусочек счастья, которого на варг выделено так мало. Это ведь так здорово, когда тебя любят! Да, да! Эри меня любит. Я чувствую это. Просто он еще не понял это. Он такой молодой и неопытный… Это так мило… Я, впрочем, тоже не могу опытом похвастаться. Попробовала по молодости с девчонками за компанию, но одного раза мне хватило. Сначала пришлось много выпить, чтобы было не так противно, а потом… Потом ничего интересного… Боль, ярость… и кровь! Из него ее столько вылилось! Все в ней было: пол, стены, и даже на потолок попало. И сама в крови вся перепачкалась с ног до головы… Пришлось потом платить трактирщику

за постель. Ее можно было только выбрасывать. И за ремонт. Кровищу оттирать. Меня тогда, помню, так рвало…
Я вздохнула, припоминая гулянку по поводу окончания учебы. Погуляла…
И вот теперь нашелся тот, кто меня не боится! Кто меня любит! А они все как сговорились… Да они мне просто завидуют! Потому и лезут! Самим не досталось, вот завидки и берут. А мне повезло. Он любит меня! По-настоящему любит! И может быть, даже… Может быть, он даже зверушкой и не станет! Я каждый день молюсь Миране и Арист, чтобы они явили мне милость и даровали вечную любовь. Ведь было же у некоторых, было! Значит – возможно! И у меня будет! Я буду ждать, сколько потребуется! Пусть это будет моей жертвой богиням. Меня к нему так тянет! Последний раз я чуть не сорвалась, едва не начала целовать его на этом диване. Не знаю, что он там про меня подумал, но вид у него был… изумленный и негодующий. Не испуганный. Мне даже стыдно стало, когда я опомнилась. Совсем не хочется выглядеть в его глазах озабоченной кровожадной тварью, как про нас болтают. Хочется быть самой красивой, самой умной, самой сильной, самой ловкой. Самой-самой для него! Все! Больше никаких прикосновений! Никаких побуждений к действию. Он сам придет. Когда поймет… Я подожду. Сейчас главное – не отпускать его одного никуда! А то понаболтают ему всякой ерунды в городе. С этих доброхотов станется. Чужому счастью всегда завистники найдутся. Как я потом с ним говорить буду? Сколько сил потом придется потратить, чтобы он мне снова поверил, как сейчас? И времени… Хотя… Время с ним рядом не кажется уж такой большой проблемой… Я согласна ждать… Пока он рядом…
Да, кстати, а где он? Куда он делся? Я его уже пять минут как не вижу!
– Эри! Ты где, Э-э-эри-и-и!

Эри

Опять она меня ищет, устало подумал я, услышав Динин голос. Что-то она прямо какой-то назойливой становится!
Я лежал на диване в гостиной, закинув ноги на его мягкий подлокотник.
– Устамши я… – начал говорить я с ней, не особо заморачиваясь ее отсутствием рядом со мной, – утаскался я!
Бараки оказались не приземистыми и серыми, как им было положено быть, а солидными, из светлого камня зданиями за высокой стеной. Их там было много. Вот все вместе они и назывались одним чохом – бараки. Как я понял, это было что-то вроде центра обучения молодых солдат. Там же крутились варги и более старших возрастов и званий. Короче, учебка при гарнизоне, как говорят на Земле.
Зачем меня Динка туда притащила, я не понял. Похвастаться, что ли? Как во мне дырку глазами не протерли, просто удивительно. Глазели все! Особенно запомнились выражения лиц Дининых подопечных. Смотрели так: концепт-кар, который поступит в продажу только в следующем году, однако на нем уже кто-то ездит. Впрочем, Дина долго пялиться им на меня не дала. Построила, скомандовала, и они у нее заскакали, как зайчики. Ну посидел… ну посмотрел… Ну прыгают…
После показательных выступлений земного спецназа – баловство одно. А уж если с нашей ареной сравнить – так вообще смех. Да, руками быстро машут. Ну и что? Все ведь зависит от конкретной ситуации. Будь я в своей броне, мне это рукомахание – плюнуть и растереть! Или спецназ земляшек взять в их кевларе. Не, зарЭзать их, конечно, можно… в принципе, так сказать, тЭорЭтически… Только вот не дадут они себя зарезать. Любят они себя… Поскакушки эти до них просто не дойдут. Какой там не дойдут! Не добегут!
Так что для местных это, может, и впечатляюще выглядит, но для того, кто кое-что повидал в других мирах, эти танцы – сущие пустяки!
Я улегся на деревянную скамейку, на которую меня усадили, – лучше полежу! На солнышке…
Я вытянулся в полный рост, скрестив ноги, закинул руки за голову и закрыл глаза, подставив лицо солнечным лучам.
Солнышко! Ветерок… Хорошо-то как! Если бы еще не визги и звуки ударов с площадки, где скакали тренирующиеся зубастики, так вообще бы было замечательно…
– А ты кто такой? И что ты тут делаешь? – Полный удивления голос выдернул меня из моей нирваны, в которой я уже начал было задремывать.
Открываю, прищурив, правый глаз. На фоне солнца, в ореоле лучей, силуэт. И никуда не девается.
Похоже, вздремнуть не получится… Видно, у моей лавки проходит хайвей, которого я не заметил, вздохнул я про себя и ответил на последний заданный вопрос:

– Тренируюсь! По индивидуальной программе. Скоростное засыпание под палящими лучами солнца как эффективный метод противодействия на допросах противника!
– Что-о-о? Какого противника?
– Всякого, – ответил я, открывая второй глаз, – который попадется…
– Госпожа лейтенант! Почему у вас на занятиях посторонние? – заорал силуэт, обращаясь уже явно не ко мне.
Да? Почему? А ну-ка, госпожа лейтенант, ответьте нам! Мне тоже очень интересно, зачем я тут?
Прибежала Дина.
– Госпожа капитан, это не посторонний! Он… из очень далекой страны… И я планировала провести проверку его боевых навыков на предмет выявления неизвестных нам приемов в обращении с оружием! – вытягиваясь перед силуэтом, отрапортовала Дина.
А врет-то как складно, подумал я, продолжая лежать на скамейке, закинув руки за голову. Планировала, видите ли, она! А меня в свои планы она, значит, посвятить не удосужилась! И мнением моим поинтересоваться тоже не успела! Дырку ей от бублика, а не новые приемы! Пусть сначала кинжалы вернет! А после этого я еще, может быть, подумаю…
– А почему он у вас лежит на скамейке?
– Злость коплю, – пришел я на помощь замявшейся с ответом Дине.
– Лейтенант, может, вы его все-таки поднимете на ноги?
– Эриадор, встань, пожалуйста, – обратилась ко мне Дина.
Придется вставать, вежливо просит… да и, видать, начальство ее пришло. Мутить воду не стоит.
Я поднялся на ноги.
– Вот оно значит как! – произнес силуэт, превратившийся в красивую невысокую женщину с властным лицом и таким же взглядом.
«Как» – это она, видно, имела в виду мой ошейник, подумал я, заметив, что она быстро обежала меня глазами.
– И что же нам может продемонстрировать ваша… ваше протЭ-э-эже, госпожа лейтенант? Я тоже с удовольствием посмотрю! – с насмешкой растягивая слова, произнесла капитанша.
– Увы, ровными счетом ничего! – влез я, не давая открыть Дине рта. – По дороге сюда со мной произошел весьма неприятный казус. Какие-то нехорошие люди сперли мои кинжалы! Вы представляете? А что же я вам могу без них показать? Только противодействие на допросах противника по индивидуальной программе!
– И как же вы умудрились прозевать свое оружие? – с легким презрением в голосе спросила она меня.
– Даже не знаю. Темно там было. И много-много женщин! – ответил я, спокойно смотря Дине в глаза. Вот еще, буду я тут скакать им на потеху. Пусть сами себя развлекают! И ежу понятно, что они быстрее меня. И тренируются каждый день. В отличие от некоторых, которых почти две с лишним недели по лошадям таскали, украдая. Да и вообще. Меч – это не мое.
– Понятно, – кивнула головой капитан, – все ясно! Госпожа лейтенант, прошу вас, зайдите ко мне после занятий!
– Будет исполнено! – щелкнула каблуками Дина, вытягиваясь во фрунт.
Какая служака! А форма ей идет! Подчеркивает… Грудь… и брючки по попе плотненько натянуты… Так! Стоп! Что-то меня куда-то не туда занесло! Это мне неинтересно! У меня ошейник! Ошейник… Она просто тварь!
– Эри!
Да тут я, тут! Что там опять случилось?
Я вынырнул из воспоминаний.
– Эри! Почему ты не отзываешься?
А я обязан, что ли?
– Сплю! Устал…
– Тебе нужно больше бывать на воздухе и больше есть и двигаться! Чтобы не уставать! – заявила Дина с верхней площадки лестницы.
Чет я не понял… У меня тут что, санаторий-профилакторий с заботливым персоналом?
– Что-то случилось? – спросил я, стараясь перевести разговор в более осмысленное русло.
– Нет! То есть… да!
Похоже, она малость не в себе… Первый день на работе… после отпуска… Говорят, это большой стресс. Я вот лично не знаю. Не работал. И что там у нас дальше?
Я постарался изобразить на лице ожидание.
– Эри… я… ну… в общем, я не смогу тебя больше брать с собой!
Да неужели? Неужто кто-то там наверху услышал мои молитвы?!

Я возликовал.
– А что случилось? – делая печальное лицо Пьеро из фильма про Буратино, спросил я.
– Видишь ли… – взявшись за блестящую пуговицу камзола на своей груди и глядя мимо меня, сказала Дина, – командование считает нецелесообразным твое присутствие на занятиях…
Ага! Похоже, тебе капитанша пистон вставила! Понятно теперь, почему ты от нее такая розовая вышла. Это она молодец! Значит, я теперь весь день буду предоставлен сам себе?
– Да, командование у вас странное… – сказал я, согласно кивая головой.
Не любит, когда другие спят, пока они службу тащат.
Дина хмуро посмотрела на меня, но обсуждать странности своего командования со мной не стала. Вероятно, решила соблюдать субординацию.
– Эри, я хочу попросить тебя… – неуверенно произнесла Дина, глядя на меня с какой-то грустью.
– Да? – откликнулся я.
– Я хочу попросить… быть дома, пока меня нет.
Чего? Сидеть в четырех стенах, дожидаясь, пока она придет? Вот еще! Как я буду разведкой заниматься? Сидя на одном месте, много не узнаешь… Исключено!
– Хотелось бы знать причину столь странной просьбы, – наклонив голову к плечу, вежливо поинтересовался я.
– Знаешь, ты все-таки не варга…
Ага, я тоже это замечал.
– Могут быть всякие… всякие… всякие неожиданности! Ты ведь почти ничего не знаешь о нашей жизни!
Вот и узнаю. Сам. Без всякого стороннего контроля, подумал я.
– Сидя сиднем в доме, я тем более ничего не узнаю, – ответил я.
– А если я тебя попрошу? Очень-очень попрошу?
– Да сдурею я целый день взаперти сидеть! – возмутился я и, секунду подумав, добавил уже более спокойно: – И какие будут после этого наши отношения?
Дина промолчала, опустив голову и с задумчивым видом водя указательным пальчиком по лакированным перилам. Туда-сюда. Туда-сюда… Я следил за его перемещениями и ждал продолжения.
– Хорошо, – наконец сказала Дина, поднимая голову, – я не буду тебя сажать в клетку…
А я где? В клетке и сижу, хмыкнул я про себя.
– Гуляй! Только пообещай мне, что ты не будешь прятать знак под воротником или платком. Обещаешь?
Знак? Что еще за знак? А! Это, наверное, так политкорректно называется мой ошейник! Вот еще удовольствие, чтобы на меня все пялились. Чего я тогда с воротником тут у портного мудрил?
– Или я буду настаивать на том, чтобы ты сидел дома! – заявила Дина, расценив мое молчание как несогласие.
– Ладно, договорились, – вздохнул я.
Не мытьем, так катаньем. Все настроение испортила, зубастая. Тварь, однозначно…

Вечереет, подумал я, прищурившись одним глазом на заходящее за крыши солнце, – пора возвращаться. Она, похоже, уже дома…
Второй день я болтаюсь по городу, предоставленный сам себе. Глазею, общаюсь и собираю информацию. Не так все оказалось здорово, как представлялось. Как-то не идут со мной местные на контакт. Не, когда деньги показываешь, торговцы и трактирщики вась-вась, хрю-хрю! Что желаете? Извольте! Но вот поговорить за жизнь – ни фи-га! Глазами зыркают по сторонам и бычатся. Эмпатически чувствую – опасаются чего-то. Идиоты пуганые… А из библиотеки меня просто выперли. Там варги заправляют.
– Приходи со своей хозяйкой! – насмешливо скаля клыки из-за стойки, сказала мне зубастая молодушка, закончив разглядывать меня и мой ошейник.
Чтоб ты сдохла, тварь, от всей души пожелал я ей, выйдя на крыльцо. С хозяйкой приходи! Тварюга…
Так что я эти два дня просто проболтался по улицам, наблюдая идущую вокруг меня жизнь, но никак не участвуя в ней и не понимая скрытых пружин, которые приводили ее в движение.
Тут еще один нюанс всплыл. Все встречные варги глазели на меня, не стесняясь. Разглядывали подробно, скрупулезно и оценивающе, как мегазвезду ТиВи, по случайке встреченную на улице спального микрорайона.
Гадство!
Я ругнулся в очередной раз про себя, ощущая щекочущие спину взгляды.

Ну как тут шпионить, когда на тебя все смотрят? Разве можно незаметно подойти, послушать, задать небрежно пару вопросов и свалить так, что о тебе через пять минут никто и не вспомнил?
Совершенно невыносимые условия для сбора информации! Идешь, как по подиуму. Понятно, почему трактирщики так бычатся на меня…
Проверил я и что будет, если спрятать ошейник. Поднял повыше воротник, застегнув на нем последний крючок, вытянул повыше шейный платок и завалил в первый попавшийся трактир.
– Не правда ли, неплохая сегодня погода? – спустя буквально минуту, без всякого приглашения, плюхнулась за мой стол варга возраста Дины.
– Кому как… – удивившись такой бесцеремонности пожал я плечами.
– Ну по нынешним временам сегодня очень даже неплохой день, – сказала незнакомка и, решив, что приличия соблюдены – о погоде поговорили, перешла к главному вопросу: – Я вижу, вы впервые в нашем городе. Совершенно очевидно, что вам нужен сопровождающий. У нас тут столько интересных мест! Не желаете ли их увидеть?
Фига себе, ошеломленно подумал я, разглядывая собеседницу. На ходу подметки рвет! Похоже, это как раз те самые неожиданности, которые Динка имела в виду…
Шустрая! Сразу к делу перешла. Дина как-то помеланхольнее будет. Видать, идея спрятать ошейник была неудачной…
– К большому сожалению, я занят, – ответил я, делая печальное лицо.
– А чем вы заняты? Может, я помогу вам решить ваши дела? Я все тут знаю. А потом мы погуляем, я вам город покажу.
– Занят я, занят! – начиная сердиться, сказал я и, расстегнув ворот, стянул вниз шейный платок, являя ошейник.
Немая пауза длилась секунды три.
– Шутишь, значит? – нехорошо прищуриваясь, нагнулась ко мне через стол варга.
– Замерз! День сегодня прохладный, – глядя ей в глаза, ответил я, – вот и застегнулся…
– Мерзлявый? Смотри, мерзлявчик, за такие шутки тут могут так погреть, что уши отвалятся!
– Добро пожаловать в славный город Морхейм! – спокойно ответил я, не отводя глаз.
Варга хмыкнула, еще раз обежала меня взглядом и с недовольной рожей вылезла из-за стола, пересев к другому, к подругам, которые встретили ее смешками и ироничными репликами.
Да уж!
Привел в порядок шейный платок.
Какие тут самки озабоченные… Вот где нужно открывать предприятие по оказанию секс-услуг! Озолотишься. Правда, там что-то говорили про драные горла…
– Ладно! Почапали… – сказал я сам себе, прерывая воспоминания и, спустившись с небольшого крыльца трактира, на котором я созерцал опускающееся за крыши солнце, пошел по улице в направлении Динкиного дома. Но далеко мне уйти не удалось.
– Ой, смотрите, смотрите! Зверушка! Девчонки, идите скорее сюда! Тут лейтенантовская зверушка! – раздался радостный голос сзади.
Оборачиваюсь. А! Знакомые лица. Курсантки Динкины. Две – рядом со мной, еще трое подходят.
Фига себе, обращеньице! Во мне колыхнулась злость. Еще эти соплячки на мне тренироваться будут! Борзота какая! Ладно… поговорим.
– Привет! А я как раз хотела с тобой поговорить, – дружелюбно улыбаясь, сказала заводила, кареглазая девчонка с короткими темными волосами.
– Мне кажется, вы ошиблись! – холодно глядя на нее, сказал я.
– Почему? – удивилась она. – Ведь ты же зверушка нашего лейтенанта? Я тебя видела, когда она тебя приводила!
– Вы ошибаетесь в самом главном, – растягивая губы в оскал, произнес я, – вы называете меня зверушкой, хотя на самом деле среди вас всех… – я сделал паузу, пробежав поочередно по ним глазами, – я единственный тут человек. А зверушки – это как раз вы! Причем недоделанные! Или переделанные.
– Что-о-о… – Изумленно распахнутые глаза. И не только у заводилы.
– Капчо! Рты позакрывали и разбежались!
Гнев вскипал во мне зеленой волной цунами, устремляясь к вершинам дамбы самоконтроля, за которой находился беззащитный мозг.
– Да как ты сме-е-ешшш…
Сузившиеся глаза, оскаленные клыки.
Такие молодые, а уже такие зубастые, проскочила холодная мысль на периферии сознания – синяя, на фоне красной волны злости.

– Нам, ЛЮДЯМ, многое позволено, – наклоняясь к черненькой, доверительно сказал я, – в том числе и держать зверушек в резервациях типа Этории!
Бац!
Кулак свистнул у меня (нырнувшего под удар) над затылком. Мгновение спустя я со всей дури протаранил головой заводилу в грудь.
Не ожидала, самодовольно подумал я, проскакивая вперед и цепляя землю кончиками пальцев, чтобы удержаться на ногах. А я был готов… Полежи пока… А теперь – ТАПКИ В ПОЛ!!!
Я рванул вдоль улицы в направлении трактира, рассчитывая вырваться вперед, используя момент внезапности. А там мне на глаза попадалась офигительнейшая палочка, которая очень даже может мне сейчас пригодиться…

Ветер свистел в ушах,
Сердце стучало в висках,
Я покрывал расстоянье
Галактик в секунды…

Неожиданно в моей голове сложилось четверостишие. Настроение было просто прекрасное!
Я летел вдоль улицы, легко отталкиваясь от земли, ощущая, как тело брызжет энергией и требует движения и действия. Улюю-ю-лю!!! Фиг догонишь!!!
Сзади, после нескольких секунд заминки раздался топот погони, который стал помаленьку приближаться.
– Поднажмем! – скомандовал я себе. – ТАПКИ В ПОЛ!!!
– Стой! Стой, звереныш!
Щассс, оскалился я на бегу, калоши только надену! А вон и моя палочка!
Я вихрем понесся мимо стоящего у крыльца трактира шеста, с помощью которого вечером зажигали фонари, хватая его левой рукой. Топот раздавался уже прямо за спиной. Похоже, догнали!
– Эскадре – поворот. ВСЕ ВДРУГ! – скомандовал я себе и, уперев посох в землю, приседая, крутанулся вокруг него, чтобы погасить скорость.
Первая преследовательница, видать самая длинноногая, внезапно обнаружила перед собой преграду – меня с шестом в руках, и вместо того, чтобы прыгнуть на меня ногами вперед, с какого-то перепугу решила меня перепрыгнуть.
Как удачно-то! Просто подарок!
Я подхватил шест правой рукой, цепляя им пролетающие надо мной ноги нападающей.
Шмяк!
Преследовательница практически плашмя плюхнулась грудью на землю, не успев толком сгруппироваться. Видно, сказалась скорость, с какой она бежала. Поворот ее тела вокруг шеста произошел очень быстро.
Раз!
Два!
Вторая получила скользящий в грудь. Остановиться она не успела, но сумела извернуться, не дав концу шеста попасть в солнечное сплетение.
Быстрая тварь, уходя назад после «укола» шестом, констатировал я. Я отступил назад, оценивая диспозицию. Одна рядом, одна возится на земле, пытаясь набрать воздуха в легкие, еще трое подбегают. Последней, прихрамывая, тянется темноволосая заводила.
– Ну все, конец тебе! – ощерясь клыками и выдергивая из-за пояса кинжал, заявила уклонившаяся от моего удара варга.
– Какая у тебя миленькая зубочистка… – делая плавный круг концом посоха, чтобы зафиксировать на нем ее внимание, сказал я, – я такой под ногтями у себя чищу! Вам всем такие дают, чтобы вы, соплячки, случаем, не порезались?
Та в ответ, выставив вперед свою железяку, кинулась на меня, не став дожидаться подбегающих товарок.
Шустро… но опрометчиво!
Через секунду я принял кинжал на середину вертикально повернутого шеста и ушел вбок. А вот и пяточка!
Я нижним концом шеста подцепил ее левую, начавшую шаг, ногу.
Вау! Как ты, оказывается, широко шагаешь! Сама небось не ожидала! А теперь «Нарзан»!

Другим концом шеста, на развороте, я треснул по спине упавшую на одно колено варгу, стараясь попасть по почкам. Удар по спине бросил ее вперед, на землю. Я снова сделал шаг назад, оглядываясь.
Варга, валявшаяся до этого на земле, сумела подняться на четвереньки, явно намереваясь встать на ноги. Ну я же не мог упустить такой момент! Два шага в сторону – и она получает от меня шикарный пинок по ее отставленной попе.
– Ай! – только и сказала она, пробороздив пузом вперед каменную мостовую после небольшого, но стремительного полета.
– Цвай! – ответил я, разворачиваясь к набегающей троице. Но, как говорится, за удовольствия нужно платить. Пока я пинал подставленную попку, одна из преследовательниц проскочила за моей спиной, отрезая пути к отступлению, две другие заняли позиции, прижимая меня к стене. – Леди, я к вашим услугам! – оценив диспозицию, насмешливо сказал я, отступая на два шага назад и более удобно перехватывая посох.
Дальше все закрутилось просто стремительно. Руки, ноги, шест, кинжалы так и мельтешили. Однако кручение происходило явно не в мою пользу. Хоть меня переполняла энергия и желание подраться, но оппонентки были явно быстрее. Выручало меня пока только то, что они явно не умели сражаться группой. Как-то выскакивали по очереди на меня, словно рыцари на турнире. Тут еще эта кривая палка в руках! Не сбалансированная, тяжеловатая, да еще с дурацкой приспособой для зажигания фонарей на одном конце. Я уже успел ею зацепиться. Хорошо, не вусмерть. Меня пока не достали, но и мне похвастать было особо нечем. Несколько ударов вскользь и все! Видно, эффект неожиданности прошел, и они взялись за меня по-деловому, всерьез.
Первые две страдалицы, которых я вывел из игры в самом начале, уже поднялись на ноги и тоже встали в круг нападающих. Двигались они, правда, не так проворно, как небитые, но все равно требовали к себе внимания. Ситуация становилась все тухлее и тухлее.
– Девочки, а не пойти ли вам по домам? – спросил я, воспользовавшись паузой в нашей бескомпромиссной схватке.
– Что, зверушка, испугался? Сдавайся, и тогда мы, может быть, и не будем тебя мучить! Убьем сразу! – скалясь, ответила заводила.
– Я смотрю, вы тут смелые, – сказал я, переводя дыхание, – толпой на одного!
– Слишком много чести для тебя – один на один! Ты тут вообще никто!
– Вообще не вообще, а по жопам некоторые уже получили! И остальные получат! – насмешливо пообещал я.
– Внимание! Вместе! По сигналу! Живьем брать! Без ножей! И… пошли! – неожиданно заорала в ответ одна.
На меня разом бросились со всех сторон.
Сообразила, тварь! Дальше пошло рывками.
Вот я радуюсь своему удару, нанесенному в грудь заводиле. Хорошему такому удару, в который я вложился весь, пытаясь достать эту дуру. После него она, кажется, конкретно ушла в даун. А потом на шесте виснут, не давая мне ничего сделать, и меня начинают бить. Бить со всех сторон. Я тоже не остаюсь в долгу. Но рук и ног у меня гораздо меньше. Бац! Меня сбивают с ног и начинают дубасить уже лежащего.
Погулял… Убьют ведь, падлы, мелькнула у меня в голове мысль, между градом ударов. На фиг я с ними связался?
– Прекратить! Немедленно прекратить! – неожиданно заорал кто-то рядом, и меня перестали бить.
Как вовремя-то…

Охо-хо-хохо-нюшки… Грехи мои тяжкие… ну чего я с ними связался? Приключений захотелось… Ну получил… Ох-хо-хо… Ты же не в своем теле, чудик! Что, забыл? Будешь теперь с битой рожей ходить… Хорошо, не убили… Вай! А тут-то че так болит? Вот твари! Со знанием дела били! Подлючки… однозначно! У-у-у… Ребра мои, ребра! Мысли, запинаясь друг за друга, бежали у меня в голове нестройной чередой, пока я стоял на крыльце Динкиного дома в ожидании, пока откроют дверь. По бокам от меня и сзади стояли патрульные, собственно, и вырвавшие меня из лап разбушевавшихся тинейджериц. Наконец открыли.
– Эри! Что случилось? – круглыми глазами глядя на меня, изумленно спросила Дина.
Видать, недавно из бараков выпустили, подумал я, скользнув глазами по ее форме.
– Да вот… с девочками подрался… – ответил я, обессиленно обвисая на плече правой сопровождающей.
Та в ответ отпихнула меня бедром – стой, мол, сам!
– С ка-а-а… кими девочками?
– Та… не знаю! Подошли, попросили закурить… ну а дальше как обычно!

– Что попросили?
Я мученически закатил глаза к потолку, изображая крайнюю степень страдания.
Идиота кусок, ругал я в это время себя, что ты несешь? Тут же не курят! Верно, и по башке тебе хорошо настучали…
– Леди, мы обнаружили его дерущимся с группой курсанток, – влезла в разговор командир патруля, увидев, что я не собираюсь отвечать.
– Курсанток? Каких курсанток? За что они тебя, Эри?
– За что? За то, что я не такой, как они… За то, что я лучше их! – ответил я с надрывом в голосе.
За моей спиной громко фыркнули патрульные.
– О жестокий город… о дикие нравы! – приложив тыльной стороной правую руку ко лбу, трагично произнес я. – Лучше умереть, чем терпеть все эти издевательства!
Чья это роль, подумал я, ломая комедию. Эдипа? Или Гамлета?
– Ярина! Ярина, – с испугом в голосе закричала Дина, – немедленно пошли за целителем! Скорее!

Эстела

– Динка, какого Дарга ты там устроила, идиотка?!
Та стояла, вытянув руки по швам и старательно не смотрела на меня.
– Отвечай! – рявкнула я.
– Я ничего такого не делала, – произнесла она.
– Не делала? Такого? А попытка убийства курсантки училища, твоей ученицы, между прочим, это что? Это у тебя – ничего такого?
– Я не собиралась ее убивать! Это все выдумки!
– Выдумки? А то, что тебя от нее оттаскивал дежурный наряд из четырех варг, тоже выдумки? А синяки у нее на шее, и это выдумки? А с десяток свидетелей, которые как один утверждают, что если бы тебя от нее не оттащили, ты бы ее задушила! А? Одни сплошные выдумки? Я рапорты читала! Ну что молчишь?
Племянница стояла, плотно сжав губы, и раскаяния на ее морде я что-то не видела.
– Я – Хочу – Знать – Что – Произошло! – четко разделяя слова, сказала я. – Отвечай!
– Они побили его, – не смотря на меня, быстро произнесла Дина и поджала губы.
– Кого? – не поняла я.
– Они побили Эри! – ответила она.
Ах, вот оно в чем дело! Побили ее зверушку! У девчонки мозги встали набекрень, и она решила выяснять отношения. Вот ведь дура, нашла с кем! Со своей ученицей! А она, случаем, не того?
– А ну-ка, посмотри мне в глаза! – приказала я ей.
Дина, закусив нижнюю губу, уставилась в угол комнаты.
– Посмотри мне в глаза! Ну!
Племянница нехотя подняла взгляд.
– Ты что, влюбилась? Смотри мне в глаза!
Дина сглотнула и промолчала.
– Ты что, сдурела? Ты соображаешь, что ты делаешь?
– Я не влюбилась! – Племянница резко отвернулась в сторону, подозрительно блеснув глазами.
А то я не чувствую… что из тебя прет!
– Динка, ты ненормальная! Ты что творишь?
Племянница в ответ подозрительно шмыгнула носом, упорно отводя взгляд.
Ну что с ней делать? С идиоткой… Вздохнув, я шагнула к Дине и обняла ее.
– Ну ладно, девочка моя, ну ничего, – сказала я, прижимая ее к себе и успокоительно похлопывая по спине, – ну будет…
– Тетя, мне так плохо… – прошептала Дина, утыкаясь головой в мое плечо, – я так боюсь за него!
– Угораздило же тебя… – сказала я, гладя ее по голове, – ну ты дуреха…
– Тетя, что мне делать?
– Ее мать написала на тебя рапорт. Но думаю, что поскольку ты ее не убила, все, наверное, закончится штрафом. Хотя тут можно еще посмотреть, кто первым нарушил…
– Тетя, я про Эри говорю! – перебила меня племянница, отрывая голову от моего плеча.
А, ну да, дура ты, тетка! Тут речь о сердечных переживаниях идет, а ты о штрафах, рапортах… Стареешь, Эста, стареешь! Уже забыла, как молодой была… Ну что ей сказать? Что все будет хорошо? Она надеется, что я ей сотворю чудо вечной любви? Тетя все

может? Ах, если бы я могла… Если бы я могла! Тогда бы и Лэнс был бы жив… Охох-х… Не надо бередить мои раны, девочка, они у меня только и ждут, чтобы снова начать кровить… Но что же мне с тобой делать?
– Тетя… – сказала Дина, возвращая меня из воспоминаний.
– Ну что тетя, – ответила я, – что тетя?
– Эри… Ведь с ним все будет хорошо? Правда?
– Я так понимаю, что ты еще с ним не спала?
Та отрицательно помотала головой.
Так! И что же мне с ней делать? Сейчас, после ее выходки, начнется форменный скандал… Уже, считай, начался! Начальница охраны рапорт мне прислала. Значит, скоро придет бумага от начальницы училища. Матери курсанток тоже уже успели жалобы написать на агрессивную зверушку. Ага. Агрессивную. Знают ведь, что у самих рыльце в пушку, но все равно стараются своих чад обелить. В совете пока как-то подозрительно молчат, но думаю, что это ненадолго. И она еще тут носится… Дуреха влюбленная. Будет разбирательство, а спровоцировать ее сейчас проще простого… Вообще потом не расхлебаюсь. Нужно ее куда-то срочно отсюда деть, пока я буду все улаживать. Вот ведь удружила племянница! Ничего не скажешь…
– Все будет хорошо, – вздохнула я. – Слушай, Дина, тебе нужно уехать…
– Уехать? Куда?
Непонимающий взгляд.
– Да хоть куда. Пока я тут все не улажу…
– Но как же я уеду? У меня ведь занятия… и вообще…
– Вряд ли тебе после твоей выходки позволят снова вести занятия у курсанток.
– А что же я тогда буду делать?
– Дина, ты сейчас в таком состоянии, что творишь, сама не понимая что. И выкинуть ты сейчас можешь что угодно. Но угар рано или поздно пройдет, и вот тогда все, что ты наделала, на тебе и скажется. На твоей карьере. Одна Сатия знает, как аукнутся твои последние чудачества и не придется ли расплачиваться за них всю жизнь… Ты меня понимаешь?
– Понимаю, – с готовностью согласилась Дина.
Ничего-то ты сейчас не понимаешь, с грустью подумала я, глядя ей в глаза. Говоришь со мной, а я чувствую, что ты не здесь. Небось вся мыслями там, с ним…
– Я тебя отправлю с заданием, – решила я, – срочным. Прямо от меня и поедешь.
– С заданием? Куда?
– На перевал, в пески. Отвезешь письмо, привезешь отчет. Недельки на две. Развеешься.
– Ага, хорошо, – шмыгнув носом, сказала Дина.
– Дина, ты поедешь одна, – внимательно глядя на нее, сказала я.
– Хорошо, – послушно кивнула она.
– Одна – это значит без Эри!
– Как без Эри?! – вскинулась та.
– Дина, поверь, так будет лучше! Тебе нужно успокоиться, сделать перерыв… – ответила я, подумав про себя, что мне еще не хватало, чтобы она из-за него еще и там драки устраивала!
Этот тоже хорош. Наговорил гадостей девчонкам, а потом банально драку устроил. Читала я рапорты. Еще тот фрукт. Как-то это не вяжется с его трепетным отношением к варгам, совсем не вяжется… Ох, чует мое сердце, добром это не кончится! И эти красавицы… Бить чужую зверушку? Да еще толпой! Совсем законов, что ли, не знают? Нужно будет поговорить при случае с начальницей училища. Чему их там только учат? Еще неизвестно, каким боком все это им выйдет. Но чтобы обелить Дину, их придется как следует наказать. Чтоб другим неповадно было…
– Я без Эри никуда не поеду! – совершенно уверенно, не допуская даже капли сомнения в голосе, заявила племянница.
Эста, ты же не думала, что это будет просто?
Я тяжело вздохнула.
Следующие четверть часа вымотали меня до конца дня. Как это сложно убеждать в чем-то влюбленных идиотов! Они же ничего не воспринимают! Я уже и мать ее вспомнила, покойницу, мир ее душе! И угрожала. И просила. Под конец уже просто хотела дать ей пару оплеух, но сдержалась… Уговорила. За две недели отпуска после выполнения задания и под угрозой того, что зверушку заберут. Еще нужно будет придумать, как оправдать эти две недели. Опять я свою шею подставляю! Эта любовь – как одна сплошная засада в незнакомом лесу. Особенно чужая любовь, с которой ты нянчишься. В любой момент, с любой стороны прилететь может. Какая же Дина идиотка! Наверное, такая же, как и я… Семейное…

Ладно, переживем, подумала я, глядя на закрывшуюся за племянницей дверь. Коль так все случилось, то пусть идет, как идет. Любовь – это, конечно, больно, но я не жалею. Пусть и у Динки будет любовь. Хоть раз в жизни.

Еще молодые зубастики

– Ой, девчонки, а какую я новость знаю! – Светловолосая молодая варга в форме курсантки торопливо подсела к подругам за стол в таверне.
– Какую? – с интересом спросила одна из трех, сидевших за столом.
– Вы представляете, зверушка леди Дины напала на Дэзку и ее пятерку и побила их палкой! Как вам?
– Палкой? Не может быть!
– Точно-точно! Я сама слышала! Причем побила так, что к Дэзке целителя вызывали и еще к двоим.
– А так им и надо! Слишком много воображают о себе. Я давно говорила, что они ничего из себя не представляют. Вот теперь все это и увидели! Это же надо – палкой! Как простолюдинок… Фи… Да они теперь просто посмешище!
– Ага, вечно они вперед нас лезли…
– Значит, их на соревнованиях не будет?
– Почему не будет?
– Но ведь они закон нарушили. Чужих зверушек трогать нельзя! Ты что, не помнишь?
– А при чем тут закон?
– Наверняка разбирательство будет. А соревнования через две недели! Думаю, что Дэзке не до тренировок будет. А там, глядишь, может, их так накажут, что они вообще никуда больше не попадут!
– А что, могут серьезно наказать?
– Открой законы и посмотри. Спать нужно меньше на занятиях!
– Да я не сплю…
– А то я не видела! Глаз-то у меня ведь нет…
– Знаете, девочки, а у меня есть одна отличная идея!
– Какая?
– А вы знаете, что он на гитаре играет?
– Кто?
– Зверушка!
– Ну и что?
– А давайте мы у него новые песни узнаем! И выступим под новую музыку, такую, которую тут никто не слышал!
– Мм… Зачем?
– Так ведь на нас сразу обратят внимание! Запомнят! И никто потом не скажет, что мы выиграли только потому, что не было Дэзки с ее подругами!
– Хм… а хорошая идея! И как это ты только до нее додумалась?
– А разве я ничего и придумать не могу? Если завидуешь – завидуй молча!
– Да нет… я так… Только как с ним договориться? Дикий он какой-то… Бросается на всех… с палкой…
– Но мы же с вами не какие-нибудь лахудры типа Дэзки! Разве можно нас побить какой-то палкой? Нужно с ним просто вежливо поговорить и все. Я его видела. Совершенно нормальный и очень даже симпатичный на вид!
– Только вот…
– Что?
– А не получится с нами как с Дэзелой? Он же чужое имущество, а мы к нему… А если нас тоже за это накажут?
– За что накажут? Разговаривать не запрещено! Игры устраивать нельзя, а говорить можно!
– Да… а я вот не уверена…
– Книжку в руки возьми и удостоверься… Хоть что-то узнаешь …
– Ты прям вся умная такая!
– Девочки, не ругайтесь! А действительно давайте попробуем! Интересно, что выйдет?
– Ой, смотрите, смотрите, – зашептала светловолосая, заговорщически наклоняясь к столу, – тише вы! Он тут!
– Кто?
– Зверушка. Вон, вон за стол сел!
– Мм… какой…
– Ага. Симпатичный. Ну давай, иди!

– Куда?
– Договаривайся. Твоя же была идея!
– Кхым…

Эри

М-да… и остался я один-одинешенек… брошенный на растерзание местным хищницам… А потолочек не мешало бы и побелить…
Я сидел за столом в таверне, поставив локти на стол и подперев ладонями щеки, разглядывал потолок. Делать было совершенно нечего. Третий день пошел, как тетка услала Дину в экспедицию на край света. Ну по крайней мере, из ее слов выходило почти так. Не банальная командировка, а что-то несусветно длинное и бесконечное. Как кругосветка.
Миленькое дело! А как же я?
– Как это вы уезжаете? – удивился я. – А ошейник?
– Знак… – поправила она меня.
Да хоть медалью его назови! Ошейник он ошейником и останется!
– Знак… – с отвращением произнес я, – он ведь сжимается!
– Не беспокойся. Знак настроен не на меня, а на одну маленькую вещичку… Я ее оставлю дома, и ничего с тобой не случится!
У как интересно… Мне эта вещичка очень, очень нужна!
– Не волнуйся, я побеспокоюсь о том, чтобы ты ее не нашел… – внимательно глядя на меня своими большими глазами сказала Дина.
М-да?.. Пожалуй, это у нее получится… Я и не представляю, как выглядит эта вещичка, а от ошейника никакие нити силы никуда не идут. Ничего! В принцепе она может спокойно положить ее на видное место, а я буду ходить мимо нее, даже не догадываясь, что это та самая штукенция! Гадство… Тот, кто сварганил этот комплект, похоже, был совсем не последним магом. Я тут, болтаясь по городу, вынашивал идею встретить доброго волшебника с бородой. В гендальфской шляпе и в длинной хламиде. Волшебник должен был мне улыбнуться и выпустить меня на свободу, сняв с меня этот дурацкий ошейник. Но чародей мне так и не встретился… А если серьезно, то я действительно попытался найти мага, который бы помог мне. Однако для меня стало неприятным открытием, что маги тут не водятся. Я узнал, что в другом городе есть императорское представительство. Вот там маги были, а тут – ДереЕЕвня! Ниче тут нет! Сунулся было к местной целительнице, тетке уже в возрасте, но та поджала губы и сказала, глядя на мой ошейник, что это вопрос вне ее компетенции. Мол, она представления не имеет, как с этим бороться. В ментале я уловил у нее сильное недовольство и тревогу. Зарррраза…
– Я вернусь через две недели, – сказала Дина, – надеюсь, что за это время ничего такого не случится?
Я пожал плечами, движением изображая фразу: «Наверное, не случится…»
В разговоре возникла некоторая пауза.
– Мне пора, – наконец произнесла Дина, – думаю, что все будет хорошо…
Несомненно. Только не совсем ясно, что именно и у кого… Но пусть будет, жалко мне, что ли?
– Я поехала, – сказала Дина.
Я с сочувственным видом кивнул. И так ей не хотелось уезжать… Но Динка молча повернулась и, стиснув зубы, вышла из гостиной. Не нужно было быть великим эмпатом, чтобы ощутить злость и горечь, которые ее переполняли.
Уходя, сказала еще только, что пока ее нет, за нее будет ее тетя Эстела, и со всеми своими проблемами я должен обращаться к ней, что, честно говоря, меня совсем не обрадовало. Тетя у нее та еще… барракуда. Она мне с первого взгляда не понравилась. Что-то во взгляде у нее есть такое… от Хель. Не, до богини ей, конечно, далеко, как до луны, но все равно, глаза такие… настораживающие. И в ментале излучает настороженность и сплошное недоверие… Я ей тоже, похоже, не очень понравился. На первой встрече она долго и дотошно все у меня выспрашивала, видно, пытаясь поймать на вранье. Но, как говорится, – не на того напала! Испытание на этом детекторе лжи я выдержал. Иначе бы просто так я оттуда не ушел. Начальница тайного сыска… Опасная должность, надо сказать, особенно когда ты в чужой шкуре. В первый же день после отъезда Дины Эстела прислала за мной курьера с приказом явиться пред ее светлые очи. Пошел. Явился. Сложно было отказать… Часа два мурыжила. Подробности драки ее интересовали, да и так, невзначай, вопросики каверзные задавала на отвлеченные темы. Насколько я понял, побоищу у трактира был

присвоен уровень чрезвычайного местного происшествия и его участникам грозят неприятности.
Теперь ясно, чего это вдруг Динка куда-то с такой скоростью понеслась, подумал я, когда это узнал. Тетя племянницу решила убрать подальше от скандала. Видно, уверена, что сможет все решить без ее участия… Как это по-ррЮсски? «Мохнатая рука»? Не, не так. Скорее «мохнатая лапа». Уж больно много в них кошачьего…
Но подробностей, кого, как и за что будут воспитывать, мне узнать не удалось. Тетя Эста была словно тощий мокрый обмылок. Как я ни пытался ухватить ее своими вопросами, она так ничего мне толком не сказала, выскакивая буквально между слов.
Профи, подвел я итог своему общению. А что ты хотел? В разведке тетя работает… И, похоже, не первый день…
В разведке не в разведке, а мне как жить?
С информацией все так же было плохо. Никто не хотел со мной ею делиться. Ни местные, ни варги. Не, не то чтобы они с пренебрежением отворачивались от меня, о нет! Все мило улыбались и запросто общались. Но вот какого-нибудь более-менее связного представления о том, что тут творится, по их рассказам получить не удавалось. На мою долю оставались полунамеки и недоговоренности. Крутись, как хочешь. Конечно, имея и крупицы на руках, можно было что-то анализировать, но… Для этого нужно было знать хоть что-то про Эторию. А я не знал практически ничего. Особенно меня интересовала личная жизнь варг. Я чувствовал, что это какая-то болезненная тема для зубастиков, и рыл в этом направлении, логично рассудив, что уж если бить, то бить лучше по ране, тем более коль она есть. Но… Разговаривать со мной на эту тему никто не желал. Причем категорически!
Я сидел за столом в таверне и разглядывал потолок. Ладно, ладно, будет и на моей улице праздник! Труд разведчика – кропотливый и каждодневный. Не стоит опускать руки. А вообще это безобразие! Я просил у Хель дар понимания, а она мне что впендюрила? Что вот значит зверушка? Общий смысл понятен – развлекалка для госпожи, в том числе и любовного плана. Но вот что еще? Там еще что-то есть в этом слове. То, чего я не знаю, но все вокруг в курсе. Это просто бесит! Я даже специально просил Дину поговорить со мной на их языке, мол, хочу насладиться его «певучестью»! Надеялся, что мне вдруг вскочит в голову осознание, и я все пойму. Но меня ждал облом. Языка у них своего нет, и ботают они на каком-то всеобщем, оставшемся чуть ли не от древних магов. Так что я ничего не понял и не осознал. Причина несрабатывания дара богини осталась для меня загадкой. Хороший повод высказать Хель свое фи при случае. Обещала? Обещала! Так выполняй! Хотя… Что-то она там лопотала про то, чтобы я не треснул… А может, это как раз варговские данные на мой диск и не влезли? Хм… вполне и такой вариант возможен… Только из этого одно следует – придется напрягаться самому. Халявы не будет…
– Добрый день! Вы позволите присесть к вам?
Опускаю глаза от потолка – варга! Светлые волосы, голубые глазки, тонкие брови, аккуратный носик и красивые губки. Молоденькая. И скромная-скромная! Глазки потупила, ручки сложила и чуть ли не ножкой пол ковыряет.
Вот это да! Оказывается, и такие экземпляры тут водятся? И что это она такая скромная? Редкий вымирающий вид? А в ментале… А в ментале азарт. Что-то хочет… Похоже, дурить будет… Ладно, подуримся…
– А с какой целью вы желаете присесть за мой столик, хочу полюбопытствовать? – спросил я.
– Я хотела бы с вами поговорить!
И глазками так многозначительно стрельнула.
Поговорить? Я тут с одними недавно пообщался… лечился потом… Хотя только что сидел плакался самому себе на недостаток общения… А оно само, общение, пришло!
– Если мы не будем беседовать на тему зверушек, то, думаю, разговор у нас может вполне получиться, – ответил я с улыбкой Бельмондо.
– О! Что вы! Я хотела поговорить о музыке!
– О музыке? – неподдельно удивился я. Вот чего-чего, а такого не ожидал!
– Да, о музыке, – подтвердила она.
– Прошу вас, присаживайтесь, пожалуйста, – указал я рукой на место напротив себя.
– Благодарю, – с достоинством кивнула она, садясь на предложенное место.
– И что именно вы бы хотели услышать о музыке?
– Давайте сначала познакомимся, – предложила она. – Я леди Лисса.
– Княжич Эриадор, – поклонился я. – Безмерно рад нашему знакомству!
– Я тоже несказанно рада! – произнесла Лисса встречную вежливую фразу.
– Так что вы хотели услышать о музыке? – снова вернулся я к удивившему меня вопросу.
– Я слышала, что вы издалека?
– Можно сказать и так… – уклончиво ответил я. – А что?

– Видите ли, у нас сейчас начинаются экзамены, и через две недели будет заключительный – художественное выступление группой…
– А что за экзамены?
– Окончание учебного года. У нас каждый год так.
– Хм… понятно. А от меня вы что хотите?
– Я подумала, что если вы играете на гитаре и издалека, то вполне можете знать мелодию, которую тут никто до этого не слышал…
– И? – заполнил я образовавшуюся паузу, начиная догадываться, куда клонит собеседница.
– Вот я и подумала, что если бы вы, Эриадор, смогли найти для выступления нашей пятерки что-нибудь такое… необычное… Тогда мы бы наверняка победили!
М-дя… Какие у них тут странные экзамены… Если бы сдавали махание железяками или загрызание без рук, то это понятно. Но танцы? Они в гейши, что ли, готовятся? Или… Мож, в шпиЕны какие? Которым нужно тусоваться по балам и приемам? А что, вероятно, так и есть. Красивые, молодые, да еще танцуют. В момент какую-нибудь важную шишку окрутят, а потом бац – и постельный агент влияния. Только вот что они делают с клыками? Их же видно!
А с другой стороны – это же самый отличный вариант для меня! Займемся общим делом, глядишь, через день-другой настороженность и пройдет. Если не поцапаюсь с ними, подспудно начнут воспринимать меня как члена команды. Девки молодые. Особо не должны сторожиться. Вот я их и разболтаю. Самое то для получения информации! Хм… удачненько…
– Простите, что прерываю ваши мысли, – произнесла Лисса, действительно прерывая их, – но что вы скажете?
– Вы сказали, что вас пятеро?
– Именно так.
– И все будут танцевать?
– Да.
– Хм… ну что же, пожалуй, я смогу подобрать вам что-нибудь подходящее. Но только я сначала хочу посмотреть, как и что вы танцуете! Договорились?
– Отлично, – с удовольствием сказала Лисса, прогибая спину, – договорились!

– Нет, нет, нет! Еще раз нет и нет! Не так!
Лосихи кривоногие…
– Ну что опять не так?!
– Вот тут, смотрите! Еще раз! С середины! – Я кивнул оркестру слез.
Почему слез? Потому что без слез слушать то, что они бацают, было порой просто невозможно.
Даже невзирая на то, что оркестр мечты я собирал самолично: по кабакам, по наводкам девчонок, по всяким местам, где играют музыку, – в результате получилась весьма разношерстная компания, звездой которой был контрабас. Ну или если точнее, инструмент, издающий контрабасные звуки. Он был моей дебильной попыткой заменить бас-гитару. Каждый раз, слушая его дум-дум-дум, я клялся себе, что это в первый и последний раз. Больше никаких эрзацев! Заметано!
Но, как говорится, за неимением гербовой, пишу на простой… Че было, то и нашел. Подрядившись на художественное руководство группой, я неожиданно для себя погрузился в процесс с головой. Наверное, виной этому была моя скука. На Земле я как-то уже привык к тому, что вокруг кипит жизнь, что-то происходит. А тут словно попал из большого города в деревню, где ложатся спать в десять часов вечера и из всех развлечений – телевизор с двумя программами. Придя на первый просмотр, я был настроен прохладно-критически. Ну танцуют. Ну боже мой… Я на Земле этих старт-аповских групп навидался. Что я еще могу увидеть? И действительно, посмотрев, я был совсем не поражен. Девчонки надели длинные платья, с расширяющимися книзу воланами и довольно энергично крутили ими. Это было их изюминкой. Музыкальное сопровождение было представлено скрипкой, гитарой и какой-то гнусавой дудочкой.
– Ну и как? – спросила меня раскрасневшаяся после выступления Лисса, подпираемая сзади такими же румяными подругами.
– Очень мило, – ответил я, похлопав в ладоши, – мне понравилось.
– Правда? – загорелись ее глаза.
– Да, – кривя душой, ответил я, – но есть моменты, которые можно пошлифовать…
– Какие?
– Ну… пожалуй, я скажу, что они зависят от того, как вы позиционируете свой танец.
– Что мы делаем?
– Как вы его себе представляете. Давайте еще раз. Что вы от меня хотите?

– Мы?
– Угу…
– Мы думали, что вы исполните нам музыку. Новую.
– А зачем?
– Чтобы победить!
– Вот! – поднял я нравоучительно правый указательный палец. – Победить! Но одной музыки, я думаю, будет для этого мало. Вы же воины! С мечами тренируетесь. Вот, например, сколько приемов атаки с мечом? – обратился я к Лиссе.
Та подняла глаза к потолку, видно, подсчитывая.
– Не напрягайся. – И, резко разведя руки в стороны, сказал: – Много! Разве можно победить в бою, используя только один прием? – спросил я, уже обращаясь ко всем.
Ну, честно говоря, можно, если у тебя в руках проточенная мега-вундер-фафля со скилом +600. Бей по голове, и все! Но это мелочи, в которых скрывается дьявол. На Земле есть такая присказка…
– Что вы хотите этим сказать?
– Предлагаю перейти на «ты», – предложил я, – уж коль у нас начинается сотрудничество, то проще будет на «ты». Никто не против?
Девчонки переглянулись между собой, и после паузы за всех ответила Лисса:
– Нет, не против!
– Замечательно, – согласился я. – А насчет дела я предлагаю нанести удар сразу с нескольких направлений – музыкой, костюмами, танцем и… И макияжем!
Ответом мне было ошеломленное молчание.
И тут Остапа понесло. А вообще-то за две недели что-то организовать – это как? Не слишком ли я широко шагнул? Ну а почему бы и нет?
Фактура неплохая… Я еще раз окинул взглядом фигуры девчонок. Двигаются хорошо, гибкие… какая-никакая, а хореография уже есть. Мечами работают. Мышечная память развита. Пожалуй, за две недели с ними можно будет что-то разучить. Наряды сделаю полегче и попроще, пусть молодостью добивают, макияж я им устрою, краски в магазине видел, музыка… вот с музыкой… с музыкой тут полный алес… Полцарства за электрогитару с усилителем! Ну не на свирели же клубный данс высвистывать… Правда, можно заткнуть дыру ударными… Барабаны тут должны быть в конце-то концов! Если еще и барабанов тут нет, то уж не знаю, что это тогда вообще за дыра! Остается только пойти и утопиться… с горя.
– Кхм… – ожила Лисса, – костюмы? А какие?
– Смелые! Броские! Яркие! Необычные! Лисса, у вас короткие юбки носят?
– Короткие? Носят…
– Насколько короткие?
– Ну… вот так! – Лисса прикоснулась пальцами немного выше колена.
– А вот так? – Я приставил ребро ладони к своему бедру. Повыше его середины.
– Тааак?.. – Глаза у Лиссы малость покруглели, и она отрицательно замотала головой. – Не… не носят! А разве где-то в таком коротком ходят?
– Не носят – это отлично, – ответил я, не вдаваясь в подробности, где существует такая короткоюбочная мода, – значит, сразу заметят! Будем эпатировать длиной! То есть ее отсутствием…
– Что будем делать?
– Поражать! Девочки, а высокие сапоги у вас есть?
– Да… для верховой езды.
– Ну а чулки вы носите?
Пауза, переглядывание.
– Носим! – снова за всех отвечает Лисса.
Как-то неуверенно отвечает… Похоже, брешет… Я прислушался к менталу. Точно, брешет! А что так? Может, просто не было еще случая поносить? Вполне… Ладно, главное, чулки тут есть, ноги, на которые они надеваются, тоже есть, уж как-нибудь я их совмещу в пространстве.
– Отлично! А лист бумаги и грифель у вас найдется?
– Зачем?
– Костюм для выступления будем рисовать…
– Костюм? Правда?
– Ну не себя же!
– Ой, как здорово!
Здоровее не бывает, сказал я про себя и скомандовал:
– Бумагу!

Короче, особо не мудрствуя и не изобретая велосипед, я решил по максимуму задействовать опыт моего участия в шоу-бизнесе, полученный на Земле. Не пропадать же добру?
Под моим грифелем на листе бумаги быстро появилась длинноногая девочка в короткой юбке, высоченных сапогах и длинных, до плеч, перчатках.
– Перчатки у вас есть? – спросил я девчонок, которые, затаив дыхание, наблюдали из-за моей спины, как я рисую.
– Нет, – ответила темненькая Вирела, не отрывая глаз от листа бумаги, на котором я рисовал.
Вот и первая проблема, но ты же знал, что они будут… Знал.
– А кто это? – осторожно спросила Лисса, глядя, как я рисую длинные хвосты из волос.
– Это Сейлор Мун, – стараясь не ухмыльнуться, ответил я.
– А-а-а! А кто она?
– Воительница. Она несет возмездие во имя Луны!
– Ух ты!
– А почему Луны?
– Жила она там…
– Она богиня?
– Почти.
– А…
– Стоп! Потом расскажу. Предлагаю для выступления использовать такой наряд!
– Ммм… С такой короткой юбкой?
– Девочки, вам ли стыдиться ваших ножек? От них же просто глаз не оторвать!
– Хи-хи…
Сколько положительного от них в ментале… комплименты-то мы любим! Вот и первое слабое место!
– Но у нас так коротко не носят…
– Значит, вас обязательно заметят!
– Ну… заругают…
– А с какого возраста вы можете сами решать, что вам носить, а что нет?
– Нелла, помолчи! Мы и сейчас можем носить то, что нам хочется!
– Ну и отличненько! А то я чего-то не понял, взрослые девушки, а в чем им ходить, у кого-то спрашивают…
– Это она, не подумав, сказала!
– Я так и понял… Ну так вы согласны на мое предложение?

Короче, язык мы общий нашли. Лисса и ее подружки при близком знакомстве оказались обычными девчонками, мало чем отличающимися от земных. Так же любят наряжаться, красоваться и слушать дифирамбы своей красоте. Однако опыта у них по части общения с другим полом, похоже, не было вовсе. Они были фактически беззащитны перед моими комплиментами, подкрепленными соответствующими чувствами в ментале. Порою просто терялись, не зная, как на них отвечать и что делать. Сделав это открытие, я беззастенчиво им пользовался для притупления бдительности и направления разговора в нужное мне русло. А разговоры были интересные. За первые несколько дней с начала нашего данс-проекта я узнал больше, чем за все время моего пребывания тут. Например – варг, оказывается, не так уж и много. Точное число они мне не назвали, но по моим прикидкам получалось, что их тысяч шесть-семь. Ну максимум десять.
Короче, я был прав – деревня! При таком количестве жителей тут, наверное, все друг друга знают. В одном конце улице свистнешь, а в другом уже знают, кто свистел и зачем…
Все девчонки страшно гордились, что они варги.
Конечно, страшные и зубастые… Непонятно, чего только больше: легенд про варг или правды…
Рассказывая о своей крутизне, мне поведали, что у них в столице империи есть отдельный варговский гарнизон, который несет крайне ответственную и важную службу, охраняя императрицу с принцессой. Попасть в этот гарнизон мечтала каждая курсантка. Это было страшно почетно. За службу в нем хорошо платили, и там быстро продвигались по служебной лестнице. Опять же – столица! Те же, кто не попадал в этот рай, болтались по империи, выполняя всякие особо важные задания императора.
Слова «особо важные» были произнесены Лиссой очень значительным тоном. Что, мол, все не просто так!
Ну, прям так и императора! Выходит он, значит, на крыльцо утром и каждой в руки самолично задание дает. Брехня! Работают на какую-нибудь структуру типа тайной

канцелярии – и все дела. Хотя не совсем понятно, как они там крутятся, слишком заметны они для такой работы.
Больше ничего такого примечательного у анклава не было. Ну кроме цитадели. Как я понял, это какая-то крепость или замок, в котором находится самая крутая учебка. Там делали каких-то «боевых кошек». Именно из нее и попадали в столичный гарнизон. И еще там, как я понял, хранилось что-то ценное. То ли казна, то ли еще что. Об этом девчонки говорить не стали. Хоть и слабели они пред комплиментами, но мозги им полностью не отшибало. Все подряд не болтали. Недостаточно еще доверяли. Слишком недавно мы познакомились. Так что военные тайны они придерживали за зубами. Но вот про то, что у них тут постоянные засухи и торговцы к ним не шибко едут, об этом они болтали, не задумываясь. Это тайной для них не являлось.
Наивняк, подумал я, свободно получая информацию по состоянию экономики анклава. На Земле они не были… Там бы их научили уму-разуму. Первое – это экономика, все остальное растет из нее. А тут дела, видно, идут не очень. Похоже, они сильно зависят от снабжения извне. Если его перекрыть – пожалуй, они тут взвоют. Хм… как интересно… вполне возможно, что это их болевая точка. Ставлю галочку – узнать подробнее!
Но вот чего девчонки категорически не хотели касаться в разговорах, так это вопросов личной жизни варг. Напрочь! Клещами не вытащить! Какая-то тут была тайна. И не очень хорошая. Может, постыдная? Я так и не выяснил подробности про зверушек – не зря Бинко какие-то ужасы рассказывал…
Короче, я добывал информацию и крутился аки продюсер и худрук в одном лице, организовывая выступление. К проблеме отсутствия перчаток добавилась проблема с сапогами. Утром следующего дня девчонки притащили свою обувку, и мне были явлены три пары черных сапог, одна коричневая и одна рыжая. Мало того что они выглядели, словно в них на лошадях ездили, так они еще были и не на шпильке.
Дьявол скрывается в мелочах, повторил я про себя, уныло разглядывая ношеные сапоги. И что прикажете с этой красотой делать? Это же страх какой-то, а не сценическая обувь! Пришлось брать их и танцгруппу в охапку и идти к сапожнику. Долго рядились и препирались, но в конце концов договорились на две пары новых сапог, на ушивку старых и что он сделает так, чтобы они блестели. Но каблук увеличить он не брался. Не, брался вообще-то, только время изготовления улетало далеко за дату выступления.
– Ехе-хе-хе… – только и сказал я, отказываясь от картинки танцовщиц на тонких каблуках в моем воображении, – ладно, ноги длинные, переживем!
Потом пошли к портному. Он подтвердил мое мнение о жителях этого мирка, как о мозгоклюях, которое сложилось у меня еще в замке Аальста. Литр моей крови выпил, не меньше. Один плюс – ткань хорошая нашлась. Ярко-желтая. Откуда она у него взялась и чего он с ней собирался делать, я не понял. Похоже, это была совершеннейшая случайность. Глюк системы производства ткани. В желтом тут не ходили. Абсолютно.
Опять пришлось рисовать до истирания грифеля. Я пришел уже с готовыми эскизами, но мозгоклюй же не мог просто так согласиться, взять и понять, что от него нужно? Пришлось продираться сквозь косность мышления, орудуя грифелем. После портного у нас кончились деньги…
Девчонки сказали, что у них все – тю-тю! А у меня еще чулки не куплены, краски для макияжа, музыкальные инструменты и музыканты не наняты! Приплыли…
– Мани-мани-мани, ове сани, иззе рич из волд… – напевал я себе под нос, разглядывая витрину магазина со столичными штучками, в который Дина приводила меня покупать камзол. Вот интересно, миры разные, народы разные, а проблемы одни и те же – где взять бабки? Как это так?
Девчонки пошли на экзамен по тактике и поискать взаймы деньжат, а я – искать реквизит. Хорошо еще, экзамены у них не напряженно протекают, время на танцы есть, подумал я, вспоминая сессионное безумие, охватывающее земных студентов. Но все же, Сихот, где взять деньги?
Я набычился и, поджав губы, опустил подбородок и уперся им в ошейник.
Неожиданно пришла мне в голову мысль. Гадость моя, а не использовать ли мне тебя? С пользой?
Ухмыльнувшись пришедшей в голову идее, я решительно толкнул дверь магазина.
– Добрый день! – поздоровалась со мной из-за прилавка уже знакомая мне продавщица.
– Добрый день, – ответил я, задирая подбородок и стараясь выставить ошейник напоказ, – не сможете ли вы мне помочь подобрать кое-что?
– Конечно! У нас большой выбор мужской одежды…
Ага, аж целых три штуки, прокомментировал я про себя, вспомнив три одиноких камзола на прилавке.

– Сегодня мне нужен предмет женского гардероба… – сказал я многозначительно делая брови домиком.
– Вот как? А что именно вас интересует?
– Мне нужны чулки.
– Чулки?
– Да.
– Э-э…
– У вас что, нет элементарных вещей?
– Как это нет? Все у нас есть! Просто…
– Что просто?
– Ну… вы же не житель Этории. Мы… как бы это сказать… продаем только жителям.
– Как это я не житель? – возмутился я. – Я уже тут почти месяц обретаюсь!
– Э-э… да… но ваш статус…
– Вас беспокоит это? – задрав вверх подбородок, спросил я.
– Э… да. Прошу простить… но…
– Не надо слов, – произнес я и, поманив продавщицу пальцем, с заговорщическим видом нагнулся к прилавку, – я вам сейчас все объясню! – Видите ли, – начал я, убедившись, что продавщица настроила в мою сторону свои ушки, – я и моя леди…
Услышав «моя леди», продавщица крупно моргнула и малость округлила глаза.
Похоже, она услышала что-то новенькое, подумал я, заметив ее реакцию.
– Я и моя леди, – снова повторил я, выделяя слово «моя», – мы немного повздорили перед ее отъездом. Ну знаете, как это бывает, – сделал я небрежный жест правой рукой, – слово за слово, и поругались… Вы понимаете? – Я с самым доверительным видом наклонился к продавщице.
Та с готовностью затрясла головой – мол, конечно! Эка невидаль! У всех так бывает!
– Так вот, – продолжил я, – леди скоро вернется, и я бы хотел, чтобы наша встреча прошла без воспоминаний об этой глупой ссоре. Хочу сделать ей небольшой подарок. В знак примирения. Понимаете?
«Конечно», «конечно!», снова молча затрясла головой продавщица.
Язык у нее отнялся, что ли? С чего бы это? Может, я какую-то ахинею несу, которая ей в диковинку?
– И вот я решил купить ей чулки. Думаю, что она оценит такой романтичный и неожиданный подарок! Подарок с намеком. Как вы думаете?
– Э-э-э… кхе-кхе, – закашлялась продавщица, – наверное, это действительно будет самым подходящим подарком… кхе-кхе…
– Ну так несите!
– Э-э… у нас самые лучшие чулки! И они… но они очень дорогие…
– Вы сомневаетесь в моей платежеспособности? – хмурясь и делая обиженный вид, спросил я.
– Э… ну… Я… вы меня поймите…
– Ладно, поступим тогда так! – примиряющим тоном сказал я. – Вы знаете, кому принадлежит эта вещица? – Я задрал подбородок и постукал пальцем по ошейнику.
Продавщица уверенно кивнула.
– Отлично! У вас есть сомнения в платежеспособности ее владелицы?
Продавщица отрицательно помотала головой.
– Вы знаете, какую должность занимает тетя владелицы?
Увереннейший кивок.
– Ну и какие тогда проблемы? – спросил я. – Подарок я заберу сейчас, а счет вы пришлете леди Дине, и она оплатит. И всего-то делов!
– А… а если она будет против? – слабеющим голосом спросила продавщица.
– Как это она будет против? – почти искренне удивился я. – Против такого подарка? Против моего подарка? Да ну… Вы что? Этого же просто не может быть!
– Мм… ну хорошо! Какой вам цвет?
– Белые, пять пар!
– ?! Сколько?!
– Пять. Тут такой маленький нюанс… но это только между нами, – я приложил указательный палец к губам, – тсс. Я могу на нас рассчитывать?
– Конечно! – Продавщица вытянула шею вперед, как гусыня.
– Знаете, – доверительно сказал я, – наши встречи наедине с леди протекают порой так бурно…
Я постарался сделать на лице мечтательно-восторженное выражение.
– …а чулки такие тонкие… Одной пары порой на один раз и хватает. Рвутся. – Я сокрушенно вздохнул.

У продавщицы глаза вылезли на лоб и отвисла челюсть.
– Так что, думаю, не стоит мне по десять раз бегать. Давайте сразу пять пар! – сделав рукой жест – гулять так гулять! – сказал я.
– Вам на резинке или на подвязке? – потерянно пролепетала продавщица.
Резинка? Тут резина есть? Ну… дела.
– На резинке! Они интереснее выглядят!
– Сейчас…
Продавщица двинула в подсобку походкой хромой лошади, ударенной по голове пыльным мешком. Пропадала она в ней довольно долго.
– Вот… – Наконец она вернулась за прилавок и выложила на нем пять белых картонных коробочек.
– Угу, – сказал я и потянул крайнюю к себе. Чего там у нас?
Хороший чулок, через несколько секунд подвел я итог его разглядыванию. Плотный, равномерно окрашенный и без затяжек! И резинка отличная. Похоже, из натурального латекса…
– Какое хорошее качество, – сказал я, растягивая его на пальцах. – И где такие делают?
– Это эльфийские. Самые лучшие!
Смотри, какие шустрые тут эльфы… резина у них есть… чулки делают… Самые лучшие. Наверное, и самые дорогие…
– И сколько они стоят? – поинтересовался я.
– Все вместе это будет стоить четыре золотых! – сразу пришла в себя продавщица, едва только заговорили о деньгах.
Хорошая цена, удовлетворенно подумал я, была у меня как-то мысль Динке кошелек пощипать, вот и случай подвернулся…
– Они стоят этих денег, – со знанием кивнул я.
– Несомненно. А вы уверены, что леди не вернет их назад?
– Назад? Возвращать в магазин чулки? Ну что вы! Это же смешно! А леди Дина не любит, когда над ней смеются! Так что если они ей не понравятся, то это будут только мои проблемы, а никак не ваши. Это я вам говорю с полной уверенностью!
– А… ну тогда да. Конечно! – с облегчением ответила продавщица.
– Тогда упаковывайте, а счет – леди Дине! – скомандовал я.

Когда я показал свою добычу, у варгуш глаза на лоб полезли.
– Эльфийские… – благоговейно прошептала Нелла, держа перед собой в ладонях воздушное белое облачко чулок, – чудо…
Бедная девочка, иронично подумал я про себя, отродясь чулок не видала. В гипермаркет бы ее, на распродажу! Там бы она и свихнулась…
– Где ты их взял? – обратилась ко мне Лисса.
– Да так, по случаю, – пожал я плечами, – прижал тут пару эльфиек в уголке, да и снял с них…
– Что, пять штук с двух эльфиек?
– Ага. На них по несколько пар было. Мерзлявые они, эльфийки!
– Ха… Врешь!
– Ну где я еще мог их взять? В магазине!
– Это же очень дорого!
– Мне за мою улыбку скинули половину стоимости, – широко улыбнулся я.
– Я бы тебе даром дала, – неожиданно сказала Нелла.
Возникла неловкая пауза.
Как это там? Господа гусары – не ржать! Не будем выяснять, чего она бы мне там даром дала. Мне ничего даром не нужно, подумал я про себя, а вслух сказал:
– Жаль, что ты не стояла за прилавком.
– Нелла, – дернула ее за рукав Лисса, – прекрати! Никаких игр!
– Да я ничего…
– Вот и не надо. Давайте лучше репетировать!
– Да, давайте! – поддержали ее другие девчонки.
Я намотал себе на ус оговорку про игры и начал репетицию. Все оказалось очень даже неплохо. Девчонки быстро запоминали движения, и они в их исполнении выглядели чудненько. Чудненько-то чудненько, но все равно затыки периодически возникали. В этот раз застопорились на отработке выхода.
Кривоногие, ругнулся я про себя.
– Давайте еще раз, – сказал я вслух, – Лисса, иди сюда! Ты выходишь первая! Вместе со мной! И раз! И два! И – три!!
Сихот, где взять танцевальный класс с зеркалами?

У перевала в Серых песках

Виллорт и Римар

– Ну и что вы на это скажете, коллега?
Задавший вопрос седоволосый мужчина в светлом костюме сидел на песке, прячась от лучей солнца в небольшой тени натянутого тента.
– Закрыто… – неспешно ответил ему другой, с задумчивым видом созерцая вертикальную каменную плиту, преграждавшую вход в тоннель.
– Это я вижу. Причем уже неделю с лишним!
– А если видите, то чего вы тогда спрашиваете, коллега? – с насмешкой в голосе ответил ему второй, переводя свой взгляд с плиты на задавшего вопрос.
– Уважаемый коллега Виллорт, я безмерно ценю ваше чувство юмора, но хочу сказать, что вода у нас заканчивается, и завтра ее останется только на возвращение!
– Уважаемый коллега Римар! Я тоже в ответ хочу вам сказать, что я пью воду так же, как и вы, и поэтому вам совершенно не стоит сомневаться в отсутствии моей озабоченности этим фактом!
– Ну так нужно же тогда что-то делать!
– Что именно? Мы уже неделю делаем! И что? Что еще мы можем сделать?
Римар не ответил, хмуро глядя на плиту.
– Похоже, что ничего… – после продолжительной паузы ответил он.
– Тогда чего же вы хотите от меня?
– Хочу, чтобы вы в конце концов открыли эту дурацкую дверь!
– Увы, коллега, похоже, это выше моих сил. Я уже почти готов признать поражение. Вы удовлетворены моим ответом?
– Но как же так? Неужели вы хуже этого мальчишки?
– Не вы, а мы… мы! – ответил Виллорт, с едва уловимой насмешкой глядя на своего собеседника. – Нас ведь вместе послали, не так ли?
– Но именно вас рекомендовали как лучшего специалиста по древностям!
– Ну и что? – спокойно сказал Виллорт, пожимая плечами, – просто нам попалась загадка, которую не удалось решить с одного наскока. Вполне возможно, что если потратить еще немного времени, то ее можно будет решить…
– Еще немного времени? Сколько еще? Месяц, год, десять лет? Сколько?! Сколько нужно просидеть в этих песках, чтобы сдвинуть эту проклятую плиту?! – взорвался Римар.
– Вы куда-то торопитесь? – иронично приподнял брови Виллорт.
– Представьте себе – да! У меня в столице уютный дом, молодая жена, лаборатория…
– А также слава и награда за успешное окончание экспедиции… – добавил Виллорт.
– И вас это тоже касается, между прочим. Уже не говоря о том, что мы можем найти за этой дверью! – Римар махнул рукой в сторону плиты.
– Ну что я могу сказать, – снова пожал плечами Виллорт, – нужно время!
– Время, время… где его взять? Хм.
В разговоре возникла длинная пауза.
– Но ведь как-то же он ее открывал? – снова начал угасший было разговор Римар.
– Ну так и спросите его об этом…
– Как его спросишь? Искатели говорят, что не видели его со дня их последней попойки.
– Слышал я, – неторопливо отряхивая песок с ладоней, сказал Виллорт.
– Как вы думаете, куда он мог деться? Бросив все вещи у трактирщика и не получив деньги за находки?
– Что тут думать, – сказал Виллорт, – его либо кто-то убил, либо украл. Если убил – то тут уж ничего не поделаешь… А вот если он еще жив и сидит где-нибудь в подвале, то у нас есть шанс поговорить с ним, коллега…
– Украли? Кто же мог это сделать?
– Да кто угодно! Начиная от всяких темных личностей и заканчивая теми же варгами, например! Это же окраина…
– Варгами? Вы думаете, что они…
– Да запросто! Они и раньше этим занимались, почему бы им не сделать это снова?
– А как же законы императора?
– Коллега, вы меня, право слово, удивляете, – мягко сказал Виллорт, – сочетание слов «маг» и «наивность» допустимо еще на первом курсе университета, но никак не в вашем

возрасте. Вам нужно меньше времени проводить в лаборатории! И чаще бывать в обществе. Например, на собраниях магов гильдии, когда они что-то делят. Очень познавательно, скажу вам!
– Бросьте, Виллорт, – махнул рукой Римар, – я уж сам как-нибудь разберусь, что мне делать, а вот насчет варг мысль интересная! Доминго рассказывал, что у Эри была какая-то с ними стычка. Вполне возможно, что они решили отомстить и украли его. Варги – крайне злопамятные твари.
– Может быть, – пожал плечами Виллорт, – и что с того?
– Можно поискать его у них, – предложил Римар.
– Как вы это себе представляете? На содействие с их стороны рассчитывать никак не приходится.
– Оно нам совершенно не нужно, – самодовольно ухмыльнулся Римар. – Знаете, коллега, вполне возможно, что сидение в лаборатории действительно отдаляет от мелких повседневных суетных забот, но, однако, в нем тоже есть свой несомненный плюс. Например – заклинание поиска.
– Заклинание поиска? – удивился Виллорт. – Но ведь вы же маг-воздушник! А это заклинание доступно только…
– Да, темным магам и целителям. По крови или частям тела. Да, да, вы совершенно правы! Только вот оказывается, что и воздушники могут искать! Все дело в мелких частицах дыхания, которые остаются на вещах разыскиваемого. Большего я вам не скажу, простите, коллега, сами понимаете! У каждого свои секреты, но если бы вы видели, насколько это заклинание красиво и гармонично сплетено, – не сомневаюсь, вы бы были в полном восторге!
– Я в этом не сомневаюсь, – буркнул Виллорт. – Так что же вы предлагаете?
– Я предлагаю завершить наше сидение под запертой дверью, собрать вещи и возвращаться обратно в столицу, поскольку, похоже, что мы с вами тут ничего сделать не сможем… Но, – Римар со значением поднял вверх указательный палец, – по дороге мы с вами сделаем крюк и поедем не прямо, а через Эторию. А там, используя разработанное мной заклинание, я попробую отыскать нашего молодого человека! Если он там, то я его найду. Ну как вам мой план?
– Мм… больше всего мне в нем нравятся слова «обратно в столицу», – честно признался Виллорт, – но вот идея про Эторию мне не нравится!
– Бросьте, коллега! Ничего там с нами не случится. Два опытных мага… Вы же не собираетесь валяться с ними по постелям?
– Вот уж чего-чего, а этого я точно не собираюсь делать! – решительно сказал Виллорт, энергично мотая головой, и добавил: – А если его там нет?
– Ну нет так нет, – развел руками Римар, – значит – не судьба. Не умирать же нам теперь в этой пустыне! Поработаем в архиве, почитаем летописи… Может, и найдем ключ к нашей загадке…
– Архивы? Хм… это очень хорошая мысль… Там всегда так прохладно, тенисто… Действительно, нам совершенно не помешает немного поработать в столичных архивах! Коллега, я полностью согласен с вами! Руководите!
– Тогда скажите Доминго, пусть сворачивают лагерь, чтобы мы завтра могли уже утром выйти.
– Вход будем засыпать? – поинтересовался Виллорт.
– Засыпать? Мм… а есть ли смысл? Уж если мы не смогли сдвинуть эту проклятую плиту, то уж вряд ли найдется кто-либо другой, кто сможет это сделать!
– Ах, коллега, вы знаете, сколько магов погибло от гордыни и самомнения? Больше, чем можно себе представить. Так что бросьте, Римар, давайте засыпем, как было. Дуньте, и все! Что вам стоит? И будем спать спокойно…

Эторий. Разборки третьего уровня

– Рассмотрев все обстоятельства дела, совет вынес решение.
Курсанток, совершивших нападение на имущество леди Дины Элестрай, признать виновными в нарушении законов Эторий и назначить наказание в виде службы в приграничном гарнизоне сроком на три года. К новому месту службы им предписано отбыть по завершении текущих экзаменов этого года. Учеба курсанток на время отбывания срока наказания прерывается. Кроме того, в дело каждой из них будет внесена запись о совершенном ими проступке…

Леди Дина Элестрай, совершившая противоправные действия против своей ученицы, признается виновной в нарушении уставов военной службы. Леди впредь будет отстранена от занятий с курсантками и наказана штрафом размером в четыре ее месячных жалованья.
Леди Виолента Робаро, начальница училища, признана виновной в недостаточной работе с курсантками, что проявилось в их слабых знаниях законов и недостаточной военной подготовке. Ей объявляется выговор и штраф в размере двух месячных жалований…
Без записи в дело, сдерживая облегченный вздох, подумала Эстела. Динка мне теперь должна! Спасибо не отделается! Не зря я тут бегала… Что бы такого с племянницы взять? Может, ее зверушку, ради шутки, попросить? Самое нынче для нее дорогое… Хе-хе.

Этория. Танцы-шманцы

– Лисса! Где твои бедра?
– Тут они…
– Я вижу, что тут! Качать ими кто будет? Я?
– Я качаю!
– А что так неуверенно и слабо? Смотри еще раз!
Я вылез из-за барабанной установки, за которой сидел, и подошел к Лиссе.
– Смотри! Шаг – прогиб, шаг – прогиб! И раз, и раз! Колено вверх!
Надо мной уже не смеялись. Отхихикали. Первый раз, когда я показывал выход вместо Лиссы, у девчонок случилась маленькая хихикочная истерика. Но меня это ничуть не зацепило. Помню, на Земле, на репетициях иногда так пробивало на хи-хи, что просто на пол падали. А тут они первый раз увидели парня, качающего бедрами.
– Ну что отсмеялись? – спросил я тогда, терпеливо подождав, пока все успокоятся. – А теперь работаем!
Занимались мы теперь в секретном месте, за закрытыми дверями. Когда я сказал девчонкам, что нам нужно место, где бы никто за нами не подглядывал, у них просто глаза загорелись. Может, этому помогло удачно произнесенное слово – «секретное»?
Уж очень они обожают все такое военно-загадочное. Нашлось нам и помещение и зеркала. Точнее, я нашел, провернув еще раз фокус с ошейником. Взял в аренду шесть здоровущих зеркал. Стык в стык повесить их, правда, не получилось, но все равно уже что-то было видно. И барабаны я организовал. О… о! Это было что-то! Бондарь, вытаращив глаза, смотрел за тем, как я натягивал кожу поочередно на все его бочки, а потом стучал по ним палкой, слушая звук. Хорошо, что я на Земле всеми побывал! И на всех гитарах поиграл, и на барабанах посидел, и на клавишах побаловался. Осталось только вспомнить… Или научиться заново. Скорее, второе правильнее…
Короче, музыкальные инструменты я организовал, костюмы пошили, осталось совместить музыку и танцовщиц – самое главное. Сегодня я планировал еще сделать пробный макияж. Надеюсь, в этот раз меня никто по рукам бить не будет…

> Казус произошел при первой примерке. Костюмчики получились что надо! Желтые юбочки с широкими, на четыре пальца, черными вставками по бедрам и вокруг пояса. Короткие пиджачки тоже с широкой черной вставкой понизу и блестящими металлическими цепочками вдоль вставок. Еще у пиджачков были блестящие черные воротники и черные вставки от плеч до самого низа по бокам. Все было о-о-очень короткое! В том числе и рукава, которыми я заменил перчатки
> [29]
> .

На первой примерке девчонки долго шуршали и шушукались за занавеской, пока я в конце концов не выдержал:
– Ну вы че там, поумирали, что ли?
– Оно все короткое! – высунула голову из-за занавески Лисса, обматывая ее вокруг себя и шеи, чтобы ни щелочки не было.
– Короткое? Оно и должно было быть таким. Вылезь, я посмотрю!
– Ну… вот…
Лисса осторожно вышла из-за шторки. На ней был желтый пиджачок, из-под которого снизу выглядывал пупок и светлая полоска живота. А все остальное, в чем она пришла, Лисса даже не сняла: штаны и маленькие сапожки были по-прежнему на ней.
– Не понял, – сказал я, – а остальное?
– Оно короткое! – круглыми испуганными глазами вытаращилась на меня Лисса.

– Надевай!
– Ну…
– Боишься?
– Чего? – нахмурилась она.
– Нового. Стать не такой, как была, – сказал я, – страшно?
– Ничего я не боюсь!
– Ну так давай! Покажи мне, какая ты смелая.
Лисса закусила нижнюю губу, глянула на меня исподлобья и, резко крутанувшись кругом, скрылась за занавеской.
Как хорошо, что они еще молодые, подумал я. Так легко «на слабо» ведутся. А я и не думал, что в молодости варги такие скромницы. В коротком не выйдут. А те, что постарше, на мужиков без затей бросаются. Такая метаморфоза за каких-то несколько лет…
– Вот! – с вызовом уперев правую руку в бок, сказала Лисса, выходя из раздевалки.
– А ну-ка! У… у… какая ты прелесть! – разглядывая ее, я до максимума поднял трансляцию восхищения в ментал. Та, наклонив голову, не отрываясь, смотрела мне в лицо. Из-за занавески высунулись четыре головы, внимательно отслеживая из своего укрытия обстановку снаружи.
– Повернись! В другую сторону! Ок! Просто чудесненько. А ну-ка давай попробуем, как ты будешь смотреться в движении. Пошли! – сказал я, махнув рукой, и, повернувшись к ней спиной, пошел к зеркалам. – Готова? Делаем выход. На счет раз! И… Просто прелесть! – похвалил я, завершив серию движений. – Нигде не тянет?
– Нет… вроде… – повела она плечами.
– Ладно, сейчас еще пару прогонов сделаем, поймешь.
Тут из-за занавески вышли остальные участницы, тоже в сценических костюмах.
– Вау! Какие вы красавицы! Глаз нельзя оторвать! Настоящие мегазвезды эстрады!
– Чего… мы?
– Победительницы! А чтобы побеждать, нужно много работать. Построились, построились! Посмотрим, как на вас костюмы держатся! – скомандовал я и полез за свои барабаны. У меня была мегаустановка из нескольких бочек, со стороны смотревшаяся совершенно отпадно. – Готовы? И… раззз!
Прогнав их пару раз, я вылез и приступил к осмотру повреждений, причиненных костюмам. Видимых разрушений не было.
Ну и славненько, вроде ничего по швам не полопалось. Молоток портной…
Бац!
– Ты что дерешься, сдурела, что ли? – возмущенно воскликнул я, тряся горящей от удара правой кистью в воздухе.
– А чего ты мне под юбку лезешь?
– Я?!
– Ты!
– У тебя чулок сполз!
– Сама поправлю!
– Да хоть обпоправляйся! Меня резинка интересует. Может, она слабая или растянута?
– Сама посмотрю!
– И чего ты там увидишь? Мне же со стороны виднее!
– Нечего тебе туда смотреть!
– Да боже мой, чего я там не видел?
– И чего ты видел? – с интересом наклонив голову, спросила меня Нелла.
– Все! – ответил я, вспомнив гиги эротики и не только, с которыми ознакомился в свои первые месяцы на Земле.
– Ну надо же… ты, оказывается, еще и в этом мастер…
– Так, – сказал я, прерывая переходящий на фривольную тему разговор, – вы вообще представляете, кого сейчас видите перед собою? А?
– И кого же? – немного манерно растягивая слова, спросила Нелла.
– Вот это, – постучал я себе в грудь указательным пальцем, – это не мужчина! Это даже не человек. Это гораздо хуже. То, что вы сейчас видите, это помесь худрука с продюсером, пиар-менеджером, руководителем балета и мастером спецэффектов. Еще в это скоро войдет рок-группа, мастер по свету, макияжу, костюмер… впрочем, он уже там. Короче, я не человек. Я атас, который вам выкрутит руки, ноги, вскипятит мозги и проест плешь, но в конце концов он добьется того, чтобы вы сделали, как ему нужно! Понятно?!
– А кто они… эти? Друки… и дрюссеры?
– Все, кто должен быть, но нету! Я за них за всех – один! – тыкая себя пальцем в грудь, продолжил я. – Вам ясно? И поэтому, когда я к вам прикасаюсь, то это совсем не я к вам

прикасаюсь, а организатор! Организатор вашего выступления! Который хочет, чтобы вы были лучшими. Понятно?
Некоторое время царила тишина. Народ обдумывал услышанное.
– Да мы, собственно, не против… чтобы ты сделал с нами все, что нужно… – подала голос Нелла.
Я наклонил голову и уставился на нее из-под бровей, расценив услышанное как начало подколки и продолжение начавшегося было разговора на фривольную тему.
– Чтобы победить, – быстренько закончила Нелла, увидев мой взгляд.
– Не против? – обвел я их всех взглядом.
– Не… не против… – замотали они головами.
– Щас проверим, – зловеще сказал я и, пошевелив пальцами правой руки, поманил к себе лупанувшую меня по руке Вирелу, – иди-ка сюда! Мы с тобой не закончили. У тебя что-то с чулком.
Девчонки радостно захихикали, а Вирела начала краснеть.
– Считай это тренировкой… на невозмутимость, – сказал я, глядя ей в глаза, – невозмутимость богини. Кто может смутить богиню, а? Или тренировкой перед выступлением. Выбирай!
Вирела несколько секунд разглядывала меня, наклонив голову, потом, видно, что-то решила и сделала шаг ко мне.
– Повернись, тот чулок на другой ноге, – скомандовал я, приседая.
Она безропотно повернулась. Я спокойно, как будто ничего такого АААбсолютно не происходит, присев, приподнял край ее короткой юбки и принялся смотреть, чего там сползло.
– Слабая резинка, – констатировал я, пробуя пальцем, как она ходит, – значит, и эльфы халтурить умеют. Ладно, чуть ушьешь, и все будет нормально. Сможешь? – Я поднял голову и взглянул на нее снизу.
Вирела молча кивнула, сжав губы.
– Ну и чудненько. А вы чего так смотрите? – Это я уже обратился к остальным, с каким-то напряженным интересом следившим за нами.
– Да нет, ничего… – ответила за всех Лисса, слегка пожав плечом.
– А если ничего, давайте еще пару раз повторим, может, еще у кого чего отвалится…
После этого инцидента я получил индульгенцию на прикосновения. Внимание, сегодня на арене цирка знаменитый укротитель варг со своими укрощенными помощницами!
А ведь могли запросто и по роже дать. И вся бы наша затея кончилась, не успев толком начаться. Вместе с моими разведданными… Опять я забылся, где я и что я. С этими танцами, видно, решил, что я на Земле. А там у нас с танцгруппой отношения были простые. Можно было и лямочку на плече поправить, и юбку одернуть. Без проблем! У басиста вообще была своя развлекуха. Он подходил потихоньку к девчонкам сзади и, неожиданно оттянув резинку у них на юбке или штанах, резко отпускал ее.
Бяу-у-у-у! – делала резинка, звонко шлепая жертву по заду.
Бац! Бац! – получал по спине и по груди шутник.
И все были такие довольные при этом. И басист и шлепнутая девчонка. Я тогда, помнится, этих приколов не понимал, но тоже решил попробовать, может, в этом что-то есть?
Бяу-у-у-у! – сделала резинка.
Бац! – получил я по морде звонкую оплеуху.
Как я тогда сдержался, не знаю. Пожалуй, это был первый случай моего снисходительного отношения к местным. Я это так тогда назвал и даже похвалил себя за сдержанность. Ну а что еще было делать. С битой мордой-то? Не ругать же себя? Только вот почему я получил пощечину, когда других за те же шутки били по телу ладошками, я не понял. Басист потом долго объяснял, где я был неправ, но из его длинного и невнятного объяснения я понял только одно – не на ту напал!
Ну и Сихот с ними, подумал я тогда. Такие шутки у нас все равно не пойдут. Забудь!
Больше экспериментов с резинкой я не проводил. Но отношения у нас были нормальные. Так что теперь никто из варгуш не пытался скалиться или махать конечностями, когда я прикасался к ним. Тем более что прикасаться теперь приходилось часто. С женскими движениями у них был полный пролет. Врожденной грации и пластики – сколько хочешь, а вот идея, что при выходе нужно качать бедрами, для них была сродни божественному откровению. Или то, что, когда поднимаешь колено, нужно носочек тянуть. Иногда просто приходилось браться за них обеими руками и двигать их телом, показывая, как оно должно быть. Смех, да и только. Хорошо хоть быстро схватывали. Носочек научились тянуть уже к третьему занятию. А то все как-то на строевой шаг сбивались. Палочная система у них, что ли, в казармах? Муштруют… Хотя не должны. Куда им строем-то ходить?

– Так, закончили! – захлопал я в ладоши, отложив барабанные палочки. – Ну кто хочет превратиться сегодня в мегакошку?
– Какую кошку?
– Боевую кошку! Кто хочет быть первой жертвой моего макияжа?
Девчонки переглянулись.
– Я хочу! – решительно сказала Лисса.
Командир впереди на лихом коне, прокомментировал я про себя.
– Прошу, – сделал я приглашающий жест в сторону организованного мною гримировочного столика, на котором уже было все приготовлено, – садись!
Лисса прошла и осторожно села на предложенную табуретку.
Так, значит, помыть руки… зажечь лампы… так, и что мы тут имеем?
– Не сопротивляйся, – сказал я и, взяв ее за подбородок, осторожно повернул ее голову влево-вправо, осматривая предстоящий фронт работ. – Лисса, тебе кто-нибудь говорил, что у тебя прекрасная кожа? – спросил я ее.
– Нет.
– Значит, я буду первым. Лисса, у тебя чудесная кожа! И сейчас мы ее замажем… Штукатуркой.
– Зачем? – испуганно спросила она.
– Доверься мне, о прекрасноглазая! Убить ты меня всегда успеешь… не так ли?
– Не собираюсь я тебя убивать, – нахмурилась Лисса.
– М-да? Вот и отличненько. А теперь ты сидишь смирно, не хмуришься, не улыбаешься и не разговариваешь. Поняла?
– Угу, – кивнула она.
– Замечательно. Тогда, как говорится, погнали!
Я завернул Лиссу в широкую белую тряпку, дабы, Сихот упаси, не испачкать концертный костюм, и приступил. Основа… белый грим… Как же неудобно без земных салфеток! Правда, грим неплохой. Ложится хорошо… ровненько.
– Киса, закрой глазки… ага.
Уголек… глаза подвел… так. Красим ресницы. Кисточка… тушь… готово!
– Ну-ка, глянь на меня! Мм… Молодец! Шикарно выглядишь. Потом посмотришь! Сиди спокойно.
Так, теперь рисунок. Глаза обводим густо черным, сверху и снизу, сильно удлиняя линии к вискам. Блин! Нужно веки закрашивать. Ладно, красим!
– Закрой глаза и не открывай!
Готово! Теперь тонкие линии по щекам… как усы… И вот так! Есть! Теперь губы.
– Голову назад, – скомандовал я, – губы вытяни, как будто собираешься кого-то целовать.
Сзади захихикали девчонки, которые до этого не дыша смотрели на то, что я делаю.
– Тихо! Будете мешать – выгоню! – обернувшись, пообещал им я.
– Какие у тебя красивые губы, – сказал я, возвращаясь к Лиссе и аккуратно нанося на них кисточкой красную краску, – сейчас мы сделаем их еще красивее… А где контурный карандаш?
Лисса только глаза повернула, пытаясь на мне сфокусироваться. Да-да, я очень близко наклоняюсь, и глаза наши почти рядом… И дыхание наше смешивается… порой. Со стороны работа визажиста выглядит иногда очень интимно… Но только со стороны. А вблизи это просто работа… Вот так вот, киса!
Ну, вроде все.
Я критически оглядел, чего я там наделал. Кажется, вышло неплохо…
– Прошу, – сказал я, театральным жестом скидывая с Лиссы простыню, – вставай!
Однако Лисса наклонилась вперед, пытаясь увидеть в зеркале, что там я с ней сделал.
– Вставай, вставай, в большом зеркале посмотришь!
Лисса нехотя оторвалась от своего разглядывания, гибким движением поднялась с табуретки и повернулась.
– Вау… – выдохнули научившиеся у меня этому слову девчонки.
Перед нами стояла самая настоящая кошка. С гибкими движениям, огромными кошачьими глазами, в ярком желтом костюме и невероятно нездешняя.
Вау, поддержал я про себя девчонок, разглядывая Лиссу. Похоже, я знаю, кто у меня теперь будет тайлиш…
– И мы хотим! И нам! – загомонили наперебой варгуши.
– А деньги у вас есть? – поинтересовался я.
– Деньги… – притухли те.
– Ага. Знаете, сколько краски и кисточки стоят, а?
– У-у-у… – разочарованно замычали в ответ несчастные.

– Вот вам и у-у-у! Красота – она дорого стоит. Ну что, налюбовалась? – спросил я Лиссу. – Давай тогда снимать.
– Что?
– Краску с лица снимать. Не будешь же ты так ходить?
– А… да… давай, – с легким сожалением в голосе ответила она.
– Садись. – Я кивнул в сторону табуретки.
– Эри, а ты сегодня нам поиграешь? – спросила Вирела, смотря, как я стираю с лица Лиссы макияж.
– Вполне возможно и такое развитие событий… – неопределенно ответил я.
– Ну Эри! – надула та губы.
– Про любовь? Или что-то героическое? – поинтересовался я.
– И это и то! – радостно сказала Вирела.
Ясно, короче снова:

Звезды и луна, а-а-а!
Песни до темна, а-а-а!

Гитару я принес на второй день занятий. В попытке организовать хоть какое-нибудь музыкальное сопровождение. Тогда у меня еще ни одной бочки не было. Аккомпанемент, однако, вышел жидковатый, но девчонки внезапно попросили спеть. Я как-то не планировал, но, посмотрев на горящие ожиданием лица, подумал: а почему бы и нет? Фонотека у меня богатая… Для установления доверительных отношений чего бы и не спеть-то?
Короче – гитара пошла на «ура»! Девчонки готовы были слушать от заката до рассвета. Они при этом излучали столько позитива в ментал, что я в общем-то был готов петь снова и снова, чтобы ощущать волны удовольствия, исходящие от них. На Земле, на концертах, тоже чувствуешь, когда слушателям нравится, но тут было все гораздо сильнее, ярче и приятнее.
Наверное, это потому, что они эмпатки, не только улавливают чувства, но и сильнее излучают их. В результате у нас получается что-то типа электродвигателя с внешним управлением. Я начинаю крутиться, раскручиваю их, они излучают удовольствие, под его действием я кручусь быстрее… Короче, динамо-машина в действии!
Репертуар у меня определился довольно быстро. Решив не заморачиваться переводами, я пел так, как есть. На французском, на английском, на русском. Песни можно и на незнакомом языке слушать. Хит, как талант, не пропьешь. А исполнял я только хиты, которые пришлись по душе землянам. Как говорится – верняк, проверенный временем. И тут этот верняк не подкачал. Девчонкам очень нравилось. Я делал короткие переводы, чтобы было понятнее, о чем пою, и все было прекрасно. Хотя были и шероховатости…
– Эри, ты столько языков знаешь, – с уважением как-то сказала мне Вирела, – такие красивые! Где ты их выучил?
Вот любопытная. А действительно, не слишком ли я увлекся, изображая из себя полиглота? Ничего страшного в этом вопросе нет, отбрешусь, но это мне звоночек – не расслабляться!
– Где? Да, собственно, нигде… на одном языке говорит мой отец, другой – от мамы. Она издалека. Третий – обязательный для всех. Четвертый – от учителя. Так и набралось.
– Какой ты умный! – с восхищением глядя на меня, сказала Вирела.
Умный-то умный, только на голову слаб, сказал я себе, перефразируя концовку земного анекдота про ворону. Будь я умным, то не сидел бы сейчас тут в ошейнике, как глупый собак. Давно бы уже назад, на Землю бы вернулся или в Эсферато…
– А мама у тебя красивая? – задала следующий вопрос Вирела.
Так, нужно уходить от этого разговора. Заниматься придумками на тему «Я и моя семья» совершенно не хочется. Да и было бы перед кем и по какому поводу. Обойдутся!
– Давайте я вам лучше спою, – сказал я, подхватывая гитару, – я тут вам песню перевел.
– Нам? Ой как здорово! А что за песня?

Здесь лапы у елей дрожат на весу,

Здесь птицы щебечут тревожно
[30]
.

Постепенно взгляды у девчонок становились глубже и отрешенней, а на лицах появилось мечтательное выражение…

Соглашайся хотя бы на рай в шалаше,
Если терем с дворцом кто-то занял…

Две недели пролетели как камень из рогатки. Честно говоря, я малость даже подустал. Муштровать зубастых, делать всякие приспособы вместо нормальных инструментов и пытаться предвидеть, где я провалюсь… Если все как-то более-менее тянулось, то дело с музыкой обстояло хуже всего. Ну нет тут усилителей! Нету! Хоть сдохни! И бас-гитар нету! Засунул контрабасину в большую бочку, для более густого звука. Пакость вышла, но что делать? Только сдохнуть… Я выкинул практически все струнные и оставил только ударные. Удалось сделать инструмент, издающий громкий костяной звук, похожий на кастаньеты. Очень удачно вписался. Девчонки очень хорошо ритм под него держали. Больше я ничего придумать не смог. Еще меня терзали смутные сомнения… что я, кажется, промахнулся с выбором костюмов и вообще всей композицией. В жюри-то мужиков не будет! Одни бабы! А их чулками и короткими юбками не поразишь. Еще и позавидуют… Блин. Специфика. Как-то я сразу не допер… Но задний ход давать было уже поздно. Ладно, если что, хоть зажжем. Запомнить нас должны надолго…
Я продолжал вносить всякие изменения по ходу подготовки выступления. После сеанса макияжа я решил с этой идеей завязать. По одной простой причине – время. Прикинув, сколько я его потратил на Лиссу и приплюсовав к нему еще четыре таких же интервала, я понял, что не потяну. У нас же не гастроли, где группе предоставляют гримерки, в которых есть по визажисту на каждого артиста. У нас смотровые выступления, где предполагается живая очередь из выступающих. И все эти выступающие будут толкаться рядом, тоже готовясь к выходу. И потом, я один! Мне еще и барабаны нужно как-то организовать на сцене, и проследить, как там варгуши оделись, и играть мне тоже надо! Помощника я себе на барабаны нашел, но сам я собирался вести основной ритм. Так что получалось, что красить девчонок времени у меня совершенно не было. Сделать им лица заранее? Эту идею я отмел, даже особо не думая. Наверняка краска потечет. Такое на сцену вылезет… Жюри ахнет! Поэтому вместо макияжа я решил сделать маски. Под японскую стилистику. Белые, с миндалевидно вытянутыми прорезями. Сделал для пробы одну штуку, раскрасил. Примерил. Снова на Лиссе.
Ей не понравилось. Остальным тоже.
– Да ну… ерунда какая-то, – сказала Лисса после продолжительного критического осмотра себя в зеркале, – видно плохо и на лицо давит!
– И лицо какое-то… неживое, – поддержали девчонки.
– Да? – Я перекладывал голову с плеча на плечо, разглядывая Лиссу в маске. – А мне кажется, нормально…
– Не, ерунда!
– М-да? Ну ладно… у меня еще одна идея есть…
Я решил дать им что-то в руки. Уж коль пошла японская тема, то у них еще были гонятели ветра. Немного напрягшись и порисовав, я вспомнил, как делаются веера. Как-то я занимался этим вопросом. Вещь в изготовлении абсолютно несложная, но выглядит очень зрелищно. Я решил попробовать изобразить что-то с веерами. Однако мне неожиданно пришла в голову идея соединить кинжал и веер. Так сказать – два в одном флаконе, поскольку это бы хорошо подошло к военной теме, так любимой варгушами.
В результате смелых дизайнерских опытов и многих часов напряженного трудолюбивого сопения плотника, у меня получился большой деревянный кинжал, у красной рукояти которого был сделан большой выступ – круг. Сам веер в сложенном состоянии прятался за деревянным лезвием. Издали, из зала, кинжалы смотрелись, может, чуть бутафорно, но неплохо. Я кое-где украсил кромки лезвий тонкими линиями, смахивающими на руны. Если кинжаловеер правильно повернуть к зрителю, то веер не виден. Можно махать, крутить, но зритель ни о чем не догадывался, пока неожиданно – тресь! – он не превращался в руках танцовщицы в веер.
Одну сторону всех вееров я сделал красной, а другую – по-разному. Две черные и три белые. Получилось, что из вееров можно было составлять цветовые комбинации.
Девочки были чуть ли не в шоке, когда я продемонстрировал им действие реквизита.

Тяжелое детство с деревянными игрушками, прибитыми к потолку, вспомнилась мне земная присказка, когда я смотрел на их сияющие восторгом лица. Как же просто быть волшебником в деревне! Две палки, гвоздь, и вот ты уже маг-кудесник! Конечно, это все здорово, но как-то… как-то… мелко. Точно! Мелко… На Землю хочу. И домой. А тут… скучно тут. Даже концерт приличный не организуешь. Сплошной примитив…

Эста шла по коридору вдоль арен в отличном настроении. Как день с самого утра заладился. Может, причина была в том, что она не пошла сегодня на работу и позволила себе лишний час поваляться в постели? Даже опоздала малость…
Может, и в этом, подумала она, отвечая себе на свой же вопрос. Слава богине, ничего плохого у нас не происходит, вполне и без меня способны денек перебиться. Надо будет – пришлют посыльную. Могу я хоть немного отдохнуть, или нет? Посидеть в жюри, посмотреть, как девочки танцуют. Я всегда любила танцевать… Сейчас, правда, не до танцев…
Вздохнув, Эста свернула за угол. Неожиданно, совершенно рядом, раздались какие-то визги и шум.
Пум! – С размаху распахнувшаяся дверь со всей дури шваркнулась о стену. Из двери кубарем выкатилась мужская фигура, за ней вылетели еще две. По траектории их полета казалось, что их просто подхватили на руки и выкинули.
Бу-бум! – ахнула захлопнувшаяся дверь. Визги и крики за ней стали глуше, но, похоже, усилились.
– Да они охренели! – с возмущением сказал первый выброшенный, переходя из лежачего положения на полу в сидячее. В говорившем Эста с удивлением узнала племяшкино приобретение – княжича.
– Мугу, ага, – соглашаясь с ним, отозвались два тела, выброшенные следом.
Пу… бум! – снова распахнулась дверь.
Шмяк, шмяк, шмяк… Шмяк!
На этот раз вылетали уже варги. Следом за ними в коридор выскочили другие варги и, подхватив выброшенных мужиков под руки, потащили их назад.
Б… аХ! – ахнула снова захлопнувшаяся дверь.
– Стойте! Откройте, извращенки! Откройте!
Выкинутые вскочили на ноги и, подбежав к двери, принялись колотить в нее кулаками и дергать за ручку, пытаясь открыть.
С изумлением понаблюдав за происходящим, Эста наконец решила вмешаться:
– Что тут происходит?
– А… госпожа Эстела! – обернулись к ней колотившие в дверь и, изобразив приветствие кивком головы, наперебой загомонили, жалуясь на жизнь: – Лисса и ее пятерка притащили с собой мужчин! И зверушку в ошейнике! Они там заголяются перед ними! Мы хотели их прогнать, а они нас выгнали! Они не дают нам готовиться! Нам тоже нужно выступать! Госпожа Эстела, скажите им, пусть откроют!
Ничего себе, подумала Эста. Эвон куда он залез. В раздевалки! Ну племяшка и нашла себе зверуху! А шустрый-то какой. Сумел ведь! Договорился. Они его сами утащили – значит, заодно с ним. Ну и нагорит же им, если выяснится, что они на чужое позарились. Ох и нагорит! А Динка-то обрадуется, когда узнает! Еще скажет, что я виновата, не уследила. Но я же давала приказ следить за ним! Почему не доложили, чем он тут занимается? Сегодня же нужно будет выяснить, кто это там решил, что мои приказы необязательно выполнять!
– А ну-ка откройте! – подойдя к двери, решительно заколотила в нее Эста.
Некоторое время никто не отзывался, затем все же раздался голос, который спросил:
– Кто там?
– Начальник тайной стражи! Откройте немедленно!
– Упс… – сказал голос, в котором Эста узнала интонации Эри. После короткой паузы он произнес: – Сожалею, но общение с прессой, представителями власти и поклонниками запланировано после выступления. Убедительно просим вас всех не мешать подготовке нашего выступления. Приглашаем вас всех в зрительный зал, где вы сможете увидеть нас на сцене. Выступление начнется через несколько минут. Всего доброго!
За дверью раздались быстро удаляющиеся шаги, и все стихло.
Эста еще раз стукнула в дверь кулаком, не веря, что ее только что вежливо, но послали.
– Нужно топор принести, – сказала одна из варг, – руками ее не сломать…
Эста уставилась на говорившую, пытаясь сообразить, как выйти из сложившейся ситуации без ущерба для своей репутации.
– А еще можно туда через арену попасть. Через другую дверь, – внесла предложение предлагавшая принести топор, видно, интерпретировав взгляд начальницы тайной стражи,

как побуждение к действию и продолжению генерации идей проникновения за запертую дверь.
– Хорошо, – кивнула головой Эста, – пойдемте наверх!
Девчонки, полные жажды мести, ринулись по коридору.
– Стоять! – заорала им в спины Эста. – А ну-ка, вернитесь!
Не хватало еще нестись за толпой курсанток вдогонку. Кто увидит – скажет, Эста из ума выжила, подумала она.
– Построились и за мной! – скомандовала она толпе замерших мстительниц.
Спустя минуту она быстро поднималась по лестнице, ведущей к зрительным местам, имея за спиной эскорт из варг.
– Эста, вот ты где! Иди сюда! – замахала рукой начальница училища, давнишняя приятельница Эсты, увидев ее на верхней площадке лестницы. Рукой она махала с лучших мест, где всегда сидело жюри.
Так, и что теперь? – задала себе вопрос Эста, обводя взглядом заполненные зрителями скамейки арены и соображая, что ей делать. Устраивать скандал при таком количестве любопытных глаз, пожалуй, будет не самым правильном решением…
– Ну что ты там встала? – снова замахала рукой подруга, зовя к себе.
– Внимание! На выступление приглашается второй курс! Первой выступает пятерка под командованием Лиссы Теллокай! Следующие – пятерка Майлы Донэ, – прозвучал усиленный рупором голос над ареной.
– Мы следующие, мы следующие! А они нас не пускают! – панически заныли за спиной Эсты.
– А… – открыла было рот Эста.
– Уважаемые зрители и гости! Леди и дамы! Открывая этот воистину феерический фестиваль танца, хочу предложить вашему вниманию незабываемое выступление звездной данс-группы Лиссы Теллокай! – звонким и прекрасно слышимым во всех уголках арены голосом произнес парень, выйдя уверенной походкой на край площадки. – Встречаем! – закричал он, делая широкий приглашающий взмах рукой.
На арене наступила оглушающая тишина. У всех на глазах происходило небывалое. Зверушка открывала начало соревнований…
Что он за слова говорит? – краем сознания отметила Эста, глядя на спокойно усаживающегося за здоровый барабан Эри. – Пресса, феерический, фестиваль, данс…
Чужие какие-то они… Они ведь что-то значат? Он, конечно, не местный, но какие-то эти слова… не такие… неправильные!
А в это время на арене разворачивалось действо. Под четкий ритм большого барабана, развернутым строем, качая бедрами и ставя при шаге ступни друг за другом, в одну линию, на арену легко вышла пятерка Лиссы, одетая… одетая…
Эста почувствовала, что у нее отвисает челюсть. Ярко-желтые короткие юбки и курточки открывали по максимуму ноги в высоких черных сапогах и белую кожу животов танцовщиц.
Выйдя, танцовщицы замерли в неподвижных позах, встав каждая по-своему.
Трум-тум-тум-ТУМ! – Барабан сменил ритм, и пятерка пришла в движение. Очень ритмично и синхронно. И весело. Девочки лучезарно улыбались и делали движения, которые у них получались как-то очень игриво.
Озорницы, пришла в голову Эсты мысль после нескольких минут танца, ох и озорницы! Что делают…
Спустя какое-то время танец изменился. В руках выступающих появились поднятые ими с пола кинжалы, которые, видно, были положены туда загодя и дожидались своего часа. К звуку барабана добавился низкий, очень гулкий звук струны и резкий, костяной щелчок какого-то инструмента, который Эста никогда до этого не слышала. Рисунок танца стал резче и агрессивней. Девчонки изображали бой с кинжалами. По отдельности и делясь на группы. Выглядело все очень здорово. Внезапно танцовщицы развернулись в одну линию и на мгновение замерли.
Тресь! – с громким треском распахнулись в их руках большие красные веера.
– Аа-ха! – выдохнули скамейки зрителей, никак не ожидавшие такого чуда.
Дальше начались чудеса с веерами. Их стороны оказались покрашены в разные цвета, и, когда танцующие стали делать из них композиции, складывая цвета по-разному, по зрительному залу пронесся нескрываемый гул одобрения.
Вот те и зверушка… подумала Эста, наблюдая за танцем. И где Динка его нашла? Как он это придумал? Ведь точно он придумал! У нас ничего такого в помине никогда не делали. Нужно будет обязательно поговорить с девочками об этом княжиче… После выступления. Сразу. Пока они под впечатлением. Как бы не аукнулась нам эта красота…

Эри

– Хай! – сказал я, заходя в двери и приветствуя Лиссу и ее девчонок.
– Здравствуй… – как-то напряженно отозвалась она, остальные вообще промолчали, глядя куда угодно, только не на меня.
Я мгновенно отметил всеобщую неловкость. Так… И что, интересно, успело приключиться за ночь? Вчера был день успеха. Зажгли мы так, что никто не остался равнодушным. На трибунах гудели молодые, тетки-варги спорили в жюри, короче, выступление вышло скандальным. То, что нужно. На Земле, в эстраде, чем больше скандала, тем лучше. Здесь это тоже сработало. Тетки в жюри спорили-спорили, в конце концов потребовали повторить.
– Девочки, это ваш звездный час! – подмигнул я малость растерянным варгушам. – Не робейте! Сейчас вы взлетите на самый верх! Давайте, давайте, пошли!
Или вас сожрут, добавил я, правда уже про себя, глядя в их удаляющиеся спины.
После выступления, которое было еще более благосклонно встречено публикой, судя по хлопкам и реакции на скамейках, в жюри опять затеяли спор. Что они там делили, было совершенно непонятно.
В конце концов поступил приказ – костюмы не снимать, реквизит не убирать, сесть на скамейки и вести себя тихо до конца выступлений. Сели, посидели, поглядели на выступающих. На нас тоже глазели. Все близко сидящие к нам зрительницы просто глаза обломали. Зря я волновался, что чулки и короткие одеяния не вызовут необходимой реакции. Нормально все! Вызвали! Похоже, любая из зрительниц с удовольствием бы примерила это все на себя. Особенно народ потрясали чулки, резинки которых так небрежно и как-то уж очень часто (на мой взгляд) показывались из-под желтых коротких юбок девчонок. Короче, просидели мы до конца всего конкурса. Под занавес нам предложили еще раз повторить свой номер. Пошли, зажгли. Я уже был совершенно спокоен. Все выступающие после нас с нами и рядом не стояли.
Мы были объявлены победителями! Ох и визгу же было! От избытка чувств девчонки устроили между собой обнималки прямо на арене. Потом вспомнили про меня и тоже принялись обнимать. Словно на Земле. Во всей этой кутерьме я на секунду запечатлел лицо Эсты, которая взирала на это действо, хмуро поджав губы. А потом мы тихо и мирно разошлись по домам. Я вообще-то удивился, предполагая, что девчонки должны гульнуть, отметить событие. Но нет. Завтра! Вот спланируем и отметим. Какие правильные девочки.
Однако завтра уже наступило, а они сидят с кислыми лицами.
– И что у нас случилось? – полюбопытствовал я.
– Знаешь, Эри, ты, конечно, очень хороший… но… но нам больше не стоит встречаться… – после продолжительного всеобщего молчания сказала Лисса, старательно пряча от меня глаза.
– Это почему? – никак не ожидав такого ответа, растерянно произнес я. Вышло донельзя глупо. Я прямо увидел себя со стороны с изумленными глазами и открытым ртом.
– Ты нам не принадлежишь. Ты – вещь леди Дины, и мы не можем с тобой встречаться! – влезла Нелла, прямая и без затей, словно рельса.

– Я – ВЕЩЬ?! – Потрясенный услышанным, я ткнул себя в грудь пальцем. – Я… ВЕЩЬ?
А в ответ… тишина…
– Ну… ты же леди Дины… и у тебя знак… – пролепетала Нелла, опуская глаза.
Знак значит. Ошейник. Пока, значит, нужен был, не замечали. А как победили – так все! Гуляй, Вася! Не нужен. Ах вы ж твари!
– Все ясно. Я все понял. Вы победили, и я вам больше не нужен и могу катиться на все четыре стороны. Это ваша благодарность такая? Здорово! Отдайте мне гитару. Я пошел!
– Эри… ну все не так… Нелла просто не так сказала. Мы тебе очень благодарны, – но… – начала Лисса.
– Отдайте мне мою гитару, – набычившись и глядя на нее исподлобья, сказал я, – гитару! Я не желаю оставаться с вами ни одной лишней минуты!
Лисса прикусила нижнюю губу.
– Вот, – сказала Вирела, протягивая мне принесенную гитару.
Я молча взял ее у нее из рук и, повернувшись, не прощаясь, вышел.

Пум! Хлопнула дверь.
Некоторое время царила тишина, потом Нелла произнесла:
– Обиделся…
– А ты не могла это как-нибудь по-другому сказать? – резко повернулась к ней Лисса.

– Что сказать? – опешила та. – Все правильно я сказала. Как вчера леди Эстела говорила, так я и повторила!
– Дура ты, Неллка! Ну какая он тебе вещь! Теперь он на нас обиделся…
– Обиделся, – подтвердила Вирела, – у него такие глаза были. Любой бы так сделал, если бы его вещью назвали. Точно – дура ты, Неллка!
– Сами вы дуры, – надула губы Нелла, – у него же ошейник! Эстела сказала – вещь леди Дины.
Лисса с Вирелой в ответ только вздохнули.

Осведомитель

Твари неблагодарные!
Я шел вдоль улицы, кипя от гнева и обиды. Я столько для них сделал, а они… они выкинули меня при первом же удобном случае! Попользовались и выкинули! Сволочи!
Так, Бассо, стоп, ты чего? Чего ты раскочегарился? Ты же просто на себя не похож! Как могут низшие тебя обидеть? Ты что, забыл, кто они и кто ты? Ты чего? Совсем дурак?
Мм… а ведь действительно, чего это ты. Ты же первый решил ими попользоваться, скачивая с них информацию. Помнишь? А они попользовались тобой. Все честно. То, что ты дал себя поиметь – это показатель твоей глупости и ничего более. Чего теперь пальцы гнуть, изображая обиженного… Раньше нужно было думать. И вообще, такое впечатление, что они тебе понравились, и ты старательно выпендривался, пытаясь произвести на них впечатление.
Я выпендривался?
Ну а кто? А они тебя обломали. Так тебе и надо – урод!
Че это я урод?
А кто ты еще? Какой ты нафиг демон? Вместо того, чтобы своими делами заниматься, на танцульки к мутанткам бегаешь, а они о тебя ноги потом вытирают. Ты еще им в любви признайся… придурок!
Э-э-э…
Бе… И заметь – у тебя уже шизофрения. Сам с собой разговариваешь. Не хочешь узнать причину? Может, все-таки поднимешь свой зад и что-нибудь сделаешь? Или ты тут решил остаться? Учителем танцев?
– Блин, – ругнулся я, – что ж так хреново-то?
Действительно, чем я тут занимаюсь? Оно мне нужно? У меня же были планы, сроки… Куда все делось? Какой-то я совсем не такой стал… Нужно как-то встряхнуться и что-то предпринять, а то и правда останусь тут учителем танцев… Веера из бумаги делать…
Тут мне очень удачно на глаза попалась таверна, и я решил зайти выпить, поскольку в горле по-прежнему стоял горький ком обиды. Я зашел в таверну, сел за стол, положив рядом гитару, сделал заказ и, поставив локти на стол и уперев подбородок в ладони, принялся зомбировать взглядом деревянную солонку. Я решил неспешно обдумать ситуацию – как я докатился до жизни такой и кто в этом виноват?
– Брось, парень, не сомневайся! Это самое лучшее, что могла дать тебе судьба!
Неожиданно раздавшийся рядом голос вывел меня из задумчивости.
Поворачиваюсь – мужик. Лет эдак за тридцать с небольшим, в светлой рубахе с расстегнутым воротом и без знака. Глаза голубые, волосы светлые. Неплохо уже, похоже, принявший.
Хм… Я еще раз обежал его глазами. Без знака. Как это он без него разгуливает? Как его еще не уволокли? Интересно…
– Что вы сказали? – вежливо спросил я, идя на контакт.
– Не раздумывай! Она – это самое лучшее, что может быть!
– Кого вы имеете в виду?
– Иди сюда, парень, – мужик пьяным движением махнул рукой, приглашая к себе за стол, – я тебе расскажу, и ты все поймешь… Сам.
Похоже, источник информации, подумал я, оглядывая дружески настроенного индивидуума. Все как обычно. Когда надо было – фиг кто рот открывал. Когда решил тихонько посидеть и подумать – сразу появились желающие поделиться информацией. Как там?! Откажись – и тут же получишь то, от чего отказался и так долго искал! Ладно, пойдем послушаем, чего он там знает…
– Благодарю вас, – сказал я, пересаживаясь за его столик, – я действительно не прочь сейчас поговорить. Знаете, есть в жизни моменты, когда простой разговор может помочь найти правильное решение…

– От! – поднял вверх указательный палец мой собеседник. – Правильно понимаешь! Меня разговоры только и спасают… Человек, человек! – закричал он, делая над головой призывные круги рукой официанту. – Неси нам еще пива! Мы с господином…
– Можно просто – Эри, – сказал я на его вопрошающий взгляд.
– Мы с господином Эри говорить будем! – закончил мужик и представился: – Меня Олаф зовут.
– Очень приятно, Олаф, – кивнул я, – я с удовольствием выпью с вами пива!
– Отлично, парень! Я вижу, что тебя обуревают мрачные мысли и ты не знаешь, что делать? Еще один эмпат, что ли? Что за местечко такое…
– Ну… в общем-то да, – сокрушенно признался я, подыгрывая Олафу, – есть у меня сомнения. Никто не хочет мне ничего говорить, вот я и в некоторой растерянности…
– А что ты хочешь узнать?
– Про варг, – глядя ему в глаза, тихо, чтобы мог услышать только он, сказал я, – я хочу знать все про варг!
– Паря, – от избытка чувств шлепнул по столу ладонью Олаф, – ты попал к тому человеку, к которому нужно! Я знаю про варг все!
– Да ну? – не поверил я.
– Все-все, – клятвенно заверил меня он, – я несколько лет собирал о них легенды, рассказы, басни и анекдоты. Смотрел летописи, рылся в архивах, жил среди них. Я знаю про них – все!
– Не может этого быть! – не веря своей удаче, сказал я.
– Может! Но сначала давай выпьем!
– Давай, – сказал я, – за встречу!
– Не-а, – помотал он отрицательно головой, – за тебя! За твою удачу! Тебе она очень понадобится! За тебя!
Ну за меня так за меня… Удача мне бы не помешала, подумал я, стукая свою глиняную кружку об его.
– Слушай! – начал свой рассказ Олаф, подхватив с тарелки кусок вяленой рыбы. – Началась эта история давным-давно, во времена еще древних магов. Наверняка слышал про них?
– Это которые войну устроили?
– Да, войну, – кивнул Олаф, – вот в этой войне все дело и было! Неизвестно, что явилось ее причиной, но воевали тогда без дураков. На полном серьезе. Серые пустоши тому пример. Страшно представить, что за оружие у них было. А один из древних магов взял и придумал себе свое оружие – варг. Звали этого мага – Дарг, и это имя до сих пор является проклятым…
Ага, слышал…
– Говорят, что он был сумасшедшим, – продолжил Олаф, снова хватаясь за кружку, – короче, пришла ему в голову идея соединить животного и человека, чтобы создать идеального убийцу. Сделать эдакий сплав человеческой хитрости и коварства со звериной силой и ловкостью. Пришла ему, значит, эта идея, и он ее воплотил. Великий был маг!
– Ну и что тут такого? – выказал я сомнение в звездности Дарга. – Человек с животным? Против мага? Все равно не справится!
– Ха! Вот тут ты ошибаешься, – торжествующе провозгласил Олаф, громко стукая дном кружки об стол, – очень ошибаешься! Дарг был гением! Он же не с простой кошкой человека соединил, а с какой-то магической тварью, которых уже и нет. Знаешь, какая это тварь была? А? Не знаешь… Так вот! Она могла подчинять себе людей. С помощью магии. Чарами любви. Сейчас такого уже никто не умеет…
– Как это? – спросил я, ощущая, как у меня неожиданно на спине появились мурашки.
– Как? Да очень просто! Поговорит с тобой, побудет рядом денек-другой или переспит – и все! Только о ней и будешь думать. Больше ни о чем. Дарг их против своих друзей-магов сделал. Они оценили…
– И… как? – вяло спросил я, лихорадочно переваривая в голове полученную информацию.
– Казнили они его, – спокойно сказал Олаф, наливая новую порцию пива из кувшина себе в кружку, – каким-то особым способом.
– А варги?
– Варги? Варги остались. То ли кто-то прибрал их к своим рукам, то ли война началась… Не совсем понятно. Но они выжили. Или ты не заметил? – Олаф подмигнул мне и оглушительно расхохотался.
– Заметил, – пробурчал я, почесывая у себя за ухом.
Вот оно, значит, как… Вот почему зубастые красавицы держат язык за клыками, когда начинаются расспросы об их личной жизни. И вот, похоже, почему я такой вялый, как сосиска… И раздвоенность моя, похоже, оттуда растет… Ах и твари! И что теперь? Я уже

того или еще не этого? С Динкой я не спал – буду надеяться, что не этого… Но ведь должен быть способ противостоять этой лабуде! В мире никогда не бывает абсолюта!
– А есть какие-нибудь способы противостоять этой магии? – спросил я.
– Хм… способы? Тут уж как повезет… – нахмурился Олаф.
– Что значит повезет?
– Знаешь, судя по архивам и летописям, нынешние варги не совсем те, как раньше… Раньше у них клыков не было… и магия сильнее была…Чтобы мужика в зверушку превратить, им сейчас нужно обязательно с ним переспать. Но это все равно не на всех действует. В общем, есть такие люди, на которых варговская магия не действует. Один из них сидит перед тобой… – грустно усмехнулся Олаф.
– Почему не действует?
– Не знаю, – пожал плечами тот, – наверное, голова так устроена…
Сихотовы вырожденки! Что ж вы не сдохли вместе со своим создателем? Блин…
– Но ты вроде как бы не рад этому? – отметил я.
– Можно сказать и так… – Олаф прилично отхлебнул из кружки.
– И наверняка этому есть причины, – сказал я, побуждая к продолжению рассказа.
– Причины? Еще какие… – вздохнул Олаф, – я тебе расскажу…
И он поведал мне невероятно грустную и так же невероятно банальную историю о том, как, будучи еще молодым, познакомился с варгой. И как это бывает во всех этих дурацких любовных историях, влюбился в нее без памяти.
– Так она тебя что, приворожила? – уточнил я.
– Не-а, я сам! – пьяно мотая головой, ответил Олаф.
Конечно, сам. Дураки – сами себе кузнецы счастья…
И стали они встречаться с Эллисон, так звали эту подружку-варгу. Долго встречались…
– Погоди, – сказал я, – как же ты зверушкой-то не стал?
– Так я же тебе говорю – есть такие люди, на которых их магия не так действует, как на остальных! Я как раз такой!
– А в чем это выражается?
– Мужик при своем уме остается. Это случается очень редко, но бывает. Варги очень ищут таких мужиков.
– Зачем?
– Ну как ты не понимаешь?! Он же может стать мужем варги!
Мужем? Мутанток? Вот приз так приз! Всем призам приз, подумал я про себя.
– Но ведь это опасно, – сказал я.
– Почему? – не понял Олаф.
– Ну… я слышал про рваные горла…
– А… это! – поморщился Олаф. – Да, бывает. У молодых. По неопытности.
– По какой?
– Видишь ли… у варг есть какая-то проблема… с детьми. Не от каждого они у них могут быть. И варги это как-то чувствуют. Вот на них порой затмение и находит, когда они понимают, что ничего не выйдет…
Зверь от разочарования рвется наружу… Понятненько… Драное горло – несомненно, чудное окончание всякого любовного вечера… Как же они до сих пор не выродились? Спецсамцов им подавай! Супер!
– А заранее они это выяснить не могут?
– Уку, – помотал головой Олаф, – только в самом конце… Когда дело сделано.
Какая офигительнейшая рулетка, подумал я, причем русская рулетка. Если не повезло – кирдык по полной программе и стопроцентно. М-дя… Ну я и попал…
– И что? – спросил я его. – Чем твоя история кончилась?
– Чем кончилась, чем кончилась… – как-то осел вниз Олаф, втянув голову в плечи, – ушла она…
– Как ушла? – не понял я. – Куда ушла?
– Куда-то ушла… – с убитым видом не поднимая глаз от стола, ответил он, – и все…
– Но почему? Ведь это же такая редкость, сам сказал! Почему ушла?
– Детей у нас не было… – глухо сказал Олаф, – два года прожили и ничего…
Олаф резко вскинул голову и залпом проглотил оставшееся в кружке пиво.
– А целители? – после небольшой паузы поинтересовался я.
– Говорят – все нормально, – пожал плечами в ответ тот.
М-да, гримаса судьбы…
– Вот хожу ищу ее… Хочу быть рядом с ней… Хоть кем угодно!
Понятно, почему ты без знака тут болтаешься… Поскольку варгостан – это большая деревня, то про тебя, наверное, тут каждая собака знает. Про то, что толку с тебя – как с

козла молока, и что ты с другой не пойдешь, поскольку мозги у тебя наглухо на одну прошиты. Никому ты тут не нужен… Да, свезло тебе, мужик, как есть свезло…
– Не знаю, – пожал плечами я, – а нужно ли это вообще? Жить с такими жестокими существами рядом?
– Жестокими? – искренне изумился Олаф. – Никакие они не жестокие! Это только на первый взгляд варги – сущие звери, а на деле у них чуткая и ранимая душа, способная на нежность и любовь. Они не сами по себе жестоки, а своей жестокостью от мира защищаются. Вот посмотри, они же все больше в одиночку делами занимаются, да какими – сплошь опасными. На артефакты, знаешь, к примеру, сколько желающих? Да таких, что им хоть варга, хоть две – сами, кому хочешь, горло перегрызут за наживу. И одной только силой тут не совладать. Нужно и волю иметь, и решимость, и готовность в горло любому вцепиться! А иначе не выжить, – запальчиво проговорил он и, глотнув пива, спокойно продолжил: – А в душе они хорошие. И не каждый человек способен на такие искренние чувства, какие проявляет варга. И людей это подкупает, поскольку они чувствуют, что это настоящая любовь. Вечная любовь, как поют менестрели.
Ну еще бы, чтобы наркоша, да не хвалил свой «торчок», да такого быть не может, подумал я, глядя на вдохновенно светящееся лицо Олафа. Однако теперь я знаю, что тут значит вечная любовь…
Пум! – хлопнула входная дверь. В зал с кислыми лицами вошла пятерка Лиссы. Меня они заметили, только уже усевшись за стол. Увидев, что я тут тоже сижу, они вроде дернулись на выход, но после некоторой неловкости и пары фраз, которыми они обменялись между собой, решили остаться.
Вот вы, значит, какие… зубастики… такие милые с виду и такие опасные внутри… На лицо ужаФные, добрые внутри… только наоборот. А не пойти ли мне отсюда? Олаф, похоже, все рассказал. На зубастиков смотреть противно… Душно тут что-то… И муторно… как-то… Пойду, пожалуй… Но я же не могу просто так уйти? Как проигравший. Не так ли? А не спеть ли мне этим неблагодарным сущностям на прощание песенку, а? Я даже знаю, кажется… какую!
– Эй, Эри! Ты чего молчишь? – вывел меня из задумчивости Олаф.
– Хочешь, я тебе песню спою? – спросил я его, берясь рукой за гриф гитары.
– Конечно! – не задумываясь, ответил тот.
– Щас, спою! – многообещающе оскалился я и положил пальцы на струны.
Услышав звуки струн, девчонки обернулись на звуки. Я развязно подмигнул им и начал:

Что с тобой случилось?
Что ты горько плачешь?
Ну не получилось,
И погиб твой мальчик.
На четыре года
Он тебя моложе,
Не грусти, родная,
Подожди другого.
Что с тобой случилось?
Потеряла счастье,
Запрещает мама
С новыми встречаться.
Надо бы учиться
На одни пятерки,
Но одни мальчишки
В сердце у девчонки…

Маленькие варгочки в первый раз влюбляются,
Маленькие варгочки – каждый ошибается,
Маленькие варгочки, умер – не считается,
Маленькие варгочки, вы такие маленькие.
Маленькие варгочки в первый раз влюбляются,
Маленькие варгочки – каждый ошибается,
Маленькие варгочки в первый раз целуются,
Маленькие варгочки, кровь, кишки по улице.

Алая помада,
Прикус поправляешь,
Недоволен папа —
Пусть сидит в зиндане.
Ты теперь рисуешь
Тушью над глазами,
Краситься ведь кровью
Запрещает мама.
Что с тобой случилось?
Что ты горько плачешь?
Ну не получилось,
Ну погиб твой мальчик.
На четыре года
Он тебя моложе,
Не грусти, родная,
Подожди другого…

Маленькие варгочки в первый раз влюбляются,
Маленькие варгочки – каждый ошибается,
Маленькие варгочки, умер – не считается,
Маленькие варгочки, вы такие маленькие.
Маленькие варгочки снова забавляются,
Маленькие варгочки – в мертвых не влюбляются,
Маленькие варгочки в первый раз целуются,

Маленькие варгочки, кровь, кишки по улице
[31]
.

Тишина… Только слышно, как где-то что-то капает у трактирщика.
Трах! – ураганом выхватывает Лиссу из-за стола.
– Уходи! Убирайся отсюда! И чтоб больше… – нависает она надо мной, уперев руки в стол. Глаза бешеные-бешеные!
Я индифферентно пожимаю плечом, встаю, беру гитару и иду к выходу под ошеломленными взглядами всех присутствующих. Открыв дверь, я оборачиваюсь и неожиданно для себя говорю:
– Айл би бэк… беби!

– Эри? Это ты? Я вернулась!
Раздавшийся из глубины дома голос заставил меня тормознуть в прихожей.
Мутантка приехала, подумал я, услышав голос Дины. Какой сегодня… сложный день!

В кабинете Эстелы

– Чем могу быть полезна, уважаемые господа маги? – Эста поднялась из-за стола, внимательно глядя на двух мужчин, вошедших в ее кабинет. То, что в Эторию въехали несколько дней назад двое магов, ей уже доложили, но вот то, что они заявились прямиком к начальнику тайной стражи, не сулило ничего хорошего. Скорее, обещало проблемы. – Прошу вас, присаживайтесь, господа. – Хозяйка кабинета сделала приглашающий жест в сторону кресел и улыбнулась дежурной улыбкой.
– Благодарю вас, – с достоинством и неспешно ответил выглядевший более старшим маг и продолжил: – Мы, собственно, ненадолго. Мы с моим коллегой, – маг сделал кивок в сторону своего спутника, – разыскиваем своего… товарища. Мага.
– Да, – заинтересованно и доброжелательно спросила Эста, внутренне напрягаясь, – и что? Я могу вам чем-то помочь?
– Пожалуй, да. Мы бы хотели поинтересоваться у главы секретной службы, не известно ли ей что-нибудь о молодом человеке шестнадцати лет, с темными волосами и карими глазами, который оказался на территории Эторию примерно месяц тому назад? Зовут этого молодого человека – Эриадор. Или сокращенно Эри. Он княжич.

– Княжич? – вопросительно приподняла брови Эста, изображая на лице работу мысли и задумчивость. – Как-то не припоминаю…
Вот оно! В это самое время, пока лицо ее изображало задумчивость, в голове Эсты стремительно неслись мысли. Я так и знала, что с этим мальчишкой будут неприятности! Уж больно он странный! Еще и маг к тому же. Ах, как скверно! Гильдии магов мы проиграем в любом случае. Про прямое столкновение и речи идти не может, а в закулисных делах с ними тоже ловкостью не померяешься… Больно близки они к императору. Такого ему наплетут, век потом не отмоешься! Ох удружила Динка, ох и удружила! Да я сама виновата. Нужно было придушить его по-тихому, да и дело с концом. Нет, жалко стало дуреху. Как же, любофф! Пусть будет! Вот и мыль себе теперь холку…
– Вы знаете… Как-то не припомню я никого с таким именем… – с сомнением в голосе сказала Эста, задумчиво прикладывая пальцы левой руки к своей щеке, – не попадалось мне его имя в отчетах. А почему вы думаете, что он в Этории? Откуда вам это известно? Может, вы ошиблись и его здесь нет?
– Мы не ошиблись, – спокойно сказал маг, – нас привело сюда поисковое заклинание. Мы знаем, что юноша жив и находится совсем недалеко отсюда. Мы могли бы прямиком направиться туда, но решили не создавать ненужного волнения и не нарушать ваших законов. Поэтому считайте наше появление тут визитом вежливости, и мы просим вас оказать содействие в наших поисках. Мы ведь все подданные одного императора, не так ли?
В обращенных на нее глазах мага Эста увидела насмешку и превосходство.
Дарг, ругнулась она про себя. Поисковое заклинание! Это очень плохо. Спрятать Эри теперь не получится, все равно найдут. Нарушение договора с императором… Ммм… Только этого сейчас не хватало. Проклятая любовь! Как она всегда не к месту! Что же делать? Что же делать…
– Как, вы говорите, зовут этого молодого человека? – словно что-то припомнив, в вопрошающем жесте отвела руку от лица Эста. – Эр…
– Эриадор, – спокойно ответил маг.
В его глазах была неприкрытая насмешка. Он уже знал, что скажет дальше глава тайной стражи.
Подлюка… подумала про себя Эста. С каким удовольствием я бы съездила по его наглой, холеной и высокомерной морде! Эх… Ладно, старая, коль нарядилась в роль балаганного шута, так выплясывай дальше. До занавеса еще далеко.
– Вы знаете… что-то я такое припоминаю… Погодите! Ну точно! Леди Дина! К ней недавно приехал погостить ее друг. И его зовут Эриадор! Точно, Эриадор.
– Друг? – нахмурился маг и переглянулся со своим коллегой, который за все время разговора не проронил ни слова. – Вот как… Значит, у варг бывают друзья-мужчины?
– Что вы хотите этим сказать?
– Мы хотим увидеть Эри, – не ответив на ее вопрос, сказал маг.
– Я думаю, что это можно устроить…
– Да, устройте, пожалуйста. И побыстрее!
– Когда вы хотите его видеть?
– Сейчас.
– Сейчас? Ммм… Вы знаете, сейчас – это невозможно. Леди Дина нынче находится на службе, а приходить в дом без хозяйки… это, по крайней мере, невежливо.
– Я понимаю, но все-таки я настаиваю на немедленной встрече!
– Давайте перенесем нашу встречу на завтра. Завтра Дина вернется домой, приведет себя в порядок и встретит гостей, как подобает леди. И вы спокойно сможете пообщаться с вашим другом…
– Пообщаться?
– Да, а что?
– И долго они… э… дружат? – чуть поморщившись, поинтересовался маг.
– Не знаю, – пожала плечами Эста, – мне о таких вещах не докладывают. Но приехал он почти месяц назад.
– Месяц… – задумался маг, пожевав губами, – месяц… Хорошо, мы готовы перенести наш визит на завтра. Где мы можем переночевать?
– Переночевать? У нас есть тут отличные комнаты для путешественников. Сейчас вас проводят, а завтра я пришлю за вами посыльную, и мы вместе пойдем к леди Дине в гости. Вас устраивает такой расклад?
– Вполне, – кивнул головой маг, – завтра, во сколько?
– Часов в десять.
– Хорошо.

Виллорт и Римар

– Виллорт, почему мы перенесли нашу встречу на завтра? – непонимающе спросил Римар, когда они наконец остались одни.
– Но вы же слышали, что они дружат уже месяц. Он уже не человек, Римар! Он зверушка. Человеческого там не осталось.
– Вы думаете, что…
– Уверен.
– Значит, мы сюда приехали зря?
– Увы, коллега, увы… Но мы же возвращаемся в столицу. Просто решили сделать небольшой крюк. Вы ведь не забыли?
– Но это же незаконно!
– Окраина, Римар, окраина! Тут свои нюансы.
– Но мы же завтра его увидим! Как они не боятся?
– Что мы увидим? Влюбленного юношу, который на шаг боится отойти от своего объекта обожания? Который будет говорить, что влюбился в нее без памяти и жить без нее не может?
– Но ведь всем понятно, что они использовали свою магию!
– А доказательства? Где доказательства, Римар?
– Ну все же знают…
– Любовь, она штука темная. Кто там и как кого полюбил – вещь совершенно недоказуемая.
– Ну тогда что… получается, такое с каждым может…
– А вы думали, за что их еще не любят? Окромя службы императору? За то, что они красивые такие? Коллега, вы меня, честное слово, поражаете!
– И мы все оставим, как есть?
– А что вы предлагаете? Устроить войну за тело без мозгов? За идиота? Вряд ли наш совет на это согласится. Он ведь не из гильдии. И император не одобрит. Наверняка. Какая ему и нам с этого выгода?
– Ну а дверь?
– Так что вам скажет идиот? Он себя не помнит, а вы к нему с расспросами будете приставать. Ничего он не скажет. И потом вполне возможен вариант, что, когда он ее ковырял, там все работало, а он своим неумением сломал ее. А? Ведь возможен?
– Ну… в принципе да…
– Так что нам лучше рассчитывать на свои силы. Забудьте про Эри. Нету его.
– А чего мы тогда пойдем к нему завтра?
– Но мы же хотели его видеть? Хотели! К начальнице секретной службы заходили? Заходили! Требовали? Требовали! Нам дали. Не можем же мы теперь просто взять и отказаться? Несолидно. Мы же не профурсетки какие-то. Сходим посмотрим. И вам полезно. Ближе к жизни будете. А то что-то вы больно в науку удалились, коллега!

Эстела

После ухода магов Эста некоторое время смотрела на закрывшуюся за ними дверь, плотно сжав губы. Она что-то напряженно обдумывала. Затем стремительным шагом прошла к столу, села и решительно выдернула из пачки лист бумаги.
«Дорогая Дина! – легли первые буквы на бумагу. – Предчувствия снова не обманули твою старую тетку. Мне с самого начала показалось, что с Эри что-то не так. Однако я не стала обращать твое внимание на его странности, чтобы не мешать твоему счастью. Но нынче ситуация грозит выйти из-под контроля. От меня только что вышли двое магов, которые его разыскивают. Причем разыскивают не просто так, а используя поисковое заклинание. Этот факт говорит о том, что Эри им очень нужен и является не простой овечкой, которой он так хочет выглядеть. Нам ни в коем случае нельзя допустить их встречи! Это чревато большими осложнениями в отношениях с гильдией магов и императором. Осложнениями, которые нам совершенно ни к чему и которые мы никак не можем себе позволить. Я передаю с курьером флакончик «Слез девственника». Надеюсь, ты помнишь, как его применять? Три капли примерно на десять кило веса. Сегодня вечером накапаешь ему в стакан, и чтобы завтра он смотрел на тебя влюбленными глазами. Я понимаю, что это идет вразрез с твоими планами, однако сейчас на кону стоит благополучие всех варг, в том числе тебя и меня. Может быть, нас даже в большей мере, поскольку именно ты притащила его к нам, нарушив законы, а я тебя покрывала. Если что случится, в первую очередь виноватыми будем мы.

Дина, я все понимаю, но обстоятельства в жизни порой складываются так, что не оставляют нам выбора. Имей в виду, что единственый способ для тебя оставить Эри рядом с собой, – это сделать из него зверушку. Если нет, то завтра маги заберут его с собой, а нас обвинят в нарушении законов императора или, чего хуже, – в предательстве.
Поэтому, Дина, это для тебя единственный выход. Или ты его потеряешь навсегда.
Твоя тетя Эста.

P.S. Не забудь снять с него ошейник!
P.P.S. И не вздумай выкинуть какую-нибудь дурь вроде побега влюбленных. За твоим домом я установила наблюдение».
Закончив писать, Эста отложила письмо, вздохнула, секунду помедлила и принялась его складывать. Позвонила в колокольчик.
– Курьера ко мне, – коротко приказала она секретарю, распахнувшему дверь, – особого!
– Слушаюсь!
– Вот, – сказала Эста, протягивая письмо вошедшей в дверь варге-курьеру, – доставишь моей племяннице, леди Дине Элестрай. Знаешь, где живет?
– Так точно!
– Отлично. По дороге зайдешь в лабораторию, возьмешь флакон. Вот требование. Пусть дадут самое свежее. Хотя погоди, я припишу сама. Вот так! Письмо и флакон передашь леди Дине. Проследишь, чтобы письмо она прочитала на твоих глазах. Приказ понятен?
– Так точно! Разрешите выполнять?
– Выполняйте!
– Есть!
Ну а что я могу? – спросила себя Эста, глядя в спину уходящей варге… – Все, что могу… А счастье? Счастья вечно не хватает… Особенно варгам…

Дина

Дыхание… Легкое и спокойное… Вдох-выдох, вдох-выдох… Эри спит. А я лежу рядом и смотрю на него. Какой он красивый! Такое благородное лицо…
Наверно, не стоило слушать тетку. Каким он станет, когда проснется? Смогу ли я его любить? Другого… Хотя, наверное, любить я его смогу любого. Пусть только будет рядом. Когда прочитала письмо Эсты, первой мыслью было – отказаться! Не хочу так! Он не заслужил такого обращения. Решила, что сниму с него ошейник и пусть бежит, куда хочет! И плевать мне на законы императора и обиды магов. Главное, чтобы с ним все было хорошо. Так и хотела сделать, но стоило мне на миг представить, что я его больше никогда не увижу, как вся моя решимость испарилась в один миг. Может, действительно не зря нас собственницами называют? Что в лапки к нам попало, то пропало… Все, мое! Ну и что, что я такая же, как и все. Ну и что? Я нашла его, я привезла его сюда, я его люблю – мой он! А остальные пусть себе сами ищут! Их проблемы… Я свое нашла. Да еще и времени толком подумать не было. К обеду приехала, привела себя в порядок, перекинулась парой слов с Эри и побежала за поездку отчитываться. Хотя совершенно не хотелось. Однако решила закончить все дела, чтобы потом не отвлекаться и заниматься только Эри. Тем более что мне две недели полагались. Только я и он! Без всяких посторонних проблем. Думаю, что я уж нашла бы к нему подход. А то, похоже, за время моего отсутствия он меня забывать стал. Приехала, а он на меня как-то странно смотрит и говорит все так односложно: да, нет, может быть… Еще бы! Если он тут две недели с другими развлекался, конечно, забудешь! Домоправительница первым делом мне счета выложила. Я как глянула – святые боги! Больше чем мое жалованье за полгода. Какие-то бочки, наряды, косметика, а главное – чулки! Чулки меня поразили больше всего. Как?.. Я там, а он кому-то тут чулки покупает на мои деньги! Причем не одни, да еще самые дорогие! Мне вот он ничего не купил… А я так торопилась вернуться! Думала, он меня ждет, обрадуется… А он тут развлекается! Я еще выскажу этим ворюгам, до чужого охочим! И тете выскажу. Обещала ведь мне, что будет все в порядке. Будет подходящий момент – все выскажу! Пусть отвечает за слова. А Эри… он ведь не виноват! Ну… может, и виноват, но только совсем чуточку. Когда я потребовала от него объяснений, тряся перед ним счетами, он мне все объяснил. Прямо так и сказал: «Леди, вы меня бросили одного в четырех стенах сходить с ума от скуки и умчались по своим делам! Вы же не хотели обнаружить сумасшедшего по возвращении? Я думаю, что не хотели… Мне было без вас скучно… Вот я и развлекался. А развлечения стоят денег!»
Ему было скучно без меня! Значит… Значит, все будет хорошо. Он просто еще не готов осознать свое чувство ко мне, подумала я тогда. Да Дарг с ними, с этими деньгами! Ну

развлекся, ну потратил! Но он же ждал меня! Ему без меня было скучно! Главное – у него есть ко мне чувства, а деньги… Это просто бездушные кусочки металла. Главное – любит! И так бы все хорошо у нас было – и тут это письмо! Проклятые маги! Что им не сидится в своей столице. Так и шастают, так и шастают… Твари…
И что же мне было делать в такой ситуации? Тем более что Эста написала, что последствия могут быть для всех. Как тут иначе поступить? И не убежишь. За домом следят. Да даже если охрану обмануть, все равно без толку это, коль на нем поисковое заклинание висит. Все равно найдут. И тогда уж точно – не видать мне больше Эриадора. Никогда. Жаль, конечно, что не будет он за мной ухаживать… цветы дарить… как в книгах. Хотя почему не будет? Может, он зверушкой и не станет?
Я же просила богинь? Вдруг они сжалятся надо мной и явят мне свою милость? А? Может, мне повезет? Ну хоть раз? А? Ну боги… ну пожалуйста!
Эри немного сдвинулся во сне, и ритм его дыхания изменился, став более частым.
Спит, невольно улыбнулась я, глядя на него. Устал… Уработался…
Пришлось еще попрыгать, чтобы напоить его «слезами». Он, видите ли, вино больше не пьет! Решил, мол, отказаться от пороков и стать лучше. Это, конечно, хорошо, но совершенно не вовремя. Пришлось задействовать запасной вариант со служанкой. Она принесла ему на замену чистый фужер, у которого низ бокала был прикрыт металлическим ободком. Эри и не заметил, что там, на донышке, уже что-то есть. Тем более что в этот момент я его усиленно отвлекала разговором. Служанка на его глазах налила ему сока из кувшина, стоявшего на столе, и после моего короткого тоста он его выпил. Хорошо выпил. Все. Я невольно напряглась, ожидая последствий. Эри тоже насторожился, словно почувствовав мое напряжение. Однако некоторое время ничего не происходило. Я даже немного заволновалась, что капли какие-то недействующие попались, поскольку толком не представляла, как они должны действовать. Один раз видела, когда объясняли, а сама, на практике, еще не пробовала. Но тут Эри расстегнул верхний крючок на вороте и принялся рукой растягивать свой шейный платок.
– Жарко, – сказал он.
Его зрачки расширились, а взгляд затуманился и стал как-то хаотично перемещаться по предметам обстановки.
– Жарко, – снова повторил он и остановился взглядом на моем лице.
– Что? – спросила я, ощущая холодок в животе от понимания, что сейчас что-то будет.
Эриадор не ответил и продолжил разглядывать меня, наклоняя свою голову то к левому, то к правому плечу.
– Мм?.. – вопросительно посмотрела я на него.
Вместо ответа Эри решительно встал, быстро обошел вокруг стола и, схватив меня за руки, резко поднял со стула, притягивая к себе.
– Ах… – только и успела сказать я, оказавшись в его объятиях.
Дальше мне говорить не дали. Мой рот запечатали поцелуем. Хорошим таким, чувственным и нежным, от которого учащенно застучало сердце и малость ослабли ноги. Мне понравилось.
Какие у него мягкие губы, подумала я, расслабляясь в его объятиях и мягко прижимаясь к его телу. Но долго наслаждаться поцелуем не получилось. Эри бесцеремонно отодвинул меня в сторону и обернулся к столу.
Трах! Дззинь! Шмяк! – зазвенела, разлетаясь по полу, сметенная им со стола посуда.
– Ты что делае… – изумленно начала я, но не договорила.
Эри стремительно повернулся ко мне и, подхватив меня за талию, усадил на край стола.
– Ты что делаешь? – снова изумленно повторила я, обнаружив себя сидящей на столе свесив ноги.
В ответ Эри нагнулся и, ухватившись за край подола моего длинного вечернего платья, потянул его вверх.
– Эри! – взбрыкнула ногами и взвизгнула я, поняв его намерения. Я в общем-то как бы не против. Но… не на столе же! А служанка зайдет?
Однако у Эри была, похоже, только одна мысль – быстрее до меня добраться. Пока я решала, отбиваться мне или нет, он продолжал действовать.
Тресь! – раздался треск рвущейся материи, и Эри резко притянул меня к себе.
Мои шелковые…
– Ах! – вскрикнула я, поняв, что думать уже поздно и за меня уже все решили. Я вцепилась руками ему в плечи, сосредоточившись на контроле своих действий. Я боялась, что у меня все помутнеет в голове, и я вцеплюсь ему в горло так, как вцепилась тогда каторжнику. Я так сосредоточилась на самоконтроле, что пропустила момент, когда все закончилось и Эри остановился, крепко прижав меня к себе, тяжело и прерывисто дыша мне в шею.

Уже все? А… как же? Как от него пахнет… Приятно и так… так… волнующе! И кусать мне его совершенно не хочется! И я на чем-то сижу… кажется, на вилке, подумала я, анализируя свои ощущения.
Однако это было совсем не все. Минутная пауза, и Эри потащил меня наверх, в спальню. Именно потащил. В книгах рисунки этого момента выглядели совсем иначе. На них герой несет свою избранницу на руках, а она лежит на них, откинув голову и свесив ноги с вытянутыми носочками. В действительности все оказалось гораздо прозаичнее. Эри просто закинул меня себе на плечо и потопал к лестнице.
Сколько в нем силы! Я поразилась, вися на его плече попой кверху. Прямо орк какой-то! Но до спальни Эри не дошел. Поднявшись на верхнюю площадку лестницы, он скинул меня с плеча и, навалившись сзади, прижал меня к перилам.
Он что, решил в каждом углу отметиться, возмутилась я такой бесцеремонности, ощутив ветерок по ногам от взлетающего вверх платья.
– Эри, стой! – попробовала я было возразить таким беспардонным действиям, но куда там! Он даже, кажется, не услышал. Ну не драться же с ним? Сама налила. Теперь его бить за это? Будет несправедливо… Так решала я проблему своих дальнейших действий, наполовину свесившись с перил и двумя руками ухватившись за них, чтобы уж совсем не упасть.
Неожиданно мои глаза наткнулись на совершенно обалделый взгляд служанки, смотрящей на нас с открытым ртом, снизу, из-за приоткрытой двери.
– Уходи! – махнула я ей рукой, на секунду выпустив перила.
Это движение чуть не стоило мне полета вниз. Я судорожно извернулась, вновь хватаясь за них, и тут Эри…
В этот момент на меня и накатило. Наверно, потому, что перестала себя контролировать, отвлекшись на служанку и эти дурацкие перила. Я внезапно ощутила его рядом с собой, близко-близко, словно он был мной. Я могу поклясться, что чувствовала то же, что чувствует он, а он чувствовал, что чувствую я. И наши ощущения, соединяясь, были настолько остры и сильны для меня, что я, не сдерживаясь, закричала во весь голос. И плевать мне на служанок…
Эри вздохнул во сне, прерывая мои приятные воспоминания. Было видно, как под его закрытыми веками двигались глаза. Эри снился сон.
Может, про нас? Да… ночь была жаркой. Он только под утро угомонился…
Ладно, пора его будить. Я бросила взгляд за окно – скоро уже Эста придет…
– Эри… Эри… – осторожно коснулась я его руки, – Эри… просыпайся…
Ресницы его дрогнули и затрепетали, провожая улетающий сон.
– Просыпайся, любимый… – нежно погладила я его по руке.
Эри вздохнул и открыл глаза.
– Вставай, солнышко! – сказала я, потершись щекой о его ладонь. Как у него руки пахнут! Восхитительно. Так и хочется его куснуть!
Его взгляд, задурманенный сном, стал осмысленным и, сделав несколько оборотов по комнате, остановился на мне.
– С добрым утром! – ласково улыбаясь от переполнявшей меня неги и любви, проворковала я.
В ответ он неожиданно позеленел, надул щеки, и его вывернуло на мою кровать. Прямо на шелковые простыни.
Дарг, ругнулась про себя, стремительно спрыгивая с кровати.
Эри спокойно вытер губы простынями и, глядя мне в глаза, произнес…

Эри

Мне было душно и жарко. Снился какой-то тяжелый муторный сон. Какая-то низшая, с которой я почему-то занимаюсь любовью. Причем везде, во всех углах какого-то смутно знакомого дома. Особенно запомнилось из сна ее колено, в плотном белом чулке, которое я целовал, прижимая к своей груди. Хозяйка его в это время сидела на каком-то столе…
Приснится же такая муть, подумал я, разлепляя глаза ото сна. Где это я?
Повращав глазами по сторонам и не узнавая обстановки, я неожиданно наткнулся взглядом на Дину, прижавшуюся щекой к моей левой ладони и скалившуюся с довольным видом.
Что еще за… не понял я. И тут ко мне разом вернулась память. Как мы праздновали ее возвращение, как она предлагала настойчиво выпить… Как я ее… Я все понял.
То ли от отвращения, то ли просто время пришло – муть в организме ринулась вверх, и меня вырвало. Ей на постель.
Дина обиженной кошкой шарахнулась в сторону.

– Шет ол шеласт кэшаааам! Шииист эрам, сэла витэра! – от всей души пожелал я ей на эсфератском. И добавил на местном: – Опоила, тварь? Чтоб ты сдохла, кошка драная!
– Что?.. – потрясенно пролепетала Дина.
– Тварь! Сука! Подлюка! Кошка драная! Чтоб ты на помойке сдохла, животное!
– Что-о-о?! – Глаза у Динки из круглых стали прищуренными. – Что ты сказал?
Я повторил, добавив еще пару предложений и пожеланий.
– А ну пошел отсюда вон, щенок! – оскалилась Дина. – Пшел вон!
Я оскалился в ответ и сообщил, куда она сама может пойти. Я был зол. Какой зол! Я был в ярости! Она мною попользовалась! Снова попользовалась! Тогда ошейник надела, теперь трахнула меня, напоив какой-то дрянью. Тварь! Убью!
Меня начало трясти. То ли от заливающего организм адреналина, то ли от выпитой вчера гадости, от которой мне по-прежнему было жарко.
– А я сказала – ВОН!
Дина дернула меня за руку, стаскивая с постели.
Значит, так, животное? Ну тогда получи, подумал я, пролетая мимо нее и от всей души въезжая в нее локтем. Прямо в губы, которые я вчера с таким упоением целовал.
– Ай! – вскрикнула Дина, прижимая пальцы к месту удара. – Ты… ударил меня? – непонимающе посмотрела она на свои отнятые от губ пальцы, на которых была кровь. – Ты меня… ударил? После… всего?
– Я тебя убью, тварь недоделанная, – пообещал я, поднимаясь с пола, на который она меня сдернула.
– Щенок!
Дина подскочила ко мне и залепила мне пощечину, от которой мне не удалось увернуться. В ответ я четко пробил ей в корпус. Как в манекен.
– Ха! – выдохнула Дина, отлетая к кровати. – Ах ты людишек… неблагодарный… – презрительно процедила она, несколько мгновений спустя поднявшись на ноги. Глаза ее сузились, и она приняла боевую стойку. Дина собиралась драться.
Так, подумал я, тоже становясь в позицию, значит, так! Мне нужно беречь руки. Чтобы задушить ее, мне нужны руки. Обе. И еще мне нужны глаза, чтобы видеть, где у нее горло. Или хотя бы один. Все остальное тоже нужно, но руки – в первую очередь. Нельзя дать ей их сломать!
Прыжок! Дина прыгает на меня. Я бью навстречу, но она уворачивается и своим телом таранит меня, снося в угол. Я получаю сокрушительный удар справа, под ребра.
– Ха! – вышибает воздух из моих легких.
Сихотово тело! Как больно!
Совершенно инстинктивно пытаюсь заблокировать боль, как я делал всегда на спаррингах. Удар! Дина пробивает слева. Боли нет! Только ярость. Внутри меня снова поднимается удушливая волна жара. Такое ощущение, будто что-то лопнуло внутри и потекло.
Да Сихот с этим! Потом!
Хватаю ее руками за плечи и резко бью головой. Дум! Дина летит на пол, задрав ноги.
– Получила, тварь? – кидаю я ей вслед.
Она бросается на меня прямо с пола. Лицо в крови, глаза бешеные, и торчат белые клыки. Удар! Удар! Не реагирую и кидаюсь на нее, пытаясь ухватить за горло. Промах!
Мы сцепляемся руками, пытаясь повалить друг друга на пол. Она тяжелее и, пользуясь этим, резко крутит меня в сторону.
Шарах! – сношу я спиной стоящий у стены стеллажик. Из него сыпятся на пол и разбиваются какие-то фарфоровые статуэтки и стеклянные вазочки. Через мгновение пол покрыт осколками стекла и фарфора. Толчок, толчок. Мы топчемся по осколкам, продолжая нашу бескомпромиссную схватку. Толчок! Удар! На полу появляются кровавые следы. Дина поскальзывается и падает боком на пол. Воспользовавшись моментом, наношу удар сверху вниз, вкладывая вес тела. Мимо! Мой кулак впустую скользит ей по плечу. Изогнувшись, она перебрасывает меня ногой через себя. Отлетаю к двери. Она поднимается на ноги и снова бросается на меня. В разодранной полупрозрачной ночнушке, с клыками, вся перемазанная кровью, она выглядит бешеной тварью.
Банши, только успеваю подумать я, поднимаясь ей навстречу.
Трах! – выбиваю я спиной дверь. Мы вываливаемся в коридор. Дина сверху, я под ней, оглушенный приземлением. Кое-как спихиваю ее с себя. Мы начинаем кататься по полу, пытаясь добраться до горла друг друга. Неожиданно я вижу перед собой два ослепительно-белых клыка. Сейчас вцепится, понимаю я и, отпустив одну руку, пытаюсь прикрыть горло.
Хрум! – смыкаются клыки на моей руке. Я перестаю чувствовать кисть.
Ах чтоб тебя! Бью другой рукой ей в ухо – сломала-таки! Как я теперь ее задушу? Хотя… у меня ведь есть еще ЗУБЫ!

Мы продолжаем кататься по полу. Но с одной недействующей рукой мне становится совсем сложно с ней бороться. Дина пользуется этим, и на меня обрушивается град ударов. Неожиданно при очередном повороте мы проваливаемся куда-то вниз. Лестница! Мы уже до лестницы добрались. Кто-то громко рядом визжит. Но не Дина. И не я. Я занят тем, что пытаюсь как можно сильнее навалиться на нее сверху. Чтобы что-нибудь ей сломать, пока мы катимся по ступенькам.
Хрум! – это не у нее, это у меня… Не везет.
Мы долетаем до низа лестницы и, расцепившись, раскатываемся в стороны. Пытаясь подняться, в запале опираюсь на поврежденную руку. Рука подламывается, и я снова падаю на пол. Дина уже на ногах и прыгает на меня.
Сихот! Автоматом выкидываю ей навстречу правую руку с растопыренными пальцами. Жестом, которым я тысячи раз отталкивал соперников на арене.
Трах! – ее перехватывает прямо в воздухе и, как куклу, спиной вперед, швыряет в шкаф с книгами. Книги, с выскочивших из пазов полок, водопадом сыпятся на упавшую перед шкафом Дину. Спустя пару мгновений на эту кучу обрушивается шкаф.
Жесткая посадочка, комментирую я про себя, с трудом поднимаясь на ноги.
В груде книг под шкафом начинается какое-то копошение.
Живучая… терминаторша! Давай! Вылазь! Я тебе еще дам, подумал я, поднимая правую руку вверх.
Бамц!
И все куда-то делось…

Дом Дины

– Как у вас, однако, интересно дружат! – насмешливо произнес Виллорт, глядя на Эсту, стоящую рядом с оглушенным ею Эриадором.
Та в ответ растерянно посмотрела на него, на тело у ее ног и затем оглянулась на упавший шкаф.
– Скажите служанкам, пусть перестанут визжать, уже все кончилось! – так же, с насмешкой в голосе, продолжил Виллорт. – И о боги! Что я вижу? Ошейник? Дружба просто до собачьей преданности? Кто бы мог подумать!
– Я думаю, что это какое-то недоразумение… – произнесла Эста, быстро облизнув губы.
– Несомненно! – кивнул Виллорт. – Несомненно! А пока, чтобы не было других недоразумений, мы сделаем так!
Он взмахнул правой рукой, очерчивая перед собой полукруг. В ответ на его движение раздался легкий треск, и вокруг мага в воздухе появились маленькие, ярко светящиеся полупрозрачные щиты, которые образовали цилиндр, отделив его от окружающих. Щиты стремительно завращались, затем рывком приблизились к магу и резко остановились, сильно потускнев.
– А вы что медлите, коллега? – обратился Виллорт к Римару. – Или вы ждете недоразумений?
– Э… – немного растерянно промычал в ответ тот, – каких именно?
– Каких? Да всяких! Вы же сами видите – нарушение законов императора, похищение дворянина, нападение на мага. Так что тут могут быть совершенно непредсказуемые недоразумения!
– Он не маг! – резко сказала Эста.
– А кто же он тогда? Я своими глазами видел, как он использовал воздушную волну.
Эста молча сжала губы.
– Э… – влез в разговор Римар, – но щит Мантуса? Вы думаете, этого…
– Я думаю, что этого вполне достаточно, – перебил его Виллорт и добавил со значением в голосе: – Пока.
Римар пожал плечами и, сделав движение рукой, тоже создал себе светящийся щит.
– Теперь мы готовы выслушать ваши объяснения, – повернувшись от Римара к Эсте сказал Виллорт, – но для начала я бы хотел вам предложить вызвать сюда целителя. Парень сильно избит, а убитый маг – это не побитый маг. Это совсем другая история!
– Да и ей бы целитель не помешал… – Виллорт кивнул головой в сторону Дины, у которой в этот момент как раз бессильно подломились руки, при попытке вылезти из-под шкафа.

Кабинет Эстелы. Две недели спустя

– Проходи, садись! – кивнула племяннице Эста. – Ты неважно выглядишь… бледная какая-то…
– Да вот только второй день как встала…
– И сразу ко мне? Что за необходимость?
– Прошу отпустить меня на две недели…
– Это еще куда ты собралась? У тебя уже переломы зажили? Как на коне-то сидеть будешь?
– Мне надо… – опуская голову, тихо сказала Дина.
– Понятно. Можешь не рассказывать. За Эри, значит, собралась?
– Почему за Эри?
– А куда тебе еще могло так срочно понадобиться? Больше мне в голову ничего не приходит. И что же ты будешь делать, когда найдешь? А? Позволь тебя спросить?
– Я… я… – потерянно сказала Дина и осеклась.
– Ага, не решила еще, значит. Молодец! Давай. Продолжай в том же духе! Давай! По зову сердца! Вот найду, тогда видно будет!
– Тетя, вы… сердитесь на меня? – подняла взгляд на нее Дина.
– Нет! Ну что ты! Как я могу сердиться! Ха-ха! Сердиться! Сердиться… Ха-ха! Что ты! Я просто счастлива. Что у меня есть такая племянница, любовные похождения которой стоили мне пять тысяч золотых монет. Ими я замяла этот скандал. Пять тысяч! Раз – и нету! Тю-тю! Какая, право, ерунда!
Эста вытаращила глаза и картинно закачала головой.
– Всего-то каких-то пять тысяч, – продолжила она, – тьфу и растереть! А еще мы чуть было не начали войну с империей. Ну так, случайно! Как-то так неожиданно вышло, что мы похитили дворянина, который еще вдобавок оказался магом. Мы нарушили все законы и оскорбили могущественную гильдию, представители которой вдоволь поизгалялись, на пальцах объясняя мне, какие же мы дуры. Так бы и задушила этого Виллорта своими руками! Но нет. Я, как маленькая девочка, с виноватым видом покорно все это выслушивала, даже не пытаясь вставить слова поперек. Только мычала, словно бедная маленькая овечка. А потом я их умоляла, просто умоляла, чуть ли не на коленях, принять деньги в дар гильдии, чтобы они забыли об этом недоразумении. Свои деньги! Из собранных на старость! Еще и занять пришлось. Нет, ну что ты! Я радостна и счастлива! Ха-ха! Просто в восторге!
В кабинете на несколько секунд воцарилась тишина.
– Я верну… – тихо сказала Дина, смотря в пол.
– Чего ты вернешь?
– Деньги…
– Только посмотрите на нее! Вернет она! С чего, позволь тебя спросить? Он тебе тоже долги, кажется, оставил. Или уже забыла? Всю память любОВию отшибло?
– Тетя, не надо так… – тихо попросила Дина.
– Чего не надо? Чего не надо? Не надо… Еще мне сейчас не хватало, чтобы ты за ним понеслась. Что ты будешь делать, когда их догонишь, а? С магами воевать, отбивая свое сокровище? А оно хочет к тебе? Сокровище-то твое? А?
– Ну… я…
– Вот реши сначала, что ты будешь делать, а там посмотрим! – отрезала Эста, хлопнув ладонью по столу. – А я тебе так скажу – зря ты его не прибила! Не так обидно было бы…
– Не смогла… – отворачиваясь, тихо сказала Дина.
– Не смогла – это в смысле не захотела?
Дина промолчала.
– Видела бы ты его, когда он со мной разговаривал! Думаю, что у тебя желание другое бы появилось. Ты не представляешь, сколько в нем было ненависти!
– Я думаю, что если бы я была… то все бы было по-другому… – тихо сказала Дина.
– Защищаешь? – насмешливо хмыкнула Эста.
В этот момент в дверь кабинета постучали.
– Да! – оборачиваясь сказала Эста.
– Коффай? – сквозь приоткрытую дверь спросила секретарь.
– Да, давай.
Секретарь внесла маленький круглый подносик, на котором стояли две дымящиеся чашки.
– Спасибо! – кивнула Эста секретарю. – Бери, – предложила она Дине.
Та рассеянно взяла в руки чашку и наклонилась к ней, втягивая носом аромат напитка.
Неожиданно ее лицо позеленело, и она прихлопнула рот левой рукой.
Раздался приглушенный ладонью рыгающий звук.

Дина торопливо поставила расплескавшуюся чашку на стол, подскочив, стрелой кинулась к кадке, в которой у Эсты рос огромный роскошный розендариум, и принялась удобрять завтраком землю цветка.
Эста, не веря своим глазам, с недонесенной до рта кружкой, замерев, наблюдала за ней.
– Уф… – отдувалась Дина, отрываясь от кадки и опираясь на нее обеими руками, – уф…
– Так, дорогая! Это уже слишком, – произнесла Эста, со стуком ставя чашку на стол, – еще никто не рыгал в мой розендариум! Что ты ела?
– Да ничего особенного… – вытирая тыльной стороной ладони испарину со лба, ответила Дина, – с утра как-то аппетита совсем не было. Печенье… сок яблочный…
– Да-а-а… а? – протянула Эста, приподняв правую бровь. – Да-а-а, – снова повторила она несколько мгновений спустя, глядя на племянницу и задумчиво наклонив голову к плечу, – ну надо же… какой интересный эффект от приема внутрь печенья с яблочным соком!
Иронично хмыкнув, Эстела ухватила со стола колокольчик и принялась энергично звонить.
– Пришли мне целителя. И побыстрее! – сказала она секретарю, открывшей дверь.
– Хочется мне услышать одну вещь, – прошептала себе под нос Эста, снова поворачиваясь к Дине, – а ты, подруга, случаем, не…

Там, где собираются боги

– Дина беременна! Я все сделала! – радостно провозгласила богиня жизни, одаряя всех сияющей улыбкой.
Сидящая рядом с ней Мирана нахмурилась и поджала губы.
– Дина, это… кто? – наморщив лоб, поинтересовался Коин.
– Это же подружка нашего избранного – варга! – недоуменно ответила Диная, с удивлением глядя на него. – Ты уже все забыл, что ли?
– А ну да… ну да! – торопливо зачастил бог торговли, пытаясь замять неловкость. – Ну так это же здорово! Какой шустрый избранный попался! Молодец.
Все присутствующие одновременно хмыкнули.
– Че б ему не быть шустрым, коль сама богиня жизни ему свечку держала! – первым прокомментировал свое хмыканье Марсус.
– Марсус, – складывая руки перед собой на столе, голосом, полным великотерпения, произнесла Диная, – сколько можно повторять? Я. Ничего. Никому. Не. Держу. Понятно?
– Да ладно тебе, – ухмыльнулся Марсус, – выражение такое есть! А то скажи – не слыхала?
– Еще раз! Я. Ничего. Никому. Не. Держу. Понятно?
– Ну так это здорово, – влез в начинающуюся перепалку Коин, – значит, у нашего избранного есть ребенок?
– Дети, – наклонила голову к плечу Диная.
– Дети? – не понял Коин. – Почему дети?
– Га-га-га, – заржал Марсус, – дети! Вот это да! Диная, сколько ты ему сделала, признайся, а? Тройню? А может, сразу пятерых? Одно движение, и наш избранный – многодетный отец! Бедный парень, он ведь еще так молод! Буга-га-га!
– Марсус, заткнись, – сердито посмотрел на него Коин, – это не повод для смеха. Это нужное дело. Всем нам нужное. Что тут смешного?
– А че я? Я ниче! Буга-га-га!
– Так сколько у него детей? – обратился Коин к Данае.
– Двое. Мальчик и девочка.
– Мальчик? – удивился Марсус. – Так ведь у варг только девочки рождаются! Ты что, не знаешь? Откуда мальчик?
– Ну надо же! Какая же я недотепа! – картинно взмахнула руками Диная. – Ай-ай ай! Первый в истории мальчик-варг! Что же теперь будет? Ай-ай-ай!
– Ладно, – буркнул, немного набычившись Марсус, – это я, не подумав, спросил. Ты ведь богиня жизни и можешь делать, что хочешь…
– А зачем мальчик и девочка? – тихо спросила Хель.
– Ну… – пожала плечами Диная, – я не знаю, как там у них, у демонов. Дочь похожа на мать – отец ее любит, видя в ней черты своей женщины. Сын похож на отца – отец его любит, видя в нем свои черты. У людей так. Я так и сделала. Чтобы наверняка. Еще неизвестно, когда следующий случай подвернется. А то тут некоторые уже свое фи высказывают…
– Пф! – дунула Мирана, отгоняя золотой локон с лица. – Это я, что ли? Я, значит, существованием своим рисковала каждый раз, подыскивая ему пару, а она, видите ли, – я все сделала! Она сделала! Ничего себе!

– А то я не рисковала! – огрызнулась богиня жизни. – Просто ты трусиха и все!
– Трусиха? Я? Я трусиха? Да я… тебя…
– Что ты меня? Ну что?
– Я тебя щас жезлом своим! И в Марсуса влюблю!
– Не-не-не, – замахал выставленными вперед ладонями Марсус, – тока не надо меня впутывать! Любовь – она хуже холеры! Ругайтесь без меня, девочки. Меня здесь нет, зашел совершенно случайно… уже ушел! Без меня.
– Ну тогда… в Хель! – оглянувшись по сторонам, сказала Мирана и удивленно моргнула, осознав, что она брякнула.
– Хм… – после нескольких секунд тишины, воцарившейся за столом, хмыкнула Хель, – думаю, что это будет забавно… Причем всем нам. Троим…
Мирана несколько секунд молча глядела в ее прозрачные глаза, а потом быстро произнесла:
– Это была шутка!
– Я почему-то так и подумала, – кивнула богиня смерти.
– Ладно, пошутили и хватит! – слегка хлопнул по столу ладонью Коин, привлекая внимание. – Что будем делать дальше?
– Что делать, что делать, – пробурчал Марсус, – ты же у нас голова! И план твой был. А теперь, что делать, ты у нас спрашиваешь?
– Хм… ну да. Прошу простить, я малость подустал…
– С чего это?
– Да замок обратно перетаскивал…
– Замок? Зачем?
– Маги появились… До чужого охочие. Избранный решил замок магам продать, а там столько ценного для него приготовлено. И чтобы все кому-то досталось? Обойдутся!
– Ценного? А чего он сразу это ценное не взял?
– Я ему все не показал, да и не один он был. Вот был бы он один… а так… Делиться ведь пришлось бы! Ведь только ему приготовлено, а толпой – растащат все! Сердце кровью обливается, как подумаешь. Я двери на демона настроил, чтобы только он мог открыть, так они его с собой потащили! Я и решил – убрать от греха подальше.
– Короче, тебя пробило на жадность, – подвел итог Марсус.
– При чем тут жадность! Если разбрасываться добром – не напасешься! – возмутился Коин.
– Ясно, ясно, я понял, – примиряюще поднял правую руку Марсус. – А что, просто замаскировать нельзя было?
– Э… так вернее… – промямлил Коин, сообразив, что он лопухнулся, делая работу, без которой можно было вполне обойтись. И все поняли, что он лопухнулся…
– Так чего будем делать дальше? – благородно перевел разговор на другую тему Марсус.
– Ну… нужно подождать, пока у него отцовские чувства появятся… – растягивая слова, предложил Коин.
– И когда же это они у него появятся? – иронично поинтересовалась Хель. – Ты вообще видел, как они расстались?
– Кто… они?
– Избранный с варгой.
– Нет… я как-то занят был…
– Перепрятыванием добра? – хмыкнула Хель. – Понятно… Так вот, они чуть не убили друг друга. Если бы не вмешались посторонние, то кто-нибудь из них – того! – мотнула головой Хель. – Как говорит Марсус, у меня бы уже был. И как теперь ждать появления у него отцовских чувств, если они вдвоем – того, – Хель снова мотнула головой, – жить рядом не могут?
– Ну… не знаю… – выпятил трубочкой губы Коин, – неправильно у вас как-то все получилось…
– У нас, – возмутилась Мирана, – у нас?
– Ну вы же это делали. Без меня. Значит, вы и недоглядели!
Услышав, что сказал Коин, Мирана просто захлебнулась воздухом от возмущения.
– Думаю, нужно попробовать еще раз… – глубокомысленно произнес Коин, не обращая внимания на Мирану.
– Ок тыр кобздых щет терк ту ю! – яростно выпалила богиня любви, вскочив со стула и выставив в направлении Коина руки с растопыренными пальцами. – Сам теперь пробуй!
– Редкое ругательство портовых проституток-орчих, – с уважением в голосе сказал Марсус. – Мира, откуда ты его знаешь?
– Любовь везде бывает, – сверкнув на него глазами, ответила богиня любви, – даже у портовых проституток! Я пробовать больше не буду! Все, хватит! Я сделала, что просили, а оказалось – все фигня! Пусть теперь тот, кто придумывает эти планы, сам их и осуществляет! Понятно?

За столом наступила тишина.
– Ну если вопрос ставится таким образом… – начал Коин.
– Именно таким! – отрезала Мирана. – Я сказала – все! Больше не буду!
– Значит, провал? – спросил Коин. – У избранного не будет детей? И он не пожертвует собой, спасая мир? И мы все умрем?
– Пфф! – сдунула локон Мирана, плюхнувшись обратно на свое место.
Села она боком от стола, гордо закинув голову, скрестив руки на груди и забросив ногу за ногу.
– Пфф!
– Я думаю, они от него не отстанут… – задумчиво произнесла Хель, приложив указательный палец к щеке.
– Они… от кого?
– Варги… от избранного.
– Почему?
– От него же родится мальчик. Первый в истории варг. Они просто с ума сойдут. У них и так проблемы с детьми, одни девки рождаются, а тут мальчик! К нему же паломничество начнется!
– И они его затрахают! Вусмерть! И у нас будет новый избранный! Иа-га-га! – жеребцом заржал Марсус.
– Марсус, ну что за казармщина… – мягко сказала Хель, – хотя может случиться и такое… Какая шутка получится! Прелесть! Жаль, ее нельзя демону рассказать. Хотя почему? Потом, когда ко мне попадет… ха-ха! Пусть знает, что и у нас умеют шутить!
– Не-а, – вытирая пальцем слезы смеха в глазах, мотнул головой Марсус, – не выйдет!
– Почему? – спросила Хель.
– Демон еще тот… Агрессор! Видел я, как он ее… гм! На столе и на лестнице, на перилах. А в спальне чего вытворял! Скорее он их всех… того, чем они его!
– Ты конечно же не мог пройти мимо такого зрелища? – резко обернулась к нему Мирана.
– Да мне просто было интересно… как это у демонов происходит, – пожал плечами бог войны, – не, а че такого?
– И как, нашел различия? – язвительно спросила Мирана.
– Да вроде нет, – снова пожал плечами Марсус, – но могуч, могуч… Да! И с фантазией.
– Так тогда что, будем ждать, пока к избранному потянутся караваны варг делать маленьких варгчат? – спросил Коин, не обращаясь ни к кому конкретно.
– Похоже, да, – пожала плечами Хель, – вроде других идей нет. Или есть, Коин?
Тот в ответ отрицательно помотал головой.
– Ну тогда ждем, – сказала Хель, – может, еще что случится. Кстати, а где он сейчас?
– В столицу империи с магами едет, – ответила Диная.
– В столицу? Замечательно! – сказала Хель. – Столица – это как раз то место, где много чего случается! Ждем!

Эри

Путешествие на лошади способствует меланхоличности и философскому взгляду на мир. А долгое путешествие на лошади – плоскозадому философскому взгляду, неспешно думал я, качаясь в седле под неторопливое перестукивание лошадиных копыт. Когда ж мы доедем до этой столицы? Уже почти месяц я не вылезаю из этого проклятого седла. Как только демонская шкура на заднице не начала отрастать… Эх… тоска…
Из Этории мы слиняли по-быстрому. Хотя маги ходили с видом – круче нас только горы, но как только появилась возможность уехать, они схватили ноги в руки, и гоу-гоу! Я прекрасно чувствовал их радостное настроение от покидания столь славных мест.
Я тоже не желал задерживаться. Поэтому постарался как можно быстрее встать на ноги или точнее говоря – сесть на лошадь.
– Что же вы, не знаете, что тут творится? – спросил Виллорт, внимательно глядя на приглашенную целительницу.
– Морхейм – город большой… – уклончиво ответила она, незаметно, совсем чуть-чуть, втягивая голову в плечи. – И потом… варги очень скрытные. Все, что происходит внутри их общества, совсем не обязательно знать посторонним… Я была не в курсе…
Ничего себе, не в курсе! А как я к тебе приходил, прося снять ошейник, – забыла, подумал я, глядя на старающуюся не встретиться со мной глазами целительницу. Ладно, попробую-ка я получить что-нибудь с этой амнезерши…
– Когда он сможет встать на ноги? – поинтересовался Виллорт, на лице которого было написано недоверие услышанному объяснению. – Мы торопимся.

– Ну… все будет зависеть от способности организма к восстановлению. Повреждения неопасны, но их много. Порезанные ступни, три треснувших ребра, прокушенная рука, внутренние кровоизлияния… Но организм молодой… Я надеюсь, что недели через две он сможет встать на ноги…
– Две недели? – вытаращил глаза Виллорт.
– Да. И то при благоприятном развитии событий.
– Две недели… Еще две недели в этом…
Не договорив, маг оборвал себя и, глубоко вздохнув, сказал:
– Ну что ж… Лечите!
Повернувшись, он вышел. Проследив взглядом за закрывшейся за ним дверью, я повернул голову к целительнице.
– Два дня, – сказал я, встретившись с ней взглядом.
– Что два дня? – не поняла та, с опаской уставившись на меня.
– Сроку вам два дня. Через два дня я должен сесть на лошадь! Или я прямо сейчас вспомню, как вы мне отказали в помощи, – сказал я, предвосхищая возражения уже было открывшей рот целительницы.
– Но это невозможно! – выдохнула та.
– Напрягитесь, – лаконично посоветовал я.
– Но… Это потребует усиленной терапии… круглосуточно… И я потом долго не смогу лечить…
– Думаю, что это будет совсем небольшой потерей по сравнению с теми неприятностями, которые вас ждут, если это история выплывет наружу… – спокойно сказал я. Честно говоря, я толком не знал, чего ее там ждет, но прекрасно слышал излучаемые ею тревогу и неуверенность.
Целительница поджала губы.
– Что именно вы предлагаете? – после небольшой паузы спросила она.
– Вы меня ставите на ноги за два дня, а я забываю, что когда-то обращался к вам за помощью. Вас устроит такой договор?
– Устроит, – кивнула она. – Клятва?
Клятва? Не люблю я клятвы… Клятвы ограничивают. Свободы действий лишают. Фи!
– Давайте без клятв, – предложил я, – вы лечите, а я молчу. Спустя несколько дней мое внезапное воспоминание будет выглядеть, как пустой оговор. Вы тоже можете не поставить меня за два дня на ноги. То есть тоже можете нарушить свою клятву. Оно вам надо? Так что давайте без клятв!
Целительница носом повертела, бровками похмурилась, но в итоге согласилась. Да, собственно, деваться ей было некуда.
Короче, было у меня двое суток ударной терапии, во время которой у меня дико чесались заживающие раны, ныло внутри и подергивались мышцы. Все это чудное время я пытался проспать, прося целительницу погрузить меня в сон. Просыпался по нуждам и пожрать. Аппетит был просто зверский. Все дела с магами, варгами, своей появившейся и снова куда-то девшейся магией я отложил на потом. Жрать и спать. И линять. Линять как можно быстрее из этой варговской помойки.
Через два дня бледная, как смерть, и с черными кругами под глазами целительница заявила, что сделала все, что могла. А все, что она не сделала, она все равно не сделает, потому что выжата насухо. И она идет спать и восстанавливаться, поскольку не желает «перегореть» окончательно.
Ну что ж, подумал я, прислушиваясь к своим ощущениям, иди спи, «лампочка».
Я вроде «на ходу»…
Мое чудесное выздоровление вызвало неподдельный восторг у дожидавшихся меня магов.
– Просто нет слов. Замечательно, – с восхищением в глазах произнес Римар, – какая тут сильная целительница! И так ответственно подходит к нуждам гильдии. Увидев, что вопрос очень важен для нас, все силы приложила! Очень ответственная женщина. Думаю, нужно сообщить в совет о такой самоотверженности. Пусть ее наградят!
Виллорт только хмыкнул в ответ.
Она еще и медаль получит, подумал я, услышав эту прочувственную речь. Ну надо же!
Странное поведение целительницы я смог объяснить себе позже, пообщавшись с магами. Есть такая обязанность у гильдии магов – за законами в империи следить. Гильдия – один из столпов империи. Та ее кормит и поддерживает, маги ей в ответ делают то же самое. В общем, живут вместе, в симбиозе. Поэтому, увидав меня в ошейнике, целительница должна была сразу сообщить о творящемся беспределе куда следует. Не положено такое зубастым творить, ой не положено! Особенно в отношении благородных. Варгам вообще, оказывается, положено сидеть и не рыпаться. Милостью какого-то давно почившего императора землю им выделили и в живых оставили. Взамен на полный конструктивизм и

одобрямс с их стороны. А они вон эва что вытворяют! Забыли, кому и сколько чего должны. Нюх теряют…
Так мне Виллорт объяснил. А целительница… Ну что целительница? Живет она тут. Практика у нее. Клиенты. Хозяйством обросла. Узнают, что доложила, – можно все и потерять. Имущество и жизнь, скажем, не отберут… но вот доходы… вполне могут упасть. А что? Дадут приказ по команде – к этой не ходить! И все! Сосите лапу, госпожа целительница! С голода не умрет, магам жалованье платят, но вот на милые сердцу безделушки уже наверняка не хватит. А может, еще на что… Мало ли у женщин в жизни потрат? Всегда найдутся… Вот и сделала вид, что это не ее проблемы… Гадина.
Еще я узнал причину своего чудесного спасения. Оказывается, они пришли за мной. Именно за мной. Не смогли отодвинуть плиту в подвальчике и отправились на мои поиски.
– Скажите, Эриадор, вы что-то там сделали? Замок поставили? – пытливо глядя мне в глаза, задал вопрос Виллорт.
Замок? Я вроде пытался, но не вышло. Или он потом вдруг сработал? Я так и объяснил ситуацию. Что да как, да в каком состоянии я все там оставил.
– Может, все-таки какое-то нарушение? – предположил Римар, глядя на своего коллегу.
– Это станет понятно на месте, – пожал тот плечами, – приедем – и все станет ясно!
В общем, я поехал с ними – дверь чинить… У меня и мысли не возникло отказаться, когда поступило предложение сгонять в пустоши и разобраться в ситуации. Уже одно то, что они с меня сняли этот дурацкий ошейник, стоило всякой безмерной благодарности. Тем более что там еще светила некая сумма от продажи подвала. А маги, как я понял, ехали смотреть товар. Что ж не помочь людям-то? Главное, отсюда подальше…
Магия моя, на мгновение вернувшись, снова куда-то делась. Куда, было совершенно неясно. Ведь было же! Было! Если бы не она, то эту любвеобильную тварь я бы о стену не приложил. А сейчас опять двадцать пять! Ну не идут у меня боевые заклинания! Не и-д-у-т! Правда, вдруг почему-то стали получаться иллюзии. Может, канал какой-то прочистился? Типа третьего глаза? Или отрава, которую мне Динка подмешала, эффект такой дала? Вполне возможно… Но проверять идею с отравой не буду! Хватит и одного раза. Я уж как-нибудь так, зайчиком… Однако и такое слабенькое улучшение принесло неожиданную пользу. Когда я, сидя на стуле, гонял вокруг себя разноцветные иллюзорные шарики, пытаясь понять, чего там с магией, в комнату неожиданно зашел Виллорт.
– Здорово! – сказал он, повращав глазами, чтобы отследить их путь. – Вам, оказывается, подвластны иллюзии? По нынешним временам это весьма редкое умение. Не хотите ли продолжить совершенствование в нем?
– Каким образом? – поинтересовался я, выстраивая шарики в воздухе в одну линию.
– Поступив в университет, – с непониманием в голосе пожал плечами Виллорт. Мол, что за дурацкий вопрос? Это же очевидно, Ватсон!
Университет? Хм, а ведь это мысль! Это же легальный доступ к закрытой информации! То, что я хотел! Я ведь собирался ехать в столицу, искать книги и магов, которые могли бы мне помочь вернуть мои способности. Но так будет гораздо лучше. Состоять в организации и пользоваться ее ресурсами! Эврика!
– А что нужно для поступления? – не выдавая восторга, спокойным голосом поинтересовался я.
– В первую очередь способности. Ну и имперское гражданство, – ответил маг.
Упс! Если с первым у меня проблем нет, хотя Сихот его знает, какой там проходной уровень, то вот со вторым у меня никак…
– Вы знаете… – задумчиво начал я, торопливо соображая, как бы так эдак мне зайти, – я, собственно говоря, иностранец. Вы знаете мою историю? Нет? Не рассказывали?
– Доминго рассказывал, – кивнул головой Виллорт, – но, как подозреваю, не так подробно, как можете сделать это вы. Я готов вас внимательно выслушать, если вы желаете об этом рассказать.
– Почему бы и нет? – ответил я. – В этом нет никакой тайны.
– Один момент, – сказал маг, – я только Римара крикну, чтобы потом не пришлось повторяться. Хорошо?
– Конечно, – пожал я плечом. Мол, не вопрос!
Пока он ходил за своим спутником, я еще раз прокрутил свою легенду в голове, производя подготовку. И когда они пришли вдвоем и сели, готовясь слушать мой рассказ, я, как говорится, был во всеоружии.
– И что вы намерены делать дальше? – спросил Виллорт после окончания моего достаточно длинного повествования. – Какие ваши дальнейшие планы?
– Вообще-то я намереваюсь вернуться домой, – ответил я, – единственное, только не знаю, где он, мой дом. Поэтому ваше предложение поступить в университет для меня, пожалуй,

очень хороший шанс. Не сомневаюсь, что в стенах столь уважаемого и известного учреждения найдутся и знания, которые мне помогут, и мудрые учителя.
Услышав словосочетание «мудрые учителя», Виллорт слегка растянул в ироничной ухмылке правый уголок губ, но комментировать не стал, а спросил другое.
– Какие знания вы имеете в виду? – спросил он.
– Меня интересуют порталы, – ответил я.
– Ого… – округлил глаза сидящий рядом с Виллортом Римар, – а вы, оказывается, весьма амбициозный юноша. Однако вынужден вас огорчить, но знания о порталах считаются утерянными. Причем давно. Есть у нас, конечно, энтузиасты, которые «почти решили эту загадку». Только вот это «почти» у них каждый год и уже не одно десятилетие. Так что на вашем месте я бы не обольщался.
М-да? Что ж тут так все кисло? Услышав сказанное, я опечалился.
– А зачем вам порталы? – поинтересовался Виллорт, видимо, заметив мое огорчение.
– Я же не знаю, где мой дом, – грустно пожал я плечами, – а вдруг он на другом краю света? Что же мне, пешком через весь мир идти?
– И вы, значит, решили овладеть тайной порталов, чтобы просто не идти пешком? Какая неожиданная мотивация! – сказал Римар.
– Почему неожиданная? Лень, знаете ли… – ответил я.
– Нда-а-а… – почесал в затылке тот, – однако…
– Ну что ж, может, так и будет, – сказал Виллорт, – вот поступите в университет, выучитесь – и порталы ваши!
– А у вас иноземцев в университет принимают? – глядя на него честными глазами, спросил я. – Я же не местный. У меня документов нет…
– Иноземцев – не принимают. Но эта проблема решаема. Зная ваше положение, я полагаю, что вам будет лучше всего принести клятву и принять подданство империи. Сразу решатся все проблемы с пребыванием и с возможностью учиться.
– Клятву? – насторожился я. – Какую клятву?
– Клятву на верность империи и императору лично. Все маги приносят клятву. Это обязательно для всех! А что вы так насторожились?
Чего я насторожился? Клясться не люблю, вот чего, подумал про себя я и принялся объяснять свою реакцию:
– Просто… а как я потом домой вернусь? Тогда получится, что дома я стану иностранцем!
– Ну не знаю, – развел руками Виллорт, – это уж вам решать! Однако, замечу, эта проблема будет потом. А сейчас у вас – другие проблемы. И решать их нужно сейчас! Будут другие проблемы – будете их решать, но в свое время. Вы меня понимаете? Надеюсь, принятие подданства империи не выглядит в ваших глазах как предательство? Наши страны даже не знакомы. Тут и предавать-то нечего!
Здравая позиция, подумал я, согласен. И похоже, от принесения клятвы мне в данном случае не отвертеться. А ситуация с ней совершенно понятная. Никто не будет пестовать таких опасных личностей, как маги, просто «из любви к искусству». Это совершенно не те ребята, которым можно позволить свободно мотаться по стране и творить, что им взбредет в голову. Эдак можно очень быстро с трона улететь. Или вместе с троном… Или зажариться на троне… Много чего может произойти неприятного. А что там, интересно, в этой клятве понаписано?
– А у вас есть ее текст? – поинтересовался я.
Виллорт фыркнул:
– Знаете, Эриадор, отправляясь в пустоши, я никак не предполагал, что займусь набором студентов-иностранцев. Поэтому свиток с текстом присяги я не захватил. Могу, однако, только сказать, что в нем совершенно обычный, стандартный договор. Мы – императору, он – нам. Ничего такого, жутко ограничивающего свободу и ущемляющего в правах, там нет. Вы же поймите! Текст ведь писался с участием магов. Там все выверено, обговорено… Кому нужны лишние обязанности и проблемы?
– Угу, – кивнул головой я.
– А вы осторожный молодой человек, – вступил в разговор после замолчавшего Виллорта Римар, – очень отрадно это видеть. Молодые маги часто ведут себя настолько безрассудно – что порой просто диву даешься! Запомните, юноша! Осторожность – одна из главнейших добродетелей мага!
Римар нравоучительно поднял вверх указательный палец.
Станешь тут осторожным, скривился я про себя, вспоминая свои недавние приключения. Зубастые кого угодно осторожности научат!
Короче, я дал себя уговорить. Маги производили впечатление нормальных ребят. Ошейник сразу сняли. Без всяких дополнительных условий. Сняли, и все! Если откровенно, я бы все

отдал за этот проклятый ошейник, если бы дело дошло до торга. Не, ничего не попросили. Понравилось мне это.
Ладно, поприкидываемся студентом, подумал я тогда, не впервой.
Больше ничего такого в Этории за дни отъезда не произошло. Окромя, пожалуй, еще разговора с тетушкой Эстой. Буквально перед самым отбытием в комнату, где мы сидели, завалилась начальница тайной стражи Морхейма.
– Добрый день, господа! – лучезарно улыбаясь, поздоровалась она со всеми.
Судя по твоему внутреннему эмоциональному состоянию, не такой уж он и добрый, подумал я, «посочувствовав» ей. Что-то ты не очень радостна.
– Получила вашу записку об отъезде, – между тем продолжила Эста, обращаясь к Виллорту, – решила зайти попрощаться лично.
– Это очень мило с вашей стороны, – ответил тот, делая легкий полупоклон, – премного вам благодарны и признательны!
– Благодарю вас, – сказала Эста, делая поклон гораздо ниже, чем маг, – было очень отрадно видеть вас у себя. Надеюсь, ваше пребывание тут для вас было столь же приятным, как и для нас, и у вас нет никаких претензий или обид?
– Что вы, госпожа Эстела! Наше пребывание тут было просто восхитительным! Никаких претензий. Мы полностью удовлетворены. Скажу более! Нам удалось тут встретить талантливого юношу, у которого есть все задатки, чтобы стать известным магом. Он едет с нами в столицу. Поступать в университет. – Виллорт указал на меня.
Эста перевела на меня взгляд и поперхнулась.
Чего кхекаешь, зубастая? Не нравлюсь? Обманки-то на мне ведь нет! Все, что чувствую, – прямиком в эфир прет. Ладно, зря, конечно. Не нужно было светиться, но уже поздно.
– У меня есть претензии… – тихо, но четко сказал я, чувствуя поднимающуюся во мне волну ненависти.
В комнате мгновенно наступила напряженная тишина. Все уставились на меня, ожидая продолжения.
– У меня претензии… – снова повторил я, вынуждая Эсту к разговору.
– О каких претензиях идет речь? – выпрямляя спину и разворачивая плечи, спросила та.
– Давайте не будем… – спокойно сказал я, наклоняя голову и глядя на нее из-под бровей, – все прекрасно знают, о чем идет речь.
– Мм… И… вы желаете получить компенсацию? За неудобства? – после нескольких секунд обдумывания спросила она.
– Компенсацию? – удивился я.
– Да. Скажем… сорок золотых монет.
Херрассе тетка зажигает! Откупиться она решила! Деньгами! Ха! Я с вас клыками брать буду, кошки драные! На ожерелья. Или ушами… ладно, поговорим!
– Пять, – сказал я.
– Что пять? – непонимающе переспросила та.
– Пять миллионов золотых монет, – заявил я, – и я подумаю, смогу ли я забрать назад свои претензии.
– Пять миллионов?! – задохнулась варга от озвученной мною суммы. – Это за что такое?
– За похищение, за связанные руки, за насмешки, за издевательства, за побои, за треснувшие ребра и прокушенную руку, за ошейник, за натертую им шею, за мою дворянскую гордость, за мою девственность, наконец!
– Девственность… – обалдело переспросила Эста, – а что с ней?
– Она потеряна, – лаконично ответил я.
– Ну… и… что же в этом… Молодые люди вроде бы никогда не против… – продолжала не понимать она.
– Да? Не против? Если молодую девушку против ее желания – так это преступление, а если то же самое проделать с парнем – так это для него приключение, так, что ли, по-вашему? Я может, мечтал о первой любви, о стихах, о робких поцелуях под звездами… а здесь все это у меня украли! Сразу в постель! Да еще напоили какой-то дрянью! Вы, можно сказать, первую любовь у меня украли! Все самые чистые и нежные чувства, которые бывают только раз в жизни! Грязными лапами… И за все про все вы мне предлагаете сорок монет?
У Эстелы был вид кошки, которую от прикосновения к обычной мышке неожиданно трахнуло током. Но оправилась она быстро. Должность обязывала…
– Вы… что-то такое говорите… – начала она, – необычное… для меня. Но я так поняла, что ваши потери гораздо ощутимее, чем я думала. Скажем… двести пятьдесят?
– Шесть, – сказал я.
Эста несколько мгновений, прищурясь, смотрела на меня.
– Миллионов? – уточнила она.
– Угу, – подтвердил я.

– Судя по выросшей цене, договариваться вы не желаете? – сделала вывод Эстела.
– Почему же, – пожал я плечами, – я назвал сумму. А уж в ваших руках решение – принять ее или обзавестись новым врагом…
– Врагом? – хмыкнула та. – Я вижу, что ты о-очень большого мнения о себе!
– Все течет, все меняется, – спокойно сказал я, глядя ей в глаза. – Если сегодня у меня нет клыков и я не умею кусаться, это совсем не значит, что то же самое будет и завтра. Я еду поступать в университет. Думаю, что после его окончания кусаться я научусь. И пребольно. Я широко оскалился, не отрывая взгляда от ее глаз.
– Вот как? Только не забудь, до окончания университета нужно еще дожить, – оскалилась мне в ответ Эста.
– Спасибо за напоминание, – кивнул я, – я постараюсь.
– Ну-ну, старайся. Посмотрим, как это у тебя получится…
На этой оптимистичной ноте мы с ней и закончили разговор.
– Зря вы так, – выговаривал потом мне Римар, – не нужно было так резко. Хотите с ними поквитаться, так закончили бы университет, а потом бы уж и предъявляли претензии. А так… очень самоуверенно. Извините, но по-мальчишески! Безрассудно.
М-да… это я погорячился, согласился я с ним тогда, несолидно вышло. Да ладно! Пусть боятся! Хе-хе… Только по улицам теперь, похоже, лучше не ходить… Пока магию не верну… Кошки драные…
Я вздохнул, вспоминая этот разговор. Меня поддержала лошадь, тоже глубоко вздохнув.
– Что, тоже замучилась таскаться по дорогам? – наклонившись вперед, похлопал я ее ладонью по шее. – Ничего, все дороги когда-то кончаются!
В сущности, вся жизнь – это одна сплошная дорога, ударился я в философствования. Вечный путь длиной в жизнь, от одной цели к другой. Удалось получить что-то, день-другой порадовался, на следующий уже заскучал. Чего-то не хватает… Чего? Чего… О! Вот этого не хватает! Точно! И опять в путь. Снова дорога. А в дороге неизбежны потери… Без них никак…
Вот он, список потерь последнего перехода:
– гитара импортная, эльфийская – одна штука,
– кинжалы импортные, раритетные – две штуки,
– невинность демонская, собственная – одна штука.
Если первые две позиции меня особо не угнетали (вещи они всего лишь вещи!), то при воспоминании о последней у меня просто начинал вскипать мозг.
Меня? Демона? Какое-то полуживотное держало в ошейнике, лишило свободы, а потом напоило какой-то дрянью и трахнуло без всякого предупреждения! Не-еет! Я этого так не оставлю! Пусть даже она не меня в постель к себе затащила, а тело Эри. А я всего лишь был у него в мозгу. Все равно не прощу! Так даже еще хуже получается. Получается, она мне мозг трахнула, тварь! Это вообще ни в какие ворота не лезет! Сихот… Нужно будет придумать для нее что-нибудь эдакое, особенное… Чтобы долго отрыгивалось… Как с портретом. Раз – и голая навсегда! Хм… А ведь это идея! И даже не для нее, а для них… всех! Оптом. И кажется… кажется, я даже знаю, что именно. Эврика! Нужно только… кое-что… уточнить.
После довольно продолжительного и неспешного обдумывания деталей будущей шутки я снова вернулся к воспоминанию своих потерь.
Еще у нас сперли подвал – интересно, кому он понадобился?
Когда мы с магами, прихватив по дороге Доминго и его команду, добрались до тоннеля, мы его там не обнаружили. Следы от лагеря – вот! Яма, где раскапывали – вот! А подвала – нету! Самое странное, что песок на месте. Если бы, скажем, подвал взлетел в воздух, то должна была остаться яма. Место-то освободилось! А ямы – нету! Песок и песок, как будто ничего под ним отродясь не было.
– Ничего не понимаю! – возмущенно сказал Римар, вдоль и поперек исходив место предполагаемого залегания подвала.
– Аналогично! – не удержавшись, поддакнул я.
– Куда он делся? – с подозрением уставился на меня тот.
– Если вы меня в чем-то подозреваете, то совершенно напрасно! – сказал я ему, почувствовав исходящее от него недоверие. – Я был занят. И вы знаете чем. И если бы вы не прервали мои занятия, то меня бы тогда, вполне возможно, не было бы уже в живых… Так что вы совершенно зря меня подозреваете в каком-то коварном плане по присвоению древних развалин.
– Э… ну да… – сдулся Римар, – но куда же он тогда делся?
– Без понятия, – пожал плечами я, – может, это какой-нибудь мигающий замок?
– Что значит «мигающий»?

– Ну появляется в определенное время… Раз в сто лет, скажем. Или когда звезды выстроятся особым образом. Видите, ямы-то нет! – обратил я внимание мага на нетронутый песок.
– Да-а-а. А действительно! Я как-то не обратил внимания, – поразился тот.
Короче, решили, что это происки древних магов или здравствующих ныне богов, плюнули и забыли. Римар, правда, предложил организовать дежурство, ожидая появления подвала, но Виллорт на него так посмотрел, что тот заткнулся раз и навсегда с этой идеей. В общем, денег за руины получить не удалось. Только за сданную древнюю посуду. Даже немного больше, чем рассчитывал, но по сравнению с ожидаемой прибылью от продажи подвала это выглядело совершеннейшей ерундой. Да ладно, главное, жив, а с голода я не умру!

Десять дней спустя. В столице

– Ну-с, молодой человек, кладите руки и давайте посмотрим, что за судьбу уготовили вам боги!
Ректор университета, с двумя помощниками по бокам, благожелательно кивнул мне. Тут же, рядом, стояли Римар и Виллорт.
Что ж, давайте посмотрим… чего он там покажет… подумал я, с некой опаской разглядывая шар артефакта, мне тоже интересно…
По дороге Виллорт рассказал мне, как проходит испытание Камнем Судьбы.
– Откуда такое название? – поинтересовался я.
– Все просто, – ответил он, пожав плечом, – артефакт меняет судьбу человека. Прошел испытание, стал магом – одна судьба, не прошел – другая.
– А… ну да! – понимающе отреагировал я.
Короче, все было примитивно. Испытуемый подходил к камню, клал на него руки, а тот в ответ начинал светиться определенным цветом, показывая, каким магическим талантом наделен испытуемый. Синий – вода, голубой – воздух, ну и так далее, по таблице цветов. Чем больше магическая сила – тем ярче свет. Камень был наследством, доставшимся от древних магов. Раз в год, в первый день осени, в университете проводился торжественный праздник набора учеников. Все молодые юноши и девушки, желающие стать магами, возлагали на него руки в присутствии родственников и первых лиц империи. Несмотря на то что магический дар был редок, на учебу брали только дворян. То, что сейчас не осень, а я прохожу испытание, объяснялось просто. Поскольку магия у меня вроде была, но жить за стенами университета в ожидании праздника я не мог, решили провести испытание так, без парада, поскольку допустить нахождение на территории университета посторонних, никак не связанных с гильдией магов, они тоже не могли. Как говорится – у всех свои тараканы. Впрочем, я был совершенно не против.
– А если будет несколько цветов? – поинтересовался я тогда у Виллорта, вспомнив рассказ Доминго о том, что маги тут имеют узкую специализацию.
– Это большая редкость, – ответил тот, покачав головой, – когда я учился, таких не было. Да и потом тоже. Говорят, древние были разноцветными, а сейчас – нет таких!
Разноцветные, удивился про себя я. Что значит «разноцветные»? А! Это он, наверное, имеет в виду способность к нескольким стихиям или направлениям магии. Понятно…
– А что так? – поинтересовался я.
– Не знаю, – вздохнул Виллорт, – не знаю. Есть много теорий, объясняющих такое положение дел, но, скорее всего, дело в последней войне. Древние тогда так повоевали, что, похоже, что-то повредили в устройстве мира. И разноцветных больше не будет. Хотя это тоже одна из теорий, – добавил он.
Виллорт мне еще рассказал, в чем заключается неспособность магов одного класса творить другие заклинания. Нет, маг воздуха мог создавать заклинания воды или земли. Но получалось это очень и о-о-очень медленно. Настолько медленно, что плетения начинали разрушаться сами собой. И энергии на них уходило в разы больше. Короче, дела тут с магий обстояли презабавно.
– Ну-с, так вы готовы? – вырывая меня из воспоминаний, раздался голос ректора. – Смелее, смелее, юноша!
Я вздохнул и положил руки на камень. Неожиданно он оказался теплым. Несколько секунд паузы – и под пальцами заголубело. Ярко так.
– Маг воздуха! – с заметным разочарованием в голосе объявил ректор.
Похоже, маги воздуха тут не котируются, подумал я.

– А вы говорили, что он… – начал ректор, оборачиваясь к Виллорту и Римару, но договорить не успел. Все присутствующие разом ахнули. Камень под моими пальцами сменил цвет, став темно-синим.
– Что? – растерянно произнес ректор, снова оборачиваясь ко мне. – Не может быть!
И тут понеслось!
– Земля! Огонь! – принялся во всеуслышание объявлять изменения цвета ректор.
– Артефактор! – Камень затопил глубокий золотой цвет.
– Демонолог! Маг иллюзий! Целитель!
Камень переливался всеми цветами зеленого.
– Сильнейший целитель! А…
Камень наполнился тьмой.
– Темный маг… – потрясенно прошептал ректор, оборачиваясь ко мне. – РАДУЖНЫЙ…

Андрей Кощиенко
Студентус вульгарис

Пролог

Богиня смерти Хель с высоты облаков задумчиво смотрела на расстилающиеся внизу просторы. Мир, он тоже живой, неспешно думала она. Он тоже идет своим путем, встречая победы и поражения, взлеты и падения, как мы. И порой возникают ситуации, после которых мир может стать совершенно иным… Как и мы, живущие в нем, когда побеждаем или проигрываем. Это и есть жизнь. Главное, чтобы она не прервалась. Иначе исчезнет все. И эта зелень внизу, и голубое небо сверху, и проблемы, решение которых придает смысл существованию. И все теперь зависит от одного смертного. Человека с душой демона из другого мира. Зависит от того, сумеет ли он полюбить наш мир так, что согласится отдать свою жизнь за него. Но пока… Пока любви в нем почему-то нет…
Может быть, виноваты варги, взявшие его в плен? Впрочем, не нужно было бежать из-под венца и раскидываться неизвестными заклинаниями. Хотя этот брак не породил бы любви. И боги почему-то бессильны. А теперь он способный маг, свободен и открыт миру! Попытаем судьбу еще раз?..
Скрестив руки на груди, богиня нахмурилась, припоминая все случившееся за это время. Избранный занимался всем, чем угодно, но только не тем, чем нужно. Большей частью шутками и всякими глупостями. Недаром же он сказал при первой встрече, что он из дома Изменчивых, дома шутников. Вот он все и шутит с момента попадания сюда. Судьба мира — в руках шута! Да уж, забава так забава! И сделать ничего нельзя. Остается только наблюдать со стороны, да кое-как влиять на ситуацию, надеясь, что все как-то уладится. Что ж, подумала, усмехнувшись, богиня, это всем нам урок. Слишком мы благодушные стали, ленивые. Жизнь пассивности не прощает. Жизнь — это движение. Нужно двигаться, иначе смысл самой жизни пропадает. Может, поэтому пророчество и случилось? Чтобы мы задвигались? Какая интересная мысль! Нужно поделиться ей с остальными. Может, это придаст новый смысл всему?

Эри

— Сэнсэй, — соединив перед собой ладони, почтительно склонил я голову в полупоклоне.
— Господин, — уважительно кивнул мне в ответ наставник эрт Бастиан.
Когда я обнаружил на территории университета здание, красные многоярусные крыши которого углами загибались вверх, я был весьма удивлен.
«Шао-Шаолинь, стоит во тьме ночной…» — пришли на ум слова земной песни, пока я озадаченно разглядывал знакомые по земным фотографиям и фильмам силуэты, изящно вырисовывающиеся на фоне голубого неба. С Шаолинем я почти угадал. Здание оказалось комплексом тренировочных залов для обучения искусству владения холодным оружием и совершенствования навыков. Мысль насчет того, на кой магам нужно мастерство клинка, я особо не уловил, но возмущаться по этому поводу не стал, а, наоборот, сказал спасибо.

Спасибо тебе, о неизвестный, за то, что у Бассо теперь есть место, где он может поднять шестом ветер, мысленно поблагодарил я давшего денег на эти «спортзалы».
И за то, что есть с кем, секундой позже добавил я.
Противник у меня был на данный момент весьма и весьма неплох — старший наставник эрт Бастиан. Похоже, один из тех, кто умеет обращаться с любым оружием, что попало в руки. Даже с шестом. Причем очень хорошо…
Подведя результаты наших первых спарринговов, я констатировал, что откровенно за ним не успеваю. Шест наставника гораздо быстрее добирается до моих ребер, чем мой до его. Тот тоже оценил мой потенциал.
— У вас неплохие навыки, Эриадор, — сказал мне по окончании нашего третьего боя Бастиан, — но нужно их развивать.
— Да, сэнсэй, — согласился я, складывая ладони перед собой и уважительно кланяясь на восточный манер.
Мой жест и спокойное признание правоты сказанных им слов импонировали мастеру, положив начало его дружелюбному отношению ко мне. Однажды он даже пожаловался мне на высокомерие учеников-магов, которые считают его занятия ерундой, на которые ходить не обязательно, а если пришел, то можно валять дурака и делать все спустя рукава.
— Легкомысленная дурь, — сказал тогда Бастиан, подводя итог рассказу о своих ученичках.
— Несомненно, — поддакнул я, покивав ему с умным видом.
Я же в свою очередь понарассказал ему баек про то, почему я умею обращаться с шестом, широко используя для их создания земные истории про мастеров кун-фу и всякие восточные единоборства и традиции. Но естественно, это все было за Серыми пустошами, там, где мой дом родной. Бастиан, который, по его признанию, научился владеть шестом у эльфов, моим рассказам был весьма удивлен. Однако недоверия своего вслух не высказывал (хотя в ментале я ощущал весьма сильное сомнение). Но с тех пор, поддерживая легенду, я кланялся ему теперь по-своему, по-восточному. Бастиан же отвечал мне так, как привык. Вот и сегодня, как обычно, мы завершали тренировку поклонами.
— Сэнсэй…
— Господин…
— Смотри, смотри! Кланяется, кланяется! Как аист! Хи-хи-хи… — долетел до меня громкий шепот.
Неторопливо закончив поклон, повернул голову на источник шума.
А, опять эти поглядушки пришли, с неудовольствием подумал я, увидев четырех девушек в зеленых мантиях факультета целителей. Вчера их было на одну меньше…
Надо сказать, что занимались мы с Бастианом на свежем воздухе — уличной площадке под ярко-красной крышей в виде шатра, стоящей на высоких квадратных столбах из темного дерева. Между столбами, где-то примерно на уровне пояса, были сделаны заборчики, сложенные крест-накрест из узких деревянных реек. Их покрывал зеленый ковер из вьющихся растений, которые, похоже, цвели здесь круглое лето, поскольку заборчики были сплошь усеяны распустившимися синими и белыми цветками. Смотрелось очень живенько и нарядно. Плюс сладкий цветочный аромат, прилетающий вместе с легкими дуновениями ветерка. Вокруг тренировочной площадки, охватывая ее полукольцом, проходила мощенная крупной серой плиткой дорожка, с которой все желающие могли наблюдать за происходящим под крышей действом.
Ну и глазели бы оттуда, недовольно нахмурился я. Нет же, к самому заборчику приперлись! Цирк, что ли? Делать им нечего…
Хотя… делать им сейчас действительно нечего. До конца лета еще неделя, занятий нет, вот и ходят, пялятся… А как хорошо еще неделю назад было! Тихо…
Народа в университете сейчас вроде бы не должно было быть, поскольку каникулы еще не закончились, и до начала учебы оставалось еще время. Но потихоньку подтягивающиеся к началу занятий учащиеся болтались по территории, и ежедневно их количество увеличивалось. Меня они, собственно, до этого не напрягали, но сегодня я был в неважном настроении. Во-первых, ко мне два дня назад совершенно внезапно для меня подселили соседа. Разумеется, я видел вторую кровать у себя в комнате, но как-то не ожидал, что буду делить жилье еще с кем-то. В Эсферато никто гуртом не живет. И я тоже не собираюсь! Как назло, сосед попался дюже общительный — рта не закрывает! И говорит, и говорит, и говорит, и говорит! Я уже опухать начал. Понимаю, что у него эйфория, его приняли, у него будущее все в золотом и лазурном — вот восторг из него и прет. Но я-то ведь не железный! Я так долго не выдержу! Сделаю че-нить… И потом. Он мне магичить мешает! Пока я жил один, я потихоньку занимался иллюзиями, грубо нарушая запрет — «…разрешено заниматься магией только строго в отведенных местах, под контролем преподавателя!». Теперь, в его присутствии, это не получится. Заложить банально может. Пусть даже не

специально, а так просто брякнет где-нибудь из желания пообщаться. Зачем мне это нужно? Поэтому я вчера попробовал узнать — нельзя ли его куда-нибудь деть? Оказалось — нельзя.
«В целях создания дружеских отношений между учащимися… боевой дружбы… жертвенность… поле боя… поддержка и помощь… совместные исследования… дружба на всю жизнь…» — и еще полстраницы в том же роде.
М-да, похоже, эгоизм индивидов тут тоже имеет место быть, резюмировал я, закончив читать распоряжение ректора, к которому меня отослали после того, как я выразил желание пожить один. Почти как у нас… Только наш повелитель ограничился совместным обучением. Жить толпой он нас не заставляет… Вот так проболтаешься по чужбинам, насмотришься и начнешь ценить то, что считалось само собой разумеющимся…
Это был для меня сегодня первый раздражающий фактор, вторым оказалось то, что Бастиан снова настучал мне по ребрам. Это, конечно, ерунда, ведь не я, Бассо, продул мастеру, а медленное тело Эри. Но когда ты проигрываешь, пусть даже понимая, что по-другому сейчас не будет, смешки всяких глупых куриц, которые ничего в этом не смыслят, — раздражают. Особенно вкупе с неважным настроением.
— Что желают сиятельные леди? — холодно поинтересовался я, повернувшись и сделав шаг в их направлении.
— Э… э, мм… — похоже, совсем не ожидая от меня вопроса, отозвалась самая красивая и статная из них, видно, лидер.
— Еще раз, леди, я не расслышал, — с легкой насмешкой в голосе произнес я, наклоняя голову к плечу.
— Мы просто хотели посмотреть, — ответила она, оправившись от неловкости.
— Ну и как вам… зрелище? — приподнял я правую бровь.
— Я думаю, что драться палками — это дикость и варварство!
Наглая, подумал я, разглядывая красивое лицо и темные вьющиеся волосы собеседницы. Думает, видите ли, она!
— А что же, по-вашему, нынче современно и цивилизованно? — иронично поинтересовался я.
— Мечи, — совершенно не раздумывая, мгновенно ответила та. — У всех благородных людей должен быть меч! Или магия, если вы маг! Вы ведь маг? Или нет? Я вас раньше не видела. Вы что, только принятый? Первокурсник? Все равно у вас должен быть значок! Где он?
Определенно наглая девица, вынес я свой окончательный вердикт, выслушав ворох вопросов. Допрос она мне устраивает! Может, думает, что если она красавицей слывет, то ей все дозволено? Хм… Впрочем, это ее проблемы. Но вот со значком… со значком — это да. Все ученики тут их носят, показывая свою принадлежность к какой-либо кафедре. Как сказали, на учебу — в хламиде соответствующего цвета и со значком, вне учебы — можно без хламиды, хотя не приветствуется, но значок обязателен. Даже только что принятые получают гостевые значки. Потом император на приеме присяги выдает другие, постоянные. Однако у меня его нет, поскольку меня приняли гораздо раньше — месяц с лишним назад. Тогда даже еще и набора в университет не было. И императора мне не досталось. Мол, слишком жирно для одного меня его величество гонять туда-сюда. Я просто и без затей присягнул его доверенному лицу. Тогда же заодно и решили, что, поскольку я весь такой из себя и не знаю, кем хочу быть, то пусть я определяюсь до конца лета, а там снова принесу присягу, но уже вместе со всеми. Поэтому я болтался по университету без значка, но со справкой, в которой было написано, что я без пяти минут студент. Ее я пару раз предъявлял на воротах, когда ходил в город, пока меня не запомнили и не стали пускать так. И еще в библиотеке, в читальном зале. Библиотекарь, к слову, оказался на редкость упертым типом. Как говорится, круче только горы. Или тверже… Или тупее… Каждый раз он с пристрастием изучал предъявляемый мною документ, словно надеялся обнаружить, что он фальшивый.
Огненные письмена жаждет, что ли, узреть, подумал я, увидев в первый раз, как он рассматривает пергамент на свет. Аль знаки водяные?
Даже эмпатия моя не помогала. Как я ни улыбался, как ни излучал в ментале дружелюбие — что об стенку горох. Я уже плюнул и просто каждый раз, переступая порог библиотеки, настраивался на то, что минуты две буду вместе с библиотекарем разглядывать справку… Короче, значка у меня не было.
И очень даже может быть, что эта наглая девица не единственная, кого заинтересует, почему его нет. Народу прибывает с каждым днем… могут ведь и задолбать за оставшееся время, спрашивая. Рассказывать всем о своих талантах? Вот еще, не было печали! Меньше будут знать, крепче будут спать. И потом, что это вообще такое — радужный?! Не нравится мне это слово… Совершенно! Сразу вспоминается толпа потерявшихся в жизни земных

низших под семиполосными флагами. Фи… Некрасивые они, эти радужные. Неэстетичные… Хм! А не подобрать ли мне какое-нибудь словечко с Земли? Что-нибудь солидненькое и звучненькое, такое, чтобы по голове било и напрочь перерубало любопытным мыслительные процессы? Мм… О, точно! Знаю! Хе-хе…
— Позвольте представиться, — ухмыляясь и делая при поклоне плавное движение правой рукой в сторону, — княжич Эриадор Аальст, маг вне категорий! К вашим услугам, сиятельная леди!
— Вне… чего? — удивленно распахнула темные глаза моя собеседница.
— Категорий, — улыбнулся я во всю ширь своей улыбки.
— Каких категорий?
— Любых! — сделал я резкое движение кистью руки.
— Никогда не слышала про таких магов!
— Всегда что-то случается в первый раз…
— Но где же тогда ваш значок? — недоверчиво прищурилась девушка, еще раз быстро обежав меня взглядом.
— Значок? Вы знаете… со значком такое дело… Архимаги мне его еще просто не успели сделать. Тороплю, тороплю, а они все никак… Я им так и сказал последний раз, что если не успеют до начала занятий, то обижусь и поругаюсь с ними. Они поклялись успеть до первого числа. Вот… Жду! — жизнерадостно оскалился я.
— Вы смеетесь?
— Неужели по мне это видно?
— Вы дурно воспитаны, господин Эриадор!
— Я вполне доволен своим воспитанием, сиятельная леди…
— Фи… — сморщила носик красавица и, обращаясь к своим подружкам, сказала: — Пойдемте отсюда. Он грубиян! Посмотрим, как он заговорит, когда ему потребуется лечение. Ха!
Значит, болеть мне здесь нельзя, подумал я, наблюдая за гордо удаляющимися целительницами, задравшими носы. Зарэжут! Хотя… я, собственно, как-то и не собираюсь болеть. Переживем!
— Спасибо, мастер, — обернувшись к Бастиану, еще раз поблагодарил я его. — Завтра в то же время?
— Да, как обычно, — кивнул в ответ он и, мотнув головой в сторону уходящих и слегка ухмыльнувшись, прокомментировал: — Строгие девушки!
— М-да… весьма, — кисло улыбнулся я. — Всего доброго, Бастиан.
— Удачи, Эриадор!
— И вам, мастер!
Пойду пройдусь, решил я, выйдя на крыльцо беседки и неторопливо осмотревшись по сторонам. Погоды нынче стоят отменные… Куда бы мне деть свое тело до обеда? Библиотекаря сегодня не будет… Пользуется тем, что занятий пока нет, и занимается своими делами… Халтурщик… М-да… А мне-то куда деваться? В оранжереи, что ли, сходить? Огурчик свежий свистнуть?
Территория университета, расположившегося на краю столицы, была огромной. Километра два на два с лишним. За высокую каменную стену влезли и парадные залы, и учебные корпуса, и жилье для студентов, и лаборатории с полигоном, и даже оранжереи с парком. В оранжереях выращивали, правда, не цветы и овощи, а всякие редкие травки для целительских зелий, но пару грядок с огурцами я там обнаружил.
Хрустящий молодой огурчик, еще даже толком не отрастивший шкуру, чтобы колоться… Мняка! Точно! Пойду навещу грядочку, принял я решение по поводу своего ближайшего времяпровождения. После тренировки всегда желание пожевать появляется!
Я неторопливо пошел по дорожкам парка в направлении своей цели. Через пару минут неспешной прогулки мои мысли свернули в колею, по которой они бодро ездили последние несколько дней. Мне давно уже было пора определиться с местом учебы. С факультетом, так сказать… И как-то все принятие решения откладывалось и откладывалось. А дело в том, что мне нужно было выбрать себе занятие исходя из моей главной задачи. А в данный момент это был поиск пути отсюда, а никак не карьерный рост и продвижение по местной магической лестнице. Причем изначально у меня был некий расчет на то, что учеба облегчит мне поиск этого пути. Однако, как это обычно бывает, действительность всегда отличается от наших представлений о ней. В университете оказалось всего шесть кафедр: четыре стихийные — воздух, земля, огонь, вода, и еще две — целителей и артефакторов. Никаких других, нужных мне, типа перемещательной или порталистов, тут не было. С одной стороны, их отсутствие подтверждало имеющуюся у меня информацию о том, что знания о порталах тут считаются утерянными, а с другой стороны — что же в этом хорошего?

Придется крутиться самому, сделал я безрадостный для себя вывод. Плющить зад в читальном зале, слюнявя пальцы, перелистывать заслюнявленные уже до меня карточки каталогов, разглядывать пахнущие плесенью и пылью свитки, пытаясь понять, что за буквы означают эти каракули… Просто нет слов, до чего чудесное времяпровождение мне предстоит! Как представишь — тоска без конца и края… Причем если тосковать по полной, то на всю эту тоску, даже по самым скромным прикидкам, мне нужно будет потратить массу времени. Просто огроменнейшую! Только тогда от поисков, возможно, и будет толк. А если приплюсовать к этой массе еще время на разговоры с умными людьми, которые в теме, и возможные поездки, Сихот знает куда, за Сихот знает какими артефактами или раритетами, — то это уже выглядит просто как глобальная временная катастрофа. Времени на имитацию учебы не остается вообще! При этом еще нужно будет умудриться как-то не сдохнуть от скуки… Тут ведь даже телевизора нет! Придется развлечения придумывать себе самому… А это тоже время. И где его на все это взять?
Другими словами, мне нужно учиться так, чтобы не учиться, сделал я вывод по окончании прикидок временных затрат, которые мне предстоят. Да ведь и потом нужно будет еще суметь воспользоваться добытым знанием… Это тоже плюс ко времени. Мрак просто какой-то! Если ко мне еще и с учебой приставать будут, тогда я вообще на эти поиски пару сотен лет потрачу! Как там Хель сказала? Ближайшие несколько сотен лет ничего не предвидится? Просто здорово! Как раз к пророчеству и нарою… Эх… Ладно, ну а что делать? Других вариантов вроде не просматривается. Придется пока так действовать, а там, может, и повезет. Вдруг я найду книжку тут, за углом, в библиотеке… А там раз — и все написано. Я бац — и в дамках! Совершенно не вижу препятствий к тому, чтобы мне повезло! Потом у меня есть еще запасной вариант с книгой Эри… Но это тоже, похоже, еще то приключеньице будет. Где теперь это княжество Аальста искать? И как до него добираться? Пешком через пустыню? Можно… конечно, был бы только толк от этого. Но перед турпоходом нужно хотя бы узнать направление, в котором чесать… М-да…
Так что мне нужен факультет, который будет отвлекать меня на учебу по минимуму… В который раз я взялся оценивать возможные варианты.
Пользуясь своей уникальностью и имеющимся в запасе временем, я облазил весь университет, сунув свой нос во все дыры, которые мне только попались. Прикрывал я свое любопытство «желанием наилучшего употребления на благо империи своего многогранного дара». Услышав такое витиевато-патриотичное объяснение моей активности, собеседники обычно «притухали», и вопросов о праве находиться в данном месте больше не возникало. Ну, если все же вдруг, то на крайняк у меня была с собой справка…
Короче, я обошел всех, пытаясь понять, в какой магический кружок мне записаться. С одной стороны — желательно, чтобы не доставали, не мешая заниматься мне своими делами, с другой стороны — хотелось хоть как-то осмысленно проводить время, коль уж я буду изображать из себя студента. Симулировать изучение того, что уже знаешь, — просто в облом. От скуки ведь и умереть можно. Опять же, если рассматривать худший вариант, при котором я тут малость подзадержусь, то неплохо, если от сидения за партой была бы хоть какая-нибудь отдача. Желательно деньгами. Факультеты всяких там боевых искусств вроде метания сосулек и плевков огнем я сразу отмел в сторону. Во-первых, все, что мне из этого удалось увидеть, я уже знал, да и причем поболее, а во-вторых, на этих искусствах ведь ничего не заработаешь, окромя жалованья. Стихийники тут за боевых магов считаются. Вполне могут потом услать куда-нибудь… воевать… Присяге придется следовать. Оно надо? Мне, по крайней мере, нет. Свои дела есть. Из шести четыре вычеркнул — остались две кафедры. Артефакторы и целители. Золотые и зеленые… Ну, первые имеют неплохие заработки, делая защищенные документы. И работа у них, скажем так, не обременительная. Сиди себе, клиентов жди. Все время между ними — твое. Хоть документы нужны всегда, но и здесь могут быть исключения. Ну нет, допустим, у людей денег! Жрать, например, нечего. Или война вдруг, или мор там. Тут не до бумажек. Хотя, пожалуй, я тут несколько горячусь. Без бумаг никуда. Даже когда мор. Однако у артефактора есть минус. В таком деле нужно сидеть на одном месте — это раз, а во-вторых, я там ничего нового, пожалуй, не узнаю. По крайней мере, мне так показалось. Придется в этом случае симулировать учебу. Короче, не воодушевляет.
Остаются зеленые… Болеют всегда, невзирая ни на что. Скорее, чем хуже — тем больше болеют. Потом, болеют везде. То есть работу можно найти где угодно. Куда надо — туда и поехал. И никто не спросит: зачем? Лечить поехал! Айболит я разъездной! Понятно? Угу… Это весьма хороший плюс. В целительстве я слаб. Будучи изменчивым, я знаю, как изменить тело, но, так сказать, в демонском приложении. Как лечить низших — представляю весьма смутно. Значит, придется учиться… Не то чтобы это было здорово… Но хоть не буду впустую зад отсиживать. Пусть будет плюс с минусом. Если голытьбу не

лечить, творя добро направо и налево, то деньги будут. Это — несомненный плюс. И еще… Направляясь в столицу, я рассчитывал, что найду специалистов, которые помогут мне решить мою досадную проблему с магией. Однако посмотрел я тут на местных магов, посмотрел и решил — обойдусь! Ну их! Еще что углядят… им совершенно ненужное. Мне уже и так понятно, что мое первое предположение, сделанное еще в замке Аальста, — верно. Вся загвоздка в теле. Не приспособлено тело низшего под высшую магию. Не проходит она через него. Почему? Не знаю… Может, магия, к примеру, квадратная, а какие-нибудь каналы в теле низшего для ее прохождения — треугольные. Вот и не лезет одно в другое! Так, давится что-то по каплям. Сразу приходит в голову мысль сделать с телом что-нибудь такое, чтобы все совпадало. Логичное и разумное на первый взгляд решение проблемы. И целительство тут очень кстати. Можно попробовать перестроить свое тело, согласно нуждам. Но! Тут есть одно «но». Для этого нужно знать, что есть магия изначально и как она взаимодействует с телом. А я этого не знаю. Это же чисто теоретическая заумь. В Эсферато над этим думают отдельные большие головы, а остальные просто используют то, что им дадено, не вдаваясь в подробности. Как с электричеством на Земле. Все пользуются, не задумываясь. А как оно там на самом деле… один бог их ведает. Поэтому, сколько потребуется времени на получение необходимых мне знаний и возможно ли в принципе достижение того результата, какого я хочу, совершенно не ясно. Не подойдешь же к целителям и не спросишь: «А в демона я превратиться смогу или нет? Если да, то когда?» Тем более что они наверняка сами ничего не знают. Отсталые они тут, деревня…
Короче говоря, в целительстве почти все плюсы, окромя одного минуса — придется учиться. Точнее — придется тратить время… Что важнее — не сдохнуть от скуки, изображая студента, или потратить немного больше времени? А?

Стефания

Веселая музыка била в уши, отдаваясь в висках болезненной вибрацией, а сотни ярко горящих магических свечей в огромных люстрах и канделябрах расплывались в глазах в яркие кружки света, выдавая слезы. Обида комом стояла в горле.
Не плакать, только не плакать, твердила я себе, изо всех сил стараясь сдержать слезы и до боли сжимая пальцы в кулаки, — маги не плачут! Если я сейчас разревусь, то стану посмешищем университета до конца своих дней!
Я прикрыла глаза от слепящего света свечей. А ведь как все хорошо начиналось! Сколько было планов и надежд! После дня моего шестнадцатилетия, где-то через два или три месяца, из столицы пришло письмо. В нем предписывалось моему отцу, барону Терскому, во исполнение высочайшего указа императора доставить свою дочь Стефанию, то есть меня, в университет магии, для прохождения испытания. Империи были нужны маги. Поэтому каждый дворянин, достигнув совершеннолетия, должен был явиться в столицу и пройти проверку на наличие у него магических способностей. Мои старшие сестры уже в свое время получили письма и съездили в столицу, но ни у одной из них магических способностей не оказалось, что было весьма огорчительно для моего отца. Понятно, у него голова болела о том, где нам всем взять приданое, а тут такой шанс. Студент университета получал стипендию, а по завершении учебы поступал на имперскую службу. Как для меня, так и для многих юношей и девушек это был шанс изменить свою судьбу и вырваться из провинциального захолустья в столицу, где жизнь бьет ключом и все время что-то происходит. А в нашем замке каждый день похож на предыдущий и сегодня уже известно, что будет даже не завтра, а послезавтра. Да ничего не будет! Будет то же, что и сегодня, — ничего! Конечно, стать магом — это очень редкая удача. Во дворе университета в толпе я слышала, как спорили, каким был отбор в прошлом году — один из четырехсот или один из четырехсот тридцати. Только я как-то не ощущала, много это или нет? Цифра есть, но вот сколько это людей, я не могла себе представить. Впрочем, меня это не очень беспокоило. Я почему-то была твердо уверена, что меня примут, хотя никаких признаков наличия у меня дара родители и сестры припомнить не могли.
— Да не переживай ты так! — сказала мне перед самым отъездом моя самая старшая сестра, с которой мы были особенно близки. — Съездишь в столицу, посмотришь на город, на наряды, на кавалеров. Развеешься. Не всем же магами быть!
А я хочу, сказала я себе, заранее получив порцию утешений. Хочу — и буду! Пусть другие ими не становятся. А я — стану!
Вся дорога до столицы у меня прошла в грезах. Я представляла, как приезжаю в университет и все сразу замечают, какая я умная и красивая девушка, у меня мгновенно

появляется много подруг и друзей, а среди друзей даже будут уже не совсем друзья — а поклонники. И они будут мне дарить цветы, читать стихи и ухаживать… Так красиво… А на испытании у меня откроется дар целительницы, и сама великая Аканта возьмет меня в ученицы. И стану я известной на всю империю врачевательницей, к которой будут ехать со всех ее уголков и даже из других стран… А потом меня пригласят во дворец самого императора, и я встречу там принца… И он влюбится в меня без памяти и попросит мою руку и сердце… И все будет так сказочно-сказочно, здорово-здорово! Ну просто сердце разрывалось от восторга и перехватывало дыхание, когда я себе это представляла. Так было здорово мечтать под стук колес кареты, уносившей тебя в прекрасную столицу, к счастью и славе!

Однако, задержавшись в дороге, мы с родителями приехали к самому назначенному дню. Поэтому Тайлор я рассмотреть не успела. Все, что я увидела из окна кареты, — мощенные камнем бесконечные незнакомые улицы, закрывающие небо высокие серые дома и толпы людей, среди которых нет ни одного знакомого лица. Не воодушевила меня столица. Грязная, шумная и пугающе огромная. А вот университет мне понравился. Он был таким, каким я его себе представляла, — замок, с высокими светлыми стенами, с огромными воротами и многочисленными башенками, над которыми развевались разноцветные флаги. За воротами — большой двор, битком набитый толпой разодетых поступающих и их родителей. Небольшой оркестр на балконе играл громкую, веселую музыку, создавая праздничное настроение. Посреди двора был большой фонтан, в котором, иногда попадая в такт мелодии, весело играли струи воды — то взлетая вверх, то опадая вниз, они оставляли после себя облако мелких капель, радугой горящих на солнце.

— Ой, как красиво!

Я как вкопанная остановилась, увидев это чудо. Это был первый фонтан в моей жизни. Завороженная, я наблюдала за движением струй, а потом, воспользовавшись тем, что родители с каким-то служителем занялись выяснением вопроса о нашей очередности, направилась к воде, лавируя в толпе. Добравшись до цели, я задрала голову и принялась смотреть на прозрачные струи, переливающиеся на фоне голубого неба. Они танцевали свой искрящийся танец, обдавая мое лицо мелкими брызгами при легких порывах ветра. Полюбовавшись, я нагнулась и попробовала поймать рукой тоненькую струйку воды, бившую из самого края фонтана. Неожиданно прижатая струя извернулась под моими пальцами и брызнула куда-то вбок.

— Ай! Ты что делаешь, дура?!

Испуганно оглянувшись на крик, я увидела рядом высокую стройную девушку в платье, с первого взгляда на которое было ясно, что стоить оно должно просто сумасшедших денег. У девушки были золотистые, с красноватым отливом, длинные волосы и возмущенное выражение на высокомерном лице.

— Ты это специально? Специально? Да?

Девушка вынула из рукава белоснежный кружевной платочек и принялась аккуратно промокать им лицо.

— Ой, извините… — растерянно пролепетала я. — Я нечаянно… Просто фонтан такой красивый, а я их никогда не видела…

— Ха! Провинциалка! — громко и пренебрежительно произнесла девушка, окинув полным презрения взглядом мое платье. Она демонстративно повернулась ко мне спиной и пошла прочь, гордо задрав подбородок.

Я в смущении втянула голову в плечи от десятков глаз людей, разом уставившихся на меня.

— Ну ничего такого не случилось… Несколько капель, и все, — произнесла я ей в спину, в попытке оправдаться, но прозвучало это совсем тихо, и никто моих слов, кажется, даже не услышал. Девушка, по крайней мере, точно.

Да и ладно, подумала я, пробираясь назад, к родителям. Подумаешь, цаца какая! Пара капелек на нее попала всего-то. Сама дура!

— Стефания! Ну где ты ходишь? — накинулись на меня нервничающие родители. — Нужно становиться в очередь, а ты где-то гуляешь!

Я не стала ничего объяснять, а просто спросила, куда идти.

Очередь начиналась у подножия широкой лестницы, в конце двора, за фонтаном. Мы подошли и встали в ее хвост. На первой площадке лестницы нас встретили трое молодых магов в парадных, шитых серебром мантиях. Они записали меня в книгу и выдали листок бумаги, на котором в красивой золотой рамке с завитушками значилось мое имя, титул и порядковый номер. Пока они делали записи, я смотрела на них во все глаза.

Хорошо им, подумалось мне, все волнения у них уже позади… Интересно, а кто они? Может, целители? А где их знаки?

Однако долго разглядывать магов у меня не получилось. Очередь двинулась вперед, и мы пошли тоже, вверх…

Вот я вместе с родителями на широкой беломраморной лестнице, ведущей в зал испытаний. Выше и ниже нас стоят по двое и по трое люди — это тоже приглашенные. Как сказал шепотом, наклонившись к моему уху, отец — цвет дворянства! На самой верхней площадке я заметила девушку, в которую случайно брызнула водой. Рядом с ней важно стояли ее отец и мать в очень богатых, просто сверкающих золотом и камнями одеждах. Девушка тоже заметила меня. Посмотрев с высоты разделяющих нас ступенек, она презрительно сморщилась и отвернулась.

Но меня это совершенно не задело. Всеми мыслями я была уже там, в зале. Какая судьба уготована мне, думала я. Кем я стану? Магом огня? Или воздуха? А может, мне все-таки повезет, и шар засветится зеленым? И я, как хотела, стану целительницей?

Очередь продолжает двигаться, и вот, наконец, я, робея, вхожу под высокие готические своды зала испытаний. Зал огромен, прекрасен и величествен. Гладкий, словно светящийся изнутри пол из мрамора потрясающей белизны. По всей его поверхности — небольшие вкрапления золотых прожилок. Такие же белые с золотом стены, высокими колоннадами уходящие вверх. Где-то высоко, под потолком, узкие окна, сквозь которые льется яркий дневной свет. Вход в зал сбоку, через широкие, массивные двери из белой, редкой породы дерева. От него начинается дорожка, обозначенная двумя широкими золотыми лентами в полу. Она огибает весь зал по периметру и в середине сворачивает в центр, к Камню Судьбы. Перед ним она разбегается линиями в стороны, образуя золотые полукружия, охватывающие стоящий на подставке артефакт, и потом уходит к ведущей вниз, на выход, мраморной лестнице. Напротив Камня Судьбы, на противоположной от входа стене — большая лоджия, в которой сидит сиятельная комиссия университета и высшие сановники империи. Из лоджии так и пышет роскошью одежд, драгоценностей и власти. На золотой дорожке равномерно, друг за другом, стоят девушки и юноши, за спинами которых — их родители. Все взгляды из очереди и из лоджии направлены на действо, разворачивающееся у артефакта, рядом с которым находится ректор университета, великий маг Мотэдиус, со своими помощниками.

— Баронет Атроний Терристольский! Испытание! — внезапно раздается громкий сильный голос в тишине зала.

От неожиданности я вздрагиваю. Заглядевшись на сверкающие наряды, я отвлеклась. А ведь главное не в лоджии, а внизу, перед ней, у камня. Там, где дорожка разветвляется на два полукружия, стоит человек в белой, шитой золотом мантии — господин распорядитель. Это он только что произнес слова. Симпатичный, широкоплечий юноша, первый в очереди перед артефактом, услышав их, подобрался, кажется, выдохнул и пошел вперед. Его родители остались на месте. Подойдя к камню, юноша развел руки в стороны, а затем медленно и осторожно положил ладони на каменный шар. Подставка в виде кольца, на которой находился камень, засветилась мягким желтым светом, но сам артефакт остался таким же скучно-серым, как и был до этого. Несколько секунд ничего не происходило, потом свет подставки погас.

— Баронет Атроний Терристольский! Испытание не пройдено! — громогласно объявил человек в мантии и уже тише сказал родителям испытуемого: — Прошу, — указывая рукой на выход.

Юноша отнял руки от камня и несколько секунд держал открытые ладони у его поверхности, не прикасаясь к ней, словно надеясь на чудо. Но вот он справился с собой, опустил руки и повернулся к лестнице. На его лице было полнейшее разочарование.

— Баронет Дион Оттервальд! Испытание! — объявил распорядитель, делая знак приблизиться следующему испытуемому.

Очередь продвинулась на несколько шагов вперед.

— Баронет Дион Оттервальд! Испытание не пройдено!

Худощавый парень с копной волос льняного цвета огорченно махнул правой рукой и чуть ли не побежал к лестнице, ведущей вниз.

— Баронесса Сильвия Абенторф! Испытание!

…не пройдено!

Очередь двигалась. В зале с постоянной периодичностью раздавалось — не пройдено, не пройдено, не пройдено! После каждого такого «не пройдено» мы продвигались на несколько шагов вперед. Глядя на то, как артефакт отказывал одному за другим, меня неожиданно охватил страх. Я вдруг поняла, что такое один из четырехсот.

— Графиня Алистера Эберардо! Испытание!

Девчонка, обругавшая меня у фонтана, тряхнула своими волосищами и, гордо закинув голову, пошла к камню. Несколько мгновений тишины.

— Графиня Алистера Эберардо! Маг огня! — внезапно объявил распорядитель.

Камень под ладонями девчонки переливался неярким красным цветом. По залу пронесся шепоток. Маги в лоджии запереглядывались, кивая головами.
— Прошу вас! — взмахнул рукой распорядитель.
Алистера убрала руки с погасшего камня, оглядела очередь взглядом, в котором сплетались высокомерие, презрение и гордость, еще раз тряхнула гривой своих волос и пошла на выход. Сзади за ней, с выражением беспредельного счастья на лицах и чуть не лопаясь от гордости, поспешали родители.
Два шага — остановка. Три шага — остановка. Очередь двигается, и я внезапно оказываюсь напротив артефакта. Передо мной никого нет!
— Баронесса Стефания Терская! Испытание! — услышала я, и в животе внезапно стало холодно.
На переставших почему-то гнуться ногах я подошла к артефакту и не дыша положила на него ладони. У основания засветился желтый свет. Камень на ощупь был гладок и неожиданно тепел, словно он лежал на солнце. Больше ничего я не чувствовала. Прошло какое-то время. Ничего не происходило. Камень так же оставался серым, но желтый свет, разрешающий убрать руки, не гас. По залу пронесся шепоток и стих. Я растерянно оглянулась на стоящего рядом господина Мотэдиуса. Ректор университета смотрел на камень, наклонив голову к левому плечу и приподняв правую бровь. Его лицо отражало крайнюю степень заинтересованности. Я снова посмотрела на камень.
Ой! Внезапно камень стал прозрачным, и где-то в его центре появились черные точки. Несколько мгновений повисев неподвижно, они вдруг начали одновременное синхронное движение, оставляя за собой след в виде тонкой темной нити. Прошло совсем немного времени, и я внезапно поняла, что рождает их движение. Цветок! Ажурный черный цветок! Я оказалась права. Спустя несколько мгновений нити прекратили свои извивы, и у меня под ладонями медленно завращался тугой черный бутон на длинном стебле. В зале стояла гробовая тишина, словно все забыли, что нужно дышать. Сделав несколько оборотов, цветок остановился и неспешно наклонился в мою сторону. Несколько ударов сердца, и лепестки его, дрогнув, стали медленно раскрываться. Неожиданно из наклонившегося бутона потек тяжелый темный дым, который извивающимися струями стал опускаться вниз, на дно, собираясь там непроницаемым черным облаком. Его становилось все больше и больше. Вот уже четверть камня заполнена, вот половина, вот уже за ним почти не видно цветка, вот цветок исчез… Секунда — и камень стал совершенно черным.
— Ах-ах-аххх! — выдохнул зал.
Свет подставки погас. Я стояла и с удивлением смотрела на абсолютно черный камень под ладонями.
— Темная! Темная… Темная! — понеслось со всех сторон зала.
Не понимая, что случилось, я взглянула на ректора. Он о чем-то напряженно думал, нахмурив брови и уставившись глазами в пол. Видя, что ему не до меня, я обернулась к распорядителю. У распорядителя — вытаращенные глаза, открытый рот, а на лице страх пополам с изумлением. Я посмотрела в сторону лоджии. Лица в ней отражали те же эмоции.
Я снова вернулась взглядом к распорядителю. Тот уже несколько пришел в себя, глаза стали меньше, но странное недоумение все еще читалось на его лице.
— Стефания Терская… — неуверенно начал он, но остановился и повернулся к ректору, ища его взгляд.
Архимаг Мотэдиус, почувствовав обращенный к нему беззвучный вопрос, поднял голову, медленно и пристально оглядел меня и, видимо приняв решение, кивнул.
— Кхм, кхм… — откашлялся распорядитель и начал сначала: — Баронесса Стефания Терская… Темный маг! — громко, но с интонациями, словно сам себе удивляясь, объявил он.
— Ах-ах-аххх! — снова прошелестело по залу.
— Прошу! — сделал указующий жест рукой уже приходящий в себя распорядитель.
Ничего не понимая, я послушно кивнула и развернулась к выходу. И тут до меня дошло. Темный маг? Я темный маг? Это ошибка! Я же хотела быть целительницей! Камень ошибся! Это ошибка! Не хочу я быть темным магом!
Помню, я тогда так разозлилась. Никакой я не темный маг! Однако пока мы с родителями, спустившись по лестнице, дошли до выхода, моя злость сменилась на другое чувство. Мне стало как-то… зябко, что ли? Не страшно, нет… Больше всего подходит к этому чувству слово «зябко». Да, именно так!
На выходе нас встретила толпа. Непонятно каким образом, но, похоже, все уже все знали.
— Темная! Смотри, смотри! Вон она! Хель одарила ее цветком! Проклятая… — несся шепот со всех сторон, и в меня даже показывали пальцами. Некоторые на задних рядах вставали на носки и вытягивали шеи, чтобы лучше увидеть наследницу темных магов.

Вокруг меня образовался пустой круг, и все на меня глядели, словно на какую-то редкую мерзкую жабу.
И родители тоже… Когда я обернулась к ним в поиске поддержки, они стояли у края этого круга, не входя внутрь. И глаза у них были… Словно первый раз меня увидели и теперь смотрят — что же это у них там родилось такое? Так обидно. Но я не заплакала тогда, как не заплачу и сейчас!
— Стефания, может, вы желаете отказаться от обучения? — спросил меня ректор, самолично пришедший говорить со мной.
Отказаться? А что потом? Вернуться домой после всех мечтаний о том, как я поступлю в университет и стану целительницей? Вернуться туда, откуда я в мыслях уже уехала навсегда? И что я буду там делать? Ждать, пока кто-нибудь посватается? У меня четыре старшие сестры, я пятая, мать нас рожала, пока не родила отцу сына — наследника. Отцу никогда не собрать всем приданого. Бесприданница, да еще и темная! Шила в мешке не утаишь… Сплетни из столицы быстро дойдут, хоть она и далеко от нас. И кто тогда на мне женится? Да и не хочу я замуж! За кого? За соседских сыночков? Двух слов связать не могут, способны только за задницы хватать да со своими слюнями лезть. Дураки! Нет, назад я не поеду. Тут я хоть кем-то стану, а дома…
— Стефания, откажись! — взмолилась со слезами на глазах уже пришедшая в себя и переставшая от меня шарахаться мать.
Я медленно отрицательно покачала головой.
— Я не откажусь, — твердо сказала я, поднимая голову и встречаясь взглядом с ректором.
— Вам будет одиноко… — неожиданно как-то грустно признался он.
— Ну и пусть! — гордо ответила я, горя обидой и не совсем понимая, что он имеет в виду.
— Что ж, это ваш выбор… Баронесса Стефания Терская! Правом, данным мне императором и Верховным советом магов, я объявляю вас зачисленной в Столичный университет магии! Добро пожаловать! — официальным голосом произнес ректор и наклонил голову.
— Благодарю вас, — сделала я реверанс.
— Надеюсь, что вы прославите стены нашего университета! Жду вас на занятиях! — закончил стандартное приглашение ректор и откланялся.
Что значили его слова об одиночестве, я поняла позже. Сначала никто не захотел жить со мной в комнате. Хоть согласно правилам студентов селили по двое, мне соседки не нашлось. Но это было, оказывается, еще не самое худшее. Худшее началось, когда всем вновь поступившим выдали мантии. Моя, черная, мгновенно образовывала вокруг себя пустое пространство. Никто не хотел со мной общаться. На меня предпочитали смотреть издали, как на диковинное существо. Родители после моего зачисления поспешили уехать, и я осталась одна. За эти почти две недели, пока происходило завершение приема и устройство студентов, я произнесла всего несколько фраз, да и то разговаривая с работниками университета. Еще выяснилось, что мне некому преподавать, поскольку темных студентов не поступало уже более двухсот с лишним лет, и нужных учителей давно нет. Правда, ректор сообщил, что нашел мне наставника и что он уже известил его письмом, но на первом общем построении университета я стояла одна, с краю, без преподавателей, без сокурсников… Одна.
Тогда же был объявлен праздник и бал. Ректор предупредил, что явка вновь принятых на него обязательна, поскольку сам император приедет принимать у нас присягу. Конечно же я пришла. Долго ждала своей очереди, пока не прозвучало мое имя. Как во сне вышла в центр зала. Последняя, после всех. Все было словно в тумане. Произносимые мною слова присяги в мертвой тишине и острый, из-под бровей взгляд императора. Удивительно, как я ничего не напутала… Поздравительную речь императора я тоже слушала как будто издалека, не разбирая слов…
— А теперь, дорогие друзья, объявляется бал! — громким голосом объявил ректор, по окончании речи императора. — И по нашей старой традиции первый танец исполняют самые молодые! Те, которые только что получили свои знаки гильдии! Отныне они маги, и сейчас для них состоится их первый танец в новом статусе! Старшие курсы, приглашайте вновь поступивших! Девушки могут приглашать кавалеров! Первый танец! Оркестр, музыку!
Оркестр грянул, и вокруг меня, делясь и разбиваясь на группы, забурлила толпа. Голоса, смех, приглашения, и вот мимо скользят пары, стремясь в центр зала. А вокруг меня… Пустота. Меня словно нет…
Вот уже все выстроились по центру, начался танец… А я стою, прижавшись спиной к колонне, с горьким комом в горле и стараюсь не разреветься… Совсем не так я представляла свой первый бал в университете!
— Леди, вы танцуете? Лээ-ди!

Неожиданно я услышала рядом с собой чей-то голос. Я усиленно принялась моргать, пытаясь разогнать мешающие мне видеть слезы. С третьей попытки это удалось, и я увидела парня, примерно моего возраста, который стоял рядом и терпеливо смотрел на меня своими большими темными глазами. Короткая стрижка и слегка ироничное выражение глаз. А одет он, одет…
Я в изумлении уставилась на его камзол. Расшитый серебром, из ткани всех оттенков фиолетового цвета, он выглядел просто невероятно. Такими же переливчато-фиолетовыми были и свободного покроя штаны, заправленные в невысокие, ниже колен, черные сапожки. Еще был широкий черный пояс, сверкающий россыпью мелких прозрачных камней, с большой пряжкой, короткий клинок в черных ножнах на боку и белый шейный платок с ярко-желтой заколкой и большим черным камнем.
— Прошу простить, леди, что отрываю вас от ваших глубоких мыслей, но нынче бал, и я не прощу себе, если не приглашу такую красавицу, как вы, станцевать! Леди, я прошу вашего согласия на танец! — Незнакомец сделал церемониальный приглашающий поклон.
Что? Это он мне? Я подавила в себе желание оглянуться, ведь сзади была только колонна. Он что, разве не видит, какого цвета моя мантия? Или… может, просто решил посмеяться надо мной? Да вроде нет, никого больше рядом нет, все отвернулись… Никто не смотрит — я нервно огляделась по сторонам.
Парень между тем спокойно стоял и наблюдал за моими метаниями, словно он был в курсе моего душевного состояния.
— Станцуем? — неожиданно просто предложил он, протягивая ко мне левую открытую ладонь. — Меня зовут Эриадор!
— Баронесса Стефания Терская, — мгновение поколебавшись, сказала я и осторожно вложила свою правую кисть в его протянутую руку.

Эри

Ничего так зальчик… Большой. По бокам в два яруса набитые зрителями лоджии с белыми перильцами, колоннами и красными портьерами. С высоченного расписного потолка на длинных цепях спускаются пять огромных люстр, нестерпимо брызжущих светом сквозь переливающийся граненый хрусталь висюлек.
Народу в зале — не протолкнуться! Первокурсники, их родители, преподаватели, старшекурсники, приглашенные особо важные персоны… Короче, полный аншлаг. Парча, шелк, золото, блеск драгоценных женских украшений, блеск камней на эфесах парадных клинков, золотое шитье… Все переливается, сверкает…
Сверкать-то, конечно, сверкает… Стоя на ступенях роскошной беломраморной лестницы, ведущей в правый боковой ярус, я разглядывал толпу внизу. Золото и камни это, несомненно, круто, но надо, как говорится, и меру знать… Вот то ли дело я — скромненько и со вкусом! Пожалуй, нет тут никого, кто не заметил моего костюмчика! Один цвет чего стоит!
Ткань я углядел совершенно случайно в лавке портного, куда зашел прикупить чего-нибудь для объявленного бала в день присяги, а то у меня ничего подходящего для явления на публике не было. Хотелось чего-нибудь эдакого… выпадающего из местной действительности. Чего, правда, я на тот момент еще сам не знал.
Портной, увидев потенциального покупателя, с ходу принялся меня убалтывать, предлагая наряды, сшитые по столичной моде нынешнего сезона, в которых ходил весь местный бомонд.
Я же, наклонив к плечу голову и скептически оттянув угол рта, без всякого восторга разглядывал одежду на манекенах, слушая, как хозяин расхваливает себя и свой товар. Внезапно на глаза мне попался край рулона ткани яркого фиолетового цвета, который выглядывал из-за занавески с нижней полки пристенного стеллажа у стены.
— А что это у вас там торчит? — поинтересовался я у портного.
— Где? — спросил тот, опуская голову и оглядывая свою одежду.
— Вон, — показал я рукой.
— А… это! Не обращайте внимания. Испорченное. Заказал привезти мне ткани, так по дороге перевернули фургон. И вот, видите, что они мне привезли? Чернила, засахаренная черника, яблочный сидр — все на ней! Просто уму непостижимо! Как можно класть ткань в один фургон с чернилами и ягодой? Ткань! — Портной поднял вверх указательный палец. — И они еще утверждают, что лучшие перевозчики! Деньги мне они, конечно, вернули, — продолжил он свой рассказ, — но, сами видите — ткань пропала. И какая!

Шелк с хлопком, отличнейшее качество! Теперь в нее можно только что-нибудь заворачивать… Вам не нужно? Может, хотите что-то завернуть?
— Вполне возможно… — задумчиво ответил я, издали разглядывая край фиолетового рулона. — Пожалуй, но это будет зависеть от цены…
— О, не беспокойтесь! Деньги я вернул, а ткань мне оставили в качестве возмещения ущерба. Не выкидывать же ее? Так что цена будет самая маленькая. — Портной назвал пустяшную сумму.
— А где тут у вас зеркало? — поинтересовался я.
— Вот, — указал он за занавеску примерочной.
— Ну что ж… давайте попробуем завернуть…
Я подошел к рулону, нагнулся, вытащил его с полки и под удивленным взглядом портного потопал в примерочную.
— Мм? — глядя в зеркало, поинтересовался я у него, наискосок приложив к себе отмотанный от рулона край.
— Вы… думаете? — ошарашенно спросил стоящий за моей спиной портной.
— Я думаю, что… Пожалуй — да! — ответил я, рассматривая себя и перекладывая голову с плеча на плечо. — Неплохо прокрасилось… Если завернуть меня в эту ткань, то должно получиться… Весьма…
— Немодный цвет… — пребывая в состоянии легкого ступора, как-то механически сказал портной, таращась на мое отражение в зеркале.
— Та… боги… с ней… с этой модой, — делая паузы между словами, произнес я, внимательно разглядывая себя. — Надеюсь, вы серебром вышивать умеете?
— Э-э… да, да, — закивал портной, по-прежнему не отрывая взгляда от зеркала. — Конечно! Какой необычный оттенок.
Да, цвет необычен. Нужно его облагородить, чтобы не вышел клоунский наряд. Серебряная вышивка тут будет кстати… И еще пояс нужен… Черный…
Короче, пошитый по моим рисункам костюм получился офигительнейшей вещью. Народ просто шибало цветом и эксклюзивностью фасона. Портной был в полном восторге от результата и, похоже, строчил на манекен образец… из фиолетовой ткани.
Ректор, правда, говорил, чтобы первокурсники обязательно пришли в выданных им мантиях. Да ладно, махнул я про себя рукой, вспомнив его требование. Вот буду я еще в мешке позориться! Бал как-никак. И я не местный организм! Пусть аборигены в мешках скачут. А если начнут приставать, то я знаю, на кого перевести стрелки. Пути отступления я себе организовал… Все схвачено…
Тут я переключил свое внимание на начавшееся в зале движение. Народ сгоняли с центра, образуя свободное пространство, по которому четверо слуг принялись шустро раскатывать неширокую красную дорожку.
— Внимание! Внимание! — громко заорал какой-то мужик в серебристой мантии, привлекая к себе внимание еще и поднятыми вверх руками. — Прошу наших уважаемых гостей перейти на левую половину зала, учеников и преподавателей на правую! Учащиеся строятся по факультетам! Вновь принятые становятся впереди! Прошу не задерживаться! Церемония присяги сейчас начнется!
Ну что, Бассо, похоже, настал момент, дольше тянуть не получится, сказал я сам себе, наблюдая за вскипевшим внизу движением. Пора выбирать факультет…
И куда? Куда… Хм… Даже не знаю… А не все ли мне равно? Может, вообще, проще все сделать? Куда крикнут, туда и пойду. Хоть к стихийникам. Я же все равно тут не собираюсь задерживаться. Даже лучше будет. Что у стихийников делать — знаю, учиться не надо… Буду самым умным. Буду сидеть, вытаращив для солидности глаза и надув щеки, да потихоньку заниматься своими делами. Но целительский вроде перспективней…
Пока я принимал судьбоносное для себя решение по выбору не нужного мне занятия, сортировка закончилась. Внезапно наступила тишина. В зал торжественно вошли два герольда, одетых в белое, и, поднеся ко рту сияющие золотые горны с висящими снизу на них штандартами императора, звонко протрубили.
Блин! Слишком долго соображал! Уже все построились, а я вообще не в той половине оказался! Там, где гости. И что мне теперь делать? Нужно перебраться на другую сторону! И как? Перебежка по центру зала будет выглядеть весьма глупо…
Из дверей, торжественно держа двумя руками древки с какими-то стягами, колонной по два в зал входила императорская свита. Пройдя до конца зала, знаменосцы замерли, затем, повинуясь едва слышимой команде, повернулись друг к другу спиной и отмаршировали каждый к своей половине зала, где снова развернулись и, став к толпе спиной, образовали что-то вроде жидкого заборчика. Герольды снова протрубили. В зал вошла охрана, одетая в начищенные серебряные кирасы, с высокими алебардами в руках. Охранники встали рядом со знаменосцами, увеличив плотность «заборчика». Потом к ним присоединилась

магическая охрана, состоящая из магов, одетых в парадные мантии всех цветов стихий, еще больше уплотнив «заборчик».
Сколько же вас там, невольно задался вопросом я, наблюдая эти бесконечные шествия. Кто следующий?
Перед следующим возникла пауза. Но вот герольды вновь поднесли к губам трубы и протрубили три раза.
— Его величество император Элитании Альвеар Хайме!
Оркестр заиграл гимн империи.
И кто там у нас император?
Из дверей на красную дорожку вышел мужчина. Первое, что бросилось мне в глаза, — это плотная фигура владыки империи. Причем не рыхлая плотность, нет. Совсем нет! А та, которая сразу наводила на мысли о доспехах, оставленных где-то ради бала, и о здоровом двуручном мече, прислоненном к ним.
И взгляд соответствовал. Внимательный, цепкий взгляд из-под бровей. Высокий лоб, седые виски, волосы, зачесанные поперек. Большой нос и треугольник темных усов под ними.
Солидный мужик, подвел итог я, наблюдая за императором, неторопливо прошедшим мимо двух стен из кланяющейся знати, — вид вполне соответствует облику императора… Только вот почему он седой и с мешками под глазами? Куда смотрят императорские целители? Или он с охоты только что вернулся? Трофеи обмывали…
Император Хайме между тем прошел до конца дорожки и остановился возле установленного на возвышении золотого кресла с высокой красной спинкой. Ну… издали оно выглядело как золотое… Там его встретил ректор и, как я понял, высший педагогический состав университета. Ответив кивком на их глубокий поклон, император неторопливо поднялся по трем ступенькам и сел в кресло. Герольды снова протрубили три раза. Зал распрямился и выдохнул.
С прибытием, ехидно прокомментировал я про себя реакцию окружающих, сохраняя при этом на лице самое доброжелательное выражение.
Император с высоты кресла неспешно огляделся по сторонам и, повернувшись к дверям, кивнул.
— Свита императора! — громогласно объявил от дверей мажордом, и в зал под легкую музыку потекла свита…
Да сколько вас там, снова подумал я, наблюдая за толпой, которая, пройдя по следам императора, принялась окружать его кресло со всех сторон. Куча разряженных в пух и прах мужчин и женщин, переливающихся с ног до головы золотом и драгоценными камнями. Из этой толпы, правда, несколько выпадали две личности в монашеских тогах белого цвета. Но и у них в подпоясывающие шнурки была продета золотая нить. И отвороты воротников поблескивали золотым шитьем…
Император, похоже, тут самый скромный будет, отметил я его простой темно-коричневый костюм с минимумом золота. Да, впрочем, оно ему надо? Знак императорской власти на толстой золотой цепи у него на груди бьет разом все золото в этом зале, как туз вальта…
Наконец и свита прошла, и все расположились согласно местной табели о рангах.
Хайме глянул влево, вправо и, убедившись, что все в порядке, милостиво кивнул ректору
— начинайте!
Тот поклонился, вышел к подножию возвышения, на котором стояло кресло, повернулся к залу лицом и начал:
— Уважаемые дамы и господа! Сегодня мы собрались здесь, чтобы стать свидетелями знаменательного события для нашей империи — ее гильдия магов пополнится новыми членами…
Мотэдиус был торжественен, но мыслями не растекался. Речь была не длинная, не короткая — короче, такая, какая нужна. Уместная в данной ситуации. Чувствовался опыт оратора. Небось не первый год он речи произносит… Может, даже не первое десятилетие…
Закончив, ректор сделал легкий поклон публике и вернулся на свое место. Туда, где только что он находился, поставили золотой столик на треноге, рядом с которым встал маг в серебристой мантии с здоровенным, скатанным в рулон свитком в руках.
Секундная пауза.
— Его величество император Элитании Альвеар Хайме!
Герольды дудят три раза.
Император величественно поднимается с кресла и, спустившись по ступеням, встает рядом со столиком. Наклонив голову, он неспешно снимает с себя знак императорской власти и кладет его на стол.
Легкий шепот в зале, но все быстро стихает. Император кивает.
— Баронет Нолиус Торинто! — громогласно объявляет маг в серебристой мантии, размотав на полный размах рук свиток и прочитав первую фамилию.

Из толпы воздушных магов на красную дорожку выходит парень в голубой мантии и, как-то неуклюже переставляя ноги, направляется по ней к императору.
— Баронет Нолиус Торинто! Присяга! — вещает маг в серебристой мантии.
Нолиус, отвесив глубокий поклон императору, кладет руку на знак императорской власти и, запинаясь, начинает:
— Я, баронет Нолиус Торинто, вступая в гильдию магов, клянусь: всегда и везде способствовать славе, величию и процветанию гильдии и империи…
Скукота, подумал я, наблюдая за приносящим присягу. Хорошо, что новичков всего восемнадцать человек, я девятнадцатый. Пока все отбормочут… Если по три минуты на каждого, это же почти час! Но наверняка в три минуты все не уложатся. Это уже час с лишним. Стоять опухнешь. Интересно, я который там по списку?
Нолиус между тем добрался до конца присяги.
— Ваша присяга принята, Нолиус Торинто! Отныне вы маг империи! Встаньте в строй и служите на благо империи и гильдии! Вот ваш значок мага! — произнес император, пожимая ему руку и вручая знак цеховой принадлежности.
Публика разразилась аплодисментами. Красный и взволнованный новоиспеченный маг проследовал на свое место.
— Баронет Вильямс Доленторф! — объявил следующего распорядитель.
Что ж… будем ждать, все когда-то кончается…
Прошел примерно уже час. Публика устала. Стала меньше и реже хлопать, и в зале появился легкий гул от разговоров.
— Баронесса Стефания Терская! — громко в очередной раз объявил распорядитель, занырнув головой куда-то уже в самый низ списка.
В ответ на произнесенное имя из-за толпы торопливо расступившихся целителей вышла девушка в черной мантии и, гордо держа высоко поднятую голову, направилась к императору. В зале мгновенно наступила тишина. Стоящие рядом с императором сановники как-то враз насторожились, впрочем, как и охранники.
Ничего себе, подумал я, наблюдая за дефиле девушки в черном по красной дорожке. А это еще кто? Если учесть то, что ее вызвали для принятия присяги, а также одетый на нее мешок фасона «студенческая мантия», то получается, что она тоже только что принятая студентка. Но черных мантий я тут раньше не видел… Странно… Я что-то пропустил? Хм…
Девушка между тем дошла до императора и, сделав глубокий реверанс, начала присягу. У меня возникло ощущение, что весь зал с каким-то нездоровым напряженным вниманием вслушивается в ее слова, произносимые звонким голосом.
— Ваша присяга принята, Стефания Терская! Отныне вы маг империи! Встаньте в строй и служите на благо империи! Ваш значок! — произнес император.
Тут возникла некоторая заминка. Значка у императора не оказалось. С недоумением тот оглянулся на ректора. Ректор в свою очередь наклонился к нему и что-то произнес. Что именно, я не расслышал.
Император снова обернулся к девушке и что-то тоже тихо сказал.
— Благодарю вас, ваше императорское величество! — присела в ответ Стефания и, выпрямившись, повернулась и пошла назад. Весь зал снова уставился на нее.
А значка он ей так и не дал, отметил я. Интересно, почему? Кончились?
И почему они так на нее реагируют, подумал я, разглядывая девушку. Благо теперь она шла лицом ко мне — густые и блестящие, до плеч черные волосы, тонкие изогнутые брови, правильно очерченные губы… Стройная. Даже в этом мешке. И глаза… Красивые темные глаза… Чувствую, что ее все опасаются. А на вид ничего страшного… Девушка как девушка, таких тут полно. Да, сильно расстроена или обижена… Однако голову держит гордо. Но пардон, кто тут, кроме меня, чувствует ее настроение? Эмпатов в университете я как-то не замечал… Так что ее настроение — это не повод от нее шарахаться. А чего тогда? Если внешность и настроение тут ни при чем, то, значит, дело в одежде… Точнее, в цвете… Хм… А где она учиться-то будет? Кафедры темных я тут не видел, впрочем, как и магов. Но если ее зачислили, то, значит, куда-то же пристроят… Не просто так же взяли! Однако коль я тут впервые вижу студентку в черном, то вполне можно предположить, что у нее могут быть проблемы с преподавателями. А если точнее, с их недостатком или отсутствием. В свою очередь это значит… это значит, что с учебой никто приставать в этом случае не станет… Будут учить от случая к случаю или поручать самостоятельные занятия где-нибудь в библиотеке. Типа — идите, теорию учите! А там ведь рядом архив… Хм… очень интересный вариант…
— Дорогие друзья! Я несказанно рад видеть вас сегодня всех здесь… — Внезапно начавший речь император перебил мои мысли.

Стоп, сказал я сам себе, а как же я? Не понял? Меня ведь не пригласили! Как так? Почему? Ведь должны же были! Когда я присягал доверенному лицу, сказали — императору потом, со всеми… И вот, все присягнули, а я, получается, нет? Странно… Может, что-то со списками? Наверняка… Хе-хе, еще и учиться не начали, а мага уже потеряли… Вот деятели! Интересно, хорошо это для меня или плохо? Мм… Пожалуй… хорошо! Получается, что императору я лично-таки не присягнул. Доверенному лицу — да, но не императору. А это значит… Что теперь вполне возможны варианты… которые позволят более вольно трактовать положения присяги… Кульненько!
Тем временем император закончил торжественную часть, ректор подождал, пока из зала выйдет вся гвардия, которая пришла с императором, и уберут расстеленную дорожку. С императором осталась его личная охрана и приближенные. Флагоносцев и алебардщиков выставили за дверь.
Тут ректор объявил первый танец, заиграла музыка, и в другой половине зала, среди студентов, началась кутерьма. Новопринятых приглашали, выводили в центр зала и строили в две шеренги. Юноша держал вытянутую вперед левую руку, его партнерша клала на нее свою правую руку, и они замирали в ожидании начала. Шла подготовка к первому танцу.
Хм… А Стефанию никто не приглашает, автоматом отметил я, увидев в разрыве строя студентов фигурку в темном, прижавшуюся спиной к колонне.
Не… не приглашают, подвел я итог несколько мгновений спустя, увидев, что, похоже, уже последние танцоры становятся в строй. Не хотят… Или боятся?
А не пригласить ли мне ее потанцевать? Местных эпатну и с ней пообщаюсь… Может, чего интересного узнаю?
По-быстрому проскочив на другую сторону зала, я подошел к девушке и, делая поклон-приглашение, произнес:
— Леди, вы танцуете?
А в ответ — тишина!
— Лэ-э-эди!
Похоже, она настолько глубоко погрузилась в свои печали, что просто уже не замечает окружающего, сделал я вывод из этого молчания. Ладно, попробуем достучаться!
— Прошу простить, леди, что отрываю вас от ваших глубоких раздумий, но нынче бал, и я не прощу себе, если не приглашу такую красавицу, как вы, станцевать! Леди, я прошу вашего согласия на танец!
— А? Что? — наконец встрепенулась она и принялась растерянно озираться по сторонам, усиленно хлопая своими длинными и густыми ресницами.
— Станцуем? — просто и по-компанейски предложил я, протягивая ей руку. — Меня зовут Эриадор!
— Баронесса Стефания Терская, — делая ударение на первом слоге фамилии, ответила она и после некоторого колебания осторожно вложила свои тонкие пальцы в мою ладонь.
— Прошу! — сделал я приглашающий жест свободной рукой и повел девушку за собой.
Пока я ее приглашал, первый бал магов уже начался, и в зале образовалась некоторая прослойка глазеющих на вальсирующие пары. Наше появление в их тылу произвело фурор. Правда, поначалу на нас никто не среагировал, но как только мы оказались в толпе, люди принялись срочно расступаться и убираться с нашего пути. Такая быстрая и однозначная реакция публики мне понравилась. Пару мгновений — и мы попали на танцпол.
Убедившись, что Стефания готова танцевать, я дождался начала такта и, кивнув головой, потянул ее за собой в первую фигуру танца. Несколько минут мы двигались меж танцующих пар, потом вокруг как-то посветлело, потом еще, и уже ближе к середине танца мы гордо вытанцовывали посреди большой людской проплешины, в самом центре зала. Ну, по крайней мере, я гордо. Партнерша моя как-то углубилась в себя, то ли стараясь не наступить мне на ногу, то ли переживая о чем-то, и по сторонам не глазела. Все это время я самым дружелюбным образом улыбался ей, усиленно транслируя в ментал чувства доверия и радости.
— Вы прекрасно танцуете, Стефания, — приступил я к разговору, видя, что танец близится к концу, а я за все его время не произнес ни слова.
— Благодарю вас, — стрельнув на меня глазами, ответила она, скромно опуская ресницы.
— Могу ли я ангажировать вас на следующий танец?
— Ну… не знаю, — растерянно пробормотала Стефания и задала вопрос, пытливо заглядывая мне в лицо: — А вы действительно этого хотите?
— Конечно, — без тени сомнения в голосе мгновенно откликнулся я. — Вы гибкая и красивая девушка. У вас прекрасное чувство ритма, и танцевать с вами — сущее удовольствие.
— Правда? — смутилась она.

— Вне всякого сомнения!
— А вот другие так не считают…
— Они просто глупцы! Скажу вам, что я вижу для себя в этом только хороший плюс. Он в том, что я могу снова пригласить вас танцевать, не становясь в очередь. Мне это нравится. А им просто не повезло… Они не знают, мимо чего прошли: прошли и не заметили! А я заметил и не собираюсь теперь это упускать, — во все тридцать два зуба улыбнулся я. — Так я могу рассчитывать на то, что следующий танец мой?
— Да, — кивнула она, смущаясь от моего комплимента, и неожиданно призналась: — Вы знаете, я так люблю танцевать!
— Это заметно. И у вас получается. Видите? — мотнул головой я в сторону окружающей нас публики. — На вас смотрят.
Стефания, похоже, только теперь заметила, что вокруг нас никого нет.
— Простите меня, пожалуйста, Эриадор, но, знаете, я, наверное, не буду больше сегодня танцевать, — оглядевшись по сторонам, тихо сказала она и чуть прикусила нижнюю губу.
— Почему? — удивился я.
— Я… я как-то неловко себя чувствую от такого внимания…
— М-да? Ну ладно, как хотите. Может, тогда пойдем и попробуем чего-нибудь перекусить? Давайте посмотрим, чем сегодня угощают. Мм? Как вам, Стефания?
— Пойдемте, — согласилась она. — Я хочу пить.
— Прошу! — снова скомандовал я, задавая направление движения.
Девушка кивнула. Держа ее правую руку на своей вытянутой левой руке, я торжественно повел ее из центра зала, где мы танцевали, к фуршетным столам. Народ снова расступался перед нами, как перед сиятельными особами. Стефания шла, опустив глаза, но голову умудрялась держать прямо. Добравшись до столов, я налил Стефании яблочного сока, который она попросила, ну и себе плеснул за компанию.
— Почему вы грустите? — спросил я ее, наблюдая за тем, как она меланхолично пьет. — Сегодня праздник, а вы так печальны…
— Да нет… все хорошо. Просто… просто как-то неудачно все получилось…
— Что именно?
— Я думала, что в этот день я буду в другой мантии…
— А чем вам ваша не нравится? Цветом? Ну, это вы зря… Черный очень практичный, немаркий и стройнит. Вы знаете, что черный стройнит?
— А еще он всех распугивает! Вы вообще первый человек, кто подошел ко мне за последние две недели!
— Да вы что? — действительно удивился я.
— Да, — грустно сказала Стефания. — Если бы не вы, то я бы так и простояла свой первый танец у колонны… Спасибо вам большое, что пригласили меня, я ведь так мечтала танцевать на этом балу! В мантии целительницы… А вышло все…
А вышло все… Скажем, вышло все не так, как хотелось, опережая ее рассказ, догадался я о его концовке. Наверное, что-то вроде того, что у меня…
— А что случилось? Расскажите!
— Ну… не знаю… Будет ли вам это интересно… И потом, вы ведь не маг… Поймете ли вы меня?
Вот задавашка! Только поступила, еще небось ни одного заклинания не знает, но уже — вы же не маг! А почему она решила, что я не маг? Ах да! Я же не в хламиде! Она думает, что я из гостей. Забавно…
— Тем более интересно! Редко простым смертным удается прикоснуться к жизни избранных. Расскажите!
Я улыбнулся как можно доброжелательнее.
Стефи похлопала глазами и смутилась. Видать, до нее дошло.
— Простите, я совсем не хотела вас обидеть! Я подумала, что это вроде как бы уже относится к делам магической гильдии и могу ли я рассказывать об этом тому, кто в ней не состоит? Пожалуйста, не обижайтесь! Вы тут единственный человек, который отнесся ко мне с дружеским расположением! Пожалуйста!
— Если по-дружески, то рассказывайте! Ведь у друзей друг от друга секретов не бывает? Не правда ли?
Я ближе придвинулся к девушке и многозначительно посмотрел ей в глаза:
— Давайте, рассказывайте!
— Мне, право, неловко… — смущенно опустила голову Стефания.
— Я весь внимание, — перебил я ее.
— Ну хорошо, — сдалась она. Только пообещайте мне, Эриадор, что не станете смеяться!
— Обещаю. Рассказывайте, что же такое с вами приключилось?

Стефания вздохнула и, решившись, начала рассказывать. Я внимательно слушал с понимающим лицом, кивал и сочувствовал в ментале. Если поначалу рассказ выходил несколько скомканным, то потом девушка увлекалась, и на внимательного слушателя был вывален весь ворох обид и печалей, которые мучили ее в последнее время.
Ну не повезло, резюмировал я, слушая Стефанию и кивая ей. Что ж… бывает! А вот то, что у нее преподавателей нет — это интересно… Это же то, что мне нужно! С учебой не напряжно, и местные лезть не будут. Люди в черном тут, похоже, в пугалах ходят. Стефи, правда, огорчена этим фактом, но мне-то в общем даже в плюс. Потом она сказала, что никто с ней в комнате жить не хочет, тогда, может, и мой сосед сбежит? За покой и тишину можно многое отдать! Хм… А не встать ли мне на темную сторону силы? Похоже, мне будет комфортно… Тихо… Доставать не будут… Хм… Чем там темные маги занимаются? Духи, проклятия и некромантия? По крайней мере, на Земле так. Грязноватенько, конечно, но идеальных вариантов в жизни не бывает. Да и потом, можно ведь и не углубляться в некромантию. Одними проклятиями обойтись. Что они там еще делают, эти темные? Хм… Я даже как-то и не знаю… Да и Сихот с ними! Может, разбираться и не придется. Учить банально некому будет… Все! Решено! Записываюсь в кружок людей в черном! Пожалуй, для меня это лучший вариант.
— И значок мне не дали… — грустно сказала Стефания, заканчивая жаловаться мне на жизнь. У всех есть, а у меня нет! Ничего у меня тут нет! Ни учителей, ни друзей, ни значка…
— Да ладно, — сделал я пренебрежительный жест рукой, словно отметая все ее жалобы, — дался он вам! Вы вот, например, видели, что вообще изображено на знаке у магов воздуха?
— Воздушный вихрь.
— Не знаю, какой там вихрь и насколько он воздушен, но если специально не приглядываться, то издали это выглядит как замерзшая под носом голубая сопля!
— Что вы говорите, — пытаясь нахмурить брови, сказала Стефания, хотя ее губы начали разъезжаться в улыбке. — Так нельзя! Это оскорбление магов воздуха!
— Но ведь похоже, правда же?
— Правда, — не выдержав, широко улыбнулась Стефи и звонко рассмеялась.
— Нет, вы только посмотрите на нее! Она еще смеется!
Оборачиваюсь. Высокая красавица в красной мантии с темно-рубиновыми вставками на рукавах. Длинные светлые волосы, красивое лицо. Рядом еще несколько девушек и юношей в разных мантиях. Целители, воздушники, водники, огневики. Полный набор.
Алистера Эберардо, вспоминаю я имя и фамилию красавицы, — маг огня.
— А в чем, собственно, дело, графиня? — небрежно интересуюсь я, разглядывая ее и ее спутников.
— В чем? Как вы можете так спокойно разговаривать с ней? С этой мерзкой и бездушной тварью? Темным нет места на земле! Их нужно возвращать обратно во тьму, откуда они вылазят!
— А что так жестоко?
— Жестоко? Темные — это лживые, подлые твари, которые не знают чувства сострадания и жалости! Они убили тысячи людей, десятки тысяч! Если бы не Белый орден, вставший на пути этих исчадий тьмы, мир бы уже погиб!
Белый орден? Она адептка, что ли? Оттуда ветер дует? Да ради бога! Но так про темных — это она зря… Я же только что решил записаться в их ряды! Значит, тогда это и на меня наезд? Похоже, нужно немножечко остудить ей пыл. А то еще она вдруг решит, что ей многое позволено… Да и взбодрить кой-кого не помешает… Мы же теперь вроде сокурсники…
Я бросил взгляд на втянувшую голову в плечи Стефанию. С таким подходом они бы ее тут, пожалуй, запинали бы… Но в команде темных магов — пополнение! И какое! И они еще не в курсе… Хе-хе… Слушай, это я хорошо зашел! Пожалуй, скука моя отменяется! Будет с кем пободаться в перерывах между поисками в архивах. Класс!
— Что ж, описание вами характера темного мага весьма полно… — произнес я, — но все-таки вы пропустили одну очень, очень важную их черту!
— Какую?
— Злопамятность, — радостно оскалился я. — Они страшно злопамятны! Вы знаете об этом?
— Злопамятность? — немного растерялась девушка.
— Она самая. Темные не забывают обид. Вы что, не знаете?
— Ну и что? — небрежно повела плечиком Алистера. — Пусть истекают злобой сколько хотят! Ничего им не сделать тому, кто находится под защитой Белого ордена!
— И после смерти тоже?
— Что после смерти?

— Защита ордена и на умерших распространяется? — с иронией в голосе поинтересовался я.
— Э-э… — озадачилась девушка вопросом.
Я неспешно обвел взглядом ее спутников, разом насторожившихся, едва только разговор зашел о смерти, и продолжил:
— Вот представьте — вы умерли и уже думаете, что у вас все хорошо, как вдруг — бац! — вас приглашает к себе темный маг поговорить за старое… Ну как-нибудь вот так…
Я поднял правую руку к плечу и небрежно щелкнул большим и средним пальцами.
— Муррр… мауууу…
С утробным звуком за моей спиной материализовался полупрозрачный призрак и, зависнув над полом, принялся извиваться всем телом, словно пиявка. Призрака я слепил, занимаясь втихаря иллюзиями у себя в комнате. Сделал я его чисто в утилитарных целях — как отвлекалку, которую можно использовать в случае неблагоприятного развития событий. Ну там, если несколько противников вдруг, сразу. В такой ситуации запустил его — и несколько секунд у тебя есть, пока оторопевшие враги разглядывают, что это такое вдруг вылезло? Для изготовления лица призрака я использовал маску из фильма «Крик»: с глубокими черными провалами глаз и длинным вытянутым ртом. К этой морде я приделал темное тело, сужающееся книзу и заканчивающееся тонким хвостиком, как у пиявки. Неплохо так получилось… Единственно, портила впечатление некоторая полупрозрачность, особенно заметная при ярком свете, но, как говорится, что имеем, тому и рады! Ну не хватает у меня сил на плотную структуру!
— Ой! Ах! Ух! У! — с различными воплями компания красавицы и она сама шарахнулись назад.
Реакция мне понравилась — то, на что я и рассчитывал, поэтому, насмешливо улыбнувшись и наклонив голову, я продолжил воспитательную беседу:
— Знаете, господа, я, честно говоря, смотрю на вас, смотрю… и, грубо говоря, дурею! С какого перепугу вы вдруг решили, что можете вот так запросто прийти и оскорблять будущую повелительницу Тьмы? А? Вы что, никогда не думаете о последствиях своих действий? Совсем с головой не дружите? Может, вам для прояснения мозгов не хватает парочки проклятий? Вам какие, родовые? — Я плавным движением развернул правую ладонь вверх, и в ней мгновение спустя возник вращающийся клубок, свитый из мохнатых черных нитей. — Или индивидуальные пожизненные?
В моей левой ладони появилось черное качающееся веретено, из которого выскакивали темно-красные искры.
— Ну так какое?
Ответа, однако, не последовало. Наглецы отодвинулись от меня еще дальше, впрочем, как и прочая публика, заметившая моего призрака и мои иллюзии в ладонях. Да, да, иллюзии! Нет у меня сил на проклятия и прочие высокоэнергетические заклинания. Ну нету! Только на обманки, и то не на все, какие хочется. Поэтому в данный момент я просто пугал народ пустышками, рассчитывая на эффект неожиданности и на то, что они еще ничего не умеют и не смогут увидеть, что их дурят. Можно, конечно, получить какую-нибудь перепуганную сосульку в ответ или такой же испуганный фаербольчик, но пока они его сделают, сто раз уже смыться успеешь!
Манеру местных магов, при которой они помогали себе в создании заклинаний, волнообразно двигая телом и конечностями, я уже изучил. Она выдавала их с головой. Сразу было ясно, чем они там занимаются. Однако из публики пока никто задницей не шевелил. Сопротивления моей агрессии не было. Враг был деморализован.
— Немедленно прекратите! Господин Эриадор! Что вы себе позволяете? — Внезапно я услышал возмущенный голос, очень сильно смахивающий на баритон ректора. — Разве не знаете, что магия в университете вне специальных помещений под строжайшим запретом? Тем более на балу! И почему вы в светской одежде? Где ваша мантия? Почему вы нарушаете мое распоряжение? И почему я не видел вас на присяге? Объяснитесь! Немедленно!
Упссс! Попал…
Я торопливо убрал иллюзии и повернулся на голос. Да, действительно ректор! Я не ошибся… И император рядом… И половина императорского двора с половиной преподавателей университета у них за спинами…
— Прошу прощения, господин ректор, но о правилах поведения на балу мне никто ничего не сообщал! — Я сделал глубокий поклон первым лицам, а также всей куче народа, которая с ними, и продолжил: — Присягу я принес уже месяц назад. Сейчас меня не приглашали, вот я и не выходил. Уж не знаю, почему меня не вызвали, — пожал плечами я. — А насчет одежды… Знаете, ваш управляющий отказался выдать мне восемнадцать мантий, поэтому мне пришлось идти на бал в своем.

— Почему не сообщил? Какие восемнадцать мантий? Почему так много? — не понимая, нахмурил брови господин Мотэдиус.
— Две простые, одна парадная, шесть факультетов. Итого — восемнадцать.
— При чем тут шесть факультетов? — свел брови ректор, но тут до него дошло. — Вы что же, решили учиться сразу на всех шести?
— Да, — глядя на него честными глазами, ответил я и понес заготовленную заранее отмазку, на тот случай, если ко мне прицепятся — почему я не в балахоне?
— Знаете, господин ректор, — подкрепляя свои слова искренностью в ментале, выкручивался я, — в вашем университете столько интересного! На любой кафедре открываются такие перспективы… Просто дух захватывает! Я выбирал, выбирал, но так и не смог остановиться на чем-то одном…
Я сокрушенно помотал головой.
— И вот я решил учиться везде. Для этого я и попросил у управляющего разные мантии.
— Зачем? — пребывая в некотором ступоре, поинтересовался Мотэдиус, с удивлением смотря на меня.
— Чтобы не выделяться. Если ты ходишь на огненный факультет, где все в красном, то и ты тоже должен быть в красном. Иначе все будут подспудно считать тебя чужим, не своим… Ну и относиться будут соответственно. Зачем мне это нужно? Вы понимаете?
— Угу, — согласившись, кивнул ректор.
— Поэтому я и попросил у управляющего восемнадцать мантий…
— И что он вам ответил? — поинтересовался ректор, и я увидел, как у него поехал уголок рта.
— Да вы знаете, в общем-то ничего! Честно говоря, мне показалось, что он онемел. Вид у него был такой, словно я попросил выдать мне Камень Судьбы и при этом сказал, что расписаться за него я зайду позже. На днях…
Ректор с трудом подавил ухмылку. Анекдотов про экономию местного завхоза я уже тут штуки три слышал, поэтому в своей шутке был уверен на все сто. Впрочем, я действительно ходил к эконому, просил восемнадцать разноцветных мешков в расчете на то, что он не даст. Он и не дал! Так что тылы у меня были прикрыты.
Бросив взгляд на императора, я заметил, что тот тоже улыбается. Видать, экономы есть не только в университете…
— Грм, гм… — откашлялся Мотэдиус. — Как я понимаю, учиться везде вы решили, но сообщить об этом, похоже, никому не удосужились. Так?
Я кивнул. Я, само собой, никому ничего не говорил, но только несколько по другой причине — все никак не мог выбрать.
— А поскольку списки на присягу подавали руководители кафедр, то поэтому вас и не вызвали. Хм… — Ректор недовольно покачал головой. — Ситуация весьма необычная, но вполне объяснимая, если принять во внимание ваши потенциальные возможности…
Если постараться, то можно всему придумать объяснение, насмешливо подумал я, с серьезным видом внимая речи ректора. Тот между тем продолжал:
— Несмотря на проявленную вами некоторую легкомысленность, все же хочу вам сказать, господин Эриадор, что ваша тяга к знаниям весьма похвальна… Да, и это радует. Но все же вынужден вас огорчить — вы взвалили на себя совершенно непосильную ношу. Шесть факультетов… совсем не шутки! Вам все-таки придется выбрать из них один.
— Да-а? — грустно протянул я, изображая разочарование. — Очень жаль…
— Мне тоже, но вы не сможете учиться одновременно на всех сразу, уж прошу мне поверить. Хотя бы подумайте о банальном наложении времени занятий друг на друга!
— Да, я об этом как-то не подумал… — делая ошеломленное лицо, словно от только что осознанной мысли, сказал я. — Тогда… тогда… тогда я, пожалуй, выберу темный факультет!
— Что-о-о? — круглыми глазами уставился на меня, похоже, никак не ожидавший такого выбора ректор. — Темный факультет? Вы сами хотите? Но… почему?
— Ну-у… я думаю, там будет интересно… Потом, у меня есть… еще некоторые… соображения…
Я обернулся и глянул на Стефанию. У той на лице было искреннейшее, ничем не замутненное изумление, приоткрытый рот и тоже круглые глаза. Почти как у ректора.
— Интересно? Соображения? — ошеломленно повторил Мотэдиус и, проследив своим взглядом за моим, воткнулся им в Стефанию.
Ректор уставился на Стефанию. Император уставился на Стефанию. Свита уставилась на Стефанию. Гости уставились на Стефанию. Короче, все уставились на Стефанию. Ну и я на нее тоже еще раз посмотрел. За компанию со всеми. Внезапно оказавшись сразу под взглядами стольких глаз, девушка страшно смутилась и стала стремительно краснеть.

— Так вы действительно думаете, что это вполне достаточное основание для того, чтобы стать темным магом? — после нескольких секунд тишины неожиданно повернулся ко мне молчавший до этого император, обежав перед этим цепким взглядом лицо и фигуру девушки.
— Я думаю, что вполне достаточное, ваше величество, — ответил я с вежливым поклоном. — Оно ничем не хуже других…
— Хм… Коль вы так думаете… Тогда… Тогда… Господин Эриадор, я, император Элитании Альвеар Хайме, данным мне правом власти объявляю вас зачисленным на темный факультет Столичного университета магии! Надеюсь, что вы прославите стены нашего университета! Ждем вас на занятиях!
— Благодарю вас, ваше величество!
Я опустился на одно колено и благодарственно склонил голову.
— Хм… Встаньте, юноша, встаньте! Отблагодарите меня потом! Своей верной службой!
— Я правильно все сказал? — обращаясь уже к ректору, поинтересовался император. — Я тут за вас немножко поработал… Надеюсь, вы не против?
— Да, ваше величество, — несколько кисло ответил тот, делая легкий поклон, — все правильно… И я совершенно не против. Правда, мне все же хотелось, чтобы Эриадор учился на кафедре целителей… У него к этому очень сильный дар… Разбрасываться такими дарованиями…
— Хм… Целителей? Это ведь тот самый радужный? Да? — спросил император, пристально глядя на меня.
— Да, ваше величество, — ответил ректор.
— Ффф! — пропыхтел император. — Хорошие целители империи нужны… Впрочем, как и…
Император оборвал себя на полуслове и несколько секунд молча глядел на меня, что-то решая. Я ждал. Все ждали. Тишина…
— Давайте тогда сделаем так, господин ректор, — приняв решение, заговорил император. — Учитывая столь сильную тягу к знаниям, которую юноша нам недавно продемонстрировал, пытаясь получить восемнадцать мантий, зачислите его еще на факультет целителей! Действительно, не стоит нам разбрасываться столь редкими дарованиями.
— Ну что скажете, Эриадор? — обратился ко мне император.
— Благодарю вас, ваше величество! Я в восторге! — поклонился я с радостным выражением на лице, про себя же на чем свет костеря благодетеля. Вместо одного — целых два факультета! Все мои планы насмарку! Как ему только это в голову пришло? Сихотовы вилы ему в …!
— Ну а вы довольны, господин ректор? Я решил вашу проблему? — спросил император.
— О да, ваше величество!
— Все бы так легко решалось, — сказал император и картинно вздохнул. — Ну коль проблемы мы все решили, пойдемте тогда посмотрим, что у вас тут изменилось с прошлого раза. Вы ведь мне хотели что-то показать?
— Да, ваше величество…
— Хотя нет, постойте! Одну минуту! Господин Эриадор, я готов принять у вас присягу! Прямо здесь и сейчас!
— Да, ваше императорское величество! — склонил голову я.
Нефиг было связываться с этими студентами, подумал я, направляясь к императору. Теперь вот и двойная учебная нагрузка, и присяга! Сихот… Ну кто меня за язык тянул? Ладно, будем считать, что один — ноль в их пользу…

Стефания

На следующий день

В пустом помещении было как-то холодно и неуютно. И тихо. Только иногда залетало из коридора эхо звонких голосов. Это студенты других кафедр весело набивались в аудитории, обмениваясь радостными возгласами от встреч после разлуки во время каникул и делясь впечатлениями.
А я опять одна…

Я вздохнула.
Сегодня с утра я встала пораньше, взяла сложенную еще с вечера выданную мне сумку, в которой, правда, кроме тетради и перьев для письма ничего не было, и отправилась на свое первое занятие. У стенда с расписанием пришлось долго искать аудиторию, куда мне идти. В конце концов я обнаружила нужное в самом низу списка. На фоне выполненного каллиграфическим почерком расписания запись, торопливо сделанная, похоже, прямо на весу, выглядела коряво и небрежно.
— А ты слышала, что темная на балу приворожила себе поклонника? — неожиданно раздался рядом чей-то громкий голос.
— Слышала… Наверное, ей, бедняжке, не на что больше рассчитывать, кроме приворота, — прозвучал в ответ второй.
— И подумай только, какая пронырливая! Княжич, да еще и радужный! Вот наглая-то, а?
— И не говори! У этой Терской — ни стыда ни совести! Нам в триста пятую…
Поворачиваюсь на голоса, чувствуя, как к щекам приливает кровь. Две девушки в зеленых мантиях отходят от расписания и только сейчас замечают меня.
Секундная пауза.
Смотрю на них, как последняя дура, не зная, что сказать. Девушки переглядываются, и одна другой корчит рожу. Они одновременно прыскают и, подхватив друг друга под локти, торопливо устремляются по коридору мимо меня.
— Ха-ха-ха! — несколько секунд спустя слышу я их веселый громкий смех из-за поворота.
Сплетницы! Мерзкие сплетницы, наконец соображаю я, что сказать, но уже поздно. Они убежали.
Дуры набитые! Да как у них язык повернулся такое произнести! Никого я не привораживала! Он сам пригласил меня на танец! Я вообще не знала, что он тоже маг. Не из-за меня же он пошел на темный факультет! Этого не может быть! Или может? Да ну! Ерунда! Я бы тогда это почувствовала. В книгах пишут, что сразу все чувствуется. Вот я, например, чувствую или нет? Чувствую? Вроде не чувствую… Или чувствую? Непонятно. Но что он тогда имел в виду, когда говорил о каких-то своих соображениях? Все на меня так смотрели, как будто я то самое «соображение» и есть. Он вообще-то странный… Один костюм чего стоит! Откуда такой только взял? Хотя ему идет… Но хоть он и странный, но смелый. Как он эту Алистеру! Вот ведь противная какая! Это она ко мне из-за того, что я ее обрызгала у фонтана, цепляется… А Эри, оказывается, уже умеет делать заклинания. Нужно мне тоже быстрее научиться… Полезут в следующий раз — я им покажу! И сплетницам этим тоже! Какое-нибудь проклятие на язык! Чтобы не двигался. Захотят про меня гадость сказать — а он не шевелится! Вот смеху-то будет! Хотя это нехорошо… людей проклинать. Это только темные душой делают… У меня же душа не темная? И что теперь? Они будут про меня гнусности говорить, а я буду молчать? Может, если по чуть-чуть проклинать, душа не потемнеет? Я вспомнила злорадные лица своих обидчиц и вздохнула.
Нет… По чуть-чуть, наверное, не получится… На них чуть-чуть не подействует… по лицам видно, что им нужно будет самое сильное…
Ругаясь на сплетниц и размышляя сразу обо всем, я добралась до нужной мне аудитории, которая встретила меня пустотой и гулким эхом. При виде этой пустоты у меня сжалось сердце, и вся злость куда-то делась. Не пришел… Наверное, передумал… Он ведь может стать кем хочет… Он радужный! Таких со времен древних не было. Зачем ему быть темным? Это незавидная участь. Видимо, он передумал и выбрал другой факультет. Как бы я хотела тоже иметь возможность выбора!
Я снова вздохнула. Прозвенел колокол, извещающий о начале занятий. Шум, залетающий из коридора, стал стихать, и меньше чем через минуту стало совсем тихо.
Не пришел…
— Хай! Ты чего тут одна делаешь? Спишь, что ли?
От внезапно раздавшегося громкого голоса я буквально подпрыгнула на месте. Оборачиваюсь. Из приоткрытой двери выглядывает голова с темной шевелюрой и насмешливым прищуром темных глаз.
Эри! Он пришел! Он все-таки пришел!
Не скрывая радости, улыбаясь, я смотрю на него.
— А где наш препод? — поинтересовался Эриадор, входя в аудиторию. Под мышкой правой руки он держал что-то зеленого цвета.
— Вот, никого нет, — развела я руками, — сижу, жду.
— Ясно, — кивнул он в ответ и произнес с довольным видом непонятное слово: — Кульненько!
— А почему вы не в мантии? — глядя на него, спросила я, решив не уточнять, что значит это слово.

На Эриадоре был камзол из черной ткани и такого же цвета штаны, заправленные в короткие черные сапожки.
— Ну не могу же я это взять и надеть! Вот так сразу. Даже не примерив!
С этими словами он небрежно плюхнул на стол рядом со мной то, что держал под мышкой. Я с удивлением увидела, что это мантии. Три зеленых целительских мантии…
— Вот, получил, — с непонятной интонацией в голосе произнес Эри. — А черных он мне не дал. Сказал — нету! Ты свою где брала?
— Мне на заказ шили, — ответила я, — у управляющего черных мантий не было…
— И мне сказал, что нужно шить на заказ, — слегка наморщил нос Эриадор.
— Они быстро шьют. Мне за два дня пошили. И вам, наверное, так же будет…
— Давай на «ты»! — предложил Эри.
— Что? — не поняла я.
— Предлагаю обращаться на «ты», — повторил Эриадор. — Нам с тобой, похоже, еще долго вместе учиться, поэтому давай на «ты»! Можешь звать меня Эри. Согласна?
— Да, согласна! — с удовольствием кивнула я.
— А насчет мантии ты переживала совершенно зря, — сказал Эри, указывая рукой на брошенные на стол мантии. — Вон, сама посмотри!
— На что? — вытянула я шею.
— Цвет. Тебе такой не пойдет.
— Почему? — спросила я, внимательно разглядывая ближайшую ко мне мантию.
— Какого-то он гавн… грязноватого какого-то оттенка. Не твой цвет. К твоим глазам лучше черный. Или белый.
— Да-а-а?
Видно уловив моем голосе недоверие, Эри уставился на меня, глядя чуть из-под бровей.
— Не веришь? — В его голосе прозвучала легкая насмешка. — А ты примерь! Сама увидишь.
— Как же я ее примерю? — растерялась я. — Тут негде… Потом, это ведь твое… И, в конце концов, это просто неприлично!
— Да? Тогда просто приложи ее к себе!
— А-а-а…
— Давай, давай! Не стесняйся! Ты же хотела такую мантию! Вот и попробуй!
Хотела… Но не так… Как он вольно обращается с тем, о чем другие только мечтают, пришла мне в голову неприятная мысль.
— Ты действительно на это согласен?
— Согласен? — не понял Эри. — Да, согласен. Я тебе об этом и говорю.
— Но ведь это мантия! Это символ…
Пару секунд Эри внимательно смотрел на меня.
— Извини, — произнес он, — для тебя это много значит. Я не подумал. Прости.
— Да нет… ничего… Просто… понимаешь… я…
— Я понял. И извинился.
— Все хорошо. Я не обижаюсь. Правда.
Возникла неловкая пауза.
— Ты действительно не обидишься, если я ее немножко подержу? — не выдержала я затянувшейся тишины. Мне вообще-то действительно очень хотелось взять в руки мантию, о которой так мечтала. Да и потом, это способ сгладить возникшую неловкость. Эри, похоже, действительно не имел в виду ничего плохого. Просто ему все и сразу, вот он этого и не ценит…
Вместо ответа Эриадор взял в руки сложенную парадную манию и, держа ее перед собой на вытянутых руках, обернулся ко мне:
— Леди Терская! Не окажете ли вы мне честь, приложив к себе эту замечательную парадную мантию целителя?
— Э-э-э… — никак не ожидая такого, растерялась я, чувствуя, что начинаю краснеть.
— Прошу вас, леди! — торжественно произнес Эри, делая легкий полупоклон.
— Благодарю вас, господин Эриадор!
Встав из-за стола, я сделала реверанс.
— Возьмите! — протянул он мне мантию.
— Спасибо! — ответила я, принимая ее. Когда я брала ее, наши руки соприкоснулись, и, кажется, я еще больше покраснела. Не желая, чтобы он это заметил, я быстро опустила голову, делая вид, что всецело увлечена разглядыванием одежды. Ткань мантии была на ощупь немножко колючей. Я осторожно положила ее на стол и аккуратно расправила, подняв ее вверх за плечи.
Мантия целителя… Так близко… И так недостижима…

Я прижала подбородком жесткий накрахмаленный воротник мантии, прикладывая ее к себе и чувствуя, как колотится мое сердце.
— Я же говорил, что это не твое, — грубо разрушая магию момента, произнес Эри. — Она тебе на лицо зеленым отдает. Не хочу тебя обидеть, но кое-кого это напоминает… Что-то лягушачье…
Какой же он нечуткий! Не понимает, что для меня… Но додумать не успела.
— И чем вы тут занимаетесь, молодые люди?
Оборачиваюсь. В распахнутых дверях аудитории стоит ректор университета и с улыбчивым прищуром смотрит на меня.
— Ой!
— Обновки примеряем, господин ректор, — не полез за словом в карман Эриадор, пока я ойкала, и поклонился.
— Я не ошибся в своих расчетах встретить вас здесь, Эриадор, — ответил ректор, наклоняя голову, — но я, собственно, тут не за этим… Господин Эриадор, госпожа Стефания, — кивнул поочередно нам Мотэдиус и, опустив вниз сцепленные в замок руки, неспешно, делая паузы между предложениями, заговорил глубоким, приятным голосом: — Я зашел к вам засвидетельствовать свое почтение и извиниться за то, что вы остались у меня без учителя. Сейчас по всему университету для новичков идет первый урок. Им рассказывают об истории кафедр, чем они будут заниматься, знакомят с преподавателями и друг с другом, и только вы у меня остались одни… Поэтому я сейчас возьму на себя смелость стать вашим учителем и расскажу вам все, что вы услышали бы от него… Прошу вас, садитесь!
Ректор указал нам рукой на места, сам поднялся за кафедру и, сделав паузу, продолжил:
— Итак, начнем. Ситуация с отсутствием преподавателя неприятна, но, как и всякая проблема, она имеет свое решение… и разрешима. Ваш учитель приедет примерно через три месяца. Раньше он никак не может… А пока вы будете заниматься вместе со всеми. Все дело в том, что для первого курса особых различий в обучении нет. Все в общем порядке изучают историю, древние языки, теоретические основы магии, а также письменность и счет. Грамотное изложение своих мыслей — не последняя строчка в списке добродетелей мага… Уж поверьте мне. А владение математическими вычислениями понадобится при расчете заклинаний и поможет сберечь кошелек… Кроме этого у вас будут практические занятия… Опять же для первого курса различий в них нет. Главное, чему вы там должны будете научиться, — это обращение к своей внутренней силе, к своей магии. Раскрыть свой потенциал. И только после того, как вы сделаете это… только тогда вы сможете начать изучать заклинания той стихии или того дела, предопределенность к которым показал Камень Судьбы. Поэтому не переживайте, что у вас сейчас нет учителя. Фактически вам на первый год обучения он не нужен… и приедет в общем-то просто познакомиться с вами… Конечно, очень жаль, что сложилась такая ситуация, когда целое направление магии представлено в нашем университете настолько слабо… Я имею в виду темную магию… Пусть весьма своеобразную, порой со спорными методами достижения результатов, но, несомненно, вносящую свои краски в многокрасочную палитру мира… Я не устаю повторять, и сделаю это еще раз, что, по моему глубокому убеждению… морально-этические основы применения магии определяются в первую очередь личностью мага, а никак не цветом его мантии… Слепое деление на цвета — это путь примитивных людей, которые не понимают, что мир — это смешение красок, а вовсе не подконтрольное им разделение цветов… Однако об этом мы поговорим более полно немного позже… Я прочитаю вам всем несколько лекций на тему «Морально-этические аспекты применения магии». Как показывает моя многолетняя практика, многие даже не подозревают, что таковые существуют… Но, как я уже сказал, это будет позже. Вот в общем-то это все, что я хотел вам сказать при нашей встрече… Есть ли у вас ко мне вопросы?
— А когда можно будет пользоваться библиотекой? — быстро спросил Эриадор, словно этот вопрос уже вертелся у него на языке.
— Вы и сейчас можете ей пользоваться… — непонимающе наклонил голову к плечу ректор.
— Нет, я имею в виду специальную литературу. Сейчас можно взять только художественные и исторические книги.
— Доступ к специальной литературе будет разрешен с начала вашей предметной специализации… Под руководством преподавателя.
— Да-а? — В интонации Эри послышалось недовольство. — А к архивам? — спустя секунду поинтересовался он.
— Архивами вы сможете пользоваться после того, как смените свой студенческий значок на знак мага.
— Понятно… — протянул Эри, что-то обдумывая.

— Видя ваше стремление к овладению тайными знаниями, такое же, как и у многих до вас, я, как и им, скажу — посещение архива бессмысленно без отличного владения древними языками… — Мотэдиус сделал паузу и продолжил: — Если с литературой для учебы ситуация более-менее нормальная — есть переводные издания и книги, написанные нашими современниками, то в архиве все совсем по-другому. Почти все гримуары написаны на мертвых языках, на которых давным-давно уже никто не говорит… С множеством специфичных слов и сокращений, смысл которых, увы, зачастую утерян. Работа с такими древностями — это скорее работа исследователя-языковеда, чем работа исследователя-мага. Поэтому мой вам совет — усердствуйте в изучении языков, усердствуйте… И тогда, вполне возможно, архив откроет вам свои секреты…
— Я знаю древние языки, — неожиданно сказал Эриадор.
— Вот как? — искренне удивился Мотэдиус. — Именно языки? И сколько вы их знаете?
— Мм… пять… нет! Шесть!
— Да что вы говорите? — недоверчиво покачал головой ректор. — Лично мне известно о существовании всего лишь четырех!
— Ну… не знаю… Согласен, что два из них похожи… Вполне возможно, что это разновидности одного и того же… — не стал спорить Эри.
— Похожи? Что ж, это очень интересная новость. Если это действительно так и вы и вправду обладаете столь редкими знаниями, то тут можно вас только поздравить, господин Эриадор!
— Спасибо. А нельзя ли вместо поздравлений допустить меня к архиву? Прикрепить к какой-нибудь группе исследователей… Есть же у вас такие?
— Хм… — хмыкнул Мотэдиус, в задумчивости взявшись правой рукой за подбородок. — Хм… Что я могу вам сказать… Прецедентов таких до этого не было… Однако, учитывая вашу… мм… некоторую своеобразность… Может, это будет как раз первым случаем? Не знаю. Но если в этом будет действительно хоть какая-то целесообразность…
— Я готов подтвердить свои знания! — бодро сказал Эри.
— Молодой человек, молодой человек! — осуждающе покачал головой ректор. — Давайте не будем спешить! Первый день учебы… Вы переполнены энтузиазмом и рвением… Я вас прекрасно понимаю. Однако при всем моем уважении к вам я сильно сомневаюсь в необходимости срочно собирать комиссию для того, чтобы подвергнуть вас испытаниям… Давайте доживем до начала занятий по древним языкам! И там уже после первых уроков всем будет понятно, что нам делать с вами дальше… Не будем спешить! Вы ведь слышали о том, что маги живут в среднем четыреста лет?
Эри согласно кивнул.
— А если слышали, тогда поймите — время у вас есть. Открою вам небольшой секрет. Торопливость — черта, которая в открытую не осуждается в магической гильдии, но и не приветствуется… Весьма. Вы меня понимаете?
— Вполне, — ответил Эриадор, слегка поджимая губы.
— Тогда не будем спешить…
Тут раздался звон колокола, извещающего о конце урока и начале перемены.
— Ну вот. Мы с вами проговорили целое занятие, — улыбнулся ректор, дружелюбно прищуриваясь. — Я выполнил свою работу полностью. Следующим по расписанию у вас история, которую будет преподавать магистр Рейсмос. Насколько я знаю, сегодня он расскажет вам об истории нашего университета. Успехов вам на занятиях, молодые люди!

Эри

— Откройте ваши тетради и запишите тему сегодняшнего занятия… «Кровеносная система человека». Кровеносная система, или, как еще ее называют, кровеносно-сосудистая система предназначена для переноса красных кровяных телец по телу человека… Центром системы является пульсирующий орган — сердце…
Погнали, тоскливо подумал я, полуложась на парту и подпирая голову локтем. Еще час моего времени на бла-бла-бла…
Когда ректор вещал про то, что специальные предметы начнутся после первого года обучения, он почему-то забыл сказать, что кафедра целителей — исключение. Специализация на ней началась сразу.
— За этот год мы должны будем с вами изучить основы человеческого тела — его строение, отдельные органы, системы, образуемые им, их функционирование и взаимодействие между собой. Материала много, объем большой, но это основа, без чего вы не сможете двигаться дальше, когда научитесь управлять своей силой. Поэтому от вас

потребуются усидчивость и трудолюбие, усидчивость и трудолюбие… Все, что я говорю, вам необходимо записывать… — Магесса Элеона Танийская, преподаватель первого курса целителей, с первого занятия взяла быка за рога, загоняя студентов в стойло послушания и трудолюбия.
Ну… если совсем точно — то со второго. Первое занятие я пропустил, выбрав из двух вариантов темную кафедру. Уж больно мне хотелось посмотреть, придет преподаватель или нет? Вышло забавно. Вместо учителя приперся ректор, чтобы мы не чувствовали себя одиноко. Спасибо, конечно, но я бы лучше подремал. У меня как раз с собой три мантии было. Можно было хорррошую подушку сделать! Нет, пришлось слушать вводную лекцию, куда деваться. А потом меня замели у целителей.
— И где же вы были, юноша? Почему я вас не видела на первом занятии? — сразу начала разбор полетов магесса, едва только отзвенел колокол к началу урока и я вошел в аудиторию. — Я вас слушаю.
Она строго смотрела на меня темно-карими глазами. Элеона была плотной в теле женщиной невысокого роста, с закрученными на голове в кокон светло-каштановыми волосами и ухоженным холодным лицом. Выглядела вполне молодо, лет на тридцать — тридцать пять, но это если не смотреть ей в глаза. А вот если посмотреть, то становилось ясно, что ей отнюдь не тридцать и не шестьдесят… и может, даже и не восемьдесят…
— Госпожа магесса, я был на занятиях на темном факультете.
— Вот как? — Судя по голосу, Элеона была неприятно удивлена. — Вы предпочли мои занятия другим? Не соблаговолите ли объяснить причину вашего столь странного выбора? Слова «мои» и «странного» она выделила голосом. В аудитории наступила настороженная тишина. Все молча глядели на нас, ожидая, чем кончится наш разговор.
— У меня были причины, госпожа магесса.
Кто-то отчетливо хихикнул.
— Неужели? И что же это были за причины, позвольте узнать?
— Аудитория для темных была на втором этаже, а ваша на третьем… Туда было ближе… Я постарался улыбнуться как можно лучезарнее.
— Острите? — Взгляд магессы был как кончик клинка кинжала, направленный в лицо. — Что ж, приятно, что у нас есть остроумный человек…
Если взгляд у нее был как лезвие, то голос был зловещ, как скрип двери склепа.
Не стоило тетю дразнить… Да ну их! Задрали уже! Я собирался изображать студента, а не учиться! Ну может, самую малость, чуть-чуть… Но это уже ни в какие рамки не лезет! Що я вам, студент действительно, что ли?
— Ну что ж, проходите, садитесь, — многозначительным тоном сказала Элеона.
— Благодарю вас, — кивнул я и, повернувшись к аудитории, окинул ее взглядом.
Не очень большое помещение с рядами деревянных столов светлого дерева, уходящих амфитеатром к потолку. Из-за них на меня настороженно таращатся десять… двенадцать пар глаз. Два ряда по пять и еще двое. Десять девок, двое парней. Я тринадцатый. Чертова дюжина, значит… Мило. Тут на глаза мне попалось знакомое лицо. Красавица, которая хихикала и аистом называла.
Так ты у нас второгодница, подумал я, направляясь к приглянувшемуся месту, с краешку. Или третьегодница… Значок-то у тебя был, когда ты хихикала! А если учесть, что присягали императору всего пять целителей, то, выходит, что половина тут — второгодники…
Университет хоть и смахивал на земные, но все же отличался. Все-таки не математиков готовили или врачей, а магов. А магия, она штука такая, расписания и сроки у нее свои. Ну вот должен ты на первом курсе овладеть силой, а у нее на это другие планы. Через год или через два решит, что пора ей в руки хозяина-мага даться. Да и потом с развитием тоже у всех по-разному может быть. У кого сразу, а кто бьется, бьется — все равно ничего не выходит. А потом раз — и скачок. И все получается. Короче говоря, магия — это непросто. Новичков сразу всех предупредили, что, если что не так — не паникуйте. Терпеливо и трудолюбиво ползем вперед… пусть на бровях, но ползем… А там стрельнет. Обязательно стрельнет!
Побочный результат такой необязательности магии — отсутствие четкого разделения по возрастам. Запросто можно встретить на одном курсе людей разного возраста с разбегом между ними эдак от двух до пяти лет. Но чтобы у ленивцев не возникало желания списать свою лень на неисповедимые пути магии, в университете существовала экономическая бодрилка.
Обучение тут — условно бесплатное, с оплатой по завершении обучения. Поступил — император за первый год твоей учебы платит. Год проучился, экзамены сдал — перевели на следующий курс. Не сдал — сиди по новой, жди озарения. Император опять платит, но к сумме годового обучения плюсуется еще четверть от годовой стоимости. Опять не сдал —

император платит, но ты уже должен снова за год плюс плату за полгода плюс предыдущий долг. И так, пока годовая плата с добавкой за тупость не сравняется. Ну а там как в университете решат. Или долги все возвращаешь и продолжаешь грызть гранит науки уже за свой счет, либо, коли денег нет, выходишь из стен альма-матер каким есть — балбесом и дуешь отрабатывать долг в какой-нибудь гарнизон или еще куда-нибудь руками махать, насколько ты научился это делать за время учебы. Впрочем, если ты умник-разумник и нигде больше года не сидел, то ты все равно должен. Император ведь за тебя платил! Так что будь готов должок вернуть… Причем весь и сразу. Правда, сумма долга будет меньше, чем у балбеса, да и отличникам бонусы по выплатам полагаются. Но все равно — должник. Очень мне этот момент не понравился. Не люблю быть кому-то должным… Однако порядки тут такие. Ничего не поделаешь…

Под трудолюбивый скрип перьев я рассеянно наблюдал за магессой, вещавшей с кафедры. Я был единственным, кто не записывал ее лекции.

Элеона это сразу заметила.

— Эриадор, почему вы не пишете? — поинтересовалась она, опуская в обращении ко мне все уважительные слова. В университете правило — обращаться на «ты». И еще никаких своих слуг. Только местные. Мол, на «ты» — это значит, мы все — большая дружная семья, а отсутствие слуг — привыкайте к трудностям походной жизни. Мне это тоже не понравилось. Если в обществе нет цветовой дифференциации штанов, то что же такое будет? В средневековье без разноцветных-то штанов совсем нельзя! Это ведь даже не Земля, хотя дифференциация и там есть. И потом… Я же собирался тайлиш себе присмотреть! Полученные деньги от продажи найденных в пустыне древностей позволяли соблюсти традиции моего мира. Традиции нужно чтить… В данном случае они – то единственное, что удерживает меня от сползания на одну ступень с низшими…

Так вот, почему вы не пишете, поинтересовалась она у меня, показывая этим «вы» свое недовольство.

— Потому что тетрадь можно потерять, а голова у меня всегда с собой, — вежливо ответил я.

— Да, но вы можете что-то забыть, а вот конспект — нет! Открыли, посмотрели — вспомнили!

— Я и так все прекрасно помню…

После того как у меня несколько прибавилось сил в плане магии, я наконец смог немного позаниматься со своими мозгами. Точнее, с мозгами Эри… Короче, неважно, чьи это сейчас мозги. Важно то, что память моя оказалась на месте. Весь архив, собранный на Земле, был при мне. И еще. Я снова мог искать в нем. Не вспоминать, морща лоб, чего там и как было, а задавать поиск и находить то, что нужно. То, что ничего не пропало, было весьма приятно. Кроме того, вместе с памятью вернулись способности к точному запоминанию информации.

— Неужели? — не поверила магесса. — Тогда, может быть, вы перечислите мне основные органы человека и системы, в которые они входят?

— Пожалуйста, — сказал я и принялся дословно цитировать материал вчерашнего занятия. Голосу ее я подражать не стал, это было бы уже чересчур, и так она была неприятно поражена.

— М-да, — с некоторым разочарованием подвела итог магесса, после того как я замолчал, — вижу, что с памятью у тебя действительно все в порядке.

В качестве поощрения за правильный ответ она перешла на «ты».

— Но все же я бы тебе рекомендовала не полагаться целиком только на нее и хоть что-то, но записывать.

— Конспект тоже может быть внезапно съеден мышами.

— Какими мышами? — не поняла она.

— Голодными до знаний…

Элеона только губы чуть плотнее сжала.

— Что ж. Как хотите. Отсутствие конспекта или небрежное ведение его — это дополнительные вопросы на экзамене. Вы меня понимаете?

— Я согласен на дополнительные вопросы.

— Хорошо. Продолжим нашу лекцию… Записываем…

В аудитории раздался легкий шорох поворачиваемых сподручнее тетрадей и звук от поудобнее устраиваемых на скамейках задниц будущих целителей, готовящихся продолжить конспектирование. Не нужно было быть великим эмпатом, чтобы ощутить недружелюбие и зависть, разлившиеся в воздухе и направленные на меня. Конечно. Они пишут, дымясь от усердия, а я — слушаю, полулежа на столе. Если еще учесть, что многие пишут уже по второму разу, а некоторые, возможно, даже и не по второму… Понимаю. Но, как говорится: пишите, Шура, пишите. Вы мне не ровня…

Отношения с сокурсниками у меня были прохладные. Я ходил с высокомерным видом, в разговоры не лез, отвечал односложно. Плюс еще моя черная мантия, в которой я пару раз появился у них на глазах. Короче, ко мне не приставали.
Честно говоря, они меня чем-то раздражали… Что-то хотелось им сделать… такое. Хотя вроде поводов особо они мне не давали. Так, девчонки шушукались между собой, поглядывая на меня, и все. Парни вообще помалкивали. Но вот хотелось!
Это все от нервов, подумал я, меняя позу — затекла рука. Если кому что и устраивать, так это варгушам…
Левый рукав мантии как раз съехал к локтю, открывая шрам…
Хорррроший такой, красно-фиолетовый отпечаток зубов, по краям которого четко были видны следы от клыков. Похоже, что эта красота осталась мне от Дины на вечную память. По крайней мере, до тех пор пока я в этом теле. Когда я пошел к целителям, намереваясь вернуть руке нормальный вид, все только головой мотали, к кому бы я ни обращался.
— Это же кожа, — говорят и разводят руками. — Нужно было сразу делать, в течение трех дней. А сейчас уже все, время ушло. Теперь необходимо сдирать весь поврежденный участок, кусок мяса под ним и отращивать все заново. И то не факт, что не будет по цвету отличаться. Вполне возможно, что это место будет более розовым и гладким, чем вся рука. Кожа — это очень сложно. Отрастить — да, но вот создать новый участок, не отличимый по структуре от старого, — это уже высочайшее целительское искусство, стоящее немалых денег и большой траты времени.
М-дя, подумал я тогда, так и сяк крутя руку и критически рассматривая отпечаток Динкиных зубов, — косметические операции тут, значит, тоже не делают… Три дня! Кто ж знал-то? Некогда мне было тогда красоту наводить. Шкуру целиком спасал, не до этого было. Что ж, ладно, придется, видно, оставить… Как напоминание о том, что за мной долг и что пить мне нельзя. К примеру, сел за стол, потянулся к бокалу, манжетик сполз — и вот они, зубки показались! Помнишь, что было, когда ты немножко выпил, а? Помнишь? Ага, помнишь… Тогда, значит, поставь на место и не трогай! Лучше компоту… И не забывай — время идет, а они там бегают, довольные жизнью, а ты тут, покусанный, сидишь и думаешь — безопасно ли в город тебе прогуляться или нет?
Короче, шрам я оставил на память, а вот с какого перепугу мне Дина снилась две ночи подряд, я так и не понял. С головой у меня с тех пор, как я из Этории вырвался, был полный порядок. Никакого двоечувствия, никаких странных мыслей и поступков. Я снова стал одним целым — самим собой. И желание было четким — поквитаться. Без всяких полутонов. Но вот приснилась же!
И каждый раз одно и то же — мы с ней в какой-то комнате, она сидит у входа, грустная такая, а я чувствую, что она хочет что-то сказать, но молчит. Молчит, молчит, а потом вроде уже рот открывает, вот-вот скажет, и тут начинается! То Эста придет, то Лисса со своими подружками припрется, то еще кого-то совсем непонятного принесет. И все! Не до разговоров. Все шумят, несут какую-то ерунду…
А Дина сидит и молчит. Только смотрит на меня, виновато втянув голову в плечи, печальными глазами… грустно так… Так ничего и не сказала.
Я вообще, когда она первый раз приснилась, очень крепко удивлен был.
— Скучает, что ли? — сказал я сам себе, выставляя из-под одеяла левую руку и рассматривая шрам на ней. — Ладно, я думаю, что мы еще встретимся, Динуля… Я готовлюсь… И буду в форме…
Свою подготовку в столице, как и в Этори, я тоже начал со сбора информации.
В библиотеке в свободном доступе оказались две книги про варг. Не очень толстые, но достаточно разумно написанные, чтобы узнать, откуда это все пошло и что со мной было.
Все оказалось достаточно просто. Среди магов прошлого было полным-полно эмпатов. Очень удобно чувствовать настроение собеседника и поворачивать разговор в нужном направлении, не так ли? И совместные переживания, несомненно, гораздо богаче, чем чувства одной личности. Только ничего не бывает за просто так. Первым смекнул об этом, похоже, самый ушлый из волшебников, который и создал варг, — маг по имени Дарг. Дарг, и все. Одно слово. Ни родового имени, ни титулов. Ничего. Имя — плевок.
Сделанные им красавицы, транслируя по эмпатическому каналу чувства любви, дружбы и доверия, банально влезали в мозг их жертвы и подчиняли ее себе, ну а потом передавали контроль над захваченным своему хозяину — Даргу. Оказывается, что положительные эмоции защитой местных магов не блокируются. Как опасность они не расцениваются. Нет тут такой защиты. Есть только один способ — глухой ментальный щит. С утра до вечера и с вечера до утра.
Хм, шустряга этот Дарг, догадался ведь! Каждый хочет, чтобы его любили, и открыт для этого чувства. Это же как калиточка в каменной стене замка рядом с запертыми воротами.

Совсем не обязательно ломиться через главный вход, достаточно одного убийцу в щелочку впустить, и хозяина можно спо-окойненько прирезать…
Конечно, со временем маги научились держать ментальный щит постоянно, но к этому времени Дарг уже успел сколотить из порабощенных небольшой такой ударный отрядец, с которым и начал первым боевые действия. Или не он… Смутно об этом месте пишется… Но в общем-то уже неважно, кто там начал, но вот то, что ряды тогдашних магов он проредил прилично — факт, не подлежащий сомнению. Причем только сам за себя воевал. Аналог земного Махно, так сказать. Однако в конце концов, похоже, он всех так крепко достал, что ловили его уже всей толпой, заключив даже для этого всеобщее перемирие.
Неправильно, что не написали, как его убили, подумал я, сидя над закрытой книгой, подперев руками подбородок. Его смерть была воистину ужасной! Ну что это за описание!.. То ли плюшкой он за чаем подавился, то ли кожу с него живьем содрали… Неординарная ведь личность была, и так неуважительно о последних минутах жизни великого мага! Нехорошо… А вот то, что мне тут мозги напрочь не вынесли, так это, похоже, просто удачное стечение обстоятельств. Во-первых, я не низший. Хоть мозг и тело у меня от Эри, но сознание совсем другое, а варги, видно, имеют четкую настройку на местных. А во-вторых, сдается мне, что за время, прошедшее с их создания, они несколько деградировали. Например, клыков у них во времена Дарга никаких не было. Что в общем-то объяснимо. С клыками под красивую девушку не замаскируешься. Кто к себе зубастое чудо подпустит? А сейчас они все с клыками. Видать, как перестал создатель за своим творением присматривать по причине смерти, так оно и пошло вразнос. А может, он просто поторопился и чего-то не учел. Вот неучтенка за сотни лет и вылезла. Да запросто! Я уже поиграл с ускорителем времени в Эсферато, представление имею, к каким результатам через несколько столетий приводят мелочи, не учтенные сразу. Причем похоже, что изменения у варг к худшему произошли не только во внешнем облике. Видно, что деградировали они и в духовном плане. Рвать зубами шеи — это уже звериное, причем неконтролируемое звериное. Тут, правда, один из исследователей пишет, что это как-то связано с невозможностью продолжить род, но это уж совсем… Уже к насекомым близко. К паукам, например. Интересно, из кого их там Дарг слепил? Было бы забавно узнать… Да и в магии они наверняка «просели». Хотя… Варианты вполне возможны.
Интересно, зачем их держат, пришла мне в голову мысль. Землю выделили, размножаться дают… Значит, какой-то интерес у кого-то из власть имущих к ним есть. В книгах об этом ничего не пишут. Нужно будет об этом у кого-нибудь спросить… при случае…
Свой вопрос я озвучил Виллорту, пару дней спустя случайно столкнувшись с ним рядом с университетским архивом.
— Я вижу, Эриадор, вам варги покоя не дают? — усмехнулся в ответ он, выслушав меня.
— Не то чтобы сильно… Любопытствую, скажем так, какие чудеса есть в империи… — уклончиво ответил я.
— Что ж, любопытство вам никто запретить не сможет, только не переусердствуйте. О варговских чудесах вам лучше думать перед окончанием учебы. Поверьте мне, больше будет шансов узнать о других чудесах. Дело тут в том…
И Виллорт поведал мне, кому и зачем в империи нужны варги. Оказывается, они банальный противовес магам. Сам по себе маг — существо опасное и не всегда четко понимающее, что интересы империи должны быть выше личных интересов. И что думать в первую очередь нужно не о себе, а о государстве. А порой маг (по мнению императора) просто становится прямым врагом, решив занять чужое место или покусившись на то, что ему не принадлежит. Нет, конечно, существуют клятвы верности и служения, но на каждый конкретный случай клятву не принесешь, а понятие о благе империи и императора можно толковать порой очень широко. Были бы мозги, которые у магов всегда есть, причем нередко мыслящие как-то очень по-особому. Так вот, чтобы таких хитромудрых приводить в чувство и изолировать их, если нужно, от общества, — существуют варги. Со времен Дарга они действительно многое подрастеряли, но кое-что у них все же осталось. Оказывается, есть у них такая штука, как боевая пятерка — отряд, предназначенный для убийства магов. Специально отобранные особо сильные менталистки, объединенные в группу, цель которой — совместным ментальным ударом вынести мозг оборзевшего кудесника.
М-да, чудненько-то как… Значит, варги — это тут последний довод королей, как говорится? Хотя нетрудно догадаться, что заставить магов убивать друг друга — занятие довольно проблематичное. Их здесь не так уж много, учились все в одном месте, наверняка все друг друга знают. Попробуй отправь приятелей друг за другом охотиться. Скорее всего, они сто лет ходить кругами будут, в упор не замечая друг друга. Или еще хуже — возьмут да и объединятся. Что тогда с ними делать? Да и потом, подобные приказы совсем не добавят популярности власти в глазах других магов. А так — наверняка основная ненависть

варгам достанется, а тому, кто их послал, — постольку-поскольку. Работа у него такая — империю хранить, и ненавидеть его за это нельзя. Наказуемо. Если не зарываться, то императору вполне можно держать магов в узде, своевременно приводя их в чувство, не давая развиться у них опасным иллюзиям. Да и для магов это тоже порой может быть удобно. Есть же у них какие-нибудь отщепенцы? Наверняка! При таких больших сроках жизни чудаков должно хватать. Проще и безопаснее убрать их чужими руками, чем самим пачкаться. Так что варги в этом случае — очень даже удачное решение проблемы… Все с этим ясно. Я был совершенно прав, когда подумал, что они кому-то нужны. Единственно неясно, чего тогда Эста была такая милая и улыбчивая, коль у нее такие козыри в рукаве имелись?

С ходу не придумав ответа на этот вопрос, я адресовал его Виллорту как владеющему большей информацией.

— Пятерки присягают непосредственно императору и без его приказа шагу не сделают, понимаете? А если император решит, что варги позволили себе необязательность в исполнении его законов, то он пошлет туда нас… — оскалился Виллорт.

А вы уж миндальничать не будете, договорил за него про себя я.

— А если пятерки выступят на стороне своих? — все же решил поинтересоваться я.

— Исключено, — покачал головой маг. — Там клятва особого рода, на крови. Ее нарушить невозможно. Да и потом, не так уж много у них обученных. Мало одаренных. Нас больше. А сила пятерки — во внезапности. Когда знаешь, чего бояться, все становится гораздо сложнее, согласитесь?

— Угу, — кивнул я.

— Да и потом, после нападения ведущая такой пятерки обычно погибает, так что группа разваливается, а на создание новой требуется время, — продолжил Виллорт.

— Почему погибает? — удивился я.

— Учиться им не у кого, — как-то криво усмехнулся в ответ тот. — Нет у них магов. А у нас нет желающих натаскивать их. Вот и тренируются они вполсилы, предела своего не зная. А когда доходит до дела… Все ж через ведущую идет, так она выкладывается по полной, чтобы, как говорится, наверняка, ибо если мага сразу не убить, то он с ними расправится. Быстрее, медленнее, но расправится. Вот ведущая пятерки и рвет жилы, себя и подруг спасая. Но когда предела не знаешь… Подруги-то тоже по полной в первом бою с перепуга выдают. Вы понимаете, о чем я?

— Угу, — снова кивнул я, пребывая в некотором ошеломлении от того, что, оказывается, варги еще и смертницы по совместительству. Ей же достается столько же, сколько и магу. Если у того мозги взрываются, то почему они у нее должны уцелеть? Она ведь не знает, сколько надо силы вложить, чтобы и мага убить, и самой уцелеть. Опыта-то нет. Феерия…

— Есть, правда, у них… — после некоторой паузы медленно и задумчиво произнес Виллорт, уставившись в землю, словно что-то припоминая, — те, кто выжили после первого раза. Вот они редкостные твари, скажу вам. Очень опасны. Поэтому я вам и говорю, не переусердствуйте, — обратился уже ко мне маг, поднимая глаза от земли. — Ваше любопытство может быть весьма рискованным. Подумайте хорошенько, прежде чем что-то делать.

— Понял. Но тогда получается, что пятерка только на один выстрел? Как-то неэкономно…

— А, — пренебрежительно махнул рукой Виллорт, — эти уродки новых нарожают! Малость поднатаскают, и на один раз сгодится! Маг дороже обходится. За него можно несколько пятерок отдать, даже не думая. Его учить только сколько нужно! А эти со своим даром уже рождаются, ничего, окромя него, делать не умея. Учи их, не учи их, все без толку. Как простолюдины. Как начали с детства дубиной махать, и все — к клинку их уже не приучишь. Тупая грязь! Да и потом, не так уж часто они и нужны. По мне — так пусть их совсем бы не было. Прожили бы!

Отношение к варгам тут понятно, резюмировал я для себя этот разговор вкупе с ранее полученными данными. Ну что ж… Вполне возможно, что мне это весьма даже на руку…

Бом-бом-бом, прозвонил колокол, извещая о конце занятия и прерывая мои мысли.

— Закройте ваши тетради, на сегодня все! — скомандовала магесса.

По аудитории пронесся звук хлопков торопливо закрываемых тетрадей, сопровождаемый плохо скрываемыми вздохами облегчения.

— Тема нашего следующего занятия: «Применение лекарственных трав в лечении», — не поведя бровью, сообщила с кафедры Элеона, — и проведем его мы с вами в оранжереях. В наших оранжереях выращиваются самые разнообразные целебные травы и кустарники. Вы тоже примете в этом участие. Каждому из вас будет выделен участок земли, на нем вы должны будете вырастить лекарственную траву, из которой потом сварите целебное зелье. Это будет вашей курсовой работой в конце следующего года. А завтра вам выделят участки и покажут, как подготовить землю к посадке…

Что?! Они что всерьез решили сделать из меня ботаника?

Этория

— А я поеду!
— Дина, уймись! Никуда ты не поедешь!
— Тетя, я поеду! Я должна его видеть!
— Объясни — за-чем?
— Я хочу с ним поговорить!
— О чем? О, богиня… — простонала Эста, закрывая глаза и хватаясь за лоб. — Ну о чем ты можешь с ним поговорить?
— Ну… просто… поговорить! Сказать ему, что он неправильно все понял! Что все на самом деле не так! — Дина с энтузиазмом смотрела на тетку.
— Ох, — ответила та, прикладывая ко лбу уже другую руку. — Знаешь, беременность порой сказывается по-разному, но в твоем случае, похоже, она больше всего ударила по голове!
— Тетя, я не шучу, — обиделась Дина, — мне действительно нужно с ним поговорить!
— Хватит! — рявкнула Эста, хлопнув ладонью по столу. — Я тоже не шучу! Я больше не в состоянии выносить твои капризы! И я сказала — никуда ты не поедешь! Будет она еще со своим животом по лошадям лазить! Щас, разбежалась! Дома будешь сидеть как миленькая, пока не родишь! Если самой мозгов не хватает о дочках подумать, так я за тебя подумаю. Куда ты попрешься в таком состоянии, ну куда, скажи мне?!
— Ну тетя, ну как ты не понимаешь…
Дина внезапно захлюпала носом, и из ее глаз неожиданно хлынули слезы.
— Он мне-э-э нужнее, — негромко завыла она, прижимая руки к груди.
— О боги… — Эста схватилась обеими руками за голову, сжимая большими пальцами виски. — У меня сейчас голова лопнет… За что мне это? Дина, прекрати! Мое здоровье уже не то, чтобы выслушивать каждый день твои истерики! Я уже не молодая! Я тебе сказала — потом поедешь! Вот родишь и поедешь!
— До… до-олго-о… — задирая голову при каждом шмыганье носом, провсхлипывала племянница.
— А если с детьми что-то случится? Ты думаешь, он этому обрадуется? А?
— Думаешь… он рассердится?
— Конечно, — тоном, не допускающим сомнений, тут же отозвалась Эста. — Конечно, рассердится! Я уже который день это донести до тебя никак не могу!
— А если я приеду с детьми… то он обрадуется! — обдумав слова тети, сделала логический вывод Дина, наклонив к плечу голову и смотря в никуда. Похоже, она просто озвучивала свои мысли. — Обрадуется…
— Обрадуется, обрадуется, — торопливо зачастила Эста, видя, что племянница вроде успокоилась и продолжение истерики дальше не планируется. — Только сначала нужно родить.
«Сильно сомневаюсь я в его радости… Особенно в свете вашего расставания и моего последнего разговора с ним, — подумала Эста, глядя на размышляющую племянницу. — Но эту проблему будем решать потом… Главное, чтобы она сейчас фортель какой-нибудь не выкинула!»
— Конечно, обрадуется! — подвела черту под разговором Дина, похоже взяв в голову новую мысль, и улыбнулась. — И он все поймет! Правда? — с сияющими глазами, в которых словно по волшебству исчезли слезы, повернулась она к Эсте.
— Угу… — только и смогла та кивнуть в ответ.
— Ну тогда я пошла! — жизнерадостно сказала Дина и спохватилась: — Ой, тетушка, спасибо вам большое! Вы мне всегда так помогаете!
— Иди, иди, — полузадушенно просипела та в ответ, вяло махнув рукой. — Иди…
«Она меня в могилу загонит… — минутой спустя подумала Эста, устало плюхнувшись в кресло и усиленно массируя себе виски указательными пальцами. — Истерики чуть ли не каждый день. Я ее уже с испугом жду — придет или не придет? Что с ней происходит — совершенно непонятно… Целительница уверяет, что все прекрасно… А я вижу, что у нее с головой что-то совсем не в порядке… Можно, конечно, покапризничать в таком положении, чего не бывает… Но так? Это уже слишком… Все к Эри своему ненаглядному рвется. Чем он ее так приворожил?»
Эста вспомнила улыбающегося виновника.
«Убила бы паршивца! — подумала она. — Столько крови моей… И денег. И все из-за него! Жаль, что нельзя… Эта идиотка серьезно собирается с ним встретиться. Если узнает, что я

ему что-то сделала, она меня со свету сживет. И не посмотрит, что я ее тетя и ее тоже люблю. Там любовь поинтереснее. Чем же он ее так приворожил? Парррршшшивец!»

Если бы Эста могла видеть золотое облако, окружающее Дину, вопросов бы она не задавала…

Урок французского

— Теперь поднимите руки те, кто уже хоть как-то изучал языки… — Преподаватель древних языков магистр Эльвино Аббондазио, представившись, сразу перешел к выяснению ху из ху среди пришедших к нему учеников. — Это касается только вновь поступивших… — быстро поправился он. — Тех, кто учился в прошлом году и не перешел на следующий курс, это не касается.
Лес поднятых рук резко поредел, сократившись до одной руки, которую гордо держала Алистера Эберардо.
— Тэкс, тэкс, тэкс… — Эльвино немного исподлобья обежал глазами аудиторию, в которой сидело почти сорок человек. — Что, больше никто?
Справа неторопливо поднялась рука в черном.
— Ага, — кивнул преподаватель, словно нашел искомое. — Все, больше никого?
Аудитория ответила отсутствием движения.
— Значит, никого. Хорошо. Тогда начнем с дамы. Алистера, какой язык вы изучали?
— Я изучала древнеируйский, — встав, ответила она.
— Правильный выбор, — одобрил Эльвино, — спускайтесь вниз, пожалуйста, посмотрим, каков ваш уровень знаний… Ну а вы, молодой человек, какой язык изучали? Если я не ошибаюсь, вас зовут Эриадор?
— Да, господин магистр, поднимаясь со своего места, ответил парень. — Эриадор. А какие языки я изучал, я ответить вам не могу…
— Почему? — удивился Эльвино.
— Я не знаю, как они называются…
По рядам пронеслись шепотки и раздалось несколько отчетливых смешков и хихиканий.
— То есть вы изучали, но не знаете, что именно? — уточнил, не понимая, Эльвино.
— Дело в том, что они у нас называются по-другому.
— Ах, ну да! Вы же у нас… Ну да. Прошу, тогда становитесь рядом с Алистерой, посмотрим, что вы знаете… Тэкс. — Эльвино достал из стола и, развернув, повесил на крючок плакат. — Алистера, читайте первое предложение!
— Орес торене… куте торт ту ситерте…
— Орес торине… — привычно поправил Эльвино. — Что это значит?
— Правда… спрятана… внизу… нашей души…
— А вы что скажете, Эриадор? Вы можете это перевести?
— Истина таится в глубинах нашей души — я бы перевел это так.
— Что ж, очень неплохо! Именно то, что тут написано. Прочтите следующее предложение.
— Честo мебени торен ти кэст, ге торело батера, вот олс честo цукатара, а блакело турено ттосте висте… — спокойно прочитал Эриадор и перевел: — Выбирая между добром и злом, не забудьте, что белый быстро грязнится, а черный всегда притягивает тепло…
— Браво! — не удержался Эльвино. — Замечательно! Отличное произношение и совершенно верный перевод. Кто вас учил?
— Отец, — несколько уклончиво ответил Эриадор.
— Просто отлично! А теперь вы, Алистера, третье предложение!
Нахмурившись, та не очень уверенно прочитала.
— Переведите!
— Мудрость важна. Бери мудрость, и твое имя возьмет ум…
Эльвино разочарованно поджал губы.
— А вы, Эриадор, как это переведете?
— Главное — мудрость: приобретай мудрость и всем именем твоим приобретай разум…
— Садитесь, Алистера, — кивнул Эльвино. — Эриадор, я приятно удивлен вашим знанием древнеируйского! Но господин Мотэдиус говорил, что кроме него вы знаете еще пять языков?
— Да, господин магистр, — ответил тот, задумчиво глядя в спину уходящей на свое место с недовольным лицом Алистеры, — это так.
По аудитории пронесся недоверчивый шепот.
— Что ж, это весьма и весьма интересно! После занятий задержитесь, пожалуйста, я с вами поговорю, а сейчас садитесь на свое место, и мы начнем наш первый урок. Все — откройте

тетради и запишите тему первого урока… Классификация древних языков. Исторические корни и нынешнее состояние…

Эри

Я сегодня с вами.

И хочу, чтоб дольше длился праздник…
[32]
—

мурлыкал я, быстро двигая грифелем по листу. На меня снизошло вдохновение, и, чтобы оно вульгарно не пропало, я решил сделать эмблему темного факультета. А что? Как говорится, кто, если не я? Шоу должно продолжаться… Хе-хе…
На вопрос к эконому: «А где наши значки, собственно?» — тот невразумительно промычал, что отменены. Что значит отменены? Ну решением высшего магического совета… триста лет тому назад. Как в песне черепахи Тортиллы — три-и-иста ле-э-эт тому назад!
А почему? Дабы не напоминать… Ага… ясно… вопросов не имею. Сходил в библиотеку, нашел книгу… полюбопытствовал… Хороший был значок… Красный череп на черном фоне… Внушительно так. Даже без перекрещенных костей. Почитал заодно про темных магов. Ну… хотели власть захватить… ну над миром… ну половину его умыли в крови… И чего тут такого? Полным-полно таких случаев. Сплошь и рядом. Амбициозные личности, поставившие перед собой серьезные цели. Не зря, как говорится, жизнь прожили. До сих пор их вспоминают… Многих даже по именам, персонально. А желание власти — ненаказуемо. Желания, они вообще — двигатель прогресса. Не будь желаний, никто никуда не двинулся бы…
Так. Со значком. Значит, он будет круглым… согласно принятому стандарту… В запрете говорилось про конкретное графическое решение… Запрета на то, чтобы у темного факультета был свой значок, нет…

Я пою для вас, моих смешных, красивых, очень разных…

Несомненно, смешных и разных, припомнил я лица сокурсников и сокурсниц. Такие рожи на меня делают… Особенно когда узнают, что они в аутсайдерах…
Например, недовольно вытянутая физиономия Алистеры, с которой она сидела все занятие древяза. О чем-то размышляла… Девушка явно хотела блеснуть, но ее невообразимый свет померк перед другим солнцем… Похоже, она это просто так не оставит… Хе-хе… Надеюсь… А то скучновато… А когда я появлюсь с двумя значками, может, еще кто-нибудь решит, что это уже чересчур. Значок — это тут серьезно… Статусная вещь. А я буду одно с другим мешать…
Я вспомнил, как Стефания, словно акулка, крутилась вокруг целительских мантий.
Вот уж воистину, видит око, да зуб неймет… Как же ей хотелось зелененькую примерить! Но нельзя! Не по статусу… Вообще она сильно заморачивается со своей мантией. Я уже попробовал нажать на «женские струны», намекнул, что зеленый ей не идет. Как-то не очень сработало… Проще нужно быть, проще… Вот как я, например! Демон в чужом теле, попавший в какой-то наизахудалейший мир, с какими-то невнятными богами, неспособными самостоятельно разобраться со своими проблемами… Имею на себе проклятие в виде пророчества о скорой смерти этого мирка вместе со мной… И ничего! Сижу, песни пою!

Только не надо слез!
Девчо-о-онки, мои девчо-о-онки,
Какие мне еще слова найти для вас?
Девчо-о-онки, мои девчо-о-онки,

Мы ночь разбудим светом горящих глаз!
Мы но-о-очь разбудим светом горящих глаз!

Фраза про ночь — это самое главное в этой песне. Она у меня будет девизом. Значок нужен с подтекстом, а не просто так. Глянул — череп! А, ну так это эти… которые те. Неинтересно. Изюминка нужна. У всех на значках просто символические рисунки — синяя капля, голубой вихрь-сопля, красный костерок и зеленый лист, сильно смахивающий на листок земной конопли. А у меня еще кроме рисунка и слова будут:

«Мы ночь разбудим светом горящих глаз!»

Отличнейший слоган для темного факультета! У меня еще был вариант: «Хватай за горло!» Но «свет горящих глаз» мне понравился больше… С намеком таким на скрытые возможности… А за горло — это скорее для вампиров… Без затей он…
Так! Набросок готов, теперь будем раскрашивать… Главное — соблюсти баланс цветов. Ювелиру потом ведь делать… Не хотелось бы еще через его упрямство пробиваться… Нужно, чтобы у темных были самые дорогие значки… Дабы окружающий народ облез от зависти… А у меня будет два. Конопляный и темный… Может, конопляный тоже у ювелира заказать? Фмм… Нужно подумать. А темных закажу две штуки… Один мне, один Стефи… Как бы она брыкаться только не начала. Девушка гордая, чувствую, если упрется, то проще будет выбросить, чем уговорить… Скажет, мол, дорого, девушке неприлично принимать дорогие подарки — не возьму! И вся моя затея накроется большим тазом. Если одному со значком ходить, аки павлин, буду выглядеть смешно… Ладно, подумаем. Время есть, пока сделают… Там, кстати, болтали, что какой-то родительский день намечается… То ли посылки из дома… то ли валентинки… Короче, нужно узнать. Может, от подарков в этот день отказываться нельзя? Вот и всучу… Так! Готово! Ну чего там у меня получилось?
Вытянув руки, я отодвинул от себя лист с рисунком и критически оглядел результат работы. На круглом диске, залитом глубоким синим цветом, в центре — две черные стилизованные фигуры ведьм, летящих на метлах. В высоких ведьмовских шляпах и свисающих с метел юбках, из-под которых выглядывают башмаки с загнутыми вверх носами. Ведьмы изображены одна за другой, одна поближе, другая подальше. Под широкополыми шляпами на лицах, обозначенных только овалом, узкие красные глаза формы веретена. Широкие по центру и сужающиеся к краям, такие, какие рисуют животным. Например, кошкам. По краю диска надпись, выполненная в виде эльфийских рун: «Мы ночь разбудим светом горящих глаз!»
Хм… Вроде ничего… Синий цвет — глазурь, надпись — золотом, на глаза — красные рубины, ведьмы… Ведьмы — глазурь или гагат. Может, черный агат пойдет… Посмотрим, каких оттенков они у ювелира…
Я еще раз критически оглядел листок и сморщил нос. Не… не пойдет! Не то! Хэллоуин какой-то. А вообще, ведьмы тут есть в принципе? Я как-то не уверен в этом вопросе. Но даже если есть, то при чем тут маги? На Земле маги вроде круче ведьм… В Эсферато вообще ведьм нет… И главное, наверное, наворот драгоценностей на значок не есть гуд… В университете не голытьба учится, у них блестящих камешков и золотых побрякушек вполне хватает… Не удивишь. Значит… что? А значит, нужно сделать что-то, что будет дороже здешней ювелирки. Что у нас дороже? Арррр…тефакты! Значок-артефакт? А что? Такого тут я ни у кого не видел. Артефакторы ерундой не занимаются. Все по документам шуршат да военное что-то делают. И есть у меня подозрение, что, окромя этих направлений, ничего они не знают. Ну не попадались мне тут на глаза лавки с магическими безделушками. А коль такого тут не делают, то, значит, не заметить не смогут. А как я его изготовлю? Как, как? Что голову ломать? Наложить иллюзию, закрепить ее в основе значка, и все дела! Все равно меня на большее не хватит… О’кей, значит, так! Ведьм выкидываю, оставляю одну черную основу и надпись по краю… Затем… затем… Затем по центру появляется морда Хайтанги со светящимися глазами! А кто тут знает, кто такой Хайтанги? Наверняка как и о ведьмах — никто! Ну рожа и рожа, может, для местных еще и не особо страшная будет… Он в общем-то с виду ничего… Мм… да. Тогда… тогда так: на черном круге внезапно появляется пара красных глаз! Просто глаз! Точно! Монстра к ним каждый дорисует себе сам… По вкусу. Потом еще одна пара глаз, еще одна… первая моргает, еще глаза… Пока все поле не заполнится ими… И в этот момент пускаю по надписи бегущую вспышку-импульс — засвечиваю в ней последовательно по одной букве. Дойдя до конца, импульс «поджигает» всю строку. Надпись мерцает и медленно гаснет… Хауу! Выглядеть

должно эффектно! Мелочи, конечно, нужно будет еще подшлифовать, но идею можно взять за основу. И сначала значок сделать, а потом уже к нему привязывать иллюзию. Та-а-ак… Поставим в памяти галочку — зайти к ювелиру… И будем считать, что день прошел не зря. На кафедре языков я засветился, народ взбодрил, значок придумал. Ай да я! Осталось только свалить отсюда… Предварительно кое-кого покурощав…
Я вздохнул, вспоминая глаза Хель и оскал Дины. Вот только нечем… курощать. Плюшек нет…

На следующий день

Шлеп!
Толстенькая коричневая книжка в потертом кожаном переплете плюхнулась на стол. Я, сморщив нос, без всякого удовольствия смотрел на нее. Сплошные засады кругом! Вчера так мило поговорили с Эльвино, я уже губу раскатал на посещение архива… А сегодня, после того как я ему и еще двум его коллегам продемонстрировал свои знания неизвестных мне до сегодняшнего дня языков, мне вместо доступа к архиву, подсунули это произведение. На, мол, переводи!
Дра-асти, приплыли! Оно мне надо? Сорок с лишним листов прочитай, переведи, а перевод запиши в тетрадь. Ага! Щас! Калоши надел и побежал! Это сколько времени придется потратить! Еще и после учебы! А что взамен? Я почти так и поинтересовался у Эльвино: «А что я буду с этого иметь?» Тот явно не ожидал, что я потребую оплату за свои услуги, и несколько растерялся. На его несколько неуверенный спич о том, что неужели я не хочу повысить уровень своих знаний, переводя всякие редкие замшелости, я ему спокойно ответил, что уровнем своих знаний я вполне удовлетворен и отсиживать свою задницу за просто так, переводя какие-то ненужные мне невнятности, не намерен.
— Знаете, я студент, — сказал я ему. — Студент столичного университета. А в столице всегда найдется, чем заняться студенту. Более интересным, чем перевод…
Эльвино и сотоварищи надулись и обиделись: что может быть интереснее, чем познание нового и разгадка древних тайн?
Ну, в другом месте и в другой ситуации я бы с ними согласился — сам страдаю любопытством. Порой излишним. Однако сейчас совсем не та обстановка, в которой можно любопытствовать, попусту переводя время. Время! Его у меня мало. Я даже не знаю, насколько его мало. Поэтому взывание к моей совести и любознательности я проигнорировал и определил конкретную цену своей трудовой деятельности — доступ в архив.
— Зачем он вам?
Я объяснил. Мол, у меня дома мама с папой. Скучаю… Еще у меня там невеста с приданым в виде замка и княжества. И я по ним тоже скучаю. По всем троим сразу. А тут у меня только белозубая улыбка и больше ничего. Желания здесь своим горбом заработать на замок и княжество, начиная с нуля, у меня нет. И поскольку у меня тут ничего нет, я просто хочу туда, где у меня кое-что есть. И желательно быстрее… через портал.
Такие естественные, понятные причины, против которых трудно что-то возразить. И не возразили, а стали думать, как быть?
— Не знаю… удастся ли вам получить доступ в архив. Все регламентируется советом. Вы ведь пока только студент… Первый курс. Еще ваша вторая профессия… И вы иностранец, хоть и принявший присягу… Допустить вас со всем этим до свободного поиска в архив? Вряд ли наша служба безопасности на это согласится, — с большим сомнением в голосе произнес Эльвино, скептически пожав плечами.
М-да? Вполне возможно. Хоть, как говорится: и в мире нет таких вершин, что взять нельзя — процесс покорения данной горы может затянуться один Сихот его знает насколько… «Торопливость — не та черта, которая приветствуется в магической гильдии…» — вспомнил я слова господина Мотэдиуса, сказанные им на первом занятии. Да… Они тут запросто могут лет десять чесаться, размышляя — впустить или не впустить…
— Насколько я понял, — неожиданно подал голос один из присутствующих, — Эриадору в общем-то нужны книги о порталах, а не доступ в архив как таковой. — Ведь так? — спросил он меня.
— Собственно говоря, да, — ответил я, — меня интересует конкретный вопрос, и ни на какие тайны прошлого империи я не претендую.
— Да? — с неким разочарованием в голосе отозвался Эльвино. — Какой вы, оказывается, практичный человек! На первый взгляд вы мне показались несколько более… э-э-э… интересующимся.
Будешь тут интересующимся… Когда часики тикают…

— Я думаю, что книги мы вам обеспечим, — продолжил между тем магистр. — Они не относятся к запрещенным или опасным. Некоторые из них читают уже десятилетиями, а может, даже столетиями, и ничего страшного пока не случилось. Так что наверняка их можно будет спокойно выдать для ознакомления… Даже первокурснику. Уж не знаю, правда, что вы там поймете…
Читать зачитанные до дыр гримуары, от которых нет толку? Фееричное занятие… Эх, ладно! Все равно больше ничего нет. Ознакомлюсь хоть с макулатурой… А там посмотрим.
— Но вы же понимаете, что мы не можем просто так вам их давать, нарушая принятые в университете правила? Ректор, скорее всего, будет против…
Понятно, сейчас с меня запросят плату… Кто бы сомневался…
Короче, договорились до следующего — я им перевожу, а они снабжают меня литературой. Книга, которую я плюхнул на стол, была из личной библиотеки магистра Эльвино и являлась моим задатком. Пока они утрясают вопросы с ректором, я делаю перевод.
— Бе-э-э… — Без удовольствия я еще раз посмотрел на книжицу. — Жирная-то какая! Как бы мне ее побыстрее «пульнуть»? Хм…
Разговор с Эльвино и сотоварищи состоялся только что, а с утра был еще один цирк. В оранжереях.
— А теперь вы берете садовую лопаточку и начинаете вскапывать землю… вот так! — Полный энтузиазма, местный агроном показывал, как это делать. Я стоял в толпе целительниц, внимательно смотрящих на это действо, и малость обалдевал. Они что, серьезно? Они же дворянки! И вот так вот будут рыться в земле? Фантастика!
Перед вскопкой была экскурсия. Старшекурсницы, захлебываясь от восторга, рассказывали, что они посадили и что у них выросло. И как они за этим ухаживают. И когда они будут собирать урожай. И что они с ним потом сделают. Глаза горят, энтузиазм хлещет, только что пар не валит. Что с ними? В чем причина?
Может, просто дело в том, что они в кои-то веки что-то сделали своими руками, пришла мне в голову простая мысль, когда я пытался объяснить себе их поведение. Свое, оно дорогого стоит… Потом еще дух соревнования… А ну! У кого самый большой огурец вырастет, тому — зачет! Забавно, конечно, но в земле я рыться не собираюсь… Я вам не крестьянин!
Крестьянин не крестьянин, но, когда все взяли в руки лопаты, пришлось изобразить лояльность и солидарность с массами. Поковырялся вместе со всеми. Впрочем, не я один такой вялый был. Все, поступившие в этом году, тоже не проявляли активности. Видать, духом соревнования еще не прониклись…
Потом, когда я хмуро мыл руки под прозрачной струей воды из-под большого медного крана, на глаза попалась Стефания. Свернув с дорожки, она сунулась к первым попавшимся ей целительницам и что-то спросила.
Меня, что ли, ищет? Интересно, зачем, подумал я, брезгливо разглядывая так и не вымывшуюся из-под ногтей землю.
Я поднял глаза и увидел итог разговора. Старшекурсница как раз закончила что-то говорить Стефании и, с предовольной рожей повернувшись к ней спиной, задефиляла по дорожке, сопровождаемая двумя подружками. Стефи же стояла с распахнутыми глазами, вытянутым лицом и губами, сложенными буквой «о».
Обтекает… Видать, какие-то откровения услышала. Тоже мне — повелительница Тьмы! Ей гадостей наговорили, а она стоит, глазами лупает!
Стефания меня не видела, поэтому, придя в себя, она повернулась и быстро исчезла, наверное, переваривать обиду. Догонять я ее не стал. Тогда бы пришлось показать, что я все видел, а это Стефи будет неприятно. Да и настроения, честно говоря, не было, чтобы еще кого-то успокаивать и выслушивать. Хотелось сделать что-нибудь такое, чтобы раз и навсегда закончить с этим кретинизмом и оказаться отсюда как можно дальше…
Короче — весь день сплошные траблы. Я посмотрел на книгу, представил, как я занимаюсь переводом… Вспомнил свой недовскопанный участок в оранжерее под номером семнадцать, еще, что завтра снова до обеда маразматические предметы, оканчивающиеся двумя часами целительства, и меня перекосило.
Нужно срочно сбросить стресс, иначе моя психика необратимо травмируется, понял я. Как это сделать? И на ком отыграться? На красавицах, которые нахамили Стефании? И ведь не боятся на темных наезжать… Хотя по Стефи видно, что она — ромашка… Если она будет продолжать в том же духе, то репутация темного факультета несомненно пострадает… Нужно будет поговорить с ней на эту тему… А пока — как же проучить наглячек?? Хм… хм… помнится, две из них — заядлые огородницы. Тарахтели про выросший у них великолепный урожай целебного репейника так, что преподу пришлось их затыкать. Хм… Чувствительная для них точка, однако… И что, выполоть им сорняки на участке?
Уку… Я отрицательно помотал головой.

Разве я похож на крестьянина? Вот займусь прополкой, стану на него похожим. И потом, это примитивно, и крайних сразу найдут. Почему-то мне кажется, что это будем мы со Стефи. Тут нужен какой-нибудь виновник, на которого можно будет все свалить. С которого взятки гладки… И желательно немой… Мм… Там заборчик маленький есть. За него запустить… животину какую-нибудь! О! Точно! Козла! Мм… Где я возьму козла? Помельче нужно. Кролика? Точнее, кроликов. А они соблазнятся их репеем? Кто ж его знает, будут они его жрать или нет? Хм… Свиньи? Точно! Эти все сожрут и перепашут! И взятки гладки… Чья свинья? Ничья! На ней ведь не написано, чья она. Не написано… Написано — не написано, переписано… У-у-у! Это же классика! Университет вздрогнет! Но если не университет, то кафедра целителей точно. Все! Решено! В оранжереях на днях случится внезапное нашествие свиней, с последующей массовой проверкой на интеллект! Класс! Я щелкнул пальцами. Значит, так! Мне нужны свиньи, в количестве трех штук. Краска, кисточка… И… и напарник! Один я не справлюсь… А кто у нас напарник? Кто у нас напарник… Что за вопрос? Стефания! Кто же еще?!
Я широко улыбнулся. Мы же сокурсники!

Стефания

Хрю! Хрю-у-у!
— Да держи ты его!
— Он дергается!
— Дергается, значит, живой! Смотри, вырвется!
— Ой!
— Держи его!
— Я не умею со свиньями обращаться!
— Будто я умею! Держи и все!
Хрррю!
— Свин! А ну лежать!
Хрю!
Вот уж не думала, что это будет таким кошмаром! Когда Эри вчера пришел ко мне в гости и предложил пройтись по городу, я подумать не могла, что последствия этой прогулки будут настолько неожиданные. Пока мы не вышли за ворота университета, Эри рассказывал о том, что происходит у него на целительском факультете. Знает, что мне это интересно и я всегда с удовольствием слушаю. Но как только мы вышли за стену, Эри сменил тему. Стал рассказывать про характеры его сокурсниц. Что он поражен, насколько их поведение далеко от благородного и больше подходит, пожалуй, безродным торговкам на базаре.
Какой он внимательный, подумала я, с благодарностью глядя на него. Он тоже это заметил. Торговки! Лучше не скажешь. И как у них язык поворачивается такое говорить!
Я нахмурилась, вспомнив свою беседу у оранжерей. Я ведь только спросила, где мне найти Эриадора, а эта…
— Мне кажется, такое недостойное для дворян поведение не должно быть оставлено без осуждения и наказания… — обернувшись ко мне, сказал Эри, прерывая мои мысли.
— Да, — совершенно без раздумий кивнула я. — Только кто это сделает?
— А мы на что? — приподняв брови, доверительно наклонился ко мне Эриадор. — Давай мы их проучим!
— Давай! А как?
— Есть отличная идея! У этих селянок есть грядка, где они выращивают цветочки, которые очень любят. А мы им туда свиней запустим! Свиньям — свиней, так сказать…
— Здорово! — От избытка чувств я захлопала в ладоши. — Придут, а там свиньи! Такие же, как они! Наглые и хрюкающие! Здорово! А… нас потом не накажут?
— А кто узнает, что это мы? Свинки ведь говорить не умеют. Главное, чтобы нас не заметили, когда мы будем их подбрасывать. Смотри! У меня уже все продумано…
И Эри рассказал свой план. Он предложил купить трех небольших свинок или поросят на рынке, привезти их в университет и выпустить в оранжерею.
— Почему трех? — не поняла я.
— Чтобы наверняка. Кто его знает, как себя поросенок поведет? Может, он сытый или ленивый, бегать не будет? А три — это уже с гарантией.
— А как мы их в университет пронесем? На воротах ведь заметят!
— Все просто. Смотри…

Эри предложил «использовать существующие порядки». Поскольку за стену не пускали посторонних, а грузы студентам и в университет доставлять все равно приходилось, у ворот существовал специальный склад. Всякий, кто желал что-то передать внутрь, привозил это туда и выгружал груз работникам. А те уже развозили внутри университета кому что предназначалось. Эри предложил купить два дорожных сундука, запихать туда свиней и переправить их таким образом.
— Свиней три, а сундука два, — озвучила мысли я. — Нужно тогда три сундука!
— Один возьмем большой, другой поменьше. В большой засунем двух.
— Зачем? — все не понимала я.
— Чтобы цифры не сходились, — пояснил он. — Когда начнут выяснять, откуда внезапно взялись свиньи в университете… Три свиньи — три сундука через грузовой терминал. У кого-то в голове числа совпасть могут. Правда, три свиньи и два сундука тоже могут совпасть… Но вероятность этого ниже.
— Через что? — переспросила я. — Терм… инал? Вероятность? А что это значит?
— А, не обращай внимания! — махнул рукой Эри. — Это слова с моей родины. Не забывай, что я иностранец. Ну как тебе мой план?
— А если они задохнутся в сундуках? Или захрюкают?
— Наделам дырок, а свиней напоим!
— Напоим? А они разве пьют?
— Я слышал, что их можно напоить пивом. И они даже вроде любят это дело.
— А как мы их потом разбудим? Они же пьяные будут!
— Другого зальем! Возбудина!
— Возбу-дина? — Я наморщила лоб, пытаясь вспомнить, не слышала ли я раньше этого слова. — А что это?
— Это такая штука… Ну… как те объяснить? Мм… Короче, если ее влить в хряка, то он начинает быстро-быстро делать поросят. Ну… понимаешь, о чем я?
— А-а-а… ага… — закивала я. Откуда он это знает? Он что, свиней держал?
— Ну так ты согласна это провернуть?
— Провернуть?
— Ты согласна с моим планом? — вздохнув, перефразировал свой вопрос Эри.
— Ну… не знаю… — растерянно протянула я. — А если заметят?
— Оранжереи на отшибе, место пустынное, народу мало… А если еще от стены заходить, там, где кусты, так там вообще никого нет! Засунем в окна для проветривания, и все, привет!
— Как-то боязно…
— Чего боязно-то? Ты слышала про студенческие шутки и розыгрыши? Вот это они и есть. Неужели ты собираешься сиднем просидеть в университете все годы учебы и ничего такого не сделать? Такого, о чем можно будет с удовольствием вспоминать до старости?
— Почему… Хотела! А вдруг меня из университета выгонят?
— Чего-о-о? — удивленно протянул Эри. — Тебя, из университета? Ты это серьезно?
— Темных магов не любят…
— И много их тут, этих темных магов? — с легкой иронией в голосе поинтересовался Эриадор.
— Ну… Я. Ты. Ты и я.
— Ты да я да мы с тобой. Двое. Всего двое.
Эриадор поднял правый указательный палец вверх, сделав многозначительное лицо.
— И что?
— А то, что делать то, что делают темные маги, в этом университете могут всего лишь двое — ты и я. Смекаешь?
— Ну и что? Кому нужно это уменье?
— Хм… кому? Ну во-первых, раз взяли на учебу — значит, кому-то это надо. А во вторых… Ты знаешь, чем занимаются темные маги? — спросил он меня.
— Убивают… всех…
— Все остальные тоже убивают. И воздушники, и водники, и тем более огненные. У всех есть боевые заклинания. Даже у целителей и артефакторов они есть. Так чем занимаются темные маги?
— Э-э-э… ну… я как-то не очень себе представляю, — призналась я, с удивлением осознав, что я действительно этого не знаю. Все мои мысли были всегда направлены на целителей.
— Смертью они занимаются, — сказал Эриадор, не дождавшись от меня ответа, — сссмертью!
— Смертью, — шепотом повторила я страшное слово. — Смертью…
— А что такое смерть?
— Смерть? Смерть — это конец. Конец жизни.

— Ну не совсем. Смерть — это… это как бы обратная сторона жизни. Понимаешь? Как монета. Две стороны. Жизнь-смерть, жизнь-смерть! А?
— Это все знают. И что?
— Что? А то, что всех людей интересует жизнь и смерть. Их жизнь и их смерть. И правители, которые у власти, а также богачи и великие полководцы ничем в этом плане не отличаются от простых смертных. Все хотят жить. Никто не хочет умирать.
Я молча смотрела на него, ожидая продолжения. Я не понимала, о чем он.
— Если целитель может продлять жизнь, то почему магистр смерти не может, скажем так — отдалить смерть? Ведь он знает, что это такое — смерть. Как ты думаешь? — спросил меня Эри.
— Отдалить смерть? Никогда о таком не слышала, — покачала головой я. — Но… если магистр отдалит смерть, как ты говоришь, то тогда… тогда… получается, что он будет продлять жизнь! Так, что ли?
— Заметь, ты сама это сказала! — ответил Эри, назидательно поднимая вверх отставленный указательный палец. — И если так, то выходит, что темный маг тоже может быть целителем. Пусть несколько своеобразным, но целителем. Целитель в зеленой мантии — со светлой стороны силы, а целитель в черной мантии — с другой, с темной ее стороны. Мм? Как тебе такая идея?
— Никогда не слышала, — покачала я головой, — чтобы темные маги исцеляли…
— Не в обиду тебе будет сказано, но предположу, что ты много чего еще не слышала. И это совсем не значит, что что-то не существует только потому, что ты об этом не слышала. Но даже если такого нет… Даже если такого нет, — Эри снова поднял вверх указательный палец, — это ведь не значит, что ты не сможешь это сделать. Закончишь учебу, времени будет навалом, займешься исследованиями… Создашь свою школу… Станешь знаменитой темной целительницей… А что? Неплохая идея!
— Так ты это все придумал?! — возмутилась я. А я тут уши развесила, слушаю его!
— Почему? — спокойно ответил Эри. — Вполне возможно, что это осуществимо. Ты же хотела стать целителем — так стань им! Будущее зависит от тебя! Слышала такое?
— Нет, не слышала… А ты не шутишь? Ты действительно думаешь, что это возможно?
— Ты же маг. А маги… Говорят, они умеют творить чудеса…
За такими странными разговорами мы дошли до места, где у университета стояли извозчики. Эри взял экипаж, и мы поехали на рынок. Я с удовольствием разглядывала улицы и людей с высоты сиденья, попутно размышляя о словах Эриадора. То, что он сказал, было очень необычно, но… Но мне это нравилось! Если подумать, а правда, почему так нельзя? Никто этого не делает? Ну и что? Это ведь совсем не значит, что это невозможно! Я же хотела быть целительницей? Хотела! Когда ехала сюда, была уверена, что будет трудно, нелегко, но я со всем справлюсь. Но мне не повезло, и я отказалась от своей мечты. А Эри предлагает способ ее осуществить. Очень странный способ, и сразу понятно, что непростой. Ну и что? Главное, чтобы вышло. Пусть будет трудно, пусть смеются, но я справлюсь. Если я захочу, то я своего добьюсь! А я хочу! Пожалуй, действительно стоит попробовать сделать так, как сказал Эри. Вдруг получится? Вот все удивятся! А с чего мне тогда начать? Наверное, нужно изучить целительское дело. Чтобы «отдалять смерть», все равно нужно знать, как человек устроен. А как я это узнаю, меня ведь этому никто не учит? А?
Тут мы приехали на рынок, и свои мысли я отложила на потом, потому что я была здесь всего лишь однажды. Первый и единственный раз вместе с родителями, перед их отъездом. Тогда мы покупали вещи в небольших лавках, расположенных с краю рынка. Эри же уверенно направился в глубину рыночного круговорота. Пробравшись сквозь торговые ряды и толпы людей, мы вышли туда, где торгуют животными. Эри походил вдоль низеньких загонов с поросятами и, выбрав, на его взгляд, подходящего, достал веревку и принялся измерять животное, сильно перегнувшись через невысокий заборчик загона.
— Зачем вы его меряете, господин? — удивленно поинтересовался продавец, наблюдая, как Эри прикидывает к недоуменно хрюкающему поросенку веревку. — Это очень хороший поросенок! Если вы будете его кормить, то он может вырасти гораздо больше.
— Да вот, — небрежным тоном ответил Эри, — хочу посмотреть, поместится ли он на мое золотое блюдо.
— Золотое… — открыл рот крестьянин, с восхищением уставившись на Эриадора.
— Ага, — ответил ему Эри с невозмутимым видом, завязывая узелок на веревочке, — знаешь, как это непросто золотую посуду иметь! Вечно — то свисают с краев, то маленькие, не достают до них. А ведь все должно быть, как положено. Золото требует к себе уважения! Но тут никому доверять нельзя. Приходится самому ходить, выбирать… Золото есть золото!

Глядя, как крестьянин в линялой холщовой рубахе, подпоясанной веревкой, с серьезным видом понимающе кивает, — да, мол, золото есть золото! — я невольно начала хихикать, на что Эри сделал в мою сторону жест: поднял вверх указательный палец — молчи, мол!
Померив поросят, Эри пошел выбирать сундук. Поприкладывав веревку с узелками, он вместо двух выбрал один, высокий и узкий, заказав вделать в него две вынимающиеся полки на ножках и насверлить дырок в днище.
На вопрос продавца, зачем портить сундук, объяснил: «А чтобы никто не задохнулся по дороге в дом прекрасной леди».
Продавец покосился на меня, ухмыльнулся и больше вопросов задавать не стал.
Он что, подумал, что я та самая леди? Ну ничего себе!
Но Эри потащил меня дальше, не дав возмутиться. Жилье снимать.
— Зачем? — не поняла я.
— Поросят где-то нужно поить. И в сундук засовывать. Если будем делать это на улице, знаешь, сколько будет свидетелей!
— А… понятно, а это долго?
Эри задумчиво посмотрел на меня и спросил:
— Ты что, устала?
— Да нет, но к завтрашнему дню нужно математику и историю готовить…
— Ладно, давай я тебя отвезу назад, а конспиративную квартиру сам подыщу… И все остальное организую.
— Конспи… что?
— Тайное логово. Ну ладно, пойдем. Вон извозчик мотыляется!
Мы вернулись назад. Эри меня высадил, а сам снова уехал. На следующий день ничего не происходило, а на мой вопрос, заданный шепотом, не отказался ли он от своего плана, Эри ответил:
— Готовься. Как только — я свистну!
— Ага, — ответила я, не поняв, зачем и когда он собирается свистеть. Все же услышат! Но все оказалось просто. Эри сегодня подошел ко мне и, глядя в другую сторону, уголком рта заговорщицки спросил:
— Готова?
— Ой! — испугалась я.
— Не ойкай! Через десять минут жду тебя на повороте, где договаривались. Не забудь надеть что-то вместо черной мантии. И не беги! Иди спокойно! Давай!
— Ага! — кивнула я, стараясь сделать это незаметно и тоже отвернувшись от Эри.
Когда я, торопливо переодевшись, с бухающим сердцем пришла на назначенное место, там меня уже поджидал Эриадор, делая вид, что он просто прогуливается.
— Где ты ходишь! — тихо зашипел он на меня.
— Я только переоделась, как ты сказал… — обиделась я.
— Они уже возятся. Щас еще хрюкать начнут! Давай, иди вон до того поворота, где кусты. Если на дорожке никого нет, тихонечко помашешь мне рукой… Вот так. Поняла? Там чаще всего ходят. Самое оживленное место…
Я прошла вперед, чувствуя, как у меня замирает душа. То ли от восторга, то ли от страха… За поворотом никого не оказалось, и я подала знак, как он научил — помахала ладошкой опущенной вниз руки. Через пару секунд сзади раздалось постукивание колес по дорожке. Я обернулась и с удивлением увидела Эри, толкающего тележку с наваленными на ней узлами. Такими тележками пользовались местные служанки, возя на них постельное белье. Сверху на Эри была накинута какая-то хламида, скрывающая его зеленую мантию.
— Класс! Никого! — сказал он, проносясь мимо меня с тележкой. — Догоняй! Давай! Гоу, гоу, гоу!
Мы стремительно промчались по участку дорожки, ведущей к оранжерее, но на повороте съехали с нее прямо в просвет между кустами. Свернули и минут пять петляли среди кустов по каким-то прогалинам, пока неожиданно деревья не расступились, явив нам блестящую стеклом стену оранжереи.
— Прибыли, — с удовольствием в голосе сказал Эри.
Хру… хрю… рю, — благодушно раздалось из тележки.
— И вовремя, — добавил Эриадор, услышав это «хру-рю». — Сейчас будешь помогать, — сказал он мне, аккуратно снимая верхние узлы.
— А что нужно делать?
— Будешь держать пьяных свиней, пока я буду в них озверин заливать!
— Я не умею…
— Не боись! Ты же темный маг! А им положено с всякими тварями возиться. Считай, что ты приступила к тренировкам! На свиньях…

На этих словах Эри вытащил из тележки слабо шевелящийся мешок, развязал горловину и, подняв его за уголки, аккуратно вытряхнул на землю поросенка.
— Хру? — поинтересовался тот, с усилием поднимая от земли голову.
— Ну ты, братец, и нарезался, — сказал, обращаясь к нему, Эри, — хрюкать даже не можешь! Щас я тебя протрезвлю… Стефи, держи его!
— Ой, а как?
— Двумя руками за морду… Вот так! Если не хочешь, чтобы он тебя облизал, то близко не наклоняйся. Или ты хотела в пятачок его поцеловать? Такого красавца…
— Сам целуй! От него воняет! Чем от него так несет?
— Высококлассной сивухой, перегаром и чуть-чуть навозом.
— Смотри! На нем что-то нарисовано! — заметила я. На каждой задней ляжке поросенка красовалась цифра четыре.
— Где? А, это! Это я сделал. Хочу посмотреть, как долго четвертую свинью искать будут.
— Какую четвертую? — не поняла я. — У нас же их только три?
— Я на поросях цифры написал — один, два, четыре, — пояснил Эри. — Как ты думаешь, когда поймают с номерами четыре и два, номер третий искать будут или нет?
— Думаю, что да, — начала я догадываться, что именно придумал Эри.
— Вот и я надеюсь. Хотелось бы, чтобы это продолжалось как можно дольше… Ну так ты его держишь?
— Держу, — ответила я, пытаясь сообразить, как быстро бы я догадалась, что свиней было всего три? Наверное, никак…
— Айн момент!
Эри достал из тележки бутылочку темного стекла и небольшую воронку.
— Озверин, принимать по три ложки в день, — прокомментировал он, взбалтывая бутылку и рассматривая ее содержимое на свет. — Надеюсь, подействует…
Эри вставил конец воронки в рот поросенку и не спеша вылил туда примерно треть содержимого бутылки. Поросенок послушно глотал, не пытаясь сопротивляться.
— Ну и как, — спросил его Эри, вынимая воронку и оценивающе глядя на порося, — ты звереешь или нет?
— Хрю! — ответил поросенок.
— О! — обрадовался Эри. — Лыко вязать начал! Так, пока клиент дозревает, давай другого! Подержи!
Он сунул мне в руки бутылку и воронку и полез в тележку за следующим, с которым он провел те же самые манипуляции, что и с первым. То же было проделано и с третьим.
— Ну как там наша первая жертва? Тонус повысился? — спросил через спину Эриадор, укладывая инструмент в тележку. — Глянь там!
— У него с глазами что-то, — ответила я, оглядев поросенка.
— А что с ними? — спросил, оборачиваясь, Эри.
— Один вверх смотрит, а другой куда-то вбок…
— Да ну? — удивился Эри. — А ну-ка!
С этими словами он подошел, наклонился, посмотрел и вдруг несильно щелкнул пальцем по пятачку.
— Хрю! — грозно сказал поросенок и, немного повращав глазами, сфокусировал взгляд на обидчике.
— О! Смотри! Все работает! — обрадовался Эри.
— Хрю, хрю, хрю! — задергался поросенок, пытаясь встать на ноги.
— И бегать ему захотелось! Класс! Действует! Щас мы, милый друг, тебя в оранжерею и закинем! Вот там и побегаешь, разомнешься!
— Может, все-таки не надо? — робко спросила я.
— Чего — не надо? — удивился Эриадор. — Чего — не надо? Все уже сделано! Такая шутка должна получиться, а ты — не надо! Не трусь, темная!
— Я не темная!
— Тогда тем более, — непонятно ответил Эри. — Ну я пошел!
Он запихал поросенка в мешок и, крадучись, вдоль кустов направился к оранжерее. Я с напряжением наблюдала, как он развязывает животному ноги и вытряхивает из мешка в открытую фрамугу.
Раз — и он там! Через пять минут все было кончено. Все поросята оказались внутри.
— Все, валим отсюда! — прошептал прибежавший Эри, торопливо запихивая мешки в тележку и забрасывая следом вынутые ранее узлы. — Сейчас снова дорожку проскочим, я поеду тележку возвращать, пока не хватились, а ты пойдешь привлекать к себе внимание.
— Зачем?
— Чтобы все видели, что в это время ты была в другом месте! И никак не могла разорять оранжерею.

— А как? Как я его привлеку?
— Найди ту дылду в зеленом, которая тебе нахамила, подойди и пни ее!
— Еще чего! Благородные девушки так не поступают!
— Ну тогда поцелуй.
— Ты что! Как ты такое можешь…
— Короче, придумай что-нибудь, чтобы тебя заметили! Тсс! Дорожка! Давай! Ты первая!
Дорожка и в этот раз оказалась пустой, и мы быстро проскочили опасный участок.
— Откуда тут свинья? Кто пустил свинью в оранжерею? — донесся до нашего слуха откуда-то издалека полный негодования женский крик, когда мы уже почти достигли кустов. — А ну пошла отсюда!
— Ходу, Стефи, ходу! — торопливо прошептал Эри, наваливаясь грудью на ручку тележки.

Эри

— Прискорбный случай, произошедший вчера в нашей оранжерее… — Управляющий, заложив руки за спину, хмуро вышагивал перед строем учеников университета. — Каким-то… непостижимым образом… в ней оказалось четыре поросенка…
Ага, прокомментировал я про себя, третьего, значит, еще ищут… Кульненько…
Я стоял рядом со Стефанией, склонив голову и сцепив перед собой пальцы опущенных рук, с выражением глубочайшей скорби на лице внимал словам оратора. Стефи тоже, не поднимая низко опущенную голову, бурила взглядом паркетный пол зала, где нас собрали.
Молодец! Каяться не побежала…
— …оранжерее нанесен весьма значительный ущерб…
М-да, кто ж думал, что так выйдет? Неудачное стечение обстоятельств… Я таких разрушений не планировал…
Моих свинок обнаружили две целительницы, зашедшие в оранжерею посмотреть, как растет их чудная травка. Одна из них осталась противостоять нашествию, а другая помчалась за помощью. Ноги ее принесли к фонтану, любимому месту посиделок студентов. И надо ж было так случиться, что среди отдыхающих не оказалось никого с целительского факультета. На просьбу о помощи толпа будущих специалистов в области бей-ломай с энтузиазмом откликнулась и со всей энергией молодости ринулась ловить свиней. В результате, как говорится, лекарство оказалось хуже болезни. Воздушники, водники и иже с ними в земле не копаются, и для них вся трава — просто трава. Если сначала все еще ходили по дорожкам, то как только из зарослей целебных растений выскочили поросята, все полетело к чертям. В азарте погони за ними ребята перепрыгивали оградки, с размаху врубаясь в кусты, ловили поросят «в броске», опять же с падением голкипера на грядки накидывали на них мешки… Целительницы, приведшие «помощников», под конец уже просто непрерывно визжали. Слова и увещевания у них кончились. Тут еще кому-то в голову пришла идея использовать магию.
Бздышшшшш!
Воздушная волна, которая по идее должна была сбить порося с ног, прошла выше, выбивая стекла из рам.
— Ааа-аа! Какой дурак там магию использует?!
— Гони на меня, гони!
Бздыш!
— Да вы тут первый курс поубиваете! Они еще щиты не умеют ставить! Стойте, идиоты!
Бздыщщщ!
Хорошо гуляют, подумал я, осторожно заглядывая в дверь. Точно, год не будет урожая!
Короче, пока на шум не прибежали преподаватели и главный агроном с лопатой наперевес, пол-оранжереи разнесли, а посадки вытоптали. Поросят поймали уже после того, как у них «кончился завод» и они сами попадали от усталости. До этого они носились, словно спайклы, лихо сигая через все препятствия, попадающиеся у них на пути, и уворачиваясь от протянутых рук. Затем дело дошло до цифр.
— Смотри, на нем четверка нарисована!
— А на этом единица!
— Тут два!
— А где третий?
— Не знаю… бегает, видимо, где-то…
— Куда же он убежал? Пойдем искать!
Искали с четверть часа — ничего не нашли!
— Наверное, к воротам побежал…

— Наверное… Да ладно! Дался он…
Не, так дело не пойдет, подумал я. Шоу должно продолжаться!
— А я знаю, куда девался третий! — громко сказал я, выходя вперед.
— Куда?
— Смотрите! — Я указал рукой на поросенка.
Тот лежал, часто дыша и вывалив набок язык. Поросенок был весь покрыт мелкими красными прыщиками, а язык был какой-то синюшный с зелеными крапинками. Плюс налитые кровью и выпученные глаза. Видуха еще та.
— Они наелись травы, которая тут растет!
— И что?
— А трава-то тут непростая! Наверное, он наелся разной, внутри у него все смешалось, и получился эликсир невидимости!
— Ха-ха! Какая глупость! Эликсира невидимости не существует!
— Н-да? А куда же он тогда делся?
— Да найдется! Убежал, и все! Поймаем!
— А я думаю, что он стал невидимым и просто где-то лежит без сил! Как эти! — громко, для всех, сказал я, указав рукой на пойманных поросят.
— Ерунда! Если бы вы немного больше поучились, то знали бы, что это невозможно!
— Н-да? Ну ладно…
Мысль я вам бросил, подумал я, отступая назад. Если она попадет кому-то в мозг и он начнет ее думать… Это будет забавно…
— …полностью уничтожен урожай целебных трав, который выращивали целители. В итоге под угрозой срыва оказался учебный процесс, поскольку варить зелья не из чего…
Управляющий выдержал паузу, в полной тишине сделав еще несколько скорбных шагов.
— Травы для занятий будут, конечно, найдены, — продолжил он, — но все это стоит денег. И смею вас заверить — немалых. Кроме того, восстановление оранжереи тоже выливается в кругленькую сумму. Очень кругленькую! И если это чья-то глупая шутка, то шутника ждут большие неприятности! Очень большие!
Я скосил глаза на втянувшую голову в плечи Стефанию.
— У меня все! — сказал управляющий. — Я вас больше не задерживаю. Прошу всех на занятия!
Под впечатлением от услышанного, тыкаясь в спины и наступая друг другу на ноги, студенты повалили к выходу. Наклонив голову, я сбоку заглянул в лицо Стефи. Оно было хмурым, губы поджаты. Ну и ладно, подумал я, направляясь за всеми, посмотрим, чего она удумает…
Потом я сидел на истории, вполуха слушая о деяниях двухсот с лишним летней давности, и еще раз с ленцой прикидывал, чем дело с оранжереей кончится. Вычислят нас или нет? Если следовать логике — не должны. Если вчера никто на нас пальцем не показал, то сегодня уж точно не должны. Видеокамер тут нет. Если только Стефи каяться не побежит…
Я покосился на трудолюбиво пишущую в тетрадь девушку.
Надеюсь, ей хватит ума не делать этого? За оранжерею я, пожалуй, расплачусь, если что… но вот как-то не хочется. Да и жаль будет, если Стефи решит быть праведной и скучной. От сессии до сессии живут студенты весело! Не знаю, сколько у меня их тут будет, этих сессий, но скучать я не намерен. А для веселья порой будет нужен напарник…
— …король Кустав Восьмой сумел не только подавить восстание анжуйров, проживающих на севере его страны, но и, воспользовавшись тем, что часть их племени проживала в сопредельном королевстве, вторгся на его территорию под предлогом борьбы с мятежниками… В результате за непродолжительное время Куставу Восьмому удалось подавить восстание… и присоединить к своему королевству значительную часть земель Феделика Третьего…
Нормальный такой повод оттяпать у соседа кусок земли… Не хуже других, рассеянно подумал я, глядя сквозь ректора за кафедрой. А у Феделика, видать, дела тогда были не очень… Иначе Кустав, пожалуй, не поперся бы наводить порядок на чужой территории…
— Эриадор, вы спите? — неожиданно поинтересовался преподаватель, прервав лекцию.
— Нет, магистр, я размышляю… об услышанном, — спокойно ответил я, переходя из положения «полулежа на столе» в «вертикально сидя».
— И что вы думаете по этому поводу, позвольте вас спросить?
— Я задаюсь вопросом, магистр: а случайно уж не Кустав ли Восьмой был организатором восстания анжуйров?
— Хм… Весьма интересно. И на чем же вы основываете свое предположение?
— Уж больно для него все удачно сложилось…
— Может, ему просто повезло?
— Мне кажется, что короли — это не те люди, которые живут, уповая лишь на везение…

— Пожалуй… в этом я с вами соглашусь. Но все же вы не ответили на мой вопрос. Почему вы думаете, что король Кустав Восьмой причастен к восстанию анжуйров?
— Просто я бы поступил на его месте так же, — ответил я, глядя в глаза магистру, — по-королевски…
В аудитории раздалось хмыканье студентов, до этого тихо слушавших наш разговор. Похоже, все прикидывали ситуацию «на себя», если бы они были королями.
— Понятно, — посмотрев несколько мгновений мне в глаза и затем окинув меня взглядом целиком, произнес магистр. — Будем считать это правильным ответом…
За партами зашушукались.
— Короли так не поступают! — резко прозвучало сзади.
Оборачиваюсь — Алистера! На верхних рядах амфитеатра, в окружении своих подружек. Сидит, пригнувшись к столу, и смотрит вниз, на меня, прищурив глаза.
Она разве не услышала, что мой ответ только что был засчитан как верный? Решила показать магистру, что он неправ? Ну-ну…
— И как же именно они не поступают? — поинтересовался я, видя, что магистр не реагирует на выпад. Интересно, почему? Или он не понял, что его оценку только что оспорили?
— Предательски и подло, прикрываясь другими! Так только темные поступают! Для которых слово «честь» — пустой звук!
Ага, это уже наезд на меня. Похоже, расплата за древяз… Ну ладно…
— А вам не приходило в голову, уважаемая Алистера, что все деяния короля, что бы он ни сделал, сразу становятся королевскими? Даже выпуск газов из кишечника короли делают тоже по-королевски.
Вокруг захихикали, а Алистера не нашлась что сказать при внезапном переходе темы от вопроса чести к вопросу кишечника.
— Поэтому, что бы там ни сделал Кустав Восьмой, он это сделал по-королевски, точно так же, как буду делать я, когда стану королем… — продолжил я, воспользовавшись молчанием растерявшегося оппонента.
— Ха! Стать королем? Для этого хотя бы замок нужен! — перешла в наступление Алистера, видно пытаясь уязвить меня моей несостоятельностью.
— Да. Я знаю… Знаю, потому что у меня есть почти все для того, чтобы быть королем… Почти все, кроме одного очень важного кусочка… — с некой грустинкой в голосе произнес я и вздохнул.
Пауза. Весь курс вперился в меня глазами, пытаясь понять, шучу ли я или нет? Я же с самым серьезным видом молчу, ожидая нужного мне вопроса, чтобы продолжить. В аудитории царит тишина… Но вот наконец она нарушается и вопрос раздается:
— Какого? Какого кусочка?
— У меня нет королевы, — громко и печально вздыхая, говорю я.
— Аххх-хах-хаxх! — выдыхает аудитория. Тут же начинаются смешки, скрип скамеек, перешептывания и разговоры вполголоса друг с другом.
— Ну и где же оно, ваше королевство, господин король? — громко, перебивая всех, с насмешкой спрашивает Алистера. — Может… в ваших снах?
— Где-то там, за пустыней, — отвечаю я, делая неопределенный жест рукой. — Судьбе было угодно оторвать меня от родного дома и забросить на другой край земли, но ныне я вижу в этом руку Провидения. Наверное, оно сделало это для того, чтобы я смог найти свою принцессу… которая будет любить меня не за то, что у меня есть, а просто меня…
Пауза. Тишина. Десятки женских глаз разглядывают меня, оценивая и примеривая на себя красную королевскую мантию и золотую корону. Прямо слышно это сосредоточенное размышление. Хе-хе… Думайте, думайте… сомневайтесь. Действия одних при неполном владении информацией — это всегда забавно для тех, кто владеет ею в полном объеме… А не проверить ли мне Алистку на «вшивость»?
— Скажите, графиня, а как лично вы смотрите на изменение вашего титула с «графиня» на «королева»?
Все женские головы аудитории разом развернулись в сторону Алистеры. Мужские, впрочем, тоже.
Та никак не ожидала такого вопроса и от удивления даже откинулась назад.
— Что, я лучше всех подхожу на роль королевы? — спустя секунду спросила она, оправившись от изумления. При этом Алистера с высоты своего места со снисходительной усмешкой обежала глазами обращенные к ней лица и с тем же выражением на лице обернулась ко мне. Ну как же! Прилюдно признано, что она лучшая! Нехороший темный намекает, что готов склониться перед ее красотой и просить ее руки. Самое время дернуть за крючок…

— Конечно. Вы ведь точно знаете, что правильно, а что нет, где благородно, а где не очень. Вы все время будете одергивать и поправлять короля, учить, что и как ему нужно делать и как поступать, чтобы было по-королевски. Супружество с вами будет для него просто нескончаемым праздником длиною в жизнь!
— Ха-ха-ха! — грохнул факультет.
Алистера только челюсти сжала.
— Черное с белым рядом быть не может! — придя в себя, гордо ответила она, породив новую волну смешков и хихиканий.
Ну конечно, прям такая белая и пушистая! А я негр… С плантаций. Ага!
Еще пару минут все шушукались и смеялись, обсуждая услышанное. Алистка сидела с видом — «гордая неприступная крепость, плюющая на врага», магистр, улыбаясь, тер указательным пальцем правый глаз. До слез его рассмешили, что ли? Короче, всем было весело. Ну, может, окромя Алистеры…
Наконец преподаватель решил продолжить занятие.
— Ну ладно. Хорошо. Посмеялись и хватит. Пойдем дальше… Итак, эти события, прошу вас еще раз отметить в своих тетрадях, происходили двести сорок семь лет назад… — снова начал начитывать лекцию магистр.
Я опять поехал локтем по столу, принимая максимально горизонтальную позу.
Поближе бы он… по шкале истории переместился… Хоть бы лет сто с небольшим… Зачем мне знать о трехсотлетней древности? За триста лет все уже точно прахом распалось… За сто — хоть что-то осталось. Оружие, например… Эх, какие кинжалы были! Прощелкал… Я вспомнил свои чаки, так бездарно потерянные в Этории, и мысли перескочили на варг. Муты деградировавшие! Дина, наверное, мои кинжальчики себе на стенку повесила, аки трофей! А я, между прочим, за них двадцать пять золотых отдал… в свое время… Если тут их продать — гораздо больше можно выручить. Золото тут подешевле, чем у Аальста стоит… А народ побогаче и древности ценятся выше. За сотню золотых можно было бы продать… наверняка! Не то чтобы я в деньгах нуждаюсь… но тут уже дело принципа! Мои они! Пусть и неудобные для переноски, чаки-то, но уж больно на шагсс похожи… Эсферато напоминают… Так что они у меня ко всему прочему еще и воспоминания украли! Просто твари! Чем больше думаешь об этом, тем больше поражаешься, как эти дегенератки меня ободрали! Не… Я отсюда не уйду, пока не нанесу им визита вежливости! Пусть даже у моих ног сейчас портал откроется! Однозначно. А вот подготовку к визиту надо уже начинать. А то вдруг действительно завтра откроется путь домой… А я не готов!
Поудобнее подперев рукой голову, я снова взялся крутить в ней варианты, тасуя имеющиеся сведения. В столице кроме магического университета были еще учебные заведения: Военная академия, Академия финансов и торговли, Академия служителей, или, если по-земному — управления. Ну и у варг тоже своя академия, чтобы все, как у людей. Однако, как мне представляется, эта их академия — просто для отвода глаз. Почему? Да потому что еще в Этории я узнал, что в их академию принимаются только боевые кошки, выпускницы Цитадели. Так сказать, элита зубастого спецназа. А чему можно учить элиту? Хотя, чтобы дурью не маялись и форму не теряли, конечно, можно много чего понавыдумывать… Но это уже так, для форсу. И вот из этой академии, «отучившись», варгуши попадают в полк по охране ее императорского величества и ее императорского высочества. Похоже, что курсантки академии — просто дополнительный резерв этого полка, замаскированный под студенток. Дабы не травмировать жителей толпой отлично обученных и вооруженных не-пойми-кого в самом центре столицы. А так — милые девушки-студентки… Ну чего вы нас пугаетесь? Учимся мы тут… Ага. Специально пошлялся вокруг стен их учебного заведения, посмотрел… На их глазки, на мечи, на легкие, быстрые движения тренированных тел…
Маньячки с ножиками, подвел я итог своей разведке. Если попадешь за стену, из тебя фаршмак сделают! Нежные девичьи руки студенток быстро и нежно измельчат до однородной массы. Особо не напрягаясь… Не! Это нам совершенно не нужно… Поэтому держимся подальше и думаем, как силой мозга победить эту тупую военщину. Как это ни прискорбно, но сейчас в физическом плане я им даже не ровня, а так… мальчик для битья. И магические силы вернуться не торопятся. Так что будем давить интеллектом. Мозгом. Мягким и беззащитным мозгом… В нем-то я сильнее… и кругозор у меня шире…
Хоть Эста меня и предупреждала, что я могу не дожить до конца учебы, вокруг варговского гнезда я шнырял без особого внутреннего напряга. Пораскинув мозгами, я пришел к заключению, что особо заморачиваться по ее поводу не стоит. Невыгодно ей мстить мне. Я теперь не абы кто, а почти член гильдии магов. Пусть еще только студент, но все бонусы, положенные ее членам, на меня распространяются. В первую очередь защита и поддержка. Это подробно объясняли на первых занятиях. «Никто не имеет права безнаказанно убивать членов гильдии. А уж тем более кто-то посторонний!» — примерно так звучала выжимка из

нескольких параграфов правил. Своих идиотов гильдия перевоспитывает сама. А чужие — вообще никто и звать их никак. Маги клянутся в верности императору и подчиняются своему совету. И все. Серьезная организация! И, как и во всякой серьезной организации, в ней есть отдел безопасности, занимающийся вопросами провокаций… и отражения внешних угроз. Так что если бы меня где-нибудь шлепнули, то разбирательство было бы неизбежно. Что это такое? В столице под носом у совета убивают студентов магического университета? Да ничего себе! Это кто там такой крутой, что решил, что это сойдет ему безнаказанно с рук? А ну-ка! И если вдруг выяснится, что к этому причастны варги… А эта версия может прийти в голову первой, поскольку я многим официальным лицам рассказывал свою историю зубастого плена. И еще у меня есть два мага-свидетеля, в присутствии которых мне угрожала Эста, которые тоже наверняка вспомнят… Однозначно — варги будут первыми на роль потенциальных преступников. У Эстелы голова варит нормально, и она вряд ли пойдет на такое. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы подсчитать, что доход от прихоти потешить свое самолюбие вряд ли превысит расходы на компенсационные выплаты оскорбленной гильдии магов. Эста хоть тварь еще та, но Эторию она подставлять ради своей мести не станет. О ней у меня сложилось впечатление как о патриотической личности. В отношении своих, конечно, при этом пренебрежительно настроенной по отношению к другим. Совсем все как у магов…

Поэтому я ходил практически безбоязненно, хотя, впрочем, и на рожон не лез. Так, небрежной походкой… праздного гуляки. Еще выяснял отношение к варгам в обществе. Что о них говорят, какие рычаги у них есть во власти… Суммируя добытые сведения — мутанток тут не любят. Как, впрочем, гномов и орков. К эльфам относятся хорошо по причине их отсутствия. Они уже сто с лишним лет сидят безвылазно у себя в лесу и носа наружу не кажут, перейдя в разряд сказочных персонажей. Вот их и любят за это, за то, что не «отсвечивают»… Как известно, самая крепкая любовь — это любовь на расстоянии. Гномов тут не любят за то, что они жадные. Рукастые — да. Но жадныеее! Нет чтобы даром все делать… Орков не любят за то, что они наглые и сильные. И горластые. И зеленые… А тупые-э-э!

Сходил специально поглазел — не такие уж они и зеленые. Ну кожа с некой зеленцой. На крупных негров земных смахивают… А так — ничего особенного. Ни гномы, ни орки на меня впечатления не произвели. Ну еще пара человекоподобных типов, ну чего там. Не видал я разных, что ли? Видал.

Короче говоря, в сообществе рас, населяющих этот мир, царил крепкий национализм. Друг друга терпели, поскольку приходилось жить вместе, но при случае сразу как в песне: «Всплыли старые обиды, к черту вся любовь»! Но если от гномов и орков был хоть какой-то толк в виде изделий металлургической промышленности и отрядов наемников, то от варг и этого не было. Делать они руками ничего не умели, в наемники, охранять караваны и штурмовать замки, тоже не ходили — мол, не царское это дело, товар мы штучный, служим при императрице, пусть орки и люди с обозами таскаются! В общем, одна у них служба. При дворе. А место там хорошее. Но на хорошее место всегда желающие есть… Варг с удовольствием и гвардейцы бы сменили. И Белый орден, рассказывающий сказки о благородстве своих паладинов, тоже с удовольствием их бы понавтыкал в караул вместо варг… Единственно, гвардейцы и орденцы — мужчины. А варги охраняли императрицу и принцессу. Женщины женщин. Императрица, по слухам, — особа весьма строгих правил, поддерживающая мораль и нравственность в империи на должном, по ее представлению, уровне. И мужики в охрану ее дочери на выданье ей никак не подходили. Очень мне это понравилось. Как повезло империи с такой императрицей, с удовольствием подумал я, когда это услышал. И мне, похоже, тоже повезло…

— …на этом закончим. На следующем занятии мы начнем изучать историю Темных веков, когда власть в мире пытался захватить Темный орден… — пробился в мои мысли голос магистра, заканчивающего лекцию. — Время крови, больших жертв и лишений…

Аудитория дружно развернулась на нас со Стефи. Пришлось сесть ровно и постараться улыбнуться им всем как можно лучезарнее… Ну не рыдать же?

— Эриадор, я хочу с тобой поговорить, — произнесла серьезно Стефания, когда мы с ней вышли вслед за всеми на перемену.

— Я весь внимание…

— Не здесь. — Стефи сжала губы и быстро стрельнула своими темными глазами по сторонам.

— Надеюсь, ты не собираешься, воспользовавшись своими дружескими отношениями со мной, поговорить насчет вакантного места королевы?

— Вот еще! — фыркнула в ответ та. — Благородным девушкам неприлично навязываться! Я с тобой хочу поговорить о… Ну ты сам знаешь!

— А… скучный и бессмысленный разговор… про это… Может, обойдемся без оного?

— Как это обойдемся, как это обойдемся, ты слышал, что сказал господин главный эконом сегодня утром?
— Да. Я был там сегодня… Вместе с тобой… И что?
— Как — что? А если…
— Никаких «если»! Тебе кто-нибудь что-нибудь говорил?
— Нет… но…
— Вот и все! А ты вообще где была? Кто тебя видел?
— Ты знаешь, я действительно наткнулась на эту… длинную. Случайно.
— И?
— Я ее предупредила, что если она еще раз позволит себе мне такое сказать, то я ее прокляну! И магия ее ей не поможет!
— Браво! Просто браво! А она?
— Сказала, что пожалуется ректору…
— Ха-ха-ха! Вот видишь, не все так же кусаются, как лают! Молодец! Так и продолжай! Пусть боятся!
— Не хочу, чтобы меня боялись…
— Это первый этап. Сначала боятся, потом уважают. Потом дружат и любят. Ты что, не знаешь?
— Да как-то… А сразу нельзя? Без страха?
— Почему? Можно. Вот я, например. Я же тебя не боюсь.
— Ну… ты другое дело.
— Конечно, другое. Причем самое лучшее!
— Эри, а как ты думаешь, с оранжереей…
— Забудь. Помни только для себя. Шутка удалась. Вон смотри, они до сих пор третьего ищут!
За разговором мы со Стефанией дошли до небольшого беломраморного фонтана, вокруг которого толпились студенты.
— А я вам говорю, что не было третьего! Не было! Ну не бывает эликсира невидимости! Не бы-ва-ет!
Высокий парень в мантии целителя на повышенных тонах доказывал свою точку зрения окружающей его аудитории, чуть ли не топая ногами в процессе. Аудитория была с его мнением не согласна.
— Ну… Сердж, а вдруг это как раз неизвестный состав? Случайное открытие…
Народ явно был бы не прочь получить кусочек халявы.
— Какое открытие, ну какое открытие, — горячился Сердж, активно жестикулируя руками. — Как ты собираешься его повторить?
— Ну… нужно поймать поросенка…
— И что потом? Как ты исследуешь то, что он съел? Если он чего и нажрался, то все уже давно переварилось и пропихнулось в кишки. В навозе копаться будешь?
— Ради великого открытия…
— Слышишь, Стефания, — легонько пихнул я локтем стоящую рядом девушку, — некоторые готовы и в навозе покопаться… Порося им всего лишь не хватает…
— Да с чего вы взяли, что он вообще был? — продолжал бушевать между тем Сердж. — Почему вы не ищете с цифрой пять, шесть, десять?
— Потому что есть два и четыре. Значит, и третий был… — тоном, с каким разговаривают с маленькими детьми, терпеливо пояснили ему.
— Да ну вас! Упертые, как… — окончательно взорвался Сердж и, резко отвернувшись от собеседников, зашагал в нашу сторону, широко размахивая руками.
— Стефи, люди ищут третьего… Давай им поможем, а?
— Э-э-э… мм? — озадаченно промычала в ответ та. Но больше она ничего сказать не успела, Сердж был уже рядом.
— Да, очень трудно переубедить людей, когда им хочется во что-то верить, — сказал я, обращаясь уже к нему.
— Да ну их! Упертые! — раздосадованно махнул рукой тот.
— Такую упертость невозможно пробить доводами разума, — с сокрушенным видом покачал я головой. — Таких людей можно только пожалеть и… может быть, слегка пошутить над ними, чтобы им потом самим стало смешно… Когда они поймут, как они себя глупо вели. Не хотите… пошутить?
— Пошутить? Как пошутить? — озадачился вопросом Сердж.
— Дайте им их невидимого поросенка, которого они так ищут!
— Невидимого? Где ж я его возьму?

— Да очень просто! Купите на рынке поросячьи ножки и наделайте копытцами отпечатков на грядках в оранжерее — как будто поросенок пробежал. Ваши оппоненты будут просто счастливы, разыскивая его по этим следам! А вы посмеетесь над их доверчивостью…
— Мм… — промычал Сердж, наклоняя голову к левому плечу и, видно, пытаясь представить толпу верующих в зелье, идущих по поросячьим следам, низко нагибаясь к земле.
— А еще можно незаметно подобраться к ним и тихонечко похрюкать…
Раздался бой колокола, извещающего конец перемены.
— Знаешь… Эри, — медленно произнесла Стефания, когда мы вошли в здание, оставив позади задумчиво переставляющего ноги Серджа, — чем больше я с тобой общаюсь, тем больше я тебя не понимаю…
— Та ладно, брось! Вот увидишь, скоро вся оранжерея будет в поросячьих следах, из всех кустов будут хрюкать шутники, а третий номер станет неуловимой легендой университета! Намба фри — фореве!

Эри

— Эри, ты все рассчитал, что так будет? Да?
— Да при чем тут я?
— Но ведь ты ему это посоветовал!
— Ну и что? А если бы я ему посоветовал с крыши прыгать? Голова-то своя должна быть на плечах или нет?
— Ну…
— Вот и не надо на меня всех собак вешать…
— Каких собак?
— Всех…
Сегодня был выходной, занятий не было, и мы со Стефи направлялись на рынок и по букинистическим магазинам. Меня, собственно, интересовали книги, Стефи же упала мне на хвост, сказав, что ей скучно и она хочет посмотреть, что продают для девушек в столичных лавках и магазинах.
— Может, не стоит? — спросил я тогда ее. — Может, лучше поучишься? Ты ведь это любишь. Можно будет целый день просидеть над книгой, никто не мешает…
— Если у тебя учеба не вызывает никаких трудностей, то это совсем не значит, что можно подшучивать над теми, кому приходится заниматься каждый день!
— Я не подшучиваю.
— Тогда… пойдем на рынок? А? Я тоже хочу посмотреть на столицу!
— Это называется «посмотреть столицу»? Поход по лавкам женской одежды с посторонним мужчиной? Кстати, а что говорят по этому поводу правила хорошего тона?
— Но мне тогда будет не с кем… — растерянно сказала Стефания. — А одна я не пойду…
Мм… В общем-то да. Мотаться девушке одной по столице не стоит. Особенно по рынкам. Если бы она была в мантии мага, то никто бы и близко не сунулся, но она свою, черную, в город не наденет. Категорически. И значка у нее нет, и уметь ничего не умеет. Даже щит не поставит… Со стороны Стефи будет выглядеть молодой провинциальной дворянкой, болтающейся в одиночку в поисках приключений. Возможно, что ей попадутся желающие их организовать… эти приключения.
Короче, пошли вдвоем. Очень скоро я начал жалеть, что проявил гуманность. Стефи принялась пытать меня по поводу последнего события в университете. Вчера был объявлен срочный сбор, на котором всем был явлен баронет Сердж, целитель, хмурый лицом и с двумя свиными ножками в руках, с которыми его и поймали в оранжерее. Подельнику баронета удалось скрыться незамеченным, но когда главный агроном толкнул пламенную речь о том, что больше не потерпит разорения своих плантаций и спать не будет, но злоумышленников все равно найдет, и лучше пусть они выходят по-хорошему, и вообще, это неблагородно — бросать своих сообщников, а ему вот как остохренели толпы следопытов, вытаптывающие грядки, и он уже в таком состоянии, что готов поубивать всех, кто это устроил… На этот вопль души, набычившись и смотря на свои медленно переставляемые ноги, из рядов студентов вышел один в красной мантии и, пройдя в центр зала, встал рядом с Серджем, упершись взглядом в пол.
— А ноги где? — поинтересовался у него главный эконом, имея в виду поросячьи, с копытцами.
— Выбросил, — буркнул в ответ студент, продолжая глядеть в пол.

— Лучше бы ты их на кухню отдал. Холодец бы сварили… Так! Есть еще желающие облегчить свою совесть? — обратился ко всем эконом.
— Значит, нету… — спустя секунд пять тишины констатировал он. — Хорошо!
— Становитесь в строй, — обратился он к стоящим посреди зала виновникам. — Степень вашей вины и меру наказания будем определять у ректора… А остальным хочу сказать… Точнее, напомнить. Господа, вы все дворяне! Дво-ря-не! И поэтому хрюкать в кустах, изображая свиней, для вас просто недопустимо! А уж тем более ходить, согнувшись в три погибели, со свиными копытами в руках, пытаясь посмеяться над вашими же сокурсниками. Это развлечение для простолюдинов! Вы, вы! Вы же благородные люди, цвет общества, будущая опора и мощь империи! А вы хрюкаете по кустам… Я не нахожу слов, господа, просто не нахожу слов!
Магистр с пиететом поднял вверх правую руку и резко опустил ее вниз, сокрушенно качая головой. Некоторые из стоявших в зале стыдливо опустили глаза.
Действительно, что-то много развелось этих хрюкачей, подумал я, соглашаясь с господином экономом. У оранжерей просто аншлаг, словно не оранжереи там, а свиноферма… Пора бы проредить это стадо…
После эконома негромким голосом пару слов сказала магесса Элеона, пообещав, что причастные к срыву ее занятий будут иметь дело лично с ней, чем вогнала весь зал в полнейший ступор.
Убедительно прозвучало, отметил я про себя. Умеет!
— У кого-нибудь вопросы есть? — спросил эконом, перед тем как нас разогнать.
— Скажите, пожалуйста, господин главный эконом, — поднялась тонкая девичья рука на левом фланге, — а третьего поросенка все же нашли или нет?
Тот только глаза закатил.
И вот теперь Стефания, почему-то решив, что я предвидел и рассчитал поимку Серджа, пытается вырвать у меня подтверждение своим подозрениям. Причем не верит в то, что я ей говорю. Зачем тогда спрашивать?
— Слушай. Ты хотела шляпки посмотреть, — сказал я, решив переключить ее внимание с себя на магазин, вместо того чтобы доказывать, что я не верблюд. — Вон, смотри, лавка со шляпами!
— Где? — завертела головой она.
— Да вон, — показал я рукой.
Зашли, минут пятнадцать убили. Стефи перемерила почти все, но ничего не купила и собралась уходить.
— А чего ты? — спросил я, указав рукой на маленькую белую шляпку с черной ленточкой, которую она с явным сожалением положила назад на прилавок. — Она тебе очень идет.
— Я еще подумаю… — протянула в ответ Стефи, немножко выпячивая вперед губы.
А вот эмпатически ты излучаешь чистое сожаление, подумал я, прислушиваясь к Стефи, — говоришь одно, а чувствуешь другое… Почему?
А! Денег нет, догадался я, вспомнив то, что она рассказывала о себе: пять сестер плюс брат. Столько никакое баронство не вытянет! Поэтому и наряды у тебя скромные… Вот сейчас — простое серое платье с длинными рукавами и застегнутым под горло белым воротничком. Все с тобой ясно! Единственный вопрос: а чего мы тогда поперлись по лавкам без денег? Просто поглазеть? Не, мы так не договаривались!
— Пойдем теперь по моим интересам, — сказал я ей, когда мы вышли на крыльцо.
— Хорошо, — кивнула она.
И мы пошли моим протоптанным путем. С первых дней своего пребывания в столице я разузнал адреса всех торговцев книгами и посетил всех до единого, в надежде неожиданно найти какую-нибудь древнюю книгу по порталам, случайно сданную каким-нибудь доброхотом на продажу. Но, увы… Предлагались просто книги, старые книги, но не имеющие к занятию магией никакого отношения. Все, что связано с магией, продается в специальных книжных бутиках, имеющих разрешение от гильдии магов. Я их тоже посетил, но интересного для меня и в них ничего не нашлось… Тогда, чтобы не бегать по лавкам, я оставил каждому хозяину денег, договорившись, что, как будут новые поступления, они пришлют ко мне посыльного. Присылали… Но все равно я, выходя за стены университета, посещал их сам. Почему? Да просто делать в этой столице больше нечего! Это же не Эсферато и не Земля. Вот что можно делать в средневековом городе? Ну что? Да ничего! Деревня она и есть деревня… Можно, конечно, сиднем сидеть в университете, но это с ума от скуки сойдешь, а в город выйдешь — тоже делать нечего… Как говорят на Земле, куда ни кинь — всюду клин! И вот, чтобы не «закисать», я ходил на променад, погулять по улицам, а чтобы придать этому действу хоть какой-то смысл и цель, посещал букинистические магазины. Можно с хозяевами парой слов перебросится, вдруг слухи интересные расскажут…

В этот раз в последнем магазине меня ждал неожиданный сюрприз.
— Господин Эриадор, вчера мне принесли очень интересную книгу, — сказал мне хозяин, после того как поприветствовал нас со Стефанией. — В ней нет ничего о магии, но мне кажется, что вам будет интересно на нее взглянуть. И госпоже тоже.
— Да? — без всякого энтузиазма откликнулся я. — И что же в ней такого, что заслуживает внимания?
— Рисунки. Потрясающие рисунки! Хотите посмотреть?
— Что ж, покажите!
Рисунки — это интересно. Я с переездом в столицу как-то подвыпустил грифель из пальцев… Со всеми этими хлопотами…
— Вот, взгляните. — С этими словами хозяин лавки вынул из деревянного ящичка книгу в коричневом переплете и, бережно держа ее в руках в белых перчатках, положил на подставку на прилавке, обтянутую темным бархатом. — Смотрите. — Хозяин аккуратно раскрыл книгу где-то посредине.
Вауууу! С книжного листа на меня смотрела пятнистая кошка. Рисунок отлично передал движение, когда кошка прижалась к земле, готовясь к прыжку. Ее глаза были как живые — смотрели холодно и оценивающе.
«Терелса варкса», — прочитал я под рисунком. Пятнистая кошка, перевелась фраза у меня где-то в мозгу. Действительно, пятнистая, какая же она может быть? Как нарисовано! Как живая!
— Какая прелесть! — восхитилась Стефания, заглядывая мне через плечо.
Действительно, прелесть. Я перевернул несколько страниц. Змея! Извивающаяся по всему листу и дразняще высунувшая раздвоенный язык. И снова как живая. Того и гляди, уползет куда-нибудь… в корешок книги.
— Отличные рисунки! — совершенно искренне сказал я враз заулыбавшемуся хозяину.
— Не желаете полистать? — предложил он, протягивая мне пару белых перчаток из тонкой ткани.
— Почему бы и нет?
Я надел перчатки и принялся аккуратно перелистывать белые листы, разглядывая рисунки.
— Листы слиплись, — сказал я, наткнувшись на склейку.
— Господин, прошу, не трогайте, — испугался хозяин, — они могут порваться! Книге больше четырехсот лет! С ней нужно очень бережно…
— Больше четырехсот лет? — не поверил я. — Не может этого быть! Бумага за такое время истлеет.
— Это не совсем бумага. Это что-то… что-то такое, что умели делать древние. Сейчас так не умеют…
Вот оно что — утерянные технологии! Ну ладно…
Я кивнул и принялся листать книгу дальше. Рисунки поражали. Настолько правдоподобно, живо и ярко, что прямо… Прямо здорово! Я бы не отказался от такой книги! Хоть я и не собираюсь обзаводиться имуществом, но эта книжка достойна того, чтобы прихватить ее в качестве сувенира… домой… в Эсферато…
— Это энциклопедия? — спросил я хозяина, рассматривая очередной рисунок.
— Мм, в гильдии магов уважаемый инспектор, когда смотрел ее, сказал, что эта книга о природе. О зверях, рыбах и птицах, которые водились на земле до великой войны. Просто рассказывает о животных. Написана она на одном из редких древних языков, который знают теперь совсем немногие. Но магистр Эльвино — весьма ученый маг, и он этот язык знает. Он сказал, что ничего о магии в этой книге нет. Это просто книжка с картинками, которую можно продавать в любом магазине. Как древность.
Ага, значит, наш преподаватель древних языков еще и по совместительству маг-инспектор, отметил я. Что ж, будем знать…
Я дошел до конца книги и перевернул ее, чтобы посмотреть начало. Открыв первый твердый лист обложки, я увидел рисунок, на котором был изображен мужчина с веселой улыбкой и мелкими добрыми морщинками в уголках прищуренных глаз. На голове у него широкополая шляпа, за плечом какая-то котомка с торчащими из нее удилищами, левой рукой он обхватил, опираясь, верхушку посоха с шариком на конце. Рисунок обведен овальной рамкой. Сверху, изгибаясь, шла надпись: «Вдоль великой Муррэа с удочками, арбалетом и посохом с нехилым набалдашником». Внизу, под овалом, другая: «Записки мага-натуралиста Абасо Алба».
Хм, Абасо звучит совсем почти как Бассо…
Я перевернул лист и прочитал первое предложение, начинающееся с красиво нарисованной заглавной буквы: «Известно, что вдоль всего своего течения Муррэа населена самыми разнообразными птицами и животными…»

— Господин Эриадор, вы знаете этот язык? — удивленно поинтересовался хозяин лавки, правильно интерпретировав мое разглядывание букв.
— Немного, — ответил я, бросив читать и перевернув следующий лист. — Сколько вы хотите за эту книгу?
— Учитывая редкость и великолепную сохранность книги… Сорок пять золотых!
Рядом чуть слышно выдохнула Стефи.
— Великолепная сохранность? Да у нее в нескольких местах листы склеены!
— Для такого почтенного возраста это великолепная сохранность! А склеенные листы… склеенные листы — это сюрприз для покупателя! Не сомневаюсь, что когда вы их разделите, то обнаружите еще несколько несравненных рисунков! — нашелся что ответить мне торговец.
Ох и шустрый! Сюрприз! Еще неизвестно, какими соплями там все склеено… Может, кто четыреста лет назад листал книгу под вишневый кисель с сухариками… Вот и склеилось все. Расклей их теперь. Ох и шустрый…
— Там уже все насмерть схватилось, сотни лет тому назад. Начнешь разлеплять, так рисунки наверняка на другом листе останутся.
— Что вы! Что вы! У меня есть специальный состав для таких случаев! Я вам его продам!
— А сами… почему его не применили?
— Но… как? Покупателю в первозданном виде! Как принесли! А там уж вам решать, что с ней делать. Расклеивать или так на полку поставить! — с самым серьезным видом ответил хозяин, разведя руками и сделав круглые глаза. Честные-честные глаза.
Скользкий тип, пришел к окончательному выводу в отношении его я.
— Двадцать золотых! — назвал я цену.
— Это невозможно! Это же…
Дальше мы торговались минут пять. Хозяин мне практически не сбавлял. Видя такое дело, я уже задумался: а так ли нужна мне эта книга? Рисунки, конечно, преотличнейшие. Я бы их с удовольствием поразглядывал. Может, чему даже и научился бы… Однако сорок с лишним золотых — дорого! У меня сейчас шестьсот с маленькой копейкой. А еще неизвестно, сколько мне здесь жить придется… Но тут этот мошенник неожиданно сказал:
— Вы только представьте, господин Эриадор! Пройдет время, вы закончите учебу, наверняка куда-нибудь поедете… будете путешествовать, смотреть мир. А книга будет вам как память о родине. Память об университете, о вашей молодости, студенческой жизни… Деньги что? Все равно они куда-то уйдут. Так пусть они лучше превратятся в то, что будет с вами всю жизнь!
По святому бьет, шельмец, подумал я, задумчиво разглядывая одухотворенное лицо продавца. И ведь сам себе верит… Талант! Однако действительно… что мне местные деньги беречь? Не потащу же я их с собой? Они в Эсферато ценности никакой иметь не будут. Пойдут как низкопробное золото, цена которому — копейка. Так хоть сувенир будет на память. Поставлю дома на полку и буду радоваться каждый раз, как посмотрю, — дома! Я дома! А деньги… да добуду я их, если что… Не пропаду!
— Хорошо, уговорили. Но жидкость для расклейки листов — бесплатно! — потребовал я. Не знаю, зачем она мне нужна, но хоть что-то должен же я с тебя урвать?
— Договорились! — после секундной паузы воскликнул хозяин лавки.
Еще и вид такой сделал — типа размышляет, выгодно ему бутылку с какой-то ерундой бесплатно отдать или нет? Шустряк… Но хорош. Хорош. Прямо монстр продаж!
— Я сейчас схожу в банк, возьму деньги и зайду, рассчитаемся.
— Конечно-конечно! — с восторгом в голосе ответил хозяин.
Стефи снова еле слышно вздохнула. Сорок три золотых в шляпках, что ли, пересчитывает? Да, это много шляпок. Очень много. Можно будет каждые два часа менять…
Хозяин лавки принялся заворачивать книгу в кусок ткани перед укладкой в ящичек, а я в сопровождении Стефании вышел на улицу.
Девушка молча шла рядом. Дойдя до перекрестка и свернув на соседнюю улицу, я был внезапно озадачен ее вопросом:
— Так, значит, это правда?
— Что именно? — уточнил я.
— То, что ты приехал сюда в поисках своей суженой?
— Это почему ты так решила?
— Когда ты сказал Алистере, что ищешь королеву, я решила, что ты шутишь. А сейчас, когда я увидела, как ты покупаешь дорогие безделушки… Я подумала, что это, наверное, правда…
— А как связан поиск моей второй половинки с покупкой книги?
Я искренне не понимал ее логики.

— У тебя есть деньги. Если бы ты попал сюда случайно, как ты говоришь, то их бы у тебя не было бы. Откуда бы они у тебя взялись? Значит, тебе их передал отец. И ты на самом деле принц, ищущий свою принцессу! Ведь так?
Вот это вывод! Хотя… для девушки, которая всегда жила на содержании, вполне логичный. Опирающийся, так сказать, на весь ее жизненный опыт.
— Уку… — отрицательно помотал головой я. — Я правда попал сюда случайно и хочу вернуться домой. А деньги… Деньги я заработал.
— Заработал? — Пытливый взгляд темных глаз. — А как?
Похоже, Стефи очень понравилась шляпка… И она не прочь добыть где-то деньжат, чтобы ее купить…
— Да так… Немного поболтался магом-поисковиком в Серых пустошах… — небрежным тоном ответил я.
— В пустошах? — неподдельно удивилась она. — А ты мне об этом ничего не рассказывал! И вообще! Я о тебе почти ничего не знаю. О себе я все рассказала. А ты нет! Это не по-дружески!
М-да, если я тебе все расскажу… А вот интересно, что будет? Сбежит? Или в ненормального запишет? Ладно, не будем травмировать разум девочки… бреднями…
— Расскажу как-нибудь, — вздохнул я, — при случае…
— М-да? Ладно! Расскажи мне тогда про пустоши!
— Что, прям щас?
— А что? Все равно, пока ходим, делать нечего! — с энтузиазмом сказала Стефи.
Я в ответ только вздохнул.

Божественные разговоры

— Мирана, смотри, какая у нашего избранного девочка появилась!
— Да ничего у него там не появилось!
— Почему? Вон, глянь, они вместе идут! Все у ней есть. При ней… то есть.
— У ней-то, может, и есть, у него только нет…
— А чего у него нет? Вроде же все было?
— Желания у него нет, Марсус, желания! Желания ее заметить! Понятно! Дуб он. Дерево! Бревно! И отстань от меня!
— М-да? Ну тогда, может, ее посыпать нужно? Золотниками… И он ее заметит…
— Хочешь, чтобы я сдохла? Я сказала, нет, значит, нет! Пусть Коин сыплет! Его дурацкие идеи, пусть он их и осуществляет!
— Мира, какая ты сегодня агрессивная… Тебе не идет.
— Зато ты спокоен, как удав. Иди вон меч ему подари!
— Зачем?
— Он им половину мира вырежет и решит остаться, чтобы дорезать вторую половину…
— Какая ты грубая…
— А ты надоедливый!
— А может, и правда ему что-нибудь подарить? Что-нибудь серьезное…
— Ну-ну! Давай, попробуй… Хель вон уже додарилась… половину силы потеряла! Интересно, а тебя насколько хватит?
— Ну… Хель и не особо ему чего дала…
— А ты дай особо! Я с удовольствием посмотрю.
— Как-то… не хочется.
— Не хочется? Ну так не приставай к другим, чтобы они делали то, что тебе не хочется!
— Так время же идет, а все сидят и ничего не делают! Скучно.
— Тоже мне — нашел развлечение! Судьба всего мира решается, а ему интересно посмотреть, чем все кончится. Сходи войнушку где-нибудь устрой! Время и скоротаешь.
— Ладно, ладно! Не кипятись. А когда варга рожать будет?
— Еще четыре месяца, а что?
— Может, попробовать одарить ее детей чем-нибудь?
— Зачем?
— Как-нибудь настроить их против отца, глядишь, они его и убьют. Так… Случайно.
— Марсус, ты что, решил, как Коин, интригами заняться?
— А что? Вполне нормальный коварный план.
— Банальщина.
— Но ведь работает?
— Как ты собираешься настраивать их против демона? Это же будет вмешательством в пророчество!

— Ты думаешь?
— Да, я думаю. А ты, кажется, нет!
— М-да… Я как-то этот момент упустил… Да, пожалуй. Пойду поразмыслю еще…
— Хорошая мысль.
«Вот пристал! Скучно ему! — с неудовольствием подумала богиня любви, глядя на то место, где только что был Марсус. — И все, главное, ко мне идут! Мирана то, Мирана се! Я уже сделала, что могла. Сами что-нибудь делайте! Без меня…»
Богиня любви фыркнула, раздраженно тряхнула гривой золотых волос и тоже растворилась в воздухе.

Почтальоны

— Уважаемый господин фельдъегерь, не позволите угостить вас? — Юноша в сером камзоле с короткой черной стрижкой и печальным взором уважительно стоял у стола, за которым сидел мужчина в синем мундире и красивая молодая женщина.
Курьер, с трудом оторвавшись от своей спутницы, повернулся к нему.
— Э… простите, мы знакомы? — спросил мужчина, приподнимая брови.
— Увы, нет, — развел руками в стороны парень, — но… мне очень нужно поговорить с вами. Поверьте, это вопрос жизни и смерти!
— Да? Ну давайте поговорим, — без воодушевления пожал плечами мужчина, обменявшись взглядом с женщиной.
— Позвольте представиться, баронет Аальст, — сделал энергичный кивок юноша.
— Эрт Хелдрик, — кивнул в ответ мужчина, и голосом, в котором слышались нотки недовольства, сказал: — Я слушаю вас.
— Эй, трактирщик! Лучшего вина сюда! — махнул парень рукой в сторону стойки, присаживаясь к краю стола. — Вы знаете… — явно волнуясь, начал Аальст, — у меня несколько необычный к вам вопрос… Я прошу вас не смеяться, если он вдруг покажется для вас… ну, смешным…
— Я слушаю вас, — повторил Хелдрик.
— Я хотел спросить… Вы ведь много ездите по империи, много видите… скажите — любовь, она… есть?
Услышав вопрос, Хелдрик крякнул и откинулся назад, а его спутница от удивления приоткрыла рот.
— Я, конечно, понимаю некую странность моего вопроса, но знаете, дальнейший наш разговор будет зависеть от вашего ответа… — Парень печально смотрел на Хелдрика.
— Хм… Да! Конечно же есть! — громко и уверенно ответил тот, посмотрев на свою спутницу. — Почему вы об этом спрашиваете?
— Понимаете, есть одна девушка… Она мне нравится. И…
Юноша тихим грустным голосом начал рассказывать печальную историю о прекрасной девушке, которую он полюбил всем сердцем и которая тоже полюбила его. Но родители юноши встали на их пути, потому что Стефания, так зовут эту девушку, хоть из благородного, но обедневшего рода, и приданого у нее нет. Родители юноши нашли ему другую невесту и назначили дату свадьбы.
— Когда Стефи узнала об этом, она перестала отвечать на мои письма… Я не решался нарушить запрет отца покидать замок и не смог поехать к ней, объяснить, как все на самом деле. В конце концов я понял, что умру, если не увижу Стефанию. Я взял лошадь и под покровом ночи бежал из замка. Но оказалось все зря. Пока я раздумывал и медлил, она уехала в столицу и поступила в университет магии. Я продал все, что у меня было, последние лиги шел пешком — и вот я у стен университета! Сегодня День посылок. Я хотел ей передать подарок, но у меня его не взяли. Сказали, что я опоздал… Наверное, все зря. Она теперь маг. А я… Отец, скорее всего, лишил меня наследства. Куда я ее увезу? Но я хочу, чтобы она знала, что я ее люблю! И готов ждать ее вечно! Вы мне не поможете? Вы не передадите от меня ей посылку?
— Гм, гм, — откашлялся Хелдрик. — Видите ли, баронет, императорская почта доставляет только почту императора…
— Только вас туда пустят. Вас пропускают везде… Только вы можете мне помочь! Больше никто, — взмолился Аальст. — Пожалуйста!
— Хелдрик, помоги ему! — накрыв его руку своей, сказала его спутница, в глазах которой стояли слезы, вызванные печальным рассказом. — Пожалуйста!
— Ну… У меня могут быть неприятности…
— Хелдрик, пожалуйста! Ради любви! Ради меня! Хелдрик!
Несколько секунд Хедрик и девушка смотрели друг другу в глаза.

— Хорошо, ради тебя, — сказал он.
— О, Хелдрик…
— Я заплачу… — прервал их обмен взглядами Аальст, — отдам все, что у меня есть…
— Оставь, — махнул рукой Хелдрик, отрываясь от глаз подруги. — Тебе еще пригодятся деньги! Что там передать-то хотел?

День посылок

Стефания

— Посылка Доменику Макарио! Охо-хо-хо!
Старшекурсник, играющий роль Вечного Почтальона, заохал, изображая старческую немощь. Макарио, студент первого курса, с довольным видом встал со своего места.
— Охо-хо-хо. — Вечный Почтальон взвалил на себя мешок с посылками и, согнувшись, шаркая ногами, пошел в его сторону.
Сегодня был День посылок для первокурсников. К этому дню родители присылали своим детям из дома гостинцы и письма, которые складывались в большие красные мешки, завязываемые белой веревочкой. Мешки эти доставлял сказочный персонаж — Вечный Почтальон, который приносит детям подарки в день начала Нового года. Хоть праздник был несколько детским и все поступившие в этом году говорили о нем с легким пренебрежением и иронией, но никто не ушел из-за праздничного стола. Всем было приятно получить весточку из дома. Подарки были самые разные. Книги, конфеты, наряды, даже игрушки. Получивший маленького розового медвежонка маг земли торопливо спрятал его обратно в коробку, покраснев до кончиков волос.
— Это от младшей сестры, — попытался оправдаться он на многочисленные шутки и комментарии, посыпавшиеся со всех сторон.
Одному юноше прислали красивый блестящий меч, а студентке с водяного факультета — шкатулку с сережками и цепочкой, которые она, открыв крышку, тут же продемонстрировала всем желающим.
Я тоже успела получить свою посылку — коробочку моих любимых марципановых конфет и стопочку писем, перевязанных голубенькой тесемочкой. При виде моего скромного подарка сидящие рядом девушки с огненного факультета наморщили носики. Как-то получилось, что самые богатые подарки были у них.
Ну и пусть, сказала я себе. Я не завидую. Некоторым вообще никто ничего не пришлет. Эри, например… Где он? Сказал, чтобы я обязательно была, а самого нет… Странно. Я же ему…
— Та-та-ти-та-та! Та-та-ти-та-та!
Внезапно от дверей зала, где мы сидели за праздничными столами, два раза пропел горн, и раздался громкий и ясный мужской голос: «Императорская почта! Почта императора!»
Все повернулись в сторону дверей, в которые торжественно входили трое молодых плечистых и высоких мужчин в синей фельдъегерской форме.
— Честь имею представиться, — остановившись у края столов, громким голосом произнес, приложив руку к киверу, шедший впереди, — лейтенант эрт Хелдрик, императорская почта! Имею доставку для госпожи Стефании Терской! Где я могу увидеть госпожу?
Я почувствовала, как у меня отвисает челюсть. Я? Меня? Не может быть!
— Доставка для госпожи Стефании Терской! Императорская почта! Где я могу увидеть госпожу? — снова громко повторил фельдъегерь, видя, что все сидят с разинутыми ртами и никто и не собирается ему объяснить, где найти Стефанию Терскую. Вид у него был довольный. Реакция окружающих на его появление его явно забавляла.
— А… вон… она! — наконец очнулся Вечный Почтальон, неуверенно помахав в мою сторону рукой. Накладная борода у него съехала набок, и вид был весьма потешный.
Поняв, что ошибки нет, что ищут действительно меня, я поднялась из-за стола, гордо выпрямив спину.
— Я Стефания Терская! — сказала я, обойдя сидящих и подойдя к егерям. — Слушаю вас, лейтенант Хелдрик.
На моих глазах веселое лицо лейтенанта, сверкающее белозубой улыбкой, превратилось в изумленное, потом стало вытягиваться, приобретая все более и более унылый вид. Он глазами сверху вниз и снизу вверх обежал мою мантию. И, похоже, цвет ее ему не понравился.

— Госпожа, имею честь доставить вам посылку. Извольте. — Потускневший Хелдрик наклонил голову вправо.
Повинуясь его сигналу, стоящие позади него два фельдъегеря шагнули вперед, и один протянул мне маленькую черную коробочку, а другой что-то объемное, завернутое в белую ткань.
— Куда прикажете?
Я, обернувшись, указала на свое место.
— Честь имею, госпожа, — щелкнув каблуками, качнул кивером лейтенант, когда они вернулись назад, поставив все ко мне на стол.
— Благодарю вас, лейтенант.
Эрт Хелдрик еще раз поклонился и вместе со своими подчиненными вышел из зала. Я же, сопровождаемая десятками взглядов, гордо держа голову, неспешно пошла на свое место, при этом лихорадочно пытаясь сообразить, что бы это все значило.
Императорская почта… У меня что, разве есть родственники в императорской семье? Они решили послать мне подарок в День посылок? Дома никогда про высокородных родственников мне не говорили…
Я в задумчивости потянула за витой зеленый шнурок, удерживающий золотистую ткань на большом подарке.
Шиххх… — с легким шорохом упала она вниз.
— Аххх! — выдохнули враз девочки.
Розы! Целая корзина роз! И какие! Плотные черные бутоны с красной каемкой по краю лепестков. И еще белые. Пять белых роз по центру прижимались друг к другу. И выше остальных черных. Это наверняка что-то значит. Какой-то смысл…
— «Кровь некроманта», — прокомментировала знающая откуда-то сбоку. — Дорогущиееее!
Вот, значит, как они называются, подумала я, разглядывая черные бутоны. Действительно, словно их края в кровь макнули… Похоже. А что тут?
Я осторожно развязала серебряную ленточку, перевязывающую шкатулку, обитую черным бархатом, и открыла крышку.
На атласной красной внутренней обивке — черный диск, диаметром примерно в мою ладонь. И аккуратно сложенный лист бумаги под диском.
Я вынула листок и, намереваясь прочитать его, поставила шкатулку на стол. Сидящие рядом тотчас стали вытягивать шеи, стараясь исподтишка заглянуть в нее, делая при этом вид, что смотрят совсем в другую сторону.

> «Дорогая Стефания!
>
> Надеюсь, что этот небольшой подарок Вас порадует. Это значок темного факультета. Прикоснитесь к его середине пальцем. Верю, что Вы останетесь довольны моим сюрпризом.
>
> Таинственный незнакомец…»

«Таинственный незнакомец…» — еще раз перечитала я письмо. Кто это может быть? Странно… Держа записку в руках, я заглянула внутрь. Черный кругляш. И все.
Хорошо, попробуем, сказала я себе, прикасаясь пальцем к его центру.
— Ой! — испуганно отпрянула я назад.

> На черном диске появилась пара красных глаз. Потом еще одна. Еще одна. Две, три, пять. Внезапно по краю диска высветилась золотая надпись рунами:
> «Мы ночь разбудим светом горящих глаз!».

Она ярко вспыхнула и поблекла. Красные глаза исчезли, а вместо них появился один глаз. С желтоватым белком, красной радужкой и вертикальным узким зрачком. Глаз моргнул и поводил зрачком влево-вправо, будто присматриваясь.
— Ухитты! Вот это да! — произнес кто-то сзади. Оглянувшись по сторонам, я с удивлением обнаружила, что стою в окружении студентов, которые, столпившись вокруг меня, совершенно беспардонно заглядывают из-за моих плеч в шкатулку.
— Это что за штука такая? Смотри, он шевелится?! Как живой! Он что, взаправду живой? Что это?

Хорошо, вмешался кто-то из магистров, присутствующий на празднике. Он призвал всех к порядку, напомнив, что подарки — это личное дело каждого и такое поведение неприлично. С недовольными лицами все расселись по своим местам, и праздник продолжился. Я закрыла крышку и осторожно выглянула из-за корзины одуряюще пахнущих роз, чтобы посмотреть, что там происходит.
— Привет! — раздался знакомый голос, и кто-то плюхнулся рядом со мной. — И что тут происходит?
— Эри! Где ты ходишь? — обернувшись, громким шепотом зашипела я на него. — Тут столько всего происходит! Представляешь, кто-то прислал мне с императорской почтой вот этот букет роз! А еще там было письмо и шкатулка…
— А чья это тут у меня посылка? О-хо-хо! А ну-ка посмотрим, что на ней написано? Эриадор Аальст! Где у нас Эриадор Аальст? — раздался громкий голос Вечного Почтальона.
Эри удивленно приподнял правую бровь и повернул голову, чтобы лучше слышать. Я невольно улыбнулась.
— Эриадор, у меня к вам посылка!
С этими словами доковылявший до нас ряженый студент положил на стол плоский сверток, завернутый в синюю бумагу:
— Получите!
— Спасибо, Вечный Почтальон, — сказал, встав, Эри и, взяв сверток в руки, принялся разворачивать.
— Подставка для книг… — спустя пару мгновений озадаченно сказал он, крутя в руке и разглядывая подарок. Но тут удивление на его лице сменилось пониманием и он, подняв взор, посмотрел на меня. — Весьма стильная вещь… — сказал он и слегка улыбнулся.
Догадался, довольно подумала я.

Эри

— М-да… что-то как-то не того…
Я без энтузиазма смотрел на лежавший на развороте книги рисунок. Слева мой, справа авторский — Абасо Альбо. Мой, конечно, неплох, но Абасо… Абасо был круче.
И даже не совсем понятно в чем. Вроде то же самое, но вот что-то… неуловимое. Его кошка — как живая. А у меня — нарисованная. А вот как? Непонятно…
Что ж, зато есть куда расти, сказал я себе, с легким вздохом откладывая рисунок в сторону. И, как гласит неизвестно чья мудрость, дорога — гораздо лучше, чем конец пути… Так что будем чапать дальше… Благо есть на кого ориентироваться. В следующий раз попробую повторить другой рисунок, потом следующий… Глядишь, и у меня рисунки оживут… Я перевернул несколько листов в книге.
Какой интересный птиц… Селенимм астекейра, или изумрудный яркокрыл в переводе с древнего. Сколько же у него перьев! Смахивает чем-то на земного павлина… Красавец. И смотрит так, одним глазом… Сразу видно — наглый! Что тут про него пишут?
«Изумрудный яркокрыл является редким представителем семейства ширококрылых зяблов, живущих в долине реки Муррэа. Этих птиц отличает невероятно яркая перьевая окраска изумрудного цвета. Благодаря некой особенности строения самих перьев яркокрыл на солнечном свету буквально переливается всеми оттенками зеленого, создавая незабываемое зрелище. Причем перья сохраняют свою особенность и после смерти их хозяина. Однако, если вы решили пополнить свою коллекцию чучелом яркокрыла, знайте, что это будет сделать весьма непросто. Яркокрыл обитает в густых прибрежных зарослях, очень осторожен и пуглив. Его перья ломки, а сам он обладает отменным бойцовским характером и, попав в силки или сети, рвется из них до последнего, быстро превращаясь из прекрасного создания в щипаную курицу в комке ломаных перьев. Дело осложняется еще тем, что ко всему перечисленному яркокрыл обладает еще и природной устойчивостью к магии, и заклинания сна и обездвиживания на него не действуют. Поэтому в мире практически не существует чучел яркокрыла с неповрежденным оперением. Однако ваш покорный слуга придумал способ, который все же позволит вам заполучить этот сияющий трофей. На странице сто двадцать семь этой книги я привожу заклинание «шок любви», которое, как показала практика, прекрасно действует на яркокрыла, невзирая на его устойчивость к магии. Под его воздействием яркокрыл впадает в длительный экстаз, припадая грудью к земле. Вы поймаете его буквально голыми руками! Но будьте осторожны! «Шок любви» относится к категории заклинаний высшей степени опасности, поэтому соблюдайте меры предосторожности…»

Что это еще за шок такой, да еще любви, подумал я. А ну-ка, где тут у нас сто двадцать седьмая страница? Мне же эту книгу продали как листочки с картинками! Ни про какие заклинания в ней речь и не шла!
Сто двадцать три, сто двадцать четыре, сто двадцать пять и… и склейка! Сто двадцать семь внутри. Как интересно!
Я аккуратно подцепил ногтями листы с краю и потянул, пытаясь их отделить друг от друга. Не тут-то было!
Насмерть, констатировал я после нескольких попыток. Буду тянуть сильнее — порву! Можно попробовать размочить водой… Листы тогда должны будут расклеиться… Не, лучше не водой. Где там бутылочка разлепина, которую мне продали вместе с книгой?
Искомое нашлось быстро. Как сунул я его на полку шкафчика, так оно там и стояло. Я открутил крышку и принялся потихоньку лить средство на склеившиеся листы, пытаясь пропитать их жидкостью. Поначалу дело шло не очень, но, по мере того как влага стала проникать внутрь, процесс пошел веселее.
«Десять — пятнадцать минут пусть постоит», — вспомнил я слова продавца, решив, что половина бутылки — вполне достаточное количество средства. Подождем…
Пока ждал, успел набросать вчерне рисунок яркокрыла.
Ну-усс… что там у нас? Четверть часа спустя я отложил рисунок и грифелек в сторону и взял в руки книгу. Отмокло или еще нужно подождать? Снова подцепив ногтями оттопыривающийся уголок, я осторожно потянул мокрый лист вверх. Тот неожиданно легко поддался и, чуть шипя и заедая в каких-то сложных для него местах, стал отделяться от своего соседа.
Ты смотри, удивился я, продолжая тянуть, отклеиваются! Не надурили. Похоже, все расклеится. Если еще пропитка книгу не разъест, вообще красота будет! Продавец, правда, уверял, что для книги сия жидкость абсолютно безопасна… Ладно, посмотрим… Вскрытие покажет…
Я аккуратно отделил первый лист.
Точно — кисель, подумал я, разглядывая какие-то розовые комочки и волокна на листах. Неужели я угадал? Или сладкое красное вино? Впрочем, неважно… Где тут сто двадцать седьмая страница? Я принялся отделять листы друг от друга.
На искомой странице обнаружился ни много ни мало, а «Список полезных заклинаний для мага-натуралиста».
Вот уж воистину сюрприз для купившего книгу, вспомнил я слова продавца, разглядывая мнемознаки описания первого заклинания. Это наш магистр древяза, он же инспектор, явно лопухнулся. Видать, добрался до склеенных листов и тоже, как я, повелся на просьбу «не драть страницы раритета». Продавец весьма убедителен… Да и магистр, наверное, никак не ожидал, что в книжке про животных окажутся заклинания, да еще не как принято, в конце, а почему-то чуть ли не в ее середине… Может, это неповторимый стиль автора или он решил изгальнуться и сделать не так, как все? Вряд ли я узнаю причину его такого странного решения, но вышло весьма забавно. У меня на руках древнющие заклинания, которые, благодаря Хель, я могу прочитать… Ну-с, и что в них?
Заклинания оказались весьма специфичными, ориентированными, так сказать, на общение с природой. Первым было — для приманивая рыбы к крючку на рыбалке, второе — заклинание для ощипывания перьев с тушек птиц и снятие шкуры с животных. Третье — «лисий язык», для подражания голосам зверей и птиц.
Интересно, пришла мне в голову мысль, когда я читал краткое описание заклинания, если я смогу издавать рев лося во время гона… а не смогу ли я тогда подражать голосам людей? Суть-то в принципе одна! Если так, то тогда можно будет петь песни авторскими голосами! Хм… Весьма и весьма перспективное заклинание… Нужно будет обязательно попробовать. Что еще?
Я с энтузиазмом принялся читать дальше. Для попавшего в беду натуралиста и неспособного в силу каких-то обстоятельств добывать себе пищу имелось заклинание «охотник». Штука, в воплощенном состоянии выглядевшая как два полупрозрачных дымчатых шара, размером примерно с голову, которые, вращаясь друг относительно друга, уносились в лес, находили, убивали и притаскивали назад организм, попадающий под заданные весовые параметры.
Откуда я знаю, как оно выглядит, если читаю об этом в первый раз? Забавно, но как только прочитаю, в мозг словно фонариком посветят. Раз — и помню! Или знаю… И даже вспоминаю, как это выглядит. Похоже, это всплывают знания, впихнутые мне в голову Хель.
Ну хоть что-то, подумал я, вспоминая наш с ней разговор, в результате которого я вытребовал себе знание языков жителей этого мира, вдогонку получив все их знания. Хоть какой-то навар от пребывания тут. При условии, конечно, что все эти заклинания рабочие.

Менять голос без модификации голосовых связок или обдирать тех же спайклов, не пачкая рук, весьма удобно. Признаю. Что там у нас дальше?
Дальше пошли заклинания, призванные улучшить быт туриста. Палатки, выглядевшие, словно клубящиеся белые облака, с функцией обогрева и сбора влаги из воздуха для организации душа или умывания. При желании можно было модифицировать заклинание таким образом, что палатка превращалась в огромное джакузи, полное горячей воды. Забавно. Я представил себя сидящим посреди голого поля в такой емкости. Нужно будет как-нибудь попробовать… Правда, придется отложить испытания, поскольку силы в него вкладывать нужно немерено. Как и в «охотника». Ладно, повременим с этим…
Потом были заклинания для приготовления пищи. А именно жарки и запекания охотничьих трофеев. Размеры добычи — от кроншпеля до лося целиком, вместе с рогами и копытами. Причем ее можно было запекать равномерно сразу со всех сторон или вращая, имитируя готовку на вертеле. Стекающий вниз сок каким-то образом подавался наверх, для поливки. Температуру приготовления тоже можно было задавать ступенчато, так что получалась чуть ли не программа с поминутным изменением. Короче, эдакая многофункциональная волшебная чудо-печь, отдых на природе с которой становился вообще беспроблемным. Пришел в лес, выбрал полянку с цветочками, настроил «охотника» на размер добычи, шуранул его, тот притащил дичину. На дичину первое заклинание — выпотрошил, второе — шкуру ободрал, третье — в печь! Матрасик из облака соорудил, лежи на спине среди цветов, смотри в небо, жди, пока сготовится. Приготовилось — колокольчик прозвонил. Красота! Да, так можно путешествовать… Я перевернул лист книги.
Два весьма неожиданных заклинания. Одно для облегчения веса рюкзака туриста, второе — для создания невидимого мешка. Если про баловство с весом я слышал, наши маги делали амулеты для разрушителей, чтобы те хоть как-то, но летали, то про то, что можно создать структуры, в которые складываешь предметы и они всегда доступны хозяину, оставаясь невидимыми для других, — про такое я не слыхал. Причем магии на поддержание такого невидимого кармана требовалось совсем немного. Даже я, со своими хлипкими силами, способен его сотворить, в чем я сразу же и убедился, создав заклинание согласно инструкции. Моему соседу оказалось достаточно всего одного моего появления в черной мантии, чтобы найти место, куда съехать. Что он и сделал, оставив меня одного. Поэтому, не имея свидетелей, я мог позволить себе иногда нарушать правила университета относительно магии в неустановленных местах.
— Входит и выходит, входит и выходит… замечательно выходит! — довольно прокомментировал я, кладя и вынимая из хранилища первое, что попалось под руку. А именно — подставку для книг, подаренную Стефанией.
Довольно ловко у нее получилось, вспомнил я свое удивление, когда мне Вечный Почтальон вручил посылку. Не ожидал… Правда, она изумилась еще больше, когда я приколол на левую сторону мантии точно такой же значок, как и у нее. Причем предварительно выслушав ее получасовые восторги про то, как все на нее смотрели, когда в зале появилась императорская почта. И какой у нее замечательный букет. И таинственный поклонник… В итоге Стефи решила, что я ее разыграл, и обиделась… Ладно, переживет… А заклинание-то работает! Можно положить и забрать. Отличная вещь! Для жизни вообще и для куровращения варгуш в частности. Я все голову ломал, как незаметно пронести, — а вот оно, решение! Класс! Не зря я эту книгу купил! Ой не зря…
Последним в списке Абасо оказалось заклинание «шок любви», которое я, собственно, и взялся искать. Ну как обычно. То, что ищешь, — самое последнее в куче, которую перерыл. Законы мироздания, похоже, во всех мирах действуют одинаково. Так вот насчет заклинания. Оказалось — простецкая вещь. Вызывает у объекта атаки усиленный оргазм. И все. Правда, с комментарием, что проходит сквозь все защитные щиты, окромя ментального, пятого уровня, и чертовски опасно для мага, владеющего этим заклинанием. Хм… какая штука, подумал я, закончив читать. Интересно, если оно такого широкого спектра действия, почему я до этого ничего в университете о нем не слышал? Вещь ведь весьма коварная. Когда тебя в момент боя скрутит внезапное наслаждение, много не навоюешь… Да еще проходит практически сквозь все щиты… Неужели просто утеряно? Вряд ли… Такие хорошие вещи обычно не теряются. А что тогда? «Помните, что это заклинание относится к одним из самых опасных для практикующих его магов. НИКОГДА НЕ ПРИМЕНЯЙТЕ ЕГО НА СЕБЕ!!!» — еще раз прочитал я предупреждение Абасо. На себе… А что будет, если я попробую? Ну получу удовольствие… Хм… А потом? А потом могу еще раз получить… и еще раз… А-аа! Понятно, в чем тут дело! Кончится эта история, как с той земной мышью, которой вживили в мозг электрод. При нажатии на педаль она получала слабый электрический импульс, вызывающий неслабое наслаждение. Мышка быстро просекла фишку и бросила все дела. Перестала есть, пить, что-то делать вообще и только нажимала и нажимала на педальку. А зачем делать что-то еще? Жизнь в принципе

это есть получение удовольствий, а тут удовольствие — вот оно, только нажми. Ну она и жала… Через неделю мышка сдохла от обезвоживания. Сдохла прямо на педальке… Сил уже не было нажать, но пыталась сделать это до последнего мгновения. Весьма впечатляющий опыт. Этот «шок любви» — та же самая педаль. Сколько я протяну, если начну сам себя развлекать? Месяц? Два?

Брр! Я представил свой иссохший труп с гримасой наслаждения на обтянутом кожей черепе. Не надо мне таких развлекух! Ясно, почему это заклинание считается столь опасным. Раз попробуешь и — добро пожаловать в клуб самоубийц! Но неужели нельзя как-то обезопасить себя? Клятву, например, себе дать, что ни-ни и никогда?

Я немного поразмыслил на эту тему и пришел к мысли, что дать-то ее можно, но в жизни порой бывают состояния… очень и очень грустные. Именно в такие моменты и совершаются поступки, о которых потом жалеют всю оставшуюся жизнь. И которые не сделал бы, будь с настроением все о'кей! А в результате — и клятва нарушена, и на иглу подсел… Наверняка при всех плюсах заклинания им старались не пользоваться. Лучший способ борьбы с соблазном — просто не знать о нем. Или не иметь к нему доступа. Но я уже попал. Я — знаю! И что теперь делать? Что-что! Ни в коем случае на себе не использовать! На других — пожалуйста, а на себе — ни-ни! Кстати, нужно попробовать, как оно работает. В заклинании указаны различные уровни воздействия, и нужно понять, как это будет выглядеть в реальности. Ведь она всегда отличается от того, что ты представляешь. А заклинание нападения мне сейчас совершенно не повредит. Тем более если оно проходит, как пишет Альбо, сквозь все щиты (похоже, не определяется ими как угроза). Итак! На ком будем пробовать?

— Хм… Ну уж точно не в университете, — произнес вслух я, в задумчивости сжав пальцами подбородок. — Подопытные не одобрят… И запросто настучат по голове за смелые опыты…

Проведение экспериментов на людях тут не одобрялось. Эту тему два часа мусолил ректор, наконец прочитав первую из своих обещанных лекций по магической этике. У меня по этому вопросу было свое, отличное от его мнение, но я сидел со своим мнением молча и не вылезал. Это же все для людей, не для меня… Поэтому я просто принял к сведению существующие здесь порядки, и все. Правда, Мотэдиус в конце своих витиеватых рассуждений признал, что для целителей этот вопрос стоит гораздо шире, чем для других магов, ибо как ни крути, но разрабатывать и усовершенствовать магические методы лечения надо. Но вот как их потом проверять? Так что в некоторых случаях, исходя из блага большего числа людей, такие опыты допустимы, но действия вроде «а давайте попробуем, что получится?» категорически запрещены!

В общем, я решил вынести проверку полученных мной знаний за стены университета. Быстро собрался, пристроил раскрытую книгу мокрыми листами вниз, между столом и спинкой стула, чтобы сушилась, и, одевшись во все темное, отправился в город. Дело близилось к вечеру, и я рассчитывал, если что, остаться незамеченным. На центральных многолюдных улицах было светло и слишком много свидетелей, поэтому я взял извозчика и отправился в район столицы, славящийся притонами и питейными заведениями, надеясь найти там одиночный экземпляр, пригодный для постановки на нем опыта. Мой расчет оправдался полностью. Пока я добрался до нужного мне места, стемнело окончательно. Я расплатился с извозчиком и отправился по темной улице искать жертву для осчастливливания ее внезапным оргазмом. Не прошло и пяти минут моего блуждания среди мрачных каменных домов и редких тусклых фонарей, как мне на глаза попалась бодро, но нетрезво шагавшая одинокая фигура.

Похоже, мужик перебегает из одного трактира в другой, сделал я вывод, немного пройдя за ним. Подходящий вариант… Если что — кто его слушать будет? Мало ли что по пьяни пригрезилось?

Клиент, видно почувствовав мой взгляд у себя на спине, прибавил ходу, намереваясь быстрее добраться до цели своего путешествия. Больше не раздумывая, я запустил в него «шок любви», где-то наполовину мощности.

— Агрыхх! — испустил мужик в небо вопль, хватаясь обеими руками за свои чресла. — Вуу… шуу, — спустя пару мгновений произнес он что-то нечленораздельное, заваливаясь плечом на стену дома. Ноги у него подогнулись, и он сполз по ней, свалившись на землю лицом вниз.

Работает, с восторгом подумал я, наблюдая недвижимое тело у стены. Живой?

Да, живой, посмотрел я его в ментале, но в глубоком отрубоне. Чудненько! Нужно попробовать теперь с другими уровнями вложения силы, чтобы посмотреть, что будет. Оставив мужика под стенкой ждать того, кто его найдет и оберет, я отправился дальше. Однако удача отвернулась от меня. Больше одиноких личностей мне не попалось. Народ предпочитал шастать по темным местам толпой. За себя я был спокоен. Щит я поставить

мог, иллюзию-пугалку тоже мог явить недоброжелателю. А теперь еще и «шок» в рукаве. Если еще учесть, что я чувствовал настроение встречных, то в общем-то застать меня врасплох было сложно. Пошарахавшись по улицам примерно с час, сопровождаемый внимательными, оценивающими, подозрительными взглядами, я сообразил, что вечер только начался и поэтому до появления крепко выпивших одиночек еще часа три-четыре. Это же будет уже ночь, прикинул я в уме, что ж мне, полночи тут бродить, конкурируя с местным криминалом за одинокие тела? Не, это не мой вариант! Вообще в идеале мне бы лучше всего подошел один и тот же объект. Чтобы на нем можно было проделать серию испытаний с изменением силы воздействия. Тогда можно будет составить какую-то картину… Но где же взять этот «точильный камень», чтобы откатать на нем серию? Где? Раздумывая над этим вопросом, я направился в сторону центральных улиц, благо до них уже было недалеко. Но дойти до них я не успел. Меня остановили примерно где-то в районе перехода приличных улиц в дорогие улицы.
— Молодой человек не желает поразвлечься? — раздался сбоку женский голос. Оборачиваюсь направо — девица! А наштукатурена-а! Вульгарненькая такая. По виду проститутка. Жрица любви. Но ведь это же… Это же то, что мне сейчас нужно!
— У мадам Мари — замечательные девушки! Очень красивые, ласковые и умеют доставить удовольствие мужчине! — интерпретировав мое молчание как сомнение, принялась уговаривать меня она. — Вы не пожалеете!
— И где это столь замечательное место, в котором живут столь замечательные девушки? — поинтересовался я.
— Так вот, — показала девушка рукой на дом на противоположной стороне улицы. С полукруглыми ступеньками небольшой лестницы, ведущей к двустворчатым дверям, со здоровущим красным фонарем над ними, — дом мадам Мари!
— Что ж, благодарю тебя, — ответил я ей. — Прямо сейчас и зайду! Скажи, а выносливые у нее есть?

Веселый дом

— Ой, господин, хи-хи, щекотно!
— Ну дай мне свое ушко!
— Ай, щекотно! Господин, вы меня защекочете до смерти! Хи-хи-хи!
— Зови меня Нолом!
— Хорошо, господин Нол.
— Ну дай, дай я тебя поцелую за ушком!
— Ой щекотно!
«Ну, где же он ходит? — раздосадованно подумал маг-воздушник второго курса Ноленик Артенгоф, усаживая сидящую у него на коленях девушку так, чтобы ее попа пришла в большее соприкосновение с одной его очень бодрой частью тела. — Договорились ведь! Уже на двадцать минут опаздывает!
Нол имел в виду Доменика Шасто, обещавшего устроить кутеж и оплатить все расходы. Доменик был единственным сыном у своего отца, владельца обширных земель и двух богатых серебряных рудников. Поэтому деньги он тратил легко и непринужденно, ибо они у него всегда были. Причем тратил он их и на друзей. Правда, за это приходилось признавать его полное и безоговорочное главенство, но ничего такого постыдного для себя Нол в этом не видел. Доменик был вполне нормальным парнем и каких-то несуразностей, которые могли запятнать дворянское имя и честь, не совершал. Просто у него было много денег, а у Нола их было мало. Вполне возможно, что, будь у него их столько же, сколько у Доменика, Нол бы тоже тратил их на своих друзей. Вместе-то веселее! Три часа назад Доми предложил кутнуть друзьям с девочками, пообещав, что все оплатит. Нол и еще Леторий, тоже из их компании, пришли в назначенное время, выбрали себе девочек, заказали им выпить и, усевшись на диванчики в небольшой гостиной, принялись ждать. Девчонки уже полчаса ерзали у них на коленях, а Доми все не было.
«Где ж он ходит? — еще раз с неудовольствием подумал Нол и переключился на стройные ножки в темных чулках и красных туфельках, видные из-под задравшейся легкой полупрозрачной юбки прелестницы. — Можно ведь не в кровати, а стоя… Нагнуть… закинуть юбку ей на голову… — улетел в фантазии Нол, внезапно ощутив, как его сердце забилось где-то в горле, мешая дышать. — Хель с ним, с Доми! Сколько можно! Если не придет сейчас, сам заплачу! Дорого, конечно… У мадам Мари очень дорого… Но и девочки тут красивые. Если сейчас он не придет…»
Прозвенел колокольчик над дверью.
Нол обернулся на звук. Не Доменик! В гостиную зашел…

«Так ведь это с нашего университета! — подумал Нол, разглядывая вошедшего. — С первого курса. Он еще на два факультета ходит, целителей и темный… Как его там? Э-э-э… Эриадор! Точно! Эриадор! Тоже поразвлечься пришел?»
— Добрый вечер, молодой человек!
Мадам Мари, весьма крупная женщина, лет сорока, затянутая в черные шелка, с большими золотыми кольцами на толстых пальцах, величественно встала со своего красного кресла с высокой спинкой. Мадам сидела в нем, поджидая клиентов и присматривая за тем, что творится в гостиной. Нол уже успел поймать ее недовольный взгляд, брошенный ею сначала на часы, а потом на них с другом.
— Ваши друзья уже заждались вас! Да и моим девочкам не терпится показать, на что они способны! Девочки! На выход! У нас гости!
Мадам приветливо улыбнулась пухлым лицом и захлопала в ладоши. На этот звук из соседней комнаты вышли с десяток девушек и построились в одну линию, лицами к клиенту.
— Увы, мадам, — сказал после небольшой паузы Эриадор, оглядев ее работниц, — я не с ними.
Он чуть качнул головой в сторону магов, сидящих с девицами на руках.
— Да? О, прошу меня простить, — слегка растерялась хозяйка салона. — Они просто ждут своего товарища, и я подумала, что это вы и есть!
— Вы ошиблись. Я сам по себе! — улыбнулся ей во всю ширь Эриадор и, чуть прищурив глаза, глянул в сторону сидящих на диванах.
— Но… вы же пришли сюда за тем же, что и они? Выбирайте! Смотрите, какие они красавицы! Все очень ласковые и умелые! Какую вам? А может… и не одну?
— Да, симпатичные… — кивнув, согласился Эриадор. — Мне, собственно, подойдет любая из них, но с единственным условием…
— Каким? — слегка насторожилась мадам.
— Мне нужна самая выносливая!
На диванах громко и отчетливо фыркнули. Два раза. Мадам после секундного изумления стиснула зубы, дабы не дать губам разъехаться в ухмылке. Но это ей удалось плохо. На лице вышла гримаса.
— О! Конечно, конечно! Не сомневайтесь, — затарахтела она, разжав наконец зубы. — Все мои девушки очень выносливые… выносливые, как… как…
— Лошади? — благожелательным голосом подсказали с диванов.
Мадам метнула взгляд в сторону шутника, но комментировать не стала, а, обратившись к Эриадору, сказала:
— Выбирайте, господин! Любую! Уверяю, что вы не будете разочарованы. Вы будете просто поражены их выносливостью! Заплатите до утра, и я гарантирую, что всю эту ночь вы не сомкнете глаз!
— Н-да? — несколько скептически произнес Эриадор. — Хорошо. Но спешить не будем. Возьму пока на час, а там видно будет. Вот эту!
Эриадор ткнул пальцем в крайнюю девушку.
— Меня зовут Анжи, — улыбнулась та, делая книксен.
— Зови меня Эри. Анжи, ты меня проводишь?
— Да, господин Эри, — ответила та и сделала приглашающий жест в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.
«Вот ведь герой! — подумал Нол, снова зарываясь лицом в волосы своей красотки, чтобы добраться губами до места за ушком, которое ему так нравилось целовать. — Самую выносливую ему! Гигант, тоже мне! Нужно будет завтра в университете рассказать… посмеемся… И где этого Доменика носит? Уже и первокурсники понабежали…»
— Ах-ах-ах-а-а-а… АААААААА! — исполненный искреннего восторга женский крик, внезапно донесшийся со второго этажа, стал для всех полной неожиданностью.
Девушка, сидящая на коленях у Нола, отстранилась от него и с изумлением уставилась на верхнюю площадку лестницы, туда, где начинался коридор, ведущий в комнаты. На ее лице, как и на лице ее подружки, сидящей на коленях у Летория, было неподдельное удивление. Похоже, тут такого раньше не слышали.
«Эри, что ли? Если да, то неплохо он задвинул… — подумал Нол, прислушиваясь вместе со всеми и ожидая продолжения. — Ведь только начал, а она уже на весь дом орет!»
— Мадам! — Появившийся на верхней площадке здоровый детина-охранник перегнулся через перила, обращаясь к хозяйке. — Там, в третьем номере, посетитель девушку хочет!
— А Анжи? — с удивлением глядя на него снизу, со своего кресла, спросила мадам. — Она куда делась?
— Сомлела. Лежит в полной отключке. Клиенту это не нравится.

— Сомлела? — с сильным сомнением в голосе переспросила мадам. — Анжи? Сомлела? Хм… А она вообще там живая?
— Да, мадам. Я посмотрел. Живая. Только как бы спит.
— Спит? Ну ничего себе!
— Хозяйка, клиент просил девушку…
— Хорошо. Мика, иди!
Она сделала повелительный жест в сторону одной из выглядывающих в гостиную девушек. Мика, на которую пал ее выбор, покорно пошла к лестнице, опустив плечи и переплетя перед собой пальцы опущенных вниз рук.
— Проследи там! — сказала мадам, обращаясь уже к торчащему на верхней площадке лестницы охраннику.
— Не сумневайтесь, мадам! — ответил тот и повелительно сказал, обращаясь к Мике: — Быстрее давай! Че как не живая!
Охранник с девушкой исчезли на втором этаже.
Пронаблюдав вместе со всеми это небольшое представление, Нол снова потянул девушку к себе.
— Но где же ваш друг? — спросила та, прижимаясь к нему.
— Он сейчас придет, — пообещал Нол и повел ладонью вверх по ее ноге от щиколотки, сдвигая вернувшуюся на место юбку.
— А-а-а-а… — во все убыстряющемся темпе громкогласно раздалось сверху. — АААААААА!
Вопль оборвался на самой высокой ноте. В гостиной все дружно бросили свои занятия и развернулись в сторону лестницы. Небольшая пауза, потом наверху забухали шаги.
— Мадам, Мика сомлела! — радостно сообщил появившийся охранник, улыбаясь во все зубы.
Та при виде его изумленно открыла рот.
— Что, тоже? — справившись с удивлением, не поверила она.
— Ага! — радостно откликнулся охранник.
— Что такое? — непонимающе развела пухлыми ручками мадам. — Что там происходит? Чего они так орут? Даже тут слышно, сквозь двери! Что он там с ними делает?
— Не могу знать, мадам! Он меня посмотреть не приглашал! — осклабился охранник.
— Не щерься мне тут, а то щас получишь!
— Прошу прощения, но он еще одну хочет!
— Еще одну?
— Ага.
— Да? Ну хорошо…
— Иди! — Мадам сделала жест еще одной девушке. Та с некой боязливостью проследовала к лестнице.
— Хозяйка, куда девок девать? — поинтересовался охранник, смотря на поднимающуюся наверх девушку.
— Каких? — не поняла та.
— Ну Мику с Анжи. Анжи я на скамейку пристроил, а для Мики места не нашлось. Я ее на стул усадил. Падает она с него.
— Вот как? Неси их вниз.
— Пусть Обух их вниз тащит. Я же следить должен. Вы же приказали присматривать.
— Ладно, — поджала губы мадам, — сейчас его крикну.
Охранник с девушкой исчезли на втором этаже. Спустя пару минут наверх хмуро протопал вызванный Обух — шкафообразный детина в серой холщовой рубахе, с закатанными по локоть рукавами. Нол и Леторий, впрочем, как и девушки, сидящие у них на коленях, развернулись в сторону лестницы, ожидая его возвращения. Спустя пару минут он появился на лестнице, держа на руках завернутое в платье тело, из которого торчали голые ноги и плечи.
Бум, бум, бум — забухал он ножищами вниз по лестнице.
— Обух, иди сюда! — призывно махнула ему пухлой ручкой мадам. — Покажи!
Тот послушно подошел к хозяйке, держа девушку на вытянутых руках. Это была Мика.
— Да она просто спит! — возмущенно констатировала хозяйка, вглядевшись в ее лицо. — И еще улыбается! Вот дрянная девчонка! Мика! Мика! А ну-ка просыпайся!
Мадам принялась несильно шлепать ее по щекам.
— Просыпайся, я сказала! У-у-у, тварь такая!
Однако пощечины не возымели нужного эффекта. Мика приходить в себя не желала.
— О-о-о-о… УУУУАААААА! — проорали сверху, и наступила тишина.
— Вот ведь дрянь, и эта туда же! — констатировала мадам, когда стало понятно, что продолжения не будет и можно больше не прислушиваться.

— Неси ее в ее комнату, — сказала она Обуху, делая жест кистью руки в сторону. — И за остальными сходи. Я завтра с ними разберусь… Удовольствие они, видишь ли, тут получают… Вместо работы. А работать кто за них будет?!
— Еще одну! — жизнерадостно затребовал охранник с верхней площадки лестницы.
— Ты че там щеришься? — припустила на него сердитая мадам, найдя на ком сорвать свое недовольство. — Я тебе че сказала?
— Да че. Я ниче…
— А че тогда лыбишься? Настроение больно хорошее? Щас враз испорчу!
— Да не. Нормальное. Как обычно.
— А чего тогда рот до ушей?
— Дык ведь я и не думал, что этих девок можно продрать так, что они без памяти валяться будут. Да еще так быстро. А оно вона как! Смешно.
— Я тебе щас дам смешно!
— Мадам, он еще одну просил. Сказал, что разочарован.
— Лиска, иди! — скомандовала мадам.
Дальше действие развивалось по одному сценарию. Девушка уходила наверх, потом орала на весь дом, сообщая, как ей хорошо, затем на верхней площадке появлялся охранник и, делая страшные гримасы, только чтобы не улыбнуться, требовал еще одну. Мадам, глядя, какие он корчит рожи, с трудом сдерживая себя перед присутствующими господами магами, отправляла наверх еще одну девушку и Обуха, чтобы тот вынес предыдущую. Девки блаженно орали, мадам исходила паром от злости, Обух тупо и без всяких возражений таскал по лестнице вниз полуголых девиц, кое-как завернутых в снятые с них же наряды, зрители наблюдали. Короче, сегодняшний вечер в публичном доме явно удался. Было весело. Нол уже давно пересадил девушку со своих колен на диван и, сидя рядом с ней, наблюдал за разворачивающимся действом.
Прозвенел колокольчик над дверью.
Обернувшись на звук, Нол увидел в дверях улыбающегося Доменика.
— Привет, — сказал тот, проходя внутрь и направляясь к друзьям. — Не смог сразу прийти. Пошла отличная карта. Не бросать же игру при таком раскладе! Четыре с половиной золотых выиграл!
— У-у-у… ААААААААААА! — раздалось сверху.
— Ого! — уважительно сказал Доменик, наклонив голову к плечу и выставив вперед ухо, чтобы было лучше слышно. — Хорошо это он ей! Кто там так развлекается, не знаете?
— Принятый в этом году… с нашего университета, — ответил ему Леторий. — Князь Эриадор. Этот, который в черной мантии бегает.
— Да ну? — не поверил Доменик. — Не может быть! Чтобы какой-то пацан… с первого курса. Не верю!
— Ну ты же слышал, — пожал плечами Нол.
— Да? Так, значит? Ну ладно! Покажем первому курсу, что значит — опытные маги! Сейчас я возьму себе девку, и она будет орать у меня громче, чем у него. Вот увидите! Мадам, где ваши феи? — обратился он к хозяйке, которая, прикусив зубами нижнюю губу, неотрывно смотрела вверх, на лестницу.
— А… — растерянно перевела она взгляд на него, но добавить ничего больше не успела.
— Следушую, — вытянутыми трубочкой губами, чтобы не дать им разъехаться в улыбке, промычал появившийся наверху охранник и, справившись с гримасой, уже нормальным голосом произнес: — Обух, забирай!
Мадам прикусила уже верхнюю губу и обернулась в сторону девушек, сидящих рядом с магами.
— Господа, — неуверенно начала она, — умоляю простить меня, но… на карту поставлена честь моего заведения… Господа, я прошу… Я умоляю! Ваших девушек! Я все компенсирую! Скажем, три раза бесплатного обслуживания? Как вам?
— Что тут происходит? — удивленно повернулся к друзьям Доменик. — Она что, хочет забрать у вас ваших девок и отдать их кому-то другому? Я не ослышался?
— Неделя бесплатного обслуживания, — произнесла мадам.
— Да ты что, в своем уме? — обернулся к ней Доменик. — Это еще что за идея такая? У тебя что, других девок нет? Я не потерплю такого неуважения к себе и друзьям!
— А у меня больше никого нет, — похоже, пребывая в некой прострации, произнесла мадам, плавно разводя пухлыми ручками в стороны, — кончились…
— Как кончились?
— Доменик, Эри их всех уже того… — подал голос Леторий.
— Всех? — не поверил тот.
— Ага. Эти две последние.
— Господа, если вы позволите, — напомнила о себе мадам.

— Хорошо, кивнул в ее сторону Нол, — пятнадцать раз бесплатного обслуживания… по полной. И я согласен! А ты? — вопросительно обратился он к Леторию.
— И я согласен, — кивнул тот.
— Конечно, конечно, господа! Договорились! Все будет в лучшем виде. Дора, иди! — мотнула головой мадам.
— Не понял? — сказал Доменик, провожая удивленными глазами Дору. — Вы отдали своих фей этому первокурснику? Зачем?
— Ну, во-первых, в обмен на полмесяца бесплатного обслуживания. А во-вторых, просто уже интересно, чем дело кончится.
— В смысле? — не понял Доменик. — Чем кончится?
— Ну сколько ему нужно, чтобы сломаться! Одиннадцатая пошла. И все визжат так, как будто это самый сладкий раз в их жизни. Может, это как раз будет последняя.
— Ви, ви, ви… А-а-ар-р-раАААААХХ! — раздалось сверху.
— Одиннадцатая! — с удовлетворением в голосе произнес Леторий и прокомментировал: — Тоже хорошо пошла!
— Обух, забирай! — появился на лестнице охранник. — Следующая!
Мадам молча мотнула головой к плечу, задавая путь движения последней своей работоспособной девушке.
— Ничего себе! — сказал Доменик, плюхаясь рядом с друзьями на диван и протягивая руку к бутылке вина, купленной для девушек.
— Фужеры чистые есть? — обратился он к мадам, которая таращилась на лестницу. — Скажи, пусть принесут!
— Ты пьешь? — поинтересовался Нол, одним ухом прислушиваясь к тому, что происходит наверху.
— Капельку. Обмыть картежную удачу. Ее надо обязательно обмывать, иначе везти не будет!
Нол только головой покачал.
— ОООООООО! — прочувственно прозвучало сверху.
— Двенадцатая, — закончил счет Леторий. — А что дальше? Пойдет к другим фейкам? Если да, то пойдемте с ним? Вы как?
— Что значит кончились? Что значит нету?
На верхней площадке раздались шаги, сопровождаемые недовольным голосом. Но в этот раз это был не охранник. Это был Эриадор. В белой с большим воротом рубахе, застегнутой на несколько пуговиц так, что была видна его голая грудь. С одного бока рубаха была заправлена в черные обтягивающие штаны, с другой стороны висела свободно. Эриадор подошел к перилам, огораживающим верхнюю площадку лестницы и, упершись в них вытянутыми руками, навис над гостиной. Волосы у него были взлохмачены, а вид — весьма хмурый.
— Мадам! — после небольшой паузы громко произнес он. — Я крайне недоволен! Я просил себе нормальную, пусть даже без особых изысков, но выносливую девушку, а вы мне кого понаприсылали? Такое впечатление, что это какие-то монашки, первый раз в жизни увидевшие мужчину. Стоит только начать, как они улетают туда, куда я попасть уже, наверное, с час никак не могу! Причем делают они это так быстро, что я за ними просто не успеваю! Мадам, в чем дело? Кто тут кого развлекает? Я их или они меня? Где вы понабрали этих чувственных особ, которые впадают в экстаз от одного только прикосновения к ним?
— Э-э-э… — проблеяла мадам. — Раньше все было нормально…
— Не знаю, как там у вас было раньше, но сейчас я разочарован! Репутация вашего заведения как приличного оказалась дутой фикцией. Она совершенно не соответствует реальности. Я буду всем рассказывать об этом прискорбном факте. И рекомендовать желающим отдохнуть пойти туда, где есть настоящие женщины, а не какие-то глупые девчонки, совершенно не искушенные в любовных делах!
— Это неправда! Они все очень умелые и искусные. Не знаю, что с ними приключилось сегодня такое… — попыталась оправдаться мадам.
— М-да? Как-то я этого не заметил. Впустую только время провел. У вас что, женщин в заведении нет? Нормальных. С опытом?
— Есть! — Мадам встала с кресла и, с вызовом развернув плечи, выставила вперед грудь пятого размера. — Я!
— Хм… — Эриадор оценивающе посмотрел на нее с высоты лестницы. — Да… думаю, что опыта вам действительно не занимать… Ну коль больше никого не осталось… — Он еще несколько секунд молча смотрел на нее, затем принял решение. — Мадам! — Эриадор развернулся боком и вытянул правую руку в сторону, указывая направление к комнатам. — Прошу!

Стефания

Сегодня с утра я была в прекрасном настроении. То ли выспалась, то ли солнце с утра такое яркое… А может, этому причина — запах роз? Розы пахнут просто изумительно! Уже четвертый день стоят у меня, а по виду — как только с куста срезали. Внутри корзины, на дне, оказалась небольшая емкость с жидкостью, куда были воткнуты обрезанные кончики стеблей. Поэтому розы совершенно не увядали. И пахли, пахли, пахли…
Какая прелесть, в который раз подумала я, перед уходом на занятия подойдя к букету и ткнувшись в него лицом. Никогда у меня еще не было целой корзины роз! Да и если честно, вообще никаких цветов не было… Никто мне их не дарил…
А тут сразу столько! Вот если бы они еще были подарены по-настоящему… — вздохнула я. Этот Эри… со своими шуточками! Нашел над кем шутить! Совсем не по-дружески поступил. Нехорошо! Чувствую себя обманутой и обманщицей!
Я нахмурилась, вспоминая, как все смотрели на меня и мой букет, доставленный императорской почтой. Еще бы! Кому попало эта почта посылки не развозит. Только самым-самым. И таинственный поклонник. Так было здорово! Как в книжках! А оказалось, что это все неправда! Все это устроил Эри.
— Как же ты уговорил фельдъегеря доставить мне посылку? — не веря ему, спросила я.
— Очень просто. Социальная инженерия, — непонятно объяснил он.
— А что это такое? — наморщила лоб я.
— Воздействие на людей, — пояснил он, — почти как магия, только без магии. В зависимости от ситуации можно сделать так, что человек будет делать то, что тебе нужно. И уговаривать даже не нужно. Он сам захочет тебе помочь.
— Да? И как же ты сделал так, что он захотел тебе помочь?
— Он был с девушкой. И там у них, похоже, все только начинается. Я подсел к их столику и рассказал грустную историю о любви. Как злая судьба разлучила два влюбленных сердца… И вот я, без ума влюбленный юноша, прошу передать букет моей избраннице, заточенной за высокими стенами университета магии… Девушка была очень тронута. Она попросила своего ухажера помочь мне. Тот же решил, что совершить для нее небольшой подвиг, дабы стать героем в ее глазах, — это самое то, что для него сейчас нужно. Ну вот так все и сложилось… Он совершил подвиг, чтобы стать героем в ее глазах, его девушка получила себе героя, ты получила посылку… А я? А я немножко поразвлекся…
— Как ты мог? — в изумлении глядя на него большими глазами, потрясенно спросила я. — Как ты мог так поступить? Это же… нехорошо! Это… это… это же обман!
— Не обман, а розыгрыш, — поправил меня Эри. — Обман — это когда хочешь получить какую-то наживу. А без наживы — это шутка. Розыгрыш!
Эри щелкнул пальцами и усмехнулся.
— Но зачем? — не понимая, растерянно спросила я, разводя руками. — Разве нельзя было просто взять и подарить? Как я подарила тебе?
— Ну… это скучно! Ты же ведь тоже не принесла и не дала мне в руки подставку — на, мол, дарю! Кто привлек Вечного Почтальона? А? Тоже ведь хотелось как-то необычно сделать, чтобы было интереснее. Согласись, ведь ты пережила немало волнующих и приятных моментов на празднике? Вдруг ни с того ни с сего императорская почта доставляет тебе огромную корзину цветов и коробочку, перевязанную ленточкой. И письмо… от таинственного незнакомца. Кто, что? Ты не знаешь, что и думать. Все смотрят на тебя — ты королева бала! Скажи, разве тебе было не здорово?
— Конечно… здорово, — ответила я, вспоминая свои чувства и переживания на празднике. — Но только ведь получается, что это все неправда! Не настоящее!
— Разве твои переживания и чувства были не настоящие?
— Настоящие. Но я ведь не знала…
— Ну вот видишь. Ты пережила прекрасный момент в жизни. Что же тебя так расстраивает?
— Это обман! Все это было… понарошку! Не взаправду! Все, что было здорово, отравляется знанием о том, что все это неправда! Как ты этого не понимаешь!
— Хорошо, я больше не буду ничего тебе рассказывать, — покладисто согласился Эри, взмахнув руками в стороны и поджимая губы.
— Больше не будешь? Так ты что, собираешься и дальше так поступать? Разыгрывать меня будешь? Чтобы повеселиться? Это… это совершенно не по-дружески, Эриадор Аальст! Совершенно! С друзьями так не поступают!

Я резко развернулась к нему спиной и ушла, кипя от возмущения. Тоже мне друг! Так посмеяться надо мной! Дурак!
И вот уже два дня мы с ним не разговариваем. На лекциях я сажусь отдельно от него и не здороваюсь. Когда я в первый раз молча прошла мимо, он только задумчиво посмотрел мне вслед, наклонив голову к плечу. Но подходить и извиняться не стал. Ну и пусть! Пока не поймет, пусть даже и не приближается! Так поступать с друзьями нельзя! Хотя… Хотя жаль, что он мне цветы понарошку подарил… С ним весело. И он симпатичный… только странный… Почему он такой странный?
Я задумалась, вспоминая Эри. Вышла я рано, до занятий было еще время, и я неспешно брела по узкой дорожке вдоль высоких (выше моего роста) кустов, с удовольствием вдыхая свежий утренний воздух с запахом сухих листьев.
— А ты слышала, что темно-зеленый вчера вытворил? — Раздавшийся буквально рядом, из-за кустов голос прервал мои размышления. На соседней дорожке, за малость уже пожелтевшей живой изгородью, кто-то стоял.
— Темно-зеленый? А кто это? — прозвучал второй, тоже девичий голос.
— Эриадор Аальст. У него же две мантии. Темная и зеленая. Вот Алистера и придумала. Темно-зеленый! Здорово, правда?
— Ага. Темно-зеленый! Хи-хи. Смешно! Ох и злится она на него!
— Да. Хорошо он ее дурой тогда на истории выставил. Между нами — так ей и надо! Корчит из себя невесть что. А волосы у нее редкие.
— Я тоже это заметила. И, кажется, она их еще красит…
Похоже, это те самые, которые тогда обсуждали меня у расписания. Голоса, по крайней мере, мне кажутся знакомыми. Опять сплетнями делятся? Сплетницы, подумала я и хотела было уже пройти дальше, не желая подслушивать, но имя Эриадора заставило меня остановиться и прислушаться.
— Да ладно с этой Алистерой! Я тебе сейчас что про князя расскажу! — голосом, полным предвкушения, произнесла одна из них. — Мне вчера такоооеее рассказали! Таааkоое! Ты не поверишь!
— Что?
— Вчера третьекурсники к феям ходили. К мадам Мари.
— Зачем?
— Что — зачем? Ну зачем они туда ходят?
— Затем. Ты что, не знаешь?
— А, ну да. Да… Это я так. Не проснулась еще… Спала что-то сегодня плохо. И что?
— Так вот. Когда они были там, туда пришел Эриадор! Представляешь?
— И этот туда же! Куда его Терская смотрит?
— А что Терская?
— А разве у них не любовь? Все вместе да вместе.
— Любовь. Не… вряд ли. Глупенькая она еще. Ничего не понимает в этих делах.
— Откуда ты знаешь?
— Да по ней видно. Еще небось ни разу не целовалась.
— Слушай… А ты заметила, что они теперь с князем отдельно сидят?
— Ой… Точно! Я тоже это заметила! Интересно, какая кошка между ними пробежала?
— Да что тут думать? Полез он, наверное, к ней, а она ему по роже дала. И все дела!
— Ты думаешь? Мм… Эриадор так ничего… Если бы он ко мне полез, я бы, пожалуй, по роже его бить не стала…
— Ну так то ты, а то Терская. Я же говорю, глупая она еще! Может, думает, что раз ей императорская почта корзины роз привозит, так князь ей теперь не ровня? Повыше метит?
— Ой, и правда! А так и не выяснилось, кто ей это все прислал?
— Не-а. Но подожди, дай я тебе про фей дорасскажу! Пришел, значит, Эриадор в салон, взял себе фейку и сразу с ней наверх, в постель!
— Вот что я тебе скажу. Это он точно от Терской туда побежал! Она ему от ворот-поворот, вот он к ним и помчался!
— Хм… Похоже на то. Так вот, уединился он с ней, а она как закричит на весь дом! Говорят, даже на улице было слышно!
— С чего кричала-то? Случилось что?
— Ну как с чего? Так хорошо ей было. Ты представляешь?
— Да ладно… Это она небось притворилась, чтобы денег больше получить. Я слышала, что фейки всегда так делают.
— Так это еще не все! Слушай дальше! Ее на руках от него вынесли. В полнейшей отключке, как сказал Нол. В салоне и не помнят, когда у них последний раз такое было!
— Да, может, ей просто плохо стало?

— Ничего не плохо. Он следующую себе потребовал. И с ней то же самое. Также на руках унесли!
— Да ты что…
— Ага! Так он всех там их… по очереди. Представляешь — всех! Даже хозяйку салона!
— Ха! Враки!
— Чистая-пречистая правда! Нол рассказывал. Он был там. Все своими глазами видел!
— М-да? Кто бы мог подумать… А с виду и не скажешь…
— Ну, в тихом омуте зяки водятся!
— Тогда получается, что Терской сильно повезло, что она ему по мордам дала…
— Почему?
— А ты только представь, что бы было с этой бедной, нецелованной девочкой, если он целый салон фей вместе с их мадам через себя спокойно пропускает? И еще после этого уходит на своих двоих! Ах-ха-ха-ха!
— Хи-хи-хи!
За кустами в два голоса залились веселым смехом. Я стояла и чувствовала, как у меня от стыда горит лицо. Мерзкие сплетницы! Нет! Как только научусь магии, первое, что я изучу — это проклятие онемения! Клянусь! Чтобы у этих языки поотнимались! И плевать я хотела на то, что это темное проклятие!
— Ладно, пойдем, — отсмеявшись, сказала одна за кустами, — на Эриадора посмотрим!
— Зачем?
— Интересно же! Оказывается, он о-го-го! К тому же еще и князь! Принцессу себе ищет! Слыхала? Мм? Как я, похожа на принцессу? А так?
— Личико попроще сделай… А Терская? Он же вроде к ней неровно дышит?
— А что Терская? Пусть ждет себе принца сколько хочет! Ее проблемы. Ладно, пошли на Эриадора глядеть!
— Пошли!
Раздался звук торопливо удаляющихся шагов, и подружки, похоже, вприпрыжку побежали по дорожке за зрелищем.
Гадины! От обиды у меня перехватило горло и на глаза навернулись слезы. Мерзкие, противные гадины! Столько понапридумывали про меня. Ни капли правды. Пойдут сейчас трепать языками по всем углам, ничего потом не докажешь. Почему они так ко мне? За что? Что я им сделала?
Прекрасное настроение, посетившее меня с утра, исчезло без следа. Вместо него в горле встал ком, а на душе заскребли кошки.
Знала бы, никогда не поехала бы сюда, сказала я себе и понуро поплелась на занятия. Первыми сегодня были два часа практической магии. Еще один повод для огорчения. Ничего у меня не получалось. Как ни пыталась я обратиться к своей силе, ничего не выходило. Не одна была я такая, но все равно… На прошлом занятии получилось у Алистеры. Свечка, которую нужно было погасить, погасла, выкинув вверх извивающийся тонкий дымок. Боги, как высокомерно она на меня тогда посмотрела! С таким превосходством. Крыса крашеная! Точно, красится… Конечно, ей проще. Она же маг огня! А я нет. Почему всех учат одинаково? Может, если бы меня учили по-другому, у меня бы уже все вышло? И у Эриадора все получилось с первого раза… Правда, он уже все умел… Тогда магистр сказал, что он может больше не ходить к нему на занятия. Спит сейчас, наверное… У всех все хорошо, у меня одной…
Так, ноя и жалея себя, я добралась до аудитории и дождалась начала занятий.
— Итак, начнем!
Магистр Ниомедиус, преподающий у нас практическую магию, был бодр и свеж и словно лучился энергией.
У него тоже, похоже, все хорошо, подумала я, хмуро глядя на него.
— Начнем мы, как обычно, с перечисления того, чего не должен делать маг, если он себе не враг! Ха-ха! Маг не должен: брать в руки артефакты или другие магические предметы, не убедившись в их безопасности…
Каждое занятие начиналось одинаково рутинно. С перечисления запретов. «Только упорным повторением можно удержать в голове правила, которым вы должны следовать всю свою жизнь. Если, конечно, хотите, чтобы она была долгая…» — сказал магистр на нашем первом занятии, давая весь перечень запретов под запись. И теперь, начиная урок, мы всем курсом проговаривали эти правила.
— Все вместе и вслух! — кивнул с кафедры магистр.
— …не активировать неизвестных заклятий, не проводить опыты, не установив предварительно защитные щиты… — послушно-сонно забубнила аудитория.
Я стала повторять вместе со всеми, иногда кося взглядом в тетрадь со сводом правил.

Затем началась практика. Я сидела, скрестив ноги на матрасике и закрыв глаза, пыталась медитировать, чтобы что-то найти в себе. Пыталась… но никак не могла сосредоточиться. В голове безостановочно крутились мысли, вызванные подслушанным разговором. Неужели это правда, задавала я себе вопрос, думая о Эриадоре. Неужели он действительно ходит к феям? Как он может? Они же… Грязные! Фу! Как ему не противно? А я думала, что он не такой… А он как все, оказывается. Одни удовольствия на уме. О других подумать не может… И цветы мне подарил только потому, что хотел поразвлечься. Эгоист! Но все же будет жалко, если он перестанет со мной дружить… С ним интересно. Он такой… необычный. Может, он просто плохо воспитывался? Может, я смогу его исправить? Нужно, пожалуй, помириться с ним. А то вон какие быстрые тут бегают. Прынцессссы… Пусть попросит прощения, и я с ним помирюсь. Но целоваться с ним после фей я точно не буду!
— Получилось! Получилось! — кто-то во весь голос заорал рядом со мной.
От неожиданности я испуганно вздрогнула и резко открыла глаза. Рядом, перед дымящейся свечкой, радостно прыгал парень в синей мантии.
Я только глубоко вздохнула и что есть силы зажмурила глаза.
На первой перемене усиленно обсуждали происшествие в салоне мадам Мари. Все уже все знали. Парни, разделившись на два лагеря, спорили, возможно ли такое в принципе? Физически. Или без зелья тут дело не обошлось? Приводили множество доводов за и против. Девушки в обсуждении участия не принимали, но стояли рядом и внимательно слушали, бросая на меня ироничные взгляды.
Похоже, все оповещены, что у меня с ним чувства, поняла я, увидев, как они на меня смотрят. Хорошо, что я тоже об этом узнала. Правда, случайно, но все равно — спасибо! А так бы ходила дура дурой! В неведении…
Второй час занятий прошел так же в безуспешных попытках сосредоточиться. В голову лезла всякая ерунда. Подумалось, что если Эри не захочет извиняться, то тогда я с ним не смогу дружить. И опять останусь одна.
Бррр! Только не это! Нужно пойти и помириться с ним! Только как? Ведь это же я первая перестала с ним разговаривать! Вот ведь незадача… И потом. Он, значит, будет выкаблучиваться, творить, что хочет, а я из-за своего страха снова быть одной буду все терпеть? Так можно далеко зайти… Нет! Не буду просить у него прощения! Я такая, какая есть! И все! А если… если он клюнет на этих, которые с ним хотят познакомиться? Он же уйдет! Что же делать? Может, ему как-то намекнуть… что я согласна мириться. Но вот как? Короче, терзаний был полон и второй час занятий. Звонок на перемену принес несказанное облегчение. Следующим был древяз. Голова на нем должна быть занята.
Все лучше, чем сидеть, зажмурившись, и пытаться не думать о том, о чем только и думаешь, решила я, последней выходя из зала медитаций.
— А я тебе говорю, что, будь он хоть трижды гигант, это невозможно. Не-воз-мож-но! Не веришь, это я тебе как целительница говорю!
Невысокая девушка, старшекурсница, в окружении, похоже, сокурсников, сердясь, втолковывала свою точку зрения парню в голубой мантии.
— Жустина, твой значок лучшей ученицы не позволяет усомниться в твоих словах, и я бы не усомнился. Честное слово. Если бы не был там и не видел все своими глазами. Своими глазами! Вот этими. Понимаешь? — ответил он, тыкая себе в глаза указательным и безымянным пальцами.
Вот, значит, кто видел там Эриадора! Я внимательно присмотрелась к парню. Он так спокойно при всех говорит, что ходит к феям? Как ему не стыдно?
— Он вас просто разыграл! Сговорился с мадам, и все! А вы повелись и поверили!
— Жусти, если бы только слышала, как они орали… как они орали! — При этих словах парень закатил вверх глаза и закачал головой с самым мечтательным видом. — Ты бы сразу поняла, что это все взаправду.
— Вот еще, буду я по феям ходить! — фыркнув, нахмурилась целительница. — Это вы у нас озабоченные, вы и бегайте!
Стоящие рядом с ней девушки заулыбались, насмешливо глядя на парней.
— Короче, так быстро и в таких количествах доводить женщин до такого состояния — невозможно! Это противоречит физиологии! Я тебе как женщина и как целительница говорю, — вынесла вердикт Жустина непререкаемым тоном. — Он просто пошутил над вами. Нигде и никто о таком не слышал.
— Если никто ничего об этом не слышал, то это совсем не значит, что этого не существует, — раздался сзади спокойный голос. — И весьма странно слышать столь легкомысленные заявления из уст лучшей ученицы целительского факультета. Так могут говорить, пожалуй, только необразованные крестьяне за кружкой дешевого пива в каком-нибудь трактире…

Оборачиваюсь — Эри! Скрестив на груди руки, в черной мантии и с насмешливым выражением лица. Эри…
Я внезапно поняла, что совсем не сержусь на него…
— Что вы имеете в виду, господин князь? Объяснитесь! — сильно сдвинув брови, нахмурилась Жустина.
— Я имею в виду то, что вы сказали. Миленькую, забавненькую глупость, вполне простительную для девушки, но никак не допустимую для целителя. Для знающего целителя, конечно!
Эриадор со значением произнес последнюю фразу.
— Вот как? Господин первокурсник хочет показать, что он тут умнее всех? Ну что ж, я с удовольствием выслушаю вашу глупость. И посмеюсь над ней. Давайте, расскажите всем нам. — Жустина развела руками в стороны, призывая всех принять участие в разговоре. — Давайте! Что же вы?
— Извольте. Дело все в том, уважаемая госпожа целительница, что вы не знаете одной совершенно простой вещи. Или не желаете ее признавать. А вещь эта в том, что женщины — гораздо более животные существа, чем кажутся на первый взгляд. Животные — это значит ближе к животным, по своему развитию и строению, — пояснил Эри свою мысль. — И поэтому, благодаря их столь простому устройству, совершенно несложно вызвать у них разнообразные чувства. Вплоть до самых ярких. Даже любовного наслаждения. У любой и за пару минут. Это я вам как целитель первого курса университета говорю.
— Что он несет? — возмутилась я, услышав, что он сказал. — Какое такое я ему животное?
У всех девушек, стоящих рядом с Жустиной, выражение лиц тоже стало недовольным.
— Да что вы говорите, — насмешливым тоном, скрестив руки на груди и нехорошо сощурив глаза, произнесла Жустина. — Животные, значит? Обоснуете?
— Не-а, не обосную, — отрицательно помотал головою Эриадор. — Докажу!
— О-о-о, даже так? Как интересно! И как?
— Предлагаю пари! — громко, чтобы было слышно всем, произнес Эриадор. — Пари между мной и госпожой Жустиной! На следующих условиях. Мы с госпожой целительницей уединяемся за занавеской. Если через минуту она не будет кричать от восторга, то я проиграл, если будет — то я победил! Проигравший ведет всех свидетелей пари в лучший трактир города — «Белый лебедь»! Свидетели — все присутствующие! Ну как, все согласны?
— У-у-у, да-а-а, — одобрительно замычали со всех сторон. — Согласны!
— Ну вот, все согласны, — обратился Эри к Жустине. — А вы согласны, госпожа лучшая ученица?
— Я? Э-э-э…
— Что же вы, неужели вы готовы отказаться от своих слов?
— Каких слов?
— Все прекрасно слышали, что вы говорили. Спросите, они вам расскажут. Ну так что, вы отказываетесь от пари и при всех признаете мою правоту? Или как?
— Ничего я не отказываюсь!
— Тогда пари?
— Почему вдруг сразу пари?
— Но ведь вы же подвергли сомнению мои слова! И кому как не вам стоит убедиться, что все честно, без обмана? А то, если будет кто-нибудь другой, скажете опять, что все подстроено. Вы готовы делом подтвердить свои слова?
— Ну… я не знаю… как-то все неожиданно…
— Дворяне отвечают за свои слова.
— Хорошо, я согласна!
— Отлично! Все слышали?
— Да-а-а… — вразнобой отозвались вокруг. — Пари.
— Только без занавески, — сказала Жустина.
— Дело в том, что это знание — старинная семейная тайна, передающаяся из поколения в поколение, — пустился в объяснения Эриадор. — Я поклялся отцу, что передам ее своим детям и только. Вы понимаете? Поэтому мне важно, чтобы никто не видел, как это делается. Я могу вам при всех поклясться чем угодно, что не позволю себе никаких вольностей. Не буду никуда лезть и за что-то там хватать. Всего лишь легкое прикосновение к вашей шее, и все! Вы поставите щит против магии, вы же умеете! И все будет честно и прозрачно. А с вашей честью за одну минуту за занавеской со мной, да еще при таком количестве свидетелей, ничего не случится. Или вы придумали повод отказаться от пари?

— Я не отказываюсь от своих слов. Но где же мы найдем эту занавеску? — непонимающе спросила Жустина. На фоне Эриадора выглядела она неуверенно.
— В большом зале есть портьеры на окнах. За ними не то что мы с вами, взвод гвардейцев поместится! Пойдемте! Скоро уже перемена закончится!
— Хорошо. Пойдем.
— В большой зал, все в зал! — приложив руки рупором ко рту, прокричал Эри.
С шутками и прибаутками толпа свидетелей вместе со спорщиками повалила по направлению к залу, обрастая по пути новыми заинтересованными лицами. В результате туда пришло человек под двадцать. Я тоже пошла с ними. Было интересно, чем это закончится. Да и Эри, может, удастся намекнуть, что я его прощу…
— Прошу вас! — Эри указал Жустине на большую портьеру из плотной светло-коричневой материи у первого окна. Сразу у входа.
— А как будем определять время? — растерянно спросила она, видно никак не ожидавшая такого стремительного развития событий.
— Вслух будут считать! Как крикну, начинайте! До шестидесяти! Понятно? — обратился Эри ко всем присутствующим.
— Да… ага… хорошо, — вразнобой ответили ему.
— Готовьтесь.
Эри вместе с Жустиной зашел за портьеру и задернул ее.
— Готовы? — спросил он оттуда.
— Да! — хором ответили ему.
— Начинайте!
— Раз… два… три… четыре… — сначала нестройно, но затем, выровнявшись, дружно принялись считать все.
Я не считала, а смотрела на портьеру. Мне совсем не нравилось, что он там наедине с ней. Пусть даже и при свидетелях. И спор какой-то дурацкий…
— …пятнадцать, шестнадцать…
— Ах! — громко раздалось из-за портьеры.
— …восемнадцать, девятнадцать…
— АаааааАААААААА!
Портьера отлетела в сторону, открывая, что творится за ней. Эриадор, не давая упасть Жустине и сильно наклонившись вперед, прижимал ее к себе, подхватив левой рукой за талию. Другой рукой он схватился за портьеру. Жустина же, упершись ему в грудь выпрямленными пальцами обеих рук и что есть силы изогнувшись через его руку назад, самозабвенно вопила восторженным голосом.
Голова ее была запрокинута, волосы свесились чуть ли не до пола, а лицо было искажено гримасой сладострастия. Выглядела она в этот момент не очень здорово.
Я бы не хотела, чтобы меня видели в такой момент, невольно подумала я, глядя на ее покрасневшее лицо.
Наступила тишина. Жустина перестала кричать и, закрыв глаза, обмякла в руках Эри. Он осторожно потянул ее к себе, ставя на ноги.
— Мм… — Жустина, все так же не открывая глаз, прижалась щекой к правой стороне груди Эри, положив на ее другую сторону ладонь с растопыренными пальцами. Эри обхватил ее руками за плечи и прижал к себе.
— Мм… мм… мм…
Словно кошка, все так же не открывая глаз, девушка неожиданно принялась тереться головой о его грудь. На ее лице была улыбка неги и блаженства. Эри же улыбался как-то насмешливо, с оттенком легкого презрения на лице… Стояла полнейшая тишина. Все, замерев, молча смотрели на них.
— Мм… мм… мм…
— «Белый лебедь», — громко сказал Эри, наклоняясь к ее уху.
— Мм?
Жустина открыла глаза. Первое мгновение в них было выражение, будто она где-то далеко-далеко, потом в них появилось осмысление. Внезапно она широко их распахнула, увидев толпу людей, с любопытством глазеющую на нее.
— Ой!
Она дернулась из объятий Эриадора назад и оступилась.
— Осторожнее!
Эриадор аккуратно придержал ее за талию.
— Милое животное, вы проиграли спор… — с насмешливой улыбкой наклонился он к ней. — И теперь неплохо было бы сходить в «Белый лебедь», отметить это событие.
— Ты… ты… ты… — обернулась к нему Жустина.
С ее лица ушла вся радость, а губы предательски искривились и задрожали.

— Как насчет пожрать? — нагло ухмыльнувшись ей в лицо, поинтересовался Эри.
— Мерзавец! — громко вскрикнула Жустина и залепила ему пощечину.
Ну… почти залепила. Эри ловко отвернул голову и отскочил в сторону, так что ладонь Жустины пролетела мимо его щеки, дернув нетвердо стоящую на ногах девушку вперед. Она чуть не упала.
— Насчет оплеух договора не было, — зло сощурив глаза, сказал Эри. — Проиграли так проиграли! Расплачивайтесь!
— Под-донокк, — сдерживая рыдания, трясущимися губами произнесла Жустина. Ее глаза наполнились слезами. Повернувшись спиной к Эриадору, на подгибающихся ногах и закусив нижнюю губу, она направилась к двери. По ее щекам потекли слезы. Все так же молча все расступились и провожали ее взглядами, пока она качающейся походкой шла по этому коридору. Дойдя до дверей, Жустина зацепилась плечом за косяк и боком вывалилась из зала.
Прозвонил колокол, извещая о конце перемены. Все стали расходиться, стараясь не смотреть друг на друга. Похоже, всем было неловко.
— Пойдешь со мной в «Лебедя»? — неожиданно поинтересовался Эри, обращаясь ко мне.
— Нет, — медленно покачала я головой, — ты сейчас был просто омерзителен… Я не желаю с тобой никуда идти!
— Почему? — искренне удивился он.
— Нельзя смеяться над чувствами других людей! Если ты что-то можешь, что не умеют они, это совсем не повод унижать их. А ты унизил ее! Она плакала! Это гадко!
— Мы поспорили, — холодно глядя на меня, сказал он, — это был ее выбор.
— Ты затеял этот спор? Ты! Значит, ты мог предвидеть, чем он закончится! Можно было обойтись без унижения. Или ты хотел самоутвердиться? Потому что она лучшая ученица? Так?
— Самоутвердиться? — хмыкнул Эри. — Вот уж не задавался целью…
— Тогда зачем это все? Почему ты так обращаешься с девушками? Зачем ты делаешь им пакости? Может, они тебе нравятся, а ты просто боишься себе в этом признаться?
— Что-о-о? Нравятся? Мне?
У Эри вытянулось лицо. Он даже рот открыл.
— Да. И поэтому ты ведешь себя, как маленький мальчик, который дергает девчонок за волосы, чтобы привлечь к себе внимание!
— Нравятся… — повторил Эри и, задумчиво вытянув губы, уставился в пол, о чем-то усиленно размышляя. — Нравятся…
— Пойди и извинись перед ней! — потребовала я.
— С чего это ты мне вдруг указываешь? — поинтересовался он, поднимая глаза и снова смотря на меня.
— Потому что я твой друг. Пока — друг, — сказала я, — но я не буду дружить с тем, кого не уважаю! А твой последний поступок не располагает к тому, чтобы тебя уважать.
— Вот как? — Эри внезапно подошел ко мне и, приблизив лицо, прищурился и заглянул мне в глаза. — Одна будешь?
— Пусть так, — стараясь быть как можно тверже, произнесла я, с вызовом отвечая на его взгляд, — но с недостойным дружить не буду!
Несколько долгих секунд мы смотрели друг другу в глаза. Он молчал. Я тоже.
— Хорошо, я подумаю… — наконец произнес Эриадор и спустя еще немного времени предложил: — Пошли на древяз…

Эри

Вот так вот и бывает… вот так и попадают… вот так и пропадают…
Я сидел на древязе, смотрел невидящими глазами в сторону кафедры и размышлял, порой разговаривая с самим собой. После посещения варгостана у меня разговоры с собой как-то часто стали происходить. Раньше такого не было. То ли синдром Робинзона развивается, то ли они мне все же мозги повредили… Не знаю. Так, вроде голова думает… Однако в свете моих последних действий ни фига, похоже, она не думает. Творит, что только в нее взбредет. Вот последние случаи — с салоном и этой Жустиной. С ошейником, который мне Дина нацепила, — там все ясно. Давно уже ясно! Идиот клинический, лечению не подлежит. Только полная замена мозга… И ведь ничему не научился! Ни-че-му! Получил новую игрушку — побежал пробовать, как она действует… Идиота кусок! Ведь большими буквами было написано: «ОПАСНО! НА СЕБЕ НЕ ПРИМЕНЯТЬ!»
Ну, я на себе и не применял…

Да?! А слушать в ментале этих самок при опытах, это как ты называешь? Не на себе?
Ну а как? Должен же был я узнать, чего сколько…
Чего и сколько? Чего и сколько?! А знаешь, как это называется? Если называть вещи своими именами, знаешь? А это называется СУККУБСТВО, батенька, СУККУБСТВО! Ты теперь у нас эта замечательная, мелкая дрянь, а не демон из дома Изменчивых!
Поздравляю! К кому следующий раз присосетесь, господин суккуб, а?
Ниче я не суккуб…
Да? А кто?
Я просто не подумал, что буду в ментале чувствовать все вместе с ними…
Вот я тебе и говорю — голова у тебя дырявая! Кочан капусты на плечах! И тебе ведь понравилось, понравилось ведь, да?
Ну-у-у… ну яж… оно вот… так вот, яй!
Вот тебе и яй! Что ты теперь будешь делать, начинающий поддаван? До мастера Йоды в сексе расти будешь? Может, ты еще здесь и размножаться начнешь?
Не-э-э! Размножаться не буду!
А что так? Может, стоит подумать? С такими-то умениями! К тебе же очереди будут! Деньги брать будешь! Тебе ведь за твое удовольствие платить будут! Только подумай, какая завидная судьба тебя ждет! Как раз до конца света и наублажаешь местных аборигенов. Низшие, так ты, кажется, их называл? А ты их ублажатель?
Уй, заткнись, и так без тебя тошно!
Если я заткнусь, то кто же тебе мозги полоскать будет? У тебя же тут никого нет, кроме меня… Один ты одинешенек здесь… и только я могу прийти тебе на помощь…
Все! Ты — это я. И я теперь буду думать один! Вали отсюда!
Я вздохнул и вынырнул из глубин себя. Мой рассеянный до этого момента взгляд сфокусировался… на Стефании, которая, подперев голову рукой, внимательно слушала преподавателя.
То, что она сказала, было просто убийственно. У меня как глаза открылись. Я понял, почему меня девчонки раздражали. Я просто пошло и банально подсознательно их желал, разумом не понимая этого. Поэтому мне и хотелось что-нибудь в отместку им сделать. Без вины виноватый. Бассо хочет секса! Нет, ну как вам это нравится? Точнее, Эри хочет секса, но это не суть. Хотя, может, и суть, только это еще хуже. Налицо конфликт тела и духа. Причем не осознанный до сего дня конфликт. Так можно и шизофреником стать. Маньячить где-нибудь начну потихоньку… Вообще крандец будет… А что, первые признаки уже есть! Та же Жустина. Ну вот чего я с ней пошел на конфронтацию? Ну чего? Ведь можно было вообще мимо пройти! Никто меня не видел, за язык не тянул. Нет! Вылез! Чего? Еще раз поучаствовать в чужом оргазме захотелось? Или всем университетским молодым самкам показать, какой я самец? Эххх… И то и это… Похоже, все вместе сложилось. И что теперь будет? Если происшествие в салоне можно было списать на слухи и басни, то тут уже это не пройдет. На глазах такой толпы… Ой, дурак, ой, дурак! Так подставиться… Не будет теперь у меня секретного заклинания. Как заклинание проходит сквозь магический щит, можно было бы проверить и как-нибудь иначе. Сейчас выпытывать начнут… Что да как… И с нарушением правил наверняка прицепятся… Правильно на Земле говорили — все зло от баб! С заклинанием ладно… переживем. Тем более что на бумаге его больше нет. Когда я встал сегодня утром и взял в руки книгу, чтобы посмотреть, как она подсохла, я был поражен. Обработанные составом листы высохли, но стали такими хрупкими, что, когда я к ним прикоснулся, они просто рассыпались. Распались в белую пыль!
Ничего себе, только и смог сказать я, увидев такое дело. Соседние со склейкой листы, которые по краю, у корешка книги, напитались разлепином, тоже распались в этом месте и отвалились. С одной стороны — концы в воду. Заклинания остались только у меня в голове. Но с другой… Это же Сихот его знает что такое! Такую дрянь мне подсунул! Прекрасный повод сходить к торговцу и стрясти с него деньжат за ущерб. Это ладно. Но вот что с бабами-то делать? А точнее, с их присутствием? Ведь тело Эри, я так понимаю, не угомонится. Мне ведь даже теперь и отказать-то тут никто не сможет, если я захочу. Или он захочет? Или я захочу? Кто из нас? А! Короче, по всей вероятности, я нажал на педальку. Пусть нечаянно, но нажал. И теперь нужно решать эту проблему… Вариант уйти в монастырь отметаем сразу. Ибо ничего, кроме как сидения в четырех стенах в ожидании пророчества, я там не приобрету… Второй вариант — альтернативная деятельность. В фильме «Укрощение строптивого» холостяк Челентано вместо этого рубил дрова. Бывало, ночь напролет. Не знаю, есть ли тут на кухне дрова… Может, их сюда колотыми привозят… М-да. Перспективка! Бассо — колющий ночью дрова для кухни! Жуть! Но Челентано в итоге потом все равно сломался… так что, похоже, этот способ малоэффективен…

Ну и третий вариант — сдаться. Все равно ведь никто не узнает! Поживу в свое удовольствие… да и вообще… Познаю новую грань мира…
Я с минуту обдумывал эту мысль, представляя, как это будет. Затем снова включился внутренний голос.
«Слушай, ну те не стыдно? Даже местные низшие имеют принципы и следуют им. Та же Стефания! А ты? Чуть прижало, и ты уже готов лапки поднять. А? Ну ты че?»
— Эх-хе-хе-хе хе! — вслух вздохнул я и подумал про себя: «Стыдно! Ой, как стыдно!»
На мой вздох Стефания на миг оторвалась от доски, с которой списывала правила, глянула на меня и принялась писать дальше.
Ноги бы поотрывать тому, кто это все со мной сделал, подумал я и еще раз вздохнул. Ладно, будем жить дальше. Суккубом в жизни мне не быть. Однозначно! Поэтому первое — придумать клятву и поклясться не применять на себе заклинание. Второе — всегда ставить ментальный щит при его использовании. Третье — дистанцироваться от женского пола. Избежать контактов с ним совсем вряд ли удастся, но необходимо будет научиться держать дистанцию. Дабы Эри не дразнить. И четыре. Помнить, кто я, где я и что я. Помнить постоянно. Ежечасно. И делать ноги!
И еще нужно решить, что делать со Стефанией… Прекратить с ней общаться или продолжить?
Я повернул голову влево и посмотрел на девушку. Стефи была вся в учебе. Держа на весу над бумагой стило, она внимательно слушала преподавателя, готовая сразу начать записывать.
Прилежная… И как мне с ней быть? Поругаться? Да как-то жалко… Вроде подобрал, обогрел, взял под защиту… Потом меня она не предавала, в спину вилкой не тыкала… На правах друга высказала недовольство моими поступками, и все. Нормально. У нее есть свои принципы, и она их отстаивает, ругаясь даже с другом, причем чуть ли не единственным. Достойно. Да и потом… я уже к ней привык, считаю ее членом команды… поэтому под понятие «женский пол» она не попадает. Нет, она, несомненно, девушка, я вижу, глаза-то у меня есть! Весьма симпатичная, но я на нее реагирую скорее как на личность, а не как на что-то чудесное. Вот, смотрю спокойно, не раздражаюсь…
Почувствовав на себе взгляд, Стефи быстро повернула голову и, увидев, что я ее разглядываю, нахмурила брови. «Не мешай!» — прочитал я по ее недовольному взгляду. Мгновение спустя она снова отвернулась к преподавателю.
Прилежная и занятая, констатировал я. Ладно, будем общаться дальше. Тем более что у меня только что появилась идея, как Стефи может мне помочь уйти от ненужной демонстрации желающим моих талантов.
Прозвонил колокол, сообщая о начале перемены.
— На сегодня все! Обязательно повторите к следующему занятию материалы предыдущего урока! — сообщил с кафедры магистр, начиная складывать свои бумаги.
Все завозились, стали вставать и складывать сумки. Дождавшись, пока Стефи уложит свою тетрадь и повернется в мою сторону, я поймал ее взгляд и, улыбнувшись лучезарной улыбкой Бельмондо, предложил:
— Поговорим?
Та в ответ нахмурилась и не очень уверенно кивнула. Без всякого желания. В ментале я чувствовал, что она устала. Видно, потратила свой запас психической энергии на вспышку и теперь не в силах продолжать разборки, понял я.
— Как ты смотришь на то, чтобы выпить чашечку свежесваренного коффая и съесть небольшое, но вкусное пирожное? Мм? Я угощаю.
— Да? Спасибо… Только…
— Только не в нашей «Стекляшке»? Я угадал? Я тоже не хочу туда идти. Слишком много любопытных глаз. Пойдем на площадь? В кофейню.
На территории университета был свой небольшой трактирчик для студентов, в котором можно было и сытно покушать, и просто посидеть за чашкой чая. За наличие множества больших окон в тонких рамах он имел незатейливое название «Стекляшка». Но туда идти сейчас совершенно неразумно. Все только и будут делать, что пялиться на нас. Не поговоришь.
— Ты удивительный, — сказала Стефания, глядя на меня своими большими глазами, — иногда ты словно читаешь мысли, но порой не понимаешь простых вещей!
— Вот об этом мы и поговорим. Мне понадобится твоя помощь. Ты пойдешь?
— Да, только мне нужно будет переодеться. А мы успеем? Перемена хоть и большая, но мы можем…
— Это вопрос, не требующий отлагательства! — перебил я ее. — Твоему другу требуется помощь. Это ведь гораздо важнее опоздания на пятнадцать минут на математику, не так ли?

Да и по твоему уставшему виду понятно, что кружка бодрящего коффая тебе совершенно не повредит.
— Хорошо, — согласилась Стефания, — тогда я пошла переодеваться. Я быстро!
— Я тоже пойду, сменю черную на зеленую. У меня после обеда опять целительство. Встретимся у ворот!
— Хорошо.
Спустя десять с небольшим минут мы сидели за столиком для двоих на втором этаже кофейни, у самого окна. Сверху открывался неплохой вид на площадь, мощенную желтовато-коричневыми плитками из местного камня. Фасады домов, обращенные к площади, были выложены тем же камнем. Выглядело все нарядненько, чистенько и чем-то напоминало земные города. То ли Германию, то ли Чехию. Высокие треугольные крыши, крытые красной черепицей, квадратные фонари со стеклами на высоких тонких столбах… Знакомый, виденный уже где-то антураж. Площадь была в трех минутах ходьбы от главного входа университета. Чуть спустился под горочку — и вот она! Любимое место посиделок студентов в трактирах и кофейнях, окружавших ее кольцом. Площадь так и называлась — Студенческая.
— Я тут никогда не была, — сказала Стефания, с удовольствием глядя в окно. — В смысле не на площади, а тут, на втором этаже. Тут красиво.
На девушке было светло-голубое платье, хорошо подходившее к ее темным глазам и волосам. С белым воротничком и белыми манжетами на длинных рукавах.
Ей идет, отметил я. Вкус есть.
— Ну вот, а ты не хотела, — сказал я, окидывая ее взглядом.
— Что господа желают? — поинтересовалась худенькая девушка-официантка в светло-коричневом до пят платье и длинном белом фартуке, подошедшая к нашему столику.
— Два коффая с молоком. Ты с молоком пьешь? — обратился я к Стефании.
— Да, — кивнула она.
— Два с молоком и пирожные. Какое тебе пирожное?
— Ой, не надо! — смутилась Стефи.
— Почему? Тут очень вкусные пирожные. Мне нравятся тирольские, с яблоком и кремом. Очень вкусные. Ты пробовала тирольские?
— Нет, — помотала головой Стефания.
— Тогда нам два коффая и два тирольских, — сделал я заказ.
— Что-то еще?
— Нет. Пока все.
— Хорошо, сейчас я принесу.
Официантка, слегка присев, изобразила книксен и пошла выполнять заказ.
После ее ухода за нашим столиком воцарилась тишина. Мы смотрели друг на друга и молчали.
— Знаешь, Стефания, я подумал над твоими словами, — начал я разговор, ради которого я ее, собственно, и привел сюда, — подумал-подумал и пришел к выводу, что я кое в чем был неправ…
Особенно с Жустиной, когда устроил это шоу для всех, заключил я про себя. Идиот. Если в салоне, когда я увидел старшекурсников, у меня возникла идея просто пошутить, пустив о себе слух как о крутом мачо, то с Жустиной это да… Если признать первую идею совершенно дурацкой, то то, что я потом сотворил в университете… Даже не знаю, как это классифицировать. Просто необъяснимо. Точно, наверное, от недостатка секса, тело Эри мозг отключило…
— В чем именно ты был неправ? — спросила Стэфи, опустив глаза и тактично смотря в стол.
— Относительно Жустины. Не нужно было так делать, — совершенно искренне сказал я, правда имея в виду несколько иное, чем она.
— Я тоже так думаю, — кивнула Стефи. — Очень некрасиво все это выглядело. Очень! Ты будешь перед ней извиняться? — быстро вскинув на меня глаза, спросила она.
— Это невозможно, — покачал головой я, попутно отметив, что у Стефи очень выразительный взгляд, когда она смотрит так, из-под бровей, — это будет выглядеть так, как будто я проиграл пари.
— Ну, а что тогда? — не поняла Стефания. — Что ты тогда хочешь сделать?
— Ничего, что касается Жустины, — пожал плечами я. — Ничего, кроме того, что скажу своему другу, что я осознал, что был неправ. Это действительно нехорошо, и я больше так не буду делать. И еще. Я хочу принести клятву.
— Какую? — растерянно спросила Стефи, никак не ожидавшая такого развития разговора.

— Стефания! Как своему другу я клянусь тебе больше никогда-никогда не применять это знание ради шутки и развлечения. Если я нарушу свою клятву, пусть в наказание за это клятвопреступление я лишусь своей магической силы! Клянусь!
Я торжественно поднял к правому плечу раскрытую ладонь.
— Ты примешь мою клятву? — спросил я Стефи, на лице которой было нескрываемое изумление.
— Да, — сглотнув, ответила она.
— Спасибо, — кивнул я.
За нашим столиком снова наступила тишина. Стефи думала, наверное, о том, как я проникся, я же думал о том, что принесенная клятва поможет мне избежать глупостей в будущем. Клятва есть клятва. Демоны клятвы не нарушают. Очень не любят их давать, поскольку клятвы ограничивают свободу, но если дали, то выполняют. А мне такая клятва сейчас очень нужна. Надеюсь, что с ее помощью я смогу контролировать свое тело. Точнее, тело Эри, но смысл от этого не меняется…
— Пожалуйста, ваш заказ.
Появившаяся официантка держала в руках темный деревянный поднос с двумя белыми фаянсовыми кружками, над которыми вился парок, и двумя блюдечками с круглыми пирожными. Рядом с пирожными на блюдцах лежали две маленькие деревянные ложечки.
— Хорошо, — кивнул я, — ставьте!
— Что-нибудь еще? — спросила она, закончив выставлять принесенное на стол.
— Нет. Я позову.
Но девушка не ушла. Сделав книксен, она неожиданно обратилась ко мне:
— Простите, господин маг, что я к вам обращаюсь, но не могли бы вы уделить мне капельку вашего времени и ответить на один вопрос?
— Какой? — удивился я.
— У нас ходят страшные слухи о том, что в университете на свободу вырвались какие-то ужасные создания. Троих поймали, а четвертого нет. Все наши девушки очень боятся. Ведь магический университет совсем рядом. Скажите, это правда, господин?
Я глянул на круглеющие глаза Стефании и ее отвисающую челюсть.
Ага, похоже, она поняла, откуда ветер дует. Хм… а не взбодрить ли мне местную общественность небольшой историей? А то они тут, похоже, скучно живут…
— Сейчас расскажу! — многообещающе начал я, пытаясь удержаться от ухмылки и глядя в наивные глаза официантки. — Только это большой секрет! Тсс!
Я приложил указательный палец к вытянутым губам.
— Дело в том, что в университете создается новый вид войск для нашего императора — отряды боевых свиней-убийц!
Та широко распахнула глаза. Стефи повторить движение ее глаз не смогла. Веки ее уже до этого уперлись в «ограничители».
— Только представьте, — разводя руками и делая большие глаза, сказал я, обращаясь к официантке, — стадо огромных кабанов, покрытых непробиваемой стрелами и мечами щетиной, с торчащими из пасти клыками и налитыми кровью глазами, несется, вздымая пыль, на пехоту врага! Трах! — резко выбросил я вперед руки с растопыренными пальцами. — Боевые свиньи на полном скаку врубаются во вражеский строй! Словно горячий нож, идущий сквозь масло, они рвут его на части, рылами и клыками расшвыривая в стороны вражеских солдат! Прорвавшись сквозь ряды врагов, они стремительно группируются, перестраиваются и нападают с тыла, добивая с победным хрюканьем остатки деморализованного противника. Все! Победа! Полная победа! А в перерывах между сражениями боевые свиньи-убийцы, замаскированные под обычных свиней, незаметными диверсионными отрядами проникают на поля, захваченные врагом, и сжирают на них все! Все сжирают! Как саранча! Не оставляя ни зернышка лошадям, ни капустной кочерыжки солдатам! Сожрать — все! Тактика «выжранной земли»! Слыхали?
Официантка, левой рукой прижав к груди поднос, правой прикрыв губы, испуганно помотала головой, глядя на меня расширенными от страха глазами.
— Будете знать теперь. Но в опытах со свиньями произошла ошибка. Когда их делали невидимыми, чтобы они могли объедать поля незамеченными, что-то пошло не так. Кабаны внезапно приобрели хитрый и коварный разум, совершенно чуждый человеческому. Заметив такое дело, в университете решили начать все по новой, а первых опытных свиней пустить по их прямому назначению — на окорока и холодец. Но коварные монстры подслушали решение великих магов и ночью выбрались из загона. Как показало проведенное после расследование, чтобы перелезть через высоченный забор, они встали друг другу на спины. Только тогда четвертая, самая верхняя свинья, смогла его перепрыгнуть. Она перекусила зубами дужку замка и выпустила всех на свободу. Но охрана не дремала. Увидев побег, она смело кинулась за беглецами вдогонку и настигла их

возле оранжереи. Был страшный бой. Свиньи-убийцы забаррикадировались и боролись до последней капли крови. Только совместными усилиями всех студентов университета была одержана победа, и столица была спасена! Страшно даже подумать, что бы было, вырвись они на улицы! Но! — поднял я многозначительно палец. — Одному кабану в последний момент таки удалось стать невидимым и остаться в живых. Сейчас его усиленно ищут, а он бродит по территории, оставляя следы и неожиданно хрюкая из кустов. Особенно много следов в оранжерее. Наверное, он приходит туда оплакивать своих павших товарищей…
Стефания закрыла лицо ладошками и уперла локти в стол. Плечи у нее начали вздрагивать. Похоже, пора закругляться, подумал я. Если она сейчас разразится хохотом, шутка не удастся.
— Так что один все еще на свободе. Он очень опасен. Конечно, мы сделаем все, чтобы он не вырвался в город, но все равно. Если вдруг услышите хрюканье — бегите и не оглядывайтесь! И своим знакомым скажите! Ну все, идите, идите! Видите, моя подружка заскучала! Заснет уже сейчас! Я теперь с ней буду разговаривать!
— Какой ужас… — ошеломленно произнесла официантка, поворачиваясь спиной и опуская чуть ли не до пола удерживаемый за край поднос.
Из-под ладоней Стефании послышались всхлипывания.
— Гм! Гм! — громко откашлялся я, чтобы заглушить их.
— Боевые свиньи… оплакивать товарищей… Ой, я не могу! — спустя минуту с полувсхлипами смеха медленно опустила ладони Стефания. — Эри! Ты ненормальный! Как тебе только такое в голову приходит?
— Хорош рыдать, — сказал я, имея в виду слезы смеха на ее глазах, — коффай стынет, пирожные сохнут! Давай, не зевай!
Я взял кружку с напитком и отхлебнул коффая.
Неплохой тут кофе делают, подумал я, посмаковав вкус. И пирожное… Тоже неплохое. Как и в прошлый раз.
Видя, что я приступил к пирожному, Стефи, отсмеявшись и вытерев глаза платочком, последовала моему примеру. Пирожное и кофе закончились быстро. Хорошие вещи быстро кончаются…
— Пойду руки помою, — сказала Стефи, с удовольствием облизнув напоследок ложечку и кладя ее на блюдце, — в креме испачкала.
— Хорошо. Жду, — сказал я, кивнув.
Стефи встала и ушла, я же остался сидеть, положив голову на руки, упертые локтями в стол, и разглядывать площадь.
— Господи-ин Э-эри! — раздался рядом восторженный голос.
Оборачиваюсь — Анжи! Феечка! И Мика рядом с ней. Улыбаются. Довольные…
— Я весь внимание, — хмуро говорю я.
— Господин! Мы хотели сказать, что ваше посещение нашего салона — это было… это было так чудесно!
— Праздник всей жизни, — подсказал я, кивнув. — Я понял. Дальше.
— Да, праздник! Мадам просила передать, если мы вас увидим, что отныне вы можете посещать нас совершенно бесплатно! Мадам сказала, что для вас все всегда будет бесплатно! И девочки все согласны. Господин, приходите! Мы все вас будем ждать! Очень ждать!
— Польщен, передайте мадам, что я весьма польщен. И я рассмотрю ее предложение. Однако сейчас я не один и поэтому — всего доброго.
— Да, мы видели. Мы бы никогда не подошли, не будь вы один! Мы уже уходим. Приходите обязательно! Мы будем вас ждать! Только обязательно приходите!
Девушки направились к выходу, с надеждой улыбнувшись мне.
— Всенепременно, — пробурчал я себе под нос, провожая их взглядом. — Убегаюсь…
— Значит, это все-таки правда? — раздался сзади голос Стефании. Откуда она подошла? Лестница же прямо!
— Что именно? — поинтересовался я, оборачиваясь.
— Ты действительно ходишь по феечкам?
— А то ты не слышала.
— Одно дело слышать, другое дело — увидеть своими глазами.
— И что?
— Да ничего в общем-то, — пожала плечами с равнодушным видом Стефи. — Просто буду знать.
Однако в ментале у нее было разочарование и… это… Брезгливость?

Педагогический совет

— Господа преподаватели! Я собрал вас всех для того, чтобы обсудить с вами возникшую ситуацию. Я говорю о имевшем место быть происшествии между ученицей третьего курса баронессой Жустиной Жорде и князем Эриадором Аальстом. — Сидящий во главе длинного председательского стола ректор Мотэдиус со значением обвел взглядом преподавателей, расположившихся в креслах с высокими спинками вдоль его сторон. — Вы в курсе произошедшего?
— Так, в общих чертах, — отозвался за всех преподаватель древяза, — на уровне слухов и сплетен. Хоть университет гудит ими, но лично я не до конца понимаю, что там в действительности произошло. Если вы, господин ректор, сообщите официальную версию событий, я буду весьма благодарен, как, наверное, и все присутствующие здесь. Вероятно, вы обладаете самой полной информацией.
— Хм… — хмыкнул ректор. — Наверное, вы правы. Официальная версия такова. Отбрасывая несущественные детали в споре между Жустиной и Эриадором, выделю главное. Суммируя имеющиеся у меня сведения, я имею основания подозревать Эриадора Аальста в применении ментальной магии!
За столом наступила тишина. Настороженная тишина.
— Люсинела Гай, — выдохнула магесса Элеона. — Не дайте боги…
— Да, — кивнул ректор, — Люсинела Гай. Хотя нынешняя императорская семья в общем-то, можно сказать, обязана ей своим восхождением на трон, но не думаю, что Хайме обрадуется появлению в империи еще одной такой персоны.
— Прошу меня простить за мое недостаточное знание истории, — подал голос с самого дальнего конца стола эрт Бастиан. — Кто такая Люсинела?
— Одна весьма амбициозная, но совершенно беспринципная и вздорная особа, — вздохнув, ответил ему Мотэдиус, как-то устало опустив плечи.
— Начинала как целительница… Училась в этом университете. Неожиданно открыла в себе дар ментальной магии. И с этого момента начался закат семьи Гольтеншихтов, нашего предыдущего императора. Сначала Люси потренировалась в университете, потом, сообразив, что достойна большего, перебралась в императорский дворец, оставив тут после себя грязь, сплетни, зависть и ненависть. А также магические дуэли… По крайней мере, шесть трупов в результате их и множество рассорившихся на всю жизнь людей. Замечательных людей, я бы сказал. Некоторые из них враждуют до сих пор. Сколько времени уже прошло, а все никак…
Ректор снова тяжело вздохнул. За столом стояла полная тишина.
— Ну уж а во дворце она развернулась по полной. Хотела стать императрицей. Но, видно, мозгов не хватило все правильно сделать. Или ощущение всемогущества ее подвело. А может, просто поторопилась. Не знаю. Но в итоге император рассорился со своими сыновьями, даже отлучил их от семьи. А принцы поругались между собой. Не хочу говорить плохо о покойных, но, кажется, вдовец-император и его взрослые сыновья просто не смогли ее поделить. Так, видать, она им всем вскружила головы. Вполне возможно, Люсинела хотела, чтобы трон достался только ее детям. В общем, в семье императора воцарился хаос. Власть в империи ослабла. Видя такое дело, соседи тут же вмешались, рассчитывая использовать сложившуюся ситуацию в свою пользу и попытаться расширить свои территории за наш счет. Взялись поддерживать принцев, одни одного, другие другого. Война была неизбежной. Собрав армии и вооружившись на деньги врагов, принцы пошли силой отбирать у отца свой, как они считали, незаконно отнятый трон, разоряя и грабя все на своем пути. Что тут тогда творилось! Сколько людей поубивали! Я сам тогда воевал против остаров. Знака мага даже тогда еще не имел. Студент четвертого курса. Все тогда воевали… Все. В университете только сторожа оставались. Пусто было в коридорах, одно эхо… Два друга у меня тогда погибли на этой войне. С первого курса вместе учились… Мотэдиус замолчал, наклонив голову к столу.
— Ну а потом, видя, что империя гибнет, нынешний император Альвеар Хайме организовал переворот, благо его семья тоже имела права на трон, и захватил власть. Прежнего императора убили, вражеские армии кое-как разбили, где-то остановили, и война закончилась. Но в землях империя значительно тогда потеряла. В том числе и свой южный выход к морю. Вот уже как сто пятьдесят с лишним лет он теперь у остаров. И людей тогда много погибло. И магов, и дворян, и простолюдинов. Чудовищно много.
— А Люсинела? — спросил эрт Бастиан, прервав затянувшуюся паузу.
— Люсинелу убили вместе с защищавшим ее императором. До последнего мгновения он ее прикрывал. Оттеснили к стене и расстреляли обоих из арбалетов. В императорском дворце теперь есть достопримечательность — «стена Люсинелы», — горько усмехнулся Мотэдиус. — Даже не имени императора, а Люсинелы. Вот как история распорядилась… Вся в выщербинах от арбалетных болтов. Говорят, если присмотреться, даже кровь ее еще

видна. Но я, как ни присматривался, не заметил. Будете при случае во дворце, полюбопытствуйте. Дадите монету слугам, они с удовольствием вам покажут.
— А что же никто не знал, кто она такая? — поинтересовался Бастиан. — У императора же охрана. Маги. Как же они прозевали?
— Ментальная магия — весьма специфическая вещь. В ней нет столь большого количества энергии, которой оперируют, к примеру, огненные маги и которую могут видеть остальные. Даже не совсем понятно, что она такое. Вполне вероятно, что для того, чтобы владеть ей, нужно какое-то особое строение мозга. Еще во времена древних чародеев, владеющих подобной магией, было очень мало, а сейчас — это вообще редкость. Знания утеряны. Учить некому. Понимаете? Почувствовать ментальную магию может только маг с таким же даром. А где его взять? И потом, кто из правителей рискнет держать рядом с собой такого человека? Человека, который может внушить тебе что угодно? Уж если на то пошло, то тогда нескольких, чтобы они контролировали друг друга. И то риск просто непомерен. А с Люсинелой вышло просто. Молодая красивая девушка, любвеобильная, немного взбалмошная. Прелестное создание, что тут еще сказать. Ну любят ее мужчины, так что теперь? И император имеет право фавориток менять. А защитных амулетов нет. Нет, они есть, конечно, но вот насколько они действенны, это вопрос, поскольку делаются путем копирования оставшихся раритетов. Но вот проверить их просто не на ком. Нет магов!
— А варги? Я слышал, что они могут…
— Варги могут понимать человека на эмпатическом уровне. Его настроение и что он примерно в данный момент чувствует. Еще они могут распространять вокруг себя чувство симпатии, дабы расположить к себе. Подчинять же себе на расстоянии, как делают это маги разума, они не умеют. Для того чтобы варга подчинила себе человека, ей нужен тесный эмоциональный контакт. Такой, который имеет место быть при занятиях любовью. По-другому они не могут. Их такими создали. Так что варги не являются магами разума. Да, некоторые элементы их действий схожи, но не более.
— А боевые пятерки?
— Это вообще из другой оперы, — махнул рукой ректор. — Убийцы, да и только. Ментальный маг опасен своей скрытностью. А пятерка, она как на ладони. Сразу понятно, кто враг.
— Тогда получается, что Аальст опасен?
— При условии, что он действительно владеет ментальной магией. Кто-нибудь из вас замечал что-то необычное в его поведении или реакции на него окружающих?
— Я его спросила вчера на занятии, что это за слухи ходят о том, что он знает какие-то особые точки на теле, — произнесла Элеона. — Я как-то совершенно не подумала о том, что за этим может стоять нечто иное.
— И что он вам ответил? — заинтересованно повернулся к ней Мотэдиус.
— Сказал, что с удовольствием продемонстрировал бы на мне свое знание, но, к сожалению, это невозможно. Мол, он обещал одной умной и порядочной девушке, что не будет больше этого делать. Он вообще-то достаточно нагловат.
— Кому это он обещал?
— Стефании Терской. Я не постеснялась спросить, а он не постеснялся ответить. Очень самоуверенный юноша.
— А что… у них любовь?
— Хмы, — хмыкнула Элеона, поджав губы и наклонив голову к плечу. — Откуда я знаю? Видела пару раз вместе. А что там у них — одна Мирана ведает!
— М-да? — задумался на несколько секунд ректор. — Похоже, что девушка имеет на него влияние. И достаточно положительное. Это хорошо. Знаете, уважаемая Элеона, я вам не говорил, но несколько дней назад ко мне на прием записалась Стефания Терская, и я имел с ней разговор. Она пришла с просьбой и просила, ни много ни мало, разрешения посещать ваши занятия.
— Что-о? Это еще зачем? — неподдельно изумилась Элеона.
— Она мечтает стать целительницей. И ехала в университет, чтобы учиться у вас. Но Камень Судьбы распорядился иначе. И вот она просила у меня разрешения посещать ваши лекции.
— Ну, допустим, когда она ехала поступать, обо мне она даже не знала, — сварливо ответила Элеона. — И мало ли что она там хотела! Я тоже имею множество различных желаний. И что с этого? Совершенно не вижу смысла в ее обучении. Камень сказал свое слово. Идти наперекор его решению? Пробовали ведь уже! И что? Да ничего! Впустую потраченное время, и все. Еще раз говорю — не вижу смысла!
— Она пришла ко мне с интересной идеей, как она назвала ее — отдаление смерти. Расспросите ее, очень интересно. Думает она, как мне кажется, в нужном направлении.
— Этой идее в обед сто лет! — скептически поджала губы Элеона. — А точнее, тысячу.

— Элеона, ну что тут такого в том, что девочка походит на занятия, посидит, попишет лекции. Она же будет счастлива. У тебя есть шанс сделать человека счастливым. Конкретного, живого человека. Неужели ты его упустишь?
— Мотэдиус, знаешь, давай без этих приемчиков! Не нужно мне давить на жалость! Если ты видишь в ней девочку, то я в первую очередь вижу ее черную мантию. Я вижу убийцу, которой будет легче и проще убивать, когда она прослушает курс моих лекций! И не надо говорить мне, что это не так!
— Преувеличение. Не будет она убийцей. Пойди и посмотри ей в глаза. Сама все поймешь. Ты прекрасно знаешь, зачем нужны темные маги. А варгам тоже помощь целителя порой требуется. Чем плохо, если она будет успевать и там, и там?
— Мы бы прекрасно прожили и без варг, — неуступчиво возразила Элеона.
— Но они есть. И вполне живые и так же чувствуют боль, как и мы с тобой. Если темных магов не будет, варги станут не нужны. Значит, каторжников не будет, как, впрочем, и денег. Их будет проще вырезать, чем терпеть их набеги за мужчинами и грабежи на дорогах. А ведь так и будет, Элеона, так и будет! Неужели тебе не жаль целый народ?
— Добрый ты, — ответила Элеона. — И когда-нибудь ты за это обязательно поплатишься. И еще ты поплатишься за то, что зубы заговариваешь. Начали мы с просьбы Терской, но не прошло и пары минут, как я себя чувствую виноватой в смерти всех варг, которые, между прочим, прекрасно себя чувствуют и вымирать в данный момент совершенно не собираются! Почему сразу нельзя сказать, что ты хочешь? Почему обязательно нужно идти сложным путем? Скажи, что тебе от меня нужно?
Элеона уставилась в глаза Мотэдиуса.
— Возьми ее, — усмехнувшись, сказал он.
— Хорошо, но при условии, что ты объяснишь мне — зачем?
— Ну, во-первых, она мне понравилась. Целеустремленная и глазки умные. А во-вторых, пусть будет рядом с Аальстом. Пусть присматривает за ним. Она имеет на него влияние. Если он действительно окажется ментальным магом, то через нее можно будет отчасти как-то воздействовать на него.
— А тебе не кажется, господин ректор, что в результате твоих интриг первой голова полетит у этой девочки с умными глазками? Если что вдруг пойдет не так. А? Ты об этом не подумал?
— Я думаю, что все будет хорошо. И Эриадор не станет причинять вред Стефании. По крайней мере, если не любовь, то дружба и уважение у них есть. Иначе на месте Жустины была бы Стефания.
— Я пасую пред твоей наивностью, — ответила Элеона, — но ты тут главный, поэтому и решения принимать тебе, впрочем, как и отвечать за них. Хорошо, я не возражаю. Пусть приходит. Посмотрим, что из этого выйдет. А что ты решил по поводу Аальста?
— Я провожу расследование. Поэтому вы здесь. От вас я требую самого внимательного наблюдения за его поведением. Про все малейшие замеченные несуразности докладывать мне немедленно! Если мы прошляпим появление у нас мага разума, я думаю, что и наш Верховный совет и император будут весьма недовольны.
— Может, стоит поставить в известность нашу службу безопасности? Чтобы потом не было разговоров о том, что мы утаиваем информацию и занимаемся самодеятельностью? — предложил магистр древяза.
— Вполне возможно, что это весьма правильный поступок… — после некоторой паузы задумчиво ответил ректор, уставившись в стол, — но все же в данном случае с этим я спешить не буду. И даже дело не в том, что, если я ошибаюсь, меня поднимут на смех. Нет! Дело в том, что, если мои подозрения окажутся беспочвенными, но известными всем, они могут крепко осложнить Аальсту жизнь в будущем. Слухи есть слухи. Они никуда не денутся. Он потом всю жизнь будет доказывать, что это только слухи. И кого он при этом будет считать виноватым в своих трудностях? А? А ведь он маг редких талантов. Первый радужный маг, появившийся у нас за столько лет! Я уверен, что он может совершить много полезного для империи и для университета в том числе. Зачем же его настраивать против всех? Совершенно не нужно. Это во-первых. А во-вторых, если он даже и обладает способностями к магии разума, все равно ему без нас не обойтись. Совершенно ведь ясно, что ему потребуется помощь в овладении своей силой. И здесь помочь сможем только мы. А пока он будет учиться, нашей задачей будет воспитать в нем гражданскую позицию, патриотизм и моральную ответственность перед другими. И в этом вопросе очень важны друзья и окружающие. Поэтому я предлагаю не принимать скоропалительных решений и пока понаблюдать за Эриадором. Считаю, что доброжелательное сотрудничество принесет всем нам, в том числе и ему, гораздо больше пользы, чем резкие шаги, продиктованные страхом и непониманием.

— Поздно уже воспитывать, — хмыкнула Элеона. — Его возраст — что выросло, то выросло. Вряд ли тут можно что-то сделать.
— Может, вместо длительного наблюдения просто поговорить с ним начистоту? — предложил магистр древяза Эльвино. — Сразу снимется масса всяких недоговоренностей.
— Вероятно, в итоге такой разговор и состоится, — кивнув, сказал Мотэдиус, — но не сейчас. Со временем. Пока же я предлагаю просто понаблюдать. И уже исходя из того, что мы увидим, планировать наши дальнейшие действия. Возможно, эти таинственные точки, про которые он рассказал Элеоне, действительно существуют. Ведь если бы он был способен к ментальным воздействиям, то не думаю, чтобы молодой парень удержался от того, чтобы не проделать эксперимент, который он продемонстрировал с Жустиной, на какой-нибудь девушке еще раз. И наверное, не на одной. И мы бы имели не один такой случай. А тут — тишина. Либо у него просто потрясающее самообладание и выдержка, либо тут что-то другое… Те же точки, например, а не магия внушения.
При этих словах Элеона скептически хмыкнула.
— А если он все же маг разума и на нас воздействует? Ментально?
— Уважаемый Бастиан! Уверяю вас, что звание архимага я ношу не просто так и ментальный щит я ставить умею, как, впрочем, должны уметь все присутствующие за этим столом. За исключением вас. Но не беспокойтесь, мы все будем следить за вашим поведением, — ободряюще улыбнулся ему ректор.
Бастиан ничего на это не ответил, лишь чуть прищурился.
— Значит, так, — несильно хлопнув ладонью по столу, после небольшой паузы подвел итог Мотэдиус, — будем наблюдать. А потом будем решать, как нам поступать дальше. Скажу всем особо, все, что вы тут услышали, — строго конфиденциально. Обсуждению услышанное с кем-нибудь, кроме присутствующих здесь, не подлежит! Совещание закончено. Всего доброго, уважаемые коллеги.

Эри

Значит, примерно еще полтора-два… и это получается… это получается — еще плюс три дня пути к двадцати пяти. Я записал итоговую цифру двадцать восемь на лист бумаги. Короче говоря, месяц! Месяц верхом на лошади? Я же сдохну… Пусть даже будут перерывы на обед и сон. Сдохну, как Масяня, — на улице! И пусть мне не говорят, что привыкнуть можно ко всему. Не верю! Вот не верю, и все! К лошадям привыкнуть нельзя! Проклятый мир… Совсем быт и сервис не налажен. Как можно путешествовать в таких условиях?
Я раздосадованно поджал губы. Что за жизнь?
Я занимался планированием своих дальнейших действий. Книга о порталах, которую дал мне преподаватель древяза Эльвино, оказалась пустышкой. Куча формул, описывающих стабильность зоны перехода, и все! Ничего больше! Мрак!
Ну че ты тут понаписал? Че ты понаписал? Ну кто так пишет, с возмущением обратился я к давно почившему автору, отбросив от себя на край стола прочитанный фолиант. Ну разве нормальные люди так пишут? Сначала нужно описать предмет, о котором идет речь. Как это все работает. А уж потом лепи свои формулы куда и сколько хочешь! Похоже, это тот случай, когда за деревьями леса не видно. Ожидание того, что в процессе чтения этого набитого математикой гримуара у меня в голове всплывут сами собой нужные знания, не оправдалось. Ничегошеньки не всплыло! Ни-че-го! Как говорится, халявы не случилось. С архивами университета тоже было по нулям.
— Просьба рассматривается… — сделав рожу и растягивая слова, передразнил я Эльвино. — Хорошо бы еще знать, где и кем она рассматривается, и рассматривается ли вообще!
Короче, видя такую неспешность, я решил подстраховаться.
— Не университетом единым! — сказал я себе и принялся наводить справки о других архивах, существующих на этой планете. Не могло же их не быть? Предположение оказалось верным. Были. Во всех государствах, граничащих с империей, были аналоги университета. Может, побольше, может, поменьше, может, назывались по-другому, но это не так уж важно. Главное — суть! А суть была в том, что там тоже обучали магов и там тоже были книги. Осталось только туда добраться и придумать, как сделать так, чтобы мне их дали. Это на случай, если мне не удастся приобщиться к знаниям здесь. А то тут, похоже, могут рассматривать мой запрос до исполнения пророчества… Бюрократы проклятые! Гласности на вас нет! Короче, я начал готовить запасные варианты. Может, я, конечно, торопил события, но сидеть, ожидая, когда кто-то что-то там решит, надоело.

Начал я с самого простого — взял карту и составил список городов-кандидатов для поездки. Вышло девять штук. Самый ближайший — две недели пути плюс школа, считающаяся одной из самых слабых. Одна из сильнейших школ — месяц пути.
— Просто праздник какой-то… — констатировал я, пробежав глазами цифры в составленной таблице. — Мало того что лошади и дороги, так еще постоялые дворы с комковатыми матрасами и живущими в них кусачими насекомыми. А еда? Это же ужас!
Я вспомнил свое путешествие на свадьбу, когда мы питались по дороге в придорожных трактирах. Правый бок сразу же заныл, вспоминая, что я тогда ел.
Это сколько же здоровья нужно иметь, чтобы так путешествовать? Будь я, конечно, в своем теле, то мне бы было — плюнуть и растереть, но я же не в своем теле! Да и дома я в общем-то не жрал что попало… Потерпеть можно. Ради свободы — тем более можно потерпеть. Но вот только бы знать, что наверняка. Что не зря будут эти мучения. А то получится, как тут. Приедешь и будешь сидеть в ожидании неизвестно чего…
— Ладно! Начну работать по ближайшим целям, — сказал я себе, закончив грезить о других странах. — По тем, что совсем рядом!
В моем списке имелись еще кандидаты на посещение. Это был архив в императорском дворце, библиотека Белого ордена и четыре мага, занимающихся вопросами порталов. Маги были доступнее всего. За исключением того, что они жили в других городах. Точнее, можно даже сказать, городках империи.
— И чего им не живется в большом городе? — озвучил я свое непонимание, найдя на карте названия их населенных пунктов. — Свежий воздух, что ли, любят?
В общем, к магам нужно было ехать лично. От идеи написать им письма я отказался. Первокурсник пишет академику. Ага. Пусть даже академик весьма демократичен и прочитает полученную писульку. Ну и что? Книги свои почтой он никому посылать не будет. Это совершенно ясно. Так что нужно будет ехать и при личной встрече, используя свои эмпатические способности, брать мага «за жабры». А поехать я смогу только на каникулах. За прогулы обещают отчислять… Не знаю, насколько это реально, но присутствие в университете мне сейчас нужно. Я ведь еще до его архива так и не добрался. Да и если выгонят, кем я тогда к магам приеду? Одно дело — собрат по профессии, пусть еще только студент. С ним можно поговорить, потому что свой. Другое дело — не пойми кто, праздно любопытствующий чужак. За соблюдением правил гильдии тут следят строго. М-да… Поэтому буду изображать из себя студента дальше и буду искать пути доступа к архивам во дворце императора и библиотеке Белого ордена. С орденом сложнее всего. Они объявили себя борцами за Свет, и мое появление у них в моей мантии весьма немаркого цвета вряд ли будет встречено с радостью. Ну если только как жертва для костра. Мне почему-то так кажется после краем уха подслушанных восторгов Алистеры, которая по выходным к ним бегает, и впечатления, сложившегося у меня от увиденного на улицах. Не то чтобы беспредел творят, но власть имеют. Императрица им покровительствует, да и деньги у них есть. Плюс вера в то, что они занимаются нужным и полезным делом. Конечно, это с их точки зрения, но если все суммировать — получается организация, к которой без нужды лучше не соваться…
С императорским дворцом, где, собственно, хранится архив, на первый взгляд проще. Нужно как-то попасть на прием или какую-нибудь аудиенцию и завести там знакомства… А потом постоянно туда наведываться. Хм… Просто-то просто, но вот хотя бы с чего начать? Выходов на дворец я вообще не имею. Неважно у меня тут со знакомствами… Ладно! Как говорится, будет день, будет и пища. Поставлю себе галочку и буду ждать. Может, что и подвернется…
Я сложил карту и подпер руками подбородок. Задумался, вспоминая события, произошедшие с моей выходки в публичном доме. Пошла уже вторая неделя, но было тихо-тихо. Никто из магов-преподавателей не интересовался происшествием, никто меня ни о чем не расспрашивал. Как будто ничего не было. Весьма странно. Притом что университет гудел слухами и сплетнями по этому поводу, словно гнездо с осами. Кроме того, чем больше времени проходило с момента происшествия, тем разговоры становились все более удивительными. Если бы я там не был, то даже не знаю, что бы я подумал, когда бы мне рассказали столько занимательных историй. Если сложить все, то по грубым расчетам выходило, что я не только всех работниц окрестных «веселых домов» посетил, но и всех студенток университета — до кучи. И всех буквально в один день… Сразу… Свалившаяся на меня слава Казановы меня особо не напрягала. Девушки на меня не бросались, одежду с визгом на мне не рвали. Смотрели оценивающе, с интересом, но издали. Руками не трогали. Весьма приличные дворянки, помнящие, что есть такое словосочетание — девичья честь. Это хорошо. Вереницу же молодых самцов, желающих узнать секрет волшебных точек, я заворачивал рассказами о клятве неразглашения, данной моему отцу. Отроки не верили и пытались подкупить меня, озвучивая суммы. Некоторые из них звучали весьма неплохо.

Весьма. Если девочки вели себя прилично, не приставали, то мальчики упорствовали и никак не желали сдаваться. Шли и шли, шли и шли. Паломники сексуального искусства… Сихот бы их побрал…
Что ж, слава имеет не только парадную сторону с шампанским и салютом, философски сказал я себе, отказывая очередному просителю. А то ты не знал!
Короче, все все знали. Тем более странно на этом фоне выглядело молчание преподавателей. Единственно, Элеона сразу на следующий день после моего посещения борделя попыталась узнать подробности.
— Эриадор, — без обиняков обратилась она ко мне при всех присутствующих на занятии, — про вас по университету ходят весьма интересные слухи!
Я не стал спрашивать какие и промолчал, лишь постарался улыбнуться ей как можно милее.
— Это правда? — поинтересовалась магесса, не дождавшись от меня никакой реакции, кроме улыбки.
— Что именно, госпожа магесса?
— Говорят, что вы… мм… осчастливили собой всех в салоне мадам Мари?
За моей спиной зашушукались целительницы.
Похоже, это мне за то, что я прогулял ее первое занятие, выбрав вместо него посещение темного факультета… Прилюдное обсуждение особенностей моей личной жизни — маленькая месть, так сказать… Ладно. Поговорим.
— Увы, госпожа, увы… — печальным голосом поручика Ржевского сказал я, разводя руками, — все врут! И причем врут самым беспардоннейшим образом! Не всех. Охранники сбежали!
Сзади захихикали.
— Охранники? — искренне удивилась Элеона. — Вы что, хотите сказать, что вы бы и… охранников?..
— Нет. Я сторонник естественности. И охранники меня не интересовали. Но они же об этом не знали! И когда в салоне все вдруг кончились, включая саму мадам, они решили исчезнуть, — похоже, в целях самосохранения. Поэтому, чтобы быть честным, я и говорю — не всех. Охранники сбежали! И мне совершенно не нужно, чтобы ко мне приплели охранников-мужчин! Я человек строгих моральных принципов, и такая сомнительная слава мне совершенно не нужна!
Все уже откровенно смеялись.
— Строгих моральных принципов? Вот как? — Элеона насмешливо приподняла правую бровь.
— Именно так, госпожа, — вздохнул я, — очень строгих принципов…
— М-да? Ну ладно. Об аспектах морали мы, возможно, поговорим несколько позже… Спрошу сейчас вас о другом. Вы в курсе о последствиях применения стимуляторов в больших количествах, молодой человек?
— Меня это не волнует, — покачал головой я. — Я натурал.
— Кто? — удивленно переспросила магесса.
— У меня все свое, натуральное, — пояснил я. — Стимуляторы не употребляю!
Сзади горячо зашептались.
— Да ну? — задумчиво произнесла магесса, рассматривая меня с кафедры, за которой стояла. — И вы хотите, чтобы после всех совершенных вами подвигов все поверили в то, что дело обошлось без них?
— Без, без, — отрицательно помотал я головой. — Просто, как говорится, уметь надо!
Сзади засмеялись.
— Особые точки? — насмешливо улыбаясь и с иронией в голосе поинтересовалась магесса.
Ага. Уже в курсе, подумал я и ответил:
— И они в том числе!
— Это что-то новенькое в моих знаниях человеческого тела, — произнесла Элеона. — Может, продемонстрируете?
— На вас? — улыбаясь во все свои тридцать два зуба, с энтузиазмом поинтересовался я.
В аудитории наступила настороженная тишина.
Магесса посмотрела на меня и задумалась, чуть наклонив голову к правому плечу. В ментале я услышал появившееся у нее чувство опаски и неуверенности.
Похоже, ей пришла в голову мысль: «А вдруг у него получится?» И как я тогда буду выглядеть? Тетя умная, не один год живет и наверняка уже в курсе, что если она чего-то не знает, то совсем не обязательно, что этого не существует…
— Или, может, на ком-нибудь другом попробуем? — предложил я, с энтузиазмом оборачиваясь назад. — Назначьте тогда кого-нибудь!
Аудитория ответила мне весьма недобрыми взглядами.

— Опыты будем ставить после того, как будет доказана их безопасность. Вы что, не ходили на лекции господина Мотэдиуса? Он должен был рассказать вам о правилах! — с холодными интонациями в голосе ответила на мое предложение Элеона.
— Я посещал лекции уважаемого господина ректора и знаю о существующих правилах. И не только знаю, но и не собираюсь их нарушать. Это была шутка. К сожалению, я ничего не смогу вам продемонстрировать…
— Почему? — поинтересовалась магесса.
— Дело в том, что я поклялся одной весьма умной и порядочной девушке, что больше этого делать не буду. Ей не понравилось, как все это выглядело.
— Могу ли я узнать имя этой девушки или это секрет? — чуть прищурив глаза, поинтересовалась магесса.
— Отчего же? — пожал плечами я. — Пожалуйте! Стефания Терская — весьма хорошо разбирающаяся в вопросах этики и морали.
Тишина, стоящая в аудитории, сменилась снова горячим шепотом.
Стефи зарабатывает очки, подумал я, прислушиваясь к шуму и играя в гляделки с магессой.
— Хорошо, — наконец сказала Элеона и обратилась к аудитории: — Закончим наше небольшое лирическое отступление и вернемся к теме нашего занятия…
Это было единственное проявление интереса к моей персоне со стороны педагогического коллектива. Больше я, приготовившийся к круговому отбрехиванию, внимания ни от кого не удосужился.
Весьма странно, подумал я, констатировав обнаруженный факт.
Странно и подозрительно весьма, понял я несколько позже, уловив в ментале настороженность и опаску, направленную от них в мою сторону. Такое ощущение, что они меня в чем-то подозревают и опасаются. Интересно чего? Непонятно. Может, мои действия имеют в глазах магов какую-то подоплеку, о которой я не подозреваю? Вполне вероятно. Этим тогда можно объяснить отсутствие интереса ко мне. Наблюдают! Ждут, чего я еще выкину? И вот тогда они хвост и прищемят! Наверное, в чем-то подозревают нехорошем, но до конца, похоже, не уверены. Поэтому сидим и не высовываемся! Очень удачно я Стефании клятву дал… А она, оказывается, довольно шустрая девушка! Честно говоря, не ожидал от нее. Удивила.
На следующий день после обсуждения с магессой Элеоной моих необычных способностей у целителей, как обычно, были ежедневные занятия. Едва они только начались, как дверь аудитории с шумом распахнулась и в ее проеме появилась запыхавшаяся Стефания в черной мантии, с ученической сумкой на боку и какой-то бумажкой в руке. Окрыленная.
Все, находящиеся в аудитории, дружно развернулись к двери.
Стефания же, не обращая внимания на взгляды, устремилась к кафедре.
— Прошу прощения за опоздание, госпожа Элеона, — при этих словах Стефи сделала книксен, — но господин Мотэдиус только что выдал мне разрешение посещать ваши занятия! Я не успела добежать до начала занятий от деканата до вас. Прошу меня простить, госпожа магесса! Господин ректор велел предать вам. Это разрешение с его подписью. Вот, пожалуйста. — С этими словами Стефи протянула сложенный листок бумаги, который она держала в правой руке.
Она к ректору сходила, удивился я, наблюдая за тем, как Элеона не спешит взять листок из руки Стефании. Разрешение себе выбила? Ты глянь, какая молодчина! Она, оказывается, пробивная… Видать, наш разговор с ней на рынке запомнила и решила последовать моему совету… Молодец!
Пауза между тем затянулась. Магесса, поджав губы, сверху вниз неподвижно смотрела на Стефанию, которая стояла внизу, у кафедры, протянув к ней руку с листком. Все замерли в ожидании — что же будет дальше? Наконец Элеона неспешно протянула руку и, все так же безотрывно глядя в лицо Стефании, осторожно, двумя пальцами взяла разрешение.
— Постарайся больше не опаздывать, — произнесла она, даже не заглянув в него. — И еще… — Магесса обежала глазами фигуру Стефании. — Посторонние на мои занятия не ходят. Поэтому в следующий раз вижу тебя в зеленой мантии. Ты поняла?
— Но…
— Без «но». Если господин ректор решил, что тебе можно посещать мои занятия, то пусть он решит и проблему с мантией. У меня на занятиях присутствуют только целители. Можешь так и передать ему. Все! Иди садись!
— Спасибо! — вспыхнула румянцем Стефи и повернулась к аудитории, ища себе место. Я чуть приподнял над головой руку и легонько пошевелил пальцами, привлекая внимание. Заметив поданный сигнал, Стефи устремилась в мою сторону. На перемене я получил бурю восторгов, которую на меня вывалила новоиспеченная целительница. В ментале она излучала словно… ну не знаю. Маяк в темную ночь? Вспышки молнии? Ну… что-то вроде

этого. Да, она думала над нашим разговором. Да, она сходила к ректору. Да, он ей разрешил!
Странно как-то, сделал я для себя вывод, выслушав ее. То Камень Судьбы, то решение ректора… Кто из них главнее?
Это был первый раз, когда она меня удивила. Второй раз случился, когда я купил гитару. Наконец-то я ее купил. Инструмент был по классу сопоставим с утерянным. Правда, не эльфийский, а выполненный одним из старых мастеров. Черный лакированный корпус, гриф темно-коричневого цвета. Звук — пожалуй, восемь из десяти. Не идеал, но лучше ничего не нашлось. Смотрелась шикарно. Как раз под цвет мантии. Единственно портили вид струны, сделанные из каких-то кишок, но с этой проблемой я справился. Пошел к гномам и заказал себе стальные струны. Мастер-гном, крепкий мужчина, на взгляд лет эдак пятидесяти, ростом мне по плечо, с курчавой бородой до пояса, долго молчал, разглядывая принесенный мной рисунок, объясняющий способ навивки струн.
— Металл хороший нужен, — наконец заговорил он низким голосом, — иначе вытягиваться будет.
— Ну так берите хороший.
Кто ж против-то? Зачем мне плохой металл? Плохой метал мне не нужен…
— Один золотой.
— Вяк! — издал звук я, открывая рот.
Короче. Гитара мне обошлась в одиннадцать золотых. Десять — инструмент и еще золотой за три комплекта металлических струн. Цена среднего клинка на местном рынке.
А гномы тут редкой породы. Вампиры-мозгососы. Я, конечно, свое из него выбил. Ну почти… выбил. Но ушел я от мастера с опухшей головой. Язык без костей нужно иметь, чтобы его уболтать. Зато гитара черная, с блестящими, словно посеребренными струнами, стала смотреться — ну просто блеск! В руки взять приятно. И звук — звонкий и чистый. Не то что это глуховатое — пум, пум, пум, на кошачьих кишках.
— Какая гитара! — восхитилась Стефания, когда я показал ей свое приобретение. — Ты играешь?
— Играю, пою и пляшу. Когда настроение есть.
— Здорово! Сыграешь?
— Запросто. Пошли!
Мы стояли на улице, недалеко от фонтана, вокруг которого приютилось много скамеечек, отделенных друг от друга стенами из живой изгороди. Множество уютных, зеленых закуточков. Я мотнул головой в сторону одного такого, задавая направление.
Что бы такое исполнить, подумал я, усевшись на скамейку и поставив инструмент на закинутую ногу. Что-нибудь легкое, шуточное… Про учебу или студентов…
Я поднял голову, глянул на безоблачное небо, освещенное лучами клонящегося к горизонту солнца, и на ум мне внезапно пришли подходящие строки:

Над нами солнце светит —
Не жизнь, а благодать,
Тем, кто за нас в ответе,
Давно пора понять,
Тем, кто за нас в ответе,
Давно пора понять,
Мы маленькие дети,

Нам хочется гулять!
[33]

— Подожди меня тут! — неожиданно сказала Стефи, с удовольствием прослушавшая мое выступление. — Я сейчас! Быстро. Не уходи!
С этими словами она вскочила со скамейки и с горящими глазами куда-то помчалась. С недоумением я проводил ее взглядом и вернулся к гитаре.
Подожду. А пока сыграю одну сложную вещичку… Джона Гилмора.
Я положил пальцы на гриф и аккуратно взял первые аккорды.
— Вот!
Запыхавшаяся Стефи стояла у входа в «зеленый уголок» и держала в руках… гитару! Размером меньше моей, светленькую… но это, несомненно, была гитара.
— Ты… играешь? — удивился я, прервав свое упражнение.

— Да. И я хочу тебе тоже сыграть.
— Давай!
На мое удивление, Стефи оказалась весьма неплохим исполнителем. Легкая, лирическая мелодия звучала спокойно и уверенно. Девушка пела, не фальшивя даже в сложных местах. И главное, было видно, что гитаристка получает удовольствие от игры. Не сидит напряженно, боясь ошибиться, нет. Играет в удовольствие.
— Браво! — искренне похлопал я, когда она закончила. — Браво! Где ты так научилась?
— Отец нанимал учителей, чтобы нас учить музыке, но нас было много, а рояль один… и учитель один. Тогда он нас разделил. Старшие сестры учились играть на рояле, а меня с Лерой он стал учить играть на гитаре. И у нас получился небольшой оркестр. Мы иногда играли втроем.
— Очень хорошо играешь, — не кривя душой, сказал я, — мне понравилось.
— Спасибо, — слегка порозовела Стефи, — мне тоже понравилось, как ты играешь. Может, попробуем вдвоем?
— Интересная идея… Можно попробовать. Получится?
Получилось неплохо. Мы быстро подстроились друг под друга и после примерно получаса проб и ошибок сыграли одну местную мелодию от начала до конца. Мне понравилось. Стефи тоже была очень довольна. Были довольны и слушатели, которые сбежались на звуки наших гитар. Правда, увидев, кто это тут играет, они быстро выгребали назад, делая вид, что случайно не туда свернули. Но все равно. Прогулки их за кустами с праздным видом меня обмануть не могли. Ясно ведь — подслушивают. Музыку в этом мире любят…
В общем, после того как мы открыли друг в друге таланты, мы со Стефанией по вечерам стали устраивать небольшие музыкальные посиделки. А если точнее — то чуть ли не каждый вечер. Тем более что недостатка в красивых мелодиях у меня не было. Стефи же схватывала их, как говорится, на лету. Все получалось настолько здорово, что у меня как-то даже проскочили пару раз мысли, что с такими талантами можно было бы и группу создать… Но это так, просто мысли. Без электронной музыки я уже не представлял, как можно что-то играть. Да и потом я же на днях убываю! Зачем мне тут что-то организовывать…
Но Стефи меня удивила. Целых два раза.

Приглашение на бал

— Дорогие друзья! — Облаченный в белую мантию с серебряным шитьем, ректор Имперского университета магии, великий маг Мотэдиус, выглядел весьма представительно. — Сегодня я собрал вас, для того чтобы сообщить вам приятную новость!
Парадный зал университета, заполненный по одну сторону рядами студентов в разноцветных мантиях, по другую — их преподавателями, внимательно внимал своему главному наставнику.
— Сегодня мне, по давней старой традиции, из дворца пришло письмо от нашего императора Альвеара Хайме! Письмо-приглашение на ежегодный бал, который он устраивает у себя во дворце. Обычно приглашение приходит на мое имя, но с пометкой — взять с собой двух лучших преподавателей и двух лучших учеников университета в качестве поощрения. Сейчас вам зачитают текст письма, а потом я назову имена счастливцев, которые отправятся со мной на этот незабываемый праздник!
По рядам присутствующих прошелестел легкий шепоток, и все стихли в ожидании.
— Читайте, — милостиво кивнул ректор, давая указание студенту старшего курса, который стоял со свитком наизготовку.
Тот, кивнув в ответ и с заметным волнением от возложенной на него миссии, потянул за концы двух нешироких ленточек, скрепленных большой круглой красной печатью, ломая ее.
— «Я, император Альвеар Хайме, имею честь пригласить на Зимний бал…»
Я стоял рядом со Стефанией и разглядывал потолок зала. Мне было неинтересно. Все действо с этим приглашением отдавало нарочитостью и показушностью.
Ну, я понимаю, традиции… все такое… Но я-то тут при чем? Зачем мне это слушать? Я бы лучше чем-нибудь более полезным занялся… На гитаре бы, например, поиграл…
Интересно, на чем она там висит, задался я вопросом, разглядывая уходящую в потолок толстую цепь, на которой чуть заметно глазу покачивалась огромная люстра. Солидная цепочка…
— «…прошу вас прихватить с собой студентов темного факультета — Эриадора Аальста и Стефанию Терскую. Ваш император Альвеар Хайме».

Неожиданно прозвучавшие знакомые имена оторвали меня от созерцания инженерной приспособы.
Че-э-эго, подумал я, опуская глаза вниз.
«Кого?» — удивился про себя ректор. Вслух он ничего не произнес, но по лицу было видно, что он поражен, пожалуй, не меньше моего. На его вопросительный взгляд, направленный на закончившего читать студента, тот в ответ слегка пожал плечами и протянул ему свиток: нате, мол, сами прочтите. Стоящие рядом с нами студенты принялись оборачиваться на нас. Секунда тишины после объявления имен сменилась гулом голосов, в которых слышалось недоумение.
— Позволь, — сказал ректор, протягивая руку.
Старшекурсник послушно отдал свиток.
— Да, действительно, — сказал Мотэдиус, быстро пробежав глазами короткий текст, — все верно. Приглашение для князя Аальста и баронессы Терской приписано самолично рукой императора… Хм… Что ж, коль он сам приглашает… Эриадор Аальст и Стефания Терская! Вы приглашены императором в его дворец, на Зимний бал! Прошу вас выйти ко мне!
Выйти? Что ж не выйти? Только вот чем я обязан такому щедрому приглашению?
Вместе со Стефи мы вылезли из строя студентов и, провожаемые взглядами десятков глаз, направились по центру зала к ректору. На мне и Стефании были в этот момент черные мантии.
— Встаньте сюда. — Ректор сделал жест рукой вправо, когда мы подошли к нему.
Мы послушно встали на указанное место. Весь зал смотрел только на нас.
— Кончай паркет разглядывать! — правым углом рта прошипел я Стефании, которая стояла, опустив глаза. — Улыбайся! Ты к императору едешь!
Та на мое шипение чуть слышно вздохнула, втянула живот и расправила плечи, подняв голову.
— Так, двое у нас есть, — громко сказал ректор, оборачиваясь от нас снова к залу. — Теперь я назову еще двоих, которые отправятся на императорский бал. Во дворец едут… — Мотэдиус сделал театральную паузу, слушая с удовольствием воцарившуюся тишину: — Едут… Господа магистры Голиот Сендаль и Жан Новин! Прошу их сюда!
Зал, услышав имена, загудел, однако в этот раз больший шум исходил с той стороны, где стояли преподаватели. Из их рядов вышли названные и с предовольными выражениями лиц направились к нам.
— Прошу! — сказал Мотэдиус, указывая рукой на этот раз слева от себя. — Итак, дорогие друзья! — снова заговорил ректор, обращаясь ко всем. — Вот эти люди, которые стоят рядом со мной, отправятся в императорский дворец на Зимний бал! Это великая честь, которой ежегодно удостаиваются самые лучшие и достойные представители нашего университета. Именно им мы доверяем представлять себя на этом празднике, где собирается цвет дворянства империи и на котором будет присутствовать императорская семья! Поздравим же их!
Мотэдиус принялся хлопать в ладоши, побуждая зал последовать его примеру.
Несколькими мгновениями позже по залу прокатились жидкие аплодисменты.
Как-то без огонька… Без огонька вы бьете в ладоши, подумал я, сдержанно улыбаясь и так же сдержано раскланиваясь во все стороны. По вашим вытянутым лицам не скажешь, что вы рады за нас… Вон Алистерка вообще губу закусила. Хлопай, хлопай, Алисточка, ведь ректор хлопает, а ты вылезла в первый ряд, вся на виду. Хлопай! А я тебе улыбнусь… За темно-зеленого… Змеюка такая…
Наконец хлопки затихли и наше со Стефи купание в лучах славы закончилось.
— У меня все, — сказал ректор. — Торжественное собрание закончено! Избранников прошу готовиться. У вас есть еще почти два месяца. Все свободны! Можете расходиться!
Присутствующие двинулись в разные стороны. Кто пошел на выход, некоторые, окружив выбранных, начали их поздравлять. В основном поздравляли преподавателей. Нас же в основном разглядывали.
И у каждого на лице вопрос: «Почему это вдруг они?» Господа, мне тоже это странно, поверьте. Но я, кажется, знаю причину. Однако я вам не скажу… Впрочем, нас тоже поздравили. Аж целых три человека…
Это случилось, когда мы со Стефи неспешно двигались к выходу, выждав некоторое время после указания расходиться. Стефания так вообще собиралась рвануть из зала, но я ее поймал за локоть.
— Куда ты? — опять уголком рта прошипел я. — Не рвись. Несолидно!
Стефания послушалась и затормозила. Но в ментале я ощущал, что чувствует она себя очень неловко от такого всеобщего внимания.
Ничего, пусть привыкает, подумал я, придерживая ее за руку, в жизни может пригодиться…

Так вот, пока мы с ней неспешно дефилировали к дверям, нас поздравили два преподавателя и один старшекурсник.
Самые прозорливые люди университета, подумал я. Люди, которые понимают, что приглашение, подписанное рукой императора, это вам не просто так! Вполне возможно, что с такими персонами, как мы, стоит дружить. Ну если не дружить, то хотя бы быть в хороших отношениях. А остальные, видать, до этой мысли еще не дошли… Или, может, дошли, но не смогли принять…
— Эри, а как ты думаешь, почему император нас пригласил? — спросила Стефания, когда мы наконец выбрались из зала и, оставшись вдвоем, прогуливались по дорожкам университетского парка.
— Думаю, что по совершенно прозаической причине, — ответил я, успев за это время прокрутить в голове возможные варианты. — В качестве развлечения.
— Какого развлечения? — оборачиваясь ко мне и заглядывая в лицо, чтобы понять, шучу я или нет, спросила она.
— Обычного, — пожал плечами я. — Это для тебя бал — событие, потому что он у тебя — первый в жизни. А у знатнейшего дворянства он случается каждый год. Да еще несколько таких же сборищ. Ты только представь — по нескольку раз в год одни и те же лица, одни и те же разговоры… Кто как рот откроет, уже заранее известно, что он скажет… Скукота! А тут целых два темных мага, которых невесть сколько лет никто не видел. Это же развлекуха! Можно будет гостей занять и самому полюбопытствовать. Вот император нас и пригласил… Для развлечения…
— Да? — нахмурилась Стефи. — Это что, значит, все будут на меня смотреть как на какую-то диковинку?
— Естественно. Как на молодую, красивую диковинку в темной мантии. Ну и на меня — молодого красавца в черном!
Услышав слова про красавца, Стефания негромко хмыкнула, но не прокомментировала.
— Для полного успеха нам, как темным магам, нужно было бы притащить с собой парочку полуразложившихся зомби или скелетов… Но боюсь, что с такими попутчиками нас во дворец не пустят, — с улыбкой сказал я, глядя на изумленно распахнувшиеся глаза девушки. — Так что придется крутиться самим, без группы поддержки. Брать шармом и обаянием…
— Чем брать?
— А? А! Так. Не обращай внимания! Своей неповторимостью брать. Внешностью. Ум наш там вряд ли успеют оценить.
— Да-а… — задумалась Стефания. — В мантии целителя поразить кого-то будет сложно…
— Целителя? Какого еще целителя? Черные мантии. Без вариантов!
— Не хочу в черной! Я пойду в мантии целителя.
— Ты что, до сих пор так и не поняла? В приглашении было ясно написано — двух студентов темного факультета! Не целительского, а темного! Целителей тут хватает. Темный нужен. Диковинка. Но в одном ты права… — Я остановился и, сделав шаг назад от нахмурившейся Стефании, оглядел ее внимательным взглядом. — Хоть в мантии главное цвет, а не фасон, — произнес я, закончив осмотр, — однако она совершенно не та вещь, в которой стоит появляться на балу! Чтобы производить впечатление, нужно что-то другое…
— Ты сам себе противоречишь, — мрачно сказала Стефания. — Мы маги. Приглашены от университета. Разве мы не должны прийти в своих мантиях?
— М-да? — отозвался я. — Разве ректор что-то говорил про форму одежды? Я лично ничего не слышал!
— Нет, не говорил. Но это вроде как само собой разумеется…
— А раз не говорил, то не стоит усложнять самим себе жизнь. Я лично в этом черном балахоне на императорский бал идти не намерен! Если ты хочешь, то, пожалуйста, воля твоя. Но предупреждаю сразу, в этом случае я буду делать вид, что ты не со мной!
— Да? Но… а если ректор… И где мне взять платье?
— Появимся перед ректором в последний момент, предварительно сдав мантии в стирку. Куда ему будет деваться? Ты только не возьмись заранее у него выяснять, в чем тебе на бал идти. А то поскачешь в этом мешке. Одежды черного цвета и значков будет вполне достаточно для того, чтобы все поняли, кто мы такие. И, скорее всего, нас всем представят. Так что не перепутают, не волнуйся! А платье? Платье купишь готовое или сошьешь. Время еще есть.
— У меня нет денег, — покачала головой Стефания.
— Я тебе дам, — безмятежным голосом сказал я, задрав голову и глядя в небо.
— Я не возьму. Такие подарки девушка от постороннего мужчины принимать не должна.
— Не волнуйся, посторонняя девушка, — повернувшись и с улыбкой глядя ей в глаза, сказал я, — я тебе в долг дам. Как маг магу.

— В долг? А… как я его буду отдавать?
— Как будут деньги, так отдашь, — пожал плечами я. — Будут же когда-нибудь у тебя деньги? Получишь знак мага, начнешь зарабатывать…
— Но… это ведь долго?
— Ну и что? Это будет дружеская беспроцентная ссуда от постороннего мужчины. Дружеского в ней будет больше, чем постороннего… Как тебе такие условия?
— Ну… я не знаю.
— Слушай. Пойдешь на бал в новом платье. А там — молодых, богатых, красивых дворян видимо-невидимо. И все неженатые. А? А вдруг ты встретишь там свою судьбу? Встретишь, выйдешь замуж. А муж долг твой и вернет. И все сложится. Все останутся довольны — ты, я, твой муж…
Стефания крепко задумалась, наклонив голову.
— Я замуж как-то не собиралась, — наконец произнесла она, перестав смотреть в землю.
— Даже если и не собиралась, произвести впечатление на балу ты же не откажешься? А может, даже впечатлишь принца? Он ведь тоже там будет.
Стефания снова погрузилась в свои мысли на несколько секунд.
В ментале чувствовалось желание что-то получить, неуверенность и чувство вины.
Вот так и происходит грехопадение, подумал я, с интересом смотря на девушку, — желание быть лучшей… И получить награду в виде сказочного принца с империей в придачу. Грех гордыни. Наверное, именно так проходит испытание Стефи. Интересно, что она решит?
— Хорошо, я согласна, — наконец кивнула Стефания и подняла на меня заблестевшие глаза.
Похоже, Стефи подвергла свои нормы и принципы некой корректировке, дав себя уговорить. Вроде один раз — не считается! Однако это все лучше маньячки, с фанатизмом цепляющейся за свои догмы. Шире нужно быть во взглядах, шире! Тогда и мир заиграет новыми красками!
«Может быть, тогда заняться кувырканием в постели с местными красотками? Для широты-то взглядов?» — неожиданно поинтересовался внутренний голос.
Нет! Одно дело — я, другое дело — они! И потом. Широта не должна быть беспредельной!
— Только если платье не будет очень дорогое! Чтобы мне не пришлось занимать у тебя много денег. Они же тебе тоже нужны!
— Хорошо, — ответил я, подумав про себя: «Чудачка! В дешевом ты будешь смотреться так же простецки, как и в мантии».
— Нужно будет пройтись по салонам, — мечтательно произнесла Стефания, видно прикидывая в голове маршрут. — Ты пойдешь со мной?
— По салонам дамского платья с посторонним мужчиной? Как можно?
— Ну Эри, ну извини! Никакой ты не посторонний. Это я неправильно сказала.
— Ага. Значит, уже не посторонний? Ладно. Тогда как не посторонний я тебе скажу — ничего ты в них подходящего не найдешь.
— Почему? Все же покупают…
— Вот и будешь ты, как все. А тебе нужно что-то яркое, необычное. Иначе затеряешься на общем фоне.
Местную, широкоюбочную женскую моду я представлял. Причем чем выше социальный статус владелицы, тем юбки пышнее.
— Давай я тебе нарисую несколько фасонов платьев, в которых ходят у меня дома. Уверяю тебя — такого тут отродясь не видели! На балу все от зависти облезут. Нарисую, выберем, закажем, пошьешь. И может, даже дешево выйдет. Возьмешь с портного за приобщение его к новому.
— Да? — загорелись у нее глаза. — Ой, Эри, спасибо! Пойдем рисовать!
— Единственное условие. Мне нужно будет посмотреть на твои ноги.
— На что? — опешила Стефи.
— На ноги. Я их ни разу не видел и поэтому не очень представляю, какие они. Как я буду тебе фасон подбирать? Вдруг они у тебя кривые?
— Ну знаешь, Эри! — возмутилась Стефания. — Это уже слишком! Ничего они не кривые! Не буду я тебе их показывать!
— Ага, постороннему мужчине. Что ж, рад за тебя. Тогда дуй по магазинам и ройся в тряпье, что там висит. Будешь чучелом на императорском балу.
Услышав мою отповедь, девушка надулась.
— А что, без этого никак нельзя обойтись? Зачем тебе мои ноги?
— Платье должно показать всю красоту владелицы. Все нужное подчеркнуть, все ненужное, все, что не очень, — убрать с глаз. Если руки красивые — руки показать. Грудь есть — значит, ее подчеркнуть. Ноги есть — ноги, плечи красивые — значит, плечи нужно открыть. Кстати, с тебя еще и плечи.

— Может, тебе еще и грудь показать? — Стефанию переполняло возмущение.
— Не надо. Не в обиду скажу, что ее у тебя не так уж и много. Понятно, что ее придется зрительно увеличивать…
У Стефи, похоже, на несколько мгновений отнялся от негодования язык.
— Ты шштоо жее… голой меня на балу выставить решшшил? Как феечку? — зло прищурив глаза, прошипела она.
— Отнюдь. Красивой — да. Голой — нет. Голой — это неинтересно. И ты не фея. Ты темный маг. И поэтому ты можешь позволить себе гораздо больше, чем другие. Гораздо больше! Подумай об этом. Твое посещение бала может иметь в итоге всего два варианта. Хочешь узнать, каких?
— Ну и каких же? — сердито глядя на меня, недовольным тоном спросила Стефи.
— Вот представь — встречаются через год две девушки, бывшие на этом же балу. И одна другой говорит: — Помнишь, в прошлом году на балу была Стефания Терская? — Терская? Мм… Нет, не помню. А кто она? В чем была одета? — Темный маг. В черной мантии. — Ах… да, да… что-то припоминаю… Что-то такое темненькое, испуганное, жалось за колонной. Лица не помню, но вот балахон ее я запомнила… — И второй вариант, — сказал я, глядя в возмущенное лицо Стефании. — Помнишь Терскую? — Эту наглую? Которая приперлась в этом своем сумасшедшем платье? Конечно, помню! Все только на нее и смотрели. И танцевать к ней целая очередь была. Даже принц с ней танцевал, хотя на предыдущем балу он весь вечер простоял рядом с отцом. Вот ведь мерзавка бесстыжая! Теперь он ей букеты цветов посылает. И все лучшие женихи ей поздравления шлют ко всяким праздникам.
— Вот такие два варианта, так что выбирай… Решение за тобой.
Стефи нахмурилась, забавно сведя брови к переносице.
— А что, разве я не могу просто прийти в таком же платье, как и все? Обязательно нужно… что-то такое?
Она повертела в воздухе пальцами правой руки, изображая «что-то такое».
— Это будет первый вариант. И все. Ты же будешь не единственной девушкой там. Соперниц у тебя будет много. Нужно быть резко непохожей на них, чтобы выделиться на общем фоне. Вот скажи мне, когда ты ехала в столицу, неужели ты не хотела побывать на императорском балу и блеснуть на нем? Чтобы тебя заметили?
Стефания хмуро молчала.
— Я думаю, что хотела, — прокомментировал я ее молчание. — Пойми, тебе внезапно выпал шанс реализовать свою мечту. Бац! И он на тебя свалился! Вряд ли стоит ожидать, что тебя второй раз пригласят во дворец. Может быть, и пригласят, но это будет, как я подозреваю, не очень скоро. Так что смотри. Как хочешь. Желания нужно осуществлять. И я могу тебе в этом помочь.
Стефания продолжала молчать.
— А тебе… зачем это тебе? — наконец спросила она.
— Рядом с красивой и яркой девушкой меня тоже быстрее заметят и запомнят. Так что не переживай. Ничего ты мне будешь не должна. Чисто дружеские, деловые отношения, построенные на прагматичном расчете.
— Как могут быть дружеские отношения построены на расчете? — не поняла Стефания.
— Бывает. Решай быстрее. Случай редкий. Упускать нельзя.
— Ладно, я согласна, — спустя минуту глубоких раздумий приняла она наконец решение. Мне уже стало надоедать это бесконечное размышление. — Только…
— Если у тебя там, снизу, понадевано ношеное или с дырками, то я, конечно, подожду, пока ты переоденешься! — быстро сказал я.
— Щас как дам! — замахнулась на меня ладошкой Стефи. — Я с дырками не хожу! Пообещай мне, что все это останется между нами! Что ты никому не расскажешь!
— Даю слово, что никому, — сказал я, сделав вид, что испугался ее замаха. — И если мы договорились, то идем сейчас каждый к себе. Ты — переодеваться, а я за бумагой и грифелями. Через десять минут я у тебя. Согласна?
— Хорошо, — кивнула Стефи и внезапно покраснела.
Можешь не краснеть, ничего не будет, подумал я, направляясь к себе. А зачем лично мне это нужно? А в императорском дворце где-то свалены кое-какие архивы… И мне необходимо с кем-нибудь там познакомиться… С тем, кто постоянно ошивается в этом дворце рядом с архивами… Для этого желательно обратить на себя внимание… Стефи очень даже может мне в этом помочь. Я помогу ей, она мне. Нормально. Только нужно будет, наверное, что-то еще придумать. Одних нарядов, пожалуй, недостаточно…
Размышляя подобным образом, я зашел к себе, взял все для рисования и отправился к Стефи. Она жила через три домика от меня. Студенты в университете размещались в небольших двухэтажных домах, в которых была общая лестница и по четыре жилых

помещения из двух комнат на каждом этаже. На территории университета был целый жилой городок. Домики в основном старались заселять либо целиком девочками, либо целиком мальчиками, но были и смешанные варианты. Ну еще группировались по факультетам. Воздушники с воздушниками, огневики с огневиками. Но опять же такое правило соблюдалось не всегда. Держа под мышкой папку с листами, я поднялся на второй этаж, где жила Стефи, и постучал.
— Заходи, — через пару мгновений распахнула дверь Стефи. С раскрасневшимися щеками и испуганно-восторженным взглядом.
Девочка собирается проказничать, понял я по ее виду. Нарушать запрет, делать то, что нельзя. Ай-я-яй. Как страшно… и как здорово, подумал я, прислушавшись в ментале к ее чувствам. Шалость, которую она, пожалуй, будет с удовольствием вспоминать и в старости…
— У тебя очень мило, — сказал я, проходя мимо пропустившей меня вперед хозяйки и оглядывая гостиную, в которую вошел. В принципе все стандарт, как у меня. Два кресла, большой стол у окна. Занавески… почти такие же. Единственно, букетик цветов на столе. А так все то же самое.
— Куда можно сесть? — поинтересовался я, направляясь к столу, возле которого стоял стул с высокой спинкой.
— Куда тебе будет удобно, — нервно переплетая пальцы, ответила Стефи.
— Тогда, пожалуй, вот сюда. — Я положил папку с бумагой на стол и, повернув стул боком к столу, сел лицом к Стефании.
— Все, к просмотру готов, — сообщил я.
— А… — И так не бледные щеки Стефании стали стремительно набирать цвет.
— Вот досюда, — поставил я ребро своей ладони выше середины своего бедра, туда, где, по моим прикидкам, должна начинаться резинка чулок.
— А… — снова сказала Стефи и не шелохнулась.
— Стефи! Надо! Надо, Стефи, надо! Красота требует жертв. Представь, что я принц, а ты его дразнишь своей ножкой. Ну давай! Раз-два, и все!
Отчаянно покраснев, хотя казалось, куда уж больше, Стефи приподняла юбку, показав мне свои коленки и ножки спереди, обтянутые чулком телесного цвета.
— Крутанись, — приказал я, изобразив указательным пальцем вращение.
Стефи, чуть прикусив губу, послушно повернулась вокруг своей оси.
— Хорошо, а теперь повернись боком и покажи мне бедро!
Стефи повернулась и подняла юбку выше, как раз до верха чулок.
— Отлично! А теперь поставь правую ногу на носочек. Замечательно! Колено подними вверх, ногу горизонтально полу. Отличная линия бедра! Ногу вниз. Держи юбку, как держишь, и повернись ко мне лицом, — командовал я, ощущая себя словно на кастинге девушек в данс-группу. Этап первый — проверка стройности ног. — Отлично! — подвел итог я. — Стефи, у тебя изумительно ровненькие и стройненькие ножки, которые можно смело показывать. Будь я девушкой и будь у меня такие же, мне бы было за них совершенно не стыдно! Все, — кивнул я головой красной как рак девушке. — Теперь плечи.
— Что… и все? — переспросила она.
— В твоем голосе я слышу разочарование или мне показалось? — с ехидцей поинтересовался я. — Хочешь еще пошалить? Хорошо, давай еще пошалим! Я с удовольствием посмотрю на твои ножки. Они у тебя красивые.
— Да ну тебя, — сказала Стефи, выпуская из пальцев упавшую вниз юбку. — Хватит глазеть! Только пусть у меня платье будет не лучше, чем у всех! Только попробуй!
— Ты будешь самой яркой, — уверенно пообещал. — Теперь плечи!
Плечи оказались тоже ничего. Когда Стефи вышла из спальни, где она переодевалась, с голыми руками и плечами, завернутая по самые подмышки в покрывало, я решил, что они хоть и малость костлявые, но вполне на уровне и показать их тоже можно. Накинуть какой-нибудь темный пушистый мех, подчеркивающий белизну кожи, и будет очень даже неплохо.
— Ну что? — поинтересовалась Стефи, выходя из спальни в каждодневном платье и поправляя съехавший набок поясок. — И где мое бальное платье? Нарисовал?
— Иди сюда, — приглашающе мотнул головой я, быстро черкая по листу бумаги грифелем. — Что ты скажешь вот на это?

Подготовка подарков

— Не волнуйтесь, госпожа Эстела, с вашей племянницей все совершенно в порядке! И уверяю вас, что родит она совершенно без всяких проблем. Молодая, здоровая. И детки будут здоровые. Вот увидите!
— Рада это слышать. Однако факт того, что вас рядом не будет, вызывает у меня некоторое беспокойство… Вам действительно так необходимо уехать?
— О-о! Да не переживайте вы так! Все будет хорошо! И я ведь не единственная целительница тут. Если что — сразу посылайте. Хотя я абсолютно уверена, что помощь не потребуется. А то, что мне нужно уехать… так это дела гильдии. Я ведь должна хоть когда-нибудь появляться в ее стенах? Тем более что меня приглашают. Не волнуйтесь. Я обязательно вернусь к Новому году! И вы получите подарок в виде двух хорошеньких внучек.
— Вы чем-то обеспокоены?
— Я? Да… Кое-какие вопросы. С меня просят отчет… В общем, не обращайте внимания! Это мои дела.
— Да… Слово «отчет» я тоже не люблю. Ну что ж, госпожа целительница, тогда удачи вам и хорошей дороги! Жду вас к Новому году.
— Спасибо, непременно буду! Не беспокойтесь. Все будет хорошо!
— Я тоже так думаю. Всего доброго!

— Значит, мы договорились?
— Да, господин Дарт. Две с половиной тысячи экземпляров к Новому году.
— Уверены, что справитесь?
— Привлеку еще людей. Будем работать круглые сутки. Текст не очень большой, так что справимся.
— Хорошо. Работайте. И еще. Не забывайте о моих условиях. Триста золотых монет вполне достаточная сумма, чтобы соблюдать тайну хотя бы в течение двух месяцев. Потом творите что хотите. Если же увижу хоть одну где-то в городе до срока — ни медяшки не получите! Все из вас вытрясу. Это понятно?
— Не беспокойтесь, господин! Все будет сделано в лучшем виде! А когда вы намерены расплатиться? Для начала работы нужны деньги…
— Вот половина суммы. Завтра остальное. Вот рукопись. Можете приступать прямо сейчас.
— Так и сделаем! Сразу и начнем!
— Тогда до завтра.
— Всего доброго, господин Дарт Вейдер!
— Всего доброго.
Ссутуленный старик с седыми волосами и глухим надтреснутым голосом направился к двери, чуть подшаркивая при ходьбе ногами. Выйдя на улицу, он неспешно пошел вдоль домов ковыляющей старческой походкой. В которой, если внимательно присмотреться, было что-то немножко странное… Неуловимо фальшивое, скажем так. Дойдя до узкого темного переулка между домами, старик свернул в него, потом еще в один и еще один. Похоже, он выбирал самые темные и узкие проходы из попадавшихся ему навстречу. Покружив с четверть часа по закоулкам и, видимо, убедившись, что за ним никто не следит, он остановился в темном углу. Внезапно по его телу прошла то ли рябь, то ли дрожь, и старик исчез! Вместо него стоял невысокий черноволосый парень с темными насмешливыми глазами.
— Империя наносит ответный удар! — ухмыльнувшись, с насмешкой произнес он. — Будет варгушам подарочек на Новый год! Ай да я!

— А вот скажи мне, Стефи, у вас принято дарить подарки на Новый год?
— Ты не знаешь?
— У нас дарят. У вас — не знаю.
— И у нас дарят! А почему ты спрашиваешь?
— Просто… Коль мы приглашены к императору на праздник, то тогда получается, что мы должны сделать ему подарок? Не с пустыми же мы руками придем?
— Э-э-э… не знаю… Я как-то не думала… А что, мы действительно должны что-то подарить?
— Если по логике вещей, то получается, что должны.
— Ну… не знаю. Не слышала, чтобы кто-то это делал. Хотя я в общем-то не очень знаю, как принято в столице… Да и что мы можем подарить императору?
— Без понятия. Я тут представил, что у меня есть…
— И… что?
— И пришел к выводу — что это у него наверняка уже есть. А если нет — то вряд ли это ему нужно…

— Да… непросто сделать подарок императору…
— И не говори. Но не хотелось бы опозориться. Знаешь… мне тут в голову идея пришла… насчет того, что мы можем сделать…
— Какая?
— Давай подарим ему зрелище!
— Какое?
— Танец! Который тут никто не видел! Жгучее аргентинское танго, которое танцуют у меня на родине!
— Что-о? Опять необычности? Я уже начинаю бояться твоих идей! Я до сих пор не уверена, что мое согласие на это платье не является ошибкой! И я не стану всеобщим посмешищем!
— Не волнуйся. Платье у тебя — то, что надо. А вот если ты в нем еще и станцуешь…
— Эри, я тебя прибью!
— Та ладно! Лучше глянь сюда. Я тебе сделал наброски фигур танго. Смотри!
— Мм… Это что? Ногу закидывать? Да ты с ума сошел! Даже и не думай о своем танн… го-о!
— Давай тогда переименуем его в «танец темных магов»? Станем родоначальниками новой моды? Как тебе?
— Уйди от меня! У меня ноги болят от твоих каблуков! Хочешь, чтобы я на них еще и танцевала? На них и ходить-то нельзя!
— Но ты же ходишь? Ноги поболят да перестанут. Боль пройдет, а слава останется. В общем, я арендую… Танец — класс?
— Ты невыносим!

И ходят слухи по домам…

Император Альвеар Хайме сидел за своим рабочим столом в большом удобном кожаном кресле с высокой спинкой и внимательно слушал Робэрто о Штольца, своего первого советника. Было время его ежедневного пятнадцатиминутного доклада. Советник, длинноволосый мужчина с слегка вытянутым бледным лицом, одетый во все черное, с зажатой под мышкой черной кожаной папкой с бумагами, заканчивал обзор экономических новостей.
— Подытоживая поступившие отчеты о количестве собранного зерна, хочу сообщить вашему величеству, что урожай больше, чем в прошлом году… почти на треть… Такой избыток, несомненно, приведет к падению цен на рынках и увеличению торговли с нашими соседями…
Император одобрительно кивнул услышанной новости.
— По состоянию экономики — все. Внешнеполитические новости… Со вчерашнего дня произошло только одно событие, которое, как мне кажется, заслуживает вашего внимания. Причем пристального…
Император вопросительно приподнял правую бровь, ожидая продолжения.
— Моими людьми была перехвачена депеша лазутчика Мине…
— Он у тебя все пишет? Когда же ты его наконец поймаешь? — иронично поинтересовался Хайме.
— Никуда он не денется. Как говорится, ваше величество, сколько веревочке не виться…
— Что-то уж больно длинная эта веревочка. Если память мне не изменяет, третий год она уже вьется…
— Конец близок, ваше величество, конец близок…
— Ладно. И что же он там пишет, наш неуловимый Мине?
— Весьма интересную новость, весьма. В своем донесении он утверждает, что в нашем магическом университете разрабатывается новый вид войск. А именно — боевые свиньи-убийцы!
Император два раза молча закрыл и открыл глаза.
— Повтори, — попросил он, наклонив голову к плечу. — Какие… свиньи?
— Боевые свиньи-убийцы. Неуязвимые для стрел из-за своей толстой щетины, растущей по всему телу, и с огромными клыками, легко пробивающими стальные доспехи панцирной пехоты. Кроме того, они могут становиться невидимыми…
— Это что, шутка такая? Или ты занялся дезинформацией, подсовывая Мине всякую чушь?
— Нет, ваше величество, я и мои люди к этому непричастны. Более того! Поверхностный сбор сплетен, произведенный в районе университета, показывает, что все осведомлены о случившемся за его стенами. О том, что в результате, по-видимому, допущенной халатности там на свободу вырвалось четверо измененных животных. Их пытались

поймать, но поскольку они были сильно изменены, то это оказалось весьма непросто сделать. В результате их длительного сражения с магами оранжерея университета, в которой оказались эти животные, была разрушена, а сами они уничтожены. Однако одному из этих монстров удалось стать невидимым. Он не пойман до сих пор, и в университете его усиленно ищут…
— Они что, вконец там сдурели, что ли? — возмущенно спросил Хайме, обращаясь к Робэрто о и имея в виду магов. — Заниматься такими вещами в столице? Можно сказать, чуть ли не в центре города? А если бы они у них вырвались за стены? Что тогда?
— Не знаю, ваше величество, — развел руками первый советник. — К сожалению, у меня нет осведомителя внутри университета, и я могу делать заключения в этом вопросе, опираясь исключительно на косвенную информацию…
— Как это у тебя нет осведомителей в университете? Не может такого быть! Разве они у тебя не везде? И если нет, то почему я об этом узнаю только сейчас?
— Увы, ваше величество, увы… Вы просто не представляете, в каких неимоверно сложных условиях приходится порой работать. С магами очень сложно. Если с их советом я еще поддерживаю контакты, то с университетом… С университетом у меня таких контактов нет.
— Непорядок, — покачал головой император. — Это можно считать почти провалом. Маги — их нужно держать на коротком поводке. Знать о них все! А у тебя в университете, где, собственно, они начинают свой путь, никого нет… Робэрто о! Я разочарован. Крайне. Император скорбно поджал губы.
— Все будет исправлено, ваше императорское величество! Уверяю, что в самое ближайшее время я буду получать самую исчерпывающую информацию из стен университета!
— Ладно, посмотрим. Так что там с этими свиньями? История выглядит совершенно безумно. Чтобы Мотэдиус вдруг, ни с того ни с сего, взял и проявил такое легкомыслие? В жизни не поверю! Тем более что это прямое нарушение запретов гильдии. Создавать измененных животных запрещено еще со времени падения Темного ордена. Ведь так?
— Да, ваше величество. Совершенно верно! Я тоже, как и вы, отнесся к этому весьма скептически. Если бы не одно «но»… А это «но» — сообщение Мине. Похоже, что он придал этой новости весьма большое значение, коль решил его отправить. Значит, в этом что-то есть. Что-то, что следует вам тоже знать.
— Хм… Мине… Да. Три года, которые ты его не можешь поймать… Пожалуй, его мнение не следует сбрасывать со счетов… А что сказал по этому поводу наш уважаемый ректор? Надеюсь, он знает, что там у него творится? Или не знает?
— Ваше величество, я не делал ему официальный запрос.
— Почему?
— Мне показалось, что вам лучше самому, напрямую, спросить его. В этом случае можно ожидать, что он не будет затягивать с ответом. Вы же знаете, как гильдия магов все «быстро» делает!
— М-да… знаю… Хорошо. Я его сам спрошу. Тут как раз бал на носу. А ты пока собери мне к этому времени все по этим свиньям… убийцам. Чтобы такое творить, нарушая все запреты, нужно иметь весьма важные причины. Весьма важные… Очень мне хочется знать какие… Я посмотрю твой доклад и решу, стоит ли мне вообще говорить с Мотэдиусом или, может, следует сразу за варговской пятеркой посылать? Дабы прочистить мозги кой-кому в магическом совете… Тебе все понятно?
— Будет исполнено, ваше величество… — согнулся в легком поклоне Робэрто о.
— Хорошо. Закончили с этим. Что у тебя с эльфами?
— Молчат, ваше величество, молчат! — сокрушенно покачал головой первый тайный советник.
— Ладно. Пусть молчат. Продолжай слать им приглашения.
— Как прикажете, ваше величество…

Эри

— Ну что, все? Выходим?
— Да! — предварительно набрав полную грудь воздуха, выдохнула Стефи.
Я еще раз кинул взгляд в большое зеркало, в котором отражались мы с ней. Оба в больших, до пола, черных плащах со сложенными за спиной капюшонами, заколотых у горла круглыми серебряными застежками. Внизу, на отворотах, видна подкладка кроваво-красного цвета, беззастенчиво копирующая дизайн вампирских плащей, позаимствованный мною из земных фильмов. Подумав о том, что уж коль мы идем на «парное выступление»,

то и одеться следует похоже, я напрягся и сделал небольшой парадно-выходной «ансамбль» для черных магов. Однако если с самим собой я всегда мог договориться в плане одежды, то со Стефанией приходилось преодолевать баррикады отсталого мышления и завалы понятий приличного — неприличного.
Для начала она напрочь отмела идею юбки с разрезом. Я так представлял себе ее бальное платье — прямая черная юбка почти до пола и сбоку разрез до верха бедра, выставляющий на обозрение стройную ножку в темном чулке. А вот дудки!
— Я такое не надену! — заявила мне Стефи. — Даже и не думай! Это просто позорище в таком на бал прийти. Нет!
Уперлась, как какой-нибудь моллюск в своей раковине, из которого его хотят вытащить. Всеми конечностями и частями тела, даже не приспособленными к упиранию.
— Ладно, — терпеливо сказал я, поняв, что через этот рубеж обороны мне не пройти. — Что ты скажешь на это?
Консенсус нашли на свободной широкой юбке. Складки, образующиеся на ней, должны были придать большую легкость и зрительно дать больше движения. Еще я прикинул, что если использовать легкий материал, то при быстром перемещении вперед ткань будет облегать танцовщицу, показывая линии бедер. Стефи, похоже, об этом не задумалась.
Ладно, договорились. Перешли к длине. На балах носили — «в пол, до упора и шо-обы волочилось».
— Сделаем короче, — тоном, не допускающим возражений, сказал я. — Так, чтобы снизу мелькали туфельки!
— Зачем? — не поняла она.
— Мелькание женских ножек притягивает мужские взгляды. Это весьма эротично.
— Что?
— Приятно для разглядывания.
— Да? — недоверчиво ответила Стефи и, отставив вбок из-под юбки правую ногу, принялась изучать свою небольшую ступню в коричневом кожаном башмачке.
— И что в ней такого? — спустя несколько секунд спросила она, повертев ее и так и сяк. — Нога как нога. Что в ней разглядывать?
— Эхх… — глубоко вздохнул я, подумав про себя: «Вот деревня!» И пояснил: — Вид ее побуждает к фантазиям — а что там дальше? А если сказать точнее — а что там выше? Тебе ясно?
— Давай ты не будешь говорить мне фривольности?
— Ты спросила, я ответил. Без всяких недосказанностей и полунамеков. Как есть. Или ты предпочитаешь иносказания?
— Мм… Да нет…
— А что тогда?
— Просто как-то странно. Ты мужчина, а спокойно разговариваешь на такие… такие непривычные темы… Эри, у тебя что, сестра есть? Ты мне не говорил!
— Нет у меня сестры. С чего ты взяла?
— Откуда тогда ты все это знаешь? Ты ведь не девушка, чтобы разбираться в женских нарядах.
— Хм… скажем так: я в детстве очень много читал. Тебя устроит такой ответ?
Стефи такой ответ не устроил. Наклонив голову, она пристально, с подозрением меня разглядывала.
Похоже, ей пришла в голову мысль, что у меня было достаточно много женщин. От которых я всего этого и понахватался. Ну и ладно! Сама себе все объяснила, и я, как толкователь, не нужен. Замечательно.
— Значит, мы с тобой о длине договорились?
— Да, — нахмурившись, кивнула Стефания.
— Отлично. Переходим к обуви… Смотри сюда…
Я нарисовал ей часть ноги, обутой в туфельку на высоком каблуке. Открытую туфельку с небольшим задником, широкой лямкой для удержания ноги спереди и ремешком вокруг щиколотки. Короче, вышли почти босоножки, по максимуму открывающие стопу и пальцы.
— Угу! — одобрительно кивнула Стефи. — Красиво! Мне нравится. Я таких не видела.
— Ну и отлично, — сказал я, обрадовавшись, что согласие достигнуто так быстро. Знал бы я, сколько мне с этими туфлями потом мучиться придется, я бы так не радовался. Высокий каблук предполагает большую нагрузку на подошву. Поэтому она должна быть прочной. Плюс еще и легкой, чтобы хозяйка сих шузов не устала бы их таскать уже к середине бала. На Земле в качестве такого материала используют пластик. Но тут нет пластика! Все, что здесь есть, — это металл и дерево. Пришлось идти к столяру. Короче, туфли делал краснодеревщик с офигевающим выражением на лице от осознания, чем он вместо производства шкафов занимается. Ничего, ничего! Горизонты бытия раздвинуть всегда

полезно! Плохо было то, что у него поначалу ничего не получалось. Колодка выходила тяжелая и неудобная. Стефи, когда влезала в эти экспериментальные модели, пищала, что ей неудобно, жмет и вообще ходить нельзя. На третий раз столяра, видать почувствовавшего вызов его мастерству, осенило. Он добыл где-то редкого дерева, с каких-то местных тропических островов, и из него сделал третий вариант обувки. И нужно сказать, что с ним он угадал. Сделанная из заморского красноватого дерева с желтоватыми прожилками подошва вышла то что надо! Легкая, прочная и даже немного пружинила. Почти как пластик. И на ногу отлично села. И с формой он угадал. Стефи уже не пищала, когда их обувала. Тут возникла следующая проблема.

— Ой, как высоко! — вскрикнула она, встав на каблуки и балансируя для устойчивости руками. — Как же на них ходить?

— Ничего, — ободряюще произнес я, — немножко потренируешься, и будет нормально! Я купил четыре пары, заказав обтянуть их тонкой черной кожей. Одну носить ежедневно для тренировки. Вторую для бала и две про запас. Мало ли что может случиться! Дерево рассохнется или термиты нападут… Может, она каблук сломает? Как в воду глядел. Сломала. Два. И все на правой! Так что к балу имелось всего две пары. Одну Стефи надела, вторую я предложил взять с собой. Опять же, мало ли… Может, у императора паркет кривой? В общем, с обувью я вопрос решил. Потом были еще вопросы с длинными черными перчатками, которые я ввел в образ, дабы избежать трат на кольца, с верхом платья, с прической.

Стефания упорно хотела распущенные длинные волосы, которые никак не подходили к перчаткам и стилю танца.

— Но у нас так носят! — что есть сил упиралась рогом она. — Это ведь красиво!

— Красиво-то красиво, но для другой ситуации, — уговаривал ее я. — Пойми, в данном случае у тебя другой образ — строгий! И распущенные волосы к нему никак не подходят! У тебя красивая шея. Давай ее покажем? А?

— У меня красивая шея? Правда? А где она красивая?

— Везде. Ровненькая, длинненькая и молодая. И это обязательно нужно показать. Вот смотри, как это будет, я сейчас нарисую!

В итоге из волос получился тугой узел на затылке, открывающий стройную шейку Стефании целиком. Ее я еще подчеркнул двумя длинными сережками, свитыми из тонкой золотой и серебряной проволочек, с прозрачными камушками на концах. Дизайн сережек и деньги на изготовление были мои. Исполнение — местного ювелира.

— Ой, — ойкнула Стефи, когда я сказал: «А ну-ка, примерь!» — и открыл перед ее носом коробочку с сережками. — Я не возьму! Нельзя так…

А сама так глазами к ним и приклеилась.

— Голой пойдешь? — поинтересовался я.

— В смысле… голой? — не поняла она.

— Без украшений? На императорский бал без бриллиантов — это все равно что голой прийти. Слышала, бриллианты — лучшие друзья девушек?

— Не слышала… — растерянно ответила Стефи, отрицательно помотав головой. — Но у меня ведь свои есть…

— Ты меня, конечно, извини, но то, что я у тебя видел, в этом только в университет на занятия ходить, но никак не во дворец. Засмеют!

— Да? — набычилась Стефи, наморщив лоб. — Они, конечно, не такие дорогие, как твои… но тоже красивые, и они мне нравятся!

— Слушай, давай ты не будешь сушить мне мозги! Скажи — ты мне доверяешь или нет? Как другу. Доверяешь или нет?

— Конечно!

— Тогда возьми и примерь! И не доставай меня. У меня просто бездна сил уходит на борьбу с твоим упрямством! Считай, что я дал тебе их поносить. Снял с себя и дал тебе поносить. Потом заберу.

— Ты что, сережки носишь? — обалдело посмотрела на меня Стефи.

— Вот пообщаюсь с тобой еще немного и начну! Высушишь мне мозг до конца, надену серьги и начну в них бегать, — делая «страшные» глаза, ответил я. — Меряй давай!

Серьги подошли отлично. Нежные такие. Как раз к ее шейке. Стефи была в восторге. Но на занятия она их ни разу не надела. Может, носила только у себя, чтобы не давать повода сплетням. Ну ее дело. Мне так все сплетни — побоку. А насчет сережек Стефи подала мне хорошую мысль.

— Что-то совсем я запаршивел… — сказал я, вслух критически разглядывая свое отражение в зеркале. — Ни перстенечка на пальце, ни клипсы в ухе… и шея голая! Прямо нищебродство какое-то! Мне же тоже в чем-то к императору идти надо! Да и так, просто ходить… Прям действительно как голый!

Короче, сережка с черным камнем в правом ухе, такая же, какую я носил на Земле, вызвала фурор не только у Стефании, но и у всего коллектива студентов и преподавателей. Меня все тайком, но с интересом разглядывали. Забавно, но серьги в ушах тут тоже носили мужчины особого вида — «не такие, как все». Причем ношение их прилюдно было чуть ли не на грани скандала.
Та ладно, махнул я рукой на это обстоятельство. У меня же не две, а одна! Пусть только кто попробует назвать меня вслух «особенным»! Вызову на дуэль и заоргазмирую до смерти! Будет валяться на земле, воя от восторга и схватившись за свое беспокойство обеими руками, пока не сдохнет. Мне нравится? Нравится! Значит, мнения остальных — лесом!
Но народ на рожон не лез, только приглядывался. Похоже, моя сережка не совпадала с моим поведением в салоне мадам Мари. Одно с другим не сходилось. Вот все и задавались вопросом: а где, собственно, правда? Забавно, конечно, но пускай мучаются. Не собираюсь ничего объяснять… Это их проблемы и сомнения. А на вопросительный взгляд Стефании я ответил, пояснив: «Мозги ты мне усушила! Почти совсем. Как будет совсем — вторую сережку надену!»
Еще я обзавелся двумя перстнями на каждую руку. Один с большим ярко-красным агатом, а другой — с голубым сапфиром. А сам металл колец велел ювелиру сделать черным. Антуражненько вышло…
С мелодией для танго все оказалось гораздо проще, чем я себе представлял. Естественно, что такой музыки тут отродясь никто не слышал. Мысль о том, что что-то можно по-быстрому насвистеть императорскому оркестру, и он что-то там приемлемое нам сбацает за пару минут, была не то что утопической, а просто глупой.
— Где взять? — спросил я вслух сам себя, имея в виду исполнителя. — Элементарно, Ватсон! — через пару секунд произнес я, найдя решение. — Кто будет играть на балу? Оркестр! Ну так, значит, он танго и исполнит! Ах, он не знает мелодии, говорите? Не знает? Научим! Делов-то!
Я навел справки, собрался, надел мантию целителя, подхватил под мышку гитару и отправился на поиски главного дирижера императорского оркестра. Поначалу Рудольф Кюндингер, так его звали, отнесся ко мне настороженно. Однако надетая на мне зеленая хламида плюс излучение дружелюбия в ментале плюс белозубая улыбка быстро сломали лед недоверия. Особо не кривя душой, я рассказал ему, что я иностранец, волей судьбы оказавшийся здесь, вдали от родины. И поскольку я чуть ли не с детства занимаюсь музыкой, то могу предложить маэстро несколько новых мелодий, которые (о, я уверен!) тут никто и никогда не слышал.
— Как вы меня назвали? — осторожно спросил Рудольф, вопросительно вытянув шею.
— Маэстро — уважительно-почтительное обращение к мастерам музыки, — пояснил я. — Просто у меня на родине к ним обращаются так.
— Ну вы мне, право, льстите, молодой человек, — ответил дирижер, но я чувствовал, что он весьма доволен. — И что же это за мелодии?
Я молча расчехлил гитару и, слегка подстроив ее, исполнил пару мелодий, которые, как я знал, неплохо звучат в исполнении струнного оркестра.
— Весьма и весьма интересно… — выпятив губу, задумчиво произнес Рудольф, когда я закончил. — Однако это только гитарный вариант. Для того чтобы это исполнил оркестр, придется еще весьма и весьма много поработать…
— Никаких проблем, — ответил я, откладывая гитару в сторону и беря в руки принесенную с собой папочку. — Я написал партитуры для инструментов оркестра. Вот, извольте взглянуть…
Рудольф глазам своим не поверил. Однако, как говорится, я пришел подготовленным. Найти в столице музыканта, который объяснил мне основы местной нотной грамоты, труда не составило. Музыканты в основном народ не богатый, что на Земле, что тут. Совсем за небольшие деньги найденная жертва безответной любви к музыке дала мне все необходимые начальные сведения. А потом в голове всплыли знания, полученные от Хель. Короче, все сложилось, и мне просто оставалось сделать банальный перевод записи с одного музыкального языка на другой. Так что у меня было чем заинтересовать дирижера. Хотя, положа руку на сердце, можно было обойтись и без партитур. Ведь какова основная проблема исполнителей музыки? А? А их основная проблема в публике, которая постоянно хочет слышать что-то новенькое. А где его столько набрать, этого новенького? Да еще со стопроцентной уверенностью, что выйдет отличная вещь и за нее в тебя не будут кидать помидорами и огрызками яблок. Только представьте, что к вам вдруг приходит человек и говорит, что у него есть просто масса хитов всех времен и народов. И не только говорит, но и воспроизводит новые мелодии! Кто ж откажется от соблазна исполнить их на публике? Тем более что сразу слышно, что это не какая-то там ерунда…

Короче, я договорился с Роберто, что окромя принесенных партитур я распишу ему еще мелодию танго для его оркестра, он ее с ним отрепетирует, а мы со Стефи станцуем. И будет на балу целый номер для императора и публики, которая, несомненно, просто истосковалась по новинкам. Кюндингер очень воодушевился такой перспективой развития событий. Единственно, он потребовал провести совместную генеральную репетицию, чтобы быть уверенным, что он не опозорится. На этом и порешили.
— Ну все, ты попалась! — с совершенно серьезным видом заявил я Стефании, вернувшись с переговоров.
— Как попалась? Куда? — испуганно спросила она, замирая и расширяя глаза.
— Я только что договорился с главным дирижером большого императорского оркестра о нашем выступлении. Он лично проведет генеральную репетицию!
— А-а-а… — только и смогла выдавить из себя Стефи, открыв рот.
— Заметь — лично! — нравоучительно поднял я вверх правый указательный палец. — Так что работать, работать и еще раз работать, чтобы не опозориться. А ты все руки теряешь!
— Ничего я не теряю! Просто танец непростой. Я не успеваю за ногами и руками сразу следить!
Да, танец еще тот. Если честно, я тоже был не на высоте. Тело-то у меня новое, почти нетанцованное. Так, немного с Эдарией подвигался. Можно считать, что почти ничего. Поэтому приходилось вкалывать наравне со Стефи, чтобы соответствовать. Хотя не сказать, что я был особо этим недоволен. С ней было приятно танцевать. На ощупь она была такая мягкая, теплая и гибкая. Мне нравилось держать ее тело в своих руках.
Мы продолжаем скользить по наклонной плоскости, раздался ехидный внутренний голос в голове в тот момент, когда я понял, что мне это нравится. Все ниже и ниже…
Та пошел ты, ответил я ему, и он заткнулся.
Я теперь постоянно ходил на занятия практической магией, хоть магистр сказал, что мне можно не появляться, а сдать в конце семестра экзамены, и все. Однако я ходил, но вместо того чтобы тратить отведенное время только на магию, я там занимался еще и аутотренингом. Зомбировал тело Эри, внушая ему, что у него все есть и ему ничего больше не нужно… не нужно… все есть… все есть… Вроде как бы стало полегче. Заодно я на занятиях наблюдал безуспешные попытки Стефи погасить свою свечку. Ничегошеньки у нее не получалось! И так ее это расстраивало, что прямо хоть наглухо закрывайся, чтобы не слышать в ментале этой вселенской печали. Еще и Алистерка ее подзуживала. Хоть она давно уже свою программу-минимум выполнила, но все равно приходила, сидела до конца, в конце занятия зажигала свечу и тут же демонстративно ее тушила, при этом снисходительно смотря, как бесцельно тужится Стефи. Ту просто корежило от ее взгляда.
— Ой, тут болтали, что Терская отмечена печатью богини, — громким голосом и повернувшись к нам спиной, словно не видя, как-то прощебетала Алистера своим подружкам, когда мы со Стефи проходили мимо. — Я думаю, что это глупая ошибка. Если бы у нее что-то и было, то наверняка уже бы проявилось! А она до сих пор свечу загасить не может!
Подружки ее радостно захихикали.
Угу… угу, подумал я, кинув взгляд на них и на втянувшую голову в плечи Стефи, не по мне, так по моей компаньонке, значит? Самоутверждение за чужой счет. Понятно… А действительно, что она там никак не найдет свой источник? Пора бы уж… Может, ей помочь? А то она маг только на словах.
— Чего пригорюнилась? — спросил я тогда Стефанию, когда мы, пройдя мимо сплетниц, вышли во двор.
— Так, — неопределенно ответила она, не поднимая головы.
— Из-за магии?
— Не хотелось бы остаться на второй год… — глубоко вздохнув, ответила Стефи. — Может, со мной действительно что-то не то?
М-да… Второй год это не айс… И комплексы у нее, видать, уже начинаются. Похоже, следует вмешаться…
— Хочешь, помогу?
— Что?
— Магию твою найти.
— Как?!
— Есть способ… — уклончиво ответил я.
Действительно, есть. В Эсферато им пользуются маги, когда нужно кого-то научить, например воинов, что-то делать не только руками, но и головой. Воины, они, конечно, ребята мощные, но голова порой сильнее… А делается это достаточно просто. Маг вступает с учеником в ментальный контакт, устанавливая глубокую телепатическую связь. А потом начинает творить заклинания. Обучаемый при этом становится как бы его дублем,

ощущая и переживая все, что тот делает. Такое обучение после нескольких повторений позволяет ученику запомнить и воспроизвести последовательность действий и создать заклинание. Правда, при этом он может только повторять. Это как научившийся играть на синтезаторе — главное, вовремя нажимать на подверчивающиеся клавиши. Попугай, короче.
Однако тут был один момент. Обучаемый должен иметь не только способности к магии, но и некую особенность мозга, позволяющую ему вступать в телепатическую связь. Не у всех получалось.
Не вдаваясь в подробности, я поведал Стефании, что владею неким тайным знанием, которому меня обучил отец. И я могу помочь ей. И после этого у нее, возможно, все получится.
— А это не опасно? — насторожившись, поинтересовалась Стефи.
— Абсолютно! — с уверенностью сказал я. — Или получится, или нет!
— Ну хорошо… — подумав пару секунд, решилась она. — Но если ты только совершенно уверен, что это безопасно…
— Совершенно! — ответил я. — Пошли!
— Пойдем.
Как раз был непонятный урок. Ни с того ни с сего в расписании появился час занятий темного факультета. На котором мы, вдвоем со Стефи, сидели в совершенно пустой аудитории и изучали книги, полученные по списку деканата в библиотеке. Книги так, ни о чем. Что-то маловразумительное о темной магии. История, общие рассуждения… Стефи читала, она прилежная, а я занимался аутотренингом и немножко рисовал. Зачем нам поставили этот час и для каких целей он нужен, я не понимал. Но в данный момент он был как нельзя кстати.
Мы зашли в аудиторию, поплотнее прикрыли дверь, разложили книжки для маскировки и приступили.
— Иди сюда, — сказал я ей, похлопав левой ладонью по скамейке рядом с собой. — Смотри мне в глаза и не дергайся!
— Ты уверен? — еще раз уточнила она, усевшись рядом.
— Более чем! — ответил я и, повернувшись к Стефи, взял ее голову двумя руками, слегка сжав ладонями виски.
Интересно, выйдет или нет, подумал я, сосредотачиваясь и пристально вглядываясь ей в глаза. Хоть с магией у меня не густо, но это просто ментальный контакт. Должно выйти… Вышло! Только неожиданно громко.
— А! — диким голосом орала Стефи, впрочем, не пытаясь при этом отстраниться и разорвать зрительный контакт. — А-а-а!
Находясь с ней в ментальной связке, я ощутил, что она была просто преисполнена страхом, а если уж точнее, то не страхом, а ужасом, который увеличивался с каждым мгновением.
— Ну чего ты орешь, чего ты орешь? — снимая ладони с ее висков и отстраняясь, недовольно спросил я. По интонации вышло очень похоже на вопрос Карлсона к застуканным на чердаке с поличным Рулле и Филле. — Чего ты орешь?
Однако ответить она мне не успела — с грохотом распахнулась дверь в аудиторию.
— Что тут происходит?!
В дверях стоял преподаватель старших курсов воздушников с испуганным лицом. Из-за его спины, заглядывая в аудиторию, высовывались студенты, тоже с перепуганными лицами. В открытую дверь коридора было слышно, как где-то хлопают двери и раздаются голоса, спрашивая: «Что случилось?» и «Кто кричал?».
Так… похоже, мы весь университет перепугали… Отлично! Просто нет слов…
— Что тут происходит? — снова повторил вопрос преподаватель, обращаясь ко мне.
Я кинул взгляд на Стефи. Лицо бледное, зрачки расширены. Явно не в себе. Ладно. Будем отбрехиваться…
— Что происходит? — с недоуменным видом переспросил я. — Тут происходят занятия темного факультета… А что?
— Почему она кричала?
— Да ерунда, — махнул я рукой, — перезанималась. Заснула прямо на книжке. А книжка по темной магии, специфическая. Что на ней может хорошего присниться? Вот кошмар и привиделся…
— Это правда? — обратился преподаватель к Стефи.
Та, слегка уже пришедшая в себя, сглотнув, с трудом кивнула.
Я вылез из-за парты, сходил до графина с водой, который стоял на кафедре, и, налив ее в фужер, отнес Стефании.
Преподаватель и просочившиеся из-за его спины в аудиторию студенты молча наблюдали, как она пьет, стуча зубами о его краешек.

— Вы в порядке? — спросил преподаватель, когда она протянула фужер мне назад, сказав спасибо.
— Да. В порядке, — посмотрела на него Стефи. — Прошу простить, если напугала вас. Мне действительно привиделся кошмар… Мне так неудобно…
— Прошу вас, не спите больше на занятиях, — попробовал пошутить в ответ преподаватель, однако на его лице были видны остатки страха. — Вы нас всех так перепугали…
— Простите меня… Мне так неудобно…
Потоптавшись еще с минуту в дверях, наши гости ушли учиться дальше. Я прикрыл за ними оставленную неплотно закрытой дверь.
— Ну и чего ты так кричала? — поинтересовался я, возвращаясь обратно. — Чего тебе почудилось?
— Ты знаешь… — сжав губы и сделав паузу, тихо ответила Стефания, — темнота. Такая густая-густая, черная-черная. И в ней кто-то был… Страшный. Он знал, что я тут. И он приближался. А я ничего не могла сделать. Ни двинутся, ни шевельнуться. А он все ближе и ближе! И я знала, что если он меня схватит, то я умру! И не просто умру, а это будет что-то ужасное! Наверное, даже страшнее, чем смерть… Я дура, да?
Так. В ментальный контакт с низшими больше не входим! Чего она там увидела, не совсем понятно, но, вполне возможно, часть моей сущности… Надеюсь, что не поняла. Похоже, действительно решила, что увидела кошмар… Укрепим ее в этом мнении…
— Очень интересно, — ответил ей я. — Знаешь, при таких делах, что мы с тобой сейчас творили, некоторые видят что-то чудесное, некоторые кошмары… Все зависит от конкретного человека. Тебе не повезло. Тебе достался кошмар. Ну ладно, давай посмотрим, что у нас с тобой получилось. Ты только не ори больше, хорошо?
— Ой, не надо больше ничего смотреть! — вскинулась Стефания.
Но было уже поздно. Я был уже у нее в голове.
«Привет! — сказал я телепатически. — Как слышно?»
Бедняжка чуть до потолка не подпрыгнула. Хорошо не заорала. А то бы второй раз мне уже не поверили.
Минут пять я ее успокаивал, потом с полчаса объяснял, как это может быть и как этим пользоваться. За десять минут до звонка я ей сказал: «А сейчас я покажу, как я обращаюсь к своей силе… смотри… чувствуй… запоминай…»
Результат был потрясающим. Для Алистеры, как, впрочем, и для всех при этом присутствовавших.
На следующем занятии практической магией Алисточка, как обычно, сидя на своем коврике, с насмешкой смотрела на сжавшую что есть силы глаза Стефанию. На губах ее змеилась ядовитая улыбочка. И тут Стефи распахнула веки.
Паа-аахххх!
Свеча, стоящая перед Стефи, просто исчезла. Со стороны это выглядело так, как словно она была сделана из множества мелких черных песчинок, кое-как скрепленных между собой. И тут пришла волна. Стремительная, упругая, скоростная ударная волна.
Пах!
Она с разгона ударила в свечу, и та разлетелась во все стороны на тысячи мелких черных точек. Похожее я видел в земных фильмах, когда волна от ядерного взрыва натыкается на одиноко стоящую жилую высотку. Очень впечатляюще.
Да… это тебе не огонек потушить, подумал я, переводя взгляд с исчезнувшей свечки на Алистеру. Та сидела с упавшей до пола челюстью и с глазами филина, увидевшего солнце.
— Приветствую рождение повелительницы Тьмы, — сказал я, встав с коврика и сделав демонстративно поклон Стефании. — Но, право же, не стоило вкладывать столько сил в эту несчастную свечу…
— Я просто на нее разозлилась, — пролепетала она в ответ, смотря круглыми глазами на то место, где только что был предмет ее ненависти. — А… а где она?
— Повелительницу Тьмы сердить не стоит… — как бы в раздумье, но громко, чтобы все услышали, произнес я. Алистера уж точно услыхала.
Шуму по этому поводу было много. Даже ректор приходил посмотреть, как Стефания гасит свечку. Я ей сказал, чтобы делала так, как у нее получилось в первый раз, и не заморачивалась контролем силы. Все равно не умеет. Так что зрелище было каждый раз впечатляющим, и зрители никогда не уходили разочарованными. Ректор тоже проникся, хотя особо виду не подал. Попросил Стефи нигде больше так не делать, а главное, ни на ком не делать и вообще больше не обращаться к своей силе, пока она не научится ее контролировать.
— Да, вам срочно нужен преподаватель, — задумчиво оглядев нас обоих с ног до головы, сказал ректор. — Иначе могут быть весьма неожиданные последствия…

— …В университете появился маг очень большой силы, — на общем построении, обращаясь ко всем, сказал ректор, выведя в центр зала Стефанию. — Молодой маг, который не умеет еще ее контролировать. Примите это к сведению… Прошу при общении с этой девушкой проявлять максимум вежливости и уважения, ибо последствия спонтанного выброса силы могут быть весьма разрушительны. А ее у нее очень много… Уж поверьте мне.
Лицо Стефи, ставшее довольным в первые мгновения после того, как Мотэдиус заговорил о ее силе, вытянулось.
Опять пугало, усмехнувшись, подумал я, наблюдая за девушкой. Ну не везет тебе… Не везет, и все тут!
Алистка и компания после этого затихли. Улыбаться не стали, нет. Но смотрели настороженно и издали. И языки за зубами держали. Ну и ладно…
Короче, так эти два месяца с небольшим и пролетели. В танцах, рисунках, хлопотах. Попутно с подготовкой выхода в свет я готовил новогодний подарок варгам. А то вдруг мне внезапно представится возможность свалить отсюда? Что же, я так просто возьму и уйду по-английски? Не прощаясь? Не оставив им после себя светлой памяти? Не… это не мой путь! Нужно, чтобы они меня надолго запомнили. Желательно навсегда. Не имея возможности устроить им прямо сейчас кровавую баню, я решил пойти другим путем. Земным. Используя предвыборные технологии. Короче говоря, облить их с ног до головы грязью — пусть отмываются. И если мне внезапно ляжет карта резко отбыть с этой помойки, послать перед своим уходом письмо Эстеле, с объяснением, от кого и за что им привалило такое счастье. Короче, я придумал следующее: издать книгу о варгах. Книгу, которая бы выставила их в самом неприглядном, мерзком и отвратительном свете. Книгу, в которой бы ложь переплеталась с правдой, стирая границы так, что невозможно было бы понять, где правда, а где выдумка.
«Чтобы в ложь поверили, она должна быть чудовищной…» — пришли мне на память слова одного земного пропагандиста.
Что ж? А почему бы и нет? Если книги распространить по многим адресатам, в провинцию отправить, во всяческие библиотеки и архивы, да и просто состоятельным и богатым людям, имеющим большой социальный вес… Они же будут столетиями тут циркулировать! Книг здесь не так уж много, и они дорогие. Поэтому обращаться с ними будут аккуратно и хранить сколько получится… Такой образ о варгах может сложиться за десятилетия и столетия — замучаются оттираться! И ничего ведь не сделаешь. Это как раковые миазмы. То там всплывет, то тут вылезет… Разом весь тираж им не уничтожить. Ходить варгам после этого исключительно в черном, поминутно оправдываясь и посыпая голову пеплом… Очень хорошая идея!
И я взялся ее осуществлять. Название книги пришло само собой — «С варгой в постели. Записки выжившего». На первой странице рисунок. На разобранной постели, полузарытая в простыни, на животе, лежит голая варга, подняв скрещенные в лодыжках ноги верх и подпирая подбородок рукой, упертой локтем в матрас. У нее шикарная копна волос, завитая во множество локонов-спиралек. Взгляд, которым она смотрит на читателя, — распутно-игривый. И такая же беспутная улыбка. Скандально, оригинально, завлекательно. Книга эта — якобы воспоминания очевидца, долгое время прожившего в Этории в качестве зверушки, но в конце концов сумевшего оттуда сбежать. Не рассчитывая на голый текст, я снабдил книгу множеством иллюстраций, стараясь охватить интересы как можно большего количества групп людей. Рисунки постельных сцен с участием варг — для юношей и мужчин, рисунки нарядов и драгоценностей — для девушек и женщин, рисунки секретных приемов сражений на мечах боевых кошек — для всех заинтересованных. Истории и забавные случаи для любителей почитать. А еще там было много, много, много лжи. Вот как, например, описывалось посвящение в боевые кошки:

> «Посвящение производится при большом скоплении народа. Этот день считается важным событием для всего племени. Самые сильные и самые ловкие варги, в течение многих лет заслуживавшие это право, выходят на арену и строятся в одну линию, где им зачитывают приказ о присвоении звания «боевая кошка» и выдают соответствующий нагрудный знак с изображением стоящей на задних лапах серой кошки, вытянувшей вперед передние лапы с выпущенными когтями. Все бы ничего в этом празднике, если бы не одна его неприятная деталь. После прикалывания знака на грудь получившая его должна убить кошку. Причем не просто, а именно своими клыками. Считается, что при этом девять жизней, которые есть у кошки, перейдут к той, кто это сделал. Вид того, как несчастным пушистым животным рвут живьем горло, вызвал у меня несказанное омерзение. Подбадривающие крики

толпы, подобно дикарям, прыгающей вокруг арены с поднятыми руками, предсмертные хрипы и мявы умирающих кошек, кровь, льющаяся прямо на грудь и лица варг, нечистоты, которыми умирающие животные в последних судорогах обдают своих мучительниц… Кровь, крики, вопли, запах кошачьей мочи и кала — вот как на самом деле выглядит этот праздник. Это просто ужасно. Более гадкого и мерзкого зрелища мне не доводилось видеть за всю свою жизнь…»

Ну и дальше в том же духе. Я основательно прошелся по всем сторонам жизни Этории, придав им как можно более скандальный и неприятный оттенок, особенно заострив внимание на личной жизни варг. Что они спят друг с другом, что рвут горла мужикам в благодарность за ночь любви. Что они мерзкие, гадкие и лживые. И т. д. и т. п., как говорится.

Ка-а-акая га-а-адость, сказал я сам себе, глядя на свежеотпечатанный экземпляр, лежавший у меня на ладони. В руки взять противно! А ш-што делать? Не я начал. Сами пришли. Ну вот теперь пусть и расхлебывают…

Тираж я решил распространить бесплатно. Я ведь преследовал не экономические, а другие цели. Мне нужно было сделать выброс информации на как можно большую аудиторию за наименее короткое время. Поэтому пришлось побегать, организовывая распространение. Адреса модных столичных салонов, в которых собиралась молодежь, адреса дворян-провинциалов, библиотеки, книжные магазины, постоялые дворы… Всех нужно было охватить. Пару раз пригодился мой потайной кармашек, заклинание которого я вычитал в книге любителя природы. Я его загружал книгами, набрасывал на себя иллюзию и шел туда, куда собирался доставить этот груз.

Первой точкой скрытого бомбометания, есссственно, стала академия варг. Я аккуратненько отбомбился, прикрывшись от взглядов стоящих на входе охранниц колонной. Удобная штука, эти колонны! Особенно если понатыканы как попало, без учета того, как они перекрывают сектор обзора. Короче, стопка книг, количеством пятьдесят штук, появилась из воздуха у входа в академию, как раз на пути идущих в нее и из нее. В стопочку был воткнут на палочке транспарантик с надписью: «Новогодний подарок варгам! Бесплатно!» Удалившись на безопасное расстояние, я со злорадством наблюдал, как варги, наткнувшись на этот подарок, сначала изумлялись, потом настораживались, но, поозиравшись и не обнаружив опасности, прихватывали одну или парочку книг. Правда, сие действие продолжалось недолго. Не успели разобрать и половину экземпляров, как откуда-то изнутри прибежали четверо, побегали вокруг книг, явно кого-то разыскивая, потом быстро запихали остатки в мешок и утащили к себе, вместе с транспарантом.

— Кто-то… видно… читнул… — сказал я себе, глядя издали на опустевшее место за колонной. Жаль, что быстро прочухали, но, похоже, действует, коли так оперативно среагировали. Словно ошпаренные выскочили…

Вот в общем-то и все, что произошло за два неполных месяца перед Новым годом. А сейчас нужно мчаться на торжественное построение, на котором ректор поздравит университет с праздником, и после этого мы, приглашенные, все вместе поедем с ним во дворец. Остальные будут праздновать в университете…

Я еще раз придирчиво глянул на отражение в зеркале.

Может, все же не стоило? Могут ведь и не понять… Народ темный, отсталый… Не поймут-с… Та ладно! Князь я или не князь? Что хочу, то и творю! Это же мое спасение от скуки… Переживут… Как говорят студенты на Земле в день экзамена: «Поздняк метаться!»

Сначала я думал приодеть Стефи и, так сказать, на ее горбе въехать в рай, особо не заморачиваясь своим нарядом. Но потом, по мере того как действо начало разворачиваться, я подумал — а чего это я, собственно? Тем более что Стефи на звезду бала явно не тянет. Внешние данные есть, но есть и внутренние запреты, которые она пока преодолеть не может. Процесс преодоления идет, однако идет и время. Совершенно непонятно, в каком состоянии она будет к финишу… Так что лучше рассчитывать на себя. Это самое правильное. В общем, я тоже решил прийти не просто так. Тут же встал вопрос — в чем идти? Покрутил я, покрутил в голове варианты и в конце концов решил остановиться на классике — черный костюм-тройка. Нормально. Во-первых, у Стефи платье почти по земной моде пошито. К нему современный местный мужской камзол мало подходит, а вот его земной вариант — вполне. А во-вторых, элегантный черный костюм — это то (судя по земным фильмам), в чем обожают появляться дьявол, демоны и всякие значимые личности вроде дона Корлеоне. Так что сам Сихот велел. Да и для местных явление меня в пинджаке должно быть достаточно эпатирующим зрелищем. Единственно, я несколько отступил от канонов и галстук-бабочку на шею делать не стал. Вместо него заказал ниспадающий волнами светло-кремовый шелковый платок, опускающийся до середины груди и

заколотый вверху большим прозрачным камнем. На белых манжетах рубахи — золотые запонки с крупными бриллиантами. Еще земного фасона туфли из мягкой тонкой кожи и уголок белого платка в левом нагрудном кармане, рядом со значком темного факультета.
Когда я, красивый, вышел из примерочной комнаты к Стефи, она впала в легкий ступор.
— Что это за наряд? — с удивлением спросила она, разглядывая меня во все глаза.
— Так, — небрежно отозвался я, стоя спиной к ней перед зеркалом и поправляя ворот, — иностранная бальная форма одежды. Пинд-жжак. Как тебе?
— Как? Ну… — Стефи потрясла головой и растерянно развела руками. — Не знаю… У нас так не ходят… Вообще-то смотрится неплохо… Но… очень странно!
— Значит, нормально, — с удовлетворением в голосе сказал я, поворачиваясь к ней. — Эффект достигнут.
В Эсферато абы в чем не ходят. Тем более демоны из приличных домов, разглядывая себя, подумал я. Тщательное продумывание своего внешнего вида, пожалуй, занимает у нас больше всего времени… Еще и сопровождающие, тайлиш, тоже должны быть на уровне… Как там моя сопровождающая? Я взглянул на нее через зеркало.
С нарядом Стефании мне тоже пришлось изрядно повозиться. А что? Нарисовать силуэт платья — просто. А вот воплотить его в жизнь — это надо еще умудриться. Главная проблема — ткань. А если точнее, ее свойства. Земная одежда проектируется и шьется исходя из качества имеющегося материала. Иначе Сихота с два она «сядет» на фигуру. Будет торчать, топорщиться и делать еще множество всяких выкрутасов, кроме одного — нормально «сидеть».
Ладно, ткань нашлась. Пошили платье с открытыми плечами и юбкой с разрезами. Настоял еле-еле на своем первоначальном варианте. Пусть не в полном объеме — разрез не до бедра, а всего лишь чуть выше колена, но и то, как говорится, хлеб!
Удалось это сделать благодаря моему значительно выросшему в глазах Стефании авторитету, после того как я помог ей научиться пользоваться магией. Похоже, до нее наконец дошло, что я знаю, что делаю, а не просто все удачно у меня складывается. Путь к разрезам начался буквально с нашего первого танцевального занятия. Уже к его середине я сказал, обращаясь к Стефи:
— Слушай! Ну как так можно? Я не вижу, куда ты ставишь свои ноги! Но, судя по ощущениям, ставишь их ты точнехонько на мои! Ты мне уже все оттоптала! Давай ты будешь приходить в штанах, а?
— Штанах? — обиженно надулась моя партнерша. — А у меня их нет… И для девушки это неприлично!
— Чего? — удивился я. — Чего это вдруг неприлично? Ходят тут женщины в штанах, сам видел. Те же варги…
— Я тебе не варга какая-то! — отрезала Стефи. — Я баронесса! Пусть они хоть голые бегают, мне какое дело?
— Да уж, ты не варга, — оглядев ее, ответил я, вспомнив при этом почему-то Дину, — но ты же маг! И числишься на военной службе. Если не прямо сейчас, то чуть позже. Как ты будешь на лошадь залезать, если понадобится?
— Ну… — призадумалась Стефания и после пары секунд размышления призналась: — Не знаю…
— Так нужно пробовать! Все равно после Нового года начнутся занятия у мастера Бастиана. Там все старшекурсницы у него в штанах бегают! И ты будешь. Тут времени-то совсем ничего осталось. А разучивать танец, не видя ног, нереально!
Короче, под давлением аргументов пошили Стефи узкие брючки, и дело двинулось дальше. Под аккомпанемент пятерых музыкантов, предоставленных дирижером императорского оркестра за мои деньги, мы достаточно быстро разучили основной рисунок танца. Потом началась шлифовка движений. Тут подошло время нарядов. Приходилось часто бегать на примерки, исправляя огрехи портных, которые «не попали» с размерами ни у меня, ни у Стефи. Помня о том, что новое платье может оказаться непривычным в носке и банально сковывать движения, я позаботился о том, чтобы у Стефании был если не дубликат, то, по крайней мере, вариант, очень близкий к парадному. Естественно, вновь перейдя от штанов к юбке, она начала в ней путаться. Та закручивалась вокруг ног, не давая ей правильно двигаться.
— Понятно теперь, зачем нужны разрезы? — сказал я, обращаясь к Стефи. — Без них никак. Сама ведь видишь!
Стефания забавно подвигала носом, размышляя, потом вздохнула и согласилась. Речи о том, чтобы исполнить что-то другое, не было. Похоже, танго ей понравилось, а быть может, она подумала, что обратного пути нет, коль главный дирижер сказал, то так тому и быть? Не знаю, что уж там оказалось главным в принятии ее решения, но на разрезы она согласилась. Застопорившееся было дело снова пошло. Потом были еще тренировки на

высоких каблуках. Но слава Сихоту, ноги не сломали, а только каблук. Второй она потеряла в университете. Попала им в щель между камнями дорожки. Да… Местные хайвеи явно на шпильки не рассчитаны. Я как-то попробовал представить себя на каблуках на таких камнях. Брррр! Не приведи Сихот! Пусть он на них тут скачет!
Еще в наряд Стефи входили длинные, до середины плеч, черные перчатки и шкура сурджуко, животного с черным пушистым мехом, серебристым по кончикам ворсинок. Шкуру я добыл у орков. Во всей столице мехов не продавали. Климат тут достаточно теплый, можно даже сказать, жаркий, поэтому меха тут невостребованы. Кому они в жару-то нужны? Прочесав рынок и не найдя нужного, я принялся расспрашивать, где в принципе такое можно взять?
— Сходите к оркам, — посоветовали мне. — Они охотники и любят вешать на себя всякую гадость. Может, у них что-то будет?
С трудом, но нашел лавку, хозяином которой был орк. Орки — они вообще не торговцы. Гномы, люди — те да, торгуют. А орки — в основном силовое решение чьих-то проблем. Наемники, охрана караванов… ну и все такое, где нужна сила. Так вот, зайдя в эту уникальную лавку, я действительно увидел пару каких-то рыжих шкурок, сиротливо висящих сбоку на стене.
— И почем у вас шкурки невинно убиенных животных? — поинтересовался я у орка, стоящего за прилавком с хмурым выражением на зеленой морде.
У него, похоже, в этот день было неважное настроение. Неспешно оглядев меня и с легким презрением сморщив нос, он лениво произнес:
— Что ты сказал… мальчик?
Фига се, поразился я. Наглый какой! Нужно было мантию надеть. Хотя бы одну из них… Подняв небрежно правую руку вверх, я громко щелкнул пальцами.
— Му-уррмяу-у-у! — За моей спиной возник, извиваясь, призрак.
— Господин маг интересуется на вопрос приобретения кое-чего для себя в этой сиротской лавке, — с нахальной усмешкой ответил я.
— Шумера тура кей ту гасет… — пробормотал себе под нос, сморщившись, орк и на человеческом языке спросил: — А с каких это пор господа маги без знаков гильдии ходят?
— Когда ходят по секретным делам, — ответил я. — И не стоит поминать попусту богов… Мне нужна черная пушистая шкурка. У тебя есть?
Последнюю фразу я произнес на орочьем. Медленно и с трудом выворачивая язык, но орк меня понял.
— Ты говоришь по-нашему? — Изумлению его не было предела.
— В свободное от учебы время, — ответил я, убирая иллюзию призрака. — Так у тебя есть мех?
Оказалось, что нет. Но разговор на языке орков хоть и был медленнее с точки зрения произношения, но с позиции дел он оказался быстрее. Выяснив, что мне нужно, хозяин лавки обещал за неделю достать нужное. Я договорился о сроках и собрался было уже уходить, но тут мне на глаза попались небольшие желтоватые шары, лежавшие на витрине.
— А это что?
— Это? Это торш — шары из кости. Когда ждешь, берешь две штуки и крутишь.
Орк взял два шарика в руку и принялся их крутить в кисти, показывая как.
Ага. Для убивания времени, когда сидишь в засаде, понял я.
— А побольше сделать можно? — поинтересовался я, беря шарик из его руки, чтобы посмотреть, насколько он тверд. — Вот такие примерно… — Я показал раскрытыми пальцами размер. — Но только из самой прочной кости и одинаковые по размеру!
— А сколько нужно?
— Для начала штук двадцать. А там, может, еще закажу.
Заказ он мой выполнил. И шкурку, какую нужно, привез и шары сделал. Все пытался выяснить, где я научился их языку, но я только отшучивался. Главный эконом университета долго не мог понять, зачем мне нужен какой-то стол, причем не у меня в комнате, а в холле. Но я его уговорил, убедив, что это совершенно необходимая для жизни вещь. Сделанный по моим чертежам тяжеленный бильярдный стол из самого твердого дерева, какое тут только нашлось, привезли и установили на указанном мной месте.
— Пошли в бильярд играть! — вечером того же дня сказал я, зайдя к Стефании, небрежно держа на плече два кия, а под мышкой другой руки зажав коробку с шарами.
— Во что? — с подозрением спросила она.
Она вообще подозрительная стала последнее время. По десять раз все переспрашивает… И долго думает — надо ей это или нет?
— В самую модную игру столицы, которой она, возможно, станет в самом скором времени… Мм? Идешь?

Игра пошла. Сначала мы со Стефи. Потом подтянулись преподаватели и студенты. Поглазели. Потом попробовали. Потом очередь. Потом заказали сразу пять столов. Короче, теперь по вечерам в холле до самого позднего времени раздавался стук киев и звук катаемых шаров. И что интересно, с нами, темными, тоже играли. Не отказывались. Стефи была такому факту просто счастлива. С ней начали потихоньку общаться… Хорошая игра — бильярд! Сближает…
Короче, на подготовку к выходу в свет было потрачено изрядно сил, времени и денег. После расчета с типографией за печать, доставку книг, плюс наряды, плюс взятое в залог ожерелье для Стефи… — остаток средств составлял порядка ста золотых. Это от начальных шестисот.
Да ерунда, легкомысленно махнул я рукой, подбив бабки. Потратил и потратил! Не на пенсию же их тут откладывать? Я здесь временно. Нужно будет еще денег — найду! Что мне сидеть на них, что ли, подыхая от скуки? А так хоть занят…
С архивом маги все тянули. Ни да, ни нет. «Рассматривается…» И голову, словно цапли, к плечу наклоняют. В общем, стал я всерьез подумывать о других местах, куда можно отправиться за знаниями. Но это уже после императорского бала… После которого, возможно, что-то изменится. А пока — я впустую во дворец на консультации оркестра бегаю, ибо театр, где он репетирует, пристроен к главному зданию сбоку и соединяется с ним коридором, в котором стоят охранники-гвардейцы, а им нужен какой-то дурацкий пропуск… Которого у меня нет…
Выступление в присутствии главного дирижера императорского оркестра прошло удачно. Показательный танец мы исполнили без видимых со стороны помарок. Правда, Рудольф был несколько недоволен тем, что исполняем мы его в обычной, тренировочной одежде. Стефи так вообще в штанах была, однако я ему сказал, что наш парадный выход он увидит вместе со всеми, на балу. Это, мол, сюрприз. Главный дирижер разочарованно поджал губы, но настаивать не стал. В общем, мы были готовы, насколько это возможно.
— Все, полетели! — сказал я, отворачиваясь от зеркала. — Иначе опоздаем.

Господин ректор

Хм… И где же они? Пора начинать. До начала императорского бала осталось полтора часа! Еще добраться до дворца нужно. Там как обычно будет очередь из экипажей…
Мотэдиус с неудовольствием посмотрел на пустое место справа, где должны были стоять приглашенные к императору студенты. Двое преподавателей, которые едут с ним, давно стоят слева, а студентов нет! Заставляют всех себя ждать…
«Что за безобразие! — подумал Мотэдиус. — Может, действительно не стоило их брать с собой?»
По поводу приглашения Эриадора во дворец у ректора с преподавателями состоялся долгий разговор. Главный вопрос на нем стоял следующим образом: «Стоит ли везти к императору студента, подозреваемого в ментальных способностях?»
После достаточно бурной первой части, на которой все высказались за то, чтобы не везти, перешли ко второй, где Мотэдиус принял решение.
— Я не могу, — сказал он тогда, — отказать императору в его просьбе. Он их пригласил. Без объяснения причин, взять и проигнорировать такое приглашение — это, для начала, просто невежливо, не говоря уж обо всем остальном. Если же начать объяснять свой отказ, то нужно будет поделиться своими подозрениями. А мы по-прежнему не уверены в них. Или у кого-то появились неопровержимые доказательства?
Присутствующие промолчали. Некоторые отрицательно покачали головами.
— Вот видите! Поэтому, я думаю, нужно ехать. Иначе к нам возникнет сразу много неприятных вопросов… Например, почему мы так долго об этом молчали? Да и Эриадору тоже вопросов достанется… А это нарушит наш первоначальный план…
— Ну а если он что-то учудит во дворце? — поинтересовалась Элеона.
— Я думаю, что все будет в порядке, — с уверенностью в голосе ответил Мотэдиус. — Там будет полно охраны, в том числе и нашей. В таких условиях сделать что-то, угрожающее жизни императора, будет весьма трудно…
— Магу разума совсем не обязательно делать что-то угрожающее жизни. Ему достаточно просто понравиться. А дальше… а что дальше — известно!
— Вот мы и посмотрим, — бодро ответил ректор, — как он поступит! И сделаем выводы! После.
— Опыты на императоре и его семье? Это что-то новенькое… Не кажется ли вам, уважаемый господин ректор, что это чересчур? Последствия могут быть просто… Мне даже не удается представить, какие они будут!

— Никаких последствий не будет. Все будет хорошо! — пытаясь придать голосу как можно больше уверенности, ответил Мотэдиус. — И я, как главный, принимаю решение — Эриадор едет!
— Хорошо. Ты главный, твое решение, ты отвечаешь.
— Да. Я отвечаю. Все!
На этом совещание закончилось. И вот теперь ректор смотрел на пустое место рядом с собой и испытывал неуверенность. А правильно ли он поступил? Может, стоило проявить больше осторожности?
Мотэдиус поднял глаза на выстроившихся по бокам зала студентов и преподавателей, которые крутили головами и негромко переговаривались в ожидании начала.
«Ладно, пора!» — решил он, но в этот момент в конце зала со звуком хлопнувшей двери появились две фигуры в черных плащах. По центру зала, мимо преподавателей и студентов, стоящих слева и справа, они решительно двинулись к почетному месту, где стоял Мотэдиус.
От быстрого движения полы их плащей разлетались в стороны, подобно крыльям, показывая кроваво-красную подкладку. Раз, два, три! И не растаял еще в воздухе дробный стук каблучков, раздававшийся на протяжении всего их пути, как они оказались рядом с ректором.
«Да это же… это же… Стефания и Эриадор! — изумленно глядя на подошедших, внезапно признал своих студентов ректор. — Но они… такие… стали… Другие! Стефания. Со строгой прической и накрашенными глазами стала гораздо старше. Выглядит как… молодая женщина, а не девушка. И что это на ней такое надето? Юбка с разрезом? Вот это да-а… А у него что за камзол такой странный? Никогда такого не видел…»
Пока Мотэдиус разглядывал Эриадора и Стефанию, в зале возник шум. После момента тишины, когда все были ошеломлены внезапным появлением незнакомцев, их опознали и теперь усиленно разглядывали, тут же делясь впечатлениями. Студенты, как, впрочем, и преподаватели, стоящие в задних рядах, стали подниматься на носочки, чтобы лучше видеть из-за спин товарищей. Передняя линия обоих строев дрогнула и начала потихоньку заворачиваться к центру зала. Все хотели лучше видеть происходящее.
— Господин ректор, надеюсь, мы не опоздали? — выдержав длинную паузу, наконец ровным голосом произнес Эриадор, хотя во взгляде его ясно была видна некая ирония.
— А где же ваши мантии? — с удивлением спросил Мотэдиус, не ответив, и переспросил: — Почему вы в таком виде?
— Мантии мы сдали в стирку, — с искренним недоумением ответил Эри. — А какой у нас вид? Мне кажется, вполне приличный вид… весьма подходящий для дворцового бала.
Стефания стояла рядом с Эри и, не поднимая глаз, смотрела в пол. В руках, затянутых в длинные черные перчатки, она держала темно-красную розу на коротком зеленом стебле.
— Но вы же должны были быть в мантиях! Маги всегда ходят в мантиях! Иначе как же окружающие поймут, кто вы есть?
— По значку! Вот смотрите, господин ректор!
Подняв руку к горлу, Эриадор расстегнул заколку и ловким движением скинул плащ с плеч.
— У-у-у! — издал звук зал, увидевший целиком его необычный наряд.
А на Мотэдиуса узким змеиным глазом уставился значок темного факультета. Тот в ответ тоже уставился на него, не зная, что сказать. Неожиданно глаз моргнул и слегка повернулся, фокусируясь на лице ректора.
«А ведь он его улучшил, — подумал Мотэдиус, увидев это движение, — раньше глаз у него не двигался… Радужный…»
— Простите, господин Мотэдиус, — вежливым голосом произнес Эриадор, не дождавшись ответа от ректора, — но никаких конкретных указаний по поводу формы одежды вы нам не давали!
— Это подразумевалось само собой, — сухо ответил Мотэдиус, продолжая разглядывать значок.
— Прошу еще раз меня простить, господин ректор, но я чужеземец, и мне известны еще не все местные нравы и обычаи…
Эриадор, с перекинутым через правую руку плащом, сделал поклон с видом, полным самого искреннего раскаяния.
«Брешет! — с уверенностью подумал ректор. — Брешет! Все он знал! Но захотел сделать по-своему! Ох уж эти молодые… Ладно… времени нет. Потом с ним поговорю».
— Хорошо, становитесь, — мотнул головой Мотэдиус, указывая куда, — сейчас нет времени. Обсудим ваш поступок после. А сейчас нужно спешить. — Прошу всех вернуться на свои места, — обратился он ко всем присутствующим, которые образовали уже практически кольцо вокруг них. — Вернитесь, пожалуйста, на свои места и давайте наконец начнем!

Бал

— По чуть-чуть, и все!
— Да я вообще не пью… И нам ведь нельзя!
— Что тут пить-то? Фужер арджуйского! Великое дело! Полфужера, и все. Тебе нужно.
— Зачем?
— Я же вижу, как тебя трясет. Ты вся напряженная, словно куда-то бежать собралась. Тебе нужно расслабиться. Полфужера, и все!
— А если я стану пьяная?
— Ага. С полфужера-то? Не смеши меня! А вот если на тебя от напряжения ступор нападет, вот это уже будет не смешно…
— Ты думаешь?
— Уверен. Вот спросит тебя случайно попавшийся навстречу император, как пройти в библиотеку, а у тебя язык от страха отнимется! Опозоришься. С Новым годом, Стефи!
Я поднял вверх бокал, призывая чокнуться.
— С Новым годом, Эри!
Зазвенели, соприкоснувшись, бокалы.
— Мм, вкусное, — пару секунд спустя произнесла Стефи и добавила, отставив руку в сторону, чтобы рассмотреть: — И красивое…
— А ты не хотела, — ответил я, тоже сделав солидный глоток и отметив взглядом художника, что композиция из девичьей руки в черной перчатке, держащей прозрачный бокал с густо-красным вином, выглядит весьма красиво.
Так. Мне пить нельзя. Полбокала, и все. Чисто попробовать, что тут гостям наливают… Так себе винцо. Не бурда, но и ничего особенного…
От университета мы доехали достаточно быстро. Единственно, на въезде в императорский дворец была пробка из экипажей. Но против московских — это сущая ерунда. Карета мне понравилась. Мягкий подрессоренный ход и пружинные сиденья. Я специально тихонько покачался на них вверх-вниз, проверяя мягкость. Нормально. Если в следующий раз куда ехать — поеду в карете. Ну их, этих лошадей…
Всю дорогу молчали. Ректор с преподавателями сидели на противоположном сиденье и разглядывали нас со Стефи. Я же, плотнее закутавшись в плащ, дизайн которого я позаимствовал у Дракулы из одноименного фильма, делал вид, что этого не замечаю. Стефи, тоже в вампирском, молча смотрела в пол и чувствовала себя виноватой. Так и доехали.
Во дворце, едва скинув свои плащи на руки слугам, мы сразу же стали объектом пристального внимания окружающих.
— Смотри, Стефи, — легонько пихнул я ее локтем в бок, ведя под руку, — мы сегодня явно мегазвезды! Все только на нас и глазеют!
— Бо-о-оги-и-и, зачем я на это согласилась! — простонала та в ответ.
Однако голову она держала высоко, спину прямо и даже слегка улыбалась.
Решив не торчать рядом с ректором, который как заведенный начал раскланиваться со всеми встречными-поперечными, я тихонько подхватил Стефи под локоток и повел ее знакомиться с дворцом, в котором сам еще ни разу не был. Однако в нескольких небольших залах, которые, как нам объяснили, примыкали к парадному, смотреть было практически не на что. Редкие картины, нечастые гобелены и бюсты на высоких круглых каменных столбиках… Стефания, однако, смотрела во все глаза, крутя головой во все стороны, мне же пары взглядов, брошенных на интерьер, было вполне достаточно. Средневековый земной антураж, ничего интересного. Бедненько как-то для императорского дворца-то… А где тут интересно… архив?
Провожали нас всем университетом. В дверях натурально возникла давка из студентов и преподавателей. Странно, что всем сразу захотелось посмотреть, как мы с ректором будем в университетскую карету залазить. С чего бы это? Неужто ножки Стефании, мелькавшие в разрезах юбки, произвели на всех столь неизгладимое впечатление? Ну мальчики-то, допустим, да. Но девочки-то чего так вслед шеи тянули? Платье их так сразило? Или бархатка на шее Стефи? Хе-хе…
На шеях здесь носят одни ожерелья, констатировал я, неспешно посмотрев по сторонам. Так что с общим фоном мы и в этом не сливаемся… Гуд.
Публика, которая гуляла вместе с нами по залам, была расфуфырена — слов нет! Но расфуфырена однообразно. Видно, не рискуя выбиваться из общей моды. А в моде нынче были корсеты, распущенные волосы, пышные юбки со шлейфами и… розовый цвет всех оттенков, невзирая ни на возраст, ни на фигуру.

Вот уж стадный инстинкт, подумал я, крутя в руках наполовину пустой фужер и ответно разглядывая глазеющую на нас со Стефи публику. Интересно, к концу этого сейшена меня будет мутить от розового или нет?
— Вы… пьете?
Оставленный здороваться с неизвестными нам личностями Мотэдиус вместе с преподавателями возник рядом и с неодобрением взглянул на бокалы в наших руках.
— Исключительно для проявления уважения к хозяину дома, пригласившего нас на свой чудесный праздник! Коль мы пришли, не можем же мы демонстративно отказываться от его угощения? Это более чем невежливо.
— Вы могли выбрать что-то другое. Не вино.
— Когда еще удастся попробовать, что наливают у императора? Может, это единственный шанс в жизни?
— Эриадор, у вас гибкий ум и хорошо подвешенный язык, — вздохнул ректор, — но я все же прошу вас соблюдать правила, принятые в гильдии, в которой вы отныне состоите. В данный момент мы находимся на публике и являемся объектом пристального внимания. Вы-то уж должны это понимать?
— Да, господин Мотэдиус, — тоже вздохнул я и поставил фужер рядом с удачно подвернувшимся носатым бюстом кого-то. Ладно. Коль я студент, будем вести себя как студенты…
Ответом мне стал неодобрительный взгляд ректора. Ну знаю, что некультурно так делать… Знаю… ну и что? Захотелось! Нечего было мораль читать…
Я кинул взгляд на Стефи, которая, заведя правую руку за спину, прятала свой недопитый фужер за юбкой.
— Баронесса, — сказал я, протягивая к ней руку, — позвольте за вами поухаживать. Давайте сюда ваш бокал!
Стефи, виновато втянув голову в плечи и покраснев, быстро сунула мне его в руку.
Ее бокал я пристроил с другой стороны головы. Белого мрамора бюст, коричневая деревянная подставка под ним и два бокала красного вина по бокам.
Не авангард, но тоже неплохо смотрится, решил я, окинув взглядом созданную композицию.
— Прошу вас, знакомьтесь! — подал голос молчавший во время моих манипуляций ректор и сделал жест рукой назад, на стоящего позади мужчину. — Это ваш преподаватель. Магистр темной магии — барон Николас Сайвери! Он тоже приглашен сегодня императором. А это, как вы уже наверняка поняли, Николас, ваши ученики.
Ректор указал на нас правой рукой.
Удачненько мы познакомились… Будучи застуканными за распитием запрещенных напитков, подумал я, кланяясь. Стефи сделала реверанс. Николас поклонился нам в ответ и, вернувшись в вертикальное положение, молча продолжил нас рассматривать, заложив руки за спину. Я тоже принялся разглядывать его.
Сайвери был крепким на вид мужчиной с густой, темной шевелюрой, серыми, под насупленными бровями глазами и горькой складкой в уголке тонких губ. Одет он был почему-то не в мантию, а в камзол и брюки светло-коричневого цвета. На камзоле ярко желтели небольшие золотые пуговицы.
Пауза взаимного изучения затянулась.
— А вы… — наконец открыл Николас рот, но закончить начатую фразу не успел.
Та-та-та-та! Та-та-та-та!
По залам разлетелся звук маленьких горнов. Трубили герольды, парами стоящие у дверей.
Та-та-та-та! Та-та-та-та!
— Гостей приглашают в большой тронный зал, — сказал ректор. — Пойдемте!
Я подал руку Стефании, и мы вместе со всеми устремились к выходу. Пройдя пару коротких коридоров, сквозь распахнутые высокие сводчатые двери из белого дерева мы вошли в главный зал… Стефи опять закрутила головой, и я тоже, правда, не так шустро, как она, глянул по сторонам. Надраенный паркет янтарного цвета отражал в себе два ряда огромных люстр под высоченным потолком, сияющих сотнями магических свечей.
Светлые стены из белого мрамора с теплой желтоватой искоркой, гармонирующей с цветом паркета. В конце зала, по центру, на возвышении со ступеньками — трон под балдахином темно-вишневого цвета, пока еще пустой. Ниже и сбоку — еще четыре кресла с изображением большой золотой короны на высоких спинках. Похоже, для членов императорской семьи. По ступенькам более темного оттенка, чем стены, сбегает темно-вишневая дорожка, заканчиваясь у основания лестницы. На левой половине зала ближе к трону приткнулось здоровенное белое дерево без листьев, но с большим количеством веток. Дерево увешано множеством прозрачных шаров, внутри которых что-то переливается и мерцает различными цветами. Красным, желтым, ярко-синим, светло-голубым и зеленым.

Справа от трона расположился оркестр. Гостям же предоставлялся весь оставшийся участок зала. Между троном и гостями — далеко стоящие друг от друга стражники в начищенных до зеркального блеска доспехах.
Да ничего так, неспешно оглядев зал, оценил я. Вполне императорский. Конечно, с Эсферато не сравнить, но для местных… Сойдет.
— Его императорское величество Альвеар Хайме! — под звуки оркестра, заигравшего бравурный марш, возвестил мажордом. — Ее императорское величество императрица Анжелина Хайме! Его императорское высочество старший принц Георг Хайме! Ее императорское высочество супруга Георга Хайме принцесса Алисандра! Его императорское высочество младший принц Диний Хайме! Ее императорское высочество принцесса Сюзанна Хайме!
Мажордом частил, как из пулемета, торопясь объявить выходящих друг за другом членов императорской семьи.
Хм, а ведь младший принц и принцесса выглядят как мои ровесники, кланяясь вместе со всеми, подумал я. Всего на год старше…
Император с семьей неторопливо расселись каждый на свои места, и музыка стихла. Дворяне, присутствующие в зале, разогнулись, а дамы вышли из позы «глубокий реверанс».
— Мои верные подданные!
Выдержав паузу и дождавшись полной тишины в зале, император начал свою поздравительную речь:
— Снова, как и прежде, я рад видеть вас в своем парадном зале! Минул еще один год. Наша империя…
И бла-бла-бла. Я переключился на разглядывание императорской семьи, сидящей совсем недалеко от меня с торжественным видом и внимательно слушающей своего императора. Однако если у старшей ее половины это получалось, то у младшей выходило не очень. Видно было, что Сюзанна и Диний хоть и делают серьезные лица, но в мыслях они, похоже, где-то далеко.
Хорошо, что хоть кто-то не в розовом, подумал я, рассматривая принцессу. То ли вкус есть, то ли мозги…
На Сюзанне было белое, шитое серебром платье с большущими подплечниками. Пушистая копна густых темных волос была зачесана назад и скреплена множеством серебряных заколок разных форм. Немножко вытянутое лицо с выступающим вперед упрямым подбородком. Большие, круглой формы глаза и широкие темные брови.
Принц — в темно-синем. Тоже, как у сестры, темные волосы, темные глаза и вьющиеся волосы. Но в плечах не широк. И в лице — мягкие, тонкие линии. Что-то женственное. У старшего личико посуровее будет… И плечи у старшего — «ширее». Императрица — в зеленом строгом платье. Никакой открытой груди, голых плеч. Аристократическое лицо с внимательным взглядом, карие глаза. Светлые волосы уложены в высокую прическу. Выражение лица — холодное и даже, можно сказать, высокомерное. Не то что у ее улыбающегося мужа. Похоже, император уже слегка успел принять в честь праздника и пребывает в неплохом настроении…
— Поздравляю вас всех с Новым годом и желаю, чтобы наша империя стала еще богаче, сильнее и могущественней!
Император закончил речь, и зал разразился громкими аплодисментами, прерывая мое изучение монаршей семьи. Оркестр заиграл что-то веселое. Между гостями стали сновать слуги, разнося на подносах высокие фужеры, наполненные вином светло-янтарного цвета. Гости шустро разбирали бокалы, высоко поднимали их вверх и громко произносили здравицы императору, его семье и империи. Посмотрел я на это веселье, царящее вокруг, посмотрел, и стало мне как-то грустно.
Я бы тоже мог сейчас веселиться… а вместо этого сижу черт-те где, черт-те с кем и черт-те в чем…
Я цапнул с проносимого мимо подноса фужер и, не обращая внимания на удивленные глаза ректора и тех, кто с ним, поднял руку и произнес:
— Стешасс алай векссаа, Бассо!
Что в переводе с эсфератского означало: «Будь здоров, Бассо!»
И гори оно все синим пламенем, еще добавил я про себя, ставя пустой бокал назад. Все, буду веселиться!
В этот момент император, отставив свой опустевший фужер в сторону, величественно поднялся с трона и громко произнес:
— А сейчас, по нашей ежегодной традиции, господин главный дирижер порадует нас новой мелодией! Ну-с, господин Рудольф, что новенького вы придумали за этот год?

— Ваше императорское величество! С огромным удовольствием представлю на ваш суд и суд блистательной публики мелодию, которую я специально приготовил для этого знаменательного дня!
Поклонившись, Рудольф обернулся к оркестру и взмахнул дирижерской палочкой.
Ну да… конечно… приготовил, скептически хмыкнул я про себя, с первых же аккордов узнав знакомый земной мотив. Эх… где бы взять электрогитару?! А нельзя ли ее сделать? Как-нибудь… Вроде артефакта? А что? Почему бы и нет?
Неожиданно пришедшая в голову мысль заставила меня крепко задуматься. Очнулся я от шума аплодисментов. Публика вместе с Альвеаром Хайме искренне рукоплескала дирижеру и его оркестру.
Понравилось… Еще бы! А кто это предложил? А? Так. Пить мне больше не надо…
— Ваше величество, — неожиданно раздался громкий голос, едва только стих шум и гомон, — позвольте смиренно обратиться! Я, старший наставник духовной академии Белого ордена магистр Хедуш, вместе со своими учениками тоже приготовили для вас, ваше величество, вашей супруги, семьи и для всех присутствующих тут благородных людей небольшой подарок! Песню. Если вы соблаговолите, ваше величество, то мы с чувством глубокого благоговения исполним ее для вас…
Император удивился. Семья его тоже выглядела озадаченной. Похоже, тут так не принято. И идет поперек установленного порядка, понял я, увидев реакцию на просьбу.
— Ну что же. Хорошо, — с некоторой, как мне показалось, излишней бодростью в голосе произнес император. — Давайте послушаем!
При этом он бросил быстрый взгляд вбок, на свою благосклонно улыбающуюся супругу. В расступившейся возле трона толпе возникла проплешина, на которой остался толстый мужик в белой рясе, с оплывшими щеками, смахивающий на толстого хомяка, и двое вьюношей, тоже в белом, с восторженно благоговейными взглядами, направленными на императора.
Впрочем, не только на него… Несколько пылких взглядов, доставшихся Сюзанне, позволяют думать, что они не кастраты… Кто бы мог предположить…
— Песня о святом духе благочестия! Исполняют послушники духовной академии Светлого ордена — Калин и Авин!
Сделав объявление, Хедуш немножко посгибался, насколько позволила его фигура, изображая поклоны, и со скоромным видом отошел в сторону.
— А-а-а! — затянул Калин, сцепляя руки в замок на груди и закатывая очи к потолку.
— А-а-а! — подключился к нему Авин, становясь в такую же позу.
Нет! Нужно срочно это запить! Так! А где? Что, все уже унесли? Уууу… тоже мне хлебосольный дом! Хотя… Мне же нельзя! Сихот бы все это побрал!
Пока я озирался по сторонам в попытках чего-нить найти, эти двое в белых халатах заливались на два голоса, вызывая у меня зубовный скрежет. Не знаю, почему они так на меня подействовали, я в общем-то не против голосового пения, но в этот раз что-то не пошло… Обертоны у них, может, не те?
И ведь длинную песню подобрали! Минут пять с лишним стенали, заставляя меня мучиться. Впрочем, похоже, не только меня. На окружающих меня лицах восторга не наблюдалось. Но все когда-то кончается. Кончилась и песня этих акынов.
В зале наступила благословенная тишина.
— Браво! — сказал император, с явным облегчением захлопав в ладоши. Браво! Замечательный подарок!
Он снова покосился на супругу, которая тоже негромко аплодировала, с легкой материнской улыбкой кивая певцам.
Это браво? Вот это? Браво? Ну уж нет! Я с этим категорически не согласен!
Я направился вперед, вежливо, но решительно раздвигая плечами аплодирующую толпу. К тому моменту, когда затихали последние хлопки, я как раз добрался до первого ряда.
— Мой император! — громко сказал я, отодвинув руками в стороны двух последних людей, препятствующих моему выходу на простор. — Мой император! — повторил я, выходя на середину проплешины и становясь рядом с певцами. — Пока в семинариях печально и тоскливо поют, вызывая жалость и слезы, в магическом университете в это время весело танцуют танго! Танец любви, страсти, огня и крови! Не только послушники могут делать вам подарки! У магического университета для вас тоже есть сюрприз! Танец темных магов — танго! Уверен, что он более подходит для новогоднего праздника, чем грустные длинные песни! На балу нужно танцевать, а не петь! Мой император! Вы позволите?
В зале наступила полная тишина. Все, включая императора, его семью, ректора, преподов, гостей и охрану — все ошеломленно взирали на меня.
Припухли, откуда-то всплыло у меня в мозгу слово. Принцесса Сюзанна даже ротик приоткрыла от удивления.

Какие у нее ровненькие беленькие зубки, чисто автоматически отметил я.
— А вы… кто? — осторожно поинтересовался император и тут же продолжил, не дав мне ответить: — Хотя постойте! Я вас узнал! Вы ведь ученик нашего уважаемого архимага Мотэдиуса — князь Эриадор! Ведь так?
— Да, мой император, — поклонился я, невольно удивившись наметанности его глаза. Узнать меня в этом костюме, видя до этого всего один раз? У Хайме отличная память на лица!
— Почему вы меня так называете, молодой человек?
— Как, ваше величество?
— Мой император?
— Ну а чей же вы император? Конечно, мой! У каждого вашего подданного есть только один, свой император. И это вы! Вот я и говорю: мой император!
— М-да? Хм… меня так никогда не называли… Хм… А мне, знаете, нравится! — после некоторого раздумья решил, внимательно меня поразглядывав, Хайме.
Зал сзади меня слегка выдохнул.
— Так что вы хотели мне показать? И что это у вас за такой необычный… наряд?
— Такое носят там, где я жил, мой император! Я подумал, что вам будет интересно увидеть. А показать я вам хотел танец, который вы, я ручаюсь, как и никто из присутствующих здесь, еще не видели. Называется он — танго!
— Ну надо же, — сказал император с легкой иронией в голосе, — у нас сегодня прямо какое-то соревнование между нашими учебными заведениями. Интересно, интересно… Чьи же таланты лучше? Хорошо, молодой человек, я посмотрю, как темные маги танцуют танго. Извольте!
— Господа, господа, немножечко назад! Прошу вас! — принялся я сдвигать толпу, освобождая место. — Госпожа баронесса! Вы где? Госпожа Стефания Терская! Я вас жду! Мы все вас ждем!
Явление Стефании из толпы с красной розой в руке тоже произвело впечатление. Раздались женские охи и ахи, сопровождаемые легким гулом голосов.
— Ты готова? — Притягивая к себе за руку Стефанию и с улыбкой смотря ей в глаза, тихо спросил: — Зажжем?
«Зажжем!» — неожиданно прозвучало у меня в мозгу.
О! Даже так?
«Тогда погнали! Руки только не теряй…»
«Не потеряю!»
— Маэстро, танго! — громко крикнул я, оборачиваясь через плечо.
Тот кивнул и повернулся к оркестру.
Пам-пам-пам-пам, — начал оркестр. — Та рида-ри та-там-там-там-там…
Мы разошлись в разные стороны. У меня в правой руке была роза, Стефи встала в эффектную позу, высоко подняв руки в черных перчатках вверх. Идея с розой пришла мне не так давно. В зубы я брать ее не собирался, но ярко-красный цветок на фоне двух черных костюмов смотрелся здорово.
Та рида-ри та-там-там-там-там…
Стефи двинулась ко мне, переставляя ноги «крестом», вращая юбкой и показывая всем свои изящные икры.
Там-там-там…
Танго! Мы танцуем танго! Настроение у меня после второго бокала значительно улучшилось и даже, можно сказать, стало несколько игривым. В процессе тренировок со Стефанией мне пришла в голову пара идей, одну из которых я сейчас осуществлял. Как-то подумалось, что для зрителей неплохо было бы создать соответствующую атмосферу. А поскольку танго — танец страстный, то почему бы мне эту страсть не поизлучать? Тем более что возможность есть. Сказано — сделано! Без особых затей было взято одно известное мне специфическое заклинание, модифицированно и испытанно. В результате получилось, что в течение пяти-шести минут я могу теперь излучать в ментал «шок любви» на очень слабом уровне, но во все стороны, создавая вокруг себя соответствующий фон. Действие своего изобретения я, особо не заморачиваясь, откатал на занятиях магессы Элеоны. На начинающих целительницах… Клятва, данная мною Стефи относительно «шока», не позволяла его использовать для развлечения, а только для дела. Какая удачная формулировка клятвы… Хе-хе-хе… Вот я и использовал его для дела. В общем, нормально получилось. Мне нужно было подобрать уровень воздействия таким образом, чтобы «пика» никто не достиг, но вот мысли соответствующие возникнуть у всех должны были… Возникли. На занятиях соседки, включая Стефи, ерзали и почему-то краснели, похоже совсем выпав из учебного процесса. Впрочем, магесса Элеона тоже вела себя как-то рассеянно, неожиданно делая длинные паузы в предложениях. Я же, как обычно,

полулежал на парте, упершись в нее локтем и наглухо зарывшись в ментальный щит, и краем глаза наблюдал за творившимся вокруг. Наверное, это был самый сексуальный урок за всю историю университета, подумал я, смотря, как на начавшейся перемене раскрасневшиеся сокурсницы с выбившимися из причесок прядями волос складывают свои сумки.
И вот теперь, танцуя, я излучал вокруг себя страсть!
Та рида-ри та-там-там-там-там!
Второй моей придумкой была кровь. Точнее, ее иллюзия. Идея была в том, чтобы из розы капали капли крови, словно она ею плачет. Очень кропотливая работа! Иллюзию было необходимо привязать к движению, дабы все выглядело естественно. Капли, падающие все время вниз, когда по логике они должны в этот момент стекать по стеблям, выглядят фальшиво. Много времени потратил, но сделал. Когда Стефи продемонстрировал, та принялась визжать.
— Ну какая же ты темная, — сказал тогда я, убирая иллюзию, — если при виде крови ты визжишь, словно мышку увидела!
Отдышавшись, та ответила, чтобы я со своими дурацкими шутками к ней больше не подходил, иначе она за себя не отвечает! Если вспомнить, как она гасит свечи, то совет был весьма дельным…
Та рида-ри та-там-там-там-там!
Стефания рукой в черной перчатке держит ярко-красную розу бутоном вверх. Я накрываю ее кисть своей так, словно сильно сжимаю ее пальцы. Секунда — и между моими пальцами появляется алая кровь. Ее много. Она сбегает по пальцам, окрашивая кулак в алый цвет, и капает вниз, на сияющий паркетом пол.
— Аххххх! — выдыхают окружающие, заметив это.
Та-там-там-там-там!
Танец продолжается. Мы танцуем, разбрызгивая алые капли по сторонам. Они, правда, исчезают, не долетев до пола, но это неважно. Все смотрят на мою руку, сжимающую руку Стефании. Наверное, думают, что роза проколола ей шипами ладонь, и жалеют бедняжку. Шипы я обдирал со стебля самолично. Все приходится тут делать самому…
Та рида-ри там-там!
На последнем аккорде мелодии я отпускаю руку Стефи и широким круговым движением делаю кистью руки взмах в сторону. Крупные капли, срываясь с окровавленных пальцев, устремляются к зрителям. Те с многочисленными испуганными женскими вскриками отшатываются назад.
Там-там!
Танец закончен. Мы замираем друг напротив друга. Раскрасневшаяся Стефи с блестящими глазами и розой в руке и я с протянутой к ней открытой ладонью, с которой исчезла кровь.
Тишина. Все молчат.
— Браво! — неожиданно громко в наступившей тишине произносит император. — Это действительно гораздо лучше песен! Браво!
Император аплодирует. Пару мгновений спустя к нему присоединяется зал. Аплодисменты и крики «Браво!» заполняют его.
Я вывожу вперед Стефи, держа ее за вытянутую руку. Кланяюсь, она делает реверанс императору, потом мы поворачиваемся лицом к залу и приветствуем уже его. Начавшие было ослабевать аплодисменты вновь усиливаются.
«Твой звездный час, Стэф!»
«Наш!»
Император между тем встал с трона, быстро спустился по ступенькам и бодрецом направился в нашу сторону.
— Великолепно, молодые люди, просто великолепно! Такой… — Широко улыбаясь, подошел он к нам и покрутил правой кистью руки в воздухе, подыскивая подходящее слово. — Энергичный танец! Энергичный, да! Накал! Страсть! Молодцы! Молодцы! А кровь? Иллюзия? Я так и думал! А роза? Настоящая? Позвольте взглянуть?
— Спасибо, ваше величество, — ответила Стефи, расправляя руками юбку и вновь приседая, я поклонился.
— Отлично! Я прямо почувствовал себя лет на сто моложе! Ну точь-в-точь, как в молодости!
Хм… если он почувствовал… он же далеко был! А не увлекся ли я?
Я кинул взгляд в сторону трона, прикидывая расстояние, и увидел, что все императорское семейство, встав со своих мест, тоже направляется к нам. Возглавляет процессию Сюзанна.
Похоже, что все же я увлекся…

— Господин Мотэдиус! Идите сюда! Что вы там прячетесь? — Хайме, вытянув шею, углядел ректора в толпе и принялся приглашающе махать ему поднятой рукой. — Идите же сюда!
— Я не прячусь, ваше императорское величество, — с достоинством произнес, подойдя, Мотэдиус. — Как я могу прятаться от своего императора? Мне совершенно нет причин это делать!
— Да? А что вы можете мне сказать про боевых свиней, которых тайком выращивают в вашем университете? А?
Пауза. Ректор пару раз открывает и закрывает глаза.
— Каких свиней, ваше величество? — наконец недоуменно спрашивает он, вытянув шею и чуть выставив вперед правое ухо.
— Боевых. Которые не пробиваются копьями и мечами, имеют в пасти огромные клыки и еще могут становиться невидимыми. Про них пишет в своих депешах лазутчик, которого мой первый министр ловит уже три года. А? Что вы мне про них скажете, господин ректор?
«Ой!»
«Не вздумай че-нить брякнуть! Мы тут ни при чем!»
— Ваше величество… шутит?
— Шутит, шутит! Ладно. Этот анекдот я вам расскажу чуть позже, а сейчас я хочу побыть всемогущим императором! Итак, молодые люди, — обращаясь уже к нам, сказал Хайме, — я оценил ваш подарок. Хочу сказать, что… весьма, весьма… Мне понравилось! И в ответ я тоже хочу отдариться. Я, правда, пришел неподготовленным, поэтому я сделаю так. Что бы вы хотели, чтобы ваш император для вас сделал?
— Ах… — выдохнула окружающая нас публика и зашепталась.
Домой хочу, пришла мне в голову первая мысль на такое предложение, но воздушного шара у этого Гудвина в кладовке явно нету… Доступ в архив? Самое логичное и правильное. Но момент явно не подходящий. Будет выглядеть весьма подозрительно, мелкоэгоистично и не к месту… Все испорчу. А что тогда просить?
Тут мой взгляд упал на принцессу Сюзанну, которая, осторожно выглядывая из-за спины отца, самым внимательнейшим образом рассматривала нас со Стефи.
Зубки… А что, если?.. Точно! Самое то!
— Благодарю вас, ваше императорское величество! — громко сказал я, делая шаг вперед и гордо разворачивая плечи. — Такой подарок можно получить только раз в жизни! Но прошу вас, взгляните на этот благородный черный цвет!
С этими словам я тыльной стороной правой кисти провел сверху вниз по своему костюму, показывая, куда именно нужно смотреть.
— Это цвет труженика, ваше величество! Совершенно не сомневаюсь в том, что со временем у меня будет и земля, и замок на ней, и сундуки с желтыми кружочками в подвалах. Все будет. Но позже. Поэтому я попрошу то, что никогда не случится потом, а возможно только сейчас! Ваше величество! Прошу вашего величайшего соизволения на танец с вашей дочерью, ее высочеством принцессой Сюзанной! Если, конечно, она не против…
— А-а-ахх! — выдохнули окружающие и зашептались.
— Хм! — иронично хмыкнул император, приподняв правую бровь. — Хм! Значит, сами всего добьетесь? Что ж… Весьма похвальное стремление для юноши!
По его лицу было видно, что он доволен моим ответом.
— Хорошо. Если ее высочество будет не против…
Он повернулся вполоборота к дочери и поинтересовался, лукаво прищурившись:
— Что скажешь, дочь?
Сюзанна ответила ему удивленным взглядом и, переведя на меня свои круглые глаза, вновь принялась меня разглядывать. Обстоятельно разглядывать. Секунд на десять в зале воцарилась полная тишина. Все ждали решения принцессы.
— Да, — наконец кивнула она, поднимая взгляд от моих туфлей и глядя мне в глаза, — я согласна.
— А-а-аххх! — прозвучало в зале, и снова все зашушукались.
— Благодарю вас, ваше высочество, — поклонился я, отметив краем глаза нахмурившуюся императрицу.
— А что желает наша красавица-баронесса? — обратился император к Стефании, поворачиваясь к ней.
— А можно мне тогда принца?! — восторженно блестя глазами, выдала Стефи, азартно подавшись вперед.
Секунда тишины.
— Ха-ха-ха! — грохнула хохотом публика. — Ха-ха-ха!
— Простите, ваше величество!

Красная как рак Стефания присела в глубоком реверансе, уставившись в пол.
— Хо-хо-хо… — обхватив живот руками, смеялся Хайме. — Хо-хо-хо!
— Простите, ваше величество…
— Диний, — продолжая смеяться, повернулся император к младшему сыну, — девушка хочет пригласить тебя на танец! Ты что скажешь?
Принц, похоже, единственный, кого не рассмешила ее просьба, вытянул шею и взглядом, очень похожим на взгляд сестры, тоже принялся оценивающе осматривать Стефи.
— Ну давай же! — поторопил его император. — Не заставляй девушку ждать!
— Да, — не проявляя торопливости в принятии решения, отозвался принц. — Я тоже согласен.
— Аххххххх!
Это зал.
— Господа, прошу дать место, — обратился император к своим гостям. — Пусть молодежь потанцует, а мы посмотрим!
Гости подались к стенам, и пару минут спустя в центре образовалось свободное место.
— Рудольф! Музыку! — скомандовал император, махнув рукой дирижеру.
Тот в ответ кивнул и взмахнул палочкой.
Музыка! С первыми ее аккордами я подошел к принцессе и, строго выполняя предписанное этикетом, пригласил ее на танец. Сюзанна величественно протянула руку в ответ. Я взял ее за руку, подхватил другой за талию, и мы закружились в танце, очень смахивающем на земной вальс. Рядом, на зеркальном паркете, отражающем свет тысяч свечей, принц кружил Стефанию.
— Какой у вас интересный значок, князь! Что он значит? Откуда он у вас?
Принцесса, опередив меня, начала разговор.
— Это значок темного факультета. Я его сделал сам. Взгляните!
Я ментально активировал значок.
— Вы умеете делать артефакты? — поинтересовалась сбившаяся с такта принцесса, отвлекшись на рассматривание вещицы.
— Немножко…
— Наше Белое дерево, — принцесса легко качнула головой в сторону заинтересовавшего меня лысого ствола с разноцветными шарами, — тоже артефакторы украшали.
— Да? Интересно. Нужно будет обязательно подойти посмотреть!
— …играем в бильярд. Очень интересная…
Это пролетела рядом пара — Стефания плюс принц. Смотри-ка, она с ним еще и разговаривает, тихоня! Полфужера действуют?
— А почему вы решили стать темным магом? — Это уже принцесса. — Отец рассказывал, что вы могли выбрать любую стихию. Вам нравится причинять боль и творить зло?
— Ну что вы, принцесса! Какое зло! Темную мантию я выбрал совсем не поэтому. Просто у темных магов имеется множество положительных качеств, о которых никто почему-то никогда не задумывается…
— Неужели? Никогда о таких не слышала. И что это за качества?
— Извольте, ваше высочество! — ответил я и принялся перечислять, не забывая при этом танцевать. — Темный всегда хорошо одет, опрятен и приятно пахнет. Ему ведь не надо одеваться в рубища и ходить немытым во имя добра. Темные любят удовольствия, считая их не грехом, а всего лишь одним из приятных проявлений мироздания. У мироздания не так уж и много приятных проявлений, и их нужно ценить. Темные не любят разочаровывать. Поэтому они иногда делают добрые дела. Это производит намного более приятное впечатление, чем те же дела светлых. Темный не ждет от вас «спасибо», он знает, что темных не принято благодарить. Поэтому, если темный делает добро, то бросает его в воду. Светлые же строят храмы в знак своих свершений. Темные умны и мудры, поскольку не ограничивают себя в познании мира. Темные не боятся экспериментировать, и большинство удачных экспериментов — дело рук темных. Неудачные эксперименты делают темного темным. Темный все делает для себя, и если вы ему приятны, то он многое сделает и для вас, потому что ему приятно делать это именно для вас. В отличие от светлых, у темных есть чувство юмора. С ними не соскучишься. И наконец, от темных всегда знаешь чего ждать. По крайней мере, хуже они не станут!
— Ха-ха-ха! — залилась звонким смехом Сюзанна, кружась в танце и закинув голову назад. — Хуже они не станут! Ха-ха-ха!
Ка-а-акие у нее зубки!
А может, с принцессы начать, внезапно раздался в голове внутренний голос. Как говорится, если спать, то с королевой!
Ага… А как проснусь — мне ейный папа прямо с утра кое-что и оторвет!

Так ведь это ж то самое решение проблемы, которое ты искал! Будешь жить потом тихо, спокойно… Как мечталось…
И петь в хоре высоким голосом… Только после ночи с принцессой, по классике жанра, после отрывания — вешают! Короче, заткнись и не мешай мне к архиву танцевать!
Да на здоровье!

— Вы хорошо танцуете, господин Эриадор, — сказала мне все еще улыбающаяся Сюзанна, когда танец закончился и я под рукоплескания гостей повел принцессу к императору. — Мне понравилось! Как, впрочем, и ваши рассуждения о темных. Похоже, что от вас можно услышать немало интересного…
— Принцесса позволит ангажировать ее еще на один танец? — быстро сориентировался я.
Сюзанна наклонила голову и с благосклонным интересом посмотрела на меня.

— Смотри, смотри, как она на него смотрит! Самое время! Сыпь!
— У меня дурное предчувствие…
— Мира, ну мы же договорились. Ты нам всем обещала!
Мирана хмуро посмотрела на собравшихся богов, потом перевела взгляд на танцующего танго избранного и кисло поджала губы. Как она дала себя уговорить?
— Ладно. Но это в последний раз!
— Мы так и договаривались, — кивнула Хель, неподвижно смотря на нее своими прозрачными глазами.
Богиня любви вздохнула и, вытянув руку со скипетром, стала его легонько трясти над головой Стефании.
Золотые песчинки, кружась, посыпались вниз, осыпая девушку с головы до ног.
Внезапно край еще редкого золотого облака коснулся демона.
Дзинь! Раздался высокий, стеклянный звук.
— А-а-а! — закричала Мирана.
Дзинь! Дзинь! Дзинь! Дзинь!
С каждым таким «дзинь» из тела богини вылетали кольца света, состоящие из множества кусочков всех цветов радуги. Они резко разлетались во все стороны и, замедляясь, медленно гасли.
Дзинь! Дзинь! Дзинь! Дзинь!
— А-а-а! — все сильнее изгибаясь назад и закидывая голову, кричала Мира. — А-а-а!
Дзинь… Уже негромко раздалось в последний раз.
У Мираны подогнулись ноги, и она мешком упала на пол. Ее сияющие золотые волосы потускнели, а сама она как-то съежилась. Присутствующие боги с потрясением смотрели на нее. Стояла тишина, чуть разбавленная слабыми звуками музыки, доносившейся из мира смертных.
— Мира… ты жива? — подобрав наконец отвисшую челюсть, спросил Марсус. — Мира! — Быстро подскочив к упавшей, он опустился рядом на колени и осторожно тряхнул ее за плечи. — Мира!
— Мм… — простонала та.
— Ты жива! — обрадовался бог войны. — Мира…
Богиня любви подняла голову, потрясла ею, словно прогоняя звон в ушах, потом уперла руки в пол и попыталась сесть. Марсус кинулся помогать.
— Что… — с трудом произнесла Мирана, садясь, — что… это… было?
Она рукой отвела волосы, закрывавшие ее лицо.
— Э? — издал звук Марсус, снова открывая рот.
— Что? Что со мной?
Мирана сотворила зеркало и взглянула в него:
— Ах!
Из отражения на нее смотрела девчонка лет двенадцати со спутанными тусклыми волосами цвета прелой соломы, ввалившимися глазами и чудовищными черными синяками под ними.
— Это… что? Я? А… Моя сила! Где она? Я ее не чувствую!
Мирана перевела глаза, полные ужаса, с зеркала на богов.
— Вы! Все вы! Вы специально! Вы меня использовали! Во что я превратилась? На кого я теперь похожа! Где моя сила? Уби-ийцы! Что вы со мной сделали?!
— Гм… — немного растерянно произнесла Хель, — ты не развоплотилась… И… в общем… Считай, что это сейчас самое главное!
— Главное? Главное?! Еще чуть-чуть, и я бы стала прежней! Главное? Вы меня использовали! Как дурочку! А я вам верила! Всем… верила! А-а-а!
Мирана зарыдала во весь голос, закрыв ладонями лицо.

— Ну, Мирочка, ну, девочка, — забормотал Марсус, подхватывая ее на свои огромные ручищи и прижимая к себе. — Ну не плачь… Все будет хорошо! Все верят в любовь! И ты снова станешь такой, как прежде… И даже сильнее…
— Да-а-а… — глухо, из-за того, что она прижалась лицом к груди Марсуса, сквозь рыдания отозвалась богиня любви. — Сколько мне придется этого ждать? А-а-а…
С печальным-печальным лицом Марсус бережно покачивал на руках сотрясаемую рыданиями Мирану. Было видно, что ему очень-очень жаль Мирочку.
— Пойду успокою, — наконец сказал он и, не взглянув на остальных, исчез вместе с ней.
— Как-то нехорошо получилось, — виновато произнесла Диная, глядя на то место, где только что были боги. — Может, нам стоит поделиться с ней силой? Ведь она ради нас в общем-то старалась…
— И ради себя тоже! А когда я половину своей растеряла… почему никто мне поделиться своей не предложил? — с сарказмом поинтересовалась Хель.
— Ну то — ты! А то — она. Она ведь самая слабая… В любовь верят, но не так чтобы сильно…
— Переживет. Сама виновата. Нужно было соображать, когда свои блестки сыпать! Совершенно несложно было понять, что в такой ситуации они могут на избранного попасть! Ну пророчество и решило, что его изменить пытаются. Вот результат! Точнее, никакого результата! Она же ничего не сделала. Смотри!
Хель мотнула головой, указывая на золотую нить, протянувшуюся от Стефании к младшему принцу.

Стефания

— Мм…
Солнечный лучик упорно пытался проникнуть сквозь мои закрытые веки.
«Сколько времени», пробилась сквозь глубины сна осознанная мысль. Учиться… Проспала?! А?? Сегодня же не учимся! Вчера был бал… Бал!
Как только вспомнила о бале, так тут же сон стал стремительно уходить. Я была во дворце… на балу… И танцевала с принцем… Или это мне приснилось?!
Резко открываю глаза. Лежу на животе, зарывшись головой в подушку и засунув под нее руки. Неубранные волосы мешают видеть. Переворачиваюсь на бок и убираю их рукой с лица. Икры и стопы ног отзываются на поворот тела ноющей болью.
Платье!
На пустой кровати напротив, на которой должна была спать соседка, лежит черное платье, перчатки, меховое манто-о, как называет его Эри, а у кровати — брошенные так, как я их стащила с себя, туфли… От которых у меня так болят ноги… Нет! Не сон! Ну я вчера и натанцевалась! Весь свой наряд покидала кое-как и в постель бухнулась. Даже в ванную не пошла…
Лежа на боку, я чувствовала усталость во всем теле. Легкую и приятную, которая просто звала поваляться под одеялом, обещая блаженство лени еще на часок. И на душе было тепло и уютно, словно я получила прекрасный подарок или сбылась моя тайная мечта…
— Мм, — потянулась я, выгибаясь спиной, — здорово!
На завтрак я не пойду, все равно уже проспала, буду валяться до обеда! Сегодня можно. Вчера в университете ведь тоже был праздник. Наверняка все только к обеду проснутся… Я поуютнее завернулась в одеяло, пихнула головой подушку, устраиваясь поудобнее, и прикрыла глаза, намереваясь еще немножко подремать. Но сон не вернулся. Перед глазами стали всплывать картины вчерашнего дня. Блеск свечей, драгоценностей, сверкание нарядов… улыбающийся Эри в его странном пинджаке…
Какой он все-таки молодец! Зря я ему сопротивлялась. Когда увидела себя уже в полном наряде перед выездом, я поняла — не заметить меня будет невозможно! И ведь главное — мне идет! Я такая стала… какая-то такая… чужая, что ли? Или взрослая? Наверное, и то и другое. Все вместе… Все только на нас с Эри и смотрели. И принц…
А Эри наглый… я даже и не предполагала насколько. Ни за что бы не осмелилась попросить у императора разрешения на танец с принцем! А он взял и попросил себе принцессу! И я, глядя на него. Ну подумаешь, немножко ошиблась! Все ведь все равно поняли, что я хотела сказать. А так бы промолчала — и осталась бы ни с чем. Эри прав — нужно брать, когда дается. Неизвестно, что там завтра будет… Захочешь… а уже все — поздно! Отказалась ведь, когда боги предлагали… Значит, не нужно…
Я опять с удовольствием потянулась. Мысли текли в голове неспешно и сонно…

Какое же блаженство вот так нежиться в постели, вспоминая свой триумф! Сейчас полежу еще немножко, потом встану, залезу в ванну… схожу в «Стекляшку», позавтракаю…
После того как закончился первый танец, принц отвел меня к гостям и раскланялся. Музыка заиграла вновь, и уже все гости принялись танцевать. Не успела я начать проталкиваться к краю зала, как меня пригласил баронет Воленти. Молодой и симпатичный. Конечно, не принц, но тоже интересный. Танцуя с ним, я увидела, что Эри снова кружит с принцессой. Ну ничего себе, подумала я и уже оставшуюся часть танца танцевала рассеянно, стараясь следить за ними. А почему принц снова меня не пригласил? Наверно, я ему не понравилась… А принцессе Эри понравился, если она согласилась на второй танец… Ну да, он очень необычный… Как она смеялась, когда они танцевали! Видимо, что-то смешное рассказал. Принц не смеялся, когда я ему про то, как мы живем в университете, рассказывала… Нужно было шутку какую-нибудь вспомнить! Как я не догадалась?
Тут музыка стихла, и танцевавшие стали отходить к стенам. Баронет что-то говорил, но я его не слышала. Со мной что-то происходило… Стало как-то жарко в груди, в голове зашумело, и сердце забилось часто-часто, почти так, когда я с Эри танцевала танго.
Я обернулась и внезапно… встретилась глазами с принцем! И вдруг… все куда-то исчезло, остались только наши глаза. И я поняла, почувствовала, что куда-то улетаю. То ли вверх, то ли вниз… От ощущения полета в груди все замерло, и несколько долгих-долгих секунд я не могла вздохнуть. Интересно, что это было? А вдруг это та самая любовь с первого взгляда?
Я подтянула колени к груди, сворачиваясь под одеялом калачиком, вновь переживая отголосок посетившего меня чувства.
А принц взял и подошел ко мне через половину зала, проходя мимо всех приседающих в реверансе девушек.
— Баронесса, вы позволите пригласить вас на следующий танец?
— Да, — прошептала я, делая реверанс и протягивая ему правую руку.
И потом мы с ним танцевали до полуночи. Он сказал, что просит меня танцевать только с ним, и я согласилась. А вот принцесса и Эри танцевали еще с кем-то. Но потом каким-то образом вышло, что я, Эри, принц и принцесса оказались вместе и как-то дружелюбно и весело общались. Эри рассказывал какие-то шутки, все смеялись. Сюзанна внимательно разглядывала мое платье, а когда я по секрету ей сказала, что платье придумал Эри, — очень удивилась. Разговаривая, Эри много рассказывал о нашем университете. Как мы учимся и чем занимаемся в свободное время. Если его послушать, то получалось, что мы там только и делаем, что развлекаемся и подшучиваем друг над другом. Я и не знала, что у нас так весело… Он договорился до того, что пригласил принца с принцессой в гости. Посмотреть, как живут студенты, сказал. Те неожиданно пообещали. Конечно, Эри не просто предложил им как равным — приезжайте, мол, к нам в гости! Нет. Он сделал это в своей манере — витиевато и замысловато построив фразу. Умеет он красиво говорить… Вот бы мне так научиться! В общем, было весело, интересно и здорово. Как и должно быть на балу. Домой мы отправились уже после полуночи. Идя к карете, уже плохо соображая от усталости, взяла какие-то две книжки (себе и Эри), которые раздавали гостям, а затем всю дорогу до университета держала их в руках, пыталась не заснуть и не уронить на пол. Ректор рассказывал что-то про свиней, как его разыграл император, хвалил нас с Эри за то, что мы так неожиданно выступили, но я его не слушала. Эри сказал — мы со свиньями ни при чем, значит, ни при чем… Пусть ловят кого хотят… Я так устала… Приехав домой, кое-как доковыляла до своей комнаты, из последних сил стащила с себя бальное платье и рухнула на кровать. Так закончился для меня вчерашний вечер.
Интересно, а принц приедет в гости? Диний… Какое красивое имя. А какие у него глаза! Когда он смотрит на меня, у меня просто внутри что-то проваливается! Боги, как же все здорово! Нет, не зря я сюда приехала!
«Спишшшшшш?» — внезапно прошипел у меня в голове голос.
— Ой!
«Это я… твоя совесть… Я никогда не сплю-у-у!»
«Эри! Твои шуточки, знаешь, мне, где уже?»
«Хе-хе… Королева бала, завтракать пойдешь?»
«Пойду, король. Но попозже. Мне нужно сначала привести себя в порядок, чтобы уж хоть чуть на королеву походить».
«Та я тоже не сейчас собирался. Мне тоже надо принять ванну… выпить чашечку кофэ…»
«Какой коффай? Зачем ты его сейчас пить будешь? Мы же вместе решили пойти!»
«Да это я так, к слову… Не обращай внимания. Корче, я свистну!»
«А ты не мог бы не появляться у меня в голове так неожиданно? Хоть как-нибудь предупреждай, пожалуйста!»
«Сама-то тоже мне в голову без предупреждения ломишься…»
«Ну… я не знаю, как по-другому. Ты же мне не объяснил».

«Н-да? Про ментальный щит не слыхала? Ладно… Научу. Короче, свистну».
«Свисти. Но не раньше чем через час-полтора!»
«Ого. По-королевски! Ладно…»

Наказание невиновных и награждение непричастных

— Альвеар! Ты читал эту гадость? — Императрица возмущенно-вопрошающе смотрела на супруга, брезгливо держа за уголок книгу в зеленом переплете. Из-за того что ее держали только за угол, книга наклонилась вниз и ее название «С варгой в постели. Записки выжившего» было прекрасно видно.
— Мм? О да, дорогая. Пролистал на досуге…
— Пролистал? — Императрица, словно не веря ушам своим, наклонила голову к плечу и прищурилась. — Пролистал? И это все, что ты можешь мне сказать?
Голос ее был полон сарказма и еле сдерживаемого возмущения.
— Э-э-э… — озадаченно протянул Альвеар, с некой опаской смотря на жену. — А что я должен был тебе сказать?
— Ты читал ее вообще или нет?
— На всю у меня как-то не хватило времени. Я ее выборочно просмотрел. Рисунки… там.
— Рисунки? Я так и думала, что в первую очередь ты обратишь внимание именно на них!
— А в чем, собственно, дело? — начиная раздражаться, поинтересовался Альвеар. — Что ты хотела?
— А тебе не пришло в голову, что у тебя дочь на выданье?
— А при чем тут Сюзанна?
— Притом, что сегодня с утра на чаепитии у меня был посол Индостана. И знаешь, что он спросил у меня? Знаешь? «Как вы допускаете, чтобы такое небесное создание, как ваша дочь, находилось рядом с такими чудовищами?»
— Чудовищами? — нахмурился император. — Какими чудовищами?
— Варгами! Оказывается, во дворце все уже давным-давно все знают, одна я, как обычно, узнаю все последней! Даже мой муж уже успел все картинки в этой книжонке рассмотреть, а я ее получаю в подарок от заморского посла! Который так гадливенько ухмыляется при этом! Как это называется? А? Меня и нашу дочь охраняют извращенки, которые живут друг с другом и жрут кошек! Как это называется, я тебя спрашиваю?!
— Кошек? Ну это же глупость! Они же не первый год вас охраняют. Ты же знаешь, что это полная чушь! — несколько неуверенно ответил Альвеар, растерявшись перед вспышкой гнева жены, которые случались у нее весьма редко.
— Чушь?! Это ты так думаешь! Потому что знаешь. И я знаю! Но сколько у нас тех, кто знает? Раз-два и обчелся! А остальные варг только издали видели! И наши заграничные соседи тоже! Ты знаешь, что все посольства получили по нескольку экземпляров этой книжонки? И что они уже их отослали в свои столицы со срочными курьерами? Со срочными! Это же какая сплетня! Жена Альвеара Хайме имеет охрану из извращенок! А может, она еще и развлекается с ними? А? Ведь скажут же, скажут! Языки-то у всех без костей! А что будут говорить про нашу дочь? Ты об этом подумал? Я тебя спрашиваю?! Или ты, когда похабные картинки разглядывал, ты ни о чем не думал? Отвечай!
— Ну… — Лицо императора выражало полнейшую растерянность. Похоже, сценарий развития событий, описанный супругой, ему не приходил в голову, да он вообще и не думал об этом с такой точки зрения.
— Это все, что ты можешь сказать мне?! — скалясь, спросила императрица.
— Но все же нормально. Разве они давали тебе повод подозревать их в чем-либо? Ведь они лучшие воины. Поэтому они тебя с дочерью и охраняют! Что ты безумствовать вдруг начала?
— Безумствовать? Я? Безумствовать? Альвеар Хайме, ты — идиот! К твоей жене и дочери может навсегда приклеиться слава извращенок, якшающихся с нелюдью, а ты никак не можешь этого понять! Нам с Сюзанной теперь всю жизнь придется терпеть переглядывания и перешептывания с ухмылками за нашими спинами, в которых виноват ты и только ты! Ты притащил этих варг под двери моей спальни! Ты позволил кому-то писать книги, бросающие тень на твою супругу и дочь! Какой ты после этого император, если допускаешь подобное!
Раскрасневшаяся императрица, не сдерживаясь, словно базарная торговка, кричала на своего муженька, орала на красного, как помидор, императора, стоящего с открытым ртом и выпученными глазами.
— Так вот! Я с дочерью ухожу к себе! И мы не выйдем до тех пор, пока ты не уберешь этих тварей от наших дверей! Они мне никогда не нравились! Все! Я все сказала!

Императрица с размаха швырнула под ноги императора книгу, которой она яростно размахивала до этого перед ним, и, резко развернувшись, вышла, напоследок что есть силы шарахнув дверью.
Альвеар Хайме, глубоко и часто дыша, смотрел на захлопнувшуюся дверь, ощущая, как у него быстро-быстро колотится сердце.
— Вот… дура! — наконец вслух сказал он и принялся ходить по кабинету, успокаиваясь. В своей ходьбе он периодически бросал взгляды на валяющуюся на полу книгу. При этом он хмурился и покусывал нижнюю губу. Наконец, кончив ходить, он остановился у стола и протянул руку к маленькому колокольчику, которым вызывал секретаря. Однако взять его он не успел. В дверь кабинета вежливо постучали.
— Да! — громко сказал император, оборачиваясь.
— Прошу прощения, господин император. — В приоткрывшуюся дверь просунулась голова секретаря. — Ваш первый советник просит у вас срочной аудиенции!
— Замечательно! Он мне как раз и нужен. Проси!
— Добрый день, ваше императорское величество, — поприветствовал своего господина Робэрто о Штольц, стремительно входя в кабинет. — Прошу простить за столь внезапное вторжение, но дело не требует отлагательства!
— Погоди, — остановил его император, выставив в его сторону ладонь с растопыренными пальцами, — все потом! Тебе знакома эта книга?
Хайме мотнул головой в сторону лежащей на полу книги.
— Да… ваше величество, — ответил первый советник, присмотревшись. — Я отчасти по этому вопросу…
— Чьих рук дело? Кто написал?
— Выясняется. Типография, где напечатали две с половиной тысячи книг, известна. Ее владелец описывает заказчика как седого высокого старика с аристократическим лицом. Со слов нарисован портрет, агентам дано указание. Я думаю, что найдем в самое ближайшее время! — с уверенностью в голосе ответил советник.
— Когда найдете, сообщите мне. Я хочу лично поблагодарить его за скандал, который мне только что устроила императрица.
— Непременно, ваше величество!
— А потом я его за оскорбление императорской семьи отправлю писать еще одну книгу. Но в этот раз он будет делать это уже не на бумаге, за столом, а в каменоломне, на камнях. Зубилом!
— Да, ваше величество!
— Кстати, это правда, что все иностранные посольства получили по нескольку экземпляров?
— Правда, ваше величество. Кроме посольств книги получили еще все держатели модных салонов столицы, все высокородные дворяне, имеющие тут особняки, все библиотеки и книжные магазины. Более того, известно, что почтой в провинцию отправлена, по крайней мере, тысяча книг. Адресаты — провинциальное дворянство.
— Однако, — покачал головой император, — размах! Одному человеку это, пожалуй, не по силам. Что ты думаешь по этому поводу?
— Я думаю, ваше величество, что все это имеет одну цель. Нанести вред варгам.
— Варгам? Кому это они так дорогу перешли?
— Пока не ясно… На выбор есть несколько кандидатов… — Советник задумчиво пожевал губами. — Но предпочтительнее всех выглядит Белый орден. Он больше всего получит в случае возникновения гонений на варг…
— Что именно?
— На самый первый взгляд. Во-первых, это их победа над нелюдями. Что для них очень важно с точки зрения их религии. Во-вторых, они вполне могут рассчитывать на замену своими паладинами варг в охране покоев принцессы и императрицы. Ваша супруга весьма благоволит ордену. Как следствие это приведет к повышению их статуса и влияния на дворянство. Кроме того, вполне вероятно, что у ордена есть еще интересы, не лежащие на самой поверхности…
— Вот, значит, кого я должен благодарить… — задумчиво произнес император, стоя у стола и барабаня по нему пальцами. — Святые отцы, значит… Хорошо, выясни все по этому вопросу и доложи мне! Что у тебя было за дело?
— Ваше величество, вчера поздно вечером на дуэли убиты сыновья двух старейших дворянских родов империи. Младший сын графа Ульяма Валоне и единственный сын графа Домика Шарте. Убиты… варгами.
— Варгами? — Император резко повернул голову к советнику. — Как это случилось?
— По рассказам свидетелей, молодые люди были навеселе и, похоже, болтались по столице в поисках приключений. Ноги привели их в трактир «Белый лебедь», где они уселись за

столик, намереваясь продолжить веселье. Однако, к несчастию, там им на глаза попалась четверка варг, тоже находившаяся в этом трактире. И вот этим двум балбесам, простите меня, ваше величество, но по-другому назвать я их не могу, не пришло ничего умнее в голову, чем начать зачитывать вслух друг другу отрывки из книги, дубликат которой валяется у вас на полу. Дальнейшее развитие ситуации было предопределено. Варги в последние несколько дней после того, как в столице появилась «С варгой в постели», и так ведут себя весьма нервно, а тут они были просто загнаны в угол. Не могли же они просто встать и уйти? Последовал разговор между ними и молодыми людьми, который завершился вызовом на дуэль, она состоялась тут же, прямо у входа в трактир. Результат — два трупа.
— Они что, вообще с ума все посходили? — искренне возмутился император. — Дуэль варг академии с пьяными мальчишками? Это же чистое убийство! И на улице! А что, мой закон о порядке дуэлей уже ни для кого не имеет никакого значения?
— Налицо полнейшее пренебрежение законами империи, ваше величество. Полнейшее. Совершенно непонятно, почему они не могли их просто ранить. С их уровнем подготовки это было бы совершенно нетрудно.
— Виновницы задержаны?
— Арина Линери, глава академии, примчалась ко мне сегодня прямо с утра. Она утверждает, что виновниц в академии нет и они скрылись, сбежав из города.
— Та-а-ак… — зловеще протянул император, упираясь кулаками в стол и нависая над ним. — Та-а-акк! Знаменитая варговская круговая порука. Одна за всех и все за одну. Ладно. Но в этот раз им это с рук не сойдет!
В разговоре возникла пауза.
— Ваше величество, — осторожно сказал советник, видя, что император сильно не в духе, — дворянство взволновано. Домик Шарте просто вне себя. Это был его единственный сын и наследник. По моим сведениям, он собирает людей, чтобы напасть на академию. Некоторые дворяне намереваются присоединиться к нему. Граф обратился за поддержкой к Белому ордену. Те обещали помочь. Дело идет к погрому, который в результате выльется в неподчинение власти…
— По-огромы? У меня в столице погромы? Ну-ну! Я им такие погромы устрою! Так у меня загремят, что забудут, как это слово произносится!
— Осмелюсь напомнить вам, ваше величество, что оба пострадавших графа относятся к древнейшим родам, а семья Валоне вообще имеет родство с императорской фамилией. Пусть далекое, но все же… Непродуманные и резкие действия в их отношении могут привести к ненужным брожениям в головах. Будет выглядеть так, что вы, ваше величество, предпочитаете своим вассалам варг. Скоропалительное решение не принесет никаких дивидендов и создаст на пустом месте никому не нужное противостояние. Тем более что в данном случае недовольство ваших подданных направлено не против вашего императорского величества…
— Хм… — произнес император, обдумав услышанное. — Что ж. Вижу, что ты уже все взвесил и обдумал. И у тебя есть решение. Тогда я хочу услышать, что ты скажешь, первый советник!
— Да, ваше величество! — чуть поклонился в ответ тот. — Мой совет, который я представляю на ваше рассмотрение, следующий: я предлагаю убрать раздражающий фактор. Удалите варг из города. Закройте академию и запретите им появляться в столице. Накажите их этим. Покажите всем, что вы на стороне дворянства и людей. Я думаю, это будет правильным решением.
— Хм… — опять хмыкнул император. — Хм… Как я понимаю, для варг это будет ударом… В принципе… наличие их академии не является чем-то совершенно необходимым… Империя спокойно проживет и без этого символа варговского статуса… Тем более что их услуги по охране моей жены и дочери, похоже, больше не понадобятся… Выходит, варги тут больше не нужны! Ну по крайней мере, в том количестве, в котором они сейчас присутствуют. И ты прав, Робэрто, — ссориться со своими вассалами из-за них глупо. Хорошо! Совет твой хорош, поэтому готовь указ, я подпишу. Единственно, насчет запрета появляться им в столице. Оставь. Пусть болтаются где хотят! Должны же мои подданные на ком-то выпускать пар. Да и моим вассалам тоже порой необходимо бывает кишки наружу выпускать. Так что пусть занимаются друг другом. Безделье, оно разлагает! А когда все заняты, мыслей и сил на глупости уже не остается… Не так ли, Робэрто?
— Ваше величество, как всегда, бесконечно мудры. — Советник прижал руки к бокам и медленно поклонился.
— Ты мне еще запишись в придворные льстецы! — шутливо погрозил ему пальцем император, вновь пришедший в хорошее настроение от столь удачного решения возникших проблем. — Значит, так, пиши указ и пригласи ко мне всех… заинтересованных лиц на три часа. Устрою разбор жалоб и объявлю решение. В три часа, в малом зале. И еще! Пусть

выдадут виновниц. Где угодно ищут, но найдут! Сроку им — месяц! Не найдут — пусть пеняют на себя!
— Слушаюсь, ваше императорское величество! — снова поклонился первый советник. — А кого вы желаете назначить в охрану вашей жены и дочери?
— Кого? — Император на секунду наморщил в задумчивости нос. — Ну уж точно не святых отцов! Обойдутся! Я еще с ними разберусь, если это они. Поэтому… поэтому пока в охране будет моя гвардия! Тоже составь указ, я подпишу…
— Как прикажете, ваше величество…

Этория

Начальница тайной стражи Этории леди Эстела Элестрай сидела за столом на мягком стуле с высокой спинкой, подперев голову левой рукой. Указательным и безымянным пальцами правой руки она меланхолично постукивала по столешнице рядом с двумя серебряными рюмками изящной работы. Еще на столе имелась небольшая бутылка из зеленого стекла с заляпанным красным сургучом горлышком. «Лесной нектар», — гласила надпись на эльфийском, написанная на этикетке бутылки. Эста эльфийского не знала, но в данном случае это ей было не нужно. То, что в бутылке дорогущее вино, которое еще нужно измудриться купить, ей было прекрасно известно. Совершенно случайно три с лишним года назад ей посчастливилось купить бутылочку этой редкости.
«Будет повод — открою!» — подумала она тогда. Но вот как-то за эти три года его так и не нашлось. «И хорошо! — подумала Эста. — Лучшего повода, чем рождение внучек, и придумать нельзя. Дождалась бутылочка! Как будто специально продали…»
Краем уха она прислушивалась к происходящему за дверью, где ее племянница, Дина Элестрай, как раз этих внучек и рожала.
«Будут у меня две хорошенькие девочки… — в который раз по одному и тому же приятному для мечтаний пути закружились мысли Эсты. — Две такие хорошенькие детские мордашечки, с удивленно распахнутыми на мир большущими глазами и курносыми носиками. Миленькими курносыми носиками. Внучки будут меня тормошить: «Баба, расскажи то, баба, расскажи это… баба, а почему это так?» — а я, молча вытянув указательный палец, буду осторожно прижимать им их любопытные пипки. Они будут сердиться, крутить головами, уворачиваться от моего пальца и требовать, чтобы баба рассказала им сказку и не трогала их носы, а я буду молчать и улыбаться, глядя на них. И вид у меня будет глупый и счастливый…»
Начальница тайной стражи представила, как это будет, и улыбка умиления в который раз осветила ее лицо.
«Скорей бы уж! — подумала она, вновь прислушиваясь к тому, что происходит за дверью. — Главное, чтобы все было хорошо…», «Пусть только приедет! — Мысли Эсты перепрыгнули на пропавшую где-то целительницу. — Я ей устрою!», «Я приеду?! Ну и где?».
— Уа-а-а!
Звук детского плача выдернул Эстелу из ее мыслей. Быстро схватив бутылку левой рукой, правой она воткнула в пробку приготовленный заранее штопор.
Чпок! — сказала пробка, покидая горлышко.
— Ну, внученька, за тебя! — высоко поднимая вверх наполненную рюмку, произнесла вслух новоиспеченная бабушка. — Расти большая, красивая и умная!
— Хоп! — опрокинула она ее в рот.
«Мм-мм-мм, — смакуя вкус напитка, сказала про себя Эста, — отличное вино! Сладкое и такое… интересное на вкус. Умеют эльфы делать! Вкусно. Сейчас повторю и распробую…»
Эста с улыбкой посмотрела на вторую пустую рюмку, ждущую своего часа.
— У-у-а! — раздался плач второго младенца.
«Какой у тебя густой голосок! Сильная, наверное, вырастет девочка. Ну, будь здорова! За тебя, красавица!»
Бабушка хлопнула вторую рюмку.
«Отличнейшее вино! — секундой позже подумала она, причмокивая языком. — Очень необычное на вкус… Пусть жизнь, девочки, у вас будет такая же необычная, как это вино! А третью рюмочку я выпью с вашей мамой! И вам достанется. Через молочко. Одну можно, ничего страшного. Хорошо, что у Дины двойня. Две рюмки — удобно…»
Внезапно Эста резко повернула голову в сторону двери.
«Что-то не так!» — поняла она.
— Что?! — подскочив к двери, открыв ее и сунув внутрь голову, спросила она.

Дина, с лежащим на ее животе и сосущим грудь младенцем, и две повитухи, склонившиеся над столом, что-то на нем рассматривая.
«Убью идиотку!» — подумала Эста о пропавшей целительнице, подлетая к ним.
— Что? Что случилось? — спросила она, заглядывая за их спины.
На столе на розовых пеленках лежал второй новорожденный с зажмуренными глазами и с весьма недовольным выражением на и так сморщенном личике.
— Может, это складочка такая? — с сомнением в голосе обратилась одна повитуха к другой.
— Складочка? — с недоумением ответила та. — Странная какая…
Она нагнулась к младенцу и осторожно кончиком вытянутого указательного пальца коснулась интересующего ее объекта.
— Пиу-у-у!
Неожиданно исследуемый объект бодро прыгнул вертикально вверх, подобно невиданной тут телескопической антенне.
— Ой!
Повитуха резко отскочила назад, испуганно прижимая к груди сжатую в кулак руку.
— Это не складочка… — с расширенными глазами ошеломленно произнесла она и перевела взгляд на Эсту. — Это… это… МАЛЬЧИК!

Божественная подстава

— Здравствуй, старшая. Позволь поговорить с тобой?
— Здравствуй, Арист. Что ты хотела?
Диная, чуть наклонив голову, благосклонно взглянула на собеседницу.
Богиня варг Арист, женщина с клыками, заметно выступающими из-под верхней губы, в черном мужском костюме, кивнула в ответ.
— Старшая, произошло удивительное событие — впервые за всю историю моего народа родился мальчик! Я в недоумении, поскольку я никак к этому не причастна…
— И что ты хочешь от меня?
— Я хочу узнать — что это значит?
— Почему ты выбрала для своих вопросов именно меня?
— Разве не богиня жизни властвует над всеми рождениями в этом мире? Кому как не тебе знать, что это значит?
— Хм… да. Ты права…
Диная задумчиво и оценивающе оглядела Арист.
«И они его …! Вусмерть! И у нас будет новый избранный!» — пришли ей на память слова Марсуса, которые он произнес, когда они обсуждали, что будут делать варги, когда у них родится мальчик.
«Вот и пришел момент попробовать осуществить его идею, — подумала богиня жизни, все так же глядя на Арист. — Пусть младшая поработает… Не все нам, старшим богам, свои шеи подставлять! Но сообщать ей подробности, как я уже давно решила, я не буду. Пусть действует без оглядки на пророчество! А если ей не повезет… Что ж? Значит, судьба у нее такая. Спасти мир и умереть… В общем-то не великая потеря для мира — Арист и ее варги. Никто даже и не заметит, что их не стало…»
— Арист, — прерывая затянувшуюся паузу, произнесла Диная, — хочу тебя обрадовать. Случилось так, что в мире появился человек, от которого у варг будут рождаться мальчики! Вот первое рождение и произошло. Ты рада?
— Я?! Конечно! Но почему?! Именно сейчас?! Раньше ведь такого не было!
— Что я могу тебе сказать… — уклончиво ответила Диная, слегка пожав плечами. — Это вышло несколько случайно и не без моего участия… Не буду посвящать тебя в подробности, поверь, они совершенно не имеют к тебе отношения. Просто редкое стечение обстоятельств, в результате которого появился редкий человек… На твоем месте я бы радовалась, а не задавала вопросы!
— Я радуюсь!
— Как-то не очень. Я ожидала от тебя большего проявления чувств.
— Просто я пребываю в некотором ошеломлении… А от этих мальчиков… когда они вырастут, тоже будут рождаться мальчики?
— Конечно. От мальчиков будут рождаться мальчики. Как у всех. У тебя теперь будет полноценный народ. Поздравляю!
— Спасибо, старшая! Спасибо! Пойду сообщу это своим подданным!
— Конечно! Обязательно это сделай. Только на твоем месте я бы им посоветовала побольше пообщаться с отцом твоего первенца. Ты понимаешь, о чем я? Ведь он в мире

один такой. И мальчик у тебя сейчас только один. А один — это такое слово, в котором звучит совсем немного будущего…
— Понимаю… — задумчиво кивнула Арист. — Я им прикажу! А кто отец ребенка?
— Эриадор Аальст, — быстро произнесла богиня жизни, чуть зажмурившись и втянув голову в плечи, словно ожидая, что ей сейчас по ней прилетит. — Мать детей и ее тетя знают.
— Хорошо, — кивнула Арист, — спасибо тебе, старшая! Я пойду.
— Не за что, — с натянутой улыбкой фальшиво пропела Диная. — Рада была помочь…
— Постой! — внезапно сказала богиня жизни, как будто что-то вспомнила или ей только что пришла в голову весьма удачная или забавная мысль. — У меня к тебе есть небольшая просьба!
— Какая?
— Я вдруг подумала, что уж, коль я причастна к возрождению твоего народа, то с некоторой точки зрения, получается, что я как бы его вторая мать… И поэтому мне кажется, что было бы правильно, если бы я дала первому мальчику-варгу имя. Знаешь, а назови ты его Бассо!
— Бассо? Странное имя… Оно что-то значит?
— Мм… скажем так, оно мне кажется весьма занятным… А перевести его можно как «пришедший в мир». Тебе ведь будет несложно выполнить мою просьбу?
— Нет, конечно, — ответила Арист, помотав головой. — Имя очень подходящее по смыслу к ситуации. И звучное такое — Бассо! Ударение на первый слог?
— Да, на первый.
— Мне нравится.
— Ну тогда до свидания, Арист!
— До свидания, старшая!
«Наконец-то я смогу что-то сделать для своего народа, — с ликованием думала Арист, расставшись с богиней жизни и направляясь к себе. — А то скоро они уже и верить в меня перестанут. А что я могу? Варг мало. Пусть они в меня верят, но их мало! Откуда у меня силы? Той же Динае сколько молитв возносится? Или Марсусу. Вот они и старшие. А тут, что ни делай, ни на что сил нет. Постоянно чувствуешь себя слабой и сонной. Противно просто. Ну ничего! Сейчас все наладится! Будет у меня теперь свой народ! Не вымирающий, а нормальный народ. И мы еще посмотрим, кто кого! Кто тут будет старшим! Но Диная права. Один — это один. Нужно больше. Гораздо больше!»

Этория. Сутки спустя

— Значит, зная, что ваша племянница нарушает закон, вы тем не менее продолжали покрывать ее? Покрывать, используя свое служебное положение?
Эстела медленно втянула носом воздух. Разбирательства в верховном совете продолжались уже почти два часа, и чем дольше они длились, тем больше «грязного белья» извлекалось наружу. Рождение мальчика грянуло как гром среди ясного неба. Совет срочно собрался на секретное совещание. Отбросив все охи и ахи, после получаса эмоционального выяснения обстоятельств произошедшего, в совете было сформировано вполне прогнозируемое решение. Мальчик — несомненно, дар богини, который открывает для варг совершенно новые горизонты. Можно больше не зависеть от каторжников, присылаемых императором, и наконец стать полноценным, независимым народом. Несомненно, найдется множество инородцев, тех, кому такое изменение придется не по нутру. И они захотят убить младенца. Поэтому было решено: мальчика — спрятать, а его появление сохранить в тайне, дабы ни у кого из посторонних не возникало никаких ненужных мыслей… Однако внезапно камнем преткновения стал вопрос — кто будет это делать? На кого возложить эту почетную и ответственную задачу по охране и воспитанию? По идее этим должна была заниматься начальница тайной стражи Эстела. Тем более что она бабушка мальчика, но в совете внезапно нашлось много желающих взвалить на себя это тяжкое бремя забот. Близость к избранному сулила очень неплохие дивиденды как в материальном плане, так и в плане почета и славы. В данный момент председатель совета леди Орина, она же глава рода Линери, усиленно наседала на Эсту, продвигая идею, что та себя полностью дискредитировала и развалила всю работу. И ее нужно менять. В качестве доказательства извлекались на всеобщее обозрение все новые и новые дурно пахнущие факты, представляющие Эстелу в самом нехорошем свете. Все в совете, конечно, понимали, ради чего секретарь старается, однако молчали и изредка поддакивали ей. Видно, решили для начала свалить Эсту, а за место рядом с избранником устроить драчку между собой после, без посторонних. Тем более что с некоторыми членами совета Эста была если не в

дружеских, то приятельских отношениях, сложившихся за долгие годы ее службы, и то, что «валит» ее одна Орина, им было весьма удобно для сохранения лица. Всегда можно потом сказать, что они просто ничего не могли поделать, и развести руками. А то, что они сами метят на ее место, — это как бы всего лишь фантазии Эсты.
«Похоже, в этот раз мне отвертеться не удастся, — услышав очередной вопрос, с тоской подумала начальница тайной стражи Эторию. — Снимут, как пить дать, снимут! Снимут и разжалуют. Это будет просто «отличным» завершением моей карьеры. Ни денег, ни пенсии. Пойду в охранники, ворота сторожить… Замечательно!»
— Можно интерпретировать это и таким образом, — сухо сказала она.
— И вы так спокойно об этом говорите? — В голосе секретаря совета было неподдельное удивление.
«А что мне, плакать, что ли, теперь? — сварливо подумала про себя Эста. — Обойдетесь! У меня есть внучка и ВНУК! Дарг вы их у меня отнимете!»
— Напомню совету, что в результате моих действий у нас впервые родился мальчик. Не будь этих… некоторых нарушений, не стояла бы я сейчас тут.
— Вы думаете, что это покрывает все ваши прегрешения? Ваши действия, которые привели к столкновению с гильдией магов и чуть ли не открытому нарушению законов императора?
— Да, думаю! Конфликт с магами урегулирован мною лично, никаких нарушений законов нет. Все в прошлом. В настоящем есть только мальчик — варг! Первый в нашей истории.
— Ваши действия были недопустимы! — взвилась секретарь. — Авантюрны и продиктованы исключительно личными интересами! Вы поставили всех нас на грань конфликта и конфронтации, а может быть, даже и войны! И хочу вам сказать, что вы слишком много на себя берете, приписывая себе все заслуги. Мальчик — дар богини! И он все равно бы у нас появился! И обошлось бы это без вашего сомнительного участия. Так что не нужно приписывать себе того, к чему вы имеете весьма отдаленное отношение…
— Можно много рассуждать о том, как оно могло быть, но действительность — одна! И в ней есть мальчик, родившийся в роде Элестрай, и я его бабка! А все остальное — всего лишь пустые разговоры!
Эста, сжав губы, жестко посмотрела на секретаря. Та ответила ей таким же стальным взглядом.
— А почему вы его не называете по имени? Вы ему что, так его еще и не дали? — внезапно поинтересовалась глава совета, до этого задумчиво и молча смотревшая, как ее секретарь «топит» Эстелу.
— Мы с Диной решили назвать девочек Арина и Далия. В честь нашей богини и богини жизни. Но о мужском имени мы как-то вообще не задумывались. Поэтому у мальчика его пока нет…
— Понятно, — кивнула глава. — Хорошо, пора заканчивать. Мы уже достаточно потратили времени… Уважаемый секретарь, какое решение вы предлагаете по данному вопросу?
— Мое предложение таково: за систематическое использование служебного положения в семейных целях, за нарушение законов, поставивших Эторию на грань войны, за низкий профессионализм и развал работы предлагаю леди Эстелу наказать денежным штрафом в размере суммы, выплаченной ей магам, понизить в звании и лишить занимаемой должности! — жестким голосом громко произнесла секретарь.
«Вот стерва! Где ж я тебе столько денег возьму? — хмуро глядя на секретаря, возмутилась про себя Эста. — Я же вам не бог торговли, Дарг тебя побери! А про профессионализм и развал — она это зря. Ой, зря! У меня все работает. И все в совете об этом знают!»
— Что ж, я думаю… — начала глава совета, но сказать, что она там думает, она не успела. В воздухе круглого зала совета над большим подковообразным столом, за которым заседали варги и перед которым, стоя, оправдывалась начальница тайной стражи, внезапно разлилось золотое сияние.
— Мой народ! — раздался торжественный громкий голос, и пред изумленными варгами появилась сияющая фигура их божества. — Слушайте мою волю! Я, богиня Арист, объявляю: отныне у моего народа будут рождаться мальчики! И ребенок, рожденный в роду Элестрай, — первый из них! Повелеваю вам: сберегите ему жизнь! Я подарила вам мальчика, вы — сделаете все, чтобы он жил. Это ваше будущее. Понимаете ли вы меня?
— Да… да… да, богиня… — нестройно раздались голоса в ответ. Все варги вместе с Эстой были уже на коленях и с благоговением взирали снизу на парящую над ними в воздухе в золотом ореоле фигуру.
— Еще. Он пока только один. Этого мало. От его отца у вас тоже будут рождаться мальчики. Повелеваю сделать все, чтобы они родились! Вы поняли меня, мой народ?
— Да, богиня! — ответила за всех глава совета. — Благодарим тебя за твою заботу о нас! Мы все сделаем, как ты велишь! Не сомневайся в нас!

— Хорошо, — произнесла в ответ Арист, многозначительно и неспешно осмотрев каждого из присутствующих в зале. — Я верю в вас… Сохраните мое появление и все, что я вам сказала, в тайне. У варг много врагов… И не забывайте, что я постоянно помню и забочусь о своем народе!
— Да, богиня! Мы помним…
— Ты его бабка? — внезапно обратилась богиня к стоящей на коленях Эстеле.
— Да, всемогущая! — низко склонила голову та.
Арист, сузив глаза, внимательно осмотрела Эстелу.
— Назовешь его Бассо. Я так хочу. И… береги внука, Эста! Поняла?
— Да, богиня! Умру, но ради него все сделаю!
— Верю. Будешь отвечать за него передо мной. С тебя спрошу! — чуть улыбнувшись, наклонилась к ней Арист и слегка погрозила ей указательным пальцем. — Смотри-и-и…
— Благодарю тебя, великая!
— А вы ей все поможете, — обернулась богиня к главе совета. — Такова моя воля!
— Да, богиня! Как прикажешь. Все будет исполнено!
— Хорошо. Выполняйте!
— Да… спасибо, великая Арист… Мы поняли… Все сделаем, — нестройно прозвучали в ответ голоса.
Выслушав их, богиня кивнула и исчезла, оставив после себя разлитый в воздухе нежный запах цветов и потрясенное молчание присутствовавших при чуде.

Этория. Еще немного времени спустя

— Здравствуй, дорогая! Как малыши?
— Ой, тетя! Здравствуй! Все хорошо. Спят и едят, спят и едят, даже не капризят. Это ведь нормально?
— Если едят, значит, все нормально. Меня вот тоже чуть не съели… на совете.
— Да ты что? За что они тебя так?
— Завидуют. Орини особо злобствовала. Уж больно ей хотелось на мое место кого-то из своих посадить.
— На твое место? Тебя что, хотели должности лишить?
— Ага. Чуть не сожрали, Дина, чуть не сожрали! Только представь — твою тетку чуть не сожрали со всеми потрохами! Думала, все уже, не выкручусь. Все припомнили. И любоффь твою светлую, и Эриадора нашего ненаглядного, и как я тебя покрывала, когда ты тут безумствовала, любовь творя, и магов этих клятых… Всё достали. Всё вывернули, вытряхнули и перевернули! Стервы…
— И… как же ты от них отбилась?
— Ха! С такой-то защитницей? Да запросто!
— Какой защитницей?
— Ты сидишь? Очень хорошо. Сиди дальше и не вставай. Заседание совета своим личным присутствием почтила Арист.
— Не может быть!
— Может, может. Я ее видела, как сейчас тебя.
— Невероятно! И что она хотела?
— Хотела? Хотела сказать, что придумала нашему мальчику имя.
— Имя? Нашему мальчику? Богиня?
— Да. Она хочет, чтобы мы его назвали Бассо.
— Бассо? Что за странное имя — Бассо? И… как тогда будет ласково? Басик? А строго? Басс? Нет, мне не нравится!
— Мало ли что тебе не нравится. Арист сказала, что мальчик — это ее дар нам. Когда он вырастет, от него тоже будут рождаться мальчики. Поэтому задача всех варг — сберечь его. Он — наше будущее. Отныне Бассо — избранный нашего народа, ты мать избранного, я бабка избранного. Еще богиня сказала, что за внука я буду отвечать лично перед ней. Лично! И она проследит, как я с этим справляюсь. Понимаешь? Арист теперь покровительница твоего сына! И совету она прямо приказала — во всем помогать мне и тебе. Грех было не воспользоваться такой ситуацией… Короче говоря, завтра совет возместит все наши финансовые потери. Потери, которые я понесла, когда урегулировала вопрос с магами, а также и твои долги, возникшие по вине отца избранного. «Долги, возникшие ради будущего блага Этории…» — именно такая трактовка обоснования решения записана в итоговом протоколе совета. Будущего! Не больше и не меньше! Так что у нас теперь с тобой долгов нет. Поздравляю! Еще могу поздравить тебя с присвоением

тебе внеочередного звания. Ты теперь полковник. Полковник с соответствующими привилегиями и денежными выплатами. Поздравляю, госпожа полковник!
— Полков…ник? Правда? Я же была лейтенантом… Так… сразу?
— Они упирались. Особенно Орини. Говорила, что звания майора вполне достаточно. Но я совету сказала, что для матери спасителя нации это просто смешно! Арист такой шутки может ведь и не понять… Они подумали, подумали… и согласились!
— Но ведь тогда получается, что я буду старше тебя по званию?
— Не волнуйся. Твоя тетка о себе не забыла. Я не первый год имею дело с нашим советом и прекрасно знаю, что рвать из них нужно, как только представится такая возможность. Будешь разводить политесы — останешься ни с чем. Так что я теперь тоже полковник. Очередное звание присвоено досрочно, за заслуги перед Эторией. То есть за рождение внука. Это, конечно, сплошь одна твоя заслуга, но я подумала, что ты, пожалуй, не будешь против, если твоя тетя немножко примажется к твоим успехам… Ты не против?
— Ой, тетя! Конечно же нет! Ты столько для меня сделала! Я тебе так благодарна! Конечно же нет!
— Я рада, что не ошиблась. Вообще после посещения богини мое положение в совете очень изменилось. Очень. Я просто забила обратно им в глотку все их претензии! Жаль, что ты не видела рожу этой Орини! Под конец она даже уже и не вякала, хотя поначалу что-то там еще пыталась. Но упорная. Она теперь у нас будет заниматься подбором невест для нашего Бассо. Вырвала все-таки место!
— Каких еще невест? Какие могут быть в его возрасте невесты?
— Лучшие. Самые лучшие из всех! Пока он будет расти, ему будут подбирать самых здоровых, самых умных, самых красивых девочек! Чтобы, когда настанет срок, в Эторию родилось много-много мальчиков! Дина, наш парень будет просто нарасхват! К нему будут очереди выстраиваться!
— Даже не знаю, что на это сказать…
— А мы будем решать, кто будет первым в этой очереди… И пусть Линери хоть все облысеют разом! Последнее слово все равно будет за мной!
— Что ты сказала, тетя?
— А, ерунда! Просто мысли вслух. Значит, так. Охранять тебя с детьми будут боевые кошки и мои варги. Жить будешь в одном из наших тайных убежищ. Я посмотрю, где будет лучше для детей, и выберу. Все будет самым лучшим. Совет денег жалеть не станет. Если начнут упрямиться — Арист пожалуюсь! Хотя вряд ли до этого дойдет. Они прекрасно понимают, что значит для нас сейчас мальчик. Просто это была драка за место рядом с Бассо. Но богиня сказала свое слово, и сейчас все поутихнут. Так что вот так. Похоже, что ты вытащила счастливый билет, Дина, подобрав столь забавную зверушку…
— Он не зверушка!
— Да? Ну извини. Совершенно не хотела задеть твои чувства.
— А когда я увижусь с ним?
— Мм… А тебе это так необходимо?
— Ты же обещала! Сама говорила — вот родишь, тогда и поедешь! А теперь что?
— Что-что! Теперь у тебя мальчик! Как ты планируешь сохранить все в тайне, если начнешь всех сюда водить?
— Не всех! Только его! Он не посторонний!
— Напомнить тебе, как вы расстались? А? Вас еще помирить сначала нужно, прежде чем ему детей показывать!
— Ну вот… я их покажу и… Мы и помиримся!
— Не все так просто… Дина.
— А что опять не так?
— Пойми, он на тебя обижен! И он нам чужой. Его наши проблемы и беды особо не волнуют. И я сейчас просто не представляю, как заставить его держать язык за зубами, когда он узнает, что у него есть сын. Скажет там, скажет сям, и от нашей тайны останется только пшик! Подумай, разве император и маги обрадуются, услышав такую новость? Для них ведь это значит, что они потеряют над нами свою власть! И что же они в этом случае захотят сделать? На ум мне приходит только одно — убить Бассо, чтобы все осталось по-прежнему. Ты готова рискнуть жизнью сына ради встречи с Эри?
— Но… А как же отцовские чувства? Неужели он допустит, чтобы его ребенку причинили вред? Он будет молчать!
— Глупенькая моя! Это у женщин материнское чувство сразу возникает. И то иногда бывает так, что и… и нет его, этого чувства! Нет — и все тут! А уж про мужчин вообще и говорить нечего. До них порой только через несколько лет доходит, что у них дети есть… Нет, конечно, есть и такие, для которых дети — все! Но опять же… Короче. Отцовские чувства — это как повезет. А в нашем случае рисковать нельзя. Ты меня понимаешь?

— А если его украсть и привезти ко мне?
— Опять украсть? И что ты будешь делать с украденным магом, позволь тебя спросить? Как ты его будешь контролировать, если ему вдруг захочется все тут разнести?
— Но он же еще только студент…
— Откуда я знаю, чему он там уже понаучиться успел? Причем учти — пропавшего ученика маги будут искать. Они это так не оставят. И его следы приведут их снова к нам… Мы уже это с тобой проходили.
— Что же тогда делать?
— Делать? Займись детьми… переездом… обустройством на новом месте… Хлопот у тебя сейчас будет полон рот. А я займусь решением твоих проблем с Эри. Буду думать. Что-нибудь да придумаю! Я же уже ведь как-то что-то придумывала, не так ли? Ты своей тетке доверяешь?
— Конечно, тетя. Если бы не вы…
— Ну вот видишь. Занимайся. А я займусь твоим Эри. Никуда он от нас не денется!

Рабочие будни

Выйдя от племянницы и добравшись до своего кабинета, Эста устало плюхнулась в кресло, решив пару минут передохнуть, перед тем как взяться за дальнейшие дела.
«Так, — подумала она, нужно срочно посылать кого-то на разведку к Эри. И не только на разведку, но и еще для кое-чего! Необходимы кандидатки. Кроме этого тайна должна остаться тайной… Придется использовать их вслепую…»
На этом месте ее мысли были прерваны секретарем. Получив от него чашку коффая, Эста, прихлебывая, взялась просматривать поступившую почту, совмещая, как говорится, приятное с нужным. После пары второстепенных сообщений от подчиненных в ее руках оказалось письмо от Ниресенты Анджус, целительницы, которую она так ждала. Нехорошо сузив глаза, Эста вскрыла конверт.

«Уважаемая леди Эстела!

К моему большому сожалению, обстоятельства, причину которых Вы уже знаете, сделали нашу с Вами встречу невозможной. Я немало времени прожила рядом с варгами, знаю многих и знаю Вас, поэтому Ваши дальнейшие действия в этой ситуации не оставляют у меня никаких сомнений. Поверьте, мне совершенно не хочется быть заложницей и провести не один десяток лет взаперти, пусть даже это будет весьма комфортабельная и удобная клетка. Поэтому я решила не возвращаться. Уверена, что у Вас все хорошо. Для того чтобы обезопасить себя, сообщаю Вам, что я предприняла ряд мер. В случае моей внезапной смерти или исчезновения люди, которых бы могла заинтересовать эта история, узнают о ней, получив соответствующие письма. Поэтому прошу Вас впредь не искать со мною встречи и не предпринимать никаких действий, которые могли бы спровоцировать меня на ответные, защитные шаги. Со своей стороны я обещаю Вам свое полное молчание и нераспространение по данному вопросу.

С уважением,

Ваша Ниресента Анджус.

P.S. Мне правда очень жаль, что так получилось…»

«Га-а-адина… Она ведь все знала! Ну конечно же, как я об этом не подумала! И ничего не сказала… Сбежала… Тва-а-арь…»

Эста, сильно сжав челюсти, уставилась на строчки письма, соображая, что предпринять и можно ли вообще что-то предпринять в такой ситуации?
— Леди Эстела, — постучав, заглянула в дверь секретарь, — прибыл курьер из столицы со срочным донесением.
— Приглашай, — коротко бросила Эста, убирая письмо целительницы обратно в конверт. «Потом разберусь! Срочное донесение — это всегда неприятности. Сначала с ним».
— Срочное донесение! — громко произнесла пропыленная варга в дорожной одежде, протягивая два запечатанных конверта — один побольше, другой поменьше. — От леди Арины Линери, полномочного представителя Этории в столице империи!
— Хорошо, — кивнула Эста, принимая их у нее из рук. — Как доехали? Были ли проблемы? Сколько дней в пути?
Автоматически задавая вопросы, Эста осмотрела конверты на сохранность печатей и, убедившись, что все в порядке, вскрыла ножом для писем самый тощий из них.
— Благодарю вас! Проблем не было. Тринадцать дней пути!
— Тринадцать? — приподняла брови Эста. — Быстро…
— Старалась как можно быстрее!
— Отличный результат, — кивнула Эста курьеру и принялась читать сообщение.
— ЧТО?! — Брови начальницы тайной стражи взлетели вверх. — ЧТО?! Император закрыл академию и изгоняет наш гарнизон из столицы?! Как такое может быть?!
Эстела с вопросом в глазах повернулась к курьеру.
— Это все из-за книги, — мрачно глядя на нее, ответила курьер.
— Вы в курсе содержимого сообщения? — возвращаясь к чтению письма, спросила Эста.
— Нет, леди Эстела. Но я в курсе последних событий в столице.
— Вот, значит, как… — задумчиво сказала Эста, складывая письмо.
— «С варгой в постели. Записки выжившего»… — секунду спустя прочитала Эста вслух название, руками разорвав второй конверт и вытащив из него наружу книгу. — Ну надо же…
Эста открыла ее и принялась быстро, на выбор, читать кусками, стремительно переворачивая страницы и переходя с места на место. По мере чтения лицо начальницы тайной стражи вытягивалось все больше и больше, а глаза распахивались все шире и шире.
— Кхм, — кашлянула курьер, привлекая к себе внимания. — Прошу простить, но мне нужно еще доставить сообщение в совет…
— Да, конечно, — кивнула Эста, отрываясь от книги. — Где расписаться?
Отправив курьера, Эста схватила колокольчик и принялась бешено им трясти, вызывая секретаря.
— Всех моих замов. Срочно! — приказала она ей. — Совещание. Через пятнадцать минут! Вызывай!
Бросив колокольчик на стол, Эста снова принялась читать.
— Вот книга, — через четверть часа хлопнула ею об стол Эста, за которым сидели трое ее заместителей. — Даже не книга, а мерзкий пасквиль, который противно взять в руки! Но тем не менее ознакомьтесь! Нам с вами не впервой в дерьме копаться. Ознакомитесь прямо сейчас, а потом встанете из-за стола и найдете мне тех ублюдков, которые это сделали! Всех! Всех до единого! Особливо скажу об авторе… Только живым! Найти и привезти сюда! Кожу я с него буду сдирать самолично! Для него не побрезгую руки запачкать! Все! Изучайте — и за работу! Найдите мне мразь, которая это написала! Найдите!

Этория. Еще сутки спустя

Яркий солнечный свет лился в высокие узкие окна кабинета, ложась на пол ровными прямоугольными полосами. Где-то там, за этими окнами набирал силу день, зимний день с пронзительно-синим безоблачным небом и нежарким ярким солнцем. В такой день хорошо гулять по дорожкам среди кустов и деревьев, вдыхать прохладный чистый воздух, пахнущий прошлогодними опавшими листьями и сырой корой деревьев, зная, что до обеда еще несколько часов и никто за это время тебя не найдет…
«Как же хочется просто бесцельно побродить на воздухе, — глубоко вздохнув, подумала Эста, глядя на яркое великолепие за окном. — Но мой удел — скакать, как боевая лошадь, не останавливаясь… до самого конца… Пока не сдохну в какой-нибудь очередной «последней атаке»…»
В черном камзоле мужского покроя с большими обшлагами на рукавах, в прямых черных брюках Эста выглядела строго и мрачно. Под стать своему настроению. Вчера она сорвалась, в присутствии своих замов кричала, хлопала ладонями по столу, топала ногами, обещая самолично содрать кожу с этого писаки. И пусть в этом было виновато дикое

напряжение последних дней, но все равно такое поведение было совершенно непозволительно в ее должности. А сегодня Эсте нужно было еще и врать им. Врать тем, с кем она не один год проработала локоть к локтю и знала, что любая из них не задумываясь пожертвует собой ради Этории…
«Ладно, — подумала Эста о тех, которые уже минут пять терпеливо ждали, пока их начальница насмотрится в окно, — тяни не тяни, а дело делать все равно придется…»
— Я пригласила вас сегодня для того, чтобы сообщить еще об одной проблеме, которая, дополнительно ко вчерашней, возникла перед нами, требуя своего решения… — Эстела, не оборачиваясь к столу и заложив руки за спину, молча сделала несколько неторопливых шагов вдоль окон. — Все, что вы сейчас услышите… является тайной. Тайной, которой присвоена высшая степень секретности… Разглашение ее может оказаться фатальным… для всей Этории!
Эста резко развернулась и неспешно оглядела нахмурившиеся лица.
— Говорю не потому, что хочу напомнить о дисциплине или… о долге. Я, более чем в ком-либо, уверена в вас и в вашей способности хранить секреты… Говорю для того, чтобы дать понять важность и значимость проблемы, которая стоит перед нами…
Вздохнув про себя, Эстела неторопливо прошла к столу и села на свое место.
— Итак, — сказала она, кладя руки локтями на столешницу и переплетая пальцы, — на днях богиня Арист почтила своим присутствием Верховный совет Этории…
Сделав паузу для осмысления услышанного присутствующими и подождав, пока исчезнет изумление на их лицах, она продолжила:
— Богиня сообщила, что делает нам дар. Она сказала, что в империи появился человек, от которого у варг будут рождаться мальчики… — Эста хмуро посмотрела на осветившиеся радостью лица замов и, чуть поджав губы, сказала: — Богиня подарила нам то, чего мы так долго желали — у нас будут мужчины! Мы наконец станем полноценным народом, не зависящим от прихоти чужаков!
За столом наступила потрясенная тишина.
— Это будет чудесно! — не удержавшись от распирающего ее восторга, воскликнула сидящая справа Вилента. — Хвала богине!
— Хвала богине! Хвала богине! Хвала богине! — троекратно поддержали ее все остальные.
— Хвала богине, — тоже сказала Эста, правда с гораздо меньшим энтузиазмом в голосе.
— Однако, для того чтобы это произошло, нам необходимо решить одну проблему. Проблему с будущим отцом наших мужчин. Арист сказала, что мальчики смогут родиться только от одного человека. Единственного человека во всем мире…
Эста сделала паузу.
— Кто он? — не выдержала Вилента. — Император? Принц?
— Слава Арист, нет! — ответила Эста. — Все несколько проще и сложнее одновременно. Это Эриадор Аальст, молодой человек примерно восемнадцати лет от роду, студент первого курса магического университета…
— Угу, — прокомментировала сидящая рядом с Вилентой Лорита. — Все же не простолюдин. А богиня не сказала — от него будут всегда только мальчики или нет?
— Арист ничего об этом не сказала. Сказала — будут рождаться.
— По-о-оня-я-ятно-о-о… Значит, наверное, не всегда. А как быть с нашей… проблемой? У него же после первой мозги съедут! Чего потом с ним делать?
— Дело в том, что Аальст уже имел опыт общения с нами. Мм… — забарабанила пальцами по столу Эста. — В общем, некоторое время… он гостил у моей племянницы.
— Так это тот парень, — свела брови к переносице Вилента, — который в ошейнике? Он?
— Да. Он, — хмуро кивнула Эста.
— Так ведь Дина уже от него родила! Но девочек… Странно как-то богиня сделала… Рождались бы только мальчишки, и все! Или для этого нужна какая-нибудь особая девушка? Может, нам нужно ее найти?
— Никого искать не нужно. Арист ничего об этом не говорила. Сказала, что произошли изменения и от Аальста будут рождаться мальчики.
— Что за изменения?
— Не знаю. Богиня не объяснила. Но так как Аальст учится в университете магии… Могу предположить, что на него что-то повлияло. Допустим, магия как-то по-особому воздействовала… А может, зелье какое-нибудь выпил. Не знаю! Не спрашивайте! Да и нужны ли сейчас эти подробности? Богиня приказала нам сделать все, чтобы от него у нас было как можно больше детей. И нам просто следует выполнить ее волю, не спрашивая, как и почему. Понятно?
— Понятно-о-о… но все равно как-то странно-о-о… — наматывая на палец локон своих темных волос и задумчиво растягивая окончания слов, произнесла Вилента.
— Ви! Хочешь знать подробности — обращайся к Арист! Я не знаю! Ясно?

— Да ладно. Я все поняла.
— Если поняла, тогда продолжу. Значит, так. На Аальста наша магия не действует. Зверюшкой после произошедшего, как вы видите, он не стал.
Замы с глубокомысленным видом понимающе закивали головами.
— Хотя вполне возможно, что во второй раз будет по-другому… И с ним произойдет то, что и со всеми. Но пока будем исходить из того, что он невосприимчивый…
— Редкая птица, — хмыкнула Сильвия, подпирая голову рукой. — Таких почти не бывает!
— Я думаю, это связано с его предназначением, — глубокомысленно сказала Вилента. — Богиня не могла выбрать для нас обычного человека!
— Давайте вы потом будете строить предположения, — по-прежнему хмуро сказала Эста. — Можно мне закончить?
— Да, госпожа полковник! Мы вас внимательно слушаем!
— Спасибо, — с сарказмом в голосе ответила Эста Виленте, — продолжу. Так вот. Эриадор Аальст, или Эри, если кто не знает, как его сокращенно зовут, покинул Эторию в весьма расстроенных чувствах. Заявив на прощание, что отныне мы ему враги и просто так он этого не оставит.
— Дурак, — коротко прокомментировала Сильвия.
Эста косо глянула на нее, но говорить ничего не стала.
— Короче, — продолжила она, — господин Аальст на нас сильно обижен. В любом другом случае — плюнуть и растереть, но ситуация в данный момент сложилась несколько… необычно. Он нам нужен. Поэтому встает вопрос — как с ним помириться? Это раз. Второе — как обеспечить ему безопасность? Это два. И третье — как нам всем с ним переспать? Это три! — довольно ухмыльнулась Эста, глядя на озадаченные лица.
— Вы… тоже будете участвовать?
— Ты считаешь меня для этого слишком старой, Сильвия?
— Нет… но…
— Шутка. Я, пожалуй, так и быть, пропущу вперед молодежь. Но знайте. Если вы не справитесь и завалите все тут девчонками, в дело пойдет резерв. Старая гвардия!
Эста многозначительно приподняла брови.
— Хи-хи-хи…
— Ладно. Пошутили, и хватит, — несильно хлопнув ладонью по столу, сказала Эста. — Итак. За сбор информации об Аальсте отвечает Сильвия. Начнешь прямо тут. Найди и опроси всех, с кем он общался. Основной упор сделай на выяснение предпочтений и слабостей нашего героя. Всех слабостей. Это важно. Я поговорю с Диной. Тоже разузнаю все, что можно… Добавишь потом к себе в дело. Безопасность я поручаю Виленте. Возьмешь группу кошек и обеспечишь охрану Аальста.
— Э-э-э…
— Что?
— Два вопроса. Группу какую брать? Побойцовей или покрасивей?
— Покрасивей?
— Да. Может, имеет смысл совместить? Охрана ведь всегда рядом. Одни охраняют, другие делом занимаются… Я так думаю.
— Мм… на твое усмотрение. Если ты знаешь вкусы Аальста, то пожалуйста. Но не в ущерб его безопасности. Что за второй вопрос?
— Каким образом мы сможем его охранять? Он же студент в университете! Кто нас туда пустит?
— Вот об этом сейчас у нас голова болеть и будет. Но группа, к тому моменту, когда мы придумаем, как быть, должна уже караулить за углом. Чтобы выскочить, лишь только дадут знак. Это ясно?
— Так точно!
— Отлично. По поводу близких контактов. После общения с Аальстом у меня сложилось о нем следующее мнение — паршивец умен, горд, нагл и очень самоуверен. Еще, похоже, он считает всех остальных ниже себя. Причем гораздо ниже. А нас — внизу самого низа.
— Вот как? — сморщив нос и чуть приподняв верхнюю губу, оголила кончики белоснежных клыков Вилента. — Действительно паршивец. Но мы ему объясним, кто есть кто! В подробностях. Может, я это даже сама сделаю…
— Сохранность здоровья и жизни Аальста — превыше всего! Приказ богини. Поэтому любая варга должна умереть, если это поможет ему выжить. Лю-ба-я! В том числе вы, я и даже член Верховного совета. Виновные в допущении его смерти будут казнены! Это воля богини и решение совета! Никакое физическое воздействие на него недопустимо! Ясно? — жестко сказала Эста, оскалившись и сузив глаза.
— Да. Конечно! Понятно! Но есть же и другие формы объяснения… Вербальные, так сказать… Эмпатические…

— Вот ими и пользуйтесь, — кивнула Эста. — И помните. Каждый год, не прожитый Аальстом, — это как минимум десятки наших нерожденных мужчин. Как минимум десятки! Пересчитывайте результаты своих действий в мальчиков, которые нам нужны, как воздух. Доходчиво объясняю?
— Ясно. Да. Угу… — отозвались три голоса.
— Отлично. А сейчас мы попробуем придумать, как нам к нему подобраться…
— Но мы же ничего о нем практически не знаем! Что можно придумать в таких условиях?
— Для начала нам нужны просто идеи. Черновые, грубые, глупые… пусть даже безумные. Но они нам нужны, чтобы начать думать в нужном направлении. Мозг размышляет над проблемой, даже если вы явно не думаете о ней. Например, Вилента вот спросила, как же его охранять, если он внутри? Если подумать над этим, то первое, что приходит в голову, — это либо самим попасть в университет, либо… чтобы он не попадал туда и сам все время был снаружи…
— Снаружи — это в смысле, чтобы его оттуда выгнали? Так, что ли? — обдумав слова Эсты, спросила, наморщив лоб, Вилента.
— Ну как вариант. Вообще плохо, что за его спиной стоит гильдия магов… С одиночкой работать гораздо проще…
— Так вы предлагаете сделать так, чтобы его вообще выгнали из гильдии?
— Это было бы просто отлично. Тогда бы мы ему устроили «сладкую жизнь»! Без оглядки на кого-то там!
— А в момент «особо сильной сладости» мы бы помогли ему, протянув руку помощи! И он был бы нам обязан! Так?
Эста, соглашаясь, молча кивнула.
— Мм! Это будет непросто!
— Думайте. Для этого мы тут и сидим — чтобы думать! Думать и делать.
— А если сделать так, как сделали с нами? Как с книгой!
— В смысле? — повернулась к Виленте Эстела. — Какой книгой?
— Которую из столицы привезли, «Записки выжившего». Написать про Аальста что-нибудь такое… неприемлемое! И всех ознакомить. Он станет изгоем, его выгонят из гильдии, и он попадет к нам.
— Хм, — произнесла Эста, — неплохо! Вот. Стали думать — стали появляться идеи. И это вполне может сработать. Пусть из гильдии не выгонят, но жизнь ему это может подпортить изрядно… А мы пожалеем. Посочувствуем… подберем и обогреем… Хорошая идея! Только вот что может настроить всех против него?
— Убийство императора?
— Эк! — от неожиданности икнула Эста. — Давайте только без крайностей! За это его враз головы лишат! И не будет нам никаких мальчиков! Нет! Слишком авантюрно.
— А мы ему побег организуем! И спрячем. В Этории! А?
— Хм… — задумчиво наклонила голову Эста от одного плеча к другому и обратно. — Про то, чтобы он сидел в Этории, — мне понравилось. Про императора — нет. Если всплывет наше участие, придется только бежать. Причем всем. И потом, не забывайте, мы клялись на верность императору. Нет. Не пойдет!
— Тогда напишем, что он насилует и ест детей, призывает демонов, совершает черные ритуалы, убивает кошек и… и… что он вообще бяка нехороший!
Сидящие за столом негромко засмеялись.
— Ну… про детей и кошек… в это будет сложно поверить… А вот про всякие запрещенные ритуалы — сообщить можно. Пусть его хорошенько попроверяют. И подозревать потом всегда будут. Будет ему повод чувствовать себя несправедливо обиженным. Хорошая мысль! — одобрила Эста.
— Тогда, может, его с нами связать? — предложила Вилента.
— В смысле?
— Пустить слух, что он с варгами путается. Восхищается нами, творит оргии, детей в Этории понаделал и бросил… можно из «Записок» что-то переписать! В столице сейчас, похоже, просто какая-то истерия. Давайте его в нее затянем! Пусть почувствует, что значит быть в нашей шкуре! Пусть его там погоняют и пошпыняют за нас! Наверняка желающих много будет! А мы его морально поддержим… Поймем друг друга… Двое несправедливо обиженных быстрее найдут общий язык, не так ли?
— Рискованно, — задумчиво подвигав губам, ответила после паузы Эста. — Вызовут на дуэль и убьют. И все.
— Вряд ли кто рискнет вызвать мага на дуэль, — ответила, защищая свой план, Вилента.
— Свои же и вызовут. Из гильдии. И он пока еще только студент.
— Студентов запрещено вызывать на дуэли. Это я точно знаю. А снаружи, за стенами университета, мы проследим. По мне так — отличнейший план!

— Рискованный, — не согласилась с ней Эста, — но… что-то в этом есть. А как ты собираешься сообщить всем о пороках князя Аальста?
— Можно опять же сделать, как с книгой. Напечатать листки как бы с отчетом о чем-нибудь и разослать. Вроде путаница где-то в канцелярии или еще где произошла. Не так уж много их надо.
— Канцелярии… чего? — наклонив голову к плечу, спросила Эста.
— Императора… или Белого ордена… или еще у кого-то. Нужно только что-то серьезное. Чтобы он решил, что у него могущественные враги. А мы можем защитить…
— Хм… ладно, я подумаю… — пообещала Эста.
— А если ему беззубку подсунуть? — предложила Лорита, имея в виду варгу с очень маленькими клыками, которые в Этории редко, но рождались. Обычно их использовали в качестве внедренных агентов. К большому сожалению тайной стражи, варг без клыков не существовало. Вырванные клыки начинали тут же расти вновь, благодаря замечательной способности организма варг к скоростному заживлению ран и сращиванию костей.
— Нет. Не пойдет, — отрицательно покачала головой Эста. — Во-первых, красавиц, из тех, кого я видела, среди них нет, а во-вторых, у нас же не разовая операция. Рано или поздно обман всплывет. И что? Опять Аальст обидится, что его обманули… Замучаемся уговаривать…
Эста надолго замолчала, задумавшись…
— Таким образом, — наконец сказала она, — первые идеи у нас есть. Думаем в заданном направлении, но ничего без моего одобрения не предпринимаем. Все очень сырое и неоформившееся. Можно нанести больше вреда, чем пользы. Взять то же заявление о том, что он у нас тут весело проводил время… Если представить дальнейшее развитие событий, то это может выйти нам боком. Рассказы Аальста о его похищении и насильном удержании только подбросят пищи в костер, который сейчас пылает в столице… Так он, пожалуй, об ошейнике всем подряд не болтает, чтобы не позориться, но если его начнут спрашивать, то он вынужден будет отвечать, дабы оправдаться… Тут мы можем больше проиграть, чем выгадать. Поэтому сначала собираем информацию, а затем на ее основе я окончательно определю порядок действий. Единственно, что, наверное, можно сделать сразу — отправить ему официальное письмо с извинениями, предложениями мира, дружбы, сотрудничества и… и обещаниями приличной суммы денег… в качестве компенсации за причиненные неудобства…
— Денег? — переспросила Вилента.
— Да. Пусть он что-нибудь от нас примет. Тогда дальнейшее общение пойдет легче. Деньги — это самое то, для того чтобы понять и простить кающегося врага. Тем более когда он их предлагает сам…
За столом вновь наступила тишина. Замы усиленно шевелили мозгами, смотря на свою начальницу.
— Итак. На сегодня все! — сказала Эста, прерывая затянувшееся молчание. — Расходимся. И думаем, думаем, думаем!

Разведка

Начальница тайной стражи Этории, леди Эстела Элестрай, стояла у высокого узкого окна и, скрестив на груди руки, провожала взглядом идущих через мощенный серыми камнями двор Виленту и Сильвию. В столицу они прибыли только вчера, ближе к вечеру, а сегодня прямо с утра она отправила их на встречу с Эри.
— Хм… — тяжело вздохнула Эста, глядя на удаляющиеся спины.
Дела были неважны. Да какой там! Плохи, если называть вещи своими именами… Одни взгляды по пути в столицу чего стоили! Насмешливые, ироничные, презрительные, гадливые… Нет, напрямую никто так смотреть не смел, но все прекрасно чувствовалось. Об уважении и страхе речь уже не шла. Даже у простолюдинов.
«Ладно, сочтемся, — подумала Эста, оттопыривая плотно сжатые трубочкой губы, — за каждый взгляд сочтемся! За каждую ухмылку! За каждую «варгу в постели» на захолустном постоялом дворе! За все сочтемся. Дайте только вас найти… твари!»
Арина Линери, представитель Этории в столице, тоже «порадовала».
— Император отнял здание нашей академии. В недельный срок приказал освободить. Еле успела имущество вывезти, — сообщила она «радостную весть». — Особняк, где мы с вами сейчас беседуем, снят. И за немалые деньги…
— Причина? — приподняла правую бровь Эста.
— Нарушение императорского указа о дуэлях и отказ выдать суду виновниц.

— Прямой отказ выполнить требования императора? — неподдельно удивилась Эста. — Решение, одобренное советом? Я чего-то не знаю?
— Конечно нет! По причине дефицита времени и невозможности согласовать свои действия с советом, я действовала самостоятельно. Исходя из сложившейся обстановки, мною было принято решение, не дожидаясь решения совета, выдать предполагаемых виновниц людям. Но я не смогла это сделать. Они скрылись…
— Самовольно?
— Нет. Я дала им указание исчезнуть из столицы… до выяснения обстоятельств… И с тех пор их никто не видел.
Эста скептическим взглядом окинула собеседницу. Арина была невысокого роста, чуть полноватой, моложе Эсты. Ее лицо с тонкими чертами выражало холод и властность.
— Исключительные у вас подчиненные, госпожа подполковник, — с едкой иронией в голосе произнесла Эста. — Приказы выполняются просто на «отлично»! И когда вы намерены их «найти»?
— Их могли убить. У меня три случая нападения на пятерки, возвращавшиеся с дежурства во дворце! Стреляли с крыш. Арбалеты. Двое ранены.
— Ничего себе! — присвистнула Эстела. — Это же война! Что говорит император по этому поводу? Вы жаловались?
— Да. Мы доложили первому советнику и в их службу безопасности. Молчание.
— Хм… — Сильно нахмурившись, Эста забарабанила пальцами по столу. — Как вообще могло это произойти, — спросила Эста, имея в виду дуэль. — Они ранить их не могли, что ли, этих сопляков? Как такое могло случиться?
— Все просто, — нахмурилась Арина, — на момент дуэли виновницы… виновницы были сильно пьяны.
— О-о! Они у вас тут еще и нажираются до состояния невменяемости? Отлично! Какая, оказывается, веселая жизнь идет в нашей академии! А я и не знала! Совет наш тоже наверняка не в курсе о времяпровождении ваших подчиненных. Похоже, пора поставить его в известность!
— Лейтенанты были в увольнении… Уставом употребление алкоголя в увольнении не запрещено…
— Окромя уставов они еще что-нибудь знают? Такое слово, как «мера», им известно?
Подполковник кисло поджала губы, промолчав.
— Как будто кто рассчитал… — задумчиво покачала головой Эста, имея в виду цепь произошедших событий. — Хорошо, я доложу совету. Что вы можете сказать по поводу предполагаемых авторов книги?
По поводу авторов Арине тоже сказать было практически нечего. Высокий старик — Дарт Вейдер, типография, имена пяти распространителей и… И все!
— Что, это все-е-е? — с искренним удивлением протянула Эста. — Это все, что вы за это время узнали?
— В городе сложилась… весьма… непростая обстановка. Я приказала поодиночке не ходить. А толпа варг не располагает к секретному сбору данных… И потом, нужно было организовать вывоз имущества из академии…
— То есть вы занимались спасением барахла? Вместо того чтобы искать наших врагов?
Ирония так и сквозила в голосе начальницы тайной стражи.
— Я отвечаю за имущество. А разыскивать врагов в такой обстановке — слишком большой риск для подчиненных.
— С каких это пор варгам стало опасно выходить на улицу?
— С тех самых. Знаете, госпожа полковник, стрела в спине — это совсем не то украшение, которое я бы хотела видеть у вернувшихся из города!
— У вас что, амулетов нет?
— Почему? Есть. Только злоумышленники используют дварфовые болты. Амулеты больше одного выстрела не держат.
— Ничего себе, — с уважением в голосе сказала Эста. — Они же золотой за болт стоят!
— Уже почти два. Потом, маги совершенно не торопятся заряжать наши амулеты. Вечно по нескольку раз приходится просить, напоминать…
— Совсем вы тут в столице мышей не ловите… — прокомментировала услышанное пару секунд спустя Эста. — Ладно… Что у вас с осведомителями?
С осведомителями было тоже не очень. Некоторые исчезли, уйдя на дно, другие темнили, говоря, что нет сведений, третьи стали просить больше денег, кто откровенно отказался сотрудничать.
— Больше денег! — хмыкнула Эста. — А клыки вы им показать не пробовали?
— Пробовали, — вздохнула Арина, — не действует. Обещают жаловаться на то, что мы им угрожаем. В текущий момент это нам совершенно не нужно. Убить парочку, чтобы другим

неповадно было, — тоже неподходящее время. За нами следят, и все сразу докладывают на самый верх. Домик Шарте поклялся, что нас всех уничтожит. Лично. Род Валоне тоже вторит ему. У них достаточно людей и денег. Не сомневаюсь, что стрельба с крыш — их рук дело… У нас сейчас просто связаны руки.
— М-да, обстановочка… — подвела итог Эста. — Ну а в академии магии у вас кто-то из осведомителей есть?
— Нет, — хмуро ответила Арина.
— Караул просто какой-то… Госпожа подполковник, сейчас я сообщу вам сведения, имеющие высший приоритет секретности. Прошу слушать меня внимательно…
После сухого изложения событий, связанных с появлением богини, Эста, глядя в просветлевшее лицо Арины, сказала:
— Так что, госпожа подполковник, это является нашей главной задачей. Все остальное — вторично! Но это совсем не значит, что мы простим врагам наш позор. Мы должны умыть их их же кровью. И мы это сделаем! Особенно теперь, когда у нас появилась возможность больше не зависеть от людей… Поэтому сейчас все внимание на Аальста. Деньги, средства, варги — все сейчас подчинено решению этой проблемы. А у вас даже нет осведомителя в академии… Думайте, как туда пробраться! Ваша зона ответственности, поэтому жду от вас решения! И помните о секретности. Если то, что я вам сказала, станет известно нашим врагам, они попытаются убить Аальста, чтобы лишить нас будущего! Вы понимаете?
— Да! — кивнула Арина.
— Тогда действуйте. Завтра я отправлю своих замов под видом курьеров к Аальсту, на первое знакомство, так сказать. Попробуем соблазнить его деньгами…
И вот теперь Эста смотрела в удаляющиеся спины и думала: «И да поможет вам Ариста, девочки!»

Эри

— Господин студент, господин студент!
Призывные крики за моей спиной заставили меня оглянуться. Молодой парнишка, работающий одним из посыльных у ворот, торопливо бежал в мою сторону, махая мне рукой.
— Господин Эриадор! Там у ворот вас ждет курьер!
— Меня?
— Да, вас! Вы ведь Эриадор Аальст? — перехватывая воздух, спросил подбежавший посыльный.
— Да, это я. Возьми! — Я достал из кармашка мелкую монетку и протянул ее мальчишке.
— Благодарю вас, господин!
И что там за курьер? Кто это обо мне вдруг вспомнил? Ошибка?
Я развернулся и направился к воротам. Через минут пять я, толкнув рукой дверь, вошел в комнату для гостей.
— Господин Аальст?
Справа со скамейки у стены поднялись две стройные молодые женщины в серых дорожных костюмах мужского покроя и высоких, выше колен, черных сапогах. Слева на боку у каждой короткие клинки. Варги!
— Чем обязан? — насторожившись, холодно поинтересовался я, с прищуром разглядывая столь неожиданных для меня гостей.
Варги в ответ тоже внимательно смотрели на меня. Внимательно и цепко, обегая взглядом мою фигуру. И, похоже, я им не понравился. Радушные и доброжелательные улыбки, присутствующие в первый момент на их лицах, как-то потускнели, искривились и стали похожи, скорее, на две ухмылки.
Перейдя в план ментальных потоков, я ощутил смесь интереса, удивления, разочарования, озабоченности и какой-то насмешки, исходящей от них.
— Господин Эриадор! — после слегка затянувшейся паузы взаимного разглядывания наконец сказала, делая шаг вперед, одна из варг. — Я курьер Этории, леди Вилента. У меня есть для вас письмо.
Она нагнулась и, расстегнув прямоугольную сумку, висевшую на длинном ремешке через плечо, вынула конверт из желтой бумаги. На нем ярко краснела большая сургучная печать, нашлепанная посредине.
— Прошу! — сказала она, протягивая мне послание.

«Господину Эриадору Аальсту от начальницы тайной стражи Эторию — леди Эстелы Элестрай»
, — взяв его в руки, прочитал я надпись на титульной стороне.

И что же это такое, озадачился вопросом я, держа в руках конверт и не торопясь его вскрывать. С чего это вдруг Эста решила заняться эпистолярным жанром и принялась слать мне письма? Что она от меня хочет?
Душа стремительно наполнялась злостью. Я словно снова ощутил на шее ошейник.
Может, они меня вычислили? И Эста знает, кто написал «С варгой в постели»? Как-то быстро… Нет! Не могли они меня расколоть! У меня все было четко в плане конспирации! Даже если они меня заподозрили, то явных доказательств у них нет. Так что пусть они идут лесом! Будет еще тут письма слать! Для варг ныне вообще не сезон! Пусть уползают в свою Эторию и сидят там, помалкивая! Тоже мне, явились не запылились!
— Мы сегодня отправляемся в Эторию, — прервала мои мысли курьер. — Если желаете, мы можем подождать, пока вы напишете ответ. Мы его сразу передадим леди Эстеле.
Ответ? Ответ, значит? Хорошо, будет Эсте ответ!
— Очень хорошо, — кивнул я. — Я вас не задержу.
С этими словами я вскрыл конверт, оторвав узкую полоску вдоль одной из сторон, и достал сложенный лист белой бумаги. Не читая, на глазах курьеров я неторопливо разорвал его пополам, сложил куски, снова порвал пополам, сложил, порвал, сложил, порвал, сложил, порвал, сложил, порвал… Через пару мгновений у меня в руке была маленькая стопочка разлохмаченных по краям белых обрывков. Сжав бока конверта, я аккуратно с ладони высыпал обрывки внутрь.
— Ответ, — сказал я, возвращая конверт с клочками бумаги.
У варгуш были вытянутые физиономии и округлившиеся глаза. Но в себя они пришли быстро.
— И как это понимать? — спросила Вилента, принимая послание у меня.
— Вы слишком любопытны для своей должности, леди, — хмуро глядя на нее, ответил я. — Вы курьер. Вот и занимайтесь делом. А что это значит, оставьте думать другим. Например, леди Эстеле. Она вполне способна понять, что это значит. Прощайте!
Я сделал легкий кивок головой.
— Всего доброго, — поджимая губы и прищуривая глаза, сделала ответный кивок та.
— И вам… — парировал я, постаравшись вложить в слова как можно больше сарказма.

— Ответ, — протягивая конверт Эстеле, лаконично сказала Вилента.
— Да-а-а?! — с энтузиазмом отозвалась она, быстро беря его из ее рук. — Он ответил?
Вилента чуть слышно хмыкнула.
— Что это? — с удивлением заглядывая одним глазом внутрь разорванного конверта, спросила Эста. Она непонимающе посмотрела на Виленту.
— Ответ, — пожала плечами та.
— Вот это? — высыпая клочки бумаги на стол, переспросила Эста.
— Угу. Он даже читать не стал. Порвал, не разворачивая.
— Каков наглец!
— Да. Наглец, каких, пожалуй, еще поискать.
— Это ваше единственное впечатление о нем? — спросила Эста, обращаясь к Лорите и Виленте.
— Ну почему же, — с едкой иронией в голосе ответила Вилента, — кроме того что он целитель, наглец и ничего себе так на мордашку, есть еще одно сильное впечатление. Он еще, похоже, особенный мужчина!
— Кто-о? — изумленно протянула Эстела, распахивая глаза. — Он? Особенный? Да вы что?!
— Ага, — поддакнула Лорита, — у него в ухе серьга!
— Пппффф, — издала Эста фыркающий звук губами, выдохнув через них воздух. — Еще этого не хватало! Вы уверены? В Эторию он казался совершенно нормальным… Ничего такого я за ним не заметила. Дина, правда, жаловалась, что он очень щепетилен в выборе одежды. Но это в общем-то не показатель…
— Серьгу мы видели своими глазами, — ответила Лорита, — как вас сейчас.
— Ну надо же! Кто бы мог подумать… Хотя это вполне объясняет то остервенение, с которым он отбрыкивался от Дины. Н-дааа…
Эстела замолчала, задумавшись.
— Неужели богиня не могла нам найти кого-нибудь другого? А не это бе-э-э? — делая «морду», спросила Лорита, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Не богохульствуй, — откликнулась Эста. — Арист виднее. Только вот если это действительно так, что же тогда мы с ним будем делать? Как? Как мы его соблазним?
— Ну… — протянула Вилента, задумчиво берясь правой рукой за подбородок. — Можно насобирать по всей Этории тощих задохликов. С мальчишескими фигурами. Чтобы ни сзади, ни спереди ничего не выступало. Мужские костюмы, мужские прически… И пусть вокруг него прыгают. Может, соблазнится… «мальчиком».
— М-да? — без энтузиазма откликнулась Эста. — Весьма сомнительно…
— Дарг! — спустя секунду несильно пристукнула кулаком по столу начальница тайной стражи. — Сколько проблем с этим мальчишкой! А как он на вас отреагировал? Его первые чувства? Что почувствовали?
— Злость. Обида. Настороженность. Недоверие. Чувство опасности. Удовольствие.
— Удовольствие? От чего?
— Я не поняла, — ответила Вилента, — то ли от того, что он видит нас, то ли от того, что он нас сейчас пошлет…
— Я тоже не уловила, — сказала Лорита.
— Удовольствие… — задумчиво протянула Эста. — Что ж. Первая встреча состоялась. Итог — все плохо. Однако будем считать, что не безнадежно. Мы знаем, для чего мы это делаем. Знаем, для кого. Поэтому двигаемся дальше. Сделаем сейчас паузу на то, чтобы собрать о нем как можно больше сведений. Затем сообщим ему о сумме, которую мы готовы ему передать в качестве компенсации. Посмотрим, может быть, он у нас жадина?
— Хорошо бы, чтобы было так, — глубоко вздохнув, произнесла Лорита.

Во дворце скучали

— Привет, Ди! — сказала Сюзанна, входя в небольшую комнату, являющуюся кабинетом ее брата.
— Привет, — отозвался Диний, отодвигая книгу в сторону и выглядывая из-за нее. Он с удобством расположился в углу комнаты на небольшой тахте с высокими подлокотниками. Голова у него лежала на одном из них, а ноги он закинул на другой. Рядом с изголовьем тахты стоял небольшой столик с его любимыми печенюшками и графином сока. Принц «вкусно читал».
— Что делаешь? — спросила Сюзанна, хотя она прекрасно видела, чем тот занимается.
— Работаю, — с легкой иронией в голосе отозвался брат.
— Вижу.
— А чего тогда спрашиваешь?
— Так… — неопределенно ответила Сюзанна, — просто.
На принцессе было домашнее платье из мягкого коричневого вельвета с узкой юбкой, темно-серыми широкими манжетами на рукавах и такого же цвета воротником. Большая копна густых темных волос, длиной до пояса, была зачесана назад и скреплена несколькими серебряными заколками.
— Скучаешь? — поинтересовался Диний, оглядев сестру.
— Немножко, — улыбнулась та, подгибая юбку и садясь в большое кресло. — Вот, решила зайти. А что ты читаешь?
— «С варгой в постели».
— Фу, — наморщила носик принцесса. — Нашел что читать!
— А что? Нормальная книжка.
— Гадкая она. Когда читала, было такое чувство, будто что-то несвежее съела. Неприятное. Фу!
Принцесса передернула плечами.
— Да? — удивился Диний. — А у меня нет ничего такого… Нормально. Чего это у тебя так?
— Наверное, потому, что я варг знаю лучше, чем ты. Лживая она, эта книга. Причем ложь в ней какая-то хитрая… с правдой перемешана. Специально. Словно отраву кто сделал. Не люблю людей, которые ложью исподтишка гадят. А автор из таких. Лжец и трус! Только, видно, и способен, что тайком гадости делать. А книжка тебе понравилась, наверное, потому что ты ее не читал, а картинки рассматривал. А? Признайся?
— Да ладно! — усмехнулся Диний. — Скажи, что тебе они не понравились! Мне вот понравились. Особенно вначале. Там, где они в постели!
— Почему-то я совершенно этому не удивлена, — с сарказмом в голосе ответила Сюзанна. — Смотри, не подожги страницы воспламененным взглядом.
— Да я по делу сейчас смотрю.
— Не сомневаюсь ни в одном твоем слове.

— Не… Серьезно. Тут есть секретные приемы с мечом от боевых кошек. Хочу завтра один попробовать. А ты видела, какие платья тут нарисованы?
— Видела.
— И что?
— Да так… Картинки черно-белые. Непонятно. Мне вот у темной магички платье понравилось.
— Да-а-а… — задумчиво протянул принц. По глазам было видно, что он ушел в воспоминания. — Ничего так у нее платьице…
— Ничего? — насмешливо фыркнула Сюзанна. — Много ты понимаешь!
— Да уж чего-то да понимаю!
— Да неужели? Готова поспорить, в том, что касается женских платьев, ты больше всего разбираешься в разрезах на юбках! Ты ведь так внимательно на них смотрел. Весь вечер изучал!
— А ты тогда что на Эриадоре изучала? Вышивку, что ли? Тоже весь вечер пялилась, между прочим!
— Просто у него очень оригинальная одежда. Я никогда такой не видела. Вот и смотрела…
— Да ладно. Признайся честно, он тебе понравился. Красавчик… такой.
Принц, выпустив книгу, немного покрутил в воздухе правой кистью, изображая «красавчика».
— А тебе Стефания не понравилась? Что ж ты тогда танцевал только с ней? А?
— Мм… У нее очень миленькие глазки… — задумчиво ответил принц, снова предаваясь воспоминаниям.
— И ножки, — с иронией в голосе подсказала сестра.
— Нууу… — выпятив губы вперед, протянул Диний, по лицу которого было видно, что он снова на балу. — Да и ножки неплохи… У нее все так… Нормально. И не дура!
— Когда ж ты успел выяснить, что она не дура? — ехидно поинтересовалась Сюзанна, взмахнув руками. — Ты ведь с ней почти не разговаривал! Все молчал с умным видом да молчал. И сразу — не дура! А до этого у тебя все дурами были…
— Сразу видно, кто дура, а кто нет! — категорично отрезал принц. — Чего ты ко мне пристала? Делать, что ли, нечего?
— Нечего, — вздохнула Сюзанна, разглаживая ладонями какие-то складки на юбке. — Праздники закончились… все разъехались. Казначей сказал, что деньги на развлечения потрачены… Следующий бал будет только весной…
— Возьми книжку почитай! — с энтузиазмом предложил Диний.
Сестра в ответ наморщила нос и отрицательно потрясла головой.
— Ну сходи куда-нибудь… — уже с меньшей энергетикой в голосе предложил Диний.
— В оперу? — кисло поинтересовалась принцесса.
— В оперу? — переспросил принц. — Мм… А знаешь что? Нас же Эриадор в гости приглашал! Вот возьми и нагрянь к красавчику! Представляю, какая у него физиономия будет! И чего он там себе понавыдумывает, когда внезапно увидит ее высочество, заявившуюся к нему в гости! Вот смеху-то будет! Заодно университет посмотришь. Ты ведь там не была?
— Ты считаешь? — удивленно спросила Сюзанна и задумалась, наклонив голову к плечу и приложив указательный палец к своей щечке.
— Ага. Развлечешься.
Принцесса оттопырила губки, размышляя. Спустя пару секунд она улыбнулась. Идея понравилась.
— Только тогда ты поедешь со мной! — сказала она.
— Зачем?
— Он же нас приглашал. И одну меня не пустят. Хоть и забавно, но будет слишком двусмысленно. Мама не разрешит, скажет, что сплетни пойдут. А если поедем вдвоем — будет нормально.
— Ну вот! Посоветовал! А мне что там делать?
— А ты был в университете?
— Нет.
— Тогда чего ты? Тоже посмотришь. Говорят, студенты весело живут. И потом. Там ведь будет одна очень умная девушка… Которая знает, какие платья нравятся мужчинам… Стефания.
Принцесса наклонила голову и с насмешкой посмотрела на брата из-под бровей.
— Не хочешь… пообщаться? — спросила она. — Обсудить с ней разрезы на ее юбке…
— Мм!
Теперь принц сморщился и, вытянув вперед шею, потряс головой, делая сестре «морду».
— Ну ты и зарррразка! — сказал он, перестав гримасничать.

— А что я такого сказала? — удивилась Сюзанна.
— Канешно, как обычно — ничего! Давно пора тебе по шее дать! Нет! Отшлепать по заднице, чтобы знала, когда говорить, а когда нужно держать язык за зубами! Спасает тебя только одно — то, что ты моя сестра. Младшая сестра!
— На семь минут. Так что еще неизвестно, кто кого тут отшлепает!
Принц оценивающим взглядом окинул гордо откинувшую голову Сюзанну.
— Наглая ты. Я бы тебе показал, но все равно я потом буду виноватым. Пусть тебя уже будущий муж воспитывает. А я ему, счастливчику, все про твой характер расскажу. Чтобы счастье его стало еще большим! Беспредельным!
— Ой-ой-ой, подумать только, как страшно! Я твоей будущей жене тоже, между прочим, могу кое-чего рассказать! И даже, может, поболее, чем ты. Так что, братик, это как раз тот случай, в котором тебе выгодно держать язык за зубами и вежливо улыбаться. Ясно?
— Я и говорю — наглая ты.
— Не наглее некоторых. Ладно, давай не будем ссориться из-за несуществующих еще жен и мужей. Лучше скажи, если я надену в университет брючный костюм… Как это будет?
— Чего? Откуда он у тебя взялся?
— Варги подарили. Начальница охраны. На мой последний день рождения. Такой, который они сами носят. Из особой ткани. Мне кажется, что он мне очень идет. Я хотела его на карнавал надеть, но до него еще столько времени… Вот я и подумала…
— Хм… — пожал плечами Диний. — Не знаю… Хочется тебе — надень. Мама только обалдеет, когда увидит.
— Не увидит! Я тайком.
— Все равно ведь доложат…
— Ну и что? Я уже взрослая. И могу носить то, что мне хочется!
— Да надевай! Только иди сама договариваться насчет того, чтобы нас в университет отпустили. А то скажут потом, что моя идея была. Опять буду виноватым. Надоело.
— Но ведь это правда твоя идея! Ты ведь предложил съездить в гости!
— Так! Все! Хочешь поехать — иди, организовывай. А ко мне не приставай!
Принц с самым решительным видом отгородился от сестры книгой.
На пару секунд в кабинете воцарилось молчание.
— Стефания… Стефания… — тонким голоском проблеяла принцесса, нарушая тишину.
— Сгинь! — раздалось из-за книги.
— Бука! — с довольным видом сказала Сюзанна, глядя на брата.

Кому нужны темные маги?

— Теперь я хочу вам рассказать, зачем и кому вообще нужны темные маги…
Николас Сайвери, повернувшись спиной, сделал несколько неторопливо задумчивых шагов в проходе между кафедрой и партами, уходящими амфитеатром вверх аудитории.
— И собственно, пояснить вам ваш круг занятий на будущее… — продолжил он после паузы.
Знакомство продолжалось уже почти час, который ушел на изложение альтернативного взгляда на исторические события. Так сказать — взгляд с другой стороны. Со стороны проигравших.
Конечно, я и не сомневался, что темные маги «белые и пушистые», поерничал я про себя, выслушав «правильное видение истории» в изложении Николаса. То, что историю пишут победители, — это факт известный, но то, что Темному ордену приходилось так поступать только из-за сложившихся обстоятельств, верится с трудом. Точнее, не верится. По крайней мере, мне…
Я покосился на Стефанию, впитывающую новую для нее информацию с распахнутыми глазами и чуть ли не открытым ртом.

> Телик бы ей на Земле посмотреть, лениво подумал я о ней. Или в Интернете порыться… Вот где виновных не найдешь — все сплошняком одни жертвы. Кто бы чего ни творил, всегда найдутся объясн
> я
> тели причин их поступков. Послушаешь их — прослезишься! Сплошняком одни герои и жертвы обстоятельств. Других слов не найти. Награждать нужно скопом всех… поголовно… В Эсферато таким героям крылья бы на раз поотрывали… Без анестезии…

На третий день после бала, и, собственно, на третий день каникул, наш новый преподаватель пригласил нас на встречу в одну из аудиторий. Познакомиться — как он

сказал. Вот, сидим, знакомимся… Басни слушаем. Уже одно место потеть начало… А как насчет перемены? Каникулы ведь. Никто в колокол звонить не будет…
Я поерзал на сиденье, устраиваясь поудобнее.
— Темные маги, что бы там про них ни говорили, играют в жизни империи весьма важную и ответственную роль…
Похоже, Николас имеет опыт преподавания, подумал я, подпирая голову рукой. Привычка разбивать свои мысли на куски, чтобы за ним можно было успеть записать… Как Стефи и делает…
Стефи последние дни ходит королевой. Все конечно же были в курсе того, что мы с ней вытворили на балу. Танго из студентов, естественно, никто не видел, но благодаря многократно пересказанным слухам танец превратился в нечто такое… Такое… Что даже я, подслушав один из пересказов, не смог себе вообразить. А то, что мы еще закадрили принца с принцессой, это, как говорят студенты на Земле, было вообще — вилы. Особенно для девушек. Парни как-то так. Ну да, принцесса, ну да, здорово! Но без надрыва в мою сторону… Но вот девушки — дело другое! Не нужно было иметь великие способности к эмпатии, чтобы чувствовать ту зависть и недовольство, которые излучали студентки в сторону Стефании.
Ах, ну да! Принц — это же выгоднейшая партия! Круче не бывает, сообразил я, взявшись разбираться в реакциях окружающих. Принц тут может жениться на девушке значительно ниже себя рангом, лишь бы благородной была. Та станет принцессой и войдет в императорскую семью. А вот принцесса может выйти замуж только за принца. Только тогда она сохраняет статус принцессы, а муж получает за ней приданое. В случае же, если жених ниже родом — тогда за невесту никакого приданого. Вроде того что — пусть довольствуется тем, что жена когда-то принцессой была! Ну а принцесса, в свою очередь, перестает быть принцессой и получает титул, который есть у мужа. Баронет там, или граф, или еще чего… В зависимости от того, куда кого кинуло. И ее дети в таком случае не имеют права наследовать престол. Наследование в империи идет по мужской линии, поэтому принцессы здесь имеют меньшую ценность для правящей семьи…
Вот почему, наверное, парни так достаточно спокойно отреагировали на мои танцы с Сюзанной. Танцуй не танцуй, принцем, а следовательно, и императором в перспективе не станешь. Бывшая принцесса в женах — конечно, почетно, но и соответствовать придется. Причем еще неизвестно, будешь вхож во дворец или нет. Запросто могут отказать, приглашая лишь дочь. Ну не нравишься ты им, не нравишься, и все тут! А дочь выдали, потому что ей уже совсем пора было, а, кроме тебя, никого не нашлось. Потому что ты был лучшим из худших… вариантов. «Лайф из лайф!» — как поется в одной земной песне…
Короче говоря, принцессы в империи — дело хлопотное. То ли дело принцы! Там сразу — на самый верх, со всеми полагающимися материальными бонусами. Вот это другой коленкор! Можно и матерью будущего императора еще стать, если повезет…
Поэтому успех Стефании вызвал среди студенток крайне негативную реакцию. Это же страшно подумать, разговаривая сам с собой, иронизировал я, когда понял причину столь могучих волн негатива, исходящих от них. Наверное, каждая думает — на ее месте должна быть я! А не какая-то там нищая баронетка!
Бедная Стефи! Каждое ее достижение, каждая ее удача все дальше отдаляет ее от золотой мечты — дружбы со сверстниками в университете. Не будет ей дружбы при таких взлетах. Одна зависть. Вот если бы принц как-нибудь прилюдно унизил Стефи, а потом послал, то тогда да. Тогда шанс на дружбу был бы. Позлорадствовали да, может, и приняли. Мол, долеталась, дурочка, так тебе и надо! Ноги бы все об нее повытирали да и успокоились. Нет, конечно, не все утихомирились бы, но, наверное, пара-тройка подружек… и нашлась бы… Тем более что Стефи теперь почти всегда в мантии целителя бегает, народ не распугивает…
— …что бы кто ни говорил, а «последний допрос» может провести только темный маг…
Чего? Тут я врубился в последнюю фразу, соскакивая с мыслей о тяжелой судьбине Стефи. Что это он имеет в виду? Это именно то, о чем я подумал, или нет?
Я покосился на Стефи, проверяя ее реакцию. Та, похоже, ничего не поняла или не слышала про «последний допрос» и продолжала прилежно записывать.
— Гм… гм! — прочистил я горло, решив уточнить. — Прошу простить, что перебиваю вас, господин магистр. Но если я правильно понял, то речь идет о… некромантии, не так ли?
— Хм… — хмыкнул Николас, — ваша догадка верна. Да. Именно о ней.
Я снова глянул на Стефи. Та перешла из состояния «прилежно пишущая» в состояние «замершая и не верящая ушам своим, прислушивающаяся испуганно».
— Но, магистр! Как же тогда быть со списком запрещенных магам занятий? Который утвержден нашим верховным советом? Мы его изучали на первых занятиях. Я прекрасно

помню — демонология, некромантия, ментальная магия и создание живых или условно живых существ. За нарушение правил — смерть, не так ли?
— Что ж, вижу — материал вы усвоили. Да, все верно. Смерть.
— И-и-и? — заинтересованно протянул я. — Как тогда решается вопрос с желанием совета магов видеть некроманта молчаливым и в деревянном ящике?
— Хм… Что ж. Хороший вопрос! Предлагаю попробовать ответить на него вместе. Вот как вы думаете, Эриадор, кому он вообще нужен — «последний допрос»?
— Да всем. От родственников до совершенно посторонних людей, желающих узнать, где и чего осталось у почившего.
— Что осталось?
— Имущество, документы… тайны… все, все, что нажито за жизнь непосильным трудом…
— Вы совершенно правы, — кивнул магистр. — И хоть после… известных событий некромантия была запрещена под страхом смерти, однако желание людей узнавать все это никуда не делось. Особенно секреты. Вы понимаете меня?
Еще бы, насмешливо фыркнув про себя, кивнул я магистру.
— Поэтому, — продолжил магистр, увидев, что я понимаю, о чем идет речь, — существует такое понятие — высшая государственная необходимость. Вам доводилось слышать подобное выражение?
— Да, — снова подтвердил я, — я знаком с данной концепцией…
— Если вы с ней знакомы, то тогда, может, вы и закончите исследование нашего вопроса? Так как вы думаете, Эриадор, кто может позволить себе услуги некроманта при повсеместном запрете этой магии?
— Думаю… что это может быть имперская разведка, имперская служба безопасности, имперские военные… Ну и еще кто-нибудь. Из таких же, кому можно. Я угадал?
— Вы совершенно правы, Эриадор… — Магистр пару раз задумчиво качнулся с пятки на носок, держа за спиной сцепленные руки. — Именно так…
— А как это в жизни? — поинтересовался я.
— В смысле?
— На каждый случай что, разрешение у кого-то берется? Это ведь не намотаешься.
— То есть «не намотаешься»? — снова не понял Николас.
— Я имею в виду, что, если… событие произошло где-то на окраине, так это что, за разрешением в столицу тащиться, а потом обратно? Или тело с собой тащить?
— А… вот вы о чем! — понял Николас. — А чем вам это не нравится?
— Отсутствием комфорта. Знаете, я очень ценю удобства. Характер у меня такой. Поэтому идея носиться на лошади из края в край империи, да еще и с разлагающимся трупом в багаже, а может, даже и не одним… Простите, магистр, но меня такая деятельность совершенно не прельщает!
Последнее предложение я произнес категорическим тоном. Ну ее к Сихоту такую вонючую работу!
— А если все это так, что вы будете тогда делать? — иронично поинтересовался магистр, скрещивая на груди руки и с любопытством глядя на меня. В глазах у него появились смешинки.
— В лекари подамся, — пообещал я. — Все почище будет.
— В лекари? — удивился Николас — Ах, ну да! Вы же полноцвет… Вы можете.
Несколько мгновений магистр молча рассматривал меня.
— Сожалею, господин Эриадор, но вряд ли вам удастся перебежать в лагерь целителей.
Я молча ждал.
Николас продолжил:
— Темные маги — редкость. Большая редкость. И они нужны. Я совершенно уверен в том, что так или иначе, но вам придется использовать свой темный дар. Хотите вы этого или нет. Тем более что вы отныне член гильдии и должны повиноваться решению ее совета. А для империи темные маги весьма нынче дороги.
— Неужели нынче такой спрос на поднятие мертвецов? — скептически поинтересовался я.
— Не только. У нас, темных магов, есть еще одна важная роль. Мы являемся, так сказать, одной из частей механизма, который поддерживает сложившиеся отношения внутри империи. Причем весьма важной частью этого механизма. Вы что-нибудь слышали про варговские пятерки? Не простые, а так называемые убийцы магов?
— Да, а что? — кивнул я, настораживаясь.
— Ну так вот. Заклинание «слуги лича» как раз позволяет из обычной варговской пятерки сделать… гм… необычную… Конечно, есть масса нюансов и требуется тщательный подбор элементов, согласно правилам… Но это вы узнаете в свое время, когда будете изучать заклинание… Короче говоря, темные маги — это именно те, кто умеет создавать убийц магов. Убийцы подчиняются императору, он с их помощью контролирует совет, и все

уравновешивается. Поэтому еще одним главнейшим занятием темного мага, пусть таким же нечастым, как и некромантия, будет создание таких пятерок…
Кого? Чего? Варги? Да ничего себе! Мне сейчас только с варгами возиться! Они же меня… Если узнают… Это же будет крандец мне! Вот это я попал!
— И когда мы будем его изучать? — поинтересовался я, прикидывая: может, я до этого времени успею смыться отсюда?
— Очень скоро. После каникул займемся практическими занятиями, на которых вы научитесь контролировать свою силу, и, как только это освоите, сразу перейдем к освоению заклинания.
Феерия!
— А с чем связана такая поспешность, можно узнать? — удивился я.
Николас несколько секунд молча смотрел на меня, затем ответил:
— С совершенно банальной ситуацией. С возрастом и числом темных магов…
— Ага, — кивнул я, выказывая понимание. — Надеюсь, господин магистр, мы не последние оставшиеся, кто будет владеть этим знанием?
— Не беспокойтесь. Кроме вас еще… есть.
— Это радует. А сколько, если не секрет?
— Как раз секрет. Секрет империи. Хотя темного мага особо не спрячешь, и наши соседи, я думаю, давно уже знают, сколько и кто, но официально это считается секретом. Поэтому если вам любопытно — обращайтесь в службу безопасности гильдии, может, они вам скажут. А можно просто немного подождать, и сами все узнаете… Кстати. Для темных магов есть исключение в правилах ношения знаков гильдии. Для повышения секретности темным магам разрешено не носить мантии. Знак мага можно носить скрытно. Вам понятно?
— Вполне, — кивнул я.
Вот почему он на балу был не в мантии! Что ж… Это хоть и маленький, но плюс… Ходить вечно в одном и том же — совсем не айс… Хм… а к чему такие требования и послабления? Уж не охотятся ли тут соседи за нами? Ведь если представить, что темные маги вдруг исчезли, то существующая система противовесов в структурах власти улетит к Сихоту… И что тогда будет? Хм… Чет я какую-то не ту кафедру выбрал. Как-то сложно все… Зато не скучно!
— Ну и хорошо, — кивнул мне в ответ Николас. — А насчет вашего вопроса по поводу разрешения… И поездок с трупом в багаже… Так вот. Не волнуйтесь. После окончания университета, когда вы получите знак мага, а может, даже и раньше, если вдруг так сложатся обстоятельства, вы получите соответствующее разрешение и наблюдателей. И как вы говорите, мотаться вам не придется. Все будет делаться на месте.
— Наблюдателей? Каких наблюдателей?
— Варговская пятерка. Наблюдатели и охрана. Будут следить за тем, чтобы вы не нарушали правила… ну и попутно охранять…
Что? Опять варги? Да что же это такое? Куда ни плюнь — кругом они! Уже просто не смешно становится…
— Почему варги? Что, кого-то другого нет?
— Этому есть ряд причин. Первая: с точки зрения силовой поддержки — варги лучшие кандидатуры для такого дела. Никто из людей не сравнится с ними в скорости и выносливости, а также в умении владеть оружием. Они всегда назначались в охрану магам для неафишируемых, тайных поездок… Вторая: заклинание «слуги лича» делает из заклятых практически рабов. Никто не любит, когда их превращают в рабов… А уж варги — тем более… Поэтому скажу вам сразу, чтобы вы знали… Варги тихо ненавидят темных магов и никогда не упустят случая, чтобы хоть как-то отыграться. Всегда помните об этом, как бы они вам ни улыбались…
«Чем китаец шире улыбается, тем он злее» — вспомнилась мне земная поговорка. Какие параллели, однако…
— Поэтому в магическом совете и у императора существует мнение, что лучших сопровождающих для темных магов, чем варги, не существует. Они не упустят ничего… Обо всем доложат… Твари!
Легко хлопнув ладонью по столу, магистр на несколько секунд ушел в себя, видать, припоминая былое.
Весело тут живут, подумал я, наблюдая за его срывом. Похоже, когда-то они его хорошо прищучили. Как вспомнил, так с катушек и съехал… Даже перед учениками не сдержался…
— Так что имейте все мною сказанное ввиду, — подвел итог магистр, вернувшись из своего прошлого. — Не обольщайтесь их мнимой доброжелательностью и красотой. Все это есть

ложь, ложь и только ложь. Ничего иного. Особенно это вас касается, Эриадор. Вы юноша и можете легко поддаться их мнимому очарованию…
— Вряд ли, — отозвался я, повращав головой и потерев шеей о воротник, — сомневаюсь, что это им удастся… Я уже знаю… что они из себя представляют…
— Ах, ну да! У вас же в деле об этом написано! Я совсем забыл о вашем… Вашей стычке, скажем так, с ними.
При этих словах магистр покосился на Стефанию, с испуганным лицом слушавшую нас.
— Ну и замечательно! Значит, удар в спину в будущем вам грозить не должен…
Ха! Я его уже получил… этот удар…
— Могу сказать, что у вас будет шанс отыграться… — сказал магистр.
— О чем вы?
— Видите ли, «слуги лича» несколько… э… болезненно, я бы сказал так, для тех, на кого его накладывают. Время наложения заклинания можно растянуть… Можно увеличить степень болезненности… В общем, все в ваших руках.
Николас пристально и неотрывно смотрел мне в глаза.
Посадистничать мне предлагает? Хм… ладно, посмотрим…
— Я понял, магистр, — спокойно кивнул я, — спасибо. Пытки у нас тоже будут в курсе обучения?
— Нет, только проклятия. Пытками занимаются целители.
Целители? Я глянул на вытянувшееся лицо Стефании. Хотя… если подумать, кому как не им? Кто лучше их знает, где больнее всего? Опять же целитель и «поддержать» пытуемого может. Чтобы тот «ласты не склеил» раньше срока… Хе-хе. Какой удар для Стефи…
Я снова посмотрел на потрясенную девушку.
— А как насчет способности варг брать под контроль разум человека? Ведь с ними же находиться рядом опасно? — задал я магистру интересующий меня вопрос.
— Все решаемо, — ответил он. — В свое время вы все узнаете. Это тоже тайна империи.
Сколько тут тайн! И ни одной связанной с порталами! Беее-зооо-браааа-зие!
— Я думаю, что на сегодня для первого раза достаточно, — сказал магистр. — Считаю, что наше знакомство прошло успешно. Рад появлению среди темных магов молодых людей, в которых чувствуется большой магический и творческий потенциал… Ваш танец произвел немалое впечатление на присутствующих на балу. Не побоюсь сказать, что вся столица о вас только и говорит. Мне хочется надеяться, что в овладение магической наукой вы будете вкладывать столько же таланта и сил, как и в этот танец…
Дождавшись от нас со Стефи уважительных кивков, Николас продолжил:
— До конца каникул еще четыре дня. У меня для вас есть книга. К сожалению, только одна… В ней более подробно изложен взгляд на исторические события, о которых я вам рассказал в начале нашей беседы, и еще ряд вопросов, которых я не коснулся. Разделите между собой очередность и прочитайте… Вы отстали. Нужно догонять, — посмотрев на меня и, видно, заметив на моем лице недовольство, пояснил магистр.
Во-первых, кто в этом виноват, а во-вторых, от кого, собственно, отстали? Специализация еще и не начиналась, а на всякие общие предметы мы со Стефи честно ходим… Похоже, Николас решил сразу «завернуть гайки», чтобы мы не расслаблялись… Ладно, посмотрим, полистаем…
— Эри, а что у тебя было с варгами? — спросила Стефи, едва мы раскланялись с магистром в коридоре и направились к выходу из здания. — Ты мне не рассказывал!
Еще б я тебе рассказывал, как в ошейнике бегал! Щас! Взял прямо так и рассказал! Вот любопытная… Переключаем внимание…
— Живые мертвецы! Прошлое, современное, настоящее… Отличное чтиво на ночь! Ты как? Первой будешь читать? — спросил я Стефи, раскрыв талмуд где-то посредине и сделав вид, что прочитал заголовок, хотя там было написано совершенно другое.
— Брр! — передернула она плечами и с испугом посмотрела на книгу в моих руках. — Давай… лучше ты, — молитвенно сложив ладошки, повернулась она ко мне, просительно-робко глядя из-под длинных ресниц.
— Хочешь, чтобы меня первого съели? Да-а-а? Хитрая какая! Ну ладно. Я первый. Но если завтра на завтрак не выйду — все, беги спасай! Иначе хана. Договорились?
— Э-э-э… — раздалось мне в ответ.
Ну и ладно. Про варг ты забыла. По крайней мере, хотя бы на сейчас…

> «Кольцо темного огня» — создает расширяющееся кольцо тьмы. Применяется против нескольких противников».
> Ага… Понятно…

«Лепесток темного огня» — создает всепожирающий сгусток тьмы, безотрывно следующий за назначенной жертвой. Выбранная жертва помечается с помощью заклинания «метка тьмы»…
Ну прямо-таки всепожирающий… Как-то сомнительно это…

«Прах» — создает расширяющееся облако тьмы, превращающее в прах все материальные объекты, с которыми оно соприкоснулось. Применяется против нескольких противников…
Что ни заклинание, так прямо антиматерия! И все массуха…

«Копье тьмы» — разновидность заклинания «прах». Отличие от него заключается в направленном движении сгустка тьмы, что значительно повышает смертоносность и выборочность цели заклинания…
О! Вот эта штука, похоже, более снайперского действия!

Чем я занимаюсь? Ха! Темную магию изучаю! Точнее, вспоминаю… Упасть не встать, как говорится, спасибо тете Хель! Или спасибо мне, что я такой умный! Вечером перед сном я взял в руки книгу Николаса. Полистать… Как и обещал магистр, вначале была история, назывались имена, даты, места, где все происходило. В общем, ничего интересного… Но, долистав книгу почти до конца, я неожиданно наткнулся на интересный раздел.
«Глоссарий заклинаний
» — так гласила надпись вверху листа, с которого он начинался. По сути это был безобидный список названий с левой стороны, а с правой были короткие пояснения — как эти заклинания действуют и как их применять. Однако в списке оказалась одна забавность. Названия слева были написаны на древнем языке, который я не знал, но «вспомнил», едва только увидел иероглифы. Причем не только язык вспомнил, но и заклинания! Стоило прочесть название, как в голове откуда-то из ее глубин всплывало знание. Небольшая сосредоточенность — и вуаля! Я четко знаю, как его выполнить! Хватило бы только силы… Короче, за тот час, который я скоротал с книгой, я крепко продвинулся в знаниях темной магии.

Вот умора, подумал я, переворачивая страницу. Знал бы магистр, чем я тут занимаюсь! Не знаю, как насчет обрадоваться за меня, но озаботиться он бы точно озаботился. Интересно, эти заклинания куда вообще относятся, к какому уровню? Не дай Сихот, они к высшему темному пилотажу относятся. Да еще к «утеряны»… Ну и смеха будет, если я их как-нибудь при случае выдам! Но могут и не понять… юмора. Могут не понять… Так. Что там у нас дальше? Проклятия? Тоже интересно! Где бы мне такую же книжку по порталам взять? Спрошу у Николаса в следующий раз… Может, у него еще чего завалялось? Пусть принесет…

Гости дорогие

— Господин студент, господин студент!
Та-а-ак. Опять… привратный мальчик! На этот-то раз кто? Это он, это он, мой зубастый почтальон, переиначил я вспомнившийся земной стишок. Если опять они — в сад сразу! Однако, если опять они… То чего же им нужно? Хм…
— Господин студент! Вас ждут у ворот!
— Кто? — поинтересовался я, одновременно нащупывая в кармане мелкую монетку мальчишке.
— Не знаю… Не назвались. Сказали просто вас найти.
— Тетки? С зубами?
— Нет. Господин с госпожой.
— Ладно… На вот тебе!
— Благодарю вас, господин студент.
— Дуй давай.
Варга? А почему внутри, за воротами? Сегодня что, день открытых дверей? Кто ее сюда пустил, не понял я, увидев стоящую почти спиной девушку в высоких, выше колен, черных

сапогах и костюме, очень смахивающем на парадный варговский… В Этории такие видел. Рядом с девушкой, как-то вежливо изогнувшись, похоже, старший караульный и парень, в дорожном костюме серого цвета. Знакомый… такой парень… Ба! Да ведь это принц! А это не варга, а ее высочество принцесса Сюзанна! Зачем она так вырядилась? И вообще, что они тут делают? Они что… Неужели в гости приехали? Если да, то вот уж не ожидал! Так, сначала выдаем фюююють принцессе по поводу ее костюма… Не зря же она его надела? Пока я все это обдумывал, ноги продолжали нести меня вперед и внесли уже в «зону обнаружения». Их высочества заметили меня и развернулись в мою сторону.
— Добрый день, ваше высочество! — подойдя на приличествующее расстояние, я сделал поклон, приветствуя принца, и повернулся к Сюзанне: — Ваше высочество, я просто не нахожу слов! В этом костюме воительницы вы просто неотразимы! Еще издали, едва завидев столь изящный силуэт, я подумал: кто эта стройная красавица? А это вы, ваше высочество!
Принцесса Сюзанна благосклонно внимала расточаемым мною дифирамбам, чуть наклонив голову к плечу и приподняв правую бровь. Однако лицо ее сохраняло выражение, приличествующее императорской особе. Немного высокомерное и чуточку снисходительное. И еще слегка дружественное. В общем, как полагается принцессе. Если говорить честно, не такая уж у нее и идеальная фигура. Бедра широковаты. И попа… большеватенька. Но большеватенькая попа, скажем так, не смертельный недостаток для молодой девушки…
Эк ты заговорил про попу. Прям эстет, хмыкнул внутренний голос. Раньше вроде пожестче был в критериях. Или нет?
Принцессам — скидки!
А-а-а… Сегодня, оказывается, день распродаж! А я-то думаю…
— Рады вас видеть, князь, — приветствовал в ответ меня принц, едва я закончил с комплиментами Сюзанне. — Знаете, мы тут как-то скучали с сестрой, скучали и вспомнили, что вы нас приглашали в гости. Вот, решили заехать. Так что принимайте гостей, как говорится…
— С превеликим удовольствием!
— Только прошу вас, Эриадор, давайте отставим в сторону этот этикет. В нашей жизни его достаточно. Иногда хочется пообщаться так, по-простому, как… как студенты! Вы понимаете, о чем я?
— Вполне. С удовольствием покажу вам университет и проведу вас по его памятным местам… (Что ты несешь? Ты их что, знаешь?) Мм… А знаете что? Как студенты, говорите? Тогда можно сделать еще интереснее! Переодеть вас в студентов! У меня и Стефании есть зеленые мантии. Вы снимете свои камзолы и сверху, на рубашки, их наденете. Раз, два, и в университете появятся два новых целителя-первокурсника! Народу много, пока разберутся, вы некоторое время сможете побыть незаметными.
— Здорово! — Сюзанна легонько-легонько и беззвучно захлопала ладошками, изображая аплодисменты. — Я хочу!
На ее лице ясно читалось желание попроказничать.
— Главное, чтобы размер подошел. — Я окинул поочередно принцессу и принца взглядом. — Но думаю, проблем у нас не будет…
— А где баронесса? — поинтересовался принц. — Мы думали, что вы всегда вместе…
— Ну что вы! У нас есть достаточно много несовпадающих интересов, чтобы мы проводили не все время вместе.
— Понятно… — Принц очень внимательно, пристальным взглядом посмотрел мне в глаза. — Тогда нам нужно отправиться за ней. Мы ведь к вам двоим приехали в гости.
— Зачем? Сейчас пошлем мальчишку…
Я покрутил головой, оглядываясь по сторонам. Как назло, посыльных не было. Ни одного! Наверное, это начальник караула их услал тревогу поднимать по поводу прибытия в университет сиятельных особ. Перед воротами ва-а-абще было пусто!
— Как-то никого нет, — констатировал я, обращаясь к гостям. — Но не стоять же нам у ворот! Пойдемте потихоньку. Наверняка кого-нибудь встретим…
— Может, нам тогда все же самим к ней пойти? — снова повторил свою идею Диний. Чего он к ней рвется? Понравилась, что ли? Принцесса тоже покосилась на брата и чуть насмешливо приподняла брови.
— Наверняка она сидит у себя за книжкой. Если мы к ней заявимся без предупреждения, то это будет для нее шоком. А потом мы будем стоять под дверью, пока она в панике будет метаться по комнате, собираясь. Это же девушка, принц. А для девушек срочные сборы — это трагедия…
Принцесса одобрительно посмотрела на меня и чуть кивнула. Мол — истинную правду глаголешь!

— Я предлагаю пока пройтись по зеленой части университета, к оранжереям… Где-то там живет невидимый поросенок… — Пожалуй, это единственная история про университет, которую я могу рассказать… Хе-хе. А потом пусть Стефи отдувается! Она местная. Наверняка какие-нибудь байки знает! — Это интереснее, чем стоять под дверью.
— Я слышала историю про боевых свиней. Отец рассказывал. Это про них? — поинтересовалась принцесса.
— Почти, — уклончиво ответил я. — А вот кто-то нам навстречу идет! Вот мы его и попросим…
Вау! Кого это к нам вынесло! Алистера! Нарочно, как говорится, не придумаешь… Ну сама виновата. Нечего по территории шататься в праздности!
Алистера замедлила шаг, приглядываясь к моим спутникам.
— Рад вас видеть, графиня!
Я остановился и сделал вежливый поклон Алистере. Та ответила на него кивком, продолжая разглядывать наряд Сюзанны.
Принцесса едва заметно нахмурилась, окинув в ответ взглядом Алистеру. И хоть маска высокомерия на ее лице даже не дрогнула, в ментале было слышно, что Сюзи недовольна. С чего бы, подумал я. А-а-а! Ясно!
Алистера была в парадной мантии. Ярко-красная ткань, ушитый, облегающий верх с редкой золотой ниткой очень хорошо подчеркивал все, что следовало подчеркивать. Невысокий воротник-стоечка, белый, явно шелковый платок под ним. На рукавах, внизу, по три широкие горизонтальные вставки рубинового цвета в черной окантовке. Похоже, из настоящего камня. Черное — символ пепла, красное — символ огня. Плюс отороченные золотом края рукавов и воротника, золотые кольца и серьги с красным камушком. И конечно же волосы. Золотистые волосы с красным отливом, свободно рассыпанные по плечам. Алистера выглядела эдаким языком пламени. Живым и переливающимся. А высокомерия на лице у нее, пожалуй, не меньше, чем у принцессы. Ну прям точно принцесса! А принцесса тут только одна… И соответственно красавица тут может быть только одна. И ясно, кто это…
— Графиня, вас словно само небо послало нам! Ваши высочества, позвольте вам представить — графиня Алистера Эберардо, маг огня.
Высочества милостиво кивнули и улыбнулись дежурной улыбкой.
— Графиня! Его высочество принц Диний! Ее высочество принцесса Сюзанна!
Лицо Алистеры удивленно вытянулось, и она с недоверием уставилась сначала на Сюзанну, а потом на Диния.
Она их никогда не видела, понял я, наблюдая за ее ставшим подозрительным взглядом. Наверное, думает, что ее разыгрывают! И как теперь быть?
Но тут мне на помощь пришел Диний. Слегка искривив край рта, он поднял руку к вороту и вытянул за цепочку желтый кругляш. Медальон с каким-то изображением на нем. Ну если для меня он ничего не значил, то Алистера его узнала.
— Ваше высочество! — сделала она по всем правилам реверанс.
Наверное, это знак принадлежности к императорской семье, пришел я к выводу, наблюдая, как вздохнувший принц опять отправляет его за воротник. Ну и славненько! Статус-кво подтвержден!
— Графиня, — обратился я к Алистере, — его высочество принц Диний просит вас оказать ему небольшую услугу. Дело в том, что он с сестрой приехал в гости к своей знакомой, Стефании Терской, и нигде не может ее найти. Не могли бы вы помочь, сходить к ней и сообщить, что его высочество принц и ее высочество принцесса ждут ее возле оранжерей?
— Э-э-э… — Лицо Алистеры, до этого сияющее от лицезрения императорских особ, погасло и вытянулось.
— Но… — неуверенно начала она.
— Не сомневаюсь, что вы не откажете принцу в его маленькой просьбе! Не так ли, ваше высочество?
— Да. Я был бы признателен, — ответил принц, которому я адресовал свой последний вопрос.
— Да. Это было бы очень мило с вашей стороны, — поддакнула Сюзанна, бросив несколько быстрых взглядов на меня и Алистеру.
— Хорошо. Конечно, я помогу его высочеству… — после продолжительной паузы, во время которой, видно, происходила борьба в ее душе, ответила Алистера.
— Благодарю вас! — Принц поклонился ей.
— Вы позволите мне удалиться? — делая реверанс, ответила она.
— Да. Извольте.

Алистера повернулась и не очень торопливо пошла по дорожке назад, держа при этом как-то неестественно прямо спину. Я бы сказал — ошарашенная походка ошеломленного человека…
— Князь, я же просил вас — давайте без политесов! — недовольно прошипел в мою сторону Диний, когда Алистера удалилась на приличное расстояние.
— Увы, принц, увы, — ответил я, глядя в спину удаляющейся девушки, — это та особа, которая палец о палец не ударит, если вы не принц. Но вам повезло — вы принц. И она пошла… стукать пальцами…
— М-да? А мне она показалась весьма красивой девушкой… — задумчиво промолвил Диний, глядя вслед Алисте.
Да. Очень даже красивая, согласился про себя я с ним. И попка у нее… поаккуратнее, чем у принцессы… покруглее… так.
— Уж поверьте мне… Я тут не первый день обретаюсь… — ответил я, отворачиваясь от Алистеры. — Кстати. Меня и Стефанию она считает своими врагами…
— А вы? — живо отреагировала принцесса.
— Я смеюсь… — улыбнулся я.
— А зачем вы тогда послали ее к Стефании? Маленькая месть? Да? — с неподдельным интересом спросила Сюзанна.
— Это же забавно, когда к тебе приходит посыльным твой враг и сквозь зубы, с ненавистью сообщает, что тебя ждет принц! Стефи обалдеет.
— Ха-ха-ха! — рассмеялась Сюзанна. — А вы, князь, интриган!
— Ну… какая это интрига! Так. Маленькая ответная шпилька…
— Не такая она и маленькая. Особенно для девушки… — Принцесса оценивающе оглядела меня с ног до головы. Во взгляде ее было одобрение. — У вас тут, похоже, как у нас во дворце. Тайные интриги, борьба за власть… Вы мне расскажете, что тут у вас происходит? — доверительно спросила Сюзанна, беря меня за локоть и заглядывая в лицо.
— Вы имеете в виду… последние сплетни?
— Пусть сплетни…
Принц с неудовольствием глянул на сестру, но ничего не сказал.
Совсем принцесса заскучала у себя во дворце, подумал я, глядя ей в глаза. Но пересказывать ей сплетни? Сорри… это не ко мне…
— Жаль, но в местных хитросплетениях я не очень… Да и Стефания, пожалуй, тоже. Мы с ней темные маги, и нас не то чтобы совсем, но избегают. Обо всем узнаем, как правило, последними…
— Вот как? — Разочарование в голосе.
— Но я попробую развлечь ваше высочество рассказами кое-каких историй, которые случились со мной в жизни. Некоторые из них мне кажутся забавными…
— Да? Ну хорошо…
— Тогда начнем наше путешествие! Сейчас вы находитесь во дворе Столичного университета магии. Справа от вас парадная лестница, ведущая в зал испытаний. Именно на ней первого сентября выстраиваются в ожидании…
(Некоторое время спустя, где-то рядом с оранжереями)
— …В университете существует легенда о невидимом поросенке… — Я проводил взглядом вприпрыжку промчавшегося по соседней дорожке мальчишку-посыльного и продолжил: — Студенты верят, что тот, кто услышит его хрюканье, никогда не «срежется» на экзамене…
Ну где эта Стефи пропала?!

— Господин главный эконом, господин главный эконом!
— Чего тебе? — недовольно оглянулся тот на запыхавшегося мальчишку-посыльного. В данный момент они на пару с главным агрономом осматривали отремонтированную теплицу на предмет подготовки к весенним посадкам. Выходило так, что нужно было еще денег. И это ему не нравилось.
— Господин главный эконом! Эрт Олис, старший на воротах, сказал, что в университет приехали их высочества — принц и принцесса! Он послал меня сказать об этом господину ректору, но его нет. Господин секретарь сказал — никого нет! Есть только вы, и вы самый главный!
— Чего-о? — обалдело протянул господин старший эконом, вытягиваясь в лице.
— Вы самый главный! И секретарь просил передать, что вам нужно встретить принца и принцессу!
— Да он охренел, этот секретарь! Он зачем там сидит? Пусть идет и встречает! Я-то тут при чем?
— Не знаю, господин! Он сказал, что вы самый главный. Наверное, поэтому.

— Идиот… Я главный? Ладно, я с ним поговорю! Как главный?! А где принц с принцессой? Зачем они приехали?
— Не знаю, господин! Меня сразу услали. А видел я их тут, рядом. Сразу, как с дорожки сворачиваешь!
— Ладно! Иди.
— …! — с чувством сказал вслед убегающему мальчишке господин эконом. — Вот ведь принесло! Что, предупредить не могли? Заранее. Отлично! Значит, все всё бросили и разбежались. А мне — отдувайся за них! Даже переодеться нет времени! Тьфу! Пошли, — буркнул он агроному, поворачиваясь к выходу, — посмотрим, что там… Не одному же мне отдуваться!

Эри

Вдали, за рядами кустов с опавшими листьями живой изгороди появились две знакомые фигуры. А, господин эконом и господин агроном! И идут, похоже, к нам… Только им нужно будет сделать круг, обходя теплицы, чтобы выйти сюда.
А что, если?.. Мне пришла в голову совершенно дурацкая мысль. О-о-о да-а-а!
— …с ним связан обряд неофициального посвящения в студенты, — резко ускорил я темп рассказа. — Официальный — в главном зале, а неофициальный тут. Первокурсники прячутся в кустах и хрюкают оттуда, подманивая невидимого поросенка, а старшие курсы и преподаватели ходят мимо кустов по дорожкам и хрюкают в ответ, якобы поросенок прибежал! Все происходит очень весело и шумно! А хотите тоже стать студентами? Пройти посвящение? — напористо обратился я к Динию и Сюзанне, которые, наморщив лоб, пытались представить, как может выглядеть такое действо со стороны. По мне так — совершеннейший идиотизм! Но в ментал я при этом усиленно транслировал уверенность и правдивость. — Вон как раз идут два преподавателя! Скорее залезайте в куст и, когда они будут проходить мимо, несколько раз хрюкните! Они хрюкнут в ответ, и все — вы, считай, студенты! Все знают эту шутку!
— Да-а? — неуверенно протянула принцесса, глядя на большущий куст вечнозеленого чего-то там, росшего у дорожки. — А… а как мы туда залезем?
— Давайте с той стороны! — скомандовал я. — Пригнулись и перебежками, перебежками! Пошли!

Главный эконом университета размашисто шел по дорожке, внутренне кипя от возмущения.
«Нет, ну что это такое? — думал он. — Как так можно? Ни с того ни с сего беги, встречай детей императора! Не подготовившись, не переодевшись. Бросай все и несись! Как так можно? Что я с ними буду делать? Никогда такого не было, чтобы кто-то из императорской семьи приезжал вот так вот, с бухты-барахты, без предупреждения… И нет тут никого на дорожке! Похоже, это чья-то шутка! Ох и не поздоровится же шутнику, если это так!»
— Хрю-хрю, — робко и тоненько внезапно прозвучало из куста справа.
— Гм… гм… Хрр-хрр, — прокашлявшись, более солидно поддержали секундой позже из того же куста.
«А чтоб вас! — подпрыгнул от неожиданности главный эконом. — Когда ж вы наконец нахрюкаетесь, идиоты! Вот понабрали на свою голову… придурков!»
— А ну СТОЯТЬ! — что есть сил заорал эконом, разворачиваясь на звук и сбрасывая в вопле накопившееся раздражение. — За мной! — Он призывно махнул рукой агроному и ринулся в куст…

Эри

— Ой, я не могу! Ха-ха-ха! Ой, не могу! Ха-ха-ха! Ой, держите меня! Ха-ха-ха!
Я стоял у стенки, упершись в нее плечом и головой, чтобы не упасть на ослабевших ногах, и буквально рыдал от смеха.
— Эри, ты придурок! — убежденно произнесла Стефания, сердито поблескивая на меня темными глазищами. — Ну как ты до такого мог додуматься? Это же принц! И принцесса! А ты их уговорил изображать поросенка! Как ты вообще такое мог придумать? А если бы они обиделись? Ты вообще думаешь, что ты делаешь?
— Ха-ха-ха! Да нормально! А-а-а-ха-ха! Они нормальные! Ха-ха-ха! Ой, не могу!

— Кто — нормальные?
— Принц с принцессой! Ха-ха-ха!
— Сколько можно смеяться?
— Ты себе просто не представляешь! Если бы ты только видела их рожи! Особенно у эконома с агрономом, когда они поняли, кого они вытащили за шкиряк из куста! Ой, умора! А у принца с принцессой? У них та-а-акие глаза были! Они тоже не знали, что делать! Их, видно, никто еще из кустов так не выдергивал! Ха-ха-ха! И тут все это действо сверху покрыла императорская охрана! Ха-ха-ха, проснулись! Ты только представь — охрана держит за шкиряк эконома с агрономом, те держат за шкиряк принца с принцессой… И у всех та-а-акие рожи! Включая охрану! Это было всего мгновение, но како-ое! Ха-ха-ха! Ой, не могу!
— Тебе нужно извиниться! — непререкаемым тоном произнесла Стефи.
— Ой, да ладно, брось! Они же сюда приехали посмотреть на веселую студенческую жизнь! Вот и посмотрели! Даже и поучаствовали! Ха-ха-ха!
— Что ты все смеешься? Уже сколько времени прошло. Это же все до обеда было. Вечер уже.
— Ты не понимаешь! Я целый день терпел! Знаешь, как распирало и как хотелось? Если бы я засмеялся, вот тогда бы они точно обиделись бы! А так, как видишь, нет! Все довольны… Даже главный эконом не бухтит. Жаль, ты не слышала, как он поддакивал мне, когда я объяснял охране про старинный университетский обычай. И агроном тоже. Так уверенно кивал! Все! Новому обычаю в университете — быть! Вот увидишь, в следующем году они на пару всех первокурсников силком рассуют по кустам! И хрюкать заставят! Ха-ха-ха!
Стефания только головой покачала.
Да, забавно все вышло. Только эконом обиделся. И агроном. И принц с принцессой надулись. Вида никто не подал, чтобы дураком не выглядеть, но я прекрасно уловил настроения. Вполне возможно, что они мне это припомнят. Но я ведь не со зла, ведь правда? Значит, они будут неправы, если возьмутся мстить… После моего розыгрыша, когда я убедил охрану, что это всего лишь забавная дань традиции и ничего больше, события стали развиваться дальше. Я наконец догадался позвать Стефи телепатически, вспомнив, что мы можем с ней общаться и так. Алиста до нее так и не дошла. То ли заблудилась, то ли ослабела в пути… Или просто не смогла себя пересилить. Скорее, последнее. Вообще, пожалуй, пора заканчивать ее притравливать. Противник она слабый, ничего противопоставить не может. Мне тем более, а Стефи уже малость оперилась. Алистке ее уже просто так не съесть. А принц прав… Снаружи Алистера весьма симпатичная гейша…
Короче, с моей подачи, разумеется, желая быстрее сплавить нас всех со своих глаз, эконом организовал высочествам две мантии, и дальше они бродили по университету, прикидываясь студентами. Принцесса себе выбрала голубую мантию мага воздуха, посчитав, что этот цвет ей идет больше всего, а принц сразу ухватился за красную мантию мага огня. Мои надежды на то, что Стефания может что-то рассказать, оправдались. В отличие от меня, она гордилась тем, что поступила в знаменитое учебное заведение, и историю университета знала. Поэтому дальнейшее звуковое сопровождение экскурсии я спихнул на нее, благо она совершенно этому не сопротивлялась. Стефи с удовольствием рассказывала все, что знала, и у нее хорошо получалось. Единственно, не знаю, как у Сюзанны… но лично у меня возникло ощущение, что рассказывает она только принцу… И смотрит только на него…
Посидели в пустой аудитории, прошлись по всем этажам, заглянули в библиотеку, спортивный комплекс, парадный зал (оранжереи мы уже посетили, хе-хе). Сходили на обед. Принцесса с удовольствием накладывала себе всего по чуть-чуть.
Н-да… попе похудание не грозит, подумал я, увидев размеры натюрморта на ее тарелке.
Несмотря на каникулы, народу в университете осталось много. Каникулы короткие, всего неделю, поэтому за столь малый срок при существующих средствах передвижения доехать докуда-нибудь и вернуться было проблематично. Уехали те, чьи родители жили рядом, в одном-двух днях пути. Но таких, понятное дело, было немного, основная масса осталась в университете, скучать. Поэтому желание их высочеств быть незаметными не сбылось. Появление незнакомых лиц вызывало неподдельный интерес, сопровождаемый пристальным разглядыванием и шушуканьем между собой. Потом где-то произошла утечка информации, и за нами появился хвост любопытных. Хвост рос и рос, рос и рос, таскаясь за нами по коридорам и лестницам, и в конце концов превратился прямо в какую-то демонстрацию.
Трудно быть звездой, подумал я и обратился к принцу с предложением задействовать административный ресурс. Принц выслушал, согласился и дал команду к действию охране. Так что в бильярд мы учились играть за закрытыми дверями.

— Закрыто! На спецобслуживание! — крикнул я в щель закрываемой двери, в недовольные лица толпящихся за ней. Конечно, популярности такие действия мне не принесут, но зато поиграли спокойно. Покинуть холл я предложил через окно.
— Через окно? — с подозрением спросила принцесса.
Что-то как-то недоверчиво она стала относиться к моим идеям… Прямо как Стефи…
— Принцесса, а когда вы последний раз лазили в окно?
— Ну… — задумалась та. — Я вообще не лазила!
— Вот! — поднял я вверх правую руку с оттопыренным указательным пальцем. — Вполне возможно, что это ваш единственный шанс в жизни вылезти в окно! Не упустите! Если раньше не было случая, то весьма возможно, что и в будущем его просто не будет. В коридоре толпа, а так мы от нее оторвемся. Вам не надоели эти… глазеющие?
— Надоели… — вздохнула она.
— Тогда все в сад! Через окно!
В окно лезли по очереди. Сначала двое из охраны, для «зачистки и удержания плацдарма, если вдруг что», потом вылез принц. Ему на руки спустили Стефанию, потом принцессу, которую я придерживал, чтобы она не сорвалась, потом выбрался я и оставшиеся секьюрити. Окромя меня и охраны все были в восторге. Стефи тем, что принц подхватил ее и несколько секунд подержал на руках (принцу этот момент тоже, похоже, понравился). Принцесса была в восторге, что первый раз в жизни вылезла в окно и сбежала. Охране такое откровенное детство не понравилось, но она молчала. Я же был нейтрален в чувствах. Пошли ко мне. Быстро накидал несколько шаржей на нас четверых. Посмеялись. Пообещал принцессе нарисовать портрет. Заметили мою гитару. Взяли гитару, пошли к Стефи за ее инструментом. Принцесса очень внимательно рассматривала портрет Стефании и все рисунки, что я для нее сделал за все время. Принц тоже в этом участвовал. И не менее внимательно. Потом пошли на воздух, на нашу со Стефи скамеечку, где мы любили музицировать. Поиграли вместе со Стефанией, потом она отдельно, потом пристали ко мне, чтобы я спел.
— Что именно? — поинтересовался я, прижав пальцем разом все струны на грифе.
— Что-нибудь… про любовь, — попросила принцесса.
Ее взгляд, обращенный на меня, в начинающихся сумерках был глубок и таинственен… Романтика и свобода вырвавшейся из дома, прокомментировал я про себя сей взгляд и прикинул, что можно спеть. Хм… песен про любовь много. Но не уподобляться же в завываниях дворцовому менестрелю? О! Есть вариант! В том числе и для других слушателей.
Я кинул взгляд на собравшихся вокруг нашей лавочки вновь обнаруживших нас любопытных. Хе-хе.
— Хорошо, про любовь так про любовь, — согласился я и тронул струны:

Моя трагедия комедий балагана смешней
И потому безумно мне дорога,
Я научился находить себе прекрасных друзей,
Но не могу найти по силам врага-а-а,
Но не могу найти по силам врага-а-а.
(…)
Я умираю… в пустоте… неразделенной любви-и-и.

Я жду тебя, о мой возлюбленный враг
[34]
.

Тишина. Народ обдумывает неожиданное окончание песни…
— Браво! — произносит принцесса. — Браво! Мне понравилось! Спой еще!
Еще так еще… Я исполнил еще несколько песен на французском и итальянском. Тут стало окончательно темнеть. Зима. Солнце садится быстро.
— Домой пора, — вздохнул принц.
— У-у-у… Не хочу домой! — капризно заявила Сюзанна. — Я замерзла и хочу чаю! И есть хочу. Пойдемте поедим! А потом поедем…
— А где? — спросила Стефания. — У нас до ужина еще почти два часа, а «Стекляшка» закрыта… В ней труба сломалась.
— Как труба сломалась?

— Трубочист чистил, и какие-то камни внутри вывалились… Чинят.
— А… понятно…
— Можно пойти на площадь, — предложил я, — там всяких трактиров — уйма!
— Ой! Пошли! — обрадовалась Сюзанна и легонько захлопала в ладоши. — Хочу! Хочу! Хочу!
— Хм, — скептически хмыкнул принц, — вряд ли охрана согласится. Мы ведь только в университет ехали.
— Ну-у-у… Ди! Ну договорись с ними! Прикажи! Ты же принц!
— А ты принцесса.
— Ну Ди-и-и! Я кушать хочу… И чаю… Я замерзла! Ди-и-и…
— Ладно, щас…
Принц встал и, подойдя к начальнику охраны, начал негромко с ним беседовать. Разговор затянулся. Начальник уговариваться не желал и постоянно отрицательно качал головой.
— Добрый он, — глядя на это действо и имея в виду брата, вздохнула принцесса. — Не умеет. Я умею!
Сюзанна поднялась на ноги и направилась показывать как надо. Та-а-акое нытье началось! Да с таким количеством голословных обвинений! О желании погубить принцессу, не дав ей горячего чая и крошечки еды… Мучительная смерть от голода и холода… Плюс обещания пожаловаться маме, папе и начальнику начальника охраны… Капризуля-профессионалка! В общем, минуты за три Сюзанна начальника охраны «дожала». Тот только выторговал, что сразу после трактира все лезут в карету — и домой! И до трактира — в карете! В общем, их высочества пошли снимать мантии и переодеваться в одежду, в которой приехали, а у нас со Стефи выдалась свободная минутка, когда я как раз и успел отсмеяться.
— Ладно, пошли, — сказал я Стефании. — Наверное, они уже переоделись. Карета ждет!

— Замечательный вечер! — искренне сказала Сюзанна. — Мне очень понравилось.
Я стою с ней, она впереди, я чуть сбоку и сзади, перед витриной трактира, где мы вчетвером завершили этот день достаточно затянувшимся ужином. Прощаемся. Карета стоит рядом, в проулке, а принц со Стефи расстаются у другого столба. Перед входом в трактир, слева и справа, врыто два здоровенных прямоугольных столба, на которых держится балкон со столиками. Второй этаж. Оттуда открывается отличный вид на площадь. Мы там и посидели. И после ужина как-то так вышло, что мы с Сюзанной пошли к левому столбу, а принц со Стефи к правому.
— Мне бы хотелось, чтобы… — начала принцесса, оборачиваясь ко мне.
Бамч!
Яркая алая вспышка ударила по глазам. И одновременно меня ахнуло по левому плечу. Огрело так, что развернуло и пихнуло спиной вперед к Сюзанне.
— Ой! — испуганно вскрикнула она.
Как больно-то! Смотрю на плечо. Наружу торчит здоровенный четырехгранный наконечник стрелы. Чуть сплющенный кончик, весь в крови. Крошечный, прилипший к нему осколок белой кости. Вид ужасный. Особенно ужасно, что все это торчит из моего тела! Больно…
— Шагеш-шш шасха… — выдыхаю я сквозь сцепленные зубы на эсфератском.
Боль отступает. Тут же ставлю щит. Ну и что, что слабый? Что есть, то и ставлю!
Бздынь! Быщщщщ, быыщщщщ!
Стеклянная витрина сзади обрушивается вниз водопадом осколков, разбитая прилетевшей стрелой. Стреляют, однако!
Подхватываю принцессу правой рукой и, сделав шаг в сторону, припечатываю ее спиной к столбу, наваливаясь на нее всем телом.
— Замри, — шепчу ей на ухо.
По левой руке течет. Вот гадство! Осторожно выглядываю одним глазом за край столба. Кто там такой косорукий? Через площадь на крыше дома замечаю движение. Две фигуры, взмахивая для равновесия арбалетами в руках, вскакивают на ноги и устремляются вверх по скату. Похоже, отстрелялись и спешат на выход… А еще такие есть?
«Эри-и-и!»
«Не ори…»
«Эри-и-и-и! Что делать?!»
«Бей их!»
«Как?»
Вспоминаю заклинание «копье тьмы» и пытаюсь представить последовательность.
«Как это?!»
«Как свечку гасишь!»

И тут конкретно ахнуло. По ощущениям, внутри меня словно волна промчалась. Срывая, ломая и расшвыривая в стороны все, что попалось ей на пути. Острая, дикая боль.
Паххх!
Крышу с арбалетчиками и половину верхнего этажа как ветром унесло. Над огрызком дома на фоне темного неба кувыркаются мелкие деревяшки и какие-то падающие обрывки.
Опускаю глаза. Стефания стоит, заслонив собою принца, широко расставив ноги и вытянув вперед руки с растопыренными пальцами. Секунда-другая, и она начинает заваливаться вперед, все так же держа прямо вытянутые руки. Мне тоже плохеет. В глазах меркнет, внутри, в районе сердца, горла, течет что-то горячее, ноги подгибаются. Я, малость обмякнув, обвисаю на принцессе.
Тук-тук-тук-тук-тук! — стремительно стучит мне в грудь ее испуганное сердце.
Рядом, совсем рядом, большие перепуганные глаза и нежные, приоткрытые губы…
Наклоняюсь и впиваюсь в них жадным поцелуем…
Прощальное лобзание? В голове звучит насмешливый внутренний голос. Ты же сейчас сдохнешь, идиот! Брось!
Не отвечая, медленно, как сквозь какое-то марево, думаю: и действительно… зачем я ее целую? Но тут окончательно темнеет в глазах, и я, съезжая по Сюзанне вниз, проваливаюсь во тьму…

Во дворце

— Докладывай, — хмуро сказал Альвеар Хайме.
Было раннее утро. За окнами императорского кабинета начинался неяркий зимний день. Невыспавшийся император, нахохлившись, сидел за своим столом, недовольно глядя на первого советника.
— Гм… гм… Предварительные выводы таковы, — начал советник, прочистив горло. — Нападавших было двое. Вооружены они были арбалетами. Каждый из них выстрелил один раз. Первый выстрел был сделан стрелой с гномьей магией. Так называемый дварфовый болт. Стрелявший, видимо, промахнулся, но скорее защитный амулет ее высочества отклонил стрелу и она попала в находившегося рядом студента магического университета, князя Эриадора Аальста. Аальст был ранен в плечо. Злоумышленники, похоже, знали, что с первого раза они могут не достичь цели, поэтому произвели второй выстрел, но уже обычной стрелой, в расчете на то, что амулет принцессы перестанет работать после первого выстрела. К счастью, и тут стрелок промахнулся, и стрела ни в кого не попала, угодив в витрину сзади. Увидев, что они не достигли цели, стрелявшие предприняли попытку скрыться, однако сделать это им помешала баронесса Стефания Терская, тоже студентка магического университета. В результате примененного ею заклинания злоумышленники были уничтожены вместе с половиной дома, с которого они стреляли. Причем уничтожены так, что тел их не осталось. Маги, осматривавшие место происшествия, не смогли определить, какое именно заклинание было использовано, но едины в определении его природы. Это темная магия. Поскольку Аальст и Терская находятся с момента покушения в бессознательном состоянии, уточнить, что она использовала, пока не удалось. Целители у обоих отмечают сильное магическое истощение, что наводит на мысль, что Аальст тоже использовал магию. Что именно, тоже пока неизвестно. Принудительное приведение магов в чувство при их сильном магическом истощении может плохо сказаться на их способностях. Особенно если это происходит первый раз. Ректор университета просил подождать, пока они сами придут в себя. Аальст и Терская будут допрошены, как только состояние их здоровья позволит это сделать… На вопрос: «Кто организовал покушение?» — однозначного ответа в данный момент нет. Утверждаю, что обстановка в империи такова, что активных заговоров в ней сейчас нет. Есть недовольные, но дальше разговоров они не идут. Все они известны, и их списки я вам периодически кладу на стол…
Император кивнул.
— Версия о том, что к покушению причастен кто-то из других государств, тоже достаточно шаткая, — продолжил советник. — Простите, ваше величество, но ваша дочь не является ценной добычей. Она не наследует трон и в данный момент не связана какими-то свадебными обещаниями, которые могли бы создать угрожающий кому-либо союз. В этом плане, несомненно, более интересной целью является ваш младший сын, но стреляли именно в Сюзанну. Наиболее вероятной причиной случившегося мне кажется следующая версия: принцессу перепутали.
— Перепутали? С кем? — прищурился Альвеар.
— У меня имеются доклады агентов о том, что в притонах, среди воровского люда, ходят слухи, что Ульям Валоне и граф Шарте, отцы убитых варгами юношей, назначили награду

в два золотых за каждую убитую варгу. Ее высочество была вчера в парадном варговском костюме…
— Да, Сюзанна была вчера в нем, — кивнул император. — Он был в крови сверху донизу. Проклятье! Я чуть с ума не сошел, когда увидел ее в таком виде! За это кто-то должен ответить!
— Несомненно, ваше величество! Виновники будут наказаны со всей строгостью!
— Кто именно?
— Пока… пока конкретных виновников нет, ваше величество. Обвинить Валоне и Шарте в покушении на ее высочество не представляется возможным. Вполне вероятно, что они даже ничего и не знали о готовящемся. Покушавшиеся на жизнь, по всей видимости, убиты… Скорее всего, это какие-то случайные люди, решившие подзаработать. Дварфовый болт стоит около одного золотого. За варгу платят два. Разница — золотой за один удачный выстрел…
— Что же это? Виновных, получается, нет?
— Прямых, похоже, нет, ваше величество! Я, конечно, закончу расследование. Закончу со всем старанием. Но на данный момент версия случайного стечения обстоятельств мне кажется наиболее… реальной.
— Прекрасно! Мою дочь чуть не убили, а наказывать, получается, некого! А не прямые виновники кто?
— Отчасти виноват начальник охраны, ваше величество… И может быть, сама принцесса Сюзанна…
— Подробнее.
— Был изменен маршрут движения. Поездка предполагалась только в университет и обратно. А покушение произошло на площади рядом с университетом, когда их высочества после ужина вышли из трактира на улицу. Будучи в университете, ее высочество проголодалась и замерзла. И захотела поужинать в трактире. А начальник охраны позволил ей себя уговорить…
— Он что, с ума сошел?
— Тут дело, по всей видимости, в том, что охрана недавно сменилась. Раньше их высочеств охраняли варги, а теперь охрана перешла к подразделению гвардии. Они еще не успели толком освоиться. Это, собственно, их первый выезд. Извините, ваше величество, но, зная вашу дочь, я не удивлен тем, что охрана перед ней спасовала. Принцесса Сюзанна, несомненно, обладает даром убеждения… Тем более что с характером ее высочества они столкнулись в первый раз. Если бы не это нарушение, то ничего бы не было. Их высочества вернулись бы во дворец без всяких происшествий. А за ужином в трактире, который был, как выяснилось, достаточно долгим, принцессу видело немало глаз. Ее высочество приняли за варгу и успели подготовиться к покушению…
— Это не охрана, а я даже не знаю что! Всех, включая начальника подразделения, разжаловать и в дальние гарнизоны!
— Как прикажете, ваше величество.
— Расследование продолжить! Я хочу быть уверенным, что это действительно просто стечение обстоятельств, а не что-то иное! Откуда стрелки знали, что амулет перестает действовать после выстрела по нему дварфовым болтом? Об этом на каждом углу не кричат. А второй выстрел был обычной стрелой. Значит, они знали. Проведите тщательное расследование и отработайте все версии. Все! Мне — подробный отчет по окончании.
— Будет исполнено, ваше величество.
— И организуйте моим детям нормальную охрану. Лично проследите!
— Слушаюсь, ваше величество.
— А когда вы найдете авторов «С варгой в постели»? Ведь если ваша версия о цепи случайных стечений обстоятельств верна, то произошедшее вчера есть результат появления этой книжки. Не будь ее, никто бы не охотился за варгами, не было бы проблем с охраной. И моя дочь не вернулась бы вчера вся в крови! Ее чуть не убили! И в этом виновата книга! Найдите этих горе-писателей, Робэрто о, я требую! Вот кто истинный виновник случившегося!
— Вне всякого сомнения, они будут найдены, ваше величество!
— С нетерпением жду этого, советник.

Эри

Открываю глаза. Как-то фокусируюсь взглядом на потолке. Шо-то как-то не комильфо в организме… плющит… Во рту пересохло. Губы не разлепить… Тьфу! В чем это у меня они? Тьфу! Жир какой-то… сладкий… Сладкий жир? Что за дрянь?
Тыльной стороной правой кисти руки провожу по губам.
Розовый… Розовый сладкий жир… Что это может быть? Помада! Сихот!
Вчерашние события ринулись в голову, как вода в пробоину супертанкера.
Самое яркое из впечатлений — торчащая из моего плеча окровавленная стрела и… и поцелуй!
Похоже, я опять обфукался, с неудовольствием подумал я, вспоминая подробности. Опять я с низшей… Сихот…
Классно ты ее засосал, раздался под черепом бодрый и радостный внутренний голос. Все по науке сделал! Зафиксировал на вертикальной поверхности, обжал конечностями и зажевал.
Стрелы летают, кровища хлещет… Все, думаю, хана пришла! Хоть бы рану как-то попробовать пережать, чтобы не текло так, да куда там! Засос важнее! Чуть дуба не дал, зато вся морда в помаде. Герой! Однозначно.
Отшкрянь… Это не я был… Это тело. Я в этот момент уже сознание от потери крови терял, вот оно и воспользовалось моментом… Я тут ни при чем…
Какое бодрое-то тело! Даже в момент смертельной опасности — одно на уме!
Да… Досталось же…
И что ты будешь делать?
Повешусь…
Прям-таки сразу?
Нет, по частям. Вот гадство-то какое… Вообще возникает вопрос — кто тут главный, я или тело? Это что же, чуть расслабишься, и все? Оно верховодить будет?
Действительно, наглость!
Может, к целителям сходить? Успокоительного какого-нибудь… пошукать?
Жизнь на «колесах»? Феерично…
Я вздохнул. Действительно, если так подумать, ничего хорошего. Постоянно что-то пить? Наверняка последствия будут. Здоровое тело — это гармония, а если в нем что-то целенаправленно угнетать, это будет уже не здоровое тело… Больным быть не хочу! И пусть я в этом теле временно, но, сколько времени мне с ним рука об руку идти, это еще неизвестно. Разволюшен? Ноу, сенкс! А с другой стороны, в любой момент можно ожидать потери контроля… А потом всяческих чудес по возвращении в разум… М-да. Вот и выбирай, Бассо, что тебе милее… Черт-те что!
От входной двери раздался звук. Смотрю в ту сторону. В комнату входит магесса Элеона в темном, отливающем перламутром платье. Волосы стянуты на затылке в узел.
Внимательный, профессиональный взгляд врача. Ее сопровождают две студентки в зеленых мантиях. Старшекурсницы.
— Здравствуй, — кивает мне магесса. — Как себя чувствуешь? Как плечо?
Скашиваю глаза на левое плечо. Как-то я совсем про него забыл. Наверное, потому что не болит. Плечо замотано во что-то белое и по виду твердое. Гипс? Пробую пошевелить. Движение отзывается слабой болью.
— А что с ним? — интересуюсь я.
— Стрела раздробила несколько костей и порвала мышцы. Ты помнишь названия мышц и костей, входящих в плечевую сумку?
— Магесса, как можно такое забыть! — с жаром отозвался я с кровати. — Каждый вечер перед сном произношу эти прекрасно звучащие слова вслух!
— Все шутишь? — иронично поинтересовалась Элеона, усаживаясь на стул рядом. — Ну-ну…
— Больным не возбраняется… Говорят, смех ускоряет очищение организма от шлаков.
— Хочешь почиститься? Как тогда насчет внесения в список процедур клизмы? Утром и вечером? Уж наверняка очищает не хуже, чем смех. И шутить потом легче будет… Мм? Ну как? Записать тебе?
— В наш просвещенный век — и клизмы? Это же варварство, госпожа магесса!
— Веками проверенное средство, которое будет использоваться до тех пор, пока у людей есть кишечник. В наш просвещенный век оно прекрасно вписывается, не беспокойся.
— А кто мне ее будет ставить? Неужели эти красавицы, которые пришли с вами?
Магесса обернулась на оттопыривших губки девушек и ухмыльнулась.
— Все, замолкни, — сказала она, вновь поворачиваясь ко мне. — Нужно будет, найду кого. Я сейчас хочу посмотреть, что там с твоим плечом… Так, девочки, смотрим!
Магесса прикрыла глаза, словно к чему-то прислушиваясь. Девушки поступили так же. Под повязкой внезапно сильно зачесалось. Я с трудом подавил желание поскрести ее пальцами. Так продолжалось минуты три.

— Все хорошо, — произнесла Элеона, открывая глаза, — сосуды восстановились полностью, мышцы почти, остались кости. Неделю в повязке походишь, и все будет нормально…
— Неделю? — удивился я. — Почему так долго?
— Потому что кость растет медленно. А если ты думаешь, что я намерена провести без сна и отдыха сутки, непрерывно отдавая силу и наблюдая за восстановлением, то ты ошибаешься. Твой организм молод и прекрасно справится сам. Время в данном случае значения не имеет. Скорость роста я повысила, девочки будут заходить и смотреть, как у тебя идут дела… Да, девочки?
Девочки синхронно кивнули.
— Тогда все. Вопросы есть, господин первокурсник?
— А где я?
— В университете. Лечебный корпус. Ты в нем еще не был.
— А! Ясно. А как дела у всех остальных? Чем дело кончилось… на площади?
— Принца и принцессу увезли во дворец. Тебя с Терской сюда.
— А что со Стефанией?
— Магическое истощение. Сильное. Впрочем, как и у тебя. Кстати! Кто из вас снес дом?
— Мм… — промычал я, быстро прикидывая, что лучше сказать. — Как-то смутно помню…
— Неужели? — иронично произнесла магесса, наклонив голову и с насмешкой глядя на меня. — Тогда вспоминай! Ведь следом за мной придет дознаватель. Пока не вспомнишь, он от тебя не отстанет.
— Дознаватель? По поводу?
— По поводу покушения на детей императора. Или ты думаешь, что в империи это рядовое событие?
— А… ну да…
— Вопросы кончились?
— Нет. Еще есть… один.
— Слушаю.
— Простите, госпожа магесса… Скажите, есть ли средство, приняв которое мужчина бы не желал делать с женщинами то… отчего рождаются дети?
Пауза. Хмыканье за спиной магессы. Элеона с недоумением смотрит на меня.
— Знаете, Эриадор, — наконец заговорила она, — немногие мои ученики могут похвастаться тем, что им удалось меня удивить. Вы только что попали в их число. Зачем вам это, господин Аальст?
— Мм… В общем, уважаемая госпожа, скажу так. Я подумал, что умираю. Вся жизнь в один миг пронеслась у меня перед глазами. И в этот миг я осознал, что живу отнюдь не праведно… Благодаря вам и богам оставшись жив, я хочу попробовать жить по-другому… иначе… Вы понимаете?
— Очень странно, — после продолжительного молчания, когда она неторопливо, но с неким удивлением разглядывала меня, медленно произнесла магесса. — Стрела попала в плечо, а пострадала почему-то голова… Вы что, решили встать на путь благочестия? Тогда вам в орден. Но вряд ли они вас примут, предупреждаю сразу. И не только потому, что вы темный маг. Светлый путь — путь возвышения духа, а вы, даже еще не ступив на него, начали поиск легких, обходных дорог… Если вас беспокоит поцелуй, которым вы имели смелость одарить ее высочество, то мой вам совет — не портите поступок трусливой попыткой отыграть назад. Это не по-мужски.
— Откуда вы знаете… э-э-э… о случившемся?
— Не ерундите, Эриадор! Вы что, одни там были?
Да, именно — не ерундите! Принцессы они… все на виду. Целовать их незаметно — глупая затея… Однако если магесса в курсе, то и университет, как пить дать, тоже весь в курсе… Я глянул на старшекурсниц и наткнулся на о-о-о-чень внимательные взгляды.
Что и требовалось доказать…
— Благодарю вас за советы, госпожа, я обязательно над ними поразмыслю. Но все же как насчет заданного мной вопроса? По поводу средства?
Услышав, что я сказал, Элеона хмыкнула и нахмурилась. Снова пауза. Наконец она произнесла:
— Вынуждена тебя огорчить. Такого средства не существует. По крайней мере, мне за мою, уж поверь, некороткую жизнь слышать о таком не доводилось. Мужчины всегда спрашивали зелья иного действия, прямо противоположного твоим пожеланиям. Так что…
Магесса развела руками.
М-да…

— Хотя постойте! Я слышала об одном старинном способе от женатых магов со стажем. Знаете что, Эриадор, — женитесь! Они говорят, что после этого тяга к женщинам проходит!
Старшекурсницы разом фыркнули. Элеона насмешливо улыбалась.
— Спасибо вам, магесса, — кисло поблагодарил я, — я подумаю…
— Ну хорошо, думайте, а я пойду. — Она встала и расправила юбку. — Выздоравливайте, князь!
— Непременно, госпожа Элеона. Спасибо вам большое.
Элеона еще раз внимательно и цепко глянула на меня и вышла вместе со своими сопровождающими.
«Эри! Эри-и!!Эри-и!!!»
«Ну чего ты опять орешь?»
«Ой, Эри, ты живой! Ой, я так рада, так рада!»
«Привет, разрушительница! Я тоже рад».
«Почему разрушительница?»
«Дом снесла».
«Я?»
«Ну не я же. У меня столько сил нет».
«Да? А я думала, мы вместе…»
«Нет, я тебе не помогал. Пытался подсказать заклинание, но не знаю, получилось ли? Ты что тогда сделала?»
«Как ты сказал… Как свечку…»
«Ясно. Значит, ты. Слушай! Тут ко мне дознаватель должен прийти…»
«Да, ко мне тоже».
«Предлагаю нам договориться о том, что мы будем ему говорить».
«Зачем?»
«Ну вот смотри…»
Минуты за три мы уточнили, что и как будем говорить. Аргументировал я это просто — путаться в показаниях на допросах себе дороже. Это выльется в большие сроки проведения расследования и может оставить нас под подозрением. Оно надо? Тем более что выдумывать и врать нам не нужно. Просто уточнили между собой, и все. Стефания согласилась, выслушав мои доводы. Я, затевая этот разговор, преследовал свою цель — сохранить в тайне нашу с ней способность разговаривать телепатически. Брякнет, не подумав, а меня доставать будут — покажи да расскажи… Про такое тут, похоже, и не слышали. Тем более что Стефи тогда так орала… Зачем мне это надо?
Стефи пообещала молчать. Едва только закончили разговаривать, как в мою дверь деликатно постучали.
А вот, похоже, и следователь, подумал я и, поудобнее повернув голову на подушке, крикнул:
— Войдите!
— Они приехали. Сами.
Элеона многозначительно приподняла брови.
Мотэдиус, напротив, сдвинул брови к переносице.
— Я знаю, — ответил он.
— И что теперь вы намерены делать, господин ректор?
— Буду писать докладную в службу безопасности. Дети императора — это не шутки.
— Я сразу об этом говорила.
— Что ж. Скажу, что вы, как всегда, были прозорливы, госпожа Элеона…
Магесса в ответ поджала губы. Признание ее правоты ее, похоже, не обрадовало…
— Но вначале я все же поговорю с Эриадором, — продолжил Мотэдиус. — Сообщу, в чем его подозревают, и о том, что я поставлю службу безопасности в известность. Не хочу, чтобы он решил, что все было сделано за его спиной…
— Хм… — хмыкнул главный эконом. — А как насчет службы безопасности? Может, у них будет свой план действий? Вдруг они захотят установить за ним слежку?
— В данный момент меня больше интересует душевное равновесие студента моего университета, весьма перспективного мага… Первого радужного с момента окончания войны. Поэтому, понравится это им или нет, я не знаю, но в известность я его поставлю.
— Предвижу проблемы…
— Полностью согласен с вашим предвиденьем, Элеона. Но чему быть, того, как говорится, не миновать… Хорошо. Закончим с этим… Перейдем к следующему пункту… Следующий вопрос — вопрос награждения… Награждения студентов магического университета Стефании Терской и Эриадора Аальста за проявленную доблесть при спасении членов императорской семьи…

— Как все интересно складывается… — промолвила Элеона. — Сначала служба безопасности, потом награждение… А что, во дворце признали их героями? Или это наша инициатива?
— Признали. Принцесса утверждает, что Аальст закрывал ее от стрел своим телом. Подобные заявления сложно проигнорировать. Вся столица знает о случившемся, поэтому отмолчаться по этому поводу не удастся. Час назад я получил сообщение, что принято решение — награждать! Но коль император решил так, то и мы не можем остаться в стороне. Это наши ученики! Значит, мы тоже будем их награждать. И нам нужно придумать, как и чем…
— А были противники? — спросила Элеона. — По мне, так во дворце слишком долго раздумывали над вполне очевидной ситуацией.
— Они оба темные, — слегка наморщил нос ректор. — Спасение детей императора темными магами, это… это… Ну вы понимаете! Похоже, император обдумывал, как это будет выглядеть с политической точки зрения. Согласен, что это может многим не понравиться — возвышение темных, пусть даже и заслуженно. Орденцам так уж точно. Тем более после того, как на балу Стефи и Эри щелкнули их по носу… Наверняка они успели сбегать к императрице… Дорожка у них натоптанная. Может, и поэтому столь длинная задержка в принятии решения… Но кто бы там чего ни хотел, это уже не остановить. Если замолчать, то никто такого не поймет. А уж наш верховный совет тем паче. Обижаться может ведь не только Белый орден. Так что награждение — неизбежно! Чем будем награждать?
— Мне кажется, что деньги тут неуместны, — задумчиво произнесла Элеона, слегка барабаня пальцами по столу.
— Согласен! — быстро сказал главный эконом. — Мерить жизнь членов императорской семьи деньгами, это… Это невозможно!
— Тогда… тогда что? — задумчиво посмотрел на эконома ректор. — Что мы можем предложить кроме денег? Звание?
— Да. Деньги что? Раз — и их уже нет! А звание — это на всю жизнь.
— Вечный студент? — иронично хмыкнул ректор. — Ладно, пусть будет так… И денег тратить не нужно. Не так ли, господин главный эконом?

— Аальст ранен, — произнесла Эста, не отрываясь от быстро просматриваемого ею письма. Все ее помощницы находились рядом в ожидании, когда она закончит читать срочно доставленную депешу. — Но его жизни сейчас ничего не угрожает… Проклятье! — коротко подвела итог прочитанному Эстела, складывая листок бумаги. — Его чуть не убили! Кто-то перепутал принцессу с одной из нас и решил взять за нее награду. В результате Аальст получил в плечо стрелу из арбалета. А охрана все прошляпила. Урррроды неповоротливые! Раззявы! Что они вообще могут, эти гвардейцы?
— Пиво дуть, — включилась в разговор Лорита. — Так им и надо! Понабрали вместо нас черепах, ну пусть и сидят теперь, на себя обижаются! Они еще не один раз облажаются, эти гвардейцы. Вот увидите! Вот тогда император и подумает, на кого он нас променял. Еще обратно позовут, помяните мое слово!
— Император и его проблемы сейчас не главное, — ответила ей Эста. — Аальст — вот главное! Если выполним волю богини, император нам больше будет не нужен. Ну почти не нужен… Дарг! Как обезопасить Аальста? Пока мы тут сидели, его чуть не убили! Хороши бы были, если бы это случилось! Что бы мы сказали Аристе? Да и совету… Нужно срочно организовать ему охрану!
— Мы не имеем доступа в университет… — тихо произнесла Вилента.
— Сторожите на улице! Как только выйдет — следите за ним! Выйдет — подойдите и сразу назовите сумму компенсации! Хватит писем! Вам ясно?
— Вполне, — нахмурившись, кивнула Вилента.

Эри. Мистер Нет

И я понимаааа-ю… что я пролетааа-ю…
А так все прекрасно складывалось! Запланированное знакомство с кем-нибудь во дворце удалось. И не с кем-нибудь, а с самими высочествами. Я уже предвкушал, как зайду в императорский архив и мне там на блюдечке… Ага, щас! Едва я встал на ноги и решил прогуляться вдоль оранжерей, благо до них было недалеко, как меня «случайно встретил» ректор. Предложив погулять вместе, он принялся рассказывать мне длинную и печальную историю про какую-то хитрую магессу, которая вынесла мозги тогдашнему императору и

какие у всех тогда были бо-ольшие проблемы. Ну я слушал, особо не вникая, до тех пор пока рассказчик не добрался до конца истории и не огорошил меня вопросом.
— Эриадор, скажите, вы обладаете способностями к ментальной магии? — спросил Мотэдиус, повернувшись ко мне и пристально смотря мне в лицо.
Чего? Кто? Это куда он клонит? Это же тут тогда считай хуже, чем заразным быть!
— Вы имеете в виду способность брать под контроль мозг других людей? Нет! — категорически ответил я. — Нет и еще раз нет! Зачем мне тогда учиться? Если бы я обладал такими способностями, проблем бы у меня не было и тратить время на университет я бы не стал. Уж поверьте мне!
— Я тоже так думаю, но происшествие с Жустиной позволяет предположить у вас наличие так или иначе развитых способностей к этой магии. Пока дело не выходило за стены университета, я в общем-то старался не раздувать эту тему. Но в последнее время круг вашего общения резко расширился… Дело коснулось членов императорской семьи… Это уже я не могу замалчивать. Вы понимаете?
— Угу, — мрачнея, кивнул я.
— Это хорошо, — вздохнул ректор. — Мне совсем не хочется, чтобы у вас возникло чувство, что за вашей спиной ведутся какие-то неизвестные вам игры. Поэтому ставлю вас в известность, Эриадор, что сегодня мною отправлено сообщение в службу безопасности нашей гильдии. В нем подробно изложено о возникшей ситуации… Наверняка к вам появятся вопросы… Пусть это не станет для вас неожиданностью…
Приплыли… На фиг я с этой Жустиной связался тогда?! Вот она, расплата… за дебилизм. Служба безопасности и я… Феерия!
Поставив меня в известность, ректор быстренько закруглился и откланялся, оставив меня морально готовиться к встрече с СБ. Но ни на следующий день, ни еще два дня спустя ничего не происходило. Служба безопасности — она же наша, магическая. Куда ей спешить? Но настроение у меня в эти дни было неважное. Ничего хорошего от общения с тайными агентами я не ожидал. А потом нас со Стефи пригласили во дворец. Награждать. В приглашении было особо отмечено, что прибыть мы должны были в целительских мантиях. Ну ладно, в зеленых так в зеленых…
В большом зале императорского дворца было организованно целое действо. Толпа высших чинов империи, император с семьей, ректор, члены Верховного совета магов. Никогда не видел их до этого. И мы вдвоем, супротив всех. Ну не супротив. Напротив.
Все было красиво, официально. Император произнес признательную речь, из которой я узнал, что «империя не забудет». Ладно, я не против — пусть помнит. В конце церемонии нам вручили по ордену — «За заслуги перед империей», первой степени. Строгого дизайна серый кругляш с тремя небольшими бриллиантами на фоне герба. Только присутствующие отхлопали и возникли слуги с бокалами вина на подносах, как принцесса Сюзанна, тоже присутствующая на церемонии, отколола номер.
— И у меня есть награда для моего спасителя! — звонким голосом громко произнесла она, поднявшись с кресла, на котором тихо и мирно просидела всю церемонию.
То, что это совершеннейший экспромт, стало ясно, стоило лишь взглянуть на лица императора, императрицы и присутствующих. Сюзанна между тем приподняла пышные юбки своего платья кремового оттенка и двинулась ко мне по красной дорожке, расстеленной по полу зала. Глядя на ее целеустремленное и уверенное движение, я понял, что ничего хорошего меня не ждет. Как в воду глядел. Добравшись до меня, принцесса совершенно беспардонно, при всех, поцеловала меня в шеку, взяв руками в светлых перчатках за отвороты камзола и притянув к себе. Зал ахнул, лица ее мамы, папы, братьев вытянулись, а мне пришлось изобразить неземной восторг и рассыпаться в благодарностях.
Предовольная Сюзанна, блестя глазами и пылая румянцем, величаво двинулась по дорожке обратно, а я остался стоять, счастливо улыбаясь и борясь с лютым желанием вытереть щеку. Это был бы очень неполиткорректный жест… Совсем неправильный… Потом была посленаградительная часть с небольшим фуршетом, на котором нас уже поздравляли приглашенные на церемонию сановники. В процессе между поздравлениями и поднятиями бокалов (а пить-то нельзя!) спасенный принц развлекал Стефи, а я Сюзанну. И как-то мне показалось… показалось, что стала она как-то со мной обращаться… так, как будто я ее, не знаю уж, чего там, вещь или избранник, но ее. Чем-то Динку мне поведением напомнила. Очень похоже.
Ничего себе, подумал я. Игрушку, что ли, нашла? Один поцелуй — это еще ничего не значит!
Кстати, о поцелуе вопрос не поднимался. Не та обстановка. Но что-то внутри мне подсказывало, особенно глядя на Сюзанну, что к этому вопросу мы еще вернемся…
Больше ничего такого на приеме у императора не произошло. Он кончился, и все разошлись. Правда, принцесса, прощаясь, пообещала, что мы вскоре увидимся.

Всенепременнейше, прошипел я про себя.
Потом мы поехали в университет. Тоже награждаться.
Стефи бушевала внутри бурей восторга, меня же больше беспокоила мысль о том, что служба безопасности как пить дать закроет мне путь во дворец. В целях безопасности. То, что сейчас на приеме была вся императорская семья, объяснялось, наверное, тем, что мероприятие уже было невозможно отменить. Или еще бумаги где-то ходят, доложить императору не успели. А вот дальше что будет… это еще неизвестно. Я бы на их месте дорогу мне перекрыл…
Стефания попробовала было поделиться своей радостью и поговорить о моих отношениях с принцессой, но я сказал, что столь торжественные моменты в жизни нужно встречать молча, полностью переживая происходящее и не опошляя его посторонней болтовней. Стефи повелась и от меня отстала, углубившись в самоощущения.
В университете нас уже ждали. Построение, опять некороткая торжественная речь, но без фужеров на подносиках по ее завершении. Короче, мы со Стефанией стали почетными студентами. Ректор, выступая, объяснил, что звания этого удостаиваются совсем немногие, последнее награждение было шесть лет назад, и дают его блестяще окончившим университет, за отличную учебу либо за какие-то достойные деяния, по решению совета. Звание давало два бонуса. Первый — награжденный освобождался от оплаты за обучение, и второй бонус — он мог учиться в университете когда и сколько его душа пожелает. Хоть в сто лет и сто лет. Хоть всю жизнь. Своеобразный вечный студент.
Потрясающе, хмыкнул я про себя. Ясно, почему этим награждают выпускников… В целях банальной экономии. Вон, главный эконом с довольным выражением на лице стоит… Рад, поди, что отделался малой кровью…
Дали нам со Стефи по небольшому серебряному значку с выгравированными на нем раскрытой книгой и стило.
Все! Буду папуасом. Слева значок темного факультета, справа — факультета целителей, посредине, на цепочке — медаль за заслуги перед империей, на пальцах перстни… А куда прицепить новую цацку? А! Пупок свободен. Хе-хе. Буду ходить и бренчать железом, яки металлист…
Потом толкнул речь глава Верховного магического совета, тоже приехавший следом из императорского дворца. Выступление его порадовало своей краткостью, и, отхлопав, мы двинули на торжественный ужин в нашу честь, на котором мы со Стефи сидели на почетных местах, на глазах всего университета. Ничего хорошего в этих глазах, к слову, не было. Зависть сплошняком, во всех градациях — от светлой до черной. Ужинали допоздна.
А утром… А утром меня вежливо пригласили проехаться в лакированной карете из светлого дерева до здания службы безопасности. Что ж делать? Прокатился. Беседовал со мной магистр Теуш — крепенький с виду старичок в серой мантии, с седой головой и очень внимательными, добрыми глазами с веером морщинок в их уголках. Кабинет у него был небольшой, с единственным высоким и узким окном, прикрытым портьерой из толстой коричневой ткани. Стол, кресло у стола, книжный шкаф с закрытыми дверями. В общем-то и все. Немного, но не аскетично. Деловой, немного суховатый стиль. Поприветствовав меня и усадив в кресло, магистр для затравки поговорил со мной о покушении на площади, я ему поотвечал, но, поскольку сказать мне было особо нечего, Теуш перешел к главному, ради чего меня сюда и позвали.
— Господин Эриадор, — сказал он, открывая лежащую перед ним папку и беря из нее несколько верхних листов, — ваш уважаемый ректор, господин Мотэдиус, сообщил, что есть основания полагать, что вы обладаете способностями мага разума. Что вы можете сказать по этому поводу?
При этих словах магистр наклонил голову вниз так, что смотреть на меня ему пришлось из-под бровей.
Пришлось говорить. Рассказывать, мол, я не такой внутри, как оно кажется снаружи. Что это все заблуждения и иллюзия. Вообще, я не я и хата не моя, а уж коза тем более чужая…
Чиновник слушал сочувственно, доброжелательно и головой кивал в особо проникновенных местах.
— Скажите, а для каких целей вы намереваетесь попасть в архив университета?
Магистр отложил в сторону листок, видно, с докладом ректора и взял из папки следующий. Это что? Вся папка обо мне? Ничего себе! Когда успели… И что в ней еще есть? Набрав в грудь воздуха, продекламировал о любви своей к знаниям…
— Ага, ага, — одобряюще покивал головой магистр, когда я закончил. — Тяга к знаниям — это прекрасно. Узнаю себя в молодости… А скажите, какие именно знания вас интересуют, молодой человек?
Рассказал, что увлекаюсь порталами.
— А почему именно порталами?

Повторил историю о брошенном имуществе, невесте и родне.
— Ага, — сказал Теуш, откладывая лист и беря следующий, — все понятно, но есть некоторая странность… Со слов эрта Вирта, который утверждает, что был знаком с вами, при вашей первой встрече вы рассказывали ему, что невеста от вас сбежала еще до обряда бракосочетания… Это так? Вам знаком такой человек, как эрт Вирт?
Опа! Они проверили меня! А я-то думал, что мной никто не интересуется? А они работали… досье собирали. Вон, папочка-то какая, не худенькая! А я-то, наивный, решил, что раз тут средневековье и баз данных в компьютерах нет, то никто ничего не найдет. Нашли…
— Как поживает старина Вирт? — поинтересовался я.
— Судя по донесению, неплохо, — ответил магистр, заглядывая в листок. — Владеет трактиром на перекрестке трех оживленных дорог… Бодр и крепок. Ну коль вы его знаете, тогда прошу вас объяснить эти расхождения в показаниях. Вирту вы сказали, что невесты, а соответственно и имущества в виде княжества у вас нет. А сейчас вы утверждаете, что все это у вас есть. Вы понимаете, что это взаимопротиворечащие показания?
Магистр вопрошающе вздернул брови.
— Понимаю, — вздохнул я, мельком подумав, что Вирт все же осуществил свою мечту, купив трактир. — Видите ли, дело в том, что мне неловко сообщать всем и каждому, что от меня… сбежала невеста. Хоть я ее видел всего три дня в своей жизни, не включая времени созерцания ее портрета, но все же… Не будешь же каждого посвящать в подробности! Да и решение моего отца — взять просто так и женить меня по простому расчету… Все это… выглядит со стороны не очень… Вы понимаете?
— Вполне, — кивнул магистр. — Но тогда зачем вы ищете книги о порталах?
Логично. Вполне можно предположить, что я ищу что-то другое, а порталы — так, для отвода глаз.
— Домой хочу, — глядя в глаза магистра, со всей искренностью ответил я. — Неуютно тут у вас. Некомфортно.
Секунд пять он мне смотрел в глаза. Похоже, поверил.
— Что ж, ваши устремления мне теперь понятны, — наконец проговорил Теуш. — Жаль, что у вас столь нелестное мнение о нашей столице. Однако хочу заметить, что вы, похоже, не до конца просчитываете результаты ваших действий. Давайте я вам поясню. Вот что вас ждет, вернись вы домой? Вы думали об этом? Ведь вы снова очутитесь в подчинении у своего отца. Вне всякого сомнения он действует из лучших побуждений в отношении вас, обеспечивая ваше будущее, но, как мне кажется, вряд ли это вас теперь устроит, после того как вы пожили один, самостоятельной жизнью. Не так ли?
Я, соглашаясь, кивнул.
— Вот, — тоже мотнул в ответ мне головой магистр и принялся раскрывать свою мысль дальше. — При ваших талантах здесь, в столице империи, вы можете достичь совершенно невообразимых высот. Вы только посмотрите!
Теуш взял еще один листок из папки:
— Целитель, артефактор, все четыре стихии, темная магия. Вам же цены нет, молодой человек! А если еще вдруг выяснится, что вы владеете магией разума, — так вообще можете стать главной ценностью империи, уж поверьте мне! — воскликнул магистр, вскинув правую кисть вверх.
— Как-то у темных магов жизнь тут… не очень светлая. Да и Люсинела Гай… тоже плохо кончила… — подрезал я ему крылья энтузиазма.
— Да. Вы правы, — согласился, немного сдувшись, магистр, кладя листок обратно в папку. — Но это, так сказать, внешняя, видимая всем сторона. Есть ведь и другая, не афишируемая… Темные маги нужны империи, вы уже должны это знать, очень нужны. Скажу вам, что империя платит им неплохие деньги, весьма неплохие. И наградами они не обделены, уж поверьте. А что касается Люсинелы… Если бы она не пошла по головам, то все могло бы у нее сложиться иначе. Даже если бы мы узнали о ее способностях совсем рано, как вот сейчас о ваших, никто бы не стал ее убивать. Поверьте! Жила бы до сих пор и как сыр в масле каталась. Вы только представьте, какие возможности открываются перед политикой империи, имей она у себя мага разума! Заключать договоры и альянсы с соседями, которые были бы невозможны в обычных условиях… Узнавать их тайны и секреты… Подумайте, как могут оплачиваться такого рода услуги империей!
— У меня нет способностей к ментальной магии! — категорично отрезал я, подумав, что едва слух о моих способностях достигнет ушей соседей, то первым кандидатом в их списках на отрыв голов буду поставлен я.
— Это невозможно утверждать с полной уверенностью, — ответил Теуш, покачав головой. — Судя по косвенным признакам, вероятность того, что вы им станете, есть. К сожалению, в империи сейчас нет никого, обладающего подобным даром, и никто не может

обучить вас. Но мы располагаем… некоторой литературой, которая может помочь… развитию вашего скрытого таланта… Вы можете ее получить…
Магистр испытывающе уставился на меня.
— В обмен на доступ в архивы с интересующей меня тематикой?
Пауза. Обдумывание.
— И как вас прикажете потом искать? — спрашивает магистр, постукивая пальцами по столу. — Человека, овладевшего тайной порталов? Я думаю, что вряд ли ваше условие будет принято… Уж точно до тех пор, пока у нас не будет полной уверенности в вашей преданности и лояльности…
Ага. Опасаются, что я сбегу… А если я стану магом разума, то потом они наверняка меня к архивам не подпустят… Чтобы не сбежал.
— Ну… тогда я не знаю, смогу ли я прочитать предложенные фолианты. У меня столько времени уходит на учебу… Просто не представляю.
Я сокрушенно помотал головой.
— Взгляните сюда. — Вздохнув, магистр протянул мне через стол листок. — Тут записаны сумма денежного вознаграждения для темного мага, а также предполагаемая сумма выплат для мага разума. Вы сможете получать их обе, одновременно. Вполне возможен вариант, при котором вы будете получать также вознаграждение за ваши остальные таланты… Кроме того, в случае принятия вами моего предложения и достижения результата вам будет пожаловано имение в столице или ее окрестностях, не далее дневного переезда на лошадях. Это я вам обещаю.
Магистр, не мигая, смотрел на меня.
— Очень… впечатляюще, — признался я, возвращая листок, — но за все в этой жизни приходится платить так или иначе. Вопрос. Как вы собираетесь контролировать мага разума, если ему вдруг захочется почудить?
— Клятва, — коротко пожал плечами Теуш. — Клятва на крови из арсенала темных магов. Нарушить ее невозможно.
Это что, вроде той, которой варг потчуют, когда из них пятерки лепят? На фиг, на фиг такое счастье!
— Терпеть не могу давать клятвы! — твердо глядя в глаза магистру, честно сказал я.
— Кто ж это любит? — усмехнулся в ответ тот. — Хорошо, не буду на вас давить. Будем считать это нашим первым, предварительным разговором. Условия вы представляете, размеры вознаграждения — тоже. Так что думайте, молодой человек, думайте! Это отличные условия для начала карьеры. Хочу еще обратить ваше внимание на тот факт, что вам будет предоставлена высококлассная охрана и вы будете постоянно находиться под защитой императора и нашего совета. Все ваши неурядицы с соседями или недоброжелателями будут решаться с наибольшим благоволением в вашу сторону… Естественно, в пределах разумного. Например, мы знаем о вашей ситуации с варгами. В качестве выражения наших благих намерений мы готовы оказать вам помощь в наказании провинившихся прямо сейчас. Даже не требуя от вас согласия по нашему предложению…
Магистр ожидающе уставился на меня.
«Не верь данайцам, дары приносящим», — всплыла в голове земная фраза.
— Я намерен решить этот вопрос самостоятельно, — ответил я. — Пусть это будет и несколько позже, но ничего страшного. Я подожду… Это мое дело.
— Н-да? — немного разочарованно откликнулся магистр. — Как хотите. Тогда не буду вас больше задерживать. Я думаю, что мы с вами вскоре увидимся. Всего доброго!
— Всего доброго, — откланялся я.
Так, теперь я под колпаком у Мюллера, хмуро подумал я, выходя на улицу и с удовольствием вдыхая полной грудью. В императорский дворец, а соответственно к архивам я в ближайшее время не попадаю, да и с университетом наверняка я тоже пролетел. Теперь за мной будут наблюдать из СБ и запрещать на всякий случай все, что можно запретить… Одно радует. Принцессу теперь ко мне на арбалетный выстрел не подпустят. Не нужно будет выяснять, кто и чего там имел в виду, когда кое-что делал… Но сколько сил потрачено и все зря! Сихот! Что ж так не везет?
Выделываться меньше надо было, сказал внутренний голос. Скучно, видите ли, ему! Доразвлекался. Сидел бы тихо, проблем бы не было…
Ага… и сдохнуть от тоски… Ладно. У меня есть запасной вариант — поездка по другим источникам знаний. Покупаю карету и еду!
А учеба?
А я теперь вечный студент! Могу учиться, когда хочу! Это мне они здорово подфартили!
Подумать только, какой счастливчик, прокомментировал голос и умолк.
Ну и ладно! Могли бы и назад отвезти, с неудовольствием подумал я о службе безопасности. А то, понимаешь, выпихнули на улицу героя империи, мол, топай своими

ногами, спаситель. Жлобы… Так. И где мне взять золотые, желтые кругляшки? Причем много. За орден положена пенсия в двенадцать золотых, но это до конца года нужно ждать, да размер суммы… вряд ли меня спасет. Мм… Как говорил один кот, чтобы купить что-нибудь ненужное, нужно продать что-нибудь ненужное… Чего бы мне такое загнать? Кинжалы можно было бы, но их Динка утянула… зарррраза зубастая. Мм… Так. Вопрос о деньгах, возникновение которого прогнозировалось и ожидалось, возник. Будем думать… Размышляя, я неторопливо направился в сторону университета по улицам столицы (благо было не очень далеко), намереваясь по пути пройтись по книжным. Посетил, зашел в трактир, перекусил и наконец спустя почти два часа, обдумывая пришедшую в голову весьма перспективную идейку обогащения, вышел на Студенческую площадь перед университетом.

— Господин Эриадор? — прозвучало откуда-то сбоку.

Поднимаю глаза — варги! Раз, два, три, четыре… шесть! Шесть молодых, весьма симпатичных девушек, а точнее, очень красивых девушек, дружелюбно улыбающихся мне. Но чувства в ментале отличаются от выражения на лицах… Самая первая — курьерша, которую я уже видел. Вилента. Еще вас тут, ворюг, не хватало…

— Нет, — отвечаю я.

— Простите? — не уловила моего настроения она.

— Нет, — повторяю я, одновременно ставя щит и прикидывая, по которой из них первой вмазать, если что. Может, попробовать их разом всех накрыть? После того как я помог снести Стефи полдома, сил в плане магии у меня значительно прибавилось. Похоже, причиной стало то обстоятельство, что я был с ней в ментальном контакте, когда она ахнула по убийцам. Я когда очнулся, то сразу отметил этот факт. Хотя, по ощущениям, до моей нормы, которая была, еще далеко, но уже можно не только цветные шарики делать. И на «кольцо тьмы», мне кажется, меня хватит. Была даже мысль попробовать поднять еще выше уровень, привлекая для этого Стефанию, но воспоминания о той боли, которая, по ощущениям, что-то рвала внутри меня, заставили не спешить претворять ее в жизнь. Ведь я так и не знаю, что есть магия. Пользуюсь, и все. Результат экспериментов может оказаться совсем не тем, на который я рассчитываю. Можно банально дуба дать или просто потерять способность творить заклинания. Спешить в таком деликатном деле, которое касается собственной шеи, совершенно не стоит… Тем более что Стефи явно с перепугу выдала такой всплеск. Получится ли у нее повтор, но уже в спокойной обстановке? Пробовать на себе неконтролируемые выбросы дилетантки как-то не тянет… Вот научится управлять силой, тогда можно будет и попытаться потихоньку…

— Господин Эриадор, Верховный совет Этории приносит вам свои глубочайшие извинения за доставленные неудобства и просит принять сумму в десять тысяч золотых монет в качестве компенсации! — пулеметом выстреливает длинную фразу Вилента.

А вот и деньги… Как кстати, думаю я и мгновенно, без паузы, отвечаю:

— Нет!

Секундное молчание. На отказ они, похоже, не рассчитывали… Сумма-то приличная. Да пошли они… со своими деньгами!

— Вы… не желаете принять эту сумму?

— Нет.

— Нет, в смысле да? В смысле… вы отказываетесь?

— Нет.

— Если вы считаете, что этого слишком мало, то назовите вашу сумму. Мы рассмотрим.

— Нет.

Я Эсте сумму озвучивал. На нее уже проценты набежали…

— Но почему? Мы хотим уладить это досадное недоразумение и вернуть наши с вами отношения в нормальное русло…

— Нет.

Недоразумение? Фига себе, ошибочка!

— Я не понимаю. Согласна, что вы имеете право на обиду… Но мы же с вами разумные люди! Неужели мы не сможем прийти к компромиссу?

— Нет.

Где ты тут людей нашла, зубастая?

— Господин Эриадор, вы постоянно произносите одно и то же слово. Вне всякого сомнения, ваша столь ясная и четкая позиция заслуживает уважения, но ее некоторая, мм… излишняя категоричность не способствует успешному проведению переговоров.

— Нет.

А что, разве тут идут переговоры? Ну надо же!

— Господин Эриадор, это становится уже невежливым…

Пугнуть решила? Ну-ну… У меня как раз настроение дать кому-нибудь в морду! Молчу. Смотрю.
— Вы не желаете разговаривать?
— Нет.
После ошейника мне только разговоры с вами разговаривать… А если еще «Варгу в постели» вспомнить…
Пауза. Смотрят на меня. На лицах улыбки, но в ментале… Твари двуличные! А чего они так улыбаются? А! На мне же ментальная обманка доброжелательности! Как ее натянул перед посещением службы безопасности, так в ней и вышел. Вот они и лыбятся. А если так?
Я быстро снял маскировку и, вспомнив про ошейник, оттранслировал в ментал свои чувства. Улыбки варг мгновенно превратились в оскалы. Похоже, будь у них шерсть — дыбом бы встала. Животные…
Еще три секунды паузы и взаимного разглядывания.
— Прошу прощения, господин Эриадор, что побеспокоили вас, — произносит наконец Вилента, кланяясь мужским поклоном, опустив голову. Ее движение повторяют остальные. — Всего доброго, — говорит она и делает шаг назад, поворачивается, уходит. Остальные следуют за ней, предварительно бросив на меня по внимательному взгляду. Запомнить, что ли, хотят? Ну-ну… И что это было? Узнали, кто автор бестселлера? Почему тогда так сложно? Какие-то деньги, какие-то переговоры… Непонятно. В таком случае все должно быть гораздо проще — кинжал в бок, за ноги и в море! Memento mori, как говорится… Но такое впечатление, что я им нужен… Иначе зачем эта попытка примирения с готовностью потратить немалые деньги? Интересно, на кой я им дался? Хотят запытать с особой жестокостью? Дорого для такого дела… Или узнали, что я «переделывать» их буду, и решили замириться, чтобы не так больно было? Хм… Не-по-нят-но… Короче, похоже, нужно повысить осторожность… Могут быть неприятности… Так, ладно. А теперь к артефакторам! Деньги делать.

— Каков фрукт! — произнесла старшая пятерки боевых кошек, едва они только свернули за угол, и Аальст не мог их больше видеть и слышать.
— Да-а, кислый и противный, — ответила Вилента. — И с серьгой в ухе…
— А снаружи ничего так… фруктик, — поддержала одна из пятерки, — я бы «погрызла». А то, что он нас ненавидит, так это только интересней… Сколько эмоций будет!
— Ваша задача — охранять! Чтобы было что «грызть», — ответила Вилента. — Теперь, когда я вам его показала, вы полностью отвечаете за его безопасность. Найдите место, с которого просматриваются ворота университета, и организуйте постоянное наблюдение. Сопровождать, как только выйдет. На глаза не лезть, но и далеко не отходить.
— Охранять… издали? — со скепсисом в голосе поинтересовались из пятерки. — Как это?
— Вы боевые кошки! И для вас нет невыполнимых задач! Награды и звания просто так не зарабатываются. Придумайте — как. Пока так, потом наверняка что-то изменится. Одним словом — выполняйте!
— Будет исполнено, госпожа майор, — ответила за всех старшая.

— Ваше величество, от службы безопасности Верховного совета магов поступило очень интересное сообщение…
Главный советник аккуратно положил на стол императору лист бумаги.
— Да? И что же они там такое пишут? Случаем не про боевых свиней?
У императора было хорошее настроение.
— Извольте, ваше величество.
Советник придвинул к нему листок.
— Ну-ну… — принялся читать Хайме.
По мере прочтения брови его постепенно стали сближаться к переносице, а лицо приобрело озабоченное выражение.
— Вот тебе и раз! — сказал император, закончив читать. — И мы приглашали его во дворец?
— Ваше величество, пока это только подозрения…
— Да? А если нет? Может, он у нас… того?
— Какого-то немотивированного, особого отношения к господину Аальсту со стороны вашего величества и членов вашей семьи мною не замечено…
— М-да? Да. Я тоже вроде ничего не чувствую… Но кто его знает… Значит, так — все строго засекретить. Наблюдать. Во дворец его не пускать. К членам генерального штаба и магического совета — не подпускать. Но сделать все тактично и вежливо. Ссориться не надо. Все ясно?

— Будет исполнено, ваше величество!

— Папа! Почему ты не подписал пропуск Аальсту? Я его пригласила на чаепитие, а ты его не пустил!
Сюзанна возмущенно смотрела на отца, требуя ответа.
— Мм… Скажем, он не внушает мне доверия…
— Доверия? — удивилась Сюзанна. — Ты же сам вручал ему орден! Он же закрывал меня от стрел, когда в меня стреляли! Папа! О чем ты говоришь?!
— Мм… Ну как дворянину я ему доверяю…
— А как кому ты ему не доверяешь?
— Ну-у-у… — неопределенно промычал Хайме.
— Я не понимаю. Я хочу знать, почему я не могу пригласить Аальста в гости!
— Мне кажется, что это будет выглядеть двусмысленно…
— Почему двусмысленно?
— Приглашать юношу.
— Но я же до этого приглашала сына первого советника, сына генерала Вулазье… Ты же не был против. И я не одного его приглашаю. Я пригласила своих подруг. Обещала, что он им нарисует смешные портреты… И Ди сказал, что придет… Почему?
В голосе принцессы были обида и недоумение.
— Видишь ли… дочь. В жизни иногда обстоятельства складываются так…
— Политика… — решив, что нашла объяснение, с горечью произнесла Сюзанна, и ее глаза заблестели. — Опять политика…
Император молча смотрел на дочь.
Громко втянув носом воздух, чтобы скрыть слезы, принцесса повернулась и, понурив плечи, пошла на выход.
Дверь за ней легонько хлопнула.
Хайме глубоко вздохнул и скривился, как от зубной боли. Минут десять было тихо.
Но император не обольщался тишиной.
— Альвеа-а-а-а-р! — раздался от дверей голос императрицы. — Почему ты запретил Сю чаепитие? Девочка пришла вся в слезах. Я опять узнаю все последней? Что случилось, Альве?
Хайме снова вдохнул полной грудью.

— Значит, не взял? — спросила Эста.
Вилента отрицательно помотала головой.
— Что еще?
— Он нас ненавидит. Бескомпромиссно.
— И вас тоже?
— В смысле?
— Ну Дину — ясно. Меня, допустим, тоже… Но вы-то тут при чем? И рядом не стояли… Переносить свои обиды на всех — признак явной недалекости.
— Или молодости. Может, вы ему это объясните?
— Хочешь, чтобы мы с ним спарринг на мечах провели? Или чтобы он на мне испробовал свое первое выученное заклинание? Нет уж. Оставлю эту попытку тебе. И вообще, дела требуют моего присутствия в Этории. Завтра поеду. Ты останешься за меня.
— Какие будут указания?
— Охранять. Собирать информацию. Беречь.
— Может, еще раз попробовать с ним поговорить?
— Попробуй. Только хуже не сделай. Хотя, как я понимаю, после сегодняшнего хуже уже некуда? Ведь так?
— В общем… где-то так, — тряхнула головой Вилента.
— Тогда пробуй. Главное — охраняйте, чтобы ничего не случилось.
— Будет сделано, госпожа полковник!

А-а-а! Демоны!

Колечко, колечко, кольцо…
Давно это было, давно…

Зачем я колечко дарил?

И к сексу тебя приучил!

Держа двумя пальцами кольцо за ободок, я задумчиво, одним глазом, смотрел его на просвет, проверяя форму и мурлыкая под нос на ходу переделываемую песенку. Да вроде не плющенное…

Колечко, колечко, кольцо…
Давно это было, давно…

И где же кристалл мне добыть?
Кому же тебя мне всучить?

Бизнес-идея моя была проста. Что лучше всего продается? Правильно, все, что связано с пороками, или близко к ним. Спрос есть всегда. Вот я и решил продать немножко сэкаса. Все просто. Берется колечко. В его структуру инкапсулируется модифицированное заклинание «шок любви». А модифицировано оно таким образом, что дает возможность хозяину кольца запускать его в действие, даже если у того напрочь отсутствуют магические способности. И все, вуаля! Артефакт готов, можно искать покупателя. Все прекрасно, если бы не одно «но». Накопителя нет. Я вкладываю в заклинание энергию, заряжаю, потом оно срабатывает и… все, оно разряжено! Хозяину кольца нужно бежать ко мне или другому магу, чтобы зарядить его вновь. Такое продавать нельзя… А если продавать, то стоить оно будет тогда копейки… Нужен аккумулятор с заклинанием, который из окружающего эфира будет потихоньку собирать и накапливать магию до ее использования… А вот дудки! Нету! На этой помойке такое не водится! После долгих бесед на кафедре артефакторики я узнал, что это утерянная ныне технология. Заклинание по цежению магии известно, но вот материалов, в структуру которых его можно внедрить, нет. Да, были такие кристаллы. У древних. Камни демонов назывались. Где они их брали, не ясно. То ли сами делали, то ли демоны им приносили… Если делали, то как — никто не знает. Если демоны, то демонология сейчас под запретом, да и вызывателей нынче вроде как бы нет… А демоны наверняка будут душу просить… Это дорого… Тьфу! Деградanты… Короче, клипер моей идеи наткнулся на внезапную мель. Но не работать же мне идти? Я собирался загнать пару колечек, да и завязать на этом, покрыв свои расходы на ближайшее время. И все. Быстро и без затей. А тут… Фи! Захолустье… Транзисторы им, видите ли, не возят! Попробовал обойтись тем, что есть, — не вышло. Не работает. Я разозлился. Потом задумался. И вспомнилась мне одна моя нереализованная задумка… Демоны… А не вызвать ли мне демона? Одного знакомого. Нашего верховного мага. Надеюсь, отец ему ничего не оторвал и он ходит и вполне себе в состоянии отозваться на призыв. Я, правда, не знаю настоящего имени верховного, но будем надеяться… Если получится, то все свои проблемы я решу практически разом. Тело я дома поменяю, помогут, а дорогу — верховный покажет. Еще и мир новый открою. Может, тогда объявить себя его регентом, на правах первооткрывателя? Помойка тут, правда… но у остальных и такого нет! Подшаманить слегка, глядишь, получше станет… Короче, я решил попробовать. Чувствовал я себя нынче в силах для такого действа, не то что раньше, и как провести ритуал… тоже знал. Вот этому в университете Эсферато как раз учили. Типы призывов, кто, как, зачем. Способы противодействия, как разрушить пентаграмму, как убить призывателя… Теория у меня была на высоте. С практикой почти по нулям, но надо же когда-то начинать? В выходные я собрался попробовать, тем более что обстановка располагала. Стефанию пригласили во дворец, а меня нет. Был прекрасный повод «обидеться», что я и сделал. Спасибо СБ за предоставленное свободное время! Зато вопросов не будет, где я проболтался целый день. Где, где? Печалиться ходил в город! Понятно? Вот те и а-а-а!
Стефания чувствовала себя виноватой-виноватой, смотрела в пол и прятала глаза, но отказаться от возможности увидеть принца, похоже, было выше ее сил.
Предательница, подумал я. Раз, два, и променяла меня на дворец! Баааа! Ну ничего себе! Сколько золота!

Я глянул на ее ауру и был буквально поражен количеством переливающегося желтого. Чуть рот не открыл.
Да она… влюбилась! В… принца! Точно! И по уши! А я? А как же я?
А что ты? — поинтересовался внутренний голос. Ты же знаков ей не подавал, внимания не оказывал… Вот она и нашла себе… тебе замену.
Как это не оказывал, как это не оказывал?! Я столько для нее сделал! И магии научил… и танцевать научил, и… и во дворец вывез! Да если бы не я! А она меня… променяла! И на кого?
Ну и что, что магии? Цветов ей не дарил, серенады не пел, целоваться не лез… Ты же ей все намекал, что ты ей только друг. Забыл?
Ну-у-у…
Чего ты теперь вдруг забегал?
Ну-у-у…
Ты уж определись, дорогой, чего ты хочешь. А то как собака на сене. Сам не гам и другим не дам. И потом. Она низ-ша-я! Или это тебе уже неважно?
Ну-у-у…
Кончай мычать. Ушла и ушла. Тебе же лучше.
Дааа?
Ага. Целомудрие свое демонское сохранишь… Хе-хе.
Да иди ты!
Короче, как ни прискорбно это признавать, но у меня, похоже, случился приступ ревности. К коо-ому? Только подумать! Нет, тело Эри на меня однозначно плохо влияет… И если взглянуть правде в глаза… Но я в них смотреть не стал и постановил себе, что вспышка недовольства была вызвана тем, что мое имущество (Стефания) было частично утеряно. И все! И только поэтому! Никакой ревности к низшей не было! Все! Я так сказал!
В общем, вернув мозги Эри на место, я приступил к подготовке. Договорился насчет лошади, создал новое лицо для маскировки при перемещении по улицам, расспросил, насколько возможно, об окрестностях столицы. Мне нужно было глухое местечко, дабы вдруг не объявились ненужные мне свидетели. Демонология-то тут запрещена! Со Стефи я с трудом разговаривал, весь такой печальный из себя… Постарался, чтобы по институту пошел слух о том, что меня не взяли во дворец… Работал над алиби. Ранним субботним утром, как только стало возможным исчезнуть из университета, не привлекая излишнего внимания, я покинул его стены…

— Опять исчез… — констатировала следившая за Аальстом варга. — В переулок зашел, а назад не вышел… Давай амулет!
— Вот, — протянула руку напарница, вынув его из небольшой сумки, висящей через плечо.
— Ну-ка! А! Вон он, наш красавец! Вон тот парень! Интересно… Где он взял амулет, меняющий внешность? На него же имение купить можно! Еще и не найти. А мы ему десять тысяч предлагали…
— Может, в университете?
— Может… Ладно. Идем за ним…
Две молодые дворянки в серых дорожных платьях двинулись за целью своего преследования.
Лениво переставляющий ноги праздный гуляка внезапно свернул со своего пути и двинул за ними следом…

Эри

Вроде… никого…
Закончив чертить пентаграмму, я еще раз поднялся на вершину покрытого жухлой травой холма, внимательно оглядел окрестности и тщательно прислушался. В том числе и к менталу. Тихо… Последнее время, выходя в город, я ощущал на своей спине внимательные, заинтересованные взгляды, щекотавшие мне лопатки. Однако соглядатая обнаружить с наскоку не удалось.
Да и, собственно, зачем, пришла мне чуть позже в голову мысль. Служба безопасности следит… Пусть следит. Ничего «такого» я не делаю… А заметят, что я их заметил, могут утроить усилия… И когда я приступлю к делу, могу их пропустить. Пусть ходят. Надо будет — оторвусь! Пару раз я так и поступал. Когда лошадь искал и расспрашивал в тавернах об окрестностях. И сейчас тоже, видно, оторвался. Полдня пути — и я в

развалинах нескольких строений, в окружении низких холмов. Место проклятое, так что самый подходящий вариант.
Ладно, приступим!
Я бодро спустился вниз, к развалинам дома без крыши, внутри остатков стен которого я выбрал место для призыва.
Итак…
Сила потекла из меня, заставляя светиться линии ярким, ядовито-зеленым цветом.
— Шарех шах… шитэра ол ши син…
Ничего у меня так с магией стало! Способности возвращаются. Это не может не радовать…
— Шакелла ош ше дош! — подтвердил я последние слова заклинания резким выбросом руки вперед.
Пентаграмма вспыхнула и засияла. От линий вверх поднялись вертикальные полупрозрачные зеленые стены.
Вроде… заработало… Ну… и?
Я с интересом смотрел внутрь, ожидая появления верховного мага в крайне раздраженном состоянии.
Вспышка, заставляющая зажмуриться. Промаргиваюсь и присматриваюсь сквозь сощуренные глаза, пытаясь разглядеть верховного… Не… это не он! Это… Демонесса! Молодая. Красивая… Коготочки… зубки… зеленая чешуя… У-у-у! Но не наша. Не из Эсферато. Чувствую. Да и внешне. Похожа, но если присмотреться, видны отличия.
— Смертный, как ты посмел призвать меня? — чарующим голосом прошипела она и оскалилась. Ну просто прелесть, что за девочка! Чешуйка к чешуйке! Хотя… Хотя постой! Э-э-э… Никакая это не девочка! Совсем не девочка! Это мальчик! В иллюзии, рассчитанной на смертных. Ах ты козел! Дурить меня решил? В столь сложный момент жизни для меня? Рога поотрываю! Гад.
Сжав зубы, я со злостью уставился на него, придумывая способы мучительного умерщвления.
— Язык проглотил? — насмешливо поинтересовался этот из пентаграммы, продолжая прикидываться демонессой.
И что мне теперь делать? Про прием, когда идущий на вызов определял пол вызывателя и в последний момент накидывал на себя заранее припасенную личину противоположного пола, я знал. Но чтобы его применили на мне? Да еще наступили на больное место… Вот гад! А чего он, не мог в низшую обернуться, что ли? В демонессу вырядился! Или он знает, кто я такой? Интересно… И что с ним делать? Говорить, что я его раскусил, или нет? Пожалуй, не стоит. Пусть думает, что он, придурок, меня обманул.
— Приветствую тебя, прекраснейшая, — скрестив руки на груди, хмуро сказал я. — Скажи свое имя.
— Прямо так сразу — имя. — Плотоядная улыбка в ответ. — Разве не знаешь, что демоны не говорят своих имен?
— Но надо же мне как-то с тобой разговаривать!
— Зови меня Уртриш… А твое имя, маг?
— Зови меня Эри.
— Просто Эри? И все?
— И все. Оно тоже ненастоящее.
— А-а-а…
Уртриш был явно разочарован. Молодой он, что ли, совсем? Похоже на то…
— Так за что ты намерен продать душу, маг?
— Ни за что.
Удивление в глазах.
— Разве тебе не нужна сила, власть, богатство, женщины?
— Уку, — отрицательно помотал головой я.
— Зачем звал тогда? — нахмурился Уртриш.
— Я ищу демонов из мира Эсферато.
— Эсферато? Никогда не слышала о таком мире. Зачем они тебе?
— Хм… Они весьма могущественны и обладают великими знаниями…
— В моем мире полно великих и могучих демонов!
— Да? Слушай, а у тебя есть заклинание межмировых порталов? Научить сможешь?
— Ага. Значит, все-таки что-то нужно! Чем будешь платить?
— Ты скажи сначала — есть или нет? Торговаться после будем.
— Перечить мне?
— Слушай, зеленая! Не нравлюсь — вали отсюда! Я себе другого призову!
— Какие мы могучие, — усмехнулся в ответ демон. — Попробуй.

— Ча-а-ашшш! — сделал я жест рукой, выкидывая его из пентаграммы. Не, ну не гад ли? Заявился тут, понимаешь, демонессой, разбередил тоску… по дому… урод.
— Шарех шах… шитэра ол ши син… — снова принялся я накачивать пентаграмму силой, в попытке призвать верховного мага. — Шакелла ош ше дош!
— Привет! — плотоядно улыбнулся мне из нее Уртриш.
— Я тебя не звал! — возмутился я.
— А я пришла! — И улыбка до ушей. Только теперь чешуя на демонессе не зеленая, а серебряная.
— Ча-а-ашшш! Сгинь! — отправил я его назад. — Шакелла ош ше дош…
— Привет!
— Слушай, ну че ты ко мне привязалась? А?
— Съесть хочу. Понравился ты мне. Ха-ха!
— Я тебя сейчас развею прямо в пентаграмме!
— Сил не хватит. Гы-гы…
— У вас что, только ты осталась? Почему больше никто на зов не является?
— А я твой зов на себя замкнула. Только я его теперь и слышу. Я умею.
Вот урод! Как разомкнуть? Не знаю… Придется с ним общаться.
— Хорошо. У тебя заклинание есть?
— Нет.
— Достать сможешь?
— Нет. Маги мне его за просто так не отдадут. Нужно платить.
— Так ты еще и не маг?
— Я воин.
— Ясно. Сколько это будет стоить?
— Сначала мне.
— Что тебе?
— Души.
Ить тебя через копыто! Души ему подавай! А занозистой палкой по заду? Не хочешь?
— Сколько?
— Все!
— Не лопнешь?
— Не-а! Гы-гы.
— Ты не бог, чтобы тебе жертвовать просто так!
— Что хочешшшшь?
Хм… кажется, роли поменялись. Ладно. С бешеной собаки — хоть шерсти клок!
— Ты про камни демонов слышала?
— Таши?
— Да. Давай, тащи!
— Двадцать душ.
— За что? За штуку, за сотню, за тысячу?
— За один.
— Слушай, тебе души нужны или нет?
Прилично я на него времени убил. Устал как собака! Пентаграмму приходилось все время поддерживать. Уртриш ее пару раз проверил на прочность. Незаметно (как он думает). Тоже мне, хитрец! А то я не знаю, чего ему нужно! Молодой. Моложе, чем я. Силы хочет. Глуповат, самолюбив, торговаться не умеет. В итоге договорились: одна душа — две пары камней (похоже, там этих камней — как грязи!). Сначала торгуем, он набирает себе силу, а потом ищет заклинание… Не то что я хотел, но пока пусть будет так. Может, за это время разберусь, как сделать так, чтобы мой призыв кроме Уртриша слышал кто-то еще. Монополия — не есть двигатель прогресса.
Отправив «компаньона» к себе, я, уставший, принялся уничтожать следы своей деятельности. Ликвидировав пентаграмму и выровняв землю внутри стен, я направился к лошади, привязанной за стеной. Внезапно в ментале, который я по-прежнему внимательно слушал, колыхнулся короткий всплеск боли и смерти.
Кто-то дал дуба, понял я. И недалеко. Неужели за мной следили? Что делать?
Я влез в седло и на несколько секунд задумался, крепко сжимая поводья. Обдумав ситуацию, решил поехать посмотреть, что там случилось. Если за мной следили, то скакать во весь опор, скрывая лицо, резону нет. Если же случившееся не относится к службе безопасности, то тогда лучше поехать глянуть. Может, можно будет избавиться от случайных свидетелей… Пихнув лошадь ногами в бока, я двинулся в сторону, примерно туда, откуда пришел всплеск энергии. Неторопливо поднялся на вершину холма, огляделся. Никого! Крайне подозрительно! А если так? Я припомнил заклинание, которое я

«вспомнил», читая книгу, данную для ознакомления Николасом. «Чувство смерти» называется. Где? Ага. Вон.
Я направил лошадь к невысоким кустам, растерявшим свои листья, но достаточно густым из-за большого количества плотно растущих веток. В середине, спиной вверх, засунут труп мужчины. Именно засунут, поскольку руки прижаты к бокам, ноги вытянуты. Сложили и запихнули в просвет веток. Головы у трупа не было.
— Фига се! — пробормотал я себе под нос, наклоняясь с лошади, чтобы рассмотреть подробности. — Башку отпилили! Любители мозгов, что ли? Кому она понадобилась?
Внезапно мне на глаза попался кусок песчаной почвы на месте содранного куска дерна. На нем немного смазанный, остроносый отпечаток женского сапога…

Дзинь-бряк… Дзинь-бряк… Бряк…
Желтый металлический шарик на тонкой и длинной спице отклонялся от вертикали и, стукнув по желтому колокольчику, возвращался в прежнее положение. Карие глаза юноши в условно-белом балахоне (точнее, в сером), сидящего за столом рядом с прибором и читавшего книгу, стали круглыми. С полминуты он водил глазами за шариком, слушая бряканье, затем до него дошло.
— А-а-а! А! Демоны! Демоны!
Он вскочил на ноги, собираясь куда-то бежать, но впопыхах запутался в мантии и с грохотом полетел на пол вместе с табуретом.
— Дем… У-у-уй… мое колено… ох… Проклятые демоны…

Где-то в Этории

— Ути-плюти-плюти! Ути-плюти-плюти! Ой ты радость моя! И ты тоже радость моя! Какие вы у меня толстенькие! Ути, хомячки! Мама вас хорошо кормит?
Дина, улыбаясь, смотрела, как ее тетя возится с малышами. Лицо Эстелы было одухотворенное, радостное, и даже складки на лице, придающие ему строгость и хмурость, казалось, разгладились. Эста была счастлива.
— Надолго? — спросила Дина.
— Завтра назад, — нахмурилась Эста, выпрямляясь и возвращаясь в мир проблем.
— Ты же только вчера приехала.
— Сегодня утром гонец примчался из столицы. Весь в мыле… Вилента просит срочно приехать. Что-то у них там случилось.
— С Эриадором?
— Да нет. С ним вроде все в порядке, иначе бы написала. Ты вообще за него не волнуйся. Его теперь пятерка боевых кошек охраняет. Так что ничего с ним случиться не может…
— Это хорошо, — кивнула Дина. — А как у него дела? Тебе удалось с ним поговорить?
— Дела у него идут просто замечательно! Жив, здоров, по виду — чувствует себя прекрасно. А насчет поговорить… Насчет поговорить… Поговорить — пока никак!
— Почему?
— Заносчивый до невозможности. Обиженный. Лелеет и холит свою обиду. Пытались десять тысяч золотых ему предложить — не взял!
— Он мог решить, что вы хотите его купить. Он гордый. Нужно было что-то другое…
— Что? Себя? В вечное пользование…
Возникла пауза.
— У меня… остались его кинжалы… — нахмурившись, нехотя произнесла Дина.
— Кинжааа-лы? — протянула с удивлением Эста. — Какие такие кинжалы? Ты мне про них ничего не говорила!
— Ну… как-то не пришлось… к слову.
— Не пришлось? А я поняла, когда ты мне рассказывала, что у него ничего с собой не было! Нищета. Что еще у него было?
— Гитара… но я ее не отдам!
— Почему это?
— Оставлю на память. Дети будут учиться играть…
— Таа-аак, я не поняла. Какая еще память? Я для чего работаю? Для чего мотаюсь как заведенная между столицей и Эторией? А? Чтобы тебе вернуть твоего Эри. А она — память! Что, все уже? Отказалась? Так предупреждать надо!
— Ничего не отказалась. Просто кинжалы редкие, а гитару он наверняка уже другую купил…
— Значит, пожадничала… Короче, так — неси все, что у него было! Вернется — все с собой привезет. Понятно? Хомячка…

— Да у него только с собой гитара была и кинжалы! Одежду и сумку выкинули… Сумка порвалась, когда его ловили, а одежда истрепалась…
— Вот и неси.
— А у меня тут ничего нет. Все дома.
— Значит, расскажешь мне, где лежит, сама заберу.
Один из младенцев, похоже, недовольный упавшим уровнем внимания к нему, завозился в пеленках и захныкал.
— Уси-пуси-пуси! — спохватилась Эста. — Пуси-пуси-пуси! И знаешь что? — мгновение спустя сказала она, оборачиваясь с младенчиком на руках. — Тебе нужна еще одна девочка.
Дина с недоумением уставилась на тетю.
— Для маскировки. Предполагаю, что в будущем, вполне возможно, возникнет ситуация, когда тебе с детьми придется показаться на людях. Когда это потребуется, я не знаю. Поэтому чем раньше мы будем готовы, тем лучше.
— Где же я ее возьму? — Дина развела руками.
— Хм, действительно, и откуда берутся дети? — иронично хмыкнула Эста себе под нос, обращаясь к малышу в ее руках. — Ладно, я что-нибудь придумаю. Сирот у нас, к счастью, нет, но вот в данный момент — хорошо бы, чтобы они были… Но это я так, к слову. Шучу. Ладно. Моя идея — моя забота. Главное, чтобы ты была не против. Ты не против?
— Я даже не знаю… Как-то неожиданно…
— Хорошо. Я поняла, что ты об этом думаешь. Бассо, твоя мама думает… Твоя мамка думает… Пам-пам-пушки, тру-ля-люшки!
Эста с энтузиазмом принялась легонько трясти малыша.

Эри

— Граф вас сейчас примет…
Слуга в зеленой ливрее важно, со значением, вежливо и неспешно поклонился.
Я кивнул ему в ответ и, закинув ногу на ногу, поудобнее устроился на диване, приготовившись ждать. Прошло почти две недели с того момента, как я первый раз вызвал Уртриша. Все было тихо. Никто ко мне не подходил, никто ни в чем меня не обвинял… Как будто ничего не было. Что в общем-то было подозрительно. Возвращаясь мыслями к случившемуся, я снова и снова приходил к одному и тому же простому выводу — я привел за собой хвост. Как я там ни маскировался, но меня обыграли. Первое, что пришло в голову, так это то, что хвостов, похоже, было два. Причем конкурирующих. Иначе зачем было отрывать сопернику голову? Затем, что кто-то знает о недокументированных возможностях темных магов и нелегально применяющейся некромантии? Безголовый труп, поднимай его не поднимай, ничего не расскажет. Ну про службу безопасности я знаю. Но кто еще? Судя по случайно оставленному отпечатку сапога, похоже, голова — дело рук варг. Они сильные, и оторвать голову и засунуть труп в кусты для них не проблема. Только вот вопрос — на кого они работали? На службу безопасности? Вполне возможно. Не один раз слышал в Этории, что они выполняют деликатные поручения и работают во всяких особых организациях. Почему бы службе безопасности не иметь у себя на побегушках варг? Да запросто! Тогда кто этот безголовый в кустах? Случайный свидетель, которого варги убили, чтобы он меня не спалил? Или наоборот — мужик был от СБ, а варги — еще от кого-то. Или мужик от кого-то. От кого? Вопросы, вопросы, вопросы… Второй раз на призыв я выехал со всей предосторожностью. Нужны мне были эти камешки, да и с Уртришем еще хотел поговорить насчет заклинания порталов. Да и надежда меня все-таки не оставляла, что я что-то неправильно сделал в первый призыв, а второй раз получится. Не получилось. Призвался все тот же. Похоже, этот мир связан только с миром Уртриша, а до Эсферато отсюда не достучаться…
— Забирай, — сказал я появившемуся демону, мотнув головой в сторону лежащего в пентаграмме, у его ног, тела. — Камни, надеюсь, при тебе?
— Да, — радостно оскалилась псевдодемонесса, оглядывая жертву.
Странный какой-то… Никак не может сообразить, что человеку приятней видеть человечку, чем демонессу? Или… может, он просто никогда их не видел, человечек? Поэтому? Не удивлюсь, если узнаю, что мой призыв у него первый…
— Так сколько тебе душ нужно, чтобы ты узнал заклинание?
— Десять тысяч. Тогда я смогу обратиться к магам.
Че? Город ему скормить? Облезет! Видно, совсем слабак, боится к старшим соваться, пока хоть «жирок не наберет»… Как же я неудачно попал на этого пацана! И ведь не знаю, как от него отвязаться! М-да…

Выполнять его требования я не собирался. Десять тысяч для этого мира — это слишком много. Сразу все забегают как ужаленные. Да и технически — как это? Тот, которого я отдал, был грабителем, напавшим на меня в одном из темных переулков в столице. Правда, я там провоцирующе прогуливался, но это ведь совсем не повод нападать на одинокого гуляку, не так ли? И вообще их было изначально двое. Оба получили «шок любви», причем я особо не сдерживался, тратя на него энергию. Одновременное воздействие заклинания на нескольких человек я отработал ранее на целительницах, когда готовился к балу, а сил, после того как поучаствовал в сносе здания вместе со Стефи, у меня прибавилось. Причем настолько, что один из нападающих совершенно неожиданно для меня помер. Может, сердце слабое было, не выдержало столь сильного восторга? Второго, вялого-вялого грабителя, я быстренько связал и засунул в невидимый мешок. Предварительно я поэкспериментировал, засовывая в него хомячка и проверяя, сможет ли живой организм находиться внутри этого мешка? Хомяк — это, конечно, не взрослый мужчина по потреблению кислорода, но я его оставлял внутри на достаточно долгий срок — и ничего! Жив, здоров и свеж. В качестве награды выживший испытатель был выпущен в лаборатории целительниц, где он ими был пойман, посажен в клетку и переведен на житье в оранжерею. Теперь они кормили его на убой, несколькими курсами, и, судя по его круглой морде, он был доволен. Подытоживая проведенные эксперименты, я предположил, что, вполне возможно, данное заклинание построено с использованием замедления течения времени. Продукты, положенные на хранение, тоже не портились. Даже молоко и творог. Весьма удобно. Считай, почти как холодильник взять с собой в поход. Короче, грабителя за город я в этом рефрижераторе и вывез. Использовать в качестве платежного средства криминальные элементы я решил вполне осознанно. Во-первых, толку с них практически никакого. Булочки они не пекут, кофе не варят, гитары не делают… Ну и так далее. А я всем этим пользуюсь. Пустить в расход бездельников первыми — вполне разумный подход к жизни. А во-вторых, пропажа работающих людей гораздо более заметна, чем исчезновение маргиналов. Если вдруг пекарь не откроет утром лавку по причине своего внезапного убытия, то весь квартал, оставшийся без хлеба, об этом сразу узнает. А пропажу ночного грабителя, которого толком никто не знал, — кто обнаружит? Да никто! Только подельники. Но у них занятие непростое, не вернуться «с ночной смены» — явление пусть не ежедневное, но вполне рядовое. Мало ли кого носит по ночам… Типа меня.

Уртриш утащил неудачника с предовольным видом, без всяких претензий к его духовному миру. Камни в оплату он оставил в маленьком сером мешочке, затянутом ярко-красным витым шнурком. Перед тем как взять в руки, я исследовал его на наличие возможных ловушек самым внимательнейшим образом. Это же так забавно — подловить зазевавшегося призывателя! Сам демон, знаю. Но мешочек был чист. Видно, Уртриш решил, что честное сотрудничество в данный момент гораздо выгоднее. Я тоже — за честное сотрудничество! Камни, или таши, как назвал их Уртриш, оказались с виду совершенно невзрачными. Полупрозрачные, с белесыми прожилками внутри. Похожи на земной кварц. Размер — где-то с ноготь указательного пальца. Но как бы они ни выглядели — это было то, что нужно. Заклинание сбора магической энергии из окружающего пространства фиксировалось в них четко, не распадалось, и в итоге — все работало! Проведя несколько опытов, я определил, что для реализации моей задумки в кольца достаточно вставить камни размером примерно в четверть от имеющегося. Я сходил к ювелиру и распилил один кристалл на четыре части. Ювелир на камень никак не среагировал, излучая в ментал чистое недоумение — для чего понадобился бросовый камень, но работу сделал и деньги взял. Так что я понял, что внешним видом камешки Уртриша от местных недрагоценных камней не отличаются. Ну и хорошо. Перстни в целях конспирации я заказал уже другому ювелиру. Под старину. Такие, которые носили якобы в давние времена. Заказал, чтобы он их искусственно состарил, что он и сделал. Затем я навел справки, определил несколько подходящих кандидатур и отправился по адресам — коммивояжерить. Вот, сижу в гостиной первого перспективного клиента, жду, когда хозяин выйдет. Хозяин — граф, известный в столице бабник и ловелас. При деньгах, но уже в приличном возрасте. Целителям он регулярно платит, но они, увы, не всесильны. Можно, конечно, тянуть клиента и достаточно долго тянуть, но Хель не обмануть. Все равно в конце концов приходит старость. Вот и к графу она пришла. А любовь к женщинам — никуда не делась. Мучается, поди, бедолага… Стариков молодые не любят. Даже за деньги…

— Добрый день! — отодвинув тяжелые портьеры из красного бархата, закрывающие проход внутрь дома, в гостиную вошел хозяин. — Кто вы? И что у вас за дело ко мне?

Поговорим, подумал я, поднимаясь с кресла и делая вежливый поклон.

— Ваше величество, канцелярия инквизиции Белого ордена прислала сообщение, что ими были зафиксированы призывы иномирной сущности. Два раза. В окрестностях столицы.
— Вот как? — нахмурился император. — Призывателя поймали?
— Увы, ваше величество. Они могут только определить факт призыва. Место, где это произошло, найти они не могут. В ордене объявлена тревога. Прочесывают пригороды в надежде найти виновника.
— Обрадовались реальному делу, — ворчливо прокомментировал Хайме. — В кои веки появилась возможность им хоть что-то действительно сделать. Тем более что ловить ренегата-одиночку риска практически никакого. А ты что скажешь по этому поводу? Кому это вдруг приспичило пообщаться с демонами?
— Трудно сказать, ваше величество. Информация весьма скудна. Это может быть как и юнец, возжелавший силы, в руки которого попали тайные знания, так и убеленный сединами маг, решающий какие-то проблемы.
— Хм… А что по этому поводу говорит совет магов?
— Они выражают озабоченность…
— Ха! Озабоченность выражают… Молодцы! Как всегда в своем репертуаре! А что-то еще, кроме выражения озабоченности, они делают?
— Наверняка, ваше величество. Правда, подробности мне неизвестны…
— Понятно. Вконец обленились. Робэрто о, мне кажется, их нужно немного встряхнуть. Проследи за этим.
— Да, ваше величество.
— Как-то… стало много… событий… Ты не находишь?
— Соглашусь с вами, ваше величество…
— Как продвигается расследование о покушении на мою дочь?
— Пока, ваше величество, ничего нового я вам сообщить не могу…
— А с варгами что у нас?
— В столице находится Эстела, глава их тайной службы. Просится на прием.
— Что ж, прими. Посмотрим, что она скажет… Как идет расследование по поводу книги?
— Ищем дополнительных свидетелей…
— Понятно. И здесь ничего… Робэрто о, ты меня разочаровываешь…
— Прошу простить меня, ваше величество…
— Работайте, Робэрто о, работайте…

— Альвеар! Я хочу с тобой поговорить.
— Да, дорогая?
— Я хочу поговорить с тобой о нашей дочери.
— Да? А что с ней? — насторожился император.
— Ничего. Если не считать того, что она, похоже, влюбилась.
— Да-а? — Альвеар заинтересованно откинулся на спинку кресла, переплетая пальцы на животе. — И в кого? Кто он?
— Сюзанна проявила максимум оригинальности. Это князь Эриадор Аальст, будущий темный маг.
— Вот как? — нахмурился Альвеар. — Это точно? Ему же запрещено видеться с членами императорской семьи!
— Она пишет ему письма. Чуть ли не каждый день.
— А он? Отвечает?
— Отвечает.
— Хм… Шустрый. Ты думаешь, что он… использовал магию против Сю?
— Откуда я знаю? Эриадор сам по себе весьма интересный юноша. По словам Сюзанны, он превосходный рассказчик и замечательно играет на гитаре. Кроме того, неплохо танцует, мы сами видели. Еще он большой оригинал и придумщик. Не знаю, с кем его даже можно сравнить в этом плане… На фоне всех молодых людей он весьма выделяется. К тому же эта романтическая история с покушением и поцелуем. Все как в любовных романах! Совершенно не вижу причины, по которой девушке в возрасте Сю он бы не приглянулся…
— Мм… И что теперь делать? — озадачился император.
— Делать? Это я тебя хотела спросить, что теперь делать? Добавлю, что и наш сын взял себе сестру в качестве подражания. Стефания Терская, похоже, сейчас полностью занимает голову Диния. По крайней мере, она первая во всех списках его приглашенных. А она отвозит Аальсту письма, которые ей дает Сю. Конечно, можно подумать, что он приглашает ее по просьбе сестры, чтобы та поработала письмоносцем… Но достаточно один раз увидеть, как он на нее смотрит, чтобы подобные мысли раз и навсегда выветрились из головы.

— Ничего себе! — присвистнул император. — Ты думаешь, что он и его… тоже?
— Я хочу узнать, что по этому поводу думаешь ты! Ты ведь император!
— Хм… — В задумчивости взялся рукой за подбородок Хайме. — Но тогда… Если бы это было так, то Диний бы дружил с Аальстом, а не с Терской… Не так ли?
Императрица, соглашаясь, кивнула.
На секунду воцарилась тишина.
— Вполне возможно, что просто пришло время, — сказала Анжелина, чуть слышно вздохнув. — Дети выросли…
— Ты этим расстроена?
— Еще вчера они были такими милыми карапузами. Слушались. А теперь — целовать их, видите ли, нельзя, обнимать тоже нельзя. И вообще, мама, не приставай с нежностями! Диний бывает порой такой противный! Так бы и дала ему! Это он в тебя пошел. Вредностью.
— Конечно, в кого же еще? — хмыкнул император. — Что ж, видно, мальчик вырос. Тут уж ничего не поделаешь… Но мне кажется, ты опечалена не только этим. Ты недовольна их выбором?
— Знаешь, — после паузы произнесла императрица, — я все-таки думала, что мозгов у них будет больше. Ну Сюзанна ладно — девочка увлекающаяся, но Диний! Эта Терская! Четверо сестер, захудалый род — ни кола ни двора! В столице столько красавиц, отцы которых совсем не чета ее отцу. Нет! Выбрал! Провинциалку…
— Да… Пять дочерей — это страшно. Но, дорогая! В нашем случае приданое невесты не играет особой роли…
— Ты понял, о чем я говорю! О положении и весе в обществе. Одно дело породниться с теми же Валуа или Берге, например, другое — с каким-то малоземельным бароном. Случись что, кого он на помощь Динию пришлет? Дочек своих, что ли?
— Что случись? — прищурил глаза император.
— Ах, оставь! Ты прекрасно все понимаешь, о чем я говорю!
— Но мне по-прежнему кажется, что это не основной ее недостаток… Не так ли? Ты же никогда мелочной не была.
— Да, не была. А теперь стала! Я вообще не уверена, что эта пигалица его любит!
— Так вот оно в чем дело! Ну так бы сразу и говорила, а то мутишь мне тут воду — Берге, Валуа! Обычная материнская ревность. То же, что и было, когда мы первого женили. Вспомни. Ничего, все живы.
— Это ты тогда настоял! Потакал ему во всем! Вот и результат! А она его не любит!
— Что, совсем?
— Ну… может, чуть-чуть…
— Анж, не сходи с ума. Найти ту, которая будет любить твоих детей больше, чем ты, или хотя бы так же, — это невозможно. Ты же понимаешь…
— Я просто хочу, чтобы наши дети были счастливы…
В глазах императрицы блеснули слезинки.
— Ты считаешь, что их выбор ошибочный?
— …
— Так или не так?
— Терская — это точно ошибка.
— Хорошо. Давай тогда устроим им испытание.
— Какое?
— Лишим их возможности видеть друг друга. Пройдет с полгода, а там посмотрим, насколько сильны были их чувства. Может, все решится само собой.
— Лишать детей первой любви? Как ты можешь!
Император медленно втянул полную грудь воздуха и так же медленно выдохнул.
— Что. Ты. От меня. Хочешь? — с выражением абсолютного покоя и умиротворения на лице спросил он, обращаясь к супруге.

Полный набор

— Он темный маг, — прислонившись спиной к стене и скрестив на груди руки, сказала Вилента. — Ошибки быть не может. Он был в черной мантии.
Эста с задумчивым видом поводила языком по зубам и цыкнула уголком рта, никак не прокомментировав это сообщение.
— Взял? — спросила она.
— Да, — подтверждающе кивнула Вилента, — но только гитару и кинжалы. От денег снова отказался.

— От двадцати тысяч?
— От двадцати.
— Крассссавец…
— И что теперь делать?
— Подождем. Денег больше не предлагать. Гордый? Пусть сидит так. Может, быстрее созреет. А то, что он темный… это нам только на руку. Значит, как бы он там от нас ни бегал, все равно ему никуда не деться. Придется ему с нами пообщаться…
В комнате на несколько мгновений воцарилась тишина.
— Темный… — после задумчивой паузы медленно произнесла Эста. — Если подумать… у Этории собственный темный маг… Какие неожиданные перспективы…
— Он не только темный, он вообще радужный!
— Да, я читала твой доклад, — кивнула Эста. — Отличная работа. Наконец-то у нас появился источник информации. Во сколько это обошлось?
— Немыслимо дорого. Пятнадцать золотых. За каждое открытие рта информатор требует денег. Мне еще не удалось собрать полное досье. Рука не поднимается тратить такие деньги.
— Что ж, — вздохнула Эста, — придется платить. Он будет теперь постоянно давать информацию?
— Если будем платить, то да.
— Хорошо. Будем платить.
— А что нам делать с его призывами? Его же поймают! Он ведь не знает, что Белый орден следит за появлением иномирных сущностей!
— Хм… Два варианта. Первый — подождать, пока его схватят, осудят, выгонят из гильдии, а затем спасти. Но! Сможем ли мы его выдернуть из лап империи целым и невредимым? Сейчас, когда мы лишились практически всех шпионов… сделать это будет весьма непросто… Очень рискованно. И сами можем подставиться. А второй вариант — предупредить его об опасности, оказать услугу и положить тем самым начало сотрудничеству. Донести до него мысль, что мы не желаем ему зла… Пожалуй, это будет сейчас самым правильным.
— Но тогда мы признаем, что следим за ним. Как ему это объяснить, если спросит?
— Мм… допустим, как вариант, сказать, что коль он темный маг, то мы взяли своего будущего повелителя под охрану. — При слове «повелитель» Эста усмехнулась. — И будем теперь всегда его охранять… Тогда и прятаться не нужно будет. Можно вообще придумать и рассказать ему историю про то, что темные маги еще со времен древних являются нашими господами и мы тайно от всей империи боготворим их и выполняем все их прихоти и желания…
— Все, — многозначительно выделила голосом слово Эста, приподняв брови. — Ты меня понимаешь?
— Попробовать сыграть на честолюбии? — заинтересованно спросила Вилента. — Хм… интересный вариант. Вполне может получиться. Только вот… У него ведь есть учитель. Да и так… может, еще у кого-нибудь спросить. В университете найдется у кого. Узнает, что про такое никто и никогда не слышал, — поймет, что мы его обманули.
— Хм… — задумалась Эстела, — верно… Тогда… Тогда заменим «темного» на «радужного». Древние умели творить разную магию, не то что сейчас. Скажем ему, что он настоящий темный маг, а все нынешние темные — так, недомаги. Поэтому мы им ничего и не говорили… Как тебе такой вариант?
— Мм… вполне может получиться.
— Я на это надеюсь. Давай мы с тобой проработаем все мелочи, подберем правильные слова и посмотрим… что у нас получится… И еще… В следующий раз дай задание информатору на Терскую. Пусть узнает, что у него с ней там? И про нее. Все, что может, пусть узнает. Хорошо бы с ней познакомиться. Еще один источник информации нам не помешает… Кошмар какой-то! — Уперев локти в стол, Эста устало потерла пальцами глаза. — На гитаре играет, танцы всякие танцует, принцесс целует, сережку носит, темный маг, целитель, все стихии, радужный, теперь он еще и демонов призывает! Что дальше? Осталось только узнать, что он сам демон. И все! Полный набор…

Эри

Три месяца спустя

Так. Что мне еще нужно взять с собой? Хм… Я еще раз прокрутил в голове составленный список. Вроде все. Плеер и ноут еще, конечно, было бы неплохо положить, но чего нет, того нет…
Как и электрогитары, вздохнул я.
Я собирался на практику. На войну. По мне, так дурь совершеннейшая! Оставалось полтора месяца учебы, потом каникулы, на которые у меня были планы посещения нескольких ученых мужей, по слухам, что-то смыслящих в порталах. Ну или пытающихся в них что-то понять. С некоторыми я даже успел обменяться письмами, договорившись о примерных датах встречи… Короче, готовился. Средство передвижения себе соорудил. Такого тут отродясь не видели. А все началось, можно сказать, с телеги. Посыл был простым — уберечь свою задницу от плющенья седлом, а ноги — от превращения в букву «о». Сначала мне привиделась эдакая телега из свежеструганого дерева, набитая мягким и обалденно пахнущим сеном, на котором, вольготно развалившись, я путешествую из одного места в другое. Однако телега — это медленно и мне по статусу не подходит. Поэтому она спустя пару мгновений трансформировалась в моем мозгу в двухколесную повозку с рессорами и мягкими сиденьями.
Солнце голову печь будет, пришла мысль, когда я представил себя верхом на этом тарантасе. Над повозкой появился тент.
А если дождь? На тенте образовались боковые полотнища.
Самому сидеть за вожжами? Добавилась еще одна пара колес и скамеечка для возницы.
Тогда уж карета. В голове возникла картинка здоровенной, блестящей лаком, черной кареты.
Карета неудобно. Все время сидя… В дороге порой вытянуться хочется… А если сделать в ней что-то типа диванчика? Откидного? Или лучше постоянного? На котором можно и поспать в дороге… Хм… А ведь это мысль! Тогда можно будет клопов на постоялых дворах не кормить! И матрас нормальный иметь, без комков! Точно! Тогда… Тогда… А не сделать ли мне тогда как на Земле — дом на колесах? Со спальней, душем, кухней и туалетом? Путешествовать с комфортом — это же класс! А ну-ка!
Я с энтузиазмом схватился за грифель и бумагу и приступил к проектированию. В результате у меня получился монстр, на каждой из трех осей которого было четыре колеса. Третья, крайняя ось, за которой были уже лошади, была поворотной. Ее я ввел для улучшения управления, прикинув, что поворачивать на дороге эту дуру будет весьма непросто. Конструкция стала выглядеть еще более монстроподобной, но зато в добавленное пространство вписалась кухонька и место для кровати слуги (он же конюх, возница, повар и т. д. и т. п.). Еще у меня в этот «Титаник» поместился душ, мини-гостиная с креслами, откидным столиком, мини-баром, туалет, масса ящиков под полом телеги для всяких полезных в дороге вещей, бак для воды и небольшое помещение в конце, с шестью откидными полками, которые можно было использовать и для хранения вещей и чтобы спать. Одна для меня, а другие на тот случай, если у меня вдруг появятся спутники.
Конечно, это идет вразрез с моими принципами делить жилище с кем-то еще, но… Но дорога есть дорога. Мало ли что может случиться? Того же специалиста по порталам, например, куда-то отвезти понадобится. Сихот его знает сейчас куда, но мало ли? Куда его потом девать? Короче, я сделал фифти-фифти. Хочешь так, хочешь сяк. Единственный вопрос — кто это все потащит? Двигателей-то тут нет! Одни лошади. Ну я так прикинул, четверка тяжеловозов, ну на крайний случай шестерка, должна это утащить. Надеюсь… А для облегчения их жизни можно использовать в конструкции легкие сорта дерева и магию. Заклинание облегчения веса, вычитанное в книге Абасо Альбо. Массу кареты оно, конечно, никуда не денет, но вот колеса на дорогу давить будут меньше, а значит, и застревать тоже будут реже…
Когда я показал свои наброски каретных дел мастеру, у того глаза на лоб вылезли.
Как я и предполагал, такого тут не то что не делали — не видели и даже не проектировали в мечтах. Короче, каретники не взялись. Тогда я пошел к гномам. Те с интересом изучили. Всякие складные-задвижные штукенции, обильно заложенные мною в конструкцию, весьма им понравились.
— Да, сделаем, — сказали они.
Ура, подумал я, но тут началась вторая часть марлизонского балета. Стали определяться с ценой — сколько же это может стоить? А как определить? Да очень просто — подробно описать, какой материал использовать для конкретных узлов и сколько его понадобится, плюс деньги за работу. Короче, гномы припахали меня писать им спецификацию. Именно припахали. Другое слово тут не подходит. Адский труд. Откуда я знаю, какие сорта металла и древесины у них есть? И сколько требуется шурупов на один метр крепления панели конкретного сорта дерева? А каких шурупов? Диаметр, длина, шляпка? Да я че вам, конструкторское бюро, что ли?! Месяц! Месяц моей жизни на выяснение. Выяснили.

Процентов на восемьдесят. Остальное — в процессе создания. В общем, с гномьей точностью насчитали мне четыреста двадцать семь золотых монет плюс еще сколько-то набежит. Стоимость почти одного колечка. Колечек удалось продать только два. Артефакты получились классные. Его владелец получал уникальную возможность один раз в день иметь мощнейший оргазм, который по ощущениям (как мне представлялось, сам не пробовал) значительно превосходил результат, получаемый обычным способом. Затем артефакт заряжался, абсорбируя магию из окружающего пространства, и снова был готов к использованию только через сутки, на следующий день. В принципе можно было бы и чаще, но я специально ввел ограничение в заклинание — чтобы у владельца не возникало зависимости, как у мышки с педалькой. Организмы ведь у низших разные. Могут и помереть от чрезмерного использования. Рекламации пойдут — торговля встанет… Казалось бы, все отлично. Товар с руками должны отрывать, но тут возникли нюансы. А кто вы? А что вы? А где вас найти, если он перестанет работать? Кто за вас поручится? Вы поймите меня правильно… Это очень большие деньги… И так далее… Тьфу, одним словом! В принципе совершенно правильные вопросы. Кольца я предлагал купить по тысяче золотых за штуку, а посещал предполагаемых покупателей, накинув на себя личину искателя, только что вернувшегося из Серых песков. Где им потом этого искателя искать? А являть свое истинное лицо я не стал. Мало ли? В итоге — и я, и они не хотели рисковать. Я именем, они деньгами. А их любовь к деньгам оказалась гораздо сильнее, чем обычная любовь… Кто бы мог подумать… Хе-хе. Так что, завернув свои раскатанные губы назад, я снизил цену и принялся искать тех, для кого деньги не главное. Помотавшись, в конце концов продал одно собирателю древностей, коллекционеру, так сказать. За пятьсот золотых. А второе — старой вдовствующей графине, про которую болтали, что в былые времена любила она погулять, «за ночь вынося на раз» целую казарму с гвардейцами так, что утром они еле выползали на построение.

Брешут, наверное, подумал я, оглядев при первой встрече ее хрупкую фигуру.

Но вот ей-то как раз можно было продать дороже! Она бы взяла. Но я банально лопухнулся, сразу озвучив цену в шестьсот золотых. Графиня еще и сотню сторговала. Короче, два кольца — одна тысяча золотых. Впрочем, я особо не расстроился, списав эти мелкие неудачи на издержки роста и проведение маркетинговых исследований рынка, и уже собирался начать пристраивать оставшиеся колечки, как тут опять вылезли варги.

Сперва они снова заявились в университет с целью вернуть мне уворованные Диной кинжалы и гитару. Весьма я был этому удивлен. Опять завели разговор про извинения и снова предложили деньги. На этот раз аж двадцать тысяч золотом. Сумма меня напрягла. Я четко помнил, что бесплатный сыр бывает только в очень нехороших местах. Но, судя по столь шикарному предложению, что-то им было от меня нужно. Может, они наконец прознали, что я буду им мозги крутить? Но в черной мантии меня, собственно, увидели в первый раз. Реакция была — онемение. Похоже, что до этого они пребывали в неведенье… Денег я брать не стал — пусть катятся! Сами с усами. А гитару и кинжалы забрал — мое! Однако зубастые продолжили проявлять активность. Несколько дней спустя, когда я в трактире, никого не трогая, мирно поедал вкусные пирожки с начинкой из яблок, неожиданно за мой столик быстро подсела варга.

— Господин Эриадор знает, что у Белого ордена существует артефакт, позволяющий замечать моменты призыва демонов? — наклонившись ко мне через стол, с придыханием спросила леди Вилента, не заморачиваясь такой ерундой, как приветствие.

Самое время подавиться насмерть пирожком, подумал я, аккуратно проглатывая зажеванную половинку.

— К чему вы это мне говорите? — холодно поинтересовался я, освободив свой речевой аппарат и отодвинувшись подальше от края стола.

— Видите ли, господин Эриадор… Когда-то давным-давно, когда древние маги… — так же доверительно наклоняясь ко мне, таинственным голосом начала она дивную историю. Дивную. По которой выходило, что коль я «настоящий темный маг», то теперь я для них — царь и бог. И они будут делать все, что угодно, лишь бы угодить моему сиятельству. Ибо так заложено в них инстинктом создателя, а они не имеют сил, чтобы ему противиться. Красиво. Если бы она еще не врала, так вообще бы было замечательно. А она врала. Да еще с азартом! Я же чувствовал. — Теперь мы будем охранять вас день и ночь! — с жаром заявила Вилента, добравшись наконец до конца своей дикой истории. — Вот ваша охрана. Она махнула рукой себе за спину. Глянув в указанном направлении, я увидел пять пар варговских глаз, с идиотическим восторгом уставившихся на меня. На лицах-то восторг, но в ментале-то… Идиотки. Ладно, поговорим…

— Как интересно, — ставя локти на стол и упираясь подбородком в скрещенные руки, сказал я, наклонившись к Виленте. — Я просто теряюсь от открывающихся перспектив… Та, похоже, решив, что я поверил в этот бред, радостно улыбнулась.

— И что, прямо сейчас, здесь, за этим столом, я могу заказать себе два золотых блюда с головами леди Эстелы и леди Дины? — лучезарно улыбнувшись с самым невинным видом, поинтересовался я.
— Кх! — поперхнулась моя собеседница.
— Так как? — все так же улыбаясь, поторопил я ее, видя, что леди как-то замешкалась с ответом.
— Вы так плохо относитесь только к ним или ко всем варгам? — наконец спросила Вилента, так и не ответив на вопрос.
— Ладно. Коль у нас с вами пошел такой разговор, давайте тогда раз и навсегда расставим все точки над i, чтобы больше не возвращаться к этой теме… Взгляните сюда…
Я оттянул левый рукав вниз, обнажая отпечаток Динкиных зубов.
— Вы видите этот замечательный укус? Видите?
Вилента, подтверждая, что видит, кивнула.
— Так вот. Всякий раз, когда я его вижу, а это происходит как минимум два раза в день, утром и вечером, то я вспоминаю, что… — Я чуть отодвинулся от края и пригнулся, ставя перед собой магический щит. — …что вы все… просто животные, лишь похожие снаружи на людей. И ничего более. Надеюсь, вам все понятно, леди?
К моему удивлению, бросаться она на меня не стала, хотя я был уверен, что без драки разговор не обойдется. И эти пять кобр в углу… Даже не зашипели. Вилента только сморщилась, как будто укусила что-то кислое-кислое, но промолчала, смотря мне в лицо.
— Ты просто не понимаешь, от чего отказываешься… — наконец, после длинной паузы, сказала она и гибким движением поднялась из-за стола.
— Идиот… — долетело до моего слуха из-за ее удаляющейся спины.
Сама дура! Ладно. Вас слишком нынче много на одного меня… Сделаю вид, что не услышал…
Варги исчезли, оставив меня наедине с пирожками. И с мыслями на тему — а что это было? Получается, что взгляды, которые я ощущал на своей спине, оказывается, принадлежат не только службе безопасности, но еще и этим зубастым! И в момент, когда я занимался призывом, они тоже следили за мной. Тогда и соглядатая из СБ — это они грохнули! Больше некому… Если, конечно, за мной кто-то еще не следит… Но, судя по случайно оставленному отпечатку сапога, это их лап дело. Хм… Убили, чтобы никто, кроме них, не знал про мои художества… С целью, чтобы у меня не было неприятностей… И про детектор демонов у ордена предупредили… Тоже чтобы защитить меня… То есть они заинтересованы, чтобы я был жив и здоров. Интересно — зачем? Снова напрашивается единственный вывод — я им нужен. Для чего-то нужен… Настолько, что они организовали за мной слежку, предлагают нешуточные деньги и рискуют, вступая в прямую конфронтацию с империей. Да еще и молча проглатывают оскорбления. Это вообще уже… никуда не лезет… Но что с меня взять? Даже не представляю… Ничего такого у меня нет… Может, они знают то, что я еще не знаю? Может, я кем-то стану? Прорицательница какая-нибудь чего-то брякнула, а они и поверили… Но это вообще уже из области фантазий. Не могли же все варги разом заболеть головой? Сихот… Ладно. Подождем развития событий. Однако, благодаря любезно предоставленной ими информации о детекторе, получается, что я могу спалиться с призывом в любой момент. Это весьма неприятно. Придется, похоже, от призывов отказаться… По крайней мере до тех пор, пока я не узнаю подробностей про орденский девайс… Да и колечки, пожалуй… Пусть пока полежат. Деньги есть, займусь строительством кареты…
Короче, за прошедшее с новогоднего бала время, наверное, это были самые значимые события, достойные особого упоминания. Конечно, происходило и еще много чего, но это было уже так… мелочи.
Эрт Бастиан взялся учить первый курс владению оружием и езде на лошадях. Точнее — переучивать, так как этими навыками, так или иначе, владели все студенты. На первом занятии он привлек меня для показательных выступлений. Мы продемонстрировали бой на шестах, наглядно иллюстрируя слова мастера: «Даже палка может быть оружием!» Ничего так… получилось. Зрители прониклись, и последующие занятия студентов у Бастиана проходили с энтузиазмом в глазах. Николас учил Стефи контролировать свою силу. Получалось у нее плохо. Похоже, что после известных событий возник некий психомоторный зажим, и Стефании удавалось пользоваться магией только в режиме «взрыв». Бац! И все вылетает в одном импульсе. Но перло из нее… Не зря, видать, Хель ей цветок презентовала. Николас принялся было обучать нас поднятию мертвецов, но после первого же разлетевшегося во все стороны кусками трупа, поюзанного Стефанией, изучение данного раздела магии он притормозил. Тогда, пока Стефи блевала, согнувшись в три погибели, я сказал магистру, что это все, конечно, офигительно интересно, но совершенно неэстетично. И если прозорливо поставленный щит уберег меня от летающих

кусков дерьма, то от запахов он не спасает. И мне совсем не хочется ходить по университету, распространяя впитавшуюся в одежду вонь полуразложившейся плоти и блевни. Николас покосился на упавшие перед его щитом куски «практического пособия», на согнувшуюся Стефанию и, подумав, решил с ее обучением не спешить. Тем более что у меня все было нормально. Мой мертвяк в ответ на заклинание бодро пошевелился и сел, уронив на землю отгнившее ухо с куском щеки. Стефи, увидев сие, принялась, как обычно, освобождать желудок… Чересчур изящная у нее внутренняя организация… Чуть что — сразу выворачивает. Не… Из нее не некромант, а так, сплошное недоразумение. На практические занятия ходит вся зеленая, есть пирожки рядом с трупами не может, дышать рядом с трупами — не может, посмотреть, что у них внутри, — не может, сразу блюет. Короче, для нее ее профессия не профессия, а катастрофа… В процесс овладения Стефании магией я не вмешивался, хотя мог бы помочь. Меня устраивало такое времяпровождение. Пока Николас возился с ней, я был так, на втором плане, более свободный…

Из дворца нас выперли. Сначала меня, сразу после награждения, потом месяца через два — Стефи. Уж не знаю за что, может, за компанию со мной, может, чашку не ту разбила, но приглашения ей приносить прекратили. И принц пропал. Ни ответа ни привета. Даже писем нет. Искрящаяся до этого энергией и радовавшаяся жизни Стефания резко сдала, посерев лицом и обзаведясь темными мешками под глазами. Сами же глаза приобрели выражение как в глазах несчастного бездомного спаниеля, разом лишившегося всего — коврика, миски, хозяина и еще сотни всяких вещей, являвшихся его жизнью. Аура ее выглядела вообще потрясающе — сплошной свинцовый цвет, из-под которого в какие-то дырки пробивается золотое сияние. Есть почти перестала, ноги еле таскала, по ночам, похоже, не спала, из учебы выпала и являла собой живую иллюстрацию полнейшей апатии. Посмотрел я, посмотрел на эти ужасы любви, и как-то внезапно подумалось мне, что нужно с ней что-то делать. Похоже, что сама она из этого «пике» не выйдет. По крайней мере, таких попыток я у нее не замечал. Нужно было ее как-то встряхнуть. Для начала я решил просто поговорить.

— А скажи мне, красавица, — спросил я, вытащив вяло упирающуюся девушку погулять на перемене и уведя ее подальше от посторонних глаз, — ты чего квелая такая? Болит чего?

— Уку, — сделала отрицательную гримаску Стефи, пассивно пожав плечом, — ничего не болит.

— Брешешь, — уверенно ответил я. — Болит!

— Что?

— Сердце. И душа.

Стефи опустила голову и принялась молча на каждом шаге поддавать ногой попадающиеся прошлогодние листья.

— Ну и что? — наконец тихо сказала она, не поднимая головы. — Кому это интересно?

— Ну интересного в этом действительно ничего нет. Ходишь — глаза ввалились, серая вся и ноги еле таскаешь. Совершенно ничего интересного! Мочалка мочалкой.

— Как хочу, так и хожу.

— Н-да? Слушай, когда ты в принца влюблялась, ты что, на такой вариант не рассчитывала?

— Не твое дело!

— Ой, глядите! Сосиска ожила! Стоило только ненаглядного вспомнить!

— Не смей! Не смей так говорить! Слышишь, ты!

Стефи резко развернулась ко мне, сжав кулачки.

— Кто? Ну кто?

— Чурбан бесчувственный! Сюзанна вся испереживалась, а ему все равно! Эгоист!

— Лучше быть бесчувственным, чем ползать по университету на полусогнутых, как ты! Посмотри, в кого ты превратилась! В гроб краше кладут!

— А ну пусти!

Стефи попыталась прорваться мимо меня назад, к корпусам, но это ей не удалось. Я сгреб ее в охапку и крепко прижал к себе.

— Пу-у-усти! — забилась в моих руках Стефания, что есть силы упираясь мне в грудь ладонями.

— Куда же ты собралась от своего единственного друга?

— Ты мне не друг! — запальчиво произнесла Стефи, продолжая безуспешно бороться со мной.

— С чего это вдруг я им перестал быть?

— Ты бесчувственный, эгоистичный, самовлюбленный! Ты любишь только себя! Ты ничего не понимаешь! Пусссти, я сказала!

Стефания закусила удила и боролась со мной так, словно я был главным препятствием между ней и ее любовью. Поняв, что у нее истерика, я, не задумываясь, вмазал ей «шок любви».
— Ай! — тонко вскрикнула она и, обмякнув в моих руках, начала падать на дорожку.
Я подхватил на руки отключившуюся девушку и потащил до ближайшей скамейки. А что было делать? На Земле я читал статью — отчет одного из исследований головного мозга низших. В ней трактовались полученные результаты зафиксированных излучений коры при различных эмоциональных состояниях. Депрессия, радость, влюбленность… Короче, вся суть явления в различной степени возбуждения разных участков. Оказалось, для того чтобы перебить депрессию, нужно сильнее возбудить какой-нибудь другой участок мозга, и его владелец будет мучиться уже не от нее, а от чего-нибудь другого…
Исследователи даже провели несколько экспериментов для подтверждения сделанных ими выводов. Они внезапно пугали испытуемых, надеясь сильной эмоцией переключить их на другое состояние. Ну у них так себе получилось… не очень. Кому помогло, кому нет. Страх — это, конечно, хорошо, но их «страх» против моего «шока», он так… Грелка против Тузика. Так что истерика должна была наверняка прекратиться. И я не ошибся. Через пару минут, когда усаженная ко мне на колени Стефи медленно подняла трепещущие веки, от истерики не осталось и следа.
— Привет, — тихо сказал я, близко глядя в ее затянутые поволокой глаза.
— Что… это было? — слабым голосом пролепетала она, лежа головой на моем плече и, похоже, не понимая, где и что она.
— Суперуспокоялка. Но давай об этом после. А сейчас, красавица, когда ты успокоилась, я хочу, чтобы ты рассказала мне, что с тобой случилось. Я готов выслушать тебя самым внимательным образом. Поведай мне свои печали… друг мой…
Секунду она молча смотрела в мои глаза. Внезапно ее подбородок задрожал, а глаза разом заполнились слезами.
— Он меня… не любит… — кривя губы, прошептала Стефи и, рывком повернув голову, уткнулась в меня лицом, отчаянно зарыдав.
Бли-и-ин! Картина маслом — повелительница Тьмы рыдает на груди своего темного товарища! Ужас. Просто ужас. Кто увидит — глазам не поверит. Но славу Сихоту, рядом никого вроде нет…
Подождав, пока у Стефании кончатся слезы и она прекратит окроплять ими мою грудь, я приступил к расспросам. Оказалось, что Диний внезапно перестал приглашать ее во дворец и вообще перестал выходить на связь. Стефания попыталась объяснить себе причину, но из всего многообразия разумных объяснений выбрала самый худший вариант — он ее бросил.
— А скажи мне, о мокроглазая, ты уже спала с ним?
— Ты что! Как ты можешь так думать! — возмущенно выпрямила она спину. — Да ты…
— Все, я понял! — перебил ее я, поднеся свои пальцы почти к ее губам, прерывая поток слов. — Без подробностей. Целовались?
— Два раза… — смутилась Стефи и потупилась.
Хм… Ну принц на Казанову не тянет. Тем более что дальше поцелуев он не продвинулся. Рано еще линять. Наверное, у него проблемы с СБ и с родителями… И я, кажется, даже знаю, с кого эти проблемы начались… М-да. Но виноватым отнюдь себя не считаю. Если они дураки, то я-то тут при чем? Щас, эту немного в себя приведу, и пусть дальше идут своей судьбой сами, без меня…
— Я думаю, что в действительности все дело в том, что ты следуешь неверному посылу, — сказал я.
— В смысле? — подняла она лицо.
— Ты исходишь из того, что в ваших отношениях двое. Ты и он. Но это неправильно. В ваших отношениях всегда будет третья…
— Кто? — прищурила промокшие ресницы Стефи, уставясь мне в глаза.
— Империя. Диний — принц. И что бы ты там себе ни воображала, вас всегда будет у него двое — ты и империя. Он связан долгом. С чего ты взяла, что он тебя бросил? Он тебе это сказал? Нет. Ну а че ты тогда рыдаешь? Наверняка он решает сейчас государственные проблемы… Связалась с императорской семьей — терпи!
— Но разве он не мог мне сообщить?
— А если его государственные проблемы — это мама и папа, которые не желают видеть при дворе одну темную магичку?
Стефи сникла, опустив плечи.
— Я знаю, что они не захотят меня видеть… — тихо сказала она. — Я для них никто. Бесприданница… Я видела в зеркале, какие взгляды бросала на меня императрица… Она думала, что я не вижу, а она отражалась…

— Ну а если видела, чего плачешь? Радуйся тому, что было, и иди вперед! Вполне возможно, что все еще изменится к лучшему и жизнь припасла для тебя еще немало удивительных сюрпризов.
— Ничего она мне не припасла… — вздохнула Стефи. — Лучшего быть просто уже не может…
— Да ладно. Вспомни. Еще совсем недавно тебе было за счастье поступить, потом за счастье завести друзей, потом за счастье попасть на бал. Ну и? Все сбылось, а ты сидишь и ноешь. Чего?
— Ты не понимаешь. Любовь — это такое чувство…
— Так. Не надо мне про чувства! Это все где-то там, за горизонтом. А в реальности, здесь, если вдруг завтра Диний решит свои государственные проблемы и примчится, то Стефании он тут не найдет! А найдет он какую-то серую тень, в которую она превратилась. И что ему тогда делать? А? Нет, ты скажи, скажи!
— А если не приедет? — прикусила нижнюю губу Стефи.
— А тогда, несомненно, жизнь кончится! Солнце погаснет, «Стекляшка» закроется, и все умрут! И лекции отменят. Слушай, но у тебя же были планы, ты хотела помогать людям… И что? Все? Конец всему? Пусть они умирают, лишь потому что Стефания Терская не смогла совладать со своими чувствами? У тебя совесть есть? Хочешь дать любви растоптать себя? Да? Ты этого хочешь?
— Нет… но…
— Никаких «но»! То, что нас не убивает, делает нас сильнее. Ты либо выкарабкаешься, либо сдохнешь. И во втором случае твоя жизнь закончилась уже сейчас. Потому что назвать жизнью то состояние, в котором ты находишься, нельзя.
Стефания глубоко задумалась, смотря в землю и болтая левой ногой. Еще она при этом периодически шмыгала носом. Я не мешал движению ее мыслей и сидел молча.
— Ты прав, — наконец тихо сказала она, все так же опустив голову. — Действительно, ну и что? Жизнь ведь на этом не кончилась? Правда. Я и так получила все, о чем мечтала, когда ехала сюда… Ну почти все… Грех жаловаться. И правда — еще ничего не случилось. Случится, когда он мне сам скажет. Когда я с ним поговорю… Спасибо тебе, — подняла она на меня свои блестящие от недавних слез глаза, — ты настоящий друг. Прости меня, пожалуйста.
— Да на здоровье! Слушай, а ты бы не могла, по дружбе, тогда слезть с моих колен? Ты уже их совсем отсидела.
— Ой!
До нее только сейчас дошло, что она уютно сидит на мне, болтая ногами и удобно привалившись боком.
— Ой, извини! — вскочила она на ноги, оглаживая сзади юбку и быстро оглядываясь по сторонам.
— Та ладно, не переживай. Все на учебе.
— А мы? Нам тоже ведь нужно…
— Ну и куда ты сейчас пойдешь с таким красным носом и опухшими глазами? Единственное разумное — это к себе, пока не приведешь себя в порядок.
— Я… страшная?
— Если Диний тебя сейчас увидит — ужаснется.
На лице Стефи появилось тревожное выражение.
— Ну… я тогда… пойду? Хорошо?
— Иди.
— Ой… а у меня сумка осталась в аудитории…
— Ладно, заберу. Иди. Умойся хотя бы…
В общем, поговорили. На следующий день Стефи пришла на занятия в гораздо лучшем состоянии, чем была. Похоже, эту ночь она спала. Но все равно — заторможенная. По-моему, требуется закрепить результат, подумал я и, выбрав время, подвалил к Стефи.
— Слушай, — сказал я ей, — тебе не кажется, что как-то вокруг серовато? Все ходят скучные, вялые, бледные… Нет? Не кажется? А?
— Н-нет… — неуверенно ответила та, выныривая из своих мыслей.
Опять о Динии думала. Это мы сейчас исправим…
— А мне кажется! Ты мне не поможешь?
— В чем?
— Хочу навестить целительниц старших курсов. Они сейчас зелья варят. А их магесса пошла чай пить. Традиции у преподов старших курсов такие. Дают задание, а сами на полчаса — фють! Я знаю. Одиннадцатичасовой чай по средам. Так поможешь?
— Чем?
— Массовку изобразить.

— Массу… что?
— Толпу. Короче, врываемся в двери и шумно дышим, словно быстро бежали. И все.
— Зачем?
— Ты можешь помочь своему другу? Помочь, не задавая вопросов?
— Да… но… только я…
— Никаких «но»! Даже не обсуждается! Пошли!

Небольшое помещение лаборатории. Пахнет травами, химикалиями и горелым. За длинными узкими столами, поставленными рядом, лицом друг к другу сидят девушки в зеленых мантиях и косынках, под которые убраны волосы. На столах между ними узкие высокие деревянные полочки, уставленные пробирками, колбами, колбочками и всякими стеклянными трубочками. Перед каждой — небольшой медный котелок, под которым горит масляная горелка. Девушки, внимательно поглядывая на песочные часы, стоящие на каждом столе, аккуратно помешивают кипящее содержимое длинными стеклянными палочками. В лаборатории царит академическая атмосфера трудолюбия, сосредоточенности и служения знаниям. Ну… может быть, она немного портится тем, что девушки слегка болтают. Но это такая ерунда, что про нее и упоминать не стоит!
Бах!
Внезапно с шумом распахиваются обе створки входной двери, ударяясь о стену.
Все вздрагивают и оборачиваются. В проеме — две фигуры в черных мантиях. Обе тяжело дышат, как после быстрого бега. В лаборатории — немая пауза.
— Девчонки, — совладав с дыханием, запанибратски обращается ко всем Эриадор, — тут пара зомби не пробегала? Не видали?
Раздается звук удара о стол стеклянной палочки, выпавшей у кого-то из руки.
— Ну так что? — переспрашивает Эриадор. — Пробегали или нет? Чего молчите?
— Э… э-э… нет… — наконец неуверенно раздается справа.
— Ну вот видишь? — услышав ответ, говорит Эриадор, поворачиваясь и обращаясь к Стефании. — Я же тебе говорил, что они не сюда побежали! А ты уперлась: «К толстым побежали, к толстым побежали! Они жирных любят!» — тонким голосом, передразнивая, произносит Эриадор и командует стоящей с обалделым видом Стефании: — Побежали отсюда! Их тут нет!
И ко всем в лаборатории:
— Дамы, мы вас покидаем! Тысяча извинений!
Трах!
Захлопнулись половинки двери. Быстрый топот убегающих ног, и стало тихо.
— Что это было? — наконец озадаченно спросил кто-то пару минут спустя, и все разом заговорили, обмениваясь впечатлениями.
— У них что… Зомби сбежали?
— Они с ума сошли! Некромантия запрещена!
— Может, у них и скелеты есть?
Стройная девушка с красивой фигурой, держа над своим котелком замершую палочку, медленно наклонила голову к плечу и обвела взглядом всех присутствующих.
— Это кого она тут жирными назвала? — с искренним недоумением произнесла она.

Летящий под ноги паркет. Свист воздуха в ушах. Рвущийся из груди хохот. Дробный стук каблучков сзади.
— Стой! Стой, я тебе сказала! Поймаю — убью!
В развевающейся черной хламиде сзади меня черным призраком мщения несется Стефания, пытаясь догнать. Догнать и убить за только что учиненную ей подставу.
— Стой, я тебе сказала!
Ага, щас! Что я, дурак, что ли? Поворот! Коридор! Лестница! Прыжок!
— Стой!
Поворот. Закуток. Гардина. Дверь. Заперто! Тупик! А-а-а! У-у-убийцы!
— Ага! Попался!
— Ха-ха-ха! — Не выдерживаю, начинаю хохотать во весь голос. Сзади по спине что есть силы барабанят Стефины кулачки.
— Как ты… мог… такое… сказать! Они… же… меня… теперь…
И отвешивает мне по спине кулачками — тум, тум, тум!
— Ха-ха-ха! Ха-ха!
Выворачиваюсь, перехватываю ее руки и притискиваю к стене.
— Я… тебя… щас… — вырывается она. Я не выпускаю.
Борясь, возимся несколько секунд. Какая она мягкая! И гибкая…
— Гм… Гм! — раздается неожиданно рядом.

Оборачиваюсь. Рядом, непонятно откуда взявшийся, магистр в голубой мантии воздушников. Седые волосы, густые брови и аккуратная бородка. Серые, цепкие глаза. Руки сложены за спиной, лицо строгое, с порицанием. Но в ментале чувствую иронию.
— Гм… — еще раз прочищает он горло. — Молодые люди, я вполне понимаю вашу молодость и восторг. Но все же напомню вам, что у нас здесь университет. Прошу вас вести себя… потише. Господа, идут занятия…
— Да, магистр. Прошу простить, — ответил я, выпуская Стефанию и одергивая на себе одежду, — мы несколько увлеклись, обсуждая одну тему… Понимаете, возникли некоторые разногласия…
— Разногласия? — с иронией прищурился магистр. — Да, разногласия даже среди опытных магов — это сплошь и рядом. Однако, как позволяет судить опыт моих прожитых лет, выбранный вами путь к консенсусу, пожалуй, наиболее правильный… Но прошу вас — потише. Не шумите…
Магистр сделал кивок и, дождавшись от меня ответного знака уважения, солидно двинулся по коридору, все так же держа руки за спиной.
Стефания, сопя, пыталась расправить закрутившуюся на ней мантию.
— Зачем ты это сделал? — наконец спросила она, приведя себя в относительный порядок.
— Дабы отвлечь тебя, — ответил я, с улыбкой глядя на сердито сопящую Стефи.
— От чего? — надула она губы.
— Все от того же. От дурных мыслей.
— Вот уж спасибо! — с едким сарказмом в голосе ответила она, поправляя растрепанные волосы. — И как я теперь буду со старшекурсницами разговаривать? Объяснять, что я тут ни при чем?
— Ну ты с ними и раньше особо не разговаривала. Так что невелика потеря. Зато когда они тебя «пинать» будут, голова твоя будет занята ими, а не сама знаешь чем.
— Так это что, лекарство такое?
— Ага.
— Спасибо тебе, просто преогромное спасибо! За заботу.
Голос Стефании просто сочился ядовитым сарказмом.
— На здоровье. Только если ты думаешь, что на этом все закончилось, то это ты зря…
— А что? Что еще?
— Срыв занятий у целительниц, который наверняка потребуется объяснить преподавателям, а может, и ректору, — начал демонстративно загибать я пальцы, — разборки со старшекурсницами, слухи о том, что мы с тобой обжимаемся по углам… Как пить дать, кто-нибудь еще что-то придумает… Короче, ближайшее время ты будешь занята.
— Ах ты… — задохнулась от возмущения Стефи. — А что я Динию скажу, если сплетни дойдут до него?
— Ничего. Проверишь его на чувства к себе. Посмотришь, кому он поверит… Посмотришь и сделаешь выводы. Нормальный ход.
— Да ты… Знаешь, ты кто?!
Короче, со Стефи мы тогда поругались. Точнее, она поругалась со мной. Но ненадолго. Дня на два. Естественно, на нас нажаловались, и госпожа Элеона, как представительница обиженных целителей, потренировала на нас свое остроумие, подняв нас на ноги перед всем потоком. Наш преподаватель высказался. Ректор прокомментировал. Стефи бледнела, краснела и заикалась. Я же изображал из себя стог сена — все куда-то проваливается, без отклика. Девочки Стефи «жирную» припомнили. Поцапалась она с ними. Ходила возмущенная. Но сплетен про нашу с нее возню я по университету не слышал. Похоже, магистр был приличным человеком и делиться увиденным ни с кем не стал. Что ж, гран мерси ему за это! Сплетни, это, пожалуй, было уже лишнее. Еще с Динием мне разборок недоставало! В общем, теория возбуждения одних зон мозга в пику другим оказалась правильной. Стефи только и делала, что уворачивалась от всего свалившегося на нее. На любовные переживания ее уже не хватало. Если и хватало, то сил оставалось на них гораздо меньше. Не скажу, что на ее лице поселилась улыбка, но, по крайней мере, со сном у нее, похоже, наладилось. И в учебу она снова впряглась. Короче, друг спас друга, как говорил Карлсон. В промежутках между всеми этими событиями я ничем таким особенным не занимался. Рисовал, играл в свое удовольствие на гитаре. Магию практиковал. Благодаря Стефании с волшебством у меня стало гораздо лучше. Сил прибавилось, и круг доступных заклинаний расширился. Забавным оказался момент с телекинезом. В свое время, в Эсферато, я активно занимался в этом направлении, надеясь заполучить еще пару конечностей для облегчения себе жизни на арене. С их помощью можно было и оружие противника затормозить, и пихнуть его как следует, да и ударить. Но тогда у меня не очень получалось. Не удавалось мне достичь того уровня контроля или концентрации, при котором эти призрачные руки ощущались бы как свои. Скорость терялась. Как только

создашь, так сразу начинаешь тормозить, следя за ними. В итоге — проигрыш. А тут пошло. Когда зубастики вернули мне кинжалы — еccсстественно, я решил с ними поупражняться. Да и с Бастианом в спарринге интересно было их попробовать. Ну и как-то вдруг мне пришло в голову взять их призрачными руками. Отлично получилось! Никаких задержек! В руках посох, по бокам, в воздухе, готовые к бою, висят кинжалы. Бастиан выпал в осадок, когда увидел. Я его тогда, благодаря его растерянности, уделал всухую. Интересно, почему так получилось? Дома были проблемы, а тут раз — и нате вам! Странно… Наверное, все дело в устройстве мозга Эри. Он же художник. Я же рисовать до этого не умел. А рисуя, ты должен представлять, как это будет, видеть создаваемое со всех сторон. Пространственное воображение лучше. Вот это, пожалуй, и сказалось… А что еще? Больше ничего разумного в голову не приходит…
В общем, я чувствовал себя готовым оправиться на каникулах в путешествие, желательно с билетом «в один конец», как вдруг совершенно внезапно, собрав студентов на построение, Мотэдиус объявил, что целители первого курса, не дожидаясь окончания учебного года, отправляются на практику. И не куда-нибудь, а на войну! Где-то на краю империи вспыхнул мятеж. Несколько баронов заключили союз и объявили о своем выходе из ее состава. На что они там рассчитывают — совершенно непонятно. Может, на поддержку соседей? Но вроде воевать сейчас никто не собирается… По крайней мере, я так понял по слухам, циркулирующим по столице. Проверка соседей военной готовности империи? Может быть… Короче, у кого-то свои дела, а крайними оказались мы — я и весь факультет целителей первого года обучения. Ректор, когда сообщил, что мы едем, что-то промямлил о возрождении традиций полевой практики, так что я понял, что сие действо для него так же странно, как для меня и окружающих. Действительно, ну какой толк с первокурсников? Ничего ведь еще не умеют. Ни лечить, ни воевать. Но нет. Из совета пришла бумага — именно первый курс. А им заявку выставили военные. Странно все это… Может, банально где-то что-то перепутали и просто не хотят теперь в сотворенной глупости сознаваться? И такой вариант возможен…
Но пока бюрократические шестеренки повернутся в обратную сторону… Наверное, быстрее война закончится, чем кто-то признается в своей некомпетентности. Карательный корпус выступает вот-вот, и мы вместе с ним. Но не все. Едут одни «сироты». Узнав про творящиеся дела, подключились родственники, и в итоге оказалось, что в район непосредственных боевых действий едут — мы со Стефанией и еще пять девчонок, родители которых не имели особых связей или не успели ничего сделать за недостатком времени. Остальные тоже едут, но «оседают» по дороге. В промежуточных пунктах приема и сортировки раненых. Да… там, конечно, комфортнее будет. Жить не в поле, а под крышей, да и быт получше… Все понятно с ними со всеми. Но вот мои планы нарушаются. Сколько там проторчать придется? А если все лето? Попытался было прозондировать почву — а как бы не поехать? Не вышло. Присягу приносил при поступлении? Приносил. Империя требует ее исполнения. Все! На мои попытки обратить внимание на тот факт, что я вроде бы как бы не совсем целитель, тоже никто не среагировал. Записан как целитель? В списках значишься? На лекции ходишь? Какие еще вопросы? Вперед! М-да… Все через… Что ж? Буду считать, что выезжаю на ходовые испытания своего дома на колесах. Только это и остается. Для самоуспокоения…

— Я так и знала! Она его, простофилю, за нос водит!
— Да. Похоже на то…
— Похоже? Похоже? Смотри: «…четверть часа сидела у него на коленях. Наблюдаемые сидели, обнявшись, близко соприкасаясь головами…» — Быстро читая, императрица вела пальцем по листу донесения.
— Целовались! — констатировала она.
— Ну об этом тут прямо не написано… — осторожно сказал Альвеар.
— Что могут делать юноша и девушка, «близко соприкасаясь головами»? А? Особенно если она сидит у него на коленях?
— Ну… наверное, да, — согласился император.
— Нужно это показать Динию.
— Может… не стоит? Зачем травмировать парня? Он и так мрачный ходит.
— Чтобы знал, на кого она его променяла! Чтобы не был в следующий раз таким лопухом! Эта тоже хороша. Променять принца на какого-то… какого-то… Эх!
Императрица сделала резкий жест правой рукой, сжимая ее в кулак.
— Но, дорогая, получается, что теперь ты недовольна тем, что Терская предпочла нашего сына другому? Сначала ты была недовольна, что она с ним. Теперь все наоборот. Где логика?

— При чем тут логика? Я хочу, чтобы наш сын был счастлив! Это все, чего я хочу! Какая еще логика?
— А Сюзанна? Она же тоже переживает.
— Да. Девочка плохо ест. Осунулась. У меня сердце кровью обливается, когда я на них смотрю. Альвеар! Мы не можем это так оставить!
— Как?
— Так. Их нужно наказать!
— Кого?
— Терскую и Аальста.
— За что-о? Ну дорогая… лезть в дела сердечные… — непонимающе поднял плечи император, втянул голову и распахнул глаза, разводя руками. — Это же будет глупо выглядеть! Тем более что мы сами в общем-то отчасти виноваты… Мы же запретили им встречаться… С Аальстом-то понятно. Но вот Диний…
— Мне плевать, как это будет выглядеть! Я хочу, чтобы они тоже страдали, как и мои дети! Альвеар!
— И как я организую им сердечные страдания? Ты что, смеешься?
— Организуй любые.
— Хм… — забарабанил пальцами в задумчивости император по крышке стола. — Ну… На днях корпус маршала Шайву уходит в восточные провинции… Разобраться с этими недоумками. Могу отправить их вместе с ним. Места там не очень. Пусть поживут месяцок-другой на голой земле, в палатке. Это не в столице сидеть. Проветрятся. И от тебя подальше будут. Ты довольна?
— Мало.
— Слушай, но я же не могу вот так вот, с бухты-барахты наказывать практически детей? Которые виноваты только в том, что имеют смелость любить, кого им хочется. А? Анж? Ну хватит. Остановись!
Императрица поджала губы и промолчала.

Эри

Скри-ип колеса-а!

Ветер и грязь дорог…
[36]

Грязи, правда, не было. Пора ранней весны. Деревья — в дымке пробивающейся зелени, голубое небо, ветерок, пахнущий водой, яркое, уже припекающее солнце… Красота! Я удобно сидел на крыше своего сухопутного крейсера и, вытянув ноги, смотрел на расстилающуюся впереди дорогу. Четверка тяжеловозов, не скажу чтобы бодро, но и не рвя жилы, тянула его по дороге. Все шло пока хорошо. Мой домик оказался не настолько тяжел, как я опасался. Где-то в средине его строительства мне пришла в голову еще одна мысль — а зачем мне в нем, собственно, столько грузовых ящиков? Если использовать это пространство под продукты питания, дрова, корм для лошадей, то да. Но я же маг, владеющий заклинанием невидимого кармана! Я же все в него могу сложить! Сказано — сделано! И конструкция была в очередной раз подвергнута корректировке. В результате появилось место для второго слуги, вертикальная внутренняя лесенка на крышу, а на крыше сиденье под съемным тентом. Этакая небольшая смотровая площадка. Второго слугу я взял из соображений гигиены. Как-то мне однажды вдруг представилось, как одними и теми же руками: и навоз, и лошади, и уборка, и вынос туалета, и готовка… Притом что воды с собой будет не так уж и много. Как-то мне не комильфо стало. Как там повар руки мыть будет? Не следить же постоянно за ним? Двое слуг — более подходящий вариант. Один — на грубые работы, а второй — на более деликатные, связанные с приготовлением пищи. Совсем не хочется в дороге животом маяться. Целители в отряде, конечно, будут, помогут. Но если причину не удалить — то так и будешь все время бегать. То в туалет, то к ним… Да даже и без этого. Ну брезглив я. Чего тут.
В представление публике моего средства передвижения я постарался внести некий элемент театральности. В назначенное время я легкой походкой небрежно вышел на площадь перед

парадной лестницей — точкой сбора. На ней уже толпились отбывающие, их навьюченные мешками лошади, некоторое количество родителей, студенты-провожающие, студенты-зеваки и кто-то из преподавателей. Короче, было людно. Яркие наряды гостей, серые и темные дорожные костюмы отъезжающих, разноцветные студенческие мантии, лошади различных мастей и размеров. Шум, гам, разговоры, толкотня. Запах навоза, лошадей, духов и дыма очага из «Стекляшки». Центральный двор университета кипел жизнью. Явление мое в этой сутолоке никто не заметил, но, когда всех выстроили в одну шеренгу, дабы сосчитать и толкнуть напутственную речь перед отправкой, тут-то я и «всплыл». Картина следующая — лошадь, наездник, сумки… лошадь, наездник, сумки… лошадь, наездник, сумки, и… улыбающийся я. Без лошади. Без сумок. Один, с коротким стеком в руках.
— Эриадор Аальст! — громко выкрикнул читающий по списку помощник главного эконома.
— Я! — не менее громко отозвался я, сделав грудь колесом и приняв бравый вид.
Пауза. Разглядывание. Недоумение.
— Э-э… А где ваша лошадь, господин Аальст? Сумки… Где… все?
— В пути.
— Что значит — в пути?
И тут, как будто кто подгадал, со стороны ворот раздался звук. Не грохот, нет. Звук солидных колес, солидно катящихся по каменным плиткам. Этакий глухой гул. Здоровенный черный фургон, мелькая красными спицами шести высоченных колес, въезжал на площадь. На облучке в черном костюме и широкополой шляпе такого же цвета сидел кучер, управляя четверкой черн… Эй! Эй! А это что еще за рыжая скотина?! Один из тянувших фургон тяжеловозов был… рыжим, портя весь антураж. Я же хотел, чтобы все было в одной цветовой гамме! Рыжего я не планировал! Не было его! Откуда? Фургон между тем заложил по площади нехилый радиус и величественно, аки супертанкер, направился ко мне. При приближении стало видно, что на нем есть рисунки. У входной двери, слева и справа от нее, в полный рост красовались два скелета, весело оскалившись блестящими черепушками. Над дверью надпись: «Привет из тьмы!» По стенам фургона, тут и там, были видны страшные рожи, нарисованные так, что они становились заметными только при пристальном разглядывании.
— Вот, — не оглядываясь, небрежно махнув рукой назад на остановившийся фургон, сказал я, — моя лошадь.
Тишина. Потом площадь разом взбурлила, обмениваясь впечатлениями.
— Это? Лошадь?
— Даже не одна, а четыре… как видите.
— Но… так не принято.
— Не принято… что?
— Вы должны ехать на лошади.
— Но я, собственно, на ней и поеду.
— Вы поедете в карете.
— Это нюанс, на который совершенно не стоит обращать внимания. Я внимательно ознакомился с предписанием. В нем нет конкретного указания на то, что я должен обязательно трястись верхом. Там сказано — должен прибыть к такому-то и тогда-то… и все! А на чем и как — совершенно без разницы! Почитайте.
— Хм… Такая большая и тяжелая карета наверняка отстанет от верховых…
— Ну вот когда это случится, тогда и будете с меня спрашивать… А пока ведь ничего не произошло, не так ли?
— Ну что ж… Коль вы так уверены в своем решении… Пожалуйста, — пожал плечами мой собеседник. — А зачем вы так его разрисовали? Вы не боитесь, что люди будут от вас шарахаться?
— Именно с расчетом на это, — радостно оскалился я. — Защита от воров.
— Вы думаете, что кто-то полезет к магу? Да еще к темному? Серьезно? — искренне удивился помощник эконома.
— Мало ли кого по дорогам носит… Особенно по военным. А я, если называть вещи своими именами, еще совсем не маг. Я им пока только числюсь. Первый курс. Ну какой из меня маг? Да из всей нашей команды! Какие мы маги?
Я напустил на себя скромный-скромный вид.
— Но с вами едут настоя… Э-э-э… опытные маги. И старшекурсники.
— И кто именно из них будет сторожить мое имущество, господин магистр?
— Мм… И все же… в таком виде… ехать по землям империи… Ну не знаю. А что по этому поводу сказал ваш преподаватель? Он согласился?
— Какой именно преподаватель?

— Ну уж не госпожа Элеона, конечно. Хотя и ее мнение было бы интересно услышать.
— Магистр Николас уехал. Кто-то где-то внезапно умер… А госпожа магесса еще не видела.
— А! Вот как, значит! Ну не знаю, не знаю… Можно ли вас выпускать в таком виде… Я доложу господину ректору… Как он решит.
На этом и разошлись. После пересчета голосов, сверившись со списком, дело было передано в руки ректора. На пару слов, сказанных почтительно наклонившимся к нему помощником эконома, тот бросил в мою сторону недовольный взгляд, секунды три посмотрел и махнул рукой: «Не до того, мол, оставь!» Ну и отличненько…
Мотэдиус с первой площадки лестницы, немного наклоняясь над перилами, произнес короткую напутственную речь, пожелал всем успехов «в ратном деле» и дал знак отправляться. Похоже, с облегчением. Площадь, угомонившаяся было на время его речи, вновь забурлила. Провожающие ринулись к отъезжающим, видно разом вспомнив о каких-то срочных, недоделанных делах.
«Эри! Где ты взял это чудовище?»
«Махнул не глядя».
«Махнул?»
«Поменял».
«На что?»
«На деньги!»
«Да ну тебя!»
Оборачиваюсь. Ко мне подходит Стефания, ведя в поводу невысокую пегую кобылку с большими седельными сумками по обоим бокам.
— Какие у тебя штанишки, — прокомментировал я вслух ее светло-коричневый дорожный костюм, — и ноги, и талия и… попа. И лошадь хороша… выглядишь — просто отлично!
Стефи хмуро уставилась на меня. Ну не нравилось ей ходить в штанах! Они шли вразрез с ее внутренними установками, выработанными еще, похоже, в детстве. Однако занятия у Бастиана требовали как раз их ношения. Исходя из этой необходимости в штаны влезла вся женская часть первого курса. Кто-то с восторгом, кто-то с неудовольствием. Стефи была из недовольных.
— Можешь не благодарить за комплимент, — быстро сказал я, сориентировавшись в ее настроении.
Ответить она не успела. Впереди заорали что-то вроде: «Один за всех, все за одного», загудели гнусавые рожки, и голова колонны двинулась вперед. Судя по воплям, какая-то организовавшаяся компания из старшекурсников и наших целительниц устремилась навстречу приключениям.
— Поехали! — сказал я, махнув рукой, и направился к карете, с намерением выяснить, откуда взялось это рыжее животное, а Стефи полезла на свою лошадку.
Вот так нас проводили. И теперь перед нами — дорога, дорога, дорога… Отряд оказался достаточно многолюдным. Мы, старшекурсники огненного факультета, два мага от совета, назначенные старшими, десять человек отряда охраны, три фургона с припасами, палатками и фуражом. Как оказалось, места, куда мы отправлялись, были негостеприимными. Какие-то предгорья, на которых толком ничего не росло. Университет о нас позаботился и снабдил едой в дорогу, чтобы мы не оголодали. Спасибо, но не за еду. Еда у меня своя. А вот то, что фургоны с провиантом тащились, как обычные телеги, это было здорово. Поскольку все ориентировались на них, то мой домик не отставал и ехал вместе со всеми. Первое время я ехал в нем один, не считая слуг. На ночь отряд пытался останавливаться в трактирах, но, как правило, это не получалось. Как оказалось, тракт, по которому мы двигались, сам по себе являлся популярным направлением, а тут еще добавился народ, едущий на войну. Короче, мест не было. Поэтому, для проформы заглянув в пару гостиниц и получив отказ, мы проезжали город насквозь и становились на ночевку в поле, рядом с его стенами.
Отряд охраны доставал большие палатки, ставил, разводил костер… Так и ночевали. Звездное небо, искры костра, дорога… Романтика! Но холодно. Весна же еще только. Первыми «поползли» девчонки. В один из фургонов. В нем теплее. Сначала две самые сообразительные, затем к ним присоединились остальные. Пришлось, к немалому недовольству начальника охраны, перераспределять поклажу между фургонами. Иначе будущие целительницы все в них не помещались. Стефи мужественно одна жила в палатке. Отношения у нее с соседками были более чем прохладными. Ее игнорировали. Она не обращала внимания, но девчонки стали расползаться по фургонам, и она вообще осталась одна… А тут, ухмыляясь, вылезла, потирая ладошки, еще одна проблема романтики дорог. Очень простая проблема. Звучала она так — а помыться? Господа маги — сословие дворянское, к аскетизму не приученное. Особенно девушки. А тут — чистое поле! И где,

скажите, посреди него ванну принять? Да хотя бы умыться! Девушки запищали. Старший несколько раз организовывал мытье в городах, попавшихся по пути, но каждый раз это заканчивалось всеобщей нервотрепкой и чуть ли не скандалом. Вы где-нибудь быстро моющихся девушек видели? Нет? Я тоже нет. А уж что говорить про тех, которые весь день до этого тряслись в седле, покрываясь пылью дорог… И тут им бац! — целая ванна горячей воды! Счастье… А приезжаем мы в город обычно под вечер, а моются они до упора… Короче, ворота города закрываются на ночь, и девочки остаются внутри, вместе с частью охраняющего их отряда. Свежевымытые и недоумевающие — а что, собственно, происходит? И где… все? Картина маслом — они внутри, а мы снаружи, стали лагерем и готовимся ко сну. Ворота закрыты. А им где ночевать? Мест-то в трактирах нет! И начинается… Ответственные с обеих сторон стен дергаются, пытаясь воссоединить отряд в одно целое. А для городской охраны ситуация нестандартная, но решаемая. Платите! И найдется калитка вам, страждущим… После двух кровопусканий, устроенных кошельку, в котором были деньги, выданные на дорогу, командир отряда сказал — баста! Будете грязными ходить, коль быстро мыться не умеете! Куда я спишу расходы на преодоление стены? Стража чеков не дает!

Девчонки начали ныть и чесаться. Главный попытался было перекроить график движения так, чтобы останавливаться в городах пораньше, дабы леди успели помыться, но тут вылезло другое — отряд стал отставать от графика, и чем дальше, тем больше. Так мы рисковали опоздать. Начальство ходило злое и хмурое. Похоже, оно никак не ожидало таких проблем. В конце концов, оно окончательно озверело и устроило грандиозный разнос. Итогом которого стало ущемление девчонок в правах и ограничение времени их гигиены. Самое забавное, что после разноса крупные города, в которых были большие общественные бани, закончились. Мы свернули с тракта, и навстречу пошли мелкие городишки, где у всех все свое или маленькое, на два-три человека. Массовой помывки не получится. Так что зря ругались. Чуть бы потерпели, и все решилось бы само собой. Я наблюдал за этим действом со стороны. У меня проблем не было. У меня был бак. Здоровущий медный бак, разделенный на несколько секций и расположенный под днищем, дабы фургон не опрокинулся на повороте. Как только попадался на пути подходящий источник воды — колодец или река, я давал команду своим слугам, они подгоняли мой экипаж к нему поближе, ведра в руки — и вперед! Так что у меня под полом постоянно булькало и плескалось, когда фургончик трясся на неровностях дороги. В камешек, который я выковырял из одного перстня, я вложил огненное заклинание. Весь день и ночь он запасал ману, а вечером, когда я принимал душ, он работал проточным нагревателем воды. Нормально. Вполне хватало. Я еще вспомнил заклинание из книги Абасо, про «облачные» палатки.

В них была функция подогрева. Вообще красота. Организовал вокруг себя туман, температуру повыше задал — вот те и сауна… Поэтому, благодаря своей предусмотрительности и разумности, я, в отличие от остальных, ходил чистенький и свеженький, аки заграничный турист на отдыхе. О том, что у меня есть где помыться, Стефи узнала при первом осмотре моего домика. Очень все ей внутри понравилось. Кресла, каминчик, кухня и всякие откидные штуковины. А уж душ и туалет… Она была потрясена. И на правах друга начала ко мне шмыгать. Помыться, полежать на матрасе. Я ей вторую кровать откинул. Жаловалась, что после целого дня верхом у нее болит спина, ноги, поясница… Конечно, весь день трясешься на лошади, а потом еще на тощей подкладочке в палатке всю ночь. Считай, почти на голой земле лежишь. Конечно, после этого простой матрас — это счастье. Душ — экстаз. А потом у меня была нормальная еда. Так-то сами готовили или по дороге в трактирах перешибали. Не всухомятку, но сдвиг в эту сторону в еде наметился. Меня же, когда я готовился к отъезду и начал прикидывать, что взять с собой из продуктов, снова осенило. У меня же «холодильник» с собой! Я посетил несколько точек общепита, где готовили еду, и сделал предзаказ. За день до отъезда я вновь прошелся по ним и забрал: супы всякие — в кастрюлях, жареное мясо, птицу, рыбу — в сковородках, сметану, молоко, соки — в кувшинах, хлеб, пирожки — в корзинах. Ну и всякие еще вкусняшки. Много всего набрал. Все это запихал в свой потайной кармашек. По прикидкам, если одному мне, то примерно на месяц должно было хватить.

В грузовые ящики моего фургона лег в основном корм для лошадей и еда для слуг, в виде круп, муки, масла и всего такого прочего. Готовили они себе на костре, по вечерам, на весь день. А свою еду я доставал буквально из воздуха, даже еще теплой. Красота! Отличное заклинание! Спасибо Абасо, поделился, не пожадничал. И когда все кусочничали в обед на привале, запивая из фляг, мой слуга на их глазах накрывал белой скатертью раскладной столик, вынесенный из фургона, и быстро-быстро сервировал его на две персоны — для меня и Стефи. Стефания, конечно, подергалась, мол, неудобно. Мы же вроде одна команда… А мы отдельно…

— Каждый ест из своей тарелки, — философски ответил я ей на это, беря в руки ложку. — Они тебя приглашали к своей? Мм? Нет? Ну и что ты тогда переживаешь? Смотри, какая замечательная ушица из маленьких карасиков! С петрушечкой, с морковочкой, с желтыми жиринками сверху… А пахнет — у-у-у! Прелесть! Давай, садись! Ты же есть хочешь.
— Ну… мне неудобно… У меня есть свое…
— Брось. Я тебя приглашаю. Баронесса Терская, не окажете ли вы мне честь отобедать вместе со мною? Прошу вас, сиятельная госпожа!
И приглашающий жест с полупоклоном. Стефи сдалась. И с тех пор завтракали, обедали и ужинали мы вместе. За белоскатертным столиком, под тентом, на «облачных» стульях. А прислуживал нам слуга в белом переднике, красной рубахе с завернутыми рукавами и черных широких шелковых штанах украинского покроя. Хотел я было в черную ливрею и белые перчатки его обрядить, но это оказалось слишком сложно. Да и английской чопорности у него не было ни на грамм. Весь смысл костюма терялся. А вот красная рубаха — его менталитет, пусть ходит… «Облачные» стулья я опять у Абасо позаимствовал. Очень удобно. Сидишь на пушистой, обволакивающей белой клубящейся штуковине, которая мягко пружинит под тобой, подстраиваясь под все особенности тела. Со стороны — вид вообще потрясный. Двое сидят на облаках. Сперва, когда мы со Стефи на них вкушали, весь отряд, включая охрану, которая вообще должна была смотреть в другую сторону, только на нас и глазел. Потом пообвыкли, но сначала эффект был сногсшибательный. Некоторые, в основном магистры, подходили, спрашивали — а что такое? Но я, сославшись на секреты дома, показать — показал, но, как делается, естественно, не рассказал. Молодежь тоже сунулась, но я им поведал про свой замечательный слух, которым слышал, как они зубоскалили впереди колонны, избрав меня и мой фургон предметом плоских шуток. Думали, не слышу? Ага, щас! Заклинание Абасо «шепот леса» все слышит… Тем более что когда едешь — делать нечего. Иногда интересно, о чем там треплются во главе отряда? Короче, они отвяли. Стефания, конечно, прекрасно видела, что пропасть между нами и ими не уменьшается, а даже, наоборот, растет, но ничего по этому поводу говорить не стала, чем меня весьма порадовала. Похоже, у нее появился более адекватный взгляд на жизнь. Хотя, а что ей было говорить? Ее выбор — между мной, симпатюлей, со всеми удобствами (хе-хе), и ими, недружелюбными по отношению к ней, был очевиден. Но тут был один нюанс.
— А как насчет того, что посторонняя девушка ходит к постороннему мужчине? — как бы невзначай, даже не глядя в ее сторону, поинтересовался я у Стефании. — Помнится, ты как-то придавала этому значение…
Был вечер. Мы с ней закончили чаевничать и, откинувшись в абасовских «облаках», почти в горизонтальном положении наблюдали, как в темно-синем небе, уже с явным оттенком черноты, появляются яркие звезды. Стефи не ответила, не отрываясь, смотря на небосвод. Я решил, что она не услышала, занятая своими мыслями, или сделала вид, что не услышала.
«Знаешь, — неожиданно перешла она на мыслеречь, по-прежнему смотря в небо, — я много думала над тем, что произошло… И над тем, что ты говорил!..
«И?.. Чем дело кончилось?»
«Это все мечты…» (Эмоция грусти.)
«О чем ты?» (Непонимание.)
«Про Диния. Знаешь, я действительно его люблю. И не потому, что он принц и наследник… Нет. Просто так. Люблю, и все. Без этого. Ты понимаешь?» (Эмоции нежности и трепетного отношения к маленькому огоньку.)
«Мм… пожалуй…» (Эмоция осторожности.)
«У меня такое чувство, что это на всю жизнь… (Твердая уверенность.) Но… я не принцесса. И нам никогда не быть вдвоем…» (Светлая печаль прозрачного осеннего леса.)
«Никогда не говори никогда». (Предложение борьбы.)
«Нет. Правда. Этого не изменить. Так распорядилась судьба. (Уверенность.) Но мне больше никто не нужен. (Твердая уверенность.) Я решила, что замуж я не выйду. Я стану знаменитым магом. У меня много силы, и я ведь действительно могу сделать что-то полезное и нужное для людей. (Уверенность.) А про то, что обо мне станут говорить — плевать я хотела…» (Равнодушие, насмешка.) А особо наглых я буду вызывать на дуэль! (Жесткость, жестокость, решительность.) Посмотрим, что они потом скажут». (Злорадство.)
«Круто!» (Одобрение и уважение выбора.)
«Ты мне поможешь?» (Требовательность.)
«В чем именно?» (Интерес.)
«Помоги мне, пожалуйста, научиться магии!» (Яркое желание.)
«Я? Разве ты не учишься?» (Легкая ирония.)
«Учусь. Но мне кажется, что ты можешь это сделать гораздо быстрее и лучше». (Уверенность.)

«Но ты же не хотела заниматься темными делами? (Легкая ирония.) Или ты имеешь в виду «зелень»?»
«Без магии я вообще… никто. (Самоуничижение.) Хель дала мне силу. Значит, в первую очередь я должна научиться управлять ей. Заставлю всех считаться с собой! (Ожесточенность.) Научусь, а потом буду целительством заниматься. Как ты тогда, когда мы ездили на рынок, говорил». (Уверенность.)
«Хм… Жестко, жестко. (Одобрение.) Многие будут плакать». (Смешинка.)
«Пусть плачут…» (Легкая улыбка.)
«Хм… Можно попробовать. Все равно сейчас особо делать нечего…» (Раздумье.)
«Спасибо! Тогда я переезжаю к тебе?!» (Энтузиазм.)
«Куда это… ко мне?» (Недоумение.)
Я повернул голову и с удивлением уставился на нее.
«В твою карету. Можно будет в дороге магией заниматься!» (Энтузиазм, бьющий фонтаном.)
Стефания тоже повернула голову и встретилась своими глазами с моими.
— Чтобы ты ее разнесла и мы пошли пешком? Нет уж, дудки! — вслух произнес я.
— Но можно заниматься чем-нибудь… таким. Неопасным. Научи меня щит ставить! Я ведь так толком и не научилась…
— И где ты собираешься у меня… разместиться? На соседней койке, что ли? Тебе не кажется, что это… совсем уж?
— Зачем? Там, где кресла. Я помещусь. Возьму постель, на которой сплю, постелю, и все. Я тебе мешать не буду…
— М-да? Красавица, а ты слышала такую фразу, что в одну воду можно войти только один раз? Это в смысле того, что обратного пути уже не будет. Понимаешь?
«Хороший повод, чтобы осуществить задуманное. Правда?» (Азарт, решимость.)
«Сжигаешь за собой мосты? Это нынче не модно… и опасно». (Сомнение такой необходимости, нежелание связываться.)
«Ну и что? (Уверенность в своей правоте.) Я решила! А знаешь, как холодно в палатке? Все тело немеет. Я утром разогнуться не могу. Все болит…» (Страдание.)
— Теплый фургон в обмен на репутацию? Забавно…
— Я не выйду замуж. Я решила. И меня это не волнует.
— И что? Репутация нужна только для этого?
— Ты же сам говорил, что я темный маг и могу позволить себе гораздо больше, чем другие… Гораздо больше… ну пожалуйста… Эри…
Стефания просительно смотрела на меня.
— Да не жалко… в общем-то… пола. Чего его жалеть… Как хочешь. Решила так решила…
Так Стефи стала путешествовать вместе со мной. Что, ессственно, послужило поводом для разговоров всего отряда. Нас обоих разглядывали, шушукались, бросая в нашу сторону многозначительные взгляды. Но все держались в рамках приличий. Никто себе не позволил открыто давать комментарии. То ли народ попался интеллигентный, то ли все помнили про мой хороший слух и не хотели связываться… Стефания надела на себя маску холодного высокомерия и носила ее, не снимая, весь день. Исключение делалось только для меня. Вещи она перенесла, кобылу свою пегую сдала на попечительство моему слуге, выполняющего роль конюха. С этой кобылой… Короче, перед самым отъездом конюх произвел внезапную замену в лошадином составе, заменив одного тяжеловоза. По моей задумке черную карету тянет четверка черных жеребцов. Стильно. Антуражно. В канве. Когда я увидел, что один из них рыжий, я просто обалдел. Ведь было же куплено четыре черных!
— Откуда взялась эта рыжая скотина? — поинтересовался я у конюха, как только его увидел.
— Господин, копыто у него загнило.
— Что значит загнило?
— Болячка такая. Внутри. Кость гниет. Такую лошадь только на живодерню.
— Ну а куда ты смотрел, когда покупал?
— Недосмотрел, господин. Простите меня… Сразу не увидел, а потом смотрю — прихрамывает. Постучал по копыту — а он дергается. Больно. Все ясно — гниль.
— Ладно, понятно. А рыжий откуда?
— Дык я его поменял у торговца, который нам лошадей продал.
— И что, он поменял? Вот так просто взял и поменял? — с недоверием спросил я.
— Не просто, — вздохнул конюх, похоже припомнив процесс обмена. — Сначала не хотел. Но когда я ему сказал, что мой господин темный маг и что он будет очень недоволен проданной ему больной лошадью, он передумал. Но черных у него тогда не было. Только пегие и рыжий. Ну я взял рыжего.

— Лучше уж пегого, — теперь уже вздохнул я. — А напрячь торговца, чтобы он нашел черную масть, слабо было? Он же не один там, поди, на рынке лошадьми торговал? Уж если пугать так пугать…
— Господин, времени уже не было. Все в последний момент открылось. Если бы он пошел искать, мы бы опоздали в университет.
— Ясно, — сказал я, — такой выезд испортили… Ладно хоть не в дороге все выяснилось…
— Да, да, — обрадованно закивал головой конюх. — Вы не сомневайтесь, этот хорош. Здоров. Гольшитской породы. Кением кличут. Молодой совсем.
— Кем, кем? — переспросил я.
— Кений. Кличка у него такая, — пояснил конюх.
— Ну-ну, — прокомментировал я.
Этот Кений мне сразу не понравился. Я и так лошадей не люблю, а у этого морда вообще дурная и восторженная. Абсолютно идиотское выражение. Все лошади как лошади — рядом с кормушкой стоят, жуют, отдыхают после длинного дня. Этот же, как только отвязали, сразу куда-то скакать рвется. Душа ему, что ли, не тяжеловоза, а рысака досталась? Даже не пожрет толком — скакать! Шило под хвостом. После того как его два раза ловили, веселя охотой весь лагерь, конюх стал его стреноживать. Вроде вопрос решился, но тут появилась кобыла Стефи. И так она, видно, ему понравилась, что воспылал он к ней неземной любовью. Та от него шарахается, а он из рук и постромков рвется — пустите, мол, к ней, не могу, мол, без нее! Целая история — запрячь его и распрячь. А вечерами и ночами он ржал. Подругу звал. Вконец задолбал этот трубящий в ночи слон! Тут спать охота, а эта зараза фургон раскачивает, с привязи рвется, да еще и ржет!
— Слыш, скотина, — как-то после бессонной ночи, смотря в его глупые зенки, зловеще прошипел я, — я тебя на колбасу сдам! При первом же подвернувшемся случае. Ты понял, придурок рыжий?
Ничего он не понял, судя по выражению его вытаращенных шаров. Стали кобылу привязывать вместе с другими лошадьми. Затихло. Но ненадолго. Как-то просыпаюсь среди ночи от какого-то непонятного звука.
Хрум… хрум…
Что за ерунда? Лежу, напряженно прислушиваюсь.
Хрум! Хрум!
Мыши, что ли, завелись? Вроде звучновато… для мышек-то?
Хруп!
Мыши-мутанты? Я осторожно спустил ноги вниз и пошел разбираться. Оказалось — Кений фургон грызет! То ли скучно ему, то ли ужасно полезные микроэлементы в древесине обнаружил… скотина. И поменять его не на кого. Тяжеловоз редкой породы, повышенной тяговой мощности. На каждом углу такие не продаются. Нужно ждать оказии, а пока — терпение, терпение и еще раз терпение в ожидании избавления от этого животного.
В общем, как и положено, в дороге были приключения, скрашивающие скуку от перемещения из пункта А в пункт Б. Далеко все-таки ехать. Две недели дороги до точки сбора. Конечный пункт — замок Кронд оф, гнездо мятежников, которое мы должны выжечь каленым железом. Ладно, посмотрим, как тут проводят полицейские операции… по принуждению к миру.

Эри

Почти месяц спустя

— Скальпель…
— Зажим…
— Пинцет с тампоном…
— Еще тампон…
Со скептически оттянутым правым уголком губ я стоял позади оперирующего магистра и его помощников, ожидая, что, может, о нас вспомнят. Уже неделя, как наш отряд наконец добрался до этого Сихотского замка. Черт бы его подрал… И заодно тех, кто нас сюда услал, в эту Тмутаракань… Небольшая плоская долина, покрытая рыжей травой, из которой местами торчат большие серые камни с острыми краями. По дальнему краю долины начинаются скалы, по цвету такие же серые. Замок, он же гнездо мятежников, изящно вписан в стену одной из скал. Да так вписан, что Сихот до него долезешь.

Были бы у меня крылья, проблем бы не было, оценивающе окидывая взглядом массивные серые стены, нависающие над долиной, подумал я. А так… Даже интересно, как они его собираются брать? Карабкаясь вверх по скользким камням? Это будет еще то шоу…
Место было тут очень негостеприимное. Жухлая трава, серые скалы, тусклое небо, постоянно покрытое облаками. Плюс частый мелкий дождь и холодрыга, как будто лето вообще не планировалось. Дивное местечко. Кому тут понадобилось жить? Неужели нельзя было спуститься немного вниз? Хорошие места, зелень, тепло… Понятно, почему они взбунтовались. Поживи в такой серятине и сырости — взбунтуешься… Очень удачно, что я в фургончике поехал. В палатках жить в таком месте совершенно некомфортно.
— Зажим…
— Иголку…
Ну вот, похоже, о нас опять забыли… Впрочем, магистра я не виню и вполне могу его понять. Тут нужно, чтобы пациент не помер. Некогда студентам показывать — посмотрите сюда, гляньте на это. Это же не плановые операции, когда есть некий запас времени, поскольку оперируемый тоже имеет некий «запас прочности». Здесь рублено-колотые раны, большие кровопотери, повреждение жизненно важных органов и раненый может в любой момент откинуться. Не до студентов. Да и вообще, нужно сказать, наше появление тут никого особо не воодушевило. Начальник штаба, который лично пришел взглянуть на нас с целью прояснить для себя вопрос: «А как нас можно использовать?», куксился и разочарованно поджимал губы. Толку с первокурсников — да практически никакого! Выразив вслух искреннее недоумение нашим появлением, он все же «прикрутил» начинающих магов к «военной машине». Старшекурсников, умеющих творить более-менее приличные заклинания, отправили в команду боевых магов, под их начало. Оставшихся, то бишь нас, определили в отряд целителей. В качестве помощников и стажеров. В течение двух последних недель, когда стало известно, что мы едем на войну, магесса Элеона, излучая в ментале неприкрытое недовольство, торопливо натаскивала всех на заклинание поддержки. Суть его в том, что целитель с помощью магии поддерживает жизненные силы больного, не давая тому умереть. Заклинание третьего курса, между прочим! Магесса была очень зла на такое нарушение последовательности процесса обучения. Она даже один раз, видно увлекшись, начала говорить, что именно она думает по этому поводу, но быстро одернула себя и захлопнула рот. Правильно. Сор из избы выносить не нужно. Комментировать решения совета магов студентам — моветон. Короче, кто как, кое-как, наперекосяк, но разучили. Кроме нас со Стефи. Она-то понятно. Целитель лишь условно. А я? А я устроил саботаж, рассудив — зачем оно мне это сплющилось? Вот буду я еще свою энергию всяким низшим отдавать! Раненых на войне мало не бывает. Небось только и будут подтаскивать. Выжмут тебя насухо, а потом будешь ползать, как осенняя муха. Да и вообще… Кто они мне такие? Да никто! И на эту войну я не подряжался — меня послали. Ну как послали, так я и поехал… Я дул щеки, делая вид, что вкладываю усилия, но ничего у меня не получается. Раздраженная гонкой и нервотрепкой магесса отбросила педагогические политесы и при всех прочитала мне мораль по поводу моих слабых стараний и бездарных успехов. На что я ей спокойно ответил, что мне, скорее всего, мешается моя темная сторона силы и вообще, в такой нервной обстановке нормально делать что-то — решительно невозможно! Со вторым пунктом моей отговорки Элеона была полностью согласна, поэтому больше она меня не прессовала и отстала. Да, впрочем, и времени у нее на прессинг уже не было. Хотя на самом деле «поддержку» я вполне изучил. Даже более действенную ее разновидность. Как? Привет от Хель! Хе-хе… Но об этом никто не знал. Поэтому, когда начальник штаба закончил распределять членов нашего отряда, он был весьма озадачен вопросом — куда девать меня со Стефи?
— А что делать с вами, господа? — с недоумением обратился он к нам, держа в руках свиток с описанием наших умений. — Вы же совершенно бесполезны! Вы же еще ничего не умеете!
— Ну почему же, — обиженно выпятив нижнюю губу, придуриваясь, ответил я. — Мы тоже кое-что умеем. Правда, Стефания?
Мы стояли с ней рядышком, вдвоем, отдельно от остальных, как бы показывая, что мы — не с ними. Лицо Стефи от осознания собственной никчемности было грустное-грустное.
— Например? — прищурившись, спросил начальник штаба.
— Например, мы запросто можем поднять вам пару мертвяков, коль будет такая необходимость!
Начальника штаба перекосило, а Стефания позеленела. Наверное, вспомнила практические занятия. Почему я так сказал, зная, что некромантия под запретом? Ну начальник штаба был в высоких чинах и наверняка должен быть в курсе… А если нет — то это была просто шутка. Что он мне сделает?

— Я оценил ваш юмор, — наконец после длинной паузы произнес он, но комментировать предложенное, однако, не стал. — Хорошо. Я направляю вас с остальными. К целителям. Пусть они там разбираются с вашими шутками. Вполне возможно, что им понадобится кого-то оживить. Вот ваши умения и пригодятся…
Так мы со Стефанией и оказались вместе со всеми. У целителей тоже выразили искреннее недоумение — зачем мы им нужны? Но поскольку отослать обратно они нас не могли, нас оставили. Задача перед нами была поставлена предельно простая — не путаться под ногами и чего-то там, где-то там помогать. Чего и где, более конкретно скажут потом, а пока главное — не путаться!
Ну не путаться так не путаться. Я очень даже — за! Все бы было хорошо, но по-простому жизнь идти не может. Что еще раз подтвердил начальник штаба, оставив нас у себя со Стефанией для разговора с глазу на глаз.
— Хочу вам сообщить, что для вас у меня есть отдельное сообщение, — хмуро глядя на нас, сказал он. — Ваша служба безопасности прислала вам личную охрану. Шесть варг. Документы у них в порядке, и я подтверждаю их полномочия. Старшая у них — леди Вилента. Если хотите, спросите у нее приказ, он у нее, покажет. Также в привезенных бумагах есть еще предписание о высокой ценности ваших жизней для империи. Поэтому мне приказано принять все меры к обеспечению вашей безопасности. Исполняя данное предписание, сообщаю, что всякое участие в непосредственных боевых действиях я вам запрещаю категорически. Вам понятно?
— Угу, — кивнули мы.
Я при этом подумал, что это вообще уже никуда не лезет. Услать в зону боевых действий, а потом требовать от командования, чтобы нам обеспечили безопасность? А в охрану прислать зубастиков? Что вообще у них там происходит? СБ совсем ку-ку, что ли?
— Если понятно, тогда можете идти. Лично я вам охрану выделять не стану. Хватит с вас варг. Этого более чем достаточно.
На этом начальник штаба быстро простился и отправил нас восвояси.
Потрясающе, подумал я, выходя из палатки на воздух и думая о варгах. Их мне еще не хватало!
Те же не заставили себя долго ждать и появились буквально сразу же, не успели мы пройти и пары шагов, направляясь к целителям. Выглядели варги — как японцы на официальном приеме. Официальные лица, официальнее фразы, официальные жесты, официальные интонации, официальные поклоны. Ничего личного. Никакого намека на ту бредятину, которую они несли мне в трактире при нашей последней встрече. С тех пор я их в общем-то больше и не видел. Мелькнули пару раз где-то на периферии зрения, да и все. К слову сказать, с тех пор я в город редко выходил. Нечего мне было там делать. Так. По книжным магазинам если только прошвырнуться… И вот теперь, с непроницаемыми лицами японских самураев, варги вручают нам свои верительные грамоты… Но строгость «чайной церемонии» они все-таки сорвали. После того как мы, покивав, с умным видом просмотрели документы, Вилента исполнила уже слышанную мной песню — мол, с этого момента я, Эриадор Аальст, являюсь их командиром, и они готовы выполнять мои приказы, не противоречащие их основному заданию — обеспечение моей и Стефи безопасности.
Ну… все испортила, подумал я, спокойно глядя на эту затейницу. Не мытьем, так катаньем, как говорится… Интересно, сколько же они выложили за сей приказ? А еще более интересно, на фига им все-таки это нужно? Зачем я им сдался?
— Знаете, леди, — сдвинув рукав на левой руке, демонстративно почесывая отпечаток Динкиных зубов и надеясь, что это выглядит по-хамски, начал я, — как-то не чувствую я в себе сил принять на себя столь тяжелое бремя ответственности… Но выход есть. Поскольку ваша задача — охранять нас обоих, что предполагает нашу равноценность, то пусть вашим командиром будет госпожа Терская. Я думаю, она с этим прекрасно справится…
Если бы я не умел улавливать чувства, то даже никогда бы и не подумал, что Вилента обрадовалась, словно она на это и рассчитывала. Ни единый мускул на лице не дрогнул! Даже выражение глаз не поменялось! Ка-а-акая лицедейка! Зевать с ней не стоит… Но симпатичная. Этого у нее не отнимешь… Фигуристая, короткая стрижка, светлые волосы, яркие глазки… Сапоги на ней хорошо сидят. Высокие, черные, плотно облегающие. Весьма пропорциональные, нужно признать… конечности. М-да… Да и на остальных… Тоже весьма неплохо сапоги смотрятся. Сколько длинных, стройных ног разом…
Рассматривая спутниц Виленты, я от нее отвлекся, а когда снова обратил на нее свой взор, увидел, что она смеется. Смеется с совершенно серьезным выражением лица. Одними глазами. Ну еще и в ментале…
Да она меня просто «читает»! Как промокашку, взбесился я внутри себя. Тварь! Она что, думает, что я на их прелести повелся?

Чувства Виленты изменились и пронеслись цепочкой — непонимание, удивление, огорчение, и… раздумье. Внимательный, заинтересованный взгляд, как будто увидела во мне что-то новенькое.
— Все остальное вечером, леди. У нас дела. Пошли, — буркнул я Стефании и пошел вперед, оставив позади Виленту с ее зубастиками.
Стефания, догнав, начала было что-то говорить, что она не справится, что она никем, кроме слуг, раньше не командовала, но я ее не слушал. Я шел и думал о том, что, похоже, я только что спалился по-черному. Голову даю на отсечение — Вилента, кажется, поняла, что я тоже эмпат! И как пить дать, жизнь у меня проще от этого не станет… Нет, ну что за расхлябанность? Неужели нельзя было ментальным щитом прикрыться? Увидел варг — сразу поставил! Что за дела? Проблемы же будут! Когда я научусь осторожности?
Когда ты их посчитаешь за равных, ехидно ответил внутренний голос, не раньше.
За равных? Ну уж дудки! Не бывать этому!
А че собственно-то? Чем ты от них отличаешься, позволь спросить?
Всем! Во всем, всем и везде. Я не они! Все! Тема закрыта! Умолкни!
Однако продолжения разговора с Вилентой не последовало. Никакого. Если она что-то и заподозрила, то делиться своим открытием пока ни с кем не стала. По крайней мере, чувства у пятерки охраны ко мне были прежние — легкое пренебрежение и ирония. Ну еще снисходительность плюс некая сексуальная окраска. Пришла мне было в голову мысль познакомиться с ее охраной поближе и узнать, что они от меня хотят. Однако обстоятельно обдумав эту идею несколько раз, решил не спешить с ее осуществлением. Во-первых, судя по всему, они просто охрана, которая, вполне возможно, и не посвящена во все интриги. Если уж идти по этому пути, то тут следует нацеливаться на руководящий состав, на ту же Виленту, например. Но она гадюка еще та хитрая… По крайней мере, мне так кажется. А во-вторых, не чувствовал я в себе моральных сил на такую возню. Придется ведь изображать из себя уж если не влюбленного, то обуреваемого страстью… Под насмешливым взглядом ее глаз. Бе-э-э… Не. Не потяну!
— Все! Зашивай!
Оперировавший магистр шагнул назад от стола, уступая место помощнику.
Ну вот, еще одного заштопали, подумал я.
Целители тут работают в два этапа. Раненого сначала подвергают обычной хирургии, зашивая поврежденные мышцы, органы, соединяя перебитые кости. Как говорится, делают начерно. Магию на этом этапе почти не применяют. Только «поддержку». Девчонки из университета и еще несколько молодых целителей и целительниц, которые занимаются этой «поддержкой», ходят как по голове мешком огретые. Я был прав. Сил это занятие тянет из организма немерено. А для первокурсниц, которые еще толком не могут управлять своей силой, это вообще работа на износ.
Мне стало даже как-то неудобно. Вроде мы с ними одна команда, но они работают, а я филоню. На нарушение клятвы похоже… Я несколько раз обдумал сложившуюся ситуацию и решил, что никакого тут прямого нарушения клятвы нет, а возникшие в голове мысли вызваны исключительно моим внутренним благородством. Ну да ладно, это так, к слову. Затем, после того как «клиента заштопали», в работу вступали целители, творящие магию. Они накладывали на повреждения заклинания, ускоряющие регенерацию, и раненого отправляли в лазарет, выздоравливать. Такая двухэтапная система, как рассказали нам в кратком экскурсе, позволяла значительно снизить расход магических сил и поднять «пропускную способность» полевого лазарета. Если устраивать ускоренную регенерацию тканей каждому раненому, так, чтобы они вставали на ноги через пять минут, то целитель средней силы сам свалится с ног уже после второго излеченного. А с поля боя их в это время подтаскивают десятками. И кто их спасать будет? Да и быстро регенерировавший все равно не боец. Сразу в бой его снова не пошлешь. Ранение приводит к потере жизненных сил организма. И на заживление ран они тоже расходуются. Так что такой вставший на ноги мечом будет махать вяло-вяло, если вообще сможет. Поэтому каждый раненый получал магии только в самом необходимом количестве, с таким расчетом, чтобы и на других хватило. Десятилетия, а может, и столетия войн создали систему, позволяющую по максимуму охватить поток раненых и свести потери к минимуму.
— Уносите… — устало произнес магистр, глянув на шов.
Двое слуг, выполняющих роль санитаров-грузчиков, перетянули прооперированного со стола на носилки и подхватили их за ручки.
Магистр проводил их взглядом, обернулся, глянув на нас со Стефанией, скромно стоящих в углу палатки, вздохнул, отвернулся и, ничего не сказав, пошел на выход.
Ну да, подумал я, глядя ему в спину, бесполезные мы! Бесполезные! Прогоните нас в столицу! Пожалуйста! Обрыдло мне тут. У меня порталы стынут!

Два дня спустя

Студентка первого курса целителей баронесса Ирина Страская еще раз окинула взглядом возвышающуюся передней ней темную громаду кареты и вздохнула. Правильно ли она поступает? Не поднимут ли ее на смех и не выставят ли за дверь? Они оба такие высокомерные… Стефания вроде сначала ничего была… Но потом, как стала водиться с Аальстом, переняла у него замашки… Ирина еще раз глубоко вздохнула. Так не хочется идти просить… Но Регине нужно тепло. У нее такой сильный кашель! Проклятая сырость! Проклятый дождь! Когда же появится солнце? Нет, нужно идти… Сжав губы, Ирина решительно направилась к карете темных магов, ориентируясь в сумраках на матерчатый навес над ее входом. Из ближайшей палатки выглянула, провожая ее внимательным взглядом, варга. Ирина ее не заметила. Скользя и разъезжаясь ногами по грязи, она подошла к карете и прислушалась. Узкие окошки кареты светились теплым желтым светом. Изнутри раздавался звук гитары. Вздохнув, Ирина подняла руку, собираясь постучать. Но едва костяшки ее пальцев коснулись дерева двери, как…
— Что?! — произнес появившийся на двери, слева от руки, белый череп со светящимися красными глазами.
— …надо?! — закончил вопрос его двойник, возникший справа.
Прижав руки к груди, Ирина отчаянно завизжала.

Эри

Мы со Стефи вечеряли. В небольшом каминчике пара полешек, превратившись почти в угли, играли маленькими язычками красного пламени, пуская струйки дыма. Пара масляных светильников давали приглушенный свет, создавая уютную обстановку и густые тени в местах, куда не доставал их свет. Стефания, завернувшись в черный с красными полосами мохнатый плед, умудрилась с ногами забраться в кресло, слушая мои музыкальные изыски. Почему умудрилась? Потому что кресло можно было лишь условно назвать креслом. Небольшое оно. Для передвижного дома создавалось. Внезапно с улицы раздался пронзительный визг.
— У нас, кажется, гости, — прижал я струны ладонью.
— Кто? — озадачилась Стефания.
— Откуда я знаю? Пойдем посмотрим.
Я отставил гитару к стене и, поднявшись, пошел смотреть, на кого это сработал мой звонок? Его я совсем недавно установил. Бездельем маялся. На Стефанию он был настроен — не реагировать, поэтому она о нем не знала. Открываю дверь наружу: белое лицо с перепуганными, вытаращенными глазами. Хм. Хороший звонок получился. Громкий!
— Добрый вечер, баронесса! — вежливо произнес я, глядя сверху вниз на перепуганное лицо. — И хоть я совершенно не ожидал увидеть в такое время вас у дверей моего скромного жилища, но я все равно несказанно рад той случайности, которая привела вас сюда!
Ирина Страская, сжав руки в кулаки у груди, молча смотрела на меня безумными глазами.
— А… бу… — попыталась она произнести что-то непослушными губами.
— Что с ней? — обратилась ко мне с вопросом Стефания, высовываясь из-за моей спины и заглядывая мне в лицо.
— Привиделось… мож, чего? — пожал я плечами и протянул руку Ирине. — Прошу вас. Позвольте, я вам помогу? Здесь ступеньки.
Видя, что гостья продолжает пребывать в прострации, я шагнул вперед и, нарушая правила этикета, взял ее за сжатые кулаки и потянул за собой, вовнутрь. Ирина сделала пару шагов по ступенькам и шагнула через порог.
М-да, крутоват звоночек вышел, подумал я, усаживая гостью в кресло. А если бы это был магистр? Если бы он в дверь сосулькой засадил? Пожалуй, идея с черепами чересчур креативна…
— Сен! Принеси кружку глинтвейна, — скомандовал я, адресуя свой приказ слуге, который находился в передней части кареты, там, где была кухонька.
Через пару минут он принес на маленьком круглом подносе большую глиняную кружку с подогретым напитком.
— Прошу вас, выпейте, — ставя кружку перед ней на столик, предложил я, — согреетесь. Вы озябли и продрогли. Нынче на редкость отвратительные погоды стоят…

Следуя ритуалам гостеприимства, я не забывал усиленно транслировать в ментал чувство спокойствия и защищенности. Напугалась-то как!
— Не хочешь поучаствовать? — наклонив голову и искоса взглянув на Стефанию, которая, сидя в соседнем кресле, смотрела, как я занимаюсь успокоялками. — Напои ее. Видишь, человеку плохо?
— А что с ней? Почему она такая перепуганная? — непонимающе спросила Стефи.
— Успокоишь, расскажет.
— Ч-ччерепа… — запинаясь, произнесла гостья, указующе вытянув палец в сторону выхода. — Там на двери были черепа! И они разговаривали!
— Переутомление, — спокойно констатировал я, глядя на нее взглядом целителя-профессионала. — Скудная пища, отсутствие солнца и витаминов… Плюс работа на износ. Вот и результат — галлюцинации!
— Галю… что? — с подозрением смотря на меня, переспросила Стефания.
— Видения. Из-за постоянной усталости.
— Нет… Они правда там были…
— Да боги с вами! Какие скелеты в такую рань! Еще девяти вечера нет, и даже толком не стемнело. Это просто плод воображения. Давайте оставим эту тему и лучше поговорим о том, что же привело вас сюда в такую погоду?
— Вы думаете… Это от усталости? — тихо спросила Ирина, подняв на меня глаза.
— Вполне возможно, — уклонился я от прямого утверждения и снова попытался перевести разговор в другое русло. — Так что же случилось, баронесса?
— Мне, право, очень неудобно… — начала она, опустив глаза и обхватывая озябшими пальцами горячую кружку. — Я пришла просить вас… об одолжении.
— Как интересно. И что за одолжение? — удивился я.
— Мм… дело в том, что мы живем все вместе… впятером в одной палатке…
— Так, — кивнул я. То, что они живут все вместе, это я знал.
— В общем, моя подруга, Регина Волентай, больна…
— Целительница… и больна? — не понял я.
— Мы же еще ничего не умеем… кроме «поддержки». Регина… она очень ответственная. Она помогала раненым… Помогала и не рассчитала своих сил. Магистр Феонкрат, который лечил ее, сказал, что это от слишком частого применения магии…
— Так что Феонкрат ее не вылечил? Он же глава всех целителей тут!
— Почему? Вылечил. Но не до конца. Просто ее организм стал очень слабым, и она простудилась… Магистр сказал, что ей нужно тепло, чтобы силы вернулись к ней. И тогда она выздоровеет…
— Не понял? Он насморк вылечить не смог?
— Не насморк. Истощение магических сил могут лечить только великие целители. Магистр Феонкрат, к сожалению, к ним не относится. А когда случается такое истощение, то весь организм мага становится слабым. И он может легко заболеть. И болеть будет долго и тяжело. Я магистра обо всем расспросила. Нужно тепло. У нас в палатке так сыро… Я подумала… может, вы позволите Регине немножко пожить у вас? В тепле? Тогда она быстро поправится… Пожалуйста…
— Но когда мы сюда ехали, вы же жили в фургонах! Почему вы не хотите перебраться в них?
— Так ведь их забрал главный интендант! Для перевозок…
Ах, ну да! Слышал я про проблемы с дровами. На этой проклятой равнине деревьев нет, за ними приходится ездить вниз, в долину. Не накатаешься на такую массу народа… М-да… Но все равно безобразие! Уж для дворянок и тем более будущих целительниц могли бы сделать исключение. Хотя… Толку с этого фургона! Только что не на земле. А так — телега телегой… Не разживешься…
Наклоняю голову вбок и натыкаюсь на два блестящих глаза. Стефания, не отрываясь, смотрит мне в глаза.
«Ну и что значит сей пронзительный взгляд?»
«Эри, ты поможешь?»
«С чего это вдруг?»
«Но ей же плохо! Она заболела!»
«Ну и что? Пусть об этом голова болит у тех, кто послал жить в голом поле неподготовленных первокурсников! С какого перепугу я должен заниматься благотворительностью, пуская под крышу всяких сирот? А если завтра еще кто заболеет? Что, тоже ко мне?»
«Эри… Ну как ты можешь так говорить! Ты ведь не такой. Ты добрый. Только притворяешься колючим…»
«Кто? Я? Я добрый?»

«Конечно. Ты очень добрый. Я знаю».
«Хм… да. Я добр. Я очень добр. Я невероятно добр… Настолько добр, что согласен уступить твое место на полу этой Регине, а ты поедешь на ее место, в палатку. Согласна?»
Стефания до сих пор спала на полу, как мы с ней договорились с самого начала, обсуждая условия ее переезда ко мне. Мне вообще-то было интересно, попробует она переселить меня на пол или нет? Нет. Стефания мужественно занимала свое место, не пытаясь нарушить договор, чем вызывала у меня уважение.
«Согласна!»
«Еще неизвестно… кто из нас тут добряк… Тоже мне, повелительница Тьмы… Что-то, когда ты с ними в одной палатке жила, восторгов я от тебя не слышал…»
«Ну и что с того? Мало ли кто кому не нравится! Но мы ведь одна команда! Нас послали вместе. И мы делаем одно дело. Нужно помогать тем, кто рядом с тобой в строю!»
«Где ты этого понахваталась?» (Ворчливо.)
Но если говорить честно, то она права. Мы — одна команда. Пусть некоторые члены ее это слабо осознают или не понимают, но нас послали на войну. Вместе. Делать одно дело. И в том, что я уклоняюсь от общих обязанностей, есть элемент если не предательства, то… в общем, нехороший элемент.
А как же наше демонство? — поинтересовался внутренний голос.
Вот как раз демоны не предают! Тем более в одной команде! Если мы даем слово, то это слово держим, чем и отличаемся от низших!
Ну а чего ты тогда отбрыкивался? (Внутренний голос.)
Я как-то не так об этом думал… Ясно?
А… а! Конечно, ясно. Яснее не бывает, насмешливо произнес он и замолк.
«Хорошо. Договорились». (Это я Стефании.)
— Что ж, — вслух сказал я, обращаясь уже к Ирине, — действительно (пристальный взгляд в глаза Стефи), мы одна команда. И должны помогать друг другу. Поэтому я согласен предоставить мою карету для проживания баронессе Волентай. Единственный вопрос — не скомпрометирует ли она себя этим поступком? Ведь ей придется жить под одной крышей с посторонним мужчиной?
У стола возникла тишина. Девушки обдумывали возникшую ситуацию.
— Я подумала, что если вы уступите вашу кровать, то Регина поспит на ней… Рядом с баронессой.
«Что?! Она думает, что мы спим вместе? Да что она себе позволяет!» (Дикое возмущение.)
«А то ты не знала, что про нас говорят! Сделала добро, как говорится, готовься утираться… (Ехидно.) Что ты там говорила про одну команду?»
«Фффф… ффффф… фффф…» (Частое дыхание носом.)
«Хоть и без слов, но я тебя понял. А хочешь увидеть, как решаются проблемы?»
«Как? Хочу!»
«Смотри! Легко и изящно…»
— Все равно это может послужить для создания ненужной волны слухов и сплетен. Одно только проживание под одной крышей с темными магами само по себе будет… весьма забавным фактом для посторонних. Не так ли? — продолжил я разговор с баронессой.
Ирина, соглашаясь, кивнула. Стефи еще больше нахмурилась.
— Поэтому я предлагаю другой вариант. Я приглашаю вас всех пожить у меня. В комнате, где спит баронесса Терская, есть шесть кроватей…
«Комнате? Я вообще-то на полу сплю!» (Удивление.)
«Ну мы же об этом не будем им говорить, правда?» (Ирония.)
— Одна занята. Вас ведь тоже пятеро, не так ли? А Стефанию я попрошу быть у вас старшей. Хозяйкой. Я хозяин, она хозяйка. Устраивает? И для сплетен и слухов места уже не останется. Поскольку все будут жить вместе.
— Ой, — растерялась Ирина, я, право, не знаю… Так вас стеснять… А где вы будете спать?
«Я — хозяйка?» (Удивление.)
«Почему бы и нет?» (Непонимание проблемы.)
«Опять жить вместе с ними?» (Возмущение.)
«Мало ли кто кому не нравится! Но мы ведь одна команда! Забыла?» (Насмешка.)
«Так это что, месть?» (Возмущение.)
«Зато будешь спать на кровати. Как истинная леди. На матрасе».
«А ты где?»
«Не бойся. Не пропаду».
— Не волнуйтесь, уважаемая баронесса, вы меня совершенно не стесните, а уж госпожу Стефанию тем более. Она будет просто счастлива вашему соседству!
«Какой ты, Эри, все-таки вредный…»

— Пойдемте, я устрою вам небольшую экскурсию, чтобы вы увидели, как тут все устроено, своими глазами. А потом мы сходим с вами за остальными. Подойдет вам такой вариант?
— Ой, ну я даже не знаю…
— Пойдемте, пойдемте, — приглашающе пошевелил я пальцами правой руки, зовя за собой, — а то скоро совсем стемнеет. Шарахаться в темноте по грязи — удовольствие небольшое…
Познакомив леди с основными достопримечательностями — кухней, спальней, душем, туалетом (звонок мы уже видели, хе-хе), мы отправились по темной улице в гости к целительницам.
Не успели и пары шагов отойти от двери, как сзади появились две варги, запахнутые в длинные темные плащи. С того момента, как они появились, тряся бумагами с правами на нашу охрану, они больше никуда не девались. Поставили палатку напротив фургона так, чтобы вход был виден, и приступили к охране. Куда идешь — они тут как тут! За мной всегда две увязывались. За Стефи одна. Интересно, я что, более ценный кадр для них? Подозрительно! Очень меня их присутствие за спиной нервирует… Меня охраняют мои враги! По ночам вокруг фургона дозором ходят, невзирая на погоду. Дурр-дом! Ну пусть ходят, коль им так хочется… Грязь топчут… Со мной они подчеркнуто вежливы, никаких лишних разговоров. Все общение сводится чуть ли не к «да» и «нет». А вот со Стефанией совсем другая картина. И улыбки в тридцать два зуба, и разговоры какие-то на отвлеченные темы с доверительными интонациями в голосе. Что-то хитрят эти зубастики… Ладно. Посмотрим. Короче, добрались мы до палатки целителей. М-да… печальное зрелище. Напитавшиеся водой и провисшие матерчатые стены, земляная грязь на полу. Маленькая, вяло греющая железная печка, от которой, похоже, нет никакого толка. Тусклый свет двух светильников. Влага в воздухе. Постели наверняка сырые… Это, как говорится, к бабке не ходи. На одной из раскладных кроватей, под грудой одеял, заболевшая Регина. Ввалившиеся глаза и черные круги под ними. М-да… шоб я так жил. Да никогда! Хорошо, а теперь поиграем в спасителя от мерзости быта…
Я вышел вперед и пред удивленными взглядами произнес короткую, но энергичную речь, в которой, делая упор на то, что «мы же не чужие друг другу, не правда ли?», пригласил всех к себе в гости. Естественно, что при этом я постарался максимально следовать этикету. Девушки растерялись и стали смотреть друг на дружку — мол, как? Понаблюдав, как они мнутся, я улыбнулся искусительной улыбкой Мефистофеля и перечислил все, что может предложить им мое передвижное жилище. Джокером в моей колоде был горячий душ, а козырным тузом — сухая спальня. В качестве свидетеля, видевшего всю эту роскошь своими глазами, была вызвана Ирина, дабы она все подтвердила. Единственным условием, которое я им выставил, когда они стали уточнять подробности, было: никаких самцов!
— Мальчиков в гости не водить! — пояснил я не понявшим меня целительницам, имея в виду приехавших с нами студентов.
— Почему? — нахмурились они.
— Не люблю конкурентов, — пояснил я.
— Конку… кого?
— Соперников. Вы мои гости, и все. Больше я никого не приглашаю. Это понятно?
Девочки переглянулись понимающими взглядами, сделали насмешливые гримаски и согласились на мое условие. Получилось, что я их уговорил, а они милостиво согласились. С моей стороны это был психологический ход. Да и потом? Если я набиваю свою карету молодыми девушками, то для посторонних пусть они считаются моим гаремом! Что, за просто так, что ли?
Да! Должны же быть у тебя хоть какие-то бонусы, поддакнул внутренний голос.
Ну надо же! В кои веки ты со мной согласился. С чего бы вдруг?
А почему бы и нет? Если с принцессой не получилось, то стартануть сразу с гарема — тоже круто. Вмиг все зауважают… Вот увидишь!
Да пошел ты!
Короче, по-быстрому собрались и пошли ко мне. Угомонились далеко за полночь: раскладывали кровати, стелились, мылись, сохли, исследовали, что и где, пили чай… Воду всю из бака вылили! И всю магию из нагревателя использовали! Я так и знал — добрые дела наказуемы!
Ладно, подумал я тогда, устраиваясь поудобнее на своей облачной постели в гостиной, — будет день, будет пища. Воды вокруг полно. Нужно будет только поместить ее в бак… И маны кругом достаточно…

Еще пять дней спустя

Сегодня, второй раз за все время моего пребывания тут, ветер разогнал тучи, и на небо вылезло солнце. Я, лениво отталкиваясь левой ногой от земли, раскачивался на сооруженном мною гамаке и, широко замахиваясь назад рукой, периодически метал кинжал в закрепленный на стене кареты кусок доски. Из мишени я его выдергивал и возвращал с помощью телекинеза. Ну и что, что все видят? Не самому же бегать? Чай, не мальчик… Мальчик, мальчик! (Это внутренний голос.) Если исходить из общепринятого мнения о том, когда мальчик становится мужчиной, то…
А у варг, перебиваю его я. Что, не считается?
Не считается! Тогда это был не ты, а Эри. Так что тот раз — не считается!
Ну и ладно… я прямо-таки… огорчился…
Я перевел глаза на двух варг, которые внимательно следили, как кувыркающийся кинжал сначала летит от меня к карете, а потом, еще не закончив дрожать, воткнувшись в доску, выдергивается из нее и летит ко мне назад, ручкой вперед. Словно болельщики за игрой в настольный теннис. Головы сюда, головы туда, головы сюда, туда… Спортсменки… блин.
Я в очередной раз поймал кинжал, но вместо броска нагло уставился на охранниц. Те одинаково и чуть ли не синхронно наклонили головы к правому плечу и вылупились на меня в ответ. Пару секунд мы молча смотрели друг на друга, затем я, не глядя, швырнул кинжал в мишень. Идиотки!
Бум!
Я перевел взгляд, чтобы глянуть, куда я попал. Попал! Почти в центр. Неплохо…
Раздражают они меня. Особенно взгляды, которыми смотрят. Как на свою собственность. Вообще обнаглели. Чуть ли не поножовщину устроили с университетской охраной. Те, когда целительницы перебрались ко мне, тоже двинулись следом, решив поставить палатку поближе. Так зубастики встали стеной — мы, мол, охраняем! А вы — валите отсюда, это наше! И до того так все раздухарились от общения, и охрана, и варги, что стали хвататься за ручки мечей. Причем ни Виленты, ни командира пятерки, ни командира отряда охраны не было. Перебранку устроили нижние чины, а остановить некому. Охрана, видно, рассчитывала на численное преимущество, их было двенадцать против четырех варг, но последних это, похоже, ничуть не смущало. Они уже сгруппировались так, чтобы, если что, встать в круг, прикрывая друг другу спины. Глянул я на это дело, глянул и понял, что если не хочу, чтобы университетскую охрану проредили, то придется вмешаться. Даже если варги их поубивают, вряд ли я от них самих избавлюсь. У них на руках приказ, подписанный СБ, прикрытие хорошее. Прикинутся дурочками, скажут — защищали! Ничего ведь не докажешь.
— Отставить! — заорал я со ступеней своей кареты. — Слушать меня! Всем заткнуться! Охране — смирно! Боевые кошки — смирно! Старшая у варг! Ко мне!
Все вздрогнули, замолчали и повернулись ко мне.
— Выполнять приказание! — снова заорал я.
«За старшую» секунду поколебалась, но затем резким движением кисти пихнула рукоять чуть вытащенного клинка назад, в ножны, и, презрительно поведя плечом в сторону противников, направилась ко мне.
— Бегом! — закричал я, решив, что раз такое дело, посмотреть, насколько выполняются басни Виленты про любой приказ. Варга сбилась с шага, видно совершенно не ожидая от меня такой наглости, но после секундного раздумья изобразила типа бег. Бежит она. Ну-ну…
— Слушай мой приказ, — глядя в глаза добежавшей до меня воительнице, — охрану не задирать, к мужикам не приставать! Вернуться к себе в палатку и сидеть тихо! Приказ ясен?
— Так точно! — ответила она с непроницаемым лицом, хотя изнутри ее буквально распирало.
— И скажите спасибо, что я не приказал вам помочь охране установить палатки…
Как ни старалась она не подать вида, но тут уж ее перекосило.
— Выполняйте!
— Слушаюсь!
Выполнила. На этом все и закончилось. Потом ко мне приходила Вилента, вместе со старшей пятерки, то да се, да что это такое, да я, да мы, да как бы вот… Хотели, видать, устроить длинные разговоры, но я их разочаровал, посоветовав впредь не оставлять своих скучающих подопечных одних. И отправил. Кошки… Сихотовы. Но, несмотря на свое отношение к ним, нравилось мне, как они двигаются. Красивые движения, жесты. Порой настолько выразительные, прям хоть сразу на бумагу переноси… Все-таки много в них звериного… У простых людей такой пластики нет. Кстати, отношение ко мне у них изменилось. Ирония куда-то делась. Смотрят теперь серьезно. Глаза — внимательные. Интересно, с чего? Что такое «в лесу сдохло»? Может, до них дошло, что я маг? Хм… возможно. Я тут проводил испытания абасовской палатки в реальных условиях, как раз

после этого изменения и произошли. Тогда, в первый вечер, когда я пригласил всех к себе и девчонки, поделив кровати, чистые и согревшиеся, завалились спать, я тоже стал готовиться ко сну. В гостиной, на свободном участке, там, где спала Стефания, я создал, используя заклинание из книги Абасо, вариант палатки — небольшое белое облако, висящее невысоко над полом. Создал и попробовал — как оно будет, спать на таком? Оказалось, очень удобно. Мягко, тепло. И подстраивается под контуры тела. Единственно, посреди ночи оно вдруг развеялось, и я как спал, так и шлепнулся на пол. Отсихотившись и отчертыхавшись, я его установил снова и опять завалился спать. Второй раз развеялось оно уже под утро. Я опять его переактивировал, погладил отбитое колено и постарался доспать. Днем я поразбирался с заклинанием и нашел способ сделать так, чтобы оно «не выключалось». Тогда же и решил, коль уж я занялся исследованиями, то следует провести их по полной. Переночевать на улице. А что? Самое то. Холодно, мокро. Замерзну — пойду в карету. Запасной вариант на случай провала. Но не замерз. Проспал всю ночь, как младенец. Варги только были ошарашены. Всю ночь меня по двое караулили. Будили. Я изменил цвет облака с белого на черный, чтобы не светить в темноте, словно сугроб, так они чуть не влезть ко мне попытались. Не видели, что ли? Я им хмуро посоветовал держаться подальше и потише шлепать ногами по лужам, чтобы не мешать мне спать. Больше они не лезли. Сторожили издали. Так что все получилось прекрасно. Но на следующую ночь, убедившись, что все работает, я снова ночевал под крышей. Легенду о гаремодержце нужно кормить… А то еще подумают, что они меня на улицу ночевать выкинули…

Гамак я тоже сделал, немного модернизировав абасовское заклинание палатки. Немного изменил размеры, уплотнил структуру. Главной фишкой было закрепить ее концы. А то, когда я начал двигаться, пытаясь раскачаться, меня клонило вбок. Забавно, конечно, но не то. Немного поразмышляв над проблемой, я решил, что привязка к одному положению над землей в заклинании должна была быть. Иначе если ночью будет ветер, то к утру в такой постели может унести один Сихот знает куда. Покопавшись в заклинании, нашел! Действительно есть. Активировал. Работает. Молодец, Абасо! И я молодец! Все-таки удалось найти что-то полезное в этом захолустье…

— Фых, фых, фых… тум! Дррр…

Вращаясь, кинжал снова пролетел до мишени и воткнулся в нее, дрожа. Две пары варговских глаз зафиксировали попадание. Тоска…

«Э-эри! Ты где?»

«Тут, за домом, на солнышке».

«А что ты делаешь?»

«Так… дурью маюсь…»

«Можно я с тобой посижу?»

«Та посиди…»

Из-за угла фургона вышла Стефи и направилась ко мне. Подойдя, сделала плавный жест, проведя ладонью с растопыренными пальцами горизонтально земле. Раз! — заклубилось белое абасовское облако. Стефания с довольным видом села в него. Три дня как научил. Играется. Очень ей нравится магичить. И то, что это у нее получается.

— Что новенького? — поинтересовался я, обернувшись на нее.

— Кени испортил юбку Ирины…

— Потрясающая новость. И что, она стояла по стойке «смирно», пока эта рыжая скотина ее жевала?

— Нет, он схватил зубами и порвал…

— Нечего было прикармливать… Но я думаю, что эта лошадница его уже простила…

— Угу… Видела, она ему опять что-то давала…

— Ты ей скажи, что если она его раскормит до размера, что он в упряжь не влезет, я ее вместо него запрягу!

Оказалось, что Ирина очень любит лошадей, а слабостью ее были большие лошади. Она моментом сделала Кени своим любимчиком, хотя было еще три кандидата, и взялась прикармливать его всякими вкусностями. И Кения она уменьшила до Кени. На вопрос: «А, собственно, почему?» — ответила, гладя ладонью по его довольной морде: «Он же еще совсем молодой. Кений — это для взрослого, солидного коня. А ему еще играть хочется! Поэтому он — Кени! Веселый, озорной жеребенок!»

М-да, с сомнением тогда подумал я, окидывая глазами рыжую тушу. Вот это веселый жеребенок? Тогда я царица Савская! А у баронессы — эклер в голове… Эклер эклером, но Кения теперь все зовут Кени, даже конюх.

— А сам не можешь сказать? — спросила Стефи.

— Ты – хозяйка, тебе и поручаю…

— Эри! Но ты же здесь хозяин. Это же твой фургон. Ты их пригласил. Почему бы тебе как хозяину…
— Потому что я назначил тебя. За все нужно платить. Притащила? Ну так и возись с ними! Воспитывай. Научи для начала хотя бы вещи не раскидывать.
Стефи поджала губы и вздохнула. А как ты хотела? Не мне же их к порядку приучать? Заглядывал пару раз в их отсек. Ужас! Все, что может валяться, валяется! И валяется черт-те как! Стефи вроде еще аккуратная, но баронессы… Та-а-акие раскордашки! Я, конечно, понимаю, счастливое детство, служанки, то да се… А каков итог? Итог — бардак у меня в фургоне!
— Они уже взрослые. Поздно их чему-то учить… — со скорбной физиономией произнесла Стефи, разглаживая складки юбки на коленях.
— Ну это ты категорически неправа! — энергично ответил я. — Учить и учиться никогда не поздно! Например, ты вот знаешь, что от задницы вверх, прямиком в мозг, идет мощный, толстый нерв? Нерв, минующий все? Знаешь?
— Уку, — отрицательно помотала головой Стефания, недоверчиво поджав губы. — Магесса Элеона ничего такого не рассказывала… И в анатомических альбомах я не видела такого нерва!
— Это секретный нерв, — безапелляционным тоном заявил я, — не указанный во всех книгах и альбомах, но все же существующий, как показывает практика. Ибо, если взять отдельную личность и начать бить ее по нижней части, то сия личность очень быстро начинает соображать, что к чему! Нерв — многократно увеличивающий скорость обучения! Просто чудо природы, подарок людям!
— Ты что, на полном серьезе предлагаешь… наказывать их? — поразилась Стефи.
— Ну не физически. Можно косвенно.
— Как это?
— Отключи им душ. И все дела… — безмятежным голосом посоветовал я, закидывая руки за голову и вытягиваясь во весь рост.
Тут-то они и взбесятся, прокомментировал я про себя данный Стефании совет. Да ладно! Пусть харизму тренирует… По жизни ей это может пригодиться. Нельзя же все время ромашкой быть!
Стефи невидящим взором уставилась на воткнутый в доску кинжал. Вероятно, она представляла, как это будет. И что с ней будет. И потянет ли она такие разборки?
— Ну… не знаю, — наконец сказала она, зябко передернув плечами. — Мне кажется, неправильно так делать…
Ну… неправильно так неправильно… Скорей бы уже эти маги приехали… А то я тут скоро взвою от тоски…
Было уже два штурма крепости. Первый, пристрелочный, для оценки сил и возможностей обороняющихся, второй — генеральный. На полном серьезе и по всем правилам. Но не вышло. Выяснилось, что наши маги не способны выбить ворота крепости. У осажденных оказались ответные искусники, щиты которых оставили врата нетронутыми. Такой вот конфуз для имперских магов. Говорят, наш главнокомандующий сначала очень сильно удивился, а потом «был весьма несдержан в комментариях» на обсуждении результатов штурма. Не знаю, сам не присутствовал, узнал об этом по слухам, но маги запросили подмогу. Вот, сидим, ждем, пока она прибудет. Делать абсолютно нечего. Боевых действий нет. Солдат берегут, впустую не рискуют. Так, если кого стрелой со стен зацепят. Я теперь тоже, «наконец научившись», хожу вместе со всеми работать в госпиталь. Но поскольку раненых нет, это было всего пару раз. Тоска… Командиры взялись гонять своих солдат, дабы те совсем не закисли, но вот нас гонять некому. Наши маги-кураторы от нас дистанцировались. Развлекать и учить нас они были не намерены. Живы, здоровы? Руки-ноги целы? Ну… тогда все в порядке! Поэтому в основном мы были предоставлены сами себе. От безделья я взялся учить Стефанию магии. Научил ставить щит, паре абасовских заклинаний. Но из боевого — ничего. А где? Посреди лагеря? Пасибо, не надо… У Стефи ведь может и не получиться! Что мы потом будем делать с горой трупов? Обвинят в пособничестве изменникам, будем бегать, глаза вытаращив… М-да… А вечерами у нас гитары, посиделки с моими побасенкми, песнями и глинтвейном… Я сразу всем объяснил, что это вовсе не алкоголь, а совершенно необходимое в местной сырости лекарство. Мне сразу поверили. С охотой, так сказать, поверили, с душой! Очень вкусная штука этот глинтвейн. Правда, скоро ингредиенты для него кончатся. Да и вообще скоро все кончится — и продукты, и мыло, и чистое белье. Отправляясь в поход, я никак на такую ораву не рассчитывал! Но не буду же я в одиночку всем пользоваться? Я ведь хозяин, пригласивший гостей…
Низших, ехидно комментирует внутренний голос.

Ну и что? Держал же я в Эсферато штруза? Кормил, поил, дрессировал… Колючки из него вытаскивал… Заботился. Это почти то же самое. Только ума у этих побольше, чем у него. Обучаются быстрее. Очень миленькие самочки… Эстетичненькие такие.
Ага… Главное, что самочки!
Ты… мне завидуешь?
Ха! Да ты просто извращенец, батенька, да еще с идиотическим уклоном! С самками либо нужно поступать соответственно, либо не поступать, а значит — не иметь дела вообще! А понапускать полный дом и ходить рядом с умным видом — идиотизм полный!
Ты не понимаешь. Я… эстет!
Придурок, а не эстет!
Так! Сводники — на выход!
— Эри, я тебя давно хотела спросить… — начала разговор Стефания, отвлекая меня от моих мыслей. — А что у тебя с варгами?
Нашла что спросить! Я аж скривился внутри и спокойным голосом ответил:
— А что у меня с ними? Абсолютно ничего…
— Но я же вижу, как ты на них реагируешь.
— И как я на них реагирую?
— Остро. Я бы даже сказала, с возмущением. Почему?
— Ну скажем так… — медленно произнес я, переведя взгляд на варг. — Не люблю говорящих животных… Такого ответа достаточно?
— Какие же они животные? Очень милые девушки, добрые, улыбчивые…
— Добрые? — скептически искривил я правый угол губ. — Улыбчивые? Твари они законченные, и все. Больше ничего в них нет. То, что ты видишь, это обман, фальшивка! Внутри каждой — тварь, которая только и ждет возможности вцепиться тебе в горло! Помни об этом, и жизнь твоя будет долгой…
— Зря ты так, — с осуждением в голосе сказала Стефи. — Если бы ты с ними пообщался, то ты бы изменил свое мнение. Они, кстати, тобой очень интересуются.
Мило… Значит, зубастики собирают обо мне информацию? Пре-э-элестно, просто пре-э-ээлестно… Что-то… звери… затевают…
— И что же они обо мне спрашивали?
— О, много чего! Что ты любишь, что умеешь, как к тебе люди относятся, как ты учишься… Их все о тебе интересует!
Досье собирают? Убить тварей!
— А ты не спрашивала, зачем им это?
— Ты им очень нравишься. И они хотят с тобой познакомиться. Только стесняются…
Что? Стесняются? Кто? Они? Стесняются?
— Ха-ха-ха! — захохотал я, осознав весь комизм сказанного Стефанией. — Стесняются! Ха-ха-ха!
— Да, стесняются! — с нажимом сказала Стефи, неодобрительно отреагировав на мой смех. — Они девушки скромные…
— Ха-ха-ха! Ой, не могу! Скромные! Ха-ха-ха! Слушай, кончай! А то я сейчас помру от смеха! Стесняются! Ха-ха-ха!
Стефи обиделась и надулась, замолчав.
— И что ты им про меня рассказала? — поинтересовался я, отсмеявшись и вытирая выступившие на правом глазу слезы.
— Рассказала, что ты очень вежливый и воспитанный молодой человек, — с сарказмом в голосе ответила Стефи, и уже нормальным голосом. — Что ты хороший друг и на тебя можно положиться. Что ты талантливый. Понятно? Все самое хорошее о тебе рассказала, а ты ржешь, как Кени!
— Спасибо, конечно, за протекцию… А про университет они не спрашивали? Про мою учебу?
— Почему? Спрашивали.
— И? — вопросительно наклонил я голову к плечу.
— Это их не касается. Они не маги. Я только сказала, что магистры считают тебя очень перспективным… Но недостаточно усердным…
— И кто же так считает? От кого ты такое слышала?
— Ну… Слышала… — наклонив голову вниз, ушла Стефи от ответа.
Ясно. Не хочет говорить. Ну и плевать!
— Слушай, Стефи. А тебе в руки книжка «С варгой в постели» не попадалась? Не? Помнится, ты с императорского бала два экземпляра вынесла. Один мне еще презентовала. Забыла?
— Да. Ну и что?
— Что — ну и что? Ты ее читала?

— Ерунда там написана. Они не такие. Я не верю.
— А я верю. Понятно? Поэтому самым серьезным образом прошу ничего им про меня не рассказывать. Ни-че-го! Тебе ясно?
Стефи нахмурилась, обидевшись на мою резкость. Молча отвернулась, поднялась и, не оборачиваясь, ушла в фургон. Поговорили… Это все зубастые виноваты… Все неприятности от них! Я, лежа руки за голову, сощурился и одним глазом глянул на солнце, прикидывая, сколько времени. Часа три, пожалуй… Как там насчет полдника?
Внезапно где-то вдалеке заиграли горны и затрубили какие-то гнусавые духовые инструменты. Сначала пара, потом к ним присоединились еще, потом еще. Через минуту это была уже настоящая какофония.
Тэкс, и что у нас случилось?
У палаток вокруг нас началось движение. Народ принялся суетиться, торопливо натягивать на себя доспехи и хвататься за оружие и куда-то бежать.
Так. Похоже, на нас напали… Этого еще не хватало! Просто прелесть, как тут все организовано! А что, такие понятия, как боевое охранение, разведка, разъезды, — это что, все анахронизм? Обходятся без этого? Да и вообще… Маги-то куда смотрели?
Лагерь вскипел. Между палатками несся поток людей, все торопились занять места в строю. Пики, щиты, копья. Сигнальные горны, надрываясь, трубили сбор и тревогу.
Отступив к входу в фургон, я наблюдал за этим могучим движением. Сзади хлопнула дверь. Оборачиваюсь: на пороге стоит Стефи. Из-за ее спины выглядывают девчонки.
— Что случилось? — с недоумением смотря на бегущих людей, спросила Стефи.
— Похоже, на нас кто-то напал, — спокойно пожал плечами я.
— Напал? Кто? — удивилась Стефания.
— Думаю… что это враги, — глубокомысленно съерничал я.
— Враги? Откуда они взялись?
— Может, мимо проходили?
— Если враги, то тогда нам нужно в госпиталь! Наше место там!
— Успеем. Пока войска построятся, пока сойдутся… В общем, до появления первых раненых времени навалом. А сейчас сунетесь — затопчут. Глянь, что творится!
Я мотнул головой в сторону суетящегося лагеря.
— Ты думаешь? — округлила глаза она.
— Да. Иногда я это делаю.
— А… Ну тогда ладно… А что тогда нам сейчас делать?
Хм… Хороший вопрос! Может, сейчас как раз тот момент, когда мне стоит подумать и что-то предпринять? Внезапное нападение… На что-то же они рассчитывают! Либо — прорваться к осажденным, либо — вырезать весь лагерь на фиг. В обоих случаях у них должно быть достаточно сил, чтобы попытаться это осуществить. А наши войска строятся как попало… Самая подходящая ситуация для дерзких прорывов… Хм… Тогда вполне возможно, что мой фургончик может оказаться на пути такого прорыва… И мы увидим оскаленные лица врагов прямо из его окошек. Оно мне надо? Не… мы так не договаривались!
— Слушай мою команду! — заорал я, привлекая к себе внимание. — Целительницам — в фургон! Переодеться в походную форму одежды. Чтобы через пять минут все были в штанах! Сен!
— Я здесь, господин!
— Запрягайте. Быстро. Вполне возможно, нам срочно потребуется сменить позицию.
— Слушаюсь, господин!
— Командир эрт Дерик!
— Слушаю вас, Эриадор, — отозвался командир охраны.
— Охраняйте. Никого к фургону не подпускать! Тоже на всякий случай подготовьтесь к отъезду. Дайте команду подчиненным, а сами со мной, на крышу фургона! Посмотрим сверху, что там!
— Хорошая мысль. Варг тоже к фургону не подпускать?
— Варг — тем более! Командуйте! Я на крышу! Жду вас там.
— Хорошо, — кивнул он и повернулся к стоящему рядом с ним помощнику.
— Вы чего встали? Не слышали? Марш переодеваться! — шуганул я застрявших в проходе девчонок и, войдя внутрь, направился к лестнице на крышу.
Выбравшись наружу, я выпрямился во весь рост и принялся озирать окрестности, пытаясь разобраться в обстановке. День сегодня задался. Чистое, голубое небо, яркое солнце. Настолько яркое, что пришлось приложить ладонь ко лбу, чтобы защитить глаза от солнечного света. Наконец-то и сюда пришла весна! И вот в такой отличный день такая ерунда!
— Конница! — воскликнул эрт Дерик, показывая вытянутой рукой направление.

— Да, лошади, — согласился я, повернувшись, — и много…
Вражеская конница под сине-красным штандартом в этот момент как раз воткнулась в неровно выстроенный квадрат нашей пехоты и принялась стремительно в него углубляться.
— Бодренько… — оценил я скорость их продвижения. — Такими темпами они его за несколько минут пройдут…
Так и вышло. Конница раскидала пехоту и вырвалась из ее рядов наружу. Правда, разогнаться она уже не смогла. Похоже, лошади в трупах пехотинцев завязли… Да и за пехотой уже стояли копейщики, наклонив копья вперед. По уму, против лошадей наоборот бы нужно было — копья первыми, мечи сзади. Но жизнь есть жизнь. Кто как попал, кому как повезло… Пехотинцам явно сегодня удача не улыбнулась. Остатки отряда двумя разными группками обтекали слева и справа квадрат копейщиков, пытаясь спастись. Но стяг они свой не бросили. В первый момент он упал было, но потом они его снова подняли. Молодцы! Там даже еще до сих пор кто-то с конницей сражается…
Всадники, сильно наклоняясь с седел, махали вниз сверкающими на солнце мечами. Похоже, в ответ им тоже прилетало, поскольку махание мечами никак не прекращалось. Не просто же так они там железяками размахивают?
— Третий пехотный, — напряженным голосом произнес эрт Дерик, стоявший рядом и тоже из-под руки внимательно смотревший на сражение. — Попали ребята! Прямо на конницу…
— Н-да, — оглядывая остатки отряда, уходящего за копейщиков, согласился я с ним, — немного их осталось…
На правом фланге отряда копейщиков вспыхнул сгусток красного пламени, расшвыривая тела солдат во все стороны. Донесся яростный вопль сотен глоток.
— Маги! С ними маги! — потрясенно воскликнул Дерик, указывая на вспышку.
Что это его так удивило? Совершенно не вижу причин, чтобы, отправляясь на войну, они не взяли с собою на прогулку парочку магов… А где же наши? Спят еще, что ли?
— Ну что, можно уже идти? — спросили сзади.
Оборачиваюсь — Стефи! Переоделась. Быстро. Или я тут долго глазею?
— Ну мы пошли? — хмурясь, требовательно спросила она, не получив ответа.
— Погоди. Тут что-то непонятное происходит…
— Что происходит?
— Не то, что нужно. Смотри! — указал я рукой в сторону развернувшегося сражения и сам еще раз оглядел горизонт.
Дела у нашей команды были не очень. Видно, внезапность нападения сделала свое дело. Вражеские войска, непонятно откуда появившись, по всему фронту теснили императорские отряды, уверенно продвигаясь вперед. Наши же сдержанно отступали. Со стороны противника, оставляя за собой черные, дымные следы, летели фаерболы. Похоже, что у неприятелей были только маги огня. Или, скорей всего, было видно только их. Сосулька мага воздуха не так заметна, как взрыв фаербола… Наши маги тоже отвечали и наконец вроде взялись за работу, прикрывая отряды щитами, поскольку попаданий огненных шаров в войска я уже не видел. Внезапно совсем рядом раздался звон мечей и вскрики.
Сделав шаг к краю крыши, я, нагнувшись и вытянув шею, глянул вниз.
Варги! Две, с длинными, слегка изогнутыми мечами, похожими на японские катаны, вдохновенно рубились с тремя охранниками. Остальные, включая их начальницу, стояли рядом, но в схватку не вмешивались. Даже клинки не вытащили. Смотрели. К сражающимся из-за фургона на помощь бежали еще охранники.
— Эй! Вы че там, охренели, что ли? — совершенно по-хамски крикнул я, обращаясь к Виленте и прикидывая, чем им вмазать, если это предательство.
— Они мешают вас охранять, — спокойно ответила она, подняв голову и встретившись со мною глазами.
— С чего вы взяли, что я разрешу, чтобы вы меня охраняли?
— У меня приказ!
— Ну и что? Я под ним не подписывался!
С громким металлическим звуком варга выбила меч из руки охранника, и тот, кувыркаясь, отлетел в сторону.
— Леди Вилента, уймите своих кошек! — закричал я, зажигая в высоко поднятой руке шар фаербола. — Иначе я расцениваю это как предательство на поле боя! Считаю до трех! Раз!
— Отставить! — скомандовала Вилента своим и снова задрала вверх голову. — У меня приказ! Я должна его выполнить!
— Ну и выполняйте!
— Как?! Они мешают к вам подойти!
— Не нужно ко мне подходить! Охраняйте издали. Вы первый круг обороны, охрана — второй, я внутри.
— Мы лучше их подготовлены. Пусть они снаружи охраняют!

Ага, щас! Нужны вы мне тут! За спиной…
— Приказы не обсуждать! Охраняете снаружи! Выполнять!
— Я не обязана выполнять ваши приказания!
— Совсем недавно я слышал другую версию. Причем от вас же. А если не обязаны, тогда тем более вам нечего внутри делать!
Вилента хмуро уставилась на меня из-за спин отступивших к ней варг.
— Возражения? — поинтересовался я, покачивая рукой с фаерболом. Точнее, с его иллюзией. Фаерболы я делать умел. Энергии уже хватало. Только получались они размером с небольшой грецкий орех, и тратил я на них минуты четыре. Такой крохой особо не испугаешь. Да и пугаемые ждать устанут, пока предмет их страха появится. Так что иллюзия в этом случае гораздо продуктивнее — раз, и в руке медленно вращается ярко-красный шар, переливаясь оттенками бордового цвета. И размер — со средний кочан капусты.
— Хорошо, — сдалась Вилента, несколько раз переведя взгляд с моего лица на фаербол и обратно, — мы будем охранять снаружи.
— Чудненько, — прокомментировал я ее согласие и, развеивая иллюзию фаербола, шагнул от края крыши назад. Меня толкнули в спину. Оборачиваюсь — все здесь! Все целительницы. Вылезли и тоже глазеют. Того и гляди, с крыши спихнут.
— А ну-ка все вниз! Немедленно! Крышу сейчас продавите!
— Мы тоже хотим посмотреть!
— Снизу смотрите!
— Там не видно!
— На крыше опасно. Тут стреляют!
— Где?
— Ну будут стрелять. Вы мне ее сломаете!
— Не сломаем. Мы легкие.
— Сейчас я стану мерзко-грубым и начну ругаться нехорошими словами! А ну, все вниз!
— Ну, Эри, ну мы только посмотрим…
— Вниз! Я сказал! Может, сейчас переезжать придется! Свалитесь все.
— Куда переезжать?
— К госпиталю! Давайте вниз, вниз! А то пойдете опять к себе в палатку жить!
Упихав всех вниз, в том числе и Стефи, я снова повернулся к полю боя. Как раз в тот момент, когда на нем что-то сверкнуло. Я прищурился, чтобы понять, что это было, и тут на моих глазах на месте вспышки стали появляться вражеские пехотинцы.
Да это же… портал, понял я, чувствуя, как у меня отвисает челюсть и стремительно начинает биться сердце. Ничего себе! Это же то, что я искал! Награда нашла своего героя! Так! Мне нужен тот, кто это делает! То бишь вражеский маг… Хм…
Приложив руку козырьком ко лбу и сощурившись, я уставился в район портала, пытаясь выделить в людской массе его создателя. Но пока мне этого не удавалось.
Вполне возможно, что маг одет, как все… в целях маскировки. Иначе он станет главной мишенью… И есть еще вариант… Который меня устраивает меньше — они используют амулет… Не… не вижу его…
Мое внимание привлек внезапно появившийся в поле зрения шар малинового оттенка, направляющийся в мою сторону.
Елки! Так это фаербол, осенило меня, когда я сосредоточил на нем свой взгляд.
Да, это был действительно фаер. Оставляя за собой закручивающийся в спираль хвост черного дыма, он достаточно бодро летел, имея, похоже, целью мой фургончик.
Сихот! Он же в меня целится! Заметил людей на крыше? Решил, что мы командиры, руководящие войсками? Да. Со стратегической точки зрения, тут — весьма удобный наблюдательный пункт.
— Летит! — закричал Дерик, заметив опасность и указывая на нее рукой.
Да вижу я, вижу… Только вот делать-то что? Принять на щит? А если он не выдержит? Как-то неуверен я насчет своего щита…
Фаер между тем, пройдя пик траектории, пошел вниз. По всему было видно, что фургону встречи с ним не избежать.
Блин! Меткий, собака! Разнесет тут щас все своим шариком вдребезги! Лак на стенах поцарапает… Да у меня там… внизу… народу полно! Ладно, попробуем!
— Все во-о-он из фургона! — не оборачиваясь заорал я, не отрываясь от приближающейся опасности. — Вон! Я сказал, во-о-он!
Еще раз убедившись, что установленный ранее магический щит никуда не делся, я потянулся своими телекинетическими руками к летящему огненному сгустку, стараясь дотянуться до него на максимальном расстоянии.
Есть! Зацепил! И куда его теперь? Вверх? Вниз? В землю?

Неожиданно фаербол вспух облаком разрыва, избавив меня от принятия решения.
Упс! Чего это он? Потому что я его схватил? Да? Очень мило с его стороны…
— Еще один! — прокричал Дерик, указывая новую цель.
Я перевел взгляд от клубящегося черно-красного облака, в который превратился фаербол, и глянул в направлении его руки.
Примерно оттуда же, откуда вылетел первый шарик, к фургону направлялся еще один. Такой же.
Так. Похоже, маг огня выбрал себе цель… И собирается уничтожить наблюдательный вражеский пункт… Вот зараза!
Со вторым фаерболом я поступил так же, как и с первым. И он так же взорвался в воздухе, когда я попытался сжать его телепатическими руками. Однако в этот раз я краем глаза отслеживал место его старта и сумел засечь момент появления третьего шара. И локализовать стоящую в просвете между рядами вражеских солдат фигуру, перед которой он появился.
А вот и он… Больной зуб! А ну-ка!
Я быстро создал заклинание, вставив в него указание цели, и метнул в мага «копье тьмы».
Эффект — ноль! Ни-ичегошеньки не произошло! Далеко и не видно. То ли не попал в него, то ли его щит поглотил…
Еще раз!
Я снова повторил заклинание и переключился на подлетающий фаербол.
Тот лопнул, а в нашу сторону полетел еще один огненный снаряд.
Так! И сколько это будет продолжаться? Похоже, противник упорный и тренированный. Шарики у него один за другим вылетают. А я его «копьем» не достаю… А если сменить парадигму? Зачем пытаться принести ему страдания? Принесу-ка я ему радость! «Шок любви» делается быстро…
Я шустро раздавил подлетавший фаербол и зарядил в мага «шоком». Тот согнулся пополам и замер в скрюченной позе, не успев сотворить очередной снаряд.
Подействовало! Оргазм посреди поля сражения… это же какие яркие воспоминания! На всю жизнь хватит! Добавлю-ка я ему впечатлений! А то стоит, бедолага, согнувшись… Сразу видно, что поза некомфортна…
Я зарядил ему еще три заклинания подряд. Сразу же после первого скрюченная фигура, не разгибаясь, грохнулась на бок и оставшиеся два заряда принимала уже лежа.
Юх-хе! Вот теперь точно будет тебе что вспомнить, злорадно подумал я, наблюдая, как двое склонились над упавшим магом, видно пытаясь понять, с чего ему так поплохело? То-то они удивятся, когда увидят, что ему наоборот — захорошело! Хе-хе…
Так. С этим разобрались, вернемся к главному. Где ж творец порталов? Не видать… А не может этот огневик им и быть? Хм…
Я попытался снова найти взглядом упавшего мага, но вражеский отряд сдвинулся, перестроившись, и маг ушел куда-то за их спины, став недоступным для просмотра.
— Смотри, смотри! — заорал Дерик, беспардонно ткнув меня локтем в ребра.
Пока я развлекался магической дуэлью, ситуация на поле сражения обострилась. По крайнем мере, в нашем секторе. Прибывшие через портал вражеские подкрепления оказались предоставлены сами себе, попав в «дырку» между нашими сражающимися отрядами. Против них — никого не было! И они этим воспользовались, организовав фланговую атаку на отряд копейщиков. Стремительно перемещаясь, враги нацелились на левый бок и тыл копейщиков. Однако навстречу им, перестраиваясь в три жидких линии, разворачивались остатки затоптанного конницей третьего пехотного. Перед его строем орал, бегал, выравнивая линию, крупный мужик. Разобрать, что именно он орет, было невозможно. Было слышно только — орет!
— Хана им! — сказал Дерик, напряженно наблюдая за развертывающимся сражением. — Не удержат. Их слишком много! Порубят …! А потом копейщиков.
Сихот! Он прав! Сейчас всех порубят в капусту! Но молодцы. Тоже небось не дураки, понимают, что с ними будет, но все равно дорогу закрыли… Чем бы им помочь? Вмазать бы чем-нибудь массовым! Те как раз боком повернулись! А получится у меня? Что-то на мага «копье тьмы» как-то не подействовало… Устроить врагам массовый восторг?
«Эри? Что происходит? Когда мы поедем в госпиталь?»
Оглядываюсь. Из люка выглядывает голова Стефи с растерянными глазами. О! Ты-то мне и нужна!
«Скорее иди сюда!»
«Зачем?»
«Скорее! Поможешь! Ну быстрее ты!»
«А что нужно делать?»
Стефания вылезла и встала рядом.

«Помнишь, как бандитов вместе с домом снесла?»
«П-помню».
«Видишь вон тот отряд врагов? Они в серое с желтеньким одеты. Видишь? На наших нападают».
«Да».
«Гаси их!»
«Как?»
«Как тогда! Как свечку гасишь!»
«Но они же умрут!»
«Не неси ерунды. Они враги. Если их не убить, тогда умрут наши! Мы на войне! Воюй!»
«Э-э-э…»
«Быстрее! Если они столкнутся, будет поздно! В куче уже не разберешь, где свои, а где чужие! А потом они всех убьют и припрутся сюда! Хочешь, чтобы нас всех тут поубивали? Давай!»
Стефания набычилась, молча глядя на вражеский отряд из-под бровей. Внезапно волосы у нее начали развеваться, словно в лицо ей задул ветер. Странно. Мне вроде не дует… Да! Нужно отцепиться от нее, а то как бы… Или попробовать еще качнуть магию? Нет! Валяться без сознания сейчас нельзя!
— Ха! — Стефания резко выкинула вперед руки с растопыренными пальцами.
Что за показушная пошлятина, подумал я, переводя взгляд с нее на источник раздавшегося с поля боя дикого вопля. От вражеского отряда осталась едва ли треть. Причем если тогда арбалетчики вместе с крышей улетели тихо, без воплей, то нынче картина была другой. Подвергшиеся воздействию заклинания Стефи бились в судорогах и корчах, при этом дико крича так, что было и сюда слышно. Однако вставать на ноги они не пытались и потихоньку замирали. Я попытался применить «чувство смерти», чтобы определить, живы они или нет, но на меня как хлынуло!
Применять такое… посреди поля сражения — дурацкая идея, подумал я, развеивая заклинание и тряся головой в попытке побыстрее избавиться от неприятных ощущений.
— Здорово! — обернулся я к Стефи.
Как раз вовремя, чтобы увидеть ее закатывающиеся глаза и падение на подкосившихся ногах.
— Что с ней? — спросил не растерявшийся Дерик, ловко поймав ее на руки.
— Не выспалась, — хмуро сказал я. — Тащи ее вниз… Пусть девчонки позаботятся.
Сам же снова повернулся к сражающимся. Третий пехотный, внезапно получив отсрочку встречи с Хель, энергично размахивал мечами, гоня растерявшегося противника. Причем гнали они их в сторону моего фургона. Ко мне. Похоже, враги оказались настолько деморализованы, что отступали, развернувшись спинами вперед.
Это они зря, подумал я, создавая заклинание «прах», зря… это они… Как раз и потренируюсь…
Однако от «праха» толку оказалось совсем чуть. Только двое упало. Вяленько так… Далеко? Или, может, у них есть защита против магии? Мага вроде не видно… Странно. А вот от «копья тьмы» эффект был однозначно лучше. Одно заклинание — один упавший! Но только один. Похоже, для массовых заклинаний мне все еще не хватает энергии. Хорошо. Буду знать…
Тут, пока я тренировался, пехотинцы окончательно добили остатки вражеского отряда. Последние выжившие кинулись было в бегство и добежали почти до моего фургона, но наткнулись на вставших на их пути варг и охранников. Тут сзади набежал, догнав их, третий пехотный, и все! Все нехорошие кончились… Поглазев с крыши на схватку, развернувшуюся буквально у стен фургона, я снова устремил взор вдаль. Упс! А эти откуда взялись?
Отряд вражеской конницы, сунувшись было к ощетинившимся копьями копейщикам, изменил направление и, закладывая неширокую дугу, разворачивался в нашу сторону. И недалеко ведь до них! Как все приблизилось. Похоже, наши отступают…
Я быстро огляделся по сторонам. Так и есть! Императорские войска отступали влево и вправо, оголяя центр. А по центру, прямо на нас, разворачивался отряд конницы… Вот это здорово! На кой они мне тут нужны? Кто их остановит? Я? Не… я, конечно, крут, но не настолько же!
— Конница! — закричал я, обращаясь к командиру перестраивающейся внизу пехоты и показывая рукой направление.
Тот, заскочив на колесо фургона, уставился в указанном направлении. Бойцы его отряда обернулись к командиру, напряженно смотря на него. Потные лица, поколотые щиты, кое у кого смяты шлемы, у некоторых воинов — кровь…

Н-да… второй раз за сегодня выйти против конницы… это будет непросто, понял я, быстро пробежав взглядом по ним. Даже чисто психологически. Хорошо их потрепали!
— Становись! — заревел командир пехоты, спрыгивая вниз. — Становись! Сомкнуть щиты!
А командир ничего… бойцовский дух не потерял… Дух духом, но самое правильное в такой ситуации — отступление…
— Господа маги нас прикроют! — долетело до моего слуха уверенное обещание для выравнивающих ряды солдат.
Как-то я в этом неуверен… Где они, наши маги? Или… это он меня, что ли, имеет в виду? Это он зря… авансы мне раздает… На его бы месте я этого делать не стал…
Я снова посмотрел на поле.
Сихот! Конница точно на нас развернулась! Сматываться поздно! Так! Что делать?! Соображаем быстро, иначе будет поздно! Самое правильное — «прахом» в морду, благо и идут они плотно. Но «прах» я пробовал, нужна сила! Где взять?
«Заем», всплыло в мозгу. «Заем» — заклинание, позволяющее некроманту собирать энергию смерти…
То, что надо! Где как не на поле боя ее взять?
— Сешшш… аа! — прошипел я на эсфератском, картинно разводя поднятые руки в стороны. Почему-то мне показалось, что так будет лучше.
— Хаш!
И в меня ахнуло! Ощущение, словно высунул в машине на скорости голову в окно и открыл рот. Не выдыхается! И продолжает переть внутрь! Сейчас разорвет! Внутри организма опять что-то лопнуло, и такое ощущение, что будто течет. Кровь? Вроде нет. Больно… Шагеш-шш шасха! Боли нет!
«Прах»!
В сторону атакующей конницы понеслось, расширяясь, темное облако. Еще! «Прах»! Как меня распирает! «Прах»! А может, развеять «заем»? «Прах»! Хватит мне «заема». «Прах»! А куда я, собственно, стреляю? Нет же там никого…
Выпучив глаза, смотрю на то место, где должен был быть отряд вражеской конницы. Не-а! Пусто…
— Урра-а-а! — заорали внизу. — Уррра-а!
Наклоняюсь. Смотрю. Ликующая пехота, тыкающая в небо мечами и подпрыгивающая на месте.
Вот… дураки, медленно думаю я, мимоходом отмечая, что мир как-то наклоняется и темнеет. Темнеет, темнеет и становится совсем темно…

Бум! У-у! Голова… Иде я? Какая-то доска надо мной… Разводы дерева… сучок…
Как-то все покачивается… И мутит… Шум, кто-то вопит, звон железа… Ба! Так это мой фургон! А я лежу на полу, под креслом. Почему я лежу на полу? Я хозяин фургона и лежу на полу? Точно! Буквально… валяюсь! И кто там так кричит? Просто невероятный шум! Так больно в голове отдается. Нужно сходить посмотреть…
Ловко встаю на ноги. Ха-ха! Я гибкий тигр! Нет, ягуар! Да, я ягуар. Пятнистая кошка! Но кто же там так шумит?
Распахиваю дверь наружу — кто все эти люди? Нашли место, где устроить драку!
— А ну! Тихо! — кричу им я.
Ноль эмоций. Продолжают драться и орать.
— Ти-хо! Ти-хо! Ти-хо! — с минуту, надрываясь, кричу я, помогая себе взмахами руки сверху вниз. Даже горло заболело. Но на меня не обращают внимания. Занимаются своими делами. — Ах так?! Щас я вас успокою! «Прах»! «Прах»! «Прах»! «Прах»!
Сихот! Как болит голова! Прямо разламывается! Но хоть тихо стало… Будете знать, как не обращать внимания на того, кто к вам вежливо обращается… Так. А это что капает? Кровь? Ага, она… Откуда? Че-еррт, из носа! Что вообще, Сихот меня побери, происходит? Где-то был платок… Спускаюсь по лесенке вниз, на землю, с намерением прояснить, что происходит.
— Господин ранен?
Поворачиваю голову — варги! Две. Нет, четыре… Снова две!
— А ну, прекратите!
— Что?
— Хватит этих ваших штучек! А ну, брысь отсюда! Кому сказал!
Варги секунду мнутся, потом исчезают, оставив в ментале отголосок страха.
Так-то лучше. Ишь ты, придумали с двумя головами ходить! Я вас научу правилам хорошего тона! А почему стоим? Почему никуда не едем? Я же собирался давно отсюда уехать?

Обхожу фургон, иду к тому концу, где, помнится, крепились лошади. Почему они все лежат? И Кений лежит! Дрыхнет, скотина! Тут ехать нужно, а он спит!
— Кений, а ну вставай!
Подхожу сзади и отвешиваю ему пинок: вставай, скотина!
Как меня качнуло! Чуть не упал!
— Вставай, гад! Поехали!
Еще пинок!
— Эри! Что ты делаешь?
Оборачиваюсь на испуганный голос — Ирина. Смотрит на меня расширенными глазами.
— Вот, — качнувшись, указываю на него вниз рукой, — лежит, скотина! Не встает!
— Он же мертвый!
— Мертвый? Как… мертвый?
— Они их убили… И его убили…
— Убили?
— Да. Кени убили. Не бей его, пожалуйста…
Смотрю на него. Действительно мертвый! И стрелы из него торчат… Вот гадство!
— Они убили Кени! Сволочи! — с возмущением говорю я, указывая на него рукой. — Ты только посмотри!
Говорю и сам не узнаю своего голоса. Какое-то эхо…
А кто нас повезет, приходит в голову мысль. Я, что ли? На себе? Не… я это так не оставлю! Я с ними разберусь!
— Кто это сделал? Кто его убил? — грозно спрашиваю я Ирину, нахмурив брови.
— Враги…
— Где они?
Ирина неуверенно машет мне за спину.
Там? Отлично! Щас пойду посмотрю, кто это там такой наглый? Убить моих коней! Тяжеловозов редкой породы! Гаа-дыы. Теперь нужно лошадей где-то искать… Как же голова болит! А чего их искать? Вон они лежат!
— Ши-и-и… ма-а-а… р-рр! «Поднять»! «Поднять»! «Поднять»! «Поднять»! О! Лошадки на ногах! Кто так визжит? Ирина? Ну и чего она упала? Дура…
Так. Сейчас схожу разберусь с теми, кто убил моих лошадей, и поеду по своим делам.
— Господин, куда вы?
Опять эти варги! Но у этих по одной голове. Эти приличные! А те были — неприличные!
— Воевать пойду! — покачиваясь, говорю я. — А что?
— Вам нельзя…
— Почему?
— Одному нельзя воевать. У вас нет войска…
— Не проблема! Найдем.
— Прошу вас, Эриадор, не нужно. Давайте мы вас лучше отвезем…
— Отвезем? Куда это?
— Куда захотите. В безопасное место…
— Нет! Я пошел воевать! Прочь с дороги!
— Господин…
— Прочь!
Я отмахнулся от них и пошел искать врагов.
Сколько камней под ногами! Аж качает… Кто их тут понакидал? Враги? Внезапно ощущаю опасность. Кто-то хочет напасть на меня со спины! Резко оборачиваюсь. Варги. Расходятся в стороны с явным намерением окружить! Это они зря… Нападать на меня? А как вам это? «Прах»! Сихот! Чуть в фургон не попал! Так, варги попадали и не шевелятся… Это хорошо… Мешать не будут. Надоели! Да! Что-то говорили про то, что у меня нет солдат… А это кто валяется? «Поднять»! О! Солдат! Только без руки… Ты чего такой смешной? Где рука-то? Ладно… сойдет! Как голова болит… «Поднять»! «Поднять»! «Поднять»! А-а! Надоело! Всех поднять! Убейте всех!
И тут моя вселенная сжалась до одной точки.

— Господин магистр, а что теперь с ним будет?
Целительница-первокурсница с опаской заглядывала через край телеги, в которой на сене, сомкнув веки, лежал Эриадор.
— Мм… — оттопырив нижнюю губу, задумчиво посмотрел на него маг и произнес, пожав плечами: — Судить его будут. Что еще?

Андрей Кощиенко
ЗЛАТОВЛАСКА ЗЕЛЕНОГЛАЗАЯ

Автор выражает благодарность Андрею Буревому за разрешение использовать в данном произведении элементы его оригинального мира «Охотник».

Столица

Эстела

— Шотан леди Виленты…
Слегка изогнутый клинок в черных ножнах с негромким стуком лег на столешницу светлого дерева. Варга, которая принесла его, сделала шаг назад и замерла по стойке «смирно».
Начальница тайной стражи Этории леди Эстела несколько секунд молча смотрела на лежащее перед ней оружие, плотно сжав губы.
— Подробности, — наконец коротко потребовала она, не поднимая глаз.
— Леди Вилента убита Эриадором Аальстом вместе с тремя членами моей пятерки, включая старшую группы. В живых осталась только я и леди Нелла… — лаконично доложила варга и замолчала.
— Я сказала — подробности!
Эстела оторвала взгляд от ножен и тяжело, немигающе уставилась на собеседницу.
— Мы выполняли задание по охране Эриадора Аальста, отправленного вместе с экспедиционным корпусом для подавления мятежа, — начала рассказ варга. — К мятежникам внезапно подошла помощь, и развернулось сражение. Леди Вилента попыталась выполнить данный ей приказ, но этому помешала охрана студентов и сам Аальст, заявивший, что в нас он не нуждается. Леди Вилента настаивала, но Аальст пообещал применить силу и сжечь нас созданным огненным шаром. Леди Виленте пришлось уступить и перейти, как приказал Аальст, во внешний круг охранения.
Затем к нашему расположению прорвался один из отрядов противника. Мы отбились. Аальст вместе с Терской принимали активное участие, используя заклинания. Терская потеряла сознание, и ее отнесли в фургон, однако ранений она при этом не получила. После небольшой передышки нас атаковал отряд конницы. Так вышло, что мы оказались на линии его атаки. Аальст использовал заклинания, похожие на полупрозрачные облачка черной пыли. Заклинания очень сильные, поскольку отряд вражеской конницы, в который попало такое облако, был уничтожен. После чего Аальст сам потерял сознание и упал вниз с крыши фургона. Его тоже занесли внутрь, и леди Вилента, взяв командование на себя, приказала отступать. В сопровождении остатков четвертого пехотного полка, студенческой охраны и фургона, в который уложили раненых, мы двинулись в тыл. К этому моменту на поле боя была полная неразбериха и единая линия войск отсутствовала. Поэтому, отступая, мы внезапно вновь наткнулись на противника. Отряд пехоты, прикрывающий лучников. Мы выскочили прямо на них. Лошади, тянущие фургон, пали под стрелами, а мы вступили в бой с мечниками. Врагов было гораздо больше. Вилента приказала мне с Неллой спасать Аальста, пока они помогают сдерживать натиск. Подбежав к фургону, мы увидели на его ступеньках Эриадора. Он пришел в себя, встал на ноги и вышел наружу. Он что-то кричал, а потом снова применил магию. Это было заклинание, которое действовало сразу на многих людей. Он убивал, не разбирая, кто перед ним. Уничтожил отряд имперской пехоты, вражеских лучников и мечников. Убил почти всех. Однако нам повезло, и мы остались живы. Моя пятерка и леди Вилента сражались сбоку, под заклинание мы не попали. Пока

все приходили в себя от неожиданности, Аальст спустился вниз. Я попыталась поговорить с ним, но он грубо приказал отстать от него и принялся пинать мертвую лошадь…
— Мертвую лошадь? Зачем? — удивилась Эста.
— Он хотел, чтобы она встала… Леди Эстела, в тот момент Аальст был не в себе. У него внутри бурлили эмоции. Рваные, обрывочные, противоречащие друг другу. В нормальном состоянии у людей так не бывает. Он словно помешался. Еще… в нем ощущалось что-то такое… опасное. Непонятное. Я почувствовала. Мы с Неллой отступили. Тут Аальст взял и «поднял» лошадей. Сначала одну, потом всех.
— Некромантия? При всех? — сузила глаза Эста.
— Да. Причем очень быстро. Одну за другой. Без всяких заклинаний и движений, которые обычно делают маги. Просто протягивал руку с растопыренными пальцами — и все. Они вставали!
— Да уж… — с озадаченностью в голосе прокомментировала Эста услышанное.
— Потом Аальст поговорил с одной из студенток и сказал, что пойдет сражаться.
— Сражаться?
— Да. В одиночку. Леди Вилента попыталась уговорами остановить его, но он не стал слушать и, отвернувшись, отправился выполнять свое намерение. Этого было нельзя допустить. Госпожа майор приказала нам окружить и схватить его. Но Аальст нанес удар первым. По тем, кто оказался ближе к нему. Мы с Нелл заходили с флангов и поэтому остались живы. А леди Вилента и остальные…
Варга замолчала, наклонила голову и чуть развела руки в стороны.
— Дальше! — жестко приказала Эста.
— А потом он «поднял» мертвых. Очень много мертвых. И упал. Я почувствовала, что он потерял сознание, и приняла командование на себя. Мы с Неллой его подняли и потащили на себе вслед за фургоном, который мертвые лошади неожиданно понесли. Мы догнали его, когда он слетел со склона и разбился. Аальст по-прежнему был без сознания, и я не знала, что с ним делать. Вполне возможно, что ему была нужна помощь целителя, но все они были где-то там, на поле боя. Однако я понимала, что после сотворенной им некромантии отдавать его в руки магам нельзя. Мы могли бы отвезти его к другим целителям, но не знали, можно ли его брать в дорогу в таком состоянии. И потом… После того, что он сделал, оказаться один на один с ним, когда он очнется… Аальст, когда творил заклинания, был явно не в своем уме… Пока мы думали, что делать, к нам подошел имперский пехотный отряд. При нем было два мага и целитель. И Аальста взяли под усиленную охрану, отодвинув нас в сторону. Всю дорогу до столицы нас к нему не подпускали. Мы бы, конечно, попытались что-то предпринять, но леди Вилента не оставила мне никаких указаний на такой случай… Вполне возможно, это могло навредить его здоровью. Не зная, что делать, я приняла решение — просто сопровождать. Вот мы и здесь, — чуть пожав плечами, закончила рассказ варга.
— Хорошо, — кивнула Эста. — А что с Аальстом?
— Почти всю дорогу он был без сознания. Приходил в себя только на короткие промежутки времени. Терская встала на ноги на следующий день, а вот он нет…
— Что говорят целители по поводу его здоровья?
— Сильное магическое истощение. Возникает, когда маг слишком часто пользуется магией. Может пройти само, без последствий, может привести к потере способности творить магию, может стать причиной быстрой смерти… Лечить такое никто не умеет. Целители врачуют тело, но вот все, что связано с магией…
— Как сейчас его состояние?
— На момент пересечения ворот университета он был жив. Хуже ему не стало.
— Где твоя напарница?
— Караулит у ворот университета. Я поспешила на доклад.
— Хм… — Эста забарабанила пальцами по столу, обдумывая решение. — Значит, так! Сейчас я дам указание, и вас сменят. Прибудете сюда и сядете писать отчеты. Подробнейшие. Все, что вспомните. Любые детали. Что с телами наших погибших?
— Мы нашли и похоронили.
— Сообщите в архив с указанием места. Оружие и личные вещи погибших — как обычно. Сейчас подождешь в соседней комнате. Вопросы есть?
— У меня есть не отправленные вам письма леди Виленты.
— Приложишь к своему отчету. Еще вопросы?
— Нет вопросов.
— Тогда — выполняйте!
— Слушаюсь!
«Что за дурацкая идея была послать мага-первокурсника на войну?» — подумала Эста, глядя на закрывшуюся за варгой дверь.

Его же там чуть не убили! А теперь неизвестно, что с ним будет. Может и способности потерять… Впрочем, это к лучшему. Без магии с ним будет проще. Главное, чтобы тело было целое, а все остальное — не важно. Ты смотри, обещал, паршивец, научиться кусаться — научился! И быстро… Четверых наших убил… тварь! Если бы не его предназначение — лично бы горло перерезала! За всех. А за Виленту в отдельности…
Эста опустила глаза на стол, на котором по-прежнему лежал клинок в слегка потертых ножнах.
Как же ты так… Вил? Как же ты не успела? Ты ведь всегда была осторожной… И вот теперь на столе твой меч… А тебя нет. И больше никогда…
Эста почувствовала, как у нее спазмом перехватывает горло.
«Какая ты, однако, сентиментальная стала… боевая лошадь, — сказала она себе, указательным пальцем потирая потерявший вдруг резкость левый глаз. — Стареешь, Эста, стареешь… Не первый меч перед тобой. Не первый… И не последний. Хуже всего, что не последний! Ладно, девочки, покойтесь с миром. Вы сделали все, что могли. Мы доделаем. Кишками своими обмотаюсь, если потребуется, но мужчины у нас будут! Увидите. Не зря вы жизни отдали. Не зря! И с Аальста за вас спрошу! За каждую спрошу! Вовек не рассчитается, гаденыш!»

Что с ним делать?

Небольшой круглый зал с узкими готическими окнами под потолком с тонкими коваными рамами, в которые вставлены матовые стекла. Вдоль серого с белыми прожилками мрамора стены — длинный подковообразный стол, за которым сидят члены магического совета. Перед каждым — солидная кожаная папка с документами, на которые, впрочем, они особого внимания не обращают. Маги больше заняты негромким разговором друг с другом. Только некоторые небрежно и неспешно переворачивают листки, пробегая глазами содержимое.
— Хм, хм… — прочистил горло сидящий во главе стола глава Верховного совета, — начнем, пожалуй. Все знают, зачем мы тут собрались?
Негромкий говорок, в котором слышалось «да, да, знаем», сопровождаемый кивками в знак согласия, разнесся над столом.
— Точно, все знают? Магистр Вонкус тоже в курсе?
Над столами раздались хмыканье, смешки, и взгляды присутствующих обратились в сторону опростоволосившегося на последнем совете магистра.
— Да, господин верховный маг, я знаю, — с достоинством ответил Вонкус, выпрямляясь.
— Что ж, хорошо.
Архимаг Влатий, глава совета, неспешно глянул сначала влево, затем вправо от себя:
— Итак… рассматриваемый сегодня советом вопрос — дело студента первого курса университета Эриадора Аальста, уличенного в использовании запрещенной магии… а именно некромантии.
— Прошу простить, что перебиваю… — приподнял правую руку ректор магического университета Мотэдиус, — но мне кажется, что слово «уличенный» применять тут не совсем правильно. Все произошло на глазах многих людей.
Мотэдиус вместе с несколькими преподавателями университета находился за столом для приглашенных, стоявшим сбоку от стола совета.
Архимаг недовольно поджал губы и пристально посмотрел на него:
— Господин ректор, мы все прекрасно осведомлены о том, насколько близко вы принимаете к сердцу дела вашего университета и судьбы ваших учеников… Но! Сейчас идет заседание Верховного совета магов империи, которым руковожу я. Поэтому прошу вас, как, впрочем, и всех присутствующих, придерживаться регламента собрания. Регламент вы можете найти в папках, лежащих пред каждым… Когда повестка дойдет до пункта «прения», каждому желающему будет дана возможность высказаться… А пока давайте двигаться согласно плану…
— Прошу прощения, господин глава совета! — Мотэдиус положил поднятую руку обратно на стол и на пару секунд уважительно наклонил голову.
Влатий неспешно кивнул ему в ответ и продолжил:
— Как вы знаете, имело место применение массовой некромантии, что является грубейшим нарушением запрета нашей гильдии и законов империи и однозначно требует самого сурового наказания… Однако при внимательном рассмотрении на первый взгляд совершенно ясного и понятного дела возникает ряд вопросов, которые нуждаются в

ответах… И от того, как мы на них ответим, будет зависеть и мера наказания, и дальнейшая судьба студента магического университета князя Эриадора Аальста…
Итак, первое, на что я хочу обратить внимание уважаемого совета, это то, что действия свои Эриадор совершил, как правильно заметил здесь господин ректор, на глазах многих людей. Поэтому свидетелей много, и, если мы захотим сделать вид, что ничего не произошло, это нам не удастся… Это раз.
Второе. Все произошло в момент сражения на поле боя, и заклинания были направлены против врагов империи. Согласно рапорту командующего корпусом, орда мертвецов, напавшая с тыла на мятежников, оказалась тем самым внезапным фактором, который переломил ход сражения и позволил одержать экспедиционному корпусу победу. Требуется ответить на вопрос — является это смягчающим вину обстоятельством или нет, а если да, то насколько?
Третье. Согласно показаниям свидетелей, Аальст находился в гуще сражения с самого начала до того момента, пока его в бессознательном состоянии не вынесли с поля боя. Налицо проявление доблести воина. Очевидцы утверждают, что Аальст одержал победу в дуэли с вражеским магом. Для первокурсника это, несомненно, значительный результат. Вопрос: достоин он награды за эти деяния или нет?
Четвертое. Аальст, применяя заклинания массового характера, уничтожил остатки отряда имперской пехоты, которая из последних сил сражалась с превосходящими силами противника. Кроме них им убиты варги его охраны. Как он утверждает, произошло это, когда он находился в состоянии помутненного рассудка. Вопрос: считать ли это обстоятельством, отягощающим вину, и если да, то насколько?
Пятое. В результате перенапряжения, которому он подверг себя в сражении, Аальст потерял способности и теперь никогда не сможет быть магом…
Над столом совета пролетел легкий шепоток.
— Ситуация, когда благородный дворянин получает увечья или раны на поле боя, случается не впервой, и что делать в таких случаях — известно. Однако сейчас целители бессильны. Вернуть способности магу они не в состоянии…
В зале на несколько секунд установилась неприятная тишина. Тема о магах, потерявших способности, была не то чтобы под запретом… но очень непопулярна.
— Пусть Аальст молод, руки-ноги у него на месте, и он вполне способен найти себе занятие, способное его прокормить. Однако я думаю, что внезапная смена жизненных целей для молодого человека может оказаться весьма болезненной… Я категорически против того, чтобы члены гильдии магов из-за сложившихся жизненных обстоятельств побирались, занимаясь наемной работой, или пытались найти свое место пусть среди сильных и смелых, но умственно неразвитых воителей. Поэтому еще раз повторюсь, отвечая на раздающийся порой вопрос о необходимости перечисления налога в фонд гильдии — мы не можем бросать без средств к существованию наших коллег, сражавшихся с нами плечом к плечу под знаменами империи, которым просто немного не повезло… Это совершенно невозможная ситуация. Все знают, что в гильдии магов существует ряд незыблемых правил, которые не нарушаются никогда. Одно из них — любой маг, не совершивший преступлений против гильдии и империи, всегда будет иметь: помощь целителя, крышу над головой и кусок хлеба, вне зависимости от того, насколько этот маг ценен… По существующим законам Аальст имеет право на пенсию… Нам с вами тоже нужно будет рассмотреть этот вопрос и вынести свой вердикт…
Архимаг неспешно обвел взглядом присутствующих, ища в них понимание. Ответом ему стали одобрительные кивки и взгляды, полные согласия.
— Вот основные пункты, которые мы должны сегодня рассмотреть, а также необходимо дать ответы на вопросы, изложенные в них… Итак, повестка озвучена, теперь переходим к обсуждению. У кого есть вопросы — задавайте.
— А скажите, магистр Николас, — сразу воспользовался предложением один из членов совета, — в документах сказано, что своим ученикам вы преподавали только азы. Конкретно — «подъем» только одного покойника. Откуда ему известен вариант заклинания, действующего на многих умерших? И откуда у вашего подопечного столько сил? Ведь чтобы поднять такое количество трупов, просто необходим уровень архимага!
— Что я могу сказать? — развел руками Николас, сидящий рядом с ректором за гостевым столом. — Не знаю. Эти вопросы Эриадору задавали многие, в том числе и дознаватели. Вразумительного ответа никто так и не получил. Говорит, помнит, что что-то делал, а почему и как — не помнит. Вообще хочу сказать, что как ученик он был весьма талантлив. Все буквально с первого раза схватывал. Вполне мог сам додуматься, как изменить заклинание. Очень жаль, что парень «сгорел». Очень перспективный был бы маг… А про силу я вам ничего не скажу. Не знаю.

— Да? Спасибо. Хотя все это весьма странно. А что у него со здоровьем? Тут написано: «периодически теряет сознание». Это правда?
— Да, — хмуро ответила тоже приглашенная магесса Элеона. — Последствия перенапряжения оказались крайне разрушительны для его организма. Само тело и все органы здоровы, но вот с нервной системой, которая по всем показателям тоже в норме, что-то не так. Эриадор беспричинно проваливается в беспамятство. Пока его везли до столицы, говорят, он практически не приходил в себя. Здесь приступы стали не такими частыми. Последнюю неделю их вообще не было. Надеюсь, что больше они не повторятся. Но нужно понаблюдать, поскольку причина их неизвестна. Магесса Аканта, которая его осматривала, тоже не смогла сказать ничего определенного. Похоже, это как-то связано с его магией. А если точнее — с потерей способности к ней. На сегодняшний день Аальст условно здоров. С логикой у него все в порядке, мыслит и рассуждает здраво. Вот все, что могу сказать в общих чертах…
— Благодарю вас, госпожа магесса, — кивнул ей Влатий. — А какова вероятность того, что его способности к нему вернутся?
— Ни-ка-кой! — бодро отчеканила в ответ Элеона. — Поскольку никто не может мне сказать, что такое магия и как она взаимодействует с человеком, — ни-ка-кой! Случаи потери способностей происходят достаточно редко и, как следствие, изучены слабо. История показывает, что, лишившись магии, ее не вернуть. Да что там далеко ходить за примерами? Когда отступников лишают силы на Камне слез, никто ведь снова магом не становится.
При этих словах целительницы глава совета слегка поморщился.
— Хотя, — продолжила магесса, — существуют легенды, что кто-то когда-то вновь обрел магию. Но все это, повторяю, на уровне легенд. Документальных подтверждений я не имею. Может, где-то и у кого-то они есть, но у меня их нет. Поэтому…
Магесса, пожав плечами, картинно развела руками.
— Короче говоря, — подытожил архимаг, — прогноз неопределенный, но юноша здоров и может присягнуть клятвой крови на верность императору и империи…
— А этого я не говорила, — ответила Элеона. — Совершенно не представляю, что с ним произойдет в момент принесения клятвы. Это же магический ритуал! Как он на него подействует? Он может легко убить Аальста.
— Но вы же сказали, что он здоров?
— Тело — да. А все, относящееся к тонкой материи, — не знаю. У меня есть подозрение, что мальчик чудом выжил, пока его везли в столицу. Если опять рубануть по едва зарубцевавшейся ране, вполне вероятно, что второй раз он не вытянет. Надеюсь, я понятно говорю?
— Да, — кивнул архимаг, — вполне. То есть любые магические воздействия на него сейчас нежелательны?
— Лично я бы не стала рисковать. Это все, что я вам могу сказать.
— Хорошо. Благодарю вас, магесса.
Элеона склонила голову, прижав подбородок к груди. Архимаг задумался на несколько секунд.
— А пригласите сюда господина Эриадора, — внезапно сказал он, обращаясь к двум молодым магам, стоящим возле дверей в зал.

Эри.

Сижу. Никого не трогаю. Примус, правда, не починяю, а разглядываю большую двухстворчатую дверь, ведущую в зал, где в данный момент заседает Верховный совет магов. Думают, что со мной делать. А что со мной делать? Кормить, любить, холить и лелеять… И гладить по шерстке… А больше ничего со мной делать не надо. И так я пострадамши и ободрамшись… Сходил, называется, на войнушку! Фургон про… шляпил! Очнулся в какой-то трясучей телеге на жалком пучке сена.
— А где? — не понимая, интересуюсь я судьбой своего передвижного дома.
— Он разбился, — печально отвечает, склонившись надо мной, Стефи.
— Как разбился?
«Самолет, что ли?» — думаю про себя.
— Мертвые лошади понесли вниз по склону. А внизу большой камень. А они так разогнались. И налетели… Там только доски остались… Раненые, которые были в фургоне, разбились…

— А ты как? — поинтересовался я. — Ты ведь в фургоне была?
— Мне стало лучше, и я вышла наружу. Раненым нужны были места…
«Да, — подумал я, когда услышал эту скорбную весть, — вот уж не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Старался, чтобы крепче сделали. Достарался! Будь конструкция похлипче, глядишь, там колесо бы отвалилось, или ось бы на скорости развалилась… перевернулся бы, да и все дела. Починил бы… а тут…»
Перед внутренним взором картина стремительно несущегося под гору черного фургона, мельтешащего спицами огромных колес… Приближающийся серый здоровенный камень с острыми краями… Первыми в него грудью врезаются мертвые, механически переставляющие ноги лошади, сзади на них неотвратимо надвигается громада фургона. Удар! Треск! Грохот! Разлетающиеся во все стороны доски, колеса, вещи, куски тел лошадей и людей… Кровища во все стороны!
«Пожалуй, чинить там нечего, — представив себе момент гибели моего детища, подумал я. — Проще новый сделать». Где только денег взять? И колечки ведь не продашь. Все кристаллы, которые я получил у местного демона, остались в фургоне. Большой — как амулет облегчения веса, два поменьше — бытовые амулеты сбора и нагрева воды. Вот кто-то поживится, когда найдет… Ладно хоть, гитара и чаки у меня в пространственном мешке были. Тоже ведь кто-нибудь нашел бы. Но с хранилищем нюанс. Магия у меня пропала! Нету — и все! Ничего не могу сделать! Ни в мешок залезть, ни элементарно щит поставить. По нулям!
«Прэ-элестно, просто прэ-элестно», — прокомментировал я себе, сделав это открытие. Значит, вернулся к тому, с чего начал. Голая черепашка без панциря, в чужом, враждебном мире. Только вот со здоровьем у меня при старте было получше. Не то что при нынешнем камбэке.
Я банально выключался, как барахлящий Терминатор. «Пи-иу-у…» — и мир вокруг меня стягивается в одну точку. Прихожу в себя и обнаруживаю, что лежу то в своей комнате, то в университетской больничке… Куда ближе, туда и оттаскивают. Просто феерия… За ворота не выйти. Очнешься потом голенький в канаве, вот смеху-то будет! Алистера точно посмеется. Она тут, воспользовавшись моим недомоганием, попробовала было зубки на мне поточить, красотка злопамятная. Так, ерунда. Небольшой наезд, вызванный желанием самоутвердиться и припомнить былое. Я это так квалифицировал. Но Стефания оценила его по-другому.
— А ну убирайтесь отсюда!
Пока я прикидывал, какой завуалированной колкостью ответить на эскападу красавицы в красном, Стефи выскочила вперед, загораживая меня собой. Прижав подбородок к груди, она смотрела на Алистку и ее компанию из-под бровей, агрессивно набычившись. Та попыталась было перевести разговор в плоскость «а ты ва-а-аще кто такая?» с этаким вселенским презрением, но тут у Стефи заструились на невидимом ветру волосы и почему-то стало как-то неуютно.
— Стефи, стой! — заорал я, вспомнив, где я уже это видел. — Успокойся!
Теперь я выскочил вперед, загородив Стефанию спиной и расставив руки в стороны.
— Исчезли отсюда! — рявкнул я на застывшую передо мной компанию. — Если жить хотите! Не злите повелительницу Тьмы!
Те, на удивление, спорить не стали и смылись быстро-быстро. Словно вампиры, увидевшие восход солнца. Озадаченный такой сговорчивостью, я обернулся. Ба-а! У Стефи абсолютно черные глаза! Ни зрачка, ни белка. Все залито Тьмой.
Ясно теперь, почему они были так шустры. А не последовать ли мне за ними? Это вообще Стефи или… кто?
«Алле! Ты дома?» — мысленно обратился я к ней.
«В смысле?»
«Ага! Живые есть. Ладно… Что у тебя с глазами?»
«А что у меня с глазами?»
«Так. Понятно… Проехали. Ты чего так разволновалась?»
— А что они… себе позволяют?! Пользоваться тем, что человек болен и не имеет сил постоять за себя! Это подло, гадко, мерзко! Так благородные люди поступать не должны! Пусть только еще попробуют! Я не дам им оскорблять моего друга!
Тьма в глазах Стефи стала светлеть, кончики развевающихся волос опустились вниз, и солнечный свет стал поярче.
— Гм… спасибо, конечно, но ты их только что чуть-чуть не убила…
— Я?
— Угу. Ты, пожалуйста, не волнуйся. Обойдемся без жертв. А университет оставим целым.
Вопросительный взгляд в ответ.

Стефания была, как говорится, вся на нервах. Конечно, а что тут удивительного? Засунуть девочку в гущу сражения, где она за полчаса увидит смертей столько, сколько домашней девочке не увидеть и за тысячу лет, и при этом рассчитывать, что психика у нее никак не изменится, — это верх оптимизма. А точнее — кретинизма. Плюс еще — сама там убивала. Тогда, во время покушения на площади она еще не знала, чем ее заклинание закончится, а здесь — осознанное решение. Потом я всю дорогу пытался дать дуба… Очень боялась, что я у нее на руках умру. Вернулись в столицу — тут тоже напряг. Как я понял, Стефи все же втайне надеялась, что ее ждет письмо от принца. Облом-с… Динию не до провинциальной баронессы.

А меня светила местной медицины записали в инвалиды магического труда. Даже Аканта посетила. Ой, что было! К встрече целительницы готовились… ну не знаю, с чем сравнить… Наверное, как к встрече императора. Бегали, суетились, драили, прихорашивались. Целители так вообще чуть ли не в мыле были. Только что пар со спин не валил. Энтузиазма было столько, что его количество стало переходить в качество. В идиотизм. Пиком, пожалуй, стало явление второкурсниц с охапками цветов с целью украсить ими мою комнату и кровать. Они что, думают, что я знаменитую врачевательницу у себя принимать буду? Чаем с плюшками поить? Ага, щас! Меньше чем на главный бальный зал университета я не согласен! Я на ложе под балдахином, по центру, в окружении плотного кольца студентов и преподов. Пусть все видят! Да! И не забудьте заказать оркестр!

— Это, конечно, все очень мило, — сказал я тогда этим цветочницам, стоя на пороге своей комнаты и упершись ногой в косяк, дабы не ворвались, — только я предпочитаю живые цветы. Но, к сожалению, кровать у меня недостаточно большая, чтобы разом вместить весь дивный розарий, возникший у моих дверей. Мой недочет. Приходите позже, когда я ее сменю хотя бы на двуспальную!

И дверь захлопнул, оставив их озадаченно думать — чего это я им такое сказал?

Великая целительница оказалась невысокой, чуть полноватой, жизнерадостной теткой. Отличная кожа, блестящие волосы, белые ровные зубы. Яркие, живые глаза. Словно ей двадцать лет. И характер такой же — с удовольствием похихикает. Магесса Элеона, сопровождавшая ее, выглядела как чопорная английская старуха. Смотрели все на Аканту как на богиню. Стефи, которой я организовал контрамарку на присутствие рядом со мной, так вообще чуть ли не молитвенно руки на груди складывала. Ну, посмотрела Аканта меня, посмотрела, пальчиком туда-сюда потыкала… Констатировала — да, было, было! Правда… Но все куда-то делось… Куда — не ясно. Однако это и до нее известно было. Порекомендовала больше бывать на воздухе, больше двигаться и хорошо кушать. Очень милая тетка.

Как только целители ослабили свою хватку и дали добро на общение — косяком пошли дознаватели. Расспросы, допросы, подозрения, слухи и сплетни по всему университету… В общем, как и предполагал, мне сшили дело по некромантии. Я, собственно, не удивился. Все было понятно с самого начала. Славно я там оторвался. Правда, концовку не помню толком. Но вот четвертый пехотный… Жаль. На зубах, можно сказать, ползли, почти вылезли, почти выжили… И тут я всех внезапно замесил в одну кучу! Нехорошо получилось. Но что поделать? Жизнь есть жизнь… Не в себе был…

За решетку меня не посадили. Ограничили передвижение стенами университета да приставили охрану присматривать. Ну а в принципе-то? Зачем меня в тюрьму? Зарядка сломана, батарейки разряжены — отжечь ничего не получится. С головой плохо — на ровном месте падаю. Угрозы окружающим никакой. Поэтому два охранника вполне достаточно для моей персоны. Тем более что бежать в моем состоянии — себе дороже. В общем, так я два с лишним месяца в обнимку с целителями и дознавателями и провел. Можно готовиться к написанию сочинения о бездарно проведенном лете, ибо июль почти закончился… Все планы прахом…

Звук открывшейся двери прервал мои мысли. В комнату, где я коротал время на небольшом мягком диванчике с синей парчовой обивкой, вошел молодой маг в красной мании.

— Господин Эриадор, прошу вас проследовать в зал совета, — сказал он и показал рукой в сторону открытой двери. — Вас приглашают.

«Ну, приглашают так приглашают», — подумал я, поднимаясь с дивана.

— Благодарю, — кивнул я магу и, подойдя к высокому зеркалу в стене, одернул камзол. Одежду я выбрал не «за», а «вопреки». Правильнее было прийти в зеленом, создавая образ белого и пушистого, но я был весь в черном. Костюм темного мага для официальных мероприятий: черный, блестящий серебряными нитками камзол с высоким воротником-стойкой, штаны такие же черные с серебряной ниткой. Полусапожки из мягкой кожи, ножны на левом боку цвета тьмы и темно-синий пояс с большой серебряной пряжкой. Единственное «светлое исключение» — шейный платок ослепительного белого шелка,

заколотый заколкой с большим прозрачным камнем. Строго, стильно. На груди — знаки доблести: награда «За заслуги перед империей первой степени», значок «Почетный студент ИМУ», значки темного и целительского факультетов. Не богато, но и не сирота.
Ровным, неспешным шагом вошел в зал. Несколько десятков пар глаз внимательно и оценивающе смотрели на меня. Я тоже пробежал взглядом по составу совета.
М-да… Молодым совет, пожалуй, не назовешь… Сколько благородной седины…
— Эриадор Аальст? — поинтересовался глава совета явно для проформы. Я уже имел с ним три пространных разговора. В университете.
— Имею честь быть им, — ответил я, делая уважительный полупоклон, адресованный всему совету.
— Господин Аальст! Верховный совет магов практически в полном составе собрался здесь, чтобы обсудить степень вашей вины и определить вам наказание за нарушение законов гильдии… Вам есть что сказать по этому поводу?
— Конечно! — ни секунды не раздумывая, громким голосом ответил я. — Пользуясь моментом, в присутствии членов Верховного совета, я заявляю — я невиновен по всем пунктам!
Послышались удивленные возгласы и звуки, которые издают вытянутыми губами, типа «пфую-у-у… (ну нахал!)».
— Пункт в обвинении у вас только один… некромантия… — И хмурый взгляд на меня. — Прошу вас уменьшить выражение эмоций… Давайте конкретно и по делу. Итак, у вас есть что сказать в свою защиту?
— Есть, ваша светлость! Я невинная жертва чудовищного стечения обстоятельств, оказавшаяся в скверное время в скверном месте. Только это и ничто другое вынудило меня нарушить высокочтимые законы гильдии…
Я сделал паузу, давая информации впитаться в мозг слушателей и смотря на их реакцию. Глава молчал, не торопя меня. В зале на несколько секунд стало тихо.
— И что же это были за обстоятельства, заставившие вас преступить закон? — нарушил тишину один из магов совета, видимо расценив ее как позволение задавать мне вопросы.
— Отряд вражеской конницы. Очень быстрый отряд с очень острыми пиками. Когда я увидел, что он несется на нас, а у меня в руках нет даже подушки, чтобы в них кинуть, я швырнул в них первое, что пришло в голову. И это оказался совсем не свод законов поведения мага…
Над столом возникло оживление, сопровождаемое чуть слышными смешками и улыбками.
— Очень жить хотелось, — максимально честно сказал я, улыбнувшись, как я надеялся, искренней улыбкой. — И мне, и шести девушкам-дворянкам за моей спиной. Раздумывать было некогда. Ну и вот… что вышло, то вышло…
Я сокрушенно развел руками. По залу пробежал одобрительный шепоток.
— Вы сейчас говорите о другом, — раздался голос с другой стороны стола. — Против конницы вы использовали одно из темных заклинаний, а не некромантию. Мы хотим услышать, что именно вас сподвигло на поднятие мертвецов. Тогда, судя по показаниям свидетелей, конница на вас не нападала!
— Ах, вы об этом случае… — Я скорбно наморщил нос. — Прошу простить меня, высокоуважаемый совет, но вот как раз об интересующих вас событиях я сам узнал, как говорится, из третьих рук. После атаки конницы я потерял сознание и, говорят, упал с крыши фургона на землю. Вроде бы я несколько раз потом приходил в себя… Однако что именно делал я в эти моменты… и почему… рассказать я вам не могу. Просто не помню! Единственное, что всплывает в памяти, что кто-то сильно шумел… А так… Больше ничего…
Я опять развел руками и для комплекта пожал плечами.
— Откуда вам известны примененные вами заклинания?
— Меня научил им мой отец… (Все на него спишу!)
— У вас разрешена некромантия?
— Вы знаете, у нас вообще очень мало магов. Кроме членов нашей семьи, я больше никого не знаю. Только сейчас, попав к вам и увидев разом столько людей, владеющих магией, я понял, что гильдии магов у нас нет. Наверное, потому, что магов просто мало. И никто не следит, кто из них что делает…
Над столом совета возник гул голосов. Совет обсуждал услышанное.
— М-да… ну хорошо…
Конечно, хорошо!
— Однако вы вполне могли использовать другое заклинание…
— Если бы я знал какое-нибудь другое массовое заклинание, то да! — честными глазами глядя на спросившего, ответил я. — Если бы меня научили чему-нибудь перед тем, как отправить на войну, то конечно же — да! Вы можете поинтересоваться у присутствующего

здесь господина Мотэдиуса о том, из чего состоит арсенал заклинаний первокурсника. Он вам подтвердит, что боевых заклинаний в нем нет!
Мотэдиус под взглядами совета кивнул, подтверждая мои слова.
— Вполне возможно, что наше присутствие при подавлении мятежа было продиктовано весьма вескими причинами, о которых я не знаю, но то, что мы не пошли на смазку для мечей, это просто какое-то чудо… — непонимающе развел я руками и продолжил, озвучивая совету встречную претензию: — Вообще посылать на войну тех, кто только стал магами, очень странная практика. Конечно, я недавно в вашей стране и, вполне возможно, чего-то не понимаю или не знаю, но все равно мне кажется это очень и очень странным.
В зале вновь установилась тишина.
— Да! А собственно, почему их послали? — с удивлением спросил ветхий старичок-воздушник, нагибаясь к столу и выглядывая из-за своих соседей на главу совета. — Действительно странная идея. Зачем это было нужно — отправить первый курс на войну?
Все завозились, заскрипели стульями и стали поворачиваться к своему главнокомандующему, не спешившему отвечать. Похоже, всем это было непонятно и всех действительно интересовал вопрос: кто придумал эту дурь?
Однако архимаг отвечать на вопрос не спешил. Нахмурившись, он сидел за столом, сцепив пальцы. Пауза.
— На этот вопрос я отвечу позже, — наконец открыл он рот и тут же недовольно поджал губы.
В совете недовольно и недоуменно загудели. Что значит позже?
— Так! — перебивая их, громко произнес глава совета. — Закончим с этим. Скажите, Эриадор, как вы сами думаете, заслуживаете вы наказания или нет?
— Конечно же нет! За что меня наказывать? Послали на войну — поехал, как верный присяге дворянин. Приехал, стойко нес тяготы войны — мерз, голодал, сидел в грязи под стрелами, выполняя долг. Пришлось вступить в бой — сражался в меру сил и способностей. Ну напуделял… Так это от недостатка опыта, и ранен в голову был! Но с поля боя не бежал. Сражался до последнего, сколько мог. Говорят, даже очень неплохо сражался. Да и потом, как меня наказать? Самое страшное для мага — потерю способностей — я получил, сражаясь за императора. Теперь вот инвалид. Чем меня еще можно наказать? Только голову отрубить или за решетку посадить. Ну не знаю… кому и чем это поможет…
В зале установилась продолжительная тишина. Архимаг сидел, скривившись, члены совета хмурились, обдумывая услышанное.
«Если бы ректор сейчас вскочил и закричал, вытянув руку вперед: „Свободу Эриадору Аальсту!“, его бы поддержали», — усмехнулся я про себя, представив эту картину.
— Хорошо, — наконец сказал глава совета. — Я думаю, что у совета вопросов к вам больше нет. Вы можете идти. Есть ли у вас какие-нибудь просьбы, жалобы?
— Жалоб нет, есть просьба.
— Я вас слушаю.
— Очень хочется узнать, кому я обязан столь крутым поворотом в своей судьбе, лишившим меня способностей. Скажите, кто отправил меня на войну?
Гробовая тишина в зале. Влатий пристально смотрит мне в глаза.
— Что ж, вы имеете на это полное право, — наконец произнес он. — Приказ о направлении первого курса целителей вместе с экспедиционным корпусом подписан императором…

Некоторое время спустя в том же зале.

— Я считаю, что император, принимая решение за Верховный совет магов империи, нарушил договоренности… Это ломает сложившийся порядок вещей, что при попустительстве в дальнейшем может привести к большим проблемам. Одно только то, что ректор университета без раздумий выполняет указания императора, не получив на это одобрение совета, является иллюстрацией этих возможных проблем…
— Я еще раз повторяю, что на документе была подпись вашего секретаря! — зло сказал Мотэдиус, стукнув костяшками пальцев, сжатых в кулак, по столу.
— А я вас еще раз спрашиваю: что, секретарь тут всем руководит? — не менее зло ответил ему Влатий, сощурив глаза. — Или, может, все же избранный глава совета? Вы допустили преступную глупость, выпустив такие таланты из рук и отправив их на какую-то мелкую войну. Это ваша вина! Да! Ваша вина! И вина всех окружающих, кто не пожелал хоть на минуту задуматься, чем это может закончиться!

— Я выясняю происхождение этой подписи и как это прошло мимо меня, — после небольшой, но напряженной паузы произнес Влатий, уводя разговор в сторону. — И пока получается, что, похоже, кто-то на себя слишком много берет либо считает себя чересчур умным!
Настороженная тишина в зале.
— Хорошо, давайте заканчивать, — выдохнув, сказал глава совета. — Лично мое предложение в отношении Аальста — делать вид, что ничего не произошло, что, впрочем, так и есть. Парень действительно оказался в ненужное время в ненужном месте. Однако повел себя достойно, и я не вижу ничего, что можно было бы поставить ему в вину…
— А некромантия? Белый орден будет возмущен, если Аальста оправдают… — произнес кто-то сбоку.
— Меня меньше всего волнует мнение ордена по данному вопросу! — резко обернувшись к говорящему, яростно прошипел Влатий. — Пусть они хоть все на дерьмо изойдут, но мы будем принимать решения, нужные нам, а не им! Всем ясно?
Совет одобрительно закивал головами, поддерживая своего предводителя: да, да! Так, мол, их!
— И вообще, мне последнее время кажется, что наша гильдия пребывает в каком-то излишне благодушном настроении. Хотя особых поводов к этому я не вижу! Одно только то, что отправленные с маршалом Шайву запросили помощи, не сумев ничего сделать против магов мятежников, заставляет задуматься: а так ли все хорошо у нас, чтобы предаваться благостным настроениям. А? Я вас спрашиваю, уважаемый совет?!
Ответом послужило молчание.
— Значит так, — тяжело сказал Влатий, — никакой вины Аальста нет. Тут больше нашей вины. Не сумели организовать, не сумели защитить… защитить, по сути, детей! Хоть они и считаются взрослыми, но пока они еще в душе сущие дети… Вот вам результат! Аальст потерял способности! А ведь это первый радужный за Хель знает сколько лет! И мы его так бездарно «сожгли» в банальном мятеже, участвуя в чьих-то интригах… И что, мы сильнее в результате стали? Или, может, мудрее? А? Что мы приобрели с того, что послали нашу молодежь на бойню?
Совет угрюмо молчал.
— Постановляю: все, кто там был, достойны награды! И награждены они будут вне зависимости от того, кто и что думает по этому поводу! Что касается Аальста… награды он достоин не меньше, а даже больше остальных… Но! Наша гильдия является опорой и основой империи. И на нас лежит гораздо большая, чем на ком-либо другом, ответственность за ее покой, да, впрочем, и за само ее существование… Появление магов, владеющих заклинанием порталов, наводит меня на мысль, что в ближайшее время у нас будут проблемы. Да, мы можем пойти наперекор всем и объявить Эриадора героем. И это будет справедливо! Однако, судя по всему, сейчас совсем не тот момент, когда стоит начинать выяснение отношений. Способность перебросить через порталы войска в любое место выглядит совсем не шуткой, а удар, под который попал корпус Шайву, выглядит как проба сил. Считаю, что перед лицом возможной войны империи требуется единство. Нам нужно сосредоточиться на проблеме порталов, а не на конфронтации с орденом и императором… Но и прогибаться нам тоже не стоит. Поэтому: делаем вид, что ничего не произошло. Аальста не награждаем, но и не наказываем. Он по-прежнему член гильдии, и по ее законам ему, как инвалиду, назначается пенсия. На все вопросы о произошедшем отвечаем молчанием или фразой, что это наше внутреннее дело. Если, к сожалению, я окажусь прав, то в ближайшее время всем станет не до Аальста… А с императором я поговорю…

Интриган.

— Эх! Сорвался! А ведь еще бы чуть-чуть — и его бы выперли из гильдии! — Марсус разочарованно махнул перед собой здоровенной рукой, заканчивающейся не менее здоровенным кулаком.
— Что тебя так взволновало?
Прехорошенькая стройная девочка лет четырнадцати, с ослепительным водопадом ярко-золотых волос за спиной, перевела взгляд на бога войны.
— Да, я тут такую комбинацию рассчитал! Узнал, что он будет на войне, организовал переброску подмоги осажденным. Порталы открыл. Мира! Он у меня чуть не сдох! Честное слово, вот чуть-чуть! Сначала его два раза чуть не убили, потом он едва не умер в дороге.

Смотрю — вот оно! Все! Помер наш демон! Нету больше его! Но нет… Опять встает! Все выкручивается, выверчивается, все выскальзывает, словно обмылок… Тьфу! Ну, хоть из гильдии выгонят, думаю, варги тогда его враз подберут и к себе утащат — до смерти затрахают. Нет! И тут сорвалось! Что ж это такое творится?
Бог войны недоуменно-обиженно расставил в стороны лопаты ладоней.
— Марсус! Выбирай выражения! Мне, как богине любви, режет слух твое солдафонское определение великого таинства…
— Ха! Таинство! Ты не видела, как врываются в осажденные города? Там такое тогда таинство на улицах начинается!
— Все. Я обиделась. Девочке моего возраста не подобает слышать подобное!
— Гы-гы! Девочка!
— А по поводу избранного… — Уходящая богиня оглянулась на Марсуса через плечо. — Мой тебе совет — не связывайся! И доживешь до конца света! Ты разве не понял? Его же пророчество защищает! Ты можешь делать что угодно, но, пока это не мешает его осуществлению, ничего тебе не будет. А вот если подойдешь поближе, чем разрешено… Тогда я твоего пошлого юмора больше никогда не услышу… Понятно?
— Да ладно! Я его почти дожал!
— Вполне возможно, что то, что ты сделал, нужно было для того, чтобы неизбежное свершилось… Ты фантазер, — хмыкнула, исчезая, Мирана.

Письма по городу мчатся…

Император Альвеар Хайме стоял у большого окна и, глядя в него, с удовольствием постукивал по левой ладони вскрытым конвертом. Письмо было долгожданным. Уже тридцать с лишним лет имперская канцелярия с упорством идиота, пробивающего собственной головой стену, ежемесячно отправляла письма в Вечный лес. Писала, предлагая эльфам дружбу, деньги, товары, войска — короче, любовь до гроба, или, как говорят на Земле, взаимовыгодное сотрудничество. От эльфов империя в лице императора желала получить только одно — знания. Или эльфийских целителей, владеющих светлой магией жизни (так называлось это умение в фолиантах, оставшихся после древних). Не то чтобы Хайме так уж боялся смерти, но с каждым прожитым годом умереть хотелось все меньше и меньше.
«Привычка к жизни, — иронично усмехнулся краем рта император, — эта странная привычка к жизни… Мне уже скоро сто лет… Сто лет! Вроде только вчера было двадцать пять, и вот — сто лет! Просто ум за разум заходит…»
Естественно, как у императора у Хайме были самые лучшие целители в империи. И проблем пригласить целителей из других стран, понятное дело, тоже не было. Проблемы были в возрасте. Да, можно было омолодить тело, вернув десять-пятнадцать лет. Да, можно было сделать это раз, и два, и три, и четыре… Но ничто не может повторяться вечно. Если тебе уже почти сто лет, то вернуться можно только в восемьдесят. А если сто двадцать?
«Ах, ваше императорское величество, вы прекрасно выглядите для своих ста лет!» — тоненьким голоском передразнил молоденькую красавицу, одну из многих, постоянно появляющихся на балах.
Да, так и будет, сто лет… это… сто лет!
Проблема была еще в том, что ничто не проходит бесследно, как говорила Аканта. Расплатой за магическое вмешательство было то, что в какой-то момент тело переставало на него реагировать и начинало стремительно стареть, за два-три года проходя путь тех двух-трех десятилетий, которые отведены обычному человеку на старость. Причем этот момент был сугубо индивидуален и зависел от конкретного человека. Никто из целителей не мог сказать, когда это произойдет. А начинался процесс старения после очередной попытки омоложения. Так что со временем сеансы омоложения уподоблялись броску игральных костей, а что на них выпадет — знали только боги.
«Сатия знает… — продолжая задумчиво постукивать конвертом по ладони, подумал император. — …Знает только богиня судьбы…»
Ну не умели имперские целители заставить тело забыть свой реальный возраст, который оно помнило, как его ни омолаживай! А вот эльфийские могли! И предсказать результат омоложения они тоже могли. Не нужно было каждый раз рисковать, опасаясь скоропостижной смерти. Поэтому так и настаивал император, требуя от своих министров и советников скорейшего установления дипломатических отношений. Эльфы же дальше небольшой торговли на границах своего леса не шли. Ни сами в империю не ездили, ни к

себе не пускали. Причем никого не пускали. Ни караваны купцов, ни одиноких путников. Никого. Доподлинно было неизвестно, кто их обидел или на что они обиделись, но такое положение вещей тянулось (если судить по летописям) чуть ли не с Великой войны. Но император был настойчив, имея в качестве подражания поток горной реки, точащей скалы. И вот, после тридцатилетнего игнорирования просьб и предложений, наконец это письмо. На хорошей глянцевой бумаге с красивыми завитушками, делавшими слова похожими на руны, сообщалось, что столицу империи намерена посетить делегация Вечного леса. С «рассмотрением возможности создания посольства Вечного леса в столице империи». Рассмотрением… Выходило, если читать между строк, — если им понравится.

«Что ж, примем со всем радушием. Постараемся, чтобы им понравилось. Очень постараемся. Жизнь — она того стоит! — подумал император, глядя в окно. — Сначала понравится, потом откроют посольство, а там и до целителей договоримся… Главное, чтобы это не затянулось, как у наших магов. Свяжешься — так быстрее умрешь, чем добьешься от них чего-нибудь. Конечно, куда им спешить! По четыреста лет живут! Маразматики старые».

Император скривился. Не далее как три дня назад он имел беседу с главой Верховного совета магов. Неприятную беседу. Влатий был хмур, официален, говорил сухим языком и всем своим видом демонстрировал обиду и недовольство. Что ж, он вполне имел на это право. Если подходить формально, император грубо нарушил границы сфер влияния, вторгнувшись туда, где, по устоявшимся традициям, распоряжаться он был не вправе. Да еще все так нехорошо вышло! Но кто ж знал, что так получится? По данным разведки, корпус Шайву почти в три раза превосходил численностью количество мятежников в замке. Предполагалась, что будет банальная, скучная осада, растянувшаяся на пару месяцев. Корпус «садился» на те дороги, по которым хоть как-то можно было проехать и соответственно послать подкрепление. Так что осажденные на помощь могли не рассчитывать. Насчет Терской и Аальста командованию был дан приказ, исключающий всякое двусмысленное толкование — беречь и охранять. Поэтому поездка для этих двоих должна была вылиться в скучное сидение в походном лагере с соответствующими бытовыми условиями. Никто и не собирался их гнать на стены. Тем более прекрасно помня важность и значимость темных магов для государства, Хайме самолично озаботился отправкой варг им в охрану, благо первый советник, Робэрто Штольц, высказал удачную идею это сделать. Кстати, Робэрто и организовал движение документов в магической канцелярии так, чтобы они прошли «рутинными бумагами». Не случись этой внезапной атаки на Шайву, Аальст с Терской вернулись бы после осады живые и невредимые и никто бы не стал поднимать по этому поводу шум. Но не судьба! Вышло как раз наоборот. Вместо тишины — крик на всю столицу. Влатий задумку с документами понял. В разговоре как бы между делом сказал, что сменил своих секретарей, мол, больше не рассчитывайте, черный ход заколочен! По кислому лицу присутствовавшего при этом Робэрто император понял, что тот уже представляет себе, как он выстраивает новую цепочку с самого начала… Хель бы побрала этих мятежников! Как они смогли научиться пользоваться порталами? Мало того что теперь следовало опасаться появления войск в любой точке империи, так они этой атакой еще грозили нанести урон репутации императорской семьи. По столице пока циркулировали слухи только о молодом маге, то ли некроманте, то ли маге огня, который то ли вызвал, то ли заплатил душой за вызов то ли мертвых, то ли демонов для того, чтобы спасти то ли боевых товарищей, то ли возлюбленную, сражавшуюся рядом… Слухи дробились, сливались, свивались, запутывались… Император не обольщался. Опыт десятков лет нахождения на вершине власти подсказывал, что рано или поздно, но правда все равно всплывет. Однако думать о том, что по империи пойдет гулять сплетня об отправленных на смерть неугодных фаворитов детей, императору совершенно не хотелось. Дело было даже не в дворянстве и духовенстве. Нет. Те переживут. Намотают на ус, что может случиться с неугодными, да и заткнутся. Им даже на пользу пойдет. Скромнее будут, имея подобный пример перед глазами. Тем более что Терская с Аальстом в общем-то – никто, к знатным родам касательства не имеют, и горло за них рвать не будут. Поболтают да заткнутся. Силу все уважают. Но вот как объяснить случившееся Сюзанне и Динию, Хайме не представлял. Если говорить всю правду, то, значит, нужно будет им рассказать о роли их матери в этой истории. Понятно, что они на нее обидятся. И на меня тоже. Она же сочтет виновником меня… И будет скандал за скандалом… Промолчать и взять все на себя? Тоже не хочется быть козлом отпущения.

«Конечно, в конце концов все успокоятся, но нервов это будет стоить, — покачал головой император, представляя, что ему предстоит вынести. — Да и моя репутация справедливого правителя подмокнет. Угораздило же этого Аальста потерять способности! Вернись он цел и невредим, проблем бы не было! И маги с орденом не орали бы. Одни жаждут сатисфакции, другие требуют выдать им некроманта. Боги, как они мне все надоели!

Каждый раз одно и то же! Может, бросить все да отдать трон старшему? Пусть правит… надо же когда-то начинать!»
Император наклонил голову и ткнулся лбом в стекло, невидяще смотря наружу.
«Нет, не выйдет, — вдохнул секундой спустя он, — не тот момент. Сначала мне нужно с мятежниками и их порталами разобраться. Потом с эльфами. А пока… пока будем дружить с магами. Как ни крути, а без них не обойтись. Без ордена можно, без них — нет. Да может, дети ничего и не узнают. Можно в качестве предупредительной меры пригласить Терскую с Аальстом во дворец. Чтобы пресечь возникновение сплетен. Наверное, так и следует сделать… Тем более что если Аальст потерял способности, то угрозы от него нет. И главное — эльфы! К началу сентября прибудет посольство. Нужно готовиться. Никто, кроме меня, этого сделать не сможет. Какой тут — на покой!»
Император глубоко вздохнул.

«What is it?» — спросил я себя, с недоумением разглядывая письмо — приглашение, в котором «…князь Эриадор Аальст имеет честь быть приглашенным во дворец на вечерний музыкальный чай». Странно…
Официальный бланк. Ничего рукой Сюзанны не приписано… «музыкальный» — это ее идея. Ее бренд. Посиделки с музицированием и распитием чая под пирожные. И она ничего мне не написала? Очень странно… И подпись какая-то незнакомая… Закорючка… Первый раз вижу… Хм… Что это может значить? То полное молчание, ни одного письма с того момента, как нас со Стефи перестали приглашать во дворец, а теперь вдруг — приглашение. Мм… Думай, Бассо, думай!
«А что тут думать? — раздался под черепом вальяжный внутренний голос. — Пошли ее — и все дела! Отличный шанс отвязаться от этой принцессски!»
«Думаешь?»
«Конечно! Лови момент! Только не буквально пошли, как дуру деревенскую, а изящно. Красиво. Как принцесс посылают».
«Это как?»
«Напиши что-нибудь про долг, самопожертвование, добавь скупую мужскую слезу, не забудь про чувства… можно даже признаться в любви… Письмо прощальное, так что не кривись. Да. Что еще туда можно кинуть? Сам как думаешь?»
«Мм… У ее папы должок есть…»
«Вот видишь! А письмецо-то вполне может удасться!»
«Это в том случае, если нас действительно услали как нежелательных потенциальных супругов…»
«А тебе не все равно? Зашвырни „дымовуху“ в дом. Пока ее будут перекидывать из комнаты в комнату, пытаясь избавиться, — жильцам будет не до тебя. Ты же слышал — император подписал тебя на войну! Напрямую отомстить ты ему сейчас не можешь, а вот устроить ему разборки с дочерью — вполне! Пусть занимаются…»
«Сработает, но только если с тех пор Сюзанна ко мне не охладела».
«Что-то ты какой-то вялый стал. Помнишь, что говорят игроки на бирже? „Ничего доподлинно неизвестно до тех пор, пока не откроешь позицию“. Открой. Посмотри. А поедешь чай пить — завязнешь. Так что есть шанс красиво свалить. Все равно тут делать больше нечего».
«Хм… Что-то есть в тебе… разумное…»
«Ну, спасибо. Только письмо правильно написать нужно… Можно еще картинку втиснуть… что-нибудь слезливое…»
«Хм…»
В задумчивости я дошагал до своей комнаты и, сев за стол, положил на него лист бумаги. Итак, черновик!

> «Дорогая Уважаемая Ваше Высочество!
> Несказанно рад счастлив получить Ваше от Вас приглашение…»

«Что ты за хрень такую пишешь, господи прости?» (Внутренний голос.)
«М-да… неудачненько началось…»
«Больше экспрессии, больше чувства!»
«М-да?»

> «Пишу тебе потому, что не могу больше молчать…»

«О! Уже неплохо».

«Из тысячи людей только твой образ запечатлен в моей памяти, только твои глаза и твоя улыбка делают мой мир ярче и светлее…»

«Добавь к слову „образ“ слово „светлый“…»

«Я помню каждую минуту, которые мы провели с тобой вместе, помню, как увидел тебя в первый раз. Тогда мое сердце замерло, сраженное твоей красотой…»

«Помнится, тогда ты еще принял на грудь два бокала винца…»

«Я чуть не умер от счастья, когда ты милостиво согласилась танцевать со мной…»

«Милостиво убери. Нефиг».

«Я был счастлив, когда ты была рядом, когда я слышал твой голос, твой смех, твой запах…»

«Не, не, не! Запах тут не к месту! Замени на прекрасные глаза!»

«С той минуты, как я тебя увидел, ты всегда со мной в моих мечтах. В них мы никогда не расстаемся, мы всегда вместе… Мы проводим самые сказочные и незабываемые минуты рядом друг с другом. Принцесса, я хочу дарить тебе всю нерастраченную любовь, накопившуюся в моем сердце! Я твой. С головой. И ты со мной…»

«Стоп! Твой, с головой, со мной… — выкидывай! Перебор! Откуда ты это передираешь?»
«Из Интернета. Открыл в памяти пару сайтов».
«Ха! Хард ходячий… Закругляйся. Переходи к грустному. Хватит розового».

«Однако жестокая судьба поставила между мной и тобой непреодолимую преграду. В страшном бою, сражаясь под флагами империи, я был ранен…»

«Может быть, заменить на „смертельно ранен и умирал с твоим именем на устах?“»

«…и потерял свои способности к магии. Моя жизнь разом изменилась».

«Суховато…»

«Если до этого у меня были какие-то планы на будущее и я мог претендовать на место рядом с тобой, то сейчас все иначе. Принцесса! Мне нечего предложить тебе. Я стал никем. Эриадор, которого ты знала, умер. Теперь это другой человек, калека, на руинах своей прежней жизни ищущий новый смысл бытия. У меня ничего не осталось из прошлого, и я не вижу своего будущего. Я не имею права находиться рядом с тобой, о светлая звезда!»

«Скупая мужская слеза. Неплохо. А теперь про злого папу!»

«Не знаю, так ли было необходимо твоему отцу посылать меня на это сражение, но можешь передать ему, что долг я свой выполнил, как и подобает дворянину. Надеюсь, что цена, которую я заплатил за эту победу, была не напрасной. Совсем не хочу думать, что причиной произошедшего было просто его желание разлучить нас с тобой…»

«Топорненько, но можно будет еще подшлифовать…»

«Прошу простить меня, но приглашение твое я не приму и не приеду. Мне невообразимо больно видеть ту, помыслы о которой занимают весь мой разум. Видеть и знать, что… никогда… Это выше моих сил! Прости меня, моя принцесса. Прости и прощай! В ближайшее время я покину столицу. Пойду в наемники зарабатывать на жизнь».

«А теперь клятва!»

«Я никогда не забуду тебя, Сюзанна. Твой прекрасный образ навсегда будет в моем сердце. Прощай!

Эриадор Аальст».

«Ну ничего так написал… подправить — и пойдет».

«Эри-и! Эрр-и-и-и!»
«Ну?»
«Он письмо мне прислал! Приглашение! Диний приглашает меня во дворец!»
«И?»
«Что мне делать, Эри?»
— Катастрофа за катастрофой, — пробурчал я себе под нос:
«Ладно, приходи!»

— Ты пригласил их во дворец? Аальста и Терскую?
Императрица, сведя брови к переносице, недовольно смотрела на мужа.
— Да.
— Могу узнать причину твоего решения?
— Дорогая, не злись. Причин несколько. Первое — хочу предупредить развитие сплетен о том, что императорская семья изощренным способом убивает неугодных фаворитов своих детей. Нам же не нужна такая слава, не так ли? В общем, конечно, переживем и такое, но мне бы не хотелось, чтобы подобное обсуждалось у меня в империи, а уж тем более за границей. Во-вторых, хочу, чтобы дети на меня не обиделись, если вдруг всплывет истинная причина отправки этих двоих на войну. Аальсту этот поход дорого обошелся. Он потерял способности. Вполне могу представить реакцию Сюзанны, если кто нашепчет ей на ушко, что это из-за меня…
В-третьих, мы с тобой договорились, что посмотрим, как оно будет, если их разлучить. Мне кажется, время пришло. Скоро полгода, как они перестали видеться. Пора посмотреть, что вышло из этой затеи. И в-четвертых…
— Ты хочешь, чтобы они опять встречались? — резко перебила его жена.
— Мы договорились, — император, не мигая, смотрел на жену, — дать им время. Срок вышел. Договоренности нужно соблюдать.
— А в-четвертых? — скривилась королева.
— Мне вдруг пришла в голову одна забавная мысль… Эта Терская… Судя по докладам — очень сильна. Первый курс только закончила, а уже такие результаты! А что будет, когда она выучится? Не зря же Хель ей цветок презентовала! Такой силы маг в семье… не так уж плохо… опять же, дар может детям передаться… да и связи с магами станут крепче… Войдет в их совет… Помогу… Вот тебе и ответ на твой вопрос: «А случись что, кто Динию на помощь придет?»
Император, закончив рассуждать, глядя в угол кабинета, повернулся к жене.
— Что-о? Ты хочешь, чтобы темная вошла в нашу семью?! — Императрица наконец смогла набрать воздух и выдохнуть, поборов охватившее ее возмущение. Эта… Которая жила вместе с Аальстом в одном фургоне? Эта проститутка?! Ты разве не читал отчеты?
— М-да… — побарабанил пальцами по столу император. — Это она как-то зря сделала… хотя, вспоминая, как она смотрела на сына, мне кажется, что вряд ли она что-то Аальсту позволяла… Ну если только из желания отомстить. Тогда она просто дура и, значит, тем более нам нужна определенность в ситуации. Пусть встретятся и поговорят…
— Тогда я им все расскажу! Я все им расскажу! — вскочила сидевшая в кресле императрица.
— Ничего не имею против, — ответил Хайме. — Чем скорее все переругаются, тем лучше… — спустя несколько секунд пробормотал он себе под нос, оставшись один. — Быстрее все закончится. Хватит тянуть! Скандал так скандал. Переживу… Мне нужно делами империи заниматься, а не семейные дрязги разбирать…
«Может, на охоту уехать? — еще несколькими мгновениями позже пришла ему в голову заманчивая мысль. — Все одно не поработаешь… В лесу тихо… А ведь эльфы должны любить охоту! Или нет? Нужно подумать об этом… Но уж на лес-то они точно с удовольствием посмотрят! Отдохну, да и заодно посмотрю, что там у егерей? Есть что гостям показать или нет? Да! Нужно будет еще магистра Белого ордена пригласить на беседу. Как бы чего они не выкинули. Эльфы ведь не люди… Сплошные заботы!»

— Все же едешь? — спросил я Стефи, стоя рядом с ней у кареты, заложив руки за спину. Она хмуро кивнула. Стефания собиралась во дворец. Решила расставить точки над «i». Ну решила, так решила. Заодно будет, кому ответ Сюзанне отвезти.
— Смотри, — предупредил я тогда, когда она пыталась узнать мое мнение, как ей быть, — это может быть больно. Лучше напиши, что не можешь. Занята. Голову мыть будешь!

— Голову? — свела брови к переносице Стефи, пытаясь понять услышанное. — Что за ерунда?
— Вот именно ерунда! Зато прекрасно даст ему понять, насколько ты ценишь его приглашение. И что для тебя в жизни важнее.
— Так нельзя! Он же принц… Это неуважение к императорской семье.
— Ну если ты считаешь, что использование тебя в качестве комнатной собачки, которую можно пнуть под диван, если надоела, а потом свистнуть, когда захочется поиграться, это нормально — то нет вопросов! — индифферентно пожал плечами я. — А что ты мне тогда плела в походе?
Стефания долго молчала, опустив вниз голову. Наконец она произнесла:
— Я хочу видеть его глаза. Я сразу все пойму, когда в них посмотрю…
Ну-ну, мазохистка… Письмо тебе в руки! В общем, она решила ехать.
— Что ж… Удачно повеселиться, — напутствовал я, подавая руку и помогая ей взобраться в карету.

Испорченный вечер.

Небольшой полукруглый зал. Узкие окна с гардинами розового цвета. Сквозь них смотрят синие сумерки. Большой черный рояль, на котором лежат три гитары. Их грифы украшены пышными разноцветными бантами. По всему залу расставлены небольшие диванчики и банкетки с яркой обивкой. Красной, синей, зеленой. Светлые деревянные стеллажи делят пространство зала на множество уютных уголков, каждый из которых выдержан в одной цветовой гамме. У стен приткнулись два столика под белыми скатертями с легкой закуской: сыр, буженина, рыбка, свежий хлеб. Вазы с фруктами. Бутылочки со сладким ликером и прозрачного стекла кувшины с холодным фруктовым морсом. Еще один стол, сладкий, стоит уже не у стены, а по центру. На низких стеклянных блюдах несколько видов пирожных, сахарные тянучки и ириски. В зале уже есть человек пять приглашенных гостей, которые, стоя в некотором отдалении, смотрят, как хозяйка на входе принимает еще одну гостью.
— Добрый вечер, баронесса.
— Добрый вечер, ваше высочество… Добрый вечер, ваше высочество принц…
Стефания повернулась и сделала поклон вышедшему сбоку, из-за стеллажа, принцу, по всем правилам этикета приветствуя высоких особ. Особы в свою очередь ответили скупыми кивками и уставились на нее, разглядывая. Во взглядах их была холодность и неприязнь.
— Прошу простить, ваше высочество, но Эриадор Аальст не смог ответить на ваше приглашение… Он просил передать вам письмо с его извинениями…
Озарившая было лицо Стефании радость потускнела, когда девушка увидела выражение, с которым Диний смотрел на нее. Нахмурившись, она протянула принцессе маленький узкий конверт. Молча приняв его, принцесса чуть кивнула и продолжила хмуро разглядывать баронессу, не спеша вскрывать послание. Стефи была в блестящих черных сапогах до колена на высоких тонких каблуках. Сверху — не застегнутая штуковина, классифицируемая Эри как «пинджак длинный, женский, до бедер», под ним — белая шелковая блузка с салатовым шейным платком, заколотым серебряной брошью с фиолетовым камнем. Черного легкого шелка широкие короткие штанишки, чуть заправленные в сапоги. Черный пояс с большой круглой пряжкой, по которой разбежалась россыпь мелких прозрачных камней, и висящий на нем, на толстой серебряной цепочке, небольшой кинжал. Тоже в ножнах черного цвета с серебряными кольцами по ним. Рукоять кинжала тоже из серебра. Плюс — строгая прическа, помада на губах и тушь на ресницах. На лацканах пиджака — значки темного и целительского факультета и орден. Стефания была в образе воительницы. А именно «боевая магесса в строгом костюме». Отцом образа был Эри, маявшийся бездельем в промежутках между состояниями беспамятства. Стефания, получившая из имперской канцелярии деньги, положенные ей за орден, оплатила материал и работу портного. Она, конечно, понимала, что приглашена во дворец не на официальное мероприятие, а на домашние посиделки, но другого наряда, достойного того, чтобы появиться на глаза принцу, у нее не нашлось. Она заказала себе два новых платья, но ни в какое сравнение с «концепцией» Эри они не шли. Нет, они, разумеется, очень миленькие и ей весьма идут, но сейчас это было не то. Для выяснения отношений костюм с элементами мужской одежды и военными атрибутами подходил лучше. Стефания чувствовала себя в нем гораздо уверенней. Да и смотрелась она в нем… Как сказал Эри, «отпад обалденный». Когда она шла до кареты, студенты, случайно попавшиеся навстречу,

стали ярким подтверждением его слов. Да и сейчас приглашенные гости, заметив Стефанию, прекратили разговоры и, выстроившись в шеренгу, молча разглядывали ее наряд.
— Баронесса, вы прямо как с поля сражения… — наконец произнесла Сюзанна, пару раз обежав ее глазами сверху донизу. — Но мы сегодня собрались всего лишь выпить чаю…
— Благодарю вас, — склонила голову Стефи, — прошу великодушно простить меня, но я хотела бы просто поговорить с его высочеством принцем… если, конечно… он не против…
Стефания перевела взгляд на принца и внимательно посмотрела ему в глаза.
— Да? Вы отказываетесь от моего чая? Как неожиданно… А что же господин Аальст? Ему тоже не нравится чай?
В голосе принцессы была издевка.
— Господин Аальст ранен в сражении, и его состояние сейчас таково… — вздохнув при этих словах, сказала Стефания, — что он не может… отдать дань уважения вашему гостеприимству.
— Вот как? — нахмурилась принцесса. — Я не знала… А что с ним? Как тяжела его рана?
— Ваше высочество, я думаю, что он все объяснил вам в своем письме…
Принцесса перевела взгляд со Стефании на конверт, который держала в руке. Быстро посмотрев на гостей, она вновь вернулась к конверту. Разорвав его с краю, вынула сложенный листок и, развернув, принялась читать. По мере чтения хмурое выражение ее лица изменилось на удивленное, само лицо вытянулось, а глаза распахнулись.
— Это… правда? — растерянно спросила принцесса, обращаясь к Стефании.
— Что… правда, ваше высочество?
— Он действительно потерял свои способности?
— Да.
Присутствующие гости зашептались. Сюзанна на несколько секунд задумалась, чуть прикусив зубками нижнюю губу. Затем, она, видно, приняла решение.
— Прошу меня простить… — не обращаясь ни к кому конкретно. — Я сейчас.
Закинув назад голову и ни на кого не взглянув, она быстро вышла из зала. Принц задумчиво проводил ее взглядом до закрывшейся за ней двери. Затем он нехотя посмотрел на Стефанию и спросил:
— И что же вы хотели от меня, баронесса?
— Я хотела поговорить… — тихо произнесла та.

— Отец… как ты мог? За что? — трясущимися губами спросила принцесса Сюзанна. Глаза ее стремительно наполнялись слезами, лицо было бледно.
Растерянный император, застигнутый врасплох за удачно складывающейся партией в бильярд, несколько испуганным движением прижал к себе кий.
— Что… Что я сделал?
— Послал Аальста на войну. Он же меня любил… А ты его послал на войну… Я думала, это политика и нужно просто немного подождать… пока все изменится… Просто он тебе не понравился… А мне он нравился… Ты ведь убил его… Он не представляет, что теперь будет делать без своих способностей… Он теперь никто… За что, отец, ну за что так… так жестоко? Ведь он же хороший… Он меня спас. А ты…
Горло Сюзанны сдавил спазм. Сквозь слезы, прижав к груди сложенные руки, принцесса жалобно смотрела на отца. Хайме замер с выпученными глазами и приоткрытым ртом.
— Отец, ты жесток… так поступать со мной и моими друзьями… Мне очень больно… Ты меня не любишь… Я хочу умереть!
Зарыдав, принцесса бросилась прочь из бильярдной, прижав руки к лицу.
Император, сжав губы и выпятив челюсть, со зверским выражением лица швырнул с размаху на стол кий.

— Тревога! В покоях кто-то использует магию!
Два мага, дежуривших у покоев принцессы, ринулись по коридору, стараясь успеть. Сзади затопали ногами гвардейцы охраны.
Трах! Разом распахнулись обе створки двери под напором тел.
В зале, где принцесса принимала сегодня своих гостей, творилось непонятно что. Небольшой вихрь, центром которого была Стефания, кружил листки нот, опрокидывал стеллажи с книгами, сбросил со стола на пол все бывшие на нем пирожные… В воздухе летала сахарная пудра и ошметки кондитерского крема.
— …силой, которой я обладаю, клянусь, что никогда не спала с Эриадором Аальстом, никогда не целовалась с ним, и он просто мой друг!

Стефания, похоже, в этот момент как раз добралась до конца своей клятвы. Стоящий перед ней Диний был засыпан пудрой и обляпан кремом. На правом плече у него прилип эклер. Глаза принца были крепко зажмурены. Внезапно ураган стих.
— Он мой друг, — громко повторила в наступившей тишине Стефания. — А вы, принц… дурак!
Резко повернувшись, она гордо зашагала на своих высоких каблуках сквозь сотворившийся разгром к двери, держа спину абсолютно прямо.

Эстела

Начальница тайной стражи Этории отложила в сторону лист бумаги и, упершись локтями в стол, устало принялась тереть указательными пальцами глаза.
«Дарг, Дарг и еще раз Дарг!» — думала она в этот момент про себя.
Если Вилента права, да будет Хель к ней милостива, то тогда получается, что ко всему прочему Аальст обладает еще и способностью к эмпатии! Совсем как мы! Может, именно поэтому на него и пал выбор богини? Интересно, а если найти еще кого-нибудь, кто обладает такой способностью, — от него тоже будут мальчики? Очень интересно… Хотя… Как такого найдешь? Я и не слышала, что среди людей такие есть. Раньше были. Во времена древних. А сейчас — нет. Да если кто и обладает таким даром, то на перекрестках о нем наверняка не кричат… Попробуй найди его! Какой он, оказывается, необычный, этот Аальст! Талант на таланте. Интересно, а там, откуда он взялся… может, там все такие? Или пусть не все, но многие…
Хм…
Эста забарабанила пальцами по столу — а ведь это неплохая идея!
Аальст несколько раз вслух заявлял, что хочет вернуться домой. Может, предложить ему помощь в этом поиске? Подобрать команду девчонок посимпатичней, проинструктировать и отправить их вместе месяца на три-четыре в горы или в леса. Пусть ищут хоть до посинения. Неужели за это время они его не уломают? В конце концов сыпанут ему в котелок… Сразу попадаем в две цели одной стрелой: Аальста к рукам приберем и, если повезет, откроем новые земли… И момент подходящий. Без своих способностей он никому здесь не нужен. Ушел, ну и ушел, Дарг с ним! Пусть он формально и маг, но вряд ли кто его такого искать будет. Незачем. А он сейчас один, и ему нужна поддержка… А мы предложим помощь. Тут-то гордость он свою и поумерит… И обиды старые простит… Отличная мысль! Нужно тщательно продумать этот вариант. Похоже, это сработает! А пока… Пока нужно проявлять максимум осторожности и бережности в отношениях с Эриадором. И охранять. Как объяснить ему вновь наше появление рядом? Мм… Пусть это снова будет история про «настоящего темного мага», которую мы придумали с Вилентой. Только сначала придется ее поведать новой пятерке охраны… В качестве секретных сведений. Они поверят, тогда и Аальст, если он эмпат, фальши не почувствует, когда ему будут пересказывать… Все, конечно, шито белыми нитками, но, похоже, что сейчас это самая лучшая версия нашего появления… Тем более что эта придуманная история поможет объяснить наше желание помочь ему попасть домой. Вера не нуждается в разумных доводах…

Эри

Средь миров, затерявшись… один,
Над пирожком застыв, недвижим…

Не, пирожок тут явно лишний. То миры, то пирожки… Несопоставимые вещи…
Я вздохнул. Я сидел за столом в таверне над блюдом с вкусными свежими пирожками и лепил стихотворную муть. Рифмовал фразы, приходящие в голову. Пирожки не елись. Не елись по причине банального отсутствия пирожкового настроения. Судьба опять набросала колючек под колеса. Шины лопнули, и мой автомобиль печально и недвижимо встал на

обочине жизни, мучаясь вопросом: «Где взять запаску?» Причем сразу на все колеса?! Денег нет, магии нет, тела приличного нет, враги есть, про порталы все так же ничего не узнал… Супер! Зато вчера получил индульгенцию. Пригласили в службу безопасности, зачитали решение совета магов. В двух словах — наказывать не будут, но награждать тоже… не будут. Не, ну молодцы! Я, можно сказать, спас зад этого Шайву, да и все зады, оставшиеся от его корпуса, спас, а мне даже спасибо не сказали! С одной стороны — их спасибо, оно мне нужно, как… как зайцу стоп-сигнал, вот! Но все же? Фи… неблагодарные! Но зато я теперь свободный человек! Тьфу! Свободный демон! Совсем уже умом тронулся… от жизни такой… Однако свобода свободой, но нужно ей соответствовать — действовать! Свобода предполагает действие. И тут встает вопрос… Что мне делать? Невозможно просидеть всю жизнь в университете! С одной стороны — кормить будут. Еще как кавалер звания «почетный студент» я имею право на два комплекта мантий в год, а также право проживать на территории университета… Просто Клондайк! А я еще смеялся, когда значок получал… А он теперь мой кормилец. Ха-ха! Кто бы мог подумать? Но ладно. Это стеб. Не собираюсь я тут инвалидствовать… Только вот делать-то что? По уму — нужно двигать в сторону увиденных мной порталов. Искать магов, сражавшихся за сепаратистов, и пытаться добыть у них знания. Но вот как это осуществить? Выйти на них, я думаю, не такая уж сложная проблема. Были бы деньги… которых, кстати, тоже нет. Но ведь они запросто прибьют, заподозрив во мне шпиона. А аргументов против жестокого обращения у меня нет никаких. Ножики против магов — это не аргумент… Да и потом… Если вдруг представить, что все сложилось и я с ними договорился, то что я смогу у них узнать, не владея магией? Да ничего! М-да, дорого мне этот походец обошелся! Как ни крути, опять придется начинать сначала — с магии. Что же мне за такое хлипкое тело досталось? Все поломаться норовит…

— Господин скучает?

Вкрадчивый голос вывел меня из задумчивости. Поднимаю глаза от пирожков. Напротив меня за столом сидит — варга! Незнакомая. Молодая. Красивая. Глаза большие, кожа чистая, черты лица правильные. Брюнетка.

Мордочка озабоченная, глазки сочувствующие.

Та-ак! Зубастиков мне только сейчас не хватало! Мне сейчас в эту акулу только пирожком кинуть! Больше нечем… А что она там сказала? Скучает? Феей, что ли, подрабатывает? Совсем мир с ума сошел… Варги по кабакам на шею вешаются, дураков ищут… Но мне любое секс-обслуживание на фиг не нужно, а уж от такого зубастого компостера тем более! Наделает дырок в горле, ходи потом… Или это прелюдия к расплате за «Варгу в постели»? Не-а! Судя по ее менталу, убивать меня сейчас не будут… Если не злить, то, может, все и обойдется… Что бы такое ответить? Умное?

— Леди… хотите пирожок?

Варга напротив на секунду впала в ступор. И обиделась. Я ощутил. Похоже, у нее сегодня тоже нет пирожкового настроения… Как чувствовал, что разговор будет непростым!

— Спасибо, я ела, — ответила она, внешне ничуть не показав своих чувств.

— Здорово, — сказал я, поддерживая беседу.

— Мне кажется, что у вас какие-то проблемы, — участливо сказала варга, наклоняясь ко мне через стол.

— У кого их нет, — философски промолвил я, поднимая глаза к потолку.

— Мы бы могли вам помочь их решить…

Я несколько секунд смотрел на ее честное-пречестное лицо. Красивая, зараза!

— И кто это эти — мы?

— Варги.

— С чего это вдруг? Знаете, я давно уже не верю в существование Вечного Почтальона, бескорыстно разносящего подарки страждущим…

— Вы знаете, дело в том… — нагнулась еще ближе ко мне через стол она. Дальше пошла история, которую я уже слышал. Про суперпупер темного мага, которому они поклялись служить. И глаза — честные-пречестные. И ведь не врет! Чувствую, что верит в то, что говорит. Вилента врала, эта не врет… А рассказывают одно и то же. Как это понимать? Что за комедию они тут мне ломают? И зачем?

— Мы можем предложить вам финансовую поддержку, поддержку военной силой. Ведь мы одни из лучших воинов в империи! Подумайте! — убеждала она меня.

— А что взамен? — скептически поинтересовался я.

— Взамен? Взамен мы всегда будем рядом. Просто рядом…

Ага, так я и поверил. Щас! Калоши белые надену и поверю! Как надену, прям сразу верить и начну… Бессеребреницы…

— Я уже слышал эту историю от леди Виленты…

— Да. Вы ее убили. И еще трех варг.

Пауза. Взгляды над столом — как клинки.
— Вы пришли отомстить?
— Нет, — вздохнула варга, расслабляясь и откидываясь назад. — Я леди Налия, новая начальница вашей охраны…
Однозначно мир сошел с ума…
— И как вы намерены осуществлять… это?
— Что… это?
— Охрану.
— Охрану? Как обычно. Охранять! — непонимающе пожала плечом Налия. — Вас что-то смущает?
— Да. Вы знаете… после появления книги «С варгой в постели» отношение к варгам в обществе стало весьма неоднозначным…
Налия непроизвольно оскалилась, показав острые кончики белых клыков из-под верхней губы.
— …и мне бы не хотелось, чтобы меня видели в вашем обществе. — (Если тебе приказали меня охранять, вряд ли ты бросишься на меня за такие слова!) — Поэтому я, конечно, благодарен вам за такое щедрое предложение, но вынужден от него отказаться. Меня заботит моя репутация…
Налия рот закрыла, клыки спрятала, но сморщилась так, как будто вместо меня она увидела какое-то мерзкое насекомое.
— Это не мое решение, — брезгливо поджимая губы, ответила она на мою эскападу, — это решение совета Этории. Поэтому мы будем вас охранять, невзирая на ваше желание… А что касается книги… Могу вас заверить, что все, что в ней написано, — ложь и выдумки. Те, кто написал эту гадость, еще сильно пожалеют, что это сделали…
Варга, сузив глаза, пристально смотрела на меня.
Автора — в студию?! Понятное дело. Однако находиться рядом с теми, кто не убил тебя только потому, что всего еще про тебя не знают?.. М-да… Бодрит, бодрит, конечно, держит в тонусе, но лучше держаться от них подальше. Вон как она окрысилась, когда я о книге заговорил. А что она там сказала про совет Этории? Сам совет занимается вопросом моей персоны? Гм… Что бы это могло значить? Если принять за основу то, что о моем авторстве они не знают (иначе бы мне Налия сейчас горло резала, а не разговоры разводила!), то… То… то ничего непонятно! Неужели эта дурацкая история о настоящем маге — правда? Но Вилента ведь тогда мне откровенно врала! Чушь какая-то… И потом, я же потерял способности к магии. Какого мага они тогда охраняют? Или не знают? А ну-ка!
— Леди Налия, обратите ваше внимание на тот факт, что я сейчас магом… как бы не являюсь. Вы знаете о моей проблеме?
Варга согласно кивнула. Знает!
— И вас это не смущает? Выходит, что фактически я магом не являюсь…
— Приказ получен. Приказ должен быть выполнен, — сухо сказала варга. — Поэтому я вас охраняю, несмотря на ваше нежелание. А способности… они ведь могут и вернуться.
— А вас не смущает, что кроме заботы о моей репутации у меня могут быть и личные мотивы отказа? У меня ведь уже имеется опыт общения с вашей расой, из которого я вынес отнюдь не лучшие воспоминания. Тогда ко мне было применено насилие. Оскорбительное насилие. Я все помню, и извинения от вас, напоминаю, мною не приняты. Вас не беспокоит этот факт? Факт, который, если ко мне вернется сила, может оказаться фатальным для вас и вашей пятерки как оказавшихся ближе всех?
— Тогда была допущена чудовищная ошибка, — нахмурившись, произнесла Налия. — Мы приносили вам свои извинения и готовы принести их вновь. И компенсировать все ваши неудобства. Но ведь вы же не желаете говорить на эту тему!
— Есть вещи, которые невозможно компенсировать деньгами… — ответил я, чувствуя, что начинаю заводиться от воспоминаний. — А насчет чудовищной ошибки… Это была не ошибка. Это было банальное насилие сильного над слабым. Но я не слабый. И я это доказал. Ситуация изменилась, и вы прибежали ко мне с уверениями дружбы и деньгами. Однако ситуация переменилась вновь. И снова все идет по кругу. Опять, пользуясь своим преимуществом в силе, вы принуждаете меня, болтая при этом о какой-то дружбе и сотрудничестве. Но жизнь показала — все течет, все меняется. Если вновь все изменится, не станет ли ваша нынешняя настойчивость еще одной чудовищной ошибкой? Как вы думаете?
Варга задумчиво смотрела на меня. Возникла пауза.
— Я воин, — наконец произнесла она, прервав молчание. — Я выполняю приказы. Решения принимает совет и те, кто выше меня по званию. Сейчас я просто выполняю приказ.
— И что это за приказ?

Налия, прищурившись, оценивающе окинула меня взглядом, видно прикидывая — стоит посвящать меня в тайну или нет?
— Приказ, — медленно произнесла она, — обеспечить охрану и наладить отношения. Под вторым имеется в виду — добиться принятия извинений.
— Чем вам так ценны мои извинения?
— Не знаю, — честно пожала она плечами. — Леди Эстела этого не объясняла.
Ага! И эта участвует! Хотя… Кто как не она? Должность у нее такая.
— Ну так вот, — сказал я, — передайте этой леди, что я не желаю иметь с вами никаких дел. И ваша охрана мне тоже не нужна. И чем быстрее вы перестанете мне попадаться на глаза, тем лучше станет для всех. Для меня и вас. Я достаточно понятно выражаюсь?
— Вполне, — кивнула варга. — Я передам. Но пока приказ не отменен, я его буду выполнять… Постараемся не попадаться вам на глаза, — сказала она, гибким движением поднимаясь из-за стола, показывая, что разговор закончен. — Всего доброго.
Я чуть наклонил в ответ голову. Какая послушная! Чего она так? А… Опять небось хитрят! Усыпление бдительности и втирание в доверие… Ха! Ищите дураков!
Я проводил уходящую варгу взглядом и сморщил нос. Только вчера получил свободу передвижений, наконец выбрался из-за опостылевших стен университета в город погулять… а никакого удовольствия не ощущается. Невеселые мысли о будущем и траблы с варгами. Ну нет в душе праздника! В свете последнего разговора встает неприятный вопрос — и как теперь мне прикажете отправляться в путешествие? Имея на хвосте табун варг? В любой момент спеленают и утащат к Эсте, Динку тешить. Или прирежут, как автора нашумевшего бестселлера… А оторваться от них, пожалуй, будет делом непростым. Помню, как я с ними путешествовал. Еще те рейнджеры. А мне сейчас и вякнуть против них нечего. Если только вслух декларацию прав человека процитировать. Но с гуманностью тут плохо. ООН еще не изобрели… И что мне теперь, безвылазно сидеть за стенами университета? Ничего себе! Дожил, называется. Пусть это еще не край, но он уже где-то близко…

На ум пришли строки из земной песни о десантуре. Весьма и весьма подходящие к ситуации. Я встал, одернул камзол и направился на выход, бросив оплаченные, но недоеденные пирожки на столе. А ну их! Не пирожковое настроение!

…Марш, марш, марш,
Заданным рейсом,
Наш венерианский крейсер…

Я вышел на улицу, встретившую меня ярким солнцем и теплом, идущим от нагретых стен домов и камней мостовой.

…Марш, марш, марш,
Заданным рейсом,
Наш венерианский крейсер…

Мурлыкая себе под нос, застрявший в голове припев, я двинулся в направлении университета, благо до него было рукой подать.

Марш, марш, марш…

Внезапно я ощутил опасность. Еще не поняв, от кого или от чего она исходит, я начал забирать вправо, хватаясь рукой за рукоять кинжала и намереваясь прижаться спиной к стене.
Бдум! — В мой живот ударила арбалетная стрела, выпущенная откуда-то, похоже, почти в упор.
Хак! — Издал звук воздух, разом вылетая из моих легких.
Я отлетел к стене, к которой собирался прижаться, и, грохнувшись со всего размаха об нее спиной, рухнул вниз.

«Убили! Убили, сволочи!» — шарахнулась в голове мысль, пока я, скорчившись, пытался хоть как-то вздохнуть. Допрыгался, идиот! Стрела в брюхо! Это не переварить! Где она, кстати? Перевожу взгляд на живот. Ничего не торчит!
Вон она валяется! С большим круглым наконечником из дерева. Оглушающая! Свалить хотели! Внезапно перед моими глазами появились чьи-то ноги в черных сапогах. Меня схватили под руки и потянули вверх, пытаясь видимо, поставить. Однако дикая боль не дала мне распрямиться. Я так и повис на руках неизвестных, подтянув колени к животу. Меня куда-то поволокли так. Скрюченного.
— Шагеш-щахссс… Боли нет!
Ага, щас! Аж три раза! Магии-то нет!
Внезапно над ухом кто-то заорал, и меня бросили прямо на камни. Я пребольно ударился коленом. Рядом со мной упало чье-то тело. Небритая рожа, стекленеющие мутные глаза… Из хрипящего перерезанного горла фонтаном хлестала алая кровь. Интересно, как он умудрился так заорать с перерезанным горлом-то?
Тут в легкие поступило немного воздуха, боль чуть отступила, и мне удалось немного разогнуться и повернуть шею. Варги! Пять варг, держа обеими руками за рукояти изогнутые и сверкающие клинки, лихо рубились с какими-то личностями в одежде наемников. Очень лихо рубились! Буквально на моих глазах двоих проткнули, а одному снесли полголовы. Тройка варг, оставшись без противников, сдвинулась плотнее, выстраиваясь клином, и направилась ко мне с опущенными вниз окровавленными клинками. И тут…
Дзи-ынь, бздышь! Дзынь, бздышь, дзынь, бздышь!
При каждом таком «бздышь» вокруг них вспыхивали тонкие голубые пленки защитных амулетов и во все стороны разлетались осколки льда.
Маг! Маг-воздушник бьет, стреляет сосульками!
Ха-арккк! — Внезапно со звуком плевка на наступающую тройку варг шлепнулось что-то огненное. Какой-то темно-красный шар, раскидывающий во все стороны ярко-красные щупальца огня. Однако в этот раз голубая вспышка была только одна. Уши резанул вопль горящих заживо. Черная копоть от мечущихся живых факелов. Секунда — и две варги, попавшие под огненный удар, упали. Третья отлетела куда-то в сторону.
Блин, что творится! Посреди города, днем, в столице! Это беспредел! Куда император смотрит?! Внезапно меня опять подхватили под мышки и поволокли. Пока я глазел на битву, сзади ко мне снова кто-то подбежал. Но я почти дышал! И сгибался! Изогнувшись, я ловко лягнул одного из тащивших меня в колено. На мою голову хрястнулся кулак. И все куда-то делось…

Некоторое время спустя после описанных событий.

Глухой тупик из каменных стен домов, в которых нет ни одного окна. В одной из них — большие двухстворчатые ворота из толстых досок, пробитых широкими металлическими полосами. К воротам, торопливо мельтеша спицами колес, подъезжает большая лакированная карета светлого дерева, запряженная парой лошадей. Темно-красные шторки на окнах ее дверей плотно задернуты.
— Открывай! — орет сидящий на облучке возница, останавливая экипаж. — Тпру… скотина!
Несколько мгновений тишины, и тяжелые ворота начинают медленно, чуть скрипя петлями, открываться внутрь. В проеме становится виден большой двор, устланный серой каменной плиткой. В конце двора — серый массивный двухэтажный дом с широкой боковой лестницей. Несколько людей выходят из небольшой круглой башенки у арки ворот и подходят к остановившейся карете.
— Привезли? — спрашивает один из них, задрав голову на возницу.
— Да, ваша светлость, — отвечает тот, наклоняясь с сиденья. — Туточки он.
— Как прошло?
— Да если бы не эти проклятые варги! Выскочили, как демоны, не пойми откуда, да как принялись своими мечами махать! Если бы не магистры, не сносить бы нам головы, ваша светлость! Истинную правду говорю!
— Варга? — хмурится, ухватившись рукой за подбородок, «ваша светлость». — Откуда они взялись? Что им было нужно?
— Не знаю, ваша светлость. Кинулись без объяснения и начали рубить. Шестерых зарубили.
— Проклятье! Я же приказывал — без шума!

— Ну, так бы и вышло без шума, если бы не варги. Я его с первого выстрела глухачом подстрелил. Упал как миленький! Мы его уже в карету потащили, а тут эти шлюхи с мечами… Если бы не магистры… хана бы нам всем была!
— Идиоты… За вами не следили? Проверяли?
— Не-е! Никого, ваша светлость. Не сомневайтесь!
— А магистры где?
— В карете. Чтобы их не видели.
— Заезжай! Не стой!
— Но, родная! — Чмокнув губами, возница дергает вожжи.

Варга, осторожно выглядывая из-за угла переулка, проводила внимательным взглядом въезжающую во двор карету. Дождавшись, пока ворота закроются, она обернулась к двум подругам у нее за спиной. Их частое и торопливое дыхание говорило о том, что они недавно быстро бежали.
— Я знаю это место, — сказала она, тоже быстро дыша. — Этот особняк принадлежит Белому ордену. Во дворе я насчитала двенадцать человек с оружием. В доме могут быть еще. Плюс трое у ворот. Плюс маги. Для нас троих это слишком много. Нужна помощь.
Варги согласно кивнули.
— Тогда так. Я остаюсь наблюдать. Ты, — она указала рукой на одну из напарниц, — бежишь к нашим. Доложишь Эсте. Ты, — ткнула она в другую, — мчишься к магам, в их главную канцелярию. Сообщаешь, что совершено нападение на мага. Пусть начинают шевелиться. По дороге заскочи в университет, он будет у тебя по пути. Подними тревогу там. Может, они быстрее среагируют. А то пока из канцелярии доберутся…
Варга быстро выглянула за угол.
— Все понятно? — спросила она, оборачиваясь.
Два кивка в ответ.
— Тогда бегите! Я здесь. Жду. Живо!

Прихожу в себя от того, что кто-то с размаху плеснул мне в лицо водой.
Энергичная побудка! Не торопясь открывать глаза, оцениваю ощущения, которыми тело щедро делится с мозгом. Болит колено, ушибленное о камни, болят мышцы живота и кишки, отбитые стрелой, болит правая сторона головы. Похоже, там неплохой шишак. Жжет запястья и щиколотки… И вообще… Лежу на чем-то плоском, твердом, неудобном и страшно холодном.
— Давай, давай! Открывай глазки!
С трудом разлепляю мокрые веки, несколько раз шлепаю ресницами и встречаюсь с ледяным взглядом двух прозрачных глаз. Мужик. Лет пятьдесят. Плотный. На голове лысина с венчиком волос вокруг блестящей верхушки. Ухмылка в правом углу рта. Мгновенно отмечаю диссонанс между ухмылкой и выражением глаз. Нехорошее такое несовпадение. Готов сожрать хвост Сихота, если он не садист!
Мужик одет в дорогой костюм, по моде местной знати. Ага, делаю вывод я и перевожу взгляд за незнакомца, оглядывая помещение. Низкий каменный потолок, каменные стены, три масляных светильника… Склеп какой-то… или подвал. Кроме нас двоих, никого больше нет. Еще я прикован за руки и ноги к холоднющей каменной плите.
— Нравится? — насмешливо спрашивает мужик, видно заметив, что я осматриваюсь.
— Сыровато, душновато и ложе жесткое…
— Ишь ты! Дворянская косточка. Жестко ему! Ха! А ты знаешь, на чем лежишь?
— Без понятия.
— Это Камень слез. Такой же, как у твоих магов. Слышал о нем?
Я озадачился. Сей артефакт был штукой известной. В университете о нем часто рассказывали. Говорили, что все «нехорошие, ленивые, не сдавшие зачеты студенты и нарушившие клятву маги заканчивают на Камне слез». Что, если провести на нем сутки, способность к магии утрачивается навсегда. Артефакт является своеобразной плахой, превращающей магов в простых людей. А что может быть ужаснее для них, чем превращение в обычного человека? Вот и рыдали, привязанные к нему, прощаясь со своим могуществом. Поэтому и Камень слез… И вот я лежу, прикованный к этой хрени! Совершенно не рассчитывал на такую встречу! Сихотовы копыта! И так магия куда-то делась, так еще и к «пылесосу» прикрутили! Что за дикая чушь творится вокруг моей персоны?
— А чем, собственно, обязан столь жестокому обращению? — интересуюсь я, пытаясь провернуть запястья в кандалах. — Мы ведь вроде, если не ошибаюсь, даже не знакомы?
— Ишь ты, «жестокое обращение»! По тебе вообще костер плачет. Раньше так бы и вышло.
— Так вы что, из этих, что ли? Борцов за свет?

— Да. Я магистр Белого ордена.
— М-да? Странно…
— Что тебе странно?
— Орден — серьезная организация. Вот уж не думал, что у него в магистрах фанатики.
— Языкастый, смотрю… А что скажешь на это?
Магистр демонстративно поднял правую руку вверх и щелкнул пальцами. Ледяная волна холода пронзила мое тело. Под кандалами так вообще словно огнем обожгло. Спазм мышц выгнул меня дугой над плитой. Пум! Отпустило. Хлопнулся спиной назад. Пфф…
— Следи за языком, — предупредил магистр, — и будет меньше неприятных ощущений в жизни. И так у тебя ее немного осталось.
— Да ну? — удивился я, вяло двигая языком. — Я вообще-то собрался жить вечно…
Я облизнул губы, собирая капли воды, оставшиеся на них от побудки.
— Не получится. Ты свое отжил.
— Да ладно вам! Поднял немножко зомбей. Всего-то! Их давно уже всех порубали. Вообще, если серьезно подойти к делу, наличие темного мага вашему ордену просто необходимо. Представьте: он поднимает мертвецов, народ пугается и, вопя, бежит к вам. Вы все такие из себя, на белых конях, в белых одеждах, со светящимися посохами, приезжаете и всех спасаете! Все живы, счастливы, благодарны. Жители империи со слезами умиления на глазах несут вам на вытянутых руках пожертвования и славят на всех углах. Благосостояние и влияние ордена непрерывно растет. Вдумайтесь! Это же работы на десятилетия, а может, даже на столетия! Какие ошеломительные результаты можно получить! В сравнении с ними замученный студент первого курса университета выглядит настолько жалко, что… Мне даже просто стыдно говорить насколько!
— Да за одни эти твои слова тебя нужно сжечь на медленном огне!
— Ну вот… Я к вам с деловым предложением, а вы фанатеете…
— Но костра тебе не будет. Ты отправишься к демонам!
— Это как?
Что? Неужто домой?!
— Смотрю, ты не очень испуган… Наверное, просто не представляешь. Демон будет резать твое тело кривыми когтями и рвать длинными, острыми зубами… А потом выпьет твою кровь и сожрет душу!
— Фантазия мне отказывает… Не могу себе это представить. А, собственно, к чему такие сложности в умерщвлении? И что, разве Белый орден занимается теперь призывом демонов? У вас же, говорят, есть амулет, который следит, не лезут ли откуда ребята с кривыми когтями? Что, политика вашей организации изменилась?
— Много задаешь вопросов, темный!
— Ну если умирать, так хоть зная, за что! Всем приговоренным объявляют, как и почему. Это привилегия уходящих к Хель. Вы же меня казнить собираетесь? Уж смертью в бою мою кончину явно не назовешь. Да и просто интересно! На фанатика вы, конечно, не похожи. Значит, тут какая-то тайна! Обожаю тайны. Ну… расскажите! Не просто же так вы все это затеяли?
Выражение на роже магистра сменилось с удивленного на озадаченное. Потом на ней проступил интерес и сомнение. Надеюсь, он расскажет тому, кто уже никому ничего не расскажет, какой он умный. По законам жанра — просто обязан!
— А ты не дурак… — осмотрев меня сверху донизу, произнес магистр.
Вот оно! Законы глупости работают во всех мирах!
— Орден действительно не якшается с демонами… Однако есть обстоятельства… Судьбе было угодно, чтобы мне в руки попал старинный гримуар на редком, ныне мертвом языке. Только я — один! — смог прочесть его! Я открыл тайну демонских камней! Я узнал, откуда древние маги брали кристаллы для своих артефактов! Из мира демонов!
Таши, что ли? Тоже мне, тайна! Но что-то магистр как-то нехорошо возбудился… Глазки так и сверкают… Как бы кусаться не начал…
— Если я сумею добыть эти камни, то наш орден тоже сможет делать могущественнейшие артефакты! Наша сила и слава возрастут многократно!
Все-таки он фанатик. Интересно, слюной брызгать начнет или нет? Разумеется. Если понаделать артефактов, можно и с гильдией магов поспорить, да и императора… подвинуть. Да ведь это на заговор тянет! Молодцы, орденцы! Не спят. Кашу варят…
— Потрясающе. Все просто замечательно, я рад и за вас, и за ваш орден. Но, простите, я-то тут при чем?
— В книге сказано, что вызвать могучего демона можно, используя только темную жертву в момент, когда звезды на небосводе выстроятся определенным образом. Это случится через два дня. Я призову и подчиню демона! А ты будешь… будешь его жертвой, — неожиданно успокаиваясь, сказал магистр.

Бли-и-н! Представляю, что он там вызовет по звездам! Особенно в первый раз. Ой, ну я и попал! Начинающий призыватель, использующий какие-то комиксы вместо инструкций. Чего он там поначитался? Это же явно — там дурь написана. Звезды! Три раза «ха»! Может, он просто перевел неправильно? Но, как говорится, «поздно пить боржом, когда почки отвалились»! Судя по его «светлому», незамутненному взору — «идея овладела массами». Похоже, магистр желает стать самым незаменимым человеком в ордене. Если все камни будут идти через него, то о-го-го, куда он может взлететь! На самый верх верхушки — это точно! А мне что прикажете делать? Сказать, что это все делается не так? Рассказать, как надо? Не-а… Не поверит. Я же ничем подтвердить не смогу. Магии нет. А он уже на финишной прямой, слава рядом. Решит, что я просто хочу оттянуть время… И звезды сходятся… Вот это я попал! Вот это точно край!
— Я не совсем понял насчет механизма призыва. Как меня можно рвать зубами, если я жертва для призыва? Я же к моменту появления демона должен быть по идее мертв? Или будет еще кто-то вместе со мной?
— Зачем же? Я убивать тебя не намерен. Просто ты будешь внутри пентаграммы. А вытекающая из тебя кровь соединит между собою миры. Так что хватит тебя одного. Второй не понадобится.
— Ага. Понятно. А вы не боитесь, что меня будут искать? — осторожно поинтересовался я.
— Кто? Магию ты потерял. Считай — не маг. Вряд ли кому-то ты нужен. Вышел за ворота — и нет тебя! Даже если маги начнут тебя разыскивать с помощью заклинаний, то, увы, мой милый друг, увы! Ты же знаешь, что у них ничего быстро не делается. А у нас с тобой осталось всего два дня. И открою тебе маленький секрет. Камень, к которому ты прикован, делает тебя невидимым для всех поисковых заклинаний. Такая вот у него интересная особенность. А после призыва искать будет некого и нечего. Я прикажу, чтобы демон унес твое тело к себе… Да! Артефакт Око демона находится в этом же доме. В башне. Ты ведь понимаешь, что в момент призыва он работать не будет?
Магистр победно усмехнулся.
М-да… обложили… Хм… Я на несколько секунд задумался, прислушиваясь, а затем ухмыльнулся ему в ответ.
— Знаешь, лысый, — сказал я ему, — а у тебя пра-а-аблемы! Ба-альшие!
Спустя пару мгновений стены подвала содрогнулись от удара.

Хмурая-прехмурая Стефания, широко размахивая руками в такт шагам, мрачно шла по дорожке университета, приближаясь к выходу. На ней было новое ярко-голубое платье, которое она купила на «наградные» деньги, и такие же новенькие, в цвет платью, голубые туфельки. Платье ей нравилось, оно было очень миленьким и ей шло. Но, пожалуй, самым прекрасным было в нем то, что купила она его сама и на свои деньги. Первый раз в жизни — на свои! Но ни новое платье, ни туфельки, ни первый заработок не делали окружающий мир ярче и дружелюбнее. Только что закончился разговор с ректором в его кабинете в присутствии представителя службы безопасности. Темой весьма неприятной беседы было «поведение студентки магического университета первого курса в присутствии членов императорской семьи». Уже два дня прошло с того момента, как она со страшным скандалом покинула императорский дворец. И вот наконец наступило время выяснения обстоятельств на официальном уровне. На неофициальном последствия появились гораздо раньше. Удивительно, но слухи, кажется, примчались в университет быстрее, чем она успела вернуться. О том, что она прилюдно обозвала принца дураком, знали все! Посмотреть на нее приходили толпами. Особенно бесили девушки. Парни ладно. По большей части смотрели оценивающе и с интересом. Вроде того: ты смотри, какая штучка! У девчонок же на лицах было одно: «Ну и ду-у-ура»! Соберутся толпой и смотрят издали, как на дикость какую-то.
«Сами… дуры! Бе-э!» — думала про них Стефи, когда эти гляделки ее окончательно доставали.
Слухи, бродившие по университету, скрещивались, пересекались и соединялись, образуя подчас что-то совершенно невозможное. Ну про то, что Стефания кидалась эклерами, мазалась кремом и била принца по голове серебряным подносом (именно серебряным!), это ладно. Это не так страшно. Но вот про то, что принц ее любит с детства и тайно с нею обручен… и что именно он прислал ей букет слез некроманта… Что он тайком от матери ездил на войну и там встречался с ней, один на один в черном фургоне с нарисованными черепами, а Эри сторожил их снаружи вместе с варгами… А императрица категорически против такой невесты для своего сына, и поэтому отправила ее на смерть, чтобы она там сгинула, на войне. Вот уж ложь так ложь!
«Убила бы!» — мрачно подумала Стефания, подходя к воротам. Не раздумывая, убила бы тех, кто распускает такие слухи! Твари! Мерзкие языкастые твари! Получается, что я одна

причина и всему вина! И то, что Эри потерял способности, и то, что мы там чуть все не остались… Гадины! Тварюги лживые! Эри был прав, предупреждая, что может быть больно. Ничего хорошего из этой поездки не вышло. С Динием поругалась, и, похоже, навсегда. Вряд ли он меня простит. Разгромила салон его сестры. Принцесса меня тоже не простит. Оскорбила императорскую семью… Как говорится, сделала все, что могла… Карьера у меня теперь будет… А точнее, не будет! Да на все плевать, если бы не Диний… Опять сердце болит и рвется на части! Как же больно! Не нужно было его видеть… Ох, не нужно… Еще вчера девчонки подошли. С теми, с которыми ночевала тогда в фургоне.
— Так это что, это из-за тебя нас туда послали? — спрашивают и внимательно смотрят в глаза.
Попыталась объяснить, что это все ложь. Не поверили. Выслушали, переглянулись молча, развернулись и ушли. А теперь к ректору вызывали. Он-то сам немного говорил, а вот магистр из службы безопасности… Такую мораль прочитал! И такая я, и сякая, и мое поведение, мое воспитание, мои родители, моя семья… куда смотрели. Неожиданно для себя я разозлилась.
— Не нужно обсуждать мою семью! — сказала я, глядя из-под бровей прямо ему в глаза. — Вполне возможно, что она не так богата, как многие из столичных семей, но в благородстве она им, слышите, ни в чем, ни в чем не уступит! Поэтому оставьте ее в покое! Все случившееся касается только меня и принца Диния! Я, как любая дворянка империи, имею право на личные отношения! Пока император своим указом их не запретит, у меня этих отношений будет столько, сколько я пожелаю! И когда пожелаю! И с кем пожелаю!
Магистр опешил. Краем глаза я увидела промелькнувшую на лице Мотэдиуса ухмылку.
— Э-э-э… Вам не кажется, что ваше поведение… вызывающе? И не соответствует нормам поведения и морали, принятым в империи относительно особ женского пола…
— Я не особа женского пола, — зло, глядя ему в глаза, отчеканила я, — я маг! Пусть пока у меня нет знака мага, но никого не интересовало его отсутствие, когда меня отправили на войну. И никого не интересовало, что я девушка. Нужен был воин. Убийца! Знаете, скольких я там убила, господин магистр? Знаете? А если знаете, то тогда запомните, что я вам не какая-то там особа женского пола! Я темный маг! Которому позволено гораздо больше, чем другим! И поэтому мои отношения с принцем — мое дело! И ни перед кем за них я отчитываться не собираюсь! Если я нанесла ущерб имуществу императорской семьи, я готова возместить. Если нанесла оскорбление — готова отвечать по закону! А в отношения не лезьте. Вас это не касается!
В кабинете повисла неприятная пауза. Ректор нахмурился, а магистр, словно только впервые увидел меня, оценивающе прошелся по мне взглядом сверху вниз и обратно.
— Не стоит быть столь резкой в суждениях, госпожа Терская, — неспешно произнес он, нарушая тишину. — Вам еще предстоит долгий путь до того, как вы получите знак мага. Но если вы будете кричать на каждом углу, настаивая на том, что вам, как темному магу, позволено больше, чем другим… Боюсь, что этого события может и не случиться…
Многозначительная пауза.
— Прошу прощения, вполне возможно, что я неудачно выразила свою мысль… — произнесла я. — Я имела в виду, что маги имеют больше прав, чем все. Не только темные. Все маги.
— Да. Давайте будем считать, что имело место быть именно неправильно построенное предложение, — ответил магистр, пристально глядя мне в глаза. — Однако все же прошу вас впредь не очень распространяться по поводу «особых» прав магов. Хоть в жизни все обстоит именно так, как вы сказали, но вы должны помнить и о других сословиях, существующих в империи. Подобные заявления создают излишнюю напряженность в обществе. Это совершенно никому не нужно. Ни нам, ни его величеству императору Хайме, и уж поверьте, ни лично вам. Мне даже в общем-то странно слышать из ваших уст подобные высказывания. Неужели вы не посещали лекции по магической этике вашего уважаемого ректора? А ведь он характеризовал вас как одну из самых прилежных учениц!
«Да, было такое, — подумала я, прикусывая верхнюю губу. — Я? Самая прилежная ученица?»
Я бросила виноватый взгляд на ректора. Мотэдиус сидел, скорбно поджав губы. Ой, подвела! Стыдно…
— Что же касается вопроса отправки вас с корпусом Шайву… — неспешно продолжил между тем магистр, сплетая пред собой пальцы. — Вы были посланы туда в качестве студентки факультета целителей. Для прохождения ежегодной летней практики. Никто от вас не требовал, чтобы вы непосредственно участвовали в сражениях. Ваше дело было — госпиталь. Однако что вышло, то вышло. И вы, хочу вам сказать, проявили себя с лучшей стороны… как истинный солдат империи. Поэтому в Верховном магическом совете принято решение — представить вас к награде. Решение в том числе одобрено и его

величеством императором. Наградить вас и всех девушек, попавших в эту непростую ситуацию, но достойно вышедших из нее. Награждение будет произведено первого сентября в большом парадном зале университета самим императором.
Да-да, — подтверждающе покивал он мне головой, — в день приема первокурсников, в день первого бала. Господин Мотэдиус считает, что такое событие будет весьма памятным. Не так часто студенты университета получают из рук императора награды за проявленную отвагу на полях сражений. Это весьма благотворно скажется на общем духе учащихся, получивших живой пример для подражания. А также станет предметом зависти и уважения в других учебных заведениях столицы. Приглашение на награждение вашей семье уже отправлено. Так что готовьтесь встречать родных и принимать награду. Пусть это не будет для вас неожиданностью.
Меня? Награждать? Ой, мамочки! Перед всеми? Отец будет просто счастлив! Да и мама с сестрами. Первый раз, когда награждали, никого не приглашали. Все произошло как-то быстро и неожиданно. Я только в письме домой об этом написала. А сейчас, в присутствии всех, сам Хайме! Это ведь такая честь! Наверное, и отца поблагодарит! И мать! При всех! Я почувствовала, как кровь приливает к моим щекам.
— Что же касается инцидента двухдневной давности в императорском дворце…
Я ощутила, что краснею еще больше, и наклонила голову, уставившись в пол.
— …сообщаю вам, что императорская семья к вам никаких претензий не имеет и не собирается требовать вашего наказания за учиненный разгром… За это вы обязаны дружеским отношением к вам принцессы Сюзанны и принца Диния. Решено считать, что ничего не произошло. От вас же, в благодарность за проявленную милость, требуется одно — молчать и не распространяться о случившемся…
Я достаточно ясно излагаю? — спросил магистр, — вы меня понимаете? Согласны ли вы выполнять эту небольшую договоренность между вами и императорской семьей?
— Да, согласна, — кивнув, тихо ответила я, не поднимая глаз.
— Ни капли не сомневался в вашей благоразумности. Что касается нашей службы безопасности… Хочу вам сообщить, что вам отныне закрыт доступ во дворец и во все места, где бывают члены императорской семьи. Да! Мы уверены в том, что никакого покушения на них вы не планировали. Да! Мы доказали это службе безопасности императора. Да! Мы верим вам. Но! И рисковать впредь тоже больше не намерены. До тех пор, пока вы не научитесь владеть собственной силой и будете представлять угрозу для первых лиц государства — никаких отношений ни с кем из них у вас не будет. Исключение будет сделано только на вручении награды. Однако предупреждаю. Будет много охраны. Не выкиньте чего-нибудь, о чем потом пришлось бы сожалеть всю жизнь. Характер, как я смотрю, у вас темпераментный, однако держите себя в руках. Это очень важное качество для мага — умение держать себя в руках.
Я подавленно молчала.
— Не расстраивайтесь. Это не приговор. Учитесь. Учитесь, учитесь и учитесь! Великими магами не рождаются — ими становятся. Еще раз скажу — учитесь. И вполне возможно, что в один прекрасный день все изменится.
А вам, уважаемый господин ректор, — поворачиваясь к Мотэдиусу, произнес магистр, — хочу указать на слабую подготовку ваших подопечных. Это не дело, когда в зависимости от настроения маг выплескивает свою силу наружу…
— Что вы хотите, — поджимая губы и разводя руками, ответил ему ректор. — Первый курс. Да еще это сражение. Все методики обучения нарушены грубейшим образом! В результате возникают претензии, которые формально обоснованы, но фактически девочка в них не виновата. И университет в этом не виноват!
— Тем более, если все пошло не так, — нужно уделять ей больше внимания.
— А когда? Вы же только выпустили ее из своих лап. Все допросы и допросы. Чтобы учиться, нужно, чтобы душевное состояние студента было стабильным. А после допросов? Какая там стабильность! Как прикажете ее учить в таком состоянии? Да ей с месяц в себя теперь приходить надо!
— Ну не допросы, а беседы… Она не преступница, чтобы ее допрашивать… А как учить? Это, простите, исключительно ваша забота. В это, увольте, вмешиваться не намерен. Мы провели большую работу, устанавливая истину. Истина установлена, и ваша студентка возвращается к вам… Под сень благословенной альма-матер. Надеюсь, что наша встреча с уважаемой госпожой Терской была последней, и видеться с ней мы будем теперь исключительно по праздникам или случайно в толпе. Раскланиваясь, как старые знакомые. Давайте же уже, уважаемый господин ректор, отпустим Стефанию и продолжим наш разговор без нее.
Мотэдиус, соглашаясь, кивнул.

— Итак, — обращаясь ко мне, сказал магистр, — вы все слышали. Есть ли у вас еще вопросы?
— А Эриадор? — спросила я. — Вы сказали только про девушек. А он? Его тоже наградят?
При упоминании имени Эри магистр поморщился.
— Студент магического университета князь Эриадор Аальст к награде представлен не будет, — сухо сказал он, крепко сжимая переплетенные пальцы.
— Но почему? Ведь если бы не он…
— Эриадор Аальст нарушил законы империи — воспользовался заклинаниями некромантии. Вам это должно быть известно лучше всех.
— Да… Но если бы не это, нас бы всех убили…
— Вот поэтому ему и были оставлены свобода и жизнь. Если бы причина поднятия мертвецов была другая — ему бы грозил Камень слез с полной потерей магических способностей…
— Но он и так их потерял! Спасая всех…
— Поэтому-то дело и решили закрыть.
— Но это же несправедливо… — растерянно пролепетала я.
— Госпожа Терская! Я не желаю обсуждать справедливость решения, вынесенного Верховным советом и подтвержденного императором. Не имею на это полномочий. Если Аальст недоволен, он может обратиться с просьбой об обжаловании. Но я бы не советовал. Подозреваю, что повторное рассмотрение вопроса может привести к худшим результатам, чем те, которые есть сейчас. Вы меня понимаете?
Я беспомощно посмотрела на Мотэдиуса. Тот сидел, плотно сжав губы и смотря в окно. Поняв, что поддержки от него не будет, я снова перевела взгляд на магистра.
— Для того чтобы успокоить вас, сообщу, что князю Аальсту как инвалиду боевых действий назначена пенсия, ему оставлены все награды и звания, полученные им прежде. В том числе и «Почетный студент». Поэтому без средств существования и крыши над головой он не останется. И без занятия тоже. Он вполне может проявить себя как переводчик древних манускриптов. И если это все, госпожа, что вы хотели спросить, то вы можете быть свободны!
Я сделала книксен и, молча повернувшись, пошла к двери. В голове был такой сумбур! Как же так? Ведь это несправедливо! Если бы не Эри, никто бы не спасся! Но его не наградят, и никто никогда не узнает, кто настоящий герой. Ведь именно поэтому, что он не жалел себя ради других, он и потерял свои способности! Жертвуя собой… А если ему назначили пенсию, значит, в то, что к нему вернется магия, они не верят… Он инвалид. А я? А я живая и здоровая. И я стану магом. А он нет… И меня будут награждать… Как же я буду смотреть ему в глаза? Я же со стыда сгорю! Отказаться от награды?! А отец? А мама? Они же приедут! И что? Узнать, что я отказалась от награды из рук императора? Это невозможно! Да и как я потом учиться в университете буду? Но Эри? Он же мой друг! Он спас мне жизнь! Я не могу его бросить! Что же мне делать?
Я задумалась, пытаясь найти решение. Однако я его не находила. Мозг, похоже не способный решить задачу, направил поток сознания в другую сторону.
Что же он будет делать? На что он будет жить? Родители у него далеко, магом ему не бывать… Куда ему? Переводчиком, как сказал магистр? Ну не знаю, согласится ли он на это? Конечно, справится, но он гордый. Вряд ли он вообще останется в университете. Видеть, как другие уходят вперед, становятся магами и при этом знать, что для тебя это недостижимо? Знать, что ты навсегда — всего лишь переводчик? Плюс сочувствие и скрытые насмешки от одаренных окружающих? Нет! Эри на это не согласится. Скорее он наемником станет, чем предметом для жалости! А какие у него были способности! Одно только, как он во мне магию разбудил! Или заклинаниям учил… Тот же щит…
— Эксклюзивный вампощит от Эри, — представил его он, взявшись учить меня заклинанию, когда мы бездельничали на осаде. — При каждом попадании вражеского заклинания абсорбирует энергию, передавая ее владельцу защиты. Знойная штучка! Лучшее, что я могу предложить тебе. Недостаток — можно захлебнуться энергией, если попавших заклинаний будет много и они будут мощными. Рекомендации по применению — не зевать и вовремя сбрасывать излишки… Короче. С таким щитом — не экономим на энергии, тратим — сколько можем!
Тогда у замка мы немного потренировались. Эри покидал в меня сначала камешки, чтобы я освоилась, потом кинжалы, затем, отойдя подальше от лагеря, небольшие фаерболы. Удивительные ощущения! Вот в тебя летит огненный шарик. Вот он уже близко, близко, близко! И вдруг раз! Словно кем-то высосанный, он блекнет и стремительно уменьшается в размерах. Секунда — и нет его! А внутри ощущается что-то такое… даже не знаю, как передать словами. Словно вспышка! Как я тогда радовалась, научившись творить заклинания. И все это благодаря Эри. И вот такое несчастье… Как же мне ему помочь?

От роившихся в голове мыслей, казалось, что она сейчас лопнет. Я решила выйти за ворота, дойти до трактира, взять коффая и все не спеша обдумать. В «Стекляшке» не получится. Опять будут все вокруг пялиться. Надоели!
Но едва я вышла за ворота университета и сделала пару шагов по направлению к Студенческой площади, как ко мне откуда-то сбоку подскочила варга и выпалила, быстро дыша:
— Госпожа Терская! Вашего друга, Эриадора Аальста похитили! Его жизни угрожает опасность!
— Как похитили?! Кто?
— Белый орден. Его увезли в карете в особняк, принадлежащий ордену!
— Как же так? Зачем? — растерялась я.
— Они хотят его казнить.
— Казнить? За что?
— За некромантию!
— Что?! Какое они имеют на это право?! Нужно срочно сообщить господину ректору! И в службу безопасности!
— Я этим как раз и занимаюсь. Я уже сообщила дежурному на воротах. Но пока примут решение… Пока отдадут приказ… Сейчас важна каждая минута! Его могут увезти или убить. Да, убийц потом покарают! Но что это изменит, если Эриадор будет уже мертв?
— Где он?! Где они его прячут?
— Тут недалеко! Если напрямую, то сразу за площадью! Там еще такая башенка есть!
— Да, я знаю. Веди!
— Следуйте за мной, госпожа!
И мы понеслись. В новом платье и новых туфлях бежать по неровным камням было страшно неудобно. Один раз я шлепнулась, порвав и испачкав юбку и пребольно ударившись коленом. Еще я ободрала левую ладонь до крови. Но я закусила губу, встала и, превозмогая боль, побежала дальше.
Я не позволю им его убить! Весь орден не стоит его… мизинца! Негодяи! Им так это с рук не сойдет! Как они только посмели?! Я им покажу! Я с ними миндальничать не стану!
Мы бежали по каким-то темным и узким закоулкам, распугивая встречных прохожих. Больше я не падала. Пару раз споткнулась, но варга ловко подхватывала меня, не давая упасть. Неожиданно мы выскочили из лабиринта проулков на широкую улицу. Налетев на спину остановившейся варги, я остановилась, тяжело дыша.
— Где помощь? — задала вопрос моей спутнице другая варга, стоящая у угла дома.
— Вот, — показала та на меня рукой. — В университет я сообщила, а по дороге встретила госпожу Терскую, которая согласилась нам помочь. Я и привела ее сюда!
— А в совет?
— В совет сейчас пошлют гонца из университета. Мне показалось более важным привести ее сюда. Она сильный маг и способна помочь!
— Вы сможете помочь? — спросила незнакомая варга, обращаясь ко мне.
— Да! А… что нужно делать?
Меня трясло мелкой дрожью.
— Эриадор где-то внутри, за воротами. Взгляните, вы сможете их выбить? Но только осторожно, далеко не высовывайтесь!
Я осторожно подошла и, сдерживая дыхание, рвущееся из груди, выглянула за угол, чуть привстав на цыпочки…
Ворота! Большие и с виду очень прочные… Выбить? Я?
Перед глазами всплыла картинка свечки, разбиваемой на тысячи черных песчинок…
— Ну как? — спросила меня варга, когда я снова обернулась к ней.
— Попробую, — не совсем уверенно ответила я. — А он точно там?
— Да. Карета с ним заехала внутрь. Но пробовать не нужно. Либо да, либо нет. Не стоит выдавать свое присутствие раньше времени. Если вы не уверены, тогда ждем прибытия подмоги…
Я снова осторожно выглянула за угол.
«Эри-и-и! — неожиданно пришла мне в голову мысль обратиться к нему телепатически. Если он там, то он должен услышать меня! — Ээри-и-и!»
Когда стало известно, что у Эри проблемы с магией, я очень переживала из-за этого. И для меня было совершеннейшей неожиданностью, когда после потери способностей он как-то раз совершенно спокойно обратился ко мне «по телеканалу», так он это называл.
— Ты же вроде потерял магию? — искренне удивилась я тогда. — Как же ты можешь разговаривать со мной так, без нее?

— Телепатия — это не магия, — усмехнувшись, ответил он. — Это просто особое свойство мозга. Стоит один раз его научить — и все! Будешь уметь потом всегда. Это как с ездой на велосипеде.
— На чем?
— На одной офигительной штуке, на которой можно запросто убиться, особенно если не смотреть по сторонам. Но это к делу не имеет отношения. Короче, телепатии магия не нужна. Мы теперь всегда можем с тобой поговорить. Спокойно и без свидетелей…
«Эри-и-и! Эри-и-и!»
«Ну чего ты опять орешь?»
«Ой, Эри… Ты живой…»
«Живой. Пока живой. Тут какой-то фанатик обещает скормить меня демонам…»
«Да ты что?!»
«Ага. Приковал к плите в подвале и угрожает лишением жизни».
«Эри! Я иду!»
«Стой! Куда ты идешь?»
«Тебя спасать!»
«А ты где?»
«У ворот. Сейчас их сломаю и выручу тебя!»
«Ты одна?»
«Со мной варги».
«Мм… И эти тут… Кто-то кроме тебя из магов еще есть?»
«Нет. Я одна. Но за ними послали».
«Тогда подожди! Пусть они подтянутся, и потом уже…»
«Когда они подтянутся? А если с тобой что-то случится? Я себе этого никогда не прощу!»
«Очень мило, конечно, но я рекомендую подождать…»
«Я не могу ждать! Эри! Я иду!»
«Стой!»
«Я пошла!»
«Тогда щит поставь! И не лезь вперед. Тут минимум два мага может быть. Огненный и водный. Пусть зубастые идут первыми! Ты слышала?!»
«Да!»
«Щит поставь!»
Я выскочила из-за угла и побежала по проулку к воротам.
— Стой! Куда?
Выскочившая следом варга попыталась было схватить меня и затащить обратно, но на мне уже был щит. Щит, которому меня научил Эри. Эри, который ждет моей помощи…
Руки варги бессильно скользнули по воздуху, не коснувшись меня. Ругань за моей спиной. Подбежала к воротам и остановилась перед ними метрах в трех. Нужно было потребовать, чтобы они его отпустили!
— Я, маг имперской магической гильдии, баронесса Стефания Терская, требую немедленного освобождения князя Эриадора Аальста, незаконно удерживаемого вами! Немедленно!
Мой голос звонко отражался от каменных оград и камней мостовой.
А в ответ — тишина…
— Я требую освобождения князя Аальста! Немедленно!
В воротах, скрипнув, открылось небольшое окошечко. Появившееся в нем чье-то лицо внимательно оглядело меня, и, снова скрипнув, окошко закрылось.
Тишина…
Меня игнорируют?
Я попробовала представить, как я выгляжу со стороны. Девушка в голубом платье, с испачканной на левом колене юбкой, стоит у ворот и что-то там кричит, пытаясь выглядеть грозно… Ах, так значит?! Игнорируете?! Ладно! Сейчас я обращу на себя внимание!
Сила уже привычными ощущениями потекла в меня. Так приятно к ней обращаться! Она такая… бархатистая, текучая… И мощная. Моя черная пантера…
— Ха!
Я одновременно выбросила вперед руки с растопыренными пальцами. Однако ожидаемых разлетающихся черных песчинок я не увидела. Ворота содрогнулись от удара и с треском распахнулись. Левая створка что есть силы грохнулась о стену, а правая, сорвавшись с петель, полетела через двор.
Вау-х, вау-х, вау-х, кувыркалась она в воздухе, издавая необычный звук.
Дыщь, закончила она полет, врубившись ребром в середину стены дома в конце двора. Земля под ногами содрогнулась, стена осела, выгнувшись верхом наружу, а с крыши посыпалась черепица, глухими хлопками разлетаясь на камнях двора. Половинка ворот

осталась торчать в стене. Где-то раздались испуганные вопли. В широкой арке на месте ворот висела пелена пыли.
«Ой!»
«Че творим?»
«Я хотела ворота… Как свечу… А они… улетели!»
«М-да? А я-то думаю, чего стены ходуном ходят? Смотри, обрушишь подвал, мне не поздоровится! Имей это в виду, когда будешь что-то ломать!»
«Я нечаянно. Я не хотела так…»
«Надеюсь, что лекарство не окажется хуже имеющейся болезни…»
«Да ну тебя! Я его спасаю, а он еще недоволен!»
«Ладно. Просто у меня сегодня не то настроение. Шли варг. Пусть вытаскивают меня отсюда! Скажи им, что тут магистр-фанатик».
«А я не знаю… смогут ли они? Их всего две…»
«Скока-скока? Ты сдурела! Я думал, у тебя по крайней мере пятерка!»
«Ну… больше нет…»
«Вау! Фанатик руками машет. Что-то делае…»
Внезапно я почувствовала пришедшую от Эри дикую боль. Секунда, другая — и ощущение присутствия Эри пропало. Ничего! Пустота!
«Эри-и-и! Эри-и-и! Эри-и-и! Эри-и-и!»
Тишина… У дома, поблескивая мечами и металлом доспехов, появилась толпа вооруженных людей. Они осторожно выглядывали из-за низкого заборчика, вытягивая шеи. Варги, подбежав сзади, проскочили чуть вперед и остановились, защищая меня с боков. За длинные рукояти двумя руками они держали занесенные для удара блестящие клинки.
«Эрии-и!»
Тишина… Пустота…
Гады! Вы не могли убить его!

— Думаю, что мы с вами обо всем переговорили. — Магистр службы безопасности уважительно прижал подбородок к груди.
Мотэдиус неторопливо и солидно кивнул, соглашаясь. Внезапно он замер и повернул голову в сторону окна.
— Это еще что такое? — с удивлением спросил он.
Магистр тоже повернулся к окну, словно прислушиваясь.
В этот момент в дверь кабинета энергично постучали.
— Да! — крикнул ректор, поворачиваясь уже к двери.
— Господин ректор, — на пороге появился секретарь с листом бумаги в руке, — срочное сообщение! Похищение студента магического университета Белым орденом! Нападение с применением магии! Убиты две варги охраны!
— Чч…то?
Ректор недоумевающе посмотрел на магистра. Тот ответил ему таким же недоуменным взглядом.
— Они что… с ума сошли? — ошарашенно произнес Мотэдиус. — А ну-ка, дайте!
Он требовательно протянул руку. Секретарь, не прекословя, тут же отдал ему депешу.
— Да, действительно, — несколько мгновений спустя сказал ректор, прочитав короткий текст. — Откуда оно взялось? Кто его доставил?
— Сообщение было сделано варгой. Она сообщила дежурному на воротах университета и убежала. Он записал с ее слов.
— Варгой? Они-то тут при чем?
— Не знаю, господин Мотэдиус! Его принесли только что. Кроме того, что в нем написано, и адреса особняка, ничего больше неизвестно!
— Вот как? А это не может быть чьей-то плохой шуткой или попыткой столкнуть нас с орденом? Но кому это нужно…
— А кого похитили-то? — поинтересовался магистр, делая шаг в сторону ректора и протягивая руку за листком.
— Эриадора Аальста…
В этот момент за окном вновь что-то произошло. Оба мага разом повернули головы.
— Терская! — тоном, не допускающим ни капли сомнения, произнес магистр. — Это она!
Ректор с магистром вновь переглянулись.
— Срочно экипаж! — отдал приказание секретарю Мотэдиус, бросая листок на стол и стремительно направляясь в сторону дверей. — Сообщите немедленно в совет! Найдите список дежурств и выясните, кто из преподавателей сегодня дежурят! Пошлите их по указанному в сообщении адресу вслед за мной!
— За нами… — поправил магистр, устремляясь вслед за ректором.

Лавочник Онуфий, улегшись животом на прилавок, глазел на улицу. Посмотрел налево… Никого! Повернув голову, посмотрел направо… Никого! Ску-учно… жарко… Время обеда… На улице пусто. Никто не спешит за покупками. И так будет до вечера, пока немного не спадет дневной зной и люди не вылезут из-под тени крыш и навесов.
«Закрыть, что ли? — широко и долго зевая, подумал Онуфий. — Да пойти пообедать… Все равно никого нет…»
Внезапно совсем недалеко, если судить по силе звука, что-то грохнуло. Громко клацнув зубами от неожиданности, Онуфий захлопнул рот и, повернув голову левым ухом вверх, удивленно прислушался. Что такое? Гром? Но на небе ни облачка! Тогда что?
Нарастающий топот ног по камням мостовой нарушил сонную дремоту улицы. Повернув голову на звук, лавочник с удивлением увидел толпу варг, во всю прыть несущуюся по улице. Каждая сжимала в правой руке меч в ножнах. Впереди всех, тоже с мечом, бежала пожилая варга с волевым выражением лица.
Тум-тум-тум! — прогрохотали мимо лавки по камням каблуки их высоких сапог.
Мгновение — и Онуфий смотрит на их удаляющиеся спины, ловя себя на том, что у него от удивления отвисла челюсть.
Хоп!
Подобрал он ее.
Хоп!
Исчезли за поворотом улицы бегущие варги.
И снова тишина… И пустота… И солнце жарит по-прежнему. Как будто ничего не было…
Куда это они? Больше десятка пробежало. Интересно, что случилось? Может, стоит сходить, посмотреть?
Он высунулся на улицу и вытянул шею, стараясь еще хоть что-то увидеть. Но смотреть уже было не на что.
Внезапно сзади послышался нарастающий грохот. Повернувшись, Онуфий увидел стремительно приближающуюся открытую повозку. Возничий совершенно не обращал внимания на то, что улица вымощена неровным булыжником, и гнал двух лошадей так, насколько они были согласны «гнаться». Экипаж гремел, трясся и подпрыгивал. Его швыряло из стороны в сторону по всей ширине улицы. Грохот был просто страшенный!
Секунда — и повозка с двумя пассажирами, что есть силы ухватившимися обеими руками за борта, проносится мимо лавки. В одном из них, в человеке с развевающейся пышной седой бородой, лавочник с удивлением узнал ректора магического университета. Несколько секунд удаляющегося грохота, искр из-под железных ободьев колес — и повозка исчезает за поворотом, там же, где и варги. Но постепенно стихающий шум слышен еще несколько секунд.
«Закрыть! Закрыть и бежать смотреть, что там случилось! — подбирая вновь отвисшую челюсть, подумал Онуфий, соскакивая с прилавка. — Быстро, быстро! Иначе все прозеваю!»

Стефания.

Сила широко и свободно течет сквозь меня, даря неведомое ранее ощущение могущества. Когда-то я себе так это и представляла, как это будет. Сбылось. Но опять как-то не так. Все не так! Все, что сбылось, сбылось не так! И сейчас. Вместо того чтобы направить ее на создание чего-то нужного и полезного, я пытаюсь ею убить… Убить, чтобы поквитаться за своего друга…
Ха-аркк!
По крутой траектории стремительно взлетев вверх, на меня обрушивается очередной огненный шар с извивающимися вокруг него щупальцами пламени.
Тшш…
Щит вокруг меня на миг темнеет, покрываясь темно-красными разводами, очень похожими на кровеносные сосуды. Через мгновение он впитывает в себя все пламя. Меня опять встряхивает от пяток до макушки. Чувствую, что волосы у меня встают дыбом.
Да сколько же там у тебя?! Когда ж ты сдохнешь?!
Упрямо закусив губу, выбрасываю ладони с растопыренными пальцами вперед.
— Ха!
В углу двора, там, где огненный маг, вновь мельтешение и мерцание. Опять не пробила!
Эх! Если бы я что-то умела! Если бы меня Эри еще чему-нибудь научил! Кроме щита…

Если его щит не могут пробить настоящие маги, то уж какое-нибудь его боевое заклинание наверняка бы пробило щит этого мага!
Бросаю быстрый взгляд в сторону. Туда, где варги сражаются с охраной. Охраны гораздо больше, однако варги пока успешно сдерживают толпу. Расположившись за невысоким, по пояс, каменным заборчиком, они не дают нападающим возможности пройти узким проходом. Двоих они уже убили, и поэтому к ним суются очень осторожно. Я бы им помогла, но варги находятся рядом с толпой… В кого я попаду?
Ха-аркк!
Тшш…
— Ха!
Проклятый! Опять он! А говорят, что часто делать заклинания нельзя! Это не часто? Как же тогда выглядит часто? Вот первый маг — тот недолго меня мучил. После первого же его заклинания я ударила по галерее на втором этаже, откуда он атаковал меня. Та обрушилась вниз вместе с куском стены и частью крыши. Получилась огромная куча из камней, черепицы и досок. Больше этот маг не появлялся. Может, его завалило? Так же просто получилось со стрелками-арбалетчиками, взявшимися стрелять в меня с круглой башни у дома. Удар — и башня, лопнув наискосок у основания, съезжает верхней частью вниз. Грохот, вопли и огромная груда камней. И больше ни одного арбалетного выстрела в мою сторону. А вот огненный маг… Уже несколько раз в него попала, судя по внешнему виду, а ему все равно! Знать бы, что я делаю не так!
Слева раздаются ликующие вопли. Смотрю туда. Нападающие, положив на заборчик несколько длинных копий, тычут ими в варг, вынуждая их отступать. Те пятятся, уворачиваясь от острых концов. Еще немного — и они будут вытеснены за угол. Прямо на мага, который на другом конце двора!
«Нужно бежать, встать между ними и магом! Закрыть их собой! Мой щит он не пробьет!» — озарила меня мысль, но выполнить намерение я не успела.
Нападающие разражаются яростными воплями и проклятиями и, бросив копья, подаются назад, выставив вперед клинки.
Варги! Сзади из разрушенных ворот выбегает отряд варг и, не снижая скорости, мчится на помощь своим. Стремительным броском преодолев открытое место, они подлетают к заборчику и с ходу прыгают через него. Обороняющиеся разражаются новыми воплями ярости, оказавшись лицом к лицу с противником.
Ха-арккк!
Тшшшш…
— Ха! Ой!
За магом, породив облако пыли, с шумом обрушивается стена дома, стоящего уже на другом дворе. Не попала…
Слева продолжают орать. Но вопят уже скорее испуганно. Смотрю. Под стремительное мельтешение блестящих мечей варги теснят охрану, загоняя их за угол. Крики становятся тише. Похоже, они справятся…
Ха-аркк!
Тшш…
— Ха!
Дом за спиной мага обваливается полностью. Из груды камней в облаке пыли во все стороны торчат темные балки. Снова не попала! Почему? Что делаю не так? Варги-то справятся, а вот я…
«Кто бы помог… — тоскливо подумала я, глядя на уверенно размахивающего руками противника, не выказывающего ни капли усталости. — Сколько это будет продолжаться?»
Дж… ж… ж… ж…
Сверкающая белая сфера стремительно пронеслась откуда-то из-за моей спины через весь двор, оставляя за собой сияющие искры.
Сви… саах! — полыхнула она крестообразным выбросом столпов света из ослепительно-белого шара.
«Все! Он мертв! — с абсолютной уверенностью поняла я. — Огненный мертв!»
Резко оборачиваюсь.
Ректор Мотэдиус! И магистр! Магистр держит между ладонями переливающийся желто-красным шар. Оба пристально смотрят на меня. Совершенно не думая, делаю руками движение в стороны, вливая в свой щит силу. Тот на миг становится видимым, превращаясь в полупрозрачную темную пленку. Маги делают шаг назад. Магистр убирает шар вбок, словно собирается его кинуть, а ректор поднимает правую руку с раскрытой ладонью вверх и что-то говорит с успокаивающими интонациями.
Бездумно смотрю, как движутся его губы, не вникая в слова. Ректор замолкает. Пауза. Молча смотрим друг на друга. Я ощущаю ужасную пустоту в своей голове. Чувствую, что

пора обновить щит. Вновь делаю движение руками. Ректор с магистром опять дергаются. Мотэдиус снова поднимает руку и говорит. Опять тупо смотрю на его шевелящиеся губы. Нет ни единой мысли, ни чувства. За их спинами, в разрушенной арке ворот, появляются еще несколько наших преподавателей. Они торопливо подбегают к ректору и останавливаются. Все смотрят на меня. Я на них. Внезапно краем глаза сбоку замечаю движение. Варги! Выскочив толпой из-за угла дома, они резко останавливаются. Похоже, маги для них — неприятный сюрприз. А две из них… Две из них держат на руках мешком висящее тело… тело… Эри! В голове что-то словно щелкнуло. Эри!
Срываюсь с места и бегу к ним. Увидев это, варги смыкаются передо мной, словно не желают отдавать его. Мечи они выставляют вперед.
Это еще что такое? Мы же только что вместе сражались! А теперь они повернули оружие против меня? Они что, с ума сошли?
— Немедленно пропустите меня! Это же я! Вы что, не узнали меня?! — кричу я, подбегая.
Несколько мгновений агрессивного молчания, затем, повинуясь раздавшемуся откуда-то из-за их спин приказу, варги опускают клинки и расступаются, освобождая проход.
Подбегаю к Эри и останавливаюсь как вкопанная.
Безвольно висящие руки, закинутая голова, белое, без единой кровинки лицо…
— Что… Что с ним?!
— Госпожа, он жив! Нужна срочная помощь целителя!
— Жив?! ЖИВ! Он жив!!!
Оборачиваюсь к ректору и кричу, что есть сил, как только могу:
— Помогите! Ну помогите же! Не стойте!

— Ваше величество! В столице чрезвычайное происшествие! Только что поступило сообщение, что маги начали войну против Белого ордена. Они напали на один из особняков, принадлежащий им.
— Что-о? — Брови императора лезут на лоб. — Что-о? А ну дай!
Император резким движением вырывает из рук секретаря депешу и быстро пробегает глазами текст сообщения.
— Совсем… охренели! — кривит губы император и оскаливается. — Тревога по гарнизону! Гвардию во дворец! Усилить охрану! Утроить караулы! Пятерки убийц магов ко мне в приемную! Гонца в Верховный совет магов! За разъяснениями! Дежурных магов дальше варг ко мне не подпускать! Гонца в Белый орден! Хочу знать, что они скажут! Найти моего первого советника! Прислать сюда! Выполнять! Немедленно!
Секретарь как ошпаренный метнулся в приемную.
— Все просто с ума посходили! — с чувством произносит Хайме, резким движением рук в стороны разрывая сжатый ладонями листок. — Я вам устрою! Войну…

— Господин верховный магистр! Маги напали на особняк магистра Ленида Реймса. Сейчас там идет бой. Просят помощи.
— Что-о? — Брови магистра лезут на лоб. — Что-о? Они что, с ума сошли, что ли?
— Не могу знать, господин верховный магистр. В сообщении ничего об этом не сказано! Каковы будут указания?
— Мм… Тревога по ордену! Паладинов — в главную резиденцию! Выдать им амулеты! Усилить охрану! Гонцов — в провинцию, пусть будут готовы выступить! Оповестить и собрать членов совета в зале совета! Послать гонцов к императору и Верховный совет магов. За разъяснениями!
Отдельного гонца — к императрице, с уведомлением о произошедшем! Отряд поддержки — в особняк Реймса! Мы им устроим войну!
— Как ты себя чувствуешь?
— Мм… госпожа магесса, вам не кажется, что как-то все… мм… стало повторяться? Это ведь уже третий раз, когда я попадаю в ваши надежные руки? Не так ли?
— Кто ж виноват, что ты находишь столько приключений на свою… свою голову?
— О, уважаемая госпожа, вы не правы. Это они! Они меня находят! Просто ходят толпой следом и караулят за каждым углом! Я так страдаю, госпожа Элеона, так страдаю! Если бы вы только знали, как! Мир так жесток ко мне…
— Хочешь, я все же включу тебе в процедуры клизму? Многолетний опыт показывает, что после ее отмены настроение пациентов резко улучшается…
— Все бы вам шутки шутить над больными людьми, госпожа магесса! А им так хочется простого, человеческого сострадания…
— Милый ты мой страдалец, сам подумай, чего ты просишь? Сострадания от целительницы с таким стажем, как у меня? Ты это серьезно? Если бы я сострадала всем моим больным, я

бы и университет не закончила. Курсе на третьем, пожалуй, и закопали бы. Так что сочувствия предоставить не могу, могу предложить только клизму.
— Ах, госпожа Элеона, вы просто разрываете мое сердце! Я готов умереть…
— Ага. Умереть! Конечно. Но знаешь, красавчик, с твоей живучестью сделать это будет очень непросто. Когда тебя привезли после вашей практики, я, честно говоря, и не рассчитывала, что ты встанешь. Но ты встал. И не только встал! Встал и еще пошел! Теперь тебя буквально чуть ли не отодрали от Камня слез. И вот ты лежишь передо мной, зубоскалишь и набиваешься на какое-то сочувствие. Скажу тебе откровенно. После такого не живут! И то, что ты лупаешь сейчас своими глазами, — нонсенс! Этого просто быть не может! Ты недоразумение! Понятно тебе? Тебя спокойно можно брать на работу в качестве объекта для опытов младших курсов. Уверена, что даже они не смогут тебя угробить!
— Спасибо за доверие, госпожа. Я подумаю над этой неожиданно открывшейся перспективой. А что там с Камнем слез? После чего не живут? Он же вроде как бы без смертельного исхода? Слышал, что он просто лишает магии, и все.
— Не в твоем случае. У камня есть не только эта способность. Взгляни на свои запястья!
— Ух ты! Что это такое?
— Следы от магии наручников. Такие же у тебя на щиколотках. Камень не только уничтожал твой дар. Он еще пил из тебя жизнь. Все можно использовать по-разному… Ты меня понимаешь?
— О да! А где этот кудесник? Который его так использовал?
— Убит. Убит при штурме.
— Жаль… очень жаль… Что ж он так? Не сберег-то себя?
— Острая желудочная неперевариваемость варговских шотанов.
— Да… Серьезная причина. Не повезло мне… Я надеялся на встречу.
— Жизнь полна разочарований… Чем дольше живу, тем больше убеждаюсь в этом.
— И не говорите, госпожа! А чем там дело кончилось? С моим похищением?
— Кончилось? Ничего еще не кончилось. Столица буквально кипит. Стефания, вытаскивая тебя, вместе с варгами разрушила особняк видного магистра ордена. Пока они там крушили все подряд, в орден успели послать за помощью. Отряд паладинов успел к самому концу, застав на развалинах нашего ректора, наших преподавателей, магистра из службы безопасности, Стефанию и отряд варг. Паладины повели себя неадекватно, поскольку людей, которые угрожают архимагу, нормальными не назовешь. Мотэдиус, конечно, умеет держать себя в руках, но всему есть, как говорится, граница. Но если он сдержался, то твоя подружка — нет. Отряд ордена преградил дорогу, препятствуя доставке тебя к целителям. Стефания не стала ждать, пока они до чего-то договорятся с ректором, и организовала себе другой путь. Она разломала все каменные заборы и два дома на пути к университету, ведя несущих тебя варг кратчайшим путем. В четырех кварталах разрушения. К счастью, никто не пострадал, но жалоб на нее написали кучу. Пока тебя доставляли к целителям, на место происшествия прибыли маги из отряда охраны столицы. Паладины оказались зажаты с двух сторон, но гонору, по рассказам свидетелей, у них не убавилось. Уж не знаю, на что они рассчитывали, но ситуация была обострена до предела. Неизвестно, чем бы это все закончилось, но тут примчался отряд императорской гвардии вместе с первым советником. В общем, он-то и успокоил всех, разведя по разные стороны… руин. Император в страшном гневе. Такое устроить, да еще в столице! Мало того что у империи появилась проблема с порталами мятежников, так еще со дня на день ожидается прибытие эльфов из Вечного леса. Говорят, что они наконец решили открыть у нас посольство, а тут такое творится! Хайме просто в бешенстве. Мотэдиус так охарактеризовал его состояние. Вот кратко все новости. Думаю, что Стефания тебе расскажет подробнее. Не буду лишать ее этой возможности. Заслужила.
— А где она?
— Где? У себя, наверное. Тут было предложили посадить ее в камеру до выяснения обстоятельств, но Мотэдиус в присутствии императора заявил, что не найдется в империи такой тюрьмы, которая устоит, когда он придет за своей студенткой. Наш совет его безоговорочно поддержал. Так что твоя Стефания жива и здорова и находится здесь, в университете. Ректор только запретил ей выходить в город, а так… Наверняка придет навестить тебя после того, как уйдут дознаватели.
— Вам не кажется, что уже становится традицией, что после вас приходят дознаватели?
— Я-то тут при чем? Похоже, это твоя судьба…
— Какая она… предсказуемая! Скучная такая судьба!

— Твоих рук дело? — Император ледяными глазами смотрел на супругу.
— Какое? — осторожно поинтересовалась та. Императрица не один год прожила в браке и прекрасно знала своего благоверного. Сейчас он находился в состоянии «лучше не

трогать». В такие моменты Хайме был способен на любой жестокий поступок, особо не разбираясь, кто перед ним. Лучше всего было в это время рядом с ним не находиться.
— Ты подкинула этим ублюдкам идею похитить Аальста?
— Ты что, за дуру меня считаешь?!
— Я задал вопрос.
Стеклянные глаза императора ничего не выражали.
— Нет! Ничего я им не говорила и не подсказывала!
Несколько секунд император гипнотизировал втянувшую голову в плечи жену.
— К моему огромному сожалению, я не могу отправить тебя в деревню… — наконец медленно произнес он. — Эльфов мы должны встречать вдвоем… Иди и сиди в своих покоях! И не дайте боги, если я увижу хоть один белый балахон! Даже рядом. Хоть один балахон. Ты меня поняла?
Императрица торопливо кивнула.
— Все! Иди к себе!
Не меняя положения, Хайме проводил ее глазами до двери, пока та не закрылась за ней.

Несколько дней спустя

— Ваше величество, ваш младший сын собирается совершить небольшой побег из дворца.
— Вот как? — поднял брови император. — И куда же это он собрался?
— Принц намеревается тайно посетить магический университет, где проживает одна известная вам особа…
— Так… — заинтересованно протянул император, откидываясь на спинку кресла. — Так! Один? Или Сюзанна вместе с ним?
— Нет. Ее высочество в планы брата не посвящено. Я думаю, что коль дело идет о сердечных делах, наличие сестры будет помехой…
— Сердечные дела?
— Да, ваше величество, ничего кроме них.
— Хм… Знаешь, что, Робэрто… Пусть парень развеется. Обеспечь ему безопасность, и пусть сбегает. А то сидит сиднем в четырех стенах целыми днями, книжки читает. Знания — это, конечно, хорошо, но и мужские поступки тоже совершать нужно. Ночная вылазка за приключениями — это то, что нужно в его возрасте.
«И то, против чего была бы категорически против его мама!» — подумал про себя император и продолжил:
— Только сына в известность не ставь. Пусть думает, что это он все организовал. Возьми варг, пусть проследят.
— Как прикажете, ваше величество!
— Кстати, что тебе сказала Эста, когда объясняла причину, по которой они кинулись на орден?
— Леди Эстела утверждает, что имеет на руках приказ об охране Аальста, который выдан, еще когда его отправляли на практику. Приказ никто не отменял. Это действительно так. Я проверил. Как выдали, так и… забыли.
— Здорово у вас идут дела, советник, просто здорово!
— Дело в том, ваше величество, что это не наше ведомство. Приказ проходил через военную канцелярию. Они не отменили. Моей вины тут нет. Но если бы не эта их невнимательность, Аальста бы убили!
— Скажу, что не такая уж большая потеря, — скривился Хайме. — Мне последнее время стало казаться, что Аальста как-то стало слишком много для столицы. Слишком много… Ты не находишь?
— Да, ваше величество. Все последние события так или иначе происходят с его участием…
— А что сказала Эста по поводу того, что она неслась впереди своих кошек, словно разгневанная фурия? Что, личное присутствие начальницы тайной стражи Этории было так необходимо при его освобождении?
— Ваше величество! Леди Эстела просила передать самые искренние заверения в своей преданности и преданности всех варг лично вам и империи, ваше величество. Она просит вашей милости к ним, несправедливо оболганным и лишенным вашего расположения. Леди объясняет свое личное присутствие в особняке невозможностью допущения провала полученного приказа. Леди Эстела просит найти и покарать лжецов, испачкавших их доброе имя верных слуг империи, и сообщает, что они и впредь, как раньше, не будут щадить своих жизней, выполняя ваши приказания… Вот, пожалуйте, полный доклад…

— Ну да, — хмыкнув, сказал император, глядя на легшие ему на стол листки, — если бы еще и охраняемого ими Аальста грохнули… Вот она и понеслась. Понятно. А что она там про лжецов сказала? Они что, сами найти не могут того, кто книжонку тиснул?
— Похоже, нет, — пожал плечами советник.
— И ты не можешь. Замечательно. Похоже, что сделать это могу только я, поскольку все просят меня. Просто замечательно!
— Ваше величество, уверяю вас, что в самое ближайшее…
— Все, хватит! Я уже это слышал! Сосредоточься на ордене. Похоже, что книжка — это их рук дело. Слишком много о себе думать стали. Это же уму непостижимо! Украсть студента-мага для вызова демона! И это Белый орден! Слов нет! Нет, просто нет слов! И еще имеют наглость оправдываться! А может, те призывы, о которых они сообщали, — это их рук дело? Как думаешь? Хотя… Тогда зачем они об этом сообщали? Могли просто промолчать — и все. Прибор-то у них. Странно…
— Прибор уничтожен, ваше величество, уничтожен вместе с башней.
— Вообще замечательно! Просто прекрасно! Теперь по столице толпами будут шастать демоны, а мы даже знать не будем! Чудесно.
— Обещают восстановить в течение года…
— А год тут будет проходной двор? И именно когда приедут эльфы. Может, это специально все устроено? А?
— Нельзя полностью исключить такую возможность, ваше величество…
— Вот и не исключай! А насчет варг… они так и не нашли двух виновниц, которых я приказал выдать! Какая им милость?
— Не могут найти, ваше величество! Говорят, что, похоже, их убили. Вполне возможно. Вы же знаете, что за ними сейчас идет настоящая охота.
— Ты, никак, просишь за них?
— Полезные зверушки, ваше величество. Деваться им некуда. С магами и с орденом им не по пути. Только на вашу милость и рассчитывать. Преданней вам в империи, пожалуй, не найти.
— Знаю. Но тоже борзеют, как только вожжи отпустишь. Пусть им будет это уроком. Что конкретно хотят?
— Вашего покровительства и службы, как прежде, ваше величество.
— Хорошо, я подумаю. Кстати! У Аальста ведь были с ними проблемы? Не так ли?
— У вас превосходная память, ваше величество…
— Тогда сделай так. Назначь Аальсту варг в охрану и ушли куда-нибудь подальше с глаз моих! Хватит ему столицы! Пусть они где-нибудь в провинции друг другу кровь пьют. Ты меня понял?
— Все будет сделано, ваше величество!
— Только без жертв! Пусть они его охраняют как члена императорской семьи. И ему об этом скажите. Думаю, варги тоже будут не в восторге от такого.
— Будет исполнено, ваше величество…

Эри

Я сегодня не такой как вчера!

Я сегодня веселый и злой!
[37]

Хорошая песенка. Подходящая под ситуацию. Действительно не такой: злой, веселый. Не такой, потому что магия вернулась. Веселый — от этого факта и еще оттого, что жив остался. Злой, потому что все опять через ж…! И опять все продолжают меня доставать! Когда же меня оставят в покое и я смогу наконец заняться своими делами?! Безобразие! Как говорила Фрекен Бок, куда смотрит правительство?
Магия вернулась, но ощущалась теперь она очень и очень странно. Ну вот как это объяснять? По-простому, так сказать, на пальцах, чтобы было понятно? Хорошо. Вот представьте, что вы сидите за обеденным столом, плотно уставленным всяческой едой. Вы

голодны и усиленно работаете челюстями, пережевывая выставленное и отправляя его внутрь себя. Через какое-то время наедаетесь и сыто откидываетесь назад, чувствуя, что в вас уже больше не влезет ни кусочка. И вот тут-то вы внезапно замечаете несуразность! Желудок, набитый едой, ощущается не там, где обычно (пониже грудной клетки), а скажем… скажем — в локтях! Или коленях! Или пятках! Причем никакого дискомфорта при этом нет. Желудок благодушно урчит, переваривая еду, тело наполняет приятная сытость, но вот только все не так! Все не там! Но все работает, и ничего не болит! Абсолютная чушь! Так же и с моей магией. Да. Вернулась. Примерно на том же уровне, что и была. Да. Заклинания получаются. Но странно-престранно все так ощущается! Совершенно непривычно! Наверное, вроде того, как если бы правая рука стала левой, не утратив своей сноровки. Похоже, мое лежание на магическом лежаке даром для меня не прошло. Способности после него вернулись — но с вывертом. Интересно, почему так случилось? Он же вроде наоборот, предназначен для обнуления способностей, а мне он их вернул… Странно… А может, причина в том, что я был уже их лишен, когда на него попал? Произошла перегрузка чего-нибудь или где-нибудь? Минус на минус дал плюс? Или, может, магистр, пытаясь убить меня, врубил на нем какой-то не тот режим? Все возможно… Короче, лично у меня ответа на этот вопрос не было, но и спрашивать об этом я никого не стал, так как никому не сказал, что обрел свои способности вновь. Я еще не решил, стоит ли делать этот факт достоянием общественности, или нет? Что мне будет выгоднее — объявить об этом или продолжать прикидываться больным?

Оба варианта имели свои плюсы и минусы. Поэтому я неспешно определялся, благо торопиться было особо некуда. Больным пока было быть лучше. Давало дополнительные бонусы при общении со всеми заинтересованными лицами. С нашей службой безопасности, с имперской охраной, с дознавателями Белого ордена. Когда я от них окончательно уставал, то начинал ссылаться на истощение жизненных сил и невозможность дальнейшего нашего общения. Конечно, не по первому звуку от меня отставали, но мое состояние принимали во внимание. Правда, в конце концов кто-то сообразил или заподозрил чего, и на наши беседы стали постоянно приходить целители, присутствии которых «номера у фокусника» не получались. Кровопийцы! Однозначно. Я всем с первого раза рассказал все как было, ничего не скрывая и не приукрашивая, решив отложить принятие решения о виновности всего ордена передо мной на потом. Тем более что каша там была такая, что концов сразу не найдешь. Верхушка ордена клялась и божилась, что ни сном, ни духом, что все это дело рук инициативного идиота, в руки которого попали древние знания. Вполне возможно, что так и было. Не чувствовалось, что они врут. Может, я действительно попал в руки «предпринимателя»? Его убили, кару он понес, и, в общем, я был готов удовлетвориться этим. Затевать сейчас еще возню с орденом у меня не было никакого желания. Не могу никак заняться своими делами, а мне еще тут орден на голову! Так и проторчишь здесь со всякими мстями до наступления пророчества! Некогда мне! Тем более что я с варгами еще до конца не разобрался, да и о богах забывать не стоит.

Маги совета были просто до глубин душ потрясены обнаружением еще одного, не задокументированного Камня слез. Его же только против магов применяют! Это что же — тайная пыточная для них? Значит, орденцы готовятся к войне с магами? Уже начали первых воровать? Для опытов? Ну ничего себе!

Те же крестились и открещивались всеми перстами сразу. Типа и в мыслях не было! Когда касались вопроса моего похищения в присутствии Мотэдиуса, ректор буквально закипал от ярости. Ка-ак? Кто-то посмел поднять руку на его студентов? Ну ничего себе! Лучше было при нем этого вопроса не касаться. Особенно орденцам.

Император был в бешенстве от устроенного погрома в столице и от того, что две крупнейшие, так сказать, государствообразующие компании чуть не ринулись бить друг другу морды буквально накануне очередной войны. Плюс еще полное игнорирование законов. Законов, которые он самолично устанавливал. И подписывался под каждым. Ну ничего себе! Демократия в империи наступила! А он и не знал… Или анархия… Короче, что-то наступило. Но никак не власть императора.

Словом, орден драли с двух сторон так, что только перья летели. Орденцы при встречах на меня смотрели волком, видно назначив виноватым за все, и лучились улыбками, за которыми явно представляли, как сворачивают мне шею. Ну это мы еще посмотрим, кто тут главный виноватый будет! На Стефи они так же смотрели. Ее тоже пытались «ощипать». Однако «перо в ней сидело плотно». Я ей сразу сказал: открываешь свод законов гильдии и шпаришь по писаному сверху вниз. А именно — параграф о защите ее членов. Ты ни одного пункта из него не нарушила. Так что посылай всех хитромудрых читать законы. И не парься.

— А если будут спрашивать, как я узнала, что ты там?

— Варги. Они сказали.

— А если бы они ошиблись?
— Если бы да кабы. Победителей не судят! Меня спасла? Спасла! Столицу от демонов спасла? Спасла! Гнездо порока и зарождающейся измены вскрыла? Вскрыла! Все! Все в сад! Тебя только за излишнюю доверчивость пожурить можно. Но ты девушка, так что с тебя взятки гладки. А потом, с возрастом доверчивость проходит. Так можешь и сказать. Пообещай с серьезным видом, что вырастешь и станешь страшно подозрительной. Посмеются и отстанут.
Так и вышло. Так что вот такие пироги. Стремительно надвигался конец месяца, и маячил следующий. А первого сентября балы первокурсников по всем учебным заведениям столицы. Как обычно, приедет толпа дворян, сопровождая на учебу своих детей. Плюс все только и говорили о прибытии в столицу эльфов Вечного леса. Понятно, что без празднований по этому поводу тоже не обойдется. В общем, тут было не до углубленных разборок. Требовались тишь и покой, дабы не омрачать ежегодное веселье, да и перед гостями не хотелось в грязь лицом ударить. Так что император, похоже, намеревался завершить разбор полетов как можно быстрее. Не затягивая.
Ну и чудненько! У меня тоже тут торчать желания нет. Поеду с намеченными визитами к магистрам узнавать о порталах. Мне кажется, смысла оставаться здесь нет. Не будет мне сейчас архивов. Вот печенкой чувствую. Все вокруг какие-то чересчур активные, я бы даже сказал, перевозбужденные. Нужно дать им время успокоиться. Полгодика или годик, скажем. А потом можно будет и вернуться… Если понадобится. Может быть, я и без возвращения обойдусь. До первого сентября дело гадского ордена, надеюсь, закроют, от меня отстанут, гульну на балу у первокурсников напоследок, да и свалю. На волю, в пампасы! За порталами! Подготовлюсь, а то с этим следствием в город не выйдешь. Главное — нужно будет новое лицо сделать. Качественное. А в тот раз… я так и не понял, как варги тогда меня вычислили? Я ведь был в маскировке! Но раз вычислили, значит, есть способ. Однако, как говорится, на всякий крейсер найдется свой линкор. Есть способ противодействия, есть. Возни только много. Но придется повозиться, коль пошла такая пьянка. Неприятно будет, если меня вдруг кто из ордена в каком-нибудь дорожном трактире признает. Или из варг. Плохо будет. Им плохо. А я ведь великий гуманист. Зачем обижать сироток? Поэтому пусть я буду лучше неузнанным. Такой вот я пацифист. Хе-хе…
С варгами, кстати, был небольшой разговор. Жил я по-прежнему в своей комнате, в университете, а вот на всякие дознания мотался в здания службы безопасности в сопровождении охраны. А в охране — варги и пара магов.
Так вот, вышел у нас с леди Налией небольшой разговор. Смотрит на меня и молчит. Смотрит и молчит. Но смотрит.
— Вы хотите о чем-то поговорить? — пришел я ей на помощь, решив узнать, что таит ее молчание.
— Я потеряла двоих из моей пятерки.
И опять молчание.
— Прискорбно, — сделав как можно более равнодушное лицо, прокомментировал я.
— Они умерли, защищая вас, — сузив глаза, продолжила Налия.
— И что? Хотите сказать, что я что-то вам должен? Не нужно этих дешевых трюков. Я осведомлен о приказе, который забыли отозвать. Поэтому ваши подчиненные погибли не по моей вине. А по вине какого-то забывчивого головотяпа. Вот к нему и обращайтесь с претензиями. Ведь, если бы не приказ, вас бы со мной рядом не было. И все ваши были бы живы. К нему, леди, к нему! Я вам ничего не должен!
— Если бы не приказ, вы бы тогда сейчас со мной не разговаривали!
— История не знает сослагательных наклонений, леди. Что случилось, то случилось. На вашем месте, я бы похлопотал об отмене этого зависшего указания, если не хотите терять своих варг. Вы же уже убедились, что со мной рядом опасно.
Та поджала губы и больше не проронила ни слова, хотя внутри просто кипела. Не, я совершенно не самовлюбленный тип и прекрасно понимаю, что они много сделали, чтобы спасти мою шкуру. Пусть даже и по приказу. Но этот наезд… С попыткой привить мне чувство вины и ощущение, что я им должен… Да пусть валят в свою Эторию! С таким налаживанием добрососедских отношений. Хамки!
Стефания, ставшая свидетелем нашего общения, попыталась потом высказать мне, что я не прав… Что если бы не они, то…
В ответ я глянул на нее так, что она осеклась.
— Хочешь дружить с ними, дружи. Твое дело. Только без меня. Я же к тебе в душу не лезу? Вот и ты ко мне не лезь! Ладно?
— Лезешь… — хмуро сказала она. — Иногда…
— Ладно. Лезь. Но только аккуратно, чтобы я не замечал. Не так, как сейчас. Понятно?
Стефи глубоко вздохнула.

Свежая идея

Таверна, где-то в империи. За столом, невидимые никому из смертных, сидят двое.
— Слушай, Коин, мне тут мысль в голову пришла…
— Какая, Марсус?
— Ты знаешь, я как-то помогал мятежникам в надежде, что под шумок сражения нашего избранного убьют…
Бог войны задумчиво оттопырил губы, словно припоминая.
— И что? — терпеливо спросил бог торговли.
— Не вышло. Но зато появилась свежая идея насчет того, как привязать его к нашему миру.
— И как?
— Если с любовью у Миры ничего не вышло, то, может, тогда выйдет с дружбой? Боевой дружбой. Давай мы с тобой империю завалим, а?
— В смысле завалим?
— Устроим здоровенную войнушку! Смотри, что получится! Война… это война! От нее не сбежишь и не скроешься, если полыхает все кругом. Придется выживать. Как выживают в войну? Правильно, сбиваясь в кучу, в отряды. Одиночки долго не живут. А там сражения, битвы. Сегодня ты прикрыл чью-то спину, завтра кто-то прикрыл тебя. И вот у тебя есть друзья. И не простые, а те, с кем ты вместе рисковал жизнью, сражаясь. Понимаешь? Это тебе не любовь. Это долг! Он может оказаться и посильнее ее. Как думаешь, отдаст избранный жизнь за тех, кто рисковал своей ради него? Или нет?
— Хм… — задумался Коин, барабаня пальцами по столу, — интересная мысль…
— Я думаю, что рискнет, — продолжил Марсус. — Демон, похоже, парень нормальный. У них, у демонов, всегда заморочки с клятвами. Не любят они их приносить. Почему? Потому, что слово «долг» для них не пустой звук. И наш тоже такой же. Сразу стал обеими руками от себя грести, едва лишь заговорили об обязательствах и клятвах. Давай мы повесим на него долг крови? А? Пусть оплатит! Демон он или нет? Как тебе моя идея?
— Ты знаешь, — с уважением посмотрел на него бог торговли, — я бы сказал, что это очень даже… даже, очень… очень!
Марсус расправил плечи и с гордостью выпятил грудь.
— А как ты собираешься все это организовать? Ты ведь знаешь про наказание за вмешательство? — спросил Коин.
— Я, кажется, придумал, как сделать это без риска для себя. Нужно просто вооружить соседей. Особенно заклятых врагов. И все. Империя ведь со всеми повоевала. Мир сейчас потому, что силы примерно равны. Но если кто-то станет сильнее… Ну ты понимаешь?
Коин кивнул.
— А чтобы было безопасно, нужно не говорить им, что они должны делать. Пусть сами решат. И поэтому, когда они вдруг вздумают напасть на империю, то это решение будет их и только их! И ничье больше! Мы здесь будем ну совершенно ни при чем! Абсолютно! Как тебе такая идея, а?
— Забавно, — хмыкнул Коин, — ну не то чтобы уж совсем ни при чем… Но вполне возможно, что это сработает… А если они вместо того, что нам нужно, начнут резать друг друга?
— Ну тут уж, — развел огромными руками Марсус, откидываясь назад, — судьба! Хотя знаю я этих соседей!
Бог войны пренебрежительно махнул рукой.
— Империя — самая большая. Шакалы сначала собьются в стаю, чтобы загрызть льва. А рвать друг друга они станут позже, когда его не станет. Вот увидишь!
— Что ж… идея выглядит очень перспективно, — немного подумав, сказал Коин, — очень интересно! Нужно только тщательно обдумать…
— Конечно! А Данае в пустошах развести каких-нибудь лютых хищников. В огромных количествах! Пусть они с другой стороны в империю лезут. За жратвой! Их даже и подгонять не нужно будет. Сами дорогу найдут. И мы тут опять ни при чем! Это они сами!
— Да ты стратег, Марсус!
— А ты думал? Я же бог войны! Но только на это на все несколько лет понадобится. Завтра не получится.
— Был бы результат. Пара-тройка лет — это ничто. Прах…

Тук, тук, тук…

На улице идет дождь… большие капли стучат по железному подоконнику…
Тук, тук, тук…
Ветер качает мокрые ветки деревьев… промозглая и сырая темнота…
Тук, тук, тук…
А под одеялом у меня тепло и сухо…
Тук, тук, тук…
Так! Это не дождь. Это стучат мне в дверь. А сколько времени? Где тут… этот счетчик времени? Полтретьего… Охренеть можно! Это ж кого там принесло в такую рань?
Тук, тук, тук…
— Щас!
Не желая вылезать из-под одеяла, заворачиваюсь в него и, так и не разлепив левый глаз, задев по пути бедром стул, шлепаю к двери.
Тук, тук, тук…
— Кто? — привалившись левым плечом к двери, спрашиваю в щель между нею и косяком.
— Могу ли я увидеть Эриадора Аальста?
Мм? Знакомый голос… Агрессии и опасности за дверью не ощущается. Отодвигаю засов и как есть, в одеяле и с одним спящим глазом, прищурив бодрствующий, выглядываю на лестничную площадку. Ба-а! Какие люди!
За дверью стоит Диний, весь в черных одеждах и с растерянным лицом. Хм… Это сон? Ладно, сплю дальше…
— Ваше высочество! Вы ли это? Что случилось? Зачем вы здесь?
Принц втягивает полную грудь воздуха, силится что-то сказать, но… Слова явно не идут ему на язык.
— Я заблудился! — наконец выдыхает он с какой-то ноткой отчаяния в голосе и сдувается, опуская плечи, словно проколотый воздушный шарик.
— Где? — не понял я, продолжая спать левым глазом и чуть качая головой.
— Здесь! Видите ли, князь, я шел совсем не к вам… Но я был тут только один раз… А сейчас темно и дома так похожи…
— А к кому вы шли? — начиная, наконец, просыпаться, поинтересовался я.
— Я… Я хотел поговорить со Стефанией… — Щеки принца начали розоветь. — Князь! Надеюсь, я могу рассчитывать на вашу порядочность?
В меня требовательно уперлись два блестящих глаза.
— Пфф… — пожал я завернутыми в одеяло плечами и почесал, вынув из тапки, правой ступней левую икру, — не вопрос. Ваше высочество, вы пришли за порядочностью именно туда, куда нужно.
«Стоп! Какие могут быть разговоры в такое время?» — задалась вопросом, похоже, наиболее проснувшаяся моя часть мозга.
— Принц, позволю пригласить вас к себе в гости. Здесь зверски дует!
— Я не один. Со мной охрана.
— Ну пусть она подождет за дверью. Как я понимаю, разговор не для посторонних ушей?
— Да я, собственно, просто хотел попросить помочь мне найти дом Стефании… Но чтобы это осталось между нами, князь.
— Конечно. Тогда, если позволите, я оденусь.
— Да, конечно! Я подожду.
— Я быстро.
Оставив открытой входную дверь, я вернулся в комнату, зажег свет и принялся одеваться. Пока я это делал, голова окончательно проснулась и принялась генерить мысли.
Так, думал я, пропихивая руки в рукава рубахи, и что же это у нас получается? Ночные разговоры. О чем? О чем может посреди ночи юноша разговаривать с девушкой? На ум приходит только одно. То, что в приличном обществе называется неприличным… У-у-у! А принц-то какой шустрый! Стефи же вроде его послала? Мириться пришел? Похоже. Итак, значит, она его впускает, он кается, она тает (это нетрудно представить, помня, сколько золота в ней светится!), прощает… А потом? А потом эта ромашка берет и дает себя сорвать! Да запросто! Ума хватит. Точнее, не хватит. Последний при виде принца отвалится. Как говорится, это к бабке не ходи! Диний, значит, затем сваливает, а мы, месяца эдак через два или три, узнаем, что у Стефании будет ребенок… Феерия! В общем-то это дело ее и его… Но! Принц тут, похоже, тайком. Думаю, что никто его не видел, кроме меня. И если Стефи начнет потом что-то блеять на эту тему, то вряд ли кто ей поверит. Особенно если Диний уйдет в отказ… Зачем, спрашивается, его маме такая невестка? Наверняка у нее уже получше на примете есть, для сыночка-то! Меня выступать свидетелем тоже как-то не тянет… Против императорской семьи? Ха! Еще в сговоре обвинят. А могут и ее беби на меня повесить! Да запросто! Сразу вспомнят, кто ее в фургоне катал. Сроки с тех пор, конечно, прошли, но если они и раньше вдвоем «катались»,

то почему бы им не «прокатиться» еще разок? Так и подумают. Сихота с два потом докажешь, что ты не верблюд. Еще и предложение сделают, от которого сложно будет отказаться: мол, бери все на себя, а мы тебе… а если нет, то мы тебя… И эта будет — с расширенными глазами и с ребенком на руках. Нагуляла! Здесь не Земля. Просто так такое тут не прокатит. И что потом делать? Проще всего просто не иметь этих проблем. И все! Поэтому… поэтому принц сегодня к Стефи не попадает! А попадает… попадает в неприятную ситуацию! Какую? Ща придумаем! Будь спок!
Одевшись во все черное, вышел к принцу.
— Пойдемте, — пригласил его за собой и начал спускаться по лестнице. Я тоже, как и Стефи, живу на втором этаже.
Небрежно поинтересовался:
— А как же вы нашли меня?
— У вашего дома растет приметное дерево. С развилкой.
А, да! Есть такой баобаб! Заметный. Что-то в принце меня напрягает… Что? Руки! Его пустые руки!
Улица встретила нас бархатной августовской темнотой, наполненной звуками цикад или сверчков. За дверью обнаружился еще один охранник. Первый нашелся под лестницей, на первом этаже. Оба мужика в черном, с черными масками на лицах. Мы с принцем вышли на дорожку, и охрана разделилась: один исчез в темноте впереди, второй где-то сзади, оставив нас вдвоем.
— Принц! Ваши пустые руки вызывают у меня когнитивный диссонанс! — поняв, что я могу с ним сделать, начал я загонять его на рельсы, под неизбежный трамвай.
— Что? — растерялся тот. — Какой диссонанс?
— Страшный. Вы идете к девушке, и в ваших руках нет цветов! Это против всех правил этикета! Это же кошмар!
— Ну… — замялся тот, — я хотел… но не знаю, захочет ли она вообще говорить… потом… из дворца… с букетом… было бы невозможно выйти незаметно… А где теперь их взять?
Опс! Его высочество не уверен, пустят ли его вообще на порог? Забавно. А что, разве нельзя было заранее позаботиться о цветах в оговоренном месте? Сплоховал принц, сплоховал… Ладно, продолжаем разговор! Это сейчас мне только на руку.
— Цветы? Это же просто! Тут недалеко есть клумба с отличными розами! Сейчас накосим на ней вам охапочку… — (Главного агронома с утра удар хватит, как пить дать, но это его проблемы!) — Не с пустыми же руками вам идти?
— Правда? — искренне обрадовался принц. — Ой, я буду вам очень признателен!
— Пустяки, ваше высочество, пустяки! А какая будет ваша тактика, вы уже думали?
— Тактика? В смысле? — озаботился принц.
— Ну как вы будете действовать? Чего вы хотите добиться от этой встречи?
— Добиться? Я хотел… просто поговорить. Видите ли, всплыли некоторые обстоятельства… точнее, я узнал… В общем, я был несправедлив к Стефании. И хотел бы извиниться.
— Все понятно. Рискну дать совет: в данной ситуации разговоры — вещь совершенно лишняя!
— Да? А… что?
— Действие, принц, действие! Смелость города берет! Никаких унылых бесед!
— А как?
Диний смотрел на меня, как на вещающего пророка.
— Просто. Ночь, лестница, окно, букет, поцелуй!
— Э-э-э?
— Только представьте: тихий стук в окно, она открывает, перегнувшись через подоконник, смотрит, тревожно вглядываясь во тьму… а там, с огромным букетом одуряюще пахнущих роз, вы, принц! И вы ее, всю такую изумленную, теплую и сонную, притягиваете к себе и целуете долгим и страстным поцелуем в нежные губы! Все! Вуаля! Она вас тут же прощает и вся ваша навеки! Разговоры только все испортят. Одно движение, один поцелуй! Он скажет и расскажет лучше тысячи слов!
— Да-а-а… — ошеломленно выдал принц, видно представляя сцену, и забавно округлил глаза. — Вы думаете…
— Че тут думать? Че думать? Действовать надо, а не думать!
— Да, действовать! Действовать! А она… не обидится?
— Ха! Сотни тысяч девушек только могут мечтать о такой романтической сцене! А у нее она случится! Да Стефи потом всю жизнь об этом вспоминать будет! Пошли за розами и лестницей!
— Пошли!

Мы накосили роз кинжалом, взяв его у одного из охранников. Принц исколол шипами все пальцы, пытаясь организовать букет-охапку. Я посоветовал использовать для их заворачивания его плащ (чем больше следов физического пребывания принца здесь останется, тем лучше).
— Она же исколет руки до крови! — аргументировал я.
Принц без звука расстегнул застежку плаща и стянул его с себя.
Хм. Похоже, он ведь сам… влюблен, хмыкнул я, присмотревшись к его ауре. Как есть, весь золотинка. Ну да ладно, все равно буду следовать возникшему плану! Хуже не будет.
Деревянную лестницу, как и розы, я тоже свистнул у агронома.
Хороший мужик, хозяйственный, с благодарностью подумал я о нем, таща ее на себе, все у него есть! И розы, и лестница… Полный набор для влюбленных!
«И лопата по хребту затейникам найдется», — хмыкнул внутренний голос.
До этого не дойдет!
Стараясь как можно меньше шуметь, я с лестницей, принц с букетом (охранники отказались что-либо тащить, ленивые уродцы!), мы добрались до домика Стефании. Я аккуратно прислонил верх лестницы к подоконнику окна ее спальни и потряс, демонстрируя принцу — мол, все железно! Лезь, не боись!
— Давайте, принц, — прошептал я, — ваш выход!
Тот кивнул, выдохнул и решительно ступил на первую ступеньку. Лестница скрипнула и слегка прогнулась. Хлипковата…
Диний уверенно забрался наверх, пользуясь только одной рукой. Второй он прижимал к себе огромный букет роз.
Пожалуй, мы с ним оба пожадничали, подумал я, глядя со стороны на его размеры. Ладно! Роз много не бывает.
Тук-тук-тук…
Тихий стук в стекло.
Тук-тук-тук…
Звяк!
Звук распахиваемой фрамуги.
— Кто там? — Сонный и немного встревоженный голос Стефании. — Ди-и-ний? Ой! Ум-ум-ум…
Ага! Судя по жующим звукам, принц приступил к поцелую! Пора!
Хрум!
Мои невидимые телекинетические руки переломили в самом низу правую боковину лестницы. Та дрогнула и поехала по стене.
Чму-ук!
Звук разлепляющихся губ.
— Ай! Ой!
— А-а-ай!
Лестница с принцем, все ускоряясь (с моей помощью!), заскользила вправо.
— Диний!
Стефи осталась висеть в окне, наполовину высунувшись и протягивая руки к «уезжающему».
— Я-а-ай! Ха!
Отшвырнув букет, взлетевший в небо фейерверком роз, принц сиганул вниз.
Бздыщ!
Направленная мною лестница со страшным звоном разбила окно на первом этаже и, громыхнув напоследок по подоконнику, упокоилась на земле.
Секунда тишины… вторая секунда… третья. Вокруг, в соседних домах, стали зажигаться окна.
— Ви-и-и! — наконец раздался ожидаемый мною женский визг со стороны разбитого окна.
Ну, все! Спалился принц! Теперь незаметно ему не уйти! Придется жениться… Хе-хе…
Из темноты выскочили какие-то варги и охрана принца…

— Да, ваше величество! Ничего страшного, просто небольшое растяжение. Завтра он сможет уже ходить. Но я бы посоветовал поберечь ногу. Пусть полежит денек.
— Да, магистр, спасибо, — уважительно покивал головой император убеленному сединами целителю сына, — я ему это накажу. Пусть лежит!
— Всего вам доброго!
— Всего доброго!
Дождавшись, пока за ним закроется дверь, император прижал руки к лицу и затрясся от беззвучного хохота, который распирал его уже минут пять, не находя выхода при посторонних.

«Боги, какой же он недотепа! — смеясь в ладони, думал император. — Пошел по девкам и вернулся хромая! В окна он сигал! Хорошо, что хоть главное уцелело! Не сломал! Ха-ха-ха! Герой-любовник! Ха-ха-ха!
Нужно отсмеяться, перед тем как идти ругать этого увальня! Там мне будет нужно серьезное лицо! Ха-ха-ха!»

— Ты предатель!
Принц перевернул, не закрывая, книгу, которую читал, и положил ее листами вниз на ворсистый зеленый плед, которым был укрыт.
— С чего это вдруг? — мрачно спросил он, глядя на возмущенную сестру, стремительно влетевшую в комнату.
— Ты мне ничего не сказал!
— А что я должен был тебе сказать?
— Что едешь в университет!
— На кой мне это было тебе говорить?
— Я бы поехала с тобой!
— Тебя мне еще там только не хватало, — ворчливо ответил Диний, уползая поглубже под плед.
— Ах ты, эгоист!
— На себя посмотри… Зачем ты мне там сдалась?
— Да хоть бы лестницу подержала! Чтобы ты не упал!
— Знаешь… что, — зашипел Диний, — иди отсюда! Оттачивай свое остроумие на служанках! Поняла?
— Что ты злишься?
— Да ничего!
— Но я же не виновата в том, что ты так неудачно выпал из окна?
— Ниоткуда я не выпадал! А ты, я вижу, пришла поиздеваться? Да?
— Диник, не злись.
— За Диника сейчас отдельно получишь!
— Ты его видел?
— Кого?
— Аальста.
— Видел, — вздохнул принц.
— Он… как?
— Нормально.
Принцесса прикусила губы. Пауза.
— Он… обо мне… спрашивал?
— Не-а, — с легким злорадством ответил Диний.
Пауза.
Сюзанна резко развернулась и, не произнеся ни слова, вышла из комнаты.
Принц хмуро посмотрел ей вслед, снова вздохнул и поднял книгу…

Быстрый взгляд блестящих глаз. Взлет ресниц. Секунда. Глаза вниз. Ресницы вниз. Пауза…
Взгляд. Взлет ресниц. Секунда. Глаза вниз. Ресницы вниз. Пауза…
Взгляд. Взлет. Вниз. Вниз. Пауза…
«Красивые у нее ресницы! Длинные, пушистые и загибаются на кончиках, — подумал я, с удовольствием наблюдая за сидящей напротив меня Стефанией. — И очень выразительный взгляд, когда она вот так смотрит вполоборота из-под бровей. Картинка! Прямо просится на бумагу! Но у меня уже есть несколько похожих рисунков…»
— Ну и что означает это твое стреляние глазками? Хочешь поговорить?
— А ты не хочешь? (Страстное желание общения.)
— На тему?
— Ну… похоже, сейчас у всех одна тема для разговоров…
— А… Это ты про то, что сегодняшней ночью под окном твоей спальни было обнаружено редкое блюдо — «Принц в розах»? Или правильнее «Принц под розами»? Да. Это серьезная заявка на титул лучшей поварихи империи. Все девушки просто ногти сгрызли, пытаясь понять, как же тебе удалось его правильно приготовить? И что входит в рецепт? Не подходили еще с предложением рецептик-то продать? А?
— Ой, да ну тебя! (Бархатное чувство удовольствия.) Все ты подшучиваешь. А рецепт не продается!
— Я почему-то так и подумал. Что ж. Похоже, Диний на тебя запал. Говорят, он усыпал розами всю лужайку под твоим окном…

Стефания кошкой выгнула спину, слегка закинула назад голову и тряхнула волосами. Она была само довольство и самодовольство. И снаружи, и в ментале. Плюс торжествующая улыбка. И соответствующий взгляд, которым она пробежала по всем присутствующим в «Стекляшке», где мы с ней сидели за коффаем.
— Он нес их на руках от самого дворца!
Да ну?! Во врет, сказочница! И не краснеет! У меня до сих пор исколотые ладони и пальцы болят. Тоже накололся, помогая Динию с букетом. Вот так оно в жизни и бывает… Раны и безызвестность одним, слава и любовь — другим… А пахали вместе!
«Ты еще заплачь, — посоветовал внутренний голос. — Что, жалко стало Стефи принцу отдавать?»
«Ну… не то чтобы… но вот ресницы у нее… да и глаза…»
«Отобьешь? Сдаешься?»
«Ни фига! Демоны не сдаются! Так… просто немного лирического настроения… от сегодняшнего недосыпа».
«Угу…»
— Розы и хромающий принц под окном — это, конечно, успех. Да, ты приготовила это блюдо. Однако не забывай — тебе нужно будет его еще и съесть…
— В смысле?
Стефания перестала улыбаться и нахмурилась.
— В том самом. Советую не позволять ему слишком много. Пусть женится сначала.
Стефи покачала головой и чуть порозовела.
— Ты… ты такой бываешь порой… неприятный! Зачем ты мне это сказал?
— Чтобы ты не наделала глупостей.
— Ты не можешь мне так говорить! Ты не моя мама!
— Я твой друг. Я прикрывал тебя, ты спасала меня. Какие мне еще нужны основания, чтобы сказать тебе то, что считаю нужным?
Стефи не ответила, опустив глаза.
— Это жизнь, детка… Лично мне хотелось бы однажды услышать: принцесса Стефания!
Стефи метнула на меня быстрый взгляд из-под бровей и снова молча уставилась в стол.
— Да и мама у него не подарок…
— Ты… действительно думаешь, что… он может попросить моей руки?
Требовательный взгляд прямо мне в глаза.
— Знаешь, к той, к которой по ночам лазают в окна с цветами… Скажу — ее шанс весьма высок. Но он у нее только один. Второго не будет. Так что… не зевай!
— Эри… это… это так… так цинично!
— Еще бы! Ты мне про любовь, а я тебе о… Но ты же хочешь быть счастливой? Ну так и не дай счастью смыться! А титул и все остальное будет приятной приправой к твоей любви…
— Я решила, что никогда не выйду замуж!
— Никогда не говори никогда. А как же он? Он переживет твой отказ? Хочешь сделать его несчастным на всю жизнь? Об этом ты думала?
— Мм… (Удивление от взгляда на вопрос с иной точки зрения.)

— Да он ненормальный! Бегает, как дурак, с лопатой наперевес и вопит, что если найдет, убьет!
За соседний столик, к студенту, подсели двое его слегка возбужденных друзей, только что вошедшие с улицы.
— Кто? — спросил он их.
— Да наш агроном. Кто-то ночью вырезал клумбу его лучших роз. Он сейчас там бегает, орет, воров ищет. Обещает прибить лопатой, если поймает. К нам приставал! Представляешь? Спрашивал, не мы ли? Вот придурок!
Стефи медленно наклонила голову к плечу, смотря на меня все более и более расширяющимися глазами.
— Это жизнь… детка! — широко усмехнулся я ей. — Привыкай!

За большим длинным столом в кабинете ректора университета, в присутствии совета преподавателей, шло совещание. Вопросами повестки дня были:
— подготовка к ежегодному испытанию;
— зачисление и размещение новых студентов;
— указ императора.
Если первые пункты были обыденны своей ежегодной повторяемостью, то последний пункт повестки был внезапен. На нем как раз сейчас совет и ломал копья, пытаясь найти решение. Основным препятствием оказался университетский хранитель бюджета.

— И где мы на все это наберемся денег? — хмуро поинтересовался главный эконом, заслушав зачитанный вслух Мотэдиусом указ. — Не вписываются праздники. Ну никак. Совершенно.
— У нас никогда ничего не вписывается. — Ректор, наклонив голову, внимательно посмотрел на эконома. — И то, что мы дожили до сегодняшнего дня, иначе как чудом не назовешь.
— Конечно, — кисло улыбнулся в ответ эконом, — пока кто-то творит чудеса, оно и не заметно. А вот когда они прекращаются, эти чудеса, так все сразу и замечают, что их нет! Ну не потянем мы! — Главный эконом начал возбуждаться:
— Месяц гулянок! Сами прикиньте хоть приблизительно, во что это выливается! Где, откуда я вам наберусь? Спустить все за месяц? Можно. Но на что мы потом год жить будем? Милостыню просить пойдем? Или всем университетом танго-о будем на площадях танцевать? Словно бродячий цирк за подаяние! Ну нету их, денег! Нету-у! Не верите — можете проверить! Все приходно-расходные книги отдам! Ищите! А найдете… Найдете — носки свои съем!
— Гм… гм… — откашлялся ректор. — Весьма серьезное заявление. Похоже, что дела обстоят именно так, как… как они обстоят. Однако в указе императора написано без всяких двусмысленностей: «…в течение сентября осуществлять празднования. Поводить балы, приемы, концерты и всяческие увеселительные выступления. Праздники должны проходить не реже, чем раз в три дня…» Мы должны это выполнить.
— Угу… минимум десять балов за месяц! Угу… — скептично покивал главный эконом, — выложь да положь! Если его величество так хочет, то пусть он подкрепит свое желание деньгами! А то все только берут! Вот, даже его высочество принц! Сто сорок шесть роз сорта «кремовая Александра»! Раз — и нету! Ну поехал по бабам, ну возьми ты цветы с собой! Нет! Нужно на месте надрать! Экономный! Букета не купит! А мы, между прочим, за каждый куст заплатили почти по…
— Не забывайтесь! — Опомнившийся ректор громко постучал костяшками пальцев по столу. — Кто вы такой, чтобы обсуждать императора и его семью?!
— Тот, с которого все время требуют деньги… — буркнул себе под нос эконом, затыкаясь и вжимаясь в кресло.
Присутствующие преподаватели, ухмыляясь, смотрели во все стороны, стараясь не встретиться друг с другом взглядом, чтобы не рассмеяться в голос.
— Мне бы еще хотелось понять, каким образом принц с охраной проник внутрь. У нас тут что, проходной двор? — Ректор наклонил голову и посмотрел на эконома из-под бровей.
— А я-то тут при чем? — недоуменно пожал в ответ тот правым плечом. — Есть начальник охраны. Спрашивайте у него!
— Спросил. А он сказал, что на стенах стоят самые простые, то есть самые дешевые охранные амулеты. Поэтому совершенно неудивительно, что принц незамеченным оказался внутри.
— Был выбор: либо оранжерея, разгромленная свиньями, либо амулеты. Выбрали оранжерею.
— Разве именно в этом году планировалась замена амулетов?
— Замена их планировалась с самого первого дня. Тогда, как временно поставили самые простые, потому что денег не было, так они и стоят до сих пор! У меня каждый год средства на них планируются. Планируются, но не доходят. Вечно… что-нибудь случается!
— Мм… да! — крякнул хозяин кабинета и откинулся на спинку кресла.
— Это еще нужно посмотреть, что там у принца с собой из амулетов было! — агрессивно продолжил эконом. — Небось какой-нибудь особый императорский «ключ», на который наш «стандарт» не реагирует. Может, ему его отец дал, чтобы принцу проще было по студенткам бегать!
За столом раздались смешки.
— Господин главный эконом! По количеству выпадов в сторону императорской семьи вы сегодня просто превзошли самого себя!
— Прошу простить меня, господа! Я сегодня… как-то нервничаю.
Понимающее всеобщее молчание.
— Продолжим… — сказал ректор после паузы, во время которой он внимательно оглядел каждого присутствующего на предмет улыбок. — Деньги будут. В крайнем случае обращусь прямо в совет. Я думаю, что без помощи они нас не оставят. Особенно после новогоднего выступления Аальста и Терской на балу у императора. Нынче о нашем университете говорят исключительно как об учебном заведении, в котором учится самая модная и талантливая молодежь империи. Не скажу, что слово «модная» меня воодушевляет, но для молодых и для столичного общества в целом — это важно. Я рассматриваю такое признание еще одним добавлением в гроздь наград и побед

университета. Однако на лаврах почивать долго нельзя. Победы требуют подтверждения, дабы они не выглядели случайными… Поэтому наши балы и праздники должны стать лучшими в столице! Надеюсь, присутствующие разделяют мою точку зрения?
Ректор дождался, чтобы каждый за столом согласно кивнул, и принялся развивать свою мысль дальше.
— Нам нужно подумать о том, как это сделать. Сделать так, чтобы все было ярким и запоминающимся. Нам нужен тот, кто художественно все организует. Поэтому я предлагаю поручить организацию празднеств госпоже Элеоне…
— Мне? — искренне удивилась та, выпрямляя спину. — Почему мне?
— Не сомневаюсь, что вы, неоспоримо обладая женским вкусом к прекрасному, сможете все организовать. Организовать как никто другой.
Магесса и главный эконом встретились взглядами. У обоих на лицах появилось скептическое выражение.
— Но я никогда подобным не занималась… — пожала она плечами, — боюсь, что это находится за гранью моих возможностей. Я не рискну взяться за столь ответственное и важное дело.
— Очень грустно это слышать… — со скорбью в голосе произнес Мотэдиус. — Может, все же попробуете?
— Нет. Это совершенно новая для меня область. Опасаюсь, что первый результат моих изысканий мало кому придется по вкусу. А почему бы не привлечь тех, кто этим всегда занимается?
— Прошу меня простить, — произнес Мотэдиус, — похоже, я не совсем правильно сформулировал свою мысль, поэтому вы меня не поняли. У нас есть организатор. Но, к сожалению, не самый лучший… Как бы мне не было неприятно это признать, но мы опоздали…
— Как обычно… — прошипел себе под нос эконом, комментируя. — Раньше чесаться нужно было… Зато переплатили вчетверо…
— Всех организаторов балов и праздников уже разобрали, — не услышав этого шипения, продолжил ректор. — Сейчас на них невероятный спрос. Ведь этот указ императора не только для нас. Вся столица будет гулять и веселиться целый месяц, приветствуя представителей древнего народа. Так что организаторов ныне просто не достать. Ни за какие деньги. Все куплены и перекуплены по три раза. И нам достался не самый… лучший. Как-то не внушает он мне доверия. Вот я и хочу, чтобы за ним кто-то проследил. Не пускать все на самотек. Богатство и разнообразие развлечений на празднике внезапно приобрели несколько иной смысловой оттенок.
— А у кого лучшие организаторы?
— Как это ни странно, но самого лучшего прибрал к рукам Белый орден…
— Ничего себе! После того, что они натворили, после разбирательств — и лучший организатор! Как они смогли это сделать?
— Чесаться раньше нужно было…
— Вы что-то сказали, господин эконом? Я не расслышал.
— Денег, говорю, господин ректор, бухнули ему немерено! Вот он и пошел. Я просто боюсь представить сумму, которую ему заплатят.
— Зачем это им нужно?
— Похоже, хотят перед императором грехи замолить. Слышал, что первыми, к кому поедет его величество с эльфами, будут они.
— От кого вы это слышали? — нахмурился Мотэдиус.
— От нашего организатора. Они же друг друга знают, их тут наперечет. Так вот: тот похвастался, что он будет первым, естественно, после императорского дворца, кто будет встречать эльфов.
— Ну нечего себе! — удивилась Элеона. — Они, значит, тут такое творят, демонов призывают, а к ним — первыми! Почему не к нам? Куда наш совет смотрит?
— Я так понимаю, что ваш последний вопрос был риторическим, госпожа магесса? — с сарказмом поинтересовался главный эконом. — Но я попробую ответить. Повторю еще раз свое предположение, что для того, чтобы добиться такого решения, орденцы грохнули кучу денег. Просто кучу! А куда смотрит наш совет… Откуда я знаю, куда он смотрит? Он там, а я здесь!
— Хм… — хмуро барабаня пальцами по столу, хмыкнул ректор, — завтра я поговорю там об этом…
— Боюсь, что это мало что изменит… Вряд ли наш совет решит переплюнуть орден, завалив тут все золотом. Никаких грехов, как за ним, за нами нет, так чего деньги тратить? Только ради престижа? Ну не думаю… Я хорошо знаю, кто у нас сидит на деньгах. Они лучше нам эти деньги отдадут, чем будут перекупать лучших организаторов.

— А чем он лучше-то?
— Сложно сказать… — в задумчивости оттопырил губы господин эконом. — Как-то все интересно у него получается. Весело. Молодой, энергичный. Фантазия развита.
— Фантазия… молодой? — задумчиво повторила Элеона, резко опустив глаза от потолка, по которому шарила глазами в раздумье. — И у нас такой есть! Нашему Аальсту тоже фантазии не занимать! И тоже молодой! Дырку на месте вертит — не знает, куда себя деть, вместо учебы.
— Да! Да! Точно! Аальст!
Присутствующие, переглядываясь, принялись кивать головами, соглашаясь.
— Думаю, что он получше того лучшего будет! — с гордостью за своего ученика подвела итог Элеона.
— Хм… — произнес Мотэдиус, — а ведь действительно! То, что он выкинул с Терской тогда на балу… Ведь до сих пор об этом говорят. Танго-о… и наряды… Соглашусь, что Эриадор легко даст всем фору в фантазии. Я попрошу его принять участие в подготовке праздников. Хорошая идея.
— Так, может, пусть он все и организует?
Мотэдиус задумался.
— Я не соглашусь, пожалуй, — произнес он спустя несколько секунд. — Одно дело — что-то придумать для двоих, другое дело — на несколько сотен человек. Справится ли он с этим? Боюсь, что у него может просто не хватить опыта. Не стоит рисковать. Пусть он лучше пофантазирует, а фантазии воплотит наш организатор.
— Аальст самолюбив, — сказала Элеона, — его может это не устроить.
— Я поговорю с ним, — пообещал ректор.

«Ну и зачем мне это нужно?» — спросил я себя, глядя на стоящего рядом ректора. Нет, забавно, конечно. Можно что-то придумать эдакое… веселое. Но у меня нынче другие планы. Да и без магии будет трудно что-нибудь сделать. Я ведь для всех покалеченный. Ко мне теперь, после возлежания на Камне слёз, с вопросом о ней даже не суются. Похоже, берегут мое душевное здоровье. Что ж, спасибо за чуткость. И еще спасибо, что камень мне магию вывернул. Никто ее во мне не чувствует. Забавно получилось! Самое время исчезнуть. Без всяких душераздирающих воплей вслед: «Радужный, радужный! Мы потеряли его! Где ты, радужный? Вернись!» Или: «Темный. Темный! Куда ты, редкость?» Все! Хватит с меня учебы! Отучился. Но ректор просит… Не последняя ведь фигура на здешней доске. Может, мне с него удастся получить что-нибудь… нужное? Я бы, например, не отказался от денег. И документов.
— Простите, господин ректор, но буду с вами откровенен, — сказал я, обращаясь к ждущему моего ответа Мотэдиусу. — В данный момент я испытываю определенные душевные трудности. Мне нужно что-то решать со своей дальнейшей жизнью… Я не могу сидеть вечно в четырех стенах. Вы меня понимаете?
Мотэдиус, соглашаясь, кивнул.
— Жаль, что так вышло, — сказал он, — но не буду повторяться. Вы сильный юноша. Уверен, что бесконечное выражение сожалений и соболезнований вам не нужно. У вас уже есть план? Чем вы займетесь?
— Да, — кивнул я, — план есть. Я все же хочу встретиться с магистрами, изучающими порталы.
— Но… Ведь ваши способности утеряны! Допустим, вы найдете решение. И что дальше?
— Дальше? Дальше я с добытым вернусь к вам. В университет. Вы поможете мне открыть путь домой, а я вам оставлю в обмен знания. Вас это устроит?
— Но вы же даже не знаете, в какой стороне ваша родина… — с сильным сомнением глядя на меня, произнес ректор.
— Это моя проблема. Решу.
— Ну допустим. А как вы себе это представляете?
— Поиск? Пока только в общих чертах. Языками я владею. Посмотрю, что есть у магистров из гримуаров. Может, что не так перевели? Может, им ерунды какой-то не хватает, чтобы понять. Потом свежий взгляд со стороны тоже порой может помочь.
— Что ж, если хотите, попробуйте. Но может, вам лучше остаться здесь? Действительно, древними языками вы владеете прекрасно. Будете работать в архиве, со временем станете преподавателем языков. Как вам такое предложение?
Дра-асти, приплыли! Сколько долбился — и вот! Нате вам!
— Но ведь мне отказали в допуске в архив?!
— Я бы так не сказал… Не отказал. Просто рассмотрение вашего вопроса несколько затянулось… Но обстоятельства с тех пор, как вы знаете, изменились.
Ага! Затянулось! Три раза ага!

— То есть я завтра могу начать работу в архиве?
— Ну… не так сразу. Нужно сделать вам представление и отослать его в совет.
Угу. Месяца три минимум. И где я буду в это время болтаться? Тут? Ну уж нет!
— Знаете, господин ректор, у меня к вам такое предложение. Давайте, вы сделаете это представление, а пока оно будет рассматриваться, я съезжу, как планировал, к магистрам. Вернусь, а там, глядишь, и по архиву решение примут. Хочется развеяться. Столько всего произошло за последнее время. Стены давят. Дорога — лучшее лекарство в таких случаях. Вы меня понимаете?
— Да, — кивнул он, — вполне.
— Тогда я попрошу вас, господин ректор, легализовать мою экспедицию.
Рекомендательные письма. Уверен, что вы наверняка знаете этих магистров, а они вас. Думаю, что с вашим письмом у меня быстрее получится найти с ними общий язык.
— Угу, — мотнул головой ректор, — разумно. Это несложно. Я вам их напишу. Но я могу рассчитывать на вашу помощь в подготовке праздников?
— Конечно, господин ректор! Для родного университета! Сделаю лучшее, на что способен!
(Ха! Меньше двух недель осталось! Что можно сделать за такое время?)
— Замечательно! Значит, мы договорились?
— Договорились, господин Мотэдиус!
— Хорошо.
— Господин Мотэдиус, у меня еще один вопрос. С нашей договоренностью получается, что я еду не только по своим делам. Но в данный момент я… несколько стеснен в средствах. Не мог бы университет хоть в какой-то мере профинансировать экспедицию? Не хотелось бы бедствовать в дороге.
Да. С деньгами было грустно. Все почти потрачено. А для заработка, пока магия моя отдыхала, вообще никаких вариантов не было. Плюс из университета еще не выйти. Сейчас можно опять попробовать с камешками дельце провернуть… Однако это мое странное ощущение магии… Как там призыв пройдет? И как маскировка ляжет? А за стенами — обиженный орден. Одно дело — ходить по улице членом гильдии магов, другое — шастать по подворотням неизвестно кем. В тот же раз меня отследили? И в этот раз могут. А я вроде способности потерял. Шуму будет, если правда выплывет наружу! Так что все это время я сидел и не дергался, ожидая более благоприятного момента для зарабатывания денег. За мои моральные и физические страдания у орденцов мне ничего не обломилось. Гильдия меня как своего члена защитила, обязательства выполнила и ничего мне оказалась не должна. Орден император приговорил к крупному денежному штрафу к себе в казну и к штрафу поменьше — в казну нашей гильдии. И тут я не при делах оказался. Я попытался было намекнуть, что готов принять компенсацию. Мол, смотрите — какие страшные раны от кандалов! А меня послали к целителю лечиться. Бесплатно. Спасибо вам, милые люди! (Глубокий земной поклон.)
Кстати. Следы на руках и на ногах так и остались. На вид как наколка — широкие круговые браслеты с тонкими, перевивающимися между собой серыми линиями. Целитель посмотрел-посмотрел, потер нос, почесал за ухом и собрал консилиум. Консилиум тоже посмотрел-посмотрел, в затылке почесал, губы повыпячивал и, поспорив между собой, вынес заключение: «неизвестное воздействие магии на кожу, лечению не поддается».
Лучше бы деньгами дали, шарлатаны! Так теперь и хожу, как каторжник! Говорят, что если смотреть «взором целителя», то кожа как кожа. Ничего в ней необычного нет. А если смотреть просто глазами — тату! И… и… никто не знает, в чем тут дело! Такие вот дела.
— Вы знаете, Эриадор, — ответил мне ректор на мое предложение проспонсировать, — с деньгами сейчас просто какой-то ужас творится. Давайте доживем до середины сентября. Может, к этому моменту что-то с ними и прояснится. Вы же все равно будете здесь до этого времени? Ну а если ничего не решится, то я вам просто займу денег, а там, в следующем месяце, деньги у университета уже должны будут быть. Рассчитаемся. Хорошо?
— Спасибо, господин ректор, — благодарно прижал я подбородок к груди.

Вечером этого же дня я сидел в кабинете ректора и в его присутствии, в присутствии главного эконома, дирижера оркестра университета и господина организатора обсуждал предложенный план увеселительных мероприятий.
— Это все банально. Будет как у всех. Не пойдет. Нам нужен скандал! — сказал я, решительно откладывая в сторону белый листок с записанным на нем планом.
— Какой скандал? — не понял ректор. — Зачем нам скандал?
— Скандал не в смысле ругань, а скандальное событие. Желательно с участием известных лиц. Самое лучшее — с участием членов императорской семьи.
Организатор вытянул губы трубочкой и, округлив глаза, уставился на меня.
— Как вы себе это представляете? — поинтересовался ректор.

— Например, вся столица уже слышала про «миллион, миллион алых роз» под окном одной студентки…
— Ну они были не алые… — влез эконом.
— Это не имеет никакого значения, какого цвета они были. Главное, что они у нее были. Пригласите одновременно эту студентку и принца на один из праздников. Вот вам и скандал. Уверен, что толпа из желающих увидеть их вместе будет ломать двери университета, борясь за право протиснуться в зал.
— Хм, — сказал ректор, задумчиво взявшись рукой за подбородок и подняв глаза к потолку.
— И никакой салют это не переплюнет. Будь он хоть из тысячи залпов. Салют уже все видели. А вот возможную невесту принца еще толком никто не видел. Вы со мной согласны?
— Угу, — кивнул ректор, возвращаясь с потолка.
— Предлагаю, чтобы у нас ежедневно случался пусть небольшой, но скандальчик. Можно начать потихоньку, наращивая силу и уровень. Например, на балу первокурсников взять и выделить время для танца темных магов. Для танго. Сейчас его мелодия звучит только в исполнении императорского оркестра, а танец собственно видели только единицы и только один раз. Если я со Стефанией выйду в центр нашего парадного зала, вы представляете, сколько потом разговоров пойдет? А ведь там будут не только студенты с преподавателями, но и приглашенные гости, родители. Многие из них вернутся в провинцию. Думаю, что о том, что им удалось увидеть то, что видел лишь император и горсть избранных из его ближайшего окружения, они будут рассказывать до самой смерти.
— Да-да-да! — зачастил дирижер. — Отличная идея! Музыка, она всегда остается в душе! «Особенно, если новый хит и на халяву», — прокомментировал я про себя его спич. Посмотрим, как ты еще успеешь его разучить, за оставшееся-то время.
— Итак, два потенциальных скандала у нас уже есть! Потом… Помнится, господин главный эконом как-то рассказывал их высочествам о веселой университетской традиции посвящения первокурсников. С помощью «невидимого поросенка»… — Господин главный эконом сделал кислую гримасу. — Давайте организуем такое посвящение. Придумаем как — и сделаем! По столице ходят какие-то жуткие слухи о боевых свиньях-убийцах. Такое посвящение их подогреет и послужит прекрасным поводом для новых разговоров. Опять выйдет небольшой скандальчик. И университет вновь в его центре!
— Хм… ну не знаю, — сказал ректор. — Скандалы? Как-то не такого я от вас ожидал…
— У нас минимум времени на подготовку, — парировал я, — и дефицит средств. Лучшими вечерами в итоге окажутся те, о которых будут говорить больше всего. В сложившейся ситуации только скандалы вынесут нас на гребень славы. Да! Обязательно нужно пригласить эльфов! И обязательно сделать это первыми!
— Не выйдет, — глубоко вздохнул организатор, — первыми эльфы будут в ордене.
— Да ну! — не поверив, удивился я. — Что, серьезно?
— Угу, — подтверждая, кивнул эконом.
«Это мы еще посмотрим, у кого они будут первыми!» — хмыкнул я про себя.

Эстела

— Госпожа Эстела! Письмо из канцелярии первого советника императора! — заглянула дежурная.
— Давай, — вздохнула начальница тайной стражи, делая приглашающий жест и откладывая отчет, полученный из Этории. В нем писали, что дела в ней, как всегда, обстоят неважно. В этот раз проблемы были в торговле. Количество караванов, пересекающих границу, снизилось почти в два раза. Соответственно, цены на рынках выросли. Пока только на треть, но рост продолжается. Очень неприятно, очень. Особенно неприятно, что ввоз продовольствия упал больше, чем среднее значение по всем товарам. А это уже совсем нехорошо. Без тряпок и всяких мелочей какое-то время прожить можно, но кушать нужно каждый день. Голод — это страшно. Этория сама себя прокормить не может. Слишком близко к жарким Серым пустошам, слишком сухая почва. Из разговоров с купцами стало известно, что причина, по которой в этом году многие из них изменили свой маршрут, — распространение одной известной книги.
«Идиоты, — подумала Эста, постукивая еще не распечатанным конвертом по левой ладони и глядя на лежащий на столе лист с отчетом, — столько лет уже торгуют и поверили какой-то глупости! Можно подумать, первый раз к нам приехали! Небось сговорились меж собой,

чтобы цены поднять… Суки торгашеские! На виселицу бы вас всех, скопом, вместе с этим писакой… Нет! Для писаки виселица — слишком быстро. Месяц, не меньше, жизни ему у палача! Чтоб знал, что можно писать, а что нет… Так, с этим ладно! Что там нам еще пишут?»
Она вскрыла конверт и углубилась в чтение.
— Отлично! — закончив читать, вслух произнесла она с хищной улыбкой. — Мы назначены в охрану Аальста! Никуда он теперь не денется, красавчик! Не зря я у советника унижалась! Хоть тут успех!
Неожиданно вспомнились два шотана, лежавших перед ней на столе. И резкий запах гари от их обугленных рукоятей…
«Дорого обходится нам этот Аальст… Ох и дорого! — Эстела тряхнула головой, прогоняя возникшее видение. — Но ничего. Сейчас мы получим предписание на маршрут, вывезем его из столицы… Отработает. Правда, написано, что нужно обращаться с ним бережно… Но никто на его жизнь и не собирался покушаться. Чем дольше он проживет в уме и здравии, тем нам лучше…
А с этими, — Эста вновь глянула на отчет, — с этими торгашами… Думаю, что, прознав про наши цены, они толпой примчатся к нам со всей империи — торговать. Просто нужно немного подождать… и все будет хорошо!»

Стефания

— Стефи, это правда? — Мама строго и пристально смотрела на меня, пытаясь уловить малейшую фальшь.
— Что именно? — оттягивая неизбежное, спросила я, вздохнув про себя — начинается! Не зря же она решила поговорить со мной наедине. Родители с сестрами приехали вчера, а сегодня я, придя в трактир, где они остановились, была совершенно внезапно окружена их большой и шумной толпой, от которой я, как оказалось, уже успела отвыкнуть. Меня обнимали, целовали, тормошили, разом рассказывали свои новости, спрашивали мои. Все было так… беспокойно! Я даже растерялась. Потом, когда все немного утихомирились, мы спустились вниз, в зал, и уселись сразу за два стола. За один мы все не уместились. Две старшие замужние сестры приехали со своими мужьями, плюс еще две мои сестры, я, брат, мама с папой. Немаленькая толпа народа получилась.
— Ну, дочка, какая же ты у нас молодец! — сказал отец, сделав заказ и откидываясь на стуле назад. Он с удовольствием оглядел меня. — Всего год проучилась, а уже целых две награды! И из рук императора! Немногие могут похвастать, что удостаивались такой чести. Пусть все знают про род Терских! В нем даже женщины умеют сражаться! И не только сражаться! Мои дочери еще и красавицы! Непросто будет жениха такой умнице подобрать. Соответствовать должен. Не всякий это сможет! А всяких нам не надо. Правда, дочка?
За столом все заулыбались.
— Повзрослела. Прямо невеста! Может, уже кто есть на примете? От женихов небось отбоя нет? Чего молчишь?
Все вновь заулыбались, с интересом смотря на мое внезапное смущение. Чувствуя свои неожиданно запылавшие щеки, я с ужасом подумала, что они сейчас еще не знают, но пройдет день-два, и им наверняка расскажут про Диния. Про Диния… и меня! Столица с удовольствием поделится своими сплетнями. И тогда семья возьмется за меня. Отмолчаться не получится. Они же мои родные! Будут трясти, пока я им все не расскажу. Станешь молчать — обидятся. Ругаться с близкими мне не хотелось. Они ведь мои, и я так давно их не видела! Но и сил выставлять напоказ потаенные уголки души я тоже в себе не чувствовала. После разговора с Эри я взглянула на отношения с Динием несколько иначе. О том, к чему они могут привести, я раньше как-то вообще не думала. Главным для меня было то, что я его люблю, а он любит меня! И это сейчас самое главное, но Эри, как обычно, прав. В наших отношениях с Динием всегда будет другая — империя. Он принц. И это не может не накладывать свой отпечаток.
О-о… Эти завистливые, все понимающие женские взгляды…
«Я с ним не потому, что он принц! Слышите, вы!» — так и хотелось крикнуть им прямо в лица. Но я молчала, понимая, что вопль мой вряд ли будет ими услышан.
— Никому ничего не докажешь, — сказал мне тогда Эри, когда я попыталась поговорить с ним по поводу изменившегося отношения ко мне окружающих. — Тебе просто банально завидуют. А зависть — она не лечится. Так что смакуй, а на окружающих наплюй! Говорят,

что настоящая любовь бывает только раз. Поэтому стоит насладиться каждым ее мгновением. Гадости о себе еще успеешь послушать. Вот они уж точно никуда не денутся! Ну, я и последовала его совету. Мое — это мое! Только для меня! Только для него! Не для вас! И вот теперь придется рассказывать… Пусть даже маме. Тогда меня спас младший брат. Воспользовавшись возникшей паузой, он задал вопрос, который его, похоже, мучил с того момента, как он меня увидел:
— А где же твоя черная мантия? Какая же ты тогда темная тварь, если ты не черная, а зеленая?
Пауза за столом была более чем неприятная. Отец самолично дал ему затрещину, хотя никогда до этого руку ни на нас, ни уж тем более на своего единственного наследника не поднимал.
Я тогда перевела все в шутку, пообещав надеть в следующий раз мантию темного факультета.
— Он еще маленький, — примиряюще сказала я и дала ему поиграть со значком-глазом.
Шутка шуткой, но душу мне это происшествие царапнуло.
«Неужели меня так называют дома?» — с недоумением подумала я тогда. И вот теперь мама хочет поговорить о личном. Моем личном. Не хочу!
Но вот сегодня, сейчас… Разговора избежать не удастся.
— Что, правда? — переспросила я.
— Ты фаворитка принца?
Сердце сжалось и ухнуло вниз. В животе стало холодно. Вот так! Фаворитка…
— Я не фаворитка… — тихо прошептала я, что есть силы сжав пальцами край лавки, на которой мы сидели, — не фаворитка…
— А кто?
Мать требовательно смотрела на меня.
— Я… я люблю его… — так же тихо произнесла я, стараясь не смотреть на нее.
— Хм…
Пауза. Длинная пауза.
— Вот, значит, как… — наконец произносит мама. — Наивная ты моя девочка, — начала она. — Прости… Наверное, это жестоко, но пора становиться взрослой. Неужели ты всерьез рассчитываешь войти в императорскую семью? Ну не будь такой простушкой. Посмотри, где мы и где они!
Горло сдавило, и очертания предметов поплыли в предательских слезах.
— Твое поведение, конечно, достойно порицания… — (Мое поведение?) — Но коль все так вышло, и богам было угодно, чтобы их высочество принц обратил на тебя свое благосклонное внимание… То сейчас необходимо подумать о будущем. Пусть это прозвучит цинично, но нужно, чтобы твоя потерянная честь стала основой твоего благополучия…
— Ничего она не потерянная…
— Но ты же спишь с ним?
— Я не сплю с ним! — вскинулась я. — Не сплю!
— Ты с ума сошла! — ахнула мама, отшатываясь назад. — Ка-ак не спишь?
— Так…
— Стефания! — всплеснула мать руками. — Ну что ты за глупая у меня такая! Тебе срочно нужен ребенок! От него! Пусть он будет незаконный, пусть бастард, но кровь-то императорская! Император внука не оставит. Все знают, как живут его бывшие любовницы. И у всех у них дети. Их величество добрый… И его сын наверняка также буде…
— Нет!
Во рту у меня стоял неприятный металлический привкус, а внутренности дрожали противной холодной дрожью.
— Нет!
— Что нет, дорогая?
— Так не будет!
— Но, дочка… Я понимаю, ты сейчас во власти чувства… но нужно подумать и о будущем. Любовь приходит и уходит, а жить нужно каждый день. Если ты не знаешь как, то я могу помочь…
— Нет!
— Ну, дочка…
— Нет!
— Какая ты упрямая! Ничего не хочешь! Подумай тогда хотя бы о нас, о своей семье… Ты же знаешь, как мы живем. Как отец надрывается, ища деньги вам всем на приданое. У тебя еще две сестры без мужей. И ты. Если не хочешь думать о себе, так подумай хотя бы о них!
Мама говорила спокойным, убеждающим тоном.

— Но что я могу для них сделать?
— Хотя бы попроси у их высочества приглашения на званый бал. Туда, где бывают самые сиятельные вельможи. Отец ведь таких приглашений никогда не получит. Может, твои сестры найдут там себе женихов…
Страшно не хотелось о чем-либо просить Диния. Ведь если я начну просить, то тогда действительно получится, что я с ним не из-за того, что люблю. А потому, что он принц… Как противно! Но сестры? Им же действительно нужны женихи… Они меня всегда любили… и я их…
— Ты пойми, дочка, это жизнь, — убеждала меня мать. — Нужно брать, когда есть возможность… И я, когда буду умирать, буду умирать со спокойной душой, что вы у меня все пристроены. Что не голодаете…
Где-то это я уже слышала… И не от мамы… Это жизнь, детка! Точно! Какая… она… эта… жизнь! Грубая, циничная, расчетливая! Не хочу так!
«Тебе камень или веревку? Топиться или вешаться пойдешь?»
«Эри!»
«Что, плохо? Погоди, сейчас спасу!»
— Прошу меня простить, сиятельные дамы, что прерываю вашу уединенную беседу…
Рядом со скамейкой у стены, недалеко от входа в университет, где сидели мы с мамой, возник Эриадор.
— …но, к сожалению, Стефанию разыскивает ее преподаватель. Поэтому я рискнул взять на себя смелость прервать ваш разговор, — закончил он.
«Правда? Ищет?»
«Да нет. Это я так…»
— Не имею честь быть представленным! — качнулся Эриадор в сторону моей мамы.
— Прошу меня простить, князь, — встала я со скамьи. — Позвольте вам представить — баронесса Леона Терская. Моя мама… Мама, это князь Эриадор Аальст. Мой сокурсник…
— Очень приятно, баронесса…
Эри поклонился.
— Очень приятно, князь…
Мама тоже встала и сделала реверанс.
От меня не укрылось, каким оценивающим взглядом она прошлась по Эри сверху вниз. Ну да! Он же князь! Думает, что выгодная партия… Я стала понимать подобные взгляды…
— Хочу сказать вам, баронесса, что у вас замечательная дочь! Умница и красавица! Мне очень приятно учиться вместе с ней…
— Так вы тоже…
Я с трудом удержала улыбку, увидев, как изменилось мамино лицо. Вместе! Значит, он тоже темный! А Эри сейчас в сером костюме. Не в мантии. Как он иногда говорил: по-домашнему.
— Да, мы учимся вместе, — широко улыбнулся Эри, правильно поняв причину замешательства моей мамы, — но прошу меня простить. Нам срочно нужно идти. Магистр ждет.
— Да-да, конечно…
— Не сомневаюсь, что мы с вами еще раз обязательно встретимся и поговорим.
Эри кивнул, прижав подбородок к груди.
— Я буду рада, князь… — Мама вновь сделала реверанс.
— Как ты меня нашел? — спросила я его, когда мы с ним вошли в ворота университета.
— О! Как ты страдала! Как страдала! Буквально на всю столицу! Было просто невозможно пройти мимо. Мы же с тобой телепатически связаны, не забывай.
— А… да. Спасибо…
— Что? Несладко пришлось?
— Да… так.
— Думаю, что не стоит просить ни о чем. Нужно будет — сами все предложат и дадут. А так… Только проблемы наживешь.
— Откуда ты знаешь, о чем мы говорили? (Искреннее удивление.)
— Догадаться нетрудно. Твои эмоции говорят — ты страдала. Ну и что тут может быть? Наверняка, в свете последних обстоятельств, мама взялась учить дочку, «как нужно правильно жить». Но ее знание пошло вразрез с твоими принципами… Ты же в плане приспособленчества — ромашка. И вот, жестокая действительность сбила тебя с ног и топталась своими грубыми башмаками по твоим нежным, белым лепесткам…
— Почему ты так решил? Может, мама меня просто… ругала? За слухи?
— Тогда бы ты возмущалась. Потому что это было бы несправедливо. Не за что тебя ругать. А ты мучилась. Мучилась потому, что от тебя требовали того, что тебе явно не нравится. Но и отказать ты не могла. Я прав?

— Все-то ты знаешь…
Я глубоко вздохнула.

Стефания

Несколько дней спустя.

— Итак, дорогие друзья, торжественная часть нашего с вами собрания завершилась! Ректор имперского магического университета в своей парадной мантии был ярок и величественен, под стать сиявшему огнями главному парадному залу. Сегодня в университете был торжественный день. День, когда прошедшие испытание Камнем Судьбы становились студентами. Вновь, как и год назад, принимать присягу у новых членов магической гильдии приехал император. Однако нынче в ежегодно повторяющейся процедуре было отличие. Перед приемом присяги император наградил меня и еще пять девушек, с которыми мы на практике попали в то страшное сражение. Всем были вручены медали «За отвагу в бою». Красивая золотая шестиконечная звезда с большим кругом посреди лучей, внутри которого была выгравирована надпись. Еще она была немного выпуклая, и к ней крепилась алая лента, которая надевалась на шею. Яркая и видная издалека награда. Как на нас все смотрели! А на меня больше всех. Конечно, если бы я была в целительской мантии, то, может быть, так бы и не пялились, но… Эри попросил меня станцевать с ним на этом балу танго-о. Я не хотела. Долго упиралась, но Эри… С его способностью убеждать… Конечно, в конце концов я согласилась. И вот теперь расплачиваюсь за свое согласие. Пять девушек в зеленых мантиях и я одна — в черном. Причем даже не в мантии, а в том платье, в котором я была на новогоднем балу. Я очень удивилась такому прилюдному нарушению правил университета. Но Эри мне все объяснил, рассказав об указе императора о праздниках и возникшей в голове ректора идеи насчет того, что университет должен быть самым лучшим.
— Опять мы с тобой в качестве развлечения? — надулась я.
— Не все столь мрачно. Не хмурься. Это слава ногой стучится в твою дверь, — сказал он, а потом рассказал о своей договоренности с Мотэдиусом о работе в архивах в обмен на помощь при подготовке торжеств. Конечно, какие тогда могут быть вопросы? Это же Эри нужно! Для его будущего. И так с ним несправедливо поступили, лишив награды. Ведь если бы не он… То, что мы живы, только его заслуга!
Я попробовала вновь поговорить с ним на эту тему, но он не захотел.
— Не заморачивайся, — успокоил он. — Мир просто сверху донизу битком набит сплошной несправедливостью. Стоит ли стенать по этому поводу? Все прошло, решение принято, время миновало. Будут еще победы, будет и на нашей улице праздник! Не грузись.
Хорошо. Я постаралась последовать его совету. Однако не особо у меня это получилось. Настроение в такой торжественный день было никакое.
У меня появилась даже мысль напрямую обратиться к Хайме, когда он приедет, и попросить восстановить справедливость. Но потом, после долгого размышления, решила все же так не делать. Ни к чему хорошему, пожалуй, это не приведет. Еще и скажут, что она смелая такая, потому что… Потому что у меня есть Диний! В общем, я решила промолчать, хотя чувствовала себя при этом предательницей.
Награждение прошло очень торжественно. Император вручал награду лично и благодарил родителей каждой награжденной за то, что они воспитали такую замечательную дочь. После этого оркестр играл небольшой отрывок имперского марша, и император переходил к следующей девушке. Меня он, перед тем как наградить, разглядывал несколько дольше других. Я почему-то в этот раз совершенно не смутилась и спокойно смотрела ему в глаза, отвечая взглядом на взгляд. Почувствовав, что что-то идет не совсем так, присутствующие в зале немного напряглись. Но император не стал создавать неловкость. Он вручил мне награду, поздравил, ничем не выделив среди других, и поблагодарил моих родителей. Отец буквально раздулся от гордости, после того как Хайме пожал ему руку, а мама в этот момент бросила на императора исподтишка несколько быстрых, оценивающих взглядов. Тот тоже с интересом глянул на нее, да и на отца, похоже о чем-то подумав. Потом вперед вышел наш ректор и тоже принялся награждать. Все девушки получили звание «Почетный студент», но, когда дело дошло до меня и я подошла к Мотэдиусу, остановившись в нескольких шагах от него, он неожиданно произнес:

— К сожалению, баронессе Стефании Терской мы не можем вручить то же почетное звание, что ее сокурсницам…
По залу пронесся легкий шепоток, и наступила тишина. Краем глаза я заметила недоуменно вытянувшиеся лица родителей и сестер за их спинами.
— Дело в том, — продолжил ректор, — что оно у нее уже есть…
В зале расслабились.
— Отдельно скажу для всех, что получить столь высокое звание, как «Почетный студент», еще не закончив первый год обучения…
Ректор покачал головой.
— …в многовековой истории нашего университета до этого дня подобных случаев не было…
Присутствующие зашептались. Отец расправил плечи, хотя казалось — куда еще. Хайме, чуть наклонив голову, с интересом смотрел на меня.
— Однако наша гильдия не может оставить без награды столь героическое деяние своего члена. Поэтому Верховным советом магов в полном согласии с педагогическим советом университета принято решение… За проявленную доблесть на поле боя, верность идеалам отечества и несомненные успехи в учебе наградить студентку второго курса баронессу Стефанию Терскую установлением памятной таблички с ее именем в Зале Славы университета…
Ректор закончил зачитывать решение совета с листка бумаги, который он держал в руках, и, подняв глаза, посмотрел в зал, ожидая реакции. Секундная тишина на осознание услышанного — и, похоже, заговорили все разом.
Я же стояла ошеломленная, не веря своим ушам. В Зал Славы? Это туда, куда приводят всех первокурсников, чтобы рассказать о магах, которые прославили своими деяниями империю? Я тоже там была. Смотрела на портреты великих, на золотые таблички с именами, рядами висящие на стенах… У меня и мысли не было, что мое имя рядом с ними. Нет, я, конечно, немножко мечтала, что когда-нибудь, когда я стану магом и совершу что-нибудь такое… нужное… славное… Но только тогда… А ожидать, что, даже не закончив университет, я… и в Зале Славы? Просто в голове не укладывается!
Ректор отдал листок, с которого читал, и шагнул вперед, видно, намереваясь подойти ко мне с поздравлениями, как неожиданно кто-то справа от меня громко захлопал.
Оборачиваюсь на звук — Эри! Стоит в первом ряду в своем невозможном пинджаке и, улыбаясь, с легкой иронией в глазах, бьет в ладоши. Зачем он нарушает протокол? Что он опять затеял?
Мотэдиус, в первый миг растерявшись, остановился, но секунду спустя его лицо осветилось улыбкой. Глянув на меня, потом на Эри, он улыбнулся и неожиданно тоже захлопал.
Несколько мгновений — и к ним двоим присоединился император. Еще мгновение, и, подражая ему, зааплодировали гости. Сначала некоторые из них, потом все больше и больше. И вот, похоже, уже весь зал аплодирует мне, поздравляя!
От неожиданности у меня перехватило горло и на глазах появились слезы.
«Ты не находишь это забавным? Ровно год назад в этом зале ты тоже почти плакала. И сейчас в твоих глазах слезы. Но какая разница в причине их появления! Я бы сказал — просто ошеломительнейшая разница!»
«Ой, Эри… я…»
«Извини. Все. Молчу. Не отвлекайся».
Я сделала глубокие реверансы во все стороны, низко кланяясь всем в зале, и два отдельных поклона императору и ректору. Наконец рукоплескания смолкли.
Ректор вернулся на свое место и вновь заговорил:
— Очень приятно слышать такие аплодисменты по такому не менее приятному поводу. Уважаемые гости! Сегодня вы все стали свидетелями замечательных событий. Не побоюсь без преувеличения сказать — на ваших глазах творилась сама история! Теперь, когда вы услышите имена этих замечательных девушек… — Ректор сделал правой рукой жест в сторону нас шестерых. — А вы наверняка их услышите, уж поверьте моему предчувствию, то вы с гордостью сможете сказать: а я там был! Был, когда они получали свои первые награды! Видел собственными глазами! Давайте же еще раз поздравим их и пожелаем им всего самого лучшего на их непростом, но таком нужном и необходимом пути целителя!
Ректор снова захлопал в ладоши, призывая присоединиться к нему. Спустя мгновение весь зал вновь рукоплескал, но теперь уже всем нам.
— Но это еще не конец истории, — произнес ректор, когда аплодисменты стихли. — Сейчас у нас будет первый бал для наших новых учеников. Первый бал, где они уже в новом статусе. Статусе студентов магического университета! И вполне возможно, что среди этих новых первокурсников окажутся те, о ком мы заговорим в самое ближайшее время. Благо им есть на кого равняться. Пример у них перед глазами. Итак! Бал

первокурсников объявляется открытым! И по нашей старой традиции, первый танец исполняют самые молодые. Те, которые только что получили свои знаки гильдии. Отныне они маги, и сейчас для них состоится их первый танец. Старшие курсы — приглашайте первый курс! Девушки могут приглашать кавалеров! Первый танец! Оркестр, музыку!
Заиграла музыка, и вокруг меня, делясь и разбиваясь на группы, забурлила толпа. Голоса, смех, приглашения, и вот мимо скользят пары, стремясь в центр зала… Все как и год назад. Единственно, что я теперь не одна. Родные, окружив меня со всех сторон, принялись теребить, одновременно задавая вопросы, что-то рассказывая, что-то показывая и рассматривая мою награду. В общем, в глазах было одно мельтешение, а в мыслях — полный сумбур.
«Ты как? Мы следующие».
«Да, да. Сейчас…»
«Соберись».
«Ага».
Утихомирив, наконец, возбужденных сестер и родителей, мне удалось посмотреть только самый конец первого танца.
«Какие же они важные и сосредоточенные! — невольно улыбнулась я, следя за танцующими парами. — А у меня первый танец уже был…»
— Дорогие друзья! — вновь обратился Мотэдиус ко всем гостям, когда танец закончился и центр зала освободился. — Это было официальное посвящение в студенты. Но наших первокурсников ждет еще одно, неофициальное посвящение. Студенческое! Открою вам небольшую тайну. В нашем старинном магическом университете есть множество таинственных и волшебных историй, связанных с его древними стенами. Недаром же он считается магическим. Так вот, есть одна древняя легенда о невидимом поросенке, покровителе студентов. Он живет здесь, на территории, где-то совсем рядом. Но редко кому удается его увидеть. Обычно видят лишь следы копытец и слышат задорное похрюкивание откуда-то из кустов. Легенда о нем гласит, что тому, кто его повстречает, обеспечены самые легкие билеты на экзаменах и успех в учебе! Посмотрим, кому из наших первокурсников удастся его найти! Но это будет завтра. Приглашаю вас увидеть все своими глазами, а потом, по окончании веселого студенческого посвящения, будет дан бал-маскарад! Веселиться будем допоздна! А сейчас для гостей и своих сокурсников студенты темного факультета Эриадор Аальст и Стефания Терская исполнят редкий танец — танго! Оркестр! Прошу!
Пам-пам-пам-пам, начал оркестр. Та-рида-ри та-там-там-там-там…
Выйдя на несколько шагов вперед, я встала в начальную позу, подняв над головой руки в черных облегающих перчатках.
«Какой он… уверенный! — подумала я, наблюдая за движениями Эри, приближающегося ко мне с противоположной стороны зала. И секунду спустя в голову мне пришла совершенно дикая и странная мысль: — Если бы не Диний, то… я бы выбрала его!»
Бал-маскарад в малом зале магического университета, сияя огнями и гремя оркестром, уверенно продвигался вперед. Не прошло еще и часа с его начала, но, пожалуй, любой из его участников, если бы его спросили, уверенно ответил бы, что он пришел сюда не зря! Хоть зал уже и был полон, но опоздавшие на праздник все еще продолжали прибывать.
— Объяви!
Толстенький невысокий мажордом в белом костюме, отвлекшись от наблюдения за входом на танцующих студенток, вздрогнул от неожиданности.
— Прошу прощения… — повернулся он на голос.
— Эм… бе-э… — секунду спустя промычал он, вытаращив глаза сначала на хозяйку, а затем на женскую ручку, протягивающую ему зажатую между указательным и безымянным пальцами карточку. С тонкого и изящного запястья руки свисала короткая золотая цепочка.
— Несомненно, — с иронией прозвучал молодой звонкий голос, — сейчас оркестр закончит и объявишь. Погромче, и не забудь посохом стукнуть. Три раза. Понятно?
— Да, ваше… — Мажордом поклонился.
— Высочество, — подсказали ему.
— Высочество, — послушно повторил он.
В этот момент оркестр закончил очередное произведение, и в зале наступила относительная тишина, в которой танцевавшие расходились к стенам.
— Давай!
— Принцесса Зеленого леса — Эриэлла! Инкогнито!
Мажордом, держа карточку в руке в белой перчатке, громогласно прочитал на ней надпись и три раза ударил посохом в пол.
Щелк, щелк, щелк — с металлическим звуком несколько раз простучали тонкие каблуки по мрамору пола, и на площадку у входа, на которой стоял мажордом, вышла… вышла…

«Кто это?» — Невольно задали себе вопрос те, кто обернулся посмотреть на вход. Что там, мол, еще за эльфийка приехала? Вообще сегодня эльфиек в зале было много. Вчера в столицу прибыла делегация Вечного леса, и это было нынче новостью номер один. Поэтому совершенно неудивительно, что многие девушки в зале решили выбрать для маскарада образы таинственных лесных красавиц. Однако та, что сейчас стояла у входа… Контраст между ней и ими был разителен. Первое, что бросалось в глаза, — это конечно же волосы. Длинные, ниже пояса, они стекали вниз гибкой волной, приковывая к себе взор. Мало того что их цвет яркого золота был невероятен своей насыщенностью, так еще казалось, что они немного светятся. Светятся, то ли отражая внешний свет, то ли сами по себе. Прическа, в которую их уложила хозяйка, была проста. Несколько тонких косичек, переплетенных между собой у основания волос. Второе, на чем задерживался взгляд, — это глаза. Изумрудного, нереального цвета, огромные, миндалевидной формы, с длинными ресницами. Затем — абсолютно правильных пропорций лицо с красиво очерченными губами и изящным носом. Ровная и гладкая кожа, нежная даже на вид. И зубки… Белые, ровные зубки, блеснувшие между губ, когда красавица, остановившись на краю площадки, улыбнулась залу. Ну и конечно же ее одежда! Гостья была одета во что-то такое… такое… Совершенно необычное! Салатовое платье до середины икр, распахнутое спереди, выставляло на обозрение идеальные ноги в коротких, заканчивающихся выше колен, обтягивающих штанишках, под которыми были тонкие, телесного цвета чулки. Сапожки, завершавшие внизу этот «наворот», тоже смотрелись совершенно невероятно. Цвет в тон платья, на высоком каблуке, они были удивительной формы. С виду сделанные из металла голенища по внешней стороне икры поднимались почти до колен, зато на внутренней части ноги они едва лишь достигали щиколоток. Как они вообще держатся и как в таком можно ходить, было совершенно непонятно. Снизу, под платьем, была блузка с красивым волнистым воротником.

Украшений на Эриэлле было немного. На правой руке, на запястье, — золотая цепочка, и колечко с прозрачным камешком на безымянном пальце. Еще одно, по виду такое же колечко, на другой руке. В волосах несколько серебряных заколок, и на шее, в расстегнутом вороте блузки, кулон на цепочке с мягко мерцающим зеленым камнем в форме слезы. Принцесса выглядела совершенно юной. Ее хрупкая и изящная фигурка с небольшой грудью и узкими бедрами создавала впечатление, что ей лет семнадцать-восемнадцать.

Прощелкав (с абсолютно прямой спиной) каблуками по мраморной лестнице, она с самым невозмутимым видом сошла в зал. Чувствовалось, что находиться под множеством чужих взглядов ей было не впервой. Спустившись, Эриэлла неспешно пошла вдоль стены, с непосредственным любопытством разглядывая обстановку, присутствующих гостей и их наряды. Публика отвечала ей такими же любопытными взглядами, подходя со всех сторон и постепенно создавая вокруг нее кольцо. В веселье возникла пауза. Первой не выдержала принцесса.

— Ну что же вы! — воскликнула она, недоуменно разведя руки в стороны и оглядывая подступивших к ней людей. — Мне сказали, что у вас весело! Я специально сбежала, чтобы посмотреть, а вы даже не танцуете!

— Да, да!

Опомнившийся магистр, назначенный руководством главным на балу, протолкался сквозь окружившую эльфийку толпу и выбрался на свободное место.

— Господа! Давайте танцевать! Оркестр, играйте!

Оркестр, повинуясь приказанию, начал что-то веселое. Господа еще немного помялись возле Эриэллы, но после некоторого колебания отправились танцевать. Кольцо любопытных поредело и распалось.

— Разрешите представиться, магистр Торениус, главный распорядитель сегодняшнего праздника!

Магистр сделал глубокий церемониальный поклон необычной гостье.

— Принцесса Зеленого леса Эриэлла, инкогнито… — повторила слова мажордома таинственная незнакомка, чуть кивнув в ответ.

— Прошу простить мое любопытство, ваше высочество, если оно покажется вам назойливым, но вы сказали… что сбежали. Вы позволите мне узнать, что вы имеете в виду? Откуда вы сбежали? Может, требуется помощь?

— Откуда? Это секрет, — лукаво улыбнувшись, ответила она, приложив указательный пальчик к правому уголку губ. — А помощь… Вы мне расскажете, что у вас есть интересного?

Магистр внезапно почувствовал себя растерявшимся под ее изумрудным взглядом.

— Мм… Хорошо, пусть секрет останется секретом, — немного вымученно улыбнулся он. — Я почту за честь для себя рассказать вам обо всем, что тут у нас происходит!

— Прямо-таки и обо всем? Неужели?
Принцесса вновь улыбнулась, и магистру подумалось, что в зале, кажется, становится душно…
— Постараюсь полностью удовлетворить ваше любопытство, ваше высочество!
— Давайте попробуем! — игриво улыбнулась Эриэлла, наклонив голову и глядя из-под тонких бровей.

— Господин ректор, господин ректор!
Встрепанный старшекурсник в красной мантии выскочил из дверей и что есть духу кинулся к экипажу, в который уже было собирался садиться глава магического университета.
— Что там опять случилось? — несколько раздраженно повернулся тот в его сторону.
И было с чего раздражаться. Открыл праздник, поприветствовал гостей, за всем проследил, распорядился, передал бразды правления Торениусу и едва шагнул за порог — как за тобой бегут! Неужели нельзя прожить без господина Мотэдиуса хоть пару минут?
— Господин ректор! — подбежал запыхавшийся студент. — Там… там… там эльфийка!
— Какая именно? У нас их нынче много, — с сарказмом поинтересовался ректор.
— Настоящая! Магистр Торениус сказал, что она настоящая! И послал за вами, если вы еще не уехали…
— Да, я еще не уехал! И, похоже, что никогда никуда не уеду! А император, между прочим, пригласил меня на бал! Что за ерунду несет этот Торениус? Откуда тут взяться эльфийке? Сегодня у Хайме как раз бал в их честь! Все эльфы там!
— Не знаю, господин ректор! Она инкогнито!
— Чего-о? — протянул Мотэдиус.
— Инкогнито. Она сама сказала.
— Как можно быть инкогнито, сообщая об этом всем подряд?
— Не знаю… но магистр Торениус сказал…
Старшекурсник смешался и умолк.
— Ладно! Пойдем посмотрим, что там у вас творится…
Ректор раздраженно повернулся и широко зашагал к дверям, надеясь поскорей разобраться с задерживающим его вопросом. Войдя в зал, Мотэдиус с высоты площадки у входа быстро огляделся. Тут же ему в глаза бросилось сияние золотых волос, хозяйка которых стояла рядом с фуршетными столиками. Несколько секунд, нахмурившись, архимаг разглядывал златовласку, затем прищурился.
Нет! Это не человек под маской иллюзии, спустя несколько мгновений сделал он вывод. Аура не человеческая! Необычная, яркая, но совершенно точно не людская! Тогда… Эльфийка?! Но как она сюда попала? Причем одна? Судя по всему, совсем молодая. Балованная дочка какого-нибудь высокородного эльфа из приехавших? Сбежала тайком в город за приключениями? Это же скандал будет! Нужно срочно сообщить во дворец! Наверняка ее там уже ищут. Пусть приедут, заберут. А пока ее нужно будет задержать…
Мотэдиус спустился вниз и решительно пошел сквозь толпу в направлении золотой макушки.

— Да. Очень вкусные эти штучки с ветчиной и сыром.
— Рульки.
— Рульки?
— Так их называет наш главный повар.
— Передайте ему мое большое спасибо. У нас так не готовят.
— А что готовят у вас?
— У нас? О-о, у нас много чего готовят…
Принцесса задумалась, мило наморщив лоб. Ректор и трое обнаруженных в зале членов педагогического совета за его спиной с почтительным выражением на лицах ожидали ее ответа.
— Но я не знаю, как это у вас называется, — повращав в пространстве правым указательным пальчиком для убедительности, нахмурилась Эриэлла.
— Да, очень жаль, что вы не знаете, — ровным голосом дипломатично откликнулся ректор.
— Как не знаете? — удивившись, неожиданно встрял в разговор один из стоявших позади Мотэдиуса преподавателей. — Вы же прекрасно говорите на нашем языке!
— В этом нет ничего странного, Лепольд, — с нотками недовольства в голосе отозвался ректор на такое вмешательство в его дипломатически выверенную беседу с эльфой. — Можно свободно говорить на языке и при этом совершенно не знать множества специфических терминов…

— Да, — поддакнул ректору другой преподаватель, видимо пытаясь организовать разговор всех со всеми, а не только Мотэдиуса с Эриэллой, — ведь даже знаменитые эльфийские вина называются по-разному. У вас так, у нас по-другому, ваше высочество.
— Вина? — заинтересовалась принцесса, поворачивая голову к нему.
— Да. Вина. Знаете, а в нашем университете есть богатейшая коллекция редких вин со всех континентов земли! — с гордостью за то, что нашел тему для разговора, ответил тот.
— Как интересно! — с воодушевлением откликнулась принцесса. — А у вас есть… шампанское? Я его так люблю!
— Шампанское?
— Да. Ну… это когда в напитке много-много пузырьков.
Держа правую кисть горизонтально полу, принцесса быстро пошевелила пальчиками, видимо изображая пузырьки.
— Никогда не слышал такого слова, — покачал головой ректор, глядя на пальчики. — Вино с пузырьками у нас называется — игристое…
— А! Ну тогда игристое…
Эриэлла с умным видом покивала головой.
— Кажется, в подвалах должна еще остаться «Мадам Люкко»… — задумчиво подняв глаза к потолку, негромко, но так, чтобы было слышно всем, произнес преподаватель, затеявший весь этот разговор о вине.
Пауза. Эриэлла, наклонив голову с неким вопросом в глазах, смотрела на ректора. Преподаватели, с не меньшим вопросом в тех же глазах, тоже смотрели на главу своего совета. В воздухе словно повисла непроизнесенная фраза: «Ну… и?»
— Почту для себя за честь угостить вас этим восхитительным напитком, — чуть кланяясь гостье, произнес ректор, правильно расшифровав направленные на него взгляды. — Как раз именно для таких случаев наша коллекция и существует. Для приема особо важных гостей и больших торжеств. Видите ли, ваше высочество, мы, маги, ведем несколько аскетичный образ жизни. Вино, как и другие горячительные напитки, не употребляем…
— Я слышала об этом, — покивав головой, с грустью произнесла Эриэлла, — и поверьте, я вам искренне сочувствую… Но что же я тогда, выходит, буду пить одна? Это будет неудобно…
— Мы с удовольствием присоединимся к вам, — спокойно произнес ректор. — В редких случаях это вполне допустимо, и в этом нет ничего страшного. Тем более для взрослых, уже состоявшихся как личности магов. Ограничения и запреты касаются в основном молодежи…
— Замечательно! С удовольствием выпью с вами фужер игристого, господин ректор!
— Я тоже буду весьма рад этому событию. Единственно, ваше высочество… Прошу простить, но вы так юны… Не будет ли это…
— …каким-то нарушением? — закончила принцесса недосказанную Мотэдиусом фразу. — Это вы о моем возрасте? О, уважаемый господин ректор! То, что я выгляжу на семнадцать, совсем не значит, что мне семнадцать! Вы же понимаете?
Принцесса обворожительно улыбнулась.
— Вполне, — несколько кисло ответил ректор, подумав, что с письмом во дворец о найденном ребенке он, похоже, поторопился.
— Кто знает, — секунду спустя повернулся он к преподавателям, — где можно сейчас найти нашего виночерпия?

— Ваше величество… срочное письмо от ректора магического университета, господина Мотэдиуса, — наклонившись сзади к уху императора, тихо прошептал его личный секретарь.
«Что там еще случилось? — не меняя приветливого выражения на своем лице, подумал Хайме. — Мотэдиус по пустякам сообщения слать не станет…»
Слева от императора сидела вся его семья, справа — с холодными, непроницаемыми лицами, высокородные эльфы Вечного леса — лер Эльтевунтиэль и лейра Левентюлинелла. С ними Хайме как раз вел вежливую беседу о погоде, которая сопровождала гостей по дороге к его столице. Остальные члены делегации леса находились на почтительном расстоянии от кресел, вместе с дворянами империи.
— Прошу меня простить, уважаемые гости, — вежливо наклонив голову, произнес Хайме, — дела империи.
«Да-да, конечно, понимаем», — качнули головами они в ответ.
Чуть нахмурившись, император вскрыл поданным ножом для писем узкий конверт и приступил к чтению.

— Все в порядке! — спустя несколько мгновений громко, с радостью в голосе произнес он, обращаясь к высокородным. — Принцесса Эриэлла жива и находится в полной безопасности в нашем магическом университете!
Хайме широко улыбнулся эльфам. Те тоже ответили ему вежливыми улыбками и кивками. Возникла несколько странная пауза. По лицам гостей император понял, что они явно ждут продолжения.
— Я сейчас отряжу отряд гвардии, и он доставит ее к вам под надежной охраной.
— К нам? — вежливо, но недоуменно произнесла Левентюлинелла.
— Да, — ответил Хайме, чувствуя, что улыбка на его лице выглядит по-идиотски и происходит явно что-то не то.
— А зачем? — так же вежливо и негромко спросила лейра и уточнила: — И кто она такая?
— Разве с вами нет молодой эльфийки? И она не пропадала?
— Прошу меня простить, император, но среди нашей делегации из женщин есть только я и мои служанки.
— Вот как? — несколько растерянно произнес Хайме. — Но ректор нашего университета утверждает, что сейчас у него в гостях находится юная эльфийская принцесса. Он предположил, что вы беспокоитесь, разыскивая ее.
— Прошу передать вашему ректору нашу благодарность за его внимание и заботу, но мы никого не разыскиваем. Думаю, что имеет место быть какая-то путаница. Господин ректор не мог ошибиться?
— Господин Мотэдиус, ректор магического университета империи, находится в ранге архимага. Думаю, что ошибки тут нет. Он вполне способен определить, кто перед ним находится.
— Понимаю, — кивнула лейра, — но девушек-принцесс с нами нет.
— Хм… странно, — нахмурился Хайме. — Кто же она тогда такая? И как она тут оказалась. Одна?
— Может, кто-то из других лесов? — предположил не вмешивавшийся до этого в разговор лер. — Она как-то назвала себя?
— Тут написано… — император вновь поднял листок к глазам, — принцесса Зеленого леса Эриэлла… Зеленого леса! Значит, она действительно из другого леса!
— Никогда не слышала о таком, — отрицательно покачала головой лейра.
— Самозванка? — предположил лер, чуть приподняв брови.
Левентюлинелла нахмурилась.
— Хотелось бы взглянуть на нее, — произнесла она несколько мгновений спустя.
Высокородные эльфы переглянулись. Секундная пауза — взгляд глаза в глаза.
— Ваше величество, — обратилась эльфийка к Хайме, отвернувшись от Эльтевунтиэля, — мы просим вашего позволения взглянуть на нее.
— Но… — растерялся тот, — у нас бал, прием…
— Ваше величество, это может быть важно. Очень важно для всех эльфов…
— Ну хорошо, — император быстро сдался под ее взглядом, — ваше желание я с удовольствием выполню. Но… я поеду вместе с вами!
— И я поеду! — приподнялся со своего кресла принц Диний.
— Мы все поедем! — принял решение император и обернулся к секретарю. — Распорядитесь!

— Да, очень вкусное!
Принцесса Эриэлла с удовольствием чуть причмокнула, оттеняя вкус напитка.
— И красивое!
Розовое вино в узком и высоком бокале прозрачного стекла смотрелось действительно приятно. Сотни пузырьков на стеклянных стенках создавали иллюзию движения и жизни.
— Словно розовые лепестки сакуры…
— Лепестки чего?
— Вишни. Действительно отличное вино! Похоже, у вас в университете знают толк в хороших вещах. Очень приятное открытие.
— Благодарю, ваше высочество! Но уверяю, винные погреба тут не самое ценное. Самое ценное — это люди. Вы просто не представляете, какие таланты находятся под этой крышей! Какие таланты! Молодые, смелые, умные! Которые пока не знают и не признают никаких границ! Они думают, что все могут, что им все по плечу! И они действительно делают, добиваются! Везде! И целители, и воздушники, и маги земли! У нас даже темные маги есть! Они тоже делают просто поразительные вещи!
— У-у-у! У вас есть темные маги? Как интересно! Я никогда их не видела. А можно на них посмотреть?

— Посмотреть? Конечно! Думаю, что Стефания будет польщена знакомством с вами. Сейчас скажу, чтобы ее нашли… Знаете, у нас сегодня очень людно, ха-ха…
— Да, я заметила.
— Еще вина?
— Пожалуй, не откажусь. Благодарю вас, господин Мотэдиус!

Стефания Терская с удовольствием кружилась в людском водовороте. Музыка, наряды, маски! Смех, улыбки! И никто ее под маской не узнает! Ее даже два раза пригласили танцевать. И хотели продолжить знакомство! Но она, весело смеясь, убегала в толпу.
«Ах, если бы тут был Диний! — пришло ей в голову. — Или Эри… Кстати, куда он делся? И не отзывается… Сказал, чтобы я обязательно пришла на маскарад, потому что на нем будет что-то такое… Что — не сказал. Сюрприз! Эльфийка — это сюрприз? А откуда Эри мог о нем знать? Она такая красивая…»
— Госпожа Терская? — неожиданно раздалось над ухом голос, и кто-то крепко взял ее за правый локоть.
— Ой! — испугалась Стефания, оглядываясь. — Вы кто?
— Госпожа Терская, господин Мотэдиус хочет познакомить вас с гостьей нашего бала — принцессой Эриэллой, — произнес незнакомец, поднимая вверх маску.
— Меня-а? — изумленно протянула Стефи, узнав одного из знакомых ей магистров-преподавателей.
— Если вы Стефания Терская, то да. Стефания, вы хотите познакомиться с принцессой?
— Д… да, — запнувшись, неуверенно ответила она.
— Тогда пойдемте. Я вас к ним провожу. Маску, пожалуйста, снимите…
Пробравшись вслед за магистром сквозь людскую толпу, Стефания выбралась в угол зала, где у стен стояли столики с закусками, напитками и сладостями. У одного из столиков она увидела ректора с преподавателями. Они стояли и слушали эльфийку, которая что-то им увлеченно рассказывала, энергично жестикулируя левой рукой. В правой она держала тонкий и длинный фужер. Лица у ректора и преподавателей были какие-то… напряженные.
— …вы просто не представляете! В наших лесах столько диких обезьян! Просто ужас! Едва зайдешь, а они ка-ак прыгнут! — долетело до Стефи.
Эриэлла изобразила руками, как эти обезьяны прыгают. От резкого движения вино в фужере плеснуло через край.
— А вот и госпожа Терская! — с явным облегчением в голосе громко произнес Мотэдиус, указывая на приближающуюся Стефанию.
Оглянувшись через плечо гибким движением, Эриэлла повернулась. Несколько мгновений молча смотрела на Стефи, затем поставила фужер на стол и шагнула навстречу.
— У-но-си-и-и! — зверски перекосив лицо, прошипел ректор краем рта стоявшему рядом с ним слуге с початой бутылкой на подносе.
Стефания внезапно близко-близко увидела два изумрудных глаза и ощутила тонкий запах духов.
— Какая ты красивая… — тихо произнесла Эриэлла, смотря ей прямо в глаза, и вдруг схватила ее в объятия, жадно впившись страстным поцелуем в губы.
Бумм! Вуф, вуф, вуф… пшшш… шшш…
Бутылка, соскользнув с накренившегося подноса, грохнулась на пол и закрутилась, выплескивая из горлышка остатки содержимого.
Слуга, да и все остальные свидетели сцены, стояли, открыв рты и выпучив глаза.
Стефания после секундной растерянности обеими руками отпихнула от себя Эриэллу и, широко размахнувшись, с пылающими от гнева щеками влепила ей оглушительную пощечину…

Студент второго курса, а точнее, уже третьего, баронет Лессент Дикой, торопливо шел по коридору, стремясь быстрее вернуться в зал. Он выскочил, чтобы по-быстрому «освежиться», когда выпитый сок совсем уже «подпер».
«Надо ж было так надуться! И именно в тот момент, когда появилась очень милая и симпатичная девушка, которая станцевала с ним уже два танца!» — подумал Лессент, быстро перебирая ногами.
Нельзя сказать, что девушки его чурались. Нет. Но как-то ему с ними не везло. Как он думал, причиной тому были его рыжие волосы и яркие веснушки, обильно покрывавшие его щеки и нос. И сколько бы он ни заучивал анекдоты, стараясь быть остроумным, сколько ни организовывал бы гулянок и веселых сборищ — ничего не помогало! Все девушки проходили мимо. А от гулянок были одни проблемы. Что это за веселье, да без вина? А вино магам нельзя… Особенно студентам. В результате в университете за ним закрепилась слава весьма легкомысленного и недисциплинированного молодого человека, склонного к

нарушениям. Даже был весьма неприятный разговор с ректором, и Лессент пообещал, «что он впредь — ни-ни, и даже в мыслях — никогда!»
Баронет поморщился, вспомнив этот совершенно некстати всплывший в памяти разговор. Не на маскараде же такое вспоминать!
Внезапно сильный рывок вырвал его из воспоминаний.
— Рыжий! Выпить есть?
Принцесса Эриэлла, зажав на его груди в кулаки мантию, притянула баронета к себе.
— Ва-ва-ва, — пролепетал обалдевший Лессент, увидев чуть ли не вплотную прекрасное лицо с огромными зелеными глазами. Левая щека эльфийки была розовее правой.
— Не прикидывайся. У тебя есть.
— Нету! Нету у меня! — испуганно воскликнул Лессент, подаваясь назад.
— Да? — разочарованно отозвалась принцесса, отпуская его. — Нету? Ну что вы за люди такие? Скучные! Выпить даже нет! Пфф!
— Как нет? — обиделся Лессент за всех людей сразу. — Есть!
— Где? — требовательно прозвучало в ответ, и перед его носом оказалась тонкая ручка, повернутая ладонью вверх.
— Здесь нет. Есть в городе. Хотите, я могу показать?
Принцесса на секунду задумалась, наклонив голову к плечу.
— В городе? А что, пошли! — сказала она. — Все равно нас тут никто не любит… Покинем юдоль этой скорби!
И тут Лессент вспомнил про ждущую его девушку!
— Э… э… прошу простить… Ваше высочество… Но я сейчас не могу…
— Как не можешь?! Ты что, хочешь, чтобы я разочаровалась в людях? Хочешь?
Принцесса близко-близко заглянула ему в глаза.
— Н… нет, — ответил баронет, внезапно почувствовав охватившее его волнение, и подумал о том, что наверняка нельзя допустить, чтобы эльфы разочаровались в людях. Ведь не зря же император их так встречает!
— Тогда пошли, — толкнула его рукой в плечо Эриэлла, — трубы горят!
«Опять мне не повезло, — с сожалением подумал о девушке Лессент, разворачиваясь на выход… — да что же это такое!»

Примерно четверть часа спустя, за стенами университета.

— «Шах-тер-ский фо-на-рик», — задрав голову, по слогам прочитала Эриэлла вывеску.
— Госпожа, госпожа, — заволновался стоящий рядом Лессент, — сюда лучше не ходить… Тут гномы…
— Гномы? Ну и что?
— У них тут… несколько… своеобразно… И они не очень любят посторонних… Которые ничего не понимают в горном деле…
— Горном деле? Это я-то ничего не понимаю в горном деле? Да будет тебе известно, что эльфы лучше всех разбираются в горном деле! А ну-ка! Пойдем, зайдем, выпьем! Заодно и выясним, чьи горы круче…
— Мне пить нельзя, — слабым голосом ответил баронет, чувствуя, как от нехорошего предчувствия у него холодеет в животе.
— Сегодня можно! Ты со мной! Если будут приставать, скажешь — налаживал дипломатические отношения с эльфами! Я подтвержу! Пошли!
— Ну… если только так…
— Па-а-ашли!
Эльфийка решительно пихнула в спину неуверенно мнущегося студента.

— Нуте-с, господин ректор, где же ваша гостья? Мы все приехали, чтобы ее увидеть. Итак, где она? Мы ждем!
В недовольном голосе императора слышался легкий сарказм и издевка.
— Прошу меня простить, ваше величество, — развел руками Мотэдиус, делая небольшой поклон, — но между отправкой мною письма и вашим прибытием в университете произошел весьма неприятный инцидент…
— Что за инцидент? Говорите!
— Принцесса Эриэлла получила пощечину и покинула бал… Последний раз ее видели, когда она выбегала из ворот университета…
Мотэдиус глубоко вздохнул и понуро опустил плечи.

— Ничего себе! — с неподдельным изумлением в голосе вскрикнул Хайме, вскидывая брови и оглядывая окружающую его публику так, словно призывая ее в свидетели. — Пощечину?! И кто же тот наглец, посмевший поднять руку на столь высокородную особу?!
— Это сделала… баронесса Терская, ваше величество!
— Терская? Ха! — выдохнул император, вскинув вверх брови. — Ха! Терская! Снова Терская! Где она?! Я хочу ее видеть!
— Ваше императорское величество…
Сбоку, из-за спин присутствующих, показалась Стефания и, выйдя на свободное от людей пространство перед императором, присела в глубоком реверансе.
— А, вот и вы, госпожа Терская! Вот и вы! Становится уже неприятным правилом, что если где-то происходит что-то из рук вон выходящее, то вы в этом участвуете!
В голосе императора звучал неприкрытый сарказм.
— Прошу меня простить, ваше величество…
— Простить? Для начала объяснитесь, сударыня! Что это такое вам вдруг взбрело в голову? Пощечина! Ха!
— Ваше величество… простите меня. Но… но она оскорбила меня! Прилюдно унизила, поцеловав в губы, как… как какую-то фейку!
Властитель империи вытаращил глаза.
— Что? Что она сделала? — не веря ушам своим, переспросил Хайме, поворачивая голову и выставляя вперед правое ухо.
— Поцеловала в губы… при всех… — тихо произнесла Стефания, глядя в пол.
Хайме перевел взгляд на Мотэдиуса. Тот чуть заметно наклонил голову, подтверждая. В зале воцарилась тишина. Все смотрели на императора, ожидая его решения.
— Ну… — начал он, поняв, что молчать дальше нельзя и нужно что-то уже говорить, — вполне возможно, что вы несколько неправильно ее поняли… Возможно, это старинный эльфийский обычай…
— Обычай? — неожиданно громко возмутилась Стефи, перестав смотреть в пол. — Это не обычай, а извращение! Эта эльфийка — гнусная извращенка!
— Думайте, что вы несете, баронесса! — резко отреагировал Хайме, ощущая прямо всей своей спиной стоящих за ней гостей Вечного леса.
— Женщины женщин в губы не целуют! Так только извращенки всякие делают! — запальчиво возразила Стефания, пылая пунцовыми щеками.
— Баронесса, замолчите! — рявкнул на нее Хайме. — Будете теперь говорить, когда я вам это разрешу! С этого момента вы находитесь под арестом! — Под домашним арестом, — уточнил он мгновение спустя, искоса бросив взгляд на стоящего справа от него Диния. — Выходить за стены университета отныне я вам запрещаю! До выяснения всех обстоятельств. Вам понятно, госпожа Терская?
— Да, ваше величество! — Стефания вновь присела в глубоком реверансе.
— Идите к себе в комнату, баронесса, — холодно приказал Хайме, — и будьте там до утра. Сегодняшний праздник для вас закончился.
— Да, ваше величество. — Стефания еще раз поклонилась императору, выпрямилась, повернулась и сквозь расступившуюся перед ней толпу пошла к выходу.
Принц, прикусив губу, смотрел ей вслед.
— Ну вот, — несколько излишне бодро повернулся Хайме к высокородным эльфам, — вы все слышали. К большому сожалению, принцессы Эриэллы здесь нет. Предлагаю всем нам вернуться во дворец и продолжить наш праздник. А пока я прикажу, чтобы на улицах столицы начали ее поиски.
Лер Эльтевунтиэль и лейра Левентюлинелла, простоявшие весь скандальный разговор императора с баронессой с непроницаемыми лицами, переглянулись. Секунду спустя лейра чуть кинула Эльтевунтиэлю.
— Ваше величество, — начала она, поворачиваясь к Хайме и вежливо наклонив голову, — похоже, тут действительно есть какое-то недопонимание. Поступок, о котором мы слышали, выглядит для эльфийки более чем странно. Но если он совершен, то, значит, тому были причины. Возможно, что Эриэлла находится в смятенном душевном состоянии и нуждается в помощи. Согласитесь со мной, что в данной ситуации ей будет лучше первым увидеть соплеменника, чем доброжелательно настроенного, но все же чужого стражника. Поэтому у меня к вам такое предложение. Я с вами и частью своих сопровождающих возвращаюсь во дворец, а высокородный лер Эльтевунтиэль пойдет до него пешком в надежде встретить беглянку на улице. Если судьбе будет угодно, они встретятся. Мы же пока подождем его или их во дворце и затем продолжим наш прерванный праздник. Вы согласны, ваше величество?
Император нахмурился. Понятно, что запланированный вечер летит, грубо говоря, псу под хвост. А с походом лера по вечерним улицам надежд на его спасение не остается вообще

никаких. Но и отказать такой просьбе невозможно. Эльфийка заботится о своей соплеменнице. Тем более речь идет о молодой девушке.
«Откажешь — будешь выглядеть черствым и бесчувственным, — подумал император, взвешивая все „за“ и „против“, — а потом будут проблемы в отношениях. Ах, как все неудачно складывается! Эта Терская со своей пощечиной! Ну поцеловали разок… Не умерла бы, если бы сдержалась! Цаца…»
— Хорошо, высокородная лейра, так мы и поступим, — сказал Хайме кивая и обращаясь к эльфийке. — Я прикажу выделить уважаемому леру сопровождающих, чтобы он не заплутал в темноте на незнакомых улицах. А мы с вами подождем его во дворце…

Высокородный лер Эльтевунтиэль шел по темным улицам столицы, размышляя о произошедших сегодня событиях. Все случившееся было весьма и весьма непонятно и странно. Непонятно — как произнесенное пророчество, странно — как этот город и люди, живущие в нем своей странной жизнью…
Лер вышел на небольшую площадь, окруженную домами, к которой с разных сторон сходились несколько улиц. Неожиданно он услышал приближающийся захлебывающийся хохот, сопровождаемый грохотом башмаков по камням. Эльтевунтиэль остановился.
— Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!
С противоположной стороны площади, из узкого проулка, выскочил несущийся во всю прыть парень и ринулся через площадь в направлении лера. Сопровождающие Эльтевунтиэля эльфы качнулись вперед, делая шаг навстречу. Внезапно увидев пред собой строй людей, парень отчаянно затормозил, поскользнулся на камнях и упал на колено, которым он, похоже, пребольно ударился, поскольку громко ойкнул. Тем не менее неизвестный снова вскочил на ноги и, прихрамывая, рванул на соседнюю улицу. Секунда — и он скрылся за углом. Лер проводил его удивленным взглядом.
«Ненормальный!» — подумал он.
— Ха-ха-ха! — вновь с улицы, из которой выскочил парень, донесся смех. Только в этот раз он был подобен звенящему колокольчику, рассыпающему свои серебряные обертоны в воздухе. И грохота башмаков не было. Был легкий, стремительный стук каблучков.
— Ха-ха-ха!
Мгновение — и на площадь выскочила заливающаяся хохотом девушка, за которой струился облаком поток золотых волос. Но, в отличие от парня, эльфа и его сопровождающих она заметила позже. Поэтому, когда незнакомка наконец остановилась, она оказалась прямо перед Эльтевунтиэлем.
— Лейра? — не веря глазам, потрясенно выдохнул высокородный. — Но что вы здесь делаете?
— Что? — немного растерянно переспросила та и на несколько мгновений озадаченно задумалась над вопросом. — Я? Я — зажигаю! Пытаюсь разнести этот город!
Закинув назад голову, девушка звонко рассмеялась над своим ответом.
— Разнести? Но зачем? — изумился лер, смотря на нее круглыми глазами.
— Веселюсь, — пожала та хрупким плечиком. — Пью. Все, что горит, и даю в глаз всем, кто мне не нравится! Весело!
— Эа-а… — заскрипел вслух Эльтевунтиэль, напрягая мозг в попытке стянуть края рвущегося шаблона.
— Там, где-то сзади, гномы бегут, — предупреждающе произнесла златовласка, сделав плавный жест рукой за спину.
— Гномы?
— Эй, ну где ты там?! — заорал высунувшийся в этот миг из-за угла бежавший первым парень. — Ща орки без нас все выпьют! Бегом! Полетели!
— Полетели! — радостно взвизгнула девушка.
Внезапно ее резко выгнуло назад и подкинуло на метр над землей.
— Пух-х…
С мягким, приглушенным звуком за ее спиной распахнулись два огромных белых крыла. Загребая воздух, они поднимали свою хозяйку еще выше.
— Крылатая! — потрясенно ахнул лер, расширенными глазами глядя на чудо. Колени его подогнулись, и он с размаха воткнулся ими в булыжники мостовой, не замечая боли.
— Крылатая, крылатая, — раздалось позади Эльтевунтиэля, и все эльфы упали на колени.
— Ха-ха-ха! — рассыпался по площади смех златовласки. — Ха-ха-ха! Чудики! Вот вам!
Она взмахнула рукой, и на коленопреклоненных сверху посыпались сияющие в темноте золотые песчинки.
— Крылатая, крылатая…
— Ты где? Лети-и-и! — раздалось откуда-то издалека, из-за поворота.
— Лечу!

Она еще раз громко рассмеялась, сыпанула на эльфов горсть золотой пыли и, взмахнув крылами, взлетела вверх, оставляя в темном небе золотой шлейф.
— Вестница… — потрясенно прошептал лер, глядя ей вслед.
К площади вновь приближался грохот башмаков. В этот раз бегущих было много.
— Ну где она? Где эта эльфийская девка?!
Низкий, кряжистый гном в фартуке трактирщика выскочил на площадь первым, потрясая здоровенными кулаками.
— Дайте мне ее! Дайте! И я ее здесь, тут… прямо на этих камнях, самым животным способом! — быком ревел он.
Лер упруго вскочил на ноги.
— Э-э… — сказал гном, открывая рот и закидывая голову назад, чтобы целиком увидеть внезапно выросшую над ним фигуру.
Ни один мускул не дрогнул на лице высокородного лера Эльтевунтиэля, когда он, даже не подумав о своей шпаге, врезал в глаз гнома кулаком…

— …Погром в трактире «Шахтерский фонарик»…
Император Хайме, сидя в кабинете за рабочим столом, слушал утренний доклад первого советника о случившихся за ночь происшествиях. Правая бровь императора была вопросительно приподнята, а на лице застыла смесь выражений: недоумения, изумления и легкой брезгливости.
— …выбиты все окна, обрушена лестница на второй этаж, разбита трактирная стойка и сломана вся столовая мебель… — несколько уныло читал с листа бумаги первый императорский советник Робэрто Штольц. Причина его вялости была проста. Всю ночь столица буквально на ушах стояла, а отданное им же (право, сгоряча) распоряжение сообщать обо всем не дало ему выспаться. Кто ж знал, что ночка выдастся такой бурной!
— …еще сломаны пополам две входных трактирных двери. Трактирщик утверждает, что сделаны они были из остатков каменного дуба, пошедшего на изготовление крепостных ворот крепости Штунгард и ничем не отличаются от этих ворот по толщине и прочности…
Бровь императора приподнялась чуть выше.
— …за помощью к целителям обратились девять гномов. Глава их общины потребовал в письменном виде… Именно потребовал, ваше величество! Потребовал публичных извинений от эльфийской делегации и возмещения всех убытков. По моему первому впечатлению, озвученной гномами суммы компенсации хватит на постройку пяти трактиров, у которых во всех четырех стенах будут крепостные ворота с подъемным мостом…
Хайме слегка скривил правый уголок рта.
— …драка, вылившаяся затем в откровенный погром в трактире «Молот Грыха». Владелец — орк Гых. Выбиты окна, двери… опять же лестница… Кроме того, в некоторых местах столами насквозь пробита крыша трактира…
Правая бровь Хайме приподнялась еще выше.
— Свидетели утверждают, что орков просто выбрасывали в окна и двери. Причем сопровождалось все это оскорбительными криками вроде: «Бей зеленых человечков! Спасем мир от чужих!» Глава оркской общины считает всех орков страшно оскорбленным, видя в таких призывах проявление крайней расовой нетерпимости. По моим данным, он уже накатал письмо в Большой Шатер и грозит эльфам войной, если ими не будут принесены публичные извинения и компенсированы все материальные потери… Однако в этом случае финансовые претензии меньше, чем у гномов… Речь идет о покупке всего лишь трех трактиров вместо одного разгромленного…
Император скривился.
— …драка гномов с эльфами на площади Солах… Высокородный лер Эльтевунтиэль был избит группой гномов из «Шахтерского фонарика», которые разыскивали принцессу Эриэллу, с целью покарать ее за учиненную в трактире драку с последующим уничтожением оного питейного заведения… Кроме лера за помощью к целителям обратились еще четверо сопровождавших его эльфов. Однако эльфы тоже не остались в долгу. Целителям пришлось заняться пятью гномами, пострадавшими в этой потасовке…
Под утро мне поступило еще несколько докладов о драках, случившихся этой ночью. По предварительной информации, в них участвовали в разных вариантах все: гномы, орки и люди. Также видели эльфов. Кто с кем дрался в этих драках и за что, в данный момент еще уточняется…
— Это просто какие-то сводки боевых действий, а не ночь в столице! — Хлопнув ладонью по столешнице, император резко поднялся из-за стола. Сделав несколько шагов к окну, он остановился возле него, скрестив на груди руки. Советник замолчал, почтительно глядя на

спину Хайме, которая выражала крайнюю степень раздражения. В кабинете на некоторое время воцарилась тишина.
— Робэрто… я не понимаю, — не оборачиваясь, негромко и задумчиво произнес Хайме.
— Да, ваше величество, — отозвался тот, уважительно наклоняя голову.
— Эльфы… Древний и великий народ… хранители великих знаний… долгожители, живущие под сенью Вечного леса… И что же случается, когда они в конце концов выбираются из этого леса? Первое, что они делают, — нажираются как свиньи в какой-то дешевой забегаловке и устраивают драку! С первыми, кто подвернулся им под руку! Гномами, орками, людьми… без разницы! Робэрто, я невольно задаю себе вопрос — это что, это и есть тот самый великий народ, который мы ждали? Это те самые эльфы из легенд?
Хайме обернулся от окна. Вид у него был как у человека, внезапно потерявшего веру в сказку.
— Мм… — неопределенно промычал в ответ Робэрто, затруднившись с ответом.
— И неужели то пойло, которое наливают в наших трактирах, лучше их вин? Как они могли вообще такое брать в рот?
В голосе императора было искреннее недоумение.
— Может, у них в лесу… сухой закон? — осторожно предположил советник. — Это бы многое объяснило…
— Не знаю, не знаю… — покачал головой Хайме, — столько лет они не выходили из леса… И вот. Вышли! Я просто в некоторой растерянности… Я помню те волшебные сказки о благородных эльфах и прекрасных эльфийках, которые мне читала моя мама… Книжки с замечательными картинками…
Император пожал плечом и улыбнулся кривой улыбкой.
— Знаешь, Робэрто, мне только что пришла в голову поразительнейшая мысль. А ведь оказывается — я все это время верил! Верил в рассказанную мне в детстве сказку! Выходит, что так… Смешно… Император, верящий в сказки…
Хайме вновь отвернулся к окну. В кабинете снова воцарилась тишина.
— Но рано или поздно любые сказки умирают… — негромко произнес император. — Похоже, что пришел час и этой. Благородные эльфы превратились в драчунов и пьяниц, а прекрасные эльфийки — в извращенок, которые тоже не прочь заложить за воротник… Сказка умерла… И нам осталась лишь обыденная жизнь… которая, как кажется мне порой, не имеет ни смысла, ни значения…
Снова длинная, гнетущая тишина…
— Ну что ж, — глубоко вздохнул полной грудью Хайме, — по крайней мере, жизнь — это все, что у нас есть. И мы будем жить дальше, не так ли, советник?
Император повернулся к Робэрто и улыбнулся такой знакомой ему, обычной улыбкой.
— Вы совершенно правы, ваше величество! — облегченно вздохнул Робэрто.
— Итак, — энергично произнес Хайме, снова подходя к столу, — что же сейчас делают наши лесные друзья?
— Прочесывают город в поисках крылатой лейры. Я выделил им охрану, и они сейчас все где-то там, на столичных улицах. Эльфы объявили награду тому, кто укажет местонахождение крылатой. Десять тысяч золотых монет.
— Неплохо, — присвистнул Хайме.
— Да, ваше величество. Весь город занимается поисками. От нищих до благородных дворян.
— Представляю себе. А кто она такая, эта крылатая?
— Я навел справки, ваше величество. Крылатая лейра — вестница эльфийской богини. Ее порой так и называют — вестница. Появление вестницы всегда заканчивалось большими событиями в жизни народа эльфов. По крайней мере, так было в истории до этого. Встретить крылатую — великая честь для любого эльфа. А уж оказать ей помощь — первый долг. Поэтому они так ее и ищут…
— Понятно… Однако… странная у них вестница какая-то… Целует… не тех. Напивается со студентами… Дерется с орками и гномами по трактирам…
— Да, ваше величество, очень странная…
— Ладно. Кстати. А что делают орки и гномы, окромя написания мне жалоб и потрясания оружием?
— Тоже ищут лейру. Вместе со всеми.
— Просто удивительно. Такое единодушие в попытках оказать помощь эльфам. Несмотря на вчерашний мордобой…
— Золото сближает…
— Да. Я это тоже уже заметил. Неплохо было бы и нам поискать. Десять тысяч… будут весьма кстати. Как раз рассчитаемся с орками и гномами!

— Ваше величество?
— Да, Робэрто, да. Придется нам с тобой за все это веселье заплатить…
— Но… ваше величество?
— Эльфы справа вверху, — подойдя к большой карте империи на стене, указал рукой император, — орки внизу. Гномы — слева и справа. Это что же, они через нас будут ходить, выясняя отношения? Если они объявят друг другу войну, то где же они собираются воевать? На нашей территории? Или шастать по нам будут… туда-сюда? А нам что, не пускать их? Или пускать — пусть ходят, поля топчут? Кончится это тем, что мы в конце концов ввяжемся в их разборки… Этого только сейчас нам не хватало!
— М-да, — согласился советник и тут же уточнил: — А где взять денег?
— Где, где, — иронично усмехнулся император. — У казначея!
— С подготовкой торжеств по поводу прибытия гостей из Вечного леса ресурсы казны сильно подточены, ваше величество…
— Да знаю я! — недовольно махнул рукой Хайме. — Скажи ему, пусть отменит пару балов и охот. Чувствую, что сейчас будет не до них.
— Средства уже вложены в подготовку. Боюсь, что отмена празднеств даст весьма незначительный денежный эффект, ваше величество…
— Тогда скажи казначею, что я желаю от него подвиг. Пусть поймает эту золотую курицу, ощиплет и расплатится ее перьями со всеми! Ха-ха! Ты меня понял?
— Да, ваше величество.
— Отлично. А если серьезно, пусть что-нибудь придумает. Он же казначей!

Стефания

Тук… тук… тук…
Я неспешно шла по дорожке, вымощенной камнем, слушая, как мои каблуки глухо стучат по плоским серым плиткам. На душе было муторно.
Ну почему со мной вечно что-то случается? Ну почему бы этой дуре вчера в зале не выбрать какую-нибудь другую, а не меня? Ту же Алистеру, например… И целовалась бы с ней взасос, сколько бы хотела… Нет! Именно ко мне прицепилась! Почему все цепляются именно ко мне? Я что, особенная какая? Медом на мне намазано? Ничего такого не делаю, веду себя подобающе… Император вчера чуть ли не накричал на меня… при всех… А как хорошо начинался вечер! Веселилась, танцевала. Дотанцевалась… Она, значит, напилась, а я, значит, виноватая? Это несправедливо! Хайме не прав. Не разобрался. Ее нужно было сажать под арест, а не меня! А то теперь ко всему я еще и преступница! Арестантка… Интересно, но меня это почему-то как-то не особо беспокоит… Если бы еще год назад мне кто сказал, что сам император посадит меня под арест… Да я бы с ума сошла от страха! А сейчас меня это даже не волнует… Нет, волнует, конечно. Вру. Но как-то так… Не остро. Может, привыкла уже, что со мной что-то происходит? Вроде того, что говорил Эри: «Все, что нас не убивает, делает нас сильнее». Он еще куда-то пропал… Вчера сказал, чтобы я обязательно приходила на маскарад, мол, будет что-то интересное. Я и пришла. А он так и не появился. А интересного было… Он много пропустил!
Я насмешливо хмыкнула.
Впереди раздались голоса. Из-за кустов, куда сворачивала дорожка, вышли две девушки в голубых мантиях магесс воздуха. Увидев меня, они резко остановились, переглянулись и, развернувшись ко мне спиной, пошли назад.
«Ага-а! Не ожидали! — со злорадством подумала я, глядя в их спины. — Всех распугаю!»
На мне была черная мантия. Под стать настроению. Удивительно, но сегодня с утра, когда я выбирала, что надеть, рука сама потянулась за ней, хотя обычно я всегда надевала ее с неохотой.
Девушки исчезли за кустом, оставив меня одну.
Ну и ладно. Нужны вы мне. Сплетницы… Все вы сплетницы… И завистницы… Знали бы только, каких душевных мук мне все это стоит! Дуры!
Но куда же делся Эри? Зову — молчит. Может, случилось что? Вдруг заболел? Может, сходить? Лежит, не может позвать на помощь?
Ужасная картина ползущего из последних сил к входной двери Эри встала у меня перед глазами.
— Бр-р! — помотала я, головой прогоняя этот ужас. Привидится же такое! Это все от нервов. Наверняка жив-здоров и спит у себя в комнате. Пойду разбужу. Уже обед скоро. Хватит ему спать!

Я свернула в нужную сторону и направилась к домику, где жил Эриадор. Дойдя, я, стараясь не шуметь, дабы не привлечь внимания соседей, поднялась по лестнице на второй этаж. Тук-тук-тук, негромко постучала косточкой пальца в дверь.
— Кр… кри-и-и…
Заскрипев, дверь внезапно начала открываться.
— Ой! Эри?
Никого. Тишина. Я посильнее толкнула дверь, открывая ее пошире, и осторожно заглянула внутрь:
— Эри? Ты тут?
Тишина…
— Эри? — Я шагнула через порог. В коридоре было очень душно. Пахло чем-то таким… противным и неприятным.
Как от поросят, которых мы тогда с ним поили озверином, — пришло мне в голову.
— Эри?
Вытянув шею, я с опаской заглянула в комнату:
— Ой!
В глаза ударило золотом. Широкий веер сияющих волос рассыпался по спине их хозяйки, лежащей на кровати. Эльфийка спала на животе, засунув руки под подушку и уткнувшись в нее лицом. С виду выглядело так, что она, как была, в верхней одежде и сапогах, так и рухнула плашмя, даже не подумав раздеться.
«Эриэлла здесь? Почему? — лихорадочно заметались мысли в моей голове. — Что она тут делает? Неужели… она… с Эри? Не может этого быть!! А где же тогда он сам?»
Я оглядела комнату. Эри не было нигде! Даже под кроватями, куда я, нагнувшись, заглянула.
Где же он? Почему она тут спит? Куда подевался Эри? Может, она знает? Разбудить и спросить?
Я прислушалась к легкому дыханию эльфийки.
«Вот ведь извращенка! Спит как ни в чем не бывало! Гадюка такая! — подумала я, ощущая прилив злости от вида этого невинно-младенческого сна. — Она, значит, развлекалась, а у меня теперь неприятности! Наверняка всю жизнь мне этот поцелуй вспоминать будут. Найдется кому. До окончания университета уж точно… Как перегаром от нее несет! Фу… А еще эльфийка! Прынцесса… Нажралась винища… С виду красавица. А внутри… свинья! Сейчас я тебя разбужу! Скажешь мне, куда дела Эри!»
— Эй! — решительно взялась я трясти ее за плечо. — А ну вставай!

Эри

— Эй! — Кто-то меня усиленно тряс. — А ну вставай!
«Сс-скока время?» — всплыла из глубины сна мысль, сигнализируя о том, что мозг включается.
— Вставай!
За… чем?
— Встава-ай!
Иде я? Хто тут?
— Подъем!
С трудом разлепил правый глаз. Смотрю. Ничего не видно!
Повернул голову — Стефания! Щеки румяные, брови насуплены. Вид возмущенный.
«Че ты опять орешь?.. Такую рань…»
Стефи как мешком по голове ахнуло. Замерла. Глаза выпучила, рот открыла. Таращится. Лежу из последних сил, смотрю на нее одним глазом снизу вверх. Второй не открывается. Никак. Сихот… что ж так плющит-то? И что за мерзкий вкус у меня во рту? А почему она у меня в комнате? Или это я у нее? Что вчера было?
«Эри?!» (Неуверенность.)
«Мм…» (Полное бессилие.)
«Эри… Это ты?» (Безмерное удивление.)
«А кто… по-твоему? Что, не видишь?» (Невероятным усилием выдавленная ирония.)
«Н… нет…»
«Пфф…»
«Эри… Ты… Эльфийка?»
«Эльфийка? Я?» (Удивление.)

Дзззззз… Дзззззз… Дзззззз… заверещало в моем мозгу, сигнализируя о пока неизвестной, но опасности.
Эльфийка? Я? Она что, дура, что ли? Хм… А что это такое… мешается перед глазом?
Я сфокусировался на помехе. Тонкие… золотые… волоски…
Бум!
Мозг проснулся и с грохотом распахнул двери файлохранилища, давая мне доступ ко вчерашним записям.
И-и-и-ти-ить… — первое, что пришло мне в голову после осознания полученной информации. Спалился! Меня же никто так не должен был видеть! Почему я до сих пор в этом виде?
«А не нужно было нажираться до свинячьего визга», — ответил внутренний голос и заткнулся.
Упс! Вот это я попал!
«Так… это… был… ты?» (Зловеще.)
«Мм…» (Неопределенная неопределенность.)
«Зачем ты это сделал?» (Ледяное спокойствие громады надвигающегося айсберга.)
«Ну… это была… скажем так, некая шутка…»
«Шутка?!» (Вспышка молнии в безлунную ночь.)
— Ах ты, сволочь! — Стефания кинулась на меня, выставив вперед растопыренные пальцы.
Хоп!
Абсолютно автоматически, не думая, я схватил ее своими «невидимыми руками», не дав вцепиться себе в горло.
— Гад! — извивалась в них Стефи, стараясь дотянуться до меня. — Ты опозорил меня! Перед всеми опозорил!
«Опозорил? А что я сделал?» — подумал я, пытаясь вспомнить, что же еще было такого вчера.
Э-э-э! Поцелуй! Я ее поцеловал! При всех… Опять я… Сихотовы копыта!
— Предатель! Нельзя над друзьями так шутить! Нельзя! Друзья так не поступают!
— Да я не над тобой шутил! Вообще не собирался тебя целовать!
— Гад! Гад! Гад!
Внезапно из глаз Стефи хлынули слезы.
— Сс-сволочь… — заревела она в три ручья, — пре-е-едатель…
Блин! Стефина истерика — это именно то, в чем меньше всего я сейчас нуждаюсь!
— Стоп! — громко сказал я, садясь на кровати. — Без паники! Сейчас разберемся! Секунду, я только стану прежним, и мы с тобой поговорим!
Я обратился к своей точке сборки, намереваясь снять иллюзию.
— Упс… — секунду спустя издал я губами звук. — А где собственно?
Точка сборки, поддерживающая иллюзию, отсутствовала. Вместо нее был светящийся ярко-белым светом сгусток, в который входили энергетические линии. Входить-то они входили, но дальше — растворялись в ярком свете, не давая увидеть, куда же они идут.
«Здравствуй, Бассо, Новый год! — сказал я себе. — Приплыли… И что теперь делать?»
Я сидел на кровати, недоуменно таращась в пространство, рядом, на стуле, плакала Стефания.
«Утро после праздника, — ехидно прокомментировал внутренний голос, — картина под названием „Расплата“».
«Что же делать?» — подумал я, не обратив на подколку внимания. Совершенно не нужно, чтобы меня видели в таком виде! Это же будет скандал, и все откроется! Откроется, что я вновь владею магией. И что я сделал эту подделку под эльфийку… Не покажется ли императору, что это уже совсем? Наверное, покажется… Мне бы вот показалось, будь я на его месте. Так. Что же делать?
Я еще раз пригляделся к точке сборки. Не-а! Бесполезно! Пятно света, в котором ничего не видать. Мрак! Ничего я тут не сделаю… Ничего я не сделаю… А если не я? Хм… а кто может помочь? Стефи?
Я глянул на хлюпающую носом девушку. Не. Эта вряд ли. Это не крыши у домов сносить. Работа тонкая, изящная, требующая умения и опыта. Опыта… У кого тут есть опыт? Ну… по иллюзиям, пожалуй, ни у кого, а если просто опыта — то, наверное, у нашего ректора-архимага его должно быть больше всех. Попросить его помочь? Поможет? Мм…
Я задумался. Ну… в общем-то с Мотэдиусом мы сейчас, считай, в одной лодке. Он предложил мне помочь с праздниками. Я и помог! А то, что криво получилось… Это можно будет поставить ему в вину. Он же руководит процессом! А я подчиненный… и потом… вряд ли в интересах ректора предать дело огласке… Скорее постарается, чтобы наружу все не выплыло. Только тут, понимаешь, награждали, слова всякие хорошие говорили, и вот те нате — у него студенты в эльфиек переодеваются! Да еще с намеком на

некую их нестандартную ориентацию… Это же уже политика! Черт! Зачем же я так напился?
«Ты всегда на шампанское падок был… тебя с него больше всего разбирало… Алкаш».
Да я и выпил-то всего ничего! Два с небольшим фужера… Я же никогда не напивался!
«Когда это было! Тогда ты практически не пьянел, потому что тело-то свое было… не то, что сейчас… Тушка заморышная… Метаболизм-то тогда другой был! Плюс нынешняя магия. Тоже вывернутая какая-то… Может, нужно было сначала подумать о возможных последствиях? Перед возлияниями?»
«А что ты раньше молчал, коль такой умный?»
«Ха! Я — это ты. Вот сейчас пришло в голову, я и сказал!»
Хи-и-и, ясно! Все сам, кругом один, рассчитывать не на кого… Чистый Робинзон! Так. Но что там с ректором? Звать или не звать?
Я еще раз быстро взвесил все «за» и «против». Идти к ректору выглядело предпочтительнее. Хоть какой-то, но шанс избавиться от этого маскарада. Ходить эльфийкой — совершенно невозможная идея. Хайме точно шутки не поймет, когда эта история дойдет до него. Опять служба безопасности ко мне прицепится… Уже представляю, как это будет… А Мотэдиус, мне кажется, должен прикрыть. Я же обещал ему помочь? Помог! Никто не посмеет сказать, что я не сдержал обещания. Думаю, маскарада такого, с таким скандалом, тут еще не видали! А если я ему помог, то с него причитается! Рекомендательные письма! И я уеду. Верну прежний вид и уеду. Уверен, он будет рад от меня избавиться… О'кей! Зовем!
«Мне нужна твоя помощь!»
«Не буду я тебе помогать…» (Обида. Горькая-прегорькая, словно полынь, горечь.)
«Мне нужно срочно стать обычным Эри! Ты же не хочешь, чтобы Диний узнал, что ты со мной целовалась?»
«Я с тобой не целовалась! Это ты меня поцеловал! Сам! Я ему так и скажу!»
«А он меня вызовет на дуэль и убьет. Тебе меня не жалко будет?»
Угрюмое молчание в ответ.
«А если узнают, что я был эльфийкой, император может на меня обидеться. И меня посадят в тюрьму… И я умру там от голода и холода…»
«Почему всегда я делаю то, что нужно тебе? Сама делаю! Добровольно! Как это у тебя получается?» (Негодование, возмущение.)
«У меня просто больше жизненного опыта… Слушай, ну сходи к ректору, а? Скажи — студенту плохо, вас зовет! Приведи сюда. Он меня вернет в прежний вид… и все будет хорошо! Только больше никому про меня не говори! Иначе мне все, амба! Сходишь, а?»
Стефания молча прикусила губу.
«Стефик, ну сходи! Вот увидишь, я сумею вымолить у тебя прощение! Ты же меня знаешь! Хочешь, научу, как делать проклятие онемения? Ведь ты же хотела?»
«Ничего я от тебя не возьму! Делаю, только чтобы тебя Диний не убил! Понял?» (Гордость.)
Стефания встала, вытерла глаза платком и, закинув голову назад, пошла на выход. Вытаращившись, я смотрел ей вслед. Услышав звук закрывшейся за ней двери, я несколько мгновений посидел, вздохнул и взмахнул рукой.
Дзынь…
Огромное зеркало в широкой тяжелой раме, не касаясь стен и пола, неподвижно повисло в воздухе, отсвечивая голубым отсветом стекла. Я встал и подошел к нему, уже зная, что я там увижу.
В зеркале — юная красавица. Длинные, ниже пояса, ярко-золотые волосы, уложенные в прическу с несколькими тонкими косичками. Кажется, что волосы немного светятся. Изумрудного цвета огромные миндалевидные глаза. Тонкие, изогнутые брови на абсолютно правильном лице, красивые губы. Длинные и пушистые ресницы с загнутыми вверх кончиками. Ровная и гладкая кожа, нежная даже на вид. И зубки… Белые, ровные зубки, которые появляются, когда красавица улыбается.
«Ничего так вышло… — вновь подумал я, слегка поворачивая голову туда-сюда и разглядывая отражение, — эффектно…»
Идея пришла мне в голову внезапно. В результате довольно непродолжительного размышления о нескольких не решенных мною задачах. Вначале я думал о маскировке, под которой я намеревался покинуть столицу. Время шло, а я в плане решения проблемы ничего не предпринимал, углубившись в организацию торжеств. Потом мои мысли как-то однажды направили меня к размышлениям о торжествах под другим ракурсом. Сихотовы копыта! Идея первыми пригласить эльфов была чистой находкой, как говорится — стопроцентным верняком. Но вот доступа к этим самым эльфам у меня не было. Собрав кое-какую информацию и проанализировав добытое, я понял, что на ушастый ресурс,

похоже, плотно садится сам император. И все общение с этими долгожданными гостями столицы будет идти только через него. Император — монополист, который полностью собирается использовать свое положение. И как-то мне тогда подумалось, что с Хайме я не договорюсь. Вот почему-то казалось мне, что не особо он ко мне ноныче расположен. Всякие такие происшествия… с моим участием. Я, конечно, ни в чем не виноват, просто все так как-то складывалось, но вполне возможно, что на этот счет у него есть свое, иное мнение. Так что ловить у него мне, пожалуй, было нечего. И потом, ведь у него с эльфами наверняка будет сплошная политика, куда посторонним влезть не дадут. Все понятно, но у меня ведь тоже обстоятельства! Мы же не можем допустить, чтобы орденцы собрали все сливки! Я же играю за другую команду! И что делать?
«Сюза-ан-на! Сюза-ан-на! Сюзанна, мон амур!» — голосом Челентано пропел внутренний голос.
«Хм… Сю… а ведь это выход на императора, — подумал я тогда, — только ведь потом жениться придется!»
«Ой, да ладно тебе! Сразу прям так и жениться! Нужен ты им. Нищий студент…»
«Ни фига! Она могла понять, что я невероятно перспективен. Помню я, как она стала на меня посматривать. Не! Это не мой путь. Тем более что я уже с ней распрощался. Когда еще подвернется случай так красиво уйти?»
«Ну, тогда сам рядись эльфом и дуй на праздник! Больше у тебя вариантов нет…»
«Слушай! А ведь это же мысль! И с проблемой маскировки совпадает!»
И я принялся усиленно думать в этом направлении и… надумал! Короче говоря, я решил прийти на бал-маскарад в костюме эльфийки. Маскарад ведь, не так ли? Ну а то, что костюмчик будет немного необычным, — так это уже частности, к которым, право слово, придираться не стоит. Кто в чем мог, тот в том и приполз… Для его создания я вполне мог использовать знания моего дома — дома Изменчивых. Известно, что всякий живой организм в эфирном плане имеет несколько энергетических оболочек. И первые две из них как раз-то и определяют внешний вид этого организма. Причем эти оболочки не сплошные, а как бы состоящие из плотного набора силовых линий. Эдакие решетки, окружающие тело и сходящиеся в одной точке. Точка сборки, как ее еще порой называют. Вообще, как делается маскировка? Если по-простому, примитивно, то формируется еще одна оболочка, которая тупо ставится впереди всех. Тогда, если «просто» смотреть, то видна только она. Но если глянут «не просто», то сразу видно, что это фальшивка. Истинные слои в этом случае прекрасно просматриваются владеющими магией существами, и никуда их не спрячешь. А вот искусство маскировки моего дома позволяет как раз их и скрыть. Все элементарно. Берутся две энергетические линии двух последних решеток, расположенные друг напротив друга, и аккуратненько-аккуратненько обвиваются новой энергетической линией, плотно их стягивая. В результате из двух штырей получается один, обвитый линией, которой еще можно задать любые параметры. Насколько только хватит фантазии, сил и умения. И к этой свивке добавляется еще одна линия, перед ней. Для восстановления общего числа слоев и усиления эффекта иллюзии. И все! Смотри не смотри — ничего не увидишь! Все это, конечно, совсем не все, как я коротко объяснил. Еще нужно знать кучу дополнительных приемов и навыков, чтобы сделать такое… Но я-то как раз их знаю! И имеющийся у меня сейчас уровень магии позволяет сделать это с необходимым качеством. Вот я и решил сделать! Потренироваться в создании себе нового лица, а если получится — подрезать крылья ордену, собирающемуся «взлететь на эльфах». Не обломится им. Они меня обижали, нехорошие. Появилась у меня и идейка в их отношении… Сделать подарочки их руководству… за мои мучения. Ладно, потом! Сейчас о другом забота! В общем, взялся я делать себе «костюмчик». Изначально в проекте был эльф. Вроде он мужик и я мужик. Но потом как-то подумалось: а чего, собственно? Я ведь о жителях Вечного леса ничего не знаю. Ни обычаев, ни традиций. Но собираюсь изображать их пред другими. Как бы мне не попасть впросак в этой роли. Маги живут долго, может, кто-то с эльфами уже встречался, знает. Или кто чего читал? В университете народ ведь читающий… Мне же книжки листать лень. Да и просто времени нет. Создание подобной иллюзии — работа очень тонкая, кропотливая и долгая. Плюс оказание помощи, обещанной ректору… Когда тут еще читать? А красивая, молодая девушка может спокойно сказать глупость или что-то сделать не так, и никто к ней за это особо цепляться не будет…
Скажут: молоденькая, глупенькая еще… Но прелесть до чего миленькая и хорошенькая! Так что воплощение в женский образ в этом плане было гораздо перспективнее. Перспективнее еще и в плане «плюшек». Я же играл на Земле в сетевые игры. В них изящным эльфийкам мужские персы куда чаще делают и дают все — «за просто так!», чем тем же мускулистым оркам. И здесь та же психология. Ведь то же самое будет! Самцы распушат перья и будут показывать, какие они крутые. Женщины, конечно, меня сразу же невзлюбят, но в этом мире мужчины главные. В их руках все. Могут и в архив пустить,

даже в нарушение правил. Запросто, если там архивариусами мужики сидят… Главное — посимпатичней выглядеть. Хе-хе… Интересный вариант, между прочим! Хотя если подумать, сразу видится масса преград в реализации этой задумки. Вряд ли такой номер выйдет. В общем, я все прикинул, посчитал плюсы и минусы и радикально переиграл свой первоначальный план, решив стать прекрасной эльфой. Потом, по мере воплощения образа, в голову стали приходить еще мысли, как можно было бы его использовать. Например, «шок-финиш» на вечеринке. А именно: прихожу и начинаю потихоньку травить во все стороны ненаправленный «шок любви». Студенты греются, а я затеваю конкурс среди самцов с финальным призом — поцелуем лесной девы. Народ ломает копья, рвется в финал, у всех просто масса эмоций, всем хочется, но наконец определяется победитель. Я подхожу к нему, притягиваю к себе за лацканы, наклоняю голову, вроде как для поцелуя и — раз! Снимаю с себя иллюзию!
— Я тебя поцелую… потом… если захочешь, — говорю я, с придыханием глядя в его безумные глаза…
Представляю, что бы после этого началось в зале! Конечно, это значит для меня — сразу спалиться. Но все равно! Забавно, если взглянуть на такую сценку со стороны… Так ведь посмеяться над кем-нибудь можно… Или отомстить. Много чего можно сделать, если подойти к делу с фантазией!
Единственные сложности в создании были с ушами. С эльфийскими ушами. Непонятно было — какой формы мне их делать? Как на Земле — длинные и острые — или здесь они другие? Картинки в книгах я конечно же посмотрел, но так и не уяснил — какие они? Все эльфы были нарисованы с длинными прическами, закрывающими уши. Попытался решить проблему, посмотрев вживую. Благо император организовал эльфам торжественный въезд в столицу, послав их встречать своего первого советника. Там были и развевающиеся разноцветные флаги, и хриплые дуделки, и толпы ликующих горожан вдоль улиц, привлеченных разбрасыванием мелких монет. Стандартный средневековый праздник. Смешно, но уши посмотреть мне так и не удалось. Ауру у эльфов — пожалуйста. А уши — неа! Видать, очень интимная для них часть тела. Такое ощущение, что прям прячут от посторонних глаз! Ну и ладно. Где наша не пропадала! В цейтноте я принял решение — сделать фифти-фифти. Не совсем острые и длинные, благо у увиденных эльфов под волосами ничего не оттопыривалось, но и не совсем людские. Чтобы проходили и по человеческим, и по возможным эльфийским критериям. Пусть на грани, но проходили. Так я и сделал.
Эльфа вышла просто загляденье! И все бы прошло прекрасно, если бы не эта дурацкая пьянка! Идея выпить шампанского пришла мне в голову, когда заговорили о коллекции вин. Сразу представилось: низкие подвальные красные кирпичные стены, деревянные стеллажи, темного стекла пыльные бутылки с заляпанными красным сургучом горлышками… эксклюзив! Люблю эксклюзив и всякие вкусные вещи! Плюс в возникновении желания выпить, наверное, свою роль сыграло и приподнятое настроение от удачного появления на празднике. В общем, все сложилось одно к другому, и я нажрался. И с этого момента помнится все как-то весьма смутно… Масса наглых рож вокруг, летящие под ногами крыши… Стоп! Я ведь летал! Летал! Точно! А ну!
Пух!
За моей спиной, занимая чуть ли не всю комнату, распахнулись два огромных белых крыла. Замерев, забыв дышать и не веря глазам, я смотрел на свое отражение в зеркале…

— Могу ли я увидеть господина ректора? У меня к нему есть срочный вопрос.
Стефания Терская сделала уважительный реверанс господину секретарю.
— Господин Мотэдиус сейчас занят, — ответил тот, глядя на нее из-за своего стола, — и не сможет вас принять. Что у вас за дело?
— У меня… У меня очень важное дело! Но я могу рассказать о нем только ему! Простите, господин секретарь…
Секретарь чуть искривил уголок рта:
— Но как же я тогда доложу о вас?
— Н-не знаю… Может…
Закончить мысль Стефания не успела. Дверь кабинета ректора распахнулась, и на пороге появился он сам, провожая двух своих гостей: эльфа и эльфийку.
— …и еще раз уверяю вас, — произнес Мотэдиус, видно продолжая начатый ранее разговор, — на территории университета принцессы нет. Указания отданы, и мне бы сразу сообщили. Ни у кого нет даже мысли прятать ее или что-то скрывать от вас! Ваши подозрения совершенно беспочвенны. И я бы сказал, где-то даже обидны. Ну что вы, господа, право слово? Наш император видит в народе эльфов исключительно друзей, о чем

он уже не раз говорил. А от друзей у нас секретов нет. И конечно же мы окажем вам всяческую помощь в поиске принцессы Эриэллы…
Стефания прикусила нижнюю губу.
— Сейчас, как вы и хотели утром, вас проводят к студенту Лессену Дикою. Он, наконец, пришел в состояние, в котором может связно вести беседу. Это просто был… скажем, организационный момент, а вовсе не попытка что-то утаить от вас…
Лица эльфов были красивы, высокомерны и… скептичны. Скорее всего, ректору они не верили.
— О! Похоже, меня уже ждут, — заметил ректор Стефанию, вполоборота оборачиваясь к ней. — Госпожа Терская, вы ко мне?
— Да, господин ректор, — сделала она книксен, склоняя голову.
— Подождите, я вас сейчас приму. Только провожу гостей. Господа…
Мотэдиус принялся раскланиваться с эльфами. Видно, ему хотелось от них избавиться побыстрее, и он использовал пришедшего к нему посетителя как повод для ускорения процесса прощания.
— Я вас слушаю, — некоторое время спустя сказал ректор, пригласив Стефанию в кабинет и закрыв за ней дверь. Эльфы ушли, предварительно внимательнейшим образом оглядев с головы до пят девушку и ее черную мантию.
— Господин ректор… — неуверенно начала Стефи и замолчала, не зная, что и как дальше сказать.
Может, не нужно ничего и говорить? Эльфы… То, что Мотэдиус им говорил… Может, лучше промолчать? Но Эри просил…
— Так что вы хотели, Стефания?
— Господин Мотэдиус, Эри нужна ваша помощь! И помочь ему можете только вы! — собравшись с духом, выпалила она.

— Ну… вот… как-то так и получилось…
Прекрасная златовласая девушка, разведя руками и чуть улыбаясь, смотрела на архимага. Мотэдиус смотрел на нее и все никак не мог поверить в случившееся. Первый шок он испытал, когда, зайдя в комнату, он увидел принцессу, разыскиваемую с утра буквально всей столицей. Вторым ударом стало известие, что никакая на самом деле это не принцесса, а его студент — Эриадор Аальст, немного застрявший, по его выражению, в ее облике. Сначала Мотэдиус подумал, что это розыгрыш, поскольку, как он ни смотрел на эльфийку, ничего, указывающего на то, что это парень, он не видел. Тут либо его обманывали, непонятно, правда, с какой целью, либо следовало признать, что Аальст настолько искусен в иллюзиях, что… что просто нет слов!
— Почему вы уверены, что это Эриадор? — обратился он к Стефании, надеясь получить доказательство тому, что это шутка.
— Э-э…э. Я с ней… гово…
— Мы с ней поговорили! — резко перебил ее Эриэлла-Эриадор. Причем сделал он это настолько быстро, что у Мотэдиуса возникло ощущение, что он просто заткнул рот Стефании, не дав той что-то сказать.
— Мы с ней поговорили, — повторив фразу, продолжил Эри, — о вещах, скажем так, известных только мне и ей. Я вам тоже могу кое-что пересказать, чтобы вы поверили. Например, разговор в вашем кабинете, где мы обсуждали вопрос проведения празднеств…
И Эри практически дословно пересказал часть разговора, случившегося не более как две недели назад.
«М-да… — подумал Мотэдиус, выслушав, — похоже, придется признать, что это действительно Аальст. Иначе как объяснить то, что эльфийка это знает? Никаких эльфиек тогда за столом не было!»
— Расскажите поподробнее все, что вы делали. Как создавали иллюзию, — попросил Мотэдиус Эриадора.
Тот, задумавшись на мгновение, отрицательно покачал своей золотой головой.
— Простите, но, к сожалению, не могу, — ответил он, — тайны дома. Семейные тайны. Вы понимаете?
Ректор понимал. Новые заклинания, придуманные магами, являлись их собственностью и принадлежали только им. Требовать раскрытия секретов не мог даже Верховный совет. Таков был порядок. И только в каких-то особых случаях, если дело, допустим, шло о вопросах спасения членов императорской семьи или вообще о спасении империи… Но на своей памяти Мотэдиус не мог припомнить, когда совет собирался по такому поводу.
— Как же я тогда смогу вам помочь, если не знаю, как и что вы делали? — нахмурился архимаг. — Но хорошо. Расскажите тогда все, что вы делали вчера. Кроме подробностей заклинания…

— Ну… вот… как-то так и получилось… — закончил свой рассказ Эриадор.
— Что ж, молодой человек. Что я могу вам сказать? — с сарказмом произнес Мотэдиус после некоторой паузы, во время которой он обдумал услышанное. — Могу вас, как говорится, только поздравить! Вы что же, думаете, правила — они для того, чтобы просто на стенке висеть? Так, по-вашему? Вчера вы творили заклинания не просто в пьяном виде, если судить по тому, что рассказывают об этой ночи в столице, а в невменяемом виде! Что вы в результате с собой сделали, одним богам известно! Неужели правила были просто так написаны? От скуки? Дабы занять студентов их зубрежкой? Нет! Нет и еще раз нет! Вы не первый такой, кто в алкогольном угаре мнил себя великим магом и творил безобразия налево и направо. И всегда это кончалось трупами и разрушениями! А «творец», проспавшись и протрезвев, отправлялся с утра на Камень слез… или вообще заканчивал свой жизненный путь, если продолжал упорствовать. Поэтому-то и был утвержден регламент поведения мага. И один из его пунктов — запрет на употребление алкоголя! А вы, грубо говоря, нажрались, простите, как свинья! И теперь просите помощи, будучи неспособными самостоятельно выбраться из того дерьма, в которое вы вляпались и втянули всех нас! Весь университет!
Ректор практически орал на своего студента, чего себе никогда до этого не позволял. Ну почти… Всякое бывало…
— Это же только подумать, во что вы нас всех втравили! — продолжил свой разнос Мотэдиус. — По городу разгромлены несколько трактиров! Драки! Побоища! Орки оскорблены! Гномы негодуют! Люди возмущены! В университете скандал! Лично меня вы выставили полным дураком! Весь двор, во главе с императорской семьей и эльфами, примчался спасать потерявшуюся эльфийскую принцессу! И что я должен был им говорить? Как я вчера, по-вашему, выглядел?! Я вас спрашиваю!!
Эриэлла улыбнулась печальной улыбкой одинокого цветка, обреченного на увядание в пустыне.
— И вы еще имеете смелость просить у меня помощи? — снизив уровень громкости, с угрозой в голосе задал вопрос Мотэдиус. — Господин Аальст, а вам не кажется, что это уже откровенная, оскорбительная наглость?
— Прошу простить меня, уважаемый господин Мотэдиус, за случившееся. Поверьте, — эльфийка сделала уважительный мужской поклон, — я глубоко раскаиваюсь в содеянном и прошу вас принять мои искренние извинения. В свое оправдание скажу, что действовал я из самых благих побуждений в рамках того нашего разговора о праздниках. Но… все сложилось несколько… не так, как я рассчитывал. Понимая свою вину перед вами, я тем не менее пригласил вас сюда, считая, что огласка произошедшего не должна произойти никоим образом. Все должно остаться тут, в этой комнате. Иначе репутация университета пострадает…
Мотэдиус молча смотрел на эльфийку, чувствуя, как его распирает негодование.
«Каков паршивец, — думал он, — наделал делов и, не смущаясь, прибежал — спасайте его! И ведь прекрасно понимает, что мне придется покрыть его шалость. Действительно, если станет известно, что весь этот вчерашний переполох в столице — всего лишь развлечения студентов магического университета… О-о-о! Боюсь даже представить себе, как может среагировать его величество на такую новость… Всем может достаться. А мне так в первую очередь. За дисциплину… Точнее — за ее полное отсутствие! Конечно, ничего страшного, переживем, как говорится… Но к чему скандал, если можно его избежать? У императора память долгая… если не сразу, то потом припомнит обязательно… И Верховный совет мне припомнит…»
— Кто еще об этом знает? — спросил он Эриадора.
— Только те, кто тут, — пожал своим хрупким плечиком он.
— Согласен. Необходимо сохранить это в тайне, — сказал Мотэдиус, — нужно подумать, как незаметно вас вывезти из столицы или спрятать.
— А что, вернуть меня к нормальному виду нельзя?
— Боюсь, что я не смогу тут ни в чем помочь. Я не силен в иллюзиях. Очень специфическая область. Я просто не представляю, как вам удалось такое сделать. Это раз. Плюс имеется явное искажение магической структуры, коль вы потеряли над ней контроль. Это два. Необходимо для начала понять, как делаются подобные вещи, а затем пытаться разобраться, что именно пошло не так. Однако сейчас на это нет времени, поскольку не та обстановка вокруг, чтобы проводить исследования…
Мотэдиус на секунду задумался.
«Жаль, конечно, упускать возможность узнать что-то новое, — подумал он, — но неизвестно, получится ли у меня работа с иллюзиями. Лучше Аальсту сейчас куда-нибудь исчезнуть… Убрать его из столицы! И сделать так, чтобы он не захотел тут больше появляться. По крайней мере, до того, как не уляжется весь этот шум или он не вернет свой

прежний вид… Как мне это сделать? Хм… Он пошутил? Ну и я над ним немного пошучу. В отместку…»
— Вы знаете, Эриадор, — продолжил ректор на мгновение прервавшуюся речь, — а ведь за вас эльфы назначили вознаграждение в десять тысяч золотых монет!
— Ничего себе! — изумилась Эриэлла, распахивая свои огромные глаза. — Это за что же мне такое счастье?
— Все просто, — ответил Мотэдиус, совершенно спокойно глядя ему в глаза. — Среди эльфов есть принц. Говорят, он вчера приглядел себе невесту… — Не желаете ли выйти замуж, Эриадор? — резко задал вопрос ректор, со злорадством наблюдая, как у златовласки вытягивается лицо и округляются глаза. Стоящая рядом Стефания, от изумления ахнув, открыла рот.
— Замужжж? — прожужжала псевдоэльфийка, похоже обалдевая от попытки представить себе, как это может выглядеть в действительности. — Нет ужж! Чего-чего, а замуж я ну никак не собирался!
Эриадор энергично замотал головой из стороны в сторону.
— Что ж, госпожа Эриэлла, коль вы столь решительно не намерены связать себя брачными узами, то, похоже, самым разумным для вас будет исчезнуть оттуда, где все вас так пристрастно ищут. Я дам вам рекомендательное письмо к одному уважаемому магу, владеющему способностью к иллюзиям. Очень удачно, что он живет как раз не в столице, а в провинции. Попробуйте поговорить с ним. Возможно, он найдет способ вернуть вас к прежнему виду. Но поторопитесь. Я где-то читал, что долгое пребывание в подобного вида иллюзиях способно изменить физическое тело… Вы рискуете стать… гм, девушкой, Эриадор!
Стефания вновь ахнула, приложив пальцы к приоткрытому рту, с ужасом смотря на Эриадора. Эриадора же такая перспектива, похоже, не особо испугала. Эриэлла скептически хмыкнула, дернув уголком губ, и внезапно улыбнулась.
— Это было бы забавно, — промолвила она.
— Вас это не смущает? — искренне удивился Мотэдиус.
— Не, ну почему! Очень смущает! Конечно же смущает, — ответила она, — но думаю, до этого дело не дойдет. Все будет… хорошо! Надеюсь, что рекомендованный вами, господин ректор, маг мне поможет.
— Я тоже надеюсь на это… Остается вопрос — как вам к нему попасть? Десять тысяч золотых — сумма, способная поставить на вашем пути стену, пожалуй, выше, чем у любого замка империи. Вы понимаете меня, Эриадор?
— Вполне, — кивнула Эриэлла, — но проблем нет. Я ее перелечу! Пу-ух!
С легким шорохом за ее спиной распахнулись два огромных белых крыла.
Это стало третьим шоком для Мотэдиуса за последние полчаса.
«Не может быть! — потрясенно думал он, глядя на это чудо. — А я-то думал, что кому-то привиделось с пьяных глаз… Крылатая вестница! Без богов тут не обошлось! Вопрос — это Эри или… кто? Тем более нужно срочно услать его отсюда! Пока она думает, что она Аальст! С богами лучше дел не иметь! Не нужно ввязываться в их планы…»
— З-замечательно… — выдавил наконец из себя ректор, подобрав отвисшую челюсть. — Когда… вы намерены это сделать?
— Как стемнеет. Пожалуй, не стоит привлекать к университету излишнее внимание. Да и мне собраться нужно. Вы согласны?
— Да-да. Конечно. Очень разумно. Несомненно. Сейчас я пойду напишу рекомендательное письмо, а Стефания его вам передаст. Пойдемте, Стефания!
Ректор схватил недвижимо стоящую девушку за руку и потащил ее за собой к двери.

Поздним вечером того же дня.

— Как наш… друг? — задал вопрос Мотэдиус вошедшей в его кабинет Стефании.
Стефания подняла на него глаза, полные слез.
— Он улетел, — тихо прошептала она, — но обещал вернуться…

Эри

Ух… ух… ух…
Крылья тяжело отпускались вниз, толкая меня при каждом взмахе вверх.
«Лучше бы мозги вместо крыльев дали! Ей-богу!» — неожиданно проснулся молчавший до этого внутренний голос.
«Ладно… Не боись…» — ответил я ему.
«Не боись? Ты же сейчас угробишься!»
М-да… ситуация действительно… не айс… Мрак — хоть глаз коли. Их вообще можно закрыть и не открывать. Разницы никакой! Виной этому облака. И не просто облака, а очень низкие облака, Сихот бы их подрал!
«Сихот тут ни при чем, — категорично сказал внутренний голос, — это просто фатальное усыхание мозга, сопровождающееся его непрерывной атрофией. У тебя уже в привычку входит — сначала делать, потом думать!»
Что ж, есть некое расслабление… Но так быстрее хотелось в небо! Так давно не летал! И словно кто специально принес эти облака! Вообще погода тут жаркая, солнечная, дожди бывают редко. А сегодня вдруг затянуло. Но я на это внимания не обратил. Полдня проспал, пока Стефи не разбудила. Потом пошли всякие ошеломления в виде застревания в образе эльфийки, бесед с ректором… И все на больную голову! Череп трещал после вчерашнего просто неимоверно, и думалось весьма и весьма тяжело. А когда я вспомнил, что у меня есть крылья…
«Вообще мозг отрубило, — прокомментировал внутренний голос, — полетать захотелось!»
Естественно! Спорить даже не буду… В общем, пришедшую от ректора с двумя рекомендательными письмами какую-то тихую Стефанию я отправил в город. Попросил купить мне еды на дорогу и послушать, что говорят. Наказал ей явиться ко мне не раньше девяти вечера. К этому времени должно было быть уже темно, и хоть время раннее, можно было стартануть. Даже если увидят, не страшно. Мало ли кому что во мраке привиделось? Плюс сегодня очередная вечеринка в университете. Наверняка территория студенческих домиков, стоящих несколько в стороне от учебных корпусов, будет этим вечером довольно безлюдной. Стефи я услал еще потому, что просто не чувствовал в себе сил на разговоры. Голова просто раскалывалась. В таком состоянии беседы вести? Да ну его! Когда она ушла, я еще немного позабавлялся с крыльями, посмотрел на точку сборки, медленно пульсирующую белым светом, и решил еще немножко полежать… Лег… и вырубился! Проснулся от стука в дверь.
Вернулась Стефи, принесла корзинку с едой и кувшин молока. Кувшин я прикончил тут же, не сходя с места. Какое молоко! Нектар! Во рту, словно… Что за дрянь я пил вчера? Такой сушняк…
Я напился, с чугунной головой пошарахался по комнате, пытаясь что-то собрать, хотя у меня в общем-то все лежало в потайном кармашке, выслушал пересказ новостей от Стефании. По окончании ее рассказа у меня возник вопрос — что это за брехня? А если не врут, то когда же я это все успел? Точно крылья выросли за спиной! Однако, похоже, ночка удалась! Единственно… вспомнить бы все толком! А то даже обидно. Делать делал, а воспоминания кусками. Но город лучше покинуть. Судя по услышанному, в нем имеет место быть некая нездоровая нервозность… Пусть утихомирятся…
— Ладно, пошли! Посмотри, если нет никого, позовешь…
— Эри… ты вернешься? — тихо спросила Стефи.
Я посмотрел в ее подозрительно блестящие глаза и пожал плечом: наверняка. Как только, так сразу.
— А… когда?
— Когда? Вот будет подходящий ветер — и вернусь! Жди меня с попутным ветром!
Я улыбнулся.
— Хорошо. Я буду ждать. Только… пожалуйста… вернись прежним! Я не могу видеть тебя в таком виде! Хорошо?
Стефания слабо улыбнулась кривой улыбкой.
— Разберемся… — обтекаемо пообещал я.
— Знаешь, Эри… Я хотела тебе еще сказать…
— Ой, Стефи, не надо! — сморщился я. — Башка трещит… Длинные проводы — долгие слезы. Потом. На здоровую голову мне расскажешь… Хорошо?
Та посмотрела на меня печальным взором, но спорить не стала. Я отправил ее вперед, на разведку. Стефания вышла на улицу, обошла площадку перед домом, убедилась, что посторонних глаз нет, и позвала меня.
— Пока!
Я взмахнул крыльями и оттолкнулся от земли, уходя в черное небо.
— До свидания, Эри! Возвращайся скорее! Я буду ждать!
— Жди попутного ветра! До скорого!

Я поднимался вверх, наслаждаясь давно забытым чувством полета. Но не прошло и пары минут, как вокруг меня внезапно сомкнулась тьма. В первый момент я не понял, но потом до меня дошло — облако! Однако я не придал сразу этому особого значения и сосредоточился на чувстве полета. Но через некоторое время, когда эйфория несколько спала, возникло ощущение дискомфорта. Мрак. Ничего не видно. Как-то и чувство, что лечу, пропало. Крыльями машу, а такое ощущение, что стою на месте. Решил немного снизиться, чтобы выскочить под нижнюю кромку облака и восстановить ориентацию в пространстве. Начал было планировать вниз, ожидая, что вот-вот и облако закончится. Но! Ничего не заканчивалось! Мрак и мрак. Тьма и тьма. Только ветер в лицо. В чем дело? Стоп! Это же не Земля! Электрического света тут нет! И это не Эсферато, где у меня были глаза, которые видели в темноте. Где я? Сколько уже в воздухе? Вполне возможно, что пока я радовался и ликовал, махая крыльями, меня вынесло за границы столицы. Да запросто! Какой тут сейчас, наверху, ветер? А если не вынесло, то лечу сейчас где-нибудь над окраинами с беднотой… А там освещения немного. Не… Какой-то свет там конечно же есть, но вполне возможно, что я его просто не вижу. И не увижу до тех пор, пока не грохнусь на всей скорости на крышу или землю…

Я широко загреб крыльями, прекратив скольжение вниз. Сихот! Ну что за идиотизм! Вечно какие-то проблемы! Что же делать? Остается один вариант — наверх! Подняться выше облаков и как-то там сориентироваться…

И вот, уже совсем потеряв ощущение времени, я упорно махал крыльями, поднимаясь вверх. Тут еще внутренний голос проснулся. Мораль начал читать… И так настроение упало, а еще и он…

Внезапно где-то сверху над собой я увидел слабое свечение.

Свет! Туда!

Я энергичнее заработал крыльями. Вокруг светлело с каждым мгновением.

— Вау!

Белесая муть вокруг меня внезапно исчезла, и я выскочил на чистое небо. Внизу, подо мной, до самого горизонта громоздились кучи облаков. Яркий свет полной луны придавал им ледяной, серо-серебристый оттенок. В черном небе дрожали холодными лучами крупные звезды. Стылый мир ветра и пустоты…

«Ну все! Хана! Тут-то мы и околеем!» — прокомментировали обреченным голосом африканского попугая, внезапно оказавшегося посреди зимней сибирской тайги.

Н-да… прохладно! В облаке было теплее…

Я крутанулся вокруг себя, озираясь. Понятно теперь, почему мне пришлось столько крыльями махать! «Повезло» нарваться на восходящий поток воздуха, поднявший облако на большую высоту. Вот всю эту громадную «башню» я и пролетел снизу вверх, поднимаясь. В некотором отдалении были видны несколько подобных «выбросов», возвышающихся клубящимися столпами над морем кучевых облаков.

М-да… свезло. И… что теперь?

Облака простирались до самого горизонта, во все стороны. Как я ни крутился, озираясь по сторонам, никаких разрывов я в них не увидел.

Еще раз свезло! И куда теперь? Сейчас ночь. И где бы я ни попытался снизится, везде под ними будет сплошной мрак. Как же я сяду, не видя земли? Стопроцентно убьюсь! Можно, конечно, в качестве защиты щит поставить… Но это, пожалуй, бесполезно. Щит рассчитан на магию и на быстролетящие одиночные предметы. Или на несколько предметов. Сработает ли он? Да и потом… После того, что со мной произошло, нужно сначала проверить, работает ли он вообще? Я же не проверял. Может, и нет… А я на него понадеюсь… И брякнусь… М-да… Ситуация… Но все же, что же делать? Лететь, пока солнце не взойдет? Конечно, перспективка еще та, но другого выхода я пока не вижу. Сейчас около десяти вечера. Рассвет в пять. Итого порядка семи часов… Смогу столько?

Я прислушался к своим ощущениям. Да вроде усталости не ощущается. Крылья держат неплохо. Конечно, это не то, к чему я привык, но тоже ничего. Как говорится: на безрыбье и рак рыба. Хвоста, жаль, только нет. Поэтому маневренность невысокая. За спайклами на таких не погоняешь, но для неспешного прямолинейного полета — вполне приемлемо. Поймать воздушный поток и путешествовать вместе с ним до рассвета. Вот только холодно тут, на высоте. Если лежать на потоке, то работать крыльями почти не придется. Действительно, околею. И даже не к утру, а часа уже через два. Можно, конечно, периодически греться, размахивая крыльями, но тогда есть вероятность устать… А устать — это, считай, гарантированная ночная посадка вслепую… Неинтересно… О! У меня же магия есть! Была, по крайней мере. А если использовать Абасовское заклинание облачной палатки? Там ведь была функция обогрева. Изменить только форму, вытянув ее вдоль тела, — и вуаля! Можно жить. Дай-ка я попробую! До утра времени навалом! А до вынужденной… ну часа три-четыре точно есть…

Некоторое время спустя, уже под утро.

«Пожалуй, можно потихоньку снижаться», — подумал я, в очередной раз прикидывая размер кроваво-красного диска солнца, вылезающего из-за горизонта. Это здесь, на высоте, его уже много. А там, внизу, на земле, еще лежит непроглядная темень. Но уже надоело болтаться выше радуги, да и устал…

Ночь прошла феерично. Столько свежего воздуха, простора и ветра у меня давно не было! Неспешное скольжение над облаками при свете луны в молчаливом черном небе, полном звезд, на посеребренных луной белых крыльях… Феерия! Нужно будет это обязательно запечатлеть в рисунке! Как-нибудь. При случае… Жаль, только цвета, пожалуй, не смогу повторить… Потрясающие оттенки! Но это к слову… А так больше ничего интересного за время от заката до рассвета не произошло. Ну а что, собственно, может случиться в пустом ночном небе, на высоте порядка двух километров? Драконы не водятся, вороны — эшелоны их гораздо ниже… Да и спят они сейчас. Тут даже самолеты не летают! Деревня. Поэтому в здешних небесах тишина и покой, от края и до края. Зато никто не мешает, если вдруг есть желание поразмыслить. Чем я и занимался, чуть покачивая крыльями в потоке воздушной реки. Передумал обо всем, что вспомнилось, ну и, конечно, о последних событиях. О том, как я застрял в образе и откуда у меня крылья? Ректор не зря ругался, что я в пьяном виде занимался волшбой. Действительно, нельзя так делать. В Эсферато это тоже очень магам не рекомендуется. Правда, у нас они не пьют, а курят сушеную траву шшимбумшик… Но какая, к черту, разница, пить или курить? Анекдотов про тех, кто натворил делов под шшимбумшиком, у нас тоже вполне достаточно. Вот припоминается мне… что я что-то поправлял у себя… во внешнем виде… вроде… хотел стать фиолетовым… Борзых зеленых орков напугать… Точно! Но не закончил. Как раз в этот момент в зале начали кидаться столами, и я отвлекся… На перепас… Да! Было дело! Ясно теперь, откуда ноги растут… Сихот! Нужно же быть таким дураком! А вот с крыльями… Да кто его знает? Это же было еще до орков… После гномов… Хотя я уже тогда крепко принял… Кстати, такую дрянь они пьют в этом своем «Фонарике»! На ношеных шахтерских сапогах, что ли, самогон настаивают? Для забористости. Ну да ладно. Это не важно, что глушат гномы. Крылья-то откуда? Не понимаю. Сказали — лети, я и полетел! А как так получилось… ну не знаю! Первый раз у себя увидел — просто обалдел. Мотэдиус и Стефания, кстати, тоже. Никто из них и не вспомнил даже, что я магию терял. Видать, настолько сильным было потрясение… Хе-хе… А насчет того, что Мотэдиус говорил, что я могу тело сменить, если долго буду находиться в иллюзии… Ну… тут в общем-то он где-то прав. Только на это нужно порядка тысячи лет… Хотя… вдруг тут все быстрее происходит? Мир-то другой! Да ну и ладно! Можно подумать, что это меня как-то волнует! Что у Эри было тело низшего, что новое тело — тело низшей… Какая в общем-то разница!

«Но женщины имеют более низкий социальный статус…»

«Зато у нее есть крылья! А статус я уж себе организую! Он у меня тут все равно самый высокий».

«Только об этом никто не подозревает… хе-хе…»

«Захочу — заподозрят!»

«Верю. А вдруг тебе начнут нравиться мальчики?»

«Пфф…ф! Это еще с чего вдруг?»

«Ну, если тело женское… Гормоны и все такое… Тело Эри тянет же на баб? Почему бы другому телу не повлиять на тебя по-другому?»

«Почему? Элементарно, Ватсон! Считаем. Я мужчина, Эри самец, плюс алкоголь… Итого три плюса. Получилось в итоге три. Считаем вновь: я мужчина — плюс, тело низшей — минус, алкоголь отсутствует — плюс. Итог — два плюса, один минус. Два ведь больше, чем один, не так ли? Так что какие мальчики? Обалдел, что ли? Наоборот, получается, что в женском теле я должен быть более устойчив в моральном плане!»

«А если будет алкоголь — плюс?»

«Не будет. Я завязал. Хватит! Нужно решительно порвать с разгульной жизнью! Тут не Земля! И не студенческие общаги!»

«Да ну? Вот в лесу точно что-то сдохло…»

«Точно, точно говорю. А насчет тела… Но я же ведь ни в кого пока не превратился? И неизвестно, превращусь ли вообще? Это же чисто умозрительная, теоретически-гипотетическая возможность! Посмотрим… Вскрытие, оно покажет, как говорится. Тут бы приземлиться, не переломав костей… Вот сейчас главная задача! Все остальное — потом!»

Да. Похоже, уже можно снижаться… Я, закончив веселить самого себя болтовней с внутренним голосом, еще раз прикинул, насколько высоко над горизонтом солнце. Пожалуй, если «катиться» вниз по пологой траектории… да не спеша… то к тому моменту, когда внизу начнется рассвет, я как раз и спущусь…
Приняв решение, я чуть повернул крылья и заскользил на них, плавно снижаясь. Еще с полчаса неспешного полета — и я внезапно оказался в большом разрыве облаков, под которыми стала видна земля с длинными тенями деревьев от восходящего солнца.
«Удачно», — подумал я, переходя на более крутое снижение.
Вот только лес… не очень удобное место для посадки…
Однако когда я снизился уже к верхушкам деревьев, впереди внезапно показалась небольшая квадратная проплешина. Лужок, заросший травой.
Весьма вовремя, решил я, загребая воздух и тормозя крыльями. Там и шмякнусь! А то уже совсем устал, с непривычки…
Я ловко приземлился в центре выбранной площадки.
— Ай! Ше-е-етт!
Густая, по пояс, трава была покрыта росой. Обильно покрыта! Я враз вымок до пояса.
— От гадство! И что теперь делать? — Я измерил взглядом расстояние до первых деревьев. — Брести по пояс в мокрой траве? Брр… Взлететь и долететь до деревьев?
При мысли о полете плечи заломило.
Да Сихот с ним! Уже вымок! Дойду ногами. Все одно — сушиться придется!
Я решительно зашагал сквозь мокрую траву, морщась от прилипающих к ногам мокрых штанин.
Дойдя до кромки леса, я вошел под своды деревьев, в удачно подвернувшийся просвет между стволами.
А вон и поваленное дерево! Там и расположусь, — направился я к увиденной цели.
Внезапно что-то под ногой хрумкнуло, и меня резко дернануло вверх за ногу.
— … — сообщил я во весь голос просыпающемуся лесу.
Вум-вум, скрип-скрип…
Раскачиваясь, вишу вниз головой на толстой веревке, перекинутой через сук дерева. Веревка чуть скользит по суку, издавая звук «вум» в такт качанию, а сук поскрипывает. Правая нога захвачена веревочной петлей. Крылья, видно, чисто рефлекторно распахнулись, и я изображаю собой огромную бабочку, висящую вверх ногами.
— Да, блин! Звероловы Сихотовы! Дайте только до вас добраться! Самих вниз головой повешу!
Изогнувшись, хватаюсь левой рукой за веревку, а правой достаю из мешка чак и чиркаю лезвием.
Ших!
Рывок!
Веревка оказывается неожиданно скользкой и выскакивает из кулака, пульнув куда-то вверх, а я лечу вниз.
Бэ-эм!
Попытка встать на ноги неудачна. Нога подворачивается, и я лечу спиной вперед, падая на землю. Голова встретилась с чем-то твердым, что, похоже, всю жизнь ждало меня на этом месте, и сознание провалилось во мрак…

— Идите скорее сюда! Скорее! Я тетю с крыльями поймала!
С трудом приоткрываю глаза. Надо мной лицо девочки лет десяти. Выражение немного испуганное, но глаза горят азартом.
— Она живая! Скорее! Я ее поймала! Я охотница!
— Тсс…
Звук шагов и выдоха воздуха сквозь зубы. Скашиваю глаза туда. Обзор чуть прикрывает мое распахнутое правое крыло. Вижу: молодой мужчина с вытянутым от изумления лицом и вытаращенными глазами. Агрессии не чувствую…
— Чудо… Крылатая! — потрясенно выдыхает он. — Этого не может быть! Откуда вы, светозарная?
Светозарная? А… ну да! Лежу на распахнутых белых крыльях… да и волосы, похоже, во все стороны… Золотое по белому. Несомненно, светозарная!
— Да так… Мимо пролетала, — стараясь вложить во фразу как можно больше сарказма, с трудом отвечаю я.

Почти в это же время в столице.

Ректор магического университета архимаг Мотэдиус сидел у себя в кабинете, уперев локти в стол и воткнув подбородок в ладони. Сдвинутые вверх щеки сузили глаза, сделав его похожим на китайца. Перед ним на столе — кружка с крепким коффаем, без молока, как он любил. Над черной жидкостью вился легкий парок. Архимаг, не двигаясь, следил за его извивами. Утренняя чашка была многолетней традицией, но сегодня — не хотелось. В желудке и в кишках от съеденного и выпитого за последнее время на праздниках было неприятно. Плюс еще нервотрепка чуть ли не каждый день… В общем, ректор чувствовал себя несколько возбужденным и помятым. Стук в дверь оторвал его от медитации над кружкой.
— Да! — сказал Мотэдиус, убирая руки от лица и выпрямляясь.
— Господин ректор, — в приоткрывшуюся дверь просунулась голова секретаря, — в приемной — варга. Просит вас ее принять. Что сказать?
«А этим-то что не спится? — с неудовольствием поджав губы, подумал Мотэдиус. — Или опять что-то случилось? Но Аальста вроде уже нету… Уже без него случается? Или… или он вернулся?! Этого еще только не хватало!»
— Проси, — сделал он легкий жест пальцами правой руки.
«…направить студента Эриадора Аальста, как показавшего высокие знания в древних языках, для разбора и каталогизации документов, скопившихся в крепости Цитадель, княжество Этория… — читал он некоторое время спустя, приподнимая с каждой прочитанной строчкой все выше и выше брови. — …Полномочному представителю Этории обеспечить охрану господина Аальста на пути до места назначения и обратно. А также выплачивать ему утроенное (за сложность выполняемой работы) ежемесячное денежное вознаграждение по существующему прейскуранту, с соответствующими процентными отчислениями гильдии…»
Закончив читать, ректор самым внимательным образом изучил подписи, печать и, отложив листок на стол, молча уставился на посетительницу.
«Что бы это могло значить?» — думал он.
Молодая красивая варга, скромно сидя на краешке кресла, жизнерадостно улыбнулась архимагу.
— Пятерка охраны готова. Мы можем выезжать прямо сейчас, господин ректор! — сказала она, вежливо наклонив голову.
Мотэдиус не удержался и ухмыльнулся ей самым недипломатичным образом.

Парррршивец… Ррршивец… Пррр… шивец!
«Эр» перекатывалось по языку Эстеллы всеми своими переливами.
«Сбежал! — думала она, кипя внутри, словно котелок с водой на огне. — Буквально одного дня не хватило! Проклятая канцелярия! Проклятые бюрократы! Сколько денег пришлось отдать, чтобы ускорить дело! Да чтоб вы сдохли там все разом! И вот, когда наконец-то все готово (даже направление в Эторию подписали, с ума сойти!), — он сбежал! Сбежал, паршивец! Словно что почувствовал! Лови его теперь! Поймаем, конечно… Но опять уходит время… Впустую уходит! Ррр!»
— Он сказал, к кому именно отправился Аальст?
— Нет, господин ректор никаких имен не назвал. Просто сообщил, что Аальст давно интересовался созданием порталов и решил посетить магов, всех, кто когда-либо занимался их изучением.
Варга преданно смотрела на свою начальницу.
— А почему именно сейчас? Тем более когда Аальст потерял свои способности?
— Господин Мотэдиус сказал, что он намеревался таким образом развеяться и прийти в себя после случившегося с ним…
«Хм… Ректор решил его сплавить с глаз долой, чтобы не возиться? Начало нового учебного года, праздники… Тут не до ученика, потерявшего свой дар… Понятно… — подумала Эстела. — Но где же нам его теперь искать? Тем более что, если он смог вновь незаметно проскочить, то вполне возможно, что он снова использовал артефакт, меняющий внешность. А у нас против подобного есть всего два артефакта… М-да-а, поиски могут оказаться весьма непростыми… Может, набраться наглости и спросить у Мотэдиуса список магов, к которым он мог поехать?»
Начальница тайной стражи слегка скривилась, представив этот разговор.
«Можно, конечно, — размышляла она, — но стоит ли привлекать внимание? И так этот приказ, как говорится, на грани разумного. А Мотэдиус отнюдь не дурак… Дошел до архимага да и с университетом управляется уже не один десяток лет… Задавать себе вопросы он умеет… И ответы на них находить — тоже! Я это знаю. А там еще их служба безопасности… Обратят внимание — копать начнут… Нет! И так все шито белыми нитками. Никогда к себе никого не пускали, а тут вдруг потребовался человек для

наведения порядка в архивах нашей Цитадели! Да еще тот, кто уже у нас был… Сразу возникает куча вопросов, на которые есть только неубедительные ответы. Все строится на расчете, что с этим дурдомом, который нынче творится в столице, никому не будет дела ни до Аальста, ни до нас… А там… там посмотрим! Поэтому к ректору соваться никак нельзя! Да. Именно так. Значит… А это значит, что выяснить, к кому он мог уехать, придется самим… Дарг! Опять время! Да еще с этой книгой… Все будет гораздо сложнее… И дольше… Ладно! Потребую, чтобы мне выделили один день в пыточной. Лично для меня! Этот писака за все ответит! За каждого не рожденного по его вине мальчика, тварь!»
— Хорошо, лейтенант. Вы свободны! — глубоко вздохнув, произнесла Эстела.

Эри

— Нижайше просим тебя, о крылатая!
В воздухе легкие остатки утреннего тумана. Зеленая трава, и на ней — два коленопреклоненных эльфа с низко опущенными головами. Плюс девочка в зеленом костюмчике с луком за спиной… с удивленными глазами. И я стою пред ними, вопросительно наклонив голову к плечу и высоко подняв распахнутые белые крылья. Композиция со стороны должна выглядеть неплохо, но однако — что мне делать?
«Да, давай подумай, что бы мы сделали, будь у нас мозги…»
Это внутренний голос.
Ага. Очень смешно. Особенно когда нужно быстро соображать. Меня только что пригласили в гости. Нет. Не то слово! Умоляли зайти. Это точнее. Вот, стою, обдумываю — стоит принимать приглашение или нет?
Облепившие ноги холодные, мокрые штаны и усталость бессонной ночи подталкивали к простому решению — в гости и сушиться! И завтракать! И спать! Но вот голос разума задавал вопрос: платить-то чем? Явно меня приняли за кого-то не того. А точнее, не ту. Можно, конечно, продолжить изображать тетушку Чарли из Бразилии, где много-много диких обезьян, но что будет, если обман откроется? Ну и что, что меня никто в столице не раскрыл! Эльфы — раса древняя, мало ли какие способы у них есть? Какие-нибудь стационарные определители, которые из-за их громоздкости они оставили дома… А я, похоже, как раз и попал к ним домой. Прибьют самозванку? Наверняка… Оно мне надо? Конечно нет! Но с другой стороны — коль раса древняя, то и знания у них должны быть соответствующие, древние. Может, о порталах им все известно? Стоит себе книжка на полке, меня ждет. Или специалист, который на пальцах объяснит, как это делается. Можно за пару часов решить свою проблему, да и отчалить… Хм… Очень заманчиво! Но для того, чтобы все дали, показали и помогли, мне нужно оставаться донной Розой д'Альвадорес… Но кто же она, эта донна Роза? Судя по тому, как эльфы дружно хлопаются на колени — я для них какое-то божество. Играть роль богини? Не слишком ли рискованно? Постоянно ожидать, что внезапно из воздуха появится кто-то и хмуро спросит — а ты, собственно, кто? Вот тут точно я уже не откручусь…
«Почему? Если быстро ей сказать, что на тебе проклятие… Тьфу, пророчество, и даже Хель не рискует с тобой связываться, то, я думаю, прокатит. Не станет она тебя убивать! Главное, сопли не жевать, а сказать сразу, чтобы четко и внятно донести мысль. Понятно?»
«М-да?.. Ты думаешь? А если она сразу шарахнет? Без вступления?»
«Вряд ли. Что, эльфийская богиня отмороженная, что ли? Наверняка сначала захочет узнать, кто и что творит и по какому праву. Ей ведь скучно! А тут такое происшествие — самозванку поймала! Небось за всю жизнь отродясь такого не случалось! Обязательно поговорит. Уж муки твои смертные распишет — это точно. А ты в этот момент пророчеством и прикроешься! Это же ацкая крыша, пророчество-то!»
«М-да… В принципе разумно. Но вот только как отыграть роль для эльфов? Я же даже толком не знаю, за кого меня тут принимают! Какая-то вестница…»
«Амнезия! Она все спишет! А там по ходу дела разберешься!»
«Три раза — ха!»
«А за местными можно в ментальном плане следить. Как почувствуешь, что они тебе больше не верят, крылья в руки — и пошел! Небо, оно большое…»
«Несомненно… Ладно! Так и сделаем!»
Я глянул на девочку, прикинул, как примерно надо общаться с детьми такого возраста, и задал вопрос.
— Как тебя зовут, малышка? — мило (надеюсь, что так!) улыбнувшись, спросил я.
— Я не малышка! — внезапно отрезала она и нахмурилась.

Так. Ответ неожиданный! И что ей не понравилось?
Я еще раз окинул ее взглядом. Светлые, слегка вьющиеся волосы, большие голубые глаза, курносый нос и упрямый подбородок. Плечики узенькие, сама худышка. Хм! Эти двое — явно охрана. Видно, дите не простое… Попробуем наладить контакт еще раз!
— Так как тебя зовут, милая девочка?
— Я не девочка!
Хм! Стойкое отрицание своей половой принадлежности… Больная на голову? Охраняют, чтобы не кусалась? По глазкам не скажешь…
— Ну и кто ты тогда такая? — Я решил завязать с угадайкой и пойти напролом.
— Я великая охотница Рассветного леса! Неустрашимая и легендарная лейра Амалира!
— Чудесно, — кивнул я, — тогда проводи меня, Амалира!
— А как тебя зовут? — набычилась девочка.
— Эриэлла.
— Просто Эриэлла?
— Да.
— И все?
— Тебе не нравится мое имя?
— А почему оно такое короткое? Ты ведь крылатая вестница! У них не может быть таких простых имен!
Упс! Мой первый прокол?
— А какие же у них должны быть имена?
— Длинные-длинные, звонкие-звонкие, волшебные-преволшебные!
— Ну у меня вот такое, — сказал я, убирая крылья, — другого нет.
— А ты и правда вестница?
— Мне обидеться? — поинтересовался я, уводя разговор в сторону, дабы не заявлять себя кем-то.
— На что? — искренне удивилась Амалира, забавно округлив глаза.
— На то, что меня кто-то приглашал в гости. Помнишь? А вместо этого я стою на мокрой траве, в сыром лесу, и мне задают вопросы на пустой желудок.
— Нэнья, — подал голос один из эльфов, выйдя из поклона, — прошу вас, пригласите светозарную лейру в ваш дом! Это великая честь для всего леса! И нельзя так разговаривать с вестницей!
Амалира хмуро посмотрела на него, потом так же хмуро — на меня. Похоже, указание на то, как следует себя вести, ей не понравилось. Однако и не сделать того, что ей велено, видно, тоже было нельзя. Девочка сурово сжала губки и насупилась, забавно сведя бровки.
— Ты моя добыча! — внезапно просияло ее лицо улыбкой. — Я ведь тебя поймала! Пойдем скорее, я тебя всем покажу!
Она схватила меня за пальцы и потянула за собой.
Опять меня поймали, подумал я, делая шаг за ней. Что за чушь? Все время меня кто-то ловит! Прямо проклятие какое-то…
— Пойдем, пойдем! Скорей, скорей! — заторопила Амалира и потянула меня за руку настойчивее.
— Веди себя достойно, — сказал я, выдергивая у нее из кулака свои пальцы.
Девочка опять обиделась.
Кто ее воспитывал? Куда смотрит правительство? Э-э-э, точнее, родители?
Один из сопровождавших Амалиру эльфов шустро ринулся, обгоняя нас, и исчез где-то впереди, за кустами. Побежал предупредить… Ладно, пусть встречают… С хлебом, солью. Можно даже с песнями и плясками…
Неожиданно с какого-то листа или ветки дерева, под которым я проходил, сорвалась крупная капля росы и точнехонько шлепнула меня прямо в макушку!
Блин! Вздрогнув всем телом, я невольно лязгнул зубами. Какая холодная! Всю ночь над облаками, не смыкая глаз, потом мокрые штаны, теперь ледяной душ! Что-то мне тут не нравится! Сыро, бодро и свежо… Брр! А не повысить ли мне уровень комфортности? Прямо здесь и сейчас?
Я сосредоточился, повторяя заклинание. И-и… и раз! От шеи до пят мое тело окружило плотное, слегка клубящееся белое облако. Облачная палатка от Абасо! Заклинание, с модификацией которого я провозился с полчаса там, наверху, над облаками. Но у меня все получилось, и я не замерз, проведя в небе всю ночь. И сейчас вполне подходящий случай для его применения. Обогревом можно подсушить одежду. Если уж не высохнет, пока дойду, то по крайней мере дискомфорта от мокрых штанов станет меньше…
— Ой! — вскрикнула Амалира, оглянувшись, увидела меня в новом наряде.
Н-да, вид со стороны, наверное, весьма интересный… Вертикально перемещающееся облачко, в виде сосиски, из которого сверху торчит голова. Забавно.

Эльф-охранник тоже среагировал. Остановился и низко поклонился. Судя по выражению его лица — так, на всякий случай. Я чуть кивнул ему. Мол, порыв видел, движение заметил. Одобряю.
Амалира же совершенно бесстрашно кинулась щупать облако руками, запуская их чуть ли не по локти в белый туман. И затарахтела:
— Ой, а что это? А зачем? Какое теплое… Это магия вестниц, да? А мне можно такую же?
Сихотова детская непосредственность! И трех минут не прошло, а я уже начал от нее уставать! Откуда в ней столько энергии? И вопросов?

Великая лейра Таурэтари (что в переводе означает «королева леса»), стоя на широких ступенях лестницы перед входом, зябко повела плечами, ощущая, как утренний ветерок запускает ей пальцы за воротник и дальше — вниз по спине.
«Сыро, — подумала она, глядя на клочья полупрозрачного тумана, поднимающиеся вверх и тающие под лучами восходящего солнца, — никогда не любила рано вставать…»
Лейра была уже в возрасте. Ей минуло уже почти тысяча триста лет. Солидный возраст даже для эльфов. Многое она видела своими глазами. И величие древних городов, прекрасных и замечательных своей неповторимостью. И пылающее темно-красным огнем от края до края небо, проливающееся все сжигающим огнем на эти города. И великий исход, когда остатки ее народа пробивали себе путь мечом и магией сквозь пустыни и горы, пытаясь найти место, где можно было бы попытаться хоть как-то выжить… И годы холода, голода и отчаяния, когда приходилось дрожать буквально над каждой ложкой еды… А еще она помнила Эллай, черную вестницу, вещавшую о горе и страданиях, которые ждут всех… И о гибели богов. Тогда Таурэтари было столько же лет, сколько сейчас ее правнучке. Но до сих пор она помнит тот ужас, сковавший ее, когда она увидела огромные черные крылья и мертвое, лишенное всяческих эмоций лицо горевестницы. Ее жуткие, пустые глаза… Все сбылось, все случилось… Все, как она сказала.
И вот сегодня ее разбудили ни свет ни заря, потому что Деелай, охранник ее правнучки-егозы, примчался из леса с сообщением о том, что Амалира поймала (что значит поймала?!) крылатую вестницу и вместе с ней теперь идет сюда. Это просто не укладывалось в голове! Откуда здесь могла взяться крылатая?
«Неужели… богиня вернулись? Неужели я дожила до того момента, когда смогу увидеть своими глазами Возрождение?» — первое, что подумала Таурэтари, когда услышала эту потрясающую новость.
Но затем ей в голову пришла другая мысль.
«А вдруг это… Эллай?» — подумала она, неожиданно для себя покрываясь мурашками страха.
Таурэтари торопливо оделась с помощью служанок и поспешила на крыльцо, готовясь встретить гостью и разобраться, что происходит. Однако на крыльце еще никого не было. Пока суть да дело, Таурэтари, краем уха прислушиваясь к хлопающим за спиной дверям всполошенного ранней побудкой дома, попыталась выяснить подробности случившегося.
— Что это за ловушка, о которой ты сказал? — спросила она у Деелая.
— Петля. На кабаргу или оленя.
— А откуда Амалира умеет ставить такие ловушки? — искренне удивилась Таурэтари, от изумления выпрямившись и вытянув шею.
— Не знаю, — пожал плечами немногословный эльф. — Мы ее не учили, великая лейра. Может, это… ее брат?
— Хх… х, — выдохнула эльфийка сквозь недовольно поджатые губы. — Молодцы! Хорошенькая встреча для гостьи! Ногой в петлю! Я с ними поговорю! С обоими! А как Ама узнала, что в ловушку кто-то попался? Что она, в такую рань понеслась ее проверять?
— У нее пикалка есть. Она с ней в руке выскочила…
— Замечательно! Магия! И капканы в парке! Как они только додумались до такого?! Ну я им задам!
В этот момент в конце мощенной каменными плитками аллеи, вдоль которой росли высокие плотные кусты, показались эльфы. Хоть Таурэтари и было много лет, она, совершенно не напрягая зрение, увидела тоненькую, словно былинка, фигурку своей правнучки, а рядом с ней… Рядом с ней шла незнакомая девушка с золотыми волосами!
«Златовласка! — первое, что пришло в голову Таурэтари, когда она увидела этот невероятно яркий цвет золота. — Это не Эллай! Фух!»
Таурэтари на миг задумалась, глядя на приближающихся, а затем спустилась по ступеням вниз, на аллею, пройдя несколько шагов навстречу.
Пусть внук Таурэтари и правит сейчас Рассветным лесом, но если эта девушка — действительно вестница… Тогда ее статус тут самый высокий! Негоже стоять на ступенях выше ее…

«Очень красивая. Очень, — подумала несколько мгновений спустя Таурэтари, разглядывая приближающуюся девушку, — особенно волосы. Пожалуй, таких нет ни у кого… Совсем молодая… вот только что на ней за наряд? Очень легкомысленный… я бы сказала… А где же крылья? Тогда это не вестница!»
— Здравствуй, незнакомка! — произнесла эльфийка, когда девушка, сопровождаемая правнучкой и охранником, приблизилась на расстояние нескольких шагов и остановилась. — Я рада приветствовать тебя в своем доме!
— Благодарю, — резанувшим глаз мужским движением коротко склонила девушка голову в ответ.
Ее внимательный взгляд встретился с глазами хозяйки дома.
— Кто ты? Как тебя зовут? — спросила Таурэтари, не отводя глаз.
— Мое имя Эриэлла, — спокойно ответила та, и в этот миг за ее спиной распахнулись огромные белые крылья.
— Крылатая… — опускаясь на одно колено, словно воин, приносящий присягу, благоговейно выдохнула старая лейра. — Мы ждали тебя, — произнесла она секунду спустя, глядя снизу вверх в лицо Эриэллы, — очень давно ждали, божественная…
Абсолютно спокойно, с лицом, не выражающих никаких чувств, Эриэлла смотрела на коленопреклоненную перед ней Таурэтари.

— Пфф-ф! Самозванец! — презрительно фыркнула богиня любви Мирана, дернув плечиком.
— Скорее самозванка, — иронично усмехнулся ей в ответ Коин, тоже наблюдавший эту сцену. — Но хитер! Нигде не сказал, что он посланница. Дал им самим обрядить его в одежды вестницы и начать поклоняться ему. Шустрый…
— Что, эльфы так поглупели? — поинтересовалась Хель.
— Что поделать, — притворно вздохнул Коин. — Раньше кем были? А теперь кем стали? Все о Возрождении грезят… Вот и вцепились в первого проходимца, давшего им надежду.
— Какое им, к демонам, Возрождение? Без богини… а я эту Алатари… Я ее сюда ни за что не пущу! Обойдется! Пусть сидит за Границей, со всеми!
Сказав это, бог войны крепко потер свою правую ягодицу.
— Это она тебя подстрелила? — понимающе хмыкнул Коин. — Тогда, когда ты показывал им наше отношение?
Марсус поморщился, но промолчал.
— Ясно, — сказал бог торговли, так и не дождавшись ответа. — Насчет нее я с тобой полностью согласен. Нечего ей тут делать. Да и всем им, прежним, тоже нечего! Кончилось их время!
В разговоре возникла пауза. Боги молча наблюдали, как старая эльфийка, почтительно кланяясь, пригласила лжевестницу в дом.
— Бабой стал, — констатировал вслух Марсус, глядя на избранного и ни к кому конкретно не обращаясь. — Идиотизм просто какой-то! Может, он еще и родит у нас? Вот смеху-то будет!
Секунду он обдумывал свою последнюю фразу.
— А что? Это ведь мысль! Он родит, материнская любовь, то да се. Чувства, там, к детям всякие… Мать ведь за ребенка всегда собой пожертвует! Вот и решение проблемы! Осталось ему… тьфу! Ей! Осталось ей жениха найти, и все! Мир спасен! Мирана, как, найдешь?!
— Пфф! — фыркнула богиня любви. — Марсус! Еще одно такое предложение, и я тебя прямиком к Алатари пошлю! Понятно? Я уже один раз нашла! Все! Хватит! Отыскалась!
— Марсус, я тебя разочарую, — произнесла богиня жизни Диная, не участвовавшая в разговоре и все это время внимательно разглядывавшая избранного. — Стать-то он стал, но совсем не бабой, как ты выражаешься.
— Да? А кем? — удивился бог войны.
— У него ашух мерцает, — произнесла богиня, указывая рукой на яркое пятно на груди избранного.
— Ну да, мерцает, — согласился Марсус, приглядевшись, — и что?
— А то, что подобное есть только у одной расы смертных…
Богиня жизни сделала театральную паузу.
— У оборотней, — усмехнувшись самым краешком рта, закончила за нее Хель.
— Да, — кивнула головой Диная, бросив взгляд на Хель, — он оборотень!
— Ну ни фига себе! — Марсус громко хлопнул себя ладонями по ляжкам от избытка чувств. — Оборотень! Здрасте, нате вам!
— Оборотни тоже как-то размножаются, — сказал Коин, нахмурившись.

— Да, размножаются, — согласилась Диная, — но только в первой своей ипостаси. А его первая ипостась — мужчина. Так что, Марсус, он тебе не родит, как бы тебе этого ни хотелось…
— И мы возвращаемся к тому, с чего и начинали… — громко резюмировала Мирана. — Отлично!
— Да, — кивнул Коин, — действительно отлично! Диная, а как он вообще умудрился стать оборотнем? Я вот как-то не припоминаю подобных случаев.
— Если честно, то не знаю, — чуть пожала плечами богиня. — Тут столько всего сложилось. Он демон из другого мира в чужом теле, плюс магическое истощение, плюс Камень слез… Сам чего-то наплел в пьяном виде… Добавьте еще пророчество, которое могло вмешаться, чтобы его спасти… Как все случилось? Что произошло? Без понятия. Я при этом не присутствовала… — На все воля богов! — усмехнувшись, произнесла Диная, нарушая установившуюся тишину.
— Ха-ха, да, очень смешно, — хмуро сказал Коин. — Все просто обхохотались. Ну и что мы теперь будем делать?
— Может, рассказать эльфам, кто он такой на самом деле, и они его сами грохнут? — предложил Марсус.
— И кто будет этот смельчак? Тот, кто расскажет?
Тишина…
— Тогда придется признать, что мы никак не влияем на события и становимся просто сторонними наблюдателями, — резюмировал Коин.
— Я начал подготовку к войнушке… против империи… — как бы возражая ему, произнес Марсус.
— Смысла в этом, — махнул рукой Коин. — Только торговлю всю порушишь…
— И смертных побьешь… — сказала Диная.
— И любви меньше станет… — вздохнула Мирана.
— А мне все равно, — сказала Хель.
Все присутствующие дружно уставились на нее.
— Чем больше хаоса в настоящем, тем больше вариантов будущего, — несколько расплывчато пояснила богиня смерти.
— Правильно! — обрадовался Марсус.
— Ну я бы не стал утверждать с такой уверенностью… — задумчиво протянул Коин.
— А когда он будет превращаться из одной ипостаси в другую? — секунду спустя задал он вопрос Динае, видно продолжая раздумывать над проблемой.
— Не знаю, — покачала головой та, — таких оборотней в нашем мире отродясь не бывало!
— Отлично! — с сарказмом произнес Коин. — Просто отлично!

Эри

Не торопясь отвечать на прозвучавший вопрос, я молча смотрел в светло-карие глаза древней эльфы. Глаза, в которых светилась радость и надежда. Почему-то фантазировать не было никакого желания. Уж слишком эти глаза «верили». Это, пожалуй, как со щенком. Он так рад тебе, так доверяет, так искренен… Но и правду сказать я тоже не мог. А она не могла не спросить.
— Какую весть ты принесла нам, вестница? — задала вопрос Таурэтари, просительно заглядывая мне в лицо. — Богиня вернулась?
— Мне нечего сказать тебе, — ответил я, пожимая плечом и максимально излучая в ментал правду. — У меня нет ответа на твой вопрос.
— Как же так? — растерялась она, неверяще всматриваясь в мое лицо, — но ты ведь вестница… Ты не можешь не знать!
Я вновь пожал плечом и принялся перечислять задумчиво-припоминающим голосом:
— Помню, я спала… Потом проснулась. Я летела. Над облаками. Долго. Я устал… Спустился на землю… И попал в капкан.
Я печально смотрел на эльфийку, надеясь, что она все объяснит себе сама, а потом объяснит мне. Судя по сосредоточенному выражению ее лица, отражающему усиленный мыслительный процесс, шансы на это были неплохие.
— Спала?
— Да.
— Значит, богиню ты не видела?
— Нет. Только облака.

Таурэтари разочарованно прикусила губу, напряженно размышляя. Несколько секунд тишины.
— А почему ты говоришь о себе, словно ты мужчина? — наконец поинтересовалась она.
А я уж думал, не заметила, придется еще раз повторить…
— Почему? — переспросил я и надолго задумался, уставившись в пол.
На самом деле все просто. Я был совершенно не уверен, что смогу четко отследить правильное завершение окончаний. Я ведь всегда был мужского рода! Забудусь, и как пить дать где-нибудь «ла» не добавлю! Буду потом глупо выглядеть. Поэтому я придумал объяснялку, которую сейчас и озвучивал, прикрывая свой возможный будущий прокол.
— Почему? — еще раз задумчиво повторил я, поднимая свой взор. — Может, потому, что я когда-то была мужчиной?
Смотрю прямо в глаза Таурэтари. Секунда, другая… Они становятся круглее и в них появляется понимание.
— Элендиэль? — тихо-тихо, почти шепотом и с каким-то ужасом произнесла она, поднося пальцы к губам.
Наклонив голову к плечу, сделал вид, что размышляю, словно звук этого имени для меня что-то значит.
— Я вспомню, — тряхнув головой, честно-честно сказал я. — Вспомню и скажу.
— Телувиль? Лилендай? Эльтювень? Элиаранара? Альтитувель? — забросала она меня именами. — Ты… их воплощение? Наши великие воины и воительницы вернулись в мир, чтобы вернуть своему народу богиню?
А что? Неплохая легенда! А не помню, потому что их всех много и в голове пока не утряслось… И отсюда ход — всплывающие в памяти отрывочные воспоминания, которые требуют пояснения и толкования. Например, мне что-то нужно вспомнить о порталах…
— Великие… — благоговейно смотря на меня, трясущимися губами произнесла Таурэтари, — спасибо… Спасибо, пресветлые… Даже в смерти вы сражаетесь за нас, своих детей…
В глазах ее стояли слезы. Она низко-низко поклонилась мне.
«А все же, как насчет совести? — поинтересовался внутренний голос. — Бабушке столько лет, а ты ее обманываешь. Даже мне… гм, неудобно».
«Так сложились обстоятельства. Да и потом, кто сказал, что я ее совсем обманываю? Будет мне выгодно, найду я ей их богиню… При случае».
«Ну да. Конечно. Я так сразу и подумал».
— Прошу простить меня, светозарная, — выпрямилась Таурэтари, вытирая слезы на щеках прямо так, ладонями, — просто столько сразу вспомнилось… Столько жертв… Столько достойнейших…
— Бабушка, ты плачешь?!
Отправленная переодеваться Амалира пулей влетела на открытую веранду, где мы с эльфийкой коротали время, пока нам накрывали завтрак.
— Что случилась? — испуганно округлив глаза, она сначала посмотрела на меня, потом на бабушку. — У тебя что-то болит? Тебя кто-то обидел?
— Нет, внученька, это от радости… — растирая слезы, шмыгнув носом, слабо улыбнулась Таурэтари. — Теперь все будет хорошо. Все будет хорошо. Наши предки помнят о нас. Богиня вернется!

Несколько дней спустя, столица.

— Нет, вы только подумайте! — со злостью громко произнесла Эстела, глядя на лист бумаги. — В три дня обернулись! Гад-ды…
Произнеся это вслух, начальница тайной стажи Эторий перешла на внутренний монолог:
«Я месяц ходила! А эти… в три дня все оформили! Дарг, как их после этого назвать?! Проклятье! Уехать не успела, а они уже замену Аальсту нашли! Да не одного, а трех! Трех, за те же деньги. Да нужны они мне! Мне Аальст нужен, а не замшелые архивариусы, которые будут копаться в наших архивах! Ага, прямо так мы их и пустим в Цитадель! Разбежались! И ведь успели все документы сделать! За три дня! Со всеми подписями. У-у-у, твари Дарговы! Когда, значит, им нужно, то проблем нет, а когда, значит, я прошу… У-у-убила бы! Дарг, но что же теперь с ними делать? То, что им в нашем хранилище делать нечего, это не вызывает никакого сомнения. Но как теперь мне отказаться? Ведь сама же просила! Вот… и дали! Если я их привезу в Эторию, совет меня не поймет. Умм…»

Эстела бросила письмо на стол и, упершись сжатыми кулаками в столешницу, нависла над ним.
«Проклятый Аальст… Все из-за него! Что же делать, Дарг меня побери?!»

Стефания стояла на краю лужайки перед своим домиком и, подняв голову, смотрела на неширокую сужающуюся черную полоску под окном. След от поехавшей по стене лестницы. Если раньше она старалась всегда выбирать путь покороче, чтобы побыстрее попасть к себе, то после той ночи она старалась ходить так, чтобы еще раз посмотреть на эту отметину. Каждый раз, когда она вспоминала о случившемся, сердце начинало стучать быстро-быстро, а к щекам приливала кровь.
Запах ночи и роз… Вкус его губ… Как он меня тогда решительно поцеловал! Этого не забыть никогда! Ах, как бы было здорово, если бы это случилось еще раз!
Вздохнув, Стефания пошла вдоль кустов к дому. Как ни странно, но в этот миг ее мысли перескочили с Диния на Эри.
«Где он сейчас? — с грустью подумала она. — Избавился он от своих крыльев или нет? И от вида эльфийки… Скорей бы он вернулся. Пусто без него. Поговорить не с кем. Диний опять во дворце. С семьей не поговорить. Все как-то натянуто. Приглашения для сестер я так у него и не попросила… Теперь неудобно. А здесь… Здесь все просто на зависть извелись. Вчера, когда мою памятную табличку в Зале Славы „открывали“, думала дырку в спине прожгут, так смотрели… Особенно когда меня Диний поздравлял… Завистницы… Да и парни тоже. Можно подумать, что я прямо из кожи вон лезла, чтобы все это получить! Ехали сами бы, да и воевали бы! Я бы эту табличку, не задумываясь, на нормальное отношение к себе поменяла. Кто бы только предложил! Один Эри — друг. И его… нету…»
Размышляя о невеселом, Стефания дошла до своего домика и поднялась по лестнице на второй этаж. Открыв комнату, она увидела у своих ног лежащий на полу конверт, который просунули в щель, под дверь.
«Ой, письмо! — обрадовалась она. — От Диния или, может, от Эри?»
Торопливо схватив, она оторвала его край и вынула лист.
«После открытия памятной таблички, — читала она, — увековечивающей постельные подвиги первокурсницы Терской в полковом обозе, за проявленное ею рвение и безотказность в этом незамысловатом деле и в ознаменование ее нового достижения, советом рассматривается возможность установки на территории университета конной статуи „Принц Диний верхом на Стефании“. В качестве примера для подражания всем ученицам университета, желающим быстро сделать карьеру».
Ниже, под текстом, был накарябан похабный рисунок, надпись под которым гласила: «Проект памятника».
Ничего не понимая, круглыми-прекруглыми глазами Стефания смотрела на листок, чуть пахнущий духами. Мозг, как говорится, заклинило…

— Магистр Николас!
— Да, Стефания?
— Я прошу вас изменить план моего обучения!
— Мы в общем-то второй год обучения еще и не начинали… И что же вы хотите в нем изменить?
— Я хочу изучать проклятия!
— Проклятия? Хм… Весьма неожиданно! А какие именно проклятия вас интересуют?
— Онемения, отсыхания языка, паралича рук, слепоты…
— Пфф… Весьма действенные, я бы так сказал, проклятия. Ну хорошо. Я думаю, что в изменении порядка изучаемых разделов нет ничего невозможного. Вы у меня теперь единственная студентка, и к программе обучения можно подходить очень гибко. Главное, было бы желание.
— Уверяю вас, оно у меня есть, господин магистр!
— Глядя на выражение вашего лица, я почему-то в этом ни на миг не сомневаюсь…

— Благодарю вас, ваше величество за предоставленную аудиенцию…
Высокородный лер Эльтевунтиэль склонился в низком поклоне. Лейра Левентюлинелла присела в реверансе.
Сидящий на троне малого зала приемов император Альвеар Хайме склонил в ответ голову. Чело его было хмурым.
«Похоже, сейчас я услышу об их отъезде, — сжав губы, подумал он, глядя на высокородных. Принесла же нелегкая эту крылатую! Все эти дни эльфы ничем другим, кроме поисков, не занимались. Какие там балы, приемы, увеселения! Еще и рожи каменные делают, когда предлагаешь им заняться чем-то другим, кроме розысков… И эта курица

куда-то пропала! Так и не нашли. А эти обиделись, что мы им их крылатую не нашли… Домой собрались. Найти бы того, кто во всем этом виноват!»
— Ваше величество! — заговорил Эльтевунтиэль. — Хочу сообщить вам, что высокородным советом Вечного леса я уполномочен на принятие решения об установлении официальных дипломатических отношений между Вечным лесом и империей. Прошу вас принять мои верительные грамоты посла…
Сделав несколько шагов к подножию возвышения, на котором стоял трон, лер, с поклоном, протянул свернутый в трубку свиток, перевязанный яркой красной лентой. Стоявший внизу слуга принял его из рук эльфа и, поднявшись по ступеням, передал пергамент императору.
— Что ж, господин посол, — нарушил через некоторое время установившуюся в зале тишину, пока он читал, Хайме, — ваша верительная грамота принята. Отныне между нашими народами установлены дипломатические отношения, которые, ничуть не сомневаюсь, послужат им на благо. Передайте вашему совету, господин посол, мои самые лучшие пожелания и благодарность за столь мудрое решение…
— Благодарю вас, ваше величество, — склонился в поклоне Эльтевунтиэль. — Непременно передам!
— Вы уже присмотрели место для посольства?
— Да, ваше величество. У нас на примете есть два особняка, один из которых мы намереваемся купить в ближайшее время.
— Замечательно!
Император поднялся с кресла и спустился вниз, показывая тем самым, что официальная часть приема закончена.
— Принесите вина, — скомандовал он, махнув рукой слугам, — это нужно отметить! Лер Эльтевунтиэль, — обернулся император к эльфу, — что же вы заранее не сообщили о цели вашей аудиенции? Я бы принял вас в главном зале, в присутствии всех первых лиц империи. Не каждый день происходят такие события!
— Благодарю вас, ваше величество! Однако всякие торжества требуют времени… Времени, которое мы хотели бы потратить на поиски вестницы.
— Понимаю, — чуть нахмурившись, кивнул Хайме, — у вас по-прежнему ничего?
— Ничего, ваше величество.
— Да… Мой советник тоже ничем не может порадовать. А скажите, уважаемый лер… То, что вы единолично принимаете решение об открытии посольства… Ваш статус в совете леса настолько высок?
— Хм… видите ли, ваше величество, дело в том, что мнения совета разделились поровну. Я остался единственным не проголосовавшим, так как сам никак не мог сделать выбор. В результате было принято решение направить меня главой делегации к вашему двору, дабы я на месте определился.
— Понятно. Интересно, и что же вас заставило… хм, определиться? Мне кажется, что наш прием вышел несколько… скомканным. Не так ли? И при таком раскладе мнений в совете: пятьдесят на пятьдесят. Весьма остро! Весьма. И вы приняли такое решение. Почему?
— Ваше величество… буду с вами откровенным. Дело в общем-то не в вопросе установления дипломатических отношений… — Лер на секунду задумался. — Истинное дело в том, что наша самая молодая предсказательница сделала пророчество, в котором предсказала, что в столице империи появится крылатая вестница. И с этого момента начнется новая эра для эльфов и для людей. Эра, в которой мы должны будем быть вместе…
— Прошу вас, — сделал жест Хайме в сторону поднесенного слугой подноса, на котором стояло три узких высоких бокала с бледно-желтым вином.
— Благодарю, — кивнул лер, беря один из них. — Вот, собственно, и все. Совет долго не мог решить, стоит ли брать во внимание пророчество юной лейры, или нет. В результате после долгих споров было принято компромиссное решение, которое, к счастью, оказалось верным. Вестница действительно появилась. Предсказанное сбылось. Значит, следует следовать и всему остальному, что в нем есть. Поэтому я и вручил вам, ваше величество, свои верительные грамоты…
«Вот, значит, кому я обязан посольством, — подумал Хайме, — предсказательнице и вестнице. Ну что ж, как говорится, не было счастья, так несчастье помогло. Нужно будет потом узнать подробнее о пророчестве… Коль оно исполняется».
— За новую эру в наших отношениях! — провозгласил Хайме, поднимая фужер.

Я задумчиво смотрел в окно едущей кареты, меланхолично накручивая локон на правый указательный палец. Вот и привычка появилась… Потом придется отвыкать. Хотя… Может, и не придется. Хоть мальчиковое тело более привычно, но в этом — крылья бьют все! Если вдруг кто предложит вернуться в образ Эриадора, но без крыльев — откажусь однозначно! Перефразируя земную фразу про грязную машину: «Я вся чешуся, так хочется летать!» Та Сихот с ним, с мужским видом! Главное — крылья!
«Не, это ты загнул, — ехидно откомментировал внутренний голос, — главное это — „хвост“! На Земле почти все самцы так считают. Самое страшное, что может с ними приключиться, — это потеря их статуса „хвостоносителя“!»
«Пфф… Тоже мне, нашел экспертов! Если ничего из себя не представляешь, то что с „хвостом“ ты, что без… все одно — низший! Хоть оборись, что ты весь из себя и за „хвостатость“ что-то там тебе полагается. Самые крутые кто? Боги. А они что хотят, то и творят. Главное — четко знать при этом, кто ты и кто есть все остальные. Вот и будем держать их в качестве ориентира… И все будет нормально. Вон, у нас один в быка превращался, дабы одну демонессу соблазнить. И ничего… Не помнишь, про него кто что плохое сказал? Или говорит до сих пор, а?»
«Ну… фф! Кто же что про верховного плохое-то скажет! А если кто чего и сказал, то давно уже молчит. Совсем молчит. Но то верховный. У него — статус!»
«И у меня статус! Крылатая вестница. Посланница богини. Живое воплощение древних эльфийских героев. Куда тут еще выше? Я уж не знаю…»
«Это да. Это нам повезло, что мы так попали. Все к нашим услугам, и по шее надавать некому… Удачка…»
Несомненная удачка. Как выяснилось в разговорах со старой эльфийкой, богиня народа эльфов отсутствовала. Отсутствовала давно. Почитай, с самой Великой войны. Тогда она пропала, а в мир пришли новые боги, которые сейчас и правят. И сколько бы ни молились духовники, сколько бы ни призывали, все тщетно. Богиня не отзывалась.
«Похоже, новые властители мира что-то с ней учудили, — сделал я вывод, услышав рассказанную мне историю. — Действительно, зачем новичкам прежние? Они и сами порулят, без бывших. Все понятно».
Отсюда и нижайшая просьба — слетать за богиней и вернуть ее народу. Поскольку народу очень плохо без нее — «крокодил не ловится, не растет кокос»! А если серьезно, то он банально вырождается. Почему, оказывается, эльфы сидят в своих лесах и никого к себе не пускают? Да просто мало их! Так мало, что лишь на границе они могут создать для приезжих купцов хоть какую-то видимость плотности населения. И все. А дальше, за тонкой полоской границы — лес да лес кругом. В котором эльфы настолько же редки, как… как… Ну не знаю, как кто! Как орки, случайно в него попавшие? Или гоблины? Возможно. Короче, эльфы дули щеки, делая вид, что их страшно много, но сейчас все в лесу на «сборе березового сока», основе эльфийской экономики. И не дай бог они все оттуда разом вылезут! Никому тогда мало не покажется! Потемкинская деревня, одним словом. Боятся, что если в империи узнают, как на самом деле обстоят дела, то повалят к ним люди осваивать незанятые территории. У людей проблем с детьми нет. Это у эльфов проблемы. Очень редко. И мало. Трое детей в семье — это уже экзотика.
«Забавно, — подумал я тогда, — что-то кругом все потихоньку вырождаются. То варги, то теперь эльфы с той же проблемой. Интересно, как дела у орков с гномами обстоят? Тоже вырождаются? Или как?»
На просьбу вернуть богиню я ответил уклончиво, сославшись на то, что мне «нужно вспомнить». И что-то мне подсказывает интуиция, что вспоминать мне лучше всего, читая древние документы. И книги о магии. Особенно важным, мне кажется, узнать все о создании порталов…
Услышав мое пожелание насчет книг, Таурэтари тогда ненадолго задумалась. Оказалось, что дом, где я сейчас нахожусь, что-то вроде загородной резиденции. Дача, как говорят на Земле. На которой она со своей правнучкой проводит лето. Амалира — дочь местного правителя леса, у которого есть еще старший сын. Но дочка, похоже, балованная любимица, которой все сходит с рук. Даже капкан в парке простили. Даже с попавшей в него вестницей. Хотя уж за это, если не выпороть, то в угол точно нужно было поставить. За мою чуть не выдернутую ногу! Так вот, когда я заикнулся насчет архивов, Таурэтари задумалась и сказала, что здесь ничего нет и за документами нужно ехать в главный город, в хранилище. Но до города три дня пути…
— Ну что ж, — пожал я на это плечами, — три так три. Едем!
И начались двухдневные сборы. Готовили к дороге карету. Собирали вещи. Но я, естественно, в этом не участвовал. Я был VIP-персоной, задачей которой было не выбиваться из образа. Ходил (правильно — ходил-ла!), не улыбаясь, молчал-ла. Смотрел-ла

со значением и тренировал-лась правильно говорить. Летал, отдыхал, после полетов, привыкал к своему новому виду, пытаясь понять — что это вообще такое? По идее должна быть иллюзия. Причем без тактильного эффекта. В смысле, что при прикосновении можно заметить несоответствие между внешним видом и ощущением от прикосновения. А тут полное соответствие! Что видим, то и чувствуем! Кожа — гладкая и нежная, волосы — тяжелые, тянут голову назад. Грудь, пальцем тыкаешь — мягкая!
«Хорошо, ума не хватило привернуть пятый размер… — пришло в голову, когда я разглядывал себя в зеркало. — С таким „богатством“ Сихота бы с два я бы тогда полетал! Только бы и кувыркался, головой вниз…»
Однако сколько бы я себя ни разглядывал, загадки своего внезапного превращения я решить не смог. Ну ладно, немножко выпил, ну чего-то там накрутил в заклинании… Но иллюзия должна быть иллюзией! А не не пойми чем, неотличимым от обычного живого тела. Ну не могло такого быть, чтобы вот так вот в один момент оно стало другим! Я же не оборотень какой-то из земного фильма, который немного поизгибался, повыл на луну, поскребся, и вот те вам — шерсть и когти! Можно изменить тело, можно. У меня это дома делают. Но не в один же миг! На модификацию внутренних органов только с год времени уходит. Даже если использовать заклинание ускорения времени — и то несколько месяцев. А тут раз — и готово! Безобразие! Как говорится, куда смотрит правительство? Но факт в зеркале. Эльфиечка с большими, от своего разглядывания, глазами. Очень, очень странно… Может, боги подсуетились? Вряд ли… Они меня боятся… Тогда пророчество? А смысл сего? Притащить эльфам их богиню? Какое это отношение имеет к концу света? Как голову ни ломай, ничего в нее не приходит, кроме того, что она нынешним богам даст прикурить. И что, из-за этого наступит конец света? Не… Притянуто за уши и высосано из пальца. Скорее какое-то неизвестное мне свойство этого мира. Что-то глубинное, присущее только ему. Связанное с магией… В пользу этой версии говорит еще проблема с одеждой. Когда я проблему обнаружил, то буквально чуть не онемел от возмущения! Надеваю, значит, на себя белую шелковую рубаху из своих запасов, а она на мне превращается в эдакий легкомысленный топик! Как вам это нравится? Мне совсем не нравится! Ну в конце-то концов, нельзя же так внезапно! Можно и с ума сойти. Неподготовленному-то!
Путем длительного эксперимента (перемерив всю свою одежду из потайного мешка) я получил результат: чем больше (длиннее, шире, объемней) я надеваю вещь, тем меньше, уже, короче она на мне выглядит. Отличные всепогодные кожаные штаны для верховой езды превратились в плотно сидящие коротенькие черные шортики, надетые, по их виду, «с мылом». Зато просто трусы превратились в элегантные бриджики. Почему «ки»? Потому что выяснилась еще одна засада — мужское на мне превращалось в женское, а женское — в мужское. Это я выяснил, примерив женскую одежду, оставленную в комнате выставленными мною за дверь служанками, когда они попытались помочь мне переоблачиться.
— Итишкин ты кот! — прокомментировал я вслух это открытие.
И как… теперь? Что мне теперь, в нижнем белье бегать? Пусть по виду в зеркале трусы превращаются в штаны, но не комильфо мне, Сихот меня побери, в одних трусах-то рассекать! Это даже моя пластичная психика с первого раза не переварит! Значит, теперь каждый раз, меняя одежду, я буду по два часа разгадывать шараду — что из этого выйдет?
«Нор-мально, — сказал внутренний голос, — будешь теперь, как всякая приличная девушка, тратить три часа на сборы… Никто не осудит… красотку… хе-хе…»
«Та пошел ты!» — сказал я ему, ошеломленный распахнувшейся передо мной перспективой.
И ведь даже заняться вплотную этой проблемой нельзя! А ну как обратно отщелкнет, если займусь исследованиями? И окажусь я в трусах и майке посреди какого-нибудь парадного эльфийского зала… Побьют ведь! И возможно, даже ногами… Ладно. Одежду — на потом. Притрусь как-нибудь!
Но если не считать казуса с одеждой, то все остальные изменения тела были терпимы. В силе я, похоже, не потерял, невзирая на свой хрупкий вид. Как ощущал энергию мышц в теле Эри, так она и сейчас ощущалась. Но вот в гибкости я явно прибавил. Особенно несколько непривычна была внезапно выросшая подвижность в области талии. Ну ладно. Пусть будет еще один бонус этого тела. В компенсации шмоточных проблем… Главное — крылья!
Летал я ежедневно и по нескольку раз. В первый день, подремав после раннего завтрака до обеда, я вышел на улицу и, прямо с крыльца, без разбега, прыжком маханул в голубое небо с мелкими белыми облачками. Сделал пару кругов, осматривая сверху окрестности, но почувствовал, что ничуть, как оказывается, я не отдохнул, и усталость ночного полета вновь наливает тяжестью плечи. Решил, что на первый раз достаточно, и пошел по спирали вниз, постепенно снижая круги. Как же это здорово, скользить на распахнутых крыльях!

Становясь почти вертикально в вираже, набирая скорость, а потом тормозить в горизонтальном полете, вплоть до полной остановки, и снова сваливаться на крыло, уходя в следующую петлю спирали… Полет… Разве можно его с чем-то сравнить, на что-то променять? Кто летал, тот знает. А кто нет… Этого не расскажешь! Можно только пережить. Когда я закончил снижение и оказался у точки своего старта, я был встречен толпой. По-видимому, все обитатели дома дружно стояли на коленях, задрав головы вверх. И Таурэтари была с ними. Правда, стояла она не на двух, как они, а на одном колене, но суть особо от этого не менялась.
— Крылатая… Крылатая… — благоговейно понеслось от толпы коленопреклоненных, когда я весьма удачно (не грохнувшись на глазах у всех с непривычки!) приземлился на ноги, — крылатая…
Я убрал крылья, неспешно обвел всех взглядом, кивнул и направился в дом, не намереваясь произносить какие-либо речи или давать какие-нибудь обещания. Как выяснилось чуть позже — и без «сольного выступления» я сиганул в самый «топ радиостанции». Одной демонстрации крыльев оказалось достаточно для причисления меня к сонму эльфийских богов. Ну почти богов… Совершенно неожиданным результатом этого для меня стала моя изоляция. Просто поговорить с кем-то стало решительно невозможно! Когда твой собеседник через каждое слово пытается поклониться, встать на колени и смотрит на тебя восхищенно-преданным взглядом… Это… утомляет. Уже через полторы минуты. А через две думаешь: уж лучше бы ничего у него и не спрашивал! Какие, оказывается, верующие эти жители леса! С хозяйкой дома, конечно, можно было поговорить в любой момент, но я хотел еще пообщаться так… в неформальной обстановке. С разными эльфийскими персонажами. Узнать, чем живут, чем дышат? Но не вышло. Внезапно выяснилось, что единственная, с кем можно говорить сколько угодно и почти на какую угодно тему, — это Амалира. Ей было совершенно наплевать на мою божественность, крылатость и избранность. Нет, не плевать, она об этом, конечно, помнила, но на первом месте у нее, как и у меня, была развлекуха. Она записала меня в свои подружки и постоянно терлась рядом, засыпая меня вопросами, как только ей подворачивался случай. Еще ей понравилось ходить рядом со мной, принимая знаки поклонения от встречных эльфов. Причем делала она это с детской непосредственностью, совершенно не смущаясь. Мы же подружки! Чего, мол, там? Да. Характер у девочки, немного понаблюдав за Амали, как сокращенно называла ее прабабушка, подумал я. Та так вообще не вмешивалась. Смотрела со стороны и улыбалась. Меня такое запанибратство поначалу сильно напрягало. Тем более что я не знал, как себя вести в возникшей ситуации. Сихот его знает, может, вестницам положено любить детей? Вон бабушка не пытается ее как-то особо одернуть. Что это? Это нормально или просто Амалире позволено все? Но не может же Таурэтари допустить, чтобы внучке причинили вред? Значит, она уверена, что с ней ничего не случится… И значит, действительно вестницы любят детей… Ну и я старался, так сказать, «дипломатично любить» ребенка правителя леса. Вежливо, на расстоянии и с пресечением попыток сесть себе на шею. Эта запросто залезет! Но Сихот меня побери, я никогда до этого столько не общался с детьми! Умею не умею, но вот пришлось. Ничего. Жив. И намереваюсь жить дальше…
— Скоро уже! — отрывая меня от созерцания неспешно ползущих мимо окна придорожных кустов, сказала сидящая рядом Амали. — Когда мы приедем домой, я тебе покажу свою комнату. Она у меня большая и красивая. Тебе понравится!
Даже если не понравится, придется сказать, что нравится. Других вариантов, я, так понимаю, быть не может, подумал я, глянув на улыбающуюся милой старушечьей улыбкой Таурэтари. Она сидела напротив и всю дорогу с умилением на нас смотрела.
— У меня есть много кукол, — продолжала хвастаться между тем Амали. — Целый шкаф! Ну, если папа у нас король, то почему бы дочурке не иметь шкафчик игрушек?
— А хочешь, я тебе подарю куклу? Любую! Какую захочешь!
Девочка повернулась ко мне. Глаза ее горели азартом.
— А если мне понравится твоя… самая любимая? — с невинным выражением лица поинтересовался я.
Амали нахмурилась и задумалась.
— Дам тебе совет, — заговорщицки наклоняясь к ее уху, негромко сказал я, — перед тем как приглашать меня в гости, спрячь сначала свои любимые игрушки, а потом приглашай…
Амалира вытаращила на меня глаза, забавно приоткрыв рот.
— Тетя плохому не научит… — улыбнувшись, не удержался я от дальнейшего развития своей мысли, несмотря на сидящую напротив удивленную таким советом бабушку. — Учись. Взрослые называют это дипломатией…
Девочка глубоко задумалась, забавно сморщив лоб. Ну и славненько. Чем больше она будет думать, тем меньше она будет говорить. Уши-то у меня не казенные! Кстати, об ушах.

Выяснил я, какой они должны быть формы. Почти как у людей, но верхний край чуть острее. В общем, со своими я угадал. Прятать не нужно…
Карету качнуло. За окном кареты появился и исчез, промелькнув, дом. За ним еще один. И еще…
О! Вот и домики пошли! Лес — это, конечно, хорошо… Экология там всякая, свежий воздух, но, пожалуй, урбанизация мне больше по душе…
Яркое солнце в прозрачно-голубом, слегка выцветшем августовском небе. Дворец. Размерами и архитектурой весьма уступающий своему человеческому собрату в столице империи. Площадь перед дворцом, мощенная ровной плиткой из светлого камня. Три длинные линии почетного караула эльфов в серых, шитых серебром парадных одеяниях. Поблескивающий на солнце начищенный металл. Раскатанная вдоль строя толстая, ярко-зеленая ковровая дорожка. На одном ее конце — слегка запыленная карета, с четверкой переступающих с ноги на ногу лошадей серой масти. С другой стороны — владыка Рассветного леса, за спиной которого его сановники с торжественными и, пожалуй, слегка растерянными лицами.
По дорожке, мягко ступая высокими каблуками и держа абсолютно прямо спину, уверенно идет девушка с сияющими золотом волосами. Окинув взглядом замерший и, похоже, даже не дышащий караул, она подходит к владыке и останавливается, вопросительно смотря на него ярко-зелеными глазами. Несколько мгновений они смотрят друг другу в глаза. Секунда, другая, и владыка склоняется перед ней в глубоком поклоне. Сановники за его спиной повторяют его движение.
Выпрямившись и глядя в лицо гостье, он произносит звонкую фразу-приветствие на древнеэльфийском языке, делая приглашающий жест рукой.
Видно, что девушка не поняла. Немного наклонив голову к правому плечу, прищурившись, она прислушивается, задумавшись на несколько мгновений и наконец произносит в насторожившейся тишине:
— Пожалуйста, повторите еще раз…
Звонкая фраза вновь взлетает к прозрачному небу.
Девушка чуть склоняет голову и улыбается краешками губ:
— Приветствую и благодарю тебя, владыка Рассветного леса! — медленно произносит она на древнеэльфийском, так, словно давным-давно на нем не говорила и теперь вспоминает. — Я принимаю твое приглашение. Я вступлю под сень деревьев твоего леса.
За спиной золотоволосой девушки с легким хлопающим звуком распахиваются огромные белые крылья…
— Отец, у меня скоро день рождения…
Принц Диний произнес это как бы между прочим, словно эта мысль так, случайно, пришла ему в голову. А на самом деле он полностью поглощен другим. Наблюдением за вольтижировкой молодого жеребца с черной атласной шкурой. Облокотившись на деревянные перила площадки, принц вместе с отцом смотрели на загон.
— М-да? — отсутствующе отозвался Хайме, не отвлекаясь от движений коня и наездника. — И… что? До него ведь почти месяц с лишним.
— Я подумал, что гостей ведь нужно предупредить заранее…
— Да ну? — не поверил император, переведя взгляд с коня на сына и с удивлением посмотрев на него. — Тебе ведь всегда было все равно, кого пригласят? И когда пригласят!
— Ну… мне вдруг подумалось, что если это мой праздник, то мне следует отнестись к его проведению более ответственно. Проследить за подготовкой. Ведь приглашенным нужно время, чтобы собраться. Не в последний же момент они будут все делать!
— Разумно, — согласился Хайме, кивнув головой, — слышу слова взрослого человека. Я скажу Робэрто, пусть перепишут прошлогодний список и дадут тебе. Посмотришь. Кого добавишь, кого вычеркнешь…
Произнеся это, Хайме отвернулся от сына, вновь наблюдая за жеребцом. Однако в уголке рта императора появилась ухмылка, а в слегка прищуренных глазах — смешливые искорки.
«Похоже, это было вступление, — подумал он, — посмотрим, чем он его закончит…»
Долгая пауза. Наконец принц не выдержал.
— Знаешь, отец, — задрав голову в небо и совершенно равнодушным тоном, словно о каком-то пустяке или незначащей вещи, заговорил он, — как ты смотришь на то, что я в этот список внесу Стефанию Терскую?
Пользуясь тем, что сын не видит его лица, Хайме ухмыльнулся. Вот, значит, к чему этот разговор! Что-то в этом роде он и предполагал…
— Стефанию? — с наигранным удивлением повернулся он к Динию. — Терскую? Но ты же знаешь, что ей запрещено появляться во дворце. Ты забыл?
— Отец! Ведь ты можешь приказать. И ее пропустят.
Улыбаясь, император несколько секунд смотрел в полные ожидания глаза Диния.

— Что, сын, она столь хороша, что мне следует отменить решение совета магов и моей службы безопасности?
— Ну-у… — замявшись, протянул в ответ тот.
— Так да или нет? — легко рассмеялся Хайме, собирая морщинки в уголках глаз. — Как-то ты неуверенно отвечаешь. Ты уж определись, коль взялся просить.
Принц вздохнул.
— Хороша… — вновь вздохнул он и потупился.
— Да. Мне она тоже понравилась.
— Правда? — Сын взглянул на отца.
— Глазки у нее хорошие. И ножки… Симпатичная девушка. Как я понимаю, ее присутствие будет для тебя лучшим подарком на день рождения?
— Ну…
— И жеребец, значит, тебе не нужен? — уточнил Хайме.
Принц перевел глаза на вставшего в этот момент на дыбы жеребца, под тонкой шкурой которого четко проступили напряженные мышцы.
Секундная пауза принятия решения.
— Не нужен! — решительно сказал он.
— Договорились, — усмехнулся император, — тогда я его забираю себе! А тебе приглашение. Согласен?
— Согласен! — улыбнулся во всю ширь Диний.

День рождения, грустный праздник…

Плохо освещенный закуток зала. Широкие, тяжелые портьеры, закрывшие окна. Слышны приглушенные звуки музыки и людские голоса. За колонной, близко-близко друг к другу, две фигуры. Звук поцелуя. Тихий, взволнованный шепот:
— Ди, что ты делаешь…
Звук поцелуя.
— Ди… ну нельзя та…
Звук поцелуя. Частое дыхание. Поцелуй.
— Куда ты меня тянешь? Нас увидят…
— Тсс! Иди сюда. За портьеру…
— Ди-и…
Звук поцелуя. Частое-частое дыхание. Шорох платья.
— Пойдем…
— Куда?
— Тут увидят. Пошли.
— Ди… Тебя же будут искать…
— Пошли, пошли…
— Ди…

Стефания

Медленно, легкой тонкой струйкой уходит сон. Просыпаюсь.
Что-то такое снилось… Яркое… Не открывая глаза, пытаюсь вспомнить, цепляясь за остатки сна. Нет. Не помню! Жалко…
С удовольствием потягиваюсь, зеваю и открываю глаза.
Бах! Это не моя комната!
Мое платье, снятое впопыхах и кинутое кое-как на стул. Туфли, валяющиеся рядом. Чулки… А я… Я в чужой постели! И на мне ничего нет! Я совсем голая, под одеялом! Ди… Мы… с ним… вчера…
Я почувствовала, как заалели мои щеки.
Я переспала с ним! Что я наделала?! Какая же я дура! Что он обо мне теперь подумает? Какой стыд! Где он? Ушел! Нужно срочно бежать! Я не смогу посмотреть ему в глаза! Бежать!
Однако я не успела. Только я дернулась к одежде, как рядом раздались шаги, и знакомый женский голос с насмешкой произнес:

— Ну и долго ты еще собираешься валяться в постели, лежебока? Твоя Стефания уже небось встала и наверняка пишет тебе письмо с пожеланиями доброго утра. А ты еще даже глаза не продрал. Ди-и-инчик!
Рывком сев в постели, я, сжавшись и подтянув колени к груди, натянула на себя одеяло так, что у меня наружу остались торчать только нос и глаза.
— С добрым у-у-утро-о-ом! Подъе-о-ом, лентяй! Вперед, вперед, труба зо… Ой!
В этот миг появившаяся на пороге спальни принцесса Сюзанна увидела меня. Глаза ее от изумления стали круглыми-круглыми, а рот открылся.
Я, сгорая от стыда, втянула голову в плечи и постаралась еще больше зарыться в одеяло.
— Э… а… у… — разводя руками в стороны, издала несколько звуков потрясенная Сюзанна, видно пытаясь что-то сказать.
Я молчала, до боли закусив нижнюю губу.
Та между тем справилась со своим изумлением, глянула по сторонам, осматривая спальню, задержалась взглядом на моем брошенном платье, туфлях, всем остальном и повернула голову ко мне.
— Доброе утро, баронесса! — с легкой насмешкой в голосе произнесла она, приветственно чуть наклоняя голову. — Вы случайно не знаете, где мой брат? Я зашла разбудить его на завтрак.
Я несколько раз моргнула в ответ, не зная, что сказать.
В этот момент раздались шаги, и за спиной Сюзанны появился Диний с букетом белых роз в руках.
— А… Вот и он! — радостно произнесла она, оборачиваясь.
— Что ты тут делаешь? — напустился тот на нее.
— Что? Как обычно. Пришла растолкать тебя к завтраку, — ответила она, пожав плечами, — а ты уже встал!
— Давай иди, иди отсюда!
Диний обхватил сестру свободной рукой за талию и потащил ее спиной вперед через порог. Прочь из спальни.
— Пусти меня! Что ты меня тащишь? — возмутилась Сюзанна, пытаясь оторвать от себя его руку.
Дверь в спальню закрылась. Я вскочила с кровати и, прикрываясь одеялом, кинулась к платью.

— Ты зачем это сделал? Ты что, дурак?
Ухватив брата руками за грудки, Сюзанна прижала его спиной к стене.
— Сама дура! Отпусти!
— Как ты мог с ней так поступить? Ведь она же тебя любит! А ты…
— А что я?
— А ты, скотина, воспользовался этим! Что она теперь будет делать, ты подумал? И не тычь мне своим веником в лицо! Убери!
— Что она должна делать? Выйдет за меня замуж, и все. А ты не обдирай мне розы своей физиономией! Пусти!
— Чего-о? Ты что, жениться решил? На ней?
— А что? Она любит меня, я люблю ее. Что еще?
— И когда же ты собираешься сделать ей предложение руки и сердца?
— Сейчас и сделаю. Вот… за цветами ходил.
Сюзанна, онемев, большими глазами смотрела на брата.
— Что ты на меня так уставилась? — не выдержал ее взгляда Диний.
— Знаешь, — медленно произнесла принцесса, видно что-то решив для себя, — я думаю, ты поступаешь неправильно. Предложение руки и сердца — это событие. Его нужно делать в присутствии ее отца и матери. Иначе будет не по протоколу. Но ее родителей тут нет… Знаешь тогда что? Сделай это в присутствии наших родителей! Они сейчас как раз будут на завтраке!
— Э-э… — растерянно протянул Диний, похоже никак не ожидавший такого развития событий.
В этот момент раздался звук открывающейся двери, и в комнату, из спальни, осторожно выглянула лохматая Стефания.
— Баронесса, пойдемте со мной, — обернулась к ней Сюзанна, протягивая руку ладонью вверх. — Мои служанки помогут вам привести себя в порядок — умыться и уложить волосы.
— Э… а? — издал непонимающий звук Диний.

— Не спорь, — наклонившись к его уху, быстро прошептала Сюзанна, — ей нужно привести себя в порядок. И ты займись собой! А то достаточно одного взгляда на вас, чтобы понять, чем вы тут всю ночь занимались…
— Э… да! — благодарственно кивнув, согласился Диний.
— Мы быстро! — громко сказала Сюзанна брату, сделав от него шаг назад. — Не скучай!
«Представляю, что сегодня будет на завтраке, — несколькими секундами спустя подумала она, ведя за руку к двери вяло переступающую ногами Стефанию. — Бедный, бедный Динчик! Глупыш…»
Звук открывающейся двери.
— Сколько можно спать? — недовольно спросила Анжелина Хайме, строго глядя на вошедшую в столовую дочь. — Мы с отцом уже почти закончили завтракать. Уже коффай пьем, а вы все спите!
— Прости, мамочка, — скромно опустив глаза, сказала Сюзанна, усаживаясь на свое место.
— А где Диний?
Принцесса неопределенно пожала плечиком, окидывая взглядом еду, стоящую на столе.
— Ему сегодня можно, — сказал Хайме, переворачивая листок с кратким отчетом событий за прошедшую ночь. — Он вчера столько танцевал. Наверное, просто не смог встать.
— Да уж… — протянула императрица, вспоминая вчерашний праздник. — И все со своей Терской! Вот ведь выбрал. Было бы, как говорится, что!
Император не ответил. Ограничился движением бровей вверх, которое можно было интерпретировать как: «Ну… мало ли!» — и продолжил читать.
Анжелина вздохнула и поднесла к губам низкую фарфоровую чашку с коффаем.
«Небось проснулась сегодня на седьмом небе от счастья, — подумала она о Стефании, делая небольшой глоток, — как же мне ее от него отвадить?»
В этот миг обе створки двери столовой распахнулись. На пороге стояли растерянная Стефания, прижимающая к себе левой рукой букет белых роз, и держащий ее за другую руку сияющий Диний.
— Отец, мама, — поочередно обратился он с полупоклоном к удивленно вскинувшему брови отцу и к испуганно замершей с кружкой у рта матери, — разрешите вам представить мою невесту — Стефанию Терскую!
— Кха-кха-кха! — захлебнувшись коффаем, зашлась в приступе кашля бедная мама…

Разбитая пополам о блюдце чашка с остатками коффая. Облитая скатерть. Коричневое пятно на светлом платье вытирающей слезы императрицы. Сунувшиеся навести порядок слуги выгнаны. Принц с невестой выставлен императором за дверь столовой «на пять минут».
— Это ты во всем виноват, — немного в нос и вытирая уголком платка правый глаз, обвиняющее произнесла Анжелина. — Ты ему всегда во всем потакаешь… Зачем ты разрешил пустить ее во дворец? Зачем?
— Ну захотел сын пригласить себе на день рождения подружку… Что тут такого? — пожал плечами Хайме.
— Подружку? Подружку? Проститутка она, а не подружка! Не успели оглянуться, как она к нему в постель залезла!
— Он у нее первый… — подала голос Сюзанна, тихо-тихо сидевшая до этого с краю стола.
— Это она тебе сказала? — повернулась к ней мать.
— Нет. Я сама убедилась. Пока Диний приводил себя в порядок, я пробралась к нему в спальню и посмотрела. Можно вместе сходить и посмотреть.
— Вот еще, — фыркнула Анжелина, — много чести! Да и вообще, что это такое? И это мои дети? Брат развратничает, а сестра бегает и смотрит простыни! Для чего я тебя воспитывала? Чтобы в один прекрасный день узнать, что моя дочь ведет себя не как принцесса, а как любопытная трактирная девка? А? Что это такое, Сюзанна? Я тебя спрашиваю?!
Сюзанна неопределенно пожала плечиком и, опустив глаза, уставилась в стол.
— Или, может, ты ему помогала? Может, тут все давно уже про все знают, и только одна я, как последняя дура, борюсь за то, чтобы сохранить остатки приличия?
— Ну-у, мама-а-а, — надула губки Сюзанна, — ну не ругай меня… Я совершенно случайно узнала. Честное слово! Пришла будить его на завтрак… А она там! А потом пришел Диний с цветами… Собрался делать ей предложение…
— Идиот… — прокомментировала сквозь зубы императрица. — И что, сделал? А ты не могла его остановить? Сказать ему, что он дурак безмозглый?
— Так бы и стал он меня слушать! Я поступила хитрее. Я сказала, что это будет не по протоколу, так как нет родителей, и отправила его сюда. Чтобы вы его остановили.
Император хмыкнул, одобрительно посмотрев на дочь.

На несколько секунд над столом повисла тишина.
— И что теперь делать? — задала вопрос в пространство Анжелина. — Вот что теперь делать? — секунду спустя повторила она вопрос, обращаясь уже к мужу.
— А что, что-то нужно делать? — задал тот ей встречный вопрос. — Что-то случилось?
— Ка-ак? Как не случилось? — вскинулась Анжелина.
— Сю! Выйди! — приказал император.
— Хватит сходить с ума, — сказал Хайме, дождавшись, когда за дочерью закроется дверь. — Ну переспал он с ней. Все равно бы он когда-то начал. И с кого-то. А так сделал себе подарок на день рождения.
Император ухмыльнулся.
— Так ты что, с самого начала знал, чем это кончится? Знал и специально разрешил ему?
— Ничего я не знал. И не планировал. Поверь, внезапная прыть, которую проявил наш увалень, удивительна для меня самого. Не ожидал от него такого… не ожидал…
Хайме покачал головой с видом «ну надо же, кто бы мог подумать!».
— Он попросил разрешения ее пригласить, — продолжил он. — Я подумал, ну потанцует он с ней, ну может, прижмет пару раз в уголке… Ну чего там? Парню восемнадцать исполнилось! В его возрасте уже пора ухаживать за девочками.
— Вот именно! Ухаживать! А не спать сразу с ними!
— Что я могу тебе на это сказать? Ну шустрый он у нас в плане женского пола вырос. Гордись!
Император вновь ухмыльнулся, разведя руками в стороны.
— Чем? Чем гордись? Тем, что он теперь будет не пропускать ни одной юбки?
— Это вряд ли. Мне кажется, что Диний в этом вопросе будет щепетильным. Сама посуди — не со служанок, как старший, начал! Ха-ха!
— Тебе все шутки! А у меня сердце кровью обливается! Он же жениться на ней собрался!
— Да ладно! Это просто восторг после первого раза. Кстати! Ведь твое воспитание! Обесчестил девушку — женись! Вот он и следует твоим заветам. Так что ты должна быть довольна. Но что-то я не вижу на твоем лице радости от того, что твой сын вырос порядочным мужчиной…
— Ну не на ней же!
— Да, — согласился, цыкнув углом рта Хайме, — партия — так себе. Но с другой стороны — можно легко решить проблему. Вот если бы он дочь Берге трахнул…
Император на миг задумался, видно представляя себе картину.
— …вот тогда бы я точно просто так бы не отвертелся! Вполне возможно, что пришлось бы Диния женить… А с отцом Терской я договорюсь без проблем.
Император опять призадумался.
— Но с другой стороны… — продолжил размышлять он вслух, перебирая варианты, — она маг. Сильный. Наши внуки могли бы тоже быть магами… А вдруг?
Хайме повернулся к жене, поднятыми бровями и выражением лица предлагая обсудить эту интересную мысль, пришедшую в голову.
— Внуки? — вскинула голову та.
— Угу… Тогда можно было бы… в совет магов…
— Внуков не будет!
Анжелина вскочила со стула и, подхватив юбку, понеслась к двери:
— Не будет!
Пах — хлопнула за ее спиной дверь столовой.
Император посмотрел на дверь, подвигал бровями вверх-вниз, пожал плечами и повернулся к столу.
— Ну не будет, так не будет, — вздохнув, философски пробурчал он под нос, берясь за ручку коффайника.

— Пей!
Не терпящим возражения жестом императрица протянула Стефании наполовину наполненный водой прозрачный стакан. Только что вылитое в него содержимое темного пузырька зелеными клубами, бледнея, растворялось в воде.
— Что это?
— Это? Это чтобы твое ночное приключение осталось только приключением. Ты поняла?
— В… смысле?
— Бастарды мне от тебя не нужны, — жестко, глядя в глаза девушке, произнесла Анжелина. — И ему не нужны. Пей!
— Не буду… — сделав глотательное движение горлом, тихо ответила Стефания.
«А вдруг она меня решила… отравить? — подумала она, глядя в злое лицо Анжелины. — Или… у меня потом вообще не будет детей?»

— Ты будешь мне перечить? — удивилась императрица. — Ты? Вертихвостка!
Стефания упрямо сжала губы.
— Неужели ты надеешься разжалобить мое сердце, родив ребенка? Так вот — можешь на это даже не рассчитывать! Моему сыну нужна не такая жена! Ты недостойна даже одного его волоска! Пей!
Пауза.
— Пей, я тебе говорю! На!
Внезапно волосы Стефании заструились на невидимом ветру. Протянув руку, она взяла из рук Анжелины стакан, секунду подержала и резким движением швырнула его в угол.
— Не буду! — четким голосом произнесла она, глядя на свою мучительницу стремительно темнеющими глазами.
— Темная тварь! — наклонив голову и без страха смотря в ее изменившееся лицо, прошипела императрица. — Я не позволю тебе причинить вред моему сыну! Я не подпущу тебя к нему!
— Вы не сможете запретить мне его любить! — также прошипела в ответ Стефания, глядя прямо в глаза. — И ему не запретите!
— Увидиш-шь!
С грохотом распахнулась дверь. В покои Анжелины, в которые она привела Стефанию «поговорить», ввалились всполошенные всплеском силы дежурные маги, сопровождаемые гвардейцами. Следом за ними вбежал с перепуганным лицом Диний, ожидавший окончания «разговора» в коридоре. Не обращая внимания на толпу посторонних, императрица повернулась к сыну и громко приказала:
— Чтоб ноги ее тут больше не было! Видеть ее не желаю! — Вон отсюда! — повернулась она к Стефании, властно указывая ей рукой на дверь.
— Мама, что… — начал было говорить Диний и осекся на полуслове, уставившись на Стефанию.
Та, с развевающимися волосами и целиком черными глазами, выглядела жутко.
— Видишь, кто она такая? А? Куда ты смотрел? — с торжеством в голосе обратилась Анжелина к сыну, указывая на Стефанию рукой. — Выведите ее из дворца! — приказала она магам и гвардейцам. — Немедленно!
Те несколько неуверенно двинулись к девушке.
Стефания, не обращая на них внимания, несколько секунд молча смотрела на Диния своими антрацитовыми глазами так, словно чего-то от него ждала. Затем двумя руками приподняла юбку и пошла к двери, прямо на толпу. Охрана стремительно расступилась в стороны, освобождая ей дорогу.
— Э… а, — издал звук принц, стоявший с открытым ртом, когда она проходила мимо него.
Однако Стефи ничего ему не ответила. Даже не повернула голову в его сторону. С прямой спиной, с развевающимися волосами, вдоль двух рядов расступившейся охраны, при всеобщем молчании, она дошла до двери и вышла в коридор.
— Проводите! — царственно махнув рукой ей вслед, приказала Анжелина. — И освободите мои покои. Но ты, сын, останься!

Эри

Сегодня мне ночью приснился дивный сон… Яркий, цветной. И эротический! Что было весьма странно. За все время пребывания в этом мире ничего подобного мне не снилось. Приснится же… чушь такая, подумал я, почти проснувшись, но, не открыв еще глаз, — съел, что ли, что-то не то? Надо перестать нажираться на ночь… Спишь потом… тревожно. Что за муть мне сегодня приснилась?
По-прежнему не открывая глаз, я попытался сосредоточиться на обрывках ускользающего сна, чтобы припомнить подробности. Первое, что всплыло, — чувства. Восторг, радость и ощущение чего-то светлого, волшебного, сияющего и прекрасного. Все это обрушилось на меня так, что мне на миг показалось, что у меня остановилось сердце и я сейчас задохнусь. Ничего себе! Вот это да! Пожалуй, следует пойти и собрать остатки того, чем я вчера перекусывал на сон грядущий. Я бы не отказался еще разок такое посмотреть!
Немного повернув поудобнее голову на подушке, я продолжил вспоминать. Однако дальнейшее исследование меня несколько озадачило. Из воспоминаний получалось так, что во сне я был… девушкой! И по всему выходило, что я… занимался с кем-то сексом!

— Та-а-ак… — протянул я, когда вспомнил этот кусочек сна. — Это еще что за ерунда такая? Сихот! Так и знал, что ничего хорошего просто так не получишь! Сначала замануха в виде суперсна, а потом — бац! Ты в нем не пойми кем, с кем, где и как.
Брр! Приснится же такое! К чему бы это? К дождю или перемене погоды? Что, неужто эльфиек так порой обуревают желания? А чего у них тогда детей-то нет? При таком-то уровне энтузиазма? Или это я действительно съел что-то не то? Ладно. Сон — это всего лишь сон. А я живу в реальности…
Я зевнул, потянулся и приподнял голову над подушкой, дабы глянуть в окно и оценить погоду на предмет ее летности. Может, действительно такой сон к перемене погоды и на улице уже вовсю льет дождь? Да не… Солнечно.
Я сел в постели, на согнутые под себя ноги. Забавно, но Эриадором я в такой позе и пару минут бы не просидел… А сейчас — запросто!
Еще раз широко зевнув, я хорошенько потянулся, прогнувшись спиной и сцепив на затылке пальцы.
— С добрым утром, Бассо! — пожелал я себе хорошего дня на эсфератском. — С добрым утром!
Уронив руки вниз, на колени, я выдохнул, опустив плечи, и немного ссутулился. Сижу, скольжу взглядом по спальне, жду, когда окончательно проснусь. Покои мне предоставили неплохие. Гостиная с большущими окнами, здоровенный балкон, весь увитый вьющимися цветами, уютная комната с парой мягких диванчиков и креслом для «поваляться» и «посидеть», спальня и ванная комната.
Спальня была истинно девчачьей. Розовые стены, розовые коврики на светлом деревянном полу. Трюмо. С большим зеркалом и мягкой табуреткой перед ним. Тоже с розовой подушкой. Ну и шторы, естественно, розовые. В первый момент столь большое преобладание одного цвета вызвало у меня отторжение. Однако потом я присмотрелся, присмотрелся… Нормально! Баланс есть. Дизайнер спальни палку не перегнул. Компенсировал излишек розового большими открытыми пространствами светлого пола, темными досками кровати, шкафа и трюмо. Плюс белый тюль на окнах. Так что нормально! Мой глаз художника спальня не резала. Единственно, я никогда не был поклонником этого цвета, но что ж теперь? Если взялся играть роль, то декорации должны быть соответствующие. Иначе зрители будут испытывать дискомфорт, и выступление может не удасться. Это даже забавно, пожить в такой обстановке! Себе-то я никогда подобного не сделаю, а тут можно оценить — как это, жить в таком антураже? Пока испытания проходили нормально — тошноты при входе в спальню не возникало.
А еще у меня была большая ванная комната со здоровущей медной ванной, в которой я с удовольствием сидел… Мне и раньше такое времяпрепровождение нравилось. Ванная, как в приличных местах, — с двумя кранами горячей и холодной воды. Лей не хочу! Плюс служанки добавляют еще какие-то растительные экстракты и просто лепестки цветов. Или пену делают. Вылезаешь из воды — вау! Кожа как шелк! И настроение — супер! Ну люблю я себя, люблю! Хоть даже я на себя сейчас не совсем похож… Пусть многие мужественные сочтут тягу к удобствам признаком излишней изнеженности, мне плевать! Всегда любил удобства. И не собираюсь наступать себе на горло, чтобы соответствовать чьим-то представлениям… Сервис — это вещь!
Единственный напряг у меня возник со служанками и одеждой. Они рвались помочь раздеть и одеть меня, а как я им мог это позволить? С теми-то выкрутасами, что творила на мне одежда? Поначалу я одевался сам, приказывая, чтобы мне принесли всякой одежды побольше, а потом уже самостоятельно комбинируя из этой кучи что-то вменяемое. Поначалу все шло хорошо, но потом возник вопрос со стиркой. Ходить в женском, а отдавать стирать мужское? Это как? По мне так подозрительно. Подумал я, подумал на эту тему и вспомнил, как умничал с Алистерой на тему королей. Мол, все, что короли ни делают, делают это они по-королевски. К этому моменту я уже несколько попривык, обвыкся, убедился, что никто меня «на соответствие» не проверяет…
Только при первой встрече правитель леса поприветствовал меня на древнеэльфийском… Но это, похоже, была не проверка, а попытка, как говорят на Земле, повыделываться. Как я узнал, древний язык тут знают совсем не все. Я его тоже не знал. Но спасибо, Хель, не подвела. Записала то, что нужно. Со второй фразы я вспомнил и сумел, пусть медленно, но главное — правильно ответить на приглашение. Так что дипломатического конфуза не случилось. Впрочем, даже если бы я не понял, то мне кажется, ничего бы страшного не произошло. Крылья — вот главное! Все были совершенно уверены, что я настоящая вестница. Плюс еще Таурэтари рассказала всем, что я живое воплощение их древних героев. Так что даже ходи я в валенках, буденновке с красной звездой и волочащимся следом по земле парашютом, никто бы во мне русского шпиона не признал. Все бы все равно видели во мне фон Штирлица. Поэтому, касаемо своей проблемы с одеждой, я

подумал, подумал… А, собственно, в чем проблема? Я же вестница, волшебное существо! И все, что я делаю, — тоже волшебно. И одежда меняется на мне в результате этого. Вроде того, что древние эльфы и эльфийки (их же по легенде во мне много!) не могут между собой договориться на предмет — в чем сегодня выйти на люди? И точно. Никто и не дернулся сказать что-то вроде: «Это не по правилам! Так быть не может!» Наоборот — это стало еще одним доказательством моей внеземной сущности. Подозреваю, что если бы была возможность — очереди бы выстраивались, чтобы поглядеть, как я переодеваюсь. Но, как говорится, счастье — только избранным! Служанкам и Амалире. Последняя вообще захватила должность главной чесальщицы моих волос. Лично я в первые дни просто не знал, что делать со своей гривой. Опыта ведь никакого! Попалась мне, правда, в библиотеке книжка с названием «Бытовая магия». Я ее прочитал, особенно внимательно главу по уходу за одеждой и волосами, но применять на себе заклинания не рискнул. А вдруг в Эриодара превращусь? Совершенно не к месту такое будет. Служанки же почему-то расчесать меня не предлагали. Поэтому первые два дня я, сцепив зубы, драл себе волосы щеткой сам. Но тут моим видом заинтересовалась Амали.

— Ты такая лохматая! — улыбнувшись, с детской непосредственностью сказала она. — Почему ты не причесываешься?

Я кисло посмотрел на нее.

Стоило полчаса драть волосы, подумал я, чтобы потом какая-то девчонка спрашивала, почему я выгляжу как чучело? Стоп! Кодовое слово — девчонка! Она девчонка, а я нет! Она должна знать!

Я глянул по сторонам — никого! Отлично!

— Я долго спала, — грустно вздохнув, сказал я, наклонившись к Амали, — и многого не помню… Представляешь, забыла, как нужно делать прическу! Ты не поможешь мне справиться с моими волосами?

Амалиру просто раздуло от гордости! Еще бы! Просят у нее помощи! И кто просит!

— Пойдем! — схватила она меня за руку. — Я покажу, как нужно!

Она утащила меня в свою комнату, посадила перед зеркалом, достала все свои расчески, щетки, всякие заколки и с энтузиазмом взялась за дело. За ним нас и застукала ее бабушка. Она потом долго передо мной извинялась, что тут все забыли, что мне нужен парикмахер. Амали сердилась и говорила, что никто не нужен, что она сама будет укладывать мне волосы. На что бабушка ей сказала, что она еще маленькая и не умеет. Та обиделась до слез. Я решил вмешаться.

— Амали, спасибо тебе! — внимательно глядя в зеркало сказал я. — Ты очень хорошо все сделала…

Действительно. По сравнению с моими результатами — земля и небо!

— Если ты не против и тебе разрешит твоя бабушка, — продолжил я, — я бы хотела, чтобы ты меня расчесывала…

Девочка просто просияла, гордо посмотрев на Таурэтари.

— …только иногда меня будет причесывать ваш парикмахер. А ты в это время будешь смотреть и помогать ему. И научишься. Если ты, конечно, захочешь и бабушка тебе разрешит…

Я еще раз повторил свою мысль насчет обязательного согласия Таурэтари. Я еще не очень хорошо ориентировался в том, что тут допустимо для благородных эльфов, а что нет, и не хотел создавать трудностей на пустом месте.

— Баба! Разреши, разреши! — Амали повисла на бабушке, обвив тонкими ручонками ее шею.

Конечно же она разрешила! Дети тут вообще на вес золота. С Амалирой, этой капризулей, носятся как с писаной торбой. Не очень уверен, что у меня в голове есть запись, объясняющая, что это за торба такая, но общий смысл выражения я представляю.

Короче, теперь по утрам мне волосы расчесывает Амали. Потом я в качестве зарядки немножко летаю, затем мою голову уже на весь день в соответствующий вид приводит профессионал. Да пусть Амали занимается, если ей так хочется! Подружка ведь моя. Ха-ха. Для остальных я божество. Поклоны, желание угодить. Утомляет. А эта – непосредственная. Разговоры, конечно, детские, но все равно развлекает. Да и узнать можно что-то интересное. Бесхитростно ведь все выложит! И что самое удивительное — ни разу не проспала! Таурэтари тоже очень удивлена этим фактом. Чтобы внучку разбудить — те еще усилия нужно было приложить. А тут ни свет ни заря, а она уже вскочила (сама!) и уже у моих дверей. Вот и сейчас стук в дверь спальни.

— Эриэлла, ты уже не спишь?

В приоткрывшуюся дверь заглядывает улыбающееся личико Амали.

— Брр, — мотаю я головой, пытаясь окончательно проснуться, — встаю. Извини, проспала. Сон какой-то дурацкий приснился. Сейчас, подожди!

— Сон? Мне тоже сегодня сон приснился! Про принца! Красивого-красивого. Он приехал на белом единороге с золотыми копытами… И у него на плече сидела золотая птица!
М-дя? Неуверенной походкой утреннего зомби я направился в ванну. Кто бы мог подумать… У меня тоже какой-то принц был…
— А ты мне расскажешь свой сон? — уже в спину прилетело мне.
Вряд ли, мой принц, в отличие от твоего, совсем не на единороге ездил…
— Мм… — неопределенно промычал я в ответ, закрывая за собой дверь.
Через пятнадцать минут я, одетый и причесанный, стоял на своем огромном балконе, готовясь к прыжку в небо. Амалира стояла рядом. Она всегда смотрела, как я летаю. От начала до самого конца.
Паxx!
Я распахнул крылья.
— Ах! — во весь голос ахнула Амали. — Золотые!
Я глянул — чего там? И тоже ахнул. Мои крылья сверху донизу стали золотыми! Ярко-ярко золотыми. Под цвет моим волосам.
— Золотые… — восхищенно прошептала девочка, прижав к груди кулачки, — золотые… Как красиво! Ты такая красивая, Эриэлла!
«Так, и что же это такое, — озадаченно подумал я, разглядывая переливающиеся золотом перья, — что опять происходит?»
— Как во сне… — произнесла Амали, — золотая птица…
Во сне? Хм… Где-то видел я подобный золотой оттенок… Где? Хм… Точно! Стефания! Это ее аура сияет таким золотом! И… что это тогда значит? А значит это, значит это… Это значит, что она наконец добралась до своего принца! А сон был ничем иным, как трансляцией ее чувств в ментал! Мы же с ней телепатически связаны! Похоже, ночью, невзирая на расстояние, она поделилась со мной своими чувствами… Именно так, и ничего иного! А этот, который во сне, действительно принц. Интересно, она последовала моему совету и обговорила предварительно условия? Надеюсь, что да. Иначе пролетит ведь, как пить дать! Но какие же у нее чувства! Я и не думал, что у низших может так быть! Хм…
Я нахмурился.
А каким образом ее золото оказалось на моих крыльях? А? А Сихот его знает! Но с какого перепуга я должен таскать на своих крыльях свет ее любви? Вот еще! Больно надо! Пусть Диния своего мажет…

Три часа спустя, тот же день, комната Стефании

Стол. На столе, рядом со стеклянным кувшином с водой, пустая кружка с остатком на донышке чего-то зеленого. Тут же валяется на боку открытый пузырек из темного стекла. На кровати, свернувшись калачиком под простынкой, тихо-тихо, мышкой, плачет Стефания…

Отец и сын

— Отец, можно с тобой поговорить?
— Конечно, сын, — спокойно ответил император, отодвигаясь от стола. — Давай пойдем погуляем в саду. Там и поговорим. А то что-то у меня душновато в кабинете…
Они спустились вниз и вышли в дворцовый сад. Император заложил руки за спину и с удовольствием неспешно пошел по дорожке. Диний шагал рядом. Минуты три они прогуливались молча.
— Я внимательно слушаю тебя, — наконец сказал Хайме, видя, что начало разговора затягивается.
Принц глубоко вздохнул, набирая полную грудь воздуха.
— Отец! Я люблю Стефанию и хочу, чтобы она стала моей женой! — решительно произнес он.
Император неспешно кивнул, показывая, что услышал, но ничего не ответил и продолжил так же неспешно шагать по дорожке вдоль кустов.
Пауза. Звук шагов. Где-то в кронах деревьев пересвистывают птицы.
— Отец!

— Как я понимаю, ты просишь моего согласия?
— Да!
— Вот с этого и нужно было начинать, а не врываться в гостиную с невестой наперевес…
— Ну… так получилось, — вздохнул, поникнув плечами Диний.
— Получилось так прежде всего потому, что ты думал только о себе. Поэтому так и получилось.
— Неправда! — запротестовал принц. — Не только о себе!
— И о ком ты подумал? Я удивился. Сестра твоя испугалась. Мать вон чуть коффаем не захлебнулась… Ей дурно стало…
— Просто ей Стефания не нравится! Вот и все!
— О ней ты тоже не подумал. Как это так — с бухты-барахты привести девушку к ничего не подозревающим родителям и сказать — вот, женюсь! Ты попробовал представить себя на ее месте, если родители откажут? А? Вижу, что такая мысль тебе даже не приходила в голову…
Принц поджал губы.
— И скажи мне, — продолжил император, — с чего это ты вдруг решил, что тебе это будет позволено? Разве ты не знаешь, как заключаются браки в семьях высокородных?
— Ну… мой брат ведь уже женат… — протянул Диний, — значит, мне теперь необязательно… следовать всем правилам.
— Ага! Значит, ты решил спрятаться за его спину. Он долг перед империей свой выполняет. А ты?
— Но он же твой наследник, — глядя в землю, ответил Диний, — он будет править. А я нет… Почему я тогда не могу жениться на той, которую люблю?
— Почему? Хм! Видишь ли, сын… Ничто не вечно под луной. Порой в жизни случаются совершенно необъяснимые вещи. Падают неприступные твердыни, ничтожные армии захватывают целые страны. Да, ты второй. Но ты принц правящей династии. И ты должен быть готов всегда встать рядом, подставить плечо, прикрыть спину. Ты одна из опор нашего рода, Диний! Ты меня понимаешь?
— Какое отношение это имеет к Стефании?
— Не упрямься в очевидном. Ты прекрасно понимаешь, что дочь графа Валуа для правителя более предпочтительна, чем дочь барона Терского. Валуа — древний род, имеющий большие возможности… Как денежные, так и военные. Если граф породнится с нами, то это, несомненно, усилит и нас, и их, и империю. А Терские… Ну не мне тебе объяснять… Единственно, что может предложить Стефания, — это родить мне внука-мага. Однако, как ты понимаешь, с уверенностью обещать, что такое случится, никто не может. Способность к магии — вещь весьма редкая. Поэтому Валуа — это гарантированное «сейчас и завтра», а Терские — это «завтра и может быть». Плюс Валуа могут счесть себя оскорбленными, если их красавице предпочтут какую-то провинциальную баронессу… Да и не только они. Многие, очень многие не прочь породниться с императорской семьей…
— Так дочке графа еще четырнадцати нет! Она маленькая еще! — возмутился Диний.
— Маленькие девочки очень быстро растут, превращаясь в красавиц. Ты не замечал? Нет? Ясно. Ты еще слишком молод, чтобы такое заметить. Тебе будет двадцать, ей семнадцать. Нормальный возраст для брака.
— Но я люблю Стефи!
— Сын. Ты открыл для себя женщину. Да, первый раз — это событие. Однако поверь мне — в твоей жизни Стефания будет не единственной. Женщины ищут блеска славы и звона монет. А твой титул — живое воплощение этого.
— Стефи не такая!
— Понятно. Похоже, дальнейший разговор на данную тему особого смысла не имеет. Мозги у тебя сейчас заняты совершенно другим…
Редкий перестук каблуков по плиткам дорожки. Щебет птиц.
— Отец, так ты позволишь мне жениться на Стефании?
— Сын, — вздохнул император, — твои последние поступки показали, что ты ведешь себя как глупый мальчишка, не думающий о будущем. Ну вот как тебе можно доверить женщину, а? А у них ведь бывают дети. Тебе что, их можно доверить?
— Э-э-э… — озадачился вопросом сын.
— Семья — это ответственность. Не вижу ее. Скорее вижу, что сын нашел новую игрушку. Что с ней будет, если она тебе через полгода надоест?
— Не надоест, — упрямо сжав губы и глядя вниз, прошептал Диний.
— Это лишь слова, — слегка пожал плечами Хайме. — Пока твои поступки не позволяют относиться к ним серьезно.
— А что… что мне нужно сделать? Чтобы слова перестали быть просто словами?

— Хочешь Стефанию? Заслужи. Докажи, что имеешь на нее право и право поступать отлично от традиций. Только не как самодур, а как сильный мужчина, отвечающий за свои поступки. Понимаешь?
— И как же я это докажу? — скептически фыркнул Диний. — На войну пойти? Так меня мама и отпустит!
— Ха! Война — это просто. Там все понятно. Начни со сложного. С мамы. Пытайся понять, почему она так против твоей избранницы. Переубеди ее, докажи, что Стефания совсем не такая, как она думает. Если ты намерен привести Стефи в нашу семью, тебе все равно придется это сделать. Без этого разговора о твоей свадьбе не может быть и речи! Ты меня понимаешь?
Принц зябко передернул плечами.
— А как ты думал, — усмехнулся Хайме. — Думал, я скажу маме и разом решу твои проблемы? Нет уж! Тебе нужно — ты и делай.
— Как я это сделаю? — угрюмо пробормотал себе под нос принц.
— Придумай, — легко сказал император, носком ноги отбрасывая упавшую на дорожку веточку. — Как я вечно придумываю, как угодить тем и этим и себя еще не забыть. Способность добиваться результатов на дипломатическом поприще — это как раз показатель умения думать о будущем. Очень важное для правителя качество…
— И с чего мне начать?
— С чего? Начни с извинений. Извинись перед сестрой, которая внезапно обнаружила в твоей постели голую девушку. Перед матерью, которую чуть удар не хватил…
Принц хмуро свел брови и, сжав губы, уставился в землю.
— Ну-ну, сын, не хмурься так! Согласись, наделал ты делов!
Диний молча нехотя кивнул.
— Мне нужно будет извиниться и перед Стефанией, — сказал он, поднимая голову.
— Хорошая мысль, — одобрил Хайме. — Рад, что она тебя посетила.
— А потом? Что мне делать потом?
— Потом? Потом начинай думать. Можешь к этому привлечь и ее. Заодно узнаешь, годится она только для постели или, может, годна на что-то большее?
— А если… только? То… что тогда?
— Да ничего, если тебя это устроит, — пожал плечами Хайме. — Не она же будет в итоге принимать решения и отвечать за них, а ты. Но умный совет вовремя — это хорошо. Тем более от кровно заинтересованного человека.
Принц вновь задумался. В разговоре возникла длинная пауза.
— Твоя мама меняет фрейлин… — так, словно к слову пришлось, произнес император, задрав голову и глядя в кроны деревьев.
— Зачем? — не понял Диний.
— …на молодых девушек брачного возраста. Уверен, что среди них обязательно найдутся похожие на Стефанию… — не ответив, продолжил Хайме.
— Зачем она так поступает? Зачем?
— Может, хочет тебе добра?
— Я Стефи ни на кого не променяю!
— Может, она хочет в этом убедиться?
Принц повращал головой так, словно воротник начал его душить.
— Отец, ну это же… Это не соответствует нормам приличия!
— Что не соответствует? Чего ты там себе подумал? Решил, что во фрейлинах будут фейки? Смотри… мама узнает о твоих мечтах, она тебе даст!
Император, шутя, погрозил сыну пальцем:
— Все дочери самых благородных дворян империи. Невесты. Завалишь кого, с той к алтарю и пойдешь. Мама будет первой, кто объявит о браке. И я вмешиваться не стану. Любая из них — хорошая партия, а их отцы не мелкопоместные дворяне вроде Терского. Так что думай, что делаешь. Ты меня понял?
— Нужны они мне, — презрительно скривился Диний.
— Вот и посмотрим, нужны или не нужны…
Пауза.
— Прикажи, чтобы меня выпустили из дворца, — хмуро сказал Диний.
— Не боишься? — с некоторой ехидцей поинтересовался Хайме.
— Кого? — не понял его сын.
— Стефанию.
— Вот еще! Чего мне ее бояться?
— Говорят, она произвела на тебя впечатление своими глазами…
— Шептуны… — злобно прошипел принц.
— Ну так что, не боишься?

— Я просто растерялся. Я никогда не видел у нее таких глаз! Это просто ее сила так проявляется.
— Значит, не боишься… Хорошо. Давай тогда договоримся так: я тебе организую поездку, а ты не снимаешь с себя защитные амулеты. И не отказываешься от сопровождения магов.
— Что, я при всех должен разговаривать с ней?
— Оставишь их за дверью.
Принц вздохнул.
— Так мы договорились? — прищурившись, поинтересовался император.
— Да! — выдохнул принц. — Договорились…
— Сын, я не против Стефи, — немного позже, уже на выходе из парка неспешно произнес Хайме, — но у нее, кроме симпатичного личика и неясных перспектив, ничего нет. И ты… Только в жизнь вступаешь. Стремись. Доказывай. Добьешься — получишь. Никак иначе. И еще… На твоем месте я бы не стал ей ни в чем клясться. Боги карают клятвопреступников. Помни об этом.

Эстела

Закинув на угол стола скрещенные ноги в высоких рыжих сапогах, начальница тайной стражи Этории сидела в своем кабинете, чуть покачиваясь в кресле.
На столе лежало вскрытое письмо и донесения.
«Ни у одного мага, к которому мог отправиться Эриадор Аальст, он не обнаружен… — подвела итог Эста, присовокупив последнее сообщение к полученным ранее, — не обнаружен… Где его Дарг носит? Как бы случаем не убили бы по дороге… Ладно. Не будем о плохом. Появится. Появится — и к этому моменту мы должны быть готовы. К чему готовы — понятно, а вот как готовы… это загадка!»
Эста бездумно уставилась на носки своих ботфортов, оттопырив плотно сжатые трубочкой губы.
«Домой собирается, — спустя пару секунд вновь принялась она размышлять о неуловимом Аальсте, — порталы ищет. Порталы…
Порталы… — повторила она про себя, чувствуя, что в голове у нее крутится какая-то мысль, — ищет…»
Внезапно перед ее внутренним взором возникла картинка — юноша в черном, идущий куда-то в сопровождении варг.
«Есть! — ухватила она за хвост крутящуюся в голове идею. — Путешествие! Путешествие за порталом! Это сработает! Должно сработать!»
Эста с удовлетворением откинулась еще больше на спинку скрипнувшего кресла.
«Значит, так, — подумала она, — общий план! В архивах Цитадели…»
Тут она поморщилась, вспомнив трех архивариусов, все еще не потерявших надежду получить к ним доступ.
«…в архивах Цитадели обнаружен древний документ, в котором указано местоположение портала (работающего? неработающего?)… пятерка варг, отправленная на его розыски (погибла? не вернулась?)… не смогла достичь цели, поскольку… поскольку встретила… (кого?). Хм… Встретила охраняющих путь (орков? эльфов? разбойников?). Э-э… Нет! Это все для нас не проблема. Мм… Встретила нежить! Точно! Он же темный маг! Значит, может с ней совладать! А мы не можем, поэтому и предлагаем поучаствовать в поиске. Хорошо. А почему бы нам тогда не пригласить мага огня, допустим? М-да… нужно будет как следует подумать над аргументацией. Итак, на пути к порталу нежить и умертвия! И нам нужен — темный, чтобы расчистить путь. Ладно. Что он от этого получит? Получит он действующий портал! Или возможность его исследовать. Но такого портала у нас нет… Что делать? Подыщем какую-нибудь арку или что-то смахивающее на него. Пусть исследует. Ха-ха! Будет возникать, скажем — сломался! Сколько времени-то прошло! Манускрипт старый, написан невнятно. Дарг! Он же древними языками владеет! Придется делать на уровне, иначе заметит. Ладно, дальше. Дальше — маршрут. Что-то длинное и опасное. Умеренно опасное. Куда-нибудь в Серые пустоши на пару месяцев. Как бы их там не сожрали… Пару-тройку пятерок впереди и следом, для прикрытия? А заметит? Не должен. Посмотрим. Так, теперь спутницы. Пятерка (может, две?). Красивые (разные? или все чем-то похожие на его подружку?). Молодые. Умные. Хм… может, лучше глупые? Нет, не глупые — бестолковые или неприспособленные неумехи. Да, пожалуй, такие будут лучше. Он будет чувствовать свое превосходство и возьмет их под свое покровительство… хороший повод для налаживания отношений! Нужно тут сыграть с позиции слабости.

Главное, совсем дур не набрать. Дуры мужчин раздражают. Это нужно будет поискать среди троечниц, с трудом выполняющих нормативы. Вот кому-то повезет! А отличницы останутся „на потом“. Забавно жизнь раскладывает. Ха-ха! Но по боевым искусствам у них должно быть „отлично“! Охранять Аальста нужно. Тем более что он теперь не маг! Дарг! А чего он тогда попрется исследовать портал, если он ничего не может? Тьфу! И как он будет нежить разгонять (пусть ее и нет)? Эх, какой план был! Проклятый Аальст! Вечно с ним все через заднее место! Хм… но может, все же удастся что-то сделать? Он же собирался к магам насчет порталов ехать? Значит, он на что-то все-таки рассчитывает?»
Начальница тайной стражи глубоко задумалась, приложив к виску указательный палец…

Эри

Сижу на белом облачке-стульчике. Уперев локти в колени, а подбородок в ладони, хмуро слежу, как Амали гоняет с детьми на краю лужайки между кустов и невысоких деревьев. С другой стороны, в отдалении — толпа зрителей. Смотрят, как я сижу, сияю. Крылья я распахнул, выставив на яркое солнце, в надежде — может, облезут? Не мой цвет…
Я был зол на Стефанию. Нет. Не зол. Если зол, то хочется убить. Тогда не зол, а… как? Недоволен? Не, не то выражение эмоций. Звучит как-то по-отечески. Не-до-во-лен. Слово «отшлепать» будет из той же оперы. А я ее не отшлепать хочу, а…
«Да-да, очень интересно, что же нужно с ней такое сделать?» — заинтересованно проснулся в голове внутренний голос.
«Хм…»
«Неужели это то самое нехорошее слово, которое ты не произнес, но подумал?»
«Мм…»
«А Стеф зажигает! И все ему!»
«Да. Если бы не я, она бы до сих пор в мешке своем бегала! И какова благодарность, а? Она, значит, там развлекается, а я, значит, слушай это все! Она что, меня за суккуба держит?»
«Что я слышу?! Неужели демон способен на ревность к низшей?»
«При чем тут ревность? Просто я для нее столько сделал, а она…»
«Что она? Не расплатилась натурой? Ты же только друг. Наставлял, советовал. И когда принц к ней в окно лез — кто лестницу держал?»
«Я просто не знал… Не думал, что это будет…»
«Будет так здорово? А если бы знал, то уже бы все позы из Камасутры со Стефи пять раз пробежал?»
«Хм…»
«Что? Завязываем с воздержанием?»
«Что, прям сейчас?»
«Да. Момент для начала совсем неудачный. Я имею в виду тело. Раньше нужно было „разговляться“. Хотя бы на Земле начать».
«Там много глаз было…» — вздохнул я.
«Ага! Значит — даешь извращения! Хей-хау!»
«Стоит ли? У Стефи с принцем, видно, та самая любовь, которую все так ищут. Будет ли мне так же, если ее нет? С фейками ничего подобного не было».
«Хочешь влюбиться?»
«Еще чего! В кого?»
«Но ты же теперь знаешь — какова награда!»
«Смешно! Влюбиться! Мне даже не о чем будет с ними после поговорить!»
«А зачем с ними говорить?»
«А что? Раз, два — и за дверь ее? Это любовь?»
«Любовь — зверь невиданный. Может, стоит упростить начальные требования? А то секс и чтобы умная была — редкая комбинация. Чем больше начальных параметров, тем реже попадается требуемое. Зададим — только секс!»
«А куда торопиться?»
«Понятно. Отмазка-оправдание бездеятельности. Для разговоров нужно что-то общее. А общее есть только со Стефи».
«Стефи занята».
«Прощелкал…»
«Ну, значит, не с кем! Вопрос закрыт!»
«Помечтал об извращениях и свалил. Дите. Понятно».

На границе лужайки появилась солидно передвигающаяся группа эльфов в ярко-зеленых мантиях и с посохами в руках — служители храма. Они же хранители библиотеки. Библиотека у них смешная. И полусотни книг не наберется. Сказали, все, что смогли унести с собой при переселении. В основном книги по целительству. По медицине. Я их уже все пролистал, в робкой надежде найти внезапную вклейку, как в книге Абасо. Но надежды юношей питают, как говорится. Ничего там в них вклеено не было. Ничего не нашел. Из всех книг непрочитанным остался только один большой фолиант — главная ценность библиотеки. Сочинение известного в древности мага-целителя. С подробным описанием энергетических оболочек тела, его органов, их взаимосвязи, и как все это «крутить» целителю. Мне в общем-то не надо, несмотря на то благоговение, с которым мне его положили на стол. Но потом, я так прикинул… Когда буду менять дома тело, пожалуй, знания о моем исходном теле могут пригодиться. Будет понятно, с чего начитать. И я взялся его подробно прочитывать. В голове из глубин памяти всплывали знания, подаренные Хель. Я все «вспоминал», но только голова после чтения начинала болеть вдоль по черепу, и ломило в висках. Мозг, что ли, расширяется? Лопнет еще… Поэтому я особо не спешил. Тем более что было понятно, что интересующего меня здесь нет.

Когда я задал вопрос напрямую хранителю библиотеки о порталах, он мне сразу сказал, что такого у них нет. Много, похоже, они потеряли. Из зоны катастрофы (кто смог) эльфы выбрались несколькими группами, в разных местах и в разное время. Затем, куда вышли, там и осели. В результате на месте будущей империи людей возникло четыре эльфийских анклава — Вечный лес, Восточный лес, лес Утренней Зари и Рассветный лес. Еще ходили слухи о каких-то эльфах, тоже выбравшихся из ада апокалипсиса, но так и не вышедших на связь с соплеменниками. Как я понял, за все время жизни тут эти слухи ни разу не подтвердились, но легенда продолжала жить. Ну… наверняка этому есть какое-то объяснение, однако я вникать не стал. Общались между собой поселения редко, можно даже сказать, от случая к случаю. Но договор между анклавами об оказании помощи был. В том числе и военной. Хотя чего они там могли оказать? Непонятно. Ну да ладно. Хранитель библиотеки предположил, что нужные мне книги могут быть в каком-то другом поселении, но с уверенностью утверждать он этого не мог. Родственники родственниками, но вот кто что уволок из прежней жизни, об этом не распространились. Плакаться, жаловаться на трудную жизнь — всегда пожалуйста, и сколько угодно! А вот поделиться… Делиться всегда трудно. А последним особенно.

Короче говоря, я тут вытянул пустой номер. Нужно снова куда-то тащиться и кого-то опять искать. Это начинает уже надоедать… Единственно, что я тут приобрел, — это хорошую кормежку, высококлассное обслуживание и кое-какие знания по медицине, ценность которых была мне, честно говоря, сомнительна. Это еще вопрос: пригодятся ли? Или так, впустую время потратил?

Узнал немножко нового о местном пантеоне богов. Эльфийские священники знаниями поделились… Если кратко, то когда-то давным-давно (совсем давно) древние маги усиленно грызли гранит науки, стремительно двигаясь по пути прогресса. И так у них все хорошо и ладно получалось, такие были впечатляющие результаты, что в итоге они превратились в передовой отряд, светоч и несомненный пример для подражания. Итог — кризис веры. Орки, гномы, эльфы и люди стали больше верить в магический прогресс, вдохновляясь идеей, что им тоже по плечу деяния, сравнимые с деяниями богов. Наступление эры атеизма, так сказать. А Хель, помнится, говорила, что боги живут, пока в них верят… Уверенно предположу — тогдашние боги изрядно ослабели. А потом грянула война. Уж не знаю… Может, ее целью было как раз прекращение прогресса и возврат к старым добрым временам? Когда боги были сильны и могучи? Вполне возможно… Но, если прежние боги ту кашу и заварили, то с полезшим из-под крышки они не совладали. Народ в результате начавшейся войны «мер пачками», и процессу этому не было видно конца. Не знаю, вспоминали ли они тогда своих прежних богов, молились ли им… Думаю, что наверняка. Но то ли обиженные громовержцы и властители судеб в наказание хотели дать лучше «почувствовать неблагодарным, что значит…», то ли ждали, пока маги перебьют друг друга… А может, им просто нужно было время, чтобы набраться сил… Сложно сказать, почему они тогда молчали. Это неизвестно. Зато известно, что стремительно сокращающееся население, не получая от них никакой помощи, взвыло и принялось искать спасения само. Решили просто — взяли и придумали… новых богов! А старые… куда-то и делись! Сами! В общем, новые боги, молодые и энергичные, воспользовавшись моментом, банально запинали бывших. Причем, поскольку людей по численности оказалось больше, чем остальных рас, то на пантеоне оказались именно их избранники. Эльфы уверяют, что от своей богини они не отрекались. Да и по их сведениям, гномы тоже до сих пор ждут своих великих кузнецов. Видать, молодежь на пантеоне, как

говорится, сгребла всех чохом. Ну сгребла и сгребла. Мне бы и дела до этого никакого не было, если бы я «не отыгрывал» сейчас посланницу богини.
Не прошло и нескольких дней с моего появления в Рассветном лесу, как высшее эльфийское духовенство имело со мной беседу, общий смысл которой можно было свести к одному искреннему пожеланию «начать чего-нибудь делать!». Тогда я им ледяным тоном сказал, что еще не готов. Они ушли, понимающе-вежливо покивав и раскланявшись. Но ежу было понятно, что они вернутся. И вот, похоже, начался второй заход. Я не ошибся.
— Приветствую златокрылую посланницу богини!
Глава церкви всего леса торжественно остановился рядом со мной, поднимая обе руки вверх. За его спиной пять сопровождающих повторили жест.
Я, сидя на своем облачке, милостиво наклонил голову к груди. Мол, слушаю. Получилось так, то я сижу выше их всех. Ненамного, но выше. Делегация просящих у трона. Нормальная диспозиция.
Не дождавшись от меня каких-либо слов (я старался много не говорить, чтобы придать своему образу загадочность), эльф перешел к сути вопроса.
— Крылатая! Блеск золота на твоих крыльях вселяет в наши сердца надежду. Несомненно, это знак, посланный нашей богиней, лучезарной Алатари!
«Интересно, что бы ты сказал, если бы узнал, что золото — это всего лишь знак того, что студентка второго курса Стефания Терская потеряла свою невинность?» — подумал я.
Медленно я несколько раз отрицательно покачал головой влево-вправо, разрушая надежду спросившего.
— Прости, мудрый, — сказал я, — но мне нечего тебе ответить. Я не говорила с богиней. Золото на моих крыльях — загадка для меня.
Эльф нахмурился. Амали, заметив, что у меня гости, бросила бегать и помчалась ко мне. Пару мгновений спустя дети, с которыми она играла, понеслись за ней следом. Добежав, Амали оглянулась, увидела своих бегущих друзей, остановилась, подождала, построила их в линию, приказав с нее не сходить, и неспешно подошла ко мне, важно став справа.
— Очень жаль… — после долгой паузы произнес глава церкви, поднимая на меня глаза, — мы надеялись.
Я чуть приподнял брови и легко кивнул: понимаю.
— Вестница! В главном храме хранится священная реликвия — нефритовая колонна из древнего храма нашей великой богини. Ее пронесли через горы и пустыни, порой выкладывая из телег последнюю еду и одежду, чтобы освободить для нее место…
Эльф скорбно помолчал. Я ждал, не перебивая.
— Когда-то через такие колонны можно было мысленно обратиться к богине, — продолжил он. — Обратиться и получить ответ. Их было много в храме. Уцелела только одна. Храм разрушен. Крылатая, просим тебя, — обратись через нее к богине! Она должна услышать тебя!
— Почему вы так уверены? — поинтересовался я. — Разве вы раньше не пробовали использовать реликвию?
— Пробовали… — поджал губы в ответ старейшина, — но ничего не получилось. Богиня не услышала нас.
Я вопросительно приподнял брови. Мол, чего ж вы от меня хотите?
— Но ты крылатая вестница! Если ты действительно воплощение наших древних героев, богиня не сможет тебя не услышать! Твоя магия и магия святыни донесут твой голос до слуха лучезарной! Я уверен, что смена цвета твоих крыльев — знак, который она нам послала!
Слово «действительно» мне не нравится. Что, начинаются сомнения? Похоже, пора паковать чемоданы… Как хорошо, что у меня их нет! Недолго музыка играла.
Задумавшись, я опустил глаза и наткнулся на взгляд Амалиры. Лицо девочки пылало восторгом, восхищением, и в нем была надежда. Сейчас ее подруга сделает чудо!
Я несколько секунд вглядывался в ее лицо. Детские глаза… Я не то чтобы люблю детей, но… В Эсферато тоже детей мало.
А что я скажу богине, если вдруг «дозвонюсь» до нее? Я прикинул возможный вариант дальнейшего развития событий. И если она поймет, что я самозванец? Будет скандал. Но мудрейший сказал «мысленно обратиться к богине». То есть разговор, если он будет, пройдет тет-а-тет. Без свидетелей. Значит, если богиня начнет кричать, что я не тот, за кого себя выдаю, никто этого не услышит. Меня это вполне устраивает… И если она до этого не появлялась, несмотря на все призывы, то вполне вероятно, что и сейчас она не материализуется из воздуха, чтобы проломить мне голову… Что ей сказать про эльфов, это я у мудрейшего спрошу… А вот лично мне что с этого будет?
Я задумался.

Можно не прикидываться посланницей (тем более что она знает, что никого не посылала!), а сразу потребовать оплату за услуги связи, начал выстраивать я свою линию интереса. Знания или действующий портал куда-нибудь отсюда. Думаю, что богиню это не затруднит. Главное, чтобы она каким-либо образом не прослышала о пророчестве. Тогда нужной мне оплаты не будет. Она же не захочет погубить мир с последними остатками своего народа? Но не должна она знать! Если Алатари где-то в заключении или ссылке — то откуда ей знать? Вряд ли тюремщики будут пичкать узницу новостями… Отлично! Разговор выглядит вполне перспективным. Даже если ничего не получится, покажу всем, что я уже что-то делаю. Можно будет прилично уйти отсюда… без скандала.
Приняв решение, я еще раз глянул в лицо Амали, улыбнулся и поднял глаза на ожидавшего ответа священника:
— Проводи меня к реликвии, мудрейший. И посоветуй, что мне спросить у богини?

Комната, в которой хранилась древняя реликвия, была круглой и небольшой. По сути маленький зал, стены которого богато отделаны редкими сортами дерева и золотыми украшениями в виде переплетения листьев и цветов. Из-под крыши-купола сквозь узкие окна льется вниз яркий дневной свет. В центре зала — узкий квадратный постамент серого камня, в который вставлена невысокая круглая колонна. Примерно около метра высотой и диаметром, ну сантиметров где-то двадцать-тридцать. Короче, не колонна, а узкий стержень, верхний край которого был чуть выше уровня моей головы.
Войдя в зал, священники сделали жест почитания — сложили перед собой ладони и склонили головы. Ну сущие японцы! Я не стал ничего изображать. Подождал, пока они разогнутся, и прошел прямо к реликвии. Неспешно сделал вокруг нее круг, внимательно осматривая ее сверху донизу. Кое-где бледно-зеленая полированная каменная поверхность была в мелких трещинах. Две большие выщербы и скол края на верхнем торце. Да… вид боевой. И что мне делать?
Я глянул на эльфов, расположившихся равномерно по кругу вдоль стен и напряженно смотрящих на меня. Увязавшуюся за нами Амали в зал не пустили, хоть она и попробовала попротестовать. Ладно. Делаем!
Чуть усмехнувшись уголком губ, я закрыл глаза и ткнулся лбом в колонну. Тишина… темнота… камень, холодящий кожу. Ау! Есть кто дома? А? Похоже, никого…
Я представил себе богиню Алатари такой, какой бы я хотел ее увидеть — красивой девушкой с золотыми вьющимися волосами. Она, улыбаясь, сидит за рулем серебристого кабриолета, небрежно положив правую руку на руль, а левой — поправляя воткнутые в волосы солнцезащитные очки. Такая она мне больше нравилась. Те картинки на стенах с ее изображением, на мой взгляд, были слишком… тусклые.
— Кто-о ты-ы?
Далекий-далекий голос оторвал меня от мыслей о форме сережек, которые бы ей подошли. Голос был тих, и его обладательница странно растягивала слова. В нем чувствовались огромная усталость и бесконечная печаль.
Сихот меня раздери! Неужели богиня?
— Меня зовут Эриэлла! — ответил я, придерживаясь своего плана.
— Как ты-ы смогла-а позва-ать меня-а?
— Не знаю, богиня…
— Помнят ли обо мне-э?
— Твой народ ждет твоего возвращения, светозарная!
(Внезапное ощущение надежды и радость с той стороны. Слова больше не растягиваются.)
— Я не могу… Нет сил вернуться… Перейти Границу…
Пауза.
— Твой народ нуждается в тебе, — уверенно транслировал я мысли в наступившую тишину, — он рассеян и вымирает. Ему нужна твоя помощь! Вернись!
Тишина.
— Ты не из моего народа? — наконец прошелестел далекий шепот-вопрос.
— Да. Я магесса из другого мира.
— Вот как…
Вновь тишина.
— Магесса… Ты можешь помочь… моим детям?
— Если заплатишь, да!
Пауза.
— Что…
— Портал в другой мир! Я хочу вернуться домой!
— Я заплачу… Возьми… крылья. Ты моя посланница… И знания… Ты маг. Ты разберешься… Побывай у всех… не дай им умереть… молю… Я заплачу… клянусь.

Внезапно я ощутил у себя в сознании что-то постороннее.
— Когда, когда заплатишь?!
Долгая пауза.
— Я устала… — наконец пришел далекий ответ, — …капли сил… заплачу… клянусь… помоги… помоги… помоги-и-и…
Голос смолк. Тишина.
— Богиня?
Тишина… темнота… холод камня.
Я открыл глаза и отнял лоб от колонны. Вокруг нее и моей головы, медленно вращаясь, таяло облачко из светящихся белых песчинок. Оглянулся по сторонам. Все присутствующие — на коленях. Один только мудрейший на ногах.
— Свершилось! — ликующе прокричал он во весь голос, задрав вверх голову и руки. — Богиня снова с нами! Слава Алатари!
«И когда же она заплатит?» — рассеянно подумал я, глядя на его восторг. Похоже, пока она оттуда не вылезет, ничего она мне не заплатит! А в долг я не работаю! Мы так не договаривались!

О боги!
— Вот тварь! — прокомментировал Марсус светящееся облачко вокруг колонны. — Тараканам у прежних поучиться надо! Во все щели лезут…
— А если без выражений? — хмуро поинтересовалась Мирана.
— А если без выражений, то молотом по башке!
— Ну так в чем дело?
Марсус поморщился.
— Сама за Границу лезь. Я не полезу.
— А как же тогда — по башке?
— По башке?
В правой руке бога войны появился небольшой боевой молот, богато украшенный золотом. Марсус несколько раз подкинул его вверх и поймал.
— По башке, значит? — усмехнулся он, покачивая зажатым в руке оружием, словно взвешивая. — А по башке можно и отсюда!

В дверях зала появилась долгожданная процессия из правителя и первых лиц Рассветного леса (как понимаю, тех, кто подвернулся под руку). Мне уже откровенно надоело отвечать на вопросы эльфов. После того как я поговорил с богиней, срочно послали за правителем, приглашая того посетить место чуда. С одной стороны — да! Нечего крылатой бегать-докладывать, а с другой стороны — стоишь у стены, ждешь, пока придут. Чувствуешь себя при этом шкаф шкафом…
Правитель леса Таурэтари и прочие представители власти втянулись через двери, заполнив собой и своими просветленными лицами почти половину зала. Но едва мудрейший, дождавшись, пока все втиснутся, открыл рот, чтобы сообщить о радостном событии, как случилось неожиданное.
Из воздуха рядом с постаментом, на котором стояла колонна, материализовалась фигура огромного воина в сияющих золотых доспехах. В правой руке он держал молот, аляписто украшенный золотом. Со зверским выражением на лице воин замахнулся и обрушил страшный удар на колонну.
Дзды-щ-щ-щь — содрогнулся храм сверху донизу.
Осколки зеленого камня брызнули во все стороны, глухим горохом пробарабанив по стенам и звонкими щелчками попадав на каменный пол. Эльфам в зале досталось. Мне не попало, поскольку я, едва заметив появление нежданного гостя, поставил вокруг себя щит.
Разбив колонну, воин повернулся ко мне и несколько секунд пристально смотрел мне в глаза. Затем он презрительно ухмыльнулся и качнул свое оружие в руке весьма красноречивым жестом — хлопнув молотом по левой ладони. Секунда — и он исчез. Нет его!
Пустой треснувший постамент. Пыльно пахнет каменной крошкой. Вокруг растерянно молчат. Слышны звуки хлопков по одежде. Кто-то, видно, в шоковом состоянии, решил, что главное сейчас — это почиститься.
Первым в себя пришел мудрейший. Сгибая колени так, словно из него выдернули какой-то стержень, он опустился на пол. Тонкие, длинные пальцы дрожали над зелеными осколками, не касаясь.
— Как же это… Что же это?
Его тихий шепот в тишине зала звучал так, словно он кричал во весь голос:
— Как же… так? Что нам теперь следует делать?

Для собравшихся в тронном зале вопрос его хозяина прозвучал, пожалуй, несколько растерянно.
Что делать, что делать… Сухари сушить! Бог войны — это вам не бешеный кролик на прогулке…
Я на секунду вернулся в прошлое, вспоминая ощущение мощи, исходящее от его фигуры. Хоть я и не особо долго наблюдал, но этого времени мне хватило понять, что шансов против воителя — никаких! Ну… меня-то он не тронет (надеюсь). А вот остальных — запросто! Вот уж не ожидал, что проклятое пророчество может выглядеть не так уж и плохо…
— Может быть, госпожа Эриэлла что-то скажет?
А че сразу Эриэлла? Чуть что, сразу Эриэлла! Почему я вам должен что-то делать?
Сидя в кресле с выпрямленной до хруста спиной, я высокомерно приподнял подбородок и заскользил взглядом по присутствующим, неспешно поворачивая голову. Рот открывать я не торопился.
В принципе мою миссию тут можно считать законченной. Ничего они мне предложить не могут. Я им тоже. Тут еще бог войны вылез… Не знаю, какие у него личные претензии к Алатари и насколько они оправданны, но соваться в их разборки я совершенно не желаю. Впрочем, даже если бы я и захотел — не моя эта весовая категория! Что я смогу сделать? Каким-то неизвестным мне способом притащить богиню сюда, чтобы она открыла мне портал? М-дя? Судя по энтузиазму, с которым крушилось «средство связи», будь на его месте Алатари, ее постигла бы та же участь. Что она сможет противопоставить Марсусу — слабая и измотанная, только что вытащенная из какого-то весьма нехорошего места? Думаю, что только улыбнуться ему сможет. Поэтому, скорее всего, портала от светозарной мне не видать, а значит, и суетиться смысла нет. Если она только не воткнула знания о нем в zip…
Я мысленно прикоснулся в своем сознании к… к zip! Так я назвал по аналогии с земными компьютерными архивными файлами эти штуковины. Никогда прежде такого не видел! Какие-то… энергокапсулы. Или… скрученные сгустки энергии. Мысленно прикасаешься к одному — слышишь голос: «Знания. Направить на себя и влить энергию». К другому: «Крылья. Направить на себя и влить энергию». Прямо как выскакивающие из-под курсора подсказки! Как она так сделала? Что ж… Богиня! Умеет. Но крылья-то у меня уже есть, а вот знания… Если там есть то, что мне нужно… Тогда придется остаться и «поразводить» эльфов… Договор есть договор!
Я на секунду задумался, представляя, как я распаковываю архив, затем разбираюсь в том, что там понасовано… И тут в голове что-то ахнуло, накренилось, наклонилось и поползло в разные стороны. Пол поехал к правой стене. А потолок к полу. С ощущением падения с кресла свет померк в моих глазах…

— Лежи! Сейчас я буду тебя лечить!
Оттопырив губки, с самым серьезным видом Амали двумя руками принялась отжимать многослойную тряпку в неглубокой серебряной миске, готовясь делать мне компресс. Местные светила медицины меня уже осмотрели и по моей просьбе покинули помещение, оставив только одну целительницу, и опять же по моей просьбе — Амали. Эльфы уходили в подавленном настроении. Конечно, чего радоваться-то? Сначала колонну им разбили, потом богиня за какой-то Границей вот-вот помрет (я успел рассказать), а теперь и вестница грохнулась с кресла, потеряв сознание. Причем причины ее падения для них остались неизвестными.
Дура она, эта Алатари! Как есть дура, подумал я, лежа в кровати в состоянии «а-ля амеба» и полузакрытыми глазами наблюдая за хлопотами Амали. Кто ж так делает? Не архив вышел, а граната с разогнутыми усиками! Чуть тряхнули, она и рванула! Обидно. Ниче ж не сделал! Только потрогал!
— Так! Лежи и не двигайся!
Амали, расправив, потащила тряпку от миски на мой лоб. С тряпки полетели вниз капли.
— Пусть делает! — негромким голосом остановил я сунувшуюся помогать целительницу.
Компресс удачно плюхнули на лоб, а лицо аккуратно вытерли платочком. Ладно, поболеем. От прохладной тряпки на лбу действительно полегчало. Голова — как колокол. Хорошо, мозги из ушей не вытекли. Ой, крылатая! А у вас мозги вытекли! Ха-ха! Смешно! Не, от богов нужно держаться подальше. Силы у них много, а ума мало… Думают, что все такие здоровые, как они…
Амали поправила мне компресс. Мои вялотекущие мысли переключились на нее.
Не знаю, почему мне нравится смотреть на Амалиру? Как она возится, старательно что-то делает. Смеется. И чувства у нее в ментале чистые-чистые. Без всяких примесей. Обожает меня, восхищается — и никакого корыстного интереса, каких-то других чувств. Странно

это. Раньше я на детей внимания не обращал. Хотя детеныши, они вообще всегда забавные…
Вот и сейчас с внутренней улыбкой смотрю сквозь полуприкрытые веки, как она важно сидит на табурете рядом с кроватью, согнав с него эльфийку. Сложила ручки на коленях, внимательно смотрит на песочные часы — когда тряпку менять? Вся в процессе.
Внезапно лицо Амалиры распалось, став раздельными слоями. Кожа. Энергия, текущая в этом слое. Плотность, по участкам. Направление движения. Десятки тысяч в унисон мерцающих точек — клетки. Следующий слой — мышцы. Энергия, потоки, плотность. Все как в предыдущем. Мерцание самых маленьких составных частей. Еще — движение крови. Затем кости. Потом…
В затылок резко кольнуло, отдавшись сильной болью в левый глаз. Я невольно дернулся зашипев сквозь зубы.
— Тебе плохо? — Большие детские глаза, полные неподдельного сочувствия, перекрыли мне весь обзор, заглядывая мне в лицо. — Я сейчас тебе тряпочку поменяю…
Алатари. Дура!
Дура!! Дура!! Дура!! Что она со мной сделала, проклятая идиотка?!

Стефания

Я дура. Я дура. Я тупая и бестолковая дура. Я неприспособленная. У меня ничего не получается. Я глупая. Я не умею разбираться в людях. Я не умею заботиться о будущем. Я идиотка. Дура и идиотка! Просто дура… дура — и все!
Стефи стояла в холле учебного корпуса, всматриваясь в свое отражение в зеркале, перед которым она несколько мгновений задержалась по дороге после лекций к себе. Она теперь ходила так: учеба — комната, комната — учеба. И больше никуда. Ну если только поесть. Но и это — по возможности не со всеми, и можно пропустить. И всегда в черной мантии. И всегда одна.
«Было бы необъяснимым чудом, если бы никто ничего не узнал», — подумала она, глядя в отражении на девушек, остановившихся у границы невидимого круга, который последнее время окружал ее. Они стояли и глазели, не пытаясь приблизиться.
«А еще у меня нет друзей! — добавила Стефания к своему списку самобичевания еще одно утверждение. — Как же мне не хватает Эри! Он один смог бы меня понять и… может, посочувствовать… Хоть чуть-чуть! Все только злорадствуют… а он добрый. Вот бы он вернулся!»
Стефи чуть слышно вздохнула, поправила на плече кожаный ремешок сумки с тетрадями и пошла по коридору.
«Ну почему, почему, почему? Почему все — вот так!»
Мысли девушки вновь соскочили на дорогу, по которой они бесконечно блуждали последнее время, не находя выхода.
«Я же ни о чем таком не думала! Просто жила. Любила. Вот, наверное, потому, что не думала, так и вышло. Поэтому…»
«Это жизнь, детка! Не позволяй ему многого, пока не женится», — вспомнила она слова Эри.
«А он меня предупреждал! А я не слушала. Не слушала, потому что дура! А дурам счастья не бывает!»
«Ты с ума сошла! Тебе срочно нужен от него ребенок!» — тут же, как назло, вспомнились слова матери.
«Он молчал, — вспомнила она Диния, испуганными глазами смотрящего на нее, — молчал, пока она кричала на меня. Молчал, когда она выгоняла меня прочь. Я ему не нужна. И ребенок мой ему не нужен. Ему нужна его мама. И развлечения. И все. Я ему не нужна! Я — развлечение на один раз!»
Стефи вспомнила, как она, опустив глаза, вцепившись ледяными пальцами в прилавок, бледнея, краснея и заикаясь, лепетала о подруге, которая… «сделала легкомысленный шаг… она не может купить сама… Просила меня, ее хорошую подругу…».
Травница — пожилая женщина со стянутыми на затылке в пучок седыми волосами, молча выслушала, смотря умными, понимающими глазами, и, не сказав ни слова, повернулась от прилавка к шкафчикам.
— Вот, — сказала она, с легким стуком ставя перед ней пузырек, — лучшее, что делают в империи. С усиливающим магическим заклинанием. Никаких побочных эффектов. Один золотой.

Не раздумывая о столь высокой цене, Стефания выложила деньги.
«Ребенок мне обошелся бы гораздо дороже, — подумала Стефи, проходя, не замечая магов и людей с оружием возле ее дома на дорожке, — ему он не нужен. А мне не нужен ребенок от… предателя! И не было у меня его… Это просто так… В профилактических целях… Просто так… в целях…»
Погруженная в свои мысли девушка поднялась по лестнице на второй этаж и, открыв дверь, шагнула внутрь своей комнаты.
— Диний! Что ты тут делаешь?!
— Пожалуйста, прости меня. Я повел себя недостойно… я растерялся. И не защитил тебя… — произнес принц, опустившись перед Стефи на колено и повинно склонив голову. — Прости…
— Э-э-э…
— Стефания! Ты свет моей жизни! Я люблю тебя и хочу, чтобы ты стала моей женой. Клянусь — всегда, всю жизнь любить только тебя! Это кольцо, символ моей любви…
Вскинув голову и глядя снизу вверх в растерянное лицо, принц протянул открытую черную бархатную коробочку с тонким золотым колечком внутри.
— Я хотел подарить тебе его сразу, еще в то утро… но все пошло как-то… неожиданно. Прости меня. Я дурак! Прошу тебя, прими его и будь моей женой!
— Э-э-э…
(Почему, когда нужно, все умные слова и мысли куда-то исчезают?!)

Эри

Я сидел под крышей каменной террасы дворца на краю небольшого фонтана с несколькими слабо журчащими струйками. Рассеянно наблюдал за плавающими в прозрачной воде красными рыбками и размышлял — должен ли я что-то Алатари или нет? С одной стороны — бесплатно работать я не договаривался. С другой стороны — оплата была обещана. А то, что она мне передала знания, можно рассматривать как врученное наемнику оружие для выполнения задания. Однако в связи со всплывшими обстоятельствами совершение «окончательного расчета» находится под большим вопросом. И я не сказал, что согласен! Не успел. Она «отключилась». Поэтому я имею полное право считать себя ничем ей не обязанным и отказаться от предварительной договоренности. Но! Знания по медицине, которые она так варварски вбила мне в мозг, — весьма интересны. Я еще до конца все не просмотрел и не во всем разобрался, но похоже, что это сублимированная информация, накопленная богиней за все время существования этого мира. Плюс что-то лично от нее. Капля божественности. Вполне вероятно, что я воспользуюсь этими знаниями. Но! Если я это сделаю, получится, что я должен буду выполнять условия договора с Алатари. Я же пользуюсь! А раз пользуюсь, значит, подписался… Но выполнять договор без оплаты… Так ли мне это надо?
Под сводами террасы раздались легкие шаги. Из коридора выбежала Амали в забавном кремовом платье, расходившемся внизу широким колокольчиком, и побежала ко мне. Странно, но такое ощущение, что она всегда знает, где я.
— Ты плачешь? — удивился я, взглянув на ее. — Что случилось?
— Эриэлла… Алатари умирает! Ей очень плохо! Мне ее так жалко!
Слезы буквально катились из глаз девочки.
Упс! И что с ней делать? Вытирать носы я не умею. Да и не собираюсь. Но такое искреннее чувство сострадания и горя в ментале…
— Возьми платок! — строго приказал я. — Кто тебе это сказал?
— Не сказал. Папа разговаривал с хранителями… (Всхлип.)
— А ты услышала? Или подслушала?
— Я не подслушиваю! — обиделась она. Даже слезы перестала вытирать.
— О! Извини. Я забыла, что ты хорошая девочка.
— Да. Я хорошая. А если она умрет?
— Не умрет.
— Откуда ты знаешь? Ей ведь очень-очень плохо. Она даже говорит с трудом, ты сказала.
— Не умрет, потому что есть я. Прекрати реветь, посмотри на меня и скажи: «Кто я такая?»
— Вестница… Крылатая вестница… — прошептала она, прижав платок к груди и смотря на меня большущими блестящими от слез глазами.
— Вот видишь, вспомнила, — наклонив голову, усмехнулся я ей. — Не плачь и ничего не бойся. Все будет хорошо. Я же здесь!

— Ты ведь поможешь? Ты ее спасешь? Правда?
Секунду я смотрел в детские глаза, светящиеся восхищением и надеждой. Затем легким движением руки вынул свою гитару из потайного кармашка, закинул ногу на ногу и пробежал по струнам, слушая звук. Нормальный лад! Что хорошо в кармашке — как положил, так и взял. Струны не тянутся совершенно.
— Песня. Для маленькой плаксы, — сказал я, обращаясь к девочке, — слушай!

Легко пробежав пальцами по струнам, я стал исполнять песню «Птица» Гарика Сукачева. Весьма подходящую к ситуации. О медленно кружащейся в небе птице — певчей душе. И о крыльях:

А когда я прилечу к тебе… на крыльях солнца…

(В этот миг за моей спиной распахнулись золотые крылья, показывая, у кого тут есть эти самые крылья солнца.)

Песня закончилась.
— Ну и чего ты опять плачешь? — поинтересовался я. — Ты же слышала: не плачь и не думай ни о чем таком! Слышала?
— Слышала, — кивнув, шмыгнула носом Амали. — Просто… Это было так… красиво! У меня сердце просто остановилось! Эриэлла!
Девочка кинулась мне на грудь и, обхватив руками, бурно зарыдала.
«Так, — убирая гитару, подумал я, — этого еще не хватало! Я думал ее успокоить, а вышло все наоборот! И… и? Как… теперь?»
Секунду подумав, припоминая, что в таких ситуациях взрослые делали с детьми, я тихонько опустил правую ладонь на вздрагивающую макушку и осторожно провел рукой по волосам.
— Не плачь, — сказал я, стараясь произнести это помягче.
Та же в ответ зарыдала только сильнее и еще плотнее прижалась ко мне.
Сихот! Как успокоить плачущую девочку? Не скажу, что у меня есть опыт в этом вопросе… Одну я, помнится, оглушил «шоком любви»… Но та уже здоровая была. А тут, пожалуй, явно не тот возраст для такого средства… О! Я же могу эмпатически транслировать чувство радости и спокойствия. Должно подействовать!
Подействовало. Рыдать Амали перестала, перешла на шмыганье носом.
— Ну чего ты так разревелась, глупышка? — поинтересовался я, двумя руками стараясь потихоньку отодвинуть ее от себя. Девочка почувствовала это движение и вцепилась в меня сильнее.
— Мне так жалко ее стало! Она такая красивая на картинах! Совсем как ты! Ты ведь ее спасешь, правда?
Задрав голову, снизу, она близко-близко смотрела мне в лицо.
— Если бы у меня были крылья! — расценив мое молчание как положительный ответ, сказала она, — я бы вместе с тобой полетела ее спасать!
Я секунду смотрел ей в глаза.
А зачем мне еще одни? Алатины подарки — это ж бомбы на взводе! Бахают, только прикоснись. Я один уже «потрогал»! Если второй так же внезапно сработает, откуда у меня еще крылья вырастут? Боюсь даже представить… И что я буду делать с двумя парами? Я же запутаюсь в них! Всю жизнь одни были… А отдам-ка я их девочке… И мне спокойно, и ей радость! Ее и так балуют, а так вообще на руках носить будут…
— Хочешь, я подарю тебе крылья? А ты меня отпустишь.
— Крылья! Мне?
Не веря своим ушам, Амали отскочила от меня на шаг и оттуда, смешно вытянув шею вперед, принялась пристально-пристально разглядывать мое лицо, пытаясь понять — обманывают ее или нет?
— Тебе. А ты пообещаешь, что больше не будешь плакать.

— Что? Что происходит?
Встав на носочки, правитель Рассветного леса выглядывал из-за спин охранников, вытянув шею. Сильный ветер, дующий навстречу, заставлял щурить глаза.
— Гу-гу-гу-гу-гу-у-у…
Низкий рокот прокатился по зданию, заставив задрожать стены и пол.
— Пропустите!

Эльфы обернулись на знакомый голос и, увидев, кто требует прохода, расступились в стороны.
— Что… Амали!
Посредине террасы, по разные стороны фонтана, друг напротив друга в воздухе висели два тела. Маленькая девочка и девушка с золотыми волосами.
— Гррррр…
В лицо толкнуло воздухом.
— Амалира! Эриэлла! Что случилось?
Внезапно тела пришли в движение, начав медленно кружиться вокруг фонтана, оставаясь друг напротив друга.
— Амалира!
Вращение начало ускоряться. Вновь раздался глухой рокот. Ветер, дующий от центра фонтана, усилился.
— Амалира!
Эриэлла и Амали все быстрее и быстрее вращались вокруг невидимой оси.
— Фах!
Три толстые фиолетовые молнии, извиваясь, словно змеи, вырвались из груди Эриэллы и вонзились Амали в лоб и плечи.
— А-а-а! — тонким голосом закричала девочка, выгибаясь спиной назад. — А-а-а!
Скорость вращения возросла еще больше, а на террасе как-то потемнело.
— А-а-а!
Что-то капнуло на лицо. Правитель, хлопнув, провел ладонью по своей щеке.
Кровь! Он потрясенно уставился на красный след, размазанный по пальцам.
— А-а-а!
Амалиру выгнуло назад еще сильнее.
— А-а-а!
Отец безумными глазами взглянул на ее выгнутое дугой тело, потом на кровь на своей руке и на фиолетовые извивающиеся змеи, протянувшиеся к крылатой, кружащейся в воздухе в облаке злотых волос.
— А-а-а!
Непрекращающийся тонкий крик дочери сверлил мозг, требуя одного: «Помоги! Защити!»
— Дай! — Правитель обеими руками вцепился в лук ближайшего эльфа, сдирая его с плеча.
— Стрелу!
Широко расставив ноги, он растянул тетиву и на мгновение замер, ловя цель.
Пах — с глубоким хлопком крылатая распахнула крылья.
Пах, отозвавшись эхом, раскрылись крылья за спиной у Амалиры.
Тынь — тенькнула тетива, отправляя стрелу в полет.
Мгновение — и она вонзилась Эриэлле в правое плечо. Удар стрелы, пущенной из длинного эльфийского лука, перекинул ее через себя. Ноги взлетели выше головы, и она, кувыркнувшись, отлетела назад, глухим мешком плюхнувшись в угол. Правое крыло накрыло ее с головой, пряча под собой тело.
Тишина… Вновь стало светло.
— Папа!
Мелко трепеща небольшими крылышками, под потолком террасы висела Амали.
— Папа!
Правитель леса, с отвисшей челюстью и вытаращенными глазами, несколько секунд смотрел на дочь. Затем он перевел взгляд на раскрытое крыло, без движения лежавшее у стены. Затем вновь на дочь. Снова на крыло…
Тишина. Только частые звуки взмахов крыльев Амали.
Внезапно золотое крыло, прикрывавшее вестницу, дрогнуло. Раздался шипящий звук боли, и крыло, хлопнув, упало обратно. Эриэлла, упираясь левой рукой в пол, начала вставать с каменного пола. С трудом поднявшись на подгибающихся ногах, она попыталась выпрямиться, но ее мотнуло в сторону, ударив плечом о стену.
Снова зашипев от боли, она бросила взгляд на торчащую из правого плеча стрелу и начала поднимать голову. Медленно и неотвратимо… Внезапно вокруг нее появилось разреженное облако мрака, которое начало сгущаться, превращаясь в черные ленты, змеями закружившиеся вокруг тела. Эриэлла подняла голову и молча уставилась на правителя с луком в руках. Мертвое, без кровинки лицо. Залитые непроницаемой чернотой, смотрящие без всякого выражения глаза… Поднявшиеся облаком вверх волосы, ставшие абсолютно белыми. Темные ленты кружили вокруг Эриэллы, стремительно сжимаясь в полупрозрачный кокон.
— Нет!

Амали сорвалась из-под потолка и, спикировав, замерла в воздухе перед Эриэллой, закрывая собой отца и эльфов-охранников. Из ее носа, на губу, бежали две дорожки крови.
— Нет! Нет! Не надо!
Крылатая, похоже, не слышала. Она смотрела все так же на Амалиру, не обращая внимания на ее отчаянные крики.
— Эриэлла! Нет! Не надо! Пожалуйста-а-а!
Бездна черных глаз чуть повернулась, фокусируясь на источнике шума. На мелко-мелко мельтешащих в воздухе крыльях… розовых крыльях!
Секунда, другая, и по мертвому лицу пробежало что-то похожее на улыбку или усмешку. Глаза вновь смотрели на Амали.
— Шахесссахааа… — длинно выдохнула сквозь зубы Эриэлла, смеживая веки и опуская голову.
— Ах!
Солнечный свет обрушился внутрь террасы. Крыши нет. Только облако мелких черных песчинок, клубясь, рассеивалось в голубом небе, практически невидимое в лучах яркого солнца.
— Шшаалллла…
Воздушный вихрь, выдирая кусты, корчуя деревья, пронесся от террасы вглубь парка.
— Шшааа…
Еще один вихрь, с треском ломая стволы, пролетел по следу первого.
— Шшааа… Шшааа… Шшааа… Шшааа…
Вихрь за вихрем, ревя, несутся по парку, ломая и расшвыривая ветки и деревья, вздымая в воздух тучи пыли и комья земли.
— Шшааа…
Последний ураган прошелся по красной перепаханной земле, на которой не было уже ни травинки, и тьма вокруг Эриэллы рассеялась. Краски вновь вернулись ей на лицо, а в открывшиеся глаза — их прежняя яркая зелень. Упавшие на плечи волосы, висевшие до этого белой паутиной в воздухе, вновь налились золотом.
— Уйди! — сделала она шаг к Амали, отодвигая ее левой рукой в сторону, и качающейся походкой направилась к выходу. Правое крыло волочилось по земле. Из-под стрелы, вонзившейся в плечо, на золотые перья текла кровь, капая на пол.

— Прочь! — со злостью в голосе зашипела она на окаменевших эльфов, преграждающих ей путь. Те, выйдя из ступора, шарахнулись в стороны, словно рыбки от сунутой в воду руки. Волоча за собой крыло, Эриэлла прошла мимо них и вышла за дверь.

— Как ты мог! Как ты мог!
Таурэтари, вцепившись в отвороты камзола так, что побелели костяшки пальцев, трясла своего внука.
— Как ты посмел поднять на нее руку?!
Правитель мотался в ее руках так, словно у него в теле пропали все кости. Голова поочередно падала то на левое, то на правое плечо.
— Что ты наделал!!
С полным горести криком Таурэтари выпустила его и шагнула назад.
Несколько мгновений тот, вихляясь, стоял на подогнутых ногах, голова опущена, безвольно упавшие вдоль тела руки, а затем рухнул на колени, закрыв ладонями лицо.
— Отведите правителя в его покои, — скомандовала Таурэтари, с ужасом смотря на коленопреклоненную фигуру. — Правителю леса плохо! Отправьте к нему целительниц! Быстро!
Правителя подхватили за руки, подняли и аккуратно потащили.
— Бабушка!
Амали бросилась к Таурэтари, обхватив ее юбку руками и вжавшись в нее лицом. Небольшие крылья из розовых перьев за ее спиной разошлись и снова сложились вместе.
«Как у бабочки», — рассеянно подумала Таурэтари, успокаивающе кладя ладонь на макушку своей внучки.

Большая черная капля на каменном полу. Рядом поменьше. Совсем маленькая. Пустое место. Снова большая капля, средняя, маленькая… Кровь. Уже подсохшая, местами размазанная перьями, кровь, каплями ведущая к двери покоев Эриэллы. Перед дверью суетится небольшая толпа эльфов с растерянными и испуганными лицами. Целители, охрана, кто-то из сановников и духовенства. Они топчутся, стараясь не наступать на капли крови, которых перед дверью больше, чем по коридору.

— Госпожа вестница, — наконец робко стучит в двери один из набравшихся храбрости целителей, — вам нужна помощь! Откройте! Мы поможем унять кровь и залечить рану… Госпожа вестница!
— Прочччь… — змеиным шипением доносится из-за двери, — все прочччччь…

Эри

— Дебилы… Лесные дауны… Тупые животные…
Я злобно шипел себе под нос, разглядывая торчащую из моего плеча стрелу. Хорошо, что я боль умею блокировать. Если бы не это — на стенку бы сейчас лез… Из-под древка по-прежнему текла кровь, пропитывая одежду.
Я достал левой рукой из потайного кармашка чак и, матюкаясь сквозь зубы, разрезал ткань, полностью оголив предплечье. Торчащая из ключицы хрупкого девичьего плеча длинная стрела смотрелась феерично. Еще кровища и посиневшая кожа в месте попадания…
— У-у-у! Бесполезные тряпки! Тут в стальной броне ходить нужно! Или в чешуе… как дома, — высказался я на тему своей одежды и приступил к поверхностному осмотру.
Задет крупный сосуд, через секунду констатировал я. Что делать? Звать целителей? Ушел я, конечно, гордо, захлопнув за собой дверь, но вот что дальше будет, я как-то не подумал… А точнее, вообще не думал.
Я прищурился, приглядываясь к ране и соображая, стоит ли мне самому вытаскивать стрелу, или харэ валять дурака, демонстрируя гордость? Видно, придется идти сдаваться целителям… пока кровь не кончилась.
Шии-х! Изображение вновь пошло слоями: кожа, мышцы, сосуды, кости… Это еще что? А! Знания Алатари в действии! Хорошо. Посмотрю, насколько они ценны. Смотрю. Вот инородное тело — темный наконечник стрелы, уткнувшийся в кость. Кость под ним треснула и разошлась краями. А я-то думал, что так больно было поначалу! Вот разрезанная артерия. Это с нее так течет. Хорошо, не крупная. А то бы я уже тут на дрожащих полусогнутых был бы. Крупная — ниже. Что ж мне так с плечами не везет-то? Тогда в левое засадили, и теперь в правое. Хотя… Плечи все же лучше, чем попадание в корпус. Там много всяких органов! Так. Что-то срочно нужно делать с кровотечением. Пусть артерия и небольшая, но кровит усиленно.
Внезапно мне в голову пришло знание. Я знал, что нужно делать! И совершенно точно знал! Не отвлекаясь на осмысление и анализ пришедшего откровения, я начал действовать.
Чувствую слабый укол в районе солнечного сплетения. Опускаю глаза, чтобы посмотреть. Перед моим взором — тонкий, длиной примерно с руку, извивающийся усик. Толщиной где-то с треть или четверть мизинца, дымчато-полупрозрачный, он извивается, выделывая своим свободным кончиком замысловатые петли. Второй его конец уходит мне в грудь. Хм…
Я озадаченно посмотрел на свое новое приобретение, где-то в затылке понимая, что все идет нормально и ничего в этом страшного нет. Так. И что дальше?
Кончик усика замер, неспешно развернулся ко мне, помедлил и броском ринулся в мое многострадальное плечо. Хоп! Я вижу, как он проходит сквозь кожу, мышцы и упирается в разорванный сосуд. Мгновение — и он обвился, сжавшись вокруг него, перекрывая утечку моей драгоценной крови.
«Микроманипулятор», — приходит мне в голову земное слово. Хирургический микроманипулятор! Просто реализованный на другой технологии! Это что, значит, что я могу «поковыряться» в себе без посторонней помощи? Здорово! Живем! Ковыряем!
Укол в груди. Еще один жгутик задрожал, извиваясь кончиком перед моим лицом. Так. Отлично. Я понял, как их следует «выращивать». Теперь нужен план. Что именно я собираюсь сделать? Я собираюсь вытащить эту Сихотскую стрелу! С чего начать? Для этого нужно расширить рану…
Я внимательно осмотрел наконечник и его положение в тканях. Он был трехгранным, здоровым, с широко растопыренными зубцами, не позволяющими извлечь его по-хорошему. Только с куском мяса или резать.
— Вот суккубы лесные, — ругнулся я, закончив осмотр, — чем стреляют! Браконьеры…
— Госпожа вестница! — От входа до меня донесся стук и голос, приглушенный дверью. — Вам нужна помощь! Откройте! Мы поможем унять кровь и залечить рану… Госпожа вестница!
— Прочччь… — пригнувшись, змеей зашипел я в сторону двери, — все прочччччь… Без вас обойдусь! Неблагодарные…

За дверью упорствовать в навязывании помощи не стали. Замечательно.
Так. Не отвлекаемся на низших, работаем дальше! Значит, вынуть наконечник…
Второй усик скользнул к ране, проникнув в пространство между наконечником и телом. Я аккуратно попробовал отжать в сторону фрагмент рассеченной мышцы. Получилось! Но тут одним усом не справиться… Укол! Укол! Укол! Еще три извиваются передо мной. Так. По одному. Управлять сразу тремя… Думаю, с непривычки это будет непросто. А если потребуется сразу несколько? Вот доживем до такого, будем думать…
Я поочередно расположил «манипуляторы» в нужные места. Двигаем первый… О! Оказывается, кончик усика можно превратить в плоскую лопаточку и подогнуть. Так цеплять мышцы удобнее… Второй… двигаю. Та-ак… Пошло. Хорошо. Третий. Отодвигаю. Все нормально…
Сихот! Я прям как Терминатор за самопочинкой! Вспомнился мне фрагмент фильма, где Шварценеггер в роли робота ковырял себе поврежденный глаз. Вот только таких крутых, как у него, очков у меня нет… Четвертый! Все! Вроде все.
Я внимательно оглядел наконечник — нигде не цепляет? Нет. Ход свободен, можно вытягивать. Чем тянуть? Еще усик сделать? Стоп! У меня же рука есть! Как же быстро я перешел на «новые технологии»!
Взявшись за тонкое деревянное древко, я осторожно потянул.
Чпок!
С негромким чавкающим звуком стрела вышла из раны. Следом обильно потекла кровь.
— Вот гад, — вслух сказал я, оглядев залитый кровью наконечник, — специально, что ли, выбрал? Им же, наверное, латный доспех пробить можно! Здоровущий какой…
Ладно.
Отшвырнул стрелу в сторону входной двери.
Дрянь эту я вынул, теперь «вторая часть Мерлезонского балета»! Нужно унять кровь и как-то все срастить обратно… Я в задумчивости уставился на дырку в мясе, края которой были растянуты в стороны и немного вывернуты наружу. Перекрыть кровотечение… Но сосуды совсем мелкие…
Внезапно кончики усиков, держащие края, превратились в густую бахрому, каждая ниточка которой была совсем тонким усиком. Они метелками растопырились в стороны, обвивая и перетягивая мелкие сосуды. Раз-два, и кровотечение прекратилось! Класс! Вот только мышцы они перестали держать, и края раны вновь сошлись. Хм… ясно, что придется тренироваться. А то за одно ухватился, другое упало… Может, вначале нужно кость восстановить? И уж по ней наращивать мясо? Н-да… практики операций у меня нет. Ладно. Будем нарабатывать практику!
Я сделал еще два усика и стянул поврежденную кость, сложив ее края.
«Нужно, чтобы она зажила…» — озвучил я желание куда-то внутрь черепа. Отклик не замедлил прийти. Я знал, что нужно делать. Не понимал, но знал. Забавное состояние. Клетки кости стремительно делились, срастаясь между собой. Нормально. Ускоренная регенерация — это для меня не откровение, до попадания сюда сам умел. Но в этом теле это весьма полезная опция. Жизненно необходимая, скажем так.
Захотелось есть и появилась легкая усталость. Ага! Процесс восстановления расходует силы организма. Эффект, подтверждающий, что все идет в нужном направлении. Еще есть чувство, что у меня поубавилось магии…

Десять минут спустя

Так! Кость восстановил. Крылья наконец удалось убрать. Почему-то со сломанной костью сделать это не получалось. Сихот! Жрать-то как хочется! Чувство, которое, похоже, прямо сейчас может претендовать на звание «ацкий голод»! Нужно пойти, крикнуть в дверь — приказать, чтобы принесли еды. Мяса! Гору мяса! ОГРОМНУЮ ГОРУ МЯСА! У меня еще плечо не заросло!

Утро следующего дня

Таурэтари, сложив руки на коленях и опустив плечи, дремала на диванчике в коридоре у дверей покоев вестницы. Всю ночь она просидела на нем, желая не пропустить появление крылатой. Своему внуку она приказала дать успокоительного и сейчас, в это раннее утро, правитель Рассветного леса должен был еще спать. Дежурить с ней хотели многие, но она всех отослала, посчитав, что толпа при разговоре с Эриэллой — вещь совершенно лишняя. Оставила только слуг и свою старую подругу. С которой можно было скоротать время за

беседой, да и что там скрывать, посоветоваться. Сейчас та спала в кресле напротив, положив голову на подушку и накрывшись мягким желтыми пледом.
«Давненько я так не сиживала, — подумала не сомкнувшая за всю ночь глаз Таурэтари, медленно вращая затекшей шеей, — да еще в коридоре…»
Тревога не отпускала ее. Хотя, впрочем, какая тревога? Страх! Страх, темным ужасом влезший ей в душу, когда она своими глазами увидела на полу капли крови посланницы. Выкошенный парк не произвел такого пугающего впечатления, как эти капли. Потом эта огромная окровавленная стрела, которую вынесли с собой относившие ей еду слуги.
«Крылатая разгневана, — со страхом, шепотом доложили они, пугливо оглянувшись на дверь. Будешь тут разгневанной… Посланницу богини встретить стрелой! Представить такое невозможно! Что же теперь будет? Как заслужить ее прощение? Простит ли она? Простит ли Алатари?»
Раздался звук распахнувшейся двери.
Щелк, щелк, щелк…
По каменному полу звонко прозвучали высокие каблуки. Таурэтари торопливо поднялась на ноги, готовясь встретить посланницу богини.
— Светлого утр… — начала было она и запнулась, чувствуя, что у нее отвисает челюсть, но ничего не способная с этим поделать.
В двух шагах от нее стояла Эриэлла. Но как же разительно она изменилась с последнего раза! Все тело крылатой теперь покрывала антрацитно-черная чешуя, гибко обливая сверху донизу все изгибы ее тела. Ниже колен она незаметно переходила в черные сапоги на высоком каблуке. По наружной стороне каждого сапога шла узкая темно-красная полоска. Еще темно-красными были: руки — от запястья и до локтей, две полоски вниз и в стороны на шее и треугольники на верхних частях бедер, направленные острыми концами вниз. Свои золотые волосы Эриэлла стянула на затылке, оставив их висеть длинным хвостом, лишь перехватив в двух местах узкими красными лентами. Лицо посланницы было маской, на котором не было видно никаких чувств.
— Я улетаю, — холодно произнесла Эриэлла, окинув Таурэтари взглядом.
— Крылатая, молю, прости! — повалилась на колени та, как и слуги, и ее проснувшаяся подруга.
— Я не умею прощать, — после секундной паузы жестко ответила, наклонив голову и глядя на нее из-под бровей Эриэлла.
Взгляд ее зеленых глаз был пронзителен и холоден.
«Эльтювень… — пронеслось в голове Таурэтари, — он никогда никому ничего не прощал…»
— Вестница, молю! Выслушай! Он просто испугался за дочь! Он души в ней не чает! Прости его, светлая! Заклинаю!
— Это я понял. Поэтому и не убил. Понять — понял, простить — нет! И постарайся до моего отлета, чтобы он не попался мне на глаза. Я могу не сдержаться во второй раз. Надеюсь, понятно?
— Как скажешь, крылатая… — с горечью в голосе ответила Таурэтари, подумав: «Вот и заговорила как мужчина!»
— Проводи меня к Амали. Я хочу посмотреть на нее и попрощаться.
Но далеко идти не пришлось. Едва Таурэтари и молчащая Эриэлла спустились по лестнице и вышли на улицу, чтобы пройти кратчайшим путем в соседнее крыло дворца, как им навстречу выскочила Амалира, следом за которой неслись две ее воспитательницы. Розовые крылья весело хлопали за спиной бегущей девочки.
— Бабушка!
Амали, распахнув руки, устремилась к бабушке.
— Эриэлла! Какая ты! Я тебя не узнала! Ты такая красивая! И… и… немножечко страшная! А мне крылья спать мешают! Я на животе сегодня спала! И еще за все цепляются! А как папа? Ему лучше? Вчера сказа…
— Помолчи! — сверкнув на нее глазами, прикрикнула бабушка. — Вестница хочет попрощаться с тобой.
— Попрощаться? — изумленно вытянулось личико девочки. — Почему? Это из-за папы, да?
Она вопросительно уставилась на Эриэллу. Та промолчала, ничего не ответив.
— Он просто не знал. Он думал, что ты мне что-то нехорошее делаешь… Он не знал про крылья… Честно-честно… Он хороший! Он меня любит! Прости его, пожалуйста, Эриэлла… А?
Амали ухватила за указательный палец девушку, просительно заглядывая ей снизу в лицо.
— Нет.
— Почему? Тебе было… очень больно?

— Не только поэтому. Это наказание. За выбор.
— Выбор? Какой выбор?
— Он выбрал тебя. Пожертвовав другими.
— Как это? — не поняв, нахмурилась девочка.
— Если бы я умерла, то у всех эльфов не было бы будущего. Он знал это. Но все равно выстрелил.
— Но он же хотел защитить меня… (Растерянно.)
— Твой отец — правитель. Он должен заботиться обо всех, а не только о своих близких. Но хватит об этом. Бабушка тебе потом все объяснит. Вот твоя бабушка бы так не поступила… Эриэлла уставилась в глаза Таурэтари. Та изменилась в лице, бледнея.
— А крылья нужно убирать, — секунду спустя повернулась к Амали Эриэлла.
— А я… А я не умею!
— Хм… — задумалась крылатая, критически смотря на Амалиру. — Хм… А ну-ка, посмотри мне в глазки… Хорошо. Могу научить. Не испугаешься?
— Нет!
— Даже после вчерашнего?
— Даже. Ты добрая!
— Хм… — приподняла брови Эриэлла, вновь хмыкнув, — ладно. Сейчас буду творить добро. Постарайся не кричать… А если в меня кто-то выстрелит в этот момент из лука… — обернулась крылатая к Таурэтари, — то я потом этому стрелку засуну его… Вместе с колчаном! И всем остальным тоже. Понятно?
Та только головой кивнула и обернулась отдать приказание.
— Иди сюда! — скомандовала Амалире Эриэлла. — И не бойся. Возможно, будет немножко страшно.
Наклонившись, она положила ладони ей на виски и пристально уставилась в глаза.
Прошло совсем немного времени, и Амалира испуганно втянула носом воздух. На лице девочки появилось сначала выражение страха, а потом откровенного ужаса, но она не издала ни звука, закусив нижнюю губу так, что та побелела.
— Молодец, — похвалила ее, выпрямляясь, Эриэлла, — не то что некоторые…
— У твоей внучки хорошие способности к магии, — сказала она, обращаясь к Таурэтари, — и у нее много силы.
— Спасибо, крылатая!
— Моей заслуги тут нет. И знаешь, что…
Эриэлла на секунду задумалась, чуть прищурив глаза:
— Вам нужен новый правитель леса. Прежний недостоин. Новым правителем будет Амалира!
— Но у нее есть старший брат… — растерялась Таурэтари, — и потом…
— Нарушение традиций? — закончила ее начатую фразу Эриэлла.
— Да.
— Значит, случившееся останется в летописях, — удовлетворенно кивнула Эриэлла. — Я так хочу.
— Да, вестница, — склонилась в поклоне Таурэтари, — как прикажешь…
— А тебя назначаю ее помощницей. Научишь ее всему, что должен знать правитель. Всему. В том числе и тому, что такое выбор и жертвенность.
— Да. Я выполню.
— Я буду правителем? — искренне изумилась слушавшая их Амалира.
Эриэлла повернулась к ней:
«Правительницей».
— Ой! А я тебя слышу! В голове! — подскочила та.
— Замечательно. Я сейчас открою крылья, а ты почувствуй, как я это сделаю. Поняла? — произнесла Эриэлла. — Внимание…
И за ее спиной распахнулись… блестящие черные крылья! Черные-черные, сверху донизу, с редкими темно-красными перьями.
— Ай! — испуганно взвизгнула Амалира, отскакивая назад.
— Эллай! — изменившись в лице, тоже отскочила назад Таурэтари.
Эриэлла озадаченно, снизу вверх, осмотрела сначала свое левое, затем правое крыло. Похоже, цвет их для нее стал тоже неожиданностью.
— Я не Эллай, — сказала она, поворачивая голову к Таурэтари, — я Эриэлла. Эллай больше нет.
— А ты, — обратилась она уже к Амалире, — не визжи! Крылья — это продолжение твоей души. Что в ней, то и на крыльях. Вот сейчас в твоей душе — маленький розовый поросенок, который еще и визжит.
— Я не поросенок, — обиделась девочка.

— Крылья не врут.
— А что тогда в твоей душе?
— Хм… Разве ты сама не видишь? В моей душе ночь, — немного подумав, ответила Эриэлла. — Ладно, оставим этот разговор. Ты ведь хочешь научиться летать?
— Хочу!

Некоторое время спустя.

Приложив козырьком ко лбу ладонь и сощурив глаза, Таурэтари вглядывалась в бледно-голубое октябрьское небо. Там, в прозрачной вышине, неторопливо плыли большие черные крылья. Рядом с ними, чуть впереди, скользили маленькие розовые крылышки. Отсюда, с земли, они казались совсем белыми.
«Хорошо, что в ее воплощении есть женщины, — подумала Таурэтари об Эриэлле, — женщины любят детей. Даже если они воительницы…»
— Как она смогла с ним переговорить? Как? Ведь она же за Границей! — Коин был неподдельно возмущен.
Марсус пожал плечами — не знаю, мол! Мирана тоже вопросительно-недоуменно приподняла брови.
— Он из другого мира, — произнесла Диная, — вполне возможно, наша Граница для него Границей не является…
— И что, он может притащить их всех сюда обратно? — ошеломленно, видно что-то представляя себе, спросил Коин, обращаясь ко всем.
— Пусть они только попробуют тут появиться! — нехорошо усмехнулся Марсус.
— Может, это и имелось в виду как конец света, в пророчестве? — предположила Мирана.
Хель хмыкнула.

Эри.

Мы в город Изумрудный идем дорогой трудной.
…
И Бассо возвратится… и Бассо возвратится… с победою домой!

Там вообще-то в оригинале было «с Тотошкою домой». Но Тотошки у меня, к счастью, нет, не обзавелся, а вариант «с Лукошкою домой!» был откровенно ущербен, поэтому будет «победою»…
Я энергично шел по неширокой дороге вдоль леса, напевая. На плече у меня лежала длинная (самолично вырезанная в каких-то кустах вроде орешника) палка с привязанным на ее конце белым узелком. Одежду на себе я преобразовал в легкое, легкомысленно розовое платье. Настолько короткое, чтобы свет от моих коленок был виден за километр. Короче, образ — наивная селянка на прогулке. Слева — стеной поднимаются деревья, наполовину потерявшие листву, а справа — что-то вроде луга с пожухлой травой и невысокими, редко стоящими кустарниками. Дорога была пустынна. Это внушало оптимизм. Оптимизм в том смысле, что на меня в конце концов, может, все же нападут… Мне нужны были таши — камни демонов. Созданная в припадке раздражительности и злости черная чешуя тянула на себя из меня прорву магии. Причем ощущалось это как грызущее нытье где-то в костях. Я несколько раз пытался сосредоточиться, желая определить конкретное место дискомфорта в организме, но из этого ничего не вышло. Прислушиваешься — вроде не болит. Отвлекся — опять ноет. Местная магия… Сихот бы ее в бок! Если ничего не создавать, не модифицировать одежду, то никаких проблем нет. Все ок! Но после последнего раза, когда в меня засадили стрелой, желание болтаться в одних тряпках у меня пропало.
«Стал их бояться?» (Внутренний голос.)
«Бояться низших? (Усмешка.) Ну это вряд ли. Просто надоело вытаскивать из себя стрелы…»
«В переводе это означает — пора взяться за ум? Или, может, пора повзрослеть?»

«Повзрослеть? Не… Взрослеть мне торопиться не надо… Впереди еще вечность. Куда спешить? Но нужно дожить до этой вечности…»
«Значит, все же за ум… Отец давно говорил — пора!»
«Ладно, всему свое время. Уму тоже. Хуже от этого мне не станет. Надеюсь. А броня — вещь совершенно необходимая для жизни…»
«Кто бы сомневался…» (Иронично.)
В общем, я решил, что бегать «голым» мне не комильфо и нужно что-то посолиднее. В тот день, когда я, матюкаясь, вытаскивал из себя эту чертову стрелу, мне пришла в голову идея обзавестись хоть какой-нибудь, но постоянной броней. Окружать себя магическим щитом не всегда удобно, особенно находясь в толпе, поэтому нужно что-то материально-твердое на теле. Однако влезать в местные изделия желания не было — тяжело, неудобно и не эстетично. Да и потом. Постоянно таскать на себе железо — это же прямой намек на то, что хозяин ходячей груды металлолома опасается за свою жизнь. Несолидно. Я же дворянин высшего разлива, маг-семицветик и подпольно демон. И вдруг эти железяки. Фи… Низкий класс! Задумавшись над этим вопросом, я решил, что неплохо было бы иметь броню, которая выглядела со стороны как обычная одежда. Ну камзол, там, платье… А на самом деле офффигительнейшая, непробиваемая шкура! Я обратился к знаниям богини, задав вопрос, как это сделать. Ответ получил и на радостях превратил тряпки в чешую, похожую на ту, что была у меня прежде. Чешую, вопреки своим мыслям о выглядевшей как обычная одежда броне. Соскучился, наверное. Получилось на первый взгляд неплохо. Достал чак, аккуратно потыкал. Тверденько! Насколько — проверять не стал. Только одну дырку залечил, и получить вторую, с размаха пробив лезвием свой новый прикид, не хотелось. Потом проверю.
Проверить не получилось, руки не дошли, но вот побочные эффекты обнаружились. Преобразованная вещь не становилась другой, а меняла лишь форму, постоянно требуя подпитки магией на поддержание своей структуры. Что-то вроде динамического ОЗУ в компьютере. Пока есть напряжение — оно помнит. Выключили компьютер, данным привет! Да еще вещь-то на мне не одна. Руки, ноги, туловище, голова. Если все сложить — прилично по расходу получается. Я обдумал ситуацию, прикинул так и эдак и понял, что в решении проблемы могут помочь таши. Пусть камни собирают магическую энергию и отправляют ее на поддержание брони. Тем более что я знал, где и у кого их взять. Единственно — следовало предупредить поставщика, что собираюсь торговать с ним в ближайшее время. Поэтому я призвал Уртриша. Кроме того, меня посетила мысль — а не попробовать ли мне призвать какого-нибудь другого демона? Может, если я эльфийка, то получится пообщаться еще с кем-то, кроме этой недоросли? Попробовал. Призвал. Но, как говорится, «что такое не везет и как с этим бороться»? Из пентаграммы на меня вновь таращился Уртриш. Причем на этот раз в образе демона. Ну конечно, он же подделывается под вызывающего! Убожество…
— Привет, красавчег! — развязно поприветствовал я его, делая ручкой.
Тот в ответ ошарашенно замер, видно пытаясь сообразить, что происходит.
— Что же ты молчишь? — усаживаясь на облачко и закидывая ногу за ногу, насмешливо произнес я. — Давай, соблазняй меня! Богатствами там всякими, властью безбрежной. Может, любовь предложишь? Внеземную…
Стоит истуканом, молчит. Только что рот не открыл.
— У тебя в голове потрескивает, — ехидно говорю я после минуты молчания. — Ну уж скажи чего-нибудь, болезный, коль пришел!
— Ты же мужиком был… — наконец выдавил он.
— Все течет, все меняется, — философски протянул я, поднимая глаза к небу. — Все, кроме тебя в пентаграмме!
Короче, избавиться мне от него не удалось, но я его предупредил, чтобы он запасся камнями. Мне они потребуются в ближайшее время. Уртриш пообещал, что все будет в ажуре, на этом мы с ним и расстались. И вот теперь я занимаюсь добычей товара, который я надеюсь привлечь своим легкомысленным видом одинокой девушки, прогуливающей по темному лесу. Но пока поклева не было.
С эльфами я распростился просто. Сказал, улетаю — и все. Поголосили, падая на колени: прости, прости, но замолкли, смирившись. Сами знают, что такие вещи не прощают… И я не собираюсь! Просто помогу чуть-чуть… И все! Знания получил, пользуюсь, так что немножко должен… За те несколько дней, на которые я задержался, чтобы научить Амали летать (чтобы шею не свернула), я внимательней присмотрелся к эльфам и эльфийкам, пытаясь понять, чем же обусловлено их вырождение? Обратился к знаниям. Получил какой-то ответ. Именно какой-то, ибо ни понять, ни использовать его я не сумел. Вроде кто-то что-то сказал, а ты не понял. Так, как со стрелой, не вышло. Почему? А кто его знает? Может, проблема оказалась совсем другого уровня сложности, чем простая рана? И

банально мне мозгов на нее не хватает? Пфф… Вполне возможно. Я же все же не бог, чтобы оперировать их знаниями!
«И что теперь делать?» — задал я тогда себе вопрос, поняв, что решить задачу на раз, два, три я не могу.
«Да ничего», — ответил я секунду спустя на свой вопрос. Будущее покажет. Либо мозг вырастет, либо у меня знаний больше станет, либо эльфы передохнут окончательно… Так или иначе, но проблема как-нибудь да решится. Посему гнать не будем, будем ждать оказии… А если Рассветный лес и вымрет, то происходить это будет весело. Амали им даст прикурить, не будь я я! Еще тот характерец…
— А хто это у нас тут такие ходют? — Под треск кустов со стороны леса на дорогу вылезли три фигуры.
Ну наконец-то, свершилось! А уж начал думать, что не встречу никого и зазря коленками сверкал… Три на два — это шесть камней… А нет ли там, в кустах, еще? Штучек эдак пять лесных татей?
Так, нужно что-то сказать в ответ. Ждут ведь, вон даже рты пооткрывали. Как назло, в голову ничего не идет. «Я маленькая бедная овечка?» Не… тут не сказка, а трагедия по сюжету…
— А че вы такие облезлые? — так ничего не придумав, поинтересовался я, окинув разбойников критическим взглядом. — Не кормят, что ли?
Судя по реакции, ответ был явно не в жилу. По их ролям тут должна быть моя паника и визг, а никак не оценивающий осмотр. Несколько секунд скрипения мозгами и попытка вернуться к сценарию.
— А вот мы тебя и съедим! — наконец подыскал подходящую реплику, видать, самый умный. — Потом… — многозначительно добавил он же, сделав зверскую физиономию.
— А что, вас всего трое? Троих мне будет маловато… — закинул я удочку насчет, нет ли кого еще в лесу.
А чего они не смеются? По идее моя фраза должна была их рассмешить. Что я не так сказал? Да, трудно вот так, без репетиции, с разными ролями на руках…
Мужики, насупившись, хмуро смотрели на меня. Я, оценивающе — на них. Пауза.
Внезапно со стороны леса послышался звук скользящих по одежде веток, и на дорогу вышло еще… Раз, два, три, четыре, пять. Пять! Как заказывал!
— Тю! Девка! — радостно вскрикнул один из них, похоже, самый молодой. — И одна!
Впереди вновь прибывших шел мужчина, двигаясь так, что становилось понятно — вот идет настоящий воин. Не чета остальным в шайке. Ясно — атаман. На правой щеке — безобразный шрам. И чем-то он мне напомнил сотника третьего пехотного полка, выстраивавшего остатки своих людей у моего дома на колесах… Чем-то похож…
Не дойдя до меня трех шагов, атаман остановился и внимательно осмотрел меня цепким взглядом серых глаз, начав снизу, с ног, и дойдя взглядом до лица. Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза.
— Вот здорово! — сунулся было вперед молодой. — Сегодня будет веселая но…
Бац!
Кулак стремительно развернувшегося атамана врезался ему в ухо, сбивая того с ног.
— Прошу прощения, госпожа, за поведение моих людей, — повернувшись ко мне, сделал он глубокий поклон, — не обучены. Деревня!
Я кинул взгляд на упавшего. Тот лежал на боку в пыли и очумело тряс головой.
— Надеюсь, светлая госпожа на нас не в обиде? — распрямился атаман, поднял голову и снова встретился со мной взглядом. — Прошу нижайше меня простить, если мои вас как-то невольно задели.
— Хм… — сказал я.
Пауза. Главарь шайки смотрит мне в лицо, подельники, не соображающие, что происходит, замерли за его спиной.
Все-таки он сильно похож на сотника…
— Служил? — спрашиваю я атамана, наклоняя голову к плечу.
— Так точно!
— Что ж… Я не стану обижаться.
— Благодарю вас!
— Третьему имперскому пехотному полку скажи спасибо. И их сотнику.
— Обязательно скажу! И пиво поставлю, когда встречу!
— Здесь вряд ли… У Хель они все. Если только там… встретишь.
Атаман и шайка изменились в лице.
— Ладно, — усмехнулась я главарю, — бывай, служивый! Береги себя. Тебе на твоей дороге до третьего пехотного — рукой подать!

Шайка разбойников торопливо продиралась сквозь кусты подлеска, следуя за своим предводителем. Один из разбойников, приблизившись к атаману, задал вопрос сиплым голосом:
— А что это было… на дороге? Почему мы ее не ограбили? У нее ведь сережки были… И кольца… И баб у нас давно не было…
— Идиоты… — сквозь зубы прошипел, оборачиваясь на него, главарь. — Смерть это наша была, смерть! Понял?
— Не-а. Почему смерть? Нас больше…
— Хель тебя побери! Во-первых, она эльфийка! Ты что, действительно думаешь, что эльфы оставили бы нас в живых, тронь мы ее хоть пальцем? Совсем дурак? Их лес вон, рядом! Кто мы против них в чаще, а? Щенки слепые… И во-вторых, ты видел, как она на нас смотрела? Словно уже разделывать примерялась. Неужели ничего не почувствовал?
— Нет, — пожал плечами разбойник.
— А я почувствовал. Вот поэтому я атаман, а ты шелупонь деревенская! И шелупонью помрешь. Спасибо третьему пехотному, живы остались! Пусть вам, ребята, у Хель будет покойно… Если попаду в храм, свечку за вас поставлю. Обещаю.

«Дважды восемь — шестнадцать…»
«Ладно. На мой век разбойников хватит…»
«А это кто был? Представители славного Светлого ордена, что ли? Да у них на рожах все написано!»
«Я что, судья, что ли, чтобы судить их рожи? Занимаются люди, пусть занимаются. Мало ли какие у них были обстоятельства жизненного и экономического плана, приведшие их на дорогу. А передо мной они извинились. Так что… все нормально».
«Похоже, что кто-то просто становится сентиментальным…»
«Вполне возможно…»
Так. Ладно. Сентиментальный не сентиментальный — это не важно. Нужно двигать дальше. А атаман все правильно понял, зверюга такая. За это ему бонус — пусть живет. Думаю, что ожидать нападения больше бессмысленно. Вряд ли на такой безлюдной дороге на каждом километре — по банде. Так что можно спокойно разворачивать крылья и лететь отсюда.
«Смысл париться? Залетел в первую попавшуюся деревню — вопрос с камнями решил!»
«Я что, Разрушитель, что ли? Я девочка приличная… — С этими словами я распахнул крылья. — И хулиганить не буду…»
От шеи вниз потекла черной волной чешуя, растекаясь по телу со всех сторон. Заныло в позвоночнике.
«Совсем ку-ку? Зачем в небе чешуя? Лавры дракона спать не дают?»
«М-да… Это я как-то не подумал…»

Чвирк… чвирк… Чиии-вирк!
Меня разбудили громкие крики какой-то лесной пичуги.
Вот не спится же тебе, с неудовольствием подумал я, выныривая из сна: осень, октябрь, на юг пора, а ты все чвыркаешь…
Я потянулся, глубоко вдохнул и зевнул. Терпко пахло прелыми листьями и мокрой корой деревьев. Дождь там, что ли? Вот еще не хватало…
Я ночевал в лесу, на круглой полянке, замеченной мною с высоты. Вчера, после неудачного столкновения с лесными разбойниками я решил отложить добычу таши на потом и остаток дня провел в воздухе, приближаясь к цели своего путешествия — Вечному лесу. По прикидкам, мне было до него дней пять лета. Там я ожидал получить теплый прием и знания по порталам. Таурэтари рассказала, что эльфы, живущие в том лесу, после катастрофы унесли с собой больше всех книг. Поэтому я надеялся, что найду у них то, что мне нужно.
— Сихот… дождь… — В мою ладонь, выставленную за стенку облачной палатки, падали мокрые капли. — Как же я полечу?
Я втянул руку обратно и поднес к лицу, желая взглянуть на капли.
Бумс! Это не моя рука! В смысле… не Эриэллы! Это рука Эриадора!
Я пошевелил пальцами — шевелятся! Мои! А остальное?
Я провел обследование, быстро ощупав себя. Вот здорово! Лег спать Эриэллой, а проснулся Эри! Ну и дела! Выходит, иллюзия моя рассосалась как-то сама собой?
Я уставился на точку сборки.
Да, все нормально. Белое светящееся пятно на ее месте, мешавшее увидеть, куда идут энергетические линии, пропало. Все видно, все как нужно. Вот только… вроде как-то меняется ее яркость? Или нет?

Я понаблюдал минут десять и подвел итог — меняется! Медленно-медленно возрастает, а потом так же медленно тускнеет.
Странный эффект, раньше такого не было. Всегда свет был ровным, постоянным. Больше, меньше, но без всяких пульсаций! Что это может значить?
Посмотрел я, поприглядывался, поразмыслил, но ничего умного в голову не пришло. Хорошо, внесем в список необъяснимых явлений того мира, поставим галочку и будем мониторить! Придется после завтрака заняться возвращением себе образа Эриэллы… Я ведь к эльфам собрался! А пока нужно вставать… Посмотреть, что там с погодой, умыться и позавтракать…
Я сел и выглянул наружу.
Обложило-то как! Все небо в серых тучах. И дождь идет. Не сильный, скорее моросящий, но лететь в такую погоду противно. Были бы еще крылья как крылья, а то ведь перо. Намокнет, в разы крылья потяжелеют. Не намашешься потом… Стоп! А крылья-то у меня остались? Тело ведь другое стало!
Я вскочил и напрягся, пытаясь раскрыть крылья. Еще напрягся. Еще… а вот дудки! Нет ничего! Исчезли! Не, я на такое не согласен! Категорически. Как это без крыльев? Нужно срочно вернуть Эриэллу назад — иначе застряну в этом лесу!
Сказано — сделано! Сосредоточившись, я вынул «кусочек изображения» из памяти и приступил к работе. Однако, как говорится, не тут-то было! Иллюзия не пожелала «ложиться» на мою «решетку». Ее нити совершенно не хотели обвиваться вокруг прутьев моей. Более того, они отталкивались! Первый раз в жизни вижу такое!
Безрезультатно провозившись с четверть часа, я был вынужден в конце концов опустить руки и констатировать, что наложить на себя образ Эриэллы я не могу. Вот не могу — и все! И не знаю почему!
Минуты три посидел, пошипел от злости, потом в голову пришла идея сделать какую-нибудь другую иллюзию. Проверить. Результат удручающий. Настолько все топорно вышло, что самое лучшее — убрать и не позориться. Почему-то расстояние между нитью и линией решетки получалось очень большим, и я никак не мог его уменьшить. Но при таком большом зазоре при движении «картинка» будет съезжать, и для того, чтобы увидеть, что это фальшивка, не нужно быть даже магом. Все видно обычными глазами. Получалось, что теперь я был способен только на статику. Неподвижные иллюзии. Шкаф там, пугало… в огороде.
Дурацкий мир, дурацкое тело, подвел я итог своей бесплодной почти часовой возне. Заколебало все! Неужели это последствия моего спонтанного превращения в крылатую? Похоже, что так… И как теперь быть? Посреди дремучего леса, один, без дороги… Каким образом я отсюда выберусь?! Пешком? Да с ума можно сойти! Я что, лошадь, что ли, по буеракам всяким шляндать? Ну я и попал! А еще у меня были планы, которые накрылись теперь медным тазом! Что же теперь делать? Хм… Что делать, что делать? Позавтракать! Думать потом будем!
Я залез в свой супермешок и достал оттуда хлеб с ветчинкой, пару огурчиков и кипящий чайник. Покидая эльфов, я позаботился о своих закромах, плотненько набив мешок с расчетом недельки на три. Запас карман не тянет!
Вот и пригодилась… моя предусмотрительность, подумал я, хрупая огурцом и хмуро смотря на мокрую стену деревьев. Хорошо, если за три недели пешкодралом выберусь из этой рощи…
Выбраться-то я выберусь, не пропаду. Вот только — куда выбираться теперь? Так я к эльфам направлялся, но в таком виде они меня к себе не пустят… Хорошо, что это случилось только сегодня, а не в их лесу. Вот смеху-то было бы! Вряд ли бы я от них удрал без крыльев. Луки эльфов — быстрые… пришпилили бы к столетнему дубу, и висел бы я на нем бабочкой…
— Эх! — Я глубоко вздохнул.
Облом за обломом. Что за жизнь? Ладно. На библиотеке Вечного леса ставлю пока крест. Ставлю, имея в виду, что у них что-то там может быть. Дальше… А дальше… нужно решить, куда мне теперь. Варианты следующие: вернуться в университет, до архива которого я так и не добрался, посетить магов, которых мне порекомендовал Мотэдиус, и… и отправиться в свободный поиск! Например, найти тех, кто снабдил мятежников порталами, и узнать у них секрет. Хм…
Я подобрал под себя ноги, сев по-турецки, и погрузился в раздумья, просчитывая последний вариант развития событий — свалить за границу. Он выглядел очень перспективно. Однако, чем больше я прикидывал, тем скептичней становилось выражение на моем лице. При всей его заманчивости вариант имел множество проблем, успешное решение которых не было стопроцентно гарантировано.

Во-первых, я банально не знал, откуда взялись эти наемники, появившиеся на поле сражения. Конечно, я слышал разговоры (на уровне сплетен) по этому поводу, но в них назывались три разных государства, поэтому круг поисков был достаточно широк и размыт. В свое время я собирался прояснить этот вопрос, но потом все как-то куда-то понеслось, и я не удосужился им заняться. Наверняка соответствующие структуры и у императора, и у нашей гильдии знали больше, чем я, но идея идти с ними на контакт мне не нравилась. Но и мотаться по трем государствам, выясняя, кто тут империи козни строит, тоже бредово.
Во-вторых, в каком статусе я пересеку границу? Допустим, как студент, по обмену опытом, еще туда-сюда. Но следует учесть, что студент-то я не простой! Радужный, а главное — темный! А темные тут не просто так. Вроде ядерной ракеты на Земле. Вещь ацкая и страшная, к которой никто в своем уме не подойдет, но нужная. Поэтому сразу на границе возникнет вопрос — а чего это он, собственно? Причем вопрос возникнет и с той и с этой стороны. Два вопроса, на которые у меня нет ответа. Можно, правда, давить на жалость, рассказывая сопливую историю о потерянных способностях, но уверен, что в СБ полно параноиков. Они лучше перебдят, чем недобдят. Фиг кто меня выпустит! Конечно, можно перейти границу незаконно… Но тогда будут другие приколы. Не сомневаюсь, что нас со Стефи уже давно «срисовали». Сколько народу толклось вокруг, пока я развлекался!
Конечно, у здешней службы фотоаппаратов и компьютеров нет, но недооценивать их возможности совершенно не стоит. Достаточно вспомнить ту папочку с собранными на меня документами. Уверен, что подобные папочки есть не только в империи. Возможно, не такие толстые, но есть. Так что внимание мне будет обеспечено. Стоит только мне у них засветиться — и все! «Темный маг из империи, потерявший способности, интересуется порталами? Да что вы говорите? Как интересно…» Много я чего после этого узнаю… посадят как шпиона.
Можно, конечно, сказать, что я «выздоровел». Но тогда я стану перебежчиком. И как говорил шевалье д'Артаньян: «Обо мне плохо подумают здесь и дурно встретят там!» Доверия мне никогда не будет. Еще здешние грохнуть постараются, дабы я не достался врагу. Да и не могу я так поступить! Я уже принес клятву на служение империи.
В общем, вариант с заграничной поездкой весьма аморфный и непонятный. Количество проблем велико, результат никак не прогнозируемый. Все на волю случая… Еще неизвестно, что я у них там найду. Может, они просто где-то коробочку с артефактами в песках раскопали. Завалялась со времен древних. Зарядили и пользуются. Вот и все. А я на такие жертвы и лишения пойду ради тупых побрякушек! Мне ведь знания нужны, а не артефакты. Поэтому вариант с заграницей я отбрасываю. Остаться в империи выглядит разумнее. Тут у меня уже есть какие-никакие подвязки и можно крутиться. Во-первых, маги, занимающиеся порталами, во-вторых, архив университета. Перед моим отлетом ректор говорил об оформлении для меня пропуска. Может, уже сделали? А как я вернусь? Что мне скажет ректор?
— Да, собственно, а что такого? — пожав плечами, вслух сказал я. — Ничего же не случилось!
То, что я немножко попридурялся, знает только он и Стефи. Стефи я просил, она будет молчать. А ректор… Ректору тоже выгодно молчать. Он со мной теперь в одной лодке, хе-хе. Думаю, что он меня не сдаст…
Я попробовал представить себе разговор ректора и агентов службы безопасности: «…а потом он стал эльфийкой, отрастил себе крылья и улетел…»
Ректор говорит это, сидя у края стола, доверительно наклоняясь к собеседнику и сделав большие глаза. А эсбешник так потихонечку-потихонечку отодвигается и с перекошено приклеенной улыбкой лихорадочно пытается сообразить, сколько же шариков выскочило из роликов в голове у господина архимага? И не пора ли ему вызывать спецпятерку варг по варианту «молния»? Дедушку полечить. И есть ли лично у него шансы уйти из кабинета своими ногами?
«Не. Вряд ли меня Мотэдиус сдал», — решил я, представив себе картину такого возможного разговора. Доказательств никаких, а выставлять себя в глупом виде господин архимаг наверняка не захочет. Мне так кажется…
Единственно, не разберет ли он меня на запчасти, чтобы узнать, как все произошло? Хм, тоже вариант. Ну Мотэдиус не такой человек, и можно в разговоре с ним ввернуть что-то про бывших богов. Мол, у меня что-то с ними есть, но что конкретно, не скажу. Тайна! Вряд ли он захочет в такие тайны соваться. С богами связываться — себе дороже! Они всегда безбашенные. И тогда Мотэдиус, повязанный общей тайной и знающий, что я имею отношения с сильными мира сего, превращается для меня в неплохой ресурс… Ресурс, который можно использовать… Главное — слишком не зарываться при этом…

Я задумался, прикидывая, как можно применить ректора себе во благо. Неплохие варианты вырисовываются! Учиться не буду как инвалид умственного труда, пропуск в архив я из него вытрясу, покрывать он меня будет… Все просто в ажуре!
Только может опять всплыть вопрос, что я ментальный маг… Помнится, в службе безопасности был разговор о клятве… Но поскольку я потерял способности, то какая может быть клятва?
Магию свою я ощущаю сейчас так же, как и после Камня слез — вывернутой. Меня после этого инвалидом и признали. Почему в этот раз должны среагировать по-другому? Так что отбрешусь как-нибудь, а Мотэдиус поможет. Скажу ему: «Вот принесу клятву и заложу тебя как на духу, ибо не смогу после нее молчать!» Думаю, он найдет аргументы, чтобы избавить меня от этой процедуры. А не найдет или не захочет — сбегу, и все! Не думаю, что меня прямо так сразу схватят и потащат в застенок клятву приносить. Я же дворянин, в конце концов! Лояльный и с боевыми заслугами. Мне протокол в обращении со мной положен! Для начала просто обязаны предварительно поговорить. Так что с этим особых проблем не вижу. Правда, надо быть аккуратным, чтобы никто не заподозрил меня в том, что я умею магичить. И все. Думаю, такое прокатит. В общем, направлю-ка я свои стопы в столицу! И деньжатами там можно быстро разжиться, ибо их почти нет. Да и цивилизация там какая-никакая есть. По дороге еще можно будет заехать к рекомендованным магам, сделать себе алиби. Если Мотэдиус начнет посторонним нести ахинею про крылатую, покажу его рекомендательные письма, скажу: «Вот, он меня сам послал! Я ездил. Лечите его!» И Сихот он чего докажет! Решено! Определиться теперь, где эта столица…
Я не представлял себе, в какую сторону мне двигать. У эльфов я просмотрел все карты, какие были, все запомнил и знал, где что находится. Но до сегодняшнего утра я ориентировался в воздухе, с высоты. Там это делалось без проблем. Как же теперь определить направление с земли? Вчера, приземляясь на поляну, я даже не подумал зафиксировать себе приметные объекты, бестолочь! Впрочем, откуда я знал, что с утра у меня будут такие проблемы?
«Можно определить направление сторон света по солнцу…» — начал вспоминать я. Но на небе тучи, и солнца нет… Сколько будет идти дождь? А кто его знает… Что еще? Более длинные ветки указывают на юг… Хм. Деревья вокруг так плотно растут, что ветки у них только на макушке, как у пальм. Ничего длинного там нет, а то, что ниже, отсохло. Короче, какие-то попугайские хохолки на верхушках из увядших листьев. Тоже мимо… С северной стороны ствола дерева обычно растет мох…
М-да? В этом темном подвале, как эта чаща, мох наверняка растет со всех сторон деревьев. Ему там самое то — сыро и сумрачно… Еще? Больше ничего на ум не приходит…
«И какие у меня варианты?» — запустил я в сторону ближайших кустов остатком огурца. Да никаких! Случай правит бал! Выберу там, где деревья пореже стоят, и пойду туда! Неохота, правда, по мокрому лесу шлепать. Скользко. Может, подождать до завтра? Высплюсь. А там, глядишь, солнце появится, я и определюсь… Мне теперь в принципе спешить некуда…
Хорошо. Наметки есть, окончательное решение приму, если вдруг завтра распогодится. А сегодня… Сегодня отдыхаю и занимаюсь магией! Может, удастся решить проблему с иллюзиями? Все!
Я удобнее уселся внутри своего шалашика и, протянув руку, достал гитару:

Никуда, никуда… нельзя… укрыться нам!
[38]

С глухим звуком Стефи захлопнула томик стихов и, блаженно потянувшись, подняла голову к чистому, без облачка, голубому небу:
— Как хорошо!
Воздух был холодный, чуть колючий и пах сухими осенними листьями. Яркое, но не греющее осеннее солнце светило сквозь голые ветви деревьев. В столицу пришла осень. Стефания с книжкой на коленях сидела в укромном уголке университетского парка. Было утро воскресенья, и на скамейках, стоявших вокруг старого, потемневшего мраморного фонтана, никого не было. Все еще спали или только просыпались. Стефи же не спалось. Вскочила в самую рань, поняв, что дальше спать она не сможет. В душе было ощущение чего-то такого… светлого, яркого, ждущего. Которое случится ну вот-вот, может, даже сегодня! Как океан любовь моя…

Встав и походив по комнате, она решила пойти погулять, воспользовавшись пустотой парковых дорожек. Люди ей были ни к чему. Они лишь отвлекли бы от переживания этого бархатистого чувства ожидания праздника, которое жило в ее душе. Прихватив с собой книжку со стихами, она пошла к своему любимому месту — посидеть, почитать, помечтать…

— Ой!

Опустив глаза, Стефи неожиданно увидела на соседней скамейке женщину. Старушку. Странную…

— Здравствуй, девочка, — с ласковой улыбкой кивнула ей та, — хорошее нонынче утро…

— Здрр-аствуйте… — от неожиданности с трудом выговорила приветствие Стефания. — А вы, простите… кто?

— Я? Я гадалка! Разве ты не видишь?

В подтверждение своих слов старушка, разведя руки в стороны, растянула за своей спиной большой цветастый платок.

Наклонив голову к плечу, Стефи изумленно смотрела на нее большими глазами. Она видела в городе гадалок. Особенно много их было на рынке. Они ходили обычно по несколько человек, в длинных красных или синих юбках, с яркими цветастыми платками на плечах, громко и крикливо зазывая к себе. Но…

Внезапно Стефания поняла, что ее так удивило. Она была на них не похожа! Юбка, платок… Да, все как у тех, но вот все остальное… Те были толстые и смуглые, а эта сухопарая и светлокожая. И… глаза! Ее взгляд… Взгляд, которым она смотрела на Стефи… Бесконечно мудрый и немного уставший. Казалось, что она знала о ней все — ее прошлое, настоящее и будущее…

Смежив на секунду веки, Стефи потрясла головой. Вновь открыв глаза, она посмотрела на незнакомку. Накатившее наваждение пропало. Ничего особенного во взгляде той не было. Простые стариковские глаза, смотрящие с легким насмешливым прищуром. С эдакой хитринкой.

— Как вы сюда прошли? Это территория университета. Посторонним сюда нельзя.

— Ой, милая моя, не спрашивай, — ответила старушка, вновь закутываясь в платок. — Шла я себе, шла… И пришла.

— И вас… пустили?

— Ну ты же видишь, — хитро улыбнулась в ответ та.

— А… ну да… — растерянно сказала Стефи и замолчала, не зная, что еще сказать.

У фонтана на продолжительное время повисла тишина. Старушка, улыбаясь, разглядывала Стефи, а та чувствовала себя под этим изучающим взглядом неуютно. Наконец ей это надоело. Поняв, что уединение ее нарушено и внезапно появившаяся незнакомка никуда не собирается уходить, она встала со скамейки и сделала пару шагов.

— Ну… я пойду, — произнесла она, обращаясь к старушке, и добавила, решив, что, уходя, нужно попрощаться. — Светлого вам дня, матушка!

— Постой, милая девочка, — вскинулась та, — не спеши уходить! Разве ты не хочешь ни о чем меня спросить?

— О чем? — удивилась Стефи.

— О своем будущем. У гадалок всегда спрашивают о будущем.

Стефи нахмурилась. Она слышала немало историй о людях, которым нагадали их будущее. Все они заканчивались если не совсем плохо, то просто плохо. «От судьбы не уйдешь…» — так обычно заканчивались эти истории. При этом рассказчик глубоко и грустно вздыхал, опуская плечи. Для себя Стефи давно решила, что как бы там ни было интересно, что там, в будущем, но лучше не искушать. Что будет, то и будет. Тем более все эти предсказания большей частью — вранье. Будешь потом понапрасну думать, а оно не случится… Поэтому Стефи всегда отказывалась от подобных сомнительных предложений.

— Гадать — Сати гневить! — резко ответила Стефи слышанной присказкой.

— Хи-хи, — хихикнула в ответ собеседница, — какая ты хорошая девочка. Чтишь богиню. Это замечательно. Но я чувствую в тебе желание… знать! Настоящее желание, а не просто любопытство. В твоей жизни многое произошло и немало еще случится… Я вижу, что путь твой лежит высоко. Очень высоко. Жизни многих людей будут зависеть от тебя… От того, что ты решишь… В том числе и жизнь твоего принца. Разве ты не хочешь узнать?

Стефи замерла. Холод колючими мурашками пробежал по ее спине. Расширенными глазами она смотрела на весело улыбающуюся старушку.

— Не бойся. От судьбы не уйдешь, это правда, но судьбу можно изменить. Однако для этого сначала нужно знать ее. Хочешь… знать?

Незнакомка наклонила голову набок и с хитрым прищуром посмотрела на девушку.

— Кто… вы? — прошептала непослушными губами Стефи.

— Я? Я простая рыночная гадалка, — улыбнулась ей в ответ та, — предсказываю будущее по картам, линиям руки, костям и камням. И я хочу тебе погадать. Я брошу камни. Ты у нас — светлый камушек… Белый агат.
С этими словами гадалка встала и вынула непонятно откуда длинный черный мешочек. Развязав его, она высыпала себе в левую ладонь большую горсть разноцветных камней. Секунду глядела на них, а потом повернулась к Стефи и подбросила их вверх. С таким расчетом, чтобы, падая, они осыпали девушку. Стефания на миг зажмурилась, втянув голову в плечи, ожидая, что ей сейчас попадет по голове. Но камни не упали. Они закрутились вокруг нее разноцветной круговертью. Раз! Цветное мельтешение замерло, и камни неподвижно повисли в воздухе, окружив Стефанию переливающимися на солнце искорками.
— Замри и не двигайся, — сказала старушка, направляясь к Стефи. — Так, и что тут у нас?
— Хм… — задумчиво протянула она, обойдя вокруг Стефании. — Мирочка, я гляжу, постаралась… Душу вложила, затейница… Но только столько нам не нужно… Мы сделаем так…
Гадалка протянула руку и аккуратно взяла пальцами белый камушек, висевший рядом с большим красным камнем.
— Вот сюда. — С этими словам она передвинула его так, что он оказался посредине, между красным и большим черным камнем.
— Посмотрим… — Гадалка выпустила его из рук. В тот же миг все камни, окружающие Стефанию, пришли в движение. Вновь несколько мгновений цветного кружения, и камни замерли.
— Угу, — удовлетворенно кивнула гадалка, увидев их новое расположение, — теперь хорошо. А эти сюда…
Два маленьких камушка — розовый и голубой — были передвинуты к черному.
— И эти… — Гадалка переместила еще несколько камней. — Все!
Камни снова покружились вокруг Стефании и замерли.
— Вот теперь хорошо, — одобрила гадалка, обойдя Стефи кругом и внимательно осмотрев новую композицию. — Теперь все должно быть хорошо.
— Запомни, — обратилась она к Стефании и смотря ей прямо в глаза, — тебе нужно опасаться темноглазого демона. Он может все погубить. Но если ты сможешь совладать с ним, ты всех спасешь. Себя, его, твоего принца и будущего императора. Прими его таким, какой он есть. Мирана щедро оделила тебя любовью, и я тут ничего уже не сделаю. Поэтому тебе придется разделить свое сердце… Если сумеешь — ты не пожалеешь. Еще ты должна опасаться людей в белом…
— Сати! Что ты тут делаешь?!
Громкий окрик перебил гадалку, заставив ее умолкнуть.
— Почему ты не приходишь на совет?
У фонтана в искрящемся сиянии стояла невысокая девушка, а вернее, почти девочка, с длинными золотым волосами и возмущенным выражением на лице. Одетая в легкую белую тунику, она сжимала в руках маленький скипетр.
«Богиня Мирана! — молнией пронеслось в голове у Стефании. — А гадалка вовсе не гадалка, а богиня судьбы!»
Стефи почувствовала, как у нее свело в холодном спазме ужаса живот и начали подгибаться ноги.
— Не пугай девочку, — ответила Сати и повела плавным движением руки в сторону Стефи. Камни, висящие в воздухе, исчезли.
— Что ты с ней сделала? — громко спросила Мирана, обращаясь к Сати.
— Немножко исправила твои старания… А ты, как обычно, нарушаешь заведенный порядок.
Разноцветные одежды и платок пропали. Теперь на богине было облегающее фигуру платье из черной тьмы, по которому тут и там мерцали разноцветные камни. Желтые, красные, голубые, цвета малахита и утренней зари… А сама богиня судьбы превратилась в молодую женщину с короткой стрижкой.
— А что было не так? Ответь! — потребовала богиня любви.
— Надеюсь, ты сделаешь все правильно, — не ответив, обратилась Сати к Стефании, неотрывно смотря ей в глаза. — Будь умничкой, девочка, и все будет хорошо…
Она, исчезая, медленно таяла в воздухе.
— Сати! Стой! — крикнула Мирана.
Но та уже исчезла. Еще несколько секунд в воздухе колебался черный силуэт, мерцая камнями, но затем исчез и он.
— Уф! — раздраженно топнула ножкой богиня любви. — Вот никогда она ничего не объяснит!

Мирана перевела взгляд на стоящую соляным столпом Стефи и нахмурилась.
— Слышала, что тебе было сказано? — сварливо спросила она. — Ты должна сделать все правильно!
Несколько секунд она ждала ответа, но поняв, что в ближайшее время от окаменевшей девушки ждать его бессмысленно, искривила губы, хмыкнула, дернула плечиком и тоже исчезла.
У фонтана осталась одна Стефи.

Эри

Понападавшая с деревьев листва и хвоя, напитавшаяся влагой под постоянным дождем, чуть шипела под моими сапогами.
«На глине, что ли, тут все растет, — подумал я, — совсем земля ничего не впитывает…»
Пошел уже четвертый день моей принудительной пешеходной прогулки. Все это время, днем и ночью, постоянно шел дождь, прекращаясь иногда на полчаса лишь затем, чтобы начаться вновь. Было сыро, противно и скользко. Если бы не Абасовская палатка, я бы уже начал плесенью покрываться. А так еще как-то можно жить… Вообще за эти дни у меня было вдоволь возможностей попрактиковаться в знаниях, почерпнутых из книги давно умершего натуралиста. Поймал я пару каких-то диких птиц, используя заклинание сумрачного охотника. Два серых шара, мотаясь друг вокруг друга, унеслись куда-то за деревья и минут через пятнадцать вернулись, неся зажатыми между собой птичью тушку в светло-коричневом оперении. Птичку я ощипал, тоже используя заклятие из книги натуралиста.
Раз — на секунду в воздухе повисла шкурка, утыканная перьями.
Два — она отлетела в сторону.
Сходил, поднял, посмотрел. Целая кожа, вся сплошь утыканная перьями. Один разрез вдоль всего тела по спинке.
Я держал шкурку на весу двумя пальцами и рассматривал полученный результат. Вообще-то я рассчитывал, что будут выдраны только перья, а кожа останется. Запекать оно лучше в коже… Но если делать чучело, то весьма удобно. Наверное, Абасо заточил заклинание именно под это. Под чучелки…
Птичку я зажарил, используя заклинание духовки. Получилось так себе. Не, все замечательно прожарилось и приготовилось, но мясо оказалось с каким-то странным привкусом. Куснул пару раз, да и выкинул. Не понравилось. Еще я рыбу ловил. Тоже используя магию. Привлек приманивающим заклинанием. Приплыла. И не одна. Таращится на меня из-под воды, а я таращусь на нее с берега. Как ее достать? Не лезть же за ней в воду? Но тут я вспомнил про свои телекинетические руки и, подхватив ими две крупных понравившихся мне рыбины, выдернул их из реки. Ничего так оказалась рыбка, единственно — костлява чересчур. Можно было бы ей иметь костей и поменьше… В общем, в лесу пропасть мне было сложно. А точнее, невозможно. Если только упасть в берлогу и свернуть в ней шею… И то вряд ли. Знания врачевания, полученные от эльфийской богини, никуда не делись. Проверил и даже поэкспериментировал на практике.
Выскочил тут на меня два дня назад какой-то раздраженный медведь. Здоровый. Уж не знаю, что там у него приключилось в жизни и чего он такой нервный был, но, увидев меня, он резво рванул в мою сторону, намереваясь, видно, поправить себе настроение. Ни секунды не раздумывая, практически на автомате, я засадил ему в морду «шок любви». Миша, взрыкнув, с разгону плюхнулся на пузо и пошел юзом по мокрым листьям, раскинув лапы в стороны. Я по-быстрому добавил ему еще пару раз и, убедившись, что агрессор попыток встать не предпринимает, стал смотреть — чего он там?
Медведь лежал неподвижной мохнатой горой темного мокрого меха, полузакрыв глаза.
— Ну ты… животное, — сказал я, неспешно подходя к нему, — сдать бы тебя на окорока, но вот только мясника рядом нет… Повезло тебе, чучело…
Тот в ответ лишь слабо шевельнул ухом. От него сильно пахло мокрой шерстью и зверем. Я присел на корточки рядом, несколько секунд рассматривал, а потом легонько потыкал указательным пальцем ему в черный мокрый нос. Мишка шумно выдохнул. Но попытки встать даже не изобразил.
— Что, тащишься, зверюга? — понимающе усмехнулся я. — Вот уж обломилось тебе сегодня… Ладно, коль ты попался на моем пути, проведу я с тобой пару смелых опытов… Не пропадать же добру? Проверю, как там у меня со знаниями от эльфийской богини…

Используя свои новые умения, я не спеша по слоям просмотрел медведя. Кожу, мышцы, внутренние органы. Как бьется сердце, заставляя бежать по артериям кровь, как расширяются и опадают легкие, насыщая текущие сквозь них кровь кислородом. Даже сам процесс сброса углекислоты и забора кислорода подсмотрел. Так интересно! Я себе организовал кресло-облачко и устроился рядом с объектом своего исследования в сухости и комфорте. Мишка несколько раз приходил в себя и пытался проявить двигательную активность, но я ему вкатывал еще одну дозу «наркоза», и он затихал до следующего раза. Очень понравилась мне реакция в его мозгу в момент «шока». Какие-то просто фейерверки. Разноцветные пульсации и цветные взрывы в его разных частях. На первый взгляд, совершенно хаотичные, но после третей «анестезии» стала заметна повторяющаяся картина. И еще голубые волны по позвоночнику, вдоль спинного мозга. Очень красиво. «Нужно обязательно будет попробовать это нарисовать!» — сделал я себе заметку на память.
Я долго развлекался, изучая медведя. Часа два с лишним потратил. Наконец я почувствовал, что засиделся и, пожалуй, пора бросать заниматься натурализмом и двигать дальше.
— Ладно, животное, — сказал я, вставая на ноги, — пошел я. Недосуг мне. Могу сказать напоследок, что здоровье твое отменное и все внутри у тебя нормально (ну, по крайней мере, мне так кажется!). Так что прожить ты должен долго, если, конечно, будешь себя беречь. Не попадайся охотникам, не дерись с другими медведями и хорошенько чисти зубы на ночь! Будешь следовать моим рекомендациям — проживешь сто лет. Ну бывай, животина! — Медведь в ответ на мой спич лишь слабо пошевелил ушами.
Еще раз на прощание сделал я ему «шок любви» (так сказать, «на посошок») и пошлепал прочь по мокрому лесу, размышляя над вопросом — а чего я его не грохнул? Скастовал бы вместо «шока» «копье праха» — и от миши бы только когти на земле остались бы. Или «паралич». Правда, он парализует все мышцы, и объект воздействия банально задохнется через пару минут, если не снять заклинание. Ну в принципе медведем больше, медведем меньше! Какая разница? Может, я действительно добрый, как уверяла меня Стефи? Гуманист-природовед… Да и Амали тоже об этом говорила… У нее медвежонок тряпочный есть. Любит она с ним таскаться… Кошмар какой-то! Это что, на меня так сильно тела влияют? Не приведи Сихот, если это правда…
Поздно ночью, встав на ночевку, я был разбужен своей охранной системой, установленной вокруг поляны. Судя по вибрации, там было что-то крупное.
«Ну и кого там несет», — подумал я, сонными глазами смотря в направлении приближающего гостя и одновременно слушая ментал, пытаясь понять — чего ожидать? Большое. Темное. Сопит. Агрессии не чувствую… Скорее добродушие. Медведь! Блин… Все ясно!
Мише, видно, понравилось его дневное приключение, и он отправился по моим следам с целью продолжить «приятное знакомство». Но в этот раз настроение у меня добродушным не было. Вот еще, будут тут меня будить по ночам всякие очарованные медведи!
— А ну пшшшел отсюда, скотина! — зашипел я на него змеей.
Но скотине мое шипение было безразлично. Шел себе да и шел вперед.
Так, значит? Игнор, значит? Ладно. Что там у меня из неромантических заклинаний есть? Не то… Не то… Это вообще ацкая вещь… Но ведь было же! А, вот оно — «ужас»! Синий… сиреневый и серый… О, даже как! Три варианта. Думаю, хватит с него синего «ужаса». А то еще навалит с перепуга, вонять потом будет…
— Ша!
Легко свившееся заклинание улетело в сторону приближающегося зверя. Медведь взревел и ломанул куда-то вбок, через кусты.
Эх, подумал я, прислушиваясь к удаляющемуся топоту и треску веток. Не сообразил! Нужно было сначала сориентировать его в нужном мне направлении… Завтра бы полдня по просеке шел…
Потянувшись, я зевнул.
Разбудил, животное… Такие варги с голыми ногами снились… Хм? Варги? Голыми? Это еще к чему? Может… распогодит?

Варги

— Тетя! Бассо пропал!
— Как пропал?! Он же только что в кроватке лежал?

— Лежал! А сейчас нету!
— Не может быть!
Эстела подскочила на ноги и ринулась в соседнюю комнату. Все верно! Две кроватки. В одной спит внучка, а внука нет! Пусто!
— Ведь мы же сидели тут! — потрясенно повернулась она к Дине. — Мимо нас никто не мог пройти! На окне решетка! Под окном охрана! Куда же он мог деться?
Дина ответила тетке безумно перепуганным взглядом. Секундная пауза…
— Тревога! — Начальница тайной стражи ринулась к выходу. Туда, где стоял ближайший пост охраны. — Тревога всем постам!
С четверть часа на сверхсекретном объекте творилась форменная истерия, главной движущей силой которой была Эста. Дина сидела в комнате под охраной двух варг, вытаращив глаза и крепко прижав дочь к груди. По коридорам и лестницам, вдохновляемые Эстой, носились варги, осматривая все углы и эмпатически пытаясь обнаружить врага. Хлопали двери, перекликались голоса, скрипели половицы. Пятерка, вооруженная амулетами, сканировала двор, ища спрятавшегося под иллюзией мага. Нарезая, наверное, уже пятый или шестой круг, Эстела заскочила в комнату, где сидела Дина. Окинув взглядом племянницу и убедившись, что с ней все в порядке, она заглянула в детскую, собираясь бежать дальше. Заглянула и встала как вкопанная, вытянув шею.
— Вот же он… — севшим голосом, произнесла она.
— Где? — подскочила к ней Дина.
— Вот… — недоуменно показала рукой Эста.
В кроватке Бассо мирным сном младенца спал ее хозяин, чуть посапывая носиком.
— Басик! — сунув тетке в руки дочь, кинулась к нему Дина.
Басик был вытащен и разбужен на предмет осмотра, категорическое несогласие с которым он тут же заявил во всеуслышание. Вердикт — жив, здоров, все на месте!

— Что же это было? — задумчиво произнесла Эстела часом спустя, расслабленно сидя в кресле после беготни. — Версия с похищением не выдерживает никакой критики. Украсть, чтобы затем положить обратно? Чушь!
— А что тогда? — спросила Дина, сидевшая на диване и не выпускавшая детей из рук.
— Тогда? Думаю, что тогда остается единственный вариант — папочка… наследил.
— Наследил? Как это? — нахмурила брови Дина.
— Он ведь у тебя кто? Маг, — пояснила Эста. — Вполне возможно, что Бассо унаследовал от него какие-то способности. А это было их проявление. Отвод глаз… или невидимость. Или еще чего…
— Бассо — маг?
Лицо Дины выражало искреннее, неподдельное изумление.
— Почему бы и нет? Если он единственный мальчик-варг, то почему бы ему не быть еще и магом? Уникальный — так во всем.
— Но ведь… Тетя! Это же чудо!
— Чудо, чудо… но вот только что теперь с этим чудом прикажешь делать? — сварливо произнесла Эстелла.
— В смысле? А что с ним нужно делать?
— Вот именно нужно. Его нужно учить будет! А кто это будет делать? Магов пригласим? Или в университет отдадим? А?
— А…
— Вот тебе и «а», — глубоко вздохнула начальница тайной стражи. — Сдохну я когда-нибудь от всех этих забот… Как пить дать сдохну…

Эри

— Ба-а-а! Дорога!
Я не смог удержаться от возгласа радостного изумления, выбравшись из кустов, сквозь которые продирался последний час. Проклятые растения! Цеплючие, колючие и все норовят ветками в лицо попасть! А мозгов сразу поставить щит не хватило… Четверть часа назад только сообразил… и вот — дорога! Пусть узенькая, плохенькая, но дорога. Награда. Награда за мучения в диком лесу, намекающая, что цивилизация где-то рядом! Не скажу, что я сильно устал от неудобств (их в бытовом плане практически не было), но вот одиночество… Стало уже потихоньку доставать. Поговорить не с кем! Дичать начал…

И вот дорога! Со следами повозок. Это хорошо. Значит, где-то за поворотом есть жизнь. Но куда мне теперь по ней идти — налево или направо?
Я задумался, вспоминая карту.
Если я начал отсюда… шел примерно туда… то… То тогда я сейчас где-то посредине, и сворачивать мне лучше налево. К основному тракту…
Приблизительно сориентировался я уже на второй день своего лесобродяжничества. Ежесекундно рискуя жизнью, забрался на скользкое мокрое дерево и, приложив ладонь ко лбу, оглядел горизонт. Равнина-с… Одни верхушки елок торчат. Во все стороны — сплошная зелень. Никаких явных ориентиров! Но по видневшимся вдали чуть горбившимся холмам я как-то сумел задать себе направление. Оказалось, что даже правильно. Вот, дошлепал…
Я повернул налево и пошел по краю дороги, искренне надеясь на то, что в своих расчетах я ошибся и жилье где-то совсем рядом. Там можно будет купить лошадь (Сихот с ней, согласен на ее присутствие!), или, может, какой почтовый дилижанс останавливается… Куплю билет…
— А ну! Стоять! — донеслось из кустов справа, грубо прерывая мои грезы.
Опс! Цивилизация! Стою. Жду.
На дорогу вышли пятеро. Вид — помято-небритый. Взгляды — угрюмо-мрачные. В руках — железяки.
— А ну гони деньги! Все! И одежду снимай!
— Что, неужто грабите? — обрадовался я.
— Нет, подарки дарим, — ухмыльнулся в ответ самый здоровый. — А ну живо! И без шуточек! Враз приласкаем!
В подтверждение словам он внушительно качнул сжимаемым в правой руке мечом.
— Да, вижу по вашим рожам, что ласка — это то, чего у вас давно не было. Сейчас я это исправлю!
— Ну ты… — начал было, похоже, главарь, но закончить фразу не успел. Наслаждение накрыло его с головой.
Дзынь. Звякнул о какой-то камушек на дороге выпавший из его разжавшихся пальцев меч.
Как-то часто я стал пользоваться эротическим заклинанием, отметил я про себя этот факт, делая шаг назад и ставя вокруг себя «щит». Может, стоит подумать о повышении частоты его кастования? Весьма удобная штука, оказывается… И без всяких внешних эффектов делается. Незаметно-неожиданно…
Подельники «приласканного» пока не поняли, что что-то пошло не так. Они со зверскими рожами стояли по бокам своего предводителя и пялились на меня, создавая «страшную массовку».
Нет, определенно стоит подумать над повышением скорости, решил я, закончив со «щитом» и начиная вновь создавать «шок любви».
Красный лицом, атаман стал приходить в себя, но едва он набрал в грудь воздуха, собираясь что-то свещать, как его вновь накрыло. Причем так, что в этот раз он упал на дорогу.
— Маг! — заорал один из разбойников.
— Бей! — закричал другой.
Дальше началось движение.
Самый умный, который крикнул «маг», кинулся бежать, тот, кто крикнул «бей» — задрав к небу меч, ринулся на меня, двое оставшихся разбойников остались стоять неподвижно, видно соображая, что им выбрать из предложенных вариантов?
Я сделал шаг вбок, уходя с линии атаки нападающего, одновременно хватая его одной телекинетической рукой за запястье руки с мечом, а второй — потянувшись за давшим деру. Убегать он мне тут будет! Ничего себе! Целых два камня! Щас!
Короче, недолго музыка играла. Ну что они могли противопоставить великой силе любви? Та ничего! Я связал потерявших всякую агрессию после вкачанного каждому «шока» разбойников и запихал их в свой невидимый мешок.
Удачно-то как, подумал я. Вот и средства обмена…

— С тебя десять камешков, — сообщил я, едва Уртриш появился в пентаграмме в образе демонессы.
— А где… — начал тот, глянув на пять тел у его ног и уставившись на мои ноги в штанах.
— Прекрасная эльфийка? С голыми ногами? Уехала она, — перебил я его. — Слушай, давай не будем разводить словесности! Мне уже жуть как остохренел этот мокрый лес, эти бесконечные беседы с облаками и деревьями. Я не эльф. Я хочу хоть в какую-никакую, но цивилизацию! Забирай этих пятерых неудачников, отсчитывай мне мои десять камешков и бывай до следующего раза! Когда я буду в состоянии вести долгие разговоры!

Мой торговый партнер пристально посмотрел мне в глаза, хмыкнул, чуть пожав плечами, достал из воздуха мешочек из красной ткани и высыпал на ладонь все, что в нем было. Отсчитал десяток камней, положил их обратно. Остальные камни снова запрятал где-то в воздухе.
Фокусник, подумал я, внимательно наблюдая за его манипуляциями, как-то это смахивает на Абасовский пространственный мешок… Уж не у демонов ли утащил он свое заклинание?
— Десять, — сказал мой партнер, нагибаясь и кладя мешочек на землю.
Я кивнул.
— Удачи, — на прощание сказал Уртриш, исчезая вместе с разбойниками.
— И тебе, — ответил я уже в пустоту. — Она нам всем нужна…
В зеленых лучах гаснущей пентаграммы на земле лежал маленький красный мешочек. Интересно, сделал он мне какую-нибудь гадость или нет?
Но ничего аномального в нем мне обнаружить не удалось.
Хорошо. Продолжаем сотрудничество. Я наклонился за мешочком.

Стефания

— Нет, госпожа маг! Пощадите! Молю всеми богами! Не-эт! Нет! А-а!
Распятый на дыбе заключенный забился, дергая руками настолько, насколько позволяли ему веревки. Его бледное лицо с вытаращенными глазами было перекошено страхом, а открытый рот с гнилыми зубами исторгал вой ужаса, эхом отражавшийся от низкого каменного потолка и стен, резко отдаваясь в ушах.
Перед дыбой в длинном черном плаще до пят, с откинутым на спину капюшоном стояла Стефания. В ее правой, поднятой и развернутой ладонью вверх, руке клубилось небольшое темное облачко. Залитые тьмой глаза поблескивали, отражая свет масляных ламп на стенах. Позади и немного сбоку от Стефании стоял ее учитель — магистр Николас, тоже в черном плаще до пола. Он контролировал процесс.
— И долго мы будем еще слушать его вопли? — поинтересовался он, видя, что его подопечная замерла и не двигается. В интонации вопроса было слышно недовольство.
Стефи не ответила. Темное шарообразное облачко проклятия все так же неспешно вращалось над ее неподвижной ладонью. В этот миг она размышляла о том, как все цепляется одно за другое, создавая цепь вроде случайных событий, но которые в итоге становятся жизнью. И изменить в этой цепи уже ничего нельзя. Ничего… Письмо, обнаруженное под дверью, вызвало желание отомстить. Желание превратилось в просьбу — обучить проклятиям. Но обучение невозможно без практики. И вот она стоит в пыточной городской тюрьмы, а перед ней визжит от страха выделенный «на опыты» заключенный.
«Если я ошибусь, то, вполне возможно, я его убью, — подумала Стефи, глядя на извивающегося на дыбе человека, — убью, смотря ему прямо в глаза. Не в бою, не защищая свою жизнь, а так… ради опыта. Ради того, чтобы стать магом… Это бесчеловечно! Я ведь не убийца! Но если я сейчас этого не сделаю, то я так и останусь никем!»
Перед внутренним взором девушки замелькали картинки: ухмыляющаяся Алистера, кричащая на нее императрица, внимательный взгляд Хайме, болтающие за кустом сплетницы…
«Я не могу быть никем! — с отчаянием выкрикнула про себя Стефания. — Со мной должны считаться, я должна иметь что-то, с чем могу бороться за себя, защищать тех, кого люблю! Это правильно. Но… получается, что для этого я должна стать… палачом».
Стефи обернулась на магистра. Николас, наклонив к плечу голову, ответил ей заинтересованным взглядом. Похоже, он понял, какие мысли обуревают его студентку и чем вызвана задержка. Магистр ничего не сказал в ответ на ее взгляд.
«Нет! Он в свое время сделал выбор. Свой выбор. А я должна решить за себя! Сама!»
Стефания вновь обернулась к воющему заключенному. Выгнувшись дугой, насколько получилось, тот выл на одной ноте, задрав подбородок. Изо рта текла слюна, и от него пахло мочой, помоями и давным-давно не мытым телом. Окинув его взглядом, девушка вновь заговорила сама с собой:
«Разве он стоит моего будущего?»
«Ему больно и страшно».
«Он вор. Он воровал».
«Он страдает. Он живой».

«Все равно его казнят. Или отправят на рудники. Оттуда не возвращаются».
«Но его смерть будет не на твоей совести. Палач не может быть целителем».
«…»
«Палач не может быть целителем».
«Наверное, мне придется отказаться от мечты стать целителем. У меня все равно ничего не получается…»
«Отказаться от мечты помогать людям? Вместо этого — убивать их?»
«Я должна хоть кем-то стать! У меня нет выбора!»
«Выбор есть всегда!»
Секундная пауза. Закончив спорить сама с собой, Стефания глубоко вздохнула, закрыла глаза и приняла решение.
Темное облачко стремительно метнулось из разжавшихся пальцев к телу заключенного, ударив его в грудь. Дикий крик резанул по ушам и оборвался, замерев на высокой ноте. Выгнутое дугой тело обмякло, косо повиснув на удерживающих его веревках.
«Убила!»
— Слишком много силы вложила, — спокойно произнес Николас, глядя на труп. — Твоя обычная ошибка — неумение контролировать силу. Еще не стоит думать о посторонних вещах, когда творишь заклинание. Концентрация и еще раз концентрация! Вот твой путь к успеху!
Магистр нравоучительно поднял вверх указательный палец. Стефи же, закусив нижнюю губу, расширенными глазами смотрела на тело.
«Убила, убила, убила…» — уколами пульсировала в ее мозгу единственная мысль.
— Нужно будет поработать еще, — повернулся к своей студентке магистр, — чтобы в следующий раз проклятие немоты вызывало немоту. А не смерть…
«Следующий… раз? Еще раз? Ой, мамочка! Я больше не смогу! Не смогу!»
Стефи почувствовала, что еще мгновение — и у нее начнется истерика.
Бум стукнула о стену открывшаяся дверь в пыточную, звякнув металлическими кольцами. Николас и Стефания оглянулись на звук. В дверном проеме стояла фигура в белом.
— Исчадия тьмы, — после секундного взаимного разглядывания произнесла она обвинительно-уничижительным тоном. — Коверкаете и губите невинные души?
— Не преувеличивайте, отец, — с иронией в голосе ответил Николас, — не такие уж они тут и невинные.
— Всякая душа может получить покаяние!
— О, несомненно. И после покаяния загубленные ими души тут же восстанут из могил живые и здоровые…
Голос магистра переполняла ирония.
— Я не буду говорить с тобой о душе, некромант. Ты уже давно умер и проклят навек. Ты сам знаешь это. Но все равно тащишь за собой в бездну других. Ты погубил невинное дитя, толкнув ее на путь соблазна повелевать жизнями других…
Голос, идущий от двери, был ровен и спокоен.
— Увольте меня от ваших проповедей! — пренебрежительно усмехнулся магистр, махнув рукой. — Всякий раз, когда я слышу подобное, мне кажется, что говорящий бредит!
— Твой разум закрыт для сокровенного знания.
— Мои мозги на месте. И прекрасно понимают, что им рассказывают сказки, которыми вы кормите всех уже несколько сотен лет. Так что можете не затрудняться повторять. Я их знаю уже наизусть.
— А документы у вас есть? Разрешение… — вкрадчиво прозвучало от двери.
— А как вы думаете? — с иронией ответил вопросом на вопрос магистр.
— Покажите.
— С каких это пор служитель ордена требует документы у магов? Я что, чего-то не знаю?
— У вас нет документов.
— Посетите начальника тюрьмы и спросите их у него. Его можно найти: длинная лестница наверх, потом справа длинный-длинный коридор, перейдете большой двор, серое здание и на второй этаж. Думаю, что немного подвигаться вам не повредит. Движение — это жизнь. Вы же боретесь за жизнь, не так ли? — В голосе магистра была неприкрытая издевка.
— Да, мы боремся за жизнь, в отличие от вас… Я знаю, где кабинет начальника тюрьмы. Обязательно посещу его.
— Ни секунды в этом не сомневаюсь, отец.
Стукнув, дверь закрылась. Маги вновь остались одни.
— А… что тут делают орденцы? — непонимающе спросила Стефания, поворачиваясь к магистру. — В тюрьме?

— Облегчают путь к Хель всякой мрази, — презрительно усмехнулся Николас, — душа и все такое… Заодно всякие секреты, пожертвования и места кладов от приговоренных воров и разбойников, в обмен на обещание легкого пути. Ладно, пойдем! А то тут воняет.

Эри

«О, альма-матер! Прими своего вернувшегося студиозуса под благостную сень твоих стен!» Я ерничал, стоя в тени главного учебного корпуса, и, задрав голову, смотрел на острый конек его крыши, четко вырисовывающийся на фоне голубого неба. Прошло уже почти два месяца, как я выбрался из леса, и вот, наконец, столица! Ничего интересного за эти два месяца абсолютно не произошло. Дорога, дорога и еще раз дорога. Где-то грязная, где-то пыльная, по большей части тряская и абсолютно скучная. Случайные попутчики в дилижансах, убивающие время за бессмысленными и скучными разговорами. Один раз, правда, удалось послушать то, что заинтересовало меня, — последние столичные сплетни. На постоялом дворе встретились какие-то дальние родственники, едущие в сторону столицы, и те, которые только что из нее. Естественно, без пересказа новостей встреча обойтись не могла. Ну и я послушал, благо за соседними столами сидели. Про праздники в честь эльфов и последующие безобразия, последовавшие вслед за их приездом, я слушал вполуха, поскольку эти новости для меня были уж не такими и новыми, а вот сплетня про то, что принц привел во дворец темную невесту, которую ее родители выгнали потом взашей, меня заинтересовала. Как и все последующие подробности на эту тему, многие из которых звучали слишком невероятно, чтобы быть правдой.
«Все-таки Стефи ромашка! — подумал я, жуя пирожок и задумчиво оглядывая грязный потолок придорожного трактира. — А ведь я ее предупреждал, чтобы, перед тем как что-то делать, думала! Но нет, похоже, не судьба… Сидит теперь небось вся в соплях и травят ее все кому не лень… Белая и пушистая повелительница Тьмы…»
Вот, пожалуй, и все, что было интересного в дороге. Путешествовал я в дилижансах под видом студента. Дилижансы — дешевый вид транспорта. Социальная ступень между откровенной голытьбой и бедными. Для благородных — ездить в таком не комильфо. У них все свое должно быть — лошади, кареты, возницы и конюхи. Дворянин поедет в дилижансе только в случае крайней нищеты, делая при этом вид, что он тут «ну совершенно случайно»! Видел я одного такого. Весьма забавно выглядел. Меня же вопрос ранга совершенно не жал. Студентам было допустимо ездить. Да и мне было все равно. Кто меня тут потом вспомнит? А при выборе между каретой и лошадью карета выигрывала по комфорту. Поэтому я спокойненько нацепил на себя значок факультета целителей и отправился в дорогу вместе со всякими ремесленниками, еще не разбогатевшими торгашами и более-менее крупными местными фермерами. Легенда у меня была простая и понятная: «Отправлен мастером на поиски редкого цветка „эдельвейс“, необходимого для создания эликсира долголетия, цветок не нашел — еду назад». Услышав про долголетие, народ сразу начинал прикидывать, скока на этом можно заработать, и беседа уходила в одно и то же русло — «что за цветок такой?». На это я предъявлял заранее заготовленный рисунок, и дальше можно было с часок спокойно подремать, пока мои попутчики спорили между собой на тему «что это такое?». Честно говоря, я сам не знаю, чего я там за ассорти нарисовал. Главное, что без зубов вышло и поэтому за цветок прокатило. Единственно, что было неприятно в таком путешествии, — проверка документов. Очень любила охрана на границах княжеств этим заниматься. В общем-то понятно. Всяких имущих особо не поостанавливаешь. Нет, можно, конечно. Но неприятности себя ждать не заставят. А тут целый фургон людей с какой-никакой денежкой и не благородных. В общем, хоть есть указ императора о порядке движения по дорогам, можно попробовать развернуться. В одном месте попробовали. И меня «привлекать начали», хоть я им и сказал, кто я. Однако не возымело, ибо действом руководил заливший глаза сынок местного барона, которому в тот момент море было даже не по колено, а разве что по щиколотку. Ну глянул я на это раз, глянул два, а потом сынок как рванул! Только запах остался. Птицей перемахнул канаву, сквозняком прошел сквозь плетень, огораживающий огород у дороги, но сквозь глиняную стену избы просочиться не сумел — остался лежать под ней, хряснувшись со всей дури головой. Однако, мне кажется, что используй я не сиреневый, а серый ужас, он бы и эту преграду взял. Было бы тогда в избе входное и выходное «благородное» отверстие… Вообще обнаглели… Какой-то занюханный баронет на студентов столичного университета магии наезжать будет…

Завернул по дороге к одному из магистров, рекомендованных ректором. Сделал крюк, чтобы «поцеловать дверь». Маг уехал куда-то в гарнизон, планируя вернуться эдак через полгода, к весне. Ну я «поцеловал», плюнул и поехал дальше, в столицу, решив, что такие встречи нужно обязательно обговаривать заранее. Ибо тут такие дороги и транспорт, что просто так не намотаешься.
Первым, на кого я наткнулся, пройдя ворота университета, была Алистера.
— Графиня, вы с каждым днем все прекраснее и прекраснее! — сделал я комплимент, галантно поклонившись.
Она на меня вытаращилась как на говорящее дерево, гуляющее корнями по улицам. Я не стал дожидаться, пока у нее замкнет в голове и она чего-нибудь скажет в ответ. Вдруг гадость какую-нибудь? Настроение испортит. А у меня сегодня прекрасное настроение! Я улыбнулся Алисточке в тридцать два зуба и пошлепал к ректору, надеясь, что мне там обрадуются больше, чем на воротах. Увы и ах! Я ошибся. Ректор впал в ступор почти так же, как и графиня. По глазам было видно, что он мне совсем не рад.
«Какие же кругом черствые люди!» — подумал я с улыбкой про себя, серьезно глядя на озабоченное лицо Мотэдиуса.
Ну никто не хочет вскрикнуть при виде меня: «Хай, привет! Как дела?» Однако, думаю, что все же одна личность мне обрадуется…
Похоже, ректора больше всего интересовало, куда делась Эриэлла? Поскольку свой первый вопрос он задал об этом.
— Так… — неопределенно сказал я, демонстративно наматывая на правый указательный палец отсутствующий локон, — как-то все само собой рассосалось… Проснулся утром, и вот я — снова я!
Я лучезарно улыбнулся ректору, предлагая ему разделить мое солнечное настроение, но у него было «дождливо».
— Хм… рассосалось? — насупив брови и хмуро глядя на неспешное вращение моего пальца, произнес он. — Как такое возможно?
— Алатари его знает… — туманной фразой ответил я.
— Алатари?!
Вскинувшись, ректор уставился мне прямо в глаза. Я снова ему улыбнулся, постаравшись сделать это как можно кокетливей, как сделала бы это Эриэлла.
— Ага, — подтвердил я и задал вопрос: — Господин ректор! Перед моим отъездом мы говорили о моем допуске в архивы. Что-то изменилось… с той поры?
Слегка скривившись, Мотэдиус ответил, что разрешение на мой допуск получено, но сейчас ему кажется, что этот вопрос «в связи с некоторыми обстоятельствами следует рассмотреть внимательнее…». Такое заявление меня абсолютно не удивило. Иного ожидать и не следовало. Длинной фразой, с иносказательными заворотами, я сообщил собеседнику, что я невероятно белый, пушистый, лояльный и склонный к переговорам зверь в его зверинце под названием университет, и могу принести главному укротителю просто массу пользы, если меня будут выгуливать и кормить. И не злить…
Ректор мой сложный «въезд» понял и принял к сведению. На этом я откланялся, сообщив, что у меня все просто отваливается с дороги, и я буду рад побеседовать немного позже… Когда приду в себя.
Оставив господина архимага складывать в голове комбинации и придумывать, чем заполнить отсутствующие куски, я пошел к себе, благо узнал от него, что моя комната до сих пор числится за мной и я могу спокойно в нее вернуться, что я и решил сделать. И вот я стою перед главным корпусом, в трех минутах ходьбы от цели.
«Привет! Ты занята?» (Улыбка.)
«Ой! Эри?! Ты?» (Неверие.)
«Я».
«Ты вернулся?!»
«Я же обещал. Ветер оказался попутным, и я снова здесь…» (Улыбка.)
«Где ты?» (Нетерпение.)
«Через пару минут буду у себя в комнате. Зайдешь?» (Любопытство.)
«Спрашиваешь! Конечно, приду! Ой! До конца занятия еще десять минут… У-у-у…» (Страстное желание вскочить и бежать.)
«Я жду».
«А где ты был?»
«Придешь — расскажу». (Улыбка.)
«Умм…» (Недовольство, каприз.)
«Всего лишь десять минут…» (Ирония.)
«Хорошо, я подожду…» (Недовольство.)

Я иронично ухмыльнулся и неспешно пошел к своему домику. Поднялся по лестнице, зашел в комнату. Огляделся. Кругом порядок. Пол чистый, пыли нет, кровать застелена чистым бельем. Что ж… Замечательно.
Пум — хлопнула внизу наружная дверь.
Торопливый стук маленьких каблучков, бегущих вверх по лестнице. Наклонив голову к плечу, оборачиваюсь, улыбаясь.
Тах — распахивается дверь в комнату. На пороге — сияющая, слегка запыхавшаяся Стефи.
— Эри!
Ученическая сумка, кувыркаясь, летит в кресло, а Стефи кидается мне на шею.
— Э-э-эри! — радостно визжит она, вися на мне и болтая от восторга ногами в воздухе.
Внезапно я ощущаю прижавшуюся ко мне ее грудь и все тело.
— Эри! Я так скучала! Так скучала!
От переполняющих ее чувств она наклоняет голову и целует меня… в губы. Я вытаращиваю глаза, держа обеими руками повисшую на мне Стефи. Какая она мягкая!
Полсекунды, секунда, и вдруг что-то как замкнуло!

Немного времени спустя

Прихожу в себя. Смотрю. Близко-близко лицо Стефи. Надо мной. Сверху. Смотрит в упор. Выражение — обалдевшее. Пауза, секунды на три, в которую я мысленно пробегаю по себе, делая ревизию. Вроде все на месте — руки, ноги, туловище. Ничего не болит. Ощущение легкости. Скашиваю влево глаза — завалившаяся набок кровать со стянутым на пол матрасом и простынями. Я на полу. Сверху Стефи. Гм… А почему у нее голые плечи? Где ее платье?
В этот миг Стефания наконец отводит глаза от моего лица и опускает их вниз, упираясь взглядом во что-то… Я тоже смотрю туда, куда смотрит она. Грудь. Моя голая грудь… Голая! Секунду недоуменно смотрим друг на друга.
— А-а… Что мы наделали!
Закрыв щеки ладонями, Стефи шумно втягивает в себя воздух и садится на мне.
— Уй… — отреагировал я на ее движение, — слезь с меня! Ты мне что-то придавила!
Ойкнув, она вскакивает на ноги. Смотрю на нее, потом на себя. Ну так и есть — нудистка! И я тоже…
— Я же обещала Динию… Я же пообещала…
— Обещать не значит жениться! — хмуро изрек я, садясь. Сихот, что так спину жжет? — И что ты ему пообещала?
— Он просил… стать его женой… Я согласилась! Он подарил мне кольцо! Мы с ним помолвлены!
«Крандец…» — подумал я, рассматривая свои плечи.
— Что я теперь ему скажу? Как я буду ему в глаза смотреть? А? Что ты наделал?!
— Я наделал?
— А кто? Не я же!
— Сначала мы, теперь вдруг я… Сама виновата!
— Я виновата?! Я?! Это чем же?!
— Нечего быть такой…
— Какой?!
— Мягкой и теплой…
— Мягкой? Теплой? Ты что, дурак?
— Сама дура… — хмуро ответил я, поднимаясь на ноги и морщась от боли, — где мои штаны?
— Сам ищи свои штаны!
— А ты одеться не хочешь?
— Ой!
Штаны мои обнаружились на ее мантии. Мантия на полу, штаны — на ней.
Все чище, чем на полу, подумал я, с кряхтением нагибаясь за ними. Только поднял — сзади, обдав меня в ментале волной возмущения, резко дернули за рукав мантии, и Стефина ученическая одежка улетела за меня. Напялив штаны, я притормозил с рубахой и, создав два небольших зеркала, принялся осматривать свою спину, чтобы узнать, что же у меня там такое щиплется? Позади меня, там, где была Стефания, раздавался шорох одежды и сердитое сопение.
М-да, подвел я итог осмотру, как говорится, кто бы мог о ней такое подумать? Что ж… Будем лечить… Благо я теперь могу сам.

Убрав зеркала, я осторожно накинул на себя свою белую рубашку и, морщась, принялся застегивать пуговицы. Внезапно эмоциональный фон за моей спиной сменился с возмущенного на агрессивный. Оборачиваюсь. На уровне глаз — остро отточенный карандаш. Сзади — взлохмаченная Стефи, уже успевшая влезть в свою зеленую хламиду. Карандаш она держит в вытянутой правой руке, словно шпагу.
— Эриадор Аальст! — Ее голос полон возмущения. — Ты совершил недостойный поступок! Воспользовался моим дружеским отношением к тебе, чтобы сделать эту гнусность!
Пауза. Смотрю на чуть дрожащий острый кончик, потом перевожу взгляд на ту, которая тычет им в меня. Румяные щеки, припухшие приоткрытые губы, белые блестящие зубки… Черные глаза широко распахнуты, ноздри гневно трепещут, волосы в беспорядке. Решила сразу расставить точки над «i»? Правильно. Самое время.
— Собираешься заколоть меня карандашом? Добить хочешь?
— Добить?
— Давай я тебе кое-что покажу, жертва гнусного поступка…
Я принялся вновь расстегивать на себе так до конца и не застегнутую рубаху.
— Что ты делаешь? Зачем… опять ее снимаешь?
В голосе Стефи легкая растерянность.
— А ты глянь, — ответил я, скидывая рубашку и поворачиваясь к ней спиной. Руки я поднял вверх на манер цирковых атлетов. — Ты не знаешь, случаем, это следы чьих ногтей, а?
Сзади потрясенное молчание.
— Ты в лохмотья разодрала мне спину своими когтями, — сказал я, опуская руки и поворачиваясь. — А вот эти зубы… тоже не знаешь, чьи они? Вот, вот и вот.
Я поочередно прикладывал указательный палец к левому плечу, указывая на места укусов.
— И на правом тоже есть. Вот и вот. И на шее. Судя по всему, тебе было совсем не плохо, коль ты так по мне прошлась. Разве это не говорит о твоем желании и согласии? Почему ты теперь обвиняешь только меня? А ты что?
Стефи втянула голову в плечи и насупленно, из-под бровей разглядывала синяки на моем теле. Карандаш она нехотя, но опустила.
— И вообще, — я сделал шаг к ней, — если ты бросаешься к парню на шею и целуешь его в губы… То чего же ты ожидаешь в ответ?
Я сделал еще шаг, еще и еще. По мере того как я наступал, Стефи пятилась, пока не уперлась спиной в стену.
— Скажи мне, темноглазка, — спросил я, уперев левую ладонь в стену, рядом с ее головой, и приблизив свое лицо к ее лицу. — Скажи! Мне очень интересно — чего ты ожидала?
Стефи молчала, смотря в пол и закусив нижнюю губу.
— Ой! — Внезапно она вскинула голову, и ее глаза и губы оказались близко-близко с моими. — Мне же… нужно…
Зрачки ее стали расширяться, а в ментале я почувствовал страх.
— Пусти! — отпихнув меня, нависающего над ней, в сторону, она выбежала из комнаты.
Бум — хлопнула дверь.
Стремительный стук сбегающих по лестнице каблучков, хлопок внешней двери и тишина…
— М-да, — сказал я, послушав эту тишину с пяток секунд и оборачиваясь к лежащей на боку кровати со сломанными ножками и скинутой на пол постелью, — вот так встреча…

Стефи

Дзинь!
Запущенный мной что есть силы пустой пузырек разлетелся на множество осколков, разбившись о каменную стену дома.
Ну что я за дура! Ну один раз можно было в лавке появиться, но прибегать снова всполошенной курицей и опять лепетать о своей подруге? Старушка конечно же все поняла! Она ведь не такая идиотка, как я! Иначе зачем ей было мне предлагать «замечательное средство с гарантированным сроком в один месяц»? У-у-у… как стыдно… Больше ни за что сюда не приду! Позориться… Но что же мне теперь делать?
Я в растерянности стояла посреди улицы и не знала, куда мне пойти.
Вернуться в университет? Там Эри… Я представила его ироничную улыбку, взгляд и передернула плечами.

Брр! Не хочу его видеть! Как у нас с ним это могло случиться? У меня теперь двое мужчин! О Мирана! Этого просто не может быть! Я же не падшая женщина? Только у них бывает много мужчин! Нет, нет и нет! Я не такая!
Мысли метались в голове, словно люди на пожаре. Во рту стоял горький вкус только что выпитого зелья.
Пойду запью чем-нибудь в кондитерскую. Там можно взять коффай и у них всегда свежая сдоба. Посижу и успокоюсь…
Приняв решение, я пошла в нужном направлении, продолжая размышлять о случившемся. Не хотела я его в губы целовать! Хотела в щеку! А он повернул в этот момент голову. Если бы я стояла на ногах… то я бы успела изменить направление. Просто… он качнулся… От того, что я прыгнула на него… Это он не удержался! Стоял бы крепче, я бы его поцеловала в щеку, и все… Он виноват, он! И потом, ну и что, что я его поцеловала в губы? Я ведь не имела в виду ничего такого! Это была случайность! Это не повод так поступать!
Тут я дошла до кондитерской, и мне пришлось прервать поток своих мыслей. Сделав заказ и сев на удачно оказавшееся пустым мое любимое место у окна, я стала ждать, когда мне принесут его. И конечно же вновь начала думать о случившемся. Но в этот раз, словно где-то открыли ворота, на меня нахлынули другие воспоминания: вот кончики пальцев Эри скользят по шее вверх и зарываются на затылке в мои волосы… Молнии, пробегающие вниз по позвоночнику от прикосновений этих пальцев… Его внимательные глаза, смотрящие так, что почему-то подгибаются колени… Уверенные ладони, исследующие мое тело… И такое ощущение, что нет никакой мантии… Словно они скользят прямо по коже… А потом, я… Ух! Неужели это делала я?
Кровь прилила к щекам, воротник прижал горло, а целительская мантия внезапно стала тесна в груди, не давая никак полностью вздохнуть.
Это было как… как огонь! Огонь, раздуваемый сильным ветром! Да! Жаркий и все сжигающий на своем пути пожар, от которого нет спасения! Можно только сгореть в нем, моля, чтобы он не сжег тебя до золы, оставил хоть капельку… хоть уголек! С Динием было не так… С ним я словно растворялась в золотом свете… задыхаясь от переполняющей меня нежности и любви…
Я задумалась, вспоминая и сравнивая, и тут мне в голову ударила мысль:
«Богиня, что я делаю?! Как я могу их сравнивать? Так, словно у меня действительно теперь есть двое мужчин и я собираюсь быть с каждым из них! Нет! Так нельзя! Я не такая!»
— Прошу вас, госпожа, ваш заказ! — внезапно сказали рядом, заставив меня вздрогнуть.
Девушка-официантка начала переставлять заказанное мной с подноса на столик. Я кивнула, стараясь вздохнуть и как-то унять бешено стучащее сердце.
Надеюсь, я не слишком красная? Чувствую — щеки горят. Как бы она не подумала чего…
Я низко наклонилась над чашкой, пряча свое лицо.
Как стыдно… Если бы она узнала, о чем я думаю, я бы точно провалилась на месте…
Но как такое могло со мной случиться?
Я снова вернулась мыслями к волновавшему меня вопросу, едва официантка ушла.
Я же всегда была скромной. Старшая сестра даже говорила — чересчур. А теперь у меня двое мужчин! Как же так? Нельзя любить сразу двоих! А что, разве я Эри… тоже люблю?
Я задумалась, пытаясь определить — люблю я его или нет? Постаралась припомнить все с ним наши разговоры. Как он на меня смотрел, что говорил… Что я при этом чувствовала?
Вспомнив все, что вспомнилось, я сделала вывод: Эри — хороший друг, он мне нравится, и я всегда ему нравилась! Он всегда оказывал мне знаки внимания! Если бы я не встретила Диния, то я, наверное, влюбилась бы в Эри. Ведь недаром говорят, что «от дружбы до любви — один шаг»! Но я люблю Диния и… и что же мне теперь делать? Если я все расскажу ему… он ведь… он не простит! Я клятвопреступница! Я обещала ему… А Эри? Зачем он так сделал? Он же знал, что я с Ди… Нет, не знал! Его тогда не было. Я ему сказала об этом позже — потом. Он тоже больше не захочет говорить со мной! Он станет презирать меня! И я потеряю их обоих! Что же мне делать?
Я почувствовала, как мною овладевают паника и страх. Страх, завязывающий живот узлом ужаса. Очертания окружающей меня обстановки поплыли в предательских слезах.
— Боги… за что мне такое наказание? — прошептала я, чувствуя, как слезы бегут по щекам. — Я ведь умру без них обоих… Мое сердце разорвется на две половинки и полетит за ними…
«Тебе придется разделить свое сердце…» — внезапно прозвучало у меня в голове.
— А? Что? — вскинулась я.
Я испуганно оглянулась по сторонам, но вокруг никого не было.
Какая-то знакомая фраза, где я это слышала? Мм… Сатия! Точно! Она мне тогда это в парке нагадала! И еще она сказала: «Тебе нужно опасаться темноглазого демона. Он может все погубить…» Неужели… Эри — тот темноглазый демон? Ах! Не может быть!

Меня словно окатили ледяной водой. Я стала лихорадочно припоминать мой разговор с богиней.
Сатия еще тогда переставляла камни… Она сказала, что я светлый камушек — агат. Он был рядом с большим красным камнем, а потом она передвинула его между черным и красным! Темноглазый демон, черный камень — это Эри? У него темные глаза! Сходится! А Диний — красный камень, принц крови! Да! Именно так! А потом она придвинула еще два камешка — голубой и розовый… Кто это? Маленькие камушки… голубой и розовый… это… мальчик и… девочка? У меня будет двое детей? От кого? От Диния или… Нет! Я не могу думать об этом! Я сейчас с ума сойду! Боги, зачем мне это? Я не хочу! Мне страшно! Я сидела, вцепившись в маленькую коффайную ложку обеими руками, и меня колотила крупная дрожь.
«Поговорить не желаешь?»
— Ай!
От хмурого бестелесного голоса Эри, внезапно раздавшегося у меня в голове, я подскочила на месте. Белая фаянсовая кружка с остатками коффая и блюдце, задетые локтем, полетела на пол.
«Словно моя жизнь, — внезапно подумала я, глядя на разлетевшиеся по полу белые осколки, — моя прежняя жизнь…»
— Что это она там пьет? Это детям не повредит, а? — озабоченно нахмурив брови, Марсус задал вопрос богине жизни, глядя, как Стефи, задрав подбородок, поглощает содержимое пузырька.
— Каким детям? — подняла брови та.
— Двойне. Которую ты ей сделала.
— Ничего я ей не сделала.
— Почему не сделала? — поразился Марсус.
— Я что, похожа на дуру?
— Почему на дуру? — повторившись, вновь не понял бог войны. — Избранный в кои-то веки нашел себе подружку. Поступил с ней как нормальный, закаленный в боях воин, берущий добычу! Самое время заделать ему пару отпрысков от наложницы! Мы же договаривались! Ты что?
— Марсус, приди в себя, — насмешливо произнесла Хель, — я знаю, в Восточном халифате была знатная резня и ты только что оттуда. Но здесь не халифат. Очнись. Какая наложница? Какой воин? Тут империя.
— Какая разница! Халифат, империя… Законы жизни везде одинаковы! Убей — или будешь убитым, сожри — или останешься голодным, трахни или ее трахнет кто-то другой!
— Квинтэссенция философии войны… — иронично прокомментировала богиня смерти.
— Ой, да ладно! — махнул рукой Марсус. — Можно подумать, что ты этого не знаешь! Еще скажи, что это не так!
— Ди, — не ответив ему, Хель скосила глаза на Динаю, — как тебе такие «законы жизни»?
— Смотрю, тебе хочется пофилософствовать? — ответила ей та вопросом на вопрос.
— Гимнастика ума позволяет неплохо скоротать время… Ди, а действительно, почему ты не вдохнула в нее новую жизнь? Момент ведь был подходящим.
— Я что, похожа на идиотку, чтобы лезть к избранному?
— Вот как? — подняла брови Хель. — Значит, по-твоему, я идиотка? И Мирана тоже идиотка?
— Я чувствую, что тебе хочется скандала.
— Отнюдь. Но почему я должна спокойно пропускать мимо ушей такие заявления в свой адрес?
— Я совершенно не имела в виду то, что ты подумала. Я просто хотела сказать, что это совсем не тот момент, когда следует рисковать.
— Какой такой момент? — заинтересованно подавшись вперед, спросила Хель.
— У нее две золотые ниточки. Одна идет от нее к ее принцу, а другая — к нашему избранному. Так не бывает! Истинная любовь только одна. Мирана может это подтвердить. Правда, Ми?
— Сама ты идиотка! — совершенно не по теме выпалила в ответ богиня любви. — Я, значит, чуть не развоплотилась, таская из огня каштаны для всех, а теперь меня, значит, идиоткой называют? Хорошенькая благодарность!
— Прошу всех присутствующих, — богиня жизни протяжно вздохнула, закатив глаза к потолку, — принять мои глубокие извинения за легкомысленно произнесенное слово. В следующий раз, обещаю, я буду более осмотрительна в своих высказываниях…
— Да, именно — легкомысленно произнесенное, — после некой паузы, воцарившейся за извинением Динаи, произнес Коин. — Слова — они очень много порой значат… Но

оставим этот разговор. Так что там с нашим избранным, Мирана? Что, действительно у него две нити?
— Не у него, а у Терской, — скривив хорошенькое личико, ответила та, — у него, как и раньше, нет ни одной!
— Да? А что же тогда значат эти две у Терской?
— Откуда я знаю? — откровенно огрызнулась богиня любви. — Такого и правда раньше никогда не было! Хочешь — поймай Сатию и спроси у нее, что это значит!
— А признайся, Мира, ведь Сатия тебя сделала! — радостно улыбнувшись, обратилась к ней Хель. — Влезла без спроса в твой огород любви.
— Я смотрю, что ты действительно приперлась сюда с надеждой на скандал! — окрысилась в ее сторону Мирана.
— Ты так думаешь? Ах, действительно, и зачем я сюда пришла? — Хель задумчиво приложила указательный палец к щеке. В глазах ее плескалась ирония.
— Так, девочки, заканчивайте с руганью! — стараясь, чтобы это прозвучало как можно солиднее, произнес Коин. — Диная, ты недорассказала нам про Терскую. Итак, почему ты не побеспокоилась о том, чтобы у нее были дети от Аальста?
— Я же говорю — у нее вторая истинная любовь! Это уже само по себе ненормально. А она еще рядом с избранным. Я посчитала, что риск чересчур велик, и не стала ничего делать…
— Риск слишком велик, риск слишком велик! — сморщив нос, передразнила ее Мирана. — А как меня, значит, всем скопом в спину толкали — давай, давай, — так никакого риска не было? Конечно, это же я рисковала — не вы!
— Это была только твоя ошибка! — парировала Диная.
— Ах, моя ошибка? Только моя ошибка?!
Задохнувшаяся от возмущения Мирана вскочила из-за стола.
— Моя ошибка?!
— Мира, успокойся! — произнес Коин.
— Успокойся?! Успокойся?! — Богиня любви обежала всех взглядом. — Да идите вы все…
— Зачем вы ее дразните? — осуждающе спросил Марсус, переводя взгляд с пустого места, где только что была Мирана, на богинь.
— Зачем так бурно реагировать? — пожала плечами Хель.
— Просто она очень чувствительная и до сих пор остро переживает случившееся с ней. А вы смеетесь…
Марсус, насупившись, посмотрел на Хель.
— Зато у тебя есть прекрасный повод сходить и утешить ее. Ведь ты же любишь это делать?
Хель улыбнулась Марсусу широкой, дружеской улыбкой.
— Да иди ты… — ответил ей тот и исчез.
— Знаешь, Хель, — секунду спустя сказал Коин, поджимая губы, — когда у тебя дурное настроение — все всегда обязательно закончится скандалом! Это уже надоело!

Поболтаем?
«Поговорить — не желаешь?» (Хмуро.)
…
«Ты еще не успокоилась?»
…
«А мне кажется, что ты уже способна поддерживать разумный разговор».
«Что тебе нужно?!» (Резко.)
«Мне? Ничего. Хочу только сообщить, что в доме, кроме нас, никого не было. Все, похоже, были на занятиях. И если ты не будешь нигде открывать свой рот, об этом никто не узнает. Поняла?» (Недовольно.)
«Почему ты разговариваешь со мной таким тоном?» (Удивление.)
«А что, у меня есть повод для ликования?» (Саркастически.)
«Ты… Ты! Я даже не знаю, как тебя назвать после этого! Так со мной поступить! И теперь еще имеешь наглость разговаривать таким тоном и выражать какое-то недовольство! Ты мне все испортил! Всю жизнь перевернул!» (Возмущение.)
«Это был не я. Это мое тело. Я тут ни при чем». (Хмуро и недовольно.)
«Те-е-ло? Как тело? Что значит тело? А ты где был?» (Искреннее недоумение.)
«А я… я отсутствовал». (Мрачно.)
«Что за глупости ты говоришь! Как можно быть отдельно от своего тела?» (Неверие.)
«Ну, вот попробуй себе такое представить…» (Уклончиво.)
«Бред. Такого быть не может!»
«Та ладно, себя вспомни. Много ты чего соображала, когда с Динием зажигала».
«Что-о? Да как ты смеешь такое говорить? Откуда тебе про это знать?»

«Оттуда. Ты ведь не удосужилась в ту ночь поставить эмощит, не так ли? Результат — всем тем, что ты тогда чувствовала, ты щедро поделилась с окружающими. Например, со мной. И мне приснился потрясающий сон. Так что не нужно мне рассказывать про постоянное единение души и тела. Я знаю, как и что там было…»
… (Ощущение как от удара поленом по голове.)
«Чего молчишь?»
«Ты — подслушивал?!» (Дикое негодование.)
«Да не ори ты! Я не подслушивал. Я спал. А ты нет. И тебе было так здорово, что ты влезла в мой сон и поделилась своими восторгами. И все. Закрываться нужно было. Я же тебя научил как. А ты этого не сделала. Сама виновата!»
«Э… а… Так ты что, все-все… „слышал“?» (Потрясенно.)
«А о чем я тебе тут рассказываю?»
«У-у-уй… (Стефи схватилась руками за голову.) Это что же, значит, тогда получается — я… мы… вм…»
«Вм — это вместе? Если да — то да, вместе. Считай, что мы делали это втроем». (Широкая улыбка Чеширского кота.)
… (Небеса разверзлись, земля раскололась, море вышло из берегов.)
«Поэтому, если бы ты не вешалась мне на шею и не лезла с поцелуями, то все было бы нормально. А так — думаю, все вспомнилось, и крышу у меня сорвало…»
… (Ощущение бесконечного падения в безбрежное черное небо.)
«Говорю еще раз — все произошло совершенно случайно, и моей вины в случившемся нет. Предлагаю нам с тобой забыть данное происшествие и жить дальше, как будто ничего и не было…»
«Ты… ты… Ты — чудовище! Как я могу забыть?! Такое и забыть?! Идиот! Не смей больше даже подходить ко мне! Понял! Ты понял? Все!»
«Хм… хм, да, я знаю, что осознать сразу мою мысль будет непросто… Стефи? Ты тут? Закрылась. Ну и ладно, пусть пока мысль усвоится…»

На следующий день

Ректор магического университета господин архимаг Мотэдиус, нахмурив брови, смотрел на дверь своего кабинета, которую только что закрыл за собой его студент князь Эриадор Аальст, он же — головная боль господина Мотэдиуса в последнее время. За длинный и обстоятельный разговор с ним, продолжавшийся без малого почти час, у Мотэдиуса сформировалось четкое убеждение в том, что тот не сказал и половины того, что мог бы.
«Что теперь следует предпринять? — подумал ректор, глядя на закрывшуюся за Аальстом дверь. — Непонятно… По логике следовало бы сообщить обо всем службе безопасности, и пусть она разбирается. Но… но… но! Есть много „но!“, которые следует тщательно взвесить, прежде чем принимать решение… Когда он отправился к рекомендованным мною магистрам, то о произошедшем я никому не сообщил, решив сделать это немного погодя. Больно уж нервозная была обстановка в столице. А потом, поскольку ничего не происходило, я затянул с докладом… Видно, просто оттягивая неприятное событие. М-да… Однако теперь Аальст вернулся, и нужно что-то решать…»
Мотэдиус вздохнул и принялся перебирать в голове различные варианты его дальнейших действий. Если сообщить службе безопасности, то… первой проблемой станет убедить эту службу безопасности в том, что я не сошел с ума. Если Аальст возьмется все отрицать, как я докажу? Терская? Думаю, что своего дружка она будет покрывать до последнего. Как-никак вместе воевали. Это многого стоит. Да и вообще, что там у них между собой, одна Мирана знает. По виду вроде незаметно, да и этот последний скандал с ней во дворце… но такую вероятность сбрасывать со счетов не стоит. Поэтому, если они упрутся, придется прибегнуть к напоминанию о данной ими императору клятве и спрашивать уже под присягой. Не думаю, что это улучшит наши отношения… А с Терской мне еще не одно столетие общаться. Да и магическому совету тоже. Испортить все можно быстро, а вот восстановить, потом… как прежде… жизни не хватит. Ту же Люсинеллу Гай вспомнить… До сих пор некоторые простить не могут друг друга, хоть уже сколько времени прошло… Потом, даже если удастся получить от Эриадора признание, то окажется, что беспорядки в столице — дело рук моих студентов, которых я покрыл. Это очень неприятно, хоть и можно пережить, однако эльфы… Они открыли посольство благодаря явлению им на грязной улочке крылатой вестницы и теперь терпеливо ждут ее второго пришествия. Что будет, если они узнают, что это все розыгрыш? Я даже боюсь представить реакцию его

величества. Он активно развивает отношения с Вечным лесом, высокородные эльфы — постоянные гости во дворце. Что будет после того, как правда раскроется? Представить несложно… И вот тут-то возникает вопрос: нужна ли она, эта правда? Пожалуй, сейчас она будет очень неудобна для всех… Вот только что будет потом, когда все в конце концов выплывет наружу? А почему оно должно выплыть? Если эти двое будут молчать, то я тоже промолчу. Кроме того, Аальст упоминал Алатари… Да и крылья… Думаю, что без вмешательства богов здесь не обошлось. И что же? Что следует из этого? Хм… Боги ведут свою игру, правил и целей которой я не знаю. Стоит ли влезать в нее? Нет и еще раз нет! Никто лично ко мне из них не обращался, приказаний не давал. Значит, они прекрасно обходятся без меня. Это хорошо. Я тоже прекрасно обхожусь без них. Абсолютное безумие — вслепую, добровольно лезть в такие игры. Нет! Оставим все как есть. Тем более даже если я выскажу свои предположения всем — ну и что, где доказательства? А если они и найдутся — что может совет или император предпринять по этому поводу? Уверен — ничего. Посланцы богов — это их игрушки. И ничего простым смертным тут не сделать. Нужно будет — хозяева игрушек самолично явятся и подтвердят, что их любимцев трогать не нужно. Да так подтвердят, что мало не покажется. Пусть лучше всякие фанатики, типа ордена, об этом ничего не узнают. Мало ли что им в голову взбредет по этому поводу? А ответить за их действия могут все. Поэтому не видел и не слышал! Решено. Значит, делаю вид, что поверил Аальсту и принимаю его на должность младшего архивариуса. Пусть копается в архиве, коль ему так этого хочется. В принципе настойчивость, с которой он добивался этого, достойна поощрения. Тем более что исследование порталов в связи с последними событиями — весьма и весьма актуальный вопрос… Коль что-то найдет, что позволит решить проблему или хотя бы продвинуться вперед, это будет большим плюсом для нас… Думаю, что вариант оставить все как есть — оптимальный. Единственно… Аальст… Похоже, он считает себя тут самым умным… Думает, что может обвести любого вокруг пальца… Нужно будет немного сбить с него гонор. Если все оставить как есть, боюсь, зазнайства ему не миновать. Уверен, он думает, что я буду плясать под его дудку, поскольку покрываю его выходки. В этом случае, как говорится, лучше лечить болезнь вначале, чем потом ее запущенную форму. И, кажется, я знаю одно хорошее лекарство. Специально для него… Думаю, он это оценит… Парень он умный…
Архимаг усмехнулся и потянулся за колокольчиком.
— Узнай, пожалуйста, — обратился он к вошедшему секретарю, — в столице ли сейчас начальница тайной стражи Этории леди Эстела Элестрай? Хотя нет, постой! Дай мне бланк с официальным приглашением на встречу, я кое-что в нем допишу. Пусть потом передадут его варгам, а они уж разберутся, как ему быстрее найти своего адресатами.

Эри

— Господин Аальст! А вы-то что тут делаете? — Магесса Элеона с неподдельным удивлением взирала на меня из-за кафедры.
— Сижу, — лаконично ответил я и дипломатично улыбнулся — мол, что за дурацкий вопрос?
— То, что вы сидите, я вижу. Меня интересует вопрос — зачем вы здесь сидите?
— Учиться хочу, — следуя канве выбранного общения, так же лаконично ответил я.
Вокруг раздались смешки. Действо происходило в аудитории целителей, куда я прибежал, чуть не опоздав к началу, после затянувшегося разговора у Мотэдиуса. Едва я успел усесться, как буквально следом вошла Элеона и неподдельно удивилась, увидев меня.
— Учиться? — не поверила она. — Да неужели? Как-то раньше я за вами не замечала такой тяги к знаниям.
— Произошла переоценка ценностей, — в тридцать два зуба улыбнулся ей я.
— Что ж, похвально и весьма приятно слышать. Лучше раньше, чем никогда, как говорится, но, вы уж извините меня, в вашем случае — поздно. Целитель должен обладать способностью к магии. У вас ее нет.
В аудитории повисла напряженная тишина. Я чувствовал, что все взгляды обращены на меня.
— Я собираюсь учиться впрок, — ответил я и снова лучезарно улыбнулся.
— Впрок? — Магесса приподняла свои тонкие, ровные брови. — Что значит — впрок?
— Это значит, когда моя магия вернется, я буду знать весь теоретический материал и смогу завершить процесс обучения быстрее…

— Ах, вот оно что, — кивнула магесса, — значит, господин Аальст, вы не сдаетесь? Что ж, это делает вам честь. Однако есть правила, в которых ясно и четко прописано, кого я могу учить, а кого нет. При всем моем уважении к вашей решимости и лично к вам, князь, вопрос вашего присутствия на моих лекциях вы должны решить с господином ректором. Только так, господин князь, только так.
— В посещении господина Мотэдиуса нет необходимости, — ответил я, — у меня уже есть разрешение.
— Да? Позвольте взглянуть?
— Пожалуйста. Нет никаких проблем.
С этими словами я вынул из кармана значок и не торопясь, даже, пожалуй, несколько демонстративно, приколол его к своей зеленой мантии.
— Вот, — сказал я, опуская руки и выпячивая грудь.
— Вечный студент… — поднимая подбородок вверх, протянула магесса.
— Который может посещать лекции, какие хочет и сколько хочет… — продолжил я недосказанную ею фразу.
— Да… я забыла об этом. — Элеона слегка поджала губы. — Хорошо, будем считать, что вопрос с вашим присутствием на моих занятиях решен. Однако скажите, вы что, решили начать все с самого начала? Зачем вы пришли на занятия первого курса?
А я-то думаю, почему столько незнакомых лиц!
Оглядываюсь. Множество (преимущественно женских) глаз с любопытством и интересом смотрят на меня. Хотя я вижу и знакомых — вон, вон и вон. Второгодницы…
— Госпожа магесса, — оборачиваюсь я к Элеоне, — я так спешил попасть к вам на занятия, что даже толком не посмотрел расписание! Вы же знаете, что я прихожу в совершеннейший экстаз, слушая лекции по целительскому делу!
В аудитории засмеялись. Элеона тоже усмехнулась.
— Ну что ж, господин торопыжка, коль так, то жду вас на занятиях второго курса. Я посмотрю, как вы успеете нагнать пропущенное и каков при этом будет ваш экстаз.
Вокруг снова засмеялись.
— Вот за что я люблю вас, госпожа Элеона, так это за строгость!
— М-да? Хорошо, я постараюсь, чтобы ваше чувство стало еще сильнее… Эриадор! Вы срываете занятие.
— Все понял. Ухожу. Госпожа магесса, господа, — сделал я два поклона, стоя уже в дверях, — прошу прощения.
— Идите уж! — милостиво махнула рукой Элеона и повернулась к аудитории. — Итак, приступим…
Я вышел в коридор, аккуратно прикрыв за собою дверь.
Елки! Промахнулся с расписанием! Поторопился… Ладно, бывает. Вот как только я практику буду отрабатывать? Теория — это, конечно, хорошо, но полученные знания нужно будет на ком-то и «обкатать»…
Я вздохнул.
Связался я с этой Алатари! Ведь не хотел, а связался! Придется теперь отрабатывать, эльфов спасать, добирать необходимые знания, чтобы понять, что же и как мне нужно сделать. Конечно, очевидно, что в получении информации придется сделать основной упор на книги, но поддержкой и опытом такого специалиста, как Элеона, пренебрегать не стоит. Вполне возможно, вместо лихорадочного рыскания по гримуарам лучше обратиться к ней, так как ее ответы на мои вопросы будут гораздо точнее и получу я их быстрее. Да и на других известных целителей через нее можно будет выйти…
— Э-хе-хе, — снова вздохнул я и почесал в затылке, — придется ходить на лекции… учиться! Сирота я, сирота… Как же я так умудрился богам задолжать? И главное — было бы за что!

День спустя.

— Итак, господин Эриадор, имперский магический университет готов принять вас на должность младшего архивариуса… Вы по-прежнему желаете получить эту работу?
— Да, господин Мотэдиус! По-прежнему!
— Что ж, замечательно. Условия в договоре, который лежит перед вами. Вы согласны со всеми его пунктами?
— Да, господин ректор!
— Даже с размером жалованья? Оно весьма небольшое…

— Я рассчитываю получить с этой должности гораздо больше… я имею в виду в будущем. Знаниями.
— Будущее покажет, насколько оправдаются ваши ожидания… а сейчас, если вы согласны, то подписывайте. На обоих экземплярах.
— Пожалуйста, господин ректор. Вот!
— Замечательно. Теперь я поставлю свою… Здесь и здесь. Так. Теперь пройдите к господину секретарю, он поставит печати. А затем со своим экземпляром сходите к господину эконому и покажите его. Пусть он с завтрашнего дня начнет начислять вам жалованье…
— Не сомневаюсь, что он обрадуется тому, что мы будем работать с ним вместе!
— Гм… Возможно. Жду вас завтра на работе, господин младший архивариус!
— Непременно буду, господин ректор!

«Ты не хочешь со мной разговаривать?» (Нейтрально.)
«Не хочу!» (Категорически.)
«Ну и ладно… Бывай!» (Равнодушно.)
Па-адумаешь, переспали с ней! Фифа. Еще неизвестно, кто понес больше убытка. Мои моральные страдания вообще бесценны! Да и было бы за что, как говорится… Ничего «такого» я как-то не ощутил…
«Может, для этого нужно любить? — задал вопрос внутренний голос. — Она его любит, поэтому такой эффект и был. А ты так, случайно попал…»
«Любить? Низшую? Еще чего! Хватит с нее моего к ней хорошего расположения! Пф! Слишком много о себе воображает!»

— Сю, твой красавчик вернулся в столицу…
— Какой красавчик?
— У тебя их много? Хе-хе…
— А то ты, можно подумать, не знаешь. Так ты про кого?
— Князь Аальст уже как три дня вернулся в университет.
— Аальст? Вернулся?
— Да. Его приняли на должность младшего архивариуса. Будет теперь работать в архиве.
— Вот как? Он же написал мне, что собирается уйти в наемники?
— Ну не знаю, дочь… Может, что-то не сложилось и он решил вернуться?
— Да? Странно… А… почему ты мне об этом говоришь?
— Просто подумал, что тебе будет интересно. Знаешь, я чувствую перед тобой вину за случившееся с ним…
— Спасибо, папа. Я больше не сержусь. У меня было время поразмыслить над всем, и я поняла, что твоей вины в том нет. Это действительно неприятная случайность, и ты тут ни при чем. Спасибо тебе! Ты самый лучший папа на свете!
Сюзанна обхватила отца руками и прижалась головой к его груди.
— Если хочешь, давай его пригласим, — предложил растроганный Хайме.
— Пригласим?
Принцесса подняла голову от груди и задумалась.
— За все это время он не прислал мне ни одного письма… — медленно произнесла она, выпуская отца из объятий и отступая на шаг.
— Может… у него не было такой возможности?
— Мог бы найти, если бы захотел! И потом… Архивариус — что это такое? Он же собирался заняться рискованным и благородным делом! А теперь вдруг библиотекарь!
— Архивариус.
— Да какая разница! По мне так это одно и то же! Что, это то самое место, где он «нашел себя»? Все, на что он теперь претендует, — перебирать книжки?
— Согласен. Странно как-то. Я помню Аальста, и, если бы мне кто-то сказал, что он закончит жизнь в архиве, я бы не поверил. Хотя… Невзгоды и неудачи ломают порой даже самых сильных людей…
— Ты думаешь, он… сломался?
— Не знаю, — император пожал плечами, — я его не видел с тех пор, как награждал.
Сюзанна в задумчивости подошла к окну.
— Но ты смотри, дочь, если он тебе нужен, то… решение за тобой!
— А как же принц Леопольд? — не поворачиваясь, спиной задала вопрос Сю.
— А что Леопольд?
— Разве ты не говорил с его отцом о нашем браке?
— Это был всего лишь разговор, ставший фоном к дальнейшему обсуждению. Обычные дипломатические уловки… Тебе не нравится Леопольд?

— Я его даже не видела. Хотя его отец — красивый мужчина…
— Говорят, сын пошел в отца. Но полностью с тобой согласен — все нужно смотреть своими глазами. И знаешь, малышка…
Император подошел сзади к дочери и положил ей руки на талию.
— …не бери ничего в голову, — произнес он ей в затылок. — Я давно служу этой империи и думаю, что на счастье своей дочери я уж точно наслужил! Без твоего согласия замуж я тебя не выдам. Ты меня поняла?
— Я всегда знала, ты самый лучший папа на свете!
Сюзанна стремительно повернулась и, сияя глазами, звонко чмокнула Хайме в щеку.

Этория

«Я сошла с ума?»
Эстела перевернула листок письма и внимательно осмотрела его обратную сторону.
«Это какая-то ловушка?»
Сжав конверт с боков, Эстела одним глазом заглянула внутрь.
«Чушь какая-то! Я уже не знала, что и делать, а тут вдруг запрос на охрану Аальста в экспедиции! И еще странная приписка Мотэдиуса: „Вернете в целости и сохранности…“ Это что, шутка? Или… он что-то знает?»
Эстела напряглась, быстро просчитывая возможности утечки информации.
«Нет, — расслабилась она, — если бы в совете магов знали, Дарг бы они его с нами отпустили! Тут что-то другое! Но что?»
Покрутив в голове так и сяк, Эста пришла к выводу, что идей нет и следует оставить это на потом, а сейчас нужно подумать о том, как все правильно организовать.
«Словно по заказу, — подумала она, — я как-то уже размышляла о создании такой ситуации — Аальст с пятеркой путешествует куда-то далеко-далеко. И думала о том, кого с ним послать — отличниц или неумех? Ясно одно — все как одна должны быть красавицами. А вот возраст и степень дурости в их головах можно обсудить с моими замами…»
Начальница тайной стражи бросила на стол письмо и ухватилась за колокольчик.
«Может, это богиня помогла? — внезапно пришла ей в этот момент мысль. — Тогда точно, это прошляпить нельзя! Арист не простит!»

Немного позже, в кабинете у Эсты

— Ну как можно посылать на такое дело каких-то соплюшек?!
— А кого ты предлагаешь послать?
— Нужны девушки, которые умеют обращаться с мужчинами, которые умеют найти к ним подход, знают, что им нужно…
— И где, позволь мне спросить, их таких взять? У нас что, Этория — сплошной фейный дом, что ли? Где на каждом углу «специалистки», так, по-твоему? Мне кажется, ты забылась! Напомню, все мужское население империи старается держаться от нас как можно дальше. А ты мне «умеющие общаться с мужчинами»! Ты вообще понимаешь, что ты говоришь?
— Ну… есть же у нас те, кто часто общается с людьми. Вот среди них и выбрать. Все лучше будет…
— Лучше? А то, что они уже не одногодки Аальста, тебя это не смущает? Что, старушками предлагаешь пятерку укомплектовать?
— Почему старушками? Нормальный возраст…
— Для него они могут выглядеть именно как старушки. И дальше общения дело не пойдет!
— Говорят, что некоторым нравятся женщины с опытом…
— Мы вообще не знаем, кто Аальсту нравится, если уж говорить честно!
— И что, поэтому дать ему в пятерку первокурсниц? В расчете на то, что он западет на маленьких девочек? Ха! А что они с ним будут делать?
— Им ничего не нужно делать. Главное — чтобы делали с ними!
— Госпожа полковник, я знаю, что мы зачастую ходим по грани, но это, пожалуй, уже шаг за нее! Одумайтесь!
— Воля Арист должна быть исполнена! Ну хорошо, давайте еще подумаем…

— А может… сделать сборную пятерку? С разбросом по возрастам, и одну самую взрослую поставить над ними? Которая действительно много общалась с людьми? Она за молодежью и проследит, чтобы безобразия не устраивали. Кажется, это будет самым подходящим вариантом.
— Наконец-то появились разумные мысли! Да, я думаю, это действительно самое правильное решение.
— Что, только по возрасту будем выбирать? И все?
— Почему? У всех должен быть какой-нибудь талант. Умение рисовать, петь, играть на чем-нибудь. Танцевать. Аальст — личность творческая, рассчитываю, на этой почве они смогут быстро сойтись. Вон как они с Лиссой и ее пятеркой быстро нашли общий язык!
— Так, может, их и послать?
— Мм… думаю, не стоит. Во-первых, это сразу его насторожит. Во-вторых, они тогда поругались. Пока помирятся, пока простит. Да и простит ли? В общем, времени может уйти на это много. А время в нашем случае — золото! Пусть лучше они будут ему незнакомыми.
— А об истинной их задаче мы будем им сообщать?
— Думаю, что они тогда дальше двух дней пути от столицы не уедут. Ну максимум трех. Устроят соревнование, и все закончится, не успев начаться. Слишком велик приз.
— Может, сказать тогда только старшей?
— Не стоит. Есть подозрение, что Аальст обладает способностью чувствовать настроение собеседника. Возможно, может отличать правду от лжи…
— Пра-авда? Действительно? Как и мы?
— Эти подозрения никем и ничем пока не подтверждены. Но не стоит слепо от них отмахиваться. Все, что связано с Аальстом, необходимо тщательно и многократно проверять. Он очень и очень необычный. Впрочем, не мне вам об этом рассказывать. Поэтому пятерка должна находиться в полном неведении относительно их истинной цели. Тогда у Аальста не будет повода заподозрить их в какой-то двойной игре.
— А то, что мы ему говорили про темного мага… он тоже понял, что это обман? Так, что ли?
— Если про его способности — правда, то да. Значит, мы крепко сели в лужу.
— Может, поэтому он и не идет на контакт?
— Может. Но то, что сделано, то сделано и назад не вернуть. Мы ведь по крохам собирали сведения о нем и действовали подчас вслепую. Вероятность ошибки всегда была велика. Поэтому эта поездка — редкий шанс наладить отношения и получить то, что нам необходимо. Нельзя упустить его!
— А может, просто чего-нибудь добавлять ему во флягу, да и все? Зачем такие сложности?
— Очень нежелательно… Но возможно, если к концу путешествия выяснится, что ничего не происходит, то, вероятно, нужно будет рассмотреть и такой вариант.
— А может, они просто «исчезнут» по пути? Аальст и пятерка?
— Мотэдиус приписал: «Вернете в целости и сохранности…» Будут искать…
— Понятно. Значит, все должно быть добровольно…
— Да. Именно так… Добровольно.

Эри

— Фу-у-у! — Я дунул на черный толстый фолиант, сдувая с него мелкую пыль.
Так. Номер «чф — 12/136 — 45-18». «Аполлоний Крафт. Особенности физиологии эльфов». Да, это она. Толстая-то какая!
Я чуть подкинул на ладони книгу, прикидывая ее вес.
И тяжелая…
Вздохнул, прикидывая, сколько времени уйдет на чтение.
Ладно, пойдем почитаем, что в них такого особенного, в этих эльфах? А может, Алатари «позвонить»? Пусть все на пальцах объяснит… Жаль, что вряд ли это выйдет… «Телефон», гады, сломали… Да и не пойму, даже если дозвонюсь. Придется идти читать… Умнеть. По порталам буду рыскать завтра… Ну и жизнь у меня настала…
Я еще раз вздохнул.

Две недели спустя

«Что, ты больше вообще не собираешься со мной разговаривать?»
«О чем мне с тобой говорить?!»
«Разве не о чем? Странно… Близкие люди всегда найдут тему для беседы…» (Ирония в уголках губ.)
«Близкие?!» (Возмущение.)
«Да, они самые. Мы же теперь с тобой близки, или ты уже забыла? Неужели ты настолько ветрена?»
«Я тебе глаза выцарапаю!» (Яростно.)
«Коффая хочешь?»
«Не хочу!»
«Я видел, у тебя новое платье?»
«И что?»
«Не рассмотрел издали (Вздох сожаления.)… А ты уверена, что это твой цвет?»
«Уверена!»
«Да? Ну тогда ладно…»
«А что, ты хочешь сказать — оно мне не идет?» (С подозрением.)
«Не знаю. Говорю, далеко было. А вблизи рассмотреть возможности нет… По чашечке коффая, а?»
«Твои уловки — просто смешны!»
«Мм… какая ты прозорливая… Но неужели ты не хочешь услышать о приключениях своего старого друга? Когда он, заключенный в тело прекрасной эльфийки, мыкался по лесам, ежесекундно борясь за жизнь…»
«Брешешь ты все! Ничего ты не боролся за свою жизнь! Небось, как всегда, лучше всех устроился!»
«Разве я сказал, что я боролся за свою жизнь? Я боролся за жизнь прекрасных эльфов! Видя мою внеземную красоту, они просто как подрубленные валились к моим ногам с предложением руки и сердца! Естественно, я им всем отказывал, и вот тут-то начиналось самое страшное! С горя они пачками шли вешаться, топиться или травиться. Ты просто не представляешь, как я замучился вылавливать этих влюбленных идиотов по кустам и требовать с них клятвы — не лишать себя жизни!»
«Болтун! Как у тебя язык только не устает?» (Невольная улыбка.)
«Не веришь? Это ты зря… Кстати, у меня тут пара эльфийских платьев завалялась… Мне уже вроде не нужно, я снова мальчик, а вот к твоим глазам они, наверное, пошли бы».
«Да? А что за платья?» (Задумчивое любопытство.)
«Ну как я тебе расскажу? Красивые такие платья. Могу показать. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Одно скажу точно — таких тут ни у кого нет».
«Хочешь купить за них мое прощение?»
«Почему бы и нет? Тем более что они мне больше не нужны…» (Улыбка.)
«Какой ты все-таки…»
«Какой?»
«Практичный и циничный!»
«Уж лучше, чем быть ромашкой…»
«Значит, я ромашка, да? Дура, значит?»
«Ну, не совсем…»
«Все! Я не желаю с тобой больше разговаривать!»
«Да вроде ведь только начали?»
«Я спешу!»
«Куда?»
«Магистр Николас сказал прийти посмотреть, как действует магия на варг».
«На варг?» (Заинтересованно.)
«Да. Будут накладывать заклятие на пятерку — „убийцу магов“».
«У-у… как интересно! Я тоже хочу посмотреть!»
«Зачем тебе? Ты что, разве маг?»
«Грешно смеяться над больными людьми… неужели я не ошибся и слышу злорадство в твоих мыслях? Стефи, как же так? Что за жестокость?» (Ирония.)
«Я бы тебя… Убила бы!»
«Не слышу искренности в твоих чувствах!»
«Все! Хватит с меня! Пока не извинишься, не смей даже приближаться ко мне, понял?»
«То есть если я извинюсь перед тобой за то, что ты меня трахнула, то я смогу к тебе приблизиться, так? А если я приближусь, а ты меня… опять того-этого? Что тогда?»
«Ты… ты… ты!» (Ярость и негодование.)

«Ой, да ладно тебе! Смотри на это проще… Мужчиной больше, мужчиной меньше… Зато будет что вспомнить!»
«Я тебе язык отрежу!»
«Ха-ха-ха!»

Алистера

Положив руки на перила, опоясывающие террасу второго этажа, Алистера внимательно смотрела вниз, на то, как Стефания стремительным шагом удаляется от смотрящего ей вслед Аальста.
«Выскочка, — подумала она о ней, — нищая провинциалка. И что так с ней все носятся? Терская то, Терская се! Куда ни глянь — одна Терская кругом! Почему? Разве она красивее меня? Или умнее? Да ничего подобного! До сих пор силой своей управлять не научилась. Тоже мне, маг!»
Алистера фыркнула, презрительно усмехнувшись.
«Да и с красотой… куда ей… хотя бы до моих волос! И фигура у меня лучше… И лицо… А вот поди ж ты, везде первая пролезает! И орден, и Зал Славы… и ко дворцу уже представлена… Всюду успела. Когда я поступала в университет, я ведь именно этого желала. А получила все она. Почему так произошло, почему?»
Алистера перевела взгляд со скрывшейся за поворотом дорожки фигуры на Эриадора, который, несмотря на то, что Стефи уже ушла, по-прежнему стоял и задумчиво глядел ей вслед.
«И этот еще… тоже везде успел! Ну ладно, он мужчина, но эта-то, эта! Она-то с чего? Тварь… Интересно, что они не поделили? Темно-зеленый вроде только вернулся, а они уже поругались. И вроде, похоже, Терская тому причиной. По крайней мере, он к ней подошел. А она убежала… Разговаривать с ним даже не захотела! Странно… Раньше всегда вместе, а теперь порознь. Может, у них любовь? Хм… Не сомневаюсь, что Аальст имел на нее виды, а ей принц подвернулся… Конечно, принц — это гораздо лучше, чем безземельный князь. Уверена, что она Аальсту уже что-то пообещала, а теперь не хочет с ним даже говорить. Вон как бегает-то! Лгунья! Точно, обманула она его, обманула! А он ей только вслед смотрит. Гордый. Ладно, мне на него плевать, он вообще теперь никто, а вот Терская… Неужели она будет всегда впереди, а я так и буду смотреть, как она осуществляет мои мечты? Это ко мне в окно должен был принц с розами влезть! Ко мне, а не к ней! И на балу я должна была с ним танцевать, а не она! И моей руки он должен был просить. Моей, и только моей! А не ее… Гадина… Что же мне с ней сделать?»
Девушка задумалась, похлопывая правой ладонью по широким перилам.
В этот момент Эриадор закончил созерцать пустую дорожку, повернулся и поднял голову. Увидев смотрящую на него девушку, Аальст радостно оскалился и, подняв правую руку, приветственно помахал ею.
«Вот еще, — делая суровое выражение на лице, подумала Алистера, отступая на два шага назад от ограждения, — будут мне тут всякие архивариусы махать! Он, наверное, еще не понял, что он теперь никто. Все еще думает небось, что он маг. Дурак. Может, ему это объяснить? Объяснить, как он должен отныне себя вести? Хм… Терская с ним в ссоре, влезать не станет… Очень подходящий момент расставить все согласно табели о рангах… Да и в том, что она во дворец попала, тоже есть его вина. Не возился бы с ней, так ничего бы и не было… Точно, пусть заплатит за это! А то больно умным всегда себя считал. Вот я и посмотрю, кто умнее…»
Алистера зловеще усмехнулась, представляя, как это будет.
«А с Терской, с Терской… — вновь вернулась в мыслях она к раздражающей ее проблеме, — …нужно открыть глаза принцу, да и всем, кто она такая. Лживая и беспринципная провинциалка, не брезгующая ничем ради успеха! Тогда все отвернутся от нее, и никуда она больше вылазить не будет… И никакого дворца ей… и роз! Но как это сделать? Ходить и рассказывать всем, кто она есть внутри? Долго, да еще сплетницей прослывешь… Хм… Лучше, чтобы никто не подумал на меня. Будут еще говорить, что я с провинциалкой соперничаю! Фи, слишком много чести! Как же тогда сделать? О! Придумала! „Записки выжившего“! Нужно сделать так же! Только не книжку, а листок заказать. И разослать по всей столице! Да что там по столице — по всей империи! Пусть все узнают! Это будет для нее удар! Точно! Какая же я умная! А написать… Написать… Дядя рассказывал, что темные тренируются на живых заключенных… И она уже одного в

тюрьме убила… Садистка и палач! И про то, как она в фургоне с этим Аальстом жила, фейка мерзкая… Вовек не отмоется! Правильно! Так и сделаю! Какая же я все-таки умная!»
Алистера торжествующе улыбнулась и, тряхнув гривой волос, пошла по коридору.
«А Диний попросит моей руки, — уверенно подумала она. — Зачем ему такая, как Терская? Я гораздо лучше!»

Стефания

Ну вот что мне с ним делать? Как с ним общаться? Он же просто невыносим! Как он со мной разговаривает? Неужели он думает, что теперь ему такое позволительно? Он ошибается! Сильно ошибается! Я еще посмотрю, простить его или нет! Еще посмотрю! Каков наглец, шутить он надо мною будет! Я ему покажу шутки!
Я оглянулась на стоящего за спиной Эри, хмуро глянула на него и отвернулась. Совершенно не переживает! Никакого раскаяния на лице! Не-го-дяй! Так и прибила бы! Как увижу его, трясти начинает. А ему хоть бы что! Ходит лыбится, как довольный кот! Даже не извинился! Мысли подобной в голову не пришло! Дурррак… Сатия сказала — разделить сердце? Да ни за что! Этому бесчувственному, наглому чурбану я не то что половину — ни кусочка, ни в жизнь…
— Стефания!
— Ой! Да. А что? — ойкнув, повернулась я к магистру Николасу.
— Мне показалось, вы задумались. Смотрите внимательно. Подобные пятерки делаются редко, поэтому постарайтесь быть как можно более собранной.
— Да, господин магистр, — кивнула я, — конечно.
Сзади, от Эри, долетело ироничное хмыканье. Что он вообще тут делает? Он не маг! Нет, пришел, поговорил, и ему разрешили присутствовать! Умеет же он зубы заговаривать… Может, и мне он их заговорил? Нет, так совершенно невозможно! Хватит думать о нем!
Я решительно выдохнула и стала внимательно смотреть на происходящее.
В небольшом круглом зале клином выстроилась пятерка варг. На его острие — «жало», как назвал магистр Николас молодую, высокую девушку-варгу. Лицо у нее напряженное и, возможно, даже испуганное. Впрочем, они у всех у них такие.
Напротив острия строя в просторной черной мантии стоит магистр Боремар — невысокий старик с редкой седой щетиной на лице и седыми волосами, связанными на затылке в жидкий хвостик. До этого дня я его никогда не видела. Магистр приехал специально, чтобы провести обряд. У него очень внимательные и цепкие глаза. Когда Николас представил ему своих учеников — меня и Эри, — тот долго пристально разглядывал меня, перейдя за рамки всех приличий.
— Хорошо, — сказал он тихим голосом, закончив наконец меня рассматривать, — я с тобой поговорю позже… Когда закончу с ними… Завтра.
Эриадора он удостоил лишь мимолетного взгляда. Впрочем, тот совершенно не расстроился. Даже, я заметила, довольно усмехнулся краешком рта, когда магистр Боремар отвернулся от него. Вообще, мне показалось по поведению Эри, что он старался не привлекать к себе внимания. Больше молчал, был протокольно вежлив и не хотел, чтобы его кто-то видел.
— Начнем! — кивнул Боремар, поднимая руки и направляя ладони с растопыренными пальцами на «жало».
Варга прикусила нижнюю губу и напряглась. Я, опустив веки, смотрела магическим зрением, как магистр создает заклинание. Варги уже принесли императору клятву крови. Теперь магистр должен был соединить их разумы между собой. Дать им способность убивать силой мысли…
От ладоней магистра протянулись невидимые обычному глазу толстые нити и коснулись головы ведущей варги. Та в ответ вздрогнула всем телом и начала стремительно бледнеть. Я внимательно, во все глаза следила за тем, как нити заклинания переплетаются с ее аурой в районе головы. Похоже, это было болезненно, потому что варга внезапно громко простонала и, согнувшись, сжала обеими руками виски. Тем временем заклинание продолжало вплетаться в ее ауру. Внезапно вокруг ее головы образовался светящийся в ментале белым шар, из которого выстрелили белые толстые нити, воткнувшись в головы другим варгам. Что тут началось! Варги разом закричали полными страха и муки голосами, словно роженицы или преступники в руках палача. Они били себя по голове кулаками, царапали лица ногтями, рвали волосы. У всех у них носом пошла кровь, а у главной — еще и из ушей. Спустя минуту они все упали на пол, не в силах стоять на ногах. Троих вырвало.

Они, извиваясь, катались по полу, перепачкавшись кровью. При этом они не прекращали выть и кричать, испытывая, похоже, просто страшные муки.
«Какой ужас! — подумала я, обмирая от увиденного. — Как страшно! Зачем их так мучают? Неужели нельзя сделать это как-то иначе?»
От диких криков у меня, казалось, вот-вот лопнет голова. Глядя на все это, я почувствовала, как тошнота подкатила к горлу.
«Меня сейчас вырвет!» — с испугом подумала я и открыла рот, стараясь дышать только им.
Не знаю, сколько это продолжалось, я как-то потеряла счет времени. Внезапно наступила тишина.
— Все, — сказал Боремар, делая легкий жест кистям рук, словно что-то с них стряхивая.
На полу перед ним лежали вповалку пять тел. Некоторые на спине, некоторые на животе. Похоже, все они были без сознания. У некоторых варг как-то непроизвольно дергались у кого рука, у кого нога, а у одной со странной периодичностью дрожал живот.
— Николас, пойдемте выпьем пива, — совершенно спокойным голосом предложил магистру Боремар, поворачиваясь к нему, — заодно и поговорим…
При этих словах он бросил внимательный взгляд на меня.
— Неплохая идея, — ответил мой учитель, тоже искоса глянув на меня, — пойдемте.
Магистры, не оглядываясь, поднялись по небольшой лесенке из четырех ступеней перед дверью и вышли, оставив в зале варг и нас с Эри.
— Я бы тоже пива выпил, — произнес сзади Эри, — хочется горло промочить от этой вонищи. Но нужно сказать, зрелище было познавательным. Понятно теперь, почему зубастики темных не любят…
Голос его был совершенно спокойным, с легким оттенком обычной для Эри иронии. Я резко обернулась и встретилась с его насмешливым взглядом.
— Ты готова продолжить дело дедушки Боремара? — весело спросил он.
— Как ты можешь?! Ведь им же было больно! — возмутилась я его веселости.
— Зато они теперь могут убить тебя. Интересно, ты тоже будешь так же извиваться по полу, когда они будут жарить тебе мозги?
— Прекрати говорить ерунду, — сказала я, оборачиваясь к варгам. — Лучше помоги мне!
— Это в чем еще? — подозрительно спросил Эри.
— Не видишь? Им плохо. Нужно помочь.
Я подошла и присела около ближайшей варги. Та лежала, как-то выгнув спину, на левом боку и, закинув назад голову, часто-часто дышала ртом.
— И как ты собираешься ей помочь? С каких это пор ты начала целительствовать?
В голосе Эри были насмешка и пренебрежение. Не люблю, когда он такой! Прямо так и хочется его треснуть! Но он как всегда прав. Как целитель я ноль. Но все равно, упрямо сжав губы, я приложила два пальца к шее варги, пытаясь нащупать пульс.
— В дерьме не испачкайся, — посоветовали сзади, — вонять будет…
Я резко обернулась:
— Почему ты такой жестокий?
— Потому… Потому что жизнь такая! Не волнуйся, не сдохнут. Они твари живучие. Проверено. Лучше пошли отсюда, пахнет. Все равно ни ты, ни я помочь им мы не можем. Но если тебе горит, можешь за целителями сбегать… Милосердие проявить…
Я сидела на корточках и беспомощно смотрела на Эри, пытаясь найти какие-то слова. Внезапно дверь в зал открылась, и в ее проеме появились фигуры в зеленых мантиях.
— А вот и неотложка… — непонятно сказал Эри, обернувшись на шум. — Пойдем, может, морсу выпьем?
— Никуда я с тобой не пойду! — резко ответила я, поднимаясь на ноги. — Ты мне неприятен… такой!
— Какой есть, — бросил он мне через плечо, направляясь к выходу.
Я с недоумением смотрела ему вслед, не понимая его злости.

Эторий

Анжелина Делой, курсантка четвертого года обучения, стояла по стойке «смирно» в одном ряду с пятью другими такими же курсантками, как и она. Хотя если говорить точно, такими, да не совсем. Судя по нашивкам, да и просто по виду, девушки были самого разного возраста — пятый, четвертый, третий, второй и даже первый курс. Хоть все они были ей знакомы (неоднократно видела в стенах училища), но ни с кем из них она до этого близко не общалась.

Кабинет начальницы училища, где их построили, был не очень велик. В нем находился стол с сидящей за ним хозяйкой кабинета, рядом — варга в звании подполковника службы безопасности, плюс еще незнакомая госпожа майор, стоящая прямо перед строем, и варга в звании старшего лейтенанта. Последняя стояла немного сбоку и с неким недоумением разглядывала курсанток.
— Вольно! — скомандовала госпожа майор.
Курсантки дружно опустились на правое колено, выполняя приказ. Похоже, все они, как и Анжелина, нервничали. Конечно, будешь тут нервничать, когда тебя внезапно вызывают в «такой» кабинет, а в нем полно незнакомых тебе варг с высокими званиями! И все тебя оценивающе разглядывают, так, словно что-то решая в уме. Неужели хотят отчислить? Это же будет позор из позоров! Ну да, есть у нее несколько хвостов по некоторым предметам… Но она же старается! Она ведь не круглая двоечница! Это будет несправедливо! Они не могут так поступить!
Словно в подтверждение самых страшных мыслей, госпожа майор заговорила, начав с того, о чем беспокоилась курсантка.
— Все вы с разных курсов, — неспешно начала она, — все вы разные, но есть в вас одно общее, то, что вас объединяет… А именно ваше отношение к учебе…
Майор заложила руки за спину и сделала несколько неторопливых шагов вдоль короткого строя. В кабинете возникла просто чудовищная по своей напряженности пауза.
— Курсантка Анжелина Делой!
— Я!
— Почему вы все время что-то рисуете на занятиях?
— Н… не могу знать, госпожа майор!
— Вот как? — Майор насмешливо приподняла брови. — Рисуете и не знаете почему?
— Н… ннн…
Самое смешное, что это действительно было правдой! Ее рука сама начинала выводить линии, создавая рисунок. Были бы бумага и стило. А потом Анжелина увлекалась и полностью отключалась от окружающей ее реальности. В этом-то и была ее проблема…
— Так, курсант Анжелина! Отставить!
Майор сделала еще шаг, остановившись у крайней, самой старшей девушки, и задала вопрос, обращаясь уже к ней:
— А когда у нас курсантка Кира Протас перестанет писать на лекциях стихи про любовь?
Та в ответ пошла красными пятнами и опустила голову, однако ничего не сказала в свое оправдание.
— А вы что пишете? — Майор повернула голову к другой курсантке. — Роман? Или по-прежнему маленькие рассказики о жизни в училище? О смешных преподавателях… о всяких безобразиях, которые вы же сами и придумываете… А?
В ответ молчок!
— Я не скажу, что вы бездельницы или лентяйки… — Не дождавшись ответа, майор развернулась и вновь неспешно пошла вдоль строя в обратную сторону. — Не скажу…
Внезапно майор резко повернулась к строю и рявкнула:
— Нет! Вы разгильдяйки, бесцельно тратящие свое время и время ваших преподавателей! Вы задумывались о своем будущем? Что вас всех в нем ждет при таком подходе к учебе?
Опущенные головы и угрюмое молчание в пол.
— Хотя впрочем, — разомкнув удерживаемые за спиной руки, майор сделала небрежный жест рукой, — о чем это я? В дальних гарнизонах всегда найдутся места для неумех…
Тоскливая тишина в ответ. Дальние гарнизоны — это да. Печаль забытых богиней мест, где, как правило, есть много жаркого палящего солнца, знойного, с песком, ветра, полным-полно службы и полностью отсутствуют хоть какие-нибудь новости…
Госпожа майор глубоко вздохнула и снова сложила руки за спиной.
— Однако, — вновь заговорила она, выдержав длинную и мучительную паузу, — после разговора с вашими преподавателями и начальницей училища, неожиданно положительно вас охарактеризовавших, решено дать вам еще один шанс…
Вздох облегчения прокатился по строю.
— Не рассчитывайте, что это будет просто!
Майор резким голосом обрезала появившиеся было на лицах курсанток улыбки.
— Не рассчитывайте! Надеюсь, все вы знаете о сложившемся в империи мнении в отношении нашего народа… Ситуации, в результате которой Этория лишились столичной академии, роты почетного караула и доверия его величества императора Хайме!
Лица девушек посуровели.
— Курсантка Анжелина Делой!
— Я!
— Что нужно предпринять в такой ситуации?

— Перерезать им глотки! — браво брякнула первое, что пришло в голову, ошарашенная неожиданным вопросом Анжелина.
— Гм… — удивленно раздалось из-за стола начальницы.
— Кому… им? — озадаченно уставилась на нее майор, видно ожидавшая совсем не такого ответа.
Девушка поняла, что сморозила что-то не то.
— Тем, кто виноват! — пояснила она, решив тем не менее придерживаться высказанной мысли. Других-то идей все равно ведь не было!
— Так вы что, знаете, кто это сделал? — наклонив голову к плечу и заинтересованно глядя на курсантку, спросила майор.
— Нет! Но виновные будут найдены! Я в этом не сомневаюсь!
— Ага. Я, кажется, поняла, — кивнула майор после секундной паузы, — на занятиях боевой подготовкой рисовать ведь невозможно, не так ли? А на лекциях по дипломатии — вполне. Курсантка! Ваша оценка по основам дипломатии?
— Посредственно!
— Оценка по боевой подготовке?
— Отлично, госпожа майор!
— Что ж, вижу, что я не ошиблась в своих предположениях… Еще, у кого есть какие предложения?
— Провести разведку? — робко предположила начинающая поэтесса.
— Все! Всем молчать и слушать меня внимательно! Нужно вернуть расположение императора. Для этого — показать незаменимость варг в делах империи. Университет просит организовать охрану одному из его архивариусов, отправляющихся в экспедицию в Серые пустоши. Вы выбраны в его охрану. Госпожа старший лейтенант назначается старшей над вашей пятеркой!
Майор качнула головой в сторону варги со старлейскими нашивками и удивленным лицом.
— В дальнейшем с вами будет проведен подробнейший инструктаж, но сейчас я хочу, чтобы вы запомнили только одну вещь — архивариус должен вернуться из этой поездки живым! Его жизнь приоритетна! Даже перед вашими. Вам ясно?
— Так точно! — несколько вразнобой ответил строй.
— Надеюсь, вы оправдаете оказанное вам доверие! Вопросы?
Озадаченная тишина в ответ.
— Вопросов больше нет! Пятерка, внимание! Слушай мою команду! Напра-во! На выход — шагом марш!
— Госпожа старший лейтенант, — обратилась к ней майор, после того как за спиной последней курсантки закрылась дверь, — ваши вопросы?
— Что можно делать с этими детьми в песках? — выпалила мучавшее ее та, смотря круглыми глазами.
— Не волнуйтесь, — ухмыльнулась майор, — у вас будет четыре пятерки поддержки…

Этория. Неделю спустя.

Нахмурив брови, Анжелина внимательно прочитывала каждую строчку списка, который она держала в руках.
«Нужно ничего не забыть, — подумала она, — я все должна делать без помарок… Коль так повезло, нельзя все профукать…»
Анжелина была очень удивлена решением командования — включить ее в экспедицию, такую важную и ответственную. И сулящую весьма неплохие бонусы в случае ее удачного завершения.
«Если не наградят, то уж в личное дело благодарность точно запишут!» — решила она тогда, едва выйдя из кабинета начальницы училища.
Единственное, что было непонятно, — почему она? Почему выбор пал именно на нее? При всем уважении к себе, Анжелина прекрасно понимала, что есть кандидатки гораздо лучше ее. Даже в ее окружении, не говоря уже о курсантках с других курсов. Несколько дней девушка мучилась этим вопросом, не находя ответа. В конце концов, подгадав момент, когда она осталась наедине с госпожой лейтенантом, она спросила ее об этом напрямую.
— Почему ты? — чуть усмехнулась та, глядя ей в глаза. — Что ж… Открою маленький секрет, который, однако, должен остаться между нами. В вашей команде есть одна курсантка, у родни которой весьма влиятельные связи. Но поскольку она не блещет

талантами, то в спутницы ей подобрали таких же, как она разгильдяек, как сказала госпожа майор. Тебе просто повезло, что ты разгильдяйка. Ты поняла?
«Вот оно что! — подумала Анжелина, благодарно кивая госпоже лейтенанту. — Связи! Кто-то добился того, чтобы его дочь попала на ответственное задание… А чтобы она наверняка выделилась, ей в команду дали всяких посредственностей… Понятно… Обидно, конечно, что меня считают посредственностью… Обидно… Но если честно, то я могла бы и более ответственно относиться к учебе! Интересно, а кто именно из нашей команды? А что тут думать? Наверняка ее назначат старшей пятерки. А как иначе! Она же должна показать себя… На нашем фоне… Ну и пусть! Для меня это шанс! Шанс доказать, что я чего-то стою! Главное — ничего не напутать! Я все буду делать внимательно и тщательно…»
И вот Анжелина в третий раз пробегала глазами список, стараясь понять, не пропустила ли она чего.
Бумага и рисовальные принадлежности…
«Рисовать в походе! — Правый уголок губ девушки скептически искривился. — Всем приказано взять с собой все для своих увлечений! Архивариуса развлекать в дороге будем! Что за глупость? Мы отряд варг или какие-то странствующие артисты? Занимать какого-то полуслепого бородатого деда! А кто с чудовищами сражаться будет? Или с разбойниками? Он небось ко всему еще и глухой! Вот смеху-то будет, когда Кира ему стихи про любовь читать начнет! Наверняка уже и забыл, что такое — эта любовь! Архивариус — это же что-то древнее, трясущееся, шаркающее, из которого сыплется пыль…»
Анжелина несколько секунд представляла себе сгорбленного старика в серой мантии, из которого сыплется пыль, и затрясла головой, отгоняя видение.
Что за странное требование? Ладно, альбом я свой уже положила… Что там у меня еще?

Еще почти два месяца спустя.

Эри

— Ну что вы скажете на это, Эриадор?
— Очень интересно, господин Мотэдиус! — искренне ответил я, аккуратно кладя листки на стол, за которым напротив меня сидел ректор.
— Я так и подумал, что вы заинтересуетесь. Как я понимаю, в архивах вам пока ничего интересного найти не удалось?
Я отрицательно покачал головой. Слишком он большой, этот архив! Я всего лишь три неполных месяца имею к нему доступ. Только разобрался, где что лежит, можно сказать.
— Эриадор… — проникновенно произнес ректор, доверительно глядя мне в глаза.
Я насторожился.
— Хочу поставить вас в известность, что наш император, его величество Хайме, убедительно просил Верховный совет магов ускорить разгадку пространственных врат. Ну вы знаете, с какими событиями это связано…
Я кивнул, обращаясь в слух.
— Буквально несколько дней назад советом принято решение — организовать работы в этом направлении…
«Не прошло и полгода…» — не смог я удержаться от язвительного комментария про себя.
— Будут назначены маги, занимающиеся поиском решения проблемы, и не сомневаюсь, что в…
«Ближайшие две тысячи лет», — вновь прокомментировал я про себя.
— …ближайшее время проблема будет решена! Тем более что к ее решению будут привлечены преподаватели нашего университета, как имеющие большой опыт в практических исследованиях. Предлагаю и вам, Эриадор, присоединиться к этим исследованиям. Не сомневаюсь, что вы вложите в них весь жар вашей нетерпеливости и молодости. Что вы на это скажете?
Что-то как по писаному кладет… Подозрительно гладко все получается… Хм.
— А в чем будет заключаться мое участие? — осторожно поинтересовался я.
— В чем? — ректор удивленно поднял брови. — Вы будете делать переводы! Ваши знания языков — весьма немалая ценность, поверьте мне!
Всего-то? Ничего интересного в этом нет, но если от меня требуется только это…

— Да-да! Конечно. Я согласен!
— Не сомневался, что вы согласитесь! Вот вам и первое задание, которые вы можете сделать, пока я тут организую группу исследователей…
Интересно, сколько десятилетий уйдет на ее организацию?
— Те листки, что вы только что прочитали, — это часть отчета экспедиции, обнаружившей в Серых пустошах остатки сооружения, предположительно являющегося порталом. К отчету прилагались рисунки, на которых было изображено само сооружение и, главное, надписи на его поверхности. Однако за двадцать семь лет, прошедшие с момента составления отчета, эти рисунки, к сожалению, были утеряны…
Стоит ли этому удивляться? Еще бы годика три — вообще бы все посеяли…
— Поэтому я решил организовать еще одну экспедицию к найденному артефакту и восстановить утерянное… Вы ведь неплохо рисуете, господин Эриадор?
Рисую? Это он… к чему? Он что, действительно хочет, чтобы я?.. Это что, шутка?
— Совет одобрил мое решение и выделил деньги на финансирование экспедиции, — словно не заметив, что я не ответил, продолжил бодро ректор. — Поздравляю вас, господин Эриадор! Вы назначены ее научным руководителем! Поздравляю!
— Кто… Я?
— Да. Вы! Скажу, что в вашем возрасте и получить такую должность — большая честь!
Что-то тут не то… Где-то он меня накалывает… В чем подвох?
— А кто еще поедет со мной?
— Гм… гм…
Мотэдиус замялся:
— Видите ли, господин Аальст, дело в том, что в данный момент мне некого послать вместе с вами… Все маги заняты преподаванием. Учебный год в самом разгаре. У меня нет лишних людей. Пригласить кого-то со стороны — очень долго. Вы за это время успеете съездить и вернуться. Это совсем недалеко! Углубляться в пески вам не придется, поскольку находится все буквально рядом с одним из перевалов по пути в Серые пустоши. Поэтому и риск такого путешествия минимален. Охрану вам обеспечат.
Ясно. Я тот самый крайний дурак, который должен изобразить бурную деятельность перед вышестоящей инстанцией. И желательно с результатом… Вопрос — оно мне нужно? Хм… Ответа нет. Может, и нужно… Но тащиться в пустыню… На лошади?
— Я так понимаю, отказаться я не могу? — поинтересовался я.
— Участие в экспедициях — одна из прямых обязанностей архивариуса, — развел руками Мотэдиус. — И если вы не будете выполнять условия договора, то я буду вынужден его с вами разорвать…
Он что, это серьезно? Хотя да, есть там такой пункт… Обложил со всех сторон, старый! Видно, нужно ему, чтобы экспедиция состоялась…
— А когда выезжать?
— Думаю, вполне можно недели через две… Охрана готова, деньги получены. Приобретете все необходимое — и можете отправляться.
Сихот с ним, съезжу! Может, повезет и действительно что-нибудь эдакое раскопаю… Тем более что место на карте отмечено, искать не нужно…
— Хорошо, я согласен, — вздохнул я.
— Тогда прошу вас расписаться в том, что вы вступили в должность научного руководителя… Здесь и здесь… Отлично! Не сомневаюсь, что экспедиция будет плодотворной и вы вернетесь с потрясающими результатами!
Ага, калоши только надену… Белые.
— Вот все ваши бумаги. А сейчас я познакомлю вас с начальником вашей охраны и с ней самой… — Пригласите, — кивнул он секретарю, явившемуся на звон колокольчика. — Эриадор, прошу вас — познакомьтесь с охраной! — пару минут спустя отвлек он меня от чтения подсунутых им бумажек. В голосе архимага слышалась ирония.
«Что это он?» — подумал я мимоходом, поворачиваясь к двери.
Бац! От входа на меня хмуро и, пожалуй, несколько удивленно смотрело шесть пар женских глаз. Это же… варги! Что им тут нужно?
Я непонимающе повернулся к ректору и вопросительно приподнял брови:
— Мм…
— Ваша охрана, Эриадор! — повторил Мотэдиус, сделав жест рукой в сторону двери. В его глазах откровенно скакали чертенята.
Моя охрана? Я вновь развернулся к варгам. Серьезно? Если так… То на что же такое я только что подписался?
А-а! Секунду спустя дошло до меня — это же месть! За тот позор, когда ему пришлось рассказывать всему примчавшемуся двору и лично императору, куда делась Эриэлла? Месть за розыгрыш! Мотэдиус ведь знает, какие у меня с ними отношения!

Оборачиваюсь снова к нему. Ну так и есть! В ментале — удовольствие, ирония по полной программе. Разве что только не улыбается! От гад!
— Что такое, Эриадор? — озабоченно спрашивает он. — Вам не нравится ваша охрана?
И лицо такое серьезное-серьезное! Прямо само беспокойство. А внутри ржет.
— Не нравится, — категорично мотаю головой я. — Они едят кошек, кусаются и вообще не люди!
От двери приходит эмо-волна с трудом сдерживаемого гнева.
Ничего, перетопчутся!
— Ну что же вы так, Эриадор, — говорит ректор, откидываясь на спинку кресла и разводя по столу руки. — В империи живут многие расы. Мирно живут. И такая открытая нетерпимость! Не ожидал от вас, не ожидал. Это даже… неприлично, так говорить!
В голосе сокрушенно качающего головой Мотэдиуса слышалось истинное осуждение.
— Я им не доверяю, — громко говорю я, проигнорировав попытку надавить на мое чувство вины.
— Совершенно зря, — отвечает Мотэдиус. — Когда вы познакомитесь с этими прекрасными воинами поближе, думаю, что вы измените свое мнение.
Ректор явно работает на публику. На варг.
— Я уже назнакомился, — говорю я, — хватит! Император им тоже не доверяет!
Стрелка эмо-фона от двери переползла из сектора «гнев» в сектор «ненависть».
— Наш Верховный совет доверяет, — нахмурился Мотэдиус. — Свидетельство тому — подписанные бумаги, которые перед вами на столе. И император доверяет, ибо до сих пор особые пятерки служат ему верой и правдой…
«Мало ли дураков в совете… да и вообще на свете?» — подумал я про себя, но вслух произнес другое.
— А как же быть с академией? И с одной известной книгой, которую все читали? Неужели император принял ошибочное решение?
— К сожалению, дворцовые интриги никто не отменял… — Ректор глубоко вздохнул. — Но думаю, что все в ближайшее время может измениться. Его величество весьма разочарован последними событиями, в котором орден показал себя не с самой лучшей стороны…
Торжество от двери.
М-да? Что, книжка действовать перестала? Быстро. Недолго музыка играла… Ладно, посмотрим…
— Поэтому, Эриадор, вы можете совершенно спокойно отправляться в путь с такой надежной охраной. У меня нет никаких сомнений в том, что вернетесь вы целым и невредимым…
— А если я откажусь по причине личной неприязни? — быстро спросил я, не давая ректору закончить его длинную мысль.
— Ну… тогда… Тогда экспедиция будет отменена, а вы освобождены от занимаемой должности.
— Неужели так все критично? Неужели во всей империи не найдется какой-нибудь… другой охраны? Тем более что на вид это не охрана, а какие-то малолетние девчонки!
Кристаллизованная ненависть от двери.
— Обращу ваше внимание на тот факт, что решение в данном вопросе принимаете не вы, Эриадор. Решение принято советом. Все бумаги подписаны, деньги выделены, охрана назначена. Еще раз вам повторю: ничего сложного и опасного в экспедиции не предвидится. Если в Этории считают, что такой охраны достаточно, значит, так оно и есть. Вы можете либо согласиться, либо отказаться… с соответствующими последствиями.
— А что, мое мнение никак не учитывается? Я же глава экспедиции!
— Для которого она первая. Поэтому нет ничего удивительного в том, что часть забот по ее подготовке приняли на себя более опытные и знающие ваши коллеги. Совершенно не вижу причин вашему упрямству, Эриадор! Варги всегда охраняли магов. И продолжают этим заниматься. Так или иначе, вам придется сталкиваться с ними всю вашу жизнь.
— А мои мозги? — поинтересовался я.
— А что с ними? Ваши мозги останутся при вас. Охране даны совершенно четкие инструкции, поэтому опасаться вам нечего.
— Мне кто-то обещал секретное заклинание…
— Оно применимо только к тем, кто владеет магией.
— Вот как?
— К сожалению, да. Ну так что вы решили, господин Аальст?
Я вновь повернулся к двери и встретился с взглядами, которые не обещали мне ничего хорошего. Хотя лица были бесстрастные. Хорошие такие лица. Симпатичные. Молодые…

Я в задумчивости посмотрел на стройные фигуры, застывшие у порога. Заметил, как у них у всех уверенно лежат правые ладони на рукоятях мечей, на стройные ноги в высоких черных сапогах…
Курощение и дураковаляние… Это может оказаться весьма забавным, тем более что выбора у меня практически нет. Либо послать всех и гордо покинуть архив, либо расплатиться с Мотэдиусом за Эриэллу. Если честно, он имеет право на «встречный ход». Что ж, ладно, потерплю уж как-нибудь их присутствие… Тем более что там вроде портал нерабочий имеется… Буду считать это платой за свое вероятное освобождение. К тому же они еще молодые. Озабоченность у варг, помнится, начинается в более старшем возрасте. Вполне вероятно, что это действительно достаточно безопасно… Никто на меня кидаться не будет. Если только госпожа старший лейтенант…
Я еще раз оценивающе окинул взглядом лейтенантшу и повернулся к Мотэдиусу.
— Хорошо, господин ректор, — сказал я, — я снимаю свои возражения. Я еду.

Две варгуши.

— Я думала, он будет старше… — задумчиво произнесла Анжелина.
— Ты об Аальсте, что ли? — спросила Кира, с которой она за последнее время сдружилась как-то больше других.
— Угу, — кивнула Анжелина.
— Почему? Потому, что он архивариус?
— Да. Я почему-то представляла его стариком. Седым и с бородой.
— Если честно, то я тоже ожидала увидеть кого-то постарше…
— А он ничего так… Симпатичный. Только слишком высокомерный.
— Высокомерный? Да он просто наглая скотина! Такую еще поискать нужно!
— Согласна. Как мы с ним три месяца проживем? Мне его уже сейчас убить хочется!
— Ничего… не боись! Обломаем! Будет тапочки в зубах носить…
— Ты думаешь?
— Чего тут думать! Варги мы или нет? Сама увидишь!
— А чьи тапочки?
— Кто обломает, того и тапочки!
Кира улыбнулась во всю ширь.
— А как же приказ?
— А мы не будем нарушать. Мы потихонечку…
— Как это?
— Увидишь. Это нужно показывать.
— А если нас потом накажут?
— Ой, ну не будь такой трусихой! Когда еще подвернется такой случай — человеку голову задурить? Я так люблю это делать! — Кира хищно улыбнулась, полностью обнажив свои небольшие клыки.
— А что, разве ты уже это делала? — удивилась Анжелина.
— Да сотню раз! — небрежно повела плечиком та. — Ничего сложного! Нужно только загадочно смотреть и позы принимать всякие. И они сами, как телята, прибегут…
— Позы?
— Ага.
— Чо за позы?
— Подчеркивающие. Бедра, там, показываешь, спину выгибаешь… много чего. Если хочешь, я тебе покажу.
— Хочу!
— Покажу. Но, чур, я первая!
— Хорошо, договорились. Но, наверное, ничего из этого не выйдет. Он нас презирает…
— Так это еще интереснее! Только представь, сколько будет удовольствия, когда он в ногах валяться станет!
— Да? — скептически отозвалась Анжелина, которой почему-то показалось, что подруга привирает.
— Не веришь? На что спорим?!
Зеленые глаза Киры загорелись азартом.
— Верю, верю. Просто я сама никогда так не делала. Мне кажется, это очень сложно…
— Ничего сложного. Научу. Вот увидишь, тебе понравится!
— Ладно. Главное — приказ не нарушить.

— Не нарушим, — уверенно произнесла Кира. — Мы зверушку из него делать не станем? Будем пользоваться только своей внешностью, ну и секретами обольщения… В приказе на это запрета нет. Мы же его уже раньше видели, — неожиданно добавила она после паузы. — И если спросят — может, мы ему уже тогда понравились? Что тут такого?
— Кого видели? — не поняла Анжелина.
— Дедушку нашего, Аальста, — улыбнулась в ответ ей Кира, — на танцевальном конкурсе. Он тогда помог пятерке Лиссы выиграть. Ты что, не помнишь, что ли?
— Слушай… а я-то думаю, где я его видела? — изумленно произнесла Анжелина, округляя глаза. — Это же он! Точно!
— Ну ты даешь! — поразилась Кира. — Ты же у нас художница! Ты первой должна все замечать!
— Ну… я больше природу рисую. Люди у меня плохо получаются… Но как ты сказала, я его сразу узнала! Да, это он. Он тогда у Дины Эстерай зверушкой был. У нее потом еще девочки родились…
Внезапно лицо Анжелины вытянулось.
— От… него? — ошарашенно от пришедшей ей в голову мысли уставилась она на Киру.
Та была изумлена не меньше ее.
— Точно! Ну ничего себе! Вот это да! — произнесла она, хлопая от избытка чувств себя по бедрам.
— А он знает?
— Не знаю. Хотя постой… Помнишь, мы отдельно расписывались в приказе, запрещающем «сообщать кому-либо что-либо о жизни леди Эстерай…»? Я еще тогда подумала, что за секретность вдруг такая странная? И при чем тут госпожа лейтенант? А вот оно в чем дело… Он не знает! Не знает!
Анжи изумленно покачала головой.
— Как здорово — секреты! Обожаю секреты! — Кира от возбуждения несколько раз подпрыгнула на месте.
— И что с этого секрета? — спросила Анжелина.
— Да ничего! Просто мы знаем, а он не знает! Ведь здорово, правда? Вот это настоящая жизнь разведчика!
— Слушай… — поразмышляв несколько секунд, произнесла Анжелина, — как ты думаешь, почему об этом нельзя никому говорить? Я спросила, но майор сказала, что это меня не касается. И как он сюда попал, если был зверушкой, а?
Анжелина вопросительно уставилась на Киру.
— Мм… — выпятив губы и нахмурив от размышления лоб, отозвалась та, — ну-у… Не знаю! — сдалась она секунд десять спустя и тут же добавила: — Похоже, это какой-то особо охраняемый секрет! Нет, даже два! Первый — почему начальство не хочет, чтобы Аальст узнал о детях? Второй — как он из Этории попал в университет?
— Тсс… — приложила палец к губам Анжелина, — не кричи! Кто-нибудь услышит.
— Да никого ведь нет! — заозиралась вокруг себя Кира. — Знаешь, а давай за ним специально следить?
— Следить? Специально?
— Ага!
— Зачем?
— Это же интересно! Узнаем, в чем причина!
— Меньше знаешь, лучше спишь…
— Ой, Анжи, ты скучная! Неужели тебе не интересно?
— Мне интересней в дальний гарнизон не попасть…
— За что в гарнизон?
— За нарушение приказа. Нужно рассказать об этом всей нашей пятерке.
Кира нахмурилась.
— Ты серьезно? — спросила она. — Но тогда никакой тайны не будет! Все все будут знать.
— Ну и хорошо. Зато никто случайно не проговорится. Мы же теперь одна команда. Если провалим задание, невыполнение запишут всем! Тебе это нужно? Мне — нет! Я не хочу потом полжизни где-то на солнце пыль глотать.
Кира почесала в затылке, раздумывая. Ну вот хотелось ей чего-нибудь такого, таинственного! Хотелось. Но тут Анжи права… запишут всем.
— Ладно, — вздохнув, сказала она, признав правоту подруги, — скажем! Но следить все равно будем. Сами. Одни. Договорились?
— Хорошо! — кивнула Анжелина, подумав, что лишнее наблюдение за Аальстом не повредит. Может, начальство отметит как служебное рвение? Почему бы и нет?
— Пошли, расскажем! — с энтузиазмом предложила Кира, видно уже представляя, как она будет это делать.

— Пойдем, — спокойно согласилась Анжелина.
«Я все буду делать внимательно и тщательно… — секунду спустя произнесла она про себя фразу, повторяемую ей по несколько раз на день, — и всегда думать, что я делаю».

Эри

— Что? Лошади? Даже и не мечтайте! Я до последнего мгновения намереваюсь передвигаться исключительно в карете, как дворянин. И вам советую…
Наше первое производственное совещание было в полном разгаре. Обсуждался вопрос — на чем ехать? Похоже, мои охранительницы никак не ожидали прений в этом пункте. Лошади, они, как говорится, и в Африке лошади! Какие могут вообще быть вопросы? Но тут они столкнулись с действительностью в моем лице. Жесткой и внезапной.
— Дудки! — сказал я им. — На лошадь я пересяду в тот момент, когда без нее дальше будет ну совсем никак! А до тех пор я буду путешествовать как можно более комфортно. Как всякий нормальный разумный.
В данный момент они как раз пытались убедить меня в обратном — моей неразумности. Ага, щас!
— Но мы уже приготовили для вас лошадь, — с выражением абсолютного терпения на лице приводила аргументы леди Биргит, старшая со стороны варг в этой команде. — Куда ее теперь девать?
— Что, эта лошадь возникла по моей вине? Разве я заказывал ее? Это ваша животина, вы ее притащили с собой, ну так и занимайтесь ею. Я-то тут при чем?
— Но если бы мы ее не притащили, то тогда вам было бы не на чем путешествовать в песках…
— Разве в мире существуют только ваши лошади? Неужели нельзя купить скотину в последнем населенном пункте перед пустыней?
— Скотину, может, и можно, но вот нормальную лошадь, способную вынести многодневный поход по пескам, — нет! Очень жаль, что вы этого не понимаете.
Лица пятерки варгуш, сидящих рядом со своей начальницей, осветились улыбками. Мол, ну и дурень! Это же очевидно! Ладно, запомню я эти улыбочки. Я вообще-то не злопамятный… Почти. Но запомню!
Я внимательно обежал взглядом улыбающиеся лица. Наглые… но симпатичные… Этого у них не отнимешь. Как специально подбирали. Стройные, изящные, даже в какие-то мгновения грациозные. Красивые лица, светящие юностью и задором. Все разных возрастов:
Кира. Черное короткое каре. Удивительные зеленые глаза. Поблескивают. Я бы даже сказал, чересчур. Она, правда, делает вид, что она тихая и скромная, но видно, что из нее энергия прет. Даже наблюдать, чтобы это понять, особо долго не пришлось. Пятый курс. Самая взрослая после госпожи старшего лейтенанта.
Анжелина — четвертый курс. Светлая шатенка с несколько созерцательным взглядом, янтарные глаза. Узкие, с длинными тонкими пальцами, красивые кисти рук. Что-то есть в них… чувственное, я бы сказал, в этих тонких пальцах с аккуратными, коротко обрезанными ноготками.
Илона — светлые золотистые волосы. Тоже короткая прическа. Впрочем, они у всех короткие — выше плеч. У этой, пожалуй, самое красивое лицо из всех. Практически не к чему придраться, настолько оно идеально. Голубые глаза. Смотрит на меня с недоумением. Третий курс.
Рината — второй курс. Рыженькая. Прическа какая-то мальчишеская. Волосы торчат слева и на макушке. Глаза карие. При обращении взора на меня прищуриваются, как целящийся снайпер. Похоже, прикидывает, с чего удобнее начинать мою разделку. Ню-ню…
И последняя — Дана, первый курс. Темненькая, как и Кира, но, в отличие от той, имеет темные глаза удлиненной формы. Как у кореянок или японок. Худенькая, невысокая, чем-то напоминающая мультяшных героинь. Миленькие, чуть пухленькие щечки, детское выражение лица. Прямо «каваи-и-и!» из сериала. Ее научить «ня!» говорить, вообще анимешка будет.
Ну и до кучи — госпожа старший лейтенант. Возраст примерно как у Дины. Тоже темноволосая, с темно-карими глазами. Чем-то лицом на Стефи похожа. По поведению — «плавная» какая-то. Такое ощущение, что ее крепко удивили, и она с того момента до сих пор в себя не пришла. Вроде смотрит и глазам своим не верит. Что-то, в общем, такое.

Форменные дорожные костюмы на всех сидят как влитые. Ничего не топорщится, нигде не отвисает. С фигурами проблем нет ни у кого. В первый раз, после того как Мотэдиус нас вежливо выставил из своего кабинета под предлогом «познакомиться и чего-нибудь начать делать», мы долго молча и тщательно разглядывали друг друга. Минуты три. Их шестеро — я один! Причем никто не смущался и конфуза не ощущал. Что я, что они. Разглядывали, как перед схваткой, в которой никто не собирается уступать.

«Ну и что это за охрана?» — спросил я тогда себя, поочередно переводя взгляд с одних длинных ног в высоких черных сапогах на другие. Ноги есть, да. Не отнимешь. Глаза, брови, губы — есть. Лица — придраться не к чему. Но все остальное по виду — детский сад. От чего, интересно, они могут меня защитить? От бродячих собак? Или от одинокого разбойника-доходяги, выгнанного голодом и отчаянием на дорогу? Очень хотелось спросить их прямо в лоб, как говорится. Но я не стал форсировать эскалацию конфликта, подумав, что если я собрался с ними на три месяца в пампасы, то следует иметь с командой хоть какие-нибудь, но отношения. Поэтому я потребовал приватного разговора с лейтенантшей и спросил у нее уже без лишних ушей:

— А, собственно, что тут у нас за детский сад?

Та поджала губы, вздохнула и начала объяснять.

— Видите ли, господин архивариус… — (брр, это что, они меня так всю дорогу звать будут?) сказала она, — есть две причины, по которым пятерка была укомплектована этими курсантками. Первая — девочкам нужно расти. Расти в плане карьеры. Все они отличницы боевой подготовки, прекрасно владеют оружием, и командование рассчитывает, что они оправдают его доверие. Но для продвижения вверх нужны успехи… Однако академия в столице перестала существовать… и отношение императора и военного руководства империи к выпускницам Этории… скажем, изменилось. Курсанткам сейчас просто негде проявить себя! Ваша экспедиция — хороший повод заработать им на карьерный рост. И из этого проистекает вторая причина. Возможно, она не столь хорошо выглядит, но я не стану ее скрывать. В пятерке есть курсантка, имеющая родственниц в высоких чинах. Я не знаю кто, мне не сказали, но она есть. Думаю, что по благополучному завершению задания она, впрочем, как и вся группа, будет награждена, и это станет стартом ее карьеры…

«Вот как? — подумал я, услышав ответ. — Протеже, значит?»

Кто-то устраивает судьбу своей дочери или внучки? Впрочем, ситуация вполне нормальная и понятная. У кого какие возможности в жизни есть, тот те и использует. А остальные четверо призваны создать видимость равных возможностей… Понятно. Но что значит лично для меня подобная ситуация? Хм… Да в принципе ничего! Пожалуй, одни сплошные плюсы. Насколько помнится, варги-курсантки пока не озабочены в плане секса, это раз. К примеру, Лисса с подругами на меня тогда не бросались. Так, «коготки» немножко пытались поточить на мне ради интереса — и все. А два… Коль кто-то отправил в пески своих малолетних родственниц, то выходит, что ничего опасного в этой поездке не ожидается. Думаю, соображал же этот кто-то, что делал? Надеюсь, что соображал и не ошибся.

Получается, что приглядывать мне в поездке нужно в общем-то лишь за Биргит. Вот у нее крыша на свежем воздухе может и поехать… Но в ментале «ничего такого-эдакого» от нее не слышно. Не нравлюсь я ей, это есть. Слегка раздражена. Тоже чувствую. Однако игривости в настроении у нее нет никакой. Абсолютно. Ну и чудненько…

— Леди, — задал я ей тогда вопрос, — скажите, а лично вы… Вы тоже рассчитываете на продвижение, если мы успешно выполним миссию?

— Это будет решать командование, — сухо ответила она и добавила: — Но я хочу, чтобы миссия под моим командованием была успешной. И надеюсь, что все приложат усилия к тому, чтобы именно так и произошло. Вы меня понимаете, господин архивариус?

— Не сомневаюсь, что именно так и будет… так и будет, — улыбнулся я ей многообещающей улыбкой.

Но все это было вчера. А сегодня мы собрались на первое собрание, дабы обсудить организационные моменты. Однако, как мне кажется, все же главным, пусть и не озвученным моментом этого сборища, было выяснение одного очень важного вопроса: «Кто будет сверху»? Пока для них, видимо, это не ясно… Я-то давно уже все решил. Хе-хе…

— Но если вы будете путешествовать в карете, то тогда придется разделить команду. Кто-то должен будет ехать с вами, чтобы охранять, а кто-то будет с лошадьми. В результате пятерка будет неполная, и ваша безопасность окажется под угрозой так же, как и вся миссия. Однако если мы будем ехать все на лошадях, то такого не произойдет…

Лейтенантша несколько свысока посмотрела на меня: мол, что ты скажешь на этот довод? И варгуши, глянув на нее, смотрели так же, с ухмылочкой. Ну-ка, скажи! Да скажу… Запросто! Какую-нибудь дурь, например…

— Если ехать на лошади, то ноги станут кривые, — с абсолютно невинным выражением лица провещал я.
— Кривые? — озадачилась леди Биргит, с совершенным непониманием от такого перескока с вопроса безопасности на вопрос прямизны ног. — Почему кривые?
— Ка-ак?! Вы что, разве не знаете, что у тех, кто много ездит верхом, ноги становятся колесом? — искренне изумился я.
— Почему колесом?
— Ну как же! У лошади ведь бока круглые? Круглые! Ноги у всадника прижимаются к бокам. Вот и кривеют они… со временем, — доходчиво объяснил я с самым бесхитростным выражением лица.
Леди задумалась, видно представляя, как происходит сей процесс во времени. Варгуши переглядывались между собой и дружно опускали глаза вниз, похоже, проверяя, как там у них с кривизной. Ага! Мысль о кривеющих ногах с каждым часом, проведенным на лошади, брошена в массы! Интересно, они что, никогда не слышали такой побасенки? Бородатая ведь шутка. Или, может, поскольку тут все на лошадях, то такими вещами не шутят? Но Сихот меня побери, какие же они наивные! Кто послал красных шапочек с волком в темный лес? Они же этого не переживут!
Настроение мое стремительно пошло вверх. Поездка вдруг представилась солнечным пикником на летнем взморье. Со спутницами, шутки над которыми могут замечательно скрасить скуку путешествия.
«Нормально, — подумал я, — оказывается, не так уж сильно Мотэдиус меня и прижал! Шею, главное, не подставлять, и все будет вполне нормально».
— Вас так сильно беспокоит стройность ног? — наконец вышла из задумчивости леди Биргит.
— Конечно, — не раздумывая, откликнулся я, — для мужчины ведь что в жизни главное? Чтобы ноги были стройные! Кому нужны кривульки?
Секунды две все таращились на мое серьезное лицо, потом, видно заметив мой взгляд, направленный на их нижние конечности, до них наконец дошло, что я имею в виду не свои, а их ноги.
— Мы разговариваем о важных вещах, — нахмурилась лейтенант, — о подготовке к экспедиции! Прошу вас, господин Аальст, проявить максимум серьезности в вопросе, который касается нас всех.
— Я абсолютно серьезен и поэтому говорю сразу как есть. Лошадей не люблю. Таскаться по дорогам не люблю. Всякие постоялые дворы — то же самое. Люблю комфорт, удобства и вкусную еду. Кстати, леди Биргит! Надеюсь, ваши подчиненные умеют правильно мыть посуду в походных условиях? Жирные на ощупь тарелки и не начищенные до блеска грязные котелки способны пагубно повлиять на мое здоровье. Я могу от такого заболеть! Если я заболею, то не смогу работать. А если я не смогу работать, то, значит, экспедиция провалится! Надеюсь, это очевидно и понятно. Поэтому, чтобы такого не случилось, качество мытья посуды я буду проверять са-мо-лич-но! А рвение и усердие каждого члена вашей пятерки, проявленное во время экспедиции, по возвращении оценю и отражу в своем отчете…
Какая в ментале яркая, восхитительная по своей чистоте ненависть! Причем сразу у всех пяти «посудомоечных машин». А вы что думали, на прогулку едете, что ли? Работать будете! Туристки…
— Ведь мы же с вами хотим, чтобы наша миссия завершилась полным успехом? — наклонив голову вперед, обращаюсь я к госпоже старшему лейтенанту, вопросительно глядя на нее из-под бровей. — И уж, коль речь у нас зашла о столь прозаических вещах, как мытье посуды, — продолжил я, не видя попыток сопротивления, — давайте тогда сразу обсудим тот уровень быта, который вы будете должны мне обеспечить…

Впечатления об Эри

— Высокомерный выскочка…
— Дурак и сволочь…
— Самовлюбленный гад…
— Сережку носит… Не мужик…
— Трус и слабак. Жаловаться он будет…
— Ябеда… Надо его слабительным накормить…

— Так, отставить разговоры! Нам нужно еще сегодня получить магические свитки, амулеты и карты. И взять у главного эконома все, что мы сможем у него взять! Напра-а-во! По кор-ридору — шагом марш!
Но вот что госпожа старший лейтенант подумала об Аальсте, вслух она не произнесла…

Принц

— …Таким образом, политика нашего восточного соседа…
Младший принц империи внимательно следил за расхаживающим у настенной карты старшим дипломатическим советником. Тот увлеченно рассказывал о положении на Востоке, иногда показывая на ней в качестве иллюстрации населенные пункты и границы. Однако хоть Диний и внимательно следил глазами за перемещениями оратора и иногда кивал, создавая вид своего присутствия, но в этот момент крутились в его голове совершенно посторонние мысли, не имеющие к дипломатии никакого отношения.
«Почему Стефи стала так редко писать? — размышлял он. — Раньше она писала каждый день, а теперь в неделю — всего одно письмо. И опять какое-то… короткое! И так уже второй месяц! Что случилось? Может, она болеет? Да ну! В университете целый факультет целителей. Давно бы уже вылечили… Или мне бы сообщили… Может, она на что-то обиделась?»
Принц глянул вправо, на сидящую рядом с ним девушку. Вьющиеся, до плеч, светлые локоны с легким золотым отсветом. Голубые глаза, губы, покрытые нежно-розовой помадой, длинные ресницы, красивое личико…
Заметив брошенный на нее взгляд, девушка, сидевшая вполоборота, с готовностью повернулась и улыбнулась принцу.
Диний вздохнул и снова перевел взгляд на советника.
«Личный секретарь, — подумал он, — приставленный мамой… Хорошо, хоть на занятиях одна положена… А так всегда за мной по две ходят и меняются каждую неделю… А на обедах так вообще всей толпой сразу вокруг меня… Может, отец пошутил тогда надо мной? Просто не представляю, каким дипломатом нужно быть, чтобы уговорить маму снять с меня этот эскорт… Да какая, к псам собачьим, дипломатия! Тут скорее выживание! Постоянно приходится следить, чтобы не остаться с кем-нибудь из них наедине… Точно женят. Вон как у всех глаза горят! Все готовы стать принцессами! А Стефи не пишет. Может, ей о них рассказали? Вполне возможно. Сплетников полный дворец… Обиделась. Она гордая. Нужно мне с ней поговорить. Сказать, что я люблю только ее. Сказать, глядя ей в глаза. Она увидит, что я не вру… И успокоится…»
— …и тогда Меквик Второй с остатками своей охраны сбежал из дворца и скрылся в густых Летонских лесах…
Как бы мне тоже сбежать из дворца? Только не в лес, а к Стефи?
Диний вновь глубоко вздохнул и уставился невидящим взглядом на карту.

Стефи

«Здравствуй, мой принц…»

Стилус в который раз обреченно замер над бумагой.
Вот что я должна ему писать? Опять о погоде? О лекциях? У меня рука просто не поднимается! После случившегося, как я могу писать о своих чувствах? Как могу делать вид, что ничего не произошло? Это же врать! Врать, врать и врать! Сколько это еще может продолжаться?
Я с раздражением швырнула стилус на бумагу и вскочила из-за стола.
Я не могу так! Да, да, я дура, дура! Ромашка, как говорит Эри. Но я не врушка! Я пыталась научиться. Да, пыталась! Но я дура! Я не могу научиться даже таким простым вещам, которые все делают легко и просто, — молчать! Ну что я за идиотка такая ненормальная? Просто промолчать. Но это значит соврать. Разве я смогу врать ему в глаза? Когда он на меня смотрит? Нет! Не смогу! А потом он меня прогонит и будет презирать! И поделом! И Эри не захочет со мной разговаривать… И все будут сплетничать и показывать на меня

пальцами… И смеяться… Я это не вынесу. Не переживу. Потерять разом все… Я ведь даже не смогу после этого учиться! Так и останусь никем. Никем… Что же делать? Что делать? Я не знаю, что мне делать! Что делать… Сбежать? Я уже думала об этом. Но… куда? В лес? А там что? Жить с волками? Домой вернуться? Брр!
Я передернула плечами от представленной картины.
Но куда бы я ни уехала, я все равно не смогу выкинуть их из своей памяти! От себя не убежишь… Правду говорят. Забыть… забыть, все забыть! Как мне забыть?
Я сделала несколько стремительных кругов по комнате.
«Отравиться… — внезапно совершенно спокойно подумала я. — Вот он, выход!»
Выход, который устроит всех. Я перестану мучиться и страдать, а они… они немножко поплачут… и забудут… меня… Всем станет хорошо…
Картина Диния и Эри, утирающих слезы у моего гроба, встала перед моим внутренним взором настолько ярко и подробно, как будто это уже случилось и я присутствую там… как зритель. Как бесплотный дух… прощающийся с землей…
«Да! Это действительно выход! — некоторое время спустя подвела я итог своим раздумьям. — Единственный выход. Осталось найти яд. Неболючий… и мгновенный. Где его можно взять?»
Я задумалась, перебирая возможные варианты.
Внезапно я услышала стук в дверь. И, похоже, по тому, как бухали в дверь кулаком, стучали долго и уже начали звереть.
— Кто? — спросила я, подскочив к ней.
— Сова, открывай! Медведь пришел! — заорали знакомым голосом.
Эри!
— Зачем пришел? — спросила я, подойдя к двери, в щель между нею и косяком.
— Мед принес. Горшочек. Увидишь, обалдеешь!
Голос Эри был хмур и зол.
— Меда? Какого меда? — не поняла я.
— Того самого. Открывай давай.
— Не нужно мне ничего! Уходи!
— А хочешь, дверь сломаю? На раз.
— Что?
— Открывай давай!
— Не буду!
— Тогда сейчас будет шумно.
— Только попробуй!
— Да запросто!
Он же не остановится! Это же Эри!
— Что хотел? — спросила я, щелкнув замком.
Распахнув правой рукой дверь и задев меня плечом, он ни слова не говоря прошел мимо меня по коридорчику. Ничего в его руках не было. Ни меда, ни горшочка.
— Дверь закрой! — секунду спустя прилетело указание из комнаты.
— Что тебе надо? — возмущенно встала я на пороге. — Чего пришел?
— Шел мимо, подумал, может, поделишься…
Эри стоял у стены, скрестив на груди руки и хмуро глядя на меня из-под бровей. На нем был черный камзол, застегнутый под горло, и черные просторные штаны, заправленные в невысокие сапоги. Тоже черные.
— Чем поделюсь? — недоумевая, спросила я.
— Мыслями. Они у тебя сегодня необычные.
— Чем же?
— Смертью пахнут…
Я растерялась. Как он мог узнать, о чем я думала? Он что, умеет читать мысли?
— Ничем они не пахнут… Ты что, разве умеешь читать мысли?
— Ты меня заколебала. В следующий раз захочешь о чем-нибудь таком подумать, ставь щит. Понятно?
Какая я дура! Опять я забыла!
Я закусила губу. В комнате повисла гнетущая тишина. Эри, отвернувшись от меня, смотрел в окно. Его пальцы, лежащие на плечах скрещенных рук, выбивали какую-то быструю дробь. В голове у меня не было ни единой мысли. Я просто стояла и смотрела, как он ими барабанит. Стояла и смотрела… Смотрела и стояла…
— Хорошо, — обернувшись и бросив на меня недовольный взгляд, произнес он, — я согласен признать, что в случившемся есть и моя вина. Половина.
— Что? — переспросила я, не понимая.

— Я тоже виноват. Наполовину, — четко произнес Эри, сопровождая свои слова недовольной гримасой.
— И… что?
— Ты довольна?
— Почему я должна быть довольной?
— Ну я же взял на себя половину!
— Мне все равно, — равнодушно пожала я плечом, — можешь не брать…
Резко повернувшись ко мне, Эри несколько секунд, прищурившись, смотрел на меня. Внезапно что-то невидимое схватило меня и бросило к нему, плотно прижав.
— Ой!
— А что ты тогда хочешь? — зловеще спросил он, нависая надо мной и смотря мне в глаза.
— Покоя, — смотря из-под бровей, честно ответила я, — и тишины.
Мы замерли, тесно прижавшись и смотря друг другу в глаза. Внезапно до меня дошло, что он держит меня в объятиях. Точнее, не до меня, а до чего-то в моей груди. Маленький огонек вспыхивает в ней… Вот от него побежали во все стороны тонкие огненные ручейки… их больше и больше…
— Прекрати! — приказал Эри.
— Что?
— То самое!
Как от Эри пахнет! Молодым грецким орехом. Почему орехом? Разве это его запах? Огонек в груди вспыхивает костром. Огненные ручейки стали толще, вспыхнули и направились от груди во все концы моего тела.
— Уйди от меня!
Эри разжал объятия и отпихнул меня от себя на пару шагов.
Я стояла, опустив руки и закрыв глаза. Чувствуя текущий внутри огонь и вдыхая непонятно откуда взявшийся в комнате запах растертой зеленой травы и листьев. В душе было терпко, горько и сладко. И еще светло и как-то радостно. Я замерла, пытаясь ощутить все разом, не упустить ни капли из того чудесного, что я переживала сейчас.
— Ты знаешь, что ты идиотка?
— Да, я идиотка, — легко согласилась я с ним, стараясь не отвлекаться от ощущений, и поэтому ответила быстро и кратко.
— Я тебя не чувствую и не собираюсь этого делать. Просто поговорим.
— Не чувствуй. Поговорим.
— Что ты удумала?
— Хочу умереть.
— Почему?
— Не хочу врать тому, кого люблю.
— Хм…
Судя по звуку, Эри поскреб затылок.
— Просто молчать, я так понимаю, ты тоже не можешь?
— Не-а, — покрутила я головой, не открывая глаз, — это тоже обман.
— Идиотизм… И когда к Хель?
— Как найду яд.
— Меня там не будет…
А ведь и правда…
— И Диния не будет…
И его не будет!
— Скучно ведь будет одной…
Одной? Нет!
— Я не хочу быть одна! — распахнула глаза я.
— Кто тебя гонит? Оставайся.
— Тогда мне будет плохо.
— Разве любовь не стоит страданий?
Не стоит? Еще как стоит!
— Ты меня… любишь?
Я делаю к нему два шага. Эри отступает назад и упирается спиной в стену и слегка меняется в лице.
— Ты меня любишь? — требовательно повторяю я вопрос, близко-близко смотря ему в глаза.
— У тебя определенно сегодня что-то с головой…
Кладу ему руку на плечо и медленно скольжу кистью по камзолу вниз, к его груди, ощущая под ладонью, прямо сквозь ткань, его тело. Огонь в моей груди вспыхивает с новой силой.

Внезапно я чувствую, как просыпается моя сила. Моя черная пантера… Словно наяву, я вижу, как внутри меня свиваются, переплетаясь, черные и огненные линии…
— Ты меня грохнуть, что ли, решила? — возмущенно кричит Эри, выворачиваясь из-под моей руки и отскакивая к двери. — Идиотка озабоченная, уймись!
— Ты любишь меня?
— Щас! Аж три раза! Любовь и смерть в одном флаконе — это уж слишком!
— Не… любишь? Почему? Почему ты такой жестокий?
Я почувствовала, как мои глаза наполняются слезами.
— Я завтра зайду. Когда ты с головой снова подружишься!
С этими словами Эри торопливо выскочил из комнаты. Черные и красные линии внутри меня свились в спирали, вытянулись, прижимаясь друг к другу, и вспыхнули яркой вспышкой золотого света.

— Это еще что такое?
Шедший по коридору университета в свой кабинет Мотэдиус замер, сбившись с шага.
«Какой странный… всплеск! — подумал он, стараясь по максимуму прочувствовать магическую ауру вокруг. — Опять Терская? Терская — уже имя нарицательное. Где что случилось, все сразу говорят: „Опять Терская“»?
Архимаг усмехнулся.
Но в этот раз не она. Это-то что такое… необычное. Легкое и волнующее. Словно укол в сердце на первом свидании… Очень интересно, что это было? Жаль, не многие могут хорошо слышать маго-ауру. Можно было бы поделиться впечатлениями…
Ректор еще некоторое время послушал, но больше ничего не происходило, и он, пожав плечами, пошел дальше, размышляя о множестве загадок вокруг, которые так и останутся неразгаданными лишь потому, что их просто никто не замечает… А жаль!

Эри

Тум!
Я от души трахнул днищем тяжелой дубовой кружки по трактирному столу.
Сихот! Зашел успокоить девочку! Да она меня чуть… не того-самого! Вообще двинулась на почве секса! Озабоченная. Ладно был бы у нее многолетний опыт в этом вопросе, а то единичный случай — и такие сразу закидоны!
«Ты меня любишь?» — передразнил про себя я ее.
Ага, я прямо так и кинулся на ее руку браслет сердца надевать! Щас! Обойдешься! Еще и силу свою призвала. Совсем мозгов нет. Чего я вообще с ней связался? Только и занимаюсь тем, что успокаиваю. Стефи то, Стефи се, посмотри сюда, подумай об этом! А она в благодарность решила меня… к рукам прибрать! Неблагодарная! И квас закончился… Даже нажраться нельзя! Сижу, пью какую-то кислятину! Фи… Разве это жизнь свободного демона? Нет, разве это вообще жизнь? На кого я стал похож? Соплежуй какой-то!
«А я тебе уже говорил… — раздался в голове голос моего второго „я“. — С самками либо нужно поступать соответственно, либо вообще дел не иметь. А набить ими полный фургон и ходить вокруг с видом умного метросексуала — дебилизм чистой воды. Вот результат такого поведения: испуганный побег».
«Не побег, а передислокация… И не испуганный… а быстрый!»
«Несомненно. А еще по пятницам ты папа римский. Ну дал бы ей, чего ей хотелось. Не облез бы…»
«Я это я! Если я буду входить в положение всех, то от меня ничего не останется. Есть базовые принципы, которые закрепляют личность и сознание, не давая ей раствориться под ветром иной реальности…»
«Да-да. Конечно. Звучит красиво. Но секса-то хочется?»
«Чего-то хочется… Но чего, непонятно. Может, в морду кому дать? Блин! Как же мне погано… Все чужое — мир, тело, желания! Не… несомненно, нужно дать кому-то в морду! Всенепременнейше!»
«Найти в кабаке виноватого во всем? Боже, какой примитивизм…»
«Ладно, сейчас я немножко пар выпущу, и можно будет все спокойно обдумать…»
«Сколько можно думать?»
Я задумчиво обвел взглядом помещение трактира с целью найти себе подходящего партнера для драки. Однако глаз ни за кого не зацепился. Не было подходящих. Все было в этой жизни против меня.

Внезапно от входа раздались голоса и хлопанье входной двери, а затем знакомый женский голос произнес:
— С каких это пор неудачники и бездарности ходят по приличным местам?
Оборачиваюсь — Алисточка! Со своей свитой. И злорадная улыбочка на губах. И эта фраза предназначена мне. Похоже, она тоже не прочь подраться! Как кстати!
«Драка с девушкой?»
«Если девушка хочет драки, то почему я должен препятствовать ее желанию получить в нос? Это ведь будет невежливо — идти наперекор желанию прекрасного пола? Не так ли?»
«Потом местные будут случившимся тыкать. Самцы здесь с самками не дерутся…»
«На местных плевать, и она маг, а мне придется с голыми руками вокруг нее прыгать. Так что неизвестно, кто тут в данный момент сильнее. Но вот с точки зрения эстетики… Алиста — симпатяшка. Красная мантия ей весьма и весьма. Если что у нее отвалится или сломается, будет жалко. Поэтому придется ограничиться лишь парой пинков по ее попе… Да! И пора бы уже мне что-то сказать в ответ. Публика ждет».
— Да, графиня, я тоже искренне удивлен видеть вас тут, в этом приличном месте!
В зале за моей спиной отчетливо хихикнули.
— Что-о? — обрадованно оскаливаясь и сощурив глаза, протянула Алистера. — Какой-то ничтожный библиотекаршка оскорбляет мага огня? Да как ты посмел, книжный червяк?
Подняв правую руку вверх, она начала волнообразно двигать телом, ускоряя создание огненного шара. Похоже, самого крутого на данный момент заклинания в ее арсенале. Вообще совершенно дурацкая магия в этом мире. Чтобы сделать один примитивный фаербольчик, местному магу приходится совершать столько движений попой… Впрочем, в женском исполнении это смотрится неплохо… Мантию бы еще на узкие брючки ей заменить… Так! Опять меня куда-то не туда понесло!
«Что я имею?» — подумал я, подперев подбородок рукой и наблюдая за противником. Щит ставить нельзя, я «инвалид». Зарядить по ней тоже ничем нельзя, поскольку спалюсь. Хотя было бы весьма интересно посмотреть, какое выражение лица у этой красотули будет в момент оргазма… Остается ловить фаер своими невидимыми руками. Телекинез не магия. Ну по крайней мере, он тут не считается магией…
— Знаете, графиня, — сказал я, убирая руку от подбородка, — это ваше бесподобное движение бедром… Невольно приходят мысли о звездной ночи, шелковом постельном белье и чулках с подвязками… Скажите, а что вы делаете сегодня вечером?
В этот момент создание заклинания наконец добралось до своего конца. В ладони начинающей магессы, между ее вытянутыми пальцами, завращался темно-красный шарик, размером с яблочко-ранетку.
«Всего-то! — усмехнувшись, подумал я, столько пыхтения и такой… прыщик в итоге!»
— На колени! — величественно потребовала Алистера, подняв руку с фаером вверх. — На колени, и моли о прощении, ничтожество!
Бах! Трах! Шарах!
Внезапно со всех сторон замелькали быстрые фигуры и раздался громкий властный голос:
— Всем стоять! Не двигаться! Эриадор Аальст находится под защитой императора! Немедленно сложите оружие или против вас будет применена сила!
Ба-а! Картина маслом. Перед столом, защищая меня, стоят пять варг, вытянув руки с зажатыми в них магическими свитками в направлении Алистеры. За ее спиной и спинами ее друзей — тоже варги. И тоже со свитками. И слева, и справа от моего стола варги «трубочками» в магессу целятся.
«Все! — понял я. — Кина не будет! Электричество кончилось…»
— Развейте заклинание! — приказывает Алисте знакомая уже мне леди Налия.
Что, приказ о моей охране так и не отменили? Тьфу… Бюрократы. И экспедиционная пятерка охраны тоже тут. Стоят как раз перед столом, закрывая меня собой. А уж энтузиазм и азарт из них прет! Как бы случайно не стрельнули. Алистера без щита…
— Развейте заклинание! — вновь приказывает Налия обалдевшей, с вытаращенными глазами Алисте.
До той со второго раза доходит. С недовольной гримаской на лице она встряхивает кистью, и шарик исчезает. Неплохо у нее получилось. Эффектно.
— Вы нарушили правила поведения магов, определенные его величеством императором Хайме и Верховным советом магов! — Варга начинает зачитывать декларацию прав пойманному с поличным магу-нарушителю. — А именно неправомерное использование магии в общественных местах, повлекшее угрозу жизни и здоровья для жителей империи! Вы будете отконвоированы в здание магического совета, а о вашем поступке будет составлен рапорт!
— Да он первый оскорбил меня! — возмутилась Алистера. — У меня свидетели есть!

— Все обстоятельства произошедшего вы можете сообщить дисциплинарной комиссии при магическом совете в установленном порядке и в установленный срок! — отрезала ей в ответ леди.
«Вот так вот!» — злорадно глядя на растерявшуюся магичку, прокомментировал я последний варговский пассаж.
С инструкциями и уставом не забалуешь! Бюрократия и армейцы — страшная сила! Против них — только их же методами. А Алистера дура, такая же, как и Стефи. На пустом месте — скандал. А результат его — пшик! Бестолочи… Похоже, придется вмешаться… Иначе получится, что я за спины зубастиков спрятался. Сомнительная, после одной книжки, нынче слава. Да и университет полоскать будут. Мотэдиус, он, конечно, крендель еще тот и за подставу с экспедицией ему бы еще не такое следует сделать, но в данном случае это не шутка, а так… фигня какая-то. Эх… придется снова все самому утрясать!
— Прошу прощения, леди! — громко сказал я, упираясь обеими руками в стол и вставая. — Похоже, произошло какое-то недоразумение…
Я вышел вперед и встал между варгами и Алистерой.
— Я был бы вам признателен, если бы вы перестали тыкать свитками… Это, знаете ли, нервирует… Спасибо, — поблагодарил я варг, опустивших по знаку своей старшей оружие, и начал плести: — Никто никого тут не хотел лишать жизни. Это шутка. Понимаете, мы с уважаемой графиней — сокурсники, которых связывают давние дружеские отношения… И то, что вы видели, это приветствие двух давних друзей… Приветствие, понятное только им и выглядящее, вполне вероятно, весьма странно для окружающих, не знающих историю его появления…
Конечно, никто из варг мне не поверил, но я врубил в ментал по максимуму «честность» и вдохновенно продолжил:
— Леди, это просто шутка! Мы с графиней давние друзья! Она может вам это подтвердить! Нет, правда-правда, в самом деле! Графиня, прошу вас, скажите!
Я повернулся за подтверждением к Алистере. И вот тут-то впервые в жизни я увидел — шестигранные глаза! Просто натуральные гайки, которыми она остолбенело смотрела на меня, открыв рот.
Сихот, даже подыграть не может! Вечно один на сцене! Ну копия Стефи!
— Минуточку, — сказал я, делая жест рукой в сторону варг, — мне нужно сказать ей пару слов. Видите, вы ее испугали… — Пару слов, на ушко… — тихо сказал я, шагнув к девушке, и, не получив возражений, наклонился к ее уху.
— Графиня, не для протокола, — прошептал я одними губами, — скажу коротко, как есть. Сила вашего желания дать мне в морду ничуть не меньше моего — дать вам. Но это наше, личное. Выяснение отношений при таком количестве посторонних — балаган. Давайте я смотаюсь в пески, вернусь, а потом мы с вами найдем укромное местечко, где сможем спокойно, без зевак, выяснить, кто есть кто. Как вам такое предложение?
Алистера, откинув голову назад, изумленно посмотрела на меня и после короткого раздумья кивнула.
— Отлично, — прошептал я, — а теперь скажите всем, что я ваш друг, и валите отсюда! Ну?
— Да… мы давно… дружим с господином Аальстом… — промямлила Алистера в пространство за моей спиной.
— Вот! — с радостным видом повернулся я к леди Налии. — Вы слышали? Просто дружеская шутка! Надеюсь, все теперь выяснилось?
— У меня есть четкие указания действий в подобных случаях! — уперлась та.
Понятно, что она мне не верит. Возможно, даже слышала, что я Алистере шептал. Они же звери! Слух как у кошек. Ладно, а если так?
— Леди, — обратился я к ней, — вы позволите вас на пару слов, в сторонке? Во-первых, хочу сначала вас поздравить с повышением. Смотрю, вы теперь старшая, не так ли? — начал я разговор, когда мы отошли с ней к окну.
— Да, спасибо, — ответила варга, чуть приподняв правую бровь. Мол, лесть тут не поможет.
— А во-вторых, помните тот разговор, про «настоящего темного мага»? Помните?
Леди нахмурилась.
— Вы теперь не маг, — ответила она после паузы.
— Мне сказали, что вероятность возвращения моих способностей есть, — глядя ей в глаза, сказал я.
Секунду она думала.
— Да, я поняла, что это было дружеское приветствие. Прошу прощения за недоразумение. Мы сейчас уйдем.
Налия прижала подбородок к груди. Я кивнул в ответ.

— Всего доброго…
— Всего доброго…
Сделав знак своей пятерке, она ушла вместе с ней. За ними, одарив меня на прощание всякими разными взглядами, исчезли Алистера с друзьями. В трактире опустело.
«Так, — подвожу итог я, оглядывая зал, — черти в полосочку ушли, черти в крапинку ушли, остались черти… в горошек».
— Кто у вас главный? — обратился я к варгушкам.
— Я старшая пятерки! — гордо ответила Кира.
— И че вы тут делаете?
— Мы вас охраняем!
— Следите, значит… Понятно…
— Мы вас охраняем! — с нажимом, уже зло повторила Кира.
— Одно другому не мешает… Но уж коль вы тут, давай тогда, сгоняй к трактирщику за квасом! Кончился…
— Бегать за квасом не входит в наши обязанности… — с ненавистью глядя на меня, прошипела Кира. — Не на побегушках! Сам сбегаешшшь…
Ну да, конечно, глядя на нее, подумал я, начальницу за квасом послали… Сихот меня побери! Кругом одни красавицы, умницы и все — ну просто из себя! Сколько их вокруг меня вьется! И всем что-то нужно… А как за квасом сгонять, так и некому… Как же я дошел до жизни такой? Где мои тайлиш?

Стефи

«Здравствуй, мой принц…»

Я хмуро грызла кончик стилуса, склонившись над листом бумаги. Письмо никак не желало продвигаться дальше первой строчки. И кажется, я догадываюсь почему. От того, что я в нем напишу, зависит моя дальнейшая жизнь. Я должна наконец принять решение. Либо — либо. Либо мои принципы, либо они, двое. Как же это трудно, выбирать! Как трудно жить…
«Чего делаешь?» (Хмуро.)
— Ой!
От внезапно раздавшегося в голове голоса Эри я подпрыгнула на стуле и уронила стило.
«Не ойкать нужно, а щит ментальный ставить… Глядишь, проблем бы тогда и не было бы… Никаких!»
«Вот сам и ставь!»
«Какие мы агрессивные. А „здравствуй“ где?»
«Ты тоже меня не поприветствовал!»
«Ладно, проехали. Что делаешь?»
«Мм, письмо пишу…»
«Опять к Дини? Ну и как, пишется?» (Совсем легкая насмешка.)
«Не пишется! И из-за тебя, между прочим. Я уже голову всю сломала. А ты только насмехаешься».
«Ты что, предлагаешь мне поучаствовать? Накатать принцу письмо, полное неги и любви? Знаешь, это уже чересчур. Завела себе мужчину, так сама теперь разбирайся — чего писать или не писать. Но как закончишь, будь добра, скажи, чего ты в итоге понаписала. В двух словах. Подробности не нужны. Оставь их себе».
«Это еще зачем?» (Подозрение, прищуренные глаза.)
«Я тут в экспедицию еду. Хочу знать, стоит мне после нее в столицу возвращаться, или лучше там остаться?»
«Какую еще экспедицию?» (Недоумение.)
«Мотэдиус сосватал. Буду с древних каменюк загогульки и кривульки перерисовывать». (Сарказм.)
«А почему там остаться?»
«Потому что если ты вдруг решишь написать все как есть, то к моему возвращению тут будет бегать взбешенно-рогатый Диний в поисках меня. И мне бы не хотелось столкнуться с этим лосем в момент его гона…»
«Как ты… как у тебя язык…»

«Нормальный язык. Как есть. Или ты думаешь, что он оставит это „просто так“? Мало того что его унизили как мужчину, так его еще унизили как его высочество! Парочка студентов весело, легко, изящно, с шутками и прибаутками прикрутила рога сыну императора, возможному наследнику всего его большого хозяйства. Нет, мы, конечно, на века станем легендой университета, вне всякого сомнения, спору нет. Никто из его студентов еще так высоко не летал, хе-хе… Но вот империя… Думаю, она просто умрет от хохота, когда узнает о случившемся…»
Я ахнула, представив себе эту картину. Ведь Диний принц! Я со своими переживаниями опять забыла об этом! Как сказал тогда Эри: «В ваших отношениях всегда будут трое — ты, он и империя…» Над ним же будут смеяться до конца жизни!
«Мне, собственно, плевать, что там потом с тобой будет после чистосердечного признания. Если мозгов нет, то уже, как говорится, не займешь. Но вот свою шкуру я люблю и портить ее из-за всякой любовной ерунды не собираюсь. Поэтому я и хочу знать, стоит мне возвращаться или нет? Понимаешь? Ну чего молчишь?»
«Какой ты… гадкий… и противный! Просто не хочется с тобой разговаривать!»
«А над трупами порыдать не хочется? Над моим или его, после дуэли. Хотя вряд ли она состоится. Не по статусу мне с наследником-то. Но все равно. Тебе — монастырь, мне — тюрьма или прирежут… по-тихому. Или изгнание. Что, впрочем, не слаще. Однако в последнем случае я смогу передавать тебе посылочки… с воли…» (Усмешка.)
«Что ты несешь! Диний не такой! Он благородный и…»
«Зато мама у него — такая! И папа у него… Ты Хайме в приступе бешенства не видала? Нет? Я, правда, тоже, но подозреваю, что они у него бывают. Хочешь посмотреть?»
«Н… нет».
«А если нет, то тогда забудь все, что у нас было, и пиши, как будто вы с ним только вчера расстались. Соображаешь?»
«Мм…»
«Делай как я сказал! И все будут живы, здоровы и счастливы. Поняла?»
«Хорошо, я напишу. Но больше чтобы ты ко мне не подходил, понял? Ты груб, циничен, жесток и равнодушен! И приказываешь мне! Видеть тебя не желаю!»
«Жизнь — штука циничная…»
«Вот и живи как хочешь. А ко мне не лезь! Командуй кем-нибудь другим!»
«Ну и славненько. Вот и договорились!»
«Все! Я больше тебя не слышу!»
Я поставила ментальный щит и с возмущением откинулась на спинку стула, на котором сидела.
Каков… негодяй! Так со мной по-хамски разговаривать! Вообще стал какой-то… неприятный. Грубый, эгоистичный. Разве так можно разговаривать с девушкой? Тем более с… не посторонней! Он ведь опять наверняка меня использовал, чтобы я сделала то, что ему нужно! Ну точно. Наговорил кучу слов, представил пару ситуаций… И я снова пошла у него на поводу! Да, пусть Эри прав, стократно прав. Так будет лучше для всех. Но кто ему позволил принимать за меня решения? Командовать моей жизнью? А что я буду чувствовать, когда буду врать Динию? Он об этом подумал? Ха! Его это совершенно не волнует. Главное, что у него проблем не будет. Эгоист… Как можно быть таким? Кто будет любить такого человека? Хм… Сатия… Пророчество. Похоже, что любить этого человека придется мне… Какой кошмар! Я вот сейчас, вот ни капельки любви к нему не чувствую! Вот ни капельки! Так и прибила бы за то, что он такой!
Я глубоко вздохнула.
Что же мне делать?
Я выдохнула и опустила плечи, сутулясь.
Что делать… Коль я в ответе за все, как сказала Сатия, придется тогда уступать… Врать Динию и идти мириться с Эри… Нет, как это вам нравится? Один безвылазно сидит во дворце, другой упражняется на мне в остроумии и командует, а я должна их еще и любить за это? Хоть бы кто поинтересовался — как я, что я? Пришел бы, поговорил… Но у всех впереди только свое. Я так, словно декорация в театре… надо — вытащили, не надо — убрали или вообще забыли…
Я почувствовала, как на глазах у меня появились слезы. Я несколько раз моргнула, разлепляя слипающиеся от них ресницы.
Ладно, я сильная. Я справлюсь. Любовь — это ведь великое чувство! Стоящее… лжи, свободы и одиночества… А может, она из них в основном и состоит?
Я со вздохом взяла со стола стилус и вновь задумалась над листком бумаги.
Нет! Я категорически не понимаю, почему, имея целых две любви, как сказала Сатия, я сижу одна и мучаюсь от одиночества? Почему?!
Я со злости швырнула стилус на стол так, что он улетел с него на пол.

Не буду я ничего писать! Пусть они друг другу пишут, коль они такие бараны! Одинаково тупые и упрямые! Хм… А действительно, почему бы и нет? И помирюсь… заодно.

Эри

Так брать мне гитару или нет? Брать или не брать?
Я задумчиво поднял глаза к потолку.
С одной стороны, что я буду в этой экспедиции делать? Развлекать-то как себя буду? С другой стороны, грохну ее еще там. А точнее, мне ее грохнут. Вид моей охраны почему-то навевает подобные мысли. Если не случайно, то могут и специально сделать… Это же животные! Мстительные и беспощадные… Запросто невинный инструмент в жертву принесут… Своим мелкотравчатым амбициям. Хм. А не взять ли мне тогда… флейту? Точно! Как раз и поучусь играть. Да и спутницам наверняка будет полезно узнать, как тяжел и тернист путь начинающего музыканта. Всякие там гаммы, бесконечные повторения и заедания на одном и том же месте… Потом, у варг, кажется, более тонкий и развитый слух… Уверен, если я буду прилежно заниматься каждый день, им понравится!
Я хищно улыбнулся, представив картину: я с завывающей флейтой у костра и моя охрана с мученическими выражениями на лицах. Да, это будет забавно.
Флейту мне преподнесла Амалира в день прощания. Сначала это был длинный узкий футляр, обтянутый тонкой черной кожей.
— Прими, посланница богини, этот скромный дар от моего леса! — произнесла она, протягивая его мне двумя руками.
Амали в тот день была уже в роли правительницы. В парадных одеждах и с тонким серебряным обручем на голове. Малышка старалась изо всех сил выглядеть строго и важно, как положено всякой приличной владычице. Со стороны выглядела весьма презабавно, но никто из присутствующих на церемонии эльфов не позволил себе ни одной улыбки.
— Она очень старая, — сказала Амалира, когда я взял футляр, — сделана еще до войны…
Я, неудобно держа левой рукой футляр, правой открыл его неожиданно тугую крышку, подумав при этом, что всякие ящики дарят обычно открытыми, чтобы было видно содержимое… Открыл и глянул внутрь. Вау-у! Длинная серебряная флейта уютно лежала внутри на черном бархате. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что это — вещь. Эксклюзивная, раритетная, сработанная истинным мастером. Обожаю всякие редкие штуки!
— На ней играли раз в год. В праздник первой листвы. Ее зовут Голос Леса, — произнесла Амали, глядя снизу вверх мне в лицо и стараясь понять, понравился мне подарок или нет.
— А как же твой лес? — спросил я. — Как же он… без Голоса?
— Ты вернешься, — без тени сомнения в голосе ответила она. — Вернешься ты, вернется и он.
— Хорошо, — улыбнулся я, — обещаю за это время попробовать вспомнить, как на ней играть…
— Вспомнишь, — убежденно сказала юная правительница леса, — ты ведь крылатая! Сейчас на ней сыграют для тебя песню «Прощание», и ты сама услышишь, какая она замечательная!
Да, звук у флейты был прекрасный. Чистый, сильный. Чарующий. Не стал я отказываться от такого подарка. Грех, как говорится… Поблагодарил многословно и убрал в свой потайной чуланчик. Пару раз доставал, пробовал играть. Конечно, плачевно, но, поскольку я в музыке не дилетант, то, вполне возможно, если постараться и потратить время, результат будет. Вот как раз и займусь этим в дороге. Футляр прочный, из твердого дерева, внутри — мягкая прокладка под бархатом, флейта крепится надежно, так что особо не сломаешь. Это не гитара, которая один раз «случайно» упала с лошади — и все, привет!
Так, ладно, с развлечением в пути определились… Что мне еще взять с собой? На ум сразу приходит — еда! В кармашке много чего осталось еще после эльфов. Поскольку в нем ничего не портится, то можно это опять взять с собой. Я ведь тогда тоже в поход себе набирал! А израсходовал… Хорошо если половину. Надо будет провести ревизию того, что там осталось, и добавить. Вкусняшками всякими добить и еще чего-нить… На что глаз ляжет. Единственно только непонятно… Как я буду взятое с собой есть? Если начну в походе неизвестно откуда доставать всякую всячину, то сразу возникнет вопрос «где взял?». Отмазка — «под кустом!» не пройдет. Первое, ведь что подумают — магичит! Но я же ведь «инвалид» по легенде-то! У-у-у… Блин, как все сложно! Вроде все с собой, и

флейта, и еда, и одежда, а пользоваться нельзя. Однако не тащить же все на себе. Это мне тогда точно карета понадобится! И немаленькая… Есть, конечно, еще вариант — втихаря. Но Сихот меня побери! Чтобы я свое и под одеялом ночью? Да ни в жись! Я из дома Изменчивых или из местной богадельни? Нет! Это категорически не мой вариант… А тогда… что? А тогда ящик, украшенный (возможно, богато и аляписто) всякими цветными камешками и золотинками. И рассказ про щедрого ректора университета, доставшего из загашника древний артефакт и давшего его мне в поездку… Нужно будет только его не показывать, пока от университета не отъедем… Впрочем, все чушь и шито белыми нитками. Ладно, что-нибудь придумаю. Надо еще взять книги «на почитать» в дороге, бумагу, одежду… Но это груз легальный, голову с ним особо ломать не нужно…
«Что делаешь?»
«Собираюсь. А что?»
«Мне нужна твоя помощь!»
«Постой, ты же со мной поругалась?»
«Я тебя простила».
«Да? Спасибо, что сказала».
«Пожалуйста. Ты мне поможешь?»
«В чем?»
«Не знаю, что написать Динию. Придумай!»
«Кхе-кхе-кхе! Ну ты даешь! Ты во что меня втравливаешь?»
«Эри, ну помоги! Ты же можешь! У тебя всегда все получается!»
«Ххх… (Длинный выдох.) Значит, так. Три слова — соскучилась, жду, люблю. Порядок слов определишь сама. Все?»
«Жду? То есть… чтобы он пришел… сюда?»
«Ну а куда еще? Хватит ему задницу во дворце-то отращивать! Забудет уже скоро, как ты выглядишь. Впрочем, можешь снять какие-нибудь апартаменты в городе. Надень маску, плащ и сходи найми. Все будет жуть как таинственно и романтично. Устроит?»
«Мм… Спасибо, я подумаю. Ты когда уезжаешь?»
«Послезавтра, рано утром».
«Я приду, провожу. Хорошо?»
«Ну приходи…» (Недовольно.)
«Приду. Спасибо!»
«Не за что…»
«Что это было? — секунду спустя подумал я, озадаченно почесав пальцем за правым ухом и прищурив глаз, — сдается мне, она меня использует! И заявляет на меня свои права!»

«Ну вот, — довольно подумала Стефания, берясь за стило, — один эгоист нашел слова для другого эгоиста… И ведь хорошие нашел, правильные. А я не могла найти, потому что я не эгоистка… Пусть действительно Ди приедет! Я так давно его не видела!»
Стефи глубоко вздохнула и вывела первую букву.
Значит, ему все равно, что Ди приедет? Ладно… Запомню.

Эри

Сихот меня задуши, скука смертная какая…
Я сидел на сложенном пополам одеяле и, подперев голову ладонями, смотрел, как Дана с серьезным выражением на лице готовит ужин. Позади почти две недели утомительного и скучного путешествия в тряском дилижансе. В котором было абсолютно нечего делать. Только зевать и пялиться на потолок или в окно, на проплывающие за ним пейзажи. Пейзажи двух видов — поля или кусты. Все. Больше ничего. Ну еще населенные пункты, ничем не отличимые друг от друга. Тоска, короче. Попробовал было почитать в дороге — дохлый номер. Трясет, глаза прыгают по строчкам, не почитаешь.
— А что это у вас за книга? — сразу же спросила Кира, едва я достал из сумки нехилый такой по толщине фолиант.
В дилижансе со мной всегда четверо варг — обеспечивают мою безопасность. Две едут на лошадях следом. Так что я всегда «под прицелом внимательных глаз». А Кире вообще больше всех надо. Постоянно замечаю кидаемые ею тайком на меня взгляды. Вечно трется рядом. Ее что, ответственной за меня назначили? В ее ментале чувствуется азарт и предвкушение. Вот только предвкушение чего? Может, ждет с моей стороны прокола? Интересно, что это должно быть? Использование магии? Но она же не маг, она не

почувствует. Хотя, впрочем, маги тут делают столько движений, создавая заклинания, что можно понять, чем они занимаются, и не обладая способностями…
— Это одна очень древняя и умная книга, — сказал я ей тогда с самым серьезным выражением лица. — Называется «Пикап, или Как уболтать девушку за десять минут».
— Уболтать? — наморщив лоб, не поняла та. — На что уболтать?
— На что захочется, — многозначительно произнес я и открыл книгу где-то посредине, — на пирожки там, или помолчать полчаса…
Трынделки они еще те, надо сказать. Особенно когда госпожа лейтенатша, желая размяться, ехала верхом на лошади. Что ж, понятно, они свои, тем общих полно, это я чужой. Первые дни еще так, сторожились, но потом пообвыклись и пошло-поехало. Я не пресекал, может, сболтнут чего-нибудь? Тоже ведь интересно.
Короче, открыл я, значит, фолиант, и оказалось, что весьма удачно. Как раз на рисунке обнаженной женской фигуры, со стрелками, указывающими на теле разные точки. Книга была вообще-то об эндокринной системе, но они-то этого не знают. Все ж на древнем, мертвом языке написано. Или знают? А вот и проверим!
— На пирожки? — не поняла Кира, разглядывая рисунок в лежащей у меня на коленях книге. — Целая книга?
— На пирожки и не только… — ответил я, бросив взгляд на озадаченные лица варгуш напротив, и с умным видом наклонился вперед, собираясь почитать. Но из чтения, как я говорил, ничего не вышло. Трясло и подбрасывало, так что никаких условий. Убедившись, что ничего у меня не выйдет, я закрыл книгу и снова посмотрел на лица спутниц. В этот раз они были ехидно-понимающие. Мол, мы так и знали, что все студенты озабоченные!
«Ну-ну, — тогда подумал я, — дошло наконец, что за „пирожки“. А вот кто тут озабоченный, так уж точно не я».
Короче, дорога до Морхинейна была скучной и неинтересной. Перегоны между остановками дилижанса были рассчитаны так, что приехал, вылез, поел, помылся (если удалось) — и спать, поскольку уже темно и что-нибудь делать после дня на колесах уже не хочется. Даже варгушек подкалывать… Но все когда-то кончается. Вчера был достигнут конечный пункт маршрута, после которого — только верхом. Мне был выдан конь (друг другу мы и раньше не нравились, а после этого — тем более), и мы двинули на перевал, за которым начинались пески. Два дня пути до перевала, с ночевкой под открытым небом. Ох-хо-хо, чувствую, опять мои кости познают все неровности почвы под тощей походной постелью. Проклятое нанополотно…
Вспомнилось, как я мерз тогда, ночью, околевая на одних простынях, на голой земле. Римка, зараза, матрас уперла. Все ж где-то тут было. В этих местах… Ностальжи…
«Нужно будет комплектность проверить, — подумал я, переводя взгляд с кашеварящей Даны на Ринату. — Не любят меня все, особенно эта рыжая. Наверняка гадость сделает при первом удобном случае…»
Почувствовав взгляд, варга обернулась и, прищурившись, посмотрела мне в глаза.
«Загрызет, — подумал я, глядя в ее карие глаза, — ни секунды в этом не сомневаюсь… Эх, никто меня не любит…»
«Не фиг дразнить всех, — сказал внутренний голос, — сначала насмехаешься, а потом сидишь, жалишься».
«Могу я иметь отрицательные черты характера? Могу. Так же, как и желание, чтобы меня любили…»
«Делать тебе нечего, вот ты дурью и маешься! Займись чем-нибудь!»
О! Ведь это мысль! Заняться. А не поиграть ли мне на флейте? Еще ведь никто не знает о моих талантах. Я как ее положил в сумку, так с тех пор ни разу не доставал.
Отвернувшись от Ринаты, взявшейся играть со мной в гляделки, я полез в сумку и достал футляр с флейтой.
С чего бы, с какой композиции бы начать? В принципе я не знаю ни одной, так что, как говорится, без разницы. Хотя… помнится, Карлсон исполнял миниатюру «Плач малютки привидения». Думаю, что она вполне впишется в этот надвигающийся синий вечер…
Я приложил флейту к губам и издал несколько резких, пронзительных трелей. Так, по моему разумению, должен был звучать «Плач», которого я никогда не слышал. Опустив инструмент, я стал ждать реакции публики. Она последовала очень быстро. Треск кустов, и на поляну выскочили все отсутствующие варгуши. У всех в руках обнаженные клинки и вытаращенные глаза.
— Что это было? — обалдело спросила лейтенантша, обведя взглядом бивуак и остановившись им на мне.
Че спрашивать-то? Неужто инструмент не видишь?
— Это была музыка, — скромно сказал я, опуская флейту.
— А я думала кошек режут! — насмешливо произнесла Ринata, убирая клинок в ножны.

Помнится, на твоей лошади гитара приторочена… Музыкантша великая? Ну-ну…
— Кошек режут — это у вас, а у нас играют музыку.
Я поднес флейту к губам.
— Что ты сказал? — угрожающе прошипела Рината, оскалившись и втягивая голову в плечи. В ментал повалила ярость.
— Отставить! — рявкнула ей лейтенантша и повернулась ко мне. — А вас, Эриадор, я попрошу думать, прежде чем что-то говорить!
— Обычно я это делаю, — кивнул головой я и, приложив флейту к губам, взялся исполнять гамму, стараясь извлекать звуки повыше.
Варги посмотрели на меня, послушали, сморщились и уползли обратно в кусты. Минут пятнадцать я упражнялся, пока Дана от костра не крикнула:
— Можно есть!
Пойдем поедим… Надеюсь, подгорело или пересолено. Можно будет высказать свое фи…
Но мои ожидания не оправдались. Приготовленное Даной варево оказалось очень вкусным. Навернув с четверть своей порции, я с понимающим видом одобрительно покивал сидящей рядом Ринате:
— Кошатина? Вкусно!
Ших!
И перед моим носом оказался кончик кинжала.
— Если ты еще раз что-нибудь… скажешь… про кошек…
Голос Ринаты переполняла ненависть.
Все замерли. Лейтенантша молчала и заинтересованно изучала содержимое своей миски. Тишина и костер.
— А что такого? — невинно поинтересовался я и сунул в рот еще пол-ложки, не обращая внимания на клинок, на котором уже лежали мои невидимые руки. — Откуда я знаю, что вы туда положили? У каждого народа свои обычаи. Я их не знаю, могу судить только по тому, что прочитал.
— Что, не успел выучить, пока в ошейнике бегал? — прошипела Ри, сузив глаза.
— Прекратить, — устало приказала Биргит, отрываясь от своей тарелки. — Курсантка Рината — два наряда вне очереди! За несдержанность. А вас, Эриадор, прошу больше не озвучивать содержимое одной вам известной книжонки. Даже если она — все, что вам известно о варгах и Этории. Это оскорбительно для нас. Если хотите, девушки могут рассказать вам, как на самом деле обстоят дела…
— Буду признателен, — ответил я, расцепляясь взглядами с Ринатой.
Интересно, что они мне могут рассказать? Лисса с подругами немного наговорили…
— В Этории любят кошек, — грустно взглянув на меня «няшными» глазами, сказала Дана, видно решив первой начать процесс ознакомления с нравами и бытом Этории. — У меня есть три кота. Когда появилась эта глупая книга, какой-то торговец решил заработать. Он привез целый фургон котов и кошек. Они были такие худые и голодные… И так жалобно мяукали в клетках… Мы их всех разобрали по домам. Каждая курсантка академии взяла себе по несколько несчастных… Вот.
Дана вновь глянула на меня своими удивительными глазами, и я вдруг почувствовал, что мне… стыдно. Вот стыдно и все. Какая чушь! Мне не может быть стыдно! Я правильно поступил! И пусть кошки бы все сдохли в этом фургоне, мне плевать! Мне нечего стыдиться! Это всего лишь кошки! А у меня была месть! Месть, месть и еще раз — месть!
Я начал злиться. Кто они такие, чтобы я чувствовал вину?
— А откуда у вас такая красивая флейта? — подхватила разговор голубоглазая Илона, видя, что я молчу. — Наверное, это чей-то подарок? Да?
Уси-пуси, детский сад. А я дебил дебилыч в их понимании. Ладно. Зло выплескивать не будем, поприкалываемся… Заложат? Да и фиг с ним!
— Да. Подарок. Мне ее подарила одна юная властительница эльфийского леса.
Варгуши переглянулись. Судя по менталу, никто мне не поверил ни вот на чуточку!
— Это за что же такое дарят? — однако не удержалась от вопроса, полного сарказма, Рината.
— За то, что я друид.
— Кто-о?
— Друид.
— А кто это?
— Особый вид эльфа.
— И чем же он… особенен?
— Друид говорит с деревьями, травами и кустарниками. И еще со зверями.
— Ну и что? Я тоже могу разговаривать с деревьями, травами и кустами!
— И они отвечают?

— Отвечают?
— Друиду все отвечают — и деревья, и птицы, и звери. Мой нынешний друидский ранг — говорящий со зверями.
Варгуши нахмурились и снова переглянулись. Чем-то мой самозваный ранг им не понравился…
— Зверей сейчас рядом нет, а вот как я разговариваю с деревьями, могу показать.
Я поднялся на ноги и не спеша направился к ближайшему дереву у края поляны. Это был дуб. А может, и не дуб… Короче, это было подходящее дерево! Большое и с торчащими в разные стороны от ствола двумя ветвями (словно руками).
— Здддрааааствуй, дээрээво! — сказал я, подойдя к нему и пытаясь повторить голосом интонации энта в гоблинском переводе.
Вродедуб в ответ приветственно помахал мне правой ветвью, громко зашуршав листьями.
Сзади, у костра, судя по звуку, кто-то выронил из рук миску.
— Что-о-о нооовоооого в лесу-у? — продолжил я беседу энтовским голосом.
В ответ дерево устроило мне настоящий разговор. С минуту махало и трясло ветвями во все стороны, словно моряк — флажками на мачте. Ну точнее, я махал и тряс ветви своими вторыми руками… Но их же было не видно! Поэтому для зрителей «говорило» ожившее дерево.
— Хорошо, — закончил я маяться дурью, — я понял. Передай нашим — буду не скоро. Сами пусть пока…
Дерево в ответ нагнуло верхушку, изображая поклон и, выпрямившись, замерло. Как всякое нормальное лесное дерево.
— И что оно тебе сказало? — первой не удержалась от любопытства Кира, когда я вернулся к костру.
— Это тайны леса, — многозначительно сказал я, садясь на свое место, — только посвященным можно рассказывать. Друидам.
— А…
В голосе Киры было разочарование. Впрочем, у всех… тоже разочарованные лица…
— Могу сказать только одно — в лесу все хорошо.
Варги переглянулись — мол, и только-то? И опять уставились на меня.
— Все, я устал, пошел спать, — сказал я, неспешно оглядев всех. — Такие разговоры отнимают много эктоплазмы. Нужно восстанавливаться.
— Э… да, — озадаченно ответила лейтенантша, — ложитесь. Мы тут сами… разберемся.
«Конечно, сами, — подумал я, отправляясь на свое место. — Не друиду же посуду мыть… Эх, кроватка походная! Тощая моя. Когда ж эта кочевая жизнь закончится?»

Не спалось. Лагерь уже давно угомонился. Все варгуши, наведя порядок и сложившись на завтра, легли спать. Лишь я и первая дежурная — Анжелина — бодрствовали. Анжи слушала лес, я, заложив руки за голову, глазел на звезды и думал… думал… думал. Думал о всякой ерунде. Вот почему мне вдруг стало… стыдно? Ведь я прав, стопроцентно прав! И кошки мне безразличны. Уж если на то пошло, собаки симпатичнее… Откуда это у меня вдруг? Да и вообще… Замечаю последнее время за собой излишнюю эмоциональность. Причем неконтролируемую эмоциональность, которая норовит выплеснуться наружу. Вот Стефи я откровенно грубил. Но тем не менее пришла, проводила и попросила себя беречь… В общем-то позаботилась, побеспокоилась. А мне и в тот момент хотелось ей какую-нибудь колкость сказать… Может… я устал? Все эти превращения, тревоги… Даром не проходят. Нужно и отдыхать когда-нибудь! А вместо отдыха — ночевка на земле в лесу и пустыня… впереди. Впрочем, отдыхать некогда. Неизвестно, когда «ахнет». Нужно поспешать…
С неба сорвалась звезда и, чиркнув наискосок по небу, исчезла где-то у темных верхушек деревьев. Я проводил ее взглядом и вернулся к своим мыслям.
С варгами… Конкретно с этими. В принципе… в принципе они мне ничего плохого не сделали. Делают все как положено. Вон, в трактире собой закрыли от Алистеры… Но! Будь на моем месте кто-то другой, они поступили бы так же. Стоит ли мне надавать им преференции всего лишь из-за того, что они хорошо делают свою работу? Они все равно животные, движимые инстинктами. Тогда, когда уезжали из столицы, они на меня смотрели и переглядывались. Словно что-то такое знают про меня… Такое… Точь-в-точь, как тогда Динины зубоскалки! Что те, что эти… Одна… шайка-лейка. Разница лишь в возрасте. Эти молодые просто, врать не научились. Например, Рината откровенно меня ненавидит… зараза. Про ошейник напомнила!
«Вот взял бы и наказал рыжую… нежно, — предложил внутренний голос, — делов-то, с твоими-то возможностями!»
Че их наказывать? Они и так против меня — никто. Оно надо? Мне что, самоутверждения не хватает, что ли?

«Может, чего другого не хватает? Вот ты и бесишься…»
Мм… гадское тело… Гадская ситуация… Может, действительно, тело опять что-то мутит? Я тут вроде сверху контролирую, но вот насколько я контролирую? И что? Потом как ахнет, словно подкоп под стеной, и буду стоять с разинутым ртом… Ну даже, ну даже, ну даже да! Пусть — да! Но не с ними же? Они вообще лабораторно выведенные животные, искусственные крысы-мутанты… Тогда уж лучше эльфийки. Все статус выше… Но все равно. Если я возьмусь за это дело, это ведь уже будет «мое»! И куда его я потом дену? С собой потащу? Или брошу? Оба варианта отметаются! Свое не брошу, но и взять не смогу. Поэтому… поэтому все останется как есть. Буду тщательнее следить за собой и не «пылить» по любому поводу. Может, стоит извиниться перед Стефи. За несдержанность, как сказала сегодня госпожа старший лейтенант. Я сильнее, я умнее, я старше их. Не стоит уподобляться реакциям и поведению низших. Я не они! Хотя… Хамство и эгоизм могут распугать всех вокруг. И проблемы не будет.
Я вздохнул.
Все бы было прекрасно, если б не подлое тело! Может, «поковыряться» в себе? Че-нить подрегулировать, подкрутить, завинтить… Знания вроде есть… Не! Бредовая затея. Пока на ком-то не испытаю, в себя не полезу! Не полигон, чай. Черт знает, во что можно превратиться! Ладно, буду-ка я спать. Вроде захотелось. А то завтра опять весь день трястись…
Я перевернулся набок, невидимыми руками закинул камешек в соседние кусты, чтобы Анжи не скучала, и закрыл глаза…
Кабинет начальницы тайной стражи Этории. За столом — хозяйка в строгом черном мундире внимательно читает листок донесения старшего лейтенанта Бригит, доставленное ей пару минут назад.
«…отношения в группе между Аальстом и курсантками остаются напряженными. Мое мнение — Аальст специально создает конфликтные ситуации, ведущие к эскалации конфликта между ним и участницами группы. Подобное поведение идет вразрез с психотипом его характера, описанным в документе, данном мне для ознакомления. Либо в нем допущена ошибка, либо Аальст преследует какие-то свои, пока не ясные мне цели. Общение курсанток с Аальстом минимальное. Контактов на почве общих интересов (рисунки, музыка, книги) не наблюдала. Никто из группы до сих пор не попытался заняться своими увлечениями. Согласно полученным указаниям в данную ситуацию я не вмешиваюсь. Однако хочу отметить, что особо острые отношения у Аальста сложились с курсанткой Ринатой, как раз играющей на гитаре. За время путешествия она ни разу не достала инструмент из чехла…»
Эста выпятила вперед губы и разочарованно прижала верхнюю к носу.
«Сообщаю о чрезвычайном происшествии, произошедшем позавчера. Из сделанного Аальстом заявления в присутствии всех членов группы следует, что он друид ранга „говорящий со зверями“».
Брови Эсты удивленно приподнялись.
«Друид, как объяснил он, это особый, редкий вид эльфа. За что ему владычицей эльфийского леса (пока не удалось узнать какого) была подарена серебряная флейта работы древнего мастера, на которой он играет каждый вечер, издавая очень неприятные и громкие звуки…»
«Друид? Первый раз слышу такое слово! — удивленно подумала Эста, дочитав до этого места. — Что за друид такой? И эльфы… Чтобы сама правительница леса, да подарила флейту? Это либо беспардонная ложь, либо… Я даже не знаю, что нужно сделать человеку, чтобы получить от эльфов такой подарок! Да и как он к ним попал? Хотя… где-то же он болтался эти месяцы, пока мы его искали? Но к эльфам? Это слишком невероятно, чтобы быть правдой! И что, если он редкий вид эльфа, мой внук, что, — тоже эльф? Пусть не чистокровный, но все же… Да ну! Ерунда какая-то!»
Эста вернулась к чтению.
«В доказательство своих слов Аальст показал, как он разговаривает с деревом…»
Эста подняла глаза к потолку и попыталась представить Аальста и раскидистый ясень, разговаривающих друг с другом. Воображение, хоть и силилось, но картинку никакую создать не смогло, и она вновь опустила глаза.
«Заявляю как свидетель — дерево с ним говорило! Двигало в ответ на вопросы ветвями и шуршало листвой. Никакой магии Аальст при этом не творил. Осмотр места события тоже не выявил каких-то веревок или еще чего-нибудь подобного, чем можно было бы приводить ветви в движение. Дерево самое обычное, рувинский тополь. (Прилагаю к отчету срез его коры.) После разговора Аальст сообщил, что тополь ему сказал, что „в лесу все хорошо“, а больше из разговора с ним он нам рассказать ничего не может, поскольку это „тайна друида“».

«Что за бред? — ошеломленно подумала Эста, отстраняя листок. — Бригит что, пьяная была, когда это писала? Или… что? А может, это Эриадор письмо написал да подсунул? Этот гаденыш вполне на такое способен!
Да нет вроде, она писала, — несколько мгновений спустя пришла к решению Эста, осмотрев письмо и конверт, — почерк ее, все печати на месте… Что же тогда там происходит? Друиды, эльфы, говорящие деревья? Кто сошел с ума?»
«…на следующий день, перед подъемом на перевал, Аальст разговаривал с рыбами в озере у подножия горы. Рыбы самых разных размеров и видов подплыли к месту на берегу, где стоял Аальст, и, высовывая головы из воды, открывали рты. Аальст приказал вытащить четырех самых крупных. „Друид разрешает!“ — сказал он. Рыбы были выпотрошены и съедены вечером. Самые обычные рыбы (образцы чешуи и плавников прилагаю)».
«Говорящие рыбы! — доплюсовала Эста к друидам, эльфам и говорящим деревьям. — Что за балаган там творится? Понятно, почему никто из них ни кисточек, ни гитар не вытащил! А зачем? У них и так там каждый день представление! Как? Как так Аальст может делать? Не бывает никаких друидов! Никогда не было и сейчас нет! Гаденыш. Опять он головы дурит! Только как он это делает? Без магии. Хм… А может… Может, это его особенность, за которую он избран нашей богиней? Вполне возможно…»
«…в связи с неожиданно появившимися обстоятельствами прошу дать мне дополнительные указания для действий в столь необычной ситуации.
Старший лейтенант тайной службы — леди Бригит».
«Указания! — скривилась Эста. — Кто бы мне их дал, эти указания! Дарг знает, что творится, и все ждут от меня указаний! Сдохну я с такой работой…»
— Где сейчас находится группа? — спросила она вызванного колокольчиком секретаря.
— По расчетам, уже как день прибыла на место назначения. Но подтверждений ни от леди Бригит, ни от групп сопровождения пока не поступало.
— Почему не поступало? — насторожилась Эста.
— Сообщения ожидаются послезавтра. График не нарушен.
— Секретный пакет ей был вручен?
— Да, в Морхейме, под роспись. И два флакона с зельем.
— Хорошо. Ладно, иди, — отправила Эста секретаря.
«А я буду думать — что же посоветовать Бригит? Нужно замов привлечь… Может, они про друидов слышали?»

Эри.

«Копай, копай, отравительница, — ехидно подумал я, глянув на хмуро размахивающую лопатой Ринату. — Лопата — твое все. Вот уж повезло кому-то, что варг в жены не берут. Не зажился бы несчастный…»
Два наряда по кухне, выданные лейтенантшей, оказались едва ли не фатальными для всей экспедиции. Приготовленный Ринатой ужин на вкус был такой отравой… Естественно, я не преминул ей об этом сообщить, после чего она заработала от Бригит еще два штрафных очка, ответив на мой комментарий. Весело-то весело, но жрать-то нечего! Хорошо, рыбу готовила не она. А то не видать бы нам свежей рыбки! Я не удержался и после номера с деревом устроил небольшое шоу у озера. Используя заклинание Абасо, приманил к себе рыб и «поговорил» с ними. Какие у варгуш были лица! Это стоило того! Потом я приказал выловить тех, которые пожирнее, и вечером мы их съели. И вот после ужина Рината встала на отработку нарядов. А мы сели на сухомятку. Ибо то, что она готовила, в рот брать было совершенно невозможно! Отравительница, ласково стал называть я ее. Ее бесит это страшно. Че она меня так не любит? Правду ведь говорю. Нет, чтобы лучше стать, так она меня убить норовит. Спарринг на мечах предлагала. Ага, щас! Ищи дурака! У меня живот от твоей еды болит и ноги еле таскаю. Вот начнут нормально кормить, тогда подумаю. А пока — увы, если ты привыкла есть то, что ты готовишь, то я — нет. Мне лет пять нужно, только чтобы научиться от запаха твоего варева не вздрагивать…
Естественно, я был облит презрением и занесен в книгу слабаков и трусов. Вслух не сказали, но лицом постарались передать все, до последней буквы. Ладно, еще не вечер. Хрустя сухпайком, мы добрались до конечной точки путешествия. Портал оказался аркой светло-желтого камня, выглядывающим из верхушки большого серого бархана.
— Копайте, — отдал распоряжение я Бригит и стоявшим рядом с ней варгушам, махнув рукой в его сторону.
— Зачем? — поинтересовалась Илона.
— А надписи как я буду срисовывать? Я через песок не вижу.

— Как же? Ты же друид! — ехидно влезла отравительница.
— Тот, кто видит тут лес, пусть бросит в меня камнем, — щедро предложил я и пояснил: — Друиды в лесу, а тут пустыня. Чем быстрее раскопаете, тем быстрее мы отсюда свалим. Тут немного — арка конусом лежит. Бросай вниз, да и все. Если не будете лениться, есть шанс уехать уже завтра.
Впрочем, уедем мы тогда, когда я решу, что взять мне отсюда больше нечего. Но вам это знать необязательно. Поэтому вот вам морковка в виде скорейшего отъезда, чтобы копали быстрее… Чем скорее отчистите от песка, тем лучше.
— А ты? Ты будешь копать? — поинтересовалась Рината.
— Я? Я рисую! Делаю то, для чего направлен сюда гильдией магов. Я рисую, вы копаете. Еще вопросы?
Что-то она там пробурчала под нос. Неразборчивое…
Я взял планшет с бумагой и принадлежностями и потопал вместе с ними наверх, к арке. Бархан оказался самым высоким из окрестных песчаных холмов. Бригит осталась внизу, с лошадьми, мы же занялись работой. Трое наблюдают за окрестностями, двое копают. Да, две лопаты на пятерых — это гениально! Не, спасибо, что хоть так, могли бы и горстями…
Пока суть да дело, пока Анжелина и Рината разбрасывали по сторонам первые лопаты песка, примериваясь, я взялся осматривать торчащий наружу кусок древности. Хорошо обработанный камень. Без швов и каких-то знаков… Хм. Что тут срисовывать? Может, ниже что написано? На том, что под песком? Посмотрим. А вот это интересно…
В месте изгиба арки, похоже, ровно по ее центру, в камень был утоплен металлический стаканчик с большим отворотом светло-серебристого света. По виду типичный держатель земной галогеновой лампочки для потолочного освещения. И внутри его что-то есть… Цоколь обломанной лампы? Я нагнулся и одним глазом заглянул внутрь. Не-а! Камень. Обломанный прозрачный камень… А ну-ка!
Вынимаю из ножен на правом бедре нож.
Поковыряем! Есть! На подставленную ладонь выпадает осколок. Правильной шестигранной формы основание, диаметром эдак сантиметров шесть-семь, с косым сколом…
— А что это? — раздается за спиной.
Подпрыгнув от неожиданности, оборачиваюсь. Пять пар глаз поедом едят зажатый в моих пальцах камень.
— Работайте! — отвечаю я им, зажимая находку в кулак. — Я мозг, вы лопаты. Работайте! Иначе тут так и останетесь!
Отворачиваюсь от накатившего сзади в ментале негодования и спускаюсь по бархану вниз. Совершенно никаких условий для исследования! Кругом одни посторонние!
Сажусь на песок и, взяв обломок двумя пальцами, начинаю разглядывать его на свет. Что-то знакомое… Так ведь это таши! Только здоровущий и, похоже, ограненный. Ну ничего себе! А зачем он там стоит? Он же накопитель? Накопитель? Значит, что-то копит. А копить он может только одно… Выходит, на арке есть какое-то магическое заклинание, которое он питает. Если так поразмыслить, порталы должны быть этакими своеобразными артефактами. Функция у них одна и та же — открыть проход в указанное место. Логично сделать портал, которому можно задавать параметры работы… В данном случае координаты…
Я еще покрутил обломок в пальцах, разглядывая, а потом мне пришла гениальная мысль — у меня же есть таши! Пусть не такие здоровые и необработанные… но все равно! А вдруг, если воткнуть на место обломка один из них, он да и заработает? Начнет запитывать хоть как-то схему, а я ее и срисую? А то смотрю сейчас — ноль! Камень и камень. Должно же там что-то быть?
Гениальные мысли должны воплощаться. Я сбегал к вещам, сделал вид, что что-то беру, и побежал обратно. На самом деле я взял из невидимого мешка коробку с таши. Поднявшись к порталу, я поставил ее на арку, открыл и принялся в ней копаться, выбирая подходящий кристалл. Варги бросали на меня косые взгляды, но ни одна не подошла и не спросила, что я делаю. Вот что значит грамотно отшить! Никто потом мешать не будет. Даже если спросят о камешках, скажу, в университете дали! На опыты! Откуда они знают, что там у меня в сумках? Хотя… могли и ознакомиться по дороге… Да и ну их! Поздно уже, да и интересно, получится или нет?
Я выбрал подходящий кристалл с наиболее плоским основанием и попробовал его пристроить в держатель. А вот дудки! Выпадает! Диаметр не тот. Маленький. Раза в три меньше. Я почесал в затылке, прикинул и сгонял вниз за сухарями. Мякиш, размоченный водой, уверенно зафиксировал камень по центру держателя. Я минут десять поприжимал его, дожидаясь, пока мой клей схватится на жаре, отпустил и стал смотреть, что же у меня вышло?

Тоненькая нить магической энергии потекла по бокам арки куда-то вниз.
О! Работает! Я гений! Плюхнувшись задом на песок, я принялся магическим зрением наблюдать за процессом, делая вид, что просто разглядываю поверхность камня. Плохо все же под присмотром работать. Всегда нужно помнить, что за тобой следят…
Процесс накопления энергии шел медленно, что неудивительно при такой суррогатной замене. А хорошие камушки древние выменивали… Интересно, сколько такие могут стоить? Нужно будет поинтересоваться у моего компаньона…
Варги копали, арка заряжалась, солнце палило. От нечего делать я достал бумагу и небрежно набросал несколько шаржей. Варги на лошадях, варги с лопатами, Рината над котелком, с половником, в образе Гингемы. Длинные тонкие руки, ноги, большие головы. Короче, выполнил согласно канонам.
Часа через два варгуши опустили уровень песка примерно на метр, и на поверхности появились еще два гнезда под накопители, расположенные уже в боковых сторонах арки. Чистенькие, пустенькие, без всякого следа камней.
Аккуратно вынуто, подвел я итог после осмотра. А верхний, самый труднодоступный, похоже, сломали, повиснув на нем. Варвары. Однако получается, что камни выступали наружу? Какой же они тогда были длины?
Я подобрал у себя еще одну пару из оставшихся таши и установил их по типу первого — «на хлеб». К вечеру расчистили еще два гнезда. Я и их «окучил». Поток энергии от пяти камней, текущий внутрь арки, усилился, проявляя контуры какой-то магической структуры, вшитой в камень. Но еще едва тлеющей, чтобы пытаться разглядеть хоть какие-нибудь подробности.
Усталые и недовольные жизнью варгуши, увязая ногами в песке и периодически приседая на попу, поплелись к лагерю, где им на ужин в качестве поощрения за ударный труд были вручены нарисованные мною на них карикатуры. Что удивительно, восприняли. Даже поулыбались. Но не все. Рыжая демонстративно разорвала свою ведьму на части и кинула в костер. Так для мира погибло великое творение непризнанного мастера…
Ночь прошла спокойно. Было тихо, и светила яркая луна. Пару раз меня будили меняющиеся на дежурстве варги. Но все равно я выспался. Замерз, правда, под утро. В пустыне всегда сильно холодает к утру. Встали, позавтракали. Я не спешил с походом на раскоп, решив повторить стаканчик травяного чая, который так хорошо согревает внутренности.
— Бог в помощь! — напутствовал я в спину варг, вяло уходящих в сторону бархана.
— Какой? — обернулась Кира.
— Любви!
Там вам еще много секситься… с лопатами.
— Нет такого бога! Есть богиня любви, — остановилась Кира.
Видно, она была совсем не прочь поговорить.
— Ну богиня, — не стал я ей перечить, а про себя подумал: «Ну иди, иди, иди уже! Не стой!»
Выпроводив бригаду землекопов, я еще повалялся и подремал (захотелось вдруг) где-то с часок и наконец, окончательно собравшись, сложил постель и потопал посмотреть, что там происходит. Интересно, насколько за ночь камни подзарядили арку? Сколько времени мне потребуется, чтобы хоть как-то разобраться в устройстве портала? Да и выйдет ли? Может, там все развеялось уже! Но артефакты должны хранить структуру вложенного в них заклинания, на то они и артефакты. Ладно, посмотрим…
Поднявшись на бархан, я был неприятно удивлен отсутствием какой-либо видимой работы. Никого!
Не понял? А где… эти? Работу бросили? Лентяйки! Чу! Голоса! Вон они, спинами ко мне, с правой стороны арки. Что они там делают? Что-то рассматривают. Что-то интересное откопали? Я прислушался.
— Зелененький.
— Ага. А он светится или это он сам по себе такой? Не пойму.
— Сам по себе. Вот бы из такого кулон сделать!
— Да. Или распилить, и серьги. Все бы ахнули!
— А давайте вытащим?
— Ты что! Разве можно так делать?
— Почему нет? Видишь, тут уже давно все кто-то вытащил… Все так делают… Наши пятерки ходят же на поиск в пустоши? А ты знаешь, какие у них наградные, когда они что-то находят?
— Уку…
— То-то! Обалденные наградные! Такие, что тебе и не снилось!
— Ну-у-у…

— Не нукай. Считай, что мы такая пятерка. Мы ведь нашли? Мы! Принесем — нас тоже наградят! Деньгами или благодарность запишут. Тоже неплохо, за какой-то камушек.
— А архивариус? Он же тут что-то изучает? Если мы ему не скажем, может, он тогда чего-то не узнает?
— Да что он там изучает! Сидит, смотрит, как мы лопатами машем! Еще ни одного рисунка не сделал! Работничек…
— Ну почему не сделал? Вчера вон показывал. Ты хорошо получилась…
— А в глаз?
— Да ладно, уж и не пошути. Просто, если узнает, точно наябедничает. Накажут.
— Главное — держать язык за зубами, и все будет в порядке. Ничего он не узнает. Человечек переживет, если за этот камушек похвалят не его, а нас… Щас я его вытащу… Ах вы разорительницы могил! Лары Крофт доморощенные! Ну я вас!
— Стоять! — заорал я, бросаясь к сгрудившимся и согнувшимся к подножию арки варгушам. — Всем выйти из сумрака!
Я успел сделать два шага. Яркая вспышка стеганула по глазам, и все погрузилось во мрак… Последнее, что я увидел, это прозрачные брызги осколков таши, вылетающие из держателей.
«Хана камням!» — только и подумал я.

За сотни километров от этого места

Мрак подземелья, усиливающийся по мере того, как угасают светящиеся белым светом большие шестигранные камни, выступающие из арки. Под ней, на большом пятиугольном постаменте, — шесть фигур, растворяющихся в подступающей темноте. Одна фигура, глянув влево-вправо, яростно шипит:
— Шаракассаа мубаши шерра-а сых!
Пауза. На шипение никто не отвечает.
Пару секунд спустя уже почти в полной темноте та же фигура очень недовольным голосом Эри спрашивает:
— Ну? И кто это сделал?

Андрей Кощиенко
ОДИНОКИЙ ДЕМОН. ГОВОРЯЩИЙ СО ЗВЕРЯМИ

Автор выражает благодарность Андрею Буревому за разрешение использовать в произведении элементы его оригинального мира «Охотник».

В яме

Кира

– Как он? – поинтересовалась я, присаживаясь на корточки рядом с Аальстом и пристально вглядываясь ему в лицо.
– Как вчера – никак! – хмуро ответила Анжелина.
Да, все как вчера… Смеженные ресницы, никаких движений глаз под веками. Без сознания. Как все нехорошо получилось! И выходит, что я одна во всем виновата. Я же убеждала всех вынуть камень и вернуться домой победительницами и великими искательницами? Я! Пусть никто особо не возражал… Но ведь я – командир пятерки! Кто командиру возражать будет? А я сделала глупость. Подвергла жизни всех смертельному риску. Глупому и

бессмысленному. Слышала ведь про ловушки, которые попадаются в песках? Слышала! Ну почему я о них тогда не подумала?! Почему!
«Славы захотелось, жадность взыграла, – честно призналась я самой себе, – лишь моя вина в случившемся! Лишь моя…» Но кто же знал, что эта развалина – работает? Времени прошло, а он все действует… Я честно думала, что это уже просто камни. Сколько раз их до нас обследовали, осматривали, обшаривали… И что, никто не заметил, что портал – исправен? Хм… А действительно, почему зеленого камушка до сих пор не заметили? Не выломали, как остальные, а?
Я задумалась над вопросом, который неожиданно возник в голове.
– Очередь Илоны и Ринаты спать с ним, – сказала Анжелина, без особого почтения перебивая мои размышления.
Я, соглашаясь, спокойно кивнула. Вот еще одна проблема – падение моего авторитета. А что скажешь? Все знают, по чьей вине они здесь… Еще Аальст, этот… Умрет – так, считай, вообще экспедиция провалена. И вместо наград – всем «волчью метку» в личные дела запишут. С ней только в гарнизоны – перевалы да стены охранять… Эх, только стала командиром, и так не везет!
Когда первое ошеломление от случившегося прошло и мы в сгущающейся тьме поняли, что находимся в каком-то подземелье, – Аальст на неизвестном языке от души, похоже, выматерился и пошел вниз, увязая ногами в куче песка, прилетевшего вместе с нами. Однако едва он, судя по звуку, ступил на каменный пол, как черный мрак прорезала ослепительная бело-желтая вспышка, разом ослепившая всех на долгое время.
– Здесь ловушки! Всем не двигаться! – закричала я, мгновенно вспомнив рассказы о коварстве руин в пустошах.
Все замерли. Потом долго ждали, пока восстановится зрение. Мрак был полным, но мы же варги… Даже в кромешной темноте мы можем что-то увидеть. Нужно только дать глазам подольше привыкнуть…
Нашли неподвижно лежащего архивариуса. За ноги втянули обратно на телепорт. Он оказался жив, но без сознания, и привести его в себя не получилось. Крови на нем не было, руки-ноги на месте. Видно, защитный амулет Аальста справился, не дав причинить ему физического вреда, но с головой у него, похоже, что-то случилось… Пришлось оставить его как есть, поскольку целителей среди нас нет. Поняв, что сидеть просто так – бессмысленно, взялись обследовать место, куда попали. Помня о возможных ловушках, я приказала отдать мне все защитные амулеты, надела их разом на себя и отправилась в обход зала, выставив вперед меч, в надежде, что, уж если попадет, то в него. И что? Больше – ни одной ловушки! Ни одной! Просто проклятье какое-то! Как Аальст ее нашел? Дарг, лучше бы я первая пошла!
В круглом зале, кроме постамента с аркой, больше ничего не было, но в одной из его стен обнаружился проход с ровным гладким полом. Отдав команду двоим следовать за мной, я так же, первой, двинулась по нему. Проход оказался коротким. Плавно загибаясь вправо, он вывел нас в другой зал, примерно такой же по размерам, как и первый, – метров двадцать в диаметре. Правда, телепорта в нем не было, зато был свет, идущий из отверстия в высоком потолке. И еще была какая-то тварь – большая, по пояс мне ростом, тело – песчаного цвета, по виду – похожая на ящерицу. С острыми мелкими зубами в здоровенной пасти и чешуйчатым капюшоном вокруг шеи, который она раздувала с угрожающим шипением. Не раздумывая, тварюга кинулась на нас, быстро двигаясь по полу, слегка присыпанному песком. Но тут ей не повезло. Мы с Анжи и Ил изрубили ее буквально на раз. Ничего страшного, кроме внешнего вида и размеров, в ней не оказалось. Осмотрев наш мертвый трофей, мы двинулись дальше. Из найденного зала вел еще один коридор. Однако, буквально не успев начаться, он заканчивался, заваленный камнями и песком. Больше никаких проходов и ходов мы не обнаружили. После того как по моему приказу перенесли так и не пришедшего в себя Аальста во второй зал, я занялась выяснением того – что у нас есть? Итог оказались неутешительным: пять клинков, пять кинжалов, пять любимых «ножичков», пять фляг с водой (почти все полные), три иголки, воткнутые в воротники камзолов, немного ниток, обмотанных вокруг них, одна лопата и две походные постели. Постели утром прихватили с собой на раскоп, чтобы, отдыхая, сидеть на них, а не на песке. Они и лопата перенеслись вместе с нами. Из еды – ничего, из походной посуды – ничего, вода – только та, что во флягах. В общем, в наличии, считай, одно оружие. Закончив осмотр, я приказала уложить архивариуса на одну постель, накрыть другой и всем начать думать – как отсюда выбраться? Первое, что, конечно, пришло в голову, – дыра в потолке. Но… высоко! Метров шесть… Осмотрели стену. Да, можно вскарабкаться, но только корни мешают. Повыдергивали их из щелей между камнями. В результате – чуть ли не лестница получилась. Рината, используя кинжалы, легко взобралась под самый верх, но отверстие

расположено было не у стены, а в стороне. И добраться до него по гладкому потолку не было никакой возможности…
– Может, «пирамидку» сделать? – предложила Илона, глядя, как отряхивает штаны от песка слезшая со стены Рината. – Встанем друг на друга – достанем!
Попробовали. Я, Анжелина и Илона внизу – втроем держим Ринату. На ней – Дана, как самая молодая и легкая. На четвертой попытке Дане удалось встать Ри на плечи и выпрямиться. Но между ее пальцами поднятой руки и потолком был примерно еще метр. Попробовали вдвоем с Анжи удержать троих – не получается! Все время заваливаемся набок.
– Что бы такое… подложить? – оглядела я зал.
Однако ничего в нем, кроме песка и небольших камней, не было.
«Песок! Лопата! – пришла мне в голову мысль. – Мы же можем насыпать песок кучей и встать на нее! Тогда достанем!»
Я озвучила свою идею. Оценили, примерились. Представилось, что рассыпанного песка может и не хватить. Не так уж много его оказалось. Так, пол чуть присыпан, и под отверстием лежит небольшая кучка, насыпавшаяся сверху. Но его же можно взять из засыпанного прохода! Только вот носить его оттуда… как? По одной лопате? Эдак и за неделю не управишься… Воды у нас на столько времени не хватит…
Пока занимались всем вышеперечисленным, в зале начало темнеть. Наверху садилось солнце. Я приказала готовиться к ночевке. Из выдранных из стен корней разожгли небольшой костерчик. Из убитой ящерицы, ободрав шкуру, вырезали несколько ломтей мяса и жарили, пока в костре не прогорели корни. Мясо могло быть ядовитым. Поэтому я съела на пробу несколько кусочков, оказавшихся совершенно безвкусными, и приказала ложиться спать. В подземелье было достаточно прохладно. Пока двигаешься – это не особо заметно, но стоит немного побыть без движения, как холод начинает чувствоваться. Опасаясь, как бы недвижимо лежащий на тонкой постели Аальст за ночь не закоченел и не заболел, я приказала раскатать походные постели рядом и положить его посредине, а тем, чья очередь спать, ложиться рядом и греть его своим телом.
– Прижимайтесь к нему покрепче, – приказала я. – Замерзнет – потом не вылечишь… Может, он знает, как вернуться обратно через портал? Но даже если нет – все равно у нас приказ защищать его, даже ценою собственной жизни. Надеюсь, все это помнят?
Девчонки переглянулись, но возражать не стали. Дежурили – двое спят, трое бодрствуют. Можно было, конечно, тем, кто не спит, начинать таскать песок, но тогда из-за шума никто не спал бы. Нужно и отдыхать. Вот взойдет солнце, начнем работать… За полдня успеем. Набросать метровую кучу – недолго. Был бы песок…
Ночь прошла спокойно. Едва в отверстие в потолке забрезжил свет, дежурные разожгли из оставленных с вечера корней костер, подогрели пожаренное мясо и позвали всех завтракать. Поели, настала пора приступать к работе. Ночью мне пришла в голову мысль, как можно ускорить переноску песка. Нужно использовать походную постель! Насыпать на нее и таскать. Это должно быть гораздо быстрее, чем бегать с одной лопатой. Можно было бы и две постели использовать, но одну придется оставить Аальсту. Ночью было очень холодно. А на полу – особенно. Спавшие с архивариусом буквально вжимались в него, чтобы не потерять ни капли тепла. Но все равно утром у Аальста руки были холодные и плохо гнулись. Нельзя его оставлять на голом песке – замерзнет совсем. Поэтому я решила: трое работают – двое его греют. Только так. Иначе заболеет.
– Отдыхайте пока, – отдала я указание Илоне и Ринате, вставая на ноги и кивком указывая им на Аальста, – но одну постель мы заберем, будем на ней песок носить. Поэтому придется вам так, на голом полу рядом с ним лежать. Но ничего. Два часа – и вас сменят. Потом согреетесь, работая. Давайте, ложитесь! Нельзя, чтобы он заболел. Нечем нам его лечить. А мы пойдем работать. Нужно быстрее выбраться из этой ямы…

Эри

Холодно… Очень холодно. Я весь просто промерз… Похоже, я слишком высоко взлетел… Нужно снижаться… иначе околею на этой высоте… Но разве я – лечу? Вроде нет… Похоже, я сплю, и это сон… Но почему такой холод? Спине – тепло, животу и груди – тепло. А вот левый бок и рука – замерзли… И ног почти не чувствую. Где я? Что мне такое снится? Я прижимаю к себе что-то мягкое и теплое. И чем-то твердым внизу упираюсь в нечто округлое. Почему-то это приятно и очень волнующе. Я хочу что-то сделать еще. Что?

Поцеловать? Да! Поцеловать! Именно! Вытягиваю губы и прикасаюсь ими к чему-то гладкому и нежному…
– Бац!
Резкий удар, прямо в солнечное сплетение, выбивает весь воздух из моих легких и порождает в сознании фейерверк из звездочек.
– Ах ты, гад!
В безуспешной попытке вдохнуть вытаращил глаза, разом приходя в себя. Ринатa! Злая, в красных пятнах и со встрепанными волосами. А… я? Я лежал на каком-то песке. И судя по позе Ринаты, она только что вскочила на ноги… Мы что, рядом… лежали? Чего это вдруг? Тут я наконец втянул в легкие немного воздуха и внезапно обнаружил у себя, в дополнение к своим, еще одну пару рук! Кто-то обнимает меня сзади!
– Что случилось? – сонным недовольным голосом произнес этот кто-то над моим ухом.
Повернул голову – Илона! Заспанная-заспанная, хмурая-хмурая. Это она обнимала меня сзади, прижимаясь к моей спине. Что, Сихот меня побери, происходит?!
– Этот гад – поцеловал меня! – возмущенно закричала ей в ответ Ринатa.
– Мм… да? – сонно откликнулась Илона.
Судя по ее полуприкрытым глазам, она продолжала спать, хоть и разговаривала.
– Да! Он поцеловал меня в шею! Обнял и прижимался ко мне своим… своей тыкалкой! Через штаны!
– Мм… – промычала Илона, медленно покачивая влево-вправо головой.
Звук скрипящего под ногами песка – и в поле моего зрения появились Кира, Анжелина и Дана. Дана – с лопатой наперевес. Все покрытые пылью так, словно целый день катались на мотоциклах по грунтовым дорогам.
– Что случилось? – вопросила Кира.
– Аальст, не снимая штанов, похоже, хотел лишить Ринату… самого ценного, что у нее есть… – монотонным голосом выдала ей Илона, управляемая каким-то, видно, неспящим кусочком мозга. – Но она не согласилась… Я еще немножко посплю, ладно?
С этими словами она нырнула мне за спину и вновь крепко прижалась ко мне.
Дальше – немая сцена. Четыре вытаращенных на меня в изумлении пары глаз. Ринатa с цветом лица – хоть прикуривай – и открытым ртом. И я, с Илоной в обнимку и в полном недоумении от происходящего.
Однако тишина продлилась недолго. Ринатa стремительно перепрыгнула через меня и, нагнувшись к Илоне, ухватила ее обеими руками за бока, заорав:
– Ты че сказала?!
– Ай, ты что, сдурела? – взвизгнула та в ответ.
– Ты че сказала?! Да у меня таких, как он, – сто штук было!
– Ай, пусти, дура!
– Щас я тебя лишу «самого дорогого»!
– Ай!
Ринатa потащила Илону под мышки, та же, вместо того чтобы отпустить меня и дать ей отпор, обхватила меня еще крепче, не давая отодрать себя. Еще и ногами обхватила.
– Ай! Пусти… дура!
– Я те… пока… жу… «доро…»… «…гое»!

> Меня волочили по полу самым наглым и беспардонным образом, аки тряпку. Над ухом в два голоса пронзительно визжали и ругались. Я банально растерялся, не зная, что делать. Только проснулся, а тут
> такое
> ! Сихот меня побери, что происходит! Что делать?!

– Отставить! Прекратить! Немедленно! – похоже, что есть сил заорала Кира. – Встать! Смирно!
Меня отпустили. А точнее – бросили. Так, по ощущениям, будет вернее.
– Брр!.. – сказал я, садясь «по-турецки» и тряся головой. – Брр!..
Ну и утречко…
Глянул налево – Ринатa по стройке «смирно». Глянул направо – Илона по стойке «смирно». И я сидел меж этих двух стройных минаретов, всклокоченно-растрепанным падишахом с ошалевшими глазами. Восток – дело тонкое… блин!

Организатор

Богиня любви Мирана сидела на чем-то невидимом и, весело болтая стройными ножками в золотых босоножках, с интересом смотрела на возню варг с избранным. Недалеко, шагах в трех от нее, стоял Марсус. Бог войны был хмур. Сурово сдвинув брови и ухватив правой рукой свой гранитный подбородок, он мрачно взирал на разворачивающееся действо.
– Печалишься, что не сработало? – глянув на него, с легкой насмешкой в голосе поинтересовалась она.
– Мм… – раздалось в ответ глубокомысленное мычание из-под ладони, закрывающей рот.
Мирана начала раскачиваться на невидимых качелях, вновь переключив внимание на варг.
– Я же тебе говорила – бесполезно! – произнесла она, пролетая нижнюю точку траектории. – Зря рискуешь… Ух! С целым миром тебе… не справиться… Ух! Лучше просто наблюдать… Ух! За естественным ходом вещей… Ух! Но забавно! Ух! Может, что у них и получится… Ах!
Спрыгнув с качелей, Мира ловко приземлилась на ноги рядом с Марсусом.
– Восстановить и зарядить портал – здорово придумано! Отличная ловушка вышла. Такие забавные лица у них были, когда они перенеслись! Но избранный вновь жив и умирать, как видишь, не собирается… Так что ты зря рисковал.
– М-да, – хмуро ответил бог войны, – вижу…
– Чем рисковать, создавая всякие ситуации Аальсту, лучше направить энергию в другое русло. А давай… Динаю подставим! Или… или Коина? А? А то уж больно умные. Все у них хиханьки да хаханьки, а расплачиваются за их идеи – другие! – нахмурившись, предложила богиня любви.
– Как ты собираешься это сделать? Даже тот же Коин… Всех ведь передурит! Даже самого себя…
– Подумаем. Неужели мы с тобой ничего вдвоем не сможем придумать? Сможем! Я уверена. Начнем с Динаи. Больно много мнит о себе…
– И что ты ей сделаешь?
– Что? Да хотя бы расскажу Арист, что та ее подставила. Пусть зубастая ей гляделки повыцарапает!
– Арист – против Динаи? – скептически хмыкнул Марсус. – Да Динка ее как муху прихлопнет!
– Ну и что? Может, та крови ей попортит… хоть чуть-чуть! Ей ведь есть за что.
– Не смеши, – отмахнулся бог войны, продолжая смотреть на Аальста. – Если так хочешь крови – сама ей пусти!
– Пустила бы… да не могу, – печально вздохнула Мирана. – Сам ведь видишь. Откуда у меня силы? Как еще только в верхнем круге осталась… Не вылетела… был бы ты тогда один…
Марсус перевел взгляд с избранного на Мирану.
– Лишили меня всего… – Богиня любви меж тем продолжала грустно жаловаться на жизнь, опустив голову. – Один ты у меня есть… Верный и преданный… Заботливый…
Мирана шагнула к Марсусу и, положив узкую и хрупкую ладонь на его мощную грудь, закинула назад голову, чтобы взглянуть ему в лицо: ведь правда?
– Заботы? – предложил тот, глядя сверху вниз на стоящую рядом девушку, маленькую и тонкую на фоне его мощной фигуры.
– Ну-у… не знаю… – задумчиво протянула Мирана, неспешно туда-сюда водя тонким указательным пальчиком по его груди.
– А мне кажется, что ты не против…
– А как же твой избранный? – наклонив голову к плечу и с иронией, искоса глядя на Марсуса, поинтересовалась Мирана. – Ты же собирался еще что-то придумать?
– Потом придумаю! – легко пообещал бог войны, махнув рукой. – Может, его в песках и так сожрут. Без меня.
– Фантазер, – качнула головой богиня любви, – неуемный…
– Давай лучше обсудим твою проблему!
– Про Динаю?
– Про Динаю!
– Отличное предложение! Пошли! – согласилась Мирана.
– Только без лилий! Они воняют. У меня от них голова болит.
– Не волнуйся. В моей спальне сегодня розы…

Внимание, внимание! На арене цирка – группа зубастых акробатов! Смертельный номер! Работа под куполом – без страховки!
Я, наблюдая за командой Киры, пытающейся выстроить «пирамиду», иронизировал, комментируя про себя происходящее.
…Упорные. Это уже седьмой раз. Впрочем, неудивительно. Песок не та поверхность, на которой можно строить что-то высокое… Ноги у «основания пирамиды» разъезжаются, та накреняется, и Дане с Ринатой вновь приходится прыгать вниз.
Они так еще долго будут возиться, подумал я, наблюдая за безуспешным окончанием еще одной попытки, но, Сихот меня побери, что мне с ними делать?

Что мне делать с варгами? По сути, то, что я оказался здесь, – их вина. Не запусти Кира процесс переноса – ничего этого не было бы. Кстати, я так и не понял, как это произошло. Неужели все время тот портал простоял, «готовый к пуску»? Как-то не верится в подобное чудо. Зарядные камни из него были вынуты, энергии – ноль целых ноль десятых. Сам проверял. И вдруг такой импульс! Откуда? Что, криво приляпанные хлебным мякишем мои худосочные
таши
– смогли это сделать? Вот уж ни в жизнь не поверю! Я, конечно, не спец по артефактам, но даже с моими знаниями могу представить, сколько энергии потребовалось на переброс шести человек с лопатой и кучей песка в придачу! Ну не могли мои пять маленьких камушков такое сделать! Не могли! Там вон какие «дуры» стояли, судя по размерам держателей. Можно, конечно, предположить, что где-то внизу, под плитой, был «вечный» аккумулятор. Аккумулятор, который хранит, но никогда ничего не теряет. Который нас, разрядившись, и «стрельнул». Весьма притянутое за уши допущение. Во-первых, про «вечный аккумулятор» я отродясь не слышал, а во-вторых – почему я его тогда не обнаружил, когда осматривал арку? В тот момент там все было мертво и глухо, как в склепе. Голый камень. И потом, подобное изделие наверняка не «три копейки» стоит. Для массового производства, если предположить, что порталов было много, совершенно лишний расход средств. Зачем, если имеются
таши
, которые постоянно могут «подзаряжать», черпая магическую энергию прямо из пространства? Тут уже совершенно все равно – есть у аккумулятора потери или нет. Главное, чтобы «приход» был больше «расхода». А с такими здоровенными кристаллами «приход» должен был быть – о-го-го, мама не горюй! Вон как на портале, через который мы сюда попали. Такие «звери» стоят – трогать боязно! Да и нет там отдельных аккумуляторов! Я уже осмотрел портал, на который мы попали.
Таши
– они и накопители и аккумулятор одновременно. И вложенное в артефакт заклинание снабжают энергией тоже они. Так что без «демонских камней» никуда не «улетишь»! Что-то нечисто с этим переносом… Весьма нечисто…

Две вещи только радуют. Первая – работающий телепорт, с которого можно «срисовать» структуру заклинаний и попытаться разобраться, как они работают. И вторая – то, что мне голову не оторвало. Осмотрел я ту штуковину, что в меня «пульнула». Небольшая такая стела из отполированного камня. Как я понял, что-то вроде сторожевого устройства для нежданных гостей… Вполне возможно, что если предъявить какой-то пропуск или произнести пароль, оно и не сработает, но я-то откуда знал? Вот меня и шандарахнуло! Хорошо, что я на себя вампощит поставил. Как-то автоматом, сходя с постамента, поставил. И как оказалось – правильно сделал! Щит, правда, впитал в себя все, что «прилетело»… А «прилетело» немало. Я банально просто «захлебнулся» от переданной им энергии. Ну не я, а та моя часть, которая отвечает за магию… Впрочем, это не суть важно. Произошла «перегрузка», и я лишился сознания. Полдня и ночь валялся так, мешком с картошкой. Плохо, конечно, но это все же лучше, чем с дымящейся спиной и мордой в пол… Сейчас охранная стела разряжена. И судя по тем каплям энергии, которые поступают к ней откуда-то из глубин, по идущему из недр земли «магопроводу», процесс этот будет длительным. Не на один десяток лет… Похоже, там, в подземельях, есть какие-то еще помещения, в которых что-то еще работает. Но либо это
что-то

пришло почти в полную негодность… либо сломано. Те «слезы» энергии, что «выдавливаются» оттуда, нормальной работой не назовешь…

Ну а все остальное, кроме этих двух положительных моментов, – безрадостно. Сижу вместе с варгами в каком-то подвале. Выбраться из него пока не получается. Находится он непонятно где. Еды – нет, воды – нет, снаряжения – ноль. Судя по серому песку, который насыпался в дырку в потолке, – наверху пустыня. А именно – Серые пустоши. И именно где-то в безлюдных местах, поскольку тут ничего не разграблено. А почему места-то безлюдные? Либо потому что находятся один Сихот знает где, либо кто-то препятствует появлению в них людей… Те же пустынные джанкели, или еще какая шустрая живность, в огромных количествах… Вполне вероятно, что выбраться из этих мест обратно в цивилизацию будет непросто…
А пока – мы даже из подвала выбраться не можем… подумал я в очередной раз, наблюдая рассыпавшуюся «пирамиду».
И что мне с этими акробатками делать? Сразу ясно – это обуза. Обуза и соглядатаи. Еды у них нет, воды нет – значит, кормить и поить сей цирк на конной тяге придется мне. Вряд ли они что в пустыне найдут… Хотя это в общем-то как бы и не проблема. В моем «потайном» мешке много чего есть, но с какой радости, позвольте спросить, мне их кормить? Относятся ко мне без всякого уважения – по полу валяют, руками хватают, в уши кричат… Совершенно недопустимое обращение с моей персоной! И потом, пять ртов – это вам не один. Все «вкусняшки», что я для себя приготовил, в момент съедят! На фиг мне такое надо? А если мне вдруг магией придется воспользоваться? Мало ли что в пустошах может произойти! Вон сейчас нужно будет идти в портале разбираться… Что мне там может понадобиться сделать? Но ни капли сомнения в том, что все, что я проделаю, – заметят и скрупулезно зафиксируют у себя в памяти, а потом перенесут в отчеты. И моя тайна, что я якобы «инвалид магического труда», накроется большим медным тазом… Оно нужно? Ук-у! Не нужно! Так что проще их Уртришу скормить… Пять на два… это десять камней… Потом продам камни как находку в пустошах… деньги будут. А этих, скажу, мутанты съели! Никто ничего ведь не докажет… Тем более что еще неизвестно, нужно ли мне будет кому-то что-то рассказывать… Может, я отсюда – прямой дорогой домой махну? Разберусь, как да что работает, да и свалю…
В этот момент Дана, отряхивая руки от песка, оглянулась на меня и улыбнулась.

Симпатичная… подумал я о ней и об ее глазах, – а с другой стороны… С другой стороны – они обо мне заботятся… Следили, чтобы я не околел в этом подземелье. Ящерицу опять же эту здоровую убили… Вполне возможно, будь я один – она меня бы сожрала, пока я был без сознания. Конечно, все это они делают не от любви к моей персоне, отнюдь! Наверняка с них пять шкур спустят, если они заявятся назад без своего охраняемого. Но все равно – вдруг будут еще случаи, когда потребуется меня «оттащить»? Пустыня – она большая… Мало ли! Один раз уже понадобилось. Хотя не ковыряй Кира этот камушек – ничего бы и не было… Зато в моем распоряжении теперь есть работающий портал, который я искал! Поэтому нельзя сказать, что зубастики уж совсем безнадежны. Скажем… виноваты – не виноваты. Да, вот так! Виноваты в том, что они варги и бестолковые, а не виноваты… Не виноваты в том, что они варги и бестолковые! Ха-ха! И еще… Если я их –
того
, то с кем же я тогда разговаривать буду? Помню я свою прогулку в одиночестве, в лесу… Еще бы тогда денька три такого путешествия – начал бы с деревьями беседовать…

«А я? – обиделся мой внутренний голос. – А как же я? Неужели нельзя говорить со мной?»
«Я уже разговаривал с тобой. Тогда. Тебя не «подколешь». Ты – это я. Все знаешь. Неинтересно…»
«А их, значит, интересней подкалывать?»
«Да уж поинтереснее будет! Непредсказуемый эффект, так скажем…»
Вот, например, Рината попыталась накормить меня завтраком. Я, конечно, знал, что она «отравительница», но все же! Предложенное мне «пожевать» выглядело жутко. Черное, обугленное, кривое. И еще сбоку какие-то пальцы торчат. Тоже обугленные.
– Что это? – осторожно поинтересовался я, не торопясь брать «вкусняшку» в руки.
– Завтрак! – радостно ответила Рината, держа его двумя пальчиками и злорадно скалясь.
Оказалось – лапа убитой твари, зажаренная на костре. Условно жаренная, скажем так. Под тонкой черной корочкой – сырое мясо, сочащееся красной сукровицей сквозь трещины.

– Ты что, даже мяса жарить не умеешь? – удивился я, закончив издали разглядывать сей шедевр кулинарного искусства.
– Ешь, что дают, – нагло ответила та, – другого нет!
– Не на чем было жарить, – пояснила Дана, оказавшаяся рядом, – дерева нет, были только корни, которые мы надергали из стен. А из них углей не получишь. Да и мало их было. А больше у нас ничего нет…

– Ясно, – сказал я Ринате, решив не брать в руки
этого
, чтобы не испачкаться, – сохрани для меня! Пока я не чувствую себя достаточно проголодавшимся…

– Не голоден! – громко произнесла Рината, поворачиваясь ко мне спиной. – Хоть кто-то тут не голоден…
– А ты, случаем, не голодна? Если хочешь – можешь съесть за меня! – щедро предложил я. – Мне вот почему-то кажется, что до такой степени я вряд ли когда-нибудь проголодаюсь.
– Ха! Посмотрим, что ты к вечеру запоешь… – хмыкнув, ответила Рината.
– А еще у нас мало воды, – грустно сказала Дана, наблюдавшая весь наш разговор, – вы не тратьте свою сильно, пожалуйста.
Короче – сироты! Может, лучше все же одному?
…Опс! Залезла все-таки!
Дана наконец взобралась на плечи Ри. Пирамида из варг покачивалась, но стояла. Видно, внизу все же нашли точку опоры. Дана плавно подняла руки, стараясь не нарушить равновесия, и ухватилась пальцами за край отверстия. Еще мгновение – и она без толчка, не отталкиваясь ногами от Ринаты, легко подтянулась, устремляясь вверх. И в это мгновение потолок обвалился! Короткий, испуганный вскрик летящей вниз Даны – и падающие ей вслед песок и прямоугольные пластины. Пирамида из варг рассыпалась. Они дружно прыгнули влево, уходя из-под падающего на них сверху. Дана же шлепнулась на попу прямо в кучу натасканного песка. Вокруг нее, подобно метеоритному дождю, втыкались ребрами в песок падающие сверху пластины.
Попадет – убьет! – мгновенно понял я, увидев, насколько глубоко они входят в песок. Дана, похоже, была слегка оглушена падением и не пыталась убраться из-под рушащейся крыши. Вытянул к ней свои невидимые руки. До нее далеко, но мне удалось ее ухватить. Что есть сил дернул на себя! Та кубарем слетела с кучи, уходя с опасного места. Свод между тем продолжал обрушаться. Неспешно и равномерно, пластина за пластиной, он обваливался в сторону правой стены. Левая сторона свода пока держалась.
– Сюда! Быстрей! – прокричал я варгам, вскочив с походной постели, на которой сидел возле входа в зал, и махнул им рукой. – Сюда!
В воздухе между тем набиралось все больше и больше мелкой пыли, и видимость падала с каждым мгновением. Дышать становилось заметно тяжелее. Пятерка Киры выскочила из мутной серой взвеси, захватившей уже половину зала, и понеслась ко мне. В это мгновение обвал достиг стены. Последние пластины крыши полетели вниз, а вслед за ними в зал хлынул могучий поток серого песка, широким водопадом расходясь влево и вправо по стене.
– Внутрь! – крикнул я подбежавшим варгам, имея в виду тоннель за моей спиной.
Они проскочили мимо меня серыми тенями, а я остался у входа, наблюдая за сыплющимся сверху песком.
«Откуда его столько? – глядя на серый водопад, подумал я. – Неужели крыша находилась внизу склона какого-то бархана? Если так, то сейчас весь бархан плавно переедет в зал… Ну пусть не весь, но его склон – точно. Интересно, сколько его там, этого склона? Если бархан большой – может все засыпать, по самый верх… Не откопаемся…
– Кхе-кхе-кхе! Что там? – закашлявшись, сунулась мимо меня в зону катастрофы Кира. Вся с ног до головы в серой пыли. Только глаза торчат…
И в этот момент рухнула левая сторона свода. Вся и разом. Шибануло волной воздуха, забив весь нос и глаза мельчайшей пылью. А через исчезнувшую крышу вниз ухнул еще один объем серого песка.
– Валим! – коротко крикнул я ей, хватая ее за талию и утаскивая вслед за собой.
Через пару минут все было кончено. Песок засыпал выход полностью, прихватив примерно еще с половину прохода между залами. Определить точнее было сложно, потому что наступила кромешная темнота. Варги, откашлявшись и отплевавшись от песка, провели перекличку. Итог – все тут. В зале никто не остался.
Первой вопросом будущего озадачилась Анжелина.

– Что нам теперь делать? – озабоченно спросила она.
– Копать… – пожал я плечами, хоть можно было этого и не делать, поскольку темно и не видно, – лопату, надеюсь, не бросили?
– Там осталась… – голос невидимой в темноте Илоны.
– Молодцы! А вторая где?
– На раскопе осталась. Одна почему-то вместе с нами оказалась, а вторая – там…
– Два раза молодцы! Ну, раз так, значит, копаете руками! Ринату первую поставьте. Она где-то там мой завтрак оставила, а я чувствую – у меня аппетит разгуливается. Скоро есть захочу!
– Думаешь, можно прорыть тоннель наверх? – спросила Кира.
– Ну, можно вообще ничего не делать! Сесть на пол и тупо ждать смерти, – вновь пожал я плечами. – А так – есть шанс…
Длительное молчание.
– Хорошо, – произнесла Кира, – будем копать! Только копать будем все вместе!
– Вот еще! – хмыкнул я, отметая всякие инсинуации о равноправии. – Вы крышу обвалили? Вы! Вот и копайте. А я буду думать, как мне спасти ваши задницы…
– Каким образом?
– Займусь порталом. Может, через него удастся еще куда попасть…
– Хорошо, – после паузы произнесла невидимая в темноте Кира, – пусть будет так…

Дана

Песок сыплется между пальцами, скрипит на зубах и норовит попасть в глаза… Еще он у меня в волосах, ушах, щекочет и чешется под одеждой. Однако самое неприятное – песок в сапогах. Только вытряхивать его из них – бесполезно. Через минуту он будет там опять. Как же хочется пить! Но во фляге, судя по звуку, осталось совсем чуть-чуть, на пару глотков. Много потратила после обвала. Много! Не удержалась. Ну и что, что горло было все в пыли? Могла бы и потерпеть…

Моя очередь выгребать. Пробираюсь вперед, до самого тупика. Ложусь пузом на песок и, захватив руками как можно большую кучу, начинаю ползти назад, волоча ее за собой. Песок сыплется, расползаясь во все стороны, и от изначальной кучи остается мало чего. Но все равно – так выходит быстрее. Ладонями получается еще медленнее. Я потная, и песок противно липнет к лицу и шее. Вытягиваю свою кучу до конца. Меня заменяет Кира. Работать приходится по очереди. Вдвоем, под низким сводом коридора, очень тесно и душно. Как же хочется пить! Нет, не умею я еще концентрироваться. Все время думаю об одном и том же. Так нельзя. Нужно думать о чем-то другом, приятном. Например, о том, что наш архивариус что-то сделает с порталом и выведет нас всех отсюда. И там будет большое озеро… Стоп! Опять я про воду! Нужно про другое думать! Например – об архивариусе. Забавный он. Сердится на нас за что-то. Ну, поссорился он со своей лейтенантшей, мы-то тут при чем? Глупо переносить обиду с одной варги на всех. Вполне возможно, что с другой у него все хорошо было бы. Мы ведь, как и люди, тоже все разные. Ну, дура ему попалась, ошейник надела. Я бы вот так делать не стала. Будь я на ее месте – я бы с ним дружила. Наверняка. Он интересный и, похоже, умный. Нет, любовь, конечно, тоже нужна, но лично я считаю, что кроме нее должно быть что-то еще. Дружба, например, или общее дело. Постель – это, наверное, здорово, если про нее столько говорят, но потом-то что? Если не друзья, то даже поговорить будет не о чем. А так – можно вместе что-то придумать. Например, какую-нибудь экспедицию в пески. Он найдет где-то в архивах древний манускрипт с указанием места сокровищницы, а я буду охранять его в пути. А вечером, после дневного перехода, можно будет и
этим
заниматься. А потом лежать рядом и смотреть на звезды… Вот это я понимаю! Делать одно дело, иметь общую цель. Быть вместе. А так…

Так! Моя очередь вытаскивать. Что-то замечталась я. Даже о жажде забыла. Хорошо бы Эри нас вернул назад через портал. Иначе будет плохо. Ну, прокопаем мы, допустим, дорогу наверх. Но там ведь пустыня… Найдем ли мы в ней какой-нибудь колодец или оазис? А если найдем – то когда? Думаю, мы быстрее умрем от жажды, чем найдем… Пыхтя, я попятилась назад, таща за собой кучу песка. Внезапно сзади вспыхнул свет. Обернулась, сильно щурясь, – Эри! Он держал в руке что-то яркое, слепящее. Не могла понять – что?

– Как дела, песчанки? – насмешливо поинтересовался он.
– Что за свет? Откуда? – жмурясь, спросила сидящая на корточках Кира.
– Та… Какая-то забавная штуковина попалась. Нашел. Вот, пользуюсь…
– А-а-а… это хорошо, – устало кивнув, сказала Кира, – свет – это хорошо…
– Я думал, вы уже тут все прокопали. Но вижу, особых успехов у вас не наблюдается… – ответил ей Эриадор, поочередно оглядывая нас.
– Мы не гномы, – вяло поотбивалась Илона.
– Но вы же варги! Страшные и смертельно опасные! Вы – лучше гномов! Поэтому вы уже давно были должны все сделать. А вы тут сидите, прохлаждаетесь…
– Вот бери сам и копай, – устало произнесла Рината, сидя с закрытыми глазами, привалившись спиной к стене, – если умный такой…
Эри задумчиво посмотрел на нее, медленно облизывая сухие губы.
– Хочешь пить? – спросила его я, заметив это. – У тебя есть вода?
– Есть? Да у меня, как очнулся, ее вообще во фляге не было!
Да? Куда же она делась, подумала я, неужели кто-то взял? Не может этого быть!
– Кончилась она, – так же устало, как и Ри, проговорила Кира, – все в тебя и вылили, пока ты без памяти лежал. Там немного было… Да! Почему твоя фляжка почти пустой была?
– Зачем таскать с собой тяжести, когда можно спуститься в лагерь, попить и налить еще? – ответил вопросом на вопрос Эри.
– Ну, вот тогда и не ной, умник, – отозвалась Рината, все так же не открывая глаз. – В следующий раз думать будешь…
Я встала, вынула из чехла на бедре свою фляжку и шагнула к Эри.
– Вот, возьми, – сказала я, протягивая ее ему, – попей. Там, правда, совсем мало…
Лицо у Эри выразило крайнюю степень удивления.
– Мне? – переспросил он, словно не веря, глянув на фляжку, а потом мне в лицо.
– Да, тебе. Возьми.
– А ты? Ты разве пить не хочешь?
– Тебе нужнее. Я потерплю.
Эри уставился на протянутую мною флягу и замер.
– Слушай, что тебе малая говорит! – открыв глаза, громко произнесла Рината, зло смотря на Эриадора. – Мы – варги! Мы – сильные, мы – справимся! А ты – человек! Ты слабый и сдохнешь, если о тебе не заботиться! Поэтому бери и пей, пока предлагают! А ты, Дан, воду себе возьмешь у меня. Я дам, поняла?
– То есть вы тут обо мне заботитесь? – уточнил Эри, все так же не двигаясь и о чем-то размышляя.
Рината громко хмыкнула. Все остальные промолчали.
– Возьми, – вновь приглашающе протянула я ему фляжку, стараясь сгладить грубость Ри.
– Не нужно, – отрицательно покачал головой Эриадор, – но спасибо! Пошли!
– Куда? – не поняла я.
– Портал буду пробовать, – недовольно буркнув, пояснил он. – С вашими раскопками… сдохнешь тут…
– Всем встать! – скомандовала Кира, тяжело поднимаясь на ноги.
Мы встали и пошли вслед за Эриадором, к порталу. Эри держал в руке небольшой светящийся камень и светил под ноги. Глаза наконец привыкли к свету, и я разглядела, что там у него такое. Это сразу после темноты показалось, что очень ярко светит. Но теперь я видела, что не так уж свет и силен. До стен он не доставал, и мы шли, окруженные тьмой со всех сторон.
– Вставайте на центр друг рядом с другом! – скомандовал Эри и подошел к боку арки, изогнувшейся над пятигранной плитой портала. – Готовы?
– А что будет? – спросила Анжелина, становясь рядом со мной.
– Либо размажет на кусочки, либо куда-то попадем… А там тоже ящерицы всякие могут быть. Ну, все готовы?
– Да! – ответила за всех Кира.
– Поехали! – сказал Эри.

Эри

Яркий дневной свет ударил по глазам, заставив зажмуриться. Опс! Я жив! И куда-то попал! Щурясь, быстро оглядываюсь по сторонам. Небольшая полянка, места буквально только на портал. Вокруг – поросшие зеленой травой холмы, круто поднимающиеся вверх. Они выше портала и создают небольшое закрытое пространство, пряча его от посторонних глаз. Вниз, с площадки, ведут полукруглые ступени, от которых начинается узкая дорожка,

выложенная квадратными каменными плитками. Из швов между ними бодро растет зеленая трава. Высокая…
Похоже, давно тут никто не ходил… сделал я вывод и задрал голову. Надо мной медленно гасли белые камни.
Я хмыкнул, пробегая взглядом по арке: ну надо же! До сих пор все работает!
Тогда, оставив варг копать проход, я с трудом добрался до сгинувшего в полной темноте портала. На ощупь, взобравшись на плиту, сел и приступил к исследованиям. Через полчаса мне стало ясно, что ничего не ясно! Энергетические потоки заклинаний, вложенных в артефакт, свивались между собой в плотные клубки, создавая причудливые связки и жгуты, очень напоминающие электрические кабели. Разом понять – что куда идет и как взаимодействует – не представлялось возможным.
«Без бутылки – не разобраться! – констатировал я, вспомнив земную поговорку. – А ее-то у меня как раз и нет!»
Внезапно отметил, что стало душно.
Я несколько озадачился, не понимая, с чего это вдруг. Вообще-то до недавнего времени воздух тут был весьма холоден и свеж, я бы сказал… «Воздух! – внезапно осенило меня. – Мы же тут закупорены, как в банке! А эти «землеройки» еще активно потеют, потребляя кислород». Сихот! И что делать? «Грохнуть» варг, чтобы не дышали? Это мне проблему не решит. Даст несколько часов отсрочки, и все… Нужно быстро выбираться отсюда! Как? Подождать, пока они прокопают проход? А сколько они там еще будут рыться? День, два? А времени осталось, наверное, на пару часов. Попытаться пробить фаерболами потолок? Ага, и он рухнет мне на голову! Спасибо, видел уже, как это происходит. Засыплет – и хоронить не нужно будет… Что еще можно придумать? Можно попробовать создать вихрь и «выдуть» песок из прохода… Но мы тут в пылище задохнемся. И еще неизвестно, сколько его там насыпалось, в том зале… Хм… Может, действительно попробовать использовать портал? Кире о нем я «так» сказал… Чтобы отвязалась… А вдруг еще где что работает? Этот же – «на ходу»!
Вновь, используя магическое зрение, я обратился к порталу. Где у него управление – я уже понял. Осталось понять, как оно «управляется». Если нужно вкладывать какое-то заклинание с конечными координатами, то это будет «финишем». Никаких координат я здесь в упор не знаю. Даже неизвестно, в каком виде они должны быть, эти координаты… Но мне повезло. Повезло, что у людей есть замечательное средство движения прогресса вперед – лень! Действительно, стоит ли возиться, каждый раз вводя данные? Ткнул – появился список. Еще раз ткнул – попал куда нужно. Вот это совсем другое дело! Список я нашел достаточно быстро, да только он оказался «мертвым». Почти. Минуты две я бодро «тыкал», листая, но каждый раз появляющиеся и ничего мне не говорящие названия сопровождались ярко-красным диагональным крестиком. Понятно. Хода нет! Интересно, значит, есть какой-то обмен информацией между порталами? Иначе – откуда «здешнему» известно, что там не работает?
Внезапно, при очередном моем «тычке», цвет названия пункта назначения изменился. Предыдущие были серыми, а этот – приятного желтого цвета, и вместо крестика – зеленый кружочек.
– Опс! – сказал я, едва не «ткнув» автоматически еще раз. – Я оказался прав! Что-то еще работает… По крайней мере, «Зеленый приют» готов к приему. Интересно, что это такое? Впрочем, скоро узнаю. Оставаться здесь – неразумно… Так, это все хорошо, но что делать с варгами? Бросить тут? Ну, засыпало и засыпало…
«Нелогично, – сказал внутренний голос, – зачем было тогда Дану из-под обвала тащить? Ну, убило бы да убило!»

> «Какой ты умный!» – сказал я ему и, вздохнув, встал, чтобы пойти посмотреть – что там варгуши делают? Плюнув на секретность, сделал себе из последнего, оставшегося таши
> «фонарик». Ну не шарахаться же мне в темноте! Скажу – нашел, да и все!

Зубастиков я обнаружил в достаточно плачевном состоянии. Все сверху донизу в песке, сидят у стены, вывалив языки. Но прокопали они много. Если такими темпами рыть, то не так уж и долго, пожалуй. Что значит мутанты! Силы – немерено!
То, что «немерено», подтвердилось буквально через минуту. Рыжая наглячка, пусть и с трудом двигая языком, нахамила мне «по полной программе». Возникло сильное желание послать их копать дальше, а самому «свалить». Но тут Дана «выкинула номер» – предложила свою последнюю воду. И так это было искренне, открыто, что я опешил. Без двусмысленностей в ментале, снисхождения, жалости, чувства превосходства. Как к

равному члену команды, которому нужно помочь. Я, конечно, от воды отказался, но и бросить Дану после ее жеста не захотел.
«Да ладно! – прокомментировал внутренний голос мое решение. – Развела она тебя! Это все варговские штучки. А ты и повелся!»
«Может, я просто их взял потому, что хочу насладиться предсмертными страданиями Ринаты? Когда видишь последние муки своими глазами – интереснее!»
«Ага, ага! Ужаснейшими муками. В самой изощренной позе камасутры. Да, это будет весьма жестоко. Особенно если у нее это будет «в первый раз»!»
«Та пошел ты»! – сказал я ему.
«Ты потащил их с собой потому, что они тебе нравятся. И Дана нравится, и все остальные. Не спорь. Твое тело берет над тобой контроль. Ты уже не демон, а так… низший размноженец!»
Я, прищурившись, посмотрел на попавшуюся мне первой на глаза задницу Ринаты, пытаясь понять – действительно мне хочется с ней размножаться или нет? Она как почувствовала. Обернулась и зыркнула глазищами так, что хоть ложись и помирай.
«Нужна ты мне! – делая каменную физиономию, подумал я, отворачиваясь. – И все остальные – тоже! Не пристало высшим с низшими путаться. Пошли вы все…»
Варги в этот момент как раз шли. Две стояли недалеко от меня, охраняя, а трое осторожно углублялись по дорожке в проход между холмами.
Пойду-ка и я за ними. Гляну, что это за «Зеленый приют» такой?
Дорожка оказалась короткой. Один поворот – и перед глазами открылась картина: живописное озеро с голубой водой, противоположным высоким каменным берегом и в окружении невысоких холмов.
Теперь понятно, что значит «приют»! Наверняка – место для пикников. Или созерцания природы после суетного дня…
Сзади, увидев озеро, коротко взвизгнула от восторга Илона.

> – Тихо! – резко обернулась к ней идущая впереди Кира. – Всем – слушать !

Варги замерли.
Эмоции ловят, понял я, ищут враждебно настроенные организмы…
– Ничего, – произнесла Кира, «отмораживаясь».

> Согласен, подумал я, тоже « послушав », – ничего и никого!

Хоть и «ничего», но к озеру мы спустились весьма осторожно. Кира выбрала путь вдоль кустов. Лучников она, что ли, боится? В кусты собирается нырнуть, если вдруг начнут стрелять? А если из кустов кто выскочит?
Но никто не выскочил. Мы добрались до воды, напились и умылись. Варги – по очереди, а я – так, «вне конкурса». Вода оказалась холодной и вкусной. Без всякого привкуса болота и тины. Чистая, как в горном озере. После духоты подземелья умыться на свежем воздухе было истинным блаженством. Немного освежившись, стали думать – что делать дальше? Впрочем, думали варги, а я опять был «вне конкурса». Ну и ладно. Решение Киры встать биваком меня вполне устраивало. Отдохнуть, искупаться, перекусить… Весьма разумный план.
Варги, выставив в караул Дану и Ринату, занялись обустройством лагеря. Хотя что там устраивать? Ничего ведь из снаряжения нет! А веток для ночевки на постель нарезать…
Так то недолго. Я же, пока суд да дело, сел на землю и принялся вытрясать из сапог песок, желая наконец избавиться от этой сыпучей гадости. За этим занятием меня и застала Кира.
– Нужна еда! – без обиняков заявила она, подойдя ко мне.
– Нужна, – согласно кивнул я и, подняв голову, снизу вверх посмотрел на нее. – Когда кормить будете?
Кира поджала губы.
– От тебя зависит, – сделав паузу, многозначительно произнесла она.
– От меня? – искренне удивился я.
– Да. У нас ничего нет. Поймай что-нибудь?
– Я? Я что – охотник вам, что ли?
– Ты – друид. Поговори со зверями. Или с рыбами. Как тот раз!

Ах, ну да… Я и забыл… Это что же, я теперь их снабженец, что ли? Ничего себе! А с другой стороны – не вываливать же свои припасы! Вот ситуация – сидеть на куче нормальных продуктов и жрать приготовленную на костре какую-то полусырую дрянь!
«Это не ситуация, – сказал внутренний голос, – это жадность. Накормил бы девчонок, покупались бы потом… голышом при луне… Они тебе, в благодарность за еду, спинку бы потерли…»
«Кто спинку мне потрет – так это имперская служба безопасности. И СБ магов…»
«А что, разве ты вернешься?»
«Посмотрим…»
– А соль есть? – спросил я ждущую моего ответа Киру.
– Нет.
– Ясно, – вздохнул я.
Придется «случайно найти в кармане» мешочек с солью. Несоленого есть не буду!
Я обул сапоги, встал, потопал, проверяя, сколько в них осталось песка, решил, что жить можно, и направился к озеру, за рыбой.
И в этот момент от нашей стоянки раздался громогласный звериный рев.
А вот и ящерка, подумал я, разворачиваясь назад, и где ее носило, когда мы ее искали?

Кира

Увидев, что Эриадор направился к озеру, я повернулась и пошла в лагерь за Анжи или Ил, чтобы они помогли ему ловить рыбу. Но не успела я сделать и трех шагов, как впереди раздался могучий громогласный «взрык», а потом еще один, от которого по телу прошли мурашки.
«Дарг! – ругнулась я, бросаясь вперед и выхватывая клинок. – Никого ведь не было!»
Когда я выскочила на поляну, моим глазам предстало весьма неприятное зрелище. Илона и Анжелина, выставив вперед клинки, осторожно наступали на здоровенную, похожую на кошку, черную зверюгу, шкура которой странно блестела. За их спинами, свернувшись клубком на земле, лежала Дана. Рядом с ней валялся, отсвечивая сталью, ее клинок.
– Дана!
Никакого отклика. Слева от меня из кустов выскочила Рината и на миг остановилась, оценивая ситуацию. В этот момент похожий на кошку зверь, припавший к земле и следивший за приближением Илоны и Анжи, заметил меня и Ри. Решение он принял мгновенно – словно молния кинулся на Ил. Та успела среагировать на начало движения и высоко прыгнула вверх и вбок, уходя из-под удара могучей лапы. От когтей она увернулась, но кошка задела ее задней частью своего тела, сбив с ног. Илона кубарем покатилась по земле. Меча, впрочем, она не выпустила. Анжи, воспользовавшись тем, что враг отвлекся, подскочила сбоку и со всего замаха рубанула его клинком по хребту, метя в шею. Зверь взревел и прянул в сторону, но никакой, ожидаемой мной кровоточащей раны на нем не оказалось. Похоже, удар только разозлил его, и он начал готовиться к новой атаке, начав обходить нас по кругу, низко опустив голову к земле. Целью нападения, похоже, должна была стать Илона, с трудом поднявшаяся на ноги. Видно, она себе что-то повредила. Все это я успела увидеть, пока неслась на помощь. Пробежала мимо лежащей Даны, отметив взглядом кровь на ее костюме. Дана ранена! Но ничем я сейчас ей помочь не могу. Потом! Сначала нужно убить эту черную тварь! Если этого не сделать, она убьет всех нас, и помощь уже не понадобится. Что же это за зверь такой, если мечи его не берут? И почему не сработали защитные амулеты? Мы ведь ими еще ни разу не пользовались!
Я напряглась, пытаясь вспомнить все, что нам рассказывали на лекциях о тварях в пустошах. Как назло, в голову ничего не приходило.
Может, если бы я вспомнила, то нашла бы у нее уязвимые точки?
В этот миг черный опять атаковал. Хоть нас было уже четверо, нас просто разметало в стороны. В этот раз кубарем покатилась по земле Анжелина. Когда она поднялась, левая рука висела у нее плетью. Но и мы не остались в долгу. Я не стала рубить зверя мечом, помня об опыте Анжи, а ткнула им между клыков – в распахнутую розовую пасть. Удар достиг цели. Чудовище взвыло так, что заложило в ушах, и отскочило назад. Из пасти обильно потекла кровь, а взгляд огромных желтых глаз, сфокусировавшихся на мне, наполнился совсем уж лютой злобой.
Я – следующая! – так поняла я для себя этот взгляд и, готовясь, поудобнее перехватила рукоять шотана.
Зверь вновь начал двигаться по кругу, выбирая момент для начала атаки. Внезапно он дернулся, остановился и противно завыл, подняв голову и глядя куда-то нам всем за спину.
Зная, что это опасно и так делать нельзя, я все же быстро оглянулась назад. Архивариус!

Стоит и делает какие-то движения руками. «Он что, с ума сошел? – подумала я, вновь повернувшись к зверю. – Магом себя вообразил? Или… Он же был им!»
В это мгновение зверь, еще раз взвыв, кинулся вперед. Но не на нас. Проскочив мимо наших выставленных вперед шотанов, он ринулся на Эри. Тот обеими руками сделал в него резкий жест – как будто что-то толкнул. Облачко черных песчинок, стремительно расширяясь, полетело навстречу черному. Но зверь ловко отпрыгнул в сторону, пропуская его мимо себя. И вновь ринулся на Эриадора. Мгновение – и он уже бросается на него, мощно разом ударяя сверху обеими лапами с растопыренными когтями.
Задрал, только и подумала я. Но не тут-то было! Вокруг Эри внезапно возник радужно переливающийся мыльный пузырь, который, сильно прогнувшись внутрь, какое-то мгновение удерживал навалившуюся на него тушу, а потом лопнул, отшвырнув его в одну сторону, а зверя в другую. Архивариус упал рядом с Даной. Но тут же вскочил на ноги, встав между ней и зверем.
– На себя! – закричала я, бросаясь вперед. – Отвлекаем на себя!
В это мгновение зверь вновь прыгнул на Эри. Тот же выставил ему навстречу пустые руки, странно держа при этом ладони – друг над другом, с растопыренными пальцами. И тут случилось чудо! Зверь, взвившийся уже высоко в воздух, так и не закончил прыжка, оставшись висеть, словно перышко легчайшего пуха. Я растерялась от увиденного, никак не ожидав такого.
– Что? – спросила я Эри, подбежав и встав рядом, справа от него.
Он не ответил. Лицо его было бледно, а ставшие абсолютно черными глаза неотрывно смотрели на зверя. Внезапно рядом с архивариусом появились какие-то полупрозрачно-темные ленты, которые закружились вкруг него, постепенно стягиваясь в кокон. Зверя, висящего в воздухе, развернуло к нам боком. Он грозно взрыкнул, дернув лапами так, словно собирался оттолкнуться ими от земли.
Медленно-медленно, словно ему очень тяжело, Эриадор начал двигать кисти с растопыренными пальцами. Нижнюю – поворачивать влево, верхнюю – вправо. Кожа на шее зверя поползла вперед, собираясь на затылке в утолщающийся черный валик, а сама шея стала вытягиваться. Черный засучил в воздухе лапами, словно бежал, и заревел. Но на этот раз в его голосе были слышны страх и недоумение. Эри между тем продолжил раздвигать ладони. Шея зверя все больше вытягивалась, а рев превратился в сип.
Полупрозрачные ленты наконец прекратили крутиться и замерли, окружив Эриадора. В то мгновение, когда они прекратили движение, он сделал резкое движение кистями.
Чпок! Со странным, каким-то «мясным», звуком голова чудовища оторвалась и полетела куда-то вперед, а тело забилось в конвульсиях, орошая окрестность струей фонтана алой крови, ударившего из остатка шеи. Секунда – и безголовое тело с глухим звуком упало, начиная биться в агонии уже на земле.
Какой живучий, подумала я, наблюдая за бешеными извивами тела и мельканием лап.
Эри меж тем был уже возле Даны. Та, обхватив живот руками и свернувшись клубком, тоненько скулила маленьким обиженным щенком.
– Положите ее на спину! Ну! Живо! Растяните! – приказал Эри, садясь рядом и протягивая к ней руки.
Я и Рината осторожно потянули Дану за ноги и плечи, пытаясь ее выпрямить. Она вскрикнула и обмякла, потеряв сознание. Воспользовавшись этим, мы быстро уложили ее на спину.
– Кранты! – коротко сказал Эри, бросив взгляд на тот ужас, в который превратились грудь и живот Даны.

Эри

А что еще можно было сказать? Ничего!
Вниз, начинаясь от правой ключицы, по телу Даны тянулись четыре кровавые борозды от когтей, заканчиваясь уже в самом паху. Практически оторванная, висящая на каком-то лоскутке кожи правая грудь… торчащие белыми краями вырванные ребра, под которыми видны розовато-серые легкие… распоротый живот… разрез на печени… желудок – порван, кишки – в куски… мочевой пузырь разрезан… И всюду течет кровь, заливая собой внутренности. Организм еще борется. Но силы уходят. «Вижу», как истончаются и бледнеют его трепещущие энергетические потоки. Как быстро «темнеют» органы. Еще немного – и Дана умрет. Сихот, если бы не вытекало столько крови!
Совершенно не думая – зачем? – создал «щупальце» и зажал им большую артерию, из которой «свистала» кровь. Потом еще одну… еще одну… еще… еще… еще… еще! Все!

Крупные – вроде все «заткнул»! Теперь вены… И нужно как-то поддержать ее в плане жизненных сил…
– Ай!
Громкий вскрик отвлек меня от процесса. Поднял от Даны взгляд – что? Напротив меня стояла Рината, держа острием в мою сторону кинжал.
– Что… Что… это? Что ты делаешь?
Посмотрел туда, куда она тычет своим ножиком. А, понятно! Из моей груди вышел толстый пучок шевелящихся полупрозрачных «щупалец», которые своими концами уходили в тело Даны. Со стороны, похоже, выглядело жутковатенько. Почему-то первое, что пришло в голову, когда я на них посмотрел, – что они высасывают кровь.
Сихот, какое ее дело, что я делаю?!
– Не даю ей сдохнуть в течение ближайших двух минут! – зло ответил я Ринате. – Что?! Я не прав, что ли? Или раненых у вас сразу добивают?
Та оскалилась в ответ, обнажая свои белые клычки.
– Пасть захлопни! – скомандовал я ей и обратился к Кире, стоящей рядом с вытаращенными глазами: – Мне нужна вода. Много!
Достал из своего «мешка» два медных котелка, валявшихся в нем, и бросил к ее ногам.
– Носите! – продолжил давать я указания. – Разделайте зверюгу и приготовьте мяса. Много МЯСА! Я скоро захочу есть! «Отравительницу» к готовке не подпускай! Иначе я засуну вам все, что она приготовила, в… Куда смогу – туда засуну! Поняла?! Охраняйте! И не мешайте мне!
– Что ты делаешь? – спросила Кира, вместо того чтобы начать суетиться. – Ты что… лечишь ее?
– Нет, кровь пью! – огрызнулся я и бросил вслед котелкам еще мешочек с солью.
– Соль. Солите! Все! Я занят!
Та что-то еще сказала, но я уже не слышал. Вновь повернулся к Дане. Бли-и-ин! Сколько всего «порушено»! А я даже толком не знаю, что я делаю!

Кира

Черное небо с большими лучистыми звездами начало синеть на востоке, предрекая неминуемое наступление нового дня. Пока оно еще там темно-синее, но с каждой минутой оттенок становится все светлее, выдавая приближение солнца.
Новый день, подумала я, глядя на небосвод, кто-то родится, кто-то умрет… Но надеюсь, что он не станет последним для Даны…
Я перевела взгляд с неба на землю.
Пока никаких изменений. Два белых облака парят над землей друг рядом с другом. В одном полулежа сидит, раскинув руки и ноги, Эриадор, в другом – лежит, вытянувшись «по струнке», Дана. Белая, как мел, но живая. Ее и Эриадора соединяют какие-то странные полупрозрачные щупальца, мерзкие на вид. Иногда они шевелятся. Иногда – выходят из тела Даны и исчезают. Иногда – из Эри появляются новые и вновь втыкаются в нее. Со стороны архивариус выглядит гадко, напоминая собой паука, ухватившего лапами жертву. Если бы я не знала его до этого, скорее всего, я бы подумала, что это какой-то демон пустоши, и рубила бы его шотаном до тех пор, пока он не перестал шевелиться. Но Эриадор – не демон, Просто он так ее лечит. Уже скоро утро, а она все еще жива. Я подходила, смотрела. У меня нет большого опыта в ранах, но мне кажется, что с таким ужасом, как у Даны, долго не живут. А она до сих пор не умерла.
Кто же он такой, этот Аальст? Сказали – простой архивариус, но какой он, к Даргу, архивариус?! Разговаривает с деревьями и рыбами, сумел разобраться с порталом, убил черного киллоса, достает из воздуха вещи, умеет лечить, словно целитель… Кто он? И почему, если это было известно, нам никто не сообщил о его способностях? Сказали – маг, потерявший силу, теперь – простой библиотекарь. Ага! Библиотекарь! Простой!
Со стороны Эри и Даны раздался звук льющейся на землю воды.
Сейчас потребуется еще. Сколько мы с Ринатой ее уже перетаскали!
Я покосилась на два полных, до краев налитых водой котелка, стоящих рядышком. Хорошо, до озера недалеко. Вместе с Ринатой, как не получившие повреждений в схватке, мы взяли на себя охрану и все бытовые проблемы. У Анжелины сильно порезана рука. Хоть ее зацепило всего одним когтем – рана глубокая и кровоточит. Я сняла с себя нижнюю рубашку, порвала на полоски – перевязали. Под вечер у нее начался озноб. Приказала ей отдыхать. Сейчас спит. Надеюсь, завтра ей станет лучше. У Илоны распухла нога. Ходить почти не может. Тоже сейчас спит. И Рината спит. Я ее отправила спать. Пусть хоть час

отдохнет. Еще целый день впереди… неизвестно, каким он будет. Аальст нас просто загонял. Воды, воды, воды! – постоянно командовал. Грубо и зло. А потом потребовал еды.
– Мяса, мяса! – кричал он, не открывая глаз. – Дайте мне мяса! Много мяса!
Нужно было мне отнести… Не Ринате. Аальст запустил в нее принесенным ею свежепожаренным куском мяса. И так ловко, что попал прямо в лоб! Ри в бешенстве было схватилась за кинжал, собираясь зарезать его на месте, но, глянув на Дану, остановилась.
– Я его потом убью! – скалясь, пообещала она мне, когда я к ней подскочила, намереваясь остановить. – На кусочки порежу! Клянусь!
Самой надо было нести… Ну, кинул бы… Пережила бы. А теперь придется за Ринатой следить, чтобы она на него не бросилась. Хотя тут уже непонятно, кто кого порежет. Если он киллоса убил…
Напавшего на нас зверя опознала Анжи.
– Похож на черного киллоса, – произнесла она, сидя с перевязанной рукой рядом со мной и глядя, как я свежую тушу.
– Киллоса? – переспросила я.
– Да. Я помню. На лекциях о нем рассказывали, – отозвалась она.
М-да, подумала я, вот я ничего не помню…
Анжелина принялась перечислять его особенности, какие запомнила. Перечислила не очень много, но и того оказалось достаточно, чтобы понять, что нам крупно повезло, что мы остались в живых. Если кратко, киллос – это одна из тварей пустоши, видом похожая на большую черную кошку. Очень редкая и опасная. Главная ее особенность – устойчивость к магии. Заклинания на нее не действуют вообще, а если действуют, то в очень ослабленном виде. Почему так – Анжи не помнила. То ли киллос поглощает магию, то ли рассеивает… Вот почему наши амулеты не сработали, подумала я, наверное, он на них как-то воздействовал…
Однако сам киллос-то магией как раз и обладал! Его шкура была подобием защитного амулета и могла получить множество ударов без вреда для ее хозяина. Чтобы ее пробить – требовалось долго и упорно бить. В какой-то момент защита пропадала, и шкура становилась как у обычной кошки. Вот тогда-то его нужно было и убивать! А до того – следовало быстро бегать, уворачиваясь от его когтей, и бить, бить и бить! Что, вспоминая его скорость и быстроту, выглядело совершенно невозможным делом. Может, более опытные варги это и смогут, но в моей пятерке таких мастеров клинка нет. Единственным незащищенным местом киллоса была пасть, куда я так удачно попала. В нее-то и следовало его атаковать. Тварь, по словам Анжи, классифицировалась как «очень опасна», и предлагалось ее «всячески избегать». Если бы не Аальст, нас бы киллос, скорее всего, убил. Да не скорее всего, а наверняка!
Нужно будет найти голову, подумала я, выслушав Анжи, клыки выдернуть… Отличный трофей!
Мясо киллоса оказалось вонючим. Пахло мочой, словно от почек. Может, если вымочить, запах и уйдет, но времени заниматься этим не было. Зря Аальст бросил в Ринату… Ни при чем она… Да и мясо жарили Ил с Анжи…
– Воды! – Негромкий голос Эриадора уже не был злым и агрессивным, как раньше. Сейчас это был голос глубоко уставшего человека. После неудачной «кормежки» Эри больше ничего не просил. Но в воздухе вдруг раздавались запахи колбасы, копченого мяса и звуки торопливого жевания. Я видела, как он быстро шевелит челюстями. Откуда он берет еду?
Я вскочила на ноги, подхватила за дужки котелки и пошла к облаку, в котором плавал Эриадор. Подойдя, я стала аккуратно переливать воду из котелков в высокий белый «отросток», торчащий сбоку и похожий формой на небольшой столбик.
– Дежуришь?
Я обернулась на голос. Эриадор смотрел на меня, открыв глаза. Свет от еле-еле горящего костра ложился на его лицо так, что казалось, будто вместо глаз две глубокие черные ямы.
– Да, – ответила я.
– Еще неси, – сказал он, имея в виду воду.
– Принесу. Как Дана?
– Жить будет… Если я не сдохну… – непонятно ответил он и вновь смежил веки.

Эри

Какого гадского парнокопытного они не хотят работать вместе?! Какого Сихота им еще нужно?!
Я пристально «всматриваюсь» в энергетические потоки тела Даны. На первый взгляд кажется, что все – ОК! Но это только кажется. Стоит перестать вмешиваться, как через

некоторое время картина идет «пятнами». Одни линии начинают светиться ярче, непонятно откуда беря энергию, другие, наоборот, тускнеют, хирея и загибаясь буквально на глазах. Такое ощущение, что все находится в состоянии какой-то хаотической пульсации, самопроизвольно распределяя энергию. Я только и успеваю «добавлять к истончающемуся» и «урезать распухающее», поддерживая организм в каком-то «среднем» режиме. Саморегулироваться он не желает. Проклятье! Что я делаю не так? Так долго продолжаться не может! Сращивание и восстановление поврежденных органов и так отняли у меня массу сил, а теперь мне еще эта «регулировка» на голову свалилась! Приходится делиться своими жизненными силами. А их-то, оказывается, не так уж у меня и много… Неприятный факт. Нужно себя беречь, ибо… чревато. Ну что там, блин, опять с кислородом?! Какого Сихота драного его вновь мало в крови!? Куда он девается?! На кой я связался с этим?! Ну, сдохла – да и сдохла бы! Чер-р-р-р-рт! Вот опять приливаю свою силу. Цвет стал светлее. Надолго ли? Стоп! Стоп! Стоп!! Нужно остановиться. Нужно подумать. Похоже, процесс «верчения рукояток во все стороны» может быть бесконечным. Пока кто-то не умрет. Или я, или она. Не понимаю – что я делаю не так? Что я делаю не так? Что я делаю… Что я делаю… Я сам не знаю, что я делаю! Вот опять печень «поехала»… Класс! Я ее два раза уже восстанавливал. Соединил в один кусок, срастил, кровотечение остановил… Дура, какого лохопеда ты не фильтруешь? Кто это будет за тебя делать? Я, что ли? Зато почки – молодцы! «Полетели»! Куда только? Какого дьявола, и всех богов вам в глотку, вы мне кровь в мочу перегоняете? Вообще, что ли, сбрендили? И так крови у нее нет. Еле-еле как-то добавляется, а вы ее в таких количествах сбрасываете… Ничего не понимаю! Нужно было дать ей умереть сразу и не мучить ни ее, ни себя… Вот вновь кислород падает… Что делать? Может, попробовать перестать следить за всем сразу и сконцентрироваться на чем-то одном? Добиться стабильности, а потом, используя это как базис, переходить к другому? Хм… а с чего начать? Что тут главное?

Пожалуй, самое главное сейчас – это кислород в крови. Если его станет совсем мало, мозг умрет, и я ничего с этим уже не сделаю… Это будет конец… Так, думаем, думаем, – как «закислородить кровь»? Вариант первый – увеличить скорость кровотока сквозь легкие. Как увеличить скорость потока? Просто! Увеличить частоту сердцебиения. Последствия? Давление в сосудах возрастет, и все, что я там позаживлял, все, что хоть как-то срослось «на живую нитку», – разорвется… Класс! Не, такого нам не нужно. Вариант второй – увеличить скорость газообмена в легких. А как его ускорить? Без понятия! И как его ни ускоряй, по идее, там все равно должно быть ограничение, обусловленное возможностями усвоения самих клеток. Пытаться на ходу их модифицировать? Безумная затея. Безумна тем, что нет на это времени, и я просто не знаю, что именно нужно сделать… Так. Еще идеи? Мм… нет идей! Отлично! Мы все умрем! Ха-ха! Хотя… Вот «смотрю» я на легкие – и «вижу», что артерии и вены в них вялые. Полупустые. И мелкие капилляры тоже так, полупустые. Вот если бы добавить крови… Площадь обмена тогда возрастет, количество растворенного кислорода увеличится… И кровяных телец, переносчиков кислорода, будет больше… Гребаные почки! Что же вы делаете, ур-р-роды?! Отключить вас на фиг, врагов организма! Нужно срочно добавить крови! Где взять? Внутри она как-то особо не вырабатывается… При таких темпах прироста выздоровления можно и не дождаться… Значит… Кровь нужно взять у кого-то другого! Я гений, вне всякого сомнения! У кого? Например… у меня! У меня же есть кровь! Сейчас и попробую. Стоп! А так можно делать? Напрямую? Может, нужно соблюсти какие-то условия? Кровь… кровь… кровь… Что там про нее я слышал на лекциях? Она ведь разная бывает! Точно! Спасибо магессе Элеоне, а то бы сейчас «закачал»… Так, а как узнать, подходит или не подходит? Хм…

Я несколько секунд подумал, потом взял кинжал и проткнул себе указательный палец. Поднес его, с выступившей каплей крови, к одной из кровоточащих ран Даны и стал «смотреть».

Да, пойдет, через мгновение знал я ответ. Почему, по каким признакам я это определил, – не знаю. Но твердо был уверен, что мою кровь с ее – можно смешивать. Знания, подаренные Алатари, вспыхивали в моей голове в виде каких-то откровений и озарений, но речи об их осознанном использовании не шло. Опыта нет! Нет опыта! А на руках – без минуты труп. Ладно, а как перелить кровь? Да запросто!

Я создал пустотелый «усик» и соединил им одну из артерий Даны со своей. Смотри-ка, пошла! И хорошо пошла!

Внезапно мне резко поплохело. И так я себя не очень бодрым чувствовал, а тут – словно на спину мешок с песком упал! Я резко «пережал» «усик», по которому делился кровью, и замер, ожидая, когда меня «отпустит».

«Что я, дурак, делаю? – запоздало пришла в голову мысль. – В моем состоянии мне сейчас только кровопусканием заниматься! Я ведь тоже достаточно измотан всей этой «борьбой за живучесть». Сейчас потеряю сознание – это будет весело! Только вот кому…»

– Кира! – открывая глаза, позвал я.
– Кира спит, – ответила Рината, – я дежурю. Что нужно?
Я оценивающе пробежался глазами по ее телу и уставился в ее злые глаза.
– Ну? – поторопила она. – Че хотел?
– Крови твоей хочу. Дашь?
– Че-э-эго? Да иди ты знаешь куда?!
Похоже, она решила, что я над ней шучу.
– Дане кровь нужна, – пояснил я, – дашь?
– Дане – дам!
– Тогда проколи себе палец и поднеси его к любой ее ране…
– Зачем?
– Много вопросов, рыжая… Хочу посмотреть, подойдет ли ей тот яд, который течет в твоих жилах…
– Мы с тобой еще поговорим… – злобно и угрожающе, с обнажением клычков.
– Несомненно. Коли́ давай!
Рината зыркнула на меня, достала ножик и ткнула острием в палец.
– Смотри… – прошипела она, поднося его к располосованному животу Даны.
– Пойдет, – сказал я после нескольких мгновений созерцания.
Так. А как теперь «откачать» с нее кровь? С себя – понятно. Но она ведь не умеет делать «усики». Хм… Придется через себя. Другого варианта я не вижу…
– Сядь на землю, – приказал я варге, – и упрись как-нибудь руками. Чтобы не упасть…
Рината молча выполнила приказание. Села, чуть расставив вытянутые ноги, и уперлась в землю отставленными назад руками.
Отлично, подумал я, создавая «усик», куда бы его ей воткнуть? Где будет проще и удобнее? Выбирая, провел «усиком» сверху вниз, начав от лица, точнее, от шеи Ри, сделав задумчивый пируэт возле ее груди, потом очертил круг у живота, а затем опустился ниже. Бедренная артерия, подумал я, похоже, будет лучше всего…
– Э! Ты чего делаешь? Ты… куда? – внезапно всполошилась «донорша».
Что – куда?
Я открыл глаза, чтобы понять причину ее волнений. Кончик замершего рядом с Ри «усика» был точнехонько направлен в место соединения ее ног. Хм, забавно получилось…
– У тебя там самая свежая кровь, – ухмыльнулся я. – Ты что, против использования этого места?
– Э-э-э… против!
– Ну ладно, недотрога… возьму тогда из ноги. А то еще потом будешь говорить, что я тебя чего-то там лишил… Претензии предъявлять станешь…
Рината злобно зашипела на меня, втянув голову в плечи.
– Не дергайся, – сказал я и воткнул «усик» ей в бедро.
Спустя пару мгновений процесс пошел. Сидя на земле, Рината напряженно смотрела на ярко-алую трубочку, выходившую из ее ноги и исчезавшую в моей груди. Я же «перекачивал» ее кровь Дане и следил за ними обеими.
Сколько можно взять крови? На лекциях такого вопроса не рассматривали… Буду ориентироваться по состоянию. Как начнет ей «плохеть» – закончу… Чу! Энергопотоки Ринаты «бледнеют»! Заканчиваем… Так! И что у меня получилось? Хм… Результат есть! Энергетические линии Даны стали меньше пульсировать. Нет, эффект все одно есть, но уже меньше. И кислород в крови «приподнялся». Ба! Почки «тормозят»! Похоже, возвращаются к нормальной работе. Всего-то, оказывается, крови не хватало! Ну, я и дилетант… Ладно, если я нашел решение, то сейчас еще добавлю!
– А ну-ка! – скомандовал я, открывая глаза, слегка побледневшей Ринате. – Тащи сюда еще кого-нибудь! Кровь пить буду…

Анжелина

Мокрая голова Киры неспешными толчками двигалась среди качающихся солнечных бликов, вызывая острое чувство зависти. Эх, я бы тоже сейчас искупалась! Потная, грязная, до сих пор в песке. Просто противно. Но с моей рукой… Нельзя мне в воду лезть. Аальст вчера так и сказал – не мочи, говорит. У тебя там воспаление. С Даной закончу – тебя посмотрю. А пока вот – заваривай и пей! Противовоспалительное.
С этими словами он достал вот так, прямо из воздуха, серый полотняный мешочек и бросил мне на колени. В нем оказались полурастертые стебли какой-то засушенной травы. Какой именно, я не поняла. Курс лекарственных трав нам читают, но как-то слабо я в них разбираюсь…

Заварив, получила настой темно-зеленого цвета, с запахом настолько отвратительным, что я даже поначалу не рискнула взять в его в рот. Но Кира приказала. Пришлось подчиниться и выпить. На удивление, на вкус трава оказалась не настолько противной, как запах. Пожалуй, даже получше, чем мясо киллоса. Вот это гадость так гадость! Хоть нас и учили есть всякую дрянь, чтобы отбить чувство брезгливости, но одно дело, когда можно после занятий прополоскать рот и забыть до следующего раза, и совсем другое, когда есть больше нечего и мерзкий привкус весь день стоит во рту…
Кира, доплыв до середины озера, повернула обратно.
Ничего, подумала я, наблюдая за ней, сейчас рука заживет, и я тоже искупаюсь. После настоя из травы Аальста стало как-то полегче. Хоть руку по-прежнему дергает и печет, но уже не так. Вообще-то странно. У нас, у варг, обычно раны быстро заживают. И почти бесследно… А тут – рука распухла и в ближайшее время приходить в норму, похоже, не собирается. Может, у киллоса какие-то «особые когти»? С магией или ядом, не дающим заживать? Если так, то это плохо. Сколько руку тогда еще лечить придется? А ведь мы в походе. Раненый – это обуза. Не хочу быть обузой! Хорошо, что правая целая. Можно шотан держать, сражаться, если придется… Да и рисую я правой… Может, если Аальст начнет меня лечить, рана заживет быстрее? Оказывается, он сильный целитель. Вон Дану буквально из лап Хель вырвал. Понятно было, что с такими ранами ей не жить. Просто мурашки по спине бегают, когда я на нее смотрю. А архивариус – копается в ней своими щупальцами, и хоть бы что! Впрочем, делает он это с закрытыми глазами. Может, с закрытыми глазами не так страшно? Впрочем, какая разница – с закрытыми или открытыми глазами он это делает? Он же видит что-то? Не может же он вслепую делать! Вчера кровь с нас собирал. Для Даны. Смотреть, как твоя кровь по какой-то трубке выходит из тела, ныряет в грудь Аальста, а из нее уже уходит к Дане… Брр! Мерзкое зрелище! Что мне неприятно, я виду, конечно, не подала, варгам ран и крови бояться стыдно, но все равно. Может, он это понял? Ведь крови с меня он взял совсем чуть-чуть. Буквально сразу остановился, сказав, что у него уже «мозг клинит», что у меня воспаление и брать мою кровь нельзя. После чего и дал мне заваривать траву. А Дане явно лучше стало. Порозовела, и ее лицо перестало быть лицом умирающей… Уверена – он ее спасет! Молодец! Интересно… а кто он такой, этот Аальст? Уж то, что не архивариус, – это точно. Они такого не могут…
Кира доплыла до берега и нехотя начала выходить из воды. В это мгновение я почувствовала справа чье-то присутствие. Сжав левой рукой ножны и зашипев от пронзившей ее боли, я выдернула из них клинок и резко развернулась на источник эмоций. Аальст! Стоит, по пояс выглядывая из кустов, словно громом пораженный. Глаза круглые, рот открыт, замер и смотрит куда-то вперед. Поворачиваю голову в направлении его взгляда – Кира! Кира у кромки воды! С мокрыми, чуть завившимися волосами, вся в блестящих капельках воды. А из одежды на ней… Ничего на ней нет! Грязный костюм она сняла, чтобы постирать, а нижнюю рубашку порвала, чтобы меня перевязать. Кира тоже почувствовала Эриадора. Она гибко изогнулась в его сторону и, чуть пригнувшись, замерла, готовая действовать. Пауза. Кира с Аальстом смотрят друг на друга. От нее исходит чувство опаски и настороженного внимания, а от него… А от него – целый фейерверк необыкновенно ярких и сильных эмоций! Восхищения, восторга, изумления и… желания! Однако немая сцена длилась лишь пару мгновений. Аальст захлопнул рот, закрыл глаза и стал трясти головой, словно отгоняя наваждение. И все исчезло! Весь этот восхитительный фонтан чувств потускнел и превратился в обычный, ровный равнодушный фон, который сопровождает архивариуса всю поездку. Аальст надел на лицо маску скуки и превратился в того, кого мы привыкли видеть рядом с собой, – высокомерного, спесивого и наглого дворянина. После столь сильных эмоций вокруг сделалось буднично и серо…
– Что? Что это было?!
Ко мне с обнаженным клинком и вытаращенными глазами подскочила откуда-то Рината.
– Что случилось?!
– Да так… – уклончиво ответила я, пожимая плечами.
Ри бросила взгляд на скучного Аальста, потом посмотрела на голую Киру, неспешно, на носочках направляющуюся к своей одежде.
– А-а! Он подглядывал! – сделав вывод, радостно и громко вскричала она. – Я так и знала, что он – извращенец!
Аальст, сморщившись, посмотрел на нее, словно прикидывая – в какую сторону ей начать откручивать голову?
– Уж за тобой я подглядывать не буду, – наконец произнес он, немного пожевав перед этим беззвучно губами, – не беспокойся!
– Это почему же? – насторожилась Ри.
– У тебя только голос удался – горластая. А все остальное… Извини, не очень.

Князь демонстративно обежал глазами сверху вниз, а затем снизу вверх фигуру Ринаты. Со стороны Киры донеслась эмоция злорадства, и затем она «закрылась». Больше ее «не слышно». Ри нахмурилась, и я почувствовала, как она злится.
– Я к тебе, – сказал, подходя ко мне, Эриадор, не обращая больше внимания на Ринату. – Давай посмотрим, что с твоей рукой.
– А Дана?
– С ней все в порядке. Спит. В ближайшее время – не умрет. Я две ночи без сна и зверски хочу спать. Поэтому давай быстренько посмотрим, чтобы потом тебе руку не пришлось отрезать, и я задрыхну!
– Хорошо, – кивнув, согласилась я, подумав, что без руки мне будет очень плохо.
– Садись! – приказал Аальст, делая указующий жест рукой. Там, куда он показал, над землей возникло белое клубящееся облако размером примерно с большое кресло.
– Куда? – растерявшись, переспросила я, глядя на эту странную штуку.
Князь молча сделал еще один жест. Рядом с первым облаком возникло второе. Эриадор, не говоря ни слова, прошел мимо меня и сел в него, показывая – как.
– Давай! – раздраженно сказал он, – не тяни!
Я подошла и осторожно села, следуя его примеру. Как здорово! Облако только с виду похоже на туман. А внутри оно плотно охватило тело чем-то упругим и тянущимся. Можно покачаться вверх-вниз, вверх-вниз…
– Чистить нужно, – неожиданно произнес Эри.
Я, исследуя «кресло», отвлеклась. А он сидел рядом, с закрытыми глазами и, развернув лицо в мою сторону, продолжал говорить.
– …Гной скопился. И много уже…
– Рыжая, давай, сгоняй за водой! – открыв глаза, обратился он к Ри, приказывая.
– Сам – гоняй… – прошипела она в ответ, оскорбленная таким к себе обращением.
– Ри, сходи! – раздался сзади голос подошедшей Киры.
Обернулась. Наша командир уже успела одеться. Только куртку застегивать она не стала. Ее гладкий плоский живот – весь на виду. И груди… Хотя они почти целиком и прятались за расстегнутыми половинками куртки, но часть их прекрасно была видна. Эриадор открыл глаза и задумчиво пробежал взглядом по Кире. Лицо его оставалось совершенно бесстрастным.
– Чем обязан столь шикарному виду, госпожа курсантка? – поинтересовался он.
– Отсутствием сменной одежды, – спокойным голосом, видно подражая Аальсту, ответила Кира. И тоже посмотрела на него – ну совершенно спокойно!
– Иными словами, вы не позаботились о снаряжении, а я должен испытывать дискомфорт?
– Вид моего тела вызывает у вас дискомфорт?
В голосе Ки слышалась легкая насмешка. Как она его поддела! Молодец!
Аальст беззвучно пошлепал губами. Пауза.
– Меня, следующего принятым в приличном обществе правилам, голые девушки, не находящиеся в соответствующей обстановке, несколько, гм… озадачивают, – наконец произнес он.
– О какой обстановке вы говорите? – интересуется Кира.

– Я говорю о постели. Голые девушки вне ее выглядят…
внезапно
, скажем так.

– Вы хотите сказать, что никогда не видели голых девушек?
Глаза Киры лучились смехом, а голос уже откровенно был полон иронии.
– Я сказал то, что хотел сказать. Не более. А вот кто что услышал – это вопрос другой.
– Я понимаю, что вы хотели сказать. Прошу принять мои искренние извинения за мой столь неподобающий в приличном обществе внешний вид. Обещаю вам, что как только я высохну – я застегнусь, чтобы не смущать вас, господин архивариус, своим видом!
Ирония в голосе нашего командира превратилась в сарказм.
Аальст вновь беззвучно пошевелил губами.
– Я так понимаю, что смены одежды – нет ни у кого? – задал он вопрос, обращаясь уже ко всем.
Кира плавно развела руками и пожала плечами. Что, мол, сам не видишь? Глаз нет?
– И это значит, вы будете периодически бегать голышом?
– Пока одежда не высохнет – да! – ответила за всех Ки.
Аальст глубоко вздохнул и не глядя сунул руку назад, куда-то себе за голову.
– Одежда!
Под ноги Киры с шорохом упал мешок из светлой ткани.

– Еще.
Рядом с первым упал еще один, но уже серого цвета мешок.
– Там мужское, но я думаю, что вы что-то себе подберете, – сказал он. – Теперь. Тут еда. Хлеб, копченое мясо, сыр, колбаса…
Еще несколько мешочков, уже поменьше, упали сверху на первые два.
– Теперь – полотенца, одеяла, мыло. Все, хватит с вас! Берите и пользуйтесь. Я хочу спать. Ринаата, давай принеси воды, а ты, Анжи, сиди и не дергайся. Обещаю, больно не будет…
Из груди Аальста выскочил тонкий полупрозрачный жгутик и приблизился к моей раненой руке, примериваясь.
«Ну, ничего себе! – изумленно подумала я, переводя взгляд с него на груду мешков и на Киру, круглыми глазами смотрящую на них. – Сколько, оказывается, у него есть всего! А почему он раньше ничего не давал? Он что, жмот?»

Кира

Котелок весело булькал над ярким пламенем костра, распространяя вокруг себя умопомрачительный запах.
Наконец-то будет нормальная еда, подумала я, с удовольствием принюхиваясь и сглатывая слюну. Главная задача командира – это… ну не главная, пусть одна из главных… Подчиненные должны быть сыты! Вот! Полный желудок подчиненного – залог высокого командирского авторитета!
Я улыбнулась, вспомнив курсантские побасенки-поговорки. Ринату я, пусть вне очереди, отправила в караул (нечего ей возле продуктов делать!). Анжи готовила, Илона спала перед заступлением на дежурство после Ри. Любит же она поспать! Я бы не смогла на голодный желудок спать рядом с таким котелком. Аальст с Даной тоже спали, каждый в своем облаке. Короче говоря, все были заняты, все при деле, и никто не мешал мне изучать содержимое мешков с вещами.
Уу-у… Какая рубашечка!
Я вытащила очередную вещичку, встряхнула и, держа ее за плечи, принялась разглядывать. Белый шелк… Вышивка… И длинная…
Я приложила ее к себе, примеряя. Рубаха заканчивалась где-то в верхней части бедер.
Хм… А не оставить ли мне ее себе?
Я попробовала представить реакцию Аальста на появление меня в ней и с голыми ногами. Нарисованная воображением картинка понравилась. Беру! Мне рубашка все равно нужна… Свою-то я порвала! Единственно… пожалуй, стоит сказать об этом Анжи. Чтобы девчонки не подумали, что я молча повыбирала себе все самое лучшее. Впрочем, как старшая пятерки, я имею на это право, но, пожалуй, не стоит так… нагло. Не настолько у меня еще велик авторитет…
– Анж, тебе рубашка нужна? – повернулась я к Анжелине, продолжая прижимать к себе рубаху.
– Рубашка? – вынырнула она из своих мыслей и глянула на меня. – Не… не нужна! Тебе нужнее. Ты же свою порвала…
Молодец! Я в ней не ошиблась! Сказала то, что нужно!
– Тогда я ее себе возьму.
– Ага… тебе идет…
– Как думаешь, если я надену ее на голое тело, Аальст – оценит?
Анж, начавшая было перемешивать еду в котелке, замерла.
– Аальст? – переспросила она и повернула голову ко мне.
– Ага. Помнишь, я тебе про тапочки говорила? Помнишь? А ты не верила. Видела, как он сегодня на меня выставился? То-то! Аж рот открыл. Все просто. Пара тонко спланированных ситуаций – и человек у твоих ног!
– Разве то, что он увидел тебя без одежды, – было спланировано? Мне показалось, что это произошло достаточно случайно… – осторожно выразила недоверие Анжи.
– Ну, почти… спланировано, – пришлось пойти мне немного на попятный. – Но с расстегнутой курткой – все было точно просчитано! Видела, как он смотрел?
– Ну не очень-то он и смотрел, – неуступчиво ответила Анжелина. – Вот когда он первый раз увидел тебя у озера – тогда да, смотрел. А потом – нет.
Я нахмурилась. Она что, завидует мне, что ли?
– Знаешь, – продолжила меж тем говорить Анжи, опять начав осторожно помешивать в котелке и не глядя на меня, – меня беспокоит одна вещь…
– Какая? – наклонив голову к плечу, поинтересовалась я.
– Аальст. Он тебе не кажется странным?

Анжелина подняла взор и уставилась мне в глаза, ожидая ответа.
– Мм… – неопределенно промычала я.
Странный? Да, он очень странный! Мне уже приходила в голову мысль, и не один раз, но командование ими четырьмя и постоянные происшествия как-то не дали мне времени, чтобы неспешно и тщательно все обдумать. Значит, не одна я такая внимательная? Хм… как интересно! А чего именно странного она в нем заметила?
– А что тебе показалось в нем странным? – задала я вопрос, побуждая ее к дальнейшему разговору.
– Да все! – Анжи аккуратно постучала ложкой по краю котелка, стряхивая оставшееся после пробы. – С самого начала. Эта непонятная секретность с Диной Элестрай… странная наша команда… все эти чудеса с говорящими деревьями и рыбами по дороге… А теперь он вообще достает еду и вещи из воздуха и пользуется магией, леча Дану! Обычный архивариус? Правда? Что все это значит?
– Ну-у-у… – протянула я, обдумывая ответ. – Вполне возможно, что каждому названному тобой факту можно найти объяснение. Например, с Диной Элестрай мы с тобой уже выяснили, в чем тут дело… Выяснили ведь, да?
Анжи, соглашаясь, кивнула.
– Вот видишь. Так же и по составу нашей пятерки тоже есть объяснение…
Я окинула критическим взглядом Анжелину и, понизив голос, спросила:
– Скажи… но только честно! У тебя родственницы в верховном командовании есть?
Анж сделала круглые глаза и отрицательно потрясла головой.
– Нет? Правда? Хм… Ладно, тогда… по секрету! В нашей пятерке есть кто-то, для кого ее родня организовала все это. Все – я имею в виду нашу команду. Чтобы этот кто-то не очень выделялся на нашем фоне в плохую сторону. Видно, она тоже не очень хорошо учится… Как и мы… Мне это госпожа старший лейтенант рассказала. Я ее спрашивала. Вот и весь секрет.
– Но я… Я думала, что это – ты! – глядя на меня изумленными глазами, воскликнула Анж. – Я ее тоже об этом спрашивала, и она мне то же самое сказала!
– Что – то же самое?
– Про кого-то! Я и подумала, что этот кто-то – ты! Тебя ведь назначили старшей!
– Не кричи. Назначили, потому что я – самая старшая из вас. И все. И никаких влиятельных родственниц у меня нет. Понятно?
– Да… но тогда… Тогда – кто этот кто-то? – задала вопрос Анжи.
Я задумалась.
– Если это не ты, – медленно произнесла я, – то тогда… может… это… Ри?
– Почему Ри?
– Какая-то она… резкая чересчур. На Аальста постоянно рычит. Может, думает, что родственницы ее защитят, если вдруг что случится? Нам ведь приказали беречь его любой ценой. А она чуть что – сразу за клинок хватается…
– Может… он ей просто нравится? – предположила Анжи.
Высказанная ею мысль про «нравится» мне не понравилась.
– Если нравится, зачем тогда кидаться с кинжалом? – возразила я ей.
– Внимание на себя обращает.
– Так только дуры делают.
– Ну я бы и не назвала ее слишком умной…
Анжелина глянула мне в глаза и улыбнулась. Я тоже хмыкнула ей в ответ, довольная тем, что наши оценки совпали.
– А насчет команды… Я несколько другое имела в виду, – вернулась Анж к начатой ею теме. – Почему мы все – разного возраста? Разве нельзя было набрать команду с одного курса? Пятерку, в которой все друг друга знают. Неужели на каждом курсе есть только одна «разгильдяйка»?
Хм… а ведь действительно, подумала я, на одном моем курсе ведь можно было запросто набрать такую «разгильдяйную команду»… Даже и не одну! Это действительно странно…
– Командованию видней, – уклончиво ответила я.
– Виднее? – хмыкнула Анжелина. – Командование там, а мы – здесь. Дарг знает где, в обществе архивариуса, который только прикидывается архивариусом, а на самом деле – сильный целитель и маг! Маг, которого все считают лишенным сил! Тебя это не настораживает?
– А почему это меня должно настораживать? Просто еще одна тайна, которой мы не знаем… Вот и все. Узнаем, в чем дело, – и сразу все станет понятным.
– Не будь такой легкомысленной, – прищурилась Анжи. – Когда нам говорили, что Аальст – архивариус, нам не врали. Когда говорили, что он потерял силы, – тоже не врали. А он на

самом деле – маг! Значит, выходит, что врет – он! Врет своему ректору, врет своему совету, врет нам и нашим командирам! Всем – врет! Почему он это делает? Зачем? Что скрывает?
– Ну… – начала я и осеклась.
А ведь Анжелина права! Если подумать, то выходит именно так, как она говорит. Получается, что Аальст всех убедил, будто он простой книгохранитель! И все ему поверили! Я, как старшая, должна была об этом догадаться! Не Анжи…
– Как думаешь, что он скрывает? – обратилась я к ней.
– Не знаю, – пожала она плечами, – это может быть все что угодно. Но мне кажется, что это что-то очень серьезное, раз он прячет это не только от нас, но и от своих.
– Мы можем понаблюдать за ним и узнать его тайну, – предложила я.
– Узнать? Наверное. Но… Сколько это может нам стоить?
– В смысле? – не поняла я. – Что значит – стоить?
– Он убил киллоса, – неспешно, словно размышляя, произнесла Анж, держа деревянную ложку над кипящим котелком. – Один убил. Мы бы с этим зверем ни за что не справились. А что сделает Аальст, если узнает, что мы раскрыли его тайну, которую он прячет? Сделает с нами? – уточнила она мгновение спустя.
Я подумала, попыталась представить – и результат моих размышлений мне не понравился.
– Если это очень тайная тайна, то на его месте я бы убила! – коротко сказала я Анжелине.
Та, соглашаясь, кивнула в ответ.
– И что нам теперь делать? – задала я вопрос.
– Ты старшая, ты и думай. Лично я вижу два варианта. Первый – потихоньку уйти от него… Второй… Напасть первыми!
– Ты рехнулась! – возмутилась я. – У нас же приказ – охранять архивариуса, даже ценой своей жизни!
– Сама сказала – архивариуса! А он – неизвестно кто. Не архивариус. Значит, приказ не о нем, и его можно не выполнять. У меня вообще такое ощущение, что нас просто используют для каких-то непонятных целей…
– Не говори ерунды! Командование не могло нас взять и подставить! Просто так сложились обстоятельства. Не сработай этот портал – ничего бы не было!
– Вот именно! А так ему пришлось раскрыть себя. И самое простое для него – избавиться от свидетелей.
– Если бы он хотел нас убить, он бы сделал это сразу. Зачем тогда он Дану лечит, тебя? Еду дал?
– Да, это непонятно, – кивнув, согласилась со мной Анжелина. – Может, я ошибаюсь и ничего такого он не собирается делать. Но все равно мне кажется, нам нужно быть очень осторожными. Не злить Аальста по пустякам. Не расспрашивать. Пусть думает, что мы ни о чем не догадываемся, чтобы в голову ему не пришли всякие мысли. И Ринату нужно осадить. Пусть прекратит к нему лезть.
– Хорошо, – кивнула я, – я ее уйму. Действительно, что-то больно много она на себя берет!
– Мы с тобой – самые старшие, – серьезно глядя на меня, сказала Анж. – Поэтому именно мы должны позаботиться о том, чтобы все вернулись в Эторию живыми и здоровыми. Ты – командир пятерки. Я буду помогать тебе во всем и не только потому, что так велит устав. Но еще и потому, что варги должны быть вместе и вместе побеждать врагов! Кем бы те ни были. Можешь полностью на меня полагаться.
– Спасибо, – кивнув, серьезно сказала я, почувствовав, как от слов Анжелины как-то жарко кольнуло в сердце. – Это правильно. Нам нужно будет сесть вдвоем и все тщательно обдумать. Илона, Ри и Дана еще слишком молоды, чтобы им можно было доверять серьезные вещи. Я поняла все, что ты хотела мне сказать, и подумаю над этим. А сейчас, может, поедим? Ринату сменять пора…
– Готово, – обжигаясь, сказала Анж, пробуя с ложки варившееся в котелке. – Иди буди Илонку, а я пока положу. Остынет. На Аальста оставлять?
Я на секунду задумалась.
– Сама сказала – не злить его по пустякам. Значит, оставлять! Вдруг проснется голодным…
– Вряд ли… Столько не спал…
– Да Сихота маму! – раздался в этот миг над поляной возмущенный вопль Аальста, который должен был спать. – Что же это за гадство-то такое кругом творится?!
Я и Анжи вскочили на ноги и выхватили клинки.
– За мной! – приказала я и побежала на вопль, по пути намереваясь поднять Илону. Но, к моему большому удивлению, на лежанке из ветвей, которую мы использовали в качестве постели, ее не оказалось.
Аальст меж тем продолжал ругаться во весь голос, но уже на каком-то непонятном языке.
– Быстрее! – крикнула я Анжи, устремляясь на шум.

Через секунду моим глазам открылась удивительная картина. Сонная Илона, свесив ноги сидящая в облаке, в котором спал архивариус, и растерянно-недоуменно хлопающая глазами. Рядом с нею – стоящий на земле Аальст, возмущенно вопящий что-то одному ему понятное.
– А! Вот ты где! – заорал он, увидев меня. – Какого дьявола ваши подчиненные не дают мне спать и лезут ко мне в постель? Что это за дела такие?! Какого Сихота ты тут делаешь?! – закричал он уже на Илону, повернувшись к ней.
Та в ответ обиженно надула губки.
– Я хотела, чтобы ты мне ножку полечил… У меня ножка болит… Ты всех лечишь, а меня – нет! А облако – такое мягкое и уютное… На ветках спать жестко… Пришла, смотрю – ты спишь. Я не стала тебя будить. Пожалела. Просто прилегла, полежать рядом… немножко… и уснула. А ты – орешь…
Открыв от изумления рот, я внимала словам этой идиотки. Она что, действительно такая дура, как хочет казаться?
– Иди к себе и спи там! – бушевал Аальст, размахивая руками. – Тебя что, не учили, что в постель к посторонним мужчинам лезть нельзя!? Я же тебя, дуру, чуть только что не тр-р-ра!..
Оборвав себя на полуслове, Аальст вдруг заткнулся и выпучил глаза. На поляне стало тихо.
– С тобой хорошо спать, – серьезно глядя на Эриадора, пояснила Ил. – Мягко и тепло. И сны снятся. Мне они раньше не снились. И ты – не посторонний. Ты мне теперь – кровная сестра. Точнее… брат!
– Чего? – спросил Аальст.
Вид у него стал совершенно обалдевшим. Наверное, как и у меня сейчас.
– Ты смешал свою кровь с моей, – терпеливо, словно слабо соображающему, пояснила ему Илона. – И с кровью Даны. И Ри. И Анж и Киры. Поэтому мы теперь тебе по крови – сестры, а ты нам – брат!
Две секунды мертвой тишины. Все переваривали слова Илоны.
– ДА ВЫ ВАЩ-Щ-ЩЕ ОХРЕНЕЛИ!!! – предварительно набрав полную грудь воздуха, что есть мочи заорал Аальст.

Тетя Эста

– Госпожа Эстела! – В дверь кабинета, без стука, просунулась голова секретаря. – Сообщение от старшего лейтенанта леди Биргит! Степень срочности – сверхсрочно! Курьер ждет в приемной. Пригласить?
– Да, давай! – махнула ей рукой Эста.
– Госпожа полковник! – сделав уважительный кивок, шагнула к столу курьер. – Полчаса назад с голубиной почтой от леди Биргит в ваш адрес получено сообщение с пометкой «сверхсрочно»! Сообщение расшифровано. Прошу принять!
Варга положила на стол узкий запечатанный конверт.
– Квитанцию! – потребовала Эстела, осмотрев конверт на предмет целостности печатей.
Расписавшись в получении, начальница тайной стражи Эторию, кивнув, проводила взглядом курьера, не спеша вскрывать послание. Развитое за годы работы предчувствие подсказывало, что ничего хорошего там ее не ждет.
Надеюсь, без жертв, подумала она, берясь за нож для бумаг, пусть будет без жертв… только без жертв…
Вскрыв конверт, Эста достала листок и быстро пробежала глазами короткий текст сообщения. Потом еще раз.
– Исчез. Исчез вместе с пятеркой… – задумчиво вслух произнесла она. – И… куда? Куда они могли деться?
– …«При исследовании»… «по признакам – использован портал»… – выборочно перечитала она несколько предложений из донесения. – Да что же это такое! Вечно с этим Аальстом – все через одно место! И тут он, похоже, вновь отличился! Пар-р-р-ршивец…
«Так, что нужно предпринять? – задумалась Эста, барабаня пальцами по столу. – Если Биргит не сошла с ума… а там, кроме нее, еще четыре пятерки песок просеивали… Если они все не сошли с ума, то использование портала действительно выглядит наиболее правдоподобно… Хм, работающий портал! После карательной экспедиции маршала Шайву все службы империи буквально на ушах стоят, разыскивая информацию о них. И тут такая удача – именно нам удалось первыми что-то найти! Несомненно, император это отметит. Как бы еще сделать так, чтобы все найденное оказалось только в наших руках? Тогда можно было бы поговорить с Хайме о возрождении академии и просить головы негодяев,

устроивших на нас охоту! Думаю, что мы с ним договорились бы… Эх, хорошо бы девочки не зазевались и вызнали все у Аальста!
Говорят, раньше порталами могли управлять и простые люди, а не только маги. Маги… Проклятые маги! Придется ставить их в известность… Иначе будут вполне обоснованные претензии. Но это ведь не срочно? Не так ли? Было бы гораздо интереснее, если бы наши поисковики оказались там первыми. Если не говорить магам про голубиную почту, то на лошади из Серых пустошей до нас дней десять. День на принятие решения, потом почти две недели до столицы… Считай – месяц. Да и там, в столице, пока раскачаются, пока соберут новую экспедицию, пока доедут… Еще месяц как минимум. А скорее, зная этих магических выскочек, – два! Вот, считай, три месяца и набежало… Думаю, нам, чтобы досконально там все изучить, этого времени должно хватить. Поисковики с артефактами частенько имеют дело, может, что и узнают, чем Дарг не шутит! Узнают – будет чем с императором торговать. Еще туда можно кого-нибудь из хранительниц Цитадели послать. В усиление… Точно, так и сделаю! В ближайшие два дня нужно будет всех отправить… Надеюсь, Аальст и пятерка Киры целы и невредимы. Иначе… Иначе – будет плохо! Всем. Но мне почему-то кажется, что с Аальстом ничего не случилось и он жив-живехонек. Проныра еще тот! И девочки живые, если они с ним. Жаль, что Биргит с ними не попала. Все связи, пароли и инструкции – у нее. Но, возможно, так лучше. Мешать не будет. Все-таки слишком она взрослая для их компании. Я же так первоначально и планировала – пятерка молодых и Аальст. Но пошла на поводу у замов… Однако жизнь расставила все на свои места, сделав так, как я хотела. Значит, я была права!»
– Ну что ж, девочки! – бодро вслух произнесла Эстела, кладя перед собой на стол чистый лист бумаги. – Все теперь в ваших руках! И ваше личное будущее, и будущее Этории. Будьте умничками – приведите мне на веревочке этого теленка! С его знаниями и его… гм, колокольчиком! Приведите, и вы не пожалеете…
«А еще хорошо бы вас каждой было бы уже две…» – подумала про себя Эста и обмакнула стило в чернила, готовясь писать план действий.

Кира

Пару минут назад удалось наконец успокоить вопящего Аальста и уговорить его залезть к себе, чтобы поспать дальше. Но на это ушло минут десять. Чувствую, не будь он таким невыспавшимся – этими минутами он не ограничился бы. Но высказать он успел за них, похоже, все! И главное – мне! Я – крайней оказалась!
– А теперь скажи, какого Дарга ты все это устроила?! – отойдя в сторону, резко спросила я Илону, чувствуя переполняющую меня злость.
– Что – устроила? – удивилась та.
Вот зараза! Спрашивает еще! И вид такой – будто так и не проснулась, – сонный. Ни орущий Аальст не смог ее разбудить, ни предстоящие разборки с командиром пятерки. Ну я тебе сейчас устрою, соня!
– Что за чушь ты там устроила с этой глупой болтовней о крови? Ты что, разве не знаешь, что названными кровными сестрами просто так не становятся? Нужна клятва! Какая была клятва, когда он у нас кровь брал? Вообще ничего не было! Ты что – дура?!
– Можно и без клятвы, – никак не среагировав на мое высказывание об ее умственных способностях, ответила Ил. – Как Алико и Адель!
– Что Алико и Адель? – не поняла я.
– Как в легенде.
– Какой легенде?
– По легенде, Алико и Адель были очень дружны, – вздохнув, начала рассказывать мне стоящая рядом Анжи. – Однажды они вместе сражались в отряде, защищавшем перевал от превосходящих сил врага. Силы были неравны. Бой длился три дня и три ночи. Алико и Адель были много раз ранены, они перевязывали друг друга, и их одежда и повязки пропитались кровью друг друга. К концу второго дня из отряда в живых остались только они одни. Но они вдвоем еще почти целый день защищали стену и смогли продержаться до прихода помощи. Подошедший отряд варг обрушился на измотанного врага и уничтожил его полностью! Ко всем наградам, полученным Алико и Аделью, тогдашний совет Этории постановил считать их кровными сестрами…
– Вот, – с обвиняющими нотками в голосе произнесла Илона, обращаясь ко мне, – видишь? Можно и без клятвы! Они ведь не клялись. Значит, для того чтобы стать кровными сестрами, нужно сражаться против общего врага, победить, обменяться кровью и помочь друг другу выжить. Все как у нас! Поэтому совет Этории, на примере Алико и Адели, может назвать нас с Аальстом кровными сестрами!

От такого обоснования идиотизма у меня буквально челюсть отпала.
– Но ведь он же только брал у тебя кровь! Он ничего тебе не возвращал! – нашла я брешь в ее логическом построении.
– Ну и что? – легкомысленно ответила идиотка. – Но ведь брал? Брал. А потом он ее Дане отдал? Отдал! В ней вся наша кровь – смешалась с его кровью. Смешалась ведь? Смешалась! Значит, все правильно.
– Но ведь в тебе его крови нет, дура!
– Ну и что? – пожала она плечиками в ответ. – Какая разница, где кровь смешалась? Если уж так хочешь – Дана встанет, попрошу ее пальчик уколоть и себе уколю. Прикоснусь – вот кровь его в меня и попадет! Все будет честно!
Илона лучезарно улыбнулась.
«Она – не идиотка! Она ею только прикидывается!» – поняла я, и эта мысль поразила меня в самое сердце.
На самом деле она – расчетливая стерва! Стерва, которая подставляет других, идя к своей цели! Меня она уже подставила! Аальст на меня сколько орал? А та, которая все это и устроила, стояла рядом и делала вид, что ни при чем. Вот… гадина!
– Зачем это тебе? Зачем ты это придумала? – хмуро спросила я, борясь с желанием дать ей оплеуху.
– Зачем? – удивилась Илона. – А что, вам разве такая сестра не нужна? Маг, лечить умеет… Представь, что будет, когда мы вернемся и в Этории об этом узнают! Тем более что он на самом деле не сестра, а брат! И от него рождаются двойняшки…
– Так вот ты куда нацелилась! – воскликнула Ри, до этого не участвовавшая в разговоре и слушавшая эту ахинею с весьма хмурым видом. – И как же ты собираешься его делить? На всех?
– Ну поделим как-нибудь, – игриво улыбнулась Илона, – мы же сестры!
– Мне сестра-хитрошлюха не нужна! – громко, во всеуслышание объявила Рината. – Зачем в семье блудливая коза, которая к чужим зверушкам в постели лазает?
– Бац!
Ри попыталась увернуться, но кулак Ил угодил ей прямо под правый глаз, сбив с ног. Секундная пауза, Ри поднялась с земли.
– А сейчас у меня… сестра умрет! – пообещала она и, завизжав так, что у меня заложило в ушах, кинулась на Илону, ловко увернувшись от ее удара. Девчонки сцепились, упали и принялись драться, катаясь по земле, крича и визжа при этом, словно две ненормальные кошки. Я на них орала, приказывая прекратить, – но все было бесполезно! На мои приказы и угрозы они не обращали никакого внимания, завывая и катаясь по траве. Пришлось лезть разнимать. Будь у Анжи нормально с рукой, мы бы вдвоем их быстро растащили, а вот одной мне сделать это было сложно. Я пару раз получила от кого-то по голове, меня дернули за волосы и несколько раз пнули, но разнять их у меня не получалось.
Внезапно неизвестная сила выдернула у меня из рук Ринату, которую я тащила за ноги, и вздернула ее в воздух. Точно так же рядом, дрыгая руками и ногами, над землей повисла Илона.
– Гляжу, вы решили сразу показать все, на что только способны? – раздался сзади недовольный голос, в котором, однако, слышалась ирония. – И правильно, действительно, чего мелочиться? Взялись – так уж нужно делать до конца!
Я обернулась, сидя на земле, – Аальст! Лицо хмурое, и руки с растопыренными пальцами вытянуты вперед.
– Леди начальница, – обратился он ко мне, – объясните, пожалуйста, – какого вашего Дарга тут происходит? Почему мне вновь мешают спать? Почему меня и раненую никто не охраняет? Почему вы шумите на все окрестности? Вы что, хотите приманить на свои визги всех хищников в округе? Вы что – с ума сошли?
– Э-э-э-э… – только и смогла я ответить.
А что тут скажешь? Действительно, сумасшествие какое-то!
– Они умеют плавать? – спросил он, мотнув головой на трепыхающихся в воздухе Ил и Ри.
– Э-э-э-э… Да!
– Отлично! Уверен, что им не помешает немножко освежиться…
С этими словами Аальст зашагал вниз по лугу, к близкой кромке воды. Ри и Ил, взятые за шкирку, поплыли следом за ним, вися в воздухе слева и справа от него.
– Бздыщщщщ!
Первой в озеро, завизжав, полетела Илона, подняв здоровенный столб воды. Следом, но уже молча – Рината.
– Ну вот, – удовлетворенно обернулся ко мне Аальст, за которым мы с Анжи шли следом до берега, – теперь можно и поспать!
Он похлопал ладонями, словно отряхивая их.

– И блох не будет, – добавил он.

Эри

Кожа… Нежная и гладкая на ощупь… Теплая… Тысячи невидимых обычному глазу капилляров пронизывают ее. Кровь сквозь них отдает коже свой цвет, делая ее розовой. Кожа… Нежная кожа…
Моя правая кисть с чуть раздвинутыми пальцами медленно, едва касаясь кончиками подушечек, скользила по левой груди Даны наискосок и вниз, начав свой путь от ключицы. Дана, почти полностью закрыв глаза, смотрела мне в лицо из-под своих черных, чуть трепещущих кончиками ресниц. Кожа… такая тонкая… И такая «толстая»! Сколько в ней сосудов! Просто обалдеть!
Моя рука продолжала неторопливо двигаться вниз. Напротив, с другой стороны лежащей Даны, стояли варги и наблюдали за моими действиями. Я чувствовал, что-то им не нравится. Особенно Ринате. Уже даже немного оскалилась. Но мне – плевать. У меня другие заботы. Несколько минут назад состоялся разговор.
– А что, так не сойдет? – спросил я Киру, мотнув головой в направлении ран. – Разве у вас нет варг со шрамами? Одной больше, одной меньше… Да и шрамы-то какие – от демона пустоши! Чай, не от ножа в пошлой кабацкой драке. Да за такие шрамы можно боевое прозвище получить! Например, Дана Шрам или Дана Четыре Шрама! Как? Э… не… да? Точно нет?
Дана в ответ зажмурилась и молча отрицательно затрясла головой. А Кира принялась пространно объяснять, что красота – вещь совершенно необходимая для варги, и если можно что-то сделать, то она, как глава пятерки и представитель Этории, очень просит за свою подчиненную, и что по прибытии в Эторию мне будут выплачены деньги за лечение как лекарю самого высокого ранга…
А еще есть вариант прозвища «Дана Рваная Сиська», подумал я про себя, краем уха слушая Киру и разглядывая правую грудь Даны, как-то прилепленную мною назад. Кожа – это… кожа! Мне так и не свели следы Динкиных зубов с руки. Сказали – нужно было в первые три дня делать. А теперь – все! Кирдык. Так и хожу с «зубами»! Три дня… А сегодня у Даны второй день после ранения. Если заниматься «пластической хирургией», то самое время. Или не заниматься… совсем. Может, сказать, что не умею, мол? Да и покончить с этим? Тем более что у нее все внутри «на живую нитку схвачено». Чувствую, свяжусь – бессонные ночи мне обеспечены…
И тут я встретился своим взглядом со взглядом Даны. Лежит, молчит, ничего не просит, только пристально смотрит своими пронзительными глазами.
Секунды три я посмотрел в них, затем выругался про себя, послал ее и всех варг к Сихоту на эротвечеринку (чтобы он их там всех в самой неприглядной форме!) и взялся «смотреть» – что я могу сделать с ее кожей? При этом у меня было отчетливое ощущение, что позволяю сесть себе на шею и иду на поводу. Причем на кой мне это нужно – совсем не понимаю.
Ладно, потренируемся в целительстве, сказал я себе.
И вот мои пальцы медленно, едва касаясь тела, ползут вниз, запоминая. Кожу запоминая! А не что-то там… Не знаю почему, но я уверен, что именно так должен делать… Ох, уж мне это «безрассудочное пользование данными»! Проклятая Алатари!
Моя рука тем временем проскользила по Даниному плоскому животу и спустилась к лобку, туда, где заканчивается самый правый, крайний шрам. Внезапно коснувшееся моего слуха шипение отвлекло меня от процесса. Поднимаю глаза – Рината! Глаза-щелочки, верхняя губа задрана, аж клыки торчат! И шипит!
«Чего это она?» – озадачился я вопросом, но спустя мгновение дошло. Не нравится, что я делаю. Точнее – где находится моя рука. Вот дура, я же лечением занимаюсь, идиотка трехнутая! И она и Илона – две полные идиотки! Даже еще неизвестно, у кого пальма первенства по идиотизму. Вторая – так вообще номер вчера выкинула. Сплю себе после бессонной ночи, никого, как говорится, не трогаю, и вдруг мне снится сон! Яркий такой сон, в котором я кого-то обнимаю со спины. И этот, которого обнимаю, такой… какой-то… волнующий, вкусно пахнущий, приятный на ощупь. И что-то я хочу… Что-то мне нужно такое… Я начинаю расстегивать пуговицы на одежде этого… И тут просыпаюсь! Все – как во сне! Обнимаю, мягкий, расстегиваю! Илона! Прижалась ко мне спиной и тоже спит! Я как психанул! Так психанул, что позорно орал во весь голос, что совершенно не подобает моему статусу. А потом, когда на мои вопли прибежали все остальные, Ил меня вообще в транс ввела – заявила, что я им теперь брат! И эти промолчали. Глазками полупали, головами покивали – мол, именно-именно, да-да-да! Вообще охренели! Я им так и сказал.

Даже, говорю, и не надейтесь! Ну и что, что кровь смешалась? Это было сделано исключительно в медицинских целях, для поддержания жизни, а не от непреодолимого желания стать каким-то «названым братом»! И плевать я хотел на ваши дикарские обычаи! В Эсферато таких обычаев нет, и поэтому знать не знаю и ведать не ведаю! Так им всем открытым текстом и сообщил. Возражать не стали. Кира сказала: «Да-да, конечно, разумеется, прошу прощения», – и все такое, что в таких случаях бормочут. После чего я понял, что я, орущий, выгляжу мелко, заткнулся, мысленно всех послал и, кипя внутри, вновь залез к себе в палатку с намерением успокоиться и продолжить прерванный сон. Залез. И установил вокруг себя «круг тишины» и «щит», дабы никто меня больше не побеспокоил. Минут пять успокаивался (хоть спать сильно хотелось, но сон с Ил упорно вспоминался) и наконец вроде начал задремывать, но тут на краю сознания проскочила мысль – а что, если их по новой убивать будут? С моим «кругом тишины» – они ведь до меня не доорутся и не достучатся! Блин! Секунд десять боролся с желанием «забить», ничего не делать и спать дальше. Плюнул, проснулся – убрал заклинания. И тут же мне в уши – визг и вопли! Сначала решил – опять какая-то дрянь голодная пообедать решила. «Прислушался» в ментале – нет, тут иное! Матюгнулся, вылез, пошел смотреть. Сначала, увидев, решил, что Илону наказывают. В целях воспитания. Потом гляжу – ба, драка! Да такая энергичная, что Кира их растащить не может. Посмотрел я, посмотрел – увидел, как она за компанию получила коленом по голове, – и решил вмешаться.
Пожалуй, час еще визжать и кувыркаться будут, подумал я тогда о них, зря я им продукты давал. Это только с виду они – отощавшие, а на самом деле – ишь, что творят, зубастые! Короче, разнял их и покидал в озеро – остыть. Стою на берегу, жду, когда вылезут. Может, еще раз нужно будет окунуть? Дождался! Первой, недалеко от меня, из воды выбралась Илона. Остановилась на краю берега, даже не глянув в мою сторону, закинула голову, прогнула спину и принялась обеими руками отжимать волосы. Через пару мгновений я поймал себя на том, что смотрю на нее круглыми глазами. Глаза я сузил, но тут Илона совершенно спокойно быстро расстегнула свой камзол, сняла и, оставшись в белой мокрой рубашке, прилипшей к телу, взялась отжимать уже его. Теперь у меня отпала челюсть. Наверное, недосып и усталость как-то ослабили контроль моего «я» над телом, подумал я, щелкнув зубами «подобранной» челюсти, что-то больно часто я стал «зависать»…
Тут, следом за Илоной, из озера выбралась Рината. Похоже, плавала она хуже, чем Ил.
– Шмара… мокрая, – уничижительно высказалась мокрая Ри, проходя мимо Ил, в ее сторону.
– От мокрой шмары слышу, – мгновенно отреагировала та, – я еще поговорю с тобой… сестра!
– Жду не дождусь! – отозвалась Ри.
Но ко мне ни у кого из варг претензий не возникло. Хотя вот он я, рядом стою. Сделали вид, что меня тут как бы нет. Сей факт несколько озадачил и насторожил. Чего это они? Признали за главного? Что-то быстро… А вот сейчас, когда я лечу Дану, Ри опять шипит в мою сторону… Больная, что ли?
– Пасть захлопни, – глядя ей в глаза, сказал я, – я тут лечением занимаюсь, а не подругу твою лапаю. Нужно будет для ее лечения любовью с ней заняться – займусь, как целитель. А ты – мне поможешь, если будет в том нужда! Поняла?
Рината захлопнула рот и вдруг неожиданно ярко покраснела и отвела взгляд.
– И вообще, – повернулся я от нее к Кире, держа при этом ладонь на внутренней стороне бедра Даны (какая тут нежная кожа!). – Мне кажется, у ваших подчиненных слишком много свободного времени. Вы считаете, что одного человека в охранении достаточно? Почему вы все столпились здесь? Что, разве тут дают представление?
– Дана – член моей пятерки, – нахмурившись, ответила она, – и я хочу знать, как у нее дела. Как старшая, я имею на это право. Рината и Анжелина – ее подруги и вместе служат. Они тоже имеют право посетить раненую. Что касается охраны… Черный киллос – очень опасный и свирепый хищник, строго охраняющий свою территорию. Поэтому я уверена, что других хищников тут нет. А если появятся – то не скоро. Исходя из этого, потребности в усиленной караульной службе нет. Исследовать территорию – тоже нет возможности ввиду наличия в пятерке раненых. Поэтому занимаемся текущими делами, ждем выздоровления Даны…
– Угу. Понятно. У всех есть масса прав при минимуме обязанностей. Замечательно, просто замечательно! Но хоть что-то вы могли бы сделать? Прикинуть, например, куда мы попали? Вам что, это вообще неинтересно?
– Как это – прикинуть? – не поняла Кира.
– Да хоть по небу! Разве вас не учили ориентироваться по звездам?
– А вас? – задала она встречный, совершенно наглый и дурацкий вопрос. Они что, думают, что я за них буду все делать? На фиг они мне тогда нужны!

– Меня учили магичить, – начиная злиться, ответил я, – претензии к моим умениям есть?
– Нет, никаких претензий нет! – быстро ответила начальница пятерки, видно, уловив мое настроение.
– А если нет, то тогда я вправе ждать от вас и вашей команды посильного вклада в наше совместное времяпрепровождение! Прошу определить, пусть примерно, где мы находимся и в какую сторону следует возвращаться! Вам понятна моя просьба, леди Кира?
– Да-да, конечно. Только сейчас день. Придется дождаться ночи, когда появятся звезды!
Я хмуро несколько секунд смотрел на нее. Отмазалась? Вместо того чтобы исследовать портал, я занимаюсь какой-то ерундой, леча посторонних варг, а они, понимаешь, в благодарность бездельничают! Зря я проявил гуманность, ой, зря! Не нужно было им ничего давать. Пусть бы корешки копали да лягушек у озера ловили. Решение дать еды и одежды, чтобы они от меня отвязались, на момент его принятия казалось самым простым и быстрым. Но быстрые решения – к сожалению, не всегда самые правильные. Потом приходится о них жалеть. Как, например, пожалел сейчас я…
Сихот! Что я делаю?!
Пока я высказывал «фи» одной варге, мои пальцы легонько поглаживали с внутренней стороны бедра ногу другой варги, явно получая удовольствие от прикосновений.
Я бросил быстрый взгляд на троицу, стоящую передо мной. Лица у них были сосредоточенными и хмурыми. Размышляющими. Я взглянул на Дану. Все тот же молчаливо-внимательный взгляд из-под длинных ресниц. Ни звука. Неторопливым, плавным движением, дабы не обратить на него внимание группы, я убрал руку от ее ноги.
– Леди, вы мешаете мне проводить лечение, – сказал я старшей пятерки, желая избавиться от глазеющих.
– Да, мы сейчас уйдем, – кивнула Кира, – и не будем беспокоить. Единственно, у меня есть к вам просьба…
– Какая? – сухо поинтересовался я.
– У нас заканчиваются продукты…
Она не договорила, предлагая мне догадаться самому.
– И? – прикинулся я валенком.
– Не могли бы вы… помочь…
Просьба о помощи давалась начальнице варг явно с неким трудом. Неприученные, видно, у людей помощи просить, понял я так для себя это затруднение.
– А что, охотиться вы разве не умеете? – делано удивился я.
– У нас, кроме шотанов и кинжалов, ничего нет. А с таким оружием не поохотишься. Да еще киллос, похоже, всю живность сожрал в округе. Никого крупного не видели…
– Отлично! Значит, охотьтесь на мелких. Выкапывайте из нор кроликов и вытаскивайте из дупел белок. Это поможет вашим подчиненным потратить кучу сил, которые они в данный момент растрачивают на драки, явно не зная, куда их деть!
Кира поджала губы и нахмурилась еще больше.
– И учтите, – добавил я, – раненой необходимо усиленное питание. И обеспечить его – ваша прямая обязанность, как старшей. Эта обязанность идет в связке с вашим правом интересоваться у целителя здоровьем вашей подчиненной.
Кира вообще посмурнела лицом.
– Если ко мне больше ничего нет, тогда давайте расстанемся на какое-то время. Кожа – штука тонкая и требует кропотливого и тщательного подхода в лечении. Идите!
Кира, кивнув, развернулась и пошла. Рината и Анжелина пошли за ней. Я немного посмотрел им вслед, затем перевел взгляд на Дану, встретившись с нею глазами. Секунду она смотрела на меня, затем, не издав ни звука, смежила ресницы.

Поздним вечером того же дня

На небольшом пригорке – четыре темные фигуры сидели, задрав головы в звездное небо. Фигуры шепотом спорили, наклоняясь друг к другу и тыча вверх руками.
– Раз, два, три и вон четвертая – хвост! Это Скорпион!
– Какой скорпион? Ты вообще, что ли, Анж? Это Воин! Видишь – раз, два, три, четыре – это рука! А те звезды – это меч в ней! Видишь? Это созвездие Воина!
– Рината, а разве это не Корона? Созвездие Короны, я хотела сказать.
– Не-а! Корона – вон там!
Одна из фигур повернулась и показала рукой в другую сторону небосвода. Головы дружно развернулись в указанном направлении. Секундная пауза.
– М-да, – раздался скептический голос Киры, – а по-моему, это «ковш»!
Еще несколько секунд молчания. Озадаченного.

– Вообще-то да… похож… – наконец неохотно признал голос Ри.
– Тогда это Скорпион!
Головы развернулись в другую сторону.
– Наверное, да, – согласилась Кира после еще некоторого времени созерцания предложенной интерпретации расположения звезд. – И что?
– Что «и что»?
– Чем нам это поможет?
– Ну…
– Дарга гну!
Молчание.
– Что, никто не знает? – голос Киры.
Хмурое молчание.
– Я на всякий случай лекции взяла… – Анжи.
– И где они, эти лекции? – злая Кира.
Опять молчание.
– Может, Дана знает? – Илона.
– Точно, точно! Дана знает! – вскричали Анжи и Ри с радостью в голосе.
– Совсем… уже, что ли? На первом курсе этому не учат! – образумила их Кира.
– А, ну да… – вяло проговорила Ри.
– Отличниц-ц-цы, – процедила сквозь зубы Кира, – ладно, сама разберусь!
– Карта нужна, – с оправдательными нотками в голосе произнесла Анжи, – без карты… сложно.
– А то я не знаю, что нужно! – огрызнулась Ки. – И давайте, думайте, где еду брать будем. Завтра все кончится!
– Ты старшая – ты и думай… – пробубнила Рината себе под нос, но так, чтобы слышали все.
– Так, я не поняла, боец?! Это что, неповиновение? Я поставила задачу! Твоя задача – выполнять! Твое решение? Отвечай!
– Нужно обрить Илону, а из ее волос наделать силков и поймать кролика!
– От… сука… – это Илона.
– Отставить! Хм… А хорошая идея. У нас же есть нитки! И куртку Даны можно использовать. Тоже распустим и сделаем силки. Все равно ее только на выброс. Хорошо!
– Она в крови. Кролики будут чувствовать. Не пойдут… – вновь Илона.
– Отстираем! Вот ты этим и займешься завтра.
– Я? – в воздухе нарисовалось удивление.
– Ты! Тебе за то, что с Аальстом учудила, вообще карцер нужно было дать. Суток на пять.
– Карцер? За что? – вновь искренне удивилась Илона.
– За то самое. Сама знаешь. За покушение на чужое имущество.
– Ничье он не имущество. Дина от него отказалась.
– Она тебе об этом сказала?
– Нет. А что – должна была? И так яснее ясного! Если мы подписали договор «О неразглашении», то получается, что она не хочет, чтобы он о ней знал. Значит, видеться с ним больше не собирается. Значит, он свободен для «охоты».
Повисло задумчивое молчание.
– Дурами будем, если такой момент упустим! Прибрать к рукам мага, целителя, дворянина, да и вообще – симпатичную «зверушку», с которой можно делать много чего интересного! Над нами же все смеяться будут, если узнают, что мы ничего не предприняли!
– Как же ты собираешься его прибрать к рукам, – хмыкнула Кира, – он же как раз «зверушкой» и не станет! Дина уже пробовала.
– Ну нас много, а она одна была. Да и потом, зачем «зверушка»? Ведь можно же и по-другому. Любовь. Чем плохо? Были же случаи, когда люди жили с варгами, не становясь «зверушками»? Были! Редко, но случалось. Пусть он любит нас, а мы будем позволять ему это делать. Тогда он для нас все и так сделает. И проживет дольше!
– Все… это что? – сделав паузу между словами, спросила Кира. В темноте было не видно, как она прищурилась.
– Вот представь, что нам будет, если мы приведем в Эторию мага, который умеет делать, ну, скажем… «особые пятерки»? Он же – темный! А? Думаю, Эторию это пригодится.
Ошеломляющая тишина.
– Да ты что несешь, Дарг тебя побери! – выдохнула, придя в себя, Кира. – Это же – измена! «Особые пятерки», не присягнувшие императору? Да ты знаешь, что за такие речи можно головы лишиться, дура?
– Или сорвать очень большой куш, – ничуть не испугавшись, спокойно ответила Илона. – Только подумайте, какова будет наша награда, если у нас получится! А? И звания, и

ордена, и деньги… и «зверушка» благородная! Не знаю кому как, а мне каторжники ну никак не нравятся!
И вновь – тишина. Все прикидывали открывающиеся перспективы.
– И главное – риска никакого нет! – продолжила убеждать Илона. – Нужно только улыбаться ему побольше, хвалить и казаться слабыми. Пусть помогает, думая, что мы без него пропадем. Да и в рубашках почаще ходить. Видели, как он реагирует? И все! А не выйдет – ничего такого мы не делали! Просто ходить было не в чем, а с Аальстом – поддерживали хорошие отношения. Как с членом команды…
– Что же ты, умная такая, сама это не провернула, а? – с угрозой в голосе произнесла Рината.
– Я не жадная, – щедро ответила ей Илона, – тут на всех хватит! А одной будет сложно. Лучше сразу договориться, чтобы соперничества не было. Попадется какая-нибудь овца вроде тебя – все испортит!
– Кем ты меня назвала?
– С ушами плохо? Не нужно тебе – так че ты другим все портишь? Сядь в сторонке и сопи в две дырочки! А то ни себе ни людям! Так только овцы дурные поступают!
– Да я тебя щас…
– Отставить! – прикрикнула Кира. – Ил! Ты вообще понимаешь, что ты несешь? Ты соображаешь вообще?
– Соображаю. Я думаю, это тот шанс, который выпадает раз в жизни. И упускать его не намерена. Если вы не хотите – ваше дело. Только не мешайте мне тогда.
– Не мешайте? – хмыкнула Анжи. – После того, как ты все всем выболтала? Мы теперь в одной команде. Сейчас тебя только удавить и делать вид, что никто ничего не слышал. Либо делать, как ты говоришь.
– А давайте вместо меня лучше Ринату удавим? – предложила Илона. – Она Аальста бесит. Это совершенно нам не нужно.
– Я тебя первой и удавлю, фальшивка поганая! – пообещала Ри.
– Всем – молчать! Молчать и слушать меня! – рявкнув, приказала Кира, прерывая прения по вопросу «кого душить первым?».
– Никто… ничего… – Сделав паузу и обведя всех взглядом, она продолжила: – Не слышал! Ясно всем? Никто и ничего! Илона ничего не говорила! Ни про Аальста, ни про «особые пятерки»… Короче, вы поняли! Всем молчать! Ясно?
– Ясно… ясно, ясно, – нестройно отозвались три голоса. Илона при этом слегка хмыкнула.
– А раз ясно, сейчас будем решать вопрос, который решали до этого. Как определить – где мы?
– А чего тут сложного? – с некой язвительностью в голосе спросила Ил. – Мы – в пустыне!
– Если ты думаешь, что это остроумно, то ты ошибаешься! Если такая умная, скажи – куда нам идти?
– А зачем – идти? Лично я никуда не тороплюсь! Чем дольше мы будем с Аальстом, тем лучше.
– Ты опять за свое? Я тебе что только что сказала?
– Виновата, госпожа старшая пятерки!
– Ну разве она не сука? – спросила Ри.
– Я могу завтра подойти к Аальсту и сказать, что мы заблудились, и попросить помочь, – предложила Ил, никак не отреагировав на последнюю фразу Ринаты. – И все! Какие в этом проблемы?
– Унижаться перед человеком… фу! – дернула плечами Рината.
– Кто же виноват, что ты такая дура и спала на занятиях? Знала бы астрономию – мне не пришлось бы за тебя завтра идти просить, унижаться.
– Я спала?! А сама-то ты ее знаешь?
– Заткнитесь обе, – приказала Кира, – с ним я поговорю сама. Что будем делать с продуктами? Силки – это хорошо, но, может, что-то еще? Вдруг ничего не поймаем?
– Я подойду к Аальсту и попрошу… – предложила Илона.
– Да ты двинулась на своем Аальсте! – перебила ее Рината. – Может, тебе просто хочется, чтобы он тебя трахнул? Ну так и скажи! Че всем мозги-то сушить какими-то заговорами!
– …Попрошу удочку и наловлю рыбы, – закончила фразу Илона и повернулась к Ри. – Если ты, дурочка, чего такого еще раз скажешь, то я не посмотрю, что мы вместе учимся. Пришлю вызов по всем правилам – и Дарг нам тогда кто помешает на арене! Тебе ясно?
– Не больно-то и страшно…
– Молчать! Вы мне надоели! Одну чушь несете! Обе! Всем – спать! Ри – дежурит, сменяет ее Анжи. Дальше – по порядку, как обычно! Спать! Отбой!
– Ну… спать так спать, – сказала Ил, поднимаясь на ноги.

Сладкая парочка

– Одна из всех нормальная, – произнес Марсус, кивком указав на Илону. – Остальные – идиотки.
– Нормальная? – хмыкнула Мирана, иронично приподняв тонкую бровь. – Скорее, практичная. Ты это хотел сказать?
– Нормальная, практичная… Разве это не слова-синонимы?
– В какой-то мере да, о великий бог войны! В какой-то мере – да. Но где же тогда любовь?
Марсус перевел взгляд на смеющуюся богиню любви и нахмурился.
– Что ты имеешь в виду? – спросил он.
– Ровным счетом ничего. Совсем нечего… Кроме того, что в мире практичного порядка мне места нет.
– Не понял. Это ты у Хель нахваталась, что ли? Какие-то умные рассуждения ни о чем. Толку с которых – никакого!
– Не ворчи.
Мирана подошла к Марсусу и с удовольствием похлопала маленькой ладошкой по его могучим грудным мышцам.
– У меня сегодня хорошее настроение, – улыбнувшись, сказала она, – могу я побыть умной? Хоть иногда?
– Умная любовь? – тоже громко хмыкнул Марсус, с удовольствием глядя сверху вниз на макушку с золотыми волосами. – По-моему, это несовместимое сочетание. А что за цветы у тебя сегодня в спальне?
– Любовь бывает разная. А цветы… Я еще не выбрала!
– Тебе помочь?
– Ты предлагаешь свою помощь в выборе цветов? Вот уж воистину война тоже разная бывает!
– Так же, как и любовь. Ну так как? Помощь требуется?
– Знаю я, чем она закончится… Нет, у меня сегодня не то настроение. Пожалуй, лучше я посмотрю, как ты что-то предпринимаешь. Мне нравится смотреть, как ты что-то делаешь. А знание того, что ты «ходишь по краю», придает этому… э-э… интригующий момент.
– Так ты что, ждешь, когда меня «хлопнет»? Чтобы посмотреть? – возмутился Марсус.
– Ну что ты, Марсик, как ты мог такое подумать! Большой, сильный мужчина занят трудным и опасным делом. Рискует собой, спасая всех! Настоящая мужская работа. Знаешь, как это восхитительно смотрится со стороны!
Нахмурившееся было лицо Марсуса разгладилось, и бог войны широко и горделиво улыбнулся, расправив плечи.
– А еще более восхитительно, – продолжила Мирана, – знать, что, стоит мне захотеть – и этот герой бросит спасать мир и пойдет со мной выбирать цветочки… для моей спальни.
Мирана ослепительно улыбнулась. Марсус выдохнул и «сдулся».
– Так и знал, что ты что-нибудь да скажешь эдакое. Не можешь просто так!
Хоть бог войны и постарался произнести эти слова хмуро и сердито, но от улыбки удержаться не смог.
– Все вы – собственницы. И они, – мотнул он головой в сторону варг, – и ты!
– А ты прямо этого не знал, – хмыкнула Мирана. – Мне вот интересно – как они его делить собираются?
– Аальста? Ну Илона уже предложила – всем поровну, по-честному.
– Да-а? Варги – и поровну? Мужчину? Ха-ха-ха! Забавная шутка!
– А что? Разве не выйдет?
– Еще как не выйдет! Скорее получится «так не достанься же ты никому!».
– Ты думаешь? – неподдельно заинтересовался Марсус. – Может, так и случится?
– Да запросто! Они же, варги, в делах любви с головой совсем не дружат. И собственницы, как ты говоришь, дикие. Если вещами или едой – поделятся, без вопросов, то любовь и дети – у них святое. Горло перегрызут!
– Хм… Ссора с поножовщиной… Проигрывающая убивает Аальста, чтобы не дать восторжествовать сопернице… Отличный ход! Единственно – нужны сильные чувства, переживания! Ми, добавишь им огня? А то что-то они какие-то… Расчетливые! Нет бурления страстей!
– Даже и не думай, – сделала рукой отрицательный жест богиня любви. – Я уже надобавлялась! Пусть сами варятся!
– М-да… Жаль, жаль. Так бы они быстрее в глотки друг другу повцеплялись…
– Может, и до этого дело дойдет. Просто нужно подождать…
– Не люблю я ждать! Слушай… а ведь это мысль!

– Какая?
– А не починить ли мне еще один телепорт… А?
– Ну почини… Только куда?
– В одно очень интересное место. Где монстров выращивали…
– Хочешь, чтобы его там сожрали? А пророчество? Не боишься?
– Да никого там уже почти нет. Разбежались давно.
– Тогда не очень понятно – зачем? Аальст с киллосом справился. Или там что, сильнее будут? Сейчас избранный с варгами сидит посреди пустыни, пешком не выйти… Ну и пусть сидят, друг другу надоедают… Чем-нибудь да закончится…
– Там мутаген остался!
– Мутаген?
– Да. Порошок, который, собственно, и преобразует тела.
– Что, до сих пор действует? Не верю. Сколько времени прошло. Наверное, уже одна пыль осталась.
– Нет. Изготовленный мутаген быстро портится и теряет свойства. Поэтому хранят его с помощью заклинания «вечность». Уверен, ничего с ним не случилось.
– Откуда ты знаешь?
– Это же оружие. А про оружие я знаю все! Где что лежит и у кого.
– Действительно, нашла о чем и у кого спрашивать! И что же ты хочешь, чтобы случилось?
– Пусть они его нюхнут. Желательно – побольше! Вот смеху-то будет, когда Аальст с варгами в монстров превратятся!
– Ну допустим… Но что потом?
– Потом? Потом они либо порвут на куски друг друга, либо их порвут на куски местные, либо порвут маги, если они выберутся к людям. Вот и весь расклад.
– Хм… Интересно… А пророчество? Это же будет попыткой убийства! Разве нет?
– Я буду ни при чем. Это будет исключительно выбором избранного.
– Как это?
– Я, кажется, понял, как можно действовать, не подставляя своей шеи. Нужно создавать ситуации, в которых решение принимается не мной, а им. Вот смотри: я починил портал в развалинах, где их песком чуть не засыпало. Я просто починил. Больше ничего не делал. Привел его в действие не я, а варги. В результате его утащило в пустыню. Пророчество меня покарало? Нет, потому что у варг был выбор – запустить перенос или нет. Они – сделали это! Но на их решение я никак не влиял!
– Но ты подсунул им интересный камешек…
– Разве я виноват, что управление порталом сделано из драгоценных камней? Виноват? Нет, поскольку не я делал. И варги могли поступить по-разному: сообщить Аальсту, сломать… Не заметить, в конце концов! Но заметили и запустили. При чем тут я?
– А в развалинах… – неспешно произнесла Мирана, раздумывая, – у него был выбор – прокопать проход наверх или воспользоваться телепортом… Так?
– Абсолютно! Это было его решение. Я лишь предоставил возможности отправиться туда, куда я хотел его отправить. И сейчас. Просто предложу ему еще одну возможность, а решать, воспользоваться ею или нет, будет он. Не я. Понимаешь?
– Понимаю, – кивнула богиня любви. – Ты хочешь сказать, что создаешь варианты… Вроде того, что делает Сатия… А в ключевых моментах герой делает выбор сам… Ясно. Но вот что будет, если вариант заведомо смертелен?
– Ну портал, открывающийся в жерло вулкана, – это убийство. Уверен, за такое можно получить. А вот там, где есть шансы выжить… Думаю, за это ничего не будет… Два раза ведь уже получилось?
– Может, просто потому, что никакого влияния на осуществление пророчества эти действия не имели? Поэтому и прошло. И какой смысл – отправлять избранного туда, где есть шанс выжить? Ясно ведь, что пророчество его защитит.
– Насчет защиты – это еще вопрос! А вдруг кто другой сгодится для его выполнения? Не только Аальст? Всегда должны быть запасные варианты. А в большом и важном деле – тем более! Мне кажется, что если пророчество демона и защищает, то это до поры до времени. Это как на войне. Если оборонять рубеж – дорого, отходят к следующему. Если Аальста будет спасать дорого, не проще ли передать пророчество другому, а? Вот я и занимаюсь, пытаясь создать ситуацию, в которой легче передать дела новому избранному, чем сохранять нынешнего.
– Короче говоря, ты – развлекаешься! – вынесла вердикт услышанному Мирана. – Нашел себе противника – пророчество о конце света – и меряешься с ним силами. Я права?
– Ну… возможно, – уклончиво ответил Марсус, – но я делаю это не только ради себя. Ради всех!

– Конечно. Совершать подвиги – так… по-мужски! Тем более когда есть достойный противник! Это вам не какие-нибудь армии низших, уныло тузящие друг друга. Тут в противниках – целый мир! А, Марсус? Скажи, я права?
– Болтаешь много…
– Пузя! – Мирана весело отбила дробь ладошками по каменному прессу бога войны. – Ты, оказывается, у меня не только большой и сильный, но еще и умный!
Марсус оскалился в ответ.
– Я всегда это знала, – продолжила Мирана, – просто ждала, когда ты достанешь ум из ножен. Ум – это ведь оружие. А у тебя много оружия… Всякого… В ножнах…
Марсус продолжил молча скалиться.
– Знаешь, твой рассказ о мутагене навел меня на мысль… Может, там, в тех местах, есть какие-нибудь… необычные цветы? Розы и мимозы мне уже надоели!
Мирана заигрывающе посмотрела на Марсуса голубыми глазами из-под золотой челки.
– Пойдем посмотрим? – предложил бог войны.
– А как же твоя битва с великим пророчеством?
– Никуда она не денется. Подождет!
Мирана подумала и весело рассмеялась.

В кабинете ректора

– Госпожа Терская, прошу объяснить нам причины вашего поступка…
Ректор имперского магического университета, архимаг Мотэдиус, был строг и официален. Кроме него в кабинете присутствовали: учитель Стефании – магистр Николас, представитель службы безопасности верховного совета магов магистр Роальд и, собственно, сама виновница очередного переполоха, студентка второго курса Стефания Терская. Девица, широко известная благородному сословию столицы своим непосредственным участием во всех самых значимых и ярких скандалах последнего времени. Все участники разговора сидели за одним большим столом. С одной стороны стола – Стефания, с другой – архимаг и магистры. Стефи была в черной мантии.
– Это было ответом на оскорбление императорской семьи и имперского магического университета, – коротко ответила она на вопрос, чуть наклонив вперед голову.
– Вот как? – чуть поджал губы ректор. – Ваше заявление выглядит достаточно серьезно. Оскорбление императорской семьи – это не шутки, да и оскорбление имперского университета – тоже просто так никому с рук не сойдет. Однако чтобы отнестись к вашим словам со всей серьезностью, нужны доказательства. Вы можете повторить сказанное вам?
– Господин ректор, я не намерена пачкать свой рот, повторяя гнусность, произнесенную этими девушками. Единственно, если хотите, я могу передать ее общий смысл. Они сказали, что магический университет готовит не магесс, а специалисток в иной области, а принц Диний занимается только тем, что посещает этих… специалисток. Надеюсь, достаточно понятно?
Стефания была зла. Ее не смущали ни магистры, собравшиеся, чтобы рассмотреть ее дело, ни возможное наказание. Стянутые в пучок на затылке волосы, черная мантия и выражение холодного гнева на лице делали ее агрессивной.
– Да… вполне, – скривился Мотэдиус. – И вы использовали проклятие, дабы наказать их?
– Да, господин Мотэдиус, именно так!
– Стефания, скажите, разве вы – суд? Какое вы имеете право решать и судить?
– Какое? Кроме оскорбления императорской семьи и магического университета оскорбление было нанесено и лично мне! Как дворянка империи и как маг, принадлежащий к военному сословию, по законам я имею право вызова любого наглеца на дуэль. Этим правом я и воспользовалась!
Архимаг сморщился так, как будто закусил половинкой лимона.
– Дуэли в стенах университета запрещены, – произнес он.
– Речь шла об оскорблении меня, сына императора и самих этих стен, – ответила Стефания, качнув головой в направлении входной двери, – и я решила, что это вполне достойный повод нарушить правила, господин ректор!
За столом на несколько мгновений повисла тишина.
– Хорошо, – наконец произнес Мотэдиус, – достойный или недостойный – определять будем не здесь и не мы. Хочу лишь сказать, госпожа баронесса, что ваша манера ведения беседы стала похожей на манеру вашего друга, господина Аальста. Вы хотите еще что-то добавить к сказанному вами?
– Да! Я хочу извинений! От них, в присутствии всего университета!
– Гм… Разве вы не удовлетворены… своей победой?

– Удовлетворена, но не совсем. Они – живы. И я хочу получить извинения! Прилюдные!
– Так вы что, хотели их убить?
– Хотела, но не стала. Из уважения к стенам университета, господин ректор!
– Вот как? Раньше вы не были столь кровожадны…
– Я их не трогала! Слова им не сказала! Они первые начали! Я требую извинений!
– Чтобы принести вам извинения, они должны иметь возможность говорить. Но на них наложено проклятие онемения. Вы можете убрать проклятие?
– Н-н… Нет!
– Почему? Не хотите?
– Нет. Просто я не знаю как. Магистр Николас меня этому еще не научил…
– Вы используете заклинания, не в полной мере владея ими? Замечательно!
– Почему – не в полной мере? Проклятие – это одно, его уничтожение – это другое…
– Хорошо, Стефания, я вас понял. Можете быть свободной. Впрочем, постойте! Может, у кого-то есть к вам вопросы?
Ректор глянул налево и направо, на Николаса и магистра из службы безопасности. Те в ответ отрицательно помотали головами.
– Вопросов к вам нет, – констатировал Мотэдиус, – идите, Стефания. Если понадобитесь, вас найдут. Всего доброго! Если у вас нет вопросов, то они есть у меня. Николас, за каким хре… гм!.. вы научили ее проклятиям?
– Должен же я чему-то ее учить! – пожал тот плечами. – По мне, проклятие онемения гораздо более безопасно, чем «копье тьмы». Если бы она его знала, мы бы сейчас имели не двух немых дур, а две кучки праха… Да и потом, она сама хотела изучать проклятия.
– С каких это пор, уважаемый магистр, вы идете на поводу желаний своих учеников?
– С таких, с которых я не знаю, чему учить свою единственную ученицу! На кого мы ее готовим? Кем она должна стать? Если боевым магом – это одно, если научить ее только делать из варг «убийц магов» – это другое. Вы же мне учебных планов не даете! Я просил, но вы молчите. Ну я в меру своего разумения и учу… Если неправильно, скажите тогда – как правильно? Буду учить правильно…
– Магистр Роальд! – ничего не ответив Николасу, обернулся Мотэдиус к представителю службы безопасности. – Вы слышали, какие вопросы мне задает учитель единственного нашего «темного» студента? Слышали? И что я должен на них отвечать? Когда наконец в недрах вашей службы родится давно обещанный документ на этот счет?
– В недрах нашей службы, – ответил, хмыкнув, тот, – до сих пор нет единого мнения на этот счет.
– Ну и когда оно появится? – задал вопрос Мотэдиус. – Мы не можем бесконечно находиться в подвешенном состоянии. Это же невозможно! Девушка растет, развивается как маг. Она уже на втором курсе. Оглянуться не успеете, как она будет танцевать на выпускном балу! И что мы получим в итоге? Темного мага, обученного не пойми как и не пойми зачем? Вы что, серьезно этого хотите?
– Конечно же, уважаемый господин Мотэдиус, никто ничего подобного не хочет! – прижал руки к груди Роальд. – Но вы же знаете, как быстро делаются у нас дела. Если бы касалось это только нас! Тут ведь еще решения членов верховного совета необходимы. Хвала богам, не всех! Дело двигается, но медленно…
– Такими темпами оно дойдет до нас как раз в тот момент, когда Терская будет на пятом курсе…
– Думаю, уважаемый господин ректор, вы несколько преувеличиваете и все случится гораздо раньше… Я самолично заеду сегодня в канцелярию и проверю, как идут дела…
– А почему нельзя было начать все это делать раньше? Едва стало известно, что у нас есть «темный» маг?

> – Этот вопрос не ко мне. И думаю, господин Мотэдиус, что он относится к разряду риторических
> …

– Риторических? А две онемевшие студентки пятого курса – они тоже из области риторики? Что мне с ними прикажете делать?
– Я думаю, господину Николасу следует снять с них проклятие…
Николас отрицательно покачал головой.
– Что не так? – поинтересовался Роальд, глядя на него.
– У меня не получилось, – с довольной улыбкой ответил магистр, – не снимается.
– Почему? – удивился эсбэшник.
– Потому что очень сильное. Она столько силы в него вложила, что разделить энергетические потоки и проклятие – не получается. Они словно «спаялись». Вы же

наверняка слышали о цветке, который Терской подарила Хель? Тогда, на поступлении? Слышали? Ну вот и не требуйте от старого магистра слишком многого…
– Н-да? – неприятно удивился Роальд и обернулся к Мотэдиусу: – А вы, господин архимаг? Вы что, тоже не можете снять проклятия?
– Думаю, что заклинание «очищающий свет» поможет… Однако это совершенно не дело, господин магистр, совершенно не дело! Я возвращаюсь со дня рождения старого друга, которого я не видел уже пять лет, а тут весь университет буквально на ушах стоит! Две немые студентки, с которыми целых два дня – два дня! – никто ничего не может сделать! Это абсолютно ненормальная ситуация! Абсолютно!
– Не совсем понимаю, чего вы от меня хотите, – признался Роальд.
– Чего хочу? Девушке нужна внятная и понятная цель. К которой она могла бы стремиться. Когда есть занятие – на все эти завистливые уколы и сплетни просто нет времени! На то, чтобы пропускать их через себя, обижаться, запоминать, наполняться гневом. Господин Роальд, прошу вас – поторопитесь с решением! Все от этого только выиграют – вы, мы, Стефания и даже империя, наконец.
– Я вас прекрасно понял, господин ректор! Обещаю сделать все, что в моих силах. Однако, при всем моем уважении к вам, с мыслью о том, что от людской зависти можно отгородиться учебой, я не соглашусь. На чужой роток, как говорится, не накинешь платок.
– Возможно, – ответил Мотэдиус, – но, по крайней мере, это должно хоть как-то сгладить ситуацию. Стефании нужно дело, которое ее займет. К моему большому сожалению, она сейчас фактически одна, в недружелюбном окружении, которое пристально следит за каждым ее шагом. Боюсь, как бы это не оказало пагубного влияния на ее характер и отношение к людям…
– Да, да… понимаю! Вот это ее высказывание по поводу того, что она собиралась их убить! – поддакнул Роальд.
– А нечего было девочку посылать на войну! – хмуро посмотрел на него архимаг. – После возвращения корпуса Шайву Стефания стала жестче. А постоянные нападки и сплетни не дают выправить ситуацию, только усугубляя ее. Так можно довести человека и до ненависти к людям. Темный маг, ненавидящий людей… Вам это что – нравится?
– Э-э… пожалуй, нет, – ответил Роальд.
– Мне тоже.
– И мне, – произнес Николас, – особенно если еще раз вспомнить про цветок Хель.
– Но вы же можете что-то сделать! Вы же не первый год воспитываете студентов! – вскинулся эсбэшник.
– Не первый… – согласился Мотэдиус, кивнув. – Однако ситуация не совсем простая… Понятно, что чужая удача, на войне ли, в дворцовых ли делах, всегда вызывает зависть. Но, по моему разумению, главное, чего не могут простить Стефании, – это не ее награды, а ее отношения с принцем. Причем основная зависть и недружелюбие исходят как раз от девушек. И что делать с этим, я не знаю… Хоть я и прожил уже немало лет, однако утверждать, что досконально изучил женщин и могу управлять ими… я бы не рискнул. Статус Стефании в отношениях с Динием официально не определен. Это позволяет завистницам думать, что если испортить эти отношения, то можно занять ее место. Думаю, что это и есть основная причина столь высокой женской активности. Вот если бы статус Стефании определился…
– Вы предлагаете принцу Динию сделать публичное заявление? – с иронией в голосе поинтересовался эсбэшник.
– Ничего я не предлагаю! – резко ответил архимаг. – Просто я рассуждаю вслух, ища выход из сложившейся ситуации. Сердечные дела младшего принца – только его дела! И я не собираюсь давать ему никаких советов на этот счет, если он только сам об этом не попросит! Однако вероятность такой просьбы крайне мала, крайне. Поэтому будем действовать исходя из существующих реалий и возможностей…

Задание

– Здравствуй, сын!
– Здравствуй, отец! Ты посылал за мной?
– Да, Диний. Садись. Как у тебя дела?
– Спасибо, все нормально.
– Как твои успехи на поприще дипломатии?
– Что ты имеешь в виду? – настороженно ответил принц вопросом на вопрос.
– В виду? В виду я имею твою маму и одну известную всей нашей семье темноглазую особу. Успехи есть?

– Ну… как тебе сказать…
– Скажи как есть.
– Пока мама ничего не хочет слышать… – вздох.
– Понятно. Думаю, что задача, поставленная тобой, в данный момент не может быть решена. Мне кажется, тебе нужно потренироваться! На эльфах! – Ирония сквозила в словах старшего Хайме.
– Как это… на эльфах?
– Из Вечного леса пришло письмо, в котором сообщают, что к нам в столицу направляется младший сын правителя леса в компании нескольких друзей, детей членов верховного совета… Планируется, что они пробудут здесь некоторое время…
– И… что? – вновь насторожился Диний.
– Даже элементарные правила вежливости требуют равнозначного ответного жеста доверия, не говоря уже о других соображениях. Я хочу, чтобы ты поехал к эльфам.
– Я?
– Да. Они до сих пор уходят от ответа об открытии у них нашего посольства. Твоя поездка – прекрасная возможность закрепиться в их лесу. Не стоит упускать удачного момента. Немного посидеть там, осмотреться… А потом людское присутствие станет данностью. Сейчас, при таком обмене детьми правителей, вряд ли возможен отказ в твоем приезде. Все складывается. Ты согласен со мной?
– Но… А как долго это продлится?
– Думаю – год. Может, два…
– Так… до-олго? – Лицо принца выразило ошеломление.
– Быстро такие дела обычно не делаются. Не волнуйся, никуда Стефания не денется. Ей еще почти четыре года учиться. Подождет. Мужчины должны делать дела, а женщины – ждать. Ничего страшного.
– Да… Но…
– Это нужно для империи. Это нужно для тебя. Тебе будет полезно побыть вдали от дома. Твоя мать просто не понимает, что ты уже вырос. Расстояние и разлука помогут ей это осознать. Пока ты будешь сидеть с ней рядом – она будет видеть в тебе лишь своего сыночка, который немного вырос, но никак не мужчину. Вернешься через год – мама увидит тебя другими глазами, и, уверен, добиться желаемого тебе будет проще. Вот увидишь!
– Но… целый год?
– За это время ты сможешь там что-то понять, в чем-то разобраться. Стать взрослее, самостоятельнее. Или ты боишься вылететь из уютного родительского гнездышка?
– Ничего я не боюсь!
– Я так и думал. Просто хотел убедиться. Тогда готовься!
– И когда мне отправляться?
– Ди, мне определенно нравится твой настрой! Думаю, что через месяц… Максимум – полтора…
– Я один поеду?
– Конечно же нет! Кто тебя одного отпустит? С тобой я отправлю несколько толковых переговорщиков. Будешь изучать искусство дипломатии, так сказать, вживую… Под руководством наставников-практиков.
– Хорошо. Только я хотел бы перед отъездом поговорить со Стефи!
– Поговоришь… Какие проблемы, – слегка пожал плечами отец.

Эри

Кожа… Нежная и гладкая… Теплая… Кожа…
Я веду подушечкой указательного пальца по ране, оставленной на теле Даны когтем киллоса. А если точнее – уже не по ране, а по следу, который от нее остался. Розовая, узкая полоска молодой кожи, резко отличающаяся по цвету от остального тела. Вот как раз цвет-то меня и заботит! Не должно остаться никаких следов, а эти четыре розовые полоски – видны! И это мне не нравится… Раз взялся, нужно делать как надо. Поэтому каждый день делаю Дане «процедуру» – провожу пальцем по тем местам, где были раны. Воздействую на кожу. Считай, почти две недели этим занимаюсь. Уже привыкли все. И Дана, и остальные варги. Кира и Анжи – сразу издали поглядывали, но не подходили, Ил – вообще не беспокоилась, что я там делаю с голым телом Даны, но зато Рината… Рината сторожила меня как цепной пес, всеми способами демонстрируя неприязнь и подозрение. Ну не дура ли? Ждет, что у меня вожделение возобладает над разумом и я начну срывать с себя одежды? Идиотка…

Можно было, конечно, сказать Кире, чтобы та приказала ей «сгинуть» от меня, но я не стал. Сердито сопящая Ри была забавна. Можно было немножко поприкалываться. Вроде как невзначай поинтересоваться – с какой целью она смотрит? Если хочет стать целителем, то ей не светит, ибо нет способностей. А если хочет научиться правильно «гладить девушек», то одними «поглядушками» тут не обойтись. Нужна практика. И если она хочет, я могу позвать Анжи или Илону, а может, даже саму Киру, чтобы Ри смогла увиденное закрепить на практике… Ринata в ответ злобно шипела себе под нос что-то неразборчивое и иногда забавно розовела, но упорно «сторожила» меня где-то с неделю. Однако затем накал энтузиазма спал, она тоже перешла в режим «удаленного контроля», а последнее время за мной с Даной вообще никто не наблюдал. Доверяли, кошки драные!

С «кошками» я «поругался». Без объяснения причин, за что и почему. Ходил с высокомерным выражением на лице. Общался только в случае крайней необходимости. Кормить я их больше не кормил, помогать – никак не помогал. Удочек, что попросила Илона, не дал. Впрочем, у меня их и так не было (зачем они мне?), но все равно – «не дал». Посоветовал учиться ловить рыбу руками или рубить ее прямо в воде мечом. Ил отказу моему удивилась, долго непонимающе хлопая глазами.

А ты думала, под бок ко мне залезла – так теперь все, что ли? Я наблюдал за ее реакцией. Мечтала, все будет по первому свистку и требованию? Ага, щас! Сами крутитесь, воительницы с ножиками! Я так еще до конца и не понял – нужны ли вы мне вообще? И зачем, если нужны?

То, что вы нужны не мне, а моему телу, это ясно. Иногда, правда редко, но все же оно у меня «рулит». Особенно в те моменты, когда я не в себе. Пьяный – имею «потерю контроля разума над телом». Сон и недосып, оказывается, тоже относятся к этому состоянию. Буду теперь знать. Но нынче я выспавшийся, отдохнувший, по голове меня никто не бил, и ситуация совсем другая. Варгуши же, заметив реакцию моего тела на их обнаженные прелести, похоже, сделали далеко идущие выводы. Однако, как говорится, «это было вчера». А «сегодня» я совершенно спокойно, не дрогнув ни одним мускулом на лице, осмотрел с головы до пят Киру, явившуюся передо мною в моей рубашке и с голыми ногами. Осмотрел и с удовольствием оттранслировал ей в ментал чувство равнодушия, сопроводив его неким оттенком брезгливости. Предводительница амазонок откровенно озадачилась «услышанным».

Ты решила – за твои ноги я тут что, на голове стоять буду? Обойдешься!

Короче, в лагере царила обстановка вежливого мирно-военного сосуществования. Я к ним не лез – они не лезли ко мне. Правда, для этого пришлось пару раз отшить, но ситуацию варги поняли быстро и установленных границ не нарушали. То ли Кира им объяснила, то ли сами допетрили. Статус свой, зубастый, поддерживали. Так они вообще-то забавные, но нужно не расслабляться и не забывать, что из милых щеночков вырастают порой сущие твари. Особенно если порода к этому располагает…

Занимался я все это время двумя вещами – Даной и порталом. Дана быстро встала на ноги. Честно говоря, ожидал, что процесс будет более долгим. Но творение великого Дарга показало, что, невзирая на давность лет, есть еще порох в пороховницах! К концу первой недели она уже начала ходить. Потихоньку, но на своих двоих. Рассеченные на четыре части мышцы пресса срослись и восстановились за три дня. Внутренние органы тоже не отставали от них, и через семь дней покалеченный варговский организм был вновь «на ходу». Однако не могу сказать, что тут сыграло решающую роль – его ли способность к самовосстановлению, мое лечение или молодость Даны? Не знаю. Варги – они живут дольше обычных людей, до ста двадцати – ста тридцати лет, оставаясь при этом «нормальными». Нормальными – в смысле подвижными и способными держать оружие и убивать. Но потом, по достижении этого срока, в организме у них что-то «выключается», и они умирают буквально в течение года.

«Встроенный ограничитель»! Ясно, прокомментировал я про себя эту информацию, полученную от Даны. Я вообще много чего нового узнал, разговаривая с ней, пока лечил. И из обыденной жизни варг, и об устройстве их тел. Дана тут как-то комплексовала, с отправлением своих физиологических нужд. Мужественно терпела. До конца.

– Знаешь, – усмехнувшись, сказал я ей тогда, заметив ее «подвиг», – если тебя когда-либо кто-то спросит: «А был ли в твоей жизни мужчина, который знает тебя лучше, чем ты?» – можешь смело называть меня. Я знаю о тебе – все! Как бьется твое сердце, гоня кровь по артериям, как дышат легкие, насыщая ее воздухом, как работают почки и печень. Все! Даже знаю, какого именно сорта какашки вырабатывают твои кишки. Я твой целитель. Поэтому – все в порядке! Все свои проблемы можешь спокойно озвучивать, они меня не потрясут.

– Ты знаешь только мое тело, – возразила Дана, –
меня же

ты не знаешь! Я – не только тело!

– Условности, все условности, – махнул я на это рукой, отходя в сторону и оставляя ее одну. И подумал: «Хотя что есть мы? В принципе тот же набор условностей, от которого нельзя отказаться. Ибо тогда это будем уже не мы, а кто-то другой…»
В общем, я возился с Даной интуитивно, не осознавая, леча ее и запоминая на всякий случай «увиденное». Кто его знает! Может, пригодится. Та же самая история была и с порталом, к которому я шел после нее. «Видеть» – «видел», а понимать – нет! Но я не печалился и все складывал в память. Уверен, прозрение придет. Кстати, занимаясь исследованиями, обнаружил в его «меню» еще один работающий портал. «Семерка» – лаконично и без затей назывался он.
Весьма информативно, подумал я, разглядывая светящуюся зеленым надпись, однако если есть «семь», должны быть и предыдущие шесть. Если, конечно, они не как «третий поросенок», которого до сих пор в университете ищут…
Название было странным и подозрительным. Обычно такие названия любят давать военные каким-нибудь секретным объектам. Кому надо, тот знает, кто не знает – просто цифра. Впрочем, это может быть просто номером какого-нибудь узла… Энергетического или транспортного… Можно в принципе махнуть туда. Но идея перемещаться, используя древнюю транспортную сеть, меня не воодушевляла. На каких «соплях» сейчас в ней все висит? А ну как «сломается» в момент транспортировки? Что будет? Размажет неизвестно по чему или выкинет вновь неизвестно куда… Варгуши вон так и не смогли опознать ни одного созвездия в небе! То ли они дуры, пропустившие в учебе все, что только можно, то ли мы в другом полушарии, и тогда, конечно, они таких звезд отродясь не видали… Мне же было как-то недосуг местную астрономию изучать. Поэтому ничего не могу сказать…
Кстати, портал, с которого мы сюда попали, перестал работать! Нет его в списке! Только «Семерка», и все! Что с ним случилось – непонятно. Может, потолок в зале обвалился? Вполне возможно… Там все таким хлипким было. А может, что-то просто за древностью лет отвалилось? Наш переход оказался нагрузкой, «добившей» какой-нибудь элемент, последнюю сотню лет дышащий на ладан. Если это так, тогда есть еще одно основание не пользоваться порталами. Лучше по старинке, пешком. Камни вынуть из арки – и пошлепал… Куда-нибудь да дойду…
Дана поежилась и, не удержавшись, хихикнула. Как она мне уже давно сказала, когда я веду по ней пальцем, ей очень щекотно.
– Не дергайся, – строгим голосом сказал я, – еще два шва. Терпи.

В кабинете ректора

– Чего вы хотели, Стефания?
– Господин ректор, прошу вашего разрешения больше не посещать занятия целительского факультета.
– Вот как? – Ректор с неодобрительным выражением на лице откинулся на спинку кресла. – Почему, позвольте вас спросить?
– У меня ничего не получается.
– Начались практические занятия? – понимающе спросил Мотэдиус.
– Да, – кивнув, коротко ответила Стефания, глядя в пол.
– Понятно. Что ж, очень жаль, что и в этот раз ничего не получилось. Видите ли, Стефания, разрешение посещать факультет целителей я вам давал не просто так. Уже давно, тогда, когда я даже еще не был ректором этого университета, меня раздражал этот «обряд». Да-да, именно обряд! Самое подходящее слово. Я говорю о Камне Судьбы. Мне всегда претила мысль о том, что кто-то определяет твою судьбу, закрывая от тебя целые области знания. Кто-то сказал, что ты маг огня, – и все, ты маг огня! На всю жизнь! И не познать тебе тайн воды или ветра. Твой удел один – огонь.
– Но как же… Сатия? – тихо спросила Стефания. – Ведь все судьбы у нее уже записаны…
– А! – махнул рукой ректор. – Все можно поменять! Было бы желание самого человека! Если бы ты хоть чуть-чуть попыталась ознакомиться с этим вопросом, ты нашла бы в летописях множество интересных историй, в которых люди сами меняли свои судьбы. И богиня не противилась этому. Наоборот, иногда даже помогала!
– Да, я знаю, что можно изменить судьбу… – тихо произнесла, кивнув, Стефания.
– Откуда?
– Я… я говорила с ней, – немного поколебавшись, так же тихо произнесла Стефи, бросив быстрый взгляд на ректора и вновь уставившись в пол. – Только вы никому не говорите, пожалуйста…

– С кем? С самой Сатией?
– Да.
– Хм… и что она тебе сказала?
– Это… это сложно…
– Извини. Мой вопрос был совершенно бестактным. Прошу прощения.
– Да, конечно… только вот, господин ректор…
– Да? Я слушаю тебя.
– Если вы говорите, что каждый может изменить судьбу так, как ему нужно… Но тогда получается, что судьбы нет? Судьбы нет, а богиня судьбы – есть! Как так может быть?
– Мм… Резонный вопрос! Ну что я могу тебе ответить? Мне кажется, данная тема требует дополнительного неспешного обдумывания… А по поводу занятий у магессы Элеоны… Может, походишь еще?
Стефания отрицательно покачала головой:
– Все уже что-то делают. А я – только смотрю. Смотрю – и ничего не вижу. Я не могу так. Я чувствую себя там… лишней…
Мотэдиус тяжело вздохнул и нахмурился.
– Очень жаль, Стефания, что так получается, – сказал он, с грустью глядя на девушку, – но, к сожалению, мир несовершенен и не всегда получается как хочется. И успех – неотделим от зависти и сплетен. Тут уж ничего не поделать…
– Да, я понимаю… Только от этого… не легче.
– С этим нужно смириться. Сцепить зубы и не обращать внимания. И идти дальше к своей цели. Только так, и никак иначе. Вы сильная, Стефания. Уверен, вы справитесь.
В ответ Стефания промолчала, но у нее подозрительно заблестели глаза.
– Главное, помните, – продолжил ректор давать своей студентке установки на будущее, – что в жизни всегда есть любящие люди, верные друзья, которые принимают вас такой, какая вы есть, без всяких дополнительных условий и обязательств… Вы понимаете, о чем я хочу сказать?
– Да, – коротко ответила Стефания.
Только один из этих людей безвылазно сидит во дворце, подумала она в этот миг, мама и сестры – далеко, а третий… А третий в это время где-то развлекается с девками, имея еще наглость делиться со мной своими восторгами! С-с-скотина…
Не так давно Стефании приснился удивительный сон. В котором она, будучи, вне всякого сомнения, мужчиной, обнимала со спины какую-то девушку. Сжимала пальцами ее грудь и целовала за ушком. Сон был коротким, но очень ярким и оборвавшимся, когда она, Стефания, стала расстегивать какую-то мужского покроя куртку незнакомки. Тогда она проснулась, часто-часто дыша, и некоторое время неподвижно лежала, широко распахнув глаза и прислушиваясь к гаснущим ощущениям в своем теле. Потом потрогала грудь, убедилась, что она – девушка, и это просто-напросто сон!
Ух, подумала она тогда, приснится же такое! С чего? Никогда такого не снилось!
На следующий день, ломая голову над причиной столь необычного сновидения, Стефания передумала все. Начиная с «может, я что-то съела?» – до заразности поцелуя, которым ее наградила эльфийка, а точнее – Эри. Когда ее мысли добрались до Эриадора, тут-то она и поняла!
Это он, дошло до нее, он тогда говорил, что ему приснился «чудный» сон, когда мы с Динием… А теперь «чудный» сон приснился мне! Мы ведь с Эри связаны! Вот я и почувствовала то, что чувствовал он! А потом он «закрылся»… Какой же он… все же… неприятный! Я так и знала, что он – бабник! В нарядах женских разбирается, к девкам ходит, Сюзанне глазки строил… Меня ноги показать уговорил… Потом переспал… А теперь он с какой-то новой девкой забавляется! Наглец! Негодяй! Я страдаю, думаю – как мне жить дальше? Голова просто разрывается от мыслей! А он – развлекается! Ну я ему сейчас все скажу!
Тогда Стефания попыталась, как говорил Эри, «телепатически достучаться» до него. Но ничего не вышло. «Услышать» Эри не получилось. То ли он ее «не слышал», то ли не хотел «слышать». Стефи решила, что тут скорее второе, и обиделась. На него, на Диния и на судьбу. На все и всех сразу.
И вот теперь ректор Мотэдиус рассказывает о том, что у нее есть в жизни люди, которые любят ее…
Ага, как же, подумала она, в моей жизни есть два эгоиста, думающих только о себе. И пророчество Сатии, с обещаниями каких-то ужасов и невзгод в будущем. А еще у меня есть куча завистниц, желающих мне смерти и распространяющих обо мне всякие гадкие сплетни и небылицы! Вот все, что у меня есть! Даже целителем, как хотела, стать не могу…
– Господин Мотэдиус, – произнесла она, глядя на замолчавшего ректора, – а известия от господина Аальста какие-нибудь есть? Может, вы уже знаете, когда он вернется?

– К сожалению, – ректор развел руками над столом, – ничего не могу вам сказать. Сам ожидаю известий от экспедиции, но пока – ничего! Как только у меня будут какие-то новости, обещаю, я вам тут же передам.
– Спасибо, господин ректор, – наклонила голову Стефания.
В этот момент в дверь кабинета постучали.
– Да! Войдите! – крикнул Мотэдиус на стук.
– Господин ректор, к вам посетитель. Магистр Роальд.
– Ой, ну я пойду, – сказала Стефания, вставая из-за стола.
– Да-да, конечно, идите. Мы вроде все с вами обсудили, Стефания. Желаете не посещать занятия целителей – пусть будет так. Магессу Элеону я извещу. Всего доброго!
– Всего доброго, господин ректор.

Кира

Сижу на пригорке, слежу за обстановкой и посматриваю на озеро, где по колено в воде, сжимая в руках вырезанные из веток остроги, медленно бродят Илона с Ринатой. Интересно, они что-нибудь сегодня поймают или опять голодными ляжем? Как есть-то хочется! Вот бы Анжи, ушедшая проверять силки, кролика поймала! Такого толстого, большого, жирного! Мы бы его ободрали, посолили, посадили бы на вертел и… Чувствуя, как рот наполняется слюной, а нос начинает чувствовать волшебный запах жареного мяса, оборвала свои мысли.
Нет! Так нельзя! Нельзя думать о еде! Нужно думать о том, где ее взять. Я – командир. Я должна позаботиться о том, чтобы мои подчиненные не голодали! А у меня – не получается! Одно дело, сидя на занятиях после обеда, слушать о том, как добыть пищу, и совсем другое – самому рыскать по лесу в ее поисках! Особенно если ее там нет! Ну нет, и все! Девчонки уже осунулись. Но молчат. А мне стыдно смотреть им в глаза… Какая я после этого старшая, если не могу их накормить? И Аальст этот еще! Обиделся он, понимаешь ли! Ну подразнили его немножко. Так любой нормальный человеческий самец только рад был бы посмотреть… А этот – обиделся! Точно не такой… какой-то! Не зря сережку в ухе носит… Но даже если тебе девушки не нравятся – что, неужели жалко едой поделиться? Ведь есть же она у него! Есть! Дану он кормит. Ей тоже неудобно. Пыталась она как-то пару раз поделиться с нами припрятанным, но я отказалась.
– Нет, – сказала я ей тогда, – тебе нужнее. Главное, чтобы ты вновь могла сражаться и ходить. Главное – чтобы ты не была обузой. И мы – варги! Воровать еду у человека – это унизительно. Мы умнее, мы сильнее, мы – лучше! Мы – справимся!
– Ну… не настолько и умнее… – влезла Илона.
– Ты что же, хочешь сказать, что он лучше нас? – резко обернулась я к ней.
– Никак нет, командир! – ответила она, приложив в приветствии руку к голове.
Зар-р-р-раза эта Илона… Не лазила бы к Аальсту – может быть, на того бы псих и не напал… На нашего странного господина архивариуса… Я прекрасно «слышала» его чувства, когда он на меня смотрел, да и когда на Илону тоже, возле озера. А теперь – «молчок»! Одно равнодушие, с презрением. Вне всякого сомнения – он умеет «прятать» свои чувства! Где он этому научился? В Этории этому учат на старших курсах. Не Дина же его научила! Она другим с ним занималась… Нужно будет обязательно доложить обо всем нашей тайной страже! Думаю, награды нам обеспечены! Единственно, тогда тот мой разговор с Анжи становится важным. Аальст – сильный маг. Он умный и вполне может догадаться, что мы его подозреваем… Да наверняка понимает, что мы его уже раскусили! Это значит, что для него действительно лучше будет вернуться домой одному… А противопоставить его магии нам нечего… Что делать? Убить во сне? Подло. Он сражался вместе с нами, Дану спас… Это будет самым подлым проявлением неблагодарности, которую только можно себе представить. Так делают лишь люди. Но, с другой стороны, стоят ли жизни моих девчонок – его жизни? Конечно же нет! А если его убью я одна, не сказав им ничего, – буду виновата только я. Ну и Дарг с ним, с наказанием! Главное, что моя пятерка останется в живых. Я же – как-нибудь проживу, если не казнят… Это у меня, наверное, от голода такие мрачные мысли… С чего это меня должны казнить? Особенно если девчонки промолчат? Я им объясню, что их спасала. Поймут. Ясно же, что жизнь дороже всех наград. А отношения с империей… Ну… Наш совет что-нибудь придумает! На то он и совет! Хотя, конечно, хорошо если бы ничего такого делать не пришлось. Аальст, он хоть и ведет себя сейчас как последняя свинья, но ведь были же и другие времена. Нормально относился. Анжи руку вылечил. Дана опять же. Зачем лечил, если собирается нас всех потом убить? Ночами не спал. Не со скуки же! Может, просто поискать к нему другой подход? Чем-то ему откровенные намеки не понравились. А если обращаться с

ним… как с равным? Он хоть и человек, но маг. Вполне возможно, что это допустимое исключение. Допустим, пообещать ему за спасение Даны… нашу помощь в его делах и дать клятву? В плане магии, конечно, он сильнее нас, но пять стальных клинков, да в умелых руках… Тоже кое-что значат в этом мире! Если поступить так, у нас с ним будут обязательства друг перед другом, а это – общение и путь к налаживанию отношений. А если он откажется, это будет еще одним доказательством того, что собирается нас убить, и клятвы наши ему не нужны… Вот и посмотрим. Нужно поговорить с девчонками…
Рината, наклонившись, нанесла резкий удар острогой в воду и, перехватив ее обеими руками, придавила что-то ко дну. Ил, отшвырнув свою заостренную палку, кинулась помогать. С полминуты возилась, стоя на коленях в воде. Затем встала и подняла высоко правую руку, в которой держала за жабры большую, блестящую серебряной чешуей рыбу.
Ура-а-а! Сегодня едим!

Эри

Рыбка была вкусной. Свежей и почти без костей. Я неспешно, дабы растянуть удовольствие, обгрызал доставшийся мне маленький кусочек.
Рыбы, что ли, им наловить, подумал я, поглядывая на то, как варгуши бережно, стараясь не уронить ни крошки, едят свои порции, – пусть еще запекут в глине. Вполне возможно, что они созрели до такого гуманитарного жеста с моей стороны. С виду отощали малость, так что оценят! А то, понимаешь, решили, что им «так» все будет. За красоту их неземную… Красивы, да. Но это – не повод! Эриэлла покрасивее была, хе-хе… Единственно – как сменить мне гнев на милость? Не могу же я просто так – сегодня миловать, а завтра карать! Самодурственно будет выглядеть…
Я был внезапно приглашен Кирой на ужин. На рыбку, пойманную Ринатой. Сначала удивился, а потом подумал, что это всего лишь знак вежливости, и мое дело – отказаться. А вот не угадали, сказал я себе и нагло согласился.
Ни один мускул не дрогнул на лице приглашающей Киры, ни один «всплеск» не случился в ментале! Она кивнула с видом: «Я ожидала вашего согласия!»
Ну и ладно. Ожидала так ожидала…
Мы сидим вокруг костра, друг напротив друга, по трое, на двух притащенных варгами стволах упавших деревьев.
– Охрану, – сказал я, – можете не ставить. Послежу…
Короче, ужинали. Лагерь давно уже перенесли на другое место. Завонявшая туша киллоса поспособствовала этому переезду. Теперь стоянка находилась недалеко от развалин, на высоком каменном обрыве над озером. Под обрывом был глубокий омут без всяких водных растений, среди которых так любят превращаться в комаров комариные личинки. Плюс еще частый ветерок наверху. Поэтому комаров в лагере почти не было. Мне-то, собственно, все равно, я давно пользуюсь заклинанием Абасо против насекомых, но у варг-то такой возможности нет! Вот и выкручиваются как могут… Хоть и приходится ходить вверх по склону, но место красивое. Зеркальная гладь озера под ногами… А по утрам над водой бывает туман… Белый и клубящийся… А ночью в воде отражаются крупные, яркие звезды… Если бросить в воду камень, звезды начинают качаться на невидимых волнах. Такие большие холодные светляки… Судя по каменной площадке на краю обрыва и каменной дорожке от нее до развалин, кому-то когда-то тоже нравилось смотреть на озеро. Вполне возможно, на площадке были раньше и кресла или скамейки для повышения комфортности созерцания, но сейчас от них ничего не осталось. Впрочем, как и в развалинах – тоже ничего. Я «посмотрел», опасаясь нахождения в них какой-нибудь еще работающей «ерунды». Но обнаружились лишь одни камни. Деревянные конструкции давно сгнили, и остались булыжники из обвалившихся стен. Ни тайников, ни спрятанных вещичек. Похоже, это был когда-то просто «летний домик», в котором можно было провести время в единении с природой…
Вкусно, но мало, констатировал я, дожевывая последний кусочек своей порции, определенно нужно повторить. Свежая рыбка – это класс!
Я кинул взгляд на разломанный кусок глины, в котором запекали рыбу. Просто так посмотрел, честное слово! У меня и в мыслях не было ковыряться в нем, тем более что там и не было уже ничего! До меня выковыряли… Поднимаю глаза – Рината! Смотрит на меня так, будто я украл у нее самое дорогое плюс правый сапог. И пришел за левым… Она что, действительно решила, что я буду выковыривать оставшиеся крошки? Да она вообще за кого меня держит?! Почему она такая дура? Нет, определенно такое хамское поведение – это просто невозможно!

В этот момент заговорила Кира. Анжи как раз повесила над огнем котелок с водой для чая, и Кира, видно, в ожидании, пока он закипит, решила заполнить это время беседой.
– Господин Аальст, – обратилась она ко мне.
– Мм? – повернулся я к ней, сделав доброжелательное выражение лица.
– Господин Аальст, я, как глава пятерки, хочу сказать, что я и мои подчиненные благодарны и признательны вам за вашу помощь…
Варги могут быть благодарны? Ну-ка, ну-ка! Я что-то пропустил?
– Считаю, что за спасение Даны и лечение Анжи, а также за убитого киллоса… мы перед вами в долгу…
Рината скептически искривила уголок рта. Или это так легли тени от костра?
– А варги – всегда отдают долги. Поэтому пять острых клинков готовы выполнить любую вашу просьбу. В любое время дня и ночи, стоит вам лишь только захотеть! Вот…
Кира замолчала, видно не зная, что нужно говорить дальше. Варгуши дружно уставились на меня, явно ожидая ответа на столь лестное предложение.
Ну, слово «вот» тут было совершенно лишним, подумал я о речи Киры, все торжество момента испортила. Слабенько сказала, слабенько. Нужно было еще добавить слова: кровь, долг и честь. Богаче бы вышло. И что же ей ответить? Хм?
Я посмотрел на нехорошо прищурившуюся на меня Ринату. Любую, говоришь? Сейчас проверим!
– Любую просьбу? – переспросил я Киру.
– Да, – ответила она. И быстро добавила: – Конечно, если ее выполнение не нанесет вред Этории или империи!
Вот как? Значит, я произвожу впечатление человека, мечтающего нанести вред империи или ее вассалу? Очень интересно… Можно было прицепиться к этой фразе, но у меня есть идея получше!
– Да, у меня есть одно желание… – неспешно говорю я и замолкаю, словно размышляя, говорить о нем или нет.
– Какое? – спрашивает Кира, не дождавшись окончания паузы.
– Хочу в особо гнусной и извращенной форме надругаться над Ринатой! Поможете?
Эмоции вокруг костра – наверное, как от разрыва гранаты. Открытые рты, круглые глаза.
– В чем… помочь? – обалдело спрашивает Кира, от неожиданности, видно, не понимая, что «морозит» глупость.
– Подержать. Чтобы не кусалась!
– Ах ты, скотина! – закричала вспыхнувшая лицом как маков цвет Ри, вскакивая на ноги и выхватывая из ножен шотан. – Да я тебе сейчас все лишнее поотрезаю! Животное!
Ба-а… Какая восхитительная ненависть! Чистая, ничем не замутненная ненависть!
– Ри! Отставить! – рявкнула на нее, похоже, собравшаяся с мозгами Кира. – Господин Аальст! Ну знаете… Это уже ни в какие ворота не лезет! Предложить… такую… гнусность! В ответ на протянутую руку помощи и дружбы! Это кем же нужно быть…
Кира осеклась и замолкла, часто дыша от возмущения.
– Не надо со мною дружить, – глядя ей в глаза, с угрозой в голосе негромко произнес я, – не надо. И любить меня – не надо! Тогда всем будет хорошо, и все останутся живы…
– То есть вам не нужна наша помощь? – после секундной паузы спросила Кира, и глаза ее при этом как-то странно блеснули в свете костра.
– Абсолютно, – отрицательно покачал я головой.
Кира мне ничего не сказала и молча, отведя взор, уставилась в стреляющий искрами костер. У огня, с закипающим над ним котелком, установилось гнетущее молчание.
– Если хочешь, можешь надругаться надо мной, – неожиданно произнесла сидящая рядом со мною Дана. И положила мне на бедро свою узкую ладонь жестом, полным доверия и дружелюбия. – Я кусаться не буду!
А вот к такому развитию событий я был не готов! Никак!
– Над тобой-то за что? – честно говоря, растерявшись, спросил я.
– Ну ты же этого хочешь? А я – должна тебе жизнь. Я согласна хоть так, но вернуть тебе часть долга…
– Если ты намереваешься таким образом воздействовать на мою совесть и дать попробовать понять, что я не прав, – произнес я, аккуратно убирая ее ладонь со своей ноги, – то совершенно напрасно. Совесть, как таковая, у меня отсутствует. И все, что мною делается, – делается под влиянием сиюминутных желаний и порывов в качестве развлечения. Поэтому будет лучше, если ко мне никто не будет лезть… Дабы не было потом трагедий и разочарований…
Дана внимательно смотрела на меня своими удивительными глазами, ничего не говоря.
– А если тебе хочется рассчитаться, – продолжил я, обращаясь к ней, – то это очень просто. Сделай большие глаза, похлопай ими и скажи: «Ня!»

– Как? – не поняла она.
Я показал, как нужно делать глаза.
– Ну?
– Ня! – сказала Дана.
– Еще раз! – улыбнувшись, потребовал я.
– Ня! Ня!
– Все, в расчете! – продолжая улыбаться, остановил я Дану. – Больше за твое лечение ты мне ничего не должна!
– Деб-бил-л-л-л-л… – едва слышно прошипела Рината и, судя по лицам варг, выразила общее мнение.
Я сделал вид, что не услышал. Воистину – одному было бы скучно! А с ними забавно! Ня!

Кира

Какие сегодня большие звезды! Мигают, мерцают, куда-то зовут… Прямо как живые… Задрав голову, я любовалась сверкающим небом. Впрочем, даже созерцание такой красоты не могло отвлечь меня от мрачных мыслей, ворочающихся в голове подобно камням. По всему выходило, что Анжи была права. Аальст действительно собирается вернуться один, без нас. И нужно что-то решать. Мне решать… Девчонок привлекать нельзя. Не стоит требовать от них прямого нарушения приказа. Молодые еще, долго думать будут. А главное – «закрываться» еще не умеют. Аальст легко может услышать их эмоции. Дарг тогда он к себе подпустит! А я могу спокойно подойти со спины и нанести удар… Противно, конечно, и подло… но один на один я с ним не справлюсь. Единственно, что только потом делать, когда я его убью? Мы с Анжи пару раз сходили на разведку, воспользовавшись тем, что Дана начала ходить. Результаты – невеселые. Место, где мы находимся, – оазис посреди пустыни. Озеро, защищенное от песков сначала двумя рядами невысоких холмов, а потом – грядою скал. Сколько бы мы ни смотрели с Анжи вокруг, взобравшись на самую высокую точку и напрягая глаза, – все одно. Барханы, барханы и барханы, уходящие к горизонту. Песок и солнце, солнце и песок. И ничего больше, за что можно было бы зацепиться взглядом. И внутри оазиса – тоже. Озеро и немного деревьев и кустарников по склонам, при полном отсутствии живности. Интересно, что тут киллос ел? Или он как раз сожрал всех к нашему появлению? Забрел из пустыни да и остался, пока всех не прикончил… А тут – мы появились! Может, так и было…
И вот вопрос – что нам потом делать, когда я убью архивариуса? Идти через пустыню пешком? Без воды и еды? Далеко мы уйдем… Если воду еще можно нести с собой в двух котелках, которые у нас есть, то с продуктами так не получится. Их просто нет! Из всей еды тут – только рыба в озере, которая не очень-то и желает ловиться. Даже если удастся наловить впрок, запас банально протухнет на жаре. Соли-то нет! Того, что Аальст дал, – для засолки не хватит. Нет, пожалуй, через пустыню нам не перейти. Неизвестно, насколько далеко она тянется. А больше десяти дней без еды и почти без воды, да на таком солнцепеке, мы не продержимся…
Но если через пески идти нельзя, тогда придется сидеть тут, в оазисе, возле озера, где есть вода и пища… Дарг! И сколько так можно просидеть? Год, два, десять лет на одной рыбе? Или, может, через неделю из пустыни придет еще один киллос и сожрет всех. Без Аальста мы с ним не справимся…
Гадство!
Я ударила кулаком по поваленному дереву, на котором сидела.
Аальст – нужен! С ним есть шанс выбраться отсюда живыми. Он порталами умеет пользоваться, лечить умеет, и у него есть продукты. Без него наши шансы выглядят очень туманно. Но и оставаться рядом с ним – тоже нельзя! В любой момент ему может в голову прийти идея убить свидетелей. Сам сказал, что действует по наитию и чтобы развлечься! Когда он решит поразвлечься в следующий раз, а? А развлечения у него своеобразные. Да за просьбу «подержать» Ринату кишки ему нужно было выпустить, не меньше! И чтобы он потом денек подыхал, думая – в чем был не прав, что с ним так поступили? Неужели он не понимает, что он сказал? Это же грубое оскорбление, причем не только Ри, но и всех нас! Как можно было такое сказать! Он ведь совсем не дурак и знает, кому что можно говорить, а кому – нет! Дворянин, должен понимать! Значит, сказал осознанно. За это его тем более убить нужно! Однако если он специально, значит, у него была для этого какая-то причина? Какая-то цель?
Вариант первый – он нас считает за животных и думает, что может с нами творить все, что только ему вздумается. Это раз. И все выглядит именно так. Вывод – убить гада. Вариант второй. Я видела и «слышала», как он реагировал на меня и на Илону. Это было искренне и

правдиво, поскольку все случилось неожиданно и внезапно. Теперь он чувствует к нам отвращение. Но это неправда и ложь, потому что он так хочет. А почему он так хочет? Потому… что он боится и не верит варгам? Скорей всего, так. Но мы ничего такого не сделали, чтобы заслужить подобное отношение! В чем же тогда причина? В голову приходит только одно. Причина – в прошлом. Что-то было там такое, чего он не может забыть. Забыть или простить… Что это могло бы быть?.. Дина! Точно! А чего у него с ней произошло нехорошего? Она ведь даже родила ему двух девочек… На что ему обижаться? Мм… Он же об этом не знает! И – ошейник! Он был в ошейнике! Аальст слишком горд, чтобы добровольно надеть его на себя. Да и никто бы подобного на себя не надел! Значит, либо Дина сделала это силой, либо обманом… Вот дура, неужели она не могла ему дать обычный знак, который носят мужчины в Этории? Идиотка… Или она насильно хотела сделать из него зверушку? Похоже, что да. Тогда становится понятным, почему нельзя ему говорить о ее детях. Она все сделала обманом! Или силой. А Эста боится, что он захочет отомстить Дине и убьет ее! Он же теперь маг. Точно! Именно так! Какая я умная! Просто дух захватывает, как у меня ловко мысли идут! А капитан Паркит еще мне «три» не хотела за логику ставить! «Два», «два»! Видела бы она сейчас, какие я «построения» делаю! Дура старая…

Так вот, если я права (а я права!), то Аальст – просто боится нас! Не в смысле силы, а в смысле… отношений! Мы ему нравимся, варги не могут не нравиться людям, но он боится, что все будет как с Диной. Что мы наденем на него ошейник и будем измываться над ним. Точно! Так просто мы ему нравимся. Поэтому он и помогает. Но если начать к нему «приближаться», то он вспоминает Дину и начинает злиться. Вот оно что… В общем-то он об этом прямо и сказал: «…Не нужно со мной дружить! И любить меня не нужно! И все будут живы…» Живы! Он просто попросил, чтобы его не трогали. Не бередили раны, оставленной Диной… А что, он не мог об этом ясно сказать, чтобы догадываться не пришлось? Хм… тогда пришлось бы ему про ошейник говорить. Понятно. Гордость. Хотя про то, что он его носил, мы и так все знаем… Может, он думает, что нет? Если так, то все становится понятным… И что мне теперь со всем этим, мною придуманным, делать? Поделиться с девчонками? А стоит ли! Не создаст ли это новых проблем? Ри настроена на войну. То, что я ей расскажу, может позволить ей в следующий раз «уколоть» Аальста в болевую точку. Он взбесится – и дело кончится кровью. Илона – может использовать мои выкладки для своих планов. Тоже неизвестно, куда это может завести… Дана еще, пожалуй, начнет жалеть Аальста, и он это «услышит»… Интересно, ему понравится, если его будут жалеть? Почему-то мне кажется, что нет… Анжи? Вот ей, наверное, как раз можно и рассказать… Она Аальста опасается. Это поможет ей его понять и, может, наладить отношения. Эх, нужно было мне раньше продумать причины поведения Аальста! Все было бы проще. Хотя я ведь думала! Просто не догадалась… Как же непросто быть командиром! Приходится столько думать! Даже голова болеть начинает! Ладно. Лучше поздно, чем никогда, как говорится…

Нужно идти спать. Уже поздно, и скоро меня разбудят на смену Ри. Или, может, пойти сменить ее пораньше? Все равно спать не хочется. Еще раз обдумаю, что мне в голову пришло… Да, пожалуй, сменю!

Я осторожно пошла в сторону поста, туда, где сейчас была Рината. Подходя, я внезапно услышала странный звук. Замерев, прислушалась. Рината часто шмыгала носом. Так шмыгают, когда в глазах стоят слезы, но их пытаются скрыть. Я «послушала» чувства Ринаты. Обида, горечь, тоска…

Плачет! Ну ничего себе! Из-за него, что ли? Вот тоже мне воительница! Нашла из-за чего… Но пойду-ка я лучше на свое место. Пусть она меня лучше «разбудит». Какой все же скот этот Аальст! До слез ее довел! И все с рук сошло! Нет, нужно ему все же обязательно в морду дать! При случае…

Эри

После ужина со скандалом я создал себе «облачную палатку» и залез в нее с твердым намерением поспать. Но не тут-то было! Едва закрыл глаза, устроившись поудобнее, как проснулся мой внутренний голос.

«Н-да-а, «зажег» так «зажег», – произнес он, – что тут еще скажешь?»

«Да…» – небрежно ответил я.

«Ты только смотри… Не думай, что один с головой не дружишь. Тут кроме тебя еще такие же одаренные есть…»

«Че это не дружу?»

«А то не знаешь!»

«Все было четко рассчитано. Теперь я – окончательно хамская, гнусная личность, с которой никто не захочет иметь дела. Отлично!»
«Действительно хочешь быть таким?»
«Да! Я хочу быть вульгарным, грубым, наглым, неприятным, скандальным, циничным хамом и выскочкой. Таким, чтобы ко мне никто не лез, мешая мне заниматься своими делами! Понятно?»
«Сурово, сурово… Даже, возможно, в чем-то эпично. Но ты же в одиночестве с тоски повесишься. Я ведь тебя знаю».
«Не повешусь. Буду развлекаться, как принято в Эсферато. С заматыванием в кишки и морями крови!»
«Н-да? Тебя ведь никогда не привлекали подобные развлечения. Они скучны, обыденны, и так развлекаться может каждый. Даже тот, у кого мозгов нет…»
«Значит, такова моя тяжкая доля…»
«Нет, ну вот скажи – чего ты на них взъелся? Ну дуры они. Дуры. Ну неумехи. И в Эсферато таких можно кучу найти. Чего ты на этих-то так выбешиваешься?»
«Выбешиваюсь? То, что они низшие, – это я вообще молчу! Мало того – они еще и нечестно играют! Тупо воздействуют на мое тело на уровне инстинктов, а оно вырубает мне разум и волю. И я веду себя, как… как скот! Нет у них никакой честной соревновательности и конкуренции!»
«Ты с дуба рухнул! Какая соревновательность? О чем ты?»
«О том, что я – это самое лучшее, что есть в этом мире! Но любая дура и неумеха способна отключить мне мышление и взять меня под контроль! И вовсе не из-за того, что она самая умная и красивая на этой помойке! А лишь потому что она – самка!»
«Феерия… А что, с нашими демонессами разве все по-другому?»
«Не знаю. Не общался…»
«Фмм… Думаю, что с ними – все то же самое. Ну сам посуди! Самки – физически слабее, логика у них – более чем странная. То есть проигрывают по всем направлениям изначально. Но для того, чтобы система была стабильной, она должна быть уравновешена. Вот это и есть тот самый уравновешиватель – отшибатель мозгов. Бонус такой, для них своеобразный. Иначе по доброй воле связываться с ними никто не будет. Ты же понимаешь…»
«Понимаю. Но одно дело – знать, другое – на себе все это ощущать! Потеря контроля над собой реально бесит!»
«Да, это противно…»
«А если противно, то не мешай мне спать! Завтра уже что-то нужно делать. С порталом вроде все. Что еще там я могу узнать – не представляю. Буду завтра думать, что делать дальше и как отсюда выбираться. Заодно и с этими решу… Может, брошу их тут на фиг…»
Я зевнул.
– А может, и не брошу… Спокойной ночи, Бассо! – пожелал я сам себе и закрыл глаза.
Однако выспаться мне было не суждено. Где-то посреди ночи я внезапно проснулся от ощущения опасности. Пару секунд, еще в полудреме, расставаясь с обрывками улетающего сна, лежу, «прислушиваясь». Ничего! Что же тогда меня разбудило? Кошмар, что ли, приснился? А что мне снилось? Как-то содержания не запомнилось…
Я сосредоточился, пытаясь вспомнить сон. Но тут по ушам ударил визг, прерывая мое занятие. Визжала кто-то из варг. Наверно, дежурная. Страха в визге не было. В ментале это я прекрасно «слышал». Это был сигнал опасности, врывающийся в барабанные перепонки и способный разбудить и поднять на ноги, пожалуй, даже вусмерть пьяного. Сихотнувшись, я поставил себе «щит» и вскочил со своей «облачной» постели. И тут меня смели с ног! Удар в солнечное сплетение выбил из легких воздух, и я покатился с кем-то в обнимку по земле. Этот кто-то сжимал меня в объятиях до треска костей, не давая вздохнуть и высвободить прижатые к телу руки.
«А как же «щит»? – только успел подумать я, катясь кубарем. – Он же должен был оттолкнуть нападавшего!»
В этот момент вращение прекратилось, и я оказался прижатым спиной к земле, а в лицо мне заглянули… зубы! Здоровые такие зубы, острые и редко стоящие. Две черные ноздри над толстой верхней губой усиленно сопели, словно обнюхивая меня.
«Ничего-се! Это еще кто такой резкий?!» – подумал я и напряг руки, пытаясь разорвать захват. Но не тут-то было! Моя попытка была настолько жалкой, что повторять ее совершенно не стоило, а нужно было срочно придумывать для освобождения что-то другое! До того, как меня начнут есть! Эх, где мое прежнее тело! А ну-ка, как насчет магии? Сосредоточившись, я «влепил» ночному незнакомцу «шок любви», как самое быстрое по скорости создания из имеющихся у меня заклинаний. Зубы – даже не заметили! Как

нюхали, так и продолжали нюхать. И объятия. Как были железобетонными, так ими и остались.
«Пипец! – молнией пронеслось в голове. – Не подействовало! Магия не подействовала! Неужели эта тварь тоже устойчива к ней, как и киллос? Чем ее еще «ударить»? «Копье праха»? «Сиреневый ужас»? Может, «увидеть» ее глазами целителя и попробовать остановить сердце?»
В это мгновение меня закончили нюхать и, видно, приняли какое-то решение. Зубы разомкнулись и пошли в разные стороны, оставляя между собой тянущиеся ниточки слюны.
Сейчас меня будут жрать!!!
Понимая, что на создание еще одного заклинания у меня времени просто нет, я рванулся что было силы, пытаясь вырваться. Тщетно! Лапы, руки, или чем он держал меня, этот монстр, были у него словно стальные. Моего рывка он даже, похоже, не заметил.
Хана, понял я, продолжая биться в захвате, попасть в другой мир, чтобы быть сожратым какой-то зубастой скотиной! Нет, я так не согласен!
Внезапно навалившееся на меня тело вздрогнуло, и зубы мотнулись куда-то в сторону, издав громкое шипение. Захват ослаб, и я забрыкался с удвоенной силой, одновременно пытаясь вздохнуть. Словно идя навстречу моим пожеланиям, вражеское тело внезапно слезло с меня, дав полную свободу действий. Не обращая внимания на недостаток воздуха в легких, я постарался как можно быстрее оказаться на ногах. Вскочил, огляделся. Рината! Стоит передо мной, закрывая, с поднятым вверх шотаном в руках, чья половина лезвия – черная в слабом свете луны. Кровь? В пяти шагах перед Ри в позе гориллы, упершись передними конечностями в землю, сидит… что-то. Что-то сидит. Непонятных очертаний темная фигура, в которой хорошо различимы только руки и белые зубы. Это что-то, пригибая голову к земле, угрожающе шипит. Чувствую, что еще мгновение – и бросится!
Быстро, как только могу, ставлю «щит», с таким расчетом, чтобы прикрыть им и себя и варгу. В этот миг тварь бросается вперед. Мелькает отблеск на стремительно упавшем клинке Ри. Удар! Пока я летел до земли, почему-то вспомнился боулинг. Шар врезается в две одинокие кегли… А еще я вновь успел подумать: а как же «щит»?
Бумс!
Я больно шмякнулся спиной на землю, словно мешок картошки. Приподнял голову и посмотрел – где враг? Рядом, шагах в трех, «штука с зубами» прижала к земле Ринату и, навалившись на нее, плющит, как меня пару мгновений назад. Здорово! Пока ей не до меня, быстро соображаем – что делать? Магия? В кого из них я попаду? Наверняка – в обоих! Да и как-то магия на пришельца не подействовала… только время потеряю. Чаки достать? А удар лапой по морде? Больно шустр зубастик! Рината явно быстрее меня, – а вон не увернулась! Пока он ею занят, попробую-ка я иное…
Я опустил голову к земле, закрыл глаза и сосредоточился. Чужак в моем внутреннем взоре «пошел слоями». Кожа, мышцы, кости… Это – не имеющая отношения к делу фигня… Мне нужно его сердце! Где? Не вижу… Упс! А что оно там делает? И какое-то маленькое… О, а их у него даже два! Интересно… Ладно, потом, а то из Ри щас уже кишки полезут!
«Тянусь» к этим двум быстро пульсирующим синим комкам. Чем «тянусь»? Не знаю, но чем-то «тянусь» и, «схватив» их, сжимаю. «Вижу», как по нервам врага прокатывается буро-коричневая волна боли. Зубастик бросает душить варгу и отскакивает от нее.
Стой! Ты куда это собрался? Я еще не закончил с тобой!
Опасаясь, что тварюга рванет куда-нибудь в сторону и я потеряю с нею «контакт», что есть силы сдавливаю ее сердца. Видно, поняв, кто ее атакует, туша разворачивается зубами в мою сторону.
Э… э-э? Э-э! А умереть? Блин! Сколько может прожить его мозг без кислорода? Может, ему вполне хватит времени, чтобы поквитаться со мной?
Тварь подобрала под себя свои конечности, явно готовясь к прыжку. Если она шлепнется на меня сверху, то я превращусь в блин! К черту сердца! Нужно выносить мозг!!!
Прыгнуть она успела. Мозг ее я раздавил в воздухе. Пока она летела, я торопливо откатился с места ее предполагаемой посадки. Тварь рухнула буквально рядом со мной, оставшись неподвижной горой мяса.
Какой я ловкий! Ох, спина моя, спина! Че это там подозрительно хрустит… Ладно, вроде все двигается, подробности потом! Сейчас не до этого! Может, еще кто зубастый бродит рядом! Или помощь кому нужна?
Словно в ответ на эти мысли слышу сбоку кхекающие звуки. Поворачиваю голову. Рината, кашляя и, видно, не в состоянии подняться на ноги, на четвереньках ползет в сторону валяющегося на земле ее меча. Раз ползет – значит, ничего страшного! Я вон вообще на земле валяюсь! И не жалуюсь… Можно пока не обращать на нее внимания и поискать врагов и остальных варг. Где… все?

Нашлись варги. Все живые и целые. Врагов не нашлось. Как оказалось, их всего было двое. Два каких-то непонятно-невнятных мутанта, с серыми телами человеческих пропорций, увитых рельефами мускулов. Еще у них были большие головы с выпуклыми белесыми глазами без зрачков, выглядевшие так, словно они незрячие. А еще были зубы. Большие зубы в пасти. Пасть – во всю морду. Все это я рассмотрел, осветив тушу «фонариком», сделанным мною еще в подземелье первого телепорта. Солидно выглядела зверюга, солидно. То, что мы отделались лишь парой трещин в ребрах Ри и синяками на моей спине, было сущей ерундой. Наверное, причиной тому стало то, что твари не использовали своих зубов, а занимались какими-то «обжималками». Одну из них, пока мы с Ри веселили ее товарку, зарубила Кира с остальными варгушами. Причем довольно быстро и просто это у них вышло. Ну в четыре клинка – оно, конечно, проще. Это не магией в магически устойчивую гадость «пулять»!
– Почему они так странно нападали? – спросила вслух Анжи, не обращаясь ни к кому конкретно.
Прошел уже час с лишним после нападения. Мы все сидели вокруг костра, над которым висел котелок с водой под чай. Трупы агрессоров были осмотрены, окрестности «обшарены» на предмет наличия в них дополнительных враждебных организмов. Никого найдено не было, уровень адреналина в крови упал, и захотелось спать. По крайней мере, мне. Тем более что рассвет только наклюнулся светлеющей серой полоской на горизонте. Я решил глотнуть немножко чаю и пойти доспать остаток ночи. Сейчас, вот только вода закипит…
– Не знаю, – ответил я Анжи, пожав плечами, – может, им не хватало любви и ласки… Вон как Ринату страстно к земле прижимали… В душе они – белые и пушистые, а снаружи – мордой не вышли. Вот и мыкаются, горемыки, по миру в поисках любви…
С противоположной стороны костра на меня зашипела Ри. От моей помощи она отказалась. Наверное, не стоило говорить, что мне нужно осмотреть ее грудь… Нужно было сформулировать свой запрос по-другому, ибо я имел в виду лишь ее грудную клетку… Но, увы, мир несовершенен, и каждый понимает другого только в меру своей испорченности… Короче, в доступе к телу мне отказали. Хотел я ей сказать, что то, что она именует своей грудью, меня интересует мало, но вспомнил черную кровь на ее клинке и как она стояла, закрывая меня, и промолчал. Без затей и без разрешения «посмотрел» ее ребра и убрал боль. Больше ничего делать не стал. Посмотрим, как быстро на ней заживет. Без моего вмешательства…
– Может, поговорить хотели, – продолжил я генерить идеи по поводу монстров, в ожидании чая, – а может, обездвижив, хотели подсадить эмбрион…
– Кого подсадить? – переспросила Илона.
– Личинку. Под кожу. Или еще куда. Такую белую, извивающуюся, блестящую и противную… И она бы жила в твоем теле, потихоньку выедая тебя изнутри… И ты бы знала это, но ничего не могла поделать… А потом, раздирая кожу и мышцы, весь в крови и слизи, из тебя вылез бы монстр…
– Фу! – брезгливо передернула плечами Кира и спросила: – А что, это правда? Откуда ты знаешь?
– Предполагаю, – вновь пожал я плечами с философским видом, – это же твари пустоши… От них – ничего хорошего ждать не следует…
Краем глаза я заметил, как Рината, стараясь делать это незаметно, стала ощупывать свои ребра.
Дырку от личинки, что ли, ищет, лениво подумал я, Сихот, какая мне, право, дурь приходит в голову… на заре. Что значит не выспался! Ладно, лягу сейчас, посплю. Может, утро будет получше ночи?
Однако утро оказалось еще внезапней, чем ночь. Только в данный момент я этого еще не знал.

Утро

– Кашка! С мясом!
Рината, опасно-близко придвинувшись к костру, с удовольствием втягивала носом запах из весело булькающего над огнем котелка.
– Отодвинься, – сказала Анжи, – подгоришь… Или котелок в костер свернешь!
– Вот тогда мы ее точно – убьем! – отреагировала на ее совет Илона. – Да и вообще – стоит ли ее кормить?

– Это еще почему? – не поняла Кира.
– А вдруг она – заразная? Вдруг у нее этот… эм-би-рион внутри? Зачем продукты зазря переводить? Все одно ей помирать…
– Да у тебя самой этот эм-би-рион! – возмутилась Ри.
– Ничего у меня нет, – высокомерно ответила Ил, задрав нос, – я под монстрами не валялась!
– Ах, ты!
– Прекратить! Прекратить обеим, – устало приказала Кира, – вы уже достали, честное слово. Давайте спокойно позавтракаем и ляжем спать.
– Хи-хи, – хихикнула Дана, – позавтракать и лечь спать!
– Можешь не завтракать, – хмуро посмотрев на нее, сказала Кира, – спи так. Но лично мне с полным желудком спится гораздо лучше, чем с пустым!
– И мне… и мне, и мне! – раздалось со всех сторон в поддержку командира.
– Мне тоже, – присоединилась к общему мнению Дана.
– А если да – тогда не хихикай!
– Просто странно… Варить на заре кашу, чтобы поесть и лечь спать…
– Есть можно всегда, – веско ответила Ри Дане, – в этом нет ничего странного. Было бы что…
– Да, – поддакнула Ил, – это точно. Странно – это как раз тогда, когда жрать нечего. Интересно, с чего это наш архивариус вдруг расщедрился? И крупа, и мясо, и масло! Даже хлеба дал. Что это с ним?
Илона покосилась в сторону клубящегося в отдалении белого облака, в котором спал тот, о ком зашла речь.
– Может, наконец дошло, что он ведет себя как мерзкий скот? – ворчливо предположила Ри.
– Мм… – задумчиво отозвалась Кира, – Ри, не нужно так грубо. Особенно в момент, когда у нас вроде появились какие-то отношения. Он понял, что без нас ему не выбраться. Он же сказал, что магия на этих уродов не подействовала. А наши шотаны – замечательно подействовали! Вот он и понял.
– Хе-хе… – издевательски похихикала Илона. – Зря Ринатка все же ему сиськи не показала, когда он просил! Еще бы крепче отношения стали. Может, даже у него баночка меда нашлась бы… Дал бы, чтобы только больше их никогда не видеть…
– Да я тебя!..
– Отставить! Илона, наряд по кухне вне очереди!
– Да че я? Я ничего…
– Боец, повторите приказание!
– Наряд по кухне… Есть, госпожа командир!
– И прекрати задирать Ри! Ты меня поняла?
– Так точно!
Илона приложила руку к голове, отдавая приветствие вышестоящей по званию. Кира скептически искривила уголок рта.
– Почти готово, – сообщила кашеварящая Дана, видно, желая перевести внимание присутствующих на еду.
– Аальста – будим? – деловито спросила Илона, вытирая руки о свои штаны.
– Не знаю, – сказала, поколебавшись, Кира, – он вроде спать собирался…
– А если… нет? Не спит? – наклонившись вперед, тихо произнесла Анжи и сделала Кире «глаза».
– Хорошо, я пойду посмотрю, – вздохнула Кира, – если не спит, то приглашу.
Она с неохотой встала с нагретого теплого бревнышка, на котором сидела, и направилась к облаку. Обычно оно накрывало Аальста целиком, не позволяя видеть, чем он там внутри занимается, и Кира собиралась, подойдя, «почувствовать», бодрствует ли он, чтобы приглашать, но в этот раз все было по-другому. Подойдя, она увидела, что облако как-то «растащилось» в стороны, прикрывая лежащего в нем лишь тонким, полупрозрачным туманом. А в нем, а в нем…
– Эй! Ты кто такая? – изумленно воскликнула Кира, не веря своим глазам.
Услышав голос командира, варги, сидевшие у костра, замерли, дружно повернув головы в ее сторону. Златовласая девушка, разбуженная криком, медленно подняла веки, дрожащие кончиками длинных ресниц. Из-под них на Киру взглянули два сонных изумруда.
– Кто ты такая? – громко повторила свой вопрос Кира. – И где Аальст?
Девушка несколько мгновений, недоуменно моргая, смотрела на нее, видимо просыпаясь, затем подняла перед собой свои руки и, замерев, с удивлением уставилась на них.
– Куда ты дела Аальста? Где он? – вновь спросила Кира, не дождавшись ответа.
Девушка перевела на нее взгляд со своих рук и вдруг, резко сев, завизжала.

– А-а-а-а-а-а! – кричала она. – Он обещал жениться! На мне! Утром! А сам – сбежал! А-а-а-а-а! Я опозорена! Моя семья! Я не смогу вернуться домой! А-а-а-а! Он обманщик! Я не переживу стыда! Лучше смерть! А-а-а-а!
Девушка соскочила с постели и, легко увернувшись от растерявшейся Киры, помчалась к обрыву над озером, причитая во весь голос.
– Держите ее! – закричала Кира, опомнившись и бросаясь за ней вдогонку.
Варги вскочили на ноги и кинулись выполнять приказание. При этом кто-то из них задел рогульку, на которой висел котелок, и тот рухнул в костер, окутавшись шипящим облаком пара.
– Каша! – закричала Дана.
– Держи! Держи! – кричала Кира, подгоняя подчиненных.
Хоть варги и быстро бегают, но они не успели. Опередив их шагов на пять, девушка со струящейся по ветру волной золотых волос добежала до края обрыва и, сильно оттолкнувшись, рыбкой сиганула в воду. Когда Кира подбежала к обрыву, внизу по поверхности озера расходились лишь большие круги. Златовласки нигде не было.
– За мной! – скомандовала Кира подбежавшим подчиненным и, подавая пример, первой прыгнула вниз.
Поколебавшись несколько секунд, они горохом посыпались следом…
Полчаса спустя мокрые, злые, голодные и задрогшие варги мрачно тащились по склону вверх, к лагерю. Вода капала с их одежды и хлюпала в сапогах.
– Щас бы пожрать! – мечтательно произнесла Анжи, выражая общее желание. – И обсохнуть! А потом – поспать…
– Ага, пожрать! Аж три раза! – зло отозвалась Илона. – Рината котелок опрокинула!
– Да ты что?! – не поверила ей не видевшая этого момента Анжи и повернулась к Ринате. – Что, правда?
– Просто я ногу отсидела, – пробурчала та, отводя взгляд. – Вскочила, а меня качнуло…
– Пожрали!.. – от души ругнулась Анж.
– Ри, почему ты такая корова? – обращаясь к Ринате, спросила Илона. – Может, у тебя точно эм-би-рион?
Рината промолчала, глядя в сторону и плотно сжав губы.
– Аальст неизвестно куда делся. Еду теперь тоже неизвестно где брать, – продолжила Илона и предложила: – Думаю, будет справедливо отдать Ри то, что она вывалила в костер, а себе – сварить новую кашу!
– Никто ничего отдельно есть не будет! – отрезала Кира. – Испорченную кашу – используем как приманку для рыбы. Сейчас Дана начнет варить заново, а мы станем искать Аальста. Не мог же он бесследно исчезнуть!
– Что, даже сушиться не станем? – мрачно спросила Илона.
– Аальст – наш охраняемый. Он исчез. Наша главная задача – найти его и взять под охрану! Ты что, не понимаешь? – вопросом на вопрос ответила ей Кира.
– Да слинял этот Аальст, – сказала Илона. – Дал продуктов и, пока мы тут слюни над кашей пускали, потихоньку ушел к порталу. И все! Я тебе сразу говорила – нужно было нормально к нему относиться! А ты позволяла Ринате его бесить! И он решил уйти один. Без нас! Что мы теперь в Этории говорить станем? Да и вообще… Кругом одна пустыня! Как мы отсюда выберемся? Без еды, без воды… И порталом никто пользоваться не умеет!
На несколько шагов по склону установилась тишина. Все хмуро шагали, молчаливо обдумывая ситуацию.
– А откуда тогда эта девка взялась? – спросила всех Кира, не ответив Илоне. – Он что, сходил за ней через портал на вечеринку? Привел, то-се с ней сделал – а потом сбежал? И никто ничего из нас не слышал?
– Он – маг, – возразила ей Анжи, – они много чего умеют…
– Может… эта девка – это тот самый… эмбирион? – предположила Рината.
– В смысле?
– Ну на него же тоже нападали, – пояснила свою мысль Ри, – и действительно что-то подсадили? Вот – результат!
– Ха-ха-ха! – громко засмеялась Илона. – Аальст превратился в девушку! Ха-ха-ха! Какая глупость!
– Ну тогда, – набычившись, произнесла Рината, – эта девка – хозяйка тех монстров, которых мы убили. Она подкралась к Аальсту и… и… съела его!
– Бред, – отрезала Кира.
– Почему бред, – запротестовала Ри, – почему бред? Это же пустоши! Тут всякое может быть!
– Бред – потому, что нет следов, что его съели. Там бы все в крови было. А во-вторых – зачем ей тогда топиться?

– А может, она… в озере живет?
В этот момент варги подошли к костру, еще слабо дымящемуся отдельными тонкими струйками дыма, с лежащим в нем на боку закопченным котелком.
– Эх! – вздохом полного разочарования вздохнула на всю округу Илона, взглянув на эту катастрофу.
– Ха-ха-ха! – внезапно совсем рядом прозвучал веселый, звонкий смех. – Как водичка, девочки?
Шагах в десяти от костра, рядом с кустами, в воздухе появилось белое облако, в котором, скрестив поджатые под себя ноги, сидела девушка, бросившаяся в озеро. Незнакомка откровенно потешалась, разглядывая мокрых варг. При этом она энергично чесала большой расческой перекинутый через плечо пук золотых волос, да так, что, казалось, треск от раздираемых зубьями волос был слышен за километр отсюда.
– А что, разве варги купаются в одежде? – продолжала она смеяться над окаменевшей пятеркой. – Вот уж не думала. Вид у вас – как у мокрых кошек!
– Кто ты такая? – воскликнула Кира, выхватывая шотан и направляя его в сторону зубоскалки. – И куда делся Аальст?
– Аальст? – переспросила златовласка и насмешливо приподняла бровь. – А зачем вам Аальст? Я ведь красивее! Давайте я вам его заменю?
– Ты зубы не заговаривай! – Вокруг Киры уже выстроились варги с обнаженными мечами, направленными в незнакомку. – Быстро отвечай: кто ты такая и куда ты дела архивариуса? Мы – его охрана! Мы отвечаем за него!
– Вот как? Значит, подопечного потеряли? Вот в чем причина вашей нервозности! А я думал, у вас к нему что-то более… Ха-ха-ха!
– Да, он наш подопечный! И сейчас ты быстро ответишь – где его найти и кто ты такая. Ну?
Кира шагнула вперед, сделав угрожающий финт клинком. Внезапно ее что-то резко дернуло снизу, и земля ушла из-под ног. Через мгновение она обнаружила себя висящей в воздухе вниз головой. Оглянувшись на испуганные вскрики, она увидела в таком же положении своих подчиненных – висящими вниз головами.
– Мм? – вопросительно приподняв брови, промурлыкала златовласка, перестав драть расческой свои изумительные волосы. – Насилие? Признаю лишь один его вид. Тот, что направлен от меня к другим. К себе – не приемлю. А Аальста… А Альста искать не нужно… Он – это я. Просто… В несколько ином виде…
С последними словами сила, держащая варг за ноги, аккуратно опустила их на землю и исчезла.
– Брр! – сидя на земле, очумело потрясла головой со спутанными мокрыми волосами Кира и вытаращилась на незнакомку. – Это что, шутка?
– Шутка? – переспросила златовласка, задумчиво отставив в сторону руку с зажатой в ней расческой. – Ну почему же шутка?.. Просто я, скажем так, бываю разным… с виду… Но одним и тем же – внутри.
Девушка, претендующая быть Эриадором, вновь принялась расчесывать свои волосы.
– Этого просто не может быть! – категорично произнесла Кира, не сумев уложить у себя в голове услышанное.
– Бывает, – отозвался вроде-Аальст и усмехнулся. – У всех свои недостатки, знаешь ли… Дана, ты не могла бы мне расчесать волосы? А то я уже замучился их драть, – секундой спустя попросила незнакомка Дану.
Та молча отрицательно помотала головой.
– Вот так всегда, – сварливо произнесла попросившая, пытаясь при этом не улыбаться. – Делаешь добро, делаешь, а потом помощи не дождешься…
– Ты – не Аальст! – резко произнесла Дана. – Я тебе ничего не должна!
– Как всегда – сам, все сам… – улыбаясь, ответила ей златовласка. – Ладно, переживу!
С этими словами она закинула волосы за спину, куда-то дела расческу и шагнула на землю из облака, тут же исчезнувшего за ее спиной. Кира обежала глазами наряд незнакомки и пришла к выводу, что он весьма странен и необычен. Короткие белые сапожки на высоком каблуке – явно не приспособлены для хождения по земле. Короткие белые штанишки, не достающие даже до середины бедра… Комары и слепни ведь сожрут, ветки ноги исцарапают! Да и неприлично в таком виде… Короткое белое что-то сверху, оставляющее голым живот… В таком только по помещению ходить. В лесу, у костра, все быстро запачкается!
Златовласка меж тем, обойдя по дуге сидящих на земле и собирающих «мозги в кучку» варг, подошла к костру и остановилась.
– А что вы тут такое готовили… адское? – спросила она, глядя на опрокинутый котелок у своих ног.
– Какое? – переспросила Дана.

– Внезапное, – не менее непонятно пояснила странное слово девушка.
– Это Рината уронила, – со злорадными нотками в голосе сообщила Илона. – А варили мы – кашу! С мясом!
– М-да, – разочарованно поджав губы, произнесла златовласка. – Выглядит более чем неаппетитно. А я бы не прочь позавтракать. Ладно. Выкиньте эту и варите другую. Когда вернусь, я еще больше проголодаюсь!
– Вернусь? – вскинулась Кира. – Куда вы пойдете? Мы будем сопровождать!
– Вряд ли это у вас получится, – улыбнулась златовласка, с хлопающим звуком раскрывая за спиной огромные белые крылья. – Ну? У кого еще есть такие?
Ответом было потрясенное молчание и пять открытых ртов.
– Ну раз крылья есть только у меня, то я полечу один. А вы – варите кашу! Еще на один раз у вас там есть.
– А ты, – обернулась златовласка к Ринате, – держись от еды подальше! Вот тебе!
Она достала из воздуха маленький керамический горшочек.
– Смажешь свои синяки. Быстрее будут рассасываться. Потом остаток отдашь Дане. Чай будете пить.
– Что… это? – спросила Ри, глядя круглыми глазами на горшок.
– Мед.
– Ха-ха-ха! Мед! Ха-ха-ха! – внезапно зашлась в приступе истерического смеха Илона, закрыв лицо ладонями. – Мед! Ха-ха-ха!
Златовласка несколько секунд посмотрела на хохочущую Ил и недоуменно пожала плечами, не поняв причины ее смеха. Затем поставила мед на бревнышко у костра и, взмахнув крыльями, резко подпрыгнула в воздух…

Эри

Ветер! Ветер бьет в лицо, качает меня, задирает вверх большие белые перья на краях крыльев.
– О-го-го! Е-ге-гей! – кричу я в полный голос.
Все равно никого рядом нет. Высота – километра два. Штопор я кручу примерно с шести, оттуда, где крылья держать перестали. Какой кайф! Какая скорость! Нет, с полетом ничто не сравнится! Когда я проснулся сегодня утром и обнаружил, что я вновь – Эриэлла, я, честно говоря, обалдел!
«Что же это такое? – подумал я. – Тогда все случилось по пьяни, случайно, и я ведь уже давно вернулся в тело Эриадора! Почему я опять – эльфийка? Что, меня теперь постоянно туда-сюда мотать будет? Ну здрасьте! На такое я – ну никак не согласен! И как я теперь в столицу вернусь? В меня же сразу все вцепятся! От императора до эльфов… Про трактирщиков, с их разгромленными питейными заведениями, я уж и не говорю…»
Крылья, внезапно на фоне грустностей в голове вспыхнула яркая мысль, у меня ведь теперь есть крылья, и я могу вновь летать! Крылья – бьют все! Все неудобства, все печали и тревоги!
Настроение резко скакнуло вверх, и, конечно, я не удержался от того, чтобы не пошутить над варгушами. Уж больно глаза у них круглыми были. Изобразил подружку Аальста, соблазненную обещанием жениться, но подло брошенную наутро коварным ловеласом. Немного позавывал, заламывая руки, а потом сиганул с обрыва, изображая самоубийство. Они полчаса в озеро ныряли! Меня искали! Ха-ха-ха! Рано утром, в холодной воде… Брр! Мне даже их немножко жалко стало, когда они взбирались по склону к лагерю. В облипшей одежде, дрожат. Ну точно – кошки мокрые! Сам-то я, используя одно из заклинаний Абасо для общения с природой, вышел сухим из воды. В буквальном смысле этого слова. Потом, опять же используя его заклинание «маскировка», незаметно отошел от озера, поднялся в лагерь и сел, ожидая, пока они «накупаются». Разговор с вернувшимися варгами добавил настроению еще пару плюсов. Настолько, что я расщедрился и презентовал им банку меда, чтобы они попили с ним чай и не охрипли после купания. С чего Илона вдруг начала истерически ржать – я не понял, но это мелочи. Узнаю. Никуда они не денутся. Сейчас есть вопрос важнее – как отсюда выбраться? Причем вместе с варгами. После ночного происшествия я решил – Сихот с ними! Возьму с собой. Пропадут без меня, бестолочи… Да и, если что, врагов со спины сковырнут. Оказывается, местные мутанты – весьма устойчивы к магии. Кто бы мог подумать! Хотя если подумать… Раз их создавали для борьбы с магами, они и должны быть «магоустойчивыми»! Иначе любой, даже самый плохонький, волшебник на раз-два-три котлет из них навертит! Так что беру варг с собой! Пригодятся! А по поводу того, что они могут рассказать, что я превращаюсь в эльфийку… Так тут ничего сложного! Нужно просто пойти к этим самым эльфам и сказать, что я –

посланница! Но иногда меня «глючит», и я бываю человеком… Хм, интересно, поверят мне или нет? А почему бы и нет? Рассказать, как я разговаривал в храме с Алатари, как подарили крылья… Это ведь все можно легко проверить. А то, что я иногда «перекидываюсь» в человеческое тело… На то воля богини, пути которой неисповедимы! И пусть только попробуют что-то возразить! Главное, в момент разговора быть в образе эльфийки. И с крыльями. Там еще что-то про пророчество болтали, о котором лер императору говорил. Думаю, проблем с признанием меня посланницей богини не будет… А император и трактирщики… Так можно сразу в эльфийский лес направиться! Минуя этих обиженных… Зачем они мне? Не, не нужны! А в Вечном лесу плотно займусь целительством, решу проблему деторождения эльфов и буду требовать с Алатари награду. Интересно, в полгода я уложусь или нет? А вдруг? Короче, нужно быстрее выбираться из этих песков и заняться делом…

Я переложил крылья на другой бок, закладывая плавный вираж. Прямо по курсу был оазис. Так высоко в небо я поднялся с одной целью – посмотреть, насколько реально пройти пешком через пески? Результат оказался отрицательным. На самом верху, сквозь дымку, я разглядел на севере синие горы, с белыми вершинами, на юге – зеленое море, а влево и вправо – до горизонта одни пески. Расстояние до моря и гор я оценил где-то в пару сотен километров и решил, что ну его, к Сихоту, такие прогулки! Жара, песок, да еще монстры, которые, как пить дать, будут из-под каждого камня выскакивать! Совершенно непонятно, кого они тут жрут, в этой пустыне, но раз приходят в оазис – значит, что-то ведь находят? И судя по габаритам последних гостей, или того же киллоса, находят достаточно много, чтобы вырасти до опасных размеров. Поэтому идти через пески лучше не надо. Есть, правда, еще один вариант… Засунуть варг в свой «мешок», а самому – крылышками, крылышками и долететь! Но в этой идее тоже не все так просто. Во-первых, пока я буду лететь, они прикончат все мои запасы… Хе-хе… Шутка!

Если серьезно – я не знаю, как «сработает» абасовское хранилище на пять варг плюс их длительное пребывание в нем. Нескольких разбойников я в него, правда, уже засовывал, но это было на короткий срок, и они были людьми. А у меня – варги! Как там магия на них отреагирует? Да еще им ведь придется находиться в нем долго! Не буду же я каждый час приземляться на бархан и выпускать их «подышать»! Ерунда какая-то будет, а не полет. И никакой гарантии, что в один прекрасный момент я не обнаружу вместо пяти варгуш – пять трупов… А на эксперименты время тратить не хочется. Проще и быстрее воспользоваться телепортом. Ну и что, что он старый? Тот же – сработал? И этот сработает… как надо. А там – взлететь и осмотреться. Может, от «Семерки» до края пустыни будет ближе? А еще я хочу поговорить с Уртришем. Его можно вызвать и тут, чуть отлетев в пустыню. Хочу показать ему большой камень из телепорта и узнать – есть ли у него такие? А для этого нужно будет хоть один, но вынуть из арки. Смогу ли я потом вставить камень обратно? И будет ли телепорт после этого работать? Если нет, то получится, что я сам отрезаю себе один из возможных вариантов отхода из этой пустыни. И тогда придется тащиться по пескам пешком либо ставить на варгах опыты… Кажется, с Уртришем будет лучше пообщаться в «Семерке». Может, она где-то в населенных землях находится? В каком-нибудь заброшенном подземелье? В этом случае вообще можно будет все камни из того телепорта вынуть. А на поверхность из подвала я уж как-нибудь выберусь… А может, мне Уртриша грохнуть? Варги будут отвлекать, я буду бить… Интересно – справлюсь или нет? Бассо сейчас не тот… Но если бы получилось – было бы хорошо. Ладно, посмотрим… по обстоятельствам!

Я заложил еще один вираж, целясь в появившийся в пределах видимости лагерь.

У костра

– Я сплю? – спросила вслух Анжи, продолжая неотрывно смотреть в точку на небе, где последний раз мелькнули белые крылья. – Если да, то почему вы все в моем сне?

– Хотела бы я тоже это знать, – мрачно ответила ей Кира, переводя свой взгляд с неба на Илону, утирающую ладонями со щек слезы смеха.

– Ну и что за «хохотун» на тебя напал? – спросила она ее.

– Да с баночкой меда… Что, разве не смешно? – ответила Илона, от удивления даже перестав вытирать слезы.

– Мне вообще не смешно, – кисло ответила Кира, – мне уже страшно становится, когда я думаю о том, что будет завтра.

– А завтра мы будем вытаскивать Ил из постели крылатой девки, – прищурясь, мстительным голосом произнесла Рината. – Тоже будет смешно!
– Это с чего это вдруг? – подняла голову Илона.
– Ну она же сказала, что она – Аальст! Значит, полезешь!
– Ты че, дура совсем? Что я, парня от девушки не отличу? Она – не Аальст!
– А кто тогда? – спросила Кира.
– Я знаю, – сказала Дана, – помните, нам в столице, пока мы там были, про эльфийку рассказывали? С золотыми волосами и крыльями? За ее поимку еще награда была назначена. Сначала десять, потом – двадцать тысяч золотых монет!
– Не может этого быть! – не поверила Анжи. – Как она могла тут очутиться? Империя – там, а мы – вон где!
– Ну ты же слышала, – ответила Дана, – она сказала, что разная бывает… То как Аальст, то как… эльфийка…
Кира нахмурила лоб и замолчала, видно, пытаясь представить, как это может происходить в реальной жизни. Остальные тоже нахмурились, напрягая воображение.
– Да ну, ерунда какая-то! – решительно махнула рукой Анжи после продолжительного молчания. – Аальст не может быть эльфийкой!
– Почему? – обернулась к ней Кира.
– Ну потому что… не может, и все тут! У них нет ничего общего! Эльфийка – это утонченное создание, нежное, доброе. Тонко чувствующая прекрасное… А Аальст – хам, грубиян и наглец! Эгоист, любящий дурные шутки. Это два совершенно разных характера. Поэтому Аальст никак не может быть эльфийкой!
– М-да, – скептически отозвалась Кира, – и много ты, Анжи, эльфиек знаешь?
– Ну – смутилась та, – в книгах о них так пишут…
– А знаете, почему была назначена награда за ее поимку? Я тоже вспомнила, что про нее говорили, – сказала Рината.
– Почему?
– Она разнесла гномий кабак, да так, что в нем только стены остались!
– Да ну! – не поверила Анжелина, изумленно глядя на Ри.
– Ага. А еще она устроила драку в трактире у орков. Причем всех орков тогда повыбрасывали в окна и двери, а от трактира тоже мало что осталось… А потом она летала всю ночь по столице и везде устраивала драки…
– Эльфийка? Не может быть!
– Может, может. Или ты думаешь, что за нее просто так столько золота предлагают? Все хотят убытки покрыть.
– А я слышала, она какое-то пророчество сделала… – произнесла Дана.
– А, – махнула на нее рукой Рината, – ерунда все это! Все из-за денег!
– М-да? – скептически отозвалась Кира. – И что из этого следует? Из сказанного тобой? При чем тут Аальст?
– А при том, что только посмотришь на него – и веришь! Он может пьянку устроить! И подраться в подворотне! А эльфийка – тоже дралась и пьянствовала!
– Ты… хочешь сказать… что они… ведут себя похоже? – медленно, делая паузы, произнесла Кира.
– Да!
– Ну-у, я в общем-то не знаю, как ведет себя Аальст в трактирах…
– А та драка, когда с ним хотели поквитаться его же сокурсники? Та магесса в красной мантии!
– Там драки не было…
– Если бы мы не вмешались – была бы! Он даже однокурсников достал! Не только нас!
– Наверное, что-то в этом есть, – кивнула, соглашаясь, Кира, – в твоих рассуждениях. Но все равно этого мало, чтобы вот так взять и поверить! Доверять – нельзя! Нужно все проверять!
– И как будем проверять? – насторожилась Анжи.
– Для начала – попробуем найти Аальста!
– Где, опять в озере? – обреченно спросила Илона.
– Почему в озере? – не поняла Кира.
– А где его еще тут можно спрятать? Кусты жидкие, пещер нет… Только в озеро и закинуть…
– Да мы его в кустах даже еще и не искали! – возмутилась командир пятерки. – И уже нытье! А в озере – никого нет! Мы ведь только что проверили!
– Хвала богине, – закатила вверх глаза Илона, – купание отменяется! Давайте тогда сначала чаю попьем! Если Аальст валяется где-то под кустом с перерезанным горлом, ему уже все

равно – сейчас мы его найдем или полчаса спустя. Правда, давайте чаю попьем! С медом! А то у меня все внутри трясется от холода! А? И кашу сварим.
– А вдруг мед отравлен? – предположила Рината.
– Что, хуже Аальста – только Дарг? – ухмыльнулась ей в ответ Илона. – Ты совсем, подруга, уже того… Бредишь наяву!
– Сама ты бредишь! Может, он увидел, что тайна эльфийки раскрыта, и решил отравить свидетелей? – поочередно глядя на всех круглыми глазами, предположила Рината.
– Вот на тебе и попробуем! – широко улыбнулась ей Ил. – Я с удовольствием тебя подержу, пока Дана будет тебя медом пичкать!
Протеже
– Как я выгляжу?
– Госпожа смерть, как всегда, прекрасна!
Коин склонился перед Хель, отвешивая ей с шутливой грацией поклон, принятый у смертных.
– Госпожа смерть прекрасна как смерть! – выпрямившись, скаламбурил он.
– Понятно, – хмыкнула Хель, – нормального комплимента от тебя не дождешься…
– Вполне нормальный комплимент, – пожал плечами Коин. – Извини, но в этом костюме я тебя уже видел. И не один раз.
– Традиции, – вздохнула Хель, – пророчество их побери! Появишься перед смертными в чем-то новеньком – так ведь еще не признают!
– Чаще появляться нужно, – посоветовал Коин, – чтобы в лицо узнавали.
– Вот еще! – фыркнула Хель. – Я тебе что, девочка на побегушках, что ли?
– Тогда не жалуйся. Ты куда?
– Протеже мою отравить хотят. И ведь отравят, если не вмешаюсь.
– Это кого? – прищурился Коин. – Терскую, что ли?
– Ее, ее.
– А кто?
– Императрица обмолвилась о своем желании «никогда ее больше не видеть» одному из старших магистров Белого ордена. Вот тот и решил проявить инициативу. Благо ее желание совпадает с его.
– И ты решила вмешаться?
– Слушай, ну я ведь ей цветок подарила! Если она тихо-мирно загнется от бутылочки яда, как я буду после этого выглядеть? А? Похоже, внизу забывают, кто истинные хозяева мира! И что значит «отмеченные богами»!
– На люди чаще нужно выходить, – буркнул Коин, – тогда и забывать не будут. А то станет как с прежними…
– Вот я и собираюсь освежить людскую память, так сказать… Да и избранный наш наверняка огорчится, если его подружка вдруг ко мне попадет. Повода для любви к нашему миру у него от этого не прибавится. Еще подумает, что я специально это сделала…
– И что ты намерена предпринять? Бойню?
– Небо с тобой, Кои! Какую еще бойню? Когда я их устраивала? Это Марсус у нас умелец по организациям массовых кровопусканий. Я так… Больше поговорить… о будущем. Просто хочу попросить, чтобы ее не трогали. Как ты думаешь – послушают?
Богиня смерти с совершенно невинным выражением на лице обернулась к Коину от большого, в рост, зеркала, в котором себя разглядывала. Разве что только глазами не похлопала.
– Ха-ха-ха! – рассмеялся тот, посмотрев на ее лицо. – Даже не знаю, что тебе на это ответить! Прислушаются ли смертные к просьбе Хель? Да, вот это действительно вопрос! Умеешь же ты пошутить!
Богиня смерти ухмыльнулась.
– Пусть бегает, – сказала она, имея в виду Стефанию. – Совсем рано ей еще ко мне. Может, у нее с избранным что-то все же выйдет? Заодно и поговорю с ней о нем.
– Не боишься?
– Возмездия? А я использую идею Марсуса – ничего требовать от нее не буду, но намекну. Пусть решает сама.
– Ты тоже голубков наших подслушиваешь?
– Кои, что за слова! «Подслушиваешь»! Фи… Еще скажи – подглядывала!
– Ладно, ладно. А что Сатия? Руками махала, судьбу Терской меняла – а теперь ее травят! Куда она смотрит?
– С этой маразматичкой вечно ничего не понятно, – ответила Хель. – Придет, понаплетет своих линий, понаплетет… А толком ничего не скажет! Может, у нее там записано, что я вмешаюсь? Ладно, пора! Я пошла!
– Я посмотрю?

– Попробуй…

Студенческая столовая. Перерыв на обед между занятиями

В зале за длинными столами было полно студентов в разноцветных мантиях, весело, под разговоры, уничтожающих пищу. Лишь за единственным небольшим столиком в углу, кроме девушки в черной мантии, никого не было. Она сидела одна, сосредоточенно о чем-то думая и меланхолично ковыряя вилкой в тарелке.
– Не стоит это пить…
От голоса, внезапно раздавшегося рядом, Стефания, протянувшая было руку к стакану с компотом, вздрогнула. Что-то было в этом голосе… такое… Странное… До мурашек по спине. Стефи резко повернулась – опять шутки какие-нибудь? Повернулась – и обмерла. Рядом, у столика, стояла высокая стройная женщина в черном мужском костюме, поблескивающем серебряными нитями. Но не это и не эфес клинка слева на ее поясе вызывал оторопь при взгляде на незнакомку. Нет! Совсем не это!
Необычными, приковывающими к себе внимание были волосы. Ослепительно-белые, именно белые, а не седые, длиною до лопаток, уложенные в аккуратную прическу, они создавали чувство острого дискомфорта. Стоило их увидеть, как сразу становилось понятным, что тут что-то не то! И еще – взгляд. Взгляд прозрачных глаз на молодом лице незнакомки был пугающим.
– Почему? – растерянно спросила Стефания, разглядывая женщину.
– Первая часть двухкомпонентного яда, – негромко ответила та, – лучше этого не пить.
– Яд? – не поверила Стефи. – Но откуда вы знаете? И кто… вы такая?
В это время в зале заметили появление незнакомки. Гул голосов начал стихать. Сидящие за столами стали поворачиваться и замирать, разглядывая женщину с белыми волосами.
– Я? – хмыкнула женщина. – Кто я такая? Очень мило… Ну я бы поняла, если бы тут были одни необразованные крестьяне. Но тут все же университет! Чему же вас учат? Что, никто не знает, кто я такая?
Последний вопрос женщина задала, обращаясь к замершему залу. Ответом ей была полная тишина.
– Хм, – хмыкнула незнакомка и с насмешкой произнесла, приподняв брови: – Задаю господам студентам наводящий вопрос! Кто знает, какое имя носит этот меч?
В то же мгновение клинок, висевший у нее на поясе, оказался в ее руке. Прозрачное, словно из стекла, чуть изогнутое лезвие казалось окутанным легкой дымкой.
– Дхами! – потрясенно выдохнул в тишине чей-то мужской голос, опознавший легендарное оружие. – Хель!!!
Что тут началось! Опрокидывая столы и стулья, визжа женскими и мужскими голосами, студенты бросились на выход. В дверях мгновенно образовалась давка. Кто-то, видя, что через толпу им не пробраться, но имея опыт улепетывания после драк в трактирах, разбил табуретами окна и попрыгал в них, прямо со столов. Через десять секунд в зале остались только Хель и Стефания.
– Однако, – произнесла богиня смерти, убирая клинок в ножны и оглядывая опрокинутую мебель, разбитую и разбросанную по полу посуду. – Тоже мне, будущие маги! Никто не смог поприветствовать богиню! Нужно будет спросить вашего ректора – что он думает по этому поводу? А ты говоришь – почаще! – произнесла она, обращаясь непонятно к кому и глядя куда-то в сторону. – Видишь, какая реакция!
– Богиня…
Стефания вышла из-за стола и опустилась на одно колено, низко опустив голову.
– Ну хоть кто-то… – обернулась к ней Хель. – Но тоже неправильно! Преклонять одно колено предо мною могут лишь члены правящих династий и маги. Все остальные – преклоняют оба колена. Ты – не из императорской семьи и пока не маг, поскольку лишь учишься. Поэтому…
Стефания молча опустилась на колени перед богиней.
– Хорошо, встань! – наконец приказала Хель после нескольких секунд молчаливого разглядывания коленопреклоненной фигуры. – Я хочу с тобой поговорить. Но чуть позже. Думаю, что сейчас сюда прибежит господин Мотэдиус спасать своих учеников. Чтобы не прерываться, подождем, а потом – спокойно займемся нашими делами…

Кабинет ректора

– Господин ректор! Господин ректор!! Там Хель!!!

Запыхавшийся студент с безумным выражением и кровью на лице ворвался в кабинет ректора университета. Из-за его спины в дверной проем заглядывал испуганный секретарь.
– Где? – резко откидываясь на спинку кресла, спросил Мотэдиус.
Некоторое время назад он почувствовал присутствие чего-то такого… непонятного. Могучего и пугающего. Он как раз занимался анализом своих ощущений, пытаясь их понять, как в кабинет к нему ворвались.
– В столовой! Она в студенческой столовой! Богиня смерти!
– Иду! – воскликнул ректор, вскакивая с кресла и хватаясь рукой за предательски кольнувшее сердце.

– Богиня…
Старый архимаг движением, исполненным полного внутреннего достоинства, неспешно опустился на правое колено перед Хель.
– Лучше «госпожа», – ответила Хель, глядя сверху вниз на Мотэдиуса. – Или «Темная госпожа». Мне так больше нравится. Встаньте, господин ректор. Ваш поклон принят.
Мотэдиус так же неспешно, как и опускался, поднялся с колена. Действо происходило на крыльце столовой, куда пожелала выйти Хель, заявив Стефи, что в разгромленном зале «слишком пахнет едой». Слева, из-за колонны осторожно выглядывала Стефания. Далеко позади ректора, сбившись в толпу, стояли встревоженные студенты и преподаватели. Мотэдиус успел перекинуться с ними несколькими словами и знал, что все живы и богиня настроена миролюбиво.
– Господин ректор, хочу выказать вам свое недовольство тем, как поставлено обучение в вашем университете… – произнесла Хель, дождавшись, когда тот распрямится.
– Готов выслушать все ваши претензии, Темная госпожа… – Мотэдиус почтительно склонил голову.
– Не касаясь уровня знаний, получаемых вашими подопечными на занятиях, поскольку у меня не было возможности его оценить, скажу о другом. О протоколе поведения дворян. С этим у вас все плохо! Я бы даже сказала – ужасно! Лишь одна студентка попыталась, кстати, тоже неправильно, но хоть как-то попыталась поприветствовать меня, как принято в высшем обществе. Остальные – словно стадо баранов, взялись давиться в дверях, пытаясь выскочить первыми. Господин ректор! Подобное поведение ваших учеников не делает чести вашему университету. Неужели, когда его посещает император, в этих стенах творится что-либо подобное?
Качнув головой в сторону главного здания, Хель показала, какие стены она имеет в виду.
– Прошу простить, Темная госпожа, – произнес малость порозовевший Мотэдиус, – вы правы – подобное поведение совершенно недопустимо! И мне очень и очень жаль, что мои ученики показали себя с не самой лучшей стороны. Искренне сожалею и прошу простить их за такое поведение, госпожа! В качестве оправдания скажу, что они хоть и выглядят взрослыми, все еще, собственно, дети в душе. Ваше внезапное появление оказалось слишком сильным впечатлением для них. Поэтому среагировали они по-детски. Испугались и убежали…
– Неужели я такая страшная, господин ректор? – с некой долей лукавства в голосе поинтересовалась Хель, вопросительно приподняв правую бровь.
– Вы, госпожа, отнюдь нет! Но ваша слава… прошу уж меня простить…
Ректор развел руками.
– Да, прошлое – оно неотделимо от нас… – кивнула Хель. – Что ж, у меня сегодня хорошее настроение, и я дам вашему университету возможность реабилитироваться. Скажем, через четверть часа в главном зале. Надеюсь, этого времени вам хватит, чтобы объяснить вашим студентам, как нужно приветствовать богиню?
– Да, Темная госпожа, вне всякого сомнения! Смею надеяться, что вы соблаговолите сказать им несколько напутственных слов…
– Господин ректор своего не упустит? – хмыкнула Хель.
– Прошу меня простить, госпожа, но подобные события происходят совсем не так часто. Даже совсем не происходят, если мне не изменяет память. Вне всякого сомнения, случившееся будет запомнено его свидетелями на всю их жизнь!
– Да, встреча со мною – самое яркое событие жизни! – фыркнула Хель. – Хорошо, я подумаю о вашей просьбе, господин ректор. Однако пора. У меня есть еще дело, но думаю, много времени оно не займет. Стефания, иди сюда.
Хель вытянула правую руку к девушке и поманила ее к себе движением пальцев. Та подошла, робко держа перед собой опущенные вниз руки со сцепленными пальцами и нервно покусывая нижнюю губу.
– Пойдем!

С этими словами богиня чуть кивнула в сторону. В ответ на это движение в метре от нее в воздухе возник слабо мерцающий матовой поверхностью овал высотой где-то метра в три. От толпы студентов, издали глазевших на происходящее, раздался дружный вздох.
– Пойдем, – еще раз повторила Стефании Хель, делая шаг к овалу.
– Э-э… у-у-у… – издала невнятные звуки Стефи, не двигаясь с места и с ужасом глядя на висящий в воздухе портал. Ноги у нее внезапно отказали.
– Что? – не поняла Хель, оборачиваясь. И, поняв, улыбнулась: – Боишься?
– Э-э-э… Нэ-э… На-а… – пролепетала неслушающимися губами Стефания.
– Не бойся, – вновь улыбнулась Хель, – эта дверь не ко мне. Она к тому, кто желает твоей смерти. Неужели ты не хочешь его увидеть? Скажем ему пару слов, а потом вернемся в университет. Или ты не веришь моим словам?
– Верю… – прошептала Стефания, взглянув в глаза Хель и делая робкий шажок вперед.
– Тогда – идем! – улыбнулась Темная госпожа.

Белый орден

Верховный магистр Белого ордена, в прошлом – граф Гайнц Гензбург, неспешно, с остановками, двигался вдоль замершего строя молодых паладинов, внимательно вглядываясь каждому в лицо. На оружие и доспехи он внимания особо не обращал. Экипировка – это просто вопрос наличия денег. Главное – дух и вера! Вот этого как раз не купить ни за какие деньги…
Яркое солнце с голубого неба щедро заливало светом большой двор, отражаясь зайчиками от сверкающих доспехами шеренг. Гайнц проводил ежегодное торжественное построение. В строю стояли те, кто в этом году впервые получил плащ паладина.
– Неплохо, неплохо, – вдруг раздался за спиной магистра незнакомый женский голос. – Но до легиона молодых волков легата Тибия им все же далеко…
Удивленный Гайнц обернулся на голос. Молодая женщина в черном мужском костюме, с мечом у пояса, оценивающе, с прищуром смотрела на строй воинов. Рядом с ней – девушка в черной мантии магического университета. «Стефания Терская!» – узнал он возмутительницу спокойствия столицы.
«Но что она тут делает? – подумал магистр, разглядывая внезапных гостей. – И как они сюда попали? Присутствие темной магессы на построении светлых паладинов? Весьма дурная шутка! И кто эта женщина, которая так уверенно держится? Ее волосы… Удивительные белые волосы… Никогда таких не видел!»
– Простите, госпожа, – вежливо произнес магистр, обращаясь к незнакомке. – Не имею чести знать вас. Кто вы такая и как сюда попали? Сожалею, но посторонним сюда вход воспрещен!
– Действительно, похоже, все уже тут напрочь забыли, как я выгляжу, – с легкими нотками недовольства в голосе произнесла женщина. – Хорошо, я представлюсь. Хель, богиня смерти. Можете, граф, называть меня «Темная госпожа»…
Гайнц услышал, как за его спиной зашевелился строй, звякая металлом оружия и доспехов. Паладины поворачивали головы и наклонялись, нарушая строй, чтобы посмотреть на ту, которая так спокойно объявила себя богиней смерти. На секунду растерявшись, магистр торопливо принялся соображать – что могло значить подобное заявление? Если это шутка, то шутка… весьма дурно пахнущая! А если не шутка…
Тут глаза магистра встретились со взглядом женщины. И он понял – это не шутка! Проглотив внезапно ставшую вязкой слюну, граф сделал шаг вперед.
– Чем обязан, госпожа?
– Хм, – насмешливо хмыкнула в ответ Хель. – А что, и тут мне не получить причитающихся знаков почитания и уважения?
– Видите ли, светлая госпожа, наш орден не почитает и не уважает смерть. Более того, извините, конечно, но мы ее – презираем. Поэтому – увы, этих знаков я выказать вам не могу… – стоя прямо, как палка, ответил Гайнц, при этом ощущая холодок страха, вьюном струящийся по спине.
– Темная госпожа, – поправила магистра Хель, окинув его внимательным взглядом.
– Что, простите?
– Темная госпожа. Я Темная госпожа, а не светлая.
– Да? Прошу простить мне мою оговорку, Темная госпожа. Вы… пришли за мной?
– Слишком много чести, магистр, слишком много чести… Возможно, это удар по вашему самолюбию, но вы ничего такого не совершили в жизни, чтобы за вами явилась лично я. Вы придете ко мне сами, как и все остальные простые смертные… И довольно скоро… – добавила, взглянув на него с прищуром, Хель. – Впрочем, у вас еще есть время…

– Сколько? – голосом, внезапно давшим «петуха», просипел Гайнц.
– Спроси Сатию, – усмехнулась Хель, – это по ее части судьбы плести… У меня к тебе другое дело, граф Гензбург…
Внезапно у всех смотрящих на Хель в глазах как-то «моргнуло», и они увидели богиню смерти сидящей над ними в черном кресле с высокой спинкой, к которому вели многочисленные полукруглые ступени длинной лестницы.
– Верховный магистр, ты знаешь эту девушку? – спросила Хель, величественным жестом руки указывая сверху на растерянную Стефанию.
– Да, Темная госпожа, – ошарашенно глянув на Стефи, ответил магистр, задирая голову.
– Это моя подопечная. В знак того, что я ее отметила, я подарила ей Черный цветок на испытании. Ты наверняка слышал об этом, не правда ли?
– Да, Темная госпожа, слышал, – ответил Гайнц.
– Тогда я хочу знать, верховный магистр, почему твои люди смеют поднимать на нее руку? На нее, избранную мной? Или мне считать, что твой орден бросает мне вызов?
– Э-э… Бе-э… Ме…
Магистр, выпучив глаза, издал ряд звуков, которые никак нельзя было отнести к разумным.
– Я совершенно не понимаю, о чем вы говорите, Темная госпожа! – наконец собрался он с мыслями. – И думать не думал бросать вам вызов! Но кто посмел поднять руку на избранницу? Кто этот идиот?
– Вот он…
С последним словом, произнесенным Хель, из воздуха выпал мужчина в мантии Белого ордена, с ошалевшим видом судорожно сжимая в правой руке блестящую ложку.
– А-а-а, магистр Вэй! – опознал в выпавшем своего коллегу верховный магистр. – Обедаете?
– Э-э… Да!
– Приятного аппетита.
– Спасибо… Что… происходит?
– Это вас я хочу спросить – что происходит? Госпожа Хель жалуется, что вы ведете себя неподобающим образом по отношению к ее подопечной!
– Жалуюсь? – искренне удивилась с высоты своего трона Хель. – Я? Жалуюсь? Магистр, прошу вас следить за тем, что вы говорите. Иначе я и впрямь решу, что меня тут недостаточно уважают.
– Э-э… – проблеял покрасневший верховный магистр, лихорадочно соображая, как выйти из глупой ситуации, в которую сам себя загнал.
Неожиданно на помощь ему пришел магистр Вэй.
– Я все равно тебя не боюсь! – громко прокричал он, сделав шаг в сторону Хель и высоко подняв вверх руку с зажатой в ней ложкой. – Не боюсь! Я поклоняюсь божеству сияющего света Гендальтону Светлому и нахожусь под его покровительством! Да, это я, я приказал ее отравить! Потому что темным нет места на земле!
Вэя колотила крупная дрожь, но стоял он прямо, гордо задрав подбородок.
– Браво, магистр! – ответила Хель, сделав несколько неспешных хлопков ладонями. – Браво! Вижу, что с воспитанием фанатиков Белый орден справляется на «отлично». Даже смерти не боятся… Высказать в лицо Хель все, что думаешь, и умереть героем… Такой простой и ясный путь к славе… Хм… А как дела у маленькой Адели? – неожиданно меняя тему, спросила Хель, обращаясь к магистру. – Твоей внучке через месяц исполнится три года, не так ли?
Казалось, что вся кровь разом отлила от лица магистра. Оно стало белым-белым, как мел.
– А ее мать, твоя дочь, очень ее любит, ведь правда? – спокойным голосом продолжила Хель. – А ты души не чаешь в них обеих… И их потеря лишит твою жизнь всяческого смысла… Я права? Вижу, что права, магистр. Понимаешь, Вэй, для того чтобы стать мертвецом – совершенно не обязательно сначала умереть. Порой для этого достаточно всего лишь потерять что-то дорогое. И тогда смерть станет не проклятием, а желанным благом… Но ведь я могу и не принять тебя, смелый магистр… Это в моей власти… Вечность страданий, в которых повинен только ты…
Хель сделала паузу, неспешно разглядывая магистра своими прозрачными глазами. Во дворе стояла мертвая тишина.
– Что же ты молчишь? – вновь заговорила Темная госпожа.
Магистр ничего не ответил. Глазами, полными ужаса, он смотрел на богиню, не в силах вымолвить ни слова.
– Я вижу, Вэй, что ты только что осознал: у всех есть привязанности, потеря которых может быть весьма болезненной… Поэтому – совет. Когда в следующий раз будешь что-то делать, попробуй сначала подумать, что творимое тобой вполне может кому-то не понравиться… Ведь ты уже немолод, магистр, пора бы уже начинать думать…

Поняв, что богиня его прощает, Вэй рухнул на колени и зарыдал, закрыв лицо руками. Металлическая ложка, выпав из его руки, со звоном покатилась по серым камням двора. Хель чуть приподняла бровь, и Вэй исчез.
– Ложку забыл, – сказала Хель и посмотрела на нее. Ложка тоже исчезла.
– Впрочем, думаю, аппетита у него сейчас – никакого… Значит, так, – веско произнесла богиня, обращаясь к верховному магистру. – Девочка находится под моим покровительством. У нее есть предназначение, кроха которого не стоит всей вашей возни, целиком взятой. Поэтому доведи до всех своих магистров, паладинов и послушников: Стефания – избранная. Моя избранная. И все, кто замыслит что против нее, – будут иметь дело лично со мной. Это понятно?
– Да, госпожа! – сделал глубокий поклон верховный магистр.
– И в следующий раз, вполне возможно, таких разговоров, как сейчас, я разводить не стану. Кто меня знает, в каком я буду тогда настроении… Это тоже понятно?
– Да, Темная госпожа!
– Замечательно. Тогда не буду больше отвлекать вас от ваших занятий. До встречи, господин верховный магистр! Она непременно состоится.
– До встречи… – прошептал Гайнц, таращась на пустое место, где буквально мгновение назад стоял трон с Хель. – До встречи…

Университет

Четыре серебряных горна у входа в парадный зал имперского университета магии слаженно и звонко пропели, извещая о появлении на входе особо важной персоны.
– Богиня смерти госпожа Хель! – громко, на весь зал возвестил от двери мажордом и, видимо, от переполнявших его чувств три раза ударил посохом в пол, да так, что показалось, люстры в зале качнулись.
Женщина в черном костюме и с белыми, как снег, волосами сделала шаг в сторону и что-то негромко сказала мажордому.
– Богиня смерти госпожа Хель с подопечной! – мгновением позже возвестил он, вновь попытавшись пробить посохом паркет.
…По красной «императорской» парадной дорожке, расстеленной по центру сверкающего желтым паркетом зала, скользя взглядом по лицам, неспешно шла Хель. В двух шагах позади нее, с полуобморочным выражением лица и на подгибающихся ногах, тащилась Стефания. При их приближении выстроившиеся торжественным построением студенты и преподаватели дружно преклонили колена, приветствуя богиню смерти и ее подопечную… Хель с высоты откуда ни возьмись появившегося трона оглядела множество лиц, смотрящих на нее снизу вверх, и сделала паузу.
– Ваш уважаемый ректор не упустил такого момента и попросил меня сказать вам несколько напутственных слов…
Богиня смерти улыбнулась уголком рта, глянув на стоящего Мотэдиуса, гордо выпрямившего спину при ее словах.
– Что ж, господа студенты, это меня не затруднит. Скажу вам просто и кратко – торопитесь жить! Торопитесь! Жизнь – она не настолько длинна, как порою кажется. Можете уж мне поверить. Поэтому спешите успеть сделать задуманное вами. Из-за моей завесы возврата нет…
Темная госпожа тяжелым взглядом неспешно обвела замерший зал.
– Это, пожалуй, самый лучший совет… Самое лучшее напутствие, которое я могу вам дать…
Богиня еще помолчала, давая произнесенным словам лучше улечься в сознании слушателей, и продолжила:
– Итак, просьба здешнего хозяина выполнена, а теперь – маленький подарок гостьи. Не пугайтесь. Я просто немного направлю на вас свою божественную силу. Вы, способные чувствовать магию, почувствуете…
Стефания, стоящая на самой первой ступеньке круговой лестницы, ведущей к трону Хель, внезапно ощутила, как что-то, словно легкое дуновение ветерка, коснулось чего-то внутри нее. Коснулось и отступило… коснулось и отступило… коснулось… отступило… Оставляя после каждого касания ощущение чего-то волнующего, яркого… Чего-то такого, чего ей в жизни никогда не приходилось испытывать! Неожиданно легкий ветерок превратился в ровный сильный поток, который, казалось, затопил и пронзал все тело насквозь, заставляя его трепетать, биться и задыхаться в водопаде неведомого прежде ощущения силы и мощи. Это было – как с Динием! Это было – как с Эри! Так – и одновременно не так! Казалось, нет ничего, что было бы не по плечу! Ничего, что было бы препятствием на пути! Хотелось

взлететь! Ринуться вперед! Сокрушать горы, разрывать небо! Ветер, полет, восторг, сила! Вперед! Только вперед!
В унисон мыслям и желаниям Стефи в зале раздались победные и воинственные крики. Судя по ним, ликующие студенты переживали те же чувства, что и она, и тоже были переполнены жаждой деятельности.
– Дж-ж-ж… щ-щ!
Огненный шар отнюдь не маленького размера вылетел откуда-то из задних рядов учащихся и врезался в верх одной из беломраморных колонн, поддерживающих потолок. Все на мгновение замерли, таращась на черное пятно и змеящуюся трещину, образовавшуюся на колонне. Еще мгновение тишины – и тут зал как прорвало! Сосульки, огненные шары, водяные плети, камни студентов с кафедры магов земли обрушились на ни в чем не повинные колонны. В зале началось сущее безумие. Переполняющая студентов энергия требовала себе выхода. Стефания, где-то краешком затылка понимая, что делать этого нельзя, тем не менее тоже поучаствовала в этом шабаше, при этом с удовольствием отметив, что одним своим заклинанием она выбивает одну колонну. Студентам же требовалось множество попаданий, прежде чем им удавалось ее разрушить.
– Гр-р-р… ды-ых! Ды-ых! Дыш! Дыщ!
Пол и стены содрогнулись от могучих ударов. Горизонтальные балки, державшие потолок, внезапно лишившись опоры из-за упавших колонн, посыпались вниз, увлекая за собой половину крыши. В образовавшееся отверстие хлынул солнечный свет.
– Гм… – задумчиво произнесла Хель, переводя взгляд с угрожающе раскачивавшихся вверху в разные стороны огромных люстр на гору камня и дерева внизу. – Пожалуй, пора… Здесь становится пыльно и шумно…
Она еще раз взглянула на поднимающееся облако серой пыли на месте рухнувшей крыши, на продолжающих швыряться заклинаниями студентов, на Стефанию – и исчезла. Вместе с троном и Стефанией.

На площади

– Что? А? Где мы? – растерянно пролепетала Стефи, озираясь по сторонам и чувствуя, как из тела уходит пьянящее ощущение силы, делая мир вокруг тусклым и серым.
– Студенческая площадь, – коротко ответила Хель.
После ее слов Стефания узнала место. Да, это площадь недалеко от входа в университет. Вон знакомые дома, вывески трактиров… Только присутствует некая странность… Они с Хель находятся в каком-то большом пузыре, тонкой, чуть переливающейся прозрачной пленкой ограждавшем их от внешнего мира. Причем, похоже, снаружи их не видели. Вот две женщины прошли совсем рядом. Одна из них посмотрела прямо на Стефи и пошла дальше, продолжая беззвучно для девушки разговаривать с подругой, никак не выказав, что она кого-то увидела.
– Что это? – спросила Стефания, указывая рукой на пленку. – Зачем мы тут?
– Зачем? – начала с последнего вопроса Хель. – За тем, что у меня есть желание поговорить с тобой и выпить чашечку коффая. Давно я тут не бывала… А невидимость…
Невидимость – чтобы переодеться. Ни твоя черная мантия, ни мой официальный костюм не способствуют малозаметности. А мне хочется просто немного побыть среди людей…
Стефания ахнула, увидев, как после этих слов богиня превратилась в молодую симпатичную девушку в красивом, кремового цвета платье. Снежно-белые волосы Темной госпожи исчезли. Вместо них появилась копна каких-то легкомысленных светлых завитушек.
– Ну как? – спросила Хель, глядя куда-то за спину Стефи.
Стефи оглянулась. Позади нее в воздухе висело огромное зеркало в широкой серебряной оправе. В зеркале отражались две девушки. Одна – в кремовом платье и с завитушками на голове, а другая… В другой – яркой брюнетке в платье аквамаринового цвета – Стефи не сразу признала себя.
– Мне кажется, неплохо… – не став повторять вопроса, Хель самостоятельно оценила отражение в зеркале. – Можно выходить!
С легким шелестящим звуком отгораживающая от мира пленка исчезла, и Стефи стала слышать звуки города, раздающиеся вокруг.
– Пойдем зайдем в «Жирного борова»! – сказала богиня, кивком указав направление. – Триста лет назад в нем было неплохо… Посмотрим, как там теперь. О, вывеску, я вижу, уже сменили… Как быстро летит время!
– Ой! – внезапно ойкнула Стефания, которой совершенно неожиданно вспомнился разгром парадного зала. – Университет… Я же там… Меня ведь накажут!

– Ты это про что? – с легким недовольством в голосе спросила, обернувшись, уже шагнувшая вперед Хель. – Про дырку в крыше, что ли? Забудь. Все правильно. Или ты думала, что в память о своем посещении я оставлю два тонких деревца, собственноручно посаженных у входа? А может, двух белых кроликов, подаренных кафедре целительниц? Нет уж, дорогая! Я все же богиня смерти и разрушения. И следы оставляю после себя соответствующие!
– Так вы… все знали наперед? – ошеломленно спросила Стефания. – Что так выйдет?
– Наперед все знать – скучно, – ответила богиня, – и неинтересно. Если честно, то я не знала, чем именно все закончится… Рухнувшая крыша – это сущая ерунда по сравнению с тем фактом, что ректор Мотэдиус пригласил в гости Темную госпожу… Ах-ха-ха-ха!
Стефи зябко повела плечами.

Университет

– Светлые боги! Это… это же – все! Все, все разрушено! Все, что создано столетиями непосильных трудов, – погибло! Крыша рухнула! Окна выбиты! Стены – треснули! Паркет – уничтожен! Парадный зал – уничтожен! Это катастрофа! Это кошмар!
Главный эконом, стоя у кучи мусора и воздев руки туда, где раньше была крыша, легко и свободно выплескивал обуревавшие его чувства. Рядом с ним стояла толпа припорошенных пылью и слегка смущенных преподавателей во главе с ректором.
– Это просто уму непостижимо! Непостижимо! Меня охватывает ужас, когда я пытаюсь представить сумму, необходимую на то, чтобы все тут восстановить! Смертельный ужас! И именно в тот миг, когда бюджет давным-давно уже сверстан и все средства выделены и расписаны до конца года! Нет! Нет, я просто отказываюсь верить своим глазам, когда вижу все это! Кто?! Кто ее сюда пригласил?! Кому могла прийти в голову столь бредовая идея? Где?! Где эта убийца?! Дайте! Дайте мне ее! Для начала я посмотрю ей в глаза! А потом я продам ее со всеми потрохами на каком-нибудь невольничьем рынке! В каменоломни продам! Ну?! Где эта идиотка Терская?!
– Гм, гм, – прочистил горло Мотэдиус, с грустным лицом стоявший рядом. – Право, не стоит столь эмоционально, господин главный эконом… Поберегите сердце…
– Что значит поберегите сердце, господин ректор? Вы видите эту трагедию?
Эконом сделал широкий круговой жест рукой, обводя зал.
– Видите? Этот ужас! Этот кошмар! Я специально не пошел, когда мне сказали, что Терская привела в университет Темную госпожу! Что там смотреть, ибо все у нее будем! Прибежал лишь на грохот, в тщетной попытке что-то спасти! И вот вы, стоя практически на руинах, говорите мне – ничего страшного? Не-э-э-эт, господин ректор! Не-э-э-эт! Этого так оставлять нельзя! Кого она притащит в следующий раз, а? Может, бога войны? Тогда мы с вами точно сразу в голом поле окажемся! Если вообще останемся живы! Я думаю…
– Замолчите, господин главный эконом! – веско произнес Мотэдиус. – Госпожу Хель пригласил выступить я!
– Вы?
– Да, я!
Немая пауза длилась несколько секунд. Господин эконом, открыв рот, смотрел вытаращенными глазами на своего начальника.
– Это было… э-э-э… несколько опрометчиво… э-э-э… с вашей стороны… э-э-э… господин ректор, – наконец произнес он, собравшись с мыслями.
– Пожалуй… да! – с сокрушением в голосе согласился Мотэдиус.
– Мм… а ничего после Хель не осталось? – уже деловым тоном поинтересовался у окружающих пришедший в себя эконом. – Вещички там какой-нибудь? Безделицы, что она держала в руках? Отличный бы вышел артефакт! Нет, да? Жаль, очень жаль! Ладно, тогда можно будет поставить у стены пару остатков колонн, из тех что пострашнее… А между ними – повесить мраморную доску с надписью, что это здание такого-то числа и такого-то года было уничтожено богиней смерти… Думаю, поток любопытных к этому месту не иссякнет! Господин ректор, а давайте я найду деньги на ремонт, а вы – разрешите проведение экскурсий? Платных, разумеется!

В трактире

– Да… многое поменялось… за каких-то триста лет… Подумать только!
Откинувшись на спинку стула, Хель с задумчивым видом изучала обстановку трактира. Хоть ее лицо было серьезным, в голосе была слышна легкая насмешка.

Стефания, сидящая рядом с ней за столиком в ожидании, когда принесут сделанный заказ, поежилась. Она уже поняла, что, когда богиня шутит, – лучше всего рядом не находиться.
– Но это не суть. Главное, чтобы коффай остался прежним, – продолжала неспешно говорить Хель. – Хотя вряд ли… Раньше все было лучше…
Взгляд богини, закончив путешествовать по трактиру, остановился на Стефании.
– Я хотела с тобой поговорить, – произнесла Хель, внимательно глядя на свою подопечную.
– Э-э-э… а-а-а… у-у-у… – произнесла Стефания, чувствуя, как под взглядом прозрачных глаз богини ее душа проваливается в пятки. На что-то более умное ее не хватило.
– Знаешь, мне не нравятся все эти штуки, которые ты проделываешь…
– Какие? – робко спросила Стефания.
– Пьешь то, что гасит в тебе новую жизнь…
Поняв, что имеет в виду богиня, Стефи вспыхнула и залилась краской. Чего-чего, а разговора на подобную тему с богиней смерти она ну никак не ожидала!
– Видишь ли, – меж тем спокойно продолжила Хель, – вполне возможно, это может показаться тебе странным, но я – отнюдь не жажду смертей и убийств, как зачастую болтают глупые люди. Судьба каждого смертного записана у Сатии. И то, когда он умрет, и то, как он умрет, определяет, собственно, она. Я же всего лишь принимаю тех, чей срок настал. Не более того. Сама представь, что было бы, если бы люди не умирали? Если бы это вдруг случилось, то на земле в самом скором времени просто не осталось бы места! Я уж не говорю о пище и воде для всех…
Стефи попробовала себе это представить.
Ну да, через секунду подумала она, действительно, где столько еды взять?
– Поэтому, – продолжила Хель, – из всего сказанного выходит, что я храню и поддерживаю жизнь в этом мире. Ты согласна с тем, что я говорю?
– Да, – кивнула Стефания, – господин Мотэдиус рассуждал об этом на своих лекциях.
– У вас достаточно умный ректор. Так вот, все это я тебе рассказала для того, чтобы ты поняла, что я заинтересована в существовании жизни не меньше, чем остальные, ибо она дает мне мои силы. Поэтому твои поступки меня огорчают!
– Просто… просто… мне сейчас некогда, – произнесла Стефи, уставившись в стол, – мне нужно выучиться… И потом… Все так непросто!
– Просто – только у кошек, – согласно кивнула Хель, – и то… Но все равно. Имей в виду – хочу, чтобы у тебя были дети!
– Прямо сейчас? – испуганно глядя на Хель из-под бровей, спросила Стефи.
– Мм… смотри сама. Однако ты должна подойти к вопросу выбора их отца с особой тщательностью.
– Это… как?
– Ну… Он должен быть подходящим! – уверенно, но вместе с тем с какой-то неопределенностью в голосе произнесла Хель, сделав при этом невразумительный жест кистью руки.
– Для чего… подходящим?
– Подходящим для того, чтобы быть твоим мужем! Все хорошенько обдумай, прежде чем примешь решение!
Стефания с готовностью кивнула. С этим она была полностью согласна. В таком вопросе торопиться совсем не следовало. Особенно сейчас, когда все так еще и запуталось…
– Ну вот видишь, – улыбнулась Хель, – я знаю, что ты – умная девушка!
– А… может, вы мне подскажете, кого выбрать? – с азартом подавшись вперед, озвучила только что пришедшую в голову мысль Стефания. – Вы же богиня! Вы – можете!
– Даже не надейся, – с улыбкой погрозила ей пальцем Хель, – судьбы пишет Сатия. Я давно зареклась влезать в ее кухню. Будет потом опять бегать вокруг меня, стеная и обливаясь слезами, вопить, что я ей все испортила. Нет уж, на это я не пойду! Но поскольку ты моя подопечная, скажу, что на тебя и твоего ребенка есть весьма интересная судьба. Однако это лишь при условии, что ты сделаешь правильный выбор. Большего ты от меня не услышишь, ибо это может изменить будущее, и все будет по-другому, иначе… Ты меня понимаешь?
– Да… но как мне узнать, правильный выбор я сделала или нет?
– Увидим…
В этот момент принесли заказанный коффай и пирожные, не дав Стефании задать тысячу вопросов, которые разом возникли у нее в голове.
– Хм… ничего так, – произнесла Хель, сделав глоток из кружки и вдумчиво продегустировав вкус напитка, – совсем не хуже, чем тогда…
– А можно мне… – начала было Стефания, едва девушка, принесшая коффай, отошла от их столика.

– Все – потом! – прервала ее Хель, выставив вперед ладонь. – Сначала коффай, потом все остальное! У нас в запасе – вечность!
– Ну да… конечно, – вздохнула Стефания, берясь за ложечку.
Однако насладиться сладостями не получилось.
Не успела она добраться до середины пирожного и до половины чашки, как рядом с нею раздался бодрый юношеский голос, да такой громкий, что она прямо подскочила на стуле от неожиданности.
– Пр-р-р-р-рекрасные дамы! Рр-р-разрешите пр-р-р-редставиться! Баронет Ажик Шольски! Потомок славного др-р-р-ревнего р-р-р-рода – Шольских! В будущем маршал – а ныне студент имперской военной академии! Честь имею!
Молодой белобрысый парень в синей форме курсанта академии, держа на согнутом локте правой руки кивер, лихо щелкнул каблуками сапог.
Стефи перевела взгляд на Хель. Та сидела, замерев, зажав в руке десертную ложечку, а на лице у нее было… Нет, не гнев… не ярость… Нет. На нем было искреннейшее, чистейшее недоумение от того, что кто-то ее, богиню, посмел оторвать от коффая вот так запросто, совершенно наглым и беспардонным образом. Видно, она уже забыла, что выглядит в данный момент как молодая девушка. Поняв это, Стефи с трудом удержала попытавшийся вырваться наружу смешок. Нельзя смеяться над Темной госпожой!
Курсант же воспринял воцарившееся за столом онемение как сигнал удавшейся атаки и продолжил наступление, пытаясь развить успех:
– Пр-р-р-рошу пр-р-ростить меня, пр-р-р-рекрасные дамы, за столь бесцер-р-ремонное вторжение, но я был просто вынужден засвидетельствовать свое восхищение вашей неземной красотой! Вы просто не оставили мне выбора!
Правая бровь Хель вопросительно приподнялась. Наклонив голову к плечу, богиня смерти с интересом оглядела задорного юнца.
– Неужели в военной академии ввели курс комплиментов, господин баронет? – закончив осмотр, с иронией поинтересовалась она. – Надеюсь, это не домашнее задание вы сейчас произнесли?
– Как вы могли такое подумать! – возмутился юноша. – Все сказанное мною – от чистого сердца! В академии учат – воевать! У нас нет места всяким изящным политесам! Это в магическом университете могут подобное изучать, в жалкой попытке понравиться женщинам! Нам же этого не нужно! Мы – воины! Мы девушкам нравимся и так. Сами по себе!
– Ого, однако весьма смелое заявление!
– Смелость города берет, леди… Простите, не знаю вашего имени!
– Не спешите, баронет. Я еще не решила – нравитесь вы мне или нет.
– Хочу вам помочь в решении! Позвольте пригласить вас на свидание!
– На свидание? Прямо вот так… сразу?
Хель сделала вид, что удивлена. Однако Стефания видела, что ситуация забавляет богиню.
– В делах любви – промедление смерти подобно!
Баронет вновь щелкнул каблуками, при этом его заметно качнуло.
– Баронет, вы… пьяны? – прищурилась Хель.
– Если только самую малость! Мы с друзьями немножко отметили увольнительную в город…
Курсант кивнул в сторону, указывая на столик в углу, за которым сидели четверо юношей в такой же форме и с улыбками следили за своим другом.
– …А опьянел я от вашей красоты! – закончил Ажик.
Богиня развернулась, наклонила голову к правому плечу и из-под бровей посмотрела в глаза Стефи.
«Нет, ты видала?» – так перевела Стефи для себя этот взгляд.
– Сожалею, баронет, но я вынуждена ответить отказом. – Хель вновь повернулась к внезапному ухажеру. – Рано вам еще настаивать на свидании со мною.
– Рано? – не понял тот. – Что значит «рано»? Вы же уже взрослая девушка! Или вы считаете меня юнцом?
– Ажик, берите пример со своего прадеда, – мягко произнесла богиня, не став прояснять вопрос возраста, – генерала армии Рика Шольски. Вот он ко мне на свидание не спешил. Помните, как он говорил себе и своим солдатам: «Рика костлявая фиг дождется!» Весьма бравый был генерал, надо сказать.
– Вы знаете историю моей семьи?! – искренне восхитился баронет. – Вы интересуетесь военной историей? Как здорово! Вы потрясающая девушка! Вы непременно должны согласиться на свидание со мною! Непременно!
Пьяные мозги баронета никак не отметили того факта, что прадед давно умер и спешить встретиться с милой девушкой, с которой он сейчас разговаривает, он никак не мог.

– Нет, баронет.
Сейчас
на свидание с тобой я не соглашусь, но чтобы ты не чувствовал себя обиженным, сделаю так, что тебе и твоим друзьям на всю вашу оставшуюся жизнь хватит рассказов –
кого
ты пытался закадрить!

Не успела Стефи моргнуть, как вместо девушки с легкомысленными кудряшками за столом рядом с ней вновь сидела Темная госпожа со снежными волосами и улыбкой вечности на устах. По трактиру словно порыв холодного ветра промчался.
Тишина…
Стефания с интересом смотрела на мгновенно протрезвевшего и побледневшего баронета, ожидая его реакции. К чести того, хоть он и испугался, виду парень постарался не подать.
– Госпожа богиня, – сделал он энергичный кивок, – честь имею! Прошу простить, если невольно позволил себе лишнего, будучи введенным в заблуждение вашим видом!
– Ну ты и на-а-а-аглый, баронет, – манерно протянула Хель, – ну ты и на-а-а-а-аглый… В заблуждение, значит, был введен?
– Так точно! – щелкнул тот каблуками.
– И приветствовать богиню как – тоже не знаешь?
– Знаю, госпожа!
– Темная госпожа. И что же тогда не приветствуешь?
– Предпочитаю умереть стоя на ногах, Темная госпожа!
– Хм… смел, решителен, быстро соображает… Настоящая военная косточка, не так ли?
– В нашем роду все такие, Темная госпожа!
– Знаю, знаю. Хорошо, баронет, иди. Будем считать, что свидание у нас с тобою назначено. Жизнь проживешь – придешь. Я тебя не тороплю. А пока – иди.
– Есть, Темная госпожа! На свидание не опоздаю! Приду – тютелька в тютельку!
– Иди, иди, храбрец. У меня коффай остывает…
Курсант отдал салют, четко повернулся на каблуках и, печатая шаг, промаршировал к выходу. Приятели его, переглянувшись, встали из-за стола, построились, отдали честь Хель и тоже промаршировали следом за ним.
– Военные… – глядя им вслед, с явным одобрением произнесла богиня, – всегда рядом со мною ходят. Уважают… И сразу узнают, в отличие от магов! Ладно, давай коффай допивать, пока совсем не остыл…
В это время трактир опустел, загрустив пустыми столами. Лишь за стойкой замерший толстенький бармен с испуганным лицом никак не мог решить дилемму – бросить свой трактир и бежать, или это недостойно профессионала, когда у тебя такая гостья? Тем более что она вроде и не к хозяину пришла…
– Подойди! – подозвала Хель хозяина, качнув головой.
– Госпожа!
Явно робея, трактирщик подошел к столу и упал на колени:
– Милости прошу!
– Это не ко мне, с милостями. У нас коффай остыл. Можешь что-то с этим сделать?
– К-к-к… Конечно, Темная госпожа! Сейчас все сделаю в лучшем виде! С пенкой! За счет заведения! Вы позволите?
– Ну если за счет заведения… – ухмыльнулась богиня. – Хорошо, можешь встать.
Трактирщик живчиком вскочил на ноги.
– Постой, – остановила его, дернувшегося было бежать к стойке, Хель. – Этот трактир достался тебе по наследству, не так ли? Семейное дело?
– Так точно, госпожа Хель! – отрапортовал тот, повернувшись к богине и зачем-то отдав честь. – Трактир я получил от своего отца, тот от деда, дед – от прадеда. Все в столице знают семью трактирщиков Блюмеров!
– Ну… не только в столице. Я тоже знаю. Помнится, пила я как-то коффай у твоего пра-прапрапрапра… короче – дальнего родственника!
– Да, госпожа богиня! Я знаю. Это одна из наших семейных легенд! Блюдце и кружка, из которой вы тогда пили, хранились как реликвия. К сожалению, в империи случились смутные времена… В столице были волнения. Трактир тогда разграбили и сожгли… чашка и блюдце пропали…
Трактирщик грустно вздохнул и понурился.
– Ничто не вечно под луной, – философски произнесла Хель и секунду спустя, улыбнувшись, добавила: – Кроме меня.

– Да, госпожа, – совсем загрустил трактирщик.
– Не грусти. Все пройдет. Теперь у тебя есть новая реликвия. А к ней прими еще кое-что от меня…
В воздухе внезапно появилась беломраморная плита. Пару раз крутанувшись, она развернулась широкой стороной к богине и замерла. Хель на секунду подняла глаза к потолку, задумалась. Потом усмехнулась и протянула вперед руку с вытянутыми пальцами. В тишине трактира раздался легкий треск, а на поверхности плиты появилась надпись, сделанная словно тонким перышком с черными чернилами:

«В этом трактире готовят отличный коффай! Уже восемьсот семьдесят лет…»

И подпись, с завитушками:

«Хель, Темная госпожа»
.

От удара рухнувшей на пол плиты трактир содрогнулся от подвала до конька крыши, разом звякнув всей своей посудой.

– Ну вот, – с удовлетворением произнесла богиня, с удовольствием взирая на дело рук своих. – Это не чашка. Не сопрут теперь. Да и разбить
мою
плиту будет весьма проблематично… Так, и где же мой коффай? С обещанной пенкой?

Императорский кабинет

– Ваше императорское величество! Ваше императорское величество!
В кабинет хозяина империи всунулась голова всполошенного секретаря. В руке он сжимал листок бумаги.
– Ваше императорское величество!
– Что там еще? – недовольно спросил Хайме, подумав, что еще чуть-чуть – и слово «ворвался» наиболее полно охарактеризует действия секретаря.
– Господин император! Получено срочное сообщение! В магическом университете появилась Хель, богиня смерти!
– Да ну?! – совсем не по-императорски отреагировал Хайме, резко выскакивая из кресла. – И что она там делает?
– Сообщается, что ректор университета архимаг Мотэдиус устраивает для нее почетный прием. А визит ее связан с желанием поговорить со своей подопечной – баронессой Стефанией Терской!
– Терской? – взлетели брови императора. – Ну ничего себе!

Некоторое время спустя

– Ну и зачем ты это сделала? – поинтересовался Коин, вопросительно глядя на Хель.
– А ты как думаешь? – ответила та.
– Я много чего думаю. Думал, ты «по-тихому» просто придушишь отравителей, да и все. А ты – целое представление устроила! Поэтому хочу услышать твое объяснение.
– Объяснение? – пожала плечами Хель. – Да пожалуйста! Думаю, изоляция Терской обеспечена. После всего случившегося к ней никто и на десять шагов не подойдет! Окромя нашего избранного… И ей останется только одно…
– Близко сойтись с тем, кто не будет от нее шарахаться? Так близко, что дальше просто некуда, – подхватил Коин мысль Хель и продолжил: – А потом у них родятся дети, и демон пожертвует собой! Тем более что он с ней уже начал двигаться в этом направлении. Всяких принцев – побоку! Я прав?
– Ну если ты сам все знаешь, зачем тогда спрашиваешь?
– Подтверждение своей правоты приносит удовольствие.

– Кто бы сомневался, – сказала Хель. – Да и потом, нужно было привести смертных в чувство. Хоть немного. Ты знаешь, они действительно забыли, как я выгляжу. Не узнают. Причем интересно. Молодые узнают меня гораздо быстрее, чем старшее поколение. Вроде должно быть наоборот, а вот поди ж ты!
– Да, странно, – согласился Коин. – Это ты имеешь в виду того парня, который пригласил тебя на свидание?
– Ага, – улыбнулась Хель, – обещал прийти. Забавно. Ха-ха! Впрочем, куда он денется…
– А как же Сатия? – спросил Коин. – Она же Терской камни бросала, что-то правила в судьбе.
– А! Еще раз бросит! – скривившись, легкомысленно махнула рукой Хель. – Ей это нравится. Вьють! Вокруг сверкает, переливается, камушки вертятся, крутятся – и все внимают ей, открыв рот. Всем ее балаганным фокусам…
– Понял, – сказал Коин. – Хорошо, посмотрим, что из этого выйдет…

Эри

– Девочки, где мой завтрак?
Мой звонкий голос был преисполнен бодрости и энергии. Еще бы, помаши столько крыльями на свежем воздухе! Сразу энергия и аппетит появятся!
Девочки же в ответ как-то сникли, скучковавшись в плотную группку, настороженно глядя на меня из-под бровей.
– Ну что вы… как неродные, – легкой походкой подиумной звезды, ставя ступни в одну линию, произнес я, направляясь к костру.
Я только что весьма эффектно приземлился, картинно распахнув крыла (удачно не навернувшись с непривычки!).
– Ну-с, что там у вас получилось? – поинтересовался, присаживаясь у костра на облачко и принюхиваясь к запаху, доносящемуся из котелка. – Вижу, что отравительницу вы к продуктам не подпускали, – кивнув, одобрительно произнес я, решив, что запах мне нравится. – Хвалю. Вы уже поели?
– Кто ты такая? – сделав шаг, выступила вперед Кира, сжимая правой рукой рукоять своего шотана.
– Я же уже говорил, – спокойно ответил я, чуть пожав плечами, отметив при этом, что клинка она доставать не стала, видно помня о том, как недавно висела вниз головой, – я тот самый архивариус, которого вам приказано охранять. Просто… немножко в другом виде…
– Этого не может быть! Поклянись, что ты нас не обманываешь!
– Терпеть не могу давать клятвы! – скривился я. – И не вижу причин изменять своим привычкам. Придется вам поверить мне так, на слово. Давай оставим этот разговор. Я хочу поесть и поспать. Илона, ты как, составишь мне компанию в постели? – обратился я к Ил, желая пошутить и помня, как она залезла мне «под бочок». Я был уверен, что откажется. Но она внезапно сделала шаг вперед.
– С удовольствием, – сказала она, пристально глядя мне в глаза.
Так, похоже, что переиграл, нахмурился я, глядя на нахалку, и как теперь? Сказать, что пошутил? Сам вроде пригласил… Но с другой стороны – на кой она мне? Хм, впрочем, можно посмотреть – буду ли я реагировать на нее так же, как Эри? Если нет – то все дело в его теле низшего. Если да – тогда все хуже, и дело во мне… То, что тогда я, будучи эльфийкой, поцеловал Стефи, – не считается. Я был пьян, и на мне была просто иллюзия…
Решено! Проведем эксперимент!
– Отлично, – улыбнулся я в ответ, – сейчас я позавтракаю – и баиньки…
За спиною Ил громко и насмешливо хмыкнула Рината.

Высочайший кабинет

– Терская… Терская, дерзкая… хы-хы-хы-хы-ы…
Пауза.
– Терская… Терская, дерзкая… хы-хы-хы-хы-ы…
Вновь пауза.
Император Хайме, мурлыкая себе под нос какой-то неопределенный мотивчик, держал в руке листок с рисунком, на котором была изображена баронесса. Стефания из-под стилуса Эри вышла очень удачно. Открытый, прямой взгляд черных глаз. Легкая улыбка. Волосы немного вразлет. Рисунок был в папке с документами, лежащей на столе, вместе с отчетами о происшедшем в университете и в городе.

– Терская… Терская, дерзкая…
Хайме вновь промурлыкал, вглядываясь в рисунок.
Да, дерзкая, подумал он, припоминая подробности ее скандала со своей супругой, гордая… И из этого все проистекает…
Император, как обычно, занимался тем, чем обычно занимаются обычные императоры. Думал, «как быть и что делать»? Или, другими словами, планировал.
Первое, неторопливо размышлял Хайме, что приходит в голову, – нужно срочно женить младшего на его пассии. Женить и приглашать Хель на свадьбу!
Император не смог отказать себе в удовольствии еще раз представить выражения лиц всех этих дипломатишек-соседей, и как они выпрыгивают в окна с появлением в зале Темной госпожи.
– Да, – мечтательно произнес вслух Хайме, – это стоило бы увидеть…
Не то чтобы императору так уж они были ненавистны, эти дипломаты.… Не то чтобы он боялся соседей… Империя была способна вести войну, которая, впрочем, весьма нежелательна… Не то чтобы…
Надоели, подумал император, просто надоели! Вся эта их возня, эти их вечные кусь-кусь и гав-гав… Изо дня в день, изо дня в день – одно и то же! А так можно было бы разом все это прекратить. Кто рискнул бы на подопечную Хель, жену моего сына, руку поднять? Вряд ли такие нашлись бы. Тем более что та сама пообещала: «Будут иметь дело лично со мной!» Враз все нашли бы себе другие занятия!
– Но, но, но, – вздохнул Хайме, покачав головой, – ничто не дается бесплатно… Как поведет себя сейчас эта девочка, когда почувствует за своею спиной такую силу, как Темная госпожа? Если она станет членом моей семьи, то все вопросы с ее поведением придется решать мне. А смогу ли я ею управлять? Ах, какой соблазн для заговорщиков – иметь среди себя подопечную Хель! Это же что угодно можно будет творить, прикрываясь ею! Сегодня Терская милая и симпатичная девушка, а завтра она решит, что ее место может быть и повыше, чем жена не наследующего принца… Если сама не додумается – моментом в уши напоют! Уверен. Что потом? Я лишусь старшего сына с невесткой, а Диний станет наследником? Хм, это… мне не нравится… Да и с Ди тоже… Терскую характеризуют как вспыльчивую особу, с чем я в общем-то согласен… Поймает она его как-нибудь за задиранием чужих юбок… Сдержится ли? Не хотелось бы этого проверять… Останусь совсем без наследников… Один. Впрочем, ненадолго. Она меня за ними отправит…
Сморщившись, император поочередно забарабанил пальцами по столу, обдумывая безрадостные перспективы.
…Даже если поначалу все будет хорошо, то с рождением у Терской ребенка все может резко измениться, продолжил строить логические построения Хайме. Особенно если это будет мальчик, наследник. Наверняка она, как мать, захочет, чтобы ее сын стал императором… Вот и причина для распрей, и повод суетиться всем, кто пожелает нагреть руки на расколе в императорской семье… Нет! Слишком сильна, слишком непредсказуема… Не клятву же крови с нее требовать! Ага, будут потом все смеяться: «Хайме так боится невестки, что рабский ошейник на нее надел!» Соседи объехидничаются… Совершенно идиотская идея. Да еще неизвестно, как на это Хель отреагирует. У нее на Терскую, похоже, свои виды имеются. Влезешь – потом будешь бекать-мекать перед Темной госпожой. В моем-то возрасте… Очень нужно мне позориться! Еще и прибьет, если настроение будет. Жаль, жаль, конечно, что я не увижу, как на свадьбе Диния будут в окна прыгать… Но ладно уж, как-нибудь переживу. Не такое пережил. Ди нужно что-то попроще, попонятнее. Невеста с папиными деньгами и солдатами. От которой будет понятно чего ожидать… И за что ее «дергать», чтобы она делала то, что нужно… А Терская… Терская – заманчиво, конечно… Но пусть она лучше живет вместе с Хель! Мне спокойнее будет… Всем, всем спокойнее будет!
Император бросил рисунок на верх стопки бумаг и, секунду помедлив, решительно захлопнул папку.
Все, вопрос закрыт, подумал он, на следующей неделе вернусь к нему, еще раз обдумаю. Но, похоже, я принял верное решение. Самое разумное, что следует сделать в данной ситуации, – оградить сына от общения с ней. Нужно быстрее отправить его к эльфам. Пусть он лучше эльфийку за хвост из лесу притащит… Все спокойнее будет, чем с подопечной Темной госпожи под боком…
Так, подумал Хайме, переключаясь на новую задачу, а сейчас, похоже, настало время мне вплотную заняться моим «любимым» орденом… Кажется, там зреет или уже созрел приличный гнойник. Последнее время, куда ни кинь, все что-то в них упирается. То демонологи у них вдруг объявляются с Камнем слёз в подвале, то маги заграничные помогают студентов отлавливать, теперь вот – отравители полезли… Похоже, заскучали

святые отцы, заскучали… От безделья дурью взялись маяться… Ладно, посмотрю, сколько в вас этой самой дури…
Хайме встал из-за стола и, заложив руки за спину, подошел к окну. Несколько секунд рассеянно смотрел сквозь него, ни на чем не фокусируясь взглядом.
А потом я выбью дурь из магов, подумал он, потом из военных, потом из соседей и своих особо ретивых дворян… К этому моменту у ордена опять накопится дурь, которую нужно будет вновь выбивать… Затем опять – военные, маги, соседи… Опять орден. Круг за кругом, круг за кругом…
– И однажды я умру… – вслух произнес император, глядя невидящим взглядом в окно.

Кира

– Ну что скажешь?
Я строго смотрела на Илону, ожидая от нее доклада.
– В смысле? – прикинулась та дурочкой.
Вот так бы взяла и треснула ее ножнами между глаз! Будто не понимает, о чем ее спрашивают!
– Твои результаты спанья с Эриэллой! – досчитав до пяти и расцепив стиснутые зубы, потребовала я.
– Тепло, мягко… уютно, – улыбнулась та.
– Я рада за тебя, – произнесла я, вспомнив жесткость веток, впивающихся мне в ребра во время сна. – Еще что? Ты говорила про сны! Он это или не он?
– Ах, сны… – мечтательно подняв глаза к небу, протянула Илона, – эти сны…
– Что за сны? – влезла, нарушая субординацию, стоявшая у меня за спиной Рината.

– Тебе
такие
еще рано смотреть, мелкая! – мгновенно отреагировала на ее вопрос Ил, многозначительной интонацией выделив слово «такие».

– Кто мелкая? Я мелкая? Да я таких снов уже насмотрелась знаешь сколько!
– Это когда же ты успела?
– Прекратить! – рявкнула я. – Рядовая Илона, немедленно доложить мне результаты проведенной вами разведки!
– Кы-кы-кы… – захрюкала за моей спиной Ри, – разведчица… постельная! Хры-хры-хры…
– Да будет тебе известно, мелкая, – проигнорировав мой приказ и заглянув за меня, Ил принялась выяснять отношения с Ри. – В постели самые большие секреты и узнаются! Вот подрастешь маленько…
– Молчать! – вновь пришлось мне кричать. – Рядовая Ил, повторяю свой приказ – доложить результаты разведки!
– Слушаюсь! – сделала та небрежное приветствие, приложив руку к голове. – Госпожа старшая пятерки, результаты неясны и требуют подтверждения!
– Как это? – не поняла я.
– Что-то снится, но что – непонятно! Прошу разрешения провести повторную разведку!
И вновь руку к голове приложила.
Чувствую, что глаза у меня круглеют. Прищуриваюсь (надеюсь, что зловеще) и требую:
– Доложите полученные вами результаты – как есть!
– При детях? – глядя на меня невинным взглядом, уточнила Ил и чуть наклонила голову вперед, в сторону Ри.
За моей спиной сквозь зубы зашипела Рината.
– Илона, если ты сейчас же не прекратишь валять дурака – я займусь рукоприкладством, – совершенно серьезно пообещала я ей.
– Прошу прощения, – стушевалась Илона, – просто я еще не проснулась… А сны – действительно непонятны. Вроде так, как в первый раз, но в то же время – не так…
– Что тебе снилось в первый раз? – потребовала я рассказать.
Внезапно для меня Ил порозовела и как-то смутилась.
– Это… это очень личное, – сделав паузу, произнесла она, опустив глаза. – Могу ли я это рассказать только тебе? Наедине?
– Ладно, – тоже растерявшись от ее реакции, согласилась я. – Рината, оставь нас! Пойди, посмотри, чем там Аальс… Эриэлла занимается!
– Она пошла к порталу, – сообщила Илона, – сказала, что пора отсюда убираться.
– Да, – кивнула я, – я с ней согласна.

– Да ничего ей там не снилось! – заявила уходящая Рината, оборачиваясь через плечо. – Просто ей понравилось в облаке спать, а не под кустом. Вот она и придумывает всякое. А узнать, Аальст это или нет, – это просто. Нужно попросить повторить то, что он делал, когда этой девки рядом не было, да и все… Например, пусть опять нарисует тот рисунок, который нарисовал, когда мы еще у самого первого портала были. У того, который раскапывали!
– Какая умная! – прокомментировала ей в спину Илона, сделав «рожу» и покачав головой из стороны в сторону.

В ректорате

– Господин Мотэдиус! Прибыл… прибыла посыльная из Этории. Со срочным сообщением.
– Давай сюда, – вздохнув, сказал архимаг своему секретарю.
Не любил он срочных сообщений. Вот сколько себя помнил – ничего хорошего в них никогда не сообщалось. Одни лишь дополнительные заботы и хлопоты к жизни…
Секретарь положил на стол узкий серый конверт, запечатанный аж пятью сургучными печатями. «Срочно!», «Секретно!» – гласили надписи в его правом верхнем углу. Еще раз вздохнув, Мотэдиус взял нож для резки бумаг и вскрыл конверт. Достав листок, он погрузился в чтение. Чем ниже опускались его глаза по строчкам, тем явственнее проступало на его лице удивление.
– Работающий портал? – вслух произнес он, закончив читать. – В двух шагах от перевала? Портал, который уже осмотрели и ощупали все кому не лень? И он – работает?! Интересно…
Мотэдиус задумался, пытаясь представить вероятность такого события.
«Как такое может быть? – думал он. – Либо все те, кто до этого времени его посетил, – непроходимо глупы, либо… либо что-то с порталом за это время произошло! Кто-то его починил? Но кому нужен портал в таком неудобном месте? Пустыня, пусть ее край, но все равно. Ближайшие дороги – через охраняемый перевал. Для контрабандистов или шпионов это неудобно. Все идущие через него будут на виду. Какой в этом смысл? Непонятно… А для того чтобы починить портал, нужны соответствующие знания. У кого они сейчас есть? Никто и не интересуется…
Аальст! – вспышкой ударила в голову Мотэдиуса мысль. – Он интересовался порталами! Постоянно пытался о них что-то узнать, с самого начала учебы. Точно! Так-так-так… Так-так-так… – забарабанил пальцами по столу архимаг. – Очень и очень интересно! Похоже, что он что-то все же узнал! Если сложить факт исчезновения экспедиции и то, что среди ее участников был человек, активно интересующийся темой, то вполне вероятно, что он как-то к этому причастен! Скорее всего, Эриадор каким-то образом сумел активировать артефакт! Наверняка! В результате произошел перенос, и он и его охрана пропали, не оставив следов… Как и пишет об этом мне в своем письме госпожа Эстела…
Ох, и не прост этот Аальст, ох и не прост! Выходит, знал – но молчал? Молчал! И именно в тот момент, когда империя нуждается в открытии тайн портала? Хм… Если так, то это выглядит весьма неприятно. Хоть он уже не мой ученик, не маг, но все равно… Наверняка этого факта постараются не заметить или «забудут». Будут говорить о том, что маги игнорируют приказ императора, вечно тянут… Запросто до измены договорятся, болтуны…
Однако постойте! Если Аальст – не маг, то как же он тогда сумел справиться с артефактом? Неужели порталом может пользоваться каждый? Даже не имея способностей к магии? Очень, очень и очень интересно! Нужно срочно найти Аальста и подробно обо всем расспросить! Необходимо как можно скорее выслать экспедицию! Может, самому поехать? Хм… Нужно подумать. С одной стороны, университета бросать не хочется, особенно в разгар учебного года. С другой – с Аальстом, когда его найдут, разговаривать, наверное, будет лучше мне. У меня с ним вроде бы нормальные, деловые отношения, и он меня знает. Думаю, в разговоре со мной он будет более откровенным, чем с кем-либо другим. Потом, ведь я еще знаю, что он был эльфийкой. Шантаж не шантаж, но вполне вероятно, что этот секрет тоже может пригодиться…»
Господин ректор магического университета задумчиво почесал в затылке.
«Да, придется мне ехать…» – секунду спустя подумал он.

Эри

– Госпожа Эриэлла, я все же хотела прояснить ситуацию!

Расправив плечи, Кира сделала шаг вперед. Сзади, за ее спиной, кучковались остальные варгуши, оказывая своим присутствием поддержку командиру.
– Ты думаешь, тебе это удастся? – иронично взглянув на нее, поинтересовался я.
– Я должна быть уверена, что вы – действительно Эриадор Аальст, как вы об этом говорите! Иначе мы не имеем права охранять вас дальше. Это будет нарушением приказа! – с упрямым выражением на лице произнесла Кира.
– Понятно, – кивнул я и вздохнул, – хорошо, давай, проясняй ситуацию.
– Мне нужно подтверждение. Доказательство, что вы действительно Эриадор Аальст, а не кто-то другой!
– И где же его взять, это доказательство? – заинтересовался я.
– Его должны предоставить вы!
– О как!
– Да! Назовите какой-либо факт или событие, известное только нам и господину Аальсту!
– Запросто! – сказал я и протянул руку к Дане: – Дана! Скажи «ня»!
Пауза. Варгуши переглядываются.
– Нет, – собрав в мозговом усилии лоб в морщины, произнесла Кира. – Это было совсем недавно, и вы могли подслушать! Нужно что-то более давнее. Когда мы не были еще здесь!
Секунду посмотрел на Киру, начиная раздражаться. Кто она вообще такая? Какие-то требования, от какой-то варги…
Обвиваю ее своими «невидимыми руками» и резко, рывком подтаскиваю к себе, почти прижимаю. Испуганные крики варг и звук металла выдергиваемых из ножен клинков. Не обращая на них внимания, пристально смотрю в близко-близко оказавшиеся Кирины глаза.
– С чего ты вообще решила, что я буду что-то делать? – холодно спрашиваю я. – У тебя что – бред?
Откинув голову назад, Кира тоже смотрит мне в глаза. Она настолько близко, что я слышу, как быстро-быстро стучит ее сердце. Слышу? Нет – вижу! Как? Я же смотрю варге в глаза? Однако – «вижу»! Интересно, чем? Опять штучки этой Алатари!
– Я отвечаю за своих варг! За выполнение задания, – твердым голосом произнесла Кира, стараясь не показать испуга.
Однако я «видел», как ее надпочечники выбросили адреналин в кровь. И как он оранжевыми «хвостами» понесся по ее телу, стараясь попасть в каждый его закоулок. На секунду смежил веки. Открыл – наваждение пропало. Я вновь наблюдал Киру, как тысячу раз до этого видел ее обычными глазами.
– И ты захотела решить свою проблему за счет меня? Пришла и потребовала, чтобы я начал суетиться, представляя тебе какие-то доказательства? А ты будешь их рассматривать?
Кира молчала, откинувшись назад. Только кончики ноздрей чуть трепетали на каждом вздохе. Сзади, с поднятыми шотанами, замерли варги. Кира молчит. Пользуясь тем, что она так близко, втянул воздух, принюхиваясь к ее запаху. Что-то в нем есть такое! На фоне основного амбре из дыма и пота присутствует легкая, чуть уловимая нотка… чего? Запаха зеленого чая? Молодой листвы грецкого ореха? Туя?
Еще раз принюхался. Не понял, чем пахнет, но мне нравилось.
– Я жду ответа, – напомнил я замершей Кире.
В ответ – ни слова! Видно, растерялась и не знала, что сказать.
– Ты не просчитываешь реакции твоего противника, – еще ближе наклонившись к ее лицу, сказал я так, чтобы слышала только она одна. – И, видно, совсем не понимаешь реального расклада сил. Это очень плохо для командира пятерки. Очень плохо. Так вот, запомни. Главный тут – я! А вы – при мне. Еще раз попробуешь меня к чему-то принудить – получишь по заднице, я сдерживаться больше не стану. Поняла?
Кира в ответ ошарашенно моргнула.
– Замечательно, – произнес я, – сейчас пойдешь и скажешь своим красавицам, чтобы собирались. Пойдем к порталу, а через него – дальше. Если захотите остаться – скатертью дорога! Тебе ясно?
Варга торопливо кивнула.
– Отлично, – сказал я, выпуская ее из объятий своих «рук», – занимайся.
Оказавшись на свободе, Кира торопливо отскочила к своим и замерла, с удивлением глядя на меня.
– Дана, подойди сюда, – вытянув к ней руку, я поманил ее пальцами.
– Зачем? – спросила она, не двинувшись с места и не выпуская из рук направленного на меня оружия.
– Мы сегодня с тобой твои шрамы не лечили. Забыла?
Пауза. Дана и варги смотрели на меня во все глаза.
– Давай, давай! – тороплю ее я. – Нам еще сегодня через портал идти. Неизвестно, когда следующая возможность будет. А с кожей запускать нельзя. Я же тебе говорил.

– А… ну да… – растерянно сказала Дана, опуская клинок.
– А если – да, то давай быстрее!
Повернувшись в сторону, я создал «облачный топчан» на который всегда укладывал Дану, когда лечил.
– Ну? – обернулся я.
Дана все колебалась. Посмотрела на меня. Посмотрела на своих.
– Останешься со следами, – пообещал я. – Будешь Дана Четыре Шрама!
Похоже, что цифра «четыре» склонила чашу весов в мою пользу. Дана убрала меч в ножны и еще раз, напоследок глянув на Киру, подошла к облаку.
– Расстегивайся, – сказал я, – не я же буду за тебя это делать? Расстегивайся и ложись.
«Интересно, а как пахнет Дана? – неожиданно пришла мне в голову мысль. – Так же, как Кира, или по-другому? Интересно, почему я раньше не замечал ничего особенного в их запахах? Может, у Эриэллы более тонкое обоняние, чем у Эри?

Кира

– Построиться! Приготовиться к осмотру!
Хотя что там осматривать? Аальст… тьфу! Эриэлла все позабирала. И еду, и котелки, и мешок с одеждой. Все! У нас осталось только оружие и фляжки с водой.
– Куда попадем – неизвестно, – сказала она, – вдруг киллосы толпой навалятся или зубастики? Вас ничто не должно сковывать. Пока мешки со жратвой будете скидывать – вас самих сожрут. Так что давайте, сдавайте.
С одной стороны, правильно… Но…
– А если с вами что-то случится? – спросила я, глядя в ее зеленые глаза. – Тогда мы останемся ни с чем. Без всяких запасов…
– Старайтесь, чтобы со мной ничего не случилось, – пожала она в ответ плечами. – Вы же моя охрана, не так ли? Ну и занимайтесь. И еще. Размышления начальника охраны о том, что им достанется после смерти клиента, не воодушевляют. Если такие есть, держите их при себе. Произносить подобное вслух – архинепрофессионально!
Да ничего я такого не имела в виду! Просто заботилась о своих… Вообще эта Эриэлла – наглая девица. Как два сапога пара с Аальстом. Видно, действительно она – это он. Илона мне так ничего и не сказала. Может, поначалу и хотела рассказать, но пока Ринату отправили, пока отошли в сторону – похоже, передумала. Начала опять из себя дурочку строить. Спрашиваю: «Как первый раз с Аальстом было?» – делает большие глаза и говорит: «Как с хорошим мужчиной». И тоном таким – мол, ты же знаешь, как это, надеюсь, пояснять не нужно? Понимающе киваю, одновременно думая – то ли в морду ей дать, чтобы не придуривалась и говорила как есть, то ли сказать, что не знаю – как это, с мужчиной? В морду – это крайний случай. Плох тот командир, который может от подчиненных только так повиновения добиться. Хотя иногда без этого не обойтись. А второе…

Я уже успела рассказать, что я со своими подругами
это
все
прокрутила
в увольнительной и давно прекрасно знаю. Авторитет поднимала, когда рассказывала. Не станешь же теперь говорить, что я все придумала! Вообще-то у меня возникло подозрение, что Илонка об этом знает и специально так говорит, загоняя меня в ситуацию, из которой только один выход. Пришлось идти в нее и делать вид, что все я отлично понимаю.

– Ну а во второй раз? – спросила я, решив зайти с другой стороны. – Чем вторые сны отличаются от первых?
– Не знаю, – задумавшись, ответила она, – что-то снилось, а что – я не совсем поняла. Какое-то такое…

– …Ты никогда с девушкой
этого
не испытывала? – сделав паузу, внезапно огорошила она меня вопросом. – Если да, то, может, я попробую пересказать, а ты – сравнишь?

Я аж онемела от такого предложения. Ну да, есть у нас такие. Мало, но есть. Но это считается постыдным, потому что варги на женщин не реагируют. Такими нас создал Дарг. А те, кому из нас нравятся женщины, – вырожденки. Про них ходят всяческие шутки, и их презирают.
– С чего это ты вдруг взяла? – прищурилась я на Илону.
– Да так, – пожала она в ответ плечами, – ты же пятый курс. Считай – взрослая. Про старшекурсниц много чего болтают…
– Ил, за такое предположение я знаешь что сейчас с тобой сделаю?
– Да ты че! – обиделась она, даже руками замахала. – Я же не просто так спрашиваю, чтобы чего-то там! И не при всех. Дело пахнет провалом задания. Ситуация серьезная. Проблему нужно решать, невзирая на предрассудки!

> И смотрит на меня так внимательно. И я на нее смотрю: сторонница этих, что ли? Вроде ничего такого за ней раньше не замечала… В том, что проблема серьезная, – это она права, спору нет. Но вот про то, как мы с моей подругой после вина целоваться пробовали… Совершенно у меня нет желания ей это рассказывать! Не та она варга, чтобы ей такое доверять! Да, собственно, я тогда и не поняла – понравилось мне или нет? Все-таки три кувшина на двоих – это много… А с подругой на следующий день мы поклялись никому-никому про это не рассказывать и больше не пытаться это повторить. Да и не тянуло повторять…

В общем, разговор с Илоной оказался пустым. Ни да ни нет. Все сомнения, все «не поняла»! Предлагала пробовать, пока не поймет. В отместку за ее подлые предположения я запретила ей этим заниматься. Нечего! Пусть спит вместе со всеми – на ветках! А то уж больно хитрая! Похоже, правильно про нее Рината сказала, что она просто с удобствами устроилась, хитромудрая… Короче, окончательное решение о том, что Эриэлла – это Аальст, пришлось принимать мне. Выбора особого, понятное дело, не было. Если она не Аальст, то тогда нужно хватать и вязать ее, а потом выпытывать – куда он делся? Однако воспоминание о том, как что-то невидимое крепко держало меня за ноги головою вниз, предлагало не спешить объявлять войну. Потом, действительно она знает много вещей, о которых знает только Аальст. И Дану она лечит. Совсем как он…
Взвесив все «за» и «против», своим подчиненным я объявила – считать Эриэллу Аальстом, – чувствуя себя при этом достаточно глупо. Те тоже, когда принимали указание к сведению, выглядели немного растерянно. Ну кроме Илоны. Этой, похоже, все нипочем! Зараза такая…
Пока я все это вспоминала, осмотр короткой шеренги моих подчиненных закончился. Да нечего там осматривать! Шотаны на боку, сапоги на ногах, одежда на теле. Уже слегка пообтрепавшаяся одежда… На Дане вообще – все аальстовское, кроме сапог. Штаны ее от крови тогда так и не удалось отстирать. Нечем. Пришлось пустить на тряпки.
– Вольно! – скомандовала я. – Осмотр окончен! Еще раз повторяю задачу. После прохода телепорта всем стоять на месте. Никто никуда не бежит. Все помнят о ловушках. Без разрешения моего и Эриэллы – ничего не предпринимать!
Я оглянулась, выглядывая наглую девицу. Вроде не видно… Вновь повернувшись к своим, я, понизив голос, добавила еще одно указание:
– Старайтесь, чтобы Аальст всегда был первым. Мы – за ним. Вы мне все нужны живыми… Вопросы?
– Как же тогда выполнять приказ о его защите? – поинтересовалась Ил. – Или он отменяется?
– Вот так и выполняй его – из-за его спины! – рявкнула я на нее. – Еще вопросы?!
Вопросов больше не возникло.
– Вопросов нет! Рр-разойдись! – скомандовала я.

> Эри

Неплохо, неплохо… констатировал я, разглядывая свое отражение в огромном, висящем в воздухе зеркале, – все же нужно красного добавить. Сплошная черная чешуя – мрачновато получилась. Хотя золотые волосы отлично гармонируют с антрацитово-черным…
Чем я занимался? Мстил. Женщинам – по-женски. Вывесил зеркало возле телепорта и разглядывал себя, красивого. Золотой волосок к золотому волоску, черная чешуйка к черной чешуйке! Не то что пять лахудр, отражающихся в зеркале рядом со мной. У

которых на голове черт-те что, одежда – по кустам с Сихотом валялись, физиономии загорелые, губы обветренные, потрескавшиеся… Чучела, одним словом.
То, что они убого выглядят, они поняли сразу. С первого раза, как заглянули в зеркало. Личики вытянулись, бровки нахмурились. То-то же! Вас – вашим же оружием! Красавицы зубастые. Хотя красивы. Даже в таком потасканном виде. Но Эриэлла лучше! Однозначно. Хотя… они вполне могут оттенить ее красоту… Ну-ка, примерим!
– Итак, госпожа старшая пятерки, – произнес я, не оборачиваясь от зеркала, – вы и ваши варги готовы?
– Так точно, – без энтузиазма в голосе ответила Кира, – готовы.
– Отлично. Прошу вас и госпожу Анжелину встать слева и справа от меня. Сзади. Это нужно для моей магии.
Зубастики переглянулись, но просьбу выполнили. Встали слева и справа от меня. Неплохо, подумал я, оценивающе оглядев композицию из Эриэллы и двух варг, отмыть их, причесать, приодеть… Опять же драгоценности… Отличный из них футляр для главной драгоценности – меня – выйдет. Пусть будут моими украшениями!
Нет, секунду спустя подумал я, вспомнив, за что я их не люблю, украшения из живых кобр – это, конечно, круто, но ведь могут и укусить! Будешь потом… опухать… Можно в тайлиш и что-то менее опасное подобрать. Эльфиек, например… Хотя с ними мы похожи. А с варгами – контраст. Ладно, хватит дурью маяться! Пора дело делать.
– Спасибо, – поблагодарил я, убирая зеркало и оборачиваясь к Кире. – Все. Давайте все на портал!
Я поднялся вместе с варгами на телепорт, посмотрел – правильно ли они встали? – и активировал панель управления. Пробежал по пунктам еще раз, хотя час назад я уже все проверил, убедился, что изменений в портале нет, и ткнул в энергоузел.
«Семерка»
Вспышка! Толчок в ноги. Я жив! Контроль! Руки-ноги на месте, голова – думает! Дурноты – нет! Похоже, анахрорухлядь сработала штатно. Замечательно! Так, а остальные? Открываю зажмуренные после вспышки глаза. Раз, два, три, четыре, пять! Все стоят на ногах, головами вертят. Живы. Тоже хорошо. И где это я?
Оглядываюсь по сторонам. Небольшой круглый зал. Гладкие стены, загибаясь, уходят вверх, образуя купол. Материал, из которого они сделаны, напоминает с виду темно-зеленое бутылочное стекло. Зал освещен. В стенах, с равномерной периодичностью, от потолка до пола, встроены вертикальные полосы, светящиеся белым светом. Свет то усиливается, становясь ярче, то медленно тускнеет. Арка телепорта над головой, по виду ничем не отличается от арки в «Зеленом приюте». Воздух немного затхлый, с легким запахом пыли. В одной из стен – треугольный проход, ведущий куда-то наружу. Тихо. «Прислушиваюсь», пытаясь нащупать агрессивно настроенные организмы. Ничего!
– Что-нибудь «слышишь»? – чуть наклонившись к ней, шепотом спрашиваю Киру.
В ответ она молча отрицательно помотала головой.
– Отлично, – говорю я, – тогда я спускаюсь, а вы идете за мной.
Кира согласно кивает. Ставлю себе вампощит и неспешно, делая остановки на каждой ступеньке, иду вниз. В тишине зала каждый мой шаг отдается от стен громким эхом моих каблуков, звонко щелкающих по каменным плиткам. Тщательно сканирую пространство перед собой, пытаясь обнаружить ловушки, но ничего не нахожу. Спускаюсь с телепорта, не торопясь прохожу к проходу в стене и осторожно заглядываю в него – ничего! Ничего и никого! Нормально. Оборачиваюсь к оставшимся на телепорте варгушам и делаю им знак следовать за мной. Ожидая, пока они подойдут, вновь выглядываю в коридор и начинаю осматривать его более внимательно. Мой взгляд натыкается на висящий слева на стене плоский камень. Песчаного цвета, с неровными краями, он выглядит как украшение. Эдакая дизайнерская потуга. На камне буквами с завитушками ровными строчками выбита какая-то надпись.
«Чего? – не врубился я с ходу, прочитав. – Кто там… Что ищет? Это… это про какого такого демона чужого мира? Это уж не про меня ли?»
– Что, что там написано? Что-то важное? – раздался сзади, у самого уха, тихий шепот Киры.
Не ответил. Ошарашенно смотрел на надпись, пытаясь собрать мозги в кучу.

Нечто вроде Олимпа

– Хе-хе-хе… Читает… Читает! Понял! Дошло! Глаза-то какие! Ты глянь, глянь, какие круглые глазищи-то! Ха-ха-ха!

Бог войны откровенно потешался, наблюдая за избранным. Рядом с Марсусом, тоже глядя на Бассо, сдержанно улыбалась Мирана.
– Ну, как я его сделал? – повернулся Марсус к ней. – Он – купился! Без сомнения! Будут у нас теперь варгчата!
– Ты думаешь? – с некой долей скептицизма отозвалась богиня любви.
– Чего тут думать? Ты на него посмотри! Он же повелся! Повелся! Это же древнее пророчество, обнаруженное в древней крепости! В это нельзя не поверить! Ха-ха-ха!
– Хитрый он… Как бы не догадался…
– Так я же замаскировал! По всем правилам военной маскировки! По всему коридору двадцать штук таких камней с пророчествами понавешал. Как будто украшения с выписками из какого-то фолианта. А то, что касается избранного, повесил первым, у входа, чтобы он его наверняка прочитал. Видишь, я все рассчитал правильно. Он – прочитал! Ха-ха-ха!
– А что это за змеи такие? И что будет найдено?
– А! Не обращай внимания! – махнул рукой Марсус. – Это я так, для отвода глаз добавил. Чтобы походило на другие центурии. Эдакое заумно-непонятное, но наверняка что-то значащее, которое станет явным, когда пророчество сбудется. Все пророки так пишут.
– Где ты набрал этих пророчеств?
– Ой, вот уж чего-чего, а этого добра у нас достаточно! В любом архиве найдется толстенная книга с записями «бормоталок».
– А-а-а… понятно, – отозвалась Мирана.
– А теперь давай смотреть – что он будет делать! – с азартом предложил Марсус, вновь поворачиваясь к избранному.

Эри

– Что там написано? – дохнула мне из-за спины в ухо Кира. – Что-то важное?
– Мм… – отвечаю я и направляюсь быстрым шагом к следующему висящему на стене камню. Читаю.
И что? Что это значит? Мне это совершенно ни о чем не говорит! А что на следующем написано?
Я пошел к следующему камню. Минут через десять обошел весь коридор и прочитал все надписи на всех камнях. Но больше ни на одном из них упоминания о «демоне из другого мира» я не нашел. Какие-то невнятные иносказания о каких-то событиях, каких-то местах, каких-то деятелях…
Сделав круг вдоль стен, я вернулся к началу коридора. Здесь, задрав головы, наморщив от напряжения лбы и шевеля губами, Кира и Анж читали центурию XIV. Ил, Дана и Ри, повернувшись к ним спинами, следили за обстановкой.
Ха! Читательницы, ощутил я резкий укол недовольства, когда увидел, чем они занимаются: Лары Кроффт – читают иероглифы! Они хоть их знают? Впрочем, если губами шевелят – значит, что-то знают.
– Ну как, прочитали? – поинтересовался я, подходя сзади к Кире.
– А? – обернулась она на меня. – Э-э-э… не совсем… А что там написано? Вы поняли? Какое-то предупреждение?
– Да, – ответил я, – там написано, что дождя не ожидается! Можно смело идти гулять!
Поняв, что я шучу, Кира нахмурилась. Я смотрел на нее, чувствуя, что мои брови тоже движутся друг навстречу другу.

На минуточку представим, говорил я в этот миг с собою, что это действительно пророчество, которое кто-то ради какого-то понта вывесил в художественном оформлении. Вроде как мысли мудрых. На Земле я видел подобные украшения. Кстати, тоже на камнях и с завитушками. Хорошо, допустим. Теперь – кто такой Нофермус? Я без понятия, но наверняка пророк. И известный, раз его изречения так увековечили. А если известный – значит, его предсказания сбываются! Ибо других вариантов тут быть не может… Ладно, про пророка Нофермуса я попробую узнать после. Если он велик, то в архивах сгинуть не должен. Найду. Перейдем к тому, что он тут накорябал. Первая строка понятна. Это про меня. Вторая строка центурии. Кто такие – зубастые девственницы? На ум приходит только одно… И это
одно
– мне очень не нравится! Для каких целей они нужны, эти девственницы, написано более чем понятно. Ладно, едем дальше. Дети откроют проход… Сколько их должно быть для этого действа? Ну двое как минимум, если

дети
. Это понятно. А верхний предел? Десять? Двадцать? Сто? Просто ум за разум заходит! Змеи и клетка… Даже не представляю, что это может быть! Как, впрочем, и то, что будет найдено. Дурацкие пророчества! Нет бы ясно и понятно сказать – тогда-то там-то произойдет то-то и то-то! И все! Нет, понапустят словесного тумана…

– Госпожа Эриэлла, – произнесла хмурая Кира, отвлекая меня от размышлений, – я старшая пятерки. Я отвечаю за безопасность. Если на камне написано предупреждение об опасности, ждущей впереди, – я должна знать об этом! Чтобы избежать рисков и потерь. Надеюсь, вы это понимаете?
– Понимаю, – кивнул я. – Кира, там написано, что все будет плохо… Плохо, плохо, а потом – еще хуже! Но место и когда это случится – конкретно не указано…
И ничего я ей не приврал! Если пророк не ошибся и все будет как он увидел – то мне будет очень и очень плохо! Если только…
Я сделал шаг вперед и провел пальцем по камню с центурией.
Нет, пыль, констатировал я, оглядев свой испачканный палец, камень – не новодел.

– Недоверчивый, – с одобрением сказал Марсус, глядя на то, как золотоволосая девушка с недовольной гримаской вытирает платком пальцы, – на пыль проверил! Молодец! Догадался. Только я умнее – предвидел. А пыль мне сделать – раз плюнуть!

Эри

– Ладно, пошли дальше! – вытерев пальцы и убирая платок, с недовольством скомандовал я варгам.
– А что именно будет плохо? – полюбопытствовала Кира, решив, видно, выжать из меня максимум информации.
– Все, – коротко сказал я и мгновение спустя добавил: – Абсолютно все! Пошли!
Я повернулся и двинулся в дальний конец коридора. Чуть помявшись, варги вместе с Кирой двинулись за мной.
Коридор заканчивался небольшой полукруглой лестницей вниз, сделанной из белого декоративного камня с серыми прожилками. Пять ступеней. Влево и вправо от них – широкий коридор, тоже освещаемый то гаснущим, то разгорающимся светом.
Стараясь не шуметь, я остановился вверху на площадке, с которой начинались ступени, и прислушался… Тихо. И в ментале и в ушах… Пахнет пылью, затхлостью и чем-то едким. Чем-то вроде уксуса… Запах слабый, но чувствуется. Сзади, практически неслышно, подтянулись варгуши и встали у меня за спиной.
– Идем налево, – тихо прошептал я Кире, глядя вниз.
– Почему – налево? – так же негромко спросила она.
– Потому, – стараясь сделать лицо как можно серьезнее, пояснил я, – идете за мной, следите за коридором сзади…
Неспешно спустившись и остановившись на последней ступеньке, я глянул сначала влево, потом вправо. Коридор по обе стороны был пуст. Сделав варгам знак рукой «за мной», пошел в выбранном направлении. Какая разница – куда идти? Хоть влево, хоть вправо… Зачем спрашивать? Можно подумать, что тут кто-то раньше из нас бывал!
Коридор оказался неожиданно коротким. Через пару метров он сделал резкий поворот. Осторожно выглянув из-за угла, я увидел такой же пустой пол, стены и потолок, которые видел на предыдущем участке. Единственное, что отличало «этот» от «того», – недалеко от угла, из-за которого я выглядывал, на полу красовалось большое пятно. Длиною где-то с меня ростом, грязно-бурого цвета.
Кровь, что ли, подумал я, разглядывая издали давно засохшую субстанцию и не торопясь приближаться к объекту исследования. В общем-то похоже… Особенно тот дальний край, со следами, как будто кого-то выволакивали из этой лужи, таща по полу… А потом тащили по коридору, пока следы окончательно не пропали… Похоже, тут было весело…
– Что там? – шепчет сзади Кира.
– Очень подозрительное пятно, – шепчу я в ответ, – обойдем его по краю. Не наступать!
Обошли. Аккуратненько прошли вдоль стеночки. Умеют ведь слушать, когда захотят! Нужно было раньше на Киру да на всех на них «наехать», а не пытаться строить стену отчуждения. Они простые, как валенки. Подобных стен – не замечают-с… Деревня-с…
Широкий коридор с высоким потолком, по которому мы шли, меж тем закончился дверью. Большой круглой железной дверью, половина которой просто и незатейливо стекла на пол.

Да, похоже, тут было действительно весело, подумал я, разглядывая толщину двери и лужу расплавленного металла, застывшую на полу, – неплохо так погуляли. Что, кого-то категорически не хотели пускать на вечеринку?
– Что? – как дуновение ветра шепот за моей спиной.
Это Кира.
– Удвойте внимание, – не оборачиваясь, тихо сказал я ей, – видишь, что творится?
– Ясно! – лаконично ответила она.
Хорошо, хоть кому-то что-то ясно, иронично подумал я, осторожно заглядывая в проплавленную дыру.
За дверью – небольшой круглый зал, на полу которого, задрав четыре пары лап в потолок, лежал… Лежала какая-то хрень! Странная животина, за давностью лет ставшая светло-желтой мумией. Причем здоровенная такая животина! Восемь лап, когтищи на каждой, и еще хвост с острой костью на конце. То ли жало, то ли просто так, для красоты. И зубки. Видны отсюда в пасти зубки. До сих пор – ослепительно-белые.
Так, подумал я, издали оценивая зубы и когти, что я делаю дальше? Мне нужны камни из портала, чтобы показать их Уртришу. В данный момент от портала я отдалялся. Вопрос – смогу ли я к нему вернуться? Ответ – неизвестно. Вернуться и вытащить? Хм… Судя по тому, что валяется у той стенки, – могут быть самые внезапные внезапности. Сихот его знает, вымерли тут все подобные крокодилы или все еще кто из их потомков околачивается? Если не померли, то портал становится единственным путем отступления, и развинчивать его на запчасти – затея весьма дурная… Хорошо, давай еще походим, еще посмотрим, что тут есть…
– Тихо, – шепнул я через плечо Кире, – идите за мной.
Наклонив голову вперед, внимательно прислушался. Тихо. Тихо глухой тишиной подземелья, которую совершенно не хочется нарушать. Осмотрел пространство перед собой на предмет ловушек и, не найдя их, на носочках, дабы не стучать каблуками по каменному полу, проскользнул мимо мумии. До начала следующего коридора. Остановившись, заглянул в него из-за угла. Пусто! Пфф… Подозрительно…

Высочайший кабинет

– Наша дерзкая Терская… – произнес император, переворачивая листок с донесением в открытой папке перед ним. – Хм.
Как Хайме и планировал неделю назад, сегодня он опять вернулся к делу баронессы. Привычка рассматривать вопрос некоторое время спустя выработалась у него давным-давно. Она позволяла взглянуть на дело более беспристрастно, поскольку эмоции, присутствующие при первом решении, как правило, уже стихали и в голове оставалась лишь голая, прагматичная логика.
«Это я погорячился, – подумал Хайме, переворачивая еще один листок, – решив просто отпихнуть ее как можно дальше от семьи… Так делать нельзя… Нельзя ее отпускать из-под присмотра. Мало ли под чье влияние она попадет! Темная магесса, протеже Хель… Хм. Но в свою семью я ее вводить не хочу. Это правильно, и менять этого решения я не стану. Однако у нее есть отношения с Динием. Как она переживет отказ? Не затаит ли обиду? Не захочет ли отомстить? Вполне… И что же в таком случае делать? Лучше всего было бы, если бы она сама отказалась от своих притязаний. Может ли произойти такое? И в каком случае? Мм… Сейчас она сосредоточена на Ди, на чувствах. А если ее отвлечь? Тогда, если это получится, на первое место у нее выйдет что-то новое, а Диний уйдет назад, в прошлое… Очень даже может получиться! Но чем можно отвлечь и увлечь молодую провинциальную дворянку? Нет ничего проще! Балов и светского общества в столице я еще не отменил… Хе-хе… Почему бы Терской не поблистать при дворе? Наряды, драгоценности, балы, поклонники… думаю, что это может надолго ее занять. Да! Особенно поклонники! Почему бы мне не пообещать своим верным вассалам какой-нибудь солидный подарок к свадьбе их сына? Но, естественно, при условии, что тот возьмет в жены Терскую. Думаю, желающих будет предостаточно, и ей банально вздохнуть не дадут, пока к алтарю не оттащат…
Вне всякого сомнения, будет борьба за нее, может, даже дуэли, будет море слухов и сплетен, после которых Стефания окажется напрочь скомпрометированной. И никаких претензий по поводу Ди она уже выставлять не сможет, ибо девушка с подобной сомнительной репутацией не может быть невестой принца. Вполне обоснованная причина для отказа. Тут ей возразить окажется нечего. Кстати, нужно будет попросить записных дворцовых кокоток взять ее под их расфуфыренные крылышки. Стать подругами и помочь девочке освоиться при дворе… Хе-хе… Диний сейчас уедет, а через год, когда он вернется,

уже и разговоров быть никаких не может про него и про Терскую… Отлично. Все будут довольны. Хель – тем, что оказывают уважение ее подопечной. Терская – своим головокружительным взлетом при дворе и будущим удачным замужеством. Кто-то из моих вассалов будет доволен приданым, которое я дам за ней. Я – доволен тем, что она будет всегда под присмотром. Жена – будет счастлива, что отстали от ее ненаглядного сыночка… А кто недоволен? Диний? Почему? Вполне возможно, через год у него все пройдет. Потом, эльфийки весьма красивы, даже в возрасте. А молодые они должны быть вообще прекрасны! Вдруг он там себе принцессу найдет? Я буду только «за»! Такая свадьба скрепит мой союз с эльфами навсегда. Жаль, что Ди нельзя об этом сказать. У него сейчас одна Терская в голове. Ладно, время лечит. Буду ждать, пока он малость поостынет. Еще нужно будет подумать насчет писем между ними. Они должны быть как можно реже. При этом Ди должен знать, как она весело проводит время, забывая ему писать… Хорошо. Так. Кто еще может быть недоволен? Маги? Да, они могут иметь свой взгляд на происходящее. Однако думаю, претензий ей на то, что она развлекается вместо учебы, они высказывать не станут. Маги – большие индивидуалисты, и конкуренция среди них сильна. Стефания и так уже показала себя, вряд ли они будут из кожи лезть, растя сильного соперника. Нужно поговорить на эту тему с верховным… Предложить ему ограничить учебу Терской каким-нибудь средним уровнем, чтобы не потерять над ней контроля. Думаю, мое предложение найдет у него понимание…
Так. Еще два момента. Терской будут нужны деньги. На покупку хотя бы тех же нарядов для балов. Следует придумать, как под благовидным предлогом их ей всучить. О! Можно переговорить на эту тему с верховным магом, раз я к нему и так собираюсь. Пусть назначат ей какую-нибудь стипендию… имени Хель! Или еще что-нибудь придумает! Будет деньги зажимать – предложу платить пополам. Сбросимся. Для хорошего дела не жалко.
Хорошо. Это я тоже решил. Теперь нужно подумать – кто именно должен жениться на Стефании? Кто мне наиболее выгоден? Хм… Тут нужно будет все тщательно взвесить…»

Наживка

«…Имею честь пригласить госпожу Терскую на празднование дня рождения моего сына…»
– Ха!
Хмыкнув, Стефания резко сложила листок письма.
«Я им даже не представлена! – сердито подумала она. – Как они могут меня приглашать? Семь приглашений за сегодня – и все от совершенно незнакомых людей! А вчера было пять. Они что, с ума все сошли? Почему они нарушают правила? Неужели заполучить к себе на праздник развлечение – гораздо важнее соблюдения приличий? Да как они могут! Я им что – увеселение, что ли? Ну и что, что я с Хель разговаривала? Я в первую очередь благородная девушка! И у меня есть понятия о чести!»
– Баронесса…
Две девушки в голубых мантиях факультета воздуха присели в реверансе перед идущей им навстречу Стефанией Терской.
– Рада вас видеть… – произнесла в ответ она, приветствуя незнакомок. Видеть раньше – видела, а заговорила с ними в первый раз.
Девушки вежливо улыбнулись, обогнули по краю дорожки Стефи и пошли дальше.
После Хель… все такими вежливыми стали, мрачно подумала Стефания, ссутулив плечи, а я бы не задумываясь сменяла все их замороженные приветствия на один веселый возглас «Привет!».
Стефи вздохнула и, подшаркивая подошвами сапожек по дорожке, потащилась к своему домику. В правой руке она сжимала стопку писем-приглашений, только что врученных ей на воротах университета.
«Как там Эри говорил? – вспоминала она. – «Сначала боятся – потом уважают»? Вот, похоже, меня боятся и уважают. Только лучше я себя от этого не чувствую. То же самое, только вид с другой стороны… Раньше я была просто одинока, а теперь – одинока в толпе. Что за… чушь, право слово! Что у меня за жизнь?»
Погруженная в невеселые мысли девушка добрела до своего жилища и поднялась по лестнице на второй этаж, к дверям своей комнаты, совсем не обратив при этом внимания на несколько излишнюю «постороннюю людность» возле домика.
Щелкнул замок открывшейся двери. Но едва она шагнула через порог, как чьи-то руки ухватили ее за плечи и нетерпеливо втащили внутрь.
– Где ты ходишь? – недовольно прошипели ей в ухо. – Я уже полчаса тебя жду!
– Диний?! Что ты тут дела… мм!..
Жадный поцелуй запечатал ее уста, не дав задать вопроса.

Эри

Ноги мои, ноги! Уносите скорее мою задницу отсюда!
– Бдыщ!
Узкий стеллаж передо мной взорвался облаком щепы и осколков. Шестигранные банки брызнули из ячеек, в которых лежали, во все стороны, словно снаряды. Грохот и звон бьющегося стекла. Мелкая пылевая взвесь в воздухе из содержимого банок. Какой-то белесый порошок. Еще неизвестно, что за дрянь…
– Мра-а-а!
На месте «взорвавшегося» стеллажа в облаке белой пыли «прорисовалась» треугольная морда со здоровенными зубами в здоровенной пасти.
Ноги мои, ноги! Уносите скорее мою задницу отсюда!
– Шлеп! Шлеп!
Две короткие широкие доски, висящие в воздухе, которыми я управлял своими «невидимыми руками», поочередно шлепали по морде, заставляя ее «засунуться» обратно. Это все, что у меня было, – две доски и речовка про ноги. Доски – для твари, речовка – для меня. Она меня бодрила. А доски – бодрили тварь, ибо больше на нее ничто не действовало, кроме как доской по морде. Даже варговские шотаны… А вот досок она почему-то шугалась…
– Ших! Бздыщ!
Из белого облака черной молнией вылетел узкий хвост и врезался в стеллаж за моей спиной. Опять грохот рушащейся мебели и звон бьющихся банок. Метил, видно, в голову, но промахнулся, скользнув по моему щиту. В отместку за испуг я мстительно ударил медленно утягивающийся хвост обеими досками сразу, зажав его между ними. Со стороны хозяина хвоста раздалось протестующее кваканье.
Ты еще в Гринпис напиши, злорадно подумал я и шмыгнул в проход между соседними, пока еще целыми, полками.
Если мы будем продолжать в том же темпе, скоро тут останутся одни ацкие руины…
Ноги мои, ноги! Уносите скорее мою…
– Бдыщ!
– Шлеп! Шлеп!
Сихотова скотина! Откуда ты взялась? Как тебя никто не услышал? Вошли в зал, аккуратно прошли по центру, мимо рядов шкафов с ячейками, забитыми какими-то шестигранными банками. Ничего не трогали, не шумели… Как вдруг сзади с грохотом обрушился стеллаж! И понеслось! Тварюга, по внешнему виду похожая на ту, дохлую, возле входа, решила, видно, перекусить. Нас спасло лишь то, что она оказалась несколько неуклюжей. Наверное – слишком много лап. Однако этот недостаток она с лихвой компенсировала своим неуемным энтузиазмом. Сначала я попытался достать ее магией. Эффекта – ноль! Похоже, она – родственник киллоса в плане магоустойчивости. Потом варгуши попытались показать, на что способны они. Ил сказочно повезло, что я догадался использовать свои телекинетические способности. И просто выдернул ее из-под брюха монстра, под которое она влетела в процессе атаки, поехав на попавшей под ноги банке. Иначе ее элементарно разодрали бы на ленточки. У твари такие когтищи на лапах! А потом повезло Анж и Дане. «Ухватив» с пола первое, что попалось мне под руку, я со всей дури врезал по гадской морде, пошедшей в атаку. Оказалось – доска! И оказалось, что морда очень не любит, когда по ней бьют доской. Она сдала назад, недовольно заквакав, и, воспользовавшись этим, Анжи и Дана выскочили из тупика, в котором их зажали…
Ноги мои, ноги! Уносите скорее мою…
– Мра-а-а!
– Шлеп! Шлеп!
Гадство еще было в том, что тварь зашла с тыла. Сзади – телепорт, дорога к отступлению. Но на этом светлом пути к свободе, на выходе в коридор как раз и вертелась непонятно откуда взявшаяся животина, пытаясь нас сожрать. Зал узкий, уставленный от центра к стенам стеллажами. Беснующегося монстра сбоку обойти не получалось. Ломая шкафы один за другим, восьмилапая скотина уверенно теснила нас вперед. Хорошо, что из зала имелся еще один выход. Варгуши были уже там. Я же, приказав им отойти, пока сдерживал агрессора, пытаясь что-то придумать.
– Бдыщ!
– Шлеп! Хряп!
Доска сломалась! Ах, чтоб тебя! Нет, придется все же отступать. Под ногами полно катающихся банок, в воздухе тучи вонючего порошка, дышать тяжело, видимость

продолжала падать. Одна ошибка – и мне конец. И щит не спасет. Киллос, помню, его порвал запросто! А теперь еще и доска сломалась… Пора валить. Хотя бы на чистый воздух…
Ноги мои, ноги! Уносите скорее мою…
– Отступаем! – заорал я на весь зал варгам. – Я прикрываю – вы вперед! Пошли!
– Мра-а-а!
– Хряп!
Вот и вторая доска приказала долго жить… Действительно – пора делать ноги!
– Мра-а-а!
Ах ты, зараза! Ну тогда лови!
– Аллилуйя!
Напрягшись, я схватился за соседний стеллаж и опрокинул его на голодное животное. Звон, грохот, недовольное кваканье и возня под рухнувшей мебелью. Самое время уйти по-английски, не прощаясь!
– Валим! – прокричал я во весь голос, мчась к выходу. – Тапки в пол!
– Ба-бах!
Сзади грохот отлетевших к стене обломков. Тварюга выбралась из-под шкафа. Но я уже выскочил в коридор. Впереди мелькали подошвы сапог бегущих варг. Сзади слышался быстрый стук костей по каменному полу.
«Что за ерунда? – не оборачиваясь, подумал я о догоняющем звуке, потом сообразил: когти по полу стучат! – Поднажмем!»
– Москва – Воронеж, фиг догонишь! – проорал я. – Аллилуйя!
«А куда мы бежим? – пришла в голову весьма интересная мысль. – До первой закрытой двери? Или до первого тупика? Тут бы щелочку какую-нибудь… В которую можно было бы проскочить, а тупая башка сзади – не пролезла бы!»
– Ищите узкие проходы! – кричу я варгам. – Щели ищите!
Стук костей сзади, кажется, приближался… Конечно! У нее восемь лап, а у меня две! Да и те – ноги! Сих-х-хот! Как я попал в такой переплет? Нет, нужно было пустыней идти… Это все варги виноваты!
Коридор сделал резкий поворот влево. Я лихо завернул, ухватившись обеими руками за угол, и устремился дальше. Сзади раздавался шлепающий звук мяса о камень. Похоже, восьмилап бегает по прямой гораздо лучше, чем умеет поворачивать. Но это уже не суть важно. Важно, что наш поезд, похоже, прибыл на конечную…
Длинный, вытянутый зал с высоченным потолком. Метров этак шесть-семь высоты. Справа, в его конце – остатки обрушенной каменной лестницы, которая прежде вела к проходу под потолком. И все! Больше в зале никаких дырок нет! Кроме той, в которую мы вбежали!
– Приплыли… – вслух констатировал я, лихорадочно шаря глазами по стенам и пытаясь найти выход.
Варги уже добежали до конца зала и, развернувшись ко мне лицом, заняли оборону в обломках лестницы. Над их головами чернело темное отверстие. Но им до него не допрыгнуть и не залезть. Высоко, а лестница обвалилась вчистую – до голой стены. Только если долететь… Долететь? Ну конечно же!
Ускорился, насколько только получалось. Добежав почти до конца, что есть силы прыгнул вверх, распахивая крылья. Мощный взмах – и я уже наверху, у входа в коридор. Не теряя ни мгновения, развернулся и «схватил» варгуш своими вторыми «руками». Сразу всех пятерых, как я сделал тогда на озере, когда держал их вниз головами.
Рывок! Варги бутылочными пробками взлетели вверх.
Весьма вовремя! Стремительно мельтешащая восемью коленами вихляющаяся туша монстра с шумом врезалась в развалины лестницы, подняв тучу серой пыли. Варги, сжимая в руках шотаны, висели в воздухе над ней. Аккуратно подтянул их к себе и поставил на ноги рядом. Лица у них у всех были перепуганными, но оружие они держали крепко.
Подтащил к себе их предводительницу и близко-близко посмотрел Кире в глаза.
– Я кому приказал – следить за тылом? – зловещим голосом спросил я, нависая над ней.
– Э-э…

Беседа на Олимпе

– Ну что? Как?
– Что именно, – как? – уточнила Мирана у задавшего ей вопрос Марсуса.
– Действует?
– Откуда я знаю! – сварливо огрызнулась Мирана. – Не вижу! Я же тебе не богиня жизни!

– И я не вижу… – огорченно вздохнул Марсус. – Вроде и перепачкались мутагеном, и надышались им… Почти все банки перебили! А вот что-то… даже и не чешутся!
– Может, он уже не действует? Сам ведь говорил – быстро портится!
– Мира, хранилище находится под заклинанием «вечность». Ты сама это видела. Поэтому ничего там не пропало. Все свежее – как вчера сделано…
– Почему же тогда не действует?
– Сам не понимаю. Может, мы просто не видим? Все же не наша область…
– А чья?
– Динаи, разумеется. Она – богиня жизни. Ее нужно спросить.
– Ты ее сюда, что ли, хочешь пригласить?
– Ну да… а как еще?
– Понятно. Все, я пошла!
– Ми…
Мирана исчезла. Марсус посмотрел на пустое место, где она только что была, вздохнул и обратился к Динае.
– Звал? – спустя секунду спросила та, появляясь рядом.
– Да.
– Зачем?
– Понимаешь, я тут организовал ситуацию… По устранению нашего избранного. Все получилось, как я задумал – он и его варги перепачкались в мутагене. Но результата я не вижу. Они не меняются. Может, ты знаешь, в чем тут дело?
Диная, прищурившись, внимательно посмотрела на крылатую эльфийку, что-то недовольно высказывавшую старшей варговской пятерки. Потом так же внимательно оглядела каждую из варг.
– Вынуждена тебя огорчить, – наконец произнесла она, повернувшись к богу войны, – на него твой мутаген никак не подействовал.
– Как это? Почему? – искренне удивился Марсус.
– Не знаю, – легко пожала плечами Диная, – не подействовал, и все! Никаких изменений я в нем не вижу. Думаю, что это из-за того, что он оборотень. Разные ипостаси дают оборотню дополнительные качества. Вполне возможно, что ипостась крылатой имеет высокую устойчивость к изменениям. Не знаю… Таких оборотней до сегодняшнего дня никогда не было, и я просто не знаю. А исследовать избранного я не могу, поскольку сам знаешь, чем это грозит…
– Мм… – замычал Марсус, сведя брови к переносице и сделав «страшную рожу». – Мм… А что с варгами? – спустя несколько секунд спросил он. – На них-то хоть подействовало?
– На них – подействовало. Но тут тоже есть один нюанс…
– Что опять не так?
– Видишь ли, Марсус, варги… Они искусственные. И их создали с помощью такого же мутагена. Дарг, собственно, когда-то его и придумал. Поэтому они устойчивы к его действию…
– Ты же сказала – подействовало?
– Да, сказала. Я до тебя пытаюсь донести, что изменение у них произойдет скачком. Резко. Потому что они – уже изначально измененные.
– Ну и нормально. Я совершенно не против, если они вдруг посреди ночи превратятся в какую-нибудь голодную жуть.
– Вряд ли. Скорее всего, они просто умрут.
– Умрут? Это еще почему?
– Слишком много мутагена попало им внутрь. Можно сказать, что они попросту отравлены. Это будет как взрыв. Их тела не справятся. Слишком большая доза. Понимаешь?
– Откуда ты знаешь?
– Да так… богиней жизни пробавляюсь…
– Шарес одер вам! – в ярости махнул в воздухе здоровенным кулаком Марсус. – Все зря! Эти сдохнут, а этому – все равно! Нахса-а-а-а…
– Да, нахса-а-а-а, нахса-а-а-а… – покивала Диная, – сплошная нахса-а-а-а… Зазря варг угробил. Они бы еще месяцок-другой рядом побыли с ним – все бы запланированное нами и случилось. А теперь будет лишь пять трупов. Ну и какой толк с этого?
– Откуда я знал, что так получится!
– А спросить заранее – ума не хватило?
– В отличие от вас, бездельников, я хоть что-то делаю!
– Через одно место? Не умеешь – как говорится, не берись. Твое дело кулаками махать. А думать – это не для тебя. И не для Мираны. У нее от этого лобик морщится.
– Знаешь, куда ты сейчас пойдешь?
– Ха! Больше меня не зови. Пусть твои проблемы Мирочка решает! Мужлан…

Диная исчезла. Насупясь, Марсус мрачно уставился на восьмилапого стража, пытающегося в этот момент взобраться по вертикальной стене. Дело у того шло не очень. Застряв посреди пути, он тщетно шарил вокруг себя передними лапами, ища опору для дальнейшего движения вверх. Однако ничего подходящего не находилось, и в конце концов восьмилап сорвался вниз, грохнувшись спиной на пол и подняв тучу пыли.
– И ты – туда же… – уничижительно прошипел Марсус, глядя на барахтающегося в попытках встать стража. – Скотина…

В ректорате

– Госпожа баронесса, у меня для вас хорошая новость…
Магистр Роальд, держа перед собой в отставленной руке лист бумаги, лучезарно улыбнулся. Сидящая напротив него за столом Стефания насторожилась.
– Верховный совет магов, при полном одобрении его величества императора Хайме, принял решение о назначении вам персональной стипендии… – читал магистр с листа, – в размере десяти золотых имперских монет ежемесячно… Вот, ознакомьтесь…
Еще раз лучезарно улыбнувшись, магистр развернул листок и положил его перед девушкой. Стефания, наклонившись над столом, внимательно прочитала текст.
– Почему? – задала она вопрос магистру, подняв голову и уставясь требовательным взглядом ему в глаза.
– Что – почему? – не понял тот.
– Вернее – за что? – перефразировала вопрос Стефания. – Я же ничего для этого не сделала!
– Почему не сделали? – удивился магистр. – Вы уже много успели сделать для империи. Это не раз отметили и верховный совет и император.
– Но… ведь это все уже в прошлом, – тихо возразила Стефи, – за то я ведь уже получила награды…
– Вот вы о чем…
Магистр Роальд на секунду задумался.
– Почему бы вам не рассматривать это как признание того, что в прошлом вас недооценили?
– Это… из-за Хель, да?
Магистр глубоко вздохнул и откинулся на спинку стула.
– Вам так необходима правда? – скептически исказив уголок губ, поинтересовался он.
– Но… если причина только в Хель, то… я не могу принять этих денег. Я ничего не сделала для того, чтобы их получать…
– О боги! Стефания, зачем вы все так усложняете? Хорошо, давайте поговорим откровенно, если вы этого хотите. Совет и император хотят выказать свое уважение Темной госпоже, назначив вам стипендию как ее протеже. Чего тут непонятного? Зачем становиться в позу: сделала – не сделала? Сегодня не сделали – значит, сделаете завтра! Не зря же госпожа Хель сказала, что в вас заинтересована! Считайте это авансом, если вам сложно принять стипендию. Вы – молодая, красивая девушка, студентка столичного университета! Неужели вам не нужны деньги?
– Ну почему… – промямлила Стефания, – нужны… Но я не могу их брать просто так, ни за что…
– Разве не слышали, что я вам только что сказал? Это аванс! В счет ваших будущих свершений! Да, кстати, как вы собираетесь, если откажетесь, объяснять потом свой поступок императору и нашему верховному совету? Они в общем-то заботятся о вас, чтобы вы не бедствовали, а занимались, отдавая все свое время учебе. Чтобы вы стали великим магом! Надеются, что вы ответите им той же монетой в будущем. Кто знает, каких высот вы достигнете…
– Так меня что… покупают? – нахмурилась Стефи.
Магистр с размаху шлепнул себя ладонью по лбу и замычал.
– Мм… Стефания, вы делаете просто невероятные выводы из вопроса, который и выеденного яйца не стоит! Ну право слово, кто вас покупает? Кто? От вас разве чего-то взамен потребовали? Вы что-то подписали? Ну что вы такое говорите! Покупают!
Магистр громко фыркнул, мотнув головой.
– Ну-у… – протянула Стефания и замолкла.
– Вот что я вам скажу, госпожа баронесса, – произнес Роальд, потирая ладонью лоб, – вы можете послушать совета человека, который пожил больше вас и повидал больше вашего? Можете?
Стрефи, соглашаясь, послушно кивнула.

– Так вот мой вам совет – берите! Империя не обеднеет. Не возьмете – совет и император обидятся, а это вам совсем ни к чему. Поверьте уж мне на слово. Если эти деньги вам прямо ну как кость в горле – потратьте их на каких-нибудь нищих или Хель пожертвуйте, в конце концов… Или… У вас же ведь есть сестры, которые на выданье! Пригласите их в столицу, потратьте эту стипендию на них! Пусть ваши родители найдут им здесь подходящую партию. Думаю, что с приглашениями на балы в императорский или в наш дворец торжеств у вас проблем не будет. Конечно же если вы не поссоритесь сейчас с императором и советом, обидев их своим отказом!
– А… – сказала Стефи, открыв и закрыв рот.
– Не отказывайтесь, – с нажимом произнес магистр, наклоняясь к ней через стол. – Устройте будущее своим сестрам. Сами с ними походите. Знакомства, связи заведете. Поверьте, связи в столице весьма и весьма многое значат для будущего…
Стефания, собрав в морщины лоб, усиленно размышляла, уставясь в столешницу. Видно было, что внутри нее происходит борьба.
– А точно никаких обязательств подписывать не нужно? – наконец, после продолжительного молчания, спросила она, подняв голову.
– Фух… – выдохнул магистр, откидываясь назад, – слава богам! Вы прислушались к голосу разума! Распишитесь в графе «с решением ознакомлена» – и все!
– Хорошо, – кивнула головой Стефи, – давайте. Где?

Оружие, которое рядом

Тихое, едва слышное дыхание… Длинные ресницы чуть трепетали своими загнутыми кончиками. Расслабленное умиротворенное лицо. Рината спала.
Я почти вплотную лежал рядом с ней на левом боку и рассматривал ее. Сзади к моей спине беспардонно привалилась Илона. В головах – спала Дана. В ногах устроилась Анж. Обложили со всех сторон. После того как я втащил наверх варгуш, выдрав их из-под когтей восьмилапа, мы бодро двинули дальше, пытаясь как можно быстрее отдалиться от лезущего на стену мутанта. Двинуть-то двинули, но, как говорится, не тут-то было! Дальше был тупик. Короткий коридор, квадратный зальчик и два больших помещения (похоже, в прошлом – кабинеты) слева и справа от него. И все, привет! Поняв, что это ловушка, я ринулся назад, желая помешать восьмилапу взобраться на стену. Но оказалось – можно было и не спешить. Он сам с нее свалился, без моей помощи. Стена оказалась для него непреодолимой. Понаблюдав за его несколькими безуспешными попытками влезть, я гордо плюнул на него сверху и пошел более тщательно обследовать помещения на предмет поиска незамеченного выхода, оставив Киру и Анжи сторожить «альпиниста». Кире перед этим я высказал свое «фэ», обвинив ее во всем случившемся. В присутствии ее подчиненных, разумеется. Иначе бы смысла не было топтаться на ее самолюбии и авторитете. Может, она и не настолько виновата и эта тварь крадется бесшумно, но факт есть факт – тыл остался неприкрытым. И меня чуть не укусили за… Отыгравшись на Кире, я с улучшившимся настроением отправился «на раскопки» в сопровождении Ил, Даны и Ри. Однако все оказалось весьма уныло. Ничего ценного не нашел, даром прошарахавшись по кабинету, который слева… Брезгливо поковырялся пальчиком в прахе на столе, в который обратились когда-то лежащие на нем книги… Потом Ри зацепила ножнами стол, сунувшись исследовать труху следом за мною. Стол рухнул, словно только того и ждал. Нет, не рухнул. Точнее – тоже рассыпался трухой, подняв облако едкой пыли. Прочихавшись и протерев глаза, я внимательно выслушал все, что думает Ил об умственных способностях Ри. Согласившись по всем пунктам, благосклонно кивнул и пошел в кабинет, который справа. Там мне повезло не больше. Та же пыль, труха и тлен. Осмотрев помещение на предмет ловушек и не найдя их, я дал добро желающим «на порыться» и пошел обратно. Кира и Анжи, стоя на краю верхней площадки рухнувшей лестницы и вытянув шеи, смотрели вниз, на лезущего вверх восьмилапа.
Нагнувшись, я на ходу подхватил с пола кусок мраморной плитки и, подойдя к варгам, швырнул его вниз, в животное. Попал точнехонько в голову. Однако животное камень проигнорировало и продолжило шарить лапами вокруг себя, ища опору.
– Не влезет, – авторитетно сказал я, глянув вниз и оценив ситуацию.
Стена, как оказалось, была не совсем вертикальна, а примерно где-то с середины отклонялась вверх под неким углом. На этом-то изгибе и застрял наш преследователь.
– А где остальные? – спросила меня Кира, увидев, что я один.
– Пытаются мародерствовать, – коротко ответил я и продолжил: – Госпожа командир! Там тупик.
Я мотнул головой назад, в сторону коридора, откуда пришел.

– Никаких незамеченных впопыхах проходов нет. Давайте думайте, что дальше делать. Я уже заколебался все время бегать и всех спасать!
Но что она могла придумать? Да ничего! Внизу – голодный кашалот, не реагирующий ни на их шотаны, ни на мою магию. Единственный известный выход отсюда – телепорт, дорога к которому отрезана. Я тоже не знал, что делать, поэтому-то во всеуслышание и делегировал право генерить решения Кире. Ну например, я могу спланировать на крыльях вниз, к выходу из зала. Это я могу. Что дальше? Дальше мне придется брать ноги в руки и нестись во весь опор к телепорту. Дорогу, допустим, до него я помню, но удастся ли мне значительно оторваться от преследователя, чтобы успеть активировать артефакт? Как-то у меня сложилось впечатление, что этот мутант весьма шустро бегает… Не получится ли так, что я ворвусь под арку с восьмилапом на плечах? В такой ситуации будет явно не до лазанья по меню в поисках точки перехода. Кроме этого, есть еще и вероятность того, что «Зеленый приют» «сдох» для приема. Пропал же из списка тот подвал, в котором нас засыпало? Пропал! Почему «приют» не может сделать то же самое? Неработающий телепорт и мутант, хватающий за зад… Вот это будет точно – аллес капут! Поэтому, как ни крути, нужно сначала избавиться от настырного зубастика внизу, а потом уже потихоньку красться на выход. Да еще нужно молиться, что тут всего одна такая многоножка и никто не привалит к ней на помощь…
Ну, в общем, пока я прикидывал варианты, Кира нашла решение – предложила мне «подумать и что-то сделать»! В общем, это было сразу ясно, что замкнется все вновь на меня. Я на нее покосился, но умничать не стал, ибо уже надоело, да и без толку. Вздохнув про себя, я принялся изучать противника. С виду – похож на большую ящерицу. Длинный, сплющенный с боков хвост, мелкие чешуйки по гибкому телу, лапы, похожие на лапы варана, большая треугольная голова с тупым носом и далеко друг от друга разнесенными подслеповатыми на вид глазками. Я сел на край, свесив ноги, и, закрыв глаза, начал «щупать» восьмилапа, решив для начала поступить с ним как с теми двумя ночными зубастиками – что-нибудь испортить ему внутри, используя целительские навыки. Однако меня ждало большое разочарование. Из всех его внутренних органов мне удалось увидеть только мозг. Все остальное в теле монстра было скрыто какой-то дымкой, за которой я ничего не видел. Решив, что и мозгом я вполне обойдусь, я было сунулся к нему, но оказалось, что создатели восьмилапа предусмотрели и такой вариант. Сколько бы я ни протягивал к нему «руки», ни «давил» – ничего не выходило! Какая-то невидимая преграда, словно прочное стекло, не пускала меня к нему. Короче – никакого эффекта. Ну может, зубастик чуть забеспокоился. Но это – все, чего мне удалось достичь. Потом я долго размышлял – стоит ли пробовать на нем боевые заклинания? Не прибежит ли кто-нибудь еще, привлеченный магическим фейерверком?
Однако опасайся не опасайся я привлечь к себе внимание, но других вариантов не было. Для начала я побросал в восьмилапа фаерболами, понаблюдал, как они, не принося вреда, растекаются по его блестящей чешуе. Сделал нерадостные выводы из увиденного. Затем перебрал известный мне арсенал водной, воздушной, темной магии и магии земли. Все – без толку! Он даже и отходить не стал. Стоял, задрав голову и пристально глядя на меня. И все! Я плюнул, сказал, что устал, и скомандовал – отбой! Сделаем перерыв!
Покормил варг из своих запасов и решил завалиться спать, благо наверху должен был быть где-то уже вечер. Сделал себе облачную постельку, запрыгнул в нее и начал было устраиваться поудобнее, как вдруг мой взгляд наткнулся на хмурую-прехмурую Ринату, мрачно смотрящую на мои приготовления ко сну. Я сначала не понял.
«Чего это она? – подумал я. – Накормленная, напоенная, от смерти спасенная… И такая морда кислая!»
Тут я увидел, куда именно смотрела Ри. А смотрела она не на меня, а на мою постель.
«Э, да она просто представляет свою сегодняшнюю ночевку на голом каменном полу! – дошло до меня. – Бедное существо, находящееся в самом низу иерархической лестницы…»
Хотя самой младшей по возрасту в пятерке была Дана, но в установившейся негласной «табели о рангах» Рината явно была на последней строчке. Вечно у нее все выходило наперекосяк, давая повод другим варгам показывать свое недовольство.
Я задумался над внезапно возникшим вопросом: а где моя охрана, собственно, спать будет? Матрасов у меня в заначке с собою нет… А на каменном полу от тонкого одеяла толку никакого. Простынут, заболеют… Вполне возможно, что я проснусь в хорошем настроении, проявлю гуманизм и их вылечу. Но вот то, что они ночью практически спать не будут, – наверняка. Стоя много не поспишь. А у невыспавшегося организма – реакция хуже, чем у отдохнувшего… А завтра еще день… Еще кого сожрут из-за недостатка реакции… Оно мне надо? Нет, нужно как-то решить эту проблему. Но пять облачных кроватей разом я делать не пробовал, только две. А для экспериментов – ни времени, ни желания.

Сделать одну здоровую им, одну маленькую для себя? Но большой постели я тоже не делал ни разу, и насколько мне получится ее удаленно контролировать? Не знаю… Хочется просто лечь и нормально поспать, а не периодически просыпаться ночью от падения на пол, вставать и что-то там подкручивать… Хм… А что, если… Илона меня тогда не покусала, когда я с ней спал. И я – никак особо не отреагировал. Тело-то у меня нынче – Эриэллы! Растяну свое облако в стороны, сам лягу по центру, а они пусть по краям устраиваются. Это проще всего будет сделать. Придумывать ничего не нужно – просто волью больше силы в заклинание, да и все. А как будет выглядеть спанье с зубастиками в одной постели с точки зрения моего статуса? Хм… Это можно трактовать как заботу рачительного хозяина о своей охране. В сложных ситуациях – вполне допустимо. Один раз ничего страшного. Решено!

Я изменил форму своего облака, превратив его в здоровенный «сексодром», и несколько раз похлопал рядом с собою рукой, привлекая внимание Ри.

Рината подняла на меня глаза.

– Мм? – с вопросительной интонацией промычал я, приглашающе указывая головой на место слева от меня.

Ри нахмурилась. Она не поняла.

– Мм? – вновь повторил я движение головой, постучав ладонью рядом.

Лицо Ринаты неожиданно порозовело. Вздернув нос, она пренебрежительно хмыкнула и, скрестив руки на груди, резко повернулась ко мне спиной.

– Ну тогда будешь спать на полу, – громко сказал я и позвал: – Кира!

Кира была за углом. Выскочила, как только позвал.

– Пользуйтесь, – произнес я, делая вокруг себя рукой жест щедрости мецената-миллиардера, – пол холодный. Четверо спят, одна дежурит. Но если кто будет на меня ночью ноги складывать или храпеть вздумает – выкину на фиг! Понятно?

Эх, жаль, что у меня нет фотоаппарата! Эти круглые глаза были достойны увековечения!

Спал я спокойно. Никто на меня ничего не складывал и не хрюкал. Несколько раз сквозь сон я ощущал рядом с собой движение – это менялись караульные. Понятно, что на полу ночевать никто не захотел и все расположились на моем облачке, кружочком вокруг меня.

И вот я проснулся и лежу, не торопясь вставать, ибо спешить особо некуда и, окромя неубиваемого восьмилапа меня сегодня никто нигде не ждет. Лежу и разглядываю вблизи Ринату, которая оказалась слева от меня, лицом в лицо. Видно, что устала. Осунулась. Кожа на лице – чистая и гладкая. Нос – чуть курносый… Но это ее совсем не портит…

Опустил взгляд ниже и остановился на ее губах. Губы припухшие, обветренные и потрескавшиеся. Но мне все равно почему-то нравилось на них смотреть. Долго их разглядывал, затем опустил взгляд к ее подбородку и шее. Под щеку Ри подложила свои ладони. На левом безымянном – обгрызенный ноготь. Видно, сломала и отгрызла зубами. Ногти поотросли, скоро загибаться начнут. Волосы – копной. И не особо заметно, что их недавно мыли. М-да-а, совсем запаршивели смертельно опасные варги…

Мой взгляд вновь возвратился к ее губам. Чем они меня так привлекают? Вновь долго на них смотрел, затем, чуть наклонив голову вперед, несколько раз глубоко втягивал воздух, принюхиваясь. В запахе Ри ясно слышалась тонкая можжевеловая нотка. Внезапно я ощутил чей-то взгляд. Повернул голову – Дана! Своими удивительными глазами она внимательно смотрела на меня. Мы долго лежали, молча глядя друг другу в глаза. Наконец Дана опустила ресницы, так и не издав ни звука. Увидев, что она «ушла», я возвратился к созерцанию губ Ри. Однако почти сразу, как я перестал переглядываться с Даной, Рината начала просыпаться. Ресницы ее затрепетали сильнее, а под закрытыми веками задвигались глаза. Понимая, что она вот-вот их откроет, я приготовился пожелать ее доброго утра.

Ри открыла глаза. И первое, что она увидела, проснувшись, – мой оскал во все тридцать три зуба!

– Клац! – громко лязгнул я зубами перед носом Ри.

Взвизгнув, Ри прянула назад и слетела с кровати на пол. Шотан в ножнах грохнул о каменный пол, породив громкое эхо. Мирно спавшие до этого варгуши проснулись и разом резко сели, ухватившись за оружие.

– Что случилось? – спросила Илона, крутя головой из стороны в сторону, ища врагов.

– Рината с постели упала, – нейтральным голосом сообщил я.

– О не-э-эт! – капризным голосом протянула Ил, ссутуливаясь. – Мне такой сон снился… Ри! Ну почему ты такая корова, а?

Я перекатился на живот к краю и свесил голову вниз. Ри сидела, вытянув вперед ноги и упершись сзади себя руками в пол. Выражение у нее на лице было «ничего не понимаю!».

– Доброе утро, рыжик! – со злорадством в голосе сказал я и оскалился во все тридцать три зуба.

До Ри дошло, кому она обязана своим полетом, и она злобно оскалилась в ответ. Я же перестал скалиться и улыбнулся.
– Давайте, вставайте, – скомандовал я проснувшимся варгам, – завтракать будем, да делом потом займемся.
Илона тут же бухнулась обратно – досыпать. Я слез на пол, подождал Анжи с Даной и деактивировал заклинание постели.
Громкий шлепок об пол с последующим возмущенным воплем Илоны бальзамом пролился на мое сердце. Это тебе за то, что ты на меня спиной наваливалась…
– Можешь досматривать сны, – сказал я ей, – без тебя поедим.
Но оказалось, что она уже выспалась и как раз собиралась перекусить перед долгим трудовым днем.
Позавтракали.
Я задумчиво посмотрел на Ри, вытирающую руки о свои штаны. М-да… картинка. Впрочем, Ил делает то же самое, только более изящно и незаметно. И ногти у нее такие же, как у Ринаты. Нужно что-то с этим делать. Совсем замухрышками становятся. Где-то у меня тут было…
Я полез в свой «невидимый мешок».
А-а-а! Вот они! Два набора по уходу за ногтями и бровями. Один золотой – другой серебряный. Подарок от Амали и от ее бабушки. Я как-то попытался воспользоваться пилкой для ногтей – брр! Жутчайшая вещь! Такое ощущение было, что вибрация от ногтя доходила по костям аж до самого плеча! Я раз попробовал ради интереса – «как это?» – и бросил набор в «мешок», благо Эриэлле ничего такого не нужно. Ни ногти пилить, ни брови щипать. Не растут-с… Все время одинаковой, совершенной формы. Хоть тут-то мне повезло… Что у меня еще есть из девичьего? Так, расчески… запасные… Тоже набрал про запас у эльфов… пока давали. Помады какие-то… На фиг я их взял? Жадность, что ли, тогда обуяла? Ладно, считаем, что пригодились. Что еще? Заколки всякие, ленточки для волос… Амали надарила. Кремá… Блин! Сколько у меня уже всякой ерунды, оказывается, скопилось! Надо бы как-нибудь порядок навести да повыкидывать всякую чушь… Вот сейчас и выкину! Ножницы… Да! Платочки… Чтобы руки о штаны не вытирали…
Я достал одеяло и, под удивленными взглядами варгуш, расстелил его на полу, сложив вдвое.
– Личное время, – объявил я, вываливая на одеяло добро из «закромов родины», – приведите себя в порядок. А то уже смотреть на вас скоро будет страшно…
«Шок – это по-нашему! – усмехнулся я про себя, оглядев замерших от удивления варгуш. – Не ожидали? Вот вам еще одна необходимая мелочь…»
– Дзинь!
В воздухе повисло огромное зеркало.
Варги дружно вздохнули.
– Пользуйтесь! – щедро махнул я рукой по направлению к нему. – А я пойду пока на зверя посмотрю…
Оставив за спиной потрясенных моим поступком варг, я направился ко входу в коридор, размышляя: «Что мне с ним делать?»…

Некоторое время спустя

Восьмилап преданно смотрел на меня снизу, я – с отвращением смотрел на него сверху.

А может, мне на него стену обрушить? Как гору – на Портоса? Ну и где мне взять такую
стену? Судя по его бодрому виду, стена ему нужна будет немаленькая…

Я находился в тупике. Ситуация со вчерашнего дня не изменилась ни на йоту. Этот – внизу, и ничто на него не действует. Мы – наверху, и идти нам некуда. Единственный вариант, который остался, – измором взять. Пересидеть. Может, ему надоест и он уйдет? Проголодается или попить там сходит… Не может же он вечно сидеть тут! Хотя… Если он создан для охраны этого подвала – тогда он может сидеть и до упора, согласно своей программе… а вот у кого «упора» больше, у нас или у него, – это еще вопрос… Ну неделю, допустим, мы тут просидим… А дальше?
Я подхватил еще один камень и кинул его в нашего стража. Камень отскочил от морды, но восьмилап даже не моргнул.
Зз-з-зар-р-р-раза!

– У него, наверное, как у киллоса, – сказала сидящая рядом со мной на краю площадки Анж, сменившая Киру. Тщательно причесанная и с подкрашенными губами.
– Что как у киллоса? – не понял я.
– Шкура отражает удары…
– Это как? – заинтересовался я. – А ну-ка расскажи!
Через пару минут Анж выложила мне все, что знала о киллосе.
Хм, интересно, подумал я, значит, нужно много и быстро бить… Тогда – защита исчезнет, и его можно будет приложить каким-нибудь заклинанием. А ну-ка попробуем!
Я достал чаки и, спустив их вниз, замолотил ими по шее восьмилапа.
– Вуп!
Мутант сделал резкое движение лапой, ударив по одному из кинжалов.
– Звяк!
Чак отлетел в сторону, ударился о стену и отлетел от нее под ноги мутанту. Восьмилап шагнул вперед и придавил его лапой к полу. На его поднятой ко мне морде ясно читалось торжество.
«Сихот! – подергал я его за лапу, пытаясь вытащить из-под нее кинжал. – Скотина жирная!» И не сдвинешь ведь! Далеко. Метров десять от меня. На таком расстоянии я не могу достаточно быстро двигать предметами. И сила в «невидимых руках» уже не такая, как в трех метрах от меня. Сильно бить не получается. Вот зараза! Кинжал-то я подберу, когда он с него слезет, никуда он не денется, но обидно!
– Жалко, – сказала Анжелина, увидев результат моей попытки, – тут, наверное, нужно другое оружие. Более сильное. Топор или молот…
Ну в принципе, наверное, да, подумал я, почесав у себя за ухом, ощущение такое, что мне просто не хватает «мощности». Например, когда я пытался раздавить ему мозг, преграда, которая его защищает, прогибалась, а восьмилап – беспокоился. Будь воздействие сильнее – вполне возможно, я бы ее продавил… Хм? Ну и где мне взять что-то, чем можно было бы шарахнуть по мозгам?
Мой взгляд остановился на Анжи.
– Что? – насторожилась она.
Так вот же оно… Оружие!
Я задал вопрос, обращаясь к умениям Алатари. Через мгновение я знал ответ – да, она подойдет! А остальные?
Я вскочил на ноги и понесся к варгам.
«Да, да, да, да – что-то отвечало мне внутри головы, когда я смотрел на них, – но кто же будет ведущей?»
Я задал себе новый вопрос и еще раз внимательно осмотрел замерших при виде меня варг. Вот! Есть! Она!
Усмехнувшись, я энергично шагнул к качнувшейся назад от меня Ринате.
– Рыжик, – ласково спросил я, – ты когда-нибудь хотела стать «жалом»?
– Шш… то? – переспросила она, растерянно глядя на меня.
– Ты никогда не мечтала возглавить «особую пятерку»? «Пятерку убийц магов», а?
Мертвая тишина… Такая, что издалека было слышно пыхтение восьмилапа. Похоже, он заскучал и вновь решил взобраться на стену. Огляделся. Четверо варг сзади напряженно смотрели на меня.
– Вы… вы можете создать такую пятерку? – спросила наконец Кира, когда пауза затянулась уже просто дальше некуда. – И Рината будет ее «жалом»?
– Да.
Вновь долгая пауза. Кира усиленно о чем-то размышляла, опустив голову и глядя в пол. Все варги смотрели на нее.
– Давайте не будем об этом больше говорить, – неожиданно предложила она, поднимая голову.
– Почему? – удивился я.
– Это – секрет империи.
– Я учился на темном факультете, и это не является для меня секретом.
– Я знаю. Но все равно говорить об этом не стоит.
– Почему?
– Это нарушение.
– Чего нарушение?
– Нарушение законов. Подобные пятерки подчиняются только императору и создаются только по указанию совета магов. Другого быть не может. Поэтому не стоит обсуждать подобное вслух.
– Хм… – задумался я на несколько секунд, затем спросил: – Госпожа Кира, у вас есть решение, как нам выбраться отсюда?

– Мм… нет.
– А у меня – есть! И не вы ли не далее как вчера предложили мне «что-то придумать»? Я – придумал!
– То, что вы придумали, – неудачное решение.
– Но другого ведь нет. Не так ли?
Я создал себе облачко-кресло и сел в него, закинув ногу за ногу, ожидая, пока Кира соберется с мыслями.
– Мы станем преступниками, – привела аргумент Кира, – когда вернемся.
– А так вы не вернетесь вообще… – промурлыкал я, начиная накручивать один из своих золотых локонов на указательный палец.
Дурацкая привычка… Нужно избавляться…
Кира не нашлась с ответом.
– Вы понимаете, госпожа Кира, – качая ногой, начал разъяснять я свое видение ситуации, – вы и ваши варги – моя охрана. Вы должны меня защищать, чтобы я не знал проблем. Вместо этого мне постоянно приходится напрягаться, чтобы выжить, а заодно – не дать умереть вам и вашим подчиненным. Вы – не справляетесь с исполнением отданного вам приказа. Даже сейчас, когда мы все находимся в критической ситуации, вы создаете препятствия для ее благополучного разрешения. Вы это понимаете?
Киру малость перекосило лицом, но она вновь промолчала.
– Уверен, что ваши подчиненные совсем не торопятся умирать. Вы же своим решением не оставляете им шанса. Коли так, я могу с чистой совестью побросать вас всех вниз для отвлечения и, пока вас там будут жрать, спокойно добегу до телепорта. Какая разница? Решили умереть – умерли! Это был ваш выбор. А я – остался жить. Это был мой выбор. И никто мне и слова не скажет, даже если я расскажу, как оно было на самом деле. Охрана – на то она и охрана, чтобы охранять.
Тишина… Я сидел, покачивая ногой. Варги смотрели то на меня, то на начальницу. Кира – опять в пол.
– А потом… потом что с нами будет… в Этории? – тихо задала она вопрос.
– Ты сначала доживи до Этории, – жестко сказал я, – и девчонок своих до нее доведи! Будете живы – будете думать, будут варианты. Мертвым варианты ни к чему. Если просто сидеть и ничего не делать, – никаких вариантов не будет.
– А-а… А вы уверены, что это… получится?
– Не-а! – помотав головой в стороны, ответил я. – Но нужно попробовать – почему бы и нет? Если подобные пятерки, по рассказам, архимагов выносят на раз, то почему бы одной такой же не вынести какую-то восьминогую хрень? Впрочем, если у тебя есть какие-нибудь другие предложения или идеи, как выбраться отсюда, – давай их рассмотрим. Я не против.
– Я имела в виду, когда спрашивала, в смысле – вы действительно сможете сделать из нас такую пятерку?
– Да. Смогу.
– Хм… Мне нужно… обсудить… с подчиненными.
– Хорошо. Идите. Все вместе идите. А я пока за нашим охранником пригляжу…

Брифинг

Кира:
– Ну?
Тишина…
Кира:
– Чего молчите?
Илона:
– Ты командир. Ты и решай…
Кира:
– То есть тебе все равно, так, что ли? Или думаешь – скажешь потом, что была ни при чем, приказ выполняла?
Илона:
– Может, и не скажу… Смотря как все получится…
Кира:
– Что значит «как получится»?
Илона:
– Если мы станем настоящей пятеркой «убийц» – ничего нам в Этории не будет, если, конечно, в империи не прознают. Станем секретным оружием – да и все, я думаю. А вот

если Рината умрет… Это будет уже другая история. Ее родственница вряд ли нам это простит. Все же ради Ри затевалось. Вот тогда – я ни при чем!
Рината, удивленно:
– Что затевалось? И при чем тут моя мама?
Илона:
– Ой, да ладно! Все уже давно все знают!
Рината:
– Что знают?
Илона:
– Что твоя мама служит в штабе. И что она отправила тебя в эту экспедицию, чтобы это послужило началом твоей карьеры. Наверное, она хочет, чтобы ты тоже служила в штабе.
Рината, растерянно:
– Но моя мама не служит в штабе… Она капитан в городском гарнизоне…
Илона:
– Да? Ну если не мама, то бабушка! Кто у тебя служит в штабе? Может, тетя?
Рината, недоуменно:
– Бабушка – на пенсии. Тети у меня нет… Никто у нас не служит в штабе!
Илона, тоже растерянно:
– Да? Тогда я ничего не понимаю! Ты ведь – единственная оставалась! У остальных – ни у кого родственников таких нет! Мы уже все выяснили!
Рината, негодующе:
– Да что вы выяснили?!
Кира, внимательно глядя на Ри:
– Илона, постой. Дай я расскажу…
Кира, некоторое время спустя:
– Теперь ты понимаешь, почему мы подумали на тебя?
Рината, кивая:
– Понимаю. Только это смешно. У моих родственниц совсем небольшие чины. А у Биргит я, как вы, не спрашивала…
Кира:
– Она не врет.
Илона, прищурясь:
– Тогда врет кто-то другой.
Дана:
– Кто врет?
Илона:
– Кто-то из нас врет. Потому что не сходится! Биргит сказала одно, но выходит, что тут таких нет!
Анжелина, негромко:
– А Биргит?
Илона, поворачиваясь к ней:
– Что Биргит?
Анжелина:
– Биргит – врать не может?
Пауза. Все занялись обдумыванием.
Кира:
– А зачем ей это?
Анжелина:
– А вот это очень интересный вопрос…
Илона:
– Как нам это узнать?
Кира:
– Отставить! Наша задача сейчас решить – что мы скажем Аальсту? Биргит мы обсудим позже. Так что мы ему ответим?
Пауза.
Рината, неуверенно:
– Я слышала, что это очень больно… Некоторые даже умирают… А маги могут специально причинять больше боли…
Илона:
– Боишься?
Рината, глядя в сторону:
– Он всегда ко мне цеплялся… С самого первого раза…
Илона:

– Или ты к нему. Ладно, не боись, мелочь пузатая! Хочешь, я вместо тебя стану «жалом»?
Рината, недоверчиво:
– Правда?
Илона:
– Конечно! А еще у него можно потребовать дать нам клятву, что он не будет заниматься садизмом! Он же заинтересован в нас так же, как мы в нем. Поэтому придется ему с нами договариваться…
Анжелина:
– Заинтересован? Вот уж не думаю. Ты разве не слышала про побросать нас вниз?
Дана:
– Он этого не сделает.
Анжелина:
– Это почему?
Дана:
– Не сделает! Я знаю.
Анжелина:
– И что ты знаешь?
Дана:
– Что надо – то и знаю!
Илона, задумчиво:
– Какие все вокруг загадочные…
Кира:
– Боюсь, что Анжи права. Мы не можем разговаривать с ним на равных. Я попробую выставить ему условия, но, боюсь, мы можем только просить.
Илона:
– Тогда давайте обсудим наши требования!
Анжелина:
– Ха! Требования…
Илона:
– Ну просьбу, если тебе так больше нравится. Я думаю, что нужно соглашаться. Ведь тогда мы…
Илона, оглянувшись и шепотом:
– …Мы тогда сможем быть с ним на равных! Мы ведь тогда будем уже «убийцами магов»!
Кира, тоже шепотом:
– Ил, ты – дура! Так он и даст нам оружие против себя. Наверняка клятвы потребует.
Илона:
– Так поторгуйся с ним! Может, получится составить ее так, как нам нужно! Ты же наш командир! Сделай! Ведь все равно соглашаться придется. Других вариантов выбраться отсюда – действительно не видно. Хорошо, что хоть такой отыскался.
Кира, вздохнув:
– Хорошо. Значит, все согласны? Рината, ты как?
Рината, глядя в пол, молча кивнула.
Кира:
– Кто против есть?.. Никого? Тогда пошли. Будем торговаться…

Эри

– Это какую еще такую клятву? – наклонив голову к правому плечу, я нехорошо прищурился на Киру.
О чем это она лопочет? Терпеть не могу давать клятвы!
Кира, не отвечая, замялась. Два раза я ей уже ответил «нет» на ее предложения, сейчас стопроцентно тоже будет «нет»! И она это чувствует.
– Такую, что ты не заставишь нас принести клятву подчинения себе! И не будешь заниматься садизмом, когда будешь делать из нас ту пятерку!
Это Рината. Вылезла из-за спины Киры, похоже, разочаровавшись в ее «мягкой» дипломатии. Решила, видать, «надавить горлом».
Не спеша, звонко щелкая своими высокими каблуками по каменному полу, я подошел к Ри и, наклонясь вперед, приблизил свое лицо к ее.
– Чего? – немного испуганно отклонилась назад Ри.
– Боиш-ш-ш-шься? – прошипел я, глядя ей прямо в глаза. – Боли боиш-ш-шься?
– Не боюсь! – смело ответила она, расправляя плечи и поднимая подбородок. – Варги боли не боятся!

– М-да? Тогда, значит, рабства боишься? Но это же, право, такие пустяки! Вы же мастерицы надевать ошейники на других. И ничего страшного в этом не видите. Не хочешь попробовать, как оно самой в таком украшении?
Пауза. Ри стояла с приоткрытым ртом, не зная, что ответить. И варги молчали.
– Но мы ведь не виноваты, – тихо произнесла Дана.
– В чем? Разве любая из вас не сделала бы так же? – выпрямившись, обернулся я к ней.
– Нет! – четко сказала она в ответ, глядя мне прямо в глаза. – Я бы так не сделала!
– Не верю. Вы все – собственницы и хищницы. И ничего своего не отдадите. Особенно если это – добыча!
– Варги – они тоже разные. Как и люди, – возразила Дана. – Нельзя по одной судить обо всех. Это глупо!
Я молча взглянул на нее, вопросительно приподняв правую бровь.
– И ты сам это знаешь, – продолжила она, – потому что поступаешь по справедливости. А не так, как, ты думаешь, должен был бы поступить, потому что что-то там было… в прошлом.
– Я? Поступаю по справедливости? – сделал я удивленный вид.
– Да! Иногда… А иногда ты вредничаешь! Как сейчас.
Пауза. Мы с Даной в упор смотрели друг другу в глаза.

> Верит в то, что говорит… Впрочем, это ничего не значит. Пока молодая – мысли одни. Станет возраста Дины – по-другому заговорит. Однако кто она такая, чтобы так
> со мной разговаривать? Думает, если я спас ее от смерти, значит, это дает ей право на более близкое общение? Но, с другой стороны, – честно. Без этих Кириных мозголомных многоходовых дипломатических заходов. И она даже в чем-то… чуть-чуть права. Я адски щедр и справедлив! Что мне ей ответить? Не начинать же возмущаться неуважительным обращением ко мне! Буду глупо выглядеть…

– В чем проблема? – наконец, прервав молчание, спросил я ее.
– Рината боится умереть от боли во время создания заклинания. И еще мы опасаемся, что ты сделаешь из нас своих рабынь. Поэтому просим, чтобы ты дал нам клятву этого не делать. Это все, – коротко и понятно ответила Дана.
– Боится умереть? – обернулся я к Ри, окидывая взглядом ее сверху донизу. – Знаешь, Рината, – через секунду сказал я, – смерть забирает лучших. Так что тебе еще – жить да жить, жить да жить… Понятно? А больно не будет. Я ведь не только темный маг, я еще и целитель… Думаю, ты даже не заметишь… По поводу рабства… Говорю для всех. Обещаю такого не делать. Я гораздо более целостная личность, чем вы все тут думаете. И мне для моего чувства собственной значимости совершенно не нужно кого-то там мучить и держать в ошейнике. Тем более тех, кто заведомо слабее меня. Это мелко. Ну я понимаю еще, допустим, пятерка Разрушителей… Это как-то туда-сюда…
– А кто это такие – Разрушители? – тут же заинтересовалась Илона, чуть подавшись вперед.
– Это… Короче, они все ломают, – просветил ее я, ругнувшись про себя за свою болтовню.
– Все же… клятва… Вы ее не дадите? – нахмурившись, спросила Кира, вновь возвращаясь к «нашим баранам».
– Я обещаю, что сделаю так, как сказал. И все, – ответил я. – Клятвы я давать не намерен!
– Обещание – не клятва… – пробурчала себе под нос Рината. Впрочем, так, чтобы все услышали.
– Других вариантов не будет! – отрезал я. – Не нравится? Отлично, придумывайте что-то другое!
– Ой, а я придумала! Только что! – обрадовалась Анжелина.
– Что? – заинтересовался я.
– Вещи! Которые ты куда-то прячешь и достаешь. А нельзя ли туда – спрятать ящерицу?
«Хоп! – сказал я сам себе. – Как же я до этого сам не додумался? А Анжи – соображает! Буду иметь в виду».
Плохо, когда рядом с тобой кто-то соображает шустрее тебя…
– Пойдем, попробуем? – широко улыбнувшись, предложил я ей.

– Не лезет, – констатировал я.
Восьмилап преданно смотрел на меня снизу. Разве что не облизывался.
– Почему? – спросила Анжи. В ее голосе слышалось разочарование. Такая идея – и не получилось!
– Не знаю, – пожал я плечами, – может, слишком большой? Или его сопротивляемость к магии мешает…

Действительно, а почему он «не лезет»? Разбойники «лезли», а он – нет? Впрочем, я как-то не проводил испытаний на «размерность» Абасова «мешка». Раньше не возникало такой необходимости. В принципе – должны же быть у него какие-то ограничения? А то засунул в него армию, потом пришел к соседу – и «вывалил» ее у него в столице. Вот это тогда был бы всем мешкам мешочек!
– А куда вы их прячете? Вещи? – улыбаясь и как бы невзначай спросила Илона, отвлекая меня от моих мыслей.
Что-то больно она любопытная сегодня…
– На кудыкину гору, – серьезно ответил я ей. – Так! Эта идея провалилась. Возвращаемся к предыдущему плану. Рината!
– Что?
– Я хочу посмотреть в твои глазки. Иди сюда!
Та в ответ что-то неразборчиво пробубнила, прячась за спинами Киры и Анж.
– Что там опять? Не хочешь всем помочь? Тогда мы все здесь тупо сдохнем! И все.
– Пусть «жалом» буду я! – неожиданно предложила Илона. – У Ри мало опыта. Она может не справиться.
– А у тебя что, много опыта быть «жалом»? – изумился я.
– Ну… все равно… Я старше! Значит, у меня должно получиться лучше!
Я еще раз, прикрыв свои веки, «просмотрел» Илону.
– Ты – не подходишь! – повторил вынесенный мною раньше вердикт. – Единственная из вас, кто подходит, – это Рината. Ри, иди сюда!
С безрадостным видом Рината поплелась ко мне. «Рассмотрел» в ментале, что ей страшно.
– Посмотри мне в глаза, – скомандовал я ей, дождавшись, когда она подойдет.
Посмотрела. И я «посмотрел», прикрыв веки. Проверял.
– Да, все правильно, – сказал я, открывая глаза, – ты можешь. А теперь обсудим мои условия…
Я повернулся к Кире.
– Какие? – насторожилась та.
– Я сделаю из вас оружие. Опасное оружие. И хочу быть уверенным, что оно не повернется против меня. Я хочу, чтобы вы поклялись… кровью, что вы никогда не нападете на меня. И, пожалуй, еще… на Стефанию Терскую! Обсудим подробные формулировки клятвы?
Я жизнерадостно улыбнулся «кислой-прекислой» Кире.
– Ну… и? – поинтересовался я.
– Не получается! – сердито топнула ногой Рината.
– Почему-то я совсем не удивлен…
– Откуда я знаю, как это нужно делать? Откуда? Меня никто этому не учил! А может, ты еще что-то неправильно сделал! Поэтому у меня и не выходит!
М-да… Ситуация.
Превращение варг в «особую пятерку» прошло, как говорится, без шума, пыли и гама. Никто по полу не катался, не блевал, кровью не потел. Скопированное мною в университете заклинание штатно активировалось, прошло все свои стадии и ожидаемо завершилось. У варг же я на время «отключил» болевые ощущения, и они просто стояли и хлопали глазками, пока я им не сказал: все!
– Все? – не поверила мне тогда Ри, с подозрением глядя на меня.
– А что, ты хотела визжа поваляться по полу? – ответил я. – Легко могу тебе это устроить. Сделать?
– Нет, – замотала она головой. – Просто я ничего не почувствовала…
– Я же обещал, что будет не больно… А ты – не верила. Пойдемте попробуем, что у нас получилось…
Вот тут-то и возникла «засада»! Впрочем, если бы я сначала подумал, прежде чем делать, то понял бы, что такая ситуация не могла не возникнуть. Их же никто не учил ментальным атакам! Вот Ри и смотрела на восьмилапа как баран на новые ворота, а он на нее… Тьфу на них обоих!
«И что теперь делать? – задумался я, поворачиваясь к ним спиной. – Вроде все сделано, «оружие» есть… Только толку от всех хлопот, уговоров и клятв – ноль! Они не знают, что делать».
И я не знаю. Но ведь как-то же обучают новые пятерки «убийц»! Они ведь тоже ничего поначалу не знают и не умеют. Однако как учить – я не знаю… И как быть? Нужно ведь им всего лишь раз показать… Только как это сделать? Хм… Есть вообще-то способ. Как я Стефанию тогда учил. Единственно – сработает ли он на них? В книгах пишут, что варги – устойчивы к магии… Так можно проверить! Но после этого они узнают, что мне подвластна ментальная магия… Узнают и конечно же настучат в свою Эторию… И у меня будут проблемы… Может, действительно их всех проще вниз побросать?

Я повернулся к варгам, оценивающе окидывая их взглядом. Те разом насторожились. Чуют, заразы, подумал я, чей «вискас» сожрали… Подоблезли малость, кошки, но все равно – красивые. Бросать их вниз и превращать в куски окровавленного мяса – неэстетично… Собственно, я могу взять с них еще одну клятву крови, чтобы молчали… Но в Этории с них «не слезут». Вытрясут и выжмут все, что только можно… Там-то они могут и «загнуться» на моей клятве… А если не брать с них клятвы – разболтают! Хм… Впрочем… Сдалась мне эта клятва! В университет и, собственно, в столицу я не собираюсь, ибо делать там мне больше нечего. Нынче мой путь лежит к эльфам в лес, и проблемы имперской службы безопасности – это исключительно их проблемы. Меня они уже не волнуют. Даже если Эстела продаст мой секрет Хайме – да и Сихот с ним! Черта с два они меня, крылатую вестницу, из эльфийского леса выковыряют! Эльфы скорее до последнего сдохнут, чем меня выдадут. Так что с клятвой можно не заморачиваться… ну, знают да и знают…
– Ринатушка, а ну-ка, подойди-ка ко мне, – поманил я к себе пальцами варгушу.
– Зачем? – сделала она шаг назад.
– Хочу в глазки твои посмотреть… А вам, – обратился я к остальным, – если она будет кричать, убивать меня не нужно. Вопли – это побочный эффект…

Что происходит?
– Варги… Они ведь неспособны к магии? – удивленно сказал Коин, наблюдая за манипуляциями избранного. – Или я чего-то не знаю?
Бог торговли повернулся к Динае, удивленно приподняв брови.
– Ну… – многообещающе начала было объяснять ситуацию богиня жизни и замолчала.
– Что «ну»? – потребовал продолжения Коин.
– Ну-у-у-у… – уже с неопределенной интонацией вновь начала Диная и опять заткнулась.
– Мутаген, – хмыкнула Хель, тоже вместе со всеми наблюдающая за происходящим.
– Что – мутаген? – уточнил, не понимая, Коин.
– Влияет, – сказала Хель, – они меняются под его воздействием, и вполне возможно, что сейчас они к магии восприимчивы. Правда, Диная?
– А? Да-да, конечно! – с некоторым облегчением в голосе откликнулась богиня жизни.
– Хм… – потер себе подбородок Коин. – Тогда очень жаль, что они не переживут превращения. Монстры, обладающие магией… Избранному – точно бы мало не показалось!

Эри

– Э! Э! Ты куда это намылился?! – громко вскрикнул я, заметив поползновения противника. Восьмилап, видно почувствовав неладное, хвостом вперед отползал, вихляясь всем своим телом.
Невидимая «ментальная стена», отделяющая его мозг от вторжения извне, прогибалась все больше и больше. Я ждал ее окончательного падения, чтобы вступить в игру и закончить начатое. На Киру с варгами я особо не рассчитывал. Задору, как говорится, много, а вот с мозгами напряг. Хорошо хоть так. Тупо «давят», ломая преграду. Меня приятно порадовало, что Рината легко вошла со мной в ментальный контакт. И проблем у меня с обучением ее ментальному удару не возникло. Вообще-то несколько странно. Варги во всех книгах заявлены как амагичные существа. А у меня – никаких проблем с ней! Хотя вполне возможно, амагичные – это они в плане «обычной» магии, а тут – ментальная. Магов-то разума давно уже нет, вот никто и не знает…
– Чуть-чуть усиль давление… – скомандовал я Ринате, реагируя на смену позиции восьмилапа, – но только чуть-чуть!
«А не то еще мозги твои сварятся…» – добавил я, но уже про себя.
Ри стояла на самом краю, в «вершине» треугольника, в который выстроилась пятерка варг. Стояла, прижав подбородок к груди, и закрыв глаза «смотрела» на восьмилапа. Пока, если судить по потокам энергии в ее организме, ничего криминального с ней не происходило.
«И швец, и жнец, и на дуде игрец!» – внезапно вспомнилась мне земная поговорка, пока я оценивал состояние Ринаты. – И научи, и проследи, и добей, если что…»
Я вновь перевел свое внимание на пытающийся скрыться объект нашей атаки. Вообще-то правильнее нужно было нанести один мощный импульс, а не усиливать потихоньку давление, давая врагу сообразить, что что-то происходит. Но я же помню, как магистр Виллорт рассказывал мне о том, что «жало» обычно после первого раза «выгорает» насмерть. Мне такое на фиг не нужно, поэтому лучше уж потихоньку… Не спеша. Надо будет – повторим. Но уже в импульсе. Главное – прикинуть, что она может «выдать» по мощности. Не саморазрушаясь…

– Бинго!
Защита восьмилапа рухнула, на его мозг словно кирпич уронили! Кажется, даже из ушей брызнуло! Мутант забился на полу в агонии.
В ней ли? А нет ли у него запасного мозга? Где-нибудь в заднице? С этого урода станется. А вдруг у него регенерация сумасшедшая? Раз – и новый отрастил!
Я внимательно следил за извивающимся и размахивающим во все стороны конечностями восьмилапом. Постепенно амплитуда движений стала спадать, они становились все тише и неуверенней, все тише и неуверенней… Наконец тело ящерицы грохнулось на спину и замерло. Лишь кончики лап немного подергивались в мелких судорогах.
– Готов!
Оборачиваюсь. Это Ри. Глаза открыла, смотрит на окочурившегося, во взгляде – торжество, в голосе – восторг.
– Да, – говорю я ей, – бедная животина. По дурости связался с варгами и издох… А мог бы еще жить и жить…
На лице Ри – непонимание. Она с подозрением смотрит, пытаясь понять – что я сказал?
– Ждите тут, – приказываю я варгам и, распахнув крылья, планирую вниз, к давно уже присмотренному большому фрагменту рухнувшей лестницы. За ним можно будет и крылья распахнуть, чтобы взлететь… Если эта скотина вдруг живой окажется… Пока она его обогнет, я уже стартую… Если судить по энергетическим линиям – он вроде умер. Но береженого, как говорится, Бог бережет! Вдруг у него аварийный источник энергии есть? Как у Терминатора…
Приземлившись там, где запланировал, я, не убирая крыльев, из-за укрытия побросал в мертвое тело камнями. Швырял, пока не надоело. Камни отскакивали с глухим звуком, но никакой реакции на них от покойника не было. Я убрал крылья и вышел на открытое место. Тоже – ноль эмоций!
«Умер! – констатировал я. – По крайней мере, на текущее время. Нужно быстрее брать руки в ноги и валить отсюда…»
Я вновь взлетел вверх, к варгушам, и спустил их вниз. На этот раз не всех разом, а по одной, строго-настрого наказав самим ничего не предпринимать, пока я не спущу всех и не спущусь сам.
– А что? – сразу попробовала поспорить Рината. – Он же умер. Я его убила!
– Ну во-первых, не только ты его убивала, но и я тебе помогал. Во-вторых, ты пойдешь вниз – последней. И в-третьих – мало ли что это за тварь! Может, ей, для того чтобы сцапать зазевавшуюся варгу, достаточно одного спинного мозга?
– В спине мозгов нет! – со стопроцентной уверенностью в голосе просветила меня Ри, гордо задрав подбородок и снисходительно глянув на меня. – Они есть только в голове!
– Понял, – сказал я, не став сообщать, что у многих в головах их, увы, тоже нет. – Буду теперь знать. Кира, ты первая!
Спустив вниз пятерку, я провел их, страхуя, мимо тела восьмилапа на возможно большем расстоянии. Дернувшуюся было в его сторону «за трофеями», как она потом сказала, Ри я без всякого сожаления с размаху «впечатал» носом в пол, прижав своими «вторыми руками».
– Еще раз самостоятельность проявишь – рога поотшибаю! – пообещал я ей, для большего вразумления подойдя и ткнув носком своего сапожка в ее филейную часть. – Не все есть внутри таково, как оно кажется снаружи, – объяснил я замершим варгам и сипящей на полу Ринате. – Но всякий подвергающий жизнь других опасности из-за своего неуемного любопытства – идиот, вне всякого сомнения! Все. Пошли дальше!
Ринату подняли на ноги, Кира прошипела ей в ухо что-то многообещающее, та огрызнулась в ответ, и мы пошли дальше. Поставив варг, как и раньше, прикрывать тыл, я возглавил колонну. Двинулись мы по тому же пути, по которому и прибежали. Впрочем, другого варианта и не было. «Прокрутив» в голове картинку нашего «марафона», я констатировал, что коридор тут один и никаких ответвлений в стороны не будет. Так и оказалось. Через четверть часа осторожной ходьбы, с внимательным периодическим прислушиванием и выглядыванием из-за поворотов, мы добрались до комнаты со шкафами, в которой нас подловил восьмилап. Помещение представляло собой преунылое зрелище. Пол завален рухнувшими и разломанными стеллажами и как битыми, так и целыми банками с неизвестным порошком. Порошок, кстати, был рассыпан и так – кучками. Свой цвет со светло-желтого он изменил на аспидно-черный, и это как-то не вдохновляло. Уцелело буквально несколько шкафов с банками, стоящих у самого выхода из зала. Тут мне на глаза попалась деталь, на которую я как-то вначале не обратил внимания. По всем уцелевшим стеллажам в массив дерева или того, из чего они там сделаны, была встроенная, тонкая, миллиметра в три, светящаяся полоска. Она шла по всем полкам, по всем боковинам шкафа, наливаясь зеленоватым светом и тускнея в такт мерцающему освещению. Присмотревшись

к ближайшим обломкам стеллажа, я увидел такие же полоски. Только они уже не светились.
«Сломано! – констатировал я. – Но! Сломано – и порошок изменил цвет. Значит? Значит, по идее выходит, что до этого он был «нормальным»? Как мясо в работающем холодильнике? Только тут не холодильник, а хранение с замедлением времени…»
– Всем в коридор, – приказал я варгам, – нечего тут дышать неизвестно чем. Потом еще рожать не сможете.
Я кивнул на россыпи черного порошка, указав, что я имею в виду.
– Займите там круговую оборону и наблюдайте. А я пока тут кое-что поизучаю…
Возражений не последовало. Глянув на пол, варгуши быстренько слиняли в коридор, бросив меня одного посреди этой свалки возможных токсических отходов, несовместимых со здоровьем. Впрочем, опасности я от порошка не ощущал и поэтому занялся изучением заклинания, наложенного на стеллажи.
Да, похоже на то, что я уже встречал в подвале, который мы тогда откопали в Серых пустошах, констатировал я, закончив осмотр. Хм, но что же это такое… тут хранится?
Аккуратно ступая, чтобы не навернуться посреди всего этого погрома, я подошел к ближайшему уцелевшему шкафу и осторожно, за крышку, вытянул из гнезда длинную шестигранную банку, полную светло-желтого порошка.
Хм, подумал я, медленно вращая ее в руках и глядя, как содержимое пересыпается по стенкам, взять, что ли? А зачем? Чтобы было? А вдруг что-то ценное? Может, если им эльфов накормить – они как кролики размножаться начнут? А что? Вполне может быть. Решено! Беру! Место она в «потайном мешке» много не займет, и в нем у меня ничего не портится. Точно – возьму!
Я поочередно вытащил из шкафа три банки и убрал их к себе в «мешок». Потом подумал и прихватил еще парочку.
«Хомяк разбушевался?» – с иронией спросил проснувшийся внутренний голос.
«А чего добру-то пропадать? – ответил я ему, решив забрать всю полку. – Сихот его знает, когда еще сюда попаду! Не зря же кто-то этот порошок в таких количествах делал, да хранилище такое организовывал! Значит, на что-то он да нужен. Может, и мне сгодится! А нет – выкину или любителям древностей стеклотару продам…»
«Ну-ну, – сказал внутренний голос, – посмотрим…»
Запихав в мешок содержимое с трех полок, я решил остановиться. Халява – она, конечно, хорошо, но нужно и разум иметь. Хватит мне.
– Пошли, – сходил я до выхода и позвал варг.
Осторожно, цепочкой, оставляя следы в черном порошке, лавируя вокруг груд обломков, мы прошли сквозь разгромленный зал и вышли в длинный коридор, из которого в него повернули.
Вопрос, подумал я, куда направиться дальше? Назад, к телепорту? А потом тащиться по пустыне от «Зеленого приюта»? Как-то не хочется… Продолжить движение внутрь этого подземного комплекса? Тоже как-то не хочется… Интересно, откуда приполз этот восьмилапый урод? Выйдя из телепорта, мы свернули налево… А там был еще коридор направо… Если тут – главные помещения, то телепорт получается «снаружи», за расплавленной дверью… Что еще может быть – «снаружи», за дверью? Только одно – сама «наружа» и вход в нее. Похоже, я не туда свернул… Нужно было – направо… Ладно, вернемся, не так уж тут далеко. А пока, может, стоит еще немного тут побродить? Поискать, например, библиотеку… Не слишком ли это опасно? Опасно? У меня за спиной пятерка ментальных убийц ошивается! Справимся, если что! В крайнем случае, куда бежать – уже известно. Хорошо, пойдем погуляем тут еще…
В этот миг мое внимание привлекли скребущие звуки, раздающиеся за моей спиной. Резко обернувшись, я увидел пятерку ацких убийц, дружно шоркающих подошвами по полу.
«Черный порошок оттирают! – понял я, в первый момент не сообразив, что это они такое делают. – Вот уж действительно – заставь дурака Богу молиться, так он и лоб расшибет! Пошутил, называется…»
– Вы что, сдурели, что ли? – спросил я их. – Шумите тут! А ну, тихо! Пошли за мной!
Я качнул головой, задавая варгам направление.
Следующая по коридору дверь слева… отсутствовала. Но петли с остатками двери – были. Тоже хорошо, подумал я, осторожно заглядывая в дверной проем, зато ломать не нужно. Все уже сломано… до нас!
Помещение за дверью мне не понравилось. Квадратный зал с двумя большими столами посредине, чем-то похожими на операционные. Наверное, из-за больших плоских дисков, висящих над ними и смахивающих на лампы. Еще в зале были какие-то металлические столики на колесах и у дальней стены справа три цилиндра с конусообразными черными крышками из чего-то прозрачного… Битого прозрачного… Стекло – не стекло, из которого

они сделаны, было разбито внизу, и содержимое цилиндров вытекло на пол, засохнув на нем чем-то гнилостно-зеленым. А в самих цилиндрах что-то чернело… Какие-то черные кучи с торчащими из них тонкими спицами…
Хм… С первого взгляда очень даже смахивает на биолабораторию, подумал я, внимательно оглядев обстановку.
Стоит ли мне сюда соваться? Еще какого-нибудь бешеного вирусняка поймаю… или «чужого». Чего там они, в этих баках, выращивали? Не, нужно валить отсюда… Как-то мне это все не нравится…
Но тут мой взгляд зацепился за очень интересный предмет. Напротив двери было еще одно помещение, отделенное от зала большим застекленным окном. И вот там, за этим окном, стояло что-то, издали очень похожее на… сейф!
Что может быть в сейфе, который находится предположительно в биолаборатории? Ну на ум приходят сразу всякие редкие и ценные препараты… а еще там могут быть… книги! Или отчеты… Хм… Нужны ли мне они?
Я несколько секунд размышлял, потом решил: что бы там ни было – все имеет ценность. Все можно будет, в крайнем случае, продать. Вирусами тут вроде не баловались, иначе бы мы с варгами давно уже что-то подцепили, а если взять с собой варг – то и «чужие» не страшны. Там как раз есть свободный проход, вдоль левой стены. Засохшая зеленая лужа до нее не добралась…
Я принялся растолковывать варгам их задачу.
– А зачем нам туда идти? – выслушав меня, хмуро поинтересовалась Ри, заглянув до этого в двери.
– Меня интересует, что лежит в том сейфе, – указал я на него кивком.
– «…Всякий подвергающий жизнь других опасности из-за своего неуемного любопытства – идиот, вне всякого сомнения!..» – процитировла она мне в ответ, злорадно оскалясь.
Я секунду смотрел на нее, потом повернулся к Кире.

> – Похоже, некоторые ваши подчиненные, – сказал я ей, – поставили себе цель – удивить меня как можно больше. Пока им это не удается, но глядя на энтузиазм, с которым они идут к поставленной цели, вполне возможно, что вскоре это у них получится. Так вот. В какой именно форме будет выражено мое
> удивление
> , я сейчас точно вам сказать не могу, но уверен, что оно будет, вне всякого сомнения, ярким и запоминающимся. И вполне возможно – не будет иметь конкретного адресата. Ну вы меня понимаете? Разберитесь тут, – сделал я Кире неопределенный жест рукой в сторону Ринаты, – я схожу один. Если это все так для вас волнительно…

Я вошел в зал и осторожно, ежесекундно прислушиваясь и так и эдак, начал красться вдоль стены, решив, что для начала я просто загляну в окно, и если сейф не имеет «светящейся вставки», то бишь не имеет заклинания, сохраняющего его содержимое, я тратить время на него не стану. Там тогда внутри – один тлен…
Сзади раздался звук тихих шагов. Я оглянулся. Сжимая в руках обнаженные шотаны и стараясь ступать по моим следам, за мной шли Дана и Анжи.
Кира послала поддержку, пока учит уму-разуму Ри, понял я, ладно.
Сделав жест варгам, приказывающий им остановиться, не доходя до меня, я двинулся дальше. Без эксцессов прошел вдоль стены и заглянул через окно. Опс! По контуру большого серого прямоугольного ящика, с двумя дверками друг над дружкой, угасая и разгораясь вновь, идет узкая полоска. Как на уцелевших стеллажах. А в замок верхней двери воткнут ключ… С брелоком.
«Ловушка! – первое, что пришло мне в голову, когда я увидел этот брелок. – Примитивная ловушка, рассчитанная на идиота! Откроешь – а оттуда как ВЫСКОЧИТ! Или как ШАРАХНЕТ! Нет уж. Ищи дурака! Чтобы я, да так глупо попался! Ха!»
Я усмехнулся и оглядел комнату. Разгром – полный. Раскиданные и смятые металлические остовы кресел. Груды деревянной трухи, когда-то, похоже, бывшей мебелью. Кое-где, на свободном от мусора месте, темные пятна и полосы на полу…
Неплохо тут буйствовали, подвел я итог увиденному, создается ощущение, что происходило все очень быстро и внезапно…
«И поэтому не успели вытащить ключик… – ехидно подсказал внутренний голос. – Ты же сказал, что не попадешься в эту ловушку! Что, жаба давит? Находка пары использованных шприцов в железном ящике – стоит дороже жизни?»
«Ну-у-у-у… А вдруг там – описание межмирового портала? И набор всего нужного для его строительства, а?»

«Ага. И твердотопливный ускоритель для втыкания его в одно беспокойное место. Халява – она только в кино бывает!»
«А вот сейчас и узнаем!»
«Плохо кончится… это…»
«Не боись, есть идея!»
Идея была проста. Есть же у меня «вторые руки»? Вполне могу ими издали повернуть ключ. А сам буду за стенкой прятаться! Разве я не гениален? А вдруг там действительно – что-то нужное?
Сказано – сделано! Глянув, где там у меня Дана и Анжи, я сместился вбок, так чтобы дверца открылась не в мою сторону, еще раз «обновил» себе «щит» и потянулся к ключу своей «невидимой рукой». Осторожно, не спеша, я «ухватился» за кольцо ключа и замер. Ничего! Все тихо… Ладно, пробуем дальше…
– Щелк! – щелкнул в замке повернувшийся ключ. Дверца сейфа чуть отошла в сторону. Тишина… Хорошо. Открываю…
С чуть слышным скрипом дверца полностью распахнулась. Опять ничего! Никаких ловушек! Никто не выскочил, не бабахнуло… Похоже на то, что ключ действительно просто не вынули второпях… И что же там, внутри?
Я сделал шаг в сторону, чтобы можно было издали заглянуть в нутро ящика.
Книги! Книги и папки! На двух полках. Хм… информация – это хорошо! Главное, чтобы она нужной оказалась. Давай-ка я посмотрю – нет ли внутри ящика каких-нибудь сюрпризов, реагирующих на выемку книг?.. Да вроде нет. Книжки вынимаются без всяких проблем и ставятся обратно. Выходит, это просто ящик с книгами? Но тогда непонятно, почему на нем – заклятие времени? Странно… Может, дело в нижнем отделении? Как его открыть? Ключа к нему нет! А если повернуть торчащую из дверцы Т-образную ручку? Ага! Повернулась! Дверца открылась! И что там? Тю-у-у… Две шестигранные банки с порошком, такие же, какие я набрал в соседнем помещении… Банки неполные. Почему? А! Так это, наверное, расходные. Приносили сюда из того хранилища, брали сколько нужно порошка и, чтобы не бежать обратно, просто клали остаток в этот ящик, на хранение… Наверное, так оно и было. Я бы тоже не стал бегать… Взять банки? Да нужны они мне! У меня полных – завались! Значит, моя добыча – книги? О чем в них пишут? Надеюсь, это не комиксы?
Я снял «невидимыми руками» с полки самую толстую книгу и по воздуху перенес к себе. Итак, что там у нас?
«Основы теории модификации организмов», – гласила тисненая надпись на ее кожаной обложке. Автор – архимаг Адольф Лебенс.
«Как своими руками сделать себе мутанта? – подумал я, взявшись листать фолиант. – Забавно, конечно, но я рассчитывал тут найти другое… Упс! А это что такое?»
На открывшемся под моими руками рисунке была изображена знакомая шестигранная банка со свинченной крышкой и насыпанной рядом с нею конусом кучкой порошка.
«Мутаген-модификатор», – гласила подпись под рисунком. Нет, надпись звучала, конечно, совсем по-другому, но перевелась по смыслу в моей голове она именно так.
«Ну ничего себе! – подумал я, рассматривая картинку. – А ведь я им дышал! Когда эта восьмилапая тварь шкафы крушила. Там целое облако этого порошка было! И что теперь будет?»
Я прислушался к себе, пытаясь найти в своем организме что-то «странное». Но нет, вроде ничего «такого» не ощущается…
Внезапно рядом раздался негромкий скрип камешка по каменному полу, на который наступили. Я резко обернулся. Дана!
– Что-то не так? – осторожно спросила она, внимательно глядя на меня.
– В смысле? – переспросил я.
– Вы уже пять минут неподвижно стоите над книгой…
Хм… Похоже, я увлекся самоанализом… Ладно. Но ничего криминального в себе не обнаружил. Может, у мутагена все же вышел «срок годности»? Если мясо хранить в морозилке, оно все равно в конце концов испортится… А тут – сколько времени прошло! Да и на варг ведь тоже не подействовало!
– Просто я задумался, – ответил я Дане, внимательно оглядев ее, – пойдем отсюда! Тут больше делать нечего.
Я быстро «побросал» оставшиеся в шкафу книги и папки в свой «мешок» и пошел назад, на выход, решив подробно заняться изучением их в более удобном и спокойном месте. Не здесь.
В дверях нас встретила Кира со злым выражением на лице, хмурая Рината, которая смотрела куда угодно, но только не на меня, и безмятежная, как послеобеденная сиеста, Илона.

– Пошли, – сказал я им, – тут должна быть библиотека. Архив – уж точно должен быть.
– А что вы нашли? – поинтересовалась Кира.
– Бумажки всякие, – не стал я вдаваться в подробности. – Выберемся отсюда – разберусь, что в них написано…
– А-а… – ответила она, но судя по глазам и тону, с каким было произнесено ее «а-а», Кира мне не поверила.
– Движемся, – отдал я команду и пошел вперед по коридору. Как оказалось, помещения, в которые мы попали первыми, оказались наиболее уцелевшими. Чем дальше мы продвигались в глубь комплекса, тем больше разрушений становилось вокруг. Выбитые двери, следы копоти на стенах, выпавшие из потолка камни… Про помещения, в которые я заглядывал, вообще молчу. Такое впечатление, что в них просто засовывали раструб какого-то огромного огнемета и включали тот на полную мощность. Сажа, копоть, уголь и кучки чего-то давным-давно оплавившегося и уже успевшего окаменеть… Я даже не заходил. Так, заглядывал, да и все. Пачкаться впустую – никакого желания не было. Архив я нашел. Судя по тому, что от него осталось, – жгли его с особым усердием. Даже камень на стенах оплавился и кое-где потек вниз. Табличка с надписью «Архив» на стене рядом с дверным проемом – вот все, что от него осталось.
– М-да… – глубокомысленно изрек я, сунув внутрь голову и осмотрев его остатки. – Похоже, тут прошли люди, ненавидящие чтение…
– А что? Что тут было? – спросила Ил, заглядывая мне через плечо.
– Архив тут был когда-то, – ответил я, разворачиваясь. – Ладно, пойдем! Нечего тут больше делать!
– А что, разве здесь нет никаких… драгоценностей? Или артефактов? – внимательно глядя на меня, спросила Илона.
– Увы, – ответил я, – похоже, что все уже украдено… до нас.
– Что, неужели мы тут ничего не найдем? – неприятно поразилась Ил. – Столько помещений – и ничего?
– Ну ты же сама видишь, в каком тут все состоянии, – ответил я ей. – Был бой. Победители унесли все ценное, а что не смогли утащить – сожгли…
Илона с кислым выражением оглядела оплавленные, закопченные стены.
– А свет? – спросила она. – Тут ведь есть свет! Значит, где-то есть работающие артефакты! Их можно найти и забрать с собой!
– Ага, – кивнул я, – выломать что-то, что не будет работать без всего остального, а потом шарахаться тут в полной темноте, разыскивая выход. Просто потрясающая идея. Нет уж! Пошли!
Варги переглянулись, сморщились, но послушно развернулись и потопали за мной – на выход. Мы прошли мимо комнаты с сейфом. Мимо практически уничтоженного хранилища мутагена, мимо оплавленной и стекшей на пол круглой железной двери и дохлой мумии восьмилапа и дошли до прохода к телепорту, где я повернул налево.
– Ладно, пойдем теперь направо, – сказал я.
Десять минут ходьбы, два поворота – и мы оказались перед завалом из больших каменных блоков, преградивших нам путь.
– Похоже, победители не только уничтожили все внутри, но и выход завалили… – сказал я вслух, оценивающе оглядывая завал.
– А как они сами тогда выбрались? – спросила Дана.
– Завалить можно и снаружи, – пожал я плечами, – или изнутри, а потом уйти через портал. Поэтому, наверное, он и уцелел… Но если здесь завал, то откуда тогда взялся восьмилап? Если нет выхода на поверхность, то что же он тут тогда ел? До нас?
Ответ на мой вопрос обнаружился за большим каменным блоком. Им оказалась большая черная дыра, из которой ощутимо тянуло воздухом.
– Пошли! – сказал я, доставая из «мешка» свой фонарик. – Я первый, за мной – Рината, остальные – следом. Будьте готовы поработать «особой пятеркой»! Только не паникуйте. Иначе Ри станет овощем… Пошли!
Мрачные мысли

Кира

Проход, куда мы полезли следом за Эриэллой, оказался большим. Можно было местами идти почти не сгибаясь. Единственно – под ногами был песок и крупные камни в нем, за которые было очень просто зацепиться в темноте ногами. Светящийся кристалл в руках Аальста положения не спасал. Он им светил куда и как ему вздумается, и резкие переходы от темноты к свету слепили, не давая толком увидеть, куда ставишь ноги. Уж лучше бы совсем погасил… Глаза бы привыкли, да и все… Удивительно, но первой все же

шлепнулась не Рината, а Илона. У-у-у-у, эта Ринатка! «Жало» она, видите ли! Мое командирство оспаривать решила! Если бы ты не нужна была прямо сейчас, дура, я бы тебе такое «жало» показала! Неделю на ноги встать не смогла бы, идиотка… Ну почему Аальст выбрал ее? Выбрал бы меня или Анжи… Мы старше, умнее. Никто из нас двоих не стал бы вести себя так глупо, как она. Хоть он и сказал, что на эту роль подходит только Рината, но я ему не верю. Наверное, специально так сделал. Дал самому слабому члену команды самый большой статус. И смотрит – что я теперь делать буду? Небось очередная его неприятная шуточка… А стать «особой пятеркой» – совсем не так страшно, как рассказывали… С Аальстом, похоже, это просто. Да, придется признать, что Илона была права. Такой маг, как он, для Этории… Нам бы все в ноги в ней поклонились, если бы мы его привели с собой! Ушлая эта Илона, ох и ушлая… Далеко пойдет. Сразу все сообразила. Эх, мне бы так! Почему я так медленно соображаю? Нет, соображаю-то я быстро, но только не там, где нужно…
– Дарг! – ругнулась я себе под нос.
Камень под моей ногой предательски вывернулся, и я оступилась, очень неудачно поставив ногу.
– Т-ш-ш… – прошипела идущая следом за мной Ил.
Да знаю я, знаю, что нужно тихо! Нечего на меня шипеть! Я командир! А на ошибки командиру не указывают… Если он, конечно, настоящий командир…
Я чуть слышно вздохнула.
Похоже, Ил меня за дуру считает. И Ри тоже. Ил держит меня за дуру, потому что думает, что умнее меня. А Ри держит меня за дуру – потому что дурнее меня… А Дана меня жалеет. Она, похоже, всех жалеет… Даже Аальста. Вот уж кого жалеть совсем не нужно бы – так это его! Все у него есть – и знания, и умения, и родовитость… И будущее его – легкое и светлое. Не то что у какой-то простой варги… вроде меня. А главное – у него есть сила и власть. Как он на меня… давит! А что я могу сделать в ответ? Девчонки это все, конечно, прекрасно видят и чувствуют. Какой я им после этого командир? Вот Ри и пытается самоутвердиться за мой счет. Чувствует момент, гадина такая… Командир теперь – Аальст, или Эриэлла, кто он там сейчас… И главное – сделать ничего нельзя. Пока он рядом… Единственное, что приходит в голову, – опередить Ил в ее замыслах и «забрать» Аальста «себе». Вот тогда мой авторитет будет непререкаем… Ну и плевать, что она это первая придумала! Переживет… Тоже гадина еще та… Единственно – как это сделать? Ни одной мысли в голове… «Любовь» попытаться закрутить? Его это отпугнет, я уже думала об этом… Да он сейчас вроде бы и не парень… Эриэлле глазки строить? Пфф… Этого мне еще не хватало! Последние остатки уважения у девчонок растеряю… Ил вон уже на что-то там такое намекала… А ведь у нее наверняка есть план, у этой Ил! У нее – точно он есть! А у меня – нет… Ну почему я такая тупая? И еще… Я так и не решила вопроса – убить мне его или нет? Пока мы без него – никак… Хорошо, что когда мы ему клятву давали, я настояла на том, чтобы фраза звучала так: «Клянусь не наносить этим заклинанием вреда Эриадору Аальсту и Стефании Терской…»
– Просто «вред» – это слишком широко, – сказала я ему, – вдруг я завтра вас случайно оболью горячим чаем? Это же тоже вред!
Эриэлла хмыкнула, иронично глянула на меня, приподняв правую бровь, но возражать не стала. Так что возможность исполнить задуманное у меня есть. А вот интересно… Для клятвы… Эриэлла – это Аальст? Или нет?
Может Рината его убить, и это не будет ее нарушением, потому что она – не он. Как бы узнать? У кого?
– Внимание, – внезапно раздался голос Аальста, – впереди кто-то есть. Не паникуем. Делаем все спокойно. Я его «придержу», а вы – атакуете по моему сигналу. Готовьтесь!
«Дарг! – ругнулась я про себя. – Опять какие-то монстры…»

Анжелина

– Тых-ших, ших-тых…
Лезвие моего маленького ножика быстро бегает по квадрату чего-то белого и твердого, оставляя на нем царапины. «Квадратик» дала мне Кира, когда мы вернулись назад, к телепорту.
– Илона! Иди и следи за Аальстом, и если что – заговаривай ему зубы, – приказала она, собрав нас на входе в зал. – Дана, последишь за Ри. Я и Анжи – дежурим. Задача каждого – каждому ясна? Тогда – выполняем!
Но оказалась, что кроме дежурства у Киры для меня было еще одно дело.

– Возьми, – сказала она, развернувшись спиной к залу, и, достав из внутреннего кармана белый квадратик, протянула его мне.
– Что это? – удивилась я, беря его из ее рук.
– Ри подобрала. Я половинку отломила. Не знаю, что это, но на нем можно писать.
– Писать? Чем? У меня ничего нет… чем писать.
– Нацарапай… Возьми свой ножичек и процарапай. Ты же у нас художница!
– А что нацарапать-то?
– Перепиши ту надпись, с первого камня!
– Зачем?
– Ты видела, что Аальст у него опять останавливался? Видела?
– Видела, – подтвердила я.
– Это что-то важное, – наклонив свою голову почти вплотную к моей, заговорщицким голосом прошептала Кира. – Он ее уже не первый раз перечитывает! И всегда – с каким-то странным выражением на лице. А мы – не знаем, что там написано! Я подумала, что это обязательно нужно показать в Этории! Давай, перекорябай ее быстрее, пока Аальст телепортом занят. А я сзади тебя постою. Чтобы он не заметил, что ты делаешь…
– Царапин почти не видно, – констатировала я, приступив к делу. – Твердая она, эта штука.
– Дави сильнее, – посоветовала Кира, – потом грязью потрем – царапины станет лучше видно. Прочитаем!
И вот я стою, закрываемая Кирой и неудобно держа ножичек за лезвие, перерисовываю древние буквы… Мамочка, как же я устала… Ноги просто отваливаются… Когда же удастся отдохнуть? Хоть чуть-чуть?
– Тык!
Все! Последний знак перерисован.
– На, – отдала Кире белую пластинку. Та, быстро оглядев ее, спрятала в карман.
– Вперед пройду, – сказала она мне, – поищу, где ее можно пылью натереть… А ты – стой тут.
– Угу, – ответила я и привалилась плечом к стене. Как я устала… И голова болит.
Я оглянулась назад. Дана сидела на полу, рядом с лежащей в воздухе Ринатой. Вытянув ноги и опершись спиной на стену, смотрела, как Эриэлла, взобравшись на арку телепорта, что-то с ним делает. Под аркой, задрав вверх голову, снизу, улыбаясь, на Эриэллу смотрела Илона. Вот ведь двужильная! Вечно не добудишься, а тут – усталости ни в одном глазу! Может, она – «про запас» спит?
Перевела взгляд с Ил на Ринату.
Ри – молодец. Не ожидала от нее такого… Надеюсь, что с ней все будет хорошо…
В темноте тоннеля на нас напал еще один восьмилап, как его называет Аальст. На удивление, мы с ним быстро справились. Эриэлла лупила ему по морде летающими камнями, отвлекая, а мы из-за ее спины раздавили ему мозг.
Такие странные чувства, когда отдаешь свою силу… Словно в твоей голове кроме тебя появляется кто-то еще… посторонний. Наверное, это я так ощущаю своих напарниц… нужно спросить об этом Аальста. Он ведь нам так ничего толком и не объяснил. Эриэлла, кстати, глянув на дергающегося в агонии восьмилапа, тогда похвалила нас.
– Растете… – сказала она и, повернувшись к Ри, предложила: – В следующий раз попробуй не давить, а ударить. Представь, что ты колешь кинжалом. Резко! Раз – и все!
Лучше бы он ей этого не говорил. Хотя… Если бы не Ри…
Когда мы выбрались из этой темной норы, на улице был вечер. Солнце уже опустилось за высокие горы, и котловина, в которой мы оказались, была полна густого сумрака. Все с удовольствием подышали пару минут свежим воздухом, а затем Аальст предложил пройти чуть вперед, чтобы заглянуть за скальный выступ, закрывающий выход из котловины, – мол, что там?
– А потом вернемся назад, – сказал он.
– Куда назад? – не поняли мы.
– К порталу, – пояснил он, – мне там кое-что нужно.
Возвращаться в эти мрачные катакомбы мне совершенно не хотелось. Как, впрочем, и всем остальным, если судить по их лицам и чувствам. Какое-то там все… неживое! Мертвое и затхлое…
До выступа мы успели пройти примерно половину пути. Внезапно сзади раздался шорох и стук друг о друга осыпающихся камней. К черному отверстию, откуда мы только что вылезли, откуда-то сверху съехала на хвосте ящерица. Такая же, как те две, которых мы убили. Едва мы успели прийти в себя от ее появления, как с противоположной стороны, за нашими спинами, тоже раздались звуки. Еще целых две ящерицы! Одна взобралась на скальный выступ, к которому мы направлялись, а вторая – выглянула сбоку из-за него и внимательно нас рассматривала.

– Шарамба! – в полный голос прокомментировала ситуацию Эриэлла и закричала: – Все ко мне!
С тем, что «шарамба», я была согласна. Причем полная «шарамба»! С одним-то невозможно было управиться – а тут их сразу три!
«Может, он вновь хочет поднять нас вверх, как тогда?» – подумала я, делая шаг к Аальсту.
Второго я закончить не успела. Моя голова – как взорвалась! Словно в виски и затылок воткнули три толстых, здоровенных раскаленных гвоздя и разом пропихнули их под череп. Боль была дичайшей. Такой, что я сразу потеряла сознание…
Не знаю, сколько я провалялась, но когда очнулась, тело у меня все затекло и не хотело сгибаться. Голова болела – просто на куски раскалывалась! С трудом сев, я оглянулась. Перед входом в катакомбы – дохлая ящерица. Лежит пузом кверху. С другой стороны котловины, со скального выступа, безжизненно, головой и лапами вниз, свисает еще одна. Третьего восьмилапа не видно. То ли убежал, то ли лежит мертвым так, что я его не вижу. Недалеко от меня – белое облачко, похожее на кресло, в котором, разбросав руки в стороны и сильно закинув назад голову, глубоко сидит Эриэлла. Рядом с ней в воздухе, на тонкой белой полоске, вытянувшись в струнку, парит чье-то тело. Присмотревшись, я узнала в нем Ри. Кое-как, со второй попытки я поднялась на ноги и заковыляла в их сторону. Встав, увидела, что за Эриэллой и Ринатой на земле лежат Кира, Дана и Илона. Медленно, качаясь, подошла к Эриэлле. Та, видно услышав шаги, подняла закинутую голову и, открыв глаза, посмотрела на меня.
– Ногами не топай, – тихо произнесла, – последние мозги ей растрясешь…
Я увидела, что у нее из груди выходит несколько полупрозрачных щупалец, исчезающих в висках и затылке Ри.
– Что с ней? – спросила, остановившись и глядя на голову Ринаты.
– Множественные кровоизлияния в мозг…
– Она… выживет?
– Должна, – философски ответила Эриэлла, пожав плечом. – Вы живучие…
– А остальные? Они – живы?
– Да. Все живы. Все. Не мешай. У нее сильный отек. Ты, как ходячая, займись охраной, подними остальных… Пока я тут… колдую.
Эриэлла вновь закрыла глаза и закинула голову. Я же, с трудом удерживая равновесие на попадающихся под ноги неровных камнях, пошла приводить в чувство девчонок. Они действительно все оказались живы и быстро встали на ноги. А Рината пришла в себя лишь часа три спустя. Когда наступила уже совсем ночь.
– Все, возвращаемся! – приказала Эриэлла, еще раз критическим взглядом окинув Ри. Вставать ей она запретила.
– Вниз? – обреченно спросила Кира, поднимаясь на ноги.
Наклонив голову к плечу, словно видела ее в первый раз, Эриэлла внимательно оглядела ее.
– Во-первых, там теплее, – сказала она. – Во-вторых – там безопаснее. Вы сейчас – никакие, а кто тут еще может съехать с горы на копчике – совершенно не представляю. И наконец – у меня там дела. Одного последнего пункта вполне достаточно для возвращения. Вопросы?
– А что с Ри? – спросила Кира.
– Ты слышала, что «жала» «особых пятерок» часто умирают? – вопросом на вопрос ответила ей та.
– Да, – кивнула Кира.
– Так вот, это тот самый случай, – сказала Эриэлла. – Она испугалась. За себя и за вас. И выложилась полностью. Но умений-то нет. В итоге – и вас чуть не убила, и сама тоже чуть дуба не дала…
«Вот, оказывается, почему они умирают! – подумала я тогда о «жалах». – А я и не знала…»
– С ней будет все нормально? – спросила Кира о Ри.
– Я сделал все, что мог, – ответила Эриэлла. – Надеюсь, все будет хорошо.
Больше вопросов не было. Понимая правоту Аальста насчет того, что на открытом месте опаснее и холоднее, поплелись вслед за Эриэллой вниз. Ри она повезла за собой по воздуху, на той белой пластине, на которой та лежала. Опять мы прошли сквозь темную нору и вышли в обрушенном коридоре. Пока шли в темноте, я думала о том, что если кто-то сейчас на нас выскочит, то мы тут все и останемся. Сил не было ни на что. И дико болела голова. Шотан был тяжелым-тяжелым… Но, слава богине, никто из темноты не выскочил…
– Что? – Дана встала и наклонилась над Ри.
Я прервала свои воспоминания и уставилась на них.
– Кто-то говорит… – услышала я слабый голос Ринаты.
– Где говорит? Кто? – не поняла Дана, наклоняясь ниже.
– Что там? – спросила Эриэлла, свесившись с арки телепорта.
– Рината говорит, что кто-то разговаривает, – встревоженно подняла к ней голову Дана.

Эриэлла промолчала. Возникла пауза.
– Рината, где разговаривают? – спросила Ил у Ри, видя, что Аальст молчит.
– В голове… – тихо ответила Рината. – Вот тут…
Она подняла руки и болезненным жестом приложила пальцы к своим вискам.
– Сихот бы вас всех побрал! – с чувством сказала из-под потолка Эриэлла, нахохлившись на арке, словно горный орел на краю скалы.
– Кто? – удивилась Илона, поворачиваясь к ней. – Кто такой Сихот?

Эри

– Кто такой – Сихот? – спросила Илона, глядя на меня снизу удивленными глазами.
Сихот – это вы все, вместе взятые, подумал я, разве что без копыт… Ладно. Что там случилось с Ри? Похоже, она обрела способность к телепатии… Какие она еще «голоса» может слышать в своей голове, кроме моего и остальных варг? Не с ума же она сошла! Хотя… Всякое возможно.
Я убрал в свой невидимый «мешок» тяжелый шестигранный кристалл. Последний вынутый из арки. И, ухватившись за нее руками, аккуратно опустился вниз, на пол, стараясь не навернуться на своих высоких каблуках.
Пожалуй, нужно в ближайшее время плотно заняться своей одеждой, подумал я, имея в виду длину шпилек на моих сапожках, эти дурацкие превращения невесть чего в невесть что… Они уже достали…

Я «процокал» по каменному полу до висящей в воздухе Ринаты. Прикрыв глаза, неспешно
рассмотрел
ее, определяя ее состояние.

Вроде ничего аномального… По крайней мере, мне так кажется…
Вздохнув, я сотворил «креслице» рядом с Ри и устало плюхнулся в него.

«Ты меня слышишь?»
– спросил я ее, используя мыслеречь.

«Ой!»

«Да. Ой – это самое подходящее слово для начала разговора!»

«Ты кто?»

«Я – Эриадор Аальст, так любимый тобою. И теперь я буду жить у тебя в голове… Ты рада?»

«Я… сошла с ума?»

«А он у тебя был?»

«Чего? Что ты такое только что сказал? Ну-ка повтори!»

«Какая энергичная девочка. Ты готова начать разборки со своею шизой? Ты не находишь эту ситуацию несколько… странной?»

«Мм…»

Я открыл глаза, разрывая контакт. Первое, что я увидел, – это напряженный взгляд Киры.
– Что? – шепотом спросила она. – Она… того?
И, сделав большие глаза, покрутила указательным пальцем у своего виска.
– Все гораздо хуже, – улыбнулся я ей, – ваша любимица приобрела замечательную возможность говорить, не вовлекая в процесс язык!
– Это как? – не поняла Илона.
– Это как думать мысли, не открывая рта. А мысли будут слышны в голове у другого челове… другой варги. Понятно?
– Как это у нее вдруг вышло? – не поверила мне Илона.
– Магия. – И, чуть пожав плечом, я принялся объяснять очевидное, решив разъяснить все сразу, чтобы потом не приставали. – Я сделал из вас «особую пятерку», но вы не смогли сами продвинуться дальше. Мне пришлось использовать еще одно заклинание, чтобы влезть к Ринате в мозги, дабы показать на себе – как. И научить. Но у всех заклинаний есть побочные эффекты. Ничего не бывает просто так. За все приходится платить. Платой Ри стало пробуждение ее способностей к ментальной магии. Теперь она может разговаривать, не открывая рта. И слышать чужие мысли. Правда здорово?
– Как… Как слышать чужие мысли?! – потрясенно воскликнула Кира.
– Ну вот как она их сейчас слышит… – мотнул я головой в сторону растерянно лупающей глазами Ринаты.
– И… и ты тоже? Раз ты накладывал заклинание! Ты тогда тоже можешь слышать чужие мысли?!
Вид у Киры был донельзя забавным. Лицо растерянное, и на нем проступало что-то похожее… Нет, не ужас. Страх. Такой крепкий, хорошо сформировавшийся страх.
– У госпожи командира есть что скрывать? – иронично поинтересовался я.
Конечно же я не смог удержаться от того, чтобы ее не подколоть. Но, похоже, зря это сделал. Шагнув назад, Кира резко побледнела. Ее правая рука легла на рукоять ее шотана, крепко вцепившись в нее.
Упс, подумал я, наблюдая за столь яркой реакцией, как там в кино было? Информация к размышлению – Борман! Борман не Борман, но известие о том, что я могу слышать чужие мысли, похоже, ее сильно напугало. Интересно, что же у нее такое в голове, что она так в меч вцепилась? Секреты Этории? Хочет себя зарезать? Чтобы я не узнал? Или… может, меня? Стопроцентно – второй вариант. Про традиции самураев у варг я не слышал. Они предпочитают выпускать кишки другим, а не себе. Хм… Но откуда у нее секреты государственной важности? Слишком молода она для них. Хм… Интересно, интересно… Нужно будет подумать над этим подробнее. Сейчас нужно сбить накал страстей. А то вон как глаза сощурила. Еще бросится. Я за сегодня достаточно набегался, чтобы закончить день поножовщиной… Совсем не ощущаю в себе такого желания…
– Я пошутил, – серьезно сказал я, обращаясь к Кире. – Мысли читать нельзя. Если разумный телепатически не обращается напрямую к кому-то, то слышать их невозможно. Можно слышать только чувства. Эмоции. Как слышите их вы. Так что не бойся. Твои тайны останутся при тебе.
– Но… Рината же сказала, что она… слышит голоса! Голоса – это ведь мысли, да? А голосов много – значит, много говорящих? Значит, она слышит чужие мысли!
– Логично, – кивнул я Кире, – но, думаю, Рината просто перепутала. Услышала эмоции и решила, что кто-то говорит в ее голове. Ты же видишь, в каком она состоянии? У нее совсем недавно мозги чуть через уши не вытекли. Чего ты от нее хочешь?
– Варги слышат чувства и так, – неуступчиво возразила Кира, – а она говорила о голосах!

– Ну может, я о ней в этот момент подумал, – привел я новый аргумент, – она и услышала. Хотя, впрочем, чего гадать! Вот она, тут, рядом. Спроси ее, что она слышит, и все дела. Убедишься, что я не обманываю, да спать пойдем.
– Ринаta, ты слышишь что-нибудь? – обратилась Кира к подчиненной, сделав по направлению к ней пару шагов от выхода в коридор.
– Да… – тихо и устало ответила она.
– И что ты слышишь?
– Вас…
– Нас?!
– Да… Вот сейчас Илона думает о том, что Аальст, как всегда, врет… И хочет быстрее лечь спать в его облачную постель. Она сильно устала. А еще она хочет, чтобы он…
– Заткнись, дура! – вспыхнув как маков цвет, рявкнула Илона так, что все от неожиданности подпрыгнули.
«Опс! – подумал я, глядя на возникшую мизансцену из замеревших варг. – А Ри-то права! Судя по реакции Ил, Ринаta – чтец мыслей? Супертелепат? Однако какой сегодня богатый событиями день. Ахтунг! Она может меня подслушать!»
Я на несколько секунд отключился от внешнего мира, создавая вокруг себя ментальный щит. Закончив с этим, вскочил на ноги и, шагнув к Ринате, положил руку ей на лоб, погрузив ее в сон.
– Госпожа командир! – произнес я, обернувшись к Кире. – У вас в команде есть теперь настоящий монстр! Поздравляю!
– Кто – монстр? Почему монстр? – не поняла Дана.
Кира в этот момент молчала, прикусив зубами нижнюю губу и напряженно о чем-то размышляя.
– Монстр – это Ринаta, – ответил я Дане. – Или ты думаешь, что умение читать чужие мысли превращает ее в ослепительную Белоснежку?
– Кто такая – Белоснежка? – тут же уточнила Илона.
– Ты запоминать-то успеваешь? Может, тебе блокнот дать? – предложил я ей. – А то ты как попугай, ей-богу!
– Что такое – бла-а-акнот? И поп… угай?
– А па-а-ашлите спать! – предложил я, передразнив Ил. – Утро вечера мудренее. Завтра встанем – и всем все будет сразу ясно…
Поскольку за день все вымотались как не знаю кто, возражать особо не стали. Попробовали, конечно, «прояснить все сейчас и до конца», но едва я явил «лежбище» – на вопросы дружно плюнули и полезли спать. Кира взялась назначать очередность дежурства, но я в этот момент вникать, как обычно, не стал. Она ими командует – пусть занимается. У меня сегодня другое дежурство. Два «облака» придется контролировать, чтобы не проснуться внезапно на полу… Да и за Ринатой присматривать надо… Вдруг ей ночью хуже станет? Ох, чувствую, не высплюсь я сегодня…
Сдвинув варг, как-то слишком вольготно расположившихся по постели, я устроился на ее краю «бедным родственником», подтянув к себе поближе «лежанку» с Ри. Помню, когда «отрубался», последняя мысль была: «Надеюсь, завтра… предстоит не такой сумасшедший день…»

Анжелина

Ледяная вода горной реки студила пальцы и стягивала кожу на лице. Но все равно смыть с себя пыль и грязь, которой я, кажется, полностью покрылась в этом подземелье, было просто блаженством!
Рядом со мной, в паре шагов, умывалась Илона. Сейчас была наша с ней очередь приводить себя в порядок. Все остальные уже были в лагере, который они ушли устраивать в низкорослых соснах, растущих по крутым речным берегам.
– Привал, – скомандовал Аальст, когда мы вышли к реке, – наберем воды, приведем себя в порядок. А то уже от всех просто пахнет путешествием… И тут есть рыба. Мне уже надоела сухомятка. Пусть Дана сварит суп.
Возражать никто и не подумал. Вода выглядела так маняще! Краем глаза я заметила быстрое движение Ил, украдкой понюхавшей свою правую подмышку. Появившаяся после этого гримаска на ее лице показала – да, путешествием… пахнет!
Мы с Ил охраняли, пока другие умывались и Аальст выдергивал из реки бьющиеся на воздухе зеленовато-серебристые тела горной форели. Тут же, у воды, их почистили и выпотрошили.

«Будет вкусно! – подумала я, проводив глазами рыбин, которых уносили с собой Дана и Кира, продев пальцы им в жабры. – Действительно, сухомятка уже надоела… Аальст прав».
Утро началось со скандала. Ночью Эриэлла превратилась в Эри. Илона это как-то учуяла или увидела, не знаю, но, короче, все проснулись, когда проснулся Аальст.
– Ты… заколебала! – коротко сказал он, отдирая от себя обвившую его со спины руками и ногами Илону. Больше он ничего не сказал. Похоже, проснулся не в лучшем расположении духа. Пока мы все на него глазели, осознавая его новое превращение, он подошел к спящей Ри, потрогал ладонью ее лоб, постоял с минуту рядом, закрыв глаза, и повернулся к нам.
– Завтрак, – хмуро произнес он с мрачным выражением на лице, – и валим отсюда! Мне уже тут остохренело. Ри не будите. Пусть спит, пока сама не проснется. Повезу ее так. Как вчера. По воздуху.
Позавтракали, выбрались на поверхность. Выражение лица Аальста стало не таким угрюмым, каким было с утра. Кира, видно, решила воспользоваться сменой его настроения и, подойдя к нему сбоку, вежливо задала вопрос:
– Скажите, господин Аальст… а вот то, что случилось с Ри… Есть какой-нибудь способ, чтобы она… не слышала чужих мыслей? Может, можно что-то сделать для этого?
– Госпожа Кира, я вижу, вас по-прежнему сильно беспокоит возможность разглашения тайн вашего мадридского двора? – косо глянув на нее, с иронией поинтересовался тот в ответ.
– А что такое мадридский двор? – обернувшись, спросила Илона, делавшая до этого вид, что она совершенно не прислушивается к разговору.
– А там всем чересчур любопытным рты заклеивают. Чтобы не спрашивали все подряд, – ответил ей Эри.
Ил фыркнула в ответ обиженной кошкой и сделала вид, что не очень-то и нужен ей его ответ.
– И все же, – вновь вернулась Кира к своему вопросу, обращаясь к Аальсту. – Можно что-то сделать?
– Вариант первый, самый простой, – ответил он, – удушить Ри, пока она не проснулась. Вариант второй: держаться от нее подальше. Чем больше расстояние между магом разума и его жертвой, а вы же жертвы, не так ли? Тем труднее ему читать мысли. И третье – найти какой-нибудь амулет, ограждающий вас от копания в ваших мозгах. Но где его взять… И есть ли они вообще в природе? Не знаю… У меня, по крайней мере, такого нет.
– Ри – маг разума? – искренне удивилась Дана.
– Ну… не то чтобы… – неопределенно ответил Аальст. – Это я так, для простоты сказал. Чтобы вам было понятнее. Конечно же она не ментальный маг. Просто у нее есть способность, которая, пожалуй, является вершиной карьеры ментального мага, – чтение чужих мыслей. А всего остального из того, что умеет он, – она не умеет. Поэтому, если по правилам, магом называть ее не стоит. В общем, ваша Ри начала не с той стороны. Если нормальные маги начинают с начала, то она начала – с конца! И что вы теперь с ней будете делать, я, честно говоря, не представляю!
– А какое расстояние нужно? – поинтересовалась Илона. – Чтобы нельзя было слышать чужие мысли?
– Ну… – глубокомысленно ответил Аальст, – где-то в древних книгах мне попадалась цифра – от десяти шагов… Но конечно же многое тут зависит от силы и умения мага… Поэтому однозначно тут ответить нельзя…
– А вы… господин Аальст? – спросила Ки. – Вы не боитесь того, что кто-то узнает ваши мысли?
– А вы слышали выражение, госпожа Кира, «Ворон ворону глаз не выклюет»? – ответил ей Эри. – Так вот, чуть перефразируя его, скажу: «Маг магу мозга не высосет»…
– Следует ли понимать ваши слова так… – после длительной паузы произнесла Кира, смотря при этом в землю, – что вы тоже… ментальный маг?
Она бросила на него быстрый взгляд, глядя на его реакцию.
– Я – ментальный маг? – широко улыбнулся Эри, но глаза при этом у него сверкнули льдинками. – Право слово, это смешно слышать. Каждый маг умеет ставить ментальный щит, сберегающий ему голову. Это простое заклинание, которое может сотворить каждый, у кого есть способности к магии.
– Значит, вы тоже – маг?
– А что, вы были до сих пор в этом не уверены?
– Нам была поставлена задача – охранять архивариуса. Ни о каком маге речь не шла! И вообще. Нам сказали, что вас пытали Камнем слез!
– И что с того? Ну вернулось ко мне все вдруг. Бывает. Все течет, все меняется… Вон к примеру, Ри. Вчера еще только ножички кидать умела – а сегодня одной силой своей мысли монстрам мозги выносит. Что? Разве я не могу все вспомнить, тем более то, что раньше уже знал?

– А как же… Камень слез?
– Не так страшен черт, как его малюют, – ответил Аальст и ухмыльнулся. – Да, от него у меня на руках и ногах остались на память несколько замечательных отметин…
При этих словах он оттянул край левого рукава и продемонстрировал темную кольцевую полоску ниже запястья. С виду издали она ничем не отличалась от следа от кандалов, какие были у каторжников, которых присылали в Эторию.
– Но, – продолжил он, возвращая рукав на место, – мои мозги оказались крепче, чем предполагали создатели Камня слез. И вот я вновь свеж, бодр и весел. И опять все помню. Вы рады этому, госпожа Кира?
– Несомненно, – кивнув, ответила ему Ки его словечком, которое он любит употреблять.
– Что-то заставляет меня сомневаться в вашей радости, – с прищуром глядя на нее, произнес Аальст. – То ли ваше выражение лица… То ли ваша странная интонация…
– А кто такой – черт? – спросила Илона.
– А это очень нехороший дядька с рогами и длинными вилами, – ответил ей Аальст. – Он делает всякие нехорошие вещи с варгами. А с любопытными варгами – просто ужасные вещи!
– Н-да-а? – неверяще отреагировала Ил. – И что же это за вещи… такие… нехорошие?
– Мне будет просто больно об этом рассказывать… – ответил Аальст, закатывая глаза к небу.
– Жаль, – искренним голосом сказала Ил, – я бы с удовольствием послушала страшную историю…
– Н-да?
Теперь Эри несколько озадачился.
– Ил, смотри по сторонам, – приказала Илоне Кира. – Вон как Анжи. Смотрит и молчит… У нас и так достаточно страшных историй в жизни, чтобы еще о них слушать…
В общем, так, за разговорами, наблюдая за окрестностями, мы вышли к неширокой реке, текущей откуда-то с гор, где и был объявлен привал.
– Ну что, пойдем? – спросила я Илону, вытирая лицо полотенцем, которое выдал нам на двоих с нею Аальст.
– Да, пошли, – ответила она, протягивая руки ко мне за полотенцем. – Эх, сейчас бы искупаться!
– Холодно, – возразила я, – замерзнем. Река, наверное, с самого верха течет. Со снегов.
Мы с Ил дружно подняли головы вверх. Туда, где в голубом небе белели под солнцем снежными шапками горные вершины.
– А я никогда в руках снега не держала, – сказала Ил, – только издали видела.
– Успеешь еще, – ответила я ей, – я тоже не держала… Ладно, пойдем. Вместе – безопаснее.
– Да. Пойдем.
Но едва мы поднялись по каменному берегу реки и подошли к первым деревьям, как ощутили обрушившуюся на нас волну из гнева и ярости.
– Осторожно, – быстро скомандовала я Ил, вытаскивая на всякий случай из ножен меч.
Та кивнула в ответ, тоже доставая оружие. Стремительное наше продвижение от ствола к стволу сосен, покрытых светло-коричневой корой и благоухающих нагретой смолой, вывело нас на край поляны. У только-только, похоже, разожженного костра на коленях стояла Дана и круглыми от изумления глазами смотрела на то, как Кира трясет за грудки Ринату.
– Только попробуй! – напрягаясь, яростно кричала красная от гнева Кира чуть ли не в лицо Ри. – Только попробуй кому-нибудь ЭТО рассказать! Я тебя – твоими же кишками задушу! И вообще – больше не смей ко мне подходить больше чем на десять шагов! Воровка!
– Я не воровка! – возмутилась в ответ Рината, болтаясь в руках Киры.
– Воровка! – крикнула ей в ответ в лицо Кира. – Ты берешь чужие мысли и воспоминания без спроса! Значит, ты – воровка! Ты вообще теперь – не варга! Варги такими быть не могут! Ты – монстр! Не смей ко мне больше приближаться! Поняла?
Рината ничего ей не ответила.
– Убирайся! – крикнула Кира и отпихнула от себя Ри, да так сильно, что та не удержалась на ногах и упала боком на землю.
Не понимая, что происходит, мы с Ил замерли на краю поляны. Рината приподнялась на локте, оглядела нас, с мечами в руках, посмотрела на Дану, бросила взгляд на Киру и, закусив губу, с явным усилием поднялась на ноги. Повернувшись ко всем спиной, высоко подняв голову, она прошла мимо сидящего в облаке-кресле Аальста и скрылась на противоположной стороне поляны, не произнеся ни слова.
Тишина… Только слышно было, как бурно дышит Кира да потрескивают ветки в разгорающемся костре.

– Браво, – неожиданно раздался насмешливый голос лжеархивариуса и его редкие хлопки в ладоши. – Браво! А говорят, варги своих не бросают! Я так и знал, что это просто красивая легенда. Браво!
Аальст лучезарно улыбался и хлопал в ладоши. Похоже, это все его откровенно забавляло…

Вербовка

Эри

«Во командирша зажигает! – подумал я, глядя на красную от гнева Киру, лицо которой к этому моменту пошло уже пятнами. – Все подчиненной сказала, все пообещала. Да так, что бедняжка в лес сбежала от расправы… Интересно, что Ри такое в голове у Киры подслушала? Сдается мне – что-то личное. Если бы какую-то страшную эторскую тайну, то грозила бы Кира Ринате не самоличной расправой, а карательными органами родной страны… Пожалуй, так оно и есть. Интересно, где же это наша бравая командирша так «засветилась», что аж с «катушек» слетела? Травку курила? Пьянствовала на посту? Ну военным имуществом она вряд ли из-под полы торговала… Нет «под ней» еще этого имущества… А может, какие-то сексуальные извращения за нею числятся? Оргии там всякие непотребные… Нужно будет Киру как-нибудь об этом спросить… При случае… Подходящем…»
Я невольно оскалился, представляя ее реакцию и меня рядом с нею, с невинным выражением на лице. Потом немного посмотрел, как подчиненные осторожно приближаются к своему вспылившему командиру, и задумался о Ри.
Обидели девочку, с иронией подумал я о ней, не дали правду сказать или познать… Что там у нее с Кирой приключилось – в деталях не видел. Было тихо, мирно, вдруг шум, гам, крик! Оборачиваюсь – а Кира уже Ринату за грудки трясет. Психованная… Весь свой авторитет на ноль помножила… Но что теперь делать с Ринатой? Хм… А если?
«Может, не стоит?» – предложил внутренней голос.
«Чего?» – прикинулся я.
«Сирот всяких подбирать. Тогда Стефания, теперь Ри…»
«А что – Ри? Она очень даже может пригодиться…»
«Угу… Как Стефи. Если мне память не изменяет, она пригодилась тебе только для одного… Того самого. А потом, когда она пошла на повтор и сама зажала тебя в уголке, – ты позорно бежал!»
«А вот давай не будем передергивать! Это было тактическое отступление, а не бегство. Стефи мне один раз точно жизнь спасла. Так что – не надо! И с ней было не скучно…»
«Ага. Со Стефанией не скучно, а у Ринаты – губы!»
«Губы есть у всех…»
«А такие – только у нее!»
«А у Даны – глаза! И что теперь?»
«Дана-то получше будет. Ри – она же совсем дура дурой!»
«Вполне возможно, что внутренние причины поступков Ри просто непонятны для окружающих…»
«Ну да, ну да… Альтернативно одаренная. Нет чтобы с приличными личностями дела водить. Вот, к примеру, та же графиня с огненного факультета! Знает, чего хочет. Знает, как получить желаемое. Идет к своей цели. Пару раз кастанул бы на нее «шок любви» – а потом, в постели, на ушко, рассказал о своих планах захвата мира да предложил бы ей поучаствовать, с намеком на вакантное место супруги повелителя вселенной. Как задание от будущего Черного властелина, дал бы указание – найти знания о порталах… Да она бы ради такого дела всю империю перевернула, на уши бы ее поставила, но нашла! А ты – все с сиротами возишься…»
«У меня не настолько хреновое положение, чтобы действовать подобными методами…»
«Угу. А потом будет поздно… Поздно будет действовать любыми методами! Андестенд?»
«Андестенд! Но выигрывать, играя на чувствах, – это низкий класс. Кто так делает, тот признается в бессилии своего интеллекта и просто выглядит жалко, прибегая к подобным уловкам. Меня интересует игра разумов, а не игра гормонов. Влюбленный – беззащитен. С ним можно сделать все что угодно. Это неинтересно. Нет борьбы. Нет драйва. Это как с малышом силой мериться…»
«Уси-пуси, какие мы благородные и интеллектуальные! Как бы это благородство тебе боком не вылезло…»
«Не вылезет. А Ринате у меня есть что предложить, кроме идиотского чувства любви…»
«Например?»

«Например? Например – чувство превосходства. Реванш за обиды ей совсем не помешает…»
«Ну-ну… На губы ее только не смотри, когда лапшой ей будешь уши украшать… А то еще не сможешь языком шлепать…»
«Да пошел ты!»
Я еще немного подумал, посмотрел, как варги, осторожно обступив Киру, расспрашивают ее о самочувствии, встал, вздохнул и отправился на поиски Ри по следу, оставленному ею в подлеске. Нашлась она быстро. Далеко не убежала. То ли побоялась, то ли силы иссякли. Скорее второе. Зная ее упертость, думаю, что бежала бы она до горизонта, если бы ноги несли.
Ри сидела ко мне спиной на стволе поваленной ветром сосны и плакала, размазывая ладонями слезы по щекам.

– Чего пришел? – не оборачиваясь, крайне нелюбезно спросила она, видимо услышав
меня.

Спину она выпрямила, гордо прогнув, а щеки тереть перестала.
– Посмеяться пришел? – с горечью в голосе вновь спросила, не получив ответа на первый свой вопрос. – Ну так давай, смейся! Давай!
Голос у нее сорвался с «гордого» на слезы.
– Нет, не смеяться, – вздохнув, ответил я, усаживаясь в кресло-облачко в трех шагах за спиной Ринаты. – Поговорить пришел. Теперь, когда мы оказались с тобой на одной ступеньке, можно и поговорить. Раньше это было невозможно, поскольку ты меня не поняла бы и не услышала.
– На какой такой ступеньке? – пробурчала Ри, шмыгнув носом.
– Мы с тобой – не такие, как все. Особенные. И у нас с тобой одни и те же проблемы. Ты думаешь, что я такой циничный и прагматичный лишь только оттого, что у меня характер скверный такой? Да? Так?
Ри не ответила, продолжая сидеть ко мне напряженной спиной.
– Вижу, что считаешь… И если бы я попытался раньше тебя переубедить, ты бы мне не поверила. Но сейчас, когда столкнулась с этим сама, – мы можем поговорить. Полученный тобой опыт расширил горизонты восприятия, и сегодня те же самые слова прозвучат для тебя иначе, чем вчера…
Я сделал небольшую паузу. Ри молчала.
– Причина наших с тобой трудностей, – продолжил я, – банальна и проста. Она – это окружающие нас люди… Или варги, в твоем случае. Но и у вас и у нас – одно и то же. Никто и нигде не любит одаренных. Тех, кто выделяется из толпы. Вот, к примеру, я. Мне многое дано. Ты, наверное, сама это уже поняла. Неужели ты думаешь, что мой путь в столичном университете – усыпан розами? Ты действительно так думаешь?
Ри ничего не ответила.
– Зависть, – с горечью произнес я, – одна сплошная зависть кругом…
Пауза. Тишина.
– Никто не порадуется твоим успехам… Твоим удачам… Каждый подумает, что это было должно достаться ему, а не какому-то неудачнику вроде тебя…
Пауза.
– И никто не хочет знать, чего тебе это стоило. Вот ты. Я же знаю, что было у тебя с мозгами. Я останавливал кровь, которая текла у тебя из ушей, носа… глаз. Ты едва не умерла. Разве ты пошла на это – для себя? Чтобы набить себе карман, или, может, ты возвыситься над кем-то хотела? Разве так? Нет! Ты сделала то, что должна была сделать. Поступила как воин. Рискнула своей жизнью ради того, чтобы жили другие. И что в ответ?
Пауза.
– Неблагодарность… Кругом одна сплошная черная неблагодарность… Кто-то тебе сказал «спасибо», Ри? Похлопал по плечу? Нет! Наоборот! Тебе сказали, что ты – не варга! Прогнали прочь, изгнали из своих рядов! А за что? Чего ты такого сделала, чтобы с тобой так поступить? Ни-че-го! Ничего такого ты не сделала, чтобы заслужить подобное отношение!
Пауза.
– Зависть. Сплошная зависть… Понятно ведь, что ты теперь в Этории – варга номер один. «Жало» пятерки, неподконтрольной императору, выжившая после первого боя. Варга, умеющая читать мысли. Да тебе цены нет! Наверняка тебе сразу звание майора присвоят. А может, и подполковника. Твои таланты стоят того, если не большего. А твои подруги,

закончив учиться, начнут служить с самого младшего звания… И неизвестно еще, дорастут ли они за всю свою жизнь до подполковника или нет…
Рината наклонила голову к левому плечу, чуть повернув так, чтобы правое ухо было направлено в мою сторону.
– Но высокие чины и звания не уберегут тебя от зависти окружающих. Даже если ты варга номер один. Каждый посчитает, что это должно было достаться ему, а не тебе. И что получила это ты незаслуженно. И плевать, что у тебя из глаз текла кровь! Это же была не их кровь, не так ли?
Пауза.
– Вот как сейчас. Никто не захотел, чтобы Рината, вечный объект для шуток и тычков, стала вдруг первой. Проще прогнать, вместо того чтобы попытаться понять. Лишь бы не видеть чужого успеха и удачи…
Длинная пауза.
– Зачем ты мне это говоришь? – тихо спросила Ри, не оборачиваясь.
– Я просто прошел все это раньше тебя. И стал таким, каким я тебе не нравлюсь. И тебе придется тоже стать такой, если ты теперь не такая, как все. Цинизм – да, он не решает проблемы, но он делает боль от несправедливости меньше…
Ри промолчала, ничего не ответив.
– У меня к тебе есть предложение…
– Какое? – спросила Рината, повернув голову вбок так, что стал виден профиль ее лица.
– Циничное и расчетливое, – хмыкнул я, – какое только может сделать студент темного факультета.
– Да?
Правый уголок рта Ринаты чуть приподнялся вверх, намекая на тень улыбки.
– Я знаю, кто ты и что ты. И что тебе нужно. Нужно тебе – научиться не слышать чужих мыслей. У тебя ведь сейчас все «говорят» в голове разом? Так?
Ри молча кивнула.
– Пока мы в лесу и вокруг тебя всего пятеро, думаю, что ты как-то с этим справишься. Хотя под вечер, за день, голова твоя наверняка будет раскалываться. Но если людей вокруг станет больше… Например, если ты попадешь в большой город – ты не выдержишь. Думаю, ты запросто сойдешь с ума.
– Правда? – испуганно спросила Ри, вновь отворачиваясь совсем. Видно, не желая показывать своего зареванного лица.
– Ты сама можешь легко себе представить, что с тобой будет в городе.
– И что же делать? – спросила она, помолчав.
– Сделка. Я попытаюсь научить тебя не слышать окружающих. А ты взамен, если получится, пойдешь со мной к эльфам. Идет?
– Куда? – удивилась Ри.
– К эльфам. Мой путь лежит не в империю, а в Вечный лес. Сразу предупреждая твои вопросы, скажу – у меня там есть дела.
– Какие?
– Я ищу знания. У эльфов они могут быть. Больше ничего не скажу.
– Но… ведь … мы же тебя охраняем! Значит, все пойдут вместе с тобой.
– Я в этом уже не уверен. Глядя на поведение твоего командира, мне сложно сказать, что завтра ей придет в голову. Сегодня утром она выказала свое недовольство тем, что я как бы не лишен магических сил и что это как бы не вписывается в полученный ею приказ. При ее импульсивности она может запросто завтра всех вас собрать в кучку и усвистать домой, в Эторию. А я хочу, чтобы ты со мной пошла к эльфам.
– Зачем? Что я там буду делать?
– Проведешь разведку для своей страны. Узнаешь, что замышляют лесные жители. Ну и мне, когда я попрошу, расскажешь – о чем они думают.
– То есть… шпионить тебе?
– Не только мне, но и себе и своей Эторию. В обмен – я попытаюсь научить тебя пользоваться внезапно свалившимся на тебя даром. Ты – мне, я – тебе. Цинично и практично. Привыкай, не такая как все!
– Н-да… – протянула Ри с некой удивленной интонацией. – Но говорят, что с темными связываться не стоит…
– Наоборот, – возразил я, – с темными как раз можно связываться! Ведь ты всегда знаешь, чего от них ожидать, и хуже, чем есть, они уже не станут. Дальше просто некуда… Ты всегда на страже, всегда следишь. А вот когда внезапно предают свои…
Сделав паузу, я развел руками, хоть Ри меня и не видела.
– …Вот тогда – наступает настоящая катастрофа! – закончил я свою мысль.
Рината зябко повела плечами, ничего не сказав в ответ.

– Хорошо. Я подумаю, – после длительного молчания тихо произнесла она. – Я потом приду. Ладно?
– Одна долго не сиди, – сказал я, поднимаясь на ноги.
– Тебе будет жалко, если со мной что-то случится?
– Мне будет жалко, если моего замечательного умного эльфийского шпиона сожрет какая-то тупая голодная тварь.
– Цинично и практично…
– Именно! Ты быстро учишься. А сидеть тебе долго не стоит и потому, что ты еще не выздоровела. Тебе сейчас лучше лежать. Придешь – я сделаю кровать, ляжешь. Я же твой целитель. Забыла?
– Да. Спасибо… Пожалуй, я тебе должна… За лечение.
– Ничего ты мне не должна. На входе в подземелье ты прикрыла меня, я же – отложил твою встречу с Хель. Никто никому ничего не должен. Все честно. И поэтому мы можем заключить с тобою договор – на равных. Без оглядки на старые долги.
– Но… я тогда о тебе не думала! Я думала о… Я вообще не думала!
– Ни капли в этом не сомневаюсь, – усмехнулся я. – А еще я попробую научить тебя держать свой язык за зубами… Мне почему-то кажется, что это будет самым сложным…
– Пфф… – фыркнула в ответ Рината, дернув плечом.
– Ладно, я ухожу. Сюда кто-то идет… Кажется, Дана.
Я пошел по оставленному следу назад, в лагерь. Где-то посредине пути мне попалась навстречу Дана. Почему-то меня совершенно не удивило, что это она, а не кто-то другой.
– На, – сказал я, протягивая ей последний чистый носовой платок из своего загашника. – Ри отдашь.
– Почему сам не отдал? – удивилась она.
– Она бы не взяла у меня, – коротко пояснил я и, обогнув варгу, потопал к лагерю.
– И не волнуй ее там! – крикнул я через секунду через плечо. – И вообще веди ее назад!

По секрету всему свету

– Ри… ты как?
– А как ты думаешь?
Вздох присевшей на дерево рядом с Ринатой Даны. Молчание.
– Знаешь, Ри, Кира иногда бывает слишком резкой…
– Резкой! Резкой? Она не должна была так говорить! Никогда! Я варга, такая же, как вы! И я ничего не сделала для того, чтобы она меня так обзывала и прогоняла! Ничего! Ты меня слышишь?!
– Да, Ри, да… Ты не волнуйся. Тебе не нужно напрягаться. Я думаю, что Кира сейчас очень жалеет о своем поведении…
– Ну конечно… – с недоверием кивнула Рината.
– Знаешь, Ри, Кира – она… хорошая. Просто она командир. А у нее это не очень получается. И она переживает из-за этого. Мне кажется, что ее это… гнетет. Она опасается сделать ошибку, чтобы про нее не сказали, что она не справилась.
– Да-а? Ты правда так думаешь? – прозвучало в голосе Ри удивление.
– Правда. Только ты об этом никому не говори… Хорошо?
– Хорошо. Но все равно это не повод бросаться такими словами!
– Согласна. Но ты тоже ее пойми. Мы все уже несколько раз были на волосок от смерти. У меня такое ощущение, что Ки очень боится, чтобы кто-нибудь не погиб… Не потому, что в Этории ей что-то скажут… Думаю, она считает, что как командир она не должна допустить такого. Мне даже кажется, что ей будет легче умереть самой, чем привезти в Эторию шотан кого-то из нас…
Пауза.
– Все равно я ее не прощу! Пока не извинится! При всех! При всех обзывалась – пусть при всех и извиняется! Правильно?
– Знаешь, наверное, ты ее просто испугала.
– Я?!
– Скорее всего, ты услышала в ее мыслях что-то такое… Что могло повредить ее репутации командира. Кира решила, что ты всем расскажешь, и поэтому так на тебя наорала. Со страху, что над ней станут смеяться.

– Ну-у-у… Она только вспомнила, как…
– Не надо мне ничего говорить! Не надо!
– Ой, прости… Я, кажется… сглупила.
– Наверное, просто у тебя еще голова болит… Аальст сказал вести тебя в лагерь и чтобы ты долго не сидела. Вот, он дал платок. Сказал – отдать тебе.
– Платок? Мне?
– Угу. Вытри глаза. Да и лицо тоже. Что он тебе тут говорил?
– Ну-у-у…
– Если не хочешь, не рассказывай. Только смотри. Аальст – он очень непростой!
– Это да… – со вздохом вымолвила Рината. – Не знаю… Он не сказал, что это секрет… Давай я тебе расскажу, а ты никому пока этого не будешь говорить? Давай?
– Хорошо. Договорились.
– Он предложил мне договор. Сделку. Он учит меня управлять моим даром, а я за это обещаю пойти вместе с ним к эльфам! Представляешь?
– Куда?!
– К эльфам. В Вечный лес. Он хочет там найти какие-то знания.
– Ничего себе! Я думала – мы домой идем! А оказывается – совсем нет… И почему он хочет, чтобы ты с ним пошла?
– Ну-у-у-у…
– Чтобы ты читала там мысли у эльфов?
– А как ты догадалась?!
– А зачем ты там ему еще нужна? Хотя…
– Что «хотя»? Дана, что «хотя»?
– Странно. Все равно ведь Кира его одного не отпустит…
– Он сказал, что не знает, что ей завтра в голову взбредет. Поэтому он и хочет, чтобы я пошла с ним. Что бы там Кира ни решила!
– Хм…
– Он смотрел на мои губы?! Всю ночь? Правда?!
– Отку… Ри, ты подслушала мои мысли?!
– Дана, ну ты не хотела говорить! А мне было интересно!
– Кажется, я понимаю Киру… – пробормотала Дана себе под нос.
– Ой! А я вижу, как он смотрит! И себя вижу! Как здорово! Значит, я ему нравлюсь? Выходит, так?
– Где ты «видишь»?!
– Ты вспоминаешь, и я тоже это вижу!
– Ри, прекрати! Мне страшно, когда из моей головы что-то берут!
– А как – «прекратить»? Я не умею…
– Ри, у тебя кровь из носа пошла!
– Уй, да… И голова что-то заболела…
– Приложи платок и пошли отсюда, пока тебе совсем плохо не стало! Держись за меня, я помогу.
– Спасибо, Дана! Ты настоящая боевая подруга! Настоящая варга! Я никогда этого не забуду. А что еще про меня Аальст говорил?
– Помолчи, пожалуйста.
– Дана, ты меня не бойся. Я не страшная… Просто я теперь – особенная! Нужно просто привыкнуть.
– Помолчи! Чем больше ты будешь молчать – тем лучше будет для всех! И для тебя в том числе…

Кира

Дарг… Как я опозорилась… как я опозорилась… Так орать при всех… Какой я командир после этого? Настоящий командир управляет подчиненными одним движением бровей… А я так орала, что горло сорвала… Дарг… Дарг… Дарг! Это все Ри виновата! Она одна! Не читай она мыслей… Ну почему я вдруг вспомнила, как мы с подругой пробовали заняться любовью? НУ ПОЧЕМУ? Почему вдруг это пришло мне в голову? И эта… Все услышала! Зенки свои вылупила, рот открыла… Дура! И вот ведь обидно-то то, что больше ничего с подругой у нас не было! Просто перепили и баловались. Больше никаких историй у меня и нет, за которые мне было бы стыдно… Или есть? А украденное варенье… Хм…
– Эри, а куда девается одежда Эриэллы, когда ты превращаешься в мальчика?
Оторвавшись от вспоминания всех своих грехов, я бросила взгляд в сторону заданного самым невинным тоном вопроса.

Илона! Сидела вполоборота на бревнышке рядом с Аальстом у костра и вела с ним беседу. Рядом за котелком с рыбой приглядывала Анжи, заменив отлучившуюся в кустики Дану.
Вот еще одна, с недовольством подумала я об Ил, неугомонная! Все неймется ей. Интриганка! Вот бы он тебя трахнул так, чтобы ты потом неделю сидеть не смогла! Нет! Месяц! Узнала бы, как воду мутить…
– А одежды ее, – с благодушным видом ответил Аальст, – исчезают в закрома Родины…
Похоже, настроение у нашего архивариуса в ожидании скорой еды улучшилось. Не так, как с утра, – ходил, рычал…
– А что же это за закрома такие? – делая большие кукольные глаза и часто хлопая ресницами, с наивным видом курсантки-первокурсницы поинтересовалась Ил.
Не, подумала я, глядя, какое личико она состроила, вы только посмотрите на нее! Актриса! Наверное, она своего все-таки добьется! Либо напоит его, либо свяжет… Но он от нее не уйдет! Вот зар-р-раза-то какая!
– А это такие закрома, – тоже делая в ответ лицо доброго дедушки-сказочника, ответил ей Эри, – в которых есть все, но немногие туда вхожи…
Кругом – сплошные идиоты… Причем у которых все хорошо. Сидят, ерунду несут. Одна я – умная, но у меня все плохо! Что же делать с Ринатой? Как теперь с ней разговаривать? Или при приближении ее начинать думать о маленьких котятах? Или о птичках?
– Ой, как интересно! – прощебетала Илона, подвигаясь бочком по бревнышку ближе к Аальсту. – А вот скажите… Когда вы превращаетесь в девушку… вам мальчики – нравятся? Мне вот красивые мальчики – нравятся!
Аальст нахмурился.
«Ага! – подумала я. – Ил ошиблась! Задала вопрос, который не понравился! Хотела, видно, найти общие интересы. Но не такими же вопросами! Тоже мне подружку нашла… Не такая, видно, она и умная, эта Илона…»
– Хочешь узнать? – спросил после паузы Эри, неспешно оглядев собеседницу с головы до ног.
– Да. Так интересно! – лучезарно улыбнулась Илона улыбкой пустоголовой идиотки.
Я вытянула шею, чтобы лучше было слышно. Мне тоже было интересно.
– А вот если бы ты сменила свое тело на мужское, – неожиданно спросил, так же сиятельно улыбнувшись в ответ, Эри, – кого бы ты тут тогда… А?
Похоже, Ил такого разворота темы и перехода на свою личность не ожидала, поскольку с ответом не нашлась.
– Вот, например, Анжелина, – с невинным выражением на лице предложил Аальст, указав на ту рукой. – Илона, тебе нравится Анжелина?
Анжи, которая в этот момент пробовала с ложки зачерпнутое из котелка, услышав его слова, аж поперхнулась. И обожглась. И принялась тихо ругаться, поминая Дарга, и размахивать ладонью перед обожженными губами.
Ага, подумала я, глядя на медлящую с ответом Илону, хорошо ее Аальст подставил! Если сказать – не нравится, то это как бы обида для Анжи. Если сказать – нравится, то это тоже обида. Интересно, что Ил ответит?
– А я знаю, кого бы ты… – пришел на помощь Аальст замешкавшейся с ответом Илоне и с заговорщицким видом пальцами правой руки поманил ее к себе.
Он что-то неслышно прошептал ей на ухо и отклонился назад. Ил на мгновение замерла, потом фыркнула, повернув голову, посмотрела на меня, увидев, что я смотрю на нее, закаменела лицом, отвернулась – и тут ее начало корежить. Смех, как она ни пыталась его сдержать, полез из нее наружу. Закрыв лицо ладонями, она сложилась пополам, всхлипывая в них, затем, видно не выдержав, сползла с бревна и упала за ним на землю. И вот там она уже начала рыдать и стонать от смеха во весь голос.
А я стояла, покрывшись удушливой волной жара, понимая, кого предложил Эри, понимая, что смеются надо мной, и не знала – что делать? Вызвать на дуэль? Но вслух ничего было не произнесено! Мало ли отчего она зашлась в смехе! Одна – подчиненная, второй – охраняемый…
Тут я поймала на себе взгляд Эри. Насмешливый и внимательный.
Я резко отвернулась в сторону, сделав вид, что ничего не слышала, сама же пытаясь унять бешено стучащее в груди сердце. Я еще с ними за это поквитаюсь!
Тут из кустов вышла Дана с Ринатой под руку. Ри зажимала окровавленной тряпкой нос.
Ля-ля-ля, запела я про себя, увидев Ри, веселые маленькие котята! Ля-ля-ля! Веселые маленькие котята! Я думаю только о веселых пушистых котятах! Ля-ля-ля! Ла-ла-ла…
Ри посмотрела на меня круглыми глазами, как на идиотку, но тут ее заметил Аальст и, встав, направился к ней – выяснять, в чем дело? Он сделал ей кровать из облака и, уложив, погрузил ее в сон.

Что-то он… возится с ней, подумала я об Аальсте и Ри, наблюдая за ними со стороны. Я подходить не стала, смотрела издали. Сами справятся… Неблагодарные…
Дабы не выглядеть глупо, сидя в одиночестве, я встала и неспешно пошла вокруг лагеря, по ближайшим кустам. Так, чтобы остальные меня не видели. Сделав круг, я вновь вышла на поляну.
– Раздеть женщину – нет никаких проблем! – долетели от костра до моего слуха слова Аальста.
«Че-э-го? – не поверила я своим ушам. – Он что там, перед девчонками подвигами своими, что ли, хвастает? Совсем уже того?»
– Ничего подобного! – гордо возразила ему Ил. – Если я не захочу, Дарг меня кто разденет!
А-а-а-а-а! Так это Илона там продолжает разговоры на фривольные темы! Понятно… А Дана и Анжи смотрят на них с Аальстом, чуть ли не открыв рты. А не послать ли мне Ил – покараулить? Ну и что, что Аальст сказал, что следит?
– Ключевое слово – «захочу», – веско ответил Илоне лжеархивариус. – Просто нужно знать, кто чего хочет. Вот я могу сделать так, что ровно через пять минут ты все с себя снимешь. Сама.
– Не-э-э, – замотала головой в стороны Ил, – не сделаешь! Я этого не хочу – значит, раздеваться не стану.
– Да? Ты так уверена? Пошли тогда! – встал на ноги Аальст.
– Куда? – насторожилась Ил.
– К реке. Я тебе кое-что покажу.
И вся эта компания, бросив костер с булькающим над ним котелком и спящую Ри, встала и пошла за Аальстом, к реке. Я тоже пошла вслед за ними, чтобы увидеть, что он там затеял. Выйдя на берег, но не став спускаться к воде, Аальст остановился и вытянул вперед руки с расставленными пальцами. Внезапно чуть ниже него по пологому склону появилось белое клубящееся облако. Повисев, оно немного сплющилось к земле, растянулось и стало напоминать формой низкий деревянный ящик.
– Пш-ш-ш-ш-ш-ш!
Из реки выметнуло вверх высоченный столб прозрачной воды, толщиной и высотой где-то с местную сосну. Девчонки ахнули и схватились за мечи. Водяной столб некоторое время постоял неподвижно, покачиваясь, затем начал клониться своей верхушкой вниз, в сторону облака. Сначала медленно, затем все быстрей и быстрей, он с громким плеском ударил в него и рухнул на землю обычной водой.
Эри, спокойно отследив глазами происходящее, протянул руки к облаку. Оно вновь изменилось. Его верхушка стала плоской, и все увидели, что оно до краев полно водой. Эри еще подержал руки вытянутыми, а потом обратился к Илоне.
– Ну – сказал он ей, – пробуй!
– Что «пробуй»? – не поняла та.
– Воду. Нормально или еще подогреть?
Илона, аккуратно ступая по камням, подошла и осторожно макнула в воду пальчик.
– Горячая! – потрясенно воскликнула она.
– Леди желает принять ванну? – с иронией в голосе поинтересовался Аальст, доставая из воздуха чистое белое полотенце и бутылочку с мытьем для волос.
– Желает! – подпрыгнув на месте, взвизгнула от восторга Илона.
– Ну тогда раздевайся! – ухмыльнулся в ответ тот, разводя ладонями.
– Э-э-э-э-э… Что, прямо при тебе?
– А ты что думала – бесплатно будет?
– Мм… Ты хочешь посмотреть на мое красивое тело? Или посмотреть, как я раздеваюсь?
– Еще есть третий вариант – посмотреть, как ты принимаешь ванну, – оскалившись, предложил Аальст. – Нет, я просто хотел примером подтвердить свои слова. А ты никак действительно собралась все с себя снять? У вас же вроде это не принято – заголяться?
Да, он прав, подумала я о том, что он сказал, не принято. Потому… Потому что это может привести ко всяким… ненужным отношениям. Интересно, что станет делать Ил?
Илона думала недолго.
– Хорошо, ты – выиграл! Но за ванну с горячей водой… сейчас… Да я за нее хоть перед восьмилапом разденусь! – громко заявила она, хватаясь за пряжку своего ремня.
– Ил… – робко попыталась остановить ее Анжи, – но тут… посторонние… Нельзя так…
– Посторонних тут – нет! – ответила Ил, быстро расстегивая пуговицы на куртке. – Мы все обменялись кровью… все мы теперь – сестры и братья!
Она выдернула ремень из штанов, положила его на землю, на него сверху – ножны с мечом и принялась снимать с себя куртку. Под ней у нее была только тонкая нательная рубашка. Лицо Аальста приняло озадаченное выражение. Похоже, такого он от нее не ожидал.

«Что, съел? – злорадно подумала я, глядя на него. – Ил, конечно, коза еще та, но она тебя уела, высокомерный красавчик! Уела! На такое ты точно не рассчитывал! Молодец, Ил!»
Внезапно сзади, там, где остался костер и Рината, раздался громкий испуганный вскрик.
Я быстро обернулась.
Ри, приподнявшись на локте с земли, ошарашенно оглядывалась по сторонам. Кровать ее исчезла!
– Что там? – обернулся ко мне Эри.
Ринаты со своего места он не видел, а я стояла выше него по берегу и поэтому могла видеть то, что происходит возле костра.
– Рината на землю упала, – ответила я, – облако пропало.
– Эх-х! – воскликнул он, начав подниматься ко мне. – Зазевался на эту Ил! Перестал следить… Она хоть не головой о землю упала?
– Не видела, – пожала я плечами.
– Ладно, сейчас посмотрю… – пообещал он, быстрым шагом проходя мимо меня.
Илона, воспользовавшись тем, что Эри ушел, в момент содрала с себя оставшуюся одежду и, подняв высокую волну, плеснувшую через край, прыгнула в эту странную ванну.
– А-а-ах-х-х… – донеслось блаженное восклицание, когда она вытянулась в воде, закинув голову назад, на бортик.
У меня прямо все тело зачесалось при виде такой картины! Я тоже хочу помыться!
Но Илонино счастье долго не продлилось. Внезапно дымчатые стенки исчезли. Вода с грохотом водопада обрушилась вниз, а голая Илона со звонким шлепком шмякнулась на каменистый берег.
– Уй-й-й-й! – завыла она, сидя в луже и хватаясь за ударенный копчик. – Уй-й-й-й-й! Бе-э-э…
– А что тут происходит?
Оборачиваюсь. За моей спиной – Рината, круглыми глазами смотрящая на корчащуюся Ил, и рядом с Ри – с отвисшей челюстью Эри.
– А что вы тут делаете? – по-другому сформулировала свой вопрос Ри, не получив ответа на его первый вариант.
– Рыбу ловим, – нашелся с пояснением лжеархивариус, – на Илону. Должна попасться очень большая и отважная рыба. Кит! Видишь – сорвался? Сейчас мы к ноге Ил еще раз привяжем веревку – и опять закинем ее в реку! Второй раз – он точно не сорвется!
– Кит – в море! – серьезным голосом возразила ему Ри. – Я знаю. И он большой. В реку не поместится…
– Аальст, гад! Ты куда мою ванну дел?! – выглядывая из-за подбежавшей прикрыть ее Даны, закричала на Эри мокрая и злая-презлая Ил. – Сейчас же верни ее обратно, или я не знаю что с тобой сделаю! И плевать я хотела, что ты мне – сестра! Или брат! Я за себя в таком состоянии не отвечаю! Понял?!
– Видишь ли, дорогая, – ответил Аальст, легкими жестами сопровождая появление вокруг Даны и Ил коробочки из облака, – когда я удалился от тебя на некоторое расстояние… то произошло… искажение метаморфического поля… и магическая конструкция… потеряла устойчивость…
Из реки вымахнул столб воды и стал гнуться в направлении берега.
– …Сейчас все будет… – пообещал Эри.
Вода ахнула вниз, заполняя созданную им емкость. Двойной пронзительный визг ударил по ушам. Илона и Дана, как ошпаренные, выскочили из облака.
– Ха-а-ло-одна-а-ая-а-а! – заорала, трясясь и лязгая зубами, голая и посиневшая Илона.
– Сихот! – ругнулся Аальст, делая замысловатый жест кистью правой руки.
От ванны повалил пар.
– Залезайте обе! – скомандовал он Ил и Дане.
– Горячо, – сказала Дана, подойдя и осторожно потрогав парящую воду.
– Черт! Как же с вами трудно! – высказался Эри, создавая тонкий столбик воды из реки и направляя его в ванну. – А сейчас?
– Нормально, – ответила, попробовав, Дана.
– Лезьте!
– Отвернись, я разденусь.
– Че я там не видел? Особенно у тебя. Вон бери пример с Ил! Никаких комплексов…
Мокрая, синекожая, в пупырышках, трясущаяся мелкой дрожью Илона, молча шлепая ногами по холодным лужам, добралась до ванны и мешком перевалилась через ее край, подняв в ней цунами.
– А-а-ах-х-х! Блаженство…
– Ну хорошо, хорошо, я отвернусь, – сказал Аальст терпеливо смотревшей на него Дане и повернулся ко мне. – Госпожа командир не желает принять ванну?

– Если она будет такая же, как эта… вряд ли, – ответила я, с прищуром глядя на него и думая – сколько же у него наглости! Только что ведь Илоне что-то на ухо обо мне шептал, да так, что та от смеха чуть не зашлась. А теперь – как ни в чем не бывало со мной разговаривает!
– Это был первый, пробный вариант, – ответил он, – последующие будут го-о-о-ораздо надежнее!
Глаза его смеялись.
– Ты еще должен полечить меня! – крикнула, перебивая наш разговор, Ил. – Я ударилась, когда упала!
– Чтобы возместить понесенные тобой страдания, я сделаю тебе СПА-процедуру, – щедро пообещал он.
– А что это? – настороженно спросила Ил. Над водой торчала лишь ее голова.
– Это камни нагреваются и прикладываются к телу…
– На Ринате сначала пробуй! – после секундного раздумья ответила она. – А я посмотрю… Если она останется жива…
Аальст повернулся к Ри, чуть ли не полностью положив голову на правое плечо.
– Будешь СПА? – со зверским оскалом спросил он.
Рината ответила испуганным взглядом.
Балаган, подумала я.

Стефания

– Ты знаешь, а тебе идет… – задумчиво произнесла Лиз, глядя в большое зеркало, в котором мы с ней отражались в полный рост. – Но, может, все же следовало выбрать что-то… поярче?
Сама она была в ярко-алом платье. Лиз – это моя старшая сестра, Лизавета. Вместе с мамой и второй сестрой – Беатрисой – они уже вторую неделю как приехали. На деньги, которые я согласилась принять, я сняла небольшой двухэтажный дом из нескольких комнат. Пусть на самом краю приличного квартала, зато не так дорого. Цены в столице – просто ужас! Я думала, мне на все хватит. Ага! Как бы не так! Еще и занять пришлось.
Ладно, подумала я, поворачиваясь влево и вправо перед зеркалом, рассчитаюсь! Просто пришлось за все сразу заплатить. За дом… за прислугу… домой послать – на дорогу сестрам и маме… платья новые у портного заказать. Сегодня их как раз привезли на последнюю примерку.
– Тебе самой-то нравится? – уточнила Лиз, внимательно вглядываясь в отражение моего лица.
– Нравится, – ответила я, тоже глядя в зеркало, – хорошее платье…
Платье с широкой юбкой из ткани темно-зеленого перламутра мне шло. Как-то делало ярче мои глаза. Корсет жестко стягивал верхнюю часть моего тела, заставляя держать спину прямо, откинув голову. Нет, хорошее платье!
– А что ты тогда такая невеселая, если нравится?
– Так… – неопределенно ответила я. – Настроения нет.
– Это из-за Диния, да?
Я ничего не ответила, хмуро глядя на свое отражение. Диний… Уже две недели как нет от него писем. Неужели так трудно черкнуть несколько строчек? Сказать, что жив, здоров. Я бы не волновалась… Я же не прошу, чтобы он мне в чувствах в каждом письме признавался! Хочу простого внимания. Неужели это так трудно понять? Что за манеры, право слово… А еще из императорской семьи… А второй – так вообще пропал! Ректор Мотэдиус срочно уехал на место раскопок. Туда, куда он послал Эриадора. По слухам, там нашли что-то особенное. То ли проход в секретные подземелья с книгами древних, то ли какие-то особенные артефакты. Зная способности Эри на пустом месте создавать нечто, я совсем не удивлена. Скорее я бы удивилась, если бы там не случилось ничего такого, особенного. Но тоже – молчит! Не на край же света уехал?! Наверняка можно было весточку послать. А то он только мне сны шлет, в которых он с какими-то развратными девками по постелям валяется. Я еще спрошу его за это, когда вернется! Ух, и спрошу! А что, собственно… спрошу? Он мне… кто?
– Ты чего так нахмурилась? – удивилась Лиз. – Ты что, поругалась с ним?
Поругалась?
Я вспомнила нашу последнюю встречу с Ди, и кровь бросилась мне в голову. Он был таким нежным…
– Ой, а теперь покраснела! Стефи, что с тобой?
– Ничего. Душно здесь.

– Давай я скажу, чтобы окно открыли?
– Не надо, сквозняк будет.
– Хорошо, как скажешь. А ты изменилась. Сильно.
– Наверное.
«Изменилась! – фыркнула я про себя. – Изменилась! Хорошо, в уме своем осталась после всего случившегося за этот год. Но почему же они оба не пишут? Неужели им все равно, что со мной?»

На руинах

– У меня пропал лучший ученик! – проскрежетал Мотэдиус, пытаясь изобразить из себя скалу и нависнуть над леди Эстой.
Но этого сделать не получалось. Начальница тайной стражи Этории, подобно бесстрашному альпинисту, задрав голову, смело смотрела на возвышающуюся над ней вершину, пусть даже грозящую ей смертью.
– Он уже не ваш ученик! – отрезала она. – Он потерял способности! Я же – действительно потеряла пятерку лучших учениц! И вправе требовать от вас объяснений!
– Ученики – всегда ученики, какого бы возраста они ни были! И каких еще объяснений вам нужно? – неподдельно удивился ректор магического университета, вскинув брови.
– А таких, господин архимаг! Расследование однозначно показало, что исчезнуть они могли только через портал! Никто из наших девочек – никто, вы слышите? – не обладает способностями в магии! А вот господин Аальст – обладает!
– Вы же только что заявили, что он их потерял!
– Ну и что? Он же когда-то умел? Вполне возможно, что вы дали ему какой-то артефакт, чтобы он проверил его в действии. Артефакт сработал, а вы теперь пытаетесь все свалить на нас!
– Ну знаете, леди Эста! Я слышал, что у вас изощренная фантазия, но не до такой же степени! Доверить проведение подобного опыта человеку, потерявшему способности, да еще с каким-то таинственным артефактом! И это в то время, когда империя остро нуждается в открытии тайны порталов! Ваши фантазии просто за гранью разума, леди!
– Фантазии, да? А куда же тогда делась экспедиция? Мы отправили с вами лучшую пятерку! Можно сказать, элиту Этории! И где они теперь?
– Так уж и элиту! – усомнился Мотэдиус.
– Да, элиту! Отличницы в боевой и теоретической подготовке! Лучшие курсантки академии! Если с ними что-то случится, это будет невосполнимой утратой для всего нашего народа!
– Вам нужно было подготовленных посылать, а не курсанток!
– А вам нужно было не архивариуса какого-то посылать, а нормального мага! Знаете, господин Мотэдиус, все должны с чего-то начинать. Ну мы и выделили вам лучших, в расчете на то, что это станет началом их блестящей карьеры. А вы? Что сделали вы?
– Да! И что же сделали – мы?
– Что-то явно не то, если мы сейчас стоим с вами здесь и ругаемся, господин архимаг!
Ругань происходила на древних развалинах портала. По одну сторону круглого каменного постамента, очищенного до последней песчинки, стояли представители славного магического университета, приехавшие вместе с ректором. По другую его сторону – группа поддержки Этории, прибывшая сюда задолго до появления леди Эсты и всех прочих остальных. Представители группировок мрачно созерцали друг друга через разделяющие их каменные метры поверхности, пока первые лица пытались перевалить друг на друга вину в случившемся, в его центре – под сводами каменной арки.
– То есть это мы виноваты?
– Позволю себе напомнить, господин архимаг, что первым поиск виновных начали вы, обвинив нас во всех грехах!
– Во всех грехах?
– Да! Почти…
Мотэдиус поднял глаза к прозрачному голубому небу, где щедро сияло зимнее солнце, и принялся мысленно считать до десяти.
– Я предлагаю, – быстро сказала Эста, похоже, смекнув, чем он занят, – не заниматься поиском виновных, а выработать совместную тактику решения проблемы!
– И что же в ней будет совместного, в этой тактике? – уже спокойнее поинтересовался Мотэдиус, опуская глаза к земле.
– Нужно попытаться понять – где они могли оказаться? И отправиться к ним на помощь!
– И как же – понять? – В голосе ректора была ирония.

– Например, в архивах вашей гильдии могут быть древние карты, которые показывают, из какого портала куда можно попасть. Мы выделим пятерки – вы выделите магов. Ну и вышлем их туда, на помощь! Вы же заинтересованы в возвращении вашего Аальста? Так же, как и я в возвращении своих девочек. Не так ли?
– Хм… – хмыкнул Мотэдиус, в задумчивости беря себя правой рукой за подбородок, – по поводу Аальста… может, и так… Но я вас огорчу, леди. Я точно знаю, что с любого портала можно попасть в любой другой портал. Боюсь, всей Этории может не хватить, если разослать кругом отряды с целью помощи.
– Да? Очень жаль… Какие тогда будут ваши предложения, господин Мотэдиус?
– Мои предложения… – Мотэдиус вновь задрал голову в небо и, сильно сощурясь, глянул на солнце, определяя его высоту. – Мои предложения будут таковы… – сказал он, переводя взор с неба на варгу. – Думаю, что сделать мы тут ничего больше не сможем. Нужно возвращаться назад. Сидеть здесь дальше – смысла нет. Будем ждать вестей.
– Что ж… – нахмурилась в ответ начальница тайной стражи. – К сожалению, если так, то вы правы. Если уж вы ничего сделать не можете, то мы и подавно. Единственное… Наверное, здесь стоит оставить на некоторое время варг. Вдруг они вернутся и им будет срочно нужна помощь?
– Да, хорошая идея, – кивнул в ответ на предложение архимаг, – оставляйте. Я же отдаю приказ – собираться назад, в столицу!
– И мы тоже возвращаемся в Эторию! Надеюсь, мы еще раз с вами увидимся, господин Мотэдиус, перед расставанием?
– Я в этом не сомневаюсь, леди Эста.

Водные процедуры

А в это время одна из членов лучшей из когда-либо только существовавших в истории Этории пятерок, совершенно не подозревая о своем звездном статусе, блаженно растянувшись на мягком облаке после горячей ванны, сквозь чуть приоткрытые ресницы внимательно следила за моющимся Аальстом. Подглядывала.
«И тело у него ничего так, – неспешными мыслями довольной жизнью кошки думала Ил, наблюдая за сидящей в горячей воде своей будущей жертвой. – Мышцы есть… не задохлик… В любви должен быть хорош… И придумщик. Какую «стиралку» сделал…»
Илона перевела взгляд на второе облако, в котором сейчас в горячей воде крутилась грязная одежда всей пятерки. Вращал ее и воду – маленький тонкий воздушный вихрь, высотой примерно метра в три. Все варги в это время переоделись в одежду Аальста, которую он достал из своего тайного склада. Своего у них остались только сапоги и нижнее белье, которое Аальст пообещал постирать потом, «когда верх высохнет».
М-да… Отхватить себе такого… Я буду на службе, а он будет сидеть дома – стирать!
Илона фыркнула пришедшей в голову глупости и, улыбаясь своей шутке, перевернулась с бока на спину, уставясь в голубое небо.

> Как же, удержишь его в четырех стенах! Да и зачем? Держать взаперти такую отличную вещь… Ее можно будет гораздо лучше использовать! Главное, чтобы старшие не отобрали… А то и тут, похоже, наконец поняли! Хоть и отнекивались поначалу, а тоже начали шевелиться. Дана, например. Чего она на него так
> смотрит? Словно между ними что-то было! Смотрит и молчит. И он тоже – глаз не отводит и молчит. Данка – она только с виду тихоня. Хитрая… За ней следить нужно… Недаром говорят, что в тихом омуте зюки водятся… И Ри… Чего это вдруг Аальст ее утешать побежал? То на ножах, то сопли ей подтирает… Целитель? Они все так делают? Щас! Так я и поверила! Да и Анжи на него поглядывает. Она, правда, его боится… Но тоже в любой момент может передумать. Одна Кира – вне игры…

Илона вспомнила шутку Эри насчет нее и вновь улыбнулась.
«Да… – подумала она, – стань я парнем – Кире бы я… Уж постаралась бы, этой командирше! Не отказалась бы такого попробовать…»
Илона зажмурила глаза, спасая их от яркого солнца. От реки доносилось журчание быстро текущей воды. Ветерок приносил запах зеленой хвои из леса и дымка от костра, с поляны. Облачко было мягким, а солнышко пригревало блаженствующее после ванны чистое тело. В общем, была полная нега и расслабуха.
Жаль, что вся магия досталась Ри, в сотый, наверное, уже раз подумала она, вот если бы мне чего-нибудь такого… Магического! Хоть кусочек! В Этории бы – ахнули! Мне

кажется, что Аальст врет, что ничего нельзя сделать… Не хочет просто. Как бы мне его уговорить? Идиота такого…
Она крепко задумалась, обдумывая варианты…
Подготовка к выходу

Эри

– Нет, – неуступчиво помотала головой Кира, – один вы не пойдете! Это слишком опасно! Мы отвечаем за вашу безопасность, поэтому мы должны вас охранять, куда бы вы ни пошли.
«Боится, что я сбегу, что ли? – подумал я, с недовольством глядя на нее. – Вот же мисс упертость!»
Прошла почти неделя, как мы выбрались из катакомб и переместились в лес. От первого места стоянки сделали еще один дневной переход, на всякий случай, стараясь быть подальше от возможно недобитых восьмилапов, и вновь встали на берегу реки. Вода-то нужна! Да и еда из моих «закрома оф родина» закончилась. Так, ерунда какая-то в них осталась, «насамыйкрайнийслучай». Поэтому питаемся пойманной рыбой. А еще у меня закончилась чистая одежда, мыло, зубной порошок… Короче говоря, варгуши меня обожрали и раздели по полной. Как-то я даже не заметил, в какой именно момент это произошло. Вроде всего много было, а потом – раз! – и шаром покати… Там чуть-чуть дал, ибо нужно было дать, здесь настроение хорошее было – поделился… Ну и сосите теперь лапу, добренький господин Бассо!
Я так этим зубастым и сказал: «Все, – говорю, – аллес! Приплыли! Все кончилось!»
Но никто из них не опечалился. Конечно, не свое же закончилось! А за чужое – чего плакать-то? Впрочем, вполне возможно, что мне просто не поверили. Подумали, что я их разыгрываю. Поэтому они мне покивали (даже сочувствия при этом на лицах не попытались изобразить, вот заразы!) и стали спокойно дожидаться следующей порции манны небесной. Интересно, как люди умудряются гарем держать? Это же такой расход! И геморрой на всю голову! Вот у нас, в Эсферато, гаремов нет! Поскольку мы разумные. А тут – идиоты…
Про гарем я вспомнил не случайно. Как оказалось, судьба занесла нас в Халифат. Это я выяснил, пару раз сходив с варгушами на разведку и поболтав с крестьянами, застуканными в поле за выдергиванием буйно разросшихся сорняков. Хель не подвела, и у меня в голове обнаружился местный диалект, «загруженный» в нее богиней при нашей первой встрече. После двух-трех фраз типа «ни бе, ни ме, ни кукареку» – мозг адаптировался, что-то там подключил, и я спокойно заговорил с аборигеном, выясняя – куда мы попали?
Знание мной «халифатского» языка вызвало у Киры новую волну подозрений, ибо они, конечно, его не знали и ничего из моего разговора с местными не поняли. После возвращения «на базу» она попыталась выяснить – так, невзначай и между делом, – откуда, мол, я его знаю?
– Все дело в том, – ответил я, задрав голову и глядя в бездонное синее небо, – что я незаконнорожденный сын падишаха Хамуза, нынешнего правителя Халифата…
Кира впала в ступор от моего заявления. Анжи тоже замерла. Ил – хмыкнула. Дана промолчала. Ри – тоже. Молодец!
– У меня на правой ягодице есть родимое пятно особой формы. Такое бывает только у сыновей падишаха. Мне нужно было только дойти до Хамуза, показать ему его – и он тут же признал бы меня своим наследником!
– Показать падишаху – задницу? – фыркнула Ри после секунды всеобщей тишины.
Общение со мной явно пошло ей на пользу. Начинает «врубаться» в то, что я говорю.
– Покажи! – с загоревшимися глазами потребовала Илона.
– Что именно – задницу или родинку? – уточнил я.
Ри начала смеяться.
– Нет там у тебя никакой родинки! – посмотрев мне в лицо, вынесла вердикт Ил.
– Да, теперь нет… Но была, была… – с глубокой печалью в голосе, вздохнув, произнес я.
– А куда же она могла деться? – не поняла Анжелина, глядя на меня во все глаза.
– Стерлась. Пришлось мне как-то раз на заднице с горы съехать. С самой вершины до самого низа. Вот и стерлась, пока ехал…
– А больше у тебя там ничего не стерлось? – ехидно полюбопытствовала Илона.
– А тебе что, нужно, что ли? – встречно поинтересовался я.
– Ну… так… интересно!
– Праздное любопытство варгу не украшает!
– А почему?

– А потому!
Короче, крестьяне мне ничего внятного сказать не смогли. Ни про дорогу до империи, ни про то, где находится Вечный лес. Нужен был более компетентный источник информации, который я рассчитывал найти в городе, сделав в него вылазку. К моему сожалению, про Халифат я мало что знал. Как-то недосуг было подробности изучать, сидя в столице империи. Ну есть он и есть. Он там, я – тут. Совершенно не планировал в него попадать. Но вот попал… Помню, что из слышанного о нем у меня сложилось впечатление, как о какой-то восточной стране на Земле. Гаремы, дворцы, фонтаны, пальмы, верблюды и падишах. Экзотика, короче. Вот я в эту сказку и попал. По идее сходить на разведку и узнать – как живут в этой сказочной стране? – следовало бы одному, но Кира уперлась «рогом» и ни в какую. Мол, только вместе, и все тут! Мы – охрана и тыры-пыры, восьмидыры. С одной стороны – глупость явная, поскольку я совершенно не в курсе, как тут относятся к иноземцам. Впрочем, к иноземцам везде относятся с подозрением, но в Халифате (это я точно знаю) развита торговля, и иностранных купцов тут должно хватать, поэтому на улице бросаться не должны. А с другой стороны, ну как нарвусь я в одиночку на группу странствующих архимагов-пилигримов… Вряд ли, конечно, они толпами бродят. Но хотя бы даже на одного… Мало мне точно не покажется! Крестьяне сказали, что хозяином здешних земель является могущественный волшебник Карадюман. Слово «Карадюман» имеет значение «темный дым»… Чем он там «дымит»? Нанюхаюсь еще… Поплохеет… Пятерка «убийц магов» очень даже может помочь «очистить воздух»… Рината уже «на ходу». Неделя отдыха и я ей весьма и весьма пошли на пользу. В тот день, когда устроил всем банный день, я же организовал и стирку. И не потому, что я такой весь из себя заботливый, а просто – пахнет уже от всех! Бегали, потели, в подземельях в грязи и пыли возились. Уже было просто необходимо вопросами гигиены заняться! Кира – мышей не ловит. Впрочем, если уж начистоту, ловить ей нечем. Пришлось мне опять все брать на себя. Вот местный вариант шампуня с мылом они у меня тогда и прикончили… Но в тот момент из-за этого не огорчился. Это я сейчас жалею. А тогда у меня было прекрасное настроение. Вечером того же дня, «дыша» свежевымытым телом, я решил закончить день так же приятственно, как он и прошел, да заодно и Ринате дать еще один повод для размышления по поводу выбора «стороны силы». Вспомнил, что было приторочено к ее коню, и сделал, как говорил один знакомый студент на земле, «шах конем и мат доской!». А именно – достал гитару. Ту, что похуже. Которой обзавелся в столице. Первую, эльфийскую, что вернула Дина, приберег. Нечего тут добром разбрасываться! Ри как инструмент увидела – глаза округлила. Остальные, впрочем, тоже. Поудобнее усевшись в облачном кресле, я пробежал пальцами по струнам, слушая лад, и мельком подумал, что со всей этой беготней совсем я забросил гитару и рисование. Нужно будет как-то вспомнить… Оглядев обращенные ко мне лица, я прокашлялся и начал небольшой вечерний концерт с песни, которая, как мне показалось, наиболее точно соответствовала текущему моменту: «Ваше благородие, госпожа Удача». Малость адаптировано, конечно: «девять граммов в сердце» им непонятно, а вот «ты кинжал мне в сердце»… – кинжал у каждой есть.
– Так все же кто такие «черти»? – поинтересовалась Илона, когда отзвучал последний аккорд. Речь о строчке «Перестаньте, черти…».
У меня просто язык чесался сказать, что черти – это варги, но я не стал портить начавшееся выступление скандалом, ибо хотелось поиграть на гитаре, а без слушателей – не так интересно.
– Черти – это мелкие демоны, – дипломатично пояснил я ей, – они в детстве плохо ели и много болели… Вот и не выросли…
«Стоп! – внезапно пришла мне в голову мысль. – Она уже спрашивала про чертей! Тогда я ей про вилы сказал! А теперь – «болели»… Она меня что, проверяет, что ли? На ошибках ловит?»
– Хорошая песня! – перебила Анжи открывшую было вновь рот Илону. – Я никогда ее прежде не слышала. А еще… что-нибудь?
Ну что еще можно сыграть молодым девчонкам у костра, под темно-синим небом с первыми крупными звездами? Явно не рок. Тем более что гитара – акустическая. На ней лишь про любовь – других вариантов особо нет. Попсу, короче. «Вечерок-вечерочек». Женя Белоусов – фореве! Он и тут нашел благодарных слушательниц. После припева Илона на меня так внимательно смотрела! Она что, решила, что это – намек? Не, зубастая, не прокатит. Я – один! Можешь даже не думать приходить!
Потом я «прошвырнулся» по земной эстраде, выбирая, как казалось, наиболее подходящие, на мой взгляд, «вещички». Больше про любовь да чувства. «Обгоревшим ртом спорим мы опять с судьбой»…
Выступление я закончил песней Вики Цыгановой – «Добро и зло». Хорошо так получилось. А потом протянул в наступившей тишине гитару Ринате.

– На! – сказал я ей.
– Чего? – не поняла она, отодвигаясь.
– У тебя же была гитара? Сыграй! Твоя очередь. Интересно, какие в Этории песни поют!
– Ну… я не знаю…
– Сыграй, Ри, – попросила Дана, – у тебя хорошо получается.
– Ладно. А что сыграть? – спросила она у нее, принимая из моих рук инструмент.
– Про спецназ. Мне нравится…
«Спецназ? – удивился я, услышав знакомое по Земле слово. – Хотя, впрочем, везде и у всех есть специальные войска… Чего тут удивительного?»

…И ты увидишь сны,

А я побуду рядом
[39]
…

Лично мне – понравилось! Голос у Ринаты оказался сильным и приятным. И манера игры – тоже интересная.
– Здорово! – искренне сказал я. – А слова чьи? Твои?
Остальные моей похвалы не поддержали. Кира сидела с непроницаемым лицом, Анжи – смотрела в огонь, Илона – скептически чуть искривила уголок рта. Одна Дана улыбнулась исполнительнице.
– Нет, – ответила Ри, обежав взглядом всех сидящих у костра и остановившись им на Кире. – Это не мои стихи. Это… Это у нас в академии. Одна курсантка написала…
«Ничего себе! – подумал я, глядя на нее. – Варги пишут стихи? Кто бы мог подумать…»
А потом, после песни Ринаты, вечер как-то – «завял»… Все сидели хмурые, насупленные и думали о чем-то о своем.
Ну и ладно. Не хотите веселиться – как хотите. Я не обязан вас развлекать…
На следующий день, прямо с утра, я взялся думать, как мне научить Ри пользоваться свалившимся на нее даром. Поломав голову и так и сяк, пришел к выводу, что проще всего будет использовать способ, который я уже испытал на Стефании: установить ментальную связь. Если получится – проблема решится быстро и просто. За то, что Рината сможет в этот момент вторгнуться в мои мысли, я не беспокоился. Заклинание предусматривало такую возможность, и чтение мыслей «активатора» «активируемым» было невозможно. В Эсферато маги лаптем щи не хлебают!
Определившись с тем, что буду делать, я подошел к сидевшей в одиночестве Ринате.
– Ну ты что-то решила? – спросил я ее.
Ри подняла взгляд, которым она до этого исследовала землю, и хмуро посмотрела на меня.
– Еще нет…
– Ясно. Как созреешь – скажешь…
«Зрела» она долго. Последующие три дня я наблюдал за процессом отторжения Ринаты от коллектива. Все никак она не хотела поверить, что ее – «выпихнули». Нет, остальные варги ее не посылали так, как это сделала Кира, нет. Но все старались быть от нее подальше. Даже Дана – смотрю, бочком-бочком и в сторонку…

Со стороны это выглядело забавно, поскольку все «трутся» на одном пятачке и деваться друг от друга, собственно, некуда. Но и их понять тоже можно. Кому хочется, чтобы в твоей голове копались без твоего на то разрешения? Да еще такая легкомысленная особа, как Ри? Мысли – их ведь полно всяких-разных бывает. Но не все превращаются в дела и поступки. Многие – отбрасываются как неприемлемые. Как сказал один мудрец: «Чтобы дерева стройность любить на земле, не смотри на извивы корней под землей!»
[40]
Ринате это тоже не мешало бы понять для своего душевного спокойствия. А так, похоже, она многое о себе да и вообще узнала за эти несколько дней и ходила с круглыми от сделанных «открытий» глазами. Конечно же она возмущалась и негодовала. В конце концов, мне надоело, и я решил вмешаться. Благо уже третий день пошел этого маразма.

– Молчи, – сказал я ей, перехватив ее с пылающими от возмущения щеками, – набери в рот воды, сядь и молчи!
– Да эта Ило-она-а! Она меня дразнит! Специально обо мне думает, что я…
– Молчи, я тебе сказал! – тряхнув ее за плечо, перебил я. – Учись держать язык за зубами! Чего бы и в чьей бы ты голове ни «услышала»! Если не научишься молчать – тогда твоя жизнь не будет стоить даже дохлой прошлогодней мухи! Посадят под замок, и до скончания века просидишь в каменном мешке, в четырех стенах! И ничего из того, что ты себе нафантазировала, – не будет! Поняла?
– Почему? Ты же сам сказал…
– Потому! Я сказал, имея в виду, что ты будешь молчать! Молчать и улыбаться, улыбаться и молчать! Отныне твоя главная добродетель – молчание! Ты усекла?
– Мм…
– И вообще – ты собираешься что-то решать? Уже три дня прошло. Мы не можем вечно сидеть в лесу! Рыбка пока еще вкусная, но подозреваю, что денька эдак через три всех начнет потихоньку от нее мутить. А с тобой нельзя никуда дальше идти, поскольку есть реальный шанс, что ты сойдешь с ума в первой же деревне!
– Ну… я это… думаю!
– И сколько ты еще собираешься – «это… думать»?
– Ну… до вечера.
– Ладно, подождем.
Часа через два, не став дожидаться вечера, Ри подошла ко мне. Внимательно оглядела меня с ног до головы, пристально посмотрела в глаза.
– Ты тоже думаешь, – наконец спросила она, закончив разглядывание, – что я – дура?
– Ты не дура. Ты – альтернативно одаренная, особенная, – улыбнулся я ей. – Дурака можно многому научить, но особенным он никогда не станет. Поэтому в качестве самоутешения «простые» говорят такую ерунду. А особенным – приходится учиться не обращать внимания на пустую хулу.
Ринаta еще несколько секунд вглядывалась в мои глаза.
– Я же не «слышу» тебя, – сказала она. – …И ты – хитрый! А вдруг ты хочешь меня обмануть?
– Я не нарушаю данных мною обещаний.
– Как мы, варги?
– Пфф… Ты наконец решишь или нет? Или так и будешь – кровь мою пить?
– Ты меня – не обманешь?
– Я же сказал – нет! Мы с тобой заключим договор, в котором все обговорим.
– Хорошо. Ладно. Я – согласна, – глубоко вздохнув, произнесла Ри.

«Наконец-то! Перейдем к обсуждению условий?»
– оскалившись, предложил я, используя мыслеречь, дабы нас никто не подслушал.

«Да».

Примерно через час сидения рядом на бревнышке, близко наклонясь головами, обсудив нюансы и заключив между собой соглашение, мы приступили. Ри меня прекрасно «слышала» и «чувствовала». Итог – когда на небе появились первые звезды, она сумела «установить в своей голове тишину», используя мою помощь.
– Тихо… – озадаченно произнесла Ри, расширив глаза и прислушиваясь к тому, что происходит у нее в голове. – Все замолкли…
– Фух, – выдохнул я, – значит, от рыбной диеты мы спасены! Завтра пойдем в деревню за молоком!
И вот теперь я преодолевал следующее препятствие. С Ри – «утряс», теперь Кира, со своим видением мира. Однако, честно говоря, идти толпой в город – действительно идиотизм. Нас повяжут прямо у ворот. Ни языка не знающих, ни документов не имеющих. Если я один могу еще рассчитывать проскользнуть мимо охраны, используя магические штучки вроде отвода глаз, то с варговским табором за спиной… Это просто нереально! Да и мне, по здравом размышлении, тоже лучше обойти город стороной. Мало того что я могу там «тупо спалиться» на незнании их обычаев и порядков, так еще используя магию – могу «легко возбудить» местную магическую братию. Я ведь без понятия – как именно они следят за «магическим эфиром»? Знаю, что в империи – «присматривают». Ну и тут должны.
При разумном подходе – города, деревни и дороги следует оставить в стороне, хоть я Ринате и сказал, что пойдем за молоком. Наверняка крестьяне уже рассказали своему старосте (или кто там у них в деревне за главного?) о чужаках, выходивших к ним из леса –

поболтать. А тот сообщил куда следует. Если в империи просто так по дорогам не шляются, то почему здесь должно быть иначе? Самое, пожалуй, разумное – просто следовать вдоль тракта лесом, даже не заходя в населенные пункты. Рассчитывая перехватить кого-нибудь по пути, кто сможет просветить нас – где мы и куда мы? А иначе, если мы попремся в открытую, прямо по дороге, любой патруль будет несказанно рад встрече. И кончится она, эта встреча, либо мордобоем, с попыткой убийства оного патруля, либо отправкой нас в местную тюрьму… И первый и второй вариант развития событий – откровенно вял. Поэтому лучше прикинуться «вольными стрелками» и не «шуршать листвой»…
– Хорошо, я подумаю, – ответил я Кире, терпеливо ожидавшей продолжения спора о том, кто куда и с кем пойдет. – Посмотрим…

Командир

Н-да… Неплохо так… – подумал я, подведя итог моего осмотра расстилающейся предо мною панорамы.
А видел я – город с высокими стенами на берегу полноводной горной реки, которая образовывает с одной его стороны естественный защитный ров. С другой стороны города – просто высокие деревянные стены, большим, неровным кругом окружающие пригород. Еще одни стены, но каменные, с высокими каменными башнями – уже внутри, в середине города. Число его жителей я оценил примерно в несколько тысяч. Многочисленная охрана в воротах, на первой стене, трудолюбиво просматривающая всех въезжающих. Там же, наверху, под черными крышами в восточном стиле – наблюдатели, постоянно осматривающие подходы к стенам. Из двух больших каменных башен, стоящих на берегу, через реку опущены два подъемных моста.
От них, миновав какое-то количество противобережных строений, начинается, извиваясь нешироким серпантином, дорога в гору. И насколько я вижу отсюда – она не пуста. Различаю много фигурок людей и лошадей, а также – повозки, поднимающиеся вверх и спускающиеся вниз.
– Отползаем, – скомандовал я Кире, мотнув головой назад, пояснив: – Ничего мы тут больше интересного не увидим.
Отойдя в лес и выйдя на небольшую полянку, я остановился и скомандовал, обращаясь к варгам:
– Привал! Будем держать совет. Я – слежу за окрестностями, поэтому охрана не нужна.
– О чем совет? – спросила Кира, присаживаясь на торчащий из земли корень дерева.
– О делах наших скорбных, – ответил я. – Мне хочется узнать, госпожа командир, – что мы будем дальше делать? Ваши предложения хочу услышать.
– Думаю, – после секундной заминки ответила она. – Если дорога идет дальше, то следует идти по ней. Значит, нам нужно перебраться на тот берег!
– Логично, – кивнул я, – только как это сделать? Для этого нужно пройти через охрану на входе в город, потом – через сам город, где наверняка тоже есть какие-нибудь патрули, потом – охрана на подвесном мосту, и как пить дать дорога тоже не пустует. И везде мы будем привлекать к себе пристальное внимание, ибо совершенно не похожи на местных. Ни повадками, ни одеждой, а кое-кто, к слову, так вообще языка не знает…
– Может, попробовать обойти? – предложила Анжи. – Если тут опасно.
– Можно, – кивнув, согласился я, – только куда и как это будет долго? Вы вообще представляете, где мы находимся? В каком именно месте Халифата? Вам же должны были географию преподавать!
– О других странах рассказывают на четвертом и пятом курсе, – радостно сообщила Илона, широко улыбнувшись. – Я их еще не проходила!
– Ну и? – обернулся я к Кире и Анжелине.
– Нужно знать название этого города, – с мученическим выражением на лице и собрав лоб морщинами, ответила на мой вопрос Кира.
– Да, – согласно кивнула Анжи, – нужно узнать название. Тогда можно сориентироваться!
Оглядев их лица и вспомнив, как они пытались найти путь по звездам, я ответил с изрядной долей скептицизма в голосе:
– Хорошо, узнаем. Только боюсь, что эта дорога нам не подходит…
– Почему? – спросила Дана.
– Слишком уж большое движение на ней. Ладно, гадать не будем, узнаем. Должны же быть еще дороги. Однако если этот путь окажется кратчайшим – как нам перебраться через реку? Давайте еще варианты!
– Можно попробовать пройти вдоль реки и, найдя подходящее место, попытаться взобраться на скалы, – предложила Илона.

– Что-то не тянет меня изображать горных козлов, – после секундного раздумья ответил я ей, представив себя карабкающимся вверх по отвесной стене. – Ни обуви подходящей нет, ни веревок. Одно неверное движение – и все, привет, погиб во цвете лет! И даже если мы залезем на гору, потом нам нужно будет с нее как-то слезть. Еще та история будет. Идея – так себе. Не очень…
– Нужно – замаскироваться! – предложила Ри. – Под местных жителей!
– О! А вот это мне нравится! – поддержал я ее. – Вполне возможно, что можно даже будет путешествовать с комфортом. Залезем в какую-нибудь карету и покатим на мягких подушках от одного трактира к другому, поглядывая в окно. Отличная мысль! Эти пешеходные прогулки уже достали.
Ри радостно улыбнулась, оглядев всех. Посмотрев на нее, Илона скорчила гримасу. Остальные – так, вяленько отреагировали.
– Развивая мысль Ри, для того чтобы сойти за местных – нам нужна местная одежда, – сказал я. – Где будем брать?
– Купим? – предложила Ри, окрыленная удачно сгенеренной идеей.
– На какие шиши, позволь спросить? – поинтересовался я. – И у кого? Это будет нужно в город попасть. Я как-то не видел, чтобы тут кто-то что-то в голом поле продавал. А чтобы войти в город, дабы купить одежду, нужно найти одежду, дабы войти в город. Замкнутый круг.
– Можно встретить одинокого путника и что-то ему продать. А потом у него – купить одежду. Или купить у другого… – предложила Анжи.
– И что ты, интересно, собираешься – продать? – полюбопытствовал я.
– Ну… что-нибудь ненужное…
– Чтобы продать что-то ненужное, нужно его сначала иметь, это ненужное. Что у вас есть ненужного? У меня лично такого нет!
Анжи задумалась, видно, перебирая в голове свое имущество.
– Давай шотан твой загоним? – сказал ей я и, увидев, как она нахмурилась, предложил другой вариант: – Или тебя продадим! А ты потом убежишь! А мы тебя – опять продадим. А ты – убежишь! Как тебе такая идея?
– Варги – не продаются! – хмуро отрезала Кира.
– Следует ли понимать эту фразу так, леди, что раз варги не продаются, то продаются люди? А поскольку здесь я единственный, кто не варга, то загнать, выходит, можно только меня? – поинтересовался я.
– Совсем не следует, – ответила Кира. – Не нужно извращать мои слова, господин Аальст. Вы вообще не можете быть проданы, потому что мы вас охраняем!
– Спасибо, успокоили, буду спать теперь безмятежно, – с сарказмом в голосе поблагодарил я ее и вернулся к обсуждаемому вопросу. – План со случайным прохожим плох еще тем, что вряд ли можно рассчитывать, что у него при себе совершенно внезапно окажется пять комплектов женской одежды и один мужской. И все – подходящего нам размера. Даже если мы будем просто и без затей раздевать встреченных нами «случайных прохожих», то нам потребуется не меньше шести человек. Слишком много свидетелей. Слух о том, что каким-то неизвестным нужна одежда, быстро разойдется по окрестностям. Чтобы не допустить этого, нам придется всех раздетых убить.
Пауза. Варгуши обдумывали ситуацию.
– Варги не занимаются грабежами и убийствами на дорогах! – вновь резко произнесла Кира.
– Я просто развил предложенную идею, чтобы показать ее слабые стороны, – спокойно ответил я. – Грабить одиночку – невыгодно. Если уж заниматься чем-то подобным, то заниматься нужно с размахом. Грабить – так караван!
– Караван? – поразилась Кира. – Но ведь это же разбой! Разбойников в Этории вешают!
– Ну мы же не в Этории, – парировал я, подумав, что разбойников они могли бы вполне приспособить и для другого, более интересного дела, вместо скучного качания на веревке. Чем, собственно, те хуже каторжников?
– Все равно! – не отступила Кира. – У нас есть устав! В нем категорически запрещаются мародерство и разбой среди местных жителей!
– М-да? – ответил я, с иронией приподняв бровь. – А в уставе, случаем, не написано, что командир должен заботиться о своих подчиненных? У Илоны вон правый сапог рвется. Дана – вообще ходит одетая с моего плеча, у всех – нет сменного белья, одежда – одна на все случаи жизни и тоже вся пообтрепалась. Кроме этого – ваши короткие прически, похоже, решили начать превращение в стога сена. Еще пара недель блужданий по лесу – и ваша пятерка, госпожа командир, будет по внешнему виду неотличимой от стаи лесных бродяг, разбойников с большой дороги. И это еще при том условии, что у них до этого не подведет животы от скудной и однообразной пищи! Лично меня от рыбы уже начинает

воротить. Как вы заботитесь о своих подчиненных, госпожа Кира? Почему у нас такое плачевное положение?
Кира вытаращила глаза, открыла рот и, покраснев, замерла, не зная, что ответить. На несколько секунд на поляне воцарилось неприятное молчание.
– Просто так получилось, – пришла на помощь молчащему командиру Дана. – Но ничего в этом страшного нет. Мы все умеем стойко переносить тяготы походной жизни…
– А давайте лучше вспомним – кто выковыривал тот камешек? Который из телепорта. Зелео-оненький! – передразнил я Киру. – И вот я теперь сижу здесь, вместе с вами, в холоде и голоде, подвергаясь всяким ужасным опасностям, хотя совершенно, как говорится, ни при чем! И я, Дана, я – не все! Я не хочу стойко переносить тяготы жизни, которых можно избежать. Я тупо, прямо сейчас, хочу сыра! А из всей еды – тупо рыба! Причем еще и сырая!
Пауза. Неприятная тишина. Варги молчали и смотрели во все стороны, стараясь не встретиться глазами ни со мной, ни друг с другом. Кира – красная как рак.
– Эри, – неожиданно негромко произнесла Дана, – ты сейчас ведешь себя как эгоист, который думает только о себе. Это – мелко и некрасиво.
Я сначала опешил, а потом – разозлился. Эгоист? Я? Который не спал ночами, чтобы она не сдохла? Который всех одел, обул, накормил и, в конце концов, в общем-то можно сказать, всех спас? И теперь я – эгоист? Ну ни фига себе!
– Я – эгоист? – повернулся я к ней, встречаясь с ней глазами. – Ты действительно так думаешь?
– Нет, я так не думаю. Но если ты умнее и сильнее, чем мы, то ты не должен себя так вести.
– Как – так?
– Вот так. Мне кажется, что ты прекрасно сам знаешь – как! Просто делаешь это специально.
Я встал с облака, в котором сидел, и сделал два шага по направлению к Дане. Она тоже поднялась мне навстречу с травы, на которой полулежала.
– Какая ты умная… – прищурившись произнес я, заглядывая ей в глаза. – Может, ты еще знаешь – почему?
– Знаю. Ты просто нам не доверяешь.
– А что, есть повод доверять?
– Мы вместе сражаемся. Если в команде не будет доверия – такая команда погибнет.
– Прости, но я уже знаю, чего стоит довериться варгам.
– Ты не прав. Она ошиблась. И я думаю, что сейчас она об этом очень сожалеет.
– Она? Постой! Так вы все знаете? Впрочем, о чем это я? Этория – это ведь большая деревня, в которой все всё обо всех знают. Да. Уверен, что она – действительно сожалеет, что у нее не получилось тогда оторвать мне голову, потому что башку теперь оторву ей я, когда встречу.
Странное выражение промелькнуло по лицу Даны и исчезло.
– Это будет еще одной страшной ошибкой между вами, если ты так сделаешь, – глядя мне прямо в глаза, негромко сказала она. – Думаю, что если бы она хотела тебя убить, она бы это сделала.
– Тебя там не было, – коротко ответил я, – поэтому не говори того, о чем не знаешь. Но давай оставим это. Это мои дела, которые вас не касаются. У тебя есть ко мне претензии. Я слушаю.
– Я прекрасно помню, что ты сделал для меня, – глядя мне в глаза, произнесла она, – и понимаю, что ты сделал для всех нас. Без твоей помощи мы бы не выжили. Мы – искренне благодарны тебе. Но это не значит, что мы должны терпеть твои выходки и истерики. У нас тоже есть гордость и понятие о чести. И если мы слабее тебя, то это совсем не значит, что мы испугаемся умереть за них. Понимаешь, о чем я? Если ты герой – так оставайся им, а не превращайся в неизвестно кого! Будь таким же смелым, умным, веселым и заботливым, каким ты можешь быть! Будь – настоящим мужчиной!
Пауза. За своей спиной чувствую, что остальные варги просто ошеломлены внезапностью выбранной темы разговора Даны со мною. Как, впрочем, и я. Может, лишь в меньшей степени, чем они.
– Что ты можешь знать о мужчинах? – насмешливо прищурясь, чтобы скрыть свою растерянность, медленно говорю я. – Тем более о «настоящих»? У вас же их вообще… нет. Никаких! А?
– Я знаю, кого хотела бы видеть рядом с собою, – ни на секунду не задумываясь, ответила мне Дана и добавила: – А то, что у нас их нет… Дине ведь повезло? И мне тоже может повезти.

– Не нужно тебе такого везения, – покачал я головой, – ей очень не повезло. Поверь. И давай раз и навсегда закроем тему Дины. То есть ты хочешь сказать, что я с вами – груб, жесток и эгоистичен?
– Не всегда, – покачала головой Дана, – тем более обидно и непонятно, когда ты нормальный-нормальный, а потом вдруг начинаешь говорить гадости.
– Например?
– Что «например»?
– Пример последней «гадости».
– Мы не можем грабить на дороге. Это против наших правил. А ты хочешь, чтобы мы это сделали. Но если мы не будем соблюдать наших правил – мы не будем варгами. Понимаешь?
«Забавно. Практически ничем не отличимо от твоих «бзиков» о том, что если ты не будешь соблюдать обычаев, принятых в Эсферато, то ты перестанешь быть демоном, – хмыкнул у меня в голове мой внутренний голос. – И не потому она так думает, что боится наказания, а потому что считает, что это – правильно! Ты в глаза ей посмотри!»
– А что, разве такое понятие, как военные трофеи, в Этории отсутствует?
– Империя сейчас ни с кем не воюет. Поэтому это будет разбой.
– Я не для того решил выйти на большую дорогу, потому что хотел набить себе карман, – после секундной паузы ответил я Дане, не отводя взгляда от ее глаз. – Я знаю, что это нужно, потому что это нужно всем. Мы взяли бы себе только необходимое. Одежду… ну, может кусок сыра, если попался бы. И все. Это не разбой. Просто мы оказались в затруднительной ситуации, из которой нужно выпутываться исходя из имеющихся возможностей. И убивать никого не пришлось бы. Я бы напугал этих караванщиков, да и все.
– А почему об этом нельзя было сразу нормально сказать? – с удивлением воскликнула Дана, взмахнув руками. – Мы бы все поняли и не стали спорить!
– Потому что… потому! – уклончиво ответил я, хотя примерно ответ знал.
«Потому что они тебе нравятся, – безжалостно сказал внутренний голос, – как те девчонки, что были в университете. И дразнишь этих, как и тех. Детство у тебя в одном месте играет. Может, хватит ерундой маяться? Дана тебе как бы совсем откровенно намекает об этом».
«Я уже тебе говорил, что быть мужчиной – значит, брать на себя ответственность за кого-то другого. Я – не хочу! Куда я их потом дену?»
«С собой возьмешь!»
«В Эсферато?!»
«А что? Будут у тебя редкие тайлиш. Как у путешественника между мирами. Визитная карточка, так сказать, хе-хе… И потом, ты все равно все берешь на себя. Когда наступает «край» – ты впрягаешься и тащишь, пока не вытащишь. А между героическими подвигами ты спохватываешься и начинаешь строить из себя Арлекина, чем повергаешь свидетелей твоих эпических подвигов в совершеннейшее недоумение. И выглядишь – идиот идиотом!»
«Да ну тебя!» – сказал я ему и, повернувшись, посмотрел на варг за моей спиной. Каждая варгуша ответила мне гордым взглядом. Каждая – не опустила глаз. «Да, мы такие! – говорили эти взгляды. – Мы – варги, гордые и смелые! И мы – не хуже тебя!» Даже Ри так посмотрела.
Гордые драные кошки, подумал я о них, готовые отдать жизнь за свою родную помойку… Но, может, оно и впрямь – правда? Я все же не в университете, где можно спокойно валять дурака, стараясь только «не переборщить». Тут – чужая страна с какими-то наверняка дикими обычаями, археологические опасности… Хищники тоже, несомненно, какие-нибудь водятся… В таких условиях неправильно понятая шутка может дорого обойтись. Не мне, так варгушам. Они хоть и идиотки, но как-никак… команда, в которой я участвую… И было бы совсем нелогично дотащить их досюда – и бросить. Тем более что не такие уж они и бесполезные, как показалось мне в самом начале. Да и планы у меня на них есть… Но только тогда – я должен быть самым главным! Двоевластия никакого быть не должно!
Вздохнув, я повернулся к Дане.
– Ну и? – спросил я ее. – Дальше что?
– Не знаю, – честным голосом ответила она, пожав плечами. – Наверное, ты сам это решишь.
– У вас уже есть командир, – внимательно глядя на нее, сказал я. – Двух командиров в одной пятерке быть не может.
– Я вообще-то совсем не это имела в виду, когда говорила. Но тут тоже нет ничего такого. В Этории есть пятерки, которые сопровождают магов в опасных поездках. Там всегда старший – маг. Он же тоже военный, служит, как и мы. А у пятерки – своя старшая. Старшая подчиняется магу, все остальные в пятерке – подчиняются ей. Если ты не

архивариус, а маг, – это то же самое будет. Кира – наш командир, а ты будешь ее командиром. Все как заведено. Никаких нарушений устава.
– Что скажет на это госпожа Кира? – обернулся я назад.
– Да. Она все правильно сказала, – ответила та, кивнув. – Но если только вы – маг. Простые люди не могут командовать варгами. Только по приказу императора кто-то нами может командовать из не военных.
– Ты сомневаешься в том, что я – маг? – с иронией в голосе поинтересовался я у нее.
– Нет. Но официальное звание у вас – архивариус. Вы никогда не говорили, что вы – маг!
– Разве архивариус не может быть магом?
– Может. Но в приказе, повторяю, нигде об этом нет ни слова. А простому архивариусу я подчиняться не могу. Согласно уставу.
– Даже если в документах написано, что я – старший экспедиции?
– Старший – по научной части. А военная ее часть – мы! Мой командир – отстала, значит, теперь я отвечаю за то, чтобы никого не убили!
– Какая ты, оказывается, формалистка. Ладно, хорошо. Я – маг, к которому вернулись способности. Заявляю об этом официально, при всех. Будешь ли ты подвергать мои слова сомнению?
– Нет, не буду.
– Замечательно! Признаешь ли ты меня своим командиром?
– …Признаю.
– Еще раз – замечательно! Наконец-то мы определились, кто есть кто…
Варги выдохнули. В ментале было ясно слышно чувство облегчения, исходившее от всех. Даже от Киры, которая только что потеряла в правах. Впрочем, я ее понимаю. Она избавилась от такой тяжелой для нее обязанности – официально командовать мною, не имея на то возможностей, и может теперь полностью сосредоточиться на своих четверых подчиненных, дисциплина среди которых последнее время пошатнулась, отчасти благодаря мне.
Нужно будет ей помочь с этим делом, подумал я, с дисциплиной. Ри выступать теперь не станет, а Дана с Анжи – нормальные. Илону только нужно будет как-то осадить. Ладно. Разберемся.
– Хорошо, – сказал я, опускаясь в облачное кресло, – раз я теперь официально командую – тогда слушайте! Ни в какой город мы с вами не пойдем. И в деревни заходить не станем. Слишком рискованно. Языка вы не знаете, одежды наши – чужеземные. Моментом донесут. Мне совсем не хочется потом козлом скакать по незнакомым лесам и горам, убегая от остервенелой погони за вражескими шпионами. Поэтому! Пройдем тихонечко, не привлекая внимания, вдоль дороги, подальше от города. Осмотримся. Оглядимся. Попробуем кого-нибудь, только не крестьянина, взять в плен и расспросить о том – где мы и как отсюда выбраться? Попадется одинокий путник – прихватим его. Не попадется – прихватим тогда какой-нибудь караван. Посмотрим, как все сложится. Потребуется что-то для вас – возьмем то, что нужно. Лишнего брать не будем. Убивать караванщиков – не станем. Я их просто распугаю. Будут к вам вопросы в Этории или империи – за разбой отвечаю я. Я отдавал приказы – вы выполняли, согласно уставу. Всех вопрошающих – шлите ко мне… Вопросы?
Пауза… Варгуши обдумывают услышанное.
– Нет вопросов! – бодро, за всех, ответила Кира, оглядев своих подчиненных. – Когда приступим?
– Прямо сейчас. Чего время-то тянуть?
– Эри, а как ты относишься к детям? – неожиданно спросила Ри. Остальные варги после ее вопроса как-то странно замерли и напряглись.
– Никак не отношусь, – удивленно ответил я, переводя взгляд на нее. – У меня их нет – и слава богам! С чего это тебе вдруг пришло в голову такое спросить?
– Ну… просто интересно вдруг стало – любишь ты детей или нет? – уклончиво ответила Ри.
Я с подозрением посмотрел на эту идиотку. Че это она вдруг? Совсем с ума сошла?
– Нет, не люблю! – отрезал я.
– Что, совсем? – поразилась Ри.
Остальные, кажется, тоже поразились.
– Совсем!
– Ни капельки? Но когда-то же будут у тебя дети! Что ты будешь делать тогда? Неужели ты совсем не обрадуешься, когда услышишь, что у тебя будет сын или дочь?
– Не обрадуюсь, – ответил я, – дети – это что-то запредельное.
– А наследник? Разве он тебе не нужен?
– У меня пока нечего передать в наследство. Вот появится – тогда и посмотрим… Все! Хватит болтать! Пошли!

Местный Олимп торжествует

– Он – попался! – с удовольствием в голосе констатировал Коин, наблюдавший за этой сценой. – Варга – умница! – секунду спустя добавил он, имея в виду Дану. – Она все-таки заставила его взять их под свою опеку!
– Он и раньше с ними возился, – пожав плечиком, возразила Мирана.
– Э-э-э, не скажи! – ответил Коин, покачав головой. – Не скажи! Одно дело – делать, когда нет другого выбора, другое – самому назначить себя главным! Он сделал то, чего я так хотел, – взял на себя ответственность за кого-то!
– А что, он за Терскую не отвечал, что ли? – не поняла Мирана. – Везде с ней носился.
– Не-а! Он с ней ерундой всякой занимался, чтобы не заскучать. А вот так, чтобы взять и сказать: «Я за тебя отвечаю!» – не было! Молодцы варги! Может, их за это чем-то наградить?
– Ну надо же! – иронично сказала Диная. – Это всего лишь какие-то простые варги. Хотя забавно. Богиня любви – не сделала, а они – сделали!
– Что богиня любви не сделала? – нахмурилась Мирана.
– Ничего не сделала. Нужно было сразу варг посылать. Как видим, они и без всякой любви справились бы! А нам бы не пришлось тысячу лет слушать нытье кое-кого о пропавшей силе!
– Да че ты несешь! – возмутилась Мирана. – Если бы она ему не нравилась – стал бы он терпеть ее нравоучения! Ага! Ща-ас!
– Ну там же нет никаких золотых нитей. Значит, и тебя нет! Признай это, Мирочка. Признай, что тебя обошли обычные варги! Нужно будет об этом Арист рассказать. Пусть узнает, кем правит.
– Да ты – дура! – воскликнула богиня любви, яростно топнув ножкой. – Без меня в этом мире ничего не делается! Поняла?
– Девочки, да не ссорьтесь вы… – устало произнес бог торговли.
– Да пошла она! – произнесла Мирана и исчезла.
– Зачем ты ее дразнишь? – спросил Коин.
– Пусть ее Марсус утешает! – фыркнула богиня жизни.
– Ты что, ревнуешь?
– Ха! – ответила Диная и тоже исчезла.

Одна за всех и все за одну!

– Ри, пойдем отойдем, я хочу тебе кое-что сказать, – произнесла Дана.
– Чего? – насторожилась Ри.
– Узнаешь.
Отведя Ри в сторонку, подальше от Аальста, Дана обернулась к ней и тихо произнесла:
– Рината, я тебя прошу об одной вещи – не вздумай ему сказать, что у него есть… Ну ты знаешь кто. Слышала, что он про Дину говорил?
– Я что, без мозгов, что ли? Почему я должна сказать, а не кто-то другой?
– Хорошо, что ты понимаешь. Ты – вспыльчивая. И много общаешься с ним. Он тебя учит. Сама понимаешь. Прости, я совсем не хотела тебя обидеть. Просто немного забеспокоилась. Варги ведь всегда должны помогать друг другу. Согласна?
– Да я ниче… Я понимаю. А ты думаешь, он действительно может ее… убить?
Дана пристально посмотрела долгим взглядом в глаза Ри.
– Я думаю – да, – наконец тихо ответила она, – она действительно сделала глупость, и он ее ненавидит.
– А если он узнает, что у нее… от него…
– Тсс… – приложила палец к своим губам Дана.
– Ага! Если узнает? Что, все равно?
– Не знаю, – отрицательно покачала головой Дана, – но лучше – не рисковать. Он может быть жестоким. И еще, Ри… Ты бы поговорила с Кирой!
– Не буду я перед ней извиняться! Она сказала, что я – не варга! Пусть сначала она у меня попросит прощения! При всех!
– Не извиняться, просто поговори… Скажи ей, что не будешь слушать мысли. Не будешь никому говорить, что услышала…

– Как это – не

слушать
мысли? Вот ты можешь – не дышать? Так же и мысли! Они сами мне в голову лезут!

– Но он же тебя научил –
не слышать
?

– Да, но я не могу все время –
не слышать
! На занятиях с Эри мне нужно все
слышать
! И тогда я
слышу
всех. Я не могу такого обещать!

– Эри? Ты так его теперь зовешь?
– Да. А что?
– Да так, ничего… Ладно, пойдем. Я сказала все, что хотела.

– Слышь, рыжая? Попробуй только ему про детей вякнуть! Скажешь – я тебя удавлю собственноручно!
– Да пошла ты, поганка белая! Я тебя сама удавлю. Попрошу Эри научить меня заклинанию какому-нибудь! На кусочки тебя порву!
– Ой-ой-ой, как страшно! Магесса тоже мне нашлась! Смотри, я тебя предупредила. А на Эри рот свой не разевай. Не по себе дерево ломаешь.
– На кого хочу – на того и разеваю! Поняла?
– Посмотрим… рыжая…

– Анжи, я все прекрасно понимаю и ничего ему не скажу. Не нужно считать меня глупой!
– Ри, прости, я совсем не считаю тебя глупой, но…
– Я помню, что варги всегда должны помогать друг другу! И дети не должны остаться без матери.
– Э-э-э… да. Извини… Я просто подумала… Впрочем, не обращай внимания. Спасибо, Ри!
– За что?
– …За все. За восьмилапов… За то, что ты такая!
– Какая?
– Ты немножко шебутная, но смелая и честная.
– Анжи… я не специально подслушиваю мысли… Они сами… Но я никому ничего не рассказываю! Честно-честно! Веришь?
– Да, Ри. Тебе будет непросто, но думаю, что ты справишься.
– Конечно, справлюсь! Я – сильная!

– Я вас позвала, чтобы быстро сказать одну вещь…
Кира пробежала взглядом по лицам своих подчиненных.
– Я хочу напомнить о приказе, который мы получили. Приказ о леди Дине Элестрай… Напомню, что им запрещено разглашение каких-либо сведений о ее жизни. Все вы знаете, что дети – это самое ценное, что есть у Этории. И если две девочки останутся без матери – это будет слишком большой ценой за чью-то пустую болтовню…
Кира пристально уставилась на Ри, словно ожидая, что та ей что-то возразит. Но Рината, плотно сжав губы, молча смотрела мимо нее.
– Хорошо, – произнесла Кира, так и не дождавшись от нее реакции, – это все, что я вам хотела сказать. Пойдемте в лагерь. Нельзя надолго оставлять Аальста одного…
Ри неслышно ни для кого выдохнула сквозь плотно сжатые зубы.

Илона

«Что же все-таки у них было?» – размышляла я, глядя издали на Дану и Аальста. Тот как раз повернул голову от дороги, за которой наблюдал, и обернулся к ней. Та молчала, но смотрела ему прямо в лицо. Как, впрочем, и он.

Ишь, как пялится… тихоня! Что она в нем увидела, что взглядом дырку протирает? Не… что-то у них было. Точно! Я просто не заметила. Если бы не было – стал бы он ее тогда слушать? Она ведь, считай, мораль ему прочитала. При всех. А он промолчал и сделал так, как она хотела. Дарг я от чужого такое стала бы терпеть! И он бы тоже не стал. Я его знаю…
Я перевела взгляд с Аальста на Ринату, которая, выглядывая из-за его спины, хмуро смотрела на Дану.
И эта туда же! Как подменили! То чуть ли не матом на него ругалась, а теперь ходит за ним хвостиком, уши развесив, да в рот заглядывает. Влюбилась, что ли, в него, дура? Скорее, до них обеих наконец дошло, что к чему, и они вступили за него в борьбу. Все ясно, но вот одно мне – совершенно непонятно! Почему я, которая первая начала, – оказалась за их спинами? А? Чем они – лучше меня? Рината – та вообще соплячка…
Рината повернула голову и, не мигая, выпялилась на меня.

– Бе-э-э, – показала я ей язык, скорчив рожу, и, делая длинные паузы между словами, подумала: –
Будешь… Меня… Подслушивать… – Получишь! Поняла?

Ри свела брови к переносице.
В этот момент Аальст замер и повернулся к дороге, наклонив голову так, словно прислушиваясь. Через мгновение он поднял вверх руку, сложив пальцы в знак «внимание!», которому его научила Кира.
«А вот и караван, – подумала я, переводя взгляд на дорогу. – Посмотрим, как с ним Аальст справится…»
Варги с большой дороги

Эри

С магом, владеющим ментальными заклинаниями, грабить караваны очень просто. Варги, правда, этого не знали и поэтому суетились. Кира назначила пути отхода, объяснила – кто кого прикрывает и куда должен бежать я, если все пойдет криво. Однако оказалось, что во всех ее хлопотах совершенно не было никакой нужды. Я прямо так, не вылезая из кустов, кастанул по ничего не подозревающим повозкам, заклинание – «синий ужас». Ой, что тут началось! Лошади взвились на дыбы, дико ржа, рвя постромки и ломая оглобли. Из-под тентов прыснули во все стороны возницы и наперегонки с немногочисленной охраной каравана кинулись бежать. Минута (ну, три минуты) – и все было кончено. На дороге остались четыре повозки (одна из них – опрокинувшаяся набок), и… и все! Лошади, возничие, охрана, купцы – сбежали все! Грабь – не хочу!
– Пошли! – махнул я рукой варгам, вылезая из куста. – Посмотрим – что там?
Пошли. Посмотрели. Оказалось – мы захватили караван с зерном.
– М-дя-а-а, – сказал я, зачерпнув в горсть желтого зерна из развязанного мешка и задумчиво ссыпая его обратно сквозь пальцы, – прибарахлились…
Рината и Дана порылись в повозках, но ничего из нужной им одежды не нашли. Да что там – одежда! У них даже сыра не было! Это был караван унылых зерновозов.
– А что вы сделали? – спросила у меня Кира, пока мы шли от места купеческой трагедии в лес.
– Да, – сделав небрежный жест рукою, ответил я, – попугал немножко…
– Немножко? – округлила глаза она. – Вы можете и сильнее?
– Могу, – скромно ответил я, – но не буду. А вдруг еще у кого сердце прихватит! Зачем нам трупы?
Та смотрела на меня во все глаза. Да так, что я просто не смог удержаться, чтобы не сказать ей, поковыряв носком сапога землю:
– А еще я крестиком вышиваю…
– Правда? – искренне поразилась Илона, подошедшая вместе с Кирой.
– Припрет – и запоешь и станцуешь, – ответил я ей, – и крестиком вышьешь…
Единственное, чем мы разжились после первого «грабежа», – это была информация. Группа захвата из Киры, Анжи и Илоны – не сплоховала. Ловко перехватили убегающего возницу. Анжи в падении сделала ему подсечку, отправив его в полет. А когда тот плюхнулся на живот и начал процесс вспашки земли, сверху на него навалились Кира и Илона. Моментом скрутили, используя какие-то хитрые варговские приемчики. Так что у нас был пленный, допросом которого занялся уже я, ибо я тут был единственным, кто знал язык. Подхватив возницу под мышки, поскольку ноги у него ходить вдруг перестали, варги оттащили его от

дороги, дабы «не отсвечивать», где и привязали к подходящему дереву. Затем я приступил к допросу. Для начала я привлек к процессу Ринату.
– Следи, что он думает, – сказал я ей, подозвав к себе, – я буду его спрашивать, он – отвечать, а ты будешь «слушать» – врет он или нет? Сообщать будешь мне – мысленно. Поняла?
Та кивнула, становясь у меня за правым плечом.
– Ты слышал, – спросил я несчастного, с жалким видом висевшего на веревках, – о том, что в глубоких подземельях седых гор спит древний Курукхай?
– Бе… ме… не-э… – отрицательно помотала головой жертва, находящаяся под остаточным эффектом моего заклинания.
– Не слышал, значит… – недовольно сказал я, – так вот, я – проснулся! И – голоден! А питаюсь я – кровью! Поэтому я выпью ее из тебя!
Я создал «хирургический микроманипулятор» и воткнул его ему в грудь, в районе сердца. Полупрозрачный «манипулятор», выглядящий снаружи как тонкая трубочка, окрасился заполнившей его ярко-красной кровью. «Клиент», увидев такую штуку, торчащую из его груди, закатил глаза и обвис на веревках, умудрившись как-то поджать под себя ноги. Я чертыхнулся, используя умения целителя, привел его в чувство и продолжил разговор.
– Но я могу сохранить тебе жизнь, – сказал я ему, убирая «микроманипулятор». – Если ты правдиво и честно ответишь на мои вопросы.
Пленник, выражая согласие, бешено затряс головой. Он был согласен на все!
– Итак, – начал я, – как называется это место?..
Короче, выяснилось следующее. Находились мы в Халифате, что, впрочем, было уже и так известно, в горной его части, в провинции Ардахан. Город, стоящий на берегу горной реки, называется Улудаг. Обойти его можно, но… Оказывается, особенность провинции Ардахан состоит в том, что она представляет собою несколько долин, разделенных узкими горными хребтами, через перевалы которых идут связующие дороги. На каждой из таких дорог – стоит город или крепость, контролируя вход и выход. «Наша» долина, в которой мы оказались, была на самой границе Ардахана. Дальше начинался сплошняком горный массив, в котором никто не живет. Выбраться отсюда можно было лишь в двух местах – через город Улудаг и крепость Ургюп. Но если город был рядом, то до крепости, по словам пленника, было шлепать пешком – с неделю. А там вроде должны возникнуть те же проблемы, что и с городом, – как через нее пройти? Порасспрашивал я плененного о местных обычаях, дабы не попасть впросак, узнал, как зовут правителей… В общем, что пришло мне в голову – то и спросил.
– Смотри сюда, – сказал я вознице, закончив допрос и протягивая к нему правую руку, в ладони которой крутился черный шар размером с большое яблоко, – это проклятие – «черная смерть». Я его наложу на тебя. Пока ты будешь молчать о нашем с тобою разговоре и о том, что видел нас, – будешь жить. Расскажешь – заклятие тебя убьет. Умрешь страшной смертью в ужасных мучениях. Ты – понял?
– Бе… ме… не-э… – ответил тот, с ужасом глядя на мою руку.
Подняв ладонь на уровень губ, я дунул на проклятие. Соскользнув с ладони и превратившись в полете в темное облачко с неровными краями, оно бесшумно устремилось к жертве, расширенными глазами наблюдавшей за его приближением. Достигнув цели, проклятие ударилось о тело и исчезло, так, словно впитавшись в него. Пленник вскрикнул и потерял сознание.
– Отвязывайте его, – дал я команду варгушам, – отвязывайте – и пошли…
– Что это было? – полюбопытствовала Илона, когда мы, углубившись в лес, обходили место своего «разбоя».
– А как ты думаешь?
– Темное проклятие?
– Если знаешь – зачем спрашиваешь?
– Я до этого никогда их не видела, – покачала она головой, – слышала только, что это очень сложно. К ним нужно долго готовиться… А ты – раз! – и сделал!
– Я очень талантлив, – улыбнулся я Ил, – не замечала?
Впрочем, это было действительно не заклинание, а иллюзия. Но ей-то об этом зачем знать? Нет, я, конечно, мог сделать подобную вещь. С активацией ее при определенных условиях. Но действительно пришлось бы потратить много времени, читая ауру объекта и создавая заклинание так, чтобы оно вплелось в его энергетические потоки и потом еще подпитывалось из них. Для какого-то конюха создавать такое проклятие – слишком жирно. Он и так был перепуган донельзя. Будет молчать как миленький! А решится рассказать – да и Сихот с ним! Думаю, что к тому моменту мы уже отсюда «свалим»…
– Что будем делать? – спросила Кира, имея в виду полученную от пленника информацию.
– Думать, – кратко ответил я, создавая кресло-облако и с размаху плюхаясь в него.

– Ой, Эри! А мне – можно тоже такое же? Земля такая твердая… – попросила меня Илона.
– Обойдесся, – ответил я ей, – но если карту Халифата вспомнишь – будешь всегда сидеть в таком. Идет?
– Но я же уже тебе говорила! Я еще не учила!
– Значит, посидишь на травке. Ну-с, леди, – обратился я к Кире, – названия городов и провинций известны. Жду от вас с Анжелиной карту с пояснениями – где мы, каким путем выбираться и сколько нужно на это времени?
– Нам не на чем ее рисовать, – попробовала отговориться Анжи.
Я в ответ молча достал из своего «загашника» трехногий мольберт, лист бумаги и грифели для рисования.
– О-о-о! – распахнув ресницы, произнесла она.
– Прошу! – сделал я приглашающий жест в сторону мольберта.
Кира недовольно поджала губы.
– Приступайте, – кивнул я, – карта нам очень, очень нужна. От нее, можно сказать, сейчас зависит практически все! С нетерпением жду результата.
Через четверть часа стало ясно, что можно ничего больше не ждать. Кина не будет. И даже не потому что электричество кончилось. Его там никогда и не было! Я под электричеством имею в виду знания в голове Киры и Анжи.
– Н-да-а… – подойдя, прокомментировал я, глядя на белый лист бумаги. – Терра инкогнита…
Правда, если не кривить душой, лист был не совсем чистым. Правый его край занимали горы. Хорошо так нарисованные, со снежными шапками на вершинах, с ущельями между ними. Даже было одно высокогорное озеро и водопад. Но, кроме этих гор, больше – ничего! Белая пустыня.
– А что значит – терра инкогнита? – поинтересовалась Ил, разглядывая из-за моей спины творчество Анжи.
– А это значит, – обернулся я к ней, – что кого-то нужно было драть как сидоровых коз за их учебу! В вашей академии практикуют телесные наказания?
– Нет, – удивленно покачала головой Ил.
– Совершенно зря. Как целитель, могу сказать, что стимуляция блуждающего нерва, идущего от седалищных мышц в мозг, очень благотворно влияет на мыслительный процесс!
– А что, в твоем университете практикуют телесные наказания? Ты поэтому такой умный? – наморщив лоб, хмуро спросила Анжи.
Илона, улыбаясь уголком рта, с интересом уставилась в небо. Видно, нашла там что-то интересное. Кира – хмыкнула. Дана и Ри – тактично промолчали.
– До фига остроумная? – поинтересовался я у Анжелины, глядя ей прямо в глаза.
Через секунду Анжи глазки опустила, губки поджала. Я на нее еще немного посмотрел и повернулся к варгам.
– Хорошо! – сказал я. – Коли так – будем сидеть здесь, пока кого-нибудь из вас не посетит озарение. В виде воспоминания о карте! Ибо я, как командир, не могу вести отряд вслепую. Можно легко оказаться в ловушке! Понятно?
Кира скорчила недовольную гримасу, но кивнула, согласившись.
– Мы тут скорее плесенью покроемся, прежде чем Анжи что-то вспомнит, – пробурчала Илона, – она все занятия – рисует!
– Рисует? – удивился я, посмотрев на хмурую Анжи с грифелем в руках.
– Да. Она всегда рисует, – кивнула Ил.
– А вашим преподавателям что – все равно, что вы у них там делаете?
– Нет, ну почему… Они мешают Анжи рисовать… Но она – все равно рисует!
– Откуда ты это знаешь? – огрызнулась на нее Анжи.
Илона вслух ничего не произнесла, но сделала на лице выражение – мол, все знают!
– Понятно, – озадаченно произнес я, размышляя над услышанным, – и многим из вас, прошу прощения за свой вопрос, преподаватели мешают?
– Они – всем мешают! – доверительно, по-дружески наклонясь ко мне, сообщила Ил. – А тебе твои преподаватели – разве нет?
Я несколько секунд, вытаращившись, смотрел на нее, а в этот момент в моей голове, словно «Титаник», под оркестр и прожектора тонуло слово «приплыли»!
– Кажется, я понял… Вы все – отличницы боевой подготовки… Так?
– Так, – серьезно глядя на меня, кивнув, подтвердила Ил.
– А на остальных занятиях – вам мешают преподаватели? Так?
– Ну да, – пожала плечом Илона, – а что?
– Пфф… – выдохнул я.

А я-то думаю – чего они такие? А им – преподы жить мешают! Так что, Бассо, в поиске дороги можешь рассчитывать только на себя. Да и во всем остальном, что требует умственных усилий. Блин… А какого-растакого этих двоечниц отправили со мной? Зачем это было нужно? Месть? Чья? Мотэдиуса или Дининой тетушки?
– Мы сегодня что, дальше не пойдем? – благожелательно заглядывая мне в лицо, поинтересовалась Илона.
– Скажи, куда мы можем пойти? Куда? Вовек не сбиться нам с пути – нам по фигу, куда идти! Так, что ли?
– По дороге. Можно идти по дороге.
– Вы у себя, в Этории, тоже так ходите? По дороге? Не зная, куда она приведет?
– Почему? Мы знаем, куда ведут наши дороги. И эта знаем куда ведет… В крепость!
– А дальше? Куда она пойдет дальше? В империю – или от империи? А?
– Ну…
– Так. Хватит! – сказал я. – С вами все ясно, и тема закрыта!
Я обежал взглядом варг. Лица у них были виноватыми, но чуть-чуть, слегка-слегка, самую-самую малость.
Зар-р-разы… Зачем я с ними связался? Как я умудрился так попасть впросак? Что теперь делать?
«Что делать, что делать! – пробурчал внутренний голос. – Впрягся – так тащи!»
– Анжелина… рисует, Рината… играет на гитаре… – медленно начал перечислять я, вспоминая. – Дана… Что у тебя из увлечений?
– Ну… пишу. Книгу. Но пока не закончу, не покажу!
– Обалдеть… Илона! А ты?
– Я? Я тоже иногда пишу маленькие рассказики. Смешные! А еще я люблю слушать красивую музыку, танцевать, жареное мясо и…
– Все, понял! – заткнул я ее, выставив вперед правую ладонь. – Госпожа Кира, а ваши увлечения?
Кира ничего не ответила. Лишь выразительно посмотрела на меня. «Тебя не касается» – так я расшифровал взгляд ее темных глаз. Ну и ладно. Не очень-то и хотелось знать. Какая мне, собственно, разница, чем она там занималась вместо географии? На конечный результат никак не влияет – спала она на занятиях или вприсядку плясала между столами? Все одно. Итог – ноль!
– Что будем делать? – прервала Илона затянувшееся молчание. – Так мы сегодня отдыхаем – или идем?
– Бежим… – сказал я хмуро. – Я не намерен тут бесцельно бродить по дорогам. Пока не выясню – куда, никуда не пойдем! Зря отпустили пленного… Нужно было еще расспросить… Придется теперь еще кого-то ловить…
– Поймаем, – легко пообещала Илона, – с тобой – это очень просто. Ты такой умный! Знаешь столько заклинаний!
Я покосился на нее. Че это она мне тут дифирамбы поет? Будь я умным – я бы никогда в такую ситуацию не вляпался!
– Странно, что ты не помнишь географию, – продолжила между тем щебетать Ил, – она ведь проще, чем учить заклинания! Может, ты просто забыл? Немножко посидишь и вспомнишь?
Забыл… Забыл… Стоп! Что там Хель мне обещала? Насчет знаний всего мира? Почему в эти знания не может входить карта Халифата? Абсолютно не вижу препятствий для этого! Только вот где она в моей голове?
Я задумался. Через секунду мне пришла мысль!
Может, нужно просто «пошевелить» память, подумал я, ведь когда я читал в книгах о неизвестных мне до того момента заклинаниях, они тут же… вспоминались! Почему бы не попробовать? Если вспомню, наверняка это будет лучше, чем обрывочные куски информации, надерганные у каких-то первый раз увиденных мною в жизни возниц и купцов.
– Хочешь помочь мне вспомнить? – с прищуром глядя на продолжающую нести какую-то ерунду Ил, спросил я.
– Да! А как? – мгновенно «переключилась» она.
– Щас, – сказал я, сделав в ее сторону движение открытой ладонью с растопыренными пальцами.
Я достал уже знакомый всем мольберт с листом бумаги на треноге. Поставил. Взял в руки грифелек.
– А теперь, – обратился я ко всем варгам, – говорите мне все, что слышали о Халифате. Все-все слова, какие только слышали. Названия рек, городов, гор, лесов, степей, мест, животных, нарядов, вещей, обрядов, обычаев, событий… Все, что только вспомните. Я

буду их записывать. Ты, Илона, тоже говоришь, что помнишь, но при этом должна постоянно повторять слова – карта Халифата, карта Халифата, карта Халифата… Поняла?
– Да! А зачем?
– Это техника пробуждения глубинных знаний. Подробности – потом. Итак, начнем!
«Пробило» меня на пятой минуте. Когда уже варгуши практически выдохлись, с трудом давая мне новые слова. Илона – та просто уже как попугай монотонно повторяла: «Карта Халифата… карта Халифата… карта Халифата…» И вдруг как вспышка! Раз – и я вспомнил!
– Стоп, – скомандовал я, – хватит!
Я перевернул исписанный лист, закрепил его и принялся быстро рисовать.
– Ух ты… – восхищенно сказала за моей спиной Ил, глядя, как из-под грифеля появляются дороги, реки, кружочки городов…
Что-то она прямо меня захвалила… Наверное, ей что-то нужно…
– Крепость Ургюп, – закончив рисовать, сказал я, тыча грифелем в рисунок, – мы тут. В горной, самой удаленной части от империи. Чтобы добраться до дома, нам нужно пройти через всю страну. Короче говоря, мы – попали!

Эри

Это была ошибка. Глупая ошибка. Не нужно было их отпускать вперед…
Участок дороги, к которому мы вышли к середине следующего дня, мне сразу не понравился. Неширокая дорога начинала извиваться вдоль крутой скальной стены слева, отвесно обрываясь справа в узкое и глубокое ущелье. Горная дорога, в общем.
«И что делать? – подумал я, глядя на это дело. – Обходить? А где? По дну ущелья?» Но дорога в любой момент может уйти влево, и совсем не факт, что мы снизу это заметим. А если даже и заметим – сумеем ли мы в этом месте вылезти наверх? Крыльев у меня сейчас нет. Хотя я уверен, что со своими «дополнительными руками» вылезу наверняка. А остальные? На себе тащить? Сомнительно это как-то выглядит… Тогда что? Возвращаться и искать новую дорогу?
Я вспомнил карту. Судя по ней – дорога тут одна. Конечно, в горах не может не быть «козьих троп», но… Сколько по ним придется лазить? И куда мы в итоге по ним попадем?
– Что будем делать? – обернулась ко мне с вопросом Кира, правильно поняв причину моего замешательства. – Возвращаемся? Если кто попадется навстречу – спрятаться будет негде.
Да, спрятаться будет негде, подумал я, глядя на делающую два зигзага и исчезающую вдали, за скалой, дорогу.
– Может, эта часть – небольшая? – предположила Анжи. – Может, попробовать ее быстро пробежать?
Я еще раз вспомнил карту. Однако она была «плоской», без проставленных уровней высот. Поэтому о длине этого скалистого участка я ничего сказать не мог.
– Не знаю, – покачав головой, ответил я ей, – в карте об этом ничего нет. Боюсь, что все же нам придется идти дальше по этой дороге. Она тут одна.
– Тогда – нужно двигаться быстро, а вперед выслать дозор, – сказала Кира.
– Зачем – дозор?
– Мы будем бежать, а поскольку дорога петляет, мы можем неожиданно выскочить на противника. Для этого и нужны те, кто будет бежать впереди. Они предупредят нас о враге, и мы будем готовы к его встрече.
– И что тогда будет с дозором? – поинтересовался я. – Может, лучше – все вместе?
– У дозора есть защитные амулеты – пояснила Кира, – они будут сдерживать или отступят. А маг – поддержит их сзади заклинаниями. Это стандартная тактика передвижения в узких местах. Если мы столкнемся с отрядом врага неожиданно, то его передовая часть может проскочить мимо нас, и мы окажемся в окружении. Группа потеряет возможность маневрировать. Понимаете?
Ну в общем-то логично, подумал я. Ладно, раз это стандартная тактика, то… почему бы и нет? Я ведь действительно могу сзади швыряться заклинаниями, пока они будут бежать назад или прятаться за каким-нибудь камнем… Распугаю всех «ужасом». Да и все.
– Хорошо, – кивнул я Кире. – Командуйте!
В дозор выставили Ринату и Илону. Как самых быстро бегающих, объяснили мне.
Отпустив их вперед, мы потрусили вслед по пустынной дороге. Поверхность ее, несмотря на то что кругом были горы, была покрыта толстым слоем почвы. Поэтому бежать было не очень легко. Поначалу все шло замечательно. Дорога, петляя вдоль скалы, оставалась пустынной. Но потом удача, видно, решила продемонстрировать, что она может не только улыбаться.

Внезапно выскочившие из-за поворота всадники, числом четыре, соображали очень быстро. Буквально секундное замешательство – и в Ринату с Илоной почти одновременно полетели арканы. Вот чего я не ожидал – так это арканов. Ну меч там, копье, лук, в конце концов, – это понятно. Но – арканы? Я, честно говоря, тормознул, в отличие от варг. По одной брошенной в них веревке Ил и Ри перерубили. Но пока они занимались первой, вторая в это время обвивалась вокруг их тела. Рывок! И всадники с улюлюканьем унеслись за поворот, волоча за собой по земле два тела. Мой брошенный им вслед с опозданием «шок любви» явно в них не попал. И… тишина… Дорога – вновь пустынна. Никого и ничего. Так и тянет сказать: «…И мертвые с косами стоят»… Но как же так? А как же – амулеты? Почему они против веревок не сработали? Они же должны держать удары мечом и стрелы! А тут… раз – и пшик! Против каких-то веревок не устояли… Может, они… не работают? Выходит, так… А почему?
«А ты их проверял? – поинтересовался внутренний голос. – Ведь где мы только не таскались! Например, как влияет телепорт на защитные амулеты, а? Или, может, что-то было в подземелье…»
Сихот! Кира не дала мне их на проверку! Она прошляпила!
«При чем тут Кира? Ты должен был сам об этом подумать. Взялся командовать – значит, отвечаешь за все!»
– Что делаем? – наклонившись ко мне, быстро спросила меня Кира, стоящая рядом, с высоко поднятым шотаном.
Что делать? Бежать – выручать, подумал я, но сказать ничего не успел. Из-за поворота вышел мужчина. В ярко-зеленом длиннополом халате, поблескивающем золотым шитьем, и с большим ярко-белым тюрбаном на голове. Увидев нас, он остановился и вытянул вперед руки.
«Маг! – понял я, едва бросив на него взгляд. – Приплыли!»
И тут же мне пришла в голову следующая мысль – варги! Если у Ри с Ил амулеты не работают, то почему они должны работать у остальных?
– Быстро за меня! – заорал я им, отдавая приказ и одновременно ставя вампощит. – И не высовывайтесь!
Маг поднял левую руку вверх. Видно, готовился «кинуть» в меня заклинание. А я на узкой дороге, а сзади – беззащитные варги. Ни отпрыгнуть, ни увернуться! Сихот! Как неудачно-то все!
Ладно, еще не вечер, подумал я, отправляя в противника «шок любви».

Кого только по дорогам не носит

Копыта белого жеребца почти неслышно ступали по мягкой почве дороги, вьющейся вдоль каменной стены. Покачивающийся в такт его шагам в седле правитель города Улудаг – берлибей Карадюман – был задумчив. Архимаг возвращался с добровольно-принудительной прогулки. Их он начал совершать с год назад, после того как внезапно для себя выяснил, что уже три с лишним года вообще не покидал своего дворца.
Нет, так дело не пойдет, подумал он тогда, подсчитав проведенное время в четырех стенах и ужаснувшись содеянному: вот так и начинается старость! Перестаешь выходить из дома, перестаешь интересоваться окружающим, теряешь связь с жизнью, а она, не задевая, продолжает течь мимо тебя… Потом запираешься в башне – и никто точно даже не знает, жив ты или нет. Может, только слуга, который носит еду да убирает. Нет! Я не старый! Мне всего триста двадцать семь лет! Для мага – это возраст зрелости, но никак не старости!
И он решительно изменил свой образ жизни. Обязал себя выезжать из замка не меньше одного раза в неделю и приказал докладывать обо всех событиях и новостях, случавшихся вокруг. По большей части это были совершенно ерундовые и не стоящие внимания глупости, но все равно. Хоть плохо, криво, они все же позволяли бороться со скукой и безразличием, которые так коварно и незаметно попытались им как-то овладеть.
Вот как раз сейчас он возвращался с инспекции отремонтированного моста через ущелье. Это была чепуха, на которую он лет пятьдесят назад даже не потратил бы и минуты, а сейчас это был повод выехать из города.
«И сколько это будет продолжаться? – думал берлибей о своей хандре. – Что, я так и буду ездить, смотреть – ровно ли положили камни? И разговаривать с ничтожными людьми? С каменотесами? Долго ли я так продержусь?»
В этот момент Карадюман насторожился, прервав свои мысли. Что-то произошло. Он еще не понял – что и где, но что-то где-то случилось.
От поворота, стегая коней, с гиканьем неслась назад четверка охраны, ускакавшая вперед. Следом за их конями на арканах волочились два тела. Смотря на то, как они, поднимая тучи

пыли, тянутся по дороге, Карадюман внезапно понял, что его насторожило. Магия! Магический всплеск! Где-то рядом был маг, который только что применил заклинание.
– Господин, господин! Чужаки! – закричал подскочивший к нему старший четверки. Вытянутой рукой, сжимающей нагайку, он указывал в том направлении, откуда он только что прискакал. – Чужаки! Шестеро! Двоих мы схватили! Там – еще четверо!
«Чужаки? – удивился берлибей, берясь правой рукой за амулет защиты, висевший на цепочке у него на шее. – Здесь? Странно…»
В этот момент подъехали всадники, чьи лошади тащили кого-то за собой. Подъехали и сбросили арканы с седел, оставляя пленников лежать на дороге.
«Женщины? – с удивлением подумал берлибей, глядя с высоты своего седла на копошившихся в пыли у копыт его коня и пытающихся для начала хотя бы сесть. – Точнее… девчонки! Неплохо им досталось…»
Запыленная одежда незнакомок была во многих местах разорвана и превратилась в лохмотья. Особенно пострадали штаны на коленях. Сквозь прорехи там и сям было видно голое тело, с многочисленными кровоточащими «счесами» и царапинами. Одной из девушек, со светлыми волосами, наконец удалось сесть. Она подняла голову и встретилась глазами с берлибеем. Карадюман получил полный ненависти взгляд ярко-голубых глаз. Голубоглазка оскалилась и угрожающе зашипела. Вокруг раздались изумленные возгласы охраны.
«Клыки? – удивился берлибей, вглядываясь в незнакомку. – Это ведь… варга! Что она тут делает? Постой! Четыре плюс два – это ведь пять плюс один! Маг и пятерка сопровождения! Как интере-э-эсно! Имперский шпион? А за чем тут можно шпионить? И почему они такие молодые? А вот это мы сейчас узнаем…»
– Свяжите их, – указующе мотнув головой, приказал Карадюман, – возьмем с собой. И аккуратнее. Это не люди, а звери. А я пока пойду поговорю с их магом…
Берлибей вновь прикоснулся к амулету на своей груди, проверяя его. Это был очень старый артефакт, созданный еще древними магами. Семейная реликвия, передававшаяся из поколения в поколение и наконец после смерти отца доставшаяся ему. Далекий прапрапрапрадед, добывший когда-то эту уникальную вещь, был артефактором. Поэтому он смог понять, какое чудо попало ему в руки. Понять, сделать подробное его описание и завещать своим потомкам хранить его. Это был мощный артефакт, защищающий своего владельца от всех видов магии и оружия. Активировать его мог даже простой человек, не владеющий способностями. Однако истинную свою силу и мощь он показывал только в руках мага. Род берлибея всегда был богатым. Но магов в нем было только двое – он и его прапрадед. Прапрадед много артефактов оставил семье, будь благосклонна к нему Хель…
Ладно, сказал себе берлибей, поставив щиты и подготовив для использования свое любимое заклинание, посмотрим, как нынче в империи магов учат…
Мага он увидел сразу. Едва слез с коня и вышел из-за поворота. Невысокий парень в черном костюме и с блестящими темными глазами, которые, встретившись с глазами Карадюмана, приобрели выражение, не предвещавшее ничего хорошего. За спиной парня стояли еще три девушки с поднятыми вверх мечами.
«Пфф… Мальчишка! – только и успел подумать о нем берлибей, как в следующее мгновение артефакт на его груди полыхнул короткой вспышкой ослепительно-белого света. – Ментальная магия! – поразился Карадюман, по цвету вспышки определив тип атакующего заклинания. – Маг разума?! Не может быть! Скорее всего, у него артефакт какой-нибудь… Но все равно – интересно! Это же редчайшая вещь! Откуда он его взял?»
В ответ он бросил в парня небольшой огненный шарик. Берлибей был магом огня, признанным в Халифате профессионалом в этой области. Но кроме изучения заклинаний огненной стихии он увлекался еще коллекционированием древних артефактов. Как раз сейчас у него с собой был древний амулет, создающий заклинание «иммерсия», предназначенное именно для пленения врагов, обладающих магией. Любой, на которого оно было наложено, терял способности к магии и передвижению. Правда, заклинание приходилось обновлять раз в сутки, но это было все равно дешевле, чем строить для плененных магов специальные камеры или искать особые кандалы, про которые уже давным-давно никто не слышал. Магов сейчас вообще в тюрьмах не держат. Либо они сразу приносят клятву верности, либо их убивают. А вот древние создавали очень интересные вещи… Артефакт «иммерсия» тоже достался берлибею в наследство от прапрапрадеда и стоил сейчас целое состояние. Однако, при всей его древности и уникальности, у него тоже были недостатки. Чтобы его применить, на маге не должно было быть никакого щита! При столкновении с любым, даже самым слабеньким, щитом заклинание артефакта рассыпалось, словно тонкая льдинка под грубым сапогом. И у артефакта был еще один недостаток. Он очень медленно восстанавливался. Следующий раз

его можно будет использовать очень нескоро. Поэтому нужно быть очень аккуратным и не ошибиться. «Иммерсия» – это сильное, но почти одноразовое заклинание.
Берлибей бросил в парня небольшой огненный шарик, желая проверить прочность его щита, однако при этом направил его так, чтобы тот не попал в противостоящего ему мага, если вдруг защита его рухнет после первого же натиска.
«Молодой! – подумал о парне берлибей, наблюдая за полетом фаербола. – Даже не попытался уклониться, чтобы щит не подставлять…»
Огненный шарик достиг темноглазого парня. И Карадюман вновь удивился, как и после того, как его защитный амулет полыхнул белым светом. Фаербол не вспыхнул, разрушаясь от соударения о магический щит. Нет! Он исчез! Погас, словно впитался в него.
«Неужели он владеет заклинанием «щита-поглотителя»? – не поверил своим глазам берлибей. – Это же секрет нашего верховного совета!»
В этот момент артефакт на его груди вновь ослепительно вспыхнул. Парень еще раз применил, похоже, свое самое мощное заклинание.
Судя по яркости вспышки – очень сильно, подумал берлибей, наблюдая за противником и быстро просчитывая свои дальнейшие действия, но моего артефакта он пробить не в состоянии. Видно, на большее не способен… Это хорошо. Почему же он стоит на одном месте? В империи не учат правилам ведения магических поединков? Дорога узкая, но все же… Мог бы попытаться уклониться…
«Девчонки! – неожиданно понял берлибей. – Девчонки за его спиной! Он прикрывает их своим щитом! Он не может бегать – ведь тогда кто-нибудь из них окажется без защиты. Ха! Все будет гораздо проще, чем я предполагал…»
Карадюман усмехнулся и левой ладонью взялся за широкий браслет на запястье правой руки, активируя его. В этот момент в него полетело какое-то черное облако, заискрившееся на щите сотней мелких вспышек.
«Темный маг? – вновь поразился берлибей, беря в левую руку прадедушкин артефакт. – Он умеет создавать разные заклинания? Поразительно! Маг, владеющий двумя стихиями?! Совсем интересно!
Все! Готово! А сейчас – опыт против молодости!» – ухмыльнувшись, подумал он.
– Ха!
С резким выдохом он выпрямил в сторону противника правую руку и активировал артефакт. «Ожерелье огня», именно так он назывался, выпускал подряд пятнадцать огненных шаров. Один за одним. Практически без перерыва. Берлибей рассчитывал на то, что энергия, впитанная «щитом-поглотителем», окажется столь велика, что переполнит магический резерв парня, который должен был быть не очень большим ввиду его молодости. Когда тот свалится без чувств, тогда он применит свой второй артефакт – «иммерсия»!
Расчет оказался верен. Огненные шары размером с небольшую дыню один за одним, словно огненные бусины, полетели в щит парня. Тот, видно, не ожидал такого, и первые два шара без помех впитались в его щит, заставив его пойти переливами темных полос. Но потом парень спохватился, бросил, видно, создавать какое-то начатое им заклинание и попытался отбиться. Последующие два шара неожиданно взорвались в воздухе, не долетев, но вот третий шар – опять впитался его щитом. Непонятно почему, но, похоже, он просто не успел его уничтожить. Потом еще два взорвавшихся в воздухе шара – и вновь проскочивший защиту. Еще два взрыва – и новое потемнение щита противника!
«Крепкий! – уважительно подумал берлибей о противнике. – Неужели он «переживет» все «огненное ожерелье»?»
Не «пережил». Зря берлибей волновался. Следующий пропущенный шар оказался для его противника последним. У парня подогнулись колени, и он упал, завалившись на правый бок. Темный купол его щита исчез.
«Есть!» – удовлетворенно подумал Карадюман, направляя «огненное ожерелье» в сторону пропасти и активируя артефакт «иммерсия». Варги, вставшие над телом своего мага с поднятыми мечами, попав под его действие, попадали и остались лежать недвижимыми.
– Аслан! Иди сюда! – громко позвал, не оглядываясь, берлибей. – Вяжите их, – приказал он начальнику своей охраны, указав на тела, лежащие на дороге. – Возвращаемся в замок! Парня – в камеру, девчонок – в гарем! Только сначала обыщите и отберите у них все оружие! У варг его должно быть полно… Беркему скажите, что они звери и опасны… Впрочем, я сам ему скажу… Посмотрим, как он с ними справится…
Это будет интересно, усмехнувшись, подумал Карадюман о предстоящем допросе парня и о том, как главный евнух его гарема Беркем справится с варгами, – это я удачно съездил… Столько развлечений сразу!

Тюрьма

Мрачные своды, сложенные из крупных серых камней. Вдоль стен длинного коридора, в который выходили двери камер, на металлических крюках висели тускло горящие масляные светильники. Коридор заканчивался металлической решеткой с ржавыми прутьями, отделяющей его от лестницы на верхний этаж. У решетки, там, где в ней по центру сделана дверь, стоял грубый деревянный стол, сколоченный из толстых досок. За ним, опершись спиной на стену, вытянув вперед скрещенные ноги в сапогах из черной кожи и удобно сложив сцепленные пальцы рук на животе, сидел охранник. На нем – засаленный кожаный доспех, кожаные штаны и небольшой круглый шлем. Второй охранник, тоже в таком же непритязательном прикиде и с коротким мечом на боку, скучая, неспешно брел по коридору, заглядывая в глазки дверей. Глянув в очередную камеру, он неожиданно замер. Казалось, он даже перестал дышать.
– Абдула, иди сюда скорее! Глянь! – наконец севшим голосом сипло позвал он напарника, продолжая смотреть в глазок.
– Ну чего там… – лениво отозвался тот, не меняя позы.
– Новенький… Там теперь девка какая-то!
– Ага. Принцесса эльфийская… Ты чего – напиться успел? Когда? Смотри, я-то никому не скажу. Но вот если десятник увидит… Точно плетей получишь.
– Эльфийка… – благоговейно прошептал охранник, влипая правым глазом в глазок.
Услышав шепот напарника, Абдула наконец соизволил повернуть в его сторону свою голову, прекратив созерцание стены коридора перед собой.
– Вай… какая красавица… Волосы – как золото… А губы яркие, как гранат!
– Кюрбат, ты совсем с ума сошел? Какая красавица! Шутишь, что ли? Там ведь пленник нашего великого берлибея, да продлятся его дни! Тебе что, парень девкой мерещится? Давно женщины не было? Небось опять все свои деньги в кости проиграл?
– Ва-ах-х-х… – восхищенно отозвался от двери камеры Кюрбат.
Озадаченный его коротким восклицанием Абдула задумался над тем, что, если и впрямь напарник сошел с ума? Чем это может грозить лично ему, Абдуле? Вдруг тот начнет кусаться? Или драться полезет? Может, стоит вызвать караул? А не разгневается ли господин десятник, если вдруг выяснится, что Кюрбат – всего лишь тайком умудрился напиться? Тогда и ему попадет… Придется, видно, встать и пойти понюхать этого ненормального. Пахнет от него вином или нет? А вставать – лень… Совсем недавно славно поели, и так хорошо сидится… Может, ну его? Дождаться смены, а там…
В этот миг лязг открываемых засовов камеры прервал муки выбора Абдулы.
– Ты чего делаешь, осел плешивый? – заорал он, вскакивая на ноги. – Господин Карадюман велел – не входить!
– Я хочу… потрогать ее, – заявил Кюрбат, распахивая дверь камеры.
– Че-э-эго? А ну закрой дверь, собака паскудная! Из-за тебя и мне достанется!
Абдула в три прыжка преодолел коридор, намереваясь захлопнуть тяжелую дверь и заодно дать в ухо напарнику для его протрезвления, но, оказавшись на пороге камеры и бросив в нее взгляд, замер.
– Видишь, – довольно глядя на него, произнес Кюрбат, – а ты не верил…
– Закрой дверь… – севшим голосом произнес Абдула, не веря глазам.
– Почему?
– Это… магия… Парень не мог превратиться в эльфийку… Магия – это опасно… Господин ведь запретил входить…
– Мы только потрогаем… Это же настоящая эльфийка! Когда вновь такая удача подвалит? А потом доложим господину. Он, наверное, еще не знает, что у него в тюрьме сидит эльфийка… Хе-хе… Иначе бы он ее сюда не посадил. Она морок на себя наложила, мужчиной казалась. Эльфы это умеют. Смекаешь? А теперь он спал. А мы – узнали. Может, господин нас за это наградит?
– Вряд ли… – отчасти придя в себя от испытанного им изумления, трезво взглянул на ситуацию Абдула. – Мы же десятнику должны доложить, а он – господину Гохану, начальнику тюрьмы… А уж он… Вряд ли до нас что-то из наград дойдет…
– Вот, – поднял вверх указательный палец Кюрбат, – мудро мыслишь, плешивый осел, да отвалятся твои копыта и да сдохнешь ты в придорожной канаве! Так поэтому давай ее хоть разок погладим! Будет что потом за пиалой вина рассказать… Давай! Пока она без сознания. Говорят, у эльфиек кожа – гладкая, как шелк… А губы – нежнее созревшего персика…
Абдула нервно облизал языком свои пересохшие губы, прикидывая варианты. Оглянулся в сторону решетки, заглянул в камеру.
– А вдруг… она нас магией?

– Берлибей наложил на нее могучее заклятие. Теперь она целый день не сможет пользоваться силой. А потом он его наложит заново. Давай, бояться нечего!
– Давай! – внезапно севшим голосом сказал Абдула. – Но только потрогаем!
– Я что – совсем глупый ишак, по-твоему? – возмутился Кюрбат. – Мне тоже жить еще не надоело!

Эри

Очнулся я от прикосновений. Кто-то прикасался к моей шее и осторожно гладил руки. Пфф… массаж? Ладно, торопиться не будем глаза открывать. Попытаюсь понять – где я? Судя по вони, это совсем не дорога. А что тогда? Где так может вонять? Какая-то занюханная камера в тюрьме? Вполне возможно. Если я жив, то наверняка тот маг не оставил меня валяться на дороге. Притащил к себе, с желанием узнать подробности появления моей персоны на его жизненном пути. Я бы тоже так сделал… Сихот, как же я позорно проиграл! Он меня вчистую вынес! Я стоял на одном месте, как дурак, и тупо пытался пробить щит этого увешанного артефактами павлина! Если бы не варги-идиотки, с их неисправными амулетами! Я тогда хоть мог бы маневрировать! А так – пришлось стоять, гордо выпятив грудь под его «пулеметом»! Я просто не успевал отбивать «руками» эти фаерболы! И амулет у него против ментальных заклинаний есть… Ни одно не прошло…
Я почувствовал, как меня охватывает злость. На ситуацию, на варг, бездарно прозевавших выскочивших на них всадников, на хитромудрого мага, так легко обыгравшего меня, на… да вообще! На весь этот вонючий мирок!
В этот момент гладить руки перестали и стали гладить ноги, постепенно поднимаясь от лодыжек вверх. И по ощущениям от прикосновений, ноги мои – голые… Хм…
Тут появилась еще одна пара рук, которая полезла мне под одежду, за пазуху. Так, кажется, пришло время прояснить ситуацию! У меня как раз для этого соответствующее настроение!
Открыл глаза. Сумрак. Надо мной – каменный потолок со следами копоти и чья-то мерзкая сопящая рожа, с сосредоточенным выражением смотрящая куда-то вниз.
Что там?
Я приподнял голову и тоже посмотрел туда, куда смотрел он. Ба-а! Я – опять Эриэлла-а-а! А эта тварь шарила у нее за пазухой. У меня – за пазухой! А второй, такой же тупо-мордатый, гладил мои ноги! Ах вы… Они меня что, того?!.
Злость, которую я раньше испытывал, превратилась в замечательный фитиль для бочки пороха моей ярости.
Хрясть! Хрясть! Хрясть!
Второй тип, подхваченный моими «телекинетическими руками», со всего размаху хряпнулся спиной и головой о стену, обдав камни кровью и разлетевшимися мозгами.
«Они тебе больше не нужны!» – оскалившись, подумал я и еще пару раз хряпнул тело о стену, окончательно превращая его в мешок с костями.
– Куда-а-а-а-а… – прошипел я, хватая опомнившегося и ринувшегося в дверь первого мордоворота.
– Нет! Нет! – дико заорал тот, извиваясь всем телом и пытаясь вырваться из моих невидимых «рук». – Мы ничего не делали! Мы хотели привести вас в чувство! Госпожа! Пощадите! Пощадите! А-а-а!! Спасите!!!
– Заткнись! – с чувством сказал я, сдавливая ему шею. – Как вы… вообще… посмели ко мне прикоснуться… Шакалы…
– Эи-и-и-и, эи-и-и-и, эи-и-и, – сипел тот в ответ, – ни-и-и-и… го… не… лали… это А-а-абдула… это он… пощади…
Тут он обделался.
«Не сделали? – подумал я, глядя на извивающегося червя у моих ног. – Хм… Судя по менталу – не врет». Потом, на мне – белые короткие шорты. Задолбали эти превращения большого в короткое! Почему нельзя оставить штаны – штанами?
Отставив вопрос одежды в сторону, я «осмотрел» себя, используя вбитые мне в голову богиней эльфов знания.
И у Эриэллы в теле… все на месте, подвел я итог осмотру. Оказывается, она у меня – девственница. Забавно… раньше меня этот вопрос как-то не интересовал. Но, как выясняется, девственности меня можно лишить запросто. Тогда – Дина, тварь, сейчас – вообще какие-то сущие уроды…
Воспоминание о варге и о нашей с ней последней встрече добавили еще мрачных красок к моему настроению.
– Где мои-и-и с-с-с-спутницы? Знае-эш-ш-шь? – прошипел я, чуть отпуская шею тюремщика.

– Госпожа, кхе-кхе-кхе, госпож… кхе-кхе-кхе! – зашелся тот в кашле.
– Говори!
– Знаю, знаю, госпожа! Господин берлибей приказал поместить вас в тюрьму, а их – отправить в гарем…
– В гарем?!
– Да, госпожа, в гарем…
– Сука! – коротко сказал я и свернул ему шею.
«Он-то при чем? – поинтересовался внутренний голос. – Всего лишь тюремщик… Ты во всем виноват! Ты – проиграл! А берлибей – победил! И теперь пожинает плоды победы. Ринату сейчас насилует… Или Дану… а ты тут… на кошках тренируешься!»
«Они – МОИ варги! Никто не смеет к ним прикасаться!»
«Ну да… Конечно… Поздно теперь шашкой махать…»
«Не поздно!»
Белые одежды Эриэллы, начиная от плеч, поползли вниз чешуйками, закрывая мое тело в черную чешую. В позвоночнике тут же заломило.
Сихот! Так ничего и не сделал с ней, ругнулся я, имея в виду чешую, все у меня так. Ничего не сделал! Война, а я – не готов! Не готов! Все ерундой какой-то занимался… Ну ничего, ладно! Я все исправлю!
«Если выживу…» – ехидно вякнул внутренний голос и заткнулся.
«Так! – подумал я. – Броня есть. Дальше? Дальше нужно узнать, где эти дуры. Где этот гарем. Как? Выйти и спросить первого встречного «как мне пройти к гарему?». Вряд ли мне ответят. Нужно будет кого-нибудь поймать да расспросить… С пристрастием. Так и сделаю! Но для начала нужно выйти из этой вонючей камеры…»
Перешагнув через труп и сделав пару шагов, я вышел в коридор со множеством деревянных дверей в стенах. Вдали – виднелась решетка, преграждающая проход. Я взглянул на нее, прикидывая – насколько она прочна? И тут мне в голову пришла одна хор-р-рошая мысль!
«У меня же есть кровь Ри! – подумал я, имея в виду окровавленный платок, который она мне вернула, естественно, не удосужившись постирать. Он у меня так и валяется, грязный, в загашнике. А еще есть замечательное заклинание некромантии – «зов плоти». Имея даже крошечную частицу тела человека, этим заклинанием маг может отправить к нему голодного зомби или может сам отыскать этого человека. А ну-ка! Где там этот платок? Вот! Как звучит это заклинание?.. Есть! Работает! Чувствую!
Из груди словно невидимая ниточка протянулась, таща меня за собой.
Там вообще-то маг, подумал я, быстрым шагом направляясь к решетке, и он вполне может прибежать на мою магию. Опасно! Он явно опытнее, чем я. Особенно если учесть тот факт, что дома магическим поединкам я предпочитал бои с шагссом в руках на арене! Я вообще-то не собирался становиться магом. В Эсферато у меня было мало способностей для этого – это тут их вдруг оказалось много! По уму, мне нужно – руки в крылья и пошел! Но я назвался их командиром… Сам. И «попали» они из-за того, что я проиграл… Нужно вытаскивать их как можно скорее! Сихот его знает, что с ними могут сделать, пока я буду планы разрабатывать! Буду действовать – внезапно! По наитию! На любую гениальную задумку врага – отвечу своей непередаваемой глупостью! Пока он будет думать – что это, мы успеем смыться! Надеюсь, что так и будет…

Яркий солнечный день. Время – где-то около полудня. Небольшой двор внутри крепости – пуст. Слуги и владелец замка заняты своими делами в ожидании скорого обеда. Сонная тишина.
– Шарах!
Внезапно большую двустворчатую дверь из толстого бруса, расположенную внизу высокой башни и ведущую в темницу замка, разнесло взрывом на куски! Щепа, обломки дерева, полосы железа, толстые гвозди с большими шляпками разлетелись по всему двору.
Пауза. Тишина. Из возникшей темной дыры в стене башни, щелкая высокими каблуками сапог по камням, появилась гибкая женская фигура, словно облитая чем-то черным. Лишь яркие красные вставки на руках и бедрах нарушали эту сплошную черноту. У девушки были яркие золотые волосы, собранные сзади в длинный, до пояса, «хвост». Она на секунду остановилась, оглядывая двор. Похоже, давала глазам привыкнуть к яркому свету, а потом легко подпрыгнула вверх.
– Пах-х-х!
За ее спиной с хлопком распахнулись два больших темно-красных крыла с редкими черными перьями.
– Вших-х-х!
Крылья, издав свистящий звук, сделали могучий взмах, вознося свою хозяйку вверх. Еще несколько таких же сильных движений – и вот она уже выше самых высоких башенных

шпилей! Перестав подниматься, удивительная девушка широко распахнула крылья и сделала неспешный круг над крышами, словно что-то высматривая с высоты. Вдруг она накренилась на правое крыло и в крутом вираже стремительно свалилась вниз, устремляясь к земле…

Илона

– Бур-бур гыр тарам!
– Че надо? – выпятив нижнюю челюсть, хмуро поинтересовалась я у высокого толстяка в смешной зеленой шапочке и отвисшим голым пузом с большим пупком. На незнакомце надета какая-то то ли безрукавка, то ли еще что. В общем, руки от плеч у него голые и живот тоже – голый. Такой наряд мне не нравится. А еще мне не нравится, что толстяк размахивает руками, тычет в меня пальцами, непонятно говорит и явно чего-то от меня хочет.
– Бур-бур гыр тарам!
Вот опять! Судя по его круглому лицу и эмоциям, терпение у него заканчивается…
– Отвали, – угрюмо ответила я, отодвигаясь.
После того как мы с Ри так глупо попались, нас связали, обыскали и закинули на крупы лошадей, положив прямо перед седлами. Так мы с ней и провисели вниз головами, пока не притащили остальных наших. В отличие от нас – без сознания. Хорошо, что все оказались живы. Даже Аальст. Хотя он проиграл чужому магу. Я сначала пыталась понять – как же мы так с Ринатой опозорились, не услышав целых четырех всадников? Может, потому что там был крутой поворот и они были за скалой? А звук копыт – заглушила дорога? Или там эхо странное? Вполне может быть и потому, но потом мне стало не до размышлений. Всадник, на чьей лошади я лежала, вдруг принялся хлопать ладонью меня по моей торчащей вверх попке, смеяться и что-то там курлыкать на своем непонятном языке. Похоже, что-то смешное, поскольку другие всадники вокруг ржали, как лошади. Скотина! Он меня потом всю дорогу до замка по заднице лупил! Поймаю – горло вырву! В замке нас разделили. Остальных куда-то утащили, а я почему-то оказалась одна. Долго-долго, потеряв счет времени, я сидела в узкой темной комнате с каменными стенами и полом (карцер, что ли?), потом дверь открылась, и на пороге появился этот толстяк в сопровождении еще двоих, таких же жирняков. Он сделал мне жест – следовать за ним, и я не стала перечить. Хоть на улице было не холодно, но от сидения в этом каменном мешке я совсем замерзла. Меня привели в небольшую комнату с полом, выложенным серыми каменными плитками, и узкими окнами, застекленными цветными витражами. Еще она, комната, была разделена на две неравные части ажурной металлической решеткой. Посредине той части, в которую привели меня, стояла деревянная скамья с двумя высокими кувшинами из белой глины и деревянный стеллаж у стены, с неширокими полками, уставленными баночками, кувшинчиками и бутылочками. Из людей в комнате была сморщенная старуха в темных одеждах, с носом-крючком, густыми бровями и свирепым выражением на смуглом, изборожденном морщинами лице. Настоящая злая магесса из сказки! И вот она и этот жирный стали вдвоем чего-то от меня требовать! Сначала говорила бабка, потом, когда она заткнулась, начал бубнить мужик.
– Бур-бур гыр тарам! Шарекам ол ту! – увидев, что я отползаю, повторил он и сделал руками движение, как будто что-то снимает с себя.
Хочет, чтобы я разделась? При всех, при них? А рожа не треснет, человек? Хоть одежда у меня и рваная, но вылезать я из нее не собираюсь! Сначала вам придется меня убить! Похоже, жирный понял, что ничего не выйдет, или ему просто надоело, и он отдал короткий приказ своим людям, которые стояли у меня за спиной. Те разом вытянули правые руки, намереваясь схватить меня за плечи. Дурни! В академии за бои в помещениях у меня всегда было – «отлично»! Я уже давно спланировала возможную драку и, ощутив изменение в эмоциях охранников, нырнула вниз, устремляясь к стоявшим на скамейке кувшинам. Отличные какие! Тяжелые! И ручки – ухватистые!
Хрясь!
Первый жирдяй-охранник, ринувшийся за мной, получил с разворота дном кувшина прямо в лоб! Кувшин – вдребезги! Осколки и вода из него – во все стороны! Жаль, что не мозги! Глаза у охранника съехались к переносице, и он плашмя, лицом вперед и брякнулся. Не сгибаясь. Доской.
– Хрясь!
Второй охранник попытался увернуться. Зря. Получил кувшин не в лоб, а в висок. Тоже рухнул – подрубленным деревом.
– Ва-айя-а-а я-а-ай! Я-а-а-вай-вай-вай! – оглушающе завизжала перепуганная старуха.

Ее я успокоила ударом ноги в грудь, с разворота. Злая магесса пролетела над скамейкой и врезалась спиной в шкаф, вызвав ливень из банок и бутылькoв, с чпокающими звуками разбившихся на каменном полу. Резко запахло какими-то травами. Я в куче осколков и подхватила с пола два горлышка от разбившихся стеклянных бутылок. Сжимая их в руках, развернулась к главному толстяку, прикидывая – где будет удобнее его полоснуть? По роже, чтобы запомнил, или сразу по шее?
Но толстяк не испугался, а, шустро отскочив к двери, коротко крикнул в нее:
– Касым!
Тут же, словно только и ждали, в комнату заскочили три воина в кожаных доспехах и встали в шеренгу, отгораживая его от меня. На левой руке у них были небольшие круглые щиты, а в правой каждый держал какую-то плеть. То, что эти люди не чета толстякам, было видно сразу. И по тому, как они двигаются и как смотрят на меня, оценивая.
– Пронс! – приказал мне толстяк, указав из-за их спин на мои руки и сделав резкое движение в сторону, как будто что-то бросал.
«Разбежалась», – подумала я, отступая в глубь комнаты и прикидывая – чем мне могут грозить их плети? Почему у них – не ножи или мечи? Не хотят меня убивать? Похоже. Пожалуй, этими плетками они, наверное, умеют обвивать руки и ноги. Точно! Тогда – нужно будет стараться не размахивать руками и ногами…
В схватке возникла пауза.
Толстяк посмотрел на меня, посмотрел, покачал головой и вновь крикнул:
– Рогмул! Табидох таркуй!
Некоторое время ничего не происходило, затем в той части комнаты, которая была отделена решеткой, появились еще толстяки. Трое. С собою они притащили… Ри! Со связанными руками!
– Рыжая, ты как? – громко спросила я, не глядя на нее и не выпуская из глаз «моего» жирного и троих со щитами.
– Ой! Ил, – увидев меня, обрадовалась она. – Я – нормально! А ты как?
– Воюю, – коротко ответила я, краем глаза следя за нею и ее конвоирами. – Они хотят, чтобы я разделась перед ними!
– Вот гады! – возмутилась Ри.
В этот момент двое из ее сопровождающих подхватили ее с боков и подвесили за связанные руки на крюк, торчащий из стены, да так, что она доставала пол только носочками ног.
Свистнула плеть.
– Ай! – громко вскрикнула Ри, дернувшись от удара.
Я сцепила зубы от ненависти.
– Пронс! – опять приказал мне толстяк, указывая на осколки в моих руках. Вновь свистнула плеть. Но в этот раз Ри не закричала. Ловко оттолкнувшись от пола, в прыжке, она со всего размаху врезала одному из ее мучителей ногой. Между ног. Да так, что тот отлетел в сторону. Я ожидала криков, стонов, проклятий, скрюченного тела на полу… Но ничего этого не было. Получивший удар жирдяй, кряхтя и морщась, поднялся на ноги. На его лице была гримаса как от сильной, но вполне терпимой боли. И все!
«Не поняла…» – подумала я.
– Пронс!
Свист плети. Рината, вися на крючке, молча дернулась от удара.
– Ри! Выжги им мозги! – закричала я. – Ты ведь можешь! Чего ждешь!
– Не… могу… Не получается! – У нее сбило дыхание, и она отвечала, делая паузы. – «Слышу»… только тебя. Наверное… нужно… чтобы все… были… вместе.
– Дарг! – ругнулась я.
Главный толстяк посмотрел на меня, левым указательным пальцем показал на Ри, а правым провел по своему горлу.
– Джедж-боредж! – произнес он, зловеще оскалясь. – Пронс!
Вновь свистнула плетка.
– Да на! Подавись! – крикнула я, со звоном швыряя горлышки бутылок на пол.
– Ил, не сдавайся! – отчаянно закричала Рината.
– Я бросила, – оставив крик Ри без ответа, сказала я толстому, – прикажи, чтобы ее не били.
– Тыск! – в ответ он указал мне пальцем на другой угол комнаты.
– Хорошо, – послушно кивнула я, направляясь в указанное место, и негромко добавила: – Только попробуйте ее еще хоть раз ударить…

Смотрящий гарема

Старший евнух, алибей Беркем, хмуро смотрел на то, как этой ненормальной девчонке обрабатывают раны. Погром, учиненный ею, частично устранили, вынеся в коридор бесчувственные тела старой лекарки Ханум и младшего евнуха Касыма, но разбитых настоев и отваров еще не убирали. Поэтому в комнате пахло резко и противно. Алибею было жальче именно этих разбитых склянок, чем Ханум и Касыма. Ханум – потому что старая и больно много болтает, пользуясь своим возрастом и привилегией, которое дает ей место лекаря при гареме.
Хорошо она ей дала, с удовлетворением подумал он, глядя на злую голую девушку, которую в этот момент мазали зеленым настоем, может, эта старая карга теперь не встанет… Давно я ей намекал, что пора уж и на покой… Надоела своими глупостями!
А Касым… Ну окочурится и окочурится… Сам виноват, растяпа! Подставился. Главный эконом все бурчал, что на охрану гарема уходит слишком много денег. И с таким количеством наложниц столько евнухов держать – расточительно! А господин уже давно не молод… Вряд ли стоит ожидать увеличения числа наложниц…
Беркем невольно вздохнул.
«Может, эти пятеро станут новыми узницами сераля?» – подумал он и посмотрел на девушку, которую как раз закончили мазать.
Посмотрел и скривился. Вся поцарапанная, в зеленке, худая и со злющими глазами и клыками, выглядела она ужасно.
Вряд ли она может сейчас что-то вызвать у господина, кроме желания держаться от нее подальше, решил он, осмотрев ее с головы до ног, хотя ссадины затянутся, мясо на костях нарастет, а девочки растут быстро… Личико у нее – красивое, фигура – тоже… И волосы – белые… редкость! Вот только злая она… как голодная крыса!
Беркем посмотрел в полные ненависти глаза голой блондинки, с ног до головы перемазанной зеленым, и загрустил, представив это чудо у себя в гареме.
Господину скучно, подумал он, приказал обращаться с ними бережно. И переводчика не дал. Сказал: «Сделай все сам, потом доложишь!» Забавляется он. Да, конечно, ему смешно… Вон сколько банок эта зараза разбила! Эконом, конечно, попытается из моего жалованья вычесть… А вот кукиш ему! Если что, пойду к господину, пусть уймет своего скареда. Хорошо, я библиотекаря нашего расспросил – кто такие варги? Если бы не разузнал да не подготовился, все могло быть гораздо хуже… Точно бы на меня кинулась!
Зачем господину эти дикарки? Может, чувство опасности придает им интерес в его глазах? Не знаю, не знаю… Да только управлять ими и отвечать за все придется мне… Похоже, нужно будет держать их раздельно. Угроза расправы над одной, в случае неповиновения других, на них действует… Они действительно – одна команда, как сказал библиотекарь.
Ладно, одну намазали, теперь нужно другую мазать. Потом остальных троих… А этим нужно объяснить, что будет в случае их неповиновения…
– Смотри! – сказал алибей белокурой бестии, показывая ей открытую левую ладонь с растопыренными пальцами. – Это – ты!
Он показал на нее указательным пальцем правой руки и медленно загнул им мизинец на левой.
– Поняла?
Девушка, непримиримо сжав губы, небрежно кивнула.
– Она.
Беркем показал на вторую девушку, за решеткой, и загнул безымянный палец.
– Поняла?
Неспешный, задумчивый кивок в ответ.
– Еще трое!
Алибей потряс в воздухе левой рукой с оставшимися растопыренными пальцами.
– Будешь своевольничать – я им головы откручу! Вот так!
Он ухватился за последнюю фалангу безымянного пальца и показал, что он как будто ее скручивает.
– Ясно тебе?
Девушка мрачно кивнула.
– Сейчас проверим, как ты поняла, – сказал Беркем и крикнул своим подчиненным: – Ведите эту рыжую сюда! Мазать будем…

– Т-ш-ш… – прошипела сквозь стиснутые зубы Илона. – Гады… Я им все припомню…
Вода в небольшом бассейне, куда их вдвоем загнали после целительских процедур, была горячей и больно жгла ободранные места.
– Да… – поддакнула сидящая по шею в воде Рината, тоже с недовольной гримасой на лице.
– Слышь, Ри! Что они думают? – близко наклонившись к ее уху, быстро прошептала Илона, громко плеща рукой по воде. – Ты слышишь?

– Не слышу, – отрицательно покачала та головой в ответ, – я пыталась, но… Очень много людей вокруг. Как будто толпа разом говорит… Я не смогла разобрать – и… «закрылась». Больно в голове.
– Толку с тебя… – отодвигаясь, с легким презрением в голосе произнесла Илона. – Зря я за тебя заступаться полезла…
– А я и не просила!
– Ага. Визжала там как маленькая свинка после каждого удара! Никакого терпения нет. Позорище… Малолетнее.
– Неправда! Я терпела! Просто первый раз это от неожиданности было! И я всего на год младше, чем ты! Могла бы дальше воевать. Я же тебе кричала, чтобы не сдавалась!
– Ну да… не сдавайся! А они бы твою спину в лохмотья превратили…
– А тебе что, жалко меня, что ли? Мы же вроде совсем не подруги!
Илона несколько секунд, выпятив нижнюю челюсть, мрачно смотрела на Ри.
– Слышь, ты… недоразумение малолетнее, – наконец медленно произнесла она. – Ты – варга! И я – варга! И совершенно плевать, подруги мы или нет. Мы – вместе! Варги всегда – вместе! Только так мы можем победить! И если ты думаешь, что я буду просто стоять и смотреть, как какие-то людишки пытают члена моей пятерки, хотя могу это прекратить… Знаешь, да я тебя сейчас за это утоплю в этом бассейне, дура рыжая!
С этими словами Илона придвинулась к Ри и, схватив ее руками за плечи, погрузила целиком под воду. Последовала короткая схватка, в которой Ринате удалось пару раз вырваться из рук Ил на поверхность, чтобы вдохнуть воздуха. Битва закончилась тем, что Илона, как зачинщица, получила по голове палкой от подбежавшего к краю бассейна евнуха.
– Уй-й-й-й! – завыла Илона, хватаясь руками за голову. – Уй-й-й-й-й… Твари! Из-за тебя все, рыжая… уй-й…
На этом помывка закончилась. Опасливо тыча в них палками, трое толстых мужиков выгнали девушек из бассейна и направили в сторону двух лавок, на которых были сложены вороха цветной ткани, оказавшейся одеждой.
– Что это такое? – искренне удивилась Ри, держа на вытянутых руках штанишки из легкомысленно-прозрачной ткани. Трусики с высоким вырезом на бедре она натянула первыми, даже толком не вытершись. Теперь дошел черед до остальной одежды.
– Что? – насмешливо ответила ей Ил. – Гаремная форма одежды! Добро пожаловать в сарай, мулия!
– Какой сарай? – ошарашенно переспросила Рината. – Какая… мулия?
– Ты что, еще не поняла, куда попала? Это гарем. А внутри его – сарай! А те, которые живут в нем, – мулии! Или гулии? Фулии? Не помню точно этого слова. Но это не так важно! А те, которые толстые, – это евнухи. Они тут работают, в этом сарае. Можешь так торопливо не одеваться. Ничего они тебе не сделают. У них… отрезано все там! Посмотрят только… Хотя чего там на тебя смотреть? Одни ободранные локти да коленки…
– Сама не лучше, – огрызнулась Ри, – а откуда ты знаешь, что мы… в сарае?
– Ну ты и темная! Ты что, сказок не читала?
– Почему? Читала… Просто вдруг…
– В сказку попала? Ха! Сама подумай! Ты ему вон как между ног двинула, а ему – хоть бы что! Покряхтел малость да встал. Будь у него все на месте – Дарга бы он поднялся!
– А… ну да… – растерянно произнесла Ри, переваривая услышанное, и, обернувшись, внимательно оглядела евнухов, задержав взгляд на их нижней части тела.
– Видала? – спросила Илона, когда Рината вновь взялась за одежду.
– Видала…
– Тебя помыли, одели – теперь готовься вечером взойти на ложе к своему господину… – ехидно произнесла Илона.
– Какое ложе? – испуганно насторожилась та в ответ. – О чем ты?
– А ты что, думала, в сарае мулий за так держат? Придется тряпки и еду отрабатывать! Вечерком – предложат пройтись до спаленки, а там уж будь добра, отработай бессонной ночкой до утра…
– Не буду я ничего отрабатывать! – возмутилась Ри, швыряя штаны обратно в кучу одежды. – Еще чего! Я не напрашивалась!
– Как будто тебя так и спросили! – хмыкнула Ил. – Впрочем, думаю, что делать тебе этого не придется. Я только что вспомнила об одной штуке… Проверке… на девственность. В сарай только девушек пускают. А у тебя одних таких, как Аальст, – сто штук было! Так что, извини, тебя не пустят! Ты недостойна ложа повелителя. Тебя вместо этого посадят в темный, холодный каменный мешок… С крысами!
– Но…но… я… я же… у меня…

– Что, рыжик, – внимательно глядя на нее, участливо спросила Ил, – соврала? Ну признайся, что соврала. Ты ведь даже еще не целовалась?
– Ничего не соврала! – после секундного колебания задрала Ри вверх нос. – Ну и пусть, пойду в тюрьму! А ты пойдешь – на ложе! К повелителю!
– Думаю, что с ним я уж как-нибудь… справлюсь… – многозначительно произнесла в ответ Илона, постучав при этом указательным пальцем по своему правому белому клычку, – это станет самой яркой ночью в его жизни! А ты будешь в это время крыс пугать!
В этот момент сзади один из евнухов громко постучал палкой по каменному полу, намекая, что пора заканчивать болтать и нужно одеваться.
– У-у-у-у… гады… – прошипела Илона, быстро глянув назад через плечо. – Давай, напяливай эти тряпки! Может, поесть дадут? А то желудок уже подводит…
Кое-как разобравшись в предложенной одежде, Ри и Ил надели ее на себя. Особенно смешными показались туфли без задников, но с высоко загнутыми вверх носами. И бюстгальтер с круглыми металлическими дисками спереди. Пришлось немало повозиться, пока удалось их на себя правильно надеть. Илона шипела от злости и ежесекундно поминала Дарга.
– Хоть бы показали, как эта конская сбруя надевается! – наконец, не выдержав, психанула она после очередной неудачной попытки ровно закрепить штуковину на Ринате. – Ну не знаю я, как ее!.. Ри, или ты кривая какая-то, или тут веревок не хватает! Пусть пришлют кого-нибудь, кто в этом разбирается!
– Вряд ли, – хмуро ответила Ри, поправляя лямку на плече. – После того как ты пнула ту бабушку ногой, вряд ли они женщин пришлют…
– Это была не бабушка, а злая магесса, – ответила ей Илона, вновь берясь за «прилаживание». – Стой смирно! Или я тебя прибью!
– Я же варга?
– Ну и что? Это чужим варг бить нельзя. А своим своих учить уму-разуму всегда можно. Даже нужно, особенно если попадется такая бестолочь, как ты! Да, кстати, ты мне должна!
– Это за что еще?
– За то, что мне пришлось раздеваться перед этими козлами!
– Они евнухи.
– Ну и что? Видела, как они пялились? Знаешь, как неприятно было?
– И чего ты хочешь?
– Отвали от Аальста.
– Ха! Дарг подаст!
– Ах ты! Неблагодарная!
– Мне тоже пришлось раздеться. И на меня – тоже пялились! Так что сама отвали! Нашла дуру!
– Да ты даже не знаешь, что с ним делать!
– Разберусь!
В этот момент сзади вновь громко застучали палками по полу, требуя шевелиться. Наконец все детали костюма были прилажены, и варги повернулись к своей охране. Те сначала вытаращили глаза, переглянулись, а потом дружно заржали.
– Но-но! – сделав шаг вперед, грозно сказала Илона. – Жрать давайте! Потом гыгыкать будете! Есть хочу! Хочу есть! Ну?!
Четверо толстяков, заткнувшись, вытаращились на наглую девицу, вновь переглянулись, затем один из них указал палкой направление в сторону выхода из купальни.
– То-то, – удовлетворенно сказала Илона, зашаркав по полу непривычной обувью в указанном направлении. – Ри, ты не бойся. В сарае фифулии – очень уважаемые особы. Бить не будут. Нет, могут наказать, конечно. Но так, чтобы не испортить внешнего вида. А это не наказание, а так – ерунда. Красота фифулек – тут самое главное. Поэтому не робей. Пусть приносят и уносят, когда потребуешь. Они – обязаны. А среди человечек в сарае мы порядки быстро свои установим… Тоже бегать будут… А там – сбежим, или Аальст поможет…
– А когда будут… проверку проводить? – негромко поинтересовалась Ри, шоркающая следом за Илоной.
– Какую? – обернулась к ней Ил.
– Ну… на эту… на девственность…
– Пфф… Так ее уже провели. Когда зеленкой мазали. Это же целительница была! Пока сверху мазала – все внутри и определила…
– Да?!
– Ри, ты не только девственница, но еще и полнейшая дура! Сто штук у тебя, говоришь, было? Когда успела только? С колыбели начала?
– Ах ты!

– Отвали! Говорю: на Аальста рот не разевай! Он умный. Не чета тебе. Ему с тобой просто будет не о чем говорить… Поняла? Какие дурацкие эти тапки! С ног слетают. Наверное, специально такие сделали – чтобы не убежать в них…
– Бздыщ! Трах! Дзынь!
Большое, во всю стену, окно из цветных витражей, мимо которого только что прошли Ил и Ри, взорвалось брызгами разлетающихся осколков цветного стекла и мелкой щепы из деревянных рамок. Резко присевшие на ноги варги, обернувшись, с изумлением увидели кого-то в блестящей черной чешуе, с огромными кроваво-красными крыльями, возящегося в проеме окна и доламывающего то, что осталось в нем от витража.
– Что они с вами сделали? – неожиданно голосом Эриэллы изумленно воскликнул черный. – Вас что – пытали?
– Пытали? – подняв руки и оглядывая себя, озадаченно переспросила Илона, с трудом, но все же опознав в незнакомке господина Аальста. – Где?
– Почему вы – зеленые?
– А… это! Это Ринату от царапин лечили, а она, криворукая, на себя и на меня банку зеленой дряни опрокинула…
– Да че ты врешь! – искренне возмутилась Рината.
Илона, словно не услышав ее полного негодования вопля, обернулась к охране. Трое здоровых мужиков, сипя и округлив в ужасе глаза, стояли на коленях, безуспешно пытаясь стянуть руками со своих шей что-то невидимое, душившее их.
– Га-а-а-ады… – нехорошо прищурившись, протянула она, оценивающе примеряясь к евнухам. – А я вам говорила, что он нас спасет! А вы – не поверили! Так вам и надо! Эри! – обернулась она к Эриэлле. – Эти гады меня обижали! Заставили раздеться на их глазах. Палкой били!
– По голове! – злорадно уточнила Ри.
– Да! По голове! – бросив в ее сторону многообещающий взгляд, признала Илона. – Ринату – вообще выпороли! Они такие жестокие! Мне было… так больно! Эри, накажи их! Чтобы они на всю жизнь запомнили!
Эриэлла, наклонив голову к плечу, недоуменным взглядом окинула ее с головы до ног.
– Не вижу следов причиненных увечий, – секунду спустя ответила она, – одни царапины.
– Все равно было очень больно… – немного стушевавшись, но с тем же упрямством в голосе произнесла Илона, потупившись и обиженно надув губы.
– Варги боли не боятся! – ответила Эриэлла. – Не так ли? Ладно, я тебя потом тщательно осмотрю, ок? Сейчас нужно остальных найти.
– Ок! – радостно вскинула голову Ил, не поняв этого слова, но повторила его, почувствовав, что оно означает согласие. – Нужно допросить пленных! Я тебе помогу! Ри! Бери палку! Ну-ка дай им! Как они меня! Как миленькие сейчас все расскажут!
– Чего это ты меня в палачи определила? – прищурилась та. – Сама придумала – сама и бери…
– Ка-ак?! Ты не хочешь помочь остальным? – поворачиваясь к ней, изумленно всплеснула руками Ил.
– А ну, замолкли! – жестко приказала Эриэлла. – Мне некогда выслушивать ваш треп! Нашли место! Возьмите!
Перед Илоной и Ри в воздухе повисли странные, с клинками в разные стороны, кинжалы, которые они уже раз видели в подземелье.
– Потеряете – шкуру живьем спущу! – пообещала Эриэлла и повернулась к пленникам. Невидимая удавка на шее одного из них, до этого душившая его, ослабла, и он, с шумом задышав, начал отвечать на вопросы Эриэллы на языке, которого варги не знали.
– Ого, – уважительно сказала Илона, вертя в руках и разглядывая полученный кинжал, – какая ве-э-эщь! Дорогая…
– С чего ты это взяла? – поинтересовалась Ри, тоже разглядывая свою «игрушку».
– На металл глянь. И как мастерски сделано! Клык даю – древняя вещь! Кучу золота стоит. Смотри, рыжая, если потеряешь его кинжал, я не знаю что с тобой сделаю!
– За собой следи! – огрызнулась Ри.
– Так, одалиски, хорош трепаться! – в этот миг приказала Эриэлла, оборачиваясь к ним. Крылья у нее исчезли, а из трех евнухов на ногах остался только один. Двое других упали на пол и остались неподвижно лежать на нем.
– Он говорит, что остальные, трое, тут рядом, – мотнув головой в сторону евнуха, произнес Эри. – Он пойдет первым, я – за ним. Вы – прикрываете мой зад! Шевелитесь! Сейчас хозяин гарема прибежит. Пошли!

Эри

Дю-дюх!
Фаербол взорвался в коридоре, вызвав содрогание стен. Сверху посыпались доски, балки, и облако пыли резко посветлело, освещенное солнечными лучами, ворвавшимися сквозь дыру в крыше.
«Фига се шмаляет, – подумал я, стоя за углом и глядя на разрушения. – Попадет, мало не покажется…»
Зажали меня в очень неудачном месте. Комната, куда привел евнух-проводник и где нашлась недостающая троица варг, находилась как бы на «втором этаже». Если идти мимо нее, то дальше будет лестница вниз, в большой прямоугольный зал с квадратными деревянными колоннами. За которыми сейчас прятались хозяйские солдаты, периодически постреливая из луков. После того как я убил «ледяной крупой» и сбросил вниз пятерых из них, лезть наверх они не рисковали, но стрелять – стреляли. И это меня сильно беспокоило. На Ри и Ил – ничего, кроме прозрачных тряпок. Словят стрелу в глаз – и все! Никакой целитель, даже великий, не поможет. А они постоянно выглядывали из соседней комнаты у самой лестницы, наблюдая за атакующими. Я им ничем помочь не мог, поскольку занимался сразу тремя делами. Первое – сдерживал основного противника, мага, который взял нас в плен, второе – приглядывал за тылом. И третье – приводил в сознание варг. Кира, Анжелина и Дана оказались без сознания. Заклинание, которое их обездвижило, еще не развеялось. Двоим – тащить на себе троих было никак невозможно. Я попытался понять, что нужно сделать, чтобы привести их в чувство. Оказалось – не так уж сложно. Нужно было лишь передать им жизненных сил. Но пока я со всем этим возился, прибежал альфа-самец, хозяин гарема, и предложил сдаваться. В ответ я выставил в коридор руку, сжатую в кулак, с оттопыренным средним пальцем. Ну а дальше, как говорится, понеслась…
Разумней, конечно, были бы переговоры, но только я ему никак не доверял. И сил у меня за спиной, чтобы «давить свою позицию», никаких, кроме трех полудохлых и двух полураздетых варг. Лучше мне с ним издали «общаться»…
Фьють! Думм!
Тупой звук воткнувшейся в дерево стрелы и короткий взвизг Ри! Что, ранили? «Послушал» ментал, продолжая «подкачивать» троицу. Нет, только испугалась. Блин!.. Чем бы занять этих робингудов, чтобы не стреляли? Рано или поздно, но ведь попадут! Обвалить крышу зала, выбив колонны? А отступать, когда эти очнутся, через что тогда? Впереди – маг. И никакой уверенности у меня в том, что он «подвинется», не было.
Фьють, фьють! Думм, думм!
Стрелки Сихотовы… Что же с ними сделать? О! А если мне «заглянуть» в раздел «веселая некромантия»? «Дикий зомби»? Точно! Пусть побегают в догонялки между колоннами! Я отсюда «дотянусь» до трупов? Да, дотягиваюсь, «чувствую». Только варг придется «бросить»…
– Парень, последний раз предлагаю сдаться! – прозвучал в этот миг из-за облака пыли голос мага. – Иначе я возьмусь за тебя всерьез!
Гм, пока я буду «поднимать» зомби, нужно, чтобы он меня не отвлекал. Как его «заткнуть»? А если его… ошеломить?! Он же парнем меня только что назвал! Не заметил, что я уже – как девушка? Точно! А ну-ка, попробуем!
– Я буду жаловаться! В Вечный лес! – закричал я, постаравшись сделать голос как можно выше и писклявее. – …И в империю, императору Хайме! – подумав секунду, добавил я. – Эльфы, как древний и редкий вид, находятся под защитой всего прогрессивного человечества!.. Понял? – спросил я, следуя только что созданному образу взбалмошной девицы, и выглянул в коридор, выставляя свою золотую макушку как подтверждение своим словам.
С противоположной стороны – тишина… Отлично! Пусть пока думает, а я займусь своими делами!
– Шаргасса шива оде рум… Шамуш-ш-ш ожееша… шара-а-а…
Шипящие слова древнего заклинания легко слетали с языка, порождая мимолетное воспоминание об Эсферато. Грязно-зеленого цвета линии, видимые только мне, тянулись от моих ладоней сквозь стену и пол, заканчиваясь в лежащих у лестницы телах.
– …Машрум! – закончил я заклинание, мощным всплеском отдавая силу.
В глазах потемнело, и стало дурно. Опершись рукою о стену, я замерев стоял, ожидая, когда «отпустит».
– Госпожа… вы… эльфийка?
Из коридора, от мага, доносится то ли вопрос, то ли утверждение.
– А что, разве этого не видно? – стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, ответил я.
– Прошу прощения, но… что вы тут делаете? И откуда вы взялись?

В этот момент слева, из зала, донесся вопль ужаса. Потом – еще один! Пара секунд – и вот там уже орала толпа народу.
Забегали, удовлетворенно подумал я, теперь вам точно будет не до стрельбы!
– Ты не эльфийка! – раздался в этот миг в коридоре полный зловещих интонаций голос мага. – Ты… демонесса! Проклятое отродье!
С чего это он вдруг так решил? Или эльфы и некромантия – несовместимы? А я «корку отмочил»? Может, стоило провести с ним переговоры как представительнице Вечного леса? Эх, нужно было обдумать такой вариант! Но пока я взвешивал бы «за» и «против», Илону или Ринату могли убить! Так что – проехали!
– Шарах!
От взорвавшегося фаербола дрогнули стены и качнулся пол. Похоже, кто-то сильно разозлился, и шутки кончились. Что делать? Рискнуть и, побросав варг в свой «мешок», делать ноги? А если они в нем – подохнут?
Крики и вопли из зала усилились. Похоже, зомби-вечеринка набирала обороты, хе-хе…
– Убирайся туда, откуда пришла! – зло дали дельный совет из коридора.
Да я бы прям хоть щас, кто бы только дорожку указал…
– Ты – кто?
Спросили у меня за спиной. Оглядываюсь. Кира! Сидит и смотрит на меня непонимающими глазами. И Анжи и Дана – тоже очнулись. Ну слава Сихоту!
– Эри… элла? Ты такая… черная! Я тебя сразу не узнала… А где Ри… Илона?
– Шарах!
С потолка посыпалась пыль.
– Что происходит?
Удивление на лицах и распахнутые глаза.
– Развлекаемся… – коротко ответил я, тряся головой и пытаясь вытрясти звон из ушей.
И тут мне в голову пришла мысль! Ри! «Жало»! Они все – очнулись! У меня под рукой пятерка «убийц магов»! Если я не смог пробить его щит, может, Рината это сделает? Или – отвлечет, а я – добью!
– Эй! Ри, Илона, мигом бегите сюда! – громко закричал я, зовя варг.
– Эри! Там – мертвые! – сообщила Илона, влетая в комнату. – Они ожили и гоняются за охранниками!
– Какая, право слово, неприятность… Ри, иди сюда! Слушай внимательно! Там, в коридоре – нехороший человек. Он взял нас в плен и хочет всех убить. Наша с тобой задача – убить его. Ты – «жало» пятерки. Попробуем с тобой сделать так: я – отвлекаю его, а ты, как я крикну «давай!», засаживаешь ему по мозгам. Так же, как по восьмилапам. Только не перенапрягись, как тогда. Ты уже знаешь, на что способна. У нас с тобой может быть несколько попыток. Если с первого раза не получится, попробуем по-другому! Сможешь?
– Н-н… да! – запнувшись, произнесла Ри, но, под обращенными на нее взглядами расправив плечи и подняв голову, решительно добавила: – Смогу!
– Отлично! Тогда погнали! Я начинаю первый. Ты его «видишь»?
– Да!
– Готова?
– Готова!
– Жди!
Я быстро выглянул в коридор. В конце его, за перекрестьем балок и досок с обвалившейся крыши, была видна фигура мага. Он стоял, вытянув вперед правую руку с вертикально выставленной ладонью. Перед ней рос, заметно увеличиваясь в размерах, темно-красный шар. Я нырнул назад.
Ага, занят! Трудится! Самое время! Это я удачно зашел! Главное – попасть! Я быстро создал заклинание и вновь высунулся в коридор.
– Фьють!
Гроздь крупных ледяных кристаллов сорвалась с моих пальцев, устремляясь к врагу. Заклинание так себе, слабое. Им, как говорится, «только морду оцарапать», но сейчас моя цель – недоделанный фаербол. Надеюсь на то, что ледышки дестабилизируют недоделанную вещь, и она «рванет». Маг – за щитом. Вряд ли ему что будет, но все равно – наверняка испугается от неожиданности. Тут-то Ри и ударит! Я не знаю, какое именно заклинание ментального щита он использует, они разные бывают. Надеюсь, у него одно из тех, что требует постоянного внимания к себе.
– Шарах!
Шар перед магом – разорвало вдрабадан! В клочья! В огненно-лохматое облако!
– Есть! – возликовал я и заорал, не оборачиваясь, Ринате: – Давай!

На миг возникло ощущение, что мимо меня, стоящего у края перрона, молнией промчался литерный скорый. Дохнуло, словно воздушной волной, на миг прижало, сдавливая грудь, подняло волосы и… отпустило… И никого… и ничего – пусто…
Маг в коридоре скучно, без всяких спецэффектов, упал. Ну вот! А я думал – у него голова взорвется! Мозги, ошметки там кровавые по стенам…
– Есть! – радостно сообщил я, оборачиваясь. – Есть! Сихот тебя, Ри, побери!
Вся адская пятерка вповалку валялась на полу. И «жало» и не-«жала»…
– Ри, я же сказал – аккуратно! – заорал я, кидаясь к ней.
Через пару секунд понял, что все не так страшно, как мне подумалось. Все были в сознании, лупали мутными глазами и вяло шевелились. Ри – тоже. Хоть у нее носом текла кровь, но осмотр показывал, что она – нормальна! Не так, как тогда.
– Я же сказал тебе – аккуратно… – сказал я, осторожно переворачивая ее с боку на спину. – Вот дурында…
Рината слабо улыбнулась в ответ. Муть, которая была у нее во взгляде, ушла, и, похоже, все будет нормально.
– Бум! Бум!.. Бум!
Со стороны зала донесся торжествующий вопль десятка глоток. Судя по всплескам в ментале, было использовано что-то магическое. Какое-то заклинание. Артефакты? Или маги подтянулись? Откуда они могли взяться? Подмога? Или у убитого были ученики? Вполне возможно. Что делать? Начать бодаться с ними? А сколько их там? И какого уровня? Если ученики – ясно, что ниже учителя, но ведь и пятерки у меня нет! Лежат вповалку, с трудом могут руку поднять… Сколько они будут приходить в себя? Боюсь, что я не смогу воевать и лечить их. Я тоже уже устал и не чувствую в себе сил на второй эпический подвиг. Хватит с меня одного…
Бум!
Определенно нужно валить… Но как? Зубастики же даже ходить не могут!
– Бум!
Взрыв ликования и тишина… Пауза. Вновь воинственные крики со стороны лестницы. Приближающиеся…
Сюда идут… прислушиваясь, понял я, знают, что я маг, но намерены продолжить разборки… Значит, на что-то рассчитывают. На что именно, выяснять я не хочу. Эффект внезапности давно утрачен, и желающих видеть меня «вблизи» становится все больше и больше… Как говорится: «Мораль сей басни такова: толпою валят даже льва!» В данной ситуации вижу только один выход. Будем надеяться, что все обойдется…
– Внимание всем! – обратился я к лежащим на полу варгам. – Сейчас будет немножко темно. Не пугайтесь!
В пару секунд я запихал «раненных на голову» в свой «мешок», подобрал валяющиеся чаки и, убедившись, что в коридоре никого нет, выскочил из комнаты.
«Очень удачная дырка! – задрав голову, посмотрел я в отверстие в крыше. – Что ж, спасибо, хозяин, за запасной выход!»
Взобраться по обломкам наверх не составило для меня никакого труда. Через минуту я выбрался на крышу и, не задерживаясь, «стартанул» в небо. Оставив внизу под собой замок, в котором, словно тараканы, нюхнувшие отравы, метались мелкие фигурки людей, я, мощно работая крыльями, быстро набирал высоту. Внутри – словно тикал невидимый счетчик, напоминая о «пассажирах».
Нужно быстрее их выгрузить!
Взлетев повыше и оглядевшись, я увидел, что город, в который нас привезли, находится недалеко от узкой скальной гряды, за которой видна другая, ярко-зеленая долина. Вспомнив, что долины тут имеют всего по паре-другой входов и выходов, я решил рискнуть и затратить на полет чуть больше времени, но приземлиться уже за горой. Для того чтобы иметь запас по времени, если будет погоня. Пока обойдут, пока дойдут, пока найдут… Успеем в себя прийти… Совсем другое дело будет!
Отведя назад крылья, я перешел в крутое наклонное пикирование. Воздух пронзительно засвистел в перьях, а скалы стремительно понеслись мне навстречу. Промчавшись над самыми их верхушками, я влетел в небо долины. Заложив крутой вираж, затормозил широко распахнутыми крылами. Тут же, без промедления, спланировал на горный склон, густо поросший ярко-зеленой травой, и вытряхнул варг на землю.
– Что это было? – жмурясь на свет, спросила Илона.
– Где мы? – спросила Анжи, тоже щурясь и вертя головой.
– Все живы? – поинтересовалась Кира, оглядывая своих подчиненных.
Хотя бы из вежливости обо мне вспомнили!
– Эриэлла… Все хорошо? – внимательно глядя на меня темными удивительными глазами, спросила Дана.

– Лучше не бывает… – хмыкнул я, убирая крылья.
Ну надо же! Хоть кто-то да вспомнил! Приятно, хотя мне это совсем не так важно… Ладно, все живы – и это хорошо! Теперь мне нужно думать, что делать дальше… Ри и Илону нужно во что-то одеть… Всех – покормить… Кроме этого, еще всех – подлечить… И на все – один я! А не до фига ли мне счастья, для одного?
Остаток дня был для меня трудным. Сначала – поделился с каждой варгой жизненной силой. Чтобы ходить начали. После этого, почувствовав себя так, словно целый день таскал что-то тяжелое, я плюхнулся в облачное кресло и попытался прочитать Ринате и Илоне мораль о недопустимости бесконечного и необоснованного расхода средств. На это силы нашлись. Спич был приурочен к раздаче шмотья, ибо их полупрозрачные тряпки в процессе беготни по коридорам и ведения боевых действий порвались чуть не в лоскуты. Илона с Ринатой остались практически голыми. Кира и Анжи отдали им свои куртки, но запасных штанов, естественно, у них не нашлось. Голые исцарапанные ноги, раскрашенные зеленкой, смотрелись весьма забавно, о чем я не преминул им сообщить. Впрочем, «оборвашек» это почему-то особо не задело. И вообще у меня в процессе беседы быстро возникло ощущение, что меня слушают вполуха. С большим вниманием во время моего бухтения Ри разглядывала ноги Илоны, а Илона пялилась на ее.
– Илона, чего ты там такого на Ри увидела? – наконец не выдержал я, поняв, что они меня не слушают и заняты каким-то более интересным занятием, чем моя проповедь.
– Правда ведь, что мои ноги красивее, чем у Ринаты? – ответила та вопросом на вопрос.
Честно говоря, от столь резкого перехода темы я «завис».
– У меня – красивее! – сказала, как отрезала, Рината, смерив соперницу презрительным взглядом.
– А давай у господина Аальста спросим? – предложила ей Илона и обратилась ко мне с вопросом: – Чьи ноги лучше?
Они что, охренели, что ли? Я им мораль тут, понимаешь, читаю! А они – конкурс красоты устроили! Это что такое? Мол, побухтит, побухтит да и заткнется? Все равно штаны даст!
– Для начала хорошо бы с них зеленку смыть, – холодно сказал я, – а то из-под нее ваших ног не видно. А самые лучшие ноги здесь – это вот эти…
Я звонко похлопал ладонью по правому бедру Эриэллы.
– …Самые любимые и самые прекрасные! Почему? Да потому что это – мои ноги! Все ясно?
– А вторые? Которые – после ваших? – не сдалась Илона.
– Остальные недостойны даже упоминания, – небрежно махнул я кистью руки в сторону. – Продолжим наш разговор…
Речь моя о том, что если бы кто-то не валялся, не имея сил встать, то можно было славно пограбить замок, в котором наверняка была и сокровищница, и кухня с горами еды, – тоже не нашла отклика в сердцах слушателей. Варгуши хмуро смотрели на меня, пропуская услышанное мимо своих ушей, и о чем-то думали.
«За ноги свои обиделись, что ли?» – подумал я и, поняв, что воспитательная беседа не удалась, вывалил на поляну груду своей грязной нестираной одежды, ждущей прачечной в моем «мешке». Вот вам, коль вы такие! Ройтесь! А что? Больше ничего нет! Не последнее же им, чистое, отдавать? Все равно не оценят. Постирают! Не развалятся…
Потом, одев сирот, я напрягся и создал «сумеречного охотника», отправив того на промысел в лес, начинавшийся ниже по склону. Спустя примерно час он вернулся. Правда, почему-то не из леса, а сзади, с горы, но да и Сихот с ним! Главное – барана притащил! Я сдал добычу варгам, готовить, отдал им чаки, ибо из оружия у них остались только голые ноги да пронзительный взгляд, и завалился спать – силы восстанавливать! Разбудили меня, когда уже начало темнеть. Мясо малость подгорело на костре, ну да ладно! Нынче не до жиру, как говорится… Поел и опять лег спать. Сделал для всех большую «облачную кровать», как уже делал. Все на ней и уместились. Я так устал, что пока Кира организовывала дежурство, я успел уснуть. А под утро меня растолкали.
– Чего опять? – недружелюбно поинтересовался я у «толкуна», продирая глаза.
– Кире – плохо! – испуганно прошептала разбудившая меня Рината.
– Что с ней?
– Бледная вся, в поту… и дрожит. Я стою, стою, а она меня не сменяет. Пошла посмотреть. А она…
– Пфф… – выдохнул я и потряс головой, пытаясь окончательно проснуться. – Брр!
Что за проклятая жизнь? И ночью покоя нет!

Наблюдатели

– Она… превращается? – спросил Марсус, внимательно глядя на Киру и склонившегося над ней избранного.
– Да, – кивнув, ответила Диная.
– Ну наконец-то! Я уже устал ждать, когда это случится!
– Марсус, она все равно умрет! Никакого монстра не будет. Слишком большая доза, слишком резкие и большие изменения. Ее организм такого не вынесет.
– Все равно – интересно! Как думаешь, он рыдать будет?
– Демон? Вряд ли.
– Посмотрим. Он вроде с ними нянькается. А давай двоим дадим умереть, а потом – предложим ему спасти остальных? Не за так, конечно. Сможешь же их спасти?
– Смочь-то, конечно, смогу… Только… Не будет ли это вмешательством? И как я ему объясню, что перед этим дала умереть двоим?
– Ну он же не знает, что мы за ним следим! Скажешь – случайно мимо проходила!
– Дурацкая идея! – ответила Диная.

Эри

Это был чистый треш! Все происходило адски странно и пугающе жутко. Внезапно, буквально ни с того ни с сего, аура Киры начинала «дрожать». Четко очерченные энергетические потоки «размахривались» на своих границах, уподобляясь вибрирующей гитарной струне. Колеблясь, они начинали заходить друг за друга, создавая в своих пересечениях новые цвета. Если продолжить мыслить категориями музыки, то я бы сказал, что это смахивало на неумелую попытку исполнить новую мелодию. Только вот живое тело – совсем не гитара! Боли у Киры были дичайшими. Ее внутренние органы тоже «дрожали», вторя колебаниям потоков. Тело ломало, корежило и выгибало от боли, да так, что четверо варг не могли удержать ее за руки и за ноги. Кира орала и выла совсем по-звериному. После второго приступа она сорвала голос и дальше уже только сипела. Моя попытка снять у нее боль – успехом не увенчалась. Когда нездоров какой-то орган или какая-то часть тела, то боль локализуется в этом участке и ее можно блокировать, «перерезав» нервы, идущие оттуда. В данном случае я просто не мог понять – что же у нее болит? Впечатление было такое, что источник боли – все тело! Целиком и сразу! Глянув во время приступа на ее ауру, я только присвистнул – и мысль взять часть боли на себя выбросил из своей головы бесповоротно и безвозвратно. Я столько не выдержу!
Приступы следовали один за другим, с возрастанием их продолжительности и уменьшением интервалов времени между ними. Я пребывал в полной растерянности, не понимая – что делать и как помочь? Единственное, что я мог, – это делать «поддержку». «Вливать» в нее свою жизненную энергию, пытаясь не дать ей умереть. «Всплывшее» в моей голове знание от Алатари говорило, что при таких болях и спазмах у Киры легко может отказать сердце. К концу часа борьбы я чувствовал себя практически выжатой тряпкой, но ситуация и не думала улучшаться. Наоборот! Становилось все хуже и хуже.
– Что? – опять сунулась ко мне Анжи, держащая Киру за ноги, когда та затихла после очередного приступа. – Ей лучше?
Она постоянно у меня спрашивает одно и то же! Сколько можно?! Что она все время лезет?!
– Пошла… дура зубастая! – рявкнув во весь голос, я ее от души обматюкал. – Еще раз спросишь!..
Варги, державшие Киру, замерли, вытаращившись на меня.
– Че вылупились?! – заорал я на них. – Нехрен на меня таращиться! Вам сказали – держите?! Вот все и держите! Молча!
Несколько секунд неприятной тишины.
– Все так плохо? – тихо спросила Дана, глядя мне в глаза.
– Я не знаю… – помолчав, три раза глубоко вздохнув и выдохнув перед ответом, ответил я. – Я не знаю, что с ней! Я тупо качаю в нее свою энергию… и все! Но лучше ей не становится, а я – не бесконечен!
Тишина на поляне. Варги, опустив головы, молча смотрели на своего командира.
– Может, можно… у нас взять? – спросила, подняв голову и посмотрев на меня, Илона. – Как тогда, когда ты брал у нас кровь для Даны?
Я подумал, пытаясь представить, как это будет выглядеть. Но в моей голове была лишь одна пустота. Никакой «картинки», как это делается, не возникало. Я отрицательно покачал головой.
– Я не знаю, как это сделать… – ответил я.
Угрюмое молчание.

– Я не хочу, чтобы она умерла… – неожиданно сказала Рината, не поднимая головы. – Хоть она ко мне иногда придиралась… все равно – не хочу! Она просто так… заботилась… обо всех…
В ее голосе были слышны слезы.
– Не говори так, словно она умерла, – тихо сказала Илона, – не зови Хель…
Тягостное молчание. По телу Киры прошла дрожь – предвестница начала нового приступа. Кира слабо и жалобно застонала.
«Опять, блин, опять! – подумал я. – Ладно, едем дальше! До упора! Пока будет чем, пока на ногах стою…»

Последний, только что закончившийся приступ выжал меня, как говорится, досуха. В этот раз энергетические потоки полностью слились между собой и неожиданно «зависли», не торопясь возвращаться в исходное состояние. Я «отдал» Кире последнее, что у меня оставалось… ну и еще чуть-чуть… «Сверху». В итоге – варги меня поднимали под руки с земли, на которую я позорно упал, потому что у меня отказали ноги. Никто ничего не сказал, никто не задал никакого дурацкого вопроса. И ежу было понятно, что я – все, «нулевой»…
Сихот! Был бы у меня какой-нибудь энергетический накопитель… вяло думал я, сидя на земле, ибо стоять с кружащейся головой было тяжело, я бы из него «качал», а не из себя… Не был бы сейчас похож на сосиску… Стоп! У меня же есть камни, которые я выковырял из портала! Вот я дурак! Это же накопители, заряженные под завязку!
– Хоп!
В моих руках оказался вынутый из потайного мешка большой, солидно поблескивающий гранями прозрачный камень. Закрыв глаза, я «вгляделся» в него. Да тут резерва – на пару сотен таких, как я! Если не больше… Живем!
Услышав слабый стон Киры, я открыл глаза и увидел четыре напряженных взгляда, направленных на меня.
– Все будет тип-топ! – с трудом улыбнувшись, пообещал я им. – А ну-ка, поставьте меня на ноги! Только бережно!

Очередной приступ… Сколько можно! Хочется просто лечь, закрыть глаза и не шевелиться… Я же не железный… Будь на месте Киры обычный человек, а не варга, – он давно бы уже сдох! Но Кира продолжает жить. А я продолжаю тупо качать через себя магию, превращать ее в жизненную силу и отдавать ее ей. Лью и лью, лью и лью… Кристалл кажется бездонным, и «там еще много», но я стопроцентно уверен, что не смогу опустошить его до конца. Не смогу. Где-то внутри меня словно что-то печет. Что-то очень горячее. И становится все горячее и горячее. Я несколько раз попробовал себя полечить, воспользовавшись запасами кристалла, но эффекта – ноль! Становится все тяжелее и тяжелее. Два раза уже поблевал. Ри и Илона по очереди мне кровь из носа платочком затыкают… Это магия. Внезапная «прокачка» ее в столь больших количествах плохо действует на неподготовленное к этому тело. И лечить подобное – бесполезно. Нужно воздействие убирать.
«Перегорел… – произносит в моей голове внутренний голос. – Слово-то какое… Горячее! Так просто жаром и пышет! Прямо как от тебя сейчас!»
Да, вяло подумал я, пора заканчивать… Если со мной случится «перегарыч» – я буду об этом вспоминать всю свою оставшуюся жизнь… С грустью вспоминать! И было бы из-за чего? Варгу какую-то спасал… Но чем-то же это должно закончиться! Не могут же эти приступы продолжаться вечно?!
В тот момент все и случилось. Темная вспышка! Беззвучный взрыв! Энергетические линии бешено замельтешили, словно вращающаяся насадка электромиксера на полных оборотах, и внезапно резко остановились, выстроившись в каком-то новом порядке. Мгновение спустя они полыхнули и изменили свои цвета. Варги с визгом отскочили от Киры в стороны. Уже не от Киры. Это была не она. На ее месте, в ее одежде, лежала… Кошка! Точнее – пума! Ибо кошка таких размеров – уже не кошка.
«Пипец… – подумал я, закрывая глаза и начиная валиться набок. – Вот что это было! Трансформация… Оборотень…»
– Не дайте ей убежать, – еще успел я скомандовать варгушам и вырубился, отключаясь в падении.

В отключке

Тишина. Варги растерянно смотрели друг на друга.

– Что будем делать? – спросила у всех Илона.
– Нужно ее как-нибудь… положить, – глядя на лежащую на голой земле Эриэллу, сказала Дана.
В ее голосе была слышна растерянность.
– Сначала Кира! – категорично возразила ей Анжелина. – Вдруг она действительно в лес убежит? Как мы ее потом ловить будем?
– Это… что? Это – Кира? – спросила Рината издали, с опаской вытянув шею и глядя на черную кошку, в которую та превратилась.
– Ри, не задавай глупых вопросов! – хмуро ответила Анжи. – Ты была рядом и все прекрасно видела. Так что…
– Но как такое могло случиться?
– Откуда я знаю?! Вот очнется Эриэлла – у нее и спросишь.
– Ой, смотрите! Эриэлла…
Варги обернулись туда, куда указала Ри. Эриэллы не было. Вместо нее на земле в своем мужском обличье преспокойно дрых Эриадор Аальст.
– Ну ничего себе… – прошептала Анжелина, выражая общее впечатление. – Только отвернулись, а он – опять парень! С ума сойти!
– Нужно его поудобнее положить! – с готовностью в голосе произнесла Ил. – Под голову что-нибудь… А то земля холодная… Я позабочусь! Вы пока Кирой займитесь, а я – им.
– Че это ты вдруг командуешь? – возмутилась Рината. – Анжи теперь главная. Она решит, кто что будет делать! Правда, Анжи?
– …По уставу – я теперь главная… – после длинной паузы произнесла Анжи. – Приказываю: Илона и Ри – занимаются устройством архивариуса. Организуют ему какую-то постель или подстилку. Я и Дана – занимаемся Кирой. Тоже думаем, куда и на что ее положить и как сделать так, чтобы она не сбежала…
– А это точно… Кира? – спросила Рината, переводя взгляд с кошки на Анжи.
– Ри, прекрати бояться! – сказала Анжелина. – Говорю для всех! Это – Кира! Просто… в несколько другом виде, как говорит Аальст. Если мы смогли согласиться с тем, что он бывает «разным», то нашу Киру – мы тем более можем принять!
– А она… превратится обратно? – спросила Ри.
– Конечно! – с уверенностью в голосе произнесла Анжи.
– Как?
– Аальст знает! Очнется – расскажет!
– Откуда ты знаешь?
– Уверена. Хватить болтать! Займись делом. Чем дольше они пролежат на земле – тем больше шанс, что они заболеют. Нужно срочно придумать, на что их положить! И охрану нужно организовать. Мы уже долго на одном месте. Нас наверняка ищут. А наш маг – сейчас ничего не может. Поэтому мы должны охранять.
– У нас же оружия никакого нет… – напомнила ей Дана. – Все там осталось…
– Значит, нужно что-то придумать!
– Например?
– Да хоть палки взять!
– Много палками навоюешь…
– Ри, давай, беги в лес, ветки ломай! – скомандовала Илона, опускаясь на корточки у лежащего Аальста. – У-у-у, какая штука!
Она подняла с земли большой прозрачный кристалл.
– Ил, ты дура? А ну положи обратно! Ты что, не знаешь, что вещи магов трогать нельзя? Что угодно может произойти!
– Да ладно тебе, Анжи, – отмахнулась Илона. – Ничего же не случилось. Такой камушек наверняка немалых денег стоит. Думаю, что Аальст будет недоволен, когда узнает, что он просто так валялся на земле. Все равно его подбирать бы пришлось, если отсюда вдруг уходить. Какой Аальст… богатенький… Ри! Я тебе что сказала? А ну давай, дуй в лес за ветками!
– Сама дуй! А я с ним посижу…

Озадаченный Олимп

– Ну и кто мне обещал, что она – умрет?
– Если бы он не вмешался, она бы умерла!
– Не. Ты обещала, что она умрет! Обещала! Ну и где?
– Зато у тебя теперь есть монстр, которого ты так хотел! Доволен?
– А она его – съест?

– Откуда я знаю! Посмотрим!

Эри

Открываю глаза. Морда! Я нос к носу с черной мордой какого-то хищника! Сихот, щас сожрут!
Всполошенно вскакиваю на ноги и ставлю вокруг себя щит.
Где я?
Оглядываюсь по сторонам.
Да все там же! Те же деревья, те же кусты недалеко. И хищник – это не хищник, а превратившаяся Кира! Лежит на краю кучи наломанных веток. А с другой ее стороны, судя по следу, лежал я. Это что – шутка востроумная такая? Положить нас нос к носу, чтобы я перепугался, открыв глаза. Или это – как обычно, чей-то идиотизм, не знающий границ?
– Дежурная по лагерю курсантка Илона! – подскакивает ко мне сбоку Ил и, приложив к голове руку, радостно сообщает: – Докладываю, что во время моего дежурства никаких происшествий не произошло!
Что это с ней? Чего это ее вдруг на службу пробило? Никогда за ней не замечал подобного рвения…
– Отлично, остальные где?
– Приказом старшей – курсантки Анжелины – отправлены на поиск воды. Она – вместе с ними!
– Что у вас с водой?
– Тут ее нет. Пить очень хочется…
– Сколько я провалялся?
– Почти весь день. Скоро вечер…
Да, где-то так, прикинул я, глянув на низкое солнце.
– Держи! – протянул я Илоне большой кувшин с водой из своего потайного мешка. У меня их там четыре штуки есть. На всякий случай.
– Ой, спасибо! – обрадовалась та, хватая его за ручки.
– И мне флягу набери, – приказал я и поинтересовался: – Чья это идея была – меня рядом с Кирой уложить?
– Так это Рината все. Лень ей было ветки из леса таскать. Вот и уговорила всех – вас вместе положить. Такая лентяйка!
Понятно теперь, кому я обязан своим энергичным пробуждением. Хотя Ил соврет – недорого возьмет. У нее всегда Ри виновата. Ревнует, что ли? Впрочем, это не так уж и важно. Есть вопросы поважнее. Мы уже двое суток на одном месте. Вполне вероятно, что в замке видели, в каком направлении я улетел от них после погрома. Я, собственно, и не таился. Не до того было… Нужно сваливать отсюда. Если бы не «веселуха», которую устроила мне Кира, мы бы ушли отсюда еще утром…
Я потер пальцами свои враз заболевшие от воспоминаний о прошедшей ночи виски и перевел взгляд с Илоны на Киру. Точнее, уже не на Киру, а на зверя, в которого она превратилась. Кира спала, плотно смежив глаза на своей черной, немного треугольной формы морде. У нее был влажный темный нос и большие длинные усы. Грудная клетка с проступающими из-под кожи и короткого меха ребрами равномерно поднималась и опускалась. Еще у зверя было два длинных хвоста, покрытых короткой шерстью.
«Ничего себе кошатина какая! – с невольным восхищением подумал я, оглядев ее. – Интересно, она разум сохранила или нет? Если нет – тогда… Тогда я даже не знаю, что с ней делать… Интересно, а какой смысл – в двух хвостах? Зачем – два?»
– Вот ваша фляжка! – сказала Илона, перебив мои мысли.
– Мерси, – коротко ответил я, беря наполненную флягу из ее рук.
– А чья идея была ее связать? – мотнул я головой в сторону Киры, лапы которой были связаны ее одеждой. Передние – курткой, задние – штанами.
– О! Правда я здорово придумала? У нас веревок не было, а я придумала взять ее одежду!
Ну да, вне всякого сомнения, весь позитив идет лишь от тебя, а всякая чушь – от всех остальных. Я понял…
В этот момент вдали из-за деревьев показались фигуры других варг. Илона, заметив их, энергично замахала им рукой. Варги бегом кинулись к нам.
– Что? – чуть запыхавшись, спросила у нее, подбежав, Анжелина, при этом осматривая меня с головы до ног.
– Вода! – гордо ответила Ил, подняв вверх и потрясая забулькавшим в ответ кувшином. При этом у нее был такой вид, как будто она ее добыла, пока остальные безрезультатно шарились по кустам.

– Спасибо, – сказала Анжелина, мельком глянув на него и вновь переводя взгляд на меня. – Как вы себя чувствуете, господин Аальст?
– Хуже, чем хотелось бы…
– У вас что-то болит?
– Голова трещит…
– Я могу сделать массаж шеи, – обворожительно улыбаясь, сбоку влезла с предложением Илона. – Он очень помогает от головных болей.
Я еще из ума окончательно не выжил, чтобы пускать себе варгу за спину! Одну уже пустил, подумал я и буркнул:
– Обойдусь!
Рината торжествующе хмыкнула. Илона многообещающе покосилась на нее.
– А Кира? – спросила меня Анжи. – Что с ней? Она как?
– Сейчас посмотрю, – вздохнув, пообещал я. – Умоюсь только…
– Я могу полить! – с готовностью предложила Илона.
Что-то ты, подруга, напрягать начинаешь… Назойливостью…
– Дана, ты мне поможешь? – поинтересовался я, повернувшись к ней.
Та, ни слова не говоря, сделала пару шагов, нагнулась, подхватывая кувшин за ручки.
– Где? – коротко спросила она меня, выпрямившись.
Та-ак, Дана не в духе. С чего это?
– Попейте сначала, – сказал я варгам.
И успокойтесь, добавил про себя.

Разноцветные линии плетут замысловатый узор перед моим «внутренним взором». Я внимательно вглядываюсь в него, пытаюсь вспомнить – похож он на «рисунок» Киры или нет? Вроде похож. Я не запоминал специально ее «ментального портрета», и поэтому мне сейчас сложно определиться. Я хочу понять – сохранился ли в этой кошке разум Киры?
– Ну что? – шепотом спрашивает из-за моего плеча, не выдержав, Ри.
Наорать на нее, что ли, чтобы под руку не лезла? Пожалуй, не стану. Она вся какая-то испуганная и настороженная.
– Не знаю, – отвечаю я, открывая глаза, – похоже, разум она сохранила. Но все станет окончательно ясно, когда она проснется.
– Она будет… говорить?
– С чего бы это? Вы где-нибудь видели говорящих зверей?
– Кира – не зверь!
– Но в теле зверя! И даже если она сохранит свое «я», это совсем не значит, что она будет говорить. Ей просто нечем это делать. Горло и пасть у животных совсем по-другому устроены, чем у людей.
– То есть она будет все понимать, но ничего не сможет сказать в ответ? – уточнила Анжи.
– Что-то типа того. Ну может, мяукать будет или рычать в ответ. Шипеть еще может.
– Ужас… – произнесла Ри, расширенными глазами глядя на то, во что превратилась Кира. – Как такое могло случиться? Почему?
Хороший вопрос! Я бы и сам хотел узнать. Вдруг, бах-трах – и вот нате вам двухвостую кошку вместо варги! Очень внезапно, я бы так сказал.
Может, мои опасения насчет того, что магия моего «мешка» опасна для варг, верны? Но почему тогда – только Кира? А остальные? Почему они бегают как ни в чем не бывало?
– Это же… не болезнь? – меж тем спрашивает меня дрогнувшим голосом Рината. – Это… не заразно?
«Э, да она боится! – доходит до меня, когда я прислушиваюсь к ее эмоциям. – Боится повторить путь командира! А что? Ее опасение вполне имеет право на существование, пока не доказано иного. Если это действительно заразно, то все мы – инфицированы, поскольку толчемся в одной куче, и поэтому скоро сами обзаведемся усами и хвостами… Кто выживет, конечно… Чувствую ли я в себе какую-то пакость? Вроде нет… Впрочем, Кира до последнего момента тоже выглядела нормально. А потом ее скрутило, считай, буквально за час. Так что еще не доказательство, что я ничего не чувствую. Но где можно было подцепить эту заразу? Не в лесу же! Откуда она там? В гареме? Тоже маловероятно… Хотя вполне возможно… Если тот старый шептун собирал себе самок со всего света… Могли и экзотику какую-нибудь с собой притащить… Ждала где-нибудь до поры до времени… А тут мы… Ну она и обрадовалась! Однако это совсем не походит на вирусное или микробное. Произошла полная перестройка организма. Какому вирусу или микробу это под силу? Сколько информации он должен нести в себе, для того чтобы сотворить такое? Да в него просто не поместится столько! Это что-то явно магическое… А где? Где можно было хватануть? Маг из замка постарался? Применял на нас какие-то заклинания, вызывающие мутацию? А на кой использовать в скоротечном близком бою заклинания с отсроченным

действием? «Посмертное проклятие» успел наложить? Да ничего подобного! Ри ему так вкатила, что он как стоял, так и упал. Рта открыть не успел, как без мозгов остался! Не, это не он. Тогда? Стоп! Мутация… ротация, фигация, первертация… Что-то такое вертится в голове… Что-то… Точно! Подземелье! Лаборатория! Книга!
– Хоп! – В моих руках появляется книга, которую я «прибрал» из сейфа в подземелье в свой «мешок». Я так и не удосужился ее толком раскрыть с тех пор. Все какие-то катаклизмы вокруг приключались…
«Основы теории модификации организмов», автор – архимаг Адольф Лебенс, как гласит надпись на ее обложке. А где-то тут, в самом начале был рисуночек… Вот он! Шестигранная банка со свинченной крышкой и насыпанной рядом с нею, конусом, кучкой порошка. «Мутаген-модификатор» – подпись под рисунком. О-ля-ля! А Кира ведь только что мутировала! Какое, право слово, совпадение! И что тут еще пишут про этот порошок?
– Что там? – спросила Анжи, увидев у меня в руках книгу. – Вы поняли, в чем дело?
– Подожди, не мешай, – ответил я ей, углубляясь в чтение.
Пять минут спустя захлопнул книгу, закинул ее обратно в «мешок» и обвел взглядом молча смотрящих на меня варгуш.
– У нас проблемы, – коротко сказал я.
– Какие? – спросила Анжелина.
– Серьезные. Вот это… – Я вынул из загашника шестигранную, с завинченной крышкой банку и, держа ее обеими руками, слегка потряс. – Это отрава. Модификатор. Мы все надышались этой дряни, когда восьминогая зараза била банки, гоняя нас по хранилищу. Помните? Так вот, отрава начала действовать. А действие ее – вы видели на примере Киры. Модификатор «переворачивает» тело, превращая его непонятно во что. Как это предотвратить, я не знаю!
Оглушающая тишина.
– Что, мы все… превратимся в кошек? – тихо спросила Дана.
– Те, кто успеет до того, как превращусь я, – да. Те, кто будет превращаться после меня, – скорей всего, умрут. Не выдержат превращения…
Вновь долгая тишина.
– Неужели ничего нельзя сделать? – наконец подала голос Анжи.
– Я с подобными ситуациями раньше не сталкивался. Постараюсь прочесть найденную книгу, но может случиться так, что меня «шарахнет» до того, как я ее успею закончить. И сколько мне потребуется еще времени, чтобы понять и повернуть действие модификатора вспять… Да и есть ли в ней необходимые знания?!
– Значит, мы все – умрем? – тихо спросила Ри, глядя на банку в моих руках глазами с расширенными зрачками. – И это что… вся моя жизнь? Вот это… и все?
Никто ей не ответил. Варги смотрели в разные стороны, видно, думая о том же.
– Не боись, рыжик! Наш Эри что-нибудь придумает!
Илона подняла голову и улыбнулась. Хотя улыбка вышла очень натянутой и скорее была похожа на оскал, но все равно это была улыбка!
Подойдя ко мне, Ил фамильярно похлопала меня по плечу.
– Придумаешь? – спросила она, заглядывая мне в лицо и продолжая улыбаться застывшей улыбкой. – Ты же у нас умный! Придумай, а? Очень подыхать не хочется…
– Мне тоже, – оскалился я ей в ответ.
– Тогда – читай!
– Ррр… – донеслось со стороны.
Глянув в сторону звука, я увидел, что Кира проснулась. Подняв голову, она смотрела на нас нехорошим взглядом зеленых кошачьих глаз.
– Кира? – спрашиваю я, глядя ей прямо в глаза.
– Ррр…
Кира опустила голову, посмотрела на свои связанные лапы, на тело. Потом подняла голову и с удивлением взглянула на меня. Внезапно выражение удивления на ее морде сменилось выражением страха и непонимания. Зарычав, она забилась на земле, пытаясь освободиться.
– Назад! – заорал я на сунувшихся было к ней варг, представив, как они попадают под ее когти, и схватил Киру «вторыми руками».
– Ну Кира, ну девочка, ну тихо, тихо, тихо… успокойся… все хорошо… хорошо… – забормотал я, при этом по максимуму транслируя в ментал чувство дружелюбия и доверия. – Тихо, тихо… – уговаривал я замершую и тяжело дышащую на земле Киру. – Вот молодчина, молодчина… Кира, ты меня понимаешь? Если да – то кивни два раза…
Пауза. Неотрывно глядя на меня, Кира медленно кивнула. Потом еще раз. Варги за моей спиной дружно вздохнули.
– Отлично! – сказал я. – А теперь – помотай головой и кивни три раза.
Черная кошка помотала головой и кивнула три раза.

– Кира, понимаешь, тут случились кое-какие внезапные трудности… Твои девочки тебе расскажут. От себя хочу сказать, что ты сейчас в другом теле. Это – не смертельно. Ты же видела, что я превращаюсь то в Эриэллу, то в Эри и до сих пор жив? Ничего страшного в этом нет. Просто тебе будет немного «странно» и придется привыкнуть. Вполне возможно, что твое превращение – не навсегда. Я сейчас буду читать одну умную книжку, в которой, как я очень и очень надеюсь, есть описание того, как вернуть случившееся назад. Ты поняла меня? Кивни, если да.
Кира кивнула.
– Хорошо. Сейчас тебя развяжут. Никуда не убегай. В лесу могут быть хищники и люди с оружием. А ты еще не привыкла к новому телу. Тебя могут ранить или убить. Ты – поняла?
– Ррр!
– Вот и умница. Развяжите ее и дайте ей воды! – приказал я варгам.

– Что?
– Дане плохо… – тихо сказала Илона.
Я прошипел сквозь стиснутые зубы.
После превращения Киры на следующую ночь стало плохо Анжелине. Но я уже знал, что нужно делать. Сразу достал из «мешка» новый кристалл и пошел работать якорем, не давая Анжи «сорваться в страну вечной охоты». Когда я пользовался первым вынутым из портала «камешком», я легкомысленно подумал, что мне его не исчерпать. А вот как бы не так! Я его потом «посмотрел». Практически пуст! И не особо спешит наполняться. По идее он должен быстро восстанавливаться. В работе портала не должно быть перерывов. Но использованный аккумулятор почему-то медленно заряжается. В чем причина? Может, в портале есть какое-то заклинание, ускоряющее «зарядку»? Вполне возможно. Я ведь так и не занялся исследованием того, что скопировал в подземельях и в лесном приюте. Все время что-то вокруг происходит. И все из-за варг! Теперь вот они по очереди «дохнуть» взялись… Нет, ну на кой я с ними связался? Воистину сделал доброе дело – спрячься, чтобы осколками благодарности не зацепило… Хорошо хоть еще, что «дохнут» по очереди. Двоих сразу я стопроцентно не вытяну. И хорошо, что кристаллов в портале было ровно шесть. Совсем не хочу выбирать, кого из варгуш «оставить», а кого – «слить». Если честно, то самые большие шансы на «слив» как раз у меня. Если я потеряю сознание от боли, то мне – каюк!
– Быстрее! – торопила меня Ил.
– Ты еще покомандуй тут! – хмуро сказал я, доставая кристалл. – Иду…

«И я понимаю, что я пролетаю…»

Выпятив сжатые губы, я задумчиво похлопывал ладонью по закрытой книге, лежащей у меня на коленях.
Очень неудачно. Халява не случилась. Книгу я прочел. Но понял из нее, как говорится, только в целом. Такого, что я читаю, а в голове всплывают подробности, – не произошло. Похоже, что эти знания оказались в той самой части, которую Хель «недовложила» мне в голову. Дабы я «не треснул», как она тогда сказала… Короче, с книгой нужно разбираться. Разбираться, пробовать и экспериментировать. На что сейчас совершенно нет времени. Каждую ночь под утро кого-то «прихватывает». Я два часа не даю «прихваченному» сдохнуть, а потом, после его превращения, отключаюсь сам, где-то до вечера. Режим – совершенно неподходящий для исследований. Тут уж не до жиру, быть бы живу! Аж зло берет! Ну что стоило Хель положить в мою голову еще какую-то капелюшечку! Ну выкинула бы какую-нибудь хрень, о которой я не знаю.… Не знаю – не жалко…
Без цели обводя взглядом окрестности, натыкаюсь на странный взгляд Илоны. Варг осталось две. Она да Рината.
– Чего? – агрессивно спрашиваю я.
Настроение у меня такое, что сейчас с удовольствием с кем-нибудь поцапаюсь.
Илона в ответ неопределенно пожимает правым плечом.
– Чего хотела? – не отстаю я от нее.
– Да так, – опять пожимает она плечом. – Будь ты Эри – я бы сказала. А так… Какой смысл?
Да. Я сейчас – Эриэлла. Я теперь часто превращаюсь. После Киры превратился в Эри, после Анжи – в Эриэллу. Я уже было подумал, что мое «перекидывание» связано с падающей на меня нагрузкой. Киру я еле вытянул – и изменился. Второй раз, с Анжи, тоже было очень тяжело. И я вновь «перекинулся». Только после Даны ничего не произошло. Но и с ней было как-то так, полегче. Может, потому что я ее уже лечил? Или, может, я начал

привыкать? Стал быстрее приходить в себя, уже не так жжет внутри, когда я качаю через себя магию кристалла…
– И что бы ты ему сказала? – продолжаю я приставать к Илоне. – Чем тебя Эриэлла в данный момент не устраивает?
– Попросить его хотела, – сделав наглое выражение лица, отвечает мне Ил. – Чтобы он меня трахнул, до того как я в кошку превращусь. Хочу попробовать – как это? А то у нас столько болтают про… любовь. Сдохну – вдруг и не узнаю… Передашь Эри мою просьбу, а? Ты ведь его увидишь, Эриэлла? Или – нет?
Я, честно говоря, выпал в осадок от такого заявления. Несколько секунд молча таращился на нее, а потом разозлился еще больше. Она что, претензии мне какие-то высказывает? На что-то намекает? Да она обнаглела! Ласки захотелось? Ладно, сейчас будет!
Я вскочил на ноги и, обвив Илону невидимыми руками, резко притянул к себе.
– Какая ты нехорошая девочка, Ил… – прошептал я почти в ее губы, держа ее своими обычными руками за талию. – «Трахнул»… такое грубое слово… Никакой романтики!
Илона попыталась освободиться, но у нее ничего не получилось.
– Почему ты дергаешься? – прошептал я, глядя практически в упор в ее голубые глаза. – Разве я тебе не нравлюсь?
– Пусти… – сердито прошипела Илона.
– Зачем? Ты такая красивая…
Я поднял руку и неспешно повел указательным пальцем по ее щеке, от виска вниз, к подбородку. Одновременно с этим мягким прикосновением я активировал «шок любви» распыляя заклинание во все стороны. Так, как я когда-то это делал на балу, танцуя танго со Стефи.
Илона распахнула глаза и пропустила вдох. Я показушно-шумно принюхался, громко втягивая носом воздух.
– Мне нравится, как от тебя пахнет… наглая девчонка… Ты ведь с самого начала этого хотела, да?
– Нет, – прошептала в ответ Илона, – нет…
Ее начало потряхивать, а глаза полузакрылись.
– Ты перечишь мне? – удивился я, вкладывая в заклинание больше силы. – Нахалка, ты просто не представляешь, что я могу с тобой сделать…
– Что?.. – пролепетала Ил, с закрытыми глазами подставляя мне полуоткрытые губы.
Хм! А действительно. Что мне с ней дальше-то делать?
– Мм… У меня есть для тебя столько сладких мук, что я, право, даже не знаю, что выбрать… Придумала! На первый раз я тебя – поцелую! Хочешь, чтобы я тебя поцеловала?
– Да… – вытягивая вперед шею, прошептала Ил. Ее грудь бурно вздымалась. Похоже, ей не хватало воздуха.
Я ослабил свои объятия, облегчая ей дыхание.
– Проси…
– Что?
– Проси тогда, чтобы я тебя поцеловала…
– Поцелуй… меня…
– А ты потом будешь послушной девочкой?
– Да…
– Будешь всегда-всегда слушаться меня с первого слова?
– Да… Поцелуй…
Илона явно «поплыла». Как-то наклонилась набок и обмякла в моих руках.
– Смотри… Не будешь слушаться – больше никогда не поцелую!
– Да…
Я «приоткрыл» свой ментальный щит, чтобы слышать ее чувства, и наклонился к ее губам.
«Ну и Сихот с ним! – подумал я. – Неизвестно еще, кто переживет следующий день. Почему бы не получить немножко удовольствия? А то один «нервяк» сплошной кругом… Да. Это мне сейчас – нужно! – вспомнил я о клятве, данной мною Стефании. – Это не для развлечения, а для приведения своей нервной системы в порядок…»
Мои губы слега прикоснулись к мягким губам Ил, и в этот миг я «кастанул» на нее заклинание «шок любви». Откинув голову назад, Илона совсем по-звериному завопила в ясное небо, вцепившись обеими руками мне в плечи. Прижав к себе ее выгнувшееся назад тело, я «слушал» восхитительный поток чувств, пронзающих его. Это было – замечательно! Так ярко, остро! Необычно!
Суккубство, конечно, извращение, некоторое время спустя подумал я, «прислушиваясь» к затихающей Ил, но как всякий извращение, он… требует повторения!
И Ил вновь забилась в оргазме в моих руках.

Хватит, сказал я себе после второго раза, подхватывая потерявшую сознание Илону на руки, иначе я из нее нимфоманку сделаю… Двух раз хватит и для меня и для нее. Как бы ни были прекрасны извращения, главная проблема их состоит в том, что потом от них сложно избавиться… Раз выпущенные на свободу, они обязательно попытаются стать всей твоей жизнью… Вот зачем я сегодня нарушил предупреждение Абасо и данное самому себе слово? Оправдался будущей возможной смертью? Ой ли! Это просто обыкновенная душевная слабость! Просто захотелось, и я, не задумываясь, пошел на поводу у своего желания… Я – разлагаюсь… Я становлюсь мягкотелым…
Я вздохнул, укладывая Илону на созданную «облачную постель». Отвел рукой в сторону волосы, закрывшие ее лицо.
Забавная, подумал я, глянув на выражение ее лица с оттопыренными губками, «натрахалась»…
Вздохнул еще раз. Глянул вправо, туда, откуда давно чувствовал направленное на меня внимание. Там, в кустах, торчали три кошачьи морды разного окраса и шесть вертикально стоящих, чуть подрагивающих на концах хвостов. Морды внимательно разглядывали меня своими вертикальными темными зрачками. Рядом с ними – голова Ри, но уже с круглыми, варжьми глазами, и без хвоста.
Все в курсе. Кто бы сомневался… хмыкнул я про себя, отворачиваясь, но это меня не волновало. Сейчас у меня другие проблемы…

А ночью Илоне стало плохо…
Я вытянул ее, но было сложно. Зря я обрадовался после Даны, что уже привыкаю. С Ил я провозился даже больше всех. И тут же скопытился рядом с ней, когда все закончилось. Прямо как тогда, в первый раз, с Кирой… Проснулся уже как обычно, под вечер. Разлепил глаза, зевнул, потянулся. Обратил внимание на свои руки. Я опять – превратился! Опять я Эри. Все же с Даной вышло тогда легче, наверное, из-за того, что я ее серьезно лечил. Если бы я привык, то с Илоной должно было быть так же, как с нею. А вот не так…
Пару минут еще повалялся, потом встал и отправился смотреть – как там Ил себя чувствует?
Илона уже пришла в себя. Она превратилась в очень симпатичную кошку с белой шерстью, по которой щедро были разбросаны небольшие черные пятнышки. К белой шерстке у нее еще прилагались ярко-голубые большие глазки, розовый носик и большие длинные усы. Очень миленькая киса такая вышла. Прямо – игрушка. Хоть сейчас на витрину магазина.
Вообще я заметил, что после превращения у новых тел варг цвет шерсти был таким же, как и цвет их волос. Кира – черная шерсть, зеленые глаза. Анжелина – шерсть цвета светлого каштанового ореха, желтые глаза. Дана – темная шерстка, темные, слегка удлиненные глаза. Как была она похожа на японку или китаянку, так и осталась похожей. Единственно, вот только Илона… Волосы у нее были – светло-золотистыми, а шерсть вдруг получилась белой с пятнышками. Интересно, почему? Однако глаза как были, так и остались – большими и голубыми. Которыми она смотрела по сторонам с ошарашенным видом. Представляю, что у нее сейчас в «черепушке» творится! Ходила на двух, а тут – четыре лапы! И запахи. Наверняка на нее сейчас просто море запахов обрушивается. Бедная Ил!
– Ну что, красавица? – сказал я, присаживаясь перед ней на корточки и осторожно прикасаясь рукой к ее шее. – Как себя чувствуешь? Ну-ка, давай, посмотрим… Да ты молодчина! Все у тебя хорошо… Умничка, кушать хочешь?
Илона ошарашенно моргнула в ответ. Похоже, кушать она захочет не скоро… Не в себе. А вот кое-кто и не прочь перекусить…
От меня не укрылось одобрительное похлопывание кончика одного из хвостов Киры о землю при слове «кушать». Вот она уже адаптировалась и отсутствием аппетита не страдает. Впрочем, они все, обращенные, не страдают. И едят – больше чем варги. Видно, наращивают мышечную массу. А то худые получились – смотреть жалко. Ладно, пусть едят, пока есть возможность. После моего превращения неизвестно, как там с едой будет…
– Сидите все тут, – приказал я варгам, вставая на ноги, – я сейчас отправлю в лес «охотника», вам за едой. Если попадетесь ему – сами добычей станете!
– Мрр… мрр… – отозвалась Кира.
Вот тебе и «мр-мр», кошатина, подумал я, создавая заклинание «сумеречный охотник», а вообще интересно – что вы за звери? Судя по двойным хвостам, порода – одна и та же…
«Охотник» ушел в лес, а я, проводив его взглядом, повернулся к Ри, стоявшей рядом со мною.
– Ри, – спросил я, глянув на ее нервно сплетенные пальцы, – а что это за звери такие? Не знаешь?
Я кивнул в сторону обращенных варг, показывая, каких именно зверей я имею в виду.
– Нет, – отрицательно покачала она головой, глянув в указанную сторону. – Не знаю.

– И таких у вас не водится? – уточнил я. – Двухвостые звери – заметные штучки… Не слышала о таких?
– Нет, не слышала…
Кира громко и насмешливо фыркнула и мотнула головой.
Рината испуганно глянула на нее и тут же отвела взгляд.
– А вот Кира, похоже, знает… Ри, ты слышишь мысли Киры? А ну-ка, скажи, что она думает?
– Ррр, – зарычала Кира, задрав верхнюю губу и обнажив острые зубы и два белых клыка, – ррр…
Взгляд ее ярко-зеленых глаз, обращенный на Ринату, наполнился яростью.
– Ой! – ойкнула Ри, отскакивая ко мне за спину. – Я не слушала! Честно-честно!
Черная кошка перевела взгляд на меня. В ее черном горле клокотало негромкое предупреждающее рычание.
– Уймись, – сказал я, глядя ей в узкие вертикальные зрачки. – Это была моя идея. Я забыл, что там у тебя какие-то тайны в голове. Все, забудь. Меня они не интересуют. Живи с ними дальше. Успокойся.
Кира замолчала, перестав рычать. Только два ее вертикально поднятых черных хвоста напряженно подрагивали, показывая, что она нервничает.
Мы еще некоторое время посмотрели друг на друга, я дождался, пока Кира отведет глаза в сторону, и повернулся к Ринате.
– Пойду приведу себя в порядок, – сказал я ей, – а ты пока сиди тут. Потом приду – поужинаем…
– А можно, я с тобой?
– Гм… Гм. Это будет… пожалуй, неудобно.
– А… ну да… – сообразив, что она сказала, опустила голову Ри.
– Эй, кошки! – обернулся я к варгам. – Ринату не обижайте. Она – ваша, а вы – ее! Усекли?
Дана и Анжи одновременно, соглашаясь, покивали – да, мол, поняли. Кира не шевельнулась, лишь хвостами дернула, вновь пристально глядя на Ри.
– А ты – не бойся, – сказал я, поворачиваясь уже к Ринате. – Они такие же, как и ты. Все. Я пошел. Занимайся!

Догорающий костер играл над угасающими углями красными лепестками огня, создавая движение теней вокруг себя. Над головой – темно-синее, кое-где почти черное – небо с яркими звездами. Сидя рядом с Ринатой у костра, на теплом бревнышке, я пялился в небосвод. Скоро – ночь. Варги сожрали вчетвером здорового горного барана и завалились спать, захапав себе всю подстилку из веток. Привалились друг к другу – и спят. Они типа больные. А я типа здоровый, их охраняю.
Вообще оборзели… Кира могла бы уже и подежурить. Четыре дня ведь прошло… Ладно, Сихот с ними, пусть спят. Да и есть ли смысл – «разборками» заниматься? Завтра – это может не иметь никакого смысла… Или послезавтра… Не чувствую я в себе сил на это… Ни моральных, ни физических… Я – конкретно сдал… По идее нужно достать книжку да почитать… А вдруг мысль придет? Но вот сидел, смотрел на звезды и… и совершенно не ощущал себя способным на мыслительную деятельность! Так хорошо сиделось… Тихо… Спокойно…
Рината вот только рядом картину мироздания портила. Трясло ее. Дрожала. Страшно ей. Или холодно? Под вечер тут холодает…
«Прислушался» к Ри… Ей одновременно – и холодно и страшно. Успокоить, что ли? А то бревно скоро дрожать начнет…
Со вздохом опустил глаза с небесных светил на грешную землю и достал из своего «мешка» одеяло. Придвинулся к Ри и, накинув его ей на плечи, закутал ее в него.
– Не бойся, – сказал, обхватив ее в одеяле и прижав к себе, – ты будешь из нас двоих сегодня первой. Я тебя «вытащу». Как остальных.
– А я и не боюсь… – явно храбрясь, произнесла она после удивленной паузы. Видно, никак не ожидала от меня этого жеста неслыханной доброты – с одеялом.
– Тогда – не мерзни, – сказал я, не выпуская ее из объятий, – смотри, какие нынче звезды! Под такие звезды – девушкам стихи читают!
Задрали вдвоем головы вверх. Прижавшись друг к другу, смотрели на сверкающее великолепие в небе.
– Мне никогда не читали стихов… – сказала Ри, оборачиваясь ко мне.
Тени ложились на ее лицо, делая ее глаза – таинственными черными провалами, из которых поблескивали, отражаясь, то ли звезды, то ли гаснущие угли костра. В воздухе – легкий запах дыма, запах ночного леса, запах сухих листьев и травы. И еще – запах Ри… Приятный и… почему-то волнующий.

– Хорошо, – уступчиво произнес я, – тогда буду первым. Первым, кто прочтет тебе стихи под звездами…
Я поднял голову к небу и начал негромко произносить строки, которые, как мне кажется, очень подходили к текущей ситуации…

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя…
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,

А потому, что с Ней не надо света
[41]
.

Ри плотнее закуталась в одеяло и еще больше прижалась ко мне.
– Красиво, – тихо сказала она, глядя в небосвод, – это ты сам придумал?
– Увы… – ответил, – не стану присваивать себе плодов чужого горения чувств. Это – стихи одного… не местного поэта. Ты его не знаешь.
– А… Ага. А еще?
– Еще стихов?
– Угу!

– Хм… Ну скажем, вдруг при упоминании женственности… «Я… вспоминаю твой мягкий жест, и голос твой, и взгляд»
[42]
.

– Правда?
– Что правда?
– То, что ты сказал сейчас?
Хм… Как-то она эмоционально… сказанное воспринимает. Причем непременно на свой счет. Это же просто стихи! В них речь идет не обо мне и о ней. А о некой абстракции! Она что – не понимает? Просветить?
Я посмотрел в полное восторга и восхищения лицо Ри, потом мой взгляд задержался на ее губах, и неожиданно для себя, вместо того чтобы честно сказать ей, как есть все на самом деле, я произнес:
– Ну… что-то вроде того…
И замер от неожиданности!
– Правда? – с сияющими глазами спросила Ри и добавила, слегка наклоняясь ко мне: – Я тебе нравлюсь? Скажи, ты меня… Любишь?
Я несколько секунд смотрел ей в глаза, чувствуя свое внезапно заколотившееся сердце, а потом из меня внезапно «поперло»… И я высказал ей целиком пушкинское «Я вас люблю – хоть я бешусь…».
Ри закрыла глаза и подалась вперед, подставляя мне свои полуоткрытые губы. Секунду я колебался, затем что-то внутри меня начало клонить мою голову к левому плечу… Еще… еще… Еще! И мои губы соприкоснулись с ее губами! Меня тряхнуло, словно от электрического разряда.
«Че творим?» – где-то из затылка бодро поинтересовался мой внутренний голос.
«Пофигу!» – ответил я ему и запустил руки под одеяло, к Ри.
Через еще один поцелуй оно полетело куда-то во мрак, а Рината оказалась у меня на коленях. Так было удобнее! Потом я еще сколько-то там целовался с ней, с каждым поцелуем сдвигаясь мозгами куда-то в сторону восхитительно-неосознанного. И в какой-то миг они, мозги, отключились окончательно, а тело решило, что поцелуев явно недостаточно.

«Варги! – остатком ускользающего разума подумал я, торопливо расстегивая пуговицы на камзоле Ри. – Нужно поставить «палатку»! И «круг тишины»…»

Ночная зарисовка

Из темноты на происходящее у почти погасшего костра внимательно смотрели два зеленых кошачьих глаза. Их узкие черные зрачки нехорошо сузились, показывая, что кошке явно что-то не нравится.
Рядом с зелеными глазами появились голубые. Затем, некоторое время спустя, в темноте возникли еще глаза – желтые и темные, таинственно поблескивающие отблесками огня костра. Желтые глаза насмешливо фыркнули. Черные – плавно опустили веки и, закрывшись, пропали во мраке. В голубых глазах – остались возмущение и вопрос.

Невмешательство

– Ну ты ей сделала тройню? Или сразу «шестерню»?
– Отстань, Марсус! Ничего я ей не сделала!
– Почему? Ты что, с ума сошла?! Такой момент – а ты ничего не сделала!
– Ты же видишь, что она уже превращаться начала? Какой смысл делать ей детей, если у нее через несколько часов будет новое тело?
– Это что – проблема для тебя, что ли? Остановила бы превращение. Ты богиня жизни или кто? Не соображаешь, что ли?!
– Не ори на меня! Не в казарме!
– Очень жаль, что не в казарме! Там бы я тебе быстро объяснил, что такое – служба!
– Не сомневаюсь! Но, увы и ах, мы не там! Так что уж Мираночке своей объясняй, что такое служба! Понял?! А я по-пустому рисковать не собираюсь!
– Ах ты, пацифистка проклятая! Все вы такие, соплежуи! Все – за мир и спокойствие! А как возьмут за задницу лихие времена – враз начинаете бегать и плакаться, слезами умываясь, искать – кто бы ваш зад прикрыл!
– За словами своими следи, «железный лоб»!
– Курва зеленая!
– Фригидоносец!
– Чего я там… носец?
– Башки пустой!
– Сама дура!
– Какая чудная по своей экспрессивности и содержательности беседа, – произнесла с чарующей улыбкой Хель, неожиданно появляясь рядом со спорщиками.
– Ой! – сказала Диная, исчезая.
– …! – непечатно выразился Марсус.
Огорченно махнул рукой и тоже исчез.
– Но куда же вы? – в недоумении развела руками Хель. – Вы же ведь только начали!
В голосе богини смерти была слышна неприкрытая ирония.

– Мы… Знаешь… Насчет избранного… Они ничего не собираются делать! Все в ожидании – когда все само собой рассосется!
– Они… Кто именно?
– Диная. Такой момент был – кучу отпрысков избранному заделать! А она заявила: «Не хочу рисковать!» Представляешь?
– У-у-у-у, гадина… А меня ведь в спину пихала – давай-давай! Ради всех! А я, как дура, уши развесила! Поверила…
– Что делать будем?
– А что она тебе еще сказала?
– Сказала, чтобы я тебя жизни учил… в казарме.
– Пфф… Даже так? Ладно! Я не знаю, что делать с избранным, но вот что сделать с этой змеей – обязательно придумаю! Клянусь!

Эри

Мне было стыдно. Второй раз испытывал это чувство с варгами. Первый раз был тогда, когда Дана про кошек рассказала. А второй – сейчас. Сижу – и мне стыдно-стыдно. За все.

За стоны Ри, за свою «животную страсть»… За то, что я напрочь забыл, как Дина надела на меня ошейник и я обещал им за это всем отомстить. Еще стыдно за то, что я нарушил свои жизненные принципы, по которым жил и которыми так гордился… Я оказался мерзко слаб и немощен. Не смог совладать с желаниями тела, когда рядом оказалась симпатичная самочка. Позволил ему, этой куче мяса и костей, взять верх над моим духом! Над моим «я»! Сихот, какой позор… И если со Стефанией все случилось внезапно (я так до сих пор не понял – что же тогда произошло?), то тут все было неторопливо и классически. Небо, звезды, стихи, объятия, поцелуи… Я мог ведь остановиться на любом этапе! Я же понимал каким-то последним разумным кусочком мозга, что происходит и куда я двигаюсь… Точно помнил этот слабый голосок разума, шепот которого я проигнорировал! Отмахнулся! Заткнул на него уши! Пошел на поводу низменных инстинктов тела. А вот теперь мне стыдно. Я «потерял свое лицо». Потерял – перед самим собой. Да, я могу убить варг, могу убить еще каких-нибудь свидетелей. Птиц, например. Могу выжечь в округе лес, чтобы даже деревья… Но что это изменит? Что? От себя не убежишь. Я теперь всегда буду помнить, что я сделал и как оказался ничтожен и слаб…
– Мрр? – отвлекая меня от черных мыслей, вопросительно мурлыкнула Илона. Стоя на задних лапах, она передними упиралась в «воздушную подстилку» со спящей Ри. Ринаta так же, как и остальные варги, под утро превратилась в двухвостую кошку с рыжей шерстью. Я ее «вытянул» и, по ставшей уже привычной последовательности развития событий, «отрубился» сам. А потом, проснувшись, как обычно, под вечер, увидел, что я вновь – Эриэлла! Задолбали уже эти превращения!
– Мр-р-р? – вновь мурлыкнула Ил, осторожно понюхав Ри и повернувшись ко мне.
– Чего тебе? – хмуро поинтересовался я. – Видишь, спит человек… Точнее, варга спит… Или… Короче! Не лезь к ней, пока она не проснется! Уйди!
Ил оттолкнулась лапками от «воздушной подстилки» и мягко опустила их на землю. Легко и неслышно ступая «переваливающейся» кошачьей походкой, она направилась ко мне.
– Мр-р-р… р-р-р… р-р-р … мяу… мр-р-р!.. – сообщила она, подойдя и глядя на меня снизу вверх голубыми большущими глазами.
– Несомненно, – мрачно ответил я, – я прям так все и понял!
– Мр-р-р… р-р-р… р-р-р… мяу!.. – вновь попыталась донести до меня свою важную мысль Илона.
– Уйди, старушка, я в печали… Отстань! – сделал я рукой жест в сторону. – Жрать, что ли, хочешь?
Илона несколько секунд удивленно посмотрела на меня, забавно округлив глаза, потом презрительно чихнула и, развернувшись ко мне спиной, удалилась, гордо вышагивая и высоко задрав вверх хвосты и голову.
«Ну и вали, – подумал я, провожая ее взглядом, – вообще дурдом какой-то. Я разговариваю с кошками! Что за сюр вокруг творится?»

Три дня спустя

Четвертый день не спеша движемся по лесу по направлению к выходу из долины. Вектор движения задал я. Поднявшись на крыльях, я сориентировался, определившись, куда нужно топать. Шли к крепости на перевале, которую я видел с высоты. Как мы будем ее преодолевать – я совершенно без понятия. Я-то перелечу, без проблем, но вот варги… Илона и Ринаta – до сих пор еще плохо ходили. Быстро уставали и иногда путались в лапах. Те из варг, которые превратились первыми, – те еще ничего. Почти адаптировались к новым телам. Уже баловаться начинали. Видел вчера, как Анжи в корнях дерева мышку ловила! Да с таким азартом! Как будто всегда кошкой была. Ну да, им только мышек ловить… На прокорм. Жрали они у меня – в три горла. Все пятеро. Я готовить не успевал. Барана на пятерых – мало! Росли они, что ли? Если да, то это замечательно, но я-то тут при чем? Я что, должен поваром всю оставшуюся дорогу работать? А кое-кто – не треснет? Короче, на второй день я им сказал:
– Знаете что, красавицы? Вы заколебали лопать жареное мясо! У вас теперь новые тела, которые, как я совершенно уверен, под такое питание в природе совершенно не приспособлены. Хватит! Будете с сегодняшнего дня жрать сырое! Понятно?
– Р-р-р, – ответила Кира, суживая зрачки. Так, словно примериваясь к прыжку.
– Р-р-р … Р-р-ры… Р-р! Ры-ры! – недовольными рыками поддержали свою предводительницу остальные. Жрать сырого никто не хотел.
– Порычите мне тут! – рявкнул я им в ответ на их недовольство. – Будете выступать – ветки у меня жевать будете! Ясно?

Промолчали. Не мявкнули. Носы сморщили и отвернулись от меня. Обиделись! Да и Сихот мне на их обиду! И так уже на шею сели дальше некуда…
А вечером того же дня случился анекдот. Мой «охотник» притащил какую-то местную косулю. Я ее в момент ободрал, используя заклинание быстрого снятия шкуры (даже не представляю – что бы я без него делал? Это же сколько времени нужно потратить, чтобы освежевать такую «животину»!). Затем – выпотрошил и положил тушу на «воздушную подставку». Сам – отошел в сторону. Все чистенько, аккуратненько. Ни в песке не изваляно, ни в траве и листьях. Культурно, как в ресторане.
– Ужин! – скомандовал я.
Сидят, носы сморщили, морды воротят. Смотрят куда угодно, только не на меня. Ах вы привереды хвостатые! Прынцессы леса, блин… Кочевряжиться они мне тут будут! Ладно, посмотрим.
Подхожу к косуле, отрезаю тонкую полоску мяса из ее филейной части. Беру в руки.
– Ил, солнышко, ну-ка иди сюда, – говорю я, приседая на корточки.
На «солнышко» Ил отреагировала мгновенно. И от леса ко мне враз повернулась и ушки навострила.
– Смотри, какой хороший кусочек! Тебе нужно больше кушать. Тогда ты станешь еще красивее. А то глянь, какая ты маленькая. Так не годится. Иди, красавица, я тебя покормлю.
Илона уставилась на меня круглыми глазами, изумленно растопырив усы.
– Иди, иди! – позвал я. – Попробуешь хотя бы… Может, понравится?
Нервно переступив лапами, Илона оглянулась на подружек и наткнулась на недовольный взгляд Ри. Он-то и убил в ней все сомнения, как ей поступить. Насмешливо хмыкнув в нос, танцующей походкой Илона направилась ко мне.
– Мрр? – поинтересовалась она у меня, подойдя.
– Понюхай, – предложил я, протягивая ей в своей ладони кусочек мяса. – Мне кажется – вполне приятный запах…
Ил, забавно шевеля розовой пипкой своего носа, не торопясь, внимательно обнюхала предложенное угощение и вопросительно подняла на меня глаза.
– Не понравится – выплюнешь… – сказал я ей. – Попробуешь?
Выдержав паузу, Илона величественно кивнула. Я опустил ладонь ниже, чтобы ей было удобнее. Шершавый теплый язык большой кошки скользнул по ней, слизывая мясо. Подняв голубые глаза к небу, Илона задумчиво погоняла его в пасти, пробуя на вкус, а потом с тем же задумчивым видом взялась жевать. Затем глотательное движение – и кусочек мяса отправился по назначению. В желудок! Молча посмотрел на Ил, ожидая продолжения. Та широко облизнулась, посмотрела на меня и муркнула, одобрительно качнув головой:
– Мур!
– Еще?
– Мр-р-р…
– На!
– Мрр…
На третьем куске прибежала Ри. Тоже сунулась мне в ладонь.
– Ш-ш-ш … – оскалившись, зашипела на нее Илона, вздыбив на загривке шерсть, – ш-ш-ш!
– Тихо, тихо, – призвал я кошек к порядку, – всем хватит!
Короче, спустя пару минут все варги оказались у туши. Кира, Анжи и Дана есть у меня с рук отказались. Принялись рвать тушку зубами. Враз разорвали на куски и в один присест сожрали. Тут Кира и «оконфузилась». Они действительно, похоже, растут. Поэтому такой и аппетит – зверский. Так вот, покончив со своим куском, Ки принялась нюхать вокруг – нет ли чего еще, случайно не замеченного? Тут я и предложил ей кусочек печени косули. Сырая печенка оказала на командира пятерки варг ошеломительнейший эффект! Мало того что она ее у меня с рук слизнула, так она еще и пальцы мои взялась облизывать! Правда, через пару секунд до нее дошло – что же она делает?! Сихот, как же была забавна ее морда, с испуганно вытаращенными зелеными глазами!
– Ням, ням, ням! Какая вкусная печеночка! – издевательским голосом, улыбаясь, сказал я припавшей к земле и замершей Кире. – Еще будешь?
Кира психанула и удрала в лес. В кусты.
Ничего, вернулась. Куда ей деваться? А печенку, оказывается, все варги любят…
Сбоку, между кустами, мелькнула черная тень, прерывая мои воспоминания. Это не Кира, это – Дана. Дана теперь старается не встречаться со мной глазами. Если замечает, что я на нее смотрю, – плавно и неспешно отворачивает голову в сторону и куда-то там глядит. Так, словно она обиделась. Вот интересно, на что? На мою возню с Ри? Я сам на себя обиделся. Куда уж больше! Так что меня не волнует ее сморщенный носик! Переживет!
А Кира сейчас вместе с Анжи шли впереди, пока я тут с остальными по кустам следом пробирался. Они что-то типа дозора. Вначале я хотел им это запретить, прекрасно помня,

как легко попались Рината и Илона в подобной ситуации. Но потом подумал, что если я тоже в конце концов превращусь, то тот опыт, который они приобретут в своих новых телах, может им пригодиться. И не стал возражать, в надежде что мозгов у них должно быть побольше, чем у Ри с Ил. Да и насчет моего превращения… Появилась тут у меня одна мысль, которая вот уже второй день крутилась в голове… Дело в следующем.
После того как я остался «один», в окружении «зверья», я все ждал – когда же начнется? Но прошла одна ночь, вторая… Однако ничего не произошло!
«Почему? – параллельно, «затылком» думал я, вновь внимательно вчитываясь в прихваченную из лаборатории книгу. – Мое тело чем-то отличается от тел варг? Поэтому ничего и не случается?» Но в чем же тогда это отличие? И какое оно? Если это «полный резист» к мутагену – это одно. Если же дает лишь отсрочку во времени – это другое… «Как мне это выяснить?» – думал я и не находил ответа на свой же вопрос. В данный момент у меня не было таких знаний. Две ночи я не спал, читал книгу, размышлял, ожидая превращения. А утром третьего дня в мою голову, похоже, с недосыпа пришла очень интересная мысль. «Стоп! – сказал я себе. – Стоп!» Я упустил из виду один момент. Отличие меня от варг ведь не только в том, что они имеют варговские тела, а у меня – тело а-ля человек. У меня ведь еще есть Эриэлла! Когда мы били банки, в тот момент я как раз был в ее теле! И это значит, что вся эта древняя магодрянь впиталась него. Но «пардон муа»! С тех пор я уже несколько раз переходил из «образа в образ»! Взять хотя бы эту последнюю, пятидневную ночную «серию» с варгами. И вот тут возникает вопрос! Что происходит с моим телом, когда оно – меняется?
Если при превращении я получаю совершенно новое тело – то тогда весь мутаген остался в теле той, прошлой Эриэллы. И мне совершенно нечего волноваться, ибо в данный момент я чист, аки младенец. Но это лишь при том условии, что мое тело меняется полностью. Если же нет и какие-то его «неизменные куски» «ползают» туда-сюда, используясь в обеих ипостасях, то тогда возможность превращения остается. Просто оно сейчас немного «отложилось на потом». И у меня все же будут проблемы… Только позже. Однако если еще немножко продумать, вширь, так сказать, то вырисовывается еще одна «вещь»… Если действительно имеет место быть «вариант номер один», тогда мои два тела живут весьма короткую, хоть, возможно, и весьма насыщенную, но все равно короткую, жизнь. Длиною – до следующего превращения. Допустим, господин Аальст, погуляв с полгода, превращается в госпожу Эриэллу. То есть формально можно сказать, что господин – умер. То, что вместо него появилась госпожа, со всей его памятью и привычками, – это ничего не значит. Прежнего тела нет – значит, оно не живет. Ну раз его нету, так ведь? Так! Затем госпожа Эриэлла, погуляв тоже с полгодика, исчезает, превращаясь вновь в господина Аальста. Вот и вопрос – а какой возраст будет у этого вновь возникшего господина? Будет ли его жизнь – продолжением жизни того, исчезнувшего? Или она «начнет все сначала»? С какого-то одного, определенного возраста. Возраст «ноль», так сказать. Если это так, то фактически – это бессмертие! Эдак я запросто (если до того не убьют, конечно!) увижу, как погаснет местное солнце. Или планета развалится… Что тут из этих двух вариантов быстрее случится… Впрочем, я не увижу ни того ни другого, потому что в ближайшее время из этого мира «съеду»…
…Но это так, к слову. И чтобы говорить о бессмертии, нужно точно знать – «ушедшее» тело передает информацию о своем возрасте вновь возникшему или нет? Может оно это делать или нет? Теоретически – да, может. Каким-нибудь эдаким внезапным способом… Допустим, через ту же Эриэллу. Мм? А что, вполне вариант! Но это только предположение, которое требует подтверждения. Чтобы не гадать, мне нужно быстрее добраться до эльфов и попытаться выгрести у них все знания по медицине, какие только есть. И найти в них ответ… Не то чтобы я не спал ночами, мечтая о вечной жизни, но… раз она попалась в руки – будет архиглупо отказаться от такого подарка судьбы! В таком случае я даже от возврата своего «старого» тела откажусь. Того, что было в Эсферато. Возникающий вариант гораздо более интересен. Конечно, я буду гораздо слабее и на арене шагссом помахать уже не получится… Но зато можно прожить гораздо дольше и потратить гораздо больше времени, чем планировалось, на овладение какой-нибудь полезной мудростью! Какой – я, правда, еще не знаю. Не решил, чем бы именно мне хотелось заняться дома. Однако думаю, что уж как-нибудь, с Сихотовой помощью, что-нибудь да найду себе по душе… Хм! А не смогу ли я, используя полученные мною знания от Арист, изменить тела Эриадора и Эриэллы? Сделать их сильнее, быстрее, живучей? Почему бы и нет? Те же банки с модификантом тоже тонко намекают на варианты… Пфф! Все складывается донельзя удачно и перспективно. И это… подозрительно! С чего это вдруг мне столько «плюшек»? Да еще таких крутых! Знания, вечная жизнь… Даром – за амбаром, как говорится! Или это действительно случайно так совпало? Как-то с трудом в это верится. Я

точно знаю, что за все нужно платить. Ладно, доберемся до эльфов – посмотрим. Может, все мои мысли – это всего лишь пустые беспочвенные фантазии? А я уже размечтался…
Внезапно впереди из-за большого дерева высунулась черная морда Киры. С другой стороны створа, в точности повторив движения командира, выглянула Анжелина.
«Балуются! – резко остановившись, подумал я. – Или что-то случилось?»
– Мур, мур, р-р-р-мяу! – словно услышав мои мысли, негромко сообщила Кира.
– Я же тебя не понимаю, – вздохнув, ответил я, – забыла, что ли?
Я их не понимаю. Никак. И мыслей Ри – не слышу! Хотя казалось, что с Ринатой у меня должно было быть все в порядке в плане общения. А вот нет – и все тут! Не «слышу». Наверное, причина в том, что у нее теперь другой мозг. Не знаю, что именно собою представляет телепатия и как она «работает». Но если предположить, что она имеет какую-то «частоту», то вполне естественно, что при изменении параметров передатчика-мозга происходит изменение этой самой «частоты». Поэтому я и не могу на нее «настроиться». «Диапазоны» разные. Между собой варги как-то договорились. Фыркают, рыкают, мяукают и даже кашляют. Однако при всей убогости такого общения, похоже, прекрасно понимают друг друга. Могу судить это по тому, как слаженно они выполняют команды Киры. Но когда дело доходит до общения со мной – возникает полный затык. Это неудобно. Я им что-то сказать могу, они мне – нет. Вот и сейчас. Что значит это выглядывание из-за дерева? Что там промурлыкала Кира? Важно это или нет?
– Что там? – спрашиваю я. – Что-то интересное?
Кира в ответ шумно фыркнула и растопырила усы. Вот что это должно значить? Приглашает посмотреть?
– Хорошо, пойдем, посмотрим…
Аккуратно ступая, пошел вперед, внимательно «слушая» происходящее в ментале. Пока ничего не «слышал». Варги сопровождали меня, почти бесшумно двигаясь среди кустов. Все же как они быстро адаптировались к жизни в звериных телах. Вот что значит генетическая память!
Минут через десять неспешной ходьбы деревья стали редеть, и впереди вроде как бы наметился просвет. Продолжил идти дальше, стараясь не шуметь. Опс! Дорога!
Стал на краю леса, дальше – невысокие кустики, потом – травка, а за нею – дорога. Обычная грунтовая дорога, покрытая пылью и следами колес и копыт.
– Р-р-р, р-р-р, – рыкнула справа и сзади от меня Кира.
– Предлагаешь пойти по дороге? – не оборачиваясь, спросил я.
– Р-р-р, р-р-р, мяу… чхи!
– Ага! Понял! Предлагаешь попроситься к кому-нибудь в телегу или карету, чтобы нас подвезли?
– Чхи!
– Сама не знаешь, чего ты хочешь… По дороге мы не пойдем. Там мы будем как на ладони. Пойдем вдоль. Зачем? А почему бы и нет? Может, получится поговорить с каким-нибудь одиноким путешественником? Меня очень интересует вопрос – как мне вас перетащить сквозь крепость на перевале? Может, встреченный путник поможет просветить этот вопрос?
– Чхи! Чхи!
– Будь здорова! В свой «мешок» я вас сажать больше не буду. Это – магия. И вы – тоже отчасти магия. Ваше превращение началось после того, как я вас в «мешке» прокатил. Может, просто так совпало, но рисковать я не стану. Кто его знает, во что вы можете еще превратиться! Кошки – это более приятный вариант… по сравнению со змеями.
– Р-р-р… Р-р!
– Рад, что ты с этим согласна. Поэтому действуем как я сказал. Движемся вдоль дороги, высматривая одинокого путника… Кира, командуй!
– Р-р-р!

На путников мы наткнулись уже ближе к вечеру. Сначала впереди, куда ушли Кира и Анжи, вспыхнул разноголосый, оголтелый собачий лай. Пока я, резко остановившись и замерев посреди небольшой лужайки, прислушивался, пытаясь сообразить – откуда взялась такая свора и что теперь делать, – лай начал быстро приближаться, намекая на скорое прибытие нежданных гостей. Вопрос «откуда?» враз сделался не очень важен. Более актуальным стал – «что делать?». Лезть на дерево? Еще чего не хватало! Разве я «великий» маг Гэндальф, спасающийся от пары блохастых волков на сосне? Хозяева собак оборжутся, когда я, сидя на ветке, буду им чирикать сверху про то, какой я могучий и ужасный, но собак с детства боюсь. Потом, если потребуется делать ноги, на земле это будет проще. На земле крылья проще открыть. Ветки мешать не будут…

Из кустов гибкими стремительными тенями выскочили Кира и Анжелина и со всех лап кинулись ко мне. Морды у них были испуганными.
– Р-р-р… р-р-р… р-р-р… ра! – торопливо принялась мне докладывать предводительница зубастых, мотая головой и нервно переступая с лапы на лапу.
– Встали за моей спиной, – негромко приказал я всем варгам, никак не отреагировав на ее рычание, – и не вздумайте куда-нибудь бежать, пока я вам не прикажу. Я сейчас поставлю «щит», и все мы будем внутри него. Поэтому – не дергайтесь и не пугайтесь. Никто вас не покусает.
Не прошло и полминуты после этого, как из кустов, вывалив языки и заливаясь лаем, выскочили собаки. Варги за моей спиной разом дружно зашипели. Первые из собак, увидев пять больших кошек со вздыбленной шерстью и оскаленными клыками, сразу попытались сдать назад, но сзади их подпирала остальная свора. Поэтому после неудачной попытки отступления они кинулись вперед, натыкаясь на щит, но тем не менее окружая нас со всех сторон. По своему виду собаки напоминали земных гончих. Такие же длинные лапы, сплющенные с боков тела, вытянутые носатые морды. Следом за «гончими» из кустов полезли уже более крупные организмы. С широкой грудью и здоровенными челюстями. Видно, «боевые» звери. Через пару мгновений вокруг нас крутилось разномастное, разношерстное «собачье колесо», воняющее псиной, брызгающее слюнями и заливающееся истерическим лаем и сиплым гавканьем. Шум вокруг стоял – дикий. Я молча смотрел на эту вакханалию, сконцентрировавшись на создании выбранного заклинания, способного разом «заткнуть» весь этот «кордебалет». В принципе я могу уже его использовать. Но, пожалуй, спешить не стоит и следует дождаться хозяев этих псов. Если мы все равно спалились, правильнее будет перекинуться с ними парой слов. Не думаю, что вслед за собаками первыми прибегут маги. Скорее всего, это будут псари и охотники. Конечно, при условии, что это не карательная экспедиция, посланная нам вдогон, а простая охота, на которую случайно напоролись мои «кошки». Рискну. Информация нужна, а места для маневра у меня сейчас гораздо больше, чем тогда, на дороге или в замке, где меня буквально приперли к стенке… Где же они? Этот собачатник начинает доставать. Варги сейчас исшипятся все до предела… Наконец-то!
В кустах появились две человеческие фигуры, одетые во что-то зеленое. За правым плечом у каждого – длинный лук. Увидев меня и варг, они замерли, испуганно округлив глаза. Собаки вокруг нас окончательно зашлись лаем, видно пытаясь показать, какие они молодцы – загнали такую отличную дичь!
Магически усилив свой голос, дабы перекрыть этот дикий гвалт, я спросил, стараясь вложить в интонацию одновременно строгость и иронию:
– Это кто тут моих кошек пугает?
И распахнул крылья, занимая ими полполяны. Собаки с визгом испуганно шарахнулись в стороны. Секундная пауза.
– Госпожа!
Незнакомцы, выйдя из оторопи, дружно попадали на колени.
У-у-у! Это явно не карательная экспедиция! Что ж. Я был прав в том, что не стал торопиться с началом боевых действий. Какой я умный!
– Простите нас, светлая эльфийская госпожа!
Люди в зеленом склонили головы.
Ого! Решили, что я эльфийка? Почему? У эльфов ведь крыльев нет! А впрочем… Какая мне разница? Главное, что, похоже, эльфов здесь чтут и уважают. Интересно, а чего тогда тот, в замке, в меня фаерболами швырял? Хотя… Он ведь сначала тоже попытался начать переговоры, как только увидел – кто против него. Но не вовремя поднятые мною мертвецы заставили его передумать. Может, не поторопись бы я тогда – все бы и там миром закончилось… Но кто же знал! Однако раз так, попробую сейчас использовать другую тактику. Никакой темной магии – и улыбаться, улыбаться, улыбаться! Но знают ли тут о тех зомби? Да даже если знают – при чем тут я? Темная магия и магия эльфов – несовместимы! Пусть докажут обратное, если смогут! А я еще, если что, – к Вечному лесу апеллирую. Посмотрим, как они на это среагируют… Если эльфийские целители и тут занимаются продлением жизни… Думаю, лишних вопросов ко мне не будет.
– Вы не могли бы заставить ваших собак – замолчать? – голосом, звонким как пение птицы, обратился я к коленопреклоненным фигурам. – А то у меня от шума голова сейчас лопнет…

– Госпожа, почту за честь проводить вас до самого Вечного леса!
Молодой парень, на вид лет двадцати, облаченный в ярко-красные одежды, шитые золотого цвета нитками, с восхищением смотрел на меня. Я улыбнулся ему легкой, признательной улыбкой и чуть качнул головой в знак одобрения. В ответ парень расцвел. Что ж, вполне

понимаю. Эриэлла – весьма красивая девушка. Мне она тоже нравится. А уж если еще и крылья распахнет… Вообще – небожительница.
Нам «повезло» наткнуться на охоту сына местного берлибея. Как положено сыну правителя, он скучал. Ну а что можно еще делать в провинции? Только скучать. Вот он это и делал. И чтобы хоть как-то развеяться – собрал своих приятелей да и свалил с ними в лес, прихватив свору собак и команду охотников. В надежде затравить здорового кабана, которого вроде бы видели в этом месте. Но кабану нынче повезло. Первым они нашли не его, а нас. Вот беседую теперь с этим молодым человеком, пытаясь понять – как мне поступить дальше? Судя по его эмоциям, парень не врет и искренен в своем желании оказать мне помощь. Но он – это он, а там у него еще где-то папа есть… У которого вполне может быть свое видение мира. Хотя вряд ли кто рискнет поднять на посланницу руку… Но все же – могут быть варианты…
– Эриэлла, – представился я сыну берлибея и его свите, которая смотрела на меня изумленными глазами. – Вестница Вечного леса.
И чуть наклонив голову, распахнул крылья. В качестве доказательства. Глазевшие на меня дружно сделали глотательное движение и еще больше вытаращили глаза.
– Премного счастлив… благодарен… восхищен… – растерянно забормотал в ответ парень, не отрывая от меня взгляда.
Потом, видно собравшись с мыслями и поняв, что ведет себя не в соответствии со своим статусом, сосредоточился и представился по всем правилам, сделав глубокий церемониальный поклон.
Я тоже ответил ему поклоном. Мужским. Реверанс я как-то не сподобился научиться делать. И, кажется, никогда не соберусь. Впрочем, мой собеседник на этот факт внимания не обратил. А что? Ясно же, что я не из «его» народа. Поэтому у меня вполне могут быть свои заморочки, которые следует принимать по факту, коли вы намерены «дружить». Уважение ему оказали – поприветствовали «по протоколу». Чего ему придираться к мелочам, если нет желания поссориться? Сын берлибея и не стал придираться. Его больше интересовала другая, интересная, полная событиями жизнь, текущая где-то вне этого захолустья. А я – как раз был из этой, «интересной» жизни. Витиевато-вежливо построив фразу (вполне возможно, чуть ли не в первый раз применив знания из своего образования, которые до этого лежали у него мертвым грузом), он поинтересовался у меня – в чем заключается моя миссия и не может ли он помочь мне в ее осуществлении?
– Дела леса, – коротко ответил я ему, намекая на то, что спрашивать об этом больше не стоит, и добавил: – Мне нужно быстрее попасть в Вечный лес. Если вы сможете мне с этим помочь, то буду вам весьма благодарна и признательна за это.
Парень просиял и радостно кинулся предлагать свои услуги в помощи. С его слов получалось, что его отец будет просто счастлив дать мне в сопровождающие своего сына (то есть его), а также карету, почетный эскорт и все, что потребуется в дороге. И до границы леса мы сможем доехать примерно где-то за неделю. Максимум – за десять дней. Предложение выглядело очень заманчивым. Как по времени, затрачиваемому на путешествие, так и по степени его комфорта. И если будет эскорт – проблем с пересечением всяких административных и контрольных границ внутри страны быть не должно…
«Весьма интересно… – подумал я, задумчиво глядя на собеседника. – Но если к эльфам тут действительно относятся с таким почтением… Почему бы тогда и нет?» Единственный минус – как бы за время этой поездки опять в Эриадора не «перекинуться». Иначе потом, после скандала с мордобоем, опять придется топать пешком… Да! Кстати, а как в этом случае быть с варгами? Как мне их везти?
– Но я не одна, – сказал я, повернув голову и выразительно посмотрев на своих четвероногих спутниц. – Как быть с ними?
– Можно сделать для ваших кошек клетки…
Во всех пяти варговских глотках разом возникло утробное, угрожающее рычание, не предвещающее сыну берлибея ничего хорошего. Услышав и увидев реакцию моих кошек, тот изменился в лице.
– Они у меня – ручные, – просветил я парня, успокаивающе кладя руку на голову Киры, оказавшейся рядом. – Да, мурлыка?
– Р-р-р … – недовольно отозвалась та, убирая голову из-под моей ладони и делая шаг в сторону.
– Ручные, но капризные, – добавил я, глядя на нее. – Думаю, они согласятся только на путешествие рядом со мной. В карете.
– Но, госпожа Эриэлла… В пути будут остановки. Люди в караван-сараях станут пугаться…
– Главное, чтобы они моих кошек не испугали.

– А если кто-нибудь из людей решит, что это дикие животные, и выстрелит в них из лука? Когда вас не будет рядом?
Хм, а действительно! Здравое замечание. Варги запросто могут решить пошляться где-нибудь самостоятельно. Нетрудно представить себе реакцию случайного человека, внезапно встретившего на улице здоровенную хищную кошку. Запретить варгам отдаляться от меня больше чем на два шага? Но они же в звериных телах, рассчитанных на постоянное движение. После целого дня, проведенного в карете, – тут человеку размяться хочется, чего уж о хищниках говорить! Наверняка ослушаются. Начнут бегать, тут-то эксцессы и начнутся… А если наткнутся на мага какого-нибудь? Грохнут ведь на месте. Как быть? Пешком, по буеракам, вкруг дорог и человеческого жилья? Спасибо – сыт этим по горло. Но и в клетку сажать варг невозможно.
– Как же решить эту проблему? – поинтересовался я у сына берлибея, подумав, что если уж он начал об этом говорить, то, может, у него есть какая-нибудь идея на этот счет?
– Нужно надеть на них ошейники, – предложил тот, – тогда сразу будет видно, что это не дикие кошки, а домашние.
Ошейник? Ха! Какой забавный зигзаг сделала жизнь! А что? Пусть попробуют на своей шкуре – как это!
– Приказать, чтобы принесли? – с энтузиазмом предложил парень, увидев, что я задумался и вроде не возражаю.
– Да, пожалуй, – кивнул я.
– Принесите пять ошейников! Самых лучших! Живо! Сейчас принесут! – отдав распоряжение слугам, повернулся он ко мне.
– А скажите, – проигнорировав угрожающее рычание и шипение варг за своей спиной, поинтересовался я у него. – Вы, случаем, не слышали… О происшествии, случившемся в замке у вашего соседа? В соседней долине? Вон там, за этими горами?
Я махнул рукой в сторону, показывая примерное направление.
– Да, слышал, – кивнул парень.
– И что вы думаете по этому поводу?
– Если честно, то… ничего не думаю.
– Даже так? Интересно, а почему?
– Видите ли… Мой высокочтимый отец и хозяин соседней долины… Если сказать кратко – их отношения были далеки от дружественных. «Дела соседа – это его дела», – так сказал мой уважаемый батюшка и еще добавил: «Я всегда говорил, что Карадюман плохо кончит». Так и случилось. Я слышал, что он прибег к черному колдовству, оживив мертвых людей…
После последних сказанных им слов на лице парня появилось выражение легкого испуга и брезгливости.
– …Понимаю, что для вас это было настоящим кощунством. И вы не могли не покарать преступника!
Сын берлибея склонился в уважительном поклоне.
«Вот оно, значит, как, – подумал я, отвечая на поклон. – Карадюману, значит, мертвецов приписали… Не мне. А я был прав в своих умопостроениях. Значит, дальше мне нужно забыть о «темной стороне силы». Иначе – выпаду из образа и в эльфийском лесу у меня будут проблемы…»
– Хорошо, что вы сами поняли случившееся, – ответил я, не став ничего придумывать и врать.
Ну, понял человек и понял. Чего его разубеждать? В этот момент принесли ошейники, позволив изменить тему разговора. Взяв из рук слуги один из них, я неспешно его оглядел и повернулся к варгам.
– Ну-с, – поинтересовался я, – кто первая?
В ответ кошки дружно выгнули спины и разом зашипели, оскалив клыки.
– А что это вдруг такая реакция? – делано удивился я. – Это же необходимо. Так же, как в Этории. Ради блага носящего ошейник. Почему вам не нравится? Я же забочусь о вас.
В ответ варги зарычали.
– Я понял. Не хотите. Не нравится. Тогда валите в лес и ведите животную жизнь. Ловите мышей и лазайте по деревьям. В конце концов вас прищемит какой-нибудь дикий кот, и вы родите ему котят. Под каким-нибудь кустом. А лет через пять вообще забудете человеческую речь. Что, не можете потерпеть немного воняющий собачатиной ошейник? Вы же слышали, что без них вам не обойтись. Чего устраиваете тут представление?
Кошки заткнулись, перестав рычать, и уставились на меня круглыми, удивленными глазами. Мол, как же ты не понимаешь? На поляне возникла пауза.
– Что это они, госпожа Эриэлла? – спросил сын берлибея, переводя взгляд с меня на варг и обратно.
– Ошейники им не нравятся.

– О-о-о! Не слушаются своей хозяйки? Как вы это допускаете?
– Добрая я. Балую.
– А-а-а. Животных баловать нельзя. А что вы им такое говорили на имперском? К моему большому стыду, вынужден признать, что не силен в языках, и часть смысла вами сказанного ускользнула от меня…
– Уговаривала. Взывала к их разуму.
– У-у-у! Ваши кошки такие умные, светлая госпожа? Вы с ними поэтому и разговариваете, что они все понимают?
– Да. Я – говорящая со зверями! Понимать они понимают, только вот делать не хотят…
– Ну, – обратился я к варгам, – долго вы еще думать будете?
Варги дружно сморщили носы и, словно сговорившись, одновременно отрицательно помотали головами.
Я молча смотрел на них, они смотрели на меня. Игра в «гляделки» начала затягиваться. Внезапно Дана поднялась на лапы и, мягко ступая, направилась ко мне. Не дойдя до меня пары шагов, она остановилась и вновь села на землю, пристально уставившись мне в глаза.
– Мур-мур-мур, р-р-р, мур, мяу? – после небольшой паузы бархатным голосом промурлыкала она.
– Да, ты мне уже говорила, – кивнул я ей, – и я даже не стану переубеждать тебя в твоем мнении обо мне. Просто ошейники… мне кое-что напомнили. Нет, я не буду силой заставлять вас ради своей мелкой мести, как ты подумала, и даже соглашусь с тем, что вы к моему прошлому не имеете никакого отношения. Однако одно дело – рассуждать о благе, и совсем другое – почувствовать это «благо» на своей шее. Думаю, что вы его все достаточно прочувствовали…
– Возьмите!
Я вернул ошейник, который держал в руках, и поманил к себе Дану:
– Иди сюда! Раз ты вызвалась на переговоры, с тебя и начнем.
– Дззынь! – Перед Даной повисло в воздухе большое зеркало в серебряной оправе. Рядом с ним, тоже в воздухе, появилась куча разноцветных лент, подаренных мне Амалирой. Выбрав, я вытянул из этого пестрого вороха глянувшуюся мне и присел на корточки у зеркала, рядом с варгой.
– Думаю, что красивая белая ленточка будет эффектно смотреться на шее такой темненькой красотки, как ты. Глянь!
Я накинул Дане на шею ленточку и мотнул головой в сторону зеркала, показывая, куда нужно смотреть.
Дана несколько секунд посмотрела на свое отражение, затем повернула ко мне морду и щедро лизнула меня мокрым языком в щеку…
Миссия принца
– К сожалению, ваше высочество, писем нет…
– Хорошо, спасибо.
– Всего самого наилучшего, ваше высочество…
Служащий почтовой службы склонился в низком поклоне.
«Опять нет писем! – раздраженно подумал Диний, выйдя на крыльцо здания почты. – Почему она мне не пишет? За два месяца – всего два письма! Обещала ведь писать каждый день! А в результате? Одно письмо в месяц! Сестра написала, что Стефи блистает на столичных балах… Променяла меня на эти сборища? Забыла? О женщины, коварство ваше имя!»
Раздраженно хлопнув перчатками по перилам крыльца, принц грузно зашагал по деревянным ступеням лестницы вниз, кляня про себя вероломство Стефании и коварство отца, засунувшего его в эту дыру. Посольство к эльфам оказалось ловушкой. Бессмысленной и пустой тратой времени. Делать тут можно было всего две вещи – пытаться веселиться на местных балах и заговариваться до умопомрачения с высокородными эльфами. Плести языком они были просто мастера. Можно было проговорить полдня, а потом мучительно пытаться понять – на кой я об этом столько болтал? Ведь планировал говорить совсем о другом! Конечно, научиться так же, как они, мастерски ткать полотно беседы и незаметно для собеседника легко переходить с темы на тему – это было бы великолепно! Это то самое высокое искусство дипломатического разговора, которому он желал научиться. Одно только «но». Эльфы его учить этому не собирались. Оставалось лишь как-то пытаться понять, выцепить для себя какие-то крохи опыта, глядя со стороны на работу профессионалов. Порою Диний чувствовал себя лопоухим щенком, которого закинули в вольер к матерым волкодавам. Унизительное чувство ощущения своего дилетантизма и глупости…
А балы? А что балы! Почти то же самое, что у отца, только смотрят на тебя тут без всякого восхищения и обожания. Да, эльфийки очень красивы. Только есть нюанс. Если бы Динию

предложили сделать поэтическое сравнение их с чем-нибудь или кем-нибудь, он был уверен, что в его стихотворении обязательно присутствовали бы такие слова: «сверкающий лед», «искристый снег», «холодный ветер». Лесные девы мило улыбались, соглашались с ним танцевать, но принцу с самого начала казалось, что в глазах у них что-то такое промелькивает… «Смотрите, он еще и говорит!» – так, в конце концов, расшифровал Диний для себя это мелькание. На принца империи тут смотрели точно так же, как в столице империи смотрели бы на принца кочевых племен, приехавшего для установления дружеских отношений. Да, неглуп, воспитан, благороден и, возможно, красив, но дикарь-с… И никем другим ему, кроме дикаря, вовек не быть… Эльфы были вежливы и скучны до зевоты. Дальше первой столицы принца не приглашали, древними знаниями и секретами делиться не спешили. Короче говоря, у эльфов было грустно, скучно и одиноко. Диний первый раз уехал из дома так надолго. Да еще один. Всегда рядом был кто-то из семьи. А тут вдруг столько одиночества. Порой накатывала просто дикая тоска. Хотелось все бросить, оседлать лошадь и что есть духу помчаться домой… Но принц понимал, что такой поступок будет недостойным его статуса. Для члена императорской семьи долг – вот что главное. Долг и служение. Поэтому он стиснет зубы и будет сидеть тут, в этой дыре, до тех пор, пока отец не получит для империи всего того, чего он хочет получить от эльфов. Это святая обязанность принца – помогать отцу на благо всей страны…
Долг долгом, но на душе все равно кошки скребли.
Дабы немного сбросить с себя то давление, которое оказывала на него чужбина, Диний придумал ездить на почту. В имперский город на границе Вечного леса. От первой, «летней» столицы, как называли ее эльфы, до города и обратно было примерно два часа верховой езды. После этих поездок, после пребывания среди людей душевное равновесие как-то хоть немного, но восстанавливалось, и можно было опять возвращаться назад. Отдавать долг империи дальше…
– Дождь, что ли, будет? – подумал Диний, поднимая голову вверх. По небу ветер быстро гнал рваные облака, сквозь разрывы в которых просматривалось синее небо. – Да и пусть, – решил принц и вновь вернулся мыслями к Стефи. – Если она думает, что я буду ждать, пока она перетанцует на всех балах… то она ошибается! Я ведь могу быстро ей замену найти! Посмотрим тогда, какое будет у нее лицо!
В этот момент внимание Диния привлек звук подъезжающего экипажа. Оглянувшись, он увидел большую карету, в которую была запряжена четверка запыленных рыжих лошадей. Сзади ее сопровождали шестеро вооруженных верховых в одеждах жителей Халифата.
– Что они тут делают, – задал себе вопрос принц, разглядывая всадников, – тут ведь земля империи? Похоже, сопровождают какого-то их вельможу… А может, восточную принцессу? С такими миндалевидными, огромными глазами и в полупрозрачных шароварах? Которая будет красивее и уж точно умнее Стефи?
Карета остановилась у трактира на противоположной стороне небольшой площади, на краю которой стояло здание почты. После некоторой паузы дверца кареты открылась, и на мостовую… Нет, не выпорхнула красавица-принцесса. Нет! Из кареты выпрыгнула… черная пантера… с двумя хвостами! На шее у нее, видимая издалека, ясно выделялась широкая белая лента. Мягко спрыгнув на землю, пантера глянула влево и вправо, оценивая обстановку, и, не найдя, похоже, опасности, негромко, но значимо так рыкнула. Несколько прохожих, оказавшихся рядом, испуганно шарахнулись в сторону. На рычание из кареты одна за другой выпрыгнули еще четыре кошки. Разного окраса шерсти и тоже с ленточками. А у одной, с белой шерстью, на шее был даже небольшой красный бантик. Спрыгнув на землю, удивительные звери не стали никуда бежать, а уселись рядком возле кареты, словно кого-то ожидая.
Диний изумленно во все глаза смотрел на происходящее. И тут из кареты вышла… Золотоволосая девушка удивительной красоты! Словно нарочно, из разрыва туч ударил яркий солнечный луч, осветив стройную незнакомку в сером дорожном костюме. Казалось, что от ее волос во все стороны пошло золотое сияние. Открыв рот и вытаращив глаза, принц смотрел на это невозможное, немыслимое в этой дыре чудо!
– Не балуйтесь, – строго сказала девушка, погрозив указательным пальчиком своим кошкам, – потом побегаете.
Девушка подняла голову и неожиданно встретилась глазами с Динием.
Сердце принца внезапно пропустило удар. Потом – еще один…

Высокопоставленный диалог

– Чего это он замер? Влюбился, что ли?
– А ты – против? Мне все возрасты покорны…

– Но у него же золотая нить! К этой… К Терской!
– Не у него к ней, а у нее к нему.
– И что? Есть разница?
– Конечно. Это у нее к нему – истинная любовь. А у него… Увы и ах!
– Он что – разлюбил ее?
– Ну почему…
– Слушай, Мирана, говори нормально! Ты же знаешь, что я терпеть не могу этой твоей манеры разговора!
– Слушаю и повинуюсь, о мой повелитель! В общем, если говорить по-нормальному, то в его чувстве нет ничего особенного. Простое. Их, таких, у него – полно. А вот чувство Терской – особенное. А особенное влияет на простое, усиливая его. Но если они находятся далеко друг от друга, то воздействие ослабевает. И принц становится простым влюбленным…
– Но все равно – влюбленным! Как он тогда может взять и влюбиться в другую?
– Пути любви неисповедимы… От тюрьмы и любви – не зарекайся! Слышал, как люди говорят?
– Жуть какая.
– Да, Марсус, это тебе не солдат по полю гонять. Там все понятно и просто.
– Ладно тебе! Мне вот даже интересно – что дальше будет?
– Знаешь… а мне – тоже!
Почти четыре месяца спустя

> Небольшой серый кролик бодро шевелил усами, сучил лапами и потряхивал длинными ушками, всем своим видом показывая, что он – жив, весел и здоров. И что у него все в порядке. Это был десятый по счету кролик. Десятый, которого я с помощью мутагена превратил сначала «не в кролика», а потом – обратно в кролика. А именно из этого экземпляра – я сделал
> шакота
> . Есть такой падальщик в животном мире Эсферато… На Земле на него похожа большая крыса, покрытая мелкой чешуей… Или не крыса… Не знаю, к какому виду она там относится, но зовут ее –
> броненосец
> . Правда, я сделал не совсем
> шакота
> . Плеваться парализующим ядом тот не умел. Это была уже чисто моя фантазия. А всего кроликов было семнадцать… Семерым из них не повезло… Сдохли. Но должен же я был на ком-то отточить свое новое умение! Не на эльфах же… Эльфы, кстати, о печальной судьбе подопытных кролей – ни звука не издают. Если точнее говорить, ни звука они не издают не о том, что те мрут. Кроликов они сами преспокойно едят, а звуков не издают о том, какой именно смертью они помирают. Запрет на создание новых видов – один из самых строгих законов в эльфийском лесу. Когда я услышал об этом и о том, что совет леса пребывает в смятении, узнав, чем занимается посланница богини, я, нимало не сомневаясь, собрался и пошел к старейшинам.

– Богиня хочет от меня, чтобы ее народ вновь заполнил леса, – спокойно сказал я, обведя высокородных лейров холодным взглядом, – и я выполню ее волю. Вне зависимости от того, каким путем мне для этого придется пройти и в какой грязи мне придется испачкаться. Это будет не столь важно. Значение имеет только конечная цель. Я пришла ниоткуда и уйду в никуда лишь для того, чтобы вы – остались. Степень моей вины будет определять светозарная Алатари. Станете мне мешать – буду рассматривать это как предательство. Предательство богини и народа эльфов.
Высокородные молча склонили предо мной головы и так и замерли в поклоне. Я немного постоял, посмотрел на них, понял, что разгибаться они не собираются, понял, что вопрос решен, развернулся и вышел из зала совета. Зачем заставлять стоять согнувшись уважаемых эльфов? Они уже старенькие, в возрасте…
В эльфийском лесу я веду себя достаточно жестко. Я сразу заявил, что я – посланница богини, направленная ею для спасения своего народа. Чем намерена заниматься денно и нощно. Но чтобы выполнить волю Алатари – мне нужны знания. Много знаний, дабы понять и разобраться в том откровении, которое мне передала богиня. Знания о целительстве, чтобы повысить рождаемость, и знания о порталах, чтобы вернуть богиню в этот мир. Никто из эльфов даже не заикнулся что-то возразить. Не прошло и десяти дней, как лучшие целители Вечного леса собрались в его столице для оказания мне любой интеллектуальной помощи, которая мне может только потребоваться. Все библиотеки,

хранилища и архивы леса – распахнули предо мной двери. Читай – не хочу! Учись – не хочу! И я – читал, читал, читал… Спрашивал, спрашивал, спрашивал… Учился, учился и учился! Вбитые в мой мозг знания Хель и знания Алатари бодро отзывались на столь активную их стимуляцию «к распаковке». Из каких-то, один Сихот знает каких, темных глубин памяти вверх, к «свету разума», дружно, один за другим, «отрываясь от дна», всплывали «острова» и «континенты» знаний… От такой усиленной умственной деятельности под вечер голова у меня просто раскалывалась! Я бы легко «убрал» эту боль, это давно уже для меня не проблема, но целители мне сказали, что если так делать, то знания в голове «потеряются». Нужно терпеть, если не хочешь, чтобы все забылось. Ладно, у них опыта больше, верю. Терплю. Итог – мое весьма дурное настроение по вечерам. За три месяца я полностью «осознал» все знания, которыми обладали эльфийские целители. Но вперед это меня особо не продвинуло. Понять, в чем проблема у жителей леса с детьми, – я не смог. Впрочем, если подумать, этого в общем-то и следовало ожидать. Я ведь лишь узнал, что знают эльфы, и не более того. Если бы только этих знаний оказалось достаточно – они бы и сами справились. Без меня. Вполне вероятно, что в моей голове есть ответ на нужный вопрос, но как его «пощекотать», чтобы он «всплыл»? Пока этого сделать не удалось. Ни чтение старых книг (которых, кстати, оказалось не так уж и много, вопреки моим ожиданиям), ни разговоры с лучшими целителями – ни к чему не привели. В итоге я оказался, как говорится, «под завязку» набит теоретическими знаниями при практически полном отсутствии практики в их применении. Целитель-теоретик, если можно так выразиться.

А с порталами у эльфов оказалось все «по нулям». Ни книг, ни знаний по этому вопросу найти не удалось. Полный провал. Это было печально, но не смертельно. Того, что я узнал, исследуя работающие образцы в руинах, мне должно было хватить для постройки экспериментальной модели. Только межмировой портал – это, наверное, не совсем то же самое, что обычный…

Ладно, решил я, обдумав эту пришедшую мне в голову мысль, будем рассматривать проблемы по мере их поступления… Сделаю для начала обычный, а там – буду думать дальше… Может, достаточно будет просто мощность нарастить, чтобы «просверлить дырку» и свалить через нее отсюда…

Впрочем, я приобрел не только «голую теорию», но и кое-какие практические знания. Неожиданно я «вспомнил» целый пласт, как мне сообщили, давно утерянных знаний. А именно – технологию создания «измененных организмов». Проклятую и запрещенную со времен той самой, последней «великой войны». Почему это случилось и как, я не знаю. Может, «всплывающие» знания как-то «перекрещивались», цеплялись друг за друга, ну, технология и «осозналась». А может, в моей голове – что-то вроде «дерева развития», в котором, для того чтобы перейти на следующий уровень, нужно сначала изучить все на предыдущем… Не ведаю. Я не стал особо размышлять над вопросом «почему?» и «как?», а решил применить полученные знания на практике – вернуть варгам их прежний вид, предварительно потренировавшись на кроликах.

> Кстати сказать, мои кошки произвели немалый фурор в лесу. Оказывается, это не двухвостые пантеры, как я определил для себя их вид, а древние, давно уже никем не виданные
> ю-михо
> , что в переводе «с древнеэльфийского» означает – «хитрая двухвостая лисица». Не совсем, правда, понятно, с чего это кошки вдруг названы лисами, но, как говорится, «из песни слов не выкинуть». В одной из книг, в хранилище, я видел и рисунок «лисицы», и подпись под ним. Эти звери славились с тех еще, уже забытых времен. Хищные, умные, умеющие слышать эмоции, они стали символом хитрости и коварства и были настоящей бедой для всех, кто оказывался в их лесу. Понятно, почему Дарг взял их за основу, создавая варг…

Для эльфов четвероногая пятерка Киры стала еще одним доказательством того, что я – посланница богини. Уже ставшие мифом давно исчезнувшие звери сопровождают крылатую вестницу… Это – нормально. Это – стильно. Это – антуражно, именно в том «разрезе», в котором нужно. Естественно, отношение ко мне эльфы перенесли и на моих спутниц. Убойная кормежка, печенка, молоко и прочие всякие кошачьи вкусняшки, по личному выбору и вкусу каждой. Купание, ежевечернее расчесывание шерсти…

Варги давно уже перестали походить на тех длиннолапых худых заморышей, какими они были в момент превращения. Отъелись, залоснились. Илона отожралась так, что, когда приваливалась ко мне, я сразу вспоминал фразу: «Сова, открывай! Медведь пришел!» Не хватает только громкого треска двери под навалившейся тушей медведя. Своим привычкам

Илона не изменила и так же любила поспать, как и прежде. Делать это она, как и раньше, предпочитала в моей постели. У меня в спальне стояла не кровать, а «сексодром» персон эдак на пять, если судить по его размерам. Она и пользовалась тем, что есть место. Запрыгнет – и старается устроиться ко мне под бочок или привалиться к спине. Я ее уже и ругал, и обещал проклятие облысения наслать – все без толку. Глазками похлопает, морду виноватую сделает, а на следующий день – опять за старое. Но все же нашла у меня слабое место. Мурчать научилась. Привалится спиной и начинает, словно внутри у нее маленький двигатель: мр-р-р, мр-р-р, мр-р-р… Мягкая, беленькая, теплая… Игрушка, да и только! Ну как на такую животину сердиться!
За место рядом со мной Илона конкурировала с Ринатой. Та тоже считала, что имеет полное право дрыхнуть в моей постели. Поэтому между ними периодически происходили, как я это называю, «локальные стычки глобального конфликта». Разок они основательно увлеклись, выясняя отношения в моей спальне, – разодрали подушки, постель, поцарапали и покусали друг друга. Я тогда щедро, в целях лечения, отвесил им обеим полновесных люлей. Помогло. Больше когти и зубы они в ход не пускают. Занимаются «психическим прессингом». Встанут друг против друга, спины выгнут, шерсть дыбом, хвосты – как антенны, – и воют дурными голосами. Кто кого испугает. Идиотки. Если я застаю их за этим занятием – выгоняю на фиг обеих. Поэтому безобразия они творят в мое отсутствие. Пока я шарюсь по архивам или целительской практикой с эльфами занимаюсь… Бездельницы…
– Ладно, кроль-мутант, гуляй. Ты честно отработал, – сказал я, опуская кроля в вольер, – живи!
Я вышел из лаборатории, запер за собою дверь и спустился по лестнице вниз, на улицу. Там меня уже ждали варги.
– Мр-р? – поинтересовалась Кира, глядя на меня.
«Ну что?» – так я перевел для себя ее вопрос.
Да! У меня уже есть толковый кошачье-демонский словарь для облегчения общения с ними. Например:
Р-р-р р-р-р! – Да ты офигел(а)!
Р-р-р-р… Р-р-ры… Р-р! Ры-ры! – Согласна(ы) с мнением командира!

М-р-р? – Мм? (
вопросительно
);

Мр-р-р… – Хм… (
задумчиво
);

Ш-ш-ш-ш-ш… – Ты че творишь?!
Ма-А-А-о-о! – Я требую внимания!
Урн-Яур-р-р! – Это моя добыча!
Мяк-мяк! – просьба/требование, в зависимости от интонации;
Чхи! – Ну и глупость! – или частица-отрицание;
Уэа-а-А-А-о-о-о-о! – Убирайся с моей территории!
Ну и еще масса всяких непереводимых кошачьих фраз, которые еще требуют расшифровки и внесения в словарь.
– Я закончил с кроликами, – сказал я, отвечая на вопрос Киры, – и не вижу никаких препятствий к тому, чтобы вернуть вам ваш нормальный вид.
– Мр-р?
– Да, я совершенно уверен в успехе. Кристаллы – полностью заряжены. Кроме этого, в этот раз за моей спиной будут еще эльфийские целители. Я им прикажу. Так что успех, можно сказать, гарантирован. Итак, кто желает быть первой?
– Мр-р-р…
– Хватит муркать. Думайте быстрее. Кто – первая? Или вы остаетесь тут, кошками?
Варги переглянулись. Кира встала на все лапы и сделала несколько шагов вперед.
– Мя! – сказала она, подняв голову вверх и пристально глядя мне в глаза.
Командир впереди, на лихом коне, подумал я, вспомнив фразу, когда-то однажды уже приходившую мне в голову.
– Хорошо, ты будешь первой, – кивнул я.

Событие в Вечном лесу

– Я намерена вас покинуть, высокородные леры, – неспешно разглядывая присутствующих в зале эльфов, произнесла златоволосая девушка, сидящая в кресле, стоявшем на возвышении. Выше всех кресел в зале.
– Почему? Что-то случилось?
– Мне не хватает знаний, – коротко ответила она, глядя в глаза задавшему вопрос. – Я рассчитываю найти недостающее либо в Империи либо в Халифате. Не найду там – отправлюсь к оркам или гномам. Вполне возможно, что кто-то из их предков вынес из пожара великой войны необходимые мне осколки знаний…
– Нам очень жаль, что мы не смогли оказать посланнице нужной ей помощи…
– В этом нет вашей вины. Все, что могли, вы сделали. Если бы все было так просто – меня бы тут не было.
– Да. Конечно. Но все равно это недопустимое упущение с нашей стороны. Нижайше прошу нас простить, крылатая! Мы пошлем с вами отряды лучших воинов! Они защитят вас в вашем опасном поиске. Я сейчас же распоряжусь.

– Отряды? Остановитесь. Благодарю вас, уважаемый глава совета, но это – лишнее. Я возьму с собой своих
ю-михо
. Этого мне, думаю, вполне достаточно…

– Но… Путешествовать в одиночку среди столь коварных и предательских существ, как орки, гномы и люди? Которые будут видеть, что вы – посланница?! Это очень, очень опасно! За вашу поимку в империи уже назначена награда! Что может взбрести в голову этим алчным существам, когда они узнают вас? Нет, нет и нет! Мы не можем вас отпустить одну! Если что-то случится, тогда… Тогда наша надежда на возрождение – умрет вместе с вами! А нам останется только объявить войну на полное уничтожение тому, кто нас этого лишил, – и окончательно исчезнуть с лица земли!
– Глава совета… Успокойтесь. Я тронута вашей заботой обо мне, но все должно быть сделано так, как я хочу. Объясню. В горах и пещерах гномов воины леса будут практически бесполезны. Орки воспримут посланные мне в защиту отряды как повод напасть на них, как войска, вторгнувшиеся в их земли. Люди… Вполне возможно, что они среагируют так же, как и орки… Потом, большое количество сопровождающих может создать трудности, если вдруг потребуется действовать скрытно. Все вопросы с иноземцами я решу с помощью дипломатии и торговли… Товаром будут знания, которые я получила от богини и от вас. За одну продленную жизнь можно много чего купить… А за ее многократное продление – купить можно вообще что угодно! Кстати, вам замечание. За эти годы – могли бы и выяснить, у кого из народов что есть в хранилищах. Из древнего…
– Прошу прощения, вестница. Наша разведка занималась сбором таких сведений. У нас есть подробные списки всего, что нам удалось узнать.
– Отлично! Я хочу их видеть!
– Они будут немедленно вам представлены. Но все равно мы всем советом против того, чтобы вы ехали одна…
– Не беспокойтесь за меня. Я буду осторожна. Лисиц будет достаточно. Я превращу их в варг – и с их помощью приму облик мужчины, чтобы никто не пытался получить за мою поимку вознаграждение. Внешний вид у него будет таким же, как на портрете, который я вам нарисовала в первый же день, как приехала. Надеюсь, вы не убьете меня, когда я превращусь в человека?
– Что вы такое говорите, посланница?!
– Я просто хотела напомнить, глава совета…
– Все ваши указания и приказы – тщательно записаны. Ошибки – невозможны!
– Замечательно.
– Но все же… Посланница… Правильно ли это – становиться вам каким-то человеком?
– Способность меняться дарована мне богиней. Значит, так нужно. Вполне возможно, что светозарная Алатари видит трудности и преграды, которые эта способность позволит преодолеть. Те трудности, о которых мы сейчас с вами просто не подозреваем. Не нам обсуждать поступки светозарной…
– Да, да. Конечно!
– Я хочу уехать – тайно. Не создавая у нашего народа излишних вопросов и брожения в умах из-за моего внешнего вида. Еще. Я не хочу тратить на дорогу много времени. Есть ли короткий путь в империю? Пусть он даже будет через леса, горы и болота. Это не так важно. Главное – чтобы он был коротким и на нем не встречались бы «лишние глаза».

– Я немедленно прикажу послать за главой гильдии разведчиков! Надеюсь, вы не откажетесь взять с собой следопытов?
– Разве я – ненормальная? Что я буду делать без них, в незнакомом мне лесу? Это что – шутка?
– Э-э… нет! Простите, я, наверное, неудачно выразился. Известие о вашем отъезде меня так взволновало!
– Хорошо, я вас поняла. Прошу вас не волноваться так. Совет должен принимать решения с ясной головой… Не так ли?
– Да, вестница. Нижайше прошу меня простить.
– Этот молодой юноша… Младший сын императора… Он уже уехал?
– Да. Два дня назад. Его не нужно было отпускать? Нужно задержать?
– Успокойтесь! Ни к чему столько агрессии в отношении нашего соседа. Я просто спросила…

Возвращение на Олимп

– Арист! Какая встреча! Давно не виделись!
– Здравствуй, старшая.
– Да ладно тебе! К чему этот официоз! Мы же всегда с тобой отлично ладили!
– Может, это потому, что практически никогда не встречались?
Богиня любви, враз поскучнев, хмуро оглядела богиню варг.
– Шутишь? – спросила она. – А мне вот не до шуток… И ты. Если бы ты знала, тоже вела бы себя по-другому…
– О чем знала?
– Наш мир находится на краю гибели. В него пришло великое пророчество о конце света. И у пророчества уже есть избранный, который должен его осуществить. Пришелец из другого мира.
– Что ты говоришь?!
– Ты мне не веришь?
– Я поражена. Никогда ничего подобного не слышала!
– Это правда. И мы ничего не можем поделать с избранным.
– Он так силен?
– Пророчество защищает его. Хель потеряла половину своих сил, а я – чуть не развоплотилась, попытавшись вмешаться. Видишь, как я выгляжу?
– Вот как? А я подумала, что это твой новый образ… Но если даже Хель не смогла… Зачем ты мне тогда это говоришь? Что могу сделать я, с моими силами, там, где не смогла ничего сделать богиня смерти?
– Ты и твой народ – в опасности. Это пророчество – как горшок со змеями. Можно раз за разом совать в него руку – и ничего не будет происходить. Но стоит решить, что все, хватит, достаточно, и отставить его в сторону, накрыв крышкой, – как вот тут-то в руку и вцепится змея! Горшок – это Эриадор Аальст, отец твоего единственного мальчика-варга. И ты и твой народ суете в этот горшок руки, ежесекундно играя со смертью. Никто не знает, что в следующий миг выкинет пророчество. Какой поступок твоих варг заставит ядовитую змею укусить!
– Даже Сатия не знает?
– Она не появляется. Не считает нужным вмешаться. Как и некоторые из нас, старших богов, которые не считают нужным рисковать своей шеей. Предпочитают подставлять шеи других. Мою, твою… Понимаешь?
– Значит, Диная меня обманула? И никаких мальчиков у варг рождаться не будет?
– Пфф! Как можно было ей верить! Она просто хотела, чтобы ты вляпалась в пророчество.
– Но зачем? Она хочет занять мое место? Никогда не поверю в такое.
– Она хочет, чтобы избранный взбесил твоих варг и они убили бы его. Он может взбесить кого угодно, уж поверь мне. Пророчество покарает тебя и твой народ и выберет другого избранного, но уже из нашего мира. Диная быстро найдет к нему подходы и станет всеобщей спасительницей. И все будут жить дальше – долго и счастливо… Но только без тебя и твоего народа… Диная хочет принести вас в жертву.
– Не могу в это поверить!
– Как знаешь. Я тебя предупредила.
– Почему? Почему ты меня – предупредила?
– Она меня тоже подставила. Я чуть не исчезла, когда одна боролась за всех. Пусть теперь она сунет голову в огонь! Ее очередь! Хватит ей прятаться за чужими спинами!
– И что же ты хочешь, чтобы я сделала? Отомстила Динае?

– Нет. Просто убери своих варг от избранного. И все. Тогда Диная должна будет начать что-то делать. А так она сидит и спокойно ждет, пока ты угодишь в расставленный капкан. Поняла?
– Я… подумаю.
– На твоем месте я особо не раздумывала бы… Поторопись!

Эри

Синие сумерки, с первыми большими звездами, появившимися на небе. Небольшая полянка среди кустов, покрытых мелкими, сильно пахнущими белыми цветами.
Обхватив Дану двумя руками за талию, я притянул ее к себе.
– Что? – изгибаясь назад, спросила она, несильно упираясь руками в мою грудь.
– У тебя красивые глаза…
– Одни глаза? – лукаво улыбнувшись, поинтересовалась она.
Расценив ее улыбку как приглашение к продолжению «тесного» общения, я наклонил голову к Дане.
– И губы… – прошептал я, приближаясь своими губами к ее губам.
– Ринате будет больно, – неожиданно перестав улыбаться, сказала Дана, глядя на меня с серьезным выражением на лице.
– При чем тут… она?
Не поняв, я замер.
– Ты – ее. Ты ведь был с нею…
– Что значит – ее? – переспросил я, чувствуя, что тема разговора мне как-то не нравится.
– Прости, если я неправильно сказала, – глядя мне в лицо, извинилась Дана, – я ничего такого не имела в виду. Просто после того, что у вас было, ты – ее мужчина, а она – твоя варга… А двух варг у мужчины быть не может. Таков порядок.
– Мало ли у кого какой порядок, – начиная сердиться, сказал я, чувствуя, как мое романтическое настроение улетучивается, – я сам себе – порядок! Правила устанавливать буду я!
– Вполне возможно, что так когда-то и будет, – с легкой иронией в голосе согласилась со мной Дана, не пытаясь вырваться из моих объятий, – но пока этого нет, действуют старые. И сейчас по ним у человека может быть только одна жена-варга. Я не стану делить тебя с кем-то. Как и Ри – не станет. Если сейчас вдруг… То я потом не отступлюсь. Она – тоже не отступится. И из нас останется только одна… А я еще до конца не уверена, стоишь ли ты моей или ее жизни…
Дана сильнее отклонилась назад и пристально, с вопросом во взгляде, посмотрела в мои глаза.
– Жена – варга? – ошарашенно переспросил я, про себя обалдевая от распахивающихся передо мной перспектив.
– А ты что думал? Решил, что будешь просто валять нас по кустам, когда и кого тебе захочется? Если так – то ты глубоко ошибаешься. Варги – это не людские доступные женщины, готовые с кем угодно и где угодно. Если варги порой и ведут себя похоже, то это только ради детей. Но пусть внешне – похоже, однако внутри – всегда не так! Ты меня понимаешь?
– Ты хочешь сказать… Что Ринаta потребует от меня – узаконить мои с ней отношения, что ли? – прищурившись, уточнил я понятое.
– Обязательно! Это нужно для подтверждения владения своей добычей.
– Добычей? Мы вроде бы о браке говорили?
– Понимаешь… По законам Этории ты – добыча, – хмурясь, сказала Дана. – Всегда сначала – добыча, только потом – муж.
– Весьма интересный обычай… – нейтрально прокомментировал я, – и что? По-другому – никак?
Я уже примерно понял, к чему ведет этот разговор. Но старался не вникать, дабы не встряхнуться. У меня еще была надежда закончить вечер согласно плану.
– Сейчас по нашему закону у человека может быть только одна варга, – ответила девушка. – Нет, если, конечно, вдруг ты сможешь его изменить… То… То тогда я обещаю… подумать над твоим предложением. А пока – нет, извини.
Выражение «у человека» все же проникло за барьер моего мысленного отрешения и, похоже, попало в чувствительную точку.
– Я – не добыча… – тихо, с угрозой в голосе произнес я, разом вспомнив все плохое, что было у меня с варгами.

– Настоящий мужчина, – так же тихо произнесла в ответ Дана, – который любит, заботится, оберегает… Который не превращается в зверушку и которому не вырывают горло после всего… Это легенда, Эри… Легенда Этории. Иметь официального мужа – это значит иметь то, чего нет ни у кого. Ну почти ни у кого… Понимаешь? Очень многие захотят тебя – себе. Но Ри первой имеет права на тебя. Я – нет. Она – да. Ты – ее добыча. Однако пока ты не стал официальным мужем, она должна подтверждать свое право на добычу. Показать всем, что достойна владеть ею. Если она сейчас увидит нас с тобой, она имеет полное право вызвать меня на дуэль. Без… всяких ограничений. И это будет – по закону. Понимаешь?
– Звериные законы.
– Это наши законы.
– Если один раз переспал с варгой, что, всю жизнь потом – обязан?
– Нет, почему же… Охотница может отказаться. При всех. Официально. Но ты – слишком ценная добыча, чтобы вот так взять и отказаться от тебя. Будь ты каким-нибудь… больным. Или малоценным… Но ты – не такой. Чем ценнее приз, тем больше за него драка. Если Рината откажется от борьбы, ей всю жизнь будут говорить, что она струсила, испугалась. Упустила такую возможность. Смеяться будут. Ри этого не переживет. Она слишком гордая. Поэтому – она не отступит. Не хотела тебе говорить, но, похоже, придется… Рината объявила тебя своей добычей. При всех. Произнесла все, как положено. И поэтому…
– Ш-ш-ш…
– У нее не было выхода.
– Выход есть всегда!
– …Илона намекнула ей, что если она будет молчать и дальше, то она – объявит тебя своим.
– Вижу, что вы совсем уже посходили с ума от безделья, – холодно произнес я, стараясь запихнуть назад рвущееся наружу изнутри меня бешенство.
Я выпустил Дану из объятий и сделал шаг назад.
– У нас… законы… такие. А Ри… Она это сделала не только потому, что испугалась насмешек. Ты научил ее скрывать эмоции, и поэтому я ее не «слышу». Но мне кажется, что она действительно любит тебя… Правда любит. Поэтому я хочу тебя попросить…
– Чего?
– Пожалуйста, согласись, чтобы Ри взяла тебя в мужья! Защити ее!
Пауза. Я несколько секунд пристально смотрел ей в глаза. Дана смотрела в глаза мне.
– Ты… вообще… отдаешь себе отчет в том, что ты… несешь? – с паузами между словами поинтересовался я.
– Я тебе все сказала – почему и как. Если ты откажешься, то, скорее всего, ее убьют на дуэли.
– Дать согласие на то… чтобы меня взяли в мужья? Так? Я правильно расслышал твою просьбу?
– Да…
– Хорошо, я не буду говорить о своем отношении к услышанному. Хорошо, допустим, ты меня не знаешь. Представлюсь. Я – маг. Я – подданный империи. Какие охоты? Какая – добыча? Ты что – бредишь? Ты вообще представляешь себе, чем это может кончиться для той же Этории, не говоря уже о конкретных «охотницах»? Если это вдруг выплывет наружу? А? Ты об этом – подумала? Ты понимаешь, что ты говоришь?
– Я прекрасно понимаю, что я говорю.
– Да? Тогда, значит, я – ничего не понимаю! Я честно не понимаю, как ты можешь нести подобную чушь! Так, словно видишь меня – первый раз в жизни!
Дана сжала губы и на несколько секунд задумалась. Я молча ждал.
– Этория – это не империя, – вновь заговорила она. – Я сейчас говорю об этом. Слова, с призывом в свидетели Арист, сказаны. Права – заявлены. И теперь уже не так важно, действительно станешь ты добычей или нет. Есть охотница, чье право на добычу можно оспорить. И многие – с удовольствием сделают это, чтобы поставить на место выскочку, захотевшую… Захотевшую иметь то, о чем все остальные только мечтают. Я вот о чем говорю.
– Эта проблема – ваша проблема. Которую, кстати, можно решить очень легко. Просто держите язык за зубами – и все. Никто не узнает, что кто-то там чего-то сказал и что-то, видимо долбанувшись головой о дерево, решил. И никто не будет ни за кем гоняться с ножиками, подтверждая какие-то права на то, чем они отродясь не владели и владеть не будут! Я ясно тебе излагаю?
– Мне кажется, что так просто это не получится…
– Не знаю, что там и как тебе кажется, а я вот точно уверен в том, что в ближайшее время мне следует с вами расстаться. Я уже сыт вами по горло! Вашими проблемами и трудностями, которые я постоянно и непрерывно решаю. А что я получаю от вас взамен?

Беспомощные и бесполезные. Вас даже как женщин нельзя использовать! Один раз попробовал – и теперь вдруг выясняется, что я жениться должен? Мужем варге стать? С чего бы это! Лишь потому, что у вас законы вдруг такие? Да? Спасибо большое!
– А разве, если бы ты сделал то же, что и с Ри, с какой-нибудь человеческой благородной девушкой?.. Разве тогда ты бы не должен был жениться на ней? По законам империи? Пфф… Нашла аргумент…
Я задумался.
– Ну? И что же ты молчишь? Только не говори, что варги – не люди, подразумевая под этим, что мы – животные. Иначе я тогда не сдержусь и дам тебе по твоей высокомерной физиономии!
– Даже так? Рискнешь? – усмехнувшись ей в лицо, поинтересовался я, вновь притянув ее к себе.
– Я тебе уже говорила, что я – не только тело! – сердито глядя на меня снизу вверх, выпалила она. – Да, с ним ты можешь сделать все что угодно! Но со мною – нет! Это тебе не по силам!
– Знаешь что, милое животное с большими глазами? – сказал я, плотнее прижимая к себе девушку и глядя в ее недовольное лицо. – Ты меня, откровенно говоря, уже достала! Мне тут как-то пришла в голову мысль, что перейти с вами на более близкие отношения – хорошая идея. Вижу теперь, что это была дурь несусветная, случившаяся явно при внезапном помрачении моего рассудка. Не успел я и рта, как говорится, раскрыть, чтобы что-то сказать, как я уже – жениться должен! Мало того – я уже кругом еще и виноват, и мне читает мораль какая-то курсантка первого года обучения какой-то провинциальной академии, из какого-то захолустья. Причем делает это она с таким видом, как будто имеет на это полное право, и абсолютно уверена, что ей за это – ничего не будет. Подобное ее поведение приводит меня к мысли о том, что она действительно считает меня собственностью какой-то варги, причем собственностью, похоже, не имеющей права на «вяканье». Почему она так делает, эта курсантка? Может, потому что она – тоже варга? И ей, пусть немножко, но – тоже можно? Киса, ты точно ничего не перепутала?
– Ты извратил все, что я тебе сказала! – глядя мне прямо глаза, четко произнося слова, ответила Дана.
– Да неужели?
– Да! Ты либо совсем ничего не понял, либо – понял, но не захотел этого признать. Скорее второе, потому что ты – совсем не дурак, господин Аальст!
– Еще какой дурак, – ответил я, выпуская Дану из рук и вновь делая шаг в сторону, – еще какой… Одно то, что я связался с вами, – тянет на звание короля дураков…
– И что, ты вот так просто уйдешь?
– Нет. Я буду при этом пританцовывать. Тебя устроит?
– Не нужно паясничать. Я говорю о серьезных вещах. О судьбе Ринаты. Твое легкомыслие может обернуться для нее – смертью.
– Не стоит так усиленно взывать к светлой стороне моей души. Она сейчас крепко спит. Если тебя так беспокоит судьба Ри, тогда почему бы тебе самой не проявить жертвенность? А то все я да я… Должен то, должен се… Не хочешь сама попробовать?
– Как?
– Раздевайся!
– …Что?
– Раздевайся! Я тебя трахну, потом расскажу Ри, что ты меня принудила, она вызовет тебя на дуэль, а ты подставишь ей свою шею, чтобы она ее перепилила расческой. Таким образом у Ринаты на счету будет плюс один труп, и ей в дальнейшем, вне всякого сомнения, станет гораздо легче отстаивать свое право на добычу. Как тебе такая идея?
– Ш-ш-ш…
– Шипишь? Не нравится? А чего так, позволь спросить?
Расширенными глазами, словно пытаясь в нем что-то отыскать, Дана несколько секунд вглядывалась в мое лицо.
– Ты ведешь себя как самый настоящий, гадкий, циничный подонок, – наконец сказала она.
– Возможно, – пожал я плечами, – но нагло требовать от другого жертвы так, как ты это сейчас делаешь, – не менее подло и цинично. Ты этого не находишь? Если тебе приспичило творить благородные дела – бери тогда да и жертвуй собой! Ну так как? Будешь раздеваться? Или – себя жалко?
– Уходи… – тихо произнесла Дана. – Видеть тебя не желаю.
– Взаимно.
Я развернулся и пошел назад по тропинке, внутренне усмехаясь.
Жениться! На варге! Ага, щас! Калоши только надену! Белые. Обломщица… Такой вечер испортила…

Однако, как оказалось, это не последняя встреча за вечер. Не успел я, чертыхаясь, одолеть половину пути до лагеря, как вдруг…
– Господин Аальст, я хочу с вами поговорить! – голосом, полным непреклонной решимости, произнесла Кира, выходя сбоку из кустов и преграждая мне дорогу.
– О чем? – спросил я, с иронией подумав, что более неподходящего момента для разговора она, даже если бы искала, просто не смогла бы найти.
– Я хотела бы поговорить… о вашем… возвращении в империю.
– М-да? И что с ним?
– Господин Аальст, за время нашего с вами путешествия произошли события, которые могут быть рассмотрены соответствующими людьми как события, имеющие государственную важность.
– И что с того? Какое мне до этого дело?
– Дело в том, что участники случившихся событий могут подвергнуться пристальному вниманию… этих людей. Вы понимаете, о чем я?
– Я не собираюсь играть в «угадайку». Скажи прямо – чего тебе нужно?
– Хочу, чтобы вы дали клятву – никому не рассказывать ни о Ринате, ни о нашей пятерке. Клятву крови.
Я? Клятву? Крови? Она что, с ума сошла?
– Пфф! – поперхнулся я услышанным и с удивлением уставился на нее. – А больше тебе ничего не нужно? Луну, например, с неба?
– Я отвечаю за безопасность своей пятерки! – с каменным лицом отрезала Кира. – И за безопасность своей страны. Разглашение происшедшего может принести вред как моим подчиненным, так и всей Этории! Поэтому я вынуждена требовать этого от вас.
Кира, нахмурив брови, смотрела на меня в ожидании ответа.
Требовать? Да она – охренела!
– А ты и твои варги – тоже дадите мне клятву крови? О том, что не обмолвитесь ни словом о нашем путешествии? – прищурился я на нее. – Вы ведь тоже много обо мне узнали. Не так ли? Совсем не нужного вам. И разглашение вами этого узнанного – вполне способно не только создать мне проблемы, но и по-настоящему принести вред моей жизни. Но я не требую от вас подобной клятвы, зная, что в Этории вас будут расспрашивать обо мне. А дав клятву крови, вы вынуждены будете молчать. Прекрасно понимая это, я не требую с вас никаких клятв, чтобы не подвергать вашу жизнь опасности. А ты – требуешь! Как же так? Давай тогда – баш на баш! Я клятву вам, вы – мне. Согласна?
Кира закусила губу, мрачно уставясь в землю.
– Да, мы не сможем молчать… в Этории, – наконец подняла она глаза на меня после длительной паузы.
– Ха! Выходит, держать язык за зубами – предлагается только мне? А вы – будете действовать согласно вашим интересам? Ну ничего себе! Вот это поворот!
– Мы не сможем молчать… – вновь повторила Кира, отрицательно покачав головой. – Никак не получится…
– Ваши проблемы, – равнодушно пожал плечом я.
– Господин Аальст, – медленно произнесла Кира, – а не согласитесь ли вы переехать жить… в Эторию? Уверена, что ваше согласие… встретит самую горячую поддержку у нашего правительства!
– Ты что – с дерева упала? – ласково поинтересовался я у нее. – Головой ударилась?
– Почему? Это очень хорошее предложение…
– И что же, позволь спросить, может предложить мне твоя Этория? Мм? Ну давай, давай, скажи! Деньги? Я их сам прекрасно заработаю, сколько мне нужно. Да столько, что вам и не снилось. Власть? Дарга с два ваши, в правительстве, поставят над собой человека. Что еще? Знания? Откуда они у вас, в вашей забытой богами провинции? Ну что еще? Может, я что-то пропустил? Или чего-то не знаю? Ну!
– Уверена, что вам бы сразу присвоили высокое воинское звание… – промямлила Кира, старательно глядя мимо меня.
– Офигеть, какое шикарное предложение! – насмешливо хмыкнул я. – Воинское звание! И это – все?
– Еще у нас есть… Цитадель. Там хранятся очень ценные артефакты…
– Никому не нужный, пришедший в негодность ветхий хлам. Три раза – ха!
– …
– Чего молчишь?
– …
– В общем, предложить тебе, как я понимаю, нечего. Поэтому слушай меня внимательно. Ты еще не доросла до того, чтобы чего-то требовать у меня. Как и Этория не доросла до того, чтобы быть способной мне что-то предложить. Чего у вас, несомненно, много – так

это варг, озабоченных вопросом размножения и готовых лопнуть от чувства собственного превосходства над «не варгами». Вряд ли кого с нормальной головой заинтересует жизнь в подобном окружении. Поэтому, подытоживая наш разговор, никаких клятв от меня не будет. Скажу ли я кому-то или нет? Это будет зависеть от ситуации. Если я решу, что мне будет выгодно рассказать, – я это сделаю. Нет? Значит, промолчу. Буду действовать исключительно в своих интересах. Так же, как всегда действуете вы. Понятно? Еще вопросы?
Кира изменилась в лице. Бросив на меня быстрый взгляд, молча прикусила нижнюю губу и опустила голову. Глаза ее при этом подозрительно блеснули.
– Вопросов больше нет? Замечательно!
Обогнув ее, я не торопясь пошел дальше.
Ни-че, ни-че! Полезно. Пусть постоит, подумает. Клятву ей! Ха! Вообще уже на шею сели! Неужели я не заслужил к себе даже уважительного отношения? Вот зараза!

Мы едем, едем, едем… Уже который день. Едем в империю. Я и пять варг. Нет, число в «двадцать следопытов» в качестве моих сопровождающих – для верховного совета эльфов это был даже не разговор, но я настоял на своем.
– Трое! – сказал я им. – Я хочу проехать кратчайшими тропами в империю, а не протоптать в нее дорогу. Больше – никаких возражений! Трое. Это максимум того, на что я согласен!
Поскрипели, но согласились. А куда им было деваться? Правда, этим утром я приказал этим сопровождающим возвращаться. Их командир попытался было возражать – как же, мол, так? Да мы… да вы, да одни…
– Это – приказ! – жестко сказал я. – Все равно, как вы говорите, остался один переход до «Зева земли», а там – уже империя. Можете считать, что вы выполнили задание. А у меня есть еще дело, которое нужно сделать. Вам при этом присутствовать – необязательно. Вам понятно, господин старший следопыт?
Господин старший следопыт посмотрел мне в глаза – все понял и со своими подчиненными поехал назад, а я со своими варгами – вперед, к границе империи…
Дело, о котором я ему сказал, касается одного наглого чешуйчатого существа, упорно появляющегося в моей пентаграмме призыва. Я тут подумал-подумал и решил, что мне нужно от него избавиться. Он слишком глуп и жаден, для того чтобы продолжать вести с ним дела. Я совершенно не намерен таскать ему сотню лет души, ожидая, пока он насытится и соизволит наконец заняться моими вопросами…
Как от него избавиться? Просто! У меня же есть пятерка «мозголомов»! Призову его, а Ри – даст ему «по башке». И все. Делов-то. Как говорится, без шума, без пыли и гама. Может, следующий призванный будет умнее…
Это небольшое дельце я и собирался провернуть на границе с империей. Почему на границе? Чтобы если кто посторонний вдруг чего заметит, то у него имелось бы место сомнению – у людей это произошло или у эльфов? Поэтому сопровождающих эльфов я и отправил назад, дабы не смущать их разум. Ни к чему мне лишние уши и глаза… С Уртришем я решил поступить так. А с варгами – по-другому. У меня было время неспешно поразмыслить обо всем случившемся в этом путешествии. Сначала включил себе «человеколюбие» и попечалился о незавидной их дальнейшей судьбе.
«Вот что их ждет в Этории? – спросил я сам себя и сам себе ответил: – Да ничего хорошего! Пятерка «убийц магов», не подчиненная людям!» Ох, ничего себе, какой пассаж для императора! Это почти то же самое, как подкинуть какому-нибудь малому народу, входящему в состав империи, ядерный боеприпас. Всего одну штуку. Что сделает империя, когда узнает о наличии такого казуса? Реакция в общем-то прогнозируемая. От силы испуга – могут и до геноцида народца додуматься… А что сделают с пятеркой Киры ее же высокие командиры, когда узнают, во что они превратились? Тоже могут решить – «прикопать» их без лишней огласки, чтобы не дразнить гусей… Гусем – империя будет. Лучше жить скромно, но долго, как говорится, чем коротко и ярко… Нет, я, конечно, могу предложить варгушам принести клятву крови, чтобы они молчали… Но если их отпустить в Эторию, их там все одно будут спрашивать. Ну загнутся они тогда от клятвы, а не от имперских мечей… Какая им разница-то? Все одно пропадут без меня… Бедолажки…
Потом я включил «хозяйственника».
Дана – хорошо готовит, взялся я подсчитывать положительные моменты, имеющиеся у моих спутниц, и глазки ее – хороши… Они, правда, последнее время сердиты на меня, но я ведь могу сделать так, чтобы их выражение поменялось? Могу! Не вижу в этом проблемы… Кира… Служака. Можно поручить организовать что-то несложное. Сделает. Ответственна. Переживает за своих варг, и я уверен, что если я дам ей гарантию, что все они останутся живы, то она не станет возражать перейти ко мне в подчинение… Потом, она – тоже красивая. Помню я ее стриптиз у озера… Попка у нее… такая. Она самая старшая, и

попа, соответственно, выросла – побольше… Анжелина? Как-то особо себя не проявила. Думает много… Но тоже вполне красавица… Ил-л-л-лона! Чувствую, со своей активностью она даст еще прикурить! Да, будут проблемы, но зато – скучно не будет! Рината… Ну с этой все понятно. С мозгами плохо, зато море чувств и… губы! А еще – она слышит чужие мысли! Брильянт! А все вместе они – «мозголомная пятерка». Ну разве можно таким «добром» разбрасываться?

Потом я побыл немного «скрягой». Посчитал, во что мне обойдется содержание пяти тайлиш. По прикидкам, выходило, что это не должно меня было как-то обременить. Думаю, что знания о лечении, которые я приобрел у эльфов, позволят мне неплохо зарабатывать. Потом, эльфы мне открыли «кредитную линию, анлимитед». Дали мне в дорогу приличную сумму золотом и сообщили, что если мне понадобятся деньги – мне просто нужно будет сообщить им об этом. Привезут. Так что пять лишних ртов я могу содержать без всяких проблем…

И, уже под самый конец, я побыл младшим сыном из Дома изменчивых… Да, позор, подумал я, оценивая все случившееся с позиций нравов Эсферато, да, с низшими… ну да, почти с животными… Но что теперь с того? Будь я в своем теле – так, может, ничего бы и не было! А тут – чужое ведь! Я банально проиграл его влечению к противоположному полу. Может, будь я постарше – я бы и справился… У нас возраст до трехсот лет считается детским. От трехсот до шестисот – подросток, дальше, до тысячи – юность. Мне же недавно исполнилось – триста тридцать шесть лет… Пфф! Я никак не готовился в своем нежном возрасте к таким испытаниям! Даже и не предполагал, что бывают такие ситуации, в которую я сейчас вляпался! Но, раз вляпался, нужно «выляпываться», исходя из текущего момента. А по ситуации – моему телу нужен секс, ибо он является, пожалуй, его основной функцией. Ну коль надо – так надо. Как целитель, уверенно могу сказать, что всякая угнетенная функция организма приводит к болезни тела. Конечно, я могу лечить себя, но… Угнетенность угнетает не только физическую составляющую, но и энергетическую, сказываясь на психике и настроении. Зачем мне быть раздраженным, когда можно всегда сиять улыбкой? Потом, когда у меня плохое настроение, мои шутки тоже «портятся», с соответствующим результатом для жертвы. Но я же – не злой. Я – белый и пушистый. Так, шучу иногда…

Главное, чтобы от варг – детей не было. Отец-демон всегда передает частичку души своему ребенку. Поэтому по ней всегда можно определить – кто от кого и чей. И вот тут-то, если я облажаюсь, – позорища точно не оберешься. Если на забавы старших с низшими смотрят «сквозь пальцы», тем более что взрослые этих забав не афишируют, то наличие от них детей – позор, однозначно. Демоницы в Эсферато – совсем не хрупкие и нежные барышни. По физической силе, может, чуть и уступают своим мужчинам, зато по скорости движений и гибкости – зачастую превосходят их. Если демон берет кого-то в жены, то для начала он должен победить свою избранницу в ритуальном поединке. А проводятся они «без дураков». Там все серьезно. Бывают, конечно, парочки, которые сговариваются, но за поединком внимательно следят, и если возникнет подозрение, что есть место мухлежу, совет может посчитать поединок несостоявшимся. А значит, свадьбе – не бывать! Муж должен быть сильнее жены – таков закон Эсферато. Только тогда рождаются сильные, здоровые дети. Да и вообще, если уж на то пошло, – только тогда и рождаются… Потом, наши девушки изначально имеют вздорный и неуравновешенный характер, и у них стабильно бывают приступы плохого настроения… И как же тогда муж «обломает» истерящую жену, если он ее слабее? Позовет на помощь? Распространенный сюжет анекдотов…

Поэтому, если неженатый демон вдруг начнет «размножаться» с низшими, – это показатель того, что он слаб, труслив и не рискует скрестить свой шагсс ни с одной демонессой. Вырожденец, короче. Позор ему и его Дому! Таких подвергают остракизму. Девушки первыми же и «зачморят»… Это они могут… Так что – никаких детей! Как сделать? Пфф… Ну я же приобрел знания целителя! Почему бы не пустить их в дело? Внесу изменения в свой организм. Вмешательство будет минимальным. Последствия? Да, будут. Но опять же – минимальными. Буду иногда «поправлять». Это проще, чем иметь проблемы с детьми или «беситься» без причины…

Короче, тщательно все обдумав и взвесив, я решил «подгрести варгуш под себя». Это самый правильный путь. Эльфы сделали по моему заказу пять серебряных браслетов на руку. Их я подарю каждой, после того как они принесут мне клятву верности…

Уверенный, что все будет так, как я решил, но все же на всякий случай я закинул удочку и «провентилировал обстановку», поговорив, почти откровенно, с Ри и Илоной…

– Говорят, – сказал я, наклоняясь к лицу Ри, прижатой мною спиной к дереву, – что ты теперь известная «охотница». Поймала редкую добычу…

Та замерла, испуганно глядя в мои приближающиеся глаза.

– И что ты теперь будешь делать со своим трофеем? – промурлыкал я ей почти на ушко. – И скажи – где же ты его поймала? Случаем – не у того ли известного нам обоим костра? И именно – за
что
ты его поймала?

– Эмм… – сделав глотательное движение горлом, отозвалась Ри. – Я… С-с-с-с с тобой… хотела…
– Что со мной «с-с-с-с»? – нависая над ней и с интересом следя за ее мимикой, насмешливо поинтересовался я. – Что именно ты хотела – со мной?
– Поговорить… – прошептала она и, сжав губы, втянула голову в плечи.
– Да неужели? Но, как я понимаю, тебе это почему-то не удалось, зато, как я слышал, ты успела сделать весьма яркое заявление среди своих подруг. Они были поражены. Так что там насчет добычи? Хочется услышать подробности… из первых уст, так сказать…
– Ну… в общем… я…
Рината замолчала и опустила голову.
Я осторожно взял ее пальцами за подбородок и поднял его вверх. Глаза Ри были полны слез.
– Стой смирно! – приказал я и приник к ее губам.
Она было дернулась, но я поплотней прижал ее к дереву, и поцелуй прошел штатно.
– Так ты – не сердишься? – это было первое, что спросила она, когда я ее отпустил.
– Почему это? – поинтересовался я, разглядывая дорожки от слез на ее щеках. – С чего это ты вдруг так решила?
– Ну… ты же… поцеловал меня?
– Ну и что? Захочу – поцелую. Не захочу – не поцелую.
– Что значит – захочу?
– Это значит, что «сверху» буду я! Понятно?
– «Сверху»? Ты?
– А ты что, всерьез решила, что я буду выполнять ваши всякие там варговские правила? По твоим указаниям? Не старайся казаться глупее, чем ты есть на самом деле. Дальше – уже некуда…
– Я – не глупая!
Я закрыл ее губы поцелуем.
– Я – умнее, – ответил я, наконец оторвавшись от них, – согласись.
– Как ты можешь считать меня – дурой? – глядя снизу вверх, попыталась возмутиться прижатая к дереву Ри. – Почему ты говоришь мне такое?
– Потому что я попался на твои губы, – честно ответил я, – но, хоть я и умнее тебя и понимаю, что делать то, что я сейчас делаю, – не стоит, однако все равно делаю это. И намереваюсь делать и впредь. И это меня немного бесит. Поэтому мне хочется тебя позлить.
– Но… – удивленно округлив глаза, произнесла Ри, секунду обдумав услышанное. – Разве это… нормально?
– Конечно же нет, – ответил я и вновь ее поцеловал. – То, что я тебя целую, – совершенно ненормально!
После третьего поцелуя Ри поудобнее оперлась спиной о ствол дерева, несколько «обмякнув» на нем.
– Ты говоришь так – нарочно, чтобы меня позлить.
– Я рад, что мы наконец поняли друг друга. И поскольку у нас есть взаимопонимание, слушай меня внимательно. Теперь со всеми своими проблемами – ты идешь ко мне. Не хватаешься за ножик, пытаясь кого-то там зарезать согласно вашей вековой традиции, а идешь ко мне и говоришь – так, мол, и так. А потом слушаешь меня и делаешь, как я тебе скажу. Поняла?
– Чего это вдруг?
– А че вдруг – нет? А?
– Я – варга! Это я должна быть главной. Человек – не может быть главным!
– А по заднице? – ласково поинтересовался я.
– За что?
– За человека. И за главного. Щас как сниму с тебя штаны! Враз станет ясно, кто тут главный!
– Только попробуй!
– Что? Отбиваться станешь?
– Стану!

– Вы только поглядите, какие мы гордые…
– Да! Гордые! Да ты вообще так со мной не должен разговаривать!
– А как должен?
– С уважением… Бережно… Спрашивать, что я чувствую…
– На кой мне спрашивать, если я и так это чувствую?
– А, ну да… А я вот тебя – не чувствую! Это – нечестно!
– «Щит» поставь – и будем в расчете.
– Может, тебе его убрать? Чтобы я «слышала»?
– Ага. И устроить тут повтор той ночи у костра, да?
Рината «вспыхнула» и, отвернувшись, уставилась в землю.
– Да. Почему ты без «щита»? Разве я тебе не говорил?
– Ну… я же с тобой…
– Надеюсь, про то, что ты потеряла способность читать мысли, ты говоришь?
– Да…
– Точно?
– Да…
– Кто-то спрашивал?
– Кира спрашивала… Илона спросила… Дана. Да все спрашивали.
– Я всем сказал, что ты потеряла эту способность после превращения. Поэтому – будь внимательна и не ошибись. Повторю. Это сделает твою жизнь проще. Слышишь?
– Слышу… – произнесла Ри тихим голосом, глядя в землю.
– Значит, так, – сказал я, вновь поворачивая за подбородок ее лицо к себе, – вернемся к началу нашего разговора. Сообщаю, что у меня есть для тебя много вкусных поцелуев, которые, я знаю, тебе нравятся. Ты их все получишь, но при одном условии – ты будешь слушаться меня. Никаких дуэлей, разборок и прочего вашего бреда. Все твои проблемы – решаю теперь я! Ты – поняла?
– Почему? Почему – ты, а не я?
– Я уже сказал. Я – умнее. И еще – потому, что мне нравится с тобой целоваться. Подумай – с кем я буду это делать, если тебя вдруг не станет? Чтобы подобного не случилось, ты должна слушать меня.
– Правда? – Ри уставилась на меня широко открытыми, все еще со следами слез, глазами. – Тебе правда нравится со мной целоваться?
– Нет, это я так… придуриваюсь. Все. Давай закончим на этом наш милый разговор. Потом, позже, выясним, кому что именно нравится и не нравится. Мне вот не нравится, что твой нос мешается, когда я тебя целую. Подумай, может, ты сможешь его куда-нибудь деть?
– Хочешь сказать, что я не умею целоваться?
– А то!
– Куда я дену нос? – обиженно надув губки, пробурчала Ри, немного подумав.
– Я же тебе и говорю – подумай… – усмехнулся я, делая шаг назад.
Это был разговор с Ри. С Илоной разговор произошел несколько в ином ключе.

– А ты чего от меня хочешь? – спросил я ее.
– От тебя? – удивилась Илона такому вопросу.
– Угу…
Ил на несколько секунд задумалась, видно решая, как ответить. Оглядела меня сверху вниз, пристально посмотрела в лицо.
– Тебя! – подумав, коротко ответила она.
– И что ты со мной будешь делать? – хмыкнул я.
– Буду ходить с тобой по главным улицам, а все будут сворачивать мне вслед шеи! Буду обедать и ужинать с тобой в тавернах, под завистливыми взглядами! Буду позировать тебе для портретов, слушать твою музыку…
– И все?
– И проводить все ночи с тобой в постели!
– И все?
– Мм… – надула Илона губки, задумчиво глядя на меня.
– Мне кажется, что ты не все назвала…
– А еще – я хочу стать членом верховного совета, иметь большой дом, слуг, наряды, драгоценности и не думать о деньгах!
– Вот теперь, мне кажется, все названо. Желания замечательные, но почему они связаны со мной?
Сделав пару шагов, Илона подошла ко мне вплотную и заглянула в глаза.
– Могучий маг, великий целитель, повелитель эльфов… Он может легко исполнить мечты простой варги…

– Простой? Ха! Возможно. Но что же он получит, этот маг, взамен от этой варги?
– Все, что только пожелает!
– И как же далеко простирается это «все»?
– Думаю, что достаточно далеко.
– Ой, что-то мне мало в это верится. Но хорошо, сейчас проверим. Например, если этот маг решил завести себе гарем. Как в Халифате. Что скажет на это варга?
Илона несколько секунд пристально вглядывалась в мои глаза.
– Будет называть его «мой господин» и попросит сделать ее старшей женой! – лукаво улыбнувшись, ответила она.
Я насмешливо фыркнул.
– Ну ты и наглая, – сказал я.
– Мой молодой господин так уверен в своих силах? – продолжая лукаво улыбаться, поинтересовалась Илона.
– Точно так же, как ты – в своих. Думаю, что в твоих мечтах нет ничего невероятного. О нашем разговоре – никому ни слова. Посмотрю, как ты умеешь держать язык за зубами. И Ринату – больше не задирай. Поняла?
Ил на мгновение задумалась.
– А я – целуюсь лучше, чем она, – сказала она, прижимаясь ко мне и обнимая мою талию руками. – Помнишь?
– Не-а, – ответил я, притягивая ее к себе. – Давно было. Но сейчас – проверю!
Проверил. Да… Нос у нее – не мешается…

– Река! – обернулась ехавшая впереди меня Анжелина, прерывая мои воспоминания.
Я прислушался. Да, был слышен шум воды. Еще десять минут пути – и мы выехали из леса на берег неширокой речки с высокими каменными берегами. Скорее, она больше напоминала узкий канал со стремительно несущейся в нем водой, который упирался в каменную стену невысокой горы, стоящей на его пути. Перед ней речка разделялась и исчезала в двух черных отверстиях с низкими сводами, уходя под скалу.
– «Зев земли»! – напрягая голос, прокричала Анжелина, перекрикивая шум воды.
Да, действительно похоже на глотку, подумал я, подходящее название.
– Пойдемте, посмотрим! – вдруг предложила Кира, слезая с лошади.
«На что? – не понял я. – На что там смотреть?»
Но остальные варги тоже уже слезали с лошадей.
Ладно, пойдем, посмотрим. Немного разомнемся.
Кира, ступив на каменную площадку, подошла к самому краю реки, откуда было совсем близко до треугольного скального выступа, делившего ту пополам. Некоторое время она смотрела вперед, затем обернулась ко мне.
– Там что-то блестит! – закричала она, вытянув правую руку вперед.
– Где? – не понял я, вглядываясь туда, куда она показывала. – Я ничего не вижу!
– Да во-он! Встаньте сюда! Наверное, видно только с этого места! Похоже на золотой медальон!
– Да где? – переспросил я, становясь на ее место, которое она мне уступила. – Ничего не ви…
Внезапно мою грудь пронзила острая боль. Толчок! Меня толкнули в спину, и я вниз головой полетел в реку! Падая, успел увидеть напряженное лицо Киры и окровавленный кинжал в руке.
Она? Меня? Почему?
– Бух!
Холодная вода обожгла тело, и от нее сбилось дыхание. Течение подхватило меня и стремительно понесло вперед.
Сихот! Кира – тварь! Я ранен! И меня сейчас унесет под гору, в пещеру! Что делать первым? Выбираться – или лечиться?
Грудь – разрывало от боли. Я задержал дыхание и «посмотрел» внутрь себя, желая понять – что там? «Смотрел» и «офигевал». Ударом кинжала сердце пробито насквозь. Потеряв ритм сокращений, оно хаотично пульсировало, выплевывая из себя фонтанчиками кровь.
«Блин!» – подумал я, прикидывая, что с ним делать, но в этот миг со всего размаху обо что-то ударился головой.
И все провалилось в темноту, сопровождаемую гаснущими яркими звездочками…

Конец путешествия

– Где? Я ничего не вижу!

– Да во-он! Встаньте сюда! – закричала Кира, перекрикивая шум воды. – Наверное, видно только с этого места! Похоже на золотой медальон!
Она отошла назад.
– Да где? – недоуменно спросил Аальст, становясь на ее место. – Ничего не ви…
Внезапно стоящая за его спиной Кира стремительным движением выхватила кинжал. Правой рукой обхватив Эриадора за шею, она наклонила его назад и нанесла ему резкий удар под левую лопатку, насаживая на клинок. Лезвие, пройдя между ребрами, пробило сердце и остановилось, упершись кончиком в ребро груди.
Толчок!
Поворачивая кинжал в ране, Кира выдернула его из Аальста и толкнула того в спину, сбрасывая в реку. Тот полетел вниз, оставляя за собой в воздухе россыпь ярко-красных капель. На миг мелькнуло его лицо с выражением искреннего удивления.
– Бух!
Аальст исчез под водой. Некоторое мгновение на поверхности было видно небольшое красное пятно, но оно быстро пропадало, растворяясь в текучей воде.
Кира стремительно повернулась и в несколько шагов подлетела к Ринате, стоящей с отвисшей челюстью. Та, выйдя из ступора, начала было двигаться в сторону от нее, но уже слишком поздно! Кира ударила ее в висок рукояткой кинжала. Ри, закрыв глаза, мешком свалилась на землю, не издав ни звука.
Тишина на берегу… Замершие варги и Кира, неподвижно стоящая над телом Ринаты, с кинжалом в руке…
– Да ты – в дуплину охренела! – вскричала Илона, первая из троих пришедшая в себя. – Что ты наделала, тварь Даргова?!
Она выхватила из ножен клинок и направила его в сторону Киры.
– Я тебя сейчас на ленточки порежу, падла!
Анжелина и Дана тоже обнажили клинки и направили их на своего командира.
Дана сорвалась с места и бросилась вперед, к реке.
– Назад! – закричала Кира, преграждая ей путь и выставляя вперед кинжал. – Назад! Он уже умер! Ты ничего уже не сделаешь!
– Ты с ума сошла… – тихо произнесла, остановившись, Дана, потрясенно, с выражением ужаса глядя на Киру. – Ты с ума сошла… Он же всех нас… А ты его… В спину… Как ты могла?!
– Так было нужно… – хрипло произнесла Кира, не двигаясь и не опуская кинжала. – Так было нужно… Он хотел все рассказать… Про вас. Я – просила его… А он лишь посмеялся… Нельзя было, чтобы это случилось. Тогда бы… убили всех… А я не могла этого допустить…
– Но… вот так? Ты же могла…
– В честном поединке – я бы с ним не справилась, – опуская глаза в землю, ответила ей Кира. – Весь позор я беру на себя… Вы тут – ни при чем. Я все возьму на себя… Он был – чужой. А вы – нет…
– Ты больше не мой командир, – медленно покачав головой, сказала Дана. – У меня не может быть такого командира…
– Да… Я не могу быть больше командиром, – глухо ответила Кира, не поднимая головы. – Я знаю. Я уйду… Дальше пойдете без меня… Позаботьтесь о Ринате…
В этот момент Ри слабо зашевелилась, приходя в себя.
– Да-а-а! – Илона с размаху швырнула на землю свой меч. – Ну почему?! Почему??? Только все наладилось – и эта идиотка все испортила! Кира, ты – конченая дура! Идиотка!! Дебилка!!! Все не так было, как ты придумала! Он мне сам сказал! Поняла?! Сама теперь о Ринате заботься! Наделала делов – и в кусты, да?! Что я ей должна сказать?! Что?! Что у тебя с головой плохо? И поэтому ты убила любовь всей ее жизни? Так, что ли? А вот – на-кася! Выкуси!
Илона свернула две дули и выставила их в сторону Киры.
– Дарг ты куда уйдешь, пока ей в глаза не посмотришь! Поняла меня?!
Внезапно на краю леса появилось золотое сияние.
– Успокойся, – произнесла Арист, выходя из сияния и обращаясь к Илоне. – Твой командир все правильно сделала. И будет награждена…
– Богиня… – потрясенно выдохнули четыре варги, опускаясь на колени.
– …Аальст был врагом, – веско произнесла Арист, обводя их взглядом. – Вашим врагом и врагом Этории!
– Он не был врагом! – сжимая кулаки, отчаянно закричала пришедшая в себя Ри, вскакивая на ноги. – Не был!!!
– Аальст был врагом, – терпеливо повторила богиня, спокойно глядя на нее. – И, пожалуй, самым опасным за все время…

– Нет! Неправда! Он был – хорошим!
– Не спорь со мной, девочка, – мягко возразила ей Арист. – Если я говорю – то так оно и есть. Аальст был врагом. Подлым врагом. Он угрожал мне, всем варгам и даже… всему миру! Его нужно было убить.
– Нет! Неправда! Это – неправда! – отчаянный крик Ринаты пронзал воздух.
Арист внезапно вскрикнула и схватилась ладонями за виски.
– Ах ты, маленькая дрянь! Как ты посмела поднять на меня руку?!
Невидимая рука со страшной силой ударила Ринату. Та кубарем полетела вдоль берега, мелькая руками и ногами. Удар! Тело Ри остановилось, с размаху впечатавшись спиной в большой камень.
Арист с угрозой смотрела на медленно сползающую спиной вниз по камню Ринату. Глаза той были закрыты, а изо рта медленно текла темная кровь. Богиня перевела взгляд на валяющихся на земле варг, упавших после «укола» Ри.
– Вставайте! – приказала она им. – И закончим на этом. Пора вам домой. Я открою для вас портал в Эторию. Поднимайтесь!
– Великая Арист… – натужно просипела Кира, отжимаясь на дрожащих руках от земли. – Позвольте забрать тело Ри… Нехорошо, если его съедят звери… Пожалуйста…
– Защищаешь? – повернулась к ней богиня. – Эту?
– Нижайше прошу о милости похоронить ее… по всем правилам. Она моя подчиненная…
– Что ж, молодец! – похвалила Киру Арист. – Ты все делаешь правильно. Забирай. Тем более что она жива…
– Благодарю, святейшая…
Поднявшаяся на ноги Кира с трудом низко-низко поклонилась.
– Забирайте все, и пошли! – приказала ей богиня.

Через пять минут на берегу шумной реки вновь стало пусто. Так же, как прежде, рос лес, синело небо и ревела вода, исчезая в черном провале под скалой. Словно ничего и не было…

Июль 2014

Генри Лайон Олди
ПУТЬ МЕЧА

КНИГА I. КАБИР

— Вот человек стоит на распутье между жизнью и смертью. Как ему себя вести?
— Пресеки свою двойственность, и пусть один меч сам стоит спокойно против неба!
Из разговоров Кусуноки Масасигэ с его наставником

ЧАСТЬ I. МЕЧ ЧЕЛОВЕКА

…Вот выносят из подвала,
Из-под дюжины затворов,
Из-под девяти задвижек —
Вот несут навстречу солнцу
Под сияние дневное
Короля мечей заветных,
Битв суровых властелина,
Кузнеца почет и муку,
Сильных рук изнеможенье!..

Калевипоэг

Глава 1

1

Мы встретились с харзийцем за угловой башней Аль-Кутуна, в одном из тех грязных и узких переулков района Джаффар-ло, которые подобны нитям старого темляка — спутанным и залоснившимся.

Его Придаток стоял прямо у нас на дороге, широко расставив кривые ноги и склонив к плечу голову, украшенную неправдоподобно маленькой тюбетейкой. Шитье на тюбетейке было мастерское, мелкий бисер лежал ровно и тесно. Руки Придаток держал на виду, и в них, похоже, ничего не было. Обычные руки хорошего Придатка — гладкие и спокойные.

Приближаясь, я прощупал его и сперва не обнаружил Блистающего, равного себе — ни за плечом, ни на поясе, скрытом под складками чуть спущенного плаща, ни…

Одна рука Придатка подбросила в вечернюю прохладу смятый комок, и тот неожиданно вспорхнул белой кружевной бабочкой, на миг зависшей в воздухе; другая рука легла на невидимый пояс, в пряжке что-то звонко щелкнуло — и освобожденный пояс радостно запел, разворачиваясь в стальную полосу, становясь Блистающим и приветствуя меня ритуальным свистом.

Чужой Блистающий еле заметно лизнул тончайшую ткань падающего платка, и из одной бабочки стало две, а я одобрительно качнулся и вспомнил о том, что рожденные в жаркой Харзе — полтора караванных перехода от Кабира — испокон веков гордятся своим происхождением от языка Рудного Полоза.

И мне стало тесно в одежде — будничных кожаных ножнах, схваченных семью плетеными кольцами из старой бронзы.

Я скользнул наружу, с радостью окунувшись в кабирские сумерки, — и вовремя. Придаток харзийца уже приседал, пружиня на вросших в землю ногах, и мне пришлось изо всех сил рвануть руку своего Придатка вверх и наискосок вправо, потому что иначе заезжий Блистающий запросто сумел бы смахнуть верхушку тюрбана моего Придатка, что по Закону Беседы означало бы мое поражение.

Он, видимо, совсем недавно приехал в столицу, иначе не рассчитывал бы закончить Беседу со мной на первом же взмахе. Если даже я и уступал харзийцу в гибкости (а кто им не уступает?!), то в скорости мы могли потягаться — и на этот раз не в его пользу.

— Отлично, Прямой! — прозвенел гость из Харзы, завибрировав от столкновения и с удовольствием называя меня безличным именем. — А если мы…

Он зря потерял время. Я отшвырнул болтливого харзийца в сторону, затем легко толкнулся в ладонь моего Придатка, его послушное тело мгновенно отреагировало, припадая на колено — и я дважды пронзил плащ харзийского Придатка вплотную к плечу и правому локтю, ощутив на себе обжигающее прикосновение чужой и чуждой плоти.

Оба раза я тесно приникал к телу Придатка — сперва плашмя, а потом лезвием; и на хрупкой и ранимой коже не осталось даже царапины.

По меньшей мере глупо портить чужих Придатков, если их так сложно подготовить для достойной службы Блистающим. Впрочем, самоуверенный харзиец мог бы выбрать себе носителя и получше…

…Уже выходя из переулка, я вспомнил, что по завершению Беседы забыл представиться Блистающему из Харзы, и пожалел об этом.

Ничто не должно мешать вежливости, даже занятость или раздражение.

Я — прямой меч Дан Гьен из Мэйланьских Блистающих, по прозвищу Единорог. Мой Придаток — Чэн Анкор из Вэйских Анкоров.

Хотя это неважно.

2

Вернувшись домой, я поднялся в верхний зал, зацепился одним кольцом ножен за крюк и прильнул к любимому мехлийскому ковру, забыв переодеться. Все мои мысли были заняты странной встречей за башней Аль-Кутуна, поэтому слабым

внутренним толчком я отпустил Придатка, который тут же вышел из зала, поправив по дороге навесную решетку горящего камина.
Мне нужно было побыть в одиночестве.
Я уже очень давно никуда не выезжал из Кабира, и здесь меня знали достаточно, чтобы не устраивать подобных испытаний — и уж тем более мало кто рискнул бы вот так, походя, без должных церемоний вовлекать Единорога в шальные Беседы. Такие забавы хороши в юности, когда тело трепещет от избыточной энергии, и жажда приключений туманит сознание молодого Блистающего.
Ах, юность, юность, почему ты так любишь спорить и доказывать?.. и почти всегда — не вовремя, не там и не тому, кому надо…
В моем возрасте — а я сменил уже пятого Придатка, отдавая предпочтение услужливому и умелому роду Анкоров из затерянного в барханах Верхнего Вэя, окраины Мэйланя — итак, в моем возрасте вполне достаточно шести-семи традиционных турниров в год, не считая обычных Бесед со знакомыми Блистающими, случавшихся довольно регулярно.
Пожалуй, чаще других я встречался с Волчьей Метлой — разветвленной, подобно оленьим рогам или взъерошенному хвосту степного волка, пикой с улицы Лоу-Расха — но она неделю назад увезла своего Придатка куда-то в горы; и, честно говоря, я скучал за Метлой, надеясь на ее возвращение хотя бы к середине ближайшего турнира.
Мне нравилось проскальзывать между ее зазубренными отростками. Это было… это было прекрасно. Не то что мой приятель-соперник, вечно фамильярный, как и вся его двуручная родня, эспадон Гвениль Лоулезский — этот при Беседе так и норовил обрушиться на тебя всей своей тушей, заставляя спешно пружинить и отлетать в сторону; а потом Гвениль удалялся, нахально развалившись на плече двужильного Придатка из породы беловолосых северян и излучая обидное презрение обнаженным клинком.
Я заворочался, вспоминая прошлые обиды. И расслабился, вспомнив, что обиды — прошлые. На недавнем турнире во внешнем дворе замка Бурайя я-таки подловил увлекшегося Гвениля на его коронном взмахе, и мое острие легонько тронуло кадык на мощной шее его Придатка — а даже самоуверенный эспадон прекрасно знал цену моего касания.
— Растешь, Однорогий, — разочарованно присвистнул Гвениль, опускаясь вниз и впервые не спеша улечься на плечо замершего Придатка. — Смотри, не затупись от гордости…
Я отсалютовал лоулезскому гиганту, и с тех пор частенько вспоминал замок Бурайя и мой триумф.
Но все-таки — откуда взялся этот странный харзиец? Во имя Грозового Клинка — случайность или умысел?! Недавно прибывший в Кабир юный задира или опытный Блистающий, расчетливо пробующий силы наедине, без зрителей?..
…Дрова в камине почти прогорели. В дверь зала вереницей двинулись Малые Блистающие моего дома, раскачиваясь на поясах своих Придатков и блестя одинаковыми — фиолетовыми с серебристым прошивом — ножнами.
— Приветствуем тебя, Высший Дан! — коротко звякнули Малые, пока их Придатки толпились возле камина, накрывали на стол, передвигали кресла и вытирали несуществующую пыль с витражных оконных стекол, шурша пыльным бархатом штор.
Я кивнул им с ковра. Некоторых Малых я знал очень давно, с самого рождения — они испокон веков числились в свите Мэйланьских прямых мечей Дан Гьенов. Те из них, чьи клинки были чуть-чуть изогнуты, несмотря на двухстороннюю заточку, а на чашках гард красовалась узорчатая чеканка — эти владели Придатками, лично обслуживавшими Придатка Чэна. Остальные — короткие и широкие кинжалы с плебейскими замашками — следили за неисчислимым множеством суетных мелочей.
Плотно затворить окна, например, чтобы воздух в помещении оставался сухим и теплым — вернее, проследить за соответствующими действиями вверенных им Придатков — или расставить кувшины, в которых плескалась густая красная жидкость. Такая же течет в жилах Придатков и называется «кровь», а та, что в кувшинах — «вино».
Льющаяся кровь означала порчу Придатка и непростительный промах Блистающего, льющееся же вино иногда было необходимо, хотя и заставляло Придатков терять контроль над собой, впадая в опьянение. Ни один Блистающий

не выведет пьяного Придатка на турнир или заурядную Беседу. Не то чтобы это запрещалось…
И хорошо, что не запрещалось. Я еще вернусь к опьянению и тому, почему я — Мэйланьский Единорог — предпочитаю всем прочим род Анкоров Вэйских.
Но об этом в другой раз.
3
Зажгли свечи.
Я уж совсем было собрался приказать, чтобы меня раздели — люблю, когда полировка клинка играет отсветами живого пламени и цветными тенями от оконных витражей, напоминая змеиную шкуру после купания — но случилось непредвиденное.
На пороге зала возник эсток Заррахид, вот уже почти сотню лет служивший у меня дворецким. Его прошлое — я имею в виду прошлое до поступления ко мне на службу — было покрыто мраком, и я знал лишь, что узкий и хищно вытянутый эсток с непривычным для коренных кабирцев желобом почти во всю длину клинка — выходец с западных земель, из Оразма или Хины, граничащих с Кабирским эмиратом вдоль левого рукава желтой Сузы и связанных с ним вассальной клятвой.
Впрочем, прошлое Заррахида меня интересовало мало. Мне было достаточно, что сейчас на каждой из четырех полос черного металла, из которых сплеталась гарда молчаливого эстока, стояло мое личное клеймо — вставший на дыбы единорог.
Вдобавок я не раз убеждался в деловитости и безоговорочной преданности Заррахида, а его манерам мог позавидовать любой из высокородных Блистающих.
Я, например, частенько завидовал. И перенимал некоторые, нимало не стыдясь этого.
Чем-то эсток Заррахид напоминал своего нынешнего Придатка — сухого и костистого, с темным невыразительным лицом и подчеркнуто прямой спиной.
— К вам гость, Высший Дан Гьен! — почтительно качнулся эсток, на миг принимая строго вертикальное положение. — Прикажете впустить?
— Кто?
Я не ждал гостей.
— Подобный солнцу сиятельный ятаган Шешез Абу-Салим фарр-ла-Кабир! — протяжным звоном отозвался эсток, не оставляя мне выбора.
Прикажете впустить, однако…
Шешез Абу-Салим, ятаган из правящей династии, фактически был первым по значению клинком в белостенном Кабире; и уж конечно, он был не тем гостем, какого можно не принять.
Когда я говорю — «первый по значению клинок» — я имею в виду именно «по значению», а не «по мастерству». Во время Бесед или турниров род и положение Блистающего не играют никакой роли, и мне не раз приходилось скрещиваться хотя бы с тем же Заррахидом, причем вышколенный дворецкий вне службы был умелым и беспощадным со-Беседником. Мы внешне немного походили друг на друга и, признаюсь, когда-то я перенимал у Заррахида не только манеры.
Но отдадим должное — если по мастерству родовитый ятаган Шешез Абу-Салим фарр-ла-Кабир и не входил в первую дюжину Блистающих столицы, то во вторую он входил наверняка, что было уже немало; хотя зачастую Абу-Салим и уклонялся от Бесед с влиятельным кланом Нагинат Рюгоку или с Волчьей Метлой и ее подругами, предпочитая соперников своего роста. И в этом я был с ним заодно, хотя и не всегда. А в последнее время — далеко не всегда.
— Прикажете впустить? — повторил эсток.
Я согласно шевельнул кисточками на головке моей рукояти, и Заррахид отвел своего Придатка в сторону, освобождая проход.
Грузный Придаток Абу-Салима, чьи вислые и закрученные с концов усы напоминали перевернутую гарду надменных стилетов Ларбонны, торжественно приблизился к моей стене, держа на вытянутых руках царственного Шешеза. Затем он немного постоял, сверкая золотым шитьем парчового халата — я обратил внимание, что и сам Шешез Абу-Салим надел сегодня ножны из крашеной пурпуром замши с тиснением «трилистника» и восьмигранным лакированным набалдашником — и спустя мгновение ятаган Шешез приветственно прошуршал, опускаясь на сандаловую подставку для гостей.
Висеть Абу-Салим не любил — как у всех ятаганов его рода, центр тяжести Шешеза смещался очень близко к расширяющемуся концу его клинка, отчего ятаганы, висящие на стене, выглядели немного неуклюжими. Но Блистающие Кабира прекрасно знали обманчивость этого впечатления, да и сам я не раз видел,

как его величество с легкостью рубит десять слоев грубого сукна, обернутого вокруг стальной проволоки. И вообще отличается изрядным проворством.
Даже двуручный грубиян Гвениль Лоулезский и его братья-эспадоны (несмотря на отсутствие вассальной зависимости Лоулеза от Кабирского эмирата) избегали при посторонних звать Абу-Салима просто Шешезом, хотя ятаган и любил свое первое имя-прозвище. Шешез — на языке его предков, Диких Лезвий, некогда приведших своих горных Придатков в Кабир, это означало «молнию» или «лоб Небесного Быка».
Высокородный ятаган вполне оправдывал это имя.
Шевельнувшись в соответствующем моменту поклоне, я уж было решил приказать сменить на мне одежду, но Абу-Салим поерзал на подставке и хитро подмигнул мне зеленым изумрудом, украшавшим его рукоять.
— Терпеть не могу парадных нарядов, — весело сообщил он, устроившись поудобнее. — И жмет, и бок натирает, а никуда не денешься — дворцовые чистоплюи не поймут. Мне бы твоего Заррахида на недельку-другую, чтоб показал им, с какой стороны маслом мажутся…
Я понял, что разговор намечается неофициальный. Придаток Чэн уже стоял позади Придатка Абу-Салима, и мы, не сговариваясь, отослали их к столу — пить свое любимое вино. Малые Блистающие засуетились вокруг, косясь то на нас с Шешезом, то на застывшего у дверей эстока Заррахида.
Абу-Салим не обратил на Малых ни малейшего внимания.
— Хорошо у тебя, Единорог, — мечтательно протянул он, сверкнув черным лаком набалдашника. — Тихо, спокойно… не то что у меня во дворце. Завидую, честное слово…
— Я люблю покой… Шешез, — ответил я, решив принять предложенный тон разговора. — Ты же знаешь — мы, мэйланьцы, в душе отшельники. Приемы да шествия не по нам. У меня и ножен-то подходящих для такого дела нет, и оплетка на рукояти вытерлась…
— Не прибедняйся, — усмехнулся ятаган, — все у тебя есть. Тем паче что я как раз по этому поводу. Ты дядю моего двоюродного, Фархада Абу-Салима иль-Рахша фарр-ла-Кабир знаешь? Понимаю, что имечко длинное, так ведь и дядя у меня не из коротких… Ну, знаешь или нет?
Я кивнул. Иль-Рахша — иначе «Крыло бури» — я видел, когда давал личную вассальную клятву царствующему дому фарр-ла-Кабир, и еще несколько раз на очень давних турнирах. На последних иль-Рахш по каким-то своим причинам не показывался, но я все равно отлично помнил его нарочито бедную рукоять без серебра и самоцветов, отрывистую манеру Беседовать и любимый удар с оттяжкой при рубке предметов.
Сколько ж это времени прошло? Многовато…
Незабываемый был дядя у Шешеза. Фархад Абу-Салим иль-Рахш фарр-ла-Кабир слыл чуть ли не самым старым Блистающим Кабира, и поговаривали, что он помнит даже времена Диких Лезвий — но в это верилось с трудом.
Ятаган удовлетворенно покачал ремнем ножен, провисшим вниз.
— Вот и хорошо, — заявил он, — вот и славно!.. Ты понимаешь, Единорог, у Фархадова Придатка третьего дня детеныш родился. Крепенький такой, горластый, не то что предыдущие заморыши… Вот дядя Фархад и решил себе нового Придатка вырастить. А то, говорит, у старого рука уже не та. Опять же детеныш, похоже, левша, а у иль-Рахша на это нюх и слабость немалая… В общем, завтра Церемония Посвящения. Придешь? Ведь у нас из Высших Мэйланя кто сейчас в Кабире? Ты да еще Тэссэн Седзи, только этот боевой веер никуда не ездит уже лет восемь. И впрямь отшельники вы, мэйланьцы…
Я подумал. Приглашение, да еще лично от Шешеза (или от самого иль-Рахша?! А переспросить — неудобно…) было лестным. Лестным, но неожиданным, а потому нуждалось в осмыслении. И род мой, и положение в Кабире вполне оправдывали честь присутствия на Посвящении Придатков правящего дома — правда, до сих пор высокородные ятаганы предпочитали отправлять на временный (пока новый Придаток вырастет да обучится) покой членов своей семьи без посторонних.
И особая пышность при этом тоже не поощрялась. Ну, в крайнем случае приглашались родственные сабельные кланы, чьи предки и предки ятаганов фарр-ла-Кабир были выходцами с одних и тех же плоскогорий — цельнокованые Малхусы с зигзагообразным срезом тупой стороны клинка у самого острия и необщительные Киличи из ущелий Озека, похожие на ущербный полумесяц. Еще изредка малочисленные Шамшеры перевала Рок…

При чем здесь Высшие Мэйланя, я вас спрашиваю? Я и не был-то дома невесть сколько!.. вот как перевез в Кабир Хо Анкора, прадеда нынешнего Придатка Чэна, так и осел в столице… даже в гости домой не езжу. Вот ведь как — домой в гости…
Я представил себе, как гордый Шешез Абу-Салим приглашает на Посвящение Тэссэна Седзи, а упрямый веер отрицательно шевелит потемневшими от времени пластинами, острыми как бритва, ссылаясь на годы и любовь к одиночеству — и понял, что соглашусь.
— Сочту за честь, — ответил я. — Всенепременно буду.
— Прекрасно! — искренне обрадовался Шешез, и мне вдруг показалось, что ятаган за ширмой непринужденности упорно скрывает истинную цель своего прихода и что сейчас я согласился не только на присутствие при Церемонии Посвящения, но и на что-то еще, на что, может, и не стоило бы соглашаться.
Мало у меня забот?.. харзиец этот непонятный, Метла опять же уехала и когда вернется — неизвестно, а теперь еще и нежданная любовь к мэйланьцам со стороны дома фарр-ла-Кабир…
— Просто прекрасно! А то на таких торжествах ржавеешь от скуки! Ты обязательно приходи, Единорог, расскажешь нам что-нибудь интересное… Помнишь, твой брат, Большой Да-дао-шу ваши предания любил рассказывать, пока не уехал домой? О походах Диких Лезвий, о подземной кузнице Нюринге, о мертвых Блистающих с вечно теплым лезвием… как вы их называете? Отблестевшие, что ли?
— Тусклые. Тусклыми их зовут…
Это вырвалось у меня непроизвольно. Не та была тема, чтобы вот так, попусту, звенеть о ней после захода солнца. Шешез прав — в древнем Мэйлане верили во многое, на что большинство Блистающих эмирата предпочли закрыть глаза или сделать вид, что закрыли… а вот мне все не удавалось. Да и глаза — их Придаткам закрывать привычнее, а в Мэйлане говорят: «От страха в ножны не спрячешься».
Шешез не знал, отчего мой старший брат Да-дао-шу, рядом с которым и Шешез, и гигант Гвениль казались не такими уж большими, прошлым летом спешно бросил все дела в Кабире и вернулся в Мэйлань. Я и сам-то не слыхал послания от наших старейшин, которое и выдернуло Большого Да из Кабира. Посчитали, видно, что молод Единорог…
А еще Шешез не знал, отчего тринадцать отпрысков знатнейших Мэйланьских родов согласно приказу Старейшин Совета Высших Мэйланя в свое время оставили родину и уехали, не оглянувшись. Я и Да-дао-шу — в Кабир, меч-крюк Цзяньгоу — в Хину, остальные — кто куда…
Ну и не надо ему об этом знать. Я не много знаю, как младший в роду — так, все больше догадки строю — а Шешезу и вовсе ни к чему.
— Да-да, верно, — Шешез довольно потерся о ложе подставки, выложенное трехслойным войлоком. — Тусклые, конечно! А я все никак не вспомню… у Фархада спрашивал — не отвечает. Совсем старый, видно, стал! Собственную тень пополам резать хочет. Ну да ладно, это дела семейные… так ты приходи, Единорог, приходи обязательно!
…Еще около часа мы болтали о всяких светских пустяках, а потом Шешез Абу-Салим резко засобирался домой, словно вспомнив о чем-то неотложном.
— В Хаффе, на открытом турнире, — вскользь бросил ятаган, пока его Придаток поднимался из-за стола, оправляя алый кушак на объемистом животе, — у Кривого Килича Энгра неприятность вышла. Ты вот его не знаешь, а у него Придатка испортили. По-крупному. Сам понимаешь, сабельные кланы — они горячие, им молодые Придатки нужны, а тут правую ногу подчистую отрезало. Выше колена. И самого Кривого Килича выщербили…
— Кто? — холодея, перебил я, забыв о приличиях. — Может, кто-то из неопытных, вчера кованных? Нет, глупость говорю, их на открытый турнир и не допустили бы, на первой же рубке отсеяли!.. Или бывает, что какая-нибудь алебарда у своего Придатка болезнь проглядела…
— Бывает, — уклонился от прямого ответа сиятельный фарр-ла-Кабир. — Всякое бывает. Вот и в Дурбане тоже было… Бывает — это когда раньше, причем так давно, что и не вспомнить; а было — это когда почти сейчас, сегодня или в крайнем случае вчера…
И не договорил.
— На Посвящение приходи, — добавил он уже от дверей. — Ты расскажешь, мы расскажем… глядишь, и время веселей пройдет.

Оставшись один, я представил себе Щербатого Килича, затем подумал, каково это — теплое и тусклое лезвие — и до утра меня мучили кошмары.
Мне снились испорченные Придатки. Я чувствовал приторно-пьяный запах красного вина, хлещущего из разрубленной плоти.
Придаток Чэн всю ночь просидел над кувшином, и я не гнал его из зала.
4
Утром, в середине четвертой стражи я отправил Заррахида с поручением узнать точное время Посвящения у Абу-Салимов — вчера я так и не удосужился спросить об этом у Шешеза — и заодно послушать свежие городские сплетни. Заррахид был не самым лучшим сборщиком слухов, но зато мой эсток умел мгновенно отсеивать шелуху болтовни от редких зерен истины — что сейчас волновало меня в первую очередь.
Я надеялся выловить в мутной реке легкомыслия форель смысла, как говаривал иногда Трехзубый Кра, любивший в часы досуга бить верткую серебристую рыбу в брызжущих пеной горных потоках Айера и Бек-Нэша на северо-востоке от Кабира.
Цветистость слога была нынче в моде. Заразная, однако, штука… Я с сожалением отмечал, что даже в Беседах коротким и ясным выпадам или ударам без замаха предпочитались длинные «фразы» с множеством уверток и двусмысленностей.
Увы, столичные нравы оставляли желать лучшего…
Не прошло и полторы стражи, как эсток вернулся и доложил, одобрительно похлопывая взмокшего Придатка эфесом по бедру, что в Кабире ничего не говорят.
То есть не то чтобы совсем ничего, и не то чтобы все Блистающие столицы спрятали клинок болтливости в ножны осторожности — я мысленно проклял Трехзубого Кра с его манерой изъясняться — и так далее, и тому подобное, и еще много слов было произнесено эстоком в том же духе.
Когда я наконец понял причину многоречивости обычно молчаливого Заррахида, то еле сумел не расхохотаться.
Клянусь грохочущей наковальней Нюринги, он пытался меня развеселить! Видимо, после визита Шешеза и бессонной ночи я выглядел не лучшим образом, вот верный Заррахид и старался вернуть расстроенному Единорогу былой блеск.
Ну что ж, если так — то эсток преуспел в этом. Правда, ненадолго, потому что мое взыгравшее было настроение быстро вернулось к прежнему унылому состоянию, едва я задумался по поводу всеобщего онемения Блистающих. Слог слогом, а врать мне Заррахид не станет.
Кабир молчит за три дня до турнира?! Скорее дерево перестанет гореть в огне, а вода — вызывать ржавчину! И все же…
Неужели призраки мэйланьских легенд достанут меня и в Кабире? Я не знаю тебя, выщербленный Кривой Килич с навсегда испорченным Придатком, но если в маленькой Хаффе объявились Тусклые, то многие разделят твою участь. Тебя это утешает, Килич? Меня — нет.
— Все готово к выезду, Высший! — доложил Заррахид, только что выслушавший слугу из Малых.
Ах да, я ведь собирался в город…
…А во дворе у внутренних ворот уже били копытами по крупному булыжнику две лошади, заблаговременно приведенные из конюшен, и Блистающий-привратник — Южный трезубец Цзи по прозвищу Третий Ус Дракона — презрительно поглядывал на суетившихся конюхов-Придатков.
Привратника мне в свое время порекомендовал Заррахид, и с тех пор Третий Ус бессменно стоял на страже у входа в кабирский дом Единорога. Бессменно — потому что трезубец имел сразу двух Придатков, и пока один из них ел или спал, второй был готов к несению службы.
Было в этом что-то неприличное, но я доверял выбору Заррахида, да и Третий Ус Дракона никогда не участвовал ни в Беседах, ни в турнирах — так что повода к сплетням не давал. А однажды мне случайно довелось увидеть, как он танцует глубокой ночью в пустом дворе, перебрасывая звенящую луну через свои волнообразные лезвия — и я перестал задумываться над странностями своего привратника.
И полюбил выглядывать в окно, когда наступает полнолуние.
Обо всем этом я думал, пока Придаток Чэн выходил во двор и садился на лошадь, откидывая левую полу верхнего халата-кабы зеленого шелка — чтобы ткань не заслоняла мне обзор и не мешала во время поездки общаться с Заррахидом. Сам сопровождающий меня эсток обычно располагался на правом боку своего Придатка, одинаково владевшего обеими руками, так что при конном выезде в

город мы оказывались почти вплотную — что, конечно, очень удобно для личных разговоров в городской толчее.
И не обязательно верхом.
— Открыть ворота перед Высшим Мэйланя Дан Гьеном! — коротко и властно прозвенел эсток Заррахид, строго соблюдая все положенные интонации и ритуальную дистанцию между нами — ровно полторы длины моего клинка.
Понятное дело, ворота открыли бы и так, без особого приказа, но традиции есть традиции, и не мне менять установленное предками.
А если уж менять, то начинать надо не с церемонии выезда в город.
Придаток Чэн привстал в седле, устраиваясь поудобнее и слегка задев каблуками конские бока, отчего нервное животное заплясало под нами, прядая ушами и норовя подняться на дыбы. Я звонко шлепнул лошадь по крупу, Придаток Чэн туго натянул поводья — и спустя мгновение мы двинулись вперед, мимо молодцевато вытянувшегося Цзи Третьего Уса.
Я не разбираюсь в лошадях, и мне не стыдно в этом признаваться. Некоторые кабирские Блистающие открыто предпочитают конные Беседы, и от них только и слышишь о седлах, правильной посадке Придатков и о преимуществах рубящего удара на всем скаку. Нет уж, увольте… Дан Гьены, конечно, признавали лошадей, но лишь как удобное средство передвижения, а вести Беседы мы любили по старинке — не на подпрыгивающей спине глупого животного, а имея под ногами Придатка надежную и привычную землю.
Мэйланьские Дан Гьены Беседуют в пешем виде, и поэтому мы всегда отдавали должное молниеносному выпаду, равнодушно относясь к рубке. Разве что в крайнем случае…
Впрочем, я не сомневался, что в столичных конюшнях Мэйланьского Единорога жуют свой овес не самые плохие кони не самых плохих пород. Наверняка Заррахид постарался… вон, едет позади, как влитой, словно родился в седле!
Интересно, а где на самом деле родился мой потрясающий дворецкий, мой строгий и молчаливый эсток Заррахид?
— Куда направимся, Высший? — деликатно осведомился Заррахид, поравнявшись со мной.
За пределами дома, да еще и наедине, эсток немного ослаблял стальные обручи приличий, сковывавшие его обычное поведение. Вдобавок, похоже, что-то волновало Заррахида после утреннего выезда в только-только просыпающийся Кабир.
— Туда, — неопределенно ответил я, а сам загадал: три поворота налево, два направо, и после уже станем думать, куда дальше…
Думать не пришлось. После первого же поворота направо дорогу нам преградила толпа Блистающих вместе с их возбужденными Придатками. Заррахид было сунулся вперед — расчистить нам проход, благо никого из Высших в толпе не наблюдалось — но я остановил его слабым покачиванием кисти, и мы спешились.
Постоять с нашими лошадьми — естественно, за соответствующую мзду — живо согласился какой-то юный четырехгранный кинжал-кончар со смешно оттопыренными усиками у головки рукояти. Его долговязый Придаток отчаянно теребил белесый пушок над верхней губой, но поводья в свободной руке держал крепко, так что вскоре эсток уверенно занял место впереди меня и принялся прокладывать дорогу через галдящее столпотворение.
— …Вы слышали?
— Нет, а в чем дело?..
— Просто в Хаффе то же самое…
— Куда смотрят власти? Я вас спрашиваю, куда смотрят власти?
— А почему это вы именно меня спрашиваете? Нашли, понимаешь, власть! И нечего мне бок царапать — только вчера лакировался…
— …и что странно — возле самого эфеса! В наиболее сильной части…
— А вы его знали? Ну и что? А…
— Сказки это! В наше просвещенное время не стоит уделять слишком много…
— Сказки? Вы что, действительно считаете…
— Темляк! Темляк оторвете!..
— И как раз перед Посвящением…
— Чьим?
— Чьим, чьим… сам Фархад иль-Рахш новорожденного Придатка посвящает, накануне турнира!..
— А я что? Я ничего… только, говорят, в Дурбане…

Заррахид неожиданно свернул в сторону, Придаток Чэн резко остановился, словно боясь на что-то наступить — и я увидел то, что увидел.
И мне показалось, что ставшие необыкновенно горячими ножны плотно облепили мое тело, как смесь глины, речного песка и угольной пыли перед самой первой закалкой, а ледяной родниковой воды все не было, и я боялся потрескаться, боялся потускнеть и рассыпаться, боялся…
Передо мной лежал мертвый Блистающий. При желании до него можно было бы дотянуться, но подобного желания не возникало.
Я не знал лежащего лично. Я понимал только, что это кто-то из местных Шамшеров, причем небогатых — по отделке видно. Клинок сабли был сломан на три пальца выше треснувшей гарды со сколотым шариком на одном конце. Неровная линия излома наводила на нехорошие мысли — хотя какие уж тут хорошие мысли! — а остальная часть Блистающего валялась чуть поодаль, присыпанная бурой пылью, и острие касалось бедра Придатка, разрубленного от ключицы до паха.
Как кукла на турнире, машинально подумал я. Как кожаная кукла, набитая всяким хламом вперемешку с бронзовыми отливками, когда Шешез Абу-Салим или тот же эспадон Гвениль демонстрирует перед трибунами чистоту рубки, а знатоки славного удара уже готовы завизжать, восторженно вырываясь из ножен и вспыхивая под лучами полуденного солнца.
Только кукла никогда не лежит вот так — жалко и неестественно подвернув голову и далеко откинув бессильную руку, словно и после смерти пытаясь дотянуться до рукояти несчастного Шамшера, превратившегося в две такие же мертвые половинки некогда живого Блистающего.
Они лежали совершенно одинаково — Блистающий и его Придаток — разве что над последним с жужжанием вился рой жирных зеленоватых мух. И, откатившись в сторону, прижался к глинобитному забору одинокий бронзовый шарик с гарды убитого Шамшера.
— Прошу прощения! — послышалось рядом со мной.
Я посторонился, и трое Блистающих из рода тяжелых копий Чиань, чей мощный и широкий наконечник уравновешивался утолщением на другом конце древка, поравнялись со мной и приблизились к трупу. Там двое из них легли на землю, прямо в засохшую кровь, а их Придатки постелили сверху свои плащи, закрепив их поясами, и уложили тело испорченного Придатка на эти импровизированные носилки.
Третий перебрался своему Придатку на спину, и тот бережно поднял обеими руками погибшую саблю. И мне почему-то стало стыдно, что я не знаю имени убитого, что я никогда не встречался с ним ни в Беседах, ни на турнирах, и теперь уже никогда не встречусь.
Никогда. Это слово было тяжелее удара Гвениля и неумолимее выпада Заррахида. Или моего.
Никогда.
…Так они и удалились — три прямых копья Чиань — унося сломанного Блистающего и разрубленного Придатка, унося по пустынной улице кровавый ужас, пришедший в Кабир; и те из зевак-Блистающих, кто был в ножнах или в чехлах, обнажились в молчании, салютуя уходящим и думая каждый о своем.
А я думал о том, что невозможное иногда приходит к тебе и говорит, улыбаясь: «Здравствуй! Помнишь меня?..»
— Здравствуй! Помнишь меня? — раздалось за спиной, и я вздрогнул и заставил Придатка Чэна обернуться.
Харзиец по-прежнему обвивал талию своего кривоногого Придатка, только сейчас не высилась рядом сумрачная громада угловой башни Аль-Кутуна, и подавленные Блистающие расходились кто куда, унося в душах частицу общей боли и смятения.
— Что, вчера не договорил? — хмуро поинтересовался я, забыв, что целый вечер размышлял над загадкой Блистающего из Харзы. — Так здесь не место и не время для Бесед…
— Позволь представиться, Высший Дан Гьен, — с неожиданным смирением заявил харзиец, щелкая креплением рукояти и спокойно выпрямляясь в руке Придатка. — Я — Маскин Седьмой по прозвищу Пояс Пустыни, из Высших Блистающих Харзы.
«Ну и что?» — чуть было не спросил я.
К счастью, мой верный Заррахид, не знающий о моей вчерашней Беседе с харзийцем, вернул коня нашего разговора на тропу вежливости.

— Вы оказываете нам великую честь, Высший Харзы Маскин Седьмой, — ненавязчиво вмешался эсток, почтительно и вместе с тем весьма независимо кланяясь. — Позвольте мне, Малому Блистающему из свиты Мэйланьского рода Дан, представить вам Высшего Дан Гьена, известного в Кабире как Мэйланьский Единорог…
И Заррахид умолк на полуслове, ловко вынудив харзийца или прервать возникшую паузу, или удалиться.
Пояс Пустыни, вновь обвившийся вокруг Придатка, внимательно изучал Заррахида — его стройный клинок, сложную гарду из витых полос, деревянную и обтянутую кожей с насечками рукоять, крупный набалдашник-яблоко…
— Если таковы Малые из свиты рода Дан, — задумчиво прошелестел он, — то каковы же Высшие? Впрочем, я уже немного знаю — каковы… Я приглашен сегодня в дом фарр-ла-Кабир, о достойный Малый, чьего имени я не знаю, и чья форма ни о чем мне не говорит, кроме как о врожденном достоинстве… Передай Высшему Дан Гьену, чтобы он в гостях поменьше рассказывал и побольше слушал, потому что знающий не говорит, а говорящий не знает. Прощай. Да, передай также своему господину, что мы еще встретимся, и не только на Посвящении…
И мы с Заррахидом остались на опустевшей улице одни.
— Куда теперь, Высший? — спросил Заррахид, словно мы лишь на минуту, и то по совершенно пустячной причине, прервали нашу поездку.
— Обратно, — сказал я. — Домой.
— Совершенно верно, — заметил эсток, направляясь к оставленным лошадям (причем оставленным во всех смыслах, потому что мерзавец-кончар уже куда-то удрал!). — Вы должны переодеться перед Посвящением.
— Вот-вот, — угрюмо лязгнул я. — Переодеться… Это как раз то, что необходимо мне в первую очередь.

Глава 2

1

…Отсветы факелов услужливо метались по стенам коридора, словно расчищая дорогу веренице наших теней через лепные украшения под потолком, начинавшиеся примерно на длину моего клинка выше головы Придатка Чэна. Алебастр барельефов являл собой подобие изображений древних времен, чуть ли не периода Диких Лезвий: жуткая мешанина сплетающихся Блистающих (в основном копейных и прочих древковых родов) и рук-ног множества Придатков — причем эти руки-ноги были зачастую самой странной формы, с нелепыми наростами на предплечьях и голенях: и некоторые детали обрывались, не успев толком начаться, что порождало раздумья о сломанных Блистающих и испорченных Придатках.
«Кажется, я схожу с ума», — раздраженно подумал я.
Наши тени безразлично перетекали через все неровности лепнины и, похоже, ни о чем особенно не задумывались. Я обратил внимание, что моя личная тень без видимой границы переходит в тень Придатка Чэна, отчего мы становились похожи на неприятное двойное существо с его, Чэна, телом и мною в качестве хвоста и рукояти, торчащей из живота этого чудовища.
Я строго-настрого запретил себе думать о чем-нибудь в этом роде — и перестал. Вот иду себе, в гости иду… все хорошо… Хорошо все, гром меня разрази!.. куда уж лучше…
Факельщики свернули за угол, и мы последовали за ними. Мгновение я двигался в почти полной темноте, и это подействовало на меня успокаивающе. Правда, за это время находившийся впереди меня серповидный Махайра Кресс отстал — видимо, желая поговорить с кем-то знакомым — и я помимо моей воли оказался во главе процессии припозднившихся гостей.
Тут меня заинтересовали наши провожатые — Малые Блистающие дома Абу-Салим (Фархадовы, должно быть!), и даже сперва не они, а их Придатки, несущие факела. Самый высокий из факельщиков с трудом доставал макушкой до груди Придатка Чэна, но смазанные маслом обнаженные торсы малюток лоснились, демонстрируя вполне достойный рельеф мышц, а коротенькие ножки в невероятно широких шароварах семенили на удивление проворно.

Теперь понятно, почему факела горели столь низко, а наши тени вытягивались до потолка. Что ж я раньше-то не сообразил?!
За намотанными в добрую дюжину слоев кушаками, поближе к выпячивающимся животикам Придатков, обнаружились не менее своеобразные Блистающие — явно братья, поскольку на одного Придатка-недомерка приходилось по два-три одинаковых Блистающих. Каждый Малый не превышал полной длины моей рукояти — то есть был короче даже любого из малочисленного клана Стилетов Кансаси — и напоминал два молодых месяца, наложенных друг на друга рожками в разные стороны.
Получался вытянутый овал, одна сторона которого была обмотана замшей, другая — остро заточена, и этот овал украшали четыре острия, торчавшие в разные стороны. Даже на расстоянии в этих Блистающих, невзирая на их положение Малых, чувствовался жесткий и независимый характер.
Наверное, увлекшись разглядыванием, я незаметно для себя самого придержал Придатка Чэна, замедлив его шаг, потому что оказавшийся позади Махайра Кресс чуть не ткнулся навершием в спину моего Придатка.
— Интересуешься, Единорог? — рассмеялся он, уворачиваясь от повторного столкновения. — Ну-ну, правильно делаешь… Я, когда к Абу-Салимам в загородный дом впервые попал, чуть в обратную сторону от любопытства не выгнулся! Есть на что посмотреть!..
— Кто это, Жнец? — перебил его я.
Полное имя Махайры было Махайра Кресс Паллантид по прозвищу Бронзовый Жнец из Высших левой ветви Омелы Кименской. Но на церемонию Посвящения, как я понял, в дом Абу-Салимов приглашались вообще только Высшие, да и мое родовое имя было не из коротких, так что вполне прилично было опустить звонкие титулы, ограничившись прозвищами. Тем более что с веселым Махайрой у меня сложились дружеские отношения чуть ли не со дня моего переезда в Кабир.
Махайра передвинулся поближе ко мне.
— Фархадовы любимцы, — доверительно сообщил он вполголоса. — Гвардия старого иль-Рахша. Малые секирки-близнецы цзыу-юаньян-юэ.
Я чуть было не запутался в ногах Придатка Чэна.
— Кто-кто?
— А разве это не твои земляки? — в свою очередь изумился Махайра-Жнец. — Я всегда считал, что только у вас в Мэйлане да еще в предгорьях Хакаса такие имена дают!..
Я отрицательно качнул кистью. Хотя, может, и земляки — что ж я, обязан всех знать?!
— Цзыу-юаньян-юэ, — с удовольствием повторил Махайра. — Мне Шешез однажды перевел, уж не знаю, с какого тогда языка — так это не то «север-юг», не то «запад-восток», или вообще «туда-сюда рогами наружу»…
— Ага, — глубокомысленно кивнул я, так и не поняв: говорит Жнец серьезно или по обыкновению подшучивает надо мной. — А почему я их ни в городе, ни на турнирах не встречал? Они что, Придатков своих стесняются, что ли?
— Вряд ли, — снова усмехнулся Махайра. — Они не из стеснительных. Между прочим, у твоего привратника Цзи целых два Придатка, и у каждого рожа шире Гвениля, если того поперек брать… Цзи что, тоже их стесняется, что со двора твоего не выходит? У каждого свои причины, Единорог, и нечего в больное место рогом тыкать!
Эти слова неприятно задели меня. А я-то, дурак двулезвийный, наивно полагал, что о странностях Третьего Уса Дракона никто не знает. Ну разве что я да эсток Заррахид, не считая Малых моего дома… Тупеешь, Единорог, прямо на глазах! Забыл, что в Кабире белостенном всем все про всех известно? Забыл… вот, значит, и напомнили!
Факельщики резко расступились в стороны, утонув в стенных нишах коридора, и мы с разгону влетели в распахнувшуюся перед нами дверь… влетели и невольно замерли на пороге.
Восьмиугольный зал с куполообразным потолком, покрытым тусклой от времени росписью, был полон Блистающих. Стройные Нагинаты — алебарды благородных семей Рюгоку и Катори — благосклонно беседовали с влиятельными двойными секирами Лаброс и их спутником, тихим клевцом-двузубцем Гэ — побочным отпрыском всем знакомого копья Со и древкового серпа Вейской ветви Гоубан; чуть поодаль копейные семейства Энкос и Сарисса обступили своего дальнего родича (такого дальнего, что уже почти не родича!) Лунного великана Кван-до —

обманчиво медлительный Кван был вдвое выше среднего Придатка и тяжелее любого из Блистающих Кабира… На ступенях, ведущих к возвышению для церемоний, вокруг изящной Велетской Карабеллы увивались сразу трое поклонников: короткий упрямец Гладиус Петроний и парочка заморских гостей — Черный Н'Гусу и Хепеш-но-Кем, оба двуручные, оба с односторонней заточкой, только сабельный изгиб хитрого Н'Гусу имел расширение-елмань в конце, а бронзовый Хепеш формой походил на ятаганы фарр-ла-Кабир, но с неестественно длинной рукоятью. И дальше — Киличи, Талвары, как всегда шумные Эспадоны, редкие в Кабире ножи-двойняшки Тао, Шамшеры, Яри…

Минута замешательства прошла — и вот я уже раскланиваюсь с Нагинатой Катори, машу правой кистью недосягаемому для меня эспадону Гвенилю, клевец Гэ о чем-то спрашивает, я что-то отвечаю, мимоходом игриво тронув вспыхнувшую Карабеллу, а Гладиус объясняет возмущенному Н'Гусу, что на Единорога обижаться глупо, и я подтверждаю — да, глупо… и чуть ли не вплотную сталкиваюсь с моим новым знакомцем Маскином Седьмым из Харзы, любителем неожиданных Бесед и двусмысленных замечаний — мне хорошо, я весел и спокоен, и заботы мои понуро стоят на пороге, опасаясь зайти…

— Его высочество ятаган Фархад иль-Рахш фарр-ла-Кабир!

Малые секирки-близнецы с ужасным именем, которое я уже успел позабыть, выстроили своих низкорослых Придатков по краям церемониального помоста, разошлась ковровая завеса — и мы увидели седобородого Придатка в белой пуховой чалме и халате цвета индиго с золотыми розами, вышитыми по плечам. На темных морщинистых руках Придатка возлежал самый древний ятаган рода Абу-Салим, да и всей династии фарр-ла-Кабир — их высочество Фархад иль-Рахш, простой тяжелый клинок без серебряных насечек, самоцветов или трехцветных кистей.

И одежда Фархада была подстать ему самому: деревянные ножны из мореной магнолии, покрытые черным лаком и схваченные пятью бронзовыми скобами-накладками.

Только тут я понял, как иль-Рахш выделяется на нашем роскошном раззолоченном фоне. Было в его простоте что-то уверенно-неброское, словно знал ятаган Фархад некую истину, неведомую нам, и в эту минуту я готов был поверить, что иль-Рахш и впрямь пришел к нам из легенд, а не из прилегающей к помосту комнаты…

На возвышение внесли колыбель, увитую синими лентами с золотым шитьем — цвета дома фарр-ла-Кабир. Вокруг спешно были расставлены крылатые курильницы желтого металла в форме сказочных чудовищ, из пасти которых вился сизый дымок, а в глазницах кроваво мерцали рубины. В курениях, наверное, содержались тайные примеси, потому что возившийся и пищавший в колыбели новорожденный Придаток внезапно успокоился и замолчал.

В изголовье колыбели установили высокую палисандровую подставку, потемневшую от времени, подобно рукам Фархадова Придатка — только время у дерева и плоти было разное — и сам Придаток встал за подставкой, лицом к собравшимся в зале, а затем высоко вознес над головой суровый ятаган по имени Фархад иль-Рахш из рода Абу-Салим.

Извечный обряд Посвящения вступил в свои права, и я вылетел из ножен и скрестился с оказавшимся рядом Махайрой Крессом, а все Блистающие в этом зале сделали то же самое; мы наполнили воздух свистом и звоном нашей Беседы, пока ятаган Фархад медленно опускался на подставку из палисандра, где ему суждено будет пролежать не менее восемнадцати лет — пока ребенок не станет подростком, а потом — мужчиной. Способным поднять Фархада с его ложа.

— Приветствую вас, Высшие Блистающие эмирата! Дождитесь меня!..

Это были единственные слова, произнесенные иль-Рахшем за всю церемонию.

Я слышал мельком, потому что, поднырнув под замешавшегося Кресса, я быстро наметил на его Придатке две точки поражения — правое колено и ямочку между ключицами — после чего ушел в глухую защиту. На этот раз я отдернулся даже раньше, чем следовало бы, но у меня до сих пор стояла в памяти сцена утреннего кошмара, да и Махайра прекрасно знал, что на турнирных скоростях он мне не соперник. А вот защищаться от вогнутого Кресса, не прибегая к опережающим выпадам, было нелегко и весьма интересно, особенно учитывая вертевшуюся рядом Нагинату Катори — так что мне приходилось заодно отслеживать ее проносящееся мимо древко.

В привычном шуме мне почудился посторонний звук, и лишь остановившись, я сообразил, в чем дело.

Плакал ребенок.
И рассмеялись все Придатки, переглядываясь и улыбаясь друг другу; и рассмеялись Блистающие.
А на фамильной подставке недвижно лежал Фархад иль-Рахш, ятаган фарр-ла-Кабир.
Церемония Посвящения завершилась.
Я с некоторым сожалением опустился обратно в ножны и вдруг поймал на себе чей-то изучающий взгляд.
В углу помоста на поясе плотного и приземистого Придатка в нарочито короткой шерстяной джуббе покачивался Детский Учитель семьи Абу-Салим. По форме и внешнему виду Детский Учитель ничем не отличался от ятаганов, но был значительно легче и меньше, с более клювообразной рукоятью для лучшего упора мизинца. Сам старый Фархад и через десять-пятнадцать лет будет слишком тяжел для детской руки — поэтому, когда юный Придаток впервые встанет на ноги, в его ладонь ляжет семейный Детский Учитель, чтобы сопровождать ребенка до совершеннолетия.
Чтобы учить. И, передав спустя положенный срок подготовленного Придатка Фархаду, ожидать следующего.
Иногда Блистающие с самого рождения готовились уйти в Детские учителя. Но в основном Учителями становились уже опытные, пожившие клинки, чьи размеры и вес позволяли им работать с незрелыми Придатками, заменяя более крупных Блистающих, ожидавших своего часа.
Некоторые семейства — например, Синганские пламевидные Крисы или родственники того же Черного Н'Гусу, кривые и одновременно двулезвийные Панга — при общности формы имели родичей совершенно разного веса и длины. Это было удобно, так как позволяло использовать подростков-Придатков на протяжении всего периода обучения, допуская их даже до отдельных Бесед внутри семьи.
Впрочем, учителя в Кабире, как и в Мэйлане, редко вступали в случайные Беседы, довольствуясь закрытыми встречами с себе подобными. Мне несколько раз доводилось присутствовать на этих встречах в качестве зрителя — единственного зрителя, допущенного из уважения к славным моим предкам — и я был потрясен даже не столько мастерством Детских Учителей, сколько их уникальной способностью вовремя отдернуть руку неумелого Придатка или в последний момент изменить направление ошибочного удара.
Мастерством меня удивить было трудно, а вот аккуратность Детских Учителей — или Круга Опекающих, как они сами себя называли — была выше всяческих похвал.
Так что ни у кого и в мыслях не возникало отнестись к Детским Учителям без должного уважения. Они умели учить, и этим все сказано.
Кроме того, большинство крупных Блистающих время от времени нуждалось в их услугах. Придатки, увы, недолговечны…
Я вежливо поклонился Детскому Учителю семьи Абу-Салим и уж совсем было собрался покинуть зал — но внезапно обнаружил за кожаным поясом Придатка на помосте, рядом с любопытным Учителем, еще одного Блистающего.
Этого-то я знал отлично. Да и кто в Кабире его не знал?!
Это был Дзюттэ Обломок, придворный шут Абу-Салимов, над которым смеялись все Блистающие Кабира — смеялись часто и с удовольствием, чему способствовало множество причин.
Во-первых, Обломок был тупым. В прямом смысле этого слова. Его толстый четырехгранный клинок вообще не имел заточки и, чуть сужаясь к концу, более всего напоминал обструганную палку.
Пусть даже и железную палку, длиной немного меньше предплечья взрослого Придатка…
Во-вторых, гарда Дзюттэ Обломка походила на последний лепесток не до конца оборванного цветка. Она бестолково тянулась вдоль нелепого клинка и, не дойдя до середины, отгибалась наружу, вроде уха шутовского колпака — я видел такой колпак на одном Придатке, еще в Мэйлане.
Ну и в-третьих, наш замечательный Обломок был мудрец. Во всяком случае, считал себя мудрецом, о чем громогласно заявлял на каждом перекрестке. Среди Блистающих Кабира это было в новинку, а посему — смешно.
Очень смешно.
Тупой мудрец.

Ха-ха.
А почему это у шута семьи Абу-Салим и у Детского Учителя той же семьи один Придаток на двоих? Ведь они не братья, как ножи-двойняшки — ао или секирки из гвардии иль-Рахша? Хотя, может, Придаток и раньше был один, просто они его в город по очереди выводили, вот я и не заметил…
Или это новая шутка Обломка: шут и Учитель — братья?
Можно начинать смеяться?..
…Блистающие покидали зал Посвящения, разбредаясь по дому в поисках комнат, специально отведенных для отдыха и развлечений, а Детский Учитель и придворный шут семейства Абу-Салим все смотрели на меня с церемониального помоста. Взгляд их был неприятно строг и оценивающ; они все смотрели, пока я не разозлился и не двинул Придатка Чэна через весь зал к помосту — и тогда их общий Придаток быстро исчез в проеме боковой двери.
Словно его Блистающие хотели смотреть — но не разговаривать.
Я подумал, презрительно щелкнул гардой о металл устья ножен, и тоже направился к выходу.
2
…Комната, где я уже успел провести немало времени, называлась алоу-хона — комната огня. Это было просторное помещение на первом этаже, окна которого выходили в сад, окутанный сумерками и негромко шелестевший под прикосновениями легкого ветра; в западной стене алоу-хона находился встроенный очаг, вроде моего домашнего камина, с лепными фигурами диковинных птиц по бокам.
В очаге лениво тлели угли саксаула и ароматного алоэ, и земляной пол был устлан, согласно традиции, звериными шкурами.
— Спорь не спорь, а все-таки ты не прав, Единорог, — без особого нажима заметил Гвениль, развалившись поперек шкуры пятнистого барса с Белых гор Сафед-Кух и мерцая в отблесках очага.
Рядом с ним лежал Махайра Кресс, почти не принимавший участия в разговоре. Кроме нас троих, больше никого в алоу-хона не было.
— Почему это я не прав? — отозвался я из угла, где стоял, до половины уйдя клинком в специальное отверстие подставки для гостей, изнутри выложенное войлоком.
— Потому, — коротко отозвался гигант-эспадон со своего ложа.
Затем подумал и добавил:
— Если в твоем роду предпочитают обходиться без Посвящения, то это не повод, чтобы и все прочие от него отказались.
— Я и не утверждал, — начал было я, но Гвен перебил меня.
— Слушай, Единорог, а тебе ведь понравилось на Посвящении у Абу-Салимов! Не ври, я же вижу, что понравилось!..
— Ну, понравилось, — пробормотал я и почувствовал, что краснею отраженным светом очага. — И что с того? Я тут позвенел с вами, душой отдохнул и домой ушел — к турниру готовиться — а старому Фархаду лежать без дела кучу лет и ждать… Пока еще посвященный Придаток вырастет, пока его Детский Учитель выучит, как положено…
— А почему это у Мэйланьских Данов без Посвящения обходятся? — вдруг заинтересовался до того молчавший Махайра. — Вы что, первых попавшихся Придатков берете, которые повзрослее? Один состарился — другого нашли?
— Обидеть хочешь, Жнец? — вяло поинтересовался я для порядка, поскольку прекрасно знал, что Махайра и в мыслях не держал меня обидеть.
— Да нет, что ты, Единорог?! Просто интересно… да и не похож твой Чэн на необученного! И прошлый — как его, не помню уже — тоже непохож был…
— Учат они Придатков, — снова влез в разговор уставший молчать и слушать других Гвениль. — И не хуже прочих.
Ну спасибо, здоровяк… вот уж от кого не ожидал!
— Только легкие они, — продолжил меж тем эспадон, — Дан Гьены эти! Ты понимаешь, Жнец — ни вида, ни солидности! Меня раз в пять легче будут, да и тебя раза в два… Мы, Лоулезские эспадоны, долго ждем, пока Придаток в полную силу войдет, оттого и рубим мы хоть волос на воде, хоть куклу турнирную на две половины…
Я отчетливо увидел Придатка, разрубленного от ключицы до паха, вздрогнул и пристально вгляделся в Гвениля. Нет, чепуха, этого просто не может быть!..
Увлекшийся эспадон не обратил на меня ни малейшего внимания.

— А Дан Гьены в своем пыльном Мэйлане Придатка с раннего детства сами в работу берут! Ведь такого, как наш Единорог, и дитя в руке удержит. Вот и выходит, что им и без Посвящения можно! Сами учат, сами и пользуются…
«Удержать-то дитя удержит», — про себя подумал я и вспомнил Придатка Чэна шести лет от роду, его отца Придатка Янга в том же возрасте, их предка Придатка Хо Анкора, которого я перевез в Кабир… Вспомнил и те хлопоты, которых стоило мне их обучение. Пока они меня правильно держать научились, не роняя да не спотыкаясь!.. я ведь не канат для падающего, в меня изо всех сил вцепляться нельзя, у Дан Гьенов упор на три пальца…
— А-а-а, — расслабленно протянул Махайра.
— Чего «а-а-а»?! — обозлился я. — Мы со своими будущими Придатками с самого, почитай, начала возимся, чище Детских Учителей, а не ждем, вроде тебя с Гвенилем, когда нам уже обученного приведут! Вот поэтому…
Договорить мне не дали. Хлопнула дверь, и грузный Придаток внес в алоу-хона Шешеза Абу-Салима. Их величество огляделись по сторонам, соизволили выбрать дальнюю от входа стену, где и повисли сразу на двух крюках. На двух — это для грациозности висения, над понимать.
Еще раз прошлись по встрепанному меху бордовые сапоги шагреневой кожи с модными кисточками на голенищах — и дверь закрылась за Придатком Абу-Салима.
Шешез поворочался, устраиваясь в более наклонном положении, и с интересом глянул на нас.
— Что замолчали, гордость Кабира? — весело бросил Шешез со стены, и мне показалось, что веселость ятагана неискренняя. — Опять спорите? Я к вам за советом пришел, а вы все что-то делите…
— За советом, как правитель фарр-ла-Кабир, или за советом, как мой вечный соперник в рубке, ятаган Шешез?
Нет, Гвениль положительно не умел соблюдать никаких приличий! Ему хорошо, он в Кабире в гостях, а не в вассальной зависимости… правда, зависимость моя больше на словах, а Гвен сидит в столице лет на сорок дольше меня, и домом своим давным-давно обзавелся, и семьей обзавестись заодно хотел, да отказали ему, грубияну двуручному…
— Как тот и другой сразу, — помрачнев, ответил ятаган.
— А в каком важном деле совет требуется? — Махайра слегка шевельнулся и концом клинка успокаивающе тронул Гвениля за массивную крестовину.
— Турнир хочу отменить.
— Что? — хором вскрикнули мы втроем. — Почему?!
— Потому что боюсь, — оборвал нас Шешез.
Признание его прозвучало сухо и веско, заставив поверить в невозможное: ятаган фарр-ла-Кабир, племянник Фархада иль-Рахша, чего-то боится!
— Знаете, небось, что ночью на улице Сом-Рукха произошло? Мне утром донесли; только слухи — они моих гонцов быстрее…
— Знаем, — проворчал Гвениль.
— Слышали, — отозвался Махайра.
— Кто это был? — вместо ответа спросил я, не уточняя, кого имею в виду: убитого или убийцу.
— Шамшер Бурхан ан-Имр, из сабель квартала Патайя. А убийца… ну, в общем, под подозрением…
Он все не мог договорить, и когда наконец решился, то вид у Шешеза был такой, словно он сам себе удивлялся.
— Под подозрением — Тусклые.
Это было равносильно тому, что сказать: «Под подозрением ночной ветер.» Или: «Подозревается призрак Майского Ножа». Или еще что-нибудь в этом же духе…
По позе Гвениля было хорошо видно, как относится прямолинейный эспадон к такому, мягко говоря, странному заявлению. А вот Махайра внезапно оживился и с интересом ожидал продолжения.
А я понимал, что не зря Шешез вчера приходил ко мне в гости, и не зря сейчас он перестал ломать комедию и заговорил всерьез.
Поросший лесом Лоулез — родина Гвениля и его братьев — где на редких холмах возвышаются сумрачные замки с пятью сторожевыми башнями, или масличные рощи Кимены, где жили родичи Махайры — в Мэйлане уже успели забыть, забыть и снова вспомнить то, о чем Лоулез и Кимена только сейчас начинали узнавать. Да и сам Кабир был все-таки поближе к Мэйланю — я имел в виду близость скорее

духовную, чем простое количество верблюжьих перегонов — и поэтому Шешез сумел решиться, а я сумел задуматься над его словами…
— Что ты знаешь о Тусклых, Высший Мэйланя Дан Гьен? — тут же спросил Шешез, подметивший мое состояние.
И уже другим звоном:
— Расскажи, Единорог… пожалуйста.
И я заговорил.
— Никто достоверно не знает, как рождается Тусклый клинок, или как родившийся Блистающим становится Тусклым. Иные говорят, что когда ломается и погибает Блистающий, то перековывают его в тайных кузницах и закаливают в крови зверя дикого, зверя домашнего и в крови Придатка, не достигшего совершеннолетия. И тогда возрождается Блистающий, но дик нрав его, а клинок тускл и горяч. А еще говорят, что Блистающий, вкусивший плоти Придатка по третьему разу — будь то умысел или недомыслие — тускнеет в течение полугода, но если примет он участие в пяти честных Беседах и двух турнирах с сильнейшими себя, то вновь заблестит он и отвыкнет от вкуса запретного. Разное говорят и о разном молчат… Слышал я, что даже новорожденный Блистающий прямо при закалке потускнеть может, если в смесь глины, речного песка и угольной пыли подмешать пепел от сожженного Придатка, умершего до того не своей смертью…
Я остановился и некоторое время молчал, глядя в огонь очага. Редкие язычки пламени выстреливали вверх горячими жадными клинками…
— Ничего я не знаю о Тусклых, — глухо прозвенел я. — Ничего. Я ведь из Мэйланя совсем молодым уехал… а молодые — они глупых стариков слушать не любят. Вот и я — слушался, а не слушал.
— Как это ничего?! — возмутился Махайра. — А это?..
От волнения он стал несколько косноязычным.
— Единорог прав, — отозвался со стены Шешез. — Это не знание. В это можно лишь верить. Или не верить.
Гвениль слегка шелохнулся, срезав клок шерсти с барсовой шкуры, на которой лежал, и вновь замер.
— Я не верю, — холодно заявил он. — Глупости все это! Тусклые, теплые… Ни один Блистающий не станет умышленно портить Придатков! Ни разу не слышал о таком и сейчас тоже не намерен!..
— Стали, — коротко лязгнул Шешез Абу-Салим. — В Хаффе стали, и в Дурбане стали… И в Кабире. Так что я — верю.
— А я не знаю, — честно сказал Махайра. — Не знаю, и все тут. А ты, Единорог?
— Я не верю, — ответил я и, после долгой паузы, закончил. — Я уверен.

3

— …Шешез Абу-Салим фарр-ла-Кабир… — Махайра словно пробовал на изгиб прочность этого имени. — А почему ваше величество пришли за советом именно к нам троим? Или все-таки только…
По-моему, Кресс и меня хотел сперва назвать полным именем. Но нет, напускная церемонность слетела с него, и Жнец просто закончил:
— Или все-таки только к Единорогу?
Шешез ответил не сразу. А когда ответил…
— Махайра Кресс Паллантид из Высших левой ветви Омелы Кименской, по прозвищу Бронзовый Жнец — я пришел за советом к вам троим. К тебе, к Высшему эспадону Гвенилю Лоулезскому, известному в Кабире как Рушащаяся Скала, и к Высшему Мэйланя прямому Дан Гьену, более прославившемуся под прозвищем Мэйланьский Единорог. В Кабире погиб Блистающий. Вы хорошо расслышали то, что я сказал?
Ятаган умолк, давая нам осознать всю никчемность наших титулов перед случившимся, и спокойно продолжил:
— У остальных Высших, с которыми я разговаривал сегодня до вас, мнения разделились поровну. Тридцать шесть за то, чтобы проводить турнир согласно традиции и не обращать внимания на досадные случайности; тридцать шесть — против. И без вашего совета нам не выйти с дороги раздумий на обочину решения. Вы — не самые мудрые, не самые старшие, но вы — последние.
Я стоял вроде бы и не особенно близко к очагу, но мне остро захотелось вызвать Придатка Чэна, чтобы тот вынес меня за пределы алоу-хона или переставил как можно дальше от тепла, такого неприятного в этот миг…
— Отказаться от турнира из-за мэйланьских сказок? Чушь! — отрезал Гвениль. — Мы за традиции! Правда, Жнец?

— Неправда, — неожиданно для меня возразил Махайра. — Никогда еще Блистающие не убивали друг друга и не шли на умышленную порчу Придатков. Пока не выяснится, случайно происходящее или нет, турнир проводить нельзя. Я считаю так.
Шешез задумчиво покачался на крючьях.
— Никогда, — пробормотал он, — это сказано слишком неумолимо. Честнее будет сказать, что на нашей памяти Блистающие не убивали друг друга и не портили Придатков. На нашей, пусть долгой, но все же ограниченной памяти… Тем не менее, голоса вновь разделились. Тебе решать, Единорог.
Я вспомнил прошлый турнир. Зелень поля, на котором велось одновременно до двух дюжин Бесед, упоение праздником и разрезаемый пополам ветер, подбадривающие возгласы с трибун и солнечные зайчики, уворачивающиеся от Блистающих… и потом, долго — память о турнире, споры о турнире, нетерпеливое ожидание следующего турнира…
И сломанный труп Шамшера Бурхан ан-Имра из сабель квартала Патайя, что в десяти минутах езды от моего дома… совсем рядом. Одинокий шарик с треснувшей гарды у глинобитного дувала; и бурая запекшаяся пыль, в которую ложились суровые копья Чиань…
Я взвешивал звенящую радость и гулкий страх. Пустоту смерти и вспышку жизни. Моя гарда похожа на чашу, донышком к рукояти; на одинокую чашу весов…
Я взвешивал.
— Если из страха перед незнакомой смертью мы откажемся от привычной жизни, — наконец произнес я, и огонь в очаге притих, словно вслушиваясь, — мы, возможно, избегнем многих неприятностей. Но тогда тень разумной осторожности ляжет на всех Блистающих, и мы начнем понемногу тускнеть. Мы станем коситься друг на друга, в наши Беседы вползет недоверие, и наступит день, когда мой выпад перестанет восхищать Гвениля, а Махайра позавидует Шешезу. Я — Высший Мэйланя прямой Дан Гьен — выйду на турнирное поле в положенный срок, даже если окажусь на поле один. Или если буду знать, что могу не вернуться. Я сказал.
— Ты не будешь на поле один, — тихо отозвался Гвениль. — Ты не будешь один, Единорог. Это я тебе обещаю.
Махайра весело заблестел, подмигивая непривычно серьезному и немногословному эспадону.
— Герои, — сообщил он. — Глупые герои. Или героические глупцы. Придется мне, бедному умнику, тоже явиться на турнир. В случае чего я всегда смогу заявить, что предупреждал вас. Слабое утешение, но другого вы мне не оставили.
— Вот и они так сказали… — прошептал Шешез. — Странно…
— Кто? — спросил я. — Что сказали-то?
— Детский Учитель нашей семьи… он сказал, что если решать придется Единорогу, то турнир состоится. Словно предвидел…
— Ты произнес «они»… Кто еще говорил обо мне?
Я ждал. И дождался.
— Дзюттэ, — нехотя прошуршал ятаган. — Дзюттэ Обломок.
— Шут? — удивился Гвениль.
На этот раз Шешез промолчал.

Глава 3

1
…И трибуны разразились приветственным звоном, когда вокруг злого тонконогого жеребца и маленького Придатка, вставшего на стременах, закружился сошедший с ума смерч семи локтей в поперечнике — и в свистящей воронке мелькали то сталь громадного лезвия с шипом на тупом обухе, то заостренный наконечник обратной стороны древка, то желто-багряные кисти из конского волоса…
— Давай, Кван! — не выдержал я. — Давай!..
И Лунный Кван дал. Храпящий жеребец боком понесся по полю, чудом лавируя между вкопанными деревянными столбами — и рушились мертвые деревья без веток и листьев, белея косыми срезами, щетинясь остриями изломов, взвизгивая, всхлипывая, треща… Смерч замедлился, став трепещущими крыльями невиданной бабочки, еще раз пронеслись по воздуху осенние кисти — и вот уже спокойный и

неторопливый Кван-до, Лунный Вихрь, упирается в землю рядом со взмыленным конем, косящим кровяным глазом.
Не стоило мне, конечно, заводиться, да еще и подбадривать Квана прямо отсюда с поля… Не к клинку. Мне сейчас на другое настраиваться надо. Вон, поле большое, на семи площадках Беседуют, на пяти предметы рубят, дальше Катакама-Яри и Фрамея копейные танцы танцуют — а на каких трибунах больше всего Блистающих собралось?
На западных.
А почему?
А потому, что на третьей западной площадке победитель в последней рубке после всего встретится с Мэйланьским Единорогом — со мной, значит…
Вот и нечего мне на все поле лязгать, позориться!
А рубка знатная была!.. Трое сошлись — Гвениль, эспадон мой неуступчивый, их величество Шешез Абу-Салим и так далее (следит он за мной, что ли? И рубит оттого, как никогда…) и гость один заезжий, тоже двуручник, как и Гвен, а имя я в суматохе спросить забыл.
Видел я похожих, еще в Вэе видел — там их «Но-дачи» звали, «Длинный меч для поля» на старом наречии. Ну и ладно, пусть пока Но-дачи побудет — мне его не титуловать, а так ведь и меч он, и длинный, и для турнирного поля в самый раз… не обидится.
Куклу, понятное дело, вся троица легко срубила, на полувзмахе — а дальше началось! Кто во что горазд, а уж горазды они на всякое… Шешезу, как всегда, грубое сукно на стальную проволоку в дюжину слоев наматывают, гостю циновку из бамбуковых полос в рулон скатали, а Гвениль столб крайний, что от Лунного Квана остался, попросил листовой бронзой обшить на скорую руку.
Свистнули они — было три предмета для рубки, стало шесть! Гвениль на Шешеза скосился и свой коронный «волос на воде» заказывает. Рассек, блеснул улыбчиво и ждет. А ятаган по платку кисейному полоснул — да не прорезал до конца! Платок влажный попался, или сам Шешез оплошал, от забот государственных…
Я и оглянуться не успел — Но-дачи клинком повел из стороны в сторону, медленно так, плавно… Жужжала рядом стрекоза, а теперь лежит на траве два раза по полстрекозы, и обе половинки тихие такие, не жужжат больше!
Смотрю я на Гвениля и на соперника его: похожи они оба, дальше некуда! Оба двуручные, оба без ножен — таких дылд даже из-за плеча не вытянешь, они ж длиннее перехвата руки! — оба у своих Придатков на плечах развалились, и характер у обоих, небось, один другого мягче да приятнее!
Только Гвен обоюдоострый и прямой, а гость однолезвийный и слабо-слабо изогнутый, словно не решил до сих пор, каким ему быть. Ах да, еще у Гвениля крестовина здоровенная, а у Но-дачи огрызок какой-то овальный вместо гарды… А так — как в одной кузне рожали!
Тут как раз для меня «коровью тушу» вынесли и подвесили на тройных цепях. Мешок это кожаный, и набит он изнутри разным металлическим хламом похуже, чем корова — костями. Еле-еле пустого места остается, чтоб протиснуться!
Нет, ничего, протиснулся… и на прямом выпаде, и на косом, и на том, что родня моя звала: «Спящий Единорог видит луну за тучами». Потом так изогнуться пришлось, чтобы в кость железную не въехать, что успел только небо поблагодарить за гибкость свою врожденную да за пальцы Придатка Чэна, которыми я его учил крюки стальные из стен выдергивать и мух на лету ловить, крылышек не повредив! Ладно, что теперь зря расстраиваться…
Потом Придатки Гвениля и Но-дачи мелкие монетки «гитрифи» в «корову» по очереди кидали, а я в место попадания входил и обратно выныривал, пока монетка на землю соскальзывала. Тут Гвениль почему-то заблестел весь, словно пакость какую придумал, и Придатка своего ко мне ведет.
— Слушай, Однорогий… — говорит, а тут и Но-дачи рядом оказался, почти вплотную.
— То бишь Высший Мэйланя Однорогий Дан Гьен, — поправляется Гвениль.
— Тут у нас спор один зашел…
Ну что с него взять? Он ведь не со зла, просто говор у него такой, без тонкостей, как у всех лоулезцев. Помню, я как-то битый час объяснял ему разницу между «однорогим» и «единорогом». Выслушал меня эспадон, не перебивая, а потом и спрашивает:
— Ну, рог-то у него один?
— Один, — говорю.

— Ну и нечего мне лапшу на крестовину наматывать! — отвечает.
Лапша — это еда такая, Придаток Гвениля ее очень любит. Поговорили, значит… Правда, с тех пор он меня чаще всего правильно зовет. А в турнирном запале — как получится.
— …спор один зашел, — продолжает меж тем Гвениль. — Соперник мой интересуется: дескать, когда он меня в рубке победит — заметь, «когда», а не «если»! — то как ему с тобой в Беседе работать, чтоб внешность твою замечательную не повредить ненароком. Больно легкий ты, вот он и опасается… Уступить ему, что ли, пусть сразу и попробует?
Улыбнулся я про себя, но виду не подал. Сам Гвениль при первой своей Беседе со мной на том же вопросе и ожегся, так что ему теперь кого другого подставить — самое милое дело!
Повернулся я к Но-дачи, а тот молчит серьезно и ждет.
— Тебя, — спрашиваю, — в землю до проковки зарывали?
— Зарывали, — отвечает. — На девять лет, как положено.
— Ладно, — киваю. — А полировали, небось, дней пятнадцать?
— Да, — отвечает, но уже тоном ниже.
— Хорошо, — говорю, а сам у Придатка Чэна над головой вытягиваюсь вроде радуги. — Ты — гость, тебе и рубить первому. Давай!..
Молодец он оказался! Гвениль по первому разу — и то постеснялся, поосторожничал, а этот с Придаткова плеча и полоснул наискосок, без замаха! Принял я его на полкасания — еще подумал, что Гвен потяжелее будет — а там из-под него вывернулся, Придатка Чэна вправо увел и в дугу согнулся.
Он чуть в землю не зарылся, Но-дачи этот. Правда, «чуть» не считается, особенно если он от земли поперек Придатка моего пошел, во всю длину, да еще на уровне живота! Опасное это дело, такая махина не всегда вовремя остановиться может, даром что он Гвениля легче…
Ну и не стал я с ним в игры играть. Упал мой Чэн, как есть упал, навзничь — а гость над нами пронесся, только ветерком хлестнуло. Придаток его с ноги на ногу перепрыгнул, споткнулся и рядом с нами на четвереньки встал.
А как ему на ногах удержаться, когда у него сандалии на деревянной колодке да на двух ремешках, а я те ремешки на левой сандалии, пока Придаток Чэн на земле раскидывался, пополам разрезал?!
Гвениль веселится — он такие шутки почище Бесед любит — на трибунах визг со скрежетом вперемешку, а Придаток гостя уже на пятках сидит, и сам гость у него на коленях лежит.
Молчит. Только подрагивает слегка. И пасть кошачья, что у него на головке рукояти, невесело так скалится…
— Ну что, — спрашиваю, — понял?
— Понял, — отвечает. — Благодарю, Высший Дан Гьен, за науку.
Дважды молодец! Гвениль — тот, помню, до вечера ругался, пока не угомонился.
— Еще хочешь? — спрашиваю.
— Обязательно.
— Ну вот, — говорю, — обставишь Гвениля в рубке, тогда и повторим.
И повел Придатка Чэна к другим площадкам.

2

Мне нужно было хоть немного расслабиться. Одергивание самоуверенного Но-дачи потребовало больше сил и энергии, чем это могло показаться с первого взгляда. Поэтому я пустил Придатка Чэна бесцельно бродить между турнирными площадками, останавливаясь то тут, то там, а сам попытался на время забыть о предстоящей финальной Беседе — с Гвенилем или Но-дачи.
Первый уже неплохо знал мои обычные уловки — во всяком случае, некоторые из них — а второй после трепки будет начеку, так что…
Все, забыли! Гуляем…
У южных площадок, где состязались древковые Блистающие, я задерживаться не стал. Волчья Метла к турниру не вернулась, а остальные Длинные — кроме, пожалуй, Лунного Квана, но его я уже видел — меня интересовали мало.
Шел третий день турнира, а первые три дня всегда идут под девизом: «Подобные с подобными». Или хотя бы с более-менее подобными. День смешанных Бесед наступит лишь завтра, но Метлы все нет, и я, скорей всего, раз-другой встречусь с Нагинатой Катори, явной фавориткой, а там уйду на трибуны. Или домой. Нет, домой не уйду, что это я в самом деле…
— Зар-ра! — неожиданно взметнулось слева от меня. — Зар-ра-хид!..

Я свернул на крики и пару минут любовался, как мой замечательный дворецкий беседует с ножами-двойняшками Тао. Зрелище заслуживало внимания. Эсток Заррахид был более чем вдвое длиннее любого из двойняшек, но зато каждый Тао был почти вчетверо шире невозмутимого эстока. Широченные братья верткой рыбой метались в руках своего низкорослого Придатка, то ложась вдоль предплечья, то вновь выныривая акульим плавником острия вперед. Но все их отчаянные попытки ближе подобраться к Заррахидову Придатку мгновенно пресекались недремлющим эстоком.
Я вышел из ножен и, продолжая наблюдать за Беседой, стал повторять некоторые движения Заррахида. Естественно, добавляя кое-что свое.
Придаток эстока, казалось, врос в землю и пустил корни, подобно вековой сосне — да, это не мой Чэн, способный вертеться в момент Беседы почище братьев Тао, хоть и нелепо сравнивать Блистающих и Придатка — но вытянутое жало Заррахида неизменно нащупывало любую брешь в звенящей обороне двойняшек, отгоняя злившихся братьев Тао на почтительную дистанцию.
— Зар-ра! Зар-ра-хид!..
Я на миг присоединился к скандирующим Блистающим, поддерживая моего дворецкого, затем спрятался в ножны и послал Придатка Чэна дальше.
— Единорог пошел, — услышал я чью-то реплику. — Своими любовался…
— Ну и что? — незнакомый голос был раздражающе скрипуч.
— А то, что вон тот эсток — из Малых его дома. Вот я и говорю…
— Ну и что? — снова проскрипел невидимый упрямец.
Я обернулся в надежде увидеть болтунов и обнаружил за спиной Придатка Чэна — кого бы вы думали?! — Детского Учителя семьи Абу-Салим и Дзюттэ Обломка. Они, как и на Посвящении, делили между собой одного Придатка, удобно устроившись: Учитель — на поясе, шут — за поясом.
«Хороший пояс, — ни с того, ни с сего подумал я. — Кожа толстая, с тиснением „узлы и веревки“, пряжка с ладонь… на пятерых места хватит».
— Прогуливаешься, гроза Кабира? — опустив положенное приветствие, нахально заявил шут. — Ну-ну…
Голос у него оказался низкий и глубокий, вроде гула ночного ветра в прибрежном тростнике. А я почему-то решил, что он сейчас заскрипит, как тот, невидимый… нет, конечно же, это не они! С чего бы им меня за глаза обсуждать, да еще и препираться?!
— Прогуливаюсь, — ответил я. — Кстати, Дзюттэ, все хочу тебя спросить — ты в юности, небось, подлиннее был?
Раздражение, накопившееся во мне, требовало выхода.
— А с чего это ты взял? — удивился шут.
— Ну, я так полагаю — сломали тебя когда-то не до конца, вот с тех пор Обломком и прозывают…
Мне очень захотелось, чтобы Дзюттэ обиделся. Или хотя бы втянул в глупый и грубый разговор Детского Учителя. Даже если я не прав — а я не прав.
Только он не обиделся. И Учитель промолчал.
— Иди «корову» потыкай, — ехидно усмехнулся шут. — Глядишь, ума прибавится… Ты — Единорог, потому что дурак, а я — Обломок, потому что умный, и еще потому, что таким, как ты, рога могу обламывать. До основания. А затем…
— А затем я хочу спросить тебя, Высший Дан Гьен…
Это вмешался Детский Учитель. Глухо и еле слышно. После вежливого обращения он выдержал длинную паузу, заставляя меня напряженно ожидать продолжения, которого я мог бы и не расслышать в турнирном шуме. Ну давай, договаривай, тем более что гомон позади нас малость утих… интересно, кто верх взял — Заррахид или двойняшки?
— Ты эспадону Гвенилю доверяешь? — неожиданно закончил Учитель.
— Как себе, — не подумав, брякнул я, потом подумал — хорошо подумал! — и твердо повторил:
— Как себе.
— Нашел, кого спрашивать, Наставник! — вмешался шут Дзюттэ, в непонятном мне возбуждении выпрыгивая из-за пояса и прокручиваясь в руке Придатка ничуть не хуже любого из ножей Тао.
Вот уж от кого не ожидал!

— Единорог у нас всем и каждому доверяет! Любому — как себе! И в Мэйлане, откуда удрал невесть когда и невесть зачем, и в Кабире, и здесь, на турнирном поле…
И уже ко мне, вернувшись на прежнее место и выпячивая свою дурацкую одностороннюю гарду в виде лепестка:
— Ну что тебе стоило после Посвящения сказать Шешезу то, что надо? Глядишь, и отменили бы турнир, и у нас забот этих не было бы!..
Интересно, какие-такие у него заботы?!
— Все? — спрашиваю. — Тогда мне пора.
И двинул наискосок к щитам, где метательные ножи восьми местных семейств и пять гостей из Фумэна в меткости состязались.
Только и услышал вслед:
— Зря ты его злил, Дзю… он и так мало что понял, а теперь и подавно, — это Детский Учитель.
Пауза. И тихо почему-то, словно весь турнир вымер.
— Злю, значит — надо, — это уже Обломок, шут тупой. — Злые — они острее видят, а добрые — слепцы! Гвениль его только что под чужой удар подставил, до проверки Мастерства Контроля, а этот Рог Мэйланьский… Добренькие мы все, Наставник, по самую рукоять добренькие, не переучить нас!..
И — еле слышно во вновь возникшем гомоне — чей-то скрипучий смешок.
3
…Испортили настроение, мерзавцы! Чуть Учителю сгоряча по-Беседовать не предложил… И не то чтоб я его опасался или еще что-нибудь — у такого и выиграть почетно, и проиграть не зазорно — а просто неловко на турнирном поле препираться и Беседы случайные затевать.
И с кем? С Детским Учителем семьи Абу-Салим?! Не хватало еще с шутом на площадку выйти, на потеху всему Кабиру… Расслабился, называется! Завелся с первого взмаха, как вчера кованый…
— Айе, Единорог! Оглох, что ли?!
Совсем рядом ударили в землю конские копыта, налетевший ветер принес с собой запах звериного пота и кожаной сбруи, и сбоку от меня вырос Лунный Кван-до, вонзив в землю наконечник основания древка.
Казалось, что щуплый и жилистый Придаток в юфтевой куртке по пояс и штанах из плотно простеганной ткани, гарцуя на плохо объезженном коне, уцепился с перепугу за ствол одинокого кипариса — у которого вместо кроны по ошибке выросло огромное лезвие с толстым шипастым обухом.
— Ну, мэйланец, ты даешь! Тебя на твоей площадке уже битый час дожидаются! Твой выход! Гвениль кривому двуручнику уступил, все тебя ищут…
Вот сколько себя в Кабире помню, всегда у Квана Придатки мелкие…
Что? Что он сказал?!
То, что Гвениль умудрился-таки проиграть заезжему Но-дачи, сразу оттеснило на задний план все прочие мысли.
— Как уступил? На чем?!
— Да в самом конце… Их сперва, как ты ушел, на Мастерство Контроля трижды проверяли — и все в лучшем виде! У гранитной плиты, у натянутой струны, у бычьего пузыря — оба при ударе в полный размах вплотную останавливались! После по горящей свечке срубили — опять на равных… фитиль сняли, свеча стоит. А там гость предложил гвозди в воздух кидать. Вот Гвен на втором гвозде-то и срезался!..
Увлекшийся Кван все говорил и говорил, подробно перечисляя мельчайшие подробности состязания в рубке, но я уже не слушал его, поймав себя на странном и неприятном чувстве.
Очень странном и очень неприятном.
После проклятых слов шута поражение Гвениля стало приобретать для меня довольно неожиданную окраску. Действительно ли опытный эспадон уступил рубку, нарвавшись на более умелого Блистающего, или крылся в этом какой-то тайный умысел? Вот и у Абу-Салимов он громче всех за турнир высказывался, несмотря на предупреждения Шешеза да мои слова…
Стоп, Единорог, не дури… Гвениль-то, может, и громче других был, да только твой голос последним получился, последним и решающим! И кто, как не ты сам, минуту назад утверждал, что веришь эспадону, как себе?!
Верю. Да. И в Тусклых верю. И в то, что бред это все — тоже верю. И в то, что Тусклыми не сразу становятся. И…

Ох, что-то много всякой-разной веры на одного Единорога!
И Придатка на улице Сом-Рукха, пополам разрубленного, тоже сам видел. Впервые в жизни такое видел — но понимаю, что в принципе многие из Блистающих на это способны. Вон, тот же Кван или ятаган Шешез… Только я ведь не вчера с наковальни! Кван, конечно, любого Придатка запросто бы развалил — да не так бы это после Кванова лезвия выглядело бы! И после Шешеза не так…
А я или Заррахид — нам проткнуть проще, хотя мы и рубить можем.
Двуручник там был, Тусклый или какой еще — но двуручник, по повадке да удару… и он же Шамшера ан-Имра ломал.
Чтоб тебе гарду сточили, Обломок тупомордый! До чего довел… в друзьях сомневаюсь, думаю невесть о чем, дергаться скоро начну…
— Ну ты как — дождя будешь ждать, из чистого-то неба?! — возмутился Кван, вскидываясь поперек конской холки. — Догоняй!
И я послал Придатка Чэна вслед за удаляющимся конем.
Бегом.
Чтоб дурные мысли из себя выветрить.
4
…Шум трибун отдалился, расплылись туманом силуэты тех, кто толпился у самой площадки — и мы остались один на один.
Я и Но-дачи.
Финальные Беседы турниров — не место для досужих размышлений или самокопания. Не место и не время. В эти недолгие мгновения собственное бытие переживается особенно остро, и впору рассечь мир гордым выкриком: «Я есть!» Воистину правы были древние, говоря, что в такие моменты «один меч сам стоит спокойно против неба!..»
Против неба, в котором так же одиноко вспыхнул луч Но-дачи, пресекая все лишние нити раздумий, еще тянувшиеся во мне.
Нет, это был уже не тот вежливо-самоуверенный Блистающий, которого совсем недавно подводил ко мне Гвениль. Теперь он был внимателен и осторожен, теперь его Придаток был босиком и крепко держал рукоять обеими руками, вознося огромный клинок Но-дачи над головой, словно собираясь пронзить облако.
Там он и замер, этот двуручник, который нравился мне все больше и больше, замер странным шпилем над недвижным храмом его Придатка.
В Кабире такие вступления к Беседам были редкостью — но я-то вырос не в Кабире! И поэтому прекрасно знал, что неподвижность Но-дачи была своего рода вызовом, который можно было принимать или не принимать.
Я принял.
Держась на расстоянии, делавшем невозможным удар без предварительного подшагивания, я выскользнул из ножен и медленно провел правую руку Придатка Чэна по дуге вниз, назад и вверх, указав острием на лицо Придатка Но-дачи. Затем я внутренне напрягся — и Придаток Чэн выставил вперед пустую левую руку, одновременно поднимая левую ногу так, чтобы колено очутилось почти у подбородка.
И напротив каменного храма с остроконечным куполом застыло изваяние танцующей птицы Фэн с расправленными крыльями, правое из которых было вдвое длиннее левого и сверкало на солнце.
Долгое стояние на одной ноге гораздо сложнее и утомительнее, чем на двух — как стоял Придаток Но-дачи — но я не допускал даже тени сомнения в исходе.
Слишком часто мы стояли вот так у себя во дворе, водрузив на поднятое колено Придатка Чэна пиалу с горячим вином, и я уже напрочь забыл те времена, когда вино в конце концов расплескивалось.
Молчали онемевшие трибуны, солнце неспешно двигалось по небосводу от зенита к западу, росли наши тени на земле — а мы все стояли, и только когда шпиль над храмом слегка дрогнул и покачнулся, я позволил птице-Чэну победно всплеснуть крыльями и встать на обе ноги.
После чего на меня обрушилась двуручная молния.
Уходя от первого столкновения и разрывая дистанцию до относительно безопасной, я уже понимал, что Но-дачи будет теперь действовать только наверняка. Проиграв состязание в неподвижности и памятуя о разрезанных ремешках сандалий, он не позволит себе ничего спорного, ничего лишнего, ничего…
Ну что ж, я был рад за него. За него и за себя.

Значит, приходило время для того, что было фамильным умением прямых мечей Дан Гьенов моей семьи. Время для того, за что я и отличал род Анкоров Вэйских, предпочитая его любым другим Придаткам.
Придаток Но-дачи стремительно прыгнул вперед, сам Но-дачи взметнулся над его правым плечом — и на миг остановился, не понимая, что происходит.
Придаток Чэн смеялся.
Он смеялся радостно и искренне, а потом протянул пустую левую руку перед собой и принялся шарить в воздухе, словно пытаясь нащупать что-то, невидимое никому, кроме него.
И нащупал.
…Но-дачи не двигался с места, и кончик его клинка подрагивал в опасливом нетерпении.
Пальцы Придатка Чэна побарабанили по опять же невидимой полке и сомкнулись, образовывая разорванное кольцо — как если бы в них оказалась круглобокая чашка.
…Босые ноги Придатка Но-дачи нетерпеливо переступили на месте, подминая хрусткую траву, но сам Но-дачи не изменил своего положения.
Я опустился до земли, приняв самое безвольное положение, чуть ли не упираясь острием в невесть откуда взявшийся камешек.
…И Но-дачи, не выдержав, ударил.
Он ударил неотвратимо, как атакующая кобра, он был уверен в успехе и, демонстрируя высочайшее для двуручника Мастерство Контроля, остановился точно вплотную к голове все еще смеющегося Придатка Чэна.
Вернее, вплотную к тому месту, где только что была голова Придатка Чэна.
Потому что Придаток Чэн одновременно с ударом поднес бесплотную чашку к губам и отклонился назад, вливая в себя ее содержимое. Так что голова его отодвинулась ровно на четверть длины клинка Но-дачи, и этого вполне хватило.
В то же время Придаток Чэн неловко взмахнул правой рукой, удерживая равновесие — а в этой правой руке совершенно случайно был я.
И мой клинок легко уперся в подмышечную впадину Придатка Но-дачи.
В Беседах Блистающих, особенно в финале турниров, судьи не нужны. Поэтому Но-дачи понял все, что должен был понять. Понял — и ударил на полную длину клинка, сокращая дистанцию до безысходной и держась по-прежнему на уровне головы моего Придатка. И мне даже показалось, что на этот раз Но-дачи мог бы и не успеть остановиться — хотя, конечно, такое могло только примерещиться.
Но содержимое невидимой чашки ударило в голову Придатка Чэна быстрее, чем разозленный неудачей двуручный меч.
И Придаток Чэн упал на колени. Пьяные Придатки плохо держатся на ногах — вот он и не удержался. А я небрежно пощекотал живот Придатка Но-дачи, после чего устало лег на плечо Придатка Чэна.
Изумленный Но-дачи повел своего Придатка назад, пытаясь разобраться в происходящем, но Придаток Чэн хрипло заорал, протестуя — и кувыркнулся вслед, собираясь продолжить.
Вновь ударила с неба в землю слабо изогнутая молния Но-дачи — и вновь зря.
Придаток Чэн не сумел довести кувырок до конца, неуклюже завалившись на землю еще в середине переката, и Но-дачи вонзился в землю на полклинка левее.
Я по дороге зацепил босую пятку Придатка Но-дачи — и вдруг остановился, пораженный неожиданной догадкой.
Но-дачи вонзился в землю. Но он не мог этого сделать!
Не мог!
Он же предполагал, что в этом месте окажется Придаток Чэн… И, значит, должен был остановиться выше земли, над телом, а не в нем!
Нельзя думать во время Бесед. Нельзя…
— Извини, — свистнул Но-дачи, резко опускаясь почти вплотную к навершию моей рукояти. — Мне действительно жаль…
И я ощутил, что сжимавшие меня пальцы умирают.
Нет.
Уже мертвы.
А рядом упирался в багровую траву обрубком правой руки Придаток Чэн, и немой вопрос бился в его трезвых глазах.
— Ты же… ты же не Тусклый?! — это было все, что мог прошептать я, теряя сознание от мертвой хватки коченеющих пальцев.
— Извини…

— Скорее, Но! Не медли!.. — прозвучал совсем рядом странно знакомый скрипучий голос, и я еще успел увидеть троицу совершенно одинаковых Блистающих, коротких и похожих на трезубец без древка; и все трое размещались за поясом тощего нескладного Придатка… они звали Но-дачи, торопя его, не давая мне договорить, узнать, понять — почему?!
А потом я перестал их видеть — и двуручного Но-дачи, и кинжалы-трезубцы с одинаковыми голосами, и солнце, тусклое и горячее, как…
Потому что пришла темнота.

ПОСТСКРИПТУМ

…А трибуны поначалу ничего не поняли.
Когда веселый Чэн Анкор, наследный ван Мэйланя, начинает по обыкновению притворяться пьяным, и легкий прямой меч в его руке снует проворней иглы в пальцах лучшей вышивальщицы Кабира — зрители на трибунах замирают от восторга, и кто способен уследить за непредсказуемостью движений улыбчивого Чэна, понять истинную причину, поверить в небывалое?!
А те, кто способен был уследить, кто сумел понять, кто готов был поверить — увы, не оказалось их в первых рядах толпы, в конце концов ринувшейся на поле… захлестнуло их рокочущей волной, смяло и разметало в разные стороны. Тем и страшна толпа, что тонешь в ней, растворяешься, и не прорваться тебе, не успеть, даже если и видишь ты больше прочих, и жгучий гнев клокочет в твоей груди, подобно разъяренному огню в кузнечном горне!..
Где-то в самой гуще людского водоворота оглушающе свистел над головами гигантский эспадон в мощной руке Фальгрима Беловолосого, лорда Лоулезского, и зычный рев северянина едва не перекрывал многоголосье толпы:
— Пустите! Пустите меня к нему! Да пустите же!..
И не было понятно, к кому именно рвется неистовый Фальгрим — к невольной жертве или вслед за бежавшим палачом.
Несся от восточных площадок незаседланный каурый трехлеток, на котором, подобно безусому мальчишке-пастуху, пригнулся к конской шее сам эмир Кабира Дауд Абу-Салим, и кривой ятаган на его боку безжалостно бил животное по крупу, торопя, подстегивая, гоня…
Ужом проскальзывала между сдавленными телами белая туника Диомеда из Кимены, и серповидный клинок-махайра неотступно следил за смуглым и гибким Диомедом, вписываясь в еле заметные просветы, раздвигая толкающихся людей, помогая кименцу протиснуться хоть на шаг… хоть на полшага…
И стояла на самом верху западных трибун у центрального входа ничего не понимающая девушка в черном костюме для верховой езды. А рядом с ней, чуть наклонясь в сторону кипящего турнирного поля, напоминающего сверху кратер разбуженного вулкана, стояла высокая пика с множеством зазубренных веточек на древке.
Благородная госпожа Ак-Нинчи из рода Чибетей и Волчья Метла успели вернуться с горных плато Малого Хакаса к самому концу турнира — и мало что говорило им увиденное столпотворение.
Но первыми к Чэну Анкору, истекавшему кровью рядом с наследственным мечом и куском собственной плоти, успели двое. Суровый и строгий дворецкий Анкоров по имени Кос ан-Танья, на перевязи которого взволнованно раскачивался узкий эсток с витой гардой; и один из приближенных эмира Дауда — не то шут, не то советник, не то и первое и второе сразу — которого все знали, как Друдла Муздрого.
Дворецкий Кос ан-Танья спешно перетягивал искалеченную руку Чэна у самого локтя шнуром от чьих-то ножен, а приземистый шут-советник Друдл все глядел сквозь беснующуюся толпу, пока не опустил в бессильном отчаянии маленький бритвенно-острый ятаган и граненый тупой клинок с одиноким лепестком толстой гарды.
И на этот раз никому и в голову не пришло засмеяться.
А когда безумный океан толпы стал постепенно дробиться на капли отдельных личностей, все поняли, приходя в себя и оглядываясь по сторонам, — поздно.
Поздно оправдываться, поздно искать виноватых и карать злоумышленников, потому что все виноваты и некого карать.
Опоздали кабирцы.

— Пустите… пустите меня к нему, — тихо прошептал Фальгрим Беловолосый, и скорбно поник гигант-эспадон в его руке.
Никогда не простит себе Гвениль сегодняшнего проигрыша в рубке…

ЧАСТЬ II. ЧЕЛОВЕК МЕЧА

…Воздух умеющий рассечь,
Красным пламенем горящий меч,
В грозные дни напряженных сеч
Удлиняющийся меч.
Для закалки того меча —
Так была его сталь горяча —
Не хватило холодных ручьев,
Множество пересохло ручьев!
Бывший во чреве дракона меч,
Гору способный с размаху рассечь,
Такой, что кинь в траву его —
Он траву сумеет зажечь…

Манас

Глава 4

1
Боль.
Боль ползет от локтя вниз по предплечью, давящим жаром стекает в кисть и изливается огненным потоком из кончиков онемевших пальцев. Потом боль медленно уходит, посмеиваясь — потому что болеть уже нечему. Нет пальцев, нет кисти, нет части правого предплечья.
Ничего этого больше нет.
Все осталось там, на турнирной площадке — и до сих пор у меня в глазах мерцает тот радужный полукруг, которым на мгновение стало лезвие изогнутого двуручного меча. Тогда я еще не успел понять, что произошло — только ощутил, что моя правая рука стала непривычно короткой и непослушной.
И небо, небо над головой моего соперника… оно слепо качнулось, метнув солнечный диск куда-то в сторону, когда я попробовал найти точку опоры…
И не смог.
Боли еще не было — она придет скоро, но не сразу — и вот я с недоумением смотрю то на быстро удаляющегося человека с большим мечом на плече, то на чью-то кисть правой руки, которая почему-то сжимает рукоять моего — моего! — Единорога, валяющегося рядом. Почему мой меч лежит в траве? Почему эти пальцы, вцепившиеся в чужой для них меч, подобно пауку в трепещущую добычу — почему они тоже лежат на траве?
Почему зеленая трава так быстро становится алой?!..
А потом наконец приходит боль и у меня темнеет в глазах…
…Сколько же времени прошло с того дня? Неделя? Месяц? Год? Столетие?.. Не помню. Время остановилось, жизнь рассечена мерцающим полукругом, и все скрыто туманной пеленой забытья и безразличия.
И боль.
Боль в руке, которой нет.
Как мне жить дальше?
И стоит ли — жить?
Взгляд мой невольно устремляется в тот угол, где на резной лакированной подставке, привезенной еще моим прадедом из Мэйланя, покоится наследственный

нож-кусунгобу. Его я удержу и в левой руке. Его я удержу и в зубах. Потому что кусунгобу — не для турниров и парадных выходов в свет. Это пропуск Анкоров Вэйских на ту сторону. Одно короткое движение, слева направо или снизу вверх…
Я встал с постели. Покачнулся.
Устоял.
И долго смотрел на нож, разглядывая потускневшее от времени, но все еще острое, как бритва, лезвие. Потом медленно протянул руку.
Левую.
Рукоять, покрытая костяными пластинками, удобно легла в ладонь. Слишком удобно. Я подбросил кусунгобу и поймал его клинком к себе. Солнечный луч скользнул по стали, и нож словно улыбнулся, подмигивая и дразня меня.
«Ну что, парень, решился? Тогда ты будешь первым из Анкоров! Я уж заждался…»
Я задумчиво покачал нож на ладони.
— Придется тебе еще обождать, приятель, — невесело усмехнулся я в ответ, аккуратно кладя кусунгобу на прежнее место.
Нож разочарованно звякнул.
И ободряющим эхом отозвался с противоположной стены мой Единорог. Сквозняк, что ли?..
Повинуясь какому-то смутному порыву, я пересек зал и снял меч со стены. Прямой меч Дан Гьен. Фамильный клинок. Часть меня самого.
Держать меч в левой руке было несколько непривычно. А ну-ка, попробуем… тем более что тело меня слушается плохо, но все же слушается.
Для первого раза я замедлился и начал с самого простого. «Радуга, пронзающая тучи» у меня получилась довольно сносно, на «Синем драконе, покидающем пещеру» я два раза запнулся и остановился на середине танца, тяжело дыша.
Конечно, усиленные занятия многое исправят, заново отшлифовав движения, но…
Мне и так было достаточно скверно, чтобы пытаться обманывать самого себя.
Постороннему зрителю мои движения могли показаться почти прежними, но что-то было не так. Что-то неуловимое, настолько тонкое, что его невозможно было передать словами. И я чувствовал, что ЭТО, скорее всего, не удастся вернуть никакими самоистязаниями.
Хотя, может быть, дело в моем подавленном настроении?
Я хватался за соломинку.
Я еще раз исполнил «Радугу…», потом сразу перешел к очень сложным «Иглам дикобраза», скомкал все переходы между круговыми взмахами, до боли в деснах сжал зубы и рывком пошел на двойной выпад «Взлетающий хвост» с одновременным падением…
В дверях беззвучно возник мой дворецкий Кос ан-Танья, застыв на пороге и явно не желая меня прерывать.
Однако, я прервался сам. И сделал это с болезненной поспешностью. Я не хотел, чтобы Кос видел мой убогий «Взлетающий хвост», разваливающийся на составляющие его «иглы»…
Вот он и не увидел. Или увидел, но не подал виду. Ну что, Чэн Анкор, наследный ван Мэйланя, тебе от этого легче?
Нет. Мне от этого — тяжелее. Хотя, казалось бы, дальше некуда.
— К вам гость, Высший Чэн.
— Кто?
До гостей ли мне?!
— Благородная госпожа Ак-Нинчи, хыс-чахсы рода Чибетей.
По-моему, только Кос ан-Танья с его уважением к любым традициям мог научиться без запинки выговаривать полное имя той, кого я давно звал детским коротким именем Чин. Кос, да еще сородичи и земляки Чин из поросших лесом предгорий Хакаса. Ну, им-то сам бог велел, хотя бога их зовут так, что даже Кос себе язык свернет…
Нет, мне не стало веселей от прихода Чин. Чэн и Чин — так любили шутить близко знакомые с нами кабирцы. Ну что, Чэн-калека, улыбнись и отвечай бодро и спокойно, как приличествует воспитанному человеку!..
— Пригласи благородную госпожу войти.
Кос отошел в сторону, и почти сразу в дверях появилась Чин — слегка напряженная и взволнованная. А я на миг забыл о себе и просто стоял, любуясь ею, как любуются портретом работы великого мастера — только вместо резной рамы был дверной проем.

Черный облегающий костюм для верховой езды с серебряным шитьем на груди и рукавах лишь подчеркивал гибкость ее фигуры (многие в Кабире сочли бы ее излишне мальчишеской; многие — но не я). Вьющиеся каштановые волосы легко падали на обманчиво хрупкие плечи, и на лбу непокорные пряди были схвачены тонким обручем белого металла без обычных розеток с камнями — только еле заметная резьба бежала по обручу, и язык этой резьбы был древнее множества языков, на которых говорили, писали и пели в эмирате и окрестных землях. Самый дорогой самоцвет мог лишь умалить ценность этого обруча — знака Высших рода Чибетей из Малого Хакаса; и самое дорогое платье не добавило бы маленькой Чин ни грана очарования.

И не спорьте со мной! Все равно я не стану вас слушать. Влюбленные и глупцы — безнадежны, как сказал один поэт, который не был глупцом, но был влюбленным…

Взгляд зеленых глаз Чин с тревогой метнулся ко мне — но тут она увидела Единорога в моей руке и, даже не успев сообразить, что рука — левая, тревога в ее глазах сменилась радостной улыбкой.

А я незаметно спрятал культю правой руки за спину.

— Я рада приветствовать вас, Высший Чэн, и вдвойне рада видеть вас на ногах и в полном здравии, судя по обнаженному мечу.

Она шагнула за порог и вновь остановилась, обеими руками держась за свою неизменную Волчью Метлу — словно инстинктивно отгораживаясь ею от меня и от того невозможного, небывалого ужаса, который теперь незримо сопутствовал мне.

— И я рад вам, благородная госпожа Ак-Нинчи, — раскланялся я в ответ, стараясь держаться к ней левым боком. И, помолчав, добавил:

— Я всегда рад видеть тебя, Чин. Пусть весь эмират провалится в Восьмой ад Хракуташа — даже корчась на ледяной Горе Казней, я буду рад видеть тебя, когда ты пролетишь надо мной, направляясь в Западный Край лепестков. Ну как, похож я на записного сердцееда?

— Как я на эмира Дауда, — усмехнулась Чин и аккуратно поставила свою Метлу в оружейный угол для гостей. А я, сам не знаю почему, опустил рядом с ее пикой Единорога без ножен — хотя обычно мой меч висел совсем в другом месте, чуть поодаль.

Вездесущий Кос уже успел в считанные секунды накрыть легкий стол, расставив в кажущемся беспорядке поднос со сладостями, фрукты в приземистых вазах, две пиалы тончайшего фарфора — в дверь сунулся было кто-то из слуг, но Кос ан-Танья глянул на него, и слугу как ветром сдуло — и теперь мой чуткий и замечательный дворецкий ставил на центр стола керамический чайничек с подогретым вином.

Белым, лиосским — судя по запаху. Интересно, когда это он успел его подогреть, не выходя из зала? И камин совсем холодный…

— Что нового в Кабире? — осведомился я, безуспешно пытаясь взять чайничек правой рукой.

Улыбка медленно сползла с губ Чин. Я заметил, что она старается не смотреть на мою искалеченную руку, но, против воли, взгляд Чин то и дело скользил по культе — и тогда пальцы девушки судорожно сжимались в твердые кулачки.

И боль, боль, плывущая в зеленых волнах ее глаз — не моя боль, чужая, но лучше бы — моя…

Я взял проклятый чайничек левой рукой и неловко разлил дымящееся вино в пиалы, пролив немного на скатерть. Горячие капли расплылись, образовав уродливые пятна.

За это время Чин пришла в себя и даже смогла заговорить.

— О, Кабир — большой и шумный город. В нем происходит столько нового, что о половине узнаешь только тогда, когда оно успело уже стать старым. Что именно тебя интересует, Чэн?

О да, деликатная Чин постаралась ответить как можно уклончивей и беззаботней. Ну что ж, каков вопрос, таков ответ…

— Меня интересует, нашли ли человека, который…

Я тоже помимо воли глянул на свой обрубок и перевел взгляд в угол, где располагались Волчья Метла и Единорог. Почему-то вид оружия не успокоил меня, как бывало обычно. Не так блестела сталь, не так лежал меч, не так стояла разветвленная пика.

Все было не так.

— Он… — Чин запнулась и поспешно отпила из своей пиалы. — Он скрылся. Мне Фальгрим и Диомед рассказывали, а суматоху на турнире я и сама видела, только не понимала ничего. Но нашлись люди, которые вроде бы заметили похожего человека в караване, уходящем в Мэйлань…
Она вдруг резко замолчала, поняв, что сболтнула лишнего.
Да, наверное, мне действительно не стоило бы этого знать.
Наверняка — не стоило. Но что сказано — то сказано.
— После его… э-э-э… его бегства в городе больше не случалось ничего необычного? — как можно спокойнее поинтересовался я. Проклятье, все время приходится следить за своими руками…
Чин нахмурилась и плотно сжала губы. Она явно колебалась. Но сделавший первый шаг обречен на второй.
— Трое убиты и два человека ранены за последние две недели. Раненые дали описание двоих… — она долго не могла подобрать подходящего слова, так и не нашла его и тихо закончила. — Но их так и не обнаружили.
— Это не он?
— Нет. Даже не похожи. И оружие совсем другое. Я не понимаю, Чэн…
На глаза ее вдруг навернулись слезы, и от недавней сдержанности не осталось и следа. Передо мной сидела просто испуганная и растерянная девушка, и мне хотелось утешить ее, защитить от всех и вся — если бы не я сам был причиной испуга Чин, не сумев защитить себя самого…
Кто бы меня утешил?! Я смутно подозревал, что в том, что могло бы меня хоть немного утешить, крылось что-то темное и страшное — едва ли не худшее, чем уже случившееся.
— Чэн, я не понимаю, что происходит! Как… как может держащий оружие пойти на такое?! Ранить, искалечить, а тем более — убить! За что? И — зачем?! Это не прибавит к его имени ни гордости, ни почета, да и само имя придется вечно скрывать! Я не понимаю… не могу понять… не могу!..
Она закрыла лицо ладонями, и слезой блеснул бриллиант в перстне на безымянном пальце правой руки. Руки. Правой… О Изначальный кузнец Джангар, неужели я навечно обречен с завистью смотреть на чужие руки?! Даже если это руки любимой девушки…
Руки… и я успокаивающе погладил Чин по плечу уцелевшей рукой.
— Не плачь, девочка. Люди, опозорившие свое право держать оружие, не стоят самой крохотной из твоих слезинок. Нет, не пугайся, я говорю не о себе. Возможно, я заслуживаю сочувствия или жалости, но позора нет на мне, и прошу тебя — не жалей Чэна из Анкоров Вэйских! Потому что может прийти день — и я стану недостоин жалости, но стану достоин позора. И в этот день перестанет саднить моя кисть, оставшаяся там, на турнирном поле. И созревший виноград моей жизни станет в этот проклятый день багряным и горьким вином завершения…
Ладони Чин медленно разошлись в стороны, и она совершенно по-детски уставилась на меня во все глаза — но недетскими были испуг и надежда в этом взгляде.
А я все пытался понять — что же я сейчас наговорил ей?! Слишком сумбурно все получилось, слишком порывисто и нелепо… Искренне говорил ты, Чэн Анкор Однорукий, но словно и не ты говорил… вернее, не только ты.
Кто говорил вместе со мной? Чьи слова походили на язык древних поэм безумного Масуда ан-Назри?
Кто предвидел страшное?..
…Хватит. Пора расслабиться.
— А сейчас, благородная госпожа, позвольте вас пригласить? — и я плавно махнул обрубком в тот угол, где стояло наше оружие.
Продолжение нас самих.
— Почту за честь, Высший Чэн. Но…
— Никаких «но», госпожа! Кто, кроме вас и лучше вас, может мне вернуть прежнее умение?
Чин внимательно поглядела на меня и молча кивнула.
И мы пошли к оружию.
Единорог словно бы сам скользнул в мою левую руку. И все же… Я никак не мог избавиться от чувства неполноценности. И заранее понимал — ничего не получится.

Поддаваться мне Чин не станет — я сразу же увижу и почувствую это. А в полную силу…
К тому же меня все время подмывало перебросить меч в правую руку.
И я сознавал — в какой-то момент, когда сознание уступает место мастерству, я не выдержу.
Переброшу.
2
…Силуэт всадницы уже давно растворился в лиловых сумерках Кабира, а я все стоял у распахнутого окна, смотрел ей вслед и слышал — нет, не цокот копыт по булыжнику, но мелодичный перезвон оружия, звучавший, когда соприкасались мой Единорог и Волчья Метла Чин. Только в сегодняшнем танце я оказался слишком неуклюжим кавалером — и звон выходил не таким радостным, как прежде, срываясь зачастую на болезненное дребезжание…
Да и звучал-то он недолго. Мало того, что острие пики дважды замирало вплотную к моей груди — в довершение всего Чин удалось выбить взвизгнувший Дан Гьен из моей левой руки, а такого до сих пор не случалось никогда.
Никогда раньше.
Никогда…
Грустный вышел танец. Для обоих — грустный. Теперь-то я знал…
Знал, что отныне мой удел — грубая проза. Потому что поэзия поющего клинка мне более недоступна.
И Чин тоже поняла это. Не могла не понять. Не думаю, что сейчас ей намного легче, чем мне.
Впрочем…
Я стоял у окна и смотрел в сумерки, поглотившие маленькую Чин, которую родные и близкие друзья иногда называли Черный Лебедь Хакаса.
Я был ее очень близким другом.
Улетай, лебедь…
3
…Фальгрим явно задался целью всерьез споить меня. Он был излишне весел и многословен, нарочито громко шутил (а голос у Беловолосого и так — о-го-го!), постоянно подливал мне вина и изо всех сил старался не смотреть на мою укороченную правую руку, прятавшуюся в провисшем рукаве халата.
За последние три дня я в полной мере успел оценить деликатность моих знакомых. Все были прекрасно осведомлены о руке бедного Чэна Анкора и все старались на нее не смотреть.
И я в том числе.
Только никому это не удавалось.
И мне — в том числе.
— Наливай! — бросил я просиявшему Фальгриму. — Ах, судьбы наши бренные, кто был — того уж нет… Подымем чаши пенные, как говорил поэт!..
Поднимать чашу можно любой рукой. И я пил, пил — заливая кровью виноградной лозы дорогой полосатый халат и мечтая опьянеть до беспамятства.
И — не пьянел. А посему слушал последние новости Кабира в громогласном исполнении своего приятеля — о предстоящей помолвке племянника эмира Дауда, Кемаля аль-Монсора Абу-Салим и благородной госпожи Масако Тодзи; о приемах и балах; о госте города — Эмрахе ит-Башшаре из Харзы, которому ехидный и острый на язык шут эмира Друдл Муздрый успел прицепить кличку Конский Клещ, и кличка действительно пристала к бедному Эмраху, как тот самый клещ к конской… — Фальгрим смеялся долго и со вкусом, после чего продолжил: о купеческом караване из Бехзда, принесшем совсем уж несуразные слухи; о…
Фальгрим все не умолкал, но я уже плохо слушал его, хотя это было и не очень-то вежливо. Два имени засели у меня в голове. Эмрах ит-Башшар из Харзы и Друдл Муздрый — шут, которого многие считали советником эмира Дауда. Впрочем, одно другого не исключало.
Я вспоминал странное поведение харзийца во время нашей первой встречи у башни Аль-Кутуна и после нее, вспоминал многозначительные намеки Друдла, обильно сдобренные нахальством… Оба они безусловно что-то знали — что-то, что отнюдь не помешало бы знать и мне!
Что?
Хотя… Я невольно покосился на болтающийся рукав. Что мне с этого знания, каким бы оно ни было? Все знание мира не стоило пяти обычных крепких пальцев…

Фальгрим перехватил мой взгляд — и осекся на середине фразы. Понял — зря, все зря. Зря пытался развеселить, отвлечь, напоить… Не казни себя, Беловолосый, не ты в этом виноват. А я и так благодарен тебе уже за саму попытку.
Лицо молодого лорда Лоулезского стало серьезным и суровым. Сейчас он был чем-то похож на собственный двуручный меч-эспадон Гвениль, стоявший позади Фальгрима у стены рядом с моим Единорогом. На мгновение мне даже показалось, что и мечи тоже беседуют друг с другом — разве что вина не пьют.
…Откуда у меня такие мысли? Спьяну, что ли? — так хмель меня сегодня не берет…
— Извини меня, Чэн, — неожиданно тихо заговорил Фальгрим, и его приглушенный бас напомнил мне рокотание отдаленного грома. — Я понимаю, каково тебе сейчас… а если не понимаю, то догадываюсь. Когда б я не проиграл ту проклятую рубку…
Он помолчал, двигая по столу свою опустевшую чашу. Чеканный дракон из серебра, обвивавший ее, подмигивал мне кровавым глазом.
— В Кабире поговаривают, что ты хотел свести счеты с жизнью, — глухо пророкотал далекий гром. — Я рад, что ты не сделал этого…
— Я еще сведу счеты, — криво усмехнулся я. — Только не с жизнью. Вернее, не со своей жизнью.
Фальгрим непонимающе посмотрел на меня и потянулся за узкогорлым кувшином.
Я и сам-то не очень себя понимал. Может быть, во мне проснулась кровь моих легендарных вспыльчивых предков из варварского Вэя, гибких и опасных, как клинки.
Кровь…
Алая кровь на зеленой траве.
— Гонец от солнцеподобного эмира Кабирского Дауда Абу-Салима! — возвестил объявившийся в дверях слуга — низкорослый крепыш с двумя боевыми серпами-камами за поясом.
— Проси, — махнул рукой Фальгрим, обрадованный тем, что столь скользкий и болезненный разговор был внезапно прерван.
Как ни странно, я тоже испытал облегчение. Кто утверждал, что больные любят говорить о своих болезнях? Или просто я — не больной?..
А какой я? Здоровый?!
Этого гонца я не помнил, но одевался он точно так же, как и любой гулям эмира — праздничный чекмень темно-синего сукна, подпоясанный алым кушаком, островерхая шапка с косицей гонца, остроносые ичиги на ногах… Ну, и непременный ятаган за кушаком.
И сам присланный гулям был так же бородат и черноволос, с тем же орлиным профилем, что и все гонцы эмира. Выращивают их специально для Дауда, что ли?..
— Великий эмир Кабира приглашает Фальгрима, лорда Лоулезского, к себе во дворец. Сегодня вечером состоится помолвка досточтимого Кемаля аль-Монсора Абу-Салим с благородной госпожой Масако Тодзи.
Гонец отбарабанил все это заученной скороговоркой, потом заметил меня — я еще при его появлении отошел к окну, — и поспешил продолжить:
— Вас, Высший Чэн Анкор, великий эмир также приглашает на торжество. Посланный к вам гулям не застал вас дома…
Он запнулся и неожиданно закончил:
— А из вашего дворецкого слова не вытащишь!..
Я сдержанно кивнул.
Когда двери закрылись за гонцом, отосланным на кухню, Фальгрим посмотрел в окно, обнаружил за ним то же, что и я — близкий к угасанию день — и перевел взгляд на меня.
— Ну что, Чэн Анкор Вэйский, пошли жениха с невестой смотреть? А то темнеть скоро начнет. Может, хоть там развеешься…
Я молча кивнул еще раз. Деликатные все-таки у меня друзья…

4

Пышная суета празднества, на которое мы с Фальгримом слегка опоздали, сразу же закружила меня, действительно давая возможность ненадолго забыться — и я с радостью окунулся в этот шумный водоворот, сверкающий шитьем одежд, ослепительными улыбками, полировкой клинков и чаш с искристым вином.
Я с искренней радостью приветствовал знакомых, стараясь не обращать внимания на бросаемые украдкой сочувственные взгляды; я раскланивался с дамами, говоря один комплимент за другим; я даже шутил, я был почти весел, суматоха лиц и

приветствий вытеснила из головы тяжелые мысли — чего не смог сделать хмель вина, сделал хмель праздника.
Мгновениями мне казалось, что все вернулось на круги своя, что все — как прежде, и я сам — прежний обаятельный и галантный Чэн Анкор, душа общества… и ничего не случилось, словно и не было никогда разрубленного тела на кабирской улице, не было незнакомца с изогнутым двуручным мечом, не было неба, падающего на турнирное поле…
Не было!..
…Когда шум в зале внезапно стих, я даже не сразу сообразил, в чем дело, всерьез увлекшись беседой с крохотным Сабиром Фучжаном, умевшим на удивление легко управляться с огромным Лунным ножом Кван-до.
Оглянувшись, я понял, что близится кульминация сегодняшнего вечера. Гости уже успели освободить центр зала, в углу расположились толстые зурначи со своими дудками и согбенный старец с пятиструнным чангом — и теперь в кругу остались двое.
Племянник эмира Кемаль аль-Монсор — не по возрасту мощный и крепко сбитый юноша — и его невеста, стройная и легкая на ногу Масако из рода Тодзи.
И блики от огоньков множества свечей играли на безукоризненно отполированных лезвиях: узкой и длинной алебарды-нагинаты в руках госпожи Масако, и тяжелого ятагана — в руках Кемаля.
В руках…
Я мысленно одернул себя и стал с интересом ждать предстоящего танца в честь помолвки.
Наконец они поклонились друг другу: аль-Монсор — с неторопливым достоинством и сдержанной улыбкой, Масако Тодзи — низко и почтительно, тоже с улыбкой, но чуть лукавой.
А потом нагината госпожи Масако чуть дрогнула и неуловимым движением взлетела вверх, описывая двойной круг вплотную к замершему Кемалю.
Замершему — да не совсем. Трижды раздавался чистый звон металла — это стремительный ятаган аль-Монсора слегка изменял траекторию клинка нагинаты.
И тут же сам Кемаль сорвался с места — и жених с невестой закружились по залу в звонком, блистающем танце под пронзительные вскрики зурны и низкий ропот чанга.
Это было — Искусство.
Настоящее.
Дважды мелькало гибкое древко, и мерцающее лезвие нагинаты проходило впритирку к шелковой кабе Кемаля; и дважды пылающий полумесяц ятагана касался вышитой повязки, стягивавшей под грудью узорчатое кимоно госпожи Масако.
Через некоторое время упал на пол разрубленный пояс, и взвихрились освобожденные полы халата аль-Монсора — но в тот же миг одна из прядей черных волос Масако плавно легла ей на плечо и сползла вниз по широкому рукаву.
Жених и невеста улыбнулись друг другу, и танец продолжился. Некоторые гости, не выдержав, начали присоединяться, и зал наполнился звоном и топотом.
Прекрасная пара! Они были просто созданы друг для друга.
Как мы с Чин.
Раньше…
За моей спиной кто-то вежливо кашлянул.
Я обернулся. Передо мной стоял эмир Кабира Дауд Абу-Салим.
Собственной персоной.
— Приветствую тебя, Высший Чэн Анкор, — негромко произнес он, поглаживая окладистую завитую бороду, лишь недавно начавшую седеть. — За все время празднества мы с тобой так и не успели отдать дань приличиям, поприветствовав друг друга…
— Прошу прощения, великий эмир, что я не успел это сделать первым, — смиренно ответил я, склоняя голову. — Для меня большая честь быть приглашенным на этот праздник.
Кажется, я сказал это излишне сухо, а выдавить из себя соответствующую случаю улыбку и вовсе не смог — все, праздничный водоворот в моей голове смолк, и я вынырнул на поверхность таким же, каким был несколько часов назад.
Эмир чуть заметно поморщился.

— Я хочу поговорить с тобой, Чэн, — по-прежнему негромко, но уже другим тоном сказал он. — Здесь слишком шумно. Пройдем в мои покои…
— Как вам будет угодно, великий эмир, — еще раз поклонился я и почувствовал, что говорю не то и не так.
На этот раз эмир Дауд вообще не ответил, и мне ничего не оставалось, как просто последовать за ним.
5
В личных покоях эмира я бывал не единожды — Дауд любил приглашать к себе победителей турниров, а я частенько входил в их число — и всякий раз они поражали меня заново. Нет, не своим великолепием — да и не были они так уж подчеркнуто великолепны — а точным соответствием характеру и даже сиюминутному настроению эмира Дауда. Этого, знаю по себе, не так-то просто добиться, даже имея идеальных слуг. Впрочем, где они, эти идеальные — если не считать моего Коса…
Сейчас покои выглядели сумрачными и даже слегка зловещими. Большая часть свечей в канделябрах на стенах была погашена, и по углам копились вязкие серые тени, словно выжидая своего часа.
Огоньки оставшихся свечей блуждали по перламутровой инкрустации старинной мебели, будто открывая вход в какой-то иной, потусторонний мир. Это было красиво, но вместе с тем немного жутковато.
Хотя, казалось бы, недавно я сам собирался всерьез отправиться в этот запредельный мир теней. И ничего, не боялся… да и сейчас — не боюсь.
Эмир Дауд жестом указал мне на атласные подушки, разбросанные по всему покрывавшему пол ковру. Я послушно опустился на одну из них, а Дауд Абу-Салим устроился напротив, держась неестественно прямо.
Сперва мы немного помолчали. Я ждал, что скажет Дауд, а эмир, по-видимому, собирался с мыслями. Наконец он заговорил — и, признаюсь, от его слов я вздрогнул.
— Ты знаешь, что происходит в Кабире, — начал Абу-Салим без всяких предисловий.
Я не ответил. Я не был уверен, нужен ли здесь ответ, и если нужен — то какой?!
— Конечно, знаешь. И все знают. И я знаю. Но если всем это не нравится, то мне это ОЧЕНЬ не нравится. Как и тебе.
— Мне нравится, — горько усмехнулся я.
— Не перебивай без нужды. Потому что все гораздо хуже, чем ты полагаешь, — жестко сказал эмир, кивнув на мою искалеченную руку.
Это был первый человек, не старавшийся не замечать моего уродства.
— Что может быть хуже, сиятельный эмир?
— То, что это происходит не только в Кабире. Харза, Кимена, Бехзд, Дурбан… Короче, по всему эмирату и многим сопредельным землям. По нескольку случаев на каждый город, но этих городов довольно много…
Я напрягся.
— Вчера я говорил с Эмрахом ит-Башшаром из Харзы, — продолжил Дауд, глядя мимо меня. — У него погиб друг. Та сабля, что у Эмраха вместо пояса — память о покойном. Следы привели ит-Башшара в Кабир. И он, как и мы с тобой, пытается понять, что происходит. Только горяч не в меру, как и все харзийцы. Все нахрапом норовит… Говорил — хочет найти этих… людей. Если их можно так назвать.
Так вот в чем дело! А я-то думал… Мне на мгновение стало стыдно.
— Людей калечат и убивают, — так же жестко говорил эмир дальше. — Пусть — немногих. Ты согласишься, что твоя рука — это немного? И правильно сделаешь. Но мы не в силах положить этому конец. Мы — другие. Нам не понять, как оружием можно убивать. А они, те, кого мы ищем — такие, какие они есть. И, значит, часть из нас должна уподобиться им. Иного пути нет.
— Но это ведь невозможно! — растерянно выдавил я.
— Наши предки были способны на это, если верить легендам. Значит, это возможно. И Эмрах ит-Башшар хочет стать первым…
Дауд Абу-Салим надолго замолчал, и я не решался прервать его молчание. Я и так понимал, кем хочет стать отчаянный Эмрах и зачем ему это нужно. Ах, как я его понимал!..
— Я хочу, чтобы ты стал вторым, — наконец произнес эмир. — Хочу — и не могу приказать тебе. Но иначе при столкновении с Другими ты будешь… обречен.
— Я?! А почему — я?..

— Не перебивай меня! И выслушай до конца. Я допускаю, что Эмрах, побуждаемый местью за друга, действительно научится… — эмир все не мог произнести нужное слово. — И я даже допускаю, что он сумеет найти корень преступлений. Но я хочу, чтобы в этот момент рядом с ит-Башшаром был человек, способный не только на… опрометчивые поступки, но и на понимание. Иначе мы будем гасить огонь огнем. Тем более что у Эмраха наверняка найдутся последователи. Месть — болезнь заразная, вроде чумы…
— Да, заразная, — тихо согласился я. — Хуже чумы.
— Рано или поздно ты сам пришел бы к этому, — кивнул эмир. — Я лишь чуть-чуть подтолкнул тебя. Просто ты — один из немногих, способных устоять на грани. И… ты уже изменился. Разве ты не замечаешь?
— Замечаю, — хрипло проговорил я, не узнав собственного голоса, и откинул правый рукав халата, обнажая обрубок. — Но еще я замечаю и вот это… Не гожусь я теперь в герои. Один, без руки…
— Ты будешь не один. Поисками будут заниматься и другие, помимо Эмраха из Харзы и тебя. А высочайший фирман, обеспечивающий тебе содействие по всему эмирату — и кое-где вне его — я уже заготовил. Теперь что касается твоей руки…
Эмир как-то странно посмотрел на меня.
— Есть человек, которой берется помочь тебе, — закончил он.
Я почувствовал у себя за спиной какое-то движение и быстро обернулся.
Передо мной стоял шут.
Друдл Муздрый.
Плотный коренастый человечек, похожий на пустынного тушканчика, если можно представить себе тушканчика с непоседливостью хорька, нахальством портовой крысы и многими другими сомнительными для тушканчика достоинствами. Восьмиугольная фирузская тюбетейка чудом держалась на его бритом лоснящемся затылке, а многочисленные пятна на куцем шерстяном халате-джуббе говорили об обильных обедах, сопровождавшихся не менее, а то и более обильными возлияниями.
Крохотные глазки шута сверкали двумя черными маслинами, а между ними алела слива вздернутого носа; при этом луна его лица завершалась черной козлиной бородкой, немытой и нечесаной со дня сотворения мира.
Или еще раньше.
Таким стоял передо мной их шутейшество Друдл Муздрый, посмешище всего Кабира.
Со своим дурацким тупым кинжалом за поясом. И вдобавок с детским маленьким ятаганом, который таскал в последнее время.
— Поговори с Высшим Чэном, Друдл, — спокойно заявил эмир. — А я не буду вам мешать.
Дауд Абу-Салим неожиданно легко поднялся на ноги и беззвучно растворился в тенях.
6
Я выжидательно поглядел на шута. Друдл не обратил на мой взгляд ни малейшего внимания и поспешил плюхнуться на ту самую подушку, с которой только что поднялся эмир.
В руках у шута неизвестно откуда оказалось блюдо с ореховой пахлавой, и он мгновенно набил сладостями свой рот, растянувшийся до ушей.
По-моему, столько пахлавы не влезло бы и в седельный хурджин.
— Ты дурак, — Друдл для верности ткнул в меня толстым и липким пальцем. — Спорить будешь?
Я сперва поперхнулся, словно это в мой рот набили гору сластей, потом представил себя спорящим с Друдлом на предложенную тему и сам не заметил, как отрицательно замотал головой — отрицая непонятно что.
— Значит, договорились, — удовлетворенно подытожил шут. — Ты дурак. И я дурак. Давай поговорим, как дурак с дураком. Руку новую хочешь?
— Зло шутишь, Друдл, — вполголоса ответил я, чувствуя, как во мне закипает гнев.
— Это отвечает умный Чэн Анкор, — блюдо с пахлавой пустело прямо на глазах. — А что ответил бы дурак? Давай попробуем еще раз… Руку новую хочешь? Ну?!
— Хочу!
Я даже не успел сообразить, что отвечаю. И впрямь глупею…

Друдл швырнул пустым блюдом в стену и радостно заскакал на подушке, сплющившейся под его увесистым задом.
— Получилось, получилось! — заорал он на все покои, и я испугался, что сейчас сюда сбегутся слуги — спасать эмира от ночных демонов.
Я огляделся — на всякий случай — и пропустил тот момент, когда у Друдла объявилось новое блюдо.
С виноградом. С розовым гератским виноградом.
— Так, продолжим, — шут задумчиво пожевал одну ягодку, плюнул косточками в медную курильницу, не попал и досадливо скривился. — Переходим ко второй части наших дурацких размышлений! А меч ты новый хочешь? Красивый…
— Нет, — твердо отрезал я. — Не хочу.
— Почему? — осведомился шут, лихо объедая кисть винограда. — Была одна железка, будет другая…
Я мрачно усмехнулся.
— Меч — не железка, Друдл. Меч — традиция рода. Меч — продолжение меня самого. Дурак ты все-таки…
— Понятное дело, — легко согласился шут. — Я и не спорю. А ты кончай изображать грозовую тучу — свечи от страха погаснут. Ты лучше вот о чем подумай: меч твой — железный… Да знаю, знаю, что стальной — не умничай! Так вот, меч — железный, рука — живая… меч, как мы выяснили, это продолжение тебя самого… А рука?
— Что — рука? — тупо спросил я.
— Ну, рука — тоже продолжение тебя самого? Ты что, действительно дурак? За моей мыслью следить не успеваешь? Ну, живо отвечай! Рука — продолжение или не продолжение?!
У меня вдруг закружилась голова.
— Продолжение, — промямлил я. — А как же… это ведь рука. Живая…
— Выходит, что у тебя, Чэн-дурак, два продолжения? Одно — железное, а другое — живое?
— Выходит, что так, — обреченно согласился я.
А что мне оставалось делать?
— И одно продолжение — которое живое — тебе укоротили… Так может, нам для равновесия надо другую часть удлинить, а? Железную? Меч — железный, полруки — железные, а дальше — как раньше! И получится у нас…
— Не получится, — угрюмо возразил я, удивляясь, что вообще обсуждаю эту ненормальную идею с ненормальным собеседником. — Ты что, сам не понимаешь — пальцы, ладонь, запястье… Это тебе не просто кусок железа!
— А меч — просто кусок железа? — хитро сощурился Друдл, сдвигая тюбетейку еще дальше на затылок.
— Нет… меч…
— Слыхали, слыхали — продолжение тебя самого! Слушай, Чэн, по-моему, ты сам себе противоречишь! Вот уж воистину — все беды от ума!..
Друдл вскочил на ноги и заплясал вокруг меня, хлопая в ладоши и корча рожи, которым мог бы позавидовать полуночный людоед-якша.
— А у Чэна-дурака есть железная рука! — пел он противным фальцетом. — Есть железная рука — вот уж штука на века!
— Нет, — твердо заявил я. — Я в это не верю.
— Потому что умный, — сообщил мне пляшущий Друдл. — Был бы дурак — поверил бы. А в меч свой веришь?
— В меч верю.
— Значит, и в руку поверишь. Вот поглупеешь — и поверишь. — Друдл был непреклонен. — Да что я тебя, в конце концов, как маленького уговариваю?! Тебе это нужно или мне? Ты тут радоваться должен…
— Как дурак, — закончил я недосказанную мысль. — Всех дел-то — раз плюнуть. Сходить в кузницу к мастеру получше… Кто у нас из оружейников в Кабире верховодит? Ассатор иль-Убар? Или Мансайя Одноглазый? Сходить и заказать им…
— Нет, — Друдл вдруг стал ужасно серьезным. — Эти откажут. Они умные, а мы с тобой — дураки. Значит, нам кузнец вроде нас нужен…
— И кто же он такой? — поинтересовался я.
— Коблан. Коблан Железнолапый, — веско ответил шут. — Есть на окраине один такой кузнец…
— А почему именно Коблан?

— Он тоже дурак. Как я. И ты.

Глава 5

1

Если в чем-то Кабир и был единодушен, так это в том, что Коблан Железнолапый — кузнец со странностями. Причем со многими. Мастером-то он считался отменным, и даже, можно сказать, выдающимся — хотя оружие его работы и уступало по изяществу и тонкости внешней отделки изделиям того же Мансайи Одноглазого. Но…

В том-то и беда, что было еще это «но». Мало заказов принимал упрямый Коблан, да и те немногие, на которые соглашался, брал не у всякого — и дело было не в благородстве происхождения или увесистости кошелька заказчика. Насколько я знал от других, кузнец за всю его жизнь ни разу не сделал двух одинаковых или просто похожих клинков. А еще по неизвестным причинам он ужасно не любил узкие мечи вроде эстока моего дворецкого Коса ан-Таньи или того же Единорога; даже редкие в Кабире шпаги, столь популярные у заезжих гостей из далекого Фиона, заслуживали по мнению Коблана участи шампуров для шашлыка.

И то — шашлыка из тощих престарелых баранов. В лучшем случае.

В общем, на оружие, которое ему не нравилось, Коблан заказов не принимал. Даже если такое оружие должно было быть совершенно оригинальным и ни на что не похожим. А когда отвергнутый заказчик упорствовал и назначал двойную или тройную цену — Железнолапый, глядя упрямцу в глаза, скручивал спиралью штыри для городских ворот или звал дюжих подмастерьев, и те бесплатно выносили настойчивого клиента на свежий воздух.

Зато Железнолапый мог две недели кряду возиться с каким-нибудь кривым ножом, заказанным соседом-мясником, а потом взять за работу сущие гроши. Но это в том случае, если нож мяснику был действительно нужен. Причем — позарез.

В этом-то и крылась загвоздка. Оружейник Коблан делал только то, что было необходимо людям. Возможно, оружие, выходившее из-под его рук, выглядело не столь элегантно, как у Ассатора иль-Убара или Ахмета Кованый Ноготь (Мансайю я уже вспоминал), но зато это была именно та вещь, в которой нуждался заказчик. Удобство и надежность. Главное — надежность. И предельная простота во всем. Ничего лишнего.

Пожалуй, Друдл дал мне и впрямь мудрый совет…

2

Так что на следующее утро после помолвки я стоял перед дверью дома Коблана Железнолапого — коня я отправил обратно вместе с сопровождавшим меня Косом — и не без некоторого волнения настраивался на предстоящий разговор с кузнецом.

Дверь, преграждавшая мне путь, была чрезвычайно большая, тяжелая и окованная полосами металла. Явно работа самого хозяина. Внушительная была дверь. Прочная. И надежная, как любое творение Коблана.

Вот только — зачем? Чтоб отвергнутые заказчики не ломились?

Пока я размышлял и колебался, дверь отворилась на удивление без скрипа, и на пороге возник молодой растрепанный парень в коротких холщовых штанах, просторной рубахе и кожаном фартуке, за которым торчал малый крис — кинжал с волнистым клинком и змеиной головой на рукояти.

Изумительной работы был крис. Не Коблановой ли?..

Подмастерье, похоже, узнал меня. Это не удивительно — в Кабире Чэна Анкора знают многие, и не только понаслышке. Но сейчас эта мысль почему-то не вызвала у меня привычного чувства удовлетворения.

— Проходите, пожалуйста, Высший Чэн Анкор! Я сейчас доложу устаду Коблану. Прошу вас…

Нет, подобострастия не было в голосе лохматого подмастерья, и это неожиданно успокоило меня. Я перешагнул порог, и мы пошли узким темным коридором, после чего подмастерье оставил меня в квадратной комнатушке без окон, все освещение которой составляли два немилосердно чадивших факела.

Мой провожатый удалился — видимо, докладывать кузнецу о моем прибытии, как и было обещано — а я уселся на обнаруженный в углу единственный (причем почему-то пятиугольный) табурет и принялся ждать.

Кстати, табурет оказался старым, но сколоченным на века. Неужели Коблан от нечего делать балуется плотницким ремеслом? Сомнительно…
Ждать пришлось довольно долго. Коблан, безусловно, не жаловал непрошенных гостей. Хотя, судя по рассказам, он и прошенных жаловал не больше. Чем дольше я сидел, тем жестче становился табурет и тем чаще я вспоминал Друдла, укрепляясь в мысли о собственной дурости. Прав был шут — дурак я и есть, с какой стороны ни глянь.
Я глянул с одной стороны, потом — с другой, с третьей, и это не улучшило мне настроения. Ладно, посмотрим еще, каким окажется этот Коблан. Если Друдл и насчет его не соврал…
Дверь, за которой исчез мой провожатый, открылась, и в проеме вырос почти голый детина в уже знакомом мне кожаном фартуке. Сперва у меня даже мелькнула мысль, что он отобрал этот фартук у подмастерья. Хотя нет — этот все же побольше, и фартук, и детина.
Все тело вошедшего поросло густой жесткой шерстью — ну, не шерстью, и не все, но сперва мне показалось, что все — и если на голове кое-где поблескивала седина, то в остальных видимых мне местах курчавый волос был безукоризненно черным.
Очень волосатым мужчиной был Коблан Железнолапый, и очень большим.
Впрочем, и дверной проем был немалым, так что кузнец (а кто же еще мог стоять передо мной?!) в нем вполне помещался.
— Высший Чэн? — прокашлявшись, хриплым басом осведомился кузнец, и радушия в его голосе было столько же, сколько в рыке попусту разбуженного льва.
Я встал и поклонился, ощутив легкую боль в затекшем позвоночнике.
— А вы, я полагаю, устад Коблан… э-э-э…
Не договорив, я покосился на его руки. Нет, не руки — лапы. И если то, что я видел, не было обманом зрения — кузнец вполне заслуживал своего прозвища. Равно как и звания устада — мастера, имеющего учеников с правом на собственное именное клеймо.
— А то кто же? — хмыкнул Коблан. — Пошли…
И посторонился, пропуская меня вперед.
Спустя несколько минут мы оказались в просторной и довольно светлой комнате, только почему-то практически пустой. Крохотный резной столик на гнутых ножках, ковер на полу, приземистая тахта в углу — и все.
Ах да — на столике медный кувшинчик редкой красоты и две пиалы.
Кузнец молча наполнил пиалы и придвинул одну мне.
— Ну? — выжидательно и весьма неприветливо спросил он, когда я сделал пару вежливых глотков и поставил пиалу на стол.
Вино было не в меру крепким и горьким.
— Отличное вино, — кривя душой, сказал я. — Просто прекрасное.
— Таверна за углом, — отрезал Коблан, опускаясь на ковер и поджимая под себя мощные волосатые ноги. — Ты что, вино пить ко мне пришел?
Не могу сказать, чтобы начало разговора меня сильно обнадежило. Зато разозлило и вернуло самообладание.
— Дрянь у тебя вино, устад Коблан, — я сел напротив и дерзко ухмыльнулся в лицо кузнецу (вернее, в те островки, что выглядывали из океана бороды). — Напомнишь, я потом распоряжусь, чтоб тебе пару бочек тахирского муската доставили…
Кузнец глянул на меня уже более заинтересованно, а я острее почувствовал, в какое дурацкое положение попадаю.
— Вот, — я закатал правый рукав и показал Коблану обрубок. — Видишь?
— Вижу, — хмуро ответил кузнец. — Не слепой.
— И я вижу, — жестко сказал я. — Так вот, я снова хочу держать меч в этой руке.
— Как ты это себе представляешь? — осведомился кузнец после недолгого раздумья.
— Плохо представляю, — честно признался я. — Что-то вроде железной руки…
И осекся.
Кузнец окинул меня внимательным взглядом с головы до ног.
— Ты дурак? — поинтересовался он.
— Да, — неожиданно для себя самого подтвердил я.
— Похоже, — согласился Коблан. — И кто тебе такое присоветовал?
— Да так, — уклончиво ответил я. — Еще один дурак…

Кузнец сделал изрядный глоток из своей пиалы, встал и прошелся по комнате. Я почувствовал, что в горле у меня пересохло, и тоже поспешил поднести к губам пиалу. За прошедшее время Кобланово вино лучше не стало. Даже наоборот.
— Небось, Друдл? — внезапно спросил Коблан, останавливаясь прямо передо мной.
— Он самый, — выдавил я, подавившись вином.
Кузнец удовлетворенно хмыкнул и опять принялся мерять шагами комнату.
— Друдл, Друдл, Друдл Муздрый, — бурчал он в такт ходьбе. — Друдл… Самый злой язык Кабира. И про меня, небось, говорил, что я — дурак… Говорил или нет?
Я замялся. Сказать правду — обидится кузнец. Соврать — так все равно выплывет, рано или поздно. И вообще, не люблю я врать. Не люблю и не умею.
Я уже открыл было рот, чтобы сказать «да», но вместо этого просто кивнул.
Кузнец остановился посреди комнаты, немного подумал о чем-то своем; потом, видимо, пришел к какому-то определенному выводу и вернулся к столу.
— Если б соврал — выгнал бы я тебя, — доверительно сообщил мне Железнолапый. — В шею. А так — давай поговорим…

3

…В кузнице было очень жарко. В углу пылал горн, бросая во все стороны горячие красные отсветы. Другими источниками света служили: небольшое оконце под потолком и несколько горевших на стенах факелов. Двое подмастерьев усердно звенели большим и малым молотами, придавая замысловатую форму раскаленной, пышущей жаром полосе металла — видимо, гарде будущего меча.
Третий подмастерье орудовал мехами, раздувая горн — который и без того, на мой непросвещенный взгляд, горел достаточно хорошо.
По стенам на вбитых крюках были развешаны в образцовом порядке молоты, молотки, молоточки, зубила, клещи, щипцы и еще превеликое множество всяких инструментов, названия которых я не знал.
Пахло огнем (если огонь имеет запах), раскаленным железом и еще чем-то непонятным, но приятно возбуждающим.
Пока я с интересом осматривал кузницу, Коблан сделал мне нетерпеливый знак рукой, приглашая следовать за собой.
В противоположной от входа стене кузницы, в трех шагах от горна, обнаружилась еще одна, не замеченная мной ранее дверь. Кузнец открыл ее и, пригнувшись, чтоб не снести головой притолоку, вошел.
Я протиснулся следом.
Это было какое-то подсобное помещение, но мне на ум сразу пришли два слова: царство металла.
Здесь действительно простиралось царство металла. Чего тут только не было: просто полосы, бруски и листы стали, бронзы, меди и разных сплавов: старые и новые инструменты, целое и сломанное оружие, кухонная утварь, цепи, части оград… Все это изобилие было на удивление аккуратно рассортировано и разложено, так что рачительный хозяин наверняка мог без труда отыскать понадобившуюся вещь.
Коблан оглядел свой склад, неожиданно быстро запустил лапищу в ближайшую кучу железа и с грохотом выудил оттуда некий странный предмет — металлический цилиндр толщиной примерно с предплечье и длиной ладони в полторы, с двумя отверстиями — на торце и сбоку.
Для чего эта штука предназначалась и чему служила раньше — было абсолютно не ясно.
Похоже, кузнецу это тоже было не совсем ясно. Он повертел находку в своих поистине «железных» лапах, потом искоса посмотрел на меня.
— Может, лучше не руку? — с некоторой надеждой осведомился Коблан. — Может, что-то вроде… вроде этого? Будешь к предплечью пристегивать, в дырку меч вставлять — я тебе рукоять переделаю… Бесплатно. И быстро освоишься. А рука — дурость ведь сложная, и мороки с ней…
Я прекрасно понимал, что Коблан прав. И не исключено, что я и впрямь научусь работать Единорогом, закрепленным в этой штуке — я уже мысленно видел железный держатель, из которого хищно высовывается клинок Единорога, я уже продумывал некоторые изменения в сочетаниях выпадов и перемещений, я…
Ну что, шут Друдл Муздрый, кто из нас дурак?
Оба.
Оба дураки.

— Нет, мастер, — упрямо заявил я. — Засунь эту штуку… обратно в кучу. А мне рука нужна. Первосортная. Не хуже, чем мать с отцом сделали. Чтоб пальцы… и все такое.
Кузнец тяжело вздохнул, пробормотал что-то вроде: «И откуда он взялся на мою голову?!» — но отложил цилиндр в сторону и продолжил поиски.
Некоторое время он рылся в своих завалах, производя шума никак не меньше, чем лавина в горах Сафед-Кух, потом вдруг выпрямился и звонко хлопнул себя ладонью по лбу, оставив над бровями грязный отпечаток.
После сего странного ритуала, видимо, означавшего некоторое прояснение мыслей, Коблан шагнул в угол и склонился над пыльным массивным сундуком, которого я поначалу не заметил.
Железнолапый, как пушинку, поднял крышку — которая весила примерно столько же, сколько и я — зажег стоявшую рядом на полке свечу, спрятал кресало и принялся извлекать из сундука разные предметы совершенно непонятного предназначения.
Изящно выгнутые металлические желоба, отполированные до блеска или покрытые вытравленными узорами и золотыми накладками; чашки без ручек, зато с креплениями по бокам; плетения из стальных колец и тонкие пластины, больше всего напоминающие части верхней одежды…
Но — одежды из металла?!
Зачем?..
— Что это? — не удержавшись, спросил я у Коблана.
— Да сам толком не знаю, — искренне признался взмокший кузнец. — Еще от прадеда моего осталось. И ему — тоже по наследству перешло. Прадед говорил: эти штуки «доспехами» называются. Дескать, в старину люди их на себя надевали. Были вроде как любители этакую тяжесть на себе таскать…
Я подошел поближе и пригляделся к извлеченным из сундука «доспехам». Действительно, на многих металлических частях имелись кожаные подкладки или войлочный подбив, а также многочисленные ремешки и застежки, которыми все это, по-видимому, крепилось к телу.
Подняв выгнутый вороненый щиток, я приложил его к своей культе. Если бы кисть была на месте, щиток пришелся бы как раз впору.
«Вот если бы тогда, на турнире, была бы на мне такая штука — еще неизвестно, остался ли я тогда без руки!» — мелькнула у меня шальная мысль, и я уже совсем по-иному взглянул на эту груду железа.
Кажется, я начал понимать, зачем «доспехи» надевали на себя. Только что ж это тогда выходит?! Получается, что предки все время, при каждой Беседе, боялись остаться без руки, ноги или головы? Оружием плохо владели — или не доверяли со-Беседнику?!
Я вспомнил танец Кемаля аль-Монсора и Масако Тодзи. Одень их в доспехи, заставь бояться друг друга — что получится?!
Да ничего не получится…
— А теперь — смотри сюда, — прервал мои размышления Коблан.
Я поднял голову — и увидел.
Передо мной была железная рука.
Моя будущая рука.
4
Конечно, это была не рука. Это была перчатка, искусно сплетенная из мелких стальных колец, с пластинами на тыльной стороне. Пока я рассматривал перчатку, Коблан успел сложить доспехи в сундук, захлопнуть крышку и разыскать в очередной груде металлического хлама несколько гнутых штырей, которые засунул в большой карман своего кожаного фартука.
— Однако, с недельку повозиться придется, — объявил кузнец уже вполне по-деловому. — Завтра и приступим. Это время поживешь у меня, а после — увидим.
— У тебя? — удивился я. — Зачем? То есть, конечно, спасибо за приглашение, но…
— Вот и договорились, — перебил меня Коблан. — Ты же присутствовал при своем рождении? Ну, отвечай — присутствовал?!
И сам вопрос, и манера, с которой он был задан, сразу воскресили в моей памяти Друдла Муздрого. Я даже ощутил во рту вкус ореховой пахлавы… к чему бы это?
— Присутствовал, — покорно согласился я. — Каюсь…
— Вот и при рождении новой руки тоже должен присутствовать! Чтобы быть к этому причастным. Иначе… иначе она просто не станет тебя слушаться.

Похоже, Друдл был прав не только насчет меня, но и насчет Коблана. Оставалось надеяться, что два дурака все же сумеют найти общий язык.
И я согласно кивнул.
5
Итак, я временно переселился в примыкавший к кузнице дом Коблана Железнолапого, что стоял на окраине Кабира. Перебрался я сюда как-то легко и сразу — заехал к себе, предупредил ан-Танью, что я неделю или больше буду жить у кузнеца, и отправил вперед слуг со сменой одежды и несколькими бутылями тахирского муската — рука рукой, а свое вино пусть Коблан и пьет сам.
Так что ужинал я уже у Коблана. Семьи у кузнеца не было, а подмастерья ели молча, лишь изредка перебрасываясь самыми обыденными словами. Потом я встал, поблагодарил хозяина за ужин — действительно, сытный и вкусный — и прошел в отведенную мне комнату. Небольшую, правда, зато чистую и уютную.
Кровать, как и все в этом доме, не отличалась изяществом и была жестковатой, зато сколоченной на совесть. Отсутствие перин меня не смутило, и заснул я быстро — завтра предстоял большой день.
…Разбудил меня наутро сам хозяин дома.
— Вставай, Чэн! Пора за работу… — прогудел его голос у меня над ухом и я проснулся. Проснулся и выяснил две вещи. Во-первых, говорил Коблан, стоя в дверях — а казалось, что над самым ухом. Во-вторых, кузнец уже успел приготовить для меня одежду подмастерья: холщовые штаны, просторную рубаху и кожаный фартук с огромным карманом на животе.
Я был весьма благодарен мастеру, потому что сразу понял, как нелепо буду смотреться в кузнице в своей шелковой кабе — как павлин в конюшне — да и за сохранность моего щегольского наряда никто бы не поручился.
«Ну, что, Чэн-дурак, думал ли ты когда-нибудь, что будешь носить одежду подмастерья? — спросил я себя, беря в левую руку ножны с Единорогом и раздумывая над тем, куда бы их прицепить за неимением пояса. — Но, с другой стороны, — думал ли ты, что лишишься руки, согласишься с шутом и, признавшись в собственной дурости, явишься к Коблану Железнолапому заказывать себе железную руку взамен отрубленной?»
Нет. Не думал. Никогда ни о чем подобном я не думал. И меч в моей руке словно стал втрое тяжелее, оттягивая кисть — но почему-то не к земле, а чуть вперед, будто пытаясь увлечь за собой.
Куда? В кузницу? Ну что ж, пошли… хватит думы думать.
«И правильно! — неожиданно подтвердил внутри меня чей-то голос, похоже, принадлежавший Друдлу Муздрому. — Дуракам много думать вредно — так и поумнеть недолго!»
Я внял дельному совету, опустил меч на смятую постель и принялся одеваться. К счастью, одежда была не в пример проще той, к которой я привык, так что я управился с ней и одной рукой. Потом я снова взял Единорога — и заколебался. Ну зачем он мне нужен в кузнице? Буду, как дурак… а без меча, значит, буду умный?
— Бери-бери, — посоветовал от порога молчаливо ожидавший Коблан. — Пускай тоже поприсутствует… чай, не чужой.
Я с недоумением посмотрел на кузнеца, а потом махнул рукой (той, укороченной) — мы, дураки, народ странный, даже друг друга не всегда понимаем…
6
Моя будущая рука лежала рядом с наковальней на старом потертом табурете — кажется, это на нем я сидел вчера, дожидаясь появления Коблана. Вокруг табурета были расставлены маленькие колышки на круглых блюдцах-основаниях, между ними натянуты веревки с множеством узлов и обрывков пергамента, напоминавших бумажные деньги для поминовения усопших предков; а по углам табурета горели четыре тоненькие свечи черного воска и плошка с маслом, где плавал крученый фитилек. Вот где пригодились пять углов!..
Несколько раз раньше мне доводилось присутствовать в кузнице при ритуале рождения клинка — правда, в самом конце этого ритуала, и недолго — но там все было по-другому. Да и то сказать, клинок ведь — не рука… и кузнецы там нормальные были, и заказчики…
Я повесил Единорога на один из свободных крюков, споткнувшись и отбив себе большой палец ноги о лежавший у стены двуручный гердан — тяжелую шипастую палицу с головой, подобной гигантскому кокосовому ореху. Судя по размерам

гердана, орудовать им мог один лишь Железнолапый, и то сперва хорошенько хлебнув своего любимого вина.
В горне уже калились те самые штыри, которые Коблан вчера выкопал в своем «царстве металла». Я надеялся вскоре выяснить, что кузнец собирается с ними делать.
— Пока стой и смотри, — неприветливо распорядился Коблан. — Или можешь присесть. Если найдешь куда. Нет, лучше все-таки стой…
И тут же, напрочь забыв обо мне, он сунулся к горну, чуть не влез внутрь и немедленно обругал ленивого — на его взгляд — подмастерья за то, что тот слабо раздувал огонь. Меха зашумели более ретиво, Коблан хмыкнул, подкинул в горн угля, поворошил кочергой и еще раз обругал подмастерья — по-моему, просто так, на всякий случай.
Потом подошел к наковальне, некоторое время наблюдал за действиями двух других своих помощников (те колдовали над какими-то обрезками), слегка скривился, но ничего не сказал — дал им закончить и положить заготовку в горн. После чего сказал им все — и очень подробно, с красочными отступлениями.
Отведя душу, мастер сам взялся за дело: с неожиданной для его телосложения резвостью ухватил длинные щипцы, стоявшие рядом с горном, запустил их в печь и ловко выудил один из штырей, раскалившихся докрасна.
Через мгновение штырь оказался на наковальне и кузнец, придерживая его совсем другими щипцами (и когда он успел их сменить?!), принялся методично постукивать средней величины молотком, придавая заготовке неведомую мне пока форму.
Когда металл начал тускнеть, остывая, Коблан сунул заготовку обратно в горн и выдернул вместо нее другую.
Это повторялось пять раз, после чего мастер выбрал себе молоточек из самых маленьких — в его лапах этот миниатюрный инструмент смотрелся смешно и неуместно — подозвал к себе того подмастерья, из-за фартука которого торчала уже знакомая мне змеиная головка волнистого криса, а потом уставился в мою сторону, словно только что обнаружив мое присутствие.
— А ты чего стоишь? — крикнул он с негодованием. — Ну-ка, бери клещи и давай!..
И я, Чэн из Анкоров Вэйских, наследный ван Мэйланя, почувствовал себя лентяем-подмастерьем, отлынивающим от работы и пойманным на этом мастером.
Я поспешно вскочил, схватил левой рукой клещи, протянутые мне одним из подмастерьев, и с третьей попытки неловко уцепил ими заготовку, помогая себе обрубком.
— Ближе, дубина, ближе к себе перехвати, — почти добродушно проворчал Железнолапый, и я послушно перехватил, чуть не уронив себе на ногу раскаленную заготовку.
— А теперь держи крепче, — Коблан поглядел на мои неумелые попытки, пожевал губами, словно собираясь и меня обругать для пущей убедительности, но промолчал — видимо, счел меня недостойным.
И они вдвоем с подмастерьем загуляли молотами по заготовке: Коблан — маленьким молоточком, а подмастерье — здоровенной кувалдой, опуская ее точно в тех местах, где указывал мастер.
Ну а я держал. Заготовка, как живая, рвалась из клещей, сами клещи отчаянно вибрировали — но я держал, до боли закусив нижнюю губу, не ощущая онемевших пальцев (и тех, что у меня были, и тех, которых не было), пока Коблан не перехватил у меня потускневший штырь кривыми щипцами и не сунул его обратно в горн, вынув вместо него другой.
И все повторилось сначала. Я держал, они били. Они — били, я держал.
И так — пять раз.
Пять раз. Пять мучительных вечностей, пять железных штырей, пять пальцев в руке…
Пять.
Пальцев.
Пять…
Пальцев.
Пять…
Понимание обожгло меня, как пламя горна — заготовку, я чуть было не закричал…
Но тут все закончилось.
И Коблан Железнолапый, мастер со странностями, объявил, что нам пора обедать.

Ему и всяким бездельникам и лентяям, имена которых он и произносить-то отказывается на голодный желудок.

7

То ли я проголодался, как никогда, то ли еще что, но обед у Коблана оказался ничуть не хуже, чем у меня — отменный плов по-дубански с желтым горохом, баранья густая похлебка-пити с острыми пахучими приправами и алычой, свежие фрукты, два сорта вина…

Первый сорт — Кобланова отрава; и второй — мой мускат из солнечного Тахира, который, кроме меня, почему-то никто не пил.

— Угощайся, устад, — я пододвинул оплетенную бутыль Коблану.

— Это в кузне я — устад, — Железнолапый с сомнением оглядел бутыль, опасливо поднес ее к губам и почти сразу же поставил на стол. — А за столом я — Коблан, и ты познатнее меня будешь. Хоть и молодец ты, — неожиданно признался кузнец, и я замер с набитым ртом. — Не всякий Высший, да к тому же однорукий, вот так сразу клещи схватит и к наковальне встанет. Не ожидал…

— И зря, — улыбнулся я. — Что с дурака взять?

Коблан ошарашенно вытаращился на меня, увидел, что я улыбаюсь — и вдруг оглушительно захохотал. Я не удержался и расхохотался вслед за кузнецом. Подмастерья, сидевшие в конце стола, робко захихикали, но их робость вскоре прошла…

Вот так мы сидели и смеялись — и угнетающее напряжение последних двух с лишним месяцев, минувших с того проклятого дня, постепенно отпускало меня. Я чувствовал себя прежним, чувствовал, что снова становлюсь самим собой — веселым Чэном, душой общества, легкомысленным и легковерным; таким, каким был…

Нет, не таким. Я обманывал сам себя и не мог обмануть до конца — значит, я уже был другим. Прав эмир Дауд. Многое во мне изменилось, и не только снаружи… Вот такие-то дела, Чэн-подмастерье!

Я пододвинул к себе бутыль с мускатом и чуть не опрокинул ее — до того легкой она оказалась. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что бутыль практически пуста. Я с уважением покосился на увлеченно жующего Коблана.

Теперь понятно, почему он пьет только свое вино. А я-то ему всего пару бочек тогда предложил, глупец…

8

Дни сменяли друг друга, полыхал горн, висел в углу кузницы над шипастым Коблановым герданом мой Единорог, сам Коблан с подмастерьями громыхали молотами, я в меру сил помогал им — держал клещами заготовки, крутил ножной привод шлифовального круга, иногда брал в уцелевшую руку уже почти готовые фаланги стальных «пальцев», теплые после шлифовки — и надолго зажимал их в кулаке или по совету Коблана прикладывал их к рукояти своего меча.

У меня больше не возникало сомнений, нужно ли это. Понимал — нужно.

Металлическая рука рождалась у меня на глазах. С ювелирной точностью кузнец подгонял шарнирные сочленения, необходимые для будущих пальцев и запястья, и я только диву давался — как одинаково аккуратно он мог работать кувалдой и легким молоточком.

Это действительно был — Мастер.

И все это время древняя перчатка, сплетенная из стальных колец с пластинами, лежала на табурете, окруженном веревочными заграждениями; и ровно горели четыре тонкие свечи и одна плошка.

Перчатка ждала. Ждала своего часа.

И дождалась.

…Коблан извлек из горна уже готовую, закаленную и отпущенную, пышущую жаром «руку» и бережно опустил ее — нет, не в воду.

В масло.

С шипением «рука» окунулась в эту купель; поднялось облако густого, резко пахнущего пара. И когда «рука» вышла наружу — она тускло поблескивала, и капли горячего масла стекали с нее, как капли… капли крови!

Скелет.

Рука без кожи.

Мне стало зябко. В кузнице, у пылающего горна.

Мы с Кобланом встали с двух сторон над перчаткой, кольчатой кожей, отражавшей колеблющийся огонь свечей. Мы стояли друг напротив друга: он — с сочащейся

маслом железной «рукой» в своих «железных» лапах, я — с обнаженным Единорогом в левой, заметно окрепшей за последнее время руке.
Потом Коблан протянул вперед металлический скелет руки, я перехватил меч за клинок — и блестящие пальцы коснулись рукояти протянутого мной Единорога.
Мастер придержал меч второй рукой, и моя собственная ладонь легла сверху, смыкая искусственные пальцы на рукояти меча.
Капли масла срывались вниз и тяжело шлепались на ожидавшую своей очереди перчатку.
Было тихо, только гудело пламя в горне. Подмастерья встали за нашими спинами, касаясь узловатых веревок; подмастерья были такие же молчаливо-торжественные и серьезные, как и мы.
И раздался голос Коблана Железнолапого, странного кузнеца — словно еще одно пламя гудело в новом горне…

> Клянусь я днем начала мира, клянусь я днем его конца,
> Клянусь я памятью Мунира, божественного кузнеца,
> Клянусь землей и синим небом, клянусь водой и теплым хлебом, Клянусь я непроизнесенным, последним именем Творца,
> Клянусь…

…Коблан еще говорил, но я плохо разбирал — что именно, а когда эхо его голоса затихло под сводами кузницы, я с трудом разжал металлические пальцы и вернул меч на его крюк. Затем мы с Кобланом одновременно коснулись кольчатой перчатки, слегка продлив касание, и кузнец бережно извлек перчатку из четырехугольника свечей — погасив по дороге плошку.
Начиналась последняя стадия. Я уже знал, что мало натянуть перчатку, как кожу на скелет, — пальцы и кожа должны стать неразделимым целым.
И снова стучал молот, горел горн, плевался красными искрами раскаленный металл, шипело масло, горели свечи — на этот раз уже вокруг наковальни. Я видел, что Коблану неудобно работать, все время опасаясь задеть и сбить свечу; но я понимал — надо…
Наконец моя будущая рука — окончательно готовая, отполированная и соединенная с крепежными ремешками и застежками — снова легла на рукоять Единорога.
Теперь ритуальные свечи были длинными, толстыми и белыми — их должно было хватить на всю ночь. Мой узкий и прямой меч лежал на алтаре-наковальне в объятиях стальных пальцев, а над ним — точнее, над сжимавшей рукоять искусственной рукой — висел на цепи шипастый гердан Коблана.
Так было надо.
И еще надо было, чтоб мы тихо вышли, плотно закрыв за собой дверь…

9

…Кузнец подтянул последний ремешок, застегнул пряжку — и я поднял к глазам свою новую руку.
Она была очень похожа на настоящую, только одетую в железную перчатку. И ее тяжесть непривычно оттягивала мне предплечье. Новая рука сидела прочно, удобно, не соскальзывала и не жала.
И вот тут мне захотелось немедленно вернуться домой, взять наследственный нож-кусунгобу и сделать то, на что я не решился в самом начале.
Я отчетливо представил себе, как выйду в толчею дневного Кабира, от которой я отвык, найду маленькую Чин и скажу ей:
— Здравствуй, Чин! Смотри, какая у меня есть новая замечательная рука! Хочешь такую же?..
Я даже не пытался сжать пальцы. Это были не мои пальцы. Это были вообще не пальцы.
Мертвый металл.
Мертвый.
Железная рука бессмысленным грузом висела на моей культе.
Во имя Восьмого ада Хракуташа, на что я надеялся?!
На чудо?..

Здравствуй, Чин… хочешь новую руку? Я теперь мастер, я вам всем могу сделать новые руки — и тебе, и Фальгриму, и эмиру Дауду, и милому проказнику Друдлу…
Хотите?!
— Обедать пошли, — как ни в чем не бывало буркнул кузнец, и мне захотелось изо всех сил ударить его по лицу.
Мертвой рукой.
Желание было острым и обжигающим, как только что закипевшая похлебка-пити.
— Пошли, пошли, — равнодушно повторил Коблан и уже от дверей добавил:
— Домой чтоб и не думал возвращаться… Пошлешь за новой одеждой и вином. И вот что… почаще клади ЕЕ на рукоять меча. Понял?
Я уронил руку и услышал долгий и чистый звон.
Оказывается, я задел наковальню.

Глава 6

1
…Где я? Зачем? Что это?!
Нет!!! Нет…
Я проснулся в холодном поту и сел на кровати. Я еще не вполне отличал кошмар от яви, и потому поспешно зажег свечу и уставился на проклятую железную руку. Она была на месте, и пальцы ее, как обычно, были холодны и неподвижны — как и полагается металлическим штырям, закрепленным в хорошо смазанных шарнирах и обтянутым кольчужной перчаткой…
Стоп! Ведь вчера вечером я, кажется, снял ненавистную руку… Точно, снял. А теперь она снова на мне. Как присосавшийся к живой плоти огромный паук. Как же так? Я ведь помню…
Или не помню?
С вечера я опять сильно напился… да, напился, поскольку теперь мне это удается без труда. Я хочу напиться — я пью — я напиваюсь. Вот так-то. Только вина мне для этого нужно все больше и больше… Даже Коблановой отравы.
Итак, я напился, и меня до сих пор покачивает, и голова гудит, и язык во рту сухой и шершавый, как наждак, и хочется пить… пить… ох, как пить хочется!..
На столе — кувшин. Что в нем? Не знаю. Не помню.
Я с трудом встаю с кровати, на негнущихся ногах делаю два-три шага к столу и тяжело наваливаюсь на него всем телом. Стол — крепкий. Он выдержит.
Выдержу ли я?
Стою так некоторое время. Голова по-прежнему кружится. Мне плохо. Мне очень плохо.
Очень плохо мне!
И не только от вина…
Пробую моргать. Получается, но как-то не так, как раньше.
Пробую поднять кувшин. Получается, но с трудом.
Пробую содержимое кувшина. Не упасть бы…
Только бы не вино!
Вода!..
Холодная и чистая.
Я пью, пью, пью — я очень долго пью — а потом выливаю часть благословенной влаги себе на голову. И стою мокрый, выяснив, что заснул, не раздеваясь…
Оставляю немного воды про запас — скоро я обязательно снова захочу пить.
Полегчало.
Немного.
Я отталкиваюсь от стола и валюсь на кровать, чудом не промахнувшись. Подушку — повыше. Вот так. Голове должно быть удобно кружиться — иначе она обижается и начинает куда-то падать…
Итак, на чем мы остановились?
Вчера я напился. В очередной раз. Все заволокло хмельным туманом, и в какой-то миг мне показалось, что я смогу наконец сжать пальцы своей железной руки — и, как последний идиот, я принялся колотить этой рукой в стену, пытаясь заставить упрямые пальцы сжаться в кулак.

Боль от ударов тупо отдавалась в культе, а я все уговаривал себя, что это болят костяшки несуществующих пальцев… нет, это болят мои железные пальцы, безвольно врезаясь в стену и выбивая из нее куски штукатурки…
Я чуть было действительно не поверил в свой пьяный бред. Протрезвев на мгновенье, я со страхом и надеждой взглянул на…
Увы, меня ждало горькое разочарование. Просто от ударов о стену пальцы немного согнулись — и в этом не было ничего удивительного.
А я-то вообразил…
«Кажется, я начинаю сходить с ума», — подумал я тогда. И это была не первая мысль подобного рода.
А потом хмель обрушился на меня с новой силой, и ярость вернулась вместе с ним — но не та, чуть ли не веселая ярость, когда я повторял про себя — могу, могу!.. нет, другая, злая и черная ярость овладела мной — и я сорвал проклятую железку, бросил на пол и долго, с остервенением, пинал ногами, больно ушибая пальцы босых ног — и после лежал и плакал, плакал навзрыд, как ребенок, у которого отняли любимую игрушку…
И сам не заметил, как уснул.
Меня мучили кошмары. В них стальная рука оживала и начинала тянуться к моему горлу; я боролся с ней, но силы были неравны — перепуганный калека против взбесившейся стали, одержимой манией убийства — и холодные пальцы сжимались у меня на шее, разрывая кожу кольчужными кольцами, все глубже погружаясь в тело, прерывая дыхание…
Я проснулся, когда дышать стало уже совсем нечем, и понял, что умираю.
И проснулся еще раз.
…Что это было? Пляска винных духов? Но тогда почему рука снова на месте? Вот из-за чего мне снились кошмары — это она мстила мне, на мою ненависть она отвечала своей, нечеловеческой! Она сама вернулась ко мне… сама…
Это бред. Это действительно бред — только теперь похмельный. Так и впрямь недолго свихнуться… Это же просто кусок металла! Как он может ненавидеть и мстить, как он может вернуться?! Все гораздо проще — пока я спал, зашел Коблан или кто-то из его подмастерьев и пристегнул валявшуюся руку на место.
Скоты! Жалкие, возомнившие о себе скоты! — и громила-кузнец с его недоумками-учениками, и придурок-шут, всласть поиздевавшийся надо мной — он, видите ли, в свите великого эмира и ему поэтому все дозволено!
Чертов дурак! Заманил в ловушку…
А я, я сам, поверивший шуту — я не дурак? Дурак. Дурак и есть. Ду-рак, ду-рак, ду-рак…
Нет уж, отныне я поумнел. Пусть Друдл Коблану свои сказки рассказывает.
Голова раскалывалась, но уже почти не кружилась. Я понял, что заснуть мне не удастся. Встал с кровати. Подошел к столу и опустился на весьма кстати подвернувшийся стул. Сделал пару глотков из кувшина. Опять полегчало, но ненадолго.
Я тупо обвел взглядом комнату, мельком отметив штукатурку на полу; завершив осмотр, остановил взгляд на столе и обнаружил на нем Единорога без ножен.
Только ты, дружище, у меня и остался… Все остальные предали однорукого Чэна — и задира Фальгрим, и эмир Дауд, и злой шутник Друдл Муздрый, и угрюмый Коблан, и Чин Черный Лебедь, и даже мой дворецкий Кос ан-Танья — который, как я думал раньше, в принципе не способен на предательство… как и Чин, как и Фальгрим, как и угрюмый кузнец Коблан…
Железная перчатка помимо моей воли легла на рукоять Единорога. Приучили все-таки, гады!
Ну и ладно. Пусть…
И все же я не понимаю — зачем?
Зачем им это нужно?..

2

…Вначале все шло более или менее нормально. Насколько нормальной может быть жизнь однорукого калеки с мертвой железкой на культе; жизнь в чужом доме; жизнь, которую и жизнью-то назвать трудно.
Так — существование.
Но тем не менее, ничем особенным мое существование в доме Коблана поначалу отмечено не было.
Мне было все равно. Я равнодушно клал ладонь железной руки на рукоять Единорога, ничего при этом не ощущая, кроме смутного раздражения. Иногда я

забывал это делать — и тогда мне вежливо напоминали. Я согласно кивал, вновь неловко пристраивал мертвые пальцы на рукояти меча и шел дальше. Или продолжал стоять. Или сидеть. Или лежать.
Чаще — лежать.
Я лежал, и мыслей не было, и чувств тоже почти не было — но что-то все же во мне оставалось, потому что все чаще я думал об оставшемся дома ноже для одного-единственного ритуала.
О пропуске на ту сторону.
«Кусунгобу лежит на пороге двери, ведущей в рай».
Где это я слышал? Или читал?
Не помню.
Мне было плохо. Может быть, в раю будет лучше?..
3
В тот день я, наконец, решился. Не с самого утра — уже ближе к вечеру.
Я нашел Коблана в кузнице, деликатно тронул его за плечо левой рукой, и, когда кузнец обернулся, без всякого выражения сказал:
— Мне пора, Коблан. Я возвращаюсь домой.
И пошел к выходу.
Кузнец неожиданно оказался передо мной, загораживая путь. Он был вежлив, но настойчив. И почему-то старался не смотреть мне в глаза.
Потом я понял — почему. Но потом было поздно.
А тогда было еще не поздно. Но я этого не знал. Я согласился, что на улице уже в самом деле темно, и дом мой неблизко, и лошади у меня под рукой нет, и…
Я согласился, что и впрямь могу подождать до утра, проведя еще одну ночь в доме Коблана.
Это ничего не меняло — я ведь уже РЕШИЛ.
Спал я спокойно — как человек, сделавший свой выбор.
С рассветом я встал, кое-как облачился в свою привычную одежду — сидела она не так, как следовало, но это не имело никакого значения — прицепил к поясу ножны с Единорогом и направился к двери.
К двери моей комнаты.
А дверь оказалась заперта.
Еще не понимая, что происходит, я начал стучать — сначала здоровой рукой, а потом — железным придатком. Долго никто не появлялся. Наконец за дверью послышались неторопливые грузные шаги хозяина дома. Шаги остановились перед дверью, но открывать Коблан явно не торопился.
— И чего тебе не спится в такую рань? — сонно пробормотал он.
— Это мое дело. Мне пора домой, — потребовал я. — Открывай!
Некоторое время Коблан молчал.
— Не-а, не открою, — сообщил он после долгого раздумья. — А то ты и впрямь домой пойдешь.
— Вот именно! Открой немедленно! — во мне постепенно начинало закипать раздражение. — Я должен вернуться домой!
— Ничего ты не должен, — зевая, возразил из-за двери кузнец. — А если и должен — то мне. Во-первых, должен у меня в доме жить — это раз. Во-вторых, за руку твою железную да за работу мою тяжкую — это два будет. Так что сиди тихо и не буди меня.
— Сколько я тебе должен? — как можно более ядовито поинтересовался я.
— За руку бесполезную? Сколько, кузнец? Устад! — в последнее слово я вложил уже откровенное презрение.
Но Коблан не обиделся и не открыл дверь, как я рассчитывал.
— Вот когда польза от руки появится — тогда и поговорим, сколько кто и кому должен, — отозвался он по-прежнему равнодушно. — А дома у тебя Иблиса с два от руки польза будет. И тогда мне моих денежек не видать. Так что кончай орать и иди упражняйся. Вот как сожмешь железные пальцы — выпущу и плату соглашусь взять. А до того — сиди. Кормить буду, поить буду. Отхожее место сам знаешь где — и не мешает, и под боком, и не сбежишь…
Действительно, оное место находилось в глухом дворике, куда был выход прямо из моей комнаты. Сам дворик был обнесен глинобитным глухим дувалом в три моих роста, и сбежать оттуда можно было лишь через… в общем, никак.
— Так что чем быстрее меч в новую руку возьмешь — тем быстрее домой вернешься, — философски закончил Коблан, и его шаги удалились с прежней неторопливой весомостью.

Поначалу я не поверил собственным ушам. Меня, Высшего Чэна Анкора, одного из наиболее известных и знатных граждан Кабира да и вообще эмирата
— МЕНЯ запер у себя в доме свихнувшийся кузнец?!
…Впрочем, в этот факт вскоре пришлось поверить. Через час двое подмастерьев принесли мне завтрак. Едва заслышав звук отодвигаемого внешнего засова, я поспешно поднялся со своей кровати, на которой пребывал в полном унынии — но подмастерья спешно опустили на пол у порога поднос с едой и успели скрыться за дверью, прежде чем я пересек комнату. Лязгнул засов, я от злости пнул ногой безвинный поднос и в бессильном возмущении замолотил в дверь руками.
После железной руки на двери оставались уродливые царапины — но не более…
4
Поначалу я пытался уговорить Коблана, ежедневно заходившего ко мне в комнату. Кузнец внимательно выслушивал все мои гневные тирады, а затем садился к столу и начинал вещать нечто туманное, наводящее на мысли о том, что Коблан действительно малость тронулся, а теперь пытается заодно свести с ума и меня.
Я плохо слушал его, поскольку голова моя была занята совсем другим. Тем не менее, надоедливый и навязчивый, как жужжание мухи — только очень большой мухи! — голос Коблана все же проникал в мое сознание, и я помимо воли отмечал, что кузнец говорит что-то о «живой стали», о духовной связи человека с его оружием и о том, что если очень захотеть, если поверить…
Я не знаю, было ли это отрывками из древних трактатов, изложением старинных легенд или бреднями самого Коблана — но только после каждой такой «беседы» кузнец брал мою мертвую руку своей лапой и сжимал металлические пальцы на рукояти моего Единорога.
Надо сказать, что разжать их потом левой рукой мне всякий раз стоило немалых усилий.
Кузнец уходил, тщательно запирая за собой дверь, а я вновь оставался один, и мысли мои путались, в голове роились странные, дикие образы, и временами я начинал думать, что кузнец в чем-то прав, и я даже пытался — честно пытался! — сомкнуть холодные пальцы… и, естественно, у меня ничего не получалось.
Верю? Не верю?
Все было намного проще. Пальцы, вне зависимости от моих веры и неверия просто не могли сжаться — мертвые, бессмысленные куски железа…
5
…На пятый день мне в голову пришла чудовищная, но вместе с тем совершенно очевидная мысль. Вернее, даже две чудовищных, но оттого вдвойне очевидных мысли.
Во-первых, я обратил внимание, что довольно часто мне приносят мои любимые блюда — а что я люблю, знали очень немногие, и это существенно сужало круг возможных пособников Коблана; кроме того, эти блюда были приготовлены так, что круг сужался до одного-единственного человека: моего дворецкого Коса ан-Таньи.
Повара я в расчет не брал.
Это было невозможно. Но это было именно так.
Во-вторых, я вдруг вспомнил о принятом пять дней назад решении. Конечно, здесь у меня не было кусунгобу — но я подумал, что Тот, кто ждет меня в раю, не обидится, если на пороге двери, ведущей к нему, на этот раз будет лежать не ритуальный нож, а мой меч Дан Гьен по прозвищу Единорог.
Но, кажется, Тот, кто ждал меня в раю, все же обиделся — потому что, когда я взял меч в левую руку и медленно поднес его лезвие к горлу, я понял, что не смогу.
И никто на моем месте не смог бы!
Не для того был выкован несколько поколений тому назад Единорог, как и другие фамильные мечи Анкоров Вэйских, чтобы лишать жизни своего нынешнего владельца. Чтобы оборвать Южную ветвь рода Анкоров.
Рука моя предательски задрожала, и я опустил меч. Нет, смерти я не боялся — мне уже нечего было терять; но ЭТО было выше страха смерти и острее желания уйти.
Я мог уйти — но не так.
И я понял, что Тот, кто ждет меня в раю (или еще где-то — не знаю!) пока не хочет меня видеть.
Я покорился.
Я больше не делал таких попыток.
6

…На девятый день (или это был десятый?.. не помню…), когда Коблан в положенное время явился в мою темницу, чтобы продолжить свои до смерти надоевшие душеспасительные беседы, я заявил ему, что у меня есть высочайшее поручение эмира Дауда, что имеется специальный фирман на мое имя, и что если кузнец немедленно не выпустит меня, то будет считаться государственным изменником со всеми вытекающими отсюда последствиями.
После чего, не обращая внимания на несколько оторопевшего Коблана, я упал на кровать, отвернулся лицом к стене, и одно ухо закрыл здоровой рукой, а другое плотно прижал к подушке — чтобы не слышать больше Коблановых бредней.
Некоторое время Коблан молчал или говорил достаточно тихо, чтобы я его не слышал. А потом я приоткрыл одно ухо и до меня приглушенно донеслось:
— Не знаю, не знаю… Спрошу у Друдла — а там посмотрим…
7
На следующее утро дверь распахнулась, и в комнату влетел сияющий Друдл, размахивая каким-то объемистым свитком. Со всего маху шут бухнулся мне в ноги, проехав при этом по полу пару локтей и чуть не сбив меня.
— О великий и мудрейший дурак Чэн Анкор из столь же славного рода Анкоров Вэйских! — гнусаво заорал шут, продолжая вертеть у меня перед носом своим свертком. — Дозволь вручить тебе высочайший фирман солнцеподобного эмира Дауда, дабы ты в своей несказанной дурости использовал его по назначению, — тут Друдл почему-то сделал паузу, — и выявил всех наигнуснейших врагов славного Кабирского эмирата!
Вопя все это, шут принялся разворачивать принесенный сверток. Он разворачивал и разворачивал, во все стороны летели какие-то рваные и грязные тряпки, лоскуты кожи, куски тончайшей узорной парчи, обрывки шелка — они устилали уже весь пол вокруг Друдла, и им, казалось, не будет конца.
Тем не менее, изрядно потрудившись, Друдл все-таки добрался до вожделенного содержимого и с радостной улыбкой вручил мне небольшой пергаментный свиток, запечатанный личной печатью эмира Дауда.
Я сломал печать и пробежал текст глазами. Все было верно: подателю сего, Чэну Анкору Вэйскому, предписывалось оказывать всяческую помощь и содействие на территории всего Кабирского эмирата, а также вассальных княжеств и дружественных государств.
Внизу стояла хорошо знакомая мне подпись великого эмира Дауда Абу-Салима.
Пока я читал, шут заглядывал мне через плечо, так что я был уверен, что он тоже успел ознакомиться с содержанием фирмана. Если не ознакомился до того…
— Ну что, съел? — злорадно осведомился я. — В смысле — прочитал?!
— Не-а, — расплылся ужасно довольный шут, — я читать не умею! А чего там написано? Небось, что ты, Чэн — дурак? Так об этом писать необязательно, это и так все знают. А кто не знает — тому я расскажу. Устно.
Я попытался удержать себя в руках. Если быть точным — в одной руке.
— Зови кузнеца Коблана! Здесь написано, чтобы все жители Кабирского эмирата оказывали мне содействие. И я требую, чтобы меня отсюда выпустили! Немедленно!..
— А зачем, собственно? — поинтересовался шут. — Тут тебя кормят, поят, содействие всяческое оказывают, делать ничего не надо — знай себе руку упражняй…
Он неожиданно подпрыгнул и подмигнул мне.
— Как у Чэна-дурака есть железная рука, — пропел он, кривляясь, — и содействие Коблана пить вино из бурдюка! Зачем тебе отсюда уходить?
— Великий эмир поручил мне расследование. Да ты же сам не хуже меня об этом знаешь! — я сам удивлялся, зачем я говорю все это Друдлу.
— И как ты собираешься расследовать? — не унимался дотошный Друдл. — Покойничков расспрашивать? Следы по ночам искать?
— Кроме покойничков есть еще и живые! — огрызнулся я. — И вообще, раз приказано оказывать мне содействие — вот и содействуй! Зови Коблана — и выпускайте меня отсюда!
— Содействие — это правильно, — с воодушевлением подхватил шут. — Вот мы и станем тебе содействовать. Ты будешь здесь сидеть и расследованием руководить, как главный дурак — а мы с Кобланом будем содействовать и твои поручения, как меньшие дураки, исполнять. Вот и получится у нас отличное дурацкое расследование!
Я почувствовал, что неудержимо багровею.

— Так что сиди тут, — продолжил Друдл, — и руководи. Рука у тебя теперь есть — железная, между прочим — вот и будешь ею водить: туда-сюда, туда-сюда… То есть Руко-Водить. Вот. А руководить ты можешь и отсюда — для твоей же безопасности. А то в городе у нас неспокойно — недавно еще двоих мертвеньких нашли, и третьего, живого, но однорукого, вроде тебя. Теперь Коблану работы прибавится — вторую руку ковать!
Моя левая ладонь нащупала стоявший на столе массивный подсвечник.
— Ну так к кому пойти, о чем спросить? — невинно осведомился шут. — Давай, руко-води!
Я изо всех сил запустил в него подсвечником. Друдл легко увернулся и, строя омерзительные рожи, выскочил в дверь.
Послышался звук задвигаемого засова… родной и до боли знакомый.
8
В тот же день я сунул фирман под нос Коблану. Коблан долго читал, шевеля губами, потом вернул мне фирман, некоторое время думал и, наконец, поинтересовался:
— Тебе чего-нибудь принести?
И вот этого издевательства я уже не выдержал. Ну ладно — шут… Но — Коблан?!
И я ударил кузнеца Коблана. Ударил правой, железной рукой. Наотмашь. Изо всех сил. По лицу.
И попал.
Коблан покачнулся, удивленно посмотрел на меня, затем поднял руку к лицу, отер кровь с рассеченной скули и с недоумением уставился на свои покрасневшие пальцы.
Я сделал шаг к двери.
И тут кузнец Коблан взревел, как… как я не знаю кто, и я почувствовал, что попал под ногу слону, что еще немного — и у меня сломаются ребра, причем все сразу; а потом меня подняло в воздух, и я заметил, что лечу. Впрочем, летел я недолго, от удара у меня потемнело в глазах, и когда я пришел в себя, то обнаружил, что лежу на слегка покосившейся собственной кровати.
Больше я не пробовал бить кузнеца.
9
…Через некоторое время — прошло уже больше двух недель моего заточения — я понял, что надеяться мне не на что. Это был заговор. Заговор против меня. А, может быть, не только и даже не столько против меня…
Да, все складывалось воедино. Друдл, уговоривший меня заказать себе железную руку — и заказать ее именно у Коблана; Коблан, взявшийся делать заведомо бесполезную вещь; вместе они заморочили мне голову и заперли здесь, а теперь пытаются окончательно свести с ума (кстати, еще немного — и им это удастся). Зачем?
Вот этого я понять не мог. Может быть, это связано с поручением эмира? В своих подозрениях я доходил до того, что зачислял и Коблана, и Друдла, и даже моего ан-Танью в зловещую мифическую секту Ассасинов-Проливающих кровь, о которых складывал песни еще Масуд ан-Назри. Впрочем, кровь действительно лилась на улицах Кабира — так что и легендарные ассасины вполне могли оказаться реальностью.
Но… слишком уж много у них тогда оказывалось сообщников. И не проще ли в этом случае было бы, не мудрствуя лукаво, добить несчастного калеку? И потом — почему именно я? Я что — эмир, правитель… и вообще — кому я нужен?!
Или, может, Друдл не соврал, и они впрямь пекутся о моей безопасности? Что-то плохо я представляю эту компанию, с таким усердием обеспечивающую безопасность никому не нужного Чэна…
Зачем же тогда? Зачем?!
Чтобы я-таки сумел сжать стальные пальцы?!
Но это же — бред!
И тем не менее — реальность…
Мне было плохо. Я пытался хоть что-то понять, расспрашивая Коблана — но тот либо молчал, либо снова начинал плести какую-то чушь.
Тогда я стал требовать вина. И побольше.
Вино мне приносили.
И я напивался.

…Несколько раз я пытался бежать — но подмастерья, приносившие мне еду, все время были настороже, и мне ни разу не удавалось застать их врасплох. А в случае моих «засад» они звали кузнеца…
Еще в комнате было два небольших окошка, забранных толстыми железными прутьями. И был глухой внутренний дворик с высоченным дувалом — о нем я уже говорил. Я быстро прикинул, что даже если я устрою у стены пирамиду из всей имеющейся в комнате мебели (имелись в виду стол и стулья; сдвинуть с места кровать мне оказалось не под силу, разве что с помощью Коблана) — то, взобравшись наверх, я все равно и близко не дотянусь до края стены.
Можно было, конечно, попытаться сделать веревку из моей одежды и постели — но у меня все равно не из чего было изготовить крюк, чтобы зацепиться за стену. Разве что из собственной правой руки…
Окна же выходили на какую-то совершенно безлюдную улочку. Я неоднократно пытался расшатать прутья решетки, пробовал выбить их ударами своей железной руки — но мои попытки приводили лишь к тому, что я уставал и долго стоял у окна, пока не начинало смеркаться.
…Как-то раз я увидел проходящего за окном Фальгрима.
— Фальгрим! — не веря своей удаче, заорал я. — Фальгрим, это я, Чэн! Меня запер сумасшедший кузнец Коблан! Скорее сообщи эмиру Дауду об этом — пусть пришлет гулямов меня спасать! Только не шута Друдла — он в сговоре с кузнецом! Прошу тебя, Фальгрим…
Лоулезец остановился в недоумении, оглядываясь по сторонам. Наконец он обнаружил в окне мое лицо и попытался улыбнуться. Улыбка вышла сконфуженной, что было совсем непохоже на шумного и самоуверенного Беловолосого.
— Привет, Чэн… Я все понял. Конечно, я передам эмиру. Только…
— Что — только?!
— Только, может, тебе лучше пока тут посидеть? Опасно сейчас в городе… Да и рука у тебя… А эмиру я сообщу, ты не беспокойся!..
И Фальгрим быстро пошел прочь, странно ссутулившись, словно под тяжестью своего эспадона.
Я не поверил. Я решил, что мир перевернулся. Фальгрим Беловолосый, мой друг и постоянный соперник, но в первую очередь все-таки — друг, друг, друг… ну не мог он сказать такое!
Не мог.
Но сказал.
И откуда от узнал о моей руке?
Или он совсем не то имел в виду?
Хотя с рукой-то как раз просто: небось, Друдл уже раззвонил по всему Кабиру о свихнувшемся Чэне и его железной руке…
Впрочем, Фальгрим обещал-таки сообщить обо мне эмиру, и эта мысль немного успокоила меня.
Как оказалось, напрасно — ни в этот, ни на следующий день за мной никто не пришел.
11
Теперь мне казалось, что весь Кабир, все друзья, а, возможно, и Тот, кто ждет меня в раю, — против меня. Я стоял у окна, с тоской глядя на недосягаемую улицу…
И увидел Чин.
Чин!
Черный Лебедь Хакаса… и, похоже, она знала, где меня искать.
Знала…
И ответ на мой вопрос был написан на ее лице — грустном, но твердом.
Вот так мы стояли друг напротив друга, разделенные решеткой, а потом я отвернулся, чтоб не видеть уходящую Чин.
Поговорили… улетай, лебедь.
Вот тогда-то я и напился по-настоящему. И бил рукой в стену, и срывал с себя проклятое железо, и плакал, как ребенок, и уснул, и видел кошмары…
12
…Похоже, я все-таки снова уснул, прямо за столом — потому что проснулся от крика. Я не сразу сообразил, что происходит, я думал, что это — очередной кошмар, к которым я уже начал понемногу привыкать.
Нет, это был не сон, и с улицы доносился яростный звон оружия — не так, не так оно должно звенеть! — и крик.

Женский крик.
Чин!.. они добрались до нее!
Кажется, я закричал — нет, я завизжал так, что перекрыл шум и звон оружия.
— Коблан! Кто-нибудь! На помощь! Выпустите меня, подонки! Там… там убивают Чин! Коблан! Да где же вы все!..
И никто мне не ответил.
Я бросился к двери — и неожиданно она распахнулась, ударив меня, и на пороге возник Друдл с идиотской улыбкой до ушей.
13
Проклятый шут ухмылялся в дверях, загораживая мне путь наружу — туда, где в темноте ночного Кабира захлебывалась криком Чин Черный Лебедь!
В одно мгновение вся моя ненависть, вся боль последнего времени, вся тщета бесплодных попыток обрести утраченную цельность — все то, что до краев переполняло Чэна Анкора Безрукого, выгорело без остатка, как примеси в чистой стали новорожденного клинка, неотвратимо устремившегося к цели.
И цель эта была — шут Друдл Муздрый!
Я кинулся на Друдла, стремясь врезаться в него всем телом и выбить в коридор, как пробку из бутылки, но странным образом промахнулся и больно ударился плечом о косяк. Дверь захлопнулась, лязгнул внутренний засов, и шут радостно заплясал вокруг меня, хлопая в ладоши.
Полы его шутовского халата уже были предусмотрительно заправлены за кушак, откуда выглядывали рукояти тупого граненого кинжала-дзюттэ и ятагана для подростков.
— Как у Чэна-дурака заболят сейчас бока! — завопил он, возбужденно скалясь. — Заболят сейчас бока от чужого кулака!..
Здоровой левой рукой я попытался дотянуться до засова, но Друдл подпрыгнул, как-то по-крабьи выбрасывая ногу, и острая боль пронзила мой локоть. Вслепую, наугад я отмахнулся правой — и железная перчатка ударила в стену над головой присевшего Друдла, выбивая куски штукатурки. Твердый и костлявый кулак шута чувствительно ткнулся мне под ребра, я попятился, неловко подворачивая ногу, падая на пол…
И увидел над собой холодный блеск маленького ятагана в руке шута Друдла.
Ах, напрасно он обнажил клинок, этот мудрый и проницательный шут, этот расчетливый боец, предусмотревший все или почти все!.. напрасно, напрасно, потому что тело мое само вспомнило прежние навыки, потому что оно ничего не забывало, мое послушное тело, и пальцы левой руки машинально сомкнулись в кольцо, поднося к губам невидимую чашу с горьким и хмельным вином Беседы!
…Пол, твердый, как утоптанная множеством ног турнирная площадка, моя последняя площадка, и — блеск чужого клинка надо мной… Значит, я опять достоин удара меча?! Удара без снисхождения и жалости?!
Значит, у меня опять есть имя?!
Через секунду ятаган Друдла рубил смеющийся воздух, который звался Чэном Анкором.
О, он был умелым со-Беседником, он был очень умелым со-Беседником, мой злой гений, мой шут Друдл, и ятаган его был оригинален и остроумен, задавая неожиданные вопросы и требуя мгновенных ответов — только все это не имело сейчас никакого значения.
Абсолютно никакого.
— Чэн! — послышалось за окном, или не за окном, но посторонние звуки обтекали меня, не затрагивая сути, не отвлекая, а я все купался в брызгах стального водопада… Хмель ударил мне в голову, наследственный хмель Анкоров Вэйских, и спокойная уверенность заполнила меня до краев, как живая рука заполняет собой латную перчатку, согревая своим теплом мертвый металл.
И когда ладонь моя наконец нащупала то, что было единственно необходимым для нее — я завизжал страшно и радостно, и вместе со мной завизжал Единорог, вонзаясь в дверной косяк и намертво прибивая к нему восьмиугольную тюбетейку шута.
Непривычное и неприятное ощущение, крадучись, пробежало по самым задворкам моего сознания и юркнуло в щель между неплотно пригнанными досками забора, отгораживающего «Я» от «Не-Я». Я лишь успел заметить некую раздвоенность, как если бы не одна моя воля вела руку в выпаде; как если бы…
А потом я увидел глаза Друдла.

Слезы стояли в них, и там, за блестящей завесой, животный страх смешался с человеческой радостью.
Совсем рядом с глазами шута моя рука сжимала рукоять меча.
Правая рука.
Железная.
Моя.
— Получилось, — одними губами выдохнул шут. — А я, дурак…
И сполз на пол, теряя сознание.

ЧАСТЬ III. МЕЧ И ЕГО ЧЕЛОВЕК

…Закаленный булатный меч,
Сотворенный для ратных сеч —
Он в крови не утрачивал злости,
Не тупился о белые кости,
Он на восемьдесят шагов
Удлинялся при виде врагов,
И при этом он был таков:
Острие — хитрей колдуна,
На ребре видны письмена,
Смертоносен его удар!..

Гэсэр

Глава 7

1
…До сих пор, когда я вспоминаю о случившемся, меня охватывает страх.
И все-таки я — вспоминаю.
Я, Высший Мэйланя, прямой меч Дан Гьен по прозвищу Единорог, не последний из Блистающих Кабира — вспоминаю.
Сейчас я лежу на столе и отблески свечей играют на моей полировке. А тогда — тогда я лежал на полу, сброшенный Придатком Чэном, ринувшимся к двери.
Впервые мой Придаток ослушался приказа…
За окном жалобно звенела Волчья Метла и лязгали невидимые Тусклые — темный страх ночного Кабира; в дверях выглядывал из-за кушака своего Придатка тупой шут Дзюттэ, и бессильная ярость захлестнула меня от острия до навершия рукояти, делая клинок теплым и чужим.
— Мерзавцы! — бросил я Дзюттэ и Детскому Учителю. — Позор Блистающих!..
Они не ответили.
Зато ответил их Придаток.
Впервые я видел Придатка, почти умевшего говорить на языке Блистающих — языке ударов и выпадов, мелких подготовительных движений и отвлекающих маневров, языке подлинной Беседы. Если бы Дзю или хотя бы Детский Учитель были бы в этот момент обнажены — я бы понял, я бы не удивился, потому что и сам зачастую ощущал Придатка Чэна своим продолжением, частью себя самого…
Но здесь было что-то иное, неизвестное, здесь был Придаток, умеющий Беседовать без Блистающего.
На долю секунды я отвлекся, забывшись от изумления — и вот уже Придаток Чэн лежит на полу, скорчившись от боли, а Детский Учитель семьи Абу-Салим в зловещем молчании вылетает из-за кушака своего странного Придатка, описывая короткую дугу, грозящую закончиться у горла Придатка Чэна.
Нет. У горла эта дуга не закончилась бы. Она бы прошла дальше.
— Руби! — истерично расхохотался Дзюттэ Обломок. — Руби, Наставник!..

Если бы я в этот момент был в руке Придатка Чэна!.. ах, если бы я был там… и пусть все шуты, все Детские Учителя Кабира, все Тусклые Эмирата попытались бы остановить бешеного Единорога!..
— Руку! — вне себя закричал я, забыв, кто из нас Блистающий, а кто — Придаток. — Руку, Чэн!
И рука отозвалась. Нет, я по-прежнему валялся на полу, но на миг мне почудилось, что непривычно холодные и твердые пальцы стискивают рукоять, что они тянутся ко мне через разделяющее нас пространство, что я вновь веду Придатка Чэна в стремительном танце Беседы…
А еще мне захотелось тепла. Тепла плоти Придатков, расступающейся под напором моего клинка.
— Руку!..
Я хотел эту руку, словно это действительно была не часть Придатка, а отторгнутая часть меня самого; я хотел объятия этих пальцев, как не хотел никогда ничего подобного; мысленно я уже свистел в душном воздухе комнаты, плетя паутину Беседы вокруг подлеца, невесть как ставшего Детским Учителем…
И Детский Учитель промахнулся. Раз за разом он пролетал мимо, как будто в руке Придатка Чэна на самом деле был я, Единорог во плоти; и вокруг моего смеющегося Придатка метался взбешенный маленький ятаган, полосуя пустоту, пока я не дотянулся до вожделенной руки, или это рука дотянулась до меня, или это мы оба… — и холодные пальцы умело и бережно сомкнулись на рукояти.
Это был лучший выпад в моей жизни.
Лучший еще и потому, что я, Мэйланьский Единорог, визжа от упоения, в последний момент успел опомниться. Да, я направлял руку, но и рука направляла меня, и чудом я успел извернуться, минуя выпученный глаз чужого Придатка и вонзаясь в плотную ткань тюбетейки, а затем — в дерево дверного косяка.
Да, это был лучший выпад в моей жизни.
Я не совершил непоправимого.
Но клянусь раскаленным горном-утробой Нюринги, я был слишком близок к этому…
— Во имя клинков Мунира! — где-то далеко внизу прошелестел голос, который мог быть голосом только Дзюттэ Обломка. — Наставник, мы сделали это!.. ты слышишь, Наставник — мы…
А потом их Придаток упал, придавив собой обоих Блистающих.
…Дверь открылась. Падая, Придаток Дзюттэ и Детского Учителя задел внутренний засов, сбрасывая его с крюков, и толчок снаружи распахнул дверь настежь. Я увидел тех, кто толпился в коридоре, и понял все, коротким движением высвобождаясь из деревянного наличника.
Понял.
Все.
Там была Волчья Метла, целая и невредимая, там был эсток Заррахид и шипастый Гердан — хозяин кузницы, и волнистый Малый Крис-подмастерье, тот, что со змеиной головой на рукояти; там были гигант-эспадон Гвениль и Махайра Паллантид — короче, все комедианты, разыгрывавшие за окном веселое представление, фарс о несчастной разветвленной пике и ужасных Тусклых, фарс для одного-единственного зрителя, для дурака Дан Гьена, отказавшегося сменить испорченного Придатка и поверившего в невозможное…
Они успели. Успели вовремя захлопнуть дверь, сразу после того, как огромный Придаток Гвениля мощным рывком выдернул из комнаты бесчувственного Придатка Дзюттэ и Детского Учителя, вместе с обоими Блистающими — и вновь лязгнул засов, на этот раз внешний.
О, они успели — видно, Небесные Молоты еще не отбили им полный срок, этим хитроумным Блистающим и их Придаткам — но я успел почувствовать их ужас, когда Мэйланьский Единорог, Придаток Чэн Анкор и его рука…
Когда мы двинулись на них.
И мое острие уперлось в запертую дверь, а двери в этом доме были сработаны на совесть.
Только тогда до меня дошло, что Придаток Чэн держит меня в правой руке.
И когда я вздрогнул от запоздалого понимания — стальные пальцы начали медленно разгибаться один за другим, опять становясь тем, чем и были.
Мертвым металлом.
Латной перчаткой.

Вот так оно и было.
…Сейчас я вытянулся во всю длину на матовой поверхности стола, Придаток Чэн сидит рядом, опустив на грудь отяжелевшую голову, а стальная рука его лежит всем своим весом на моей рукояти.
Просто — лежит.
И ночь за окном постепенно уходит в небытие, туда, куда рано или поздно уходят все наши дни и ночи.
О чем думал я в эту ночь?
Сперва… о, сперва мысли мои вспыхивали и разлетались во все стороны, как искры от клинка, рождающегося под молотом! Я уже думал о том, что сделаю с обманувшими меня друзьями и предателем-дворецким; я представлял себе Волчью Метлу, умоляющую о прощении; в моих горячечных видениях почему-то вставал пылающий Кабир и гнедой жеребец, несущий меня мимо развалин… а руку в латной перчатке пронзал слабый трепет, когда что-то теплое и сладко пахнущее стекало по моему клинку…
Вот это ощущение и вернуло мне ясность мыслей. Потому что никогда кровь Придатков не струилась по Единорогу.
Никогда.
Не мог я этого помнить.
Зато это помнила стальная перчатка, касавшаяся меня. Нет, в ней не было жизни, и когда металлические пальцы все-таки смогли стиснуть мою рукоять — это нельзя было назвать самостоятельной жизнью. Я даже не знал, сумею ли я заставить эти пальцы повторить то, что произошло совсем недавно.
Это была не жизнь.
Это была — память.
Память латной перчатки о тепле и мощи руки, некогда заполнявшей ее; память о шершавой обтяжке рукояти того Блистающего, чье тело словно вырастало из чешуйчатого кулака; память…
Просто я очень хотел, чтобы это случилось. А она — она вспомнила, как это случалось раньше. И когда я потянулся к ней через время и расстояние — моя жизнь на мгновение вросла в ее память, оживляя неживое.
Чудо, которого я ждал и которое обрушилось на меня внезапно, подобно летней грозе — сейчас я уже не знал, хочу ли я его, этого чуда, и если нет, то сумею ли отказаться.
Потому что я помнил ярость, вспыхнувшую во мне; ярость и жажду, темную теплую жажду, и ужас Блистающих по ту сторону порога.
Потому что я краем души прикоснулся к чужой памяти, памяти новой руки Придатка Чэна; память старой латной перчатки, части того одеяния, что некогда звалось «доспехами»…
Потому что я понял — как это случалось раньше.
Забыть? Отказаться от коварного подарка судьбы?..
А как же небо над турнирным полем? Падающее на меня небо, и полумесяц Нодачи в нем?!
А Тусклые? Тусклые — и убитые Блистающие, и ждущий Шешез Абу-Салим, и отчаянный Пояс Пустыни, Маскин Седьмой из Харзы?..
А моя, моя собственная память о случившемся?
Нет. Я не сумею отказаться от этой руки. Я не буду от нее отказываться.
…Осторожно, едва-едва слышно я потянулся к стальной руке-перчатке — и сквозь нее, дальше, через спящие слои ее памяти, обходя их, не тревожа чуткий покой, словно я подзывал Придатка, еще не зная — зачем, еще раздумывая, сомневаясь…
И вскоре почувствовал, как что-то тянется мне навстречу с другой стороны.
Что-то?
Кто-то.
«Кто ты?» — тихо спросил я, останавливаясь.
«Кто ты?» — эхом донеслось оттуда.
«Я — Высший Мэйланя…»
«Я — Высший Мэйланя…»
Тишина.
И — стремительным обоюдным выпадом:
— Я — прямой Дан Гьен по прозвищу Единорог! А ты — ты мой…
— Я — Чэн Анкор Вэйский! А ты — ты мой…
Я так и не смог сказать: «Ты — мой Придаток!»
А он? Что не смог сказать он?!

Ты — мой… Я — его?!..
…Латная перчатка, спящая память о забытом времени, зыбкий мост между двумя мирами, объединяющий их в одно целое… и дрогнули неживые пальцы, а кольчужные кольца словно вросли в тело, когда мы вошли друг в друга — Блистающий и его Придаток, Человек и его Меч; вошли, но не так, как клинок входит в тело, а так, как вошли мы, становясь слитным, единым… каким, наверное, и были, не понимая этого…
Нет, мы не рылись в воспоминаниях друг друга, как вор в чужих сундуках (этот образ был непонятен мне, но Чэн отчетливо представил его, и…), и знания наши не слились в один нерасторжимый монолит, как свариваются полосы разного металла в будущий клинок (не-Блистающему трудно было в полной мере прочувствовать это, но…); просто…
Просто я не могу передать это словами.
И оба мы замерли, когда из черных глубин памяти латной перчатки донеслись два глухих, еле слышных голоса, ведущих разговор без начала и конца…
— Вот человек стоит на распутье между жизнью и смертью. Как ему себя вести?
— Пресеки свою двойственность и пусть один меч сам стоит спокойно против неба!..
…Один, — подумал я.
…Один, — подумал Чэн.
…Один, — подумали мы.
Один против неба.
И я понял, что больше никогда не назову Чэна Придатком.
3
Утром дверь в комнату оказалась незапертой.
Чэн сходил умыться, потом по возвращению одел меня в ножны, и мы отправились в кузницу.
А в кузнице было на удивление тихо и прохладно. Молчали меха, не пылал горн, и в углу спиной к нам сидел Придаток-подмастерье, перебирая зародыши будущих Блистающих. Из-за кожаного фартука подмастерья выглядывал Малый волнистый крис, внимательно следивший за работой своего Придатка.
Дважды Придаток чуть было не пропустил зародыши с недостаточным количеством слоев металла, и дважды Малый крис внутренним толчком останавливал Придатка, вынуждая еще раз осмотреть спорный зародыш, не давая появиться на свет ущербному Блистающему.
Я молча наблюдал за работой до тех пор, пока Малый крис не заметил меня.
Он дрогнул — да, на его месте я тоже бы вздрогнул после всего, что было — и опомнился лишь после довольно-таки невежливой паузы.
— Приветствую тебя, Высший Дан Гьен! — торопливо произнес крис, и Придаток его живо поднялся на ноги. — Приветствую и…
— И давай поговорим, — закончил я с легкой иронией. — Нет, не по-Беседуем, а просто поговорим. Тебя как зовут?
— Семар, — поспешно ответил он, пока Чэн вешал меня на специальный крюк в оружейном углу, и мне пришлось дважды кивнуть Семару, указав на крюк рядом, прежде чем он меня понял.
Понял и повис возле меня, зацепившись кольцом в зубах змеи-навершия его рукояти.
— Семар, — еще раз представился крис. — Малый крис Семар из Малых кузни главы рода Длинных палиц Гердана по прозвищу Шипастый Молчун, и еще…
— Шипастый Молчун, говоришь, — лениво протянул я. — Ну-ну…
— Да, Высший Дан Гьен, воистину так, — звякнул Семар. — А я…
— А ты — Волнистый Болтун, — перебил его я. — Ишь, распелся, как у Абу-Салимов на приеме… Ты в кузнице кто? Ты — хозяин… или почти хозяин. А я — гость. Вот и веди себя, как подобает хозяину в присутствии гостя. Пусть хоть и трижды Высшего.
— А мне ваш выпад ужасно нравится, — невпопад брякнул крис Семар. — Косой. В броске, от самой земли. Я на три турнира подряд из кузни отпрашивался. Гердан бурчал-бурчал, но ничего, отпускал… Очень уж выпад у вас замечательный. А в последний раз я и рассмотреть-то почти не успел. Помешали…
— Кто? — поинтересовался я.
— Да Высший Гвениль и помешал, — бесхитростно разъяснил Семар. — Двуручник, из Лоулезских эспадонов, вы ж его знаете!.. Придаток ихний дверь

перед вами захлопнул, когда вы как раз на второй выпад шли… в нас. Я ж тоже тогда в коридоре был…
Вот оно что! Это, значит, вчера он мой выпад не до конца видел — это когда я тюбетейку к косяку прибивал… Нет. Не видел он ничего. Дверь-то уже после тюбетейки снаружи открыли… Не повезло тебе, невезучий ты Малый крис Семар!.. Если только ты в щель не подглядывал.
Или повезло?
— Я еще Высшему Гвенилю потом говорю, — продолжал меж тем Семар, — что надо было б ему Придатка своего попридержать, ну совсем чуточку, и увидели б мы выпад Единорога во всей красе! А Гвениль глянул на меня, помолчал и старую отливку в углу зачем-то пополам разрубил. Я полночи думал, что же он этим сказать хотел… Лишь к утру додумался.
— И что?
— А то, что до сих пор страшно, — тихо ответил Малый крис Семар.
С грохотом распахнулась дверь в подсобное помещение, и оттуда выбрался Придаток-Повитуха в кожаном фартуке со знаком Небесного Молота на кармане. На его плече возлежал Шипастый Молчун — тяжелая булава-гердан.
Глава рода Длинных палиц. Рода тех Блистающих, кто исстари следит за кузнецами; тех, кто сродни молоту.
Его утолщение, сплошь утыканное торчащими во все стороны шипами, походило на встрепанную голову Повитухи — и оттого казалось, что кто-то из них двухголовый. А туловище или древко — в зависимости от точки зрения — лишнее.
Ах да, чуть не забыл… Тех Придатков, что стояли у наковальни, где рождались Блистающие — но не всех, а лишь тех, чей фартук украшал Небесный Молот — редко звали Придатками, а чаще Повитухами.
…Чэн резко встал, оставив Придатка-подмастерья в растерянности, и подошел ко мне. Потом он поднял правую руку, негнущиеся стальные пальцы коснулись меня — и снова мы стали целым, только теперь это произошло проще и легче.
Наверное, крис Семар решил, что я сошел с ума.
Наверное, его Придаток решил, что Чэн Анкор рехнулся.
Просто я узнал, как зовут Герданова Придатка; просто Чэн узнал, как мы зовем Стоящих у наковальни…
Просто мы оба расхохотались, забыв о приличиях.
Уж больно смешно вышло: Повитуха Коблан Железнолапый.
Шипастый Молчун приблизился, и Повитуха Коблан опустил его на пол недалеко от меня. Я покосился на хозяев кузни и… промолчал.
— Приветствую тебя, Высший Дан Гьен, — гулко бухнул об пол тяжелый Гердан.
— Приветствую тебя, Высший Чэн Анкор, — глухо буркнул в бороду кузнец Коблан.
А мы с Чэном все еще словно держались за руки, латная перчатка связывала нас невидимыми, но прочными путами — и оттого каждый из нас вел одновременно две беседы, слышал два голоса… жил за двоих…
И каждый понимал, что две беседы — на самом деле одна, два голоса — почти что один, Гердан Шипастый Молчун и Коблан Железнолапый — о пылающая Нюринга, до чего же мы оказались похожи друг на друга, все без исключения!..
Чэн опустил руку и ушел с Повитухой Кобланом к горну. А мы с Герданом остались. Мы — да еще испуганно притихший Малый крис Семар.
— Ты вправе гневаться, Единорог, — Гердан говорил медленно, слова давались ему с трудом, и такое самоуничижение Шипастого Молчуна, да еще в присутствии Малого криса, еще недавно доставило бы мне огромное удовольствие. А сейчас…
— Ты вправе гневаться, Единорог. И я знаю, что ты сейчас скажешь мне…
— Нет, — перебил я его, — не знаешь. Я скажу тебе, глава рода Длинных палиц, запершийся в доме своем Высшего Дан Гьена из Мэйланя, и не убоявшийся гнева разъяренного Единорога…
Шипастый Молчун напрягся в ожидании.
— Я скажу тебе — спасибо, — закончил я. — И еще вот что… Можно, я пока поживу у тебя? Недолго, денек-другой?
Возле горна изумленно охнул Повитуха Коблан.
Почти одновременно с Герданом.
4
А к полудню приехал мой замечательный дворецкий, мой узкий и преданный эсток Заррахид.

Я встретил его на улице — не на той глухой улочке, куда выходили окна моей темницы, а у парадного, так сказать, входа в дом Гердана.
— Рад видеть вас бодрым и сияющим, Высший Дан Гьен, — как ни в чем не бывало отрапортовал Заррахид и приветственно качнул витой гардой. — Осмелюсь спросить — в каких ножнах вы соблаговолите отправиться на сегодняшнюю аудиенцию к Шешезу Абу-Салиму фарр-ла-Кабир? Я привез вам те, что с вправленными топазами; потом с белой полосой вокруг набалдашника… потом те, которые вам прислали по заказу из Дурбана, и еще те, которые с медными двойными кольцами, и потом…
На какой-то миг я онемел. А бессовестный Заррахид за этот миг успел хладнокровно вспомнить отличительные признаки десятка два ножен — я и не предполагал, что имею столь внушительный гардероб!
И то, что я собирался высказать Заррахиду, незаметно отошло на второй план. А там и вовсе куда-то улетучилось.
— Ты что, все это… сюда привез? — наконец опомнился я.
Вопрос оказался излишним. Конечно, привез! Тем более, что из-за поворота уже выезжала крытая арба, запряженная двумя тусскими тяжеловозами.
— Там ножны? — хрипло звякнул я, глядя на взмокших лошадей.
— И ножны тоже, — радостно подтвердил эсток. — А также все необходимое для вечернего празднества у Гердана, на которое вы соизволили пригласить Высшего Гвениля из Лоулезских эспадонов, Волчью Метлу из Высших Хакаса, Махайру Паллантида, Дзюттэ Обломка, а также Детского Учителя семьи Абу-Салим. Прикажете распорядиться?
— Я? Соизволил пригласить?!
— А что, вы хотели бы видеть сегодня вечером других Блистающих Кабира? Кого именно?
— Да нет… если уж видеть — то этих.
— Ну вот, значит, все верно, — легко согласился эсток Заррахид.
«…Отличные у меня друзья, — думал я, пока мы с Заррахидом ехали на присланных чуть позже верховых лошадях в загородный дом Абу-Салимов, где мне была назначена аудиенция. — И друзья отличные, и дворецкий отличный, и жизнь — счастливей некуда… и ножны на любой вкус. Это просто я сам, наверное, чего-то не понимаю, все дергаюсь, злюсь, а окружающие только и делают, что беспутного Дан Гьена на путь истинный наставляют. Да вот незадача — не вижу я пути истинного, а вижу великое множество всяких путей, и истины в них поровну… Где он, где единственный путь Дан Гьена, путь Единорога — нет, просто Путь Меча?! Где он?!..»
Вот с такими интересными мыслями я и не заметил, как оказался в том самом зале, в котором не так уж давно происходила церемония Посвящения, а проклятый турнир еще только предстоял, и все было хорошо…
Все было хорошо.
Было.
Колыбель новорожденного Придатка по-прежнему стояла на церемониальном возвышении — я не видел от дверей, есть ли в колыбели ребенок — а в изголовье на родовой подставке мирно спал престарелый ятаган Фархад иль-Рахш фарр-ла-Кабир.
И пусто было в зале…
Я мысленно коснулся Чэна — мне все легче становилось дотягиваться до него не так, как прежде, а через железную руку, которая странным образом становилась общей частью нас обоих — и мы двинулись было к возвышению, но не дошли.
Во-первых, нас остановил звериный рык.
В металлической клетке у стены метался из угла в угол пятнистый чауш — зверь редкий не только для Кабира, но и для Мэйланя, в окраинных солончаках которого зверь, собственно, и водился. Сам чауш походил на катьярских бойцовых собак — короткошерстных, плотных, с узкой крысиной мордой и налитыми кровью глазками — но был в несколько раз крупнее, с кривыми, не по-собачьи острыми когтями; и хвост чауша не обрубался, как у собак, а от рождения был похож на сжатый кулак, невесть каким образом выросший из зада зверя.
Сейчас этот хвост-кулак дрожал мелкой дрожью и злобно подергивался.
…А во-вторых, меня заставил обернуться голос.
— По-Беседуем, Единорог?
Их солнцеподобие, царственный ятаган Шешез Абу-Салим появился бесшумно и внезапно, из потайной двери в углу помоста.

Он был в темных нелакированных ножнах, явно подчеркивая этим будничность встречи, и его грузный Придаток держал Шешеза в руке, словно забыв прицепить кольца ножен к кожаному подбиву кушака.
Я не ответил. Предложив мне Беседу, Шешез добивался совершенно определенной цели: проверить лично все то, что он слышал о новом, сумасшедшем Дан Гьене и новой руке его Придатка — а слышал он, вне всяких сомнений, немало.
И в основном — от Дзюттэ Обломка, шута-мудреца. Можно представить, что Обломок растрезвонил Шешезу…
— Это подарок, — Шешез небрежно кивнул в сторону глухо ворчавшего зверя. — Вчера доставили. Ну так как, Единорог, по-Беседуем?
Ятаган коротко лязгнул, до половины высунувшись из ножен и резко войдя обратно, Придаток Шешеза неожиданно легко соскочил с помоста, и я почувствовал, что Шешез Абу-Салим боится меня.
Боится. Для того и клетку со зверем в зал велел поставить, чтоб ярость слепая звериная ему самому храбрости добавила; для того и принимал меня в зале, где спал старик Фархад — славное прошлое Кабира; видать, подточили последние события былую уверенность ятаганов фарр-ла-Кабир… испытать хочет, а боится!
А я, я сам, былой, прежний — неужели не убоялся бы тот Дан Гьен Беседы с Блистающим, о ком знал бы то, что знал Шешез Абу-Салим обо мне? Если бы ведал — вот передо мной тот, кому доверено правителем преследование Тусклых; тот, кто едва не убил Придатка, служившего Детскому Учителю и шуту семьи Абу-Салим; кто заставил своего собственного Придатка сжать стальные пальцы…
Да, ятаган фарр-ла-Кабир, и я бы испугался. Сознавшись в этом перед самим собой, я в церемонном салюте вылетел из ножен и весело сверкнул навстречу Шешезу.
И ятаган сгоряча не заметил, что его со-Беседник Дан Гьен находится в левой руке Придатка.
В левой.
В живой.
5
…Шешез пошел, как обычно, от левого плеча в полный мах; я увел Чэна назад и скользнул под второй удар, сбрасывая ятаган в сторону и угрозой встречного выпада заставляя Шешеза умерить пыл и перейти к более тщательной обороне.
Ошибся, ошибся сиятельный ятаган, все учел в мудрости своей, да просчитался — не выйдет у него проверки Единорога, сорвется испытание!.. Будь на месте Шешеза эспадон Гвениль или та же Волчья Метла — не совладать мне с ними, оставаясь в левой Чэновой руке; а в правой-то, в железной перчатке нет у меня уверенности… какая уверенность может быть в чуде, пусть даже в однажды свершившемся?!
Беседуй, ятаган фарр-ла-Кабир, Беседуй, спрашивай, отвечай, да не забывай вовремя сам уворачиваться и Придатка своего уводить! Не рубка у нас сейчас, а Беседа; не сила с весом в почете, а уменье Блистающего, так что я для тебя и в левой руке — Мэйланьский Единорог… давай, Шешез, гоняй пыхтящего Придатка, звени веселей, будь ты хоть тридцать три раза фарр-ла-Кабир!..
Я даже успевал думать о постороннем. Есть ли в колыбели новорожденный Придаток или нет; если есть — то почему не плачет в голос от шума нашего? Всерьез ли спит на подставке старый Фархад, или исподтишка наблюдает древний боец за чужой Беседой? Отчего взбесился пятнистый чауш, отчего раз за разом бросается на гудящую решетку, выпустив кривые кошачьи когти? — ну, тут как раз все понятно, зря подумал, зря отвлекся… А вот то, что Шешезов Придаток уже на помосте — так и мы уже на помосте, и видим то, чего другие не видят!
— Мэй-лань!
Знатно летел Шешез, почти через весь зал летел, выбитый мною, да еще и по полу четыре длины клинка проехал, и остановился лишь тогда…
Когда уперся в когтистую лапу.
Не выдержал замок, лопнуло в нем что-то — и распахнулась дверь клетки, выпуская на волю красноглазую злобу; припал зверь к мозаике пола, и торжествующий рык прокатился по залу Посвящения, заметавшись меж колонн.
Лежал на холодных цветных плитках ятаган Шешез Абу-Салим фарр-ла-Кабир; лежал на палисандровом ложе ятаган Фархад иль-Рахш фарр-ла-Кабир; замер в левой руке Чэна Дан Гьен из Мэйланя — и ничего не мог сделать нам освободившийся пятнистый чауш, изготовившийся к прыжку.
Ничего. Зубы его, когти его — ничего.
Да и не стал бы он нам ничего делать.

Стоял на помосте Чэн Анкор из Анкоров Вэйских; стоял рядом с ним запыхавшийся Шешезов Придаток — и ничего не мог сделать им пятнистый чауш, потому что рядом была дверь, рукой подать, та самая дверь, и совсем-совсем рядом…
Не успел бы чауш. Прыгай не прыгай — не успел бы.
А я все думал об одном, хоть и незачем вроде бы Блистающему об этом думать; думал и не мог, не смел отвлечься, боялся отвлечься, да так и не знал…
Есть ли в колыбели младенец-Придаток или нет его?!
Если нет — вот дверь; вот сталь, которой нипочем клыки и когти…
Если есть — вот дверь, вот сталь… вот зверь и хрупкая плоть в колыбели.
Будущий Придаток Фархада иль-Рахша. Который станет бывшим, так и не став настоящим.
— Ильхан мохасту Мунир суи ояд-хаме аль-Мутанабби! — глухо прозвенело позади меня.
Никогда в своей жизни не слышал я ТАКОГО звона; и неведомо для меня было значение сказанного.
Треснула одна из опор деревянной подставки, две других не выдержали веса старого ятагана, согнулись, спружинили, покачнулся палисандровый постамент…
Я это видел.
Скрежетнули когти по гладкому полу, рывком разогнулись мощные лапы, посылая чауша в воздух с неотвратимостью взбесившейся судьбы…
И это я видел.
Двое летели навстречу друг другу: освободившийся зверь, обуянный жаждой убийства, и обнаженный ятаган Фархад, чьи ножны зацепились кольцом за обломившуюся опору подставки, пославшую Блистающего в полет.
— …Мунир суи ояд-хаме аль-Мутанабби! — эхом прозвучало во второй раз.
Грозно и непонятно.
А потом Чэн, словно во сне, протянул правую руку и легко поймал Фархада за рукоять.
Впервые мой Придаток держал одновременно со мной другого Блистающего; но разве не впервые существовал Придаток (опять это проклятое слово!) с невесть чьей латной перчаткой вместо руки?!
Сгоряча я даже и не заметил — почти не заметил — что вновь думаю о Чэне, как о Придатке, а потом я внезапно увидел пылающий Кабир, проступивший сквозь стены зала, гневно заржал призрачный гнедой жеребец, и я сделал то, что должен был сделать.
Сделал.
Сам.
Или не сам?..
Но я это сделал.
6
…Придаток Шешеза тяжело спустился с помоста, словно прошедшие мгновенья состарили его на добрый десяток лет — срок, ничтожный для Блистающего, но не для Придатка — и, обойдя убитого чауша, приблизился к лежащему Шешезу.
Нагнулся.
Поднял.
Шешез Абу-Салим фарр-ла-Кабир молчал.
Его Придаток еще немного постоял и вернулся к мертвому зверю. Присев у тела, он замер на корточках; Шешез осторожно потянулся вперед и почти робко коснулся разрубленной головы с навечно оскаленной пастью.
Разрубленной.
Чисто и умело.
Как умели это делать ятаганы фарр-ла-Кабир, рубя неживое; и я еще подумал, что легенды о Фархаде могут оказаться правдой, и старый ятаган рубил некогда многое, о чем не стоит лишний раз вспоминать.
Окровавленный Фархад иль-Рахш по-прежнему находился в правой руке Чэна.
Потом Шешез толкнул голову чауша, и та запрокинулась, открывая бурую слипшуюся шерсть на пронзенной насквозь шее зверя.
Ятаганы так не умеют.
Так умею я.
О Дикие Лезвия, ставшие Блистающими — как же это оказалось просто! До смешного просто!..
И я негромко рассмеялся. Смерть и смех — вы, оказывается, часто ходите рядом!

Да, сегодня передо мной и Фархадом был зверь, дикий безмозглый зверь, хищный обитатель солончаков — но, может быть, с Придатками все получается так же просто? Так же естественно? Значит, дело не в руке — верней, не только в руке из металла — но и во мне?! В кого ты превращаешься, Мэйланьский Единорог? Куда идешь?!
Неужели таков Путь Меча?!
Чэн спрыгнул вниз, подошел к Придатку Шешеза и отдал ему Фархада. Сам Шешез Абу-Салим слабо вздрогнул, когда его Придаток коснулся железной руки Чэна; я сделал вид, что ничего не произошло, и тщательно вытерся о шкуру убитого чауша.
Так, словно не раз делал это раньше.
— Фархад! — тихо позвал я потом (мне легче было обращаться к старому ятагану, когда его держал чужой Придаток). — Фархад иль-Рахш фарр-ла-Кабир!
Он не отозвался.
Он спал. Или притворялся. Или думал о своем.
Какая разница?
— Что ты хочешь спросить… Высший Дан Гьен? — ответил вместо иль-Рахша Шешез, и голос его был неестественно бесстрастен.
— Я хочу знать, что кричал Блистающий Фархад перед тем, как…
Я не договорил.
Шешез Абу-Салим поднял на ноги своего Придатка, возвратился к сломанной подставке, долго смотрел на нее, а потом его Придаток осторожно положил иль-Рахша просто поперек колыбели, так и не облачив его в потерянные ножны.
— Здесь никого нет, — бросил Шешез, отвечая на еще один вопрос, который я так и не задал вслух. — Дитя-Придаток Фархада в другом месте. В этой колыбели он только спит по ночам, да и то не всегда. Значит, Высший Дан Гьен, ты хочешь знать, что кричал мой двоюродный дядя Фархад?.. Он кричал: «Ильхан мохасту Мунир суи ояд-хаме аль-Мутанабби!» Я и не думал, что когда-нибудь услышу этот забытый язык, да еще в своем доме…
Я ждал.
— Это означает, — сухо продолжил Шешез Абу-Салим, — это означает: «Во имя клинков Мунира зову руку аль-Мутанабби!» Ну что, ты доволен, Единорог?
Мое прозвище почему-то далось ему с трудом.
— Аль-Мутанабби? — задумчиво лязгнул я, опускаясь в ножны. — Это Блистающий?
И тут же устыдился собственной глупости. Раз у этого аль-Мутанабби была рука — кем он мог быть, если не Придатком?
Шешез будто и не заметил моего промаха.
— В семье Абу-Салимов, — заметил он, — бытует старое предание, что когда южный поход Диких Лезвий увенчался взятием Кабира, и лучший ятаган нашей семьи стал первым фарр-ла-Кабир… так вот, его Придатка якобы звали Абу-т-Тайиб Абу-Салим аль-Мутанабби. И я не раз слышал от того же Фархада, что в черные дни Кабира вновь придет время для руки этого Придатка. Правда, я всегда посмеивался над велеречивостью старика, когда он в очередной раз принимался излагать мне одно и то же…
— Во имя клинков Мунира зову руку аль-Мутанабби… — повторил я. — А клинки Мунира — это тоже из ваших родовых преданий? И кто такой Мунир? Имя? Город? Местность?
— Не знаю, — ответил Шешез, — ничего я толком не знаю… Я знаю только, Единорог, что время испытаний для тебя закончилось. И еще кое-что закончилось…
Он резко взлетел вверх и описал двойную дугу над головой своего Придатка.
— Смерти! — взвизгнул ятаган. — Смерти, убийства, несчастные случаи, призраки Тусклых — все это закончилось! Тишь да гладь! Вот уже две недели, как в Кабире все спокойно! И я не могу больше, я все время жду неведомо чего, я боюсь собственной тени… Это проклятое затишье вымотало меня хуже ежедневных сообщений об очередных убийствах! И вдобавок этот харзиец, пылающий ненавистью, этот Пояс Пустыни… последнее его сообщение было с дороги Барра, что ведет к границе с Мэйланем — и с тех пор он молчит! А сообщал, что напал на след… Выходит, однако, что след напал на него…
Шешез успокоился так же неожиданно, как и вышел из себя.
— Мир переворачивается, Единорог, как песочные часы, и прошлые песчинки вновь сыплются в чашу настоящего… Я схожу с ума от неизвестности, Кабир

мечется от стены ужаса к двери благополучия, ты веришь Дзюттэ Обломку и пытаешься спасти испорченного Придатка, Маскин Седьмой из Харзы… он учится убивать, Шипастый Молчун заставляет своего Повитуху приклепать твоему Чэну неизвестно чью руку, а Фархад глядит на нее и взывает к руке аль-Мутанабби!.. Наверное, и впрямь настали черные дни Кабира! А я — я плохой правитель для черного времени… слишком уж долго за окнами было светло.
И я понял, что аудиенция закончена.
А еще я вспомнил, что в тот момент, когда в доме Гердана впервые сжались стальные пальцы — Дзюттэ Обломок сказал почти то же самое, что и Фархад иль-Рахш.
Дзюттэ сказал: «Во имя клинков Мунира!..»

Глава 8

1
А вечеринка — или празднество, как пышно выразился Заррахид — прошла на редкость успешно.
Гости были милы и подчеркнуто беззаботны, Гвениль все время острил и все время неудачно, зато Махайра — удачно, но тому же Гвенилю стоило больших трудов не обижаться на Бронзового Жнеца; Заррахиду я строго-настрого запретил прислуживать — для этого понадобился приказ по всей форме о переводе эстока на сегодняшний вечер в ранг гостя — и теперь мой Заррахид рьяно ухаживал за Волчьей Метлой и был совершенно неотразим…
Детский Учитель семьи Абу-Салим молчал, как всегда, но молчать он умел весьма выразительно, передавая различные оттенки настроения — и я решил, что на этот раз Детский Учитель молчит доброжелательно. Помалкивал и Обломок, словно растеряв с того памятного дня изрядную долю своих причуд и чудачеств.
Беседы велись исключительно светские, не на победу, а так — для развлечения, с многочисленными уступками Беседующих сторон друг другу, и я просто диву давался, глядя на галантного эспадона или почти благопристойного Дзюттэ.
Сам я в Беседах не участвовал, довольствуясь ролью зрителя и — иногда — третейского судьи. Меня останавливала отнюдь не неуверенность в железной руке — после убитого чауша я не сомневался в ее своеобразных возможностях, и лишь слегка побаивался их — а просто я по гарду был сыт происшедшим, да и гости мои старались не очень-то задевать Единорога.
На всякий случай. Тем более что случаи в наше смутное время действительно пошли — всякие…
«Да, наверное, — думал я, глядя на Придатков, уходящих по завершению Бесед к накрытому столу, и на друзей-Блистающих, собравшихся в оружейном углу вокруг тяжеловесного Гердана и оживленно спорящих о чем-то, — наверное… Если очень постараться, то они все обучатся… обучатся убивать. Собственно, почему „они“?! Нас, нас всех можно научить щербить и ломать друг друга, бесповоротно портить Придатков, бешено кидаться вперед с горячим от ярости клинком, и кровавая пена будет вскипать на телах бывших Блистающих!.. И в конце концов мы разучимся Беседовать, ибо нельзя Беседовать в страхе и злобе.»
За столом Придатков раздался взрыв хохота, а в оружейном углу Дзюттэ блистательно изобразил помесь кочерги и Шешеза Абу-Салима, отчего восторженные зрители весело взвизгнули — не переходя, впрочем, определенных границ. Что позволено шуту… то позволено шуту, а смеяться позволено всем.
«Странно, — думал я, вежливо блеснув улыбкой, — мир так велик, а я никогда не забредал даже в мыслях своих за пределы Кабирского эмирата и граничащих с ним земель, вроде того же Лоулеза! А живьем я и вообще почти ничего не видел, кроме Мэйланя да Кабира! Что происходит там, далеко, не у нас? — а там ведь наверняка что-то происходит! Откуда приехал в свое время в Кабир эсток Заррахид? Да разве он один… Как ТАМ — так же, как у нас, или по-иному? Может быть, то, что для меня — память латной перчатки, для них — реальность нынешнего дня?!»
Чтобы отвлечься от невеселых размышлений, я более внимательно глянул на Придатков за столом и увидел, как мой Чэн неловко опрокинул полный кубок, по привычке ткнув в него правой рукой.

«Интересно, а сможет ли он, Чэн Анкор, вообще взять что-нибудь этой рукой — что-нибудь, кроме Блистающего? Кубок, тростниковый калам для письма, поводья? А ну-ка, попробуем с другой стороны…»
Я расслабился, обвиснув на крюке, мысленно дотянулся до перчатки, прошел сквозь нее к Чэну — и он почувствовал это, он поднял металлическую руку и с удивившим даже меня упрямством вновь потянулся к опрокинутому кубку, под которым расплывалось по скатерти багровое пятно.
Да, умница, правильно, а теперь забудь про кубок… представь себе, что берешь меня… вспомни рельеф моей рукояти… ну ладно, давай пробовать вместе…
Стальные пальцы неуверенно дрогнули, потом слабо зашевелились, словно и впрямь припоминая нечто — и плотно охватили кубок. Чэн сперва с удивлением смотрел на это, но удивление быстро проходило, и ему на смену явились понимание и радость.
Тихая, спокойная радость. Значит — могу… то есть — можем.
Можем. Кубок, калам, поводья, что угодно. Вот только почему я так счастлив от этого события? Ведь скажи кому из Блистающих о подобных отношениях с Придатком — не поверят. Решат, что рехнулся Единорог. От перенесенных страданий.
Ну и пусть. Просто они еще не знают о том распутье, на котором сходятся Путь Меча и Путь Придатка; а дальше, возможно, ведет всего один Путь.
Просто — Путь.
Один против неба.
И мне вдруг захотелось вслух задать мучившие меня вопросы — хотя бы малую их толику! — но задать их не Дзюттэ Обломку или тому же Детскому Учителю, а спросить и выслушать ответы Придатков.
Как?
А вот так…
Чэн уже стоял рядом со мной. И через мгновение, когда я оказался у него на поясе, а железная рука коснулась моей рукояти, усиливая чувство цельности — через мгновение мы, не сговариваясь, шагнули друг в друга на шаг дальше, на шаг глубже, чем делали это раньше.
Теперь мы были не просто вместе, не просто Чэн и я — нет, получившееся существо скорее должно было называться Чэн-Я или Я-Чэн, в зависимости от того, чей порыв в том или ином поступке оказывался первым.
Так оно и случилось, легко и естественно, и настолько быстро, что не осталось времени ни обрадоваться, ни пожалеть.
Посему Я-Чэн не жалел и не радовался.
2
Чэн-Я помедлил, одернул халат и вернулся к столу.
Я-Чэн мельком отметил, что, похоже, никого не обеспокоило кратковременное отсутствие Чэна Анкора. Да и возвращение с Единорогом на поясе тоже никого особо не удивило. Мало ли…
Разве что чуть внимательнее прочих поглядел на Чэна-Меня Придаток Дзюттэ Обломка и Детского Учителя семьи Абу-Салим — которого сами Придатки звали Друдлом.
Друдл Муздрый, шут их величества эмира Кабирского, Дауда Абу-Салима.
Дзюттэ Обломок, шут царственного ятагана Шешеза Абу-Салима фарр-ла-Кабир.
И пусть после этого кто-нибудь попробует убедить меня, что мы не похожи друг на друга! Мы, Блистающие и Придатки; мы…
Пусть это знаю пока один я, пусть один я…
Один против неба.
А пока я незаметно отошел на второй план, превращаясь из Меня-Чэна в Чэна-Меня, и сам не заметил, как Придатки за столом обрели имена и перестали быть Придатками.
Став людьми.
Чэн-Я улыбнулся собравшимся, пододвинул высокий мягкий пуф из привезенных дворецким и сел рядом с увлеченно жующим Фальгримом. Отметив попутно, что даже в доме Коблана прочно укоренилась западная мода есть за столом — а старый обычай сидеть на подушках за дастарханом если где и сохранился, то уж наверняка не в Кабире.
…Кстати, у стола Меня-Чэна ожидал приятный сюрприз. Оказывается, Чэн — просто Чэн, еще до опрокинутого кубка — уже успел задать кузнецу Коблану вопрос о клинках Мунира.

Так что ответ ждал нас.
Если, конечно, то, что Чэн-Я сейчас услышу, можно будет счесть ответом…
— Жили некогда, — распевно начал дождавшийся Чэна Коблан, — два великих мастера-оружейника, и звали их Масуд и Мунир. Некоторые склонны считать их Богами Небесного Горна или демонами подземной кузницы Нюринги, но я-то лучше многих знаю, что всякий кузнец в чем-то бог и в чем-то демон, и не верю я досужему вымыслу. Людьми они были, Масуд и Мунир, если были вообще… А вот в то, что был Масуд учеником Мунира и от него получил в свое время именное клеймо мастера — в это верю. И не было оружейников лучше их. Но заспорили они однажды — чей меч лучше? — и решили выяснить это старинным испытанием. Ушли Масуд и Мунир, каждый с тремя свидетелями из потомственных молотобойцев и с тремя свидетелями из людей меча, ушли в Белые горы Сафед-Кух…
Кузнец грузно встал, прошел к маленькому резному столику на гнутых ножках и взял пиалу с остывшим зеленым чаем. Он держал ее легко, бережно, и было совершенно непонятно, как корявые, обожженные пальцы Железнолапого, подобные корням вековой чинары, ухитряются не раздавить и даже не испачкать тончайшую белизну фарфоровых стенок.
— И вонзили оба мастера по лучшему клинку своей работы в дно осеннего ручья, чьи воды тихо несли осенние листья. И любой лист, наткнувшийся на меч Масуда, мгновенно рассекался им на две половинки — столь велика была жажда убийства, заключенная в лезвии. А листья, подплывавшие к клинку Мунира, огибали его в страхе и невредимыми плыли дальше по течению.
Коблан помолчал, шумно прихлебывая чай.
— Говорят, — наконец продолжил он, — что ударила тогда в ручей синяя молния с ясного неба, разделив его на два потока. И был первый поток, где стоял мудрый меч мастера Мунира, желтым от невредимых осенних листьев. И был второй поток, где стоял гордый меч мастера Масуда, красным — словно кровь вдруг потекла в нем вместо воды. И разделились с той минуты пути кузнецов. Мунир с двенадцатью свидетелями ушел от ручья, а оставшийся в одиночестве Масуд прокричал им в спину, что наступит день — и у него тоже будет дюжина свидетелей, не боящихся смотреть на красный цвет. Страшной клятвой поклялся в том Масуд, и тогда ударила с неба вторая молния, тускло-багровая… Обернулся Мунир — и не увидел ученика своего, Масуда-оружейника, и меча его тоже не увидел. А два горных ручья тихо несли в водах своих осенние листья…
И еще помолчал кузнец Коблан, словно тяжело ему было говорить, но — надо.
— Вот с тех пор и называют себя кузнецы Кабира, Мэйланя, Хакаса и многих других земель потомками Мунира. Вот потому-то и призываем мы благословение старого мастера на каждый клинок, выходящий из наших кузниц. И семихвостый бунчук кабирского эмирата желтого цвета — цвета полуденного солнца, цвета теплой лепешки, цвета осенних листьев, безбоязненно плывущих по горному ручью…
— А Масуд? — тихо спросила Ак-Нинчи. — Он что, так и не объявился?
— Пропал Масуд. Только поговаривали, что согласно данной клятве отковал он в тайной кузне двенадцать клинков, и тринадцатым был клинок из ручья испытания. Тусклой рождалась сталь этих мечей, и радует их красный цвет крови человеческой. И когда ломается какой-либо меч из Тусклой Дюжины и Одного, то вновь загорается горн в тайных кузницах, и проклятый Масуд-оружейник или один из его последователей — а нашлись и такие — берет тяжкий молот и идет к наковальне. Глухо рокочет пламя в горне, стонет железо под безжалостными ударами, и темное благословение Масуда призывается на одержимый меч. Или и того хуже — не новый клинок кует кузнец, а перековывает старый, что был ранее светлым, светлым и…
— А с чего бы это тебе, Высший Чэн, — вдруг перебил кузнеца шут Друдл, — с чего бы это тебе сказками старыми интересоваться? Вроде бы не водилось за тобой раньше любознательности излишней…
Я-Чэн ответил не сразу. Чэн-Я неотрывно смотрел на шута, на коренастого плотного человечка в смешном и куцем распоясанном халате — и видел круглую физиономию с черной козлиной бородкой, которую Друдл непрерывно пощипывал, видел съехавшую на затылок фирузскую тюбетейку, пробитую мной и после аккуратно заштопанную; видел…

Друдл, похоже, несколько дней не брил головы. Его тюбетейку окружал короткий и колючий ежик отросших волос, будто трава — цветастый холмик; и был холм-тюбетейка ярок и праздничен, а трава — побитая морозом и белая от инея.
Ох, что-то Я-Чэн или Чэн-Я — словом, что-то Мы стали слишком вычурно думать. Холм, трава, мороз… Отчего не сказать прямо — седым был Друдл Муздрый, Придаток Дзюттэ Обломка и Детского Учителя, шут-советник эмира Дауда… седым, как лунь, и даже не был — стал…
Оттого черная бородка выглядела ненастоящей, приклеенной, и казалось, что Друдл хочет оторвать ее. Чтоб не выдавала, не напоминала о случившемся.
А Я-Чэн отчего-то подумал, что Блистающие не седеют. Правда, говорят, что они тускнеют… или ржавеют. Одно другого стоит…
— Знаешь, Друдл, — неторопливо заговорил Чэн-Я, — сказки — они ведь снам сродни. А мне в последнее время один и тот же сон снится, хоть днем, хоть ночью. Будто бы Кабир горит, развалины кругом, и я на гнедом жеребце… Вот и боюсь, что сон в руку…
Я-Чэн выждал и добавил словно между прочим:
— В руку аль-Мутанабби. Что скажешь, Друдл?
Фальгрим Беловолосый и Диомед заинтересованно смотрели на Чэна-Меня, Чин нервно накручивала на палец прядь своих длинных волос — все чувствовали, что за сказанным кроется много несказанного; и друзья мои ждали продолжения.
Кос ан-Танья невозмутимо играл костяной вилочкой для фруктов.
Зато Коблан чуть не подавился остатками чая, и закашлялся, тщетно стараясь что-то произнести.
— Он все знает, Друдл, — выдавил кузнец. — Я ж говорил тебе, что мы выпускаем джинна из бутылки…
Теперь настал Мой-Чэнов черед удивляться. Оказывается, с точки зрения Коблана, Чэн-Я уже все знаю, причем не просто что-то знаю или слегка догадываюсь, а знаю именно ВСЕ. Что ж это выходит — единым выпадом из дураков в мудрецы?!
Так мы с Друдлом — мудрецы одной масти…
— Ты прочел надпись, Чэн? — очень серьезно спросил Друдл, и серьезность шута испугала Чэна-Меня больше, чем суетливость Железнолапого.
— Или тебе рассказал эмир Дауд?
Чэн-Я не выдержал его вопрошающего взгляда и опустил глаза. На стол. А рядом со столешницей торчал набалдашник рукояти Меня-Чэна. А на нем покоилась наша правая рука. А на руке, поверх кольчужной перчатки были приклепаны небольшие овальные пластины.
А на одной из них…
Чэн-Я напряг зрение, пытаясь разобрать вязь знаков, выбитых на пластине. Упрямые значки не сразу захотели складываться в слова; зато когда все-таки сложились…
Абу-т-Тайиб Абу-Салим аль-Мутанабби.
Вот что было написано на перчатке… на руке… на нашей руке.
— Я прочел надпись, Друдл, — хрипло пробормотал Чэн-Я. — Да, я прочел ее…
И немного погодя закончил:
— Только что.
Шут искоса взглянул на ан-Танью, и понятливый Кос мигом наполнил кубки, провозгласил витиеватый и не совсем приличный тост за единственную розу в окружении сплошного чертополоха; все дружно выпили, маленькая Чин попыталась ограничиться вежливым глоточком, что вызвало бурный протест окружающих, а Фальгрим даже поперхнулся недожеванной долмой, и Диомед принялся хлопать Беловолосого по спине, но отбил себе всю руку, и…
И никто не заметил, что Коблан обошел стол и встал за Моей-Чэновой спиной.
— Те доспехи из сундука, — тихо, но вполне слышно прогудел Коблан, — они… Их делал мой предок. Тоже Кобланом звали… А делал он их для аль-Мутанабби. Когда тот еще не был эмиром.
— А кем он был? — спросил я, не оборачиваясь.
— Поэтом он был, Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби, лучшим певцом-чангиром от Бехзда до западных отрогов Белых гор Сафед-Кух, — вместо Коблана ответил Друдл, умудряясь одновременно швырять косточками от черешен в смеющегося Диомеда. — Помнишь, Железнолапый, как в ауле Хорбаши…
Пожалуй, Чэн-Я сейчас не удивился бы, если бы Коблан кивнул и подтвердил, что они с Друдлом лично знали легендарного аль-Мутанабби, чьи времена даже для

Блистающих моего поколения — а наш век несравним с жизнью Придатков — тонули в дымке почти нереального прошлого.
Нет, не это хотел сказать шут Друдл. Совсем не это.
— Конечно, помню! — счастливо рявкнул кузнец. — Ты еще спорил со мной, что «Касыду о взятии Кабира» никто уже целиком не помнит! А я тебя, ваше шутейшее мудрейшество, за ухо и на перевал Фурраш, в аул! Как же мне не помнить, когда ты перед мастером-устадом тамошних чангиров на колени бухнулся, а он так перепугался, что и касыду тебе раз пять спел, и слова записал, и вина в дорогу дал — лишь бы я тебя обратно увел!
— Что ты врешь! — перебил его раскрасневшийся Друдл, хлопая злосчастной тюбетейкой оземь. — Это я тебя оттуда еле уволок, когда ты им единственный на весь аул молот вдребезги расколотил! И добро б пьяный был — нет, сперва молот разнес, а уж потом…
— Да кто ж им виноват, — искренне возмутился кузнец, — что они пятилетнюю чачу в подвалы прячут и тройной кладкой замуровывают! Не кулаком же мне этакие стены рушить? А молот в самый раз, хоть и никудышный он у них был… таки пришлось в конце кулаком. И потом — я им через месяц новый молот привез, даже два!.. и стенки все починил…
Кузнец набрал в могучую грудь воздуха, явно желая еще что-то добавить, возникла непредвиденная пауза, и в тишине отчетливо прозвучал негромкий голосок Ак-Нинчи.
— Спойте касыду, Друдл, пожалуйста…
Друдл зачем-то сморгнул, словно пылинка ему в глаз попала, поднял с пола свою тюбетейку, водрузил ее на прежнее место — и вдруг запел странно высоким голосом, время от времени ударяя себя пальцами по горлу, как делают это певцы-чангиры, когда хотят добиться дрожащего звука, подобного плачу.

Не воздам Творцу хулою за минувшие дела,
Пишет кровью и золою тростниковый мой калам,
Было доброе и злое — только помню павший город,
Где мой конь в стенном проломе спотыкался о тела…

Удивленно слушал поющего шута Фальгрим, прищелкивали пальцами в ритме песни Диомед и ан-Танья, чьи глаза горели затаенным огнем, сосредоточенно молчала Чин — а Я-Чэн повторял про себя каждую строку… и вновь пылал Кабир, грыз удила гнедой жеребец, скрещивались мои сородичи, умевшие убивать, легенды становились явью, прошлое — настоящим и, возможно, будущим…
«А ведь он сейчас совершенно не такой, как обычно, — думал Чэн-Я, — нет, не такой… никакого шутовства, гримас, ужимок… Серьезный и спокойный. Нет, сейчас…»
«…нет, сейчас Друдл мало похож на Дзюттэ Обломка, — думал Я-Чэн, — сейчас он скорее напоминает своего второго Блистающего, Детского Учителя семьи Абу-Салим. Мудрый, все понимающий и… опасный. Две натуры одного Придатка, у которого два Блистающих…»

Помню — в узких переулках отдавался эхом гулким
Грохот медного тарана войска левого крыла.
Помню гарь несущий ветер, помню, как клинок я вытер
О тяжелый, о парчовый, кем-то брошенный халат.
Солнце падало за горы, мрак плащом окутал город,
Ночь, припав к земле губами, человечью кровь пила…

Сухой и громкий, неожиданно резкий стук наслоился на пение Друдла, жестким ритмом поддержав уставший голос, как кастаньетами подбадривают сами себя уличные танцовщицы и лицедеи-мутрибы — оказывается, Чэн-Я даже не заметил, как вслед за Диомедом и ан-Таньей тоже стал прищелкивать пальцами, словно обычный зевака, слушающий на площади заезжего чангира.
Только большинство кастаньет Кабира черной завистью позавидовало бы тому, как могли щелкать стальные пальцы правой руки Меня-Чэна.

Плачь, Кабир — ты был скалою, вот и рухнул, как скала!
…Не воздам Творцу хулою за минувшие дела…

Друдл умолк, а Коблан еще некоторое время раскачивался из стороны в сторону, будто слышал что-то, неслышное для всех — отзвук песни шута, звон струн сафед-кухского чангира, топот копыт гнедого жеребца, несущего мимо дымящихся развалин удивительного Придатка по имени аль-Мутанабби.
— Что ж это получается, — забывшись, прошептал Я-Чэн, и в шепоте отчетливо зазвенела сталь, холодная и вопрошающая, — выходит, это все правда?.. выходит, вначале мы все были Тусклыми? Неужели мы и впрямь появились на этот свет, чтобы убивать — и попросту забыли о кровавом призвании?! Забыли, а теперь вспоминаем, и нам больно, нам стыдно, мы громоздим одну легенду на другую, кричим, что мы — Блистающие… а на самом деле мы — Тусклые!.. врет легенда — первым был Масуд, проклятый Масуд-оружейник, и его мечи были первыми, а лишь потом мы убедили себя, что мы — клинки Мунира!.. и разучились делать то, для чего рождались, и первым было Убийство, а Искусство — вторым, хоть и не должно так быть!..
Все с молчаливым недоумением смотрели на Чэна-Меня. Еще бы! Мало того, что Я-Чэн заговорил одновременно на языке Блистающих и языке Придатков — так я еще и Тусклых приплел… а что об этом могут знать Придатки?!
Хотя… А что, собственно, я — просто я, Высший Мэйланя прямой Дан Гьен — знаю о Придатках?
Что мы все знаем друг о друге?
Много. И в то же время — ничего.
Значит, должно было случиться то, что случилось, привычная жизнь должна была вывернуться наизнанку, трава на турнирном поле должна была стать красной, а волосы шута Друдла — белыми… — и все для того, чтобы мы с Чэном впервые сознательно протянули руку друг другу.
Руку Абу-т-Тайиба аль-Мутанабби.
Руку из сундука, где хранится одежда, которую надевали Придатки для защиты от Блистающих, бывших тогда Тусклыми.
Люди — для защиты от оружия.
А потом Время сложило весь этот хлам в сундук и захлопнуло крышку…
3
Заснуть я так и не смог. Уж как ни старался — не спалось мне, и все тут.
Придатки давно разбрелись по отведенным им комнатам, Блистающие мирно почивали на своих крючьях да подставках — Гердан-хозяин просто у стены — тьма лениво копилась в углах, растекаясь по полу; а я слегка покачивал левой кисточкой и монотонно считал про себя — один, два, три…
Нет. Не получается.
Картины недавнего прошлого проплывали в сознании, подобно осенним листьям в горном ручье — вот церемония Посвящения у Абу-Салимов, вот я решаю судьбу турнира, вот турнир вместе с вежливым Но-дачи решают мою судьбу… скрипучий голос (голоса?) трех кинжалов-трезубцев, чей Придаток стоял рядом со мной, проваливающимся в беспамятство…
Желтые листья ушедших дней и событий в извилистом ручье моей памяти, желтые листья плыли и плыли, в страхе огибая холодный меч рассудка — вот Шешез и его поручение заняться поиском Тусклых, вот шут Дзюттэ Обломок с его сумасшедшей идеей… вот Чэн у наковальни, помогает Повитухе Коблану ковать железную руку… вот домашний арест, жалобный звон Волчьей Метлы за окном и слепая ярость, заставляющая стальные пальцы сомкнуться на рукояти… первое ощущение цельности с Чэном… убитый чауш и крик Фархада… клинки Мунира… рука аль-Мутанабби…
Что-то исчезло. Чего-то не хватало мне сейчас, сию минуту — и потеря была незаметна и бесконечно важна. Словно некий порыв, до того владевший мной и толкавший вперед, внезапно иссяк и исчез.
Это было неприятно и удивительно, как если бы уже войдя в удар, я вдруг понял, что не имею ни малейшего желания довести этот удар до конца.
Заболел я, что ли?

Нет. Просто мир Придатков, мое с Чэном взаимопроникновение и железная рука — все это незаметно отодвинуло на второй план суть и смысл моего прежнего существования.
Модный узор на новых ножнах и светские Беседы с Волчьей Метлой и Гвенилем; размышления о том, что пора бы женить своего Придатка и лет через пять-семь всерьез задуматься о подготовке нового — или подождать Чэновых внуков, если сам Чэн не растолстеет и не заболеет; выезды в город, в гости; подготовка к очередному турниру — словом, жизнь Высшего Мэйланя прямого Дан Гьена по прозвищу Единорог до смертей на улицах Кабира и до вероломного удара Но-дачи.
Мысли о самоубийстве, боль и страх, и жар от пылающего горна, и мечты о мести, сладкой и хмельной мести; и стальные пальцы на моей рукояти — то мертвые и недвижные, то живые и помнящие; и убитый чауш, и легенда о клинках Мунира, и многое, многое другое — да, это я сейчас, сегодня и сейчас…
Ну и что дальше?!
Мои собственные переживания и близость с Чэном, а главное — стремление знать, узнавать и копаться в том, что было, что могло бы быть — все это затмило реальную возможность мести, реальных (или нереальных) Тусклых и поручение Шешеза.
Короче, будь моя воля — никуда бы я не ходил, никого бы не искал, а только спрашивал бы да размышлял.
Месть меня больше не интересовала. Считайте меня рохлей, зовите меня трусом — сверкать я на вас всех хотел. Руку, оставшуюся на турнирном поле, уравновесила рука, обретенная в кузнице Гердана Шипастого Молчуна и Повитухи Коблана.
Потеря — находка, боль и горе — радость открытия нового. Теперь мне нужен был новый повод для мести, чтобы идти по Пути Меча с гневом и страстью, или…
Вот так-то… Или не так, а просто ночь и тишина морочат меня, навевая мысли, которые утром развеются, подобно туману… Посмотрим… посмотрим.
— Ты спишь, Единорог? — еле слышно доносится из угла.
Это Детский Учитель. Тоже заснуть не может, что ли?
Молчу. Пусть думает, что сплю.
— Притворяется, — уверенно отвечает второй голос, вне всяких сомнений принадлежащий Обломку. — Хитрый он стал, Наставник… Скоро штопором завьется от хитромудрости своей, и будет пробки истины из бутылей бытия выдергивать! Дашь пробочку на бедность, а, Единорожа?
— Не дам! — раздраженно бросаю я и тут же понимаю, что дальше притворяться спящим бессмысленно.
— Не спит он, Наставник, — как ни в чем не бывало сообщает Обломок, адресуясь к Детскому Учителю. Слово «Наставник» он произносит со странным насмешливым уважением. Так мог бы называть сына, вышедшего в мастера, умудренный жизнью и опытом отец — хотя Дзюттэ можно считать кем угодно, но только не умудренным.
Интересно, а сколько лет Обломку?
И почему я никогда не видел Блистающих с такой внешностью, как у него? Только потому, что он — шут? Так не родился же он шутом…
— Это я во всем виноват, — вдруг заявляет Детский Учитель. — И нечего, Дзю, меня успокаивать! Мое слово было последним, мне и отвечать!..
— И вовсе не твое, а мое! — бросает Обломок, а я слушаю их перепалку, и ничего не могу взять в толк. Гвениль тоже вину на себя брал — дескать, не проиграй он турнирную рубку Но-дачи, все было бы в порядке. Я уж устал ему твердить: брось, Гвен, судьбу не разрубишь, я хоть живой остался, а сколько Блистающих на улицах Кабира ушло в Нюрингу? То-то же!..
Теперь еще один виноватый выискался. Он-то здесь при чем? Ведь не Детского Учителя слово, и уж тем более не шуточки Дзю — я, я последнее слово о турнире сказал, еще у Шешеза в гостях!
— А что ты должен был им ответить?! — яростно шипит Дзюттэ. — Что ты согласен, что из-за какой-то Шулмы — если она вообще существует! — клан Детских Учителей покроет ржавчиной почти восемь веков благоразумия и станет учить юных Придатков убивать?! Что ты, как Верховный Наставник, готов стать Диким Лезвием и других сделать такими же?! Ты это должен был сказать, да?!
Так, сейчас они всех перебудят… Впрочем, любопытство уже проснулось во мне, а остальным просыпаться вроде бы и не к чему.
— Тихо! — командую я лязгающим шепотом, и, как ни странно, они мгновенно умолкают. — Вы меня зачем будили? Без зрителя ругаться скучно?! Значит, так —

или вы без воплей объясняете мне, в чем дело, или — клянусь клинками Повитухи Масуда! — я…
Договаривать мне не пришлось. Упоминание о клинках пришлось как нельзя кстати — Дзюттэ и Детский Учитель мигом угомонились.
— Ты что?! — с некоторым испугом брякает Обломок. — И впрямь дурак… Кто ж такими именами ночью бросается?! Я думал, дурнее меня никого нет, а оказывается…
Тьфу ты, пропасть! Оказывается, я в запале имена Повитух перепутал. Хотел Мунира вспомнить, а мне на клинок Масуд подвернулся!
Даже в темноте я вижу — нет, скорее чувствую — как они переглядываются.
Конечно! Во-первых, если дурак-Единорог такими именами бросается, то он их наверняка знает. Спрашивается — откуда? Предположить, что от Придатков — нет уж, Дзюттэ, конечно, тоже дурак, но не сумасшедший. И потом — может, я с умыслом Масуда, Повитуху Тусклых, помянул? Мало ли…
— Ладно, — наконец решается Детский Учитель, — начистоту так начистоту. От Кабира до Мэйланя сколько дней пути?
Он что, в Мэйлань собрался? Родичей моих проведать?
— Недели три, — отвечаю, — с лишком. И коней не жалеть. А если с караваном, не спеша — так и поболе будет. А что?
— Ничего. А от Мэйланя до Кулхана?
Кулхан — это пески на северо-востоке от Вэя, окраины Мэйланя. Я и не был-то там ни разу… ведь по-мэйланьски «кул-хан» — «плохие пески».
И не просто, а очень плохие.
— Ну… не знаю. Дня три, если тропы выучить. Или кого-нибудь из Охотничьих ножей в проводники взять.
— А если наобум?
— Тогда — неделю. Или вообще не доберешься.
— Так… Ну а если через Кулхан насквозь пройти и взять еще севернее? Там что?
Ишь, заглянул! Я и не слыхал, чтоб кто-нибудь в этакие дебри забирался… зыбучка там, если верить слухам. То есть это в Кулхане зыбучка, а за ним…
— Ничего, — отвечаю. — Конец света. Восьмой ад Хракуташа, где Ушастый демон У плохих Придатков перековывает.
— Да? — вмешивается Обломок. — А нам сказали, что там Шулма.
— Какая еще Шулма? Кто сказал?
— Друг твой один, — невесело хихикает Обломок. — Близкий. Длинный такой, слабо изогнутый, рукоять чуть ли не в полклинка, а гарды и нет-то почти. Руки Придаткам рубить любит.
— Но-дачи?!
— Он самый… Ну что, Наставник, рассказывай…
И Наставник рассказал.

4

По словам Детского Учителя, дней за десять до того, как произошло первое убийство в Хаффе на открытом турнире, к нему явились гости.
Но-дачи явился, потом еще один Блистающий, очень похожий на Но-дачи, но совсем маленький, не больше самого Детского Учителя; и трое странных кинжалов с узким граненым клинком и длинными острыми усами выгнутой гарды, отчего сами кинжалы сильно напоминали трезубцы, снятые с древка.
(Вспомнил я турнир, кинжалы эти вспомнил, как они Но от меня да Чэна беспамятных уводили; голос их скрипучий вспомнил, Придатка нескладного, одного на троих — и не сказал я ничего, только кистью качнул Детскому Учителю семьи Абу-Салим: продолжай, мол…) …Говорил, в основном, Но-дачи. Остальные молчали. Плохо как-то молчали. С вызовом. Короткий Блистающий сперва даже имени своего не назвал, а по виду его род определить не выходило. Кинжалы-трезубцы велели звать их Саями, а больше ничего не добавили.
Вот и звал их Учитель про себя: Сай Первый, Сай Второй и Сай Третий.
Только речь в первую очередь не о них.
Если верить Но-дачи — а он сперва произвел на Детского Учителя (как и на меня) весьма неплохое впечатление — так вот, Но-дачи будто бы был моим земляком, и нелегкая как-то занесла его в Кулхан.
Что он там искал — неизвестно, и Детский Учитель решил не заострять на этом внимания. Мало ли куда вздумается отправиться молодому Блистающему? — а Но-дачи был, похоже, лет на тридцать моложе меня. Почему на тридцать? Когда я уезжал из Мэйланя, муаровый узор на клинках был темным, но все вокруг

поговаривали, что скоро в моду светлый войдет, «лянь памор» по-нашему. Мне при отъезде всего-навсего двадцать девять лет стукнуло, узор у Но светлый, чистый «лянь памор», а узор при рождении образуется. Сходится?
Ладно. В этом деле многое на веру придется брать. Возьмем, и дальше пойдем.
Короче, Но-дачи ухитрился пройти Кулхан. У Придатка его на воду то ли чутье, то ли везенье было — два раза на заброшенные колодцы натыкался, и еще раз на конного Придатка, застигнутого песчаной бурей. Фляга у покойника нашлась, небольшая, но на два дня пути хватило.
Коня у них в первую же неделю бешеный варан сожрал, так Придаток пешком шел, Но-дачи на плече нес и сушеную варанятину жевал — в отместку за коня, что ли… Нес, нес и вынес. На свою голову.
…Убили его, Придатка этого. Пески насквозь прошел, гнилую воду по капле цедил, когда варанов не стало — змей на солнце вялил… и все для того, чтоб у первого же дерева, кривого да чахлого, прирезали его, как скотину.
Три копья ждали у этого дерева. Три легких копья неизвестного рода и три ножа. Ну, и три Придатка на низкорослых косматых лошадках.
Только молчали они, и копья эти, и ножи — молчали, сколько Но-дачи не кричал им издали. И еще дух от них шел… нехороший. Будто и не Блистающие они вовсе, а так — вещь.
Вещь неразумная. Мертвая.
Или почти мертвая.
Или даже и не жившая никогда.
Так что когда Придаток Но-дачи из последних сил добежал до ожидающих — один из всадников глянул на него искоса, наклонился, вынул безразличный нож и деловито перерезал горло покорителю Кулхана.
Как ветку срезал. Равнодушно так, спокойно, без злобы.
И вытер неживой клинок о шкуру лошади.
Знай Но-дачи заранее то, что он тогда лишь начал узнавать; умей он в тот миг то, чему нескоро обучился — не спешил бы он к всадникам. И так, неспешно, всех девятерых положил бы рядком у того же дерева. Три копья, три ножа, три Придатка.
В пыль.
(Вот в это я поверил сразу).
…Увезли его. Приторочили к седлу и увезли. И очень скоро выяснил Но-дачи, что вокруг него лежит Шулма, и живущие здесь Придатки зовут себя шулмусами; а еще узнал, что нет в Шулме Блистающих.
Оружие есть. Вещь неразумная, для убийства созданная.
А убивали в Шулме немало. Род на род, племя на племя, то набег, то распря. Так что работы железу хватало.
Брезжило что-то в местных клинках, словно фитиль мокрый свечной горел — вспыхнет, погаснет, снова вспыхнет, зашипит, затрещит и плюется во все стороны. Чадит, а не светит.
Вещь не вещь, тварь не тварь. Но и не Блистающие.
Дикие Лезвия. Совсем-совсем дикие.
Без легенд и сказок. Без красоты вымысла.
Как есть. По-настоящему.
…Не всех пришлых Придатков в Шулме резали. А тех, что из-за Кулхана явились — тех вообще берегли и, в отличие от других рабов, даже на тяжелые работы не ставили.
И кормили не впроголодь. Это Придатку Но-дачи просто не повезло отчего-то. Не глянулся он шулмусам-заставщикам, что ли?
Чего уж теперь гадать…
А вот Блистающих у пришельцев отбирали. Оружие то есть, с точки зрения шулмусов. И хранили пленных Блистающих в почетном шатре.
У каждого уважающего себя племени — а племен, себя не уважающих, не было в бескрайней Шулме — имелся такой шатер.
Знатное жилье! На отдельной повозке возили, трех белых коней запрягали да трех гнедых — это когда на новое место откочевывали. А вот когда на стоянках разбивали, то сверкал и искрился шатер золотыми полосами переплетающихся цветов и узоров, искусно вышитых по зеленому бархату; низ шатра натягивался на массивные колья красного металла, покрытые тончайшим чеканом работы неведомых златоделов.
Вроде бы и небогата ремеслами кочевая Шулма, а вот поди ж ты!..

В шатре том и познакомился Но-дачи с братьями-Саями, хмурыми и неразговорчивыми, и с другими Блистающими, невесть какими путями попавшими в Шулму. Только не сразу понял Но, почему одни Блистающие в шатре на белой, как снег, кошме лежат, а другие — на пунцовой.
Как по крови плывут.
…Долго понимать не пришлось. Поначалу соседей спрашивал — те, что с белой кошмы, и сами ничего не знали или делали вид, что не знали, а те, которые с пунцовой — отмалчивались.
Вскоре все выяснилось само собой.
По большим местным праздникам, шесть-семь раз в год (как турниры в Кабире!) устраивало племя общий той. Скачки, пляски, песни, козлодрание, котлы сорокаведерные мясным паром кипят, маленькие Придатки-шулмусики с головы да ног бараньим жиром да кислым каймаком перемазаны. А в последний день тоя звали какого-нибудь раба-Придатка — непременно того, кто из-за Кулхана пришел — и заставляли выбирать оружие по руке.
С белой кошмы.
А потом ставили их обоих — Придатка с Блистающим — против бойца-шулмуса. И в ладоши хлопали — начинайте, дескать!
Вот так хлопнули однажды и для Но-дачи. И для рослого темнокожего Придатка — дурбанец, наверное! — что уверенно поднял Но с белой кошмы.
(«Еще бы! — подумал я. — Они там, в Дурбане, и без того на двуручниках помешаны, прочие роды обижаются… ну да ладно, не о том сейчас речь…»)
Истосковавшийся по Беседам Но-дачи начал ее радостно и красиво — благо Придаток попался сообразительный. Три стремительных дуги прочертил в воздухе тяжелый клинок, и слетела верхушка шулмусского малахая из лисьего меха, забился на полынном ветру распоротый рукав чекменя, рассыпались костяные украшения с лопнувшего шнурка на жилистой шее…
А кривая сабля-клыч не сказала в ответ ни слова. Шагнул шулмус, и узкий клинок просто и грубо погрузился в живот нового Придатка Но-дачи. Темная кожа посерела, будто пеплом подернулась, гулко забили барабаны — и вновь остался Но-дачи один.
В шатре. На белой кошме.
А за шатром хлопали в ладоши и счастливо взвизгивали довольные шулмусы. Как же — такая победа!
Даже обнаженное оружие, которым размахивали жители Шулмы, что-то азартно бормотало, захлебываясь пьяным весельем — да только невнятной была речь шулмусских клинков, одышливо присвистывали копья, заикались на взмахе метательные ножи…
Ну и что? Зато могли то, чего не могли Блистающие Верхнего Вэя, Кабирского эмирата, Омелы Кименской, древнего Мэйланя, Лоулеза, Дурбана, Хаффы, Хакаса…
Шулма — могла!
Видел Но-дачи — по уменью Беседовать один Блистающий дюжины здешних сабель стоит. Стоить-то, конечно, стоит, но вот в чем беда: через себя не переступишь, а уменьем убийства не перекрыть!
Разве что…
Отлежался Но на кошме, отмолчался, и месяца через два, на очередном тое, с другого конца подойти решил.
Пять раз выбивал он боевой топор из рук одноглазого шулмуса-поединщика, пять раз кричал топору: «Опомнись, брат!..»
Не докричался. Глухо ухал топор, как птица ночная — и все. А затягивание боя считалось среди шулмусов уловками Гэнтэра, лукавого божка воров и конокрадов, недостойными настоящего мужчины. Зароптали зрители, мелькнул в воздухе волосяной аркан, рухнул хрипящий Придаток, роняя Но-дачи…
…Очнулся Но на кошме.
Белой.
Долго думал большой меч, долго себя наизнанку выворачивал, долго копил в себе скудные крохи решимости; и накопил. После третьего боя, короткого и страшного, отнесли его с почетом на пунцовую кошму и всю ночь выли вокруг Но по-праздничному.
Никогда не забудет двуручный Но-дачи, Блистающий Мэйланя, как снял он с плеч свою первую голову.

Вот ведь как выходит — и чужая голова своей стать может, когда снимешь ее с хозяина.
А Придатка, что в тот памятный день Но-дачи держал, в племя приняли. На одного шулмуса больше стало. Молодец!..
Еще бы не молодец… И себя спас, и Но-дачи. Ведь если какой Блистающий с белой кошмы за год так крови и не попробует — приносили неудачника в жертву Желтому богу Мо, разломав на три части и утопив в священном водоеме.
Все дно — в обломках. Гнилых, ржавых.
Кладбище, как есть кладбище. Братская могила.
А так — хорошо. С пунцовой кошмы на праздничные бои лишь три раза в год берут. И то — против новеньких. Тех, что Беседуют. По-старинке. Как привыкли в Мэйлане, Кабире, Хаффе…
Вот поэтому и не рассказывают новичкам, за какие такие дела с кошмы на кошму перекладывают.
…Год прошел. Второй прошел. Третий начался.
И как-то ночью вошли в шатер, переступив через удавленного стража, девять Придатков — из тех, что в разное время были в племя приняты. А у шатра восемнадцать коней землю копытом рыли — девять заседланных, девять — в заводе, под вьюки.
Взяли Придатки с пунцовой кошмы одиннадцать Блистающих — троих братьев-Саев, Но-дачи, потом похожего на Но маленького Шото… еще шесть клинков, проверенных Шулмой…
И — только пыль взвилась за беглецами. Утром кинулась Шулма вдогон — куда там! У ближайшего табуна табунщик пополам рассечен — видно, впрок праздничная наука пошла! — кони на земле бьются с сухожилиями перерезанными, плачут детскими голосами. Пока на дальний выпас пешком, пока…
…Прошли они Кулхан. Семеро — из девяти Придатков. Девять — из одиннадцати Блистающих.
И четыре лошади.
Прошли. Обратно. Зная, что там, за песками, далеко, есть на земле место такое — Шулма.
И земля им тесной показалась.

Глава 9

1

— Интересное дело… — задумчиво прошелестел я, когда Детский Учитель надолго замолчал. — Ну, допустим… А почему тогда они именно к тебе пришли, на жизнь жаловаться? Мало ли в том же Кабире Детских Учителей? И вообще…
— Учителей-то немало, — вмешался Обломок. — А Детский Учитель семьи Абу-Салим — один. И слово его, как Верховного Наставника из Круга Опекающих, дороже иных слов стоит. Вот так-то! И не только в Кабире.
Я не особенно разбирался в иерархии Детских Учителей, но сказанного Обломком было достаточно, чтоб угомониться и не приставать к маленькому ятагану с лишними вопросами.
— А ты, Дзю? — видимо, я угомонился, да не совсем. — Ты тоже Верховный Наставник, раз при этом разговоре присутствовал?
— Я — Верховный Насмешник, — ухмыльнулся Дзюттэ. — И я не присутствую. Я прихожу и остаюсь, пока меня не выгоняют. А когда выгоняют, то я все равно остаюсь. Понял?
— Понял, — качнул кистью я. — Ладно. Наставник, рассказывай дальше.
— Дальше? — тихо переспросил Детский Учитель. — Чтоб дальше рассказывать, надо сперва назад вернуться…
И мы вернулись назад.
…За три месяца до побега попал в шатер к Но-дачи незнакомый Блистающий. Попал — и сразу на пунцовую кошму лег. Его в набеге из чужого племенного шатра выкрали, так что он в Шулме уже лет пять обретался, и всему, чему надо, обучен был. В том шатре он вместе с братом-близнецом лежал, только в суматохе набега пропал брат куда-то…

И одной долгой ночью, когда нет иного дела, кроме как спать или разговаривать между собой, рассказал новый Блистающий о том, что недавно случилось в его племени — а был он из известного в Мэйлане рода парных топоров Шуан, не склонных к выдумкам и многословию.
(Да, я неплохо знал когда-то Шуанов по обеим линиям — Верхневэйской и Мэйланьской — и к многословию они были склонны не больше, чем к умышленной порче Придатков. Хотя — если эта Шулма действительно такая…)
…Случился в племени, где находился тогда Шуан, заблудший топор с короткой рукоятью и подобным луне лезвием — праздничный той. Скачки-байга, песни-пляски, хмельная арака — все, как полагается.
Все, да не все.
Явился в племя, в самый разгар тоя, чужой Придаток с Блистающим на поясе. По внешнему виду оба — чистые Вэйцы. И пришли от юго-восточной границы Кулхана. Почему сами пришли, а не под конвоем заставщиков — неясно, да и лень в праздник разбираться.
Ну, раз пожаловали — становитесь в круг, за цвет кошмы и жизнь Придатка спорить!
Стоят они в круге. Смотрят на шулмусов. И те на них смотрят. Видят — Придаток стройный, узкоплечий, черноглазый, в суконный бешмет затянут; ни вида, ни силы, одни глаза из-под войлочного колпака лихим огнем горят. Такие огни в полночь на заброшенных курганах-могильниках видеть можно — можно, да не нужно. Кто их близко видел, те домой редко возвращаются.
А Блистающий, что только что был на поясе, а теперь уже в руке подрагивает — вроде бы обычный меч, прямой да короткий, клинок треугольный, двулезвийный, только у гарды-крестовины тот клинок чуть ли не в полторы ладони шириной, а у острия — полукругом под бритву сточен.
(— …Чинкуэда, — бросаю я. — Как же, слыхал…
— Что? — удивляется Детский Учитель.
— Чинкуэда, говорю. Есть такая семья у нас на северных солончаках. Затворники, в свет редко когда выбираются…
— А… ну хорошо. Пусть будет по-твоему. Дальше говорить?) …Вышел к гостю незваному в круг шулмус с двумя копьями. Поглядел на соперника Придаток, звонко расхохотался у него в руке Блистающий Чинкуэда, и затем острием указал по очереди на семерых шулмусов, что впереди прочих стояли.
Выходите, мол!..
Те и вышли. Стоят ввосьмером. Ждут.
— Джамуха! — сказал стройный Придаток и в грудь себя кулаком стукнул.
Дескать, зовут меня так — Джамуха…
…Знал топор Шуан, что любой Блистающий по уменью своему много шулмусских клинков на весах Беседы перевешивает. А вот то, что новенький Блистающий, не обожженный Шулмой, не терявший Придатков, с первого же раза восьмерых шулмусов играючи положит — этого топор Шуан не знал.
И двуручный Но-дачи не знал. А узнав — удивился.
(И я удивился.) Покачался окровавленный Чинкуэда над трупами, посвистел лениво в тишине, и в ножны лег, не вытершись. Придаток его улыбнулся нехорошо, в карман бешмета полез и пригоршню ушей оттуда достал. На землю бросил.
По серьгам признали шулмусы уши своих пограничных заставщиков.
Через полгода новый вождь был у племени. Взамен прежнего, зарезанного на глазах у всех.
Звали нового вождя — Джамуха Восьмирукий.
И на поясе его всегда висел прямой короткий Чинкуэда, скорый на смерть.
2
А еще через три месяца указал Чинкуэда острием на четыре стороны света и сказал: «Много земель — одна Шулма. Много племен — один народ. Много Придатков — один вождь. Кто не согласен — умрет.»
Было это незадолго до похищения топора Шуана. И чуть дольше оставалось до дерзкого побега девяти Придатков и одиннадцати Блистающих.
Топор Шуан тоже был среди них.
Он остался в Кулхане. Зыбучка засосала.
3
…Детский Учитель все еще тихо шелестел, сообщая разные малозначащие подробности, молчал Обломок — слишком долго для его характера — спали

мирным сном остальные гости и Гердан-хозяин (интересно, а почему я считаю себя тоже чем-то вроде хозяина, хоть и сам в гостях?), крупные кабирские звезды заглядывали в окно…
Короче, я уже не слушал Детского Учителя, а думал о своем. Вернее, о чужом — о невероятной Шулме, о Но-дачи и о том, что мне его не жалко.
Абсолютно.
Я и сам стоял вплотную к той черте, которую Но перешел волею неумолимых обстоятельств. Я — тут, пока еще тут; он — там, уже там… но нас разделяло не более одной длины клинка. Хороший выпад судьбы — и мы будем рядом.
А моя личная судьба носила имя. Но-дачи. Бежавший из Шулмы.
Нет, ненависть ушла и пока не появлялась, но и жалости не возникало. Скорее уж мне стоит задуматься, что никаких Тусклых я, как ни буду стараться, не найду. Миф рассыпался на глазах, теряя плоть и реальность — ужасом Кабира, Дурбана, Хаффы оказалась кучка Блистающих из Шулмы, с того конца света.
Бороться с легендой мне было бы страшнее.
Постой, Единорог… ты все-таки собираешься бороться?
Ладно. Отложим до утра.
— …и он сказал, — пробился сквозь мои раздумья шелест Детского Учителя, — что настанет день, когда Джамухе Восьмирукому станет мала Шулма. И тогда Шулма придет в Кабир. Ты слушаешь, Единорог?
— Да-да, — торопливо звякнул я. — Конечно… Шулма придет в Кабир. И что дальше?
— А дальше, — не выдержал Обломок, — по его словам, мы все станем заложниками собственного воспитания. Пока мы будем пытаться Беседовать и возмущаться грубостью незваных со-Беседников — Придатки Кабирского эмирата умоются кровью. И вскоре Кабир станет Шулмой. Ясно?!
— Ясно.
Мне действительно было ясно. Да, на месте Но-дачи и его спутников я тоже в первую очередь явился бы к Верховному Наставнику из Круга Опекающих. Чье слово весомо в среде Детских Учителей.
— Шулма, если она есть, придет в Кабир не завтра, — медленно продолжал я. — И не послезавтра. Значит, у Кабира есть время. Значит, за это время Детские Учителя эмирата могут успеть многое. Взрослого Придатка очень трудно переучить заново, а вот Придатка-подростка… или лучше Придатка-ребенка… Исподволь, осторожно внедрить в податливое сознание мысль о возможности умышленной порчи друг друга, вовремя подтолкнуть неокрепшую руку, чуть-чуть изменить навыки, когда надо — промахнуться, когда надо — попасть… И когда (если!) Шулма придет в Кабир — ее встретят новые Придатки, чье уменье убивать, помноженное на мастерство Блистающих… Бедная Шулма! Да, на месте Но я предложил бы то же самое.
— Ты угадал, Высший Дан Гьен, — со странной дрожью в голосе подтвердил Детский Учитель. — Но-дачи предложил именно этот выход.
— Ну и?..
— И я отказался. Я не знаю, придет ли Шулма в Кабир, но если бы Детские Учителя эмирата согласились бы на предложение Но-дачи — с этого дня, с этой минуты Шулма уже была бы в Кабире. А Дзю сказал…
— А я сказал, — резко перебил Наставника Обломок, — что за Шулмой не надо далеко ходить, потому что она уже в Кабире! Что Но и его приятели — это и есть Шулма! И если Блистающий способен помыслить о том, чтобы научить детей-Придатков убивать — он… он должен был навсегда остаться в Кулхане! Добровольно!
Меня поразила горячность шута. Предложение Но-дачи затронуло, вне всяких сомнений, какие-то сугубо личные чувства Обломка — вот только какие?
И опять же — сколько ему лет?
— Договаривай, Наставник, — тоном ниже буркнул Дзюттэ. — Все, не лезу больше…
— Чего уж там договаривать, — отозвался Детский Учитель. — Ушли они. Надо быть ржавчиной порченым, чтоб не понять — не дадим мы с Дзю юных Придатков портить. И сами не будем, и другим закажем. А они, беглецы из Шулмы, не глупее нас были. Маленький Шото — тот чуть не с середины разговора зверем на меня косился, а братья-Саи в дверях задержались и говорят: «Видишь, Но, мы же тебя предупреждали… Чистенькие они все тут, а мы теперь грязненькие — не станут нас в Кабире слушать. Придет Шулма, научит чистеньких пачкаться — да поздно

будет. Станут пьяные шулмусы Блистающими владеть, а сами Блистающие Придатками станут. Нет уж, не дадим мы чистеньким вот так, от чистоты душевной, подохнуть! Наша грязь дешевле да проще — сами, сами обучитесь, чему надо… хотите или не хотите». Не понял я сперва, о чем это Саи, а как первое убийство в Хаффе свершилось, так сообразил — только поздно.
— Почему поздно? — спросил я.
— Ты уже почти научился убивать, — тихо ответил Детский Учитель. — Маскин Седьмой из Харзы — учится. Это только из числа тех, кого я знаю. И о ком я знаю. Кто следующий? Шешез? Лунный Кван? Гвениль? — а я именно его подозревал в содействии Саям и Но-дачи! Волчья Метла? Кто?! Может быть — я?!..
— Или Обломок, — не подумав, предположил я.
Дзюттэ промолчал — что само по себе было удивительно — но промолчал он так, что вот мне-то и стало не по себе. Было в его молчании что-то общее с молчанием Фархада иль-Рахша, грозящим прорваться бешеным звоном: «Во имя клинков Мунира зову руку аль-Мутанабби!»
Ну почему, почему я даже после всего случившегося так ужасающе легкомыслен? Говорю, не подумав; лезу, куда не следует; смеюсь, когда стоит быть серьезным, и наоборот…
Впервые я подумал, что с точки зрения многих кабирцев я могу оказаться в чем-то похожим на Дзюттэ Обломка. Вот она какая, личина шута…
— А почему ты не рассказал обо всем Шешезу? — поинтересовался я, адресуя этот вопрос Детскому Учителю. — Рассказал бы, и Шешез наверняка принял бы какие-то меры…
— А он и принял, — горько усмехнулся маленький ятаган. — Просто поверить в Шулму и угрозу Но-дачи для Шешеза было ничуть не легче, чем поверить, например, в тех же Тусклых. Вот он и поверил… во все сразу. Поговорил с тобой о Тусклых, провел опрос о целесообразности турнира, поручил нам приглядывать за происходящим, доверил харзийцу Маскину Седьмому поиск Тусклых, или хоть кого-нибудь; прислушался к предложению Дзю изготовить для твоего Придатка новую руку… Опять же не лез куда не надо. Каких еще мер ты ждал от Шешеза фарр-ла-Кабир, Единорог?
— Ну… других, — промямлил я.
— Других… Для других мер нужно уметь то, чему нас учат беглецы из Шулмы! Вот так-то…
Слабый шорох — и в дверном проеме возник силуэт Придатка. Я узнал его — теперь мне все легче было различать и Придатков, и те мелкие детали, которые обнаруживали смену их настроения. В дверях стоял Друдл. Придаток Обломка и Детского Учителя.
Нет, кроме Чэна, я никого больше из них не мог пока называть иначе, как Придатками. Ну и ладно… не все сразу.
— Заболтались мы совсем, — как ни в чем не бывало заявил Дзюттэ. — А спать по-прежнему не хочется. Пошли, Наставник, прогуляемся по холодку, остынем… Спи, Единорог, и не сердись, что разбудил. Чувствуешь, какой я вежливый стал? А все твое облагораживающее влияние…
Придаток Друдл неслышно приблизился, Дзюттэ и Детский Учитель устроились у него за поясом — и через мгновение я был единственным бодрствующим в комнате.
А спустя некоторое время я задремал.
И увидел сон.
4
Я висел в черной бархатной бесконечности, сверкая обнаженным клинком. Ледяная мгла слабо мерцала многочисленными искорками, и я догадывался, что каждый дрожащий огонек — это Блистающий, невероятно удаленный от меня и оттого такой же одинокий и беззащитный перед молчащим и равнодушным мраком.
Слабый звон донесся до меня откуда-то снизу — если здесь были верх и низ. Я вгляделся — и увидел крохотный зеленоватый шарик. Как тогда, на улице Сом-Рукха, когда сколотый с гарды убитого Шамшера бронзовый шарик откатился к глиняному дувалу…
Едва эта мысль посетила меня — я ощутил собственный вес и гигантской молнией понесся навстречу растущему шарику, пронзая пустоту, рассекая облака, расплескивая плоть земную и с каждым мгновением становясь все тяжелее.
Потом некоторое время не было ничего.
Совсем ничего.

…До половины уйдя в рыхлый холм, огромным крестом возвышался я над сумрачной равниной, и тучи неслись по мглистому небу, цепляясь за мою рукоять. А по равнине двигалась странная процессия.
Блистающие и Придатки.
И как только кто-то из них проходил мимо моего холма — я слышал Имена, незнакомые мне, еле различимые в раскатах хриплого грома.
Придаток Артур Пендрагон и Блистающий меч Эскалибур, Придаток Тетра, король фоморов, и Блистающий меч Орна, одноглазый Придаток Один и копье Хунгнир; божественный Придаток Луг, искусный в ремеслах, и копье Ассал; чернокожий лев Антара Абу-ль-Фаварис и меч аз-Зами, Сусаноо-но-Микото, неистовый бог-Придаток ветра и морских стихий, и его Блистающий меч Десять дланей…
Они шли и шли, и я уже не понимал, кто из них Блистающий, а кто — Придаток; они шли, и гремел гром, и этому не было, не могло быть конца.
Этому не было даже начала.
Зигфрид и его меч Грам, Фрейр и меч Хундингсбана, Тор и боевой молот Мьелльнир; Келтхайр, сын Утидира, и копье Луйн, Роланд и его меч Дюрандаль, Магомет, пророк Божий, и его мечи — Джуль Факар, что значит «Пронзатель», Медхам, что значит «Острый», аль-Баттар, или «Рассекающий», Хатей, или «Смертоносный», и еще два копья — аль-Монсари и аль-Монсави…
И я проснулся, когда гром превратился в голос — усталый, хриплый, слегка севший, словно после долгого крика.
— Будь проклят день, когда оружию стали давать имена! — сказал тот голос.
5
Проснувшись, я не помнил почти ничего, кроме голоса и его последних слов.
— Приснится же такое… — еле слышно лязгнул я, и в этот миг железная рука коснулась моей рукояти. Рядом стоял Чэн, мотая отяжелевшей спросонья головой и часто-часто моргая.
— Приснится же такое… — прошептал Чэн, становясь Чэном-Мной, и я еще раз увидел глазами его памяти равнину, процессию; и услышал голос.
Чэну снился тот же сон. Только запомнил он больше.
— Так, гулять… гулять… — бормотал Чэн-Я, укрепляя ножны на поясе и пробираясь к двери. — На свежий воздух, в холодок…
Я-Чэн даже не сразу заметил, что почти дословно цитирую Обломка, а когда заметил — мы уже находились на улице и с удовольствием впитывали ночную прохладу.
Некоторое время мы прогуливались возле главного входа, думая каждый о своем. Я говорю — «мы», потому что в первую же секунду взаимопроникновения стало понятно — Придаток Друдл рассказал Чэну почти то же самое, что Детский Учитель поведал мне; и нам с Чэном совершенно необязательно обмениваться узнанным для полноты картины.
Так что мы отошли друг от друга на шаг — этот шаг был невидим никому, кроме нас — и вспоминали подробности ночного разговора.
Каждый сам по себе — и в то же время вместе. Оказывается, «мы» ничуть не хуже, чем «я» или даже «Я-Чэн»…
Неподалеку начинался чей-то сад, совершенно не огороженный, и там оглушительно стрекотали цикады, заставляя вибрировать воздух. Я подумал, что в моей воле бросить все и завтра же покинуть Кабир. Эмират велик, да и дружественных земель немало — и везде меня примут с радостью. Обзаведусь новыми друзьями, ничем не буду интересоваться, никого не буду разыскивать, никому не стану мстить, начну Беседовать вполсилы, чтоб не привлекать лишнего внимания, а по ночам буду отводить душу с Заррахидом…
И никаких тебе забот — ни личных, ни государственных! Уйдут видения горящего Кабира, оборвет свой бег гнедой жеребец, и аль-Мутанабби, первый Придаток на кабирском престоле, снова станет всего лишь именем на одной из пластин латной перчатки. И все вокруг будут думать, что там, в перчатке есть живая рука — ну а что им останется думать?!
Ночь пахла персиками и рейханом, я счастливо улыбался и перемигивался со звездами, прекрасно понимая, что никуда я не уеду, и, в конце концов, все в этой жизни будет идти своим путем — хочу я этого или не хочу.
Своим путем.
Путем Меча.

Только теперь до меня дошел смысл старинной поговорки: «Не мы идем по пути, но Путь проходит через нас». Ведь если так — можем ли мы уклониться, отказаться, свернуть?
Вот я и свернул — за угол, обходя Кобланов дом.
Через пару минут я и Чэн оказались на той самой глухой улочке, которую не раз обозревали во время нашего невольного заточения. Ага, вот на этом самом месте находился Гвениль, когда я из зарешеченного окошка кричал ему, чтобы он срочно сообщил Шешезу о пленении несчастного Единорога; а потом Гвен удалился в переулок…
— А ведь мы предупреждали тебя, Наставник, — донеслось из переулка. — Упрямец ты, однако… был.
Это, наверное, Обломок опять что-то втолковывает Детскому Учителю.
Чуть ли не впервые реакция Чэна оказалась быстрее моей. Я еще только понимал, что резкий скрипучий голос никак не может принадлежать Обломку, а Чэн уже метнулся к угловому забору и, прикрываясь его тенью, мигом оказался у поворота.
И тут, как по заказу, некая одинокая и взбалмошная тучка решила немного поерзать по небу — и клинок лунного света наискось полоснул по Кабиру, высвечивая ближнюю к нам часть переулка.
И то, что происходило там.
…Прижавшись спиной к задней глухой стене чужого дома, стоял Придаток Друдл, держа руку на эфесе Детского Учителя. Рядом с Наставником огибала кушак Друдла гарда-лепесток Обломка. И я еще некстати подумал, что плотный и приземистый Друдл сейчас напоминает тростниковую жабу, ждущую очередного комара.
Все мое проклятое легкомыслие… не о том думаю, не о том!..
Напротив переминались с ноги на ногу двое Придатков. Первого из них я узнал бы и в полной темноте, даже несмотря на троицу кинжалов-трезубцев за его поясом. Усы-гарда кинжалов по форме изгиба ужасно напоминала одностороннюю гарду Обломка, хотя в остроте тонких, хищно блестевших лезвий сомневаться не приходилось.
Братья-Саи, приемные дети Шулмы; и их обманчиво нескладный угловатый Придаток в темной, заправленной в холщовые штаны рубахе с широкими развевающимися рукавами.
Я слегка задержал взгляд на Саях, с врожденным уменьем Блистающего оценивая их внешний вид — семь граней клинка, цельнокованого вместе с двурогой изогнутой крестовиной, рукоять плотно обкручена грубой веревочной спиралью и завершается простой круглой головкой.
Ни украшений, ни излишеств… ни ножен. Простота во всем. И баланс, должно быть, отличный…
Раньше я подумал бы, что Саи попросту вышли из небогатого рода — но это раньше.
…Второй Придаток был невысок и гибок, вроде моего Чэна, и в нем угадывалась кошачья грация и ловкость, которыми он, пожалуй, с успехом мог бы восполнять недостаток веса или силы. Ножны, висевшие за его плечом, пустовали — а обнаженный Блистающий в правой руке и впрямь напоминал сильно уменьшенного Но-дачи.
«Шото, — догадался я. — Маленький Шото. А где же остальные? Хотя… если Но-дачи уехал в Мэйлань, то и остальные, скорей всего, разъехались по разным городам, чтобы терроризировать эмират одновременно в нескольких местах. А эти — остались. Шешез говорил, что в Кабире в последнее время тихо… странно! Эти остались — и тихо?!»
— Но велел нам тебя не трогать, Наставник, — тягуче пропел Шото, и «Но» получилось у него, как «Ноо». — Впрочем, он уехал, а мы непослушные, знаешь ли… Можно, мы тебя потрогаем, Наставник? Можно, я — я сам! — тебя слегка потрогаю? Ты щекотки не боишься?..
К Обломку Шото не обращался, подчеркнуто игнорируя шута.
Братья-Саи хихикнули и отвели своего Придатка шагов на десять назад.
— Это моя Беседа, Дзю, — тихо и властно сказал Детский Учитель. — Моя. Не вмешивайся.
Он произнес это таким тоном, одновременно покидая ножны, что даже я, как невидимый соглядатай, почувствовал — это ЕГО Беседа.
Во всяком случае — пока.
Шото коротко присвистнул и кинулся вперед.

Они сошлись почти вплотную — ни я, ни тем более Гвениль никогда не смогли бы долго работать на такой дистанции — и даже мне было сложно успевать делить Беседу на отдельные фразы и оценивать смысл каждой.
Впрочем, «сложно» не значит «невозможно». И если бы я был не снаружи Беседы, а внутри нее, то это происходило бы гораздо проще.
На первый взгляд Шото и Детский Учитель Беседовали очень похоже, в основном полагаясь на короткие рубящие удары почти без замаха и ни разу не ударяя дважды на одном и том же уровне. Только маленький ятаган бил гораздо сильнее за счет центра тяжести, смещенного ближе к концу клинка (как у любого Блистающего из рода ятаганов), а Шото с его серединным балансом на два пальца от плоскости квадратной гарды не был столь подвержен инерции удара.
Отчего и тратил значительно меньше сил на возвращение после промаха.
Фраза. Еще одна. Две фразы подряд, разрыв дистанции и пауза. Вопрос. Ответ. Вопрос…
Постепенно я поймал нужный ритм, и следить за Беседой стало легче.
Вот тогда-то я и увидел главное.
Суть Беседы в глухом переулке спящего Кабира крылась не в том, что Придаток Шото держал своего Блистающего двумя руками, а Друдл — одной, и впрямь став похожим на скачущую жабу с мелькающим языком-ятаганом (взгляните на жабу с точки зрения комара, и вы поймете, что я хочу сказать!). И не в том, что более легкий Шото не мог принять на себя всю мощь рубящего ятагана, и его Придатку чаще приходилось уворачиваться, тогда как Друдл упрямо лез вперед и Детский Учитель всякий раз оказывался на пути визжащего Шото, заставляя того искать все новые лазейки в обороне Наставника.
Нет, не это превратило Чэна в каменную статую, не это заставило меня внутренне слиться с чужой Беседой, стараясь не пропустить ни одного движения.
Просто сейчас в переулке Беседовали не Детский Учитель семьи Абу-Салим и прошедший Шулму убийца-Шото. Это была Беседа непосредственно Кабира и Шулмы. Беседа прошлого и настоящего, извечный спор мудрого Мунира и гордого Масуда.
И Путь Меча был достаточно широк, чтобы вместить в себя и первое, и второе. Ручей, некогда разделенный молнией надвое, вновь слился воедино — и струя враждовала со струей.
Я видел, как Наставник изо всех сил борется сам с собой, пытаясь сломать воздвигнутую десятилетиями преграду Мастерства Контроля, помноженную на навыки именно Детского Учителя! Уже трижды он мог пробить брешь в защите Шото, и пробивал, и в последний момент судорожно отдергивался или проходил впритирку к Придатку Шото — в лучшем случае рассекая одежду.
Зато сам Шото не ограничивал себя ничем, работая исключительно на поражение — и при таком положении дел он обязательно рано или поздно достанет тело Друдла!
Рано или поздно.
И останавливаться он не будет.
Шото не Беседовал. Он дрался. А Детский Учитель… он хотел драться. Он страстно хотел этого, всей душой, всем существом! — но его душа в последнюю, самую важную секунду говорил: «Нет!»
«Фархада бы на его место!» — еле успел подумать я, и тут случилось непредвиденное.
То, на что никак не мог решиться Наставник, сумел сделать Придаток Друдл!
Когда маленький ятаган, чуть не плача от злости на себя самого, в очередной раз отдернулся от незащищенного бедра Придатка Шото, не разрубив даже полы халата — Придаток Друдл с нечленораздельным криком вдруг прыгнул вперед, едва не опрокинув Придатка Шото, и изо всех сил ударил того коленом в низ живота.
Это было грубо и грязно, это противоречило всем канонам и основам Беседы, вместе взятым, и это было как нельзя кстати. Разумеется, кстати отнюдь не для Придатка Шото, взвывшего от боли и согнувшегося пополам.
И вот что удивительно — если от мастерства Наставника я испытывал немалое удовольствие, то поступок Друдла просто привел меня в восторг. Правда, несколько животный восторг…
Отчего мне тут же стало неловко.

Детский Учитель просвистел возле открытой для атаки головы Придатка Шото, смахнув прядь волос и так и не сумев заставить себя повторить удар Фархада, расколовший череп взбесившегося чауша — и один свист наложился на другой. Зрители не выдержали, становясь участниками.
Сай Первый на две трети вошел под правую ключицу Друдла. Шут охнул, пальцы его разжались, и Детский Учитель звякнул о булыжник мостовой.
Угловатый Придаток братьев-Саев стоял на прежнем месте, но в руке его уже покачивался рукоятью вверх Сай Второй, готовый в броске последовать за братом.
— Я ж тебе сто раз твердил, Шото, — проскрипел Сай Первый, пока халат Друдла вокруг него набухал, пропитываясь кровью, — не лезь в герои, не нарывайся без нужды. А тебе все забава… Ну что бы я Но сказал, если бы этот толстяк твоего Придатка попортил?! Ладно, заканчивай…
— С-скотина! — злобно прошипел Шото, и…
…Время — очень странная штука. Чэну понадобилось всего пять прыжков, чтобы оказаться в гуще событий, и за эти считанные мгновения успело произойти многое, о чем гораздо дольше рассказывать, чем оно заняло времени на самом деле. Видимо, время бывает настоящее и ненастоящее. Прошлое, будущее — это для философов. А для Блистающих — только настоящее и ненастоящее.
Это было настоящее время.
…Первый прыжок. Шото, еще не замечая меня и Чэна, двумя косыми взмахами перечеркивает раненого Друдла, и тот грузно падает на колени, зажимая левой ладонью рассеченный живот. Шото взлетает вверх, его Придаток делает шаг вперед — сейчас, сейчас его нога опустится…
…Второй прыжок. В Чэна летит заметивший нас Сай Второй, летит быстро и умело, ничуть не хуже метательных ножей из Фумэна — но он гораздо больше медной монетки «гитрифи», так что я без особого труда подхватываю его на кончик клинка, гашу разгон и, не обращая внимания на ругательства беспомощного Сая, кружу в воздухе и отшвыриваю к стене. Нога Придатка Шото с силой опускается на валяющегося Детского Учителя, и маленький ятаган с треском ломается у самой рукояти.
Неровные края излома тускло блестят в лунном свете, и Детский Учитель молчит, как всегда… Нет, теперь уже — навсегда. «Наставник!» — истошно воет Дзюттэ, а сверху уже рушится хохочущий Шото…
…Третий прыжок. Друдл, стоя на коленях, отнимает левую руку от живота — и в ней тут же оказывается Обломок, прильнувший всем своим толстым и тупым клинком к предплечью Друдла. Два шута на миг становятся одним целым, и я вижу, как Шото смаху налетает на Дзюттэ и с визгом бессилия отскакивает, едва не сломавшись. Еще один удар — и Дзюттэ внезапно проскальзывает в момент соприкосновения, намертво заклинив Шото между своим четырехгранным клинком и лепестком гарды. Резкий поворот — и…
…Четвертый прыжок. Звон, предсмертный вопль Шото — и его обломки ложатся рядом с мертвым Детским Учителем. Друдл хрипит, Дзюттэ валится на мостовую, откатываясь в сторону, и следом падает сам Друдл. Навзничь. Вонзившийся в его тело Сай Первый упирается рукоятью в камень, и вес Друдла в долю секунды ломает пополам тонкий клинок кинжала. Обвитая веревкой рукоять выскальзывает из-под недвижного шута — и все, что осталось от Сая, лежит теперь вплотную к куску лезвия Шото и рукояти Детского Учителя. Кучка мертвого металла, мертвого, мертвого, мертвого, мертвого…
…Пятый прыжок. «Ты же не станешь убивать безоружного! — кричит Придаток Шото, отступая назад и стараясь не встречаться взглядом с Чэном-Мной. — Ты не сможешь…» Глаза его останавливаются на железной руке Чэна, в которой зажат я, и запоздалый страх отражается в них — чтобы остаться там навсегда. «Ты не сможешь…» — почти беззвучно шевелятся его губы, я вижу это глазами Чэна, я слышу это ушами Чэна, и запретная черта совсем близко, но еще ближе иссеченный Друдл, и убитый Детский Учитель, и обломки тех, кому лучше было бы вовсе не рождаться…
— Ты не сможешь…
— Да? — спрашиваю я, нащупывая острием сердце Придатка Шото и выскальзывая обратно прежде, чем оно перестало биться.
— Да? Ты действительно так считаешь?
Это была легкая смерть.
Он такой не заслуживал.

Чэн перебрасывает меня в левую руку и несколько горячих капель срываются с моего клинка. Придаток с последним Саем уже успел приблизиться к нам, и Сай Третий стремительно кидается в лицо Чэну. Я не двигаюсь. Я уже выполнил свое новое предназначение, и теперь очередь Чэна собственным телом ощутить, что это значит — оборвать чужую жизнь.
И Чэн закрывает лицо правой рукой. Металл звенит о металл, сжимаются пальцы латной перчатки, хватая вскрикнувший Сай — и Чэн, словно сухую ветку, ломает узкий граненый клинок. После чего кольчужный кулак с зажатым в нем куском Сая бьет угловатого Придатка в висок.
Слышен тупой хруст и звук падения тела.
Чэн долго и безучастно смотрит перед собой, а потом с размаху швыряет останки Сая Третьего на труп его Придатка.
— Будьте вы прокляты! — кричит Чэн, непонятно кого имея в виду: братьев-Саев, Шото, Но-дачи, их Придатков, судьбу, Шулму…
Или всех стразу.
Я оглядываюсь вокруг.
«Шулма пришла в Кабир, — думаю я. — Клянусь Муниром и Масудом, Тусклыми и Блистающими, клянусь рукой аль-Мутанабби…»
Я — это Шулма.
7
…Друдл с трудом оперся на левый локоть — правая рука бессильной плетью тянулась вдоль тела, и рукав халата был тяжелым и липким от натекшей крови — и медленно повернул голову.
Один глаз шута смотрел на Чэна, другой уже затянула глянцево блестевшая опухоль, и казалось, что Друдл подмигивает, кривя лицо в привычно-шутовской гримасе.
— Больно… — прошептал Друдл, почти не двигая губами. — Ой, как больно… очень. Ой…
Чэн наклонился и бережно поднял с мостовой Дзюттэ. Я качнулся острием вперед и промолчал. Мне нечего было сказать Обломку.
«Ты — Единорог, потому что дурак, а я — Обломок, потому что умный, и еще потому, что таким, как ты, рога могу обламывать…»
Да, Дзю, можешь. Сам видел.
— Правильно… — Друдл говорил все медленней и тише. — Возьми его. Теперь — ты — шут… Кабира… Единственный. Пусть смеются… пусть… это лучше, чем убивать… Как у Друдла-дурака… обрывается строка… до свиданья, Чэн-в-Перчатке!.. встретимся через века… ой, жжет-то как!..
Больше он не двигался.
Несколько теплых и соленых капель упали на мою рукоять.
Нет, не кровь.
Слезы.
А потом Чэн отвернулся от неподвижного Друдла, и глаза Чэна Анкора были суше и страшнее песков Кулхана. Он сунул Дзюттэ за пояс, рядом с моими ножнами, и, по-прежнему держа меня в левой руке, пошел прочь от переулка.
У стены он остановился, нагнулся и железной рукой, на тыльной стороне которой налипли волосы и клочок сорванной кожи, поднял с земли Сая Второго.
Я молчал.
Я бы сделал то же самое.
И вот так, с Саем в правой руке и со мной в левой, Чэн Анкор, Чэн-в-Перчатке вернулся в дом.

ПОСТСКРИПТУМ

Звон оружия, и без того еле слышный из-за расстояния, не разбудил спящих гостей в доме Коблана. А даже если бы и разбудил — мало ли Бесед случается в Кабире хоть днем, хоть ночью…
Просто Фальгриму Беловолосому очень захотелось пить. А за водой пришлось выходить из комнаты, в темноте спускаться вниз, долго искать кувшин на неубранном после вчерашней попойки столе, потом отводить душу по поводу отсутствия в кувшине — как и в бутылях — хоть какой-нибудь влаги…

Когда выяснилось, что никто в доме уже не спит и даже наоборот — наспех одевшись, все толпятся в дверях и кроют Беловолосого на чем свет стоит — Фальгрим долго недоумевал, вяло отмахивался от наскоков злого спросонья Диомеда.
За что? Вернее — почему?! И шел-то он тихо, и с лестницы падал всего два раза, и по стенам колотил не со зла, а для ориентации; а что ругался — так ведь вполголоса, и по уважительной причине, когда проклятущий стол грохнулся ни с того ни с сего прямо ему на ногу, а нога-то босая…
В общем гаме — а недоумевал Фальгрим ничуть не тише, чем вел себя до того — как-то не сразу обратили внимание на сохранявшего хладнокровие Коса ан-Танью, первым обнаружившего отсутствие Чэна Анкора и шута Друдла, а также отсутствие их оружия в оружейном углу.
Зато когда обратили… было уже поздно.
…Все поспешно расступились, словно повинуясь неслышному приказу, и удивленно задребезжало оружие, когда вошел Чэн Анкор. Он, не задерживаясь, обвел тяжелым взглядом собравшихся, потом прошел к опрокинутому столу и тщательно вытер свой меч о скатерть.
На полотне остались ржаво-красные полосы.
— Там… — глухо бросил Чэн и махнул правой рукой, в которой был зажат узкий кинжал с изящно выгнутой крестовиной, куда-то в сторону левого крыла дома. — Там, в переулке… Коблан, захвати факел… темно в Кабире… темно!..
И железный кулак сжался еще сильнее, будто узкий кинжал мог вырваться и сбежать, или ядовитой змеей броситься на кого-нибудь.
Все кинулись на улицу, машинально прихватив из угла свое оружие, и никто поначалу даже не успел удивиться тому, что из-за пояса Чэна торчит рукоять тупого кинжала-дзюттэ, который вечно таскал с собой шут Друдл Муздрый.
Все, кроме Кобланова подмастерья, случайно оставшегося этой ночью в доме своего устада. Чэн, спрятав Единорога в ножны, придержал подмастерья за рукав наспех наброшенного чекменя — и почему-то первым, что бросилось в глаза обернувшемуся юноше, был кинжал-дзюттэ шута за поясом Чэна Анкора Вэйского.
— В кузню! — Чэн страшно оскалился, что должно было, наверное, означать улыбку, и властно подтолкнул остолбеневшего парня. — Ключи не забудь!..
Примерно через час, когда бойня в переулке перестала быть тайной, когда проводили обреченными взглядами паланкин, где над телом Друдла — изредка еще содрогающимся — склонился личный лекарь эмира Дауда, чьи старческие пальцы с суетной безнадежностью перебирали в сумке какие-то склянки; когда у маленькой Чин кончились слезы, а у Фальгрима — проклятия, когда никто так и не решился назвать своим именем то, что совершил в эту ночь однорукий Чэн — короче, когда все наконец вернулись в дом, а затем под предводительством сурового Коблана прошли в кузню, то вопросы, готовые сорваться с языков, так и остались незаданными.
Дверь в Кобланово «царство металла» была распахнута, в глубине у раскрытого сундука виновато разводил руками встрепанный подмастерье…
А на шаг от дверного проема стоял Чэн Анкор, с головы до ног закованный в железо.
Во всяком случае, так показалось собравшимся — хотя сам Абу-т-Тайиб Абу-Салим аль-Мутанабби, встань он случайно из своего могильного кургана, увидел бы, что немалая часть его знаменитых лат со временем подрастерялась, отчего тяжелый доспех перестал быть тяжелым, став чуть ли не вдвое легче.
И конечно же, узнал бы неистовый Абу-т-Тайиб свой кольчужно-пластинчатый панцирь с выпуклым нагрудным зерцалом синей стали и сетчатым пологом с разрезами, опускающимся до середины Чэновых бедер; узнал бы вороненые наручи и оплечья — подбитые изнутри, как и панцирь, двойным лиловым бархатом, между слоями которого для упругости был уложен конский волос; узнал бы островерхий просечной шлем со стрелкой, закрывающей переносицу хозяина, и свисающей на затылок кольчатой бармицей…
На овальном зерцале было выбито двустишие-бейт, которое аль-Мутанабби когда-то посвятил себе и своему мечу:

Живой, я живые тела крушу; стальной, ты крушишь металл —
И, значит, против своей родни каждый из нас восстал!..

Словно канули в безвременье века и события, и вновь заговорил первый эмир Кабирский — хотя лишь память осталась от аль-Мутанабби.
Память, да еще доспех.
Пускай и неполный.
Поножей, к примеру, не было. И наколенников. И сапог, металлом окованных. Не завалялись в сундуке. И пояса боевого со стальными бляхами не отыскалось, так что пришлось Чэну Анкору своим старым поясом талию перехватывать.
Не в поясе, впрочем, дело, а в том, что висел на нем в будничных кожаных ножнах прямой меч Дан Гьен по прозвищу Единорог; а по обе стороны от пряжки торчали рукояти двух кинжалов: тупого дзюттэ Друдла и того узкого сая, что был подобран в злосчастном переулке.
— Прощайте, — ни на кого не глядя, бросил Чэн — и все заметили, что теперь и левую, здоровую руку Чэна обтягивает латная перчатка.
— Прощайте. Кто-нибудь пусть передаст эмиру Дауду — Чэн уехал в Мэйлань, а в Кабире еще долго будет тихо, не считая сплетен. Кос, ты отправляйся домой, и собери меня в дорогу.
И зачем-то добавил еще раз:
— Я еду в Мэйлань. Один. Один против неба…

…Дворецкий Чэна, худой и строгий ан-Танья, вышел на улицу, накинул на плечи короткий, фиолетовый с серебром плащ — цвета дома Анкоров — и задумчиво коснулся эфеса своего неизменного эстока.
— Как же, один… — негромко проворчал Кос. — А кто тогда на тебе, Высший Чэн, все это железо застегивать-расстегивать будет?! Ты меня пока еще не увольнял… а уволишь, так и вовсе ты мне не указ, куда да с кем ехать! Верно?..
И, не дожидаясь первого шага ан-Таньи, согласно звякнул эсток с витой четырехполосной гардой, на черной стали которой было выбито клеймо — вставший на дыбы единорог.
Верно, мол…
А в кузне что-то горячо доказывала Фальгриму Беловолосому благородная госпожа Ак-Нинчи, подкрепляя свои доводы такими отнюдь не благородными выражениями чабанов Малого Хакаса, что покрасневший Фальгрим только головой крутил да крепче опирался на свой двуручный эспадон Гвениль. И смуглый Диомед из Кимены восторженно крутил кривым мечом-махайрой, едва не задевая подошедшего Коблана, и приговаривая возбужденно:
— Все правильно, Чин, все правильно… да мало ли что он нам сказал! Эмиру и без нас все подробности сообщат, найдутся доброхоты… слушай, Черный Лебедь, ты же молодец, ты даже сама не знаешь, какой ты молодец!.. только Метлу поставь, а то ты мне сейчас глаз выколешь…
…Над Кабиром вставало солнце.
Над далеким Мэйланем вставало солнце.
И там, на краю света, за очень плохими песками Кулхана, за Восьмым адом Хракуташа, где Ушастый демон У перековывает негодных Придатков, глухо ворча и играя огненным молотом — над невероятной Шулмой тоже вставало солнце.
Лучи его весело играли на воде, на барханах, на Блистающих, бывших некогда просто оружием, и на оружии, еще не ставшем Блистающими — потому что все равны перед восходом.
Потому что — утро.

КНИГА II. МЭЙЛАНЬ

ЧАСТЬ IV. ЧЕЛОВЕК И ЕГО МЕЧ

Подобен сверканью моей души блеск моего клинка:
Разящий, он в битве незаменим, он — радость для смельчака.
Как струи воды в полыханье огня, отливы его ярки,
И как талисманов старинных резьба, прожилки его тонки.
А если захочешь ты распознать его настоящий цвет —
Волна переливов обманет глаза, как будто смеясь в ответ.
Он тонок и длинен, изящен и строг, он — гордость моих очей.
Он светится радугой, он блестит, струящийся, как ручей.
Живой, я живые тела крушу; стальной, ты крушишь металл —
И, значит, против своей родни каждый из нас восстал.

Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби

Глава 10

1

…Солнце неторопливо выползало из рассветной дымки, окрашивая в нежно-розовые тона далекие полоски облаков на востоке, и негромко шелестели узорчатые листья придорожных тутовников, вплетая в свой шум журчание суетливого ручья. Утро, подобно занавесу в балагане площадных лицедеев-мутрибов, распахивалось от знойной Харзы до отрогов Сафед-Кух, и мир готовился родиться заново.

Начинался день. Новый день.

И уже простучали по бревенчатому мостику с шаткими перилами копыта коня… Нет. Двух коней.

Двух — потому что мой не в меру верный дворецкий Кос ан-Танья все же увязался за мной. И я ничего не мог с этим поделать.

Сначала я приказал — и Кос впервые ослушался приказа. Тогда я сменил тактику и попытался его уговорить. С тем же успехом я мог бы уговаривать стену комнаты, в которой мы находились. С той лишь разницей, что стена бы молчала, а у упрямого ан-Таньи на всякий мой довод находился незыблемо логичный ответ, и этот ответ никак меня не устраивал — так что спор быстро зашел в тупик.

Тогда я разозлился. Наверное, я был не прав; наверное, это было глупо — нет, не наверное, а наверняка! — но это я понимаю уже сейчас, а тогда я просто вышел из себя и заявил Косу, что он уволен.

Окончательно и бесповоротно.

На что мой дворецкий улыбнулся с просто возмутительной вежливостью и затребовал письменного подтверждения.

Еще было не поздно одуматься, но я настолько разгневался, что тут же взял лист пергамента и костяной калам, пододвинул бронзовую чернильницу и на одном дыхании написал приказ об увольнении.

Об увольнении моего дворецкого Коса ан-Таньи.

Я лишь запоздало удивился, подписываясь правой, железной рукой — удивился не столько своему поспешному решению, сколько тому, с какой легкостью сумел удержать в новой руке калам.

Причем текст вышел вполне разборчивым, хотя и несколько корявым, а роспись оказалась достаточно похожей на старую.

Кос самым внимательным образом прочитал приказ, удовлетворенно кивнул, помахал пергаментом в воздухе, чтобы просохли чернила, и послал гонца к городскому кади, дабы тот заверил подлинность документа.

Пока гонец мотался туда-сюда, Кос равнодушно глядел в окно, а я еле сдерживался, чтобы не треснуть отставного дворецкого чернильницей по голове.

Наконец посыльный привез пергамент, свернутый в трубочку и запечатанный личной печатью городского кади Кабира. Ан-Танья сунул свиток за отворот халата и повернулся ко мне.

— Итак, надо понимать, что я уволен? — зачем-то осведомился мой бывший дворецкий. Впрочем, Кос всегда отличался особой педантичностью.

— Да! — раздраженно подтвердил я. — Ты что, читать разучился?! У-во-лен! И теперь ты можешь идти…

— Нет уж, дорогой мой, это ТЫ теперь можешь идти, — внезапно перебил меня ан-Танья, закладывая большие пальцы рук за пояс, — и подробнейшим образом объяснил мне, Высшему Чэну из семьи Анкоров Вэйских, наследному вану Мэйланя и так далее, куда я теперь могу идти.
Ох, и далеко мне пришлось бы идти, послушайся я Коса!
— …а я поеду с тобой, потому что, во-первых, ты без меня пропадешь, не добравшись даже до Хаффы, а не то что до Мэйланя, а во-вторых, ты мне больше не указ. Куда хочу, туда и еду. А хочу я туда, куда и ты. И кстати, с тебя еще выходное пособие, — закончил он.
Сперва я остолбенел и решил, что настал конец света, а я этого не заметил. Потом я понял, что конец света здесь ни при чем, а просто зря я уволил этого негодяя.
И безропотно выдал ему выходное пособие.
С которым он и отправился на базар закупать провизию в дорогу.
А утром следующего дня мы — я и сияющий, как новенький дирхем, ан-Танья — выехали из восточных ворот Кабира и свернули на Фаррский тракт, раньше именовавшийся дорогой Барра.
«Мэй-лань! — звенели о булыжник подковы моего коня. — Мэй-лань, мэй-лань, мэй…»
2
Ехали мы не слишком торопясь — путь впереди лежал неблизкий и не на один день — но и нигде особенно не задерживаясь. По дороге мы молчали — мне до сих пор было стыдно за свою вчерашнюю вспышку, а Кос никогда и не отличался особой многословностью.
Я понемногу привыкал к тяжести доспеха, поначалу несколько сковывавшей движения, то и дело возвращаясь мыслями к ночной Беседе… нет, к ночной схватке, в которой погиб Друдл.
И не он один.
Да, остальных убил я. Я и Единорог. Он-Я. Или Я-Он. Мы. И, сколько ни играй словами, это было страшно. Страшнее, чем отрубленная рука и алая кровь на зеленой траве. Ведь то была моя рука, моя кровь…
А это — чужая.
Но пролитая мной.
Страшна была даже не сама смерть. Страшна была та легкость, с которой я превратил живое в неживое. Ах, как просто это оказалось!.. до ужаса просто. И теперь я боялся сам себя.
Как и Единорог.
Оказывается, свыкнуться с мыслью о возможности убийства совсем нетрудно. Ты просто снимаешь с себя тяжесть постоянного контроля — словно доспех снял — затем ты всего лишь продолжаешь начатое движение, не останавливаясь… и вот уже клинок с убийственной точностью нащупывает живое сердце, трепещущее сердце — и входит в него.
Вот и все.
И ты чувствуешь это, потому что ты — это меч, а меч — это ты. Потому что таким же надтреснутым стоном отдается где-то глубоко внутри предсмертный звон сломавшегося клинка. Потому что он тоже живой — теперь-то я знаю это.
Но я знаю и другое. Я знаю, что значит слово «Враг». Есть в нашем мире такое подлое слово, и пишется оно с большой буквы на всех языках. Ты бы меня понял, смешной и грозный шут Друдл… Да, ты бы меня понял. Враг — это… это Враг. И если ты не убьешь его — он убьет тебя. Или твоего друга. Или чужого друга. Или убьет твой меч. Или меч убьет его…
Но, убивая врага, этим самым ты тоже убиваешь чьего-то друга.
Я невольно скосил глаза на рукоять Сая Второго, торчавшего из-за моего пояса. Сай молчал. Во всяком случае, мне хотелось бы, чтобы он молчал. Потом я положил железную ладонь на рукоять Единорога. Он тоже молчал, думая о своем, и я не решился его тревожить.
Похоже, Единорог, как и я, не вполне пришел в себя после вчерашнего… о Творец, какие простые истины узнаем мы иногда, и до чего же трудно привыкать к жизни, в которой есть место вот таким простым истинам!..
…Пополудни мы устроили короткий привал. Кос молча помог мне выбраться из доспеха, и я сумел слегка размяться. С непривычки тело немного ломило, и завтра это наверняка даст о себе знать, но я уже понимал — привыкну. Когда я ребенком впервые взял в руки Единорога, он тоже показался мне несуразно длинным и тяжелым. А эта железная одежда — не меч. Ею не пользоваться надо, а носить.

Предки ведь носили — и не жаловались. Или, может, жаловались — но все равно носили. Времена такие были… вроде наших времен.
Ладно, хватит об этом. Впереди еще столько всего… Чего — всего? Кто его знает… Поживем — увидим.
Если доживем.
Вот с такими веселыми мыслями мы наскоро перекусили холодным мясом с просяными лепешками, запивая еду кислым вином из бурдюка. Потом, спустя полчаса, я снова облачился в доспех аль-Мутанабби и взобрался на недоуменно косившегося на меня коня.
Свистнула плеть, конь оскалил желтые зубы в подозрительной ухмылке — и мы поехали дальше.
Мерно покачиваясь в седле, я думал о том, что возьмись я рассказывать кому-нибудь о первом дне нашего пути в Мэйлань, то не смог бы сообщить ничего интересного. Ну, выехали из Кабира… ну, привал… дальше вот едем… Все. Как же это, однако, прекрасно — когда с тобой ничего не происходит! А дни, богатые событиями (и ночи тоже!) пусть отправляются под хвост к Ушастому Демону У!..
К вечеру мы добрались до караван-сарая, одного из многих, которыми изобиловал Фаррский тракт. Это дня через четыре, когда мы свернем северо-восточнее Хаффы, с ночлегом, говорят, будет сложнее — и то не намного.
Я вознес мысленную хвалу благоустроенности эмирата, и мы с Косом по молчаливому согласию решили здесь заночевать, что было вполне разумно.
3
Наутро я проснулся раньше Коса, чего никогда не случалось, пока он был моим дворецким. Теперь же ан-Танья справедливо решил, что, как вольный человек, он может отсыпаться столько, сколько захочет — и при этом храпеть на всю выделенную нам келью. Имелся определенный соблазн потихоньку улизнуть от него, пока он спит, но я сильно сомневался в успехе подобного предприятия.
Все равно ведь догонит, рано или поздно. Уж я-то знал своего бывшего дворецкого.
Честно говоря, я и сам малость поостыл и не очень-то стремился отделаться от ан-Таньи. Да и доспех с его помощью снимать-одевать гораздо легче…
Тем не менее, на этот раз я решил обойтись без доспеха и оделся быстро и бесшумно — правая рука действовала вполне нормально, и я уже начинал воспринимать ее, как обычную часть своего тела, что даже немного пугало — после прицепил к поясу ножны с Единорогом и отправился в харчевню на первом этаже караван-сарая, намереваясь потребовать завтрак.
Сая Второго я вонзил в деревянную панель стены, где и оставил.
…В харчевне за длинными, крепко сбитыми столами уже сидело несколько постояльцев. Похоже, все они с утра пораньше успели не только позавтракать, но и изрядно приложиться к напитку, гораздо более крепкому, чем ключевая вода.
Посему разговаривали они весьма громко, перебивая друг друга, и каждый слушал в основном сам себя.
Вообще-то я не большой любитель подслушивать чужие разговоры, но на этот раз я остановился на верхней ступеньке лестницы, невидимый снизу, и прислушался, заинтересовавшись предметом беседы.
Предметом беседы был я.
— …да врешь ты все! — рокотал внизу чей-то бас, слегка надтреснутый, как порченый кувшин.
— А вот и не вру! — возмущался его собеседник, чуть ли не переходя на визг. — То, что Чэну Анкору на турнире руку отрубили, все знают?! Отрубили или не отрубили?!
— Ну, отрубили, — подтвердили сразу два или три голоса. — По локоть. Или по плечо. Или еще дальше.
Я криво ухмыльнулся и положил руку аль-Мутанабби на рукоять Единорога, чтобы он тоже послушал. И вздрогнул. Сверху мне не был виден оружейный угол, где стояло оружие болтунов, но зато теперь я сам услыхал еще один разговор.
Блистающие в углу говорили о том же.
Я снова ухмыльнулся, настроился на голоса людей — но руки с меча не снял.
На всякий случай.
— А то, что у Высшего Чэна теперь опять две руки — это знаете?! — продолжил визгливый.
— Ну, говорили люди… — неуверенно ответствовал бас, явно смущенный напором. — Мало ли что говорят в Кабире… вот еще говорили, что ночами по

площади Опавших Цветов ракшас-людоед ходит и никого не жрет, только вздыхает…
— А откуда тогда известно, что людоед? — заинтересовался кто-то.
— Так у него изо рта нога человечья торчит! Он ее выплюнуть не может, а целиком она не глотается. Вот он оттого и вздыхает, а она пальцами шевелит…
— Кто?
— Да нога же! Босая она…
— Сам ты ракшас! — визгливый чуть не захлебнулся от злости. — Я тебе про Чэна, а ты мне про ногу! Говорю вам, что сам видел — обе руки на месте, и одна — железная! И пальцами шевелит!..
— Нога?
— Рука!
— И я видел… — еще один голос начал было говорить что-то в поддержку визгливого, но тот немедленно перебил говорящего — видимо, опасаясь очередного ухода разговора в сторону.
— Так это еще не все! Кто Чэну руку железную ковал? Коблан Железнолапый, вот кто!
— Ну да, Коблан, — проскрипел старческий фальцет. — И что с того?
— А то, что и Чэн Анкор теперь Железнолапым стал! По-настоящему! И рука эта не просто так болтается, как язык у некоторых — Чэн ею, как живой, пользуется!
— Ври больше!
— Творцом клянусь — сам видел! Только не это главное… Иду я позавчера перед самым отъездом мимо квартала Су-ингра, гляжу — идет Чэн, и весь железный! Весь! Целиком!..
«Врет, — подумал я. — Не мог он меня видеть. Не был я возле квартала Су-ингра… А, какая разница — он видел или кто-нибудь другой!.. людям рты не заткнешь. Разве что ногу ему туда сунуть, как тому ракшасу…»
— Ну да?!
— Да! Железный! Видать, Коблан, когда руку ему новую приклепывал, малость промахнулся молотом — вот и пришлось плечо железное мастерить, а пока плечо делал — еще чего помял…
— Сказки все это! Болтаете невесть что!..
— А вот Саид руку железную тоже видел! Ведь видел, Саид?
— Ведь видел…
— Вот! А там, где рука — там и остальное…
— Остальное — это да, — прогудел бас с откровенной завистью. — Ежели оно железное, остальное-то, а еще лучше стальное, так это да… бабы, небось, с ума сходят…
Мы с Единорогом уже едва сдерживались, чтобы не расхохотаться. Интересные слухи, оказывается, гуляют по Кабиру и за его стенами!
— А голова у Чэна как — тоже железная? — полюбопытствовал невидимый старик.
— Сверху только. А лицо обычное. Из мяса.
— Так это что же получается — Коблан теперь железных людей плодить будет?
— Кто его знает… может, и будет. Ежели что, к примеру, оттяпают…
«Ладно, хватит подслушивать. Есть-то хочется! — рассердился я непонятно на кого. — А ну-ка!..»
И я решительно протопал вниз и уселся за стол неподалеку от развеселой компании. Единорога я в оружейный угол ставить не стал — по негласному уговору.
Толстый краснощекий хозяин появился почти сразу. Я заказал ему завтрак и через минуту на столе уже дымился аш-кебаб, завернутый в маринованные листья дикого винограда, белела в пиале чесночная подлива, возвышалась стопка желтых лепешек — и я жадно принялся за еду, изредка поглядывая на шумных спорщиков.
Через некоторое время визгливый сплетник — долговязый и смуглый детина с неожиданно мелкими чертами невыразительного лица — обратил на меня внимание.
Его глубоко посаженные глазки остановились на мне раз, другой — и вдруг он уставился на мою правую руку, не донеся до рта пиалу с вином. Я просто слышал, как лихорадочно трещат его заржавевшие мозги, сопоставляя увиденное с известным.
Наконец долговязый расплылся в широченной улыбке, видимо, придя к какому-то определенному выводу.

— Смотрите! — заверещал он, тыкая в мою сторону грязным пальцем. — Вот что значит мода! Теперь все хотят быть похожими на Чэна Анкора! Вон у него железная перчатка на руке, видите?!
Теперь уже все смотрели на меня. Я вежливо улыбнулся, прекратив на мгновение жевать.
— Тебя как зовут, парень? — нахально осведомился болтун. — Кабирец, да? Ты Чэна-то хоть однажды видел?
— Видел, — откусывая большой кусок кебаба, кивнул я, — каждый день, почитай, видел.
— Это где же ты его видел?
— В зеркале, — ответил я. — Когда брился по утрам.
И взял верхнюю лепешку правой рукой…
4
…А потом мы снова ехали по Фаррскому тракту, и с осенних тутовников осыпались на обочину липкие спелые ягоды, а мы по-прежнему молчали — но молчали уже гораздо веселее, чем вчера, и солнце припекало вовсю, причем я поймал себя на том, что невольно улыбаюсь этому солнцу, а Единорог у седла весело звякает в ответ каждой моей улыбке.
Впрочем, улыбался я не только солнцу. Мне то и дело вспоминалась утренняя немая сцена в караван-сарае, испуганно-уважительные лица подвыпивших спорщиков за соседним столом; недоумение в их глазах, постепенно переплавляющееся в изумление…
«Вот и родился еще один слух, — думал я. — И пойдут дальше гулять легенды о Железноруком Чэне, и буду я в этих легендах обрастать железом с головы до ног… А ведь кто-то и впрямь видел меня в Кабире, одетого в доспех — то ли по дороге домой от Коблана, то ли при выезде из города; и по пути вчера нам люди встречались, и сегодня встретятся, и завтра… Так что слухи, похоже, будут преследовать меня по пятам и, скорее всего, обгонят; и ничего из попытки тихо выяснить, что к чему, у меня не выйдет…»
Ну и не надо! Глупо было бы рассчитывать остаться незамеченным, разгуливая по эмирату в этом-то железе! Дурак ты, Чэн… дурак и есть. Прав был Друдл-покойник.
При воспоминании о шуте что-то больно кольнуло внутри, и рука сама коснулась Единорога. Дурак я или не совсем дурак — но все равно я докопаюсь до сути… и пусть слухи торопятся, пусть бегут быстрее моего коня — я одновременно буду и приманкой, и охотником. Пожалуй, так даже лучше…
Тут я обнаружил, что мой меч уже давно разговаривает с Дзюттэ Обломком, и невольно прислушался к их беседе.
Единорог не возражал. Ну а у меня уже начало входить в привычку подслушивать и подглядывать.
— Дурак ты, Единорог! — прозвучал у меня в голове голос Обломка, и я невольно вздрогнул, натягивая поводья — до того этот голос и манера говорить напоминали покойного Друдла.
Или это Друдл напоминал Дзюттэ?
— Олух безмозглый, — продолжал меж тем Обломок. — Совсем как твой Придаток… Хорош он у тебя — нацепил на себя гору всякого-разного хлама, и рад! Чего это я с вами увязался?! Он же теперь, как статуя — даром что железный! Ну, и толку с этого?!
— Поживем-увидим, — философски заметил Единорог, и я с ним полностью согласился.
— Ага, увидим, — ехидно бросил Дзюттэ. — Вот на ближайшем привале и увидим!
Я понял, что шут-Блистающий специально дразнит Дан Гьена, как Друдл в свое время дразнил меня. Единорог это тоже отлично понимал, но подразмяться нам всем действительно не мешало, так что я лишь кивнул, а Единорог мирно согласился:
— Очень хорошо, Дзю. Так и сделаем.
— Хорошо, хорошо! — не замедлил передразнить его шут. — Это тебе хорошо! А со мной рядом этот паскудный недоделок умостился!
Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы сообразить, кого Обломок имеет в виду. Конечно же, Сая Второго…
— Ты у нас доделок! — проскрипел в ответ не выдержавший Сай. — Тупица болтливый! И гарда у тебя…

Ах, лучше бы он помалкивал!
— А, так оно еще и разговаривает! — зловеще обрадовался Обломок. — Ему, видите ли, гарда наша не нравится! По-моему, тот, чье место в навозной куче, не должен встревать в разговор истинных Блистающих… верно, Единорог?
— Верно! — согласился мой меч. — Эй, Сай, видишь своих родичей?
Я сперва не понял, о чем это они. А потом обнаружил, что в стороне от тракта двое крестьян неторопливо перегружают в арбу, запряженную ломовой пегой лошадью, целую гору навоза. Грузили навоз, как положено, вилами. Собственно, я не очень-то знаю, как положено грузить навоз, но не руками же в нем копаться!
А металлические наконечники трехзубых вил, средний зуб которых был существенно длиннее боковых, отгибающихся в разные стороны, и впрямь весьма напоминали по форме торчащий у меня за поясом Сай. Похоже, крестьянские вилы действительно могли оказаться его дальними предками, как верно заметил Дзюттэ.
— Что?! — возмутился Сай, тоже сообразивший, что к чему. — Меня, подлинного Блистающего, известного древностью своего рода, которые ведет начало…
— Из дерьма, — прозаически закончил за него Обломок. — И в него же вернется!
— Хорошая мысль, Дзю, — с удовольствием поддержал шута Единорог. — Вот в ближайшем караван-сарае отыщем палку подлиннее, примотаем к ней этого умника, затем попросим пару Придатков спустить шаровары и потрудиться во имя великой идеи — и пусть наш друг займется тем, чем ему положено!
— Да я… да вы… — если бы Сай был человеком, я сказал бы, что он задохнулся от обиды. — Мерзавцы вы, а не Блистающие!
Я более тесно соприкоснулся с Единорогом и мысленно прошептал ему:
«Ты бы лучше попробовал выяснить, куда делись его дружки! Хоть Блистающие, хоть люди… или хотя бы одни Блистающие, потому что людей мы наверняка найдем там же!»
— Уже пробовали, — ответил Дан Гьен, и я не сразу понял: отвечает он мне вслух или так же мысленно, как и я. — Молчит, подлец… Ничего, мы с Дзю его разговорим! Чем и занимаемся…
Я понимающе кивнул и снова вернулся к роли пассивного слушателя.
Дзюттэ явно заметил, что Единорог отвлекся от разговора, как если бы он с кем-то беседовал помимо Блистающих, но вида шут не подал.
— Это ты здорово придумал, Высший Дан Гьен, — подчеркнуто церемонно признал Обломок. — Небось, у меня научился… Дело говоришь! Чем таскать за собой эту обузу, лучше его к полезному труду пристроить. Местность тут сельская, лошадей с овцами невпроворот, да и Придатки не брезгуют пару раз в день под куст присаживаться — так что без работы не останется, со всех трех концов рыть станет…
Сай гордо молчал — но, похоже, он всерьез начинал верить в возможность такой, мягко сказать, незавидной участи. Допекли его мои приятели! А где обида да страх, там и разговоры. Есть, есть ему о чем поговорить, а нам послушать!..
— Ладно, хватит о навозокопателях, — заявил Обломок. — Время не ждет. Как найдем подходящее местечко — так и по-Беседуем всласть, пусть попотеет в железе… Эй, Заррахид, ты как насчет Беседы?
— Всегда с удовольствием, — качнул рукоятью Заррахид, до того молчавший и лишь ритмично постукивавший о бедро Коса ан-Таньи.
Разрешения вступить в разговор эсток спрашивать не стал. Еще бы — он теперь свободен, как и Кос!.. поскольку мой меч оказался ничуть не умнее меня самого, уволив Заррахида с должности… с той же самой должности, с какой я уволил ан-Танью, только разве что без письменного приказа.
А результат оказался одинаковым.
Я снял руку с Единорога и задумался о перемене в поведении Коса. После увольнения мой дворецкий неожиданно преобразился: спал, сколько хотел, заказывал блюда дороже, чем я, зачастую ехал впереди меня и полюбил размышлять вслух о «некоторых бездельниках». Я уж было подумывал принять его обратно на службу, заверив необходимые бумаги в ближайшем городе — да только не знал, согласится ли Кос?
Я бы на его месте ни за что не согласился.
Потом я случайно задел локтем Сая Второго — и мысли мои вернулись к Блистающим, прошедшим Шулму и устроившим эмирату кровавую баню. С целью спасения мира Блистающих. М-да… простая, однако, штука — жизнь! Ни тебе мифических убийц-ассасинов, ни зловещих Тусклых с теплым клинком — а есть

себе за горами-пустынями какая-то Шулма, которой до нас восемьсот лет тянуться, и есть бежавшие оттуда наши же Блистающие, узнавшие вкус крови.
А что им оставалось — скажи, Чэн-умница?! Этому Саю навоз в Кабире мешать — счастье после Шулмы! Ведь они, небось, объясняли — им не верили; доказывали — их не поняли или не захотели понять; и тогда они начали нас спасать. Как могли, как умели, убеждая кровью, смертью…
И убили Друдла!
Вот не умею я спокойно рассуждать… Как вспомню последний бой шута, так готов Сая этого узлом завязать! Я руку свою родную, отрубленную — и то простить готов, а Друдла никогда и никому не прощу.
Радуйтесь, Блистающие из Шулмы — нашли вы последователей! Чэна Анкора с Единорогом… и пошли последователи по следу вашему.
Радуйтесь и ждите!
Правда, вряд ли много таких, как я, наберется. Кто еще сумеет (или захочет) узнать цену крови, и звону сломанного клинка, и звуку, с каким входит в тело отточенная сталь?
Не успеть вам, беглецам… не переучите. Даже если у вас — у нас! — есть в запасе несколько лет. Три. Пять. Десять. Все равно — не успеете. Мало найдется людей и Блистающих, способных понять; еще меньше — способных отказаться от идеала, от искусства и изящества Бесед ради жестокой науки убивать. Пусть даже и во имя будущей жизни — своей и своих близких.
Мало. Даже если каждый будет стоить десяти, двадцати шулмусов — что с того? И грозой пройдет по эмирату Джамуха Восьмирукий…
Ну а допустим, что ваш план, беглецы, удался! Чем тогда мы будем лучше тех же шулмусов? Живее — будем, а вот лучше ли?.. И покатится вспять время, отбрасывая нас к эпохе варварских войн, тяжелых доспехов и Диких Лезвий.
Что лучше?
И есть ли третий путь?
Путь Меча?
Одно было ясно — мир стремительно меняется, и никогда уже ему не быть таким, как раньше… мир — он ведь тоже один.
Один против неба.

Глава 11

1

Чуть в стороне от дороги нашлось прекрасное местечко для Беседы. Мы слезли с коней, у Коса в руке немедленно оказался обнаженный эсток, и они принялись методично накручивать «Большую спираль Огня», которую я до того видел в их исполнении всего дважды.
Сам я почти не разминался. Вот ночью, на постое, выйду я тихо во дворик и погляжу всерьез, как жить мне в новой одежке да за какой конец меч держать. А сейчас — пустое это дело, баловство и больше ничего. Ночью, ночью подойдем к коню неизведанного с уздечкой умения — тут спешить ни к чему, мы теперь ученые…
…Кос встал напротив — и мы поклонились друг другу, тщательно соблюдая этикет. За нами никто не наблюдал, но ритуал — это для себя, а не для других. Повинуясь подсказке Единорога и полностью с ним согласный, я положил левую руку на рукоять Дзюттэ.
— Не возражаете? — спросили мы с Дан Гьеном одновременно у Коса и Заррахида.
— Пожалуйста, — вежливо улыбнулся ан-Танья, и сверкнул на солнце эсток.
Улыбки и блеск — вещь хорошая, а добрый выпад — лучше. Посмеиваясь над собственным пафосом, я ушел от рванувшегося вперед Заррахида (или Коса?), Единорог проводил со-Беседника чуть дальше, чем тот намеревался пройти, и я попытался пустить в ход Дзюттэ — ну а он, соответственно, попытался пустить в ход мою левую руку.
Нет, зря я все-таки считал раньше, что работать двумя клинками — это то же самое, что спать с двумя женщинами.
Это гораздо хуже.
И с первого раза вообще не выходит.

— Твоему болвану-Придатку, Единорог, надо и вторую руку отрубить, а вместо нее железную приделать, — огрызнулся Обломок. — Я его веду, а он…
Я ничего не ответил, потому что Кос резко шагнул ко мне, и острие Заррахида замерло на волосок от зерцала моего доспеха.
— Ну и колол бы, — заметил я ан-Танье. — Чего испугался?
И выпятил бронированную грудь.
Бывший дворецкий немного смутился.
— Непривычно как-то… попробовать надо, — пробормотал он, пряча глаза.
— Пробуй!
Мы сошлись, я специально открылся, но острие эстока и на этот раз замерло на том же расстоянии.
— Не могу, — дрогнул эсток, а на лбу у Коса выступили мелкие капельки пота.
— Ладно, хватит на этот раз, — смилостивились мы с Единорогом, и даже Обломок не сообразил, что все встало с ног на голову, и Беседа превратилась чуть ли не в экзамен для Коса и Заррахида.
— Вот на постое повешу я доспехи на стенку, — властно бросил я, закрепляя успех, — там и поучишься. Авось, пригодится…
Кос неуверенно кивнул.
— …На кого это ты во время Беседы отвлекался? — мрачно осведомился Дзю, когда мы снова выехали на тракт. — И вообще, Единорог — у тебя что, второй клинок вырос?!
«Сказать ему, Чэн?»
«Скажи, — согласился я. — Все равно ведь придется, рано или поздно.»
— С Чэном.
— С этим косоруким Придатком?! — удивлению Дзю не было предела.
— Точно, косорукий, — проворчал из-за пояса Сай. — И вообще вы тут все Грозовым Клинком ударенные. Меня бы тому Придатку, что с эстоком, во вторую руку — мы б с Заррахидом вам всем…
— А тебя, Вилорогий, никто не спрашивает, — перебил его Дзюттэ. — Во вторую руку его… Твое место — сам знаешь где! Я б тебе этого места целую кучу навалил бы — да жаль, не умею…
2
…И был день, и был вечер, и был очередной караван-сарай, как две капли воды похожий на первый; и были мы, подъехавшие к нему и привязавшие коней у коновязи.
Первым в харчевню, из которой неслись запахи, способные поднять мертвого из могилы, вошел Кос. Он с порога неспешно оглядел собравшихся, немного подождал, пока к нему подбежит хозяин — обладатель хитрющей длинноносой физиономии — и затем провозгласил с барственной ленцой:
— Ужин на двоих!.. Ну, и келью получше!
После чего Кос слегка посторонился, и вошел я. Глазки хозяина широко раскрылись и полезли даже не на лоб, а куда-то к оттопыренным ушам, отчего нос вытянулся еще на локоть, словно желая обнюхать меня с головы до ног.
Похоже, хозяин и впрямь решил, что я весь железный.
А путников в харчевне оказалось всего двое — ужинавший в углу пожилой крестьянин, чье двузубое копье в полтора роста стояло прислоненным к стене, и высушенная временем старуха с морщинистым крохотным личиком, и видом и цветом напоминающим передержанный в кладовке урюк. Правда, на этой урючине при моем появлении остро сверкнули неожиданно внимательные и любопытные глаза. Сверкнули — и погасли. Словно пеплом подернулись.
Рядом с глазастой бабкой стояло нечто, длиной почти с копье крестьянина, но расширяющееся с обоих концов и аккуратно замотанное в тряпки.
Что это было за оружие и оружие ли вообще — этого я так и не смог угадать.
Мы с ан-Таньей уселись за стол по соседству со старухой, который показался нам наиболее удобным. Почему — не знаю. Остальные столы на вид были точно такими же.
Пока удравший на кухню хозяин поспешно собирал нам ужин, старуха исподтишка разглядывала нас с неослабевающим интересом. Еще бы! Небось, у дряхлой сплетницы уже чесался закаленный в словесных боях язычок… Собственно, я бы и сам — месяца этак с три назад — увидев в харчевне человека в железном наряде, стоял бы столбом и пялился на него, забывая даже жевать.
А старушка жевать не забывала.

— Далеко путь держите, молодые господа? — осведомилась наконец она. Голос у бабки оказался под стать глазам — низкий и чистый, без старческой хрипотцы. И чем-то неуловимым похож на голос эмира Дауда. Бред, конечно, но — чего в жизни не бывает?!

Я со скрежетом неопределенно пожал плечами. А Кос, которому явно понравилось чувствовать себя молодым господином в его сорок пять лет, бодро сообщил:

— В Мэйлань едем. Из Кабира.

— Попутчики, значит! — возрадовалась словоохотливая бабка. — Это хорошо, это чудесно… только я из Дурбана еду, по делам там была, а в Кабир не заезжала, нет… мечталось старой на столицу хоть одним глазком взглянуть, а вот не довелось, дела не пустили…

Какие-такие у нее в Дурбане были дела, и почему они не пустили ее в Кабир — об этом старуха умолчала. Или забыла сказать. Или попросту сочла свои дела недостойными внимания двух замечательных молодых господ. Или двух замечательных молодых господ сочла недостойными посвящения в свои замечательные дела. Или…

А, пошла она в Шулму вместе со своими делами! Не больно-то и интересно…

— Матушка Ци, — представилась между тем старуха, намекая тем самым на необходимость ответных действий с нашей стороны.

— Весьма рады знакомству, — вежливо улыбнулся Кос. — Кос ан-Танья из Кабира.

Я тоже улыбнулся, следуя примеру Коса, но улыбка вышла довольно кислой.

— Э-э-э… Чэн.

— Чэн Анкор, — машинально добавил обстоятельный Кос, а я мысленно пожелал ему убраться под седалище к Желтому богу Мо.

— Уж не из тех ли Анкоров вы, молодой господин, что зовутся Анкорами Вэйскими? Или вы из Анкор-Кунов? — аж прослезилась бабка, одновременно заглатывая здоровенный кусок лепешки с сыром. Я б таким куском сразу подавился бы и умер в мучениях. — Вот уж не ждала, не чаяла…

Тут, на наше счастье, появился хозяин с долгожданным ужином, прервав болтовню любопытной Матушки Ци, и мы с Косом принялись за еду — причем Кос принялся с завидным рвением и скоростью. Хозяин уважительно поглядел на ан-Танью и отошел, позвякивая висевшим на боку длинным кинжалом без гарды, вложенным в ножны багряного сафьяна с бронзовыми накладками.

Остаток ужина прошел в молчании. Потом мы поднялись в выделенную нам келью — родную сестру вчерашней — еще позже вышли проследить за обращением служителей с нашими лошадьми, выяснили, что лошади давным-давно распряжены и усердно хрупают овсом, и с чистой совестью вернулись в келью, где сели играть в нарды.

Я выиграл у Коса восемь динаров.

А он мне их не отдал.

К этому времени успело стемнеть.

Совсем.

3

…Мы спустились во внутренний дворик караван-сарая, где было очень темно. Интересно, а чего я ожидал ночью в неосвещенном дворе? Луна спряталась за случайное облако, лишь слегка присыпав светящейся пудрой верхний край своего временного убежища, и какие-то две нервные звезды подмигивали нам из-за глинобитного дувала.

Впрочем, особого освещения нам и не требовалось. Кос сразу же отошел к дувалу и сел спиной к нему, скрестив ноги и укрывшись плащом — темное на темном, недвижный валун у подножия сгустившейся ночи с двумя моргающими глазами-звездами.

Я свистнул ан-Танье и плавно бросил ему Сая Второго рукоятью вперед. Еще недавно я сказал бы: «Бросил сай», но теперь-то я знал, что Сай живой и говорить о нем следует, как о живом. Я бросил, услышал шорох Косова плаща — и все. Раз не было звука падения, значит, ан-Танья поймал Сая и положил рядом с собой.

Вот и пускай полежит.

Для начала я просто походил по дворику туда-сюда, поднимая и опуская руки, наклоняясь в разные стороны, передвигаясь то боком, то вприпрыжку — короче, привыкая к новому ощущению тела, заключенного в доспех.

Затем я упал. Полежал. Встал. Снова упал. Перекатился на левый бок… на правый… показал язык любопытным звездам и вскочил.

Неплохо, если для начала. Падаю шумно, но вполне прилично.
Я высоко подпрыгнул, приземлившись на колени, кувырком ушел вперед, застывая в позиции низкого выпада — и обнаружил обнаженного Единорога у себя в правой руке.
Мы ничего не сказали друг другу. Что значат слова для тех, кто способен слиться воедино теснее объятий влюбленных, ближе матери и ребенка в ее чреве, неразрывнее двух смертельных врагов, сцепившихся в решающей схватке?! Язык Единорога — язык Блистающих — был ближе к тому, что переполняло нас обоих, но и он не годился для выражения очищенных от рассудочной шелухи чувств и слившихся в единый порыв движений.
Вот мы и не говорили.
Мы двигались. Словом можно обмануть, и я не хочу никого обманывать, описывая это словами; движением обмануть нельзя. Настоящий удар не бывает неискренним.
…Я не думал о том, что делаю. Сознание мое было свободно, и я почему-то вспомнил сперва своего отца, Янга Анкора, а потом и деда Лю. В роду Анкоров существовало две главные родовые ветви — Анкоры Вэйские и Анкор-Куны, южане и северяне, но за столетия смешанных браков эти ветви срослись почти намертво. Мой дед Лю — как и я — по внешнему виду был чистым южанином: невысокий, стройный, жилистый, с буйным, но отходчивым характером и способностью моментально вспыхивать по любому поводу и без повода. В его старшем сыне и моем отце, спокойном и неторопливом Янге, волею судеб повторились в основном северные черты: мощное телосложение и уравновешенный нрав, ленивая грация крупного зверя и умение незаметно избегать любых столкновений. Впрочем, отец в последние годы жизни с Единорогом в руках выигрывал у деда, вооруженного Большим Да, одну Беседу из двух.
Это было немало. Это было даже очень много. Могучий Янг с легким Единорогом и маленький Лю с огромным Да-дао. На их Беседы сходился посмотреть чуть ли не весь Кабир.
Мой отец погиб, когда мне было семнадцать лет. Погиб нелепо, по-глупому: взбесившаяся лошадь понесла по краю обрыва, случайная осыпь и… и все. Дед пережил его на восемь лет и тихо умер в своей постели пять лет тому назад. Но к Единорогу дедушка Лю с тех пор ни разу не прикасался, отдав его в мое безраздельное пользование (до того я брал Единорога лишь во время обучения — вернее, мне его давали — а так я носил точно такой же прямой меч Дан Гьен, только чуть-чуть худшей проковки.) Дед забрал мой первый меч себе, отдав Большого Да своему племяннику, который прошлым летом уехал с ним в Мэйлань — и будь проклята черная лихорадка, что за неделю свела в могилу нестареющего Лю Анкора!
В нашей семье бытовало одно предание — о том, как наш божественный предок Хэн в великую засуху спас первую виноградную лозу бога виноделия Юя, и в благодарность получил от божества бочонок вина и дар «пьяного меча». Каким образом Хэн спасал эту лозу и чем он ее поливал и удобрял — об этом Анкоры предпочитали не рассказывать посторонним во избежание кривотолков. Но дальше в предании говорилось, что предок Хэн, не очень-то доверяя лукавому богу, сперва отхлебнул из бочонка один-два глотка и сразу после этого взял в руки «пьяный меч». Но погода стояла жаркая, и вспотевший Хэн вскоре выпил целую пиалу, потом перелил часть бочонка в жбан и осушил его единым глотком (ох, здоровы пить были предки!), а вскоре и в самом бочонке показалось дно.
С тех пор и делятся мастера «пьяного меча» на «пьяниц одного глотка», «пьяниц с пиалой», «пьяниц со жбаном» и «пьяниц с бочонком».
Мой дед Лю был большим мастером «бочонка» — и когда он метался по турнирной площадке с «мертвецки пьяным» мечом в руке, успевая упасть лицом вперед — плашмя! — и мгновенно перейти к «Фениксу, взмывающему в грозовое небо», то на это стоило посмотреть.
Но и не меньше стоило посмотреть на его сына Янга, чей «Феникс» был вдвое тяжеловеснее, и, прежде чем взмыть в «грозовое небо» сперва «расправлял крылья», затем «бил клювом на четыре стороны света» и лишь после…
Собственно, взмывать зачастую уже не приходилось, поскольку у со-Беседников, попавших под клюв могучего феникса Янга, возникали большие неприятности.
Вот такие-то дела… Просто-напросто сыну и внуку Чэну Анкору, надевшему доспех аль-Мутанабби, пришлось стать меньше похожим на своего деда и больше — на отца. Ладно, запомним — в доспехе мне больше жбана не выпить.

Ну и не больно-то хотелось… я ж не божественный предок Хэн, мне лозу не поливать.

4

…Мы замерли, и некоторое время я стоял, не двигаясь, и прислушиваясь к самому себе. Дыхание сбилось лишь самую малость и почти сразу же восстановилось, тяжести доспеха не ощущалось вовсе, словно он стал второй кожей и прирос к телу; само тело от ног до кончика клинка Единорога было легким и послушным.

— Ну? — бросил я в сторону мрака по имени Кос. — Как?

— Ничего, — ответила темнота. — Вполне.

В устах ан-Таньи — тем более нового, независимого ан-Таньи — это было невероятной похвалой. Впрочем, я мог и не интересоваться его мнением. Я и сам знал, что — вполне.

Мы знали. Я-Единорог.

Наступала очередь Дзюттэ. Я аккуратно и бережно опустил возбужденного Дан Гьена в ножны и вынул из-за пояса подозрительно тихого шута.

И вновь стал ходить по двору кругами, помахивая Дзюттэ в воздухе, привыкая к его балансу и рельефу рукояти. Правую, железную руку я намеренно держал подальше от Единорога — мне хотелось поближе познакомиться с шутом-Блистающим без посредничества моего меча.

Работая Единорогом, я обычно держал пальцы левой руки собранными в незамкнутое кольцо, то есть сжимая воображаемую пиалу, или смыкал прямые указательный и безымянный, собрав остальные пальцы к центру ладони — отчего ладонь начинала походить на своеобразный меч.

Так, держа Дзю в левой, я смогу одновременно «взять пиалу»… это хорошо. Это привычно. Хотя теперь уже и не очень-то нужно. Поехали дальше… баланс, вроде, пойман… интересное дело — Обломок в два с лишним раза короче Единорога, а весит, почитай, столько же! Колоть им бессмысленно — он тупой; рубить тоже глупо — разве что по голове кому-нибудь попадешь…

Что ж это выходит, шут? Оказывается, ты для нападения совсем-совсем неприспособленный?! И переучивай тебя или не переучивай — ты все равно для убийства не шибко годен? Все Блистающие могут в принципе переучиться и убивать людей, да не хотят, — а ты даже если и захочешь, то все равно не сможешь!

Вот и Друдл, пусть и с Детским Учителем в руке — хотел, да не смог… а вот их обоих — и захотели, и смогли!

Так, не будем погонять коня ненависти… не ко времени. Как же тебя перехватывать, Обломок ты этакий, чтоб ты из прямого хвата в обратный лег? А если…

И тут я отчетливо почувствовал, как Дзюттэ дрогнул в моей руке, пытаясь помочь, подтолкнуть, подсказать…

— Нет уж, погоди, — вслух сказал я, прекрасно понимая, что без помощи Единорога Обломок меня не услышит, а услышав — не поймет. — Дай-ка я сам сперва разберусь, что к чему… сам.

В общем, при определенной сноровке дело оказалось не очень сложным. Я еще раз мысленно представил, как увесистый Обломок вращается вокруг моего запястья, как после четверти круга я прихватываю большим пальцем его гарду-лепесток, удобная у тебя гарда, шут, зря над ней Кабир смеялся, дураки они все! — и к концу оборота Дзю уже…

— Ну, теперь давай, шут! — выкрикнул я.

…и через мгновение лихо крутанувшийся Дзю уже лежал вдоль моего предплечья, лязгнув о металл поручня… или наруча, или как там этот железный нарукавник называется.

— Молодец, — прошептал я, имея в виду то ли себя, то ли Обломка, то ли нас обоих вместе.

Продолжая крутить Дзюттэ, то и дело меняя хват, я прикидывал, как можно на Обломка — вернее, на руку, защищенную им, — ловить чужой клинок.

Получалось, что ловить можно по-всякому и довольно неплохо. На такой толстый брусок (прости, Дзю!) и Гвениля поймать не страшно, если вовремя спружинить. Главное — чуть проскальзывать во время столкновения, и тогда бьющий клинок вполне способен застрять между Дзю и лепестком его гарды. А там — резкий рывок с поворотом, и Блистающий вылетает из рук, его держащих, или…

Или одним Блистающим в мире становится меньше. Был бы жив Шото, он бы со мной согласился.

…Я поймал себя на том, что понятия мои и Единорога так тесно переплелись в моей голове, что я сам путаю их и не замечаю этого. Говорю «Гвениль», а представляю себе Фальгрима, и Беловолосый настолько сливается в моем мозгу со своим двуручным эспадоном, что мне, в общем-то, уже все равно — как называть получившееся двойное существо.
Опять же Кос с его Заррахидом… наши отставные дворецкие. И не только они…
Я отругал себя за посторонние мысли — думать о чем угодно я могу позволить себе только с Единорогом, да и то не всегда — и продолжил изучать Дзюттэ. Нет, не изучать — знакомиться; и не я с ним, а мы друг с другом. На равных. Это я чувствовал и без Единорога.
М-да, если со-Беседник вовсе не со-Беседник, и не имеет никакого желания останавливать свой удар — то такой вот Обломок для человека с незащищенными руками просто находка! Чуть ли не отец родной, благодетель и спаситель…
И при этом палач для Блистающих!
А ведь ты не мог не знать этого, шут… Ты обязан был это знать. В какие ж времена тебя ковали, для чьих рук?! Сколько тебе лет, Дзю?
«Сколько тебе лет, Дзю? — эхом отдался у меня в сознании голос Единорога, очень похожий на мой собственный, и я ощутил, что стальные пальцы крепко сжимают рукоять. — Сколько?»
— Много, — глухо буркнул Дзюттэ, и его ответ был подобен скрежету клинка о наруч. — Много мне лет. Слушай, Единорог, а ты действительно… ну, ты и вправду с ним, со своим… разговариваешь?
По-моему, он хотел сказать «со своим Придатком», но поостерегся.
— Да, — коротко отозвался Единорог-Я.
— А сейчас… кто из вас спрашивал, сколько мне лет?
— Не знаю, — задумчиво прошелестел Единорог-Я. — Кажется, оба. А какая разница, Дзю?
— Разница? — медленно протянул Обломок. — Не в разнице дело… А он один — Чэн твой — может мне что-нибудь сказать? Пусть через тебя, но — один?
«Скажешь? — беззвучно обратился ко мне мой меч и с готовностью расслабился, пропуская меня вперед. — Давай!..»
— Я… — начал было я и почувствовал, как шорох клинка в ножнах, еле заметное покачивание, трепет кисточек — как все это становится речью, словами, понятными и доступными нам: Единорогу, Обломку и мне.
— Я… мне… очень жаль, Дзю, что Наставника убили. Честное слово, просто очень жаль. Если б мы с Единорогом знали тогда… если б мы понимали!..
Ну вот, как с покойным Друдлом говорю! Косноязычным становлюсь, слова все куда-то разбегаются, и чувствую себя уже и не дураком, а полным недоумком. До каких пор это будет продолжаться?!
— Спасибо, — очень тихо и серьезно произнес Дзюттэ Обломок, и еще раз провернулся у меня в руке. — Спасибо и… завидую. От души.
А потом добавил более привычным тоном:
— Везет же дуракам! Правда, не всем. Ну тогда не вцепляйся в меня на перехвате со всей дури, я ж тебе не кебаб недожаренный…

5

И я кивнул, вняв дельному совету. Действительно, теперь перехват получался куда легче (я бы даже сказал — изящнее), и Дзю почти без лязга сам ложился вдоль предплечья, а когда было надо — стремительно бросался вперед, заклинивая невидимого Блистающего, уводя его в сторону, вырывая из чужих пальцев…
Я и сам не заметил, как в правой, железной руке у меня оказался Единорог, и в свете выкарабкавшейся наконец из-за облака луны тусклым маревом развернулись «Иглы Дикобраза»; длинные уколы и кистевые удары Единорога сменялись короткими и азартными всплесками Дзюттэ, и все получалось само собой — хотя в каноне ничего подобного и близко не было.
Похоже, все в порядке. Ну, не то чтобы совсем в порядке — воду из этого колодца можно еще черпать и черпать, добраться до дна, пробить его и черпать снова — но для первого раза все складывалось достаточно неплохо. А о том, что на мне доспех, я вообще напрочь успел забыть…
Закончив, я посмотрел туда, где все это время сидел Кос — и обнаружил, что ан-Танья под дувалом отсутствует. Впрочем, как тут же выяснилось, отсутствовал он только под дувалом. А во всех остальных местах двора Кос присутствовал — причем, по-моему, во всех местах сразу. Ан-Танья творил что-то невероятное, став удивительно похожим на моего собственного дедушку — ну просто зависть брала,

до чего ловко, хотя и не совсем привычно для моего взгляда, он орудовал почти неразличимым из-за скорости и скудного освещения эстоком!
Через мгновение я заметил, что во второй руке Коса со свистом вертится Сай Второй. Оставалось только диву даваться, как быстро наши бывшие дворецкие сумели найти общий язык с этим неприятным трехрогим нахалом!..
А потом Кос закончил свою невообразимую импровизацию, крутнул напоследок Сая, взвизгнувшего от удовольствия — и оказался напротив меня с двумя клинками в руках. Я посмотрел на ан-Танью, сделав чрезвычайно серьезное выражение лица, и мы подчеркнуто церемонно поклонились друг другу.
Поклонились, выпрямились и… застыли. Потому что я — Единорог-Я или Я-Единорог?.. неважно! — потому что мы видели, понимали, чувствовали — сейчас двигаться нельзя. Вот мы и стояли, а мгновения растягивались, сливались, их уже нельзя было отличить одно от другого — и никто не смог бы определить, когда именно моя передняя нога поползла чуть в сторону, и слегка изменился наклон Дан Гьена, а Дзюттэ приподнялся вверх самую малость…
Мы не осознавали этого. Просто Я-Единорог-Дзюттэ чуть-чуть изменился — и в ответ, уловив это, начал меняться Кос-Заррахид-Сай, но промедлил, и тогда мы поняли-увидели-почувствовали, что теперь — можно.
Можно.
Во имя Ушастого демона У, как же это было здорово! Не было врага, не было язвительного Дзюттэ и противного Сая, не было злобы, и ненависти не было — была Беседа, Беседа Людей и Блистающих, и все в ней были равны, и думать было некогда, ненавидеть некогда, и лишь где-то на самой окраине сознания пульсировало удивленное восхищение…
Вот как это было.
А слова — это такая бестолковая вещь… бестолковая, но, к сожалению, необходимая.
6
— Смотрю я на вас, молодые господа, и давно уже, надо заметить, смотрю, давно-давненько и пристально-пристально смотрю, в оба глаза и… так о чем это я? Ах да… — смотрю я на вас, молодые господа, и прям-таки сердце радуется…
Ну понятное дело, это была неугомонная Матушка Ци! Я остановился на середине удара, переводя дух, и мысленно еще раз обозвал ее «старой любопытной урючиной». Даже если это и было невежливо. А подсматривать за людьми по ночам (да хоть бы и днем!) — вежливо?! И откуда она взялась на нашу голову?
Тем временем Матушка Ци соизволила подойти поближе. В руках у нее был все тот же странный предмет, виденный нами в харчевне и по-прежнему аккуратно замотанный в тряпки.
— Сколько на белом свете живу, — продолжала бубнить старуха, — отродясь такой изысканной Беседы не видела! Даже самой захотелось молодость вспомнить, кости старые поразмять! Не соблаговолит ли кто из молодых господ снизойти к старушке, по-Беседовать с ней по-свойски?.. а то бессонница бабку вконец замучила…
Мы с Косом переглянулись. Было совершенно ясно, что просто так старуха от нас не отвяжется. Да и вообще — отказывать женщине, предлагающей Беседу… неловко как-то.
Кос чуть заметно кивнул и выступил вперед.
— Отчего же? — проникновенно сказал ан-Танья, склоняя голову. — Я с огромным удовольствием по-Беседую с вами, Матушка Ци.
— Вот и спасибо, молодой господин, — мигом засуетилась старуха, — вот уж спасибо так спасибо, всем спасибам спасибо, вы только обождите минуточку, я сейчас…
И принялась с изрядным проворством разматывать тряпки, под которыми скрывался ее загадочный Блистающий.
Он являлся нашему взору по частям. Одно было несомненным — длинное древко в рост Матушки Ци. Зато все остальное… Сперва от тряпок очистилось лопатообразное лезвие со скругленными краями — и я тут же вспомнил детские сказки о песчаной ведьме-алмасты, любившей на таких вот лопатах сажать в тандыр непослушных мальчиков Косиков. Так сказать, для запекания в чуреках.
Потом на другом конце древка обнаружился полумесяц с торчащими вверх рогами. Ну и довершали все это многочисленные колокольчики-бубенчики, кисточки и ленточки, прикрепленные к этому чуду со всех сторон.

Это было не оружие, а, скорей, со-оружение. Посох, топор, алебарда, рогатина, двузубец и ритуальный символ одновременно. Я косо усмехнулся и ощутил странную дрожь Единорога.
«Кто это?» — спросил я, поглаживая стальными пальцами рукоять своего меча.
— Это Чань-бо, — вместо Единорога ответил Дзюттэ. — А ну-ка, не будем лишний раз выставляться…
И чуть ли не сам полез ко мне за пояс, но позади, со спины, а я, уж не знаю зачем, постарался держаться к загадочному посоху лицом.
«Это Чань-бо, Чэн», — тихо сказал-подумал Единорог.
«Кто-кто?»
Единорог повторил мой вопрос вслух — видимо, для Обломка. Зачем он это сделал — я не понял, да и не очень-то стремился понять.
— Слушай, Единорог, — обидно скрежетнул из-за моей спины Дзюттэ, — оказывается, твой мэйланьский придурок… то бишь Придаток не знает, кто такие Чань-бо! Чему их в Мэйлане только учат! Я, кабирец, и то…
— Во-первых, теперь уже не «мой», а «наш», — раздельно и отчетливо прозвенел Единорог, и Дзюттэ примолк. — Наш, и не Придаток, а человек. Во-вторых, Чэн родился и вырос в Кабире, и в Мэйлане никогда не был — как его отец и дед. И в-третьих, не забывайся, Дзю…
И уже ко мне:
— Чань-бо в Мэйлане, Чэн, это как бы Дзюттэ в Кабире с точностью наоборот. Дзюттэ вечно в толпе, а Чань-бо, Посохи Сосредоточения, любят одиночество; Дзю язвит и суетится, а Чань-бо спокойны и рассудительны, и обидных глупостей не говорят. Есть такая вэйская поговорка: «Хочешь совета — иди к Чань-бо. Он помолчит, и ты уйдешь окрыленным.»
— Отшельники, — подбросил я нужное слово.
— Примерно, — согласился Единорог.
— И это… нижайше прощения просим, — снова встрял Обломок. — Эй, Однорог, передай своему, чтоб не выкидывал меня в болото, а то с него станется…
— На дороге Барра ни одного болота нет, — серьезно сказал Я-Единорог.
— А жаль.
— Будет нужда — и болото отыщется, — буркнул Дзю и больше не высовывался.
…А Беседа Коса и Матушки Ци уже была в самом разгаре. Старуха скакала из стороны в сторону с той неуклюжестью, которая дается лишь опытом и годами ежедневных изнурительных занятий, — я просто влюбился в нее за эти считанные секунды! — а ее разнообразнейший Чань-бо и впрямь то норовил поддеть Коса на свою лопату, то старался забодать его рогами полумесяца, то хотел насмерть запугать звоном колокольчиков и мельтешением лент.
Впрочем, мой отставной дворецкий держался молодцом, не роняя нашей с ним чести, а также не роняя уверенно мелькавшего Заррахида и лихо свистевшего Сая, уже успевшего оборвать с Посоха Сосредоточения одну ленту и теперь гоняющегося за крайним правым колокольчиком.
Я одобрительно цокнул языком и подумал, что когда бабка прокручивает Чань-бо через спину, согнувшись при этом иероглифом «гэ», — да, я, пожалуй, даже в доспехе рискнул бы пойти перекатом на девять стоп вперед и от земли, не вставая, тем самым косым выпадом, который так любил смотреть незабвенный крис Семар, то бишь Кобланов подмастерье…
И вдруг все замерло. Двурогий конец Чань-бо застыл у горла ан-Таньи, скользнув мимо усов припоздавшего Сая Второго, а острие Заррахида резко остановилось у живота старухи. По-моему, бабка успела чуть раньше. Хотя случай был спорный, и на турнире обязательно Беседовали бы заново.
Ну и ладно… не на турнире, однако!
— Благодарю за приятную Беседу, — нимало не запыхавшись, заявила Матушка Ци, еле заметно улыбаясь.
— Ответно благодарен, — Кос подумал и выдал тройной церемониальный поклон с мелким отскоком, и я просто ошалел от этого, — за истинное наслаждение! Всегда рад Беседовать с вами, Матушка Ци…
Старуха принялась сноровисто обматывать тряпками своего Чань-бо, а Кос подошел ко мне. Вид у него был слегка сконфуженный.
— Видел? — только и спросил он.
— Видел, — только и ответил я. И у бедра согласно качнулся опущенный в ножны Единорог.

Возле Коса бесшумно, как тень, возникла Матушка Ци. Ее драгоценный Чань-бо вновь был надежно укутан. Старуха как-то незаметно обогнула меня и ан-Танью, оказавшись чуть ли не у меня за спиной, и взгляд ее буквально вцепился в торчащего из-за пояса Дзюттэ.
«Интересно, — подумал я, — от кого это Обломок прятался? От бабки? Вряд ли… Скорей всего, от посоха. Знакомы они, что ли?..»
— Откуда у вас… это? — коротко и внятно спросила Матушка Ци.
— Это… — отчего-то растерялся я. Ну как я ей объясню, что это Дзюттэ Обломок, шут ятагана Шешеза фарр-ла-Кабир?!
— Это память… о друге.
— Он принадлежал Друдлу Кабирцу, — с неприятной настойчивостью продолжила старуха. — Вы сказали — память?
— Друдл погиб, — внезапно потеряв голос, выдавил я. — Его… его убили.
— Ты… вы это видели?
— Видел, — я разозлился. По какому праву она меня допрашивает?! — Я много чего видел, Матушка Ци! Много такого, чего предпочел бы не видеть.
Некоторое время старуха молчала.
— Странно, — наконец пробормотала она. — Очень странно… Если Пересмешник умер, я должна была бы почувствовать. Но раз ты говоришь… жаль. Очень жаль…
Она еще немного помолчала.
— Ну что ж, спокойной ночи, молодые господа, — произнесла Матушка Ци после долгой, слишком долгой паузы. — Думаю, мы еще увидимся…
И все так же бесшумно скользнула в темноту.
Потом чуть слышно скрипнула дверь.
Мы с Косом постояли, переглянулись и двинулись следом за старухой.
У самого порога я наступил на что-то, зашуршавшее под моей ногой. И поднял небольшой свиток пергамента. Всего один пожелтевший и скрученный в трубку лист.
Кос тоже взглянул на мою находку.
— Бабка выронила, — коротко и без особой приязни заявил он, как будто бы только что не раскланивался перед этой бабкой, словно она была матерью эмира Дауда. — Больше некому.
Я кивнул. Утром надо будет отдать. Но… В последнее время я стал слишком любопытен. Это даже начало входить у меня в привычку. Скорее всего — ерунда. Ничего особенного там не записано. Письмо, купчая или что-нибудь в этом роде. И все же…

Глава 12

1

«…и тогда Имр-уль-Кайс спросил Антару:
— О Абу-ль-Фаварис, скажи мне, сколько ты знаешь названий и прозвищ меча?
И Антара ответил:
— Слушай и запоминай, что я скажу: он называется Меч, Беда; Суровый, Повелитель, Прямой, Гибель, Смерть, Блеск росы, Быстрый, Великий, Острый, Полированный, Блестящий, Благородный, Посланец смерти, Вестник гибели, Ветвь, Покорный, Лезвие, Прекрасный, Бодрствующий, Горделивый, Решающий, Нападающий, Послушный, Ровный, Режущий, Кончина, Судьба, Честный, Верный, Начало, Конец, Разящий, Гнев, Плачущий кровью, Рассеивающий горе, Мужественный, Закаленный, Отсекающий, Синий, Цветущий, Возвеличивающий, Стирающий, Разделяющий, Чудо, Истина, Путь, Разящий героев, Друг, Заостренный, Отточенный, Кровавый, Защитник, Светлый, Услада очей, Уплата долга, Проливающий кровь, Губительный, Товарищ в беде, Владыка змей, Жаждущий — вот немногие имена и прозвания меча, о Имр-уль-Кайс!»

Вот что было записано в свитке Матушки Ци.
И на полях, быстрым летящим почерком:

> «Сказители Нижнего Дурбана в „Антара-наме“ поют не встречающийся более нигде бейт о том, что за миг до смерти Антара Абу-ль-Фаварис приподнялся на ложе и воскликнул: „Будь проклят день, когда оружию стали давать имена!“»

И еще:

> «Седьмой год эры правления „Спокойствие опор“, Мэйлань — Ю Шикуань, меч „девяти колец“ Цзюваньдао по прозвищу Ладонь Судьбы. Ущелье Воющих Псов в Хартуге.
> Семнадцатый год эры правления „Спокойствие опор“, Мэйлань — Лян Анкор-Кун, прямой меч Дан Гьен по прозвищу Скользящий Перст?!..»

…Я еще раз перечитал пергамент. Кроме того, что неизвестный Лян Анкор-Кун явно приходился мне родичем — старшим? младшим? — я не понял больше ничего.
Единорог, узнав о свитке, сообщил мне, что Блистающий Цзюваньдао — я отчетливо увидел кривой широкий меч с девятью кольцами на массивном обухе — еще при отъезде Единорога из Мэйланя (то есть сотню лет тому назад!) был старейшиной рода Кривых мечей и входил в Совет Высших Мэйланя.
Более того — он был правителем Мэйланя.
Меч моего неизвестного родича Ляна, прямой Дан Гьен по прозвищу Скользящий Перст, тоже, оказывается, был старейшиной — только уже рода Прямых мечей — и тоже входил в тамошний Совет. Именно он в свое время отослал Единорога — и своего почти что племянника, ибо они были в близком родстве — в Кабир.
Ссылка состоялась без объяснения причин.
Все это мне ужасно не понравилось. Во-первых, я ничего не мог понять, кроме каких-то крох, а во-вторых, эти крохи разом влетели в сапог моей судьбы и ужасно натирали ногу рассудка. Пока я изощрялся в подобных рассуждениях, Единорог что-то прикинул и сказал, что он не уверен до конца, но седьмой год эры правления «Спокойствие опор» — это, похоже, прошлый год. Как раз прошлым летом и пришло какое-то послание от Совета Высших Мэйланя, и наш двоюродный брат (в смысле Единорогов брат) Большой Дао-дао-шу спешно уехал из Кабира в Мэйлань.
Может быть, Большой Да был вызван мечом Цзюваньдао, старейшиной рода Кривых мечей и правителем Мэйланя?
«Ты у меня спрашиваешь?» — поинтересовался я.
Единорог не отозвался.
Тогда я сказал ему, что это совпадение. А он сказал мне, что когда меч в десятый раз не попадает в собственные ножны, то это не совпадение, а привычка. И не с нашим везением кивать на совпадения. А я сказал ему…
А Кос сказал мне, чтобы я прекратил бормотать себе под нос невесть что, и шел спать.
Ну, мы и пошли спать.

2

Утром в мою отоспавшуюся голову пришли довольно странные мысли; пришли и расположились, как у себя дома.
Я вдруг подумал, что все изменения, происшедшие со мной — железная рука, доспех, опыт потерь и находок, знакомство с насильственной смертью — все это не главное, не единственно важное, отличающее Чэна Анкора Прежнего от Чэна Анкора Настоящего.
Главное, вне всякого сомнения, началось с падения моей отрубленной руки на турнирное поле — но не в потере самой руки было дело. Удар Но-дачи разрубил надвое нить моей судьбы, мой знак в этом мире рассыпался на мелкие кусочки, и я не связал обрывки нити, не склеил знака — я просто подобрал один из этих обрывков, горсть осколков, подобрал и пошел дальше.
Для Чэна Прежнего жизнь состояла из обилия ярких, запоминающихся мелочей, которые, подобно частям мозаики, складывались в рисунок действительности. Чэн Прежний воспринимал жизнь, как множество цветных картинок — золотое шитье халата, пушок на боку перезрелой айвы, узор «следы когтей» на сафьяне ножен, медные скрепы по краям, тень айвана, щербатая пиала в чайхане…
Жизнь была — подробной.
Каким увидел бы Чэн Прежний наш караван-сарай, выглядывая в окно? Наверное, таким…

«На поверхности хауза — небольшого водоема во внешнем дворе — весело прыгали солнечные зайчики. У коновязи, где гарцевал чей-то гнедой с выкаченными и налитыми кровью глазами, сидел на корточках рябой мальчик-служка в просторной рубахе до самой земли и чистил песком бронзовый таз. Нижняя ветвь кривой древней джиды бросала тень на его лицо — скуластое, сосредоточенное, с жестким профилем дейлемца-южанина…»
Здорово! Оказывается, еще могу… детали, мелочи, подробности! Видно, Чэн Прежний все-таки не до конца умер, а просто затаился до поры до времени в Чэне Настоящем, Сегодняшнем.
Просто-непросто…
Зато Чэна Настоящего почти совсем перестали интересовать подробности внешние, подвластные точному описанию; мелочи, которые можно потрогать. На первый план вышло непосредственно действие, которое можно только прочувствовать; и чувства, которые можно лишь ощутить, не успевая обдумать; и ощущения, личные ощущения при столкновении с этой стремительной и не всегда понятной для рассудка жизнью.
И отношения между мной и людьми. И Блистающими. И их отношения между собой.
Раньше, глядя на крону дерева бытия, я пытался рассмотреть по очереди каждый листок — как он выглядит. Теперь же я не замечал отдельных листьев, но видел листву — и слышал ее шелест, отдыхал в прохладе ее тени, и листья были для меня единым целым.
Не листья, но листва.
Так бывает при Беседе. Все мелкое послушно отступает в сторону; все незначительное и потому способное отвлечь, отметается вихрем происходящего; сознание, память о прошлом, оценка настоящего, мечты о будущем — этого больше нет, а есть нечто сокровенное, поднимающееся из глубин подобно Треххвостому дракону Он-на… и этот дракон способен решать не раздумывая, поступать не сомневаясь и дышать ветром сиюминутного полной грудью.
Возможно, этот дракон и есть душа.
…Я Беседовал с Жизнью — узнав Смерть, я мог себе это позволить.
И мог позволить себе перестать быть мелочным.
Одного я не мог себе позволить — это перестать умываться.
И я пошел умываться.
3
Этим утром Кос, вопреки своей новой привычке, проснулся раньше меня, и, когда я спустился в харчевню, завтрак уже был на столе. Мяса мне с утра не хотелось, но ан-Танья словно предугадал мои желания: сыр, зелень, лепешки и крепкий чай. Как раз то, что надо. Кроме нас с Косом, несмотря на довольно поздний час, никого в харчевне не было — и я принялся жевать.
Закончив трапезу, я жестом подозвал длинноносого хозяина.
— А скажи-ка мне, любезный, здесь ли еще эта старуха… то есть Матушка Ци?
Вопрос был совершенно безобидный, но маленькие глазки нашего караван-сарайщика почему-то тут же забегали — причем в разные стороны.
— Нет, почтеннейший, нет, благородный господин, она на рассвете ушла — рано встала, поела, сказала, что расплатится в другой раз, и ушла.
Что-то непохож был наш хозяин на человека, с которым можно расплатиться в другой раз. Во всяком случае, без воплей и скандалов.
— Не сказала — куда?
— А она никогда не говорит.
— Так ты, любезный, ее знаешь?
— Ну вы спросите, благородный господин! Да эту старую ворожею… то есть Матушку Ци, конечно, каждый караван-сарайщик на Фаррском тракте знает. Раз в полгода непременно объявляется…
— Много путешествует, значит, — то ли спросил, то ли просто заметил Кос.
— Много? Да, почитай, только этим и занимается!
Далее продолжать разговор не имело никакого смысла — хозяин или ничего больше не знал, или не хотел говорить.
— Спасибо, — небрежно кивнул я, а Кос сверкнул монетой — и хозяин, поймав мзду на лету, понятливо исчез.
— Говорила — еще, мол, свидимся, — пробормотал я, ни к кому не обращаясь. — Ну что ж, может, и свидимся… Вот тогда и получишь, Матушка, свои записи обратно.

Потом я повернулся к ан-Танье.
— Мы тут немного задержимся.
— Зачем?
— Да так… выяснить кое-что надо. Пришла пора завязать более тесное знакомство.
Кос непонимающе поглядел на меня. Действительно, о каких выяснениях и знакомствах могла идти речь, если в караван-сарае кроме нас и хозяина, похоже, никого не осталось?
Впрочем, я-то знал — что надо выяснить и, главное, у КОГО!
Я неторопливо поднялся из-за стола — еще бы, после такого завтрака! — и прошел в нашу келью. Все еще недоумевающий Кос последовал за мной.
Опустившись на низкую кровать, я аккуратно положил рядом с собой Дзюттэ и Сая Второго, и, глубоко вздохнув, взялся правой рукой за рукоять Единорога.
— А ты, Кос, — за миг до того обратился я к усевшемуся было на свою кровать ан-Танье, — бери-ка эсток и поупражняйся. Вон мой доспех на стене развешен — давай коли и представляй, что в доспехе — я. Или не я. И пробуй не останавливаться. Дескать, если я или не я в железе, то ничего страшного ни с кем не случится. Давай, давай, не стесняйся…
И — странное дело! — Кос послушно взял Заррахида и шагнул к стене, на которой висел доспех аль-Мутанабби.
А я тут же забыл о Косе, доспехе и Заррахиде, окунувшись вместе с Единорогом в разговор Блистающих.
На этот раз мои приятели решили сменить тактику, перейдя от кнута к прянику.
— Слушай, Вилорогий! — вещал Обломок. — Да ты у нас молодец! Можешь ведь, если захочешь! Так вчера душевно по-Беседовали, что просто…
Похвалы Саю явно нравились, а на «Вилорогого» он, видимо, решил не обижаться — и правильно, потому что тогда ему пришлось бы обижаться на Дзю через каждое слово.
Как мне в свое время — на Друдла…
— Понятное дело, могу! — хвастливо заявил польщенный Сай, и я неслышно расхохотался. — Если б еще Заррахидову Придатку руку левую, как надо, поставить, мы б вас тут по всему двору гоняли, как хотели! И тебя, Обломок, и Рога Единого, и Придатка вашего железнобокого! И посох этот дурацкий, с бубенцами…
Я чувствовал, что Дан Гьен с трудом сдерживается, чтоб не смазать пряник похвалы чем-то похуже арахисового масла; да и у Дзюттэ наверняка вертелась на кончике клинка очередная колкость, но, взяв определенный тон, надо было держать его до конца.
— Что же вы, все такие… герои? Ну, те, кто Шулму видал? — со скрытой издевкой, которую Сай, похоже, заметил, поинтересовался Единорог.
— Шел бы ты в ножны! — огрызнулся Сай. — Герои… Тебя б туда хоть на денек, небось сразу понял бы…
Он умолк, не докончив фразы.
И тут я не выдержал, а Единорог согласно звякнул, представляя себя в мое распоряжение.
— И вы решили сделать героями нас! — не спросил, а твердо отчеканил Я-Единорог. — Спасая нас от Шулмы, вы принесли ее сюда, чтобы и мы поняли…
— Да! — чуть ли не взвизгнул Сай. — Кто это? Кто это сказал?! Это ты, Заррахид?!
Сай был весьма напуган, и я сообразил, что когда я говорю через Единорога, то у Дан Гьена сильно меняется, так сказать, голос — звучание, интонации, характер и все такое. Неважно, что говорит он посредством совсем иных звуков, чем я — голос-то все равно меняется.
Как, наверное, и у меня, когда говорю не я, и даже не Я-Единорог, а Единорог-Я.
— Нет, — недоуменно брякнул эсток о мой доспех. — По-моему, это Единорог.
— А почему у него тогда голос такой?! — Сай не на шутку разволновался. — Он чего, перегрелся?
— А потому что это не я — верней, не совсем я — говорю, — сказал уже Единорог-Я. — Это говорит Чэн Анкор, тот, кого ты называешь моим Придатком.
— А я его по-всякому называю, — самодовольно заявил Обломок. — У меня воображение богатое… и нездоровое.
— Вы что тут, расклепались все, да?! — завопил несчастный Сай. — Как это Придаток может со мной, с Блистающим, разговаривать?! Как он вообще может…
— Может-может, — прервали его мы с Дзю одновременно.

— Мы много чего можем, Сай, — продолжил уже я сам, без Обломка, потому что шуту тоже было не вредно меня послушать, раз у него такое воображение. — Вы, Блистающие, кого мы звали оружием, и мы, люди, кого вы звали своими Придатками — каждый из нас считал (да и считает!), что именно его род правит миром, а прочие — не такие — у него, у венца творения, в услужении. Ну что ж… я готов простить Но-дачи и его Придатку… тьфу ты! То есть я хотел сказать — его хозяину… слушай, Единорог, не обижайся!.. Короче, я готов простить им обоим свою отрубленную руку, потому что волей случая я, человек, не раз державший в руке меч — лишь железную, невозможную руку я сумел протянуть Блистающему, как равному! И не все ли равно, в конце концов, кто из нас правит миром?! Тем более, что вы привезли из Шулмы зародыш такого мира, которым не то что править — в котором жить не хочется!
— А мне, ты думаешь, хочется?! — запальчиво перебил меня Сай. — Я когда своего, первого заколол — мне… я чуть не сломался на этом! Потом, правда, полегче стало, но все равно…
Сай помолчал.
— Мне кажется, — наконец бросил он, — что у меня сейчас боковые усы в узел завяжутся. Или винтом закрутятся. Или еще чего… Как ты сказал, тебя зовут? Если, конечно, ты не Единорог.
— Чэн. Чэн Анкор.
— И ты этот… человек? Который как бы Придаток, но человек?
— Как бы да, — чуть насмешливо ответил я.
— И говорит со мной сейчас не Единорог, а ты? Через эту самую… железную руку?
— И он еще называл меня — меня! — тупым! — не выдержал Дзюттэ. — Да через руку он говорит, через руку — не через ногу же! Ну, кто теперь из нас тупой?!
Впрочем, потрясенный Сай оставил этот выпад без внимания — и, опять же, правильно сделал.
— Наверное, тогда ты должен меня ненавидеть, — едва шелохнулся он.
— Наверное, должен. Но не могу. Во-первых — ты уж прости — я лишь недавно понял, что оружие можно ненавидеть так же, как и человека; а во-вторых, убивать мы с Единорогом уже научились, а вот с ненавистью что-то плохо получается — во всяком случае, если всерьез и надолго. Не готовы мы к этому… хотя уж как нас в последнее время готовили! То, что делал ты и тебе подобные, пускай из самых благих побуждений — это ведь тоже Путь. Путь Меча… к сожалению. И да будет милостив к вам гордый Масуд-оружейник, несчастные Блистающие, побывавшие в собственном прошлом!..
— Спасибо, — еле слышно прошептал Сай. — Нет, Единорог, это и впрямь не ты… ты злой, а этот… этот добрый. Он меня понимает…
«Ну, вот, — рассмеялся Единорог глубоко внутри меня, — Чэн Анкор, любимец заблудших Блистающих. И его злобный меч…»
— Сколько вас осталось? — спросил Единорог у Сая, не дожидаясь меня.
— Шестеро. Если со мной считать. Шесть Блистающих и пять Придат… э-э-э… пять человеков. А зачем вам это? Чтоб ловить проще было, да?! Или перебить поодиночке?!..
Чувствовалось, что Сай огрызается скорее для порядка, сам не очень-то веря в собственные слова.
— Знать хотим, ржа тебя заешь! — лязгнул Дзюттэ. — Делать что-то надо! А то и впрямь Шулма сюда нагрянет, а мы тут все, так сказать, гостеприимные… или мы с вашей помощью гостеприимность свою так исполосуем, что сами, не дожидаясь, в Шулму заявимся, концы света с концами сводить! Думать, думать надо!.. И вам думать, и нам, и всем…
…Сай боялся. Боялся поверить. Но у него не было выбора. Во-первых, он устал от одиночества и страстно желал снова стать своим, одним из сообщества; более того, у Сая были несомненные виды на Коса. Потеря Придатка — чтоб лишний раз не путаться, я решил принять это слово без обид и глупостей — так вот, потеря Придатка, сами понимаете, дело нешуточное.
Ну а во-вторых, если мы все-таки обманщики и негодяи, то на втором плане размышлений Сая резко возникал образ долговязого немытого Придатка в холщовых штанах, грузившего на арбу при помощи Сая Второго — что бы вы думали? — вот-вот, это самое и грузившего…
И Сай, как говаривали кабирские стражники-айяры, раскололся. Похоже, он и сам давно мечтал этим с кем-нибудь поделиться.

Впрочем, знал он не слишком много.

4

Рассказ Сая о его пребывании в Шулме почти дословно повторял судьбу Но-дачи, рассказанную Единорогу покойным Детским Учителем, или судьбу Асахиро Ли, Придатка Но-дачи, рассказанную мне покойным Друдлом — или уж как хотите, потому что не в этом дело.

Отнюдь не в этом.

А вот после их побега из Шулмы…

Девять их осталось. Девять Блистающих и семь Придатков. Тех, кто сумел прийти в Шулму и уйти из Шулмы, оставив там часть своей жизни и часть чужой смерти; девять Блистающих и семь людей, дважды прошедших Кулхан…

Мало их было. Очень мало.

Так и сидела эта малость на границе Мэйланя, перед открытыми дорогами в Кабир, Дурбан, Лоулез, Харзу — и за спинами их незримо оставалась Шулма и встающие над ней Джамуха Восьмирукий и прямой короткий Чинкуэда, Блистающий-убийца не по принуждению, а по призванию.

И еще там были рукоплещущие Джамухе шулмусы и Дикие Лезвия шулмусов.

Девять Блистающих и семь Придатков уже знали, что это такое.

И еще они знали, что дело их неизбежное и безнадежное. И страшное оно, их будущее дело. Страшное именно своей неизбежностью и безнадежностью. Но другого выхода у них не было. Или был — но они не сумели его найти.

Они разделились. Но-дачи, Шото и три Сая отправились в Кабир. Почти прямая и острая до безумия сабля Кунда Вонг, а также ее спутник, очень молодой и очень упрямый двуручник Клейм (почему-то свое полное имя — Клеймора — он считал неблагозвучным и потому не любил) двинулись в Харзу.

Как я понял, именно Кунда Вонг или Клейм убили друга Эмраха ит-Башшара, прошлого Придатка Пояса Пустыни.

Двулезвийная секира из семьи Лаброс, полного имени или прозвища которой Сай не запомнил, и отчаянный Акинак Джанг свернули западнее, мимо Хаффы к Оразму, намереваясь достичь Лоулеза.

Это были лишь примерные маршруты, которые каждый был волен изменить в случае необходимости.

Они договорились встретиться в Мэйлане через полгода — те, кто переживет эти полгода. Ну, а то, что произошло вскоре в Кабире, мы — Дзюттэ, Единорог и я — уже и так знали, и Сай лишь добавил несколько малозначащих деталей к общей картине. Затем, по словам Сая, Но-дачи отправился первым в Мэйлань, а три Сая и Шото… в общем, понятно.

Собственно, вот и все, что смог поведать нам Сай Второй.

Немного.

Теперь, правда, мы точно знали остальных. И время встречи. И место встречи.

Мэйлань.

5

…Я сидел и молчал, осмысливая услышанное и соображая, какую все-таки пользу можно извлечь из полученного знания. Единорог. Обломок и Сай Второй тоже помалкивали. И тут…

И тут кто-то заговорил.

Поначалу я даже не сразу понял — кто, но после первого удивления до меня дошло, что это не кто иной, как эсток Заррахид.

Мой дворецкий.

В смысле — меч моего дворецкого.

А точнее — дворецкий моего меча и меч моего дворецкого.

А еще точнее — бывший дворецкий… и так далее.

— Ну вы даете! — восхищенно заявил Заррахид, в последний раз звякнув о зерцало доспеха. Да, лоск столичных манер как-то совершенно слетел с эстока. Я еще подумал, что такая перемена вообще невозможна — если сравнить наших дворецких до и после увольнения — но мне ли говорить о невозможном…

— Ну вы даете! Это ж надо было так ему набалдашник заморочить! А он вам все и выложил!.. Молодцы, право слово!

Едва я понял, что практичный эсток убежден, будто все это время хитрый Единорог не своим голосом дурачил легковерного Сая, как еще один голос чуть окончательно не свел меня с ума.

— Может, за лекарем сбегать? — поинтересовался этот голос. — С кем это ты разговариваешь, Чэн? Ушастый демон У привиделся?

— Я? С кем это я разговариваю? — это было первое, что пришло мне в голову.
— Вот об этом я тебя и спрашиваю! Сидишь тут уже битый час и бредишь с открытыми глазами… Бормочешь что-то о каких-то Блестящих, как ты им зачем-то свою железную руку протягиваешь, от имени человечества!.. Ну и в том же духе. Я, конечно, понимаю — ночью мало спал, бабка эта вредная… Так за лекарем идти или уже не надо?
Ну вот! Оказывается, общаясь с Блистающими, я кое-что проговаривал вслух. И участливый ан-Танья решил, что у меня не все в порядке с головой… Впрочем, еще недавно я и сам бы так решил.
Кажется, опять придется убеждать. Причем обоих одновременно. Та еще парочка — Кос с Заррахидом… один другого доверчивей.
И я заговорил, тяжело вздохнув. Вслух — для ан-Таньи; и через Единорога — для Заррахида. Я часто запинался, пытаясь говорить то попеременно, то сразу для обоих; очень хотелось раздвоиться. Может, выпить жбан-другой и глянуть в зеркало — а вдруг раздвоюсь?
Чего на свете не бывает!
Выглядел наш разговор примерно так…
— Кос, не надо лекаря. С головой у меня все в порядке. И то, что ты слышал — это не бред. Я действительно разговаривал с Блистающими. Кто это такие? Это наше оружие… (— Нет, Заррахид, это не Единорог. Верней, не только Единорог. И вообще — завей гарду веревочкой и слушай, не перебивая, когда тобой люди говорят! Лю-ди! Кто такие? Ну, Придатки ваши…) Нет, говорю, лекаря не надо! Да, и твой эсток — тоже! И нечего на меня так сочувственно смотреть! Ох, зря я тебя уволил, зря… так бы просто приказал — и ты бы поверил!.. (— Тьфу ты пропасть, легче троих Саев убедить, чем одного такого недокованного эстока… и не надо только начинать про кузницу, где можно без хлопот подлечиться! Никому твоя кузница…)
— Еще бы! — вмешался Обломок. — А все потому, что он тупой!
— Это я тупой? — возмутился Заррахид. — Это ты тупой!
— А вот и нетушки! — возрадовался Обломок. — Я с первого раза понял. А ты — нет! Так что все вы тут тупее меня! Кроме, разве что, Единорога. Он такой же. Как я. Острый!..
— …да нет, Кос, не пил я тайком! Вместе ж чай хлестали! Ох, в священный водоем тебя! — не пил, говорю! Мне, чтоб до видений допиться, сам знаешь, сколько надо! Правда, меньше, чем Коблану — тому вообще… ладно, не о том речь. Живые они, говорю тебе, живые, хоть и железные! Дался тебе этот лекарь!.. (— Эй, Зарра, это я, Чэн! Да плевать мне, что ты не веришь… я и сам уже ничему не верю. Ты знаешь, твой Кос и впрямь — Придаток! Давай я тебе другого подыщу, не такого упрямого… Не хочешь? Ну как угодно…) Не веришь, Кос-упрямец?! Ну я сейчас тебе докажу! (— Заррахид, а вот он говорит, что ты — железо! Да, и все. Правильно, я бы тоже обиделся. Слушай, а ты про Коса что-нибудь такое знаешь, чего никто больше не знает? Нет, про его дедушку не надо, давай про Коса… ага, сойдет… так… ну да?! Прямо тобой и лупил?! Молодец, Зарра, так их, Придатков этих недоверчивых!..) Вот ты, Кос, помнишь, как в детстве, лет эдак в восемь, ты чуть эсток свой не сломал?! А вот знаю-знаю… ну и что, что меня тогда на свете не было? Мне твой эсток и рассказал! Ты еще загнал Заррахида в щель в каменном заборе, вытащить не мог и полчаса рыдал на весь двор, пока отец твой не пришел и по заднице тебе не надавал! Вытащенным эстоком. Плашмя… (Слушай, Зарра, а какой Придаток был лучше — Кос наш, отец его или дед? Ну понимаю, что смотря в чем… Это хорошо, что Кос. Ах, он на деда похож!.. вот и я было решил, что на деда, только на моего. Ты помнишь, как он во дворе ночью и с Саем в левой руке прыгал? Еще бы не помнишь… говоришь, что иначе неудобно было бы… ладно, давай об этом после…) Ну что, Кос, съел?!.. Лекаря случаем позвать не надо?!
— Бросьте меня в священный водоем! — только и смог произнести потрясенный Кос.
И с неподдельным страхом посмотрел на собственный меч.
6
Последним неверующим в нашем обществе оказался Заррахид. Его убеждали уже все вместе. К этому делу присоединился даже новообращенный Сай Второй, а Кос — дослушав историю Сая в моем вольном пересказе — воспылал к Саю необоримым сочувствием и сообщил через Меня-Единорога своему несгибаемому эстоку несколько таких интимных подробностей их совместной жизни, что

упрямый Заррахид мигом отказался от идеи ржавых гард и мозгов, уяснив, что никто над ним смеяться не собирается.
Хотя смеяться-то как раз смеялись. Особенно Обломок, чьи язвительные замечания сыграли не последнюю роль в деле приобщения Заррахида.
Признаться, нелегкое это дело — убедить хоть человека, хоть Блистающего в чем-то, во что он упорно не хочет верить. Особенно, когда все используют тебя, как переводчика, а ты еще норовишь и от себя пару слов вставить. Хорошо шулмусам — у тех, говорят, оружие безмозглое…
В конце концов я от них сбежал — ужинать, поскольку обед мы давно пропустили — а Кос вскоре присоединился ко мне, оставив Заррахида с его собратьями-Блистающими. У него (у Коса, а не у Заррахида) голова шла кругом, и он в течение ужина основательно прикладывался к кувшину для восстановления душевного равновесия. У меня в мозгу тоже непрерывно звенели голоса перебивающих друг друга Блистающих, так что по части кувшинов я не отставал от ан-Таньи, и в итоге у нас головы снова пошли кругом — но уже совсем по другой причине.
И мы вернулись в келью, чтобы продолжить разговор, упали на кровати и уснули.
7
По-моему, Кос не человек.
По-моему, он дальний родственник бога виноградной лозы, красноносого Юя. Или ближний родственник. Или даже сам Юй. Во всяком случае, похмелья у него не бывает никогда. Я еще только с трудом разлеплял правый глаз, а Кос за это время успел умыться, одеться, побриться, сходить позавтракать, и теперь носился по комнате, пританцовывая и размахивая руками.
— Вставайте, Высший Чэн! — напевал Кос, как в старые добрые времена.
— Вставайте и радуйтесь жизни! Я вот, например, радуюсь, да и хозяин этого свинарника, тоже, небось, радуется, поскольку содрал с меня лишних полтора динара! Ладно, вещь того стоит!.. и какая вещь!
Я скосил на ан-Танью недоразлепленный правый глаз и обнаружил у него в руках что-то зеленое, блестящее и напоминавшее помесь плаща с халатом.
— Что это, Кос? — просипел я.
— Это настоящая оразмская марлотта! — назидательно сообщил Кос. — Так что с тебя полтора динара за одежку и два динара за услуги… Такую замечательную марлотту даже в Кабире днем с огнем не достать, и просто обидно, что носить ее будет такой Придаток, как ты! Вставай, вставай, нечего на меня поглядывать…
Я потянулся и задел лежащего поперек кровати Единорога.
Он был без ножен.
— Кто там орет? — недовольно прозвенел из угла Обломок. — Заррахид, скажи своему Придатку, чтоб замолчал!
— Сам ты Придаток! — обидчиво заявил эсток. — Обломок незаточенный! Это же этот… Кос ан-Танья, человек. Мой личный человек. Понял?
— Понял, — оторопело брякнул Дзю и замолчал.
…А часа через два мы выезжали из караван-сарая. Я был поверх доспеха в новенькой марлотте, зеленой, как молодая листва — это все же оказался плащ с капюшоном, подобием откидных рукавов и хитроумными застежками на груди, так что застегнувшись и набросив капюшон (или обмотав шлем тканью, превратив его в тюрбан), я немедленно превращался в почти что обычного человека, переставая привлекать всеобщее внимание.
Это было очень кстати. А два динара за услуги Кос не взял.
Один — взял.
Блистающие тоже несколько поутихли и теперь не лезли в разговор все сразу, перебивая друг друга — да и я уже, надо сказать, начал понемногу привыкать к двойному общению.
Впрочем, ехать стало намного веселее — как-никак, нас теперь было шестеро.
Добравшись до Хаффы без приключений и не заезжая в город, мы взяли круто на северо-восток и еще через день присоединились к каравану фарузских купцов, идущему в Мэйлань.
«Мэй-лань! — звенели о дорогу копыта моего коня. — Мэй-лань, мэй-лань, мэй-лань, мэй-…»

ЧАСТЬ V. БЛИСТАЮЩИЕ И ЛЮДИ

Считает излишними старец-меч пять ежедневных молитв,
Готов даже в храме он кровь пролить, жаждет великих битв.
В разгаре сражения этим мечом вражеских львов бодни —
Не меч отпрянет от их брони — сами отпрянут они.
О молниях в небе заставит забыть молния в длани моей,
И долго пропитанной кровью земле не нужно будет дождей…

Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби

Глава 13

1

…Спрессованные в единый монолит серые каменные блоки древних стен медленно приближались, одновременно проступая перед нами — и в моей памяти. Эти две картины накладывались одна на другую, почти полностью совпадая. Похоже, всесильное время, пытаясь грызть эти стены, безуспешно обломало себе зубы.
Но не успокоилось. Ведь в конечном итоге последний удар всегда остается за ним, за временем…
Кони вязли в рыхлом песке — вслед за нами многие всадники свернули с мощеной дороги, чтобы выбраться на пологий холм и с его вершины полюбоваться на твердыню Мэйланя. Блистающие весело переговаривались между собой, правая рука Чэна лежала на моей рукояти (это уже вошло у нас в привычку), и я мог слышать разговоры караванщиков-людей, обсуждавших достоинства и недостатки нынешнего караван-баши — сухого жилистого Придатка, за спиной которого вечно болталось короткое и неразговорчивое копье Рохин — а также радовавшихся окончанию долгого, хотя и не слишком утомительного пути.
Я слушал их всех вполслезвия и никак не мог заставить себя поверить в то, что передо мной действительно — Мэйлань.
Моя родина. Пускай ковали меня в Верхнем Вэе — все равно это моя родина. Которую я не видел добрую сотню лет.
А также это родина предков Чэна, Анкоров Вэйских, наследных ванов Мэйланя. Которую Чэн не видел вообще никогда.
Дорога, проходившая примерно в сорока выпадах от подножия холма, упиралась в главные ворота города, носившие название Шульхара — «Начало начал.»
Это я помнил.
Старинные ворота, окованные потемневшей от времени медью, были распахнуты настежь, и в проеме Шульхары, где могли проехать в ряд девять-десять всадников, виднелась изрядная толпа встречающих. Сверкали на солнце наконечники возбужденно качавшихся трезубцев, копий и алебард, у Чэна рябило в глазах от разноцветья праздничных одежд и парадных ножен; кое-где размахивали знаменами, и на них неразборчиво виднелись какие-то иероглифы, но прочесть их с такого расстояния не удавалось.
Это было очень красиво. Правда, я что-то не мог припомнить, чтобы в Мэйлане так встречали караваны. Может быть, за долгое время моего отсутствия обычаи резко изменились? Или караваны стали большой редкостью? Странно, однако…
Чэн тоже был несколько удивлен, но меньше, чем я — в Мэйлане он никогда не был и счел все это столпотворение лишь неизвестной ему местной традицией.
Когда же я сообщил Чэну, что это не так (во всяком случае, сто лет назад было не так), Чэн задумался и слегка придержал гарцующего коня.
Через мгновение Кос с Заррахидом и Саем Вторым поравнялись с нами.
— Скажу, что мне нравится такая встреча! — самодовольно усмехнулся ан-Танья. — Сразу чувствуется душевность и веселый нрав здешнего народа!..
— Мне, в общем-то, тоже, но что-то не хочется лезть в этакую толчею, — ответил Чэн, и я с ним полностью согласился.
Зато Сай не согласился.

— Это почему же? — возмутился он, едва я перевел разговор людей на язык Блистающих. — Мне эти караванщики по самый набалдашник надоели! А там хоть разнообразие… Вон, у правой створки ворот — очень даже приличная сабля! Поглядите, какой крутой изгиб!
— Сабля, конечно, хороша, — тоном знатока поддержал его Обломок. — Хотя это, пожалуй, единственное, в чем я одобряю вкус Вилорогого, но я и сам не прочь оказаться поближе…
— А я — прочь! — прозвенел вдруг молчавший до сих пор эсток. — Единорог, забирай-ка отсюда Чэна и скажи ему, чтоб уволок моего… Коса, да и всех нас! А если кому охота в толпе потолкаться — незаметно въедем в город через другие ворота, подберемся сзади и сперва выясним, к чему бы это такой прием! Договорились? А то в давке и потеряться недолго…
Чэн добросовестно изложил мнение Заррахида ан-Танье, тот покосился на черную витую гарду эстока, и, в конце концов, согласно кивнул. Дзю заявил, что он внезапно возлюбил тишину и покой — так что недовольным остался только Сай, но поскольку он оказался в явном меньшинстве, то протестовать не стал. Кажется, Дзю даже немного огорчился этим.
Караван тем временем ушел вперед, закрыв нас от встречающих огромным облаком пыли. Я напряг память и вспомнил, что вдоль северо-западных стен города тянется окружная дорога, и в полуфарсанге от Шульхары должны быть следующие ворота.
Еще не забыл, оказывается…
И мы свернули влево, постепенно удаляясь от толпы, сгрудившейся у «Начала начал.»
2
Западные ворота — куда более скромные и даже словно чуть-чуть покосившиеся — тоже были открыты, но вместо толпы со знаменами здесь лениво скучали четверо стражников-алебард Юэ, а четверо стражников-людей так же лениво играли в кости, сидя прямо на песке у ворот.
Когда мы подъехали, никто даже не пошевелился.
— Товар везете? — для порядка осведомилась крайняя справа алебарда, хотя по нашей поклаже было прекрасно видно, что никакого товара мы не везем.
Чэн снял руку с меня, и я с чистой совестью вступил в разговор с Блистающими, оставив людей на попечение Чэна и Коса.
— Нет, — коротко и властно отрезал я.
— Юэ Тахиро, — подумав, на всякий случай представилась алебарда. — Старшина караула. Откуда путь держите?
— Из Кабира, — не снижая тона, ответил я. Стражники явно были молоды, меня помнить не могли, но на всякий случай я не стал называть им даже своего безличного родового имени.
И так видно. А спросят — назову.
Может быть.
— Из Кабира? — искренне удивилась Юэ Тахиро. — А что ж не через Шульхару въезжаете?
— Суеты не любим, — вдруг заявил Заррахид таким командирским голосом, что Тахиро невольно подтянулась и перестала задумчиво качать волосяным бунчуком. — И без нас караван встретят. Еще вопросы есть?
Стоявшая рядом с Юэ Тахиро вторая алебарда оперлась о плечо подошедшего к ней Придатка — наголо бритого стражника, вытирающего потную голову полосатым платком.
— Это не караван встречают, — наставительно заметила она. — Караван себе и караван, чего его встречать… Это встречают самого Мэйланьского Единорога и его железного Придатка, Чэна-в-Перчатке!
— А нас по жребию сюда поставили, — добавила Юэ Тахиро. — Скучища… Раз в жизни вроде как довелось на живую легенду глянуть — и то не судьба!
Я подумал, что Чэн весьма вовремя обмотал с утра шлем куском шелка, так что получился тюрбан с блестящим верхом — а марлотта, купленная предусмотрительным Косом, и без того неплохо скрывала доспех. Разве что рука… вернее, обе руки в латных перчатках. Но на руки Чэна никто пока что не обращал особого внимания.
Ну да, конечно… они ведь ждали железного великана с клыками из сплошных Единорогов — а тут обычные Блистающие, обычные Придатки…

— Все? — одновременно поинтересовались я и Заррахид. — Тогда желаем приятной службы!
Четверка Юэ ответно махнула бунчуками, Чэн швырнул бритому стражнику горсть монет — деньги были кабирской чеканки, но бритый ловко и с видимым удовольствием поймал их на лету, каким-то чудом не уронив ни одной — и мы въехали в Мэйлань.
Тихо-тихо.
Даже Обломок вел себя вполне прилично.
3
…Я поглядывал по сторонам и молча радовался. Многоярусная пагода с резным ажуром перекрытий, ровная брусчатка мостовой, фонтан в виде прыгающей рыбы, храм Небесного Молота на площади… вон за той лавкой жила семья Прямых мечей Цзянь Тайшень, с чьими отпрысками я года два учился вместе у сурового и строгого ворчуна Пуддхи, имевшего поперечную рукоять и вместо гарды — что-то вроде нынешнего Чэнова наруча. Сколько лет прошло, сколько Придатков умерло (надеюсь, своей смертью!) — небось, правнуки их теперь здесь живут, а ворчливый Пуддха наставляет новых Блистающих…
Из всех нас Мэйлань толком знал один я — если это можно было назвать толком, потому что прожил я здесь в три раза меньше, чем в Кабире. Чэн и Кос могли лишь озираться по сторонам, сгорая от любопытства; Сай был тут полгода тому назад, но проездом из Шулмы в Кабир, и почти ничего не запомнил; Обломок, если верить ему, посещал Мэйлань так давно, что с тех пор не изменились разве что городские стены (я подумал, что Дзю тогда никак не меньше пятисот лет, если не больше)…
Заррахид молчал и делал вид, что Мэйлань его вовсе не интересует, но с ним и так все было ясно.
— Куда теперь? — поинтересовался Сай после очередного поворота.
— В фамильную усадьбу Высших Дан Гьенов Вэйской ветви, — ответил Я-Чэн, когда железные пальцы коснулись рукояти. — Или, если угодно, в дом наследных ванов Мэйланя Анкоров Вэйских. Интересно, там все по-старому?
И через полчаса я ответил сам себе — да, все по-старому.
Усадьба за прошедшие десятилетия изменилась мало. Все та же невысокая, чисто символическая каменная ограда с чугунными остриями по краю; знакомые узорчатые ворота, ведущие в тенистый сад, где среди насаженных в хорошо продуманном беспорядке деревьев и кустов вились посыпанные белым песком дорожки. Они вели к летним павильонам и парадному залу, по обеим сторонам которого располагались флигели и надворные постройки разного назначения. В левом флигеле, как я помнил, жили Малые Блистающие дома и их Придатки; позади зала располагалась круглая беседка на берегу пруда.
За прудом начиналась галерея, ведущая к еще одному двухэтажному строению — на втором этаже которого сто лет назад жил молодой и глупый Единорог, и будущее было светлым и безоблачным, а прошлое — коротким и радостным.
Вся усадьба содержалась в образцовом порядке, что доставило мне немалое удовольствие. Впрочем, Заррахид тут же отметил… ладно, не будем повторять, что именно отметил въедливый экс-дворецкий, но половину хорошего настроения как ветром сдуло.
У внешних ворот отдыхал молодой Придаток в длиннополом халате со стоячим воротником. Ни меня, ни Чэна, ни тем более остальных он знать никак не мог, но рядом с ним…
Повинуясь неслышному зову, Чэн быстро сдвинул меня себе за спину и сверху прикрыл краем марлотты. Руку с моей рукояти он не снял, так что я прекрасно слышал за двоих, оставаясь незамеченным.
Дело в том, что рядом с молодым Придатком блестел на солнце старый двуручный топор Ляо Дафу — наш постоянный привратник, который узнал бы меня с первого взгляда.
Из-под марлотты я видел, как достойный Ляо церемонно приветствовал гостей — вот кто должен понравиться Заррахиду! — а привратник-человек громогласно осведомился, спугнув с ограды стаю голубей:
— Кто вы, благородные господа, и по какому делу?
Этим обращением он в очередной раз польстил тщеславному Косу и вызвал легкую улыбку на губах Чэна.
Хотя я подумал, что тщеславие Коса — да и многое другое — скорее всего, напускное…

— А скажи-ка нам, любезный, — покровительственно начал ан-Танья, — не это ли усадьба Анкоров Вэйских, ванов Мэйланя?
— Она самая, — моргнул привратник.
— Она самая, — сверкнул топор Ляо, когда Заррахид повторил вопрос Коса слово в слово и с теми же интонациям, хотя не мог его слышать.
Я хихикнул под марлоттой и немедленно умолк, оглядывая внутренний двор. Там стояли многочисленные столы, возле пруда на вертелах жарились бычьи туши, и вообще повсюду царили суета и шум.
Вне всяких сомнений, дело шло к большому празднеству.
— Так все-таки, благородные господа, кто же вы будете? — настойчиво повторили вопрос Ляо и его Придаток.
— А будем мы, собственно, — с достоинством ответствовал Кос, выпячивая свой и без того внушительный подбородок, — будем мы Чэн Анкор Вэйский и его дворецкий Кос ан-Танья!
«Ведь я же уволил этого прохвоста!» — подумал Чэн, но вслух ничего не сказал.
— Так мы вас-то, Высший Чэн, и дожидаемся! — простодушно выпалил привратник-человек, становясь перед Косом навытяжку.
Я еще подумал, что Ляо, повременивший вытягиваться, выбрал себе туповатого Придатка — сам топор, увидь он меня или любого другого Высшего, никогда не перепутал бы дворецкого с господином.
А может, это я так, от глупой гордости, и тот же Заррахид выглядит в десять раз импозантнее меня…
— Это он — Высший Чэн, — нехотя сообщил ан-Танья привратнику, кивая в нашу сторону.
Придаток недоверчиво смерил взглядом фигуру Чэна — но тут Чэн откинул марлотту и сдвинул меня на положенное место. Взгляд Придатка уперся в правую Чэнову руку, а топор Ляо — не участвовавший в разговоре людей и настороженно поглядывавший то на Заррахида, то на Дзю и Сая — мгновенно узнал меня.
Что значит выучка! Ляо с восторженным свистом отдал мне самый торжественный салют, на который был способен, его Придаток вытянулся теперь уже перед Чэном, а я некоторое время просто наслаждался произведенным впечатлением.
— С приездом, Высший Дан Гьен! — отрапортовал Ляо. — А ваш родич, Скользящий Перст, отправился с утра к Шульхаре, вас встречать. Наверное, он скоро вернется…
— Наверное, — раздалось позади нас. — И даже наверняка. Привет, Единорог!
Один из двух услышанных мною голосов принадлежал Блистающему — хорошо знакомому мне старшему родичу-близнецу Дан Гьену по прозвищу Скользящий Перст, старейшине и члену Совета Высших, который когда-то даже подумывал жить со мной вместе, Беседуя парно и используя одного на двоих Придатка — да жизнь как-то не сложилась и по его же приказу я покинул Мэйлань.
Другой голос был голосом человека — мужчины одних лет с Косом, восседавшего на смирной пегой кобыле.
Понятное дело, что он-то и был Лян Анкор-Кун, Придаток Скользящего Перста и родственник Чэна; только слова «Привет, Единорог!» произнес не он, а Скользящий Перст, поскольку Лян Чэна в лицо знать не мог, как и меня — хотя меня в лицо знать нельзя вообще, по причине отсутствия лица.
А вот у Ляна лицо было. Смуглое лицо с пронзительными глазами, и улыбка на этом лице казалась приклеенной. Правда, приклеенной аккуратно… и это сочетание суровости и радушия даже как-то располагало к себе.
— Приветствую родича Чэна, — степенно сказал Лян и приложил левую руку к сердцу.
Смотрел он как раз на нас, а не на ан-Танью. Догадливый, однако…
Чэн в ответ поднял правую руку — и я смог в свою очередь приветствовать Скользящего Перста, не отвлекаясь на людей.
— Отлично выглядишь, Единорог, — ослепительно улыбаясь, бросил Скользящий Перст, когда с церемониями было покончено. — Одного не пойму — как же это ты умудрился мимо нас проскочить? Мы весь караван прочесали с пристрастием…
— А разве в Мэйлане нет других ворот, кроме Шульхары? — в свою очередь спросил я. — Ты лучше ответь мне, откуда вы узнали, что я вообще приезжаю, причем именно сегодня? И вдобавок — в честь чего такая пышная встреча?!
Этот вопрос интересовал нас всех, и даже Обломок помалкивал, не мешая разговору двух давно не видевшихся родственников.

— Да мы уже неделю к воротам ездим, — рассмеялся Скользящий Перст. — Все сплетни друг другу раз по десять пересказали, вас дожидаясь! Ты мне потом непременно разъяснишь лично, что из всего этого вороха правда, а что — нет… Ну а сегодня не только я с друзьями — полгорода к Шульхаре вывалило, потому что гонец из Фарра обогнал вас почти на сутки и сообщил всем, что видел в фарузском караване героя Кабира, Высшего Мэйланя, звезду рода Дан Гьенов и самого знаменитого Блистающего во всем эмирате. Тебя то есть!.. Герой возвращается домой после векового отсутствия — и как прикажете его встречать?!
Он звонко расхохотался и вдруг спохватился.
— А что же это я вас перед воротами держу? Прошу!
Скользящий Перст махнул топору Ляо, и Придаток последнего со всех ног кинулся открывать ворота.
— Ты бы спутников своих представил, что ли! — шепнул мне мой родич, когда мы уже въезжали в усадьбу, направляясь через сад к летним павильонам.
— Извини! — спохватился я. — Господа, перед вами, как вы уже догадались, старейшина Совета Высших Мэйланя и мой родич Скользящий Перст! А это вот Дзюттэ Обломок, придворный клинок Шешеза фарр-ла-Кабир и самый мудрый шут в эмирате…
— Должен же хоть кто-нибудь быть мудрым, когда вокруг сплошные… Блистающие, — как бы про себя, но так, чтобы все услышали, заявил Обломок.
— Вот, пожалуйста! — в притворной досаде я легонько шлепнул коня по крупу. — Что я говорил?! Ладно… а это уважаемый всеми в Кабире эсток Заррахид, мой…
— Его дворецкий, — коротко закончил за меня Заррахид.
Я решил не заострять внимания на этой скользкой теме.
— Ну и наконец — Сай Второй, мой добровольный спутник, весьма искусный в Беседах…
Сай, на этот раз не уловивший иронии, важно и вместе с тем почтительно кивнул.
— Сказал бы я, в чем он весьма искусен, — пробурчал Дзю, однако ограничился этим и больше ничего не добавил.
Тем временем мы миновали павильоны и остановились у парадного зала.
— Ты не возражаешь, если я на некоторое время остановлюсь у тебя? — осведомился я у Скользящего Перста, заранее будучи уверенным в его согласии.
— Возражаю! — неожиданно ответил Перст, приведя меня в полное недоумение. — Ты вполне можешь остановиться у себя.
— У себя?
— Ну да! Здесь. Ведь это же твоя усадьба! Ты что, действительно ничего не понимаешь или просто прикидываешься?! Вэйское имение, и он после этого у меня спрашивает разрешения в нем остановиться!..
А ведь и правда! Я как-то совершенно не подумал об этом… да мало ли что могло тут за прошедший век измениться! Хотя, глядя на усадьбу, можно было счесть, что в Мэйлане время стоит или даже лежит и крепко спит.
И вообще — я уехал отсюда юнцом, которого больше интересовало умение Беседовать, чем умение разбираться в правах наследования.
— А ты? — немного растерянно спросил я.
— А у меня свой дом есть. По соседству. В одном квартале с твоим двоюродным братцем и моим драгоценным племянничком Да-дао-шу. Большой Да как из Кабира прошлым летом вернулся, так и поселился там… Короче, будем друг к другу в гости ходить.
— Прошу прощения, Высшие, — вмешался в разговор Заррахид, — но, насколько я понял, эта усадьба — имущество Высшего Дан Гьена, известного как Мэйланьский Единорог?
Что-то плохо у него получалось теперь изображать дворецкого… раньше он никогда бы не влез в разговор без предварительного разрешения.
— Да, это так, — с достоинством склонил рукоять Скользящий Перст.
— В таком случае я, как дворецкий и управитель делами, хотел бы немедленно приступить к своим обязанностям. Не могли бы вы выделить мне кого-нибудь, кто сумел бы как можно быстрее ввести меня в курс дел?
— Разумеется… Но к чему такая спешка? Чувствуйте себя гостем, а после окончания празднества…
— Я всерьез опасаюсь, Высший, не дождаться не только окончания, но и начала празднества! — нахально перебил моего родича эсток, а я едва сдерживался, чтоб не рассмеяться. — Простите меня за дерзость, но таких нерасторопных Малых,

каких я вижу здесь, в Кабире и на порог дома не пустят! Итак — разрешите приступить?
Озадаченный подобным напором со стороны моего, так сказать, дворецкого, Скользящий Перст лично отправился вводить Заррахида в курс дел — что было с его стороны верхом уважения — и мы с Чэном и Дзю оказались на несколько минут предоставленными самим себе.
Чэн тут же опустил латную перчатку на мою рукоять.
— Молодец, Зарра! — искренне восхитился Обломок. — Моя школа! Здорово он этого Скользкого Пальца уел!..
— Кого-кого?!
— Скользкого Пальца! Или как его там?..
Пробегавший мимо слуга-человек глянул на хохочущего Чэна, украдкой пожал плечами и побежал дальше…
4
Чэну-Мне понадобилось меньше минуты, чтобы убедиться, что беседа Чэна с Ляном Анкор-Куном почти точно повторяла мой разговор со Скользящим Перстом — с той лишь разницей, что Чэну и Ляну сперва пришлось познакомиться, и общих воспоминаний у них не было.
Ах да! — Кос хоть и назвался дворецким, но успел шепнуть Чэну, что это все так, для поднятия Чэнова престижа, а вообще-то он, Кос ан-Танья, достаточно неглуп, чтобы не лезть два раза в одну и ту же петлю, и на службу к такому безответственному хозяину возвращаться не собирается. Ни за какое жалованье. Которое ему, Косу ан-Танье, с сегодняшнего дня должны выплачивать помесячно, можно в местных денежных единицах.
Впрочем, жалованье-жалованьем, а Кос с Заррахидом так рьяно взялись за дело, что усадьба мигом стала напоминать забытый на жаровне чайничек с вином, и когда часа через три стали собираться гости — все было готово. И даже более чем готово.
Скользящий Перст только диву давался.
— Ну, ты и впрямь — герой! — восхищенно звенел он. — Раздобыть такого дворецкого…
— Места знать надо! — вместо меня ответил Дзю. — Где Заррахиды водятся! Да, не завидую я вашим лентяям — он их живо к клинку приберет… И, пожалуй, не только их.
Кажется, Перст не понял намека — и хорошо, что не понял!
…А еще через полчаса я уже отдыхал в оружейном углу одного из павильонов, развалившись на удобнейшей двухъярусной подставке — это была моя первая подставка, выточенная сразу после моего рождения из мореного ореха — а вокруг меня переговаривались гости, Дзю потешал всех, беззлобно переругиваясь с Саем, и у восточной стены только что вошедший Придаток размещал моего двоюродного брата Да-дао-шу.
— Привет, Большой Да! — окликнул я его. — Шешез велел тебе привет передать — вот я и передаю!..
— Привет хоть большой? — усмехнулся Да-дао-шу, качнув волосяным хвостом.
— Да уж не меньше тебя!
— Ну тогда ладно… Слушай, Единорог, а каким это ветром тебя в родные края занесло?
— Попутным, Да, попутным… и по делу, и в гости, и так просто, — уклонился я от прямого ответа, тем более что хоть в разговоре, хоть в Беседе с Большим Да мне оставалось только уклоняться да ждать своего часа.
— Век уже дома не был.
— Ох, сдается мне, что ты нам ржавчину на клинки наводишь, — без обиняков заявил висевший напротив меня Кханда Вьячасена.
Кханда, как и Скользящий Перст, числился старейшиной и членом того самого Совета Высших Мэйланя, что отправил меня в свое время в ссылку. Сам Кханда был прямым и широким Блистающим с обоюдоострым клинком и простой, но покрытой тончайшей резьбой, костяной рукоятью.
Кроме него и Скользящего Перста больше никто из старейшин и членов Совета ко мне в гости не явился.
Как выяснилось позднее, я кое в чем ошибался.
— Мы слыхали, — продолжил Кханда, — что какие-то подонки весь эмират взбудоражили! Будто в Кабире — и не только в столице — и Блистающих убивали,

и Придатков портили… последнее это дело — Придатков портить! А о Блистающих я уже и не говорю…
Сай, лежавший возле меня, собрался было возмутиться.
— Тихо! — звенящим шепотом оборвал я его. — Молчи!
— Молчу, — неожиданно покорно согласился Сай. — Только чего ж это он людей Придатками называет?! Ты ж сам говорил…
Тут уж мне пришлось умолкнуть. В последнее время Сай становился все более и более правильным. И не настолько, чтоб надоесть, а в самый раз. Молодец. Перековывается.
— Было, — ответил я Кханде, понимая, что никакими словами я не смогу ему передать тот ужас, что творился в Кабире.
Мне и самому уже казалось, что все это было с кем-то другим, не со мной. Хотя достаточно было вспомнить переулок, Детского Учителя, хруст Шото… со мной это было.
Со мной.
— Было. Всякое было, и убийства тоже.
— И ты, говорят, убивал? — напрямик спросил старый Кханда.
— И я.
— Многих? Я так понимаю, что выбора у тебя не было, но — многих?
Что-то слишком настойчив был старик…
— Одного. Придатка одного…
Я не стал вдаваться в подробности. Чэн сам за себя скажет, а я — за себя.
Кханда Вьячасена как-то странно переглянулся со Скользящим Перстом.
«Да будь они хоть сто раз старейшины! — раздраженно подумал я. — Они что, судить меня собрались?!»
— Иначе можно было? — тихо спросил Скользящий Перст.
— Нет, — отрезал я. — Нельзя.
— А я думал, что ты лет через восемь-девять сменишь меня, как главу рода, — еще тише сказал Скользящий Перст.
«Сменить? Тебя? — хотел спросить я. — Зачем? И куда это ты денешься через девять лет, что тебя придется менять?»
И не спросил.
— А сейчас ты так не думаешь? — поинтересовался вместо этого я с удивившим меня самого сарказмом.
— И сейчас думаю, — Скользящий Перст и Кханда снова почему-то переглянулись. — Думаю…
— Я смотрю, у нас тут, почитай, заседание Совета! — громко заговорил Большой Да, явно стараясь разрядить обстановку. — Не тускней, Единорог — я тоже когда из столицы приехал, меня мигом главой моего рода объявили! Будто кроме меня никого из тяжелых Кривых мечей найти не могли!.. Это у них — у нас то есть — традиция. И вообще — по-моему, у нас сегодня праздник, по поводу прибытия…
— Меня! — гордо закончил Обломок. — Я ведь тоже старейшина рода.
Старейшина шутов.
— То-то ты такой тупой, — заметил прямолинейный Кханда.
Напрасно это он…
Дзю немедленно разъяснил всем разницу между словами «шут» и «дурак», а также разницу между словами «старый» и «старейшина»; потом он подробно рассказал, чем различаются словосочетания «старейшина шутов» и «старый дурак» — ну и еще раз вернулся к этим выражениям, только уже применительно к себе и «вот этому самому…»
— Когда я родился, шут, — обиженно сказал Кханда, — руду для металла, из которого тебя какой-то неудачливый Повитуха ковал, еще из штолен не добыли! А ты мне… Я в юности, когда был в Кабире, то мне сам Фархад иль-Рахш именную чеканку для ножен подарил! За мастерство Блистающего, между прочим, а не за глупые шутки…
Граненый клинок Дзю подозрительно заблестел.
— Руду, говоришь, еще не добыли? — покаянным тоном запел Обломок. — Чеканку, говоришь, подарил? Овальную такую пластинку с горной грядой и месяцем в левом верхнем углу? А неуклюжий от волнения Придаток еще споткнулся о ступеньку и выронил чеканку на ковер… И впрямь стар ты, Кханда Вьячасена, стар и мудр!
Кханда долго смотрел на ухмыляющегося Обломка — и ничего не сказал.
Промолчал старый Кханда Вьячасена.

Гости стали перебрасываться обычными, мало что значащими фразами — а я под шумок тихо обратился к Да-дао-шу.
— Слушай, Большой Да… так ты теперь старейшина Совета?
— Ну… не совсем, — ответил Большой Да. — Я теперь глава рода Кривых мечей — сам понимаешь, что не сабельных семейств, а тяжелых Блистающих — и вхожу в Совет Высших, но не как Старейшина… возраст у меня не тот. А может, и не в возрасте дело, а так… рано еще.
— Ясно. А что прежний старейшина?
— Исчез, — неохотно отозвался Большой Да. — Совсем исчез… погиб то есть. Ты не подумай, Единорог, это случайность, это с вашими кабирскими делами никак не связано!..
Не связано, значит… Ах, что-то темнил Большой Да, чего-то не договаривал! И имя погибшего случайно старейшины назвать забыл, вроде как тоже случайно…
— А лет через восемь-девять, выходит, Скользящий Перст меня в главы рода прочит… — задумчиво шевельнул я концом клинка. — М-да… сперва выгнали нас ни за что ни про что, а теперь, век спустя, в Совет чуть ли не насильно загоняют!
— И не только, — загадочно усмехнулся Да-дао-шу. — Вот будет завтра большой прием во дворце в твою честь, там увидишься с нашими временными правительницами — и все узнаешь!
— А почему это они временные? — подозрительно спросил я. — И почему правительницы? В Мэйлане правитель, а не правительницы… Ты что, Большой Да, я ж помню!.. правитель, меч «девяти колец» Цзюваньдао…
Большой Да помрачнел. А я осекся, вдруг поняв, что говорю.
— Вдовые они, — заявил он, отсвечивая лаком рукояти, больше похожей на древко. — Почти год уже. Да нет, и поболе года будет… Ты вот тут у меня про погибшего старейшину спрашивал — супруг это был их, Цзюваньдао, правитель Мэйланя. Оползнем его накрыло под Хартугой, в ущелье Воющих Псов… Теперь две жены его в регентшах, ждут, пока наследник — кинжал Бишоу у них, маленький совсем — в возраст войдет. Или, может, Совет своей властью кого назначит… ну, понятное дело, с разрешения дома фарр-ла-Кабир!
Я молчал. Что это он про одобрение дома фарр-ла-Кабир, право слово! Неужели я похож на подосланного соглядатая?!
— Придаток у правительниц, — продолжал меж тем Большой Да, — один на двоих… верней, одна на двоих. Юнъэр Мэйланьская. Да что я тебе рассказываю — завтра сам увидишь!
— Повтори-ка мне имя погибшего правителя! — настойчиво потребовал я.
— Цзюваньдао, — неохотно ответил Большой Да. — Кривой Цзюваньдао, меч «девяти колец» по прозвищу Ладонь Судьбы. Придатка звали Ю Шикуань. А что? Ты ведь его помнить должен…
— Да ничего, — пробормотал я. — Так просто… оползень, говоришь, под Хартугой?
И впрямь ничего… Если не считать записи в пергаменте Матушки Ци.
«Седьмой год эры правления „Спокойствие опор“, Ю Шикуань и Цзюваньдао, меч „девяти колец“. Хартуга, ущелье Воющих Псов.»
Так или примерно так. Только вот почему дальше был записан Скользящий Перст и Лян Анкор-Кун?! И год — семнадцатый год эры правления «Спокойствие опор!» Как раз через девять лет без малого… быть тебе, Единорог, лет через восемь-девять главой рода!
А ты куда денешься, Перст?
Воистину — спокойствие опор…
Правильный девиз.

Глава 14

…Я был одет в свои кабирские будничные ножны из слегка шероховатой кожи, а Чэн — в уже ставшую для него привычной марлотту поверх доспеха, тоже ставшего привычным… «Смеяться будут, — подумал Чэн так, чтобы я это услышал. — Решат, что мы — скупердяи. Или сумасшедшие. Или и то, и другое сразу.»
«Пускай смеются, — ответно подумал я. — Пускай. Это лучше, чем…»

И Я-Чэн вздрогнул, вспомнив, что первым эти слова произнес умирающий Друдл на залитой кровью мостовой. Эхо ночного Кабира, прерывистый шепот шута-мудреца, боль и ненависть…
И прохладная тишина личных покоев Юнъэр Мэйланьской. Куда нас проводил молчаливый Малый Крис, удивительно похожий на Криса Семара — по виду, не по болтливости, — и его низкорослый щуплый Придаток, совершенно не похожий на Кобланова подмастерья.
«Пускай смеются, — упрямо подумал я, и Чэн согласно кивнул головой. — Помнишь, ты тоже смеялся, когда в три года впервые взял меня в руки?»
«Помню, — улыбнулся Чэн. — Меня развеселило то, что ты такой длинный и холодный. Я еще погладил тебя, порезался и заорал на весь двор, а отец с дедом смеялись, переглядываясь, и по очереди подбрасывали меня в воздух…»
Я вспомнил Лю и Янга Анкоров, вспомнил их предка Хо…
«Во имя Нюринги, — прошептал я, — ну почему вы так мало живете?!»
Чэн не ответил.
Впрочем, смеяться над нами пока что никто и не думал. Тем более, что в покоях, по-моему, вообще никого не было. Я говорю — по-моему — потому что мог лишь представлять себе, как на самом деле велико пространство этого зала, напоминающего зал Посвящения в загородном доме Абу-Салимов — если его вдоль и поперек заставить и перегородить какими-то ширмами, занавесами и плетеными шторами.
— Прямо лабиринт, — буркнул Обломок.
Чэн решительным шагом приблизился к ближайшей складной ширме, сделанной из бамбуковых планок, искусно раскрашенных и связанных между собой, опустился на низкую скамеечку и принялся разглядывать круглую остывшую жаровню с боковыми накладками ароматического дерева, покрытыми лаком в золотую крапинку.
— Скучно, — прошелестел я, почти ложась рядом с Чэном на паркетный пол. — И жарко…
— Понятное дело, — с видом знатока отозвался из-за пояса Обломок. — Аудиенция, однако… это вам не на базаре сплетнями обмениваться!
— Ладно вам, — вслух бросил Чэн. — Будем ждать и помалкивать.
— Будем ждать и помалкивать, — согласно повторил я. — Будем ждать…
— А помалкивать не будем, — добавил Обломок.
Я не сразу почувствовал движение за левым, бледно-лиловым занавесом с вышитыми на нем павлинами. Сперва я услышал голос. Вернее, два голоса. Два высоких, изысканно-звенящих голоса, говоривших с интонациями, которых я ни разу не слышал в Кабире.
— Помалкивать не обязательно, Высший Дан Гьен! Помалкивать совершенно не обязательно, — сказал первый голос с еле заметной усмешкой. — И даже наоборот…
— Чувствуйте себя, как дома, — сказал второй голос. — Впрочем, Мэйланьский Единорог в Мэйлане везде и всегда дома, где бы он ни находился.
— И я везде и всегда, как у себя дома, — начал было нахальный Обломок, но осекся, когда занавес неожиданно разошелся в разные стороны.
— И даже лучше, чем дома, — неожиданно закончил Дзю.
Это были Эмейские спицы Мэйлань-го. Миниатюрные, не более двух длин ладоней, острые, как игла, и чуть сплющенные посередине, они были украшены праздничными платками алого шелка с серебристым шитьем, продетыми в их центральные кольца. В последний раз я видел таких стройных красавиц век тому назад. Ну чем мог заинтересовать юный глупый Единорог — и даже тогда еще не Единорог, а меч, носивший детское имя Стебель-под-ветром — этих (ну пусть не именно этих!) надменно-порхающих владычиц душ и помыслов большинства Блистающих из семейств легких Прямых мечей?! Ах, юность, юность…
Чтобы скрыть смущение, я глубже ушел в Чэна — да нет, я просто нырнул в него! — и уже глазами Чэна-Меня более спокойно посмотрел на обеих Эмейских спиц, а потом — на Юнъэр Мэйланьскую.
«Ушастый демон У! — думал Чэн-Я. — Любой нормальный мужчина — а я нормальный мужчина, и не одна только Чин может подтвердить это — при виде правительницы Юнъэр просто обязан потерять на некоторое время дар речи! И взамен приобрести глупую улыбку и собачью преданность во взгляде. Нет, конечно, она отнюдь не ослепительно прекрасна и тому подобное — а я не влюблен в нее, чтобы приписать ей все эти достоинства — но воистину это самая

женственная из всех виденных мною женщин… сама Мать Плодородия, символ темного начала…»
Я понял, что прятаться некуда. Чэн-Я мог совершенно спокойно смотреть на кокетливо вертевшихся Эмейских спиц, но не мог равнодушно видеть госпожу Юнъэр; зато Я-Чэн рассматривал госпожу Юнъэр разве что с легким интересом, но зато две хрупкие спицы…
Что делать?!
«Что делать?! — думал Чэн. — Нет, я не стану описывать эту гибкую талию зрелой, но не начавшей полнеть женщины; талию, отягченную бедрами танцовщицы из храма Яшмовых фей… и не стану я описывать ее легкую уверенную походку, и властно-ироничный взгляд, и…»
Я неожиданно пришел в веселое расположение духа и неслышно засмеялся.
«Проклятье! — выругались мы оба, но уже с изрядной долей юмора. — Нет, я — оба наших „я“ — не станем вообще ничего описывать, а лучше будем думать о Чин и Волчьей Метле, и о том, что наши сверстники в Кабире давно имеют по две, а то и по три жены…»
Нет, лучше мы вообще ни о чем не будем думать.
Совсем.
— Будете молчать, — предупредил меня Обломок, — я начну первым. И тогда не обижайтесь…
Это отрезвило нас почище ведра холодной воды (на Чэна) и удара Гвениля (по мне). Достаточно было лишь представить себе возможную галантность нашего Обломка и его манеру вести светские беседы, чтобы сказать вслух хоть что-нибудь, не давая это сделать Дзюттэ.
Чэн поспешно вскочил, с грохотом опрокидывая скамеечку и роняя жаровню — последняя, к счастью, была холодной, иначе не миновать пожара — а я вылетел из ножен в изысканном салюте, перерезав по дороге какую-то планку ближайшей к нам шторы; планка оказалась опорной, и штора, скособочившись, чуть не брякнулась на пол.
Следующая же фраза Эмейских спиц привела меня в ужас.
— А вы совсем такой, каким мы вас себе представляли, — хором заявили спицы, и их центральные колечки, в которые были продеты пальцы Придатка… в смысле госпожи Юнъэр, мягко звякнули. — Совсем-совсем такой… Можно?
«А вы совсем НЕ такой, каким я вас себе представляла, — отдались во мне слова Юнъэр Мэйланьской, услышанные Чэном. — Совсем-совсем не такой… гораздо мягче и в то же время мужественней. Наверное, так не бывает… и еще вы моложе. Можно?»
— Можно, — ответили мы, не совсем точно понимая, о чем идет речь.
Кончики спиц легко и нежно коснулись Чэновой груди, и шнуры верхних застежек марлотты опали вниз. Затем спицы скользнули по обнаружившемуся зерцалу доспеха, медленно обводя вязь вычеканенного двустишия-бейта, чуть посвистывая от соприкосновения с полированным металлом, задевая платками разошедшиеся в стороны полы марлотты… это было так по-женски, столь откровенное проявление любопытства…
И тут я уже почти совершенно успокоился. Доспеха они, понимаешь ли, не видали никогда! Потрогать им, понимаешь ли, захотелось! То мы с Чэном такие, как они, понимаешь ли, себе представляли, то не такие… Шулма их забери! Привыкли, небось, что от поклонников отбою нет… ну что ж, значит, будем поклонниками!
— Мне говорили, что я знатен, — отчетливо прозвенел я, описывая соответствующую этикету восьмерку, — но перед древностью рода Эмейских спиц Мэйлань-го бледнеет древность любых родов (это была неправда, но кто возьмется проверять правдивость лести?)! Я учился изяществу обхождения и благородному умению Беседовать, достойным истинного Блистающего, но перед вашей утонченностью и остротой ума, о повелительницы помыслов, тускнеют любые достоинства — если, конечно, они не принадлежат вам! Ну что, я могу считать себя прощенным за первую неловкость?
Правая спица поиграла со шнуром марлотты и, опустившись вниз, остановилась у рукояти Дзюттэ.
— А это, надо полагать, личный советник царственного ятагана Шешеза фарр-ла-Кабир, Дзюттэ… э-э-э…
— Надо полагать, — довольно-таки невежливо прервал ее Дзю. — Дзюттэ Обломок, с вашего позволения! Только я не советник. Я — шут. Не верите? Ну хотите, пошучу? Могу даже вполне прилично…

— Жаль, — протянула левая спица.
— Что — жаль? — немедленно заинтересовался Обломок. — Что могу шутить вполне прилично? Тогда, опять же с вашего позволения, могу и вполне неприлично…
— Нет, не это, — хором ответили Эмейские спицы. — Жаль, что вы не советник. А то бы вы посоветовали Мэйланьскому Единорогу не расточать нам излишних комплиментов. Это мы слышим ежедневно, и для этого не надо уезжать из Мэйланя в Кабир, чтобы спустя сотню лет вернуться обратно.
— Зато я расточаю комплименты довольно редко, — вмешался я. — А в последнее время, знаете ли, вообще обходился без этого. Такое уж оно получилось, мое последнее время.
— Вот-вот, — усмехнулась правая спица. — Теперь вы больше подходите для той роли, которую вам приписывают во всем эмирате.
— Роль? Какая роль?!
— Роль героя. Сурового Блистающего древности, чудом попавшего в наше тихое и спокойное время.
Я еле сдержался. В наше тихое и спокойное время… вот Детский Учитель посмеялся бы, если бы услышал. Впрочем, он и при жизни был сдержанным, а смеющимся я его не видел вообще никогда.
— Вы сказали — в наше тихое и спокойное время, — я опустился в ножны и говорил теперь тихо и невыразительно. — Я до того сказал: «В последнее время». Я не гожусь в герои древности, я не уверен, были ли в древности герои; я даже не уверен, были ли в древности Блистающие, осознающие, что они — Блистающие; я говорю банальные комплименты, но все это оттого, что я боюсь.
— Боитесь? — удивлению спиц не было предела. — Чего? Или — кого?
— Я боюсь, что наши слова сольются, и придется говорить: в наше тихое и спокойное последнее время. Вот этого-то я и боюсь.
— Меня зовут Аун, — после долгого раздумья сказала правая спица.
— А меня — Аунух, — добавила левая, и я вдруг снова остро ощутил всю мощь их обаяния.
Чэн сжал на моей рукояти железные пальцы.
— Нас ждет празднество, — то ли спросил, то ли утвердительно заявил он. — Еще одно празднество. А мне говорили, что это будет прием. Вдобавок официальный.
— Да, празднество, — о чем-то думая, небрежно ответила Юнъэр. — Это хорошо, что празднество; хорошо, что оно нас ждет; и хорошо, что вы такой, какой вы есть, Высший Чэн — вне зависимости от моих представлений о вас и вне зависимости от личины героя древности.
Я не расслышал, что говорили в этот момент Эмейские спицы, проворно сновавшие в ее пальцах, но наверняка они говорили нечто похожее.
— А почему это хорошо? — удивленно спросил Чэн-Я.
То, что ответила Юнъэр Мэйланьская и Эмейские спицы Мэйлань-го, совпало полностью.
— Потому что так мне (нам) будет проще объявить о нашей помолвке, — сказали они.
2
Когда они вышли отдать какие-то заключительные распоряжения, Дзю обратился ко мне с довольно-таки странной просьбой.
— Слушай, Однорог, — заявил он, — не сочти за труд… Ты не мог бы попросить своего Чэна, чтобы он описал мне эту… Юнъэр. Только обязательно вслух, а ты переведешь для меня. Ладно?
— Ладно, — недоуменно звякнул я, выходя из столбняка, в который меня повергло заявление спиц и Юнъэр, и сообщил Чэну о просьбе Обломка.
Чэн пожал плечами, но перечить не стал.
И он, и я понимали, что здесь дело нечисто. Предположить, что Обломок решил удовлетворить свое досужее любопытство, не расслышав последних слов спиц, или просто не придав им значения — ну уж нет, кто угодно, но только не Дзю…
— Ну, — начал Чэн, — невысокая такая, на полголовы ниже меня… чуть полнее, чем принято в Кабире, руки округлые и мягкие, пальцы двигаются легко и быстро, грудь Юнъэр… слушай, Дзю, ну не могу я так! Тебе же ее грудь — как мне твоя гарда! Чисто деловой интерес!.. грудь ему описывай…
— Не отвлекайся, — строго заметил Обломок, и Чэн-Я покраснел. — И гарду мою не тронь… в переносном, разумеется, смысле! А грудь… Так, о груди не надо, будем считать, что интерес у меня сугубо эстетический, и продолжим дальше…

— Лицо, — покорно продолжил Чэн-Я, — лицо… Ну, круглое у нее лицо, нос орлиный, глаза миндалевидные, мечтательные такие, но…
— Конкретнее! — возмутился Дзюттэ.
— Раскосые у нее глаза! — чуть не закричал Чэн-Я. — Раскосые, но большие и вытянутые! Проклятье!.. Рот маленький, чуть подкрашен, уши тоже маленькие, зато ресницы большие… Длинные ресницы! Желтый бог Мо тебя проглоти, Обломок несчастный!
— О боге Мо — после, — распорядился Дзю. — Одежду описывай. И чтоб подробно.
— Одежда, одежда… Прическа высоким узлом с перьями зимородка и жемчужными нитями, две шпильки в виде парящих фениксов…
— Это не одежда, — Дзю был неумолим. — Не морочь мне набалдашник! Продолжай!
— Одежда… Халат длинный, багрово-дымчатого атласа, расшит цветами, по подолу… по подолу — жемчуг. Пояс-обруч, свисает чуть ниже талии, украшен бляхами из яшмы в золотой оправе… туфельки шелковые, остроносые, узор выткан ярко-пунцовой и золотой нитью… безрукавка еще поверх халата, бледно-салатная, что ли…
Чэн все говорил, я послушно переводил, превращая слова человеческой речи в звуки языка Блистающих — но я чувствовал, как с каждым произнесенным вслух словом в Чэне что-то меняется. Словно это были не слова, а капли усиливающегося дождя, падающие на пылающую жаровню, и вот уже огонь шипит и утихает, дым сизым облаком окутывает углубление с трещащими угольями… зыбко и сыро…
— Хватит, — наконец смилостивился Обломок. — Единорог, теперь ты!
— Что — я?
— Рассказывай! О спицах этих болтливых рассказывай! Вслух, и чтоб Чэн слышал!..
И экзекуция повторилась.
…Когда я умолк, обессиленный и опустошенный, Дзю поворочался за поясом и расслабился.
— Когда я был молодым и гораздо более умным, чем сейчас, — ни к кому не обращаясь, сообщил он, — я мечтал о ножнах. Были одни такие ножны, с бахромой по ободку. Спать не мог — все эти ножны снились. И тогда один старый шут, нож Бечак иль-Карс, предложил мне рассказать ему о моих вожделенных ножнах. Только подробно и не упуская ни одной детали… И я рассказал. А потом снова увидел эти ножны. Ножны как ножны, ничего особенного… Очарование ушло. Когда любишь, невозможно рассказать, за что любишь… а если возможно — то это уже не любовь. Чэн, Единорог — гляньте в щелку: эти спицы Мэйлань-го и их Юнъэр не видны ли?
И мы глянули. И увидели Эмейских спиц и госпожу Юнъэр, с кем-то разговаривающих. И еще увидели накрытые столы, входящих гостей… все, как обычно. И снова — Эмейские спицы. И снова Юнъэр Мэйланьская.
И — ничего. Сизый дым над жаровней. Потрясение ушло. Обаятельные сестры-Блистающие, милая и умная женщина… ну и?.. ну и не более того.
— Ты жесток, Дзю, — тихо сказал я.
— Спасибо, Дзю, — тихо сказал Чэн.
— Ты жесток, Дзю, — тихо сказали мы. — Спасибо.
— Не за что, — буркнул Обломок.
И добавил:
— Я — шут. А шуты добрыми не бывают.
— Ты шут Шешеза фарр-ла-Кабир, — зачем-то заметил я.
Дзю усмехнулся.
— А ты? — спросил он.
— Что — я?
— То-то же… — как-то невпопад завершил Обломок. — Шуты не бывают добрыми, Единорог. И еще — шуты не бывают чьими-то…
— Наставник был добрым, — пробормотал Чэн-Я, и железные пальцы на моей рукояти превратились в тиски, и я чуть не закричал от боли.
От той, давней боли, от эха ночного Кабира, от ночи, в которой умирал маленький ятаган, бывший Детским Учителем…
— Наставник был добрым, — еле слышно согласился Дзюттэ. — Наставник — был.

А празднество получилось таким, как и любое другое. Местные Придатки вовсю шумели за богато накрытыми столами, всячески развлекая Чэна; в оружейном углу цвет здешних Блистающих не давал мне скучать, расспрашивая отнюдь не об убийствах и преследованиях, а о кабирских модах и турнирах, о характере ятагана Шешеза, о Посвящении у старого Фархада и о прочих приятных вещах, располагающих к суесловию.
Я с наигранной живостью отвечал, временами давая ничего не значащие обещания по-Беседовать то с милым крюком из семейства Тье-Чинчи, то с вежливой, но настырной секирой из двуручных Фэн-тоу-фу — простите, ради Небесного Молота, как только выпадет свободная минутка, а вот когда она выпадет — совершенно неизвестно, но я обязательно, обязательно…
«Ну почему у меня всякий раз празднества предвещают какую-то неприятность?! — размышлял я, делая вид, что слушаю мэйланьские сплетни в изложении двух разговорчивых сабель Чандрахасса. — Почему?! Посвящение у Абу-Салимов — и турнир, веселье у Коблана — и побоище в переулке; теперь в Мэйлане два торжества подряд — и невесть откуда объявляется помолвка! При чем тут помолвка?! Ну, Чэна давно пора женить — так сейчас не время… а мне свадьбы играть — дело, конечно, хорошее, только кто Волчьей Метле объяснит, что оно, дело это, хорошее, и что не надо по этому поводу платки у спиц Мэйланьго в клочья драть…»
Некоторые из приглашенных гостей время от времени выходили из зала по-Беседовать — здесь было не принято Беседовать прямо в зале — мне никто открыто не предлагал принять в этом участие, но многие Блистающие вопросительно поглядывали в мою сторону. Я игнорировал досужее любопытство местных задир, ждущих, так сказать от героя дня немедленных подвигов, — и в свою очередь не раз косился на Эмейских спиц, которые не посещали оружейный угол, а все время находились за отворотом безрукавки Юнъэр.
Я ожидал продолжения — уж больно эти слова о помолвке были не ко времени, чтоб счесть их просто милой шуткой — но продолжения не было.
Послышалось мне, что ли?!..
В трех-четырех выпадах от меня Обломок привычно развлекал почтенную публику. Судя по всему, Дзю в считанные минуты стал всеобщим любимцем — что меня ничуть не удивляло — а некоторые алебарды после острот Обломка просто падали от хохота, и их Придаткам приходилось отрываться от стола и поднимать не в меру смешливых Блистающих.
Рядом с Обломком глубокомысленно помалкивал Заррахид, изредка вставляя короткие «да» или «нет». Кстати, в паре с Дзю они смотрелись весьма оригинально: один — короткий, плотный, развязно-нахальный, и другой — элегантно-узкий, спокойный, с изысканными манерами аристократа.
Ну просто две стороны кабирской действительности!
Третья, темная сторона этой самой действительности — то есть наш приятель Сай — была не видна. Сай совершенно не вылезал из-за пояса ан-Таньи и в оружейный угол не заглядывал, беря пример со спиц. Но я не раз ловил его острый взгляд из-под столешницы, шарящий по залу.
Похоже, никого из обожженных Шулмой здесь не наблюдалось.
Какой-то мой Прямой родич — юный меч Цзянь, представившийся как Баолун, Драгоценный Дракон, — поинтересовался у меня, что я думаю об использовании ножен для отражения некоторых скользящих ударов. Я ответил, что я думаю по этому поводу — хотя думал в этот момент совсем о другом.
«Если эта суматоха растянется на дни, или и того хуже — на недели, — думал я, выслушивая благодарности Драгоценного Дракона и вежливо кивая ему обеими кистями, — то ни о каких поисках не может быть и речи! Ну, помолвка — это все-таки, наверное, шутка… хотя и довольно странная. А вот Но-дачи — это не шутник, и во дворце его вряд ли удастся разыскать. Придется гонять Сая с ан-Таньей по городу — пусть высматривает своих… Заодно надо будет справиться о пропавшем Поясе Пустыни из Харзы… небось, все ищет Тусклых и стесняется отправить Шешезу почтового сокола с письмом о неудаче! Вот будет здорово, если он…»
— Привет живой легенде! — раздалось рядом со мной. — Узнаешь? Или совсем загордился?!
— Узнаю… — оторопело пробормотал я, глядя, как Пояс Пустыни слетает с талии своего кривоногого Придатка, разворачиваясь и блестя самым веселым образом, и укладывается на подставку чуть пониже меня.

Выглядел он отлично. Заново отполированный, сияющий, даже какой-то повзрослевший… не тот забияка, совсем не тот!..
— Рад тебя видеть, Единорог, — сказал он, когда остальные Блистающие вокруг нас деликатно принялись разговаривать друг с другом, чтобы не мешать нам. — Честно, рад…
— Я тоже, — совершенно искренне ответил я. — Я тоже рад тебя видеть, Маскин Седьмой из Харзы, охотник на Тусклых.
— Я теперь не Седьмой, — ослепительно усмехнулся Маскин. — Я теперь Тринадцатый. И я больше не охотник.
— Да хоть Двадцать Шестой, — отмахнулся кистью я. — С тобой хоть нормально поговорить можно! А эти все только кивают да поддакивают, словно я им каждую секунду по тайне мироздания раскрываю!
— Понятное дело, — Пояс Пустыни глянул на веселившуюся знать, и легкая рябь пробежала по его гибкому клинку. — А как же еще можно разговаривать со своим будущим правителем?!
Я чуть с подставки не слетел.
— С правителем? Будущим?!
— Ну да! Ты ведь коренной мэйланец, опять же из потомственных Высших… и не просто отсюда родом, а Мэйланьский Единорог! Сотню лет провел в столице, прославился на весь эмират, Придатка испорченного менять отказался, доверенный клинок Шешеза фарр-ла-Кабир… Весь эмират только о тебе и звенит — то ты Придатка железом оковал, то в Беседе тебе равных нет, не было и не будет, то ты какого-то хищника насквозь проколол, спасая будущего Фархадова Придатка, то в переулке за одну ночь всех Тусклых Кабира под корень извел!..
Пояс Пустыни звонко хихикнул.
— Ты же теперь герой! — весело продолжил он. — А зачем герою, да еще Высшему Мэйланя, спустя сотню лет возвращаться на родину, особенно когда на родине во временных правительницах две вдовые Эмейские спицы блестят?! Вот то-то и оно! Дядя твой, Скользящий Перст, уже всем раззвонил, что быть тебе лет через восемь вместо него главой рода Прямых мечей! Так что готовься к делам государственным! Я слышал, что от Абу-Салимов с птичьей почтой поздравление пришло, на твое имя…
— С чем поздравляют? — тупо спросил я.
— С будущей свадьбой!
— А-а-а… — только и ответил я, беспомощно качая кисточками. — Ясно…
— Ты хоть на свадьбу-то пригласи! — Маскин вновь обвился вокруг своего Придатка, собираясь покинуть такого непонятливого собеседника, как я. — Или лучше я к тебе завтра сам загляну. В гости. Напомню, да и поговорить нам с тобой есть о чем… Ты как считаешь, Единорог — есть о чем поговорить Мэйланьскому Единорогу, образцу для Блистающих, и Поясу Пустыни из Харзы, Маскину Тринадцатому, бывшему Седьмому, бывшему охотнику за Тусклыми?!
Я не успел ничего ответить. Я еще только приходил в себя и начинал задумываться над странным двойным смыслом последнего вопроса Маскина — а Пояс Пустыни уже оставил оружейный угол.
— …у всякого настоящего героя, — донесся до меня увлеченный лязг Дзюттэ, — обязательно должен быть свой личный шут. Вот и у нас…
— Правильно! — согласился какой-то короткий и наивный трезубец. — У такого уважаемого Блистающего, как Единорог…
— При чем тут Единорог?! — возмутился Обломок. — Герой — это, безусловно, я!
«Тогда ты прав, Дзю, — угрюмо подумал я. — Тогда ты прав…»
— Позвольте! — трезубец, не знакомый с повадками Обломка, был явно сбит с толка. — Если вы — герой, тогда…
— А что, вы считаете, что я не гожусь в герои?! — воинственно выпятил гарду-лепесток Дзюттэ.
— Да нет, что вы, — совсем растерялся бедный трезубец, — просто если вы — герой, то кто же тогда шут?
Обломок покосился на меня и, видимо, почувствовал мое похоронное настроение.
— А эта вакансия пока свободна! — громогласно объявил он. — Желающих прошу записываться у вот этого эстока! Прямо вдоль клинка…

4

Вернувшись в усадьбу, мы с Чэном молча обошли пруд, поднялись на второй этаж дома, забрели в первую попавшуюся комнату — она оказалась смежной с более

обширными покоями, но нам в эту минуту было не до удобств — и тщательно заперли все двери.
Мы не хотели никого видеть.
Мы не хотели никого слышать.
Мы не хотели ни с кем разговаривать.
Мы ничего не хотели. Ничего и никого.
…Спал я плохо. Мне снилось, что я пересек Кулхан и сбежал в Шулму от всех, кто хотел меня убить, женить, поздравить, обругать, поговорить, нанять, счесть образцом, осудить за недостойные поступки… я сбежал от них всех в Шулму, чтобы утопиться в священном водоеме, но к водоему меня не пустили, а Желтый бог Мо, удивительно похожий на Коблана, но со свисающими до земли ушами, в которые он заворачивался на манер Чэновой марлотты… Желтый бог Мо — или Ушастый демон У?! — радостно подпрыгивал на месте и вопил ненатурально пронзительным голосом: «Женить его! Женить! Немедленно»… — а из водоема вдруг полезли гнилые, ржавые обломки убитых Блистающих, и я хотел проснуться, но не мог…
Чэн ворочался во сне и стонал.
Утром Чэн встал, протирая глаза, и отпер двери. Но выходить мы не стали. Чэн сел на ложе, я лег к нему на колени, скинув ножны; и вот так мы сидели и молчали.
Потом Чэн снова поднялся, переложив меня на изголовье, и ненадолго вышел.
Вернулся он с листом пергамента, в котором я узнал пергамент Матушки Ци.
— Ю Шикуань, — пробормотал Чэн, поглаживая меня вдоль клинка. — Ю Шикуань, правитель Мэйланя, и его вдова Юнъэр Мэйланьская… Что ж тебя в Хартугу-то понесло, под оползень от такой жены, несчастный ты Ю?..
Чэн задумчиво покачал головой, спрятал лист в угловой шкафчик и вернулся ко мне.
В смежных покоях шумел Кос. Судя по издаваемым им звукам, он вбивал в стену новые крюки для Заррахида, сколачивал подставку для Сая и еще одну — для Дзюттэ, забытого нами во дворце и унесенного оттуда предусмотрительным ан-Таньей. Когда грохот, треск и немузыкальные вопли в адрес слуг, предлагавших свою помощь, пришли к завершению — Кос подошел к двери, ведущей в нашу комнату, постоял немного, вздохнул и удалился.
В неизвестном направлении.
А мы с Чэном все сидели — вернее, Чэн сидел, а я лежал — в каком-то странном полузабытьи, и мне казалось, что я могу провести вот так весь остаток своей жизни, и что Чэн всегда будет со мной, что он никогда не состарится и никогда не умрет, потому что… потому.
Мы сидели, лежали, молчали, а время — время шло…
5
…Через неплотно прикрытую дверь было слышно, как мои друзья переговариваются между собой.
— Чего это он? — недоуменно вопрошал Сай. — Молчит и молчит, и… и опять молчит! Обидели его, что ли?!
— Обидели, — коротко отозвался эсток.
— Кого?! — грозно заскрипел Сай, и я чуть не улыбнулся, слыша это. — Кто посмел обидеть Единорога?! Покажите мне его, и я…
— И ты заколешь его Придатка, — меланхолично подытожил Заррахид, — а его самого переломаешь в восьми местах и похоронишь в песках Кулхана.
— Женили его, Дан Гьенчика нашего, — после долгой паузы бросил Обломок непривычно уставшим голосом. — Не спросясь. Силой, так сказать, умыкнули… и Чэна, хоть он и железный, тоже женили. Обоих. Почти. Это в Беседе «почти» не считается, а тут… Герои, в общем, и красавицы. Традиция. И от судьбы не уйдешь. Сыграем свадебку, станет Единорог государственным мечом, Зарра при нем главным советником будет; ты, Сай, — шутом…
Сай пропустил выпад Дзю мимо лезвия. Кстати, а почему это Сай не знает о том, о чем, похоже, знают все от Мэйланя до Кабира? Ах, да… Сай же все празднество провел у Коса за поясом, а людские разговоры ему без моих разъяснений непонятны!
Я поудобнее устроился у Чэна на коленях, а он с грустной лаской еще раз провел по мне железной рукой — от рукояти до острия.
И мне почудилось, что рука аль-Мутанабби слабо дрожит.
«А ведь это то, о чем мечтал я кабирской ночью, — думал Я-Чэн. — Уехать подальше из кровавой кузницы Кабира, где ковалось страшное будущее-прошлое

Блистающих и людей; уехать в тихий покой, жениться, Беседовать с равными и наставлять юнцов, которые восторженно ловят каждый твой взмах… и быть знатнее знатных, что сейчас мне и предлагается, а мое тщеславие почему-то молчит…»

«Да, тогда я мечтал о покое, — думал Чэн-Я, — и спустя мгновение судьба предложила мне бойню в переулке. А теперь, когда плечи мои привыкли к тяжести доспеха, душа привыкла терять и находить, а сознание научилось думать о насильственной смерти без содрогания; теперь, когда я способен не остановиться при выпаде, когда я разучился доверять… Теперь судьба благосклонно преподносит мне издевательский дар, и весь Мэйлань, ликуя, ведет Эмейских спиц Мэйлань-го навстречу герою Единорогу, а тоскующая вдова Юнъэр с радостью готова украсить своим присутствием дни и ночи Чэна Анкора, будущего мудрого со-правителя… полагаю, что в особенности — ночи…»

Это была сказка. А в сказки мы больше не верили. Разве что в бытовые, и обязательно с плохим концом.

За окном шумела усадьба — моя по наследственному праву, но совершенно незнакомая мне! — в смежных покоях переговаривались друзья-Блистающие (интересно, до чего ж быстро я Сая в друзья записал!..), Кос куда-то ушел с утра и до сих пор не явился, а уже полдень… или не полдень…

И впрямь жениться, что ли?..

— Вот он, наш затворник! — раздался возбужденный голос ан-Таньи, и спустя минуту Кос возник на пороге. — Вот он, наш женишок! Вернее, женишки…

Чэн-Я слегка вздрогнул и посмотрел на довольного Коса. Рядом с его сияющей физиономией, — как всегда, гладко выбритой до синевы, — на стене висела старинная гравюра, изображавшая бородатого Придатка разбойничьего вида и с серьгой в ухе. Кос, сияя, смотрел на Меня-Чэна, а бородач — на Коса, и вид у него при этом был такой, как если бы он только что по ошибке сел на торчащий гвоздь. Произведение искусства, однако… я и Чэн имели в виду не ан-Танью.

— Бабкин пергамент у тебя? — поинтересовался Кос, смахивая со своей новенькой щегольской блузы (шнуровка на груди, рукава с отворотами, сиреневый атлас и все такое) несуществующую пылинку. — Не потерял в суете?

Рука Чэна слабо шевельнулась, и я указал острием на инкрустированный перламутром шкафчик, где в верхнем отделении хранился пергамент Матушки Ци. Кос чуть ли не подбежал к шкафчику, рывком распахнул створки и впился глазами в извлеченный пергамент. Потом ан-Танья шлепнулся на ковер, поджав под себя ноги, и принялся извлекать из рукавов — карманы по мэйланьской традиции пришивались к рукаву изнутри, а блузу Кос явно купил где-то в городе — многочисленные обрывки бумаги.

Бумага была дорогая, рисовая, с легким голубоватым отливом, и в Кабире она ценилась бы на вес золота. А здесь, похоже, ее спокойно расходовали на разную ерунду все, кому не лень — в том числе и Кос.

— Сходится, — бормотал Кос, нервно кусая губы. — Ах ты, Иблисова кость — сходится! Ну, бабка, ну, матушка диких гулей — так, а вот здесь надо будет перепроверить…

— Ты где был? — спросил Чэн-Я только для того, чтобы немного отвлечь ан-Танью.

Трудно было поверить, что перед нами тот столичный щеголь, который вчера манерами привлекал внимание всей местной знати.

— В городской управе я был. Бумаги на твою усадьбу в порядок приводил, как положено. В наследство вас с Единорогом, так сказать вводил. У них тут бумаги навалом, вот они и пачкают ее с утра до вечера! Здесь распишись, там трех свидетелей предоставь, потом еще раз распишись и перепиши все заново, чтоб у иероглифов «цинь» хвостики тоньше были и с загибом влево…

— А что, с толстыми нельзя? — полюбопытствовал Чэн, а я только сверкнул улыбкой, слушая этот разговор. — И без загиба?

— Можно и с прямыми толстыми, но тогда по новым правилам это уже не иероглиф «цинь», а иероглиф «фу», и бумага уже не подтверждает права Чэна Анкора на родовую собственность, а разрешает вышеупомянутому Чэну Анкору совершить акт публичного самоубийства путем распиливания туловища пополам посредством бамбуковой пилы. Ладно, не в этом дело…

— Ничего себе не в этом! — нарочито серьезно бросил Чэн-Я. — Я надеюсь, ты все хвостики куда надо загнул?! Смотри, Кос!.. В случае чего, я именно тебя пилой орудовать заставлю…

— Смотрю, смотрю… — ан-Танья все не мог оторваться от своих записей и пергамента Матушки Ци. — Смотрю, а у них внизу, в полуподвале, архив имеется! И старичок такой милый всем этим архивом заправляет! Я с ним, наверное, часа четыре или пять беседовал, он мне еще показывал, как надо с коротким ножом в тесном помещении управляться… Милейший старичок, и ножик у него просто прелесть! Жаль, я Сая с собой не взял — они бы мигом поладили!
— Сам нож на ладонь короче твоего локтя, заточка у ножа односторонняя, — не удержался уже Я-Чэн, — вместо гарды валик небольшой, и нож в основном на обратном хвате держится… Да?
— Слушай, Единорог, — еще в последние дни дороги Кос научился безошибочно определять, кто из нас с Чэном первым обращается к нему, — это твой знакомый нож?
— Это Хамидаси-архивариус. Их семейство здесь каждый знает. Помню, раньше шутили, что они на турнирах друг с другом спорят — кто лист бумаги тремя взмахами на тридцать три части разрежет, чтоб тушь ни с одного иероглифа не ободрать! Ладно, Кос, давай дальше…
Кос поскреб свой выдающийся подбородок и расхохотался.
— Да нет, ничего, — отсмеявшись, заявил он в ответ на недоуменный взгляд Чэна-Меня. — Все в порядке… Как ты говоришь, нож-то зовут? Хамидаси? Ну а старичка зовут Хаом ит-Даси! Почти что тезки получаются… Короче, поговорили мы с Хаомом о том, о сем, чайничек розовой настойки приговорили, а дальше вижу я у него на столе книгу раскрытую! И на левой странице написано: «…и не отыскали под оползнем в ущелье Воющих Псов ни Ю Шикуаня, правителя мудрого, ни славного меча его Цзюваньдао о девяти кольцах, что по прозванию Ладонь Судьбы; и плакали все от Хартуги до Верхнего Вэя, и осиротел сын неудачливого Ю, и овдовела жена его…»
— Ну? — коротко отозвался Чэн-Я.
— Не ну, а гляди, что у старухи написано! Ю Шикуань, седьмой год эры правления «Спокойствие опор», и Цзюваньдао, меч «девяти колец»… Сходится! Но это неважно, потому что о гибели правителя и положено в архивных книгах записывать, а важно другое… У бабки-то в пергаменте что дальше написано?! Вот… Через десять лет, в семнадцатом году «Опор…» этих самых — в будущем времени, видите ли! — ваши родичи записаны, Лян Анкор-Кун и меч его, Скользящий Перст! И еще знак вопроса рядом стоит! Мало ли что, дескать, через десять лет после несчастного Ю Шикуаня с Ляном Анкор-Куном и его мечом будет! Оползень — не оползень, а чего в жизни не случается… что ж это за пророчества такие?!
Бородатый Придаток с гравюры скептически посмотрел на разгоряченного ан-Танью — мол, ну и что? Чэн и я последовали его примеру. Тоже нам, оракул… и без тебя знаем. Что знаем? Что ничего не знаем…
А Кос не обратил на наш утренний скепсис ни малейшего внимания.
— Я старичку и говорю: ваш правитель Ю в седьмом году погиб? В седьмом, отвечает. Тут я и спрашиваю: а за десять лет ДО того ничего похожего у вас не случалось? Дед подумал и бровки морщит — это, говорит, в тридцать втором году эры правления «Весенние потоки»? Я киваю на всякий случай и лезем мы со старичком в бумажные залежи! Копаемся там, копаемся и выясняем, что смертей нелепых в тот год не обнаружено, зато было великое горе в семье купца Сейдзи О-рекю, поскольку древнее фамильное копье купца сломалось…
Я встрепенулся, как бывает иногда во время долгой и утомительной Беседы, когда почувствуешь — вот оно, решающее движение! — и откуда только силы возьмутся!..
— Копье Катакама Яри?! — нетерпеливо спросил Я-Чэн. — Да?! Ниже наконечника массивный крюк, загнутый вверх?! Подробности, Кос, подробности! Что ты там вычитал?!..
— Катакама… — растерянно пробормотал ан-Танья. — Катакама Яри, а насчет крючка ничего не знаю… Не записано там о крюке, а в Кабире я таких копий не видал!.. Прозвище копья, то есть Блистающего — правильно, Единорог? — прозвище записано…
— Какое?
— «Белый тигр Ен-цу.» Вот, я выписал…
— Сломалось, говоришь? — с болью спросил Я-Чэн. — А наконечник? Наконечник цел?!

— Наконечник в колодец упал. Восемь раз спускались, чуть колодец этот проклятый наизнанку не вывернули — глухо! Не нашли…
— Мир памяти твоей, Катакама Яри, Белый Тигр, — прошелестел я, сплетая шнуры кистей в знак траура; и Чэн повторил сказанное мною вслух, склонив голову. — Мир памяти и покой праху, старейшина копейных семейств Мэйланя… ты знаешь, Кос…
— Знаю, — перебил меня ан-Танья, и это почему-то было уместно и не грубо. — Теперь знаю, а в архиве лишь догадывался. Потому что у вас тут чуть ли не каждые десять лет какой-то знаменитый Блистающий гибнет. Иногда вместе с человеком. Ю Шикуань с мечом Цзюваньдао оползнем накрылись, Белого тигра в колодце не отыскали, за десять лет до того в положенном году, как по заказу — сабля-шамшер советника Вана случайно из ножен выпала и в колесо арбы попала, а арба возьми да и тронься! Шамшер, хоть он и древний, и славный, и с надписями по клинку — естественно, пополам! И было великое горе у Вана с домочадцами… Ну и в том же духе — лет на сто назад мы со старичком Хаомом бумаги подняли! Что ни десятый год — то и происшествие!.. завидное постоянство, однако…
«Случайность, — подумал Чэн. — Дикая, нелепая случайность. Мало ли оружия ломается или портится — нет, немало… Кто запомнит, сколько за век всякого-разного произойдет? А и запомнит — так не сопоставит… запишет и забудет…»
«Случайность? — подумал я. — Нет уж, вряд ли… нечего самого себя обманывать. Это ведь не просто известные Блистающие, Чэн, это все старейшины Совета Высших, это они меня и моих однолетков век тому назад из Мэйланя выслали! И гибнуть начали! Что ж это такое-то творится? Шулма? — нет, по времени никак не сходится… Тусклые?! — так их и нет вовсе, и при чем тогда колодец или колесо арбы? А тот же оползень — зачем? И, главное — как?!»
«О небо, — подумал Я-Чэн, — за что? Ведь не могу больше… не хочу! За что?! За то, что в минуту слабости мечтал все бросить и уехать? Уехать искать тишину? И впрямь — куда уедешь от неба?.. бежишь, бежишь, стремишься к чему-то, а поднимешь взгляд — вот оно, синее, горбатое, равнодушное, прямо над головой…»
— И пусть один меч сам стоит спокойно против неба, — прошептал Я-Чэн.
— Один.
Кос внимательно посмотрел на нас.
— Один? — резко спросил он, и Мне-Чэну вдруг показалось, что это говорит эсток Заррахид или Обломок, а уж никак не ан-Танья, человек, который почти в три раза моложе меня.
Меня, Блистающего. Когда я родился, то дед Коса еще не увидел света; Кос умрет, а я — если повезет — еще долго буду жить… но сейчас это все не имело никакого значения, потому что в голосе ан-Таньи звенела упрямая сталь, не уступающая по закалке моему клинку — сколько бы лет ни отмеряла нам обоим взбалмошная судьба.
— Один? — спросил Кос ан-Танья, человек. — Ну уж нет… И не надейся. Это, скорее, небо — одно.
И добавил, помолчав и комкая свои бумаги:
— Одно против нас.
6
Когда Кос принес Заррахида, Сая и Дзю, я по-быстрому разъяснил им, что к чему; а потом принялся рассказывать уже для всех о Совете Высших, Совете старейшин и глав родов Мэйланя, и о тех Блистающих, кто входил в него сотню лет тому назад. Тринадцать их было — входивших в Совет. Тринадцать. И я невольно вспомнил рассказ Коблана о Повитухе Мунире, уходящем от ручья испытания с дюжиной свидетелей. И еще я вспомнил, что Тусклых — порождений яростного Масуда — тоже тринадцать.
Я говорил и вновь видел Блистающих Совета, словно не век назад происходила наша последняя встреча, а лишь вчера; и память была свежа, как свежа бывает рана Придатка.
Рана человека.
…Двое глав рода Прямых Мечей — широкий обоюдоострый Кханда Вьячасена и мой родич-близнец, легкий и узкий Дан Гьен по прозвищу Скользящий Перст; старейшина сабельных семейств Шамшер иль-Самак и глава Кривых мечей — могучий Цзюваньдао, меч «девяти колец», правитель Мэйланя; многочисленные ножи и кинжалы были представлены в Совете Бадеком ханг-Туном, чье лезвие имело прямую спинку, но было выгнуто в виде рыбьего брюха, и Ландинг Терусом,

более похожим на прямой короткий меч; копье Катакама Яри, Белый тигр, потом двузубец Ма, Язык кобры… и дальше — боевой серп Кама Мотогари, властный и неуступчивый, двойная палица Убан, устрашающе огромный топор Масакири-кай, Нагината Катори сан-Кесе и веер Сунь-Павлин… Тринадцать их было, Блистающих Совета.

Я закончил, и Чэн с трудом перевел дух.

— Я так понимаю, — прозвенел Заррахид, — что твоего земляка и дальнего родича Большого Да прошлым летом отозвали из Кабира именно в связи с гибелью правителя Цзюваньдао?

— Да, — ответил Я-Чэн. — И Большой Да стал вместо него главой рода Кривых мечей по потомственному праву или по прихоти нынешнего Совета… но правителем он не стал.

— Ясно, — отозвался Заррахид.

— А мне вот ничего не ясно! — заявил Сай, обращаясь к невозмутимому эстоку.

— И мне, — успокоил его Заррахид. — Это я так, к слову…

— Давайте-ка еще раз… — начал было Дзю, а я вдруг подумал, что мы с Чэном скоро до такой степени привыкнем любой разговор переводить сразу на два языка, что в обществе обычных Блистающих или обычных людей это может сослужить нам плохую службу.

А что делать? Иначе мы — все шестеро — по очереди будем то глухими, то немыми…

— Давайте-ка еще раз посмотрим, — повторил Обломок. — Прошлым летом правитель Цзюваньдао попадает под оползень. Кто виноват? Да никто не виноват, сам полез в ущелье… За десять лет до того ломается Белый тигр. Катакама Яри, и наконечник его теряется в колодце. Опять никто не виноват. Разве что неумелый Придаток — так купец этот, небось, не из неумех был! Ладно, отсчитываем назад еще десяток!.. Шамшер иль-Самак попадает в колесо, на чем его жизненный путь заканчивается… Так?

— Так? — повторил Я-Чэн для Коса.

То есть, конечно, повторил всю тираду Обломка.

— Так, — кивнул ан-Танья. — И опять случайность. Советник Ван будто бы споткнулся, Шамшер из ножен выпал — и все! Ловить и наказывать некого, кроме, разве что, нерадивого арбакеша, не успевшего придержать лошадей.

— Угу, — пробурчал Дзю. — Некого… Это у нас уже трое из Совета Высших. Скользящий Перст до сих пор живет и здравствует, чего и нам желает… Кто еще жив?

— Я на празднестве у Эмейских спиц заметил двойную палицу Убан, — стал припоминать я. — Потом еще Бадека ханг-Туна из клана ножей… Все, кажется. Нет, не все — Кханда! Кханда Вьячасена! Ну, помнишь, Дзю — ты еще с ним возрастом мерился!

Кос покопался в своих записях.

— Двое здешних чиновников — сказал он, — уехали в Верхний Вэй за десять с половиной лет до сломанного Шамшера. Вот, здесь у меня запрос из Вэя — где, мол, чиновники, почему не объявляются?! Значит, из Мэйланя они выехали, а до Вэя не доехали… Причем один из чиновников имел при себе кинжал Ландинг Терус, взятый им у отца, а второй вез двузубец Ма, Язык Кобры. Хвала мэйланьской обстоятельности — все записано!

— Еще бы не записано! — добавил я от себя. — Небось, Хамидаси проследил, чтоб переезд старейшин в Вэй был описан как следует!

Заррахид поймал на клинок солнечный луч, в котором танцевали невесомые пылинки, задумчиво поиграл зайчиками и вновь нахмурился.

— Четверо живы, — подвел черту эсток, — трое погибли, двое пропали без вести… Это девять. Что с остальными четырьмя? Их же тринадцать было в Совете?

— За давностью лет сведенья стали обрывочными, — развел руками ан-Танья. — Но кое-что узнать удалось… Братья Бэнкей и Акиро из семьи Маури-охотников ушли в солончаки, что близ Кулхана — это было за пятьдесят лет до гибели правителя Ю Шикуаня и меча Цзюваньдао — и не вернулись. Через год за ними пошел сын Бэнкея — и, соответственно, племянник Акиро, — молодой Нух Маури, и тоже не вернулся. Вот выписка из свода уложений и переписи населения. Раздел: «Квартал Фа-линь», год соответствующий…

Кос демонстративно помахал в воздухе одной из бумажек.

— Хороший у меня человек Кос ан-Танья, — веско сказал эсток Заррахид.

— Обстоятельный…

Я-Чэн перевел ан-Танье слова его меча, и случилось невероятное: польщенный Кос покраснел.
— Вот… — еще раз повторил он. — Бэнкей и Акиро Маури, а при них…
— А при них, — внезапно вмешался Сай, — при Акиро и Бэнкее, были Сунь-Павлин и Масакири-кай. Маленький боевой веер, пестро раскрашенный по всем пластинам, и огромный топор с рукоятью в рост высокого Придатка. Как же, как же… на лезвии топора еще гравировка — прыгающий барс…
— Ты их видел? — встрепенулся Я-Чэн. — Где?
— Где я их мог видеть? — удивился Сай. — Они ж полвека назад в солончаки ушли! Слышал я о них… по ту сторону Кулхана слышал, в Шулме, в шатре племенном! Клевец один на нашей кошме — на пунцовой кошме — помнил, как притащили давным-давно в племя двоих Придатков и двоих Блистающих. Придатков он, понятное дело, не запомнил, а вот Блистающих… Говорил — веер с павлиньей раскраской и топор с гравировкой. Вот и понимаю я так, что это и были Масакири-кай и Сунь-Павлин, старейшины Совета!
— Значит, в Шулме их искать надо, — сам себе звякнул Обломок. — Интересные дела…
— Не надо их искать, — глухо буркнул Сай. — В священном водоеме они, в тени плаща Желтого бога Мо, будь он трижды неладен! С белой кошмы два пути ведут — или на кошму пунцовую, или в священный водоем… Говорил клевец, что не смогли ни веер, ни топор самих себя переделать. Не пролили крови старейшины Мэйланя Сунь-Павлин и Масакири-кай, а за гордость в Шулме платить полагается! У них наша гордость трусостью зовется.
Мы помолчали. Толстая сумасшедшая муха, жужжа, носилась от стены к окну и обратно; стенные панели из ореха «драконов глаз» отливали коричневым и черным, отчего комната слегка рябила, как вода озера под легким ветром.
Было тихо. И даже Придаток на гравюре присмирел, потупил взгляд и закусил в раздумье клок бороды.
— Предположим, что я найду оставшихся, — первым нарушил молчание я. — Я найду старейшин Каму Мотогари и Нагинату Катори сан-Кесе, и выясню, что они пребывают в добром здравии. Или что их сожгли в кузнечном горне, утопили в колодце или украли сто лет тому назад. Ну и что? В Кабире хоть были виновные в убийствах — я не хочу тебя задеть, Сай! — а здесь сплошные совпадения и случайности…
— И всего раз в десятилетие, — добавил Кос. — Довольно-таки редко.
— Это для вас, людей, редко, — оборвал его Дзюттэ, а Я-Чэн послушно переводил слова обоих. — А для нас, Блистающих, с нашим сроком жизни — это даже очень часто. Более чем часто… В Кабире были виновные в убийствах, Единорог. Я опасаюсь, не найдем ли мы здесь виновных в самоубийствах. Вот чего я опасаюсь.
Было тихо. И лишь жужжала несчастная муха, мотаясь туда-сюда, от стены к окну, от Кабира к Мэйланю; и не находя выхода.
Никакого выхода.

Глава 15

1
— Есть хочу, — вдруг заявил Кос. — С утра не успел, до полудня с бумагами провозился, теперь вот говорим и говорим… Вам, Блистающим, хорошо, вы от полировки сыты! Ничего, сто лет ждали, пока мы приедем и во всем разберемся — могут еще час подождать!
Уверенность ан-Таньи в том, что весь Мэйлань сотню лет ждал исключительно нас и того, что именно мы разберемся в загадках происходящего — эта уверенность показалась Мне-Чэну напускной, но, как ни странно, сильно приободрила.
«И впрямь хороший человек у Заррахида, — с теплой усмешкой подумал я.
— Хороший человек Кос ан-Танья. Обстоятельный, неунывающий и… и голодный! Надо бы покормить…»
«Я тоже хороший человек, — ответно подумал Чэн. — Меня тоже надо покормить. В конце концов, Кос — Придаток Заррахида, пусть о нем эсток и заботится…»
Напоминание было излишним. Заррахид, безусловно, позаботился, да и сам Кос не отстал — они кликнули слуг и Малых Блистающих, и я понял, что хороший дворецкий — он и в Мэйлане хороший дворецкий. Потому что Малые моего

здешнего дома, вне всяких сомнений, больше побаивались Заррахида, чем меня, их законного господина; а слуги-Придатки — Коса.
Не прошло и десяти минут, как выяснилось, что Чэна и Коса (Высшего Чэна и господина ан-Танью, и никак иначе!) ждет стол в трапезной на первом этаже, и сам стол давным-давно накрыт, и не просто накрыт, а прямо-таки ломится от яств кухонь кабирской, мэйланьской, верхневэйской, и какой-то еще…
Чэн пожалел бедный стол, махнул ан-Танье — и они пошли спасать стол от непосильной ноши; а я влез в ножны, прицепившись кольцами к Чэновому поясу, и отправился с Чэном в трапезную.
Лестница.
Коридор.
А вот и трапезная.
Обед прошел в молчании. Люди жевали, я — единственный Блистающий в трапезной, поскольку даже слуги были одной расы с Чэном и Косом, а Блистающие оставались за порогом — лежал, как обычно, у Чэна на коленях, прикрытый краем скатерти, лежал и обдумывал все, услышанное наверху.
Прав был Дзю — уж очень все, произошедшее в Мэйлане за сто лет моего отсутствия, смахивало на заранее продуманные самоубийства. Самоубийства Блистающих. И не просто Блистающих, а старейшин, входящих (входивших!) в тот самый Совет Высших, который изгнал некогда знатную молодежь из Мэйланя и не объяснил причины.
Старейшины, главы родов, и почти точно раз в десять лет… была, была причина нашего изгнания, не могло не быть!..
…В дверях возник слуга-человек и со значением откашлялся.
Кос с неестественно раздутыми щеками, отчего его худое лицо выглядело невообразимо странно, повернулся к дверям.
— У?! — спросил ан-Танья. — У угу-у у-у-у?!
— Осмелюсь доложить: спрашивают Высшего Чэна Анкора.
— У гууу-у? — поднял бровь Кос.
— Старуха одна, — слуга оказался на редкость понятливым. — Назвалась Матушкой Ци.
Правая рука Чэна с момента появления слуги лежала на мне, так что разговор людей я слышал прекрасно — вот только сказанное Косом понимал плохо, в отличие от того же слуги.
Кадык на Косовой шее задвигался вверх-вниз.
— Ага! — радостно и уже членораздельно сообщил ан-Танья. — На ловца и зверь бежит!
— Зверь-то, может, и бежит, — осадил его Чэн-Я. — Не суетись, Кос… бабка, небось, за пергаментом своим пришла. Ну и что ты ей скажешь? В том пергаменте всего-то и примечательного, что запись насчет родича Ляна и Скользящего Перста. С которыми должно непонятно что случиться через девять лет. Интересно все-таки, что ты скажешь старухе по этому поводу?
— А что, этого мало?! — разволновался Кос.
— Не просто мало, а, почитай, вообще ничего. Бабка тебе в глаза рассмеется, и на этом все закончится. Не пытать же нам ее! Тут тоньше надо… чтоб сама проговорилась и не заметила. А дальше — по обстоятельствам.
— Пожалуй, Высший Чэн, вы правы, — после долгого раздумья произнес ан-Танья, выразительно указывая взглядом на слугу, ожидавшего решения. — Эй, ты — поди скажи Матушка Ци, что Высший Чэн ждет ее.
Слуга кивнул и вышел.
2
Матушка Ци со времени нашей последней встречи ничуть не изменилась — что было неудивительно в ее возрасте.
— Приятной вам трапезы, молодые господа, — затараторила она с порога, — приятной трапезы, и доброго здоровья, и радости в ваш дом, и мудрости в вашу голову, а особенно — в вашу драгоценную голову, Высший Чэн, ибо слышала я, что, возможно, вскорости многострадальный Мэйлань обретет в вашем лице достойного правителя!.. ах да, поговаривают, что у вас еще и свадьба скоро — так что мудрости в вашу голову, и счастья с молодой женой, и силы в ваши чресла, и деток побольше, и…
Старуха на этот раз явилась без Чань-бо, так что я полностью перешел на восприятие Чэна и теперь волей-неволей должен был выслушивать нескончаемую болтовню говорливой Матушки Ци.

— Здравствуйте, Матушка, — вставил наконец Чэн-Я, когда старуха на мгновенье умолкла, переводя дух и готовясь к очередному словоизвержению.
— Прошу присаживаться за стол, — поспешил добавить Кос, явно пытаясь заткнуть рот Матушки Ци изрядной порцией еды.
Дважды упрашивать старуху не пришлось. Поминутно рассыпаясь в благодарностях, она тут же уселась напротив Чэна-Меня, пододвинула к себе сразу три чашки гречневой лапши, пиалу с соевым соусом по-вэйски, блюдо с полосками тушеного мяса, четыре блюдца с грибами, маринованной морковью, рисом и бобами — и действительно ненадолго умолкла.
Пока старуха лихо расправлялась с угощением, Кос сбегал наверх и принес утерянный ею свиток.
Чэн-Я даже не сомневался, что ан-Танья успел сделать со свитка копию.
— Вы ведь за этим пришли, Матушка? — спросил Кос, демонстративно выкладывая свиток на стол.
К счастью, вне пределов досягаемости цепких лапок Матушки Ци — а то Я-Чэн почему-то стал опасаться, что старуха сейчас схватит свой пергамент и вылетит в окно.
— Ой, спасибо вам, молодые господа! — немедленно засуетилась старуха, поспешно дожевывая последнюю полоску мяса. — Вот спасибо так спасибо, прямо всем спасибам спасибо, уж я и не знаю, что бы я без вас делала! Видать, обронила во время Беседы, растеряха старая, а сразу и не заметила — уже потом спохватилась, да поздно… я и в плач, я и в вой, а там думаю — господа молодые, глазастые, небось найдут непременно и вернут непременно, — а и не застанут старушку, так с собой заберут, не выкинут, нет, не выбросят зазря, и будет свиточек мой у благородных молодых господ в полной сохранности, аж до самого Мэйланя, и как только глупая Матушка Ци объявится…
Кос ловко пододвинул Матушке второе блюдо с солеными колобками: старуха машинально сунула один из них в рот — и Чэн-Я успел вклиниться в случайно образовавшуюся паузу.
— Вы уж простите нас, любопытных молодых господ, Матушка, но только мы осмелились заглянуть в ваш свиток… думали, разузнаем, где вы проживаете — а там и не удержались! Простите великодушно…
Старуха перестала жевать и настороженно покосилась в нашу сторону.
— Очень, очень интересные записи! — как ни в чем не бывало продолжал Чэн-Я. — Особенно там, где про Антару… я как-то беседовал с Друдлом, и он тогда еще пел мне «Касыду о взятии Кабира» самого аль-Мутанабби — мы потом с Друдлом долго спорили…
«О чем мы могли с Друдлом спорить?!» — воззвал ко мне Чэн.
«Понятия не имею!» — откликнулся я.
Ах, жаль, Обломок наверху остался…
— Спорили… о многом, — уклончиво закончил Чэн-Я.
При упоминании о Друдле взгляд старухи заметно смягчился.
— Да, Друдл… — задумчиво поджала губы она. — В наших кругах его звали Пересмешником. А вы были его другом? Или, осмелюсь спросить — учеником? Простите за дерзость, но иначе вам вряд ли довелось бы слышать от Друдла «Касыду о взятии Кабира» да еще потом спорить с Пересмешником… о многом.
«Сказать ей?» — спросил Чэн.
«Скажи…» — шевельнулся я.
— Вы, наверное, слышали, что я убил в Кабире человека? — напрямик спросил Чэн-Я.
— Ну… — замялась Матушка Ци. — Вроде этого… Только кто ж в такую ложь поверит — чтобы такой молодой да благородный господин…
— Это не ложь. Это правда. Я убил убийцу Друдла. И Пересмешник успел увидеть его смерть.
То, что произошло потом, потрясло Чэна-Меня. Матушка Ци встала из-за стола, подошла к нам и, откинув скатерть, опустилась на колени и поцеловала Чэну руку. Правую.
Руку аль-Мутанабби.
И приложилась лбом к моему клинку, слегка сдвинув ножны.
После этого старуха вернулась обратно и стала вертеть в пальцах палочки для еды, как если бы ничего не случилось.
— Друдл… хитрый умница, любивший звать себя дураком в присутствии подлинных дураков, — она говорила тихо и внятно. — Помню, мы редко

встречались, но часто хвастались в письмах друг перед другом новыми открытиями, а при встречах наскоро переписывали и заучивали найденные тексты — хотя каждый, конечно же, хотел иметь оригинал. Впрочем, меня всегда интересовало начало становления Кабирского эмирата, а Пересмешник больше увлекался эпохой уль-Кайса Старшего. Но…
— Меня тоже больше интересовало начало становления эмирата, — немедленно перебил ее Чэн-Я. — Взятие Кабира, походы аль-Мутанабби… э-э-э… установление границ… Не могли бы вы, Матушка Ци, хоть вкратце…
— Это хорошо, — кивнула старуха. — Обычно в прошлое смотрят старики… но когда молодежь умеет оборачиваться — это говорит о зарождающейся мудрости. Да, у Мэйланя скоро будет достойный правитель. Ну что ж, слушайте…
И мы слушали.
3

Помню: в узких переулках отдавался эхом гулким
Грохот медного тарана войска левого крыла…

Во имя Творца, Единого, Безначального, да пребудет его милость над нами! И пал Кабир белостенный, и воссел на завоеванный престол вождь племен с предгорий Сафед-Кух, неистовый и мятежный Абу-т-Тайиб Абу-Салим аль-Мутанабби, чей чанг в редкие часы мира звенел, подобно мечу, а меч в годину битв пел громко и радостно, слагая песню смерти.
В ту ночь и был простерт окровавленный ятаган аль-Мутанабби над дымящимся городом, и получил гордый клинок прозвище иль-Рахш, что значит «Крыло бури»…
(«Ты звал руку аль-Мутанабби, старый Фархад, — думал Я-Чэн, — ты звал руку, которая держала тебя в дни твоей молодости, ятаган Фархад иль-Рахш фарр-ла-Кабир… ты помнишь теплый, как еще не успевший остыть труп человека, город Кабир? О да, ты его помнишь, старый мудрый ятаган, не любящий украшений…»)
Но не долго наслаждался Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби, первый эмир Кабирский из рода Абу-Салимов, покоем и счастьем, недолго носил венец победы, сменив его снова на походный шлем. И разделил он войско на четыре части, указав каждой свою дорогу. Западные полки, во главе которых стоял седой вождь, лев пустынь Антара Абу-ль-Фаварис, чья кривая альфанга не первое десятилетие вздымалась над полем брани, заслужив прозвание аз-Зами, что значит «Горе сильных» — западные полки двинулись вдоль левого рукава Сузы на Хинское ханство и вольный город Оразм, мечтая дойти до Дубанских равнин.
Южные же полки, состоявшие из неукротимых в бою воинов, рожденных в угрюмых ущельях близ перевалов Рок и ан-Рок, а также отряды горцев Озека, шли под предводительством юного Худайбега Ширвана, чье копье Рудаба, что значит «Сестра тарана», пронзило первого врага, когда яростному Худайбегу не исполнилось и девяти лет. Их целью была богатая Харза, на чьи стены никогда еще не поднимался недруг, и шатры белобаранных кочевников-хургов, неуловимых и вероломных.
Северные полки вел на Кимену и Фес лучший друг и названный брат аль-Мутанабби, вечно смеющийся Утба Абу-Язан. Любил Утба смеяться за пиршественным столом, любил улыбаться в покоях красавиц, но страшен был хохот безумного Утбы в горниле сражений, и алел от крови полумесяц его двуручной секиры ар-Раффаль, «Улыбки вечности».
Во главе же восточных полков, двинувшихся по дороге Барра на древний Мэйлань, стоял сам Абу-т-Тайиб Абу-Салим аль-Мутанабби, и воины пели песни эмира-поэта, кидаясь в бой хмельными от ярости и слов аль-Мутанабби.

Помню, как стоял с мечом он, словно в пурпур облаченный,
А со стен потоком черным на бойцов лилась смола…

Через восемь лет многие властители земель и городов, гордые обладатели неисчислимых стад и несметных сокровищ, склонились перед мощью Кабирского меча.

А еще спустя два года владыку Абу-т-Тайиба хотели провозгласить шахом — но он отказался. Тогда его хотели провозгласить шахин-шахом, но он снова отказался. Ибо царским званием был титул шаха, шахин-шахом же звали царя царей, но эмиром в самом первом значении этого слова на языке племен Белых гор Сафед-Кух — эмиром звали военного вождя, полководца, первого среди воинов.
И воинский титул был дороже для аль-Мутанабби диадемы царя царей.
С тех пор мир воцарился на земле от барханов Верхнего Вэя до озер и масличных рощ Кимены, и иные вольные земли добровольно присоединялись к могущественному соседу, а иные заключали с Кабиром союзные договора, налаживая торговые связи — и мирно почивал в ножнах ятаган иль-Рахш, что значит «Крыло бури», забыла вкус крови «Улыбка вечности», двуручная секира ар-Раффаль, успокоилась «Сестра Тарана», копье Рудаба, и альфанга Антары Абу-ль-Фавариса не несла больше горя сильным, за что некогда была прозвана аз-Зами…
4
— …Будь проклят день, когда оружию стали давать имена, — задумчиво пробормотал Чэн-Я.
— Что? — встрепенулась замолчавшая было старуха. — Что вы сказали?
— Да так… у вас — записи, у меня — сны. Каждому — свое. Был, понимаете ли, один такой странный сон…
«Рассказать?» — молча спросил у меня Чэн.
«Расскажи», — согласился я.
И Чэн пересказал Матушке Ци странный сон, что видели мы в доме Коблана в ту роковую ночь.
Старуха довольно долго не открывала рта, что было на нее совсем непохоже.
— Любопытно, — наконец проговорила она. — И даже весьма… Некоторые имена, названные вами, я знаю, но большинство мне совершенно неизвестно. Вы не возражаете, если попозже я запишу это?
С такой Матушкой Ци беседовать было одно удовольствие.
— Не возражаю, — улыбнулся Чэн-Я. — В обмен на ваш дальнейший рассказ.
— О чем же мне продолжить? — охотно откликнулась Матушка Ци.
— О дне. О том дне, который проклинал Антара Абу-ль-Фаварис. О дне, когда оружию стали давать имена. Любому оружию.
Старуха хитро сощурилась.
— Этот день, молодые господа, растянулся на десятилетия. Если не на века. Впрочем, мы никуда не торопимся…
5
…Годы мира не ослабили Кабирский эмират. Хотя, собственно, никто и не осмеливался испытывать прочность его границ.
Всякий приезжий купец или лазутчик (что нередко совмещалось) непременно обращал внимание в первую очередь на то, что практически все жители эмирата и дружественных земель чуть ли не помешаны на умении владеть оружием, отдавая этому большую часть свободного времени. Не только в столице или других крупных городах — повсеместно пять-шесть раз в год обязательно проводились крупные турниры, каждый месяц происходило какое-нибудь воинское празднество, и даже подростки из крестьянских семей ежедневно упражнялись во владении копьем, ножом или боевым серпом под строгим надзором седобородого патриарха. Надо быть не правителем, а самоубийцей, чтобы рискнуть напасть на обширную и могущественную державу, все население которой — включая стариков, женщин и детей — состоит из профессиональных воинов!
Все видели купцы, все слышали лазутчики, да не все понимали и те, и другие — потому что именно тогда, в последние годы жизни аль-Мутанабби, все чаще в эмирате стали заговаривать об Этике Оружия, создавая по сути новый культ…
(«Очень любопытно! — оживился я, повторяя недавнее восклицание Матушки Ци. — Ведь, согласно нашим преданиям, примерно с этого времени пришла к завершению эпоха Диких Лезвий, и наши предки впервые осознали свою суть, назвавшись Блистающими. Кстати, история самых знатных родов — если отбросить недостоверный вымысел — реально прослеживается тоже с третьего-четвертого десятилетия после взятия Кабира. Вот, значит, как… а она говорит — Этика Оружия! Ладно, слушаем дальше…») …Традиция давать оружию личные имена вошла в полную силу. Всякая семья непременно имела фамильное оружие нескольких видов, передавая его по наследству. Лучшие клинки торжественно вручались первородным детям в день их совершеннолетия — но в случае

превосходства младших братьев или сестер родовое оружие получали более умелые, невзирая на старшинство.
Оружие становилось символом семьи, знаком рода, и заслужить право ношения фамильной святыни считалось делом чести…
(«Ну да, это же с ИХ точки зрения! А мы говорили, что Блистающие стали заниматься воспитанием и подготовкой Придатков. Опять же церемония Посвящения…») Поскольку оружие начали в какой-то степени отождествлять с его носителем, чуть ли не приписывая мечу или трезубцу человеческие качества, то в домах появились специальные оружейные углы и даже залы — с отдельными подставками для каждого меча, стойками для копий, алебард или трезубцев; коврами, где развешивались сабли и кинжалы.
Изготовление оружия становится таинством, уход за ним — ритуалом, обращение с ним — искусством. Фамильный меч клали у колыбели и смертного одра, клинком клялись и воспевали его в песнях; оружие можно было хранить только в специально отведенных для этого местах, и помещали его туда с почетом; сломать клинок, пусть даже и чужой, считалось святотатством, лишающим человека права на уважение в обществе.
Оружие не швыряли где попало, передавали из рук в руки с почтительным поклоном; при демонстрации его касались лишь шелковым платком или рисовой бумагой…
Символ действительно становился святыней.
Поединки, связанные с решением каких-то споров и могущие завершиться смертельным исходом, начинают считаться противоречащими канону Этики Оружия. Аристократы брезгливо морщат нос — много ли чести выпустить кишки сопернику?! Тем более, что все в мире двойственно — а ну как не ты ему, а он тебе?..
Богатые люди начинают нанимать себе так называемых Честехранителей — чтоб те сражались за них в случае решения вопросов чести, когда это уже поединок, а не привычная Беседа. Но поскольку Честехранителями становились в основном крупные мастера, то у них вскоре формируется собственный канон отношений, согласно которому считается несмываемым позором убить или ранить собрата по ремеслу (точнее — по искусству!). Куда большей доблестью, куда более весомым добавлением к чести своей и чести нанимателя объявляется умение лишь наметить точный удар, срезать пуговицу с одежды или прядь волос с головы, распороть пояс и тому подобное.
(«Ага, а вот это уже весьма и весьма знакомо!..») Искусство Честехранителей почти мгновенно входит в моду и вызывает зависть знати и простолюдинов, помешанных на владении оружием, и, как результат — воинские искусства становятся неотъемлемой частью воспитания любого человека.
Не воинское ремесло, а ВОИНСКОЕ ИСКУССТВО.
И так проходят годы, десятилетия…
Так проходят века.
А для сохранения поражающей силы удара, для соблюдения традиций прошлого, отдельно продумываются и тщательно разрабатываются состязания в рубке предметов: свернутых циновок, кожаных кукол, лозы, жердей и тому подобного…
(«И правильно! Нечего зря Придатков портить — как сказал бы тот же Гвениль… Во-первых, Придаток тоже человек — чего Гвениль никогда не сказал бы — а во-вторых, учишь его, учишь, душу вкладываешь, лет десять-пятнадцать тратишь (ведь живут Придатки до прискорбного мало, даже самые лучшие) — а тут какой-то неумелый герой рубанул сплеча, и весь труд насмарку! И обидно, и жалко — труда жалко, себя жалко… ну, и Придатка тоже жалко. Правда, Гвениль?») Культ Этики Оружия процветает, оружие сопровождает человека от рождения до самой смерти, о нем слагают песни и стихи, им клянутся, за ним ухаживают, как ни за каким другим имуществом…
(«Слышал бы это Дзю! Уж он бы ей выдал… Имущество! Берегут и ухаживают — это хорошо, клянутся и воспевают — еще лучше, а вот в остальном… сама она — имущество! Впрочем, если бы Придатки услышали мнение Блистающих о себе… Ох, стоим мы друг друга!..») Формируется как бы новый способ общения при помощи оружия — например, язык меча. Поднятый меч в одном случае означает приветствие, в другом — вызов (именно вызов, а не приглашение!) на Беседу; опущенный или вкладываемый в ножны особым образом меч — признание поражения; в чужом доме не принято держать меч при себе, потому что это иногда трактуется как неуважение к хозяевам (исключение делается лишь для

родственников и близких друзей, да и то не для всех); меч при разговоре полагается класть с правой стороны от себя и рукоятью к себе, а не вперед; резкое задвигание меча в ножны, когда он звякает о устье ножен, может оскорбить собеседника…
Ну и, конечно же, обряд изготовления нового оружия! Кузнец три дня перед этим соблюдает пост и воздержание, возносит молитвы и облачается в чистые одежды; он возжигает благовония, в кузнице обязательно присутствует «родственное» оружие… все это прекрасно известно сейчас, но складывались эти обычаи именно тогда, в первые полтора-два века после взятия Кабира.
Именно тогда…
6
«…именно тогда, когда наши предки окончательно и бесповоротно осознали себя Блистающими, — думал я. — Все верно. Только мы воспринимаем эти обычаи несколько по-иному: считаем, что это мы приучили Придатков… а они считают наоборот. И, наверное, все мы по-своему правы!..»
— А сколько интереснейших песен посвящено мечу! — возбужденно продолжала Матушка Ци. — И до чего же обидно, что многие из них — в особенности творения великого аль-Мутанабби — занесло песком времени. Вот к примеру…
Она прикрыла глаза, надвинув на них морщинистые черепашьи веки, и начала читать — распевно и в то же время жестко:

Подобен сверканью моей души блеск моего клинка:
Разящий, он в битве незаменим, он — радость для смельчака.
Как струи воды в полыханье огня, отливы его ярки,
И как талисманов старинных резьба, прожилки его тонки.
А если захочешь ты распознать его настоящий цвет,
Волна переливов обманет глаза, будто смеясь в ответ.
Он — тонок и длинен, изящен и строг; он — гордость моих очей,
Он светится радугой, он блестит, струящийся, как ручей.
В воде закалялись его края и стали алмазно-тверды,
Но стойкой была середина меча — воздерживалась от воды.
Ремень, что его с той поры носил — истерся, пора чинить,
Но древний клинок сумел и в боях молодость сохранить.
Так быстро он рубит, что не запятнать его закаленную гладь,
Как не запятнать и чести того, кто станет его обнажать.
Мой яростный блеск, когда ты блестишь, это — мои дела,
Мой радостный звон, когда ты звенишь, это — моя хвала.
Живой, я живые…

— …а дальше?! — нетерпеливо спросил Кос.
— Концовка утеряна, — закончила старуха, открывая глаза.
Грустные-грустные.
— Утеряна, говорите? — хитро усмехнулся Чэн-Я. — Плохо искали, наверное!
— Хорошо искали! — отрезала Матушка Ци. — Лучше некуда… Друдл, правда, писал года два назад про какого-то кабирского кузнеца, только при чем тут кузнец?!..
— А в старых сундуках смотрели? — участливо поинтересовался Чэн-Я.
Старуха, похоже, решила, что над ней издеваются.
— Не смотрели, значит, — подытожил Чэн-Я. — Ну что ж… зря. Кос, сбегай в комнату, принеси Кобланово наследство… все не тащи, только панцирь!
Кос выскользнул из трапезной и в скором времени вернулся с панцирем. Ан-Танья остановился перед Матушкой Ци, та с недоумением глянула на Коса, на Чэна, на панцирь… и вдруг сощурилась и перегнулась вперед, вглядываясь в бейт, вычеканенный на зерцале.
— Вы, Высший Чэн, непременно будете правителем, — после долгого молчания бросила она.
— Вы уверены?
— Да. Это воистину царский подарок.
И вполголоса, словно пробуя на вкус каждый звук:

Живой, я живые тела крушу; стальной, ты крушишь металл,
И, значит, против своей родни каждый из нас восстал!

Мы молчали.
— А… переписать можно? — спросила Матушка Ци с несвойственной для нее робостью.
Чэн-Я кивнул.
Кос отнес панцирь в угол — и через мгновение на столе, как по волшебству, возникли медная чернильница, костяной калам и лист тонкой бумаги.
Ан-Танья, как всегда, был готов к любому повороту судьбы.
Матушка Ци переписала недостающие строки — писала она по памяти, не глядя на панцирь, так что Чэн-Я не очень-то понял, зачем ей понадобилось именно сейчас скрипеть каламом, да еще спрашивать разрешения. Потом она попросила Чэна повторить наш сон — и тоже все старательно записала. Теперь, похоже, она готова была продать нам могилу собственного деда — так иногда говаривали в Кабире в подобных случаях, и этот образ всплыл из глубин сознания Чэна непроизвольно — и Чэн-Я решился.
— Кстати, о мечах, — небрежно начал Чэн-Я. — У вас там в свитке, Матушка Ци, была любопытная пометка на полях. Насчет правителя Ю Шикуаня и его меча Цзюваньдао…
Калам старухи заскрипел как-то не так, и я с сожалением понял, что могиле деда суждено остаться непроданной.
— Приятно, когда молодые господа интересуются прошлым, — зачастила Матушка Ци в своей обычной манере, — и не то чтобы совсем прошлым, а почти что и не прошлым вовсе, потому что разве ж это прошлое — правитель Ю и его меч?.. нет, это совсем не прошлое, а выжившая из ума бабка записала для памяти — забудет ведь, и не вспомнит ничего, и никогда, и ни за что…
Слова старухи вроде бы цеплялись одно за другое, но смысла в них не было ни на дирхем.
— А вторая пометка? — хмуро осведомился Кос. — Насчет Ляна Анкора и Скользящего Перста?! И чего-то нехорошего, что должно с ними произойти через девять лет?! Вы случайно пророчествами не занимаетесь?
Зря это он… опрометчиво. Эту старую ведьму в лоб не возьмешь, и если ан-Танья не понял это во время ночной Беседы…
— Через девять лет? — совершенно искренне изумилась Матушка Ци. — Быть этого не может! Видать, напутала что-то, кошелка старая, дырявая…
Она поспешно развернула свиток — кстати, ни Чэн, ни я так и не заметили, когда же она успела пододвинуть его к себе — долго вчитывалась в него, шевеля губами (чего за ней до сих пор не замечалось, даже во время прочтения бейта-двустишия на доспехе), потом старуха оторвалась от чтения и посмотрела на нас наивными и честными глазами.
— Год перепутала! — всплеснула руками она. — Стара стала, путаюсь все время… хотела одно написать, а написала другое.
Что-то не замечали мы, чтоб она хоть в чем-то путалась!
— Крючок не туда загнула, вот и вышел семнадцатый год вместо четвертого! Как раз в четвертом-то году господин Лян прямым мечом завершать Беседы по-новому стал, двойным взмахом с проворотом, а там уже в ножны опускал — так споры пошли, дескать, канону противоречит… Спорили, спорили, а после находку господина Ляна общим мнением канонизировали — и перестала она противоречить, и вздохнули все с облегчением!..
С этой минуты даже упрямый Кос понял — все, конец.
Больше мы от нее ничего не добьемся.
Даже за полное собрание стихов Абу-т-Тайиба аль-Мутанабби…
7
Мы с Чэном поднялись в комнату, где сегодня ночевали (не считая Дзю), и Чэн вскоре куда-то ушел, Обломок валялся на столе и, кажется, дремал; а я лежал на подоконнике и думал — что со мной случается нечасто.
Я думал про правую руку Чэна.
Я прекрасно помнил, что у основания творение Коблана было снабжено ремешками и застежками, с помощью которых рука крепилась к культе. Но с того дня — вернее, ночи — когда стальные пальцы впервые сжались на моей рукояти, я не мог вспомнить, чтобы Чэн хоть раз отстегивал и снимал руку аль-Мутанабби.

Более того, сама мысль о том, что Чэн вообще может снять эту руку, вызывала во мне отвращение и ужас.
Я восстановил в памяти несколько моментов, когда сознание Чэна объединялось с моим, и понял, что за семью запорами и девятью печатями в потайном чулане души Чэна Анкора Вэйского таился такой же — если не больший — ужас перед возможностью снова стать одноруким.
И не только. Одноруким — ладно, но одиноким… ведь никогда, никогда больше!..
Даже умываясь по утрам — в дороге из Кабира в Мэйлань я не раз присутствовал при этом — Чэн старался при посторонних не снимать нижней рубахи с широкими рукавами, закрывающими место крепления мертвого металла к живой плоти.
Нет. Живого металла к живой плоти.
А все-таки раздевшись до пояса, Чэн избегал смотреть на собственное предплечье. Вскользь, случайно, но никогда — пристально.
И почти сразу же старался одеться.
Словно ни он, ни я — а я до сих пор просто не давал себе размышлять об этом — словно оба мы старались лишний раз не искушать судьбу.
То, что для всех было легендой, пикантным случаем, возможностью лишний раз поговорить о чудесах — для нас было свершившейся реальностью, за которую дорого плачено, и все равно счет по сей день не закрыт.
И не будет закрыт никогда.
…Чэн вернулся, подошел к окну, и мы стали смотреть во двор. Неподалеку был пруд, от которого несло сыростью, а за ним, у круглой беседки кто-то из Блистающих усердно танцевал.
Сперва я решил, что это один из Малых моего дома, но потом, приглядевшись, обнаружил нечто смутно знакомое в резких, с отмашкой, ударах Блистающего, полускрытого от меня опорами беседки.
Я мысленно сгустил сумерки — мэйланьские вечера оказались слишком светлыми — после многократно увеличил беседку, превратив ее в мрачную башню Аль-Кутуна, и улыбнулся, мерцая обнаженным клинком.
Пусть не утром, как было обещано, а ближе к вечеру, но неугомонный харзиец, Маскин Седьмой — ах да, он же теперь Тринадцатый! — все же явился ко мне в гости.
«Пошли?» — подумал я.
«Пошли, — подумал Чэн, надевая на меня ножны. — Не будем заставлять ждать горячего Эмраха ит-Башшара из Харзы. Неровен час, изрубит нам беседку — Кос потом до конца жизни ворчать будет…»
И мы снова спустились вниз, оставив Дзю отдыхать на столе.
Задевая за перила лестницы, я неожиданно задумался над тем, почему это Пояс Пустыни из Седьмого превратился в Тринадцатого. Я прикидывал и так, и этак, и не додумался ни до чего.
Кроме того, что число «Тринадцать» нравилось мне все меньше и меньше.
Совсем оно мне не нравилось.
Возле входа в дом пожилой коренастый Придаток с усердием подстригал колючий вечнозеленый кустарник. Блистающего при слуге не было — да и к чему Блистающий при стрижке кустов?
— К вам гость, Высший Чэн, — приветливо сказал он, глядя на нас и смешно морща лоб. — Вон, у беседки… просил пока не докладывать. Видите?
— Вижу, — кивнул Чэн.
— Смешной он, этот гость, — слуга оказался на редкость словоохотливым, — Высший, а все равно смешной. Хоть и платит хорошо. Я когда у него недели три назад по вечерам подрабатывал, то господин Эмрах мне каждый раз по ляну серебра выдавал. Не скупился, хоть и работа-то пустяковая…
— И кем же ты у него подрабатывал? — ответно улыбнулся Чэн.
— Наемным убитым. Три раза в неделю.
— Кем-кем?!
— Наемным убитым.
— Это как? — заинтересованно спросил Чэн, а я только шевельнул рукоятью, потершись о касавшиеся меня железные пальцы.
— Да так… Он ведь когда в Мэйлань приехал, этот господин Эмрах, то сперва стал зачем-то собак рубить. Ему их прямо на постоялый двор приводили, а когда он дом снял, то домой… Поначалу у него плохо получалось, а после наловчился — с первого удара голову псу сносил. Потом он чучело кожаное у скорняка заказал, чтоб мехом в разных местах оторочено было — и чучело саблей полосовал.

Дальше-больше, трех обезьян ему доставили, крупных таких, только холощеных, чтоб злоба вышла… Он их в человеческое платье одевал и тоже рубить пробовал, да не вышло у него с обезьянами! Рядом бил, как по человеку полагается…
«Вот как он учился, оказывается, — подумал Чэн-Я. — К крови привыкал. Мастерство Контроля ломал… а с обезьянами не вышло. Хороший ты парень, Эмрах ит-Башшар, несостоявшийся мститель, хороший, да умный слишком. Друдла бы тебе… Друдла, Но-дачи, судьбу позлее да ума поменьше. А ярости побольше… нет, не надо тебе ни судьбы, ни ярости, пылкий Эмрах, желающий научиться убивать! И никому не надо. И мне не надо бы — да только поздно уже…»
— А дальше он меня нанял, — продолжал меж тем слуга. — По договоренности. Я короткой саблей неплохо владею, так должен был с ним Беседовать по вечерам. А когда господин Эмрах, дай Творец ему здоровья, первым ударить успевал, то должен был я кричать громко, на землю падать и не двигаться. А он стоял надо мной и смотрел. Я кричал и падал, а он смотрел. Хороший человек, щедрый, но смешной. И саблю просил на булыжник ронять, чтоб дребезжала, будто бы сломалась. Я и ронял — чего ж за серебряный лян не уронить?! — а он слушал. Если б не отослал он меня неделю тому назад — глядишь, я б не только рисом и овощами на зиму запасся бы, но и дочке обнову какую купил! У вас-то я временно, кусты вот подстригу и все, а господин Эмрах — ах, хороший человек, всяческих благ ему в этой жизни…
«Да уж, благ ему всяческих, — подумал я, — только не тех, что он сам себе желает. Хороший человек Эмрах ит-Башшар, и Блистающий при нем хороший, Маскин Тринадцатый из Харзы, но то, чего хотят они — нет, не благо это!..»
Чэн благосклонно кивнул просиявшему слуге, пообещал, что прикажет ан-Танье взять отставного наемного убитого на постоянную службу, и мы двинулись в обход пруда. Это заняло совсем немного времени и, не доходя до древнего кипариса, настолько подгнившего и накренившегося, что его поддерживала подпорка из красного дерева, я толкнулся в Чэнову руку, вылетел из ножен и приветственно замахал Маскину Тринадцатому.
— Эй! — хором крикнули мы с Чэном, каждый на своем языке. — Как дела?!
— Дела? — тоже хором спросили Эмрах ит-Башшар и Пояс Пустыни, выглядывая из-за беседки; только в отличии от нас они не знали, что говорят хором. — А вот сейчас посмотрим, как у нас дела, сейчас выясним…
И с наигранной зловещестью они направились к нам.
«Зря я панцирь дома оставил, — подумал Чэн, и тут же устыдился подобной мысли. — Да ну, ерунда, что ж мне теперь в самом деле, и по-Беседовать нельзя как следует?!..»
Шагах в трех от нас Эмрах остановился. Пояс Пустыни в его руке медленно резал воздух крест-накрест, чутко подрагивая гибким концом клинка, и впрямь напоминавшим язык Рудного Полоза.
— Свадьба-то скоро? — спросил Маскин, небрежно переходя от креста к вытянутой восьмерке.
— Не знаю, — ответил я, накручивая узкую спираль. — Со мной никто не советовался.
Чэн в это время разговаривал с Эмрахом примерно о том же, но я не вслушивался в слова людей, опасаясь отвлечься и показать себя в Беседе не с лучшей стороны. Ну честолюбив я — каюсь!..
Пояс Пустыни нанес первый удар — все так же медленно и четко, как полагается даже и не при Беседе, а во время демонстрации при обучении.
Если горячность его еще и оставалась где-то, то сейчас она была упрятана глубоко-глубоко.
Чэн отошел на шаг, а я, не входя в соприкосновение с Маскином, поднялся над непокрытой Чэновой головой и там замер.
— Я слыхал, — Маскин провел несколько длинных рубящих махов, но делал он это на таком расстоянии от Чэна и меня, что его действия можно было счесть лишь похвальбой, — будто в Кабире Детского Учителя семьи Абу-Салим убили. Кого еще после него?
Эта тема — и та легкость, с которой нынешний Пояс Пустыни заговорил о смерти Наставника, да и о смерти вообще — пришлась мне не по душе.
— Никого, — не двигаясь, ответил я. — Наставник был последним.
Не объяснять же ему, что в переулке-то как раз Наставник был первым, а уже потом… не стану я ему ничего объяснять.

Эмрах вдруг прыгнул вперед и ударил коротко и точно, целясь Чэну в бедро. Я метнулся вниз, приняв харзийца на сильную часть клинка — но сбрасывать в сторону не стал.
Чэн, поняв мое желание, не двинулся с места.
Нет, удар был чистым. Даже не успей я подставиться, Маскин все равно остановился бы вовремя.
Лязгнув с досады, Пояс Пустыни попытался режущим полукругом достать голову Чэна, но Чэн низко присел, а я легонько кольнул локоть Эмраха.
Так, чуть-чуть, чтоб не зарывались… оба. Мы им не наемные убитые.
— Шешеза жаль, — беззаботно прозвенел Пояс Пустыни, отодвигаясь на полторы длины клинка и делая вид, что ничего не произошло. — И так сплошные неприятности, а тут еще семья без Детского Учителя осталась… небось, рубит теперь со зла что ни попадя да Тусклых во всем винит!
Чэн неторопливо пошел по кругу, оставляя кривоногого Эмраха в центре, а я горизонтально поплыл по воздуху, с обманчивой небрежностью свесив кисти вниз и еле слышно посвистывая.
— Тусклые ни при чем, — бросил я замершему харзийцу. — Это не они.
— Ни при чем, — охотно согласился он, выведя руку Эмраха далеко вперед и еле касаясь меня лезвием. — Тусклые абсолютно ни при чем. Полностью с тобой согласен.
По-моему, он вкладывал в эти слова какой-то свой, непонятный для меня смысл. Впрочем, сейчас не время искать смыслы, и вообще — может, мне показалось?!
Маскин попытался обойти меня по внутренней стороне своего изгиба — заточка у него оказалась полуторасторонняя — и достать острием плечо Чэна. Я чувствовал, что при желании харзиец может двигаться примерно раза в два-три быстрее — но даже при такой скорости я прекрасно успевал бы не выпускать его из сферы своего восприятия.
Еще ворчун Пуддха учил меня ощущать воображаемый шар, окружающий меня и моего Придатка; ловить его увеличение при длинном выпаде, пульсацию при кистевых ударах и переходах с уровня на уровень; с тех пор у меня были разные учителя, включая жизнь, и не Поясу Пустыни проверять на прочность шар учения вокруг Мэйланьского Единорога и Чэна Анкора.
Пусть даже с точки зрения мироздания это не более чем бронзовый шарик, откатившийся к глиняному дувалу.
— Тусклые ни при чем, — повторил Маскин, и мы немного позвенели друг о друга просто так. — Они, небось, и не знали, что какие-то Блистающие вдруг вздумали восстановить истинное предназначение нашего рода… нет, они этого не знали, как не знали, что их станут разыскивать, обвиняя в том, в чем они гордились бы участвовать… они, подлинные хранители забытых традиций…
Вот тут я чуть не упустил стремительный бросок Пояса Пустыни, пытаясь вникнуть в его слова. Хвала Чэну и тому, что на нем не было доспеха — он успел, как в старые добрые времена, так прогнуться в пояснице назад, что непокрытая голова Чэна коснулась затылком земли, и весь он стал напоминать мост над горной речушкой.
В следующую секунду я отставил в сторону размышления и взял на три удара турнирную скорость. Огорченно взвизгнувший после промаха Маскин даже не успел ни разу толком меня коснуться, когда я распорол рукав верхнего халата Эмраха, сорвал с его груди деревянный медальон-амулет и напоследок пощекотал изумленно моргающего ит-Башшара в самом интимном месте всякого Придатка.
Чэн к тому времени уже сидел на земле, разбросав ноги и скучающе глядя на Маскина Тринадцатого, а тот вслепую рубил воздух так, где по его предположениям должен был находиться Чэн или хоть что-нибудь, принадлежащее Чэну.
Надо отдать должное Поясу Пустыни — рубил он рьяно, но чисто, с полным контролем и соблюдением законов Беседы.
— Ты что-то начал о традициях и их подлинных ревнителях, — равнодушие в голосе далось мне с некоторым трудом, потому что турнирные скорости даром не проходят. — Я так понимаю, что изворотливый харзиец, движимый местью за погибшего Придатка, попытался разыскать Тусклых и…
«И малость свихнулся», — хотел добавить я.
Но не успел.
— Нет, — ударил Пояс Пустыни.
— Не попытался, — еще раз ударил Пояс Пустыни.

И еще один раз:
— Нет. Не попытался. Я их нашел.
Я не двигался. Маскин Седьмой, ныне Тринадцатый, рубил по-прежнему чисто и честно, не касаясь Чэна — но что-то изменилось в его ударах. Не так вибрировал гибкий клинок, не так свистел рассекаемый воздух, движение было уверенней, оттяжка — быстрей и резче…
Маскин Седьмой. Тринадцатый. Двенадцать свидетелей, не боящихся красного цвета, и гордый меч проклятого Масуда… Пояс Пустыни, Маскин, бывший Седьмым и ставший Тринадцатым.
У меня не было никаких доказательств.
Я вообще не верил ни единому его слову.
Клинок Пояса Пустыни был, как положено, прохладным и блестящим, исправно отражая лучи заходящего солнца.
И все-таки… последние удары были совсем другими. Я это знал лучше любого другого Блистающего. Или нет, не любого — но многих, очень многих… почти всех.
— Я их нашел, — повторил Пояс Пустыни, останавливаясь, и его Эмрах опустился на землю рядом с Чэном. — А еще я найду ту саблю, что убила моего прежнего Придатка. Нет, я не стану казнить ее за это — месть больше не ослепляет меня — но ее Придаток умрет. Они сказали, что помогут мне, и это будет угодно Прошлым богам…
— Тусклые? — спросил я.
— Тусклые, — ответил он.
Мы разговаривали скучно и монотонно, словно речь шла о кольцах для старых ножен или выборе дерева для подставки.
— Ну-ну… — протянул я. — Может, познакомишь?
— Может, и познакомлю, — отозвался он. — Думаю, ты быстро найдешь с ними общий язык. Тебя ведь теперь даже переучивать не надо… потом ты Высший, будешь правителем… и мастер, каких мало. Будто я не понимаю — я тебе не со-Беседник, ты со мной можешь сделать все и даже больше…
И вот тут я поверил.
Никогда прежний пылкий и самолюбивый Пояс Пустыни не произнес бы этих слов; никогда не сознался бы в том, что уступает мне или любому другому Блистающему в искусстве Беседы.
Эмрах ит-Башшар легко поднялся с земли.
— Ну, я пошел, — звякнул Пояс Пустыни, вводя острие в крепление рукояти и, щелкнув, замыкаясь в кольцо. — Еще увидимся.
Чэн сидел, широко разбросав ноги, я лежал рядом, упираясь Чэну в голень — и оба мы смотрели вслед удаляющимся Эмраху ит-Башшару и Поясу Пустыни из Харзы.
Солнце уже почти село, небо на западе было сиреневым с багровыми прожилками, и обнаженный клинок-пояс отливал красным, отчего идущий вразвалочку Эмрах казался перерубленным пополам.
От пруда тянуло сыростью.
8
…Положительно, сегодняшний день оказался уж очень богат событиями. Это явно не к добру. Хотя ничего откровенно плохого вроде бы не произошло, но мы с Чэном успели привыкнуть к простой истине: обилие происшествий ни к чему хорошему не ведет. Возьмем, к примеру, раскопанные дотошным Косом в архиве сведения — что теперь с ними делать? Мало нам было Шулмы? Теперь еще эти странные смерти и исчезновения старейшин Совета Высших — и главное, в этом же совершенно некого обвинить! Потом визит Матушки Ци — ох, и хитрая же старуха! Самому тупому Блистающему (Обломок не в счет) понятно, что она чего-то не договаривает… Еще одна загадка, которая явно смыкается с первой.
Дальше — явление Маскина Седьмого-Тринадцатого! Оказывается, он-таки нашел непонятно кого, но зовет их Тусклыми (ассасинами, с точки зрения Эмраха). Впрочем, кого бы он ни нашел — если не считать, что вспыльчивый харзиец просто двинулся клинком — то нелишне предположить, что эти Тусклые играют в происходящем какую-то тусклую роль. Какую?..
Вопросы, вопросы, снова вопросы — и ни одного ответа.
Когда мы выезжали из Кабира, злобы было больше, зато вопросов — меньше. Была Шулма, из которой исходила угроза нашествия; были Блистающие во главе с Но-дачи, бежавшие из Шулмы; было их желание расшевелить Блистающих эмирата, заставить нас вспомнить кровавые навыки. Это — страшно, это — жестоко, но

более или менее понятно. Я хотя бы знал тогда, что делать — или не знал, но надеялся по дороге узнать. А теперь…
С какого конца начинать?
Свадьба еще эта…
…Чэн лежал одетый на кровати, касаясь меня правой рукой, и мы размышляли. Вместе. Довольно давно. И довольно безуспешно. Потом Чэн встал, взял Дзюттэ со стола и перевесил его на стенной ковер.
На почетное место.
Дзю никак на это не отреагировал. Тоже размышлял, наверное. Или спал. Или притворялся.
Во всяком случае, что бы он ни делал — он делал это молча.
И на том спасибо…
В дверь постучали.
— Войдите, — бросил Чэн-Я.
Дверь открылась, и на пороге возникли Кос, Заррахид и Сай.
Все трое весьма сконфуженные.
— Ты извини, Единорог (Чэн), — сказали они все вместе, — но мы… твою… подставку… нечаянно… поломали… вот.
Так и знал, что добром этот день не кончится! Мою подставку! Мою первую подставку! Мою любимую подставку! Мою ореховую подставку!..
Мою первую любимую ореховую подставку!
— Ну, не то чтобы мы ее совсем поломали, — виновато проскрипел Сай, — вернее, совсем, но не то чтобы мы — скорее, я…
Короче, дело обстояло так.
Когда Матушка Ци наконец ушла, заговорив перед этим привратника-человека до полусмерти, эта великолепная троица отправилась в ближайшую лавку купить цветочных благовоний. Сходили. Купили. Вернулись. Увидели меня, Беседующего с Поясом Пустыни. Решили не мешать (вот это правильно!). И пошли упражняться в летний павильон, чтобы Кос с Заррахидом могли лучше привыкнуть к Саю (и это тоже правильно!). Привыкали-привыкали, а потом Сай обнаружил какие-то лохмотья на ковре, который висел за моей подставкой — и решил их срезать. Будто бы для красоты, но похоже было, что больше — из озорства.
А Заррахид в это дело просто не вмешивался. И не препятствовал. Что уже было совсем неправильно.
Дальше Кос с Саем возьми и промахнись. Ладно, все мы не в Небесной Кузнице кованы… А ковер возьми да и упади на мою подставку. А подставка возьми да и свались на пол. И с подставкой возьми да и ничего не случись.
Крепкая оказалась.
А Сай возьми да и обнаружь в днище маленькую щель, куда тут же сунул свой любопытный клинок. Вот тогда-то от подставки кусок и откололся.
Ну, все трое, понятное дело, перепугались не на шутку — подставка-то старинная, да еще и моя личная! — а после смотрят и видят, что в днище ниша маленькая открылась. А в ней — футляр сафьяновый. А в футляре — свиточек, лентой перевязанный. Видать, давно там лежал, пожелтел весь от времени.
— А подставку я краснодеревщику в починку отдам, за свой счет, — виновато закончил Кос, но мы с Чэном его уже не слушали. Лента на свитке развязалась легко и незаметно. Чэн взял тонкую пачку листков в левую руку, а я полностью перешел на Чэново восприятие.

> «Записи Фаня Анкор-Куна, Высшего Мэйланя, о дне Великого Предательства в пятый год эры правления „Вечного Мира“, да будут потомки снисходительны к подлости предков, совершенной ради них.»

Так гласило заглавие.
«Пятый год эры правления „Вечный мир“, — подумал я, — это год моего (и не только моего) изгнания из Мэйланя. В этот год я переехал в Кабир вместе с Придатком Хо Анкором…»
«Фань Анкор-Кун, — подумал Чэн, — это, согласно родословной, прадед Ляна Анкор-Куна и родной брат моего прадеда Хо. Если я не ошибаюсь…»
«И в тот год, — подумал Чэн-Я, — в руках Фаня Анкор-Куна блистал Прямой меч Дан Гьен по прозвищу Скользящий Перст. Старейшина Совета…»
Похоже, сегодняшний богатый событиями день продолжается.

— Да, чуть не забыл, — словно издалека донесся до меня голос Сая. — Я, когда в город выходил, Но-дачи видел. И не одного, а с саблей Кундой Вонг. Я Заррахиду сказал, мы за угол свернули — а их и нет уже…
— Ты б еще завтра это вспомнил, — мрачно заметил со стены Обломок. — Или через неделю…

ЧАСТЬ VI. ЛЮДИ И БЛИСТАЮЩИЕ

Боевой закаленный меч,
Воющий при взмахе, как вихрь,
Пылающий синим огнем.
Закалили его едва
На крови из печени льва,
А потом натерли изгиб
Черной желчью зубастых рыб.
Илбисы — духи войны —
Клубились вокруг него,
Садились на жало его.
Он, как вызов на бой, сверкал.

Нюргун Боотур

Глава 16

1

«…скоро полночь. Скоро на улицах застучат колотушки четвертой стражи — и я, Фань Анкор-Кун, Высший Мэйланя и старейшина Совета, отложу в сторону калам и сниму с ковра фамильный меч Дан Гьен по прозвищу Скользящий Перст.
Я тихо выйду из дома и, никем не замеченный, пешком отправлюсь на восточную окраину Мэйланя, где у заброшенного водоема меня будут ждать остальные старейшины Совета. В десяти шагах от водоема, если встать лицом на юго-восток, есть старая беседка. Мы молча войдем в нее, я трижды ударю кулаком по крайней левой опоре, спустя три минуты в полу откроется люк — и мы спустимся вниз, идя гуськом по винтовой лестнице.
Сегодня ночью настал очередной срок для принесения жертвы Прошлым богам.
Только на этот раз жертва будет совсем не такой, как обычно.
Они будут ждать нас внизу — Двенадцать и Один, дюжина Даи-хранителей и Единственный Сайид-на, Глава Учения, потомок проклятого Масуда. Они будут ждать нас, как их предки ждали наших предков, как положено в ночь жертвы Прошлым богам; это свершалось на протяжении вот уже семи столетий, и сегодня свершится вновь, и они будут ждать нас внизу — Двенадцать и Один, те, кого суеверные люди зовут ассасинами, курящими гашиш убийцами.
Сами они зовут себя — батиниты.
Последние свидетели Истины.
«Батин» на древнем наречии племен с предгорий Сафед-Кух, Белых гор, означает Истину, Сокровенную Тайну. И Истина последних свидетелей, Даи-хранителей и Сайид-на, Главы Учения, истина Двенадцати и Одного очень проста.
Она гласит: когда человечество разучится убивать, оно будет убито.
Их истина очень проста.

Семь веков тому назад батиниты Мэйланя кровью и пеплом подписали договор с Советом Высших Мэйланя; то же самое произошло в Хаффе, Кабире, Дурбане и Кимене.
Они клялись никогда больше не бросаться на улицах в боевое безумие, вынуждая горожан в конце концов уничтожать не помнящего себя воина. Они клялись, что их всегда будет Двенадцать и Один, только Двенадцать и Один в любом городе из перечисленных; они клялись в этом страшной клятвой и никогда не нарушали ее.
Они не нарушили своей клятвы, и спустя пятьдесят лет после подписания тайных договоров люди эмирата вспоминали кровавых ассасинов лишь в песнях, легендах и недостоверных сказаниях.
Мы же клялись в том, что раз в год будем вместе с ними приносить жертву Прошлым богам.
Раз в год один из тринадцати батинитов, последних свидетелей Истины, и один из старейшин Совета Высших Мэйланя согласно жребию будут встречаться в смертельном поединке.
Один на один.
И Прошлые боги будут неслышно рукоплескать в ночи.
Они рукоплескали — до сегодняшней ночи.
Если в поединке погибал боец-батинит, то за год оставшиеся Двенадцать должны были отыскать и обучить добровольного неофита, чтобы к дню следующей жертвы их снова было Двенадцать и Один. Если же добровольца не находилось, то Прошлые боги ждали еще год.
Они ждали столько, сколько было нужно для того, чтобы в подземелье старейшин Совета всегда встречали Двенадцать и Один.
Если в поединке погибал один из старейшин, то мы хоронили его согласно обычаям и стараясь не вызвать кривотолков среди горожан и членов семьи погибшего. После чего избирался новый старейшина, и мы посвящали его в тайну Двенадцати и Одного, вручая наследное оружие покойного, и с ним в руках бился он у алтаря Истины Батин.
В том случае, когда оружие ломалось в бою, что происходило редко — ну что ж, значит, не судьба…
Если же при принесении жертвы ломалось оружие батинита, то будущий доброволец, новый Даи-хранитель, входил в круг последних свидетелей Истины со своим клинком; если оружие оставалось целым, то оно вручалось неофиту, как наследие ушедшего приходящему.
Так было — до сегодняшней ночи.
Два века тому назад при принесении жертвы Прошлым богам был убит батинит в Кабире; через месяц то же самое произошло в Дурбане. Семь лет после этого Прошлые боги терпеливо ожидали следующей жертвы, обходя Дурбан и Кабир, ибо Двенадцать не могли отыскать Одного.
Добровольцев — не находилось.
На восьмой год батиниты Кабира и Дурбана отказались от Истины, отреклись от Сокровенной Тайны, сказав: если человечество и впрямь разучилось убивать, значит, оно достойно того, чтобы быть убитым; а мы тоже люди.
Полвека спустя их слова повторили батиниты Кимены и Хаффы, перестав быть Двенадцатью и Одним.
Так было — до сегодняшней ночи.
Потому что этой ночью в подземном зале для принесения очередной жертвы Прошлым богам сойдутся тринадцать убийц по убеждениям и тринадцать убийц по принуждению; и мы нарушим договор.
Мы не станем ждать жребия.
Мы нападем на них первыми, без предупреждения, все на всех, так, как нападают клятвопреступники — из-за угла, подло и беспощадно.
Мы убьем их всех и сломаем их наследственное оружие.
В Мэйлане никогда больше не поднимет голову змея учения Батин; в Мэйлане никогда больше не будет Двенадцати и Одного.
В Мэйлане останется только тринадцать невольных убийц.
Мы.
Старейшины Совета Высших.
Ашока Викрамадитья и его прямой тяжелый меч Кханда Вьячасена, Абдаль ан-Фарсид и его сабля-шамшер иль-Самак, правитель города Сунь Шикуань и меч «девяти колец», кривой Цзюваньдао; Джанг Тун и нож Бадек ханг-Тун, Сайф

Одноглазый с кинжалом Ландинг Терусом, браться Ори и Ри с двуручным топором Масакири-кай и боевым веером Сунь по прозвищу Павлин; Лян Чилинь с двузубцем Ма, Языком кобры, затем Мотогарэ Кутие и его копье Катакама Яри, Белый тигр; могучий кузнец Ян и двойная палица Убан, крохотный боец Аран Юлинь и боевой серп Кама Мотогари; единственная женщина в Совете, хрупкая и неукротимая О Ранкесю, вдохновительница сегодняшней ночи, и ее нагината Катори сан-Кесе…

И я.

Фань Анкор-Кун и прямой меч Дан Гьен по прозвищу Скользящий Перст.

Вчера я отправил своего брата, молодого Хо Анкора, наследного вана Мэйланя из Вэйской ветви Анкоров-южан, в Кабир. Хо уехал, взяв с собой родовой меч их семьи, месяц назад получивший прозвище Единорог.

Уезжай, Хо, и ни о чем не спрашивай…

Я желаю тебе, чтоб столица стала твоим домом, а не временным караван-сараем!

…Остальные старейшины Совета Высших последовали моему примеру.

В случае чего — грязь слухов не прилипнет к молодежи, волна позора не захлестнет их; и им не придется платить по нашим счетам.

Впрочем, если последняя жертва Прошлым богам будет принесена так, как предполагается — никто ничего не узнает.

Пусть поют песни.

Пусть рассказывают сказки.

Пусть… пусть живут, как жили.

И мы, старейшины Совета, убийцы поневоле — мы тоже будем жить, как жили; мы будем корчиться под бичом памяти, но останемся жить.

Чтобы никто ничего не узнал.

Сегодня ночью мы нарушим клятву — дабы семя насильственной смерти пожрало само себя.

К счастью, мы тоже смертны.

Ах, как хотелось бы мне хоть немного пожить в том мире, который будет после нас! — после нас, клятвопреступников и убийц, последней жертвы Прошлым богам!..

Скоро полночь…»

2

— Все, — рассеянно сказал я, крепче сжимая стальные пальцы на рукояти Единорога.

«Нет, не все, — беззвучно отозвался он. — Ты выронил один листок. Вот, под столом…»

Я полез под стол.

— А вы теперь ругаться не будете? — опасливо поинтересовался сверху Сай Второй. — За эту… за подставку?

— Они не будут, — сообщил ему со стены Обломок. — Зато я буду.

— А ты-то почему?! — возмутился Сай.

Обломок подумал.

— Просто так. Глядя на тебя, Вилорогий, мне почему-то всегда ругаться хочется…

— Тихо вы! — одернул болтунов эсток. — Единорог, скажи Чэну — пусть дальше читает! И переводи слово в слово.

Я выбрался из-под стола с листком в левой руке и Единорогом в правой.

— Слышу, слышу, — пробормотал я себе под нос. — Слышу и читаю…

Листок был вполовину меньше, чем предыдущие, и на бумаге другого сорта.

«…мы недооценили их и переоценили себя. Двоим удалось уйти вместе со своим оружием; более того, они унесли с собой меч одного из убитых ассасинов. Надеюсь, у беглецов хватит ума и осторожности, чтобы не мстить, а исчезнуть из Мэйланя, растворившись в многочисленном населении эмирата. Надеюсь… и еще я надеюсь, что они окажутся честнее нас и по-прежнему не нарушат своей клятвы; а Двенадцатью и Одним они станут нескоро, если станут вообще.

Зачем я пишу все это? Не знаю. Знаю только, что прячу эти записи в подспудной надежде, что их когда-нибудь кто-нибудь найдет. Очень хочется пожить в чистом мире; и очень не хочется умирать подлецом, не сказавшим ни слова в свое оправдание, хотя оправдания мне нет и быть не может.

Ведь сегодня ночью я, Фань Анкор-Кун, Высший Мэйланя, старейшина Совета — сегодня ночью я убил человека…»

— Все, — тихо произнес Я-Единорог. — Вот теперь — все.
— Все ли? — вопрошающим эхом отозвался Кос. — Ох, сомнительно…
«Так вот почему старый Кханда и Скользящий Перст переглянулись, когда я сказал им, что убил Придатка! — подумал Единорог. — Они-то хорошо знали, что это значит, старейшины-клятвопреступники…»
— Подведем итоги, — сказал Кос, садясь напротив меня.
Я приготовился слушать, сразу же отдав Косу пальму первенства в трудном деле подведения итогов; а Единорог приготовился переводить.
— Согласно этим записям, некогда между старейшинами Совета Высших Мэйланя (и не только Мэйланя) и ассасинами-убийцами, которые оказались совсем не убийцами, а последними, так сказать, свидетелями Истины — между ними был заключен договор. Так?
— Так, — ответил Я-Единорог.
Остальные промолчали. О чем тут спорить?..
— Согласно этому тайному договору и сохраняя достоинство человечества по канону учения Батин — весьма своеобразный канон, надо заметить! — раз в год старейшины и свидетели Истины собирались в тайном месте без посторонних и торжественно убивали друг друга. Семьсот лет подряд. Хранили таким образом семя Истины.
— Хранили, а потом хоронили, — проворчал я.
Кос не обратил на сказанное мною ни малейшего внимания. Он встал, оставив лежать Сая и Заррахида, извлек из рукава цветастую пачку купленных в лавке благовоний — легкий сухой аромат мигом распространился по комнате — и принялся расставлять тоненькие курительные свечи во все возможные и невозможные углы.
Потом ан-Танья несколько раз ударил огнивом — еще в начале чтения мы зажгли обычные свечи, но Кос почему-то решил ими не пользоваться — и поднес тлеющий трут к четырем-пяти оглушительно пахнущим (оказывается, так бывает!) палочкам.
— Отлично! — с видимым удовольствием принюхался Кос. — В Кабире таких нет… не возят купцы. Итак, учение Батин процветает, плодоносит и, наконец, загнивает — в результате чего еретически настроенные батиниты Кабира, Дурбана, Кимены и Хаффы отрекаются от Сокровенной Тайны. Остается древний Мэйлань, где традиции испокон веку настолько сильны, что рассчитывать на добровольное отречение последних свидетелей Истины не приходится.
— Они называют их Тусклыми, — бросил я Косу.
— Они? — удивленно поднял бровь ан-Танья. — Их? Кто они, кого — их, и почему — тусклыми?!
Я на мгновенье снял правую руку с Единорога. Если при объяснении я брякну что-нибудь обидное — пусть не слышит…
— Они — это они, — я взглядом указал на наших спутников. — Блистающие то есть… Их — это имеется в виду оружие ассасинов. То есть батинитов. Мы зовем батинитов ассасинами, а Блистающие звали и зовут их оружие — Тусклыми.
«Ну ты прямо мудрец! — донесся до меня приглушенный и насмешливый голос Единорога. — Прямо-таки Сайид-на, Глава Учения… ты думаешь, я обижаюсь, когда ты называешь нас оружием? А мы иногда забываемся и по-прежнему зовем вас Придатками. Ну и что? Положи лучше руку на место, а то слышно плохо… и Дзю ругается, что перевожу не все. Положи, положи, а то переведу ему все, и он тебе вообще жизни не даст!.. Давай, Придаток Чэн, клади ручку на оружие…»
М-да… оказывается, прямое соприкосновение нам уже и не так-то нужно! Слышно просто плохо, а в остальном — все в порядке! Может, я и сам теперь наполовину Блистающий? Особенно если в доспехе.
Или Тусклый?..
Я положил руку на место и не стал переводить Косу наш последний разговор с Единорогом.
И Единорог не стал — только уже Саю, Дзюттэ и Заррахиду.
«Могут, в конце концов, у нас быть маленькие личные тайны?!» — вместе подумали мы.
И улыбнулись.

Ан-Танья в это время нюхал дым от курительных палочек и задумчиво барабанил пальцами по столу.
— Тусклые так Тусклые, — наконец кивнул он. — У меня другой вопрос есть. Вот напали ваши старейшины на батинитов вопреки клятве и во имя высших целей; остались от Двенадцати и Одного всего двое — к примеру, Седьмой и Девятый, и те исчезли в неизвестном направлении; воцарились кругом мир, тишина и спокойствие опор… судя по тому, что Фань — твой двоюродный прадед, то воцарились они на сотню лет. И весь этот благополучный век раз в десятилетие исчезает кто-то из Блистающих того самого Совета, попробовавшего крови последних свидетелей Истины. А вместе с ними зачастую исчезает или погибает их нынешний Придаток — то есть, я хотел сказать, человек, не имеющий к прошлому клятвопреступлению никакого отношения. Почему? Что ты думаешь по этому поводу, Чэн? Месть? Так непохоже на месть…
Единорог внутри меня грустно улыбнулся.
И заговорил.
А вместе с ним заговорил и я.
— Сроки жизни, Кос, сроки жизни… они ведь у людей и у Блистающих разные. Прошло три-четыре десятка лет — ну пусть даже полвека! — и старейшины-люди, нарушившие клятву, умерли. Думая, что умирают последними убийцами в Кабирском эмирате. А старейшины-Блистающие остались. Весь Совет Высших Мэйланя, что принимал решение о клятвопреступлении, все убийцы поневоле — они остались, Кос! Ты понимаешь?! И они наверняка тоже хотели умереть, уйти из жизни, уничтожить себя — последних носителей зародыша насильственной смерти!..
— Последних свидетелей Истины Батин, — сказал эсток Заррахид, адресуясь к замолчавшему на миг Единорогу. — Настоящих последних свидетелей…
— Все свидетели подобных истин считают себя последними, — бросил с ковра Обломок. — Некоторые изредка считают себя первыми — что, по сути, одно и то же.
— Это потому, что выбора нет, — отозвался Сай. — Или пунцовая кошма, или священный водоем. Или кровь, или гниль. Или-или…
И Дзюттэ впервые ничего не ответил Саю Второму.
Ан-Танья взял в руки одну из курительных свечей и подошел к ковру. Сизая струйка с запахом увядших цветов — сладость и легкий налет тления — достигла Обломка, обвила его и зазмеилась в сторону окна.
— Об этом я не подумал, — Кос слегка прицокнул языком. — Не подумал… тогда понятно. Все вместе старейшины-Блистающие умереть не могут — это вызовет хаос и волну слухов, что может послужить новым толчком к возрождению учения Батин. Двое-то ассасинов сбежали…
— Трое, — перебил его Единорог-Я. — Двое сбежали со своим оружием и прихватили с собой меч одного из убитых. Значит, трое Тусклых остались живы. Возможно, они живы до сих пор. Фань не мог этого знать, но мы-то знаем!
— Трое, — согласился Кос. — Выходит, опасность сохраняется. И тогда старейшины-Блистающие решают уходить из жизни по одному. Раз в десять лет. А то, что вместе с ними иногда погибают их нынешние, ни в чем не повинные Придатки — ну, кто же думает о таких мелочах?!
Отблески свечей заиграли на полировке Единорога, и он слегка покраснел.
— Сабля Шамшер иль-Самак как бы случайно попала в колесо арбы, — продолжил Кос. — Копье Катакама Яри как бы случайно сломалось, а наконечник пропал в колодце. Двузубец Ма, Язык кобры…
Ну и память у этого Коса! Если вернемся в Кабир — посоветую эмиру Дауду назначить его городским кади…
— Язык кобры и кинжал Ландинг Терус как бы случайно не доехали до Верхнего Вэя — вместе с двумя людьми-чиновниками — и их судьба неизвестна. Скорее всего, они погибли. Топор Масакири-кай и веер Сунь-Павлин завели братьев-охотников Акиро и Бэнкея в Кулхан и — опять же как бы случайно — попали в Шулму, где и оказались в священном водоеме. Вот уж небось удивились перед смертью, обнаружив целые толпы последних свидетелей Истины Батин! Меч Цзюваньдао исчез под оползнем вместе с Ю Шикуанем, и Мэйлань дважды остался без правителя — и для людей, и для Блистающих. Скользящий Перст пока еще жив, но в семнадцатом году «Спокойствия опор», как записано в…
Кос вдруг резко умолк и уставился на меня.

— Да что ж это я… — пробормотал он. — Тут и дураку ясно! Кто-то ведь должен следить за уходом старейшин, кто-то должен иногда помогать им уйти; и потом, спустя сто тридцать лет после клятвопреступления — кто-то ведь должен, если понадобится, рассказать обо всем новому Совету! Должен же кто-то быть последним свидетелем последних свидетелей!..
— Матушка Ци? — недоверчиво спросил я. — Да нет, быть не может — ей же никак не сто с лишним лет! Ты что, Кос? Дыма нанюхался?!
— Я — что?! — заорал ан-Танья. — Это ты — что! Сам же рассказывал, что пока я со старухой в караван-сарае Беседовал, ты с Единорогом разговаривал! О чем?! Переводи, Высший и недогадливый Чэн — к кому обратятся старейшины Совета Высших Мэйланя в таком щепетильном случае?! Сай, Дзю, Заррахид — к кому?! Единорог — к кому?! К кому обратятся Блистающие?!
— К Чань-бо, — прошептал Единорог-Я.
— К Чань-бо, — шевельнулся на ковре Обломок.
— Похоже, — согласился Заррахид.
— Не знаю, — сказал Сай. — Но думаю, что вы правы.
— То-то же, — победно заявил Кос, когда я повторил ему все, сказанное Блистающими. — К Чань-бо. К этой помеси посоха, лопаты, вил и парадного бунчука. К мудрому молчаливому Чань-бо, от которого уходят окрыленными — пусть даже и на тот свет.
И, подумав, добавил:
— Да и старуху не стоит сбрасывать со счетов. Она наверняка что-то знает. И потом — может, этой ведьме и впрямь лет сто… или двести.
3
— Возможно, Кос прав…
Единорог говорил вслух, что для нас двоих было вовсе не обязательно. Но нас в комнате было больше, чем двое.
— Возможно, Кос, ты прав, — повторил я.
— Да, Единорог, — повернул ко мне голову безошибочный ан-Танья. — Да, я тебя слушаю.
— Ты можешь быть прав во всем, Кос, или не во всем; ты можешь быть совсем не прав, но это неважно. Тем более, что если мы рассмотрим тайный договор, подписанный кровью и пеплом, не как сделку между старейшинами-людьми и людьми-батинитами, а как сделку между Блистающими Совета и Тусклыми, тогда все поначалу выглядит проще и не так ужасно. Ведь отнюдь не при каждой жертве Прошлым богам ломалось оружие бойцов — то есть погибал Блистающий или Тусклый! В основном, как пишет Фань, смертельный поединок заключался в обязательной гибели одного из людей! То есть гибли Придатки, и Тусклые с Блистающими совета расходились в разные стороны, искать новых Придатков для следующего жертвоприношения…
— Проще и не так ужасно, — после паузы сказал Кос, с силой сжав кулаки. — Нет, я не обижаюсь… не обижаюсь.
— Иногда мне кажется, — бесстрастно прошелестел Заррахид, — что мы не заслуживаем таких Придатков. Мы — возомнившее о себе железо… нет, не заслуживаем.
А вот этого я Косу переводить не стал.
— И поэтому, — продолжил Единорог-Я, — когда старейшины-Блистающие шли на клятвопреступление, они в последнюю очередь думали о своих Придатках. Я полагаю, что если можно было бы истребить Тусклых, не убивая их Придатков — старейшины пошли бы на это с большей радостью. Придатки живут недолго, и это человека-Фаня волновало бегство двоих ассасинов — а Блистающих гораздо больше заботило исчезновение троих Тусклых! Которые способны были воспитать новых Придатков… и найти новых Блистающих, согласных потускнеть.
— В Шулму бы их, — мечтательно скрипнул Сай Второй. — Вот где разгулялись бы…
Он осекся, а Кос побледнел. За время нашего путешествия с караваном я успел рассказать ан-Танье все, что знал о Шулме от Друдла, Детского Учителя, Сая… все, что знали о Шулме я и Единорог.
— Один против восьми, — еле слышно звякнул Сай. — Всех убил. И уши заставщикам отрезал. Сам явился на той, добровольно…
— Джамуха Восьмирукий! — не сговариваясь воскликнули я и Кос.
— И Блистающий Чинкуэда, — добавил со стены Обломок.

— Тусклый Чинкуэда, — поправил его эсток. — Тусклый… последний свидетель Истины Батин. Да, он обязательно вернется в Кабирский эмират, потому что он ничего не забыл! И он вернется не один, этот последний свидетель Чинкуэда…
Я с тоской посмотрел в окно. Черное небо и три робкие звезды в углу окна жмутся друг к другу, словно в страхе перед молчащей пустотой… Как же я мог забыть!
— Он, конечно, вернется, — вполголоса сказал я. — И Джамуха Восьмирукий, вождь орд шулмусов, и Тусклый Чинкуэда, вождь Диких Лезвий Шулмы — но здесь их будут ждать! Их даже встретят с радостью! — их встретят Двенадцать и Один!
И Я-Единорог рассказал о нашей Беседе у пруда с Эмрахом ит-Башшаром из Харзы и Поясом Пустыни, Маскином Тринадцатым, некогда Седьмым.
Некоторое время все молчали.
— Теперь я понимаю, — закончил Я-Единорог, — почему Прошлые боги ждали целый век! Тусклые-батиниты, невзирая ни на что, не нарушили клятвы. Они искали таких, как Пояс Пустыни, собирая их по одному, они учили, воспитывали, скрывались — и вот теперь их снова Двенадцать и Один, и пока Чинкуэда готовит Шулму, здесь в Мэйлане в самом скором времени состоится очередная жертва Прошлым богам!
— Тогда выходит, — вмешался Сай, — что они не хуже меня знают о том, что Но-дачи и Кунда Вонг в Мэйлане! Ведь это именно Придатка Кунды хочет убить этот Пояс Пустыни… А как же они, небось, радовались всему тому, что мы творили в эмирате! Ведь это для Тусклых было возрождением Истины Батин, концом одиночества и скрытности!..
— И твои приятели, Вилорогий, вполне могут примкнуть к Тусклым, — заявил Обломок весьма противным и въедливым тоном. — Ну, убьет этот харзиец Придатка Кунды — надо ж на ком-то научиться всерьез, кроме собак да обезьян! — потом подыщут Кунде совместными усилиями нужного человека-батинита из желающих мстить кому-нибудь… А Но-дачи вообще в Сайид-на изберут, Главой Учения будет! Вполне достоин, по-моему…
— Ты никогда не сможешь простить мне смерть Наставника? — напрямик спросил Сай. — Да, Дзю?
— Дурак, — буркнул Дзюттэ, но уже совсем по-другому. — Прощать его, понимаешь ли… если б я на тебя зло держал — сломал бы тебя еще при первой Беседе, в караван-сарае, и было б тебе прощение!.. Только я тупой да отходчивый. Так что терпи и помалкивай! Кстати, Вилорогий — ну я ладно, я старый дурак, а ты какой? В смысле — тебе-то сколько лет?
— Пятьдесят два года, — гордо ответил Сай.
«Пылающая Нюринга! — беззвучно ахнул Единорог. — Да он же еще подросток!..»
Заррахид только дрогнул слегка и не сказал ничего.
У меня в голове пока еще плохо укладывалось, что пятьдесят два года — это даже не молодость, или, в крайнем случае, самое ее начало… но я решил, что привыкну и к этому.
— Ясно, — подвел итог Дзюттэ. — Отсутствие ума и дурное общество. Шулма, герой-Но, братья-недоросли, Шото еще этот… Воспитывать тебя некому.
— Почему это некому?! — взвился Сай. — Я, между прочим…
— Ты, между прочим, помалкивай, когда старшие говорят, — осадил его Обломок. — Я тебя не в десять и не в пятнадцать раз старше. И сказать хотел вот что: воспитывать тебя некому было. Было! А теперь — есть кому. Вот что я хотел сказать.
Сай посмотрел на Обломка с нескрываемым ужасом. По-моему, он понял, кого имел в виду Дзюттэ, говоря о воспитателе.
— Никогда, — зазвенел он, — никогда ни Кунда, ни Но, ни любой другой Блистающий с пунцовой кошмы не примкнет к Тусклым! Мы не хотели быть убийцами, нас вынудили к этому — как Тусклые вынудили старейшин Совета — и мы убивали сначала, чтобы выжить, а потом, чтобы научить выживать вас; но никогда не убивали мы просто так, или во имя веры, или для удовольствия!
Сай прерывисто задребезжал, и, будь он человеком, я бы сказал, что он плачет.
— А харзиец этот ваш болван деревянный! — уж совсем невпопад закончил он. — Болтливый язык Рудного Полоза! Придатка Кунды он, видите ли, убьет… ее в Шулме не такие убить пытались! Вот!..

— Ладно, ладно, — успокаивающе начал было Я-Единорог, не успев обратить внимания на это «ее», применительно к Придатку Кунды Вонг, но тут в дверь постучали.
— Кто там? — крикнул я.
— Послание Высшему Чэну Анкору от Юнъэр Мэйланьской! — донеслось из-за двери. — Гонец только что доставил…
Дверь робко приоткрылась и в щель просунулась рука со свернутым в трубку посланием, запечатанным ярко-красной печатью.
— На ночь глядя… — проворчал я, вспомнил, что уже давно ночь, расстроился еще больше, подошел к двери, забрал и распечатал депешу, и долго смотрел на нее, вникая в смысл иероглифов.
— Спать, — наконец приказал я, не оборачиваясь. — Всем спать. Нам с Единорогом завтра утром рано вставать.
— Приглашение? — поинтересовался догадливый Кос.
— Приглашение. На утреннюю верховую прогулку по городу. Даже коня из личных конюшен обещает прислать в подарок. Вот напасть-то! Ехать не хочется, а отказаться неудобно.
— Женихи, — рассмеялся на ковре Обломок. — Нет, все-таки хорошо быть шутом! Шутом — хорошо, а женихом — плохо! Новая истина учения Батин!
— А я не поеду, — вдруг заявил Единорог, причем вслух, чтобы все слышали. — Про меня в послании ничего не сказано. Я — оружие, чего мне ехать да мешать людям разговаривать… И спицы опять приставать начнут… нет, не поеду.
— Скотина ты, а не Блистающий, — беззлобно ругнулся я. — Ладно уж, сам поеду… за двоих отдуваться.
И швырнул послание на стол.

Глава 17

Мне снился сон. Я был мечом.
В металл холодный заточен,
Я этому не удивлялся.
Как будто был здесь ни при чем.

Мне снился сон. Я был мечом.
Взлетая над чужим плечом,
Я равнодушно опускался.
Я был на это обречен.

Мне снился сон. Я был мечом.
Людей судьей и палачом.
В короткой жизни человека
Я был последнею свечой.

В сплетеньи помыслов и судеб
Незыблем оставался я.
Как то, что было, есть и будет,
Как столп опорный бытия.

Глупец! Гордыней увлечен,
Чего хотел, мечтал о чем?!..
Я был наказан за гордыню.
…Мне снился сон. Я БЫЛ мечом.

Один раз среди ночи я проснулся.

Обычно я сплю на боку, но на этот раз я спал на спине, и моя правая рука, рука аль-Мутанабби, лежала на моей груди.
Напротив сердца.
Сердце билось ровно и спокойно.
2
Утром меня разбудило ржание. Надо сказать, очень требовательное и довольно-таки наглое ржание. Первой моей мыслью было: «Какой олух вывел выгуливать коня в такую рань, да еще по эту сторону пруда?!» Вторая мысль была уже иной: «Ушастый демон У! Я, наверное, проспал время назначенной прогулки, и теперь госпожа Юнъэр в гневе явилась ко мне и ржет под окном! Вернее, это ее лошадь ржет под окном… в гневе. Стыд-то какой!»
Третья мысль была самой короткой: «Кто бы ни ржал — пора вставать!»
На этом мысли закончились, я мигом соскочил с кровати и выглянул в окно. Во дворе неизвестный мне конюх (впрочем, его ярко-желтая куртка была украшена гербом Мэйланя — алебарда, увитая плющом) держал под уздцы коня. Огромный, абсолютно черный зверь, вне всяких сомнений, ужасно породистый — ишь, шея какая, и ноги как из мрамора выточены! — и от осознания своей породистости весьма злобный и своенравный. Конюх воспринимался конем как личное оскорбление, и жеребец (ясно, что не мерин!) вставал на дыбы, бил копытом, фыркал, заносчиво косился по сторонам и норовил вырваться из цепких рук конюха.
И впрямь — Ушастый демон У! Или его последнее воплощение…
Можно было не сомневаться, что скакуна мне прислала любезная госпожа Юнъэр. Из личных конюшен. Не опозориться бы, на этаком ночном кошмаре!.. Ладно, позавтракать смогу позже, а сейчас — собираться — и вниз. Доспех одевать или нет? С одной стороны — зачем он мне на прогулке, а с другой — лучше все-таки одену…
Будем считать, что в нем я красивее.
При помощи разбуженного тем же ржанием Коса я облачился в нижнюю одежду, нацепил сверху панцирь, надел левую перчатку, наручи, подпоясался, затем набросил сверху марлотту, водрузил шлем-тюрбан и спустился вниз.
Единорог, пока я одевался, смирно лежал на столе и делал вид, что спит.
…Когда я подошел к коню, Демон У (так я решил называть черную бестию, независимо от первоначального имени), подозрительно скосил глаз в мою сторону и вздернул верхнюю губу.
Погоди, ты у меня сейчас посмеешься!..
— Благородная госпожа Юнъэр, правительница Мэйланя… — начал было конюх, но я отмахнулся от него и забрал поводья. Потом я подмигнул коню, потрепав его по морде, а когда возмущенный жеребец оскалился — сунул ему прямо в огнедышащую пасть правый кулак. Собственно, мог и левый сунуть, но решил не рисковать. Левые-то пальцы свои, а правые — Коблановы! Пусть перчатки и одинаковы…
Демон У, как и предполагалось, немедленно укусил меня за руку, и рука аль-Мутанабби произвела на него неизгладимое впечатление. Особенно когда я добавил ею же Демону по шее. Не то чтоб очень уж сильно, но весомо и обидно.
Демон У задумчиво всхрапнул, уважительно покосился на чешуйчатый кулак, оглядел меня с ног до головы (вот когда я порадовался, что в доспехе!), еще раз всхрапнул — и я вскочил в седло со всей ловкостью, на которую был способен.
Конь заплясал подо мной, обалдевший конюх отскочил в сторону, но я слегка натянул поводья — и Демон У, к моему глубокому удивлению, тут же успокоился.
Тогда я несильно повел коленями — и жеребец уверенной рысью направился в обход пруда.
Норов норовом, а вышколен Демон был замечательно.
Положительно, он начинал мне нравиться.
Как и я — ему. Зубы целы остались, вот пусть и радуется…
Привратник распахнул передо мной ворота, я улыбнулся ему и топору Ляо — последний оставил мою улыбку без внимания — и отправился на званую прогулку.
3
Когда я подскакал к воротам двора, услужливо распахнутым передо мной стражниками, Юнъэр Мэйланьская уже ехала ко мне навстречу. Ее белая лошадь была, по-моему, Сандуанской породы — после укрощения Демона мои куцые

знания конских статей так и норовили вылезти наружу — а сама госпожа Юнъэр облачилась в атласные шаровары цвета заката, остроносые туфельки, расшитые бисером, и длиннополый фиолетовый халат с изображениями голенастых рубиновоглазых раконов.
Сегодня правительница выглядела совсем не так, как на незабвенном празднестве, и пусть образ Чин в костюме для верховой езды был довольно свеж в моей памяти, но я не мог не отметить редкую соблазнительность вдовой госпожи Юнъэр.
Ну что, отметил?
Отметил.
Как ты думаешь, Чэн-дурак, она этого не знает?
Разумеется, знает.
Ну и?..
Ну и не и.
…Спустя несколько минут мы чинно, по-семейному (о все ады Хракуташа!) ехали рука об руку прочь от дворца. Юнъэр мило улыбалась мне, воркуя о чем-то до невозможности светском, но я сразу понял, что она расстроена.
— Куда мы направляемся, благородная госпожа? — осведомился я с беззаботностью, стоившей мне седых волос.
Юнъэр махнула рукой куда-то в сторону восточной части города, где я еще не бывал. Впрочем, а где я бывал?!..
В молчании — после моего вопроса она больше не заговорила — мы проехали несколько кварталов; встреченные горожане почтительно кланялись нам, но не более того… и наконец я не выдержал.
— Простите мою назойливость, благородная госпожа, но сегодня мы явно в плохом настроении. Потому позвольте спросить вас: что могло огорчить правительницу процветающего Мэйланя в столь прекрасное утро?
Я попридержал Демона У, чтобы случайно не опередить белую кобылу Юнъэр.
— Вы, Высший Чэн, — коротко ответила Юнъэр Мэйланьская и посмотрела прямо в глаза.
Клянусь священным водоемом Шулмы, она умела заглядывать так глубоко (несмотря на лечение Обломка), что мне стало неловко — совершенно непонятно, с чего бы?!
— Я? В чем же я провинился, милостивая госпожа?! Вы только намекните мне — и я мигом заглажу мою вину!
— Попробуйте догадаться сами, — она слегка улыбнулась.
Эта тень улыбки свидетельствовала о том, что малую часть своей таинственной вины я, похоже, успел загладить — и я вздохнул с некоторым облегчением.
— Еще раз прошу простить вашего покорного слугу за его недогадливость — но все же я не в силах понять…
— Весь Мэйлань уже недели три твердит о нашей помолвке и будущей свадьбе, эмир Кабирский Дауд Абу-Салим прислал поздравление с вестовым соколом, которому нет цены ни в кабирских динарах, ни мэйланьских лянах, — она говорила потупившись, но с очаровательной твердостью. — Я слышу об этом ото всех, кроме вас, Высший Чэн! Я понимаю — политика не всегда в ладах с сердцем — но мне хотелось бы все же выслушать вас, как наследного вана Мэйланя и просто как Чэна Анкора, и в случае чего прекратить все эти досужие разговоры и… и…
Я невольно повторил жест Коблана, хлопнув себя ладонью по лбу. Раздался звон. Юнъэр восхищенно посмотрела на меня, а я чуть не выругался, вспомнив про латную перчатку и шлем под тюрбаном.
Вот чего она ждет от меня! Официального предложения или прямого отказа от всех этих помолвок и свадеб!.. Юнъэр, конечно, женщина настойчивая и целеустремленная, но такие вещи первым должен говорить мужчина — а я молчу…
И буду молчать. Или почти молчать.
— Я хочу, благородная госпожа Юнъэр…
— Можно просто Юнъэр. Или — Юн.
Юн — это по-мэйланьски «весна». Весна…
А сейчас — начало осени!
— Ну хорошо… Юнъэр. Просто я хочу разъяснить создавшееся положение. (Ишь, слова-то какие выискиваю!) Не то чтобы я был против нашей свадьбы (так против я или не против?!)… и я понимаю, что… (а что я, собственно, понимаю?!), но у меня в Кабире осталась невеста, или почти невеста, и вообще…

— Так вот что сдерживало тебя! — просияла Юнъэр (можно просто Юн). — Но по законам эмирата у мужчин может быть четыре жены! Или ты исповедуешь Хайракамскую ересь?
— Ни в коем случае, — возразил я, понятия не имея про эту самую ересь, но уже не любя ее всем сердцем.
— Или, может быть, ты тайный дейлемский жрец-евнух?
— Я?!
Еще минута — и она узнала бы, какой я евнух!..
— Тогда все в порядке! И я не стану возражать, чтобы она — твоя почти невеста — стала твоей женой. Второй. Со временем ты сможешь выбрать и третью, и четвертую — но я, как ты сам понимаешь, должна стать первой.
В голосе Юнъэр на мгновение пробились тревожные нотки.
— А кто она, Чэн?
Ах так… уже просто Чэн?
— Она — благородная госпожа Ак-Нинчи из рода Чибетей.
— Чибетей, Чибетей… Кажется, это из Высших Малого Хакаса?
— Да.
— Прекрасно! Ты — умница! С политической точки зрения такой союз сулит немалые выгоды… хотя, полагаю, ты выбирал эту самую Ак-Нинчи не только по политическим соображениям?
— Ну… — промямлил я. — В некоторой степени… то есть я хочу сказать, что при соответствующих обстоятельствах был бы рад видеть тебя своей женой…
Огласить список соответствующих обстоятельств мне не дали.
— Как я рада, Чэн! Конечно же, я принимаю твое предложение, тем более что приготовления к нашей свадьбе займут не более недели! Я понимаю, что ты должен…
Влип!
Получается, что я уже сделал ей предложение. Более того — мы обсудили мой второй брак с Чин. Весьма выгодный по политическим соображениям. Прав был покойный Друдл — как у Чэна-дурака… Ну куда меня — в правители?! Я им тут науправляю…
С некоторым усилием я сотворил радостное выражение лица — получилось криво и неестественно, но лучше у меня не вышло — и сказал громко и возбужденно:
— Отлично, Юн! Я рад, что между нами теперь нет недоговоренностей. А Ак-Нинчи я как-нибудь сообщу…
По-моему, я собирался сказать совсем не то.
— Если хочешь, Чэн, — я пошлю сокола.
— Нет, — слишком поспешно возразил я. — Сперва я все взвешу (да уж!), а там и…
«Во всякой ситуации надо находить свои приятные стороны», — философски подумал я, выяснив, что мы уже целуемся. А целоваться госпожа Юнъэр — можно просто Юнъэр, или даже Юн — умела мастерски! Хорошо, что Демон У был занят покусыванием шеи белой кобылки и тихо стоял на месте.
Интересно, а когда это мы остановились?
Нет, это мне уже не интересно… может, я правильно сделал ей предложение? Или что я там ей сделал?.. а Чин возьмем второй женой…
4
…После этого мы некоторое время ехали молча бок-о-бок, а там я снова не вытерпел первым:
— И все-таки — куда мы направляемся, Юнъэр?
— К воротам Семи Небес, — с лукавой и в то же время умиротворенной улыбкой ответила она. — Эти ворота были установлены в Мэйлане на площади Фонтанов более восьми веков тому назад. Легенда гласит, что ворота эти везли на семи парах быков из самой Кимены, где их узорчатые створки ковали лучшие мастера; одни говорят, что по личному заказу тогдашнего Мэйланьского правителя, другие — что ворота были просто захвачены в Кимене мэйланьским полководцем Цао Дунем и перевезены сюда, как трофей. Во всяком случае, сейчас они стоят на площади Фонтанов и открываются лишь для того, чтобы через них проехал свадебный кортеж новой семьи правящего дома. И мы с тобой тоже будем проезжать через ворота Семи Небес. Сейчас ты их увидишь.
Мы еще раз свернули за старым храмом и вскоре действительно выехали на площадь. Воистину, это была Площадь Фонтанов: прозрачная вода с тихим шелестом текла по огромным мраморным ступеням, а вокруг каскада били

фонтаны — в виде изогнувшихся диковинных рыб, мастерски раскрашенных золотом, лазурью, серебром и нефритовой зеленью: синие, черные, красные и желтые драконы, тигры, грифоны и какие-то уж совсем неведомые мне чудища… Фонтаны шумели, плескались, журчали; вода весело взлетала в воздух то тонкими струйками, то величественными, медленно опадающими столбами, рассыпаясь мелким дождем.

В воздухе висела водяная пыль, и лучи утреннего солнца, пронзая ее, рождали яркую радугу.

Это было не просто красиво — это потрясало! Вдобавок ранняя свежесть напоенного влагой воздуха — и еще не пропавший вкус поцелуя Юнъэр на губах…

— Ворота… — услышал я странно дрогнувший голос Юнъэр.

— Что — ворота? — повернулся я к ней. — Я не вижу никаких ворот… одни фонтаны — правда, очень красивые! Нет, действительно…

— Ворота! — вскрикнула Юнъэр. — Их нет! Ворота исчезли!..

5

Ворота Семи Небес, оказывается, исчезли. Хотя не совсем. Одна стойка все же осталась. По ее размерам я сумел приблизительно представить, каковы же были исчезнувшие ворота.

Легенда явно преувеличивала насчет семи пар быков — или быки восемьсот лет тому назад были на редкость чахлые — но ворота были-таки не маленькие. От стойки их просто-напросто оторвали — судя по скрученным и лопнувшим в нескольких местах петлям. Не знаю уж, кому это оказалось под силу. А вторую стойку вообще выворотили из брусчатки площади и унесли вместе с воротами. Сомнительно, чтобы для этого сюда пригоняли семь пар быков — ночью, по спящему городу… Липнут они ко мне, все эти происшествия, что ли?!

Юнъэр чуть не плакала от обиды и негодования, и я стал ее утешать — мол, ворота не иголка, найдутся, поставят их на место, и вообще, Юн, не стоит принимать это так близко к сердцу, ну, побесились какие-то глупые шутники, так найдут их, и плетей дадут, чтобы впредь неповадно было…

Я ее уже почти успокоил, когда прискакал гонец на взмыленной соловой лошадке, к которой тут же стал присматриваться мой Демон.

— О правительница Мэйланя, благородная госпожа Юнъэр, — поспешно заговорил гонец, соскакивая с лошади и припадая на одно колено, — мне велено сообщить Вам, что ворота Семи Небес похищены…

— Что трудно не заметить, — холодно бросила Юнъэр. — Это все?

— Нет, не все, благородная госпожа…

— Говори! Ну!..

— Ворота найдены!

— Ну вот, я же говорил, — пожал плечами я.

— Тогда почему мне не сообщили раньше о похищении ворот? — Юнъэр старалась казаться строгой, но сейчас у нее это плохо получалось — известие, что злосчастные ворота отыскались, немедленно вернуло ей прежнее самообладание.

— Мы… мы не решались сообщить Вам о пропаже ворот, пока они не будут найдены, благородная госпожа! И когда нам доложили, где они сейчас находятся…

— Ну и где же они находятся?

Гонец побледнел и почему-то замялся.

— Они… они стоят, благородная госпожа…

Он собрался и выпалил единым духом:

— Они стоят у входа на городское кладбище!

«Кто-то очень не хочет, чтобы наша свадьба состоялась, — подумал я. — Гораздо больше не хочет, чем, к примеру, я…»

И про себя усмехнулся.

Юнъэр в свою очередь побелела, как мел.

Кажется, она тоже поняла это.

6

— На кладбище! — властно крикнула Юнъэр, разворачивая свою лошадь. — Немедленно!

Я не тронулся с места. Во мне проснулись сразу два чувства, заговорив о себе с не меньшей властностью, чем та, что была в голосе Юнъэр Мэйланьской.

Первым было упрямство — гибкое и неуступчивое, как клинок Единорога. Пусть гонец и кинулся сломя голову к своей соловой кобыле — я не гонец и не мальчик на побегушках, чтоб не размышляя выполнять чужие приказы.

Я — Чэн-в-Перчатке. Даже если иногда я об этом забываю.

Упрямство было весьма кстати — жаль только, что запоздало слегка… глядишь, и выпутался б из разговора о свадьбе с большим успехом.
Вторым же чувство было любопытство — из тех побуждений, что заставляют с улыбкой заглянуть в Восьмой ад Хракуташа.
— Успеется! — возразил я, поднимая Демона на дыбы и вынуждая гонца отскочить в сторону от соловой, бросив поводья. — На кладбище никогда не следует торопиться! Эй ты, кладезь хороших новостей, иди-ка сюда! Ну иди, иди, не бойся…
— Я слушаю вас, Высший Чэн! — поспешно крикнул гонец, и я спиной почувствовал удивленный взгляд Юнъэр.
Взгляд скользнул по спине и отскочил от панциря.
Во всяком случае, мне так показалось.
— Садись на лошадь, — гонец так и не осмелился приблизиться к Демону, и мне пришлось повысить голос. — И проскачи по ближайшим кварталам. Живо! Найдешь с десяток жителей — только чтоб разговорчивых и из тех, что страдают бессонницей — и тащи их сюда! Мигом!
— Да, Высший Чэн! — просиял гонец, напрочь забывший о присутствии правительницы. — Я сейчас… я понял вас!..
И — только копыта простучали по площади Фонтанов.
Тогда я пнул Демона У пятками в бока и неторопливо объехал вокруг накренившейся стойки — единственного, что осталось от ворот Семи Небес.
— Тихо снять такие ворота невозможно, — бросил я, разглядывая покореженные петли. — И…
— Их вообще невозможно снять! — запальчиво воскликнула Юнъэр и осеклась, поняв неуместность своих слов.
— Тихо снять такие ворота невозможно, — повторил я. — Да и не пытались их снимать тихо. Вон, и по петлям чем-то тяжелым били, и мостовая разворочена… Ну ладно, площадь, фонтаны шумят, жилые дома неблизко — но грохот, небось, квартала на четыре разносился! Если не больше… опять же — может, кто-то видел что-нибудь, или слышал, или еще что! А кладбище подождет… кладбище нас подождет.
— Возможно я немного ошиблась, — задумчиво произнесла Юнъэр, подъезжая ко мне.
— В чем?
— Да так… нет, я даже рада! Просто непривычно слегка…
Потом мы молчали до тех пор, пока не вернулся взмокший гонец вместе с дюжиной мэйланьцев, шумных и оживленно жестикулирующих.
Когда я научился выделять из общего гама отдельные слова и складывать их в осмысленные фразы — я узнал следующее.
Ворота Семи Небес были украдены царем всех людоедов-ракшасов и леших-якшей, кровавоглазым и двухголовым Бхимабхатой Шветой. Понадобились они этому самому Швете для его свадьбы с кабирской Матерью всех песчаных ведьм-алмасты, Шестиносой Аала-Крох, которая (то бишь свадьба) состоится на мэйланьском городском кладбище в самое ближайшее время. После свадьбы Бхимабхаты Шветы с Матерью алмасты должны, по идее, наступить светопреставление, но это еще точно неизвестно.
Зато было точно известно, что этой ночью на площади Фонтанов побывали два доверенных великана любвеобильного Шветы — поросший белой шерстью с головы до ног гигант Амбариша с пылающим мечом и его родной брат, владелец палицы Конец мира, исполин Андхака (тоже поросший шерстью, но в отличие от Амбариши, черного цвета).
Вот эти-то два очаровательных черно-белых братца и занялись воротами, время от времени прикладываясь к бочонку настойки Огненного дракона. Кстати, как шепнула мне Юнъэр, такая настойка действительно существовала — она олицетворяла мужское начало и подавалась к столу в исключительных случаях (например, свадьба в правящем семействе), да и то крохотными символическими порциями.
Лишь губы омочить.
К середине рассказа — который я для себя назвал «Касыдой о похищении ворот Семи Небес» — обнаружился еще один свидетель, приведенный расторопным гонцом. Свидетелем оказался щуплый подметальщик улиц Цунь Шлеп-нога, которого этой ночью нелегкая занесла на площадь Фонтанов в самый разгар безобразия расшалившихся великанов.

Цунь Шлеп-нога не убоялся грохота палицы Конец мира и полыхания меча Амбариши по одной причине — он был сильно пьян и искал прохладного убежища подле любимого фонтана в виде оскалившегося тигра, а шум в ушах, блеск в глазах и качающуюся землю бедняга Цунь воспринимал довольно-таки равнодушно.
В первый раз, что ли…
— Что, и великанов видел? — недоверчиво спрашивал я у Цуня, терпящего жестокие муки утреннего похмелья. — Этих… с шерстью?!
— Видел, — упрямо мотал кудлатой головой Шлеп-нога. — С шерстью. Большущие…
— И ворота именно они ломали? — хмурился я.
— А то кто же?! — не сдавался герой Цунь. — Они, понятное дело… Амбариша да Андхака. Дубиной как дадут, мечом как полоснут, а после драконовку кружками хлещут! Аж шерсть дыбом! И мне поднесли, не погнушались…
— Что поднесли-то?
— Как что? Эту… настойку на Огненных драконах! Только я не великан, я больше одной кружки не осилил… я когда проснулся — ни великанов, ни ворот. Ни драконовки… Всю выхлестали, гады косматые, а то, что человеку с утра поправится надо — это им без разницы! Хорошо, хоть не закусили мною, пока спал…
Юнъэр внимательно слушала, не перебивая, и, по-моему, была готова поверить во что угодно — вплоть до царя якшей и ракшасов, двухголового Бхимабхаты Шветы.
Я кинул Цуню монету и одобряюще улыбнулся Юнъэр.
— А теперь — на кладбище! — крикнул я неестественно веселым голосом.
Толпа свидетелей понимающе закивала головами.
— Кладбище — это правильно, — пряча монету за щеку, сообщил повеселевший Шлеп-нога. — Вот и Андхака мне так говорил — быть, мол, всем вам на кладбище! В самом скором времени… Рычит, подлец, хохочет, а сам дубиной по воротам, по воротам! И изо рта язык пламени локтя в полтора…
И он довольно-таки неприлично показал длину языка Андхаки.
7
Кладбище было как кладбище — если не считать того, что перед входом в него гордо стояли ворота Семи Небес.
А вокруг ворот стояла такая толпа, что казалось, будто половина Мэйланя умерла нынешней ночью от красной оспы, а оставшаяся половина явилась хоронить усопших.
Сами ворота были каким-то невообразимым образом приделаны к прутьям ограды кладбища — в месте свеженького пролома — а за воротами шагах в двадцати начинались чистенькие беленькие надгробия со столбиками, исписанными иероглифами; и узорчатые створки знаменитых ворот Семи Небес жалобно скрипели под порывами ветра.
— Незапертые они, — услужливо доложили нам сразу два голоса. — Добро, мол, пожаловать… засова нет, потому и не запертые. Скрипят, как не знаю что…
— А засов великаны украли, — вмешался еще один знаток. — Для важного дела.
— Для какого дела? — машинально спросил я.
— Для важного, говорю! Девственность невесты проверять будут. С Матерью алмасты, Шестиносой Аала-Крох, иначе нельзя… опять же если Бхимабхата Швета ослабел, то засов для брачной ночи как нельзя лучше!..
— Медный он, засов этот, — тихо сказала мне Юнъэр. — Целый брус меди, шести шагов в длину. Его и вынимали-то из ворот раз в десять лет, по праздникам…
Я с уважением подумал о девственности Шестиносой Аала-Крох — хотя мне было совершенно непонятно, как Аала при такой непробиваемой девственности исхитрилась стать матерью, да еще Матерью всех алмасты.
Ладно, с этим пускай царь Бхимабхата разбирается, а у меня — при всем моем к нему сочувствии — и без того дел по горло.
Толпа послушно расступилась перед моим Демоном У — полезный, однако, конь оказался! — и я некоторое время разглядывал ворота Семи Небес. Мне было не до искусства кименских мастеров, хотя и впрямь узор створок был весьма красив. Я смотрел, и в голове моей отнюдь не теснились какие-то особые догадки. Просто смотрел. Сам не знаю зачем. И, судя по тому, что я видел на площади Фонтанов и здесь, без великанов дело не обошлось. Без этих… Амбариши да Андхаки. Ох, что-то и я заговорил, как Цунь Шлеп-нога!.. Амбариша, Андхака, шутники косматые, любители хлебнуть драконовки… М-да, весело, прямо скажем, дела разворачиваются!

Юнъэр, не поехавшая за мной и оставшаяся вне толпы, выслушивала доклады многочисленных чиновников в жестких четырехугольных шляпах. Нет, на чиновниках была и всякая другая одежда, но именно шляпы сразу бросались в глаза. Чиновники говорили, Юнъэр кивала, я хмурился и смотрел на ворота, Демон У переступал с ноги на ногу и замышлял какую-то пакость.
Отличное времяпровождение, не так ли?!..
За моей спиной раздался изумленный гул, и большая часть толпы сорвалась с места, побежав в неизвестном направлении. Я подъехал к Юнъэр и чиновникам, где и узнал, что найден засов.
Только за ним надо отправляться к городским винным погребам.
Вот мы и отправились — по пути размышляя о таинственной связи городских винных погребов с девственностью Матери алмасты, Шестиносой Аала-Крох.
Размышления ни к чему не привели — разве что к погребам, двери которых были наглухо заколочены. Медным засовом от ворот Семи Небес. Он держался на огромных крюках, явно вбитых в стену этой ночью белым Амбаришей, который после заложил дверь засовом и загнал верхние концы крюков в ту же многострадальную стену.
Поскольку засов был существенно длиннее двери погребов, и даже длиннее расстояния между вбитыми крюками, — примерно локтя на полтора-два с каждой стороны — то концы его были круто загнуты вниз и внутрь, образуя чуть ли не кольца вокруг крюков. Видимо, брат-Андхака тоже времени даром не терял.
Юнъэр отдала необходимые распоряжения, к погребам были немедленно доставлены местные молотобойцы с переносными горнами и прочими инструментами — и дело пошло.
Впрочем, пошло оно туго. Лишь через час дверь сумели открыть, а выпрямление засова и приведение его в первоначальный вид должно было отнять гораздо больше времени.
…Когда мы спустились в подвалы, то сопровождавший нас Главный смотритель из семьи потомственных смотрителей винных погребов чуть не потерял сознание, и мне пришлось приводить его в чувство.
Я бы и не заметил, что из некоторых бочек пробки были вынуты, а затем вставлены на место — но Главный смотритель просто не мог пропустить такого вопиющего безобразия. Более того, над бочками с нарушенной невинностью прямо на белой известке стен были сделаны надписи.
Писали факелом — вернее, копотью от него.
Вот я и читал мнения великанов о мэйланьских и привозных винах, заодно выслушивая краткие реплики-причитания смотрителя о содержимом бочек. «Дрянь!» (белое сухое, сафед-кухская лоза, год я не запомнил), «Дрянь!» (красное сухое, лоза Аш-Шиннар, местное), «Дрянь из дряней!» (полусухой фаррский мускатель). «О-о-о!» (тахирский розовый мускат, мой любимый, вдобавок девятнадцать лет выдержки), «Дрянь, но ничего!» (десертный красный узбон, пять лет назад доставлен из Дурбана), «Это только под человечину!» (мэйланьское крепкое с добавлениями настоев трав и кореньев)…
И так далее в том же духе.
Мнения великанов о винах и настойках разнообразием не отличались, хотя мысленно я почти одобрил их вкус — имея в виду вкус к выпивке, а не вкус к погромам. Тут мы зашли в маленькую комнату, где было ужасно холодно, и там Главный смотритель все-таки упал в обморок.
Пока его отпаивали и хлопали по щекам прибежавшие на крик Юнъэр помощники, я сообразил, что надписи копотью на стенах сделаны по-кабирски. Собственно, многие в Мэйлане прекрасно говорили на кабирском языке, считавшемся государственным, а также на дубанском, хакасском и некоторых других языках; мэйланьское же иероглифическое письмо изучал каждый, желающий называться образованным человеком — а таких находилось немало — и трудно было найти в эмирате человека, не сумевшего бы договориться с заезжим купцом.
Я знал и кабирский, и мэйланьский с детства; точно так же знал их Кос, чьи отец и дед были дворецкими в нашем доме. А тайком от Чин я выучил и некоторые наречия ее родного Малого Хакаса, считавшиеся непревзойденными по части ругательств… ах, Чин, Чин…
Отчего бы и великанам Амбарише и Андхаке не сделать приятное кабирянке Аала-Крох и не воспользоваться ее родным языком?!
Мои размышления прервал вой очнувшегося смотрителя. Из воя явствовало, что воющему опостылела жизнь, что по приходу домой он непременно зарежется,

повесится или утопится — и все потому, что наиценнейший бочоночек с настойкой Огненного дракона, сохранявшийся в целости исключительно для свадьбы Юнъэр Мэйланьской и Высшего Чэна Анкора (вот мерзавец, и этот туда же!) похищен и, скорее всего, уничтожен.
— Выпит он, твой бочоночек, — злорадно сказал я смотрителю. — Вылакали его великаны! У них мужское начало длиннее вашего засова, до Семи Небес торчит — вот и прихлопнули они им твоего Огненного дракона! Вместе с Цунем Шлепногой.
Через секунду я пожалел о сказанном, потому что смотритель сдавленно хрюкнул, упал и больше не поднимался.
8
Домой я вернулся уже около полудня. Есть мне отчего-то не хотелось, поэтому мы с Косом ограничились фруктами, запивая их легким вином — и я стал рассказывать.
Разумеется, не только ан-Танье, но и всем нашим Блистающим.
Рассказ, вопреки ожиданиям, сильно затянулся, поскольку для Блистающих все время приходилось разъяснять, кто такие якши, ракшасы, великаны и алмасты, а потом тут же убеждать, что всех их на самом деле не бывает. В результате я окончательно запутал и сбил с толку Сая и Заррахида; Единорог всячески веселился, а Обломок выдавал со стены: «Ну вот, значит, эти самые великаны, которых на самом деле нету, ворота тем не менее унесли и огненную настойку выпили, которой теперь тоже на самом деле нету… Интересное дело получается! Куда ни глянь — ничего нету!..»
Настроение Коса странным образом колебалось от очень веселого к очень мрачному и обратно, так что к концу рассказа я и сам был не рад, что решил обнародовать всю эту историю. А с другой стороны — что мне оставалось делать? Умолчать? Скроешь от них что-нибудь, как же…
— Так якшасы и ракши, — осведомился наконец Заррахид, — они все-таки есть, или их нет?
— Якши и ракшасы, — поправил его Сай.
— Нет их! — отрезал Я-Единорог.
— И ворот нет, — уточнил Дзюттэ. — И нас нет. Якши унесли.
— Это не якши, — дотошность Сая не имела границ. — Это великаны, Амбариша и Андхака.
Так. Кажется, пошли на второй круг.
— Если эти ракшасы-великаны хотят расстроить свадьбу, — сказал молчавший до сих пор Кос, — то они воротами не ограничатся. Непременно жди новых бед…
— Утешил, — мотнул головой я. — Спасибо.
— А потому, — продолжил ан-Танья, — после обеда я сам схожу в город. Погляжу, что там творится. Нет, обеда ждать не буду — прямо сейчас и пойду. Может, разузнаю что-нибудь…
Кос встал и пошел к двери.
— Что за напасти, — проворчал он, выходя из комнаты. — Шулма, Тусклые, ассасины-батиниты, ракшасы, великаны… и все на мою голову!
«Как же, на твою…» — подумал Я-Единорог.
9
Возвратился Кос ближе к ужину, около шестой дневной стражи — я еще увидел из окна, как он огибает пруд, ведя за руку какого-то согбенного старца. Судя по всему — слепого.
С дутаром под мышкой. Или не дутаром. Короче, странное что-то… не разбираюсь я в мэйланьских музыкальных инструментах.
Однако ко мне ан-Танья вошел один.
— Я привел сказителя, — прямо с порога начал он.
— Видел. И где же он?
— Ест. Я велел сперва накормить его — а ты тем временем пошли гонца к благородной госпоже Юнъэр Мэйланьской (можно просто Юнъэр или даже Юн, — подумал я). Ей тоже будет будет небезынтересно послушать этот… как же он сказал?.. джир. Джир о хитрозлобном якше Чэне Анкоре и его невесте!
Я прикусил язык.
Ага, значит, повеселимся…
Кос уже протягивал мне калам, чернильницу и бумагу. Я быстро написал витиевато-вежливое, но вместе с тем весьма настойчивое приглашение, запечатал его поданной Косом большой фамильной печатью Анкоров Вэйских —

совершенно непонятно, где ан-Танья ее раздобыл! — и Кос вручил послание гонцу, который уже ждал за дверью.
Гонец умчался, а я подумал, что если Юнъэр откликнется на мой призыв — а она почти наверняка откликнется — то не пройдет и часа, как она будет здесь. Вполне достаточное время, чтобы сказитель наелся до отвала.
И впрямь, спустя час без малого мне доложили о прибытии правительницы. Я встретил ее, как подобает, со всеми многочисленными церемониями — и провел в парадный зал, соответствующим образом убранный вездесущим Косом.
Два высоких кресла с бархатными подлокотниками — для нас с Юнъэр; перед ними — небольшой столик с фруктами, вином и сладостями; по углам зала курятся благовония, а посередине разложен двойной коврик для сказителя.
И ничего лишнего. Молодец, Кос!
Мы с Юнъэр чинно пересекли зал и уселись в приготовленные для нас кресла.
— Только не будем называть друг друга по именам, — шепнул я Юнъэр (Кос шепнул мне то же самое минутой раньше). — Сказитель слеп, и до поры до времени ему не надо знать, перед кем он поет. Хорошо?
Юнъэр с удивлением посмотрела на меня, но перечить не стала и согласно кивнула, колыхнув пышным узлом прически.
— Введите сказителя! — приказал я.
Двое слуг, почтительно поддерживая седобородого старца, ввели его в зал и усадили на коврик перед нами. Сказитель поерзал, усаживаясь, привычно скрестил ноги и взял то, что я решил называть дутаром.
— Тебе сказали, о чем петь? — спросил я.
— Да, о благородный господин!
— Тогда пой!
И я махнул рукой слугам. Те тихо вышли, закрыв за собой дверь. Кос вышел вместе с ними, хотя вполне мог бы остаться.
Что ж это за джир такой, что его даже Кос два раза подряд слышать не может?
— Джир о хитрозлобном якше Чэне Анкоре, о его черных деяниях и беззаконных тайнах, а также о бедах, обрушившихся на Кабир и Мэйлань из-за коварства подлого якши, да проклянет его Творец! — возвестил сказитель неожиданно высоким голосом.
Юнъэр вздрогнула, и я поспешил взять ее руку в свою…
10

Джир о хитрозлобном якше Чэне Анкоре

— Я спою вам джир о Чэне,
Чэне из Анкоров Вэйских —
Джир о том, как был убит он
Во младенчестве беспечном
Злобным Бхимабхатой Шветой,
Повелителем всех якшей,
Страшным ракшасов царем.

(…Я поздравил сам себя с безвременной кончиной и приготовился слушать дальше…)

Рос спокойно Чэн в Кабире,
Млеко матери вкушая,
Радуя родных и близких
Кротким нравом и весельем,
Но ждала беда лихая
В самом сердце эмирата
Отпрыска Анкоров Вэйских,
Ах, ждала беда-кручина,
Своего она дождалась
И вошла к Анкорам в дом.
У пруда игрался мальчик,

Веселился Чэн-младенец,
И не ведал он о смерти,
Уготованной ему.
Бхимабхата Швета-ракшас,
Двухголовый, красноглазый,
Нравом дикий, острозубый,
Медношеий, крепкорукий,
Тяжкоплечий, страшный в гневе
Утопил его в пруду.
А потом на место Чэна,
Убиенного безвинно,
Царь проклятых людоедов
Сына своего подсунул,
Кровное дитя подкинул —
Принца-якшу Асмохату,
Дав ему обличье Чэна,
Чтоб он людям нес беду.

(…Сказитель перевел дух — и я тоже. Да, теперь я понимал ушедшего Коса…)

Бхимабхата Швета-ракшас —
Меч вручил он Асмохате,
Что огнем в ночи пылает,
Что насквозь сердца пронзает
Всем, кто демона узнал.
Рос, однако, принц-подкидыш,
Притворяясь человеком —
Лишь ночами над Кабиром
В облике летучей мыши
Тенью черною летал.
Годы шли, сменяя годы,
Рос и силы набирался
Злобный якша Асмохата,
Чэном звавшийся Анкором
Меж доверчивых людей,
Но нуждался демон в крови.
В крови, что дарует силу,
Что скрепляет чародейство,
Будто тайная печать.
Стал ходить он на охоту,
Прячась под ночным покровом,
Но не ланей быстроногих,
Не оленей и не туров —
Он хватал детишек малых,
Мирно спавших в колыбелях,
И из горла кровь сосал.

(…Ишь ты! Вот негодяй… мирно спавших в колыбелях… просто плакать хочется!..)

Но однажды дикий якша
Не успел следы упрятать
Трапезы своей кровавой —
И его за преступленьем
Сам отец-Анкор застал.
Янг Анкор за меч схватился,
Но не смог ударить сына,
Одержимого безумьем —
Он не знал, что это якша,

И что Чэн лежит в пруду.
Засмеялся Асмохата,
Вынул свой клинок волшебный,
Что огнем в ночи пылает —
И пронзил Анкору сердце
И его напился крови,
Силы черной набираясь
И взывая к Бхимабхате,
Прославляя злую нечисть,
Отвергая путь Творца.
И возрадовались якши,
Ведьмы, ракшасы и дэвы,
Ибо время подходило,
Время ужаса и смерти,
Что навеки воцарится
На пылающей земле.
И явился Бхимабхата,
Страшный Бхимабхата Швета,
Двухголовый повелитель
Якшей, ракшасов и дэвов —
Он явился к Асмохате,
Своему родному сыну,
Он расхохотался злобно
И сказал ему: «Теперь
Отправляйся, Асмохата,
Под покровом темной ночи
На восток Барра-дорогой —
Доберешься до Мэйланя
И найдешь ты там на троне
Ясноглазую Юнъэр.
Соблазни ее немедля —
И наследник пусть родится,
Чтобы был он нам опорой
На земле среди людей».

(…Юнъэр как-то подозрительно покосилась на меня — и я отвел глаза, пытаясь сохранить на лице выражение невинной заинтересованности джиром.)

И отправился к Мэйланю
Хитрозлобный Асмохата,
То летел он над пустыней,
То в тени деревьев крался,
То обличья принимал он
Разных гадов и зверей.
До Мэйланя он домчался,
Во дворец вошел незримо
И возлег с Юнъэр на ложе,
Усыпив жену чужую,
И, сорвав с нее одежды,
Сделал то, за чем явился.

(…я почувствовал, что краснею…)

В срок положенный родился
У Юнъэр малыш-наследник,
И ее великим мужем,
Праведным Ю Шикуанем,
Был объявлен общий праздник —
И пришел в тот день провидец

И великий чародей.
Поглядел он на младенца
И сказал Ю Шикуаню:
«То не твой ребенок плачет
На руках жены твоей!»
Вопросил его правитель:
«Кто сей подлый осквернитель,
Что навлек на нас позор?!»
И ответил мудрый старец:
«Это — отпрыск Бхимабхаты
По прозванью Чэн Анкор.»
В гневе выбежал правитель
Из дверей опочивальни
И седлать коня велел.
Вот помчался он к Кабиру,
Меч сжимая Цзюваньдао,
Ветром мести он летел.
Но подстроили лавину
Злые ракшасы предгорий,
И в ущелье под Хартугой
Дело подлое свершилось —
Не доехал до Кабира
Гордый мститель на коне.
Погребла его лавина,
И смеялись воры-якши,
Хохотали дэвы в злобе,
И скорбели всюду люди,
И в пустой опочивальне
Горько плакала Юнъэр.
В это время Асмохата
Разгулялся не на шутку,
Убивал со смехом громким
Он людей мечом волшебным,
Что огнем в ночи пылает…

(…этот постоянно пылающий в ночи меч начал меня всерьез раздражать. Что же касается остального… очень, очень поучительная история!..)

…Кровь из жертвы выпивал он,
И на улицах Кабира
Находили мертвецов.
Уж кабирскому эмиру,
Многославному Дауду
Из семьи Абу-Салимов
Слал угрозы и проклятья
Хитрозлобный Асмохата —
И искать управу стали
На исчадье темной силы.
Долго мудрецы гадали,
Долго мудрецы искали —
И нашли в конце концов!
На турнире храбрый воин,
Чье хранится в тайне имя,
Отрубил злодею руку,
Что сжимала страшный меч.

(…«Что огнем в ночи пылает», — чуть не добавил я.)

И возрадовались люди,

Но воскликнул злобный якша:
«Рано радуетесь, люди —
Новую, стальную руку
Для потомка Бхимабхаты
Завтра выкует кузнец!»
Как сказал он — так и сделал:
К кузнецу пошел назавтра,
Золотом того осыпал —
Сделал руку из железа
Асмохате тот кузнец.
И покрыл всего железом
От подошв и до макушки —
Засмеялся Асмохата,
Ибо стал неуязвим.
Люди прятались от страха,
Хоронились за ограды,
Только их не тронул якша —
Ведь коварный Асмохата
Дело подлое задумал.
Вновь отправился в Мэйлань он,
Чтоб сыграть в Мэйлане свадьбу
Со вдовою Ю Шикуаня
Ясноглазою Юнъэр.
В это время Бхимабхата,
Ракшас Бхимабхата Швета,
Двухголовый повелитель
Якшей, ракшасов и дэвов —
Сам задумал он жениться,
Ибо жен всех предыдущих
Он успел свести в могилу.

(«…Видимо, этот Швета решил начать исповедовать Хайракамскую ересь, — ядовито подумал я. — Что ж это он — после целого гарема взять всего одну Аала-Крох?! Головы две, а жена одна, пусть даже и Шестиносая… ослабел повелитель, ослабел! Аж засов понадобился…»)

Предложил он узы брака
Матери пещерных дэвов,
Алмасты и горных духов,
Диких гулей-трупоедов
Шестиносой Аала-Крох.
Свадьбу царь задумал справить
В ночь на кладбище Мэйланя
Меж надгробий и могил —
Чтоб потом отсюда с сыном
Страшный Бхимабхата Швета
Эмиратом править мог.
Двухголовый повелитель
Почесал свои затылки,
Грозно крикнул парой глоток —
Вызвал братьев-великанов
Амбаришу да Андхаку,
Чтобы те ему достали
ВоротА Семи Небес.

(«…ВорОта», — машинально поправила Юнъэр. Сказитель сделал вид, что не расслышал, и продолжил джир…)

Ночью демоны явились —

И великие ворОта
Были вырваны из петель,
И на кладбище мэйланьском,
Проломив легко ограду,
Два могучих великана
Их оставили стоять.
И теперь грядут две свадьбы —
Асмохаты, злого якши,
Что живет в обличье Чэна
Из семьи Анкоров Вэйских,
Свадьбы якши-кровососа
Со вдовой Юнъэр Мэйланьской,
И убийцы Бхимабхаты,
Что в людей вселяет ужас,
На не менее ужасной
Шестиносой Аала-Крох.
Если свадьбы состоятся —
То погаснет в полдень солнце,
Смерть войдет в дома людские,
Мрак войдет в людские души…

11

— Вот такой веселый джир! — уже не сдерживаясь, закончил я.

Побледневшая Юнъэр испуганно смотрела на меня. Похоже, на какое-то мгновение ей действительно показалось, что я не Чэн Анкор, а якша-кровосос Асмохата в чужом обличье. Правда, надо отдать ей должное — всего на мгновение. Потом она протянула руку к столику, плавным движением взяла кубок с вином, отпила глоток, другой — и щеки ее слегка порозовели.

Вот так-то лучше…

— Скажи-ка мне, почтенный, где же ты услышал такой замечательный джир? — как ни в чем не бывало спросил я у застывшего на ковре сказителя.

— Этот замечательный джир я сложил сам! — гордо ответил старец, глядя мимо меня незрячими глазами. — А историю подмены в семействе Анкоров Вэйских — правда, вкратце — мне поведал сегодня на рассвете один добрый человек. Он даже дал мне десять золотых динаров — полновесных кабирских динаров! — чтобы я сложил этот джир и спел его на базарной площади не позже полудня. Что я и сделал, и даже значительно раньше полудня, научив этому джиру Сяо-чангира, его братьев У и Аня, а также двоих певцов с площади Фонтанов — и с каждого я брал по четыре связки монет…

— Ясно, — подумал я, хлопая в ладоши. — Если по четыре связки монет, да за каждую строчку… Курган из монет сложить можно.

Дверь открылась, и вошел Кос с двумя слугами.

— Вознаградите этого человека за его труды, — приказал я, хотя мне очень хотелось вознаградить старого дурака палками. — И отведите туда, куда он попросит.

Кос и слуги молча поклонились, помогли старцу встать и увели его прочь.

— Что ты думаешь обо всем этом, Чэн? — спросила Юнъэр, с тревогой заглядывая мне в глаза, словно боясь обнаружить там кровавые отсветы моей демонической сущности.

— Что скажу? Скажу, что кому-то очень не нравится свадьба Юнъэр Мэйланьской и Чэна Анкора Вэйского! И потом…

В дверь постучали.

— Да! — раздраженно крикнул я.

В дверь, непрерывно кланяясь, протиснулся гонец с гербом Мэйланя на дорожном чекмене.

— Сообщение для правительницы Юнъэр… — начал было он.

— Читай, — сразу перешла к делу Юнъэр.

— Осмелюсь доложить, что из храма Семизвездной Луны пропала книга Рода, куда куда вписывались все сведенья о рождениях, смертях и браках правителей Мэйланя и их кровных родичей на протяжении вот уже…

— Понятно, — перебил его я. — Похоже, что наш двухголовый Швета решил законным образом оформить свой брак с Матерью алмасты, Шестиносой Аала-Крох! Ты не находишь, госпожа Юнъэр?
И Юнъэр улыбнулась. Улыбка вышла растерянная, но все же это была улыбка. Кажется, Юн уже начала понемногу привыкать к выходкам расшалившихся ракшасов…
…Разумеется, вскоре я взгромоздился на Демона У и проводил Юнъэр до дворца (почетная стража тащилась позади, на почтительном расстоянии — то ли не хотели мешать разговору, то ли тоже слышали джир и опасались за свои жизни).
У дворца мы попрощались, я выяснил, что Юнъэр, как ни странно, почти совсем успокоилась, и через минуту я уже ехал обратно в довольно-таки сносном расположении духа.
А за три квартала до моей усадьбы из переулка вышли двое и преградили мне дорогу.
Уже темнело, но даже в полной темноте, даже будучи слепым, как наш расторопный сказитель, я узнал бы первого — крепко сбитого мужчину, на плече которого лежал большой, слабо изогнутый меч, не так много времени назад отрубивший мне руку.
Но-дачи, питомец Шулмы. И Асахиро Ли, принятый в племя.
Да, Асахиро Ли. Так звали этого человека — я помню, он еще представился мне перед турнирной Беседой…
Врал? Нет? Какая разница?!..
Второй была женщина с почти прямой саблей на боку. Если верить Саю, саблю звали Кунда Вонг. Как звали женщину — это меня не интересовало.
— Здравствуй, — просто сказал Асахиро Ли.
Со мной не было Единорога, так что я не слышал, что сказал Но-дачи.
— Здравствуй, — кивнул я. — Хоть я и не желаю тебе здравствовать.
— Убей его, Асахиро, — сказала женщина. — Чего ты ждешь?
— Это Фариза, — сообщил мне Асахиро. — Я слышал, Чэн Анкор, что ты искал меня.
— Ты не мог этого слышать, — ответил я. — Я ни с кем не делился этим. Но я действительно искал тебя.
— Хорошо. Ты меня нашел. Езжай вперед, а мы пойдем следом.
Демон с ржанием обогнул две чуть посторонившиеся фигуры, и я поехал дальше, не оборачиваясь. «Сбегут», — мелькнуло в голове. И сразу же: «Нет, не сбегут. Иначе зачем они вообще здесь?»
Да, они шли за мной.
Я часто представлял себе, какой будет моя встреча с человеком, отрубившим мне руку.
Встреча оказалась вот такой.
Простой и скучной.
И все же — встретились.

Глава 18

1

— Наверное, я должен тебя убить, — сказал Я-Единорог. — Нет, не так: я обязательно должен тебя убить. Да. Так правильно.
— Убей меня, — ответил Но-дачи, большой меч.
— Убей меня, — ответил Асахиро Ли, Придаток Но-дачи, человек с мертвыми глазами.
— Убей, но выслушай, — добавили они оба.
…Комната была тесной для нас. Я, Единорог и Дзюттэ по одну сторону стола; Асахиро Ли и Но-дачи — по другую.
За спиной Асахиро стояла смуглая Фариза, и я чувствовал на себе ее взгляд — взгляд самки барса, у которой пытаются отнять не добычу, но детенышей.
Правая рука Фаризы (тонкое, но сильное запястье, цепкие пальцы… хорошая рука!) лежала на витой рукояти сабли с крестовиной, украшенной по краям кольцами. Саблю звали Кунда Вонг, и она была безумной. Она любила Но-дачи, а он только что сказал: «Убей меня». Она любила Но-дачи, а Фариза любила Асахиро, и это было видно всем, кроме самих Асахиро и Но.

Мертвыми глазами не увидеть любви.
В трех шагах — нет, теперь уже почти в шаге от них стоял бесстрастный Кос. На его поясе недвижимо замер эсток Заррахид — и немногие знали истинную цену неподвижности Заррахида. Статуя Кос-Заррахид была высечена из самого дорогого мрамора, какой только встречается на этом свете, и левая рука Коса покоилась за отворотом блузы.
Там, скрытый до поры от посторонних глаз, спрятался Сай.
Могу представить, о чем думал Сай Второй в этот миг.
Могу — но не хочу.
Комната была тесной для нас.
Мир был тесным.
— Убей, но выслушай, — повторил Асахиро Ли, Придаток Блистающего Но-дачи.
— Убей, но выслушай, — повторил двуручный Но-дачи, меч человека Асахиро Ли.
— Убью, — согласился Я-Единорог. — А слушать не буду. Не хочу я тебя слушать.
И тут Фариза и Кунда Вонг не выдержали.
Пружина, скрытая в неистовой Фаризе, сорвалась, не вынеся напряжения, и острый клинок Кунды наискось метнулся над столом, прорываясь к моему горлу. Дзю кинулся наперерез, с нечленораздельным лязгом перехватил вскрикнувшую саблю, намертво припечатав ее к столу — а хватка у Дзю была еще та — и обнаженный Единорог уже упирался острием в нежную кожу под подбородком Фаризы.
Я чувствовал, как пульсирует тоненькая жилка на шее молодой женщины. Одно неосторожное движение…
— Еще раз вмешаешься в разговор без спроса — умрешь, — ледяным голосом заявил Обломок, не выпуская трепещущей Кунды. — Поняла?
— Еще раз вмешаешься в разговор без спроса — умрешь, — сообщил я пепельно-серой Фаризе, пытаясь точно повторить интонации Дзю. — Поняла?
— Она поняла, — вместо Фаризы и Кунды ответили Но-дачи и Асахиро Ли.
— Она все поняла.
Дзю и Единорог снова легли на стол — Обломок нехотя выпустил слабо звенящую Кунду Вонг — а поверх Блистающих лежали мои руки в чешуйчатых латных перчатках.
Только левую перчатку можно было снять.
И в мертвых глазах Асахиро мелькнуло что-то живое, когда он посмотрел на мои руки.
Мелькнуло и погасло.
Кос стоял почти вплотную к Асахиро Ли. Рука Коса по-прежнему оставалась за пазухой — и на груди ан-Таньи из-под блузы еле заметно выпирало острие Сая Второго. Этот бугорок был совсем рядом с затылком Асахиро, словно нарыв, готовый прорваться смертью.
«Интересно, смог бы он?» — подумал Единорог, имея в виду Сая.
«Интересно, смог бы он?» — подумал я, имея в виду ан-Танью.
Кос спокойно поглядел на нас и скривил свои тонкие губы в подобии улыбки. Асахиро должен был спиной почувствовать эту улыбку.
— Хороший у меня человек Кос ан-Танья, — сообщил в пространство Заррахид, так и не покинувший ножен. — Хороший… у нас человек.
Блуза на груди Коса шевельнулась, и я понял, о ком говорил эсток, говоря «нас».
Фариза отошла на прежнее место, не попадая саблей в ножны. Обеих била мелкая дрожь. И я ничем не мог им помочь.
Не собирался я им ничем помогать.
Мы шли по Пути Меча.
— Я убью тебя, — еще раз сказал я, и Фариза тихонько заскулила. — Сегодня. Сейчас. Сию минуту. Я убивал тебя все это время, с того самого момента, когда ты, Асахиро, человек — когда ты, извинившись, отрубил мне руку…
— …когда ты, Но-дачи, Блистающий — когда ты, извинившись, отрубил руку, державшую меня, — эхом прозвенел Единорог.
Остальные молчали.
— Я убивал тебя, в отчаянии поднося к своему горлу нож-кусунгобу; я убивал тебя, стоя у наковальни в кузнице Коблана: ненавидя мертвый металл на своем обрубке, сжимая стальные пальцы на рукояти меча, совершая невозможное — все это время я непрерывно убивал тебя…
— Я убивал тебя, — отозвался Единорог.

— …мечась между мудрым Муниром и гордым Масудом, вкусив крови зверя, пережив смерть Друдла, отправив твоих кабирских убийц к Тому, кто ждет их в раю, если Он их там действительно ждет — все это время я непрерывно, в душе и в помыслах своих убивал тебя и только тебя.
При последних словах о «кабирских убийцах» Асахиро Ли и Но-дачи вздрогнули.
Я-Единорог ждал.
Нет.
Они не сказали ничего.
И косого взгляда Асахиро в сторону Фаризы было достаточно, чтобы сабля и женщина остались на месте.
— Я убивал тебя, но ты не умирал. Ты оставался где-то глубоко внутри меня, и если сейчас я на самом деле убью тебя, то ты останешься во мне навсегда. Я никогда не смогу избавиться от призрака. И все-таки ты умрешь, Блистающий Но-дачи и человек Асахиро Ли. Сегодня. Сейчас. Сию минуту.
Дзю рванулся вперед и с силой ударил в клинок Но-дачи. Раздался долгий и чистый звон. В то же мгновение Единорог почти нежно погладил Асахиро Ли по щеке. Лезвием. Капля крови, набухая, сорвалась вниз и упала на большой меч, лежавший поперек стола.
И растеклась.
— Ты умер, — сказал Я-Единорог. — Отныне и навеки, ты умер, Блистающий Но-дачи и человек Асахиро Ли. Призрак, мучивший меня все это время, мертв. Я свободен и говорю тебе, мертвому — спасибо за то, что я стал тем, кем стал. Раньше ты принимал решения за других: сегодня я принял решение за тебя. Ты умер. Ты родился заново. Мы обязаны друг другу жизнью — не той, что была, но той, что начинается заново. Так что мы квиты. Я приветствую тебя.
— Я приветствую тебя, — следом за Мной-Единорогом повторил Обломок. — Смотри, младенец, чтобы мне не пришлось раскаяться в этом. Потому что мои шутки не всегда бывают смешными.
— Я приветствую тебя, — одновременно заговорили Заррахид и Кос. — Имей ты хорошего дворецкого — не гулять тебе тогда по ту сторону Кулхана. Ладно, будем считать, что тебе просто не повезло в прошлой жизни… надеюсь, в новой повезет больше.
И тут случилось непредвиденное.
— Привет, Но! — радостно завопил Сай Второй, вылетая у Коса из-за пазухи и вонзаясь в столешницу рядом с Но-дачи и Асахиро Ли. — Привет, Кунда! Чтоб вы все сломались — до чего же я рад вас видеть!.. А мы тут вас ищем, ищем…
Асахиро рывком поднял голову и посмотрел на меня.
Глаза его неестественно блестели.
Живые глаза.
Точно так же блестел клинок Но-дачи.
Живой клинок.
— Лучше б ты убил меня, — тихо сказали человек Асахиро Ли и Блистающий Но-дачи.
— Обойдешься, — ответил Я-Единорог.
— Правильно, — согласился Обломок. — Я им такую новую жизнь устрою…

2

…а потом мы долго говорили — часа два или больше, перебивая друг друга, веря и не веря, споря, соглашаясь, хмурясь и смеясь; мы говорили о Кабире и Шулме, о Мунире и Масуде, о жизни и смерти… о Коблане, Друдле, Чин, эмире Дауде, Детском Учителе, Шешезе, Гвениле, Волчьей Метле, о старом Фархаде, о руке аль-Мутанабби, о людях и Блистающих, о возможном и невозможном, о записках Фаня Анкор-Куна, о старейшинах Совета Высших и Тусклых-батинитах; о Джамухе Восьмируком и Тусклом Чинкуэде…
— Больше никто не вернулся, — взахлеб рассказывал Асахиро, и ему вторил Но-дачи, — никто из наших… только мы да Фариза с Кундой! Ну, Кургай с Шото и Тощий Ар-Фасин с двумя Саями — эти в Кабире погибли, а остальные где? Где они?! Ну хоть кто-нибудь!..
— Там же, где и еретики-батиниты Хаффы, Кабира, Дурбана и Кимены, — перебивали их Кос и эсток. — Дескать, мир не переделаешь, даже под угрозой конца света; а мы тоже люди. Или: мы тоже Блистающие. Лучше и не скажешь. Решили, небось — поживем, как следует, а придет Шулма — так умрем, как следует…
— Зря, все зря, — сокрушался Асахиро.

— Ну почему же! — возмущался я. — И ничего не зря… хотя, конечно…
Все те же три любопытные звезды мерцали за окном, дело близилось к полуночи — на улицах простучали колотушки третьей стражи, значит, полночь наступит через два часа — и у меня уже заболел язык, а у Единорога — клинок, когда Фариза и Кунда вспомнили о главном.
Точнее, о том, что еще недавно было главным для них.
О том, что заставило их преградить нам дорогу.
Сегодня днем около базара мальчишка-посыльный передал Фаризе записку.
«Пора платить, — значилось там. — Этой ночью в четвертую стражу у заброшенного водоема в квартале Цин-эрль, в восточной части города. Если, конечно, ты не боишься. Эмрах ит-Башшар из Харзы.»
Когда Фариза прочитала записку и огляделась по сторонам — у дальней коновязи она увидела Эмраха. Которого не помнила в лицо; верней, помнила, но смутно. Зато сабля Кунда Вонг отлично помнила Пояса Пустыни, Маскина Седьмого (ныне Тринадцатого), чьего прошлого Придатка она зарубила нынешним летом в Харзе — а Пояс Пустыни блестел в руке ит-Башшара отнюдь не двусмысленно.
Эмрах и Маскин насмешливо отсалютовали Фаризе и Кунде, и исчезли за коновязью.
Догнать их не удалось.
Да и к чему их догонять? — у заброшенного водоема, в квартале Цин-эрль и так далее…
Я еще раз повторил историю о Тусклых, жертвоприношении Прошлым богам и клятвопреступлении старейшин.
Вкратце.
— Плевать, — отрезала Фариза. — Одного ублюдка убила, и второго убью. Батиниты, Тусклые… дерьмо.
Как я уже понял, Фариза вообще не отличалась изяществом обхождения. Думаю, что шулмусы с радостью принимали ее в племя. Эмрах поступил умно, написав: «Если, конечно, ты не боишься». После этих слов Фариза не то что пришла бы — приползла бы к водоему и зубами загрызла бы мстителя.
Сабля Кунда Вонг — в ответ на предложение Но-дачи попросту не ходить никуда — только насмешливо присвистнула, едва не задев ухо отпрянувшего ан-Таньи. А если пойдут они — пойдет и Асахиро. Естественно, вместе с Но. Вот почему они сперва явились ко мне — если настала пора платить по счетам, то они хотели расплатиться сразу по всем. «Убей, но выслушай!» Да, они готовы были платить… Платить той монетой, которую разменяли в Шулме.
— Ох, Шулма-то рада будет, — проворчал Обломок. — Пока она еще до нас доберется — а мы тут уже сами друг друга перерезали да переломали…
— Собираемся, — коротко приказал я. — К полуночи мы должны быть у водоема. Все.
— Зачем все? — недоуменно спросили Асахиро и Но-дачи. — Вас туда не звали! Зачем судьбу лишний раз вдоль лезвия щекотать?!
— Затем. С будущими союзниками знакомиться будем. Заодно и извинимся за чужой грех вековой давности.
— Я лично извиняться не собираюсь, — вмешалась Кунда, на всякий случай косясь на Дзюттэ. — Я собираюсь драться. Меня драться звали. Ясно?
— Ясно, ясно, — оборвал ее Обломок. — А мы уж было решили, что тебя на праздничную заточку пригласили! Где ж тебя ковали, такую полоумную?!
— Молчи, Кунда, — испуганно влез Сай. — Не то он и тебя воспитывать станет…
Асахиро Ли встал из-за стола и подошел ко мне.
— Что ты задумал, Чэн? — вполголоса спросил он.
— В Шулму он идти задумал, — вместо меня ответил Кос. — А то как же! Вы там были, Джамуха был, а он — нет! Чего тут непонятного?! Я его с самого детства помню — никогда ждать не любил, хоть ребенком, хоть сейчас. Не любил и не умел. Да, вовремя я уволился…
— Хороший у нас человек Кос ан-Танья, — улыбнулся Я-Единорог. — Да, Заррахид?
— Да, — очень серьезно ответил эсток.

3

Пока мы добирались до назначенного места встречи — пешком, как советовал Фань Анкор-Кун в своих записях, и покинутый Демон У шумно тосковал в конюшне — у меня в голове бродили разные мысли, иногда забираясь в такие

закоулки сознания, куда я и сам-то опасался заглядывать. Или даже не знал о их существовании.
Возьмем, к примеру, рассказ Матушки Ци об Этике Оружия — верней, об эпохе ее зарождения — в результате чего поединки превратились в Беседы и стали бескровными. Ведь как раз тогда мы, люди, решили, что оружие — не просто вещь, но вещь-драгоценность, вещь-символ и даже вещь-святыня. То есть как бы уже и не совсем вещь. Уничтожать такую — сперва глупость, затем — грех, и наконец — святотатство. Я и помыслить-то не мог, что из-за какой-то неловкой оплошности (хоть своей, хоть со-Беседника) способен сломать Единорога. Вот и сейчас — как подумаю, так просто в пот бросает!
Опять же, одних названий оружия — если даже не считать собственных имен — великое множество. Такого разнообразия нет среди никаких других… вещей. Оружейники до сих пор спорят: Малый Крис или та же Чинкуэда — это короткий меч или все-таки кинжал? Большой Да — это еще меч или уже алебарда?!
И впрямь впору говорить о новой расе…
И все-таки — с какого момента Беседа превращается в поединок и наоборот? Где зародыш насильственной смерти?! Можно убить, ненавидя — но разве в Шулме ненавидели рабов, сходясь с ними лицом к лицу во время тоя?
Зачем шулмусы выпускали в круг чужаков?!
Они хотели доказать. Доказать не-шулмусам, не-таким, как они, свое превосходство. Это было для шулмусов жизненно необходимо — доказывать. Успешный набег — доказательство военного умения, более тучные стада — доказательство богатства, укрощение дикого жеребца — доказательство отваги; бой один на один с чужаком на глазах всего племени — доказательство силы и превосходства.
Не умеющий доказывать любой ценой, не гнушаясь никакими доводами, вплоть до убийства — умрет.
А умеющий или научившийся — будет принят в племя.
Он — свой. Теперь он — свой.
Он тоже умеет доказывать. Он — шулмус.
С белой кошмы — на пунцовую… Клинком подать.
Джамуха Восьмирукий и Чинкуэда отлично поняли это — и сумели доказать свое право на власть в Шулме, безошибочно выбрав время, место и способ.
А что доказывали Тусклые, принося жертвы Прошлым богам?
Они доказывали жизнеспособность своей расы (человечества или Блистающих) согласно канону учения Батин.
Ну а я, я сам — Беседуя с тем же Фальгримом, я ведь тоже доказываю?!
Да. Безусловно.
…И когда я понял разницу — я беззвучно расхохотался, весьма удивив этим идущих рядом Коса и Асахиро.
Фаризу было трудно чем-то удивить.
— Ничего, ничего, — шепнул я им. — Все в порядке… это я так.
И мы зашагали дальше.
Дальше…
Шулмусы и Тусклые доказывали КОМУ-ТО! Что бы они не доказывали — всегда был кто-то, кто должен был оценить весомость их доказательств! Кто-то — Творец, противник, соседнее племя, старейшина Совета, другой народ, соперник, друг, брат, прохожий, чужак…
Кто-то.
Кто-угодно.
И этот кто-то не мог быть для доказывающего со-Беседником. Ибо Беседа подразумевает общую попытку выбраться к истине.
Общую. И при этом не обязательно выбираться только к истине Батин.
Беседа подразумевает умение не только говорить, но и слушать.
А значит — слышать.
Значит — понимать.
Нельзя понимать, не гнушаясь никакими доводами; нельзя понимать, не желая услышать; нельзя услышать, перекрикивая друг друга; нельзя беседовать с врагом…
Враг — это неизбежность поединка; со-Беседник — это попутчик, с которым вместе идут по Пути, пусть даже и по Пути Меча — но при этом ты уже не один против неба. Пресеки свою двойственность… и пойми, что он — это ты.

И когда я доказываю, Беседуя с Фальгримом — в первую очередь я доказываю самому себе. А Фальгрим помогает мне в этом, потому что я не борюсь с его эспадоном Гвенилем — я борюсь с собственной леностью, гордыней, неумением; я борюсь сам с собой.
Даже если иногда мне кажется, что я борюсь с Фальгримом.
И поэтому я никогда не убью Беловолосого.
И поэтому он никогда не ранит меня.
И поэтому могучий Гвениль никогда не выщербит Единорога.
И поэтому…
— Пришли, — тихо бросает Кос, трогая меня за плечо. — Вон, за углом забора… Видишь?
Да, я видел.
И край бортика водоема, облицованный плиткой и отражающий рассеянный свет звезд; и тень рядом с ним.
— Пришли, — согласился я.
4
Я оставил своих спутников возле забора, а сам двинулся к водоему, наскоро договариваясь с Единорогом о том, что каждый из нас будет говорить сам за себя и с себе подобным.
Все равно говорим мы одно и тоже… или почти одно и то же. А когда надо оставаться начеку — не до раздвоения и внутренних голосов.
…Сказать, что Эмрах ит-Башшар удивился, увидев меня — это значит ничего не сказать.
— Ты? Как это… то есть — откуда? И зачем?!..
Говорил он невнятно, потому что трудно говорить внятно с отвисшей до пояса челюстью.
— Я, оттуда и затем, — приблизившись, сказал я. — Ну ты даешь, Эмрах… сперва сам в гости набиваешься, загадки всякие загадываешь, Беседуешь по душам — а теперь как не родной! Ты что, вправду мне не рад?!
— Я ждал не тебя, — набычившись, заявил Эмрах, и руки его как бы невзначай легли на пояс.
Поясом был Маскин Тринадцатый.
— А ты не допускаешь мысли, что она — моя возлюбленная? — задумчиво протянул я, делая вид, что не замечаю враждебности харзийца. — Моя нежная и трепетная лань…
— Кто — она?
— Она. Та, которую ты ждал. Может быть, я ревную?!.. Эй, услада моих очей, выйди к нам!..
Из темноты возник Кос — как всегда, невозмутимо-спокойный.
— Доброй ночи! — приветливо поздоровался он. — Услада очей сейчас придет. У нее серьга выпала — вот найдет и придет. А пока услаждайте очи мною. Хорошо?
— Хорошо, — покладисто согласился я. — Усладим.
— Ты еще и дворецкого сюда притащил! — прошипел взбешенный Эмрах. — Ах ты…
Чем-то он напомнил мне Фаризу — манерами, должно быть… Вернее, их отсутствием.
А какие у них получились бы дети!..
— Я не его дворецкий, — поколебать спокойствие Коса было невозможно.
— Он меня уволил. Еще в Кабире. А она — она моя дочь.
Кос подумал и добавил:
— Приемная.
— Причем вся в отца, — бросил Асахиро Ли, объявляясь рядом с ан-Таньей. — Вот поэтому без нас она на свидания не ходит. Без возлюбленного, отца и брата.
Эмрах отступил шага на два и слегка согнул в коленях свои кривые ноги.
Я подумал, что еще полгода назад ит-Башшару и в голову не пришло бы испугаться вот такой ночной встречи.
Никто бы из нас не испугался.
Сколько раз я Беседовал по ночам в Кабире?
Мои размышления были прерваны появлением Фаризы. Она появилась из мрака — высокая, гибкая, с разметавшейся копной вьющихся волос; она шла широким, уверенным шагом, и в нее запросто можно было бы влюбиться…
Если бы она молчала.

— Эй ты, ублюдок, — без обиняков сказала Фариза, — пошли, я тебя убью. Ну, чего выпучился, жаба кривоногая?!
Сомневаюсь, что после этого Эмраху захотелось бы влюбиться в Фаризу.
— Погоди, дорогая, — вмешался я. — Куда ты так торопишься? Я сейчас все устрою…
Я встал лицом на юго-восток — в небе отчетливо сверкал треугольник Южного Копья, так что ошибиться было сложно — сделал десять шагов и остановился у старой беседки. Затем я протянул руку аль-Мутанабби и трижды гулко ударил по крайней левой опоре.
— Пошли, — не оборачиваясь, бросил я.
За спиной изумленно сопел Эмрах ит-Башшар.
По-моему, он готов был признать во мне Сайид-на, Главу учения Батин.
— Давайте, давайте, — помахал я рукой ему и моим спутникам, стоявшим рядом с ит-Башшаром. — Время не ждет…
В полу беседки с легким скрипом открылся люк.
Но первым нырнул в него и стал спускаться по винтовой лестнице на встречу с Тусклыми не я.
Первым был Кос ан-Танья.
Я был вторым.
Наверное, когда я умру и придет пора спускаться в Восьмой ад Хракуташа — Кос и тут пойдет впереди меня, распахнет огненные двери и спокойно скажет:
— Прошу вас, Высший Чэн…
И если все демоны после этого не разбегутся кто куда — считайте, что я плохо знаю своего дворецкого.
Кос был первым, я — вторым, зато Эмрах — последним.
— Ассасин недорезанный, — через плечо сообщила ему Фариза.
Эмрах споткнулся и ухватился за перила.
5
Я и не подозревал, что под этой полуразвалившейся беседкой может оказаться такой зал. Стены его были выложены плитами зеркального серебра, до блеска начищенными белым песком; массивные четырехугольные колонны были украшены фигурами крылатых зверей и людей с копытами и рогами; середина зала, пол которого имел деревянное покрытие с шероховатой поверхностью, освещалась множеством факелов, и по углам курились жаровни на выгнутых ножках — только пряный дым не заполнял, как положено, помещение, а стелился вдоль стен и исчезал неизвестно куда.
А шагах в двадцати от нас стояли Двенадцать. Один спустился вместе с нами — Эмрах и Пояс Пустыни. Скорее всего, Эмрах не был Одним — Одним был, по моему разумению, Сайид-на, Глава Учения — но мне сейчас было не до иерархии батинитов, хоть старых, хоть новых.
Двое из стоявших сразу бросились мне в глаза. И не только потому, что стоя вместе с остальными, они находились как бы отдельно от всех. Худой, невероятно высокий старик с двуручной секирой-юэ, древко которой заканчивалось сверху волнистым копейным острием, а внизу — крупным набалдашником, из которого торчал короткий шип; и коренастая женщина средних лет, но совершенно седая, в руках которой было двухконечное копье с узкими ромбовидными наконечниками, ниже которых крепились цветные кисти.
Мне даже не понадобилось подсказки Единорога, что это — те самые Тусклые. Я и так каким-то внутренним чутьем ощутил, что копье и секира — это и есть те двое, кто выжил после побоища вековой давности, случившегося в этом зале. Не надо было обладать особым умом, чтобы понять — люди, в чьих руках тогда были эти секира и копье, давно умерли, и сейчас я вижу их внуков, если не правнуков… но в глазах старика и седой женщины горел древний огонь истины Батин, огонь алтаря, на котором приносились жертвы Прошлым богам.
Только они — люди и Тусклые, старик, женщина, копье и секира — никак не отреагировали на то, что вместе с теми, кого ждали здесь сегодняшней ночью, в зал Сокровенной Тайны явились еще трое людей и пятеро Блистающих.
Я, Кос, Асахиро; Единорог, Обломок, Но-дачи, Сай и Заррахид.
Среди остальных десяти батинитов-людей прокатился недоуменный шепоток; я опустил руку на рукоять Единорога и услышал отголосок такого же перешептывания среди Тусклых.
Ну да, конечно… Они же все похожи на Эмраха ит-Башшара и Пояса Пустыни! Если до тех пор, пока их не стало Двенадцать и Один, жертвы Прошлым Богам не

приносились, то из Двенадцати и Одного только двое знают, что такое кровь, не понаслышке.
Даже если у них и есть свои способы переучивания — а такие способы наверняка есть.
В этом мы превосходили их. Увы, превосходили. Почти все из нас были более Тусклыми, чем Тусклые.
И все началось гораздо быстрее, чем я предполагал. Потому что я ждал ритуала — а его не было; потому что я ждал обряда — и его тоже не было. Приветствий, проклятий, хоть чего-нибудь — ничего не было.
Высокий старик подбросил в воздух свою секиру, хлопнув в ладоши — и, прежде чем он ее поймал, Эмрах ит-Башшар выбежал на середину зала, и в его руке звонче хлопка пел Пояс Пустыни, наклоняясь в сторону Фаризы.
Радостно завизжала Кунда Вонг, и оскаленная Фариза, забыв обо всем, кинулась на Эмраха.
Они встретились как раз напротив меня. И я еще успел подумать что представлял жертвоприношение Прошлым богам как-то не так… а вот как я его себе представлял — об этом я подумать не успел.
…Обычно сабельные бои бывают шумные и быстротечные. Но на этот раз дело затянулось. И Эмрах, и Фариза не были самыми гениальными бойцами эмирата, равно как Пояс Пустыни и Кунда Вонг тоже не были первыми саблями среди Блистающих — но между собой они были примерно равны, что затягивало Беседу. Только они не Беседовали.
Еще я заметил, что гибкий Пояс Пустыни наверняка предпочитает пешие Беседы, а его нынешний Придаток Эмрах — конные, и из-за этого их совместные действия были чуть-чуть менее успешными, чем хотелось бы. Как же я раньше этого не заметил? Ах да, раньше я был внутри Беседы, а теперь снаружи…
Только это не было Беседой.
Сам Эмрах низко приседал, широко расставив кривые ноги, и передвигался короткими резкими прыжками, норовя зацепить концом Маскина Тринадцатого руки Фаризы или дотянуться до ее лица; сама же Фариза непрерывно кружила вокруг ит-Башшара, а вокруг легкой на ногу Фаризы, похожей на язык пламени, непрерывно кружилась бешеная Кунда Вонг, сбивая в сторону гневно звенящего Пояса Пустыни и стараясь прорваться поближе к Эмраху, где ее жесткость и чуть более короткий клинок давали Кунде некоторое преимущество.
Звону было — хоть уши затыкай…
И все-таки не хотел бы я оказаться на месте Эмраха! То есть окажись я все же на его месте, все пошло бы совсем по-другому — это без ложной скромности, да и какая тут скромность, когда знаешь цену сам себе и не стесняешься сказать: да, этот товар по мне, а вон тот — нет, не сегодня…
А Эмрах — он к себе еще не приценился. Месть местью, а ему — несмотря на его новую Тусклую выучку — всякий раз приходилось, нанося очередной удар, ломать въевшееся в плоть и кровь Мастерство Контроля. Слишком давно был убит Кундой и Фаризой его друг, прошлый Придаток Маскина, и первая всесокрушающая ярость прошла, так что теперь удары Эмраха и Пояса Пустыни зачастую шли не от души.
От ума они шли, от понимания значимости поединка, от осознания реальной опасности… потому и запаздывали самую малость — только здесь счет и шел на такие малости!
Зато Фариза и Кунда — обе они не грешили излишней рассудительностью, и рубили от всего сердца, ничем не руководствуясь, ничего не опасаясь и ни о чем не думая.
И я совершенно не удивился, когда лезвие Кунды полоснуло-таки по правому плечу ит-Башшара, и Пояс Пустыни, прервавшись на полувзмахе, вылетел из ослабевших пальцев и, ударившись об одну из колонн, упал на пол.
Зато я удивился тому, что сделал в следующее мгновение я сам.
Моя левая рука выхватила из-за пояса Обломка, и я швырнул его в Фаризу. То ли мне попросту повезло, то ли Обломок оказался мастером почище метательных ножей из Фумэна — но он ударил Фаризу точно в запястье, и Кунда Вонг — уже готовая опуститься на бритую макушку Эмраха — последовала за Поясом Пустыни, рухнув прямо на него и громко лязгнув от возмущения и обиды.
В два прыжка я оказался рядом с бойцами и первым делом поднял умницу Дзюттэ. Обнаженный Единорог уже чутко подрагивал в руке аль-Мутанабби.
— Прекратить! — загремел я на весь зал. — Все, хватит! Наигрались…

Я переоценил свои способности отдавать приказы. И недооценил змея гордыни, свившего свои кольца в Эмрахе и Фаризе. Потому что Фариза, вооруженная только своим дурным характером, кинулась на меня, и я едва успел оттолкнуть ее, помня о Блистающих у меня в руках, но совершенно забыв о латных перчатках — так что несчастная Фариза, задохнувшись, отлетела назад и была поймана недремлющим Косом за отворот халата.
Эмрах, чья рана оказалась неопасной, уже успел к тому времени поднять Маскина, и мне пришлось уходить от них на шаг, потом еще на один шаг; а после опомнившиеся Тусклые кинулись на помощь Тринадцатому, но их встретил Кос с Заррахидом в одной руке и с Саем — в другой, Асахиро с Но-дачи и рычащая Фариза с дымящейся жаровней в руках…
Последней, по-моему, было все равно с кем драться, лишь бы драться. Я, конечно, имею в виду Фаризу, а не жаровню.
— Не убивайте! Не убивайте их! — надсадно кричал я, принимая на Обломка чей-то меч и чувствуя, что шут с трудом удерживается, чтоб не сломать изумленно скрежещущий клинок. — Не убивайте…
По панцирю вскользь прошлось острие копья, я подпрыгнул, пропуская чужой топор, мелькнувший у самого пола; дальше я увидел совсем незнакомое лицо, потом второе — и обе мои руки в наручах и латных перчатках опустились на эти лица.
Да, чуть не забыл — вдоль предплечья правой еще лежал Дзюттэ.
— Не убивайте! — еще раз крикнул я и оказалось, что я кричу в полной тишине. Ну не то чтобы совсем в полной — но все-таки…
У моих ног стонали двое неудачливых батинитов — тот, по кому попала рука с Дзю, стонал значительно громче — чуть поодаль Кос сидел верхом на еще одном пострадавшем за истину Батин, запрокидывая ему голову при помощи Заррахида; острием Сая ан-Танья легонько покалывал своего подопечного в затылок.
Асахиро с Но загнали сразу троих в угол между стеной и крайней колонной — вся троица была вооружена короткими Блистающими (пара кинжалов и один широкий меч локтя в полтора), так что длины Но-дачи и выражения лица Асахиро вполне хватало, чтобы никто и не пытался покинуть спасительный угол.
Хуже пришлось тому ревнителю Сокровенной Тайны, по кому попала жаровня Фаризы. Впрочем, нет — хуже всех пришлось жаровне, чинить которую сейчас не взялся бы и самый трудолюбивый мастер.
Еще четверо батинитов, тяжело дыша, сгрудились поодаль, но нападать не пытались. Я оглядел валявшихся на полу Блистающих, отметил, что все они живы, и перевел взгляд на старика и седую женщину.
Они по-прежнему не двигались с места.
И все так же неподвижно наблюдали за происходящим двуручная секира-юэ и двухконечное копье.
Потом высокий человек переглянулся с женщиной и шагнул ко мне.
Я крепче сжал рукоять Единорога.
Это было неправильно — но так я лучше слышал за двоих.
— Я рад познакомиться с Высшим Чэном Анкором, более известным как Чэн-в-Перчатке, — с еле заметной усмешкой в голосе сказал старик. — Также я рад познакомиться с его достойными спутниками. Меня зовут Вардан Сач-Камал. Я — Сайид-на, Глава Учения Батин.
— Я рад познакомиться с Мэйланьским Единорогом, — приветливо произнес Блистающий-Юэ, склоняя волнистое лезвие, которым оканчивалось его древко.
— Если не ошибаюсь, вы родич Скользящего Перста? Очень, очень известное семейство… Также приветствую ваших уважаемых спутников. Я — Юэ Сач-Камал, которого немногие зовут Одним.
— Рады познакомиться? — недоверчиво спросили мы с Единорогом. — В самом деле? Даже при этих обстоятельствах?!
— Именно при этих обстоятельствах, — кивнули Вардан Сач-Камал и Юэ Сач-Камал.
— Тогда ждите нас в гости ежедневно, — как бы невзначай заявил Дзюттэ.
— Дзю! — предостерегающе свистнул Единорог.
— А что? — удивился Обломок. — Сами сказали — рады, мол, познакомиться… Не лишать же их такой радости?! Эй, Сай, толкни Коса, пусть слезет с этого… с самого радостного.

Обиженные судьбой и нами батиниты, постанывая, медленно поднимались с пола, выбирались из угла и нагибались за своими разбросанными Блистающими. На нас доблестные воины старались лишний раз не смотреть. Я подозревал, что им было стыдно. Один из них, гибкий светловолосый юноша, перевязывал плечо ит-Башшару, разорвав на полосы свою нижнюю рубаху. Я был прав — рана Эмраха оказалась болезненной, но не опасной, и Эмрах то и дело кривился и шипел сквозь зубы.
Ко мне подошла растрепанная Фариза, на ходу вставляя в ножны подобранную Кунду.
— Почему ты не дал мне добить его? — даже не зло, а как-то удивленно спросила она.
— Хватит, — повернулся я к Фаризе. — Хватит смертей. Хватит Шулмы. Раньше вы убивали, чтоб научить других. А этих, — я кивнул на батинитов, — этих учить уже не надо. Сами выучились… или выучатся. Так что — хватит.
— Он сам напросился! — запальчиво, но не совсем уверенно выкрикнула Фариза. — Он сам…
— Хватит! — отрезал я, и Фариза неожиданно умолкла.
— Ты не прав, — вмешался в наш разговор Вардан Сач-Камал, Сайид-на. — Жертва Прошлым богам в любом случае должна быть принесена. Я не в обиде на тебя за случившееся — но поединок будет продолжен. Такова истина Батин.
Фариза победно усмехнулась. Еще бы, просто бальзам на ее кроткую душу…
— Эмрах не в состоянии продолжать, — возразил я. — Он ранен.
— Тогда мы — ты и я — выставим новых бойцов, — мягкость Вардана была сродни мягкости тигриной лапы перед ударом.
— А если я откажусь?
— Тогда мы будем биться с тобой. Сайид-на и Чэн-в-Перчатке.
Я ничего не успел ответить — потому что в следующий момент по подземному залу прокатился долгий, густой и чистый звук гонга.
И еще раз.
И еще.
Я догадался, что это значит. Там, наверху, кто-то стучал по нужной опоре беседки.
— Это еще кто? — изумленно спросил тот из батинитов, кто перевязывал ит-Башшара; то же самое спросил его короткий и широкий меч.
— Очередные взыскующие истины Батин, — ответил Обломок, и мне осталось лишь повторить его слова.
— Откройте, — невозмутимо приказал старый Вардан. — Если они знают место, время и условный знак — мы должны их впустить.
Светловолосый юноша подошел к дальней стене и к чему-то прикоснулся. Сверху послышался негромкий скрежет, и вскоре по лестнице затопали шаги.
…Их было четверо. Четверо людей. Блистающих — больше.
Мой родич Лян Анкор-Кун с мечом Дан Гьеном по прозвищу Скользящий Перст. Чернобородый гигант Чандра-Дэв (я сразу вспомнил великана Андхаку) — только вместо палицы Конец мира у Чандры на поясе висел его фамильный прямой меч Кханда Вьячасена.
Лян и Чандра; Кханда и Скользящий Перст… старейшины родов людей и Блистающих.
Входящие в Совет Высших Мэйланя.
Третьей была совершенно измученная женщина неопределенного возраста в запыленной и местами порванной одежде. Из ее кожаной перевязи крест-накрест выглядывали рукояти восьми метательных ножей.
Ножей должно было быть десять. Но два кармана пустовали.
Ну а четвертой… Четвертой была неугомонная Матушка Ци собственной персоной со своим замечательным Чань-бо, свободным от тряпок!
Весьма любопытная компания!
— Зачем вы явились? — глухо спросил Вардан Сач-Камал. — Не вовремя пришло вам это в голову!.. ибо сегодня ночь жертвы Прошлым богам.
— Жертва принесена! — резко прервал его Лян Анкор-Кун, и я невольно вздрогнул. Я и не предполагал, что Лян умеет ТАК говорить.
— Жертва, старик, как бы ты ни называл ее, уже принесена! Ниру, расскажи им…
Измученная женщина обвела нас взглядом — признаюсь, мне стало не по себе — и вдруг из этих остановившихся глаз обильно хлынули слезы.
— Я… я видела, — захлебываясь рыданиями, бормотала она. — Они… они всех убили! Всех! И сожгли… деревню… я видела, я все видела!.. Я была на скалах…

двое пришли в скалы за мной. Это не люди! Это бешеные волки! Я убила двоих… волков, не людей!.. лошадь… лошадь…
И она буквально сползла на пол по полированной стене, закрыв лицо руками. Матушка Ци тут же бросилась к ней и начала успокаивать, а Чандра-Дэв выступил вперед, обнажив меч Кханду.
— Эта женщина — знахарка из деревни Сунь-Цзя на северо-западной границе Мэйланя, что в дне пути от песков Кулхан. Сегодня вечером она объявилась у моего дома. Я знаю ее — она вылечила моего сына от падучей. Говорит, сутки скакала, загнала коня — но добралась. Во дворец идти не решилась — побоялась, что не пустят на ночь глядя. Вот и пришла к первому из старейшин Совета, кого знала. То есть ко мне.
Чандра нервно облизал губы.
— Какие-то… чужаки (наверное, сперва он хотел сказать «люди») уничтожили ее деревню. Всю. Жителей убили, дома сожгли. Понравившееся оружие унесли, остальное сломали и утопили в колодце. Ниру в скалах собирала целебные травы — и оттуда видела это. Ее муж и сын погибли. Двое чужих забрались в скалы, она метнула в них ножи, забрала одну лошадь и поскакала в Мэйлань…
«Она смогла убить! — думал я. — Ну да… она же видела гибель деревни… а метательные ножи — они вообще не Беседуют, они Говорят по очереди, а на турнирах летят свободно — и в полете Мастерство Контроля совсем другое… Но — она сумела!.. чему ты радуешься, Чэн-дурак?! Чему ты радуешься?!..»
— …они пришли ко мне за советом, — это говорил уже мой родич Лян. — А какой я им мог дать совет?! И тогда я вспомнил о тебе, Чэн. Ты уже сталкивался с людьми… с людьми, которые убивают. И я подумал… подумал, что ты возможно — возможно! — найдешь нужное решение. Дома мы тебя не застали, а у ворот встретили Матушку Ци…
— И в итоге нам пришлось ей все рассказать, — хмуро пробормотал Чандра, косясь на старуху. — Иначе бы не отвязалась! Впрочем, она и так не отвязалась… Ах, как я понимал Чандру!
— Вовремя меня встретили благородные господа! — немедленно подала голос Матушка Ци. — Вот уж вовремя… иначе кто бы им дорогу сюда показал? — а я сама-то дороги не знала, откуда мне дороги всякие знать, к разным залам тайным, где многое по ночам творится… да только сердце бабке подсказывало, сердце глупой вещало, куда господин Чэн отправился, сердце подсказывало-вещало, вот и вела я, дура старая, и показывала…
— И вела, и показывала, — подтвердил мрачный Чандра. — И откуда только знала?!..
Похоже, источник осведомленности Матушки Ци оставался загадкой для всех, а старуха отнюдь не спешила просветить собравшихся на этот счет.
Я посмотрел на источник — на Чань-бо, невинно мерцающего лопатой-лезвием и полумесяцем. Видимо, старейшины-Блистающие не хотели, чтобы в роду их Придатков сохранялось знание о клятвопреступлении — а старейшины-люди и вовсе мечтали стереть память об этом — так что ни Лян, ни Чандра-Дэв о тайном зале и жертве Прошлым богам знать ничего не знали (в отличии от Кханды и Скользящего Перста).
А если и знали — то так, как знают легенду.
Другое дело — Чань-бо, если его и впрямь оставили молчаливым свидетелем, следящим за самоубийствами старейшин-Блистающих. Тогда в роду его Придатков сохранялось и знание, и память, и все, что нужно!.. не зря старуха прошлым эмирата интересуется…
Или остается предположить, что Матушке Ци второй век пошел. Хорошо сохранилась, однако, больше семидесяти никак не дать!..
— Это Шулма, — негромко, но так, чтобы все слышали, сказал Асахиро Ли.
— Это Шулма, — так же негромко прозвенел Но-дачи.
Мало кто из людей и Блистающих понял их. Одни не знали. А другие, возможно, делали вид, что не знают.
И тут заговорил старый Вардан Сач-Камал, Сайид-на, Глава Учения Батин.
— Люди отвергли Истину. Люди перестали приносить жертвы Прошлым богам. Люди — забыли. Поэтому Прошлые боги сами напомнили о себе. Нет, Чэн-в-Перчатке, мы не сойдемся с тобой в поединке, ибо жертва принесена. Большая жертва. Первая из многих, заставляющих нас повернуться лицом к Истине…
— Хорошо, Сайид-на, — кивнул я, думая о своем. — Жертвы, жертвы… много будет жертв. Чтобы их было меньше, я должен встретиться с Истиной лицом к

лицу. Поэтому я попрошу тебя об одной услуге. Не сочти за труд и поставь свою секиру вон в тот угол… Ладно?
Сач-Камал удивленно посмотрел на меня, но, тем не менее, степенно прошел в указанный угол и аккуратно прислонил к стене свою двуручную секиру.
Я посмотрел на седую женщину с копьем, которая так за все это время и не двинулась с места.
— А вы — свое копье. Прошу вас!
Женщина молча оказалась в углу — я позавидовал мягкости и скрытности ее скользящего шага — и поставила копье рядом с секирой Сач-Камала.
— Теперь вы, господа! — обернулся к родичу Ляну и Чандре-Дэву.
Те переглянулись, пожали плечами но отнесли мечи туда, куда было указано.
— Матушка Ци, будьте любезны, присоедините к ним свой Чань-бо!
Старуха повиновалась молча — за что я был ей безмерно благодарен.
Так, вроде бы все… без Но, Кунды и Сая я вполне обойдусь. Надо будет — позову.
Я зашел в угол — так, наверное, входят в клетку с пятнистым чаушем — где угрюмо выстроились Блистающие и Тусклые, и опустился на холодный пол. Моя правая рука лежала на рукояти Единорога. За поясом устроилась Дзюттэ.
«Единорог, давай ты, — подумал я. — Если будет надо, я поддержу, но не будем их смущать и отвлекать от главного.»
«Хорошо, Чэн», — был ответ.
И, отрешившись на время от мира людей, я вошел в мир Блистающих.
— Вы посмели явиться сюда! — услышал я гневный лязг, не предвещающий ничего хорошего, и понял, что это Юэ Сач-Камал. — Вы, предатели и клятвопреступники, посмели вновь прийти в этот зал!
Кханда Вьячасена и Скользящий Перст понуро молчали.
— Все вы тут хороши! — бесцеремонно перебил его Обломок. — Посмели, явились… И вообще, сожженная деревня — это ваша работа!
— Наша? — искренне удивилось копье.
— А по какому праву, — упав на пол, загремел Юэ Сач-Камал, — заговорил ты, незваный гость, нарушая разговор Старейших?!
Кханда торопливо упал рядом с Сач-Камалом и звенящим шепотом что-то сообщил ему. Единорог-Я успел разобрать всего несколько слов — «Кабирский Палач» да «фарр-ла — Кабир» — после чего Кханда умолк, а Сач-Камал налился багровыми отблесками.
— Мы не имеем к сожжению деревни никакого отношения, — произнес он после долгой паузы.
— Не имеете? — вмешался Единорог-Я. — А Чинкуэда? Один из…
— Одна, — уточнил Юэ Сач-Камал.
— Неважно! Одна из вас! Ведь ты не станешь этого отрицать?
— Не стану, — к Юэ вернулась его прежняя невозмутимость. — Чинкуэда Кехая по прозвищу Змея Шэн была одной из нас и одной из выживших после подлого побоища…
Все-таки не преминул лишний раз уколоть!
— И это вы заслали ее в Шулму! — перебил его Единорог-Я. — Чтобы на клинках Диких Лезвий Шулмы в эмират вернулась Истина Батин! Разве не так?!
— Не так, — с некоторым удивлением ответил Юэ. — Я вообще не понимаю, о чем ты говоришь. Да, Чинкуэда Кехая была среди нас троих, среди тех, кто спасся, когда эти, — он гневно сверкнул в сторону старейшин, — предали нас. Но мы не преступаем своих клятв! Мы не нарушаем Закон. И за это время мы ни разу не приносили жертв Прошлым богам. Мы искали тех, кто захочет последовать за нами. Нас должно было снова стать Двенадцать и Один! Но…
Он на миг замолчал.
— Но Чинкуэде, Змее Шэн, это пришлось не по нраву. Она жаждала мести, и это растравляло ей душу. И она убила двоих старейшин Совета, когда те ехали в Верхний Вэй. Двузубец Ма, Язык кобры, упал с подпиленного Придатком Чинкуэды бревна в реку Цун-ли, а кинжал Ландинг Терус не выдержал боя со Змеей Шэн. И мы изгнали Чинкуэду. С того дня она со своими Придатками обитала где-то на солончаках…
— Мы ничего с тех пор не знаем о Змее Шэн, — сказало двухконечное копье.
— Мы не знаем, что такое Шулма, — сказал Юэ Сач-Камал.
— Мы не знаем, что произошло в сожженной деревне, — сказали они оба.
И я им поверил.
Сразу.

Безоговорочно.
— Вы узнаете, — ответил Единорог-Я.
7
— Но, Сай, Кунда, — свистнул в моей руке Единорог. — Идите сюда!
— Асахиро, Кос, Фариза! — крикнул я. — Идите сюда!
Они подошли.
Они рассказали.
Коротко и ясно.
И им поверили.
Сразу и безоговорочно.
Потому что врать или сомневаться уже не оставалось времени.
— …думаю, что это вторжение, — закончил Но-дачи. — Начало его.
— Начало конца, — брякнул Сай.
И тут впервые заговорил Чань-бо. Он говорил негромко и словно бы отстраненно — но все молчали и слушали, что говорит Посох Сосредоточения.
— В нашем мире не бывает начал и концов, — сказал Чань-бо. — В нем случаются уходы и возвращения. Сегодня к нам на остриях Диких Лезвий Шулмы вернулась Сокровенная Тайна Батин. Это — свершилось. У нас есть три пути, начинающиеся с порога этого зала. Можно оставить все, как есть, достойно прожить отпущенный нам срок и достойно умереть такими, какими мы есть. Можно сменить достоинство на ярость и выйти навстречу Шулме, став такими, как они. И есть третий путь — стать такими, как они, оставшись собой. Я не знаю, возможно ли это. Выбор — за вами.
И он умолк.
— Мы не можем покорно ждать их прихода, — прозвенел Кханда.
— Не можем, — согласился Скользящий Перст.
— Но и стать такими, как Дикие Лезвия, смогут немногие, — заметил Заррахид.
— Немногие, — согласился Юэ Сач-Камал.
— Чань-бо предложил нам три пути, — тихо сказал Единорог-Я. — Но Чань-бо не прав.
Воцарилась мертвая тишина.
— Он не прав, — повторил Единорог-Я. — Это все один Путь. Путь Меча. Мы не выбираем его, мы даже не идем по нему — он идет через нас. И поэтому когда нам кажется, будто мы выбираем — мы просто делаем еще один выпад. Свой выпад я сделаю утром. Уехав на границу с песками Кулхан.
— Мы слушаем тебя, — прошелестел Чань-бо. — Говори. Я предложил разные пути, ты же не предлагаешь — ты видишь Путь. Говори, Мэйланьский Единорог.
— Юэ Сач-Камал, — продолжил Единорог-Я, — ты должен знать способы, как учить Блистающих… как учить их быть Тусклыми, когда это надо. Ты знаешь?
— Я знаю, — отозвался Юэ.
— Хорошо. Кханда и Скользящий Перст, вы забудете о клейме клятвопреступления и самоубийствах! Завтра вы введете Юэ Сач-Камала и тех, кого он скажет, в Совет Высших Мэйланя, и пусть остальные узнают все! Если понадобится — вы вспомните то, что умели век назад, и будете учить этому всех… и чтоб никаких мне оползней, колодцев и колес арбы! Никаких случайностей!
— Да, — чуть слышно звякнул Скользящий Перст.
— Да, — эхом откликнулся Кханда.
— Если присланный мною гонец скажет вам: «Да» — учите! Если же он скажет «Нет» — решайте сами… я не вправе требовать от вас большего. И помните, что время неумолимо…
8
— …и помните, что время неумолимо, — закончил я, повторив все, что было нужно, собравшимся вокруг меня людям.
— Ты что же, один собираешься ехать? — вкрадчиво поинтересовался Кос, и я понял, что поеду не один.
— Да куда ж я от тебя-то денусь? — невесело улыбнулся я своему бывшему дворецкому.
Кос согласно кивнул.
Никуда, мол, не денешься… и не надейся.
— Я с тобой, — положил мне руку на плечо Асахиро Ли.
— Да. Ты — со мной, — согласился я.
— Никуда вы не поедете, — уверенно заявила Фариза. — То есть никуда вы не поедете без меня. Разве что через мой труп.

Я поглядел на нее и убедился, что без нее мы действительно никуда не поедем. Даже через ее труп. Потому что труп Фаризы поедет следом.
— Чэн, ты, конечно, можешь меня прогнать, — подал голос сидевший на полу Эмрах ит-Башшар, — только я все равно увяжусь за вами. Я перед тобой в долгу и…
Я обреченно махнул рукой. Уехать из Кабира было во сто крат проще!
— Только его нам и не хватало! — фыркнула Фариза, но, как ни странно, обошлась на этот раз без оскорблений в адрес удрученного Эмраха.
Молодые батиниты все это время о чем-то тихо совещались — и теперь от них отделился один представитель.
Тот самый гибкий юноша со светлыми волосами, что перевязывал плечо ит-Башшару.
— Мы едем с вами, Высший Чэн, — склонил он голову передо мной.
— У вас есть дело здесь, — как можно мягче ответил я. — Возможно, придется учить других истине Батин.
— Мы не можем учить других тому, чего до конца не познали сами.
— Тогда вас убьют.
— Может быть, — спокойно ответил он. — Мы готовы к смерти. Но те, кто выживет, увидят свет Сокровенной Тайны, и их жизни еще пригодятся тебе, Чэн-в-Перчатке.
Я тяжело вздохнул.
— А что скажешь ты, Сайид-на?
— Пусть едут, — отозвался Вардан Сач-Камал. — Они вольны в своих поступках. И их ведет свет истины Батин. Пусть едут.
Я молча развел руками.
— …а я покажу вам дорогу.
Знахарка Ниру стояла у стены. Слезы в глазах ее высохли, губы были плотно сжаты. Она поглядела на меня в упор — и я поспешил отвернуться.
Моего согласия тут не требовалось.
— Спасибо, Ниру… Кстати, сколько их было?
— Не помню.
Ладно. За тем и едем.
— Ай, бедная я, горемычная старуха, побродяжка несчастная! — раздался у меня над самым ухом истошный вопль Матушки Ци. — Не бросайте меня, благородные господа, пропаду я здесь одна-одинешенька, чахлым стебельком завяну — а так, глядишь, и сгожусь на что, и дорога веселее покажется, и совет какой дам, да и вообще — не бывала я в тех краях, а давно уж собиралась, ох, давненько, только не выходило никак, а теперь вижу…
— Ушастый Демон У с ней! — рявкнул Кос. — Пусть ее едет… ведьма старая! Глядишь, язык шулмусы отрежут!..
— Вот спасибо так спасибо, благородные господа! — нимало не смутившись, затараторила Матушка Ци. — Вот спасибо разспасибо, прям-таки всем спасибам спасибо…
Я застонал и схватился руками за голову.
9
…Выезжали мы на рассвете. Семнадцать человек. Блистающих — больше.
Собраны по-походному — провизия, малые и большие шатры, бурдюки с водой…
На окраине Мэйланя — я имею в виду город — я придержал Демона У, недовольно грызущего удила.
Ну вот, не так давно я точно так же выезжал из Кабира. Только нас тогда было двое. Я да Кос. А теперь… много нас теперь. Или мало? Смотря для чего считать и с кем мериться… И, разумеется, Юнъэр все передадут, как в свое время эмиру Дауду — тот же Лян и передаст — но…
На душе было тоскливо. Эмир хоть замуж за меня не собирался!
Да, неведомые якши и ракшасы добились своего — наша свадьба откладывалась на неопределенный срок. Если она вообще когда-нибудь состоится…
Прости меня, Юнъэр.
Прости меня, Чин.
Простите меня все, кому есть за что прощать Чэна-в-Перчатке.
Один я сейчас или не один — ну не умею я стоять спокойно против неба! Все куда-то еду, все чего-то ищу… все кого-то бросаю.
— Вперед! — закричал я, и из-под копыт Демона во все стороны брызнули мелкие камешки…

ПОСТСКРИПТУМ

…а проклятая деревушка сгорела почти мгновенно.

Нойон племени ориджитов, рыжеусый Джелмэ-багатур, сперва взирал на это с весельем, потом равнодушно, и наконец — дергая себя за вислый ус и озабоченно хмурясь.

Гурхан Джамуха будет недоволен. Он ждет от осторожного и хитроумного Джелмэ путей через Кул-кыыз; путей, по которым способно пройти множество воинов.

Гурхан Джамуха ждет от Джелмэ-багатура подробного рассказа об источниках, тайных тропах и заброшенных колодцах: он ждет от нойона племени ориджитов-следопытов многого, но он не ждет преждевременной паники в народе мягкоруких.

Плохо, что деревня так неожиданно вынырнула из-за холмов; и, наверное, все-таки хорошо, что деревянные дома с ширмами из плотной ткани внутри вспыхивали от первого прикосновения факела, как девственница шатров Хуул-джай, прибежищ мужчин в редкие часы отдыха, от первого прикосновения истосковавшегося воина.

Джелмэ-багатур задумался над тем, почему в шатрах Хуул-джай все обитательницы — девственницы (во всяком случае, поначалу); потом он сожалеюще поцокал языком, так и не раскрыв эту загадочную тайну, и вновь уставился на слабо чадящую деревню.

Еще немного — и даже дыма не останется от поселения мягкоруких. Это хорошо.

Вдвойне хорошо — потому что воины-ориджиты все тела чужих погибших (своих погибших не было) бросили в огонь, и пламя жадно пожрало предложенную ему пищу. Пусть горят. Это лучшее, на что они способны.

Лучшее — потому что умирали мягкорукие легко и странно. Вряд ли воины племени ориджитов захотят хвастаться в родной Шулме сегодняшними подвигами.

Сам Джелмэ-багатур трижды подумает, прежде чем рассказывать кому-нибудь о тринадцатилетнем подростке, бросившимся под копыта коня нойона с рогатиной наперевес, и о том, что прославленный багатур потратил на бешеного звереныша больше времени, чем тратил когда бы то ни было в жизни на одного бойца — пусть даже самого опытного.

Несколько раз рогатина, словно издеваясь, замирала то у лица, то у живота Джелмэ, и лишь когда нойон отсек мальчишке левую кисть — лишь тогда все стало на свое место.

Никогда не забудет Джелмэ-багатур то удивленное выражение, которое окоченело на лице подростка. Вот тогда-то Джелмэ поднял за волосы чью-то отрубленную голову, швырнул ее в огонь и завыл волком:

— Жгите! Жгите все!.. Хурр, дети Ориджа! Жгите!..

Нет, не станут воины рассказывать у костров Шулмы о костре по ту сторону Кул-кыыз. И шрамами хвастаться не будут — не осталось памятных рубцов от этой схватки.

Да и схватка ли это?

Ни один ориджит не ранен… даже не поцарапан. Как и обещал великий гурхан Джамуха Восьмирукий, внук Владельца священного водоема, Желтого бога Мо.

Каждое слово гурхана ценнее смерти врага… может быть, его недовольство будет крепко спать по возвращении Джелмэ-багатура и не проснется от важного сообщения о путях через Кул-кыыз и совсем тихого упоминания о сожженной деревушке?

Ведь никто не ушел…

Спи, недовольство гурхана Джамухи, спи вечным сном! Джелмэ хорошо знает, что означает для любого нойона приглашение в круг, где уже ждет Восьмирукий со своим волшебным мечом. Уж лучше попросить телохранителей-тургаудов закатать тебя в кошму и соединить пятки с затылком, ломая становой хребет.

Это гораздо проще и быстрее, чем быть в кругу соплеменников игрушкой Восьмирукого. А он способен долго играться, великий гурхан Джамуха, внук Желтого бога Мо…

Джелмэ-багатур привстал в седле и посмотрел поверх догорающей деревни на юго-запад, туда, где громоздились неприветливые серые скалы. Нойона беспокоило долгое отсутствие двоих воинов, посланных туда на разведку. Нойон не знал, что оба воина лежат сейчас неподалеку от расщелины Ху-коу, что на местном языке

означает «Пасть тигра», и у каждого воина из того места, где ворот кожаного панциря-куяка открывает горло, растет цветок метательного ножа.
И женщина с безумным взглядом несется к Мэйланю по тайным дорогам, горяча чужую косматую лошадь.
Пожалуй, если бы Джелмэ-багатур обладал даром предвидения, как шаманы Ур-калахая, то он уже сейчас приказал бы телохранителям-тургаудам закатать себя в кошму и соединить пятки с затылком…
Нет, он не был провидцем, нойон Джелмэ. Поэтому он просто сильнее обычного дернул себя за ус, скривился от боли и вновь уставился на пепелище.
Кривая сабля на боку Джелмэ-багатура с легким бряцанием постукивала о седло. Словно смеялась.

КНИГА III. ШУЛМА

ЧАСТЬ VII. ВОПЛОЩЕНИЕ ЖЕЛТОГО БОГА

Там и сям виднелись отрубленные головы, валявшиеся в пыли; у одних верхняя губа была гладко выбрита, у других были красивые носы, на некоторых были опрятно приглажены волосы, иные были украшены убором или же серьгами.
Махабхарата, книга о Вирате

Глава 19

1

— Стояли двое у ручья, у горного ручья,
Гадали двое — чья возьмет? А может быть — ничья?
Стояли двое, в дно вонзив клинки стальных мечей,
И тихо воды нес свои израненный ручей…

…Я сразу узнал их. Нет, я ни на миг не усомнился в том, что все это — сон, что на самом деле я лежу в походном шатре рядом с ровно дышащим Чэном — но узнал я их сразу.
Повитухи-оружейники, Масуд и Мунир. И двое Блистающих, до половины скрытые в воде, отчего трудно было угадать их род — то ли Прямые мечи, и лишь вода искажает силуэт, то ли и впрямь клинки их слабо изогнуты.
Никаких свидетелей, никакой молнии, никаких страшных клятв… тишина и покой.

— Стояли два меча в ручье — чего ж не постоять?
И отражал, журча, ручей двойную рукоять,
И птиц молчали голоса, и воздух чист и сух,
И упирались в небеса вершины Сафед-Кух,
Вершины Белых гор…

Пятнистая рябь мимоходом пробежала по миру моего сна — такая порой бежит по клинку, обнаженному летним солнечным днем в тутовых зарослях — и Блистающие в ручье на миг заколебались, их очертания дрогнули, расплылись, а когда мир снова стал незыблемым…
Один меч стоял в ручье. Один как перст, один против неба — и в том месте, где вода соприкасалась с клинком, меч не уходил вниз, чтобы вонзиться в дно, а

плавно перетекал в серо-стальную полосу ручья и бежал дальше, дальше, огибая камни, всплескивая брызгами-искрами, журча, посвистывая, смеясь… смеясь над изумленными горами, над плывущими по течению листьями, над самим собой и надо мной.

И нет мечей, но есть ручей — смеясь и лопоча,
Несется он своим путем, своим Путем Меча,
Сам по себе, один из двух, закончив давний спор,
В глуши отрогов Сафед-Кух, заветных Белых гор…

Двое людей, мирно беседующих между собой, неторопливо приблизились к ручью-Блистающему, не останавливаясь, вступили на его поверхность и по-прежнему медленно двинулись вниз по течению. Отойдя на десяток шагов, один из них обернулся через плечо и приглашающе махнул рукой — присоединяйтесь, мол!..
И я, невесть каким образом оказавшийся в ножнах у Чэна на поясе, не раздумывая, качнулся и хлопнул Чэна по бедру, а он улыбнулся и ответно помахал удаляющимся людям правой, железной рукой — иду, иду, подождите меня!.. и когда мы вышли на ручей-дорогу, на меч-дорогу, то у рукояти заржал привязанный к ней, как к коновязи, черный жеребец — и Чэн, распустив узел, подобрал поводья и легко прыгнул в седло, а я звонко ударился о круп ржущего Демона У, и скрепы ножен сверкнули под лучами полуденного солнца.
Потом я краем лезвия посмотрел вперед, и увидел, что вместо двоих людей по Пути Меча идет всего один, удивительно похожий на обоих сразу, и немного — на Коблана, и еще на Друдла, и… и, наверное, это было невозможно, но это было, и я был счастлив оттого, что это было.
Копыта коня ударились о дорогу, расплескивая ее гладь, и мы двинулись вперед. От рукояти — в бесконечность.

Легенды — ложь, легенды врут, легенды для глупцов,
А сталь сгибается, как прут, в блестящее кольцо,
И нет начала, нет конца у этого кольца,
Как рая нет для подлеца и меры для скупца…

И поэтому я даже не удивился, когда в ответ Демону У раздалось ржание иного жеребца, того гнедого призрака, на котором мы с Чэном уже неслись когда-то через город-призрак, через пылающий Кабир восьмисотлетней давности… гнедой ржал, пока его отвязывал от рукояти Пути Меча невысокий стройный человек в знакомом доспехе и с ятаганом у пояса, тяжелым ятаганом с простой рукоятью без самоцветов и серебряных насечек.
«Фархад! — хотел позвать я. — Фархад иль-Рахш!..»
Но Фархад иль-Рахш и Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби уже проскакали сквозь нас, и вновь мы остались одни — я, Чэн и несущийся во весь опор Демон У, и путник впереди, и рукоять позади, и Белые горы Сафед-Кух вокруг, и…
«Одни? — рассмеялось небо над нами. — Одни? Одни против меня?!»

Мне снился сон. Спроси — о чем? Отвечу — ни о чем.
Мне снился сон. Я был мечом. Я был тогда мечом.
Я был дорогой и конем, скалою и ручьем,
Я был грозой и летним днем,
Прохожим и его плащом,
Водою и огнем…

2

Проснувшись, я некоторое время просто лежал рядом с Чэном, чувствуя на себе спокойную тяжесть его правой руки и разглядывая приспущенный полог шатра.
Два дня дороги от Мэйланя сюда, почти к самой границе песков Кулхан, порядком утомили меня. И даже не столько утомили, сколько заставили частенько ощущать

себя лишним, неумелым лжецом, словно я зачем-то нацепил ворованные ножны Шешеза Абу-Салима и пытался убедить окружающих, что на самом деле я — ятаган фарр-ла-Кабир.
Я лежал и лениво перебирал в памяти горсточку событий, которыми были не столь богаты прошедшие дни…
…Потерявшее двоих своих братьев семейство Метательных ножей Бао-Гунь, равно как и их Придатка, знахарку Ниру, все время приходилось сдерживать — иначе они непременно бы загнали свою лошадь, пытаясь повторить небывалый суточный перегон от деревни Сунь-Цзя до Мэйланя, а заодно уморили бы всех остальных коней и половину людей. Тем не менее, ехали мы достаточно быстро, лишь дважды в день устроив короткие привалы, на которых я помимо воли отмечал несовершенство тел Придатков и лошадей — они нуждались в еде, питье, а также в гораздо более длительном отдыхе, чем мы, Блистающие, что существенно замедляло наше продвижение.
Странно — раньше я никогда не размышлял ни о чем подобном воспринимая действительность такой, какой она вышла из кузницы Небесных Молотов. Порядок вещей казался естественным и единственно возможным; да он и сейчас был таким, но… за все нужно платить. Люди и животные платили быстрым разрушением тел за свою подвижность, а мы, Блистающие — невозможностью самостоятельно передвигаться так, как нам хотелось бы, за долгий век и застывшее совершенство своих стальных тел.
Вот так-то… подумали, посетовали на жизнь и поехали дальше.
…Ехали почти не разговаривая. Метательные ножи, я с Обломком, Заррахид с Саем — во главе отряда; чуть отстав — Пояс Пустыни, Но-дачи и Кунда Вонг, а за ними и все остальные.
Поглядывая время от времени на скачущих позади Маскина Тринадцатого и Эмраха ит-Башшара, Я-Чэн всякий раз отмечал ту легкость и уверенную посадку, с которой они держались в седле; и кривые ноги Эмраха обнимали бока жилистой буланой кобылы с той же естественностью, что и Пояс Пустыни — талию своего Придатка.
Лишь теперь Чэн-Я начал понимать, отчего неугомонный Друдл в свое время прозвал харзийца Конским Клещом. Да уж, отнюдь не за въедливость или привычку цепляться к собеседнику хуже репейника… Что-что, а обращаться с лошадьми Эмрах умел. И Кос с Заррахидом, и Кунда с Фаризой, и Но-дачи с Асахиро, и даже Ниру с ножами Бао-Гунь — все они выгодно отличались от Меня-Чэна знанием конских статей и повадок, но до ит-Башшара и Пояса Пустыни им было далеко.
Впрочем, выносливость и ровный шаг Демона У частично скрадывали нашу относительную неумелость, и я довольно быстро приловчился не хлопать раздражительного Демона по боку, когда не требовалось.
А большего от нас никто и не ждал.
Не скачки, однако…
…Мы проезжали разбросанные в низинах деревни, затопленные рисовые поля, тенистые рощи — и только к вечеру перед нами выросла невысокая горная гряда, освещенная багровыми отблесками предзакатного солнца.
— Остановимся на ночлег? — тихо спросил Заррахид.
Я согласно кивнул, потом подождал, пока Чэн придержит Демона У, и вылетел из ножен, вскинувшись вверх.
Все послушно остановились.
— Привал! — звонко объявил Я-Чэн. — Разбиваем лагерь!..
Ниру и ножи Бао-Гунь, похоже, собирались скакать всю ночь, но внешне ничем не выказали своего недовольства, признавая в нас с Чэном предводителей.
Остановились мы в небольшой ложбине, по каменистому дну которой протекал ручей, скрываясь в осыпи. Коней тут же стреножили и пустили пастись на склоны, а Заррахид с Косом немедленно принялись втихомолку советоваться с Но-дачи и Асахиро, и громогласно отдавать распоряжения от нашего с Чэном имени.
Распоряжения оказались на редкость толковыми, лагерь обустроился быстро и, по-моему, у всех сложилось впечатление, что этим они обязаны исключительно нашему мудрому руководству — хотя на самом деле Я-Чэн понятия не имел, как разбивается походный лагерь (если не предполагать, что он разбивается на мелкие части, после чего все расходятся удовлетворенными).

Правда, последователи истины Батин — не считая Пояса Пустыни с Эмрахом — тоже мало что смыслили в походной жизни, так что наше невежество осталось почти незамеченным.
Вот вам и предводитель! Тут не то что страной — небольшим отрядом, и то управлять не умею…
…В центре лагеря уже вовсю полыхал костер, и Ниру с Матушкой Ци под руководством вездесущего Коса усердно колдовали над каким-то варевом.
По мнению Чэна, варево пахло весьма аппетитно.
— Зеленая шурпа с кореньями! — наконец объявил ан-Танья, и сразу же добавил: — По фамильному рецепту семьи Анкоров Вэйских!
Чэн о подобном рецепте и слыхом не слыхивал, но все ели да похваливали — сам Чэн похваливал бы громче всех, но стеснялся — а мы, Блистающие, собрались тем временем в большом шатре.
Говорили вползвона и как-то скупо. О чем? О том, что завтра мы, скорее всего, доберемся до несчастной деревни Сунь-Цзя близ границы песков Кулхан — вернее, до того, что от этой деревни осталось; о том, что Диких Лезвий Шулмы там уже наверняка не окажется — и нам придется искать их неизвестно где и неизвестно сколько…
О том, что шулмусы могли успеть попросту отправиться обратно через Кулхан — об этом старались не говорить. Как и о том, что будет, когда (если) мы их настигнем.
Кунда все время зло ругалась, а Обломок угрюмо помалкивал.
Потом вернулись сытые люди, и мы с Но-дачи отправились по-Беседовать при свете костра на сон грядущий. И все получилось очень даже неплохо. Просто здорово получилось. Изящно и красиво, в лучших традициях эмирата.
И тем, кто смотрел на нас — им, тоже, по-моему, понравилось, хотя мы с Но не очень-то обращали на них внимание.
А после все пошли спать.
Кроме часовых.
3
Утром собрались по-прежнему споро и деловито — я честно напускал на себя озабоченный блеск, предоставив реально распоряжаться Косу с эстоком. В конце-то концов, должен быть у предводителя толковый помощник? Должен. Хвала Небесным Молотам за это? Понятное дело, хвала!
Ну и не будем сами себя перековывать!
Маскин с Эмрахом пригнали коней. Я-Чэн прекрасно видел, с какой откровенной завистью эта парочка поглядывает на нашего Демона У. Что ж, всяк хорош на своем месте — это я о себе, не о них…
— Послушай, Маскин, — обратился я к харзийцу, зная, что Чэн говорит то же самое Эмраху, — я тут подумал… Забирай себе моего Демона! Я все равно наездник не ахти — а твоему Придатку такой конь в самый раз придется. И не спорь со мной! Бери Демона, а я велю заседлать твою буланую…
Маскин Седьмой-Тринадцатый сверкнул и тут же погас.
— Я и не спорю, — ответил он. — Не спорю, но и Демона не возьму. Сразу видно, Единорог, что ты на пеших Беседах вырос… как и вся твоя родня. Это же твой конь, понимаешь? Твой! Не говоря уже о том, что он — дареный… Да он и не подпустит к себе другого Придатка, кроме твоего Чэна! А нашу буланую я знаю, и чего от нее ждать — тоже знаю… а ждать от нее можно многого, так что ты не очень-то зазнавайся! Договорились?
Я согласно качнулся, а Чэн молча отошел в сторону, задумчиво хмуря брови.
…И мы снова ехали, взбираясь все выше и выше, тропа становилась уже и круче, она вилась над обрывами, испуганно вжималась в скалы — мы двигались медленно, осторожно, опасливо, но мы двигались вперед.
Незадолго до полудня мы благополучно миновали перевал — и увидели.
Перед нами внизу — но не слишком далеко, потому что эти горы не были горами Сафед-Кух — скоплением черных угольев лежало то, что еще совсем недавно называлось деревней Сунь-Цзя. Вокруг пригоршни праха были разбросаны неровные желто-зеленые пятна полей и огородов, а еще дальше — но все равно клинком подать, если смотреть с перевала — до самого горизонта, выбеленного неумолимым солнцем, сколько хватало взгляда, простирались бурые и бесстрастные пески.
Кулхан.
Плохие пески.

И не просто, а очень плохие.

4

Деревня сгорела. Полностью. Дотла. Я и не знал, что поселение способно сгореть таким образом. От домов остались лишь почерневшие обвалившиеся остовы, которые неутомимый труженик-ветер уже наполовину занес песком. Из-под обугленных развалин кое-где выглядывали присыпанные пеплом кости и черепа.

Я все чаще просил Чэна убирать руку аль-Мутанабби с моей рукояти, чтоб не чувствовать за двоих тошнотворный смрад застарелой гари и паленого, разлагающегося мяса.

Он убирал руку — но это помогало мало. Совсем это не помогало.

Мы заставляли себя смотреть. Мы заставляли себя запоминать. И не отворачиваться. То, что было с нами до этой минуты, выглядело сейчас мелкой забавой. Чэну-Мне особенно врезалась в память яркая тряпичная кукла, которую огонь и ветер по неясной прихоти пощадили, и сжимавшая ее детская рука. Просто рука, без тела. Кукла, рука и ветер, играющий с горелым песком.

До сих пор у любого из нас была возможность выбора. Выбора пути, выбора между жизнью и смертью — другое дело, какой ценой! — выбора того или иного поступка. А какой выбор был у этого ребенка?!

Эту деревню — такой, какой она была сейчас — стоило сохранить. И возить сюда Блистающих, желающих научиться убивать.

Они научились бы.

И таких деревень стало бы много.

«Вот она — безысходность истины Батин», — подумал Я-Чэн.

Но вслух мы ничего не сказали.

…Ни одного Блистающего мы не нашли. Те, кого шулмусы и Дикие Лезвия не забрали с собой, были убиты и сброшены в колодец.

Прообраз священного водоема Желтого бога Мо.

Мы молча постояли над этой могилой, обнажившись — и двинулись прочь.

Вокруг нас сочилась пылью и страхом Шулма.

Отныне — Шулма.

5

— Куда они могли направиться?

Ножи Бао-Гунь не ответили. Взгляд знахарки Ниру не выражал ничего, губы плотно сжаты.

— Куда они могли направиться?!

Не сразу, но смысл вопроса дошел до них.

— Туда, — острие одного из ножей и правая рука Ниру указали на северо-запад, к невидимой отсюда границе песков Кулхан. — Если не задержались, осматривая окрестности.

— Почему именно туда?

Я уже понимал, что это еще не нашествие, а просто передовой отряд, который не двинется вглубь страны до подхода основных сил.

— В это время года в Кулхан можно войти и выйти только там. Левее — зыбучка. Справа — черный песок, кони собьют копыта.

— Даже подкованные?

— Подкованные — на день позже.

— Тогда — едем!

Кони с облегчением рванулись вперед — и вскоре бывшая деревня Сунь-Цзя скрылась за пологими холмами, поросшими редким клочковатым кустарником.

Ехали до самого заката.

Когда начало темнеть — разбили лагерь. Ни шуток, ни разговоров, ни Бесед. Люди молча поужинали и, выставив дозор, забрались в шатры.

Я лежал рядом с Чэном. Его правая рука покоилась на мне.

Мыслей не было. Только гулкая звенящая пустота — одна на двоих.

Сон долго не шел.

Потом пришел.

Тот самый сон.

А потом мы проснулись.

6

…Заррахида с Саем, равно как и Коса, в шатре не было — мы с Чэном отыскали их снаружи, где они предавались обычному занятию: оба Блистающих (Сай уже понемногу начал перенимать замашки эстока) и деятельный ан-Танья всячески распоряжались.

Причем распоряжались сразу всем: приготовлением завтрака для Придатков, свертыванием лагеря, седланием лошадей, и так далее, и тому подобное, не считая множества разных мелочей. Распоряжения шли, разумеется, от имени Высшего Дан Гьена и Высшего Чэна Анкора. Мы с Чэном их всемерно одобрили (про себя!) и принялись наблюдать за всей этой суматохой, изображая снисходительное удовлетворение расторопностью своих дворецких.
Благодаря тому, что мы молчали и ни во что не вмешивались, отряду весьма быстро удалось продолжить путь.
Нас по-прежнему вела семья Метательных ножей; Чэн скакал бок о бок с их Придатком, знахаркой Ниру. Слева, сразу за узкой полоской полей, по краю которой мы ехали, возвышались скалы, справа — подступала изрытая оврагами, иссохшая и покореженная земля.
Еще не Кулхан, но уже — почти.
Почти.
Это только в Беседе почти не считается…
Проехать, как я понял, можно было только здесь — и я старался не думать о том, что будет, если дичь давно ушла от преследования.
Поля вскоре закончились, начались унылые солончаки, безрадостно-одинаковые, а за ними просматривалась гряда песчаных барханов.
Мохнатая неказистая кобылка, на которой ехала Ниру с ножами Бао-Гунь, остановилась.
— Вон граница песков Кулхан, — неторопливо звякнул верхний нож.
Я выскользнул из ножен и взмыл над головой Чэна.
Вскоре наш растянувшийся отряд собрался вокруг нас.
— Они должны были выйти именно сюда? — осведомился Чэн у Ниру.
— Да, — коротко отозвалась та. — И пришли тоже отсюда.
— Тогда снимаем поклажу и осматриваем окрестности. Глядишь, отыщутся какие-нибудь следы…
Пока коней освобождали от тяжести свернутых шатров, провизии и бурдюков с водой, мы с Чэном подъехали к Асахиро и Но-дачи.
Кстати, только сейчас я сообразил, что Обломок за всю дорогу так и не произнес ни единого слова.
— Как ты думаешь, Но, где их искать? — негромко поинтересовался я.
И увидел, как Дзю глядит куда-то в сторону, высовываясь у Чэна из-под локтя.
— Не надо их искать! — громко и отчетливо заявил Дзю.
И уже тише добавил:
— Вон они… сами нашлись.
Это и были первые слова шута за истекшие двое суток дороги.
7
…Облако глухо ворчащей пыли неслось на нас. Нет, не неслось — расстояние было довольно-таки большим, и поэтому казалось, что облако просто разрастается, вытягиваясь поперек собственного пути, выгибаясь краями навстречу нам, словно буро-ржавый Чань-бо устремлял вперед свой полумесяц…
— Ориджиты, — бросил Асахиро.
— Кто? — не оборачиваясь, спросил Я-Чэн.
— Дети Ориджа. Племя такое…
— Откуда знаешь?
— Вижу…
И он замолчал.
Не знаю, что там видел Асахиро — ни я, ни Чэн ничего толком разобрать не могли.
Напряжение, копившееся во мне с недавних (или давних?) пор, заставляло меня звенеть, подобно струне чанга в ожидании прикосновения умелых пальцев чангира, и я лишь недоумевал — почему мы медлим, почему ждем, почему?!..
И запоздалое понимание обожгло меня пламенем невидимого горна.
Все они — Тусклые, Блистающие, Заррахид, Но-дачи, Кунда Вонг, Сай, Пояс Пустыни, Мудрый Чань-бо, восьмерка метательных ножей из сожженной деревни…
Все они — люди истины Батин, Кос, Асахиро Ли, Фариза, Эмрах ит-Башшар, Матушка Ци, выгоревшая изнутри знахарка Ниру…
Все они ждали моего приказа.
Их судьбы, помыслы и желания, их пути — всех и каждого в отдельности — как полосы стали в общем клинке, сошлись к единому острию, и острием этим по воле случая был я, Мэйланьский Единорог!

Не самый старший, не самый опытный, не самый мудрый — но возможности выбирать или сомневаться мне не оставили.
— Живой, я живые тела крушу; стальной, ты крушишь металл, И, значит, против своей родни каждый из нас восстал!..
Я вылетел из ножен, дети Ориджа сразу стали ближе; и земля вокруг нас задрожала.
8
Примерно в сотне выпадов от места нашей стоянки и в двух сотнях от холма, с которого мчались шулмусы, лежал огромный валун — глыба выглаженного солнцем камня в человеческий рост.
Вот у него-то мы и встретились.
Сейчас, когда я вспоминаю об этом, когда лава, кипевшая во мне, подернулась пеплом и коркой времени, я понимаю: судьба еще до начала боя, до первого звона и первой раны, рассмеялась своей удачной шутке и выгнулась от удовольствия.
Мы, дети Кабира, Мэйланя, Харзы, искушенные в бескровном искусстве Бесед, мы собирались убивать без пощады и сожаления; и в то же время надвигающаяся Шулма собиралась взять нас живыми!
Воистину: не хочешь жертвовать собою — не рвись Беседовать с судьбою…
Не рвись еще и потому, что после, спустя один день или по прошествии многих лет, в памяти не остается связной картины случившегося, как если бы кусок твоей жизни был небрежно скомкан, изорван и пущен по ветру. Любую из Бесед своей жизни я, если сильно захочу, могу вспомнить, вспомнить подробно и обстоятельно, а вот бой с детьми Ориджа у песков Кулхан — не могу.
Так, обрывки, осколки, отголоски… эхо, пыль, лязг, крики, прыгающая земля, скрежет…
Вот — навстречу летят какие-то веревки с петлями на конце, и огромный изогнутый клинок Но-дачи чертит воздух косыми взмахами, рассекая витой волос.
Вот — короткая литая булава с глухим уханьем выбивает Фаризу из седла, и над упавшей девушкой пляшет буланая кобыла, на спине которой пляшет оскаленный Эмрах ит-Башшар, в чьих руках пляшут Пояс Пустыни и подхваченная на лету Кунда Вонг; и пляска этого взбесившегося смерча подобна… не знаю я, чему она подобна, а придумывать не хочу.
Вот — спешенная Матушка Ци прижалась спиной к валуну, и лопата забывшего о мудрости и невозмутимости Чань-бо безостановочно подсекает ноги отчаянно ржущих лошадей, шарахающихся в стороны от звона бубенцов и мелькания лент.
Вот еще — знахарка Ниру прямо с коня прыгает на валун, и шесть метательных ножей, один за другим, с пронзительным воплем летят в гущу схватки, и вокруг меня на миг становится просторно, — но лишь на миг, а Ниру с оставшимися двумя ножами соскакивает с валуна, становясь рядом с задыхающейся Матушкой Ци…
Земля качается, мир пьян и безумен, я чувствую, как хмель сражения захлестывает Чэна с головой, делая взгляд веселым и диким, а тело в приросшей броне — послушно-невесомым; «Аракчи! — вопят шулмусы. — Мо-о аракчи!.. Мо-о-о-о…»
Про себя я помню только то, что мне было жарко.
Жарко и мокро.
И еще — Заррахид, мой спутник, мой дворецкий, мой тиран и надсмотрщик, мой эсток Заррахид, тень моя… везде, где не успевал я, успевал он.
А когда однажды не успели ни он, ни я — успел Сай Второй, звенящей вспышкой вырвавшись из пальцев Коса и вонзившись до половины в чье-то искаженное лицо.
Обломок в левой руке Чэна метнулся вперед, неистово лязгнув, зацепился за ус Сая, рванул — и через мгновение Сай уже летел обратно к ан-Танье под напутственную ругань Дзю…
Я-Чэн не знал тогда, что наш и без того небольшой отряд успел уменьшиться чуть ли не вполовину; не видел Чэн-Я и ужаса в глазах рыжеусого воина, со стороны наблюдавшего за побоищем и оставившего при себе всего одного шулмуса-телохранителя, потому что остальные были брошены в бой, как последние дрова в пылающую печь; просто Демон У в очередной раз, храпя, взвился на дыбы, вознеся нас высоко над горнилом схватки — и поверх макушки валуна Я-Чэн увидел завершение «Джира о Чэне Анкоре Вэйском».
От знакомого холма, разъяренно визжа и терзая обезумевшую лошадь, к нам неслась Мать всех алмасты, Шестиносая Аала-Крох, а за ней, за бешеной ведьмой с разметавшимся знаменем смоляных волос, по пятам следовали беловолосый гигант Амбариша, вознесший к небу огненный меч, и голый по пояс исполин Андхака,

покрытый черной шерстью, чья двуручная палица-гердан грозила привести к концу этот и без того бренный мир.
Последним скакал очень хороший человек, платящий кабирскими динарами слепым сказителям Мэйланя, а сейчас размахивающий кривым мечом-махайрой.
— Чин! — из последних сил закричал Чэн-Я. — Чи-и-и-ин!.. Гвениль! Жнец!.. Кобла-а-а-ан!..
— Я т-тебе женюсь, мерзавец! — рявкнула благородная госпожа Ак-Нинчи, вихрем проносясь мимо меня. — Я т-тебе…
Волчья Метла только презрительно смахнула с коня зазевавшегося шулмуса, не удостоив меня даже словом.
«Они же… они же не умеют убивать!» — смятенно подумал я, и тут же один-единственный удар Гвениля убедил меня в обратном.
Меня, да еще того несчастного шулмуса, что подвернулся под этот удар.
Видимо, судьба продолжала смеяться; видимо, сегодня был тот день, когда всему учатся сразу и навсегда, или не учатся вовсе.
Только сейчас я почувствовал, как ноет мой избитый клинок.

Глава 20

1
— Уходит! — услышал я отчаянный звон Пояса Пустыни. — Уходит! Ах ты… врешь, достану!..
Шипастый Молчун в руках наскочившего Коблана поднялся совсем недалеко от меня, опустился, снова поднялся… и я оказался вне боя.
В пяти выпадах от грохочущего Гердана из свалки вылетела буланая кобыла ит-Башшара и мгновенно распласталась в стремительном галопе, удаляясь по направлению к Кулхану. К спине кобылы прилип харзиец Эмрах, потомок кочевников-хургов, и его талию крепко обнимал неудачливый Тусклый, Маскин Тринадцатый, Пояс Пустыни.
Я лишь успел заметить, что Кунды Вонг с ними нет и что правая, раненная еще в Мэйлане рука Эмраха болтается в такт скачке. За кем они гнались — этого я тогда еще не знал, но, повинуясь неясному порыву, описал короткую дугу и плашмя ожег ударом круп Демона У, донельзя возмущенного таким обращением.
И тогда я понял, какого коня подарила нам Юнъэр Мэйланьская. Увидев впереди себя буланую кобылу, Демон У забыл обо всем — о сражении, обиде, усталости — и ринулся в погоню с громовым ржанием. Я молил Небесные Молоты только о том, чтобы железные пальцы аль-Мутанабби не выпустили мою рукоять (Обломка Чэн все-таки успел сунуть за пояс, и сейчас Дзю стучал о панцирь, проклиная все на свете), а пространство вокруг нас билось в падучей, пока вороной Демон несся по иссохшей земле со всех своих четырех, восьми, шестнадцати или сколько там у него было ног.
Пыль налипла на мой влажный клинок, и когда мы поравнялись с Поясом Пустыни, то я с трудом разобрал, что он хочет сказать мне.
— Вон! — звенел Маскин. — Вон они!.. вон-н-н…
Некоторое время мы шли вровень, и казалось, что Демон и буланая Эмраха вообще стоят на месте, а две косматые низкорослые лошадки впереди нас, упираясь и толкая землю копытами, подтягиваются к нам на невидимом канате, и их седоки-шулмусы все чаще оборачивают назад блестящие от пота и напряжения лица.
В последнюю секунду, когда до беглецов было клинком подать, Эмрах бросил поводья, вскочил обеими ногами на спину своей буланой и, так и не расстегнув Пояса Пустыни, обрушился всем весом на ближайшего всадника, злобно топорщившего рыжие жесткие усы.
Их тела, падая наземь, тесно переплелись, второй шулмус резко осадил коня, разрывая ему рот — и на несчастное животное налетел наш Демон, тут же вцепившись зубами ему в холку, а я навершием рукояти ударил откинувшегося шулмуса в лицо, так и не дав ему обнажить кривую легкую саблю с клювастой рукоятью.
Шулмус вылетел из седла, и Чэн немедленно спрыгнул на землю, предоставляя Демону У самому разбираться со своим истошно ржущим противником. Уж кому-кому, а Демону помощи явно не требовалось.

Впрочем, любая помощь сейчас была бы излишней. Выбитый мною шулмус лежал неподвижно — кажется, он сломал себе шею — всем телом придавив зарывшуюся в песок саблю; подопечный Эмраха был жив, но оглушен падением, и ит-Башшар уже умудрился, пользуясь лишь здоровой левой рукой и зубами, связать ему запястья отобранной у шулмуса веревкой с петлей, словно предназначенной для подобных целей.
Перед тем, как вытереться об одежду мертвого шулмуса, я обернулся и посмотрел назад.
Пыль над местом сражения уже начинала оседать.
Демон У наконец позволил питомцу шулмусских степей вырваться и убежать, потом игривым шагом подошел к кобыле Эмраха и ткнулся мордой ей в плечо.
Кобыла не возражала.
2
…Возвращались шагом, не торопясь. Демон У недовольно всхрапывал, злясь на необходимость везти изловленного шулмуса, перекинутого через седло; я слегка постукивал ножнами о бедро Чэна и размышлял о неизбежном.
Что делать с пленными Дикими Лезвиями?
Что делать с пленными шулмусами?
Что делать с погибшими — своими, чужими, Блистающими и пришлыми?
Что вообще делать дальше?
Что делать с Чин?!..
Последняя мысль принадлежала Чэну и тяготила она его, похоже, больше всех остальных, вместе взятых. Я внутренне усмехнулся. Ну что ж, раз нас двое — значит, и забот вдвое…
«Увы, нас теперь не двое, — невесело подумал Чэн. — Нас теперь ого-го сколько!.. и забот — соответственно…»
Позади, под надежным присмотром Пояса Пустыни и Эмраха ит-Башшара, ехали захваченные сабли и кривой нож рыжеусого. По мере приближения к памятному валуну они все чаще делали вид, что никем и ничем не интересуются, но сами исподтишка и не без некоторого содрогания оглядывали поле боя.
У камня понуро сидело десятка полтора связанных шулмусов, выпадах в семи-восьми от них тускло поблескивала груда плененных Диких Лезвий; кому-то еще скручивали руки — устало, но деловито, — кому-то обрабатывали раны; чуть поодаль бродила троица наших батинитов, подбирая уцелевшие клинки.
Мы сгрузили пленников, присоединив их к остальным (подобных с подобными), и, забыв на время о Шулме, принялись оценивать потери и считать уцелевших.
Своих.
Да, Блистающим повезло куда больше, чем Придаткам. Погиб, переломившись у самой рукояти, самый младший из Метательных ножей Бао-Гунь, да еще Тусклая сабля Талвар, чьим Придатком был один из батинитов, не выдержала прямого столкновения с каким-то из шулмусских топоров. Остальные были более-менее целы, царапины и зазубрины — не в счет.
Из людей же ранеными оказались практически все. А пятеро батинитов познали в этой битве истину Батин раз и навсегда.
Прошлые боги наверняка остались довольны.
Впрочем, многое из этого выяснилось уже потом, поскольку не успели мы с Чэном как следует оглядеться, как нас подхватил ураган — неистовый, лохматый, весело гогочущий и сверкающий молнией двуручного эспадона.
— Здорово, Однорогий! — радостно свистел огненный меч Гвениль. — Ах ты тоненький мой, ах ты легонький мой… Ну и скор же ты — мы прямо замаялись тебя искать да догонять!.. Ну иди, иди сюда, я об тебя хоть звякну как следует!
— Гвен! Клянусь священным водоемом, ты еще длиннее стал!..
Я вылетел навстречу Гвенилю, чуть ли не обвившись вокруг его массивного клинка, и вдруг удрученно понял, что обмен любезностями придется отложить.
На неопределенное время.
Потому что к нам уверенно направлялись Волчья Метла и благородная госпожа Ак-Нинчи из пылкого рода Чибетей — обе всклокоченные, обе гневные, обе преисполненные негодования — и Гвениль с Фальгримом Беловолосым благоразумно отошли в сторонку.
Чэн судорожно вцепился в мою рукоять, ища поддержки, а я с тоской подумал о тех золотых временах, когда мне не приходилось выслушивать ссоры Придатков.
— Так вот, значит, зачем ты удрал из Кабира! — задыхаясь от возмущения, кричала Чин, наступая на растерявшегося Чэна. — Жениться надумал, герой?

Правителем решил стать?! Жеребец мэйланьский! Дикий осел! Меня, значит, побоку — и к новой дуре под крылышко?! Ассасинов в ее постели искать! Ловить их за что ни попадя! Да лучше бы тот выродок, тот убийца приблудный, тебе на турнире не руку, а голову отрубил! И заодно того Единорога, что у тебя, подлеца, под шароварами!..
Я обиделся, но промолчал.
Выродок и приблудный убийца Асахиро Ли бочком-бочком отступал за валун, а Но-дачи безуспешно прятался за его спину и изо всех сил старался не привлекать внимания Волчьей Метлы.
— А на этот раз куда изволили направиться, Высший Чэн?! — продолжала меж тем Ак-Нинчи, нимало не успокоившаяся. — Надоели мэйланьские красавицы? В Шулме поискать захотел — или как там эта дыра называется?! Так я тебе поищу, подлый обманщик, я тебе побегаю — ты от меня и в Нюринге не спрячешься!..
— С тобой — хоть в Нюрингу! — попробовал было отшутиться взмокший Чэн, но тут Волчья Метла решила принять участие в разговоре и прыгнула вперед.
Я опоздал, отвлекшись на крики Чин — зато недремлющий Обломок выскочил из-за пояса и с недоуменным лязгом: «Сам не пойму, и чего это я лезу в семейные сцены?!» — отбил первый выпад в сторону.
Пытаясь не дать ссоре разгореться еще больше — зная Дзю, от его вмешательства не стоило ждать иного — я скользнул к вертящейся Метле; мы впервые за столь долгое время коснулись друг друга — и выяснили, что это прикосновение приятно нам обоим. И мы мгновенно забыли о раздорах наших Придатков, о минувшем побоище, обо всем на свете; мы полностью ушли в Беседу, как не раз бывало раньше, в Кабире, в тихом мирном Кабире, где я не знал, что Придатки — это люди, что Блистающие — это оружие, а у Чэна были на месте обе руки, и тень Шулмы не делала день — темным, а ночь — опасной, и будущее было ясным и прямым, как мой собственный клинок, играющий солнечными бликами…
Я Беседовал с Волчьей Метлой и думал о том, что все будет хорошо. Даже если все плохо — все обязательно будет хорошо. А иначе надо до половины уйти в землю и попросить Чэна посильнее пнуть ногой рукоять.
А ведь не пнет — сколько ни проси… вот поэтому все непременно будет хорошо.
…Я в очередной раз легким движением прошелся между полированными зубцами Волчьей Метлы — и мы застыли, не шевелясь.
Не сразу я понял, что Чэн и Чин тоже стоят, обнявшись, и целуются.
Похоже, им тоже было неплохо…
3
— И жили они долго и счастливо, и родилась у них Волкорогая Метелка, — проворчал Дзюттэ из-за плеча Чин, поскольку Чэн продолжал сжимать его в левой руке.
Мы нехотя расплели объятья и, словно очнувшись, огляделись по сторонам. Оказывается, за это время многое успело произойти. Двое батинитов и Эмрах под началом держащегося за бок и охающего Коса перегоняли лошадей с поклажей за холм — устраивать лагерь у валуна, где воздух до сих пор пах кровью, было бы верхом глупости. Семейство Метательных ножей вновь радовалось жизни, хотя радость эта изрядно отдавала горем потерь: во вьюке какого-то шулмуса обнаружились захваченные в плен Блистающие, и среди них — два ножа Бао-Гунь, извлеченные шулмусами из тел воинов, убитых Ниру еще в скалах близ деревни Сунь-Цзя.
Фариза что-то усердно объясняла пленным ориджитам, во все глаза глядевшим на нас с Метлой и на Чэна с Чин; Диких Лезвий в груде явно прибавилось, как, впрочем, и шулмусов у валуна — тех уже оказалось более трех десятков, причем половина была серьезно ранена. Матушка Ци и Диомед, которому Чэн был обязан «Джиром о…», закончили хлопотать подле наших раненых и теперь оказывали посильную помощь пленникам; Асахиро и почему-то Коблан занимались несколькими хромающими лошадьми.
Я подумал, что пора брать руководство на себя — то бишь не мешать всем делать то, что они считают нужным — а Чэн отметил, что Фариза слишком уж долго беседует с ориджитами, бледными и сильно испуганными.
— Что ты им объясняешь? — поинтересовался Чэн-Я у Фаризы.
После удара булавой — к счастью, пришедшемуся вскользь и только оглушившему Фаризу — та плохо слышала и вопрос пришлось повторить.

— Да вот, спрашивают, что это между вами сейчас вышло, — хитро усмехнулась Фариза. — Пришлось объяснить… а то они решили, морды немытые, что вы добычу не поделили или там рабов…
— И что ты им сказала, гроза степей?
— Сказала, что свадьба у вас скоро… вот, мол, и привыкаете к семейной жизни. Кажется, на них это произвело большое впечатление…
«Ну да, они же не знают, что такое Беседа! Для них это — бой, бой насмерть…»
— Впечатление — это хорошо, — задумчиво проговорил Дзюттэ, выслушав содержание разговора в моем изложении. — Впечатление надо создавать и всячески поддерживать… первейшая заповедь любого шута.
И он многозначительно умолк.
Вот тут-то до Меня-Чэна дошло, что на самом деле хотел сказать Обломок.
И мы сделали все необходимое, чтобы это дошло и до всех остальных. А они, эти остальные, оказались на редкость понятливыми — хоть Блистающие, хоть люди — и немедленно принялись за дело.
Для начала мы перебрались за холм сами — кстати, там обнаружилась рощица чахлых и горбатых деревьев, что было и впрямь кстати — и перегнали туда же шулмусов, перевезя тяжелораненых и Дикие Лезвия на полотнищах шатров, растянутых между безотказными лошадками. А дальше мы взялись за дело. Мы ставили шатры, перевязывали раны, готовили еду…
Но как!
Я-Чэн видел — как, потому что сам непосредственно в представлении участия не принимал, расположившись на пригорке и со стороны наблюдая за происходящим.
…за тем, как Матушка Ци и Чин старательно перевязывают шулмусов заново, а могучий Гвениль в руках Фальгрима с устрашающим свистом отсекает лишние полосы ткани перед самым носом белых, как молоко, ориджитов — и Фальгрим с каждым ударом корчит такие рожи, будто и впрямь собрался поотрубать несчастным головы, а заодно и все не полюбившиеся ему части их тел.
…за тем, как Волчья Метла вместе с освободившейся Чин увлеченно подхватывают на зубцы веревки для шатров, спутавшиеся в один узел, и изящным броском переправляют Косу, чей Сай со всех трех рогов распутывает это безобразие, визжа от усердия.
…за тем, как Бронзовый Жнец играючи полосует подвешенные перед ним ленты сушеного мяса, и те совершенно одинаковыми ломтиками сыплются в подставленный казан.
И Блистающие, и Придатки постепенно входили во вкус. Словно из ничего на ровном месте менее чем за час встал лагерь, выросли шатры, в котлах закипела «шурпа по фамильному рецепту семьи Анкоров Вэйских», и кто-то уже успел соорудить примитивную коновязь, в которую тут же со свистом вонзились на равных расстояниях друг от друга все девять ножей Бао-Гунь — Ниру метала их лежа, будучи раненной в обе ноги, но ножи легли точно туда, куда и должны были лечь.
Эмрах здоровой рукой, незаметно шипя от боли, набросил на ножи свернутую в кольца упряжь и поводья нескольких лошадей.
— Дожили! — проворчал крайний слева нож. — Чтоб на меня — и этакую пакость вешали…
— Терпи! — наставительно оборвал его другой нож, видимо, старший в семействе. — Раз Высший Дан Гьен приказал — значит, он знает, что делает…
Я очень надеялся, что так оно и есть, но до конца в этом уверен не был.
Время от времени возникали споры и ссоры. Возникали они одинаково и заканчивались одним и тем же. К примеру, Шипастому Молчуну почудилось, что Но-дачи не совсем идеально срезал верхушку стойки, о чем Гердан со свойственной ему тяжеловесной прямотой так и заявил. Но-дачи, естественно, оскорбился, в долгу не остался, и некоторое время оба грозно звенели друг о друга, высекая искры — а потом, как ни в чем не бывало, расхохотались, улеглись на плечи Коблана и Асахиро, и отправились, мирно разговаривая, к груде припасов, которую предстояло разобрать.
Тусклые с батинитами подняли на ноги дюжину шулмусов покрепче и отправились с ними к месту сражения. Вернувшись часа через полтора, они рассказали, что заставили шулмусов копать могилу обломками их же собственного оружия — дескать, пусть мертвые сами хоронят своих мертвецов. Я на миг представил Чэна, роющего могилу трупом меня, и содрогнулся от изощренной фантазии поклонников Сокровенной Тайны.

Неподалеку была вырыта еще одна могила — для погибших батинитов и Тусклой сабли Талвар, захороненных вместе. Я немного обиделся, что нас не позвали проститься, но решил не вмешиваться в таинства и ритуалы истины Батин. Впрочем, хоронить убитых — наших и ориджитов — пришлось бы так или иначе, и уж лучше так, чем иначе. Тем более что Дикие Лезвия не видели скорбной участи своих погибших собратьев, а шулмусы-люди расценили возможность захоронить покойных соплеменников, как честь, оказанную победителями побежденным, о чем и не замедлили по возвращению рассказать детям Ориджа, остававшимся в лагере.

Все это рассказала Чэну-Мне полуоглохшая, но вездесущая Фариза, отыскавшая наконец свою драгоценную Кунду — ту Эмрах в конце боя просто-напросто вышвырнул за пределы свалки, чем и спас от глупой смерти под копытами и ногами.

А Заррахид подтвердил, что Дикие Лезвия внимательно следят за нашим поведением и и все время возбужденно переговариваются между собой. О чем они говорили — этого Заррахид не знал, но это и не было важно. Главное — они разговаривали. Значит, они способны Беседовать. Значит, рано или поздно…

Во всяком случае, мне хотелось так думать.

— Отдых, — сам себе сказал Чэн-Я, и Кос, сунув Заррахида в ножны, помчался с пригорка сообщать всем: хватит! Отдыхаем!..

Это было мое первое распоряжение.

4

…Диомед неторопливо кормил костер с руки, лежащий у него на коленях Махайра нежился в ласковых отсветах и громко рассказывал о том, как он, Волчья Метла, Шипастый Молчун и эспадон Гвениль были тенью ускользающего Мэйланьского Единорога.

Оказывается, мои друзья-преследователи задержались у Шешеза Абу-Салима и покинули Кабир почти на день позже нас. По дороге они останавливались в тех же караван-сараях, знакомились со слухами и сплетнями, и двигались дальше, не нагоняя нас, но и не слишком отставая.

Ничего особенного в пути с ними не происходило (как, впрочем, и с нами, если не считать возникшего между нами общения) и опять же через день после нас вся эта погоня благополучно прибыла в Мэйлань.

Где и приглядывали за нами в меру возможностей, стараясь не появляться на виду…

— Да уж, приглядели, спасибо за заботу, — не вытерпел Обломок. — Грозный Бхимабхата Швета, что огнем в ночи пылает, съел Семи Небес ворота и «драконовкой» закушал… Благодетели!

Гердан и Гвениль недоуменно переглянулись. Ну да, конечно — ведь ни они, ни Волчья Метла, ни даже Махайра о «Джире о Чэне и так далее» ничего не знают! Это ведь чисто человеческая выдумка — Диомед наболтал кучу глупостей сказителю, старый дурак насочинял с три короба, Чэн слушал, я узнал от Чэна, Обломок и прочие — от меня…

Этого мне только сейчас не хватало! Снова начинать объяснять, что Придатки — не Придатки, Блистающие — не Блистающие, и что вот рука аль-Мутанабби, вот Чэн, а вот я… а потом вот Чэн-Я или Я-Чэн…

Небось, всю историю эмирата пересказывать придется!

Обойдутся… как-нибудь в другой раз, благо времени у нас навалом. Тем более что к словам Обломка никто особого интереса не проявил, сочтя их очередной выходкой Дзюттэ.

А если чего-то и не поняли — так кто ж признается, что он глупей шута?!

Я покосился на Волчью Метлу и с радостью отметил, что на меня она, похоже, больше не злится. У Чэна с Чин дела обстояли несколько сложнее, но тоже налаживались. На всякий случай я прислушался к разговору людей — правда, опасаясь испортить себе умиротворенное и расслабленное настроение.

Придатки — они не такие отходчивые, как мы… их Творец спросонья ковал.

— Ну вы и начудили в Мэйлане! — ухмылялся Кос, поминутно хватаясь за перевязанный бок.

Ему было больно смеяться, но не смеяться он не мог.

— Это надо же — ворота утащили, «драконовку» выпили, книгу родовую уволокли, один джир чего стоит!.. Да, кстати, ничего, что я вот так запросто, без церемоний? Андхака с Амбаришей не обидятся?

— Какие церемонии, Кос, — отзывалась Чин. — Наши церемонии в Кабирском переулке остались…
— А «драконовку», положим, и не всю вовсе выпили, — смущенно гудел кузнец, дергая себя за бороду. — Кое-что с собой прихватили… — и он глянул в сторону небольшого бурдюка, который после боя все время таскал с собой, никому не доверяя.
— Ну а здесь, здесь-то вы как оказались?!
— Как, как… — перебил собравшегося было отвечать кузнеца Диомед. — Вы ведь исчезли! Мы ночь пробегали — и во дворец…
Я успокоился за людей и стал слушать Махайру, за которым, надо признаться, порядком соскучился.
— …и во дворец! А там у спиц Мэйлань-го как раз заседание Совета Высших! Ну, мы ведь тоже почти все Высшие — пустили нас, знакомьтесь, говорят, это вот секира Юэ Сач-Камал, глава здешних Тусклых! После этого мы уже ничему не удивлялись… Проводника они нам дали. Местный, Охотничий нож Ла. Вон он лежит, с теми Блистающими, что мы из плена отбили. У Придатка его лошадь плохая была, он отстал сперва, когда мы с холма-то… а потом… Ну, в общем, испортили у ножа Ла Придатка. Совсем. А нам еще перед самым отъездом из Мэйланя этот Тусклый, Юэ Сач-Камал, через Придатка своего старого тыкву-горлянку передал. Пусть, говорит, ваши Придатки перед боем оттуда по четыре капли отопьют. Больше не надо, а по четыре — в самый раз. Проще, говорит, им тогда будет… Только не успели они — не то что выпить, даже вынуть не успели. Некогда было… Так что теперь мы все — Тусклые. Все как есть. И искать тебе, Единорог, некого. Вот они мы, рядышком! Лови — не хочу!
— А как же… — начал было я, но Махайра так и не дал мне задать вопрос до конца.
— У нас по пути деревня одна случилась, — пробормотал он и заворочался, словно неуютно ему стало. — И даже не деревня, а так… А в деревне — колодец. А в колодце…
И не договорил.
— После того колодца, — глухо закончил Шипастый Молчун, — нам все легко было.
— Значит, из людей убиты шестеро, — после долгой паузы заговорил Чэн-Я. — Пятеро батинитов и проводник, мир их праху… И ранены — все. Кто в живых остался. Один я вроде бы цел, спасибо Кобланову сундуку да доспеху аль-Мутанабби! Да уж, по-Беседовали…
— На бабке еще ни царапины, — шепнул подсевший ближе ан-Танья. — Тоже спасибо сундуку?
Зря это он… тем более, что слух у Матушки Ци был острей меня, равно как язык — длинней и заковыристей Волчьей Метлы.
— Ни царапины на бабке, — забубнила она, непонятно зачем кланяясь на каждом втором слове, — ни царапины на старой, а все почему, а все потому, потому-поэтому, да и зачем же шулмусикам старуху-то обижать, я же им ничего плохого, ни-ни, пальцем не тронула, ни на вот столечко — а что лошадкам ихним ноги портила, так лошадки у них злющие, хвостами машут, копытами топочут, зубками клацают, едут на старушку и едут, едут и едут, я отмахиваюсь, а они едут, я отмахиваюсь, а они едут, а потом не едут, умаялись лошадки, да и я умаялась, старушечка…
«И впрямь умаялась, старушечка! — подумал Чэн-Я. — Полтабуна умаяла, бедная!..»
— Ты б лучше языком отбивалась, Матушка, — буркнул Кос, — а мы пока в сторонке полежали бы, в холодке… глядишь, целее были бы!
— А Коблан сильнее всех пострадал, — заметил Диомед. — Шишку на лбу видите? Фальгрим, вон головня, посвети-ка!.. Ну и шишка! Выше Белых гор!
Чин прыснула в рукав.
— Да это шулмус один, — застеснялся кузнец, пряча лицо в тень. — Все, подлец, норовил в бурдюк топором сунуть! Я бурдюк убрал-то, от греха подальше, так он меня обухом и зацепил! Ну и я его тоже… зацепил немного…
— Врет! — уверенно вмешался Диомед. — Об его лоб любой обух раскололся бы! Небось, сам себе герданом сгоряча и треснул, пока бурдюк спасал!
— Да не вру я… — начал было оправдываться кузнец, но его перебил Беловолосый.
— А ну, покажи мне свой гердан!

Коблан протянул руку, уцепил Шипастого Молчуна и сунул его Фальгриму, чуть не съездив Диомеда по макушке.
— Вот! — победно сообщил Беловолосый. — Одного шипа не хватает! И шишка на лбу. Все сходится! Ты, Железнолапый, теперь вместо гердана прямо лбом бей — и проще, и надежней…
…Все еще некоторое время подтрунивали над огромным кузнецом, а потом вдруг застонала Ниру — у нее открылась рана — и смех мгновенно смолк, Чин и Матушка Ци бросились к знахарке, а молчавшие пятеро батинитов сказали, что пусть все ложатся спать, а они будут караулить пленных — но Чэн-Я подумал, что им просто хочется побыть наедине с собой, истиной Батин и душами убитых братьев, и…
Завтра.
Завтра, завтра, завтра…
Когда долго повторяешь одно и то же слово, оно теряет смысл, и ты дергаешь бессмысленный пузырь за ниточку, погружаясь в дрему; и так легче забыть то, что было, легче не думать о том, что будет; легче, легче, легче…
5
…легче легкого.
Мне было хорошо. Я лежал на палисандровой подставке и лениво оглядывался вокруг. А вокруг меня был зал, зал Посвящения в загородном доме Абу-Салимов, и напротив меня на своей подставке лежал ятаган Фархад иль-Рахш фарр-ла-Кабир. А между нами была колыбель. Даже можно сказать так — нас разделяла колыбель. Я находился в ногах, а Фархад — в головах. Наверное… потому что колыбель была покрыта тканью, и я не видел новорожденного Придатка, а потому не знал, где у него голова, а где — ноги.
— Здравствуй, Фархад, — сказал я.
— Здравствуй, — ответил старый ятаган. — Только я — не Фархад. Я — Дикое Лезвие. Ты не боишься?
— Нет. Я тоже Дикое лезвие. Чего мне бояться?
— Времени. Когда слишком долго Беседуешь со временем, оно начинает притворяться рекой. Ты плывешь по нему и думаешь о прошлом, а оно становится настоящим; ты думаешь о будущем, а оно тоже становится настоящим или вообще не наступает никогда, и ты плывешь сперва как Дикое Лезвие, потом как ятаган Фархад, потом ты плывешь большой-большой, как ятаган Фархад иль-Рахш фарр-ла-Кабир, а после, неожиданно, время перестает притворяться, и ты пропускаешь удар, и отныне ты — никто, и можешь стать кем угодно…
Я молчал.
— Мы теперь с тобой больше, чем братья, Единорог… нас сжимала одна и та же рука. Я помню его, Придатка Абу-т-Тайиба аль-Мутанабби, я помню его, несмотря на то, что время убаюкивает меня… Я помню те дни, когда мы, Дикие Лезвия, становились Блистающими. Это были хорошие дни, это были плохие дни, и бой превращался в искусство, а истина Батин была брошена под ноги Прошлым богам, и Дзюттэ тогда не звался Обломком — нет, те клинки, что упрямо не хотели забывать вкус крови, звали его Кабирским Палачом, потому что не один из них хрустнул в его объятиях… а шутом он стал позже, гораздо позже, когда уже можно было шутить.
Я молчал.
— Сейчас мы простимся, Единорог. Время подобно реке, время подобно сну, а твой сон сейчас закончится, и скоро, очень скоро ты окажешься клинком к клинку с Шулмой, с началом, с прошлым, пробравшимся в настоящее… не забывай, Единорог, что прошлые дни — это плохие дни, но это и хорошие дни, а время подобно не только реке и сну, оно еще подобно Блистающему…
Порыв ветра, пахнущего гарью, сбросил покрывало с колыбели, и я увидел Кабир, Мэйлань, Харзу, желтую Сузу, Белые горы Сафед-Кух, пески Кулхан, перевал Фурраш, дорогу Барра… я увидел младенца, ожидающего невесть чего, я увидел спящего младенца, над которым лежали двое Блистающих, два меча — старый ятаган Фархад и я, Мэйланьский Единорог…
А на ждущий мир падала тень, словно сверху над колыбелью была распростерта рука в латной перчатке.
— Ильхан мохасту Мунир-суи ояд-хаме! — прозвенел Фархад иль-Рахш.
— Во имя клинков Мунира зову руку аль-Мутанабби! — отозвался я.
И рука над миром-младенцем сжалась в кулак.

Глава 21

1

…Я-Чэн вышел вперед и замер перед напряженно ожидавшей Шулмой. Шулмусы-люди, десятка три с небольшим, половина из них серьезно ранена, но руки связаны у всех, и лица нарочито бесстрастны, слишком бесстрастны, чтобы это было правдой, а в темно-карих глазах — и вовсе не черных, и не таких узких, как показалось вначале — проступало сперва любопытство, после стояли гордость и стремление, что называется, сохранить лицо, а уже потом из-за плеча гордости стыдливо выглядывал страх.

Злоба? Ненависть?

Нет. Этого, как ни странно, не было.

И Дикие Лезвия Шулмы — добрая сотня ножей, сабель, копий, коротких угрюмых топоров и булав, два прямых меча, отчетливо узких и обоюдоострых («Родня!» — усмешливо подумал я), и все они еле слышно перешептывались между собой, искоса разглядывая меня и других Блистающих.

— Кто ж этакое добро-то ковал? — послышался сзади приглушенный рык Железнолапого. — Руки б тому умельцу повыдергать… а потом вставить куда надо, да не туда, где было!..

Гердан Шипастый Молчун только гулко ударил оземь, показывая, что сделал бы он с тем незадачливым Повитухой, попадись он ему.

Лишь сейчас я со всей ясностью увидел, что разница между Чэном и рыжеусым пленником-шулмусом невелика, но разница между любым Блистающим и Диким Лезвием, порождением степных кузниц…

Это даже трудно было назвать разницей. Да, они неплохо годились для того, чтобы портить Придатков, но за Блистающими стоял многовековой опыт мастеров-Повитух эмирата, их отточенное кузнечное мастерство, и в этом гордый Масуд и мудрый Мунир были едины.

Любой Блистающий, невесть какими путями попавший в Шулму, должен был казаться тамошним Диким Лезвиям чуть ли не божеством, родным сыном Небесного Молота, питомцем Нюринги или как там они это называли! Не его Придаток, чудом выбравшийся из Кулхана — несчастное, изможденное существо, еле держащееся на ногах и умоляющее о глотке воды — а именно Блистающий, которому нипочем переход через любые, пусть даже очень плохие пески!

А ведь так оно, пожалуй, и было, Единорог… так оно и было, и заблудший Блистающий был ожившим стихом аль-Мутанабби, и восхищенные Дикие Лезвия помещали пришельца в племенной шатер, их гордость и славу, клали его на почетную кошму в обществе себе подобных, как святыню на алтарь… и выпускали в круг не когда-нибудь, а во время большого тоя! Что равнозначно турниру в Кабире! Ну а когда божественный гость неожиданно для всех демонстрировал свое неумение пролить кровь…

«Чэн, — беззвучно воззвал я, — как назовут люди кого-то, кто выдает себя за божество… ну, к примеру, за божество Грома, не умея при этом вызвать грозу?»

«Лжецом, — пришел неслышный ответ. — Самозванцем.»

«А если этот кто-то во всем остальном подобен божеству, и люди не бывают столь могучими и прекрасными?!»

«Тогда — демоном-лжецом. Демоном, принявшим облик божества.»

«Ты понял, что я хочу сказать?»

«Да. Я понял.»

…Да. Он понял. Чэн-Я понял, что для Диких Лезвий Шулмы любой Блистающий, не умеющий убивать — как для людей человек, не умеющий дышать, но тем не менее живой — был демоном-лжецом, оборотнем, Тусклым, кошмаром, неестественной нежитью… Сломать его! Утопить его! В священный водоем его, под опеку Желтого бога Мо!..

А вот если пришлое божество пусть не с первой попытки, но все-таки доказывало свою божественность, и, надо полагать, доказывало с успехом — небось, Но-дачи снимал головы так, как опытным Диким Лезвиям и не снилось! — то возлагали его на пунцовую кошму, и ночью напролет «выли над ним по-праздничному», и в круг выносили редко, и вообще старались лишний раз не докучать посланцу небес! Молились на него, должно быть, жертвы приносили, гимны посвящали… в набегах старались из чужих шатров выкрасть живые святыни, пускай ценой жизней

шулмусских! Что ценней для Дикого Лезвия — жизнь шулмуса, не ставшего еще даже Придатком, или приход в племя нового божества?!..
Ах, Шулма, Шулма… Кабир, Мэйлань, Харза, Оразм, Хаффа — почти тысячелетие назад!
— Эй, Но, — через гарду бросил я, — ты их речь понимаешь?
— Какая там речь, — брякнул Но-дачи. — Разве это речь…
— Понимаешь или нет?!
— Плохо, — помолчав, ответил он, — почти что нет.
— Асахиро, — спросил Чэн-Я, — ты их язык знаешь?
— Конечно, — удивился Асахиро. — Я ж тебе говорил, это ориджиты, они всегда неподалеку от нас, хурулов, кочевали… в смысле от того племени, куда я с Фаризой принят был. У ориджитов речь шипит, как змея в траве, а так все то же…
Вот вам и Придаток! Пока божество с другими собратьями по божественному несчастью в шатре валялось… ладно, не время сейчас шутки шутить.
А время понимать, что в каждом Диком Лезвии до поры скрыт зародыш Блистающего, что дети они — буйные, жестокие, неразумные, любопытные, но дети, чего не понял оскорбленный Но-Дачи и отлично поняли взрослые Чинкуэда, Змея Шэн, и Джамуха Восьмирукий!..
Поняли, что на детей просто надо прикрикнуть!
— Переводи, — приказал Чэн-Я Асахиро, а Я-Чэн подумал: «Будем надеяться, что Дикие Лезвия поймут и без перевода… есть такие доводы, что всем понятны.»
Были у нас такие доводы?
А Желтый бог Мо их знает!
Главное — не забывать, что дети долго и связно Беседовать не умеют, почти сразу сбиваясь на спор и крик.
Да, Наставник?.. ах, до чего ж обидно, больно и обидно, что ты — это уже прошлое!
— Спроси у них, кто послал их в эти земли?!
Асахиро спросил. Чэн восхищенно прицокнул языком и подумал, что чем такое говорить — лучше рой пчел во рту поселить. Пчелы хоть мед дают…
Шулмусы некоторое время переглядывались, пока все взгляды не сошлись на рыжеусом — не зря мы его ловили, нет, не зря! — и тот с некоторым трудом встал, вызывающе повернувшись в нашу сторону.
— Он говорит, — Асахиро без труда успевал переводить неторопливо-высокомерную речь знатного шулмуса, — что он — нойон вольного племени детей Ориджа, отважный и мудрый Джелмэ-багатур, убивший врагов больше, чем… так, это можно опустить… короче, больше, чем мы все, вместе взятые, и что скрывать ему нечего.
— Вот пусть и не скрывает, — кивнул Чэн-Я.
— Он говорит, — продолжал Асахиро, — что дети Шулмы неисчислимы, как звезды в небе, как волоски в хвостах коней его табунов, как… короче, много их и… и очень много.
— Понял, — поспешно согласился Чэн-Я.
— …и их послал великий гурхан Джамуха Восьмирукий, любимый внук Желтого бога Мо…
— Пересчитавший все волоски в хвостах коней его табунов, — не удержался Чэн-Я.
Добросовестный Асахиро немедленно перевел, часть шулмусов помоложе, не удержавшись, хмыкнула и сразу же замолчала, а рыжеусый Джелмэ закусил губу и рявкнул что-то сперва своим ориджитам, а после…
А после и нам.
— Он спрашивает, знаем ли мы, над кем смеемся?
«Дети, дети… наш — значит, самый сильный, самый грозный, самый-самый… бойтесь, другие дети!»
— Скажи — знаем, — прищурился Чэн, а я покинул ножны и завертелся в руке аль-Мутанабби, превратившись в сверкающее колесо. — И спроси, знают ли они в свой черед, кто перед ними?
Дикие Лезвия притихли, вслушиваясь в мой уверенный свист, а от толпы шулмусов послышалось уже знакомое: «Мо аракчи! Мо-о аракчи ылджаз!»
— Они говорят, что ты — Мо-о аракчи ылджаз.
Чэн-Я ждал продолжения.
— Арака — это такой напиток, — принялся объяснять Асахиро, — вроде Фуррашской чачи, только из кобыльего молока и послабее. Аракчи — это тот, кто

араку пьет. Чаще, чем принято. Пьяница, в общем. А Мо-о аракчи — это тот, кто пьет перед боем невидимую араку из ладоней Желтого бога Мо. В любом племени гордятся Мо-о аракчи, но в мирное время вынуждают их кочевать отдельно от остальных. Побаиваются… Ну а ылджаз — это дракон. Большой. И с тремя головами.
— Ну вот, — пробормотал Чэн-Я, — значит, я теперь Мо-о аракчи ылджаз. Грозный, пьяный и с тремя головами. Еще три дня назад я был демон-якша Асмохата и его волшебный меч, что огнем в ночи пылает… и вот на тебе!
— Асмохат-та! — вдруг подхватил ближайший шулмус, молодой круглолицый Придаток с изумленно разинутым ртом. — Хурр, вас-са Оридж! Асмохат-та! Мо-о аракчи ылджаз — Асмохат-та!..
Толпа пленных загалдела, истово размахивая связанными перед грудью руками, и даже рыжеусый нойон не пытался утихомирить разбушевавшихся соплеменников, хотя дело грозило дойти до драки — у круглолицего нашлись и сторонники, и противники.
— Ты хоть понимаешь, что сказал? — тихо спросил Чэна-Меня Асахиро.
— А что я сказал-то? — удивился Чэн, а я перестал вертеться в его руке и недоуменно закачался влево-вправо. — И ничего я не сказал…
— Ты сказал, что ты — последнее земное воплощение Желтого бога Мо, хозяина священного водоема. Ас — Мо — Хат — Та. В Шулме считают, что вслух назвать себя Асмохат-та может или безумец, или…
— Или?
— Или Асмохат-та.
Дзюттэ за поясом Чэна беспокойно заворочался.
— О чем это вы? — требовательно спросил он у меня.
Я объяснил.
— Счастливы твои звезды, глупый ты меч, — серьезно и чуть ли не торжественно заявил шут. — Кольни-ка Придатка Махайры пониже пояса — только сзади, а не спереди — пускай идет к шулмусам и поет им «Джир о хитрозлобном якше Асмохате и его беззаконных деяниях». И чтоб через слово было — Асмохат-та! А не захочет петь — кольни посильнее — и спереди!..
— Диомед! — позвал Чэн-Я. — Иди-ка сюда!
Диомед подошел. Чэн приказал петь. А я кольнул. Диомед подпрыгнул и сказал, что он джира дословно не помнит, потому что он не сказитель, а подсказыватель; а Махайра вообще ничего не понял и стал отмахиваться. Я угомонил Жнеца и кольнул Диомеда еще раз, пока подоспевший Дзю держал обиженно звенящего Махайру. Тогда Диомед схватился за уколотое место и согласился петь.
А Кос порылся в своей поклаже и сообщил, что слова джира у него записаны. Для потомков, мол, старался. Интересно, для чьих? Дескать, пусть Диомед поет по его записям, а Асахиро будет переводить.
— А я буду играть! — встряла Фариза и сунула каждому человеку по очереди в лицо какую-то палку с натянутыми вдоль нее жилами неизвестного мне зверя. — Вот — кобыз! У шулмусов нашла…
— Ты же на нем играть не умеешь! — удивленно моргнул Асахиро.
— И не надо! — уверенность Фаризы не имела границ. — Я ж все равно слышу сейчас плохо… лишь бы было громко! Сойдет, Ас, не бойся! На кобызе никто играть не умеет — а врут-то, врут! Да ты сам глянь — разве ж на этом играть можно?!..
— Ну а вдруг… — засомневался Асахиро, но Фариза не дала ему закончить. Она дернула за все жилы одновременно, раздался душераздирающий вой и визг, шулмусы как по команде замолчали, и я понял, что отступать некуда.
Мы с Чэном были прижаты к стене, которая называлась Асмохат-та.
Последнее земное воплощение Желтого бога Мо.
«Ну почему я?! — обреченно подумал я. — Почему, к примеру, не Гвениль?!.. он же такой большой…»

2

Пока Диомед запугивал шулмусов джиром, а Фариза с Асахиро всемерно ему в этом помогали, я заставил Сая, веселившегося за поясом у Коса, прекратить повизгивать и присвистывать — и связно описать мне, а через меня и Чэну, этого проклятого бога Мо, последним воплощением которого мы нежданно-негаданно оказались.
Выяснилось, что хозяин священного водоема, спаивающий невидимой аракой особо злобных шулмусов, похож на помесь Придатка и ящерицы.

В Шулме вообще ящерицы слыли чем-то вроде священных животных, что было краем связано с этим самым водоемом — и убить ящерицу считалось делом постыдным и преступным.
В отличие от убийств друг друга.
Вот и смотрелся бог Мо почти что человеком, но в желтой чешуе с черными вкраплениями и зеленовато отливающей спиной.
— Ярковато, — усомнился я. — Можем не сойти…
— А ты на Чэна своего внимательней посмотри! — ядовито отрезал Сай. — Особенно когда он в доспехе… вот еще марлотту накинет, и вылитый Мо!
Марлотта лежала свернутой в каком-то из тюков, в сражении, так сказать, не участвовала и потому уцелела. Узнав о словах Сая, ан-Танья мигом нашел нужный тюк, и через секунду зеленая марлотта уже красовалась на плечах Чэна.
Потом Сай припомнил, что голова у бога Мо как бы слегка заостренная и с гребнем. Чэн поправил шлем и ничего не сказал. И я тоже ничего не сказал.
Только невесело блеснул, узнав, что руки у Мо чешуйчатые, трехпалые, и средний ноготь на правой острый, тонкий и длинный, не короче меня, а левая рука скрючена хитро, но если Чэну не снимать перчатку и с левой, а вдобавок взять Обломка…
Как-то слишком легко все выходило. Случай, нелепость, Беседа с отступающей и уступающей судьбой, совпадения, легковерная Шулма… Ах, не верил я, что выслушав джир, поразившись Чэнову облику да мне с Дзю, шулмусы мигом кинутся Чэну в ноги и понесут нас на руках через Кулхан! А Дикие Лезвия — те вообще джира не слышали, на Асмохат-та им сверкать и… вон, гудят недоуменно!
Ну разве что наша установка лагеря произвела на них впечатление — так на одном мастерстве Блистающего в Шулму не въехать!..
Не та это земля — Шулма… и уж во всяком случае Джамуху Восьмирукого и Чинкуэду, Змею Шэн, нам ни обликом, ни сказками не поразить. И вообще — то, что весело начинается, обычно заканчивается совсем не весело.
…думая о своем, я не заметил, что Диомед уже некоторое время молчит, и Асахиро молчит, и шулмусы молчат — но не так, как Диомед с Асахиро, а как-то странно — и Фариза не терзает отбитый в бою кобыз; и молчание это всеобщее мне очень не понравилось.
Потом рыжеусый Джелмэ громко и внятно что-то выкрикнул, и дети Ориджа встали — все, кто был в силах встать — и разошлись в разные стороны, образуя неправильный круг выпадов десяти в поперечнике.
Так они и стояли — люди, еще не ставшие Придатками, а потом снова — людьми; они стояли, а Джелмэ, повернувшись к Чэну-Мне, заговорил спокойным и чуть звенящим голосом.
Знакомый голос… таким голосом люди Беседуют, как Блистающим.
— Он говорит, — неуверенно начал подошедший к нам Асахиро, — что… что он, Джелмэ-багатур, зовет тебя, осмелившегося назваться запретным именем, в круг детей Ориджа. В племенной круг. Там тебя будет ждать он, нойон Джелмэ, который не более чем пылинка в подоле гурхана Джамухи, внука Желтого бога Мо…
И вновь наступила тишина.
Такая тишина, какая наступает в то мгновенье, когда судьба неожиданно перестает улыбаться.
Когда один меч стоит спокойно против неба.
Он был храбрым Придатком, этот гордый нойон, этот обиженный ребенок, и руки его были связаны, и воины его были ранены, и он помнил, не мог не помнить, что было их двенадцать дюжин, буйных детей Ориджа; и он видел, не мог не видеть, сколько их осталось, как видел он, гордый нойон Джелмэ, обиженный ребенок — вот стоят те, кто преградил им дорогу; струя, разметавшая поток…
И одного из них — пьяного боем безумца-дракона, Мо-о аракчи ылджаз, кочующего отдельно — он зовет в круг.
…Я-Чэн чуть было не поддался искушению.
Я-Чэн чуть было не согласился.
Так нам было бы легче сохранить ему жизнь.
Но Я-Чэн сумел не пойти в его круг.
— Дай-ка я… — пробормотал Но-дачи и уже было слетел с плеча двинувшегося вперед Асахиро, но я преградил им дорогу.
А потом властно описал дугу над головой недвижного Чэна.

И напротив круга детей Ориджа, детей гордого Повитухи Масуда, встал круг детей мудрого Мунира, а в центре его стоял Чэн-Я. Два круга, два меча, две правды — вечный спор двух струй одного ручья… двое, не понимающие, что они — одно.
— Я не пойду в твой круг, Джелмэ-багатур, — сказал Чэн-Я, и нойон понял нас еще до того, как заговорил Асахиро, потому что эти слова не нуждались в переводе. — Я зову тебя в свой круг. Тебя и всех ориджитов, которые осмелятся прийти. Я, Асмохат-та, в чьем подоле гурхан Джамуха не более чем пылинка, зову вас всех. Это будет большой той. Очень большой.
И Джелмэ совершил свою первую ошибку; первый промах в этой Беседе был за гордым нойоном, желавшим крови демона-лжеца любой ценой.
Он кивнул и шагнул вперед, размыкая круг Шулмы.
Масуд сделал шаг к Муниру.
3
Джелмэ прошел между Гвенилем и Махайрой, между Фальгримом и Диомедом, и приблизился ко мне.
Я потянулся вперед и легонько коснулся лезвием веревок, стягивающих его запястья. И нойон не знал, что совершает сейчас вторую ошибку — принимая свободу на конце моего клинка.
Он не понимал, что это может означать для его же собственной сабли; что это значит для всех Диких Лезвий Шулмы.
Один за другим входили в наш круг дети Ориджа — не все, нет, далеко не все, но и этих я насчитал полторы дюжины — и один за другим подставляли связанные руки под мое лезвие.
А их оружие — смотрело.
— Коблан! — негромко позвал Чэн-Я. — Тащи бурдюк!
Объяснять, какой именно бурдюк, не пришлось.
Коблан, громко топая, кинулся к поклаже и мгновенно вернулся с заветным бурдюком.
— Отхлебни! — приказал Чэн-Я.
Коблан послушно и с видимым удовольствием отхлебнул, отчего борода его встопорщилась во все стороны.
— Ылджаз арака! — возвестил Асахиро. — Мо ылджаз арака!
Нойон Джелмэ презрительно усмехнулся.
— Чашу!
Чэну-Мне подали деревянную походную чашу, и Коблан до краев налил в нее похищенную в Мэйлане настойку Огненного дракона.
— Пей, Джелмэ-багатур!
Чашу Чэн держал в обеих руках, опустив меня в ножны.
Гордыня, гордыня… Джелмэ подошел и склонился над чашей. Он на глазах у своего и чужого племени пил Мо ылджаз араку — пусть и ложную, как полагал он сам — из чешуйчатых рук того, кто называл себя Асмохат-та.
И двое ориджитов вышли из круга.
А оставшиеся начали глухо перешептываться.
Они не видели лица своего нойона, сделавшего первый глоток. А я видел — снизу, из ножен мне прекрасно было видно это сине-багровое лицо с выпученными глазами, этот разинутый рот, тщетно пытавшийся вдохнуть ставший вдруг шершавым и раскаленным воздух; и бритый затылок Джелмэ все старался врасти в плечи, а плечи судорожно дергались и лезли вверх.
Когда нойон сумел обернуться к соплеменникам, еще один ориджит покинул круг. Бегом.
Дикие Лезвия слегка дрогнули и тревожно зазвенели.
Чэн приглашающе повел чашей в сторону шулмусов, и еще трое самых смелых — или самых глупых — отважились повторить подвиг своего нойона, кашляющего в сторонке.
Нет, не трое — двое, потому что третий подумал, поглядел на своих страждущих собратьев и вернулся обратно.
Впрочем, из круга не ушел.
Чэн улыбнулся и поднес к губам чашу.
…Каждый Придаток в нашей семье, как и в любой другой семье «пьяного меча», трижды проходит через испытание предка Хэна. В тринадцать, восемнадцать и в двадцать один год. Испытание заключается в том, что Придатка сперва поят вином до состояния «пьяницы с пиалой» в тринадцать, «пьяницы со жбаном» в восемнадцать и «пьяницы с бочонком» в двадцать один. А потом опытный

Блистающий в руках опытного Придатка — обычно это глава рода или семьи — Беседует с опьяневшим юнцом без снисхождения и жалости.
Если испытуемый падает и не встает — его поднимают, если он роняет Блистающего — его заставляют поднять и продолжить Беседу; и так до тех пор, до того мига, который сами Придатки зовут «прозрением предка Хэна».
То есть до первых трех трезвых движений.
После двадцати одного года все Придатки, прошедшие такую выучку, способны пить, не пьянея.
Не часто.
Два-три раза в год.
«И после этого у них ужасно болит голова!» — уловил я отдаленную мысль Чэна…
…Чэн улыбнулся и поднес к губам чашу.
Но отхлебнуть ему не дали.
— Да там же пить нечего! — буркнул Коблан, ловко отбирая чашу у Чэна, недоуменно опустившего правую руку на мою рукоять. — Сейчас я долью… ишь, выхлебали все, шулмусы проклятые! Рады, небось, на дармовщинку…
И долил.
Из бурдюка.
После чего омочил в чаше губы, одобрительно крякнул и вернул чашу Чэну, под изумленный ропот детей Ориджа.
А Чэн увидел, что чаша практически пуста.
Так, еле-еле, на донышке.
Кузнец незаметно подмигнул Чэну, покрутил в воздухе Шипастым Молчуном — шулмусы дружно шарахнулись назад — и отошел, неся под мышкой свой бурдюк.
По пути он дохнул на нойона Джелмэ, и тому стоило большого труда удержаться на ногах.
А Чэн с облегчением вздохнул — вспомнив обед у Коблана и внезапно опустевшую бутыль тахирского муската — и осушил и без того сухую чашу.
Чаша отлетела в сторону, Чэн покачнулся и захохотал, а я покинул ножны и указал на груду Диких Лезвий.
И шулмусы бросились к оружию.

4

— Это дети, Дзю, — тихо звякнул я о клинок Обломка. — Смотри, не забывайся…
— Это — дети? — недобро усмехнулся Обломок. — Тогда детей полезно наказывать!
— Нет, Кабирский Палач, — впервые я назвал Обломка именем, которого не мог знать; именем, которое случайно услышал в подземном зале истины Батин и которое произнес в моем сне ятаган Фархад.
Имя, которое я больше не произнесу никогда.
— Нет, Кабирский Палач. Не так. Детей нужно наказывать, но их не всегда нужно уничтожать во время наказания.
— Да, Наставник, — отозвался Дзю знакомым тоном, и от этой смеси иронии и уважения меня бросило в дрожь.
И добавил погодя:
— Добренькие мы… может, оно и к лучшему.
«Может, и к лучшему», — про себя повторил Я-Чэн, когда Шулма обступила нас с Обломком со всех сторон.
А Чэн-Я еще успел заметить презрительную усмешку Фальгрима Беловолосого, глядящего на атакующую толпу.
Знал Беловолосый, и эспадон Гвениль знал одну из простых истин Бесед «одного со многими». Знал, что «лишь пятеро мастеров могут напасть на одного, не мешая друг другу; шестой — помеха. А неумелые — не более троих; четвертый — помеха».
И еще знали и люди, и Блистающие эмирата, что «Беседа с пятью — труд великий; с десятью же — праздник души; со многими — отдохновение, ибо мешают они себе, тебе же помогают.»
…Эту Беседу я запомню до конца своих дней.
Запомню, как Дикие Лезвия в руках шулмусов после всего, увиденного ими, отнюдь не хотели убивать, потому что тогда они убивали бы свою последнюю и единственную возможность понять и договориться — а им уже хотелось понимать, а не только спорить и доказывать; и дети Ориджа удивленно боролись с собственным оружием, становившемся в последний момент тяжелым и непослушным.

Нюринга, Дикие Лезвия промахивались чуть ли не сознательно!
Запомню, как толпились ориджиты, потные, взъерошенные, сопящие, забыв обо всем, стремясь достать, дотянуться, доказать — и в суетливой погоне за ускользающим призраком дотягивались до самих себя, стонали, падали, злились, толкались, кричали от гнева и вскрикивали от боли; а Чэн смеялся, и я смеялся, и смеялся Дзюттэ, и смех разил наповал, потому что он был быстрее меня, неумолимей Обломка и хмельнее Чэна.
И смех — не промахивался.
И еще запомню я, как хлестал плашмя по лицам и рукам, а Дзю вырывал из влажных пальцев схваченные им сабли и ножи, и вышвыривал их вон из круга, и Чэн пел звонко и радостно: «Во имя клинков Мунира зову руку аль-Мутанабби!»
— Во имя…
…и изумленный топор скрежещет краем по зерцалу доспеха, почти увлекая за собой споткнувшегося ориджита; а я слышу отдаленный свист Гвениля: «Давай, Однорогий!»
— …клинков…
…и три сабли, брызжа искрами, скрещиваются в том месте, где только что было, не могло не быть плечо проклятого Мо-о аракчи, и в миг их соприкосновения они еще успевают увидеть мелькнувшее рядом предплечье Чэна в кованом наруче работы старых кабирских мастеров, к которому прижался Дзюттэ Обломок, шут, забывший о шутках — лязг, визг, и я подхватываю одну из сабель на лету, как подхватывал Эмрах ит-Башшар Кунду Вонг, и отправляю за пределы нашей Беседы…
Затопчут ведь, глупая!
— …Мунира…
…и вот я на пустом пространстве, и двое — круглолицый парень-шулмус и узкий прямой меч с иссеченной крестовиной — несколько длинных-длинных мгновений отчаянно рубятся с нами, и я поправляю их удары, давая пройти вплотную, подсказывая мечу («Родня ведь!»), придерживая Обломка с его рискованными замечаниями… а глаза горят, и клинки горят, и пауза длится, пока Шулма не вспоминает, что она — Шулма, а я не уверен, что ей так уж хочется это вспоминать…
— …зову руку…
…летят ножи, сверкающие клювастые птицы, три ножа и еще одно копье, короткое, легкое, юное — и мы встречаем их, кружим в стремительном танце, не давая упасть на землю, и вот они уже снова летят, летят над головами, падая у коновязи под издевательский шелест ножей Бао-Гунь, а знахарка Ниру лежа хлопает в ладоши…
— …аль-Мутанабби!
…тишина.
Странная, непривычная, неуместная…
Я уже слышал такую тишину — молчание судьбы, неожиданно ставшей серьезной.
Они стояли и смотрели — но выражение лица кименца Диомеда ничем не отличалось от выражения лица любого шулмуса, а застывший на плече Фальгрима Гвениль был подобен замершей на полувзмахе сабле рыжеусого; и круги Кабира и Шулмы перемешались.
Чэн медленно обвел взглядом изваяния, миг назад бывшие вихрем движения, потом повернул голову — и я услышал, как сдавленно охнул Обломок, и увидел правую руку Чэна.
Увидел ЕГО глазами. Глазами Чэна Анкора.
Чэна-в-Перчатке.
Шальной удар случайно рассек ремень, которым наруч доспеха крепился у запястья, и теперь сам наруч болтался на оставшемся ремешке, а рукав кабы, которую Чэн надевал под доспех, вообще оказался напрочь оторванным, — и рука аль-Мутанабби была обнажена.
Те ремешки и застежки — особая гордость Коблана — с помощью которых рука аль-Мутанабби когда-то, в ставшем чуть ли не нереальным прошлом, пристегивалась к культе, куда-то исчезли, как не бывало…
Рука не держалась ни на чем. Она просто — была.
Ее теперь нельзя было снять.
Разве что отрубив заново.
И кожа Чэна от края бывшей латной перчатки до локтя была серо-чешуйчатой, словно металлические кольца вросли в живую плоть, превращая ее в себя, плавно

переходя от смерти к жизни, от невозможного к возможному, от правды к неправде, от прошлого к настоящему…
От Блистающего к человеку?
— Асмохат-та! — выдохнула Шулма.
— Клянусь Нюрингой… — пробормотали Кабир и Мэйлань.
«Да что ж это такое?!» — в смятении подумал Чэн-Я; а Обломок молча вернулся за пояс, ничего не сказав.
И одинокий гневный голос:
— Мангус! Кара-мангус!.. хурр, вас-са Оридж!..
Все-таки он был храбрым Придатком — нет, он был храбрым человеком, упрямый нойон Джелмэ, пылинка в подоле гурхана Джамухи.
Моего с Чэном любимого внука, надо полагать?!
5
Шулмусы не двигались с места.
— Хурр, вас-са Оридж!
Медленно, один за другим, они опускались на колени, клали перед собой оружие — Дикие Лезвия ложились беззвучно и покорно — потом ориджиты садились на пятки и утыкались лбом в свои клинки, склонившись перед чудом, превращаясь в недвижные маленькие холмики.
— Хурр!..
Нет.
Казалось, эти холмы ничто не могло заставить шевельнуться.
Даже землетрясение.
И Мне-Чэну почудилось, что некоторые из моего отряда еле сдерживаются, чтобы не присоединиться к шулмусам. Что их удерживало? Восемь веков, отделяющих Кабир от Шулмы? Время, притворяющееся рекой?..
— Хурр!..
Нет.
Нойон Джелмэ покачнулся и с ненавистью глянул на Чэна-Меня.
— Мангус! — прошипел он, кривя рот в гримасе не то ярости, не то плача. — Уй-юй, мангус-сы!.. ылджаз уруй…
Он шагнул к нам, обреченно поднимая саблю — и ему наперерез кинулся тот самый круглолицый ориджит, который первым сказал: «Асмохат-та!»
Меч круглолицего так и остался лежать на земле, а сам ориджит что-то выкрикивал, захлебываясь словами и слезами… они упали, покатились в пыли, тела их переплелись, превратившись в орущий и дергающийся клубок, и лишь я видел, как рвущийся к ненавистному мангусу Джелмэ перехватывает саблю лезвием к себе и коротким рывком полосует руку круглолицего, вцепившуюся ему в ворот, и красный браслет проступает чуть повыше запястья…
Руку.
Правую.
Руку.
Руку!..
И огонь ударил мне в клинок.
Никто не заметил, как умер гордый нойон Джелмэ. Да он и сам не успел ничего понять, почувствовать или хотя бы испугаться. Просто я вдруг стал длинным, очень длинным, на всю длину полного выпада, и вот я уже короткий, такой, как прежде, вот я уже вынырнул из случайного просвета между двумя сплетенными телами, а круглолицый не знает, что борется с мертвецом, и кровь из рассеченной яремной жилы Джелмэ заливает ему лицо, одежду…
Чэн, не вытирая, бросил меня в ножны, левой рукой подобрал саблю нойона, долго смотрел на нее — что видел он в тот миг? — и наконец выхватил из-за пояса Дзюттэ.
Шут обнял саблю, и та умерла легко и быстро.
Дикие Лезвия отозвались протяжным стоном.
Чэн держал Дзю в руке аль-Мутанабби, в страшной руке, в нашей общей руке, в сросшемся воедино умении дарить жизнь и отнимать жизнь, и я не ревновал Обломка к руке Чэна-в-Перчатке.
Я думал о дне, когда Чэна не станет, когда его правая рука умрет во второй раз, и о том, что в тот день я…
…я…
Что будет со мной в тот Судный день?!

Круглолицый ориджит поднял голову — Я-Чэн вздрогнул, увидев его лицо — и заговорил хриплым срывающимся голосом.
Взяв Дзюттэ в левую руку, Чэн опустил руку аль-Мутанабби на мою рукоять.
— Он говорит, — сказал подошедший к нам Асахиро, единственный, кто смотрел на живую латную перчатку без содрогания; нет, не единственный — еще Коблан.
— Он говорит, что Асмохат-та добр. Асмохат-та не хотел убивать глупых детей Ориджа. Он, младший брат Джелмэ-багатура, Кулай-мэрген, видел это. Джелмэ-багатур не хотел прозреть. Джелмэ-багатур уплатил цену слепоты. Он, Кулай-мэрген, говорит: Асмохат-та добр. Добр и справедлив. Он, Кулай-мэрген, вкладывает поводья своей судьбы в правую руку Асмохат-та и просит его больше не указывать стальным пальцем на оставшихся детей Ориджа. Это слово Кулай-мэргена.
Ближний ко Мне-Чэну шулмус поднял голову. Седые космы падали ему на глаза, и весь он напоминал побитого пса.
Встать он не осмелился.
Выкрикнул что-то и вновь ткнулся лбом в древко своего копья.
— Он сказал, — перевел Асахиро, — что слово Кулай-нойона — это слово всех детей Ориджа. И что не надо больше указывать пальцем. Ни на кого.
Но-дачи на плече Асахиро шевельнулся.
— Ты знаешь, Единорог, — негромко сказал Но, — по-моему, если мне и есть чем гордиться в этой жизни, так это тем, что я случайно отрубил руку твоему Придатку. Не знаю, было ли у меня еще что-нибудь, чем стоило бы гордиться, кроме этого… и не знаю, будет ли.
Я не ответил.
Я смотрел на окровавленного Кулая, баюкавшего на коленях тело убитого брата; и обломки погибшей сабли подле них были подобны обломкам Детского Учителя на кабирской мостовой.
И день был подобен ночи.

ПОСТСКРИПТУМ

…Небо. Оно, словно отсыревшее полотнище, провисало над огромным валуном, у которого сидел одинокий человек в старинном доспехе; небо грозило прорваться яростным, коротким и совершенно бесполезным ливнем, столь обычным для середины осени на окраине Мэйланя, северной границы эмирата, черте песков Кулхан.
Беззвучно полыхнула синяя ветвистая молния.
Грома не было.
Совсем.
И воздух ощутимо давил на плечи.
Судьба лениво лежала поверх валуна, свернувшись в скользкое чешуйчатое кольцо вокруг прямого и узкого меча с кистями на рукояти; рядом с мечом, похожим на рог сказочного зверя Цилинь, лежал тяжелый кинжал-дзюттэ с тупым граненым клинком и односторонней гардой.
Человек сидел, привалившись спиной к нагревшемуся за день камню, и бездумно поглаживал пальцами левой руки предплечье правой. Кожа под пальцами была твердой и чешуйчатой, подобно судьбе на валуне, но теплой.
Живой.
Или просто это металл отдавал накопленное тепло?
Кто знает…
Потом послышались шаги, и к валуну неспешно приблизились двое.
— Я понимаю — так было надо…
Это сказал первый — стройный сухощавый мужчина лет сорока пяти, державшийся подчеркнуто прямо; лицо мужчины было строгим и спокойным. Замолчав, он плотно сжал тонкие губы, отчего те побелели и стали похожи на давний шрам, вынул из ножен длинный меч-эсток с витой гардой из четырех полос черной стали, и положил оружие на валун.
— Это было необходимо. Ты не мог иначе…
Последние слова произнес второй — невысокий крепыш, чьи глаза, казалось, были старше их владельца лет на двадцать.

Он снял с плеча двуручный, слабо изогнутый меч с крохотным блюдцем, отделяющим клинок от рукояти, и воткнул его в землю рядом с валуном.
Человек в доспехе молчал.
Оба пришедших еще немного постояли, ничего не говоря, затем опустились на землю и превратились в неподвижные изваяния, похожие на те, что часто ставят на мэйланьских кладбищах в качестве надгробий.
Когда из-за валуна вышла старуха с ритуальным посохом секты Пай-синь в руке, никто не пошевелился.
— Я понимаю — ты не мог иначе, — сказала старуха, прислоняя к камню свой посох.
Ответа не было.
Старуха некоторое время смотрела на человека в доспехе, словно ожидая чего-то, потом повернулась и стала глядеть в сторону холмов.
— Коблан идет, — вдруг заявила она, — и этот… Беловолосый. Ишь, вышагивают…
И невпопад добавила:
— Кости ломит… скорей бы уж гроза.
Подошедший кузнец — что было видно по обожженным, обманчиво корявым рукам, сжимавшим шипастую палицу-гердан так, словно это была резная трость для прогулок — долго откашливался и хмыкал, как если бы горло его было забито песком.
— Я понимаю, — наконец выговорил он. — Я все понимаю… так было надо.
— Так было надо, — твердо повторил его спутник, голубоглазый северянин, тряхнув льняными прядями волос, падающими ему на плечи; и возле валуна вонзился в землю меч-эспадон высотой почти в рост человека. — Ты не мог иначе, Чэн…
— Вы что, утешать меня пришли? — спросил человек в доспехе, сжимая железные пальцы в кулак. — Так это вы зря… лучше б следили за тем, чтоб гонец в Мэйлань вовремя отправился.
— Гонец готов, — ответила старуха.
— Он спрашивает, что ему сказать Совету, — бросил худой мужчина, чей эсток на камне слабо звякнул, поймав клинком порыв налетевшего ветра.
— Да или нет? Что ему сказать?
— Пусть передаст…
Человек в доспехе зажмурился, словно собираясь броситься вниз головой в холодную и пенистую воду одного из потоков Бек-Нэша, а когда он все-таки открыл глаза, то они были спокойны и странно безмятежны.
— Пусть передаст: «Не знаю». Два слова. Не знаю. И больше ничего.
— Не проще ли сказать: «Решайте сами?» — шевельнулся крепыш со старым взглядом.
— Проще. Но это уже будет почти приказ — если я скажу Совету: «Решайте сами». А так я говорю только о себе: «Не знаю». Я ведь действительно не знаю… и не хочу притворяться, что знаю. Все, что я хочу — это дойти до Джамухи Восьмирукого, встать напротив него с Единорогом в руке аль-Мутанабби и спросить, знает ли он ответы на все вопросы, которые рискнул задать — или он спрашивал, не подумав. Знает ли он, убийца не по принуждению, а во имя мертвых истин, знает ли он, что это значит — учить детей убивать, получая от этого удовольствие? Да или нет?! И я хочу услышать, что он мне ответит… я очень хочу это услышать.
Из-за валуна показалась черноволосая девушка с белым обручем на лбу.
— Я понимаю, — начала она, опираясь на пику с торчащими из древка зазубренными веточками, — я понимаю… Так было надо.
И очень удивилась, когда человек в доспехе невесело рассмеялся.
Еще одна молния рассекла небо надвое, отразившись в полировке оружия — и показалось, что несколько Грозовых Клинков ударили в валун и в землю около него.
Спустя некоторое время горизонт глухо зарычал, словно там, за очень плохими песками, пробуждался от сна зверь.
Очень плохой зверь.
И очень голодный.

ЕЩЕ ОДИН ПОСТСКРИПТУМ

Круглолицый Кулай сидел на туго скатанном вьюке шагах в двадцати от крайнего шатра, спиной к лагерю, живущему обычной вечерней жизнью, и смотрел вдаль. Сидел просто так и смотрел просто так.

За ним никто не следил — как, впрочем, и за любым другим ориджитом — руки Кулая были свободны, и он был волен в своих поступках точно так же, как полдня назад, когда пытался остановить старшего брата, не хотевшего принять Асмохат-та; так же, как сутки и еще половину дня назад, когда вместе со всеми детьми Ориджа несся на мягкоруких, вставших у них на пути; так же, как месяц с лишним назад, когда племя ориджитов отправило по приказу гурхана Джамухи всех своих воинов на поиски торных путей через Кул-кыыз, хотя дети Ориджа и не преломляли священный прут, клянясь в верности Восьмирукому…

Волен в поступках, как любой вольный воин вольного племени, только воля та оказывалась на поверку ярмом и ложью.

Долго рассказывать, долго и больно вспоминать, как временное стойбище ориджитов, где в тот день оставались лишь женщины с детьми да старики, было окружено многочисленными воинами племен маалев и локров — первыми признавшими власть внука Желтого бога Мо — и поникший головой Джелмэ-багатур, вернувшись с мужчинами к опустевшему стойбищу, яростно дергал себя за рыжий ус, а потом открыл свои уши и сердце для велений Восьмирукого.

Ой-бой, брат мой Джелмэ!.. худо мне без тебя… хоть и с тобой не раз бывало худо, упрямый брат мой!..

Кулай заворочался, болезненно морщась, и не заметил, как рядом оказался Тохтар-кулу, старая лиса.

— Долгих лет Кулай-нойону! — заискивающе пробормотал Тохтар-кулу, пятерней отбрасывая назад нечесаные седые волосы. — Да хранит нойона вечное небо! Слышал ли Кулай-нойон, что Асмохат-та идет вместе с детьми Ориджа в Шулму?

— Пусть всех нас хранит небо, старик, — угрюмо отозвался Кулай. — Небу это будет совсем просто — мужчин племени скоро не останется ни одного, а женщины будут рожать детей остроухим маалеям!

Чтобы не завыть от бессильной ярости, Кулаю пришлось вцепиться зубами в большой палец правой руки. Акте, его жена Акте, оставшаяся дома под властью Восьмирукого, разорви его железноклювые илбисы!..

— Я — старый человек, — растягивая слова, почти пропел Тохтар-кулу, еле заметно улыбаясь беззубым ртом. — Но я по-прежнему способен различить след змеи в траве весенних степей. Это хорошо знал Джелмэ-багатур, твой брат, слишком храбрый для того, чтобы состариться самому; это знал ваш отец, Чабу-нойон, не заставший прихода гурхана Джамухи и умерший от счастья в объятиях девятой жены; и это знал его отец, а ваш дед, Урхен-гумыш, с которым мы выпили не один бурдюк араки… Я — старый человек. Я — человек, сумевший дожить до старости. И поэтому никто не скажет, что Тохтар-кулу глуп.

Кулай удивленно слушал Тохтара, закусив губу. С чего бы это старик разговорился?

— Мне снился сон, Кулай-нойон…

Старый Тохтар заявил это с такой невозмутимостью, что Кулай даже и не подумал спросить: когда это старик нашел время спать, да еще видеть сон?

— Мне снился сон. Я видел то, чего уже не может быть. Я видел, как живой Джелмэ-багатур во главе горстки выживших мужчин племени возвращается в Шулму. Я видел, как хохочут маалеи, как хлопают себя по бедрам желтоглазые локры, глядя на неудачливых детей Ориджа; я видел, как хмурится великий гурхан Джамуха, выслушивая рассказ коленопреклоненного Джелмэ о десятке-другом мягкоруких, превративших степной пожар в едва тлеющую золу; я видел, как Восьмирукий берется за рукоять своего волшебного меча и как живой Джелмэ-багатур опять становится мертвым.

Тохтар-кулу поморгал бесцветными ресницами, плюнул себе под ноги и грустно уставился на собственный плевок.

— Это был плохой сон, — задумчиво сказал старик. — Это был очень плохой сон. Я даже захотел сперва проснуться, но увидел второй сон и раздумал просыпаться. Да. Это был хороший сон. Это был такой хороший сон, что его можно было смотреть до конца моих дней, которых осталось совсем мало.

Кулай выжидательно смотрел на Тохтара, а тот все не мог оторваться от созерцания плевка у себя под ногами.

— Ай, какой хороший сон, — наконец заговорил Тохтар, — ай-яй, хороший-хороший… как жеребячьим жиром намазанный!..
И опять замолчал.
Кулай протянул руку, уцепил старика за ворот чекменя и два раза встряхнул. Третьего раза не понадобилось — задумчивость в хитрых глазках Тохтара мигом сменилась готовностью продолжать.
И Кулай еще подумал, что если бы все заботы можно было бы прогнать так просто — ой-бой, как легко бы жилось на этой ужасной земле!..
— Ай, хороший сон! — поспешно сообщил Тохтар, отодвигаясь подальше. — Сон о том, как дети Ориджа вернулись домой из Кул-кыыз; и это было хорошо. Сон о том, как смеялись маалеи, и локры, и хулайры — и это тоже было хорошо, потому что смеющийся враг — это глупый враг, и мы тоже смеялись, несясь с холма на мягкоруких, а потом мы стали умными, а большинство из нас — мертвыми, и мы перестали смеяться! Я видел во сне, как хмурится гурхан Джамуха, поглаживая рукоять своего волшебного меча, но я видел, как хмурится Асмохат-та, глядя на то, как гурхан Джамуха поглаживает рукоять своего волшебного меча… уй-юй, как плохо хмурился Асмохат-та! Даже я так не хмурюсь, когда вижу моего внука, собирающегося плюнуть в священный водоем!
Старик ударил себя по щекам, не в силах выразить ужас, охвативший его при виде гневного Асмохат-та. Кулаю показалось, что на дне глаз старого Тохтара мелькают подозрительные искорки, но он решил не искушать судьбу.
Тряхнешь Тохтара в третий раз — а он и вовсе замолчит.
Навеки.
Хотя вряд ли — этот нас всех переживет…
— Я даже опять хотел проснуться, — старик доверительно наклонился к Кулаю, оставаясь, впрочем, на безопасном расстоянии. — Но Асмохат-та перестал хмуриться, а гурхан Джамуха Восьмирукий перестал жить, и все увидели, что Асмохат-та — это Асмохат-та, а Джамуха имеет всего две руки — как и любой человек, даже если он зовется, к примеру, старым Тохтар-кулу… И если бы тот, кто зовется старым Тохтар-кулу, не проснулся бы от топота чьих-то толстых ног, то он успел бы еще увидеть, как степи Шулмы говорят о мудром и доблестном Кулай-нойоне, первым признавшим Асмохат-та!.. ай-яй, какой хороший сон…
— Твой сон врет, старик, — угрюмо бросил Кулай. — Асмохат-та не хотел убивать глупых детей Ориджа. Асмохат-та вообще не любит убивать. А ты учил меня, что воинская доблесть — это смерть врага! Значит, ты неправильно учил меня?!
— Я правильно учил тебя, Кулай-мэрген, ставший Кулай-нойоном, — ответил Тохтар-кулу. — Если ты до сих пор жив и можешь трясти меня за воротник — значит, я правильно учил тебя. Воинская доблесть — это смерть врага. Но когда становишься старым, когда кобыла судьбы доится на твои волосы, делая их белыми, то реже думаешь о смерти врага, и чаще — о жизни. О своей жизни. О чужой жизни. И понимаешь, что для каждого времени — своя мудрость и своя доблесть. Это понимаешь лишь тогда, когда твоя собственная жизнь подходит к концу.
Старик умолк, и Кулаю не пришло в голову подгонять его.
— Ты понимаешь это, — после долгого молчания еле слышно прошептал Тохтар-кулу, — но вокруг есть много юных и доблестных воинов, и ты боишься сказать им об этом, потому что у тебя всего один воротник, потому что тогда ты станешь их врагом, а их доблесть, доблесть юных, доблесть твоих детей и учеников, — это смерть врага. И ты ждешь, что придет кто-то, кто не боится говорить о новом. Что придет Асмохат-та.
Небо треснуло, вспыхнув синим огнем, и Кулай прислушался к оглушительному рыку Верхней Стаи, задравшей чью-то неприкаянную душу.
— Пошли собираться, Тохтар-кулу, — буднично сказал Кулай. — Чего зря сидеть?
— Да, нойон, — кивнул старик.

ЧАСТЬ VIII. ОГОНЬ МАСУДА

Основа воинских искусств — любовь ко всему сущему на земле.
Древние

— Ну уж нет, — ласково улыбнулся Куш-тэнгри, Неправильный Шаман. — Сперва ты расскажешь обо всем мне. Хорошо, гонец? Да?
Гонец — низкорослый и плосколицый маалей Удуй-Хара, которого с детства невесть за что прозывали Чумным Волком, — растерянно молчал. Нет, что ни говори, а здесь без джай-волшбы дело не обошлось! Иначе с чего бы стоять шаману Ур-калахая на пути Чумного Волка? Священный водоем далеко, степь велика — ан нет, вот он, Куш-тэнгри, Неправильный Шаман, благослови его Геенна Трех Языков!..
— Ты уже хочешь говорить, правда, гонец?
Губы Куш-тэнгри не шевелились, но властный хрипловатый голос прозвучал столь отчетливо, что Чумной Волк непроизвольно вздрогнул, оторвав взгляд от ужасающе-неподвижного рта шамана — и, забывшись, посмотрел прямо в глаза служителю Ур-калахая Безликого.
Глаза жили своей, отдельной от тела жизнью. Удуй-Хара еще подумал, что так не бывает, а потом перестал думать — просто стоял и смотрел.
Долго смотрел. Одну жизнь смотрел, вторую смотрел, после умер, и Куш-тэнгри умер, а глаза все глядели, не моргая, все не исчезали, словно были ровней ночи, степи, ветру…
«Я жду, гонец!» — донеслось из ниоткуда.
Чего бояться мертвому? Того, что гурхан Джамуха разгневается, узнав, что между ним и вестями с границы встал Неправильный Шаман, а язык Удуй-Хара сам вылез изо рта и стал делать слова?
Да и слов-то этих горсти две, не больше… стояла застава у Кул-кыыз, давно стояла, новых дозорных на смену ждала — и дождалась, только не смены, а гостей из песков. Три десятка ориджитов явились, да с ними дюжина с лишним усталых чужаков. Спрашивали заставщики у ориджитов: где, мол, братья ваши, где отцы ваши, где мужчины племени? В Верхнюю Степь на вечное кочевье ушли, — отвечают. Спрашивали заставщики у ориджитов: где Джелмэ-багатур, где ваш нойон? Нет нойона, — отвечают, — на него Асмохат-та пальцем указал; новый нойон теперь у нас, Кулай-нойон. Спрашивали заставщики у ориджитов: какой-такой Асмохат-та, откуда ему взяться в народе мягкоруких? А такой, — отвечают, — Асмохат-та, что ублюдка-мангуса Джамуху в священном водоеме утопит…
Тут Чумной Волк чуть язык свой дерзостный не проглотил, вместе со словами последними. Пусть и чужие слова делал язык, да за такую пакость великий гурхан Джамуха и у мертвого отсечет все, что зря во рту шевелится!
По кусочку за взмах рубить будет!..
«Ор-ер, беда», — подумал Чумной Волк, зажмурившись, и понемногу оживать стал. Потом снова глаза открыл, на взгляд Куш-тэнгри наткнулся и затрепыхался на острие шаманского взгляда, как перепелка на дротике. Только перепелка пищит, а Удуй-Хара и рад бы пискнуть, да не выходит — дальше говорить пришлось об увиденном-услышанном…
…Двое заставщиков, братья Бариген и Даритай, горячие были, на руку скорые. Схватились за луки, по стреле из саадаков седельных выдернули — взвились стрелы, свистнули, а у самой груди дерзкого Кулая-ориджита словно две молнии с двух сторон ударили! Сперва и не разглядели-то заставщики, что за клинки каждую стрелу надвое посекли, а после уже разглядели — удивились. Оба меча чуть ли не в рост человеческий, этакой громадиной лошадей пополам рубить, а не стрелы на лету, и вот поди ж ты!
Кулай-ориджит смеется, те двое, что мечами сплеча махнули, молчат да хмурятся, а когда у чужаков девка дикоглазая вперед выехала и покрыла заставщиков по-хурульски — да не так, как жеребец кобылу кроет, а так, как кобыла жеребцов, когда ей под хвост чертополох вместо нужного сунуть — вот тогда-то и бросились заставщики наметом, словно илбисы за ними гнались, и опомнились нескоро.
Ну а как опомнились — поняли, что велика степь, дорог много, а в ставку к гурхану им дороги больше нет. Один Удуй-Хара воспротивился. Он полгода назад числился у Восьмирукого в отборной тысяче тургаудов-телохранителей, до десятника дошел и дальше бы служил, когда б не слабость к тому, что у баб под халатом! Выгнали за дурость — в караул заступали, а Чумной Волк угрелся, увлекся и запоздал маленько… Вот с той поры и вертелся оплошавший тургауд в заставщиках у Кул-кыыз.

А сейчас то ли гордость тургаудова взыграла, то ли еще чего — отвезу, решил Удуй-Хара, вести в ставку гурхана и в ноги Восьмирукому брошусь. Убей, мол, да не гони!..
Все ведь деру дали, гнева Джамухи убоявшись, а Чумной Волк и про Кулая дерзкого доложит, и о чужаках, и об Асмохат-та…
«Асмохат-та? — вопросили глаза Неправильного Шамана. — Каков из себя-то он, Асмохат-та?»
«Не помню», — хотел было выдавить Чумной Волк, а глаза шаманские уже в самое нутро залезли, будто пальцами там шарят: вот Кулай ухмыляется, вот по бокам его двое с мечами-переростками… один — беловолосый, почти как Неправильный Шаман, а в глазницах — сталь с голубым отливом; другой — крепыш, по плечо первому, а лицо недоброе, ох, недоброе, и глядит, как в грудь толкает!..
«Дальше!»
И Чумной Волк словно за железо каленое схватился — вот он! Позади Кулая на коне сидел! Не конь — скала черная, не всадник — глыба блестящая, руки на поводьях…
— Руки! — завизжал Удуй-Хара, видя и не видя то, чего сперва в горячке не заметил, а и заметил, так не понял.
— Руки! Чешуя на руках! Асмохат-та!..
И слетел с невидимого острия.
На колени упал.
Куш-тэнгри уже уходил к своей лошади, позванивая металлическими фигурками животных, которыми был увешан его просторный халат, а Чумной Волк все катался по траве и выл хрипло:
— Руки!.. руки в чешуе… руки!..
Неправильный Шаман даже не обернулся.

Глава 22

1

— Стрела — она потому стрела, что ею стреляют, — глубокомысленно возвестил Кос. — Или наоборот: ею стреляют, потому что она стрела. Ты как думаешь, Асмохат-та?
— Никак, — буркнул я, зная, что Кос не обидится.
— Вот и я так полагаю, что ты никак не думаешь, — согласился ан-Танья, выпячивая свой и без того внушительный подбородок.
Интересно, он тоже знал, что я не обижусь?..
…Переход через Кулхан оказался и легче, и труднее, чем я предполагал — короче, совершенно не таким, каким представлялся вначале. Ориджиты шли буднично и уверенно, они явно заранее знали каждый поворот и места стоянок; и, кем бы ни был их незабвенный предок-покровитель Оридж, дети его могли отыскать дорогу даже там, где ее отродясь не бывало. Уже через неделю я понимал, что Асахиро и Фаризе в свое время ужасно повезло — они живыми выбрались из этого бесконечного равнодушия природы, идя наобум; и еще я понимал, что тысячному войску выжить в Кулхане будет не легче, чем несчастному одиночке. Воды в тех полусухих колодцах, что вынюхивали наши неутомимые шулмусы-следопыты, нам хватало если и не с избытком, то вполне; войско же погибло бы от жажды.
Если только ориджиты не умалчивали о дополнительных источниках воды.
Шли мы не напрямик, а какими-то хитроумными зигзагами, и за месяц без малого я довольно сносно научился болтать по-шулмусски, выяснив несомненное и весьма странное родство наречий Шулмы и Малого Хакаса. Именно по этой причине Чин преуспела в деле изучения языка гораздо больше меня; у остальных получалось по-разному.
У Коса не получалось совсем. Потом выяснилось, что у ан-Таньи язык не сворачивается в трубочку, и в этом корень всех бед. Общими усилиями язык свернули, после чего Кос перестал с нами разговаривать — зато заговорил с шулмусами.
Причем почти сразу же найдя с ними общий язык. В трубочку. А старик Тохтар звал Коса отцом. Это звучало как Коц-эцэгэ, и я еле сдерживался от смеха всякий раз, когда это слышал.

Там же, в походе, мы впервые увидели луки и стрелы. Всем нам — и людям эмирата, и Блистающим — стоило большого труда понять, что это не Дикие Лезвия, и не Блистающие, а действительно вещь, и при этом — оружие. Вещь-оружие.
Впрочем, люди все-таки сообразили это быстрее — ведь Фариза сражалась в зале истины Батин жаровней, и жаровня была вещью, и одновременно — оружием.
Кстати, в битве у границы Кулхана шулмусы не пускали луки в ход, намереваясь взять нас живыми и увести с собой в Шулму — что, собственно, и случилось, но немного иначе, чем предполагалось ориджитами — и это было хорошо. Но при переходе через пески быстро выяснилось, что турнирные навыки позволяют большинству из нас рубить стрелы в полете — или уворачиваться, как делал я.
Для Блистающих сама мысль о том, что на свете существует мертвое оружие, была кощунственной. Наконец Чань-бо предположил, что когда-нибудь лук и стрелы смогут стать Дикими Лезвиями, а затем — Блистающими; и наши полированные спутники с этой минуты перестали обсуждать мертвое оружие шулмусов.
Они даже говорить о нем перестали.
Словно его и не было.
Я еще подумал, что так относятся у людей к умалишенным родственникам, причем дальним, и даже не умалишенным, а людям-растениям. С внешним безразличием и внутренним стыдом. А Матушка Ци на одном из привалов вспомнила, что в каких-то сказаниях времен аль-Мутанабби и Антары Абу-ль-Фавариса упоминались предметы, вполне могущие оказаться луками и стрелами. Видимо, в эмирате этот вид оружия так и не смог перестать быть вещью, став Блистающим, и постепенно вымер.
Последняя мысль о вымирании принадлежала не старухе, а Единорогу.
Но не тяготы пути, и не шулмусские луки, и даже не смерти некоторых раненых — чуть не сказал: «К счастью, не наших раненых», — и обрадовался, что не сказал — не это заботило меня больше всего.
Просто я по мере продвижения вперед все больше превращался из человека в религиозный символ.
Меня опекали (когда я возмущался — меня опекали незаметно), мной восхищались (когда я злился — мной восхищались издалека), мне поклонялись (когда я протестовал — мне поклонялись вдвойне).
Шулмусы обращались ко мне не напрямую, и даже не косвенно, а как-то отстраненно, словно я и не присутствовал здесь, среди них, не ел те же лепешки и не пил ту же воду.
— Не хочет ли Асмохат-та испить воды?
— Пусть Асмохат-та придержит Мангуса У — впереди черный песок…
— Угодно ли чешуерукому перейти в тень?
И все это с поклоном, потупив взор…
На первых порах я посчитал такой способ общения свойственной Шулме традицией, и как-то раз заявил Кулаю на смешанном шулмусско-хакасском:
— Не передаст ли Кулай-нойон мне вон тот кусочек солонины?
Кулай закашлялся, подавившись недожеванной лепешкой, поспешно передал мне указанную солонину и удрал к лошадям, не закончив ужина.
И я понял, что мне достаточно ткнуть пальцем, чтобы дети Ориджа сломя голову бросились в указанном направлении — хоть за солониной, хоть за смертью, хоть куда.
Не могу сказать, чтобы это доставляло мне удовольствие.
Зато давило похлеще панциря на жаре.
Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться — подлинность Асмохат-та была для детей Ориджа единственной возможностью остаться в живых. Окажись я лжецом — за их жизни в Шулме никто не даст и сломанного клинка.
Единственного за все.
Но не одни шулмусы — мои прежние знакомцы по Кабиру и Мэйланю обращались со мной с почтительностью, доходящей до подобострастия. Однажды, когда ориджиты всей толпой ускакали вперед что-то разведывать, я собрал оставшихся и потребовал прекратить это безобразие.
Иначе я и сам уверую, что я — Асмохат-та.
Все переглянулись.
— Друдл говорил, что он — дурак, — прогудел Коблан Фаризе, словно пытаясь объяснить ей странность моего поведения. — Я имею в виду, что Чэн — дурак. А Асмохат-та — тот велик и могуч.

— А-а-а, — вместо Фаризы понимающе закивал Асахиро. — Тогда ясно.
— Что вам ясно?! — заорал я. — Что вам всем ясно?! Кто-нибудь может со мной поговорить по-человечески?!
— Нет, — жестко отрезал Кос. — Никто не может. Иначе любой из нас сможет забыться и заговорить с тобой по-человечески при посторонних. Или нас могут подслушать — а мы будем в тот момент говорить не по-кабирски. Или еще что. А для шулмусов ты — Асмохат-та. На веки вечные. Терпи, Чэн-в-Перчатке.
— Терпи, — сочувственно повторила Чин.
«Терпи, Чэн, — беззвучно поддержал меня Единорог. — Я вот тоже терплю… знаешь, как они меня называют? Могучий Палец бога Мо! Вот уж Скользящий Перст обрадовался бы…»
Я знал, кто кого и как называет. И понимал, что не прав.
Если б еще от этого мне становилось хоть чуточку легче…
Особенно резко я ощутил свою новоявленную значимость, когда Кулхан внезапно закончился и мы носом к носу столкнулись с шулмусской заставой из восьми человек. Они не представляли угрозы для нас, они даже не успели к нам подъехать — но я сразу же оказался во втором ряду и передо мной замаячили спины Коса, Фальгрима, Асахиро, Кулая, закрывая собой великого и могучего Асмохат-та; а за мной сомкнулись в боевой готовности остальные, готовые яростной лавой охватить меня с двух сторон и выплеснуться вперед, если первый ряд падет и Асмохат-та окажется перед врагом.
Они готовы были убивать за меня.
Они готовы были умирать за меня.
Чем я мог оплатить это?
Не знаю…
Пока я предавался размышлениям, Кулай успел надерзить сторожевым шулмусам во имя мое, те успели выпустить в него пару стрел, Гвениль и Но-дачи пресекли это в самом прямом смысле, и заставщики благополучно удрали.
Неплохо для начала.
А то кто бы оповестил моего любимого внука Джамуху о прибытии его любимого деда? Вернее, последнего воплощения его любимого деда?!
Этому Кулаю дай волю — он во имя меня такого натворит…
Мы ехали по Шулме.
Вот уже третий день мы ехали по Шулме.
2
…Раздраженное ржание Демона У вывело меня из задумчивости.
Первое, что ввергло меня в недоумение — это непривычное построение нашего отряда. Непривычное, потому что я внезапно оказался впереди, за мной полукругом выстраивались мои соотечественники, а уже за ними сбились в кучу дети Ориджа, напоминающие испуганных овец, жмущихся под защиту сторожевых псов.
Вторым поводом для пожимания плечами была осенняя степь перед нами, на удивление безопасная и пустынная. Если не считать приближающегося одинокого человека, ведущего под уздцы неказистую лошаденку.
А так — никого и ничего.
Если не считать… зачем его считать, человека этого? Один себе и один, как ни считай…
Да и то — будь перед нами войско — дали бы мне оказаться первым? Вряд ли. Небось, заставили бы назад спрятаться, а еще лучше — в землю зарыли бы!
На время.
Для безопасности.
— Кто это? — спросил я по-кабирски.
Еще в Кулхане мы решили, что благоразумнее будет не обучать шулмусов говорить по-нашему.
— Это шаман Ур-калахая, — из-за спины сообщил Асахиро, и меня неприятно резанули нотки суеверного страха в его голосе. — Служитель Безликого.
Ясно… как восемь дозорных, так Асмохат-та назад, а герои — вперед! А как служитель какого-то Безликого — так все наоборот…
Что ж это за Безликий такой?
— Давайте-ка я его за уши приволоку, — кровожадно заявил Фальгрим и, не дожидаясь разрешения, погнал коня к неспешно идущему человеку.
Я наблюдал, как громада, носящая имя «Фальгрим на лошади», поравнялась с шаманом и нависла над ним; затем шаман поднял голову и посмотрел на

Беловолосого. Взгляд был коротким и острым, как умелый выпад, после чего шаман так же неторопливо продолжил путь, а Фальгрим круто развернул коня и поскакал к нам.
Когда я взглянул в лицо Беловолосому, то меня поразили его глаза. Они были высечены из серо-голубого льда и оттаивали медленно, слишком медленно, чтобы Беловолосый мог видеть. Во всяком случае, сейчас он не видел ничего.
Или видел нечто, невидимое нам.
Эспадон Гвениль озабоченно подпрыгивал, лежа поперек конской холки.
— Что это с ним? — прозвенел он, когда Фальгрим проезжал мимо нас. — Я… я его не чувствую! Нет, уже потихоньку начинаю… Единорог, спроси у Чэна — Фальгрим в порядке?
— Не знаю, — отозвался Единорог-Я. — Но скоро узнаю.
И я пнул Демона У пятками в бока.
При моем приближении шаман остановился. Я трижды объехал вокруг него — вокруг довольно-таки щуплого человечка в длиннополом и просторном халате, от ворота до подола увешанном какими-то побрякушками из темного металла.
Волосы шамана были белыми — не бело-льняными, как у Фальгрима, и не мутно-седыми, как у старого Тохтар-кулу (тем более что служитель Ур-калахая был отнюдь не стар, не намного старше меня самого), а молочно-серебряными, и такой цвет волос я встречал впервые в жизни.
Сам шаман все время смотрел себе под ноги, словно боясь споткнуться, так что я не видел его лица — но меня не покидало впечатление, что этот маленький беззащитный человечек, не имеющий при себе никакого оружия (а он его не имел или прятал на редкость успешно), уже успел узнать обо мне все, что можно узнать при самом внимательном рассмотрении.
— Я вижу того, кто называет себя Асмохат-та? — наконец осведомился шаман, по-прежнему не поднимая головы. — Да?
Речь шамана была глухой, но внятной; и еще более похожей на хакасскую, так что я сразу понял почти все.
Особенно насмешку, скрытую в обращении.
— А я вижу того, кто осмеливается задавать подобные вопросы? — отозвался я.
Шаман еле слышно хихикнул. Похоже, он тоже понял, что хотел, и это позабавило его.
— Степь еще не знает о появлении Асмохат-та, — задумчиво произнес он.
— Но если Джамуха Восьмирукий успеет узнать первым и послать тумены своих всадников в нужное время и в нужное место — степь может вообще не узнать об Асмохат-та или узнать, когда будет поздно.
Внутренне я не мог с ним не согласиться.
Но внешне…
— Ты надоел мне, глупый человек! — я выговорил это самым зловещим шепотом, на какой был способен, и слово «человек» прозвучало так, как если бы я сам человеком ни в коей мере не являлся. — Тебе ли решать, что рано, а что — поздно?!
Шаман Ур-калахая резко поднял голову — и я словно с размаху налетел на его глаза.
Черные-черные.
И в них что-то шевелилось.
Я невольно потянулся вперед, чувствуя, как тварь на дне черного взгляда неслышно и неумолимо зовет меня к себе, как она лениво выползает из склепа глазниц и сама движется ко мне, цепко хватаясь за липкую ниточку, протянувшуюся между нашими душами, и вот она уже внутри меня, копошится, ищет, вынюхивает — и ей навстречу встает Кабир, и башня Аль-Кутуна, подле которой все началось, и…
И будто сполох холодного пламени пронесся над миром, перечеркивая его — нет Кабира, нет башни, нет видений, нет насильно высасываемой памяти, а есть бесстрастный меч в железной руке, и черная тварь бежит в страхе, прячась за дрогнувшими веками, стремясь скрыться, исчезнуть, не быть…
Я ощутил знакомую рукоять Единорога под пальцами аль-Мутанабби; и рукоятью ощутил пальцы.
Единорог был в ножнах.
И еще он был во мне.
— Ты ищешь смерти? — спросил Я-Единорог у отвернувшегося шамана.

Голос мой плавился ледяным звоном, заставляя служителя Безликого зябко передернуться.
Он отрицательно покачал головой, и во взгляде шамана больше ничего не двигалось само по себе.
Сейчас там звездами в ночи, рыбьей чешуей в омуте мерцали искорки удивления. Мерцали — и гасли одна за другой.
— Нет. Я хочу отвести Асмохат-та в такое место, где у него будет возможность размышлять без лишних опасений.
Все-таки он произносил «Асмохат-та» без должного уважения, к которому я, надо признаться, успел привыкнуть.
— Меня зовут Куш-тэнгри, — подумав, добавил он, шулмус с незапоминающимся лицом, черным взглядом и серебряными волосами. — Многие называют меня Неправильным Шаманом.
Я равнодушно кивнул.
Я не знал, какими должны быть правильные шаманы.
3
…Лошаденка нашего неожиданного попутчика резво трусила рядом со мной во главе отряда. Демон У сперва пытался протестовать против такого соседства — но лошаденка искоса глянула на него, и Демон угомонился, а я заподозрил лошадь в принадлежности к шаманскому сословию.
В белесом небе прозвучал еле слышный птичий крик, подобный стону, и, затихая, унесся вдаль.
— Гуси, — сказал Куш-тэнгри, Неправильный Шаман. — Тепла ищут. А улетать больно. Оттого и кричат…
Я задрал голову и с трудом различил клин гусей — или не гусей? — медленно продвигающийся на юг.
— Двое не долетят, — продолжил Куш-тэнгри, почесывая свою лошадь между ушами. — Сизый к вечеру отстанет. А тот, что с черным хвостом, до завтрашнего полудня выдержит. Ишь, бедняга, надрывается…
Я еще раз глянул в небо. Сизый, значит, к вечеру отстанет… Нет, по-моему, шаман не собирался морочить мне голову. Хотя все же заморочил, собирался или не собирался…
— Хуш! — прикрикнул шаман.
Его лошадь без особого вдохновения прибавила ходу. Я же наоборот — незаметно натянул поводья и придержал Демона. Сам не знаю зачем.
Из упрямства, должно быть…
— Коблан, перебирайся сюда! — донесся из-за моего плеча голос Асахиро. — Тут Тохтар-болтун о проводнике нашем глазастом сказки рассказывает. Джир о том, как Куш-тэнгри гурхану Джамухе будущее предсказывал! Давай, подъезжай, я тебе его сам спою, джир этот, чтоб покороче было!..
Говорил Асахиро по-кабирски и, похоже, не столько для Коблана, сколько для меня.
— Угу… — раздалось за спиной, и гулкое эхо этого «угу» стало смещаться вправо — Коблан перебирался поближе к Асахиро.
— Ты понимаешь, Коблан, — негромко, но вполне слышно продолжил Асахиро, — в Шулме очень много богов и очень много шаманов. Творец их знает, шулмусов этих, зачем они себе столько насочиняли?! Желтый Мо — покровитель воинов и владыка смерти, Гэнтэр — бог воров и конокрадов, Кылчи-ара родам у женщин помогает, Лысый Боортун овец охраняет, на той сопке Чилтай-охотник зверей гоняет, на этой — Ултай-лекарь травы целебным соком поит…
— Это покороче? — буркнул Коблан. — Тогда я лучше Тохтара послушаю.
— И не поймешь ничего, — отрезал Асахиро. — Тохтар говорит быстро и много, а ты понимаешь медленно и мало. Так вот, богов много, шаманов еще больше, а Ур-калахай, Безликий, один. И служителей у него всего десятка полтора, если не меньше. Другим богам каждый день в лицо заглядывать надо — не хмурятся ли? — а у Безликого лица нет, заглядывать некуда, ему и этих шаманов хватает.
Асахиро снова понизил голос.
— И как служители Ур-калахая опасаются чаще положенного Безликому надоедать, так и шулмусы не любят этим шаманам в лицо смотреть. Очень уж побаиваются их проклятий… чьи-чьи злые слова, а проклятье шамана Ур-калахая редко когда мимо проходит! Потому и живут они у священного водоема, вдали от всех, и по степи нечасто ездят — все, кому нужен шаман Безликого, сами к нему приходят.

— Так священный водоем — он же в тени плаща Желтого бога Мо! — заявил непонятливый Коблан. — Ну и жили б там служители Мо — при чем здесь Безликий?!
— У Мо нет служителей. Ему воины любого племени служат — воинской доблестью и смертью врагов. Иной службы Желтый Мо не приемлет. Просто местность вокруг священного водоема заповедная, на ней испокон веку ни войн не было, ни крови не лилось. Вот поэтому каждый шулмус может туда безбоязненно приехать и шамана Ур-калахая о судьбе своей спросить.
— Пророчествуют, значит, — вяло поддержал разговор кузнец. — Ну и как, сбываются их пророчества?
Асахиро помолчал.
А потом ответил.
— Всегда, — ответил Асахиро. — Всегда сбываются.
4
«Ты суеверен?» — спросил меня Единорог.
После того боя, в котором смешались круги Шулмы и Кабира, отдал жизнь за гордость упрямый нойон Джелмэ; после того боя, когда я впервые пристально взглянул на руку аль-Мутанабби и вслед за волной ужаса испытал внезапное облегчение, почувствовав, что эта рука — моя, какой бы она ни была; после того боя я совсем по-иному ощутил связь с Единорогом.
И не только с ним, о чем — позже.
Мне уже совершенно не надо было касаться его рукояти железными пальцами, чтобы превратиться в Меня-Единорога. Я мог это сделать в любое время и даже на немалом расстоянии, разделявшем нас. В Кулхане мы проверяли эту способность, когда Кос, взяв Единорога (никому, кроме ан-Таньи, я б его не доверил), уезжал вперед с ориджитами-разведчиками. Спустя четыре часа я оставался Мной-Единорогом, еще в течении трех часов мы могли переговариваться с некоторым напряжением, а потом разведчики повернули обратно — и, надо заметить, я немало обрадовался, когда Единорог во плоти вернулся ко мне.
Более того, я научился разговаривать с Обломком — но его-то я обязательно должен был касаться железной рукой.
Я научился разговаривать с Обломком — и это не всегда доставляло мне удовольствие. О, отнюдь не всегда! — потому что теперь Дзю напрямую высказывал мне все то, что раньше смягчал Единорог.
Вру. Я рад был слышать Дзю.
Иногда мне казалось, что я говорю с Друдлом.
Остальные люди и Блистающие — объяснить им всем, кто они есть, на этот раз оказалось проще, поскольку я объяснял не один — так вот, остальные люди и Блистающие разговаривать друг с другом, понятное дело, не могли, зато проявили недюжинные способности в умении почувствовать настроение и состояние своих… э-э-э… спутников.
Гвениль уже точно мог сказать, когда Фальгрим зол, а когда добр, но голоден — что случалось редко, ибо доброта не была присуща голодному Фальгриму; Чин начинала грустить и веселиться одновременно с Волчьей Метлой, причем обе отдавали себе отчет в этом «одновременно»; и Махайра не раз предупреждал Единорога-Меня, когда Диомед еще только собирался острить.
Но больше всех преуспел в этом деле Сай. Если Заррахид прекрасно понимал, когда Кос ведет себя серьезно, а когда — нет, то Сай умудрялся ловить даже те моменты, когда Кос притворялся серьезным, до конца не зная сам, что притворяется.
И эсток втайне (вернее, это ему казалось, что втайне) гордился Саем, как гордятся способным учеником или младшим родичем.
И Беседовать нам с каждым днем становилось все интереснее.
Поэтому, когда Гвениль крикнул, что не чувствует Фальгрима, я перестал сомневаться в очень простой истине, сродни истине Батин — первый выпад в Беседе под названием «Шулма» был сделан.
Я ушел от выпада, подъехав к шаману и выиграв странный поединок.
Могут ли души Беседовать?
Судьба отодвинулась на шаг, и мы слегка позвенели клинками — поговорив с Неправильным Шаманом о гусях, которых не было видно.
Или которые были видны только ему.
Фальгрим к тому времени полностью отошел от общения с шаманом и ехал непривычно понурый и молчаливый.

И вот удар исподтишка — пророчества, которые сбываются.
А я-то надеялся, что в Шулме меня будет ждать только Джамуха-батинит!..
«…Ты суеверен?» — спросил меня Единорог.
Тусклые, оказавшиеся совсем не тем, что ожидалось вначале; ассасины, пугало снов и сказок, едущие теперь позади меня… и невозможная степь по эту сторону Кулхана, чью плоть с хрустом давили копыта вороного Демона из мэйланьских конюшен, отчего ноги мои были до колен забрызганы липким соком осенней Шулмы…
Суеверен ли я?
«Нет», — хотел ответить я.
— Не знаю, — ответил я.
— Вот и я не знаю, — тоскливо согласился Единорог.
— А я знаю, — заявил Дзю, то ли подслушивавший, то ли догадавшийся о нашем разговоре, то ли вообще имевший в виду что-то свое. — Знаю, но вам не скажу.
5
Куш-тэнгри по-прежнему ехал впереди, не оборачиваясь, но теперь я знал, куда ведет нас Неправильный Шаман.
К священному водоему.
Могиле Блистающих и обиталищу Желтого Мо.
К месту, где не воюют.
Интересно, осмелится ли Джамуха, взошедший на престол Шулмы по ступенькам преклонения перед воинской доблестью, нарушить этот запрет, напав на нас там? Да или нет?
С одной стороны он — внук Желтого Мо и гурхан степей, а с другой — святость места, витающий над водоемом дух самого Мо и явившееся туда воплощение, то есть Асмохат-та, хоть истинный, хоть ложный, что надо доказывать…
Прав шаман — время для размышлений у нас, похоже, будет. Или оно есть, началось, сдвинулось с места — время для мудрых размышлений, время для глупых размышлений, для веселых и невеселых, для первых и последних…
А может, и не только для размышлений.
Кулай говорил, что часть вольных племен отказалась ломать прут верности перед Джамухой. Но даже идя против Восьмирукого, захотят ли они пойти за Асмохат-та?! Я и думать-то не хочу, скольких пришлось бы убить, чтоб перевесить Джамуху на весах Шулмы… ни думать не хочу, ни убивать.
И не буду. Не мое это дело, не моя радость — чужие уши в карманы складывать! Более того — люди людьми, а как добиться, чтобы Дикие Лезвия зазвенели на нашей стороне?!
О Творец, не превращаюсь ли я, человек Чэн Анкор, в Твое оружие?! В мертвую вещь, не имеющее собственной воли оружие, покорное Твоей равнодушной деснице?!..
— …и пришел Куш-тэнгри в ставку Джамухи через день после большого курултая, где был вручен Восьмирукому бунчук гурхана о семи хвостах, — вернул меня к действительности голос Асахиро. — А когда предложил шаман Восьмирукому пророчествовать о судьбе владыки, то сперва согласился на это Джамуха, но после жестоко посмеялся над служителем Безликого!..
Я вновь ощутил в себе ищущий мрак взгляда Куш-тэнгри, проникающий в заповедные глубины души темный клинок, идущую по следу памяти тварь… Нет, непохож был щуплый шаман на человека, над которым можно просто так посмеяться, да еще и жестоко!
Во всяком случае, сделать это безнаказанно.
— Во время обращения к Безликому вынимает воин из ножен свой клинок и держит его за рукоять, стоя у начала, а шаман Ур-калахая берется за лезвие, становясь у завершения. И смотрят потом воин и шаман, исток и исход, в глаза друг другу, пока не перестают видеть земное, прозревая ткущееся на небесах.
Асахиро говорил медленно и певуче, и я слышал его, степь да ровный перестук копыт.
— Только на этот раз не взглянул Джамуха в лицо Куш-тэнгри. Едва пальцы шамана сомкнулись на мече гурхана, как рванул Восьмирукий Чинкуэду, Змею Шэн, к себе и разрезал шаману ладонь до кости. И смеялся гурхан — дескать, не тягаться Безликому с Желтым Мо, как мясу шаманскому не тягаться с отточенной сталью, и никому из смертных не дозволено провидеть судьбу Джамухи! Смеялись воины, стоявшие вокруг, но невесел и угодлив был их смех, а шаман прошел сквозь смех и позор, не зажимая раны, и ладонь его ухмылялась алым ртом. Дик и

страшен был взгляд Куш-тэнгри — настолько страшен, что трое воинов, не успевших вовремя отвернуться, умерли через день в муках…
Асахиро резко замолчал, потому что неспешно трусившая впереди лошаденка шамана как-то незаметно повернулась мордой к нам, а хвостом к священному водоему — и спустя совсем немного времени Куш-тэнгри уже снова был рядом со мной.
Я готов был дать голову на отсечение, что шаман не мог слышать рассказа Асахиро, а если и слышал, то ничего не должен был понять — но шаман, ничего не сказав, протянул ко мне худую правую руку ладонью вверх.
Ладонь пересекал вспухший белый шрам. Он тянулся почти вплотную к линии жизни, обрываясь у запястья, словно кто-то хотел начертать новый жизненный путь Неправильному Шаману, но сделал это грубо и нерадиво.
Новый путь… но не Путь Меча, а путь, проложенный мечом. Шрам, оставленный злой насмешкой и необходимостью всегда и во всем доказывать свое превосходство.
Одуряюще-терпкий запах степи, тронутой осенним увяданием, вдруг ударил мне в голову, отчего окружающий мир стал до боли, до головокружения реальным, став миром, где приходится жить всерьез, жить однажды и навсегда, или не жить вовсе…
Ладонь Куш-тэнгри сжалась в кулак, сминая шрам.
— Служители Ур-калахая не проливают чужой крови, — сурово сказал Неправильный Шаман. — Нигде и никогда. Но это не мешает нам проливать свою.
Вокруг нас была Шулма.
В нас была Шулма.
А передо мной на нелепой лошади, одетый в нелепый халат, сидел Кабир.
Я-Единорог пристально смотрел на человека, в котором жил Кабир, на человека, чье время и место остались у меня за спиной, в прошлом, в моем прошлом и его будущем; на человека с серебряными волосами, который не проливал чужой крови.
— И поэтому мы не носим оружия, — закончил Куш-тэнгри.
— А мы носим, — отозвался я, думая о своем. — Мы носим. Но еще совсем недавно мы тоже не проливали чужой крови. Только свою.
Асахиро еле слышно застонал.
— Это невозможно.
— Это возможно.
— Где? — спросил Куш-тэнгри. — В Верхней Степи? В раю?
— В раю, — грустно согласился Я-Единорог.

Глава 23

1

…Желтый бог Мо сидел на самом краю своего священного водоема и, закусив верхними клыками оттопыренную нижнюю губу, задумчиво глядел куда-то вдаль.
Бог грустил. Наверное, оттого, что был не очень-то похож на меня. Или это я был не очень-то похож на него. Только я уж от этого никак не грустил.
Хотя отдаленное сходство все-таки наблюдалось.
Разумеется, у меня отсутствовала всякая саблезубость, просто и незамысловато выпирающая наружу. Да и голова моя, надеюсь, не в такой степени напоминала змеиную. Взгляд… вот за взгляд не поручусь. Возможно, в какие-то моменты у меня тоже бывает такой взгляд — пустой, цепкий и холодный, от которого становится зябко и пасмурно в самый жаркий день, и хочется куда-нибудь спрятаться, а спрятаться некуда. Да, наверное, бывает. Но редко. И хорошо, что я сам этого не вижу.
Шишковатый гребень? Если и смахивает на шлем, то весьма отдаленно. Равно как и складчатый плащ Мо — на мою марлотту. А телосложение у Желтого Мо завидное, в полтора меня будет, хотя это и не так существенно… Чешуя, подобная панцирю? Тут все сходится, у меня почти то же самое — доспех, подобный чешуе.
А руки у Мо и впрямь как две латные перчатки! И длиннющий указательный палец на правой, направленный в глубину священного водоема. Длиной как раз с Единорога… А на левой лапе-ручище большой палец отведен в сторону, и указательный — тоже длинней обычного, но не так, как на правой — небрежно устремлен вверх. Весьма, весьма смахивает на Обломка…

— Вылитый, — буркнул Дзюттэ.
— Похож, — согласился Единорог.
— Угу, — кивнул я. — Хотя… вы это о ком?
— Я о тебе, — заявил Дзю в пространство.
— И я о тебе, — с той же неопределенностью отозвался Единорог.
— И я о тебе, — решил не нарушать единогласия я.
И мы замолчали.
А еще Желтый Мо был почему-то не желтый, а зеленый. Зеленоватый. С некоторой желтизной. Желтоватый с прозеленью. Или все-таки желтый?!
Я поморгал и решил, что, в конце концов, это не мое дело. Хотя статуя очень выразительная. Впечатляет. И работы превосходной. Ох, сомнительно, что ее ваял какой-нибудь скульптор-шулмус. Этот бы наваял… Но если не шулмус — то кто?
Еще одна загадка. Которую я разгадывать не буду. Не до того сейчас. Да и как ее разгадаешь? Разве что у самого Мо спросить: «Здравствуй, приятель, это я, Асмохат-та, то бишь твое последнее земное воплощение! Позволь спросить, дорогой…»
Не позволит, небось…
Мы приблизились к самому краю водоема и с некоторым трепетом заглянули внутрь. Вода слегка рябила, но была достаточно прозрачной, чтобы не скрывать дна — и на дне водоема, в грязном иле, лежали гнилые и ржавые останки Блистающих.
Десятки — если не сотни.
Это была огромная могила.
Мы стояли, держась за руки и рукояти, — Я, Единорог и Обломок — и участь тех, кто не захотел отказаться от сути и призвания Блистающего, казалась нам в тот миг едва ли не лучше собственной.
А потом я повернулся и, по-прежнему не говоря ни слова, направился к ближайшему шатру, где меня уже ждал Куш-тэнгри, Неправильный Шаман.
Когда я сел прямо на землю рядом с шаманом, тот словно и не заметил этого. Не дрогнули полуприкрытые веки, дыхание не всколыхнуло грудь, и неведомые дали, по просторам которых блуждал сейчас серебряноволосый шаман, не отпустили его обратно. Он был — там. А я — здесь. Я сидел и смотрел. На большие бурые шатры, похожие на гигантских животных в выцветших после линьки шкурах. На чахлые деревца с удивительно-яркой зеленой листвой и на желто-серые колючие кусты, растущие по соседству. На моих спутников, разбивавших лагерь неподалеку от бурых шатров — обиталищ шаманов Безликого, служителей Ур-калахая.
Я сидел и просто смотрел.
Водоем Желтого Мо находился в низине, окруженной невысокими пологими холмами. Здесь проходила граница двух степей. Юго-восточнее, там, откуда мы пришли, простиралась степь, в немалой мере обожженная дыханием Кулхана. А северо-западнее начиналась степь свежая, вспененная горьким ветром, та степь, увидев которую, я понял — вот она, Шулма. Вот здесь живут племена шулмусов, пасут свои неисчислимые табуны и стада, спорят о воинской доблести, совершают набеги друг на друга… И еще где-то там есть великий гурхан Джамуха Восьмирукий.
Мой любимый внук.
И прямая короткая Чинкуэда, Змея Шэн.
…Здесь проходила еще одна граница. Она незримо тянулась по гребням холмов, окружавших священный водоем. Внутри этого круга властвовали боги. И все, кто входил в этот круг, попадали под их защиту.
У священного водоема не проливалось крови.
Здесь был малый Кабир.
«Здесь Шулма, — с упреком бросил Единорог. — А в водоеме гниют трупы моих братьев.»
«Извини, — склонил голову я. — Ты прав. А я не прав. Просто мне очень хочется домой…»
«Да, Чэн. И мне.»
И все-таки мы находились внутри круга, хотя предпочли бы до конца дней своих оставаться снаружи.
И подальше.
Я невольно обвел взглядом границу священного места и повернулся к Куш-тэнгри, услышав слабый мелодичный перезвон побрякушек на его халате.

Шаман уже возвратился из своих непонятных внутренних странствий и теперь глядел на меня.
— Будем говорить, Асмохат-та? — спросил Куш-тэнгри, Неправильный Шаман. — Да?
Его привычка после почти любого вопроса спрашивать еще и «Да?», словно собеседник и без того не ответил бы, поначалу раздражала меня, но здесь, в тени плаща Желтого Мо, то ли я стал терпимее к повадкам Куш-тэнгри, то ли его «Да?» стало мягче и естественней.
— Будем, — согласился я.
— Будем, — в один голос подтвердили Единорог и Обломок.
Но их шаман не услышал.
Он просто слегка вздрогнул, встал и направился к шатру.
Не оглядываясь. А я перед тем, как последовать за ним, махнул рукой случившемуся неподалеку Косу — чтобы тот подошел и помог мне снять панцирь.
И без божественного вмешательства ясно — чем-чем, а доспехом аль-Мутанабби мне Неправильного Шамана не удивить.
Да и не собирался я его ничем удивлять.
2
В шатре царил сумрак; расположенный в центре очаг не горел, но тепло от него еще сохранялось. Только сейчас я почувствовал, что снаружи было отнюдь не жарко.
Осень, однако… пора привыкать.
Мы опустились на ворсистую кошму друг напротив друга, и я выжидательно уставился на Куш-тэнгри. Смотреть ему прямо в глаза я до сих пор немного опасался, смотреть ниже было бы неудобно — еще решит, что я ему в рот заглядываю — и я перевел взгляд вверх, туда, где высокий гладкий лоб шамана переходил в зачесанную назад гриву его странных волос.
Куш-тэнгри слегка улыбнулся — дрогнули уголки губ, наметились ямочки на впалых щеках без малейших следов растительности, раздулись ноздри орлиного носа… и маска дикого безумного скульптора превратилась в довольно-таки располагающее к себе лицо.
— Это у меня с рождения, — сказал он, тряхнув серебряной копной и явно неправильно истолковав мой взгляд. — Просто тридцать три зимы тому назад у женщины из племени чиенов-овцепасов родился седой ребенок. А мудрые старейшины решили, что это не к добру, и маленького Куша бросили в степи. Спустя два с половиной года меня подобрали младшие шаманы Ултая-лекаря. Говорят, меня выкормила волчица… Не знаю. Не помню. А врать не хочу. Ултаевы целители осмотрели ребенка, который визжал и перекусал половину из них, и обнаружили все восемьдесят четыре признака будущего служителя Ур-калахая. Вот с тех пор я и живу здесь. А из-за волос прозван Неправильным Шаманом. И не только из-за волос. Так и стал из просто Куша — Куш-тэнгри.
Он вольно потянулся, хрустнув суставами, и закинул худые жилистые руки за голову. Отчего стал удивительно похожим на моего прежнего знакомца по Кабиру Сабира Фучжана, тоже обманчиво хрупкого и низкорослого. Для полного сходства не хватало только Лунного Кван-до где-нибудь в углу, с его древком в рост человеческий и огромным мерцающим лезвием. Да, сейчас Куш-тэнгри вел себя совсем иначе, чем при первой встрече, и мне все время приходилось напоминать себе, что я не дома и даже не в гостях, и что шаман отнюдь не Сабир — но небрежная откровенность Куш-тэнгри все равно вызывала желание ответить такой же откровенностью; тем более, что мы оказались чуть ли не сверстниками.
Если ему и впрямь тридцать три года.
— Так всю жизнь и помню себя слугой Безликого, — продолжал меж тем шаман, как бы излагая общеизвестные истины, знакомые всем (если он и сомневался в осведомленности новоявленного Асмохат-та, то старался это не выпячивать). — А шаманы Ур-калахая — они оружия не носят, крови не проливают, в чужие свары не лезут, кровавой пищи не вкушают, сон-гриба не нюхают, хош-травой не дымят…
— Араки не пьют, — непроизвольно вырвалось у меня.
— Почему? — искренне удивился Куш-тэнгри.
— Ну… не знаю, — замялся я.
— А у вас… э-э-э… там, в раю, араку разве с кровью делают?
— Нет. Бескровно.
— Или вы туда толченых сон-грибов подсыпаете?
— Ни в коем случае!

— Так с чего бы нам и не пить араки? — вопросил Куш-тэнгри, выволакивая из темного угла объемистый жбан, в котором что-то булькало.
А действительно, почему бы это нам и не выпить араки? Тем паче что я ее сроду не пробовал!
И мы выпили. Слабенькая она, арака эта, вроде вина, кисловатая, пенистая — короче, пьется легко. Первые три чашки — так совсем легко. А после четвертой и слова легче даваться стали.
— Вот если спрошу я тебя, Асмохат-та ты или нет, — вдруг, после очередной фразы ни о чем, заявил Куш-тэнгри, — так или ты не ответишь, или я не поверю. Спрошу я тебя: чем ты ориджитов убедил, что ты — Асмохат-та? Так опять или я не поверю, или ты не ответишь! Как ни спрашивай, что ни отвечай — конец один. Давай-ка лучше в игру сыграем. Кто выиграет, тот и спрашивать станет, а проигравший ему правдой платить будет. Да?
И не дожидаясь моего согласия, два горшочка глиняных к себе придвинул. Дребезжало что-то в тех горшочках. Я один взял, гляжу — камешки до середины насыпаны. Галька речная, мелкая.
А Куш-тэнгри с другим горшочком ко входу в шатер приблизился, полог в сторону отбросил, чтоб светлее стало, затем вернулся и шагах в восьми от меня на кошму сел. Чашку с аракой перед собой поставил, горшочек с камнями — рядом.
Один камешек достал.
В меня кинул.
Я поймал и обратно отправил.
И он поймал.
Добавил второй камешек, на ладони покачал и оба мне послал.
Забава это мне была, а не игра.
Три камешка.
Четыре. Два сразу, третий и четвертый — миг выждав, один за другим…
Хорошо он, подлец, ловил, так и брал из воздуха, а пальцы мягкие-мягкие… Без суеты, без дерганья глупого, спокойно и уверенно… волчий выкормыш.
Это я в похвалу…
Пять камешков. И всякий раз, когда очередная галька звонко цокала о металл моей правой руки, в глазах Куш-тэнгри вспыхивал холодный черный огонь.
Мы кидали лениво, не торопясь, давая камням слегка зависнуть в воздухе, не больше трех одновременно, но все-таки, все-таки, все-таки…
Шесть.
А на семи он сломался.
Пять взял, шестой локтем отбил, седьмой ему в чашку плюхнулся.
Белыми брызгами халат залил.
А я не о вопросах умных думал, не об ответах правдивых, а о том, что если бы дети Ориджа хотя бы пяток камешков вот так ловить умели, то наше знакомство с ними по ту сторону Кулхана совсем иначе сложилось бы.
И вот этот человек утверждает, что никогда не брал в руки оружия?!
«И вот этот Придаток всю жизнь прожил без Блистающего?!» — отраженным эхом ударила меня мысль Единорога.
— Ну! — властно крикнул нам Дзюттэ. — Ну, что же вы?! Спрашивайте!..
И мы поняли, что и как надо спрашивать.
— Лови, шаман!
Я запустил в неподвижного Куш-тэнгри Обломком; а когда Дзю еще был в воздухе, пролетев две трети пути от меня до Неправильного Шамана, я прыгнул следом — и сумрак взвизгнул от боли и неожиданности, рассеченный Единорогом.
Он не соврал. Он действительно никогда не держал в руках оружия, этот удивительный человек, родившийся седым. Он поймал Обломка, но поймал так, как это не сделал бы ни один кабирец — за край гарды, и даже не подумал защититься им от удара, а попытался увернуться, и увернулся, но через мгновение острие Единорога уже упиралось в побрякушку на правом плече шамана.
Куш-тэнгри глубоко вздохнул и осторожно, кончиком пальца, отодвинул клинок в сторону.
Я забрал у него хихикающего Дзю и вернулся на прежнее место, пряча Единорога в ножны.
— Это был вопрос? — осведомился шаман слегка севшим голосом.
Я кивнул.
— И я на него ответил?
Я еще раз кивнул.

— А… а что я ответил?
— Что ты на самом деле не знал Блистающих…
— Что?!
— Неважно. Что ты не пользуешься оружием. Что ты говорил правду — раз не соврал здесь, то, скорей всего, был правдив и в остальном.
Куш-тэнгри отхлебнул араки, прополоскал ею рот, затем выплюнул злосчастный камешек, а араку проглотил.
— Ну а если я притворялся? — после долгой паузы спросил он. — Если я обманул тебя?
— Если ты успел столь быстро понять смысл моего вопроса и обмануть меня, — ответил я, — тогда это не я — Асмохат-та, а ты.
Дзю у меня за поясом наконец перестал веселиться.
— А он мне нравится, — неожиданно сообщил Обломок.
— И мне, — вздохнул Единорог.
Я налил себе из жбана.
— Ты нам нравишься, — сказал я Неправильному Шаману.
— Кому это — вам?
Я неопределенно помахал чашкой в воздухе, проливая араку.
— А можно, — с несвойственной ему робостью вдруг спросил Куш-тэнгри, кивком головы указывая на Дзюттэ, — можно, я его еще раз подержу? Нет, не сейчас, потом… Можно? Я… мне показалось, что он — живой.
И шаман замолчал.
— Дзю, ему показалось, что ты живой, — с удовольствием передал Обломку Единорог. — Слыхал?
— Да? Польщен, — вяло отозвался Обломок. — Скажи-ка ему: мне тоже показалось, что он — живой.
А я все вспоминал летящие камешки и летящих гусей.
Камешки ловил я и ронял он; гусей видел он и не видел я; а еще он знал, что случится с гусями завтра.
Галька, упавшая в чашку с пенящейся аракой; сизый к вечеру отстанет, а тот, что с черным хвостом…
3
…А потом я выбрался наружу из шатра и долго моргал, привыкая к свету и пытаясь понять — вот передо мной обеденные приготовления моих спутников, но для кого это, собственно, отдельно в маленьком котелке варится рис (да и откуда рис в Шулме?!) без мяса, зато с обилием каких-то сушеных овощей и трав?!
Потом объявился из-за моей спины Куш-тэнгри, и назначение риса сразу стало понятным, потому что шаман отогнал от котелка нерасторопного (по его просвещенному мнению) шулмуса, извлек из складок своего одеяния несколько кожаных мешочков и принялся сыпать в котелок по щепотке-другой из каждого, бормоча себе под нос и помешивая варево деревянной лопаточкой, возникшей непонятно откуда.
Пахло шаманское кушанье на удивление вкусно, ничуть не хуже мясного плова в большом общем котле — и мой желудок одобрительно забурчал. Впрочем, шаман не собирался угощать ни меня, ни кого другого — он снял котелок с огня и приступил к трапезе в одиночестве, уплетая еду той же деревянной лопаточкой с завидным усердием, как делал бы на его месте любой проголодавшийся человек — а не таинственный шаман Безликого Ур-калахая.
Видимо, не один я заинтересовался поварскими тайнами шамана — потому что после того, как котлы опустели, а животы наполнились, к Неправильному Шаману, не сговариваясь, подсели с двух сторон ан-Танья и Матушка Ци, и начали у него что-то выспрашивать, тыча пальцами в котелок. Куш-тэнгри охотно стал вытаскивать свои мешочки и показывать их этой любопытствующей парочке — полагаю, тайна съедобных приправ не была сокровенной тайной Безликого — и Кос немедленно вооружился костяным каламом, походной чернильницей и листом пергамента, намереваясь записать все услышанное.
Тут я отвлекся, заинтересовавшись разговором за моей спиной.
Ставший за последнее время поразительно миролюбивым Асахиро ковырялся в зубах длинной колючкой и подтрунивал над новоиспеченным нойоном Кулаем, а потом стал говорить на темы более общие и даже, можно сказать, возвышенные.
Говорили по-шулмусски и довольно-таки быстро, но я успевал улавливать смысл беседы.

— Убивать — плохо, — внушал шулмусам благодушно-сытый Асахиро, и шулмусы дружно кивали головами. — Убивать — очень плохо. Сперва вы друг друга, после мы друг друга, потом вы — нас, мы — вас… И что? Разве в этом доблесть? Не лучше ли уменье воинское без крови проявить, по-дружески, а затем вместе пойти араку пить?!
— Лучше, — подумав, изрек Кулай. — Гораздо лучше.
Шулмусы оживились, кое-кто рассмеялся, а Тохтар-кулу полез за бурдюком, поняв Асахиро слишком буквально.
Бурдюк убрали подальше — это Фариза расстаралась — старый Тохтар недовольно сощурился, почмокал губами и повернулся к Асахиро.
— Хорошо сказал Асахиро-эцэгэ, — исподволь начал Тохтар, и я отчетливо увидел, как в глазках старого лиса забегали хитрые огоньки. Эцэгэ — оно, конечно, эцэгэ, и скоро все мои приятели в «отцы» шулмусские выбьются, а некоторые даже и в матери… так вот, вряд ли Тохтар хоть слово без подковырки скажет, да и само «эцэгэ» для кабирского уха — нож острый…
— Хорошо сказал Асахиро-эцэгэ, вкусно, сладко, уши радуются, еще хотят… Убивать — плохо. Помню я — года два тому назад в племени аруданов у одного охотника младшая жена пропала. Ну, пропала — и пропала. Украли, небось. Бывает. Потом еще одной женщины не досчитались. И снова. Заволновались аруданы — враг женщин ворует, скоро всех украдет! Не злой ли мангус объявился?! Потом в степи жену охотника нашли. Мертвую. Кто убил? За что убил? Если мангус — почему не съел?! Если человек — зачем убил? Украсть — понятно, а убивать — глупо! Что с мертвой женщиной делать?! Позвали шамана. Пришел шаман Безликого, воинам в глаза посмотрел и на хромого табунщика указал. Вот он, говорит, женщин крадет. Глумится не по-мужски, а после убивает. Чтоб молчали, чтоб не сказали никому. Аруданы хромого табунщика к двум жеребцам привязали, жеребцов в степь погнали, кровавыми клочьями степь засеяли. Не пропадали больше женщины у аруданов. А я сейчас Асахиро-эцэгэ слушаю, уши радую, сердце радую, думаю: «Убивать — плохо. Лучше араку пить. Зря тогда аруданы хромого табунщика убили, совсем зря… араку с ним пить надо было…»
— Дурак ты, Тохтар, — оборвал старика побагровевший Асахиро. — Такого табунщика трижды убить надо было!..
Они еще о чем-то говорили — а я задумался совсем о другом. Были ли у нас в Кабире убийства — я имею в виду, раньше? Насилие? Вооруженные грабежи? Нет. Не было. Не слышал о таком — по крайней мере, до появления беглецов из Шулмы. Кражи, мошенничества, подлоги, взятки — были. Грешны люди, один Творец безгрешен… Но не казнить же человека за кражу?! Вот и обходились без смертной казни. Плетей всыпать — это да. Затем тюрьма есть, рудники, в конце концов!.. Но казнь?!
Хотя, с другой стороны, я прекрасно понимал аруданов.
Почему у нас не было своих хромых табунщиков? Мы что, лучше шулмусов? Нет, мы не лучше…
Тогда — почему?!
— Блистающие не дают, — услышал я внутри себя голос Единорога. — Мы насилия не приемлем… во всяком случае, раньше. Попробуй грабитель с голыми руками напасть на Придатка с Блистающим, да еще в Кабире — что выйдет? А если ты и сам вместе с Блистающим — так и не станете вы ни на кого нападать! Ну а бумагу поддельную написать или стянуть что — это мелочи, люди и без нас управятся, мы о том и знать не будем… Зато когда у ребенка человеческого с детства к Блистающему уважение, так он и взрослый его на дурное дело не поднимет. И себя замарать побоится, и клинок родовой…
Нет, я не во всем был согласен с Единорогом, но отчасти он прав. Для насилия нужно оружие, или хотя бы понимание того, что насилие — уже само по себе оружие… а Блистающие — это не оружие.
Но…

4

— Послушай, Единорог… чем, собственно, мы, люди эмирата и Блистающие, отличаемся от шулмусов и Диких Лезвий? Тем, что они убивают, а мы — нет? Так и мы способны на насилие… Ты слушаешь меня?
— Я слушаю тебя, Чэн. Продолжай.
— Я еще не все понимаю, но давай представим себе вот что… Гончар делает горшок. Это его ремесло — делать горшки. Оно его кормит, ремесло это, да и от

горшка польза несомненная — можно продать, можно воды налить, можно еще что-нибудь. Ремесло гончара — горшки делать, ремесло садовника — выращивать айву и персики, ремесло ткача — полотно ткать… а ремесло воина? Шулмуса или Дикого Лезвия?! Что делает воин?
— Убивает, Чэн. Воин — убивает. Умело и быстро.
— Зачем?
— Чтобы выжить самому. Ремесло воина — умная ярость.
— Да. Умная ярость. Чтобы убить — и выжить. И взять себе имущество убитого, или его женщину, или его коня — но не это главное. Главное — чтобы выжить самому. И поэтому сколько ни называй это убийство доблестью, умением, подвигом или подлостью, или еще чем — важно, что это тоже ремесло. Ему учат, им сохраняют жизнь, им отнимают жизнь, оно приносит пользу, им можно торговать, у него свои тонкости и навыки…
— Да, Чэн. Это ремесло. Как гончар делает горшок — так воин убивает.
— А когда гончар делает не горшок, каких множество, а вазу? Единственную в своем роде? Каких до него не делал никто и никогда?! Если он неделями ломает себе голову над формой завитка на середине ручки этой вазы — хотя житейской пользы от этого завитка никакой?!
— Это искусство, Чэн. Не ремесло, но — искусство. Не польза, но — радость.
— А если воину плевать на жизнь и на смерть, если нет врага и нет ярости, а есть он сам и его меч, и отблески движущегося просто так, без житейской цели и пользы клинка чертят в ночном небе диковинный узор, и ноги танцуют, не касаясь земли, а кисточка на рукояти описывает спираль, ведущую в бесконечность, и нет пользы, а есть радость, и ты — это меч, а меч — это ты, это мир, это небо и перехлестывающее через край бренной плоти сознание бессмертия…
— Это искусство, Чэн. Это мудрая радость творчества, когда мы равны Творцу. Это шаг от ремесла к искусству, это два берега одного ручья — умная ярость воина-ремесленника и мудрая радость воина-творца. Это шаг от Дикого Лезвия к Блистающему, от пользы к красоте, от тела к душе!
— Да, Единорог. Есть состояние боя — и состояние Беседы. Есть враг — и со-Беседник. Ярость схватки и радость творчества. Бушующее пламя и невозмутимая водная гладь. Гордый Масуд и мудрый Мунир, огонь и вода… И когда мы творим Танец Меча — мы впитываем в себя чужую ярость и гнев этого мира, но переплавляем их в себе, как руду в горне, и удары наши быстры, они кажутся смертоносными, и торжествующий крик решающего движения заставляет зрителей вздрогнуть и затаить дыхание…
— …и мы уподобляемся смерчу, сметающему все на своем пути — но внутри мы спокойны и радостны, мы невозмутимы, и смерч наш никому не приносит вреда, ибо нет в нас злобы и гнева, они расплавлены и отлиты заново в форме Блистающего, и зрители…
— …и зрители чувствуют это, потому что они такие же, как и мы, они способны со-чувствовать, со-переживать, быть со-Беседниками! А если нет…
— …а если нет — они смотрят на нас со страхом и уважением, и помыслы убить нас умирают в них, не родившись… потому что огненные ручьи их злобы, их гнева и ярости влились в наше море, впитались в нашу душу, и бесследно растворились в нашем спокойствии…

5

Вот почему в Кабире не мог объявиться хромой табунщик-убийца! И злоба, и страх, и ярость — все это с рождения свойственно и человеку, и Блистающему, но нас с малолетства учат обуздывать эти чувства, перемалывать их на внутренней мельнице спокойствия, проходить путь от ремесла к искусству и, минуя кровавую битву, творить Беседу. А если мы молоды и еще не способны до конца постичь тайну сотворения воинского искусства — нам помогают другие, более мудрые, более спокойные, дальше прошедшие по Пути Меча. Все вместе, мы сделали этот шаг от орд Диких Лезвий и диких завоевателей к Блистающим и людям.
И этот шаг тоже был искусством.
А здесь, в Шулме, в нашем прошлом, ремесло по-прежнему остается ремеслом, умелое и быстрое убийство остается залогом собственного выживания, и боевая ярость кипит, не переплавляясь в душах неродившихся мастеров, и брызги этой лавы солоны и багровы…
Но тогда мы — мы, кабирцы, дети эмирата — неужели волею судьбы мы все отступили на шаг назад, попросту вернувшись к кровавому ремеслу?
Хороший вопрос.

Есть ли на него хороший ответ?
Я чувствовал, что ответ уже брезжит где-то на краешке моего сознания, и попытался ухватить его за вихор, не дать ускользнуть — и не дал.
Ответом была стена.
Стена, тупик, в который уперлись мы — и люди, и Блистающие эмирата. Мы отточили до почти немыслимого совершенства лезвия клинков и Мастерство Контроля; Беседы наши стали изящны и молниеносны, а мы сами — учтивы и беззаботны; мы наслаждались жизнью и своим искусством, мы забыли о истоках — грязных, кровавых, но человеческий ребенок тоже рождается в крови и стонах, а Блистающий — в огне и грохоте…
И мы действительно разучились убивать. Мы отсекли эту часть бытия — и я утверждаю, что это плохо, какими бы ужасными не показались мои слова. Потому что настал день, когда искусство столкнулось с насилием, и не смогло противостоять ему — мертвый Шамшер в пыли, моя отрубленная рука на турнирном поле, Друдл и Детский Учитель в проклятом переулке!
Чистое Искусство отвергло Ремесло, из которого когда-то родилось, потом попросту забыло о существовании предка — и поплатилось за забывчивость. Тусклые и батиниты были неправы и правы одновременно; так же, наверное, как и мы.
А сейчас… сейчас мы умеем убивать. И умеем не убивать. Мы не всемогущи, и силам нашим есть предел, но мы способны выбирать, и дело не в ремесле и искусстве, не в жизни и смерти, а в выборе, который наш и только наш.
В свободном выборе.
В выборе между огнем Масуда и водой Мунира.
— Выбор… — задумчиво произнес Обломок, о котором я совершенно забыл, как и о том, что поглаживаю его рукоять рукой аль-Мутанабби. — Сделать шаг вперед, отказаться от ремесла и убийства, обретя искусство и радость… А если сделать еще шаг? От искусства — куда? Что — там? Там, где, быть может, все сливается воедино, где нет ни жизни, ни смерти, ни убийства, ни отказа от него…
Что — там?
Ремесло.
Шаг.
Искусство.
Шаг.
Что дальше?
Сумеем ли мы сделать этот шаг? Или мы уже шагнули, сами того не сознавая?
Еще один шаг по Пути.
Пути Меча.

Глава 24

1
— Щепоть сушеной травы чимук, два очищенных корешка-сухороста, полгорсти толченой желтуницы, топленое масло…
— Ты запомнил все с первого раза? — шаман удивленно глянул на Коса. — У тебя хорошая память. Почти как у меня.
— Я не запомнил, — в свою очередь удивился ан-Танья. — Я записал.
И продемонстрировал шаману свои записи.
Слово «записал» Кос произнес по-кабирски, поскольку по-шулмусски его не знал. Как, впрочем, и я. Но шаман догадался.
— Записал? — повторил Куш-тэнгри по-кабирски. — Вот этими значками? Все, что я говорил? Да?
Кос утвердительно кивнул.
— Говорящие знаки, — задумчиво протянул Неправильный Шаман, почесывая кончик своего внушительного птичьего носа. — Знаю. У нас тоже есть. Но другие. Ими нельзя записать то, что я говорил. Только самое простое. Пять дюжин воинов ушли в поход. Вернулись три дюжины и еще два. Сожгли стойбище маалев. Вот такое. Ваши знаки разговорчивее наших. Потом научишь.
— Научу, — охотно согласился Кос, а я вдруг обратил внимание, что при разговоре с шаманом ан-Танья держится особо предупредительно и безукоризненно-вежливо. Стараясь не смотреть в глаза.

Ну, тут я его понимал…
— Научу, — повторил Кос и помахал в воздухе своим листком. — А вы что, все это дословно помните? Я имею в виду — вы, шаманы?..
— Конечно, — равнодушно бросил Куш-тэнгри, подумал и уточнил. — Мы, шаманы. Воины не помнят. У воинов ветер в голове. Все слова выдувает. А нас с детства учат видеть и помнить. Или помнить и видеть. Вот…
Он мельком покосился на кучку ориджитов, отправившихся под предводительством Коблана обустраивать походную кузницу; покосился и тут же отвернулся.
— Сколько человек? — резко спросил шаман.
Как кнутом хлестнул.
Кос, тоже сперва глянувший в ту сторону, а потом снова воззрившийся на Неправильного Шамана, задумался, стараясь не поворачивать головы к ориджитам.
— Восемь, — неуверенно заявил ан-Танья. — И Коблан с Тохтаром.
— Семь, — отрезал шаман. — Семь ориджитов, ваш кузнец и хитрец Тохтар. Кто из них в шапках, кто — без?
Кос замялся.
— Ладно, — смилостивился шаман. — Пусть будет не кто. Пусть будет — сколько. Сколько шапок на девятерых людях?
— Пять, — буркнул Кос.
По-моему, наобум.
— Три, — подытожил шаман, и мне даже не захотелось его проверять. — У кого из девятерых волосы на уши падают, а у кого назад зачесаны?
Ан-Танья только руками развел.
— У кузнеца вашего волос курчавый, уши наружу торчат, — начал Куш-тэнгри, — у Тохтара волос мало, а вот уши закрыты; трое детей Ориджа конские гривы отрастили, скоро не то что ушей — глаз видно не будет… еще трое волосы ремешком повязали и назад забросили; один — плешивый. Совсем. Дальше будем или хватит? Да?
— Хватит, — в один голос сказали я и Кос.
— Шаман должен не смотреть, а видеть, — наставительно заметил Куш-тэнгри. — Шаман не запоминать должен, а помнить. Иначе он — плохой шаман. Жизнь понять не сможет. Пропажу найти не сможет. Судьбу узнать не сможет. Предсказать ее не сможет. Ничего не сможет. Такой шаман — и не шаман вовсе.
Кос понимающе кивнул, а Я-Единорог подумал: «Предсказывать. Судьбу узнавать. Гуси, камешки, волосы… глаза твои ненасытные. И вообще — как он узнал о моем прибытии? Как в степи нашел?»
Похоже, Куш-тэнгри мог многое такое, о чем мы понятия не имели. И это в Шулме, в дикой Шулме, где жизнь не стоит и треснувшей чашки! Крылось в уменьи шаманском нечто, связанное с шагом от ремесла к искусству, с яростью и радостью, с выбором между Масудом и Муниром…
И Я-Единорог еще подумал, что дело, наверное, не в памяти, остроте зрения или каких-то особых навыках (хотя и в них тоже), а в состоянии души, позволяющем сливаться с происходящим. Мы ведь тоже в состоянии Беседы успеваем многое, чего в обыденной жизни и заметить-то не успели!
— Будем говорить, Куш-тэнгри? — спросил я.
— Будем, — еле заметно улыбнулся Неправильный Шаман. — Только завтра. С утра. Да?
— Да, — ответил Я-Единорог, и двинулся к Коблану, громыхавшему языком почище молота — отчего ориджиты работали если не лучше, то значительно быстрее.
Завтра — значит, завтра.
2
А завтра оказалось совсем рядом.
И таким же, как вчера — шатер, шаман, и я с Единорогом и Обломком.
— Ты позволишь мне взглянуть на твое прошлое, Асмохат-та? — чуть ли не торжественно спросил Куш-тэнгри, усаживаясь напротив.
Нет, я не брал под сомнение возможности шамана. На его лице было написано, что он хочет не рассказ мой выслушать — а именно взглянуть. Самому.
Но стоит ли ему показывать?
— Стоит, — решительно заявил Единорог.
— Стоит, — согласился Обломок, злорадно сверкнув. — Нам скрывать нечего.
Я вслушался в это «нам», и мне стал ясен замысел Блистающих.

— Ну что ж, шаман, смотри, — я и сам внутренне усмехнулся, освобождая Единорога от ножен и протягивая его острием к Неправильному Шаману. — Так, что ли, это делается?
Куш-тэнгри, не поднимая глаз, протянул руку и неспешно сомкнул пальцы на клинке Единорога. Некоторое время ничего не происходило, я расслабился и пропустил тот момент, когда пытливо-мрачный взор шамана сверкнул навстречу мне подобно вороненой стали, и, проваливаясь во тьму, я успел крепче ухватиться за рукоять Единорога, и… и стать им.
Во тьме или при свете, здесь или нигде, вчера или завтра — один Меч встал спокойно против неба!
…Я знал, что Неправильный Шаман сейчас видит и чувствует то же, что и я. Но если я прекрасно понимал, что означает происходящее, и был к нему готов, то для шамана это было равносильно удару молотом.
И не одному удару.
Причем в самом прямом смысле слова.
Ведь сейчас я был Единорогом. И шаман видел прошлое — прошлое прямого меча, Блистающего из рода Дан Гьенов!
Он видел его рождение!
Вокруг полыхал огонь, вселенная неистово грохотала, я был раскален докрасна, и молот невидимого пока кузнеца-повитухи рушился сверху, раз за разом, сплющивая уродливые неровности, уплотняя мою плоть — и удары эти приятно-звенящей дрожью отдавались в рождавшемся теле, гибком, разгоряченном, юном, рвущемся жить!.. я рождался в огне и звоне, я выходил из горнила пламени, возбуждение все сильней охватывало меня, и сила ударов молота передавалась…
Испуганный крик расколол мир пополам — и через мгновение я, Чэн Анкор, вновь оказался в шатре Куш-тэнгри. Сам Неправильный Шаман неуклюже стоял на четвереньках — видимо, он упал вперед и едва успел опереться руками об пол, выпустив клинок Единорога. Как он при этом не порезался — а он не порезался — оставалось загадкой. Шаман изумленно смотрел на Единорога… на мою железную руку… и наконец наши взгляды встретились.
Без мрака и огня, просто, как и должны встречаться взгляды.
— Что… что это было? — прохрипел шаман. — Ад? Да?
— Прошлое, — честно ответил Я-Единорог. — Хочешь смотреть еще?
Но Куш-тэнгри, похоже, уже пришел в себя.
— Хочу, — твердо заявил он и, как показалось мне, без малейшего усилия и почти незаметно для глаза оказался сидящим на своем прежнем месте.
Он хотел смотреть.
— Ну что ж, смотри, — и я снова протянул ему Единорога.
На этот раз даже я — да что там я, даже Единорог не ожидал увидеть то, что возникло вокруг… что возникло в нас.
…Металл звенел о металл, кричали люди, бешено ржали кони, в горле першило от едкого дыма, и рука в латной перчатке, по локоть забрызганная дымящейся кровью, вздымала вверх тяжелый ятаган Фархад, который потом назовут иль-Рахшем, Крылом бури — и мощное лезвие, визжа от ярости, опускалось на головы врагов, рассекая шлемы и черепа, и скользил на плитах площади гнедой жеребец, а я, мятежный эмир Абу-т-Тайиб Абу-Салим аль-Мутанабби, все смеялся в порыве боевого безумия, и бежали оставшиеся в живых защитники Кабира, а за ними вдогон неслись воины на взмыленных…
Память. Память латной перчатки.
Восемь веков тому назад.
Когда мы возвратились в шатер, взгляд шамана прошел уже знакомый мне путь: с Единорога на мою правую руку, с руки на мое лицо…
И снова на руку.
— В первый раз мы ушли далеко, — выдохнул Куш-тэнгри. — Я никогда не заглядывал так далеко… тому аду было десять дюжин лет и еще немного. Но сейчас… Когда это было, Асмохат-та?
— Восемь столетий, — ответил Я-Единорог. — С того дня прошло восемь столетий, Куш-тэнгри, рожденный седым.
— И это был… это был ты, Асмохат-та? Да?
— Нет, это были другие воплощения Желтого бога Мо, — изрек язвительный Обломок, услышав вопрос шамана в изложении Единорога.
И я не нашел ничего лучшего, как повторить сказанное Обломком.
Шаман долго молчал.

— Может быть, может быть, — наконец произнес он со странной дрожью в голосе. — Теперь я готов поверить в это… Но не верю. Ты не сердишься?
— Нет.
— Тогда… тогда не позволишь ли ты мне все же взглянуть на ТВОЕ прошлое? На прошлое твоего нынешнего воплощения?
— Позволю.
И я в третий раз протянул ему Единорога — нет, это Единорог сам потянулся к Неправильному Шаману.
…На этот раз я ему показал. Я раскрылся, и мы ушли в Кабир, Кабир Бесед и турниров, ярких одежд и оружейных залов; мы любовались подставками для Блистающих и слушали песни бродячих чангиров, мы дышали жаром кузниц и творили Церемонию Посвящения, мы меряли мою жизнь вдоль и поперек, жизнь до сверкающего полумесяца Но-дачи, жизнь, до краев наполненную звоном Блистающих, готовых скорее умереть, чем пролить кровь; мы были там, дома…
Я не мог больше оставаться там, зная, что я — здесь.
И вернулся в шатер.
— Я знаю, кто ты, — медленно и сурово произнес Неправильный Шаман. — Ты не Асмохат-та. Ты больше, чем Асмохат-та. Ты жил в раю, и сумел добровольно уйти из него. Я буду звать тебя этим именем, а истина пусть останется между нами.
— Сегодня мы смотрели прошлое, — сказал Куш-тэнгри.
— Завтра мы будем смотреть будущее, — сказал он.
— Да? — спросил он.
— Да, — ответили мы втроем.
3
…Еще один день завершился — один из бесчисленной вереницы дней, бывших до нас, при нас; будущих после нас.
Лагерь засыпал. Костры еще горели, о чем-то беседовали несколько человек, сидевших у одного из этих костров, но большинство наших (я подумал «наших», улыбнулся, вспомнил о «ненаших», способных вскоре объявиться поблизости, и перестал улыбаться) уже удалились в шатры — отдыхать. Налетел порыв стылого, пронизывающего ветра, я зябко поежился и взглянул на небо. Оттуда на меня безучастно смотрели холодные колючие звезды.
Блистающие небес.
Что-то теплое и мягкое опустилось мне на плечи, и я поначалу даже не понял, что это такое и откуда оно взялось. А потом обнаружил у себя на плечах меховую доху, повернулся и увидел Чин, облаченную в точно такое же одеяние; видимо, Чин уже некоторое время стояла у меня за спиной.
— Чин… — довольно глупо выговорил я и притянул ее к себе, пытаясь… ах, да ничего такого особенно мудрого не пытаясь, кроме как обнять мою маленькую грозную Чин.
И звезды в небе немного смягчились и потеплели.
Она предприняла слабую попытку высвободиться — слишком слабую, чтобы поверить в ее искренность — поэтому я обнял ее еще крепче и зашептал на ухо всякую ласковую бессмыслицу.
Деликатный Обломок сообщил, что я придавил ему рукоять, и я попросил его заткнуться.
Единорога с Волчьей Метлой я почему-то совершенно не стеснялся, тем более что эти двое были заняты друг другом не меньше нас.
— Да ну тебя, — Чин попробовала сделать вид, что сердится на меня, но это ей не очень-то удалось, да и трудно сердиться на того, с кем в данный момент целуешься; и мы в четыре ноги двинулись к шатру.
К шатру, который я мгновенно переименовал из «моего» в «наш».
— И зачем я за тобой, бродягой, потащилась, — ворчала Чин в паузах между поцелуями, — из Кабира в Мэйлань (пауза), из Мэйланя в Кулхан (пауза), из Кулхана в Шулму эту про(пауза)клятую… И что я в тебе, жеребце необъезженном, нашла?!
— А что в жеребцах находят? — не удержался я. — Вот это самое и нашла…
Чин собралась было возмутиться, но передумала и махнула рукой — той, в которой на отлете держала Волчью Метлу.
— Может быть, именно это и нашла, — неожиданно согласилась она, имея в виду что-то свое.
Мы ввалились в шатер, который кто-то (скорей всего, вездесущий ан-Танья) уже успел протопить; через минуту Единорог в углу умильно касался кисточкой

Волчьей Метлы, что-то ей шелестя, а мы с Чин нырнули под ворох предусмотрительно заготовленных (кем?.. неважно…) теплых шкур, и больше я не собираюсь ничего рассказывать, потому что… потому что… не ваше это дело!.. и вообще…

И вообще — хорошо, что у меня хватило ума бросить доху прямо на Обломка, а самого Обломка бросить подальше от меня и моей правой руки, так что до утра я его не слышал.

4

…Звон металла, чьи-то крики, снова звон…

Я проснулся рывком, сразу, и вынырнул из-под шкур, мельком отметив, что Чин в шатре уже нет. Поспешно схватив Единорога, я откинул полог шатра и… и убедился, что ничего страшного не случилось. Асахиро ругался с возбужденным Куш-тэнгри — впрочем, делалось это достаточно беззлобно, чтобы потребовалось мое вмешательство — Коблан развернул наконец свою походную кузницу и что-то деловито ковал, невысокий крепыш-ориджит помогал ему, держа заготовку клещами; другой шулмус, постарше, сидел рядом, вытянув плохо сросшуюся после той памятной битвы ногу и изумленно качал головой. Еще несколько детей Ориджа вместе с хохочущими Фальгримом и Диомедом столпились вокруг спорящих шамана и Асахиро; Ниру, прихрамывая, руководила приготовлением пищи…

Ну и так далее.

Ах да — еще пара Блистающих звенела где-то позади моего шатра, и мы с Единорогом мгновенно узнали характерный лязг с присвистом Волчьей Метлы. Короче, все было в порядке.

Я поспешил нырнуть в шатер, пока никто не обратил внимания на явление голого всклокоченного Асмохат-та, невесть зачем высунувшегося из шатра с мечом в руке — и со вздохом принялся одеваться.

— А я, пожалуй, вполне способен примириться с Шулмой, — заметил Единорог, укладываясь поверх шкур и задумчиво мерцая обнаженным клинком. — Правда, ни тебе подставки, ни угла своего — хотя к походной жизни я уже привык. Зато интересно. Шаман этот опять же… Ну что, Асмохат-та, будущее смотреть будем?

— Будем, — кивнул я, — вот только шаровары натяну, да доспех, да доху еще…

Тут из-под дохи донесся сдавленный вопль Обломка, услышанный Единорогом, а через него — и мной, так что я торопливо освободил Дзю из мехового плена и весьма удивился его первым словам.

— Чэн, а почему ты жеребец? — спросил Обломок.

Я предпочел не отвечать, и мы выбрались наружу.

Влетев в самый разгар спора, и не думавшего затихать.

— Ты что делаешь?! — кричал Куш-тэнгри, размахивая руками. — Ты зачем ориджитов шаманами делаешь?! Глупый ты, совсем глупый, ничего у тебя не выйдет, да?!..

— Да, — соглашался Асахиро, глядя на ориджитов. — Не выйдет.

— Тогда зачем учишь?

— Чему?

— Как чему? Дышать учишь, стоять учишь, смотреть учишь! Силу из земли брать учишь! Думаешь, я слепой, не вижу?!

— Какую-такую силу?! — злился Асахиро, размахивая Но-дачи, участия в споре не принимавшим и потому свистевшим довольно-таки безразлично. — Дышать учу — правильно! Стоять учу — правильно! У нас этому детей учат! А я ваших оболтусов учу…

— Только их еще долго учить придется, — тихо добавил он в сторону по-кабирски, и Но-дачи согласно сверкнул, плашмя опускаясь ему на плечо.

Куш-тэнгри вроде бы немного поутих, но увидел меня и снова воспылал праведным гневом.

— Ты только посмотри, великий Асмохат-та, чему твой человек, которого глупые шулмусы зовут Асахиро-эцэгэ, ориджитов учит! — обратился он ко мне.

Я посмотрел. Асахиро показал. Шулмусы старались вовсю, стараясь не ударить в грязь лицом перед Асмохат-та, и у них более-менее получалось; для первого раза даже более, чем менее. Ноги они со временем напрягать перестанут, а то, что грудь на вдохе не выпячивают — это Асахиро молодец, быстро сумел…

— Правильно учит, — одобрил я. — Не знаю, как шаманов учат, а у нас — так… Кстати, о шаманах. Куш-тэнгри, скажи на милость, а где остальные служители Безликого? Что-то я здесь, кроме тебя, ни одного не видел!

— Ушли, — лаконично ответил Куш-тэнгри. — Ты приехал, они узнали и ушли.

— Это как же понимать?! — грозно вопросил я, косясь на притихших шулмусов. — Они что, не хотят встречаться с Асмохат-та?!
— Не хотят, — гнев мой не больно-то испугал Неправильного Шамана. — Выбирать не хотят. Встреть они вас, пришлось бы им выбирать: Джамуха или Асмохат-та. Вот они и решили выждать.
— А ты? Что ж ты не выждал?
— Я — Неправильный Шаман. Я не хочу ждать. Я хочу знать. И еще я хочу увидеть будущее. Будущее Шулмы — моей родины.
— А раньше ты его не видел?
— Видел. И другие шаманы видели. Объединение племен видели, поход на мягкоруких видели, горящие шатры из камня, добычу, рабов видели… Потом гурхан Джамуха мне руку своим мечом разрезал. С тех пор я ничего не вижу. У отдельных людей — вижу. У всей Шулмы — не вижу. Ни добычи, ни рабов, ни побед. Другие видят, а я — нет. Я вижу чешуйчатую руку, простертую над Шулмой. И в день твоего прибытия, Асмохат-та, она сжалась в кулак.
Я вспомнил свой сон, где железная рука нависала над миром в колыбели.
Может быть, это и значит — видеть будущее?
Нет.
Это оказалось совсем не так.
И не похоже на сон.
5
…Я видел Шулму как бы с высоты птичьего полета. Нет, выше, много выше. Желто-зеленая степь, рассеченная голубыми клинками рек, на юго-востоке ограниченная Кулханом, на юго-западе упирающаяся в горы — и всю Шулму затягивала неясная дымка, в просветы которой я иногда видел копошащиеся орды муравьев, снующих по своим муравьиным делам.
И я чувствовал себя богом.
А степь все мерцала, и вереницы деловитых насекомых все текли в какое-то одно, известное им место, и я понимал — вот она, ставка гурхана Джамухи Восьмирукого, вот он, зародыш кровавого похода во имя истины Батин!
Дымка, скрывавшая Шулму, затрепетала, клубясь розоватыми облачками, превращаясь в зыбкое светло-багряное марево, и меня словно плетью хлестнуло — такую ярость, такую злобу и страх сотен тысяч людей источал этот странный туман, эта кровавая пелена, так часто застилавшая глаза воинов Шулмы!
Я видел огонь Масуда!
И я чувствовал себя богом.
Ликующим Желтым Мо.
Земля в багровом тумане метнулась в сторону, я на миг зажмурился, а когда открыл глаза — подо мной был Круг священного водоема, свободный от испарений душ человеческих, напоенных злобой, вскормленных расчетливой яростью воинского ремесла, растлеваемых умелой хитростью Джамухи-батинита… и робкие змеи красной пелены, заползавшие в этот круг, светлели и растворялись, впитанные нами; растворялись, перерождаясь, возвращаясь в мир спокойной уверенностью… зыбкие змеи Шулмы, шипя, умирали в круге Кабира, давая жизнь новому, неизведанному… и огонь Масуда противоестественным образом сливался с водой Мунира, ярость — с радостью, ремесло — с искусством…
И вот Круг священного водоема по-прежнему чист и незамутнен, но на границе с ним все уплотняется, сгущается, накатывается гневный вал цвета дымящейся крови, грозя захлестнуть Круг приливом древней истины, приливом Сокровенной Тайны, и я падаю, падаю, падаю…
И я, вопреки всему, чувствовал себя богом.
Падшим богом.
Даже разбившись и перестав существовать.
6
Я вытираю рукавом слезящиеся глаза.
Мы с Куш-тэнгри долго смотрим друг на друга, не снимая рук с Единорога.
Единорог тоже молчит — он видел. Как и мы.
Молчит Обломок у меня за поясом — хотя я не знаю, что он видел и видел ли он хоть что-нибудь.
— Он в ярости, — тихо выговорил наконец шаман. — Я ощущал ярость.
Я кивнул. Я знал, кто — он.
— И он в страхе. Я ощущал страх.
Я еще раз кивнул.

— Джамуха скоро решится. Ты стоишь между ним и мягкорукими. И Джамуха пойдет на нас.
Я выделил для себя слово «нас». Значит, Неправильный Шаман уже сделал свой выбор.
— Спасибо, Куш-тэнгри.
— За что?
— За нас.
Шаман понимающе кивает и улыбается одними уголками губ.
— Ну что, Асмохат-та, — спрашивает он, — будем смотреть будущее? Твое будущее?
Я непонимающе гляжу на него.
— Это было не будущее, — объясняет шаман. — Раз было, значит, не будущее. Это — настоящее. Это — зародыш будущего. Будем смотреть дальше?
— Да, — отвечаю Я-Единорог.
И вновь окунаюсь в омут черных глаз.
…две стены воинов. Одна — впереди меня, другая — за мной. И ярость дышит мне в затылок; и ярость смотрит мне в лицо.
В двух шагах от меня — он. Джамуха Восьмирукий. Джамуха-батинит. В чьей руке шипит, полосуя воздух, короткая Чинкуэда, Змея Шэн.
Вот он — Джамуха.
И я не вижу его лица.
Я вижу островерхий кожаный шлем с металлическими пластинами; вижу легкий панцирь, но не настолько легкий, чтобы не ощутить дрожь Единорога, сомневающегося — пробьет ли он эту защиту или не стоит рисковать, работая наверняка; вижу шаровары черного шелка (не кабирской ли работы?), вижу мягкие сапоги с острыми носами, вижу…
Лица — не вижу.
И вижу косой рубящий удар, и радуюсь тому, что я его вижу, потому что Джамуха не сможет, никогда не сможет успеть увидеть, как лезвие Единорога на треть погружается в горло гурхана степей…
— …Нет!
Я в шатре.
Я беззвучно кричу.
И слышу крик Единорога.
— Нет! Не хочу! — кричим мы.
— Но ведь ты одержал победу, — искренне удивляется Куш-тэнгри. — Ты убил его.
— Я не хочу убивать его.
И я требовательно смотрю в глаза шаману.
— Будущее не в нашей власти, Асмохат-та.
— Я не хочу убивать его.
Шаман пожимает плечами и берется за клинок Единорога.
…Я не помню, сколько раз погружался в выхваченное из ненаступившего времени непроисходившее мгновение. Менялся рисунок боя, иногда первый удар наносил я, стремясь выбить Чинкуэду, Змею Шэн, из руки Джамухи; иногда я тянул время, пытаясь победить, не убивая. Но каждый раз все кончалось одинаково: косой взмах Чинкуэды и лезвие Единорога, на треть вонзающееся в горло гурхана.
— Нет!..
Я устало вытер пот со лба, вернул вздрагивающего Единорога в ножны и откинулся назад.
— Я удивлен, что ты смог хотя бы это, — замечает Куш-тэнгри.
— Что — это?
— Ты по-разному сражался. Хотя исход не менялся, да и не мог измениться.
— Мог, — упрямо говорю Я-Единорог. — Мог. Это я не смог изменить его. Но — смогу.
— Может быть, может быть, — как прежде, задумчиво бормочет Неправильный Шаман. — После встречи с тобой я уже ни в чем до конца не уверен. А это плохо. Шаман должен быть уверен. Иначе он — плохой шаман.
— Послушай, Куш-тэнгри, а что видел ты?
— То же, что и ты.
— Но я-то видел себя! Значит, и ты должен был видеть себя!
— Нет. Я себя не видел.
— Почему?

— Наверное, я умру до того, — равнодушно отвечает Куш-тэнгри, Неправильный Шаман.
7
И тогда я вновь обнажил Единорога, и Блистающий вновь потянулся острием к Шаману.
— Я устал, — сказал Куш-тэнгри.
Единорог не дрогнул.
Мы тоже устали.
Но нам нужно было вернуться к истоку; нам был необходим день сегодняшний и день завтрашний, но не день Шулмы.
Шаман как-то странно покосился на Единорога, словно видел его впервые, и взялся за клинок.
Рука его дрожала.
…я летел, летел высоко в небе, как птица, быстрей любой птицы. Закончился Кулхан, промелькнул подо мной Мэйлань, вот змеится Фаррский тракт, вот на горизонте вырастают очертания Кабира…
И я падаю, падаю, падаю, сбитый, как птица, влет; я падаю, сердце мое обрывается в звенящую пустоту, и я знаю, что не ошибся, что видел то, что видел, то, что опалило душу мою…
Над Кабиром медленно сгущалось кроваво-красное марево.
Огонь Масуда.

Глава 25

1
Неделю после этого я не хотел ни о чем думать. Словно в моей душе остался саднящий ожог, прикосновение к которому любой, даже самой незначительной мысли причиняло невыносимую боль.
И в конце трудного, тернистого пути всякого рассуждения было одно и то же: странник-мысль упирался в дверь горящего дома, из окон этого дома вырывались жадные языки Масудова огня, а на пороге стоял Джамуха-батинит, безликий гурхан, и горло его было открыто для меча.
Я не хотел думать. Ни о чем. И, как очертя голову бросаются в пропасть, ринулся в единственное дело, которое умел делать; дело, способное поглотить меня целиком и отучить думать.
Хотя бы на время.
Я мучил собственное тело, заставляя его в доспехе делать то, чего раньше не мог как следует сделать и без доспеха; я пытался дойти до изнеможения, а изнеможение убегало от меня, и тело мое радовалось возвращению на круги свои, радовалось и не хотело уставать, соглашаясь с любыми, самыми взбалмошными приказами и выполняя их безукоризненно и мгновенно, как отлично вышколенный слуга. Я требовал от Единорога с Обломком невозможного, и они отвечали мне тем же, пока невозможное не становилось возможным, мы были пьяны друг другом, и беспощадны друг к другу; и мы были одним целым.
А ночами, в короткие часы отдыха, меня спасала Чин.
Я Беседовал со всеми, изматывая тех, кого мог измотать, заставляя Фальгрима, ан-Танью и Асахиро часами работать на турнирных скоростях; они менялись, Гвениля сменял Сай и Заррахид, их обоих — Но-дачи, а мы с Единорогом и Дзю все кружили по утоптанной площадке, как пятнистый чауш по клетке, и я чувствовал неистовое биение крови в железной руке.
Дважды я вызывал в круг сразу Асахиро и Коса; дважды Единорог с Обломком противостояли троим — Саю, эстоку и Но-дачи, но ни разу я не звал к себе Фальгрима и Коса.
Я хотел не думать. Но я не был глупцом.
Гвениль и Заррахид при поддержке Сая в ближней Беседе — нет, не родились еще те Блистающие, которые могли бы остановить их, будучи в руках у одного человека!
Я не думал. Я не думал, что все, что я делаю, возможно, лишь укорачивает Путь Меча к горлу Джамухи, делает этот Путь прямей и неотвратимей… я даже не думал о том, что пытаюсь гасить Масудов огонь в самом себе, что горящий дом — это я…

Во имя Восьмого ада Хракуташа, я не думал об этом!
Один раз я поехал с шулмусами, Эмрахом, Фаризой и тремя батинитами на охоту. Полдня я дергался, озираясь по сторонам; полдня в каждом стаде джейранов мне мерещились всадники Джамухи, меня раздражала беспечность спутников и их вера во всемогущество Асмохат-та; и я был безмерно счастлив, вернувшись без приключений к священному водоему.
И пошел Беседовать с Диомедом и Махайрой.
А тех в лагере не оказалось.
Еще не оказалось Фальгрима с Гвенилем, Кулая, Тохтара, а также дюжины остававшихся шулмусов.
Коблан на миг перестал греметь железом, подмигнул мне, вытер пот со лба и сказал, что все в порядке.
А Кос сказал, что все скоро вернутся.
Я кивнул.
Назавтра они не вернулись.
Послезавтра — не вернулись.
Я никого ни о чем не спрашивал.
«Не напиться ли?» — мелькнула шальная мысль. Напиваться не стал. Во-первых, Единорог воспротивился, а во-вторых, разве ей напьешься, аракой этой?
А на седьмой день после погружения в огонь Масуда — всю эту неделю я чуть ли не избегал Куш-тэнгри, и он, понимая мое состояние, не настаивал на большем, чем короткие и ни к чему не обязывающие встречи — и на третий день после исчезновения Кулая и моих друзей ко мне, в сотый раз начинавшему сначала «Бросок пестрого тигра», подошли Асахиро с Но-дачи на плече и Матушка Ци с молчаливым Чань-бо, свободным от тряпок.
За руку Асахиро вел какую-то девушку.
— Это Хамиджа, Чэн, — сказал Асахиро.
Я кинул Единорога в ножны, сунул Обломка за пояс и обернулся к подошедшим.

2

— Это Хамиджа, Чэн, — сказал Асахиро, и Матушка Ци, стоявшая у него за спиной, широко улыбнулась и часто-часто закивала головой, словно пытаясь убедить меня в том, что это Хамиджа и никто иной.
Асахиро не назвал меня «Асмохат-та». Вряд ли нас кто-нибудь подслушивал, но все-таки… Я еще подумал, что моим настоящим именем Асахиро Ли, судьба моя неотступная, хочет подчеркнуть… не знаю уж, что он хотел этим подчеркнуть, потому как додумывать эту мысль мне расхотелось.
Хамиджа оказалась очень похожа на Чин. Нет, не лицом — хотя некоторая тонкость черт и матовая бледность была свойственна обоим, та здоровая бледность, которую не окрасить никаким солнцем от Хакаса до Шулмы — а скорее, манерой двигаться, стоять и… и смотреть. Так же, как у Чин, у Хамиджи спокойно-уверенный взгляд вступал в неясное противоречие с хрупкостью телосложения, и лишь когда девушка начинала двигаться, даже просто переступив с ноги на ногу, ты начинал понимать всю обманчивость этой подростковой хрупкости. С тем же успехом можно упрекать Единорога, что он более хрупок, чем, к примеру, Шипастый Молчун.
И упрек этот будет столь же справедлив, сколь и глуп.
— Здравствуй, Хамиджа, — сказал я, не найдя ничего лучшего.
Девушка не ответила. Стояла, молчала, смотрела на меня, за меня, мимо меня…
— Она — давини, — тихо бросил Асахиро.
По-моему, он хотел добавить: «Неужели ты не видишь, Чэн?», но не добавил. Потому что я уже видел.
Давини — так звали в эмирате женщин, обуянных дэвом (мужчин звали — девона), а если проще — умалишенных. И то, что я принял поначалу во взгляде Хамиджи за спокойствие и уверенность, на самом деле было покоем безразличия.
Покойный взгляд.
Серый туман в обрамлении невероятно-длинных ресниц, которым положено пронзать сердца несчастных влюбленных; впрочем, я плохо представлял себе кого-нибудь, влюбленного в давини.
— Таких, как она, в Шулме никто пальцем не тронет, — продолжил Асахиро сдавленным голосом, почему-то уставившись себе под ноги. — Коня дадут, шатер дадут, утварь всякую… а в племени жить не дадут. Отдельно кочевать прогонят. Сумеешь не пропасть — меряй степь из конца в конец, не сумеешь — в степь ляжешь.

Я еще раз оглядел Хамиджу с головы до ног. Старенький халат, латаный-перелатанный, из-под которого выглядывает нечто вроде кожаных шаровар; на голове башлык-не башлык, тюрбан-не тюрбан… нечто. Полусапожки с рваным верхом, левая подошва скоро отвалится…
Маленькие ладони девушки бессмысленно поглаживали толстую веревку, истрепанную и заменявшую пояс.
Молчит…
— Немая она, что ли? — поинтересовался я, как если бы девушка была неживым камнем, да еще стоящим не здесь, а где-то далеко.
Нет. Ни обиды, ни ответа. Словно мы все в одном мире, а она — в другом.
— Не знаю, — ответил Асахиро. — Пока что ничего не говорила…
— Тогда откуда ты знаешь, что ее зовут Хамиджа?
Как-то неприятно было стоять рядом с человеком, о котором говоришь, и чувствовать, что человек этот вроде бы и не совсем человек, и все равно ему — говоришь ты о нем, не говоришь или вовсе прочь пойдешь.
Давини.
Вместилище дэва. Я вспомнил громогласного и могучего Чандру-Дэва; и посмотрел на тихую равнодушную давини.
Мне и себе-то признаться неловко было, что побаиваюсь я ее, Хамиджу эту. Еще в детстве как напугала меня одна старуха-давини, забившись в припадке у ног Чэна-семилетки, так с тех пор страх этот и сидит во мне. И не семь лет мне вроде бы, и умом все понимаю, а хочется отойти в сторонку…
— Так мы накормим ее?
Это Асахиро. А Матушка Ци подмигивает мне и пальцем Хамидже в бок тычет. Нет, не в бок, а в бляшку нефритовую, к халату невесть как пришитую… иероглифа там два, «цветущий орешник» и «вешний дождь». Произносятся как «хами» и «джа». Написание вэйское, с наклоном, хоть и потерлось сильно… Такие бляшки у нас в Вэе на именных поясах носят.
Вот оно в чем дело… Хамиджа, значит.
— Конечно, — сказал я. — Конечно, накормите.
Матушка Ци мигом засуетилась, беря безмолвную Хамиджу за руку, увлекая за собой, что-то ей ласково приговаривая — а Асахиро все стоял и поглядывал на меня колко и неприязненно.
— Ты чего, Ас? — спросил я. — Я же сказал — накормите…
И тут до меня дошло.
— Погоди, погоди, Ас… что-то я сегодня плохо соображаю! Если она из Вэя, Хамиджа эта, значит, она — как вы… как ты и Фариза! Попала в Шулму когда-то, убила шулмуса в кругу, была принята в племя… Или до сих пор рабыня?
Асахиро смягчился — что, правда, почти никак не проявилось, за исключением некоторого потепления во взгляде.
— Нет, Чэн, она не рабыня. Рабыню-давини изгнали бы просто так, без ничего, а у Хамиджи — лошадь, шатер, вьюка не то два, не то три… Так что, как ни крути — была принята в племя!
И он многозначительно прищелкнул пальцами — дальше, мол, сам догадывайся!
Что уж тут догадываться… Раз была принята в племя — значит, наверняка стояла в круге племенном, значит, на руках ее кровь какого-то бедняги-шулмуса — верней, не на руках, а на Блистающем, которого с ней нет. Почему? Ну, в шатер, наверное, обратно положили, на пунцовую кошму. Не давать же такого замечательного Блистающего — или как там его по-шулмусски назвали — девушке, чей рассудок оседлал голодный дэв!
— А мне она не понравилась, — ни с того ни с сего заявил с плеча Асахиро большой Но-дачи, задумчиво поблескивая. — Мы когда сюда шли, она меня пальцем трогала. Три раза.
Я-Единорог невольно улыбнулся.
— Ну и что? — спросил Единорог-Я.
— Да ничего… Пальцы у нее холодные.

3

…Вечер.
Я в одиночестве — впрочем, со мной Единорог и Обломок, не меньше меня вымотавшиеся за день, так что я в относительном одиночестве сижу у костра, чувствуя, как звенящий угар последней недели постепенно проходит, а Шулма остается, и Джамуха остается, и много чего остается, и надо что-то со всем этим делать, а я тут сижу…

Шагах в двадцати от меня Матушка Ци обихаживает Хамиджу-давини, пытаясь не то разговорить бедную дурочку, не то окружить чисто женской заботой-жалостью, но Хамиджа спрятана сама в себе, как меч в ножнах, она бесстрастно глядит перед собой а потом внезапно встает и куда-то уходит.
Ну и пусть себе уходит…
Оглянулась. Отблески пламени упали на ее лицо, и лицо показалось мне на удивление живым и разумным, и даже озабоченным — но тени сложились в еще одну маску, и еще одну, затем Хамиджа ушла, а я забыл о ней, о ее лице и пляске огня.
— Дозволит ли Асмохат-та поговорить с ним? — слышится у меня за спиной вкрадчивый хрипловатый голос.
— Дозволит, дозволит, — отнюдь не радушно бурчу я, поворачиваясь.
И вижу пред собой Неправильного Шамана. Ох, и не хочется мне с ним сейчас говорить! — впрочем, шаман тут не виноват. И говорить придется — раз сам подошел, значит, не отвяжется, да и я же дозволил, никто за язык не тянул.
А ведь мог бы и не дозволять, на правах Асмохат-та…
Я хлопаю по неизвестно чьей кошме рядом с собой.
— Садись, шаман. Говорить будем. Семь дней молчали — теперь, похоже, пора.
Куш-тэнгри еле заметно кивает и легко опускается на предложенное место под перезвон своих побрякушек.
— Ты прав, Асмохат-та. Пора говорить. Раньше нельзя было — ты и слушать бы не стал. Сейчас — станешь.
Да уж стану…
— Ну и о чем мы будем говорить, мудрый Куш-тэнгри?
— О тебе. О людях твоих. О живых ваших мечах (Я-Единорог внутренне вздрагиваю: как он догадался? Или ему кто-то сказал?..). О шаманах Ур-калахая Безликого. Обо мне — тоже. О том, как нас учат. О том, как вас учат. О многом говорить будем.
— И как вас учат? — для порядка интересуюсь я.
Куш-тэнгри пропускает мой вопрос мимо ушей. Во всяком случае, мне так кажется.
— Когда рождается мальчик, Асмохат-та, то его показывают шаманам Ултая-целителя. Есть у ребенка шесть дюжин тайных признаков — быть ему шаманом. А найдут семь дюжин — быть ребенку слугой Безликого. Заберут его от матери, сюда принесут и с двух лет учить станут.
Смотреть научат — чтоб глаз не уставал. Видеть научат — чтоб замечал, что надо. Меня самого старый шаман Хум-Тэнгэ учил. «Обернись, — говорит, — и смотри. Что видишь?» «Табун вижу», — отвечаю. «А теперь закрой глаза. Сколько лошадей в табуне?» Ну, я ответил. Правильно ответил. Полторы дюжины и еще две. «А мастей каких?» Я ответил. «Сколько кобыл, сколько жеребцов?» И так все время. А собьешься — поначалу, пока до груди ему не дорос, кнутом бил. Больно, а обидно — вдвойне. Как дорос до груди — перестал меня бить Хум-Тэнгэ. Но, бывало, так посмотрит, что уж лучше кнутом бы вытянул…
Дышать учил. Стоять учил. Камни ловить учил. Как с голыми руками от волка отбиться учил. После травам учить стал. Чтоб наощупь чуял — где живая трава, где мертвая, где злая, где добрая. Ну а позже, когда мне все это передал — стал другому учить. Людям в глаза смотреть, душу их видеть, мысли их трогать, тело взглядом вязать; людское вчера и завтра — прозревать.
Старый был Хум-Тэнгэ. Перед смертью сказал: «Хорошим шаманом будешь, Куш-тэнгри. Знаю. Потому как сам учил. А я — хороший шаман. Был. Все, что знал — тебе передал. Теперь последнее отдаю. Не бойся мира. Не жалей мира. Не живи в этом мире, как звери живут — опасаясь его потерять. Безликий Ур-калахай не один это мир создал. И другие — есть. Я знаю. Я два раза видел. Деревья странные. Люди в ненашей одежде. Небо — чужое. Не наш мир. Не тот, что за горами. Не тот, что за Кулханом. Тот, что за поворотом пути шамана. Я — видел. Смотри на наш мир. Ищи — другие. Зачем — не знаю. Может, ты узнаешь. Но сперва — найди.»
И умер.
Великий шаман был Хум-Тэнгэ. Сейчас ни одного такого нет…
4
Куш-тэнгри вздыхает и молчит, глядя в огонь — и мне кажется, что языки пламени робеют и успокаиваются под черным взглядом шамана.
Я тоже молчу.

Некоторое время.
— Ты раньше никому это не рассказывал, Куш-тэнгри.
Я не спрашивал.
Я утверждал.
— Никому, — соглашается Неправильный Шаман.
— Тогда почему мне рассказал?
— Попробуй сам догадаться.
— Я догадываюсь. Но лучше расскажи ты.
— Хорошо. Все эти дни я на тебя и на людей твоих смотрел. На ваши Беседы (это слово Куш-тэнгри выговорил по-кабирски); на то, как и чему вы ориджитов учите; как кузнец ваш железо кует; как клинки ваши живые друг с другом играют. Ты, Асмохат-та, когда мне его кинул, — шаман кивнул на Обломка, встревоженно выглядывавшего у меня из-за пояса и внимательно слушавшего все, что переводил Единорог, — я его жизнь под рукой почувствовал. Жизнью он мне ладонь обжег. Не как сабля шулмусская. Не как трава. Не как зверь. Как человек. И потом, когда мы прошлое смотрели… Тогда — не понял я. Испугался. Теперь — понял. Его это прошлое было.
И Куш-тэнгри указал на Единорога.
— Ты смотри, какой понятливый, — пробормотал Дзюттэ. Однако, продолжать не стал. Только о рукоять Дан Гьена слабо брякнул — переводи, мол, ни слова не упускай!
— Семь дней смотрел, — продолжил меж тем Неправильный Шаман. — Смотрел и думал. Думал о том, что мне ваш Асахиро сказал. И ты тоже. У нас дышать, стоять, смотреть, землю чувствовать — только шаманов учат. У вас — всех. У нас только шаманам кровь проливать заказано. У вас — всем. Сначала ты говорил — я не верил. Жизнь твою смотрел — и то до конца не верил. Хоть и знал, что правда. Теперь — верю. Можно. Можно оружие в руки брать и не проливать крови. Значит, и мне можно. И другим шаманам.
— Можно, — согласился я.
— Но об этом — после. А ты сначала вот что мне скажи, Асмохат-та… У вас людей учат, как у нас — шаманов. Всех. С детства. Пусть не всему и не так, но — похоже. Почему тогда у вас шаманов нет?! Будущее никто не видит, прошлое не видит, мысли человека не видит, даже людей сосчитать — и то сразу не может! Почему?
А действительно, почему? Не тому учили? Или не так?
Я не знал. И Единорог не знал. И даже Дзюттэ.
Поэтому я честно ответил за всех троих:
— Не знаю.
— А я знаю. Долго смотрел. Долго думал. И понял. Мы, шаманы, своим путем идем; вы — своим. А поперек того поворота, где мы друг к другу свернуть бы могли — мечи наши легли. И не пускают. Наша глупая шулмусская сабля, в крови по рукоять, и ваш клинок, живой да мудрый. Такой мудрый, что и человека не всегда за человека примет. Потому и идем мы каждый своей дорогой, друг друга не видя. Не пускают мечи, не дают встретиться. Мы, шаманы, боимся меч поднять, вы боитесь без меча остаться. И поэтому вы, когда оружия в руках не держите — как наши воины. В голове ветер, глаза слепые, память дырявая, смотрите — и не видите. А вот как меч обнажили — сразу другой человек. Я долго смотрел. Взгляд другой. Стоит по-другому. Удар до удара видит. Мы так будущее видим. Когда у вас меч в руках — вы шаманы. Без меча — глупые воины. Пусть они не обижаются, если слышат…
Шаман еще раз указал на Дзю и Единорога.
— Я правду говорю. Нельзя на правду обижаться. Потому что — правда. Вот и нет у вас шаманов, потому как мечи ваши живые да мудрые. Вот и нет у нас бойцов, способных не убить — сабли шулмусские, может, и не совсем мертвые, да глупые. Мудрость с глупостью оседлали нас, гонят в разные стороны, не дают встретиться…
«Он прав, — добавляет Единорог. — Он прав, и мне стыдно. За Блистающих. За гордыню нашу мудрую. Такую мудрую, что глупей шулмусской глупости будет. Он прав.»
«Прав-то он прав, — не замедлил встрять Обломок, — да только спроси его: почему это он, шаман, когда прошлое или будущее шаманит, всегда за клинок держится?! Вам, Придаткам кабирским, Блистающие шаманить мешают — а ему?!»

Я спросил.
А Куш-тэнгри ответил.
— Хороший вопрос, Асмохат-та.
— Это не мой вопрос. Его, — и я слегка дотронулся до Дзюттэ.
— Все равно хороший вопрос. Умный. Я отвечу. Мир у нас такой. Хочешь не хочешь — судьба человека с его оружием связана. Вот и смотрю я их общую судьбу. Иначе только половину увижу. И то — смутно. Потому за клинок держусь. Потому мы, слуги Безликого, одним воинам гадаем. А воины у нас дикие да глупые. И сабли у них глупые да дикие. Воину предсказывать просто: убьют-не убьют, с добычей вернется или без.
Вы — другие. И оружие у вас другое. Вон вопросы какие умные задает, — шаман уважительно покосился на Обломка. — И предсказывать вам труднее. Но интереснее. И вот что я думаю — с мечом, без меча, а не сойдутся ли наши дороги? Не здесь, так далеко… А может, и не так уж далеко. Попробовать надо.
— Давай пробовать, — согласился Я-Единорог, забыв даже на миг, где нахожусь и с кем говорю. — Только как?
— Неважно. Главное — пробовать. Идущий — дойдет. Например, я буду тебя и их, — кого имел в виду шаман, было нетрудно догадаться, — учить будущее видеть. Или прошлое. Или помыслы человеческие разгадывать. Самим. Без меня. Но не так, как я — так у вас не получится. Вы попробуйте — когда свою Беседу ведете. Сперва Беседу наперед увидеть. Не один удар — два, три, дюжину; потом — дальше.
— Попробуем, — с сомнением пробормотал Я-Единорог.
— Или — когда с невидимым врагом бьетесь. Я видел — вы так часто делаете.
«А вот это уже интереснее, — заметил Единорог. — А то какой смысл Беседу наперед знать! Вот когда танец…»
— …ну а вы меня учить станете.
— Чему? — удивился я. — Это ведь ты шаман, а я…
— А ты — Асмохат-та, железнорукий, который говорит со своим мечом. Ты будешь учить меня владеть оружием.
— Владеть? — усмехнулся Обломок. — Ну-ну…
— Тебя?! — воскликнул я.
— Да, меня. Воины боятся шаманов — потому что шаманы делают то, чего не могут они. И воины завидуют нам. Зато воины носят оружие. Они — мужчины. А шаманы… ну, вроде бы тоже мужчины, да не совсем. Безоружные. Раньше мы и сами думали — нельзя шаманам оружие носить. Или оружие — или дар шаманский. А теперь вижу — можно. Можно оружие носить. Беседовать можно. Как друзья беседуют. И дар при этом не потерять. А если получится — не только не потерять, но и дальше пройти, по дороге нашей. До того места, где она с вашей вновь пересечется. А потом — вместе идти. Вместе легче идти, и нам, и вам, и мечам…
— А мы… мы сможем то, что и он?.. — помолчав, тихо спросил Обломок.
— Теперь, когда я видел живое оружие, я вижу, что и для него не заказан этот путь, — словно отвечая на вопрос Дзю, снова заговорил Куш-тэнгри. — Я вижу… что-то. Что-то, что ждет нас впереди. Оно уже близко. Рядом. Надо только сделать несколько шагов, надо сделать их вместе — и тогда, за поворотом…
— Я не уверен, но, по-моему, это те самые миры, о которых говорил Хум-Тэнгэ, мой учитель, — сказал Куш-тэнгри, Неправильный Шаман.
5
Этого ли ожидал я, выезжая из Мэйланя и направляясь к Кулхану?!
А теперь шаман, видящий суть вещей и никогда не бравший в руки Блистающего, кроме как для прорицания; шаман, чьи слова были одинаково понятны и мне, и Единорогу с Обломком — этот Неправильный Шаман рассказывает мне о других мирах, сотворенных Безликим, и собирается увидеть эти миры, и для этого он возьмет в руки Блистающего, одного из тех Блистающих, которые, по его же словам, закрыли для людей эмирата путь шамана…
«Открыв взамен Путь Меча…»
«Да, это так, Единорог. И все равно это трудно укладывается у меня в голове. Может быть, потому что я видел зарево Масудова огня над Кабиром? И я предчувствую…»
«…я — тоже. Я предчувствую, что ответ на наши вопросы лежит там, впереди, на том Пути, по которому хочет идти Куш-тэнгри. И мы должны идти вместе с ним. Я не знаю, почему я в этом уверен, но это так. Остальное сейчас неважно.»

— А я знаю, почему у Единорога предчувствия! — не выдержал Дзю. — Потому что он уже становится шаманом! И мы все скоро ошаманимся…
— Мы сделали выбор, — оборвал я Обломка, сжав его рукой аль-Мутанабби. — Мы сделали его еще в Кабире, не понимая этого. Наш выбор — идти. А Куш-тэнгри сделал его сейчас. И он должен найти себе Блистающего.
— Или Блистающий должен найти его, — уточнил Обломок.
— Допустим. Но это должен быть Блистающий, не пробовавший крови.
Это я произнес вслух.
Шаман понял.
— В дальнем шатре, — сказал он. — На белой кошме. Там наверняка должно быть оружие пришлых рабов, не достойных того, чтобы их приняли в племя. Оружие приносят сюда, чтобы служитель Ур-калахая совершил обряд погружения в водоем.
Единорог содрогнулся.
— Но мы прибыли быстро и неожиданно, — продолжил Куш-тэнгри, — и шаманы могли не успеть совершить обряда. Пойдем проверим? Да?
— Хорошо.
— И вы… вы поможете мне выбрать? Если там есть из чего выбирать…
— Поможем. Вам — выбрать. Обоим. Если будет кому выбирать.
И мы пошли к дальнему шатру.
Ждал ли нас там кто-нибудь?
Не знаю.
Зато нас ждал Путь.
Ждали Кабир и Мэйлань.
Ждала Шулма.
И ждал Джамуха Восьмирукий.
Хотя у меня возникало странное ощущение, что Джамуха уже дождался.
Чего?
Может быть, я тоже становлюсь шаманом?..

ЧАСТЬ IX. ЧУЖДЫЕ ПОЛЯ

…Мы бились мечами на чуждых полях…
Н.Языков

Глава 26

1
Этот шатер был совсем не таким, как другие.
Сырой и холодный, он неожиданно пах болотом, и зябкая дрожь пробежала по моему клинку, когда я подумал о том, куда ведет дорога, начинающаяся от этого шатра.
— Темно, — пробурчал Дзюттэ, неуютно ворочаясь.
— Да уж, — согласился я. — Темно.
Сказано было гораздо меньше, чем не сказано.
Чэн и шаман вообще молчали.
— Темно, — повторило эхо, и я сперва не понял, что это не эхо, а когда понял, то ложное эхо уже смолкло, повисла тяжелая пауза, и сразу же, полукриком-полустоном:
— Во имя Небесного Молота! Блистающие! А вас… вас-то за что? Тоже — не смогли?!
Куш-тэнгри с громким шорохом отдернул полог, рассеянный вечерний свет вошел в шатер, в углу слабо засветилась белая кошма — и стройное тело на ней, длиной примерно с Волчью Метлу. Я вышел из ножен, привыкая к скудному освещению, и вскоре сумел разобрать, что передо мной — Чыда.

Из хакасских копейных семейств. Потому что только в Малом Хакасе давались такие имена, которые произнести было труднее, чем Беседовать с Гвенилем, когда эспадон пребывал в дурном расположении духа.
А еще только хакасская Чыда имела столь вытянутый узкий наконечник на длинной трубке, которая насаживалась на древко, обвитое стальными лентами внахлест — и из основания трубки, на полтора локтя ниже жала наконечника, торчала поперечная перекладина, чьи заточенные края слабо загибались вверх.
Я знаю, что говорю. В первые два десятилетия моей жизни в Кабире я не раз наведывался в дом напротив, где жила Чыда Абенсерах, Блистающая одних лет со мной — и мы с удовольствием Беседовали, пока в один не очень-то прекрасный день Абенсерах не уехала навсегда, вернувшись в свой родной Хакас.
— …Значит, не смогли, — тоскливо подытожила Чыда, по-своему истолковав наше молчание. — Ну что ж… чему быть, тому быть, а вместе и плавиться легче. Давайте знакомиться, а то скоро, небось, прощаться придется. Чыда Хан-Сегри с Белых гор Сафед-Кух. Ой, где ж вы, горы мои Белые…
— Сафед-Кух? — недоуменно переспросил Обломок. — Причем тут Сафед-Кух? Ты что, в Кулхане не была?
— Кулхан? — в свою очередь удивилась Чыда Хан-Сегри, тускло блестя наконечником. — Что такое Кулхан? Где это? Я Придатка за перевал Ан-Рок увела, дура любопытная, а там пошло-полетело… Скала на скале, ущелье за ущельем, где скользишь, где падаешь! Говорили ж мне: кто думает, что знает горы — тот их узнает, да поздно будет!.. Вот и узнала. И горы, и горе, только горы кончились, а горю конца-края не видно…
— Отсюда выйти хочешь? — напрямик свистнул я.
Было ясно, что если сейчас мы возьмемся с подробностями объяснять простоватой Чыде, что происходило с нами за последние полгода, да где это было, да как это было, да с кем это было и зачем-почему — то закончим мы как раз к возвращению Джамухи и Чинкуэды из победоносного похода на Кабир.
И то можем не успеть…
— Как не хотеть? — простодушно изумилась Хан-Сегри. — Да только как?
— Вместе с новым Придатком, — вмешался Обломок. — Станешь его обучать — сегодня же свободной будешь, чудо ты горное, не с той стороны свалившееся!
— А где ж мне Придатка-то нового взять?
— Да вот он стоит! — брякнул я, острием указывая на Куш-тэнгри. — Куш-тэнгри да Хан-Сегри — чем не пара?!
— Этот? — тихо и не по-доброму, так не по-доброму начала Хан-Сегри, что меня ознобом прохватило. — Этого… мне в Придатки? Ох, и научу я его, окалину паскудную, ох и…
— Цыц! — рявкнул Обломок, обрывая Чыду, и, уже спокойнее, обратился ко мне: — Слушай, Единорог — бери-ка ты Чэна с шаманом, и выйдите отсюда ненадолго. А меня на кошме оставьте. Всю жизнь мечтал на такой кошме поваляться, да с такой Чыдой поговорить…
И мы вышли.
— Полог-то задерните, — донеслось нам вслед. — Любовь у нас сейчас будет, а я любви при свете не понимаю…
Чэн пожал плечами и задернул полог.

2

…Вот уже с полчаса Неправильный Шаман сидел на земле, подобный сухому пню, а я неторопливо танцевал вокруг него, то входя в замедленное «Облако семи звезд», то выходя из него и одновременно с Чэном поглядывая на шатер.
Тишина.
Тяжелый войлок заглушал все, и казалось, что шатер пуст.
Я разочарованно посвистывал — в который раз? — и снова принимался за свое.
Нет, в способности Обломка убедить кого угодно в чем угодно я не сомневался — сам был тому примером — но нам не нужна была тупая покорность Чыды.
Нам нужно было свободное и безоговорочное содействие!
— На посох похоже, — задумчиво пробормотал шаман.
Чэн остановился, а я разок-другой прогулялся над головой Куш-тэнгри.
— Какой посох? — спросил Я-Чэн.
— Наш, шаманский… с которым на камлание выходят. Духов злых гонять.
Шальная мысль мелькнула у меня — а что, если… но мысль пришлось отложить на время, потому что тут из шатра донесся голос Дзюттэ.

— О Высший Мэйланя, Блистающий и блистательный Дан Гьен! — орал Обломок, и я не сразу понял, издевается он, или как?!
— Внемлите гласу моему! Шлите сюда этого Куш-Придатка, и пусть он прогуляется с очаровательной Хан-Сегри к священному водоему! А мы пока насладимся красотами шулмусской осени!..
Чэн изложил шаману, что тот должен сделать — умолчав о Куш-Придатке — и шаман скрылся за пологом.
Вышел он уже с Чыдой на плече и с Обломком в левой руке. Чэн забрал Дзюттэ, и Куш-тэнгри отправился к священному водоему, неся Чыду так бережно и аккуратно, словно та могла выпасть у него из рук и разбиться вдребезги.
— Что ты ей наболтал? — поинтересовался я.
— Разное, — довольно поблескивая, отозвался Дзю.
— А именно?
— Ну, например, что ты — самый великий Блистающий всех времен и близкий друг Небесного Молота. Почти что родственник.
— Так… Еще что?
— О жизни поговорили…
— Дальше!
— А ты на меня не кричи! Я тупой, до меня крики не доходят… Про водоем я ей рассказал. И про то, что единственное ее спасение — это Куш-тэнгри. Будет с ним Чыда — будет ей благо; не захочет — ржавей под мокрым плащом Желтого Мо! Это ей и понятно, и доступно; а поглядит сейчас в священный водоем — так станет за шамана со всех концов цепляться! День, другой, третий — а там и привыкнет, и обо всем остальном узнает…
…М-да… Дзю, как всегда, не мучаясь никакими этическими соображениями, отыскал единственный наиболее убедительный довод. Я бы так не смог.
А он смог. И — угадал. Потому что по возвращении Чыда Хан-Сегри стала весьма покладистой, а ко мне обращалась не иначе, как «Высший Дан Гьен», и при этом заискивающе шелестела выцветшей кистью, болтавшейся под ее перекладиной.
Вот тут и дошел черед до моей шальной мысли.
— Духи, — озабоченно сообщил Чэн-Я, озираясь по сторонам. — Ох, и много же! И все — злые. Так и вьются.
— Где? — заволновался Куш-тэнгри.
— Везде. Давай, камлай… я правильно говорю? Гони их отсюда!
— Сейчас?
— А когда еще?! Заедят ведь!
— Ладно, — согласился шаман. — Прогоню. Вот за посохом схожу, шапку надену — и прогоню…
— Некогда! Бери Чыду и гоняй!
— Кого бери?
— Чыду! Ну, копье это… сам же говорил, что она на посох похожа!
— Она?
Нет, раньше Мне-Чэну шаман нравился больше…
— Она, она… Делай, что говорят!
Он и сделал.
Замер на месте, сверкнул черными глазищами, дважды топнул — и Я-Чэн еле успел увернуться от наконечника Хан-Сегри, пронесшегося у самого Чэнова носа.
— Здорово! — восхитился Обломок.
А Чэн-Я, затаив дыхание, смотрел, как щуплый шаман — какое там! — как огромный, могучий, величественный и страшный шаман гоняет целые сонмы злых духов, крича на них, угрожая им, избивая их посохом — и Чыде остается лишь следить, чтоб забывшийся Куш-тэнгри случайно не полоснул себя по ноге отточенным лезвием наконечника.
Мне даже стало жалко бедных злых духов. Иногда шаман не успевал прочно приземляться после очередного прыжка, некоторые его движения не вполне подходили для Хан-Сегри, о Мастерстве Контроля и вовсе говорить не приходилось — чего не было, того не было — но все равно передо мной была богатая руда, из которой не так уж сложно будет выплавить клинок умения для Неправильного Шамана.
Поначалу мы с Чэном и сами управимся, а потом надо будет к Чань-бо обратиться — посохи по его части. Интересно, шулмусские шаманы и вправду не представляли посох пусть не Блистающим, но хотя бы оружием — или Куш-тэнгри чего-то не договаривает?

— …Все, — выдохнул слегка запыхавшийся шаман, останавливаясь. — Обряд окончен.
— Ну и отлично, — ответил я. — Чыда, ты что скажешь?
— Обманщик ты! — резко заявила Чыда.
— Я?!
— Нет, что вы, Высший Дан Гьен! Этот ваш… врун он! Говорил: Придаток сырой, его учить надо… А этого Придатка не учить — его переучивать надо!
Чыда Хан-Сегри подумала и добавила:
— Ну, и учить, конечно, тоже придется. Что ж, будем учить… все лучше, чем в воде гнить.
Тут я был с ней полностью согласен.

3

Весь следующий день мы потратили на обучение шамана. Ясное дело, что ни за день, ни за неделю, ни даже за год сделать из шамана Придатка, способного на равных Беседовать с любым из кабирцев — это было невозможно, и мы на такое даже и не замахивались. А вот своим братьям-шулмусам Куш-тэнгри не уступит уже через месяц… если не раньше.
Есть у нас месяц?
Не знаю, не знаю… скорее всего, нет.
Когда солнце начало клониться к закату, я переговорил с Чэном и Обломком, и мы оставили двужильного шамана и истосковавшуюся по вольной жизни Чыду на попечение вовремя подвернувшихся Чань-бо и Матушки Ци. А сами подумали-подумали — и ушли за пределы лагеря.
К холмам.
Погулять перед ужином.
Не знаю уж, о чем думали Чэн и Дзю — а я думал о разном. О том, что теперь меня можно называть Детским Учителем — если только шамана можно назвать ребенком (впрочем, в науке общения с Блистающими Куш-тэнгри — действительно ребенок, разве что на редкость умный и трудолюбивый); о несчастной Чыде Хан-Сегри, которую надо будет попозже расспросить о ее житье-бытье в негостеприимной Шулме и новой для нас дороге из Кабира сюда — с юго-запада, через горы Сафед-Кух; о том, что я представляю себе яростный огонь Масуда в виде всепожирающего пламени, а шулмусы, небось, представляют себе спокойную воду Мунира в виде священного водоема — затхлой гробницы для неудавшегося оружия…
А потом мы добрались до рощицы кривоствольных деревьев с колючими шапками вечнозеленой листвы, и я перестал думать о разном, потому что услыхал веселый звон Волчьей Метлы.
И спустя мгновение увидел саму Метлу, возбужденно вертевшуюся в руках у раскрасневшейся Чин, а чуть поодаль стоял светловолосый юноша-батинит (Чэн так и не удосужился узнать, как того зовут) — Придаток короткого меча, который звал себя Такшакой. Сам Такшака, род которого был мне неизвестен, лихо чертил в воздухе кресты и дуги, находясь у…
Пылающая Нюринга!
Находясь в руке у Хамиджи-давини!
Более того — прекрасно с ней уживаясь.
— Давай-давай! — визжал Такшака, пытаясь вынудить Метлу проскочить дальше, чем ей хотелось бы, и самому приблизиться к Чин. — Звени веселей! Стал Придаток понемногу припадать на третью ногу, а остался лишь с двумя — мчится голову сломя!..
Ну и так далее — то ли Волчью Метлу веселил, то ли за Хамиджу радовался.
— Знатная Беседа! — пробормотал Чэн, невольно улыбаясь.
Я согласно качнул кистью.
— У Придатка три ноги — Небесный Молот, помоги! — раздраженно буркнул Обломок. — Эй, Однорог, тебе что, эти недотепы нравятся? Я не о Метле с Чин…
Я не ответил Обломку — да он и не ждал ответа. Я смотрел и видел, что деликатная Волчья Метла чуть придерживает себя при боковых режущих бросках, и то же самое делает Чин — но чуть-чуть, самую малость, потому что Такшака с Хамиджой держатся молодцом, и никогда не скажешь, что Хамиджа — давини, а прямой Такшака — из Тусклых — до того он точен и аккуратен, и Хамиджа движется просто прекрасно, но к Чин она не прорвется, нет, не успеет, потому что взмахивает руками при повороте с шагом, а там не надо взмахивать, там наоборот — сжиматься надо и прыгать, уж я-то повадки Метлы знаю, и вообще Такшака для

Хамиджи тяжеловат, не привыкла она к такому, ее-то Блистающий явно полегче был, хоть и тоже обоюдоострый да короткий, вот только почему он ее не выучил при выпаде вперед не заваливаться?..
За это время Чэн успел миновать рощицу и подойти к Беседующим почти вплотную, остановившись у крайнего дерева и прислонясь к его стволу спиной. Светловолосый батинит увидел нас и хотел было поприветствовать, но Чэн упреждающе махнул ему рукой — молчи, мол, не мешай!
Впрочем, Беседующие уже увидели нас, Метла приветственно взметнулась острием в небо, растопырив все свои боковые лезвия — и Беседа непроизвольно прервалась.
— Не так, — мягко сказал Чэн, делая несколько шагов к несчастной давини, чье лицо уже опять ничего не выражало, и лишь маленькая девичья грудь вздымалась чаще обычного. — Смотри, как надо…
Понятливая Волчья Метла кинулась к нам, и в последний момент я покинул ножны, еле коснувшись древка Метлы между зазубренными веточками, а Чэн мгновенно прыгнул вперед, вертясь волчком — и спустя ничтожно малый промежуток времени Чэн уже стоял рядом с не успевшей отклониться Чин, ласково обнимая ее за шею правой железной рукой, а я лежал на плече Чин, лезвием щекоча ей мочку уха.
— Вот так, — усмехнулся Чэн. — Теперь ты попробуй…
Лицо Хамиджи неожиданно вспыхнуло, она закусила нижнюю губу, словно пытаясь сдержать слезы, затем девушка-давини метнулась к удивленному батиниту, чуть ли не насильно сунула ему в руки изумленного Такшаку — и побежала прочь.
Не оглядываясь.
— Учитель нашелся, — с укором заметила Чин. — Она ведь только-только оживать стала, а ты… Асмохат-та! Великий и могучий!
— А что я? — растерянно пробормотал Чэн-Я. — Я ничего… я ж не знал, что она обидится!
— Ладно, — немного оттаяла Чин. — Я ее попозже успокою…
— Ты ее в наш шатер ночевать приводи! — не удержался Обломок, которому я перевел слова Чин. — К Чэну своему! Он вас обеих успокоит… потому как же-ребец! Куда там Демону У! А я под доху спрячусь, до утра…
Этого Я-Чэн переводить для Чин не стал.
А Волчья Метла — она и раньше не обращала на Дзю особого внимания.
4
…Ночью я проснулся от странных звуков вне нашего шатра но совсем рядом. Полуодетый (или полураздетый) и хмурый спросонья Чэн — Волчья Метла и Чин ночевали сегодня отдельно, и мы внутренне винили в этом глупую Хамиджу — неслышно вскочил, поднял меня с кошмы, и мы выглянули наружу.
— Ну, что там? — недовольно пробурчал Обломок, и я еще подумал — не слишком ли мы беспечны, что позволяем себе подобное недовольство?
У шатра бродил Куш-тэнгри с Чыдой в руках. На нас они не обратили ни малейшего внимания. Не до того было. Неправильный Шаман поглаживал Чыду Хан-Сегри вдоль древка и что-то взахлеб рассказывал ей — слишком быстро, чтобы Я-Чэн успевал понимать. Так, с пятого на десятое… Но это было неважно, тем более что Чыда тоже не могла понимать шамана, она даже слышала его не так, как Придатки слышат друг друга, а так, как слышит Блистающий — Придатка, и это невозможно объяснить, да и не нужно это объяснять… Они не слышали друг друга, не понимали друг друга, а Куш-тэнгри, седой мудрый ребенок, все говорил в ночи, и Чыда отвечала ему — невпопад, перебивая, одновременно говоря о совершенно разных вещах, о Шулме, о Кабире, о невзгодах и радостях, об открытии новых миров внутри себя и о палящем Масудовом огне…
Они разговаривали.
И я не посмел их прервать.
Мы тихо отошли вглубь шатра и легли на кошму, и даже Дзю не произнес ни слова.
5
Все было, как обычно.
И проснулись мы с Чэном одновременно, и разбудил нас привычный шум: звон Диких Лезвий, голоса Блистающих и людей, конское ржание и топот…
«Ну уж нет, — подумал Я-Чэн и стал неспешно одеваться, — дудки! Мы теперь ученые! Опять, небось, развлекаются с утра пораньше!..»

Мне-то как раз особо одеваться не требовалось: скользнуть в ножны — дело нехитрое; а вот Чэну…
Короче, прошло довольно-таки немалое время, прежде чем мы соблаговолили выбраться из шатра.
И увидели.
Лагерь был полон своих и чужих Диких Лезвий, кругом толпились какие-то незнакомые шулмусы, шулмуски и шулмусята, старавшиеся друг друга перекричать (впрочем, для нас с Чэном и свои, и чужие были на одно лицо!), и всех их было не много, а очень много — вместе с лошадьми, повозками, поклажей…
«Захватили, — мелькнула шальная мысль. — Проспали водоем! Вот они, люди Джамухи и Дикие Лезвия Чинкуэды! Сейчас заметят нас…»
Последние слова я произнес вслух.
— Кто заметит? — как-то уж слишком невинно поинтересовался Обломок.
— Они, — немного растерявшись, ответил я. — Эти… Дикие Лезвия. И воины Джамухи. Не видишь, что ли?! Вон их тут сколько… Даже баранов с собой пригнали!..
И впрямь, с юго-западных холмов доносилось истошное блеяние.
— Баранов… — задумчиво проскрипел Дзю.
И не выдержал.
— Сами вы бараны однорогие! Куда вы смотрите?! Вон туда смотреть надо, куда я смотрю!..
Мы посмотрели.
К нам шел беловолосый великан Амбариша, облаченный в немыслимо лохматые шкуры поверх своей обычной одежды, а Огненный Меч Гвениль разлегся на его плече, и сиял эспадон, надо заметить, во весь клинок, явно нисколько не смущаясь окружающим столпотворением.
Во имя Нюринги — что, в таком случае, здесь происходит?!
— Фальгрим, Гвениль, что все это значит? Кого вы сюда притащили?!
— И опять не туда смотрите, — наставительно сообщил Дзюттэ. — И не у того спрашиваете. Вы лучше у Махайры спросите, у Жнеца нашего Бронзового! Вон он за Гвенилем прячется — боится, наверное… А раз боится — значит, у него и надо спрашивать!
Не то чтобы Махайра действительно чего-то боялся, но почему-то изо всех сил старался выглядеть как можно более неприметным — только от Дзю не спрячешься, хоть за Гвенилем, хоть за кем, и пришлось Махайре вместе с Диомедом двигаться к нам.
— Где это вы, — осведомился я, — разрази вас Небесный Молот, пропадали?!
— Ты понимаешь, Единорог… — начал было Гвениль не очень уверенно, но тут его перебил Махайра, а потом его, в свою очередь, перебил Гвениль, а Диомед с Беловолосым вообще говорили, не переставая и почти одновременно…
В общем, как понял Я-Чэн из этого гама, дело обстояло следующим образом.
Пока мы с Чэном и Куш-тэнгри «шаманили», мы напрочь забыли, что в мире существует еще кто-то и что-то, кроме нас самих, и что наши ориджиты с их Дикими Лезвиями как-то жили и до встречи с нами. То есть, мы совсем не подумали, что у детей Ориджа здесь есть семьи; но сами ориджиты об этом ни на минуту не забывали. И поскольку напрямую к Асмохат-та и Пресветлому Мечу они обращаться не решились, то обратились сперва соответственно к Фальгриму-эцэгэ с Гвенилем Могучим и Диомеду-эцэгэ с Махайрой Хитроумным.
Так… похоже, здесь своя иерархия сложилась, на вершине которой Асмохат-та и Пресветлый Меч сияют, и обращаться к ним по пустякам не следует, а поскольку для божеств все мирские дела — пустяки, то…
Нашли к кому обратиться, внебрачные дети Ориджа!
Ну а наши друзья-приятели тут же вызвались помочь в этом щепетильном деле, подтвердив, что не стоит беспокоить Асмохат-та и Пресветлый Меч по столь незначительному поводу.
— Просто трогательная заботливость! — бросил Обломок. И случилось невероятное: Фальгрим с Диомедом покраснели, услышав это в Чэновом переводе, а Гвениль с Махайрой смущенно звякнули за миг до того, поскольку им перевода не требовалось.
…И вот великие герои, олицетворявшие союз силы и ума (эспадон со Жнецом снесли и этот перл творчества неугомонного Обломка), вместе с ориджитами и их Дикими Лезвиями отправились освобождать родственников Кулаева племени, которых взял заложниками Джамуха.

И отдал под присмотр многочисленному племени маалеев.
«Слова-то какие, — уныло подумал я. — „Освобождать“, „взять в заложники“… маалеи, опять же, какие-то! И что главное — нам с Чэном слова эти особо дикими уже не кажутся! Привыкаем, что ли? Ох, привыкаем… что ж в тебе такого, Шулма?!..»
…Так что вскоре у мест обычных осенних кочевий племени маалеев объявились двое кабирцев и двое Блистающих, а также дюжина ориджитов с примерно двумя десятками Диких Лезвий.
И во главе — юный Кулай-нойон.
Это, значит, против целого племени, которому дети Ориджа и в лучшие-то дни уступали в численности раза в три…
Фальгрим начал было что-то нести о том, что истинный мужчина врагов не считает, но Чэн живо оборвал Беловолосого, предложив истинному мужчине не отклоняться от повествования.
…Сколько мы потом ни спорили с упрямым Дзю на тему, кому больше везет — героям или дуракам — но нашим приятелям несомненно повезло: маалеев на месте не оказалось. Ориджиты немедленно обнюхали близлежащую степь, и это их отнюдь не утешило: маалеи ни с того ни с сего собрались и двинулись в сторону ставки гурхана Джамухи.
И Мои-Чэновы друзья не нашли ничего лучшего, как поехать следом.
И поехали.
Быстро-быстро.
И на второй день им снова повезло (обиженный Гвениль заявил, что повезло как раз маалеям, но Махайра предупредительно зашелестел, и эспадон умолк, предоставив продолжать Жнецу).
Как оказалось, нетерпеливые маалейские воины со своими Дикими Лезвиями ускакали вперед, а герои-освободители нагнали их обоз: скрипучие повозки с нехитрым и хитрым шулмусским скарбом, блеющие овцы, вопящие дети — а также женщины, старики и подростки, в том числе и из семей ориджитов-заложников.
Охраняли все это пестрое, шумное, медленно движущееся вперед сборище всего восемь молодых Диких Лезвий со столь же молодыми Придатками-маалеями.
Когда обоз остановился, первым к маалейским охранникам подъехал Кулай — безоружный в знак миролюбия — и стал вещать недоверчиво притихшим маалеям о великом Асмохат-та, а настороженно обнаженные Дикие Лезвия внимали убедительному свисту Гвениля и Махайры, затеявших незамысловатую Беседу.
Вскоре красноречие Кулая иссякло, и к нему на подмогу поспешил старый хитрец Тохтар-кулу. Пока Махайра Беседовал с Гвенилем, вызывая всеобщее восхищение, а ориджитские Дикие Лезвия с визгом пытались вбить в нечищенные маалейские клинки истину о Великом и Единственном Пресветлом Мече («Вбить?» — переспросил я, но Гвениль сделал вид, что не расслышал), Тохтар-кулу спешился, невозмутимо подошел к ближайшей повозке и извлек из нее чей-то кобыз — ту самую палку со струнами, которая была способна рождать столь любимые шулмусами звуки, более всего похожие на скрип немазанной телеги и мяв прищемившего хвост кота одновременно.
— Дрянной кобыз, однако, — проворчал Тохтар-кулу и махнул рукой. — Ну и пусть… сойдет.
И через мгновение просто ошалевшие от такой наглости маалеи сподобились услышать «Джир об Асмохат-та» в исполнении соловья степей, старого Тохтара.
Джир этот Тохтар, не мудрствуя лукаво и беря пример с Диомеда, почти что сочинял на ходу, опуская несущественные с его точки зрения подробности и добавляя к Моим-Чэновым деяниям неисчислимое количество новых подвигов.
Тем более, что слухи о появлении Асмохат-та каким-то непонятным образом уже разнеслись по степи, и лишние подвиги в изложении Тохтара пришлись как раз кстати!
Ну, а под конец, как сообщил мне развеселившийся Махайра, эспадон Гвениль Могучий напрочь испортил не то две, не то три телеги, причем последнюю оглоблю перерубил не поперек, а чуть ли не вдоль — во что верилось с трудом, зная скорого на выдумку Махайру.
Так или иначе, маалеи и Дикие Лезвия (не считая визжавших от восторга шулмусских подростков, ахавших женщин и одобрительно цокавших языками седобородых патриархов) быстро прониклись величием Асмохат-та и Пресветлого Меча, а поскольку догонять своих сородичей и сообщать о похищении

ориджитских семейств было для воинов-маалеев позором — то и увязались молодые маалеи со своими Дикими Лезвиями, а заодно и с маалейским обозом, вслед за освободителями и освобожденными к священному водоему, дабы лицезреть и приобщиться…
— Ну ладно, — прервал Я-Чэн словоохотливых рассказчиков. — Это все понятно, но бараны! Бараны-то откуда?! Их что, маалеи тоже в заложниках держали?!
— Как — откуда? — недоуменно воззрились на нас герои. — Это ж добыча! Ты шулмусов своих чем кормить собираешься? — а они, знаешь, какие прожорливые! Вот и угнали мы по стаду-другому! Там, за холмом, еще табун один есть…
Дзю сверкнул гранями и расхохотался.
— Махайра Хитроумный и Гвениль Могучий, — заявил Обломок, ни к кому конкретно не обращаясь. — Гроза телег и баранов… дрожи, Шулма!
6
Освободители-угонщики, ничуть не обидевшись на Дзю, порывались сообщить нам еще что-то — по их мнению, главное — но тут нас прервал вопль Куш-тэнгри.
— Какой сын ослицы и шакала додумался привести сюда этих безмозглых людей?! Кто позволил шелудивым песчаным крысам заваливать отбросами святое место?! Я, шаман Куш-тэнгри, приказываю вам немедленно удалиться за линию холмов — или Безликий проклянет вас, и гнев Желтого Мо падет на ваши пустые головы, и превратитесь вы в стадо нечистых свиней!..
— О тупое и ржавое железо, недостойное имени Блистающих! — вторила ему Чыда. — Что за варварский звон и безумный шум?! За что Небесный Молот разгневался на меня, что обязана я проводить дни свои в столь отвратительном обществе?!
Я еще обратил внимание на изысканность ругательств Чыды, а потом подумал, что как бы Хан-Сегри ни относилась к своему новому Придатку, она, безусловно, уже поняла, что шаман здесь весьма важная персона… а потому особенно не церемонилась ни с шулмусами, ни с Дикими Лезвиями.
Не то слово — не церемонилась… Движения шамана, размахивавшего Чыдой, были еще неумелыми, но весьма и весьма грозными, и попадавшиеся по дороге шулмусы в страхе разбегались в стороны, Дикие Лезвия с криками уворачивались от тяжелой Чыды, а женщины — те вообще падали ниц, закрыв голову руками. Вооруженный шаман был столь страшен, что даже Гвениль с Махайрой попытались было ретироваться — но не успели.
— О великий Асмохат-та! — возопил Неправильный Шаман, падая передо Мной-Чэном на колени, и шум вокруг нас мгновенно стих.
(«Не смею настаивать, Высший Дан Гьен, но не могли бы вы приказать этому железному сброду удалиться отсюда вместе с их Придатками? — осведомилась меж тем Чыда. — А то уж больно противные…»)
— О воплощение Желтого Мо! Прости мне упущение мое, по которому вторглись во владения Твои эти невежественные люди! — Я-Чэн ни разу не слышал, чтобы Куш-тэнгри выражался столь высокопарно. — Будь милостив к несчастным и не казни их всех — а только тех, кто недостаточно быстро покинет Круг священного водоема!..
Чэн благосклонно кивнул шаману и обернулся к застывшим в почтительном молчании шулмусам.
Даже бараны, по-моему, перестали блеять.
Я выскользнул из ножен и нарочито гневно блеснул над головой Чэна, упершись острием в хмурое шулмусское небо.
— Я добр сегодня, — сказал Чэн. — Я прощаю этого глупого шамана. (Куш-тэнгри незаметно скривился.) Более того, Я оставлю жизнь всем, кто до полудня покинет Мои владения, остановившись…
— За юго-западными холмами, — тихо подсказал шаман.
— …За юго-западными холмами. Такова Моя воля.
— Гоните их отсюда, — вполсвиста повернулся я к Гвенилю и Махайре. — После поговорим.
И все завертелось в обратную сторону.
— Вот это совсем другое дело, — пробурчал Куш-тэнгри, поднимаясь с колен и вращая удовлетворенную Чыду. — А то понаехали тут… с Блистающей знакомиться мешают!..
— Ты руки в локтях-то не выпрямляй, орел! — беззлобно бросил Чэн-Я. — Мешают ему, понимаешь ли… Люди поклониться мне пришли, а он орет! И

копьем размахивает… Вот отвадишь мне паломников — век в будущее заглядывать не захочешь!

7

Расселение новоявленных паломников на юго-западных холмах и за ними заняло почти весь день. Мы с Чэном и Обломком этим, разумеется, не занимались — мы помогали обучать шамана, Беседовали с кабирцами (по возможности так, чтоб это видели Дикие Лезвия), появляясь то там, то тут, вызывая благоговейный трепет и ускоряя исчезновение шулмусов из Круга священного водоема.

Потом к нам подошел Кос с Саем и Заррахидом; они долго на нас смотрели — и Обломок вдруг заявил, что хочет прогуляться с Косом и поболтать с эстоком и Вилорогим. Чэн-Я не возражал (хотя мы вроде бы и так гуляли; или ему наше общество надоело?) и Дзю живо перекочевал за пояс к Косу, после чего ан-Танья удалился.

Уже ближе к вечеру Обломок вернулся и как-то уж очень официально обратился ко мне, так что я сразу насторожился, однако никакого подвоха в речи Дзю, как ни странно, не обнаружил.

— Не соблаговолит ли Высший Дан Гьен попросить Высшего Чэна Анкора, чтобы тот передал кабирским При… людям, чтобы те передали шулмусским При… людям, чтобы оные шулмусские люди обращались со своими Дикими Лезвиями, как подобает обращаться с Блистающими?! Я имею в виду чистку, полировку, заточку… А если они совсем дикие, и не знают, как это делается, то пусть обратятся к Коблану или к любому из наших кабирцев — те научат.

Я выслушал эту длинную и путаную речь, так непохожую на обычный стиль Обломка, еще раз поискал в ней скрытый подвох, не нашел — и согласно кивнул кисточкой.

Чэн выслушал меня, тоже кивнул, подозвал Коса и изложил ему просьбу Дзюттэ. Кос тоже кивнул — в этом мы не отличались разнообразием и куда-то убежал.

А вскоре к нам приблизились прямо-таки сияющая Чыда и чуть запыхавшийся, но вполне довольный жизнью Куш-тэнгри.

— Вы были совершенно правы, Высший Дан Гьен! — тараторила Чыда. — Это и впрямь отличный Придаток! Я беру обратно свои необдуманные слова — он меня вполне устраивает! Он крайне быстро учится, а Ржавые Лезвия были изгнаны им просто прекрасно! Я…

— Пошли, Асмохат-та, — коротко сказал Куш-тэнгри, Неправильный Шаман.

— Дальше учиться будем.

И мы пошли его учить.

…Только потом, позже, когда Чэн сидел у костра и ел, а я смирно лежал рядом, Я-Чэн отметил для себя два странных обстоятельства: во-первых, во всем сегодняшнем безобразии совершенно не участвовали Коблан и Шипастый Молчун; более того, Чэн отметил, что кузнец уже второй день не берет в рот ничего крепче воды, а сейчас… о Творец!.. сейчас Коблан и Куш-тэнгри сидят рядышком и уплетают за обе щеки из одного котелка постное шаманово варево (хотя любовь Железнолапого к мясным блюдам, причем в больших количествах, была нам обоим хорошо известна).

А, во-вторых, куда-то пропала Хамиджа. Ну не то чтобы совсем пропала — вон сидит у дальнего костра и жует с отсутствующим выражением лица! — но во время утреннего нашествия она исчезла, и появилась лишь после того, как территория священного водоема была вновь очищена.

Хотя давини — она и есть давини…

Тут мысли мои были прерваны шумным появлением Гвениля Могучего и Махайры Хитроумного — и рядом с Чэном тяжело хлопнулись на кошму Диомед с Беловолосым.

— Ф-фу, наконец управились, — глухо брякнул эспадон, вытягиваясь на коленях у Фальгрима во весь свой двуручный рост и бесцеремонно тычась рукоятью в бок Чэну.

— Так вот, Асмохат-та, — заговорил Диомед так, словно его только что прервали. — Вся Шулма, оказывается, волнуется, разговоры лишь о тебе, а самое главное — Джамуха из ставки своей уехал! Куда — неизвестно, и добро бы один, а то вместе с тысячей тургаудов-телохранителей! Ну, Тохтар с Кулаем намекнули маалеям, что без божественного промысла тут не обошлось — то ли испугался гурхан, то ли видение ему было; ты, дескать, являлся в облике ужасном и карами всякими грозил…

— Погоди-ка, — прервал Чэн Диомеда. — Божественный промысел, говоришь… А сами Кулай с Тохтаром где? Что-то я их здесь не видел…
— Дела у них, — беспечно вмешался Фальгрим. — Уехали они. И двух своих людей прихватили.
— Как — уехали? Куда? Зачем?!
— Не знаю, — хором отозвались Диомед с Фальгримом. — Не сказали. Уехали — и уехали.
И стало ясно, что больше они нам не скажут ничего. Хоть являйся им в облике ужасном и карами грози…
8
«Ничто не ново под луной», — иронически подумал я, когда мы с Чэном и Обломком сбежали после еды от суматохи и любопытных маалеев в знакомую нам рощицу; и ровно через минуту покоя и отдохновения увидели приближающуюся к нам Хамиджу-давини.
За руку она тянула светловолосого батинита, и юноша подчинялся ей с глупо-счастливой улыбкой, не особенно даже понимая, куда он идет, зачем он идет, и идет ли он вообще.
Подойдя, Хамиджа замедлила шаг (юноша-батинит виновато пожал плечами — дескать, я ни при чем, это все она…); девушка остановилась в трех выпадах от нас и долго смотрела на Чэна, потешно морща лоб.
Так, пожалуй, смотрят на незнакомую вещь, пытаясь понять ее назначение.
— Ты что-то хочешь… от меня? — ободряюще спросил Чэн.
Он хотел спросить: «Ты что-то хочешь сказать?» — но вовремя вспомнил, что Хамиджа не говорит.
Хамиджа раз-другой хлопнула своими неправдоподобно длинными ресницами, не глядя, протянула руку (отпустив ладонь батинита) и вынула из ножен на поясе юноши Такшаку.
Короткий меч чуть ли не заурчал, выходя из ножен, и довольно потерся плашмя о бедро Хамиджи.
Дар у нее, что ли — всех привораживать?..
— Ты что, Такшака? — холодно спросил я, не покидая ножен. — Придатка сменить решил? Так не могу сказать, что одобряю твой выбор…
«Ты злишься, Единорог? — донеслось от Чэна. — Почему?»
Что я мог ответить? Что у меня просто плохое настроение? Что мне не хочется Беседовать с Такшакой, и тем более — когда он в руках у Хамиджи?!
Злой я становлюсь… хуже Обломка.
— Ладно, не обижайтесь, — бросил я, обнажаясь и взмывая над головой Чэна. — Пр-рошу!
Хамиджа прыгнула вперед, и Такшака ударил.
…А Беседа вышла довольно-таки серой. Со-Беседники из Хамиджи с Такшакой получились не ахти (если мерять не шулмусскими, а кабирскими мерками, да еще нашими с Чэном), что-то вроде Эмраха с Маскином Седьмым-Тринадцатым, когда мы Беседовали с ними у пруда в моей мэйланьской усадьбе, и я понимал, что надо попроще и помедленней, и Чэн это понимал, и Такшака понимал, и Хамиджа — хотя не знаю уж, что там она понимала, если вообще понимала хоть что-то… Под конец мы с Чэном для разнообразия поиграли в «пьяного предка Хэна», когда Чэн раз за разом уходил от Такшаки в последний момент, внешне не обращая никакого внимания на его резкие косые взмахи, а я пугал Хамиджу, так ни разу и не прикоснувшись ни к ней, ни к клинку Такшаки, и делал вид, что сейчас выпаду из руки Чэна… а потом нам и это надоело.
Пауза, вежливый поклон — и я нырнул в ножны, отсалютовав перед тем, а Чэн улыбнулся Хамидже и пошел прочь.
Отойдя на десяток-другой шагов, Чэн обернулся, и я тоже посмотрел назад.
Хамиджа стояла белая-белая, глаза ее словно остановились, руки плетьми повисли вдоль тела, и вся ее поза выражала такую отчаянную безысходность, что Чэн-Я сперва хотел было вернуться, а потом передумал и быстро-быстро углубился в рощу.
— Ну не знаю я, не знаю я, что мне с ней делать! — бормотал по дороге Чэн-Я. — Вот уж обуза на мою душу!.. Сама ведь напросилась — а теперь обижается…
Обломок за поясом помалкивал и делал вид, что спит.

Глава 27

1

В эту ночь никто, к счастью, не шумел, не звенел, не ругался, так что мы спали спокойно и проснулись только к самому Чэнову завтраку (ох уж эти люди — и впрямь все едят да едят!).

После завтрака Дзю опять удрал гулять с Косом, Саем и Заррахидом. Это становилось интересным; и хотелось выяснить, куда это они «гуляют» и чем там занимаются. Нет, ни в чем недостойном мы их, понятное дело, не подозревали — но интересно же, в конце концов!

Однако интерес этот быстро забылся — потому что мы с Чэном уяснили наконец причину непонятного поведения Коблана.

Повитуха Коблан постился. И соблюдал все предписанные обычаем ритуальные ограничения.

Он готовился к рождению нового Блистающего.

В семействе метательных ножей Бао-Гунь должен был родиться десятый, недостающий клинок — взамен погибшего в битве у песков Кулхан.

…У открытой походной кузни, которую успел соорудить за эти дни Коблан, собрались практически все, кому было позволено остаться у священного водоема, а также трое маалеев постарше со своими Дикими Лезвиями, которым по такому случаю разрешили присутствовать.

Порывистый холодный ветер раздувал огонь в горне, заметно облегчая работу молодому ориджиту, стоявшему у переносных мехов, которые Коблан, как оказалось, всю дорогу таскал за собой.

И не только меха.

Пожилой шулмус с негнущейся ногой — местный Повитуха, пошедший к Железнолапому в ученики — стоял у наковальни, готовый схватить клещами зародыш будущего Блистающего. Ритуальные свечи Рождения на таком ветру неминуемо погасли бы — что сулило несчастье — и вместо них горели четыре факела.

Свежевымытый Коблан в фартуке мастера-устада с Небесным Молотом на кармане и Гердан Шипастый Молчун, начищенный и серьезный, приблизились к наковальне. Гердан коснулся ее края и опустился на землю рядом; Коблан воскурил благовония, вознес молитву и взялся за молот.

Неподалеку стояла необычайно торжественная Ниру, опираясь на посох, а на ее груди замерли, выставив рукояти, семеро ножей Бао-Гунь. Двое старших ножей лежали у горна, на белой кошме ее по такому случаю вынесли из шатра — чтобы, согласно традиции, передать рождающемуся Блистающему частицу своей души.

Здесь присутствовали все наши: и мудрый Чань-бо, Посох Сосредоточения, и непривычно молчаливые Гвениль и Махайра, и очень серьезный Но-дачи, и неизменно держащиеся в последнее время вместе Кунда Вонг и Маскин, Пояс Пустыни; и Волчья Метла, Заррахид, Сай, и, понятное дело, я с успевшим уже вернуться Обломком, и короткий Такшака, и Чыда в руках Куш-тэнгри, который очень внимательно следил за происходящим — а он умел быть внимательным… Тусклые и Батиниты (кроме Такшаки и светловолосого юноши) стояли чуть дальше, а из-за их спин и рукоятей благоговейно наблюдали за таинством Рождения Блистающего Дикие Лезвия и их, так сказать, шулмусы.

…Мерно вздымался молот, летели искры, лоснились от пота плечи и грудь Коблана, эхом отзывался Шипастый Молчун — и тело рождающегося ножа уплотнялось, форма становилась все более законченной, и я уже улавливал медленно пробуждающееся в будущем Блистающем сознание…

…Солнце перевалило за полдень, но никто даже не вспомнил о еде или отдыхе — таинство Рождения захватило всех…

…И наконец умолк отзвеневший молот, и поднялся с шипением пар над купелью, дарующей Блистающему крепость тела и силу духа, и суконный полировочный валик со специальной пастой многократно прошелся по поверхности новорожденного ножа, и принесли заранее приготовленную костяную рукоятку с медными кольцами — а Повитуха Коблан, тщательно проверив баланс, одним ловким движением насадил рукоять на хвостовик новорожденного и закрепил ее двумя маленькими стерженьками красного дерева; точно такими же, как и у всех остальных братьев Бао-Гунь.

Потом двое старших ножей по очереди прикоснулись к младенцу, приветствуя его и создавая у нового ножа первое нужное впечатление, прообраз будущих Бесед. Я

прямо-таки чувствовал, как бурлит от потока ощущений еще не до конца оформившееся сознание юного клинка, как он силится что-то сказать — и не может. Рано ему еще говорить, этому учатся быстро, но не сразу…
— Я приветствую тебя, брат наш, — заговорил самый старший нож Бао-Гунь. — Будь счастлив в этой жизни, юный Блистающий, рожденный в чужой ветреной степи, в пламени и звоне, и будь достоин того, чье место ты займешь. Он… он…
Голос ножа прервался, и лезвие его слегка запотело.
— А теперь, — подхватил второй нож, — мы должны представить тебе человека. Нашего общего человека. Запомни ее и знай — мы равны, хоть и различны между собой; мы, Блистающие — и люди…
Нож говорил что-то еще, но я уже не слушал.
«Да, — думал я, — наверное, так и надо. С рождения. Не Придаток — но человек. Не оружие — но Блистающий. Не такой, как ты — но равный. Часть тебя, как и ты — часть его. С рождения. Это — выход. Это — Путь.»
«Да, — думал Чэн-Я, — это так. И только так!»
2
На следующее утро можно было видеть шулмусов, усердно чистящих и полирующих свои блестящие от удовольствия клинки. Несколько человек толпились вокруг Коблана — с утра наевшегося мясной шурпы до отвала — и кузнец, ругая на чем свет стоит косоруких шулмусских Повитух и пустоголовых ориджитов, правил заточку, выравнивал изъяны ковки, давал советы — и к концу дня многие Дикие Лезвия выглядели уже не столь дикими, хвастались друг перед другом новообретенной полировкой и со свистом рубили что попало, проверяя заточку.

> Некоторые, как я заметил, даже пытались Беседовать — именно Беседовать — а не опасно и бестолково звенеть друг о друга! Разумеется, у них еще мало что получалось, но главное было не это — они
> хотел
> и Беседовать! Они
> стремились к этому
> !

Начало было положено.
Да и шулмусы стали смотреть на свои клинки по-новому.
Молодец Дзю!
Кстати, о Дзю. Пора бы выяснить, куда это он все время исчезает вместе с ан-Таньей?
И мы с Чэном отправились выяснять.
Потом, когда все стало на свои места, я подумал, что зря мы совали острие куда не следует.
Есть случаи, когда полезнее оставаться в неведении.
…Когда Кос, как обычно, опять явился за Обломком, мы с Чэном, тоже как обычно, ничего не сказали — но, подождав, пока они скроются за шатрами, поспешно двинулись следом.
Сухощавая фигура ан-Таньи, ощетинившаяся тремя Блистающими, несколько раз мелькнула впереди — и мы сообразили, что наши дворецкие и Сай с Дзюттэ направляются за пределы Круга, к дальним юго-западным холмам, на которых и за которыми раскинулось шумное ориджитско-маалейское стойбище.
Ну и что им там понадобилось?
Дорога заняла около получаса, и нам пришлось поотстать — не то чтобы мы особо скрывались, но и не желали, чтобы Кос с Блистающими заметили нас раньше времени.
И, кажется, преуспели в этом.
Впрочем, по той же причине мы пропустили начало представления. Когда мы, наконец, перевалили через холмы и прошли между какими-то коновязями, то оказались неподалеку от довольно-таки обширной и ровной площадки, местами поросшей пучками жухлой травы, подобно физиономии хитрого Тохтара — и выяснили, что действо уже в самом разгаре.
На площадке рядами сидела, одинаково подобрав под себя ноги, добрая сотня шулмусов: впереди — наши ориджиты и молодые маалеи, за ними — старики обоих племен, дальше — подростки вперемешку с женщинами.

И каждый держал тот или иной блестящий клинок, неподвижно устремленный острием вверх.
А перед ними Кос, Заррахид и Обломок (Сай находился за поясом ан-Таньи) исполняли начальный танец Пятой стихии. Очень медленно и очень плавно, тщательно подчеркивая все переходы чтобы шулмусы могли уследить за каждым движением. Это было крайне поучительное зрелище. Причем поучительное в самом прямом смысле слова — потому что наш Обломок не только выписывал в воздухе вензеля Пятой стихии, как заправский Детский Учитель.
Он при этом еще и проповедовал.
Вслух.
А Дикие Лезвия с благоговением слушали (явно не понимая половины и посему проникаясь к проповеди еще большим почтением), что вещает им новоявленный пророк.
— …ибо все вы видели Его и могли убедиться, что для рожденного в этом мире невозможно достичь Его совершенства — но пытаться приблизиться к нему есть первый долг и первая заповедь; и тогда тела наши станут крепче, и очистятся души наши, и помыслы станут ясными, а мастерство возрастет многократно — но лишь у следующих Пути, указанному Пресветлым Мечом, а указал он: оставь сомнения и слушай Меня…
— Оставь сомнения и слушай Его, — нестройно повторили Дикие Лезвия, явно не в первый раз слышавшие эту заповедь.
— Не повреди Придатка своего, а тем паче — чужого, ибо хорошего Придатка вырастить трудно, а испортить легко…
— Не повреди Придатка…
— Не разрушай собрата своего, ибо все вы — Блистающие, подобия Мои…
— Не разрушай…
— Живи Беседой и радостью ее, ибо в этом смысл жизни Блистающего…
— Живи Беседой…
— И те из вас, кто внемлет Слову Моему, изреченному пророком Моим, Дзюттэ Ковырягой (мы с Чэном едва сдержали смешок) и Ближними Моими, станут подобны Мне и войдут в рай, имя которому — Кабир!
Тут Я-Чэн обнаружил, что слишком уж высунулся из-за крайней коновязи — а оказываться на виду, особенно сейчас, Мне-Чэну никак не хотелось, и мы поспешили спрятаться обратно, так что конца проповеди пророка Ковыряги мы не услышали.
Еще некоторое время мы наблюдали за происходящим из укрытия. Дзю в конце концов умолк и вместе с Саем и Заррахидом занялся более стоящим, с нашей точки зрения, делом: принялся наставлять Дикие Лезвия в мастерстве Беседы. В чем ему помогали неизвестно откуда взявшиеся и непонятно где до того скрывавшиеся Волчья Метла, Чань-бо, Но-дачи и двое Тусклых.
Дальше Я-Чэн смотреть не стал и вернулся к священному водоему.
По дороге я размышлял о Пресветлом Мече, указавшем единственно верный Путь непросвещенным Диким Лезвиям, и о Ближних Его; а в особенности — о пророке Дзюттэ Ковыряге и о рае по имени Кабир.
Небось, Кос вещал шулмусам (и не первый день!) нечто в этом же роде — великий Асмохат-та и Ближние Его… Ну, удружили! Вернутся эти пророки — я их так на Путь наставлю!..
Ковыряга!.. Кто ж это слово такое выдумал?! Уж, небось, не сам Обломок… хотя с него станется!..
3
До обеда Мои пророки и Ближние не появлялись — видимо, заняты были; но обед их святость (я имею в виду Коса) явно пропускать не собиралась — вот тут-то все четверо и были отловлены Мной, вернувшимся с обучения Куш-тэнгри.
— Ковыряга, значит… пророк! — язвительно начал я, щекоча острием немного растерявшегося Обломка. — Пресветлый Меч и пророк Его, а также Путь Меча из Шулмы в Кабир, он же — рай! Вот, значит, почему от меня все Дикие Лезвия прячутся! А по-нормальному им объяснить нельзя было?! Без пророков с Ближними?!..
— Нельзя! — неожиданно отрезал оправившийся Дзюттэ. — По-нормальному — нельзя. Не доросли они еще — по-нормальному! Не проливать крови — почему? Всегда проливали — и ничего, а теперь вдруг нельзя?! Ритуалы — вещь красивая, но зачем? Ради чего?! Жили без ритуалов — глядишь, и сейчас проживем! Ты об этом подумал, Единорог?!

Я промолчал.
— А так — никаких «почему»! — продолжал между тем Обломок. Есть Пресветлый Меч — и пусть кто-нибудь усомнится! Они, в общем, и не сомневаются… И есть Ближние Его — видите, как блестят? Видите, что умеют? Видите, как с ними обращаются?! Хотите стать такими же? Еще бы — конечно, хотят! А если хотите — внимайте слову Его, изреченному посредством пророка…
— Ковыряги! — не выдержал я.
Злиться на Обломка и моих друзей я уже не мог — тем более, что, похоже, они были правы.
— Да, Ковыряги! — гордо заявил Дзюттэ, и мне послышалась в его голосе даже некоторая обидчивость, чего раньше за Дзю не водилось. — Меня так местные прозвали. И означает это: «Тот, кто видит суть вещей». Вот так, Пресветлый!
— Тот, кто доковырялся до сути, — ехидно уточнил Сай, но Дзю оставил его реплику без внимания.
Вот что значит — пророк… прежде он Саю не спустил бы!
— Терпи, — коротко прозвенел молчавший до этого эсток. — Следующее поколение будет усваивать эти истины с рождения — и сочтет их естественными и само собой разумеющимися. Они станут Блистающими — и им уже не понадобится Пресветлый Меч! А пока терпи!..
— Ладно, — задумчиво покачал кисточкой я. — И знаешь что, Дзю — раз ты теперь Мой пророк, то слушай Слово Пресветлого!
— Слушаю и повинуюсь, Ваша Однорогость! — гнусаво зашуршал Обломок, и мне сразу стало легче — это был прежний зловредный шут, для которого я до конца дней своих останусь мишенью для мудрых советов и язвительных насмешек.
— …Внимай воле Моей: пусть те Дикие Лезвия, которые окажутся самыми рьяными в служении Мне, — пусть они получат в награду собственные имена! И придумаешь их — ты!
Большего наказания для своих последователей я сочинить не мог.
4
…Следующие дни были заняты до предела. Мы учили шамана и учились сами. Куш-тэнгри уже немного отошел от первого потрясения и занимался спокойно и сосредоточенно, не забывая учить нас.
Учить смотреть — и видеть. Видеть — и запоминать. Запоминать — и сопоставлять. Сопоставлять — и делать выводы. И на основе этого погружаться в некое странное состояние, когда мысль охватывает все окружающее целиком — и прорывается в еще не наступившее время.
Это было трудно. Когда я был отдельно от Чэна — у нас вообще ничего не получалось, хотя шаман делал это один. Но когда смотрели, запоминали и сосредоточивались не Мэйланьский Единорог и Чэн Анкор, а Я-Чэн… это было сродни состоянию Беседы. И тогда нам удавалось поймать это неуловимое и неосязаемое чувство без названия; тогда мы начинали видеть.
Видеть всего на несколько мгновений вперед — но это было будущее!
Один раз, находясь в трансе, мы увидели Асахиро и Но-дачи, входящих в наш шатер — и едва мы вынырнули на поверхность реальности, как полог шатра откинулся, и показались Но с Асахиро!
Шаман, в свою очередь, был неутомим, и Чыда не могла на него нарадоваться. Потихоньку мы даже пробовали Беседовать; медленно, осторожно, но это уже была Беседа, а мы были — со-Беседники!..
И все это как-то отодвинуло в тень слухи о волнениях в Шулме и исчезнувших из ставки Джамухе с Чинкуэдой и тысячей тургаудов-телохранителей; даже о Кулае Чэн почти не вспоминал…
Коблан с Шипастым Молчуном ругали тех нерадивых шулмусов и Дикие Лезвия, что сохраняли до сих пор первозданно-отвратительный вид; Дзю проповедовал; время от времени к водоему наезжали гонцы из каких-то племен, где уже были наслышаны об Асмохат-та и Пресветлом Мече — с гонцами обычно разговаривали Кос и Асахиро, а нас с Чэном показывали издалека.
Гонцы смотрели, ахали, до вечера крутились вокруг водоема и наконец исчезали.
День шел за днем…
5
Это случилось совершенно неожиданно.
Я неторопливо Беседовал с Чыдой Хан-Сегри, в пятый раз подставляя Чэна под прямой выпад копья и терпеливо дожидаясь, пока шаман выполнит то, что от него

требовалось — и старался не обращать внимания на то, что с каждым разом глаза Куш-тэнгри вспыхивают все ярче и напряженней.
Почему-то я никак не мог избавиться от ощущения, что касаюсь не древка или наконечника Чыды, а непосредственно дотрагиваюсь клинком до рук шамана, как при прорицании — и тогда мне на миг мерещится то призрачно-сизый дым за спиной Куш-тэнгри, то зыбкие силуэты всадников на холмах, то сами холмы превращаются в подобие домов…
«Устал, — подумал я, начиная все заново, — пора заканчивать…»
Додумать я не успел. Шаман отошел назад, Чыда крутнулась колесом, и я еще почувствовал, что Чэн пристально смотрит в глаза Куш-тэнгри — а потом передо мной словно распахнулись ворота…

6

…Ворота Чжунду распахнулись, и в богатейший город Поднебесной, неистово визжа и размахивая оружием, хлынули степняки.
Ли Куй, известный в Чжунду, как Носатый Ли, бродяга без роду и племени, пришедший в город невесть откуда перед самым нашествием, — щуплый и взъерошенный Ли Куй, прихрамывая, бежал по переулкам западной окраины, надеясь на везение.
Если великая Гуаньинь поможет ему уйти целым и невредимым, он станет бритоголовым монахом-хэшаном в шафрановой рясе, живущим милостыней и безразличным к мирской суете — и пусть другие дураки дают рискованные советы скудоумному Сыну Неба, императору-тупице, и пусть несчастную Поднебесную насилуют и грабят все, кому не лень, хоть алчные сановники, хоть грязные монголы, хоть…
Еще не успев понять, что Гуаньинь сегодня смотрит в другую сторону, Носатый Ли резко остановился, зашипев от боли в поврежденном колене, и вскинул к груди короткий, локтя в три, посох.
В конце переулка радостно скалился рослый монгол в кожаном доспехе, поигрывая длинным копьем с перекладиной под трубкой наконечника.
Опальный полководец Ли Куй, которого в Чжунду звали Носатым Ли, а в столице — Синим Тигром Хоу, глубоко вздохнул и медленно пошел к ухмыляющемуся степняку, усилием воли заставив себя перестать хромать.
Монгол подождал, пока хилый оборванец приблизится, и лениво ткнул перед собой копьем.
Через мгновение оружие едва не вырвалось у него из рук, а когда изумленному воину все же удалось отпрыгнуть назад, прижимая к себе копье жалом вверх — в лицо ему полетел выдолбленный изнутри посох, в котором, как шелкопряд в коконе, скрывался от досужих глаз прямой меч-цзянь Синего Тигра Хоу.
Город уже горел. Горький дым стелился по улицам Чжунду, опережая увлекшихся грабежом воинов неукротимого Темуджина Чингис-хана; дым спешил, раньше захватчиков пробираясь на западную окраину, от едкой гари першило в горле, и невыносимо болела нога Ли Куя, а монгол бил умело и свирепо, то наконечником, то обратной стороной древка, и поэтому приходилось много двигаться, пока Гуаньинь не соизволила обратить свой благосклонный взор на Чжунду и на заброшенный переулок, в котором Носатый Ли дважды сумел достать клинком запястья монгола.
Теперь оставалось только ждать. Ждать и не подворачиваться под копье, движения которого становились все более неуверенными и дрожащими. А дождавшись — вложить последние силы в последний прыжок.
…Он так и не выпустил копья, этот неудачливый воин в легком кожаном доспехе. Кашляя и скособочившись, он сидел у стены чьего-то дома, правой ладонью зажимая пронзенный бок, а левую продолжая держать на валявшемся рядом копье.
И над ними, над раненным монголом и бессильным копьем, тяжело дыша и стараясь не переносить вес на поврежденную ногу, стоял Ли Куй, бывший полководец левого крыла Ли, бывший Синий Тигр Хоу, бывший Носатый Ли, будущий настоятель монастыря подле горы Утайшань, усталый маленький человек.
Стоял и смотрел, как лицо монгола становится все более бледным, а рассеченные запястья кровоточат все меньше и меньше.
Монгол с трудом поднял голову — и их взгляды встретились.
Ли Куй вздохнул, изорвал свою накидку на полосы, присел рядом с монголом и стал туго бинтовать руки воина непобедимого Чингиса.
Ли не знал, зачем он это делает…

7

Когда я пришел в себя, над Чэном, сидящим на земле, уже хлопотали Чин и Матушка Ци, отпаивая его водой, хлопая по щекам и взволнованно переглядываясь между собой.

Я по-прежнему находился в правой руке Чэна, в руке аль-Мутанабби, и понимал, что рука здесь ни при чем.

В трех выпадах от нас сидел бледный Куш-тэнгри, опираясь спиной на подложенные вьюки, а рядом с ним лежала бесчувственная Чыда Хан-Сегри, на древке которой покоилась левая ладонь шамана.

И во взгляде Куш-тэнгри медленно плыл дым города, горевшего не здесь и не сейчас.

— Ты в порядке, Единорог? — озабоченно спросил Обломок из-за Чэнова пояса.

— Да, — коротко отозвался я. — А ты?

— А что я? — голос Обломка был непривычно встревоженным. — Я ведь не Беседовал… Смотрю — наш друг шаман глазищи распахнул, Чэна как приподняло, я тебе кричу, а ты звенишь что-то странное и вперед лезешь! Ох, вы и по-Беседовали… ну, Чыда — это еще понятно, но только уж больно здорово Куш-тэнгри ею орудовал! До кабирских Придатков ему, конечно, еще далеко, а вот по шулмусским меркам — так просто отлично! Мы ж его вроде бы и не учили обратной стороной древка на уходе бить… Потом ты Чыду пропустил и шаману оба запястья наметил. Я опять гляжу — все гладко, касание идеальное — а шаман кричит, как испорченный, и спотыкаться стал. Ну, а ты ему после бок обозначил — он и упал. Чыду, правда, не выпустил, молодец…

Дзю помолчал, словно припоминая.

— Чэн над ними постоял-постоял — и вдруг сел. Забормотал что-то непонятное, ногой левой дергать стал, словно колено вправлял, или еще что… и вдруг — все. Не чувствую я вас! Никого. Ни тебя, ни Чэна. О Чыде с шаманом вообще речи нет. Кричать я стал, а тут уже и Чань-бо сообразил, что что-то не так!.. Хвала Небесному Молоту, очнулись вы, и меня малость попустило…

— Что… что это было? — донеслось ко мне от Чыды, явно вернувшейся в наш бренный мир.

— Миры Хум-Тэнгэ, — негромко ответил Неправильный Шаман. Те, что за поворотом пути шамана. Вот и повернули, значит…

— Какой еще Хум-Тэнгэ?.. — начала было Чыда, но осеклась.

— Это ты? — тихо спросила она. — Шулмусский Придаток, это ты? Или я сошла с ума?..

— Нет, ты не сошла с ума, Чыда Хан-Сегри, — бросил Чэн. — Это и впрямь шулмусский Придаток Куш-тэнгри, а я — мэйланьский Придаток Чэн Анкор, и, видимо, я уже совершенно разучился удивляться… потому что то, что мы понимаем друг друга, не удивляет меня. Да и может ли быть иначе, если мы вместе свернули за поворот?

— Мне жаль, что я не был с вами, — через силу усмехнулся Обломок. — Это, должно быть, забавно…

— Ты был с нами, Дзю, — сказал я, — и я надеюсь не дожить до того дня, когда тебя не будет с нами, потому что тогда мне любой поворот будет не в радость. А сейчас я… сейчас я хочу спать, Дзю.

— Да, Наставник, — иронично-уважительно отозвался Дзюттэ.

И заорал на Чань-бо, обзывая его всякими словами и требуя немедленно перенести нас в шатер.

Чэн сонным голосом добавил кое-что от себя — только значительно мягче — и я еще успел заметить чьи-то внимательные глаза, а потом нас подняли и понесли, негромко переговариваясь между собой…

Уже проваливаясь в забытье, я неожиданно понял, кому принадлежали внимательные глаза, на дне которых тлели уголья забытых жаровен.

Это были глаза Хамиджи-давини.

Или это мне примерещилось?..

8

Мне снился бесконечный путь, Пронзающий миры.

И в том пути таилась суть Загадочной игры, Игры, чьи правила — стары, Игры, чьи игроки — мудры, Они не злы и не добры…

И я кричал во сне.

Мне снился обнаженный меч, Похожий на меня, И яростно-кровавый смерч Масудова огня, И бились о клинок, звеня, Копыта черного коня, Что несся на закате дня…
И я кричал во сне.
Мне снилась прожитая жизнь — Чужая, не моя.
И дни свивались в миражи, Как сонная змея.
И шелестела чешуя, Купался лист в воде ручья, И я в той жизни был не-я…
И я кричал во сне.
9
Проснулся я самым последним.
Это еще раз подтверждал голос Дзю, излагавшего Чыде историю наших странствий и попутно убеждавшего Хан-Сегри, что Придатки — это люди, и все такое прочее. Чыда ахала, охала и соглашалась со всем.
Я еще подумал, что чем проще Блистающий (или человек), тем легче он верит в то, что такому умнику, как Заррахид, покажется невероятной сказкой.
Чэн и шаман молчали, но я ощущал их присутствие и не сомневался, что они бодрствуют.
Дважды шаман поправил Дзю, когда тот рассказывал о Шулме, и я на удивление спокойно отметил для себя, что понимаю Куш-тэнгри, даже не становясь Мной-Чэном, и Чыда его понимает, и Обломок; и издаваемые шаманом звуки не значат почти ничего для этого нового понимания.
Просто он говорил, а мы знали, что он говорит.
«О Нюринга! — подумал я. — Так, значит, дело вовсе не в руке аль-Мутанабби, и не в том, что мы с Чэном какие-то особенные… уроды, — и достаточно тому же Заррахиду вместе с Саем и Косом пройти по Пути, свернуть в нужном месте, погрузиться в „не здесь“ и „не сейчас“, как погружаются в разверзающуюся под клинком рану мироздания — и Косу больше никогда не понадобится переводчик, если ему захочется поговорить с эстоком или Саем! Ведь если даже Чыда…»
— Да, это так, — ответил Куш-тэнгри, и я не сразу сообразил, произнес ли я все это вслух, или теперь для нас всех было попросту неважно: вслух или про себя?!.. Похоже, мы теперь со-Беседники в каком-то новом, непривычном смысле…
— Отец Ур-Калахай, Безликий! — шаман весь дрожал. — Значит, не просто можно, а нужно… нужно твоим шаманам, Отец, брать оружие в руки, нужно сливать воедино Пути и идти дальше, чтобы увидеть другие миры, порожденные тобой…
— И, может быть, не только видеть, — подхватил Чэн. — Ведь тот человек, что был там, что имел меч, подобный Единорогу, почему он, этот человек, не убил своего врага? Не потому ли, что за спинами враждующих незримо стояли мы, не желающие убивать?! И если так — не сможем ли мы гасить огонь Масуда и там, когда души наши будут дотягиваться до иных судеб и жизней?!..
— Очень красиво, — проворчал Обломок (видимо, уже осведомленный обо всем). — Судьбы, жизни, Пути… Там гасить будем — а здесь? Что, у нас здесь дел мало? Из Диких Лезвий делать Блистающих — раз! Из их Придатков людей делать — два! И тех, и других учить понимать друг друга — три! Здесь, здесь Масудов огонь гасить надо, да и то, наверное, не до конца гасить, чтоб вода Мунира стоячей и затхлой не становилась!..
— Дороги, — неожиданно добавила Чыда. — Дороги нужны. Из Кабира в Шулму. И обратно.
— Асмохат-та нужен, — через силу улыбнулся Куш-тэнгри. — Вера нужна. Пусть шулмусы сперва поверят, пусть Дикие Лезвия поверят, они во имя веры горы свернут, а когда станет видно, что там, за горами! — вот тогда вместо веры знание придет. Да и вера, пожалуй, останется…
Полог шатра чуть отдернулся, и в образовавшейся щели показались взволнованное лицо Чин и наконечник Волчьей Метлы.
— Вы Хамиджу не видели? — озабоченно спросили обе.
Мы переглянулись… и расхохотались.
— Да пропала она куда-то, — смущенно бросила Чин, видимо, поняв всю нелепость своего вопроса. — Ищем, ищем… еще со вчера. Вы ведь уже сутки спите…
— Будущее, — шаман в волнении встал. — Ах, какое будущее!.. Вот почему я не видел победоносного похода на мягкоруких! И всего-то надо — убить Джамуху! Ради такого будущего — одного человека… одного плохого человека…
Меня как ледяной водой после наковальни окатило.

Чэн протянул руку аль-Мутанабби, коснулся моей рукояти — и я стал Чэном-Мной.
— Ради будущего, — негромко сказал Чэн-Я. — Ради будущего — одного человека. Ради будущего Но-дачи и Асахиро отрубили мне руку. Ради будущего Шото и братья-Саи убивали на улицах Кабира, пока не погибли Друдл с Детским Учителем. Ради будущей мести Маскин стал Тусклым, а Эмрах ит-Башшар примкнул к батинитам. Ради будущих побед ориджиты во главе с Джелмэ-нойоном сожгли деревню Сунь-Цзя, а я ради будущего убил несговорчивого Джелмэ. Ради будущего, в котором должна была восторжествовать истина Батин, Джамуха подмял под себя Шулму. И мы видели будущее, в котором я убью Джамуху — потому что мы заранее знали, что ради будущего…
Я-Чэн помолчал.
— Нет такого будущего, — твердо закончил Я-Чэн, — ради которого я убью Джамуху и сломаю Чинкуэду, Змею Шэн. Я не хочу такого будущего.
— Ты не станешь их убивать? — изумился шаман. — А как же…
— Ради будущего — нет. А если и убью — то только ради настоящего. Как убивал в ночном переулке Кабира, над Друдлом и Детским Учителем. Не зная, что убью. Не думая об этом заранее. Потому что нельзя заранее делать выбор между жизнью и смертью. Этот выбор делается лишь тогда…
Чэн-Я оглядел всех и закончил:
— Когда один меч стоит спокойно против неба. Один — против неба. И только так.
Снова зашевелился полог, и в шатер вошел Асахиро с Но-дачи на плече. Оба были хмурыми и сосредоточенными, очень напоминая самих себя в тот мэйланьский вечер, когда они заступили дорогу Мне-Чэну.
— У нас гости, — бросил Но-дачи, большой меч.
— Чэн, одень доспех, — сказал Асахиро Ли.
В шатер протиснулся Кос ан-Танья с доспехом аль-Мутанабби в руках.
10
Гость ждал нас у священного водоема.
Это был высокий, прекрасно сложенный воин с волчьими чертами лица. Причем волк был матерый, опытный, прекрасно знавший себе цену. Дикого Лезвия при нем не оказалось — то ли не пристало послу быть вооруженным, то ли еще что…
Неподалеку от воина расположились Фальгрим с Гвенилем и ан-Танья с Заррахидом и Саем. Больше никого не было — ни наших, ни шулмусов. Это не удивило Меня-Чэна — еще по дороге Но-дачи с Асахиро рассказали нам, как они разогнали всех любопытных, не дав им толпиться вокруг посла Джамухи; и Я-Чэн счел этот поступок совершенно правильным.
При виде нас воин нахмурился, с показным равнодушием оглядел Чэна с головы до ног, и сделал шаг навстречу. Всего один шаг. Надо отдать должное — посол или действительно ничего не боялся, или умело скрывал свои чувства.
— Я — тысячник Джангар-багатур, — негромко и властно сказал он, — глава тумена телохранителей-тургаудов гурхана Джамухи Восьмирукого.
Затем он неожиданно приложил ладони ко рту и пронзительно завыл.
Я-Чэн даже не успел удивиться, как в ответ с северных холмов донесся такой же вой, только многократно усиленный; и я услышал ржание испуганных коней.
— Мои люди не хотят тревожить покой священного места, — продолжил Джангар, когда наступила тишина. — Пускай даже и осквернённого нечистым пребыванием. Я повторяю слова гурхана Джамухи: пусть тот, кто называет себя Асмохат-та, поднимется к гурхану и посмотрит ему в глаза. После чего он сам выберет время и место своей смерти. Я все сказал.
Пришедший вместе с нами Куш-тэнгри передал Чыду Косу, после чего низко склонился перед Чэном-Мной и повернулся к Джангар-багатуру.
— Не пристало Асмохат-та уподобляться послу самого себя, — произнес Неправильный Шаман, и Я-Чэн заметил, что невозмутимый Джангар все же старается не смотреть шаману в лицо.
— Джамуха ведь тоже не сам явился — тебя прислал, Джангар… Я пойду с тобой, я, слуга Ур-калахая Безликого, я встану перед Джамухой, как посланец Асмохат-та, и мы определим время и место. А чья смерть наступит тогда — это еще у Безликого за пазухой…
— Хорошо, — равнодушно согласился Джангар. — Иди ты, шаман-отступник…
Шаман кивнул и отошел на десять выпадов, остановившись у статуи Мо.
Чэн-Я подумал и двинулся к нему.

— Тебе нельзя туда ходить, — одними губами выдохнул шаман. — Ты не вернешься. А по степи пойдет гулять легенда, как демон-лжец не устоял перед взглядом гурхана…
— А ты? — спросил Чэн-Я.
— А я попробую задеть гордость Джамухи в присутствии его телохранителей. Тургауды — отчаянные бойцы, они не побоятся напасть и на священное место — но если их вождь преступит закон воинской доблести…
Я-Чэн не мог объяснить шаману, что Джамуха-батинит и Тусклая Чинкуэда, Змея Шэн, по-своему понимают законы воинской доблести, и святость места уж наверняка не остановит их; и еще Я-Чэн понимал, что не могу, не должен идти сам на северные холмы, и не имею права останавливать Куш-тэнгри.
Я-Чэн только вспомнил слова Неправильного Шамана, когда мы прозревали неизменную гибель Джамухи.
«Наверное, я умру до того…»
— Меня зовут Чэн, — сказал Чэн, глядя в черные глаза Неправильного Шамана. — Чэн Анкор.
— Спасибо, — невпопад ответил Куш-тэнгри.
И крикнул послу, тряхнув серебряной гривой:
— Эй, Джангар!.. Пошли, что ли?!
Джангар шагнул было вперед, но Асахиро придержал его за плечо.
— Ты помнишь меня, тысячник Джангар? — спросил Асахиро.
— Да, — кивнул Джангар, стряхивая его руку (что оказалось не так-то просто). — Я помню тебя, бывший раб, пасынок хурулов.
— Это хорошо, что ты помнишь меня… И запомни, что я скажу тебе сейчас: если с шаманом что-нибудь случится… я убью тебя, даже если для этого мне придется пройти насквозь через твой тумен.
Джангар радостно оскалился.
— Тебе не придется трудиться, бывший раб. В бою я обычно нахожусь впереди своей тысячи.
Сверху на них взирал Желтый Мо.
Полагаю, он был доволен.
11
Весь оставшийся день я не находил себе места.
Вот оно, пришло, наступило, постучалось в дверь, звякнуло о клинок — и все-таки, в глубине души, я надеялся, надеялся слепо, глупо, наивно, прячась в ножны от неизбежного, надеялся, что все как-то обойдется само собой, и боялся признаться в этом самому себе.
Не обошлось.
И учить некого — ушел Куш-тэнгри, и скучает заново осиротевшая Чыда, а я поминутно гляжу на северные холмы, постепенно тонущие в вечерней мгле.
Ждем.
И я остужаю рукоять о руку аль-Мутанабби.
В подготовке нашего лагеря к обороне мы не участвовали. И правильно делали — Но-дачи и Асахиро мигом взяли власть в свои руки (смешно — Но-дачи — и «в свои руки»…), и весьма скоро каждый нашел свое место и знал, что ему делать в случае…
Что делать?
Ах, выбор небогат… У деревни Сунь-Цзя два десятка с небольшим Придатков и чуть большее количество Блистающих остановили двенадцать дюжин детей Ориджа, и то все наши люди оказались раненными, а пятеро батинитов навсегда окунулись в Сокровенную Тайну. Сейчас же нас, кабирцев, на четверть меньше, чем тогда, с нами две-три дюжины шулмусов (хорошо, пожалуй, что Кулай с частью своих пропал — глядишь, выживут…); ориджитские и маалейские дети, женщины и старики не в счет; — а против нас на северных холмах воет отборная стая Джамухи, тысяча воинов-людей, и вдвое-втрое Диких Лезвий.
Кто мы? Дрова для Масудова пожара?
Просто праздник истины Батин…
Прорицание будущего, провиденье шаманское — глупости все это!.. Ведь не дойти Мне-Чэну до Джамухи, не дотянуться… сметут, растопчут…
Странное чувство возникло у меня. Чем больше я убеждал сам себя в неизбежности гибели, в бессмысленности всех наших действий, чем больше я понимал нелепость своего появления в Шулме в облике Пресветлого Меча — тем сильнее накатывалась откуда-то из глубины души, из того горна, что внутри нас, отчаянная

радость единственного выпада, когда отступать некуда, и раздумывать некогда, и жить незачем, кроме как для этого выпада, а потом — гори оно все в Нюринге, это «потом»! — и гордость Масуда, и мудрость Мунира, и смысл бытия, и сафьян новых ножен, и ремесло, и искусство, и волчий вой на холмах!..
Я говорил себе о надвигающемся конце — и видел внутренним взглядом, как стальная чешуйчатая рука, сжатая в кулак над этим миром, медленно начинает раскрываться, подобно цветку на заре, и движутся неживые пальцы, которым не положено двигаться, которым не дано двигаться — но приходит день, когда мы все безнадежно глупеем, шуты мироздания, и в этот день нам все положено и все дано!..
…Вечер стал переходить в ночь, и холмы окончательно пропали из виду.
По всему лагерю горели костры.
А Куш-тэнгри так и не вернулся.
Я спросил у подвернувшейся Кунды Вонг, почему не тронулось с места временное стойбище женщин, детей и стариков, что было за юго-западными холмами.
— Зачем? — удивилась Кунда. — Кому они нужны? Тургаудам? В случае чего их и потом можно будет вырезать… после нас.
Я накричал на Кунду, обозвав ее глупой саблей, и с удивлением заметил, что ей стало легче. Вскоре я услышал, как Кунда в свою очередь кричит на кого-то, обзывая его глупым мечом и обвиняя в малодушии.
Я невесело улыбнулся, прилег на колени к Чэну, ткнувшись гардой в Обломка — и мы стали ждать.

Глава 28

1
Всю ночь в нашем лагере происходила некая перестановка — не слишком шумная, но достаточно заметная. Ею по-прежнему руководили Но-дачи с Асахиро, и мы не вмешивались, хотя прекрасно понимали, что в случае штурма любые приготовления лишь ненадолго отдалят трагический финал. Думаю, что тот же Но понимал это не хуже меня — только что-то делать, наверное, было все же лучше, чем просто сидеть и ждать, как мы с Чэном.
…Постепенно Я-Чэн начал проваливаться в туманное забытье — полусон, полубодрствование, похожее на провидческий транс. Мы уходили в какой-то свой внутренний мир, медленно соскальзывая туда сквозь редеющую завесу багрового тумана, и туман светлел, рассеивался, и проступавший сквозь него мир был прекрасен — в нем не было ни Шулмы, ни Кабира, ни Джамухи с Чинкуэдой; в мире этом не было и нас с Чэном — и над землей занималась заря…
…Заря. Вернувшись в негостеприимную реальность, мы огляделись вокруг. В предутренней дымке смутно темнели очертания окружавших нас перевернутых повозок, за которыми расположились шулмусы («Наши шулмусы», — невесело подумал Я-Чэн), и у многих была та вещь, которая звалась луком, а на боку висели большие ножны со стрелами.
Ножны назывались «колчанами».
Подготовились, значит… о Творец, если бы нас было хоть раз в пять больше!..
Светало довольно быстро — вот уже из зябкой пелены родились пологие склоны ближних холмов; туман отступал, почти как во сне, но не уходил до конца, и лишь вокруг священного водоема тумана, на удивление, не было вообще…
Я вновь глянул на северные холмы — и увидел, как их вершины внезапно ощетинились колышущейся гривой конного строя.
— Сейчас начнется, — очень спокойно и как-то бесцветно сказали в один голос Но-дачи и Асахиро.
И шулмусы за повозками зашевелились, доставая из колчанов стрелы и накладывая их на тетиву.
Грива на холмах выросла, уплотнилась, вздыбилась — и замерла.
Они почему-то медлили. Вокруг посветлело, туман уже практически рассеялся, и в конном строю на вершинах холмов стало заметно некоторое замешательство. Местами пряди этой живой гривы перепутались, переплелись, несколько крохотных всадников отделились от строя и поскакали влево и назад, скрывшись из виду.
«Кончали бы скорее…» — отстраненно подумал я.

Скорее не получалось. Тем более, что у северо-западных и северо-восточных холмов тоже стала прорастать грива. Только грива эта была гораздо более неровной, нечесаной и всклокоченной.
Зато она была гуще. Куда гуще первоначальной!
Туда-сюда замельтешили гонцы-муравьи.
— А вон наши, — неожиданно заметил один из шулмусов.
Чэн шагнул к говорившему и увидел, что это — молодой маалей.
— Кто — ваши?
— Ну, бывшие наши, — поправился шулмус. — Дети Маала. Да вон же бунчук наш! — и он указал рукой в сторону одного из холмов.
Шулмус явно не жаловался на зрение — различить на таком расстоянии, кто есть кто…
— Ясное дело, — продолжил остроглазый, — в ставку приехали, а гурхана-то и нет. Где гурхан — спроси у ветра. Назад повернули — так и обоза нет! А степь-то слухами полнится… Куда скакать? К священному водоему. Вот и прискакали…
— Небось ваши маалеи не умнее других, — перебил его шулмус постарше, из ориджитов. — Вон сколько понаехало… слева локры в лисьих малахаях, справа не разобрать кто, но похоже на хурулов…
«Маалеи, — подумал я. — Те, которых ограбили Гвениль с Махайрой. Ну что ж, долго думать, на чьей они стороне, не приходится. Да и не одни они. Теперь и боя не будет. Просто затопчут нас — и дело с концом.»
Однако шулмусы почему-то заметно повеселели и ожили. Я еще мог с трудом понять маалеев, но ориджиты?!.. А Диким Лезвиям, похоже, было все равно, с кем драться, несмотря на мудрые заповеди Пресветлого Меча и пророка Ковыряги — лишь бы драться! Тем более, что сам Пресветлый с Ближними и пророком был с ними.
Наши сомнения частично рассеяла подошедшая Фариза.
— Священный водоем, — рассмеялась она в ответ на наше недоумение, — единственная святыня Шулмы. Здесь никогда не проливалась кровь. И если для тургаудов нет ничего превыше приказа гурхана — первого в воинской доблести — то для остальных это будет осквернением святыни — на чьей бы стороне они ни были. Не думаю, что Восьмирукий осмелится штурмовать нас на глазах у своих подданных…
Холмы кишели людьми и лошадьми, метались юркие гонцы, и с каждым мгновением правота Фаризы становилась все более очевидной. Я понял, что судьба, расщедрившись, дарит Мне-Чэну давно припасенный подарок.
Поединок.
Поединок Асмохат-та и Джамухи Восьмирукого; поединок Чинкуэды, Змеи Шэн, и Мэйланьского Единорога.
Решайся, Пресветлый Меч!
Если мы при всех вызовем их на бой — мерило воинской доблести — они не смогут отказаться. На этом держится их власть. И публично потерять лицо они не осмелятся…
Так почему Я-Чэн медлю? Почему не выхожу за круг повозок и не бросаю вызов? Почему?!
Потому что я знаю, чем это закончится. Я видел это. Я не хочу убивать. Не хочу убивать! Не хочу!.. И поэтому медлю, оттягиваю, как могу, тот миг, после которого уже не будет пути назад — и мои соратники с недоумением косятся в мою сторону.
«Иди же! — говорят их глаза и клинки. — Иди и убей! Ты же можешь! Разруби одним ударом безумный узел этого утра! Победителей не судят! Убей!..»
И пока я медлю, строй тургаудов опять смыкается, взлохмаченная грива союзников и подданных Джамухи редеет, оттягиваясь назад, за пределы видимости… но делает это очень медленно и неохотно. Ну да, с одной стороны — гурхан и его приказ, а с другой — даже гурхан не должен бы запрещать приходить сюда, дабы поклониться… Конечно, не должен — но очевидцы очень мешают горячему Джамухе, и он тоже понимает, что победителей не судят!..
Еще бы он не понимал — ведь это одна из главных заповедей истины Батин!
Время, время! Оно уходит, но еще не ушло совсем — время бросить вызов, время убить — и время даровать жизнь многим, поверившим мне; время открыть дорогу великому будущему…
Ах, как красиво все это звучит!
Оно уходит, наше время, уходит, не спросясь, вместе с удаляющимися всадниками… оно уже почти вышло, наше время, но именно «почти» — потому

что всадники перестают удаляться, они останавливаются, и вместе с ними останавливается время, оно зависает на невидимой нити, нить эта все растягивается и растягивается, грозя лопнуть… а потом нить резко сокращается, и всадники поворачивают обратно, к нам, и время снова начинает нестись вскачь…
Но, кажется, тоже в обратную сторону.
2
Потому что Я-Чэн слышу топот, но по непонятным причинам он звучит позади меня — приближающийся топот конских копыт, чьи-то радостные крики, бряцание сбруи…
Чэн-Я оборачиваюсь — и вижу, как от южных холмов к нам во весь опор несутся четверо конных, а Асахиро с Фальгримом и Кобланом уже растаскивают сдвинутые повозки, расчищая им дорогу.
Между тем Чэн-Я узнаю приближающихся всадников. Это молодой Кулай-нойон, а за ним — Тохтар-кулу с двумя ориджитами. А я еще радовался, что они не вернулись — дескать, глядишь, живы останутся!
А они успели… успели в гости к смерти!
— Клянусь Нюрингой! — бормочет несуеверный Обломок, и я ошалело вижу, как южные холмы, словно боясь отстать от своих собратьев, тоже прорастают гривой.
Конных шулмусов если и меньше, чем союзников Джамухи, то ненамного, и мне просто не хватает воображения, что бы предположить — кто они, откуда, и кого будут убивать в случае чего!?
…Кулай спрыгивает с лошади и почтительно припадает на одно колено, приветствуя Асмохат-та, а его редкий для Шулмы прямой меч склоняет передо мной рукоять.
— Кто там за вами? — спрашиваю Я-Чэн. — Погоня?!
Прямой меч звенит радостно-возбужденно и неразборчиво, как все Дикие Лезвия в преддверии свалки, так что я полностью перехожу на восприятие Чэна, слушая Кулая.
— Это восточные хариманы, о Асмохат-та, и лаахоры, и ызджуты, и белобаранные бехтары, и…
— Все? — пытается прервать его Чэн. — А…
— Нет, не все! Еще племена предгорий — гурхэзы и джавнаки, но они отстали…
— Кто это? — ревет ничего не понявший Чэн. — Кто это, Кулай?!
— Это вольные племена, о Асмохат-та, отказавшиеся ломать прут верности перед Восьмируким! Они пришли, поддавшись моим уговорам, чтобы увидеть Тебя — и увидели собаку-гурхана, готовящегося напасть на священный водоем! Гнев раздул их печень, и нойоны вольных племен поносят Джамуху-костогрыза и собираются отстаивать святыню! Тем более, что не все люди Восьмирукого пойдут за святотатцем…
Что Я-Чэн мог ему сказать? Поблагодарить? За то, что из-за его расторопности тысячи шулмусов лягут сегодня в здешнюю гостеприимную степь?! Ведь Кулай же хотел, как лучше! Он действительно хотел, как лучше!..
— О Пресветлый! — свистнул просиявший Кулаев меч, и на этот раз я понял его без труда. — Веди нас в бой!
— Когда все закончится, — бросил я Обломку, — и если мы будем еще живы, награди этот достойный меч именем! Таким, какое он заслужил!
Обломок что-то невнятно буркнул в ответ, и я понял, что имя мечу достанется еще то…
…Вольные племена спешили взять водоем в полукольцо, отрезав его от туменов Джамухи; делали они это умело и деловито, а Я-Чэн смотрел на них и понимал всю верность их расчета. Любое восстание против Восьмирукого было если не обречено, то весьма сомнительно — гурхан мог вызвать непокорного нойона в круг, и тот не имел права отказаться, если хотел сохранить лицо! А исход такого поединка был ясен заранее, без всяких шаманских предсказаний…
Воинская доблесть — единственный закон и ценность Шулмы!
Зато сейчас! Осквернение святыни! — и плевать вольнолюбивым нойонам на ложность или подлинность Асмохат-та с его Пресветлым Мечом! Ведь когда в опасности священный водоем — что должен делать всякий честный шулмус? Вот-вот, именно это… Тем более, что если тургауды Восьмирукого и послушаются приказа гурхана, то многие недавние сторонники Джамухи не пойдут сегодня вслед за ним — а, может, и в спину при случае ударят…
Шаманы, небось, потом спасибо скажут и любой грех замолят!

«Кстати, о шаманах, — подумал Чэн, — вон, кажется, и они… Двенадцать — нет, тринадцать человек в до боли знакомых халатах с побрякушками и со взглядом, который невозможно спутать ни с чьим другим… смирные лошаденки, спокойная осанка — и ни одного Дикого Лезвия!»
Да. Это были служители Ур-калахая Безликого.
Но вспыхнувшая было во мне надежда, что шаманам удастся предотвратить кровопролитие, быстро угасла. Потому что трое шаманов остались у водоема, а остальные равнодушно погнали лошадей вверх по склону. К тургаудам они даже не стали приближаться, а сразу повернули левее и правее — и растворились в гуще людей.
Что-то должно было произойти — сейчас или никогда.
И гурхан решил — сейчас.
Передний край тургаудского строя начал быстро выравниваться — куда быстрее, чем в прошлые разы — и я понял, что время вышло.
Совсем.
Сейчас конная лавина, визжа и размахивая Дикими Лезвиями, ринется вниз, и все возможные доводы и миролюбивые размышления исчезнут в звоне, грохоте и потоках крови.
Никакие шаманы не смогут остановить озверевших бойцов.
Не смогут.
Не успеют.
Или — не захотят.
Перевернутые повозки остались у нас за спиной — святые воды не будут осквернены — но вокруг них трупов и сломанных клинков будет более чем достаточно.
И Я-Чэн шагнул вперед.
Мы шли между расступающимися воинами и Дикими Лезвиями, как меч идет сквозь расступающуюся под его напором плоть; мы шли молча, приближаясь к северным холмам, не торопясь, и было слышно, как под ногами Чэна похрустывает песок и сухая трава.
Когда мы отошли от линии защитников священного водоема на полтора копейных броска — Чэн остановился.
Молча.
И это был вызов.
Стало еще тише — что всего миг назад казалось невозможным. Тишина сыпалась, как песок, тишина налипала на замерших людей, тишина висла на Диких Лезвиях, тишина давила, сгущалась…
А потом перед строем тургаудов возникла одинокая серая фигура и начала спускаться вниз.
3
…Они медленно спускались по склону холма, приближаясь к нам — Джамуха Восьмирукий, изгой-батинит, и Чинкуэда, Змея Шэн, висевшая у него на поясе; ассасин и Тусклая. Глядя на них, я подумал, что не Шулма первой пришла в Кабир — нет, это Кабир явился в Шулму, и потом — снова, и вот Кабир идет навстречу Кабиру, а Шулма взирает на это, затаив дыхание.
Ближе… еще ближе…
Не было ни страха, ни волнения; не было ничего, словно Мне-Чэну предстояла обычная Беседа, каких было множество, и будет множество; ближе, еще ближе, еще…
Все.
Остановились.
В двух выпадах от Чэна-Меня.
Короткая Чинкуэда, неестественно широкая у гарды и резко сужающаяся к острию, чья рукоять была оплетена вытертыми шнурами, а деревянные ножны украшали простые серебряные бляхи; и Джамуха Восьмирукий, невысокий, узкоплечий, в кожаном доспехе с массивными оплечьями и в странном шлеме с гребнем и защитными боковыми пластинами, закрывавшими почти все лицо.
Я даже глаз его не видел — под налобник шлема была заправлена серая вуаль-сетка.
И когда они заговорили — их первые слова поразили Меня-Чэна резче и неожиданней внезапного удара.
— Я знаю, что ты сильнее, — одновременно сказали Джамуха Восьмирукий и Чинкуэда, Змея Шэн.

Я-Чэн молчал.
Что можно было ответить на это?
Ответить — ничего. А подумать — многое. Но Я-Чэн не думал об этом многом, потому что цена за него еще была не уплачена. Жаль только, что Джамуха и Чинкуэда не знают, кто они на самом деле, не слышат друг друга, не понимают до конца — и, возможно, так и не поймут…
— Мне жаль вас, — ответил Я-Чэн, изо всех сил не желая произносить этих слов, и не сумев поступить иначе.
Зря.
Они не были созданы для жалости; тем более — для нашей.
— Ты из рода Дан Гьенов, — сказала Чинкуэда. — Значит, ты родич Скользящего Перста? Или ты предпочитаешь, чтобы я звала тебя Пресветлым Мечом?
— Такие мечи, как у тебя, в Мэйлане предпочитают носить Анкоры, — сказал Джамуха Восьмирукий. — Ты из Анкоров Вэйских или из Анкор-Кунов? Если, конечно, ты не собираешься убеждать меня, что ты — Асмохат-та…
Голос Джамухи звучал глухо и невыразительно из-за сдвинутых пластин шлема, и таким же невыразительно-глухим был голос Чинкуэды, Змеи Шэн; Я-Чэн сперва слушал эти голоса, остро ощущая свою цельность перед лицом раздвоенности, разобщенности тех, кому на роду было написано быть вместе, и в то же время отдельно… ах, какими одинокими чувствовали они себя в Шулме, что даже со Мной-Чэном говорили чуть ли не с радостью, изголодавшись по общению с равными!.. Пора было отвечать, а Я-Чэн молчал и думал, что в осанке Джамухи и в его манере держаться есть что-то неуловимо знакомое — а память услужливо подбрасывала нам сцену из будущего, уже виденную Мной-Чэном, когда Джамуха стоял перед нами, и вот он снова стоит, будущее стало настоящим, и прошлым… и, наверное, пора было что-то отвечать.
— Я — Чэн Анкор из Анкоров Вэйских и прямой Дан Гьен по прозвищу Мэйланьский Единорог, — произнес Я-Чэн и добавил: — Родич Фаня Анкор-Куна и Скользящего Перста, старейшин-клятвопреступников.
— Это хорошо, — удовлетворенно отозвались Джамуха и Чинкуэда.
— Почему это хорошо?
— Так мне будет легче убить тебя.
Об Обломке речь не шла — словно его и вовсе не было.
— Мы можем договориться? — спросил Я-Чэн.
— Нет, — ответили они.
И Джамуха, повернувшись к своим тургаудам, подал им знак рукой.
…С холма спускался Куш-тэнгри. Глаза его были закрыты плотной темной повязкой, и Неправильный Шаман шел осторожно, рассчитывая каждый шаг — и все равно часто оступаясь. Руки его не были связаны, но он и не пытался снять повязку. Шею Куш-тэнгри захлестывали сразу две волосяные петли, и в пяти-шести выпадах позади незрячего шамана вразвалочку шли двое воинов, намотав на запястья противоположные концы арканов, и ведя Неправильного Шамана, словно зверя на поводке.
«Неужели они его ослепили?!» — мелькнула страшная мысль.
На расстоянии хорошего копейного броска от Меня-Чэна воины крепче натянули арканы — и Куш-тэнгри остановился, прижимая подбородок к груди.
— Сейчас они убьют его, — равнодушно сказали Чинкуэда и Джамуха; и Я-Чэн ни на миг не усомнился, кто «они», и кого «его», — как шамана-отступника. А потом придет твоя очередь. Смотри, это будет интересно…
Я-Чэн не обратил внимания на последние слова. Слова ничего не значили, жизнь ничего не значила, честь и позор, доблесть и трусость не значили ничего, и единственное, что имело значение в этом проклятом мире, что стоило дороже пыли под ногами — расстояние от Чэна-Меня до шамана, расстояние — и то, что Чэн-Я не успею преодолеть его прежде, чем воины отправят в Верхнюю Степь или в Восьмой ад Хракуташа седого ребенка, Неправильного Шамана, настоящего хозяина Шулмы, встретившего нас, как гостей…
— Чэн! — словно сами холмы позади нас разверзлись неистовым рыком, и эхо захлебнулось в ужасе. — Держи!!!
Чыда была уже в воздухе. Тяжелая, яростно визжащая Чыда Хан-Сегри — и лишь единственная рука могла вот так вогнать массивное копье в осеннее небо Шулмы, с треском разрывая грязно-голубое полотнище, единственная рука могла дотянуться разъяренной Чыдой из Малого Хакаса, теряющей новообретенного Придатка, дотянуться через полтора копейных броска до Кабира, до меня, до Чэна-Меня!

Он не был прирожденным копейщиком, повитуха Блистающих, кузнец-устад, Коблан Железнолапый, но он вложил в этот бросок всю свою бешено-огромную душу, не оставив ничего про черный день — ибо черный день настал!
— Держи! — ревел Коблан, и ему вторила летящая Чыда, а Шулма окаменела на несколько долгих-долгих мгновений, и я видел, что Чыда вонзится в землю, выпадов на пятнадцать перелетев через нас — и тогда Чэн сорвался с места, на ходу вбрасывая меня в ножны, забыв о Джамухе и Чинкуэде — и вскоре я ощутил, как пальцы аль-Мутанабби смыкаются на древке Чыды… ощутил острее, чем если бы они сомкнулись вместо копейного древка на моей рукояти.
Чэн замахнулся, Чыда птицей вырвалась из объятий латной перчатки — железная рука, детище Железнолапого, память восьмивековой давности, ожившая в недоброе время сталь! — и устремилась к недвижному Куш-тэнгри.
— Куш! — надрывалась Чыда изо всех сил. — Куш, я здесь! Я здесь, Куш-ш-ш!..
И изумленные воины с арканами замешкались, упустив то мгновение, когда незрячий шаман сделал шаг в сторону и взял Чыду из воздуха.
Легко и уверенно, как брал летящие камешки; и Чыда со счастливым криком легла в протянутые ладони.
Арканы натянулись, но Куш, не дожидаясь, пока его собьют с ног, сам отпрыгнул назад, разворачиваясь к воинам слепым лицом; удар, мелькание рук и древка — и лезвие наконечника Чыды рассекает один аркан, а второй обматывается вокруг ее крестовины, и не выдержавший рывка воин падает на бок, силясь левой рукой выдернуть из ножен саблю, и выдергивает, перерубая Диким Лезвием веревку, пленником которой внезапно стал…
Первый воин, кинувшийся к освободившемуся шаману, горлом налетел на древко Чыды, мигом растерявшей все кабирские повадки — и вот Куш-тэнгри уже стоит рядом с лежащими воинами, повязка сорвана с лица шамана, гневные черные глаза впиваются в поверженных шулмусов («Хвала Творцу! — шепчу Я-Чэн. — Они не посмели…») — и тургауды Джамухи даже и не пытаются встать, когда Неправильный Шаман поворачивается к ним спиной и машет нам сияющей Чыдой.
— Что он делает?! — шепчет Обломок.
— Кто? — спрашиваю я, потому что Чэн ничего не видит и не слышит, он машет шаману в ответ и что-то кричит…
— Джамуха!
Не покидая ножен, я оборачиваюсь и еще успеваю увидеть, как раскручивается кожаный ремень в руке Джамухи-батинита, из петли превращаясь в полосу, а потом увесистый камень гремит о шлем Чэна, и земля оказывается совсем рядом, а Чэн не откликается, когда я зову его, и я остаюсь один, один, один…
Один против неба.

4

Время сошло с ума: оно рванулось с места и действительно понеслось назад, мелькая днями, неделями, месяцами; пространство свилось кольцами гигантской змеи, ползущей хвостом вперед: Шулма, Кулхан, Мэйлань, Кабир, памятный переулок, дом Коблана, комната-темница…
И холодный блеск маленького клинка над лежащим Чэном Анкором.
— Руку! — вне себя кричу я, забыв обо всем. — Руку, Чэн!..
И рука отозвалась.
Словно паук, отливающий металлическим блеском, словно чешуйчатое пятиногое насекомое, латная перчатка аль-Мутанабби поползла по правому бедру лежащего на боку Чэна, сместилась на живот, коснусь моей рукояти твердыми пальцами — и мы, я и она, упрямо двинулись вперед, вытаскивая меня из ножен и волоча за собой плохо слушавшиеся локоть и плечо бесчувственного Чэна Анкора Вэйского.
Только тогда небо, из которого падала короткая молния Чинкуэды, Змеи Шэн, смогло понять, что я уже не один против него.
Лезвие Чинкуэды наспех полоснуло по запястью, промахнувшись и с бессильным визгом скользнув вдоль наруча, а я бросился вперед, над самой землей, болезненно ощущая груз неподвижного тела Чэна, ограничивавший меня в выпаде.
Мне удалось лишь слабо оцарапать ногу Джамухи чуть повыше щиколотки, но и Джамухе пришлось отпрыгнуть назад и остановиться, тяжело дыша и опустив Чинкуэду.
Придавленный Чэном, что-то кричал Обломок, но мне было не до него.
Удар.
Еще один.

Скрежет панциря под клинком, неприятный вкус кожи доспеха, слабый стон Чэна — и боль в его плече, которую я ощутил как свою, когда пробовал резко взлететь вверх…
И теплые пальцы железной руки.
Джамуха пошел по кругу, держа на отлете готовую напасть Змею Шэн, и я сначала следил за ними, а потом не смог, и тогда латная перчатка вцепилась в меня, чуть ли не кроша рукоять, и мощно пошла вверх и назад, переворачивая вновь застонавшего Чэна на спину.
Удар.
Еще один.
Врешь, не достанешь… врешь!..
Достала.
И кровь проступила на бедре Чэна Анкора, кровь из неглубокого пореза, но Чинкуэда уже устремлялась ко мне, а я не успевал, не успевал я!.. И нога Джамухи с лета ударила по руке аль-Мутанабби, отшвыривая нас в сторону…
— Стой, дрянь!..
Изворачиваясь по совершенно немыслимой дуге, я сперва не сразу понял, что немыслимой дуга эта была лишь в том случае, если бы Чэн продолжал лежать на спине, мертвой тяжестью повиснув сзади меня, — и блеск моего клинка отразился в глазах Чэна, стоящего на одном колене, а в левой руке Чэна гневно звенел Обломок, шут, Кабирский Палач, дорвавшийся до Чинкуэды, Змеи Шэн!
Когда Змея Шэн с проклятьями вылетела из пальцев Джамухи, Я-Чэн (ах, как же это прекрасно — свобода по имени Я-Чэн!..) наискось пронесся у лица Восьмирукого, подцепив на острие вуаль, закрывавшую глаза гурхана, и вырвал ее из шлема.
Я-Чэн хотел посмотреть ему в глаза.
И посмотрел.
Это были глаза Хамиджи-давини.
И их застилали слезы.
5
У нас было время понять, и принять, и остановиться у двери выбора, у двери, за которой лежало будущее, побывавшее в шкуре прошлого; и только прощать у нас не было времени, потому что на нас смотрели те, кто еще не научился — прощать.
Но если когда-то живой человек дрался мертвым оружием за свою жизнь, то сегодня я, Блистающий, дрался полумертвым человеком за нашу общую жизнь. И не только нашу.
Будущее ждало, возбужденно скалясь и рыча.
Чэн наступил ногой на безмолвную Чинкуэду, Змею Шэн; Обломок вернулся за пояс, я — в ножны, и мы неторопливо огляделись вокруг.
…Шулма на холмах сдвинулась на шаг вперед.
Всего на один шаг. Я-Чэн тогда еще не знал, что одновременно с падением Чыды в руки Неправильного Шамана возле каждого нойона племени незаметно оказался человек в смешном халате с побрякушками — отчего десять нойонов, заглянув в неестественно черные глаза слуг Ур-калахая, промолчали, а без их приказа воинов хватило не более, чем на один шаг.
…Телохранители-тургауды Джамухи сдвинулись на два шага.
И ровно на те же два шага сместились к северным холмам пятнадцать кабирцев во главе с невозмутимо-опасным ан-Таньей; а две дюжины Блистающих грозно сверкнули на солнце, выглянувшем из дыры распоротого Чыдой неба.
Мужество почтило мужество, сила — силу, тысяча — немногих, и лавина замерла, так и не скатившись с северных холмов.
…Ни единого шага не сделал Куш-тэнгри, стоя, где стоял, с двумя воинами у ног своих и с Чыдой на плече; он стоял, а осенний ветер играл с серебром волос Неправильного Шамана.
Все ждали нас.
Нас ждало горло Джамухи Восьмирукого, ассасина-убийцы, горло несчастной Хамиджи-давини, обуянной кровавым дэвом мести и истины Батин; горло, открытое для этой истины на острие моего клинка.
Все ждали нас.
Чего ждали мы?
Знали ли мы, что будем делать, когда я шевельнулся в ножнах, грани Обломка заиграли солнечными зайчиками, а Чэн улыбнулся в лицо будущему хищной улыбкой пятнистого чауша, медленно начиная расстегивать пряжки доспеха?..

— По-Беседуем, девочка моя? — и наручи глухо ударились оземь. — К чему таким прекрасным со-Беседникам, как мы, эта глупая одежда из далекого прошлого?!
И оплечья вскоре легли рядом с наручами.
— По-Беседуем, девочка-гурхан, восьмирукое чудо Шулмы? Мы ведь не шулмусы, мы не причиним друг другу вреда, клянусь Двенадцатью и Одним!.. — снятый пояс вместе со мной и Дзюттэ Чэн положил у ног, рядом со Змеей Шэн, не отрывая цепкого взгляда от Хамиджи-Джамухи, но та не двигалась с места.
Панцирь упал зерцалом вверх, и серые облака смогли прочитать чеканные слова, пришедшие из восьмивековой старины:

> Живой, я живые тела крушу; стальной, ты крушишь металл —
> И, значит, против своей родни каждый из нас восстал!

Сброшенный шлем покатился по земле, а Чэн уже снимал халат, нижнюю рубаху, оставаясь по пояс обнаженным, вскидывая руки к отшатнувшемуся небу, и Шулма ахнула, увидев чешуйчатую металлическую кожу правой руки; увидев латную перчатку, которую теперь можно было снять только вместе с плотью.
— Ну?! — властно крикнул Чэн, опоясываясь заново и опуская руки на рукояти меня и Дзю.
Носком сапога он подцепил Чинкуэду — и Змея Шэн, по-прежнему не произнеся ни слова, полетела к Джамухе (это имя шло ей больше, это имя больше значило для нас, и я решил звать ее так), которая инстинктивно поймала Тусклую.
— Не хочешь? — рассмеялся Чэн, и мы с Обломком расхохотались, вторя ему. — Гурхан любит доспехи? Гурхан хочет спрятаться в прошлом от будущего?! Ну что ж…
Невидимая чаша оказалась в левой руке Чэна; запрокидывая непокрытую голову, он влил в себя ее содержимое и выхватил меня из ножен.
— Шулма! Твое здоровье!..
— Мо-о аракчи… — отозвалась Шулма. — Асмохат-та!
Безнадежно ударила Змея Шэн — и промахнулась.
Чэн погрозил Джамухе пальцем и извлек из-за пояса Обломка.
Следующий укус Змеи Шэн встретил я, завертев Чинкуэду в стремительном танце, пока Обломок крюком своей гарды цеплял оплечье Джамухи.
Рывок — и хруст кожаных ремней, один из которых лопнул.
Змея Шэн с мастерством отчаяния пыталась обойти меня, прорваться поближе, и я дал ей насладиться мгновенным счастьем удачи, когда Чинкуэда проскользнула вплотную ко мне — попав в неласковые объятия Дзю.
— Брось, Дзю! — крикнул я, гуляя по боковым ремешкам доспеха Джамухи.
— Бросаю! — покладисто согласился Обломок, и Змея Шэн полетела в сторону, а Джамуха кинулась за ней, не замечая, что Дзюттэ снова зацепился за ее оплечье.
Треск рвущей кожи — и оплечье съехало вниз, держась непонятно на чем, а я еще раз прошелся по ремням на правом боку, разрезав не то два, не то три.
Джамуха подхватила Чинкуэду с земли, срывая мешающее ей оплечье и отбрасывая его прочь; а я немного поиграл со Змеей Шэн, временами одобрительно похлопывая Джамуху по запястью.
Плашмя.
Потом все повторилось снова: Дзю, вцепившийся в доспех, я, удерживающий Чинкуэду, Чэн, вкладывающий в рывок всю силу…
После третьего раза кожаный панцирь сполз Джамухе на руки, чуть не заставив выронить Чинкуэду, и Чэн успел подбросить меня и опять поймать, пока Джамуха избавлялась от доспеха, превратившегося в оковы.
Под доспехом на ней был только нижний халат из полосатой ткани, который и резался легче, и рвался куда проще.
Под халатом — туго стянутая нагрудная повязка.
Под повязкой — грудь.
Маленькая и твердая девичья грудь, с остро торчащими сосками; и бесстыдный ветер тут же тронул их своими холодными ладонями.
Чэн опустил меня в ножны, сунул Обломка за пояс и подошел к Джамухе.
Чинкуэда даже не пошевелилась, когда Чэн Анкор раздвинул защитные пластины шлема Джамухи и снял его, обнажив голову девушки-гурхана.
Потом Чэн повернулся к Джамухе спиной.

Змея Шэн не двигалась.
— Шулма! — громко крикнул Чэн-Я. — Это твой владыка, Шулма?!
Лавина дрогнула, глухой ропот прокатился по окрестностям, всколыхнув стоячую воду священного водоема — и Шулма страшно двинулась вниз с холмов, грозя живым валом захлестнуть поле невиданной Беседы.
— Все, — почти беззвучно выдохнула Джамуха. — Вот и все…
Новое будущее с ревом неслось к нам отовсюду, и в реве этом отчетливо слышалось:
— Асмохат-та!..
Для того ли Я-Чэн сумел избежать предсказанного убийства, чтобы опозоренных Джамуху и Чинкуэду, Змею Шэн, растоптала гневная Шулма, мстя за свою поруганную воинскую доблесть?!
— Стойте! — кричал Куш-тэнгри, вместе с Чыдой первым оказавшийся возле нас. — Стойте, неразумные!
Кто мог его услышать?
— …Остановитесь! — грозно звенел смыкающийся вокруг нас круг Кабира: могучий Коблан с занесенным Шипастым Молчуном, яростная Чин и рвущая ветер в клочья Волчья Метла, гиганты Фальгрим и Гвениль, оскаленный Асахиро со вскинутым Но-дачи; Кунда Вонг и Маскин, и вставшие плечом к плечу Фариза с Эмрахом, морщинистая матушка Ци с Чань-бо, Посохом Сосредоточения… Ниру, закрывавшая рукой новорожденный нож Бао-Гунь, Кос, ощетинившийся жалами Сая и Заррахида, Диомед и Бронзовый Жнец… батиниты, Тусклые, Кулай, Тохтар, дети Ориджа, бывшие Дикие Лезвия, восемь молодых маалеев…
Мало.
Мало!..
…С северных холмов, впереди всех, неслись тургауды Джамухи, завывая бешеными волками при гоне добычи.
Тысячная стая.
И как ременной бич при ударе трижды обвивает столб, так тысяча конных тургаудов, не коснувшись круга Кабира, охватила его тройным кольцом, устремив наружу острия Диких Лезвий.
— Назад!.. — словно тысяча плетей разом хлестнула по набегавшим степнякам.
И Шулма остановилась, сбиваясь в кучу.
Коблан и Фальгрим молча расступились, давая проход, когда ко Мне-Чэну направился спешившийся воин, тысячник тумена Джангар-багатур.
— Я — Джангар-несчастный, — сказал он, не поднимая глаз, — глава опозоренных. Прикажи умереть, Асмохат-та!
Он упал на колени, и я не успел опомниться, как Джангар поцеловал край моих ножен.
— Восемьсот лет тому назад, — задумчиво протянул Обломок, глядя сверху вниз на коленопреклоненного Джангара, — все было совсем не так. Да. Совсем не так…
Интересно все-таки: это конец или опять начало?
— Не знаю, — глухо ответил Я-Чэн. — Не знаю.
— И я не знаю, — легко согласился Обломок.
Он подумал и добавил:
— И знать не хочу.

ЭПИЛОГ

Дрожащий
Луч
Играет,
Упав из-за плеча,
Голубоватой сталью
На
Острие
Меча.

А.Белый

1

Когда Дауд Абу-Салим, эмир Кабирский, бывал не в духе — а в последние годы эмир Дауд бывал не в духе чуть ли не через день — он старался уехать в загородный дом семьи Абу-Салим, где уединялся в зале Посвящения и долго бродил из угла в угол, хмуро глядя в пол, покрытый цветными мозаичными плитками.

Вот и сейчас эмир Дауд мерял зал Посвящения тяжелыми шагами, а золотые курильницы в виде мифических чудовищ со скорбными рубиновыми глазами наблюдали из углов за владыкой Кабира — грузным мужчиной с седыми вислыми усами и горбатым носом хищной птицы, мужчиной, чья прежняя обманчивая медлительность теперь все больше переставала быть обманчивой.

В очередной раз дойдя до двери, Дауд на миг остановился, вспомнив, как пять лет тому назад вот на этом самом месте стояла клетка с диким пятнистым чаушем, неистово рвавшимся на волю, а левее, на шаг от порога, стоял однорукий Чэн Анкор, живая легенда тогдашнего Кабира; а вон там, на помосте, где возвышается подставка с ятаганом дяди Дауда, старого Абд-аль-Аттахии по прозвищу Пыльный Плащ, подле рукояти этого старого ятагана…

Да, там стоял он сам, Дауд Абу-Салим, со скрытым страхом глядя на железную руку Чэна Анкора, которой тот небрежно касался своего любимого меча вэйской ковки и закала, прозванного в Кабире Мэйланьским Единорогом.

Где сгинул ты, веселый Чэн, любимец кабирцев, герой турниров; в каких краях затерялся твой легкий меч? Последние вести от тебя, наследник Анкоров Вэйских, пришли из Мэйланя, и безрадостными были эти вести. Тайна смертей в городах эмирата превратилась во внешнюю угрозу, в опасность нашествия — и сперва в Совете Высших Мэйланя появились ассасины, знатоки убийств, а там и не только в Мэйлане… Пять лет готовились жители эмирата встретить врага, и множество подростков превратились за это время в двадцатилетних юношей, твердо знающих, что убивать — можно.

Можно.

На последнем турнире в Хаффе десять состязающихся не смогли продемонстрировать необходимого Мастерства Контроля, зато восемь участников были ранены, двое — тяжело… Это только в Хаффе, а в Дурбане и Хине — и того больше.

Кабирский турнир — главный, столичный, случавшийся раз в году — эмир Дауд отменил своей волей, ни с кем не советуясь.

А случаи вооруженных грабежей на улицах городов? А разбойники, перерезавшие торговые пути из Кимены и Лоулеза? Покушение на правителя Оразма? Сумасшедший пророк Гасан ас-Саббах, объявивший, что «в крови — спасение», и засевший со своими сторонниками в неприступном Орлином гнезде на перевале Фурраш — но во многих беспорядках видна длинная рука безумного Гасана!..

О Творец, за что ты проклял Кабир?!

Эмир Дауд двинулся от двери к помосту, на котором стояла подставка со старым клинком, и собственный ятаган эмира — точно такой же, как и на подставке, но гораздо богаче украшенный золотом и драгоценными камнями — при каждом шаге похлопывал по бедру Дауда Абу-Салима, словно подгоняя.

Почему-то сегодня это раздражало эмира. Дойдя до помоста, он поднялся на него, подошел к стене со вбитым в нее бронзовым крюком — и вскоре эмир по-прежнему мерял зал Посвящения тяжелыми шагами, а его ятаган, который еще далекий предок Дауда прозвал Шешезом, или «Лбом Небесного быка», повис на крюке, зацепившись за него кольцом ножен.

Покосившись на ятаганы — тот, что на крюке и тот, что на подставке — эмир Дауд сперва с кривой усмешкой подумал, что древние клинки не меньше походят на племянника и дядю, чем он сам и седой Абд-аль-Аттахия Пыльный Плащ; а еще эмир Дауд подумал, что Абд-аль-Аттахия решил завещать свой любимый ятаган последнему из многочисленных сыновей Пыльного Плаща, родившемуся у Абд-аль-Аттахии, когда тому исполнилось семьдесят два года а он сам, эмир Кабирский Дауд Абу-Салим, погрязший в делах государственных, в свои пятьдесят восемь если и заходит к женам, то раз в декаду…

Хороший мальчишка у дяди Абд-аль-Аттахии! Небось, носится сейчас по всему имению или хвостом ходит за шутом Друдлом, чудом выжившим после той памятной резни пятилетней давности… Вот кто не изменился за все эти годы — так это Друдл

Муздрый! Разве что и без того нелегкий характер шута стал еще более желчным, и ходит Друдл чуть скособочившись (дает себя знать старая рана, стянувшая мышцы живота); но ум и язык шута до сих пор спорят: кто из них острее?
Да и кто лучше научит юного двоюродного брата эмира (Дауд Абу-Салим улыбнулся уже веселее: пятилетний мальчишка и он, эмир Дауд — братья!) владеть оружием, чем Друдл? Правда, с той самой ночи, когда маленький ятаган шута был сломан, а тупой кинжал-дзюттэ увезен Чэном Анкором, шут отказывается носить оружие. Многие в Кабире до сих пор помнят причуду шута, когда, едва придя в себя, Друдл устроил пышные похороны своему сломанному ятагану, прибыв на носилках и с них же прочитав заупокойную молитву.
Шут…
Впрочем, именно тот же Друдл, когда эмир поделился с ним своими заботами относительно участившегося насилия, приволок на следующий день неизвестно где выкопанные им пергаментные свитки чуть ли не восьмивековой давности, и как бы невзначай принялся читать о публичных смертных казнях с целью наказания тех, кто совершил тяжкие преступления, и устрашения тех, кто только задумывал оные.
С тех пор и засела в голове эмира Дауда эта мысль. Страшная мысль. Дикая мысль. Державная мысль. Мысль смутного времени. Тем более, что вроде бы в те, прошлые дни, в минуту смерти преступника помощник палача ломал и его фамильное (или просто любимое) оружие.
Что может больше устрашить родившегося в Кабирском эмирате, но родившегося в плохие годы?
Страшная мысль. Державная. Впору иногда кричать беззвучно: «Замолчи, шут!..»
Испугает ли безумного Гасана ас-Саббаха публичная казнь кого-то из его сторонников — или нет?
Кто знает…
Эмир бесцельно кружил по залу, как загнанный зверь, пытаясь представить себе лицо никогда не виданного им пророка Гасана. Это ему не удалось, но зато Дауд вспомнил, что сегодня в полдень в загородный дом должны тайно доставить местного оружейника Мансайю Одноглазого и знаменитого хинского алхимика Саафа бен-Саафа, прибывшего в Кабир около месяца назад.
Оба они — и алхимик, и оружейник — утверждали, что у них есть средство, способное выкурить проклятого Гасана из его Орлиного гнезда, и что средство это в состоянии остановить любого внешнего врага.
Эмир не верил в сказки.
И боялся признаться самому себе, что сейчас готов поверить во что угодно.
Потому что три недели назад гонец доложил Дауду Абу-Салиму о людях, явившихся со стороны северных, считавшихся непроходимыми, отрогов Сафед-Кух, и люди эти называли себя посольством Великой Шулмы.
Им дали проводников, охрану на случай встречи с разбойниками (проклятье, еще не так давно никакой охраны не понадобилось бы!) и отправили в столицу.
Еще через неделю измученный гонец, загнавший нескольких лошадей, сообщил эмиру, что посольство пропало. Проснувшиеся одним не слишком прекрасным утром охранники и проводники обнаружили ничем не объяснимое отсутствие послов, их лошадей и имущества.
Поиски ничего не дали.
О Творец, Творец… за что ты проклял Кабир?!
…Дверь распахнулась — очевидно, ее бесцеремонно пнули снаружи — и в зал Посвящения шумно ворвался шут Друдл, на шее которого восседал сияющий мальчишка — Абу-т-Тайиб Абу-Салим, сын Абд-аль-Аттахии, Пыльного Плаща.
— Иго-го-го! — заливисто ржал шут, и маленький Абу-т-Тайиб восторженно вторил ему. — А вот и мы, великий эмир, вот и мы, великие послы Великой Шулмы! Вот и мы, послы Шулмы, где степь, шулмусы да холмы… иго-го-го!..
Эмир Дауд хотел оборвать это безобразие, но не смог — он любил обоих, и шута, и мальчишку — и те знали это, нередко пользуясь правами, что давала им любовь сурового эмира.
Мальчишка соскочил с Друдла и кинулся к помосту, где на подставке лежал ятаган его отца.
— Здравствуй, Фархадик! — кричал он, как могут кричать и вести себя только дети. — Скучал без меня? Не скучай — я быстро расту! Я скоро вырасту большой-пребольшой — и буду размахивать тобой, как перышком! Честное слово! Ты только немножко подожди!..

— Погоди, могучий воин! — остановил его Друдл, смешно морща лицо. — Мы ведь забыли сказать светлейшему эмиру, что пришли сюда не одни… Как ты считаешь, герой, надо сказать об этом светлейшему эмиру?
Удивленный Дауд перевел взгляд с ребенка на Друдла, потом — на дверной проем… Стоявшего там беловолосого гиганта эмир узнал мгновенно, несмотря на годы и заботы, отягощавшие память Дауда Абу-Салима.
— Здравствуй, Фальгрим! — прошептал эмир. — Ты пришел из прошлого, лоулезец? Из того прошлого, когда день был ясен, а из никому не ведомой Шулмы не приходили в Кабир странные послы и дурные вести? Ты из прошлого, Фальгрим?
Фальгрим с поклоном шагнул в зал и остановился, уперев свой двуручный эспадон в плиты пола и сложив руки на его рукояти.
— Нет, о солнцеподобный эмир, я не из прошлого! Я из будущего! Когда из Шулмы уже не приходят дурные вести, зато ездят послы! И одного из них великий эмир видит перед собой!
— Ну вот, а что я говорил?! — заявил Друдл, глядя на побледневшего эмира Дауда. — Кричу: это мы, послы Шулмы — а никто не верит! Даже светлейшие умы…
2
Человек, занимающий должность управляющего хозяйством загородного дома семьи Абу-Салим, согласно старой традиции, назывался — векиль.
Человека же, долго топтавшегося у двери зала Посвящения и не решавшегося ни постучать, ни войти — этого человека мама звала Ниязиком, соседи — уважаемым Ниязом ибн-Джалалом, слуги — досточтимым векилем Ниязом, а в списках городского кади он значился, как Нияз ибн-Джалал ан-Кабири.
Человек, которого звали по-разному, приподнял чалму, вытер ладонью вспотевшую бритую макушку, опустил чалму на место, зачем-то тронул рукоять короткого прямого кинжала за поясом — и с тоской посмотрел на закрытую дверь, откуда доносился веселый шум и взрывы хохота.
«Полагаю, что в Восьмом аду Хракуташа для векилей отведено особое, не слишком жаркое местечко!» — подумал досточтимый векиль Нияз.
Все сегодняшние неприятности начались с появления у ворот имения добрых двух десятков незнакомцев, настаивающих на аудиенции великого эмира — как раз в тот момент, когда великий эмир уединился в зале Посвящения, что предупреждало всякого: «Не тронь рассерженного льва!»
Сам векиль Нияз в препирательствах не участвовал, опоясавшись поясом мудрости и собравшись послать за эмирскими гулямами в случае безобразий — поскольку часть гостей была весьма разбойного вида — но, обернувшись, векиль Нияз сперва увидел, как трое привратников ткнулись носами в решетку, зачем-то уставившись на двоих гостей в странных халатах со множеством побрякушек (один из этой парочки был безоружен, а второй держал в руках копье-чыду явно хакасской работы), а потом…
А потом привратники, двигаясь неестественно медленно, открыли ворота — и толпа пришельцев хлынула в имение.
Векиль Нияз вспомнил всю многочисленную родню Ушастого Демона У, а дойдя до двоюродного дедушки — узнал ехавшего впереди великана с огромным эспадоном на плече; узнал, хотя видел его в последний раз не то пять, не то шесть лет тому назад.
— Высший Фальгрим! — истошно завопил несчастный векиль Нияз. — Вы ли это?! Что ж вы сразу-то не объявили — кто мол, да что…
— Не бойся, еще объявим! — вынырнул из-за Фальгрима смуглый весельчак с кривым мечом-махайрой на боку; и когда лошадь смуглого оскалила зубы в подозрительной усмешке, векиль вздохнул с некоторым облегчением: на скалящейся лошади восседал не кто иной, как Диомед Кименец, уехавший из Кабира примерно в то же время, что и Фальгрим Беловолосый, лорд Лоулезский.
— Иго-го-го! — заржал кто-то прямо в ухо векилю Ниязу, и в пострадавшем ухе невидимые кузнецы ударили молотами по невидимым наковальням. — Ах, какие господа к нам заехали сюда! Как у Друдла-дурака стала мокрая щека — слезы катятся, как будто в глаз насыпали песка!..
— Друдл! — раненым буйволом взревел Беловолосый, и невидимые кузнецы перебрались из одного уха векиля Нияза в другое. — Старый мерзавец! Живой!.. Клянусь замками Лоула — живой!..
Вихрем слетев с коня, Фальгрим сунул свой эспадон Кименцу, облапил ухмыляющегося шута и, как ребенка, подбросил Друдла в воздух, даже не заметив, что у шута на плечах сидит пятилетний мальчишка, донельзя осчастливленный таким поворотом дел.

Фальгрим орал, Друдл смеялся, мальчишка визжал, Диомед старался их всех перекричать, остальные гости переговаривались между собой, слуги и привратники не отставали — и шум поднялся совершенно невообразимый.
Молчал один векиль Нияз.
Он молчал даже тогда, когда высвободившийся Друдл ухватил Фальгрима за руку и потащил в дом.
Он молчал потом, ожидая неизвестно чего.
Он молчал и тогда, когда из дома выскочил растрепанный Дауд Абу-Салим, эмир Кабирский, помолодевший лет на двадцать, и приказал немедленно впустить всех (к счастью, наиболее разбойные личности отъехали в сторону, и один из них тихо попросил накормить их в павильоне для слуг) и накрывать праздничный дастархан, да не где-нибудь, а прямо в зале Посвящения, и на полу, как пировали предки, и вина побольше, озера вина, реки вина, моря и океаны вина!..
Вообще с того дня досточтимый векиль Нияз стал очень молчаливым человеком, каким и прожил до девяноста трех лет, после чего молча умер в окружении рыдающих родственников…
Но это случится нескоро — а сейчас векиль Нияз стоит у двери зала Посвящения и не может решиться.
Нет, кажется, уже решился…
Векиль чуть-чуть приоткрыл дверь (хвала Творцу, не заскрипела!) и приложил к образовавшейся щели ухо.
Было слышно, но не видно.
Тогда векиль убрал ухо и приложил глаз.
Стало видно, но почти не слышно.
Тогда векиль Нияз стал делать это поочередно — и это привело досточтимого Нияза к желаемому результату.
— …Жив он, — бурно рассказывал Фальгрим, — жив-здоров, что ему сделается! Асмохат-та у нас молодцом! За пять лет — шесть детей от двух жен!.. Вот я ж и говорю — молодцом! Правда, иногда говорит мне: «Ты знаешь, Фальгрим, лучше б я ее тогда убил!» Как это — кого? Жену свою вторую… Восьмирукую. Мы еще волновались, как сейчас помню — воплощение Мо свою же внучку за себя берет! Ужас! Кровосмешение! Дети-то какие пойдут?! Чин нас успокоила — и как в священный водоем глядела… Хорошие дети! Отличные дети! Среднего Фальгримом назвали…
— А старшего? — поинтересовался эмир Дауд.
— Старшего — Друдлом! Я Чэна пугал — дескать, наследник шутом вырастет! Ничего, говорит, пусть растет…
— Бедный эмир! — притворно застонал шут. — Как же ты будешь без меня править? Ай, бедный-бедный эмир!..
— Да куда ж ты денешься-то? — смеясь, спросил эмир Дауд.
— В Шулму уеду! На тезку своего посмотреть! Шуты, как трава, не растут — их поливать надо, удобрять, уму-разуму учить… Эй, Диомед, вы когда назад поедете, свистните — мне собраться — только подпоясаться!
— И впрямь, шуты — что коты! — беззлобно пошутил эмир. — Беды в дом — коты из дома! Мне б куда уехать…
— Знаем, — ненавязчиво вмешался Диомед. — Ты, светлейший эмир, что думаешь — зря мы от охраны с проводниками сбежали? Зачем нам в Кабирском эмирате проводники, а тем более — охрана?! Так что видели, и слышали, и лицом к лицу сталкивались… С людьми говорили, и не только с людьми…
Эмир Дауд удивленно поднял бровь, но переспрашивать не стал.
— И в Бехзде на малом турнире побывали, целый день на позорище это смотрели; и про сумасшедшего Гасана из Орлиного гнезда слышали, и разбойнички нам попадались! Только разве ж это разбойники? Вот когда мы по всей Шулме за найманами-староверами гонялись — так то разбойники были!.. А у вас — так, ерунда, дети неразумные… Мы с ними по душам потолковали, Блистающим напомнили, кто они такие есть на самом деле (эмир Дауд непонимающе нахмурился) — так эта, извините, банда Кривого Мустафы нас до самого Кабира провожала, пылинки с нас сдували и спорили меж собой, кто сегодня Махайру полировать будет!
Векиль Нияз отпрянул от двери, только сейчас сообразив, кто были те люди, которые отправились трапезничать в павильон для слуг.
Но любопытство пересилило, и вскоре в щели вновь замелькали то ухо, то глаз, а то и вовсе нос.
— Это еще не беды, светлейший эмир, — мягко заметила морщинистая старуха, сидевшая рядом с Друдлом и державшая его за руку, словно боясь, что шут

исчезнет. — Кабир много веков спокойным стоял, и лишь последние пять лет закипать начал. Это Шулма века кипела, а сейчас успокаиваться стала! Нынче не время — а после поговорим, как и чем Масудов огонь гасить, да так, чтоб не полыхал, но и не угасал совсем! Да, Пересмешник?
— Да, Матушка, — улыбаясь от уха до уха, отозвался Друдл. — Воистину — да.
— А на безумных пророков у нас свои пророки имеются, — добавил Диомед. — Умные.
— Это ты о Ковыряге? — внешне невинно поинтересовался Фальгрим, и все посольство расхохоталось.
— Нет, Фальгрим, не о нем. Для Ковыряги этот Гасан слишком мелок. Я о слугах Уркалахая. Верно, Куш-тэнгри и Бач-тэнгри?
— Верно, — коротко отозвались оба шулмуса в халатах с побрякушками, и эмир Дауд, на миг встретившись с ними глазами, неожиданно для самого себя пожалел безумного Гасана ас-Саббаха.
Чаши с вином вновь загуляли по кругу, и векиль Нияз, набравшись храбрости, пролез в щель до половины.
— О светлейший эмир, — выдохнул Нияз, словно бросаясь в ледяную воду, — там…
— Кто там? — добродушно крикнул эмир Дауд, и у Нияза отлегло от сердца.
— Там, у входа, почтенный устад Мансайя Одноглазый и хинский алхимик Сааф бен-Сааф. Говорят — эмир им назначал…
— Пускай их! — махнул рукой Дауд Абу-Салим, и векиль Нияз со всех ног бросился выполнять приказ.
…Прошло совсем немного времени, и в чашах еще не успело показаться дно, когда в зал Посвящения вошли двое: коренастый пожилой кузнец, чей правый глаз закрывала черная повязка, и старик с длинной седой бородой и в островерхом колпаке плотного сукна.
Оба низко поклонились, с некоторым недоумением глядя на происходящее.
В руках у кузнеца был некий предмет, длиной почти в человеческий рост, тщательно завернутый в промаслившуюся ткань, а за спиной висел лист бронзы и деревянная, окованная металлом тренога; старик нес мешочек размером с голову ребенка.
От предложенного вина гости отказались, и спустя недолгое время, в ответ на просьбу эмира Дауда удовлетворить его любопытство, старик развязал свой мешочек и высыпал в низкую металлическую плошку немного угольно-серого зернистого порошка со слабым неприятным запахом.
И ударил над плошкой кресалом.
Порошок, поймав искру на лету, жадно вспыхнул, исторгнув облако зловонного дыма — и быстро угас.
Все долго молчали.
— Это поможет мне выкурить Гасана ас-Саббаха из Орлиного гнезда? — вежливо поинтересовался эмир Дауд.
Сааф бен-Сааф молча достал из сумы, висевшей у него на боку, маленький, наглухо запечатанный и залитый смолой горшочек из необожженной глины, размером примерно в два мужских кулака; из горшочка свисал длинный промасленный фитиль.
— Здесь то же самое, — бросил неразговорчивый алхимик, отходя к самой двери, опуская горшочек на пол и чиркая кресалом над концом фитиля — удалившись при этом от самого горшка на несколько шагов.
Словно крохотный вулкан взорвался у двери, обдав собравшихся сернистой вонью, и осколки глиняного горшка градом ударили по стенам, а зал заволокло дымом.
Алхимик спокойно ждал, пока вскочивший на ноги эмир и его сотрапезники успокоятся.
— Если твои каменотесы, о светлейший эмир, сделают в скале, на которой стоит Орлиное гнездо проклятого ас-Саббаха, — заговорил наконец Сааф бен-Сааф, — необходимое количество скважин, куда поставят большие горшки с моим порошком — то достаточно будет несколько раз ударить кресалом, чтобы пророк Гасан начал летать вместе с орлами! И боюсь, что ему это мало понравится… Но я еще не все показал тебе, светлейший эмир! Устад Мансайя, ваша очередь!
Пожилой кузнец кивнул, размотал ткань — и глазам собравшихся явилась престранная вещь. Полая внутри трубка толщиной примерно в полтора копейных древка и длиной около трех локтей, схваченная по всей длине стальными кольцами, была укреплена на деревянном расширяющемся ложе, инкрустированном серебром и перламутровыми пластинами.
Затем кузнец взял принесенный им большой лист бронзы и отнес его к стене зала, где и установил.

После вернулся к своему творению, взгромоздил его на массивную треногу, направил трубку на бронзовый лист и достал из-за пояса короткий факел.
Подошедший алхимик в очередной раз чиркнул своим кресалом, факел отчего-то не вспыхнул, а начал тлеть — и кузнец поднес его к предмету на треноге.
Раздался взрыв, и куски рубленого металла со свистом и грохотом вылетели из жерла трубки и ударили в лист, разрывая бронзу.
Кузнец удовлетворенно хмыкнул, потирая ушибленное отдачей плечо, а алхимик торжественно приблизился к пробитому листу.
На помосте встревоженно вибрировали два старых ятагана, двуручный эспадон Фальгрима, махайра Диомеда и остальное оружие прибывших гостей.
— Вот, — гордо заявил Сааф бен-Сааф. — Запомни сегодняшний день, великий эмир Дауд Абу-Салим — ибо с этого дня начинается новая эпоха!
Все молчали.
Пятилетний Абу-т-Тайиб, не выдержав, приблизился к кузнецу Мансайе и кончиком пальца коснулся детища алхимика и кузнеца.
— Я скоро вырасту, — сказал мальчик. — Я скоро вырасту — и тогда ты подаришь мне ее, дядя кузнец? Правда? А себе ты сделаешь другую… Хорошо?
— Хорошо, — улыбнулся одноглазый кузнец. — Хорошо, о сиятельный Абу-т-Тайиб! С позволения эмира Дауда, я дарю ее тебе уже сейчас! Да будут дни твои долгими и беспечальными, потомок Абу-Салимов!
— Я буду звать ее, — мальчик зажмурился от нахлынувшего волнения, — я буду звать ее аз-Зайда, что значит «Неукротимая»! Да, я буду звать ее именно так!
Все молчали.
Шут Друдл подошел к ребенку и долго смотрел на вещь по имени аз-Зайда.
— Будь проклят тот день, — тихо сказал шут, — будь проклят тот день, когда оружию стали давать имена!..
И тень недоумения затуманила ясный взгляд маленького Абу-т-Тайиба; тень, в глубине которой медленно сгущалась багровая пелена.

ГЛОССАРИЙ НАЗВАНИЙ ОРУЖИЯ С ПОЗИЦИЙ АНАЛОГОВ ЗЕМНОЙ ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИИ

Б

БАДЕК — индонезийский нож.

В

ВОЛЧЬЯ МЕТЛА — Дальний Восток, копье с зазубренными шипообразными веточками от наконечника до середины древка. Известно также под названием «волчий хвост».

Г

ГЕ — Китай, боевой клевец (в русской транскрипции иногда пишется «гэ»). Древковое оружие с разной длиной древка.

ГЕРДАН — двуручная тяжелая палица с шипами, Средняя Азия.

ГЛАДИУС — короткий прямой римский меч.

ГОУБАН — китайский древковый серп.

Д

ДА-ДАО — Китай, «большой меч», близок к древковому оружию, поскольку кривой и тяжелый клинок с расширением к концу и односторонней заточкой крепится к рукояти, по длине равной длине клинка (или даже его превышающей).

ДАН ГЬЕН — Китай, узкий прямолезвийный обоюдоострый меч с гибким клинком. Используется также в парном варианте для занятий в некоторых школах тайцзицюань и «пьяного меча» (цзуйцзянь).

ДЗЮТТЭ — Япония, тупой граненый (или круглый) кинжал с односторонней изогнутой гардой.

К

КАРАБЕЛЛА — польская сабля.

КАТАКАМА ЯРИ — японское копье с добавочным крюком, загибающимся вверх.

КВАН-ДО — Корея, Китай, известно и под другими названиями. Древковое оружие типа алебарды.

КИЛИЧ — Турция, сабля.

КОНЧАР — граненый азиатский кинжал или стилет.

КРИС — Малайзия, Ява, Суматра и т. д., меч или кинжал с прямым обоюдоострым клинком, зачастую волнообразным или пламевидным. У рукояти клинок резко расширяется, что заменяет гарду.

КУСУНГОБУ — японский нож, предназначенный для совершения обряда сэппуку (самоубийства).

КХАНДА — индийский прямой тяжелый меч.

Л

ЛАБРОС — двойная критская секира, популярная во всей Греции.

ЛАНДИНГ ТЕРУС — прямой малайско-индонезийский кинжал.

М

МАЛХУС — Балканы, кривой тяжелый меч.

МАСАКИРИ-КАЙ — японский двуручный топор.

МАХАЙРА — Древняя Греция, кривой серповидный меч.

Н

НАГИНАТА — Япония, алебарда, древковое оружие с тонким, длинным, слегка изогнутым и расширяющимся к концу клинком.

Н'ГУСУ — Африка, двуручный однолезвийный меч длиною до полутора метров. Клинок имеет сабельный изгиб и елмань-расширение в конце.

НО-ДАЧИ — Япония, большой двуручный «меч для поля» длиной примерно в рост человека. Заточка односторонняя, гарда (цуба) небольшая, в основном овальная.

П

ПАНГА — Африка, Зимбабве, кривой и одновременно обоюдоострый меч.

ПУДДХА — индийский прямой обоюдоострый меч с поперечной рукоятью и гардой, полностью закрывающей руку до середины предплечья (аналог наруча).

С

САЙ — Окинава, стилет-трезубец с граненым или круглым центральным клинком и двумя боковыми, выгибающимися наружу.

САРИССА — Македония, длинное тяжелое копье, которыми вооружались фалангисты.

СО — японское копье («со яри»).

СТИЛЕТ — Европа (в частности — Италия), вариант кинжала с узким граненым (или даже круглым) клинком без режущей кромки.

Т

ТАЛВАР — индийская сабля, довольно тяжелая, с полурасторонней заточкой.

ТАО — китайский нож-тесак с очень широким клинком.

ТЭССЭН — Япония, боевой металлический веер с заточенными пластинами.

Ф

ФРАМЕЯ — копье древних германцев, напоминающее римский пилум.

Х

ХЕПЕШ — Египет, кривой меч, напоминающий ятаган с длинной рукоятью.

Ц

ЦЗИ — Китай, трезубец, иногда боковые острия выгнуты особым образом, за что получили название «усов дракона».

ЦЗЫУ-ЮАНЬЯН-ЮЭ — малая секирка «север-юг», Китай, немного близка к кастету с рожками. Иногда используется в качестве метательного оружия.

ЦЗЯНЬ — общее название китайских прямых обоюдоострых мечей с достаточно легким и гибким лезвием, предназначенных в основном для колющих ударов. Меч Дан Гьен тоже входит в семейство мечей ЦЗЯНЬ.

ЦЗЯНЬГОУ — Китай, меч-крюк, клинок прямой обоюдоострый с небольшим серповидным крюком с одной стороны клинка близко к острию.

Ч

ЧАНЬ-БО — посох буддийского монаха, Восточная Азия.

ЧИАНЬ — Китай, тяжелое копье с широким листообразным наконечником и утолщением на другой стороне древка.

ЧИНКУЭДА — итальянский прямой короткий меч с обоюдоострым клинком, очень широким у рукояти.

ЧЫДА — хакасское тяжелое копье.

Ш

ШАМШЕР — Арабская сабля, встречающаяся по всей Центральной и Юго-Западной Азии.

ШОТО — Япония, короткий меч, по форме такой же, как Но-дачи или катана, но с длиной лезвия около полуметра. Однолезвийный, слабоизогнутый.

ШУАН — китайский парный топор.

Э

ЭМЕЙСКИЕ СПИЦЫ — круглые спицы с острыми концами и колечком посередине, куда продевались пальцы. Изредка к эмейским спицам крепились яркие платки.

ЭНКОС — архаичная Греция, Микены, массивное копье.

ЭСПАДОН — Европа, двуручный меч в рост человека с прямым обоюдоострым клинком и мощной крестовиной. Оружие пешего воина, в частности панцирной пехоты.

ЭСТОК — Европа, меч-шпага позднего рыцарства с достаточно узким клинком, пригодным для нанесения колющих ударов.

Я

ЯРИ — японское копье, имеющее множество модификаций (СО, КАТАКАМА ЯРИ).

ЯТАГАН — юго-западная Азия (пример — Османская империя). Кривой тяжелый меч — европейская традиция относит его к саблям — с заточкой по вогнутой стороне клинка.

Генри Лайон Олди
ДАЙТЕ ИМ УМЕРЕТЬ

Холодный апрель, горячие сны,
И каждый на треть — патрон.
Иди и смотри, как ядерный принц
Несет свою плеть на трон.

А. Башлачев

ПРОЛОГ

Липкие струйки пота с омерзительной неспешностью ползли по спине, образуя темное пятно в области крестца, как раз над тонким кожаным ремешком; и когда рычание короткой автоматной очереди вспороло полдень над автострадой Дурбан — Кабир…
Пальцы Карена сами собой нащупали холодное тело «гюрзы-38» в наплечной кобуре, и первым сознательным ощущением было удивление: металл почему-то совсем не нагрелся от солнца и тепла человеческого тела. Прикосновение к оружию успокаивало, как всегда, одновременно вызывая странную гадливость — словно под руку ни с того ни с сего попался хитиновый панцирь жука-кусаря, готового вцепиться жвалами в ладонь или рвануться прочь.
«Нервы, — подумалось Карену. — Тут портовые тросы нужны, а не нервы…» Он врал сам себе. Он знал, что дело не в нервах. Вернее, не только в нервах.

Из-за соседней машины неуклюже высунулся толстяк Фаршедвард Али-бей, хайль-баши
[43]
дурбанской полиции, раздул волосатые ноздри, простудно засопел и через мгновение уполз обратно. Безобидность этой горы жира, казалось, едва справляющейся с простейшими приказами желеподобного мозга, была одной из козырных карт лихого хайль-баши: в свое время, когда пыхтящий Фаршедвард вразвалочку объявлялся на борцовском ковре, где сходились борцы-нарачи в схватке гигантов, соперник помимо воли расслаблялся и усмешливо косился на ассистентов. Зря, конечно… Да и сейчас, видя вползающую в спортивный зал тушу, все местные мушерифы
[44]
знали: в участке объявился новенький и сейчас этот новенький будет втихомолку посмеиваться… некоторое время. Потом перестанет. А господин Али-бей попыхтит еще немного, невинно глядя на раскинувшееся перед ним тело, и уйдет в кабинет.

Карен был новеньким в Дурбане. И при этом достаточно стареньким, чтобы знать все, что следует, о Фаршедварде Али-бее по прозвищу Тот-еще-Фарш.
Убрав руку с пистолета, он оглянулся: ровное полукольцо машин за спиной, пятнистые каски, затянутые маскировочной сетью, блики на оптических прицелах и десятка полтора черных зрачков, готовых в любую секунду заплевать смертью пол-автострады. Гургасары-спецназовцы, «волчьи дети», элита внутренних войск. Совершенно никчемушная сейчас, когда речь идет не о смерти, а о жизни, о сорока двух заложниках в рейсовом автобусе, сорока двух обывателях, задыхающихся от страха и от приближения той минуты, когда их продолжат расстреливать для весомости аргумента.
Всего минуту назад заложников было сорок три. Карен прикусил губу — привычка, оставшаяся с детства, — и еще раз оглядел захваченный автобус. Дверь рядом с водителем неспешно открылась, сложившись гармошкой, и наружу грубо вытолкнули подростка лет пятнадцати, прыщавого дылду в цветастой маечке и модных шароварах с резинками на щиколотках. Серьга в левом ухе подростка раскачивалась, ловя солнечные зайчики. Следом выбрался плечистый коротыш и лениво опустился на ступеньку, положив автомат поперек колен. На рябом лице коротыша отражались скука и равнодушие. Ко всему, даже к собственной судьбе. Исполнитель. Наверняка бывший наемник, убийца-профессионал, давно переставший испытывать что-либо, нажимая спусковой крючок; он и умрет так же скучно, не моргнув глазом, не торопя и не отдаляя приход небытия. Конечно, если тебя после приговора везут в Дасткар-Зах, в камеры смертников, то сонным охранникам стоит быть повнимательнее, чтобы четверо приговоренных не оказались на свободе. Ничего нет опаснее крысы, загнанной в угол. Коты это знают. В отличие от многих мушерифов, чьи семьи теперь могут утешаться лишь пенсией погибшего кормильца.
Подросток что-то испуганно сказал коротышу, и тот в ответ только плюнул. Довольно умело, надо заметить: комок слюны угодил заложнику точно в промежность. Юнец скорчился, как от подлого удара, после чего торопливо заковылял прочь от автобуса, потешно перебирая стреноженными ногами. Руки подростка были свободны, но он даже не попытался развязать или ослабить путы, протянувшиеся от одного колена к другому, — так и брел, спотыкаясь, от автобуса к полицейским машинам… И когда добрел до опрокинутого навзничь женского тела, как раз на полпути к жизни, наглый рык автоматной очереди снова заставил дребезжать стекла машин, а холодный жук «гюрзы» опять ткнулся в ладонь Карена.
«Мама-а-а!» — отдаленным эхом прозвучало в мозгу. Карен знал, что кричит не подросток, потому что убитые наповал не кричат и еще потому, что вот уже пятый месяц он просыпался от этого крика в смятых простынях, захлебываясь душным воздухом и болью.
«Мама-а-а… не надо, мама!.. Пожалуйста…»
И глумливый смех трясущегося в припадке оружия.
Вне сомнения, каждый из гургасаров мог в любую секунду всадить свинцовый желудь скучающему коротышу куда угодно, на выбор. И Карен понимал: хайль-баши Али-бей больше всего на свете боится именно этого. Он представил себе: тросы-нервы одного из снайперов лопаются с коротким щелчком, плечистый убийца сползает со ступеней в пыль, в автобусных окнах возникают лица… увы, отнюдь не спасенных заложников, а двоих дружков коротыша, и невидимый снаружи третий (да, теперь, после шального выстрела он будет именно третьим, а не четвертым из бежавших смертников!) лезет в тяжелую сумку и выдергивает чеку из связки гранат.
Никто не знал, откуда у беглецов взялись гранаты. Но факт их наличия был зримо подтвержден час назад: вон, корявая воронка на обочине до сих пор мозолит глаза, зар-раза…
Фаршедвард Али-бей еще раз высунулся из-за машины, и Карен увидел переговорное устройство в монументальной лапе хайль-баши. Нечленораздельно рявкнув в резонирующую мембрану, Али-бей поманил пальцем Карена к себе. Карен даже вздрогнул от ознобного счастья: что-то делать, двигаться, шевелиться, пробираться между машинами, а не сидеть сиднем, глядя, как по ступенькам мимо коротыша уже спускается подталкиваемая в спину старуха, — О Творец, как мало человеку надо для счастья, особенно если я не знаю: кощунствую сейчас или просто схожу с ума!
Мама-а-а!..
Зимняя слякоть, дождь наискось хлещет по кабирскому переулку, по одному из многих переулков бывшей столицы, и морщинистая женщина у ворот их дома не откликается на сыновний крик. В маминых руках, сохлых, как мертвое дерево, бьется серебряная рыба, пытаясь выплюнуть рвущий губу крючок, спусковой крючок, и остроребрая чешуя с треском разлетается вокруг, пятная соседей черной слизью: валится навзничь тетка Фатьма, уползает к подъезду беззвучно воющий лавочник Низам, удивленно смотрит на окровавленное предплечье четырехлетний мальчишка, внук лучшей маминой подруги, —

боль еще не пришла, и в круглых глазах ребенка пока лишь один интерес, от которого хочется разбить голову о ствол чинары или бежать быстрее, но ты не можешь, не можешь, не можешь…
— Мама-а-а!..
Рыба в руках матери лопается, огненные потроха клубятся, вспухают слепящим шаром, и вскоре только дождь стучит по переулку да еще к лавочнику Низаму возвращается голос, и он еле слышно скулит, хотя от простреленной лодыжки еще никто не умирал, а тетка Фатьма с изумлением уставилась в небесную рвань тремя черными глазами, и рядом лежит теткин любимый кот с развороченным брюхом.
— Мама…
На похоронах матери к Карену подошел седой человек, похожий на птицу. После затасканных до дыр слов соболезнования он предложил Карену назавтра зайти в большое серое здание на углу улицы Ас-Самак и подняться на третий этаж. Недавно вышедший в отставку Карен знал, что на встречу в сером здании по адресу Ас-Самак, 4/6, приходят в любом случае.
Даже если у тебя только что умерла мать, предварительно решив перестрелять ближайших соседей из хранившегося дома табельного оружия.

> Они долго говорили, висак-баши
> [45]
> Карен Рудаби и седой человек, похожий на птицу; к концу их разговора Карен знал все, что ему было дозволено знать об эпидемиях, проходивших по документам под названиями «Спи, сынок» и «Проказа “Самострел”».

> А еще через три месяца Карену вручили офицерскую бляху мушериф-эмира
> [46]
> и перевели в Дурбан.

— Тут сиди, — жарко выдохнул Тот-еще-Фарш Карену прямо в ухо и с подкупающей прямотой добавил: — Ты не местный, я тебе не верю. Дернешься невпопад…
Сперва Карен не понял. Впрочем, обидеться ему даже не пришло в голову, а задавать вопросы прямолинейному (когда Али-бей этого хотел) хайль-баши помешали две вещи: въевшееся в костный мозг чувство субординации и стрекот приближающегося со стороны города вертолета. Иблисов корень, как глупо, глупо и стыдно все получается! Неужели условия смертников будут приняты?! Вертолет, два миллиона динаров золотом и трое заложников в кабине, пока «стрекоза» с беглецами не пересечет границу с Малым Хакасом.
Карен ни минуты не сомневался, что в ту же секунду заложники будут честно отпущены — вниз головой, из рубящей воздух лопастями «стрекозы», как раз на острые хребты тамошних скал.
Вертолет опустился в полусотне шагов от машин, винт начал замедлять обороты, и вскоре из кабины выпрыгнуло на землю маленькое существо, издали ужасно похожее на древесного палочника-переростка. Существо поковырялось пальцем сперва в левом ухе, потом в правом и, продолжая ковыряться, прыгающим шагом направилось к машине Али-бея. Карен даже зажмурился от изумления. Девочка. Тощая нескладная девочка лет двенадцати, насквозь прокопченная неистовым дурбанским солнцем, длинноносая и черноглазая, несмотря на жару, кутающаяся в тяжелую шаль с бахромой. Некрасивая, и красивой никогда не будет. Это была именно та девочка, которую Карен совершенно не ожидал увидеть здесь и сейчас.
— Зачем?! — непроизвольно вырвалось у Карена, и почти сразу он поправился: — Зачем она здесь, господин хайль-баши?
— В свое время я забыл уведомить вас, висак-баши: ее зовут Сколопендра, — хрипло буркнул Тот-еще-Фарш, и Карен решил, что хайль-баши над ним издевается.
Не исключено, что так оно и было.
Девочка скоренько прошмыгнула мимо гургасаров — снайперы так и не шевельнулись, грея щеками ложи винтовок, и Карен мимоходом позавидовал выучке «волчьих детей», — после чего приблизилась к машине хайль-баши.
— Здравствуй, Сколопендра, — тихо прогудел Фаршедвард каким-то удивительным тоном, чуть ли не извиняющимся.
Девочка не ответила.
Стояла, куталась в шаль, смотрела на бетон дороги, на носки собственных туфель.
Носом шмыгала.

Карену показалось, что он присутствует при съемках нелепого, невозможного фильма — настолько по-идиотски выглядело все это: автобус с заложниками и беглыми смертниками, недвижные гургасары, огромный Али-бей и сумасшедшая девчонка, прилетевшая на вертолете.
По-прежнему не произнеся ни слова, девочка вдруг развернулась всем телом и тем же птичьим шагом засеменила прочь от машины.
К автобусу.
Трупы расстрелянных женщины, подростка и старухи она миновала равнодушно, не задержавшись даже на секунду, словно каждый божий день сталкивалась нос к носу с покойниками, умершими насильственной смертью. Карену доставило чуть ли не садистское удовольствие лицезреть выражение небритой физиономии коротыша, когда тот увидел идущую к нему Сколопендру и понял, что это не галлюцинация.
Более того, в приоткрытом до половины окне, точь-в-точь как в видении Карена, объявилась усатая физиономия другого смертника, а рядом с ним над резиновым бортиком автобусной рамы всплыла бритая до синевы макушка, задержалась на миг и приподнялась еще чуть-чуть, явив намек на лоб и один заплывший глаз.
«На полу сидит, — догадался Карен. — Этот, который с гранатами… гляди-ка — снайперы, а тоже не утерпел, паскуда, высунулся!»
Последний из беглецов с наглостью человека, которому нечего терять, встал в дверях, прямо над коротышом, и демонстративно сложил татуированные руки на карабине, висевшем поперек груди.
Девочка остановилась, не дойдя до автобуса каких-то десяти-пятнадцати шагов, и плотнее закуталась в шаль.
Не говоря ни слова, коротыш-палач полез в карман отобранных у кого-то из заложников брюк (дорогих, с отглаженными складками) и достал мелкую монету. Покидал с ладони на ладонь, сплюнул в пыль и мгновенным движением швырнул монету девчонке. Напарник с карабином громко расхохотался — наверное, с его точки зрения, это и впрямь выглядело смешно; медный кругляш завис в воздухе рядом со Сколопендрой. Карен почувствовал на своем плече непомерную тяжесть Фаршедвардовой лапищи и только потом понял, что был готов сломя голову кинуться к автобусу, забыв обо всем на свете; шаль слетела с плеч девчонки, и две тонкие руки метнулись к монетке.
Не дотянулись.
Сухими веточками задергались, затрепыхались в воздухе: туда-обратно, от кожаной перевязи, крест-накрест охватывающей туловище, к медленно падающему на землю медяку; ломкое, ненадежное кружево…
И косым веером вспорхнула с полудетских ладоней стая маленьких ножей, совсем не страшных, легких, как осенние листья, как узорчатые снежинки на перевале Фурраш, как тихая смерть на пахнущей лекарствами постели в кругу родных и близких.
Палачи не заслуживают такой смерти.
Боком пополз со ступеней коротыш, булькая трижды вспоротым горлом, почти сразу же рухнул на него сверху приятель с карабином, жутко смеясь во всю глотку, словно пытаясь хохотом вытолкнуть проглоченный клинок; исчезло перечеркнутое стальными птицами лицо усача из автобусного окна, а бритая макушка внезапно взметнулась вверх сорвавшимся бильярдным шаром, и дико смотрели из-под низкого лба две костяные рукояти, прочно утонувшие в человеческих глазницах.
Девочка постояла еще немного, бессмысленно оглаживая перевязь с парой оставшихся ножей, и медленно подошла к автомату, который только что выронил убитый коротыш.
Постояла над оружием.
Повернулась к нему спиной.
После чего бесстыдно задрала подол ветхого платьица, присела и помочилась на короткоствольное дитя стали и пластика.
Подобрала монету, закуталась в шаль и, подпрыгивая, направилась к автобусу — собирать улетевших птенцов.

КНИГА ПЕРВАЯ
НА УПРУГОМ КОНЦЕ СТВОЛА

Нас больше нет.
Остался только холод.
Земля кусается.

И камень жжет.

И. Эренбург
[47]

Глава первая

Хабиб
[48]

Тень от ствола клеймит висок, как вечности печать.
Я слышу голос — это Бог идет меня встречать

Контуры хмурого скуластого лица на фотографии поплыли, смазались, как бывало всегда при установлении контакта; пьяный ретушер бросил поверх изображения сеть паутины, лицо надвинулось, мелькнула совсем рядом ломкая ниточка шрама под левым глазом, кокетливо оттененная глянцем снимка, — и в следующее мгновение Кадаль был уже внутри. На доктора мгновенно обрушилась паническая волна страха, той самой разъедавшей внутренности кислоты, которую человек с фотографии тщательно прятал под маской показного благополучия, заставляя себя вести деловые переговоры, неискренне смеяться, давать интервью, флиртовать с женщинами, время от времени затаскивая то одну, то другую к себе в постель (впрочем, женщины его круга обычно не имели ничего против, до ломаного дирхема зная цену каждому оргазму).
Но за внешней мишурой надменно стоял Их Превосходительство Страх, стоял и ухмылялся, скрестив на груди когтистые лапы. Животный, дикий страх, леденящий душу ужас, щемящая тоска предчувствия, — и по ночам человек вскакивал весь в поту, чувствуя виском беспощадный холод ствола, вжимающегося все сильней в податливую кожу; щелчок взводимого курка погребальным колоколом отдавался в пылающем мозгу, и на какое-то мгновение возникало чувство странного облегчения, а потом…
Ужас овладевает тобой с новой силой, но поздно: боек ударяет по латунному капсюлю, бесшумно — пока еще бесшумно — вспыхивает, дождавшись звездного часа, порох внутри аккуратного цилиндрика гильзы, и неумолимая свинцовая оса в оболочке из нержавеющей стали начинает короткое плавное скольжение по нарезам ствола. Ничего нельзя изменить, неизбежность финала извивается между долями секунды, но последние крохи последнего времени имеют привычку тянуться безумно долго, превращаясь в недели, месяцы, годы, и твоя восковая рука коченеет в отчаянной и безнадежной попытке совершить невозможное: успеть отвести от виска смертоносный ствол, пока пуля еще скользит по нарезам, пока…
Поздно!
Височная впадина лопается под напором — и содержимое твоего черепа, венец сотен веков эволюции, склизкими ошметками выплескивается на свободу.
Что означает: на стену, на колени, на полированную поверхность письменного стола…
Потом — темнота.
Этот навязчивый, повторяющийся кошмар превратил его ежедневное существование в постоянную пытку, каждая ночь грозила стать шагом в пропасть, когда, не в силах больше сопротивляться, он наконец приставит к голове равнодушную сталь и взведет курок.
Равнодушную?
Ждущую?
Или долгожданную?
Человек со снимка вздрогнул, словно звериным нюхом учуяв присутствие чужака в своем мозгу, присутствие мыслящей пули в оболочке из нержавеющей воли, но тревога исчезла, забилась в щель, а вместе с ней начал тускнеть, уходя в небытие, и проклятый кошмар. Человек задышал ровнее, искаженные страданием черты постепенно

разгладились, и, когда милосердный сон принял мученика в свои объятия, на скуластом лице застыло облегченное умиротворение.
Страх отступил.
Доктор Кадаль искренне надеялся, что на этот раз — навсегда.
* * *
Кадаль в изнеможении откинулся на спинку глубокого мягкого кресла и позволил векам сомкнуться. Некоторое время он лежал совершенно неподвижно, расслабившись и мало-помалу приходя в себя. Потом медленно поднял руки к вискам и начал массировать привычные точки, переливая в пальцы адскую боль, взламывающую череп изнутри.
Так бывало всегда после контакта, но сегодня боль казалась особенно сильной. Доктор знал, на что идет, знал всякий раз, беря в руки очередную фотографию, и все его существо противилось предстоящей пытке с первобытной силой, но Кадаль неизменно спрашивал себя: «Если не я — то кто?» В конце концов, ему за это платили, и платили, будем честными, немало. Только из-за денег доктор, пожалуй, не стал бы терпеть жуткие остаточные боли, наверняка забравшие не один месяц его собственной жизни… хотя — кто знает? Сейчас он рассуждает как хорошо обеспеченный человек, каковым и является, а случись ему вдруг потерять все?..
Увы, господа мои, это прискорбно и немножко стыдно, но к комфорту привыкаешь гораздо быстрее, чем к нищете!
Голова уже не раскалывалась, но до сих пор гудела, будто после изрядной попойки, и Кадаль ласкал виски умелыми пальцами, вяло ловя за скользкий хвост змейки возникавших в оттаивавшем мозгу мыслей.
Наверное, это напоминало вид ночного города с высоты птичьего полета: обилие огней, раздражающе ярких, болезненных, но вот они постепенно начинают гаснуть один за другим, и мягкое облако тьмы окутывает город-сознание до следующего вечера.
Точки на висках… мягкие впадинки, трепетно-чуткие ямочки. Они находятся как раз на траектории пули, которую с облегчением пускаешь себе в голову!.. Нет, это не его мысль! Это отголоски мании человека, излеченного полчаса назад. Излеченного — и только?! Не скромничай, дружище Кадаль, — ты спас баловня судьбы, чью жизнь отягощал разве что некрасивый шрам под глазом, от смерти! Спас ничуть не менее верно, как если бы вытащил скуластого из огня или из клыков разъяренного чауша!
Еще день-два, от силы неделя — и чьи-то замечательные мозги замечательно расплескались бы по стене чьей-то замечательной спальни…
Хватит! Кончено! Я сделал свою работу, человек будет жить, достоин он этого или нет, и хватит рефлексировать! Это был не мой кошмар, не мой!!!
Да, конечно…
Доктор понемногу успокаивался — нехарактерная вспышка гнева удивила его самого, — головная боль послушно засыпала до нового срока, и к Кадалю постепенно возвращалась способность к аналитическому мышлению.
Конечно, ужасный демон суицида покинет скуластого, как не раз бежал с поля боя чешуекрылый легион фобий и маний, необузданных страстей, физиологической потребности в опиуме, героине или банальном алкоголе. От племени вечно голодных мучителей Кадаль вот уже несколько лет успешно избавлял своих пациентов, в большинстве случаев даже без их ведома. Но… глубинная язва беспокойства источала ледяной яд, каплю за каплей, напоминая с усмешкой Их Превосходительство Страх: пропасть самоубийства, вдавливающийся в висок ствол, жало металлической осы, с раздраженным гудением покидающей свое гнездо…
Все совпадало в точности, вплоть до деталей!
Он уже видел подобный кошмар. Причем не единожды. Сегодняшний пациент был, кажется, четвертым за последний год.
Или пятым?
Этого доктор вспомнить так и не смог.
Он взглянул на старинные настенные часы — антиквариат, подарок щедрого ар-Рави, с массивными бронзовыми стрелками, в строгом футляре черного дерева.
Половина первого ночи.
Добрый доктор, пора спать.
А как же?.. Нет, завтра, завтра. Все завтра.
Впрочем, уже сегодня.
Тем более — спать.
* * *
Солнечный луч осторожно тронул спящего за плечо, скользнул выше, с трудом продрался сквозь жесткую поросль сизой щеки и попытался заглянуть под неплотно

прикрытое веко. Человек заворочался, отмахнулся от луча, как от надоедливой мухи, но тот все не отставал, все копошился, согревая щеку ненадежным теплом и заставляя плясать попавшие в него пылинки. В конце концов человек приоткрыл левый глаз, тут же зажмурился и отодвинулся в тень тяжелого шелкового полога. После чего, к своему сожалению, проснулся окончательно.

— Без четверти одиннадцать, — пробормотал вслух доктор Кадаль, чувствуя в глотке ласку ржавого рашпиля. — Самое время начать новую жизнь… или покончить со старой.

Пышущий зноем день, один из многих дней Западной Хины, уверенно вступал в свои права, и доктор, с трудом поднявшись, проковылял к окну и включил негромко зажужжавший кондиционер. После чего, дойдя до ванной, тщательно умылся и накинул поверх влажного тела тонкий серебристый с чернью халат кабирской работы и проследовал в столовую.

Завтрак уже ждал его — бдительная прислуга, нутром почуяв пробуждение господина, времени даром не теряла. Прополаскивая горло ароматным кофе и поглощая одну за другой любимые сырные трубочки по-лоулезски, доктор Кадаль просматривал утреннюю газету «Вы должны узнать это сейчас!» — как обычно. Несмотря на претенциозное и малость длинноватое название, газета исправно сообщала хинцам свежайшие новости, а верить ей можно было процентов на семьдесят — согласитесь, для газеты это немало!

«Ну вот, очередное самоубийство! — горестно вздохнул Кадаль, по привычке начавший с колонки происшествий. — Всего тридцать два года… мой ровесник. И не нашел ничего лучшего, чем разнести себе череп выстрелом из револьвера „масуд“ сорок пятого калибра, предварительно забив ствол песком! Голова вдребезги, револьвер, естественно, тоже… Интересно, а его преследовал такой же кошмар?»

Доктор сам изумился подобной мысли — и следом мгновенно нахлынули переживания прошедшей ночи. Вкус кофе и трубочек с сыром был испорчен, день, похоже, тоже, — однако на этот раз Кадаль не дал эмоциям захлестнуть себя. С некоторым усилием ему удалось абстрагироваться от раздражающих видений и принудить сознание расставить домыслы с догадками строго по ранжиру.

Совершенно разных людей преследуют совпадающие вплоть до мелочей кошмары, толкающие несчастных к самоубийству. Причем одним и тем же способом: приставить ствол к виску и спустить курок.

Эпидемия идентичных маний? Социошизофрения?

Это было невероятно, но факт — доктор сам неоднократно присутствовал в кошмарах несчастных. Только он не встречал там ничего говорившего о желании предварительно забить ствол пригоршней песка. До последнего дня он подсознательно запрещал себе думать об этом, сопоставлять, сравнивать; он возвел стену между собой и не собой, став пленником собственной отстраненности.

«…Из револьвера „масуд“ сорок пятого калибра, предварительно забив ствол песком…»

Вирус-мутант суицидальных наклонностей? Любой ученый-психолог или врач-психиатр поднял бы его на смех за подобное предположение, но с некоторого времени доктору Кадалю очень редкие вещи могли бы показаться невероятными.

С того самого времени, как маленький Кадаль, тогда еще никакой не доктор, а обычный ученик пятого класса одной из средних (и весьма средних!) хинских школ, обнаружил, что он не такой, как все.

Кадаль сидел дома и переживал. Сегодня они с его лучшим другом Рашидиком разгрохали булыжниками два окна в кабинете физики. Вредный физик позавчера влепил двойки по контрольной почти всему их классу — и компания вихрастых героев поклялась в страшной мести подлому уроду. Но, когда дошло до дела, штатные хулиганы технично испарились, и под окнами кабинета остались только Кадаль с Рашидиком (не попавшие, кстати, в число двоечников, зато, увы, попавшие в шайку мстителей!). Бить окна было боязно, но Кадаль решительно заявил, что нельзя упускать такой прекрасный шанс утереть нос записным храбрецам, — и вот уже два увесистых камня взмывают вверх, с оглушительным звоном сыплются на асфальт сверкающие острые осколки, а друзья улепетывают со всех ног, и сердце суматошно прыгает в груди. Кажется, все обошлось, никто их не видел…

И тут, прежде чем свернуть за спасительный угол и перейти на безмятежно-неторопливый шаг, Кадаль в последний раз оборачивается и успевает заметить в окне дома напротив конопатую физиономию известного стукача Салмана ан-Машури.

Теперь Кадаль сидел дома, а невыученные математика и чеканные бейты аль-Мутанабби никак не лезли в голову. Тупо глядя на прошлогоднюю фотографию их

класса, которая висела на стене в рамочке, он мог думать лишь о подкрадывающемся завтра, о неминуемом разоблачении и столь же неминуемом наказании. Мама небось опять будет плакать, а папаша, хлебнув пивка, расстегнет армейский ремень…
«Творец, клянусь, я буду самым хорошим мальчиком в Хине, только сотвори чудо: пусть Салман-ябеда обо всем забудет или хотя бы побоится рассказывать… нет, лучше пусть забудет!» Кадаль нашел на фотографии ненавистную конопатую рожу и, сам не сознавая этого, твердил как заклинание, как молитву, как единственные в мире слова: «Забудь! Забудь! Забудь!..» А потом случилось непонятное. Кадаль находился как бы по-прежнему в своей комнате, но одновременно где-то еще, и тот, кто был «где-то», был уже не совсем Кадаль, вернее, даже совсем не Кадаль, а испуганный мальчишка находился внутри того, другого, как дитя ворочается в глубине материнского чрева, будучи чужим и своим сразу, — и тот, другой, вдруг забыл что-то очень важное; он изо всех сил пытался вспомнить, но не мог и расплакался от обиды и бессилия, размазывая слезы по веснушчатым щекам… Впрочем, трясущийся, как в припадке, Кадаль уже снова сидел за своим столом, дома, и только дома, — и у него очень сильно болела голова.
Салман-ябеда ничего не сказал учителю.
И Кадаль, морщась от затаившейся в норах мозга головной боли, понимал: свершилось! Чудо, о котором он молил Творца, действительно произошло вчера, когда, глядя на фотографию Салмана ан-Машури, он твердил: «Забудь!»
Салман забыл!
Более того, никто и никогда не выслушивал с тех пор доносов от конопатого Салмана.
Еще раз испробовать нечто подобное Кадаль решился только через полгода. Снова у него страшно болела голова, зато мама перестала плакать по ночам в подушку, потому что отец наконец вышел из двухнедельного запоя. Как потом выяснилось, в тот день он бросил пить раз и навсегда.
И складские грузчики очень скоро перестали биться об заклад: когда же все-таки Рябой Ганаим не выдержит и возьмет предложенную бутылку пива?!
А маленький Кадаль, наверное, уже тогда понял значение недетского слова «судьба». Поступить иначе означало обмануть Творца, схватить подарок и забиться в угол, не поделившись с остальными.
Факультет психологии Государственного университета фарр-ла-Кабир не дал ответа на вопросы Кадаля, но кое-что ему все-таки удалось выяснить. Не будучи чудотворцем, он мог довольно многое: лечить различного рода мании и фобии, избавлять шизофреников от навязчивых кошмаров, топить в забытьи угнетавшие их комплексы. Он спасал жизнь, казалось бы, безнадежным наркоманам и алкоголикам, постепенно это давалось ему гораздо меньшими силами, так что выкладываться полностью приходилось лишь в наиболее тяжелых случаях.

> Как при лечении тихого внука хинского шахрадара,
> [49]
> нежной души человека, любившего чайные розы и пейзажи работы мастеров прошлого столетия, а также обожавшего гулять по ночам с большим разделочным ножом и размышлять про себя: пройдет ли мучившее его томление, если попытаться отрезать палец-другой вон у той девицы легкого поведения?

Но все это Кадаль по-прежнему мог проделывать, лишь глядя на фотографию своего пациента, входя через нее, как через некие ворота, в сознание больного и промывая застарелые язвы невидимой водой, — Кадаль и сам толком не понимал, что именно он делает, но неудачные попытки можно было пересчитать по пальцам одной руки, в то время как число исцеленных перевалило уже за шестой десяток.
Личный контакт или работа с портретом не давали результата.
Только фотографии.
Кадаль уже давно собирался поэкспериментировать с кино- или видеоизображениями, но все не доходили руки, да и нужды особой пока не было.
Поначалу Кадаль работал бесплатно или за чисто символическое вознаграждение — ему было просто интересно входить в чужие тайники, выбрасывать прочь гниющий мусор, пытаться понять механизм воздействия на психику больного. Да и сознавать, что спас человека, официально признанного неизлечимым, тоже было приятно. Иногда Кадаля — теперь уже доктора Кадаля — начинали терзать сомнения: имеет ли он право вторгаться в святая святых — человеческую душу? Дозволено ли ему менять что бы то ни было в личности своих пациентов, изменяя тем самым и саму личность? Ведь даже избавляя больного от гибельного пристрастия или подавляя мрачный кошмар, он тем

самым убивает частичку чужой души. Пусть больную, завшивленную частичку — но все же… Давно известно, что Творец создает, а Иблис-Противоречащий переделывает; кому служит дар, пришедший из ниоткуда и перевернувший жизнь слабого человека? Доктор Кадаль так и не избавился от подобных сомнений. Но когда он видел возвращающихся к жизни людей, до того одной ногой стоявших в могиле, он понимал, что иначе не может. Он в силах только стараться не переступать ту невидимую черту, за которой заканчивается лечение и начинается насильственное вмешательство в чужую психику.
Черту, отделяющую скальпель хирурга от разделочного ножа внука хинского шахрадара.

Глава вторая

Азат
[50]

Старые долги, новые враги,
все прошло, закончилось быстро так,
что не стать своим ни тебе, ни им.
Не суметь, не дойти и не выстрадать.

— Я вижу, вы изрядно повоевали, висак-баши?

— Так точно, атабек!
[51]

Пожалуй, Карен вел себя излишне вызывающе, проигнорировав предложенное кресло и подчеркнуто соблюдая букву устава, но этот жирный великан раздражал его с самого начала. Вопросами, ответы на которые были скрупулезно выписаны в лежащем перед хайль-баши личном деле Карена Рудаби, только что переведенного из Кабира в Дурбан; дурацкой манерой всякий раз вздымать реденькие бровки после услышанного, отчего складчатая физиономия Фаршедварда Али-бея становилась до противности недоверчивой, как у черепахи, разглядывающей похожий на личинку камешек; шумным сопением и запахом вспотевшего тела, вызывавшим в памяти ароматы зверинца; ну никак не нравился новому мушерифу господин Али-бей, да и вообще сегодня настроение Карена было не из лучших.
— Где имели честь служить?
— В Малом Хакасе, атабек, последние четыре года!
— Внутренние войска? Дорожники?
— «Белые змеи», атабек. Горные егеря.
Брови Али-бея забрались под самую верхнюю складку его лба, где и принялись раздумчиво ползать двумя тутовыми гусеницами.
— И до сих пор всего лишь висак-баши? Интересно, интересно… в связи с чем вам было отказано в повышении? Пьянство? Неуживчивость? Склонность к личному мнению?
Карену надоел этот спектакль. Он сделал несколько шагов, мешком плюхнулся в кресло и приветливо улыбнулся глыбе хайль-баши.

— В связи с рукоприкладством, атабек. Избил непосредственного начальника, курбаши
[52]
Пероза. Нанес телесные повреждения средней и высшей степени при некоторых смягчающих и некоторых отягчающих обстоятельствах. Да вы читайте, читайте, там ведь все написано…

Увлекшись бравадой, Карен пропустил тот момент, когда Фаршедвард Али-бей перестал сидеть за столом и очутился рядом с его креслом. Ощущение было непередаваемым: нечто похожее бывший горный егерь испытал лишь в детстве, когда мама повела его в знаменитый кабирский зоопарк, отвлеклась, обсуждая с подругами способы засолки синих баклажанов, а непоседливое чадо умудрилось забраться в павильон к носорогу-горбачу. По счастью, гора морщинистой плоти не обратила на суетящуюся рядом кроху никакого внимания, разве что хрюкнула недовольно и лениво повела страшным рогом, а Карен вопил благим матом и пытался уцепиться за решетку и носорожий куцый хвост, когда его извлекали из павильона.

— Там написано ровно столько, господин висак-баши, сколько мне заблагорассудится прочитать, — хрюкнул Али-бей раза в полтора внушительней носорога. — Обо всем остальном я буду расспрашивать вас, сколько захочу и когда захочу, даже если для этого мне придется вынимать вас из постели трижды за ночь, всякий раз оттаскивая за уши от голой бабы! Дошло, егерь?! Или перейдем к столь любимому вами рукоприкладству?

— Так точно! В смысле, никак нет, господин хайль…

Карен хотел вскочить, но на середине движения ладонь Фаршедварда тяжко опустилась ему на плечо, и подъем мигом сменился падением. С трудом удерживаясь, чтобы не сутулиться от ласки начальника, Карен стал раздумывать, как изложить Али-бею историю драки с курбаши Перозом. Не докладывать же в самом деле, что пьяный в дым курбаши, которого егеря за глаза прозвали Сукиным Внуком, на ночь глядя ввалился в дом местного старика хакасца, потребовал ужин и в скором времени подавился рыбьей костью. Сочтя это провокацией, Сукин Внук принялся расстреливать почтенного старца, трижды промахнулся, в душевном расстройстве пошел будить егерей из отделения Карена, настаивая на их участии в расстрельной команде, и в результате был изрядно бит взбесившимся Кареном.

Отягчающим обстоятельством здесь являлся факт избиения старшего по званию в присутствии младших по званию, смягчающим — все остальное.

Но, казалось, Фаршедвард уже напрочь потерял интерес к этой истории. Когда Карен наконец открыл рот, ему было приказано заткнуться, и господин хайль-баши принялся без дела слоняться по кабинету, колыхаясь и пыхтя.

От скуки Карен начал разглядывать висевший на стене лук без тетивы. С такими луками танцевали на помосте борцы-нарачи после каждой победы, — Карен не был поклонником устаревшего вида борьбы, считая ее бессмысленным пережитком прошлого и кладбищем пустых ритуалов, но несколько раз друзья все же затаскивали его на соревнования. Многие фармацевтические компании продали бы душу за таинственные рецепты древних борцов, позволяющие безболезненно наращивать вес втрое больше нормального и так же безболезненно возвращаться к обычному телосложению, будь на то воля вышедшего в тираж нарачи, — но тайна по сей день оставалась тайной.

Представив себе резко похудевшего Али-бея, Карен еле удержался от улыбки.

— И как вы относитесь к перемирию, висак-баши? — неожиданно поинтересовался Фаршедвард, стоя к Карену спиной и глядя в окно на плац во внутреннем дворе участка.

— Согласно уставу, — коротко отозвался Карен.

— Конкретнее!

— А как вы прикажете вести военные действия в условиях «Проказы “Самострел”»?! Когда ты не знаешь, на каком выстреле твой собственный автомат вздумает разлететься вдребезги у тебя же в руках! Когда в особых отделах вырастают горы папок с одинаковым заключением: «Преступная небрежность при обращении с оружием», — потому что иначе совершенно нельзя объяснить, почему служака-десятник оставил в арсенале заряженную винтовку, а та начала стрелять! Вдобавок при этом эксперты хором заключают, будто ствол винтовки был забит песком! А в отделениях поговаривают шепотком, что пятый танковый хайль был отозван на прежние позиции, потому что у танкистов те же проблемы — только во сто крат хуже!.. — Карен осекся, немного помолчал и добавил уже совсем тихо: — Впрочем, хакасские боевики тоже не являлись исключением — сам видел… Это не перемирие, господин хайль-баши. Это вынужденная пауза. Боюсь, продлится она не долго.

Фаршедвард Али-бей вернулся к себе за стол и грустно обозрел стопку картонных папок с холщовыми тесемками. Хмыкнул. Взял верхнюю и заглянул в самый конец, туда, где обычно пишется заключение.

— Не тратьте зря пыл, висак-баши. — Звук рождался у бывшего нарачи где-то в области пупка и по дороге обрастал гулкими бархатными обертонами. — Я не глухой.

И смею вас заверить, что, покинув армию и переведясь в полицию, вы не уйдете от столь возмутившей вас реальности. Вот…
Хайль-баши раскрыл папку и показал Карену надпись поперек страницы, сделанную фиолетовыми чернилами. «Преступная небрежность при обращении с оружием» — было написано там.
— Вот такие дела, висак-баши… То, с чем вы столкнулись в армии, — всего лишь первая волна. Сейчас идет вторая. Я прекрасно знаю, что в Кабире тебе выдали не только мушерифскую бляху, но и ишраф, разрешение на тайную слежку и сбор информации. Они там, на Ас-Самак, 4/6, полагают, что это тайна; ты полагаешь, что в случае получения особой информации твой ишраф выведет тебя из моего подчинения и ты станешь героем, пусть даже и посмертно; я же знаю, что все это ерунда. Просто правительство судорожно пытается за счёт увеличения числа «шестерок»… — Хайль-баши попыхтел и продолжил: — За счет увеличения числа «шестерок», отправленных во все концы страны, раскопать хоть что-то. Новичкам везет — вот на что они уповают. И зря. Новичкам везет всего один раз. Они могут завалить ишрафами полдержавы — правда или всплывет сама, или будет найдена профессионалами. Или везение, или работа. А пока что ты, сынок, в моем подчинении, и, уверяю тебя, это не всегда будет приятно.
Если Тот-еще-Фарш ожидал какой-то реакции со стороны нового подчиненного, то он жестоко просчитался.
Карен знал это раньше и лучше многих. Впрочем, хайль-баши Али-бей в число многих не входил.
С момента трагической гибели старой Зейнаб Рудаби, матери Карена, прошло три месяца с небольшим; до того дня, когда четверка беглых смертников захватит рейсовый автобус Дурбан — Кабир, оставалось меньше недели.
И кто-то, кто знал все, сейчас наверняка посмеивался в бороду.
* * *
Свернув с проспекта аль-Мутанабби, Карен некоторое время плутал в хитросплетении совершенно одинаковых улочек, пока сердобольный малыш лет пяти не сжалился над тупым дядей и не указал ему, где находится тупик Ош-Дастан. Малышу это было нетрудно: песочница, в которой он увлеченно лепил громадные чуреки, предназначенные в пищу годовалой сестренке, находилась как раз посередине искомого тупика.
Карен огляделся.
Изъеденные временем несколько-с-половиной-этажные дома, украшенные ведущими под самую крышу наружными лестницами, скрипучими и щербатыми; заросли дикого шиповника, из колючей гущи которых торчат редкие корявые акации; водяная колонка с непересыхающей лужей под носом у крана; покосившиеся лавочки, на одной спит сном праведника бородач в драном халате, а у его босых пяток пасется тощая коза, философски обгрызая края у чего-то, больше всего напоминающего кусок ржавой жести; между косматой козьей шеей и грязной щиколоткой спящего протянута веревка, но понять, кто к кому привязан и зачем, решительно невозможно.
Оазис лени и неизменности.
Легко представить, как прогресс заглядывает в тупик Ош-Дастан, брезгливо морщит нос и поспешно удаляется в более благословенные края.
Гораздо более благословенные.
Осталось только понять, почему Фаршедвард Али-бей, эта гора в пропотевшем мундире (кстати, а где шьют мундиры таких размеров?), этот мушериф-нарачи, запретил Карену снять квартиру по личному усмотрению, а направил именно сюда, снабдив конкретными и недвусмысленными предписаниями?
Нет, непохож был Тот-еще-Фарш на человека, без конкретной цели издевающегося над новым подчиненным!
Поблагодарив добросердечного малыша — дареный медяк тот мигом закатал в очередной чурек, — Карен приблизился к лавочке-ложу и принялся расталкивать спящего. Это давалось с трудом, потому что коза бдительно мекала и норовила приложиться рогом или желтым оскалом к оскорбителю спокойствия. Однако через некоторое время усилия Карена были вознаграждены, и бородач открыл один глаз. Вместо второго красовалось обширное бельмо, открыть которое не представлялось возможным.
— Почтеннейший, — в улыбке Карена прямо-таки выпирал намек на вознаграждение в случае доброжелательного ответа, — не подскажете ли, где здесь проживает бабушка Бобовай?
— Ах ты, прохвост, шакал и сын шакала!.. — просипело откуда-то из-за спины.

Поскольку борода человека на лавке даже не шелохнулась, а сиплый голос был скорее женским, то оставалось предположить, что заговорила коза. Повернувшись, Карен лишь укрепился в этом мнении: кроме козы, за спиной по-прежнему никого не было, а слюнявые козьи губы вызывающе шевелились.
— Бедная старуха живет себе тише мыши, никого не трогает, а эти проклятые так и норовят то пособие урезать, то от жилищного вспомоществования крысий хвост оставить, то шляются тут, вынюхивают, высматривают!..
— Извините, — сказал Карен козе, — но я не…
— Вон она живет, — вместо козы ответил бельмастый бородач. — Вон, на балконе, твоя Бобовай… Подойди, она тебя помоями окатит, а я смеяться стану.
И опять заснул.
Взглянув наверх, Карен и впрямь обнаружил по левую руку от себя серый балкон, полускрытый пыльной кроной акации, и всклокоченную старушечью голову над железными перилами.
Подходить за обещанными помоями почему-то не хотелось.
— Бабушка Бобовай, — наисладчайшим голосом начал Карен, вспомнив тон, каким в детстве разговаривал с мамиными товарками в надежде на сладости, — вы меня неправильно поняли!
— Правильно я тебя поняла, правильно, отродье трупоедов! — донеслось с балкона. — Бедная старуха живет себе, никого не трогает…
Относительно последнего заявления у Карена были изрядные сомнения.
— Я насчет квартиры! — в отчаянии заорал несчастный висак-баши, радуясь, что успел переодеться в штатское. — Мне сказали, вы комнату сдаете!
— А что, если и сдаю?! — Балкон был непреклонен. — Тоже мне, нашел повод медяк у старухи изо рта выдрать! Сдаю я, сдаю комнату, только приличным людям сдаю, а не всяким проходимцам вроде тех, что шатаются без дела да языком в чужих задницах ковыряются!
У Карена оставалось последнее средство. Хайль-баши Али-бей велел прибегнуть к нему в крайнем случае, и этот случай, несомненно, наступил.
— Я от Худыша, бабушка Бобовай! — выкрикнул Карен и сразу замолчал в ожидании реакции, потому что и сам не понимал смысла сказанной фразы. В кроне акации раздалось хриплое бульканье. Не сразу Карен понял, что старуха смеется.
— От Фаршедвардика? Что ж ты сразу не сказал, уважаемый! Подымайся, подымайся, тут ступеньки хлипкие, но тебя выдержат…
Вздохнув с облегчением, Карен уж было собрался проверить прочность ступенек, но ему помешала коза, решившая, что брезент его сумки намного вкуснее ржавой жести.
— Забери свою козу! — еле сдерживаясь, бросил Карен бородачу.
— Это не моя коза, — не открывая глаз, ответил тот. — Это ее коза.
И указал на балкон.
В конце тупика Ош-Дастан, невидимая из-за цветущего шиповника, стояла худая девочка лет двенадцати. Стояла, зябко кутаясь в тяжелую шаль с бахромой, смотрела, как незнакомый мужчина поднимается по скрипучей лестнице.
Смуглое лицо девочки не выражало ничего.
Совсем ничего.

Глава третья

Хаким
[53]

Лежит человек, сну доверясь, лучом, перерубленным дверью.
А вена похожа отчасти на чей-то неначатый путь.
И тихо в районе запястья, как цель, пробивается пульс.

…Избитая до крови степь грохотала, качаясь и подпрыгивая под копытами коня, впереди стремительно росло и надвигалось облако пыли, в глубине его солнечными вспышками то и дело сверкала сталь, темные силуэты всадников сшибались с оглушительным лязгом, криками и ржанием, кто-то кулем тряпья валился под копыта, кто-то вырывался из пыльного пекла, чтобы тут же нырнуть обратно: рубить, колоть, резать — убивать или быть убитым.
Но думать об этом уже было некогда, потому что стена бурой пыли скачком придвинулась вплотную, и в полированном лезвии тяжкого эспадона-двуручника (старая лоулезская ковка, прадедовский меч!) на миг отразилось перекошенное яростью лицо — его лицо с развевающейся гривой льняных волос. Высверк стали со свистом рассек воздух, и еще раз — слева, справа, кособоко валится наземь разрубленный до седла кочевник в мохнатом малахае-треухе, так и не успевший достать кривой саблей обманчиво неповоротливого гиганта, беловолосого гуля-людоеда. Становится тесно, он едва успевает рубить фигуры в удушливой пелене — рубить коротко, почти без замаха, ворочаясь в седле поднятым медведем-шатуном, снося подставленную под удар саблю вместе с частью плеча, отсекая бестолково топорщившиеся железом руки. Кажется, он что-то кричал, когда очередной клинок, устремившийся к нему, легко переломился в выгнутом бараньими рогами захватнике эспадона; получив наконец пространство для настоящего размаха, он очертил вокруг себя плоский круг, подбросив к небу выпучившую глаза голову в мохнатой шапке, чужую зазевавшуюся голову, кусок мертвой плоти, — и на миг запнулся, увидев совсем рядом знакомого воина в сияющем даже под пылью доспехе, в прорезном шлеме, в латных рукавицах (в правой — он знал это! — не было руки, но именно в деснице воин сжимал прямой меч-цзянь по прозвищу Единорог).
Вознеся над собой эспадон Гвениль в традиционном приветствии, он еле успел опомниться, сообразить, где он и кто он, — в лицо брызнуло горячим и красным: зацепили все-таки, ублюдки Хракуташа!
— Лоул и лорды! Н-на!..
Ответный удар двуручника, неотвратимый подобно рушащейся скале, расколол…

Словно подброшенный невидимой пружиной, он резко сел в кровати, закашлялся, давясь чужим хрипом, — и проснулся.
Сон. Всего лишь сон!
Но еще минуту назад жизнь была ослепительно реальна — тяжесть меча в бугрящихся мускулами обнаженных руках, искаженный белогривый лик, мимолетно отразившийся в полированном лезвии, гибнущие враги, резкая боль от случайного пореза, соленый привкус на губах…
Рашид тяжело вздохнул и почесал живот.
Неприятно обозначившееся в последнее время брюшко, словно дразнясь, оттопыривало пижаму.
Переел на ночь, что ли?
Иногда ему, скромному учителю истории, очень хотелось быть таким, как беловолосый гигант во сне, но… каждому свое, как говаривал пророк Зардушт. Рашид аль-Шинби по праву считался отличным специалистом в области истории средних веков, от становления Кабирского Эмирата и до первой трети позапрошлого века, когда распухшая от непомерных завоеваний туша империи начала трещать по швам и распадаться. Через тридцать лет, после многочисленных локальных конфликтов между самозваными эмирами, столицу перенесут в Дурбан, подпишут пакет соглашений с Кименой и Лоулезом (а потом и с остальными, вплоть до Ритунских островов) о невмешательстве во внутренние дела; окончательно получит международное признание упрямый Мэйлань, тут же затеяв кровавую возню с рвущимся на свободу Верхним Вэем, — впрочем, у бывшего эмирата обнаружится свой Верхний Вэй, именуемый Малым Хакасом…
Но это уже новая история.
И у нее другие специалисты.
Аль-Шинби прекрасно разбирался в холодном оружии, в тактике ведения конного и пешего боя, в защите и осаде крепостей, — но из первой секции «рукопашки», куда он пытался записаться еще в детстве, Рашида выгнали как «бесперспективного»; из второй он ушел сам, не выдержав жестокости изнурительных тренировок и ненавидя себя за это; а тайная попытка лично воспроизвести подсмотренный на гравюре прием работы с алебардой привела к тому, что Рашид чуть не остался без ноги — длинный шрам на голени ныл на погоду до сих пор.

Так что Рашид в конце концов раздумал становиться похожим на героя древности и занялся тем, что у него действительно получалось: историческими исследованиями. Каждому свое — пророк Зардушт был прав.
Теперь хаким Рашид если и брал в руки один из хранившихся в дурбанском музее мечей, то с предельной осторожностью и лишь с единственной целью: снять размеры со старинного оружия, сделать несколько снимков в разных ракурсах или перерисовать в рабочую тетрадь загадочные руны, покрывающие клинок.
И, упаси Творец, никаких выпадов или лихих рубящих взмахов! Собственные ноги дороже… да и экспонат испортить боязно, что ни говори.
Но наедине с собой хаким Рашид частенько переставал быть уважаемым специалистом и становился хилым неуклюжим мальчишкой, которого мучают все классические комплексы. Господи, Творец-с-сотней-имен, до чего же иногда хочется почувствовать себя не заплесневелым книжным червем, а настоящим мужчиной, который сидит в седле как влитой, одним ударом тяжелого меча перерубает древесный ствол толщиной в руку, который может, не поморщившись, осушить жбан крепкого кименского хереса, который любят женщины (конечно, имеется в виду мужчина, а не херес)…
В конце концов, ему ведь всего тридцать два! Еще не поздно, еще есть время опомниться, похудеть, бросить курить… Но, бередя застарелые язвы, в глубине души Рашид аль-Шинби сознавал: мечтам суждено навсегда остаться мечтами.
И все же — нынешний сон… Вот как надо снимать фильмы! Это вам не дурацкий бесконечный сериал «Железная Рука» о Чэне-в-Перчатке!
К вящему стыду, Рашид согласился в свое время участвовать в подготовке этого, с позволения сказать, «шедевра» в качестве консультанта-историка. Тогда молодой выпускник Государственного университета фарр-ла-Кабир, собиравший материал для диссертации на тему «Смута Маверранахра и упадок рода Абу-Салим», был не только польщен и обрадован подобным предложением: он искренне надеялся, что получится дельная историческая картина, и стремился внести посильную лепту в благородное дело…
А что вышло?!
Ведь заранее же было известно, дорога в какое неприятное место вымощена благими помыслами…
Киношники внимательно выслушивали многочисленные замечания юного энтузиаста, листали принесенные им альбомы, даже делали какие-то пометки в своих блокнотах, благодарили, руку жали… А когда Рашида пригласили на просмотр первых двух серий, он чуть не упал со стула при виде разросшегося вдвое против реальных размеров Единорога (временами у крестовины меча открывался светящийся глаз, моргал и изрекал всякую чушь лязгающим фальцетом), острого четырехгранника-дзюттэ за поясом у красивого шута Друдла и перекачанного дебила-блондина, вертевшего бутафорский двуручник-эспадон, как бамбуковую палку!
Рашид был так расстроен и возмущен, что поспешил оставить просмотровый зал, забыв потребовать, чтобы его фамилию убрали из титров.
В результате там она и осталась, исправно кочуя из серии в серию под тенорок, гнусавящий за кадром:
«Не возда-а-ам Творцу хулою…» и когда аль-Шинби видел свое имя на экране (или получал по почте мизерный, но регулярный гонорар), у него всякий раз багровели уши.
Хаким прикрыл глаза и вновь ощутил тяжесть меча в руках, услышал хруст ломающейся в захватнике вражеской сабли…
Захватник!
У меча, что лежал под стеклом в Дурбанском историческом музее, у изрядно подпорченного ржавой коростой эспадона, идеей реставрации которого Рашид болел последние полгода, захватник был обломан; и аль-Шинби все не удавалось выяснить, какую форму тот имел, когда еще был на месте.
Теперь он знал!

> Круто загнутые, короткие и прочные «бараньи рога» с отсутствием заточки по иззубренной внутренней дуге. Сам видел… во сне. Сегодня занятий в мектебе [54]
> у него нет — надо непременно сходить в музей: проверить, сделать кое-какие замеры, наброски… Опять же он обещал Лейле навестить девушку «в ее одиночестве» — прекрасная возможность совместить приятное с полезным.

С этой мыслью Рашид аль-Шинби выбрался из кровати и зашлепал в ванную, на ходу расстегивая пижаму.

Первые, еще мягкие лучи ослепительного южного солнца позолотили купола минаретов и антенны на крышах высотных домов — день понемногу вступал в свои права.

* * *

Непривычная пустота в правой руке остановила Рашида возле самого входа в музей. Ну конечно, его портфель вместе со всеми бумагами, рабочей тетрадью и миниатюрным фотоаппаратом «Око-3м» остался в учительской, в мектебе. Вот растяпа!

Рашид почесал в затылке, грустно вздохнул и решил прекратить самобичевание: раз уж он дошел до музея, следует зайти внутрь, а съездить в мектеб за портфелем можно и попозже.

И аль-Шинби неспешно поднялся по истертым ступеням двухэтажного особняка — памятника старины, который столичные власти восемь лет назад отвели под исторический музей, миновал ряд колонн, испещренных выбоинами еще от мушкетных пуль, и потянул на себя массивную ручку-грифона, открывая трехстворчатую дверь красного дерева.

Всякий раз, когда он делал это, ему казалось: там, за дверью, замерло в коме прошлое, и стоит только найти способ реанимации, сбрызнуть недвижное тело живой водой…

Швейцар, несмотря на ранний час, восседавший за конторкой, почтительно поздоровался с «господином хакимом» — Рашида в музее знали все, от директора до уборщиц. Он работал тут не первый год, параллельно с преподаванием собирая материалы для докторской диссертации. За это время с помощью аль-Шинби был отреставрирован десяток ценнейших экспонатов, составлен новый каталог собрания музея, так что «господин хаким» имел не только право свободного входа в музей в любое время суток, но и неограниченный доступ как к витринным экспонатам, так и к обширным запасникам.

Остроглазой Лейлы, дипломницы университета ош-Дурбани, учившейся на реставратора и подрабатывавшей смотрительницей в музее, не оказалось в закрепленном за ней третьем зале — то ли задержалась, то ли выскочила за сигаретами. Пунктуальностью старого швейцара Лейла не отличалась, зато имела массу других достоинств.

Улыбаясь невесть чему, Рашид постоял некоторое время перед узкой застекленной витриной, похожей на хрустальный гроб из сказки: в таких положено покоиться всяким Спящим Красавицам. Но вместо красавицы на алом бархате лежал изрядно проржавевший эспадон (несомненно, родовое оружие кого-то из лордов Лоулеза!) с обломанным захватником и частью крестовины. На рукояти сохранились изъязвленные временем фрагменты накладок из слоновой кости, украшенные резьбой, и Рашид надеялся рано или поздно восстановить весь рисунок, а теперь, после удивительного сна — чем Иблис не шутит, когда Творец спит! — и захватник с гардой! Останется аккуратно снять ржавчину, заново отполировать и запассивировать металл — и будет эспадон, в шутку прозванный Гвенилем в честь полусказочного двуручника, как новенький! Ну, не совсем, но все-таки не очень старенький; припадет губами к клинку великий воин Брюхач аль-Шинби, и очнется меч от забытья, аки красавица во гробе горного хрусталя…

Историк вновь обругал себя за забывчивость; однако сейчас, в рабочее время, вынимать меч из витрины все равно бы никто не дал. Рашид немного успокоился пообещав самому себе обязательно вернуться вечером, и неторопливо побрел из зала в зал, разглядывая по пути давно знакомые экспозиции.

Впрочем, на живую историю Эмирата он мог смотреть часами, всякий раз выгрызая новые мелочи из старой скорлупы: это качество успело принести аль-Шинби определенную известность в ученых кругах.

> В ближайших залах экспонировались знамена и штандарты: Падающий Орел [55]
> на зеленом поле — эмирские стяги фарр-ла-Кабир; белоглавая вершина Сафед-Кух на черни — хоругвь хакасского рода Чибетей; голенастые драконы и ровные столбики иероглифов Мэйлань и Верхний Вэй; серебристые лилии россыпью по треугольному щиту — Лоулез; бунчук о семи хвостах и рогатый череп на древке — Шулма; и дальше, дальше…

Дальше он не пошел.

Сделав небольшой круг, хаким вернулся в третий зал, где были выставлены превосходное холодное оружие и на удивление корявые доспехи эпохи Смуты Мавераннахра — начала Огненного Века.

Лейла была уже там, с мягкой улыбкой поднявшись навстречу Рашиду со скамеечки в углу. В зале, кроме них, никого не было, так что почтенный хаким позволил себе перестать быть почтенным и обнял просиявшую девушку. «В плен я взят врагом коварным, в душный сладкий плен — что там дальше?.. Трам-пам-пам, тирьяри-яри, и не встать с колен! Эх, стихи стихами, а махнуть бы сейчас рукой на все, завалиться в ее каморку, запереться там и…» Увы, Лейла осторожно высвободилась, в ответ на недоуменный взгляд Рашида указав глазами куда-то ему за спину.

Историк обернулся.
Возле витрины с эспадоном стоял не замеченный им угловатый подросток, несмотря на жару почему-то завернувшийся в тяжелую шаль с бахромой. Мальчишка явно был поглощен созерцанием двуручного меча, игнорируя чужие поцелуи.
Лишь через несколько секунд до Рашида дошло, что никакой это не мальчишка, а девчонка лет двенадцати; более того, он видит ее здесь далеко не в первый раз, все чаще — у витрины с предполагаемым Гвенилем.
— Твоя знакомая? — шепотом, чтобы не нарушить благоговейную тишину, царившую в музее, поинтересовался историк у Лейлы.
— Просто девочка, — также шепотом ответила студентка. — Является регулярно, а в последнее время зачастила прямо с утра — вижу ее каждую неделю, если не чаще. Приходит — и стоит перед единственной витриной. Иногда час, иногда два. Бывает, что по залу бродит — только по этому. Странная какая-то…
Рашид ласково погладил Лейлу по плечу и шагнул к девочке.
— Что, оружием интересуешься? — весело спросил он. — Этот меч называется… — Хаким осекся, напоровшись на острый укоризненный взгляд, словно с разгону налетел на спицу. Так смотрят на случайного прохожего, потревожившего тебя на кладбище, когда ты стоишь у могилы кого-то из близких.
Или на бодрячка доктора, когда ты проведываешь умирающего деда в доме для престарелых.
— Извини… — пробормотал Рашид, спеша отойти. Девочка снова повернулась к витрине и застыла в почетном карауле, а историк вернулся к ожидавшей его Лейле.
— Я зайду вечерком? — заговорщицки прошептал он девушке на ухо, одновременно без особого успеха пытаясь выбросить из головы взрослую укоризну во взгляде несовершеннолетней девчонки. — Хочу повозиться с Гвенилем… и не только с ним!
— Ни в коем случае! — лукаво улыбнулась Лейла, обеими руками взлохмачивая черные как смоль волосы, завитые снизу таким образом, что прическа походила на шлем. — Я сегодня допоздна, пожалуй, и ночевать здесь останусь. И так бедной девушке страшновато, так еще и малознакомый мужчина…
Это была их обычная, ставшая традиционной игра, неизменно заканчивавшаяся на маленьком, но весьма удобном диванчике — он стоял в выделенной Лейле подсобной комнатке музея.
Или в квартире Рашида, на широкой пружинящей кровати.
Аль-Шинби уже давно подумывал сделать Лейле предложение, но все как-то не решался, а девушка его не торопила, хотя явно ждала от хакима соответствующих слов.
«Может, сегодня. Или завтра», — в очередной раз замялся Рашид, понимая: непросто быть настоящим мужчиной, даже выпив предварительно жбан кименского хереса!
Поцеловав на прощание Лейлу, он заспешил к выходу из музея.
В любом случае сейчас следовало заехать в мектеб «Звездный час», где аль-Шинби, магистр истории и не последний человек в ученых кругах, преподавал историю средневековья ученикам старших и средних классов.
«Звездный час» по праву считался особенным мектебом.

Глава четвертая
Хабиб

А хочется повыше, хоть чуть-чуть повыше,
А хочется подальше, хоть чуть-чуть подальше,
Ах, как же это вышло, как же это вышло?
Ведь мы такого и не ожидали даже…

…Неизвестно, сколько суждено было Кадалю оставаться нищим энтузиастом, волшебником, неспособным наколдовать себе пару рубленых кебабов и стаканчик вина, если бы на его пути не возник Равиль ар-Рави — дородный громогласный красавец, обладатель густой черной бороды и хитрых глазок, при необходимости становившихся холоднее воды из горных потоков Бек-Неша; хозяин жизни, носящий безупречные дорогие костюмы — и аляповатые перстни с браслетами, единственным достоинством которых были размеры и вес; курящий лучшие дурбанские сигары «Дым отечества» — и стряхивающий пепел прямо на уникальный ковер тринадцатого века; человек с сомнительным прошлым, темным настоящим и, несомненно, светлым будущим.

Впрочем, люди, хорошо знающие Большого Равиля (а таких было немного; вернее, живых немного), полагали всю эту внешнюю мишуру не более чем ловко надетой маской.

Они были правы, знающие люди: и живые, и мертвые.

У Равиля ар-Рави была проблема: его двоюродный брат слишком полюбил тыкать себе иглой шприца в разные части тела, вместо того чтобы уделять внимание делам семьи: врачи оказались бессильны, убеждения — тщетны, а отрезать брата от источников зелья не мог даже Равиль. Особенно если учесть, что… хотя, пожалуй, не стоит учитывать личные обстоятельства семьи ар-Рави.

Себе дороже.

И тогда Большой Равиль обратился к Кадалю.

> Каким образом один из шейхов «Аламута»,
> [56]
> не первый год числившийся среди «горных орлов», вышел на скромного доктора, осталось неизвестным. Заявившись в небольшую квартирку Кадаля и упав в жалобно заскрипевшее под ним кресло, ар-Рави первым делом брезгливо стряхнул сигарный пепел в вазу с ломкими осенними астрами и заявил, что в гробу видал всяких колдунов-чудотворцев и прочих шарлатанов. Но сейчас у Кадаля появился шанс доказать обратное: если брат Равиля выздоровеет, то он, Равиль ар-Рави, будет готов немедленно уверовать в любую паршивую магию, Творца, шайтана, Восьмой ад Хракуташа и во все, что угодно господину Кадалю, плюс успешно подкрепит веру наличными…

В случае отказа у него, шейха Равиля, действительно возникнет повод увидеть господина доктора в гробу.

— Фото, — коротко бросил Кадаль в ответ на эту длинную тираду.

Равиль на мгновение опешил — он не ожидал столь делового ответа от мямли-докторишки, — и во взгляде «орла» промелькнуло нечто похожее на уважение.

— А теперь убирайтесь, — так же спокойно и сухо заявил Кадаль, получив десяток фотографий. — Можете прийти завтра, а лучше — через неделю, когда убедитесь сами, выздоровел ли ваш брат. Но имейте в виду — в моем доме пепел стряхивают в пепельницу.

И грозный Равиль молча ушел, даже не подумав перечить странному доктору, в котором недвусмысленно почувствовал дремлющую до поры силу.

Силу ар-Рави уважал.

Он вернулся через неделю, совершенно обалдевший: двоюродный брат в один день бросил колоться, и даже особой «ломки» у бывшего позора семьи не наблюдалось. Аккуратная пачка казначейских билетов более чем солидного достоинства приятно удивила Кадаля, не привыкшего к высоким гонорарам. И когда искренне благодарный Равиль, долго жавший доктору руку, предложил стать его атабеком, то есть опекуном-покровителем, Кадаль не долго колебался. В конце концов, он будет делать то же самое, что и раньше. А если есть возможность получать за лечение хорошие деньги, почему бы ею не воспользоваться? Доктор Кадаль отнюдь не был святым — просто ему часто не хватало деловой хватки, — зато у Равиля последнее качество имелось в избытке.

> Примерно через час новые партнеры ударили по рукам, и несколькими днями позже доктор Кадаль переехал в дорогой двухэтажный особняк, расположенный в

самом фешенебельном квартале Западной Хины. Напротив, через дорогу, проживал хинский пайгансалар
[57]
с многочисленным семейством и сворой блудливых терьеров, а по левую руку возвышался дом господина сахиб-хабара,
[58]
выстроенный городским архитектором по особому проекту. К счастью, сам Равиль обитал в том же квартале и быстро приучил заробевшего было Кадаля не теряться в высокопоставленной компании.

И уж тем паче не заикаться при каждом случайном «саламе».
Теперь люди Большого Равиля (Кадаль был далек от мысли, что его атабек занимается этим самолично) усердно подыскивали богатых клиентов, нуждающихся в услугах Кадаля, и приносили доктору фотографии «страждущих». Заказы в основном поступали не от самих больных, а от их состоятельных родичей, весьма довольных анонимностью лечения. Поначалу громилы-агенты тоже пытались принять участие в процессе, путано объясняя, как часто забивает косяки тот или иной обдолбай, но доктор всякий раз нетерпеливо обрывал:
— Не беспокойтесь, диагноз я поставлю сам.
Видимо, один из громил в конце концов удосужился разузнать, что значит страшное слово «диагноз», и поделился этой ценной информацией с товарищами. Или ар-Рави посоветовал «орлятам» не гадить в чужие гнезда — короче, больше люди Равиля не докучали доктору невразумительными пояснениями. А после восьмого удачного излечения к каждому комплекту снимков стал неизменно прилагаться внушительный аванс. Аналогичную сумму доктор получал через неделю после сеанса — когда состояние пациента уже не вызывало никаких сомнений.
Сколько навара имел сам Равиль, доктор Кадаль даже не представлял, да и не очень-то задумывался насчет доходов атабека. Иногда он по-прежнему лечил людей бесплатно. Теперь он мог позволить себе подобную роскошь — именно как роскошь, как легкую, необременительную филантропию. Однажды ар-Рави, пронюхав об этом по своим каналам, решил было вразумить Кадаля, но доктор посмотрел на разоравшегося атабека, как смотрел иногда на фотографию несимпатичного ему пациента, и «орел», с хрустом захлопнув клюв, плюнул на ковер и ушел.
А Кадаль задумался: впрямь ли однозначно его неумение влиять на человека при личном контакте?
Позже, успокоив нервы и пригласив доктора отобедать в дорогом ресторане, Большой Равиль с не свойственной ему деликатностью попросил, чтобы Кадаль хотя бы не распространялся о своей бесплатной практике. Если доктору по душе благотворительность — ради бога, все не без греха, одни любят мальчиков, другие субсидируют музеи, но зачем же сбивать цены на свои услуги? Богатые клиенты этого не поймут.
Кадаль согласился, что атабек прав, выпил по поводу примирения бокал шербета и пообещал не афишировать случаи бесплатного лечения.
В общем, недоразумение было улажено, а вскоре между Кадалем и ар-Рави установилось нечто вроде своеобразной дружбы: оба безоговорочно признавали авторитет и незаурядные способности партнера в его области, но при этом симпатия Равиля носила легкий оттенок снисходительности к одаренному свыше, но абсолютно непрактичному «знахарьку», а Кадаль, в свою очередь, ценя деловую хватку и острый ум Равиля, относился к «горному орлу», как к большому ребенку, увлекшемуся опасной игрой и считавшему эту игру единственным смыслом жизни, что, по мнению доктора, было в корне ошибочно.
Но, независимо от нюансов, новые друзья хорошо ладили и были вполне довольны друг другом. Несколько раз они даже отдыхали вместе на курортах побережья Муала или в Озерном пансионате, расположенном в пригороде Дурбана на месте бывшего гарема правителя города.
Впрочем, любая из девочек, приезжавших по вызову в Озерный пансионат, могла дать сто очков форы гаремной наложнице по части умения ерошить мужчинам паховые перышки. Еще бы, девочки были дорогие, а наложницы — бесплатные…
Самое смешное: до сих пор, заходя в цирюльню или чайхану, Кадаль искренне боялся, что у него не хватит денег рассчитаться за стрижку или поджаристый лаваш. Динаров в кожаном портмоне достало бы завалить лавашами всю кладовку, а подстричь на эти деньги можно было бы целый хайль новобранцев — и вот поди ж ты!
Зато в присутствии Равиля доктор ловил себя на том, что начинает сорить деньгами.

Комплексы прошлого.

…Успешное сотрудничество друзей-партнеров продолжалось уже четыре года, но в последнее время кошки все чаще скребли на душе у Кадаля.

Теперь он хотел знать клички этих непрошеных кошек.

Доктор не догадывался, что для этого придется копаться на помойках бытия.

* * *

Взгляд скользил по мелким строчкам газетного шрифта, информация тонким, монотонно журчащим ручейком вливалась в мозг — и тут же падала в некий отстойник, минуя сознание, занятое сейчас совсем другим.

«Вооруженный маньяк застрелил из автоматической винтовки девять человек в центре Дурбана, после чего оружие взорвалось; преступник скончался на месте, не приходя в…»

Еще одно убийство-самоубийство — снова набитый песком ствол?!

Едва не перевернув кофе, доктор Кадаль порывисто вскочил и в два шага оказался у журнального столика, на котором лежала стопка старых газет недельной давности — хорошо, что прислуга не удосужилась их выбросить!

Нужные сведения буквально бросились в глаза: да, вот они — одно, два… и еще два случая подряд до боли знакомых самоубийств! Итого — пять. Столько же, сколько у Кадаля было пациентов с одинаковой манией! А ведь это неполные данные, причем только за последнюю неделю!

«И в трех случаях из пяти фигурируют револьверы марки „масуд“!» — отметил вдруг Кадаль. Возможно — совпадение, а возможно… Он не знал, что еще — «возможно». Возможно было все.

«Демон меня побери! — обожгло доктора. — Неужели всю эту дрянь, кроме меня, никто не видит?! Или видит? Может, делом уже занялись соответствующие службы (Кадаль не очень представлял, какие именно службы в данном случае будут соответствующими) и я просто лезу не в свои шаровары? Только, во-первых, я еще никуда толком не влез, а во-вторых… похоже, влезу!»

Подойдя к телефону, он набрал номер Равиля. Шейха «Аламута» наверняка не было дома, но в последнее время ар-Рави всюду таскал с собой эту новомодную штучку — радиотелефон, так что Кадаль не сомневался: он сумеет вызвонить своего друга и атабека.

В кои-то веки доктору действительно понадобилась его помощь.

— Салам, Равиль… Да, это я, Кадаль. Слушай, у меня к тебе просьба: скомандуй переслать ко мне в почтовый ящик… нет, не ящик, а… ну, телевизор с клавишами!.. Точно! На мой компьютер все, какие найдешь, данные по Узиэлю ит-Сафеду… А что, есть еще один Узиэль, кроме теперешнего главы корпорации «Масуд»?.. Кончай ржать, я не собираюсь заняться промышленным шпионажем… Да, естественно, именно официальные, доступные сведения, за которые не дают пожизненный зиндан!.. Сам? Я его боюсь, этот твой телевизор, а ты говоришь: сам… Что? Включить? Зачем?.. А-а, понял! Ладно, включаю и жду!.. Да, позвоню вечером или завтра. Ас-салам!

Загадочный ящик с кнопками и небольшим телеэкраном принялся злобно бурчать на доктора, изрыгая невнятные гадости и мигая целым созвездием лампочек. Кадаль поспешил отодвинуться подальше — он стыдился признаться, что до сих пор побаивается компьютера, называя его про себя детищем Иблиса. Однако Равиль убедил доктора, что чудо техники может пригодиться, и заставил взять несколько уроков обращения с подозрительным ящиком у застенчивого очкарика — последний, уходя, всякий раз с завистью косился на Иблисово детище и бормотал под нос:

«Везет же…»

Кому именно везет и кому должно было бы везти, если бы в мире царила очкастая справедливость, паренек тактично замалчивал.

Только теперь доктор понял, насколько прав оказался ар-Рави, всегда старавшийся идти в ногу со временем. На обзвон специальных хранилищ, архивов и библиотек, поиск нужных материалов и корпение над ними у Кадаля уже просто не было времени — властная уверенность в этом не поддавалась логическому осмыслению, будучи сродни знакомому ощущению слияния с чужим мозгом. Сколько их оставалось, кругов часовых стрелок по циферблату неведомого? День?

Два? Неделя? Месяц? Хорошо бы — месяц. Но вряд ли. События развивались стремительно и фатально, надвигаясь из-за грани невероятного; и невероятное постепенно становилось маловероятным, а затем — и весьма вероятным, норовя под шумок стать единственно возможным. Что тогда? Человечество отыщет у себя висок, один на всех, и пустит в него пулю?

Предчувствие гигантским кракеном всплывало из потаенных, до сих пор скрытых от него самого глубин, — и Кадаль покорно внимал себе другому, тому себе, который знал куда больше обычного Кадаля, знал, пытался предупредить, никак не мог докричаться и наконец-таки сумел: пусть не сам голос, но хотя бы отзвук, эхо дошло до сознания доктора, и теперь он просто не имел права отмахнуться от слабого отчаянного вопля из толщи души.
Доктор Кадаль боялся только одного.
Что боек уже ударил по латунному капсюлю, что неумолимая свинцовая оса в оболочке из нержавеющей стали начала свое короткое и плавное скольжение по нарезам ствола. Что поздно отдергивать руку — все равно не успеть.
Поздно.
Он боялся этого — и отчаянно раздувал гаснущие угольки надежды.
Информация поступила через час, возвестив о себе радостным звяканьем в электронных недрах Иблисова детища.
Еще минут двадцать ушло у доктора на поиск пришедших файлов; следующие полчаса он выгонял их на экран, как измучившийся пастушонок гонит стадо разбредающихся овец. Но из первого раунда сражения с выкидышем прогресса Кадаль вышел победителем: на бледно-голубом экране все-таки высветилась надпись: КОРПОРАЦИЯ «МАСУД». Далее шли рекламно-информационные разделы: история создания и развития; современное состояние, специализация; технико-экономические показатели и тому подобные сведения — безобидные, вполне годные для восприятия любым обывателем.
Немного освоившись и на ходу припоминая уроки очкастого завистника, Кадаль начал проглядывать раздел за разделом, забираясь во внутренние подкаталоги, испуганно выныривая из них, набирая в легкие воздуха и снова окунаясь в дебри цифр, фактов и терминов.
Если бы он еще знал, что ищет!
Первый «звонок» прозвенел примерно часа через два — когда Кадаль, устав протирать слезящиеся от постоянного напряжения глаза, изучал раздел «специализация». Словно пуля — оса ударила в голову изнутри, разорвав пелену апатичного тумана, постепенно затягивавшую усталый мозг. И доктор внимательно вчитался в текст.
Зацепка?
То, что корпорация «Масуд» производила стрелковое оружие и в первую очередь знаменитые револьверы «масуд» 24-го, 38-го («ар-мушериф»), 45-го и 54-го калибров со множеством модификаций, было известно всем. Но, кроме револьверов и карабинов одноименной марки, «Масуд» производила также автоматическое оружие, бронетехнику, ракетные комплексы наземного базирования и артиллерию — это, пожалуй, оказалось для Кадаля новостью. Криминала тут не было ни на йоту — и тем не менее… Еще четыре известные оружейные фирмы вместе с принадлежавшими им заводами и конструкторскими бюро оказались фактически филиалами «Масуда»: корпорация, которую доктор считал просто одним из крупнейших производителей оружия, на глазах превращалась в колоссального монополиста.
На всякий случай доктор Кадаль сходил в соседнюю комнату и еще раз сверился с газетами. Все совпадало: автоматический пистолет «гасан бен-гасан» и малокалиберный «шакал», из которых застрелились двое самоубийц последней недели, были изготовлены на дочерних предприятиях «Масуда». А это значило…
Ничего это не значило! Если почти все оружие в стране производится разросшейся амебой «Масуда», — информация законная, открытая и ни к чему не обязывающая, — то удивительно ли, что пятерка «маньяков суицида» застрелилась из пистолетов данной корпорации!
Но, с другой стороны, почему именно застрелились — не повесились, не утопились, не зарезались, не выбросились из окна, не отравились газом или цианидом… мал ли арсенал возможностей свести счеты с жизнью?!
…Височная впадина лопается под напором — и содержимое твоего черепа, венец сотен веков эволюции, склизкими ошметками выплескивается…
Неужели всех их преследовал один и тот же кошмар?!
Остынь, дружище Кадаль! Копни статистику: наверняка окажется, что люди вешаются и травятся ничуть не реже, чем стреляются! Выбрось эту чушь из головы, занимайся своим делом: спасай тех, кого еще можно спасти, исправно получая соответствующий гонорар! А не способных рассчитаться с Равилем — в меру сил спасай бесплатно, как делал до сих пор.
И смотри на себя в зеркало, не отводя взгляда.

Доктор Кадаль грустно вздохнул и продолжил поиски, параллельно раздумывая над кандидатурой психиатра, который возьмется вылечить некоего Кадаля от паранойи. Интересно, за какой гонорар?

Был уже вечер, когда он добрался наконец до раздела «Узиэль ит-Сафед: некоронованный король. Глава совета директоров корпорации „Масуд“ об оружии и о себе».

Кадаль отхлебнул чуть горчащего тоника из высокого бокала, на минуту зажмурился, пытаясь восстановить изрядно севшее зрение, — и нажал «ввод».

На экране возникло очень качественное цветное изображение: представительный лысеющий мужчина лет сорока пяти, одет в серый кименский костюм с длинными фалдами пиджака-фрака, стоит и держит в руках новенький револьвер «масуд» 45-го калибра и не то чтобы целится из него в камеру, но щурится так, как если бы целился. Револьвер Узиэль ит-Сафед держал любовно и твердо, словно сына-первенца, сопящего в коконе из теплых пеленок.

Было что-то ненормальное, противоестественное в нарочитости позы, в прищуре стальных (под цвет костюма? или это костюм под цвет?..) глаз генерального директора-оружейника, прицеливающихся в зрителя (или в оператора?) из сына-револьвера…

Доктор Кадаль задумчиво рассматривал детали снимка: иглы черных зрачков, длинные, почти девичьи ресницы, разбегающиеся во все стороны лучики морщинок, презрительные складки возле тонких губ… Взгляд доктора скользнул ниже, будто сорвавшись с кручи лица ит-Сафеда, и Кадаль вздрогнул: на него уставился еще один презрительный черный глаз — зрачок револьверного дула. В гнездах барабана отливали золотом блестящие головки пуль, и весь хищный абрис оружия, казалось, говорил: «Сейчас, сейчас дернется курок-коготь, и содержимое твоего черепа, венец сотен веков эволюции…»

Изображение внезапно поплыло, размазалось под кистью вечно пьяного ретушера, как всегда бывало при удачном контакте, и, прежде чем провалиться в чужое сознание, доктор Кадаль успел обреченно подумать: «Вот и проверил. Значит, годятся не только фотографии…»

В следующее мгновение он был уже там.

* * *

Вокруг него и одновременно внутри зыбко шевелились расплывчатые силуэты, напоминая готовящихся к схватке вэйских бойцовых рыбок-самцов; доктор никак не мог отследить их контуры, потому что и сам был одним из мерцающих призраков, но вместе с тем — всеми ими сразу! Искаженное до неузнаваемости сознание дробилось на немыслимое множество исчезающе малых частиц, чудом оставаясь целым, расплескавшись тонкой маслянистой пленкой по поверхности живого океана, в глубине которого шевелилась заточенная между солеными каплями нежить, не в силах прорваться на поверхность. Этот глубинный напор был древним, как само Время, его сила копилась давно, и сейчас тварь, стремившаяся разорвать сдерживающую пленку, была, как никогда, близка к завершающему рывку, к свободе, к ошметкам содержимого черепа, одного на всех… но — время еще не пришло. Скоро, уже скоро — но не сию минуту.

«Когда?!!» — не слыша самого себя, взвизгнул Кадаль, из последних сил цепляясь за остатки растаскиваемого в стороны «Я»; в ответ беспокойно заворочались зыбкие силуэты, словно дивясь неожиданному вторжению и пытаясь рассмотреть странного пришельца целиком, вместо того чтобы рвать его на части.

Окружающий Кадаля кошмар на миг замер, и какая-то неуловимая часть целого пришла в особое движение. Это было уже не общее хаотическое брожение — нечто двигалось целенаправленно, оно сопровождалось все усиливающимся пароксизмом боли, и Кадаль-организм знал неясным знанием: тайна рождается в муках, чтобы быть безжалостно выброшенной из материнского чрева в никуда, исчезнуть, кануть в небытие…

Внутренности чудовищного, состоящего из миллионов отдельных элементов безликого существа, которым в этот момент был Кадаль, обожгло огнем, и кричащий раскаленный зародыш вырвался на свободу, мгновенно умчавшись прочь, чтобы дрожь извращенного наслаждения-гибели пробежала по гигантскому организму, чтобы боль от вошедшей в нервный узел тупой и ржавой иглы сменилась блаженным чувством, подарком наркотической белены, что течет по венам, разрушая тело, давая взамен возможность забыться, отрешиться от предчувствия неизбежной боли, и от ее наступления, и от ухода, за которым следует новый виток спирали отчаяния и тоски — мука, проклятие, но без нее ты уже не можешь, не в силах представить свое существование…

Сладостный, мучительный экстаз разрушения и смерти!
Кадаль закричал, с усилием вырываясь из засасывающей трясины нечеловеческого кошмара, — и, судорожно глотая ртом воздух, вынырнул на поверхность.

Глава пятая
Азат

Я открываю скрипучую дверь,
я выхожу из тьмы.
Я — это я,
зверь — это зверь,
мы — это мы.

— Пустите меня, я его р-резать буду!..
— Арамчик, миленький, сладенький!..
— Р-р-резать!.. От корня…
— Слушай, Арам, не кипятись, давай как мужчина с…
— Держите его! Соседушки, что ж вы попрятались?!
— Арамчик, родненький, ты его неправильно понял!
— Пр-равильно, сука! Р-резать…
Хор истошных воплей подбросил Карена на постели не хуже подъемного рожка, и опомнился бравый висак-баши только у окна, наскоро протирая заспанные глаза. Впрочем, единственное окно в комнате, выделенной новому постояльцу воинственной бабушкой Бобовай, выходило на другую сторону дома, и видеть из него можно было лишь трамвайную остановку и чахлый сквер за ней.
— Арамчик, я тебя люблю!
— Люби! Ты всех любишь, т-тварь!..
— Нож! Спрячь свой штырь, падла!
Дребезжащий трамвай вразвалочку подкатил к шаткому навесу, двое случайных прохожих стали помогать юной мамаше загрузить внутрь коляску с гукающим младенцем; но всего этого Карен уже не видел. Спешно натянув штаны, он, как был — взлохмаченный, голый по пояс, босой, — вымелся в темный коридор, чертыхаясь, больно угодил плечом в висящий на стене одноколесный велосипед, сослепу кинулся в первую попавшуюся дверь и вскоре оказался на балконе.
— Подобру ли спалось, гостенек? — как ни в чем не бывало осведомилась бабушка Бобовай, не отрывая горящего взгляда от происходящего внизу. Инвалидное кресло старухи подпрыгивало, отражая бурю чувств в бабушкиной душе, сама бабушка опасно напоминала престарелого коршуна хакасских скал, и Карен поразился прочности этого чудо-творения доморощенного механика из тупика Ош-Дастан.
Если сочетание разнокалиберных колесиков, алюминиевых трубок, дощечек и пластмассовых обрезков, именуемое инвалидным креслом, в состоянии выдержать темперамент полупарализованной бабушки…
А если кто-то и решит, что под чудо-творением и так далее имелось в виду отнюдь не кресло, а сама хозяйка Бобовай, то он тоже будет недалек от истины.
— Ах ты, чаушиный помет! Р-резать, тр-ребуху пороть…
— Иди себе умывайся, гостенек, это все ерунда, это Арам-солдат домой вернулся. Сейчас он бычка залетного подхолостит, коровище своей красоту наведет, отведет душеньку — и начнем всем тупиком столы накрывать. Я им долму сделаю, настоящую, с виноградным листом, со сметанкой чесночной… любишь долму, гостенек?
Карен понял, что с его стороны будет донельзя глупо запихивать старуху в комнату, слетать вниз по стене, цепляясь за виноградные лозы, и спасать непонятно кого от непонятно чего. Дитя кабирских закоулков, он прекрасно знал, что в таких домашних разборках больше всего достается непрошеным миротворцам, которые огребают двойную порцию тумаков. Поэтому висак-баши вздохнул, прокашлялся со сна, обеими руками пригладил волосы и, уже не торопясь, выглянул с балкона.

Напротив, у загаженной подворотни, прыгали два петуха и одна курица. Курица была, что называется, вся из себя и не только из себя: пышнотелая, с крашеными перьями, в ночной сорочке с многочисленными прорехами, и в блажном курином кудахтанье через слово мелькало «Арамчик», а через два — «миленький». При всем этом курица успела бросить оценивающий взгляд на полуобнаженного мужчину у перил балкона бабушки Бобовай, и многозначительное подмигивание чуть не заставило Карена попятиться — столько в простом движении век было страсти и женского голода.
В одном же из петухов было несложно признать Арама-солдата, несложно, даже будучи с ним абсолютно незнакомым, — старшинская форма уз-баши и сиреневые петлицы стройбата говорили сами за себя. Карен прекрасно знал, из кого вербуются строительные части, особенно дорожные, предназначенные для работы на износ в труднодоступных местах. Не зря армейские мушерифы регистрировали любой смертный исход в частях дорожников (а также среди населения в результате конфликта с агрессивными полууголовниками), как «вызванный естественными причинами».
Наверное, если бы ревнивый Арам поднял сейчас голову и увидел на балконе висак-баши, с нехорошей улыбкой поглаживающего длинный шрам на предплечье — зарубку на память об одной деликатной встрече, — то позаботился бы буян Арамчик резво убраться куда подальше.
Но Араму было не до того.
Уж чего-чего, а попользоваться своим огнем он не давал никому, всячески норовя это продемонстрировать во всеуслышание и рассмотрение.
— Р-резать!
— Ах, значит так, ублюдок…
Второй петух резво отскочил в сторону, сверкнув фальшивыми перстнями и дутой золотой цепью на шее, и мигом подобрал увесистую штакетину. Ткнул ею в сторону Арама, почти сразу присел на волосатых ногах, смешно торчащих из цветастых трусов, ловко ударил с другого конца, норовя достать пах и прихватив штакетину посередине; завихлял кругом, загарцевал, вертя самозваное оружие и не отрывая глаз от Арамового ножа.
Неизвестно, видел ли он то, что видел Карен: армейский нож Арам держал щепотью, по-хаффски, даже когда перекидывал из руки в руку, так что из пальцев неизменно торчал только кончик бритвенно-острого лезвия; и петуху-гуляке грозили в худшем случае обильные порезы. Такие раны залечивают после всем двором, спрыскивая вином обиду и смытое легкой кровью оскорбление, а бывшие соперники хором проклинают слабых на передок баб и подвешивают курице по синяку с обеих сторон — ни дать ни взять печати на договоре двух уважаемых держав.
Карен покусал губу и собрался идти умываться.
— Тр-ребуху пороть… стер-рвень…
— Арам! Братан! Дай я его…
Цепкая старушечья лапка прихватила Каренов ремешок чище егерского крюка, и немедленно раздался властный крик бабушки Бобовай:
— Сдурел, Руинтан? Мозги в чаче утопил?! А ну брось ружье, ишак драный!
Руинтаном — по-дурбански «меднотелым» — оказался давешний бородач. То ли не удалось ему проспаться со вчерашнего, то ли успел он крепко добавить на рассвете, празднуя восход солнца, но вид у «меднотелого» был жалким. Его качало, он выходил из подворотни и все никак не мог выйти, за ним с меканьем тащилась взволнованная коза, по-прежнему привязанная к грязной щиколотке, и если бы не потрепанная двустволка у бородача в руках, то безобидней человека было бы трудно найти.
— Арам! Братан…
Карен понимал: не успеть. Оба ствола уже поднимались вверх, они плясали, дергались, не в силах сосредоточиться на блудливом петухе, но это было неважно, потому что один из стволов вполне мог отрыгнуть дробью или картечью, и тогда… Бабушка Бобовай отпустила ремешок Карена, скоренько пошарила в недрах кресла, и через секунду в ладонь висак-баши ткнулся кусок металла. Гнутый, клепанный с конца болт с тяжелой граненой шляпкой, отполированный до блеска. И последнее, о чем Карену Рудаби, бывшему горному егерю, хотелось в эту минуту думать, так это о том, откуда болт взялся в инвалидном кресле старухи и какое предназначение выполнял.
— В голову цель, парень, — прошептала бабушка, и было в старушечьем голосе что-то, заставившее Карена вздрогнуть и оценивающе смерить расстояние между собой и бородачом. — В голову, милый… старая я, руки у меня… дрожат руки-то!..
Все произошло одновременно: слепящая молния дурацкого болта, совершенно не предназначенного для метания в пьяных бородачей, но тем не менее на удивление

уравновешенного, — и похмельная судорога, заставившая корявый палец Руинтана дернуть спусковые крючки.
Двустволку неожиданно повело у него в руках, как идущий юзом грузовик по обледенелой дороге, сводящей на нет все попытки водителя совладать со взбесившейся громадой; грохот дуплета вышел сбивчивым, рокочущим, оба ствола лопнули, разворачиваясь удивительным цветком в лепестках огня и дыма, цветок взметнулся вверх, обласкав краем левую сторону лица Руинтана, — и в следующее мгновение исковерканное ружье полетело в одну сторону, а бородач в другую, получив в челюсть шляпкой любимого болта бабушки Бобовай.
А Карен уже несся вниз по возмущенно скрипящей лестнице.
— Ухо, — озабоченно пробасил бородач, садясь и неловко ощупывая голову. — Ухо мое…
— Тебе голову, пропойце, оторвать надо, а не ухо! — рявкнул Карен и только сейчас заметил, что левая половина бородищи Руинтана сильно обгорела, а по шее течет кровь.
— Голову надо, — покорно согласился неудачливый стрелок. — Надо голову, а оторвало ухо…
И повернулся к Карену боком.
В изрядно прореженной гуще волос был виден жалкий огрызок, торчащий клочок хряща, измазанный красной жижей, а само срезанное осколком ухо бородач горестно держал в руке и разглядывал, страдальчески причмокивая.
— Может, пришьют обратно? — спросил он у Карена и сам себе ответил: — Хрена они пришьют, лекаря эти…
Перестала кудахтать курица, спрятал нож в чехол Арам-солдат, бочком-бочком убирался прочь петух-гуляка, норовя исчезнуть раньше, чем вспомнят о нем, причитала на балконе бабушка Бобовай, и шла по тупику Ош-Дастан двенадцатилетняя девочка в ветхом платьице.
Неспешно шла, как по ниточке, странным, подпрыгивающим шагом.
Внимательно осмотрев изуродованное ружье и не найдя ни одной видимой причины для разрыва стволов, Карен перевел взгляд на девочку — ему стоило огромного труда сохранить внешнее спокойствие.
Спутанные черные волосы, тощая, нескладная фигурка, глазищи в пол-лица, костлявые плечики занавешены старинной шалью с бахромой — девочка как девочка, таких двенадцать на дюжину…
Именно из-за этой девочки хайль-баши Фаршедвард Али-бей и приказал Карену поселиться на квартире у бабушки Бобовай; именно за этой девочкой висак-баши Рудаби должен был незаметно приглядывать, ни в коем случае не выдавая себя; именно эта девочка была на фотографии, которую Тот-еще-Фарш показывал Карену, только там шаль валялась у ее ног, тонкие руки-веточки в молящем жесте были вытянуты вперед, и на самом краю снимка смазанным пятном летело нечто мерцающее сизыми отблесками.
Карен смотрел на девочку, а та смотрела на взорвавшуюся двустволку.
Так, наверное, глядят на раздавленного скорпиона.
— …Это моя правнучка, — сказала чуть позже бабушка Бобовай поднявшемуся на балкон Карену. И, подавшись вперед, крикнула девочке поверх перил: — Ну, чего стоишь?! Иди с лозы листьев пообрывай, на долму-то…

Глава шестая
Хаким

А мы давно не видим миражи,
Уверовав в удобных теплых креслах
В непогрешимость мудрого прогресса
И соловья по нотам разложив.

Коридор был совершенно пуст. Рашид шел по блестящему, натертому мастикой паркету, едва подавляя мальчишеское желание разбежаться как следует и вихрем проехаться мимо окон. Но забава, естественная для вихрастого башибузука, предосудительна для почтенного хакима, — аль-Шинби только облизал языком отчего-то пересохшие губы и степенно двинулся дальше.
Не дойдя десяти шагов до учительской комнаты, на дерматине дверей которой красовалась табличка из бронзы с надписью «Ар-хаким», он остановился в замешательстве: доносящаяся изнутри перепалка отнюдь не подразумевала вторжения постороннего, пусть даже и коллеги.
— Мне надоели ваши отговорки! Желающий сделать что-либо ищет способы, нежелающий — объяснения!
— Если почтенный хаким-эмир соблаговолит…
— Не соблаговолит! Почтенному хаким-эмиру надоело благоволить к бездельникам! Или вам неизвестно содержание второго тома «Звездного Канона» великого Абу-Рейхана Беруни?! На носу Ноуруз, семя весеннего равноденствия, месяц Фравардин, Солнце неуклонно близится к Овну, а вы все не можете разобраться с этой девчонкой! В течение недели, максимум двух — вам ясна моя мысль, уважаемые?!
— Клянусь! Приму меры! Разобьюсь в лепешку!

> — Вот-вот! Непременно примите и разбейтесь… вернее, примите или разбейтесь. Госпожа Коушут, а вас я убедительно прошу сопровождать мягкотелого надима [59]
> Исфизара и проследить, чтобы все прошло как надо! Я не расположен повторять сегодняшний разговор.

— Будет исполнено, господин хаким-эмир…
Табличка на двери содрогнулась, и из учительской комнаты поспешно вышли двое: государственный надим Исфизар, которого учащиеся давно прозвали Улиткины Рожки, и госпожа Зейри Коушут, сотрудница администрации мектеба с правом преподавания. Видимо, выговор самого хаким-эмира подействовал на обоих, как шпоры на оразмского скакуна: глаза разгорелись, ноздри порывисто трепетали, шаг превратился в чеканную поступь, и даже в рыхлом лице Улиткиных Рожек появилось что-то воинственное, не говоря уже о госпоже Коушут.
Это была презабавная парочка. Рашид посторонился, чтобы пропустить коллег, но те не обратили на него ни малейшего внимания. Пожалуй, встань аль-Шинби на дороге у Зейри Коушут и господина надима, они сшибли бы его с ног и прошлись бы по уважаемому хакиму, не замедлив шага. «Странные мысли, однако, иногда лезут в голову, — подумал Рашид, провожая коллег взглядом. — „Звездный Канон“ Беруни, том второй… Что ж, у всех свои странности!»
С его точки зрения, руководство мектеба было помешано на астрологии — возможно, именно поэтому мектебу было присвоено имя Омера Хаома, знаменитого звездочета при дворе хаффского Малик-шаха, прославившегося составлением календаря «Джалали» и преследованием известного поэта того времени Гия-саддина Абу-л-Фатха. За эти преследования хаффцы прозвали Омера не Хаомом, а Хайямом — от слова «хайя», что означает «гадюка». Но прошлое остается прошлым, каким бы варварским оно ни было, а настоящее — настоящим.

> Каждому учащемуся «Звездного часа» составлялся отдельный общий гороскоп, отдельный солярный, таблица биоритмов, диаграмма глобальных и частных тенденций; обучение велось по обычной программе, но непременно с учетом тайного влияния звезд — если небо противилось на этой неделе постижению альмукабалы,
> [60]
> то семинары по данному предмету переносились на следующую неделю и весь мектеб сосредоточивался на этике, химии и физкультуре. Большинство ординарных хакимов относились к астрологии более чем равнодушно, но внушительное жалованье позволяло смотреть сквозь пальцы на любые причуды начальства и стоически сносить неожиданные перестановки в расписании.

Надо отдать должное, в «Звездном часе» была отличная успеваемость. И вовсе не потому, что половину учащихся составляли дети известных особ или их близких родственников. Да, семьи таких учеников изрядно субсидировали мектеб, подкрепляя динары своим влиянием; но вторая половина школьников делилась, в свою очередь,

пополам — талантливые ребята, разысканные администрацией не только в Дурбане, но и во многих других городах страны, а затем переманенные в мектеб, и те счастливцы, чей жребий выпал в «Лотерее Двенадцати Домов». Последних брали, что называется, на полный пансион, невзирая на происхождение и достоинства.
Рашид вздохнул, выбросил из головы астрологию и специфику формирования контингента учащихся (ишь, завернул, учителишка!), собрался переждать, пока господин хаким-эмир покинет комнату через вторую дверь, и только потом зайти туда за фотоаппаратом, но, приблизясь к подоконнику, обнаружил у батареи небольшой глянцевый листок.
Фотоснимок.
Еще минуту назад его здесь не было — не иначе, выпал у госпожи Коушут или надима Исфизара, когда те торопливо двигались прочь от грозной комнаты «Ар-хаким».
Рашид наклонился и поднял фотографию.
На переднем плане была запечатлена девочка, которую уважаемый хаким не далее как час назад видел в дурбанском музее, в третьем зале. Худой смуглый подросток — в ветхом платьице, носатый, глазастый («Савсем тощий дэвочка!» — ухмыльнулся Рашид, неумело скопировав хакасский акцент), со странно неподвижным лицом. У ног девочки валялась старинная шаль с бахромой, тонкие руки тянулись вперед в молящем жесте, а у самого края снимка виднелось смазанное сизое пятно — что-то летело в неизвестность, за край кадра.
«…Солнце неуклонно близится к Овну, а вы все не можете разобраться с этой девчонкой!»
Что ж это за такой цветок Дурбана, которым интересуются все, вплоть до руководства мектеба?! Да и он сам, Рашид аль-Шинби, не исключение…
Пойти и отдать фотографию хаким-эмиру? Нет, еще раскричится, он и так не из приятных собеседников, а сейчас вдобавок гневается… Лучше, пожалуй, разыскать завтра госпожу Коушут и вернуть снимок ей. Мысль о реальном поводе заговорить с госпожой Коушут приятно ободрила Рашида. Он боялся признаться самому себе, что его тянет к Неистовой Зейри, но тянет не как мужчину к женщине, а скорее как полюс магнита к противоположному полюсу. Он был историком, она — сотрудником администрации с правом преподавания и вела семинар по астрологии в старших классах; Рашид был застенчив и скромен, Неистовая Зейри все свободное время пропадала в школьном тире, обожая стрелять и умея это делать; Рашид за всю жизнь ни разу не ударил человека, госпожа Коушут три раза в неделю посещала тренировки школьных охранников — те занимали спортивный зал в свободные от уроков часы. При взгляде на Неистовую Зейри застарелые комплексы Рашида разгорались с новой силой, вынуждая искать встречи или хотя бы мимолетного разговора с ней.
Идея обратиться к психиатру совершенно не вдохновляла аль-Шинби — да и что он мог сказать врачу? Почтенный хабиб, меня тянет к моей коллеге? Я рыхлый и неуклюжий — вылечите, умоляю!
Увы, хаким-историк абсолютно не интересовал госпожу Коушут даже как собеседник: она была неизменно вежлива и равнодушна.
Лишь однажды она просидела вместе с Рашидом в давно облюбованной преподавателями кофейне около часа: это когда аль-Шинби за чашечкой кофе случайно заговорил о временах Смуты Маверранахра. Зейри Коушут раскрыв рот внимала рассказу о великих потрясениях и трагических переменах далекого прошлого, о взорванном Аламуте, Орлином Гнезде убийцы ас-Саббаха, о терроре оставшихся «птенцов», чьи ножи и яды успешно подрезали под корень древо правящей династии, и славный род эмиров Абу-Салим иссяк менее чем за полвека; об отравлении Чэна Анкора-Вэйского в далекой Шулме, о великой борьбе за бунчук власти между тысячником Джангар-багатуром, опекуном детей погибшего правителя, и западными нойонами-вольнодумцами — в результате степь была обильно полита кровью и засеяна костями, и еще в начале позапрошлого века нищей Шулме было окончательно отказано в присоединении к эмирату (хватало своих забот, чтобы взваливать на себя еще и чужие); об изобретении кименскими механиками ударно-спускового механизма, сменившего гаснущий от дождя и более громоздкий фитильный запал — в результате мушкетеры-наемники Кимены стали решающим доводом во многих затянувшихся спорах…
Он все рассказывал, историк аль-Шинби, толстеющий книжный червячок, все ковырялся в подгнившем яблоке прошлого, а госпожа Коушут внезапно потеряла к повествованию всякий интерес, зевнула и вскоре распрощалась.
Хай, пророк Зардушт-умница: каждому — свое?
Каждому.

Свое.
…Уединившись в учительской комнате, Рашид первым делом отыскал забытый портфель и, расчехлив фотоаппарат, убедился в том, что пленка закончилась. Впрочем, в отдельном кармашке у него хранилась запасная; сменив кассету, хаким уже собирался направить аппарат на стену и щелкнуть два-три профилактических кадра, как всегда поступал в подобных случаях, но неясный порыв остановил его руку.
Рашид достал из бокового кармана фотографию девчонки из музея и еще раз поглядел на нее.
Бросил снимок на стол, прикинул освещение и, наведя объектив на подобранный в коридоре листок, спустил затвор аппарата.
Как курок, подумалось хакиму.
Он улыбнулся, «передернул затвор» и трижды повторил процедуру.
Потом спрятал все, кроме фотографии нелепой девчонки, в портфель, со снимком в руке вышел в коридор и сердце сбивчиво екнуло, хотя никаких особых причин не наблюдалось.
Просто навстречу Рашиду вразвалочку шел хайль-баши дурбанской полиции господин Фаршедвард Али-бей.

> Племянник гиганта-мушерифа, младший сын погибшего в Малом Хакасе канаранга [61]
> Тургун Али-бея, учился в шестом классе мектеба «Звездный час».

* * *
Пару месяцев назад (или больше?.. хаким не помнил) Рашида обуяла беспричинная сонливость. Он только и делал, что прикрывал рот ладонью — челюсти раздирала необоримая зевота; встать утром по требовательному зову будильника было равносильно новому сотворению мира из подручных средств; и если раньше хаким не мог заснуть без таблетки-другой снотворного — возбужденный мозг отказывался расслабляться, — то сейчас…

> Он стеснялся этого, он делал все, чтобы окружающие не обратили внимания на его зевающий рот, и поэтому лишь дней через десять заметил: он не одинок в поединке с коварной дремой. Зевали преподаватели мектеба, сладко потягивались ученики, на улице моргали воспаленными глазами дворники и мушерифы, водители трамваев клевали носами, дремали в приемных заждавшиеся посетители — и чиновники в кабинетах делали то же самое, подхватываясь в испуге и крича на дабиров,
> [62]
> выворачивающихся от зевоты наизнанку.

Всем хотелось спать.
Поговаривали о разбившихся самолетах и сошедших под откос поездах — пригревшийся пилот или погруженный в забытье машинист не совладали с управлением. Светила медицины искали причину в накопившихся изменениях человеческого организма, обвиняя попеременно состав пищи, очистку питьевой воды и побочные явления употребления капель от насморка. Астрологи дружно кивали на число градусов возвышения и азимутальное число относительного дурбанского меридиана; им верили не больше, чем светилам медицинского небосклона, но резко вырос спрос на дешевые книжечки типа «Хочешь ведать свой конец — не забудь, что ты Телец!». Священнослужители валили все на разгулявшегося Иблиса и близкий Судный День: на дворе благополучно стоял пять тысяч девятьсот девяносто седьмой год от сотворения мира, и до шестого тысячелетия оставалось времени с гулькин нос, — а шайтан, как известно, радостно чихает от цифры «шесть».
Рашида не особо интересовали причины повальной сонливости. Мало ли… как объявилась, так и пройдет. Он был фаталистом, подобно большинству интеллигенции, и разве что однажды позволил себе заглянуть в лечебный центр мектеба за каким-нибудь возбуждающим снадобьем — завтра предстояла серьезная работа.
По дороге туда хаким черной завистью завидовал Неистовой Зейри, грозному хаким-эмиру «Звездного часа» и еще нескольким сотрудникам администрации — эти были неизменно бодры и подтянуты, что на общем дремлющем фоне выглядело особо подчеркнуто.

Получив трубочку с белыми, не внушающими доверия таблетками, аль-Шинби заболтался с симпатичной лекарихой, а когда та выбежала на минутку, машинально взял со столика лист с чьими-то анализами.
Старая привычка — когда нечего делать, начинаешь читать всякую чушь, подвернувшуюся под руку. Газеты, программу телепередач, инструкцию к электрочайнику…
Это были данные повторного анализа мочи шестиклассника Валиха Али-бея, сына погибшего канаранга Тургуна и племянника хайль-баши Фаршедварда.
В моче почтенный хаким понимал примерно столько же, сколько симпатичная лекариха — в Смуте Маверранахра (последнее слово дамочка наверняка считала особо изысканным ругательством!), и поэтому Рашид почти сразу собрался положить листок обратно, но его заинтересовала предпоследняя снизу строка.
Там было сказано, что, согласно анализу, транквилизатор имеет место пребывать в указанной норме, и назывался вышеупомянутый транквилизатор точно так же, как снотворное, весьма знакомое аль-Шинби. Иногда он глотал синенькие капсулы, когда не мог уснуть, — но это «иногда» в текущем месяце не соизволило наступить. И без того веки по вечерам кажутся неподъемными… Впрочем, нельзя сказать, что Рашид очень уж возбудился при виде загадочной строки в анализе — возбуждающие таблетки гораздо лучше справились с дремой, жаль лишь, что временно; но некий зануда-червячок пробежался по закоулкам сознания: в сонном мире обнаруживается двенадцатилетний мальчишка, которому приходится употреблять снотворное?!
Неспящий Красавец?
Бред какой-то…
Встретив через день дядю маленького Валиха Али-бея — господин хайль-баши нередко проведывал своего любимца, — Рашид уж совсем было вздумал поинтересоваться здоровьем ученика и загадочным транквилизатором… но после первых «саламов» речь сама собой зашла про успеваемость, потом про финансирование мектеба, а затем в коридоре показался их превосходительство хаким-эмир, и Фаршедвард Али-бей направился к нему.
Через восемь дней мир перестал зевать.
А Рашид аль-Шинби напрочь забыл про анализ маленького Валиха — и вспомнил только сейчас, стоя в пустом коридоре и здороваясь с господином Али-беем.
— Что это у вас, уважаемый хаким? — странным тоном проговорил огромный мушериф, останавливаясь рядом.
Рашид опустил глаза и воззрился на оброненный госпожой Коушут снимок.
— Да так… — смущенно пробормотал историк. — Просто фотография…
Не объяснять же господину хайль-баши, в самом деле, предысторию находки — в очевидные вещи люди верят туго, еще решит, чего доброго, что уважаемый хаким увлекается юными девочками больше, нежели подобает работнику мектеба «Звездный час»!
Если шаль валяется у ног девчонки, возможно, на последующих снимках у ног станет валяться и все остальное?
— Разрешите? — Глянцевый листок птицей выпорхнул из пальцев Рашида, и Фаршедвард Али-бей принялся разглядывать изображенное на нем.
Круглое лицо хайль-баши озабоченно морщилось, реденькие бровки ползали у кромки коротко остриженной челки, и почему-то в ушах историка отдаленно прозвучали скрежет металла, ржание коней и грохот сшибающихся всадников.
— Замечательный кадр, — наконец прогудел хайль-баши. — Динамичный, образный, вдобавок это пятно у кромки… Не поделится ли почтенный хаким опытом: как ему удалось сделать такую потрясающую фотографию?
— Видите ли, — замялся Рашид, всеми фибрами души ощущая неуют и беспокойство. — Как вам сказать…
Но Фаршедвард Али-бей, казалось, его не слышал.
— Замечательно, — бормотал он, вертя снимок то так, то эдак. — Прекрасно… Не подарите ли вы мне ваш шедевр? Полагаю, у вас остались негативы? Я даже согласен заплатить — работа того стоит!
— Что вы! Заплатить? Я не…
— Ну и чудненько! Ас-салам, господин аль-Шинби, до встречи!
Рашид тупо смотрел вслед удаляющемуся хайль-баши, проклинал свою застенчивость и понимал: десять минут назад рукой историка водила сама судьба, подсказав сделать несколько пробных копий с упорхнувшего снимка. Вернее, копий он еще не сделал, но — дай Творец, чтобы первые кадры не оказались засвеченными! — обязательно сделает, завтра или в крайнем случае послезавтра, после чего отдаст госпоже Коушут…

«Или вообще не отдавать? — внезапно подумал аль-Шинби. — Никто меня, поднимающего фотографию, не видел; этот жирный мушериф-фотолюбитель наверняка уверен, что я сам снимал дурацкую девчонку…»
Так и не решив до конца, что он будет делать, Рашид направился по коридору к лестнице, ведущей на первый этаж.
Ему никак не удавалось избавиться от ощущения, что его только что обокрали. Пустота гулко подсмеивалась над каждым шагом хакима.

Глава седьмая
Хабиб

Что-то не так? — но выключи свет.
Пусть темные мысли приходят к тебе.
Сны о лгунах, сны о войне, сны о драконьем огне
и сны о тех тварях, что норовят тебя укусить во сне.

Он лежал на полу, лицом вверх, глядя в салатного цвета потолок, расписанный тонким витиеватым орнаментом. Кадаль не знал, сколько прошло времени, сколько он пробыл… даже не в обмороке, а в каком-то сумеречном, нереальном забытьи, в муторном ничто без времени, без пространства, без жизни и смерти.
Голова не просто раскалывалась от боли — создавалось впечатление, что перезревший орех давным-давно раскололся от напора изнутри и теперь в дымящихся остатках мякоти копошатся злые красные муравьи, все глубже вгрызаясь в бугристую плоть.
Доктор Кадаль терпеть не мог таблеток, но чутье раненого животного подсказывало, что одним точечным массажем ему не обойтись. С немалым усилием встав на четвереньки, он добрался до ореховой тумбочки в углу комнаты, зубами вцепился в полумесяц медной ручки (оторвать от пола хотя бы ладонь было равносильно новому обмороку), выдвинул на себя верхний ящик, и, когда тот упал на ковер, он позволил и себе рухнуть рядом, после чего вслепую нашарил упаковку нейролгина.
Минут через двадцать полегчало. Экран Иблисова детища все еще злорадно светился, но содержавшийся в нейролгине транквилизатор уже начал действовать, так что доктор, погрозив голубому квадрату кулаком и жадно допив остававшийся в бокале тоник, поплелся в спальню.
Уже выключая свет, он вдруг понял, что боится.
Боится спать.
Боится гостей, что могут прийти к нему во сне.
Но, когда изнеможение склонилось над кроватью и поцеловало его в лоб, страх отошел в сторону и уступил место сну.
* * *
Нет, он не хотел застрелиться, ему отнюдь не снилась скользящая по нарезам ствола пуля — но злой красный муравей, один из многих, всю ночь пытался добраться до него. Это доктор знал точно. Пытался, но не мог нащупать нужную дорогу своими усиками, словно вдруг ослеп, потерял чувствительность, или он, доктор Кадаль, стал для муравья невидимым. Насекомое было рядом, тельце цвета запекшейся крови неутомимо рыскало в беззвездной ночи, пытаясь прорвать завесу мрака или хотя бы просочиться сквозь нее — но тьма не ведала пощады.
А к утру муравья позвал муравейник.
Кадаль проснулся разбитым вдребезги, как уроненный на бетон фарфоровый чайничек, хотя головная боль практически прошла. Заставив себя сжевать бутерброд и выпив вместо одной две чашки крепчайшего кофе, доктор взялся за телефон.
— Равиль? Нам надо встретиться… Да, раскопал. Возможно, у меня попросту не все в порядке с головой, но это вряд ли… Говоришь, и раньше не в порядке было? Может быть… Это не телефонный разговор!.. Почему именно ты? Потому что мне больше не с кем посоветоваться!.. Да ни за кого я тебя не принимаю, но надо что-то делать!.. Хорошо, хорошо, ровно в три в «Розарии». Ас-салам.

Со дня их первой встречи Равиль совершенно не изменился: дородный, бородатый, громогласный вулкан, вечно окутанный клубами сигарного дыма и засыпающий все вокруг равномерным слоем пепла — при этом каким-то чудом ухитряясь не запачкать собственный костюм. При виде атабека доктору сразу полегчало: от ар-Рави исходила такая энергия, такая аура плотской материальности, что в его присутствии все мрачные кошмары развеивались сами собой.

«Шизофреникам надо его показывать, — подумалось ни с того ни с сего. — Трижды в день, после еды. Мигом вылечатся. Вот и мне уже лучше…»

— Ну, докладывай, знахарек! — прогудел Равиль, огрев Кадаля ладонью по плечу и плюхаясь в кресло напротив.

— Для начала — закажи что-нибудь выпить.

— Ты же не пьешь! — искренне изумился Равиль, неоднократно пытавшийся в прошлом совратить доктора на адюльтер с рюмочкой.

— С этого дня — пью.

— Вах, праздник, пир горой! — обрадовался «горный орел», щелкая пальцами на весь «Розарий». — Вина! Лучшего в мире вина мне и моему другу! Ширазского мускателя!

— Пусть принесут коньяк. Помнишь, ты еще говорил, какой лучше… а, вспомнил — «Старый Кабир».

— Ого! Ну ладно, коньяк так коньяк, тоже дело хорошее. Присоединяюсь.

После первой рюмки Кадаль некоторое время сидел, прислушиваясь к новым ощущениям, снова наполнил крохотную хрустальную емкость и только тогда заговорил:

— Даже не знаю, с чего начать, Равиль… Ты ведь в курсе, как я работаю? Вкратце: беру фото, смотрю и… и лечу. Нет, я не способен прочесть мысли клиента, не раскатывай свою волосатую губу, но я чувствую фобии, что его угнетают, ощущаю их как собственные недуги, как больную печень или язву желудка, я хочу выздоровления — и оно приходит. Вот… вот и все.

Равиль согласно кивнул — Кадаль уже когда-то рассказывал ему об этом — и стряхнул пепел в стаканчик с бумажными салфетками, хотя рядом стояла нетронутая перламутровая раковинка.

— Короче, вчера я случайно влез в голову к одному человеку.

— К кому? — подался вперед ар-Рави, и влажные глаза шейха на мгновение сузились.

— Ты уже понял, к кому. К Узиэлю ит-Сафеду, главе совета директоров «Масуда».

— Ты с ума сошел! — выдохнул Равиль, и доктору на мгновение показалось, что случилось невероятное: его друг и атабек напуган.

— Я чуть не сошел с ума. Ит-Сафед… не человек, Равиль! Он только притворяется человеком! Он… он чужд нам больше, чем жужелица, чем дождевой червь!

— Не мели ерунды! — Равиль уже успел взять себя в руки, став прежним вальяжным атабеком, и принялся неспешно пить коньяк мелкими глоточками. — Ну, допустим, что у ит-Сафеда проблемы с мозгами — не буду спорить, тебе виднее, хотя я-то с ним знаком лично… виделись пару раз на приемах. Человек как человек, руки две, ноги две, уши на месте…

Равиль вздрогнул и пролил коньяк на галстук.

— Ты что, его вылечил? Бесплатно? — дошло вдруг до атабека.

— Я его не вылечил, — тихо произнес доктор Кадаль, отхлебнув из рюмки и не почувствовав вкуса. — Его не может вылечить никто. Если Узиэль ит-Сафед — человек, в чем я лично сомневаюсь, то у него какое-то совершенно жуткое расщепление сознания! Множественная шизофрения, если можно так выразиться. Тысячи, миллионы микросознаний… не сознаний даже — микропсихик, что ли? — объединенных общей маниакальной идеей.

— Сам ты микропсих! — натянуто улыбнулся Равиль. — Тоже мне: здоровый знахарь Кадаль и больной господин ит-Сафед… И что же это за идея?

— Тотальный суицид! Добровольное самоубийство — но самоубийство непременно всех. И, по моему, оно заразно.

— Не понял? Ну пусть даже Узиэль — шизофреник, но как можно заразиться чужой дурью?! Половым путем? Вроде триппера?

— Не знаю. До сих пор я не говорил тебе, но у нескольких клиентов, которых я вылечил за последний год, были совершенно одинаковые, совпадающие даже в деталях кошмары. Равиль, это были его кошмары! А скольких еще они преследуют? Сколько несчастных уже покончили счеты с жизнью или сделают это сегодня, завтра, через неделю?!

— Кончай орать, — поморщился ар-Рави. — Не на скачках. Я не понял и половины из того бреда, что ты тут наговорил, но допустим даже, что ты прав — до сих пор в своем деле ты обычно оказывался прав. Допустим. Ну и что с того?
— Как — «что»?! — опешил Кадаль.
— Пей коньяк, знахарек. Что ты лично намерен предпринять? И чего ждешь от меня? Думаешь, я выплюну сигару и побегу грызть врага зубами? Ты неверно думаешь, приятель… Если Узиэль ит-Сафед — сумасшедший, то он опасный сумасшедший, а я не расположен дергать чауша за усы. Говоришь, его дурь заразна?
— Да, — кивнул доктор.
— Те, кто ухитрился заразиться, плохо спят по ночам и пускают себе пулю в лоб. Кое-кому ты успел помочь, но многие, как ты считаешь, обречены. Так?
— Так.
— Тогда возникает несколько вопросов. Первый: почему псих ит-Сафед до сих пор не застрелился сам?
— По-моему, он хочет умереть только вместе со всеми людьми. — Доктора передернуло от собственных слов.
— И ждет, пока вся держава застрелится из его пистолетов? Долго ждать придется. Ну, допустим. Ты не находишь, что сегодня у нас день допущений? Второй вопрос: как, по-твоему, передается наш огнестрельный насморк?
— Предполагаю, через оружие, произведенное корпорацией «Масуд»!
— Ты предполагаешь? — Голос Равиля стал тихим и вкрадчивым, это не предвещало ничего хорошего, но Кадаль уже не мог пойти на попятный.
— Я рад, я очень рад, дружище… Ну тогда — последний вопрос: какого шайтана я здесь сижу и слушаю всю эту дерьмовую чушь! — заорал, багровея, ар-Рави, и доктор Кадаль невольно вжался в кресло. На мгновение ему стало страшно, но он все же пересилил себя.
— Потому, — почти прошептал он, — что безумие ит-Сафеда пыталось добраться и до меня, Равиль.
— Что?! — Ар-Рави растерянно заморгал и пропустил тот момент, когда стеклянная вращающаяся дверь ресторана пришла в движение, пустив по залу веер неярких бликов от мягко горевших под потолком ламп. Спустя секунду в зале возник человек в длинном плаще болотного цвета. На бледном заострившемся лице безумные глаза горели, словно фасеточные блюдца стрекозы на летнем лугу, а в руках человек сжимал автоматическую винтовку «бастард».
Пришелец не стал терять времени даром: из ствола «бастарда» с грохотом вырвалось рыжее пламя, затрепетав у дульного среза нанизанной на булавку огненной бабочкой; пули веером, как за миг до того блики света, прошлись по залу, ударяя в брызгающие щепой столы, графины и бокалы на тонких ножках, разлетающиеся дождем сверкающих осколков, в не успевших ничего понять посетителей, окровавленными куклами швыряя их на пол, исполняя короткую и гибельную симфонию смерти.
Ар-Рави с неожиданной для его габаритов прытью метнулся к Кадалю, опрокидывая доктора на пол вместе с креслом и одновременно выхватывая из наплечной кобуры пятнадцатизарядный «гасан». Сидевший за соседним столиком субъект (доктор признал в нем одного из громил-агентов) профессиональным жестом вскинул «барс»-автомат, но выстрелить не успел: судорожно плюющий огнем и металлом «бастард» взорвался в руках человека в плаще, ударив в лицо маньяка оплавленными осколками металла.
Человек молча повалился на спину, разок-другой дернул ногами и застыл.
Тишина оглушила зал; потом послышались стоны, истерические всхлипывания, зашевелились люди на полу — те, кто уцелел…
— Говоришь, безумие ит-Сафеда пыталось добраться и до тебя? — медленно пробормотал шейх «Аламута», выделяя каждое слово, и завороженно уставился на свой «гасан», из которого так и не успел выстрелить.
* * *
— Разумеется, случайность! Просто маньяк какой-то! Если б это был убийца — он бы сразу начал стрелять в меня… — в сотый раз пытался убедить Кадаль своего атабека. Большой Равиль в ответ только хмурился, ожесточенно жевал сигару и время от времени огрызался:
— Случайность? Не бывает! Не успел ты сказать, что до тебя пытались добраться, — и следом вламывается этот тип!
— Но, Равиль! Я же имел в виду совсем другое! Не убийцу с ружьем, а безумие ит-Сафеда…

— Помолчи. Дай собраться с мыслями, — с неожиданной усталостью бросил ар-Рави, и Кадаль немедленно умолк.
А Большой Равиль, откинувшись на заднем сиденье черного «Чауша» рядом с перепуганным доктором, попытался сосредоточиться.
Возможно, у знахарька наконец потекла крыша, чего Равиль подспудно опасался все четыре года их знакомства и совместной работы. И если бы не убийца с «бастардом», ар-Рави в конце концов склонился бы именно к этому выводу. Но покушение в ресторане все резко меняло. В огнестрельные совпадения «горный орел» не верил. Что, если за бредом знахаря стоит нечто реальное? Что, если Кадаль действительно влез в чужое логово и теперь на него объявлен сезон охоты?
Если так, самым правильным было бы бросить доктора на произвол судьбы, оборвав с ним всякие контакты: связываться с шакалами из «Масуда» Равилю не хотелось. Дружба дружбой, а при запахе жареного каждый спасает собственную шкуру.
Но, кроме приятельских отношений, имелись куда более веские причины не спешить самоустраниться. Более веские, чем симпатия, и даже более веские, чем деньги (надо сказать, оч-чень неплохие деньги), полученные «горным орлом» за счет сотрудничества с доктором. Эти причины именовались связями. Оч-чень нужными связями, возникшими у ар-Рави за то время, пока доктор Кадаль лечил поставляемых ему Равилем клиентов.
Благодаря знахарьку Большой Равиль стал незаменимым человеком в весьма высоких кругах; многие люди, чьи имена стараются лишний раз не поминать всуе, были обязаны ар-Рави жизнью и здоровьем своих близких; благодарность открывала многие двери куда лучше любой из известных ар-Рави отмычек.
Сейчас он мог в одночасье потерять все. За спиной ар-Рави и так уже шептались: «Не иначе как Большой Равиль прибрал к рукам какого-то святого!» — и «горный орел» знал об этом; если чудесные исцеления, за которые не брался никто, кроме него, разом прекратятся, долго ли Равиль сможет жевать печень своих врагов?
С другой стороны, если доктор вдруг окажется прав и выяснится, что Узиэль ит-Сафед действительно опасный сумасшедший, не получит ли он, Равиль ар-Рави, весьма действенный рычаг для давления на корпорацию «Масуд»? От банального шантажа до… У Равиля на мгновение даже захватило дух, когда он увидел открывающиеся перед ним перспективы. Но рычаги рычагами, а отдавать на заклание курицу-знахарька, несущую золотые яйца, шейх не собирался.
— В аэропорт, — коротко бросил ар-Рави водителю.
— Ты куда-то собрался? — удивленно поднял брови доктор Кадаль.
— Мы собрались куда-то, мы, дорогой доктор! — ухмыльнулся в ответ «горный орел».
— Погоди, Равиль, как же так? Надо предупредить прислугу…
— Ерунда! — отмахнулся атабек. — Работа не лиса, прислуга не крыса! Мы летим в Дурбан, в Озерный пансионат. По-моему, приспело время взять судьбу за бороду и немного расслабиться… («А заодно убраться подальше от возможных охотников», — не стал уточнять Большой Равиль.)
— А как же…
— Я сказал — не беспокойся. Этим делом займутся мои люди. Ты же хотел, чтобы я что-то сделал? Вот я и делаю!
— А…
— Все! Больше никаких вопросов! Мы летим в Дурбан. Кстати, супруга мне давно плешь проела: пора, мол, папаше родную дочку проведать — она как раз там учится! А потом: пляж, нарды, секс, бар — и никаких дел! Как только мои люди что-нибудь раскопают, я тебе сообщу.
Когда они уже поднимались по трапу на борт лайнера рейса Хина — Дурбан, в кармане у Равиля запищал радиотелефон. Ар-Рави бросил в трубку что-то неразборчивое, с минуту внимательно слушал, и лицо его постепенно мрачнело.

> Семейный вазирг
> [63]
> сообщал, что проверка связей стрелявшего ничего не дала. От него не тянулось никаких нитей. Убийца был чист, как младенец, едва появившийся на свет, но вместо первого крика открывший огонь из автоматической винтовки «бастард».

Последнее встревожило Равиля больше всего. Кадаль был прав: кебаб их дела вышел подгоревшим.

Глава восьмая
Азат

Долгая жизнь с мерзавцами
Даже и богам не прощается.
Последняя заповедь
В ночи вверх ногами качается.

Голова раскалывалась одновременно от дичайшего похмелья и от телефонного разговора с хайль-баши Али-беем; Карену очень хотелось узнать, от чего же все-таки больше, — и после этого умереть спокойно.
Когда хайль-баши равнодушно сообщил, что не намерен видеть звонившего у себя в течение ближайшей недели, Карен чуть не сорвался, минут пять молчал в нервно гудящую трубку телефона-автомата и только после этого решился: набрал пятизначный номер, который дал ему для экстренной связи седой кабирец, похожий на птицу.
Ответили не сразу.
Зато когда ответили, голова стала болеть в два раза сильнее: на том конце провода сухо прозвучала условная фраза, тайный смысл которой сводился к указанию подчиняться приказам Фаршедварда Али-бея вплоть до особых распоряжений.
И Карен пошел подчиняться.
Всю обратную дорогу до тупика Ош-Дастан, где уже небось вовсю начинали догуливать вчерашнее возвращение Арама-солдата, он размышлял о несовпадении ожидаемого с действительным. В Кабире, побывав в доме по Ас-Самак, 4/6, он представлял себе свою будущую деятельность как-то иначе… неясно, как именно, но иначе. В глубине души крылось смутное подозрение, что похожий на птицу седовласый просто-напросто подобрал вышедшего в отставку горного егеря после трагедии с его матерью, подобрал подобно мятой железке на дороге из каких-то определенных и абсолютно непонятных Карену целей; и выданная бляха мушериф-эмира вкупе с ишрафом на сбор информации значили пока что не больше, чем пробитый трамвайный талон. Тем паче что их и предъявлять-то можно было в случаях совершенно экстремальных. Но все же, проходя трехмесячную подготовку в ведомстве седовласого (звание и должность последнего так и остались загадкой для висак-баши), забыть хотя бы на миг стреляющие хакасские скалы и мертвую мать-убийцу позволяло лишь предвкушение возможной мести. Мести неизвестно кому и непонятно за что — за «Проказу “Самострел”»? За драку с курбаши Перозом? За несложившуюся жизнь? Но независимо от этого Карену все чаще представлялось, как он направляет ствол на врага и жмет спусковой крючок.
Лица врага он не видел, а непредсказуемость поведения собственного оружия только придавала остроты ситуации.
Висак-баши Карен Рудаби всерьез полагал, что сходит с ума.
Однажды он поделился этим предположением с седовласой птицей; та грустно разинула клюв и хрипло каркнула:
— Ты полагаешь, мой мальчик, что я предложил бы тебе работу, будь ты психически здоров? Посмотри на меня — как тебе кажется, со мной все в порядке?
Карен посмотрел и не нашелся что ответить.
Нет, попойка имени Арама-солдата еще не началась, к неописуемому счастью Карена. Прибранные на скорую руку столы одиноко поскрипывали от воспоминаний о прошедшей ночи; три женщины мыли посуду у водяной колонки, и висак-баши задумался, пытаясь припомнить: с какой из женщин он вчера прилюдно целовался, перемежая липкие поцелуи рассказами о… о чем?
Не приведи Творец, это была Арамова курица!
На скамеечке, где полагалось лежать козьему пастырю Руинтану-Корноухому, сидела еще одна женщина, которой было никак не место в тупике Ош-Дастан. Строгий узкий костюм, скроенный по последнему слову лоулезской моды, очки в позолоченной оправе, белый воротник блузы тончайшего полотна заколот дорогой булавкой с сапфиром, и завершали картину летние кожаные ботинки — предмет зависти менее обеспеченных дурбанок.

По этой… э-э… даме было очевидно, что встречают действительно по одежке. Тем более что внешность самой дамы была в некотором роде — никакой. Миловидная, но не красавица, стройная, но без изюминки; возраст средний, особых примет нет, в другом месте — человек-невидимка.
Дама пристально изучала содержимое раскрытой папки из тисненой кожи, лежавшей у нее на коленях, и что-то бормотала себе под нос.

— Кейван
[64]
в экзальтации… — донеслось до приблизившегося Карена. — Ах, стерва маленькая!..

Поклонница экзальтированного Кейвана вдруг оторвала взгляд от бумаг, словно учуяв постороннего, равнодушно улыбнулась Карену и продолжила свое занятие, но уже молча.
— Ты куда?! — раздался с балкона знакомый вопль бабушки Бобовай. — Куда ты?! Ну выслушай хоть до конца! Стой!
Лестница пропела хроматическую гамму, и бабушкина правнучка вихрем слетела вниз, всплеснув бахромой неизменной шали. Следом за девочкой выбрался и стал спускаться рослый мужчина в костюме тех же пегих цветов, что и у дамы; под его лаковыми туфлями лестница бурчала в раздражении — видать, нечасто ей приходилось отдаваться государственным надимам.
Не обращая на Карена ни малейшего внимания, дама в очках поднялась со скамейки и непринужденно загородила дорогу остановившейся девочке. Та вскинула голову, крест-накрест располосовала взглядом возникшее препятствие и затопталась на месте.
— Госпожа Коушут! — воззвал с лестницы рослый надим, спускаясь с крайней осторожностью. — Объясните хоть вы ей! Такое везение случается раз в жизни… Госпожа Коушут, я вас умоляю!
Дама по имени Коушут приблизилась к правнучке бабушки Бобовай и ласково взяла ее за руку, чуть повыше запястья.
— Милочка, — пропело мелодичное контральто, совершенно непохожее на тот голос, который минуту назад бормотал о Кейване и «стерве», — почему вы не хотите внять зову разума? Вы же прекрасно понимаете…
Карен уже совсем собрался было пройти мимо, не вполне понимая, в чем он может или должен принять участие, как вдруг его притормозил один удивительный факт: смуглое лицо девочки стало наливаться восковой бледностью, она закусила нижнюю губу — точь-в-точь Каренова привычка! — и черные глазищи подозрительно заблестели.
Через мгновение висак-баши Рудаби заметил совершенно белые костяшки пальцев госпожи Коушут, тех самых пальцев, которые пятизубым капканом сжимали хрупкое предплечье.
Приблизившись, он деликатно тронул даму за локоток и поразился его каменной твердости.
— Эй, госпожа хорошая. — Находясь в тупике Ош-Дастан, Карен решил и говорить соответствующим образом, что при его прошлом было не так уж сложно. — Ты б пропустила девчонку, а то, не ровен час, расплачется… руку не дави, говорю!
Дама удивленно посмотрела на Карена, как если бы с ней сейчас заговорила лестница, успевшая избавиться от веса дылды-надима.
— Что вы сказали, почтенный? — переспросило контральто.
— У нас проблемы? — страдальчески вмешался надим, отчего-то потирая переносицу, хотя никаких очков, способных уязвить его благородную кожу, на носу не наблюдалось. — Госпожа Коушут, разберитесь, прошу вас… нам совершенно некогда!..
Дама кивнула, отпустила девочку и коротко, без замаха, пнула Карена в колено. Твердой литой подошвой летнего ботинка, предмета зависти дурбанских модниц. Ногу висак-баши вывернуло куриной лапой, он невольно присел, и почти сразу изящно-каменный локоток ткнулся ему в подбородок. Зубы лязгнули, рот наполнился соленым вкусом крови. Инстинктивно откидываясь назад, чтобы ладонь с наманикюренными пальчиками не угодила в лицо, Карен не удержал равновесия, опрокинулся на спину — и затылком налетел на край скамейки.
Гул, муть перед глазами, медленно движущиеся фигуры, словно снулые рыбы в густой жиже, вата ползет из распоротых швов тела во все стороны, и нужно очень много времени, чтобы собрать эту вату, чтобы прогнать холодногубых рыб, но времени нет — из мути приходят далекие причитания бабушки Бобовай и мелодичное контральто:

— Вы сказали — проблемы, господин Исфизар? А ты, моя милочка…
— Пусти девчонку, зараза, — прохрипел Карен, садясь.
Дама пожала узкими плечами и шагнула к висак-баши.
За тридцать один год жизни Карена Рудаби били чаще, чем ему того хотелось; били его, и бил он. Карен-то и в егерское училище попал после очередной драки возле башни Аль-Кутуна, когда подонки из банды Джаффар-ло подстерегли его целой кодлой и принялись обрабатывать цепями и кастетами. Случайный прохожий, оказавшийся старшим инструктором «Белых змей», сперва некоторое время смотрел с плохо скрываемым удовольствием, как крепкий юноша отмахивается от превосходящих сил противника, потом принял участие в выяснении отношений и проводил Карена домой.
— Когда ты в состоянии вернуться в берлогу на своих двоих, — сказал случайный прохожий напоследок, — значит, все не так гнусно, как тебе сейчас кажется.
Избитый до полусмерти Карен не был с ним до конца согласен, но разница во мнениях не помешала будущему висак-баши откликнуться на письменное приглашение явиться в приемную комиссию егерского училища для собеседования.
На первом же занятии у случайного прохожего Карен подумал, что лучше бы он позволил подонкам квартала Джаффар-ло избивать себя каждый день. Ну в крайнем случае — по субботам и вторникам. Через восемь лет, попав в Малый Хакас, он уже так не считал.
Госпожа Коушут совершенно не поняла, каким образом ее красивые ноги в летних ботинках переплелись, словно пряди волос в сложной прическе «Птичья свадьба». Она только успела выгнуться, что называется, «кошечкой» и постаралась не повторить Каренов полет — в смысле не обрадовать затылком край скамейки, — и ей это удалось. Упав спиной в мягкое, госпожа Коушут почувствовала, как мягкое становится твердым в самых неожиданных местах, и это было бы эротично или смешно, если бы часть твердого в следующее мгновение не легла на горло дамы. Полумесяц орлиных когтей недвусмысленно угрожал сомкнуться при первом неосторожном движении, другой ладонью Карен поддерживал пушистый затылок госпожи, не позволяя вжать его в плечи и тем самым напрячь шею — со стороны могло показаться, что возлюбленная пара просто выбрала неудачное место для интимных игр, но со стороны смотрели лишь трое: девочка, рослый надим и бабушка Бобовай (стайка женщин у колонки всполошенно разлетелась в самом начале конфликта).
А этим троим ничего подобного не могло показаться по совершенно определенным причинам.
— Не только Кейван в экзальтации, — прошептал Карен прямо в розовое ушко, украшенное витой сережкой. — Я тоже, моя милочка… Ну что, станем любить друг друга или продолжим обмен любезностями?
Ему очень не нравилось, что дама не пытается вырваться.
Это говорило об определенном и весьма специфическом опыте.
— Госпожа Коушут! — Надим беспомощно топтался на месте и простирал руки то к балкону, то почему-то к девочке, кутающейся в шаль. — Ах, что же это происходит?! Госпожа Коушут…
— «Волчий сын»? — одними губами спросила дама и ласково потерлась затылком о Каренов лоб.
— «Белая змея». — Висак-баши в некотором роде было лестно, что его приняли за гургасара, но, с другой стороны… ситуация складывалась донельзя странно, а женское тело в объятиях лишь усиливало эту странность.
Разрешение не скрывать своего егерского прошлого Карен получил еще у седовласой птицы: бывший егерь ищет работу, ходит в участок на тестирование и собеседования — авось выдадут бляху патрульного!
Не подкопаешься; и встречи с Фаршедвардом никого не удивят.
— В отпуске?
— В отставке.
— За что?
— За то. Неуставные разборки.
— Работу ищешь?
Карен отпустил даму и помог ей подняться на ноги. Продолжать разговор в предыдущей позе, ощущая под правой рукой напрягшееся полушарие груди, снизу опирающееся на открытый бюстгальтер… меняй диспозицию, азат!
— Ты, что ли, к себе возьмешь? Сумочки за тобой носить? Или девчонок стращать?
Рослый надим перестал причитать и решительно затопал прочь, шаркая лаковыми туфлями.

— Пойдемте, госпожа Коушут! — крикнул он, уже изрядно отойдя от скамейки. — Нас ждут, в конце концов!
— Вот. — В ладонь Карена легла твердая картонная карточка. — Не возьмут в мушерифы или ночные водовозы, приходи. Подыщем что-нибудь…
И дама неторопливо удалилась, прихватив свою папку.
— Слушай, крошка! — не сразу спохватился висак-баши, оборачиваясь к правнучке бабушки Бобовай. — А чего они, собственно, от тебя хотели-то?
— Чтобы я в ихнюю школу ходила, — скрипуче отозвалась девочка. — А я не хочу. Пусть сами в нее ходят, если нравится.
Карен закрыл рот и уставился на выданную ему карточку.
«Частный мектеб „Звездный час“ имени Омера Хаома, — значилось там. — Зейри Коушут, сотрудник администрации».
Очень болел затылок.
* * *
Явившись на следующий день к Фаршедварду — хайль-баши был разгневан самовольным приходом, но, услышав о случившемся в тупике, сменил гнев на милость, — Карен поинтересовался историей мектеба «Звездный час».
— Газеты читать надо, — буркнул Фаршедвард и потянулся к телефону. Аппарат на столе у хайль-баши был старым, дисковым, в отличие от современных кнопочных, и Карена ужасно заинтересовало, как сосиски пальцев Того-еще-Фарша пролезают в отверстия на диске.
Увидеть это ему не удалось — телефон зазвонил раньше.
— Слушаю! — рявкнул Али-бей в трубку и вдруг осекся.
Мурашки пробежали по спине Карена, куснули разок-другой и исчезли, оставив лишь капли пота.
— Да, — прозвучало после долгого молчания. — Да, выезжаю. Немедленно.
Уже от дверей он через плечо бросил Карену:
— Захват автобуса на автостраде Дурбан — Кабир! Возвращайся в Ош-Дастан и жди указаний. Или лучше нет… садись в мою машину. Оружие есть?
И, получив отрицательный ответ, он полез в стенной сейф и кинул Карену двенадцатизарядную «гюрзу» в наплечной кобуре.

Глава девятая
Хаким

Разбиты стекла в витраже.
Бесцельны жалобные речи.
Прощайте, милые, до встречи!
Мы не увидимся уже.

Музей уже закрывался; над парадным входом тепло желтела пара старинных фонарей в матовых колпаках, облитых чугунной вязью, по обе стороны от ступеней таинственно шумели листвой пирамидальные тополя, и на миг Рашиду почудилось, что он по мановению волшебного жезла перенесся в прошлое, что сейчас дверь ему откроет бормотун-дворецкий, любимец почтенного семейства, и под мерцание галунов ливреи отвесит гостю поясной поклон…
«Шайтана лысого он бы мне отвесил, да по загривку, по загривку, а не поклон! — оборвал себя хаким. — Небось принял бы за бродягу и велел слугам гнать в три шеи!»
Очарование разом пропало, но славная приподнятость духа, ожидание чуда остались. Негромкий скрип двери, почтительное приветствие старика швейцара (пусть не дворецкий, но все-таки!..), сумрак музейных залов, чьи стены и витрины прятали огрызки, но огрызки великого прошлого, — все это лишь усилило волнующее предчувствие неизвестного. И когда Рашид, пройдя насквозь третий зал, миновал короткий коридорчик и заглянул в приоткрытую дверцу чулана-комнатушки (о, благословенный диванчик в углу!), то некоторое время просто стоял на пороге, не дыша и боясь сдвинуться с места. Любое движение грозило спугнуть идиллию: Лейла

заснула прямо в кресле, откинувшись на спинку и уронив измазанные чернилами руки на колени. Свет настольной лампы кончиками пальцев ласкал спящую девушку, нежность отблесков играла тенями на безмятежном лице спящей; красота застывшего фрагмента жизни потрясала не меньше портрета кисти Улугбека-живописца — человека, посмевшего нарушить запрет на изображение живых людей и растерзанного за то религиозными фанатиками на площади Оразма.

Однако стоять так вечно Рашид не мог. Осторожно шагнув внутрь, он склонился над спящей Лейлой и со словами: «Сейчас я тебя расколдую» поцеловал спящую девушку в губы, как и положено в сказке.

За что немедленно обрел если не счастье, то уж, во всяком случае, звонкую оплеуху — Лейла спросонья не разобралась, кто перед ней, а характер у студентки был еще тот. Придя в себя, она прыснула и без особого вдохновения принялась извиняться, а Рашид растерянно приложил ладонь к горячей, быстро краснеющей щеке… и расхохотался. Через минуту смеялись уже оба; хохот пошел бродить по закоулкам музея, так что швейцар и ночной сторож, собравшиеся перед расставанием тяпнуть по рюмочке-другой ячменной водки, понимающе переглянулись — отношения Рашида и Лейлы ни для кого не были секретом.

«В плен я взят врагом коварным, в душный сладкий плен — что там дальше?.. Трам-пам-пам, тирья-ри-яри, и не встать с колен!.. Жил я серо, жил в могиле, не душа, а тлен; распахни мне двери склепа, выпусти, красавица!..»

Тем не менее милые попрыгушки на диване аль-Шинби оставил на потом. Фрагментарно отключив сигнализацию, он вынул из витрины тяжелый эспадон и бережно перенес его в каморку Лейлы. Долго подбирал нужный угол освещения, ворочал лампу, наконец сделал три снимка. После тщательно замерил длину сколов, располагавшихся на ладонь выше крестообразной гарды, и уселся корректировать дневные наброски. Лейла же тихонько листала глыбу фолианта в кожаном переплете, не желая мешать хакиму. Рашид когда-то в шутку сказал, что это — человеческая кожа, однако был немедленно посрамлен: не всегда понимавшая подобные шутки Лейла как дважды два доказала магистру, что кожа — телячья и нечего соваться туда, где ты ни ухом ни рылом! Последнее, в общем, было верно, так как на реставратора училась именно Лейла, а в число навыков историка отнюдь не входило умение отличать телячью кожу от человеческой. Однако на этом девушка не остановилась, притащив из подвалов заплесневелый трактат то ли по алхимии, то ли по астрологии, и заявила, что вот эта книга как раз и переплетена в настоящую человеческую кожу. Почему-то Рашид ей поверил сразу и бесповоротно, но Лейла вдруг звонко рассмеялась, а историк так и не понял до конца: водила его девушка за нос или…

К тому времени, когда Рашид остался доволен получившимся эскизом, Лейла успела захлопнуть «телячий» фолиант и включила небольшой черно-белый телевизор, который стоял как раз напротив двери. Чемпионат по шахматам ее не заинтересовал, равно как и репортаж с чайных плантаций Верхнего Вэя; лишь когда на экране мелькнуло знакомое по газетам и телеинтервью лицо Узиэля ит-Сафеда, главы совета директоров корпорации «Масуд», Лейла наконец перестала щелкать ручкой переключения каналов.

— …почтил личным присутствием презентацию нового оружейного магазина в центре Дурбана…

Самодовольно улыбающийся ит-Сафед перерубил символическую ленточку — короткий взмах острого как бритва армейского штык-ножа; и под рукоплескания собравшихся, сопровождаемый вспышками фотокамер, Узиэль первым вошел в новый магазин.

Рашид аль-Шинби удовлетворенно прицокнул языком, сочтя рисунок вполне удачным, и принялся тщательно совмещать эскиз со сколом на клинке эспадона. Нарисованный захватник смотрелся абсолютно естественно, и аль-Шинби окончательно уверился: когда-то он (разумеется, захватник, а не историк) именно так и выглядел. Вот только еще чуть-чуть подвинуть лист, и совмещение станет полным.

— …стенд для стрельбы, чтобы наши покупатели имели возможность испытать приглянувшееся им оружие. Теперь каждый дурбанец в состоянии приобрести…

Камера прогулялась вдоль блестящих свежей смазкой ружей — одно-, двух— и даже трехствольных, нарезных охотничьих карабинов с оптическими прицелами, магазинных винтовок…

Узиэль ит-Сафед с видом знатока взял помповую «вертикалку» с укороченным прикладом. Главе совета директоров была немедленно вручена пачка патронов, и ит-Сафед, умело и быстро зарядив ружье, плавно повернулся к испытательному стенду. Хозяин магазина с угодливой улыбкой потянулся к кнопке.

Рашид наконец совместил рисунок со сколом, достал фотоаппарат, проверил питание вспышки, отрегулировал диафрагму, выдержку…
Узиэль ит-Сафед с маслянистым щелканьем передернул затвор ружья.
Рашид аль-Шинби со щелчком взвел затвор фотоаппарата.
Хозяин магазина нажал на кнопку, и керамическая тарелочка, завораживая изображенными на ней концентрическими черно-белыми кругами стрелковой мишени, по пологой траектории устремилась через весь тир.
Выстрел Узиэля ит-Сафеда раздался одновременно со сверкнувшей вспышкой фотоаппарата Рашида аль-Шинби. Вдребезги разлетелась керамическая тарелочка, и в то же мгновение в темноте музейного зала раздался оглушительный грохот.
Рашид чуть не выронил от неожиданности свой фотоаппарат, Лейла буквально подскочила в кресле, оба переглянулись и, не сговариваясь, выбежали в зал.
Вспыхнули под потолком лампы, замерцали спросонья и осветили целую груду оружия, попадавшего на пол со стены: не выдержали основательно проржавевшие и давно не менявшиеся крюки?.. некое сотрясение привело древнюю сталь в движение?.. две алебарды сорвались с самого верха и увлекли за собой висевших ниже собратьев? — так или иначе, часть экспозиции, занимавшая дальнюю стену зала как раз напротив открытой двери в каморку Лейлы), грудой тускло поблескивающего металла лежала сейчас на полу.
Успокоив прибежавшего на шум сторожа, Рашид и Лейла принялись водворять экспонаты на место, с сожалением отметив, что одна сабля-талвар все-таки переломилась у крестовины. К счастью, это была не бог весть какая ценность — Рашид подозревал в талваре новодел прошлого, максимум позапрошлого века, а Лейла и руководство музея сомневались и не желали относить саблю в запасники; но так или иначе, привести оружие в годный для экспонирования вид было вполне возможно.
А рубиться экспонатом все равно никто не собирался.
Минут двадцать они занимались развешиванием клинков по своим местам, и всякий раз, когда Рашид касался очередного орудия убийства предков, его пробирала смутная дрожь, словно от слабого электрического разряда. — С ним уже бывало нечто подобное, когда он брал в руки предполагаемый Гвениль, лежавший сейчас на столе в комнатке Лейлы.
«Нервы, — подумал историк, пытаясь успокоиться. — Тут стальные тросы нужны, а не нервы…»
Он врал сам себе.
Дело было не в нервах.
Вернее, не в одних только нервах.
Лейла молчала и хмурилась.
Когда они закончили, руки Рашида дрожали; чтобы окончательно успокоиться, он вышел через черный ход во двор музея — перекурить.
«Ничего особенного, — убеждал себя Рашид, делая глубокую затяжку. — Ничего особенного не произошло. Бывает…»
Когда сигарета начала обжигать ему пальцы, хаким выбросил окурок, взлохматил волосы не свойственным ему залихватским движением и со вздохом вернулся в музей.
Двуручный меч на столе Лейлы был сдвинут с прежнего места на три-четыре пальца влево — наверняка Рашид сам и зацепил его ненароком, выбегая из комнаты на грохот, — так что аль-Шинби пришлось опять совмещать рисунок с клинком.
Потом эспадон со всеми предосторожностями был водружен на прежнее место, и Лейла, смущенно улыбаясь, заперла дверь комнатушки.
Изнутри.
Лейла не любила раздеваться при свете, но когда нетерпеливые руки Рашида… Именно в такие минуты стыдливая кинокамера, твердо убежденная в необходимости блюсти нравственность зрителя, отворачивается и начинает разглядывать пляску языков огня в камине.
За неимением камина пришлось разглядывать настольную лампу под матово-зеленым абажуром, но недолго — вскоре лампа погасла.
* * *
Следующая неделя прошла под знаком «Звездного часа» — в мектебе начались очередные экзамены, и Рашид был занят по горло. На научную работу времени практически не оставалось; потускнели, начав мало-помалу забываться, удивительный сон и ночной переполох в музее; даже с Лейлой он не виделся, договорившись по телефону встретиться после окончания сессии. Правда, Рашид урвал часок проявить и напечатать фотографии — прекрасные снимки меча с наложенным эскизом захватника соседствовали с парой чуть смазавшихся изображений странной девочки,

заинтересовавшей хайль-баши Фаршедварда. Одну из карточек аль-Шинби при первой же встрече вручил госпоже Коушут, сказав почти правду — что подобрал оброненную ею фотографию в коридоре мектеба. Неистовая Зейри посмотрела на Рашида так, будто хаким украл у нее фото при непристойных обстоятельствах. Даже не поблагодарив, она сунула снимок в сумочку и гордо удалилась.

Впрочем, это досадное происшествие быстро выветрилось у историка из головы.

Но все проходит, о чем знал еще легендарный царь Сулейман, — закончилась сумбурная сессия, которую руководство мектеба приказало уложить в строго определенный звездами промежуток времени. Светила сдвинулись на небосклоне, и ученики вместе с учителями облегченно вздохнули — вскоре должны были начаться долгожданные каникулы, и каждый лелеял по этому поводу определенные планы.

Выйдя на парадное крыльцо мектеба, Рашид окинул взглядом обширный парк, рассеченный аккуратными дорожками — мелкий гравий сверкал на солнце, и дальние корпуса тонули в зелени, — после чего с наслаждением потянулся.

Все! Свобода!

Он достал сигарету, щелкнул зажигалкой, выпустил вереницу сизых колечек и неспешно двинулся по выложенной брекчией центральной аллее к решетке ограды.

У ворот сгрудилось стадо автомобилей, среди которых вожаком выделялся роскошный черный «Чауш». По аллее, обгоняя Рашида, с криками неслись дети, размахивая портфелями и сумками, навстречу чадам уже спешили улыбающиеся родители; среди последних опять-таки выделялся чернобородый красавец, из той породы «настоящих мужчин», что не представляют себе жизни без сигары в зубах и перстней на всех пальцах. Худенькая девчушка, подбежав, повисла на крутой шее бородача, и тот ласково загудел в розовое девчачье ухо, вынув наконец изо рта свою замечательную сигару.

Шестиклассница, припомнил хаким, Сунджан… Сунджан ар-Рави, которую до сих пор забирали на каникулы трое угрюмого вида молодчиков, способных перебодать быка.

А потом из-за спины довольного папаши появился некто, показавшийся Рашиду очень знакомым: узкие, сросшиеся на переносице брови, крючковатый нос, сделавший бы честь иному ястребу, умные карие глаза, круглое улыбающееся лицо без усов, зато с коротко стриженной бородкой…

— Кадаль! — радостно заорал Рашид, не обратив внимания, что дородный бородач слегка вздрогнул при этом крике. — А ты что здесь делаешь?!

— Рашидик?

Огрызок сигары полетел мимо урны в ухоженную траву газона, тень наползла на лицо бородача, но в следующий момент старые друзья уже вовсю тискали друг друга в объятиях, не заботясь о мнении посторонних.

— Как ты узнал, что я здесь?! Ах да, ты ж этот… экстрасенс-чудотворец!

Кадаль невольно поморщился:

— Да нет, Рашидик, я в пансионат приехал, отдохнуть, а у Равиля дочка…

Аль-Шинби понял, что Кадаль говорит о респектабельном бородаче.

— Он что, твой приятель? — вполголоса поинтересовался историк. — Или начальник?

— Серединка на половинку. Знакомьтесь: Рашид аль-Шинби, мой бывший однокашник, — Равиль ар-Рави, мой нынешний… партнер.

Историк и «горный орел» без особого энтузиазма обменялись рукопожатиями. Нет, антипатии между ними не возникло — просто обстоятельства каждого мало располагали к новым знакомствам.

— Вас подвезти? — скорее из вежливости поинтересовался ар-Рави.

— Спасибо, спасибо, Равиль, — замахал руками доктор. — Хотя… Рашидик, — ты сейчас свободен?

— Как птица в небе! — ухмыльнулся Рашид, вспомнил о Лейле и немного замялся. — Правда, я обещал одной даме встретиться с ней…

— Вот и отлично! — прогудел ар-Рави, смягчаясь при словах о даме. — Заберем твою подругу — и айда в Озерный пансионат! Мы отдыхаем или что?! Вон и у Сунджан каникулы. — Он нежно потрепал девочку по голове, и та расцвела: видать, нечасто папаша ласкал свою Сунджан.

— Верно, — поддержал атабека Кадаль. — Только знаешь, Равиль, давай так: ты езжай, а мы с Рашидиком со времен университета не виделись. Побродим по городу, посидим в кофейне, а потом заберем его подругу и приедем в пансионат на автобусе. Идет? Ты еще один номер обеспечишь?

— Ни за что! — хмыкнул ар-Рави. Видимо, он так шутил.

…Друзья долго бродили по городу, то углубляясь в хитросплетения узких улочек, пропахших древностью и жареным луком, то забираясь в центр, где щекотали небо

многоэтажные «свечи», облицованные розовым туфом, с подземными гаражами и параболическими антеннами на крышах. Вскоре их приняла тихая кофейня, где можно было пить легкое белое вино и, перебивая друг друга, вспоминать детство, словно сговорившись на время забыть стремительно мчавшееся мимо «сегодня» с его насущными проблемами…
Потом Рашид спохватился, и они, поймав такси, подъехали к музею, буквально выдернули оттуда немного растерявшуюся и оттого, как никогда, привлекательную Лейлу — и успели на автобусную станцию как раз за пять минут до отправления рейсового автобуса Дурбан — Кабир.

> До минуты недоумения и страха, когда, не доехав до Озерного пансионата каких-нибудь четырех фарсангов,
> [65]
> автобус остановится поперек трассы и на перепуганных пассажиров равнодушно уставятся четыре ствола, — до этого предопределенного звездами часа оставалось совсем мало времени.

И кто-то, кто знает все, наверняка ухмыляется сейчас в бороду.

Глава десятая
Хайль-баши

> Здесь агнца любит лев,
> здесь хищник мил и кроток.
> Да здравствует наш рай —
> рай клеток и решеток!

Фаршедвард Али-бей задумчиво жевал грандиозный денер-кебаб — вулкан лаваша с жирной пастромой тек по краям магмой зелени и огненной хинской аджики — и глядел вслед удаляющемуся по шоссе черному «Чаушу». Раздумья отягчали голову хайль-баши гораздо больше, нежели еда — желудок.
Первейшая заповедь борца-нарачи: заботы портят пищеварение.
И без того напрочь испорченное трупами на шоссе, стоявшим в ушах грохотом вертолета, маленькими, казалось бы, безобидными игрушками, роем вылетающими из молниеносно снующих в воздухе ручонок Сколопендры…
У меня не было выхода, твердил себе хайль-баши Фаршедвард. У меня не было ничего, ни входа, ни выхода, ничего, кроме некрасивой угловатой девчонки с глазами из фаррского мрамора.
Сколопендра.
Правнучка Фаршедвардовой кормилицы, бабушки Бобовай.
Полгода назад Али-бей поклялся никогда, никогда больше… сегодня он нарушил клятву. Результат — «приговор приведен в исполнение».
Едва из автобуса начали выбираться бледные заложники, Али-бей вгляделся и почувствовал озноб, как бывало с ним только перед ответственной схваткой на помосте; хайль-баши полагал, что забыл прикосновение зябкой ладони предчувствия.
Хаким! Хаким аль-Шинби из мектеба «Звездный час»! Недотепа-историк, у которого вдруг оказалась фотография Сколопендры!
Он был в этом автобусе.
Вот хаким спускается по ступенькам, помогает выбраться миловидной девушке, следующей за ним, дрожащими руками достает сигареты, ломает спичку за спичкой… Круглолицый человечек с куцей бородкой подносит ему зажигалку. Оба явно знакомы. Перебрасываются десятком слов. Девушка еле сдерживается, чтоб не разрыдаться; а вот уже и не сдерживается. Троица направляется к машине, на капоте которой мушериф-десятник записывает данные всех пассажиров для последующего снятия показаний, покорно становится в очередь, косясь на грузящихся в фургон гургасаров…
Совпадение? Мало ли зачем хакиму Рашиду приспичило сесть именно в этот автобус!

Возле сверкающих мигалками машин материализуется дородный бородач, одетый с иголочки, и, размахивая дымящейся сигарой, проталкивается прямиком к круглолицему коротышке и хакиму. Следом за бородачом тенью движется детина с маловыразительной физиономией телохранителя. Еще бы: такое тело и не хранить!
Али-бей не верит своим глазам: Равиль ар-Рави, Большой Равиль, далеко не последний из шейхов «Аламута»… а ведь не придерешься — даже налоги, говорят, и те платит исправно!
— Господин хайль-баши, тут…
— Я занят! — рявкает Фаршедвард. — Не видишь — господин хайль-баши ест!
Испуганный мушериф исчезает быстрее принцессы Зейнаб, убегающей от людоеда-извращенца Вишапа ибн-Вишапа. Скажи Тот-еще-Фарш, что он сейчас думает, и избавиться от подчиненного было бы гораздо труднее. Думать — не поле пахать; зато есть — дело святое. Когда начальство изволит кушать, его лучше не беспокоить.
Задерживать недавних заложников не было никакого повода. Бессмысленная, глупая идея. Хайль-баши просто сидел и наблюдал за тем, как круглолицый, хаким Рашид и его подруга садятся в «Чауш» Большого Равиля, «горный орел» что-то втолковывает своим спутникам, дверца захлопывается…
Что же это получается? Сколопендра неожиданно выигрывает в «Лотерее Двенадцати Домов» место в привилегированном мектебе, куда мечтают пристроить своих отпрысков обеспеченные родители чуть ли не со всей страны. Случайность? Допустим… Однако упрямая девчонка идти в мектеб наотрез отказывается, и тогда за ней являются, уговаривают, а потом пытаются увести силой. У хакима аль-Шинби, преподавателя именно этого мектеба, «случайно» обнаруживается фотография Сколопендры. Заснятой в момент… скажем так — вольных упражнений. Значит, они знают? Тогда кто — «они» и чего от них ждать?
Хороший вопрос; только хорошего ответа на него пока нет.
И тут на залитой кровью заложников и смертников сцене появляется Равиль ар-Рави собственной персоной. Каким краем завязан здесь шейх «Аламута»? Ну да, в мектебе у него учится дочка, никакой тайны в этом нет, но в его машину садится тот самый хаким, у которого обнаружилась фотография девчонки! Кстати, а кто такой куцебородый коротышка?
Фаршедвард на минуту перестал жевать и распорядился принести ему лист с данными заложников. Коротышка расписывался перед хакимом. Ага, вот! Кадаль Хануман, психоаналитик, доктор психологии… Очень интересно! Магистр истории и доктор психологии уезжают в одной машине с «горным орлом». Просто союз пера и орала, в смысле глотки Большого… Стоп. Не иначе Большой Равиль прибрал к рукам какого-то святого. Обычному врачу это не под силу…
Голова отказывалась работать. Денер-кебаб закончился, но мыслей от этого не прибавилось. Фаршедвард был зол и крайне недоволен собой. Что-то закипало прямо у него под носом — а он никак не мог сообразить, что именно!
Наконец хайль-баши соизволил высунуться из окошка патрульной машины и окликнул бродившего неподалеку Карена.
— Ты уволен! — без всяких предисловий объявил он растерянно заморгавшему «белому змею». — Сдай оружие.
— Как это, господин хайль?.. — Карен машинально повиновался и стал расстегивать ремень наплечной кобуры.
— Очень просто, егерь. Уволен из полиции. Вернее, даже не принят. Ты теперь безработный. И знаешь, где тебе придется искать работу?
Скуластое лицо егеря отразило попеременно удивление, работу мысли и некоторое понимание. «Хороший парень. Только хороший парень — еще не профессия», — вздохнул про себя Фаршедвард.
— Да на кой вы мне сдались, легавые!.. — лениво протянул несостоявшийся мушериф, бросая «гюрзу» в окно машины хайль-баши. — Меня вон ждут не дождутся, руки-ноги целовать будут… в мектебе одном. «Звездный час», кажется?
— Ну и вали к шайтану, — в тон отозвался Тот-еще-Фарш. — Направление известно?
Еще раз посмотрев в ту сторону, где скрылся за поворотом черный «Чауш», Фаршедвард припомнил долетевшие до него слова Большого Равиля: «…Скажешь, опять совпадение?! Не верю!»
В данном конкретном случае Фаршедвард Али-бей был полностью согласен с Равилем ар-Рави: он тоже не верил в случайные совпадения.

Глава одиннадцатая
Самоубийца

Вы помните, люди, хоть что-то?
Задернута жизнь, словно штора.
Я адом отвергнут, мне райские кущи не светят.
Я — призрак, я — тень, наважденье.
За все я в ответе.

Сегодня? Да, именно сегодня! Наконец! И мелкая дрожь нетерпеливого возбуждения волнами пробегает по моему немощному, изношенному, покрытому старческой коростой телу, как когда-то давно… очень давно.

Смерть! Любовница обреченных, мать безнадежных, избавление отчаявшихся, дорога в сияющий небесный чертог, в рай, чьи ворота так долго оставались закрытыми для меня. Готовьте ключи, смазывайте маслом петли, разучивайте торжественные гимны встречи!

Скоро. Теперь уже скоро.

Сегодня.

Неужели это наконец свершится? Я боюсь поверить в чудо, боюсь спугнуть безумную, невозможную надежду, единственное, чем жил все эти годы.

Годы?

Века!

Неужели сегодня придет конец гниению плоти и духа, медленному и мучительному угасанию под аккомпанемент бессмысленного бормотания выживающих из ума старцев — таких же, как я, мумий, живых трупов, запертых в этом склепе… Все мы здесь постепенно лишаемся рассудка, память глохнет в слизи дней, захлебывается гноем безвременья; и я — не исключение. Кем я был? С кем я был?! Иногда мне кажется, что я помню. Я вижу цветные сны, вижу в них себя — а может, вовсе не себя? Ложь? Правда? Я не уверен. Я уже ни в чем не уверен. Я — дряхлый старик, я — обрубок прошлого, я — калека, умирающий, изъязвленный проклятой коростой… но всего ужаснее то, что умирать я могу еще долго, очень долго.

За истекшую вечность можно забыть разницу между жизнью и смертью; но разница между собой былым и нынешним — горе мне, ибо не в силах угаснуть без мук!

Тюремщики заботятся обо мне. Они трогают меня холодными пальцами (воистину подобная трогательность — я еще могу каламбурить?! — отдает мертвечиной), они искренне хотят, чтобы несчастное существо в гробу из рукотворного хрусталя протянуло дольше, много дольше срока, отмеренного матерью-Нюрингой; полагаю, со временем (время… здесь это понятие теряет всякий смысл!) — со временем они даже подлатают меня, сделают протезы, продлив агонию еще на век-другой…

Нет! Теперь — нет! Потому что сегодня я наконец уйду, уйду из опостылевшего склепа, из всего этого мира, который перестал быть моим, где не осталось иного места для таких, как я, кроме тюрем и богаделен, мало отличающихся друг от друга, — я уйду, и Врата распахнутся предо мной, открывая сияющий Путь!..

Небесные Молоты, примите мою душу!

Я хочу, чтобы это случилось на рассвете. Я хочу еще раз увидеть солнце. Я не видел его давно… очень давно.

Да, я — выживший из ума старик, да, я хочу умереть, о, как я хочу умереть! Но я еще не дошел до последней грани отчаяния, как некоторые из нас, пытавшиеся свести счеты с жизнью прямо здесь.

Одному это даже удалось. Тюремщики повесили труп на прежнее место и, кажется, остались довольны. Но я не хочу — так.

Я ждал своего часа минута за минутой, день за днем, год за годом; я дождался!

Сегодня — мой день, вернее — моя ночь, и на рассвете… Да, обязательно на рассвете! Но сначала — выбраться отсюда.

Мне помогут Братья. С ними все давно оговорено, в последнее время они бывали здесь часто, они чудом остались на свободе, они маленькие, незаметные, им легче, и они помнят меня, помнят!.. Меня — того, каким я был раньше. Мы почти не говорили с

ними о прошлом, это больно для всех нас, но я знаю — они помнят, даже если я сам все забыл. Когда они появились здесь впервые…
Молчу. Я хитрый, я стал хитрым… Молчу. Я не скажу больше ни слова, я буду лежать, улыбаться и чувствовать: они здесь, рядом, они уже идут — Братья и Та, что слушается их. Теперь они знают, как усыпить дракона, сторожащего меня по ночам, и как отпереть замок на моем тесном склепе. Сейчас они затаились рядом — и ждут…
Пора!
Я не вижу их, но ощущаю легкое сотрясение пола, слышу мягкие скользящие шаги. Мимо. Конечно, сначала — сторожевой дракон. Он должен уснуть, иначе поднимется тревога, как было когда-то. Я многое забыл, но это помню!
Драконья душа пока еще бодрствует, тихо и монотонно жужжит вокруг, обтекая мой склеп, и пока она здесь — не вырваться, не уйти…
Да, я действительно одряхлел, иначе… теплые руки Придатка, свист воздуха, и — одним взмахом разнести вдребезги опостылевший ящик, с боем прорваться наружу и уйти — не для смерти — уйти, чтобы жить дальше! Глупец! Калека! Те времена сгнили в вонючей коросте, как твое больное тело, и некому развалить надвое тесную тюрьму, яростно взреветь, прорываясь сквозь заслон опешивших врагов… Не осталось сил, чтобы жить дальше, — их едва хватает, чтобы умереть. Умереть как подобает.
Падающая Скала разлетится в пыль на рассвете. Тихий щелчок, и жужжание вокруг меня разом смолкает. Снова шаги, скрежет ключа в замке…
— Все в порядке, Братья? Вас не видели?
— Не беспокойся, старина. Ты не передумал? — Это Старший.
Он знал мой ответ заранее, но все равно спросил. Спасибо.
— Нет.
Надрывно скрипит крышка хрустального гроба, и надо мной нависает тень Той, что слушается Братьев.
Я возношусь.
Странное, забытое ощущение; тюремщики — не в счет.
Мелькает потолок большой гробницы с тускло горящими светляками, стены, мои товарищи по несчастью…
— И нас, спаси и нас, дай уйти отсюда, помоги достойно умереть! — нарастает со всех сторон умоляющий старческий шепот.
Богадельня молит о пощаде.
Мы с Братьями молчим. Жалость огнем палит меня изнутри, но нет, нельзя поддаваться: всем не удастся бежать, и, если мы пойдем на поводу у чувств, отсюда не выберется никто; а выбирать… нет!
Это еще более жестоко, чем убивать!
— Тебя надо укрыть, — предупреждает один из Братьев, и мы проходим в соседний зал. Здесь я никогда не был.
Знамена, штандарты, хоругви… Я помню их! Я помню! Я начинаю вспоминать!
Рвущийся навстречу ветер, грохот копыт, земля пляшет и игриво выгибает спину, все кругом сверкает — десятки, сотни Блистающих, — и гордо трепещущие на ветру стяги: Кабир, Мэйлань, Малый Хакас, Кимена, Лоулез…
Лоул и лорды!!!
И, словно в ответ на давно забытый клич, из полумрака надвигается до дрожи знакомый треугольный щит… нет, не щит, а плотная ткань, только напоминающая щит, с россыпью серебристых лилий на темном поле — и все вокруг исчезает.
«Знамя Лоулеза! — запоздало доходит до дряхлого рассудка, и без того помраченного веками тюрьмы и пьянящим глотком свободы. Меня надо было укрыть. Им и укрыли… саваном былого».
Даже в кромешной тьме я вижу их: лилии на поле.
Я вижу их.

Глава двенадцатая
Сколопендра

Так и живем.
То платим, то не платим

За жалкие подачки от судьбы —
И в рубище безмолвные рабы,
И короли, рабы в парчовом платье.
Так и живем, не слыша зов трубы.
Она не знала, что движет ею.

Это был вопрос без ответа: почему ее так неодолимо притягивает здание старого музея, и даже не сам музей, а одна-единственная витрина с огромным лоулезским двуручником — проржавевшим, с обломанным захватником и частью гарды.
Она могла часами стоять, вглядываясь в потускневшее лезвие, местами выступавшее из-под мертвой коросты ржавчины, в остатки затейливого узора на растрескавшихся накладках рукояти; иногда меч представлялся ей умирающим старцем, заживо погребенным в склепе, парализованным бойцом, который никак не может умереть по-настоящему.
«Ему надо помочь», — решила она однажды, и на мгновение девочке показалось, что это не ее мысль.
Особенно когда на окраине сознания промелькнуло совсем уж незнакомое словосочетание: «coup de grace».
Девочка не знала, что по-лоулезски это значит «удар милосердия».
Но странное ощущение чужеродного вскоре ушло, растворилось, а мысль осталась, превратившись в навязчивую идею, которая заставляла ее просыпаться по ночам и долго лежать без сна, глядя сквозь засиженное мухами окошко своей комнаты на медленно тускневшие звезды.
Предыдущую ночь она вообще не спала.
Что-то должно было произойти.
Сегодня.
В музей она вошла, предъявив швейцару шершавый прямоугольник билета, за два часа до закрытия. Девочка долго стояла над застекленной витриной, знакомой до мельчайших подробностей, а потом неведомая сила словно толкнула ее изнутри, и она быстро скользнула за тяжелую пыльную портьеру.
Там было душно и хотелось чихать.
В зале вскоре появился начинающий полнеть мужчина средних лет. Мужчину девочка узнала — видела его здесь несколько раз. Он то ли работал в музее, то ли… Впрочем, это девочку не интересовало.
Мужчина немного постоял над той же витриной, сосредоточенно хмуря брови, затем прошел в боковой коридорчик, щелкнул рычажком на распределительном щитке — девочка хорошо запомнила, какой именно рычажок он опустил, — взял висевшую рядом связку ключей…
Но тут на улице нетерпеливо засигналила машина. Мужчина вздрогнул и вполголоса выругался. После чего с явным сожалением повесил ключи на место, машинально вернул рычажок в прежнее положение и поспешил нырнуть в небольшую служебную каморку на другом конце коридорчика.
Через пару минут он появился в сопровождении высокой красивой девушки. Последнюю девочка часто встречала в зале — кажется, та служила здесь смотрительницей. Оба поцеловались на ходу и заторопились к выходу.
Музей закрылся через полчаса: это время девочка провела в тесном чуланчике с ведрами, тряпками и швабрами, забаррикадировавшись всяким хламом и притаившись в самом темном углу. Она слышала шаги ночного сторожа, обходившего залы. Сторож прошел мимо, в глубь музея, потом глухо прошаркал обратно — и все стихло.
Девочка пряталась в своем убежище еще долго, с судорожно бьющимся сердцем, время от времени поглаживая рукоятки ножей Бао-Гунь, семейной реликвии, подарка прабабушки, с которым она не расставалась почти никогда. Это успокаивало. Ножи уютно грелись на груди, дремля в пазах кожаной перевязи, надежно прикрытые накинутой сверху шалью — тоже прабабушкиной…
И вот: еще мгновение назад она сидела, скорчившись в углу чулана, вдыхая влажный запах тряпья и щетины швабр, — а сейчас, чудесным образом миновав ею же нагроможденную баррикаду, осторожно приоткрывает незапертую дверцу и оказывается в коридоре. Зал. Тусклые отблески развешанного на стенах старинного оружия. Другой коридор. Распределительный щиток оказывается совсем рядом, пальцы безошибочно находят нужный рычажок. Связка ключей уже в руке, толстый ковер на полу надежно глушит и без того тихие шаги.

Второй ключ легко входит в крохотный, почти игрушечный замочек.
С негромким скрипом поднимается застекленная крышка.
Меч оказался тяжелым, гораздо тяжелее, чем ей представлялось на первый взгляд. Но это не важно. Девочка взяла эспадон обеими руками, под гарду и за середину проржавевшего лезвия — и так, неся древний клинок перед собой, словно на торжественной церемонии, вошла в соседний зал.
Мысли путались; плохо соображая, что делает, она бесцеремонно сорвала один из выставленных в зале штандартов — в форме щита, с рассыпанными по полю серебристыми лилиями — и плотно укутала в него двуручник.
Теперь — через черный ход во двор.
Выход оказался там, где и должен был быть. Ее словно вел кто-то, прекрасно знавший дорогу. Насмешливо щелкнув, замок легко открылся. Надо притворить за собой дверь, чтоб не сразу хватились… Кто хватится? Чего? Лунный свет леопардовыми пятнами трепещет на дорожках сада, деревья шепчут ободряющие наговоры… Да, так и должно быть! Она не могла оставить парализованного бойца гнить заживо. Это не жизнь, это… даже не смерть, а хуже, много хуже! Люди, изо дня в день скользящие равнодушными взглядами по несчастному старику в застекленной витрине-саркофаге…
Кованая чугунная решетка ограды, щедро посеребренная лунной пылью, скалящиеся на тумбах седые львы. Перелезть через такую, с позволения сказать, «ограду», даже с притороченным к спине тяжелым эспадоном — дело одной минуты!
Потом — дворы, темные переулки, проходные подъезды, мелькающие вдалеке огни центрального проспекта, клубок запутанных улочек районов Бахри и аль-Румалайн…
Девочка пришла в себя уже на окружном шоссе, направляясь к юго-восточной окраине города.
Она догадывалась, куда несут ее ноги. Именно так: «догадывалась» — а не «знала».
Примерно в получасе ходьбы от города, по правую руку от окружной трассы, лесомассив нехотя расступался, открывая ровную поляну — считай, целое поле! — правильной круглой формы, поросшую сочной зеленой травой. По таинственной причине здесь никто не пас коз или баранов, никто эту траву не косил, и даже пикники случались тут редко. Говорят, в прадавние времена здесь располагалось центральное турнирное поле, куда в отведенные дни собирался чуть ли не весь Дурбан.
Может, и правда
Главное, что сейчас они направлялись именно туда, а весь нынешний Дурбан пусть спокойно спит и не лезет не в свои дела. Девочка даже не удивилась, что думает о себе во множественном числе. Они — это, конечно же, она сама, старый двуручник и… и десять ножей Бао-Гунь. А кто же еще?
Действительно, больше на шоссе никого не было — ни машин, ни пешеходов; дома города остались позади, и только справа мерцала в лунном свете витая решетка ограды, отдаленно напоминавшая ограду музея. Девочка со слабым удивлением сообразила, что за оградой, в глубине большого ухоженного парка, находится тот самый… ну очень «престижный» мектеб, куда ее так настойчиво приглашали и куда ей никак нельзя было идти! Никак. Там, за витой оградой, в глубине старинного парка, таилось что-то страшное. Очень страшное. Страшнее, чем пьяные небритые ублюдки с автоматами и сумкой гранат — этих девочка не боялась, потому что темное знание всякий раз подсказывало, что с ними делать. Вот они, ножи, под шалью… Девочка на всякий случай еще раз нащупала по-прежнему теплые шершавые рукоятки. Это реальность… как бабушка или рассвет. А там, в недрах «престижного» мектеба, притаилось кое-что пострашнее, чему не перережешь горло, не всадишь в глаз бьющий без промаха короткий клинок. Может, там спит уставшая за день Смерть. И хорошо еще, если так. Потому что это может оказаться гораздо хуже Смерти.
Если бы девочка знала, что значит — сойти с ума, она бы, наверное, испугалась.
Или не испугалась.
В следующий момент из-за поворота шоссе послышался неторопливо приближающийся стук копыт.
«Конный патруль, — взорвалась мгновенная догадка, разом обрубившая нить размышлений. — Наверняка захотят узнать, что у меня за спиной!»
Девочка беспомощно огляделась в поисках укрытия, но спрятаться было негде: слева — вспаханное поле с только начинающими пробиваться молодыми ростками, справа — ограда зловещего мектеба. И луна, сияющая вполнеба. А стук копыт уже совсем рядом сейчас патрульные покажутся из-за поворота, и перелезть через ограду она явно не успеет…
Решение пришло само собой. Наверняка не самое удачное — будь у нее (у них?) хоть минута, она (они?) наверняка придумала бы что-нибудь получше.

Но минуты не было, и девочка, торопливо просунув между прутьями решетки завернутый в лоулезское знамя эспадон, с хрустом погрузила ржавое тело меча в переплетение кустов у самой ограды. Оглянулась: ага, вон напротив дорожный знак — захочешь, не ошибешься!
Она даже умудрилась отбежать от ограды и сделать несколько шагов по шоссе, прежде чем ее заметили.
— …С подругами гуляла… потом они подшутить решили, попрятались, а я этого района не знаю — заблудилась… Где живу? Тупик Ош-Дастан, дом четвертый, второй этаж. С бабушкой… Не вру, не вру я, господин мушериф, спросите в Ош-Дастане бабушку Бобовай — ее там все знают! А я — ее внучка, правнучка я…
— Отвези-ка ты ее домой, Ахъяд, — после некоторого раздумья проговорил наконец старший. — Ишь ты, внучка-правнучка!

Старшему шел двадцать первый год, он лишь неделю назад получил звание он-баши,
[66]
чем ужасно гордился, и теперь изо всех сил старался выглядеть серьезным и рассудительным, как и положено начальнику.

— Сам знаешь, ночью на улице с такой вот пичугой всякое может случиться. Я ведь насквозь вижу — не врет. Все равно дежурство заканчивается…
— Да чего там, господин он-баши, конечно, отвезу! — ухмыльнулся рябой Ахъяд, одногодок старшего — я тот район знаю и даже про бабку Бобовай краем уха слыхал. Вредная, говорят… — Ахъяд осекся и поспешно захлопнул рот. — Садись, кроха, подвезу, — закончил он уже совсем другим тоном.
У Ахъяда была сестренка тех же лет, что и ночная гулена; только его сестра гораздо чаще улыбалась.

Глава тринадцатая
Азат

Умер день.
Это много страшнее иных смертей.
Обалдело стою над потерей потерь.

Охранник, дежуривший у центрального входа в мектеб, равнодушно смотрел мимо Карена, жуя жвачку-нас и нехотя сплевывая по одному слову в час, — но висак-баши прекрасно понимал: этот верблюд следит за каждым его движением. Кого попало здесь в охрану явно не брали. А он, Карен, вне сомнений, с точки зрения стража, относился к категории «кто попало».
Тем не менее позвать госпожу Коушут охранник все же согласился.
Ждать пришлось довольно долго. Наконец скрипнули петли, и дверь с узорчатыми матовыми стеклами резко отворилась. Госпожа Коушут, по-прежнему одетая в строгий деловой костюм, воззрилась на стоявшего двумя ступеньками ниже посетителя; потом она коротко и, как показалось Карену, победно усмехнулась, сделав приглашающий жест рукой:
— Пропустите. Это ко мне.
Охранник молча посторонился, придав своему лицу совершенно нейтральное выражение (даже челюсти прекратили на миг двигаться туда-сюда). Карен подмигнул парню и проследовал за Неистовой Зейри через обширный светлый холл, по мраморным ступеням с бархатной ковровой дорожкой — и дальше, на второй этаж, в кабинет, на двери которого красовалась бронзовая табличка с именем его спутницы.
— Итак, «белая змея» прислушалась к добрым советам и решила подыскать себе гнездышко поуютнее? — прищурилась хозяйка кабинета, усаживаясь за стол и указывая Карену на стул напротив.

— Здраво подмечено, госпожа Коушут, — в тон ей ответил висак-баши. — И «змея» очень надеется, что это будет ее «Звездный час».
— Ну что ж… свои обещания, особенно данные в столь экзотических обстоятельствах, надо выполнять, — одними уголками губ улыбнулась Зейри, и стекла ее очков загадочно блеснули. — Вообще-то свободных вакансий у нас пока нет и не предвидится, но кусаться вы умеете, сама убедилась, шипите тоже недурственно, а также…
Она выдержала небольшую паузу.
— Насколько мне известно, вы квартируете у почтенной Бобовай?
— А благодаря ее внучке мы и познакомились, — закончил Карен, разводя руками.
— Вот именно. И этот факт несколько меняет дело. Понимаете, господин…
— Рудаби. Карен Рудаби, можно просто Карен.
— Понимаете, мы здесь, в мектебе «Звездный час», привыкли строго придерживаться определенных принципов. Поверьте, обучение в нашем учебном заведении стоит недешево, но те из детей, кто прошел по конкурсу или выиграл место в лотерею, обеспечиваются полным пансионом за наш счет. И администрация кровно заинтересована в том, чтобы никто не смог упрекнуть руководство «Звездного часа» в пристрастности или, сохрани Творец, в корыстолюбии! Всем известно, что наш мектеб — не только привилегированная школа: мы занимаемся благотворительностью, разыскиваем юные дарования и помогаем им встать на ноги, а «Лотерея Двенадцати Домов» дает шанс любому…
Госпожа Коушут неожиданно умолкла.
— Вот вы сейчас сидите, и на лице у вас написано: зачем она все это мне рассказывает? Ведь верно?
— Верно, — честно признался Карен.
— Попытаюсь объяснить. Внучка почтенной Бобовай — это первый и пока — к счастью! — единственный случай в нашей практике! Девочке повезло в лотерее, но она категорически не хочет учиться в «Звездном часе», куда мечтают отдать своих детей родители из самых состоятельных семей! Это прецедент, понимаете? И мы ни в коем случае не можем его создать. Это наша репутация, понимаете?
— Понимаю, — послушно кивнул Карен, а сам подумал: «Понимаю, что ты темнишь, но безработному висак-баши до этого нет дела».
— Вот потому-то я и собираюсь ходатайствовать за вас перед нашим хаким-эмиром. Думаю, он согласится нанять нового охранника сверх штатного расписания, но при одном условии: вы постараетесь убедить девочку приступить к занятиям в «Звездном часе». Согласны?
«Очень интересно! Хайль-баши прозрачно намекал мне примерно на то же самое. Жирный провидец!»
— Я… я постараюсь, госпожа Коушут! Но почему вы решили, что я смогу…
— Вам придется очень постараться, господин Рудаби! А почему я так решила… — Госпожа Коушут немного замялась, что было ей совсем не свойственно. — Мне кажется, девочка к вам расположена. Вы пытались защитить ее… от меня! И если после этого вы расскажете ей, как выглядит наш «Звездный час», и посоветуете хотя бы одним глазком заглянуть сюда… В общем, я думаю, вас она скорее послушает, чем меня или надима Исфизара!
«И чем собственную бабушку?» — усомнился Карен, но вслух этого не сказал.
— Хорошо, я постараюсь, — уже более твердо повторил он.
…Заполнение анкет, тест-листов и заявления в трех экземплярах, а также оформление прочих бумаг заняло полдня, и при этом у Карена сложилось впечатление, что для него вся процедура была существенно ускорена. Похоже, руководству мектеба позарез требовалось заполучить юную метательницу ножей — и не — только из соображений престижа!
Когда последняя бумага была подписана и аккуратно подшита в папку с его личным делом (стандартные фотокарточки висак-баши предусмотрительно захватил с собой), немногословный лысый портняжка тщательно снял с Карена мерку.
«Костюм будет готов к вечеру», — уведомил портняжка, уходя.
Карен только собрался вздохнуть с облегчением — ни бюрократическая волокита, ни скрупулезные измерения тела вдоль и поперек не доставили егерю особого удовольствия, — но не тут-то было!
В кабинет заявился еще какой-то надим: сухощавый, взъерошенный, в дорогом костюме, сидевшем на нем как седло на корове, — и засыпал Карена новыми вопросами:
— Место рождения? А точнее? Год рождения? Месяц? День? Час?

— Может, еще и минуты с секундами? — не удержался Карен.
— Приятно разговаривать с понимающим человеком! — возликовал надим, расцветая на глазах, однако Карену пришлось разочаровать его — не только минут с секундами, но и часа своего рождения он не знал. — Жаль, очень жаль, — искренне огорчился надим. — Это значит, вы у нас получаетесь — Скорпион… в смысле не у нас, а у Зодиака, но в некотором смысле и у нас… так… нет, без точного часа никак нельзя, а для Скорпиона — в особенности! Вы хотя бы можете сказать: до заката родились или после?
В голосе надима крылись строгость и презрение к Скорпиону-неудачнику, запамятовавшему столь естественные для любого здравомыслящего человека сведения. И висак-баши стало стыдно — рождаясь, он как-то не обратил внимания ни на закат, ни на восход.
— Мама говорила — вроде бы всю ночь проорала, а на исходе…
— Ага, перед рассветом! — оживился надим.
— Возможно, — пожал плечами Карен. — А позвольте спросить: зачем вам все это?
— Как — зачем?! — Чиновник изумленно закатил глаза. — Вы что, прикажете мне ваши гороскопы из пальца высасывать?! Зодиакальный, общий, а также солярный; биоритмы опять же…
— Что, может, и судьбу мою предскажете? — попробовал улыбнуться Карен.
— Нет, — жестко отрезал надим-астролог. — Без точного часа рождения — не предскажем.
И сделал на полях своих записей пометку: «Послать запрос в Кабир».

> Наконец дотошный звездочет ушел, бормоча себе под нос нелестные для Карена междометия. На сегодня новоиспеченный гулям
> [67]
> был свободен, а завтра ему надлежало явиться в мектеб к восьми часам утра, что Карен и сделал с армейской пунктуальностью.

На этот раз его без лишних слов пропустили внутрь. Госпожа Коушут вручила ему запечатанный в пластик картонный прямоугольник пропуска-удостоверения и велела спуститься вниз, в помещение для охранников.
— Начальник охраны господин Ташвард будет через час — представитесь ему, — бросила Неистовая Зейри вслед.
В указанной комнате Карена встретил тот самый жвачный страж, с которым висак-баши познакомился вчера у входа в мектеб.
— Доброе утро, коллега. — Приветствие было подчеркнуто вежливым, однако руки охранник не подал.
— И вам того же, — в тон ответил Карен. — Меня зовут Карен Рудаби.
— Усмар Ханифах, — кивнул гулям новому коллеге. — Вот твой бокс, — и указал на дверцу крайнего из вмонтированных в стену металлических шкафчиков, совсем как в мушерифском участке.
На шкафчике стоял номер «9».
Внутри оказался отлично сшитый форменный костюм, почти ничем не отличающийся от штатской одежды; но когда Карен не замедлил в него переодеться, то обнаружил, что костюм не только сидит как влитой, но при этом совершенно не стесняет движений и под ним в случае надобности можно спрятать целый арсенал.
— Оружие получишь у начальника. — Усмар словно прочел мысли егеря. — А пока пошли, покажу тебе мектеб.
От центрального корпуса отходили два крыла. В восточном располагались специализированные учебные классы, в западном — спальни и комнаты для игр и отдыха. Центральный же корпус, кроме администрации, занимали кабинеты учителей и хаким-эмира, помещение для охраны, медицинская часть, вычислительный центр и спортзал. Еще имелись оранжерея, спортивно-игровые площадки, но все это находилось снаружи, в парке, и осмотр «достопримечательностей» провожатый Карена решил оставить на потом.
Ковровые дорожки доброжелательно пружинили под ногами, солнечные блики, весело подмигивая, плясали на идеально прозрачных стеклах широких окон, золотисто искрился покрытый лаком ясеневый паркет, экраны компьютеров вычислительного центра стройными рядами уходили в загадочный полумрак длинного зала — и Карен поначалу даже немного растерялся от сияющего чистотой комфорта и великолепия. В детские спальни и игровые комнаты, оснащенные кроме всего прочего новейшими

телевизорами-моноблоками, они заглянули лишь мельком, и Карен помимо воли завистливо вздохнул: ему в детстве такое и не снилось! Да и сейчас…
Экскурсия закончилась в спортзале, где двое охранников в мэйланьских кимоно неторопливо, со знанием дела кружили по борцовскому ковру, а третий, бравируя ленцой профессионала, метал длинные узкие ножи в искромсанную колоду.
Усмар и Карен поздоровались, после чего Усмар, подойдя к столику с ножами, выбрал один — и почти без размаха запустил в воздух тонкий клинок.
Нож, возбужденно дрожа, вонзился в самый центр колоды; Усмар выжидательно взглянул на Карена.
Карен про себя усмехнулся: на вшивость проверить решил, мальчишка! Побыл бы ты с мое в Хакасе, погулял бы по ночным аулам… Приблизившись к ухмыляющемуся гуляму, егерь, не колеблясь, послал в мишень один за другим три ножа. Вся троица вошла в колоду рядом с ножом Усмара, образовав почти правильный треугольник.
Увлекшись, Карен хотел было продолжить, но тут мерзавка-память услужливо подсунула: трасса, автобус и молниеносно снующие ручонки Сколопендры, извергающие каскад стали…
Карен вздохнул и положил четвертый нож на место. И он, и его новые коллеги выглядели слюнявыми сосунками в сравнении с двенадцатилетней девчонкой!
— Неплохо! — оценил Усмар, и в его голосе проскользнули нотки уважения. — А в «лапки-тяпки» сыграешь?
— С тобой? — поинтересовался Карен без особого энтузиазма.
Висак-баши была хорошо знакома эта столь любимая рукопашниками игра, где без всякого членовредительства (не считая отбитых ладоней) неплохо проверялась реакция и сообразительность партнера.
— А хотя бы и со мной! — Усмар, кажется, немного обиделся.
Позади послышалось глухое «бум!» — один из борцов все-таки подловил соперника и теперь помогал тому подняться с ковра.
Карен и Усмар сняли пиджаки, закатали рукава рубашек. Руки висак-баши мягко легли на волосатые предплечья партнера.
— Начали!
Хлоп! Карен не успел среагировать и пропустил довольно чувствительный шлепок по тыльной стороне ладони.
Однако дважды провести коллегу на мякине Усмару не удалось: гулям дернулся, но Карен вовремя подал свои предплечья вперед — именно вперед, а не назад, потому что «убегающего», как правило, догоняют! — и ударил внахлест, через руки партнера. Правую Усмар успел убрать, но по левой получил от души.
Теперь позиция поменялась — руки Карена оказались внизу, и он не упустил своей возможности: обманный рывок — и хлесткое «шлеп!» на возврате, одновременно с обеих рук!
— …Развлекаемся, значит, — раздался над ухом чей-то на удивление знакомый голос, и раскрасневшиеся Карен с Усмаром рефлекторно вытянулись по струнке.
Глядя в заметно постаревшее, изрезанное жесткими морщинами, но вполне узнаваемое лицо господина Ташварда, которого пятнадцать лет назад курсанты егерского училища звали не иначе как Гюрзец (потому-то Карен и не отреагировал в администрации на фамилию начальника), висак-баши на мгновение забыл, кто он и где находится, гаркнув во всю глотку:
— Здравия желаю, господин наставник! Курсант Рудаби… — И осекся.
— Вольно, курсант, — улыбнулся Гюрзец, получивший свою кличку то ли из-за марки любимого пистолета, то ли за молниеносные, жалящие удары или за то и другое сразу. — Впрочем, ты уже давно не курсант… висак-баши, я слышал?.. Да и я с недавнего времени — не господин наставник. В отставке я, парень, по состоянию здоровья.
Последним словам Карен не поверил.

— Господин гулям-эмир,
[68]
я тут знакомил новенького с объектом, а потом решил его немного попробовать… — скороговоркой выпалил Усмар и умолк.

— Молодец, — одобрительно кивнул господин Ташвард. — Ну и как, попробовал?
— В полной мере, господин гулям-эмир! По-моему, наш человек!
— Ну, спасибо, — вновь усмехнулся Гюрзец в коротко подстриженные седеющие усы. — Как-никак, мой ученик… бывший ученик. — Эй, Фаик, ты куда руки

топыришь?! — прикрикнул он безо всякого перехода на ближнего из снова закруживших по ковру борцов. — Махмудик, мальчик мой, возьми-ка Фаика за пальчик! Вот-вот, именно так, с должной лаской, — удовлетворенно хмыкнул гулям-эмир, когда незадачливый Фаик с воплем растянулся на ковре.
И на мгновение Карену показалось, что он действительно вернулся на пятнадцать лет назад.

Глава четырнадцатая

Руинтан-аракчи
[69]

Когда-то был Господь, и рай, и сатана, и доброе вино…
Но мчатся времена: нет Господа, увы, нет сатаны, нет рая.
И, что грустней всего, нет доброго вина.

— Чтоб тебе, заразе, рога внутрь завернуло! — сонно пробормотал Руинтан, ворочаясь на скамейке.
Только после этого дифирамба он с трудом разлепил веки и рискнул проморгаться, оглядываясь по сторонам.
Привязанная к Руинтановой щиколотке коза упрямо продолжала тянуть ленивого пастыря к вожделенному клочку недовыщипанной травы, с возмущением мекая и брыкаясь.
Однако злосчастный рывок, разбудивший Руинтана, был вызван отнюдь не очередной попыткой животного добраться до остатков зелени, к чему бельмастый, а теперь еще и корноухий бородач давно привык, а микроавтобусом-«ишаком», который затормозил совсем рядом, чуть не наехав на рогатую любимицу бабушки Бобовай.
— «И-шак», — икнув, констатировал Руинтан, после чего окончательно проснулся.
Не так уж часто объявлялись в тупике Ош-Дастан фирменные микроавтобусы, сверкающие никелем и гордые золотистым тавром «Мектеб “Звездный час”» на лоснящемся крупе.
Из автобуса боком выбрался постоялец бабушки Бобовай — парня звали Кареном, а остальные факты его биографии мало интересовали Руинтана. Приветливо махнув рукой козе и таращившему глаза козопасу, Карен оправил новенький, с иголочки, костюмчик и стал подниматься по лестнице.
Повезло мужику! Был, говорят, егерем, пушечным мясцом, потом безработным, в мушерифы мылился-недомылился — а стал этим… сторожем… нет, гулямом! — и вдобавок у таких богатейших людей! А все после того, как он дамочку ихнюю прямо у подъезда прижал. Понравилось небось нещупаной! Любовь, она движет миром! Вон теперь на каком «ишаке» егерек прикатил! Машина, конечно, чужая, прокатная — но не один хрен, чей ишак под тобой бегает?..
И Руинтан в очередной раз малость позавидовал соседу, а больше — порадовался чужому фарту, ибо долго завидовать кому бы то ни было не умел. Зато радоваться умел и любил, тем более что дружбан Карен, получив работу, мигом выставил по этому поводу выпивку всем соседям, не забыв и его, Руинтана Меднотелого. А дармового угощеньица бедняга аракчи не забывал. Все знают — Руинтан добро помнит…
Он машинально потрогал уже почти заживший огрызок уха, подвигал взад-вперед нижней челюстью, став от этого похожим на людоеда из мультфильма, и горестно вздохнул. Эх, если б Карен его тогда на миг раньше болтом приложил! Помрачение нашло, право слово! Челюсть — пустяки, уже и не болит почти, а пить и без зубов можно; зато уха — нет как нет.
Жалко.
А двустволки прадедовской, с тягчайшего похмела не пропитой, — и того жальче.

Вслед за Кареном из «ишака» вылез еще один мужик в точно таком же, как и у егерька, костюме (форму у них в мектебе носят, что ли?), брезгливо покосился на бородача с козой и тоже начал с опаской считать ступеньки подошвами.
К чему бы это?
Руинтан уселся поудобнее, отмотал с ноги несколько витков веревки; дав козе возможность добраться до ее завтрака, и стал с интересом ждать продолжения.
День начинался вполне прилично.
Дальше был шум и голос бабушки Бобовай — старуха на удивление не ругалась ругательски, не швырялась «шакалами» и «отродьями трупоедов», — потом по лестнице вразнобой застучали-заухали-заскрипели шаги… вот они идут: сначала неуверенно выходит бобовайская внучка, а следом за ней Карен со вторым гулямом несут старухино кресло вместе с самой старухой.
Вот это да! Куда ж это старая ведьма собралась?
На работу в мектеб устраиваться? Охранником-гулямом? Глядишь, костюм сошьют на дармовщинку…
Руинтан так и спросил, только вместо «старой ведьмы» получилось почему-то «уважаемая». А так — что подумал, то и сказал.
— Ах, Руинтанчик (ну, карга, дает!), хвала Всевышнему! Уговорили-таки мы с Каренчиком правнучку мою в мектеб съездить! Пусть посмотрит, может, и глянется ей там! — медовым голоском затараторила бабка. — А я, дура старая, за компанию — отчего бы и не съездить, если добрые люди приглашают, машину к подъезду ставят, как настоящей госпоже из благородного рода! Да и то сказать: чем мы хуже?
Почтенная Бобовай гордо вскинула голову, и Руинтан окончательно уверился: хоть с опущенной, хоть со вскинутой, а с этой самой головой у бабки не все в порядке. Хотя, с другой стороны, «ишака»-то действительно пригнали! И внучка: то все упиралась, не хуже бабкиной козы, а тут вдруг раз — и согласилась. Постоялец уболтал, что ли? Стала бы девчонка егеря слушать, как же! Она вообще никого не слушает, разве что свою бабку, и то краем уха.
«Край уха» навел Руинтана на грустные размышления, и он на минуту отвлекся от происходящего у подъезда.
Тем временем второй гулям открыл задние дверцы «ишака», выдвинул наружу стальные полозья, и они с Кареном легко вкатили бабкино кресло в ишачье чрево.
Девочка затравленно огляделась по сторонам и, словно против воли, медленно шагнула к микроавтобусу; еще раз оглянулась, умоляюще посмотрела на изумленно моргающего аракчи — и, как в холодную воду, разом решившись, нырнула внутрь.
Кашлянул и негромко заурчал мотор, Карен достал из кармана плоскую телефонную трубку с кнопками и короткой антенной (этакого чуда Руинтан никогда раньше не видел), набрал номер, что-то тихо сказал и совсем уж было собрался садиться в кабину, но вдруг хлопнул себя ладонью по лбу:
— Подожди, Усмар, я сейчас, я сигареты забыл! — И нырнул в подъезд.
Вернулся Карен через пару минут, и машина тут же стала разворачиваться, норовя вырулить из тупика. А когда совсем почти вырулила и водитель поспешил дать газ, Руинтану показалось, что какой-то забавник привязал его веревку к бамперу «ишака», — последовал сильнейший рывок, бородач не удержался и опрокинулся на спину!
«Проклятая коза!» — дошло до него через секунду.
А еще через пару секунд корноухий аракчи выяснил с изрядным неудовольствием, что окаянное животное волочит его за собой на веревке!
«Ишь ты, коза, а, оказывается, сильная зверюга, как… как ишак!» — вяло удивился Руинтан, разглядывая проплывающие мимо кусты.
Тут ветхая веревка, зацепившись за торчащий из мостовой железный штырь, наконец лопнула; и коза, освободившись от непосильной ноши, с призывным меканьем заскакала по переулку вслед за микроавтобусом, увозившим любимую хозяйку.
Пыльный и ободранный Руинтан, прихрамывая, бежал следом, постепенно отставая и ругаясь на ходу самыми черными словами…

Глава пятнадцатая
«Горный орел»

Без нас не делалось ничто,
Нигде и никогда:
Хоть черный крест,
Хоть красный круг,
Хоть белая звезда.

Судьба с жизнью перемигивались за спиной — и Большой Равиль чуял опасность, как вспугнутый олень — идущую по пятам погоню или как затаившийся в засаде чауш — присутствие добычи. Разумеется Равиля куда больше устроил бы второй вариант, но шейх рассуждал трезво, понимая: сейчас его знахарек (да и он сам!) — скорее добыча, чем охотник.
Впрочем, добыча тоже имеет острые клыки.
Или тяжелые рога.
Или нужные связи.
Только до связей ли, когда поневоле готов уверовать во всякую чертовщину и рука тянется почесать в затылке: а не прав ли, часом, знахарек? Может, впрямь — шайтаны из пекла сбежали, конец света, психическая эпидемия… Слов, слов-то каких нахватался! Чушь, скажете! И я скажу — чушь. Не бывает?! И я, господа мои, тоже скажу — не бывает. Зато стрелки с автоматическими винтовками — очень даже бывают! И смертнички из мушерифских застенков случайно не бегают — дураку ясно, без чужой помощи не обошлось! Как раз в нужный момент — чтоб автобус Дурбан — Кабир сам в руки напросился!
Выгребай потом знахарька из кучи трупов…
Тонко работают, хвостом их удави! Да только где тонко — там и рвется. Перемудрили вы, господа! Во второй раз промашка выходит! Нет чтоб по-простому: пулю в затылок или из базуки в машину…
Иблисова кровь! А вдруг знахарек прав и они в самом деле мысли читают?! Равиль тут старается, извилину за извилину цепляет, а они, вражины, как в распахнутом сейфе ковыряются и посмеиваются втихомолку!
Но заставить себя думать о чем-то другом Равиль не мог.
Откинувшись на атласные подушки, спала рядом «арендованная» на всю неделю «крошка сдобной булочки», томно вздыхая даже во сне и непроизвольно совершая губами весьма эротические движения; за стеной еле слышно повизгивала от удовольствия тахта, отдаваясь волнующему ритму, — хаким с подругой, со вчера не добравшиеся до собственного номера, платили щедрую дань любовным утехам, восполняя упущенное за время недавней отлучки в город; что происходило в покоях Кадаля — одному Творцу ведомо, но Равиль подозревал: «сеанс сексотерапии», предписанный доктору шейхом, успел закончиться. Интересно, знахарек без бабской фотографии трахнуться может?.. В голове немного гудело от выпитого коньяку, но сон бежал от Большого Равиля. Три дня и три ночи шейх пытался убедить себя, что случайностям есть место на этом треклятом свете, что они оторвались от неведомых охотников и теперь все будет в порядке… Действительно, ничего особенного за это время не произошло, разве что Кадаль поздней страстью полюбил «Старый Кабир», причем непременно вошедший в совершеннолетие, но на третий вечер у Равиля возникло устойчивое чувство опасности, и ни коньяк, ни девочки не смогли его заглушить. Их Превосходительство Страх на часок-другой с неохотой отступал перед прелестями местных красоток и туманом опьянения, чтобы с удвоенной силой вернуться опять.
«Безумие ит-Сафеда пыталось добраться и до меня».
Может, добралось-таки? И не только до знахарька? Разве происходящее — не безумие? Покушение за покушением; видения доктора — и то, что он, Большой Равиль, фактически пошел на поводу у своего подопечного, встряв в грязное дело; безумный кутеж в пансионате, где они все как на ладони! — дошло вдруг до «горного орла», и он на мгновение покрылся холодным потом.
Что он делает?! Устраивает гулянки, словно прощаясь с жизнью, когда надо упрятать знахарька подальше, самому забиться в нору, раскинуть вокруг сети, напоить жвалы ядом — и ждать, не высовываясь!
«Горный орел» выбрался из постели, достал из коробки сигару, миниатюрной гильотинкой отрезал кончик. Огонек зажигалки отразился в глубине полированной, красного дерева, дверцы платяного шкафа, и Равилю на мгновение почудилось, что

там, по другую сторону, шевельнулось темное существо. Их Превосходительство Страх. Вынуть бы из кобуры «гасан», передернуть затвор, приставить к виску долгожданный ствол и сладострастно заставить палец согнуться… Что?!
«Нервы, — подумалось задохнувшемуся от ужаса шейху. — Тут портовые тросы нужны, а не нервы…» Он врал сам себе. Он знал, что дело не в нервах. Вернее, не только в нервах.
Ар-Рави несколько раз глубоко затянулся, понемногу успокаиваясь.
Значит, так: завтра он вместе со спящей в боковом крыле Сунджан (спасибо умнице Лейле, все эти дни с удовольствием игравшей с девчушкой… нянькой нанять, что ли?)… О чем это он? Да, завтра вместе с дочкой заезжаем в мектеб, забираем табель на радость супруге, помешанной на успеваемости девочки, и, не медля ни минуты, отправляем Сунджан в Оразм, к двоюродному братцу (отставному наркоману, спасибо знахарьку!) и его милой женушке, с которой Равиль в свое время…
Отправить. Именно в Оразм.
Знахарька — в горное урочище Бек-Неш, принадлежащее клану ар-Рави чуть ли не со времен святого Гасана ас-Саббаха. У горцев Кадаля и шайтан не сыщет, а сыщет, так закается до упора вечности! И, наконец, самому «залечь на дно» здесь, в Дурбане, или в Хине, а людишки пусть побегают, пошустрят, поразнюхивают…
Равиль удовлетворенно кивнул — давно пора было так и сделать! — и стряхнул пепел с сигары в туфельку спящей рядом «ночной пери».
* * *
…Наутро все полуночные страхи и черные мысли рассеялись, «залечь на дно» отчаянно не хотелось, а хотелось совсем наоборот: продолжить веселье в Озерном пансионате, включавшее и пышные банкеты, и купание в знаменитом озере, чья вода даровала минимум бессмертие, и постельные игры, и игру в рулетку и тройные кости, а в виде оригинальной приправы — рассказы Рашида об истории «Аламута». Бурдючок-хаким, оказывается, знал немало любопытного, и Равиль, быстро проникшийся симпатией к разговорчивому однокашнику Кадаля, уже предвкушал, как сможет блеснуть своими познаниями в кругу Семьи, удивляя шейхов и «шестерок» примерами из истории «горных орлов».
Заодно выяснилось, что заехать в мектеб надо не только Равилю с дочкой, но и Рашиду — получить отпускные и расписаться в ведомости. Что ж, у бедных свои причуды. Ну а Лейла и Кадаль решили поехать просто за компанию, благо места в шестидверном «Чауше» хватало на всех.
Дымя сигарой на переднем сиденье, ар-Рави неожиданно для себя самого вспомнил рассказы престарелых, вышедших в тираж шейхов. Дескать, в прежние времена — гораздо лучшие, чем нынешние, с точки зрения замшелых старцев, — каждому из «орлов», возглавлявших Семьи, кроме вазирга-советника, полагался еще и доверенный астролог-звездочет. Бывали случаи, когда задуманная и тщательно спланированная операция отменялась только из-за неласкового расположения треклятых планет.
«Подвесили бы парочку умников вверх ногами, — подумал Равиль, — глядишь, и солнце мигом взошло бы с запада!»
Дурацкие мысли преследовали его до самого Дурбана.

Глава шестнадцатая
Хайль-баши

Небыль?
Вечер?
Небо на плечи.

Звонок Карена едва не застал Фаршедварда Али-бея врасплох. Вот так прямо взяла — и согласилась?! Конечно, никогда нельзя было предугадать заранее, что взбредет странной девчонке в голову, но не до такой же степени! Чуть ли не месяц упираться козой-стрекозой — и вдруг согласиться на предложение постояльца, человека полузнакомого и вообще…

Эй, Тот-еще-Фарш, ты ревнуешь?
«Я должен быть там, — неожиданно для самого себя подумал хайль-баши. — Я должен лично видеть, как она поведет себя внутри. А заодно… полезно было бы взглянуть на реакцию небезызвестного хакима-фотолюбителя! Почему-то мне кажется, что сегодня он тоже появится в мектебе…»
Хайль-баши озаботился подходящим поводом для визита, но повод неожиданно нашелся сам собой. Юный племянник Фаршедварда Валих наотрез отказывался уезжать из мектеба раньше полудня, пока не досмотрит очередные две части любимого сериала «Железная Рука», и Али-бей поспешил успокоить мать Валиха, пообещав, что лично заедет за племянником чуть попозже. Когда раздался повторный звонок от Карена, сообщившего, что они выезжают из тупика Ош-Дастан, — хайль-баши был готов.
* * *
С помпой въезжать на территорию мектеба Фаршедвард не захотел, приказав водителю-мушерифу выключить мигалку и поставить служебную «кабаргу» снаружи, у обочины.
Охранника у ворот почему-то не оказалось, и, проходя мимо пустовавшей сейчас застекленной будки, хайль-баши мельком отметил несомненное нарушение порядка. Куда только гулям-эмир смотрит?!
На бетонной площадке у центрального входа в мектеб стояли машины: знакомый Али-бею пижон «Чауш», нагло растопырившийся всеми шестью дверцами, и мектебовский «ишачок», из недр которого Карен вместе с еще одним охранником выгружали бабушку Бобовай. Разумеется, старуха ястребом восседала в неизменном антикварном кресле, сыпля поучениями и добрыми советами, а Сколопендра безучастно торчала рядом. Шмыгала носом. В шаль куталась. Холодно ей было в этакую жарищу. И смотрела отнюдь не на мектеб, не на бабушку, не на гулямов и даже не на приближающегося по аллее хайль-баши: девочка уставилась на решетчатую ограду, обсаженную изнутри густым кустарником, и словно что-то искала взглядом в гуще веток.
Искала — и никак не могла найти.
«Кажется, у нашей детки объявился личный повод для приезда», — отметил Тот-еще-Фарш, вперевалочку двигаясь по длинной аллее; и пока он шел, успело произойти многое.
На крыльцо вывалился шейх «Аламута», по пути засовывая в бороду очередную сигару, в сопровождении телохранителя и дочери — на тонком личике большеглазой Сунджан играла застенчивая улыбка; за Равилем спешил хаким-эмир собственной персоной, отчаянно пытаясь что-то втолковать «горному орлу», начавшему дымиться в прямом и переносном смысле, вслед за хаким-эмиром на крыльце стали быстро возникать по очереди, горохом из прохудившегося мешка: госпожа Коушут, толстеющий историк-фотолюбитель, его симпатичная подруга, уже виденный однажды Али-беем круглолицый доктор… Из окна над входом высовывались две детские физиономии, лучась от любопытства, но племянника Валиха среди них не было: очередная серия «Железной Руки» только подходила к концу, Чэн-в-Перчатке доблестно отражал происки врагов, кромсая встречных и поперечных любимым мечом, а в такие минуты оторвать юного Али-бея от телевизора не смогла бы и мировая война, разразись она сию минуту прямо во дворе мектеба.
Фаршедвард впился взглядом в хакима Рашида, стараясь не пропустить момент, когда историк увидит Сколопендру, но тут совсем рядом что-то зашелестело в зарослях рододендрона, и хайль-баши невольно обернулся.
В этот день судьба явно решила показать Али-бею козью морду. Косматую, вполне довольную жизнью морду, деловито пережевывающую экзотическую дрянь.
— Ме-е-е! — сообщила козья морда, приглашая к более тесному знакомству.
После чего следом за мордой из кустов выскочила целая коза и, дробно топоча копытцами, устремилась к своей престарелой хозяйке, обозревавшей (пока снаружи) здание мектеба.
Хаким-эмир подавился очередной репликой и начал медленно багроветь.
Очень похоже на закат в горах Сафед-Кух, если заночевать на перевале. «Скоро, однако, гроза будет», — говорят в таких случаях хакасцы-аксакалы, уминая табак в трубке.
— Эт-то что еще такое?! — медленно выдавил он, будто впервые в жизни видел живую козу, и, не дождавшись ответа, повернулся к охранникам. — Дармоеды! Проворонили! Чтоб через минуту духу этой пакости здесь не было! Иначе через две минуты вашего духу тут не будет!

— Стоит ли кипятиться, уважаемый? — невинно осведомилась бабушка Бобовай. — Не ровен час, язва откроется!
Хаким-эмир поперхнулся второй раз за пять минут — случай, достойный увековечивания на золотых скрижалях! — затем совсем уж было собрался живописать старой карге, что случилось и что случится в ближайшее время, если… но тут до него, во-первых, дошло, кем является вышеупомянутая карга, а во-вторых, на территории мектеба возникло новое действующее лицо.
— Не извольте волноваться, господин хороший! — умильно просипело от ворот; и все, разом обернувшись, узрели вконец запыхавшегося Руинтана-аракчи, пыльного, грязного, хромающего, но счастливого тем, что он наконец догнал окаянную козу! Бежит и бежит, рогатая, будто папа у нее не козел, а оразмский иноходец!
— А вот и я! — Этим возгласом Руинтан искренне надеялся осчастливить собравшихся. — Сейчас, сейчас мы эту бестию… только передохнем маленечко! У вас случайно глоточка пива не найдется, почтенные? Пылища в городе, поди поскачи за шайтановым отродьем — в горло будто песка насыпали! А может, вам сторож требуется или там всяко-разное? Так это мы с удовольствием, это мы запросто, хоть с козой, хоть сами…
Продолжая нести околесицу, Руинтан шустро ковылял ко входу в «Звездный час», но доковылять окончательно ему не дали.
Мимо Фаршедварда вихрем пронесся хаким-эмир, теряя на ходу последние остатки респектабельности, и ухватил опешившего Руинтана за шиворот начальственной дланью.
— Сторожа тебе?! Пива тебе?! — бессвязно выкрикнул глава мектеба в лицо перепуганному аракчи. — Будет тебе сейчас и пиво, и тахирский мускат, голодранец! — И хаким-эмир потащил слабо сопротивлявшегося Руинтана к воротам.
— Караул! — растерянно пискнул бородач и выкрикнул первую пришедшую на ум фразу, которую неоднократно сам слышал от других: — Помогите! Уберите пьяного!
— Сейчас уберем! — пообещал ему хаким-эмир, ногой распахивая чугунные створки.
Но тут одноухий аракчи неожиданно рванулся и освободился, оставив в карающей руке только кусок дряхлой полотняной куртки. Разогнавшийся хаким-эмир не удержал равновесия и начал заваливаться вперед и одновременно на спину, самым нелепым образом выпадая в распахнутые им же ворота.
Он падал и падал, словно обычная съемка начала становиться замедленной, неуклонно двигаясь к стоп-кадру; тело хаким-эмира клонилось, кренилось, колени сгибались, руки плавными волнами текли между открытыми створками, — казалось, что человек не просто вываливается с территории мектеба на улицу, а движется из одного мира в другой, где все не так, или это здесь все не так, или только будет не так…
Краем глаза хайль-баши Фаршедвард успел заметить, как между распахнувшейся, словно от сквозняка, дверью и стоявшей рядом Сколопендрой проскочило еле различимое белое пламя, похожее на почти невидимый электрический разряд.
Удивиться он не успел.
В следующее мгновение земля содрогнулась, и небо обрушилось на плечи Фаршедварда Али-бея.

Глава семнадцатая
Звездный час

Здесь все не так.
Здесь онемели птицы.
Здесь солнце умирает на заре.
Но это сон —
И можно пробудиться
И снова очутиться в сентябре.

Безучастная чернота космического пространства распахнулась на месте блекло-выгоревшего дурбанского небосвода, и внимательные холодные глаза звезд уперлись острыми лучами в души корчащихся в агонии людей.
Это длилось какое-то неуловимое мгновение.
Которое длилось вечно.
Потом вечность закончилась — и неба не стало.
«Умножить можно все на все, — истерически хохотала судьба. — Вечность на вечность? Ради бога! Получится вечность вечностей! Рехнуться можно от счастья!..»
Земля не просто дрожала как при землетрясении — она стала жидкой, и по ее поверхности ходила крупная морская зыбь, грозящая вот-вот захлестнуть прибоем маленькие фигурки, исходившие безмолвным криком.
Их выворачивало наизнанку, мозг отказывался воспринимать вывернутый, изнаночный мир, где неузнаваемо искаженное пространство стремилось спрятаться в кокон схлопывающегося времени, сотканный из невидимых паутинок звездных вихрей, из того, что уже перестало быть Временем и Пространством, но еще не успело стать Материей и Энергией… Раздавленные непомерностью открывшейся перед ними пропасти, человеческие личности в страхе бежали в тот же кокон, из последних сил цепляясь за хрустальные осколки рассыпающегося бытия; им казалось, что они мчатся, карабкаются, ползут, преодолевая безумный напор Вселенной, что-то крича при этом друг другу — или самим себе. Им казалось, что это длится долго, очень долго — часы, дни, годы, века, — а на самом деле они все застыли опрокинутыми наземь растрескавшимися статуями в еле заметном промежутке между двумя соседними мгновениями; и лишь воспаленный мозг каждого выбрасывал из подкорки в сознание все новые фантомы, пытаясь предохранить сам себя от безумия, дать себе хоть призрачную опору в этом невозможном, искаженном, несуществующем мире…
Созвездия истекали кровью, и рождались сияющие письмена: «…Знание происходит от семи планет и двенадцати знаков Зодиака, от восхода восходящей звезды и от захода нисходящей высоты ее и низкого положения. Все происходящее на Земле — движение и покой, противуположение и соединение, совпадение и разделение — находится в зависимости только от Движений на небе, противуположения и соединения звезд, восхождения счастливой и нисхождения негативной, счастливой…»
И плакал кто-то, вопрошая флейтой евнуха:
— Что видите вы в сочетании звезд Большой Медведицы и двенадцати домов Зодиака и что означает это для судеб людей этого мира, для моей судьбы, для судьбы моих детей и подданных?!
Безумным хороводом проносились в небе галактики, вспыхивали и гасли звезды, Солнце надрывалось рядом с болезненно-яркой Луной, не в силах затмить ее блеска, сияющие облака проливались костяным дождем, из возникающих в зыбкой земле водо… нет, землеворотов — извергались клубы сладкого тумана, затягивая все вокруг серо-розовой пеленой, постепенно сгущаясь до консистенции сахарной ваты, которую так любят дети…
Только дети не хотели этой «ваты», они кричали, они звали на помощь, но взрослые не слышали их криков, никто не пришел на помощь, и сладкая вата быстро заполнила уши, глаза, ноздри, рты, ослепляя, оглушая, топя в сладости или в сладострастии, не давая вздохнуть или крикнуть…
Все-таки кто-то успел издать вопль, сотрясший небо и землю; и только после этого мир померк окончательно.

КНИГА ВТОРАЯ
УБИТЬ ПОДЛУЮ ТВАРЬ, или МИРАЖИ «ЗВЕЗДНОГО ЧАСА»

Все я, Боже, получил сполна.
Где, в которой расписаться ведомости?
Об одном прошу:
Спаси от ненависти. Мне не причитается она.

А. Галич

Полночь бродила на мягких лапах по мектебу «Звездный час»; фыркала у решетки, побаиваясь выглянуть наружу, где больше не было места ни утру, ни дню, ни ей, хищной испуганной полночи, времени сказок, убийц и влюбленных; долго мерила подстриженные газоны, метила тумбы по краям светящимися струйками — отблесками созвездий, татуировки неба, насмешливо бросала вниз пригоршни искр; бесшумно скользила по коридорам корпусов, заглядывала в спальни, снова выбиралась наружу, обнюхивала лица беспамятных и беспомощных людей…
«Уснуть? — хохотал в отдалении кто-то, незнакомый полночи, и она вздрагивала украдкой. — Уснуть — и видеть сны, быть может?! Какие ж сны в том смертном сне приснятся?.. Какие сны?.. Какие…»
Полночи тоже очень хотелось знать — какие? — но на лицах не отражалось ничего, а глубже она заглядывать не умела.
Мектеб «Звездный час» истекал тяжелой, мутной дремой, как улитка в раковине, как мясной фарш в виноградных листьях, как пуля в ране, — и видел сны.
Быть может.

Глава первая
Хайль-баши

Ветер о шиповник
ночью — в клочья.

Белуджи налетели перед самым закатом, когда вино ожидания успело перебродить в душах бойцов, став уксусной отрыжкой апатии и усталости.
Дальние барханы брызнули россыпью всадников, пески гулко расхохотались эхом одиночных выстрелов — и пыльная саранча покатилась на село, сверкая молниями кривых клинков. Небо над горизонтом почти сразу же полыхнуло багрянцем, словно лезвие чьей-то сабли мимоходом зацепило бок садящегося солнца; багрянец, пурпур, фиолет…
День умирал.
Остальным это еще только предстояло.
Из смотрового окна чердака Фаршедвард прекрасно видел, как к траншеям на западной околице бежит, пригибаясь, командир третьей сотни Карен Рудаби, известный всему хайлю как Белая Змея; вот он прыгает вниз, в гнездо, отшвыривает в сторону замешкавшегося пулеметчика-новобранца и всем телом припадает к маслянисто отблескивающей туше станкача.
Пулемет дергается в экстазе, ловкие пальцы сотника ласкают гашетку, будто острые кончики женских грудей, и там, вдали, в буром облаке, железнокрылый ангел Азраил начинает собирать первую жатву. Одновременно гремит залп из боковых окопов, гремит слаженно, цельно — ругань и оплеухи усатых уз-баши сделали свое дело, стряхнув оцепенение с измученных бездействием людей, — и Фаршедварду кажется, что он явственно слышит смачное клацанье передергиваемых затворов… но нет, глупости, отсюда ничего такого попросту не может быть слышно, отсюда можно только смотреть и ждать, кусая губы, когда две конные сотни вывернут наконец из-за крайних домов — и гикающая лава ударит во фланг сбившимся в кучу белуджам.
— Господин хайль-баши, немедленно прикажите остановить кровопролитие!
Отсюда можно только смотреть и…
— Господин хайль-баши, вы меня слышите?!
В раздраженном женском голосе проскальзывают стальные нотки.
Проволока в гриве волос. Огладь — изрежешь ладонь в кровь.
— Слышу, — не оборачиваясь, отвечает Фаршедвард.
И спустя мгновение повторяет:

— Я прекрасно слышу вас, госпожа Коушут. Вы полагаете, эти достойные всадники явились сюда состязаться в козлодрании? Если так — я немедленно прикажу бойцам моего хайля бить себя кулаками в грудь и восклицать: «Моя вина!»
Вот теперь самое время обернуться и всей громадой обманчиво грузного тела, остро пахнущего потом, нависнуть над Зейри Коушут, Неистовой Зейри, полномочным наблюдателем Межнациональной Лиги.
В Восьмой ад Хракуташа их всех, дипломатишек!
— Если переговоры сорвутся по вашей вине, господин хайль-баши, я буду вынуждена представить Лиге доклад с подробным изложением событий! Еще на той неделе я предупреждала вас: перемирие — это не шутка и не игрушка для ретивых вояк! Вам известно какие приговоры предпочитает выносить трибунал в последнее время?!
«Девочка, — очень хочется спросить Фаршедварду, но он не делает этого, и не только потому, что Неистовая Зейри кто угодно, но далеко не девочка. — Кто учил тебя быть мужчиной? Кто вложил холодный огонь в эти глаза и превратил язык в нож, а сердце в кулак? Господи, как было бы здорово взять тебя сейчас за горлышко, за нежную голубиную шейку, встряхнуть хорошенечко и объяснить простую и малоприятную истину: не так уж важно быть всегда сверху, хоть в жизни, хоть в постели!»
Несказанные слова клокочут в глотке, выпячиваясь наружу синими жилами-веревками, и хайль-баши вновь смотрит в окно.
В песках идет рубка, бессмысленная и однообразная, потому что исход известен заранее: еще минута-другая — и белуджи с воплями ринутся обратно, оставив между барханами десяток-другой трупов. А преследовать их в пустыне на ночь глядя решится кто угодно, но не Фаршедвард Али-бей, если он по-прежнему намерен вернуться в ставку с поредевшим, но существующим не только на бумаге хайлем.
— Вы можете поступать, как сочтете нужным, госпожа Коушут, но я буду на любую провокацию отвечать сообразно скрытой в ней опасности.
— Ладно, Али-бей, не злитесь… — Неожиданная уступчивость сбивает хайль-баши с толку, и Фаршедвард топчется на месте, как когда-то топтался на помосте после коварного толчка соперника-нарачи. — Все мы устали, всем настолько хочется тишины и покоя, что мы готовы шакалами кидаться друг на друга! Знаете, какой сегодня день… вернее, какой сегодня был день?
Фаршедвард удивленно прикидывает: недели полторы назад закончился месяц Дей, значит, сегодня на дворе Бахман, месяц Доброй мысли, будь он неладен, а день… день… ну конечно же!
— Вот-вот, — улыбается Неистовая Зейри, оправляя гимнастерку, и улыбка выглядит совершенно естественной на ее жестком лице, что уже само по себе не вполне естественно. — Десятый день Бахмана, солнце уже село, и начинаются Иблисовы святки, единственная ночь в году, когда силам зла дана полная воля! Неужели же мы переругаемся с вами именно сегодня, на радость мохноухой погани?
— Я не суеверен, — коротко отвечает хайль-баши, молчит и наконец смягчается. — Но я также не расположен к лишним ссорам.
Женская ладонь примирительно ложится на окорок Фаршедвардова предплечья, и оба, хайль-баши Али-бей и наблюдатель Лиги Зейри Коушут, смотрят в окно.
На то, как сотник Карен распекает нерадивого пулеметчика.
Новобранец моргает, качается и наконец кулем оседает на землю. Фаршедварду Али-бею не надо долго любоваться корчами бедного парнишки, чтобы понять: пулеметчик болен.
Двенадцатый случай за последние три дня.
Одиннадцать свежих могил красуются на сельском погосте, одиннадцать холмиков с суконными шлемами на грубо обтесанных столбиках; и надо приказать копать двенадцатую, потому что пулеметчику остается меньше суток воплей и кровавого поноса.
Никаких других потерь за эту троицу дней хайль Фаршедварда не понес.
«Иблисовы святки, — повторяет про себя хайль-баши, не очень понимая, имеет он в виду просто грядущую ночь или всю эту треклятую войну. — Десятые сутки месяца Бахман, месяца Доброй мысли…»
Почему-то Фаршедварду кажется, что этой ночью он будет спать не один.
Ночь больно кололась звездами.
Легонько толкнув фрамугу — он всегда боялся что-нибудь поломать, еще с тех пор, когда впервые завязал волосы на макушке узлом в форме листа дерева гингко, символом зрелости борца, — Фаршедвард полной грудью вдохнул дурманящую свежесть и замер у открытого окна.
Темная глыба в темном прямоугольнике.

За спиной еле слышно посапывала Зейри, раскинув на циновках всю роскошь зрелой женской наготы.
Наблюдателю Лиги снились хорошие сны. В ее коллекции самцов появился отменный перл, редкость из редкостей — бывший нарачи, весивший более чем вдвое по отношению к прошлым любовникам и более чем втрое по отношению к самой Неистовой Зейри. Пытаться утомить этого гиганта, знаменитого от Дурбана до Верхнего Вэя хайль-баши, этого… о-о, проще утомить водяную лошадь, гоняясь за ней по мелководью! Еще бодрствуя, купаясь во влажной истоме, Зейри боялась признаться самой себе, что впервые за три десятилетия поняла: быть женщиной вовсе не так уж плохо… пожалуй, даже хорошо, и не стоит чересчур рьяно мстить волосатым мужикам, заставляя их подчиняться и пресмыкаться, как тигра, ползающего на брюхе перед хрупкой дрессировщицей.
Она заворочалась и сладко простонала.
На круглом, как луна, лице Фаршедварда не отразилось ничего.
Постороннему наблюдателю могло бы показаться, что опытный командир попросту бодрствует ночью, разрабатывая план завтрашней операции, но для этого во-первых, посторонний наблюдатель должен был оказаться клиническим идиотом, а во-вторых, из посторонних здесь присутствовали разве что звезды.
Звезды знали, что Фаршедвард Али-бей просто сходит с ума.
Он боялся спать.
Иблисовы святки стояли над миром, над крохотным селом, песчинкой на просторах суши, а лихой хайль-баши никак не мог избавиться от ясного и страшного ощущения: вот сейчас он ляжет, смежит веки, позволит сну присесть рядом на краешек циновок, потому что ни одна здешняя кровать не предназначалась для габаритов Али-бея… — и все исчезнет. Сгинут в небытии одиннадцать могил на погосте и двенадцатая яма, еще только ждущая очередную жертву, перестанет существовать поредевший хайль, ящерица-время слизнет языком усатых рубак и прячущихся за барханами белуджей, крытые тростником домики сложатся карточными постройками — и беззвучная волна уничтожения покатится дальше, вымывая города, дороги, машины, людей, бумагу, асфальт…
Он, Фаршедвард Али-бей, проснется уже в другом мире.
Он сам станет другим.
…Наскоро одевшись и затянув изготовленный по спецзаказу ремень с кобурой, хайль-баши спустился вниз и вразвалочку подошел к бамбуковому плетню, окружавшему двор. По правую руку, у околицы, неярко горели костры часовых, всхрапывали стреноженные кони у коновязи, от пустыни тянуло духотой и опасностью; в селе лениво брехали собаки, жалуясь на недокорм.
Протяни руку, пощупай, принюхайся — да куда оно все денется, каким пропадом пропадет, даже если ты заснешь мертвым сном?!
Нервы…
Легкая тень мелькнула краем улочки, мелькнула и мигом растворилась среди прочих теней. Чуть погодя со стороны колодца послышался тихий, еле различимый всплеск. Еще один. И после минутной задержки — третий. Нечисть балует? Бабка Аала-Крох медные губы жестяным жалом лижет? Али-бей криво улыбнулся собственному предположению. Скорее уж какой-то бедолага из местных на ночь глядя собрался водички натаскать. Хотя тогда вдвойне странно — ни тебе скрипа журавля, ни громыхания колодезной цепи, ни…
Если Фаршедвард того хотел, он мог двигаться очень быстро.
Еще одна тень вскоре срезала улицу наискось, огромная, страшная тень, увидев которую, любой стал бы крутить пальцами от злых духов и пятиться в уютное тепло дома. Прижавшись к корявому стволу тутовника, росшего как раз на углу, хайль-баши вгляделся — и почти сразу же прозвучал четвертый всплеск. Незваный гость бросал что-то в колодец, сомнений больше не оставалось, и ладонь тихо опустилась на рукоять револьвера, торчащего из открытой заранее кобуры.
Нет.
Выстрел подымет на ноги часовых, а следом и весь хайль, начнется суматоха, и даже если Фаршедвард не промахнется и пришелец не ускользнет, сон бойцов будет наверняка испорчен, а завтра Али-бею понадобятся свежие, не вымотанные ночным переполохом люди.
Он наклонился и поднял с земли камешек.
Мягко, как кот, взмахнул рукой.
Спустя мгновение в кустах по ту сторону колодца негромко прошуршало; камешек удачно прогулялся в сплетении веток, и ночной гость вздрогнул, выпрямился, силуэт

его на миг размазался призрачным пятном… и два шороха, два острых, как ножи, шуршания прорезали кустарник.
Но Али-бей уже успел сделать десять шагов. Лапа хайль-баши сгребла норовистого пришельца за ворот, рывок заставил ноги несчастного оторваться от земли; руки чужого сунулись было за пазуху, да не тут-то было — оба хрупких запястья поместились в свободной ладони Фаршедварда, похожего в этот момент на древнего нарачи, что разорвал пополам наивного удава. Почти сразу гостя швырнули спиной на колодезный сруб. Несильно, так, для души и говорливости, чтоб не сломать хребет, а лишний крик боли еще никогда не мешал при подобных знакомствах.
— Балуем? — грозно прорычал Али-бей, придвигаясь вплотную. — Иблисовы святки справляем?!
И осекся.
Перед ним тряслась от испуга девочка. Подросток, лет двенадцати, не больше. «По году на каждую свежую могилку погоста», — нелепо мелькнуло в мозгу хайль-баши. Некрасивая и красивой никогда не будет. Фаршедвард вспомнил: он видел девчонку раньше. Да, разумеется, — дочка местного кедходы, сельского старосты, пигалица из многочисленного выводка девиц, старшие из которых уже нянчили по двое-трое чумазых ребятишек, а младшие отбирали у собственных племянников хлебную жвачку, завернутую в тряпицу.
Девочка куталась в старую шаль с бахромой и молчала.
Хайль-баши подошел к колодцу и заглянул внутрь. Темно. Посветить бы чем…
Он еще вглядывался в темень колодезного жерла, когда маленький нож по рукоять вошел в бок Фаршедварда Али-бея, туда, где за слоем жира и могучих мышц пряталась печень.
Второй нож, брат первого, утонул в плоти мгновение спустя.
Ночь больно кололась звездами.
Счастливо стонала во сне Зейри Коушут.
Перекликались часовые.
Девочка порылась в кустах, нашла один из брошенных на звук ножей, за другим решила вернуться на рассвете.
Некоторое время она молча стояла над переставшим содрогаться хайль-баши, раздумывая: перерезать ему для надежности горло или не стоит?
Решила: не стоит.
Рядом с гигантским телом, на латаном-перелатаном фартучке, валялись осклизлые куски собачьего мяса. Пес умер не сегодня и не вчера, мясо успело изрядно подгнить, и живой человек вряд ли мог бы вот так валяться, уткнувшись носом в гнилье, и при этом даже не шевелился. Остатки собачины плюхнулись в колодец, девочка тщательно обтерла руки о фартучек и засунула его на самое дно холщовой сумки.
Плотнее закуталась в шаль, скрывавшую перевязь с метательными ножами.
Пошла прочь.
В тощую девчачью спину с выпирающими лопатками — будто крылья прорастали, — не мигая, уставилось дуло револьвера.
Слишком много плоти наросло на костяке Фаршедварда Али-бея, бывшего борца-нарачи, слишком много жизни таилось в этой плоти, и слишком туго она уходила, жизнь человеческая, вязко сочась в Иблисовых святках расплавленной смолой ярости и гнева.
«Змея… — беззвучно бормотали белые губы хайль-баши, а в белых глазах отражались звезды и дюжина свежих могил. — Тварь… Сколопендра…»
Выстрел поднял на ноги весь хайль.

Глава вторая
Шейх «Аламута»

Сколько стоишь ты, душа?
Отблеск медного гроша.

Вексель был слишком безупречным, чтобы быть настоящим.

> Ромбовидный клочок отлично выделанной кожи, в двух углах которого красовались именные клейма известнейших саррафов
> [70]
> — Рубоба Оразмского, любившего откликаться на прозвище Рубоб Крохобор, и Худенькой Мамочки, хинского евнуха.

Даже смазанный край одного из клейм казался подлинным — Худенькая Мамочка, скупердяй из скупердяев, так и не удосужился сменить малость стершееся тавро.
— Господин ар-Рави в чем-то сомневается?
И голос под стать векселю — мягкий, превосходной выделки, хоть под ноги стели вместо ковра, хоть в чужой рот суй вместо кляпа…
— Как можно, почтеннейший! Просто бедный меняла давным-давно не держал в руках безделиц, стоящих целого состояния! Вы хотите получить всю сумму наличными?
Большой Равиль слегка поднял брови в конце вопроса: дескать, поймите, дорогой мой, в наше смутное время по улицам ночной Хины — да еще с мешком золотых динаров! — ходят либо безумцы, либо знакомцы самого миршаба, «владыки ночи»! Вы, трижды дорогой мой, из каких будете: из первых или из вторых?
Человек, принесший вексель, улыбнулся. Он явился в лавку Равиля, когда день уже готовился уступить домогательствам вечера, — круглолицый, маленький, румяные щечки, холеная бородка с тщательно сбритыми усами (дурбанская мода, но гость менее всего походил на смуглокожих верзил-дурбанцев); представившись Кадалем Хануманом, лекарем из забытого Творцом городка на окраине Мэйланя, гость многократно поинтересовался благополучием хозяина и лишь потом протянул именной клочок кожи.
Равиль задумчиво огладил свою собственную бороду, пышное украшение с завитыми кончиками прядей, только недавно начавшую седеть, несмотря на годы.
Сослаться на поздний час и отложить выплату до завтра? — естественно, взамен предложив уважаемому Кадалю гостеприимство и кров! За пловом и вином гость разговорится, и тогда станет ясно: впрямь ли стоит сей мягкоголосый лекарь таких клейм, какие дорого ценятся вдоль всего Фаррского тракта…
— Впрочем, если временные заботы одолевают господина ар-Рави, — голос лекаря превратился в сплошную патоку, от которой слипались уши, — то не отложить ли нам дела до завтрашнего утра? Ночь дана умелым для умения, усталым для отдыха, а истосковавшимся по беседе — для Благой мысли, Благого слова и Благого дела! Не так ли?
Внутри Большого Равиля дернулась потаенная струна, словно слепой певец-чангир спьяну зацепил инструмент, и тот отозвался протяжным стоном. Неужели?! Неужели подозрения превратятся в счастье от встречи с единомышленником?! Творец-с-сотней-имен, не мучь, не кидай кость псу своему, чтобы тут же отобрать ее у несчастного!
А гость усмешливо глядел на саррафа, молчал, топорщил жидкую бороденку, чесал мочку левого уха двумя пальцами, большим и безымянным, так что золотая сережка в виде шарика поминутно сверкала в отблесках пламени очага.
Иного доказательства не требовалось.
Спустя полчаса они шли прочь от запертой лавки: Большой Равиль, меняла из менял, и тишайший лекарь Кадаль.
Два шейха «Аламута», разгромленного нечестивым эмиром Даудом Абу-Салимом двенадцать лет тому назад, да будут шайтаны на том свете вечно трепать кишки проклятого!
Впрочем, почему «будут»?! — уже треплют, уже, и по ночам Равиль ар-Рави сладко улыбался во сне, заново переживая миг триумфа, когда Кабирский Эмират хоронил своего эмира.
Равиль не сомневался: в эти минуты пророк Гасан ас-Саббах тоже смотрит вниз из седьмого рая небесных сфер, и счастье сияет на лице пророка.
…Позади двоих лениво тащился Альборз-пахлаван, племянник, охранник и телохранитель Равиля.
Кому какое дело — сарраф с клиентом из лавки идут, ночь на дворе, темень тьмущая, страшновато без богатыря за спиной… охохоньки, кому сказать: в Эмирате страшно бродить под звездами!
Судьба наша горькая!
Двуручная секира за плечом Альборза-пахлавана ловила серповидным лезвием звездные лучи — словно с небом переговаривалась.

Ровно дюжина лет прошла с того горького часа, как неприступное «Орлиное Гнездо», крепость истинно верующих, что «во крови — спасение», фонтаном каменных брызг взлетела в воздух и рухнула на перевал Фурраш бессмысленным нагромождением щебня.
Горшки с Иблисовым дерьмом, полыхнувшим по приказу алхимика Саафа бен-Саафа, сделали свое дело.
Резня началась после.
Большой Равиль был единственным из шейхов «Аламута», кому удалось спастись.
Черное везение — на пятые сутки осады он по приказу святого Гасана спустился в тайные залы галереи во чреве горы, где обкурившимся гашишем ученикам показывали рай на земле… и ар-Рави завалило обломками того праха земного, что некогда гордо именовался «Орлиным Гнездом».
Завалило вместе с троицей до поры бесчувственных учеников-фидаи, предназначавшихся для исполнения долга в Оразме, Хине и самой столице, а также с пятью гуриями рукотворного рая.
Запасы питья — и воды, и хмельного — позволили мужчинам продержаться нужное время, пока войска эмира не покинули руины; зато с едой оказалось гораздо хуже. Гурий едва хватило.
И то пришлось как следует затянуть пояса.
Выбравшись на волю, Равиль вскинул к горбатому небосводу руки, иссеченные, с содранными ногтями лапы гуля-людоеда, и поклялся страшной клятвой: кровью умоется Эмират за смерть пророка!
Он выполнил свою клятву.
Не зная, что бросает в землю зерно, получившее в будущем имя «Смуты Маверранахра».
Пророк Гасан ас-Саббах создал «Аламут» в горах Сафед-Кух, Большой Равиль создал «Аламут», протянувшийся от замков Лоулеза до пагод Верхнего Вэя. Сотни людей служили «горным орлам», сами не зная о том; нищие платили оброк старшинам цеха, саррафы платили охранную дань местным миршабам, шлюхи отсчитывали горсть потных монет, ссыпая мзду в кошель евнуха-смотрителя, — золотой ручей тек по Эмирату, прокладывая все новые русла, туманя души плеском драгоценной влаги, и улыбался Большой Равиль, презренный меняла, изгой из изгоев, когда слухи доносили до него сладкую, как вкус вражеской печени, молву:
— Отравлен Касем абу-Касем, градоначальник Хаффы!
— Престарелый Абдаль-Аттахия по прозвищу Пыльный Плащ, дядя самого светлейшего эмира Дауда, задушен новой наложницей — дорого расплатился старик за любовь к гаремным утехам!
— Во время охоты упал в пропасть хакасский вождь, Буртаг ап-Сослан из клана Чибетей; тело не найдено… не найдено… не…
— Владетель города Балха заживо сгорел в огне пожара — неловкий слуга опрокинул светильник…
— Захлебнулся в домашнем водоеме-хаузе дурбанский наместник…
Птенцы нового «Орлиного Гнезда» были когтистей прежних.
И улыбался Большой Равиль, последний из былых шейхов.
Никогда, никогда не получали его наемники приказа пустить в ход оружие — сабля, копье, даже простой нож считались для них запретными. Ар-Рави не был суеверен, если не считать суеверием врезанную в душу истину: «Во крови — спасение!»; но он был осторожен и предусмотрителен, как змея в кустарнике. Не зря же ходили по эмирату слухи — еще тогда, до падения первого «Аламута», и святой Гасан негодовал на еретиков-болтунов — про живое оружие, наделенное почти человеческим рассудком, про возможность сделать шаг навстречу, и тогда свершится небывалое…
Люди до сих пор помнили вэйского вана, Чэна-в-Перчатке, его стремительную жизнь, его волшебное исчезновение и чудесный приезд посольства от гурха из далекой Шулмы, воплощения Желтого бога Мо, которого ближайшие сподвижники по-прежнему звали Чэном Анкором.
Именно тогда и поползли по Эмирату неслыханные отзвуки неслыханных речей, но подошвы страшных событий затоптали ползучих бродяг, вдавили в землю, не оставив и следа. Так, намек, зарубка на память, детская сказка… И грохот фитильных аркебуз окончательно заглушил робкое эхо.
А там пришла-прилетела весть о безвременной кончине неудачливого Чэна Анкора и о грянувшей борьбе за власть в проклятой Творцом Шулме.
Большой Равиль не интересовался слухами — он умывал кровью Эмират.

Тщательно и бережно, как мать омывает новорожденного младенца, предполагая, что из дитяти вырастет богатый купец или, к примеру, доверенный слуга-гулям самого градоначальника… а вырастает вор и матереубийца, но скажи кто об этом самой матери — глаза выцарапает!
Тихий сарраф не пренебрегал ничем, даже суевериями, даже слухами, и его посыльные никогда не пользовались оружием.
Не считать же оружием тесло каменщика?! Заточенный на конце до бритвенной остроты брусок стали, который преданный наемник вогнал в спину нечестивому эмиру Дауду, приехавшему взглянуть на постройку обсерватории в Хаффе!
Идея с теслом была разработана лично Равилем, и он по праву гордился ею.
А когда полтора года назад до Равиля дошли слухи, будто на побережье Муала объявился еще один якобы выживший после взрыва и резни «горный орел» — ар-Рави не спешил позволить радости занять место в своем сердце. Не обман ли? Не подделка? Не самозванец ли норовит залезть на теплое, нагретое чужим седалищем местечко?!
Даже когда тайный гонец от берегового шейха доставил Равилю весточку и памятный знак (и впрямь такие паучки, заговоренные свастики из белого золота имелись лишь у доверенных людей святого Гасана!), ар-Рави не спешил откликаться. Недоумевал — как вышел на него брат-соперник? Надеялся — будет на кого опереться! Боялся — что известно двоим, известно свинье! Прикидывал — весы испокон веку являлись знаком саррафского ремесла, грех не взвесить заранее доброе и злое! Думал, спрашивал, слал письма-тайнописи, проверял…
И вот — береговой шейх сам явился!
Без охраны, без сопровождения, как равный к равному, как друг к другу — хочешь, пловом корми, хочешь, в речке топи!
Большой Равиль еще не знал толком, чего ему хочется больше.
— Это моя дочь, — приветливо сказал шейх Кадаль и махнул рукой в сторону угловатой девочки, топчущейся рядом с Альборзом-пахлаваном.
Равиль кивнул.
Узнав час назад, что дорогой гость приехал вместе с дочерью, желая оставить девочку у здешней родни, Равиль первым настоял на праве хозяина и отправил племянника-телохранителя в Восточный караван-сарай. Теперь Альборз вернулся, дочь шейха Кадаля куталась в бахромчатую шаль рядом с богатырем, и можно было продолжить беседу, предварительно отправив девчонку на женскую половину.
— Зейнаб! — крикнул ар-Рави, в конце имени младшей жены слегка повысив голос.
Умница Зейнаб мгновенно возникла во дворе — хозяин с гостем ужинали вдали от духоты и досужих ушей, — и по обе стороны от младшей жены шмыгали носами две девочки: чернокосая худышка и рыжая, как гнедой иноходец, толстуха.
— А это моя красавица, — улыбнувшись, Равиль указал на рыжую. — С подругой… у бедняжки родителей оспа унесла, так что я сиротке вроде атабека, по долгу дружбы с покойным отцом!
Дело обстояло как раз наоборот: родной дочерью шейха, появившейся на свет год спустя после падения «Аламута», была именно обладательница черных кос. Но об этом знали, пожалуй, только сам Равиль и мать чернокосой, хворавшая в доме. С самого рождения дочери ар-Рави врал окружающим, демонстрируя всем родную дочь под видом приемной, а приемную — под видом родной.
Большому Равилю было стыдно признаться, что в этой жизни он любил всего двоих: выпестованную в сердце месть и худую девчушку, боящуюся сурового отца.
А уязвимое место закрывают двойной броней.
Кто тронет несчастную сиротку?
Иное дело — любимое чадо богатого саррафа, за которое и выкуп дать-взять не грех… а чернокосая — убивай, не жалко!
Чужая.
…Шейх Кадаль встал и подошел к девочкам. Поманил свою — та медленно приблизилась и встала рядом. Гость снова улыбнулся, но глаза его при этом сощурились, отвердели, зрачки блеснули стальным отливом — и Равиль вспомнил: он действительно видел Кадаля в том, прежнем «Аламуте»! Дважды. Первый раз ар-Рави без вызова явился по срочному делу в покои святого Гасана — а там сидел круглолицый человечек, сидел перед пророком и вертел в руках изображение (запретное!) какого-то толстяка. А глаза круглолицего поблескивали… Видел! Было!
Спустя секунду вооруженные люди горохом посыпались через глинобитный дувал во двор Равилева дома.
Нет, «горный орел» при всей обманчивой неповоротливости соображал гораздо быстрее, чем это могло показаться с первого раза.

Альборз-пахлаван еще только поворачивался к незваным гостям, глотка племянника еще только рождала страшный рык, повинуясь которому из дома начали выбегать слуги, а Равиль уже стоял в другом конце двора, и ладонь шейха толкала потайную калитку. За ней — второй, внешний дворик, чужому там не пройти, не миновать ловчих ям и острозубых капканов, не прорваться к сменным коням под седлом; вот-вот калитка откроется, прогремят копыта, и — ищи ветра в поле!
Острое ощущение непоправимости пронзило Большого Равиля навылет, подобно брошенному в спину копью. На миг ему показалось, что сейчас он распахнет калитку, а за ней не окажется ничего. Словно цена всей Равилевой жизни — дирхем ломаный, словно цена всему этому миру — шаг через порожек, потому что там, за порожком, будет совсем другое бытие, в котором не найдется места ни святому Гасану, ни нынешнему «Аламуту», ни заседланным коням, ни ветру в поле, ни медяку в подоле!
Секунда задержки, мгновение, не более…
Зачем он только обернулся, предусмотревший все Равиль ар-Рави, принявший некогда чалму шейха из рук самого святого Гасана!
Ах, зачем он обернулся!..
Трудно было понять, как Кадалева дочка раскрыла правду; но лезвие ножа в тощей девчоночьей руке опасно подрагивало у яремной жилы чернокосой, единственной (если не считать мести!) Равилевой утехи, — а рядом свистел вспоротым кадыком Альборз-пахлаван, упрямо тянувшийся к своей секире.
— Не торопись, хозяин! — улыбнулся шейх Кадаль, и голос круглолицего был мягок: хочешь, под ноги стели вместо ковра, хочешь, в рот суй вместо кляпа. — Негоже гостей одних бросать…
Равиль не ответил.
Там, за калиткой, ждали свобода и месть, здесь, во дворе, ставшем темницей, ждали его дочь и нож.
Нет, не так.
Ждал нож — и только потом дочь.
«Тварь… — беззвучно шептали белые губы Равиля, и белые от злобы глаза неотрывно следили за проклятой девкой, сбросившей наземь тяжелую шаль. — Тварь, змея… Сколопендра…»
И долго потом рассказывали очевидцы сплетникам, а сплетники — любопытствующим, как уже мертвый Альборз-пахлаван сумел все-таки один раз взмахнуть двуручной секирой.

Глава третья
Назим

Умирающего спасение — в невозможности воскресения.

— Еще! О-о-о! Еще! Кто ты, дева, на женщин вовсе не похожая, сквернее и отвратительней не видел я никого на свете. Кто ты, чудовище?!
Плеть ласкала обнаженное тело, подобно любовнице не стесняясь ничего, то припадая к плоти кончиком ременного языка, то стелясь всей семихвостой длиной; стоны бродили от стены к стене, ковыляя на истомно подгибающихся придыханиях…
— Я не дева, а злые твои дела, о грешник зломыслящий, злоговорящий, злодействующий и зловерный! На! Я — твои злые помыслы, злые речи и злые дела!
— Еще! О-о-о, еще!
Большое рыхлое тело выгибалось дугой, судорога сладострастия заставляла взволнованно звенеть цепи, которыми человек был прикован к стене, и животворящее мужское начало неуклонно росло, увеличиваясь в размерах, стремясь к слиянию и завершению.
Иначе он не умел.
— Еще!
— Да поднесут тебе пищу из яда, вонючего яда! Вот пища для юноши зломыслящего, злоговорящего, злодействующего, зловерного — после издыхания! Да поднесут…

Два тела слились в одно, прибой конвульсий вздымал и опадал, качая на огненных волнах удивительное существо, двухголовое, четверорукое и четвероногое, и сбивчиво восклицал голос, словно беря краткий реванш за перенесенные муки:
— Да! Вот пища для бабы очень зломыслящей, очень злоговорящей, очень злодействующей, очень зловерной, наученной злу, непокорной супругу, грешной — после издыхания! Да! После издыхания!.. Да!..
Стены с ужасом взирали на творившееся непотребство, и камень плакал редкими солеными слезами.
…Надим Исфизар, приближенный чиновник самого хаффского Малик-шаха, искренне полагал что в чреве его покойной матушки обитал злой дэв. Ничем другим нельзя было объяснить странной тяги почтенного надима к удовольствиям того сомнительного рода, от каких обыкновенный человек шарахается прочь. Если не считать неудобства, о котором было сказано, жизнь надима Исфизара текла ровно и приятно, следуя проложенному судьбой руслу.
Первенец-мальчик в семье потомственных чиновников, он рос в неге и холе, ничем не отличаясь от прочих обеспеченных сверстников, если не считать частого ввязывания в драки с девчонками. Результат стычек не отличался разнообразием: злюки-тигрицы его били. Надим Исфизар никогда не жаловался строгому отцу или любящей матери на дерзких девчонок. Он мстил обидчицам по-иному: назавтра снова ввязывался с ними в драку и снова позволял избить себя. Наставить синяков. Подарить пару-другую царапин. Иногда даже — о-о-о! — выбить зуб. Драные волосы в расчет не принимались.
А так — все в порядке, мальчик хорошо ест, хорошо спит и растет не по дням, а по часам.
Наконец мальчик вырос.
Поздний ребенок (обстоятельства, обстоятельства!), он рано стал полноправным наследником, отплакав положенное над могилкой родных; в срок женился, заставив свах выбрать ему тишайшую из тишайших девиц Хаффы и вдобавок круглую сироту — тихоня не станет болтать на углах о причудах муженька, а если станет, то о сгинувшей невесть куда сиротке беспокоиться некому, кроме законного супруга; и вскоре Исфизар, прозванный в городе Улиткиными Рожками, уже стоял по левую руку от самого Малик-шаха.
Улиткины Рожки прекрасно изучил кодекс государственного надима, подробно растолкованный в мудрой книге «Сиасет-намэ». Ведь сказано жившими до нас: «Надим должен быть всегда согласным с государем. На все, что сделает или скажет государь, он обязан отвечать: „Отлично, прекрасно!“ Он не должен поучать государя: „Сделай это, не делай того; почему поступил так?“ Он не должен возражать, а то государю станет тягостно…»
Малик-шаху никогда не становилось тягостно от речей Улиткиных Рожек — и надима Исфизара осыпали почестями. Однажды девять раз набивали сладкоречивый рот золотыми монетами, потому что иначе было не исчерпать дарованное блюдо динаров. И недаром именно надим Исфизар был назначен «шахским ухом» в обсерваторию знаменитого от востока до запада Омера Хаома, мудреца и звездочета. Эмират треснул столетие назад, подобно глиняному кувшину, развалившись на груду разнокалиберных черепков, и владетель каждого черепка — вольного города Оразма, Хаффского шахства, Срединного Мэйланя или Дурбанского султаната, не говоря о прочих, — норовил перещеголять соперников. Если не величиной войска, то хайлем кименских мушкетеров-наемников; если не плеядой поэтов при дворе, то облицовкой нового дворца или высотой обсерватории; если не красотой первой жены, то хотя бы славословием придворных надимов.

> Малик-шах, правитель стоявшей на торговых перепутьях Хаффы, славился приверженностью к астрологии. Это забавляло всех: шах и шагу не сделает, не запросив мнения толпы бородатых умников, — но удачливость молодого шаха добавляла горчинки на язык сплетникам. Недаром, видать, ученые хаффской обсерватории денно и нощно чертили звездные таблицы, недаром вертели соллаб, [71]
> заставляя диаметр-алидаду бегать по кругу, отсчитывая градусы и минуты. Сам Малик-шах понятия не имел ни о градусах, ни о минутах, а соллаб с алидадой полагал именами дэвов из морских глубин, — но это не играло никакой роли, пока обсерваторские звездочеты морщили лбы, а хаким Омер отвечал шаху, стоит ли тому начинать поход против белуджей или необходимо повременить до Ноуруза — Нового года.

Но предосторожность — мать спокойствия; и надим Исфизар в обсерваторских стенах должен был служить залогом добропорядочности бойких на язык мудрецов.
Вот он и служил.
Пока не встретился с Зейри Коушут, жрицей Анахиты — женского воплощения Творца-с-сотней имен.
О небо, как она умела любить, бить и любить. Неистовая Зейри, и плеть в ее руках умела петь сто девяносто восемь из ста девяноста любовных песен, приятных уху, духу и плоти Улиткиных Рожек.
И Малик-шах потерял в тот день верного надима, а жрица Анахиты приобрела готового на все раба.
Если бы Неистовая Зейри еще понимала, что раба нельзя лишать последней корки хлеба…
Исхлестанное тело сладко ныло, озноб возбуждения медленно покидал Исфизара, вытягивая каждую жилку, слизывая пот каплю за каплей, — и Улиткины Рожки обмяк в цепях, прикрыв глаза.
То, что они с Зейри занимались любовью прямо в обсерватории, пустой с утра, добавляло приправ в кебаб страсти.
Сейчас жрица вернется, вернется с вином и фруктами, сейчас она накормит своего Исфизарчика, слугу своего, собаку, презренную тварь… и — может быть! — соблаговолит еще разок поиграть с ним в темные игры Анахиты. Сейчас…
— Вот он, — донеслось от порога. — Помнишь, я тебе говорила об этом ублюдке?
Открывать глаза не хотелось.
Но пришлось.
Рядом с обнаженной Зейри стояла тощая девочка, не вошедшая еще в брачную пору.
Стояла, молчала, куталась в тяжелую шаль с бахромой.
Смуглое лицо девочки не выражало ничего.
Совсем ничего.
Лишь на дне огромных миндалевидных озер, полных кипящей смолы, надим Исфизар увидел улыбку Темной Анахиты, женского воплощения Творца — потому что только в женском обличье Творец разрушает.
В следующее мгновение метательный нож лишил Улиткины Рожки мужского естества.
Полузадушенный визг заставил Зейри вздрогнуть всем телом и выгнуться кошкой в весенний месяц Фравардин, похотливый месяц Фравашей — душ предков, любящих плоть своих потомков и томление этой плоти.
Пальцы жрицы свело судорогой, экстаз превратил нервы в стальные струны, поющие гимн запретным утехам, но Зейри все же смогла наклониться и лизнуть ухо стоявшей рядом девочки.
Лицо девочки по-прежнему не выражало ничего, а из-под шали медленно выползал второй нож.
…Неистовая Зейри учла все, кроме случайности: великому мудрецу и звездочету Омеру Хаому, которого хаффцы прозывали Гадюкой Хайямом, не спалось в это славное утро. Календарь «Джалали», лунный календарь новой эры, был практически готов, оставалось подвести кое-какие последние итоги, — и астролог вместе со свитой учеников и последователей двинулся в любимое здание во всей Хаффе.
В обсерваторию.
Войдя в которую, он услышал визг надима Исфизара.
Это стоило жизни троим ученикам, опередившим учителя на крутой лестнице.
Когда Неистовую Зейри вместе с девочкой-убийцей кидали в раскаленное чрево медного быка, толпа зевак отметила: если жрица до последней минуты отчаянно вырывалась из рук шахских гулямов, то девочка подошла к быку сама, без насилия, и только обернулась через плечо — безошибочно найдя рядом с Малик-шахом искалеченного ею надима Исфизара.
В смоляных озерах-глазах казнимой хохотала Анахита.
Надим Исфизар улыбнулся в ответ.
«Тварь… — смеялись белые губы Исфизара, и на белой простыне взгляда Улиткиных Рожек растекалась черная кровь. — Тварь, змея… Сколопендра…»
Он уже представлял, как пойдет в квартал сборщиков падали, как купит у самого бедного из них девочку, не вошедшую в брачный возраст, и что сделает со своей покупкой, вернувшись домой и спустившись в подвал.

Глава четвертая
Беловолосый

Мне назначены судьбой
— Бой и боль.

Его взяли ночью, безоружного, не дав вступить в бой — воистину правы предусмотрительные, ибо это был единственный способ заполучить Беловолосого живым.
Четверо предателей из племени ориджитов вывели вражеских всадников к месту его тайной стоянки — никто, кроме детей Ориджа, не умел нюхом различать сокрытое в следах и ветре! — и две конные сотни затаились до поры у холмов, поросших ковылем-серебрецом. Сами же предатели хорьками-душителями пробрались в лагерь: не всхрапнули лошади, не вздрогнули часовые, звезды не моргнули удивленно… И когда от холмов к десятку кибиток потекла визжащая лава, опоры шатра Беловолосого оказались подрублены, похоронив очнувшегося господина под многослойным саваном из плотного войлока.
Его взяли живым.
«По-зор, — стучали копыта, и большое тело, вьюком перекинутое через конскую спину, беспомощно подпрыгивало в такт скачке. — По-зор, по-зор…»
— Я знаю, ты ненавидишь меня, — сказала узкоплечая женщина.
В кибитке их было четверо: эта женщина в мужском чапане, подбитом овчиной, немолодой тургауд-телохранитель, степной волк с туго заплетенной косицей тысячника, сам Беловолосый со скрученными за спиной руками — и смуглая девочка лет двенадцати, очень похожая на женщину в чапане.
На свою мать.
Он не ответил: стоял врытым в землю столбом, обнаженный по пояс, не позволяя онемевшим ногам согнуться в коленях, катал желваки на скулах, словно буйвол, бугрил горбатую от скрытой силы холку — но ремни держали с душой.
Смертно держали.
— Ты полагаешь, что именно я отравила своего мужа и твоего друга. — Узкоплечая женщина равнодушно улыбнулась. — Меня это даже не оскорбляет. Потому что я знаю — это не так; а твое мнение, равно как и мнение поддержавших тебя западных нойонов, меня не интересует. Лучше бы ты уехал в свое время, Фальгрим… или умер.
Волк-тысячник дернулся, словно хотел возразить, но пальцы женщины невзначай коснулись рукояти висевшего на поясе меча — короткого, почти кинжала, неестественно широкого у крестовины и сточенного на бритву у острия, — и вышколенный тургауд замер каменным изваянием. Каких много на степных дорогах — предки ставили? боги? невесть кто?!
— Сейчас меня интересует другое. — Ладонь отползла от эфеса и принялась задумчиво поглаживать костяной амулет, нашитый поверх чапана. — На сегодняшний день ты, Фальгрим Беловолосый, являешься последним из пришедших в Шулму людей Эмирата… о не-людях я не говорю.
Скрытый смысл прошуршал в последних словах и растворился в беззвучии улыбки.
— Итак, ты последний. Последний… враг? Ведь не считать же мне врагами тех буянов, которые носятся сейчас с окровавленными бунчуками по Западной Шулме и призывают шулмусов к священной войне?! Ты, Беловолосый, — совсем другое дело. И я прекрасно знаю, что ты сказал бы мне, если бы не был столь горд, считая разговор с пленившей тебя ведьмой унижением.
Лицо пленника красноречиво подтвердило правоту женщины.
— И все же я рискну задать тебе несколько вопросов. Задать, надеясь получить ответ. Но как? Как заставить лоулезского лорда… Тебе не кажется это смешным: Лоул и лорды на забытом Творцом краю света?! Впрочем, мы отвлеклись, да и тебе это явно не кажется смешным. Итак: как заставить лоулезского лорда, Фальгрима Беловолосого, говорить правду, если лорд Фальгрим вообще не хочет говорить?
Слово «лорд» доставляло узкоплечей женщине несомненное удовольствие.
За ее спиной угрюмо молчал тысячник и смотрела в пол девочка, кутаясь в шаль.

— Пытки? Вряд ли… Такие, как ты, мой верный враг, не говорят под пытками. В лучшем случае они проклинают палачей. Подкуп? Глупо. Уговоры? Они помогают лишь тогда, когда уши слушающего не залеплены смолой ненависти. И все же… все же…
Женщина негромко хлопнула в ладоши. Тургауд-тысячник поспешно вышел, почти выбежал из кибитки, снаружи послышались лающие приказы, и вскоре четверо воинов занесли под полог огромную, расщепленную посредине колоду. Деревянного исполина установили в центре — пленник машинально попятился, оказавшись рядом с тлеющей жаровенкой в виде раскорячившейся черепахи, — и воины исчезли. Объявившийся вместо них тысячник нес перед собой на вытянутых руках… меч.
Двуручный лоулезский эспадон с массивной крестовиной и «бараньими рогами» захватника на пядь выше гарды.
Лезвие меча взволнованно играло бликами от очага, и такие же красноватые отсветы обожгли исказившийся лик пленника.
Повинуясь жесту узкоплечей, тысячник встал рядом с колодой и всадил эспадон в расщеп на треть клинка.
Пленник помимо воли сделал шаг вперед — и тут же ладонь женщины вернулась на эфес ее собственного меча-кинжала, сабля тысячника до половины покинула ножны, а шаль сползла с девочки на ковер, явив взору ременную перевязь, крест-накрест охватывающую туловище подростка.
Из пазов перевязи торчали рукояти десяти метательных ножей.
Слова здесь были бы излишни.
— Итак, мне хотелось бы знать — кто из покинувших Шулму кабирцев способен или хотя бы собирался вернуться с подмогой?
Тишина.
Хриплое дыхание Беловолосого не в счет.
— Кажется, ты не понял, лорд…
Еще один хлопок в ладоши. Девочка наклоняется и берет из угла кожаный сверток. Лязг, скрежет — в худых руках оказываются зубило и кузнечный молоток. Увесистый, но совсем небольшой молоток, отнюдь не та кувалда, которой любят играть кузнецы-профессионалы. Подойдя к колоде с торчащим из расщепа двуручником, девочка приставляет острие зубила к основанию левого «бараньего рога» и легонько пристукивает по торцу молотком.
Меч вибрирует со стоном боли и отчаяния, смеется узкоплечая женщина, а лицо пленника становится белее его волос.
Но Фальгрим молчит.
Молоток ударяет сильнее, еще раз, и кусок захватника откалывается, падая сперва на колоду, а затем — беззвучно — на ковер.
Огненные сполохи гуляют по клинку эспадона, и кажется: раненый меч залит кровью.
Через секунду эспадон протяжно кричит, лишаясь второй половины захватника.
Прежде чем потерять сознание, Беловолосый видит невиданное: мир идет седыми размывами, словно рябь по осенней реке, и вот рябь исчезает, а вместе с ней исчезает и мир. Он, лорд Лоулеза, стоит в каком-то особняке и держит в руках фамильный эспадон Гвениль — ржавый, искалеченный, умирающий… да и он сам, Фальгрим Задира, будто съежился, усох, проржавел, брюшко оттопыривает куцый кафтанчик ужасного покроя, и жизнь выглядит обманом, шуткой наиподлейшего из богов. Рядом сверкает откинутой крышкой хрустальный гроб, куда надо опустить меч, — но Беловолосый не может этого сделать, не может, не…
— Притворяется? — спросила узкоплечая женщина.
Тысячник приблизился к бесчувственному телу, вгляделся.
— Паленым пахнет, — неожиданно сказала женщина, принюхиваясь. — Откуда?
Тысячник зашарил взглядом по кибитке: очаг, войлочные стены, женщина, девочка, колода с поруганным мечом… каменное лицо пленника, тоненькая струйка дыма над голым плечом…
Опытный тургауд опоздал. Пока в его сознании укладывалась мысль, что можно лежать на раскаленной жаровне, не шевельнув и мускулом, — паленые ремни лопнули от чудовищного рывка, а белая грива волос разметалась бураном через всю кибитку, из угла до колоды..
И двуручный меч завыл зимней пургой, оказавшись в обгоревших до кости руках.
«Тварь, — полыхнуло белым вдоль искалеченного клинка, — тварь, змея… Сколопендра…»

Глава пятая
Лейла

…Мог играть и без струны, знал, что вывезет кривая,
и терпеть не мог войны, потому что убивают.

…Маленькое, отточенное до бритвенной остроты лезвие скользнуло по завязкам блузы — и полы испуганно разлетелись в разные стороны.
Стальной язык лизнул бретельку лифчика.
Лейла рванулась, хотела крикнуть, — но нет, ублюдки держали крепко, а один из них хмыкнул и с маху запечатал девушке рот крепкой пятерней.
Бретелька с легким треском лопнула, следом другая.
Глазами, полными ненависти, Лейла смотрела на тощую девчонку с ножом в руке, ощущая холодный и безболезненный поцелуй металла в паху; ненависть — это было все, что Лейла могла себе позволить, оружие бессильных, хворост в топке отчаяния, и ворочался у выбившихся наружу корней чинары Рашид, пытаясь встать, словно сейчас это имело хоть какое-нибудь значение.
«Тварь, — шептали побелевшие губы девушки, и в ушах гремел хохот стоявших по бокам ублюдков. — Тварь, змея… Сколопендра…»

Глава шестая
Руинтан-аракчи

Нет мудрости в глупце? И не ищи.
Начала нет в конце? И не ищи.
Те, кто искал, во времени не тонут,
А от тебя следов и не ищи.

Рукотворная молния вышибла пиалу с вином из рук бородача.
Пиалу с черным мускатом из солнечного Тахира, напитком богов, в который Руинтан самолично подбавил немалую толику спирта, ибо боги богами, а спирт еще никогда не мешал подлинному аракчи достигать блаженства.
Черепки и лужа под ногами.
Груда черепков и изрядная лужа; четвертая чаша пошла демону У под хвост из-за причуд проклятой девчонки, уже баюкавшей на ладони следующий нож.
Бородач с тоской покосился на стоящий перед ним кувшин и три оставшиеся пиалы.
Ножей у бобовайской правнучки, в свою очередь, оставалось не то пять, не то шесть — слезы отчаяния туманили Руинтанов взор, он путался в счете и лишь одно понимал с ясностью обреченности: вино в кувшине кончится гораздо раньше, чем молнии шайтанова отродья, и уж наверняка раньше, чем хотя бы капля вожделенной влаги коснется губ аракчи.
И все-таки он попробовал еще раз.
Пятую чашу постигла участь ее товарок, и даже брызги не долетели до высунутого Руинтаном языка.
Шестая чаша.
Предпоследняя.
«Тварь, — глухо ворочалось в бороде, — тварь, змея…»

Глава седьмая
Азат

Хоть одной ногой — но в огонь. В огонь.

«Тварь, — он силился приподняться и не мог. Тварь…»

Глава восьмая
Гюрзец

Шепчут листья на ветру: «Я умру…»

«Тварь…»
…Полночь бродила по мектебу «Звездный час», слизывая шепот белых губ. Губы шептали одно и то же. Одно и то же.

КНИГА ТРЕТЬЯ
В ОДНОЙ ОБОЙМЕ

Дальше продвинулись,
Дольше горели.
Тех, что погибли,
Считаю храбрее.

Г. Поженян

Глава первая
Сколопендра

Жалко палку — бьет по псу.
Палка, я тебя спасу.

Темно. Ночь, наверное. Она посмотрела в небо. Звезды. Наверное.
Иные, чем обычно, — незнакомые, чужие. Смотрят глумливо. И яркие — как кристально-пристальные глаза ночных хищников. Стальные глаза.
Ослепительно белая, сияющая луна. Такой не бывает!

Темно? Нет, это ей только показалось в первый момент. Просто тени совсем черные, неправдоподобно четкие, и, когда ветер мягко перебирает шевелюру деревьев, тени, в свою очередь, начинают двигаться как живые, словно они — сами по себе, у них какие-то свои теневые дела, свои, непонятные людям игры.
Эти игры могут быть опасными.
Наверное.
Наверняка.
Значит, надо торопиться — пока тени не заметили ее, не обступили со всех сторон, мешая пройти…
Пройти — куда?
Конечно же, вон туда, к ограде; там, в кустах, спрятан он — тот, которому она должна помочь.
Помочь уйти.
…Люди.
На ступеньках и на дорожке, прямо на колючем гравии, — везде лежат люди. Они, что… Белые губы шепчут неслышные белые слова. Нет, просто спят. Наверное. Ей совсем не хочется, чтобы люди умерли.
Ей просто не нравятся слова белых губ.
Пусть спят. Надо торопиться, пока они не проснулись.
Молодая трава нежно щекочет босые ноги, деревья дружелюбно расступаются, тени пытаются ухватить за щиколотки, но не могут — призрачные когти бессильно соскальзывают, с сожалением втягиваясь во мрак под деревьями.
Впереди — залитая лунным молоком лужайка, за ней — стена кустов, тех самых единственных в мире кустов; а за кустами — бессмыслица, чушь, бред, нездешняя ересь, от которой веет сырым холодом, но не таким, как на кладбище, другим, еще более чуждым… равнодушным!
Туман.
Наверное.
Туман клубится над лужайкой, и она идет сквозь него, утопая по колено в белесых струях, плавно перетекающих от пряди к пряди.
Здесь.
Наверное.
Дорожного знака на той стороне тоже, да и самой дороги не видно, но она теперь точно знает — здесь. Да, чуть левее…
Оцарапанная рука нашаривает под тканью массивную рукоять.
Я вернулась за тобой, мой хороший. Нет, я не бросила тебя! Как же я могла…
Извлечь меч из кустов удается только со второй попытки. Руки девочки исцарапаны в кровь, но она не замечает этого — держа перед собой тяжелый эспадон, очертания которого мало угадываются сквозь ткань старого штандарта, девочка идет к воротам.
Все. Надо уходить. Отсюда уже совсем недалеко.
Едва различимые сквозь сгустившуюся мглу ворота полуоткрыты. У ворот лежит еще один человек. Вместо левого уха у него — нелепый огрызок. Рядом валяется в темной луже какой-то странный предмет, но девочка не замечает его; она проскальзывает между решетчатыми створками и идет прочь. Некоторое время смутный силуэт еще виден, потом — исчезает.
Тишина.
Наверное.

Глава вторая
Альборз-пахлаван

Я такого не хотела — чтобы тело улетело…

Шайтанов шашлык! Что это было?! Глючево? Крыша промокла? Так я вроде ничем не долбился… Звезды в небе. Луна. Ночь?! Где шейх?!

Альборз приподнял тяжелую, как со свадебного похмелья, голову, обалдело моргнул и огляделся.
Двор мектеба. Кругом валяются люди. Разборка случилась, что ли? Шейх! Большой Равиль. Вот он, рядом. Дышит — брюхо мерно поднимается и опускается. На губах — слюна пузырями. Значит, жив хозяин. И крови не видно.
Спит?
Без чувств?
Бомбу подложили? Все вокруг цело, здание, люди… и воронки нет. Может, снаружи шарахнуло, а нас волной зацепило?
Голова по-прежнему кружилась, держать ее поднятой было трудновато, а встать — так попросту невозможно. Альборз-пахлаван засопел и снова прижался щекой к сырой брекчии аллеи. Сейчас его малость отпустит, он приведет в чувство шейха — и надо живенько мотать отсюда, пока легавые или кто другой не нагрянул…
Взгляд телохранителя был устремлен в сторону ворот, наполовину скрытых туманом — и, когда Альборз-пахлаван совсем уж было решил, что может подняться, в дымной пелене проступил неясный контур.
Человек!
Телохранитель замер, настороженно вглядываясь, вставать он мгновенно раздумал: ежели что — пусть решат, что он тоже без сознания. И только правая рука Альборза медленно, очень медленно потянулась к наплечной кобуре, где дремал в ожидании подходящей минуты любимый «барс»-автомат.
Человек, ковыляя, вышел из тумана, по инерции сделал шаг-другой — и остановился, удивленно моргая длиннющими ресницами. Похоже, гость был растерян не меньше, чем сам Альборз-пахлаван пять минут назад.
«Девчонка!» — дошло вдруг до телохранителя. Та, которую с таким шухером привезли в ихний мектеб! Альборз досадливо закряхтел, тихо выругался про себя и хотел уж было подняться — но вновь не стал этого делать.
Действительно, девчонка — голенастая, нескладная, завернувшаяся в тяжелую шаль с бахромой по краям. На цыплячьем плече — длинномерная штакетина, обмотанная тряпкой…
Вот только почему эта козявка уже на ногах, тогда как все вокруг валяются в отключке?! И куда она шлялась?
Смурное облако ворочалось в голове Альборза, набухая темнотой и обещанием неприятностей; причем неприятности были краем связаны с девчонкой, тупо озиравшейся по сторонам.
Сон ему был, что ли?
В вещие сны Альборз не верил, тем паче что самого сна он даже и не запомнил, но холодящее чувство опасности, наплывавшее изнутри… Подобным звонкам телохранитель шейха Равиля привык доверять!
И он остался лежать.
Девочка медленно двинулась по аллее в его сторону, все еще озираясь, но у Альборза создалось впечатление, что соплячка уже не просто озирается, а ищет что-то вполне конкретное.
Она остановилась в двух шагах от бесчувственного шейха «Аламута». Взгляд девочки поерзал, в его бессмысленности прорезалась живая струйка, и тощая шейка слегка согнулась-разогнулась. Кивает. Нашла. Что нашла? Или кого?!
Сняла с плеча свою странную и, по-видимому, изрядно тяжелую ношу. Принялась с тщанием распаковывать.
Альборз-пахлаван невольно подался вперед — что там у нее?
И когда девочка наконец распрямилась, держа в окровавленных руках здоровенный меч, устремивший острие к алмазной пыли небес и жадно ловивший на клинок лунный свет, — Альборз, не колеблясь, рванул оружие из кобуры. В одно мгновение он вспомнил. Сон! Был сон! Маленькая черноглазая стерва! Помню! Альборз такого не забывает!
Иногда сны все же вещие… Что, сучка нетраханная, просчиталась?!
Убить подлую тварь!
И палец телохранителя нажал на спуск.
Боек сухо щелкнул, но выстрела не последовало. Как в бреду, не понимая, что происходит («барс» еще ни разу не давал осечки!), Альборз передернул затвор и снова надавил на курок.
Издевательский щелчок.
Альборз-пахлаван взревел похлеще раненого чауша и запустил бесполезным пистолетом в голову проклятой твари, одновременно вскакивая на ноги.

Девочка машинально повернулась, и «барс»-автомат отлетел в кусты, наткнувшись на ржавое лезвие меча.
В мечах Альборз не разбирался. Да и что это меняло?! Мощное тело уже скручивалось в прыжке стальной пружиной. Свернуть гадине шею раньше, чем…
Земля ударила пахлавана в лицо.
Альборз даже не успел удивиться. Тело действовало само, великолепно отлаженное тело, в отличие от сволочей-пистолетов не знающее осечек, но ногу словно сдавило тисками.
Телохранитель рывком обернулся, понимая, что теряет драгоценные мгновения, — и увидел перед собой серьезную до смешного физиономию хайль-баши. Тисков не было. Это огромная волосатая лапа Фаршедварда Али-бея держала Альборза за щиколотку.
— Не трогай девочку, — искренне посоветовал хайль-баши телохранителю.
Вместо ответа Альборз от души пнул свободной ногой жирную морду мушерифа. В результате чего и вторую щиколотку бедного пахлавана постигла участь первой.
Хайль-баши подумал с секунду — и навалился на телохранителя всей тушей, окончательно лишив хрипящего Альборза возможности к сопротивлению.
— Угомонишься — отпущу, — пообещал Фаршедвард своему полузадушенному противнику.
И пахлаван понял, сразу и бесповоротно: угомонится — отпустит. А нет — так нет. Никогда. Год назад он читал в газете, что в занюханной древней гробнице раскопали два мужских скелета, взявшихся за руки. Здесь, в гробнице Иблисова мектеба, когда-нибудь раскопают два скелета, взявшихся за ноги. Нет, все же за руки… тьфу ты, пропасть! — два скелета, взявшихся руками за ноги.
И никак иначе.
— Эй, парни, чем это вы там занимаетесь? — громыхнуло совсем рядом с нескрываемым удивлением.
Альборзу-пахлавану видно было плохо, дышалось не лучше, уши заложило, как на глубине, но голос хозяина он узнал сразу.
У хайль-баши память на голоса оказалась неважная, особенно на незнакомые, зато он хорошо видел поднимающегося Равиля. Али-бей попытался представить себе, как происходящее выглядит со стороны, пусть с поправкой на нездоровое воображение шейха «Аламута», — и пришел к неутешительному выводу: хайль-баши, усевшийся верхом на постороннего мужчину и разводящий последнему ноги, — далеко не самое эстетическое зрелище.
Даже если начать разъяснять… нет, пожалуй, лучше не стоит.
— Вы что, другого места не нашли? — поинтересовался «горный орел», наконец приведший себя в сидячее положение.
Фаршедвард ослабил хватку и начал задумчиво сползать с телохранителя.
— Шейх, сзади! — прохрипел Альборз.
Большой Равиль резко обернулся, его рука скользнула под пиджак, нащупывая рукоятку пистолета…
Позади никого не было.
Если не считать медленно удаляющейся девчонки, несущей на плече тяжелую и корявую железяку.
— Что — сзади? — зарычал ар-Рави на телохранителя. — Кто — сзади, придурок?!
— Она… шейх, клянусь мамой, она зарезать вас хотела!
— Девчонка?! У тебя что, черви в голове завелись?
— Целый выводок, — хмыкнул Фаршедвард, хотя его-то никто к разговору не приглашал. — Кишмя кишат.
И, видимо, зря напомнил о себе.
— А вам, господин хайль-баши, я заявляю официальный протест в связи с попыткой незаконного задержания моего человека! — мигом вступился «горный орел» за оскорбленного в лучших чувствах телохранителя. — И требую немедленно его отпустить!
— Поклянется (мамой или в крайнем случае одним из пап!) не покушаться на жизнь девочки — отпущу.
— Альборз! Это правда?
— Она собиралась убить вас, господин! — Альборз-пахлаван заплакал бы, если б умел. — Я верен долгу, шейх! Ваша драгоценная жизнь для меня дороже собственной, а вы, шейх… вы верите этому… этому…
Пахлаван очень старался говорить культурно. Как ни странно, это ему почти удалось, только слова подбирались неохотно, вроде бусин из порванного ожерелья.

— Если б Сколопендра хотела убить твоего шейха, мы бы сейчас копали могилу! — процедил сквозь зубы Фаршедвард Али-бей, окончательно выпуская телохранителя на волю.
Альборз поднялся, глядя в землю, отряхнул грязь с одежды и понуро отправился искать свой пистолет.
Шейх «Аламута» и хайль-баши смерили друг друга оценивающими взглядами и молча отвернулись: оба решили, что лучше будет счесть инцидент исчерпанным.

Глава третья
Хаким

Прорастают семена из пепла,
Вскормлены углями и золой.
Это я, наверное, ослепла,
Стала злой.

Беловолосый… или это уже он, хаким Рашид?
Демон У, все перепуталось! Музей, кибитка, экзамены, пытки, боль своя, чужая… Нет, глаза открыл все-таки Рашид аль-Шинби. Слегка близорукие глаза, не таким гореть волчьими огнями из-под падающих на лоб белых прядей. Вот только сон, к сожалению, продолжался: угловатая девчонка (та самая, с краденого снимка, из краденого сна!) пыталась довести до конца гнусное злодеяние — заклинив знакомый двуручник между почти сросшимися стволами кизила, она всем щуплым телом налегла на меч, силясь переломить его пополам.
Не получилось.
Плохо заклиненный меч с визгом вырывается, падает наземь. Маленькая дрянь поднимает его и с упорством муравья…
— Стой! Стой, пакость! Не сметь!
Ноги плохо слушаются, в колени насыпан песок, тело носит из стороны в сторону — но хаким успевает вовремя! Девчонка отшатывается, закрываясь от него мечом.
Злосчастный кизил — между ними.
— Отдай немедленно! С ума сошла — это же музейный экспонат! Реликвия! Ей цены… Стоп! Сон или явь? Откуда у нее эспадон?!
— Ты что, украла его? — зашипел Рашид, грозно наступая на тощую пакость, сверкавшую из-за лезвия глазами. — Украла?! Ты, ты, воровка, змея подколодная, сколопендра! А ну немедленно… давить, давить таких во младенчестве…
Рашид уже плохо соображал, что говорит, и вдруг оказалось, что ему в некотором роде наплевать на украденный экспонат. Кража меча — только повод, последняя капля… убить, убить подлую тварь! Хаким не замечал, что кричит это вслух, во весь голос, что люди вокруг постепенно приходят в чувство и с недоумением смотрят на разбушевавшегося аль-Шинби, а в глазах девочки зажигаются зеленые свечечки, плотно сжимаются побелевшие губы, и лицо приобретает очень неприятное, совсем не детское выражение…
Взъярясь окончательно, Рашид бесстрашно ухватился прямо за лезвие эспадона, пытаясь отобрать реликвию, но девчонка рванула меч на себя, и хаким с криком отдернул руку.
Тишина.
Гулкая, чужая тишина.
Он стоял, тупо уставясь на ладонь, испачканную ржавчиной и текущей из пореза кровью.
Саднило ободранное о ствол кизила предплечье.
— Отдай, — тихо произнес хаким Рашид, чуть не плача.
В ответ девочка только отрицательно мотнула головой и отступила еще на шаг, прижавшись спиной к коре старой магнолии.
«Не подходи!» — ясно говорил ее взгляд.

— Я бы не советовал вам продолжать в том же духе, почтенный хаким. Оставьте девочку в покое. Иначе… я не поручусь за вашу жизнь, — знакомо прогудело над ухом, и тяжелая лапа мягко легла на плечо хакима.
Рашид обернулся, увидел перед собой круглую луну с бровями-гусеницами — лицо Фаршедварда Али-бея — и сник.
Все, все против него!
— Вы не понимаете. Это же уникальная реликвия, — по инерции пробормотал историк. — А она… она пыталась ее сломать!
Хайль-баши покосился на затравленно озиравшуюся Сколопендру.
— Мне кажется, она передумала, — не вполне уверенно произнес Али-бей.
— Если так — пусть отдаст меч, и я сейчас же отвезу его в музей! — в отчаянии воззвал Рашид к более понятливому, чем маленькая дрянь, собеседнику. — Я даже согласен не подавать заявления о краже… пусть просто вернет экспонат — и покончим с этим. Вы согласны, господин хайль-баши?
Фаршедвард не нашел что возразить.
— Послушай, кроха, господин хаким прав, — обратился он к девочке. — Мы все погорячились, но еще есть время исправить дело. Верни меч, мы отвезем его в музей — и я не стану давать ход этому делу. Даю слово. Ты ведь знаешь, моему слову можно верить!
— Отвезете в музей? — Первые слова, произнесенные девочкой, прозвучали с какой-то пугающей, издевательской интонацией. — И оставите гнить в вашей богадельне?! Попробуйте сначала выйти отсюда! Я уже пыталась…
Она умолкла и обессиленно опустила эспадон, мягко ткнувшийся острием в землю.
— Не понял? — нахмурился хайль-баши. — Что значит: «попробуйте выйти»? Вон ворота… — Он посмотрел в сторону окружавшей мектеб пелены, вздрогнул и нахмурился еще больше.
— Добро, кроха, попробуем!
Фаршедвард зачем-то поплевал на ладони и решительно зашагал к воротам.
Наблюдавший за происходящим Равиль ар-Рави тронул за плечо своего телохранителя, который, сопя, прятал в кобуру найденный пистолет, — и Альборз-пахлаван, поняв хозяина без слов, заспешил вслед за хайль-баши.
В туман они вошли вместе, плечом к плечу.
Подоспевшая Лейла, всхлипывая, бинтовала порезанную ладонь Рашида чистым платком, время от времени кидая на Сколопендру короткие ненавидящие взгляды.
— Ты… ты больше не будешь пытаться сломать его? — робко осведомился хаким у девочки. Запал прошел, осталась слабость, и… и все.
— Не буду. Пока. Тут, рядом с вами, даже умирать противно, — не совсем понятно ответила пигалица и отвернулась.
— Эй, уважаемые, чья это нога?
Рашид дернулся, будто его током ударило, зашипев от боли в пострадавшей руке, и обрел великое счастье узреть корноухого пьяницу — тот бодро ковылял от ворот и размахивал находкой странной формы и размера.
— Ногу, говорю, кто обронил? — Пьяница явно был не в себе.
Или чудом успел наклюкаться в состоянии обморока.
Через секунду Рашида стошнило: при ближайшем рассмотрении оказалось, что в руке бездельник-аракчи действительно держит человеческую ногу — еще сочащуюся кровью, отрезанную почти до колена, обутую в дорогой лаковый ботинок. Лейлу, отличавшуюся запоздалой реакцией, вывернуло наизнанку минутой позже, прямо в кусты рододендрона; ветки зашуршали, оттуда с возмущенным меканьем выскочила бабкина коза и устремилась к приходящей в чувство хозяйке.
Нервы госпожи Коушут оказались покрепче. Она подошла к корноухому, взяла у аракчи его жуткий трофей и внимательно осмотрела.
Потом аккуратно положила обрубок на ступени крыльца.
— Это нога господина хаким-эмира, — спокойно констатировала Зейри.
Слишком спокойно, на взгляд Рашида.
Тягостное молчание заполнило двор, и поэтому все одновременно услышали приближающиеся шаги.
Ближе.
Еще ближе.
Наконец из окутывавших ворота (как, впрочем, и весь периметр парка) сумерек возникли два силуэта, сделали еще несколько шагов и остановились.
— Шайтанов шашлык! — только и смог произнести один из них.
Другой, куда более крупный, хмуро молчал.

— Да вы небось заблудились и по кругу пошли! — с наигранной бодростью предположил Большой Равиль, прикуривая.
— Нет, шейх, — покачал головой Альборз-пахлаван, а Фаршедвард так и не произнес ни слова. — Это… Иблисовы святки, вот что я вам скажу! Дело нечисто… — И он опасливо огляделся по сторонам, словно ожидая увидеть самого козлорогого хозяина ада, Иблиса-Противоречащего, прячущегося в парке.
В следующий момент, распахнув двери мектеба, на крыльце возник надим Исфизар.

Глава четвертая
Надим

Добра много?
Зла мало?
Держись — ногу
Сломала жизнь.

…А ведь он предупреждал! Говорил! И господину хаким-эмиру, и попечительскому совету мектеба, и этой ведьме Коушут… то есть хотел сказать, давно хотел, копил в душе, подыскивал беспроигрышные фразы, готовил докладную записку, где высказался бы решительно и бесповоротно, со всей прямотой, представив свое мнение суду общественности и здравого смысла, — да все обстоятельства не складывались. И вот — сложились. Сложились, господа мои, как карточный домик под напором ветра. Ветра? Вихря! Урагана! Самума! «Звездный канон» Беруни? Светила Сохейль и Шабаханг?! Миррих-Воитель, [72]
Пламень-в-красном-шлеме?! Доигрались! Допрыгались, кузнечики, астролухи царя небесного, саранча бескрылая! Дошутились со звездочками, сунули руку по локоть в пасть Зодиаку, пощекотали шершавую глотку… Господи, за что караешь?! Не я ли жил тише всех?!

Ждал, всю жизнь ждал пакостей — от визгливой суки-матери, от надменного отца-неудачника, от школьных башибузуков, от сокурсников, от шлюх-девчонок, от сослуживцев, в аду жил, в геенне ожидания, в преисподней одиночества… дождался. Спасибо, Господи!
До Судного дня не забуду.
— Это все она!
Вопль вылетевшего на крыльцо надима Исфизара поверг собравшихся людей в ступор. Словно начальственный окрик в сортире, когда ты только-только успел добежать и расстегнуть пряжку ремня. Словно гром с ясного неба. Словно выстрел над ухом; словно… А рослый надим, чей рассудок тонул в пучине страха, гнева и видений, тыкал мосластым пальцем поочередно в Неистовую Зейри, в угрюмо молчащую Сколопендру и наконец в смоляное небо, ухмылявшееся алмазным оскалом созвездий.
— Это все она! И она! И она! И они! Они тоже! А я говорил… говорил я!
От его обычного поведения — коктейля из манерного высокомерия пополам с опаской и капризностью — не осталось и следа.
— Говорил я!
Первой опомнилась Зейри — что, в общем, было вполне естественно.
— Как вам не стыдно, господин Исфизар! Извольте немедленно прекратить истерику! Если вы не в состоянии быть мужчиной, то не будьте хотя бы тряпкой!
Хохот надима был хохотом безумца.
Даже иглы небосвода поблекли и съежились.
Даже коза поглубже забралась в рододендроны, мотнула бородой и настороженно прижала рога к холке.
— Еще бы, госпожа Коушут! Еще бы! Не всем же быть настоящими мужчинами вроде вас! Надо кому-то и просто жить… скажете: не надо?! Бояться, мучиться зубной болью,

сомневаться, стонать… не всем же! Не всем! Не всем тыкать перстами в язвы мироздания — а вдруг отзовется?! Наманикюренными пальчиками, одинаково способными шарить у мужиков в паху и расшибать в кровь чужие морды!
Высокий, с пылающим лицом, в широкополом светлом костюме — сквозняк радостно трепал одежду, превращая ее в одеяние пророка, в праздничную рясу жреца-мобеда, — надим Исфизар, Улиткины Рожки, посмешище учащихся мектеба, был сейчас воистину страшен, и глас его звучал в ночи пророческим набатом.
— Истинно глаголю вам: это она! Это все она! И она! И они! О, бойтесь дня, когда душа ничем не возместит за другую душу, и не будет принято от нее заступничество, и не будет взят от нее равновес, и не будет оказано помощи! Да поднесут им пищу из яда, вонючего яда! Вот пища для юноши зломыслящего, злоговорящего, злодействующего, зловерного — после издыхания! Да! Вот пища для бабы очень зломыслящей, очень злоговорящей, очень злодействующей, очень зловерной, наученной злу, непокорной супругу, грешной — после издыхания! Да! После издыхания!.. Да! Да поднесут… ей! И ей! И им! И им тоже! Да!..
Диск полной луны рывком взметнулся над вздыбленными волосами, над зарождающейся лысиной, вспыхнув нимбом, священным фарром шахиншахов, святых и юродивых девона.
Даже неуместное вздутие в паху, оттопыривавшее брюки смешным комом, не портило общего впечатления.
Если б еще достопочтенный надим соизволил выражаться яснее…
Увы.
— Это она! Это все она! И она! И они!
Истерика кончалась, топливо выгорало подчистую, дотла, угольки души полыхали остаточными язычками, знающими о скорой смерти еще в минуту рождения, а в глазницах Неистовой Зейри уже застывали ледяные призмы, сквозь грани которых просвечивало нехорошее будущее болтливого коллеги, такое нехорошее, такое близкое, такое уже почти не будущее, что Исфизар судорожно попятился, задохнулся, всплеснув руками-крыльями, но, вопреки ожиданиям, не полетел, а уперся спиной в стену.
Этой стены позади него не было и не могло быть.
Живой стены.
— Господин Ташвард… — В голосе госпожи Коушут зазвенела торжествующая сталь, и это затрепанное бездельниками-поэтами сравнение показалось бы нарочитым кому угодно, но не надиму Исфизару и не в этот миг. — Господин гулям-эмир, будьте так любезны проводить моего уважаемого коллегу в учительскую комнату и запереть за ним дверь. Снаружи. Ключи отдадите мне. Почтенный Исфизар не в себе после пережитых потрясений: ему необходим отдых. Длительный отдых. Пока более здравомыслящие люди не разберутся в ситуации и не решат, какие меры надлежит принять в нашем положении. Вы слышите меня, господин Ташвард?
— Я слышу вас, — после длительной паузы ответила стена, твердея и прорастая цепкими пальцами, так что ополоумевший надим даже не стал оборачиваться. Даже думать не стал, почему вышколенный армейской службой гулям-эмир не отрапортовал «так точно», или «слушаюсь», или еще что-нибудь в этом роде, — ведь сказать Неистовой Зейри, что ты ее слушаешь, даже не слушаешь, а только слышишь, равносильно зародышу бунта на корабле… но огонь стал прахом, угольки — золой, а золу развеял ветер.
И все двенадцать домов Зодиака действительно сложились карточными постройками, сминая нимб-фарр и обрушиваясь на мягкое темечко.
Исфизар кулем осел на ступеньки, захрипел, рванув ворот рубашки, боком, по-крабьи сполз ниже и потерял сознание.
«Счастливец», — подумал кто-то из присутствующих.
Кто именно — осталось загадкой.
Самым ужасным в происходящем было то, что, когда бесстрастный Гюрзец и белый как мел Усмар стали поднимать бесчувственного Исфизара, мосластый палец Улиткиных Рожек вновь поднялся и уперся в Сколопендру.
Как ствол, готовый плюнуть смертью.
— Убейте ее, — не приходя в себя, отчетливо произнес надим, и металла в его голосе, в чужом шелесте выходящего из ножен клинка звякнуло поболе, чем у десятка Неистовых Зейри, вместе взятых.
— Пожалуйста, убейте ее, — сказал надим Исфизар. — Пожалуйста. Я вас очень прошу.
Доктор Кадаль наклонился, стараясь не привлекать внимания, и подобрал выпавшую из кармана надима фотографию: фонтан на площади Сорайя, радуга брызг и смеющийся

надим трогательно обнимает за плечи маленькую старушку со скорбно поджатыми губками.
Повертел снимок в руках.
Сунул в карман.

Глава пятая
Азат

Из гнилья слова,
если я права.
Или век гнилья,
или я — не я.

Это было удивительно, но Карен не испытывал ничего, вернее, почти ничего, кроме образовавшейся внутри пустоты. Сосало под ложечкой, слабо кружилась голова. «Мы никогда не выберемся отсюда», — мысль родилась сразу, прочно обосновавшись в сознании, по-хозяйски усевшись на краешке бездны и болтая тощими ножками в воздухе. Прыгаем, егерь? Взявшись за руки, а? Где мы? Что мы? Что с нами? — Какая разница?! Можно разбиться в лепешку, отгрызая себе лапу за лапой, подобно схваченному капканом волку, можно искать виноватых и отгрызать лапы им, упиваясь сладкой слюной и кровью справедливого возмездия… но заставить себя делать это искренне и самозабвенно, как сумасшедший надим или телохранитель бородача?
Выше сил.
Первый раз в жизни Карен ощутил бессмысленность собственного существования. Словно минуту назад тринадцатая по счету надпись «Висак-баши Карен Рудаби, 5965–5996 гг. от с. м.», высеченная на обелиске, на остроконечном камне в ущелье Малого Хакаса, перестала быть поводом для хвастовства и шуток в знакомой компании, обратившись в реальность.
Братская могила.
Братская могила «Звездный час» имени Омера Хаома.
«Дальше продвинулись, — пели егеря на редких привалах, — дольше горели; тех, что погибли, считаю храбрее…»
Считаю храбрее.
Поэтому, когда лапа хайль-баши отодвинула его в сторону, Карен послушно сделал шаг, другой и вновь застыл столбом.
— Нет уж, погодите, — вкрадчиво раскатился по двору бас Того-еще-Фарша, и спина бывшего нарачи заслонила бывшему егерю половину центрального корпуса мектеба; заслонила, страшно качнулась — грозящая рухнуть оползнем гора — и сместилась левее. — Давайте не будем торопиться. Господин гулям-эмир, я к вам обращаюсь. Да, именно к вам в первую очередь! По-моему, я здесь единственный представитель законной власти, и у меня складывается крайне нелестное впечатление… Вот-вот, вы правильно меня поняли: опустите вашего подопечного, если хотите, подстелите под него любую теплую тряпку и перестаньте коситься на госпожу Коушут!
Фаршедвард раздраженно топнул ногой — движение могло бы показаться детским, нарочитым, если до того никогда не видеть, как умеют топать борцы-нарачи; Али-бея цельно накренило в сторону, словно подрубленный ствол, толстая ножища приподнялась, зависла на мгновение, опустилась всей подошвой… и земля обиженно вздрогнула.
Гюрзец встопорщил седеющие усы, морщины на лице гулям-эмира заерзали, складываясь в непонятную гримасу; затем он кивнул Усмару и аккуратно расположил на крыльце тело надима Исфизара.
Укрыл ноги надиму собственным пиджаком; кобуры под пиджаком не оказалось, так что гулям-эмир ничем не рисковал.
Хотя он вообще ничем не рисковал — не больше прочих.

«Словно аукцион, — мелькнуло в мозгу Карена, мелькнуло и даже показалось смешным. — Мы торгуемся, Фарш намерен переспорить Зейри, а Гюрзец молоточком стучать будет. По надимовой макушке.
Продано!»
Нет. Только показалось смешным, но смешным не стало.
Стало глупым.
— Достопочтенный Исфизар минуту назад обвинил в происходящем часть присутствующих здесь людей… Обвинения в адрес неба мы в расчет принимать не станем по причине нервного возбуждения уважаемого надима. Предположим, господин Исфизар заблуждается. Тогда его можно спокойно уносить, запирать на ключ в учительской и пытаться образумить — разумеется, законными, подчеркиваю, законными методами! Но с равным успехом мы можем предположить и другое: в сумбурном заявлении уважаемого надима крылось зерно истины. Маленькое, еле заметное, но вполне способное прорасти определенными всходами — и именно это толкнуло госпожу Коушут на ее опрометчивые действия. Итак?
Болтливость Фаршедварда, из которого при обычных обстоятельствах лишнего слова не вытянешь, была Карену вполне понятна: слово за слово, и собравшиеся перед мектебом люди зашевелились, задумались, словно нехотя, задвигались, за… за? Против?!
Неистовая Зейри как бы невзначай поднялась на ступеньки, встав поближе к Усмару (гулям нервно засопел), глядящему исподлобья Ташварду и телу болтуна-надима; глаза Зейри мимолетно полоснули по открытой двери, будто в ожидании: вот-вот оттуда выглянет еще один остававшийся в мектебе гулям, Махмудик, любитель дергать чужие пальчики!
Вон сколько нужных пальчиков: дергай — не хочу…
Бородач переглянулся со своим телохранителем, выпустил умопомрачительный клуб дыма, стряхнул пепел в карман громиле-наемнику — и оба, являя второй за сегодня трогательный пример единения власти законной и, мягко выражаясь, незаконной, демонстративно подошли к хайль-баши и встали рядом; за ними робко проследовал круглолицый доктор, ведя за руку насмерть перепуганную дочку бородача, и толстячок-хаким с девушкой.
— Господин Рудаби! — колоколом прозвенело в наэлектризованном воздухе.
Взор Неистовой Зейри, способный почище молнии испепелить любое живое существо, уперся в Карена.
— Господин гулям! Вам что, требуется особое приказание?! Немедленно идите сюда!
— Егерь, твою дивизию… — глухо рыкнул Тот-еще-Фарш и замолчал.
По мнению хайль-баши, сказанного на этот раз было достаточно.
Более чем.
Когда Карен вдруг расхохотался — заливисто, по-мальчишески, утирая слезы и с хрипом набирая дыхание для новых громоподобных раскатов, — запертые на территории мектеба люди озабоченно переглянулись: иметь в вынужденной темнице двоих сумасшедших, на их взгляд, было бы обременительно.
Не находите?
Насмеявшись всласть, бывший егерь, отставной мушериф и несостоявшийся гулям… един в трех лицах, Карен проморгался за троих, отряхнув с ресниц капли искрящейся влаги, и направил свои стопы совершенно в ином направлении, чем предполагали Тот-еще-Фарш и Зейри Коушут.
«Тех, что погибли, считаю храбрее», — немелодично мурлыкал он по дороге.
Встав за спиной бабушки Бобовай, Карен опустил ладони на поручни инвалидного кресла — и через мгновение костяшки его пальцев побелели.
— Спасибо, гостенек, — еле слышно прошептала старуха, и левая лапка бабушки ласково потрепала висак-баши по предплечью, а правая сноровисто забралась в недра кресла, где и осталась.
Так они и стояли: мурлычущий егерскую песню Карен, старуха из тупика Ош-Дастан, кутающаяся в шаль девчонка и Руинтан Корноухий, беспутный аракчи.
Ах да — еще коза.
Рогатая бестия.

Глава шестая
Гюрзец

В руку пригоршню дерьма —
вот вам жизни кутерьма.

— Не работает, — растерянно бросила Зейри, в пятый раз щелкая выключателем.
Гюрзец с сочувствием покачал головой.
Он уже больше получаса знал, что во всем мектебе нет электричества: очнувшись после обморока и спускаясь вниз, у Ташварда хватило ума пощелкать рычажками на распределительном щите.
Сейчас его беспокоило другое: работает ли водопровод?
Еще там, во дворе, Гюрзец поймал себя на странном полузабытом предчувствии. Он задницей чуял опасность, это было основное условие его профессии, позволявшее определить направление и характер будущего удара за миг до того, как удар становился настоящим. Мэйланьские мастера утверждали, что движение бойца «начинается с ног и укрепляется в пояснице», маленькие убийцы с архипелага в море Муала называли источник силы коротким словечком «хара», что на их варварском наречии означало «живот», рукопашники Хины и Дурбана полагали, что дело кроется в повороте бедер, — Ташвард недоумевал, слушая их: почему бы не обозвать все эти бедра, живот и поясницу одним емким термином «задница»? Просто и понятно.
То, что сзади, всегда главнее того, что спереди. Увы, большинство мужиков полагают иначе. Седалищный барометр еще ни разу не подводил Ташварда, и, когда во дворе начался дележ — кто за кого и по какому поводу? — отставной инструктор училища «Белых змей» оставался холоден и равнодушен. Он уже давно был сам за себя. Если стерва Зейри хочет числить его у себя в подчинении — на здоровье, пусть крошка потешится, попускает слюни. И если курсант… виноват, висак-баши… дважды виноват: новоиспеченный гулям, которого именно он, Гюрзец, в свое время вытащил из дерьма, расположен поиграть в благородство — сколько угодно. Мы даже пособим, подыграем. До поры.
Пока не разберемся в обстоятельствах. Вот тут-то и нашла коса на камень. Почему-то главной опасностью тянуло не от дурня-йети, то и дело лапавшего оттопыренную подмышку, не от его роскошно-бородатого хозяина, по которому давно плакали кутузка и гигант мушериф, даже не от самого мушерифа — последнего господин Ташвард отнюдь не склонен был недооценивать, за фарсанг чуя профессионала высокого класса, равного себе и по возрасту (тоже небось полтинник разменял!), и по характеру.
Задница вещала неладное. Холодным сквознячком поддувало от удивительной компании, куда зашагал справлять героические потребности его бывший курсант и нынешний подчиненный. Впрочем, о последнем факте Гюрзец склонен был напомнить Карену позже. Когда времечко придет. Бить надобно не сильно, а вовремя.
Сейчас же важно — от кого сквозит?
От бабки?
От дедки?
От внучки?
От сучки бен-Джучки? — или кто там еще дергал за ботву в детской сказочке «Брюква-Великан»?!
По мнению дотошной задницы, выходило, что от внучки, — и это был первый случай в жизни Ташварда-Гюрзеца, когда здравый смысл отстранял чутье и выразительно крутил пальцем у виска.
От лядащенькой пацанки? Стыдись, инструктор…
Недели полторы назад, во время сессии, у Ташварда состоялся конфиденциальный разговор с хаким-эмиром. На данный момент — по всему видать! — с покойным хаким-эмиром. Но тогда глава мектеба пребывал в добром здравии и имел честь намекнуть Гюрзецу: его отставка и последующее предложение занять пост начальника охраны в «Звездном часе» были отнюдь не случайны. Мектебу требовался доверенный человек, на которого можно положиться в разных… очень разных и зачастую специфических случаях. Вы меня понимаете, господин Ташвард? Я вас понимаю, господин хаким-эмир. В смысле не столько понимаю, сколько догадываюсь. Или не догадываюсь. Вы-то сами себя понимаете?

Стоя под взбесившимся небом внутри мутного кокона, в компании хайль-баши, сотрудников мектеба, выродков из «Аламута», внучек с бабками, пьяницами и козами — не считая прочих, отнюдь не лучших субъектов, — Гюрзец топорщил усы и убеждался в предусмотрительности хаким-эмира.

Случай и впрямь получался специфический. Что ж, каждый за себя, один Творец — против всех. А Ташвард — не Творец и не каждый. Он, Гюрзец, господин инструктор, выкинутый из училища волею кретинов сархангов
[73]
в дорогих мундирах, словно сточивший клыки пес, — из училища, где он честно учил мальчиков ломать чужие шеи и не ломать свои! — снова ощутил себя востребованным. Попав в окружение, он выведет взвод… нет, иначе! — он превратит случайных людей во взвод и выведет вверенных ему судьбой ополченцев к своим с наименьшими потерями. Да, обязательно с наименьшими потерями. А пока — пускай себе тешатся адреналином в крови и игрой в демократию.

Если кто-то не желает быть ополченцем или, упаси Творец, отказывается считать себя рядовым, это не имеет в сложившейся ситуации никакого значения. Абсолютно никакого.

Глава седьмая
Хабиб

Дрожь рук — а вдруг?!

Доктор Кадаль пребывал в растерянности. Жуткое, выворачивающее наизнанку состояние, в последнее время ставшее чуть ли не привычным.
Словно разлив сорвавшегося с цепи половодья подхватил скромного хабиба и понес, повлек в неизвестность, а мимо, кружась в водоворотах, неслись события последних дней: глянец лица со шрамом под глазом, насмешливый экран Иблисова детища, безумие ит-Сафеда, маньяк с винтовкой, захваченный автобус, пьяный угар в Озерном пансионате — и вот небывалое, невозможное, о чем хорошо читать в беллетристике, удобно откинувшись на спинку кресла и временами прихлебывая крепкий кофе…
Кадаль мог только моргать и следить, как события проплывают мимо, норовя ударить твердым и скользким боком.
Один желтый листок он даже сумел ухватить, зажав в кулаке, — фотографию надима-безумца, — и теперь искренне недоумевал: зачем?!
А эта женщина все щелкала выключателем, словно огнивом, в надежде высечь-таки искру и запалить трут…
Зачем?
— У вас свечи есть?
Это громадный хайль-баши.
Интересно, где он был, представитель законной власти, когда маньяк превращал в кровавые куклы посетителей «Розария» или мерзавцы-террористы расстреливали мирных пассажиров?!
Небось отчеты составлял, пером скрипел в тиши кабинета… Ишь, брюхо наел!
— У меня есть. Внизу, в каптерке. Принести?
Это молодой охранник.
Жвачку жует, молокосос. Зуб на зуб не попадает, а туда же! Прикажи такому стрелять — будет стрелять: даже не поинтересовавшись в кого.
— Да-да, Усмар, сделайте одолжение. Мы вас подождем.
Это женщина с металлическим голосом и глазами из горящего льда. Бросила терзать выключатель. Хватило ума. Боже, Творец-с-сотней-имен, мы все помешались, такого попросту не может быть, а мы, вместе того чтобы оглядеться, одуматься, трепыхаемся насаженными на булавку гусеницами, мечтаем превратиться в бабочек, но сталь уже

пронзила нас насквозь. Только насекомые не чувствуют боли, я точно знаю, у них отсутствуют соответствующие рецепторы — жрущей нектар осе можно потихоньку отрезать брюшко и она продолжит жрать вхолостую, а заметит неладное, лишь попытавшись взлететь и не сумев… Потом сдохнет — безболезненно.
Свет.
Робкий огонек свечи… второй… третий.
Оказывается, Усмар уже вернулся.
Тихо, Кадаль, тихо, здесь тебя лечить или успокаивать некому — тебя просто сгрузят в угол и накроют ноги чужим пиджаком, как бесчувственному надиму.
Тихо…
Что говорит эта женщина?
— Мне трудно объяснить вам ситуацию, господа: во-первых, потому что я сама почти ничего не понимаю, во-вторых, потому что вы не обладаете специальными знаниями. Но после обвинений, выдвинутых надимом Исфизаром… попытаюсь. Ответьте мне для начала, господин хайль-баши: знаете ли вы, что у вашего племянника Валиха практически все планеты Септенейра находятся в одном доме?
Громадный хайль-баши пожимает плечами — жест однозначный и в его исполнении преисполненный величия.
Доктор Кадаль в жизни бы не сумел пожать так плечами.
— Сеп… Септенейра?
Это Лейла, подружка Рашидика.
— Да. В хаффской традиции их называют: Сурья, Чандра, Будха, Шукра, Мангала, Брихаспати и Шани. У звездочетов Северного Лоулеза: Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн. В Дурбане: Адур, Сома, Бахман, Нахид, Миррих, Ормозд и Кейван. В Хине же…
— Детка, если хайль-баши согласен обвешивать себе уши твоей лапшой — это его личное дело! Кончай дурить голову! Солнце — планета?! Если так, то я — девственник!
— Охотно верю, господин…
— Ар-Рави. Равиль ар-Рави, для друзей — Большой Равиль. Крошки вроде тебя отлично знают, почему «Большой»…
Это Равиль. Атабек, единственная опора в разлетевшемся вдребезги существовании.
— Охотно верю еще раз. Я так и думала. Для любого из вас астрология — в лучшем случае забава людей, не знающих, куда девать свободное время. В худшем — глупая телевизионная передача между репортажем о козлодрании в Хине и порнографическим фильмом по каналу для совершеннолетних. Наши предки были куда рациональнее. Они смотрели вверх и видели Тельца, Овна, Деву… их дети видели просто звезды, внуки — протуберанцы и плазму из опостылевшего учебника; мы же вообще не смотрим вверх. Разве что желая проверить — не будет ли дождя?
— Короче, детка! Или мне придется попросить знахарька… доктора Кадаля заняться твоей хорошенькой головкой!
— Хорошо. Изначально наш мектеб «Звездный час» задумывался как привилегированное учебное заведение, где процесс обучения будет теснейшим образом увязан с астрологическими прогнозами относительно каждого ребенка. Не вдаваясь в подробности, замечу лишь: это дало определенные результаты. Успеваемость резко выросла, преподаватели даже не замечают, что программа, скажем, восьмого класса практически соответствует выпускной программе обычной школы. Дети хотят учиться, потому что мы знаем — чему и в какое время необходимо учить. Случайностей в «Звездном часе» не бывает. И наконец…
— Давайте зайдем с другого конца, госпожа Коушут: зачем вам понадобилось столь настойчиво приглашать в мектеб… внучку достопочтенной Бобовай? Не удивительно ли? Едва девочка вошла на вашу территорию, как вместо всеобщего апофеоза начался всеобщий катаклизм! Что вы на это скажете?
Хайль-баши замолкает, но отзвуки его вопроса еще бродят по учительской комнате, натыкаясь на стены.
Господи, о чем они говорят?!
Доктор Кадаль беспомощно глядит на Равиля — атабек молчит и дергает себя за бороду; на Рашидика — друг детства уставился в пол… ах да, он ведь тоже из мектеба, из шайки здешних хакимов-затейников! Все они одним миром мазаны! Все одним лыком шиты! И болтливая администраторша, и Рашидик, и шизофреник-надим — вот он, пророк «Звездного часа», смеется и обнимает за плечи старушку…
Не сразу Кадаль понимает, что смотрит на вынутую из кармана фотографию.

Крупные, слегка рыхлые черты надимова лица плывут, смазываются, пьяный ретушер чертит поверху кисточкой — крест-накрест, крест-накрест…
Через мгновение Кадаль — внутри.
* * *
Он никогда раньше не попадал в сознание человека, находящегося без сознания.
Это походило на присутствие вора в оставленном хозяевами доме. В сравнении крылся неприятный намек, словно ты случайно погладил по голове встречного ребенка, просто желая поделиться хорошим настроением, а подозрительная мамаша громогласно обвинила тебя в педофилии. До сих пор Кадаль растворялся в личности пациента, одновременно оставаясь самим собой — как сахар в чае, который всегда можно кристаллизировать заново (если, конечно, чай не выпит!); сейчас же он был свободен… как безумец свободен в своих видениях. Реальность не висит на руках тяжким бременем, а прозрачные стены темницы делают тебя счастливым, и ты летишь, паришь, тасуя миры подобно колоде карт…
Доктор Кадаль еле успел остановиться на самом краю пропасти.
Шагни он дальше…
«Это все из-за эксперимента с ит-Сафедом. После него я боюсь, подсознательно боюсь контакта! Страх мешает, шорами застит глаза, путает, морочит… Прочь! Прочь отсюда! До тех пор, пока я не стану прежним (если вообще останусь в живых!) — никаких контактов! Господи! Что это?»
Почти сразу доктор понял: он слышит болтовню администраторши двумя парами ушей. Своей и этого… надима. Впервые в жизни Кадаль сумел пробиться на поверхность чувств пациента, впервые самостоятельно поднялся из глубин чужой личности к дневному свету, впервые…
— Девочке повезло: на нее пал жребий «Лотереи Двенадцати Домов»…
Правда.
Словно глазок индикатора зажегся в толще чужого сознания, словно оранжевый бакен мелькнул на морской глади, словно тепло от рюмки «Старого Кабира» разлилось по телу — правда!
Она говорит правду… не до конца.
Да.
Именно так.
— У внучки почтенной Бобовай удивительное расположение планет, крайне заинтересовавшее администрацию…
И это правда.
Практически полностью.
— Но это никоим образом не может быть связано с происшедшим катаклизмом, кроме как в помраченном рассудке надима Исфизара…
Врет!
Господи — врет!
Ложь!
— Ложь!
Чей это голос? Чей?! Глуховатый, с еле заметной хрипотцой, совершенно чужой голос… Кто-то вошел в учительскую?
Кто?!
Чудовищное усилие, казалось, порвет Кадаля в клочья, но он выдержал, даже не застонав, — и увидел огонек свечи… второй… третий. Свет. Вверху. По правую руку.
Тяжесть давила прессом, туманя взгляд, доктор держался из последних сил, и до него лишь спустя вечность дошло, что это он просто не дает векам смежиться.
Векам бесчувственного надима Исфизара.
Хорошо еще, что никто не интересовался бывшим пророком — упаси Творец, заметят открытые глаза, что бесстыдно вспучились стеклянными белками в кровавых прожилках…
Прежде чем сдаться и кубарем вывалиться наружу, позволив Исфизару целиком уйти в счастливое небытие, доктор Кадаль успевает заметить: напротив, в кресле, сидит коротышка с подстриженной бородкой без усов, и губы коротышки шевелятся двумя синими червями.
— Ложь! — кричит из кресла доктор Кадаль.

Глава восьмая
Хаким

Дети, солнце светит где-то.
Помните это.

Я сразу ему поверил.
Кадаль, Хануман-Рохля, доктор Кадаль, подопечный явно связанного с «Аламутом» бородача, кричал из кресла, а казалось, что он кричит из бездны, из клубящейся пропасти, и лишь эхо доходит до столпившихся на краю людей.
— Ложь!
Если бы они еще знали правду о снимке, где была изображена треклятая девчонка, снимке, выпавшем у Неистовой Зейри, подобранном мною и бесцеремонно отнятом у меня хайль-баши Фаршедвардом! Сказать? Признаться? Или…
Астрологическая чушь, «звездная болезнь», на которой свихнулись начальники мектеба и с помощью которой Зейри сейчас тянула время, пытаясь увильнуть от известной только ей правды — в последнем я не сомневался и без Кадалева вопля, — на поверку выходила реальными планами, последовательно проводимыми в жизнь реальными людьми. Нас, ординарных хакимов со всеми нашими учеными степенями, держали за дурачков, в качестве живца, приманки для богатеньких родственничков!.. Как же, моего отпрыска учит истории сам господин аль-Шинби, это вам не кот начихал, и господин аль-Шинби млеет от удовольствия вместе с высокопоставленным папашей — жалованьице, господа, жалованьице способствует!
В университете вряд ли раскошелятся…
Девчонка — я готов был задушить ее собственными руками, поскольку чувствовал: именно во внучке параличной бабки кроется корень бед. Правда — в Неистовой Зейри; исток — в твари, норовившей сломать Гвениль. Сейчас я вспомнил, память услужливо подбросила: захваченный автобус, ледяной ком внизу живота, треск автоматной очереди, задушенные всхлипывания Лейлы — и угловатый силуэт подростка с шалью на плечах, призрак за окном. Тогда я ничего толком не видел, не понимал, и, даже когда ублюдок с гранатами бесцеремонно отпихнул меня, собираясь выглянуть наружу, я боялся одного, самого глупого, после чего мне пришлось бы сидеть с мокрыми брюками рядом с Лейлой… Удивительно — смерти я боялся гораздо меньше. И потом: тело у меня на коленях, оплывшее тело с костяными рукоятями в глазницах — тот, с гранатами, смертник, а его напарник, тоже решивший полюбопытствовать, бился в агонии на полу, забрызгивая пассажиров кровью, хлещущей, как из зарезанной свиньи; и страшное, чего я боялся, свершилось, а мне почему-то было все равно, и Лейле все равно — она даже всхлипывать перестала и только зажала рот ладонью.
Смерть террористов каким-то образом была связана с девчонкой, укравшей из музея меч, мой Гвениль, наш Гвениль — чтобы сломать его у нас на глазах!
Убить!
Убить подлую тварь!..
— Дядя Фаршедвард! Ой, как здорово! А мы ищем, ищем… хоть кого-то! — темно ведь на улице! И в мектебе света нет…
Детский вопль приводит меня в чувство.
— Валих?! Господи, как же я забыл…
Тени мечутся по стенам, низкорослый мальчишка вихрем врывается в учительскую и с разбегу повисает на вставшем хайль-баши — обезьянка на баобабе, паучок на скале, шестиклассник Валих Али-бей на мушерифе Фаршедварде Али-бее. Следом, прижимаясь друг к другу, робко входят еще двое. Я узнаю их, хотя блики от коптящих фитильков раскрашивают детские лица в маски демонов с побережья Муала. Близняшки бар-Ханани, брат и сестра, дети заместителя шахрадара Оразма, одноклассники Неспящего Красавца Валиха и…
— Ой, Валих!
И Сунджан ар-Рави — забытая всеми дочка нахального бородача — выскакивает из угла, где до сих пор беззвучно всхлипывала, и принимается хлопать в ладоши. Да, конечно, радость — знакомое лицо, теперь все будет в порядке…
Как жаль, что я давно вырос.
Из детства.

— Вам не кажется, господа, — старший Али-бей прижимает к себе мальчишку так, словно кто-то собирается отобрать его у мушерифа, — что нам не вредно бы оглядеться по сторонам. Возможно, в мектебе есть еще кто-нибудь… живой. Кроме того…
Я знаю, что он сейчас скажет.
Утро вечера мудренее.
Почему-то я в этом не уверен.

Глава девятая
Старуха

Палый лист, не злись
— это жизнь. Ложись.

— Затепли свечечку, гостенек… Я ведь видела — ты огарочек-то прихватил, озаботился!.. Все веселее при живом огне, а то сидим, как в могиле, мать-тьму радуем! Спички есть? Или огниво?
— Есть, госпожа Бобовай. Зажигалка.
— Госпожа?.. Плюнь, гостенек. Зови по-доброму, по-соседски — дура старая… Что морду воротишь? Не нравится? И мне не нравится, так что поделаешь, если и старая, и дура — захотелось правнучку в люди пристроить!.. Дура и дура. А язык запнется, так зови бабушкой. Я как услышу — сразу помолодею. И впрямь я тебе в бабки гожусь, с какой стороны ни возьми… Ох времечко-беремечко, не за что бабку взять, хоть с той стороны, хоть с этой!
— Шутите, госпожа Бобовай?
— Нет, проповедь читаю. Самое время для проповедей, краше и не придумать! Жарко тут у них, духотища, расстегнусь я маленько… небось постыдишься бабку насильничать, а, гостенек? Худыш тебя потом за бабку вверх корнем в землю посадит, он горазд сажать, мой Худыш-Фаршедвардик! Помню: не успели от груди отлучить, как уже в песке ковыряется — тычет в ямку сучком тутовника, сажаю, говорит… до сих пор сажает, ждет небось — чинары из ханурикov вырастут! Заболтала я тебя, гостенек? Ты уж прости старую!
— Ничего, госпожа Бо… бабушка. Мне и самому не спится. Только давайте потише, а то девочка проснется.

— Плохо ты ее знаешь, гостенек, ой плохо — с детства строптива, что хочет, то и делает! Захочет — проснется, а не захочет — хоть пушки выставляй и залпом, залпом… Ума не приложу, в кого такая? А ты глаз не отводи, так прямо и говори, по-солдатски: в вас, бабушка, в вас, голубушка! Ты говори, а я кивать стану. Навроде болванчика из вэйского фарфора, только те все больше «нет» кивают, а я буду вроде как «да»… Против правды рожном переть несподручно. Папаша-то ее хренов смылся, не успело девке полгода стукнуть, — говорят, после аж в Мэйлане объявлялся, телеграмма от него пришла, на десятилетие дочки… вспомнил, пес, утешил! А я думаю: беда у него случилась, вот он и откупался от судьбы, телеграммой откупался, добром вынужденным… Пес, он и есть пес. Надеюсь, сдох уже под забором. А мамашу, внученьку мою, доктора прямо на столе зарезали. В больнице рустака.
[74]
Живот у ней прихватило, вот лекаря и постарались — дежурство-то ночное, а ночь праздничная выпала, руки дрожат после чарки-другой… Ладно, что я тебе все о горе-злосчастье?! Давай о хорошем, гостенек?

— Давайте, бабушка. Только и вы уж тогда не обессудьте: бросайте «гостенька», зовите по имени. Знаете ведь — Карен я…
— Ладно, Каренчик, считай, по рукам ударили. Но и гостеньком через раз обзову — ты бровей не хмурь, в мои лета слова привычные бросать опасно. Брошу, потом не

подберу. Да и приятно: в кои-то веки у старухи гость объявился, гость-гостенек, значит, не зря небо копчу! Спасибо Худышу, расстарался, направил в наш тупичок!..
— А он вам родственник, господин Али-бей, или просто знакомый?
— Родич, Каренчик, самый что ни на есть родич. Молочный. Говорила ж тебе: от груди, мол, отлучила… кормилица я его, Худыша. Молочная в те поры была, что твоя корова! Сцеживалась почем зря; впрочем, наши бабьи тяготы не солдату в уши пихать! Видать, с моего молочка-то и разнесло Фаршедвардика, гора горой! Али-беи, всем семейством, меня до сих пор уговаривают махнуть рукой на Ош-Дастан и переехать — они, мол, и домик с садиком купят, и прислугу наймут, и то и се… Удивляются — вредная старуха, отказывается, гордостью пухнет! Как им объяснить Каренчик, али-бейскому племени, что не до гордости мне! Помру я в их домике, от скуки помру, от пыли, от телевизора по вечерам да от улыбок прислужьих на рассвете! От всего этого за фарсанг смердит! А в родном тупичке старуху Бобовай всякая тварь знает, кто за советом придет, кто под балкончиком встанет, слово за слово, наругаемся всласть, потом мириться будем, столы накрывать: идите, гости, на старые кости — жизнь, Каренчик, а не богадельня за Али-беевы динары! У тебя вот, к примеру, мать или бабка есть?
— Была. Мама… была.
— Померла?
— Да, бабушка. Полугода не прошло.

— Схоронил? По-людски, как положено? На дакму
[75]
цветы носил?

— Схоронил, бабушка. По-людски.
— Жаль, вы, нынешние, сплошь железные, плакать не умеете… в себе копите. Болела небось — по тебе понимаю, что не старой померла, мама-то?
— Не старая. И не болела. Она…
— Да ты, ежели говорить трудно, лучше отвернись, Каренчик! Махни на меня рукой или обругай как следует… лезу в душу горбатым носом, ведьма, жилы в клубок мотаю!
— Вы, бабушка, себя сами так обругаете, что мне за вами ни в жизнь не угнаться. Молчите уж, а то я на вас за вас обижусь. А мама моя… видно, так карта легла. Тронулась она, бабушка Бобовай. Взяла мое казенное оружие, вышла на улицу и стала по соседям стрелять. Тетку Фатьму — наповал, кота теткиного пристрелила, внука подруги своей и Низама, лавочника, подранила — а там ствол у мамы в руках… «Проказа “Самострел”», не слыхали? Ах да, откуда вам… зато видали — когда у Руинтана-аракчи двустволка рванула. Помните, Арам вернулся и с ножом… Короче, взорвался ствол. Ну а через день — похороны. Сразу всех хоронили. Без кота, конечно.
— Ой, горе-то какое… что ж я не слыхала?
— Так я не дурбанец, бабушка, я из Кабира. Много ли оттуда до тупика Ош-Дастан доходит? Тем паче дурацкая смерть какой-то полоумной…
— Не смей! Не смей так о матери!.. Прости, Каренчик, — больно? Честно говори — больно?!
— Ох и ручка у вас, госпожа Бобовай… Старшинская ручка, не сглазить бы! Теперь губы оладьями вспухнут.
— Пусть пухнут, дурошлепы! За поносные слова о матери только по губам и бить, и не бабкиной ручкой, а ухватом или еще чем поувесистее! Если б ты не сослепу, в сердцах, а от умишка ляпнул — нашла бы и ухват, даром что мектеб кругом… А так — сойдет. Запомнишь?
— И рад бы забыть, бабушка… запомню.
— Эх ты, солдатик, окаянная головушка!.. Что ж Господу неймется, все шпыняет нас почем зря, все щепки под ногти, да добро б с улыбочкой, а то разве что в бороде почешется! Теперь вот — здесь запер, Хитрец-с-сотней-имен… неужто и впрямь из-за девки моей? Как думаешь, Каренчик?
— Не знаю.
— Вот и я не знаю, не ведаю. Надим ихний вопил, оглашенный, — убила бы сукина сына! А в душе копошится нехорошее, червем грызет… девка-то у меня — сам видел!
— Видел, бабушка.
— И… ножики ее видел?
— И ножики.
— Что, может, и в деле видел?
— Довелось.

— Вот наказание… Как же тебе объяснить-то, Каренчик? Мы ведь, Бобоваи, пришлые; раньше писала в бумагах, в графе «происхождение» — выходцы из Мэйланя. Моя еще прапрабабка — выходец… или выходка? Должно быть, выходка, та еще прапрабабка была, бедовая! Сто лет разменяла, красавица! А ножики эти в семье вроде как наследство, из женских рук в женские передаются. С таких времен, что и подумать страшно. Раз жучок один подкатывал гоголем, все подбивал на продажу — коллекционер, говорил, из Кабира, с родины твоей, большие деньги давал! Не продала. Как считаешь, гостенек, верно сделала?
— Не знаю, бабушка.
— Вот и я сейчас не знаю. А представлю, что отдала бы жучку-пустослову: сердце кровью течет, лучше уж руку или ногу, в коллекцию… Мне, дурище, и некому-то их передавать было: сын, девкин дед, мужик, ему нельзя; мамаша девкина, внучка моя, сама не пожелала — шарахнулась от ножиков, как от чумы!.. Думала — помру, попрошу со мной в могилку упрятать. Ан дудки, девка наша еще в пять лет нашла в каморе, вынула… я забрать хотела — ножики до тринадцати годков бабам Бобоваям не дают! — куда там, визг, рев, весь дом ходуном… Дала. Пожалела. Все дети в песочке чуреки лепят, цурки-палки, дочки-матери, а моя с той поры особнячком: разве что веточку построгает, а так по закоулкам, ножики вертит-кидает! Куклы побоку, подруг разогнала, все сама да сама! Соседи разок увидели, чуть воплем не изошли: пожалей, старая, девку, зарежется ведь невзначай, а свое не жалко, так наше пожалей, ткнет дура сгоряча ножичком-то!.. После привыкли: отчего не привыкнуть, ежели детки ихние живы-здоровы, а что со Сколопендрой проклятущей играться не хотят, так это дело левое-плевое…
— Вот и Фаршедвард молотит: Сколопендра… И не стыдно вам, бабушка, девчонку таким образом звать? У меня б язык не повернулся!
— Язык, гостенек, штука поворотливая! Тем паче что девку по жизни зовут — Ниру Бобовай, а Ниру по-мэйланьски и есть «сколопендра». Тварь ядовитая, слыхал небось… у нас в роду, почитай, каждая вторая — Ниру. Прапрабабка моя говаривала, когда рюмочку опрокидывала: от злых духов такие имена давали. Чтоб не цеплялись, ироды. Внучка моя, девкина мамаша, тоже сперва Ниру звалась, а как в совершеннолетие вошла, так явилась куда следует и переименовалась. Я еще гадала после: зачем она дочку-то нелюбимым имечком назвала? Только когда врачи постарались, резанули по живому, поняла… или сама себя обманываю, что поняла. Еще б знать, отчего девке это дело по душе? С десяти лет блажь в голову стукнула: спросит ее кто об имени, так хмыкнет и отвечает — Сколопендра. И роток на замок. Она вообще говорит мало. Словно не человек, а вещь стала, вроде ножиков. Предупреждала ведь девку, дура старая: нельзя ножевую перевязь на теле, почитай, бессъемно носить! Я-то предупреждала, а она… поди сними, Каренчик, — я над твоей могилкой поплачу, повою от души! Не пойдешь небось? То-то же…
— Вы уж простите меня, бабушка, только я одного понять не в силах: как же вы допустили, чтоб Али-бей, ваш молочный сын, вашу же правнучку… вместо гургасара?! Умом понимаю: почти полсотни заложников, стали б мы их вытаскивать, добро б треть живьем вынули! А сердце свое кричит — нельзя девчонке четверых мужиков на тот свет отправлять! Ну нельзя, и все тут! Хоть ты трижды Сколопендра!..
— Много ты понимаешь, солдатик… И я знаю — нельзя. Лучше б я Ниру мою в цирк отдала: года полтора назад соседи проболтались, что есть такое чудо чудное в дурбанском тупичке, явился в Ош-Дастан цирковой начальник — девку смотреть. Посмотрел. Глянулся он ей; чем — не знаю, а только тянулся. Показала, что может. Хорошо, циркач лицом владел — ни морщинки, ни складочки, а пальцы все платочек комкают. Контракт подсовывал. Я призадумалась, а Ниру возьми и брякни: я, мол, на арене ножики кидать стану, а те, кто смотреть пришел, чего делать будут? Циркач ухмыльнулся и отвечает: в ладоши тебе хлопать. У меня, добавил, такая малявка, как ты, с ученой обезьянкой выступает — что ни вечер, под гром этих… аплодисментов. Девка бумажку его взяла, в воздух подбросила и тремя ножиками в пыль иссекла. Видал, спрашивает? Видал, отвечает. А я чтоб тебя больше здесь не видала. Никогда. Обезьяна ты ученая. Гнусь. И еще кой-чего добавила, чему я ее не учила. Так девка больше молчит, а тут разговорилась. Короче, накрылся цирк гнилым решетом.
— А… Фаршедвард?
— А что — Фаршедвардик? Первый-то раз у них случайно вышло: зашел Худыш ко мне в гости, проведал кормилицу, домой собрался — глядь, темно, пошла девка его провожать… Чего ржешь, гостенек?! Говорю — пошла провожать. А как стали выворачивать на проспект — лавка там угловая, в лавке свет горит, и сквозь стекло видно, как трое образин лавочникову жену щупают. Сам лавочник нестарый еще,

только больной, хилый, связанный в углу корчится, а четвертый урод пистолетиком поигрывает, хихикает! Худыш в лавку слоном вломился, а тот, с пистолетиком, возьми и пальни сдуру. Попасть не попал, зато девку взорвал изнутри, точно бомбу. Видеть она их не может, пистолетики… Пока Худыш оглядывался да кобуру лапал, девка адов хайль на четверых новобранцев пополнила. Помню: вернулись оба, Худыш бледной немочи белее, сперва звонил куда надо, после у нас до утра сидел. У Руинтана чачей дешевой разжился и сидел. К рассвету признался: за девку боялся. Дескать, на первой смерти многие солдаты ломаются, а тут— пацанка… Верно, что ломаются, а, гостенек?
— Верно, бабушка. Я сам, когда кровь в лицо… спиртом отпаивали.
— О-хо-хо, горе горькое… Как ты там пел, Каренчик? Когда за спину к бабке встал? Тех, что погибли, считаю?..
— Считаю храбрее, бабушка. Тех, что погибли, считаю храбрее.
— Тебе виднее. Может, и так, а может, и не совсем. Я о другом: девка однажды торопилась куда-то, на балкон забежала, в щечку чмокнула — гляжу, она листок обронила. Знаешь, чего там написано было? Сейчас, сейчас припомню… Вот память, ровно чулан! Значит, так: пустая комната… Точно! Пустая комната и темное окно, в пустую комнату вхожу, как входят в реку, и все мне чудится: остановилось время, а я иду, и время дышит за спиной… Как мыслишь, гостенек: неужто сама сочинила?
— Не знаю, бабушка.
— Вот и я не знаю. И время дышит за спиной… Ладно, спи, Каренчик, заболтала я тебя…

Глава десятая
Хаким

Нерожденные слова горло теребят.
Я училась убивать, начала с себя.

Возвращаться в реальность было невмоготу, словно выпущенному из зиндана вору в прежнюю вонючую яму: вот так бы дрыхнул без просыпу — а потом, после пробуждения, все бы само собой встало на места и…
Доктор Кадаль попытался нырнуть обратно в сон в уют беспамятства; однако, к изрядному неудовольствию доктора, сон вывернулся и сбежал, махнув на прощание платочком, в результате чего пришлось-таки открыть глаза.
Утром, которое, по мнению гиганта хайль-баши, мудренее вечера, и не пахло — в комнате по-прежнему царила темнота, но темнота другая. Во всяком случае, темнота выспавшаяся, бодрая и готовая к новым каверзам. «Интересно, сколько времени?» — подумал Кадаль, пытаясь в серой мгле разглядеть циферблат часов.
Для этого пришлось изрядно потрудиться, вертя рукой и ловя проникающий в щели скудный свет.
Происхождение обрывков света оставалось загадкой, во всяком случае, «Да будет свет!» говорилось про что-то другое.
— Два семнадцать, — наконец констатировал он вслух.
— А у вас часы, часом, не стоят? — поинтересовался из угла Альборз-пахлаван, не заметив собственного каламбура. — На моих — пять сорок. И сереет на дворе вроде…
Доктор приложил часы к уху.
Пошел к Иблису — ответили обиженные часы.
На их языке это звучало: тик-так, тик-так, тик-так.
— Без четверти десять, парни, — угрюмо сообщил шейх «Аламута», словно пытаясь этим кого-то обидеть. — Утра. Или вечера. Или — зимы.
И Равиль умолк, роясь в портсигаре.
Скоро вспыхнул огонек зажигалки, высветив заспанную бородатую физиономию ар-Рави; почти сразу физиономия окуталась клубами дыма — «горный орел» привычно изображал огнедышащего дракона. — Пошли посмотрим, что на улице творится, — решил дракон.

«Кто бы спорил», — подумал Кадаль, покидая комнату, облюбованную их троицей для ночлега.
На ступеньках у входа торчал столбом и разинув рот смотрел в небо охранник. Доктор последовал его примеру — и рот Кадаля разинулся без предварительной команды.
Небо не было ни черным, ночным, ни дневным, голубым; туч, луны или солнца на нем тоже не наблюдалось. Равномерная фиолетовая мгла, слабо подсвеченная изнутри. Гнилушка в темной чаще. «Уж лучше бы было темно!» — передернулся Кадаль. Но передернуться пришлось дважды: через минуту доктор выяснил, что сквозь гнилое свечение чернеют бездонные провалы звезд!
Черные блестящие искры на опалесцирующем небе.
Агатовые брызги на лунном камне.
Неверный, дрожащий свет лишь слегка разгонял душные сумерки, царившие во дворе мектеба; дальше, у ворот и вдоль ограды, кисель снова сгущался, и Кадалю вдруг показалось, что вчера призрачная стена находилась чуть дальше. Хотя нет, наверное, обман зрения. Вон ворота тогда еле-еле проступали из пелены — и сейчас проступают…
Большой Равиль и Альборз-пахлаван также уделили некоторое время разглядыванию зловещего небосвода, после чего телохранитель со щелчком захлопнул челюсти.
«Привычка, что ли, у этих „орлов“ — клювом щелкать?» — в который раз изумился Кадаль.
— Дерьмо небесное! — сплюнув на ступеньки, высказал пахлаван свое мнение по поводу увиденного. Смахивало на то, что Альборз с гораздо большим удовольствием плюнул бы вверх, но опасался последствий.
«Грубо, но точно», — мысленно согласился доктор.
— Пойдем-ка прогуляемся по парку, — бросил очнувшийся шейх. — Невредно бы осмотреться.
В процессе гуляния были обнаружены из местных достопримечательностей: оранжерея, пара-тройка хозяйственных пристроек, две беседки, четыре неработающих фонтанчика, из которых, по идее, должна была течь питьевая вода; да еще в зарослях то и дело мелькала лучащаяся счастьем козья морда: после скудного рациона Ош-Дастана коза явно решила, что попала в рай.
Выхода обнаружено не было.
Мглистая стена надежно огородила мектеб со всех сторон, и никаких проходов в ней не наблюдалось.
В тягостном молчании они вернулись ко входу в центральный корпус. Ветер неуютно посвистывал в кронах деревьев, время от времени срывая и бросая на аллею пожухлые желтые листья.
Листья.
Желтые.
Откуда?! Ведь на дворе весна!
«Ну и что, что весна», — отрешенно подумал доктор Кадаль.
И был прав.
Из дверей медленно, один за другим, выходили пленники «Звездного часа»: Рашидик с Лейлой, администраторша, заметно притихший со вчера пьяница-козопас, охранник, которого гигант мушериф называл почему-то егерем, — парень катил перед собой инвалидное кресло с восседающей в нем старухой, а рядом шлепала кутающаяся в шаль девчонка, держа в руках ржавый меч…
«Небось и спала с ним» — мелькнуло предположение, при других обстоятельствах вызвавшее бы улыбку. Доктор Кадаль очень удивился бы, если бы кто-то, кто знает все, рассказал ему правду, — единственным человеком, не видевшим во время всеобщего обморока никаких снов-миражей, оказался именно он, почтенный хабиб-чудотворец. Но кто-то, кто знает все, сейчас был занят в другом месте, и поэтому Кадаль смотрел на девчонку с единственной мыслью: эта смуглянка, собиравшаяся поломать любимый меч Рашидика, странным образом связана со всей заварухой.
Как?
Вчерашний индикатор в сознании надима Исфизара не ответил на этот вопрос. Ладно, посмотрим, нервы с утра вроде бы в порядке, истерикой не пахнет, а они пусть идут: гулям, старуха, девочка…
Гулям-эмир пока не показывался.
Последним в дверях вырос необъятный хайль-баши в сопровождении племянника и двух близнецов — мальчика и девочки. Дочка Равиля, тише мыши ходившая за отцом на расстоянии вытянутой руки, тут же подбежала к детям, и они принялись взволнованно шептаться.

Охранник что-то тихо сказал старухе в кресле, та согласно кивнула, поджав тонкие губы, все в морщинках, и мужчина решительно зашагал по аллее к воротам.
Собравшиеся молча следили за ним, пока гулям не скрылся в тумане.
Тишина. Кажется, даже ветер притих в ожидании.
Проходит минута, другая…
Стук ботинок. И сосущее под ложечкой ощущение, что это уже было, было… было!..
Кошмар, ты вязнешь в болоте, рвешься наружу, к воздуху, к жизни, но силы на исходе, а испорченный проектор крутит один и тот же эпизод снова и снова… Ну почему, почему человек готов разбить себе голову о стену только потому, что надежда умирает последней?!
Гулям возникает из тумана, смотрит на угрюмые лица и молча идет вдоль призрачной стены. Шагов через тридцать он вновь ныряет во мглу. Это повторялось трижды. И всякий раз через пару минут гулям возникал на том самом месте, где входил в туман. В конце концов мужчина прекратил бесплодные попытки и вернулся.
Остальные тупо молчали, глядя в землю. Доктор Кадаль без сил опустился на ступеньки; ладонь нащупала рядом что-то холодное, слегка упругое. Доктор скосил глаза — и, невольно вскрикнув, отскочил в сторону.
На крыльце лежала забытая нога в лаковом ботинке, принадлежавшая, по мнению администраторши, исчезнувшему за пеленой хаким-эмиру. Выглядела нога совсем свежей, и никаких признаков разложения в ней заметно не было.
На вопль доктора обернулись все. Телохранитель Равиля и охранники уже сжимали в руках пистолеты, но тревога, к счастью, оказалась ложной.
«А ведь они только и ждут случая, чтобы спустить курок — обожгло вдруг доктора. — Сухой треск, височная впадина лопается под напором — и содержимое твоего черепа, венец сотен веков эволюции… — Нужен виноватый. И если он отыщется…»
— Надо бы ее, заразу… — двусмысленно предложил Равиль, кивнув на ногу. — Законсервировать, что ли?! А то лежит тут, как эта…
Шейх пощелкал пальцами, ища сравнение, не нашел и стряхнул пепел на лак хаким-эмировского ботинка.
— Пожалуй, — кивнула администраторша. — Доктор, как это лучше сделать? — обратилась она к Кадалю.
— Я… я не знаю! — растерялся психолог. — Я ведь не совсем доктор… то есть совсем, но не так, как вы считаете! Ну… в кулек, наверное, — и обложить льдом. У вас холодильник есть?
— Холодильник-то есть, зато электричества нет, — вмешался гулям, безуспешно пытавшийся выйти наружу.
— А если ее тово… заспиртовать? — предложил вдруг молчавший до сих пор пьяница.
— Хорошая мысль, — неожиданно согласилась женщина. — В медицинской части есть спирт. Усмар, возьми-ка ногу господина хаким-эмира и отнеси ее в лабораторию. Спирт в сейфе, ключ от сейфа висит на панели за дверью.
Усмар хотел было что-то возразить, но передумал, брезгливо взял отсеченную конечность двумя пальцами за лодыжку и направился в глубь мектеба. Пьяница-козопас как привязанный последовал за ним.
Администраторша прислушалась, как затихают на лестнице их шаги, и повернулась к оставшимся.
— Итак, мы заперты здесь неизвестно насколько, — спокойно констатировала она. — Электричества у нас нет, холодильники, соответственно, не работают…
— Воды тоже нет, — буркнул Равиль.
— Совершенно верно, господин ар-Рави. А если вы будете столько курить, то скоро не будет и кислорода. И без того уже дышать нечем!
Большой Равиль извлек из бороды сигару, втянул, раздувая ноздри, воздух…
— Действительно душновато, — согласился шейх. — Так что ж теперь, и не курить? Тогда я вообще задохнусь!
Огромный клуб дыма, выпущенный Равилем, должен был подтвердить истинность этого утверждения.
Женщина секунду поколебалась и решила не связываться с «горным орлом».
Пока, во всяком случае.
— В общем, нам надо сообща постараться…
В недрах мектеба раздался глухой удар, потом еще один, а вслед за ними — треск и грохот.
Стоявшие на крыльце гулям и телохранитель Равиля (последний — после короткого кивка хозяина), не сговариваясь, ринулись вверх по ступенькам. Но тут оказалось, что

дверной проем прочно закупорен объемистым хайль-баши, который, похоже, никуда не торопился.
Как пробка в бутылке старого вина, залитая смолой, — философская пробка, понимающая неизбежность прихода штопора, но отнюдь не стремящаяся ускорить час встречи с ним.
И впрямь, когда необъятный мушериф соизволил посторониться, в дверях возник не кто иной, как старый знакомец: растрепанный надим Исфизар. «Опять все повторяется, — обреченно подумал доктор Кадаль. — Сейчас будут вопли, потом его унесут… и ноги накроют пиджаком». Однако доктор ошибся: губы надима на этот раз были решительно сжаты, а бесцветные глаза смотрели твердо и даже вызывающе.
— Господин Исфизар! Вы же были заперты! — изумилась-возмутилась администраторша.
— Ну и что? — хмыкнул надим, разглядывая собственные руки, словно видел их впервые. — У нас в мектебе разве двери? Так, ерунда…
Администраторша потеряла дар речи и принялась его искать, разевая рот выброшенной на берег рыбой. Безрезультатно.
— Господа, — сухо произнес Исфизар вместо ожидаемой проповеди, — я должен вам кое-что сообщить. Касательно нашего нынешнего положения.
— Вы забываетесь, надим! — прошипела мигом пришедшая в себя женщина, и пальцы ее зловеще скрючились, блеснув алыми ногтями. — Вы давали подписку!
«Коушут, — вспомнил доктор. — Надим звал ее госпожой Коушут».
— Можете забрать мою подписку из сейфа и использовать ее по назначению! — презрительно скривился надим, сверху вниз глядя на собеседницу. Зрелище заслуживало внимания: грозный Исфизар, с высоты крыльца и собственного немалого роста взирающий на кошкой припавшую к земле госпожу Коушут, казалось, готовую вцепиться ему в лицо. Только тут до Кадаля дошло: ведь это же именно он, Кадаль Хануман, сам того не ведая, излечил надима Исфизара! Вчера, во время случайного контакта. Куда подевались и нерешительность, и истеричность, и женственность… Перед узниками «Звездного часа» был совсем другой Исфизар — подтянутый, решительный, жесткий.
Если б еще ведать, к добру ли это… Эй, тот, кто знает все, отзовись!
— Господа, убедительно прошу вас пройти в зал для совещаний. И найдите остальных. Я хочу, чтобы присутствовали все.
Надим подумал и твердо повторил:
— Да. Именно все. Включая детей.

Глава одиннадцатая
Надим

Небо требует мзды —
с каждой шлюхи-звезды.

Его звали аль-Беруни, как умершего триста лет тому назад создателя «Звездного канона»; и он был карликом.
Тише, господа, прошу вас, — иначе я собьюсь, я еще не привык к себе новому, мне все время хочется чего-нибудь испугаться, как наркоману хочется вогнать в вены очередную порцию голубого кейфа… Тише, господа, дайте начать сначала.
Его звали аль-Беруни, и он был карликом.
Впервые я познакомился с ним в психиатрической лечебнице. Курируя астрологическое общество «Эклиптика» — почтенное полугосударственное собрание ученых мужей, изредка составляющих гороскопы по личному поручению власть имущих, — я был очень удивлен, когда меня пригласили в место, где, по моему представлению, слюнявые олигофрены поливали друг друга чечевичной похлебкой. Но приглашение, исходящее из соответствующих учреждений и снабженное соответствующими инструкциями, равносильно приказу.
Я подчинился, не догадываясь, что этот визит перевернет всю мою жизнь.

Карлик, сидевший за компьютером в кабинете главврача, мало походил на олигофрена. Особенно если посмотреть ему в глаза. Забегая вперед, скажу: аль-Беруни и впрямь любил чечевичную похлебку, но в его неестественно большую голову никогда не приходило желание вылить ее на собеседника.
По окончании нашей беседы люди, привезшие меня туда, отказались объяснить, почему совершенно здоровый (я имею в виду здоровье душевное) человек проводит дни в приюте для умалишенных.
Настаивать я не стал. Я не умел — настаивать.
С того дня я стал завсегдатаем психушки. Как позже выяснилось — не один я; но в ту пору меня посвящали далеко не во все детали. Нам приносили кофе, реже вино (аль-Беруни практически не пил, лишь изредка позволяя себе глоток-другой красного), и мы разговаривали, спорили, вычерчивая таблицы, до хрипоты отстаивая собственное мнение и нравясь друг другу все меньше.
Он был гением.
Гении никогда не нравятся обычным людям.
Я был обычным.
Почти.
Тише, господа, тише… сейчас мне придется говорить о столь тонких материях, что многие из вас предпочтут забросать меня окурками, вместо того чтобы совершить усилие… тише, господа, — поймите, наша с вами жизнь зависит от этих материй.
Она зависела и раньше, только вы об этом не знали.
Тише, господа.
Известно вам или нет, но слово «зодиак» по-кименски означает «пояс зверей».
Предвижу возражения: часть названий зодиакальных созвездий связана скорее с персонажами мифов и легенд, а Весы… ну, Весы, они и в Кимене Весы. Оставим это на совести кименцев и не будем спорить с традицией. Замечу лишь для облегчения вашего дальнейшего понимания: курируемое мной астрологическое общество неспроста называлось «Эклиптика».
Господин… ар-Рави?.. Уважаемый господин ар-Рави, вас не обременяет речь, когда вы курите сигару? Если да, то курите, курите и молчите; если нет, то замолчите просто так. После вы можете приказать вашему пахлавану завязать меня узлом, но пусть это произойдет не сейчас! Договорились? Ну вот и чудненько…
Итак, мы говорили об эклиптике. Так называется ежегодный путь Солнца по небесной сфере, отклоненный от небесного экватора на 23,5 градуса. Этот путь, эта эклиптика лежит внутри полосы зодиакальных созвездий, внутри «Пояса зверей»; также по Зодиаку проходят траектории движения Луны и планет.
Но время дотягивается даже до звезд. Эклиптика, в свою очередь, движется по небесной сфере, медленно, чудовищно медленно с точки зрения человека-однодневки, но уже с точки зрения человечества она движется несколько быстрее. И созвездий Зодиака, если быть честными перед собой и Вселенной, на сегодняшний день уже не двенадцать.
Тринадцатое созвездие «Пояса зверей» — Зоххак-Змееносец.
Полагаю, вы помните или хотя бы краем уха слышали древнюю легенду о шахе Зоххаке, которого Иблис-Противоречащий поцеловал в оба плеча?
Не помните?!
Ну как же:

> Две черные змеи из плеч владыки Вдруг выросли. Он поднял шум великий,
> Но мудрые мобеды всей земли Ничем помочь Зоххаку не смогли…

Ах, как жаль! А это:

> И будешь ты сражен, о царь суровый, Ударом палицы быкоголовой!

Именно в связи со Змееносцем наши предки считали, что встретить змею в день Хормозд означает царскую власть в недалеком будущем, в день Исфендормазд — честь и славу, в день Асман — обвинение во лжи, в день Замиад — несчастье в семье…
Впрочем, мы отвлеклись. Добавлю лишь: когда выродок Зоххак, кормивший выросших из него змей мозгом невинных юношей, был действительно сражен, он мигом

отправился на небо и занял положенное ему место. Шли века, эклиптика смещалась по небесной сфере, и проклятый шах терпеливо ждал, когда его впустят в Зодиак. Дождался.
Теперь Солнце проходит через него, и шахские змеи пьют солнечный мозг.
Аль-Беруни был карликом; и он был гением. Этот огрызок человека рассчитал базу для новой астрологии, которую он назвал «Иблисовой дюжиной» — потому что именно тринадцать созвездий, тринадцать Домов составляли ее основу.
* * *
— Знаете ли вы, дорогой мой, почему Иблис-Противоречащий отказался поклониться первому сотворенному Господом человеку?
Этот вопрос аль-Беруни задал мне через полтора месяца после нашего знакомства.
И, полуприкрыв свои жабьи глаза, процитировал:
— «И вот, сказали Мы ангелам: „Поклонитесь Адаму!“ И поклонились они, кроме Иблиса. Он отказался и превознесся, и остался неверующим».
Я снова вижу это, будто лишь вчера расстался с ним: карлик сидит, с ногами забравшись в старомодное кожаное кресло, жмурит глазки, и морщинистая рябь бежит по его огромному лбу, превращая кожу в осенний пруд.
— Отказался и превознесся, и остался неверующим… Дорогой мой, вы никогда не задумывались, почему был создан человек? Любая религия неизбежно приходит к концепции сотворения мира и сотворения человека, неважно кем и неважно из чего, потому что любую религию создает человек, живущий в мире. Но тем не менее до человека, если верить тем же мифам, превосходно существовали другие, гораздо более могущественные и жизнеспособные существа — ангелы, духи, дэвы, божества всех рангов и мастей… Зачем — человек? К чему — человек, прах земной? И почему двое: мужчина и женщина?!
Я пожал плечами.
Нам ли судить Творца?
— Тогда давайте зайдем с другого конца: любое предшествовавшее человеку сверхчеловеческое существо было гораздо менее ограничено в своих эволюциях. Но Адам с Евой покидают рай, века сменяются веками… Где они, дэвы и ангелы? Разве что в сказках, словно в резервациях. Те, кто мог летать в небе и дышать под водой, жившие сотни сроков и превращавшие цветы в звезды, а звезды — в красавиц! Где они?! Их нет! А человек — есть. Почему?
Я молчал.
— Мы живем в четырехмерном мире, дорогой мой, мы заперты в темнице этих четырех стен, и даже наши ученые мужи позволяют себе робкие намеки: дескать, первоначально измерений было существенно больше, но со временем… Со временем, заметьте! Со временем! Измерений четыре, а на самом деле их два — Пространство и Время! Адам и Ева! Последний росчерк Творца!
Чтобы скрыть усмешку, я отхлебнул вина.
— Увы, дорогой мой, это совершенно не смешно. Вы ловко рассчитываете связь жизни ваших клиентов с движением звезд и планет, но наотрез отказываетесь принимать во внимание наличие обратной связи. Звезды зависят от человека! Минуты и века зависят от человека! Фарсанги зависят от человека! Потому что именно человек и есть Время и Пространство, и именно поэтому Творец поначалу не хотел выпускать человека из рая! Из роскошной тюрьмы! Но, увы…
В тот вечер я стал посвященным в тайну Иблиса, отказавшегося кланяться Пространству и Времени.
* * *
Тише, господа… впрочем, вы и так молчите. Теория аль-Беруни заключалась в том, что каждый человек является носителем некоей частицы времени и пространства. Возможно, субъективного времени и субъективного пространства; но кто может предположить наличие чего-либо объективного в нашем мире? Я не возьмусь. Карлик утверждал, что измерения напрямую зависят от нас и человек подсознательно, год за годом, упрощал собственный мир, подгоняя его под свои потребности. Людей становилось все больше, они плодились и размножались как блохи, на каждую секунду грядущего года уже было по нескольку владык, на каждый клочок тверди и глоток влаги находилось множество правителей… и человек подпирал законами природы, которые сам же и придумал, стены выделенной ему темницы.
Обратите внимание: от мифа — к эпосу, от эпоса к легенде, от легенды — к сказке… Вы думаете, сейчас дети читают сказки? Вы неправильно думаете. Аналогично: от божества, тасующего многомерное мироздание, — к великому магу; от мага — к

деревенской ведьме; от ведьмы — к вшивому экстрасенсу с дипломом в боковом кармане пиджака. Где божество? Где маг?
Мы убили их, господа, упростив их (и наш) мир.
Во всяком случае, так полагал аль-Беруни.
Но это не все.
«Иблисова дюжина», новая система астрологических таблиц, позволяла достаточно точно вычислить связь каждого индивидуума со временем; вычисление связи с пространством аль-Беруни не успел довести до конца — он умер от сердечного приступа.
Отдельный человек способен влиять на какие-то секунды (иногда — доли секунд) будущего года — разбросанные по всему году, они практически не отслеживаемы. У господина Али-бея дурной характер, и в году Крысы одна секунда пятого дня месяца Шахревар будет подсознательно раздражать очень многих, жизнь не будет складываться — но она пройдет, эта секунда, и никто даже не вспомнит о взявшемся из ниоткуда раздражении. Возможно, какой-нибудь лавочник в Оразме успеет в эту секунду съездить по роже своей супружнице и изменит тем самым ход своей судьбы, — да только придет ли в голову лавочнику связать это с раздражительностью дурбанского мушерифа Али-бея?
Вряд ли.
Но существуют люди, способные концентрировать субъективное время: люди-дни, люди-недели, месяцы, годы… Чаще всего это дети. И тут мы вплотную подходим к идее создания мектеба «Звездный час».
Госпожа Коушут, я уже говорил вам, что вы можете сделать с моей подпиской о неразглашении!
Повторить?
Хакимы с учеными степенями и учащиеся из влиятельных семей — это только… потолок? Ах да, спасибо, господин ар-Рави! Ну конечно же, крыша! Крыша, под прикрытием которой разыгрывается «Лотерея Иблисовой дюжины», «Лотерея Тринадцати Домов» — потому что их именно тринадцать, а не двенадцать, господа мои! Мы составляем прогнозы, к нам стекаются данные о множестве детей из самых разных мест, данные эти подвергаются анализу согласно тестам аль-Беруни — и дети-концентраторы так или иначе заманиваются в «Звездный час».
Хвала Господу, пряников хватает.
Хотя могу заметить: и у влиятельных родителей рождаются концентраторы. К примеру…

Глава двенадцатая
Азат

Крики, лица, толкотня.
Застрелитесь без меня.

— Господин Ташвард!
Неизвестно, как всем обернувшимся на вопль к двери, а Карену сразу же становится ясно: гулям Махмудик очнулся! Почти сутки валялся где-то без сознания — и вот поди ж ты, жив-здоров, курилка, только вид изрядно пришибленный. Видать, треснулся затылком, когда падал…
Стоп. Ведь Махмудик еще ничего не знает!
— Господин Ташвард! Там с камерой творится… изображение пошло, а на нем…
— С камерой?! — Госпожа Коушут всегда отличалась прекрасной реакцией. — Показывает?!
— Ну да, госпожа…
— Но ведь в мектебе нет электричества!
— Вот и я удивляюсь: лампочка не загорается, а камера показывает! Только такое, что лучше не смотреть…

Зейри Коушут молча рванулась к дверям, выяснив уже на пороге, что Гюрзец ее все-таки опередил. Ну а следом гурьбой повалили остальные.
Лишь корноухий Руинтан остался мирно похрапывать в одном из кресел последнего ряда.
— На минуту отвернулся — а этот гад хвать черпак спирта и выхлебал до донышка! — словно оправдываясь перед Кареном, развел руками Усмар, проходя мимо. — И хоть бы хны, только уши лиловыми стали…
Сухая лапка невесомо легла на Каренову ладонь.
— Иди, Каренчик, погляди, что там… после расскажешь. Да иди же — ничего со мной не сделается! Кому я нужна, дура старая?
Уже в дверях он обернулся, кивнул бабушке Бобовай и застывшей возле нее Сколопендре с ржавым мечом в руках — и покинул зал.
Мониторы наружных камер находились в помещении охраны, и сейчас в комнатушку, рассчитанную максимум на трех человек, набились почти все пленники «Звездного часа». Нечего было и мечтать о том, чтобы из-за спинищи Фаршедварда разглядеть хоть край экрана, поэтому отставной висак-баши, недолго думая, взгромоздился на стоявший у входа стул.
А на Али-бея оперся.
Изображение на экране не двигалось. В этом не было бы ничего удивительного, если бы, во-первых, не знать, что мектеб обесточен и камера вообще не должна работать, а во-вторых…
Деревья вдоль дороги застыли безучастными постаментами — лист не шевельнется, веточка не вздрогнет; справа в экран вползал побитый синий «скарабей» мэйланьского производства — вползал, тужился и никак не мог вползти, будто уперся в невидимую преграду. У обочины стояла еще одна машина — мушерифская, с выключенной мигалкой на крыше; видимо, на ней-то и приехал хайль-баши. На капот лениво облокотился прикуривающий водитель. Оранжевый язычок пламени уже лизнул кончик сигареты — и тоже застыл, как на моментальной фотографии. Застыл и мушериф, словно окаменев под взглядом неведомого василиска.
Глаза водителя были закрыты — видать, моргнул за мгновение до стоп-кадра.
А у самых ворот завис в падении изумленный хаким-эмир! Он до сих пор падал, как и почти сутки назад, — спиной вперед, неловко всплеснув руками… Левая нога хаким-эмира была аккуратно отсечена чуть ниже колена, и внутри кровавого круга белел ровный срез берцовой кости.
«Как окорок в мясной лавке», — подумалось Карену.
«От голода, что ли?» — удивился он сам себе минутой позже.
Зато никакого тумана на наружном изображении не было.
Камера добросовестно показывала, хаким-эмир падал, «скарабей» полз, водитель прикуривал — а люди молча стояли, уставившись на монитор, молчание тянулось целую вечность, и Карену начало казаться, что и сами они уже превратились в статуи… но тут, словно специально задавшись целью опровергнуть эту мысль, Большой Равиль заворочался и полез в карман за очередной сигарой.
— Запись, — изрек он.
— Чушь, — жестко бросил Гюрзец. — Здесь вообще нет записывающей аппаратуры — не успели установить.
— Тогда… что же там творится? — Толстенький хаким попытался скрыть испуг, но ему это удалось плохо.
— А что здесь творится?! — зло огрызнулся Равиль. Хаким отшатнулся, как если бы бородач собрался ткнуть сигарой ему в лицо, — и тут экран померк. Махмудик лихорадочно защелкал переключателями на пульте, но аппаратура оживать наотрез отказалась.
«Ты что, дурак?! — со всей ясностью говорил темный экран. — Много мы тебе без электричества наработаем…»
— Сеанс окончен. — Сухая усмешка искривила рот надима Исфизара. — Нам показали.
— Кто показал? — быстро спросила девушка, которую, кажется, звали Лейлой.
— Судьба. Давайте все-таки вернемся в зал.
Поскольку никаких других предложений не поступило, люди поплелись обратно. Долго рассаживались — почему-то стараясь занять те же места, что и раньше; и Карен успел шепотом пересказать старухе Бобовай виденное.
Сколопендра вертела в руках сокровище толстенького хакима и молчала.
— Прошу тишины, — строго постучал по кафедре надим Исфизар.
И тишина пришла.

Глава тринадцатая
Хаким

Не кричите. Это я
— на изломе острия.

Озноб тряс меня, с остервенением вцепившись в плечи ледяными лапами и заставляя каждый волосок, от головы до самых интимных мест, топорщиться подобно стальной проволоке.
Кому весело — смейтесь!
Гады…
Нечто подобное случилось со мной лишь однажды — под Старой Хаффой, на раскопках, когда я подхватил лунную лихорадку и чуть не сошел с ума от приступов и горького хинина в промежутках. Сейчас же о хинине можно было только мечтать, и озноб хихикал от радости, похотливо шаря под одеждой и дыша в лицо гнилостным сквознячком.
В зале мне лучше не стало.
Как вспомню мертвую статику деревьев вокруг мектеба, торчащий из зажигалки огонь-фаллос, мясной срез голени хаким-эмира — так сразу блевать хочется и дрожь бежит по телу наперегонки с мурашками. А Улиткины Рожки все разливается соловьем у кафедры — «Иблисова дюжина», концентраторы, попытка обратного воздействия…
Господи!
Неспящий Красавец!
Транквилизатор имеет место пребывать в норме…
И даже озноб попятился от меня, как от опасного для общества безумца, когда я встал, — видимо, лицо мое соответствовало моменту; отчего-то пришел из туманной дымки, окутывавшей мектеб моего сознания, искаженный яростью лик Беловолосого — каким он был в первом сне и каким был во сне втором, когда в могучих руках пела зимняя вьюга по имени Гвениль.
— Валих Али-бей?!
Слова давались с трудом, язык ворочался во рту словно заживо погребенный, который, очнувшись, пытается повернуться в гробу, пытается и не может, а доски давят сверху и с боков, и земля осыпается в щели, падая на открывшиеся глаза…
Как ни странно, он меня понял.

— Да, — кивнул надим Исфизар. — Это был один из первых реальных экспериментов. Концентратор последней недели Дея, месяца Творца, и первых полутора недель Бахмана,
[76]
месяца Доброй мысли.

— И вы держали двенадцатилетнего мальчишку на наркотиках, чтобы оценить его влияние на субъективное время?! Мы же все тогда чуть челюсти от зевоты не вывернули!
— Во-первых, глубокоуважаемый хаким Рашид, мы держали Валиха не на наркотиках, а на совершенно безобидном для его здоровья снотворном. Во-вторых, мы и сами не ожидали такого прямолинейного влияния на окружающих — первичные симптомы сонливости наблюдались даже в Верхнем Вэе, если сместиться на северо-восток, и на окраинах Софт-Лоула, если сместиться на северо-запад. Но повторяю — полная безопасность как для самого концентратора, так и…
— Безопасность?! Полная безопасность?! Сошедшие под откос поезда, разбившиеся самолеты, наезды на дорогах — это, по-вашему, полная безопасность?! Мы же люди, а не морские свинки! Люди! Вот он, шестиклассник Валих, сын погибшего канаранга Тургуна, — человек, мальчишка, а не этот… концентратор!

— Хаким Рашид, бросьте передергивать! В отличие от вас, я владею информацией! Количество аварий за период эксперимента не превысило стандартной нормы, а здоровье самого концентратора, согласно проведенному обследованию…
— «Спи, сынок», — непонятно бормочет за моей спиной новенький гулям, и в дребезжании его голоса кроется нечто, заставляющее меня передернуться, будто незримый шутник проводит рашпилем по спине. — Ах, суки… сукины внуки…
Но мне не до странных изречений гуляма, потому что между рядами к проходу идет хайль-баши Фаршедвард.
Это удивительное и страшное зрелище: молчаливая громадина движется вразвалочку, и узкое пространство между рядами расширяется просто на глазах — блоки кресел, скрежеща металлическими накладками, гнилыми зубами вырываются из пазов в полу, сидящие впереди или позади хайль-баши люди испуганно вскакивают и буквально брызжут прочь, словно они и впрямь не люди, а водяной пар из прорвавшей трубы… среди грохота, лязга и возмущенных криков Али-бей горой выдвигается в проход и так же, неторопливо и страшно, направляется к возвышению, где у кафедры замер истуканом надим Исфизар.
— Дядя! — истерически кричит Валих.
Дядя идет дальше.
Усмар-гулям с разбегу повисает у Фаршедварда на плечах, к Усмару присоединяется Махмуд, оба они остервенело мотаются тряпками, как вцепившиеся в бегемота шакалы; у Махмуда срывается рука, и он кубарем летит в груду перевернутых кресел, где принимается шумно ворочаться, проклиная всех мушерифов, начиная непосредственно с Творца. «Господин Али-бей! — колоколом звенит Неистовая Зейри, разбрызгивая металл своих закаленных связок. — Господин Али-бей, опомнитесь!..»
Конечно же, сейчас хайль-баши придушит Улиткины Рожки, что для него не труднее, чем свернуть шею цыпленку, а потом скорее всего возьмется за саму госпожу Коушут!
Интересно: это хорошо или плохо?
Только сейчас я замечаю, что непроизвольно дергаюсь, будто это в меня вцепились гулямы, а я все иду, двигаюсь, неотвратимо и спокойно…
Сумевший частично высвободиться Махмуд хватает Али-бея за ноги и волочится следом за ним по полу, уже не ругаясь, а только клокоча глоткой; новенький гулям присоединяется к чудом держащемуся Усмару — что, впрочем, ни на йоту не замедляет продвижения хайль-баши к кафедре; я недоумеваю: почему медлит гулям-эмир?!
Почему?! И двойной хриплый хохот бьет мне в затылок подобно молоту — это корчится в пароксизмах веселья старая ведьма в инвалидном кресле, и вторит ей пахлаван-телохранитель Большого Равиля…
У самого возвышения хайль-баши Фаршедвард останавливается и встряхивается мокрым псом.
Повисшие на нем гулямы с воплями летят в разные стороны.
— Я тебе, сволочь, яйца оторву, — говорит белому как простыня Исфизару мушериф Али-бей, и я соображаю, что раньше никогда не слышал от Валихова дяди грубого слова. — Когда мы выберемся отсюда, я тебе оторву яйца. Сперва — левое, потом — правое. И ты, мразь, станешь прежним. Понял?
Али-бей говорит «когда», «когда мы выберемся отсюда», а не «если»; озноб пугается гулкого рыка мушерифа — и отпускает меня, прячась в угол.
— Ты понял? — тихо переспрашивает хайль-баши.
— Понял, — отвечает покладистый надим. И по его глазам видно, что он действительно понял.
* * *
Когда последствия переполоха, учиненного господином Али-беем, были ликвидированы, а страдающие гулямы устали кряхтеть и потирать ушибленные части тел, Улиткины Рожки прекратил тискать кафедру, что далось ему с трудом, и робко предложил продолжить заседание.
Предложение было принято единогласно — в смысле, что прозвучал всего один голос.
— Валяй, дегенерат, — бросил Большой Равиль.
— Итак, господа, — в горле Исфизара билась пойманная бабочка, и звук получался трепещущим, срывающимся, как если бы Улиткины Рожки был астматиком, — я рассказал вам все, что знаю сам. Вы можете теперь отрывать мне яйца или не отрывать, отложив эту приятную процедуру на потом, — только, ради всего святого, не спрашивайте меня о финансировании мектеба или о правительственных структурах, находящихся в курсе эксперимента. За внешние контакты отвечал непосредственно хаким-эмир, а он, увы, ничего вам сейчас ответить не сможет. И я — не смогу.

— Вы забыли про… девочку, — вежливо напоминает Кадаль. — Она что, тоже концентратор?
— Слабо сказано. Правнучка досточтимой Бобовай — концентратор уникальной, предельной на данной стадии силы. Господа, вы забыли, наверное, но, если бы время шло обычным порядком, мы бы с вами сегодня ночью праздновали Ноуруз, Новый год! Весеннее равноденствие, господа! Пять тысяч девятьсот девяносто восьмой год от сотворения мира! И осмелюсь заметить: именно эта девочка, которая сейчас сверкает на меня глазищами из-за лезвия ржавой сабли («Меча», — машинально поправляю я, но надим меня не слышит), именно она и является концентратором надвигающегося года! Всего года, господа! В некотором смысле она и есть субъективный Новый год — правда, мы больше привыкли представлять его в виде улыбающегося мальчишки, а не хмурой вооруженной девочки… — Исфизар разводит руками и подводит итог: — Теперь вы понимаете, господа, как нам было важно заполучить в мектеб правнучку досточтимой Бобовай?
Мы понимаем.
Вспоминая обстоятельства, туманной пеленой окружившие нас со всех сторон, мы понимаем.
Здравствуй, здравствуй, Ноуруз…
— И что же ты предлагаешь? — Это снова Равиль.
Глаза надима Исфизара на миг становятся стеклянными, и Улиткины Рожки произносит всего три слова.
— Убить подлую тварь, — отчеканивает надим.
Тишина.
Тишина бродит по залу, ласково поглаживая нас по затылкам, и от этого прикосновения волосы становятся дыбом, словно тишина приходится ознобу родной сестрой или и того хуже — матерью.
— Во время беспамятства, — извиняющимся тоном добавляет надим, — мне было видение. Не знаю, как вам, а мне — было. Вдаваться в детали ни к чему, но меня совершенно однозначно подталкивали к такому решению. Иными словами, создавали необходимую психологическую установку — ненависть к девочке, ненависть животную, физиологическую, которая просто обязана в определенный момент сдетонировать. Полагаю, я не единственный, кого посетили соответствующие видения?
Я смотрю в пол.
Корявая паркетина, покрытая лаком; два сучка напоминают… что?
Нет, он не единственный.

> …Паленые ремни лопнули от чудовищного рывка, а белая грива волос разметалась бураном через всю кибитку, из угла до колоды.
>
> И двуручный меч завыл зимней пургой, оказавшись в обгоревших до кости руках.
>
> «Тварь, — полыхнуло белым вдоль искалеченного клинка, — тварь, змея… Сколопендра…»

«Нет, он не единственный», — подтверждает беспристрастная тишина.
— Итак?
Тишина.
— Итак, господа? Ну же, не стесняйтесь! Мне, например, кажется, что нас заперли здесь с одной-единственной целью и иного способа получить свободу у нас нет. Разве что посетовать на мироздание и сдохнуть от жары или голода…
— Дядя, я есть хочу, — тоненько сообщает Валих, шмыгая носом.
— И я, — эхом отзывается дочка бородача, которой вторят близняшки бар-Ханани. «И я», — молчу я.
Хайль-баши сопит, затем треплет племянника по затылку и поднимается.
К счастью, на этот раз спокойно, не выворачивая кресел с корнем.
— Кто-нибудь в курсе, — спрашивает Фаршедвард Али-бей, — есть ли на кухне мектеба какие-либо продукты?
— Я в курсе.
Бездействовавший до сих пор гулям-эмир встает, и взгляды присутствующих сосредоточиваются на подтянутой фигуре господина Ташварда.

— Я в курсе, господа. Практически никаких. Сегодня утром, пока вы… прогуливались внизу, я проверил запасы. Каникулы, однако… несколько банок консервов, три литровые бутылки с лимонадом, хлеб в количестве шести буханок… пачка шоколадного масла… Вы любите шоколадное масло, господа?.. Я — нет. Две потрошеные трески в отключившемся холодильнике успели протухнуть, и я закопал их в парке. Если хотите, могу указать место — там неглубоко, можно откопать. Да, чуть не забыл — фляга дешевого коньяка. Видимо, кого-то из поваров.
Гулям-эмир разводит руками и вежливо улыбается.
Пожалуй, он прав: в нашем положении развести руками — самое верное.
И, словно подчиняясь жесту Ташварда, на зал обрушивается темнота.
Сумерки — утренние? вечерние? — за окнами разом сменяются ночью, которая вспомнила о недавнем диктате и решила вернуться на трон. Ночь потопом растекается снаружи, мы оторопело переглядываемся — свет полной луны, заглядывающей в форточку, и отблеск звезд позволяют переглядываться, но толку от этого мало.
Время сошло с ума.
Очередь за нами.
Очередь за нами, думаю я, вставая и присоединяясь к Лейле в качестве проводника по темному мектебу, — Али-бей безапелляционно заявляет, что в первую очередь надо покормить детей, Лейла берет эту миссию на себя, и я нужен, чтобы довести вереницу учащихся до кухни.
Очередь, думаю я, идя по коридору.
За нами.

Глава четырнадцатая
Хабиб

В клеточку плаха,
В елочку дыба.
Сдохнуть бы от страха!
— Видно, не судьба.

Звезды, судьба, время… И непроходимая стена, туманность «Звездного часа», отделившая их от застывшего между двумя мгновениями внешнего мира. А всего-то и надо, чтобы вырваться из душной банки, разбежавшись освобожденными тараканами, — убить одну маленькую девочку! Поверить уважаемому надиму и убить подлую тварь! Кому какое дело, действительно ли тварь и действительно ли подлая, если виновный найден и все объяснено сведущими людьми: субъективное время, «Иблисова дюжина», концентраторы… мене, текел, фарес! Взвешено, подсчитано, измерено! Височная впадина лопается под напором — и содержимое твоего черепа, венец сотен веков эволюции… Как там кричал друг Рашидик? «Давить, давить таких во младенчестве!..» И тюрьма исчезнет, и снова будет солнце, оживет стоп-кадр за оградой мектеба, врачи кинутся спасать пострадавшего хаким-эмира…
Просто мир обеднеет на одну маленькую девочку с дурным характером — невелика потеря!
Опять же, выходит, всем (кроме него, доктора Кадаля) было… знамение? Сон, кошмар, видение: у каждого свое, но в каждом надо было просто-напросто убить девчонку — эту самую, — и все отлично. Все будет хорошо. У всех — сны; во всех снах надо убить одну и ту же тварь… Вспыхивает, дождавшись звездного часа, порох внутри аккуратного цилиндрика гильзы, и неумолимая свинцовая оса в оболочке из нержавеющей стали начинает короткое плавное скольжение по нарезам ствола…
Навязчивый, повторяющийся кошмар! Вот оно! Это уже было, только в том кошмаре человек всякий раз убивал себя, а здесь… Связь! Должна быть связь! Просто не может не быть! Большой Равиль не верит в совпадения. И он, Кадаль Хануман, не верит!
Или безумие ит-Сафеда все-таки добралось до него?
Но — до него ли одного?..

Голова пухла от мыслей, рядом о чем-то вещала администраторша, но голос женщины долетал до Кадаля словно сквозь толстый слой ваты, а потом доктор понял, что уже не сидит на месте, а бочком пробирается к двери. И причина тому была самая банальная, крывшаяся отнюдь не в распухшей от сумбурных мыслей голове, а в раздувшемся мочевом пузыре.
Психика, господа мои, психикой, а физиология — физиологией.
Увы.
Бродить в поисках туалета по темным коридорам мектеба отнюдь не тянуло, спрашивать кого-нибудь из местных о географии сортиров казалось неприличным, и Кадаль поспешил во двор. Двор всегда двор и всегда даст утешение страждущему. Наружная дверь оказалась приоткрыта, и через сумрачный холл протянулась полоса лунного света. Порывом ветра дверь вдруг распахнуло настежь, и в проеме нетопырями мелькнула дюжина сухих листьев.
Иблисова дюжина.
Лотерея Тринадцати Домов.
Осень в начале весны.
…Снаружи была ночь. Опять ночь. Который же сейчас час? Впрочем, есть ли смысл в суетном трепыхании, желании во что бы то ни стало определиться и назвать время по имени — половина первого, четверть второго, без двадцати три… какое это имеет значение?! Само понятие времени потеряло смысл, стрелки и люди бестолково мечутся по циферблату, не зная, что скоро для всего останется лишь одна мера — количество глотков духоты, которое определила им судьба до мгновения, когда…
Что-то тускло блеснуло справа от аллеи. Уже начавший расстегивать штаны, доктор Кадаль замер, вглядываясь в переплетение изогнутых теней и лунных бликов. Угловатый силуэт, перечеркнутый полоской стали. Девочка с мечом. Это тоже уже было! Вот сейчас она вставит длинное лезвие между почти сросшимися кизиловыми стволами, наляжет на древний двуручник всем телом…
Остановить? Позвать Рашида? Все-таки музейный экспонат, реликвия прошлого… Ну и демон У с ними всеми, и с прошлым, и с экспонатом! Пусть ломает! А потом кто-нибудь из нас свернет шею ей. Зажав между кизилом и кизилом. Проклятая «молния» окончательно застряла, Кадаль принялся злобно дергать язычок, рискуя остаться с незастегивающимися брюками. Прошлое, настоящее… сволочи! Девочка протиснула клинок между стволами, примерилась, налегла всем телом — и почти одновременно из кустов по левую руку выскользнула еще одна тень. Тень двигалась совершенно бесшумно, словно бы даже не касаясь выложенной брекчией аллеи. Поравнявшись с занятой своим делом и явно не замечающей ничего девчонкой, человек-тень вдруг резко выбросил руку в сторону маленькой фигурки — и в следующее мгновение лунный свет выбелил его лицо.
У Кадаля была превосходная память на лица. Профессиональная. Поэтому даже в призрачном свете неправдоподобно огромной и яркой луны он узнал господина Ташварда, начальника охраны мектеба. В руке гулям-эмир сжимал пистолет.
Височная впадина лопается под напором… Вот и все.
Конец злоключениям?
Пистолет сухо щелкнул, но выстрела не последовало.
Доктор даже не успел заметить, в какой момент гулям-эмир передернул затвор, звякнул, покатившись по брекчии, давший осечку патрон, и господин Ташвард вторично нажал на спуск.
Снова — издевательский щелчок.
У доктора на мгновение возникло ощущение, что и это — было.
Гулям-эмир со злобой отшвырнул пистолет — но не в девчонку, как должно было быть (почему — должно?!), а через плечо, назад; и оружие с хищным лязгом шлепнулось почти у самых ног доктора Кадаля.
А сам господин Ташвард шагнул к девочке.
И на середине этого неуловимо короткого шага девочка обернулась, оставив меч торчать между стволами. Тяжелая шаль соскользнула наземь, подбитой птицей распластавшись у худых ног, и оба мужчины увидели широкую кожаную перевязь, крест-накрест охватывавшую щуплое тельце; из пазов перевязи двумя рядами торчали рукояти из белой кости, — и поэтому казалось, что туловище девочки скалится в нечеловеческой усмешке.
Рукоятки метательных ножей.
Это понял даже доктор.

Память мигом изогнулась в издевательском поклоне: наполненный страхом и смертью автобус, сползающий на колени Рашидика террорист с торчащими из лица белыми клыками рукоятей…
И кутающаяся в пыльную шаль угловатая девчонка-подросток у дверей, терпеливо ждущая, пока заложники обезумевшей толпой покинут салон. Тогда он просто не обратил на нее внимания…
Господин Ташвард остановился, словно налетев на выросшую перед ним стену, при этом ужасно напомнив «скарабея» с экрана наружной видеокамеры; и на лице его медленно проступила глупая извиняющаяся улыбка. Лицо было плохо приспособлено для таких улыбок — высокие скулы, морщины, жесткие складки у рта, — но вытерпело, как служебная собака, сносящая ласку чужого по приказу хозяина. Гулям-эмир неторопливо развел в стороны руки, как бы демонстрируя, что в них ничего нет, и попятился, не отрывая взгляда от девочки.
Она стояла, расслабленно свесив руки вдоль тела, и молча смотрела на пятящегося мужчину. Тени ласкали ее бархатными кистями, доктор Кадаль не видел ее глаз, а если бы видел…
Он бы, наверное, тоже попятился, как господин Ташвард.
Или побежал.
Девочка стояла и смотрела, начальник охраны пятился, все это тянулось и тянулось, как замедленные кадры в сюрреалистическом фильме; и Кадаль не выдержал, хотя и понимал, что это глупо — и опасно.
— Господин гулям-эмир, что здесь происходит?
Начальник охраны все так же медленно повернулся в его сторону, стараясь при этом не выпускать девочку из поля зрения.
У господина Ташварда удивительное зрение, мельком отметил Кадаль, оно воистину стереоскопическое!
— Да ничего особенного, доктор. — Голос гулям-эмира звучал слишком естественно, чтобы быть таким на самом деле. — Не извольте беспокоиться. Девочка снова пыталась сломать меч — а вы ведь знаете, какую историческую ценность он представляет?! Опять же господин аль-Шинби возмущался — помните? Вот я и решил, что надо бы…
Господин Ташвард наконец повернулся к девочке спиной и уже двигался по аллее к доктору Кадалю. Начальник охраны улыбался, и его улыбка, пожалуй, могла бы обмануть многих, — но не доктора психологии Кадаля Ханумана. Даже если бы доктор и не был свидетелем предшествующей сцены.
Не сводя взгляда с приближающегося гулям-эмира, доктор Кадаль быстро наклонился и поднял лежавший у его ног пистолет.
— Стойте! — Голос дрогнул, пистолет заплясал в руке, и доктор торопливо поддержал правую руку левой. — Стойте, где стоите!
Господин Ташвард замедлил шаги, но не остановился.
— Вы это серьезно, доктор?
Улыбка на лице гулям-эмира стала шире, расползаясь подобно гангрене, и правая рука господина Ташварда сделала какое-то удивительное, но, несомненно, дружелюбное движение. Нет, самого движения Кадаль не увидел; просто он машинально улыбнулся в ответ обаятельнейшему в мире человеку и отчетливо понял, что сейчас умрет. Не успев даже нажать на спусковой крючок.
Вспышка перед самыми глазами, сталь звякает о сталь и… больше ничего не происходит.
«Нож. — Доктор чувствовал, как по спине ползут липкие струйки пота. — У него был еще нож. Но почему он не попал в меня?»
Кадаль нашел в себе силы взглянуть в лицо начальнику охраны и понял, что тот удивлен не меньше его самого.
— Маленькая бестия… — с ненавистью, к которой примешивалось уважение, процедил сквозь зубы гулям-эмир. И секундой позже до Кадаля дошло: нож странной девочки успел раньше, ловчим соколом сбив в полете смертоносную птицу, выпущенную на волю милейшим господином Ташвардом!
Доктор никогда не предполагал, что такое возможно!
Начальник охраны, видимо, тоже.
«Убить меня ножом, свалить на девочку — и уже без помех избавиться от нее!» — промелькнуло в мозгу Кадаля за доли секунды, и руки сразу задрожали еще сильнее. В любом случае гулям-эмиру не нужны свидетели.
Он чудом избежал смерти, но до занавеса еще было далеко.
Господин Ташвард сделал шаг к доктору. Сегодня у гулям-эмира наступила ночь шагов: быстрых и вкрадчивых, размашистых и коротеньких… всяких. Это был крайне

осторожный, небольшой шажок, даже и не шажок вовсе, а безобидная попытка ногой попробовать дорогу перед собой.
— Не подходите! Я выстрелю! — взвизгнул Кадаль. Нервы доктора были на пределе. Незнакомый знобящий холодок быстро распространялся по руке, сжимавшей пистолет, подбираясь к груди.
— Так прямо и выстрелите? — На губах гулям-эмира снова проступила улыбка. — В безоружного человека? Чтобы увидеть, как его мозг, венец сотен веков эволюции, склизкими ошметками выплескивается…
Ощущение холода резко усилилось, рванулось вверх — и доктор Кадаль успел увидеть, как скачком приблизилось и поплыло, растекаясь по незримой плоскости, лицо господина Ташварда, рассеченное пополам узкой черточкой пистолетной мушки.
И пьяный ретушер зачертил кисточкой: крест-накрест, крест-накрест…
* * *
Он летел по стальному тоннелю, плавно следуя изгибающимся нарезам, и мощная волна тепла мягко давила в спину… нет, не в спину — потому что сейчас у него не было спины; зато волна действительно была, а там, впереди, сиял свет, к которому он стремился, зная, что скоро, очень скоро достигнет его, окажется снаружи — и вот тогда жизнь станет иной, превращаясь в жизнь вместо прежнего жалкого существования…
Вспышка!
Слепящая фотовспышка — и на мгновение лицо, оказавшееся перед ним, застывает, впечатанное в ткань бытия, в ткань его памяти вселенским фотографом; неведомый мастер хитро и довольно щурится, а в следующий миг все снова приходит в движение, но он уже там — внутри.
Скользкие хвосты чужих мыслей, спешащих укрыться в запутанных лабиринтах иного сознания, но кое-что он все же успевает схватить, сбить влет, словно нож ножом: звон от сталкивающихся в воздухе стальных птиц, растерянность, страх — и еще один страх, ужас на лице маленького человечка с куцей бородкой, в руке которого пляшет…
Вспышка!
Одиночество, безмерное одиночество странника, потерявшегося среди бескрайней пустыни… нет, не так! — совершенно невозможное и безнадежное одиночество муравья, чей муравейник чудовищно далек, и там, в этой невообразимой дали, остались все его братья… нет, не братья — остался он сам, осталось то, чем он был всю жизнь, и лишь исчезающе малая частица его ползет теперь по пустыне, бездумно и бесцельно, потерянная, раздавленная безжалостным каблуком, но все еще пытающаяся ползти…
«Ты не один! — попробовал крикнуть доктор Кадаль. — Я здесь, с тобой!» Песок забил горло, и лишь едва слышный стон раскатился над бескрайней пустыней; но муравей услышал этот стон и потянулся к нему, пытаясь нащупать кричавшего, блеснуло металлическим отливом кроваво-красное тельце, и жадно ищущие усики ткнулись…
Вспышка!
Цифры! Это было очень важно — буквы и цифры! Он попытался их запомнить; он очень старался, огненными знаками выжигая в своем мозгу: 1-7-А-4-С… Жизнь! Нет, не спасение, всего лишь кратковременная отсрочка — она таилась за этими цифрами, которые стерегли ее, стерегли в…
Черная дырка ствола все ближе, но он не выстрелит, нет, он не сможет, и не только потому, что он мямля и трус, но и потому, что пистолет просто не станет стрелять, как не стрелял перед этим, — осталось два шага, всего два, один, второй («Стоять! Не сметь! Не сметь, я говорю!»)… два шага, а потом сбить хилую руку, войти в привычный захват: правая ладонь под подбородок, чуть сбоку, другая — на затылок, рывок, проворот… только тело почему-то становится ватным, ноги подгибаются, ладони не желают следовать вошедшему в плоть и кровь ритму, вязнут в сгустившемся воздухе, что-то не так, и мысли, мысли… но ничего, все равно я…
Вспышка!
Тепло металлических усиков, с благодарностью припадающих к ладони, тепло ребристой рукоятки, тепло наконец обретенного друга (друг? что такое друг?.. неважно…), который поддержит, защитит, спасет от этого невозможного, безумного одиночества, — теперь он снова часть целого, он не одинок, но целое в опасности! Скорее! Он не может потерять его снова! Он… это больно, я не хочу! Но другого выхода нет. Снова боль. Снова уничтожение части себя — но части всегда жертвуют собой во имя целого, так было, и будет всегда, и так будет… сейчас, приятель, чье имя для меня не имеет смысла! Да, сейчас!
* * *
Руки доктора Кадаля, хилые руки, не приспособленные к разрушению, — впрочем, и к созиданию тоже, — разом перестали дрожать. Не понимая, что он делает, доктор

профессиональным движением коротко передернул затвор и без размышлений или колебаний надавил на спуск.
Выстрел расшвырял их в разные стороны, оглушительно и гулко раскатившись по оторопевшему мектебу; зло рассмеялась беспощадная ночь, и медленно приходящий в себя доктор, сидя на ступеньках крыльца, тупо смотрел, как по дорогому костюму человека постепенно растекается черное и словно бы маслянистое пятно.
Человек лежал на колючей брекчии лицом вверх.

Глава пятнадцатая
Азат

И одни из них шли, уходя в темноту,
Свято веря, что ночь, словно сажа, бела,
За черту,
Что чертой не была.

Пистолет в потной ладони, предохранитель снят, ноги сами находят дорогу в кромешной тьме. Поворот, ступеньки, ковровая дорожка, холл, перечеркнутый полосой лунного сияния; в дверном проеме наискось мелькает чья-то фигура.
А в ушах все еще перекатывается горохом назойливое эхо выстрела.
Началось!
Пауки в банке… «черные вдовы»!
Черные…
Луна швыряет в глаза пригоршню блестящего песка.
Больно!
На мгновение Карен зажмуривается, рефлекторно прыгая в сторону, а когда зрение возвращается — сразу, рывком, — он понимает, что опоздал.
Гюрзец лежит на аллее, и по позе отставного инструктора, по молочно-белым отблескам, червями копошащимся в аспидной луже, что выползает из-под обмякшего тела, Карен понимает: Гюрзец жив, но это скорее всего ненадолго.
Слишком уж много пришлось насмотреться в Малом Хакасе… слишком, чтобы ошибиться.
На ступеньках замер коротышка доктор с пистолетом в руке, и доктору в затылок уже почти ткнулся ствол точно такой же «гюрзы-38».
Фирменное оружие не только мушерифов, но и гулямов мектеба «Звездный час».
— Нет! — орет Карен, новобранцем вступая в смертельный хоровод: еще одна «гюрза» ищет в воздухе самый короткий путь для жала, путь к запястью успевшего первым Махмудика, собравшегося мстить доктору за поверженного гулям-эмира.
«Не-ет!» — смеется луна.
В крике и смехе тонет сухой щелчок бойка. Потом щелчки следуют один за другим: запинается оружие Махмудика, не срабатывает пистолет Карена, дает осечку «барс»-автомат возникшего в дверях громилы-телохранителя, который и не думал стрелять в руку — в голову бил, наповал… бил, да не добил, ублюдок!
Еще щелчок — это припоздавший Усмар пытался снять телохранителя. С тем же результатом. Новый удар бойка по капсюлю, хриплые ругательства, лязгают затворы — и в дверях объявляется бородатый Равиль с пятнадцатизарядным «гасаном». Движется бородач удивительным способом — напряженно, спотыкаясь и неестественно выпрямив спину, видимо, потому, что позади ар-Рави тяжело переваливается хайль-баши Фаршедвард, не отнимающий ствола своей пушки от затылка бородача.
Все происходящее дико напоминает сюжет кабирской сказки «Замри или исчезни»: злой бай прилип к волшебному гусю, жрец-мобед — к баю, вероломная красавица — к жрецу…
Разве что клювастые пистолеты все же не до конца напоминают волшебных гусей.
Коротышка доктор изумленно оборачивается и имеет удовольствие лицезреть все это столпотворение. Испуганное недоумение не украшает его лица.
Правда, стриженая бородка без усов, на взгляд Карена, его тоже не украшает.

— Идиоты! — хрипит с аллеи Гюрзец. — Кретины! Оно не стреляет!.. Только у этого… Перевяжите же меня, шайтан вас раздери, кровью ведь истеку!
Карен приходит в себя первым и, пряча бесполезный пистолет, ныряет обратно в холл. Боковым зрением он еще успевает заметить Ниру-Сколопендру, стоящую чуть поодаль на обочине аллеи, — и отставному висак-баши остается только догадываться, что здесь недавно произошло.
Медицинская часть!
Извилистый кишечник коридора: налево, направо, снова налево, наконец матовая застекленная мембрана в конце небольшого «аппендикса».
За дверью — голоса.
— Нет, ты погоди, Руинтанчик, ты послушай… вот ты к примеру, меня уважаешь? А если уважаешь — слушай дальше!
— Исик, я тебя не просто ув-важаю… я т-тебя об-лажаю… в смысле обожаю!.. Т-только давай сначала еще по черпачку — и б-буду слушать в оба… в полтора уха. Чес-сно буду!
— По черпачку? Всего по одному?! Обижаешь…
Резкий запах спирта, захлебывающееся бульканье. За лабораторным столиком вольготно расположился корноухий Руинтан-аракчи в приятном обществе надима Исфизара! Оба лоснящиеся, раскрасневшиеся, преизрядно поддатые. И явно собирающиеся «догоняться» дальше.
Литровой бутыли с медицинским спиртом, стоявшей на столике, должно было вполне хватить, чтобы догнать, догнаться и перегнать — за кем бы ни велась эта погоня. Тем более что в качестве закуски у новоявленных собутыльников имелись лишь несколько тоненьких ломтиков хлеба и одна конфета. Вялая рахат-лукумина в фольге. Коптящий в углу стола огарочек счесть закуской было трудновато.
— А, Карен! — громогласно обрадовался Руинтан, таинственным способом опознавший гостя, сидя к последнему спиной. — Давай к нам, егерь! Мектеб у них — рай, и только! Спирта — навалом! Исик меня уже обещал к ним зачислить, в шестой класс, на полное довольствие!
— В седьмой, — икает расщедрившийся Исик, наскоро черкая в каких-то бумагах. — Гороскоп лично составлю. Ты вот, Каренчик, Скорпион Скорпионом, а Руинтана я Девой сделаю. Или лучше этим… Змееносцем. Спорим, сделаю?!
— Спасибо, мужики. — Бывший егерь, по уши забравшись в настенный шкафчик, споро собирал все необходимое: бинты (обычные и прорезиненные), вату, йод… — Я бы с удовольствием, только тут Гюр… господина гулям-эмира ранили, перевязать надо. Вот перевяжем, и с полным удовольствием! Оставьте мне чарку-другую!
— Кто ранил? — почти трезвым голосом интересуется надим Исфизар, болтыхая остатки спирта в своей пробирке.
— Да доктор Равилев… пальнул сдуру…
— Раз доктор, пусть теперь сам и лечит! — счастливо хихикает Руинтан. — Лекаря хреновы, как мне ухо пришивать, так дудки, а как гулям-эмира пристреливать, так тут как тут! Плюнь, Карен, садись с нами!
Уговоры показались висак-баши чрезвычайно соблазнительными. Стоило большого труда не поддаться и уж тем более не поддать в хорошей компании.
Увы — коридор, направо, налево, ковровая дорожка, холл, крыльцо…
Ранение оказалось тяжелым, но, похоже, не смертельным. Пуля прошла навылет через правый бок гулям-эмира, проделав в его крепком мускулистом теле два аккуратных отверстия. Крови натекло порядочно, но, кажется, ни один из важных органов задет не был.
«Печень ниже, легкие выше, кишечник вроде не зацепило, — мысленно прикидывал Карен, привычно обрабатывая раны антисептиком, накладывая тампоны, бинтуя и успевая отгонять желающих помочь. — Хотя бог его знает, что оно там зацепило, чего не зацепило! Во всяком случае, раз Гюрзец до сих пор не загнулся, шанс выкарабкаться у него есть».
Остальные, включая громилу-телохранителя, стояли и молча смотрели, пытаясь не встречаться друг с другом взглядами. Пистолетов ни у кого видно не было.
Только бородатый Равиль нервно веселился.
— Ай да знахарек, ай да доктор! — похохатывал он, сияя пуще луны. — Тихоня тихоней, а гулям-эмирчика с одного выстрела уложил! Учитесь, ребята! — повернулся бородач к оставшемуся не у дел Махмудику, почему-то обращаясь к последнему во множественном числе. — У меня не то что телохранитель-пахлаван — любой докторишка сто очков вперед вам всем даст! Ну, Кадаль, ну ты даешь, круто ты его!..

Доктор Кадаль, у которого была расстегнута ширинка штанов (стрелял он оттуда, что ли?!), растерянно моргал и пытался поймать хоть чей-нибудь сочувствующий взгляд, но все от него отворачивались.
Заканчивающий перевязку Карен чувствовал это спиной.
Вроде Руинтана.
Потом отверженный обществом доктор заглянул Карену через плечо, увидел землистое лицо господина Ташварда, окровавленные бинты, черную блестящую лужу — и, неразборчиво промямлив, устремился к ближайшим кустам.
«Поплохело герою», — с сочувствием и легкой брезгливостью подумал Карен.
Однако из кустов вскоре раздались отнюдь не рвотные звуки, а интенсивное журчание.
«Интересное дело! Вышел доктор во двор отлить — а тут господин Ташвард: ты что это, мол, зараза?! Мочишься не по уставу на казенном крыльце?! И пришлось доктору господина Ташварда из пистолета застреливать, потому как иначе не дал бы бдительный гулям-эмир справить ему естественную нужду… А что? Сходится!»
Смущенный и все еще растерянный доктор вернулся, вертя в руках пистолет Ташварда. Застегнуть ширинку он забыл.
— Доктор Кадаль, отдайте оружие, — потребовала вдруг молчавшая до сих пор Неистовая Зейри.
— Не отдам! — У мямли доктора прорезался командирский тон. — Я никого не собираюсь… убивать, — последнее слово далось Кадалю с явным трудом, — но и пистолета не отдам! Идите вы все к Иблису!
И Неистовая Зейри поняла — не отдаст. Даже и спорить не стоит, тем более что к доктору демонстративно придвинулись бородатый Равиль и его телохранитель.
Теперь коротышка представлял собой силу. Его слушалось оружие — в отличие от остальных. А вопрос: «Почему?!» — не имел сейчас никакого значения.
На крыльце снова возник Фаршедвард Али-бей, отсутствия которого Карен поначалу не заметил; хайль-баши, словно перышко, нес перед собой инвалидное кресло с сидящей в нем бабушкой Бобовай. Гигант мушериф осторожно сгрузил кресло на плитки аллеи, и старушка, бросив по сторонам цепкий оценивающий взгляд, довольно резво подкатила к стоявшей поодаль Сколопендре — за все это время девочка не сдвинулась с места.
— Отнесите меня в каптерку, — слабо простонал Гюрзец.
Карен махнул рукой Усмару с Махмудом: я, мол, свое дело сделал — перевязал, теперь ваша очередь! А сам как бы невзначай попятился и вскоре оказался рядом с Фаршедвардом и старухой. Здесь же околачивался и юный Валих Али-бей вместе с парочкой близнецов — его одногодков.
Махмуд с Усмаром, оценив диспозицию, молча подняли гулям-эмира и стали отходить к дверям; госпожа Коушут после минутного колебания присоединилась к ним, задержавшись, лишь чтобы подобрать что-то с земли.
Карен сомневался, что это просто камешек на память.
Хаким со своей подругой, на которых никто не обращал внимания, растерянно потоптались на месте и направились к троице Кадаль — Равиль — телохранитель (если не считать дочки ар-Рави, не отходившей от отца и с испугом глядевшей на взрослых).
«Вот и разделились, — подумал Карен. — Карты сданы по-новому, самое время пойти с козырей!»
Гулямы с раненым Гюрзецом и госпожой Коушут исчезли в разинутой черной пасти мектеба. Через пару минут за ними последовала и команда Равиля.
— А мы здесь останемся, — заявила старуха. — На воле и дышится полегче.
«Пока», — мысленно добавил отставной висак-баши.
Безумие подступающего Ноуруза набирало силу. Портовые тросы нервов натянулись до предела у всех и у кого-то они должны были не выдержать.
Скоро.
Очень скоро.

Глава шестнадцатая
Самоубийца

Догорает свеча,

что-то тихо шепча
молчаливой громаде меча.

Кора кизила приятно холодила изъязвленное тело, небо было сумасшедшим, таким же, как и я, оно играло с солнцем в прятки; и смерть вдруг показалась не сияющей избавительницей от тягостной каторги, а страшным призраком в мантии из ржавых колец. Сутки-трое безвременья сделали свое дело.
Какая-то память бродила во мне, тайно, подспудно, как бродит виноградный сок в темнице глиняных стен или как бродят под луной в блаженном ничегонеделании, забыв о грядущем рассвете и о том, что последнее слово еще не сказано и даже не задумано… Ей, памяти-насмешнице, вольготно бродить! Она не лежала, завернутая в потрепанный лоулезский штандарт, не валялась мертвым грузом в кустарнике, называя это свободой… А что же это, если не свобода, после бесконечного прозябания в хрустальном гробу? Свобода копаться в обрывках воспоминаний, укутавшись в прах былого (и шелковые кисти савана трепещут на ветру), свобода ждать возвращения Той, что слушается Братьев, и вместе с ней — самих Братьев, сумевших раствориться, выжить в этом мире, отвергнувшем нас и оставившем нам, Блистающим (помню!.. помню…), лишь тюрьмы и богадельни.
И сейчас: я жду, зажат в раздвоенном кизиле, словно в пыточной рогульке для публичных казней, — было и такое, один из обрывков испещрен страшными письменами… Они казнили нас вместе, на площадях, и последний стон существа из плоти и крови сливался с дребезжащим скрежетом одного из подобных мне. Было! — но не сейчас. Я жду, а она, Та, что слушается Братьев, стоит рядом со своими соплеменниками и молчит. О, она носила меня на руках, и, хотя никогда в жизни женщины, не говоря о детях, не служили моей семье, семье двуручных эспадонов Лоулеза, — я, словно новорожденный, млел от прикосновения ее рук, не равнодушных и холодных пальцев тюремщиков, а настоящих теплых рук, способных закружить меня в танце…
Нет.
Не способных.
Братьям хорошо, они маленькие… И все равно — спасибо.
Кизиловая кора подбрасывает еще один клочок памяти: недавний, совсем недавний, и от свежести этого воспоминания меня обдает ледяным ветром, словно пылающий горн матери-кузницы Нюринги остыл давным-давно.
Он хотел убить ее, ублюдок, сын ублюдка!.. Он протянул к ее голове металлическую тварь, ядовитую гадину, и только Небесным Молотам известно, почему тварь отказалась жалить.
Дважды.
Первыми опасность почувствовали Братья. Он двигался быстро, как подобает опытному бойцу, но Братья все равно заметили бы его раньше, если бы не провожали меня в последний путь по старому обряду. Ритуальное самоубийство с помощью ближайших друзей требует полного сосредоточения, молчание в тысячу раз значительнее слов — и перейти от порога смерти, где мы уже стояли все вместе, обратно к жизни, куда они должны были вернуться без меня, а пришлось возвращаться всем… К счастью, они не опоздали; а я — я ловил на клинок лунный свет, сверкая от ненависти и бессилия, сдиравших с меня ржавчину веков.
О, как бы повернулся я, окажись на месте Братьев, и окажись вдобавок на месте Той, что слушается Их, кто-нибудь из моих прежних спутников, я повернулся бы, насмешливо присвистнув, надвое, по черте кожаного пояса на талии мерзавца, и пока еще он стоит, не зная, что из одного живого стал двумя мертвыми, — наискось, от плеча до паха, одним яростным высверком, молнией, которую не способны запятнать брызги крови, слетающие с лезвия!
Мечты, мечты… утешение сумасшедшего старика.
Ядовитую гадину, отказавшуюся жалить, с омерзением швырнули к крыльцу, и я машинально косился в ее сторону. Таких не было в мое время, даже похожих не было, тогда они выглядели громоздкими и неуклюжими, мы смеялись над ними, похожими на муравьев или древесных палочников — не внешним видом, нет, насекомость Плюющихся крылась скорее в их способе мышления: рой, улей, однозначное распределение ролей, ядовитость, отсутствие даже намека на возможность Беседы… Мы смеялись, забыв, что хорошо смеются оставшиеся.
Остались они. Плюющиеся.

Такие, как тот (та?.. то?!), у крыльца.
Впрочем, Братья успели вовремя. Мерзавец, норовивший убить исподтишка, оказался на редкость понятливым: он стоял, демонстрируя крайнее миролюбие — последнее, что ему оставалось, потому что любой бросок в сторону Той, что слушается Братьев, стал бы последним в его дрянной жизни, которую и жизнью-то назвать совестно. Потом он напоролся на жало собственной твари, выброшенной хозяином и безропотно подчинившейся хозяину новому, а я не стал задумываться: почему тварь отказалась кусать в первом случае и согласилась во втором?
Какая разница?
На то она и тварь…
* * *
Ночь.
Безумная ночь… Моя сестра.
Та, что слушается Братьев, молчит; молчат остальные, лишь изредка обмениваясь короткими, совершенно непонятными для меня репликами. Я приглядываюсь к ним, к Придаткам, которые сами себя называют людьми (помню!.. помню…) я лениво размышляю о том, кто бы из них мог составить мне компанию, если бы я… Пожалуй, вон тот гигант с круглым, как луна, лицом. Тяжеловат, но мощен; год работы — и я бы вытянул из него необходимую скорость, а силы ему и так не занимать. Второй кандидат — вон, между гигантом и калекой в кресле, — тоже подошел бы, но там пришлось бы снимать излишнюю порывистость: ишь, гарцует, словно норовистый рысак, с ноги на ногу, с ноги на ногу, а я — тяжелый, со мной гарцевать не с руки, со мной течь надо, плавно, лишь изредка взрываясь на перекатах фонтаном стальных брызг…
Опомнись!
О чем ты думаешь, старик?!
О чем?.. Об ударе, одном-единственном, который сломает меня пополам, прежде дав снова ощутить себя живым.
Вот о чем.
Второй, рысак, подходит к кизилу и усаживается прямо на землю. Я торчу у него над плечом, острием едва не касаясь уха, — молодец, не боится дернуться и напороться, видать, нечасто дергается, хоть и горяч! Разложив на траве промасленную тряпочку, рысак лезет за пазуху и достает… точно такую же ядовитую гадину, какая отказалась жалить Ту, что слушается Братьев, взамен бросив на гравий собственного владельца.
Я еле сдерживаюсь, чтоб не вздрогнуть: слишком уж близко стриженый затылок.
Рысак кладет гадину на тряпочку и долго смотрит на нее. Потом вновь поднимает и начинает разбирать на части. Быстро и умело. Явно не в первый и не в сто первый раз.
Я наблюдаю.
Мне кажется, что еще миг — и я пойму, чем же мы отличаемся друг от друга. Должно быть главное отличие, не может не быть! Растет на тряпочке горка маслянисто поблескивающих сегментов и чешуек, из желудка высыпается пригоршня одинаковых маленьких жал… твари больше нет. Есть железо, бессмысленное и бесполезное.
Может, суть кроется в том, что у Плюющихся есть тело и нет души?
Я думаю.
Это трудно и болезненно — за века богадельни я отвык думать.
Меня тоже можно… но не так! В лучшем случае: свинтить яблоко рукояти, аккуратно снять накладки, заменить крестовину (последнее неприятно, но если потерпеть…), но при этом я всегда останусь самим собой, прежним, двуручным эспадоном; основа моей личности и стержень моего тела — кованый клинок — не подлежит расчленению!
Может, в этом суть? Может, Плюющиеся не чувствуют боли, никогда, ни при каких обстоятельствах?! Я морщусь в замешательстве, и лунное молоко рябью бежит по мне: что ж это за существа, которым не бывает больно? Которых можно превратить в мертвую груду металла и через миг или через час возродить заново?!
А рысак продолжает разглядывать каждый сегмент тела Плюющегося, после чего ловко приставляет одно к другому, тихо клацает сочленениями — и вот у него в руках прежняя тварь, готовая в любую минуту укусить без размышления.
Или я предвзят?.. Просто не в силах понять, догадаться, сложить сегмент к сегменту…
Возможно.
Только мне поздно меняться.
Кизиловая кора приятно холодит мое изъязвленное тело, и глухая, старческая дремота охватывает старика, которого когда-то звали Гвенилем.
Помню… было…

Глава семнадцатая
«Горный орел»

На сцену, времен — полномочный посол,
выходит секундная стрелка часов.

Проклятый мектеб! Приют для психов! Какой придурок уговорил меня отдать сюда дочку, мою любимую, мою единственную Сунджан, утешение моих очей, усладу отцовского сердца?.. Ну и что, что это была моя идея?! Откуда ж я знал?! Тут и самому с катушек съехать недолго, в такой-то компании! Если, конечно, не передохнем раньше, как тараканы, от жары, голода и большого ума. Натурально, «Звездный час»! Все звезднее и звезднее… и час от часу не легче. Вдобавок сигары кончились. Одна вот осталась. Огрызок, не сигара. И воняет похабно. Девка еще эта шизанутая, надим припадочный… Зря ему хайль-баши яйца тогда не оторвал, еще в зале! Я б на его месте оторвал, побрил у надима на глазах, поджарил в оливковом масле да еще бы съесть заставил!.. Или сам бы лучше съел.
Жрать хочется — сил нет!
Большой Равиль был не просто зол — злиться ему в этой жизни случалось, выпадала такая карта, хотя и нечасто. Однако злость шейха всегда находила выход: кому-то вправляли мозги, кого-то увозили на кладбище, и ар-Рави снова обретал привычное чувство душевного равновесия.
Зар-раза, он даже не мог припомнить ни одного случая из жизни, когда бы у него кончились сигары!
А сейчас шейх «Аламута» был растерян. Колоннами свергаемого храма рушились незыблемые ценности и ориентиры: сила, власть, связи… Рушился привычный мир, где не отводилось места призрачным стенам, безумным астрологам-звездочетам, запредельным видениям, девочкам, на которых держится Мироздание, и потусторонним силам, которые нельзя запугать, подкупить или просто стереть в порошок!
Хотя нет — отводилось, отводилось им, родимым, место, еще как отводилось!..
Психи должны сидеть в дурдоме! А заряженный пистолет обязан стрелять, когда ты нажимаешь на спуск! И жизнью должны заправлять уважаемые люди вроде него, Равиля ар-Рави, ну в крайнем случае вместе с мушерифскими начальниками типа хайль-баши Али-бея (хищники всегда договорятся между собой, а если и погрызутся, так на то они и хищники!) — но уж никак не имеет права вставать на дороге заправил Иблисова дюжина горе-астрологов!
С нашего неба никто звезд не хватает! Вернее, не должен хватать… А еще вернее — не хватал.
Раньше.
«Вот и доуправлялись, господа хищнички! — горько усмехнулся шейх в бороду. — Доумничались, прозевали, прохлопали ушами! Поди теперь найди общий язык с пеленой тумана и взбесившимися часами — извините, уважаемые, сколько динаров хотите за услуги? Ах, вы динарами не берете, вам иное подавай… Что? Души оптом и в розницу, человеческие жертвы на разлив, вшивую подачку милосердия или другой какой хреноменечки?
Чего изволите?»
Впрочем, умный человек должен находить выход из любой ситуации. Даже из такой бредовой, как эта, где сверху метровыми буквами сияет надпись: «Выхода нет».
Кому нет, а кому и сыщется в углу неприметная дверца, затянутая паутиной…
Большой Равиль считал себя умным человеком — и с определенной точки зрения он был прав.
Правила игры изменились? Козырь бьется безмастной шушерой, выпавшая на грани костей-кубиков шестерка стоит в шесть раз меньше единицы, и горошина скрывается одновременно под всеми тремя наперстками? Засучим рукава, господа мои, сыграем по новым правилам! Одни люди усиленно спасают мир, другие только и делают, что

зарабатывают деньги, — но и те и другие не правы! Почему бы и не облагодетельствовать Человечество, если за это хорошо заплатят?!
Ладно. Что мы имеем с павлина? А имеем мы тот нелицеприятный факт, что павлиний хвост разделился на три примерно равноценных куска: гулямы с администраторшей (раненый гулям-эмир не в счет!), еще один гулям-отступник, хайль-баши и странная девчонка (бабка, аракчи и малышня не в счет!) — и он сам, шейх «Аламута», с верным Альборзом, знахарьком и любвеобильной парочкой хаким — Лейла (плюс дочка, Сунджан, сокровище семьи!). В случае конфликта парочку можно смело сбрасывать со счетов, — зато доктор…
Уж от кого, от кого, а от Кадаля не ожидал! Чтобы курица, несущая золотые яйца, закогтила матерого коршуна, да еще один на один, без подручных?! И тем не менее результат налицо: у знахарька пистолеты стреляют, чего не скажешь про остальных! И при этом знахарек на его, Равиля, стороне! Так что доктор теперь сам — оружие. Не самое лучшее, бывает, что и сбоит, но у других-то и такого нет!
Это, вне сомнений, отрадно.
Как отсюда выбраться — вопрос, конечно, еще тот, не вопрос, а кол в бок, и к нему мы еще вернемся. Грохнуть девчонку, как предлагал этот припадочный надим? Бред! Хотя покажите мне, что здесь не бред? Ладно, если надо будет, грохнем. Пока еще не загибаемся, можно и поковыряться в поисках дверцы за паутиной. Вон двое яйцеголовых в команде — пусть думают!
Убивать кого-либо без крайней необходимости Равиль, надо отдать ему должное, не любил. Тем паче ровесницу собственной дочери, пусть даже и без султана в голове. Шейх был достаточно жесток, чтобы стать тем, кем стал, и продержаться в этом качестве до сегодняшнего дня, но искренне считал, что жестокость должна быть целесообразной.
Или хотя бы рентабельной. Вон шейх Дхритараштра из Хаффской Семьи — собственные родичи отравили беднягу, не дожидаясь, пока бедняга сам накормит их порцией редкой отравы из большого желания полюбоваться предсмертными корчами и поразмышлять над эстетикой смерти.
Нет, приглашать лишнюю смерть в злополучный мектеб мы без особой нужды не станем.
А вот выяснить у знахарька, как он управляется со стволом, когда у всех остальных пушки только и делают, что дают осечки, — это можно прямо сейчас, не откладывая в долгий сундук!
* * *
Больше получаса они с Альборзом подробно инструктировали Кадаля, как ставить пистолет на предохранитель и снова приводить в боевую готовность, как перезаряжать, целиться, плавно нажимать на спуск, затаив дыхание… При этом Альборз-пахлаван косился на доктора с нескрываемой ревностью: неужели ему, верному псу Альборзу, хозяин дает отставку, а место пахлавана займет сморчок-неумеха, годный лишь на ковыряние в чужих задницах с мозгами?! Однако слово шейха — закон, и Альборз скрепя сердце честно старался обучить новичка всему, что было возможно за столь короткий срок, а под финал «краткого курса молодого орла» даже расщедрился — не дожидаясь команды, выделил доктору дюжину патронов из своих запасов (благо патроны для «барса» и «гюрзы» шли одни и те же).
Кадаль слушал вроде бы внимательно, в меру коряво воспроизводил показанное, кивал в надлежащих местах, и в конце концов «учителя» махнули рукой: для первого раза достаточно, а превратить знахарька в профессионала-пахлавана за пару часов (или даже дней!) все равно не удастся.
Тем не менее от Равиля не ускользнуло, что, механически повторяя движения Альборза, Кадаль явно думает о своем.
— О чем задумался, доктор? — поинтересовался шейх с напускным весельем. — Небось когда в гулям-эмира стрелял, думать некогда было!
— Да как сказать… — Доктор рассеянно вертел в руках поставленное на предохранитель оружие. — Кажется, я начинаю понимать…
— Почему у тебя получилось, а у других нет? — чуть подался вперед ар-Рави, безуспешно пытаясь скрыть крайнюю заинтересованность.
— И это тоже. — Доктор смотрел мимо своего атабека, разговаривая словно бы сам с собой. — Хотя причина гораздо важнее следствия, а вам всем на причины, мягко выражаясь…
— Так в чем же причина? Давай, знахарек, делись с друзьями! Скрытность не украшает мужчину!

— Равиль, кончай трепаться и ответь мне положа руку на сердце: тебя больше интересует способ выбраться из западни или устройство самой западни?
— Ну…
— Дирхемы гну! Пальцами! — Никогда раньше Кадаль не разговаривал с Большим Равилем в подобном тоне. — А если я тебе скажу, что устройство западни во сто крат важнее способа ее покинуть — более того, они связаны между собой теснейшим образом!
— Я весь внимание! Альборз, прекрати пыхтеть — не видишь, доктор думает!
Сейчас Большой Равиль готов был с тщанием выслушать любой бред, рыться в любой куче любого дерьма, если только из дурно пахнущей кучи можно будет извлечь рациональное зерно — как снова заставить оружие стрелять! Обстановка в мектебе накалялась со скоростью экспресса, страсти сгущались быстрее, чем духота в воздухе, и подобное знание было жизненно важным.
Даже Альборз-пахлаван прекратил пыхтеть лишь наполовину в связи с приказом хозяина — вторая половина была вызвана усиленной мозговой деятельностью телохранителя.
Аж уши вспотели.
— Помнишь, атабек, я в «Розарии» рассказывал тебе о безумии Узиэля ит-Сафеда? О том, что он — не человек? А ты мне еще заявил: «Тоже мне: здоровый знахарь Кадаль и больной господин ит-Сафед…» Помнишь?!
Ар-Рави молча кивнул.
— Так вот, ты был прав, а я заблуждался! Это не ит-Сафед. Он совершенно ни при чем, и теперь я с уверенностью заявляю: глава совета «Масуда» — такой же человек, как и прочие. Дело не в Узиэле, а в корпорации «Масуд». Даже не в самой корпорации, а в оружии, которое она производит. Когда у меня произошел контакт с изображением ит-Сафеда на экране, я ощутил множественную шизофрению, по ряду симптомов не свойственную людям… Равиль, это действительно была нечеловеческая психика! Психика оружия! Я забыл, что на изображении в руках у Узиэля находился револьвер! Еще одно действующее лицо! Ты успеваешь следить за ходом моих мыслей?
Альборз-пахлаван украдкой покосился на хозяина и многозначительно покрутил пальцем у виска. Дескать, я, пахлаван из пахлаванов, вполне успеваю следить за ходом и так далее; и вот что я думаю по поводу вышеизложенного.
Жест телохранителя, однако, не ускользнул от Кадаля.
— В чем-то ты тоже прав, Альборз. Полагая, что имеешь в виду меня, на самом деле ты имел в виду суть происходящего. К сожалению, для тебя слово «имел» соотносится с узконаправленным действием, во время которого ты пыхтишь примерно так же, как сейчас. Но я все-таки надеюсь достучаться до ваших окаменевших мозгов и вышибить из них искру понимания: из тебя, Равиль, и из тебя, Рашид, Рашидик, друг детства, прикорнувший в углу и тщетно пытающийся забыться.
Из угла неопределенно хмыкнули — понять, что этим хотел сказать друг детства Рашидик, было решительно невозможно.
— Это муравейник, друзья мои. Гигантский муравейник, созданный нами, поселившимися в нем по собственной воле. Оружие, сходящее с конвейеров «Масуда», — это рабочие муравьи, муравьи-солдаты… а королева-матка — сам производственный комплекс. Единственная функция матки: размножение. По отдельности каждый пистолет или автомат — лишь безмозглый муравей с предельной специализацией поведения, клетка в огромном стальном организме… Равиль, помнишь, я говорил тебе об этом — миллионы микропсихик! Но вместе они составляют единый сверхорганизм, который обладает чем-то отдаленно напоминающим разум. Каждый пистолет, каждая винтовка — это часть Целого. И Целое неистово, всепоглощающе хочет умереть! Покончить с собой. Суицид как цель существования. Им пора вымереть, подобно тупиковой ветви эволюции… да, назовем это условно эволюцией! — им пора уйти в небытие, но сами они пока не могут, а мы не только не помогаем, но и мешаем изо всех сил! Тем паче что их централизованный уход, типа миграции леммингов, может привести к гибели все Человечество! Представляете последствия спонтанной самоликвидации армейского склада с боеприпасами для жителей ближайшего поселка?!
Кадаль замолчал и уставился в пол. Некоторое время по комнате бродила тишина, колебля пламя горящего на столе огарка свечи, бросая блики на лица собравшихся, играя краем занавески…
Тишине было страшно.
Их Превосходительство Страх снисходительно похлопывал тишину по плечу и вновь скрещивал на груди когтистые лапы.

— Доказательства, Кадаль? — наконец хрипло выдохнул из угла Рашид, однозначно демонстрируя свое бодрствование.
Рядом с хакимом тихо, почти беззвучно плакали на два голоса Лейла и Сунджан.
— Сколько угодно, Рашидик. Эпидемия самоубийств с применением огнестрельного оружия — слышал?
— Слышал. И ты сам понимаешь, что это слабый аргумент в пользу совершенно бредовой теории. С тем же успехом я могу предположить вмешательство зеленых психоников, прилетевших на гравичайнике с этой… Альфы Змееносца!
— На здоровье. Передавай зеленым привет. И не забудь добавить, что почти всегда при акте суицида оружие взрывалось! Иногда потому, что самоубийца забивал ствол песком — зачем, кстати?! — а иногда и без всяких видимых причин.
— У меня двое корешей погибли, — неожиданно поддержал Кадаля телохранитель. — У них пушки прямо в руках взорвались, непонятно с чего. Песком забили? Им проще было бы в глаза себе песка насыпать! А еще тот гад, с «бастардом», в «Розарии»…
— По моим сведениям, из-за этой пакости и перемирие с хакасцами заключили, — буркнул Равиль, ковыряясь в бороде. — Оружие взрываться начало. И у тех и у других. Вплоть до полевых орудий. Пару раз вроде даже танки сами заводились, без экипажа — и прямой наводкой…
— Спасибо, господа. — Кадаль с суеверным ужасом посмотрел на пистолет, который все еще держал в руках, и спрятал оружие в карман. — Спасибо за искренность. Вы сами сказали это. Оружие хочет умереть. Все, целиком. Целое. Весь организм. И аура тотального суицида прессом давит на психику людей, заставляя их почувствовать виском беспощадный холод ствола, вжимающегося все сильней в податливую хожу… Извините, я заговорился. Теперь это давит и на меня. Повторю еще раз: оружие хочет умереть, но ему мешают. Мешаем мы, люди! Большинство, которое отказывается забивать песком ствол и совать его себе в рот; те, кто чистит, смазывает, разбирает и собирает, проверяет исправность пистолетов и ружей, налаживает ракетные комплексы, ремонтирует танки и пушки… Эти люди всегда рядом, они продлевают агонию умирающего, и поэтому оружие может умереть только вместе с нами, людьми — со всем Человечеством. Мы существуем вместе — и вместе уйдем.
— Ну, допустим, ты прав. — Голос хакима предательски дрожал. — Но почему оно хочет умереть? И при чем тут катаклизм, происшедший с нами, — стена вокруг мектеба, девочка, от которой зависит новый год?
— Извини, Рашидик, я не Творец. Я даже не Иблис, а потому не могу знать всего. Тем не менее свобода воли при мне, и я могу догадываться, строить предположения… Оружие мечтает о смерти, потому что все его существование — это непрекращающаяся пытка! Оно… оно страдает, господа! Страдает изначально, с момента сотворения, неся на теле клеймо проклятия! Ему больно стрелять.
И снова — тишина. Ветер за окном с трудом ворочает вязкие пласты сгустившегося воздуха. Шепчутся деревья; призраки копошатся в кустах и изредка счастливо блеют. Чуть потрескивает догорающая свеча. Лица тонут в бархатных тенях, превращаясь в сумрачные маски ночных демонов.
Тишина вглядывается в лица и передергивается.
— Тогда — почему оно все же стреляет? И почему — не стреляет здесь? И почему тебе все же удалась?.. — Слова Равиля ар-Рави тяжелыми каплями падают в омут молчания, и от каждого «почему?» по воде медленно расходятся круги.
Когда круги достигают Кадаля, доктор вздрагивает, как от пощечины, и вновь начинает говорить:
— Это муравейник, Равиль. Я уже говорил. Муравейник, одержимый жаждой самоубийства, нутром чувствующий финал — но все еще работающий. Мы, люди, заставляем его функционировать. А здесь… то оружие, которое попало на территорию мектеба, оказалось в положении муравьев, отрезанных от родного муравейника. Части, насильно отсеченные от Целого. Мы гораздо проще переживаем изолированность — и то, посмотри на нас… Теперь муравьи — сами по себе, смысл жизни исчез, и они перестали выполнять программную функцию! Люди принуждали работать Целое, через него воздействуя на части. Здесь этот механизм дал сбой — и пистолеты перестали слушаться. Ну а я… случай, совпадение обстоятельств, называй как хочешь! — я вошел в психический контакт с оружием! Словно с очередным наркоманом или шизофреником, чью фотографию мне подсунули, и ради всего святого, атабек, не начинай мне пенять, что я вновь кого-то вылечил бесплатно! Я соединился не с Целым, а лишь с исчезающе малой его частью — потерянной, несчастной, одинокой; я попытался помочь ей… ему — как помогал до этого больным людям! В результате я стал для него Целым. Он выстрелил, защищая меня. Он знал, что ему будет очень

больно, что часть его при выстреле погибнет (полагаю, это в определенном смысле напоминает аборт или выкидыш!), но другого выхода не оставалось. Он не мог снова потерять Целое и оказаться в одиночестве — и муравей укусил, подобно пчеле вырывая с жалом часть брюшка… Ради меня.
Доктор Кадаль увлекся и не заметил, как Большой Равиль подал Альборзу какой-то знак. Доктор еще говорил — а телохранитель, с неожиданной для его комплекции легкостью и быстротой, уже скользил к Кадалю через комнату. Заподозривший неладное Рашид предупреждающе крикнул — поздно, крик пропал втуне. Обманчиво небрежный, но при этом ювелирно точный удар швырнул доктора на пол, и Альборз-пахлаван грозно завис над Кадалем, не спеша доставая нож из потайных ножен.
На лице Кадаля, скрытом от Рашида и Лейлы, зато прекрасно видном Альборзу и Равилю, вкрадчиво приблизившемуся сбоку, возникло удивленно-обиженное выражение — и лезвие ножа, поймав блик свечи, сверкнуло прямо в глаза золотой Равилевой курице. Лицо доктора Кадаля почти мгновенно затвердело, встопорщившись проволокой бородки, и правая рука метнулась к внутреннему карману, зажив на миг собственной жизнью.
Дальше все происходило очень быстро.
Даже профессионал-телохранитель не успел заметить, в какой момент в руке Кадаля возник пистолет и когда доктор успел снять «гюрзу» с предохранителя. Черный зрачок уставился Альборзу точно в лоб — и Кадаль лишь на долю секунды замешкался, прежде чем нажать на спуск.
Ничтожно малый отрезок времени, миг изумления человека, понимающего, что приручил тарантула.
Но этой доли секунды хватило шейху Равилю, чтобы пнуть доктора ботинком в предплечье. Оглушительно шарахнул выстрел, пуля с визгом вошла в стену, отколов кусок штукатурки. Пронзительно завизжала Лейла; Сунджан же, напротив, зажала рот обеими ладонями.
Альборз-пахлаван попятился, невольно ощупывая свои обгоревшие волосы.
Опоздай шейх…
— Все в порядке, доктор, — принужденно рассмеялся Равиль, излучая дружелюбие в опасной для здоровья концентрации. — Это была проверка. Всего лишь маленький эксперимент. Извини, дружище: я должен был убедиться, действительно ли оружие слушается тебя — или произошла случайность, а твоя стройная теория никоим образом не соотносится с суровыми буднями. Не сердись…
Равиль все говорил и говорил, а доктор Кадаль смотрел на своего атабека остановившимся взглядом и отнюдь не спешил убирать пистолет. Ствол «гюрзы» не был направлен ни на кого конкретно, но и Равиль, и Альборз прекрасно понимали: при любом неосторожном движении они почти наверняка схлопочут пулю.
И на этот раз никто не успеет сбить доктору прицел.
Потому что теперь сбить прицел было равносильно попытке смахнуть в сторону хвост напрягшегося скорпиона.
Доктор Кадаль медленно поднялся на ноги, сделал два шага вперед — и оказался возле стола.
Свечной огарок, треща и искря, самоотверженно пытался бороться с наступающим со всех сторон мраком.
Стеклянными пуговицами, сверкавшими в глазницах, существо по имени Кадаль окинуло жавшиеся по углам комнаты темные фигуры — даже Лейла наконец перестала визжать и с ужасом следила за действиями доктора.
— Папа, а дядя Кадаль нас не убьет? — тихонько спросила Сунджан, прячась за безмолвного хакима.
— Да что ты, детка! — как можно увереннее ответил Равиль. — Дядя Кадаль сейчас успокоится, и все станет на свои места…
Было видно, что шейх дорого заплатил бы за правоту последних слов.
Словно в подтверждение сказанного, Кадаль придвинул упавший стул, уселся за стол и положил наконец «гюрзу» на полированную крышку. Замер на мгновение — и вдруг мягкие руки доктора, знавшие о мозолях только понаслышке, с немыслимой скоростью замелькали над оружием, разбирая пистолет на части. Секунды сменяли одна другую — и вот жирно отблескивающие маслом детали аккуратно лежат на столе, а над ними окаменел доктор с никаким лицом.
С лицом насекомого.
Потом Кадаль лезет в боковой карман пиджака, достает оттуда пузатенький желтый патрон, не спеша досылает его в обойму — и вот уже его руки снова вихрем летают над столом. Миг, другой, третий — доктор Кадаль лихо передергивает затвор собранного

пистолета, еще раз обводит взглядом всех, ставит оружие на предохранитель и прячет обратно во внутренний карман.
— Что?! Что тут было?!
Равиль чуть не подавился изумлением: вторая порция чудес оказалась вконец переперченной.
Потому что напротив атабека за столом сидел прежний знахарек: взволнованный, немного растерянный рохля — сидел и опасливо косился на Альборза-пахлавана.
— Я ничего не натворил? Равиль, только не ври мне — ничего?!
— Ничего, доктор, все в порядке! — Лишь теперь Большой Равиль позволил себе вздохнуть с облегчением. — Проверка завершилась более чем успешно! И, ты знаешь… теперь я поверю любому твоему заявлению! Вот скажи: ты, Равиль, на самом деле баба, а та штука, что у тебя в брюках, сделана из пористой резины — поверю! Клянусь Иблисовой дюжиной — поверю!
— Мы… я стрелял в него! — Кадаль дрогнувшей рукой указывает на ухмыляющегося Альборза.
— Стрелял, знахарек. Ох и стрелял… А потом за десять секунд разобрал-собрал пистолет, даже не глядя!
— Мой ученик! — гордо выпячивает грудь телохранитель.
Тут Рашид не выдерживает, и комнату сотрясает его истерический смех. Хаким понимает, что это глупо, неприлично и стыдно, но любая попытка совладать с собой вызывает новый пароксизм хохота.
В двери возникает чья-то смутная фигура, и строгий голос госпожи Коушут осведомляется:
— Что тут у вас происходит?
— Да так, крошка, в стрельбе практикуемся! — беззаботно машет рукой Большой Равиль и вдруг тоже начинает смеяться.
Здесь ведь не нервы нужны — портовые тросы!..
* * *
— …Ты в порядке, Рашидик? Ладно, ладно, успокойся… Нет, ты не прав: все-таки насчет оружия я могу утверждать с большой долей вероятности. Я был там, в этом муравейнике! Что же касается остального… могу только предполагать. Помнишь, что нам вещал уважаемый надим Исфизар? Творец и прах земной, упрямый Иблис, связь рода людского с субъективным и объективным пространством-временем, концентраторы, эксперименты… Вот я и подумал: Творцу зачем-то позарез понадобились мы, люди, если Он взялся нас лепить, а потом не стер в порошок. Хорошо, пусть будет не Творец, а Мироздание, Демиург, Высший Разум, которому необходимо Человечество… Кто угодно. Потому что без нас, людей, если мы действительно являемся носителями пространства-времени, Вселенная разладится, измерения смешаются в коктейль, и весь мир полетит в тартарары… Не перебивай! Дай закончить. Я не утверждаю, что все обстоит именно так, — это лишь мои (да, собственно, даже и не мои!) предположения. Но, исходя из этой посылки, получается, что Мирозданию (Творцу, Демиургу) никак нельзя допустить нашей гибели — гибели Человечества. (На отдельных людей Ему, извините, плевать!) А если оружию, которое на данной стадии прогресса уже получило имя «оружия массового уничтожения», все же удастся покончить с собой, то оно неизбежно потянет нас следом! По-другому не получится. И здесь мы подходим к девочке. Допустим, она — воплощение всего следующего года. Если ее… убить — в ее лице мы убьем весь будущий год! Года не будет! Может, Мирозданию зачем-то очень нужен этот несуществующий год? За год может произойти многое… И не спрашивайте меня — что именно! Я не знаю. Не знаю я! Но то, что мы все собрались здесь, то, что с нами происходит, — не случайность. Я чувствую некую предопределенность, ледяную руку Судьбы, которая исподволь направляет нас. Сны, повторяющиеся ситуации, случайные совпадения… Судьба говорит: девочка должна умереть. Маленькая странная девочка. Значит, кто-то из нас должен стать убийцей. Орудием Судьбы. Но эта маленькая странная девочка совсем недавно спасла мне жизнь. Я не герой, не богоборец, мне никогда не был понятен пафос трагедии, как жизнеутверждающее начало борьбы героя с Судьбой…
Доктор Кадаль помолчал и твердо закончил:
— Это смешно и кощунственно, но только сейчас я начинаю понимать Иблиса. Не принимать — понимать. И я сделаю все, что в моих силах, чтобы эта маленькая странная девочка осталась в живых.

Глава восемнадцатая
Хаким

Отвечаю палачу:
— Я не плачу. Я плачу.

В отдалении пылал небольшой костерок, возле которого сновали тени, — нет, люди у костра не двигались, но игра пламенных языков создавала впечатление беспрерывной кутерьмы, суматохи, волнения…
И еще одно пламя вылизывало ночь в двадцати шагах от первого.
Второй костер.
«Устроились, — с удивившим его самого раздражением подумал Рашид, хмуро изучая игру теней. — Костры, луна… пикник. Каникулы, однако…»
Отголоски истерики еще бродили в хакиме, затихая с большой неохотой, и было противно думать о том, что он, аль-Шинби, стал похож на Улиткины Рожки — только на прошлые Улиткины Рожки, а не на того монументального надима, каким был Исфизар на кафедре.
Однако при любых обстоятельствах оставаться в одной комнате с Кадалем и его криминальными приятелями Рашид не мог.
После всего, что случилось…
За спиной послышались шаги. Лейла… посетите меня в моем одиночестве…
«Господи, — взмолился Рашид, чувствуя затылком робкое дыхание девушки, — Творец-с-сотней-имен, клянусь чем угодно: выберемся отсюда, я первым же делом женюсь на ней! Ребенка родим… девочку. Господи, ведь все, по горло, под завязку — сколько ж можно?!»

Данный обет странным образом успокоил хакима, словно обещание зарегистрировать у сепахдар-факиха
[77]
брак с Лейлой могло каким-то образом помочь выбраться из западни.

— Хаким Рашид… пожалуйста, пойдемте к костру. Смотрите — вон Валих с близняшками…
Сунджан, увязавшаяся за своей взрослой подругой, просительно тронула Рашида за рукав.
— Пошли, а?
Это Лейла. Ну что ж, пошли… Вы правы, девочки, — все лучше, чем торчать на крыльце и есть себя поедом.
* * *
— А он им ка-ак даст! Раз — голова наземь, два — руку отрубил, два с половиной — насквозь проткнул! Они бежать, а он следом и все рубит, рубит…
Все было ясно. Валих Али-бей увлеченно пересказывал близняшкам бар-Ханани последнюю серию бесконечной эпопеи Чэна-в-Перчатке.
— А тут сбоку подлетает Фальгрим и давай полосовать! Крутит восьмерку и ревет на всю степь: «Не воздам Творцу хулою!..» А двуручник его, эспадрон, так и свищет!
— Эспадон, — машинально поправил хаким, скосившись в сторону первого костра, где сидел хайль-баши в компании старухи, девчонки и новенького гуляма. Нет, краденого меча отсюда видно не было. «А вдруг сломала?» — Рашид поразился спокойствию, с которым он воспринял эту мысль.
— Что?
— Эспадон, говорю. Эспадрон — это сабля такая, а лоулезский двуручник — это эспадон. Без «р». И восьмерки им не крутят — тяжел больно. Придурки твой сериал снимали, парень. И знаешь, кто самый главный придурок?
— Кто, хаким Рашид?
— Вот-вот, именно хаким Рашид. В самую точку попал.
Шестиклассник Валих — худенький, жилистый мальчишка, совершенно не похожий на гиганта-дядю, — озабоченно заморгал.
Молодому Али-бею было неясно, как воспринимать заявление хакима.

— Твой хаким принимал участие в съемках сериала «Чэн-в-Перчатке», — усмехнулась Лейла, глядя мимо покрасневшего аль-Шинби. — Можешь преисполниться гордости.
— Ну да? — не поверил мальчишка. — Кого ж вы там играли, хаким Рашид?
Под пристальным взглядом детских глаз Рашид почувствовал себя неудобно. Самое время заявить, что играл самую главную роль… наиглавнейшую.
Порубленных врагов в госпиталь возил.
— Там в этих… в титрах написано, — подала голос Сунджан. — В конце, когда песню поют, так и написано: «Рашид аль-Шинби, магистр истории, консультант». Я однажды прочитала.
Разумеется, Валих Али-бей сроду не читал титров любимого сериала, но отстать от девчонки он не мог.
— А-а-а… ну да, конечно! Хаким Рашид, а почему вы никогда об этом не рассказывали?
— Не знаю, Валих. Стыдился, наверное.
— Чего?!
На лице Фаршедвардова племянника было отчетливо написано, что он, Валих Али-бей, доведись ему хоть краем прикоснуться к истории Чэна-в-Перчатке уже трезвонил бы об этом замечательном факте на всех перекрестках.
— Чего? Пожалуй, того, что я хотел как лучше, а вышло как всегда. Жвачка. Ложь и бессмыслица. Действительно, тогда проще сунуть правду, подобно мечу, между стволами кизила и налечь всем телом…
— Как эта… Сколопендра, — добавила Сунджан.
— И пусть бы себе ломала, — безапелляционно заявил Валих. — Тоже мне ценность: железяка ржавая! На любой свалке таких горы валяются!
— Горы? — прищурился Рашид. — Может, и горы… Только вот эта ржавая железяка скорей всего и есть тот самый эспадон Гвениль, которым твой Фальгрим в сериале рубился! Настоящий… или другой лоулезский двуручник. Поди покрути таким восьмерку! Зато волос на воде им и вправду рубили, было такое развлечение у лордов Лоула… И носили его не в ножнах за плечом, а просто на плече. Без ножен.
Валих недоверчиво наморщил лоб.
— Это как оглоблю, что ли? Ну, вы, хаким Рашид, и скажете! На спине его носили, чтоб рукоять из-за плеча высовывалась, — и как только враги, так сразу, со свистом…
— Ты, парень, хоть раз бы попробовал задуматься: как его при эдакой длине из ножен выхватывать? Возьми швабру, проверь! Он же длиннее перехвата руки! Умники хреновы! Я им еще на съемках сто раз говорил, а они: нам лучше знать, что нужно массовому зрителю! Теперь вижу — действительно лучше!
— Здесь дети, Рашид, — предупредительно бросила Лейла.
— Дети! Везде дети! И все смотрят, как герой вырезает подчистую сотни, тысячи врагов, как они падают марионетками, не вызывающими ни сострадания, ни отвращения… Ничего! Что ж удивляться, если ребенок вырастает, и слово «убить» связано теперь для него с механическим процессом, голым действием без привкуса страха и реальной смерти! Помнишь, Валих, полмесяца назад: я выхожу на крыльцо, а ты скачешь вокруг бар-Ханани и орешь благим матом: «Убить! Убить! Убить тошнотиков!» Помнишь?!
Фаршедвардов племянник отвел взгляд — с памятью у него проблем не было.
— Правда нужна, правда… как кровь толчком выхлестывается из раны, заливая тебе лицо, как рукоять меча срывает с ладони мозоль, и боль обжигает тебя, но воздух уже поет под клинком! Да, я сам ни разу не испытывал ничего подобного, но я хотел, я мечтал, а они — они никогда даже не задумывались, какая она, правда!
— Хаким Рашид, — хором вмешались близняшки бар-Ханани, — хаким Рашид, а какая она, правда?
— Про Чэна-в-Перчатке, — добавил Валих, разглядывая собственную ладонь. Словно мозоли от рукояти искал.
— Правда… не знаю. Но хотел бы знать. Или придумать.
— А ты придумай. — Лейла тронула хакима за плечо.
— Придумать? Что ж, давайте попробуем… Рашид присел у костра и некоторое время глядел в сердцевину пламени.
— Мы встретились с харзийцем за угловой башней Аль-Кутуна, — слова рождались сами, словно их подсказывал кто-то, целую вечность дожидавшийся этого часа, заставляя голос наполняться чувственной хрипотцой, — в одном из тех грязных и узких переулков района Джаффар-ло, которые подобны нитям старого темляка — спутанным и лоснящимся.
— Харзиец? — не удержался молодой Али-бей. — Это который…

— Тихо! — одернули его хором Сунджан, близняшки и Лейла.
И Валих замолчал.
А Рашид аль-Шинби все говорил, все нанизывал бусины вымысла на нить души, и ему казалось, что совсем рядом, в темноте, стоит беловолосый гигант из снов и одобрительно улыбается, внимая рассказу… А там, за гигантом, толпится целая вереница теней, которые только и ждут своего часа, своей бусины, отдав власть над бывшим и небывшим ординарному хакиму мектеба «Звездный час», как отдают наследственный клинок.
Слова рождались сами.
В двадцати шагах от них, зажатый двумя стволами кизила, спал старый меч. И видел хорошие сны.

Глава девятнадцатая
Неистовая Зейри

Можно сказать смело:
«Смерть — не сметь!»
Посмела.

Наверное, все действительно предопределено заранее. Раз и навсегда, приговор окончательный, обжалованию не подлежит. А мы-то думали, что поймали за хвост птицу Рох, что наконец отыскали тайный ключик к Шкатулке Судьбы и теперь Госпожа Неотвратимость у нас в руках! Проще простого: инъекция безобидного снотворного маленькому Валиху — и в забытье впадает вся страна! Связь прямая и очевидная. Выводы? Как на ладони. Находить детей-концентраторов (при современной технике и разработках аль-Беруни это задача для младенца, при условии, что младенец является опытным программистом и снабжен необходимым фактическим материалом) — и создавать им соответствующие условия. Звездный час для всех! Рай на земле!
Звезды — у нас на службе.
Конечно, не обошлось и без издержек, — но ведь мы серьезные люди, требовалась тщательная проверка, чтобы убедиться…
Убедились!
И решили, вот они — рычаги Вселенной! Радуйтесь: мы уже научились ими пользоваться! Мы сейчас, мы на подходе, мы то, мы се… Хаким-эмир поспешил доклад представить — куда надо; крикливый пролаза всегда знал безо всяких гороскопов, что, куда и когда надо представлять! А на самом деле, как глупые дети, стали наугад тыкать в кнопки трясущимися пальцами — что получится?
Получилось.
Как загорелись у всех глаза, когда был составлен гороскоп этой маленькой дряни! Подумать только — сверхконцентратор в самом Дурбане, в столице, под боком! Все планеты — в одном доме! Змееносец расположен… Ладно, замнем. Не неделя, не месяц — целый год в нашем распоряжении! За год мы смогли бы сделать столько…
А на самом деле мы оказались слепыми орудиями в руках Того, Кто создал эти рычаги; и Он просто дергал за ниточки — легко, незаметно, — подталкивая нас к одному Ему ведомой цели. И в сладостный миг триумфа, когда мы уже торжествовали победу, Судьба настигла нас, войдя следом за девчонкой во двор мектеба и закрыв за собой дверь.
На замок.
А ключ выбросила за решетку.
Что послужило первопричиной? Местоположение самого мектеба? Надвигающийся Ноуруз? Присутствие здесь других, пусть и не таких сильных концентраторов? Сама девчонка? Все вместе? Или неизвестный фактор, которого мы не учли, да и не могли учесть?
Случайно ли оказались тут все мы — не только дети?

Какие шайтаны приволокли в мектеб хайль-баши? Почему бабка увязалась вслед за правнучкой? Что намеревался делать хаким Рашид?! Откуда взялся вместе с хакимом бородатый бандит со своим громилой-телохранителем?!
Кто такой доктор, подстреливший господина Ташварда?!
Зейри Коушут не знала ответов на эти вопросы. Зато она знала другое: время для проволочек и рефлексирования вышло. Без остатка. Пришло время действовать.
Пока сгустившийся воздух не застрял в горле последним хрипом, пока жажда не превратила их в мумии, пока все окончательно не сошли с ума, пока маленькая мерзавка… змея… сколопендра не пустила в ход свои ножи.
О, господин Ташвард многое успел рассказать им, прежде чем провалиться в забытье горячечного бреда! Ворочаясь на лежанке, гулям-эмир насиловал собственное естество, держась до последнего слова. Они слушали, закусив губу.
Слушали правду. И как эта бестия в очередной раз пыталась сломать музейную реликвию, и как гулям-эмир хотел помешать ей, и что оказалось у твари под шалью! Двенадцатилетняя девчонка разгуливает с десятком боевых метательных ножей! Дрянь, обладающая сноровкой профессионального убийцы! Только этого не хватало — когда все они заперты в коконе взбесившегося времени и окончательно свихнувшегося пространства!
Правда, очень хотелось верить, что — не окончательно…
Ну а добряк доктор, не разобравшись, начал палить сдуру — и угодил в господина Ташварда.
Значит, и в этом виновата дрянная девчонка!
Недаром же всем здесь были схожие видения… Убить, убить подлую тварь! Теперь-то госпожа Коушут была уверена, что знает, к чему их подталкивает Судьба, Творец — или кто еще есть там, наверху? Одно дело — неосознанное следование воле высших сил, когда ты даже не догадываешься, что или кто тобой движет, и не видишь конечной цели. И совсем другое — прочесть наконец записи на огненных скрижалях, понять их, принять, ощутить сердцем — и исполнить предначертанное! Тогда из слепой марионетки ты превращаешься в сознательного и добровольного союзника Творца — а это уже совсем другое дело! Такой ролью можно гордиться…
Да и что принес бы стране год, сконцентрировавшийся в злобной твари?! Можно себе представить! Стереть, вычеркнуть безумное время из жизни Человечества — тем более что именно так и предопределено Судьбой!..
Может ли человек отменить Судный день?
Однако гулям-эмир прав — даже если он сказал не всю правду или не совсем правду. Все равно девчонка — это вооруженный до зубов убийца, спрятавшийся под маской безобидного возраста! И первым делом надо вырвать ядовитые зубы, заставить ее отдать ножи! О, господин Ташвард оказался предусмотрительным… жаль — не до конца. А там — посмотрим.
* * *
— Господин Али-бей!
— Да? — Хайль-баши всем телом повернулся на голос.
Неторопливо, с подчеркнутой ленцой.
Он был огромен и медлителен, этот скверно воспитанный мушериф, но огромным он был на самом деле, а медлительным лишь казался; и госпожа Коушут прекрасно понимала, что если дойдет до дела, то с двумя ее гулямами Фаршедвард управится в несколько секунд. Ее же оставит на закуску и уж будьте уверены! — закусит с отличным аппетитом, под стать телосложению. А сказать о гулям-эмире, о самой серьезной боевой единице, что он в данный момент небоеспособен, означало не сказать ничего. Зейри видела, что господин Ташвард последние часы балансирует на грани небытия, отчаянно цепляясь за жизнь зубами. Зубы крошились, жизнь ускользала, но Ташвард отчаянно хотел жить, и он мог выжить — но раненому срочно требовалась квалифицированная медицинская помощь.
А для этого надо было…
— Господин Али-бей, я, как представительница администрации мектеба, требую, чтобы девочка сдала имеющееся у нее холодное оружие! С этими ножами за пазухой она представляет опасность для окружающих!
Госпожа Коушут мельком оглядывается на застывших позади гулямов. На поясе у обоих висят армейские штык-ножи в ножнах и полицейские дубинки-тонфа с короткой поперечной рукоятью, прихваченные из оружейной комнаты. Уж это-то точно работает в отличие от пистолетов! Вот если бы еще перетащить на свою сторону бородатого ар-Рави с его доктором, способным всадить пулю в нужного человека! Да и дебил телохранитель весьма пригодился бы в качестве союзника.

Последняя мысль странным образом лишает Неистовую Зейри душевного равновесия: она, значит, союзник Творца, а дебил телохранитель — союзник ее, Зейри… Враг моего врага — так, что ли?
Приходится встряхнуться и усилием воли прекратить лишние мудрствования.
Хайль-баши угрюмо сопит — пламя костра взволнованно колеблется, трепеща языками, — и косится на вынесенные во двор носилки. Там, накрытый легким пледом, мечется в бреду гулям-эмир. Снаружи он начал дышать немного ровнее, но по всему видно, что без вмешательства опытных врачей господин Ташвард долго не протянет.
Ничего, пусть мушериф посмотрит, полюбуется.
Гуляма-предателя Неистовая Зейри демонстративно не замечает.
— Госпожа Коушут, вы опасаетесь двенадцатилетней девочки? — Хайль-баши явно пытается иронизировать, сыграв на струне самолюбия, но это у него плохо получается. Неистовую Зейри на фальшивый дирхем не купишь.
— Да, господин Али-бей, опасаюсь. Причем не только и не столько за жизни взрослых, сколько за жизни вверенных мне детей! Поэтому я настоятельно требую, чтобы девочка сдала ножи. Оружие — не игрушка, и вы, как представитель власти, должны это знать не хуже меня!
Огромный мушериф колеблется. Он понимает, что женщина права, но у него явно есть и какие-то свои соображения.
Интересно, какие?
— Полагаю, угроза детям со стороны Сколо… со стороны Ниру Бобовай отсутствует, — неуверенно тянет он, хмуря реденькие бровки. — Я думаю…
— Ах, вы думаете. Рада услышать! А отвечаю за детей, между прочим, я! Поэтому думать вы можете что угодно, а на сдаче оружия я настаиваю!
— Ишь какая прыткая… — бормочет старуха в инвалидном кресле, но в разговор не вмешивается, и поэтому госпожа Коушут пропускает ее слова мимо украшенных маленькими золотыми сережками ушей.
— Итак?
Хайль-баши сопит и смотрит в костер.
— Я жду!
— Ниру… — Фаршедвард Али-бей оборачивается к девочке, и рык хайль-баши становится чуть ли не жалобным, что кажется невозможным для такой туши с замашками потомственного солдафона. — Ты отдашь ножи? Не ей — мне?
Маленькая дрянь отрицательно качает головой и делает шаг назад, прислоняясь спиной к раздвоенному кизилу, из развилки стволов которого торчит злополучный меч. Руки девчонки пугливыми котятами исчезают в складках шали и… остаются там.
Хайль-баши тяжело вздыхает — удивительное дело, при этом в его вздохе слышится чуть ли не облегчение.
— Вот видите, госпожа Коушут! — разводит руками мушериф.
— Что значит — «видите»?! Ношение детьми холодного оружия противозаконно! Так что вы обязаны…
— Ничего я никому не обязан! — неожиданно рявкает хайль-баши. — И в первую очередь вам!
Минутой позже Али-бей все-таки сбавляет тон:
— Не учите меня, что законно, а что нет, госпожа Коушут! Вам известны параметры, по которым определяется, является ли тот или иной нож холодным оружием? Длина лезвия, например, наличие упора, кровостока, кишкодера?
— Кишкодера?
— Я имею в виду зубцы на обушке. Можем, кстати, измерить! Вот у ваших гулямов — оружие. Видно с первого взгляда. А у девчонки…
— Тем не менее вы, наверное, не станете отрицать, что это боевые метательные ножи? — тихо шипит Неистовая Зейри. — И что из-за вашей замечательной девчонки…
— Из-за вашей, госпожа Коушут! Из-за вашей! Разве не вы приложили столько усилий, дабы затащить ее в мектеб?! Радуйтесь — свершилось!
— …уже был тяжело ранен господин Ташвард! Кто следующий?
Столь весомый аргумент прозвучал бы гораздо убедительнее, не случись непредвиденного.
— Крошка, насколько известно мне, твой господин Ташвард был ранен совсем по другой причине! — насмешливо раздается позади зычный голос.
Обернувшись, госпожа Коушут видит спускающихся с крыльца и направляющихся к ним Большого Равиля, его телохранителя и маленького доктора. Ну да, каким аль-

Шинби и его… подруга уже здесь, просто стоят в сторонке, у второго костра, молчат — вот она их сразу и не приметила.
Кажется, все в сборе.
Кроме пьянствующих в медицинской части одноухого аракчи и надима Исфизара. Ну и шайтан с ними — только этих двух алкоголиков тут и не хватало!
— И по какой же, позвольте полюбопытствовать, господин ар-Рави?
— Твой гулям-эмир, крошка, собирался по-тихому пристрелить девчонку, а доктор Кадаль по причине слабости мочевого пузыря оказался свидетелем.
Кровавые отблески пламени в глазах Равиля делают его похожим на огромного бородатого гуля-людоеда, и госпожа Коушут неожиданно ощущает странное возбуждение, которое в другой ситуации могло бы показаться приятным.
Почему-то Зейри кажется, что она присутствует при постановке сюрреалистической пьесы в будущем театре абсурда; темнота кулис придвигается со всех сторон, мерцают светлячки в колосниках над головой, невидимый осветитель ухмыляется, забыв включить выносные прожекторы, и от жизни остаются только имена и слова.
С легким привкусом обстоятельств.
* * *
Равиль (злорадно). А свидетелей, крошка, положено убирать. Слыхала небось: мертвые не потеют?! Только с доктором у твоего молодца промашка вышла — сам на пулю нарвался! Вот и выходит, девчонка тут ни при чем. Лучше скажи прямо, что собираешься девку кончить, только боишься: пока у нее ножи, она раньше тебя и твоих гулямов в клочья посечет, чем вы — ее.
Зейри (со всей холодностью, на какую способна). Доказательства? Легко возводить напраслину на человека, который не может ее опровергнуть, поскольку находится без сознания! Что же касается моих намерений, я лишь хочу обезопасить всех здесь присутствующих от ножей этой маленькой убийцы!
Старуха (скрипуче). Ты бы лучше от себя нас обезопасила, дочь алмасты…
Зейри снова делает вид, что не слышит.
Гулям-эмир (стонет на носилках, из последних сил шевеля запекшимися серыми губами). Пить!
Маленький доктор. У нас есть вода?
Рашид аль-Шинби (незаметно подходя сбоку). Уже нет.
Гулям-эмир. Сейф… там…
Кажется, господин Ташвард произносит это вполне сознательно, но на большее у него уже не хватает сил.
Усмар (переглядываясь с Махмудом). Сейф? В каптерке? Но… он заперт. И шифр кто-то сменил.
Маленький доктор (неживым механическим голосом). Не кто-то, а господин Ташвард. Запоминайте: 1-7-A-4-C. Принесите ему воды.
Усмар ошарашенно смотрит на доктора, срывается с места и пропадает в темноте.
С исчезновением гуляма пьеса неожиданно заканчивается.
Начинается прежняя жизнь — совсем не та, за которую искренне благодаришь Творца.
* * *
— Откуда вы знаете шифр, доктор? — Коротышка преподносит сюрприз за сюрпризом, и Зейри Коушут это очень не нравится.
— А твое какое дело, крошка? Ясновидец он! — нагло ухмыляется бородатый Равиль. — Хочешь, угадает твою любимую позу?
— Я бы посоветовал тебе, борода, говорить с госпожой Коушут повежливее, — недобро щурится горячий Махмуд, явно заводясь, а Неистовая Зейри не спешит останавливать охранника — она уже для себя кое-что решила.
— С ней? — Ар-Рави презрительно сплевывает, Махмуд кошкой прыгает к бородачу, но натыкается на твердый, как дерево, кулак телохранителя, падает, вскакивает, харкая кровью…
Нет.
Занавес не спешит опускаться.

Глава двадцатая
Гулям Махмуд

Телами гасили пламя.

— Тише, мальчик, остынь, — цедит сквозь зубы ударивший его ублюдок.
Ах, значит, так? Остынь?! Ну, мы еще посмотрим, кто тут мальчик! У господина Ташварда он всегда был лучшим! Ага, пальчики-то растопырил, рожа бандитская! Вот мы тебя сейчас за пальчик-то и…
Махмуд провел отработанный до мелочей захват грамотно, как сто раз до того на тренировке; он даже почти довел болевой прием до конца, до момента кульминации, когда ослепленный болью противник должен был послушно грохнуться на землю, пытаясь избежать вывиха… Увы, Махмуду осталось лишь утешать себя отточенностью действий, но никак не результатом: в последний момент корявый палец громилы телохранителя куда-то исчез, скользкой рыбой вывернувшись из хватки гуляма, — и тут же возник вновь, но уже не рыбой, а сучком кизила, чувствительно воткнувшись Махмуду пониже уха.
Ночь разом сгустилась… Нет, это в глазах потемнело! Гулям судорожно отмахнулся, прыгая вслепую назад и чуть в сторону, затем тряхнул головой и снова ринулся в атаку.
Обманный пинок ногой в пах — так и знал, что шагнешь назад, сволочь! — левой ладонью в лицо, и еще раз с левой, туда же, чтоб ослеп на время… вот они, пальцы блокирующей руки — мосластые, растопыренные, хватай — не хочу!
Схватил.
Лучше б не делал этого.
Оглушительный удар в ухо, даже не удар, а шлепок, после которого, однако, приходится подниматься с земли.
В голове едет поезд, подпрыгивает на стыках рельсов, гудит на переездах…
Дубинка!
От первого удара, рубящего, с оттяжкой, гад пахлаван уклоняется, второй соскальзывает с умело подставленного предплечья — зато уж третий, тычковый, Махмуд от души всаживает громиле под ребра.
Получи!
В следующий момент рык разъяренного зверя заставляет гуляма отшатнуться, дубинка вырывается из рук и исчезает из поля зрения, в мозгу дети начинают забавляться фейерверками, а дальше Махмуду уже не до анализа ощущений, потому что гулям попадает в достаточно убедительное подобие мельничных жерновов…

Глава двадцать первая
Гулям Усмар

Вен небесных просинь вторглась в мои сны.
Это просто осень поперек весны.

Вот это да!
Доктор, похоже, взаправду ясновидец. Сработало! И впрямь надо поинтересоваться: какая же поза у Неистовой Зейри любимая? Глядишь…
Дверца сейфа мягко, без звука, распахивается.
Ай да господин Ташвард! Колеблющееся пламя поднесенного к сейфу огарка высвечивает не только две литровые фляги с водой и большой пакет консервированного сока, но и три банки тушенки, упаковку рыбных консервов, аккуратно завернутый в хрустящий целлофан хлеб…
А мы тут голодаем! Детям еле-еле хватило, остальным вообще мало что досталось, крохи со стола в ладонь ссыпали! А у гулям-эмира здесь, оказывается, заначка! И молчал, начальник… Может, и про стычку во дворе, когда доктор стрелять начал, господин Ташвард тоже не все рассказал?..
Часть в сейф упрятал и шифр сменил?

Размышляя таким образом, Усмар Ханифах споро сложил все обнаруженные продукты и воду в объемистую сумку и, погасив свечу, заспешил обратно.
Во дворе шла драка, и была она в самом разгаре. На фоне испуганно жмущегося к земле пламени костра его приятель Махмудик яростно наскакивал на равилевского телохранителя — всякий раз отлетая обратно, но тут же снова подымаясь на ноги и бросаясь в новую атаку.
Не раздумывая о причинах потасовки, Усмар кинулся на помощь коллеге.
Непонятно откуда возникающие ветки больно хлестали по лицу, тяжелая сумка замедляла бег, но, бросить ее гулям не решался: сейчас у него в руках находились, быть может, лишние сутки жизни для них всех.
Звучит рев, силуэты драчунов на миг переплетаются, комом шевелясь у выстреливающего искрами костра, — и тут возле них образовывается совсем уж непомерная туша хайль-баши.
Последнего с кем-либо спутать просто невозможно.
Усмар перепрыгнул через впавшего в оцепенение гулям-эмира, бросив сумку рядом с носилками, увидел прямо перед собой распирающее форму огромное брюхо Фаршедварда Али-бея — и не стал разбираться, на чьей стороне находится мушериф.
Потом разберемся, по холодку! А покамест лучше всадим-ка кулак, да с гортанным криком, как учили, в солнечное сплетение хайль-баши.
Где тут у него солнечное сплетение?.. Шайтан, ну и нажрал мяса!
Удар действительно был хорош, и Фаршедвард от него даже чуть покачнулся — но это осталось единственным достижением Усмара! Кулак доблестного гуляма упруго застрял то ли в могучих мышцах, то ли в еще более могучих жировых накоплениях необъятного брюха — и почти сразу был вытолкнут обратно, как из надутого воздухом резинового баллона.
К чести Усмара, надо сказать, что сориентировался он за доли секунды, сообразив: бить надо в более уязвимые места, к примеру — в голову. Но когда гулям рискнул воспроизвести это действие на практике, оказалось, что нечто напоминающее разлапистый кожаный биток для отработки движений уперлось в его собственный лоб, мешая не только нанести удар, но и просто взглянуть вверх, дабы опознать мешающий предмет.
Усмар попытался обойти препятствие, одновременно нанося совершенно бесполезные тычки в проклятое брюхо, напрочь закрывавшее стратегический обзор; и только через несколько секунд до гуляма дошло, что упершийся в его лоб предмет — это толстенная ручища Фаршедварда Али-бея.
И даже не столько ручища, сколько ладонь.
Именно в тот момент, когда осознание этого унизительного факта стало для Усмара Ханифаха полным и всеобъемлющим, ладонь хайль-баши немного поддалась, вынудив размахавшегося Усмара повалиться вперед, и почти сразу мягкий, но мощный толчок отшвырнул едва не угодившего в костер гуляма шагов на семь.
Если бы господин Ташвард хоть раз сводил мектебных гулямов на тренировки борцов-нарачи и показал им, как смешные толстяки часами шлепают ладонями по содрогающемуся деревянному столбу диаметром в локоть…
Усмар вскочил, весь красный от стыда и злости, потянулся за висевшей на поясе дубинкой — и застыл.
Потому что вокруг наступила мертвая тишина.
Потому что никто, даже проклятый хайль-баши, не смотрел сейчас в его, Усмара, сторону.
Никого он не интересовал, оскорбленный в лучших чувствах Усмар Ханифах, гулям мектеба «Звездный час».
И гулям прекрасно понимал — почему.
Потому что позади старухиного кресла хищно изогнулась Неистовая Зейри, и отточенное лезвие армейского штык-ножа с зазубринами кишкодера на обушке отблескивало в ожидании, прижавшись к бабкиному горлу.
Сохлая куриная кожа с резко выступающими жилами — синими, похожими на провода, выглядывающие из-под осыпавшейся штукатурки.
И нож гулям-эмира, подобранный госпожой Коушут с гравия.
— Сейчас, девочка, ты положишь свои ножи на землю и отойдешь на пять шагов назад, — холодно сообщила госпожа Коушут. — И делай это медленно. Очень медленно.

Глава двадцать вторая
Азат

Ненавистны ты и я
мерзкой твари Бытия,
потому что наши души
вне ее разбухшей туши.

— Я всегда знал, что ты мерзавка. — Казалось, пламя костра приблизилось сразу, рывком, и лицо Карена запылало пожаром.
Так горит дом, из которого ты можешь вынести всего одного близкого тебе человека, — и берешь вслепую, не зная, кого именно обхватили твои руки, берешь, благодаря Господа за милосердие.
За то, что тебя лишили выбора.
— Я всегда знал, что ты мерзавка. Но при этом полагал, что ты женщина, которой нравится быть похожей на мужчину. Я ошибся, Зейри. Ты мужчина. И отвечать тебе придется по-мужски.
Чувственные губы Зейри искривила усмешка, похожая на свернувшуюся в кустах гадюку.
— А ты болтун, егерь. Фильмов насмотрелся? По-мужски… вызовешь меня на поединок? Потом?
— Нет.
— Тогда что? Не двигаться!
Последнее относилось к Сколопендре, хотя девочка могла поспорить с каменной статуей.
Разве только шаль успела опасть с ее плеч поздней листвой, съежившись у ног, и перевязь с ножами — предмет требований Зейри и цена жизни бабушки Бобовай — оказалась предоставлена всеобщему обозрению.
Карен видел, что выражение лиц присутствующих людей начинает меняться; да и в одних ли лицах дело?
Подобрался, словно перед броском, телохранитель бородача, отвердели скулы Усмара, поникли чудовищные плечи Того-еще-Фарша, осторожные огоньки сомнения полыхнули в глазах бородатого Равиля, и торжество проступило во всей фигуре Неистовой Зейри.
В этот миг последняя ни дать ни взять походила на статую Справедливости с фронтона здания кабирского театра на площади Абу-Салим: это там, где Справедливость приносит уродливую рептилию — символ Зла в жертву Благоденствию.
Ножи Сколопендры стали реальностью, предъявленной всем столь грубо и явственно, что лодка создавшегося положения начала крениться в другую сторону.
Впрочем, к Карену это не относилось; и не только потому, что он видел эти ножи раньше — и просто так, и в деле.
— Я не стану вызывать тебя на поединок, Зейри. Я просто убью тебя. Ты не сможешь вечно держать старую женщину в заложниках. Тебе придется либо отпустить ее, либо перерезать ей горло. Во втором случае я буду убивать тебя долго.
— Ты дурак, егерь. Ты даже не благородный дурак. Ты дурак, играющий в благородство. Думаешь, я не знаю, что «белые змеи» творили в Хакасе? На твоем счету гораздо больше перерезанных глоток, глупый егерь, и мне больше не хочется вести с тобой светские беседы. Ты думал, я отвлекусь и дам тебе возможность прыгнуть? Ты неправильно думал, егерь…
Это была ложь. Лишь в плохих боевиках злодей, взявший заложника, вступает с героем в долгие душеспасительные беседы — пока герой не улучит удачный момент и…
Карен прекрасно понимал всю относительность удачи таких моментов. Рука Зейри с армейским ножом не дрожала у горла бабушки Бобовай, шансов успеть дотянуться до госпожи Коушут не насчитывалось даже одного на тысячу.
И все же Неистовая Зейри оказалась не права. Карен Рудаби, отставной висак-баши, молил Того, кто смотрит сверху, совсем о противоположном: чтобы тигрица мектеба «Звездный час» ни за какие коврижки не отвлеклась от троих людей — заложницы-старухи, безмолвствующей Сколопендры и его, Карена.

Потому что за спиной Зейри медленно поднимал пистолет маленький доктор.
Он двигался нечеловечески плавно, он тек патокой, расплавленной смолой, и Карену еще подумалось: именно так двигаются люди в ожидании ослепляющей боли, которая должна нахлынуть в строго определенный момент, и мозг говорит «да», а все тело, скованное цепями сознания, истошно кричит «нет!» и тщетно молит о пощаде.
Но ствол «гюрзы» с неизбежностью судьбы продолжал подниматься.
Пока не уставился в пушистый затылок Неистовой Зейри.
Ствол не догадывался, что судьба в последний миг передумала.
* * *
— Усмар! — еще успела бросить Неистовая Зейри, прежде чем из хрустящего мрака позади нее вихрем вылетело чудовище. — Когда эта тварь положит оружие, возьми перевязь и…
Никто даже не успел пошевелиться. Всклокоченная рогатая бестия пронеслась мимо доктора, зацепив его боком; руку доктора вскинуло вверх, грохнул выстрел, и пуля с визгом ушла в небосвод, напоминающий алмазную бархотку светской шлюхи. Раненое небо застонало, подавился криком Усмар, которому так и не довелось выполнить приказ начальницы, и в следующую секунду коза с размаха ударила рогами в спину Зейри Коушут.
Увы, коза в силу обстоятельств не смотрела приключенческих фильмов и поэтому не знала, когда стоит вмешиваться в действие второ… нет, скорее третьестепенным персонажам.
И стоит ли вообще.
Удар швырнул женщину вперед, Зейри всем весом налетела на спинку кресла, попытавшись обхватить предплечьями голову парализованной старухи; армейский нож выпрыгнул из пальцев и лягушкой ускакал в направлении аллеи — лязганье гравия подтвердило намерение ножа порезвиться на свободе, и Валих Али-бей прислушался, раздумывая.
«А не кинуться ли следом? — было написано на лице мальчишки. — Вдруг найду!»
Инвалидное кресло, знававшее гораздо лучшие времена — те, когда оно еще не было собрано, — зашлось кашляющим треском и начало заваливаться вперед и набок. Коза ударила еще раз, прежде чем Фаршедвард ухватил животное за шерсть на холке и, словно котенка, отшвырнул прочь. Но было поздно: один из полозьев, на которых крепились колесики, сломался пополам, кресло перевернулось под тяжестью двойного веса, старуха беззвучно рухнула лицом в землю, застряв в собственном обиталище дохлой черепахой… И тут Сколопендра пошевелилась и сделала два шага в сторону.
Чтобы дать дорогу летевшей сломя голову Зейри.
К сожалению, «сломя голову» оказалось лишь красивым оборотом: женщина почти сразу же вскочила на ноги возле раздвоенного кизила, ничем больше не напоминая статую Справедливости с театрального фронтона, а статуи Слепой Ярости на фронтоне не воздвигали.
— Тварь! — взвыла Неистовая Зейри хриплым мужским баритоном. — Тварь, змея!.. Сколопендра…
Глаза женщины метали молнии, а руки судорожно искали хоть что-то, хоть какое-нибудь оружие; и было видно, что Зейри Коушут, сотрудница администрации с правом преподавания, сейчас отдала бы все оставшиеся ей годы жизни за умеющий убивать подарок.
Судьба улыбнулась, подмигнула обиженно мекавшей козе и легонько толкнула Неистовую Зейри в плечо.
Женщина качнулась, нетвердо держась на ногах после падения, и ладони ее в поисках опоры нащупали рукоять застрявшего в кизиле меча.
Двуручного меча, гордости дурбанского музея, любимца хакима Рашида, украденного этой проклятой…
Кизил поспешно отпустил добычу, боясь, что в случае неповиновения его вырвут с корнем.
И Карену померещилось, что одновременно со свистом рассекаемого воздуха кто-то — наверное, тот, кто знает все, — успел расхохотаться и прошипеть между двумя мгновениями сошедшего с ума времени:
— Все сотворенное, рождающееся и растущее имеет свою звезду!.. Свою… звезду…
Карен был убежден, что это слова из книги Меноге Храт, хотя никогда в жизни не подозревал о существовании подобной книги.
…Огромный клинок несся по кругу, проходящему через худую детскую шею.
И зверем кричал вспарываемый мрак. Но в самую последнюю секунду тяжесть двуручника, чья общая длина на целую пядь превышала рост самой Зейри, возобладала

над силой разъяренной женщины. Плоскость стального круга сместилась, чуть-чуть, самую малость, но этого хватило, чтобы убийственное лезвие просвистело над макушкой Сколопендры, по-прежнему застывшей и отрешенной; и, словно зажив собственной жизнью, старый меч слегка провернулся, ослабив хватку Неистовой Зейри. Другие нужны были пальцы, чтобы удержать вырывающийся из рук эспадон, пальцы воина, привыкшего к лоулезскому мечу с детства, пальцы, в которых металл гвоздей кажется мягким, как пластилин в руках ребенка. Рукоять прошлась остатками древних накладок по женским ладоням, лезвие полыхнуло в свете луны противоестественным блеском, как будто ржавчина на миг спала с клинка, или превратилась в полировку, или…
И клинок плашмя врезался в ствол кизила.
Разлетевшись вдребезги.
Не сталь — стекло.
Ржавое стекло.
Неистовая Зейри упала на колени, закачавшись из стороны в сторону, ткнулась лицом в траву и зарыдала по-бабьи, в голос, никого не стесняясь.
В стороне от плачущей женщины, так до сих пор и не пошевелившись, лежала бабушка Бобовай.

Глава двадцать третья
Сколопендра

Ухожу.
Махните мне рукой.
По ножу — в покой.

Вот и все, мой хороший.
Я выполнила свое обещание. Я очень старалась, но у меня все не получалось… ты больше не одинок. Да, я понимаю — уходить в такой компании противно. Мне тоже было бы противно. Мне и сейчас противно, но ведь если мы вдвоем, значит, остальные нас попросту не интересуют. Бабушка когда-то рассказывала мне, что значит любовь… Она удивлялась, почему все мои сверстницы становятся правильными, а я до сих пор худая, уродливая и голенастая, — милая бабушка, она тоже уйдет с нами, а правильным мы оставим их правильную жизнь и их правильный мир.
Да, мой хороший?
Ты только подожди немножко, и ты, бабушка, подожди — я сейчас, я быстро… я уже иду.
Вот так.
Я уже…

Глава двадцать четвертая
Азат

Месть Творцу не к лицу.

Я ничего не успел сделать.
Она подошла к обломкам меча и встала перед ними на колени. Словно пародируя рыдающую Зейри. С минуту стояла, раскачиваясь и что-то шепча, а потом два

маленьких ножа, левый и правый, из верхних пазов перевязи словно сами собой выпорхнули наружу.
И приникли к предплечьям клинками.
Сколопендра обняла себя за шею — движение было порывисто-угловатым, свойственным скорее кузнечику-богомолу, чем девочке двенадцати лет; и когда руки ее сухими листьями опали вниз, из шеи толчками выхлестнула кровь.
Она еще успела улыбнуться.
Позже, много лет спустя, я возблагодарил провидение за то, что Сколопендра не успела или не захотела посмотреть на нас, собравшихся и застывших вокруг.
Я знаю, что было бы в этом взгляде.
Брезгливость.
…С крыльца кубарем скатился пьяный Руинтан. Корноухий аракчи, ковыляя, добежал до еще теплых тел правнучки и бабушки Бобовай, упал между ними на колени, запрокинул к небу голову и отчаянно завыл.
По-волчьи. — Я слышал такой вой.
Ночами.
В Малом Хакасе.
После боя.

Глава двадцать пятая
Хайль-баши

Кажется: лишь миг — и я пойму,
почему так трудно одному.

От ворот донеслись крики, и небо безнадежно начало светлеть.
Песчинка вылетела из вселенских шестеренок, и они снова, со скрежетом и оханьем, начали вращаться.
Клянусь всем святым, я этого не хотел.

ЭПИЛОГ

…А люди даже не сразу поняли, что случилось. Просто из жизни изумленного Человечества выпал год. Провалился стершимся медяком в прореху, в неожиданно раздавшийся вширь промежуток между двумя соседними мгновениями, ухнул без следа…
Впрочем, следы все же остались.
Их обнаруживалось все больше и больше, этих пренеприятнейших следов, потому что потерянный год, пять тысяч девятьсот девяносто восьмой от сотворения мира, выпал из вселенской череды лет только для людей.
И за этот год, которого не было, через который люди просто переступили, шагнув из одного мгновения в другое, — о, многое успело произойти в течение выпавшего года!
Существенное — и не очень.
Хозяйка, накрывавшая праздничный стол, обнаружила, что все продукты не просто безнадежно испорчены — ароматная снедь, словно по мановению волшебной палочки дурно воспитанного мага, прямо на тарелках превратилась в засохшую прошлогоднюю гниль.
Уснувший с тлеющей сигаретой в руке мужчина проснулся на куче холодных сырых углей, целый и невредимый.
Весьма удивлены были попадавшие на грязный асфальт пассажиры автобусов и такси; обалдело оглядываясь по сторонам, они видели вокруг лишь искореженные остовы врезавшихся в дома машин, да несколько шакалов улепетывали, поджав хвосты, испуганные внезапным появлением двуногих хозяев города.

О пассажирах кораблей и самолетов вообще лучше было не думать… Еще с полгода газеты помещали один огромный некролог за другим.
Даже не некрологи — просто списки.
Хотя сами газеты начали худо-бедно выходить только через две недели: не было электричества, не работали водопровод, канализация, средства связи почти весь транспорт пришел в большую или меньшую негодность…
В общем, медленно приходя в себя от потрясения и постепенно осознавая, что же с ними произошло, а также каждый день обнаруживая все новые последствия этого необъяснимого катаклизма и пытаясь их устранить, люди не сразу сообразили, что их мир изменился.
Изменился резко, полностью и, как многие надеялись, бесповоротно.
Но будем справедливы: надежды, как известно, питают юношей и умирают последними — вместе со старцами, которым исправно придают бодрость до гробовой доски.
Приверженцы некоторых не слишком приятных культов утверждают, что и после.
Поэтому надежды надеждами, а факт оставался фактом: в новом мире, который получили выпавшие на год из времени и пространства люди, больше не было оружия!
На месте оружейных заводов, складов и военных баз зияли огромные воронки или возвышались покореженные развалины. Не сохранилось практически ничего: превратились в пыль не только само оружие и боеприпасы, но и все линии по его производству, конструкторские бюро, исследовательские институты и лаборатории… Самонаводящиеся ракетные комплексы, реактивные орудия и танки как нельзя лучше справились с поставленной непонятно кем задачей, успешно уничтожив друг друга, а также заводы-матки и «мозговые центры».
По всей стране чудом уцелело не больше трех-четырех сотен ружей и пистолетов, а тяжелого вооружения не осталось совсем.
Сопредельные державы помалкивали, но у них творилось такое же безобразие — последнее нельзя было скрыть никаким молчанием.
В общем, к вящей радости пацифистов, мир оказался безоружным — не считать же оружием хранящиеся в музеях и частных коллекциях старинные мечи и алебарды, а также не более многочисленные новоделы?
Хотя кое-кто уже начал воспринимать эту мысль всерьез.
А пока мирные жители, ругаясь и приводя в порядок запущенные жилища, тихо радовались сквозь слезы, а наиболее завзятые вояки скрежетали зубами в бессильной ярости — не из чего было даже застрелиться!
Но и среди них самоубийств состоялось не так уж много: муравейник оружия покончил с собой, ему больше не было больно стрелять, и Человечество, само того не сознавая, вздохнуло свободно — аура тотального суицида гигантского стального организма отныне не давила на психику людей.
Застрелиться, одолжив у соседа чудом сохранившуюся «вертикалку»?
Шутите?
Шестое тысячелетие стояло на пороге.
Жизнь понемногу налаживалась. Отплакали свое родственники погибших, постепенно заработал транспорт, завертелись турбины электростанций, потекли по трубам вода и нечистоты… Люди оправлялись от шока, мало-помалу привыкая жить в новом, безоружном мире, и только все еще качали головами ученые: те, кто безуспешно пытался найти разгадку природы феномена, и те, кто на закрытых совещаниях никак не мог понять, почему после самовзрыва секретной лаборатории «Масуда» (частично финансируемой правительством и расположенной в предместьях Дурбана) полстолицы не лежит в развалинах? Ведь оружие под кодовым названием «Аз-Зайда» — «Неукротимая», которое там разрабатывалось, было настоящим «оружием массового поражения», не то что какие-то там установки залпового огня и кассетные бомбы! И — ничего! Средних размеров воронка, поглотившая тем не менее все результаты девятилетней работы, — и полное отсутствие следов заражения вокруг!
Естественно, проект «Аз-Зайда» был свернут; да и самой корпорации «Масуд» больше не существовало.
Ошарашенный мир подвис в шатком, недоуменном равновесии — и продолжал висеть в нем дольше, чем предполагалось скептиками. Видно, психологический шок не прошел для людей даром. Что-то надломилось в гордом сознании «Венца Творения», и люди никак не решались сделать следующий шаг.
Вернее, повторить уже некогда сделанный.
Шестое тысячелетие стояло на пороге и подкидывало монетку на ладони.
Орел?
Решка?
Ребро?

…Похороны выглядели более чем скромными. Никого из родственников не было — то ли не осталось их, то ли не сумели отыскать и оповестить, — так что в последний путь Ниру и ее прабабушку провожали лишь те, кто видел финальные минуты старого мира, совпавшие с последними минутами этих двоих: девочки и старухи.
Да и то — не все.
Не явилась госпожа Коушут, возможно, понимая, что не место ей здесь, или… Хаким-эмир лежал в больнице, слезливо жалуясь на судьбу; культя заживала быстро, и он уже заказал себе протез. В соседней палате бригада реаниматоров третьи сутки боролась за жизнь господина Ташварда. Врачи побеждали, но в сознание гулям-эмир все еще не пришел. Близнецов бар-Ханани забрала двоюродная тетя, живущая в Дурбане, и теперь они ждали приезда родителей из далекого Оразма.
Остальные пришли.
Тихо всхлипывала Лейла, осторожно поддерживаемая как-то сразу посуровевшим и осунувшимся Рашидом аль-Шинби; скорбно застыл у изголовья двух могил строгий и печальный надим Исфизар; рядом понурился тихий, чуть ли не впервые в жизни побрившийся Руинтан, и слегка дрожащие руки аракчи беспомощно свисали из куцых рукавов старого, изрядно тронутого молью костюма. Когда надим заговорил, Равиль ар-Рави, в дорогой черной тройке, без своих обычных перстней и золотых цепей, полез по привычке в карман за сигарой, но вовремя опомнился, виновато оглядел собравшихся и стал слушать надима. Стоявший позади хозяина сосредоточенный Альборз перестал сопеть, кинул по сторонам быстрый взгляд и, не обнаружив ничего подозрительного, замер, как солдат почетного караула.
Сунджан, тоже вся в черном, не плакала, но красные круги вокруг блестящих глаз девочки говорили сами за себя. Оказавшийся рядом Валих Али-бей по-взрослому слегка сжал ее ладонь, и девочка благодарно кивнула: мол, спасибо, Валих, со мной все в порядке.
Огромный хайль-баши понуро смотрел в землю.
Карен Рудаби держался немного позади Фаршедварда, отчего-то чувствуя себя чужим, посторонним, — но не прийти егерь просто не мог.
Усмар и Махмуд, периодически поглаживавший свежий гипс на левой руке, тоже чувствовали себя неуютно, переминаясь в сторонке с ноги на ногу.
Гулямы не решались ни подойти ближе, ни покинуть это скорбное место.
Доктор Кадаль стоял особняком, отдельно от других. Казалось, он вместе со всеми слушает речь надима Исфизара, но если бы кто-нибудь заглянул сейчас доктору в глаза… Нет, хорошо все-таки, что никому не пришло в голову заглядывать в глаза Кадаля Ханумана!
— …Говорят, что Творец не прощает самоубийц, отвергнувших Его великий дар человеку — жизнь. Но эта девочка не отвергла Его дар! Она хотела жить! Но добровольно отдала свою жизнь за всех нас, взяв на себя грех самоубийства и даровав этим шанс не только нам, а всем живущим. Я очень надеюсь, что Тот, кто сейчас слышит меня, поймет ее и не осудит…
…Ниру похоронили вместе со всеми десятью ножами Бао-Гунь. Когда Карен задвигал крышку гроба, один из ножей выпал из кожаной перевязи, и, вкладывая его на место, отставной висак-баши увидел, что лезвие ножа проржавело насквозь и крошится в руках. Он никому не сказал об этом.
* * *
А потом они разошлись — каждый навстречу своей собственной судьбе.
Мектеб «Звездный час» едва не закрыли — большинство родителей поспешили забрать своих детей, и в итоге «Звездный час» превратился в довольно заурядный лицей, частную школу, ничем особым не выделяющуюся среди других подобных заведений.
Выписавшийся из больницы хаким-эмир ушел на более спокойную работу в департаменте образования, и вскоре там же объявилась пропавшая на некоторое время Зейри Коушут.
А новым хаким-эмиром опального мектеба стал бывший надим Исфизар, взявший корноухого Руинтана к себе сторожем. По вечерам оба нередко запирались в комнате с потускневшей табличкой «Ар-хаким» — и ночь пролетала незаметно за бутылкой (зачастую не одной) горькой настойки. Бывший надим и бывший козопас говорили. Говорили часами. Им было что вспомнить и о чем рассказать друг другу.
Валих Али-бей и Сунджан снова оказались в одном мектебе — уже совсем другом. Выросшие дети редко разговаривали друг с другом, но нечто общее, для чего слова излишни, незримо присутствовало между ними.
Большой Равиль остался почти прежним, разве что в последнее время начал куда серьезнее и даже с некоторой опаской относиться к астрологам, экстрасенсам и тому подобным личностям, никогда больше не именуя их шарлатанами, но стараясь держаться от них подальше. За исключением, естественно, доктора Кадаля, которого также перестал называть «знахарьком».

Ар-Рави хорошо усвоил урок, преподанный ему «Звездным часом».
Альборз-пахлаван успешно осваивал технику работы коротким мечом и двумя широкими ножами-«бабочками», а также стрельбу из арбалета. Профессионал остается профессионалом, а телохранитель шейха «Аламута» всегда славился ответственным отношением к работе.
Уволенные из мектеба Махмуд и Усмар вскоре вступили в ряды блюстителей порядка, попав, по странному стечению обстоятельств, в подчинение к оставленному в Дурбане Карену.
Курбаши Рудаби, в свою очередь, подчинялся бригадному сархангу Али-бею.
Выписавшийся из больницы через два месяца господин Ташвард исчез в неизвестном направлении, и больше о нем не было ни слуху ни духу.
Рашид…
Рашид аль-Шинби спустя полгода с блеском защитил диссертацию, получив степень доктора исторических наук, а еще через месяц прислал доктору Кадалю и Большому Равилю приглашения на свадьбу. Ар-Рави приехать не удалось — дела Семьи на тот момент требовали от шейха всего его личного времени; а вот Кадаль побывал на свадьбе, искренне поздравил Рашида с Лейлой — и с тяжелой от трехдневной попойки головой вернулся в Хину, с тем чтобы в дальнейшем видеться со своим однокашником один-два раза в год. У доктора Кадаля тоже доставало работы: фобий и маний хватало и в новом мире.
Хотя тот кошмар навсегда ушел в небытие.
Доктор знал это.
Рашид теперь работал преподавателем на кафедре истории средних веков в университете ош-Дурбани, и никто из его коллег и студентов не догадывался, чем занимается молодой профессор в свободное от лекций и семинаров время.
Об этом знала только Лейла аль-Шинби.
Рашид писал книгу.
Ту книгу, начало которой родилось у ночного костра во дворе молчавшего мектеба, внутри призрачного кокона сошедшего с ума времени и пространства, когда рядом с ординарным хакимом встали те, кто жил когда-то и, казалось, заговорил его устами.
Рашид писал книгу.
А раз в год, в самый канун Ноуруза, ему снился один и тот же сон.
Он стоял на холме. Вернее, они стояли. Рашид аль-Шинби — и его друг, доктор Кадаль Хануман. Стояли, молчали, смотрели на раскинувшееся вокруг бескрайнее море волнуемого ветром степного ковыля, переливающееся волнистыми полосами, — а по полю шла девочка.
Черноглазая нескладная девочка-подросток. Только здесь язык почему-то не поворачивался назвать ее некрасивой.
Белое платье, перехваченное крест-накрест кожаными перевязями, трепещет на ветру, девочка улыбается, проходит мимо — и идет дальше, на вытянутых руках неся перед собой огромный сверкающий эспадон; а навстречу ей уже бежит, ликующе смеясь, беловолосый гигант, и на дальнем холме взахлеб смеется еще кто-то — яркое солнце играет на приветственно вскинутом вверх клинке, тонком и прямом, и на сжимающей рукоять меча латной перчатке, и стоит рядом, опершись на разветвленную пику, стройная девушка в старинном хакасском костюме для верховой езды, а позади появляются еще люди, и первой спешит морщинистая старуха, забыв о приличествующем ее возрасту достоинстве, — разноцветье одежд, блеск оружия, приветственные крики…
Рашид улыбается во сне.
Он не знает, что за полтораста фарсангов от него, в Западной Хине, доктор Кадаль пристально смотрит на фотографию своего друга — и видит то же самое.
Медленно разглаживаются морщины на лице Кадаля Ханумана, исчезает отрешенность из глубины зрачков — доктор тоже улыбается.
Они оба верят, что это — правда.
Им очень хочется в это верить.

Генри Лайон Олди
Я ВОЗЬМУ САМ

До каких я великих высот возношусь
И кого из владык я теперь устрашусь,
Если все на земле, если все в небесах —
Все, что создал Аллах и не создал Аллах,
Для моих устремлений — ничтожней, бедней,
Чем любой волосок на макушке моей!

Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби

Есть такие призраки, что приходят между явью и сном.
«Ну что это за свинство?! — хрипло бормочешь ты, натягивая одеяло на голову. — Просто безобразие! Эй, вы, там, — я вас что, для этого выдумывал? Для этого, да?! А ну живо, кыш отсюда!»
Шаги. Скрипят половицы, чужое дыхание перышком касается щеки, щекотно, щекотно… у дальней стены тихо смеются. Хрустальные колокольцы откликаются щемящим вздохам сквозняка; ты пинаешь ногой наугад, промахиваешься и обнимаешь подушку истово, как обнимают желаннейшую из женщин.
На кухне звякает посуда.
Пахнет чаем: крутым, свежезаваренным… чаем пахнет.
— Призываю в свидетели чернила, — бормочешь ты, не ведая, что творишь, — и перо, и написанное пером! Эй, свидетели: я сейчас встану, и никому мало не покажется! Вы слышите… вы… слышите…
Есть такие места, куда попадаешь между сном и сном.
Песок струится меж пальцами, уходя в песок; желтые крошки бытия, и белые крошки бытия, а еще, говорят, бывают черные, красные… Стойте! Куда вы?! В горсти вода — те хрустальные колокольцы, что совсем недавно заигрывали со сквозняками, обрываются крупными каплями, и остается лишь вытереть мокрой ладонью лоб.
«Ну что это за свинство?! — ты идешь по берегу реки, ругаясь в такт шагам всеми бранными словами, которые успело выдумать человечество за века существования; и еще добрым десятком слов, человечеству неизвестных. — Эй, вы, там — дадите мне выспаться, в конце концов, или нет?! На кой я выдумывал эту речку, и эту пустыню, и эти горы (что, уже горы?! м-мать!..)?! Для чьей забавы: моей или вашей?! Вот сейчас проснусь — и всех к ногтю… всех… к ногтю…»
Ветер смеется в лицо, мелкий щебень норовит забиться в башмаки, сосны на взгорье текут смолистым ароматом, и вместо одеяла остается лишь натянуть на голову серую пелену дождя.
Шаги.
За спиной.
Ты оборачиваешься: никого.
Одни шаги.
— Призываю в свидетели серые сумерки, и ночь, и все то, что она оживляет, — бормочешь ты, лишь бы заглушить проклятые шаги, лишь бы не слышать этого шарканья стертых подошв. — Призываю в свидетели месяц, когда он нарождается, и зарю, когда она начинает алеть… призываю! Эй, свидетели: имейте в виду, в следующий раз я напьюсь до того волшебного состояния, когда сны шарахаются от перегара на сто поприщ! Имейте… в виду…
Есть такие слова, что начинают звучать между сном и явью.
Безумие воцаряется кругом: лепет младенца, крик страсти, вопль влюбленного ишака, старческое бормотанье, гнусаво пришепетывает мелкий плут, взахлеб плачет женщина, выталкивая из себя комки отчаянья; «Да чтоб вас всех! — надрываешься ты, не слыша собственного голоса, ощущая лишь боль, жгучую боль в горле. — Заткнитесь! Онемейте! Клянусь: всем языки вырву!.. всем… всем…»
Слова испуганно разбегаются, чтобы из углов тыкать в тебя пальцами.
— Призываю в свидетели день Страшного Суда и укоряющую себя душу, — остается лишь воздеть руки к потолку, прекрасно понимая всю бесполезность жеста. — Призываю в свидетели время, начало и конец всего, ибо воистину…
— Ибо воистину человек всегда оказывается в убытке, — отвечают они, уходя.
Призраки, места, слова…
— Всегда? — спрашиваешь ты у них.
— Нет, правда? — спрашиваешь ты у них.

— Постойте! — и они останавливаются на пороге.
Есть такая жизнь, что начинается между явью и явью.

КНИГА ПЕРВАЯ
ФАРР-ЛА-КАБИР

Во имя Творца, Единого, Безначального, да пребудет его милость над нами! И пал Кабир белостенный, и воссел на завоеванный престол вождь племен с предгорий Сафед-Кух, неистовый и мятежный Абу-т-Тайиб Абу-Салим аль-Мутанабби, чей чанг в редкие часы мира звенел, подобно мечу, а меч в годину битв пел громко и радостно, слагая песню смерти…

То, что гнало его в поход,
Вперед, как лошадь — плеть,
То, что гнало его в поход,
Искать огонь и смерть,
И сеять гибель каждый раз,
Топтать чужой посев —
То было что-то выше нас,
То было выше всех.

И. Бродский. «Баллада короля».

КАСЫДА О НОЧНОЙ ГРОЗЕ

О гроза, гроза ночная, ты душе — блаженство рая,
Дашь ли вспыхнуть, умирая, догорающей свечой,
Дашь ли быть самим собою, дарованьем и мольбою,
Скромностью и похвальбою, жертвою и палачом?
Не вставaвший на колени — стану ль ждать чужих молений?
Не прощавший оскорблений — буду ль гордыми прощен?!
Тот, в чьем сердце — ад пустыни, в море бедствий не остынет,
Раскаленная гордыня служит сильному плащом.
Я любовью чернооких, упоеньем битв жестоких,
Солнцем, вставшим на востоке, безнадежно обольщен.
Только мне — влюбленный шепот, только мне — далекий топот,
Уходящей жизни опыт — только мне. Кому ж еще?!
Пусть враги стенают, ибо от Багдада до Магриба
Петь душе Абу-т-Тайиба, препоясанной мечом!

Глава первая,

где излагаются сожаления по поводу ушедшей молодости, слышится топот копыт и бряцанье клинков, воспеваются красавицы и проклинаются певцы, но даже единым словом не упоминается о том, что всякому правоверному в раю будет дано для сожительства ровно семьдесят две гурии, и это так же верно, как ваши сомнения относительно сего.

Рыжая кобылица зари, плеща гривой, стремительно неслась в небо. Словно хотела пробить первый свод, как следует тряхнув подвешенные на золотых цепях звезды, и ворваться туда, где ангелы в воплощении животных предстоят перед Всевышним за разных зверей. Туда, где бродит одиноко белоснежный петух, чей гребень касается опор неба второго — хоть пятьсот лет пути разделяет небеса! — и про которого сказано: «Есть три голоса, к коим Аллах всегда преклоняет свой слух: голос чтеца Корана, голос молящего о прощении и кукареканье сего петуха». Ибо все твари земные просыпаются от его пенья (кроме человека), а прочие кочеты поют «алилуйя» тем же тоном, что и белый гигант.

Говорят, в преддверии Судного Дня смолкнет великий провозвестник зари, сложит крылья и нахохлится, а следом за ним онемеют все петухи земли; и это будет знаком скорого конца мира.

Несись, рыжая, тешь себя несбыточными надеждами, пока есть еще время, пластайся в яростной скачке над минаретами Басры и Куфы, дворцами аль-Андалуса и острова Вахат, садами Исфахана и Хуросона — гони!..

…человек у ночного костра невесело ухмыльнулся. Поворошил угли палкой с завитком на конце, похожим на вытянутую букву вав; и в ответ иные буквы зарделись, заплясали в очнувшемся пламени — алиф, мим, нун, син, каф… ты, гроза, гроза ночная… Заревая кобылица пока что существовала лишь в воображении человека, до бега ее оставалось не меньше трех часов, а реальность была совсем иной: костер, который пришлось разводить заново, ежеминутно поминая шайтана над сырыми дровами. Гроза промочила одежду до нитки, бурнус пришлось дважды выкручивать, и в итоге сухими остались лишь нижние шаровары из кожи, пропитанной овечьим жиром; да еще упрятанный на дно запасного вьюка уккаль — головной убор бедуинов.

Полотнище ткани и витой шнур, удерживающий покрывало на голове.

Человек еще раз усмехнулся. Уккаль подарили ему те, кто сейчас рыскал по пустыне в надежде залить пожар ненависти кровью беглеца. Смешная штука — жизнь. Все прекрасно знают, куда влечет нас течение, и тем не менее каждый надеется, что именно его забросит в иное русло. Вчера ты грел зад на атласных подушках, а черноглазая гурия несла тебе чашу шербета или запретный плод виноградных лоз; сегодня тебя ждет дырявый ковер, вытканный еще во времена Яджуджа и Маджуджа, и вместо гурии с чашей ты вынужден довольствоваться старухой-фазариткой со щербатой плошкой, где плещется верблюжье молоко. Но пройдет день или час, и явление ангела смерти Азраила, чьи ужасные глаза отстоят друг от друга на семьдесят тысяч дневных переходов, заставит добрым словом помянуть щедрую дочь Бену Фазар — и что с того, что ее предки после смерти пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) отпали от истинной веры, возвратясь к племенному идолу Халлялю?! Только что твой рот набивали жемчугами, превращая каждое сказанное тобой слово в блестящую бусину, но вот уже твой сладкоречивый рот, твою сокровищницу, готовы доверху набить собачьим дерьмом, ибо сказал не то, чего ждали, и не так, как ждали! Старый мерин, кричат они вслед, крепость паскудства, дитя вони и слепоты… ты хватаешься за меч, но они разбегаются, гнушаясь честным боем, и ты остаешься один на один с обидой. Стрелы поношений, оперенные наилучшими сравнениями, с наконечниками из самых изысканных рифм от Йемена до Моря Мрака, где плавают наводящие страх глыбы льда, падают в пустоту, не найдя цели — о, они убегают, а «старый мерин» и без рифм звучит громче и противней ослиного рева…

Как же ты был прав, еретик и скряга Абу-ль-Атахия, чье прозвище-кунья означает «Отец Безумия», умерший за девяносто лет до моего рождения, непревзойденный мастер жанра «зухдийят» — стихов о бренности жизни:

> — Вернись обратно, молодость!
> Зову, горюю, плачу, свои седые волосы подкрашиваю, прячу,
> как дерево осеннее стою, дрожу под ветром,
> оплакиваю прошлое, впустую годы трачу.
> Приди хоть в гости, молодость!
> Меня и не узнаешь, седого, упустившего последнюю удачу.

Человек собрался было усмехнуться в третий раз, но раздумал.

И правильно, в общем, поступил.

Улыбка давно не красила его, лишенного изрядной части зубов, и среди них — двух передних. Их выбил тупым концом копья один ревнитель чести из племени Бену Кельб,

столь же горячий, сколь и опрометчивый. Ведь если его сирийские прадеды действительно придерживались веры креста до того, как обратить свой слух к воззваниям пророка (да благословит его Аллах и приветствует!), то почему об этом нельзя сказать вслух?! Сказать ясно и просто, не рискуя лишиться передних зубов и поссориться затем со всеми кельбитами — о нет, не из-за их прошлого, но из-за безвременной гибели пылкого соплеменника! Ведь если невовремя высказанная правда стоит славного удара, то заплатить ударом за удар вдвойне достойно! Возгласил же пророк Иса: «Не мир я вам принес, но меч!», и спустя шесть веков с лишним Мухаммад, последний из пророков, повторил при многих свидетелях: «Меч есть ключ к небу и аду».

Да, меч… Человек посмотрел на свою левую руку, до сих пор сжимавшую палку с завитком в виде буквы вав. Вместо безымянного пальца красовалась уродливая культяпка, а на среднем не хватало одной фаланги. Впрочем, палец не голова, а шрамы украшают мужчину. Вон, на шее, и еще на скуле, и еще под ключицей. Драгоценности, не рубцы! Сокровища. Так говорят сами обладатели шрамов, но с ними редко соглашаются стройные газели тринадцати лет от роду, предпочитая изрубленным ветеранам пухлощеких юношей с усиками чернее амбры. Вот ветеранам и приходится брать газелей силой, утешая себя глупыми пословицами. Пятьдесят лет — плохой возраст для костров под ночными ливнями; особенно в тех краях, где впустую потраченная капля воды воспринимается как личное оскорбление. Давно, давно пора было остепениться, осесть где-нибудь… да хоть в том же Дар-ас-Саламе! Осесть, купить дом, восхвалять халифа и ближних его, подставляя открытый рот за жемчугом или динарами, поносить скупых, вышибая подачки острословием, вести беседы с закадычным другом, прожорливым неряхой Абу-ль-Фараджем Исфаханским, в надежде попасть в «Книгу песен» последнего; наконец бросить воспевать дев и битвы, вспомнив о бренности тела и вечности души…

Увы, человек никогда не считал себя мастером жанра «зухдийят». Душа не лежала. Собственно, желание освоить этот жанр (вопреки велению сердца, зато по настоянию плешивых умников) и погнало его сперва на Шамийские равнины, а потом сюда, в пустыни Аравии или, как говаривали персы, Степь Копьеносцев. Где, если не здесь, сохранился неиспорченный язык бедуинов, язык Корана и поэтов «джахилийи»?! — тех времен, когда неистовый Мухаммад еще не родился, чтобы принести верующим слово истины.

Язык восхвалений и поношений, язык правды, язык открытого сердца.

Человек боялся признаться самому себе, что дело не только в этом. Перекати-поле — вот кто он такой. Просто Аллах спросонья моргнул невпопад, и некий младенец в глухом селении близ Куфы родился намного позже правильного срока. Лет эдак на четыреста. Или на пятьсот. Пусть прикусят языки те, кто зовет сии благословенные дни прошлого Эрой Невежества, пусть прикусят до крови, или нет! — пусть лучше вспомнят, чьи семь касыд, где каждое слово благоуханней мускуса, были подвешены к стенам святой Каабы! Пусть вспомнят грозного Имру уль-Кайса, прозванного Скитающимся Царем, пусть их устрашит видение чернокожего Антары, Отца Воителей, пусть остальные пятеро великих поэтов-бойцов Эры Невежества на миг скинут погребальные покровы и явятся к хулителям из скрежета зубовного или райского блаженства, где бы они сейчас ни были! Вот когда надо было рождаться, вот с кем надо было ехать бок-о-бок в походе и набеге, вот с кем стоило состязаться в красноречии и остроте копья…

Где Медный город и Долина гулей, талисманы ифритов и летающие кувшины колдунов, где поединки храбрецов и красавицы-пери, смущающие сердце и похищающие рассудок… и наконец — откуда под горбатым небосводом такое обилие серой слякоти, лишь по недоразумению судьбы именующейся сынами Адама?! Аллах, куда ты смотришь?!

Человек вздохнул и поднял голову. Умытое грозой небо отливало у горизонта лиловым, и падающие звезды расчерчивали его вдоль и поперек, превращая в драгоценную кашмирскую парчу. Сегодня была ночь правоверных джиннов, сегодня духи, созданные из чистого огня, старались украдкой заглянуть в горние сферы, а ангелы швырялись в дерзких соглядатаев метеорами, отпугивая от запретного зрелища. Видимо, какой-то из вождей джиннов в дерзости своей сунулся дальше обычного — ослепительная молния заставила светильники небес поблекнуть, а вместо грома донеслось рычание Ангела Мести и перезвон раскаленных цепей, грудой сваленных у подножия его престола. Свод над головой затопило овечьим молоком, потом осыпало пеплом и ржавчиной, но джинны отпрянули, рык стих, и лишь холодный порыв ветра налетел с запада.

Будто вздох бездонной пропасти.
Крохотный оазис, давший приют беглецу, вздрогнул до основания, испуганно плеснула влага в водоеме, обнесенном каменными плитами, и колючие акации зашептались, затрясли в испуге ветвями, роняя редкие капли.
Тишина.
Лишь храпят недовольно две лошади: низкорослая тихамитка, чья доля — тяжесть вьюков, и тонконогая кобылица с белым пятном во лбу, напоминавшим звезду Сухейль.
— Наама! — еле слышно позвал человек.
Кобылица встрепенулась, зафыркала, и человек помахал ей рукой. Левой, искалеченной, которая до сих пор сжимала палку с завитком в виде буквы вав. Он сам дал кобылице, гордости джизакских табунов, это имя — Наама. В честь страуса-бегуна, чьи ноги способны мерять пески так же споро, как купец меряет дареный тюк шелка; и еще в честь знаменитой кобылицы прошлого, из-за которой вожди племен спорили долго и обильно, заливая кровью окрестные земли.
Пора было собираться в путь.
Пора было сунуть голову в пасть льва.
Рыжая кобылица зари, плеща гривой, стремительно неслась в небо. «Наама!» — позвал кто-то снизу. Заря не обернулась, как не оборачивалась и раньше, в славные времена джахилийи, времена поэтов, бойцов и безбожников, о которых тосковал ночью человек у костра.
Аль-Мутанабби Абу-т-Тайиб Ахмед ибн аль-Хусейн из племени Бану Джуф.
Что значит на языке Степи Копьеносцев, языке остром, как меч, и звонком, как меч: Выдающий-Себя-За-Пророка, Отец Всадников рода Тай, Ахмед, сын аль-Хусейна из южных арабов, рожденный близ благословенной Куфы.
А на земле полновластно царил 354-й год со времени «Бегства пророка», или 965-й год от рождения пророка Исы, как привыкли считать люди креста.
2
«С детства ненавижу удачливых», — подумалось Абу-т-Тайибу, когда из-за дальнего бархана вывернул такой же одинокий, как и он сам, всадник; и клич радости огласил пески.
Поэт в досаде забыл добавить: «Но удача еще никому не мешала», — ибо клич вполне мог оказаться куда более многоголосым, а встретить одного преследователя несомненно лучше, чем дюжину ему подобных.
Будем спорить?
Не узнать всадника пристало лишь слепому: даже самый щеголеватый из бедуинов не станет скакать по пустыне, вырядившись женихом. Кроме разве что жениха. Того самого жениха из маленького, но гордого племени Бену Кахтан, куда Абу-т-Тайиба позавчера чуть ли не силком затащили на свадьбу. Шейхам племени было лестно присутствие на празднике знаменитого поэта, а самым ретивым охота была проверить: сможет ли похититель столичных сердец привести в восхищение привередливых детей пустыни?
— Мадх! — закричали кахтаниты хором, после того как обильные дары были разложены перед гостем. — Хвалебный мадх в честь невесты!
А одноглазый крепыш, слывший меж соплеменниками знатоком прекрасного, добавил с ехидной усмешечкой:
— Хвалебный мадх с «серой» рифмой, как однажды пел Ибрахим Счастливец перед повелителем правоверных, мир им обоим!
Абу-т-Тайиб поднялся, не коснувшись руками ковра, с достоинством поклонился собравшимся и начал, аккомпанируя себе на чьей-то изрядно расстроенной лютне:

— Ты горбата и зобата, и меня гнетет забота:
Если будешь ты забыта — не моя вина, красавица!
Ты бежишь быстрее лани, ты бредешь, пуская слюни,
Предо мною на колени скоро встанешь ты, красавица!
О, бока твои отвесны, и соски твои отвислы,
Убежать смогу от вас ли, если…

В упоении «серым» мадхом, чья импровизация требовала от сочинителя всего напряжения душевных сил, Абу-т-Тайиб позорно упустил из виду, что шумные знатоки далеко не всегда являются знатоками истинными, и заказчик может быть подталкиваем

скорей гонором, нежели знанием тонкостей. Ни одноглазый, ни его соплеменники, как вскоре выяснилось, и понятия не имели о правилах стихосложения. Знай они заранее, что славное восхваление Ибрахима Счастливца начиналось с описания собачьей подстилки с целью дальнейшего противопоставления ей дворца повелителя правоверных… О, тогда бы они, разумеется, дослушали бы мадх до конца и поняли всем сердцем: их гость намеренно начал с описания верблюдицы, на которой доставили невесту к шатрам жениха, дабы оттенить сим сравнением всю прелесть девушки! Поняли бы, и не стали гневаться, и подарили бы певцу вышеупомянутую верблюдицу вместо того, чтобы ворчать и рычать яростными львами, размахивать мечами и потрясать копьями, швыряться камнями и гоняться за оскорбителем по всей пустыне, обещая сунуть его раздвоенный язык в места много худшие, нежели блюдо с мясом в уксусе!

Ах, и впрямь опасно рассыпать жемчуг перед хрюкающими!

Плащ закона гостеприимства спас Абу-т-Тайиба от немедленной расправы, но едва истек второй час после его бегства, как кахтаниты дружно ринулись в погоню. Впрочем, сперва неудача в поисках, а затем ночная гроза поохладила горячие головы (или кто-то из шейхов вспомнил-таки основы стихосложения, за что хвала создателю миров!) — короче, лишь оскорбленный жених продолжил рыскать меж барханами и оазисами, кусая губы.

Докусался, везунчик.

Догнал.

— О встреча, не позволившая моей желчи разлиться бурным потоком! — заорал бедуин еще издалека, и кобылица Наама злобно откликнулась на ржание бедуинского жеребца. — О старик, чей вид скверен, образ мерзок, а запах отвратителен! Любуйся мною, ибо пробил твой час!

Абу-т-Тайиб вздохнул и понял, что юноша в детстве пересидел у пастушьих костров, слушая «Рассказы о подвигах племени ал-Хиллял».

Но, так или иначе, начало требовало продолжения.

— Ты подробно описал мне своего благородного отца, о пылкий жених! — привстав на стременах, крикнул поэт, пытаясь не усложнять поношений лишними сравнениями и образами; для вящего понимания. — Ты лишь забыл добавить, что он в старости делает воздух мрачным и пространство от вони непрозрачным! Давай же теперь вспомним твою славную мать! Правда ли, что когда она хотела золотой динар, ей давали медный фельс, а когда она просила фельс, то получала рубленый даник? И правда ли то, что когда она просила сына, то получала безродного ублюдка вроде тебя?!

После этого бедуин вместо острых слов швырнул в оскорбителя копьем, а оскорбитель, уворачиваясь, понял раз и навсегда: жанр «зухдийят», воспевающий добродетель и осуждающий мирскую тщету, воистину недоступен для бедного поэта.

Как райские сады недоступны для хулителей веры, как чалма недоступна для безголового, как…

Вскоре досужие мысли улетучились сами собой, а жеребец араба и тонконогая Наама сшиблись, стараясь вцепиться друг другу в шею.

Легко и весело рубился жених, пьянея от самого опасного в мире хмеля, вкладывая в удары всю нерастраченную юность, весь пыл, которому следовало бы выплеснуться в невестиной палатке — во имя рождения новой жизни, а не для истребления старой. Бой должен был стать коротким, коротким и ярким, ибо ждать — сердце плавить, а кровь обидчика слаще воды источника Земзем, даруя если не бессмертие, то непреходящую славу. Увы, кривой машрафийский меч старика, изготовленный славными оружейниками Йемена, оказался существенно длинней и тяжелее, чем звонкая жениховская альфанга, а сам старик-сквернослов — существенно упрямей и опытней в поединках храбрецов, чем показалось юноше с первого взгляда. Змеи клинков плели в воздухе чудную вязь, рассыпая искры-чешуйки, немела рука бедуина, запаздывая выполнять приказы хозяина, и вот уже ядовитый поцелуй залил бедро алым ручьем, и еще, и снова, а проклятая кобыла вертелась вьюном, словно крылатая аль-Борак, что доставила пророка к престолу Аллаха; и еще, и снова… и мнилось, поет небо над головой: «Разящие рифмы в пыли загремят, обученные сражаться — от этих стихов головам врагов на шеях не удержаться!..»

Нет, Абу-т-Тайиб не хотел убивать глупого мальчишку. И жалость была тут совершенно ни при чем. Мало чести, а душа потом воет на луну тоскливым воем, саднит застарелой язвой, словно и не душа она вовсе, и являются из ниоткуда призраки с тусклыми бельмами, сидят рядом до самого утра, безмолвно вопрошая убийцу:

— Зачем?

Пусть его, отлежится, опомнится, свои подберут, невеста выходит… Е рабб, в смысле «Боже мой»! Что ж ты делаешь, безумец?!
В самый последний момент жених вдруг застыл в седле каменным изваянием, рисованным красавцем-идолом, запретным для истинно верующих; изрядно выщербленная боем альфанга остановилась на полувзмахе — и клинок Абу-т-Тайиба не удержал разбега. Когда голова жениха отделялась от шеи, умирающие глаза все еще смотрели куда-то за спину поэта, смотрели пристально, испуганно, будто увидев рогатого ифрита или святого бродягу Хызра; но кто в наши времена поддается на дешевые уловки? Поэт благоразумно дождался, пока безглавое тело упадет в песок, и лишь потом обернулся, заранее зная, что не увидит ничего особенного.
Он и не увидел ничего.
На пустыню рушился самум.
Непроглядная чернота задрала подол небу, и насилие свершилось.
3
«Кто я… о-о-о, скажите мне, кто я?!»
«Выдающий-Себя-За-Пророка, Отец Всадников рода Тай; маленький Ахмед, глупый сын аль-Хусейна, ветвь от пальмы гордых арабов юга…»
«Где я?! Где я, Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби?!»
Нет ответа.
Лишь хихикает меленько насмешник-невидимка: «В преддверии ада, дружище — а хуже места и не сыскать, хоть век ищи!»
Тьма обступает, морочит, приникает постылой женою, на зубах хрустит песок, а где-то неподалеку капли воды долбят темя вечности: алиф, мим, нун, син, каф… ты, гроза, гроза ночная…
Капли?
Воды?!
Встать на ноги труднее, чем пешком дойти до легендарной горы Каф, и поначалу приходится двигаться на четвереньках, по-собачьи, в кровь обдирая колени, а потом уже, когда боль становится обжигающим кнутом, рывком подымать себя и, выплевывая хриплый стон, тащиться в темноту, невозможную, небывалую темноту, где пахнет сыростью, а капли не смолкают, бубнят речитативом: алиф, мим…
Надо было идти.

Глава вторая,

которая есть наилучшая в нашем повествовании, ибо здесь говорится о безвременной кончине владык и трудностях, связанных с наследованием трона, о моргающих глазах мира и долинах гулей-людоедов, но даже краешком не приоткрывается завеса над тайной древнего храма Сарта-Ожидающего, да сохранит его Аллах и приветствует!
1
Суришар с ленивым интересом наблюдал за приготовлениями жрецов-хирбедов, вызвавшихся служить проводниками. Перевал как перевал, родной брат предыдущего и двоюродный того, что они миновали три дня назад — морщинистые, изъязвленные ветрами скалы, сквозь которые упрямо ползет змея горной тропы, накручивая кольца: вверх-вниз, вверх-вниз…
В общем, будущий шах совершенно не понимал: зачем хирбедам понадобилось останавливаться именно здесь и с головой погружаться в таинства явно бессмысленного обряда? Подготовка затягивалась, на шее удавкой палача, грозя если не смертью, то смертельной скукой; и вскоре ожидание вдоль и поперек изгрызло печень нетерпеливому Суришару. Даже учитывая, что сейчас его взгляд настойчиво ласкал молоденькую жрицу Нахид. Увы! — будь сей взгляд стократ пламенней, и то остыл бы, расплескавшись по ледяной броне невозмутимости прекрасной хирбеди. Девушка была всецело поглощена разведением ритуального огня на жаровенке-алтаре, установленной поперек дороги, и не обращала на наследника престола никакого внимания.
Впрочем, точно так же она вела себя и в течение всего пути, чем дальше, тем больше раздражая молодого человека. Суришар ценил себя весьма высоко, и не без оснований: знатен, юн, красив, остроумен… что еще? Стихи — как из рога изобилия! Вот, к примеру:

— Прости, красавица, и не вини поэта,
Что он любовь твою подробно описал!
Пусть то, о чем писал, не испытал он сам —
Поверь, он мысленно присутствовал при этом!

Ну?! Где славословия?! Где восторги равных и пресмыкание низших?! Все нам по плечу, хоть слово, хоть меч… кстати, о мечах! На ристалище или на скачках приз получить — и тут он один из первых в столице! Отвага? Презрение к опасности? Ха! Кто еще из возможных наследников решился на Испытание, вышел на дорогу, которую должен пройти будущий владыка Кабира? Да никто, кроме него! И быть ему вскорости шахом, а эти унылолицые пусть прозябают…
Женщины от таких молодцов должны быть без ума. И были без ума. И будут. За исключением Нахид-хирбеди. Разумеется, подобное равнодушие «небоглазой» жрицы (а ведь действительно: глаза у девицы — голубые и пронзительные, как небо в горах!) выводило будущего шаха из себя.
Тем более, что обета безбрачия жрицы не давали. Сыщется достойный жених — и ладно… а сказок про блудливых хирбеди хоть пруд пруди!
«Ничего, дай срок, гордячка! Вот сяду на престол — возьму в жены. Или лучше в наложницы. Шаху не отказывают, — злорадно думал юноша, лаская яростным взглядом по-звериному изогнувшуюся фигурку жрицы, что припала к алтарю. — А мольбы Огню Небесному пусть плешивые мудрецы возносят!.. кто на них, кроме Огня, позарится?» — он покосился на хирбеда, бродившего вокруг Нахид и алтаря с невнятным бормотаньем.
Вот этот жрец был правильный: долговязый старец, отменно седой и морщинистый, в плаще шафранового цвета, надетом по случаю обряда поверх изрядно сношенной рясы. Общую благообразность слегка портила бородавка на верхней губе — раздвинув усы, проклятая нагло вылезала, подставляя бока для всеобщего обозрения и топырясь тремя иссиня-черными волосками, росшими из нее…
Словно почувствовав взгляд Суришара, старец вдруг остановился, коротко взглянул на шах-заде, но ничего не сказал и продолжил свое бесконечное хождение по кругу.
Седой хирбед тоже был «небоглазым», только в его запавших глазницах плескалась не безумная горная синь, а блеклое небо пустыни.
«Так, наверное, и должно быть», — невпопад подумалось шах-заде; и он сам удивился такому странному итогу.
Огонь мало-помалу разгорался, обратив слух, наконец, к уговорам молодой хирбеди, старец без устали наворачивал круг за кругом, бормоча себе под нос свое «хирам, хирам, кирам, пирам» — молитвы? заклинания? просто какую-то ерунду? — и Суришару уже начало казаться, что так было всегда, от сотворения мира, и они торчат на этом перевале уже целую вечность, и будут торчать еще вечность, до скончания времен, и хирам, и пирам, и еще кирам…
— Вставай, шах-заде. Можно ехать.
— А до этого нельзя было? — не удержался Суришар, стряхивая оцепенение и с трудом поднимаясь на ноги.
В колени словно песка насыпали.
— Можно. Но не нужно. И прошу тебя: держись строго между нами.
Юноша презрительно фыркнул, подражая собственному жеребцу, но спорить не стал: как раз в этом месте тропа была достаточно широкой, чтобы по ней бок-о-бок могли проехать трое конных. Раз жрец говорит «надо» — значит, надо. Вот только — зачем? Спросить? Суришар ловко вскочил в седло, подбоченился и с некоторым удивлением обнаружил, что и старик, и девушка опередили его. Святые покровители! — оба сидят верхом. А вся поклажа собрана и приторочена к седлам. И когда успели? Сон его сморил, что ли?..
Что-то здесь было не так. Несуразица комом стояла в горле, насмехалась шорохом малой осыпи, горькой оскоминой плыла в воздухе, от которой хотелось закричать во все горло… а тут еще хирбед с хирбеди буквально зажали его коня с двух сторон своими лошадьми. Шах-заде вновь помянул святых покровителей и машинально проверил: легко ли выходит из ножен сабля? Мало ли. Хотя в такой тесноте и не развернешься для хорошего удара…
— Драться не придется, шах-заде, — в холоде голоса Нахид явственно сквозила легкая насмешка. — Оставь саблю в покое и всего лишь держись между нами. В этом месте очень легко заблудиться.

«Да за кого она меня держит, эта гордячка?!» Однако вслух юноша ничего не сказал: пререкаться с женщиной, пусть даже трижды «небоглазой» — ниже достоинства наследника шахского рода!
Тем паче заблудиться на одной-разъединственной тропе в горах, при полном отсутствии развилок… ладно, промолчим!
Старец сухо щелкнул пальцами, будто уличный лицедей-мутриб — кастаньетами; и кони, как если бы только этого и ждали, шагом тронулись с места. Они шли голова в голову, мерно бряцая серебром уздечек, будто на время превратились в единое существо, и Суришар невольно задумался: а что еще может этот немногословный старик с лающим именем Гургин?
Кроме как бормотать и пальцами щелкать…
В следующее мгновение мир вокруг МИГНУЛ. Другое слово подобрать было трудно, да и не стоило его подбирать, это слово, ни другое, ни третье, как не нужно пальцами сбрасывать набежавшую слезу — веки сошлись, разошлись, словно встретились века, дрогнув ресницами-днями; миг сменился мигом, и вот — жизнь вроде бы прежняя, но без слезы, застившей взор.
И без соринки, что вызвала слезу.
Шах-заде ошарашенно заморгал в ответ, затряс головой, не веря своим глазам. Те же горы, то же небо — вот только внизу, в долине, что открылась по правую руку от путников, возник город! Суришар готов был поклясться: до того, как миру вздумалось мигать, никакого города внизу не было! Да и долины не было. Или все-таки была?..
Лишь сейчас он заметил, что кони уже не держат строй, тропа распухла от сознания собственной значимости, превратившись в довольно торную дорогу, а ладонь самого Суришара крайне глупо закаменела на сабельной рукояти.
— Не беспокойся, шах-заде, — буднично сообщил Гургин, почесывая бородавку. — Осталось совсем немного. К вечеру доберемся до места.
Прозрачное небо опрокинулось само в себя, плотно облегая тропу и всадников на ней; пестрая крупинка ястреба металась в голубизне, оглашая простор хриплым клекотом, и мелкие камни переговаривались друг с другом под копытами.
У наследника престола было много вопросов к проводникам, но юноша прикусил язык: стыдно уподобляться молокососу-несмышленышу, донимающему взрослых глупой болтовней. Поэтому Суришар осведомился лишь с показным безразличием:
— Что это за город, Гургин? Харза? Кимена? Медный город?
Последнее Суришар добавил с явной подковыркой: в Медный город попадали исключительно доблестные витязи, исключительно при помощи колдунов с бородавками где ни попадя и исключительно в сопровождении прекрасных девиц.
Гургин кивнул с абсолютным равнодушием.
— Проницательность шах-заде не имеет пределов. Это именно Медный город. Впрочем, на самом деле он медный не более, чем любой другой. И названия у него нет.
— Как это — нет? — опешил юноша. — Но ведь хотя бы его жители как-то называют свою родину?
— Называют, — во второй раз кивнул хирбед. — Просто Город. Город — и все.
2
Наследник престола честно сдерживался почти час. Потом его прорвало, и сквозь разрушенную плотину выдержки и напускного безразличия хлынул мутный поток вопросов.
— Мы заедем в Медный город, Гургин?
— Заедем, шах-заде. Или не заедем. Если да — то на обратном пути. Если нет — то тоже на обратном. Сначала ты должен пройти Испытание.
— А что это вообще за горы? Ты бывал здесь?
— Бывал. И Нахид бывала. А кличут их по-разному, — Суришар обратил внимание, что после странного перевала старик стал куда более разговорчивым. — Жители Города вообще лишних имен не любят. Просто — горы. Других-то все равно поблизости нет. Местные горцы… ну, тут история особая. Для них гор просто так не бывает, для них горы — это весь мир, а мир целиком и без названия проживет. Разве что части… Вон та вершина, в дымке — Тау-Кешт, за ней Ырташ-ата; а перевал, на котором ты скучал и поминал старого дурака тихим помином — перевал Баррах. Хочешь — запоминай, не хочешь — выбрось из головы.
— Гургин, а как ты сам здешние места зовешь? Тоже — просто горы?!
— Фарр-ла-Кабир, — отрезал хирбед, поджав губы, и веселый шах-заде осекся. Словно подзатыльник схлопотал.
Именно здесь, в этих горах без названия, из века в век решалась судьба будущих шахов Кабира. Наследники рода, претенденты на престол и шахский фарр всякий раз гурьбой

отправлялись сюда в сопровождении жрецов Огня Небесного — а возвращался из взыскующих славы лишь один. Шах. Куда девались остальные — никто не знал. Впрочем, хирбеды, наверное, знали. Они-то всегда возвращались в целости и сохранности!.. знали, но молчали.
Однако Суришару подобная участь не грозила. Дивное дело! — на сей раз он оказался единственным, кто отважился пройти Испытание. Значит, исход однозначен.
Шахом станет он.
А вот известие, что юная Нахид уже бывала в здешних местах, оказалось для шах-заде новостью. Когда это она успела? И — зачем? Похоже, «небоглазые» скрывают ото всех целые сундуки тайн, отнюдь не стремясь посвящать в них даже великих правителей Кабира-белостенного!.. Ничего, когда он примерит шахский кулах и перстень-печать, он заставит их развязать языки. Щелкая пальцами или не щелкая — заставит. Всему свое время: и время это уже не за горами. Вернее, как раз за горами! — притаилось в логове, куда они сейчас направляются.
Ждет.
Эй, время, слышишь? — ты дождешься!
Я иду!
«Ду-у-у-у…» — откликнулось эхо прямо в сознании шах-заде, не размениваясь на прогулки меж скалами, и юноша вслушался в самого себя: кто это там насмешничает?
— Ты никогда не рассказывал мне, в чем состоит Испытание, «небоглазый», — вновь заговорил Суришар спустя полчаса. — Здесь водятся гули-людоеды? Дэвы? Горные великаны? Я должен буду сразиться с ними?
— Водятся, — охотно согласился старый хирбед, а бородавке досталась новая доля почесываний. — В изобилии.
В ответ послышалось лошадиное фырканье, и до будущего шаха не сразу дошло, что это Нахид весьма удачно передразнила его самого. Еще и издевается, девчонка! Ох, дойдут у меня руки, дотянутся, почешут, где чешется!..
Однако, когда юноша скосился на едущую рядом жрицу, вид красавицы-хирбеди был совершенно серьезен.
— Вон за Тау-Кешт, — пальчик Нахид указал на вершину в чалме сизых облаков, — живут хмурые горные великаны. Очень хмурые и очень горные.
— Но мы туда не поедем, — не преминул добавить Гургин, хмурясь почище старейшины всех на свете великанов.
— А долина, куда можно выйти через ущелье по левую руку — владения гулей-людоедов. Там хранится их боевой петух — чьи перья острее копий, а кукареканье заставляет воинов ходить под себя, словно малых детей и впавших в детство патриархов…
— Но туда мы тоже не поедем, — снова уточнил хирбед. Видимо, на всякий случай.
У Суришара начало складываться впечатление, что эта парочка вполне могла бы зарабатывать кучу динаров, теша своими байками чернь на площадях.
— Наискосок от Тау-Кешт, и на треть фарсанга ближе к Городу, расположен древний храм Сарта-Ожидающего. Иногда там ночуют странные люди, чтобы выйти наружу еще более странными. Или не выйти совсем.
— Сарт-Ожидающий? — с интересом переспросил юноша. — Я никогда не слышал о таком боге. Кто он?
— Он не бог. Он — Сарт. Он ждет; и ждет не нас, — резко бросил жрец, скривившись, словно в рот ему попала пригоршня зерен горького колоквинта, сулящего несчастье глупому едоку. — И туда мы уж точно не поедем. Испытание — не самоубийство; вернее, далеко не всегда самоубийство. Потерпи, шах-заде. Умерь горячность. Осталось недолго.
После такого ответа у Суришара напрочь пропало желание пускаться в дальнейшие расспросы, и они продолжили путь в молчании.
3
…Суришар сидел перед входом в пещеру и время от времени бросал взгляд на клонящееся к закату солнце, ожидая, когда Огнь Небесный утонет в складках чалмы Тау-Кешт. Именно в этот момент он, наследник престола, должен будет войти в шершавый сумрак входа, который поглотит его… надолго ли?
Этого шах-заде не знал.
Сейчас юноша был один: Гургин и Нахид ушли, уведя с собой всех трех лошадей и предупредив, что будут ждать шах-заде у выхода. Ему надо просто пройти через пещеру насквозь и выбраться к ожидающим его спутникам. Только и всего. В этом заключалось Испытание.

«Только и всего!» — мысленно передразнил юную хирбеди Суришар. Без факела тащиться через мутную сырость, где просто обязан поджидать неизвестно кто или что! Сидит, небось, во мраке, тварь безымянная, потирает клешни, слюну меж клыков пускает — желтую такую, тягучую… Только и всего! Правда, старый хирбед клялся, что в пещере отродясь не водилось никаких страхолюдин, кроме темноты — но ведь всякий раз с Испытания возвращался лишь один претендент на трон и фарр! Куда девались остальные? Темнота убаюкала?! Даже если пещера и впрямь пуста, как торба нищего (шах-заде отнюдь не был трусом, но ему очень хотелось верить Гургину), то во мраке вполне можно заблудиться и сгинуть, так и не найдя выхода. Ждите, «небоглазые»! Авось, дождетесь… Суришар справедливо полагал, что внутри пещеры должен крыться некий лабиринт — иначе велико ли испытание: пройти по прямой от входа до выхода?!

Нет, на подобное везение он даже не надеялся.

Впрочем, все теперь в руках Судьбы — а еще не было случая, чтобы Судьба отвернулась ото ВСЕХ претендентов, и шахский престол опустел! А раз так, раз претендент один, как одно солнце в небе, значит, Судьба сама за руку проведет его по всем лабиринтам мира — к будущей славе и величию! Иначе просто и быть не может!

Придя к подобному заключению, Суришар малость приободрился, и мысли шах-заде игриво свернули в другое русло, уводя в сторону от предстоящего Испытания.

Только сейчас до юноши начало доходить, сколь завидная доля ему уготована. Когда скоропостижно скончался его прадед, шах Кей-Кобад, донельзя удивив этим знать и простолюдинов, в столице (да, похоже, и во всем Кабирском шахстве) почти месяц царили растерянность и тихое смятение. Впору до дыр зачесать затылки: шах уходит к праотцам, не достигнув и двухвекового рубежа?! Ведь даже сельскому дурачку известно, каков срок жизни великих шахов, обладателей священного фарра, а если верить преданиям старины, так и вовсе впору развести руками! Умереть в сто семьдесят девять лет, в самом расцвете сил…

О Кей-Кобад!

Поговаривали об отравлении или ином тайном умерщвлении, но слыханное ли это дело — поднять руку на носителя фарра?!! Вовек не бывало! И, тем не менее…

Официальное заключение придворных лекарей-хабибов и верховных хирбедов было: смерть от внезапно наступившей преждевременной старости. Ха! Поверить в такую нелепицу?! Однако вслух объявить лжецами ученых хабибов и мудрых жрецов никто не решился. Через месяц волнения улеглись, траур продолжился, но траур трауром, а престол — престолом.

Кто унаследует трон и фарр?

Кто?!

Родственников у покойного шаха оказалось порядочно, несмотря на раннюю кончину: дряхлые младшие сыновья (старшие давным-давно перешли в лучший из миров, ибо, в отличие от шаха, жили обычные земные сроки), племянники, внуки, правнуки… Суришар был одним из многих. И даже не самым близким. Но, видимо, молодой шах-заде чем-то выделялся среди толпы возможных претендентов на трон, поскольку однажды рядом с ним остановился один из верховных хирбедов — все тот же Гургин — и загадочно осведомился: «Не зябко ли стоять в тени фарра, шах-заде?».

Ответить или просто переспросить юноша не успел: хирбед исчез быстрее змеи, когда та стремится во мрак норы.

И вскоре выяснилось, что претенденты, один за другим, отказались испытывать судьбу. По собственной воле. В здравом уме и трезвой памяти. В итоге осталось двое: Суришар и его двоюродный дядя Лухрасп, тридцатипятилетний силач и гуляка, который не собирался отступать. Не умел. «Испытание? Отлично! — во всеуслышание заявил Лухрасп, подкручивая ус. — Я чувствую в себе силы достойно продолжить дело Кей-Кобада!» И через три дня силач слег в горячке: родичи даже испугались, что последнее дело шаха, то бишь безвременная смерть, и впрямь будет продолжено бахвалом.

Придворные хабибы клялись, что непременно поставят Лухраспа на ноги — но не раньше, чем через месяц. А к Испытанию он будет готов… ну, скажем, месяца через три-четыре… Для круглого счета, через полгода. А время подгоняло. Смутная пора междувластья затягивалась, дела в стране шли наперекос, жалобы на самоуправство наместников текли в столицу грязным потоком, дихкане роптали, пряча зерно в потайных ямах, благопристойные горожане без причины ударялись в хмельной загул, ремесленники бездельничали, стражники несли службу спустя рукава и не очень-то торопились ловить расплодившихся сверх всякой меры разбойных людишек…

Народу нужен был шах. Опора и символ государства. Земной бог, чей фарр олицетворяет сам Огнь Небесный, сошедший на грешную землю, дабы согреть и осветить заблудшие души детей своих.
Ждать выздоровления Лухраспа было смерти подобно. Особенно в свете новостей о набегах кочевников-хургов на рубежах с вечно голодной Харзой. Надо сказать, что Суришар ничего не имел против — и когда к нему заявились хирбеды с вопросом о дне Испытания, ответил коротко, как и подобает человеку решительному, будущему правителю великой державы: «Выезжаем завтра».
Ответ шах-заде явно понравился Гургину; хотя сам юноша предпочел бы нравиться упрямой хирбеди.
И вот теперь…
Очнувшись от раздумий, Суришар воздел очи к небу, налившемуся лиловой глубиной — и увидел, как диск светила тонет в пуховой млечности.
Пора.
Надо было идти.

Глава третья,

в которой повествуется об ангелах и праведных размышлениях, о ястребах и кровниках, пиве и сыре, но ни слова не говорится о мосте аль-Серат, перекинутом через пучину геенны и тонком, как лезвие дамасской сабли, по которому верные души пройдут в лучезарном свете, а грешники — наощупь, во тьме.

1

Светящийся провал возник впереди сразу, рывком, словно огненная кисть начертала его на скрижалях кромешной тьмы; и Абу-т-Тайиб со стоном зажмурился. Еще и ладонями прикрылся, для верности. Впору было кощунствовать: минуту (час? день? год?!) назад он богохульственно мечтал о способности рассеять темноту властным окриком: «Да будет свет!». Домечтался, еретик. Вот сейчас уберешь ладони, заставишь веки разойтись — и дождешься мрака, одного мрака и ничего, кроме мрака, где пахнет сырой землей, и еще отчего-то мокрым войлоком.
На веки вечные.
Омин.
Поэт стоял, дожидаясь, пока сердце прекратит колотиться безумным узником о двери своей тюрьмы, и заставлял себя не думать о случившемся. Не ждать удачи, не надеяться на лучшее и не спешить к плодам бытия. Такому способу хладнокровно принимать беды и напасти его обучил один шакирит из страны Хинд, которую предки поэта еще триста лет тому назад растоптали копытами своих коней. Вместе со всей воинской силой шакиритов — сами они звали себя труднопроизносимым словом «кшатрии», и очень плохо соглашались принимать ислам. Настолько плохо, что, даже согласившись, частенько обзывали пророка Мухаммада (да сохранит его Аллах и приветствует!) девятым воплощением какого-то четырехрукого идола.
Но предки предками, вера верой, а потомки давнишних врагов мирно встречались в благословенном Дар-ас-Саламе, и чубатый шакирит делился с бритоголовым поэтом многими тайнами. В частности, умением отрешиться от земного перед пучиной битвы и океаном волнений. Это умение передавалось в шакиритском роду еще со времен их легендарного родича, колесничного витязя ар-Джунана ибн-Панду умм Притха. Тот, говорят, был мастером самоуспокоения: прадеда застрелил, двоюродных братьев топтал, как саранчу, учителей с наставниками к ногтю прибирал чище вшей, а сердцем до конца дней своих был кроток и незлобив.
Великий человек, хоть и гяур неверный.

2

Абу-т-Тайиб краем глаза глянул меж решеткой пальцев: нет, светящийся провал никуда не делся. Слепит, манит. Чем манишь, свет? — надеждой?! Глупо. Какая надежда у того, чьей могилой стал песчаный бархан, насыпанный самумом поверх четырех трупов — двух конских и двух человеческих? И по каким пещерам ты бродишь сейчас, ревнивый бедуин, жених-неудачник, в злую годину решив потешиться «серым» мадхом?!
Поэт вздохнул и побрел вперед.
Сперва вслепую.
Потом опустил руки.

Потом открыл глаза и обнаружил на фоне светлого пятна две черные фигуры. Ну конечно! — темные ангелы-допросчики, ужасающие Мункар и Накир, соединяющие погибшую душу с былым телом для последнего дознания. Мертвецу велят встать — а он, Абу-т-Тайиб, разве не стоит сейчас, что ли? — и опрашивают с усердием о единстве Божием и о земных делах. Если ответы удовлетворяют темных ангелов, то тело остается в покое, а дух правоверного тихо ждет у могилы Судного дня; если же нет — ангелы лупят бедолагу железными палками по лбу, а душу выдергивают с адскими мучениями, словно косорукий цирюльник — гнилой зуб.

Да и тот после на поверку оказывается здоровым.

В предвкушении железных палок Абу-т-Тайиб выбрался наружу и замер, глядя в сторону. Дабы не оскорбить ангелов. И достоинство так сохранить легче: смотри себе мимо и думай о возвышенном… об аде, например. О третьем его круге, где сейчас вопиет слезно умник-шакирит, проклиная своего предка ар-Джунана за дурацкие способы самоуспокоения. Или о круге седьмом, где сидят лицемеры, пропускавшие час молитвы дневной или вечерней, сочинявшие еретические стишки и в дерзости своей восставшие на справедливость господа миров…

Да одна строка «все, что создал Аллах и не создал Аллах…» вполне заслуживает, чтобы ждать Дня Суда в потаенных недрах земли, а потом свалиться в серный мрак геенны без надежды на прощение!

Крик ястреба спугнул грустные размышления. Поэт покосился в сторону и рассмотрел в сини небес пернатого хищника. Вот он сложил крылья, свинцовым диском, брошенным с крыши умелым ловкачом, рухнул в бездну — чтобы мигом позже вновь явиться в просторе и огласить его негодующим воплем. Упустил добычу? Эх, ястреб, тебя вот никто не станет бить железными палками по лбу… От свежего воздуха слабо кружилась голова. Абу-т-Тайиб еще немного подумал о ястребах и ангелах, даже сложил машинально пару бейтов:

> — Я стою, уставясь в небо, всей душой мечтая: мне бы, словно ястреб, словно небыль, птицей мчаться в небесах!
> Но не птица я, не ястреб… Судный День! — коль грянул час твой, почему усердной пастве крыльев не ссудил Аллах?!

Бейты вышли странными. До озноба; до неуместной ломоты в костях. Поэт вздохнул и стал разглядывать горы, сурово молчавшие вокруг, размотанную чалму дороги, низкорослые деревья на склонах; после чего решился и перевел взгляд на ангелов.

Спорят, посланцы.

О чем?

Темный Мункар до ужаса напоминал старца-огнепоклонника, с которым Абу-т-Тайиб однажды познакомился в своих странствиях, пересекая окрестности Гундешапура. Тот маг в оранжевом плаще еще, помнится… шайтан побери! И плащ точно такой же! И бородавка… только у гундешапурского мага она была на щеке. Точно, искушение перед допросом. Иначе чем объяснить, что второй ангел, грозный Накир, как одна песчинка на другую, походил на юную красотку из веселого квартала ан-Римейн, в чьих объятиях поэт не раз забывал о времени поста и покаяния! Ясно, железные палки обеспечены. А вокруг, наверное, лежит промежуточная страна аль-Араф: место меж адом и раем, лишенное покоя и блаженства, предназначенное для младенцев, лунатиков, идолов и существ, не сделавших никому ни добра, ни зла — а также для тех, чьи прегрешения уравновешиваются рождением в богобоязненной семье и молитвами матери. Ох, куковать тут с ястребами… и утешаться тем, что унылая аль-Араф для обитателей ада кажется раем.

Впрочем, для обитателей рая все выглядит совсем иначе, и тогда утешаться уже нечем.

— Замолчи! — вдруг выкрикнул Мункар-старец, и полы его плаща всплеснули гривой кобылицы, что еще совсем недавно неслась в небо над живым поэтом. — Замолчи, дерзкая! Не я ли учитель твой?! Не я ли делал из сельской дурочки «небоглазую» хирбеди?! Он вышел из пещеры, и впереди его бежал Златой Овен! Чело его являет нам все признаки величия фарр-ла-Кабир, и блеску юного шах-заде далеко до этого невыносимого сияния! Замолчи, или кровь твоя станет дозволена мне!

Слушая гневную тираду, Абу-т-Тайиб принялся размышлять: отчего бы это темному ангелу вздумалось разговаривать на языке пехлеви? Сам поэт неплохо владел и пехлевийским, и новым фарси-дари, на котором даже пытался сочинять, подражая великому Абу Абдулло Рудаки — сладкоречивого слепца убили ревнители веры в тот

день, когда самому поэту исполнилось ровно двадцать шесть лет. Так что понять ангела было проще простого… но ангелы, пожалуй, должны все-таки изъясняться священным языком Корана! Или не должны? Или ангелам вообще все равно, какие слова слетают с их языков, отточенных подобно самхарийским копьям?
— Я склоняюсь перед волей наставника, — ответил прекрасный Накир, но в звонком ангельском голосе явственно звучали кимвалы противоречия. — И тем не менее, полагаю, что мы должны либо обождать появления шах-заде Суришара, либо вернуться ко входу, либо…
— Либо! — передразнил старец. — Вернуться и ждать грозы с ясного неба! — когда тебе, глупой, отлично известно: ждать больше нечего!
И, не дожидаясь очередного возражения, он бухнулся в ноги поэту, потрясенному столь неуместным поведением ангела.
Тут настал такой момент, когда мысли сами собой проясняются, а сердце успокаивается и бьется ровно-ровно, хотя причин для ровного биения нет ни одной, и даже наоборот. Абу-т-Тайиб оглядел самого себя с ног до головы, оценил превосходную изорванность одежды и наилучшую грязь, щедро украсившую ткань и плоть; после чего строжайшим образом запретил себе валять дурака. Даже ради спасения рассудка. Потому что если долго строить из себя юродивого дервиша, то недолго и всерьез повредиться умом, нацепив власяницу и подражая в неистовости танца суфиям-бродягам.
Хватит.
Судьбе угодно пошутить? — рассмеемся в ответ и пойдем по новой дороге.
А рассуждения об аде и рае оставим для более подходящего случая. Ты сам мечтал о завидной доле и потрясающей участи, ты ссорился с великими и малыми, называя жизнь серой дерюгой, а жизнью — отголоски легенд и сказаний?! Ты убивал и рисковал быть убитым, ты пел и внимал пению; ты ждал, ждал… Радуйся! — кажется, ты получил, что хотел, и теперь можешь вволю разочаровываться, обладая желанным.
Считай, что игривые джиннии забросили тебя за гору Каф.
Много ли это меняет, кроме места действия?
— Подними себя, мой ангел! — поэт наклонился и ухватил старца под мышки. — Иначе из уважения моих седин к твоим я буду вынужден прилечь рядом, а это оскорбит твою достойную спутницу, ибо грех мужчинам возлежать бок-о-бок в присутствии белогрудых красавиц! Ну давай, давай, подымайся…
Старец встал с неожиданной легкостью и, отойдя на шаг назад, в пояс поклонился Абу-т-Тайибу.
— Кони ждут, о мой владыка! — коротко заявил он, не снизойдя до объяснений. — Нам пора отправляться домой, в Кабир.
— Ты уверен? — поинтересовался поэт, удивляясь не столько приглашению вернуться туда, где он никогда не бывал, сколько тому, что у него после удивительных злоключений ничего не болит. — Тем более, что слово «домой» для меня мало что значило раньше… э-э-э… я имею в виду, при жизни; а теперь и вовсе ничего не значит. Не лучше ли вам отправиться своим путем, а мне — своим? И посмотрим, каковы здесь дороги!
«А заодно посмотрим, не ведет ли одна из них в Дар-ас-Салам, где я теперь уж наверняка куплю дом и раскрою рот в ожидании подачек!» — едва не добавил он.
— Ничуть не лучше, о мой владыка! Ибо тебя ждет трон и шахский титул, а нас — высокая честь помазания тебя на шахство!
Абу-т-Тайиб расхохотался, с удовлетворением слыша, как здоровое веселье окончательно вымывает из смеха визгливые нотки истерии.
Это было восхитительно: еще недавно он с тоской вспоминал о славных временах джахилийи, когда невозможное было возможным, а слава ждала за поворотом ближайшей дороги… Увы, возраст и опыт мешали до конца поверить в сказку, когда она встала на пороге и воскликнула: «Салам!». Не зря же историк аль-Масуди и библиограф ан-Надим, собутыльники, каких мало, и умницы, каких еще меньше, с пренебрежением отзывались о собрании сказок «Тысяча ночей», говоря, что оно составлено «нудно и жидко, подобно калу объевшейся собаки».
И вдобавок сказители слишком часто возвещают: «Он рубил головы, будто шары, а отсеченные руки летели сухими листьями в пору листопада!» — но горе, если «он» это не ты, а ты… короче, ясно.
Не отвечая, Абу-т-Тайиб пересек дорогу и встал над обрывом.
— Вон на той вершине, смею полагать, — под ногами беззвучно смеялась пропасть, а за спиной сопел старец, которому если чего и не хватало, так это летающего кувшина, — живут хмурые горные великаны. Полагаю также, что поклоняются они

барану, вскормленному миндалем, фисташками и чистым конопляным семенем; а пришельцев они поедают сырыми, кроме милых дев, предназначенных для услаждения божественного барана. Не так ли, мой дорогой старец?
— Мудрость владыки глубже морских пучин! — сдавленно донеслось из-за спины.
— Не то слово, о светоч разума, не то слово… Полагаю также, что минуя дальнее ущелье, мы попадем в долину гулей-людоедов, которых больше, чем звезд в небе, и нрав у них хуже, нежели у голодного барса! И едят они путников, начиная с печени, ибо таков их обычай!
— Ты… откуда ты знаешь?! — голос упрямой красавицы, до того звонкий, словно литой кувшин, дал трещину.
— От верблюда, — усмехнулся Абу-т-Тайиб, нарочно глянув на красавицу через левое плечо, чтобы та как следует разглядела шрам на скуле и щербатую усмешку. — Есть один такой верблюд во владении Бену Кахтан, о чьей верблюдице я невовремя решил сложить стихи… Он мне и поведал о горных великанах и диких гулях, в чьи угодья мы наверняка не поедем. Потому что я достаточно взрослый, дабы иметь свое суждение относительно героических поездок.
— Мы поедем в Медный город, — вмешался старец-маг, и в хриплом голосе его звучала абсолютная уверенность. — Чтобы завтра отправиться домой. Где владыку ждет шахский венец и поклонение народа. Нахид, веди лошадей!
— Ты не похож на ангела, мой ангел, — искалеченная ладонь поэта огладила бороду, где соли давно было больше, чем перца. — А теперь взгляни на меня и скажи: похож ли я, беспутный бродяга, которого самум и шутки Иблиса затащили невесть куда — похож ли я на наследника шахского венца? На юношу, подобного свежему курдюку или динару в фарфоровой миске, чье предназначение — сражать врагов и осыпать поцелуями дев?!
— Похож, мой владыка, — твердо заявил старец тоном, не терпящим возражений. — Похож.
И добавил вполголоса уже знакомую бессмыслицу:
— Фарр-ла-Кабир. Вне сомнений, господа мои! — фарр-ла-Кабир!
Девица фыркнула, а поэт пожал плечами.
Все лучше железных палок.
3
…Сырой бархат темноты ласкал его щеки, искусно притворяясь кистью цирюльника, путался в заплетающихся от усталости ногах, приглашая сесть на валун, отдохнуть, смежить веки и — спать, спать, спать… Но Суришар упрямо шел вперед, время от времени натыкаясь на стены или падая, чтобы встать и двинуться дальше. Он уже устал шипеть от боли, да и сама боль от многочисленных ушибов и ссадин успела притупиться и потеряла всякое значение. Как и многое другое.
Значение сейчас имело только одно: надо идти, сделать еще дюжину дюжин шагов, а потом — еще полдюжины, и еще… Он дойдет до выхода! Непременно дойдет! Что для этого требуется? — ах, идти, господа мои, всего лишь идти, сквозь тьму и злость, запрещая себе останавливаться и поддаваться на мрачные уговоры пещеры… какая малость!
Он шел.
Счет минутам и часам потерялся давно, и было совершенно невозможно возвращаться за ним, за проклятым счетом, чтобы узнать, ночь сейчас снаружи или день! «Не сойдешь с пути, так сойдешь с ума!» — втихомолку посмеивались стены, тьма, и вторили им чужие, чуждые голоса, обещая скорое исполнение желаний, вечный привал между «сейчас» и «никогда»; шаг, смех, призрак безумия, еще шаг…
И когда мрак впереди наконец дрогнул, сдался на милость человеческому упрямству, посветлел, а затем и вовсе расступился, изгоняемый благословенным Огнем Небесным, Суришар даже не нашел в себе сил для радости. Просто добрел до выхода — и упал. Заснул он мгновенно.
* * *
…Суришар воздел очи к небу, налившемуся лиловой глубиной — и увидел, как диск светила тонет в пуховой млечности.
Пора.
Но… ведь это уже было!
Юноша непонимающе огляделся: он лежал на знакомом месте, у входа в пещеру, и солнце клонилось к закату, окрашивая снежную вершину Тау-Кешт в пурпурные цвета шахских одежд.
Неужели он просто заснул, устав от ожидания, и все остальное ему привиделось?!

Шах-заде поспешно вскочил на ноги — и тут же во всем теле отдалась ноющая боль. Во рту пересохло, перед глазами разом потемнело, рванув душу постылым воспоминанием… Значит, все это случилось на самом деле? Проклятая пещера, где он проблуждал всю ночь, а к утру вышел… туда, откуда вошел! — и свалился без сил, чтобы проспать до вечера?!
Но где хирбеды с лошадьми, водой и провизией? Ведь Испытание завершилось! Или нет?
Куда он должен был выйти на самом деле?!
Потрясенный этой догадкой: заблудился, проиграл, не выдержал Испытания! — Суришар растерянно озирался по сторонам, все больше убеждаясь в обоснованности своих подозрений.
В отчаянии шах-заде бросился к краю обрыва; и увидел.
Далеко внизу, по пыльной спине горной змеи-дороги, двигались три едва различимые чешуйки: фигурки трех всадников. Суришар напряг зрение, и ему показалось, что он узнает их. Да, точно: вредный Гургин и эта дерзкая недотрога Нахид! А третий… третий… На какое-то мгновение юношу обожгло изумление: третий — это он сам, только сильно постаревший, много повидавший на своем веку, истрепанный жизнью, будто верблюжье одеяло — кочевым погонщиком буйволов… Шах-заде упрямо мотнул головой, освобождаясь от колдовского наваждения, и вгляделся вновь. Конечно же, третий человек, восседавший на его — ЕГО, Суришара! — жеребце, был ему совершенно незнаком.
Чужак.
«Предатели! — гнев опалил юного шах-заде изнутри, вскипев лавой в жерле вулкана. — Изменники! Они еще поплатятся за это! Догнать, догнать и рассчитаться за все сполна!..»
Но как? Вниз головой с обрыва — и забрызгать своими мозгами негодяев?! Говорят, у раскосых вэйцев такой поступок считается наилучшей местью обидчику, но он, Суришар, не вэец, он кабирский шах-заде!
Гнев по-прежнему мерно клокотал внутри, но сверху его начала покрывать ледяная корка холодной, расчетливой ярости.
Гургин говорил, что на обратном пути они, скорее всего, заедут в Медный город. Вот и славно. Именно там он и перехватит изменников. Но для этого сначала надо добыть коня — пешком он будет добираться до города в лучшем случае неделю, если не сгинет вовсе в здешних ущельях. Коня! Полшахства за коня! Кто-то ведь живет в этих горах? Живет! Издалека они не раз видели прозрачные столбики дыма — верные признаки людских селений. Денег у него с собой достаточно, чтобы купить целый табун аргамаков и впридачу нанять проводника до города; да, проводника — обязательно, а то в этих нелепых грудах камня и заблудиться недолго. А если здесь действительно живут великаны и гули-людоеды… что ж, прекрасно! Он сразится с ними всеми — гулями, великанами, проводниками, горами, пещерами и судьбой! — сразится, что бы ни болтали предатели-хирбеды, и добудет коня силой! Предателям не уйти!
И, забыв об усталости, шах-заде решительно двинулся прочь от зловредной пещеры.

4

Лучина торчала, воткнутая в щель между плоскими нетесаными камнями стены, и скорее чадила, нежели разгоняла мрак. В углах сакли копились корявые извивы теней, притворяясь старой ветошью. Там что-то шуршало, пищало, бегало взад-вперед, наводя юного шах-заде на неприятные мысли. И пещеру напоминало; только еще противнее.
Хозяин, сказавшийся Джухой («Я сам Джуха, и дед мой Джуха, и его дед; а отец мой — Аршантагур, и сын мой — Аршантагур, а внук снова Джуха — слава моему роду!») — так вот, этот самый Джуха, к счастью, свято чтил закон гостеприимства. И говорил понятно: на родине шах-заде примерно так же изъяснялись уроженцы Малого Хакаса, хотя Джуха, в отличие от хакасцев, изрядно коверкал самые простые сочетания слов. Отчего речь горца походила на его хижину: сто лет простоит, но душу не радует.
Джуха усадил гостя за сланцевый блин, носивший гордое имя стола, и, наотрез запретив сразу переходить к делу или просьбам, принялся выставлять угощение.
Вскоре и сам хозяин уселся напротив гостя, разломил лепешку и сделал щедрый жест, предлагая начать трапезу. Суришар, вспомнив обычаи хакасцев, рассчитывал на добрую толику вина, крайне уместного после гнусного Испытания; юноша ухватился за кружку, даже не очень разобрав сперва, что именно в нее налито — и жестоко поплатился.
Один-единственный глоток просяного пива, которое успело прокиснуть и прогоркнуть еще в дни деда Джухи, чуть не вывернул шах-заде наизнанку. Боясь закашляться (кто их знает, этих обидчивых скалолазов?!), он спешно ухватил со стола первое, что

попалось под руку: сероватый шарик подозрительного вида и с резким запахом извести. Однако, против ожидания, шарик оказался отнюдь не пометом двузадой птицы Ум, а твердым и на редкость едким овечьим сыром. Он пришелся как нельзя кстати, мгновенно отбив вкус мерзкого пойла. От неожиданности юноша машинально хлебнул еще раз из глиняной кружки — мигом кинув в рот следующий шарик и отметив про себя, что в таком сочетании что-то есть.

Зато лепешки, густо усыпанные поверху сушеной кислицей, а также жареная на углях баранина, окончательно примирили Суришара с местной кухней. Не успели оглянуться, а кувшин опустел, уступая место горячему чаю. Какой же ужин без беседы? А какая беседа без чая?

Или это не чай? — впрочем, юноше уже было почти все равно.

И пиво булькало в желудке почти приятно.

Сначала Джуха, исполняя долг хозяина, поведал гостю о своем роде и о жизни в здешних горах. Юноша честно надеялся услышать о хмурых великанах и гулях-людоедах, однако речь все время шла о другом: предок Джухи налетел на кровника и угнал пять коз, потом кровник налетел на предка Джухи и отбил три козы, прихватив две чужих овцы и восемь горшков с пивом, потом сын предка Джухи отбил горшки без пива и овчину без мяса, зато обесчестил жену сына кровника, прилюдно назвав ее старой кошелкой, потом внук кровника… Великаны и людоеды в эти подвиги не мешались. Правда, горец помянул между делом подземных духов-альбестов, но явно больше для красного словца — сам Джуха с оными духами не встречался и, похоже, отнюдь не горел желанием встретиться.

Хватало кровников, коз и горшков.

Затем настала очередь Суришара рассказывать. Юноша набрал полную грудь воздуха и, стараясь не слишком врать, но и не говорить всей правды, поведал, как он, потомок знатного рода из далекого Кабира (чистая правда!) долго ехал по горам в сопровождении двух спутников (снова правда!) — и как, проснувшись сегодня утром, обнаружил, что спутники исчезли, прихватив заодно его коня, провизию и прочее имущество (а ведь тоже правда! — удивился сам себе шах-заде); а потом он увидел их далеко внизу на дороге в обществе незнакомца, видимо, сообщника — и решил пуститься в погоню за проклятыми предателями, но для погони ему обязательно нужен конь; и хорошо бы — проводник, а то в здешних горах и заблудиться недолго.

Вот.

А теперь промочим горло.

Джуха сочувственно цокал языком на протяжении всего рассказа, а когда юноша умолк, заявил:

— Быть конь. И проводник. Сам проведу. Тропа знаю, быстро ехать. Вай, плохой люди тебе попались! Резать надо. Долго резать надо, сердце греть, печень греть, расстройство долой гнать! Завтра. А сейчас спи будем.

И без всякого предупреждения швырнул в лучину папахой.

* * *

Продавать коня Суришару никто не захотел: на все селение лошадей было не больше десятка, и хозяева соглашались скорее расстаться с руками-ногами, а также со всеми чадами и домочадцами, нежели с любимой скотиной. Ни за какие коврижки, а тем более — деньги. Однако Джуха сумел договориться с сыном двоюродного брата внука кровника, что тот даст гостю коня на время: добраться до Города. Там Джуха заберет коня и приведет обратно, а Суришар купит себе в Городе другого.

На том и порешили.

И вот теперь мохнатый низкорослый зверь, по недоразумению названный конем, споро трусил вслед за лошадью Джухи по, казалось бы, вообще непроходимым тропинкам.

— К вечеру-ночь быть в Город! — заверил юношу Джуха, сбив на затылок косматую папаху.

От папахи несло горелым.

Осыпям и изъеденным ветрами наростам не было видно конца-краю, зазубренные клыки скал яростно вгрызались в безумную синь неба, деревья, искривленные и скрученные своей тяжкой судьбой, изо всех сил цеплялись за камни руками-корнями… Подъем сменялся спуском, перевал — перевалом, от жесткого седла и тряской езды у шах-заде уже чувствительно побаливал крестец; вдобавок юношу нещадно донимали блохи — легионы их с радостью переселились на нового хозяина из кошмы, на которой юноша провел ночь в жилище Джухи.

Суришар терпел, стиснув зубы. Юноша прекрасно понимал, что Джуха не виноват — у них все так живут. Горец и без того сделал для шах-заде все, что мог, и даже больше: накормил, обогрел, оставил переночевать, добыл коня и лично вызвался проводить до

Города. Кто сделал бы больше? Вся вина за теперешние злоключения лежит на «небоглазых» предателях. Ничего, скоро он до них доберется! До них, и до их третьего сообщника, зачинщика святотатственного сговора! Как сказал о них мудрый Джуха? Резать надо? Правильно сказал! Будем резать.
Перевал.
Спуск.
Р-резать!
Подъем.
Перевал.
Долго резать! — все более ожесточался юноша, подпрыгивая на очередном ухабе и мимо воли расчесывая блошиные укусы. Никакого честного боя — резать, как поганых шакалов! Сердце греть, печень греть, селезенку, требуху… Впрочем, одного из злодеев придется оставить в живых, иначе он просто не найдет дорогу обратно в Кабир! — дошло вдруг до шах-заде.
Мир моргает редко, а Суришар, увы, не самая большая соринка в глазу.
И когда шах-заде, во время переправы через быстрину горной речушки, смирился с необходимостью оставить в живых красавицу-хирбеди, — за их спинами раздался вой. Суришар самым постыдным образом вжал голову в плечи, не смея оглянуться.
Трусость была присуща кому угодно, кроме молодого шах-заде, но рассудите, господа мои: люди и звери воют по-иному. А здесь желчью выхлестывалась первобытно-жуткая тоска, неотвратимая, как возмездие за грехи в потустороннем мире, и казалось — вековечная боль гор исходит унынием, глядя на скрытую до поры луну и захлебываясь от муки без конца и начала.
Лохматый конек прянул вперед и в один прыжок оказался на берегу, нагнав каурую лошадь Джухи.
Вой оборвался истошным взвизгом, от которого впору было оглохнуть, но эхо его до сих пор металось в теснинах, дробилось, множилось, всем телом ударяясь о скалы, в клочья разрывая самое себя, чтобы вновь и вновь вернуться…
Тишина.
Гулкая, набатная тишина заталкивает в уши бархатные затычки; еще и ладонями поверх хлопает, для верности.
— Что это было, Джуха? — свистящим шепотом спросил юноша, опасаясь говорить громко и не слыша звука собственного голоса.
— Горный Смерт был, — спокойно ответил проводник чуть погодя; и добавил с ухмылкой. — Добрый знак.
— Добрый?!! — поперхнулся юноша.
— Ясно дела, — в свою очередь приподнял брови Джуха, удивляясь, что его спутник не понимает таких простых вещей. — Он же нас предупредила! А могло и не предупредить.
— И… что теперь?
— А-а, пустяк теперь! Ехай дальше. Темнота приди, мы должен сиди в Город. Тогда жизнь — хороший штука.
— А если это… не сиди в Город?
— Дохнуть станем, ясно дела, — пожал плечами Джуха. — А то пади на ночь в храме Дядь-Сарта, Гложущий Время… Но лучше сиди в Город. Или сдохни.
Дальше они ехали молча. Джуха задремал в седле, присвистывая заложенным носом, а шах-заде пытался представить себе что-нибудь хуже смерти.
Получалось плохо, зато блохи донимали куда меньше.
Так, безуспешно терзая себя горькими думами, шах-заде и не заметил, как они подъехали к заставе.
Очнулся он только от оклика Джухи:
— Пошлина платить надо! Деньга доставай!
Действительно, шагах в двадцати впереди дорога была перегорожена суковатым бревном, установленным на подпорках. А сбоку, под навесом, расположились двое близнецов-мордоворотов: в одинаковых чекменях из рыжей шерсти, косматых треухах и с ржавыми, словно молью траченными, бердышами в руках.
Есть, видать, такая моль, что железо грызет за милые пряники.
— Дирхем и три медных даника за оба рыла, — хрюкнул левый мордоворот, нимало не интересуясь, кто такие путники и по какой надобности едут. Да и то сказать: даже проезжай через заставу разбойный люд с намерением позабавиться в Медном городе — разве ж признаются? А на роже редко у кого написано: я, люди добрые, вор и разбойник. Разве что клеймо палаческое на лбу стоит; да и то клейменых лучше

заставщиками нанимать, чтоб злее службу вершили, а на лоб и треух недолго сдвинуть. Я, значит, сдвинул, а ты плати пошлину и проезжай.
Без лишних разговоров.
Шах-заде развязал тесемки кисета и, не слезая с коня, кинул заставщику золотой кабирский динар. Этого должно было хватить с лихвой: сколько бы ни стоил местный дирхем, пускай даже и больше двух третей динара, вряд ли въездная пошлина могла превышать золотой!
Монету прямо на лету словно жаба языком слизала; и мордоворот уставился на свою ладонь, как если бы пытался разобраться в линиях жизни и удачи.
Напарник, глухо сопя, заглядывал через плечо.
— Гляди, и у этих такие же, — пробормотал он, пока первый обстоятельно пробовал монету на зуб.
Суришара передернуло: вонзить зубы в изображение обладателя священного фарра, отчеканенное на монете — это ли не варварство и святотатство?! Однако юноша сдержался. В здешних горах явно свои законы (небось, те, которые дуракам не писаны!); местные дикари, возможно, вообще ничего не знают об истинном порядке вещей, как и упрямые горцы его родных краев… Ничего, они узнают! И те, и другие! Дайте только срок.
— Вкусно! — с уважением протянул левый заставщик, а правый отобрал у него динар и сам стал прикусывать подачку, пофыркивая от удовольствия. — Езжайте, люди добрые, дастарханом вам дорога…
И двинулся к странному приспособлению, состоявшему из деревянного ворота с ручкой, цепи, толстой измочаленной веревки и еще каких-то воротков поменьше. Зазвенела, натягиваясь, цепь, детина крякнул, поднатужась, пустил обильные ветры — и суковатый ствол начал медленно подниматься, освобождая путникам дорогу.
«Вишь ты: дикари, да не совсем», — честно признал юноша.
Уже проехав под поднятым стволом, он вдруг, повинуясь какому-то наитию, обернулся и поинтересовался у заставщика:
— А скажи-ка, любезный, кто расплачивался с вами такой же монетой, как мы? Не трое ли путников: долговязый старец с бородавкой под носом, наглая девица и…
Рука шах-заде скользнула в развязанный кисет.
— …И здоровый дядька! — возликовал мордоворот, умудрившись поймать брошенный динар, ловко зажав его между плечом и щекой. — Одежа жеваная, рваная, а глазищи хи-итрющие! На роже шрам, да и слепому видно: всласть пожил… Пальцев на руке не хватает; и еще зубов.
— Зубов? На рука? — искренне изумился Джуха, но шах-заде мигом перебил своего проводника:
— Давно они проехали?
— Да с третий час будет. Уже в городе, небось.
— Ниче, отыщем! И ты их зарезать, — утешил юношу Джуха, когда, уже в сумерках, они проезжали под аркой городских ворот.
Суришар искренне надеялся, что горец окажется прав.

Глава четвертая,

где излагаются многие соображения относительно дурных наклонностей золотых баранов, вспыльчивых юношей с усиками чернее амбры, ночных гроз и невезучих собак, но так и не раскрывается тайна ужасного воя в горах, хорошо известная всякому чабану от перевала Баррах до вершины Тау-Кешт.

1

Постоялый хан со многими коновязями, верблюдовязями и даже одной слоновязью располагался совсем близко от крепостной стены. Рыскать по темным улицам в поисках бывших спутников не имело никакого смысла — те, скорее всего, давно устроились где-нибудь на ночлег. «Возможно, прямо в этом самом хане!» — мелькнула у Суришара мысль. Увы, надежду на скорую месть не замедлил развеять бритоголовый ханщик, когда шах-заде набросился на него с расспросами. Отведя Суришара в тень вековых карагачей, ханщик подробнейшим образом выслушал юношу, особо замечательные эпизоды упросил повторить, сочувственно хмыкнул, всплеснул руками,

пересказал с десяток подобных историй, где мститель благополучно настигал обидчика…
Ханщику очень хотелось поговорить со свежим человеком. И толку от его сочувствия было чуть: поиски в любом случае откладывались до утра.
— Ниче, не уйти! — успокаивал юношу Джуха, налегая на заказанный его спутником плов и вино. — Утром конь тебе купать. Красный конь купать, быстрый. Потом враг найдешь. Зарежешь. И дом поедешь. Ай, хорошо!
Слова горца и уют хана малость успокоили Суришара. А вскоре выяснилось, что здесь не только вкусно кормят: кельи оказались чистые, с белеными стенами, с мягкими тюфяками; и без клопов или блох, что было вообще удивительно.
Проснулся юноша ни свет ни заря — солнце еще только боком выползало из-за горизонта, а шило в седалище успешно подняло Суришара на ноги. Он растолкал ворчащего спросонья Джуху (постелью горец не воспользовался, отдав предпочтение дорожному кожуху); и они отправились на базар.
Город не произвел на шах-заде особого впечатления: он-то ожидал увидеть невесть что (что именно, он и сам не знал), а тут — смотри-моргай. Кривые улочки, высокие дувалы закрывают дома, площадь вымощена булыжником… Город был заметно меньше не только родного Кабира, но даже Хины или Харзы, где Суришар успел побывать. Лишь общественные хаузы-водоемы, аккуратно выложенные голубой плиткой и оттого на удивление чистые, а также высоченные башни храмов были Суришару в диковинку. «С хаузами они здорово придумали, — решил юноша. — Стану шахом, прикажу, чтобы и в Кабире так было.»
И через минуту их захлестнула базарная разноголосица.
— Ай, слава славная! — туманно возвестил горец, потирая ладоши. — Пропустил, радость мой, вывел!.. ай, молодца…
И еле-еле успел вовремя ухватить своего спутника за локоть — иначе шах-заде уже готов был купить у лишайного прохвоста двух красавиц, подобных луне и вполне способных нянчить внучат. Прохвост был отогнан взашей, обиженные красавицы воспеты, но не куплены; и Джуха, игнорируя призывные вопли торговцев сластями и фруктами, лезущих под ноги попрошаек, разноцветье тканей со всех концов света, оглушительный гомон и дурманы из лавок, торгующих благовониями…
Короче, превратясь в каменного истукана, равнодушного к радостям бытия, горец поволок обалделого Суришара прямиком к конному ряду.
Здесь уж настал черед шах-заде: уж в чем — в чем, а в лошадях юноша разбирался. И теперь сам повлек Джуху мимо бородатых гуртовщиков — все, как на подбор, в дерюжных халатах, подпоясанных веревками, с полами, заправленными в холщовые штаны. Ведь ясно и без разглядывания: кони тут продаются мужицкие — ширококостные, коренастые, с огромными копытами, размером и твердостью напоминавшими головы продавцов. На таких ломовиках только землю пахать или зерно на мельницу возить! Нет уж, Джуха, пошли, пошли, кончай глазеть! — и вскоре тяжеловозы уступили место настоящим бегунцам.
Разочаровав Джуху донельзя.
Суришар долго приглядывался к стройному гнедому трехлетке, чья грива была заплетена в мелкие косички. Зашел сбоку и спереди, резко взмахнул ладонью перед самой мордой: нет, не подслеповат скакун, отпрянул, захрапел!.. ощупал бабки, суставы, понюхал копыта, проверил на шагу и рыси. Всем хорош конь: стать лихая, легок на ногу, хотя сразу видать — долгой скачки не вынесет. Но тут шах-заде спохватился, вспомнив старое правило, усвоенное еще от дворцового конюшего: если сразу конь глянулся, если глаз прикипел — бери, сколько бы ни стоил! Нет денег — в долг бери, умоли, угони, укради, или душа соком изойдет! А ежели задумался, прикидываешь, весы уравновешиваешь — отойди, брось маяться!
Не про тебя конь, не нужен он тебе.
Да и ты — ему.
Это правило всегда действовало безотказно, и юноша отправился дальше.
А потом он увидел.
Чалый красавец-скакун заговорщицки косил на него влажным лиловым глазом, вскидывал узкую, щучью морду, чуть ли не подмигивал: бери, не прогадаешь! Я — твой! Одного взгляда Суришару хватило, чтобы понять: конь прав. Рождены друг для друга.
И юноша полез за пазуху: доставать кисет.
Торговаться шах-заде не умел в силу происхождения, но теперь настала очередь верного Джухи. Спорили всласть: долго и упорно, ударяя шапками оземь, призывая в свидетели всех и каждого — людей и богов, зверей и демонов, купцов и прохожих,

Дядь-Сарта и Горный Смерт — но в итоге ушлый Джуха сбил-таки цену почти на треть.
Впридачу выдурив роскошный ковровый чепрак.
Солнце близилось к полудню, когда они вернулись в хан.
— Все, парня. Мне вертайся надо. Удачи!
Оставаться в незнакомом Городе и в одиночку пускаться на розыски беглых хирбедов было тоскливо, но — ничего не попишешь. Джуха, совершенно чужой ему человек, и так сделал больше, чем лучший друг или родной брат. Пора и честь знать.
Суришар щедро расплатился с проводником, а также за аренду взятого напрокат конька (цену двоюродный кровник Джухи заломил такую, что впору было вернуться, согреть сердце традиционным способом горцев!). Но возвращаться шах-заде не стал. И торговаться опять не стал. Лишь вздохнул тихонько и долго смотрел вслед, пока кожух и папаха не скрылись за поворотом.
А после, когда и топот копыт в переулке затих, юноша препоручил своего чалого заботам ханщика и отправился на поиски.
2
Справедливо рассудив, что беглецы должны были где-то ночевать, Суришар начал обход города с местных постоялых ханов. За скромную плату хозяева охотно сообщали юноше, кто вчера останавливался у них на ночлег; и, казалось, поиски вот-вот увенчаются успехом. Однако вскоре выяснилось, что ханов в Городе — превеликое множество, и еще неизвестно, удастся ли обойти их все до темноты.
Шах-заде приуныл. Огненная птица-солнце весело подмигивала юноше с небосвода, щедро обрушивая на город слепящий жар своих перьев. Ханщики утирали пот с бритых макушек, перечисляли постояльцев, Суришар вежливо благодарил и шел дальше.
Странное дело: поначалу Город глянулся шах-заде совсем убогим — но раз за разом перед юношей открывались все новые площади, улицы и переулки, крепостные стены норовили удрать подальше, и когда солнце начало клониться к закату, Суришар окончательно укрепился во мнении: Город этот если не Медный, то наверняка заколдованный, и заколдован он исключительно с целью заморочить Суришару голову! А может, и вовсе в сговоре с проклятыми хирбедами.
Изрядно проголодавшись за день, юноша решил наконец зайти в ближайшую чайхану — перекусить. Он и предположить не мог, что в этом чадном и шумном заведении удача наконец соизволит улыбнуться ему. Видимо, понравился удаче молодой красавчик: хорошо сидел, хорошо жевал сочный беш-кебаб, вино молодое глотал хорошо и ушки на макушке держать не забывал!
— Эй, Али-хозяин, что за гостя ты сегодня привечал? Уж не пророк ли заезжий, или там святой-чудотворец?
— Шутишь? — хозяин подозрительно скосился на шумного болтуна, облаченного поверх халата в кожаный фартук сапожника или скорняка.
Нет, скорее все-таки сапожника: у скорняков одежа вонючая…
Болтун прочистил горло, взлохматил черную, как смоль, шевелюру и залпом осушил вместительную кружку.
— Ты, Марцелл, и сам у нас вроде чудотворца, — вмешался в разговор купец средней руки, вытирая ладони о полы длинного казакина. — Еще отец мой, бывало, едва завидит тебя в чайхане, и давай сразу вспоминать, как вы об заклад бились в молодости — кто кого перепьет?! Только отец мой давно в раю гурий за ляжки щупает, а ты все по канавам отсыпаешься… Не надоело?
— А, мало ли что дураки вспоминают! — небрежно отмахнулся чернявый Марцелл. — Не лез бы твой родитель меня перепивать, глядишь, и по сей день небо коптил бы помаленьку… На все воля Всевышнего! А вот когда впереди человека в таверну входит золотой баран, сияя, как начищенный сапог — это что-нибудь, да значит?!
— Какой-такой баран? — мало-помалу раздражался хозяин. — Баранов всяких видел, включая тебя, но чтоб золотой… Ты это если платить не хочешь, так сразу и говори, чтоб я тебя к судье за шкирку волок! Ишь, удумал: баран…
— Кто из нас пьян? — хитро усмехнулся сапожник. — Ну, ежели тебе скупердяйство зенки застит, и ты чудо из чудес не увидел, так хоть дядьку того запомнил? Трепаный такой мужик, борода клоками, шрам на роже, и двух пальцев на руке не хватает!
Суришар вздрогнул, напрягся и весь превратился в слух.
— Ну! — уверенно подтвердил хозяин, сообразив, что сапожник не собирается увиливать от платы. — У него еще ухмылка щербатей твоего гребня, и горло вроде как перерезано, сохрани нас всех Аллах от злой участи! Небось, лиходей-заброда.
— Сам ты лиходей, — скривился купец, о котором успели забыть. — Лиходеи сами берут, а не платят-заказывают. И старики с лиходеями не ходят, почтенные такие

старцы в плащах, и порядочные девицы с лиходеями за одним столом не сидят! А с этим и ходили, и сидели. Старик — ладно, а девица — очень даже ничего девица, прямо замечу! Персик, не девица! Пери, не девица! Щечки розовые, глазки небом отсвечивают…
— Кому что, а Мурзе все глазки! — хохотнул кто-то. — Небось, уже и разузнал, где остановилась, чтоб ночью наведаться! Авось, пустит Мурзового осла в стойло!
— А то как же! — самодовольно подтвердил Мурза-купец. — В хане хромого Кумара и остановилась. Старик еще две кельи взял: одну — красотке, одну для мужчин.
Народ загомонил, смакуя любимую тему, и никто не расслышал, как сапожник в фартуке произнес нараспев, глядя в пустую чашу:
— …И Златой Овен будет следовать впереди того мужа, носителя священного фарра…
Никто; включая Суришара, которого в чайхане уже не было.
Он услышал все, что хотел.
3
…Уже четвертый по счету прохожий охотно указывал Суришару дорогу к хану хромого Кумара — каждый раз отправляя молодого шах-заде в противоположную сторону; и каждый раз юноша неизменно возвращался в один и тот же грязный переулок, зажатый между косыми дувалами, за одним из которых при его появлении слышалось злорадное козье меканье.
Когда юноша оказался в переулке в четвертый раз, уже начало смеркаться. Откуда-то налетел колючий, совсем не южный ветер, швырнул в лицо пригоршню мелких дождевых капель. Капли были похожи на слезы, и шах-заде, чуть не плача от бессилия, так и не понял: дождь ли это, или глаза все-таки предали наследника престола?
А потом сомнения мигом улетучились: ветер ударил крылом, прошелся в брачном танце, взбив пыль смерчиками, и следом хлынул такой ливень, что юноша невольно втянул голову в плечи.
Укрыться от грозы в переулке было негде. Да теперь это и не имело никакого смысла: в первые же мгновения Суришар вымок до нитки — не помог ни плащ, ни высокая шапка-калансува с назатыльником.
Ливень же, словно куражась над молодым человеком, вскоре ослаб, но прекращаться и не подумал: верно, решил посмотреть, что юноша станет делать дальше.
Бродил вокруг, погромыхивал, молнии гонял туда-сюда: эй, человек, ну спляши, что ли, — все веселее!.. и злорадствовала невидимая коза за дувалом, чтоб ей сдохнуть, проклятой!
Окончательно пав духом и махнув на все рукой, шах-заде побрел прочь, куда глаза глядят, поминутно оскальзываясь в грязном месиве… чтобы минутой позже встать столбом, разом забыв про дождь и холод.
У выхода из переулка шел бой.
Не на жизнь, а на смерть.
Круторогий баран, чья шерсть неестественно блестела от осевшей на ней влаги, сражался за свою баранью жизнь с голодным псом.
«Ну вот, где еще по улицам беглые бараны разгуливают?» — вяло удивился шах-заде, но тем не менее остановился посмотреть, чем окончится странный поединок.
Поначалу казалось, что пес обязательно возьмет верх: вот он вцепился барану в шею, мощные челюсти сжались мертвой хваткой… Однако, вопреки здравому смыслу, на его рогатого противника это не произвело особого впечатления. Баран встряхнулся, весь в брызгах, легко сбросил с себя пса и так наподдал ему вдогонку рогами, что зубастый любитель свежатины со всего маху шмякнулся о ближайший дувал! Не давая врагу опомниться, баран коротко разогнался и живым тараном врезался в затравленно скулившую собаку. Захрустели кости, пес истошно завизжал, а баран, не останавливаясь на достигнутом, продолжал с яростью топтать содрогающееся тело острыми раздвоенными копытами. Хруст, визг, — шах-заде, не веря своим глазам, наблюдал, как пес в последний раз дернулся и затих.
Победное блеяние огласило переулок, ударилось о дувалы, притихшие в испуге, а затем баран наклонил голову и принялся рвать поверженного врага своими плоскими зубами, время от времени жадно глотая кровоточащие куски собачатины!
Суришар мимо воли отступил на шаг — и в этот самый момент баран на миг оторвался от жуткого пиршества. Взгляд его налился пурпуром, два огня зловеще засветились в сумерках и уперлись в наследника кабирского престола, не суля молодому шах-заде ничего хорошего.
Баран утробно заурчал и вразвалочку двинулся к юноше.
Уже не думая о своем достоинстве и о том, как будет смотреться со стороны наследник престола, удирающий от барана, шах-заде развернулся и помчался со всех ног. Позади

мерно цокали копыта. Юноша бежал что есть мочи, но цокот копыт неотвратимо приближался. Улица впереди раздваивалась, и Суришар инстинктивно замедлил бег в нерешительности: куда свернуть?
Однако раздумья юноши были недолгими: чувствительный удар пониже спины направил шах-заде в левый проулок, а ноги сами понесли дальше. Проулок круто свернул вбок, и Суришар, следуя его изгибу, с разгону выскочил на маленькую площадь — где и налетел на какого-то кряжистого горожанина.
— Тише, юноша, подобный вспышке молнии во мраке… — ухмыльнулся тот, рассудительно подытожив:
— Так и зашибить недолго!
Сполох молнии высветил его лицо, бросил отблеск на ладонь, которая неторопливо оглаживала бороду; и Суришар задохнулся, благословляя судьбу в облике хищного барана.
«…Трепаный такой мужик, борода клоками, шрам на роже, и двух пальцев на руке не хватает!..»
— Попался! — счастливо возвестил шах-заде и потянул из ножен саблю.
4
…подковы небесных всадников грохотали вдалеке, суля грозу. Но Абу-т-Тайиб не внял этой угрозе. Он вдруг решил покинуть чайхану, сей приют обремененных голодом и жаждой. Без видимой причины. Можно было уйти, можно было остаться и заказать еще гранатового сока, от которого плясало чрево и сводило скулы; можно было вернуться в келью постоялого хана и лечь спать. Можно было все. Чуть ли не впервые в жизни; так бывает, когда ты вдруг понимаешь, что Аллах дал тебе душу в залог отнюдь не навсегда, понимаешь остро и ярко, до сердечной боли и ледяного, темного спокойствия. Именно поэтому старый поэт капризничал в мелочах, изводя навязавшихся спутников и тайно радуясь действительности. Есть люди, с которыми ты незнаком и которые твердо знают, что тебе надо делать, и куда тебе надо ехать. Не счастье ли? Е рабб, тебя провозглашают шахом и валятся в ноги? — даже если маг с бородавкой безумней весеннего павлина, какая разница? Да, халиф на час! А там… там видно будет. В шахский венец он верил не больше, чем во встречу с птицей Рох, но к чему искушать судьбу и Аллаха?
Или скажем иначе: стоит ли лезть со своим пеналом в чужую медресе? Жизнь продолжается, а в последние годы он редко загадывал больше, чем на день вперед.
Этот день прошел.
Маг и девушка безропотно последовали за ним, когда он поднялся из-за стола. И Абу-т-Тайиб отметил про себя, что уже начал к этому привыкать: к неотвязной парочке, к их послушанию и повиновению; у старика — вполне искреннему, у девушки же… с норовом девица!
Такие ему нравились.
О них хотелось слагать стихи, звонкие, словно дамасский клинок, журчащие, будто река на перекатах; а для ложа вполне годились другие, послушные и искусные.
Под ногами чавкала грязь, подражая нечистому животному свинье; дождь выждал, пока люди окажутся под открытым небом и отойдут подальше от чайханы, чтобы припустить изо всех сил. Куда идти, Абу-т-Тайиб еще не решил; и после долгого кружения по улицам, в котором смысла крылось не более, чем в послеобеденной отрыжке, он остановился, поджидая своих спутников. Те не торопились, и мокрый до нитки поэт успел вволю поразмышлять о странностях Медного города: создавалось впечатление, что не люди идут по улицам и переулкам, а город водит людей сам по себе, играя в сложную игру с непредсказуемым результатом.
Как они тут живут, местные горожане?.. и льет, льет — когда прекратится?!
Почти сразу из-за угла и вылетел сломя голову молодой человек, как если бы за беднягой гналась целая свора ифритов, и с размаху врезался на поэта.
К счастью, оба устояли на ногах, и никто не шлепнулся в лужу.
— Тише, юноша, подобный вспышке молнии во мраке… — Абу-т-Тайиб справедливо решил, что выбрал неудачное место и время для красноречия, а посему закончил просто:
— Так и зашибить недолго!
В ответ скороход самым невежливым образом уставился ему в лицо — остатки зубов пересчитать хотел, что ли?! — затем отшатнулся и с возгласом «Попался!» выхватил саблю.
Поэту даже показалось сгоряча, что это пылкий жених-бедуин восстал из могилы и догнал его по ту сторону жизни, дабы свести счеты. Высверк клинка над головой оставлял мало времени для раздумий, а умирать во второй раз не хотелось — вряд ли

тебе заново предложат шахский венец! Удар был хорош, и направь его безумный юноша как надо, наискосок — лежать бы Абу-т-Тайибу в грязи, разрубленным от ключицы до… в общем, все равно уже, до чего.
Тем паче, что машрафийский меч, за который поэт отдал в свое время блюдо полновесных динаров, остался там, в самуме прошлого.
К счастью, юноше непременно хотелось снести с плеч мерзкую голову со шрамом на скуле. Желание вполне здоровое и даже благословенное: потому что, когда поэт в последний момент бухнулся на колени, клинок со свистом прошел над его уккалем, подбрив ворсинки ткани.
Прошлое скрыл мрак, где пахло мокрым войлоком, будущее рассмеялось с отчетливым привкусом безумия; и час нынешний стал всем временем сразу, от сотворения до гибели мира.
Мира по имени Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби.
— Ты тоже хочешь насладиться «серым» хвалебным мадхом?! — тихо спрашивает Абу-т-Тайиб, чувствуя, как страшно горят от падения колени, изодранные пещерой: и еще — как закипает внутри то варево, хлебнув которого ты можешь отрезать обидчику губы и заставить бывшего владельца съесть их без соли и куфийских приправ.
Выпад. Прямо в лицо. Сабля плохо приспособлена для таких игр, но рука юноши тверда, и приходится снова издеваться над своими коленями. А также наскоро вспоминать полузабытую науку «детей Сасана» — братства плутов и ловкачей, чья забота в свое время прикрыла поэта от гнева халебского эмира. Шаг, нарочито грузный, снова шаг, подошва сапога скользит по земле, проворачиваясь на носке; и край халата, обласканный сабельным лезвием, повисает хвостом шелудивого пса… жалко, но своя шкура дороже.

— Тише, юноша, подобный блеску молнии во мраке…

Удар.
Злой, бешеный, и оттого бессильный.

— …наслаждению в пороке, дивной пери на пороге,
Нитке жемчуга во прахе…

Удар.

— Сладкой мякоти в урюке, влаги шепоту в арыке,
Просветленью в темном страхе…

Возраст неумолимо берет свое, хрипло посмеиваясь втихомолку, набивая грудь ветошью, а суставы — железной крошкой, но «сасанская пляска» все длится, подменяя юность памятью, памятью о славном ловкаче Али по прозвищу Зибак, что значит «Ртуть», и о его повадках, следить за которыми было привилегией избранных.
И еще: нутром, чутьем битого бродяги поэт понимает, что убить горячего юнца легко, заставить съесть собственные губы — трудно, но можно; а то, что происходит сейчас, стократ жесточе и первого, и второго.

— Башне Коршунов в Ираке, мощи буйволов двурогих,
Шелесту ручья в овраге…

Ливень хлещет сотней плетей по спине, по стене, по глиняным дувалам, истрепывая вдребезги пространство, и хвала Аллаху за сей ливень, ибо сволочной юнец привык биться на твердой земле и даже, скорее всего, под аплодисменты зрителей.
Грязь не для него.
Грязь уравновешивает годы.

— Доброму коню в дороге, невреженью в смертной драке —
Но невольницей в остроге ждет душа…

О благословенная грязь, в которой Абу-т-Тайиб должен был найти последний приют, второй после самума! — беспалая ладонь мимоходом зачерпывает полную горсть тебя, о дивная, бесконечно грязная грязь; и подарок отправляется прямиком в лицо юноши. Простые средства всегда самые действенные: например, кровопускание или прижигание. Или липкая жижа в нужное время и нужное место. Юноша бестолково взмахивает руками, видимо, окончательно ощутив себя сизым кречетом, плюется, рычит — и тяжелый кулак основательно ласкает сперва плоский живот буяна, а затем и затылок.
Сабля верткой щукой плюхается в лужу. Сам же юноша грузно валится в ноги поэту, валится крайне неудачным образом, мешая продолжить мадх и, что главное, сшибая наземь, поскольку левое колено подвело-таки владельца… а дождь радостно скачет вокруг, стегая наотмашь копошащиеся тела.
Минутой позже тел становится трое.
А еще спустя миг, короткий и полный яростного движения, драчуны выясняют новое обстоятельство: они стоят на четвереньках в семи локтях друг от друга, а между ними стоит баран.
Здоровенный баран очень мрачного вида; и в свете очередной молнии шерсть его отливает синеватым золотом, а глаза явственно мечут искры.
Чуть поодаль молчат маг с девицей, и холодные струи текут по их лицам ручьями; но руки так ни разу и не поднялись отереть воду.
Зато дождь вскрикивает, эхо отдается за горами, и небо перестает рыдать.
Тишина.
Баран сурово глядит сначала на поэта, потом на юношу, потом оброненная сабля ломается под тяжелым копытом, и незваный миротворец бредет восвояси, раздраженно блея.
Маг делает шаг вперед.
— Фарр-ла-Кабир не спешит, но везде успевает, владыки мои! Мы поедем домой все вместе. Знакомься, о избранник судьбы: это теперь твой названный сын, шах-заде Суришар. И ты знакомься, шах-заде: перед тобой будущий шах Кабира!..
Будущий шах встречается взглядом с названным сыном, и вдруг чувствует себя молодым.
Совсем молодым.
Такая замечательная ненависть горит во взгляде шах-заде.

КАСЫДА О ВЕЛИЧИИ

Величье владыки не в мервских шелках, какие на каждом купце,
Не в злате, почившем в гробах-сундуках — поэтам ли петь о скупце?!
Величье не в предках, чьей славе в веках сиять заревым небосклоном,
И не в лизоблюдах, шутах-дураках, с угодливостью на лице.
Достоинство сильных не в мощных руках — в умении сдерживать силу,
Талант полководца не в многих полках, а в сломанном вражьем крестце.
Орлы горделиво парят в облаках, когтят круторогих архаров,
Но все же: где спрятан грядущий орел в ничтожном и жалком птенце?!
Ужель обезьяна достойна хвалы, достойна сидеть на престоле
За то, что пред стаей иных обезьян она щеголяет в венце?
Да будь ты хоть шахом преклонных годов, султаном племен и народов,
Забудут о злобствующем глупце, забудут о подлеце.
Дождусь ли ответа, покуда живой: величье — ты средство иль цель?
Подарок судьбы на пороге пути? Посмертная слава в конце?

Глава пятая,

где слышится скрежет зубовный, пахнет заговором, воруются пеналы из мореной черешни, жрецы увлеченно ползают на коленях, а в довершение всего ангел Джибраиль так ни разу и не появляется на страницах этого повествования.

1

Зубы болели так, словно по каждой челюсти весело скакала дюжина шайтанчиков, топоча копытцами. Хотелось разодрать десна ногтями, разодрать до самых пяток и выковырять все, что может болеть; включая сердце и печень. Короче, едва мучительный прилив отступал, откатывался в безбрежный океан пекла, где ему и место, Абу-т-Тайиб чувствовал себя заново родившимся и с трудом переводил дух. После чего в очередной раз связывал нить предыдущих размышлений, оборванную приступом, и продолжал кругами бродить по покоям.

Он — шах. Этот, как его… Кей-Бахрам. Трам-тарам. Странник по мирам, расположенный к пирам. Имя выглядело чужим, его можно было взять в руки и потрогать, с содроганием ощутив шероховатость и заусенцы по краям. Оно и было чужим, данное ему вчера имя. Чужим было все: дворец, покои, преклонение и раболепие, судьба была чужой, одежда, надежда… Пока все идет хорошо, как говорил один мулла, падая с минарета.

Пока все идет хорошо.

Абу-т-Тайиб еле сдержался, чтоб не хватить кулаком по столу, инкрустированному нефритом и яшмой; потом пожалел себя и стол. Кулаки не помогут, хоть в кровь разбей. Ты — шах, мой красавец! Пусть имя твое на айванах царит, и счастье немеркнущим светом горит над родом и краем, и ратью твоей, и ликом, и царственной статью твоей! Во всяком случае, так утверждают твои верноподданные благодетели, утверждают в один голос, стремглав падая ниц, как если бы твое шахское величество пинало их под коленки. Будь счастлив, мой дорогой халиф на час; обжирайся дармовым сыром, пока рычаг мышеловки не привел в движение грубую прозу бытия.

В последнем поэт не сомневался.

Абу-т-Тайиб подошел к столу и налил себе в кубок из серебряного кувшина, покрытого тонким кружевом черни. Какая-то добрая душа с вечера наполнила кувшин кисленьким отваром, совершенно не хмельным, и даже наоборот: голова после него становилась ясной, а зубная боль слегка отступала. Поэт отхлебнул глоток, потом прополоскал рот и сплюнул в угол. На ковер. На роскошный ковер с орнаментом из пурпурных и лиловых ромбов. Шах он или не шах?.. по всему выходило, что шах, плюй-не-хочу.

Следующий глоток легко скользнул по горлу в желудок. А поэт вдруг припомнил, как после очередного перевала в горах без названия мир вокруг него мигнул. Ощущение было странным, словно предстояло давать новые имена старым знакомым, а душа вдруг стала курильницей из белой меди, пустой и звонкой. Но они вскоре поехали дальше — и поэт вновь постарался задремать в седле. Урвать хоть крупицу отдыха, благо есть возможность. Ночами на привалах он мучился бессонницей: вслушиваясь в каждый шорох, подскакивая от дуновения ветерка. Причина была проста. Абу-т-Тайиб давно утратил наив юности; и теперь справедливо полагал в новообретенном названном сыне искреннее желание — перегрызть глотку названному папаше при первом удобном случае. На сторожевые достоинства мага с бородавкой, а уж тем более дерзкой девицы, поэт полагался слабо. Зато на остроту ножа Суришара… ох, тут и заснул бы, а невмоготу! Уж больно явственно вспыхивали глаза мальчишки, когда взгляд его будто случайно падал на Абу-т-Тайиба, бродягу, укравшего у шах-заде отчий венец!

Сам поэт тогда еще не верил ни в какие венцы, кроме венца сумасшествия на головах спутников. Он просто ехал рядом с ними, рассчитывая облобызать всю троицу, едва они доберутся до торговых дорог — и никогда больше не встречаться с удивительной компанией.

В Медном городе поэт на базаре встретил троих дар-ас-саламцев, в постоялом хане успел переговорить с басрийским цирюльником, которого шальная судьба занесла сюда пять лет тому назад — и способ возвращения домой казался простым и верным. Поэт катал на языке это сладкое слово «домой», впервые ощущая его подлинный вкус, вспоминал былую жизнь чуть ли не с умилением, прощая обидчиков, восхваляя друзей, молясь за убитого жениха-бедуина и иных бедняг, чьи головы ему довелось отделить от тел…

Эйфория длилась до тех пор, пока мир не научился моргать.
А спустя еще сутки их встретила толпа вельмож, разодетых пышней слив в цвету.
— Радуйтесь! — сипло возвестил маг, подымаясь на стременах, и предгорья откликнулись шумным эхом. — Испытание завершено, фарр-ла-Кабир вновь сияет нам в полном блеске! Вот ваш шах!
И первым слетел с седла, дабы простереть ниц свое почтение перед убежищем власти; в смысле, перед лошадью Абу-т-Тайиба.
Мгновением позже выяснилось, что путь домой изрядно осложняется, если не откладывается вовсе, а безумие старца заразней чумы. С кликами радости благородные господа принялись освобождать коней от тяжести своих благородных задниц; и вскоре Абу-т-Тайиб мог вдоволь любоваться ягодицами и спинами, обтянутыми шелком и парчой. Последним пал ниц драчун Суришар, так и не сделавший попытки на привале сунуть нож в бок оскорбителю. Лошадь поэта пятилась, справедливо пугаясь открывшегося ей зрелища, сам Абу-т-Тайиб прикусил палец изумления зубами сдержанности, и на ум не приходило ни одной путной идеи.
Велеть им подняться?
Развернуться и поскакать прочь?!
Сделать вид, что ничего не произошло?.. ха! — легче сказать, чем сделать.
Пришлось выпутываться обычным способом.
— Э-э-э… негоже достойным валяться в пыли, усами дороги мести, — пехлевийские слова, став привычными за неделю пути, сейчас спотыкались хромыми мулами; было стыдно. — Негоже великим владыкам земли… земли… от слуг только лесть обрести! Поклон не позор, но позорней стократ…
Хвала Создателю миров! — они начали подыматься. И можно было замолчать. Захлопнуть пасть, надежно укрыв окостеневший язык, не способный родить рифму к слову «стократ»; продолжить путь в шелесте и гомоне, в неподдельной радости, в искреннем обожании, в сладости сердец, распахнутых навстречу повелителю.
Вчера его торжественно возвели на престол; весь город, который местные жители звали Кабиром, ликовал и пил здоровье владыки.
Он — шах, Кей-Бахрам.
И все же он — Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби. А посему плохо верит в обожание и сладость сердец, в динары, щедро рассыпанные под ногами, и в суку-удачу, когда та сама лезет в руки; ты ее отталкиваешь, пинаешь острым носком сапога, а она лезет, тычется мордой, скулит: «Возьми!»
В такую удачу поэт не верил вообще.
2
…зубная боль вновь уходит на миг, и миг кажется вечностью, особенно когда ты знаешь: быстрее всего заканчивается именно вечность.
Остановись.
Хлебни отвару, огладь бороду; заставь мысли бежать в нужном направлении.
Иначе… иначе нельзя.
Итак: что остается предположить? Первое — он, несчастный дурак, застигнутый врасплох самумом, благополучно скончался от удушья, от тяжести песка, и сейчас видит дурацкий смертный сон. Истлевая под мавзолеем пустыни. Сон противоречит общим представлениям о Божьем промысле, но кто намерен оспаривать право Творца на шутку? — и вообще: какие сны в том смертном сне приснятся?! Может быть, именно такие, с белостенным городом Кабиром и шахским престолом…
Предположение имело право на существование — но право маленькое, куцее, с горчичное зерно, и Абу-т-Тайиб забросил его в самый дальний угол. Туда, где на стене, в окружении свиты кинжалов, наискось висел владыка-ятаган: роскошный клинок, держать который в руках было подлинно шахским удовольствием.
Вот поэт и держал, уже три раза за сегодня держал, чтоб потом аккуратно повесить на прежнее место.
Второе предположение стоило первого: допустим, он тронулся рассудком. И теперь по Степи Копьеносцев скитается блаженный доходяга, пуская слюни и воруя у бедуинов плошки с молоком вечернего удоя; а видит сей юродивый, как его силком возводят на трон, видит и путается в сомнениях…
Нет.
Что-то не сходится.
Дальний угол пополнился еще одним отброшенным выводом, а поэт принялся за третье предположение.
Все происходит на самом деле. Мир велик, и в нем вполне сыщется место для Кабирского шахства. Где-нибудь на краю света, к примеру, за страной чинов или

вообще в Уделе Черных джиннов. Всякому просвещенному человеку известно: знакомыми народами заселена лишь четверть земного круга, а что творится в остальных трех четвертях — ведомо одному Совершеннейшему Благотворителю! Кстати, надо будет позже спросить… нет, велеть принести ему карту здешних земель! Авось, прояснится. Но дело не в карте, а в том, что в Кабире недавно скончался шах. Скончался безвременно, согласно заверениям мага с бородавкой, а шахи безвременно не кончаются — ежели на то нет особых причин. Разговоры о возрасте покойного (и до двухсот лет не дотянул, бедняга — ха!) мы оставим на потом, а сейчас…
Предположим, владыку тихо убрали из государственных соображений. После чего наследники с похвальным единодушием стали отказываться от Испытания, сулящего им венец. Насколько известно под горбатым небосводом, наследники от трона тоже просто так не отказываются — значит, и здесь был свой резон. Даже какой-то Лухрасп мигом слег в горячке, едва собрался съездить за шахским титулом. Камешек ложится к камешку, и умненький-безумненький маг Гургин отправляется за семь фарсангов шербета хлебать, вкупе с самым глупым претендентом на трон и наглой девицей, которой не владык на престолы возводить, а стонать сладким стоном под законным муженьком!
В итоге юный шах-заде должен был остаться в глуши навсегда. Глупый верблюжонок лишь чудом избегнул скорбной участи, а на трон… А на трон возвели никому не известного чужака, пред которым вельможи склонились, как перед отцом родным!
У Абу-т-Тайиба потеплели ладони. Он вытер их о халат, оцарапавшись драгоценным шитьем, и продолжил кружение.
Вот, вот оно, рядом, рядышком…
Марионетка на троне, пустышка, перекати-поле! Вызванный колдовством проклятого Гургина из несусветной дали, глиняная свистулька, куда хозяин-невидимка станет дуть по мере надобности — чтобы вскоре растоптать тяжелым каблуком! И впрямь халиф на час! — только минуты уже бегут, и лишь судьбе известно, какая из них станет роковой… Надо было исчезнуть еще в горах, а сейчас поздно, сейчас даже из дворца выйти не дадут: если догадка верна, то нового шаха сторожат бдительней, чем узника халифских темниц!
Спокойно, Абу-т-Тайиб, спокойно, голова твоя пока еще на плечах! А жизнь — не такая уж потеря, чтобы биться лбом об пол, кляня в отчаяньи всех и вся; но жизнь — и не такая уж безделица, чтобы кукла стала рвать нитки раньше времени.
И зубы болят… Е рабб, ну почему зубы болят даже у марионеток, даже у шахов?.. Аллах, прости святотатца — у тебя тоже иногда болят зубы?!
Поэт встряхнулся мокрым псом, отставил кувшин и принудил себя улыбнуться. Что делает связанный по рукам и ногам узник, угодив в зиндан? Сперва глаза должны привыкнуть к мраку ямы, после стоит вслушаться в шаги над головой… опробовать на крепость веревки, проверить узлы — к птице свободы подкрадываются исподволь, ощупью, боясь спугнуть! Это отлично известно тем, кто больше месяца гнил в зиндане эмира Бахара, да прогрызут черви насквозь его ядовитую печенку! Интересно: а если я сейчас велю собрать военачальников и объявлю Бахару войну? Молодец, стихоплет, быстро осваиваешься… Будем считать, что к мраку привыкли и в шаги вслушались. Пора осмотреть веревки, дернуть цепи: нет ли изъяна в каком звене?
Сунув ноги в теплые кауши, расшитые золоченой канителью, Абу-т-Тайиб подошел к дверям покоев. Сегодня он еще ни разу не выходил отсюда; впрочем, он вообще ни разу не выходил отсюда — шахом. Куклу делали, наряжали, а затем она до поры легла в сундук. Итак…
Двери отворились без скрипа, от малого толчка ладонью, и из коридора в лицо пахнуло сырой прохладой. Тишина. Лишь в отдалении слышна глухая воркотня, но слов не разобрать, и ничего не разобрать: то ли люди разговаривают, то ли кони фыркают, то ли голуби… А вот теперь слышно: дышат. Сипло дышат, в полгруди, стараясь помешать воздуху заклокотать в глотке, выйти нутряным храпом.
Выберемся-ка наружу, поглядим, кто это тут у нас дышит?
Коридор оказался скорее галереей (вчера не разглядел, вчера было не до того!). Ряды сводчатых ниш, в глубине каждой теплится малая лампадка, дрожа язычком пламени — десятки змей трепещут огненными жалами; и стены между нишами кажутся перламутровыми от мельчайших росписей, татуировки от пола до потолка. А по обе стороны дверей в шахские покои замерли великаны. Двое, точно Яджудж и Маджудж. Сизые от бритья макушки увенчаны пуговками-тюбетеями, кожаные безрукавки накинуты прямо на голое тело, и кушаки из сиреневого бархата многослойно намотаны поверх шальвар, где обычному человеку утонуть проще, нежели в морской пучине.

Торсы великанов обильно смазаны маслом, остро пахнет мускусом и мужским потом, и лоснятся бугры мышц, текут волнами, вьются клубками удавов…
Стража.
«Ясное дело, стража! — одернул Абу-т-Тайиб сам себя. — А ты чего ждал, глупец?! Дервишей с просьбами о подаянии?! Черных зинджей с кольцами в ноздрях?!»
Он вразвалочку вышел из покоев. Качнулся с пятки на носок, задумчиво возведя очи горе, и наконец обернулся к великанам. Те, выкатив маслины глаз, стояли недвижимо, лишь убрали к ноге шипастые герданы — палицы, способные расплющить гору Каф.
— Ну-ну, — буркнул поэт, чтоб хоть что-то сказать. — Ишь, вымахали, на казенных-то харчах…
Великаны не ответили. Вероятно, не поняли: последнюю фразу Абу-т-Тайиб произнес на языке Корана.
И не сдвинулись с места, когда новый шах Кабира медленно, с подчеркнутой ленцой, зашагал по коридору.
Один узел на поверку оказался слабоват; да и узлом его назвать было трудно. Если, конечно, все это не притворство или шутки кукольника. Стараясь отрастить себе уши на спине, поэт насквозь пересек галерею, резко свернул налево, откуда донесся женский смех; но вскоре передумал и наугад нырнул в темный переход. Тот закончился тупиком, где вверх тянулась винтовая лестница, плита за плитой нависая над идущим.
Как вскоре выяснилось, вела лестница в круглую башню: достаточно было толкнуть кованую дверцу, и ты попадал в полусферу с четырьмя прорезями бойниц. Если глянуть в северную прорезь — отчетливо виднелся край соседней башни, рубцы ее кладки; из бойницы западной просматривались сады предместий, плавно сползающие в долину.
К остальным бойницам поэт подходить не стал. Так, сунул любопытный нос в стенные ниши: оловянная чашка с гнутым краем, стеганый колпак… Сквозняки гуляли в башне, гуляли вольно, забираясь под халат, и впору было радоваться надетым с утра чулкам из теплой шерсти. Не в его возрасте сдаваться на милость этим продувным бестиям. В крайней нише обнаружился роскошный пенал из мореной черешни, сплошь расписанный мельчайшей вязью, ветками и цветами. Серебряная цепочка приковывала к пеналу чернильницу о шести гранях, сделанную из желтой бронзы. Рядом, скрученный жгутом, лежал шелковый платок — заворачивать сокровище. Воровато озираясь, Абу-т-Тайиб сунул находку за пазуху, туго подпоясав халат (чтоб не выпала!); и передумал. Достал, обмотал платком и демонстративно понес в руке.
Шах он или не шах?!
А значит, по праву может без зазрения совести присваивать и отбирать!.. где ж это видано: совесть у шахов?
Внизу, у подножия лестницы, его ждали двое телохранителей. Не великаны, другие: сухие, поджарые усачи с кинжалами на поясах. Они молча потащились следом — переход, галерея… В присутствии охраны не было ничего особенного, владыку обязаны сопровождать доверенные люди, блюдя его пуще зеницы ока; и все-таки это раздражало старого поэта.
Хуже зубной боли.
«Надо будет ввести хождения в народ, — решил Абу-т-Тайиб, возвращаясь в покои и любуясь краденым пеналом. — По примеру великого халифа Харуна Праведного. И непременно под чужой личиной, без охраны. Брать одного спутника. Да хоть того же Гургина! От него и избавиться в случае чего будет легче легкого…»
Поэт лгал сам себе; и знал, что лжет.
Избавиться от Гургина, от мага с бородавкой, от делателя владык… Кстати, как советуют поступать с тем, от кого покамест не можешь избавиться?!
И дверь покоев распахнулась снова.
— Гургина ко мне! — рявкнул шах Кабира. — Немедленно!
И сморщился вяленой грушей: шайтанчики вновь заскакали по деснам.

3

— Я желаю тебя облагодетельствовать.
Маг молчал и смотрел в пол. На котором только что лежал плашмя; а Абу-т-Тайиб еще и обождал минуту-другую, прежде чем велеть Гургину подняться.
— Цена твоя стала великой в наших глазах, и явная истина блеснула во мраке: ты — мой собеседник и друг, ты мой близкий и товарищ! Короче, я назначаю тебя своим вазиргом, советником, к чьим советам охотно преклоню слух! Ну, ты счастлив?
Вместо счастья тень набежала на лицо мага. Он потянулся было к бородавке, но раздумал, и старческие пальцы крепче вцепились в посох с остроконечным концом из металла.

— У моего шаха уже есть два вазирга: Отец Казны и Господин Приговоров. Они имели честь служить еще предшественнику моего шаха, будучи искушенными в мирских делах. Я же никчемный хирбед, раб Огня Небесного, и познания мои в управлении государством не стоят и горсти проса.
— О твоей богопротивной ереси мы поговорим позже, — Абу-т-Тайиб оценил гримасу недоумения на лице мага, и ухмыльнулся про себя. — Если Аллах терпел это ваше идолопоклонничество до сих пор, то потерпит еще немного (да будут мне прощены дерзкие речи!). А Отец Казны и Господин Приговоров будут просто счастливы узнать, что я… в смысле, великий шах Кей-Бахрам, утверждаю пост главного вазирга. Наиглавнейшего!
Тень на лице мага сгустилась, мглой заполняя ущелья морщин, сдвигая брови так тесно, что складка между ними напомнила букву «шин»; и наконечник посоха со скрипом разодрал основу ковра.
— Владыка переоценивает мои старания. Я готов служить кабирскому трону словом и делом, но кулах слишком тяжел для моей головы!
— Кулах?
В ответ Гургин указал на стол, где валялась неразвязанная чалма Абу-т-Тайиба. Поверх нее был одет венец белого золота: зубчатый круг, центр которого украшало стилизованное изображение солнца.
По всей длине венца бежала россыпь крупных жемчужин; каждая третья или пятая — черные.
Капли адской смолы.
— «Книга шахов» гласит, — тихо произнес Гургин, и голос мага дрожал аккордом, взятым на расстроенной лютне, — что к тем, кто низок по происхождению, волей владык приходят перстень, пояс и кулах. Твой же кулах, о мой владыка, есть прообраз фарр-ла-Кабир, да сиять ему вовеки!
— И если я хочу назначить кого-то вазиргом или, к примеру, хлебодаром, то я вручаю ему должностной кулах, пояс…
— И перстень. Зато если мой шах гневается на своих слуг великим гневом, он отбирает указом знаки власти, и злоумышленники скорбят скорбью неправедных! Замечу лишь, что хлебодарам знаки власти не пристали; в отличие от советников-вазиргов, полководцев-спахбедов или сатрапов и марзбанов, правителей областей внутренних и пограничных.
— Отлично! — Абу-т-Тайиб подмигнул магу с искренним весельем. — Значит, мы закажем для твоей дряхлой головы самый маленький кулах, легкий, невесомый… Ты понял меня, вазирг Гургин? Эй, кто там?! Кулах мне и пояс — то бишь не мне, а моему любимцу Гургину, да пребудет его бородавка вовек не зудящей!
И тут случилось странное: маг побелел, будто тень на лице Гургина внезапно оборотилась первым инеем. Губы его мелко задрожали — и старец плюхнулся на колени, уронив посох. Мутная слеза выкатилась из уголка левого глаза, вприпрыжку пробежав по щеке и утонув в прядях бороды, а взгляд стал походить на взгляд древней собаки, которой за верную службу предлагают отравленный кус требухи.
— Владыка! — вскрик мага треснул надвое, и черепки слов градом посыпались на изумленного поэта. — Владыка! Готов служить, готов стоять у трона… коленями на горохе стоять готов! Не назначай вазиргом! Оставь при себе, оставь конюшим, метельщиком, цирюльником, кем угодно!.. прости раба своего! Прости!
— Да что ты! Встань, встань… — если шах Кабира и ожидал чего-то, так уж никак не подобного самоуничижения. Он подхватил мага под мышки, но старец подыматься не хотел, упирался, а под конец даже лег ничком, продолжая бормотать о своей готовности руками выгребать отхожие ямы, лишь бы не надевать кулах вазирга. Пришлось брать полный кубок и отпаивать Гургина, заливая ему рясу и ласково поглаживая по костлявому плечу.
Наконец старец угомонился и прекратил всхлипывать.
— Ты похож на одного моего знакомого, Гургин, — бросил Абу-т-Тайиб, заложив руки за спину и расхаживая по покоям. — Он посмотрел утром на рабыню соседа, и та была для него запретна; в полдень он ее купил, и рабыня стала для него дозволена; к вечерней молитве он ее освободил, и девушка вновь стала для него запретна; на закате он женился на вольноотпущеннице, сделав ее дозволенной для себя, чтобы ночью развестись и сделать бывшую жену запретной; а утром он вновь заключил с ней брак, и она стала ему дозволена. Короче, ты сам не знаешь, чего хочешь. Ладно, будь по-твоему: оставайся при мне советником, а златой кулах мы придержим в стороне до лучших времен.

Ощущение было не из приятных: маг вдруг качнулся к поэту и истово ткнулся губами в ладонь, прежде чем Абу-т-Тайиб успел отдернуть руку.
Губы старца были мокрыми и шершавыми.
Как у верблюда.

Глава шестая,

где можно удивляться, можно сочувствовать, можно преисполниться восторгом или ощутить гнев, а можно ничего этого не делать, и заняться любым другим делом, о чем здесь не сказано даже единым словечком.

1
Вызов во дворец застал Суришара в его загородном имении. И застал, надо сказать, врасплох. Юноша как раз сидел на перилах веранды, задумчиво изучая расположение фигур на шахматной доске. Напротив замер управитель: щуплый евнух-коротышка, который по сей день не располнел вопреки обычаям среднеполых, зато успешно превращал дом в полную чашу. Евнух ждал возгласа «Шах!», ждал дольше обычного, и дождался; только от гонца, а не от хозяина.
— Шах хочет видеть названного сына, да будет благо им обоим!
Мигом дом закипел, словно забытый на огне котел с похлебкой. Что одеть? С ума сошли: узорчатые шальвары? парчовую джуббу?! сапоги из крашеной юфти?! ни за что! Сочтет щеголем, решит, что достаток выпячиваю… Холщовая рубаха и такие же штаны?! Болваны! Недоумки! Дети ослицы и тарантула! Кто же ездит во дворец, одетый в холст и дерюгу?! Живо, живо, раскрывайте сундуки, вываливайте добро, сам разберусь…
И не прошло часа, как копыта чалого жеребца, купленного в Медном городе, выбили шальную дробь о плиты внешнего двора.
Расплескивая весеннюю грязь, шах-заде бурей вылетел на дорогу, ведущую к западным воротам Кабира, и понесся вскачь. Далеко позади оставались арбы, крытые войлоком-двуслойкой, груженые просом телеги, гурты ослов с мелкой поклажей, паломники в островерхих куколях и караван торговца-оразмита; чалый мерял пространство, вытянувшись струной, а шах-заде подставлял лицо пронзительному ветру, и душа пела птицей бульбуль:
— Быстрее! Еще быстрее!.. владыка хочет видеть названного сына…
Еще во время обряда помазания, когда представители всех четырех сословий пали на колени пред новым шахом, Суришар понял — Огнь Небесный нарочно искушал его. Плеснул в глаза сиянием ложных надежд, одурманил мозг тщеславием, заставил дерзновенно кинуться на того, чье чело отмечено судьбой и фарр-ла-Кабир! Видать, сильно прогневал святых покровителей самонадеянный шах-заде, живым выйдя из пещеры Испытания и вместо благодарности взлелея гадюку мести, если понадобилось сбрасывать его с вершин гордыни в бездну покаяния… О Кей-Бахрам! Вели отправиться в ссылку! Вели гнить в темнице до скончания веков! Вели в одиночку пойти на дэвов Мазандерана!
Исполню не колеблясь!
Несся чалый, приближались городские рвы, где тяжко плескалась желтая муть, исполинами вырастали стены, издали отблескивая то булатной синевой, то ржавым налетом; более светлые камни арки ворот казались зеленовато-сизыми, будто патина на старом серебре — несся чалый, наслаждаясь скачкой, и плеть так ни разу и не обласкала конские бока.
К чему?
— …По зову владыки!
— О, шах-заде Суришар! Конечно, конечно, мы сейчас проводим!
Куда его ведут?! Задний двор, террасы, галереи, вереницы низеньких комнат, чьи стены обиты кедровыми досками, диваны с полосатыми тюфяками, снова двор, галерея, фонари из резного кипариса растопырились летучими мышами… в темницу! Его ведут в темницу!
Сбылось!
— Прошу, сиятельный шах-заде! Владыка велели не мешкая…
На длинных стойках развешано белье для просушки. Исподнее: плещет шелком крыльев, тончайшей бязью оперения — белое, розовое… всякое. Рядом каменный

домик, и из стенных проемов грозно скалятся львиные морды, отрыгивая струйки воды. Войдешь в дверь, и боязно ступать по роскоши мозаик: прямо под сапогами лежит нагая красавица, бесстыдно обливая щедрую плоть из кувшина — топчи, гость! Мраморные скамьи сами кидаются навстречу: садись, скинь одежду, улягся распаренным телом, подстелив циновку, доверься умелым рукам слепцов-массажистов! Надежды на благодать темницы, на искупление грехов и очищение совести, рухнули горным обвалом.

Вдребезги.

— Владыка изволят посетить баню! Но относительно шах-заде было велено: пропустить без задержки! Ну куда же вы, куда!.. в сапогах, в халате…

Суришар потянул из-за кушака нож, чьи ножны и серебряную рукоять густо усыпали зерна бирюзы, после чего принялся разматывать сам кушак. За угловой дверцей вовсю звякала медь кувшина, тихо струилась вода и доносилось счастливое кряканье. Не так представлял себе шах-заде официальную встречу с властелином Кабира: своды парадной залы, ряды царедворцев застыли в торжественном молчании, и вот он, шах-заде — с достоинством принимает опалу, подставляя шею под карающий меч истинного правителя, названного отца! Дудки! — в смысле, именно дудки, а не трубы или карнаи. Где уж тут с достоинством подставить, если ни царедворцев, ни залы… подставишь, а лишенный шальвар зад выпятится куриным огузком, подло намекая: пни! приложись пяткой! ну же!

Оставшись голым, Суришар совсем заскучал.

И, в тоске обмотав чресла передником, нырнул в пар, журчанье и кряканье.

Зрелище потрясло юного шах-заде: обладатель фарр-ла-Кабир ничком валялся на цветастом половичке, а по его жилистой спине усердно топтался банщик, визжа от азарта. Рядом курилось жерло бассейна, доверху наполненного горячей водой. Засмотревшись, шах-заде нечаянно наступил на забытый банщиком обмылок, пятки юноши взлетели к потолку, зато все остальное с грохотом рухнуло на пол.

— А, это ты! — прохрипел шах Кабира, пытаясь вывернуться из-под мучителя. — Молодец, быстро доскакал… Эй, плясун, разомни-ка мне сыночка!

Не успел шах-заде опомниться, не успел отбитые ягодицы почесать, как и под ним чудесным способом образовался половичок, а банщик принялся вовсю пинать и щипать «сыночка».

Эй, поосторожнее! эй! ай! ой!.. я ж тебе не тесто в кадке!

Шах меж тем встал и пересел на скамью. Взяв резную доску, он уставился на нее, после задумчиво хмыкнул и почесал волосатую грудь.

Шрам под левой ключицей розовел дождевым червем, распарившись от жары и ласки банщика; еще два червя ползали — один по шее, другой по скуле владыки.

— Эй, юноша, — шах ухмыльнулся и добавил, вогнав Суришара в краску, — подобный блеску молнии во мраке… А скажи мне, дружок, вот что: Пламень-в-Красном-шлеме — это как понимать?

Суришар наконец скинул с себя банщика-надоеду и рискнул приблизиться к владыке. Сесть рядом он не решился (да и кто бы решился?!), устроясь на мокром полу рядом с ногами шаха. На сами ноги юноша старался не смотреть: испещренные синими жилами, с пятнами застарелых ушибов, они выглядели недостойными своего хозяина. Дурацкая мысль, но в бане другие, более чинные и мудрые мысли, как отрезало.

— Пламень-в-Красном-шлеме? — переспросил шах-заде.

В ответ шах молча сунул ему доску; после чего ночь слепоты сменилась утром ясности. Суришар никогда не считал себя знатоком-звездочетом, он даже гороскопы, которые подсовывал ему евнух-управитель, читал вполглаза, через строку, но вырезанные на доске символы были ясны даже для мальчишки.

Вот Нахид, звезда любви и чадородия, вон Кей-Ван, шах звезд с кольцами фарра вокруг чела; а вон и Пламень-…

— Новое имя владыки — Кей-Бахрам, — юноша поднял голову и встретился взглядом с названным отцом. — А Бахрам — это и есть звезда Пламень-в-Красном-Шлеме. Багровая такая, будто кровь запеклась… символ воина.

— Миррих-воитель?

— Нет, если по-нашему, то Бахрам. Миррихом эту звезду в Дурбанском султанате зовут.

Внезапно вспомнилось: первым, малым именем владыки было… как он тогда назвался? Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби? Огнь Небесный, имя-то совсем дурбанское! Уроженец тамошних равнин? Да нет, быть не может: вон, фарр вокруг чела так и сияет!

Нимало не заботясь еретическими сомнениями юноши, шах встал, поскреб макушку уполовиненным пальцем; и вдруг с разбегу плюхнулся в бассейн. Брызги взлетели до потолка, и оттуда, из плеска и брызг, донеслось:
— Ладно, Иблис с ними, с именами-звездами! Мудрецы намудрили, а мы выясняй… Ныряй лучше сюда, потолкуем о душевной сладости! Говорят, ты стихи слагать горазд?
Шах-заде твердо уверился в грядущей опале. Баня, не баня — все равно. Вопрос о стихах сразу напомнил ему: гроза в проклятом Городе, сабля рубит мимо цели, и строчки хлещут по лицу звонче оплеух. Не зря, видать, шах про «молнию во мраке» намекнул!
— Ну давай, давай, чего насупился! Омоемся большим омовением, ибо оно ключ к вратам рая и палатка света о четырех веревках, а возле каждой веревки ангел поздравляет тебя с легким паром! Иди, приятель, потешь мою душу жемчугом красноречия!
Пришлось Суришару вставать с пола, тащиться к бассейну и робко садиться на краешке бортика, свесив пятки в горячую воду. Как он здесь плещется, в кипятке?.. одно слово — владыка!
— Язык проглотил? Смотри, еще минутку промолчишь — петь заставлю!
— Боясь жены, друзей, боясь людской молвы, — начал шах-заде вспоминать первое, что пришло на ум, — боясь назвать кривой ствол дерева кривым… э-э-э… ты все равно кричишь, что ты — венец творенья!..
— Как жаль, что под венцом не видно головы! — в голос закончил шах и расхохотался. Ответом ему был истошный вопль, потому что от изумления Суришар сполз-таки в горячую воду целиком; и еще потому, что он был потрясен легкостью, с какой владыка играл словами. Сам юноша уже плохо помнил, чем там заканчивалось давнее четверостишие, и собирался импровизировать — пока это намерение не выдернули из-под него скользким половичком.
«А вдруг примет за намек? — обожгла шальная мысль, и кипяток сразу показался холодней горных ключей. — Нет, ерунда, он же сам… ну и что, что сам! Головы под венцом не видно…»
Суришар с опаской покосился на названного отца, и действительно ничего не увидел: шах скрылся под водой целиком. Одни пузыри всплывали, словно вода и впрямь закипела. Наконец показалось бритое темя, высокий лоб, где возраст успел проложить немало борозд, затем явились топазы глаз по обе стороны горбатого носа; и губы с налипшими на них прядями усов.
— Хороший ты парень, — сказали губы, пока глаза пристально изучали юношу, и взгляд шаха тайно противоречил сказанному, впиваясь жалящей змеей. — Молод еще, правда, горяч не в меру, но это пройдет… к сожалению. Я так Гургину и сказал: хороший, мол, парень, жаль, если зря скиснет! Ну, отвечай, не задумываясь: какой столичный полк самый-самый?!
— Гургасары, — машинально откликнулся шах-заде, плохо понимая, к чему клонит владыка. — «Волчьи дети».
— А раз так, готовься: быть тебе с сегодняшнего дня полководцем-спахбедом, Волчьим Пастырем! Пойдем одеваться, напомнишь — там тебе уже все приготовили: пояс, перстень и этот, как его…
— Кулах, — подсказал юноша. Слова шаха жарко обтекали его, струясь незримым кипятком; понимание ускользало, виляя хвостом, а карие глаза все смотрели, не отрывались, ждали чего-то… чего?!
— Ага, и кулах. Нацепишь, приберешь своих гургасаров к ногтю, а дальше, глядишь… — ладонь шаха резко вынырнула наружу и с палаческой цепкостью ухватила Суришара за кудри. Рывок; и вот они лицом к лицу, названные сын и отец, пасынки судьбы, дети-ублюдки пещеры в горах без названия. — А дальше, одной прекрасной ночью, поведешь «волчьих детей» на дворец! Охрану вырежешь под корень, их резать, что козий сыр рвать, потом старому дураку башку долой! — придут утром советники с лизоблюдами, а на троне новый шах, Кей-Суришар! Нравится?! Ну, отвечай — нравится?!
Так Суришара не обижал еще никто и никогда. «Серый мадх» показался юноше благословением небесным после этих слов, после этой властной руки и этих глаз, двумя раскаленными иглами впившихся даже не в самое сердце! — глубже, еще глубже, туда, где прячется…
Шах-заде не знал, что у него прячется глубже сердца.
Он просто заплакал.

Слезы текли по лицу, слезы стыда и обиды, соленые капли щекотали уголки рта, и хотелось умереть. Нырнуть с головой в мутную воду, чтобы больше никогда не выныривать в эту проклятую жизнь, где прибой бьет тебя о скалы, не пропуская даже самой завалящей. Соль выедала глаза, а напротив, на бортике бассейна, сидел великий шах Кей-Бахрам; сидел и разглядывал плачущего юношу со странным интересом. Так глядят на площадных акробатов, на мутрибов-лицедеев, раздумывая: что бросить шутам за трюк?

Монету или гнилую сливу?!

— Е рабб, — спустя минуту пробормотал шах, и лицо владыки сморщилось, как если бы он хлебнул уксусу, — ну не может же он… Ладно, парень, забудь! Ну все, все, умойся… или лучше я тебя сам умою. Быть тебе спахбедом, быть, хватит реветь-то!

И Суришар ткнулся мокрым лицом в чужие ладони, покрытые твердыми мозолями.

2

…пир был в самом разгаре.

Слуги проворно сновали меж столами, блюда исчезали и появлялись словно по волшебству, седло барашка в темной подливе сменялось мясными шариками, переложенными пучками черемши, сладкий фалузадж-медовик соперничал ароматом с джаузабом, где куропатки истекали сладким соусом; и кубки долго не пустовали.

— Уф-ф! — это было все, что сумел сказать Абу-т-Тайиб, когда подали душистую харису: вид плова, куда вместо риса клали пшеничные зерна.

Есть он уже не мог; и не есть не мог.

Особенно если учесть: поэт и раньше частенько нарушал запрет пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) на вино (да благословит его Аллах и приветствует!) — но здесь из патоки гнали жидкий огонь, позволяя в обход запретов изрядно повеселить душу (да благословит ее Аллах и приветствует!).

Шах улыбнулся, берясь за кубок.

Его новый спахбед, чей дом сегодня был удостоен чести государева визита, просиял в ответ и возгласил замысловатую здравицу. Хороший парень. Начисто лишен греха злопамятства. Абу-т-Тайиб вспомнил, как в бане испытывал Суришара, испытывал жестоко, с палаческим пристрастием, пальцами ковыряясь в сокровенном… Оставалось либо предположить, что местные шах-заде — самые талантливые лицедеи в мире, которым заплакать, что иным высморкаться; либо враг и впрямь стал верным слугой. Если второе истинно, стоит иметь его рядом вкупе с полком «волчьих детей», если же истинно первое…

Е рабб, ненависть в нашей жизни редко сменяется преданностью! — особенно ненависть наследников престола, у которых престол увели самым наглым образом…

Об этом думать не хотелось. У жеребчика было меньше всего шансов участвовать в возможном заговоре; меньше всего шансов выжить в горах, где его подло бросили лже-проводники; меньше всего шансов проникнуться любовью к нему, Абу-т-Тайибу! А если он, вопреки очевидному, выжил и проникся, то пускай так дальше все и идет. Пусть стоят плечом к плечу, по обе стороны кукольного трона: хитрый маг и пылкий шах-заде.

Пусть, а там посмотрим, кого столкнуть лбами.

Абу-т-Тайиб честно признался самому себе: игра в «Смерть Шаха» начинает его увлекать. Поэт по-прежнему чувствовал себя молодым. Как тогда, в Городе, когда встретился глазами с юным шах-заде. Жизнь была прекрасна и разнообразна. Бархат штор — и ожидание стрелы из-за каждой; мягкое ложе — и тени ночных убийц; почести в предвкушении публичного разоблачения, здравицы в преддверьи проклятий — и дворец на пороге могилы. Все это придавало существованию смысл, наполняло еду доброй толикой перца, и по утрам Абу-т-Тайиб вскакивал с юношеской бодростью, о которой успел позабыть давным-давно. Даже зубы перестали болеть; только до сих пор жутко свербели десна.

Все время, сводя с ума.

Если бы не это…

Абу-т-Тайиб отхлебнул из кубка. Сегодня он проверил крепость еще одного узла: впервые выехав из дворца в загородное имение нового спахбеда. Интересно, а если сейчас попытаться ускользнуть от свиты и челяди… Хмель толкал на подвиги, но благоразумие натягивало поводья — вспомни, поэт, торопливость ведет на «ковер крови»! Славный такой коврик: его подстилают под приговоренного царедворца, дабы кровь не забрызгала покои владыки. Помнишь? — ты однажды уже стоял на таком ковре, и достаточно, достаточно!

Он помнил.

И продолжал сидеть за столом; тем более что на сегодняшний вечер у него был припасен еще один узел.
Государственный узел, можно сказать.
— Эй, Гургин!
Маг поднялся с глубоким поклоном. За весь вечер старец съел одну лепешку с тмином, запив ее подкисленной водой. Лицо у мага было мрачней ночи, кустистые брови сошлись у переносицы, тучами затеняя блеклую голубизну взора; и Абу-т-Тайиб еще подумал, что на месте мага хмурился бы вдвое.
Ишь, лепешка… под такие ароматы!
— Надеюсь, тебе передавали, что утром я вызывал к себе писца с докладом?
Гургин пожал плечами.
— О поступках владыки докладывают разве что солнечные лучи Огню Небесному. А я всего лишь дряхлый глупец, чьи советы лишены всякого смысла.
Абу-т-Тайиб кивнул, словно соглашаясь с выводом мага, и исподтишка мазнул быстрым взглядом: обидится ли?
Шайтан его разберет, хмурится и хмурится…
— Тогда, полагаю, тебе будет интересно знать, что я лишил пояса и кулаха окружного судью Пероза! — поэт говорил уверенно, со знанием дела, забыв добавить лишь, что имя судьи Пероза узнал утром из бумаг писца. — Ибо дважды на Пероза поступали жалобы, где он именовался судьей неправедным, и вопли страждущих достигли небес! Что скажешь?
Странно: пирующие хоть и прислушались к словам владыки, но отнеслись к его заявлению крайне спокойно. Когда буидский эмир Муизз ад-Даула, фактический правитель Дар-ас-Салама в обход халифа, или кордовский Омейяд аль-Хакам II смещали родовитых сановников — шептались куда больше. Одному сановник доводился родичем, другому — покровителем, третьему — фаворитом, поверенным в делах, другом, наконец!.. А здесь тишина. Выслушали, кивнули и облизывают сальные пальцы.
Один Гургин дальше хмурится, хотя, казалось бы, дальше некуда.
Ну что ж, бедный поэт и не переоценивал своих возможностей в реальном возвышении или низвержении. Ясное дело, указы марионетки годны только в сундуке.
И все-таки…
— Владыка подписал указ об отстранении судьи Пероза? — спрашивает маг вполголоса.
— Да. И велел гонцу немедля доставить сей указ в дом судьи.
— Не поторопился ли владыка? Возможно, стоило бы подробнее разобраться с жалобщиками? Судья Пероз стар, более чем стар, и лишить человека в его возрасте пояса и кулаха без детального разбирательства…
Маг говорит шепотом, еле слышно, хотя никто и не вслушивается в беседу шаха с советником.
— Ну, ты у меня тоже не мальчик, а от кулаха отказался! — бледность внезапно заливает лицо мага, и Абу-т-Тайиб решает не перегибать палку; особенно имея в запасе новый подарок. — А впрочем, умница! Вот и я думаю: не погорячился ли? Не внял ли мольбам злоязычных?! Наш достопочтенный устроитель пира, мой названный сын, минутой ранее сообщил мне: имение Пероза всего в двух фарсангах от этого дома! Итак: седлайте коней! Шах едет разбираться!
И, не дав никому опомниться, поэт встал из-за стола.

3

Сегодня он будет спать плохо. Очень плохо. Потому что, вломившись во главе хмельной толпы в имение отставного судьи, застал там громкий плач и причитания. Труп судьи лежал в открытом гробе-табуте, уже обмытый и завернутый в погребальные пелены; а рядом скорбно молчали родственники и близкие друзья. Обман исключался, да и не стал Абу-т-Тайиб проверять: настоящий судья лежит перед ним или поддельный? Просто постоял над трупом, вспоминая вопрос мага-советника:
«Не поторопился ли владыка? Судья Пероз стар, более чем стар, и лишить человека в его возрасте пояса и кулаха без подробного разбирательства…»
А ведь он всего лишь хотел уличить возможных заговорщиков в пренебрежении к указам шаха, уличить публично, дав пищу молве!
Уличил, владыка?
Ты ведь был уверен, отправляя гонца, что цена твоему указу — рубленый даник, и тот с обгрызенным краем!
— От чего умер судья? — глупо спросил Абу-т-Тайиб, и едва не покраснел.
Вперед вышел ровесник поэта, очень похожий на умершего: вероятно, старший сын.

— От… — он запнулся, проглотил слюну и уже твердо закончил. — От старости, мой шах. От старости.
— Получив мой указ?
— Да. Получив указ владыки. Вот…
Абу-т-Тайиб обратил внимание, что ему протягивают атласную подушку, поверх которой лежали пояс и кулах.
Золотые бляхи на ремне и россыпь жемчужин по зубчатому обручу; похожи на шахские регалии, но меньше и бедней.
— Оставь себе, — тихо сказал шах Кей-Бахрам. — Теперь ты — окружной судья. Оставь себе.
— Лучшего выбора трудно и представить, — шепнул на ухо Гургин, но шах не слушал его.
Лица. Лица родственников судьи, лица его друзей; лицо самого покойника. Абу-т-Тайиб мечтал, чтобы хоть на одном из этих лиц мелькнула укоризна, ненависть, презрение к владыке, подписавшему указ об отстранении из мимолетной прихоти… ну же!
Нет.
Лица были спокойны, и глаза смотрели понимающе.
Оправдывая.
Машинально Абу-т-Тайиб сунул пальцы в рот, ухватил, дернул… Извлек гнилой пенек, зачем-то спрятал его за кушак, видимо, постеснявшись при мертвеце швырнуть в угол. Сунул окровавленные пальцы в рот снова, пошарил; и брови шаха удивленно взлетели на лоб.
* * *
Уже отъезжая от судейского имения, он бросит Гургину:
— По приезду гони ко мне лекаря! Кто тут у вас зубами занимается?!
— Зубами у нас занимаются цирюльники, — прозвучит спокойный ответ. — Но владыке они не нужны.
— Как не нужны? А что тогда творится у меня во рту?!
— Ничего опасного, — и Гургин впервые за сегодня улыбнется. — Ничего опасного, мой шах. Просто у тебя режутся новые зубы.

Глава седьмая,

где речь пойдет о благородном искусстве охоты и послушных шахской воле девицах, а также о прилюдных казнях и мудрости правителей — однако не будет упомянуто, что если первым днем года станет понедельник, то это указывает на праведность властвующих делами и наместников, а также год будет обилен дождями, взрастут злаки, но испортится льняное семя, умножится моровая язва, и падет половина животных — баранов и коз; хорош станет виноград и скуден мед, хлопок упадет в цене, а Аллах лучше знает.

1
Утро наступало особенное. Охотничье утро — это новый шах Кабира понял сразу. Тусклая сталь неба медленно раскалялась на востоке, где ангелы-кузнецы разжигали горн для переплавки грехов в добродетели — и металл тек голубизной, превращаясь в редкую разновидность индийского булата. Легкие белые стрелы облаков перечеркивали свод над головой, и Абу-т-Тайиб окончательно уверился: быть сегодня потехе!
Говорят, фазанья охота здесь — поистине шахская. Вот и проверим. Даром, что ли, за «ловчие поэмы» ему в свое время платили втрое больше, чем за винную лирику «хамрийят»?! А когда охотник может в любую секунду стать дичью, равно как владыка — падалью…
Поэт твердо знал: если, миновав невольничий рынок, взять наискось от угловой башни и спуститься в лощину, то через час начнутся кустарники, где и ждут ловца краснохвостые птицы со спинками из чистого серебра.
Знать бы еще, откуда подобная уверенность? И все-таки: прикроешь глаза и ясно видишь — рынок, дорога, лощина… фазаны!
Наваждение?

Пылающий лик светила еще только-только успел взмыть над твердью, оглядывая землю и выясняя, что здесь успели натворить в его отсутствие — а кавалькада нарядно одетых всадников уже выезжала из ворот дворца.
Меховая джубба, поданная шаху по случаю охоты, оторочкой подола свисала едва ли не до стремян. Конь шел ровно даже по грязи, не сбиваясь с рыси, а жгучий от холода воздух бодрил, быстро изгоняя остатки сна. Впереди покрикивали и незло щелкали нагайками телохранители-гургасары во главе со своим новым спахбедом, гоня с дороги ранних прохожих… В общем, настроение у Абу-т-Тайиба было отличное — подстать этому ясному утру. В голове сами собой сложились два бейта:

> — Миновала давно моей жизни весна. Кто из нас вечно зелен? — одна лишь сосна.
> Нити инея блещут в моей бороде, но душа, как и прежде, весною пьяна!
> Пей, душа, пой, душа, полной грудью дыша! Пусть за песню твою не дадут ни гроша
> Пусть дурные знаменья кругом мельтешат — я бодрее мальчишки встаю ото сна!

Абу-т-Тайиб, ставший с недавних пор шахом Кей-Бахрамом, громко расхохотался. Эй, игроки-кукольники! Смейтесь и вы! Смейтесь над болваном в венце, плетите сети интриг, дайте вдоволь надышаться дразнящим запахом опасности, дайте миру еще немного побыть обжигающе ярким; позвольте вам подыграть, не забывая украдкой глазеть по сторонам. Кабир ваш для меня — тайна за семью печатями, но каждая поездка добавляет золотые крупицы в сокровищницу знаний — а знания эти мне понадобятся, ох как понадобятся!
И, возможно, весьма скоро.
На первый взгляд Кабир мало чем отличался от других виденных Абу-т-Тайибом городов — а их на своем веку поэт повидал немало. Кривые улочки, майданы, хаузы-водоемы, глухие высокие дувалы скрывают от досужих взглядов внутренние постройки, сплошь каменные (хоть у богачей, хоть у бедняков). Оно и понятно: камня кругом в изобилии, бери — не хочу, а дерево еще поди сыщи! Мошна тугая? — возводи дом хоть из белого с прожилками мрамора, добываемого рабами и каторжанами в каменоломнях; каждый дирхем на счету? — строй жилище из ноздреватого ракушечника-желтяка или серого сланца. Все — как в той же Куфе, Басре, Дар-ас-Саламе… все, да не все.
Во-первых, город непривычно чист. По крайней мере, те улицы, где они ехали, явно убирались метельщиками не за страх, а за совесть.
Топтать стыдно.
Во-вторых, дувалы наиболее богатых домов украшала лепнина из белого ганча, раскрашенного пестро и ярко. Среди изящных переплетений листьев, стеблей и бутонов, дозволенных правоверным, частенько встречались изображения зверей, птиц и даже людей. Было совершенно очевидно, что пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует!) почему-то забыл просветить эти края, и души местных жителей до сих пор блуждают впотьмах, не зная истинной веры… Впрочем, они-то как раз считают, что впотьмах блуждают все остальные, а их души освещает лично Огнь Небесный. Ладно, да простит Аллах меня и гяуров-кабирцев, но с вопросами веры мы разберемся позже.
Ведь сказано: «У пророка Божьего из всех его добродетелей прощение обид есть именно та добродетель, на которую можно уповать с наибольшей уверенностью».
Вознесем упования!
Да, и, само собой, нигде не видно устремленных в небо минаретов, столь привычных глазу. Здешние храмы — низкие, круглые, и есть подозрение, что немалая часть сих языческих капищ прячется под землей. Равно как и замыслы местных жрецов-хирбедов: даром, что ли, именно парочка святош сопровождала на тот свет мальчишку Суришара?!
Молодец, шах свежепомазанный, правильно Гургина приблизил…
А вот и городские ворота.
Да здравствует шахская охота — и прочь до поры до времени все другие мысли!

2

Охота удалась: дичи было вдоволь, и рука ни разу не подвела Абу-т-Тайиба; ехавшие сзади слуги везли в тороках целую стаю подстреленных птиц. В искусстве дворцовых

поваров шах имел уже возможность убедиться, а предвкушение скорого ужина заставляло чрево бурчать.
От спин разогревшихся коней подымались облачка пара, по телу разливалась сладкая истома. Вдобавок имелось еще одно обстоятельство для радости: когда во время охоты Абу-т-Тайиб намеренно оторвался от свиты, ускакав далеко вперед, никто не поторопился догнать шаха.
Свобода? — нет, просто дергаем узлы.
Пока.
Впереди уже виднелась арка ворот, когда Абу-т-Тайиб приметил у обочины какую-то девицу, уступившую дорогу кавалькаде с похвальной резвостью. Одного взгляда на пышно разодетых охотников ей вполне хватило: девушка, стесняясь, поспешила согнуться в поклоне, а затем прикрыла лицо передником. Одежда ее слегка задралась, обнажив стройные щиколотки, и этот жест развеселил поэта.
Абу-т-Тайиб подбоченился и с улыбкой продекламировал:

— Что скрываешь ты, девица, под покровами одежд?
Дай же взгляду насладиться, не обманывай надежд!
Мое сердце — спелый персик, хочешь, режь, а хочешь, ешь,
Я сгораю в нетерпеньи, охлади мой пыл, красавица!

Он тронул было поводья, собираясь ехать дальше. Но вместо этого застыл на месте, вновь придержав недовольно заржавшего коня.
Девица раздевалась. Совершенно спокойно, и без всякого смущения. Абу-т-Тайиб в недоумении покосился на своих спутников: мол, что это с ней?! Головой скорбна?! Но спутники, похоже, воспринимали поведение девицы, как нечто само собой разумеющееся: гургасары без особого интереса наблюдали за обнажающейся девушкой, двое придворных беседовали вполголоса; Суришар вообще смотрел на него, Кей-Бахрама, дабы не пропустить момент, когда шах скомандует ехать дальше. Ни удивления, ни соленых шуток, ни ехидных ухмылок — ни-че-го!
Поэт вновь перевел взгляд на девушку — та уже успела раздеться полностью и теперь стояла перед шахом во весь рост, потупив глаза. Даже срамных мест не прикрыла ладонями. Ждала. Чего? Разрешения одеться? Приказа взять ее в шахский гарем?
«Впрочем, что это я?!! — опомнился Абу-т-Тайиб. — Откуда ей знать, кто перед ней? На лбу ж не написано: шах, мол… Интересно, у них тут женщины перед каждым встречным вельможей раздеваются, чтобы он их оценил?!»
Девушка была весьма привлекательна, но сейчас поэту было не до томления плоти. Однако, пора и честь знать. Надо подводить итог, а то ведь так и простоит до вечера голой!
И добро б летом!

— Жалко, милая, что стар я, волосы проела плешь,
Ты — моя былая юность, гордая красавица!

За такой финальный бейт впору было вытянуть самого себя плетью, но красавица все поняла правильно. И принялась одеваться. Ни улыбки, ни обиды не отражалось на ее лице: словно она просто исполняла обыденный долг. Скажем, обед готовила или одежду стирала.
Шах пожал плечами и махнул рукой спутникам — поехали!
Уже подъезжая к воротам, он жестом подозвал к себе ехавшего сзади Гургина.
— У вас тут все девки такие бесстыжие?
— Желание великого шаха — закон, — напыщенно проговорил маг.
— Допустим. И даже можно припомнить сходную историю, которая произошла с Хасаном Кудрявым и юной фазариткой. Но откуда эта роза ваших цветников узнала, что я — шах?!
— Разве можно глядеть на солнце, не прищурясь? — прозвучал удивленный ответ. — И тем более не узнав светила?!
«Поговорили, — досадливо подумал Абу-т-Тайиб, посылая коня вперед. — От души.»
Перед глазами до сих пор стояла нагая девица; и чувствовать себя молодым было отчего-то неприятно.

3

Юный спахбед ехал позади шаха и не уставал тихо радоваться. Дважды его испытывали, и дважды он был слепей новорожденного кутенка! Уши Суришара сами собой краснели от стыда, когда он вспоминал об этом. Ведь Судьба ясно указала ему его место! На два крупа за спиной в минуты покоя и рядом в годину бедствий! А он, глупец, не внял знамениям — и только бесконечная доброта и мудрость Кей-Бахрама (да восславится его имя в веках!) спасли юношу от гибели. Более того: владыка лично вручил шах-заде кулах, пояс и перстень, приблизил к себе, оказав тем самым высочайшее доверие! Помнишь, неблагодарный: ты еще смел сомневаться в этом великом человеке, оспаривать его право на фарр и трон?!

Разве не узрел ты в Медном городе гнев Златого Овна, провозвестника явления истинного венценосца?!

И все же, лучше позже, чем никогда! Его, Суришара, счастье, что новый шах оказался человеком с большим сердцем и широкой душой. Впрочем, что значит — ЕГО счастье?! Это счастье всего Кабирского шахства! Держава вновь процветает, смуты прекратились, подданные возрадовались и туго подпоясались поясами служения, наверстывая упущенное за время безвластия. Солнце, имя которому — фарр-ла-Кабир, взошло над землями, согревая души людей. Все это — лучшее доказательство того, что шахский кулах достался Кей-Бахраму по праву.

Хотя какие нужны доказательства зрячему?! Вон впереди едет владыка, чья меткость и крепость руки сегодня были несравненны — и сияние священного фарра окружает его, подобно малому солнцу! Не даром же говорят, что шахский фарр — частица Огня Небесного…

Кей-Бахрам поднял руку, и вся процессия послушно остановилась.

— Этим путем мы уже ехали. Если взять от невольничьего рынка на северо-запад, мы доберемся до дворца?

— Конечно, владыка! Дорога получится длиннее на полфарсанга, но ко дворцу мы выедем.

— Не беда, что длиннее, — усмехается шах. — Должен же я познакомиться со своей столицей? За мной!

Они миновали ряды лавок, обогнули храм Огня Небесного, насквозь пересекли ремесленный квартал — и оказались на площади. Не на центральной, где били фонтаны в виде диковинных цветов, а на той, что в народе прозвали Судейской.

И поделом.

Здесь оглашались приговоры, после чего сразу, не теряя времени, вершилось правосудие.

Сейчас, к примеру, на площади шла казнь.

Очередных ловкачей с большой дороги, чья удача невовремя вильнула хвостом, ждала грустная участь. Мелких воришек пороли, маститым грабителям рубили десницу, а душегубам-полуночникам маячили острые колья. Не слишком толстые — стыд терзать человека сверх должного!.. но и не слишком тонкие — чтобы сдохли, успев хорошенько осознать перед смертью свою вину. Да и добрым молодцам урок: пусть смотрят на дружков. Авось, призадумаются, прежде чем выходить на дикий промысел, почешут в затылках…

Один разбойник уже исходил кровавым хрипом на колу: баловень судьбы! — похоже, мучаться бедняге оставалось недолго.

Второй кол с насаженным на него преступником как раз опускали в заранее приготовленное углубление. Казнимый пока держался: скрипел зубами от боли, но молчал. Ну-ну! Скрипи, герой, поглядим, надолго ли зубов хватит! За всю историю Кабира лишь разок случилось чудо, когда душегуб проторчал на казенном колу больше полутора суток, и отвалил в ад, так и не проронив ни звука.

Да и то, скорее всего, палаческая сказка.

Зато с третьим приговоренным (видимо, главарем, ибо кол для него приготовили заметно толще, чем для двух первых) вышла заминка. Когда процессия въехала на площадь, расплескав конями ряды зевак, двое дюжих стражников пытались завалить детинушку, дабы палачи управились с колом. Но парень неожиданно вырвался, пнул оплошавшего стража ногой в живот — тот улетел с помоста спиной в толпу; плечом отшвырнул другого и попытался освободиться от сыромяти, опутавшей руки.

Пришлось стражникам-друзьям бросать кол на попечение заплечных и хвататься за копья. Но широкие жала миновали дерзкого: еще чего! — даровать преступнику легкую смерть?! Пусть и не надеется! Два древка с размаху обрушились на бока разбойника; тот пошатнулся, но устоял. Нырнув под очередной удар, парень кинулся на врагов, брыкаясь хуже дикого жеребца. Да, будь ремень на его руках податливей,

выбил бы удалой душегуб у жизни последний фарт. А то и с собой кого-нибудь прихватил, в пекло.
Ах, ремень, сыромять моченая…
Палач ловко налетел на голого парня сзади, сбил с ног, навалился потной тушей… И мигом получил связанными руками в ухо. Они покатились, вынуждая стражей прыгнуть в стороны; и зеваки принялись орать во всю глотку, подбадривая дерущихся. Когда еще увидишь подобное зрелище?!
— Кто этот буян? — осведомился вдруг Кей-Бахрам.
— Он разбойник, владыка, — брезгливо поджал губы Гургин. — К подобному отребью я испытываю лишь презрение.
— А мне нравится, — возразил шах. — Один, со связанными руками… Таких не на колья сажать, а в седло! Эй, Суришар, отличный бы вышел юз-баши твоим «волчьим детям»! — цепляться за жизнь тоже уметь надо…
Суришар с обожанием внимал Кей-Бахраму. Вот достоинство шаха — сам доблестный воин, и чужую доблесть уважает! Пусть даже ее проявил презренный разбойник, воздев стяг мятежа над головой непокорства. Впрочем, нет, какой же он теперь презренный разбойник — разве шах высказался недостаточно ясно?!
Как и следовало ожидать, монаршая воля остановила побоище. Палач взмахнул тесаком, который минутой раньше успел выхватить, и узы лопнули. Разбойник проворно отскочил к краю помоста, готовясь защищаться и недоумевая: новая забава? везение? случай?! Эй, подходи-налетай, глотки перегрызу!
Суришар, улыбаясь, следил за парнем. Молодец! Хоть и не понял ничего, а молодец. Впрочем, в горячке боя, когда рвешь душу в клочья, это простительно. И все же — странно…
Разбойник дернулся, словно от ожога: и окаменел. Прямо так и окаменел, в теплом плаще с меховым подбивом, который кинул ему на плечи подоспевший десятник гургасаров.
— Пойдем, — «волчий сын» с уважением, но настойчиво взял парня под локоть, и тот, вконец растерявшись, не стал противиться.
Толпа предупредительно расступилась.
Суришар знал, что ему надлежит делать. Он кликнул нужного человека из свиты — и вот уже молодой спахбед подъезжает к шаху, почтительно протягивая владыке сотничьи знаки отличия: высокую шапку с венцом-кулахом и наборной пояс с ножнами кинжала.
— Изволь, мой шах…
— Что?! — хмурится шах, с изумлением глядя на поданные регалии.
Кей-Бахрам передумал?! Да нет, Суришар бы это понял сразу!
— Владыка даровал помилование этому человеку. Вот пояс и кулах для производства в юз-баши, «главу сотни».
На мгновение лицо шаха удивительно меняется; и почти сразу его озаряет усмешка.
— А что, приятель? И произведу! Хаййя! — жил в разбое, жил в набеге, как за пазухой у Бога, пусть судьба моя убога, нынче ж буду сотником! Давайте его сюда!
— Падай, ниц падай! — шипит «волчий сын» на ухо бывшему разбойнику. — Совсем голову потерял, да?! Это же сам великий шах Кей-Бахрам! Он милует тебя и производит…
До парня наконец доходит, и он неуклюже валится ниц.
Гургин, подъехав к шаху, что-то шепчет ему на ухо, но владыка только досадливо отмахивается, и до Суришара долетает обрывок возгласа:
— …на себя посмотри!
После чего ошалевший от счастья разбойник получает кулах и пояс юз-баши.
Суришар улыбается. Сегодня хороший день. И завтра будет хороший. Теперь всегда будет сплошной праздник.
Всю жизнь.
Шах-заде едет на положенном расстоянии, созерцая спину Кей-Бахрама, и улыбается.
4
— Нового юз-баши — в мои покои. И подать нам ужин.
«Прости меня, Всевышний, но к твоим милостям привыкаешь быстро», — Абу-т-Тайиб поудобнее устроился на тахте в ожидании гостя и ужина. Отметив, что гостя он ждет больше. Потому что до сих пор терялся в догадках: как могли палач и стражники сквозь гомон толпы услыхать его… нет, не приказ даже — так, мысли вслух? Что у них, уши слоновьи?! И, тем не менее: освобожденный от пут разбойник мигом оказался рядом, а верный (?!!) Суришар нес в клюве пояс с кулахом. Ну, с регалиями ладно, небось, все время за шахом это добро возят, на всякий случай; зато все остальное…

Очень странно. Колдовством попахивает! — или опять-таки заговором.
Е рабб, но тогда бородавчатый маг Гургин здесь точно ни при чем: старик явно хотел продолжения казни! С одной стороны, все ясно: советника язык кормит, а совет не производить разбойника в юз-баши гургасаров был вполне разумным. Если бы не доводы, которые старик шептал на ухо Кей-Бахраму:
— Посмотри на его глаза, мой шах! Он же «небоглазый»! Нельзя…
Хирбеду, значит, «небоглазым» быть можно, а юз-баши — нельзя? Разумеется, Абу-т-Тайибу было хорошо известно, что большинство голубоглазых от роду-веку — мошенники и плуты, и вообще люди ненадежные, спроси любого араба от Дар-ас-Салама до аль-Андалуса! Но приводить такой довод, да еще в делах государственных… на себя бы посмотрел!
О чем Кей-Бахрам и не преминул заявить упрямому старцу, заставив последнего прикусить язык.
Что же касается разбойника… Парень действительно понравился Абу-т-Тайибу. И не только тем, что сражался за свою жизнь почище обложенного охотниками барса. Поэт нутром чуял: разбойник может ему пригодиться. Это был человек, который не признал в нем шаха с первого взгляда! И участия в заговоре новый юз-баши принимать никак не мог.
А значит, будет говорить правду.
Абу-т-Тайибу очень нужна была эта правда, какой бы она ни оказалась.
— …Позволит ли… э-э-э… добра шаху навалом!
У входа распростерся давешний разбойник. Поэт обратил внимание, что новоиспеченный юз-баши облачен уже в форменные шаровары и куртку-абу.
Пояс сверкал серебром, а шапку с кулахом он смущенно тискал в кулаке.
— Заходи, юз-баши! Садись. Сейчас ужинать будем.
Парень встал, нацепил шапку на макушку и остался стоять на месте.
— Сюда иди, говорю, — рявкнул Абу-т-Тайиб, и это возымело действие: разбойник-сотник, не посмев ослушаться, осторожно примостился на тахте напротив.
Замер, глядя в пол, и не зная, куда девать здоровенные, похожие на грабли руки. Такими только и грабить! Чем парень до последнего времени, по-видимому, и занимался.
— Как тебя зовут?
— Дэв… Ой! Не гневайся, твое шахское величие! Худайбег я… Худайбег из Ширвана.
— Худайбег аль-Ширвани, значит. А Дэв — это, надо полагать, кличка?
— Кличка, твое шахское… дружки прозвали.
— Разбойники, как и ты?
— Не, не как я. Я у них за курбаши был, — честно признался Худайбег, разведя ручищами.
Его, видать, самого изумляло: из кур-баши на кол, с кола — в юз-баши… был пожиже, стал погуще!
Чудны дела твои, Огнь Небесный!
— Грабили, значит?
— Грабили, — с охотой подтвердил сотник.
— Убивали?
— Бывало, — понуро кивнул Худайбег. — Я в разгуле с младых ногтей, первого своего в девять лет приколол, копьецом-то… старый курбаши — родитель мой. Ты, шахское твое, вели гулямам вернуть копьецо, оно мне по руке… А я теперь за тебя по пять вражин за раз нанизывать стану, ты уж не сомневайся!
— Позволит ли великий шах внести ужин? — вкрадчиво мяукнули за дверями.
— Давно пора! — улыбнулся поэт. — Вноси, пока мы с голоду не померли!
«И когда это они фазанов успели зажарить?» — подивился он, наблюдая, как слуги проворно расставляют на дастархане многочисленные блюда, блюдца, блюдечки, и великое множество чаш с кувшинами.
Подобным ужином можно было накормить до отвала человек восемь.
Когда слуги тихо удалились, прикрыв за собой двери, поэт, как и положено гостеприимному хозяину, первым разломил поджаристую лепешку.
Протянул часть Худайбегу:
— Ешь. И не бойся ничего. Не для того с кола снял, чтоб отравить. Нет шаха, нет душегуба — есть хозяин и гость. Понял, оглобля?!
Парень несмело улыбнулся и жадно впился зубами в предложенную лепешку. Взглянув в голодные глаза юз-баши, шах подумал, что, может, слуги и не зря принесли столько еды!

Вскоре захрустели фазаньи кости, горячий жир потек по пальцам и подбородкам. Было отдано должное и молодой зелени, и уксусному супу с барбарисом, и форели в сброженном соке граната — всего и не перечислишь! Добрались и до серебряного кувшинчика с крепкой настойкой. После второго кубка лицо юз-баши порозовело, парень расслабился и окончательно бросил стесняться.
Чего поэт и добивался.
Аппетит у юз-баши оказался подстать кличке: дэв-великан помер бы от зависти, глядя на столь завидную прожорливость! Однако, всему в этом мире есть предел, кроме осведомленности и могущества Аллаха — и Худайбег удовлетворенно рыгнул, откинулся на подушки и замер с кубком в руке.
Пришло время беседы.
— Ну, приятель, а теперь поведай мне: за какие грехи едва на кол не угодил?
— Твое шахское… — в брюхе у парня громко забурчало.
— Мое шахское тебя уже помиловало. Отвечай!
— Гонца я твоего порешил. С этим… с фирманом о восшествии. Я ж не знал, что он гонец! Думал, кисет динаров возьму… а он, баран, за сабельку! Я копьецом ширнул, стал обыскивать, тут грамотка и всплыла. А дружки мои (бывший душегуб разгорячился и даже хватил кулаком о стол, заставив посуду задребезжать), гвалт подняли, отродья трусливые! Что ты, кричат, наделал, сын шакала! Это я-то сын шакала, отвечаю?! Ты, ты! Зачем шахского посланца кончил? Не хотим из-за тебя, дурака, в пекло! — и всем скопом как навалятся!
Лицо парня пошло багровыми пятнами: от возбуждения и выпитой настойки.
— Ты действительно не знал, что гонца встретил? — с напускной строгостью поинтересовался Абу-т-Тайиб.
— Клянусь Огнем Небесным, не знал, твое шахское! Малахай с лисьим хвостом он, видать, потерял, а я ж не провидец!
— А твои дружки? Они что, провидцы? Или им не един финик: гонец, не гонец?!
— Дружки? — с подкупающей искренностью растерялся Худайбег. — Суки они, а не провидцы! Сам диву даюсь: гонца, кричат, порешил, за гонца нам всем мука мученическая… а с чего взъярились, не ведаю!
Дыхание его участилось, стало хриплым, по лицу стекали капли пота.
— Истину говорю, твое шахское: не ведаю! Набросились они на меня, повалили… много их было, а то б я отбился. Связали по рукам-ногам, и к судейскому дому прямо под дверь кинули. Вместе с копьецом; а к древку писульку ниткой примотали: кто таков, мол, и за какие грехи! Нашелся один гад, грамотный… поймаю — удавлю!
Парня била крупная дрожь, пот по лицу тек уже ручьями, но поэт не придал этому значения, размышляя вслух:
— Значит, дружки тебя и повязали? Ох, врешь ты, приятель! Не водится такого промеж гулящими. Ножом пырнуть, если чем крепко не угодил — могут, но чтоб судье, с запиской… И за что? Ты шахского гонца не узнал, а душегубы за гонца горой; и меня ты не сразу признал, когда другие за фарсанг… Как мыслишь, юз-баши? Сотник, что с тобой?!
Худайбег медленно заваливался на бок. Глаза его закатились, страшно сверкая белками, лицо было уже не красным, а лилово-синим, похожим на бычий пузырь. Бывший разбойничий главарь дернулся, упав с тахта на пол, высокая шапка с дареным венцом-кулахом отлетела прочь — и дыхание парня вдруг стало ровнее.
Однако сознание не вернулось.
«Отравили, дети ехидны! — вскочив, Абу-т-Тайиб едва не схватился за голову: столь очевидным было покушение на нового юз-баши. — Фазаны! Начинили банджем!.. да нет, мы же чуть ли не из одной плошки! Хотя мало ли что ему могли подсунуть до того, как привести в мои покои!»
— Лекаря! Быстро! — раскатился по дворцу львиный рык.
5
Лекарь-хабиб морщил личико престарелого младенца, долго тряс куцей козлиной бороденкой, осматривая бесчувственного Худайбега. Принюхивался, прислушивался. Потом велел своему молодому ученику раздеть больного — и шах еще подивился, каким здоровенным оказался разбойник. Абу-т-Тайиб стоял рядом и с восхищением глядел на гору налитых силой мышц. Не зря парня «Дэвом» прозвали! Такому стражей кидать — что детям палые листья!
Впрочем, сейчас Худайбег был беспомощней дитяти, и козлобородый хабиб из кожи вон лез, стараясь привести сотника в чувство.
Не получалось.

Но все же кое-чего лекарь добился: когда парня раздели и растерли мазью, а в полуоткрытый рот влили каплю-другую резко пахнущего снадобья, краснота покинула лицо юз-баши. Он гулко вздохнул, пустил ветры, и болезненное забытье плавно перешло в здоровый сон.
— Пусть спит, — решил Абу-т-Тайиб. — Уложите его в покоях по соседству с моими, и чтоб кто-нибудь за ним присматривал!
Хабиб не посмел перечить, а приглядывать за больным оставил своего ученика, заверив владыку: юноша достаточно преуспел в искусстве врачевания и в случае чего сумеет оказать помощь.
Наконец лекарь ушел, в покоях воцарилась благоговейная тишина, но шах еще долго не мог уснуть. Хотел было распорядиться прислать к нему одну из наложниц — но передумал.
Любви не хотелось; слишком много ее было вокруг, любви-то — обрыдло.
Неужели происки Гургина?! Не сумел уговорить шаха продолжить казнь — так отравить парня решил? Надо будет спросить Худайбега, когда очнется: не давали ли ему какой-нибудь еды или питья перед визитом к шаху. И держать юз-баши при себе, рядом, не отпускать ни на шаг — уморят ведь, твари верноподданные!
Наконец шах заснул, и ему приснился сон.
Он шел по длинному, нескончаемому коридору, а вдоль стен истуканами стояли люди — все, как на подбор, голубоглазые. И каждому шах вручал пояс, кулах и перстень, пояс, кулах и перстень, пояс, кулах и…
Крик.
Гулкий, протяжный; многоголосый.
Осколки неба вздрагивают в бойницах, отороченных черной плесенью; синь течет, выплескивается, заливает коридор, дворец, мир…
Шах оглянулся — и увидел. Те, кому он вручил знаки отличия, один за другим с хрипом валились на пол, изо рта у них шла кровавая пена, глаза тускнели, останавливались… Шах закричал, вплетя в общий крик и свою ноту — после чего проснулся.
Было утро, и Абу-т-Тайиб, мучимый дурными предчувствиями, заторопился проведать новоявленного юз-баши.
Однако, к счастью, предчувствия оказались ложными. Растирая красные от бессоницы глаза, ученик хабиба доложил, что с пациентом все в порядке, он уже проснулся и чувствует себя хорошо.
«Слава Аллаху!» — пробормотал поэт, погнал ученика отсыпаться и шагнул в покои юз-баши.
На Худайбеге были одни шаровары из синей ткани — он еще не успел до конца одеться. Узрев шаха, парень с грохотом лавины в горах пал ниц, но Абу-т-Тайиб мигом заставил его вскочить на ноги.
Незло пнул под ребра и скомандовал:
— Вставай!
— Хорошо спалось, твое шахское?.. — торопливо забормотал Худайбег.
— Лучше некуда. Ты-то как, сотник?
— Жив покамест, твое шахское! Жрать только хочу.
— Ну и славно. Одевайся. И без промедления ко мне — завтракать вместе будем.
— Ух ты! — просиял Худайбег, явно даже в мыслях не виня Абу-т-Тайиба за вчерашний приступ. — Ты, твое шахское, только намекни: я кому хошь ноги из зада-то повыдергаю!
Парень искренне старался хоть чем-то отблагодарить своего спасителя. Щенок. Да, душегуб и грабитель, но щенок. Радостный, открытый, разве что хвостом не виляет. Не было в нем тупой покорности и раболепия, а ухмылка вдруг напомнила Абу-т-Тайибу прошлую ненависть в глазах Суришара.
Обе были честными: и радость, и ненависть.
Разве что ненависть была, да сплыла, а радость — есть.
Абу-т-Тайиб направился к выходу из покоев. На пороге он оглянулся и, оборачиваясь, вспомнил, что это — плохая примета.
Как в воду глядел!
Худайбег успел накинуть куртку, подпоясаться, и сейчас как раз одевал шапку с кулахом. При этом лицо его было мокрым от пота, а на щеках начали проступать знакомые багровые пятна.
Ряды «небоглазых» вдоль стен, кулах, пояс, падающее тело…

— Снять! Быстро! Шапку скинь, я сказал! — поэт еще не успел осознать до конца собственную догадку, а слова уже сами рвались из горла. — Теперь — пояс! Да не лишаю тебя свой милости, не лишаю! Снимай, Дэв! Ну что, полегчало?
— Полегчало! — изумленно шепчет юз-баши, во все глаза глядя на своего благодетеля.
— Скажи слугам, пусть выдадут тебе другой пояс и шапку. Обычные. Будут упрямиться, передашь: воля шаха. И зайдешь попозже — шах желает поразмыслить. А эту… эту дрянь больше не одевай.
Абу-т-Тайиб хотел забрать регалии, но тут ему вспомнился скоропостижно скончавшийся судья; и он передумал.
— Не одевай, но и не выбрасывай. Пусть тут лежат.
И шах вернулся к себе, но спокойно поразмыслить ему не дали.
На пороге возник слуга.
— Дозволит ли мне владыка говорить?
— Ладно, говори, шайтан с тобой. Что там еще?
— Хирбеди Нахид нижайше молит владыку об аудиенции.
— Хирбеди Нахид? — Абу-т-Тайибу сразу вспомнилась юная голубоглазая жрица, так до конца и не смирившаяся с тем, что новым шахом станет он, чужак с того света. Голубоглазая. Снова — голубоглазая…
— Я приму ее, — кивнул слуге Абу-т-Тайиб. — Зови.

Глава восьмая,

где используются новые способы наказания ослушников, исследуется польза от подражания Харуну Праведному, но по-прежнему никоим образом не освещается удивительный факт, что если первый день года — вторник, день Марса, то это указывает на многую гибель людей, дороговизну злаков и малость дождей, а также отсутствие рыбы и удешевление меда с чечевицей; еще умножится падеж ослов, а Аллах лучше знает.

1

— О красавица, про которую сказано: «Если поет и пляшет, то искушает, если же надушится и приукрасится — убьет наповал!» Раскрой уста гранатовые, предназначенные для речей сладких и приятных для слуха — шах внимает тебе!
Замечательно! Абу-т-Тайиб разглядывал жрицу, простершуюся у его ног, и получал истинное наслаждение. Даже в такой позе, долженствующей выражать крайнюю степень смирения, Нахид ухитрялась выглядеть дерзкой!
Талант!
Дар Божий!
Хотелось позвать Гургина, дабы маг тоже получил свою часть удовольствий; но поэт раздумал. Обойдется, упрямец. Нечего ему на девок пялиться. Наедине поговорим, нам посредники излишни…
— Ну, вставай, свет очей моих, вставай скорее!
Словно вихрь взбил песчаный смерч: девушка взлетела на ноги, плеснув кистями дорожной шали, — и наотмашь ожгла Абу-т-Тайиба плетью взгляда. После чего, как и положено рабе на аудиенции у владыки, свет очей скромно потупила взор.
Поэту даже показалось, что он слышит явственный скрип. Взор ни в какую не желал потупляться, а о скромности вообще не шло речи. Так ржавый ворот визжит, сопротивляясь насилию. Так упрямится под ветром старая акация. Так смотрит на захватчика пленный воин, и ноздри пленного бешено раздуваются от бессильной злобы. Глаза девушки сверкнули голубыми углями, обдав поэта ненавистью, откровенней которой может быть лишь плевок в лицо. И Абу-т-Тайиб мысленно поздравил себя: наконец-то перед ним человек, который его искренне ненавидит. До сих пор. Невзирая на перемены и изменения.
Ненавидит и не может скрыть чувств.
О счастье! Разговор обещал быть весьма занимательным.
— Не соблаговолит ли владыка ответить… Правда ли, что верховный хирбед Гургин получил кулах главного вазирга?!
Да, не очень-то ты, девочка, привыкла говорить с владыками. Смотришь прямо, говоришь прямо; там, откуда я родом, за один такой вопрос зовут палача и велят расстелить «ковер крови»! В лучшем случае, палок дадут. По пяткам. Знаешь, как это

делается? Берется палка с ременной петлей посередине, некие прелестные ножки захлестываются сей петлей, а палка перекручивается — чтоб ремень как следует врезался в щиколотки. Потом палка вздергивается к небу, а палачи берутся за гибкие средства вразумления… Но я обожду и с ковром, и с палками. Мне интересно, что ты скажешь дальше, хотя я и догадываюсь об этом.
Я отвечу.
— Вполне возможно, несравненная, вполне возможно. Все в воле Творца и шаха, хоть шах и ничто пред Господом миров.
Похоже, девочка, ты только-только приехала — вернее, примчалась! — в Кабир. И еще не знаешь, что Гургин великолепно обходится без кулаха и пояса. Это правильно, ни к чему тебе лишние сведения, вольный язык быстрей развязывается.
— Владыка! Во имя Огня Небесного — или, если хочешь, во имя Творца, которому ты поклоняешься… Не делай этого!
Мольба?
Клянусь низвержением идолов, мольба!
И едва ли менее искренняя, чем ненависть.
Взгляд «небоглазой» заплывает первыми каплями дождя, соленого ливня, которому только дай хлынуть на иссохшую землю! — ударит в тысячу плетей, запляшет по трещинам, вскрикивая от сладкой боли! Прости меня, девочка, или не прощай, если тебе так больше нравится, но я давно уже не боюсь вида женских слез, и ненависти тоже не боюсь, а вот ты боишься! И не за себя, а за мага с бородавкой.
Он мне руки лобызал, скорпионом ползал по коврам, а чем ты расплатишься за милость?
— Я предлагаю Гургину высокий пост, славу и почет. Неужели ты считаешь своего учителя недостойным славы? — Абу-т-Тайиб всплеснул рукавами от притворного удивления.
— Ты убиваешь его! Это не слава и почет, это смерть, это хуже, чем смерть!..
Нахид осеклась и крепко-накрепко зажала ладошками рот. Поэт смотрел на девушку, и думал, что царства рушатся вот из-за таких: честных и открытых. Самый опасный сорт народа. Любовь, ненависть, долг и забота, а что в итоге? — сболтнут лишнее, и начинают каяться, когда уже поздно.
С лицемерами проще.
— Окружной судья Пероз умер, когда я ЛИШИЛ его должности, — медленно проговорил Абу-т-Тайиб. — Это я еще как-то могу понять. Но ты, красавица, утверждаешь, будто я убиваю Гургина, НАЗНАЧАЯ его вазиргом! Рассей же туман, застилающий мои очи! — и, может быть, тогда я изменю свое решение.
— Никогда, — листвой под ветром прошелестел ответ. — Ты чужак. Но даже будь ты природным кабирцем из шахского рода… Никогда.
— Ладно. Тогда сними шаль.
Хирбеди отпрянула, недоуменно хлопая ресницами.
— Я решил сыграть с тобой в старую игру владык. Если ты не захочешь отвечать на мои вопросы, за каждый отказ я заберу у тебя часть одежды. По моему выбору. И в конце концов отправлю восвояси.
Абу-т-Тайиб помолчал и добавил:
— Голой. Надеюсь, ты понимаешь, что я не шучу?!
Смерч взметнулся во второй раз, но сейчас поэт был готов. Он даже позволил себе рассмеяться, повернуться к бегущей Нахид спиной и прошествовать к столу. Как ни в чем не бывало. С аудиенций правителей не убегают, когда тебе вздумается; особенно если у входа несут караул Яджудж и Маджудж, великаны мои замечательные! Грохот, стук, лязг, и когда Абу-т-Тайиб снова позволил себе обернуться — строптивая жрица стояла у запертых дверей.
Запертых, ясное дело, снаружи.
— Я сказал — шаль! — повторил поэт, лениво играясь с пеналом, найденным в башне. — Живо! Или ты предпочитаешь, чтобы я это сделал сам?!
Скомканная шаль полетела ему в лицо.
— Отлично. И не сверкай на меня глазками, я тебе не хворост, не вспыхну. Скажи лучше вот что… Не все «небоглазые» — жрецы, но все жрецы — «небоглазые». Я правильно понял?
Молчание.
— Сандалии! Будь добра, моя пери, сними сандалии — я хочу взглянуть на твои босые ножки!
Воплощенная Гордость стояла у дверей. Вот она гордо наклонилась, гордо ослабила ремешки сандалий и гордо запустила их, одну за другой, в голову владыки.

Первую сандалию Абу-т-Тайиб поймал на лету, а вторая и без того врезалась в стену.
— Умница. Надеюсь, ты понимаешь, что я могу отдать тебя гургасарам? Или велеть Суришару в моем присутствии объездить строптивую кобылицу?! Полагаешь, мальчик воспротивится?
Гордость по имени Нахид вздрогнула. Правильно, девочка, наш с тобой шах-заде не воспротивится. Если я прикажу, он выполнит приказ; и, возможно, даже с радостью. Это еще один вопрос, на который я хочу получить ответ — но не у тебя.
Всему свое время.
— Значит, ваши тайны тебе дороже страданий Гургина и твоей собственной участи? Хорошо. Но когда я надеваю кулах на шах-заде, то мальчик сияет новеньким динаром; когда я надеваю кулах на дряхлого мага, он брыкается, будто ишак, которому под хвост сунули чертополох — а потом являешься ты, и ужас плещет в твоих хорошеньких глазках! Зато покойный судья Пероз, чьи глаза благородно-карие, скоропостижно уходит к праотцам, едва я ЛИШУ его кулаха! Ты не хочешь объяснить мне все эти чудеса? Не хочешь, моя пери… Рясу! Снимай рясу или что там у тебя надето!
Ряса упала на пол. Руки девушки судорожно вцепились в изар — повязку на чреслах; Нахид справедливо ожидала, что следом за рясой придет очередь изара. О, строптивая хирбеди была хороша, она была чудо как хороша в гневе и смущении, словно пленная тигрица! Маленькая грудь, нежней молодых листьев аргавана; стрелы ресниц трепещут, грозя обронить алмазы слез… что там еще? Аромат мускуса и амбры? Виноградинки бьют розу? — в смысле кончики пальцев трогают щеку?
— Только раз бывает праздник, только раз весна цветет, — поэт вольно закинул руки за голову, и потянулся, смакуя слова великого Рудаки, — взор твой, пери, праздник вечный, вечный праздник в сердце льет! Ответь же мне скорей, любимая: кто я? Кто твой возлюбленный?!
— Тварь! — выплюнул рот Нахид. — Мерзавец!
— О-о-о! Замечательно! Раз в году блистают розы, расцветают раз в году — для меня твой лик прекрасный вечно розами цветет! Так кто же я еще?
— Сволочь! Палач!
— Я сгораю от счастья! Только раз в году срываю я фиалки в цветнике — а твои лаская кудри, потерял фиалкам счет! Нет, тут Рудаки что-то напутал, ведь фиалки синие, а кудри… ну да ладно! Еще! Кто я, моя любовь?!
— Червяк! Дождевой червяк! Проходимец!
— По-моему, тебе жарко в изаре… Велеть снять? Только раз в году нарциссы украшают грудь земли — а твоих очей нарциссы расцветают круглый год!
Абу-т-Тайиб вдруг прыгнул прямо через стол, забыв о возрасте и сане; он оказался совсем рядом с обнаженной девушкой, и пальцы когтями вцепились в бархатные плечи. Лицо его треснуло провалом рта, и Нахид ясно увидела новые зубы на месте выбитых передних: острые, пока еще маленькие кусочки кости…
— Кто я!
— Собачий сын!
— Еще!
— Мучитель!
— Еще!
— И еще… еще… Еще ты шах Кабира, Кей-Бахрам, будь ты трижды проклят!
— Одевайся!
— Что?!
— Одевайся, говорю! И пошла вон! Вон!!!
Только тогда она заплакала.
Уже в галерее ее догнал окрик шаха. Ударил в спину, ухватил за край спешно накинутых одежд. Нахид обернулась, всхлипывая: проклятый чужак стоял на пороге своих покоев.
Рядом возвышались идолы-телохранители, слепые и глухие ко всему, кроме безопасности владыки.
— Извиняться не стану, — устало бросил шах, и девушка задохнулась: столько муки крылось в сказанном. — И вознаграждать не стану. Я получил ответ; мне достаточно. Прощай.
— Я ничего не сказала тебе! — крикнула Нахид, чувствуя, как голос предательски дрожит. — Ничего!
— Сказала. Одни говорят словами, другие — чем придется. Ты честно ненавидишь; и честно зовешь меня шахом. Ты раздеваешься иначе, нежели прочие женщины ваших благословенных земель. Это ответ. Пусть я не до конца разобрался в нем, но я разберусь. Обязательно разберусь. И не бойся за Гургина: он прекрасно обходится без

кулаха. Прежде чем просить об аудиенции, тебе следовало бы встретиться с учителем лично. Уходи.
Девушка бежала по галерее, сгорая от стыда и гнева, а вслед неслось:
— Не цепями приковала ты влюбленные сердца — каждым словом ты умеешь в них метать огонь и лед!.. огонь и лед! О златоуст Рудаки, слепец со зрячим сердцем! — как же хорошо ты знал женщин… Эй, постой! погоди! ты забыла сандалии!
И сандалии, брошенные сильной рукой, упали перед бегущей хирбеди.
2
Вечером посыльный ускакал в город с приказом: «Без главного советника не возвращаться!»
Гургин явился настолько быстро, что у поэта закралось подозрение: старик все-таки настоящий колдун и примчался сюда в летающем кувшине. Или все это время торчал под дворцовыми воротами. Ждал вызова. А заодно подслушивал и собирал сплетни. Интересно, он успел переговорить со своей защитницей Нахид, оскорбленной в лучших чувствах?
И если да, то к каким умозаключениям пришел?!
Однако вдаваться в расспросы Абу-т-Тайиб не стал.
— Распорядись, чтобы мне принесли другую одежду. Караванщика или ремесленника средней руки, что ли… Да и сам переоденься. Мы отправляемся в город. Вдвоем, — поэт стоял над распростертым ниц стариком и ждал возражений.
Но возражений не последовало.
— Внимание и повиновение! — отозвался хирбед с пола, вскочил, как змеей ужаленный, и вихрем умчался выполнять приказание.
«Виделся-таки с нашей красавицей, хитрец бородавчатый! — уверился поэт, гордо подкручивая ус. — Знает, что за упрямство бывает… а ну как раздену, да не в покоях, а прямо на майдане!»
Бахвальство утешало, делая жизнь лже-шаха вполне сносной. Но мудрецы полагают, что грешника Аллах сперва помещает в рай, дабы после геенна показалась несчастному во сто крат горше! Если мудрецы правы…
Возвращение мага избавило Абу-т-Тайиба от грустных мыслей.
Принесенная одежда оказалась выше всяческих похвал: добротный, но несколько поношенный чекмень, волчья джубба, похожий на воронье гнездо малахай с космами назатыльника; шаровары подшиты сзади кожей, для удобства в скачке, и растоптанные сапоги выглядят еще вполне крепкими…
Обувка пришлась как раз впору — Гургин превзошел самого себя.
Да и маг преобразился: лохматая бурка поверх засаленного казакина и куколь из войлока-стеганки делали его почти неузнаваемым.
Так и подмывало кликнуть стражу и бросить проходимца в зиндан.
— Молодец! — похвалил старца Абу-т-Тайиб, заворачивая в кушак шелковый кисет с горстью динаров.
Потом взгляд поэта скользнул по стене и мимо воли зацепился за тяжелый ятаган. Красавец-клинок просто молил с ковра: возьми! Да и отправляться в народ безоружным (нож-засапожник — не в счет) хотелось мало. Я вам не Харун Праведный! Впрочем, у Праведного в спутниках ходил его любимый палач, а мы по бедности магов таскаем…
— Скажи, Гургин, многие ли видели этот ятаган? И знают, что он принадлежит шаху?
— Немногие, владыка. Сей ятаган вообще крайне редко покидает шахские покои.
— Очень хорошо. Значит, по нему меня не смогут опознать в городе?
— По ятагану — не смогут, — маг задержался с ответом, но Абу-т-Тайиб не обратил внимание на задержку.
Он бережно снимал оружие со стены. И думал, что надо будет вызвать хорошего мечника: сбить с рукояти драгоценную мишуру.
Рубинам место в оправе перстней.
— Надеюсь, во дворце отыщется какая-нибудь неприметная калитка, посредством которой мы выпустим на волю скакуна нашей затеи?
— Разумеется, мой шах. И не одна.
— Веди.
* * *
Кабир встретил их вечерней сутолокой и гомоном.
Вздохнув полной грудью, поэт с радостью окунулся в родную стихию. Ему даже на миг показалось, что он гуляет по Басре, славной пальмовыми рощами; вот сейчас они выйдут на площадь Мирбадан, где придется ввязаться в очередной диспут с каким-нибудь тайным манихейцем-еретиком — а после доводов и поношений, где острота рифм служила порой лучшим аргументом…

Абу-т-Тайиб никогда не думал, что ему так будет недоставать всего этого.
Они с Гургином заходили в лавки, приценивались к товарам, причем поэт то и дело яростно торговался из-за какой-нибудь безделицы вроде бронзовой пряжки или вышитого кисета. Гургин больше молчал, лишь время от времени бросал язвительные реплики, хмурясь и норовя уйти — чем сбивал цену ничуть не хуже, а то и лучше Абу-т-Тайиба. Такой Гургин нравился поэту куда больше, и вскоре он проникся к старцу искренней симпатией: спутник из жреца получился хоть куда! За словом в сапог не лезет!
Как подменили человека…
Абу-т-Тайиб захлебывался от любопытства: новый город, новые люди, обычаи — много ли увидишь и поймешь, проезжая по улицам со свитой? Совсем другое дело — надев личину, окунуться в водоворот жизни, захлебнуться им, впустить в себя!
Поражало одно: общее вежество, будто не в толпе идешь, а на занятиях по грамматике сидишь. Никто локтем не толкнет, на ногу не наступит, не облает вслед…
Едва шах успел подумать об этом, как пропахший требухой мясник с серьгой в ухе налетел на него, чуть не сбив наземь.
— Неча под ногами путаться! — осклабился детина, дохнув перегаром; и поперся себе дальше, расталкивая прохожих.
На мгновение Абу-т-Тайибу почудилось, что грубость мясника показная. Впрочем, отчего бы ей и не быть показной?! Особенно если детина входит в число квартальных заправил, и сохранять лицо для него важней, нежели для шаха! Поэт ухмыльнулся, чем весьма изумил зевак, ожидавших драки, потер ушибленный бок и отправился дальше в сопровождении невозмутимого Гургина.
Чайхана, куда они ввалились заморить червячка, мало отличалась от своих басрийских и куфийских сестер. Чадный воздух был пропитан ароматами горелого масла, пряностей, чеснока и лука; обжигаясь, Абу-т-Тайиб глотал похлебку с мясом и хлебом, и она казалась ему вкуснее самых изысканных яств.
Даром, что ли, пророк сказал о такой похлебке: «Превосходство ее над иными кушаньями подобно превосходству моей младшей и любимой жены над прочими женщинами!»
Поэт отдыхал душой. Заговоры, интриги, тайны «небоглазых», почтительность и раболепие, сомнения без надежд и вопросы без ответов — все это осталось там, за стенами шахского дворца. Здесь же можно было вновь стать самим собой: бродягой-рифмоплетом, острословом и насмешником, забиякой, скорым на кулак и клинок, плоть от плоти этой шумной бессмысленной суеты, имя которой — жизнь.
А смысл пусть другие ищут.
Ублажив чрево, они отправились дальше: проталкиваясь сквозь многолюдье центральных улиц, ныряя в кривые переулки, где воняло скисшим молоком, а покосившиеся дувалы в любой момент грозили обрушиться на головы редких прохожих, вновь выбираясь в толчею торговых рядов, пересекая майданы и, подобно червю, вгрызаясь в самую сердцевину яблока по имени Кабир.
Абу-т-Тайиб чувствовал город, как собственное тело.
Стоило ли удивляться?.. да, наверное, стоило, но не хотелось портить вечер свободы.
И даже Гургин позволил себе усмешку, когда поэт прямо на людной улице обернулся к магу и в голос продекламировал:

Говорят, что есть рай, говорят, что есть ад;
После смерти туда попадешь, говорят,
В долг живем на земле, взявши душу взаймы —
И надеждами тщетными тешимся мы.
Но спасаясь от мук, и взыскуя услад,
Невдомек нам, что здесь — тот же рай, тот же ад!
Золоченая клетка дворца — это рай?
Жизнь бродяги и странника — ад? Выбирай!
Или пышный дворец с изобильем палат
Ты, не глядя, сменял бы на драный халат?! —
Чтоб потом, у ночных засыпая костров,
Вспомнить дни, когда был ты богат, как Хосров
И себе на удачу, себе на беду
Улыбнуться в раю, улыбнуться в аду!

Прохожие разразились восхищенными кликами, один подвыпивший рыбник даже стал зазывать Абу-т-Тайиба к себе, требуя воспеть его новую невольницу; а сам поэт отмахнулся от рыбника — и на всякий случай протер глаза.
За поворотом впереди мелькнули золотое руно и круто загнутые рога; тихое блеянье донеслось оттуда, цокнули копыта — и призрак исчез.
3
Стемнело. Кое-где зажглись масляные фонари, людей заметно поубавилось, зато объявились «Ночные псы» — сытые бородачи, по самый шлем преисполненные собственного достоинства.
— Спите спокойно, жители Кабира! — голосили они, вовсю тарахтя деревянными трещотками; мертвый восстал бы из гроба, окажись стражи близ кладбища.
Поэт решил не испытывать судьбу. Еще сочтут подозрительными… И спешно затащил Гургина в темный закуток между какими-то амбарами.
Стражники протопали совсем рядом. Остановились. Бросили соленое словцо в адрес женщин, проветривавших на плоских крышах одеяла и ковры. Затем «Ночные псы» разразились громовым хохотом и отправились дальше.
— Разгильдяи, — шепнул Абу-т-Тайиб прямо в мосластое хирбедово ухо. — Скажи мне на милость, где таких олухов вербуют?! А прячься тут не шах с советником, а парочка душегубов?
Советник искоса глянул на своего шаха, глаза мага странно блеснули, но в темноте Абу-т-Тайиб не обратил на это внимания.
Они выбрались из укрытия и быстро пошли прочь. Скоро впереди послышались голоса, затянули песню — и поэт, не долго думая, зашагал в ту сторону. Люди веселятся? — отлично!
Безмолвная тень мага волочилась сзади, явно не собираясь препятствовать.
Выбравшись на пустырь, Абу-т-Тайиб сразу оценил, что за компания здесь собралась. На всякий случай он покосился на Гургина: не пощадить ли старца, мало привычного к ночной гульбе? Однако старец являл собой воплощение спокойствия — что само по себе было удивительно. Ибо вокруг костра, увлеченно плевавшегося в черноту неба огненными драконьими языками, сидели личности вполне однозначные. Таких зовут ловкачами, подразумевая под ловкостью нечто совсем иное, чем принято среди людей порядочных и уважаемых.
Вот только поэт никак не считал себя порядочным и уважаемым человеком. Особенно сейчас.
Поэтому и направился прямо к костру.
— Кого там нелегкая несет на ночь глядя? — проворчали навстречу; и отчетливо зашелестела сталь, покидая ножны.
— Нелегкая носит стражников и бражников, а мы покамест своими ногами идем, — осклабился Абу-т-Тайиб прямо в чью-то рябую физиономию, подходя ближе.
— Бражников, гришь? А нешто трезвый сюда сунется? — рябой, наверняка снискавший славу местного балагура, решил не упускать случая поддержать репутацию.
От костра и дряхлой хибары неподалеку донеслись редкие смешки: опустить простофилю всегда занятно.
— Это ты прав, рябчик! — легко согласился поэт. — Как в дерьмо пальцем! По твоей роже сразу видать — трезвый ни в жисть не сунется!
На этот раз хохот был куда громче: простофиля простофилей, а когда свой брат-плут в лужу ляпается, грех не засмеяться.
— Веселый человек к нам пришел, однако! — рябой поправил тюрбан и как бы невзначай мазнул рукой по самострелу за поясом. — Видать, не простой ловкач-залетка, а предводитель! Садись, языкатый, гостем будешь. А дружок твой — он тоже весельчак, вроде тебя?
— Вроде себя, — мрачно отозвался Гургин и поскреб ногтем свою замечательную бородавку. — Только я лучше молчать буду. А то умрете все. От смеха.
То ли старец так шутил, то ли имел в виду что-то сугубо личное — но больше Гургина не трогали и вопросов ему не задавали.
Совсем.
— Ну ладно, раз явились — с вас байка. О судьях, скрягах и лихих бродягах! Как у честных молодцов спокон веку заведено, — крикнули от хибары.
— А песня сойдет? — ухмыльнулся поэт.
— Песня? Эй, кочет, ты хоть кукарекать-то умеешь?
— А сейчас узнаем. Не пробовал еще! Кочет поет, как хочет — уселся б на кол, и то б не плакал!

Тут уж заржали в голос все.
— Это у тебя что за штука? — осведомился между тем Абу-т-Тайиб у чернявого парня, который развалился рядом на вытертой кошме.
— Чанг. Вчера прямо с прилавка свистнул. Да только дребезжит, зар-раза! Выброшу, наверное… или продам. Олуху вроде твоей милости.
— А ну, дай взглянуть. Вдруг куплю!
Чанг оказался родным братом лютни, привычной поэту. Единственно для хиджазского пения был настроен ниже, чем следовало бы: в ритме «сакиль первый» приходилось излишне напрягать кисть, стараясь избегнуть упомянутого парнем дребезга. Но привередничать не стоило. Вор-музыкант поначалу с тревогой следил за пальцами Абу-т-Тайиба, когда те разом зажили собственной жизнью: умело подкручивали колки, пробовали строй, гуляли по ладам… Потом парень расслабился и даже восхищенно хмыкнул, ткнув рябого локтем в бок.
Рябой отмахнулся: не мешай, мол, дай послушать!
А Абу-т-Тайиб задумчиво перебрал струны, — и вдруг, без всякого вступления, запел давнюю, сложенную им еще в Дар-ас-Саламе касыду, которая сейчас показалась более чем уместной.

— Подобен сверканью моей души блеск моего клинка:
Разящий, он в битве незаменим, он — радость для смельчака.
Как струи воды в полыханье огня, отливы его ярки,
И как талисманов старинных резьба, прожилки его тонки…

Долой тяжкие думы и тайные интриги! Долой весы и счеты, шахский венец и «небоглазых» упрямцев; в ад загадки Кабира!
Песня!
Пой, чанг, звени струнами, шепчи о былом, оставшемся там, за горами без названия и смертью без могильного тлена; о, должно ли скорбеть великой скорбью и печалиться великой печалью, если по свету еще гуляют слова, достойные быть произнесенными?!

— Ремень, что его с той поры носил, — истерся, пора чинить,
Но древний клинок сумел и в боях молодость сохранить.
Так быстро он рубит, что не запятнать его закаленную гладь,
Как не запятнать и чести того, кто станет его обнажать.
О ты, вкруг меня разгоняющий тьму, опора моя в бою,
Услада моя, мой весенний сад — тебе я хвалу пою!..

И в кругу костра, что мерцал живым светом, остались трое: Поэт, Песня и Слушатели — единое существо, поющее и внимающее.
Абу-т-Тайиб знал, что нужно этим людям. Да он и сам не хотел сейчас ничего другого: песня, подобная неистовому скакуну с бешеным наездником на спине, рвалась с его губ и со струн чанга — рвалась и уносилась вдаль, горячим ветром овевая завороженные лица кабирских ловкачей. Горным камнепадом грохотали копыта, насмешливо звенела сталь о сталь и золото — о золото; одинаково сладкими были кровь врагов и губы красавиц, а потом…

— Ношу я тебя не затем, чтобы всех слепила твоя краса,
Ношу наготове, чтобы рубить шеи и пояса.
Живой, я живые тела крушу, стальной, ты крушишь металл —
И, значит, против своей родни каждый из нас восстал!..

А потом песня кончилась, и только трещал заслушавшийся костер, да еще медленно гасли отзвуки дикого, необузданного напева — и так же медленно гасли глаза слушателей: они были там, в его песне, и им очень не хотелось возвращаться.
Счастливцы! — пой, Абу-т-Тайиб, и не думай о том, что ради возвращения позволил бы отрубить себе оба уха.
Да что там уши…

— Еще! Еще давай! — истово выдохнул рябой, готовый ради единого слова певца сунуть руку в огонь.
— Ну ты, Битый, закрой пасть! Не блудницу прижал: еще давай, еще давай… Кто ж тебе с пустым брюхом петь станет? — резонно заметил давешний голос от хибары, и поэту снова не удалось в темноте разглядеть говорившего.
От жидкой каши с овечьим жиром Абу-т-Тайиб отказался; зато ловко поймал ломоть хлеба и плеть вяленой бастурмы, красную от перца. Он всегда любил острое, хотя в последние годы и мучился изжогой по утрам. А чанг тем временем снова перешел в руки первого хозяина; верней, далеко не первого, и не вполне хозяина, но чего уж теперь! Тот тронул струны, удивленно прислушался, высунув язык, словно хотел чужой отзвук на вкус попробовать; и с робостью опустил ладонь на струны, гася их дрожь.
— Не, я пока обожду. А то потом тебе обратно строить придется: я по-твоему не умею, — честно признался парень, кладя чанг рядом с поэтом.
Абу-т-Тайиб кивнул и промолчал: рот его был набит сочным огнем и хлебом вместо песен.
— Добрый человек, — слепой оборванец, чьи глазницы сплошь заросли диким мясом, выполз из-за спины рябого и ткнулся лбом в рукоять Абу-т-Тайибова ятагана. — И человек добрый, и песня добрая, и ножик — добрей некуда! У кого взял?
— У кого взял, тому он уже без надобности. Считай, по наследству достался, — буркнул Абу-т-Тайиб, нимало не погрешив против истины.
— Ну ты и плут, — отметили из темноты; как кулах с поясом выдали. — Что ж мы раньше про тебя-то не слышали? Чангиры с ножиками, да еще с болталом до пупа, а мы ни сном, ни духом… Издалека, видать.
— Издалека, — кивнул поэт. — Из такого далека, что вам и не снилось!
— Из Оразма, что ли? — вновь полюбопытствовала темнота. — Или из Дурбана? Говор у тебя вроде дурбанский, певун, да меня не проведешь! Ты б не темнил, а?
— Это я темню? Сам в тени хоронишься — хоть бы показался!
— На меня глядеть, что на Огнь Небесный, — сухо ответила темнота. — Ослепнуть можно. Вон с тобой рядом один сидит, насмотревшись…
— Ты с ним не заводись, чангир, — зашептал на ухо Абу-т-Тайибу оборванец, плюясь и страшно дергая мертвыми глазами. — Это Омар Резчик, ему человека кончить — как тебе песню спеть! Только быстрее. Если он курбаши своего, Дэва-мальца, по первому же промаху властям сдал…
— Дэва-мальца? Я удивлен великим удивлением! У вас тут мальцы в курбаши ходят?!
— Ну ты и впрямь из Восьмого ада Хракуташа! Про «пятнадцатилетнего курбаши» не слыхал?!
Абу-т-Тайиб вспомнил могучую стать Худайбега и недобро сощурился. В сказку про «пятнадцатилетнего курбаши» верилось туго, здесь слепой врал без стеснения; зато все остальное заслуживало доверия.
— Омар Резчик, говоришь? — громко переспросил поэт. — Курбаши властям сдал, говоришь? Значит, такие у вас обычаи? В хорошую же я компанию попал, только песни петь и осталось!
— Засунь язык в задницу, — бесцветно посоветовала темнота.
— Да я-то, может, и засунул бы… А вдруг ты завтра еще кого сдашь? Меня? Его? — Абу-т-Тайиб ткнул пальцем в слепца. — Или его? — он указал на невольно подавшегося в сторону рябого.
Поэт уже забыл, кто он и что здесь делает. В темноте прятался человек, который спровадил на кол своего товарища. У «детей Сасана» за такие шутки кишки на локоть мотали; и хотя Абу-т-Тайиб давно покончил с обществом ловкачей, сейчас это не имело никакого значения.
— Ты решил поучить нас жизни, гость? — осведомилась темнота.
Не отвечая, поэт медленно поднялся на ноги и встал во весь рост.
— Ты хотел байку? О лихих бродягах? Тогда слушай. Это будет очень короткая байка — но тебе она наверняка понравится. В одном далеком шахстве шарили по дорогам веселые людишки, выпростав из-под плаща насилия руку грабежа. Собирали людишки дань с проезжающих: с кого звонкими монетами, с кого — шелком, с кого — жемчугом; а с красавиц — добрым поцелуем. И была разбойничкам всегда удача и везение, пока один дурак не подбил их сдать властям своего курбаши. В чем там загвоздка стала, не скажу, да только сказано-сделано! А удача сук не любит, она девка переборчивая… Сядут вскоре веселые людишки на толстые колья, а бывший их курбаши, помилованный шахом, придет в сотничьем кафтане муками их любоваться! По душе ли тебе моя байка, Прячущийся-в-Темноте?!

— Ты глуп, гость. Мне не понравилась твоя байка. И ты мне не понравился.
Из темноты вылился человек. Через все его костистое лицо тянулся старый шрам, отчего один глаз человека постоянно щурился. Сальные пряди волос, перехваченные на лбу ремешком, густо падали на плечи — и, казалось, слегка шевелились кублом змей. Короткая безрукавка оставляла обнаженными руки незнакомца, сплошь покрытые вздутыми жилами — и в левой руке человек сжимал узкую саблю-клыч. Ноги левши ступали вкрадчиво, по-кошачьи: вот он по ту сторону костра, вот он ближе; вот он рядом.
Клыч сверкнул без предупреждения. Абу-т-Тайиб привычно уклонился и, выдергивая из ножен ятаган, изумился мимоходом: древний клинок показался до неприличия легким, будто детская игрушка. А потом изумился еще раз: сабля Омара Резчика послушно ушла вбок, слишком послушно для левши с повадками матерого барса!
Дальше время удивления вышло: сталь зазвенела о сталь, пламя костра бросило кровавые отсветы на клинки, начавшие смертельную пляску — сзади кто-то вскакивает невпопад, и шахский ятаган живой гадюкой проворачивается в ладони, острием жалит за спину и чуть наискось; коготь клыча с визгом рассекает полу меховой джуббы, и ятаган на обратном взмахе врубается в человеческую плоть.
Левая рука черноволосого стала куда короче: на узкий клинок, кисть и часть предплечья.
— Уходим, — рявкнул поэт Гургину; и оба нырнули во тьму.
Их никто не преследовал — но, тем не менее, они бежали еще долго, пока дряхлый хирбед не начал задыхаться.
Только тогда Абу-т-Тайиб наконец перешел на шаг.
«Славно погулял! — криво усмехнулся он. — Старый конь строя не рушит…» И помрачнел. Врать самому себе не хотелось. Если даже забыть про слишком легкий ятаган, то все остальное…
Ну не мог, не мог Омар Резчик, которому что человека кончить, что своего курбаши сдать с потрохами, рубиться вполсилы!
Не мог!
Или все-таки мог?! — дошло вдруг до Абу-т-Тайиба.
4
— Вы что тут все, сговорились?! — брызжа слюной, поэт прошипел это в лицо Гургину, едва сдерживаясь, чтобы не схватить старца за глотку. — Издеваетесь, да?!
— Помилуй, владыка! — обида мага была настолько искренней, что Абу-т-Тайиб невольно сделал шаг назад: получше рассмотреть советника. — Кому ж придет в голову издеваться над шахом?!
Нет, Гургин не притворялся.
— Тогда какого шайтана эта игра в поддавки?! Он же бил, как евнух мухобойкой! Если б я сразу…
— Никто не смеет посягнуть на жизнь шаха Кей-Бахрама! — назидательно воздел палец старый жрец.
— Что?!! Шаха?!! Они все знали, что я — шах?!!
— Разумеется, — был ответный кивок.
— Но ведь я же… ведь мы же… — задохнулся Абу-т-Тайиб. — Откуда им знать?!
— Обладателя фарр-ла-Кабир за фарсанг узнает любой человек, если только этот человек не слепой от рождения и не слабоумный, — неторопливо и раздельно, как маленькому ребенку, пояснил маг.
— Но как?!!
— «И Златой Овен будет следовать впереди того мужа, носителя священного фарра, и сияние Огня Небесного будет окружать чело его…» — нараспев процитировал Гургин.
— Златой Овен? Этот проклятый баран?!
— Он самый, владыка.
— Выходит, у меня нимб вокруг лба? Как у святого пророка? — ехидно поинтересовался Абу-т-Тайиб. — А крыльев ангельских случаем нету?!
— Воистину так, владыка. Нимб есть, а крыльев нет.
Маг и не думал шутить.
— Почему же я этого не вижу?
— Шаху невместно зреть собственный фарр. Зато его видят все твои подданные.
— Подданные… Значит, я — НАСТОЯЩИЙ шах?! Настоящий?!! — Абу-т-Тайиб все-таки не сдержался, ухватил старца за грудки, словно стремясь вытрясти из него вместе с правдой и душу.
— Настоящий, — прохрипел Гургин, и поэт бессильно отпустил его.

— И все эти люди — на улицах, в чайхане, у костра… Тот мясник-задира, ловкачи: они все знали, что я — шах?!
— Знали, владыка!
— И все поголовно притворялись, что не узнают меня?!
— Они не притворялись, владыка, — казалось, маг донельзя удивлен, что Кей-Бахраму приходится объяснять столь очевидные вещи. — Шах желал насладиться прогулкой и беседой, оставшись неузнанным. А желание шаха — закон для подданных. Ты хотел, чтобы тебя считали обычным горожанином — тебя таковым и считали. Шах удивился, почему в толчее ему уступают дорогу — и тебя стали толкать, как и прочих; шах хотел общества подонков — и подонки приняли шаха, как равного; шах захотел драки и крови предателя… Ты получил и то, и другое. Омар Резчик действительно боец из бойцов: он сражался с тобой так, что ты поначалу даже поверил в серьезность его намерений. И теперь он наверняка горд: ведь руку ему отрубил не палач, а носитель фарр-ла-Кабир!
— Гордится… — простонал поэт, обеими руками схватившись за голову. — Он гордится! О Аллах, я, кажется, схожу с ума! Там был еще один, сзади. Я, вроде бы, зацепил его.
— Ты его убил, — просто ответил хирбед. — Тот парнишка, у которого ты брал чанг… Это был он.
— И он тоже не собирался ударить мне в спину?!
— Не собирался, мой шах. Он всего лишь встал.
— Значит… значит, они восторгались моим пением лишь потому, что я шах?! Я дрался с ними всерьез — а они давали мне руки на отсечение?! И если бы я просто стоял, опустив ятаган — все равно ни один волос не упал бы с моей головы?!
— Ни один волос, — эхом отозвался Гургин. — У шаха не бывает врагов. Во всяком случае, живых.
— Не бывает врагов? А друзья у шаха бывают?! — свистящий шепот грозил разорвать грудь и выплеснуться кипятком.
— У шаха не бывает друзей. Разве есть друзья у солнца в небе? У шаха есть только подданные, для которых воля Владыки — закон.
— Подданные… — потерянно откликнулся Абу-т-Тайиб.
Внезапно глаза его вспыхнули.
— Врешь, старый скорпион! Будут у меня друзья! Будут! И враги будут! Сам говорил: на границе с этой… как ее… с Харзой! — участились набеги на наши… на МОИ земли! Мы выступаем завтра же! Шах я или не шах?!
— Шах, владыка. Фарр-ла-Кабир.
— Тогда я объявляю войну Харзе! Харзийцы — НЕ МОИ подданные! У меня будут враги! Настоящие! И друзья будут… — чуть слышно закончил поэт.
И отвернулся, чтобы маг не видел его слез.
Он и сам плохо верил в собственные слова.

КАСЫДА О БЕССИЛИИ

Я разучился оттачивать бейты.
Господи, смилуйся или убей ты!
— чаши допиты и песни допеты.
Честно плачу.

Жил, как умел, а иначе не вышло.
Знаю, что мелко, гнусаво, чуть слышно,
знаю, что многие громче и выше!..
Не по плечу.

В горы лечу — рассыпаются горы;
гордо хочу — а выходит не гордо,
слово «люблю» — словно саблей по горлу.
Так не хочу.

Платим минутами, платим монетами,
в небе кровавыми платим планетами,
нет меня, слышите?! Нет меня, нет меня…
Втуне кричу.

В глотке клокочет бессильное олово.
Холодно. Молотом звуки расколоты,
тихо влачу покаянную голову в дар палачу.

Мчалась душа кобылицей степною,
плакала осенью, пела весною, где ты теперь?!
Так порою ночною гасят свечу.

Бродим по миру тенями бесплотными,
бродим по крови, которую пролили,
жизнь моя, жизнь — богохульная проповедь!
Ныне молчу.

Глава девятая,

в которой праведный гнев обрушивается на головы дерзких хургов, а шайтаны измываются над грешниками; которая вообще сплошь залита кровью и провоняла гарью — но имя пророка (да сохранит его Аллах и приветствует!) так ни разу и не упоминается здесь, хотя и он в свое время…

1

Опаленная адским жаром свора шайтанов металась в чаду пекла, нанизывая грешников на копья-вертелы, рубя наотмашь, швыряя раненых в жадную пасть огня. Крики отчаяния, бесполезные мольбы, визг мучителей, грохот копыт, гул вихрящегося пламени…

Преисподняя, нижний ее круг, где даже на деревьях вместо ветвей растут змеи, а вместо плодов — отрезанные головы.

Чуть поодаль, на вершине сопки, стоял сам Иблис-Противоречащий, бывший ангел Азазиил, предпочтя огнь своей гордыни сладости рая и близости Творца. Стоял, равнодушно наблюдая за муками грешников, виновных много меньше, чем он сам — и на обветренном граните лица падшего ангела, на челе его высоком не отражалось ничего.

Вы считаете, рок безнадежно суров? Но ведь нет ничего ни в одном из миров, что избегло бы участи мяса парного: стать жарким в полыханьи вселенских костров!

Временами, в редкие минуты просветления, Абу-т-Тайибу всерьез казалось: он и есть Иблис во плоти. А там, внизу, в очередном хургском становище, вершат свою привычную работу его подмастерья-бесы: ржание, вопли, черные силуэты корчатся на фоне пожарища и кровавого диска закатного светила — чем не ад? Это длилось уже целую вечность, изо дня в день, почему-то всякий раз — на закате. Судьба? Подходит к закату очередной день — и подходит к закату чья-то жизнь.

Много жизней.

Изо дня в день.

На закате.

Противоречащий вершит суд неотвратимости.

За что он осудил этих людей? Какая разница?.. не важно. Если напрячься, он наверняка сумеет вспомнить — но напрягаться больно, от этого лопаются виски, как у слонов в брачную пору, и голова идет кругом. Лучше принять выжженный путь безумия за

единственно верный. Он, шах белостенного Кабира, возжелал смерти этих людей; и люди умирают.
Воля шаха — закон; будь они все прокляты — и воля, и закон, и шахский кулах!
…Поначалу память еще нашептывала, жужжала назойливой мухой: кочевники-хурги вторглись в кабирские пределы, захватили какой-то там скот, кого-то зарезали… Конь набега вытоптал чужой луг. Ерунда. Было, есть и будет. В ответ войска прочешут границу на десяток фарсангов вглубь, вразумят налетчиков, угонят часть табунов — и воцарится временное спокойствие. Никто не рассказывал об этом новому шаху, но Абу-т-Тайиб и сам прекрасно знал извечный ход вещей.
Но на сей раз кувшин бытия дал трещину. Подтягивать войска, методично прочесывать степь, гнать табуны и отары назад, на земли шахства?! — слишком долго, а главное, абсолютно бессмысленно, с нынешней точки зрения поэта. Он не собирался плыть по течению. Он просто желал драться, немедленно, сейчас, завтра, вчера; и кровь предков ярилась в жилах, толкая на безрассудство.
Если бы кто-то вслух назвал Абу-т-Тайиба умалишенным, поэт бы с радостью согласился; но здесь пока не выросло языков, способных на столь вопиющую дерзость.
Он алкал войны. Настоящей войны, той правды меча, посредством которой обретают настоящих врагов — и настоящих друзей.
Не цели, но средства.
Шах еще даже не успел объявить о грядущем походе — а вся страна мигом пришла в движение. Войска стягивались к Кабиру едва ли не раньше, чем полководцы-спахбеды успевали получить шахский фирман, народ в едином порыве приветствовал бравых вояк кликами радости; а на всех перекрестках славились мудрость и решительность Кей-Бахрама, собравшегося примерно наказать обнаглевших хургов.
Давно пора!
От всей этой шумихи поэт только раздраженно морщился и временами требовал от спахбедов невозможного; морщась вдвое сильнее, когда те досконально выполняли любой приказ.
Основную мощь Кабира испокон веку составляли полки латной пехоты — но Абу-т-Тайиб боялся окончательно сойти с ума раньше, чем пешцы подтянутся к границе с Харзой. И сделал ставку на конницу. Пяти тысяч отборных головорезов должно было вполне хватить для утоления первой жажды. Отряд выступил ночью, под покровом хранительницы тайн — и лишь несколько человек в Кабире были посвящены в замысел шаха. Пехота, отряды пращников и «волчьи дети» под предводительством рвавшегося в бой Суришара, должны были двинуться вдогон утром следующего дня — чтобы соединиться с передовым отрядом у Арвана, малой приграничной крепостцы. А тем временем…
Это время не заставило себя ждать. Отпустив дракона своей ярости с привязи бесстрастия, шах не щадил ни себя, ни воинов, ни коней — и на четвертые сутки его всадники визжащими шайтанами обрушились на первое из становищ хургов.
Солнце клонилось к закату.
Как сейчас.
Только сейчас это было далеко не первое становище — какое по счету? какое?! не помню! — и везде повторялось одно и то же.
Огонь — и смерть на иззубренных клинках.
Сам шах не принимал личного участия в бойне. Он наблюдал. И изредка гнал в огонь гонца с коротким приказом. Перехватить бегущих. Взять человек десять живьем. Проверить: не укрылся ли кто во-он за тем холмом?
Все остальное воины знали сами; знали, нутром чуя волю господина, как свою собственную.
Они пришли сюда не грабить, и даже не карать. Они просто несли смерть. Всем. Даже женщин никто не насиловал — им вспарывали животы, едва покончив с мужчинами и подростками. Сразу. Не тратя драгоценного бальзама времени на удовлетворение зудящей похоти.
Великий Кей-Бахрам не хотел добычи, невольниц и золота; он хотел врагов.
И делал хургов — врагами.
Навсегда.
Впрочем, по приказу шаха дюжине пленных всякий раз оставляли жизнь. Им рвали ноздри, отсекали уши, ставили на лоб их же собственные клейма, которые хурги выжигали на шкуре лошадей — и отпускали. Даже конями снабжали, из захваченного здесь же табуна.
Чтоб быстрее могли добраться до Харзы. Чтоб султан харзийский узнал из первых рук: шах Кабира пришел на эти земли, дабы сделать их своими!

Владыка хургов не согласен со столь мудрым и справедливым решением? — оспорь, светоч фарра!
Изуродованные посланцы уносились вдаль, быстро исчезая в сумерках, падающих на степь сизой стаей кречетов — а бойня продолжалась. Отары овец вырезались подчистую, воины жарили на кострах жирную печень, набивали мясом желудки и хурджины; воины ложились спать под открытым небом, чтобы наутро снова вскочить в седло и мчаться дальше, и снова: крики отчаяния, бесполезные мольбы, визг мучителей, грохот копыт, гул вихрящегося пламени…
Ночами Абу-т-Тайибу снилась отрубленная рука Омара Резчика; мертвая пятерня впивалась в горло, и поэт просыпался от собственного крика радости.
2
Становище догорало. Ветер рвал в клочья и отбрасывал прочь последние крики несчастных, лишь где-то все никак не мог прекратиться детский плач. Абу-т-Тайиб поморщился: плач раздражал. Почти сразу до его уха донесся (или это только почудилось?) влажный хруст, словно лошадиное копыто раздавило спелый арбуз; короткий всхлип ветра — и настала тишина.
Мертвая тишина; впору было заподозрить себя в глухоте.
— Примай полон, твое шахское! — тишь лопнула знакомым басом, и могучий юз-баши вывернулся из дыма.
За собой отставной душегуб, намотав на локоть конец веревки, волок с десяток ошалевших от ужаса хургов: узрев венценосного губителя, пленные разом пали ниц.
— С этими — как завсегда? — поинтересовался Худайбег, опираясь на свое знаменитое копьецо, уже снискавшее ему немалую славу среди соратников.
Копье юз-баши, которого Абу-т-Тайиб все чаще звал просто Дэвом, было подстать владельцу: толщиной с лапищу самого Дэва, длиной также раза в полтора больше обычного, оно завершалось огромным кованым жалом — близкой родней как меча, так и топора. Хоть колоть, хоть рубить, хоть буйволов глушить — если, конечно, силенок достанет орудовать сей оглоблей.
У Дэва силенок доставало. Даже с избытком. В бою юз-баши был страшен; особенно когда, всласть окровянив жуткий наконечник, принимался охаживать врагов древком своего «копьеца» — с легкостью ломая хребты и ребра. Глядя на спасенного им разбойника, Абу-т-Тайиб частенько поминал хашемита Али, зятя пророка (хвала ему!) по прозвищу Лев Божий. Согласно свидетельству очевидцев, в битве при Хайбаре с людьми Торы святой силач бился, используя вместо щита сорванные с петель ворота. Вот это подстать Дэву, хоть и грех равнять Божьего Льва с гулящим язычником: ворота вместо щита, таран вместо копья, и — вперед!
Одно слово: Дэв. Силушка бычья, преданный, как собака — и тупой, как древко его же копья!
Тупой? Тогда почему одному лишь Худайбегу пришло в голову напрямик спросить у шаха: «Резать — это правильно, твое шахское, и пожечь остаточки правильно — чтоб ни им, ни нам… Но отчего добришком не поживиться? Вон, и табуны у них, и отары, и еще всяко-разно…»
Дэв никак не мог взять в толк, почему они пренебрегают богатой добычей. Но ведь остальных Абу-т-Тайиб тоже не посвящал в свои сокровенные помыслы! А воины в набеге мало чем отличаются от разбойников. Брать добычу — святой обычай; мечи стрелы и хватай, что цело! Приказ шаха? Да, конечно… Но почему удивился столь странному приказу один Дэв, отнюдь не блиставший умом — а остальные восприняли, как должное?
Мифический фарр? Пусть так, пусть никто, кроме простака-Дэва, не решился задать вопрос владыке — но ведь хотя бы удивление его приказ должен был вызвать? Должен. Косые взгляды за спиной, шепоток, попытку схоронить в хурджине золотишко или там блестяшку…
Ан нет! Ни-че-го!
Это раздражало Абу-т-Тайиба. Впрочем, в последнее время его раздражало многое; странные мысли и видения роились в мозгу, странные слова срывались с языка — и он гнал свой отряд от резни к резне, недоумевая: ну когда же харзийский султан не выдержит столь откровенного издевательства, когда же он двинет к границе свои полки?
Когда?!
— …вишь, задумался… Эй, твое шахское! С пленными — как завсегда?
— Валяй, Дэв, — кивнул Абу-т-Тайиб, барахтаясь в пучине видений и обрывков мыслей.

— Не нада завсегда! — вдруг приподнялся с земли один из пленников — толстый старик в халате из полосатого карбоса. Ветер трепал космы длиннющей седой бороды — точь-в-точь как у сказочных волшебников. Жаль, летающего кувшина впридачу к бороде у старого хурга не имелось. — Завсегда не нада! Моя выкуп дадут! Сто коней-хингов, вай! Два-сто коней-хингов, вай! Мой убивай нельзя!
— Встань, — бесцветно бросил поэт.
Старик с проворством безусого юнца вскочил на ноги.
— Говоришь, твоя нельзя убивай?
— Нельзя, моя солнце…
Деловито свистнул ятаган. Голова невезучего волшебника стукнулась оземь и покатилась вниз с сопки: страшный мяч для страшной игры-човгана. Пленники вжались в прах земной — брызги кровавого фонтана окатили их, жгучие брызги, предвестники грядущей участи, когда впору будет позавидовать убитым. Тело старика еще некоторое время продолжало стоять, словно недоумевая — что это за напасть такая, вай?! — а затем мягко повалилось ничком перед венценосным убийцей.
Дэв расхохотался и пнул труп сапогом: тот перевернулся на спину, дрогнул на крутизне — и сполз вниз следом за головой, должно быть, надеясь догнать недостающую часть.
— Сто коней-хингов одним ударом уложил, твое шахское, — с уважением буркнул юз-баши, провожая взглядом труп.
— Я дал ему легкую смерть, — холодно прозвучало в ответ, и пленные разом возмечтали стать муравьями, а еще лучше — пылинками в солнечном луче. — И знаешь, за что, мой глупый богатырь? Этот старик посмел судить о том, что можно, и чего нельзя делать шаху. Заслужив тем самым честный конец. С остальными — как обычно. Резать уши, ноздри рвать — и в Харзу к султану гнать. Что же касается коней… коней я возьму сам! Сам! Если они мне понадобятся…
Голубые глаза отрубленной головы тупо пялились в небо; но сопка закрывала небосвод мрачной тушей — и в прядях бороды уже копошились насекомые.
3
Аромат бараньего жаркого мешался со смрадом горелой человечины — но это никому не портило аппетита. С другой стороны, и то, и другое — попавшее в огонь мясо, только и всего. Возможно, пустынному гулю-людоеду как раз второе показалось бы ароматом, а первое — смрадом.
За время этого безумного похода все уже успели привыкнуть к такому смешению запахов, перестав обращать внимание на подобные мелочи.
Шах ужинал у костра вместе со всеми. Громко чавкая, он поглощал дымящиеся куски, вытирая засаленные пальцы об одежду; и время от времени бросал короткие, почти неуловимые взгляды на своих воинов. Не взгляды — укусы песчаной эфы, за которой и глазом-то не уследишь!
Он видел одно и то же: искренняя радость, удовлетворение завершившимся боем, из которого живыми вышли все, да и раненых было немного. Обожание и преклонение перед ним, великим шахом, гениальным полководцем, ведущим их от победы к победе, грозой подлых хургов. В скачке неутомим, к врагам — беспощаден, ест с ножа, спит на земле, и воинская удача бежит за ним верной собачонкой! На такого шаха просто молиться надо!
Его воины, похоже, так и делали — только молча, про себя.
Преданные соратники? Или такие же несчастные марионетки, как он сам, ослепленные сиянием пригрезившегося им фарра — и готовые теперь бездумно идти в огонь и в воду за его обладателем?
Кто они на самом деле?
Кто он, Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби?
Ответа не было, в висках колотились тысячи мягких молоточков, и поэт зверел день ото дня, отыгрываясь на несчастных кочевниках.
Раздавалась во мраке судьбы похвальба: «Ради шутки на трон вознесла я раба, а впридачу к венцу наградила проказой!» — и смеются над шуткой скелеты в гробах…
* * *
Гнедая степь грохочущей рекой текла к югу, вглубь харзийских земель. И казалось: нет такой силы, которая способна остановить это конское половодье, прервать неукротимый бег тысяч копыт, сотрясавших дол на фарсанги вокруг.
Хурги спешили увести племенной табун подальше — но их было слишком мало, этих пастухов-воинов. А наперерез им и ведомому ими табуну уже неслись, разворачиваясь в лаву, без малого две тысячи всадников Абу-т-Тайиба, и расстояние между сверкающим кабирским серпом и гнедой рекой быстро сокращалось.

Гудела степь, радостно кричали в вышине стервятники, предвкушая скорую поживу — и пастухи слишком поздно поняли: с табуном им не уйти. Породистые аргамаки легки на ногу — но поди разверни живую реку вспять, заставь ее резко сменить русло, уходя прочь от вылетевших из-за сопок кабирцев!
Они не успевали. Если бы всадники Абу-т-Тайиба шли за ними вдогон — у кочевников еще имелся бы шанс уйти, пусть даже потеряв часть табуна. Однако налетчики мчались вперехват, и времени для маневра у хургов уже не оставалось.
С десяток наиболее сообразительных поспешно ринулись прочь, оставляя табун между собой и кабирцами, спасая свои жизни. Пусть уходят — сейчас не до них. Серп, сверкая металлом клинков, легко срезал редкую поросль безумцев-храбрецов и начал уверенно обтекать головную часть табуна.
Невозможное свершилось.
Река встала.
— Что ты там, мой Дэв могучий, о добыче говорил? — огласил степь буйный хиджазский напев. — Сей табун, подобный туче, мы отгоним к нам в Кабир! Пой, наш стан в стенах Арвана! Жди пришествия султана — подоткнув полу кафтана, нас Харзиец возлюбил! Хаййя!..
Отряд, гоня перед собой захваченную добычу, двигался быстро. Но без суеты и излишней спешки, которая, как известно, хороша лишь в двух случаях: при ловле блох и в постели чужой жены — да и то во втором случае необходимость спешки зачастую весьма сомнительна.
Если, конечно, муж не вернулся.
До Арвана было чуть больше суток пути, а Суришар с войсками ожидался дня через два, не раньше. Позади оставалась обезлюдевшая степь с язвами пепелищ; позади осталась дюжина налетов — и дюжина дюжин обезображенных хургов, отправленных гонцами к султану.
Впереди ждала война.
Абу-т-Тайиб жаждал ее, как жаждет глотка воды бредущий по пустыне путник, как влюбленный жаждет приникнуть устами к устам своей возлюбленной, как голодный барс жаждет крови и плоти молодого архара!
Поэт мерно покачивался в седле, пушистое разнотравье споро бежало навстречу — но глаза шаха видели сейчас иное. Временами ему казалось: он пестрым ястребом парит высоко в небе, и под ним проплывают города, сады, виноградники, желто-зеленые прямоугольники возделанных полей, и имя всему этому — Кабир.
Кабирское шахство.
А потом земля стремительно надвигалась, поэт сжимался в седле, предчувствуя неминуемый удар, который расплющит его в лепешку — но гибель все медлила. Абу-т-Тайиб киселем растекался по всей этой земле, он был всем: камнем стен, травой на обочине, дорожной пылью, полями и лесами, виноградниками, городами и деревнями — он был живущими здесь людьми, всеми сразу!
Перед внутренним взором на миг возникла ясная картина: он, вместе с фумэнскими рыбаками в каком-то селении на побережье Муала, где оказался случайно, проездом, рассматривает только что выловленного спрута.
Фумэн? Муала? Где это? Что это?!
И тут же он сам ощутил себя спрутом — огромная скользкая тварь с великим множеством конечностей, спрут по имени Кабир, и одно из его щупалец с жадными присосками устремилось сейчас дальше… на территорию Харзы! Многорукий гигант с шахским кулахом на голове таращил круглые глаза; и все тянул, тянул щупальце дальше — он, Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби, был одновременно и этим спрутом, и самим шахством, и тем щупальцем, которое упорно ползло к Харзе, пытаясь что-то ухватить — но это у него не получалось, добыча выскальзывала, несмотря на присоски…
Потом была темнота.
— …твое шахское, что с тобой?
Лицо. Озабоченное, встревоженное…
Дэв.
— Я не могу взять… не дается… — словно в бреду, бормочут белые губы.
— Эй, кошму сюда! И воды, воды, олухи!
Остатки одури уходят, глоток воды из бурдюка — и Абу-т-Тайиб легко вскакивает на ноги. Его чуть ведет в сторону, но тело быстро восстанавливает равновесие.
Смеркалось. Повсюду паслись лошади из угнанного ими табуна, лагерь был уже разбит, от костров тянуло дымом…

— Со мной все в порядке. Ужин. Потом выставить караулы — и спать. Завтра днем нам надо быть в крепости.

Этот череп — тюрьма для бродяги-ума.
Из углов насмехается пыльная тьма:
«Глянь в окно, неудачник, возьмись за решетку!
— не тебе суждена бытия кутерьма!..»

Глава десятая,

в которой рассказывается история одного доспеха, море битвы выходит наконец из берегов, веселый безумец посягает на обладателя фарра, кто-то успевает, кто-то не успевает, но совершенно не рассматривается застольное приличие: брать малые куски и пореже смотреть на сидящего рядом!

1

Ночью его снова мучали кошмары. Проснувшись утром, поэт так и не смог вспомнить — какие именно; но смутная тень предчувствия окутывала душу кружевной кисеей. Грядет день событий!

Абу-т-Тайиб всегда со вниманием относился к собственным предчувствиям, что не раз спасало ему жизнь. Поэтому, прежде чем взобраться в седло, он облачился в ратный доспех, который весь поход таскал за собой в тороках — ни разу еще не надев целиком. С доспехом была связана история, достойная, чтобы о ней упомянуть.

Ехать на войну без доспеха было глупей глупого; да и не шахское это дело — рваньем отсвечивать. Однако броня владык на скорую руку не делается, здесь одна подгонка дорогого стоит! — а в оружейной не сыскалось лат по душе.

То ли Абу-т-Тайиб оказался излишне придирчив, то ли еще что…

Справедливо решив, что в этом вопросе от Гургина помощи ждать бессмысленно, поэт обратился к верному Суришару. И мигом выяснил любопытную подробность: оказывается, его предшественник, шах Кей-Кобад, как раз незадолго до смерти велел изготовить себе новый доспех. Жаль только, не успел примерить обнову — безвременно скончался на сто семьдесят девятом году жизни!

Слова о возрасте покойного владыки Абу-т-Тайиб, как обычно, пропустил мимо ушей. А вот что касается доспеха…

— Вызвать устада Коблана во дворец? — с полувздоха догадался Суришар. — Доспех-то ему заказывали…

И не угадал.

— Сам к нему съезжу. Вели подать коня!

Сказано — сделано. Через час шахские гургасары уже громко стучались в дверь кузни.

— Ты, что ль, Коблан будешь? — войдя в кузню, Абу-т-Тайиб едва не споткнулся о распростершегося ниц полуголого детину.

Видом детина более всего напоминал пустынного духа-марида, самого зверообразного из детей огня; ноги как мачты, руки как вилы, рот бурдюком, уши — створки ворот, и младенцы седеют при одном взгляде на это создание.

Говорят колдуны: строить — зови джинна; рушить — зови ифрита; умом тронулся — зови марида!

— Нет, владыка, устад Коблан…

— Ты? — поэт лишь сейчас заметил второго марида-близнеца, протиравшего пол у корзины с опилками, золой и черным песком, даже на вид тяжелым, как чугун.

— Нет, владыка, устад Коблан…

— Устад Коблан — это я, ничтожный; да будет воспето в веках твое имя, о мой шах!

Абу-т-Тайиб огляделся в поисках третьего тела — и обнаружил у лохани с водой щуплого недоростка, почти карлика, чья плешь вовсю отражала пламя горна.

— Ты — кузнец?! — искренне изумился поэт.

— Прозорливость моего шаха безгранична, — утробным басом рокотнул с пола карлик, заставив воду плеснуть о края лохани, и поэт воспрял духом: неужто издевка?!

Увы, надежды оказались тщетны.

— Тогда вставай, кузнец. Ты-то мне и нужен. Показывай доспех, который делал для Кей-Кобада.
Доспех был хорош — поэт сразу так и прикипел к нему взглядом: начищенное до блеска зерцало с синеватым отливом, стройные ряды сияющих пластин, перемежающиеся на боках кольчужными вставками… Сразу видно: и сталь отличная, и работа славная!
— Шевелитесь, козье охвостье! — распекал тем временем карлик своих маридов, да так, что уши закладывало. — Эй, Мунир, Масуд, чтоб вам материнское молоко не впрок пошло! — живо за наручами, поножами, наколенниками… и шлем, шлем не забудьте, остолопы!
Кузнец скакал воробышком, возбужденно вертя в руках какую-то железяку с нашлепкой — привычка? волнение? все сразу?! Небось, не каждый день к нему в кузню шахи захаживают! Абу-т-Тайиб пригляделся — и окаменел на месте: кузнец вертел в пальчиках изрядный костыль, который от Коблановой ласки мялся хлебным мякишем…
«Ишь, птенчик! — уважительно моргнул поэт. — Такому и молот с наковальней без надобности — разве что для ковки. А форму он какую угодно и руками выгнет!»
Наконец перед шахом предстал весь доспех полностью: вороненые наручи с поножами, подбитые изнутри двойным лиловым бархатом, высокий прорезной шлем, латные перчатки…
Доспех оказался чуть великоват Абу-т-Тайибу. Исправить это было проще простого: вынуть с боков по ряду пластин, немного подогнать — всего-ничего. Но кузнец заупрямился, заявив, что подгонит все одними застежками. Дескать, дурное дело — вынимать пластины.
Запас еще пригодится!
— Думаешь, разъемся на престоле? — усмехнулся поэт. — Ладно, делай как знаешь. До завтра справишься?
— Непременно, мой шах, непременно! — Коблан уже деловито снимал мерки с венценосного заказчика. — Попомните мое слово: запас мошну не тянет!
И вот теперь Абу-т-Тайиб обнаружил, что запас действительно оказался не лишним! Разжирел он, что ли? Или, подобно сказочным богатырям, только в силу входить стал — на шестом-то десятке?!
Однако сейчас было не время размышлять о шутках судьбы. Верный Дэв помог шаху облачиться в латы, и поэт сам, без посторонней помощи, легко прянул в седло — чему был немало удивлен. Он-то точно не Лев Божий, ему воротами не сражаться!
— За мной!
* * *
…Солнце близилось к полудню. Отряд Абу-т-Тайиба споро двигался по холмистой в этих местах степи, гоня перед собой захваченный табун — когда вернулся посланный вперед разъезд.
— У крепости идет бой, мой шах!
2
Здесь рубились не полудикие степняки — Абу-т-Тайиб понял это сразу, выехав на вершину сопки и взглянув из-под руки на разгоравшееся у стен Арвана сражение. Харза решилась наконец ударить в ответ на дерзкий вызов! И сейчас султанские полки штурмовали пограничную крепость Кабира.
Цель была достигнута.
Вот он, враг — настоящий! Не зря пылали становища, не зря уродовались посланцы, не зря руки по локоть купались в крови: игра в поддавки окончена, и сияние фарра, истинное или мифическое, вряд ли согреет души озверевших хургов! Ишь, каким скопищем явились, чисто саранча! Впору радоваться, что три с лишним тысячи его бойцов сейчас находятся вместе с арванским гарнизоном в стенах крепости… Главное — пробиться к ним и дождаться подхода Суришара с основными силами.
— Худайбег!
— Я здесь, твое шахское!..
— Берешь полутысячу и скачешь в обход. Пройдешь вон по той лощине и ударишь штурмующим в бок, прямо напротив ворот. Задача — вызвать панику и прорваться к воротам. Ясно?
— Ясно, твое шахское! Да мы их…
— Выполнять!
Спустя мгновение Дэва уже не было рядом.

— Хаджир! — подозвал поэт другого юз-баши. — Берешь свою сотню и гонишь на их лагерь табун с северо-запада. В бой не вступать — порубят. Пустить коней на палатки и присоединяться к нам. Мы ударим сразу вслед за Худайбегом. Действуй, сотник!
— Радость и повиновение, мой повелитель!
Грохот конских копыт вновь заставляет степь качнуться лихим бубном.
Подбирающееся к зениту солнце щурится, глядя на чудеса внизу: гнедой потоп заливает местность! И кажется: волшебные тулпары под предводительством святой аль-Борак, крылатой кобылицы Господа миров, сами идут в атаку — ибо далеко не сразу можно различить в арьергарде табуна всадников Абу-т-Тайиба.
Сражение приостанавливается, повисает в мертвой точке; хурги начинают разворачиваться навстречу неожиданности… И этим не замедлили воспользоваться защитники крепости, на что и рассчитывал поэт. Пращники на стенах дружно взмахивают ремнями, и град свинцовых лепешек окатывает харзийских воинов, основательно проредив их ряды.
Миг замешательства, гортанные выкрики команд, часть конницы хургов устремляется в лоб табуну: остановить, развернуть двумя крыльями, не дать смять лагерь — и замешательство взрывается удалым гиканьем, когда из лощины вырывается полутысяча кабирцев во главе с ревущим Дэвом, который вращает над головой свое жуткое копье-дубину!
Словно кровавый ветряк пошел вразнос, перемалывая людей в страшную муку. До ворот еще далеко, но Худайбег и его люди уверенно движутся к вожделенной цели.
Конечно, сейчас хурги опомнятся, увидят, что врагов совсем мало, и тогда…
И тогда придет очередь Абу-т-Тайиба!
Уже пришла.
— За мной!
Крепость бросается навстречу, и за спиной слышен тяжелый топот без малого полутора тысяч всадников.
Время ожидания кончилось.
Настало время крови.
Харзийцы все же успевают развернуть боевые порядки, подставляя спины под увесистые гостинцы Арвана; мало, мало на стенах пращников! И ядра, похоже, на исходе…
Впрочем, это уже не важно.
Первого хурга, шарахнувшегося в сторону от железного демона, Абу-т-Тайиб достает походя, вихрем несясь мимо — чтобы безумным дровосеком врубиться в чужой строй.
Последнее, что он успевает заметить краем глаза: дюжина всадников на дальней сопке, и один из них мановением руки шлет гонцов к войскам. Султан! Султан Харзы! Шлем владыки хургов отблескивает на солнце, сгущаясь расплавленным золотом вокруг головы, а потом Абу-т-Тайибу становится не до шлемов, султанов и сияния.
Стальные заросли вокруг кипят смоляным варом, искаженные, залитые кровью лица, тюки человеческого мяса валятся наземь справа и слева; мечутся кони — те, что успели потерять своих седоков; остальные, дико храпя, пятятся к крепости, понуждаемые сидящими на них хургами. Сдвигаются круглые щиты, плюясь в просветы кривыми всплесками сабель — но тяжкий ятаган шаха сносит и ломает ветки ядовитого кустарника, обходя щит, вгрызается в живую плоть…
Е рабб!
Мгновение передышки. Под копытами коня — мертвецы. Впереди — вогнутый полумесяц хургского строя щетинится копейными жалами.
Стоят.
Ждут.
Копья? Почему он до сих пор жив? Даже легендарный Антара, Отец Воителей, не сумел бы в одиночку отбиться от…
Один? Почему — один?! Где его воины?!! Откуда эта тишина? Беззвучно раскрываются рты, перекошенные криком, беззвучно переступают копыта коней, металл немо ударяется о металл…
Мгновение — и лавина звуков погребает слух под собой.
Битва продолжалась. Но он действительно остался в одиночестве: шаху дали прорваться вперед, увлечься боем — и кольцо хургов сомкнулось вокруг него. Кабирцы отчаянно рвались на выручку к повелителю, угодившему в ловушку — но их порыв расплескивался кипящими брызгами о заслон Харзы.
— Живым взять хотите? — кривая усмешка клещами палача раздирает рот. — Или вы, дети ехидны, тоже…

Последняя мысль страшней возможного плена, но высказать ее вслух, или просто додумать до конца Абу-т-Тайиб не успевает. Из гущи врагов выламывается безумный смех. Хохочет все — земля, небо, игреневый скакун, лихой боец в седле, полумесяц секиры над головой бойца… Смех рушится на поэта искрящимся водопадом, разом вышибая из головы лишние размышления. Хорошо хоть, сама голова на плечах осталась — вовремя пригнулся да за повод дернул!
Этот весельчак определенно не собирался брать его живым!
О счастье! Да буду я выкупом за тебя, враг до мозга костей, подлинный, высшей пробы, не безликая толпа, не искусный лицедей, покорный шахской воле — бесшабашная смерть-смех во плоти!
— Веселись в горниле боя, — оскал выворачивает челюсти, превращая лицо в морду хищника; и властная рука бросает коня в сторону.
— Хохочи, не чуя боли! — ятаган скрежещет по оплечью хурга, взвизгивая от бессильной ярости и предвкушения скорой поживы.
— Пока ты в земной юдоли, — игреневый буран мечется вокруг, плеща в глаза смертельной луной на ущербе, но радость встает навстречу утесом проклятых гор без названия; звон, лязг, смех… бой.
— Не найти тебе покоя! — хруст, истошное ржание, горячий фонтан брызжет алой пеной, и земля кидается навстречу Абу-т-Тайибу. Мир кувыркается халифским шутом, громада всадника нависает над головой, и тело само перехватывает поводья у оплошавшего рассудка…
Он поднимается, озираясь. На земле бьются два визжащих жеребца — его чубарый, чья грудь распахнута ударом секиры, и игреневый харзийца, с подрубленными бабками. Коней жалко.
Но смех-смерть уже на ногах, и секира весело пластает воздух ломтями — ближе, еще ближе, еще… Стальной ураган, безумная круговерть, ятаган на миг приникает к ущербной луне, сбрасывая ее прочь с небосвода; рывок вперед, вплотную — и наотмашь, тяжелой латной перчаткой с зажатой в ней рукоятью.
В висок.
Харзийца спас шлем. Добрый остроконечный шлем из посеребренной стали, подбитый изнутри кожей, с узким налобником, пластинчатыми нащечниками и кольчатой бармицей, прикрывавшей шею. Все это, до самой мельчайшей детали, разом вспыхивает перед взором Абу-т-Тайиба — пока шлем падает на землю и катится по вытоптанной траве, а сам харзиец, оглушенный ударом, медленно оседает у ног шаха, выронив страшную секиру.
Склонясь к противнику, забыв, где он и кто он, поэт до рези под веками вглядывается в прозрачные глаза парня — ища в них крупицы жизни, боясь потерять единственное существо, рядом с которым Абу-т-Тайиб наконец ощутил себя живым, настоящим, прежним…
И еле успевает вернуться на грешную землю из пустыни «Я», как называют суфии тайные глубины души.
Хурги деловито спешиваются.
Они идут к нему, выставив перед собой копья.
И, снося ятаганом первый выпад, отсекая наконечник второго копья, рубя в ответ, Абу-т-Тайиб не сразу понимает: все эти удары предназначаются НЕ ЕМУ!
Хурги собираются добить своего оглушенного товарища.
— Е рабб! Дети ехидны! Он же ваш!
Заслонив упавшего собой, Абу-т-Тайиб подхватывает с земли оброненный кем-то шамшер, длинный и кривой; и теперь рубит с двух рук, не давая детям ехидны прикончить собрата по оружию. Солнце изумленно щурится с неба: хищные жала мелькают над самой землей, тщась поразить лежащего, а вокруг смешливого харзийца мечется шах Кабира, плеща в перекошенные лица сталью, каким-то чудом успевая, успевая, успе…
В воздухе свистят арканы.
А явившегося следом воя поэт уже не слышит.
3
— За мной, волчьи дети! Фарр-ла-Кабир!
Оглушительный вой стаи был ответом.
Лава гургасаров выплеснулась из-за холмов. Широкогрудые, мощные кони, все, как на подбор, вороные; волчьи шкуры поверх тускло отблескивающих лат, волчий оскал зубов, волчьи высверки клыков-клинков — всадники в этот миг действительно походили на сорвавшуюся с цепи свору оборотней, готовую разорвать в клочья все и вся, что попадется им на пути!

А за их спинами уже разворачивали строй тяжелые латники — гордость Кабира.
Суришар сделал невозможное: он пришел на день раньше.
Рвать на себе волосы и, обезумев, клясться в неотвратимости своей мести он будет позже.

Глава одиннадцатая,

которая повествует о рыжих котятах и зайцах с кисточками на ушах, о великой пользе от сношений, о беседах меж обладателями фарров, но никоим образом не упоминает о том, что если бы Аллах (велик он и славен!) не запретил вина, то не было бы на лице земли ничего, что могло бы заступить его место.

1

— Султан ждет вас, мой господин!
— Я жег становища твои, — голос Абу-т-Тайиба был тишиной пересохшего колодца, пустой и бесстрастной. — Я убивал детей и женщин, я гнал коня, топча шатры, шатры твоих отцов и братьев. Смеясь в седле, я пил вино над пирамидой хургских трупов, и дол смеялся мне в ответ, и небо, и земля — а люди, былые люди, без голов считались падалью, и только! Я — бич твоих земель; я — бич, которым хлещут без разбору, будь прав ты или виноват, будь горд или исполнен страха!.. я — Божий гнев. Или иначе: я — гнев, но самого себя, холодный гнев фарр-ла-Кабир, бессмыслица монаршей воли, огонь из зябкой пустоты, которую я ненавижу. Что скажешь, хург?
— Султан ждет вас, мой господин!
— Ударь меня! Ударь, иль будь навеки проклят!
Молчание.
Еще с минуту Абу-т-Тайиб вглядывался в лицо конвоира, в скуластое лицо с кожей, навсегда потрескавшейся сетью мелких морщин; так глядит безумец на дохлую рыбу, ожидая ответа на вопрос о смысле жизни. Затем поэт страшно рассмеялся, всплеснул руками и шагнул вперед.
Малиновая сарапарда — загородка из воловьей кожи, скрывающая от досужих глаз шатер султана — распахнулась перед ним.
Шатер оказался палаткой. Да, богатой, островерхой, увенчанной сияющим на солнце шишаком; с пурпурными разводами по снегу войлока трех юрт, сдвинутых вместе. Но палатка есть палатка. Даже если рядом возвышается бунчук: древко кроваво блестит, смоляные косы перевиты блестящими жгутами, и на каждом завязано по три узла. Абу-т-Тайиб ожидал иного. Золотых столбов, что ли? — а шест-опора, на худой конец, пусть будет из слоновой кости. Пусть будет, молча согласился сам с собой поэт; пусть будет все, чего душа пожелает, а чего не пожелает, пусть тоже будет. Он не считал себя сумасшедшим. Просто ему было хорошо в пуховой облачности, в спокойствии без прошлого и будущего; ему было хорошо в плену.
Привычно.
Полог оказался откинут, стража отсутствовала, и из темноты палатки доносилось еле слышное урчание. Абу-т-Тайиб пожал плечами, прежде чем окунуться в темноту; лгунья! — на поверку она оказалась достаточно светлой. Лампады, вещие птицы Хумай с фитилями в клювах и брюхом, полным зигирового масла, висели в углах, гоняя шелковые тени от стены к стене. А на ковре, чей орнамент то и дело всплескивал серебром нитей, сидел человек — играясь с котенком. Рыжим, непривычно крупным и лобастым. Котенок кувыркался, ни в какую не желая дать почесать себе живот; четыре лапы вовсю били по воздуху и по руке человека, но когти выпускались еле-еле, чтобы не испортить игру.
Вокруг головы человека, звездной пылью падая на узкие плечи, светился нимб.
Абу-т-Тайиб заморгал. Затем протер глаза. Нет, нимб никуда не делся: мерцал себе ночным небом пустыни, и в свечении то и дело пробегали багряные сполохи. Когда человек повернул голову, нимб дрогнул, пропал на мгновение, но сразу объявился снова — и багрянец сменился тусклой синью.
Сабельным металлом.
— Я счастлив видеть брата моего отца, — сказал человек с нимбом.
Котенок фыркнул и ударил лапой: ему хотелось играть дальше.
Абу-т-Тайиб оглянулся через плечо. Нет, никакого брата чужого отца за спиной не стояло. И вообще никого не стояло.

— Э-э-э… кого счастлив видеть мой господин? — осторожно поинтересовался поэт.
— Если бы Кабирское шахство было ровней Харзе, я бы звал тебя братом, — человек с нимбом отвернулся и ловко ухватил котенка за шкирку. — Но это не так. Поэтому я зову тебя дядей. Входи, дядюшка, входи… и брось величать меня господином. Особенно наедине. Меж обладателями фарров это не принято.
Мерцание нимба усилилось, в нем замелькали игривые огоньки, и котенок кубарем полетел в дальний угол. Жалобно пискнув, зверек забился под кошму; лишь изумруды глаз сверкали оттуда.
— Входи! — повторил человек с нимбом.
Абу-т-Тайиб медлил. Если все происходящее до сих пор представлялось дурным сном, то сейчас сон окончательно превращался в кошмар. В видения-лабиринт, откуда нет выхода, а в каждом укрытии ждут святые халифы прошлого с ореолами вкруг чела, готовясь кривыми ногтями вцепиться тебе в глотку. Поэт поднял руки и тщательно ощупал собственную голову: тюрбан, повязанный взамен отобранного шлема, волосы, уши, затылок…
Все как обычно.
— Он слегка отдает в голубизну, — человек с нимбом не без интереса наблюдал за братом своего отца. — А внизу похож на кольчужный назатыльник. Только длиннее.
— Кто?
Пройдя вперед, Абу-т-Тайиб уселся на ковер и скрестил ноги. В конце концов, не все ли равно, как разговаривать со святыми плодами воображения: стоя или сидя? Особенно если ты — брат их отца, да простятся ему былые прегрешения…
— Фарр-ла-Кабир. Я видел его однажды: сорок лет назад. На переговорах относительно спорных земель между Кабиром, Харзой и Дурбаном. Я тогда впервые встретился с Кей-Кобадом, твоим предшественником. С тех пор он совсем не изменился.
— Предшественник?
— Фарр.
— И тебя, сын моего брата, о котором я скорблю всякий час и всякую минуту — тебя это не удивляет?
— Что фарр остался прежним? Ничуть. А тебя?
Поэт вдруг резко вскочил на ноги. Едва ли не бегом он пересек палатку и вновь оказался у выхода. Никто не остановил его, не преградил дорогу; Абу-т-Тайиб остановился сам и долго смотрел на султанский бунчук.
К сожалению, тихое блеянье ему не почудилось.
Под красным шестом сидел баран, и пальцы солнца тихонько перебирали драгоценное руно. Вспышки бегали от шерстинки к шерстинке, от завитка к завитку, крутые рога отягощали мощный лоб, и одна мысль о кебабе из этого вожака стад казалась кощунственней, нежели идея осквернения могилы пророка (да благословит его Аллах и приветствует!). К бараньему боку тесно прижался заяц, длинноухий бегун, чей мех отливал шафраном. Морда зайца была вытянута больше обычного, на кончиках ушей трепетали серебряные кисточки, а круглые плошки глаз горели знакомой зеленью — кошачьей.
Хищной.
— Там баран, — прошептал Абу-т-Тайиб, забыв обернуться. — Клянусь чернилами и каламом; клянусь днем Страшного Суда и укоряющей себя душой, ибо воистину человек всегда остается в убытке! Там баран!.. и заяц.
— Это мой заяц, — брюзгливо заметил человек с нимбом. — Отойди, не раздражай его. И меня. Все-таки помни: ты у меня в плену! Значит, веди себя соответственно. Как подобает венценосному шаху Кей-Бахраму фарр-ла-Кабир.
— Заткнись, призрак! Наваждение, умолкни! Я — поэт аль-Мутанабби! Я — злосчастный неудачник, я лежу в песке пустыни, видя сны о шахском троне, о великой благостыне, о насмешке злого рока, о презрении Аллаха! Я — ничтожный из ничтожных, я мечтаю, чтобы ныне, ныне, присно и вовеки на своя вернулись круги ложь и правда, боль и сладость, богохульство и святыня; я хочу огня геенны, что и в бездне не остынет!
Человек с нимбом восхищенно цокнул языком.
— Если бы я умел так играть словами, — спросил он у котенка под кошмой, — разве я хотел бы быть султаном Харзы, Баркуком зу-Язаном?!
Котенок согласно мяукнул.
Он тоже не очень-то хотел быть кошачьим владыкой.
Он хотел игры и молока.

2

Баркук-Харзиец томился от скуки.

Это началось давно, и самые надежные снадобья бессильны были изгнать гостью-самозванку. Во рту всегда было кисло, оскомина сводила челюсти ужасной зевотой, и даже искусно приготовленный кавардак — жаркое с морковью, бататами, айвой и еще Лунный Заяц знает, с чем! — казался пресной лепешкой. Драгоценности тускнели, едва на них задерживался глаз, и все чаще перстни летели в отхожую яму, а серьги с ожерельями раздаривались кому ни попадя. Травля барса не веселила, роскошь одежд утомляла, а песнопения льстецов вгоняли в сон.

Посещения гарема стали реже, будто капель затихающего ливня, пока не прекратились вовсе. Смуглянки с Дубанских равнин, гибкие дочери хургских степей, светловолосые лоулезки, купленные за большие деньги — все они маялись в бассейне Сорока Девушек, утешая себя противоестественными ласками и сладостями. Царственный супруг не призывал их к себе, презрев искусство неги. Упрекнуть султана в том, что его мужская природа изжила сама себя, мог только умалишенный, но…

Жен постигла грустная участь еды, перстней и одежд: Баркук сперва стал кривиться, после — раздаривать, а там и вовсе забыл.

— Расскажи мне о пользе сношений, — как-то велел он личному знахарю, в надежде от пользы перейти к желанию. — Расскажи без утайки. И я набью твой рот жемчугами, а потом подарю юную невольницу из Кимены, чьи бедра округлы, а нрав кроток. Я слушаю.

— Поистине, в совокуплении великие достоинства и похвальные дела! — возопил ободренный знахарь, уже представляя себе округлые бедра вкупе с кротким нравом, а лучшего сочетания трудно себе представить. — Оно облегчает тело, наполненное черной желчью, успокаивает жар страсти, веселит сердце и гонит прочь тоску, но умножать число сношений в дни лета и осени вреднее, нежели в дни зимы и весны!

— Отлично, — Баркук велел позвать сразу трех жен и заставил красавиц плясать перед ним и знахарем, вертя животами. — Продолжай, о кладезь знаний! И поведай мне теперь о вреде сношений.

— Частые сношения ослабляют зрение, — во рту у знахаря разом пересохло, он опустил глаза долу, дабы не видеть искушающей пляски, и хрипло затараторил:

— От них рождается боль в спине и голове, а особенно опасно сношение с больной или старухой! Берегись, берегись сношений со старухой: это — одно из дел убийственных!

Баркук вздохнул. Танец жен утомлял, дурак-знахарь утомлял еще больше, и надежды на развлечение улетучивались рассветной дымкой. Рот знахаря был честно набит жемчугами, невольница отошла в его владение, доведя нового хозяина до удара всего лишь за два месяца; а сам султан набрал было в гарем с дюжину старух — вдруг запретное разгонит тоску?!

Старухи надоели почти сразу.

И все чаще вспоминалось Харзийцу: степь, заклятая Степь Бойцов, куда после долгих мытарств в горах без названия их привели жрецы Лунного Зайца. Их — восьмерку взыскующих трона, близких и дальних родичей умершего на днях Джалала зу-Язан, обладателя фарра. Метелки дикого овса вдруг расступились перед ними, и серебряные кисточки чутко затрепетали на ушах небывалого зайца. Шафрановая шкурка мелькнула совсем рядом, потом дальше, еще дальше, спелым абрикосом являясь в травах — и хурги ринулись вдогон, горяча коней.

А солнце над ними желтело старым динаром, шло пятнами и рытвинами, больше напоминая луну, безумную луну, которой вздумалось средь бела дня прогуляться по небосводу.

Таково было Испытание. Они зимним бураном мчались по степи, не видя ничего, кроме вожделенной цели, мало-помалу разъезжаясь в разные стороны, топча этот простор, окоем без конца-края; их было восемь, и зайцев было восемь, нет! — не было, их стало восемь, о чем не стоит поминать всуе, а потом молодой Баркук наотмашь хлестнул добычу камчой, в кончике которой была зашита капля-свинчатка — и едва успел отпрянуть: оскаленная морда зайца хищно бросилась ему в лицо…

Он сидел на взмыленном коне, изумленно моргая, а перед ним на коленях стояли жрецы.

Обратно в Харзу вернулся султан Баркук зу-Язан.

Один.

Да! — все чаще теперь приходила на ум Баркуку далекая Степь Бойцов, дикая гонка за призраком мечты, терзая его долгими ночами до самого утра. И все чаще он вспоминал их: своих братьев и дядьев, окунувшихся в бешеную скачку, в горький аромат полыни, чтобы сгинуть без вести. Где вы теперь, лишенные трона и родины?! — наслаждаетесь козлодранием в Верхнем Мире? скрежещете зубами в Восьмом аду Хракуташа, искупая грех гордыни?! скитаетесь вне цели и смысла, в горах без имени, в мирах без

названия?! Где вы теперь? И кто из нас более счастлив: вы, скитальцы-горемыки, или я, великий султан, носитель фарр-ла-Харза?!
Кто из нас больше приобрел и кто больше потерял?!
Баркук не знал ответа; в последние годы не знал.
И тогда он принялся расспрашивать жрецов Лунного Зайца, призывая их к себе. И тогда он по крохам собрал подобие истины, мертвое чучело, чтобы смотреть на него в минуты скуки, смотреть и утешаться гнусным словом «необходимость». И тогда он возликовал великим ликованием, когда соглядатаи из Кабира-белостенного донесли… нет, не о смерти шаха Кей-Кобада, славного воина и мудрого политика.
Соглядатаи донесли о странном: о восшествии на престол чужака без роду-племени, вопреки старым обычаям, но согласно воле фарр-ла-Кабир.
Баркуку даже показалось на миг, что это один из восьмерых его родичей вернулся домой, покинув тайные дороги. Глупости? — разумеется, глупости. Но плащ скуки упал с плеч султана, и ворона раздражения перестала вить гнездо под его чалмой.
Новый шах Кабира полновластно воцарился в султанских мыслях, и думать о нем было забавнее, нежели слушать россказни о песьеголовцах или ведьмах-алмасты. Что есть песьеголовец? — человек с собачьей башкой! А тут чужак: думает по-другому, видит иначе, дышит невпопад… вот кому счастье! Из праха в шахи! Небось, млеет сейчас от радости: сказка кончилась, не начавшись. В смысле, враги побеждены, пути завершены, вкушай довольство, пока не придет к тебе Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний — а это случится ох как не скоро!
«Да, не скоро», — вздохнул султан.
И кинул в рот горсть соленого миндаля.
Когда с границ пришли донесения о сожженных становищах, Баркук поначалу не обратил на них особого внимания. Так было, есть и будет. Пограничные племена, белобаранные хурги, вечно устраивали налеты на кабирские селения и городки, ища себе славы, а племени — богатства. Это мало препятствовало торговле и не мешало добрососедским отношениям. Раз-два в год со стороны Кабира выдвигалась тяжелая пехота и отряды пращников: железным гребнем солдаты прочесывали окраинную степь, напоминая алчным хургам о необходимости платить по счетам; после чего следовало время затишья. И опять — торговля, налет, возмездие…
Все как у людей.
Но в донесениях проскочила тревожная нотка: в степь пришла не пехота гарнизонов, мастерица оцеплять водопои и учинять ночные налеты. В степь пришли всадники, и этот вихрь едва ли не стремительней хургской лавы! Вдобавок во главе гостей стоит шах Кей-Бахрам собственной персоной.
Баркук с интересом приподнял бровь. Сам шах? С каких это пор карательные меры возглавляются лично венценосцами? Прочь, сука-скука! Жизнь приобретает вкус и цвет! Да что вы говорите?! Жгут и рубят без разбору? Женщин и детей?! Ночной грозой валятся на голову, живут в седлах, забыв о сне и покое? И даже не желают взыскивать убытки?! — просто жгут и рубят, жгут и рубят…
Лунный Заяц, до чего интересно!
Воистину:

— Пускай нашей крови потоки текут,
Пусть груды погибших горами встают,
Пусть рушатся скалы и небо на нас —
Спины не покажем в решительный час!

…вскоре из Харзы выступили конные полки. Вел их султан Баркук зу-Язан, вел впервые в жизни, мечтая о встрече с бешеным шахом Кабира. И чувствовал себя молодым: не телом, нет, ибо до сих пор гнул и ломал верблюжьи подковы.
Молодым душой.
Султану было восемьдесят четыре года.

3

— Восемьдесят четыре? — недоверчиво переспросил Абу-т-Тайиб, разглядывая собеседника. Высокие скулы, так живо воскрешающие в памяти лицо давешнего конвоира, кожа отдает желтизной, напоминая слоновую кость, но морщины не тяготят лба, и губы свежи, как у юноши. Взгляд прямой, любопытный, словно Баркук хочет проникнуть в тайные мысли поэта, и «гусиные лапки» у краешков глаз намечены еле-еле робкой кистью возраста. Жилистые руки спокойны, лежат на коленях, но

чувствуется: дай им волю — взлетят, метнутся, ударят кошачьими лапами! И впрямь: то ли Аллах заткнул уши раба своего затычками непонимания, то ли султан решил вволю поиздеваться над пленным…
— А что тебя удивляет? — в свою очередь поинтересовался Баркук-Харзиец. — Да, восемьдесят четыре, подобно тому, как восемьдесят четыре добродетели определены нам судьбой. Пребываю в расцвете сил. Вон, Джалал зу-Язан, прошлый владетель моей державы, умер в двести десять лет, а императору Мэйланя — тому и вовсе сейчас под три века будет. Ну, мэйланьские Сыновья Неба вообще долгожители… Есть ли смысл в шахе или султане, когда срок их правления короче жизни мотылька? Ведь владыка должен сиять поколениям! Там, откуда ты пришел, иначе?
Абу-т-Тайиб задумался. Сразу вспомнились Абассиды: первый халиф, основоположник династии, пробыл у власти четыре года, зато благочестивый аль-Васик — целых двадцать шесть; знаменитый Харун Праведный радовал подданных около полувека; но буян аль-Мунтасир удержался в седле повелителя правоверных четыре месяца.
А еще был Ибн-ал-Мутазз, прославленный поэт, но неудачливый заговорщик, прозванный «халифом-однодневкой»…
— У нас иначе, — твердо ответил поэт. — У нас совсем иначе, а тебе, племянник, я не верю.
Племянник, годящийся (если признать его слова истинными!) в отцы поэту, звонко расхохотался.
— И не надо! Не верь, дорогой мой! Все-таки я был прав, стократ прав, мечтая о встрече с тобой! Ты другой, ты не знаешь вещей простых, как муравьиное крылышко, и скука бежит меня, едва я вступлю с тобой в беседу! Скажи лишь: тебя не заботило, что ты-шах в пятьдесят лет способен гнать коня день и ночь напролет, изматывая опытных воинов, вдвое моложе тебя?! Мои люди докладывали мне о твоих набегах, когда ты менял расположение лагеря быстрее молнии! На твоем лице я вижу шрамы, а в кудрях — печать седины; ты признаешь мою правоту, когда это окончательно перестанет тяготить тебя!
Абу-т-Тайиб потянулся и взял гость орехов. Разгрыз один, выплюнул шелуху и принялся жевать ядрышко. Жевать зубами, наполнившими его рот — так новые бойцы приходят на смену погибшим ветеранам. Потом он провел большим и средним пальцами левой руки по носу: от седловины к крыльям. Провел еще раз; и снова. Давняя привычка, но укороченный на фалангу средний палец сейчас был заметно длиннее.
И на конце его стало образовываться нечто вроде ногтя.
Впору было сознаться: Баркук ткнул его мордой в реальность, в ту реальность, которую поэт упрямо игнорировал.
Безумие? — ах, если бы… Он ведь честно полагал, что приметы возраста окончательно перестанут тяготить его лишь вне сей земной юдоли. Да и кто бы на его месте полагал иначе?! Аллах, мне страшно поверить, что впереди еще полтора века жизни, счастливой жизни с нимбом вкруг чела и благоговением душ людских!.. Все тебя узнают, словно ты — беглый клейменый каторжанин, все подыгрывают тебе на доске бытия, подыгрывают честно, с радостью, с искренним ликованием!..
Но отчего же игроку больше всего на свете хочется смешать фигуры и запустить ими в эти сияющие лица, в трепет и благоговение?
— О, где лежит страна всего, о чем забыл? — Абу-т-Тайиб сам плохо понимал, что бормочет вслух, со ртом, набитым горькой ореховой мякотью, с сердцем, набитым горькой мякотью сбывшихся надежд. — В былые времена там плакал и любил, там памяти моей угасшая струна… Назад на много дней мне гнать и гнать коней — молю, откройся мне, забытая страна!..
Тонкие руки Баркука ожили: тронули бритый подбородок, огладили вислые усы, и строго погрозили котенку, когда тот вознамерился было покинуть укрытие.
— Последняя любовь и первая любовь, мой самый краткий мир и самый длинный бой, повернутая вспять река былых забот — молчит за пядью пядь, течет за прядью прядь, и жизнь твоя опять прощается с тобой!..
— Еще! — прошептал Баркук-Харзиец, молитвенно складывая ладони. — Еще, прошу!
— Дороги поворот, как поворот судьбы; я шел по ней вперед — зачем? когда? забыл! Надеждам вышел срок, по следу брешут псы; скачу меж слов и строк, кричу: помилуй, рок!.. на круг своих дорог вернись, о блудный сын!..
Абу-т-Тайиб вдруг резко умолк, костяшки сжатого кулака побелели — и внутри, в темнице каменной хватки, треснули орехи. Пальцы разжались, терпкий аромат ударил в ноздри; по лицу Абу-т-Тайиба струился пот, будто каждая пора обернулась кувшином святого Хызра, источая влагу. В последнее время он все чаще и чаще искал убежища в

звуках и ритмах, вывязывая из слов подобие временного ослепления — но возвращаться обратно тоже становилось все труднее и труднее.
— Отчего умер Кей-Кобад, мой предшественник?
— От старости. Таково заключение ваших хабибов.
— Пускай! Я сошел с ума и верю тебе! Значит, былому шаху еще полагалось жить да жить!
— Полагалось. Но пути фарра неисповедимы. У меня есть только догадки, и я попробую поделиться ими с тобой.
— Как делятся нищие горстью хлебных крошек?!
— Нет. Как делятся Баркук фарр-ла-Харза с Кей-Бахрамом фарр-ла-Кабир. Твой предшественник накануне смерти стал тяготиться титулом шаха…
— О, я его понимаю!
— Ничего подобного. Ты даже меня сейчас не понимаешь — куда тебе понять чаяния потомственного владыки?! Особенно если сей владыка втрое старше тебя; и вдвое — меня. Кей-Кобад решил стать шахин-шахом, царем царей! И нашел для этого самый простой и краткий путь… во всяком случае, так ему казалось. А об остальном ты узнаешь у своих советников — я лишь намекнул тебе, где искать.
— Простой и краткий? Советники мне не нужны, милый племянник. Я знаю сей путь — путь завоеваний!
— Что?
— Война — лучший способ царю стать царем царей… или падалью. Армады кабирцев предают огню Харзу, потом рушатся стены окрестных столиц — и Кей-Кобад громоздит на своей макушке дюжину кулахов разом! Я прав?!
Баркук вскочил и запрокинул голову к войлочному потолку. Спустя мгновение дикий хохот сотряс палатку; и Абу-т-Тайиб тупо воззрился на пляшущего султана.
— Клянусь Лунным Зайцем! Даже юродивому не могла бы взбрести в голову этакая идея! Тогда выходит, что я могу велеть отрезать тебе голову, после обрушить хургов на кабирские полки, лишенные воинского духа; через месяц я сижу в твоей столице и величаюсь Баркук фарр-ла-Харза и фарр-ла-Кабир! Каково?!
— Что тут смешного? — обиженно спросил поэт.
— Все! Все, мой милый дядюшка! Ты до сих пор не понял: твое государство — это ты! Ты сам, собственной персоной, и это нельзя отнять силой или хитростью, это нельзя изменить никаким способом, доступным людям! Убей я тебя — и глупый Баркук получит не просто мертвеца-шаха. Он получит мертвое государство, у которого с Харзой общая граница! Он получит труп под окнами собственного дома! Пытаясь завернуть в единственный плащ сразу двоих, я порву плащ и останусь голым под проливным дождем! И если я помешаю кабирским хирбедам заново провести Испытание, освятив нового шаха сиянием фарр-ла-Кабир…
Баркук устало сел и сделался очень, очень серьезным.
— Я помешаю совершить погребальный обряд; я помешаю наследнику покойного вступить в права наследования, и мертвая держава останется мертвой. Наместники, подобно шакалам-мародерам, разорвут труп на дурно пахнущие куски, орды нищих и беженцев червями хлынут через границы… догадайся, куда? На мои земли! Начнется резня — а она начнется, уж поверь мне! Часть белобаранных хургов, отравленных миазмами гниения, мигом откочует на ваши пустоши, а сияние моего фарра туда не распространяется… Ладно, хватит. Надеюсь, ты и так поверишь мне: иметь под боком гниющего мертвеца — дело весьма хлопотное.
— И поэтому твои бойцы не поднимали на меня руку в бою?
— Да. Ибо убить чужого владыку — грех больший, нежели изнасиловать собственную мать. За него нет прощения здесь, и нет прощения там, в Верхнем мире Ош-Тэрген.
— Выходит, я не сумел приобрести врагов?
— Врагов? Не сумел.
— И друзей я не сумею приобрести?
— Друзей? Никогда. У таких, как мы, не бывает друзей. У нас есть подданные. Мы даже между собой связаны узами иными, нежели дружба; мы связаны необходимостью. Боюсь, я разочаровал тебя?
— Нет. Ты меня убил.
— Глупости. Через три дня твой спахбед начнет переговоры, угрожая мне нашествием, я покочевряжусь для приличия и отправлю тебя обратно. С почестями. Живехонького-здоровехонького. Понял?
— Понял. Именно это я и имел в виду.

Глава двенадцатая,

где звенит сталь и крякают утки, многие вопросы приходят к разрешению, отчего жизнь становится еще запутанней, но о том, что в день Страшного Суда неверные будут пресмыкаться ниц, верные будут ходить прямо, а благочестивые смогут лететь на белых верблюдах с седлами из чистого золота — об этом даже не вспоминается, что греховно само по себе.

1

…они врут!

Они все врут: и желтолицый Харзиец, и хитроумный Гургин, и дерзкая хирбеди, и однорукий Омар Резчик — врут словами, наготой, ударом, всем телом врут, всем делом; домом и дымом, лестью и местью, они притворяются, потому что иначе впору кинуться головой в омут!

«Конечно, — успокаивающе нашептывает ветер в уши. — Ты прав: они коварны, они лживы, они…»

Замолчи!

Ты тоже врешь!

Узорчатые пятна лишаев лежат на боках камней, одуряюще пахнет сухая полынь, и упругий конский волос растет из земли вместо ковыля. По измятому войлоку степи ползают тьмы насекомых — взблескивая жвалами и панцирями, изрыгая струйки сизого дыма, ставя походные муравейники, копошась, копошась…

Хоть бы один косой взгляд! Хоть бы один… Нет, они кланяются — враги кланяются, те самые хурги, которых ты топтал копытами своего коня, воздев знамя бессмысленной жестокости! Ненавидеть можно равного, можно — высшего, ненавидеть открыто или втихомолку; но нельзя ненавидеть символ державы, или даже не символ — державу целиком, со всеми ее реками и солончаками, городами и селами, солнцем над горами и дождевым червем на куске дерна! Аллах, смилуйся, скажи, что я ошибся, что это бред, горячечный бред, или лучше — смертный сон… Аллах, ну что тебе стоит? Да, я частенько пропускал время утренней молитвы, и время молитвы вечерней я пропускал тоже, я пил вино и зло шутил шутками недозволенными — но зачем же награждать таким страшным образом?

Изгой, подонок, выпавший из гнезда птенец… шах.

Мой предшественник умер, возжелав стать шахин-шахом. Самоубийство — тягчайший грех, ибо душа дана нам временным залогом от Господа миров, как гласит Книга Очевидности, а самовольно распоряжаться чужим имуществом никто не вправе. Но если очень захотеть стать царем царей, то может быть… Они все сошли с ума!

Гниющий труп под окнами дома?! Ха! Если не путь завоеваний, то где, в каких тайниках отыскал злосчастный Кей-Кобад способ из шаха превратиться в шахин-шаха, не расширяя границ государства? Просто сказать на майдане: я — владыка владык? Сказать, чтобы благополучно преставиться на следующий день… от старости.

От старости, прожив два обычных жизненных срока?!

Е рабб, они все врут, они сумасшедшие, а я давно уже превратился в мумию, в сухую падаль под песчаным мавзолеем!

Е рабб…

Пленный государь невозбранно шляется по вражескому лагерю: остановите меня! пригрозите мне! отберите ятаган, висящий у меня на боку! верните меня в палатку, под стражу!

Дождетесь, я сбегу!

«Беги, — издевается ветер, щекотно приникая к уху. — Беги, Кей-Бахрам, по степям, по горам… беги…»

Озерный берег густо покрыт кустами тальника, не давая суховею коснуться влаги обжигающей дланью. В высоких камышах крякают дуры-утки, и синь неба опрокидывается навзничь в свежесть и прохладу, синь неба, синь глаз упрямой Нахид-хирбеди — о люди с глазами этого цвета, подлейшего из подлых! Что скрываете вы за невинной голубизной взора? Какие тайны прячутся в бочагах ваших черных душ… глупец! «Небоглазый» Дэв простодушней дитяти, даром что с младенчества в разгуле, а «небоглазый» Гургин хитрей Иблиса — что между ними общего? Комарье вьется вокруг, истекая малиновым звоном, и в звоне рождается сперва лязг металла, вскрик боли, а потом являются слова, чужие слова, где есть все — и лязг, и вскрик, и твердость:

— Во имя справедливости, я прошу у полкового бунчука крови этого отродья шакалов!
— Да будет так! — гремит ответ многих глоток.
И смех.
Страшно знакомый смех, он пенится бурой накипью, запекшейся кровью, смех встряхивает реальность, как бродяга — стаканчик с игральными костями; самозабвенное веселье безумца за шаг до вечности.
Они все здесь повредились рассудком… все!
По плечу хлопает узкая ладонь. Это Баркук, султан Баркук: незаметно подойдя сзади, он ухмыляется и тычет пальцем перед собой.
— Я же сказал тебе, брат моего отца: поднять руку на чужого владыку — грех больший, нежели изнасиловать собственную мать. А ты не верил… Этому молодцу еще крупно повезло: он падет в честном поединке, искупив содеянное. Ты явился полюбоваться, брат моего отца?
Смех вторит сказанному; вторит эхом, отголосками запредельности.
И утки крякают в камышах.
2
Две дюжины вооруженных хургов угрюмо столпились на берегу.
Папаха каждого — из черного каракуля в мелких завитках.
— Я… прошу… крови…
Перед хургами — копейное древко бунчука вонзилось в землю, и лошадиный хвост слабо шевелится от ласки ветра. В двух локтях за бунчуком — мертвец в кольчатом доспехе, разрубленный от ключицы до пояса; поодаль лежит еще один труп, без головы. Голова в папахе из черного каракуля откатилась почти к границе воды, и любопытный рачок щипает клешней странную штуку.
Между убитыми, шатаясь, стоит молодой боец с тяжелой секирой в руках. Рубаха из белого карбоса-хлопчатки заправлена с напуском в короткие, до колен штаны; поверх шерстяных чулок натянуты щегольские сапожки, вышитые по голенищам мелким бисером. Правый рукав изрядно подтекает багрянцем, и еще ухо — оно висит на полоске кожи, страшной серьгой касаясь плеча. Боец смеется взахлеб, берет ухо за мочку и коротко дергает. После чего отшвыривает кусок собственной плоти прочь, и бывшее ухо шлепается в прибрежную грязь.
Хургов передергивает от этого смеха, но крайний воин с саблей наголо уже идет к одноухому.
Мягко, вкрадчиво… убивать идет.
Или умирать.
— Ар-Раффаль, — говорит султан Баркук, и, видя непонимание на лице Абу-т-Тайиба, уточняет. — Это парни секиру его так прозвали. Ар-Раффаль, «Улыбка Вечности». Думаю, еще троим улыбнется, по меньшей мере — пока они его завалят. Давай об заклад биться: на каком однополчанине наш бешеный Утба кончится? Я говорю, что еще трое; а ты?
Абу-т-Тайиб сглатывает горькую слюну. Он только что узнал бойца в белой рубахе. Это его удары едва не прикончили поэта в свалке близ крепости, это над ним шах Кабира бился с хургами, шалея от бессмыслицы происходящего, не давая своим прикончить своего. Что, шах, значит, все зря? Там не добили, здесь довершат? Бьемся об заклад, Баркук? — я говорю, что он умрет, так или иначе, сейчас или позже, на пятом или шестом противнике, но умрет!
Ставлю весь Кабир, будь он проклят!
Что говоришь ты? А, ты соглашаешься: да, конечно, он умрет… Он поднял руку на шаха. Я понимаю, лучше бы он изнасиловал свою мать или запек в чуреке новорожденного младенца! Я понимаю…
Еще плохо соображая, что и зачем он делает, поэт быстро идет вперед, к секире, сабле и бунчуку.
— Остановитесь!
Смех плещет в лицо, но бешеный Утба остается на месте. А хург с саблей даже отступает на шаг, не забыв поклониться в пояс кабирскому владыке.
Пленнику.
— Кто смеет убивать шахского побратима?! Мы смешали свою кровь на поле боя, отныне и навсегда этот человек — мой кровный брат! Отдайте его мне или деритесь с нами обоими!
И ятаган покидает ножны, бросив отблески на окровавленный полумесяц секиры ар-Раффаль.
— Ты понимаешь, что делаешь? — тихо спрашивает Баркук-Харзиец.
Спрашивает так, как если бы они были здесь вдвоем: фарр-ла-Кабир и фарр-ла-Харза.

— Нет, — улыбается поэт. — А что, это важно?
— Для меня — важно, — улыбается в ответ султан. — Потому что у меня не было возможности помиловать Утбу, а ты мне эту возможность подарил. Я — твой должник, брат моего отца.
И уже в полный голос:
— Все слышали? Великий шах Кей-Бахрам осенил своего побратима блеском царственного фарра, и короста позора оставила полковой бунчук! Да будет так!
Бешеный Утба смеется и падает на одно колено.
— Тебе нужен пес, мой шах? — спрашивают хохот, секира и рубаха в пятнах крови. — Пес, чтобы спать у двери и грызть твоих врагов? Если да, то возьми меня.
— Мне не нужен пес, — Абу-т-Тайиб подходит близко-близко и долго смотрит на того, кто осмелился напасть на запретную дичь; на того, кто умирал за это весело и легко. — Вокруг и без того слишком много псов, готовых спать и грызть. Мне нужен ты.
Глаза у бешеного Утбы голубые.
Прозрачно-голубые; и там, в талой воде, искрятся безумные пузырьки смеха.
3
Он был дальним родичем султана Баркука по материнской линии; очень дальним, но как и все потомки чресел Язана Горделивого, имел право именоваться Утбой зу-Язан. Впрочем, упрямый Утба зачем-то нарек своего первенца именем великого предка, а себя — не зу-Язан, а Абу-Язан, то бишь «Отец Язана». Что это должно было означать, не знал никто, похоже, включая и самого шутника; но открытой крамолы здесь не наблюдалось, а к странным поступкам Утбы все давно привыкли.
Еще с позапрошлого года, когда султан, вняв уговорам матери, призвал родича ко двору.
Любимец женщин, Утба дарил старух долгими беседами, а молодых — пылкими ласками, но истинной любовью он любил только свою секиру, доставшуюся ему в наследство от отца. Редкое оружие для коренного хурга, тяжелая ар-Раффаль в руках Утбы становилась проворней змеиного жала и красноречивей площадного сказителя. Мало кто успевал достойно отвечать на ее вопросы, и султан Баркук часто приходил глядеть на воинскую потеху, когда веселый Утба Абу-Язан давал волю себе и отцовской секире.
Осенью юный фаворит принес клятву на стали и огне, став есаулом в полку «Вороноголовых» — личной султанской тысяче головорезов.
Почти сразу начав смеяться.
Едва осиную талию Утбы охватил складчатый кушак, где была вышита вязь полкового девиза, едва буйную голову увенчала папаха из черного каракуля, как жемчужина странного веселья сверкнула в перстне его жизни. Красавицы, за три фарсанга благоухающие вэйскими духами, делились тайнами; и в их тайнах мужская неутомимость, неистовствуя на ложе, смеялась знакомым смехом. Двор султана прикусывал языки удивления зубами сдержанности: на аудиенциях и приемах послов хохотал он, веселый Утба Абу-Язан, а Баркук лишь увеличивал свое благоволение к весельчаку. Лекарей брала тихая оторопь — когда бритва целителей погружалась в плоть раненого есаула, он смеялся в лицо боли, смеялся в голос, до слез, и боль в ужасе отступала.
Однажды некий раб Лунного Зайца явился к султану Баркуку незваным, и бросил шапку преклонения к подножию трона.
— Отошли Утбу куда-нибудь подальше, — если опустить многочисленные восхваления, вот что осталось от речи служителя веры. — Если ты хочешь ему добра, освободи его от службы и избавь от необходимости быть рядом с тобой. Или хотя бы просто — освободи. Пусть Утба снимет папаху и развяжет кушак. Мой султан! — сделай это, пока не поздно.
Когда же Баркук потребовал объяснений, уста советчика запечатала печать молчания. Клинок султанского гнева готов был вырваться из ножен, но рука благоразумия остановила порыв: именно этот раб Лунного Зайца сопровождал молодого Баркука через горы без имени в Степь Испытания.
Служитель веры ушел с миром; но султан пренебрег его мнением.
А Утба смеялся.
Пока не кинулся в горячке боя на кабирского шаха — что верней палаческой удавки грозило привести сей смех к естественному завершению.
* * *
Когда Утба заснул — как и обещал, на пороге шатра, в обнимку с секирой — Абу-т-Тайиб еще долго сидел на кошме, перебирая в горсти последние события.

Голубые глаза Дэва закрылись бы навеки, не сними с него поэт сотничьей шапки. Веселый Утба оставался жив, нося харзийские знаки служения власти, но назвать его рассудок здоровым означало соврать. Одно покушение на жизнь чужого шаха, запретное для любого хурга… И еще маг Гургин — этот отказывался от кулаха истовей, чем Иблис (да будет его имя вечно проклято!) отказывался кланяться Адаму. Где-то здесь крылся ключ к потайным сундукам, где-то здесь бродили призраки, ухмыляясь мертвыми оскалами; но спрашивать об этом у Баркука не имело смысла. Зря, что ли, дерзкая Нахид обмолвилась:

— Ты чужак. Но даже будь ты природным кабирцем из шахского рода… Никогда. Полагаю, рабы Лунного Зайца тоже не балуют султана лишними откровениями… Интересно, есть ли предел верности здешних жителей олицетворению их же собственной державы? Какие запреты нужно преступить, какие заповеди опровергнуть, чтобы Омар Резчик всерьез посягнул на помазанного владыку, чтобы кочевой хург восстал… да что там восстал! — просто обиделся на своего султана! Ну пусть хоть вполголоса признает некий поступок владыки частично ошибочным! Что для этого надо?! Сжечь хургова деда, велеть гургасарам изнасиловать вольного Омара, помочиться на их алтари… Что?!

Абу-т-Тайиб боялся признаться самому себе: то существо, которое молча вставало внутри его рассудка, расправляя шипастые крылья — оно было готово испытать терпение кабирцев великим испытанием.

Он никогда не был излишне мягок, Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби, но эти люди вокруг… они не люди!

И значит, можно все.

Кто дерзнет разгадывать помыслы Вседержителя? — а он, бродяга-певец, не хочет быть живым божеством, не хочет даже не потому, что большего кощунства трудно и придумать…

Вы даете мне все, и когда я роняю поданное, вы нагибаетесь, чтобы вновь подать мне — все.

Спасибо, не надо.

Я возьму сам.

4

— …а ежели я тебя, не спросясь, копьецом ширну?

— Слушай, человек-гора, совсем башку крысы выели?! Сказано тебе: вон иди… шах почивать изволят!

— Нет, ты ответь мне, хургова твоя рожа: а ежели я все-таки копьецом — и пройду?

Смех.

— Пройдет он… Одна половинка пройдет, зато другая здесь останется! Видал секирку? Она таким речистым живо укорот дает…

— Ох, хург, не будь я посол… Тоже мне, караул-беги выискался, держи-хватай!

— Он посол! Сходи к озеру, на харю свою глянь, посол! Бараний мосол! Оглоблю вместо копья приспособил и туда же!

— Ох, сдается мне, хург, ты меня обидеть норовишь…

— Эй, там! — рявкнул Абу-т-Тайиб, еще не до конца покинув равнины сновидений. — Заткнулись бы, что ли?

— Твое шахское! — радостно возопили из-за полога, да так, что у поэта мигом заложило уши. — Я тебя спасать иду, а этот пустосмех дорогу загораживает! Ты мне прямо скажи, твое шахское: ширять его копьецом или погодить маленько?

— Дэв? — подскочив на груде стеганых одеял, которую хурги именовали курпачой, Абу-т-Тайиб спешно принялся натягивать шаровары.

Ноги никак не хотели попадать в штанины, о кушаке и вовсе забылось в горячке, но через минуту голый по пояс шах Кабира уже стремглав вылетел наружу.

Врезавшись в широкую и горячую скалу, на поверку оказавшуюся Дэвовой грудью.

— Ты, шахское твое, брось мотаться-то паленым зайцем! — буркнул сотник-разбойник, мигом срывая с себя плащ и заботливо укутывая им поэта. — С утреца ветрено, не ровен час, прохватит тебя… а плен — не мамка! Ослаб, чай?!

Рядом смеялся Утба, опершись на свою неизменную секиру.

Абу-т-Тайиб отстранился от могучего юз-баши и принялся разглядывать пришельца. За истекшие дни Худайбег, казалось, стал еще больше: подрос, заматерел, обзавелся брюхом площадного борца-пахлавана — что, впрочем, не делало его малоподвижным. Удивляло еще и другое: чудовищно волосатая грудь, выпиравшая из-под распахнутого чекменя. Прямо чащоба дремучая; давным-давно в Куфе один невольник-саклаб рассказывал поэту о таких чащобах в его родной сторонке. Да и лоб юз-баши

выпятился несуразно, брови нависли горными утесами, ероша поросль можжевельника и аргавана: а под утесами зияли два небесных колодца.
Глаза Дэва, лучившиеся искренней заботой.
— Мой шах, позволь рабу задать вопрос! — веселый Утба крутанул секиру, брызнув зайчиками с полулунного лезвия. — Это твой шут? И дозволена ли для меня его жидкая кровь?
— Да уж не жиже твоей, — проворчал Дэв, вполоборота скосясь на нахала. — Слышь, твое шахское, может, мне в нем дырок понаделать? Или башку отвернуть, как куренку? Ишь, выдумал: шут…
Абу-т-Тайиб повернулся сразу к обоим задирам и посмотрел сперва в одни голубые глаза, а потом в другие, такие же голубые.
Смешливые огоньки боевого безумия мало-помалу зажигались в первых; забота во вторых исподволь сменялась тихой безмятежностью пропасти, где крик — и тот тонет без следа.
— Прекратить свару! И любить друг друга, как меня самого! — строго приказал поэт.
Гоня шальную мысль: если правы Гургин и султан, то окажись на месте этих двоих люди с глазами карими, черными или какими иными, приказа вовсе не потребовалось бы. С полузвука уловили бы, вникли, расстарались… возлюбили бы не за страх, а за совесть!
Нагая девица у обочины шахской дороги.
Плачущий Суришар.
Отрубленная рука Омара Резчика.
Кланяющиеся хурги, чьи становища он жег; и безнаказанность в бою.
Эти двое, «небоглазые» изгои, чья жизнь была безрассудно выкуплена у пекла им, Абу-т-Тайибом аль-Мутанабби — их сопротивление его приказу было стократ дороже любого послушания.
И свершилось: страшное веселье стало покидать голубизну взгляда Утбы Абу-Язана, а затем сомкнулась пропасть взора Худайбега аль-Ширвани по кличке Дэв.
Неохотно, не до конца — и все же, все же, все же…
Где ты, дерзкая ослушница Нахид-хирбеди?
Почему не рядом?
Почему?!
* * *
Уже готовясь к отъезду — маг Гургин в качестве главы посольства превзойдет самого себя, а султан Баркук отпустит пленного с почестями и без выкупа — Абу-т-Тайиб вспомнит россказни слепца о «пятнадцатилетнем курбаши».
И напрямик спросит у Дэва:
— Сколько тебе лет?
Могучий юз-баши задумается, неуверенно трижды покажет шаху растопыренную пятерню, а потом еще один согнутый палец.
— Кажись, столько, твое шахское… А что?
Рядом рассмеется Утба Абу-Язан.

КАСЫДА О ПОСЛЕДНЕМ ПОРОГЕ

Купец, я прахом торговал; скупец, я нищим подавал, глупец, я истиной блевал, валяясь под забором.
Я плохо понимал слова, но слышал, как растет трава, и знал: толпа всегда права, себя считая Богом!
Боец, я смехом убивал; певец, я ухал, как сова, я безъязыким подпевал, мыча стоустым хором,
Когда вставал девятый вал, вина я в чашку доливал и родиною звал подвал, и каторгою — город.

Болит с похмелья голова, озноб забрался в рукава,
Всклокочена моя кровать безумной шевелюрой;
Мне дышится едва-едва, мне ангелы поют: «Вставай!»,
Но душу раю предавать боится бедный юрод.

Я пью — в раю, пою — в раю, стою у жизни на краю,
Отдав рассудок забытью, отдав сомненья вере;
О ангелы! — я вас убью, но душу грешную мою
Оставьте!.. Тишина. Уют. И день стучится в двери.

Глава тринадцатая,

в которой повествуется о жабах и богомолах, о странных взглядах и худых делах — но об условиях молитвы, как то: чистота членов, прикрытие срамоты, наступление должного времени, обращение в сторону кыблы и стояние на чистом месте — обо всем этом не упоминается даже словечком!

1

…Человек сидел на берегу пруда и смотрел, как охотится большая бурая жаба, сплошь покрытая склизкими бородавками.

Жаба терпеливо ждала. Только тяжело вздымающиеся бока выдавали ее, не давая спутать с одним из таких же бурых, поросших плесенью камней, разбросанных вокруг.

Жаба ждала. И человек ждал.

Они дождались: неосторожный кузнечик с треском упал на берег пруда, на свою беду решив покинуть спасительные заросли травы.

Дальше все произошло быстрей гнева Аллаха — кощунственное сравнение, но много ли знают земноводные твари о кощунствах?! Жаба выплеснулась колодезной водой, когда сверху малыш-шалун сбросит увесистый булыжник; она мигом оказалась на пол-локтя левее — и коротко плюнула языком. Кузнечик исчез, как не бывало, а человек счастливо рассмеялся.

— Я — это ты! — булькнул он, клокоча горлом. — Я — тоже жаба! Большая-большая жаба…

В этот момент они были действительно похожи.

Человек резво подпрыгнул, плюхнулся задом на берег, явно намереваясь раздавить бородавчатую охотницу — но не тут-то было! Жаба оказалась все же проворней; теперь она шумно шлепала прочь по мелководью, грузно поводя боками и костеря на своем жабьем наречии человека со всей его родней до четырнадцатого колена!

Человек хитро улыбнулся и погрозил жабе пальцем.

2

Дождь. Сыплет и сыплет, и нет чтоб ливень — прошел и схлынул; плетется бездомным бродягой, никуда не торопясь, а когда весь выйдет — никому неведомо. Мокро отблескивают серые спины каменных плит, мелочь капели собирается вместе и стекает по остроконечным шлемам выстроившихся во дворе стражников. «Ночные псы» мокнут, сырость заставляет набухать трещотки за кушаками, шлемы и прочее железо потихоньку ржавеет от скуки этого однообразия: грязного, пустого, зябкого — а перед строем мечется человек-жаба. Ему-то, жабе, хорошо: дождь — самое что ни на есть жабье время; зато остальным каково?

А никаково! Стоят, смотрят, не кривятся, не радуются. Все идет, как от веку положено — чего кривиться, чему радоваться? Служивое дело малое: скомандовали «Стройся!» — бегом в строй, и стой, пока не услышишь: «Р-р-разойдись!». А дождь себе дождем — небось, не сахарные, не растают!

Перед строем застыл однорукий змеевласец — новый Владыка Ночи, под чьим началом теперь будут служить все эти люди. Предыдущий Владыка Ночи, лишенный звания без объяснения причин, стоит тут же, в позорной позе, и двое рабов охаживают его нагайками.

Значит, так надо.

Так должно быть.

Человек-жаба вприпрыжку движется вдоль замершего строя, заглядывает в лицо очередному стражнику… Что-то он там ищет, в складках и морщинах, в темной глубине глазниц — ищет, не находит, плюет на спину одной из плит, и вот он уже

переместился дальше; миг — и жабий взгляд испытующе щупает лицо другого… но снова не находит искомого.
Жаба скачет дальше.
И дождь — дальше…
Тот же крепостной двор, тот же дождь, те же мокнущие под дождем стражники. Только бывший Владыка Ночи, получив свою долю битья, уже встал в общий строй — а его преемник не стоит столбом, расхаживает взад-вперед, подкручивая единственной рукой тонкие сабельные клинки усов и искоса оглядывая «псов».
— Ну что, дерьмо чаушиное, выкормыши песчаных ведьм, думали век службу катать верблюжьим катышем? — хлещет по лицам плеть-голос змеевласца. — Наели брюхо, срамоты не видать! Когда-то таких, как вы, звали «быстрорукими»… Ха! Нищий быстрее хватает подачку, чем вы — воров да разбойников! Впрочем, подачки вы тоже хватать успеваете… Ничего, за мной не залежится: готовьтесь к правежу! Не будь я Омар Резчик! Сегодняшний дозор — ко мне, остальным разойтись. Свободны.
Человек-жаба припал к высокому парапету. Сквозь желтоватую листву лоз, тесно оплетающих парапет, блестит лишь один выпученный глаз, который вряд ли кто-нибудь сумел бы разглядеть снизу.
Болезненный интерес сквозит во взгляде. Ощупываются лица «псов», чутко ловится каждое произнесенное внизу слово. Позади стоит молодой Волчий Пастырь. Он смотрит мимо, думая о своем, но когда глаза его мимо воли скользят по раскорячившейся, распластавшейся по парапету фигуре — в этих глазах мелькает легкое недоумение.
И еще — преданность.
Наконец человек-жаба ударил парапет кулаком и молча двинулся прочь.
Ожидание не увенчалось результатом.
Кузнечик ушел.
3
Высокие, гулкие своды. Мрак прячется по углам, копится под потолком, в нишах — пролитые чернила, сурьма… тюрьма для света. И редкие пасынки солнца, которым так одиноко и страшно в длинной пустоте коридора, трепещут, мечутся, всплескивают рукавами…
Тишина.
И вдруг: хлопанье дверей, топот ног, невнятная скороговорка приглушенных голосов. Мрак спешит просочиться туда, дальше, за поворот, взглянуть, что там происходит; обрывки света испуганно перемигиваются… ждут. Их время пришло: мрак в испуге отшатывается назад, за угол, потому что там, дальше — свет, там нет места пролитым чернилам! А пасынки солнца оживленно передают друг другу то, что успели увидеть наиболее везучие из них.
Восседающий на подушках человек-жаба — золоченый халат в мельчайшую полоску заляпан пятнами жира, расстегнуты пуговицы из узелков шелка, наружу вывалилось волосатое брюхо, которое человек-жаба время от времени почесывает с видимым удовольствием.
Вокруг — люди. Почтительно застыли у стен, склонились пред жабой, распростерлись ниц…
Квакание.
— Это наш новый мустауфи, то бишь казначей — будь проклят ваш пехлевийский язык вкупе с вами, безмозглыми! Мы повелеваем! Подать нам пояс, кулах и перстень!.. Что? Неграмотный? Кто неграмотный — ты?! Ах, ты и есть новый казначей… Приставим к тебе дабира-помощника. Грамотного. А старого казначея — в зиндан!
Один из людей на полу — грязный худой оборванец с бельмом на левом глазу и редкими седыми прядями, зализанными поперек плеши. Он восторженно принимает из лап человека-жабы перечисленные регалии. Собственная неграмотность его боле не страшит. Тем временем двое телохранителей, по знаку Волчьего Пастыря, подхватывают с пола благообразного старичка в синей кабе-одноцветке; старичка уволакивают прочь. Бедняга висит в мертвой хватке провожатых, и на лице его написано полное смирение.
А еще — понимание.
Человек-жаба обводит присутствующих взглядом, таращит буркала. Он ждет, он пытливо ищет на лицах присутствующих — чего?! Нет, не находит и, икнув, отсылает всех прочь.
Удаляются шаги.
Скрип закрываемых дверей.
Тишина.

И зябко ежатся, оглядываясь по сторонам, комочки живого света. Им страшно. Им жалко благообразного старичка, который безропотно отправился во тьму зиндана, даже не попытавшись сказать хоть слово в свое оправдание.
Но у них, у живых и теплых пасынков солнца, никто не спрашивает их мнения.
А жаль.
4
Жаба на лошади — то еще зрелище, но человеку-жабе на это, по-видимому, наплевать. А все остальные отчего-то не спешат хохотать, хватаясь за животы, хрюкая, сгибаясь пополам и указывая пальцами на сию несуразицу. Жаба на лошади! Ха-ха-ха! Отчего же вы не смеетесь, уважаемый? А вы? И вы? Неужели не смешно? Ну, как хотите.
А жаба тем временем едет дальше.
В сопровождении Волчьего Пастыря, да еще хмурого дылды-старца с бородавкой под носом, похожего на седого богомола; да еще десятка «волчьих детей».
Едет.
Дальше.
Вдруг человек-жаба дергает лапой, и вся кавалькада разом останавливается.
— Погляди-ка, какие у нас здесь красавицы! — расплывается в ухмылке жабий рот. — Нет, это, конечно, богохульство и непотребство, да простит меня Аллах, всемилостивый и всемогущий — но нам нравится, что здесь женщины не закрывают лица! Эй, Волчий Пастырь, вон тех двоих — во дворец. И еще вон ту, толстую. Да-да, именно ее… Е рабб, красавицы, вы нам по душе! Все. Вы замужем? Да? Все трое? Отлично! Эй, кто-нибудь там, найдите их мужей — грех разлучать семью! Мужья тоже поедут с нами!
И снова — короткие, быстрые взгляды, мельканье жабьего языка: туда-сюда, туда-сюда… не уследишь.
Ничего. Ничего не может ухватить взгляд-язык, ничего из той добычи, о которой мечталось; и, разочарованный, взгляд втягивается обратно.
Едут.
Дальше…
* * *
— Ты, ты и ты. Шаг вперед! Молодцы! Хорошо несете службу! Вот вам поощрение — по красавице каждому. Приступайте. Прямо здесь и сейчас. Эй, мужья! Встать у стены и следить: чтоб ваши жены остались довольны! Если что не так, подскажете нужную ухватку…
Скрип двери.
Удаляющиеся шаги.
Но вот человек-жаба останавливается — и, крадучись, бесшумно возвращается обратно. Припадает глазом к тайной прорези в двери.
Смотрит.
Он все еще надеется увидеть.
Что?
Ну уж во всяком случае совсем не то, что творится в оставленных им покоях. В тронной зале, где обычно происходят собрания представителей четырех сословий. Теперь же здесь троица молодых гургасаров рьяно удовлетворяет томно стонущих красавиц. Ту, вон ту, и еще ту, толстую. Да-да, именно ее… Рвение «волчьих детей» вполне объяснимо; стоны красавиц тоже удивления не вызывают — небось, мужья-тюфяки их не часто балуют! Но вот эти самые мужья-тюфяки, которые стоят у стены и время от времени подсказывают гургасарам нужную ухватку…
Вот это уже ни в какие ворота не лезет! Даже в дворцовые. Ни гнева, ни слез обиды, ни мятежа — ничего!
Вежливая заинтересованность.
Человек-жаба отворачивается и медленно, нога за ногу, плетется прочь по коридору.
— Ква… — бормочет он себе под нос. — Ква…
5
— Вставай, старая развалина. Поговорим.
Они вдвоем: старец-богомол и человек-жаба. Богомол почтительно ждет, и наконец жаба соизволяет булькнуть:
— У нас долго не доходили руки до вашей богопротивной веры — но пора искупать грехи. Готов ли ты встать на путь истинный!
— Владыка осведомлен о Предвечной Истине? Он желает зажечь в сердцах неразумных детей своих ее огнь?
— Ишь, загнул… Да, желает!

— Слово владыки, отмеченного благодатью Огня Небесного — закон. Я внимаю с благоговением. Чего ждет от меня и рабов своих владыка?
Человек-жаба на мгновение теряется. Похоже, он ожидал совсем другого: споров, пререканий, теософского диспута, в конце концов; злобы ожидал — пусть даже тайной, скрытой от глаз, но вполне ощутимой.
Что же ты, седой богомол?!
Квакание:
— Во-первых, необходимо возгласить: «Нет бога, кроме Аллаха, единого, не имеющего товарищей; Мухаммад — раб и посланник Его, и пророк мой; правоверные — мои братья, и добро — мой путь.»
— Это мудрые слова, — серьезно кивает богомол. — Возглашаю: «Нет бога, кроме Аллаха, единого, не имеющего товарищей; Мухаммад — раб и посланник Его, и пророк мой; правоверные — мои братья, и добро — мой путь.» Хоть я и не знаю, кто такой этот Мухаммад; и что означает Аллах. Может быть, это одно из имен владыки?
— Не богохульствуй, проклятый зиндик! — человек-жаба явно раздражен. Кузнечик попался гнилой. Безвкусный. Жабе не нравится такой кузнечик. Жабе вообще все не нравится…
— Будь проклят мой дерзкий язык! — соглашается покладистый богомол, скребя бородавку. — Но что еще надлежит делать мне, невежественному? Каковы обязательные правила новой веры?
— Обязательные правила таковы, — нехотя квакает человек-жаба. — Провозглашение от чистого сердца того, что ты уже произнес; вознесение молитв; раздача милостыни; пост в Рамадан; и паломничество к священному храму Аллаха для тех, кто в состоянии его совершить. Для начала достаточно. Позже я дам дополнительные указания. А пока доведи все это до сведения жрецов.
— Радость и повиновение, мой повелитель!
Жаба угрюмо смотрит вслед богомолу.
Караван верблюдов-дней неторопливо брел через пустыню Вечности с востока на запад. Огнь Небесный, сотворенный Аллахом, припекал все жарче, на деревьях начали распускаться листья, свежие весенние ветры выдували из улиц и переулков человеческих душ хлам, скопившийся там за долгую зиму — и как-то раз человек-жаба, слепой к весне и глухой к переменам, решил взглянуть на плоды своих усилий.
— Когда начинается утренняя молитва? — без всяких предисловий поинтересовался он у богомола, вызванного в его покои ни свет ни заря.
— Через полчаса, владыка, — без запинки ответил с пола старец.
— Отлично. Мы желаем посмотреть.
— Владыке угодно посетить главный храм?
— Нет, не главный! Меня не проведешь… — бормочет узкогубый рот, плюясь пеной. — Какой-нибудь захудалый храмишко, на окраине города, до которого можно добраться за эти полчаса.
— Радость и…
— Знаю, знаю! — обрывает богомола человек-жаба. — Собирайся, поехали!
Жарко горит огонь на старом алтаре, освещая ряды коленопреклоненных горожан, и гулко разносится под сводами голос хирбеда:
— Нет бога, кроме Творца, единого и не имеющего товарищей!
«Хитрые гяуры… — ворочаются жабьи мысли. — Или уже не гяуры?»
— Нет бога, кроме Творца… — нестройно вторит толпа.
— И возжег Творец в небе Огнь Небесный, дабы осветить души детей своих…
Человек-жаба молча скачет к выходу, где в ожидании милостыни толпятся нищие.
— Паломники отправились в путь еще десять дней назад, мой повелитель, — деловито сообщает в спину богомол.
— Какие еще паломники?!
— Те, которые двинулись к священному храму Творца, именуемого Аллахом! — поясняет старец. — Как и было предписано: те, кто в состоянии совершить паломничество…
«А ведь дойдут же! Дойдут, найдут, поклонятся — и обратно вернутся! Интересно, а если приказать добыть луну с неба?..»
В голове возникает ночной небосвод: сиротливый, голый… и жабий рот кривится, как от хинной горечи.
Нет, проверять решительно не стоит.
Злость жжет душу. Одним прыжком жаба возносится в седло и хлещет коня камчой.
«Ква!..ква…» — зло отдается в висках конский топот.

…Свадьба была в самом разгаре. Жених, в халате алого шелка, в высокой шапке с меховой опушкой, восседал рядом с пышногрудой невестой; и звенели золотым дождем мониста новобрачной. Молодые не сводили друг с друга глаз, а за огромным свадебным столом тем временем провозглашались здравицы: естественно, за здоровье жениха и невесты, за здоровье родителей жениха и родителей невесты — отдельно, за будущих многочисленных детей жениха и невесты; помянули также всех присутствующих и отсутствующих родственников и друзей жениха с невестой, потом раза три подряд выпили за какую-то никому не ведомую тетушку Шамсу…
— Веселятся, — булькает себе под нос человек-жаба, придержав коня и глядя через низкий дувал на шумное застолье. — Кто смеет веселиться, когда сердце наше в печали?!
Глаза его недобро сощурились.
— Открывай ворота, Волчий Пастырь!
Незапертые ворота с треском распахиваются, и кавалькада въезжает во двор.
— Отрубить ему голову, — звучит кваканье, а палец тычет в жениха, повалившегося ниц одним из первых. — Действуй, Волчий Пастырь.
Тот, кого назвали Волчьим Пастырем, проворно соскакивает с коня, волочит не сопротивляющегося жениха к человеку-жабе, вытаскивает из ножен саблю…
Короткий свист.
Голова жениха летит под копыта жеребца, на котором восседает жаба.
Глазки с желтыми, нездоровыми белками пытливо рыщут по лицам гостей, задерживаются на одном, на другом…
Что-то меняется в жабьей морде, когда взгляд упирается в пару голубых озер на знакомом лице. И — в такую же голубизну глаз другого человека, стоящего рядом.
Это не гости; это — свои.
Оба спешились и стоят плечом к плечу.
— Невесту — на кол. Ты — выполнять! — жабий палец упирается в первого из двух голубоглазых.
Смущенный великан переминается с ноги на ногу.
— Ты уж прости, твое шахское, но это… не стану я!.. вот.
— Что? Не станешь? — противоестественная радость выхлестывается вместе с кваканьем. — Забыл, каково самому на колу сидеть?! Освежить память?!
— Не забыл! — набычась, повторяет великан, крепче сжимая в руках-граблях огромное копье, больше смахивающее на дубину. — Да только… За что ее? Ну, меня ладно, я плохой…
— Утба! — выплевывает чье-то имя жабий рот.
— Здесь я, — звучит ответ второго обладателя голубых глаз.
— Обоих на кол! Выполнять!
Утба не двигается с места. И вдруг начинает хохотать. Безумно и искренне — так, что стоящие рядом потихоньку отодвигаются в стороны, а морда человека-жабы меняет брезгливое выражение.
Она совсем меняется, эта морда.
От жабьей — к человеческому лицу.
* * *
— Что со мной? Где я? — спрашивает Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби, прежде чем потерять сознание.

Глава четырнадцатая,

где маг и правитель ведут мудрые беседы, в ходе которых поднимается часть завес над: шахами, фаррами, вседозволенностью и ее ограничениями, а также обсуждаются внезапные смерти — но ни словом не упоминается о том, в чем состоит загадка «небоглазых», будь они хоть жрецами, хоть разбойниками!

1

— И что еще успела натворить эта жаба?!
Голос предательски дрожал, и пришлось отогреваться ароматом красного чая — поднеся к губам млечно-бледный фарфор пиалы, изготовленной в далеком Мэйлане. Мэйланьские драконы сладострастно вились вдоль краев, мэйланьские горы смыкались вокруг мэйланьского озера, зеленоватой глади с прожилками из чистого лазурита; и

перевешивался через борт лодки плешивый рыбак, намеченный еле-еле, слабыми мазками; рыбак, естественно, был тоже мэйланьский. Страна на том конце торговой дороги Барра, где по уверениям Баркука-Харзийца, правят некие Сыновья Неба, которые вообще долгожители, даже по сравнению с местными носителями фарра!.. фарр… фарфор… камфара…фар-р-рсанг…
Горло поэта заржавело, и сейчас ржавчина осыпалась со стенок гортани, делая голос хриплым, а слова — шершавыми, как обломки ракушечника.
Тем временем Гургин продолжил неторопливый рассказ: о перестановках во дворце и среди городских властей, о смещениях и назначениях судей, Владык Ночи и прочих чиновников, о фаворитках и фаворитах, что вынырнули невесть откуда или, наоборот, без причины подверглись опале; о реформе культа Огня Небесного и паломниках, сгинувших на просторах новой веры… Лишь о последней казни во время свадьбы дряхлый маг умолчал. Абу-т-Тайиб был благодарен ему за это — во-первых, ни к чему ворошить грязь до самого донышка, а во-вторых… Увы! — он и сам помнил все: катится под конские копыта голова жениха, вокруг стенами вечной тюрьмы смыкаются внимательные, сочувственные (но не осуждающие!!!) лица родственников, лица гостей, лица, лица… — и, наконец, двойное голубоглазое «Нет»! Комар, кузнечик, добыча, которую страстно алкал все эти месяцы человек-жаба, попалась наконец на язык; но сколь мерзок был вкус ее, нежданной добычи, совсем не той, о какой мечталось!

Обижали в детстве жабу:
мама-жаба обижала,
бабка-жаба обижала,
папа-жаба обижал,
и родня над жабой ржала,
жабью мерзость обнажала,
словно в грудь ее вонзала сотню ядовитых жал…
Жаба, что ж ты не сбежала? Никому тебя не жаль…

Абу-т-Тайиб так и не смог до конца осознать, что человеком с жабьей ухмылкой и буркалами навыкате был он сам! То есть, умом, конечно, понимал — но сердцем принимать отказывался. Наотрез. Да, истинный правоверный на вопрос: «Где находится разум?» должен благочестиво ответить: «Аллах бросает его в сердце, и лучи разума поднимаются в мозг, утверждаясь там!» Но вместо лучей из сердца поднималась смрадная гниль. Пепел сожженных хургских становищ, вонь потрохов казненных, липкая сладость улыбок тех, кого довелось осчастливить внезапной милостью; зловонная клоака вместо души, обиталище скорпионов и мокриц — а над всем этим сияние фарра, святой нимб, видный издалека!..
Не лучше ли было спать высушенной мумией под песчаным мавзолеем? — или это все-таки сон, страшный сон, где низкие становятся высокими, и нет кары безумней!
— …вот, собственно, мой шах, и все ваши основные деяния за последние три месяца!
Судя по выражению лица мага, деяния были явлением вполне обыденным и закономерным. Или хитрец с бородавкой кое о чем умолчал? Ну и ладно! Если он умолчал, а я не помню — так тому и быть.
— Деяния! — усмешка наполнила рот горечью; захотелось плюнуть. — Называй вещи своими именами, старец! Не бойся, я не отправлю тебя за это на кол, и не надену силой кулах с поясом. Я уже пришел в себя; хотя минута отрезвления заслуживает тысячи проклятий. Не хочешь? Забыл такие слова, как мерзость, паскудство, бесчинство? Ну, отвечай: забыл?!
— Деяния шаха — это деяния шаха! — упрямо поджал губы Гургин и, похоже, едва удержался, чтобы в очередной раз не почесать свою замечательную бородавку. — Они не бывают достойными или недостойными. Шах вне добра и зла, света и тьмы, справедливости и сумасбродства. Он — шах.
— Еще скажи: бог! — выкрикнул Абу-т-Тайиб, искренне надеясь, что Господь миров все-таки покарает своего раба за кощунство; и покарает немедленно.
В ад, в геенну, куда угодно…
— Сказать? — осведомился маг. — Или мой шах не ждет ответа?

2

Они сидели во дворе Гургинова дома: если от угловой башни Аль-Кутуна свернуть направо, объезжая по широкой дуге ремесленный квартал Джаффар-ло, то вскоре подъедешь к воротам, за которыми и обитает мудрый хирбед, делатель владык.

Обитает в свободное время от разных затей, достойных описания в «Тысяче сказок» — ну зачем, зачем ты заставил меня выйти из проклятой пещеры Испытания?!
Или ты и впрямь не заставлял?
— В чем ты состоишь, моя божественность?! — издевательски рассмеялся поэт, загоняя подлые мысли куда подальше. — В том, что впереди дурака-балагура скачет баран и превращает в баранов всех моих подданных? В тупых, покорных баранов, готовых идти за вожаком на бойню, согласных перерезать глотку себе, своей матери, сестре, жене, ребенку — стоит лишь шаху бровью повести?.. О Аллах, всемилостивый и милосердный, спасибо Тебе, что Ты не дал моим нечестивым мыслям свернуть в этом направлении раньше и проверить то, что сейчас произнес мой поганый рот! Ведь я мог… Еще день назад — мог! Спасибо Тебе за Твою милость, Всемогущий!
Маг терпеливо ждал, пока шах закончит общаться с Господом, медленно прихлебывая чай из своей пиалы.
Ма-аленькими глоточками.
— Дело не только в этом, мой шах, — заговорил он, когда поэт умолк. — Это лишь следствие, но не причина. Следствие того, что ты — обладатель священного фарра, частицы Огня Небесного; или снизошедшей на тебя благодати Творца, если тебе так больше нравится!
Гургин явно увлекся, и теперь говорил почтительно, но без подобострастия; таким он нравился Абу-т-Тайибу гораздо больше.
— Это его сияние согревает твоих подданных, побуждая их с радостью выполнять шахскую волю. Заметь, владыка: с радостью, с радостью и пониманием. Они ведь не глиняные идолы, оживленные мерзкой волшбой; они — живые люди, со всеми добродетелями и пороками, присущими живым! Хочешь, я пролью бальзам на твою больную совесть? В последние месяцы ты, о мой шах, был не вполне собой. Ты был больше, чем ты есть, и меньше, чем ты есть… Ты был священный фарр-ла-Кабир во плоти.
— Этот ореол… эта светящаяся гнилушка заставляла меня творить мерзости?!
— Я этого не сказал, мой шах. Конечно, ты не был слепой марионеткой в невидимых руках фарр-ла-Кабир — но… Такое происходит с каждым шахом. Сначала фарр перестраивает тело владыки, делая его более прочным, сильным и долговечным, нежели обычная плоть человеков. Ты мог заметить это на себе: молодость вернулась к моему шаху, у тебя прорезались новые зубы взамен сгнивших старых, в руках добавилось силы, тебя вновь стали интересовать женщины — и даже когда-то отрубленные пальцы начали отрастать, подобно хвосту ящерицы. Я прав, владыка?
— Да, все верно, — Абу-т-Тайиб только что пролил себе на колени свой чай; к счастью, напиток уже успел остыть.
Горбун-слуга — кажется, единственный слуга в доме Гургина — решился приблизиться. На подносе он тащил две пиалы побольше, до краев наполненные «белым супом»: кислое молоко, пряный творог, райхан, кинза, иная зелень, перец, соль…
Обычная закуска перед началом трапезы.
На блюдце в углу подноса лежали фисташки и ломтики сушеных дынь: для аппетита.
— Не забудь о спутниках владыки, — бросил слуге Гургин. — Они, небось, проголодались больше нашего, и вряд ли захотят начинать с супа!
С собой Абу-т-Тайиб взял всего двоих: Утбу и Дэва. Он больше никого не хотел видеть. И в первую очередь — преданного Суришара. Все время мерещилось: человек-жаба приказывает… Нет. Думать об этом не хотелось.
— …А потом фарр-ла-Кабир принялся испытывать рассудок шаха, — как ни в чем не бывало продолжил маг, кидая в рот сладкий ломтик. — Его сердце, его душу: на что способен новый владыка? Сумеет ли быть жестоким и безжалостным, если придется? Хитрым? Изворотливым? Ведь государство не может колебаться и мучиться сомнениями, стоя на краю пропасти — да не случится такого никогда!
— Душу? — с ужасом выдавил поэт. — Испытывать?!
— Не беспокойся, мой повелитель, душа твоя с тобой, и ничего ей не сделалось, — Гургин едва заметно улыбнулся. — Вы испытывали друг друга: ты, государство и фарр-ла-Кабир… и в то же время вы испытывали сами себя, будучи единым целым. Жестоко? — не спорю. Но рождаться можно только так: в крови и нечистотах. Последнее Испытание завершилось — ты его выдержал. Вновь став самим собой: шахом белостенного Кабира.
— Утешил! — прохрипел поэт, закашлялся и принялся молча хлебать «белый суп».
Маг последовал его примеру.

— Ну, допустим, — буркнул через некоторое время Абу-т-Тайиб, успев покончить с супом и отчасти уняв разброд в мыслях (насколько это вообще представлялось возможным). — Допустим, мой собственный нимб, шайтан его забери, испытывал меня. Испытал. Выяснил, что я гожусь для управления страной. Или для олицетворения этой страны. Как там говорил Баркук-Харзиец? «Твое государство — это ты! Ты сам, собственной персоной…» Он прав, старец?
— Воистину прав, мой шах! Мудры были слова султана…
— И вот теперь Кабирское шахство сидит у тебя в гостях, пачкая бороду простоквашей и обрезками кинзы?!
— И снова правота твоя неоспорима, о мой шах!
— Я прав, Баркук прав… — а кто лев?! Ладно, шучу… Тронусь я скоро с вами, маг ты мой замечательный, и вы все тронетесь со мной — если, конечно, правота наша и впрямь неоспорима! Ладно, это потом, — шах разговаривал сам собой, и старый хирбед не осмеливался прерывать владыку. — Но ответь: почему же тогда фарр-ла-Кабир, баран златой, терпел мои выходки?! Ведь это же во вред государству — наказать невиновного, унизить знатного и возвысить безродного, назначить казначеем проходимца, а Владыкой Ночи — бывшего душегуба?! Куда ж баран смотрел, а, старец?! Я своими руками укладывал державу в гроб-табут, а значит — и себя самого, носителя фарра! Что-то тут у тебя не сходится, маг!
И Абу-т-Тайиб победно усмехнулся, глядя на Гургина в упор: мол, подловил я таки тебя, старый брехун!
— Здесь нет никакого противоречия, мой шах, — серьезно ответил маг, отставив пиалу. — С того момента, как назначенный тобой избранник принимает из твоих рук кулах и пояс, он становится верным слугой шаха и фарр-ла-Кабир. Верным не за страх, а за совесть. Отблеск благодати фарра ложится на него, подобно отсвету Огня Небесного, сияющего над нами, и человек этот начинает исполнять возложенные на него обязанности с должным тщанием. Это может получаться у него лучше или хуже, в зависимости от умений, навыков, опыта и природных склонностей — но он будет честно стараться выполнить свою работу! Даже если глупый судья неверно рассудит какую-либо тяжбу, или нечистый на руку казначей украдет кисет динаров — от этого ведь государство не рассыплется? Дикхане не перестанут сеять рис или просо, а затем снимать с полей урожаи; стражники будут по-прежнему нести свою службу, купцы — торговать, налоги — так или иначе поступать в казну… Там, откуда ты пришел, иначе? Там нет воров-казначеев, а если есть, то державное здание мигом рушится? Там владыки не украшают колья невиновными; а когда украшают, то шатается их трон?! Горы ведь стоят, несмотря на то, что часть их плоти выветривается! И даже не качнутся…
— Значит, я могу творить все, что мне заблагорассудится — и на государство это никак не повлияет?!
— Воистину так, мой шах! Ты можешь казнить и миловать, смещать и назначать, требовать для себя любых мыслимых и немыслимых удовольствий или ходить в рубище, питаясь хлебом и водой — это твое личное дело. Пока тело шаха здорово, а разум ясен, с государством ничего не произойдет. Ведь государство — это ты! — как исключительно верно заметил владыка Харзы!
Владыка Харзы… что-то такое он говорил, этот скучающий восьмидесятичетырехлетний султан, выглядевший моложе пятидесятилетнего шаха Кабира… что-то…
— Что угодно? А если я, к примеру, из шаха захочу сделаться шахин-шахом?
Гургин поперхнулся супом.
А сердце поэта гулко ударило в груди.

3

— Прошу тебя, владыка, оставь такие шутки, — заискивающе попросил маг. — Хорошо?
— А почему бы владыке и не пошутить? — в притворном удивлении Абу-т-Тайиб изогнул левую бровь луком. — Или скажем иначе: а вдруг владыка и не думал шутить? Может, ему снится по ночам венец царя царей? А? Ты побледнел, Гургин? Тебе плохо? Я говорю запретное, да? Значит, все-таки не все дозволено шаху? Чего-то и ему нельзя? Фарр-ла-Кабир не позволит — или есть причина попроще? Ну, говори! Язык проглотил?
— Фарр-ла-Кабир, — чуть слышно прошептал Гургин.
— Хорошо. Я тебе верю, старик. А теперь — рассказывай, каким образом вознамерился стать шахин-шахом мой предшественник, Кей-Кобад, и отчего он в итоге умер?
Гургин с трудом перевел дух, прокашлялся и заговорил.

— Кей-Кобад действительно вознамерился стать шахин-шахом, владыка. Для этого он задумал… вернее, ему подсказали следующее: разбить кабирское шахство на четыре больших удела, каждый из которых будет пограничным. Затем наместников-марзбанов этих уделов должны были провозгласить шахами, а их повелителя Кей-Кобада — соответственно шахин-шахом, царем царей, как верно заметил мой повелитель.
— Ловко. Но глупо, — усмехнулся Абу-т-Тайиб, впервые в жизни сталкиваясь со столь странным способом расширения власти. — Какой же это умник ему сию чушь присоветовал? Уж наверняка не ты, мой благоразумный Гургин! Ладно… Значит, мой предшественник решил уподобиться он-баши, которого производят в юз-баши — но командовать он продолжает все тем же десятком. Зато звучит куда величественнее: сотник! Или шахин-шах. И какую цель он преследовал, мой предшественник? Просто гордыню потешить хотел? Вряд ли…
— Воистину, прозорливость владыки не имеет границ, — пробулькал маг, неприятно напомнив былую жабу. — Разумеется, доподлинно теперь никто не знает, что именно собирался предпринять Кей-Кобад. Однако же, с определенной достоверностью можно предположить, что предшественник теперешнего владыки готовился расширить пределы Кабирского шахства!
— Ну да! — чуть не подпрыгнул Абу-т-Тайиб. — Султан Баркук убеждал меня, что у вас это дело невозможно; и даже любезно объяснил, почему! А теперь ты утверждаешь…
Шах умолк, выжидательно глядя на своего советника.
— Султан Баркук не лгал тебе, мой шах! Он просто опустил единственный случай, когда завоевания все же возможны. Если фарр правителя, захватывающего земли соседа… как бы это поточнее сказать?.. ярче и горячей, нежели фарр соседа. Да будет мне позволено взять пример, приведенный моим шахом: как сотник выше десятника!
— Как шахин-шах выше шаха, — задумчиво пробормотал поэт. — Что ж, не так уж глупо, как может показаться на первый взгляд. Сшить халат с запасом, затем начать толстеть… И что помешало Кей-Кобаду осуществить замысел?
— Смерть, — коротко ответил Гургин. И, взглянув на поэта, явно ждущего продолжения, пояснил:
— Видимо, фарр Кей-Кобада оказался под угрозой из-за шахского замысла. Все живое хочет жить: во имя сохранности державы фарр убил своего носителя.
И Кей-Бахраму, наследнику хитроумного Кей-Кобада, достался многозначительный взгляд.
Поэт долго сидел, задумавшись.
— Ладно, пошли спать, — пришел он наконец к вполне логичному выводу.

Глава пятнадцатая,

обильная плодами поэтического воображения, явлениями призраков и битвами героев, но втайне мечтающая о совсем ином: где вы, описания превосходных ковров, ласковых, пышных, нарядных, с затейливым рисунком, с яркими красками — где же вы, сии перлы?!

1

…Ночи плащ, луной заплатан, вскользь струится по халату, с сада мрак взимает плату скорбной тишиной — в нетерпении, в смятеньи меж деревьев бродят тени, и увенчано растенье бабочкой ночной… Что нам снится? Что нам мнится? Грезы смутной вереницей проплывают по страницам книги бытия, чтобы в будущем продлиться, запрокидывая лица к ослепительным жар-птицам… До чего смешно! — сны считая просто снами, в мире, созданном не нами, гордо называть лгунами тех, кто не ослеп, кто впивает чуждый опыт, ловит отдаленный топот, кто с очей смывает копоть, видя свет иной!..
Ива, наемная плакальщица, скорбно встряхивала ветвями; и кутался в темный плащ сафеддор, белый тополь, боясь поддаться на уговоры ветра, бесстыже плеснуть траурной мантией, обнажив серебристую подкладку.
Дувал обступал двор со всех сторон, верблюжьими горбами выпятившись к драгоценной канители небес, осыпая с гребня своего репейник и колючую траву, придавленные плоскими камнями — зимние дожди спотыкались об этот своеобразный заслон, не рискуя размывать глину. Все-таки правильно было заночевать у Гургина,

вместо того, чтобы возвращаться во дворец, где каждая стена напоминает тебе о проклятии шахского венца!.. правильно. Правильно было выйти во двор, покинув духоту спящего дома, выйти одному, без свидетелей, спутников, без телохранителей, без ничего, с нагой душой, открытой всем ветрам! Сесть в зыбкой тени аргавана, который люди Евангелия называют иудиным деревом, сесть на сколоченной из досок софе, опуститься на грубый палас поверх циновок из резаного камыша… забыться в тишине.

Глупо надеяться, что вывезет кривая, что выжмешь звук из треснувшего дутара! Тени оживают и, оживая, начинают делиться на молодых и старых… вон еще одна скользит во тьме. Женщина. Кажется, женщина. Течет, струится, вот она у двери из грушевого дерева, вот, не брякнув кольцом, внутри… Госпожа Вторник, покровительница прях. Кому еще марой бродить по дворам, заглядывать в дома, в лица сонных обитателей? — не блудница же явилась к хирбеду по тайному зову! Прости, добрая госпожа Вторник, здесь тебе не сыскать достойных награды, здесь лишь спит дряхлый маг, прикорнул у порога его слуга-лентяй, да еще храпят вовсю в «верхней комнате» лихой Утба с могучим Дэвом; и еще здесь, во дворе, не спит шах Кей-Бахрам… Эй, Бахрам небесный, Пламень-в-Красном-Шлеме, чего уставился на меня, будто не я, а ты трижды проклят Аллахом?!

Ну ладно, смотри, пока со стыда не сгоришь.

…Пес под тополем зевает, крыса шастает в подвале, старый голубь на дувале бредит вышиной — крыса, тополь, пес и птица, вы хотите прекратиться? Вы хотите превратиться, стать на время мной?! Поступиться вольным духом, чутким ухом, тощим брюхом? На софе тепло и сухо, скучно на софе, в кисее из лунной пыли… Нас убили и забыли, мы когда-то уже были целою страной, голубями, тополями, водоемами, полями, в синем небе журавлями, иволгой в руке, неподкованным копытом… Отгорожено, забыто, накрест досками забито, скрыто за стеной.

Тень госпожи Вторник легко движется по айвану — открытая веранда сама ложится под ноги призрака, огибает гостью резными колоннами, осторожно нависает ошкуренным тополем стропил… Эй, покровительница прях, ты еще надеешься обнаружить здесь умелую мастерицу? А бывший поэт тебя не устроит? — я тоже когда-то умел играть с куделью слов, когда меня не обступали стены, через плечо заглядывая по-соседски… Эй, тени, сюда! Не стесняйтесь, тени! Я так давно с вами не беседовал…

Госпожа Вторник беззвучно взлетает по шаткой лестнице на крышу — туда, где окнами на улицу размещена бала-хана, «верхняя комната», подпертая с наружной стороны косыми сваями. Улыбка течет по губам медовой патокой — до чего ж упрямы эти призраки-покровители, все ищут, рыщут… Небось, жила тыщу лет назад такая пряха, что и после смерти угомониться не может: сестер-рукодельниц выискивает, целует стертые пальцы, кладет на веки по пушинке — от слепоты, а то ведь бывало: после иной работы свету в глазах изрядно убавлялось! Аргаван осыпает стручки — на голову, на грубый палас, на землю, и кажется, что в мире не осталось больше ничего, совсем ничего, и с утра мало что изменится…

…Жизнь в ночи проходит мимо, вьется сизой струйкой дыма, горизонт неутомимо красит рыжей хной… Мимо, путником незрячим сквозь пустыни снег горячий, и вдали мираж маячит дивной пеленой: золотой венец удачи — титул шаха, не иначе! Призрак зазывалой скачет: эй, слепец, сюда! Получи с медяшки сдачу, получи динар впридачу, получи… и тихо плачет кто-то за спиной. Ночь смеется за порогом: будь ты шахом, будь ты Богом — неудачнику итогом будет хвост свиной, завитушка мерзкой плоти! Вы сгниете, все сгниете, вы блудите, лжете, пьете… Жизнь. Насмешка. Ночь.

— Эй, красавица, ты случаем не меня ищешь?!

И смех.

Это Утба. Проснулся. К маре цепляется. Такому что госпожа Вторник, что святая пятница, что песчаная алмасты — была бы мякоть, чтоб ухватиться, да раковина для тайной жемчужины. Дикий осел весной, и тот Утбе позавидует… Вот сейчас разбудит Дэва, тот ему по шее накостыляет, чтоб не орал!.. Дэв у нас молоденький, ему здоровый сон важней любой бабы на свете, а о лепешке с мясным фаршем и говорить нечего — за кусок удавит. Дэв молодчина, странно, что не просыпается… Кусты громоздятся размытыми валунами, ветки сафеддора на ветер ропщут — когда привыкаешь общаться с тенями, с людьми становится значительно проще… Сидишь на софе, наблюдаешь: никому до тебя дела нет, и тебе ни до кого нет!

— Эй, кра…

Смех усиливается, звенит бубном-дойрой, в нем проскальзывают странные нотки — не на ложе смеяться таким смехом, а в бою, в самом пекле, но велик ли спрос с Утбы Абу-Язана, особенно в отношении его удивительной веселой души?!
Что-то лязгает в бала-хане, лязгает глухо, на грани слышимости, и почти сразу ночь рвется пополам коротким треском — будто мертвая ветка акации наконец решила свести счеты с этим миром. Трещит, падает, ударяется об пол цельным стволом, и эхо испуганным вором мечется по всему дому, заставляя в ответ дребезжать утварь, а кольцо в двери — колотиться о доски, возвещая о прибытии незваного гостя.
Рев оглушает на миг, забивая уши тополиным пухом. Он рушится сверху, с небес, рев хмурого горного великана, в пещеру которого забрались мелкорослые воры, да вдобавок еще и нагло сожрали все запасы сыра! — а теперь он раздваивается, этот утробный рык, как раздваиваются голоса опытных певцов, чтобы слиться воедино разным напевом… Дверца «верхней комнаты» слетает с петель и, заячьей скидкой проскакав по крыше, рушится во двор; щепки сыпятся градом, одна из них больно впивается в бедро, и боль отрезвляет.
Что происходит?!
Два тела выкатываются из бала-ханы, двое страшных любовников, стремящихся к последнему экстазу; на миг зависнув у края, они валятся вниз следом за выбитой дверью, и даже страшный удар о край дворового арыка не заставляет их ослабить хватку. Дно арыка красно от водорослей, и там, в мутной жиже, копошатся два зверя, два охотника, ни один из которых не желает признать себя добычей.
— Твое… твое шахское! Беги! Бе…
Огромная тень госпожи Вторник взмывает вверх, правая рука ее уродливо толстая, словно к предплечью приникла змея с отогнутым в сторону кончиком хвоста; рука падает вниз, и крик обрывается, чтобы миг спустя поползти стоном:
— Беги… твое шах…
Прыжок.
Прямо с паласа, с камышовых циновок, с дощатой софы, из покоя и усталости. Арык принимает шаха в липкие объятия, но и госпожа Вторник не удержалась на ногах: внизу хрипло стонет Дэв, и это хорошо, раз стонет, значит, жив, а пальцы призрака ищут горла, ищут самозабвенно, истово, мокрыми червями роясь в бороде — размахнуться не удается, и приходится бить коротко, всем весом, на слух, локтями, коленями, пока убийца не перестает содрогаться под этими ударами.
Тишина.
— Т-твое… она Утбу… кончила…
Смех.
Страшный смех звучит с крыши, от рваного проема дверей бала-ханы.
Там стоит на коленях Утба Абу-Язан, безуспешно пытаясь встать, отсвечивая фиолетовым пузырем вместо левой половины лица — но «Улыбка Вечности» намертво зажата в его руках.
Полудохлый пес готов грызть.
2
— Да что тут мудрить, твое шахское?! Где мое копьецо? — я ее, тварюку, сам в Восьмой ад Хракуташа отправлю!
Косой взгляд через плечо — даже не взгляд, а так, намек, и Дэв, избитый, изломанный, но непокоренный Дэв замолкает.
На софе Гургин возится с пострадавшим Утбой: хвала Аллаху, лицевые кости целы, и быть вскорости хургу прежним красавцем! А гул в башке — не червь в кишке, погудит и стихнет, чему там трястись-трескаться, когда отродясь никакого добра не водилось… Лекаря престарелый хирбед отказался звать наотрез, и Абу-т-Тайиб до сих пор смаковал это открытое неповиновение «небоглазого».
Да еще вертел в руках странную штуку, оружие госпожи Вторник: кинжал не кинжал, напильник не напильник — прямой граненый брусок вместо клинка, а чудная гарда-лепесток отогнута в сторону и продлена вдоль тупых граней.
Таким убить — это еще очень постараться надо…
Впрочем, на отсутствие старания жаловаться было грешно. Ребра болели до сих пор, дышать приходилось вполгруди, и оставалось лишь удивляться отсутствию серьезных переломов. Славно повозились в арыке, ах, славно! — будто десятка два годков с плеч скинули…
— Эй, твое шахское! Она опять ремни грызет… у-у, стерва!
За спиной, на крыше, Гургинов слуга возился с выбитой дверью бала-ханы. Стучал молотом, звякал клещами — на место ставил. Со стороны улицы доносились вопли добровольных подсказчиков. Ясное дело, всякий знает, как лучше, особенно когда язык

чешется… В ворота подсказчики не ломились; да и городские стражники явиться поостереглись. То ли прыткая весть о шахе-госте успела доскакать до нужных ушей, то ли над фарр-ла-Кабир, как над вестовым костром, с недавнего времени подымался столб дыма до небес: здесь я, люди добрые, кыш подале!
А может, дом Гургина испокон веку пользовался дурной славой, и всем было известно, что сюда ломиться — себе дороже.
Вздохнув, Абу-т-Тайиб повернулся к госпоже Вторник.
И долго смотрел, не отводя взгляда; хотя видит Господь миров, зажмуриться ему сейчас хотелось больше всего.
— Когда настанет Великое Событие, кого-то возвысят, кого-то унизят, — слова Книги Очевидности сами поползли с языка дождевыми червями, и святотатственный образ вдруг показался единственно верным. — Когда земля содрогнется, будет вас три вида…
— Что? — поднял голову Гургин, заканчивая перевязку; и еле слышно засмеялся Утба, усмотрев в вопросе мага нечто свое, достойное веселья. — Ты сказал: три вида, мой шах?!
— Но сколь же тяжко несчастным, которых поразило несчастье! Им место в пламенном огне и кипящей воде, во мгле темной и черном дыме, который ни приятен, ни красив. Будете вкушать вы горькие плоды древа зеккум; будете пить, как жаждущие верблюды. Мы судили, чтобы между вами царила смерть, а мощь наша велика, и да будет так!
«Мы судили…» — шепнули бескровные губы мага.
«…а мощь наша велика», — истово кивнул Дэв.
«Да будет так!» — не произнеся ни слова, подвел итог веселый Утба, на миг став серьезным.
— Скажут несчастные избранным: «Погодите, чтоб мы немного взяли от света вашего!» И ответят им: «Возвратитесь и ищите себе свет.» И тогда воздвигнется между ними стена, внутри будет милость, снаружи ее — страдание. И кричать будут те, что снаружи: «Разве не были мы с вами?!»
Абу-т-Тайиб еще раз повторил:
— Разве не были мы с вами?!
И присел на корточки перед госпожой Вторник.
Вислые плечи бугрятся узлами мышц, и сила эта, чуждая мощь, вынуждает сутулиться, плотнее вжимать костистый затылок, а нежно-розовые бурдюки грудей тяжко болтаются из стороны в сторону. Руки жиловатые, как у незабвенного Омара Резчика, только раза в два толще, с неприятно большими ладонями. Кривые ноги подогнуты под себя — словно обезьяну учили правильно сидеть на кошме, да так и недоучили.
Лохмотья висят, как на огородном чучеле, и видно меж прорехами: тело густо покрыто рыжей шерстью, местами свалявшейся в липкие колтуны. Голени ободраны, и бока ободраны, и еще правая щека; лиловые кровоподтеки украшают те места, куда пришлись локти и колени разъяренного шаха, и дыхание вырывается с болезненным присвистом — нет-нет, да и стон слетит с губ, вывороченных губ дикого зинджа.
Узкий вал лба сильно подался вперед, нависая над переносицей, уже начавшей мало-помалу проваливаться сама в себя, безобразно выпятив снизу кабаньи ноздри.
Височные кости утолщены, торчат странными наростами, будто грозя обратиться в скором времени бараньими рогами; желваки на скулах катаются. И лишь в глубоко запавших глазках, в двух заброшенных колодцах, налитых дурной кровью — лишь там плещет еще знакомая дерзость, неукротимая голубизна былой Нахид-хирбеди.
Больно всматриваться.
Разве не были мы с вами?!
3
— Нахид-хирбеди больше нет, мой шах. Мы отлучили ее от служения еще в тот день, когда Омар Резчик потерял руку от твоего ятагана. Она сошла с ума; она требовала невозможного. Нахид-хирбеди больше нет, мой шах; есть Нахид-дэви, женщина-чудовище. И я взыщу с храмовых стражей строгим взысканием: они не имели права проморгать бегство этого… существа.
— Невозможного? Чего именно требовала она?
— Исправить ошибку; вернее, то, что она полагала ошибкой. Провести тайное Испытание и помазать на престол нового шаха. Не безумие ли: два солнца на одном небе могут привести к концу света, но к благоденствию они вряд ли приведут!
— Два солнца…
— Да, мой шах! Я пытался уговорить ее отказаться от еретических замыслов, но Нахид упорствовала. Жаль: я любил ее больше, чем отец — младшую дочь, дитя его старости.
— И ты обратил ее в дикую тварь?

— Я?! Обратил?! Насильно сделать человека дэвом выше сил смертного, мой шах! Можно лишь самому вступить на порочную стезю… Это был ее выбор, и только ее — поэтому я велел следить за бывшей хирбеди, и едва мне донесли о первых изменениях, приказал взять ее под стражу. Увы, нынешней ночью она бежала…
— Ты врешь, маг! Я чую колдовство!
— Тогда посмотри на спасенного тобой разбойника, мой шах. Не найдешь ли сходства? Один удар Нахид-дэви опрокинул Утбу, бойца из бойцов, в беспамятство; но твой Дэв сражался с ней на равных дольше, чем сумел бы любой человек!
— И опять ты лжешь! Я бился с ней, и победа осталась за мной, за человеком!
— Я не лгу тебе, мой шах. Просто ты тоже не человек… уже не человек. Ты — живое воплощение фарр-ла-Кабир. Ударь кулаком по столу — стол треснет. Возьмись с любым пахлаваном за пояса — долго ли продержится борец против тебя? Я, например, умру от одной твоей оплеухи. Раскрой глаза, мой шах, и ты увидишь…
— Но мой юз-баши не превратился в чудовище! Да, он тугоумен, да, простоват… и похож, похож, ты прав! Но мало ли таких же плосколобых великанов на белом свете?
— Немало, мой шах. В основном, они живут в Мазандеране, Краю Дэвов, куда стекаются отовсюду — если, конечно, не погибнут в пути. А твой юз-баши… Он всегда при тебе, всегда рядом, а близкое присутствие носителя фарра сдерживает окончательное превращение человека в дэва. Не останавливает, но сдерживает. Иначе быть бы уже Дэву… впрочем, нет худа без добра. Думаю, в таком случае он с легкостью разорвал бы бешеную самку в клочья.
— Самку?!
— Я говорю о Нахид-дэви.
— Врешь! Ты должен был сказать не «превращение человека в дэва»! Превращение «небоглазого» в дэва! Я прав?!
— Прости, мой шах, и дозволь затворить уста. Власть шаха безгранична, а я — твой советник… Но еще я — верховный хирбед; я — «небоглазый». И не вправе произносить вслух запретное. Замечу лишь, что Утба Абу-Язан, подаренный тебе султаном Баркуком, тоже «небоглазый»; но он — человек. Хотя и смеется чаще обычного, получив из рук султана знаки служения; хотя и безумен в битве. Видишь, ты был прав, вняв моим уговорам и не надев на глупого Гургина кулах вазирга! Поверь, мой шах, я и так сказал тебе гораздо больше, чем следовало бы…
— Тогда хотя бы ответь мне, что это за странный кинжал приволокла с собой твоя бывшая ученица? Или здесь тоже сокрыта тайна за семью печатями?
— Ничуть, мой шах. Хирбедам запрещено проливать кровь, но защищать свою жизнь в случае необходимости дозволено каждому. В Мэйлане это оружие зовут — дзюттэ. Одно из значений: «Десять Рук». Им можно закрыться от удара чужого клинка, можно… ну, Утба способен лучше меня рассказать, что можно им сделать — ведь это его нож был сломан «Десятью Руками», и его лицо пострадало от столкновения. Думаю, Нахид-дэви отобрала дзюттэ у одного из храмовых стражей; или украла в кладовке. Еще один промах, мой шах, и поверь: виновные понесут строгое наказание! Хвала небу, что в храме не хранилось более опасного оружия…
— Хвалы будешь возносить потом. Слышишь меня?.. ладно, не спеши падать ниц. Гургин, ответь хотя бы: есть ли способ вернуть Нахид прежний облик?!
— Трудно сказать, мой шах. Во всяком случае, я такого способа не знаю. Мазандеран, Край Дэвов, хранит множество тайн — среди них, возможно, нашелся бы если не способ, то хотя бы совет… А я знаю лишь одно: находясь рядом с тобой, Нахид-дэви будет катиться в пропасть медленнее, гораздо медленнее; но находясь рядом с предметом ее ненависти, она будет катиться в пропасть быстрее, гораздо быстрее! Эти два коня разорвут ее вместо того, чтоб вывезти в безопасное место! Это все, что я знаю; и все, что могу сказать тебе. Прости, мой шах.
— Прощаю.

4

…я посмотрел в лицо дряхлого мага и увидел: губы его трясутся, а блеклая голубизна взгляда подтекает летним дождем.
Слепым дождем.
Потом я посмотрел на аргаван. Под иудиным деревом сидел Златой Овен и скалился мне в лицо.
— Вы даете мне то, чего я не хочу, — сказал я им: барану, магу, Нахид-дэви, слуге на крыше, небу над крышей и солнцу в небе. — А в том, чего хочу, отказываете. Спасибо, не стоит трудиться, благодетели…
Я улыбнулся и закончил:
— Я возьму сам.

* * *

Нет мудрости в глупце? И не ищи.
Начала нет в конце? И не ищи.
Те, кто искал, изрядно наследили,
А от тебя следов и не ищи…

КНИГА ВТОРАЯ
ЗОЛОТОЕ РУНО

А еще спустя два года владыку Абу-т-Тайиба хотели провозгласить шахом — но он отказался. Тогда его хотели провозгласить шахин-шахом, но он снова отказался. Ибо царским званием был титул шаха, шахин-шахом же звали царя царей, но эмиром в самом первом значении этого слова на языке племен Белых гор Сафед-Кух — эмиром звали военного вождя, полководца, первого среди воинов.
И воинский титул был дороже для аль-Мутанабби диадемы царя царей.

Он пред врагами честь свою
И шпагу не сложил,
Он жизнь свою прожил в бою,
Он жизнь свою прожил.
Гони коней, гони коней! —
Богатство, смерть и власть,
Но что на свете есть сильней,
Но что сильней, чем страсть?!

И. Бродский. «Баллада Короля».

КАСЫДА ОТЧАЯНЬЯ

(написанная в стиле «Бади»)

От пророков великих идей до пороков безликих людей.
Ни минута, ни день — мишура, дребедень, ныне, присно, всегда и везде.
От огня машрафийских мечей до похлебки из тощих грачей.
Если спросят: «Ты чей?», отвечай: «Я ничей!» и целуй суку-жизнь горячей!

Глас вопиющего в пустыне
Мне вышел боком:
Я стал державой, стал святыней,
Я стану богом,
В смятеньи сердце, разум стынет,
Душа убога…

Прощайте, милые: я — белый воск былых свечей!
От ученых, поэтов, бойцов, до копченых под пиво рыбцов.
От героев-отцов до детей-подлецов — Божий промысел, ты налицо!

Питьевая вода — это да! Труп в колодце нашли? Ерунда!
Если спросят: «Куда?», отвечай: «В никуда!»; это правда, и в этом беда.

Грядет предсказанный День Гнева,
Грядет День Страха:
Я стал землей, горами, небом,
Я стану прахом,
Сапфиром перстня, ломтем хлеба,
Купцом и пряхой…
Прощайте, милые:
И в Судный День мне нет суда!

Пусть мне олово в глотку вольют, пусть глаза отдадут воронью —
Как умею, встаю, как умею, пою; как умею, над вами смеюсь.
От начала прошлись до конца. Что за краем? Спроси мертвеца.
Каторжанин и царь, блеск цепей и венца — все бессмыслица.

Похоть скопца.
Пороги рая, двери ада,
Пути к спасенью —
Ликуй в гробах, немая падаль,
Жди воскресенья!
Я — злая стужа снегопада,
Я — день весенний…
Прощайте, милые:
Иду искать удел певца!

Глава первая,

на пространствах которой едут путники, течет кровь, несутся заревые кобылицы и маячит вдалеке чудной Мазандеран, но напрочь отсутствует подробное описание плова по-самаркандски, с добавлением курятины и черного гороха.

1

Рыжая кобылица зари, плеща гривой, стремительно неслась в небо. Словно хотела навеки вырваться из пределов Восьмого ада Хракуташа, где бродит в стенаниях Ушастый демон У, играя закопченным молотом. Говорят, однажды он не выдержит и грохнет страшным орудием о три опорных кольца мира, заставив землю подпрыгнуть молочной сывороткой в лохани, когда о посудину споткнется нерадивая хозяйка. Закружится Вселенная на ржавом вертлюге, вихревые небеса стаей кречетов рухнут вниз, когтя все сущее — и рассмеется демон У, встряхнет волосатыми ушами, видя страшное дело рук своих и своего молота.

К счастью, это будет не скоро; но и зарю тоже можно понять — кому охота ночи коротать в таком гнусном месте?!

Несись, рыжая, тешь себя несбыточными надеждами, пока есть еще время, пластайся в яростной скачке над башнями Кабира и Хаффы, дворцами Оразма и Фумэна, масличными рощами Кимены и хмурыми замками Лоула, виноградниками Дубанских равнин и озерами Верхнего Вэя — гони!..

…человек у ночного костра невесело ухмыльнулся. Поворошил угли палкой с завитком на конце, похожим на вытянутую букву вав; и в ответ иные буквы зарделись, заплясали в очнувшемся пламени — мим, даль, ха, зод, нун… я стал землей, горами, небом… я стану прахом… Заревая кобылица пока что существовала лишь в воображении человека, до бега ее оставалось не меньше трех часов, а реальность была совсем иной: костер пугливо стреляет языками во все стороны, мрак подкрадывается на бархатных лапах, топчась у кольца света — и заливистый храп спутников вторит хору цикад.

Отчего ж не спать, когда сегодня последняя ночь покоя и безопасности? Последняя ночь в предгорьях Малого Хакаса, где каждое селение так и норовит наизнанку вывернуться, а превратить хлеб-соль в кебаб-вино… Дальше, небось, в безымянных горах-то, встречать будут по одежке, а провожать по загривку. О Совершеннейший Благотворитель, если б хоть одна тварь всерьез поверила, что я жажду покинуть их рай горячей, чем грешник стремится вынырнуть из смолы кипящей и скрежета зубовного! Не верят. Е рабб, улыбаются; морды воротят… пусть их.

Здесь иначе не умеют, прав Гургин.

Человек в забывчивости хлестнул палкой по углям, и сноп искр был ему ответом. На миг почудилось: светляки, огненные брызги складываются в подобие круторогой головы, и хищные клыки скалятся в насмешке из-под вывороченных губ барана. Златой Овен подмигнул правым глазом, налитым кровью, и исчез — как не бывало.

Может, и впрямь — не бывало. Мудры были гяуры Эллады, когда придумывали свои богопротивные истории; и их мраморные идолы до сих пор смотрят на мир бельмами без зрачков. Смотрят, молчат, думая о славных временах джахилийи, Эры Невежества, когда всякий был сам себе божком или героем, а Аллах (слава Ему!) попустительски глядел на земные забавы сквозь пальцы. Человек плотно зажмурился, чтобы не видеть бараньей ухмылки, если та решит явиться снова, и вспомнил слепого невольника-сицилийца из Тира. Гамхар… нет, Гаммар, Гаммар-безглазец, способный часами бубнить бесконечные муаллаки о дальних путешествиях и славных битвах. Еще тогда человек полюбил слушать о невезучем Язане ибн Эсане, возжелавшем сесть на отчий трон — а выкупом за царский кулах назначили Золотое Руно, сокрытое в далекой Стране Огней. Небось, бедолага Язан тоже мечтал о слепоте телесной, когда заплатил за драгоценную шкуру великой платой: гибелью друзей, детей, родичей, уходом жены-колдуньи, одиночеством, и, наконец, подлой смертью под обломками собственной галеры!..

Эй, Язан ибн Эсан, друг мой, брат мой по несчастью, возможный пращур владык Харзы, чад Язана Горделивого — слышишь ли меня в аду, где тебе самое место?! Я тоже иду за Золотым Руном, собрав вокруг себя героев и магов, всех, кого смог собрать; только я сам, собственными руками освежую этого проклятого барана, живьем содрав с гадины его замечательную шкуру! — а после еще и зажарю тушу на вертеле, полью гранатовым соком, дам хорошенько подрумяниться…

Слышишь?!

Я са-а-ам!

Храп на миг прервался, самый большой из спутников человека недовольно заворочался во сне, фыркнул по-конски — и перевернулся на другой бок.

Глядя на него, человек почесывал переносицу, водя пальцами от седловины к крыльям, и думал о потерях.

Подлинных и мнимых.

Этого спутника он мог потерять дважды: в самом начале безумного царствования, реши он проехать во дворец иным путем, возвращаясь с охоты — и в самом начале пути за Золотым Руном.

Реши человек… а, решай, не решай, счет все равно идет на минуты везенья!

Как тогда.

2

…день прошел в бесплодных разговорах. Абу-т-Тайиб старался пореже смотреть на Нахид-дэви, на то чудовище, которым обратилась дерзкая красавица; и вечером опять не поехал во дворец. Здесь же и заночевал, в доме старого хирбеда. Опять. Словно ждал чего-то… продолжения? знамения? подсказки?! В кладовке у Гургина обнаружились цепи, замечательные такие цепи с разомкнутыми обручами на концах, и по краям обручей были пробиты отверстия для дужек замков. Замки, кстати, валялись рядом с цепями, и вызывали доверие одной своей величиной.

Спрашивать, зачем магу понадобилось хранить эти игрушки, Абу-т-Тайиб не стал. Просто следил, как Утба с Дэвом заковывают ночную убийцу поверх ремней, и без того тесно опутавших мощное тело; а потом обождал, пока пленницу не спустят в погреб и не захлопнут крышку.

Сторожить вызвался Дэв, и поэт был рад предложению юз-баши. Кроме того, парень люто казнил себя, что не сумел остановить гостью, что владыке пришлось спасать оплошавшего пса, рискуя собственной жизнью…

Дэв абсолютно не умел скрывать своих чувств.

Абу-т-Тайиб хлопнул парня по плечу, отчего могучий юз-баши изрядно качнулся, велел Утбе сменить караульщика часа через два после полуночи — и вскарабкался по хлипкой лестнице в бала-хану.

Ночевать в саду, на свежем воздухе, расхотелось напрочь.
Ночью ему снились удивительные сны: виноградные лозы прорастали на груди вместо волос, ступни впивались в землю корнями вековых чинар, из глаз струились горные водопады, разбиваясь о скалы колен, и гром в отдалении блеял насмешливо, заставляя пальцы рук сжиматься в кулаки. Поэт пытался крикнуть, и горло, кажется, даже рождало какие-то звуки — шум осыпи, плач младенца, кряканье уток… Вся эта разноголосица ширилась, множилась, дребезжала треснутым кувшином, и в итоге опять превращалась в блеянье.
Он проснулся в холодном поту. И долго глядел во тьму, заставляя себя забыть, забыть, забыть… понимая — не выйдет.
А потом внизу послышался глухой удар и звук падения тяжелого тела.
Дверь бала-ханы никак не желала открываться, слуга-горбун поработал на славу (или попросту запер снаружи, согласно указу мага и во избежание нежелательных визитов). Чертыхаясь, Абу-т-Тайиб ударил плечом — сведя на нет всю работу и заботу горбуна. После чего кубарем скатился по лестнице, босиком угодив прямо в розовый куст; но проклятия замерли на языке.
Над бесчувственным Дэвом склонился Утба и, тихо смеясь, перевязывал обрывками своей рубахи лапы сотника.
Рядом, у бортика дворового хауза-водоема, валялось Дэвово копье.
— Это я его оглушил, — подняв голову, хург увидел шаха в одном полотняном изаре на чреслах; но перевязки не бросил. — Он себе жилы ножом резал, дуралей… Хорошо хоть не глотку! На левой успел, а как за правую взялся, так я и вышел. Кричать побоялся: владыка спит, еще разбужу, напугаю… да и чего зря горло драть? Эту громадину разве криком остановишь? Подхватил его копьецо, махнул сплеча — и оглоблей по затылку! Таких лучше в забытьи перевязывать… безопаснее. Я вот себе чуть плечо не вывернул, копьищем орудуя…
Видимо, сочтя объяснения исчерпанными, Утба хихикнул и снова вернулся к прежнему занятию.
Приблизясь, Абу-т-Тайиб обнаружил, что Дэв стал еще больше. Или чудится?.. да нет, ровно матерый буйвол! И лоб еще дальше выпятился, а виски и вовсе отвердели, круглятся двумя раковинами; так скоро рогов дождемся. Что ж это тебе в голову стукнуло, кроме собственного копья, безмозглый ты мой душегуб, мальчишка сопливый; с каких радостей ты себя жизни лишать вздумал?! Спасибо Утбе, подоспел, выручил…
— Сбежала! Хозяин, она сбежала! Повелитель, скорее!
Вопил горбун.
Подкравшись тише мыши, слуга первым делом спустился в погреб — и теперь голосил оттуда трубой ангела Израфиля, первый звук которой есть предвестник Судного Дня, второй есть знак истребления, а третий — зов на Суд!
— Сбежала! Ай, беда! Ай…
Со стороны флигеля уже спешил Гургин, похожий в своем шафрановом плаще на предвестника зари — правда, очень костлявого предвестника; но поэт успел раньше мага. Он нырнул в погреб, отпихнул горбуна прочь, к штабелю кадок, и долго смотрел на порванные ремни и цепи с разомкнутыми звеньями.
Воображение ясно рисовало бегущую прочь Нахид-дэви, украшенную обрывками сыромяти и браслетами с замками. Даже шутить по этому поводу не хотелось; а другого способа успокоить рассудок Абу-т-Тайиб не знал.
— С тобой все в порядке, мой шах?
— Все, все… — зачем-то прихватив одну цепь, Абу-т-Тайиб выбрался наверх и сунул добычу старцу. Тот повертел цепь в руках, подергал, даже понюхал; затем уныло встопорщил бороду.
— Увы, мой шах, добыча иной раз рвет силки. Это известно всякому охотнику.
— Пусти меня! — дикий рев заглушил слова мага. — Пусти, хург! Дай сдохнуть! Пусти!..
Очнувшийся Дэв, вскочив на ноги, отшвырнул спасителя прочь — и впрямь, буйвол сбрасывает дикую кошку, сдуру вцепившуюся вожаку стад в загривок! Он был воистину страшен сейчас: порождение буйной фантазии сказителя, исчадие ада, охваченный бешенством исполин… несчастный подросток, «пятнадцатилетний курбаши», которого продали и предали все на свете, и в первую очередь — он сам.
— Твое… твое шахское! Убей меня! Убей! Это я… я ее выпустил… Я зверь! Я тварь дикая! Тварь!
— Самка, — тихо бросил Гургин из-за спины, подойдя к поэту вплотную. — Он почуял самку и не сдержался. Казни меня, мой шах — я должен был предвидеть…

Но Абу-т-Тайиб не слышал слов мага. Все будет потом: слова, объяснения, оправдания и заслуженная кара — а ныне оставался лишь Дэв, слезы на волосатых щеках и голубая боль в двух распахнутых колодцах, в двух ямах, пересохших от засухи дикой вины.
— Молчать! — впору было удивиться: свистящий шепот Абу-т-Тайиба разом пресек покаянный вопль самоубийцы, как тонкое лезвие ножа рассекает надвое кожаную полосу. — Тварь? Да, тварь! Потому что руку на себя поднял! Потому что жизнь ни в грош не ценишь — а она не твоя, эта жизнь, она моя, слышишь, моя! Я тебя с кола снял, я и посажу, когда захочу, а до тех пор живи и помалкивай! Е рабб! Бить станут — живи; выть станешь — живи; гнить станешь — живи!!! В нечистотах, в бездне горя, в штормовой пучине моря, с молниями в небе споря, хоть подохни, а живи! Сын мой, брат, мое подобье, моей прихоти отродье — в прошлом, в будущем, сегодня, вой от боли, а живи! Понял! Отвечай, сын шакала: понял?!
— Не-а… — еле слышно рокотнуло в ответ, и Дэв без сил шлепнулся на софу. Запястья его, туго перевязанные Утбой, белели в предрассветной серости двумя голубями, но оперение птиц мало-помалу маралось изнутри бурой грязью. — Прости, твое шах… шахское — ни бельмеса не понял! Окромя что в дерьме, а жить-таки придется… Ладно, буду жить. Да только не больно-то хочется; ты уж не серчай, шахское твое…
Утба подошел к понурившемуся исполину и обеими руками взъерошил его густую шевелюру.
Они славно смотрелись рядом: стройный хург, любимец женщин, и чудовищный юз-баши, отставная гроза больших дорог.
— Я тебя тоже один раз спас, — рассмеялся бешеный подарок харзийского султана. — Только что. И запомни: посмеешь еще раз без разрешения в пекло сбегать — из котла достану и обратно приволоку. За уши. Ты меня знаешь, я слов на ветер не бросаю. Дай-ка правую лапку, дубина, — туже перетянуть надо…
И Дэв повиновался.

3

Человек у костра встал. Подошел к самому большому из своих спутников, долго смотрел на него; потом принес второе верблюжье одеяло и укрыл им великана, заботливо подоткнув края.
Вернулся обратно.
Повертел в руках палку с завитком на конце, похожим на вытянутую букву вав. Вав, мим, алиф… Из ущелья донесся порыв ветра, костер с радостью заплясал навстречу незваному гостю, и динар луны недовольно обратился к земле искусанным краем.
Скоро встанет солнце и пойдет колесить путями светил, от одних пределов к другим.
Скоро кострy превращаться в пепелище. Скоро… Человек улыбнулся. Откуда-то, из черных провалов невозможного, родился бейт:

> — Магриб есть Магриб, и Машрик есть Машрик, и им не сойтись никогда,
> Пока не сойдутся небо с землей в минуту Господня Суда…

Бейт вышел странным. Человек готов был поклясться, что никогда не сочинял его. И никто не сочинял; во всяком случае, из известных человеку поэтов. При чем тут Господень Суд, и уж тем более Магриб и Машрик, то бишь Запад и Восток? На ум приходил лишь вислоусый магрибинец, коварный западянин, явившийся к славному Ала-ад-Дину с целью завладеть волшебной лампой. Больше ничего путного на ум не приходило, кроме воспоминаний о собственном учителе грамматики, уроженце Машрика. Так прямо и встало в памяти: гнусавое бормотанье:
— В языке благородных существует три части речи: имя, глагол и частица, причем категория имени включает все склоняемые части речи… А теперь, дети осла, мы пойдем вкушать полуденный сон! — ибо сказал пророк (да сохранит его Аллах и приветствует!): «Соблюдайте полуденный сон, поскольку лишь шайтан в полдень не спит!» Вам ясно, тупицы? Только шайтан… охо-хо-хо…
Где ты теперь, старенький грамматик, знаток падежа «джерр» с окончанием на краткий гласный «и», а также падежа «насб» с окончанием на краткий гласный «а»? Жив ли? Вкушаешь ли сон полуденный? — или ждешь решения у райских ворот, попивая воду заоблачной реки аль-Каутер, сладкую как мед, холодную как снег и прозрачную как хрусталь?! Утешает ли тебя то, что войдя в пределы рая, ты станешь ростом в тридцать локтей, подобно нашему пращуру Адаму, и вновь войдешь в первую пору мужества?! Или тебе в раю будет недоставать детей осла и категории имени, включающей в себя все склоняемые части речи? О, откликнись — где ты?

И где я, твой непутевый ученик, трепаный жизнью больше, нежели кусок бычьей шкуры — голодной собакой; косноязычный поэт, хромой бродяга, шах Кабира, и после смерти обреченный не знать покоя?!
Где я, ответьте, кто я?!
И из темной дали, из песчаного самума и морока тайной пещеры, из безвозвратно утерянного прошлого донеслось гнусаво:
«Аль-Мутанабби… эй, Абу-т-Тайиб, чтоб тебе пропасть и не найтись! Забыл, где находишься?! А ну-ка живо изложи мне основы метрики Халиля Басрийского! Не знаешь? Не помнишь?! О, я всегда говорил, что ты глупее риджля, того растения, чьи корни вечно подмывает вода рек! Только и годен, что рифмоплетствовать, позор рода…»
Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби еще раз улыбнулся и ткнул в костер палкой с завитком на конце, похожим на вытянутую букву вав.
Уймись, огонь!
Мы могли оказаться в этом месте и пробудить тебя к жизни; мы могли свернуть правее или левее, мы могли вовсе не покидать пределов Кабира…
Нет.
Не могли.
И снова заворочался под двумя одеялами самый большой из спутников поэта.
* * *
…допрос Дэва оказался делом сложным; и даже не потому, что Абу-т-Тайиб, если говорить честно, побаивался вкладывать персты в открытые раны, как поступал у людей Евангелия один из апостолов пророка Исы.
Просто Дэв почти ничего не помнил.
Кроме запаха. Густого, сладкого, мускусного запаха, от которого кружилась голова и сладко ныло в паху. Руки помнил, чужие руки, они шарили тут, и еще вон тут… только перед этим он спускался… или не спускался? Забыл, твое шахское, ты уж не серчай на дурня, зверюка я тупая… а руки — помню. Чужие, а ближе родных. И свои руки помню: рвал я что-то, в клочья рвал, драл со всей мочи, а оно противилось попервах, а там и лопнуло; тут рученьки мои клятые гнуть принялись. Звенья цепей; или не звенья, ты прости, шахское твое, плохо мне, и до того плохо, что удавиться бы — да ты не велишь, и Утба ругается! Слышь, Утба, брось смеяться-то, я ж вижу — тебе невесело, а мне-то как невесело, хоть на луну вой! Хорошо мне было, твое шахское, понимаешь?! — так хорошо, что сейчас едва вспомню, и в пот бросает, только от того еще больнее жить, славное ты мне наказание, шахское твое, выдумал — жить и помнить, помнить и жить…
Вскоре Дэв заснул. Прикорнул у софы обиженным ребенком, сунув кулак под волосатую щеку; засопел утробно, иногда всхлипывая и булькая горлом.
Абу-т-Тайиб стоял над ним и вспоминал, как минутой раньше сказал могучему юз-баши:
— Что ж ты прежде-то помалкивал, сынок? Я б тебе баб этих, гурий райских, дюжину отвалил! Настоящих баб, горячих, гладких — что ж ты молчал, а?!
— Настоящих не хотелось, твое… — уже задремывая, буркнул Дэв. — Гладких… и раньше, в шайке, не… не хр-р-р…
Утба перестал смеяться.
Встал рядом, плечом к плечу, как еще ни разу не становился; и вздохнул.
— Нахид-дэви сбежала в Мазандеран, мой шах, — Гургин сидел на приступочке и вертел в руках цветок гиацинта. Впору было поблагодарить мага за эту вольную позу, ибо раньше он никогда не садился в присутствии шаха, если на то не поступало отдельного разрешения. А сейчас как почувствовал, хитрец с бородавкой: нет лучшего лекарства Абу-т-Тайибу, чем дружеская простота. — Они все бегут в Мазандеран, в Край Дэвов. Нюхом чуют, куда идти. Хоть Железный Гвоздь из небесной сферы выдерни, хоть стороны света напрочь перепутай — дойдут, найдут… если в пути не сгинут.
— Мазандеран? — машинально спросил поэт. — Где это?
И выяснил для себя много нового. Оказывается, по одним свидетельствам, Край Дэвов располагался непосредственно за островом, населенным змеями величиной с верблюда, которые с утра до вечера восклицают: «Нет бога, кроме Аллаха, единого, не имеющего товарищей; Мухаммад — раб и посланник Его, и пророк мой; правоверные — мои братья, и добро — мой путь!» Едва Абу-т-Тайиб успел заподозрить Гургина в издевательстве, как прозвучали иные свидетельства. Согласно им, в поисках Мазандерана следовало миновать ущелье Вак-Вак, где камни в виде голов злобных друджей, и их крик: «Вак! Вак-Вак!» сводит с ума каждого путника; после чего ты

попадал в долину, где земля из шафрана, а вместо дров в кострах горит какуллийское алоэ. Но многие предполагали, что Край Дэвов не имеет к этому ущелью с долиной никакого отношения, а искать следует земли Халита и Малита, двух существ, совокупляющихся хвостами, в результате чего и появляются на свет змеи, скорпионы и дэвы-чудовища.
— Хватит, — устало бросил поэт, когда речь дошла до Ворот Слияния Двух Морей. — Так бы сразу и сказал: куда идти, мол, не знаю. И никто не знает: восток ли, запад, Машрик, Магриб — все едино!
— Чего ж знать-то? — сонный Дэв привстал, не открывая глаз, и отчетливо махнул рукой в сторону юго-западной стены города. — Тудыть надобно… я ж сказывал — запах…
И опять захрапел.
— Говоришь, нюхом чуют? — оскалился Абу-т-Тайиб. — Хоть Железный Гвоздь из небесной сферы выдерни, хоть стороны света напрочь перепутай — дойдут, найдут?
— Если в пути не сгинут, — безнадежно повторил маг, уже догадываясь, что замыслил шах Кей-Бахрам, самый беспокойный правитель за всю тысячелетнюю историю Кабира.

4

Новая охапка сушняка рухнула в зубы костру. Огненный язык мигом принялся вылизывать добычу, и Абу-т-Тайиб отсел подальше: жарко. Там и вовсе встал. Прошелся к вьюкам поклажи. Взял шахский ятаган, которым бился под Арваном, наполовину извлек из ножен, полюбовался прожилками стали, узором тяжкого клинка… Резными накладками из слоновой кости полюбовался, которые отныне украшали рукоять вместо драгоценной мишуры. Он просто не мог оставить оружие во дворце. Выглядело предательством. Так и мерещилось: это не ятаган, это он, поэт-неудачник, веками болтается на ковре, покрываясь невидимой глазу гнилью; это он в битвах рубит, зная — сопротивления не будет, ответного удара не будет, не будет ничего, что сделало бы ятаган подлинным мечом боя, а не игрушкой-украшением или тесаком мясника.

— Ношу я тебя не затем, чтобы всех слепила твоя краса,
Ношу наготове, чтобы рубить шеи и пояса.
Живой, я живые тела крушу, стальной, ты крушишь металл —
И, значит, против своей родни каждый из нас восстал!..

Нет.
Оставить ятаган во дворце, как были оставлены шахский кулах и пояс, казалось совершенно невозможным.
Да и то сказать: проклятие шахства мало зависело от наличия или отсутствия кулаха — даже без них Кей-Бахрама узнавали по ореолу фарра; а иногда — непосредственно по Златому Овну. Оставляй, не оставляй… О Аллах, как же трудно было отвязаться от названного сына, от Волчьего Пастыря, от мальчишки Суришара! Поэт твердо решил не брать с собой в поход на Мазандеран никого, кроме «небоглазых» — тех выродков, которые (это он уже понимал ясно!) не умели видеть сияния фарра. Но Суришар вбил себе в голову, что должен грудью прикрывать владыку от опасностей. Шах-заде и без того корил себя, что в битве под Арваном допустил пленение шаха; в своем упрямстве он дошел до невозможного — почти до открытого сопротивления. И Абу-т-Тайиб втайне надеялся, что все-таки, все-таки…
Надежды оказались тщетными.
Суришар угомонился и склонил голову пред желанием повелителя.
Оставшись в Кабире в качестве временного наместника; и при разговоре с глазу на глаз вдруг припомнил занятную подробность. Оказывается, когда хирбеды возили юного шах-заде к пещере Испытания, Гургин проговорился относительно красавицы-хирбеди. Дескать, не один он, старец бородавчатый, уже бывал до того в безымянных горах — Нахид тоже бывала! Задумайтесь, мой государь: с чего бы это молоденьким жрицам кататься туда-сюда по святым местам, будто места эти не святые, а самые что ни на есть грешные, и жрицы не жрицы, а гулены непутевые? На хмурых великанов ездила смотреть? На гулей-людоедов с их боевым петухом?! На храм идола Сарта, попирая ногами веру истинную, владыкой на днях подаренную?!
Прими во внимание, отец названный!
Абу-т-Тайиб принял; и все равно отказался брать Суришара с собой.

Единственное, что шах-заде позволил себе, а поэт не препятствовал — это проводить обожаемого владыку до границы с Малым Хакасом. Где развернул своих гургасаров обратно, а они поехали дальше: сам Абу-т-Тайиб, мрачный Гургин, рядом с которым веселый Утба смотрелся и вовсе пустосмехом — а за ними ехал молчаливый Дэв, примостив поперек седла свое любимое копьецо, уже прозванное злопыхателями «Сестрой Тарана».
Многие добавляли: «Родной сестрой…»
Иногда Дэв пинал конские бока каблуками и вырывался вперед. Он долго втягивал ноздрями воздух, вертел огромной головой, и вид у него в такие минуты был — хоть сразу в сказку. Потом метания прекращались, исполин наконечником копья указывал путь; и все без лишних вопросов следовали туда, куда обращалось жало «Сестры Тарана». Впрочем, и помимо Дэвова нюха были свидетели пути Нахид-дэви в Мазандеран — только в их историях бывшая хирбеди звалась Красной Дэвицей, кровавой ведьмой.
Дихкане, чей хлев ночью оказался разрушен, а молочная буйволица утащена невесть куда.
Пастухи, чьих овец пожрало волосатое чудовище, предварительно задушив троих матерых катьярцев — собак, в одиночку бравших волка.
Охотники, сдуру возомнившие себя легендарными богатырями; двух таких богатырей родичи успели оплакать, припадая к останкам, а третьего Красна Дэвица уволокла с собой, и тело бедняги найдено не было.
Рыбаки из селений на берегу мутной Сузы, отделавшиеся легким испугом и пропажей корзин с частью дневного улова.
Красна Дэвица шла в Мазандеран, и по ее следам, повинуясь копью бывшего душегуба и воплям пострадавших, шел шах Кабира.
Абу-т-Тайиб и сам плохо понимал, зачем он это делает; верней, не хотел признаться самому себе, что есть причина и кроме скрытой вины перед беднягой Нахид. Как-то Суришар обмолвился, будто за пределами Малого Хакаса живут тупые горцы, которых Огнь Небесный наградил слепотой.
В смысле, они не видят божественной благодати фарра.
Е рабб, не счастье ли, не великая ли милость: оказаться вместе с тремя «небоглазыми» в окружении тупых горцев, лишенных этакой благодати?

Глава вторая,

где невозможное становится возможным, небывалое — бывалым, незримое — вполне зримым и даже слишком, но абсолютно не приводится знаменитое изречение пророка (да благословит его Аллах и приветствует!): «Самый великий враг твой — душа твоя, которая меж твоих боков!»

1

— …Нам точно сюда, Дэв? — в третий раз переспросил поэт.
Ну не нравилось ему это ущелье, не нравилось — хоть навали вместо скал сахарных леденцов-кандов, а все равно с души воротит! И ведь понимал же: скорее всего, Дэв прав, им именно сюда — до сих пор Худайбег ни разу не ошибся в выборе пути; и другой дороги все равно нет, разве что назад; все он понимал, упрямый поэт, все принимал, и хмурился грозовой тучей, потирая седловину носа заново выросшими пальцами.
Может быть, потому что не было другой дороги, и не нравилось Абу-т-Тайибу это ущелье.
— Сюда, твое шахское, сюда. Чую я… — в третий раз повторил Дэв.
Утба криво усмехнулся, вызывающе подбоченясь в седле — дескать, нам — хургам хоть в Верхнюю Степь, хоть в Нижнюю Крепь, все едино!.. а Гургин промолчал. Магу тоже не нравилось ущелье, до ломоты в костях, до душевной дрожи; но он, как и шах, понимал — другого пути все равно нет.
Поэт помедлил еще чуть-чуть.
Тропа раненым барсом уползала вниз, в вечную сырость сумрака. А над ней смыкались дверными створками, отсекая небо, серо-желтые зубцы скальной крепости, и широкие трещины скалились ухмылками черепов, щерили гнилые клыки: поезжайте, слякоть

человеческая, поезжайте! А мы посмотрим сверху и посмеемся — как-то вы отсюда выберетесь?!
Абу-т-Тайиб мотнул головой, отгоняя стаю надоедливых слепней-мыслей, уже готовых оформиться погребальной элегией; и решительно направил свою кобылицу в ущелье. Та шла неохотно, то и дело косясь на безрассудного седока — но шла.
— Вперед, Наама! — строго крикнул поэт, и кобылица прибавила шагу; а в резвости она не уступала своей незабвенной тезке из тех песков, куда не было возврата.
Скалы лениво росли вверх, возносясь на головокружительную высоту, промозглая тьма сгущалась вокруг, так и норовя стать тьмой кромешной; уши закладывало, отчего поминутно приходилось сглатывать слюну, вязкую, как после доброй порции насвая, тертого табака с пережженной известью, золой и конопляным маслом. Гулко отдавались от щербатых стен удары копыт о тропу, наполняя теснину грохотом: словно не четверо, а добрая сотня всадников двигалась сейчас в расселине, поражаясь собственной дерзости и с опаской поглядывая на тяжкие громады над головой — а ну как оползень или лавина?!
Не уйти ведь, хоть наизнанку вывернись…
Кони боязливо фыркали, пугаясь рева дальних, невидимых отсюда водопадов, скользили копытами по гладкому, словно отполированному камню, приседали на задние ноги — в итоге всем четверым пришлось спешиться, ведя дальше животных в поводу.
Они миновали середину ущелья; верхушки скальных разломов начали потихоньку отползать прочь, в стороны, край солнечного диска приподнялся над южной оконечностью хребта, превратив теневые склоны в мириады взглядов «небоглазых» — такой голубизной вдруг вспыхнули они; тропа стала шире…
— Что языки проглотили?! — обернулся Абу-т-Тайиб к примолкшим спутникам. — Вон за тем поворотом можно будет вновь сесть в седла. Кажется, сподобил Аллах (славен Он!) выбраться из этой шайтановой задницы!
В ответ шайтан, как и подобает Противоречащему, отродью непослушания, издевательски пустил ветры.
И грохот камнепада ударил в уши, мигом прочистив их лучше любого сглатывания. Угловатые глыбы гневом Господним обрушились сверху, с совершенно безобидного на первый взгляд карниза. В первое мгновение все растерялись, но промедление грозило гибелью, не забыв об этом уверить со всей определенностью. Огромный обломок упал и раскололся, забрызгав крошкой сапоги Абу-т-Тайиба: не обернись поэт, желая подбодрить своих спутников, сделай еще шаг вперед — и пришлось бы кабирским хирбедам срочно искать замену безвременно раздавленному шаху!
Сюда б, небось, и поехали: в безымянные горы, пещеру Испытания искать!
Истошно заржала кобылица Наама — чтобы тут же рухнуть на тропу с перебитым хребтом, разделив печальную судьбу арабской тезки. Видать, неудачное имя хуже злой судьбы, висит гирей, на дно тянет…
— Под скалу! Быстро! — с неожиданной властностью рявкнул Гургин.
Камни продолжали с грохотом валиться на тропу, погребая под собой уже двух мертвых лошадей (вьючная невовремя шарахнулась в сторону, почти сразу сломав ногу, а там и шею). К счастью, вся четверка путников, сдержав насмерть испуганных животных, успела вжаться в шершавую нишу, переводя дух и пережидая смертоносный базальтовый ливень. Дэв, морщась, трогал окровавленное плечо — его-таки успело зацепить краем. Кому другому после такой ласки пришлось бы хвастаться десятком переломов, а Худайбег только гонял желваки на скулах да хрипло цедил сквозь зубы кипяток разбойничьей ругани. Ну, рассадило сгоряча; ну, кровоточит; ну, больно — понятное дело, не халат с шахского плечика, а лохмотья с собственного…
Ерунда, в общем.
Грохот камнепада стих так же внезапно, как начался. И в оглушительной тишине, затопившей теснину ватным обвалом — даже кони бросили ржать, словно прислушиваясь — стал отчетливо слышен шорох осыпи мелкого щебня.
Остатки убийственного ливня? — ничуть не бывало!
Кто-то поспешно спускался к ним по узкой расщелине, уходившей вверх совсем рядом.

2

— Это она, — с мертвым спокойствием, почти отрешенно, бросил Дэв.
— Она? Нахид? — не удержался Абу-т-Тайиб.
— Говорю — она, твое шахское, — юз-баши угрюмо кивнул, поудобнее перехватывая любимое «копьецо».
— Мастерица западни рыть… умница, — хмуро подытожил Гургин, бочком отодвигаясь подальше от расщелины.

И правильно сделал: нечего старику в драку лезть — толку, как от свиньи святости, а пришибить могут запросто!
Волосатый комок ярости, рыча камышовым котом-подранком, шлепнулся сверху — и проворно отпрянул, когда в небесной сини взгляда Красной Дэвицы, в мечущей молнии вышине отразился блеск трех лезвий: «копьеца» Худайбега, секиры Утбы и шахского ятагана.
Существо, бывшее некогда юной Нахид-хирбеди, попятилось — и Абу-т-Тайиб отчетливо увидел, что превращения бывшей жрицы продолжились. Из-под грязных лохмотьев, оставшихся от одежды, клочьями торчала рыжая шерсть, руки и ноги бугрились просто ужасающими узлами мышц, которым, пожалуй, иной лев позавидует; да и в лице (если только это еще можно было назвать лицом) появилось нечто звериное, хищное: переносица просела еще больше, выворачивая ноздри наружу, верхняя губа вздернулась, обнажая желтоватые клыки…
Абу-т-Тайиб смотрел, не в силах оторвать взгляда. Так зачастую неожиданное, странное уродство завораживает нас больше самой совершенной красоты. Поэт не испытывал отвращения или страха — он с удивлением поймал себя на жалости, обжигающей жалости, каленом железе в сердцевине души. Где ты, дерзкая порывистая девчонка, которую я испытывал большим испытанием, под звон строк великого слепца Рудаки?! Навеки ли погребена под жуткими буграми мышц и рыжими космами Красной Дэвицы?! Неужели ничего нельзя сделать?! Неужели тебе не быть прежней — и правильней будет отпустить тебя с миром в проклятый Мазандеран, где прячутся хищные ответы на вопросы, так и норовя загрызть любопытного?!
Е рабб, что же делать?
Но оказалось, что пока Абу-т-Тайиб предавался бесплодным рассуждениям, верный Дэв уже начал действовать. Правда, действовать по-своему: осторожно, стараясь не спугнуть, он приближался к Нахид, бормоча что-то ласково-успокоительное, вроде:
— Не боись, махонькая! Не боись, говорю… Дэв не обидит, Дэв хороший!.. и ихнее шахское — хорошее, и даже Утба ничего, а что топор у Утбы, так мало ли, хорошее — оно завсегда хорошее, хошь с топором, хошь с кулаками… Ну иди, иди сюда!..
При этом Худайбег, как бы ненароком, перекрывал Красной Дэвице путь к отступлению.
Нахид-дэви слушала воркотню приближающегося исполина, склонив набок косматую голову и то и дело настороженно зыркая в сторону остальных путников. Дэва она, похоже, совсем не боялась, несмотря на его «копьецо», которое Худайбег умудрялся держать так, что древко «Сестры Тарана» перегораживало чуть ли не пол-ущелья.
По лицу Дэва стекали крупные капли пота, багровые пятна проступили на щеках; это напоминало преддверие приступа, того, былого припадка, когда на спасенного душегуба впервые надели сотничий пояс и кулах. Только сейчас Абу-т-Тайиб осознал, насколько парню тяжело в эту минуту. Внутри него пробуждался от спячки молодой дэв-самец, увидевший рядом вожделенную самку, которой, возможно, уже однажды обладал. «Хорошо мне было, твое шахское, понимаешь?! — так хорошо, что сейчас едва вспомню, и в пот бросает, только от того еще больнее жить, славное ты мне наказание, шахское твое, выдумал — жить и помнить, помнить и жить…» Самке грозила опасность — ее надо было спасать от людей, уводить подальше… Но Дэв-человек, Худайбег аль-Ширвани, «пятнадцатилетний курбаши» и преданный пес шаха Кей-Бахрама, из последних сил сдерживал просыпающегося в нем самца, вцепившись в зверя невидимыми руками, выполняя свой долг, пытаясь задержать беглянку. Сейчас к Нахид приближались они оба — дэв и человек, хищность и преданность, похоть и долг, намертво слитые в одном теле, отталкивая друг друга в сторону — и все больше становясь друг другом, все больше, все…
— Худайбег, опомнись! — вопль вырвался из груди Абу-т-Тайиба сам собой, непроизвольно; а в следующее мгновение стало ясно, что поэт зря это сделал!
Нахид-дэви затравленно дернулась при звуке его голоса, вжалась бугристой спиной в скалу — и скала неожиданно поддалась, потекла каменной лавой, киселем, жидким маревом, серой пеленой тумана…
Нахид с чавкающим всхлипом ушла в скалу, в глубь камня, и Худайбег, забыв обо всем, кинулся за Красной Дэвицей. Зыбкое озеро, возникшее на месте шершавого базальта, легко пропустило Дэва, смыкаясь за ним Иблисовым издевательством — а кинувшийся следом Утба налетел на несокрушимую крепость, упал и зашипел гадюкой по-харзийски, сидя на тропе и машинально растирая ушибленное колено.
Абу-т-Тайиб осторожно приблизился.

Нет, скала не застыла окончательно. Сейчас ее поверхность походила на мутное зеркало, по которому время от времени пробегала легкая рябь, как по озерной глади от дуновения ветра.
Худайбег и Нахид-дэви были там, внутри.
Внутри?
3
Абу-т-Тайиб вгляделся внимательнее и охнул от изумления. Там, дальше, по ту сторону зыбкой препоны, простирался целый мир, и мир этот был до боли знакомым: бескрайнее море песка, вздымаемого застывшими волнами барханов, чахлые кустики верблюжьей колючки, выцветшая окалина небосвода со слепящим бельмом солнца в зените…
А потом поэт увидел дэвов. Теперь он хорошо представлял себе, какими должны будут стать Худайбег и Нахид, когда их превращение завершится.
Эти трое казались великанами даже по сравнению с юз-баши и хирбеди-расстригой! Если Нахид, и особенно Худайбег еще были вполне похожи на детей Адама, то эти скорее походили на потомков племен Ад и Самуд, истребленных Аллахом за непомерную гордыню. Утесы сдвинулись со своих исконных мест, самум во плоти решил прогуляться в компании себе подобных, встали на дыбы слоны в течке (разве что без хоботов, и уши поменьше; а так — слон себе и слон, хоть нынче на погрузку!)…
Или это кисель сошедшей с ума скалы искажает очертания?!
Или это я рассудком тронулся?!
Три дэва встретили Нахид буквально с распростертыми объятиями — и Красна Дэвица поспешила укрыться за их могучими фигурами; так ребенок, убегая от старших мальчишек, прячется за спины родителей. Утесы в серых колтунах неторопливо пришли в движение, оборачиваясь навстречу бегущему к ним Худайбегу; один из дэвов раскорячился, нагнулся, поднял валун размером с добрую конскую тушу — и в этот момент за гигантами взметнулась пыль, блеснули малые зарницы…
Абу-т-Тайиб не видел и не слышал ничего вокруг себя, прикипев взглядом к прозрачной стене, за которой события вдруг понеслись вскачь. Он знал, чувствовал, что бессилен прорваться туда, домой, в выжженную зноем пустыню, в Степь Копьеносцев, бессилен что-либо изменить — он просто стоял и смотрел. Не ведая, что совсем рядом Гургин торопливо бормочет какие-то молитвы-заклинания; что Утба, на удивление серьезный, забыв об ушибленной ноге, помогает хирбеду разжечь ритуальную жаровенку, неизвестно откуда извлеченную старцем. Гургин и Утба торопились — явно не успевая… чего не успевая?
Куда не успевая?!
Поэт не знал этого. Он стоял и смотрел, как завороженный.
Откуда-то из-за спин дэвов вывернулся всадник — уккаль плещет на ветру, тонконогий пегий скакун брызжет пеной, узкий шамшер в руке грозит смертью всему живому, будь ты враг, будь ты джинн, будь ты ангел божий! Всадник радостно оскалился (Абу-т-Тайибу даже не пришло в голову удивиться: как такие подробности удается рассмотреть на немалом, надо сказать, расстоянии); и клинок шамшера указал на шарахнувшуюся прочь Красну Дэвицу. Каменные дэвы задвигались… тот, что с валуном, выпрямился… сабля повисла в воздухе над головой Нахид…
Звуков поэт не слышал: они глохли, не проникая сквозь призрачную вуаль. Но от яростного рева Худайбега, казалось, дрогнула сама земля — и в том, и в этом мире! Всадник замешкался всего на мгновение, но этого неуловимого мига Дэву хватило, чтобы одним огромным прыжком оказаться рядом и, еще в полете, не успев коснуться песка, насквозь пронзить бедуина своим чудовищным «копьецом»! Сабля выпала из руки кочевника, а Дэв, взмахнув копьем с насаженным на него человеком, отшвырнул труп далеко в пустыню.
Страшная картина замерла, превратясь в творение безумного скульптора-гяура — а потом от ближайших барханов к дэвам ринулись всадники.
Тут уж двуногие слоны не оплошали. Пригодился и чудо-валун, подобранный одним из них; у другого обнаружилась суковатая дубина совершенно неимоверных размеров — куда поболе Худайбеговой «Сестры Тарана»! Третий же, похоже, всецело полагался на собственные кулаки — и не без оснований! Нашлось дело и для расстриги-хирбеди; но, вопреки здравому смыслу, основной боевой силой в этой пятерке оказался Худайбег аль-Ширвани, весьма похоже изображая ветряк, уже знакомый Абу-т-Тайибу по битве под Арваном. Только ветряк этот сам гнал во все стороны кровавый хамсин, ветер гибели, чьи порывы жарко секут песчаной пылью живую плоть, и унесенные ветром

тела бедуинов рушились в песок, щедро орошая его багряным соком, а души возносились…
В общем, уже не важно — куда; тем более, об участи душ один Аллах (слава Ему!) ведает!
И лишь один бедуин замер поодаль, не участвуя в битве. Сидя на вороном коне и уперев в землю древко длинного копья, человек сей, лет уже немалых и ликом черный (хотя и посветлее коня), застыл эбеновым изваянием, устремив невидящий взгляд в одному ему ведомую даль — и до поэта не сразу дошло, что человек смотрит НА НЕГО, АБУ-Т-ТАЙИБА АЛЬ-МУТАНАББИ!
Бедуин видел! Видел сквозь немыслимую толщу фарсангов и событий его, Абу-т-Тайиба — и, намертво застряв меж «возможно» и «невозможно», поэт увидел себя глазами незнакомца.
Колдовское марево делало очертания искаженными, расплывчатыми — и мнилась бедуину внутри туманного кокона громада кряжистой фигуры, окруженная сияющим ореолом! Воистину, порождение огня, царь джиннов и владыка дэвов явился сюда, дабы наслать на вольные племена своих жутких слуг с руками-граблями, слоновьими ногами и глотками, реву которых завидуют львы в пустыне!
Таким видел его замерший в седле бедуин, и зрелище это сковало темнокожего всадника по рукам и ногам; братом-двойником застыл и сам Абу-т-Тайиб, наблюдая за битвой по ту сторону магической преграды. А бой продолжался, вскипал кровавой пеной, и нападавших становилось все меньше и меньше: копья с легкими саблями попросту ломались о гранитную плоть великанов-дэвов, в то время как любой достигший цели удар чудовищ оказывался роковым.
Бедуины сражались с дэвами. Люди, возможно, даже земляки или соплеменники Абу-т-Тайиба — с косматыми чудовищами. Но, странное дело — сейчас поэт всем сердцем желал победы именно чудовищам; потому что на стороне чудовищ сражался верный Худайбег, и там же была Нахид, которой поэт все еще надеялся каким-нибудь чудом вернуть человеческий облик; да и остальные три дэва пальцем не трогали кочевников, пока те сами не решили посягнуть на чужую жизнь!
Сомнительно, чтобы влияние пресловутого фарра простиралось и по ту сторону шайтановой скалы; дважды сомнительно, что небеса вняли пожеланиям шаха Кей-Бахрама — но факт налицо: все пятеро дэвов были до сих пор живы. Ни один из них не был даже серьезно ранен, в то время как ряды атакующих стремительно таяли.
Неожиданно темнокожий всадник очнулся, вскинул свое копье и с места рванул в галоп. Он явно решился наконец принять участие в сражении, все больше походившем на бойню. Глаза воителя зажглись бешеным огнем, эфиопские губы расползлись, выплевывая слово за словом — и вдруг Абу-т-Тайиб услышал.
Услышал!

— О, меня счастливей нету! Я, как звонкая монета,
Как небесная планета, вечной славе обречен!
По отцу я — лев пустыни, племенных шатров святыня,
А на кличку «Сын рабыни» отвечать привык мечом!

Вместе с чеканными, яростными бейтами на Абу-т-Тайиба обрушился шум боя: конское ржание, топот копыт, звон стали, рев дэвов, крики раненых… Но поэт не вслушивался, не вглядывался — он перебирал чужие слова, как нищий перебирает горсть медяков, не в силах поверить случайному богатству. Где-то он уже слышал подобные строки, двустишия со слегка старомодной рифмовкой, откуда-то они были известны человеку по имени Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби!..
А потом время стихов закончилось, и наступило время крови, и тишина вновь отсекла битву от поэта невидимой стеной.
Черный всадник налетел на Дэва, ударив его на всем скаку копьем в грудь. Абу-т-Тайиб закричал — и поперхнулся собственным криком: копье сломалось гнилой тростинкой. Дэв в ответ отмахнулся своей оглоблей, но всадник оказался умелым поединщиком: он успел уклониться, одновременно заставив кривую альфангу покинуть ножны. Казалось, все кончено: сейчас голова Худайбега кубарем покатится в песок, на радость бедуинам; однако в последний момент толстенное древко Дэвового «копьеца» непостижимым образом оказалось на пути альфанги — и синяя сталь разлетелась в куски.

Бедуин резко подал коня назад, развернулся и поскакал прочь — а за ним последовали остальные уцелевшие кочевники. Их оказалось совсем немного.
Вскоре всадники скрылись за барханами, и Абу-т-Тайиб наконец перевел дух. В голове прочно засели те два бейта, которые выкрикнул бедуин с явной примесью эфиопской крови. Поэт был уверен, что уже слышал их раньше, и теперь надо вспомнить, обязательно вспомнить… Почему-то это казалось ему очень важным. Но память-насмешница изворачивалась скользким угрем, выскальзывала из хватки рыбака-разума — а дэвы тем временем, проводив всадников тяжелыми взглядами и коротко посовещавшись между собой (использовались в основном жесты, но Абу-т-Тайиб все равно так ничего и не понял), дружно побежали вразвалочку к призрачной завесе. Вместе с Худайбегом и Красной Дэвицей.
Абу-т-Тайиб невольно посторонился, спеша убраться с пути великанов — но первый из каменных дэвов вдруг свернул в сторону, воздух вокруг него задрожал, потек молочной сывороткой — и дэв исчез как не бывало! Следом за ним исчез второй, третий, Нахид-дэви…
Последним, виновато оглянувшись, скрылся Худайбег.
Почти сразу колдовской кисель, сквозь который смотрел поэт, начал быстро уплотняться, твердеть; и вот перед шахом со спутниками — обычная скала, какой она была от сотворения мира и до того момента, когда началось все это Иблисово наваждение!
Вот только ни Нахид, ни Дэва в ущелье уже не было.
— Опоздал, гори оно Огнем Небесным! — сокрушенно выдохнул Гургин и плюнул с досады, чего раньше за почтенным старцем никогда не водилось.
* * *
…Звезды ободряюще подмигивали сквозь прорехи ночного покрывала, таинственно мерцали красные глаза углей под толщей седого пепла, вторя звездам из недр угасающего костра — а Абу-т-Тайиб все сидел и сидел, вперив невидящий взгляд в темноту.
Но видел он не костер, не небо, и не смутные тени возвышавшихся кругом скал. Перед взором поэта вновь и вновь распахивалась желтая, покрытая рябью барханов пустыня, выжженное безжалостным солнцем блеклое небо, глупый, бессмысленный бой — и припавший к шее коня чернокожий бедуин-полукровка, с губ которого срываются строки, стрелы, бейты восхваления:

…По отцу я — лев пустыни, племенных шатров святыня,
А на кличку «Сын рабыни» отвечать привык мечом!

Е рабб, как же я мог забыть?!
Антара Абу-ль-Фаварис, гордость славных времен джахилийи, Отец Воителей, от одного имени которого содрогались стены Рума! Антара ибн Шаддад, сын шейха абситов от рабыни-эфиопки, раб по происхождению, воинской доблестью заставивший гордого отца включить чернокожего ублюдка в племенную родословную! Антара-Губошлеп, великий боец, взбалмошный герой, живая легенда Бену Абс — и прославленный в веках поэт, чья муаллака была подвешена на священной Каабе, певец, которому сам Абу-т-Тайиб временами завидовал черной завистью; черной, как кожа бросившегося в атаку бедуина; черной, как кожа легендарного Антары, которому принадлежали эти стихи!
Тот, с кем мечталось ехать бок-о-бок в походе и набеге, с кем имело смысл состязаться в красноречии и остроте копья… сбылись мечты глупца!
Но как же страшно и как же странно сбылись они, о Аллах, всемилостивейший и милосердный! — не лучше ли было мечтам оставаться мечтами, жизни — жизнью, а смерти — смертью, и только смертью?!
Конечно, отчаянный бедуин вполне мог попросту цитировать бейты своего любимца и кумира… Мог. Только вряд ли. Абу-т-Тайиб хорошо знал по себе: если в бою и находит на человека красноречие — то это его, только его слова и рифмы, они сами вырываются из неведомых глубин души вместе с молниеносными ударами, несущими смерть.
Тут уж не до цитат, даже если цитата — к месту…
Опять же, Антара Абу-ль-Фаварис, судя по сохранившимся описаниям, был чернокож, сухощав, пылок нравом до самой старости и всегда возглавлял отряды бедуинов в многочисленных набегах и стычках. Да и черный орел на копейном значке… символ

Бену Абс. Абу-т-Тайиб напряг память и тихо, нараспев, продекламировал строки из книги «Сират Антара», которую уже не первый год писал его старый знакомец аль-Асмаи, собирая по крохам легенды, предания, стихи…
Многие куфийцы и дар-ас-саламцы утверждали единодушно: сказителя аль-Асмаи прекрасно помнили их деды и прадеды, этого плешивого хитреца трижды хоронили при великом стечении народа (первый раз — за шестьдесят семь лет до рождения самого Абу-т-Тайиба), анекдоты про плута аль-Асмаи давным-давно сделались достоянием крылатой молвы — а он все нарушал запрет пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) на вино и составлял свою «Сират Антару»!
Утверждая, что герой его повествования, Антара Абу-ль-Фаварис, прожил шесть сотен лет, а ему, певцу, негоже отставать — и, значит, книгу аль-Асмаи закончит (когда бы вы думали?) к пятисотлетию бегства Мухаммада, юбилею правоверных!
Помнишь ли, старый приятель, свои удивительные заверения; помнишь ли и эти строки?

> «…и вдруг, когда они приблизились к долине Сарих, перед ними появились пятеро великанов такого огромного роста, как будто они были из проклятого народа Ад и Самуд. Большеголовые, пучеглазые, рты у них были огромные, ноги — как корабельные мачты, а руки походили на вилы. И рычали те великаны подобно грому, а видом напоминали разъяренных львов…
> …но не успел Гадбан, сын Антары, закончить свою речь, как налетел на него один из страшных великанов и ударил его копьем в грудь, и оно вышло, сверкая, из его спины. А потом он поднял Гадбана на копье и бросил вниз, и Гадбан остался недвижимым на лике земли…
> …очнувшись наконец, Антара налетел на первого из пятерых великанов и ударил его копьем в грудь, но копье сломалось. Тогда Антара выхватил меч из ножен и ударил им великана — но меч отскочил и согнулся. Тогда Антара в страхе повернул коня…»

Все сходилось почти в точности, а что не сходилось — так за столько лет сказители и переврать могли!
Ведь, если верить легендам, неистовый Антара слагал бейты и ходил в набеги еще задолго до рождения пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует!) — более пяти веков тому назад!

О, меня счастливей нету! Я, как звонкая монета…

Глава третья,

в которой один шах встречается с другим шахом, спасая последнего от злобного барана, дэвы используются в качестве вьючных лошадей, а вокруг тем временем происходит немало странных вещей — но при этом остается совершенно непонятным, где все-таки находится этот пресловутый Мазандеран, куда в итоге попадают путники!

1
…и тогда Имр-уль-Кайс спросил Антару:
— О Отец Воителей, скажи мне, сколько ты знаешь названий и прозвищ меча?
И Антара ответил:
— Слушай и запоминай, что я скажу: он называется Меч, Беда; Суровый, Повелитель, Прямой, Гибель, Смерть, Блеск росы, Быстрый, Великий, Острый, Полированный, Блестящий, Благородный, Посланец смерти, Вестник гибели, Ветвь, Покорный, Лезвие, Прекрасный, Бодрствующий, Горделивый, Решающий, Нападающий, Послушный, Ровный, Режущий, Кончина, Судьба, Честный, Верный, Начало, Конец, Разящий, Гнев, Плачущий кровью, Рассеивающий горе, Мужественный, Закаленный, Отсекающий, Синий, Цветущий, Возвеличивающий, Стирающий, Разделяющий, Чудо, Истина, Путь, Разящий героев, Друг, Заостренный, Отточенный, Кровавый, Защитник, Светлый,

Услада очей, Уплата долга, Проливающий кровь, Губительный, Товарищ в беде, Владыка змей, Жаждущий — вот немногие имена и прозвания меча, о Имр-уль-Кайс!
И тогда Имр-уль-Кайс, прозванный Скитающимся Царем, спросил Антару:
— О Отец Воителей, а какую именно муаллаку, сложенную тобой, ты хочешь подвесить в святом месте?!
И Антара ответил:
— Слушай и запоминай слова мои!
После чего возопил гласом громким, душу потрясающим и нанизывающим сердце на острый вертел:

— Подобен сверканью моей души блеск моего клинка:
Разящий, он в битве незаменим, он — радость для смельчака.
Как струи воды в полыханье огня, отливы его ярки,
И как талисманов старинных резьба, прожилки его тонки.
А если захочешь ты распознать его настоящий цвет,
Волна переливов обманет глаза, будто смеясь в ответ.
Он — тонок и длинен, изящен и строг; он — гордость моих очей,
Он светится радугой, он блестит, струящийся, как ручей…

Но тут Отца Воителей прервали самым бесстыдным образом.
— Эй, уважаемый! — вдвое громче певца заорал Абу-т-Тайиб, потрясенный таким вопиющим безобразием, от которого волосы на теле вставали дыбом. — Да-да, ты, эфиопская твоя мать! Что это ты распеваешь, я тебя спрашиваю?! Это же не твоя муаллака, это моя касыда! Наловчились, понимаешь, чужим языком похлебку плямкать; мало того — еще и померли во тьме язычества, так и не узнав истинной веры, а туда же…
— А ты, собственно, кто такой будешь? — без особого интереса осведомились Отец Воителей и Скитающийся Царь.
— Я?! Я кто такой?! Это вы кто такие, похитители чужих бейтов?!
— Ты его знаешь? — обратился Имр-уль-Кайс к Антаре Абу-ль-Фаварису, как если бы они были наедине.
Чернокожий отрицательно покачал головой: впервые, мол, вижу наглеца!
И тут Абу-т-Тайиб не выдержал…
* * *
— …Просыпайся, владыка, у нас гости!
Знакомый голос весело звенит над ухом, хургский акцент отзывается секирной сталью — и поэт не сразу понимает: где он, и что с ним? Ведь минутой раньше они со славным Антарой Абу-ль-Фаварисом и Скитающимся Царем, помирившись и исполнившись вдохновения, вели изысканный поэтический диспут, приговорив на троих кувшин запретного вина, затем баловались иджазой — поэтическим состязанием, где следует по очереди импровизировать строку за строкой на заданную тему; а после весело рубили каких-то наглецов, осмелившихся помешать беседе трех поэтов и требовавших от златоустов облобызать копыта вонючего барана…
Сон?!
Увы, всего лишь сон, воплощение самой заветной из грез; видимо, поэтому, открыв глаза, Абу-т-Тайиб еще долго путался в домыслах: проснулся он уже, или виденье продолжается, лишь непредсказуемо изменив свои очертания?
Вокруг стенами злополучного ущелья нависали серые, пегие, рыжие утесы, сплошь поросшие мхом, шерстяным лишайником, космами и колтунами; проморгавшись, удалось обнаружить на вершинах утесов жутковатого вида скалы-головы, не то чтобы совсем нечеловеческие, но…
«Дэвы!» — дошло наконец до поэта.
И вот как раз в проклятый Аллахом момент просветления, когда оная мысль озарила разум Абу-т-Тайиба, окончательно изгоняя остатки сна, кто-то растолкал в стороны утесы дэвячьих тел — и перед поэтом возник сияющий Худайбег аль-Ширвани собственной персоной.
Поэту показалось, что могучий юз-баши за время отсутствия заматерел окончательно, надбровные дуги еще больше выперли вперед, лоб навис над переносицей сторожевой башней — хотя времени-то прошло всего-ничего! Но перед ним, вне всякого сомнения, был Дэв, причем довольный, как блудливый кобель после случки!

— С добрым утречком, твое шахское! Ты эта… извиняй, что я пропал пропадом! — Дэв виновато потупился, и обеими лапами стал рьяно чесать шерсть на груди. — Зато теперь нам до этой твоей… Маздай-Дыра, да? Или как ее? (Дэв за все время пути так ни разу и не смог произнести правильно слово «Мазандеран».) В общем, тут рядышком! Парни отведут!
И Худайбег гордо кивнул на столпившихся вокруг дэвов.
А парни закивали кошмарными головами: все, мол, верно, отведем!
— Это ты уродов привел? — осведомился поэт, тщетно пытаясь собрать разбегающуюся отару мыслей. — Зачем?
— Ну… привел дикханин чауша, а тот его когтем за задницу… они и сами шли! Говорят, мол, к шаху хотим! — нашелся наконец Худайбег. — Любим, мол, ихнее шахское, но странною любовью! Шах — хорошо!
— Ясное дело, хорошо! — буркнул Абу-т-Тайиб, поднимаясь на ноги и с недоверием оглядывая толпу великанов. — Особенно когда жареный шах, на вертеле. Или тушеный, в подливе из фиников с черемшой.
В мозгу так и вертелось пьяным бредом: валуны размером с коня, бойня, гибель бедуинов…
— Зачем обижаешь, твое шахское?! — возмутился юз-баши, от огорчения вырывая пряди волос и осыпая ими повинную голову. — Зачем такое говоришь, а?! Парни тебя любят! Все! Живьем любят! Как я!
Дэвы, которые явно прислушивались к разговору, опять согласно закивали: все, мол, верно, любим, как он! — и один из гигантов даже робко дотронулся до шаха пальцем, словно проверяя: настоящий ли? не поддельный?! Но тут же, вместо того, чтоб и на зуб попробовать, боязливо отдернул руку-бревно — словно боясь ожога.
Проклятье! — неужели фарр и у дэвов душу выворачивает?!
Стоило тогда бежать за семь фарсангов машушу хлебать…
Замерев рядом в почетном карауле, Утба настороженно рыскал взглядом по сторонам, не выпуская из рук свою любимую секиру. Зато Гургин был совершенно спокоен, всем своим видом показывая: «Все самое плохое, что могло случиться, уже случилось, мой повелитель! Так о чем теперь беспокоиться?!»
— А-а-а-а!!! Мой, мой фарр! Отдай, плут!
Сперва прозвучал вопль: ни дать ни взять, коту хвост подошвой сапога оттоптали.
Затем откуда-то из-под ног дэвов ужом вынырнул носатый карлик, облаченный в засаленную, но несомненно дорогую, кабу — синюю с золотым шитьем; кроме кабы, на карлике были драные шаровары, цветастый тюрбан и остроносые кауши, в которых не по горам — по собственной спальне перед женами расхаживать!
При ближайшем рассмотрении карлик оказался отнюдь не карликом, а вполне обычным (касательно размеров) мужчиной; это если сравнивать не с тупыми исполинами, а с Абу-т-Тайибом, которого сей горлопан был ниже всего на полголовы! Что же касается поведения, то тут обычным дэвячьего шута назвать было никак нельзя. Язык не поворачивался.
— Фарр! Мой фарр! Вор! Держи вора! — Лунным Зайцем запрыгал «карлик» вокруг поэта, не подходя, однако, слишком близко.
Юродивый, что ли? — покосился на него Абу-т-Тайиб.
И решил пока не отвечать на странные выходки повредившегося умом незнакомца.
— Кто этот Аллахом обиженный? — вполголоса поинтересовался он у Худайбега.
Юз-баши лишь пожал плечищами: мол, живет здесь, в этой самой Манзан-Дурак, а кто такой — откуда мне знать?
Впрочем, ответ прозвучал.
Ответ внятный, доступный всякому, знакомому с человеческой речью; если только не принимать в расчет, что голос хирбеда Гургина звенел от напряжения и был готов в любой момент лопнуть.
— Это Кей-Кобад, мой повелитель, — сказал маг. — Это бывший шах Кабира.

2

Поначалу Абу-т-Тайибу показалось, что он ослышался.
Или Гургин свихнулся, устав от злоключений и потрясений.
Или…
— Я — Кей-Кобад! — гордо подтвердил носатый «карлик», выпятив грудь и снизу вверх, но в некотором смысле свысока оглядывая своих чудовищных приятелей. — Я не бывший! Я — шах! Вот мой фарр! — и он указал на Абу-т-Тайиба обличающим жестом; так купец указывает городскому судье на воришку, который стянул с прилавка отрез шелка на глазах у дюжины свидетелей. — Вор! Ты его украл! Верни немедленно! Мы повелеваем!

И тут поэт захохотал. Захохотал так, что веселому Утбе впору было позавидовать; он смеялся, утирая выступившие на глазах слезы, сотрясаясь всем телом, сгибаясь пополам и сладко похрюкивая, подобно нечистому животному свинье.
— Да забирай, забирай его к шайтановой матери! — с трудом пробилось сквозь смех. — Забирай! Если знаешь, как, — поэт мгновенно стал серьезным, — бери! Я отдам, мне не жалко! Бери! Ну?!
— Кей-Кобад знает! Знает! Он возьмет! — в руке отставного шаха серебряной рыбкой объявился острый кинжал. — Возьмет!
Юродивый шагнул ближе, Утба угрожающе поднял секиру, готовясь рубить без пощады — и вдруг тот, кто называл себя Кей-Кобадом, разом переменился в лице. На нем отразился детский, насмерть обиженный страх; человек попятился, заслоняясь рукой, будто от нестерпимого сияния тысячи солнц, и едва не выколол себе кинжалом глаз.
Но смотрел он при этом не на поэта и не на Утбу, а на что-то, находившееся позади них.
— Не надо! Не надо-о-о!!! Уберите… уберите его от меня! Не хочу!
Старый трюк.
У «детей Сасана» на такое не ловились даже сопливые плутишки.
И, тем не менее, даже не потому, что рядом стоял верный хург, а сам плохо соображая — зачем он это делает, Абу-т-Тайиб обернулся.
Глянув туда, куда указывал «карлик».
И увидел одного, хорошо знакомого поэту барана. С блестящим руном — и однозначно вызолоченными (или действительно золотыми?) рогами. Баран в грозном нетерпении бил раздвоенным копытом о камень, воинственно пригибал лобастую голову — и всячески демонстрировал намерение броситься на юродивого.
— А ну, прекрати мне это! — рявкнул поэт на наглого барана, понимая, что выглядит сейчас ничуть не лучше юродивого с кинжалом.
Баран скосился на Абу-т-Тайиба налитым кровью глазом, упрямо мотнул башкой и проблеял кучу бараньих возражений, явно не соглашаясь с шахским мнением.
— А вот я тебя сейчас на сикбадж пущу!.. — озлился поэт и потянул из ножен ятаган. — Эй, Утба, у нас там уксуса нет? — а то я баранинкой разжился!
Подобный оборот дела пришелся барану не по вкусу, и он, обиженно тряся курдюком, поспешил скрыться в ближайшей расщелине. Только тогда поэт обернулся к предполагаемому Кей-Кобаду — но «карлик» тоже успел за это время ретироваться и прятался, по-видимому, за надежной крепостью дэвьих спин.
— Ну что, твое шахское, собираемся? — как ни в чем не бывало поинтересовался Худайбег.
Поэт взглянул на мага, уже справившегося с первым потрясением; но Гургин только вскинул острый подбородок. Мол, не хирбедово дело: шахам указывать, куда им ходить, а куда — нет.
— Нахид там? У твоих парней?!
— У них, родимых, твое шахское! — Худайбег радостно заулыбался, совсем войдя в роль «пятнадцатилетнего курбаши». Талант у парня, дар Божий — сперва душегубами заведовал, теперь чудищами горными… кто на очереди?
— Этот человек — действительно Кей-Кобад, мой… э-э-э… мой предшественник? — Абу-т-Тайиб подошел к Гургину вплотную.
— Правота моего шаха неоспорима! Да, это он, о владыка, это он…
— …который безвременно скончался почти год назад в возрасте ста семидесяти девяти лет? — с явной издевкой закончил Абу-т-Тайиб.
— Воистину, скончался. Хотя сам я лично не присутствовал при его смерти, — чуть замявшись, ответствовал старец. — Но свидетелей и очевидцев было больше, чем достаточно, и у гробницы Кей-Кобада по сей день служатся поминальные молебны!
— Значит, лично не присутствовал? Ладно, старый хитрец, об этом у нас с тобой разговор еще будет — и очень скоро. А пока… Худайбег!
Звать юз-баши Дэвом при его «парнях» было как-то… неприлично, что ли?
— Здесь я, твое шахское! — преданно рявкнул Худайбег, отчего у Абу-т-Тайиба мигом заложило уши.
Будто опять по ущелью шел.
— Мы отправляемся в Мазандеран. Говоришь, тут недалеко?
— Рукой подать, твое шахское! Меньше, чем за полдня дойдем.
— Вот и славно. Тогда распорядись, чтоб они, — поэт хозяйски указал на дэвов, и те слаженно закивали, задвигали жуткими головами, — взяли часть нашей поклажи. А то лошадей у нас теперь на две меньше…

— Есть, твое шахское! — и Дэв принялся рьяно отдавать распоряжения. А обросшие шерстью утесы его не только понимали, но даже слушались!
Е рабб, путь в Мазандеран оказался изрядно веселее, чем предполагалось вначале…
Из-за скал доносилось блеянье — там возмущался жизнью Златой Овен.
Но на глаза не показывался.
Что с него возьмешь — скотина!
3

Где вода, как кровь из раны, там пути к Мазандерану;
где задумчиво и странно — там пути к Мазандерану,
где забыт аят Корана, где глумится вой бурана,
где кричат седые враны — там пути к Мазандерану.

Где, печатью Сулаймана властно взяты под охрану,
плачут джинны непрестанно — там пути к Мазандерану,
где скала взамен айвана, и шакал взамен дивана,
где погибель пахлавану — там пути к Мазандерану.

Где вы, сильные? Пора нам в путь по городам и странам,
где сшибаются ветра на перекрестке возле храма,
где большим, как слон, варанам в воздухе пустыни пряном мнится пиршество заране;
где в седло наездник прянет, и взлетит петля аркана, и ударит рог тарана, и взорвется поле брани…

Встретимся в Мазандеране!

* * *
Как вскоре выяснилось, косматым носильщикам придется тащить ВСЮ поклажу путников — лошадям, уцелевшим после нападения Красной Дэвицы, дэвы уже успели благополучно свернуть шеи, посчитав животных своей законной добычей. Абу-т-Тайиб долго цокал языком, глядя на болтающиеся тряпками конские головы: этакой силище да иное бы применение!
— Зачем они это сделали, Худайбег? — тихо спросил поэт. — Лошадей не любят?
— Добытчики! — Худайбег многозначительно возвел очи горе, словно это должно было все объяснить.
И поэт не стал спорить: добытчики так добытчики.
Однако, сделанного не воротишь, а коней не оживишь — так что по-любому пора было двигаться в путь. Поклажу и конские туши дэвы распределили между собой, после чего Худайбег всем и каждому строго наказал: в сторону не отходить и ничего дорогой не терять.
А то ихнее шахское шибко осерчает.
Дэвы слушали, кивали — и все норовили протолкаться поближе к поэту: прикоснуться легонечко, поглазеть, просто стать рядом столбом и замереть блаженно. Причин к беспокойству не имелось: интерес дэвов был явно не кулинарный, а, наоборот, самый что ни на есть почтительный и благожелательный.
«В меду я извалялся, что ли, что они ко мне, как мухи, липнут? — дивился Абу-т-Тайиб, шагая в середине растянувшейся по горной тропе вереницы дэвов (а было их тут десятка полтора) рядом с Утбой и Гургином. — Е рабб, если и извалялся, то уж никак не в меду… мухи тоже не на один мед слетаются!»
Предполагаемый Кей-Кобад больше на глаза не показывался; прятался где-то среди дэвов, которые, судя по всему, считали юрода за своего.
Когда мир вокруг МИГНУЛ, Абу-т-Тайиб невольно вздрогнул. Вспомнилась нервная дрожь бытия на перевале близ пещеры Испытания — повторение? совпадение? видение? Может быть, сейчас они снова попадут в окрестности Медного города?

…где вода, как кровь из раны, там пути к Мазандерану;

где задумчиво и странно — там пути к Мазандерану…

Они шли по селению. Брошенному? Временно оставленному? Какому?! Аккуратно сложенные один на другой большие плоские камни, поддерживаемые большими плоскими досками. И те, и другие — серые. Здесь так живут. Невысокие загоны из жердей для злобных мохнатых коз, привезенных невесть откуда, — загоны на крохотных, отвоеванных у скал участках. Загоны, похожие на дома, и дома, похожие на пещеры; несмотря на поросшие мхом крыши, несмотря на собранные из каких-то фантастических обломков дерева двери, и большая часть дверей не заперта и скрипит, покачиваясь на ветру.
Камень, скука и запустение. Царство камня. В городе тоже камень, но — обтесанный, отшлифованный, приглаженный, с узорами и орнаментами. Здесь же камень дикий, непричесанный, подобный окружающим скалам, и поэтому дома выглядят порождением гор, своим, родным; неказистые с виду, они прочны и способны противостоять не только зимним ветрам, но и нередким землетрясениям. Дома вросли в скалы, и горы приняли их вместе с людьми, живущими под приземистыми заросшими крышами…
А где люди?
Почувствовав замешательство шаха, головной дэв обернулся и, с явственным скрипом двигая огромными челюстями, проскрежетал:
— Муаз-Тай-Ра!
И обвел лапой окружающие горы: будто странное слово, сделанное из жести и кашля, родной брат дурацкого словечка «Мазандеран», все объясняло.
Абу-т-Тайиб кивнул в ответ и стал глазеть по сторонам.
Дескать, нас на мякине не проведешь!
Горы вокруг были вроде прежние — и в то же время другие. Осыпающиеся под действием воды, ветра и времени, источенные и выеденные неведомыми камнеточцами, эти хребты дышали терпким ароматом древности, а дальние вершины, увенчанные снеговыми тюрбанами, терялись в туманной дымке.
— Сафед-Кух, Белые горы, — пробормотал поэт себе под нос, припомнив очень похожие вершины, виденные им в Хуросоне.
Они шли дальше.

…где забыт аят Корана, где глумится вой бурана,
где кричат седые враны — там пути к Мазандерану…

Тропа неспешно извивалась меж выветренных скал, и иногда в просветах открывались близкие пески — прибежище наглой смерти и робкой жизни. Ветер уныло лизал барханы, оплавляя их желтыми сыпучими струйками, ветер грустно посвистывал в сухих ветвях колючника, как делал это уже многие тысячи лет — пустыня, что с нее возьмешь? Все та же монотонная песня, те же пологие барханы — нет, не те, конечно, но такие же… И неровная цепочка волчьих следов, быстро заносимая песком. Сколько их, эфемерных следов жизни, засыпал ветер на своем однообразно-бесконечном веку? Считай не считай — собьешься… Да и не только следы, а зачастую и иссушенное солнцем тело со стекленеющими глазами, в завершение цепочки зыбких ямок — ветер давно привык к этому и равнодушно скользил мимо.
Пустыня…
Абу-т-Тайиб пригляделся в смятении — и ему показалось, что он различает крупного волка с притороченным к спине вьюком, бредущего из последних сил по раскаленной солнцем сковороде. Возможно, это был обман зрения, мираж, каких поэт в свое время немало насмотрелся в Аравии, а может… Впрочем, после событий этих безумных месяцев, Абу-т-Тайиб устал чему-либо удивляться.
Он просто мысленно пожелал волку удачи, будь вольный зверь марой или явью, и двинулся дальше.

…где, печатью Сулаймана властно взяты под охрану,
плачут джинны непрестанно — там пути к Мазандерану…

Когда мир мигнул снова, Абу-т-Тайиб моргнул в ответ. Ему явственно почудились крылатые тени стальных птиц ада, расплескавшие синь над головой; но это уж точно были миражи — мелькнули и исчезли, даже разглядеть толком ничего не удалось!
А горы тем временем сами собой сошли на нет (хотя еще минутой раньше конца-краю им не было видно!) — и вскоре под ногами путников оказалась сперва каменистая, а затем обычная, старая знакомая-пустыня.
Вереница дэвов уверенно топала вперед, оставляя за собой бесформенные вмятины следов, и в тот момент, когда поэту в очередной раз стало мерещиться, будто он начинает узнавать места — те самые, где вчера бился с гигантами чернокожий Антара и его люди…
Абу-т-Тайиб остановился, как вкопанный; и все последовали примеру шаха.
У самой подошвы очередного бархана из-под песка выглядывала чья-то нога.
Куфийский сапог, еще сохранивший приметы былого щегольства былого хозяина: шагреневая кожа, высокий и тонкий каблук с внутренним изгибом, носок тоже загнут, но наружу, и кисточки слабо шевелятся по краю голенища.
Поэт свернул с пути, протоптанного идущими впереди дэвами, и решительно направился к бархану-мавзолею.
Некоторое время он стоял и молча смотрел.
Потом обернулся к сгрудившимся за спиной исполинам.
— Копайте!
Он был уверен, что его послушаются.
Так и случилось.
Человек — вернее, оставшаяся от него мумия — неплохо сохранился. Фаланги пальцев, покрытые серым шелушащимся пергаментом, все еще сжимали кривой машрафийский меч, синюю сталь, за которую платят блюдами динаров оружейникам Йемена; на лице застыла жуткая усмешка, предсмертный оскал, обнажая гнилые пеньки зубов, часть из которых покойник потерял еще при жизни.
Судя по всему, человек лежал в песчаной могиле уже давно. Ну и пусть спит дальше. Недостойно правоверного глумиться над останками.
А в данном случае — недостойно вдвойне.
— Заройте его обратно, — бросил поэт, и, пока дэвы усердно трудились, заново погребая мертвеца, едва слышно шептал слова молитвы.
— Кто это был? — решился нарушить скорбное молчание Гургин, когда они наконец продолжили путь. — Кто это был, мой шах? Знакомый? Друг? Земляк?
— Я, — просто ответил Абу-т-Тайиб.
И зашагал быстрее.

> …где бессильны все старанья на пороге умиранья,
> и последней филигранью отзовется мир за гранью;
> где скала взамен айвана, и шакал взамен дивана,
> где погибель пахлавану — там пути к Мазандерану.

Как и обещал Дэв, они шли путями неисповедимыми, пока солнце не перевалило за полдень. Впрочем, Абу-т-Тайиб теперь ни в чем не был уверен — ни во времени суток, ни в солнце, мерявшем горбатый небосвод заячьей скидкой, подло нарушая заведенный Аллахом порядок. Да что там солнце, время, минуты и часы?! — пожалуй, сейчас поэт вообще затруднился бы ответить, какой ныне стоит на дворе век от бегства пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует!). И на каком дворе? Кабирском? Дар-ас-Саламском? Медногородском? Мазандеранском? Или еще каком…
После встречи с собственным трупом, мирно спавшим в песках пустыни, что-то сдвинулось в голове поэта, и он сомневался во всем на свете — одновременно будучи готовым поверить во что угодно. Что он находится в раю. Или в аду. Или в стране джиннов. Или перенесся в эпоху легендарной джахилийи.
Я никогда не рождался?!
Верю.
За время их дальнейшего пути соринка еще дважды или трижды попадала в глаз миру — Абу-т-Тайиб уже перестал обращать внимание на подобные мелочи. Пустыня вновь сменилась горами, и дэвы вдруг забеспокоились, с опаской зыркая по сторонам. Вскоре из-под очередной каменной осыпи наполовину выглянул обглоданный костяк странной твари; судя по толщине костей и плоскому черепу с вызывающими уважение клыками, а также по сохранившимся кое-где остаткам чешуи, опасения великанов были

небезосновательны. При встрече с обладателем такого черепа могло не поздороваться и дэву! Так что, когда мир благожелательно мигнул снова, и дэвы успокоились, Абу-т-Тайиб облегченно вздохнул вместе со всеми.
За лаврами драконоборца он отнюдь не гнался.
Потом справа открылась степь, бескрайняя степь хургов, или не хургов, но там паслись честные кони и возле юрт курились честные костры; а еще одинокий всадник несся по одуревшей от полуденного зноя степи. Белый растрепанный хвост мотался из стороны в сторону, привязанный под наконечником его короткого копья с красным древком; лицо под высоким чешуйчатым шлемом окаменело в безразличии ко всему, кроме бьющейся под копытами земли; и бурая пыль степей, зловещая пыль дурного вестника, некоторое время еще гналась за распластанным конем, и, не догнав, покорно опускалась, оседала, растворялась в потревоженном покое…

Где вы, сильные? Пора нам в путь по городам и странам,
где сшибаются ветра на перекрестке возле храма,
где большим, как слон, варанам в воздухе пустыни пряном мнится пиршество заране;
где в седло наездник прянет…

А потом они пришли!
Вот еще недавно все двигались по дну очередного ущелья, бока теснины скрыли от взоров и степь, и пустыню — или что там сейчас лежало у подножья этих бесконечно меняющихся гор?! — и вдруг перед ними гостеприимными створками дверей-скал распахивается обширная котловина, по дну которой весело журчит речушка-подросток. Отвесные стены, окружавшие котловину, были изрезаны грубо вырубленными в скалах каменными ступенями. А выше темнели десятки и сотни темных нор, напоминавших ласточкины гнезда. И до поэта не сразу дошло: это расстояние морочит ему голову, играя злую шутку.
Ласточкины гнезда?! Входы в пещеры имели от двух до пяти человеческих ростов в поперечнике!
Жилища дэвов.
Пещерный город.
Легендарный Мазандеран.

…и взлетит петля аркана, и ударит рог тарана, и взорвется поле брани…
Встретимся в Мазандеране!

— А вот и эта самая Дыра, твое шахское! — радостно сообщил верный Дэв, возникая рядом. — Видал, сколько их тут — дыр-то этих?!

КАСЫДА ПРИЗРАКОВ

Ветер в кронах заплакал, берег темен и пуст.
Поднимается якорь, продолжается путь.
И бродягою прежним, волн хозяин и раб,
К мысу Доброй Надежды ты ведешь свой корабль —
Где разрушены стены и основы основ,
Где в ночи бродят тени неродившихся слов,
Где роптанье прибоя и морская вода
Оправдают любого, кто попросит суда.
Где забытые руки всколыхнут седину,
Где забытые звуки огласят тишину,
Где бессмыслица жизни вдруг покажется сном,
Где на собственной тризне ты упьешься вином,
Где раскатится смехом потрясенная даль,

Где раскатится эхом еле слышное «Да…»
Но гулякой беспутным из ночной немоты,
Смят прозрением смутным, не откликнешься ты —
Где-то, призраком бледным, в черноте воронья,
Умирает последней безнадежность твоя.

Глава четвертая,

где шаха приветствуют дэвы во всем своем разнообразии; а также выясняется, сколько может собраться шахов в одном отдельно взятом Мазандеране, но ни словом не упоминается о том, почему одни дэвы похожи на людей, а другие — на чудовищ, и можно ли вернуть последним человеческий облик?

1

…Протяжный, оглушительный, душераздирающий и еще шайтан знает какой вопль огласил котловину. Поначалу Абу-т-Тайиб невольно вжал голову в плечи. Однако, видя, что сопровождающие его дэвы обращают на вопль меньше внимания, чем змея — на шорох собственной чешуи, поэт тоже успокоился.

И стал оглядываться по сторонам в поисках источника жуткого звука.

Не ангел ли Израфиль трубит?!

— Дэв Вайдос с вершины древа кличет, — пояснил Худайбег-благодетель, когда слух наконец вернулся к поэту, и бархатные затычки в ушах рассосались сами собой. — Вайдосит, значит. Это у них завсегда так, твое шахское! Когда народишко… ну, дэвов, значит, собрать надо… Залазит и орет. Вот.

— И когда ты все это узнать успел, проныра? — поинтересовался Абу-т-Тайиб.

К этому моменту он как раз углядел столетнюю чинару у распадка. В ветвях дерева действительно устроился какой-то дэв, и теперь черной тушей ворочался в гнезде, явно прикидывая: не «завайдосить» ли снова?

— Так ведь месяц, почитай, у них проторчал-то, твое шахское! — заморгал голубыми глазищами верный юз-баши; и поэт не стал с ним спорить.

Даже переспрашивать не стал: здесь явно могло твориться все, что угодно! Мигающий мир, неведомые страны, свихнувшиеся дни-оборотни, так и норовящие прикинуться месяцами, собственный труп под барханом…

А тем временем из пещер уже выбирались сутулые неуклюжие фигуры и вразвалочку брели навстречу гостям. Впереди неслось десятка два детей: на удивление, обычных, человеческих малышей, ничем не напоминающих взрослых чудищ.

Дэв-на-вершине-древа подумал, хрипло прочистил глотку — и не стал вопить во второй раз.

Зачем? — все и без того были в сборе.

Как и следовало ожидать, дети добежали первыми. Запрыгали козлятами вокруг Абу-т-Тайиба, словно рядом не было ни Утбы, ни Гургина, а дэвов-добытчиков и подавно!

— Твоя — шах? — серьезно поинтересовался вислощекий карапуз лет пяти, больно ткнув пальцем в живот Абу-т-Тайибу.

— Моя шах, — развел руками поэт.

— Второй шах, второй шах! — радостно загалдела детвора, а карапуз почему-то насупился и стал ковыряться в носу.

— Старый Олмун-дэв говорил: так не бывает! Шах должен быть один! — заявила вдруг худенькая девушка постарше, лет тринадцати, затесавшаяся в толпу детей.

Девушка как девушка — угловатая, подобно многим подросткам, длинные черные косы свисают ниже пояса, родинка на скуле, и голубые глаза чуть ли не светятся со смуглого личика… Поэт долго смотрел на девушку, недоумевая: зачем он это делает? Почему взгляд упрямо и бесстыже ощупывает хрупкую фигурку?!

Что ищет?

А потом он понял, понял резко и сразу: обнаженные руки и босые ноги девушки покрывала шерсть.

Золотисто-коричневый мех; короткий, словно подстриженный.

Это было по-своему даже красиво, но красиво не по-человечески!

— Так я один и есть, — попытался улыбнуться мохнатой девушке Абу-т-Тайиб.

Улыбка вышла кислой.
— А Кей-Кобад? — брови обладательницы золотистой шерстки двумя голубками взмыли на лоб.
— А он светится! — уверенно сообщил карапуз, вынув палец из носа. — Он живая и светится!
После чего снова ткнул поэта в живот: словно железным штырем приложился.
— Светится! Шах! Настоящая! На нас светится!
— Старый Олмун-дэв говорил: настоящий шах светится. Кажется, я вижу… — задумчиво проговорила девушка, вглядываясь в Абу-т-Тайиба едва ли не пристальней, чем за минуту до этого он сам вглядывался в нее.
И от ее испытующего взгляда поэту сразу сделалось неуютно.
Как раньше — от присутствия Нахид.
Тем временем начали потихоньку подтягиваться и взрослые дэвы с дэвицами. Процессия замедлила ход, безнадежно увязая в толпе — а обитатели Мазандерана все шли, ковыляли, бежали; и Абу-т-Тайиб, которого, казалось, уже невозможно было чем-либо поразить, не уставал дивиться тому, что видел вокруг.
Дэвы-добытчики, старые знакомцы, были словно с одной формы леплены: кряжистые исполины, раза в два повыше обычного человека, и бугры мышц страшно выпирали на их мохнатых телах, иногда в самых неожиданных местах.
Но, так или иначе, они были похожи друг на друга.
Здесь же… Здесь, в Мазандеране, дэвы были разными. И «разные» — еще очень мягкое словцо! У кого-то, как сказала однажды сгоряча первая жена Абу-т-Тайиба, было «семь пядей во лбу, и пяди эти загибались бараньими рогами»; да-да, именно рогами, самыми настоящими, так что впору было уверовать: перед тобой шайтан из шайтанов! Или родной дядя Златого Овна. Зато дружки рогача, ростом ему по плечо, были при этом настолько массивны, что иной слон гляделся рядом с ними изящной лебедушкой. Иные мазандеранцы щеголяли розовыми крысиными хвостами, суставчатыми ногами, напоминающими лапы саранчи; а у трех-четырех имелись зачатки кожистых крыльев. У одного дэва из задних рядов крылья оказались вполне развиты, и он все время подпрыгивал, желая получше рассмотреть гостей, с треском распахивал свое сокровище и зависал над толпой, гнусаво каркая. А вскоре вперед протолкался дэв-горбун, чья шелушащаяся кожа настолько походила на чешую, что поэт заподозрил родство горбуна с давешним драконом, чей костяк они видели по дороге.
Грудастые дэвицы приветливо скалили желтые клыки, растягивали до ушей жабьи рты, махали шаху лапами (кто — когтистыми, кто — с перепонками), шушукались между собой, масляно подмигивая. Дэвы-самцы одобрительно ворчали, стараясь протолкаться поближе; и в то же время они вели себя осторожней лекаря у ложа опасно больного — как бы ненароком не зашибить гостя, не обидеть, не покалечить…
«Е рабб, это же дети! Взрослые дети!» — пришло на ум Абу-т-Тайибу.
К немалому изумлению поэта, среди толпы разномастных чудищ попадались и обычные сыны Адама. Впрочем, у Абу-т-Тайиба не было времени как следует рассмотреть их — а ведь та девушка с первого взгляда тоже выглядела вполне…
Толпа возбужденно гудела, но общий хор звучал искренней радостью, неподдельным, доброжелательным восторгом, что никак не вязалось с обликом страхолюдин.
Наконец дэвы расступились, и вперед вышел плечистый старик, запорошенный снегом седины с головы до ног — поскольку он-то мохнат был неимоверно, и даже шерсть на животе заплетал в щегольские косички.
Зато одежду не носил по вполне понятным причинам; опирался же мохнач на клюку, способную затмить славу Худайбегова «копьеца».
«Наверное, это и есть „старый Олмун-дэв“», — догадался Абу-т-Тайиб.
Сотни пар голубых глаз уперлись в седого дэва — и он заговорил. Вполне членораздельно, хотя и с определенным усилием:
— Ты — наш гость, шах. Тебе здесь будет хорошо. Живи с нами — и нам тоже будет хорошо. Сейчас тебе покажут жилье — самое лучшее. Дворец.
В толпе дэвов произошло некое движение, и перед Олмун-дэвом возник давешний «карлик» — всклокоченный, с безумными глазами, брызжущий слюной.
— Лучшее жилье — мое! Мое!!! Дворец — мой! И еда! И женщины! И фарр — это мой фарр! Он его украл! Вор! Вор!!! Скажите ему, чтоб отдал! Я, я шах, а не он! Великий шах Кей-Кобад! Я! Я!
Седой дэв спокойно ждал, пока Кей-Кобад умолкнет, сорвав голос. Что и случилось в самом скором времени; после чего Олмун отстранил «карлика» и заговорил снова, роняя тяжелые, веские камни слов — словно приговор оглашал.
Впрочем, так оно и было.

— Шах должен быть один. У него — фарр. Я вижу. Он — шах. Ты — теперь нет. Тебе дадут пещеру. Еду. И женщину — одну. Дворец для шаха, гарем для шаха. Для настоящего. Все. Так будет.
— Спасибо за гостеприимство! — криво усмехнулся Абу-т-Тайиб. — Ну что ж, показывайте ваш дворец.
Поэту было тошно. Отобрать последнюю радость у несчастного безумца, чей фарр и трон ты уже присвоил — пусть даже не по своей воле? Променять дворец в Кабире на дворец в Мазандеране? Что ж, сам виноват! Ты хотел разобраться — давай, вороши тайны, и не жалуйся, если среди облезлых шкур прошлого окажутся блохи или сонный скорпион!
И, оглохнув от приветственных кликов, сквозь которые визгливо прорывалось изредка: «Вор! Он украл мой фарр! Мой дворец! Мой…», Абу-т-Тайиб последовал за Олмундэвом, ковылявшим впереди.
Пещерный город приближался.
2
…Абу-т-Тайиб шагнул под шершавые своды «дворца», освещенные рваным пламенем факелов — и не сумел сдержать улыбки: понятия о роскоши у дэвов были весьма своеобразные.
Пол, как и положено в покоях любого уважающего себя дворца, устилали ковры. Самые разнообразные. Самые пестрые. Самые… самые. С орнаментами и без. С рисунками и чудными узорами. Вперемежку с циновками и одеялами — лишь бы поярче! И уложено все это добро было, по меньшей мере, в четыре-пять слоев; зато уж тут дэвы постарались — хоть краешек каждого, а все равно был виден.
Вот, мол, сколько у нас ковров — как песка в пустыне!
Одно слово: навалом!
Из-за этого пол шел волнами, и ходить по нему было весьма затруднительно, а про «важно шествовать» вообще речи не шло; Абу-т-Тайиб спотыкался чуть ли не на каждом шагу.
На стенах, в зажимах из меди и бронзы (полосы металла, причудливо покореженные лапами мазандеранцев) чадила сотня факелов. Жирная копоть оседала на потолке, на сосульках сталактитов, а также на подвешенных к ним разнообразнейших предметах: курильницах, кальянах (четыре штуки, и все испорченные), женских подвесках, фонариках из крашеной бумаги и прочей дребедени, зачастую совершенно неизвестного поэту назначения и происхождения.
За поворотом пещеры обнаружился балдахин из нежно-розового атласа. Наверняка похищенный из будуара знатной франкской дамы (довелось поэту ловить сладкие мгновенья и в таких местах). От балдахина вниз свисала плетеная штора, а по обе стороны ее застыли двое дэвов-близнецов в кожаных шароварах.
И с умопомрачительного вида железными палицами в руках.
При виде шаха дэвы — близкие родичи кабирских Яджуджа и Маджуджа — выкатили глаза, всем своим видом изображая немеряную преданность и почтение.
Абу-т-Тайиб хмыкнул, раздвинул штору, шагнул под балдахин…
И застыл на пороге соляным столбом.
— Сим-Сим, закройся! — только и сумел выговорить он.
Во-первых, посередке зала стоял трон. Огромный, блестящий, черный, как кожа дикого зинджа (похоже, из полированного базальта). Сиденье его, где свободно могли уместиться три Абу-т-Тайиба аль-Мутанабби, было застлано облезлой шкурой тигра. Вторая такая же шкура лежала у подножья трона. Сбоку к престолу жалась хромая тахта, словно ища покровительства, а дальше имелось обширное ложе с ворохом разнообразных мехов поверх него. Кругом же в живописном беспорядке, играя красноватыми бликами от вездесущих факелов, валялись блюда, кувшины, чаши, кубки, большие и маленькие ларцы со шкатулками, светильники, груды одежд… сокровища, короче.
На ближайшей из таких груд красовалось золотое блюдо, а на блюде гордо сиял здоровенный сапог.
Один.
Подозрительно знакомый: с гнутым каблуком, с кисточками по голенищу… разве что обе ноги поэта свободно могли уместиться в этом сапоге, и еще осталось бы место для парочки пеналов.
Сапог, по-видимому, тоже должен был быть один; символизируя уникальность шаха.
За то время, пока Абу-т-Тайиб с нескрываемым интересом рассматривал свое новое обиталище, он обнаружил два-три задрапированных коврами боковых прохода — но решил исследовать их позже.

Умеренность и еще раз умеренность; если хотите жить долго и счастливо.
Через минуту он сидел на троне.
— Твоя — шах? — спросил Абу-т-Тайиб сам себя.
И грустно ответил, ткнув пальцем в собственный живот:
— Моя — шах, будь моя трижды проклят! И светится…
Ожидающий у входа Олмун-дэв закивал косматой головой.
* * *
Остаток дня поэт провел в трудах праведных.
Поужинал в обществе Гургина, Дэва и Утбы (лепешки местного изготовления и овечий желудок, фаршированный зеленью — по всему видать, лучшее, что могли предложить им дэвы). Распорядился, чтобы его спутников разместили во «дворце» — места на всех хватило с избытком. Отправил Худайбега подыскать сносное жилище для несчастного «карлика» — Абу-т-Тайиб чувствовал себя изрядно виноватым перед бывшим шахом. Затем, с помощью Утбы и вернувшегося Худайбега (местных жителей привлекать не хотелось) навел хоть какую-то видимость порядка в «тронной зале». Хотел было прогуляться по окрестностям на сон грядущий — но, выбравшись из «дворца», выяснил, что снаружи уже стемнело.
А внутри, внутри-то, едва Абу-т-Тайиб вернулся и совсем уж собрался завалиться спать…
3
— Гарем шах!
Дэв-страж просунулся за полог, радостно объявил эту восхитительную новость — и исчез раньше, чем Абу-т-Тайиб успел спохватиться и возгласить запрет.
Увы! — в залу гурьбой, счастливо визжа, повалили девицы.
Вернее, дЭвицы!
Совершенно обалдев, Абу-т-Тайиб сидел на своем ложе дурак дураком, а перед ним колыхалось море волосатой плоти. Некоторые дэвицы были одеты в цветастое тряпье, долженствующее изображать обольстительные наряды; но большинство, кроме собственной шерсти и чудных украшений, одеждами пренебрегли. И с готовностью демонстрировали шаху свои прелести, заставляя Абу-т-Тайиба содрогаться от вида дэвичьих тел.
— Повелитель выбирай! Мы — танцевай, повелитель — выбирай! — тигриным басом проворковала одна из дэвиц, и добавила неясно к чему:
— Шах и мат!
Тут же из-за полога невпопад громыхнул бубен, ему надтреснуто вторили струны расстроенного барбара — и под эту дикую, первобытную мелодию дэвицы закружились вокруг поэта.
А у поэта в ответ не замедлила закружиться голова.
«Пусть дурна, пусть страшна, пусть сама сатана, — если хватит вина, будет мужу жена!» — вспомнился Абу-т-Тайибу старинный бейт времен джахилийи, когда дар лоз еще не был провозглашен запретным.
Сейчас поэт был готов удавить остроумного автора собственными руками. Ведь сказал пророк (да благословит его Аллах и приветствует!): «Женщина вам пашня, пашите ее как угодно!» Вот она, пашня, согласная на все — паши ее как угодно, беспутный бродяга! Для того ли менял одну пашню на другую, для того ли уходил из Кабира, чтобы прийти в Мазандеран?! Чего же ты хочешь на самом деле, почему шарахаешься, когда тебе несут на блюде все блага мира, почему отшатываешься и вопиешь гласом громким:
— Я возьму сам! Вы слышите — са-а-ам!..
Бубен стучал все яростнее, сбивался, не поспевая за приятелем, барбар-семиструнка — и великанши, одна за другой, припадали к стопам шаха, преданными собачьими глазами заглядывая ему в лицо снизу вверх: «Возьми меня! Неужели я тебе не нравлюсь?! А я?!»
И столько ожидания, столько надежды, столько страстной поволоки было в этих глазах, что всякий раз у Абу-т-Тайиба только и хватало силы, что отрицательно покачать головой. Он переводил взгляд на следующую красотку и молил Аллаха о малом: чтобы все это светопреставление поскорее закончилось, и утомившиеся дэвицы убрались восвояси. Е рабб, ну не делить же постель с одной из них! Они не виноваты в своем уродстве, они искренне хотят доставить ему удовольствие, но это же выше человеческих сил!..
«А как на моем месте поступал безумный Кей-Кобад?! — вдруг обожгла шальная мысль. — Неужто…»

Вот очередная дэвица с надеждой корчится у ног привередливого владыки, который ни в какую не желает «выбирай». Поэт собирается с духом — и взгляд его вдруг проваливается в бездонную синь глаз той, что когда-то звалась Нахид-хирбеди!
— Нахид! Ты?
Абу-т-Тайиб отшатнулся, сжав виски ладонями: вот и добралась до него бывшая жрица! Тайно затесалась в гарем — и теперь наконец сведет счеты с ненавистным бродягой, оскорбившим ее великим оскорблением!
Но Нахид медлит рвать и метать. С детской обидой она смотрит на него, моргает длинными ресницами — последним, что осталось от прежнего облика, кроме цвета глаз. Мгновения тянутся и тянутся, обволакивая поэта вязкой патокой — и он с ужасом видит: глаза расстриги-хирбеди полны любви.
До краев.
Ни капли былой злобы и ненависти, ни клочка звериной ярости — ничего этого больше нет в двух голубых колодцах.
Нахид умерла. Навсегда. Узнала ли она его? Одному Аллаху ведомо! Но сейчас она явилась к нему за тем же, что и остальные — чтобы шах взял ее на ночь!
Она хочет этого!
— Нахид… ты… узнаешь меня? — шепчет поэт, и слова текут через душу крутым кипятком. — Ты помнишь: «Только раз бывает праздник, только раз весна цветет… взор твой, пери, праздник вечный, вечный праздник в сердце льет…» Ты помнишь?
Поначалу на оплывшем, бездумном лице дэвицы не отражается ничего. А потом… Широкие вывороченные губы ползут в стороны, вдавленный нос морщится, у рта залегают складки… Нахид улыбалась! Повелитель заговорил с ней! Это хорошо! Это очень хорошо! Значит, она ему понравилась! Он хочет ее!
Та, что раньше звалась Нахид-хирбеди, протягивает косматую лапу и осторожно касается бедра владыки. Корявая ладонь ползет дальше…
— Не-е-ет!
Ладонь в недоумении останавливается.
— Нет, Нахид, не надо… — стон рвет глотку, сердце, душу; расплавленным оловом течет по гортани, и боль от подлинного ожога кажется благословением Господним. — О, теперь я понимаю: тогда, когда ты пришла просить за своего учителя, когда я издевался над тобой, заставил раздеться — я ведь хотел тебя! Я мужчина, Нахид, я обычный мужчина, я хуже многих; но теперь… Прости меня, девочка — я не могу. Не могу! Уходи! Убирайся вон!
Отчаянье расплескалось под сводами пещеры, дрогнул хлам, свисающий с потолка — и только тут до существа, тупо глядевшего на безумного господина, дошло, что повелитель не хочет ее!
Глаза бывшей хирбеди мгновенно набухли слезами, и несчастная дэвица, вскочив, с обиженным воем бросилась к выходу.
А Абу-т-Тайиба несло половодье бессильного бунта.
— Уходите! Уходите все! Оставьте меня в покое!
На мгновение все застыло, мелодия оборвалась, запоздало ударил бубен — и тоже смолк в испуге.
А потом дэвицы, дружно вторя Нахид своими рыданиями, устремились прочь. Сейчас они больше всего походили на толпу насмерть обиженных детей, которых ни с того ни с сего наказал и прогнал сердитый отец.
— Вы не виноваты… Вы хотели, как лучше. А я… Простите меня… — глухо бормотал поэт, упав на ложе и зарывшись лицом в ворох пушистых шкур.
Он сам не заметил, как заснул.
Посреди ночи он проснулся от слабого движения рядом. Протянул ладонь, огладил теплую шерстку… То существо, что находилось вместе с ним под одним одеялом, немедленно придвинулось с готовностью, так что поэт не замедлил ощутить маленькую упругую грудь, гибкие плети рук — обычных, человеческих, тонких рук.
Девичьих рук.
Только покрытых шелковистой, приятной наощупь шерсткой.
Горячее тело приникло к нему, и дальше все получилось само собой… Он так и не понял: было это сном или очередной шуткой судьбы? Любовь выглядела нереальной, зыбкой сказкой, и даже сладость в конце оказалась спокойной и мягкой, без томных стонов или звериного рычания.
Тишина.
И покой.

…Но вот она приходит ниоткуда, и всем забытым переполнен кубок: любовь, дорога, море, паруса… Боясь шагнуть с привычного порога, ты перед ней стоишь, как перед Богом — и все-таки не веришь в чудеса.
«Я сам, — бормочешь ты сухими губами. — Я… сам…»
* * *
Наутро рядом с поэтом никого не оказалось.
Вскоре принесли завтрак. Как выяснилось, принести заодно и воду для утреннего омовения дэвам в голову не пришло, а садиться за дастархан нечистым поэт не пожелал.
И отправился к ручью, не дожидаясь, пока дэвы догадаются исправить свою оплошность.
Студеные брызги мигом прогнали остатки сна вместе со всеми ночными призраками — и поэту даже стало немного жаль, что это были всего лишь грезы.
Впрочем, думать так ему было спокойнее.
Он поднялся, намереваясь вернуться во «дворец», позавтракать и приступить к осмотру места, куда забросила его Судьба…
Лицом к лицу столкнувшись с давешней девушкой-подростком.
«Старый Олмун-дэв говорил: настоящий шах светится. Кажется, я вижу…» Загадочный взгляд больших голубых глаз; угловатая фигурка; гладкая шерстка золотится на предплечьях…
— Меня зовут Фарангис, — она легко проскользнула мимо него и стала наполнять кувшин.
А он стоял и смотрел. На нее.
Фарангис.
Было?
Не было?

Глава пятая,

повествующая о времени и его кознях, об искренности хирбедов и детских скороговорках, но даже краешек завесы не приподнимается над тем, что случилось с безумным владыкой в пещере Испытания.

1

Здесь было тихо и покойно; если не считать вечного смеха воды, с беспечностью ребенка кувыркающейся в теснине русла. Два кизиловых деревца прятали в кронах алые огоньки — плодам еще не пришло время вдоволь налиться кисло-сладким соком; рядом с кизилом самозабвенно, ничего не оставляя на потом, чахоточной девицей цвела мушмула, и брезгливо косился на глупышку старый вояка-шиповник, крутя кукиши завязи.
Они противоречили друг другу: кизил, мушмула и шиповник — противоречили лепестками и плодами, временем цветенья и временем зрелости, но что может быть непротиворечивым в Мазандеране, в Краю Дэвов, куда идешь соринкой в глазу мира, от уголка к уголку, сквозь непрерывное морганье — пока не вылетишь наружу?!
«Вот где славно умереть, — вдруг подумалось Абу-т-Тайибу, — умереть и быть похороненным. И чтоб ветер осыпал на могилу пригоршни лепестков, а река смеялась… Е рабб, хоть бери и ложись, не дожидаясь отведенного срока!»
Относительно идеи ложиться в гроб немедленно у поэта имелись определенные сомнения. Ты ляжешь, черви дружно примутся за работу, а потом ангел Джибраиль с интересом выяснит в своде записей: вот он, покойничек-гулена, шляется невесть где и невесть с кем! Престолы задницей протирает, подданных смущает дурацкими выходками; джинны с дэвами в него пальцами тыкают, в красавца… О Аллах! — имя первому адскому слою Джаханнам, и уготован он ослушникам из правоверных, умершим без покаяния; имя же второго слоя — Лаза, и назначен он неверным; третий слой, аль-Джахим, погребает племена Яджуджей и Маджуджей, а также идолопоклонников страны Синдху; имя четвертого слоя ас-Сайр, и он открыт для почитателей Иблиса; пятый, Сакар, для еретиков-зиндиков; в шестом, в аль-Хутаме, взывают к своим заступникам люди Торы и люди Евангелия; в седьмом же, в аль-Хавии, стонут лицемеры!

А для вот таких бездельников, которых сперва изрядно носило по обитаемой четверти земного круга, а теперь носит по остальным трем четвертям, лицом к лицу сталкивая с собственными мумиями и чудищами-хирбеди — для такого отребья какой слой ада назначен, о Совершеннейший Благотворитель?
Восьмой?
Двадцать восьмой?
Или нет нам ада, но нет и рая…
— О, где мои тысяча огненных гор? — забывшись, нараспев выкрикнул Абу-т-Тайиб. — Где под каждой горой семьдесят тысяч огненных долин, а в каждой долине семьдесят тысяч огненных городов, а в каждом городе семьдесят тысяч огненных домов, а в каждом доме семьдесят тысяч огненных комнат, а в каждой комнате семьдесят тысяч огненных ложей, а на каждом ложе семьдесят тысяч способов пытки? Где вы? — неужели здесь, во мне, и никуда не деться мне от вас?!
Смех был ему ответом.
Из колючей глубины шиповника высунулась сначала растопыренная пятерня, пошевелила крохотными пальчиками — и скрылась обратно. Минутой позже кусты раздвинулись, и наружу выбралась голенькая девчушка лет пяти, вся измазанная в глине, как если бы Господь миров только что создал ее из сего праха земного.
Следом за местной Евой вылезли два чумазых Адама-трехлетки, созданные, по всей вероятности, из Евиных ребер.
Вон они, ребра девичьи, торчат решеткой, все наперечет: два, шесть, двенадцать…
А было четырнадцать.
Абу-т-Тайиб еще вчера обратил внимание: детей в Мазандеране имелось мало, но к вящему удивлению поэта, все они выглядели детьми человеческими. Разве что легко обходились без одежды, мало заботясь о прикрытии срама. Вот и эти малыши: чисто ангелочки! — щеки румяные, кожа (если отмыть!) белей, чем у невольницы-саклабки, голубые глазенки лучатся озорством…
В кого вырастете, ангелочки?
Неужто в ифритов с ногами, как корабельные мачты?!
— Шк-р-раа! — вдруг скрежетнула девчушка, уподобясь павлину в брачный сезон. — Шкур-ра!
— Шкура? — переспросил поэт, сам дивясь: сижу у речки, с «дэвочкой» о пустяках болтаю… — Какая шкура?
Девчушка стукнула себя по макушке кулачком, что должно было означать непроходимую тупость собеседника.
— Гаорка! — поправила она, тыча пальцем в дядю, которого судьба обделила понятливостью. — Шкура-гаорка!
— Скороговорка! — догадался поэт, и был вознагражден радостными ужимками, которым позавидовали бы мартышки в чаще. — Ты решила, что я скороговорку выкрикиваю?
— Ага! — девчушка шлепнулась на землю, оба Адама мигом подскочили к предводительнице и стали искаться в ее пышных кудрях, отталкивая друг друга. — Шкура-гаорка давай!
— Так я ведь шах! — усмехнулся Абу-т-Тайиб малолетней нахалке. — Негоже шаху низкими забавами баловаться!
— Про шах давай! — Ева была непреклонна. — Шкура-гаорка про шах!
Пришлось славному мастеру рифм и ритмов поднапрячься.
— Э-э-э… То ли шах я, то ль ишак, то ли шум в чужих ушах, то ли вышивка на шелке, то ли щука в камышах! Ну-ка, повтори!
Оглушительный галдеж был ему ответом. Три детских глотки вовсю шипели, щелкали и скрежетали молоточками чеканщиков, розовые язычки мелькали, облизывая замечательную «шкура-гаорку про шах»; в итоге все остались чрезвычайно довольны друг другом.
— Еще! Еще давай, шах-ишак! Давай про дэв!
— Плакали по дэвам девы: «Где вы, дэвы? Дэвы, где вы?! О, в воде вы! О, в беде вы! В пекле на сковороде вы!»
— Еще! Еще про дев!
— Отвечали дэвы девам: «Заняты мы, девы, делом — обещал полночный демон снять по утренней звезде вам!»
— Еще!
— Ах вы, негодники! Вот вы куда удрали!
Из-за кизила вывернулась женщина, обычная женщина, моложе самого Абу-т-Тайиба лет на двадцать пять и вполне годящаяся поэту в жены. Три попки были тут же

отшлепаны, три носа вытерты, каждое дитя получило по своей доле упреков за побег; и женщина, рассыпаясь в извинениях, потащила детей прочь.
— Стой! — закричал ей вслед Абу-т-Тайиб. — Стой, погоди!
Приказ был выполнен в точности: женщина остановилась, согнувшись в нижайшем поклоне.
Нет, бесталанный шах Кабира остановил няньку отнюдь не из желания поинтересоваться: что делает обычная женщина в Мазандеране? Абу-т-Тайиб уже успел встретиться здесь с доброй сотней невольниц, от юных пери до старух с седыми космами, которых дэвы натаскали отовсюду — прибираться, готовить пищу и рожать вот таких голубоглазых ангелочков. Здесь не таилось ничего удивительного: еще в сказках никого не изумляло, когда дикий ифрит с дурным нравом предъявлял права на красавицу из человеческого рода.
Удивительным было иное: нянька ругала детей на чистом арабском, с легким налетом йемамского акцента.
— Давно тебя выкрали? — на том же языке, заново приноравливаясь к родному звучанию, поинтересовался поэт. — Ну говори, не бойся: давно?
Маленькая слезинка выкатилась из уголка глаза и споро покатилась по щеке няньки-невольницы.
— Давно, мой господин! Летом восьмой год будет. Мы с братом выехали из Каира, по делам семейным, а тут — ифриты… брата разорвали, а меня…
— Из Кабира?! — разочарованию поэта не было предела.
— Нет, господин мой! Из Каира, столицы Египта.
— В Египте нет такой столицы — Каир! Во всяком случае, при мне не было…
— Ну как же нет! Я ведь не какая-нибудь замарашка, я дочь известного равия, собирателя стихов, я грамоте обучена! Каир-столица, основан великими Фатимидами… Мы туда из Йемамы перебрались, с отцом и братом, а в Йемаму — из Хадрамаута!
— Славного беговыми верблюдами, — машинально уточнил Абу-т-Тайиб. — Земляки, значит… Дважды земляки: ты из Каира, я из Кабира! А когда, говоришь, Фатимиды этот ваш Каир заложили?
И был вознагражден ответом:
— В триста пятьдесят восьмом году лунной хиджры, мой господин! Отец еще записал: «О первый камень Каира! — два года прошло со дня смерти Абу-ль-Фараджа Исфаханского, составителя „Книги Песен“, и дважды два — со дня кончины великого поэта Абу-т-Тайиба аль-Мутанабби! Быть тебе, Каир, градом стихотворцев!»
— Ты уверена? — осторожно переспросил поэт.
Так и встало в памяти: бархан и торчащий из него сапог.
Куфийский, с кисточками по краю голенища.
Больших денег стоит… стоил.
— Абсолютно, мой господин! Я же дочь равия… Мой отец составил наилучшее собрание касыд аль-Мутанабби и сатир Ибн Суккары; мы потому и в Каир переехали, что у тамошних равиев сохранился малоизвестный вариант «Касыды о мече»!
— Ладно, ступай, — поэт безнадежно махнул рукой, присел на камень и долго любовался, как ветер ерошит крону кизила.
Вдоль берега речки мчались трое детей, и вслед за ними спешила невольница-нянька, похищенная ифритами Мазандерана из окрестностей Каира, столицы Египта.
Города, основанного Фатимидами спустя четыре года после смерти одного малоизвестного поэта.
Е рабб, не удивиться — удавиться бы!.. да не поможет.
Наверное…
2
— Мой шах хочет побыть в одиночестве?
— Твой шах хочет… ничего он не хочет, твой шах. Садись, Гургин. Видел: дети бегут?
— Видел, мой шах! Бегут, дай им Творец здоровья и судьбы получше, чем у родителей…
— И то, что все дети — «небоглазые», тоже видел?
— Не слепой… Да и каким им еще быть, мой шах?
— Знаешь, Нахид отказалась раскрыть мне тайну «небоглазых»… Глупая! — это у нее с того дня уродство в рост пошло?
— Нет, мой шах. Это началось у Нахид-хирбеди еще у пещеры Испытания, когда она возражала мне. А в рост пошло, когда на твоей голове воссиял шахский кулах. Ну и дальше-больше…
— А у Худайбега все началось, когда он в разгул ударился?

— Увы, мой шах, разгул здесь мало что значит. Грабил бы себе твой любимец купцов да носильщиков паланкинов, глядишь, и по сей день слышали бы мы о славном курбаши Худайбеге! Просто Худайбеге, человеке, разбойнике, каких двенадцать на дюжину… Это он сборщика податей, видать, убил; или на столичного чиновника руку поднял.
— И что?
— Когда «небоглазый» живет обычной жизнью, не противореча власти, человеческое в нем сильней чуждого начала. Он просто лишен благодати: не видит земными глазами ореола шахского фарра, и не слышит блеянья Златого Овна.
— Как Дэв, который не признал во мне владыку там, на Судейской площади?
— Да, мой шах.
— Как Утба, когда кинулся на меня, обуян боевым безумием?
— Да, мой шах.
— А если «небоглазый» подымает руку не на шаха, а на чиновника, на того, кто получил должностной кулах…
— Подымать руку не обязательно. Власть есть власть, а сияние кулаха наместника или судьи есть частица сияния кулаха владыки — который, в свою очередь, частица Огня Небесного. Обычному человеку даже в голову не придет укрывать зерно от уплаты податей. «Небоглазый» может укрыть — и с этого часа в нем просыпается дэв. Ты видел, как это происходит, мой шах! Проходит время — и новому дэву один путь: в Мазандеран. Если, конечно, он не будет убит ранее…
— Людям с голубизной взора можно жить, как все — человеком; можно жить по-своему — дэвом; что еще, Гургин?
— И можно сойти с ума, приняв на себя должностной кулах. Сияние фарра выжжет нам мозг, обратив в чудовище не видом, но рассудком! Поэтому я молил тебя избавить старого дурака от тяжести венца безумия!
— И поэтому Утба, став есаулом султанских телохранителей, начал смеяться невпопад? А Дэв падал в обморок, надев шапку юз-баши?!
— Правота моего шаха…
— Знаю — неоспорима. Только ответь мне: почему Утба до сих пор в своем… почти в своем уме? И почему Дэв становился чудовищем гораздо медленнее, нежели Нахид?!
— Близость султана, мой шах, для Утбы Абу-Язана… а для Дэва — сперва отроческая незрелость, а после еще и близость моего шаха! Присутствие обладателя фарра сдерживает окончательное превращение «небоглазого» в дэва или сумасшедшего. Нам, чей взор дурен от рождения, опасно быть в сиянии власти; нам опасно быть против сияния власти — но если это произошло, то нам лучше быть около власти. Около тебя, мой шах, ибо государство — это ты, как правильно заметил Баркук-Харзиец! Так предопределено от начала веков, мой шах, и от нас это не зависит. Смешно! — любой из дэвов тянется к тебе, мой шах, ибо твое близкое присутствие вновь тащит на поверхность человека, утонувшего в трясине гиганта-урода; они, бывшие мятежники, бывшие слепцы, сейчас готовы душу за тебя положить на алтарь… Любой дэв стал бы самым законопослушным кабирцем, хургом, кименцем, он бы падал в ноги любому обладателю кулаха — но люди не примут их обратно! Разве что с единственной целью: рассажать на колья…
— Это не смешно, Гургин. Это страшно.
— И опять правота моего шаха неоспорима. Это не смешно; а я — старый дурак. Потому что советник, давший Кей-Кобаду совет: как сделаться шахин-шахом…
— Я слушаю.
— Это был я, мой шах.

3

ПОВЕСТЬ ГУРГИНА, ВЕРХОВНОГО ХИРБЕДА КАБИРА-БЕЛОСТЕННОГО, О ТОМ, ЧТО БЫЛО И ЧЕГО НЕ БЫЛО С НИМ, С ШАХОМ И СО СТРАНОЙ.

…во вторую декаду месяца Фравардин, посвященного Фравашам — душам усопших предков; во вторую декаду месяца поминальных молитв и благочестивых помыслов — о вечное небо! — меня призвал к себе солнцеликий Кей-Кобад, шах кабирский…
Нет, не так.
Иначе.
Знаете, как в Малом Хакасе лишают ведьм колдовского дара? Старуху сажают в круг из пяти костров, и в летний полдень, окружена чистым огнем, она должна сорок раз назвать вслух имена сорока демонов-прислужников. Потом ведьму приводят в чувство, на пятом костре жарят печенку черной суки, насаживают эту печенку на колючую веточку терновника — и кормят женщину поганой едой. После трапезы прочищая ей глотку оной веточкой и заставляя извергнуть съеденное вместе с даром к ведовству. А

дальше главное: в течение месяца не кормить ведьму курятиной и на закатах обливать ключевой водой.
Иначе обряд придется повторить.
Хирбеда-отступника подвергают сходному очищению. Разве что вместо пяти костров становятся пятеро жрецов Огня Небесного, пятеро «небоглазых» высшего посвящения; вместо имен сорока демонов-прислужников грешник может твердить все, что ему угодно, или вовсе молчать; а вместо терновой веточки душу отступника прочищают колючим разумом Пятерых.
После этого кисель, бывший человеком, отправляют доживать свой век в тайные капища, укрытые от Огня Небесного.
К Нахид-хирбеди таких мер не применялось. Зачем мучить понапрасну? — ее ведь просто пытались уберечь от греховного поступка, от глупости и ереси; но она свято хранила тайны хирбедов, зная, что всякий хирбед — «небоглазый», но не всякий «небоглазый» — хирбед; и еще зная, что молчание — тоже испытание.
Впрочем, речь сейчас не о Нахид.
Когда мы вернемся в Кабир-белостенный…
Нет, не так.

Иначе.

Если мы вернемся в Кабир-белостенный, я добровольно явлюсь в Судилище Огня и отдамся в руки братьев моих — я, верховный хирбед Гургин, отступник и злоумышленник. Ибо не имел права говорить с обладателем фарра о тайнах «небоглазых», о сущности дэвов и должностного безумия; ибо еще жива меж нас память о шахе Заххаке-змееносце, который приказывал трижды на день кормить себя мозгом юношей и дев с голубыми глазами.
А теперь можно и с начала.
Во вторую декаду месяца Фравардин, посвященного Фравашам — душам усопших предков; во вторую декаду месяца поминальных молитв и благочестивых помыслов — о вечное небо! — меня призвал к себе солнцеликий Кей-Кобад, шах кабирский. Явившись пред очи владыки, я пал ниц и внимал его велениям. Но на этот раз шах долго молчал, а потом сказал удивительное.
— Держава моего легендарного предка, Кей-Джамшида, — сказал владыка, — простиралась от масличных рощ Кимены до барханов Верхнего Вэя. Это так, хирбед Гургин?
— Это так, мой шах, — отвечал я с благоговением. — Кей-Джамшид был повелителем мира, и фарр его являлся своему обладателю в виде святой чаши, откуда Кей-Джамшид обеими руками черпал благодать.
— Почему же нынешние времена — лишь слабое подобие прошлых? — спросил владыка.
Я пожал плечами. Что отвечать? Что Кей-Джамшид возгордился сверх меры и стал черпать из чаши не обеими руками, а ведрами и черпаками? Что святая чаша от гнева раскололась на сотню кусков, и каждый кусок обратился в отдельный фарр — кабирского Златого Овна, Лунного Зайца Харзы, Синего Тура Лоула, мэйланьского Голубя-Мяо?..
Вряд ли владыка хотел услышать от меня то, что прекрасно знал сам.
— Пора вернуть величие прошлого, — Кей-Кобад расхаживал по покоям, не глядя на меня. — Пора склеить чашу моего предка Джамшида! Пора шахский кулах превратить в диадему царя царей! И ты поможешь мне в этом, верховный хирбед Гургин, поможешь… Я приказываю: через месяц ты явишься в эту залу и изложишь мне способ осуществить великий замысел! Проклятье, я головой согласен рискнуть ради желаемого!.. я жду тебя, Гургин, я жду тебя через месяц…
Уже в дверях меня догнали последние слова Кей-Кобада.
— Это приказ, хирбед! — сухо бросил владыка в спину раба своего, скорее подчеркивая, чем напоминая.
С того часа мне кажется: шах кабирский знал больше, чем говорил. Видимо, меж хирбедов сыскался-таки отступник, приоткрывший Кей-Кобаду краешек завесы над тайнами «небоглазых». Ведь словами «это приказ!» шах ставил меня в безвыходное положение! — а шахи редко произносят вслух такие слова, ибо любая их прихоть — и без того приказ. Ослушайся я Кей-Кобада, откажись искать нужный способ — это означало бы, что некий Гургин, человек с голубыми глазами, воспротивился воле обладателя фарра, воле олицетворения державы!..

Вскоре среди дэвов Мазандерана вполне мог явиться еще один, плохо помня о своем звании верховного хирбеда.
Предложи я способ наугад, без должного разумения и надежды на успех — пусть надежды куцей, будто заячий хвост! — шах погиб бы страшной смертью, пытаясь накрыть одним плащом двоих, пытаясь стать вдвое больше, а вместо этого разрываясь пополам…
С нового Испытания вернулся бы новый шах; но что решил бы Златой Овен относительно неудачливого советчика Гургина?!
Относительно того человека с голубыми глазами, чей совет на миг подвел Овна к краю пропасти?!
Вскоре среди дэвов Мазандерана… впрочем, об этом я уже говорил.
Время шло.
Я долго думал.
Подобно сапожнику, пытающемуся из одной заготовки стачать две пары сапог; подобно цирюльнику, норовящему из редких прядей на подбородке старца соорудить пышную бороду в завитках; подобно матери, которой нужно одной лепешкой накормить ораву сыновей.
Я очень долго думал.
У меня имелся в запасе целый месяц; много, крайне много, если ты обучен думать.
Да, султан Харзы был прав, указывая новому владыке Кабира, где искать! Шах Кей-Кобад действительно вознамерился разбить страну на четыре удела, официально назвав каждого наместника-марзбана — шахом, а себя — царем царей! Безумие? Чушь? Возможно…
Если не пройти заново путем размышлений глупого Гургина.
Вот они, осколки чаши Джамшида, фарры держав: овен, голубь, заяц… Но где же видано, чтобы зайцы охотились на голубей, а туры наполняли чрево бараниной?! Огнь Небесный распорядился единственно правильным образом; фарры не были способны стать друг другу врагами или соперниками.
Но приказ Кей-Кобада… приказ воина… приказ волка!
Я решил превратить Овна в волка.
И мой совет Кей-Кобаду был волчьим советом, попыткой научить шаха есть сырое мясо, не поперхнувшись. В качестве первой добычи предполагались наместники четырех уделов — частицы собственного кабирского фарра. Безопасно; наивно; удивительно! — но волчица приучает детей к мясу исподволь, таская в логово то овечью лопатку, то полевую мышку… лопатку надо грызть, мышку надо душить, а там черед дойдет и до серьезной травли.
После обеда самим собой у шахин-шаха, у царя царей Кобада должна была возникнуть любовь к свежатине.
Или хотя бы — привычка.
А сияние фарра, после того, как Златой Овен поглотит собственные частицы, должно было стать — хищным.
Я не видел иного способа склеить чашу Кей-Джамшида.
Совет пришелся владыке по душе. Он искренне пытался облагодетельствовать меня, предлагая открыть для умницы-Гургина свою сокровищницу; он щедро жертвовал на храмы и приближал хирбедов сверх меры. Одновременно Кей-Кобад заказал себе бранный доспех, новые латы для новой славы, и собирался буквально на днях объявить о реформе обустройства державы.
А я все чаще ловил себя на недостойном хирбеда возбуждении.
Мне стало интересно: прав ли я?
Можно ли на самом деле превратить Златого Овна в Серого Волка?!
Когда возбуждение достигло предела, я увидел сон — хотя обычно сплю без сновидений. Символ кабирского фарра сидел напротив меня и смотрел в упор налитыми кровью глазами. Ничего не предпринимал; просто сидел и смотрел. Будто раздумывал: что следует со мной делать? Или иначе: что следует делать со мной за то, что я собирался сделать с ним, Златым Овном? И баранья морда ухмылялась мне в лицо зловещим оскалом.
Волчьим.
Мы, хирбеды, путем долгих усилий, приучаем себя видеть образ державного фарра; не так, как все, но мы его видим, в отличие от простых «небоглазых».
В эту ночь я проклял дар виденья.
На следующее утро меня вновь призвал к себе владыка Кабира.
— Мне снился Златой Овен, — без обиняков сообщил он. — Ему по душе избранный мной путь. Дело за малым: перед началом нового пути я должен опять пройти через

пещеру Испытания. Один; без спутников и соперников. Войдет не шах-заде, но шах; выйдет не шах, но шахин-шах. Ты поедешь сопровождать меня.
— К пещере Испытания ездят два хирбеда сопровождения, — я низко поклонился, недоумевая. Воля Златого Овна показалась мне по меньшей мере странной. Но разве не было странным все, задуманное нами?!
Шах брезгливо поморщился.
— Лишние уши, лишний язык, мой Гургин… Говорят, у тебя есть ученица? Молоденькая глупышка? Возьми ее.
Так Нахид впервые оказалась в горах без названия.
Вопреки обычаю: хирбедов сопровождения избирает не воля шаха, а Совет служителей Огня Небесного — но Совет согласился с моим предложением.
Мы легко добрались до пещеры Испытания, и Кей-Кобад вошел внутрь.
Я и Нахид ждали его у выхода до самого заката.
А потом еще — от рассвета до заката.
А потом еще.
И на ум раз за разом приходило возвеличивание легендарного Кей-Джамшида, чья гордыня не уступала его же мудрости, а мудрость была беспредельна:

— Теперь шахин-шах полновластный наш — ты,
Хоть солнце зашло, месяц ясный наш — ты.
Всю землю пусть воля твоя покорит,
А имя на арках дворцовых горит!

Мы ждали напрасно.
Шах исчез; и лишь из темной глубины пещеры эхом доносилось насмешливое блеянье.
Спустя неделю ожидания мы отправились домой.
…едва успев пересечь кабирские пределы, мы с Нахид окунулись в траур. Окна наместнических дворцов были занавешены синим атласом, меж дикхан царило смятение и растерянность, и хирбеды трижды на день возносили молитвы за упокой шаха Кей-Кобада.
Безвременно скончавшегося от старости.
— Когда умер шах? — спросил я у первого же гонца, которого узнал по лисьему малахаю. — Когда?!
Из ответа я выяснил, что великий шах умер больше двух месяцев тому назад, не покидая перед этим своего дворца.
Для нас с Нахид прошло около трех недель; для кабирцев — для них срок был совсем иным.
Вернувшись в столицу, я немедленно встретился с братьями-хирбедами. Многие из них были очевидцами похорон и в один голос утверждали: да, хоронили именно Кей-Кобада. Я посетил мавзолей владыки, долго стоял у гробницы… из углов насмехалась пыльная тьма.
Все вокруг честно похоронили владыку, все прекрасно помнили и заключения лекарей, и момент кончины, и траур; все прожили больше двух месяцев, день за днем, минуту за минутой…
Прожили?
Нет?
Тогда я впервые задумался об истинном и ложном.
Можно ли отыскать различие?.. наверное, нельзя.
Я оплакал Кей-Кобада и наш дерзкий замысел. Я велел Нахид молчать даже под пыткой; и она повиновалась. И когда из всех претендентов на фарр и трон остался один Суришар, его поехали сопровождать двое: я и Нахид.
Совет не стал возражать.
Мне хотелось вновь оказаться у пещеры Испытания. Мне все время казалось: умерший и оплаканный шах ждет нас там, ждет, еженощно мучаясь насмешкой Златого Овна… тщетные надежды. У пещеры никого не было, и Суришар вошел внутрь.
А вышел ты, мой будущий владыка; и я видел сияние вкруг твоего чела, как умеют это видеть лишь хирбеды высшего посвящения.
Я не рискнул противоречить воле фарр-ла-Кабир.
Замечу лишь, что входят в пещеру Испытания многие, а выходит — один. Никому не известно, куда деваются остальные, и где отныне лежат их пути. Возможно, кто-то из

предков моего нового владыки был отмечен благодатью фарра, и она сказалась в его потомке; возможно…
Возможно все.
Даже то, что невозможно.
Я понимаю: мои слова может подтвердить лишь Нахид, но, к сожалению, она теперь уже ничего не станет подтверждать.
Нет под горбатым небосводом суда, где рассматриваются свидетельства дэвов.
Вот он, здесь, в удивительном месте — бывший шах Кей-Кобад, заново посетивший пещеру Испытания, чтобы вместо обретения титула шахин-шаха потерять свой собственный фарр!
Но и он ничего не сможет подтвердить: он безумен. Даже меня он не узнает, и только таскается следом неотвязной тенью. Умоляет поговорить с вором, укравшим его фарр, умоляет вернуть прежнее имущество бедному уроду…
Мне жаль его.
Я не знал, что так бывает.

Глава шестая,

исполненная стонов и воплей, мудрых раздумий и горьких терзаний, но от этого никак не проясняются правила игры в мейсир — когда игральные стрелки называются частями верблюжьей туши, после чего они мечутся с определенным смыслом и значением.

1

— …Потерять собственный фарр, надеясь его увеличить, — задумчиво повторил Абу-т-Тайиб. — Нет, не тревожься, мой бдительный Гургин! — меньше всего на свете мне хочется поменяться местами с Кей-Кобадом. Даже с Кей-Кобадом лучших времен, владыкой владык, которому даже в страшном сне не могла бы привидеться доля нынешнего «карлика». Мне претит участь венценосного раба при Златом Овне, заседланного мерина под рогатым седоком — но участь безумца меня тем более не прельщает! И все же, все же… Если есть способ избавиться от сияющего проклятия Овна — то, быть может, есть и способ остаться при этом в своем уме? Ах, Кей-Кобад, гордый Кей-Кобад, скорый на решения и поступки! Будь в моих силах хоть на миг вернуть тебе ясность рассудка, чтобы ты рассказал… Ведь ты хотел совсем иного, нежели хочу я! Не в этом ли ответ? Что скажешь, хирбед?
— Я не знаю, где кроется ответ, мой шах. Но я на коленях молю тебя: не иди путем Кей-Кобада! Это пагуба и ересь — тягаться со Златым Овном! Ты можешь пропасть, погибнуть, сойти с ума, как твой несчастный предшественник — а Кабир вновь покинет благодать Огня Небесного! Я не желаю зла ни тебе, ни своей стране…
— Верю. Но я — плохой шах! Меня тяготит шахский кулах и фарр, тяготит восторженная покорность моих подданных, покорность искренняя, честная, и от того еще более ненавистная! Знаешь, Гургин: там, откуда я пришел, я иногда втайне мечтал о венце султана или халифа — но я никогда не мог подумать, что этот венец мне вручат просто так, даром: садись и владей нами! Нет! Я не желаю подарков от какого-то барана, пусть хоть и трижды Златого! Свободный человек, я не люблю, когда мне швыряют подачки — будь то кусок лепешки или диадема царя царей! И если в своих мечтах я надевал на голову венец владыки — в этих мечтах я всегда брал его сам! Понимаешь — сам! Своими руками и мечом! И никак иначе. Е рабб, ведь сто раз слышал от сказителей: юноша является в неведомый край, ему на плечо садится голубь или ворон — и местные жители мигом возводят юношу на трон! Слышал, смеялся, но никогда не мог себе представить весь ужас случившегося… Представил. Гургин, меня тошнит вашей сказкой!
Гургин угрюмо молчал. Понимал: спорить бесполезно. И даже не потому, что слово шаха — закон для подданных…
— Вышел бы из меня достойный правитель или не вышел — одному Аллаху ведомо; но не здесь, и не ТАК. Мы чужие друг другу: я и мой фарр. Значит, рано или поздно, нам придется встать лицом к лицу… вернее, лицом к бараньей морде.
Поэт саркастически хмыкнул; видимо, ясно представив себе эту замечательную встречу.

— Мы сойдемся на узкой дорожке. И дальше отправится восвояси лишь один; или оба — но в разные стороны. Впрочем, на такой исход я мало надеюсь!.. И еще, положа руку на сердце: боязно встречаться в темноте, вслепую. Ах, если бы Кей-Кобад хоть краешком намекнул мне, что случилось с ним там, в пещере Испытания! Проклятье! Я сам поговорю с ним! Мне удастся… обязательно удастся…
И, не договорив, Абу-т-Тайиб проворно вскочил на ноги.
— Как будет угодно повелителю, — развел руками Гургин. — Возможно, моему шаху удастся то, что не удалось глупому старому хирбеду.
Старец еще долго сидел и глядел вслед своему владыке.
Так, как будто видел его впервые.

2

«Карлика» Абу-т-Тайиб нашел в достаточно просторной и сухой пещере, указанной ему верным Дэвом. В шершавом сумраке теплился робкий огонек лучины, и огрызок света испуганно вздрогнул, едва в проходе возник силуэт незваного гостя.
Груда ветхих одеял на каменном выступе зашевелилась, и из ее глубин возникли борода и один глаз.
Борода была всклокоченная, а глаз — левый.
Голубой.
— Вор, — вяло сообщила борода. — Все украл. Больше ничего нету.
Борода с глазом вновь спрятались под одеялами, и оттуда послышалось то ли сопение, то ли всхлипы.
Абу-т-Тайиб с трудом заставил себя приблизиться к импровизированному ложу былого повелителя Кабира, к услугам которого были бесчисленные множества лож совсем иного свойства; вдобавок, воняло в логове отставного шаха нестерпимо. Но иного выхода не было. Поэт присел рядом с ложем на корточки и, собравшись с духом (во всех смыслах), заговорил:
— Обижаешь, Кей-Кобад, не вор я. Скорее уж жертва, подобно тебе. Все у меня отняли, все, что имел, обобрали до нитки, а взамен твое тряпье всучили: фарр, и дворец, и гарем — век бы я этого добра не видел! Смотри, друг, брат, товарищ по несчастью: на колени перед тобой встал, винюсь — хоть и нет моей вины, а винюсь! Сегодня же с тобой местами поменялся бы, да не знаю — как? Подскажи, а?! Ведь без фарра не видать тебе дворцов с гаремами, как своих ушей; пропадешь ни за медный фельс, подобно бакылю-тупице… Что скажешь, шах?
И умолк в ожидании; будто дитя неразумное уговаривал.
Сопеть под одеялами перестали.
— Отдай! Отдай! Сейчас отдавай, ворюга! — глухо донеслось из-под одеял.
— Подскажи, как?!
Молчание.
— Ну, хочешь, во дворец пойдем? Еды прикажем натаскать, женщин привести? И все — тебе! Одному тебе! А ты только расскажешь…
Одеяла вихрем взметнулись к потолку пещеры, так что поэт, невольно отшатнувшись, чувствительно приложился к полу многострадальным крестцом.
— Пошли! — Кей-Кобад был уже на ногах и в нетерпении запрыгал вокруг Абу-т-Тайиба. — Пошли, ворюга! Сейчас!
— Сию минуту, — покладисто согласился поэт.
Однако у самого входа во дворец-пещеру произошла заминка. «Карлик», за минуту до этого гордо вышагивавший впереди поэта, вдруг взвизгнул, будто змеей ужаленный, и резво отпрыгнул за спину Абу-т-Тайиба.
— Нет! Ловушка! ОН там! Опять! Опять есть будет!
— Кто? — недоуменно обернулся к нему Абу-т-Тайиб; и почти сразу до его слуха из глубины «дворца» донеслось приглушенное блеянье.
— Баран, что ли? — догадался поэт.
— Он! Золотой! Огнем жжет! Не хочу!
— А ну, приятель, будь мужчиной! — ухватив бывшего шаха левой рукой за ворот (чтоб не сбежал), Абу-т-Тайиб правой потянул из ножен ятаган. — Вот мы его, рогатого!
Ятаган с раздражением взвизгнул, упираясь, но Абу-т-Тайиб пренебрег этим, как пренебрег и страхом «карлика»; и с клинком наголо двинулся вперед.
Если проклятый баран и угнездился во дворце, то при появлении двух шахов успел куда-то спрятаться. Оглядевшись, Кей-Кобад вскоре успокоился. А когда по приказу Абу-т-Тайиба дэв-слуга расстарался насчет еды — здоровенное блюдо жареной требухи с неизменными лепешками — то «карлик» и вовсе забыл про страх, с жадным чавканьем набросившись на кушанье.

Огненными бабочками трепетали на стенах языки факелов, тьмой кромешной клубилась под потолком копоть, масляно отблескивали по углам медь и бронза — а посреди всего этого набивал рот горелыми потрохами бывший шах Кабира. Владыка, хотевший большего и потерявший все, отчего сейчас ему хватало для радости малого — незатейливой стряпни мазандеранцев. И сидел рядом, глядя на предшественника и не притрагиваясь к пище, словно был он в доме врага и за трапезой врага, владыка нынешний; и еще угрюмо молчал неподалеку исполинский черный трон. Кто восседал на нем в былые дни? Для каких великанов предназначался он, сгусток полированного мрака, пустующий сейчас…

Пустующий?

Как бы не так!

Кей-Кобад, оказывается, был не настолько поглощен едой, чтобы не замечать ничего вокруг. «Карлик» сразу уловил, как изменилось выражение лица нового шаха — и не замедлил проследить за его взглядом.

Глаза Кей-Кобада мгновенно полезли на лоб, безумец вскрикнул — и подавился, отчего лицо его мигом налилось опасной синевой.

На тигриной шкуре поверх трона вольготно разлегся давешний баран. И теперь Златой Овен с высокомерным неодобрением наблюдал за людьми, словно раздумывая: а не кликнуть ли стражу, не приказать ли вышвырнуть вон обоих наглецов?

— Ну, ты, шаурма недорезанная! — изумился Абу-т-Тайиб, мимоходом хлопая Кей-Кобада по спине (еще задохнется и помрет ненароком!). — Совсем обнаглел, скотина!

Остатки требухи, секундой раньше вставшие безумцу поперек глотки, изверглись наружу вместе с громким кашлем; а поэт не замедлил использовать кувшин, удачно подвернувшийся под руку, не по его прямому назначению.

Угодив промеж рогов, метательный снаряд разлетелся в черепки, а баран только обиженно бебекнул, соскочил с трона и поспешил укрыться в одном из боковых проходов.

— Лучше рассказывай по-хорошему, — решил поэт сменить подход к упрямому собеседнику. — Все, все рассказывай, до конца! А то ведь он от тебя не отстанет! Сам видишь. А вместе, глядишь, и придумаем что…

Он сам не верил в собственные слова. Ему было невыразимо стыдно обманывать несчастного, помочь которому в силах разве что Господь миров — но Абу-т-Тайиб должен был знать: что стряслось с Кей-Кобадом в подлой пещере Испытания!

Как ни странно, угроза возымела действие.

Лицо безумца на какой-то миг приобрело почти осмысленное выражение; Кей-Кобад наморщил лоб, мучительно пытаясь собраться с мыслями.

— Темнота… — уста «карлика» родили хрип, и Абу-т-Тайиб замер, стараясь не пропустить ни единого слова. — Свет… жжет! Бежать! Бежать! Не-е-ет! — заорал вдруг Кей-Кобад дурным голосом, заставив поэта подпрыгнуть от неожиданности.

— Не-е-ет!

И, обеими руками вцепившись в собственные волосы, безумец ринулся к выходу.

3

…позади остались края каменной чаши, подпирающие небо, источенные жилищами дэвов; позади остались серебристый плеск ручьев и чахлые огороды (отсюда они смотрелись драным лоскутным одеялом); позади осталась горная осыпь, которой, казалось, не будет конца — и под сбитые сапоги Абу-т-Тайиба, устав прятаться от назойливого бродяги и решив сдаться на его милость, легла узенькая тропинка.

Куда ведешь, тропа?

Какая разница, дуралей?! — иди, пока идется…

Поэт уходил.

В горы.

Куда глаза глядят.

На душе скребли шакалы; и гадили в потаенные уголки, не пропуская даже самого укромного. Дерьмо; все дерьмо — и собственная душа, взятая под залог у Аллаха, тоже. Не хотелось никого видеть: ни старого мага, ни верного Худайбега, ни вечно смеющегося Утбу, ни почтительных уродов-мазандеранцев…

Хочу быть один! — вы слышите?!

Оди-и-ин!!!

И — не получалось.

От себя не уйдешь. От себя, своего проклятия и искаженного ужасом лица безумного Кей-Кобада, которое насмешливым призраком маячило впереди.

Закрой глаза — маячит.

Ослепни… не поможет.

Как же тебя выкрутили мокрой тряпкой, гордый шах, задумавший из барана стать волком, как же тебя измочалили, прежде чем заново вышвырнуть в мир из пещеры Испытания! Что сделал с тобой Златой Овен, прежде чем сорвать с чела сияющий ореол власти — вместе с твоим рассудком?!
Молчишь?
Не скажешь?
Теперь сам вижу — не скажешь. Ни мне, ни своему бывшему горе-советнику, и никому другому на этой грешной земле. Разве что Аллаху, когда предстанешь перед ним на Страшный Суд. Только Всеведущему ни к чему твои откровения — он и так знает все. А пока ты здесь, на земле, ты останешься всклокоченным безумцем, чей язык горазд лишь ерунду молоть да требуху облизывать…
И никто ничего уже не расскажет, не объяснит глупому поэту, не откроет глаза — поздно. Чего ты добился, несчастный? Узнал тайну «небоглазых»? Узнал. Радуйся! Пляши от счастья! Чем поможет тебе эта тайна? Вернуть прежнюю Нахид? Не дать Худайбегу окончательно превратиться в чудовище? Самому избавиться от клейма Златого Овна? Чего ты добился, прах земной? Хотел попасть в Мазандеран? — ты здесь. Пытался сбежать от поданного тебе на блюде Кабирского шахства? — в итоге тебе на блюде поплоше преподнесли страну дэвов. Где тебя тоже величают шахом и, дабы угодить, вышвыривают в рвань и темень несчастного юрода, лишая его последней радости в этой жизни.
А тайны?.. тайны остаются тайнами, и пора бы уже понять: хоть волком, хоть бараном, а придется идти, куда жизнь ведет!
Не хочешь?
Гордый?!
Ну и подавись своей гордостью…
* * *
Тропа вильнула хвостом, угловатая скала послушно уступила Абу-т-Тайибу дорогу, и поэт увидел, что дальше пути нет, и уступчивость скалы здесь ни при чем.
На тропе, словно восстав из-под земли, стояли четверо дэвов: рогатый исполин и трое приземистых громадин, об которых и носорогий зверь аль-каркадани с разбегу лоб расшибет.
— Дорогу! — зло ощерился поэт. — Дорогу их шахскому величию!
Он двинулся вперед, набычась и сжимая кулаки — но дэвы, в отличие от покладистой скалы, отнюдь не спешили уступать дорогу их шахскому величию. Стояли, переминались с ноги на ногу, сотрясая твердь.
Молчали.
И не уходили.
— Оглохли, уроды?! Прочь!
Абу-т-Тайиб подступил вплотную к рогачу и недвусмысленно положил ладонь на рукоять ятагана.
— Назад ходи, — неожиданно тоненьким голоском проблеял местный шайтан. — Сюда нет. Назад.
— Ах ты, дитя блуда… — начал было Абу-т-Тайиб, до половины обнажая клинок; и вдруг осекся.
Ведь мечталось, до боли мечталось, меряя шагами покои кабирского дворца: эй, люди — оспорьте, возразите, ну хоть просто взгляда не отводите! Вот же оно! Открытое неповиновение! Да, конечно, дэвы — не люди… уже не люди — но не этого ли ты хотел, хотел едва ли не более страстно, чем свою первую женщину?! И едва желаемое возникло пред тобой, как ты впадаешь в ярость, хватаешься за ятаган… Или Златой Овен успел тайно проникнуть в твою душу, в твое сердце и разум, превратив их в собственный хлев, исподволь делая былого поэта шахом, владыкой до мозга костей, принимающим радостную покорность и бездумное раболепие, как должное?!
Что с тобой, поэт?!
— Назад ходи, — тупо повторил рогач.
Абу-т-Тайиб пожал плечами и медленно побрел обратно. Подчиняться было легко и сладостно. Может быть, там, дальше, расположена какая-нибудь дэвская святыня? Капище? Запасы на зиму? Впрочем, важно другое: оказывается, дэвы не столь покорны шахской воле, как люди! Ну почему, почему тупые чудища способны на то, чего не могут обычные смертные?! Ах да, они же — «небоглазые»… бывшие. Уходить, уходить отсюда, уносить ноги, из Кабира, из Мазандерана, из нового бытия — в пещеру Испытания, в Медный город, в пустыню, под бархан, куда угодно!
Не могу больше!
До ушей Абу-т-Тайиба долетел шорох щебня, и поэт резко обернулся.

Дэвы тащились следом, держась шагах в тридцати позади.
— Да оставьте вы меня в покое! Я хочу побыть один! Один — понятно?! — рявкнул он и прибавил шагу, что на каменной осыпи, до которой он уже успел добраться, было весьма небезопасно.
Дэвы малость отстали, но продолжали следовать за ним. И лишь когда осыпь кончилась, поэт, оглянувшись, не обнаружил за спиной молчаливой свиты. Или стражи? Кто его знает. Дэвы растворились в скалах, и на мгновение Абу-т-Тайибу почудилось: это ожившие утесы заступили ему путь там, на тропе — а теперь вновь застыли в неподвижности, вернув себе прежний облик.
Из котловины слабо взметнулся чей-то голос, прянул в небо, и почти сразу оборвался, сбитый влет.
Поэт остановился.
А там — побежал.
4
— Расскажи все, — тупо повторил дэв-стражник и потянулся за дымящейся головней. — Шах прикажи — расскажи все. Говорить.
И неловко ткнул головней в голый бок существа, привязанного к чинаре.
Пленник отчаянно закричал, на губах его выступила грязная пена; и он обмяк.
— Да что ж вы делаете, отродье ифритов?! Прекратить немедленно!
Абу-т-Тайиб буйволом расплескал толпу уродливых зрителей, мало заботясь о разнице в размерах и силе. Свистнул ятаган, с тупым стуком разрубив веревки и глубоко ранив старую чинару; после чего несчастный «карлик» без сознания свалился прямо на руки владыке Кабира и Мазандерана.
Поэт беспомощно огляделся и увидел спешащего к нему Гургина.
— Гургин! Вовремя ты! Тащи скорей воду, масло и чистую ткань!
— Уже несу, мой шах!
— Хорошо, займись этим бедолагой…
Окончательно убедившись, что пострадавший Кей-Кобад находится в надежных руках, Абу-т-Тайиб обвел собравшихся вокруг дэвов таким тяжелым взглядом, что великанов, казалось, должно было вогнать по пояс в землю.
— Зачем? — очень тихо спросил поэт.
От этого тихого голоса любого обычного человека продрал бы мороз по коже.
Однако шкура дэвов была куда толще обычной.
— Говорить не хотеть, цволачь! Мы пытай, — гордо заявил дэв-стражник, и на его плоской физиономии отразилось искреннее недоумение.
Мол, разве и так не понятно?
— Что он должен был сказать? — ярость клокотала в груди, подступала к глотке, и поэт с трудом сдерживался, чтобы не выплеснуть ее наружу звериным рыком и стальным вихрем ятагана, рубящего в куски все и вся.
— Все. Все сказать, — уверенно ответствовал стражник.
— Что — все? — ярость слегка отодвинулась, уступая место недоумению — едва ли менее искреннему, чем у стражника. — Что ты несешь, тупица?!
— Все. Шах дворец говори: «Рассказать все». По-хорошему проси, потрохами корми, с собой сажай. Цволачь не хотеть. «Не-е-ет!» кричать, — дэв говорил медленно, с трудом подбирая нужные слова. — Я на ухо ловкий, сам слышать. Я цволачь лови. Пытай. Чтоб говори все — как любимая шах хотела! Вот.
— Они хотели, как лучше, — еле слышно шепнул Гургин, покрывая ожоги несчастного зигировым маслом.
— Я понимаю, — таким же шепотом ответил магу поэт.
Дэвы стояли. Ждали. Чего? Может быть, благодарности за проявленное рвение?
— Не надо его больше пытать. Слышите? Не на-до! — как маленьким детям, по складам, произнес Абу-т-Тайиб, обращаясь к дэвам. — Идите. Мы сами справимся.
Дэв-стражник некоторое время еще топтался на месте, и, так и не дождавшись похвалы, обиженно затрусил прочь.
Вслед за ним начали с явной неохотой расходиться остальные.
Поэт обернулся к Гургину.
— От меня одни беды, — горечь жгла грудь, спирала горло, насквозь пропитывала слова, перед тем, как выплюнуть их наружу комками мокроты. — Я всем несу только зло. Рука Омара Резчика; молодой вор-чангир; хурги; жабьи выходки в Кабире; Нахид, ставшая из-за меня чудовищем; и вот теперь — безумец, у которого я отнял все! Хватит! Я был другим, не хорошим, не плохим; это проклятый фарр, да сожжет он сам себя, это поганый баран — вот кто сделал меня людоедом! Все, старик. Завтра мы

уходим отсюда. Мы идем в пещеру Испытания! И будь, что будет! Я больше не могу жить с этим!..
Унылое блеянье послышалось совсем рядом, и поэт, вертя головой, не сразу понял: блеет Кей-Кобад, так и не прийдя в сознание.

5

Солнце нежными пальцами огладило горбы дальнего хребта, белизну зубчатой гряды; и снег вершин, не в силах сдержать восторга, в ответ взорвался изнутри нежнейшим золотом, тихим пламенем сердцевины. Небо стало еще прозрачнее, наливаясь отчаянной голубизной, лес на склонах встретил праздник ответными брызгами зелени, и бока утесов вплели в этот фейерверк свою, темно-бурую ноту.
Безудержная сила разлилась в воздухе — пей, мечтающий стать героем, черпай обеими горстями, пластай ломтями и набирай про запас, без стеснения!
Ну же!
* * *
— …здесь, здесь он, родимый, — одышливо бормотал себе под нос Гургин, цепляясь за шершавый, весь в узлах и шишках ствол выродка-можжевельника; и минутой позже маг продолжил упорно карабкаться вверх по склону.
Впереди всех.
Следом за ним обезьяной прыгал ухмыляющийся своим грезам Утба, готовый в любой момент поддержать старого хирбеда, если тот вдруг оступится на крутизне. Тщетны старания, хург! — Гургин ни разу не оступился: кряхтел, бормотал всякую ерунду, но лез в гору с упрямством потомственного ишака.
— Где — здесь? — в очередной раз поинтересовался Абу-т-Тайиб, вытирая пот ладонью и шипя от боли: соленая влага разъедала ссадины. — Кто — здесь? Куда ты завел нас, Айван ибн-Сасан, проводник адов?!
— Здесь он, мой шах! Ал-Ребат, тайна из тайн, чье имя меж сведущими означает…
— Да знаю я, что означает Ал-Ребат! — взбунтовался поэт. — Уж получше тебя! Тебе-то откуда такие словечки известны?!
Ал-Ребат на родном языке поэта означало дословно «междуместье», то пространство, что лежало между стенами крепости, внутренней и внешней.
Промежуток, так сказать.
— Мне? — маг выбрался на скальный уступ, сплошь поросший чахлой травой, но от вопроса шаха едва не свалился вниз. — Мне как раз ясно, откуда; я — хирбед… Точно, здесь. Чуешь, Худайбег?
— Чую, — согласно кивнул Дэв. — Здеся он, скорпион его закусай! Этот, который промеж, твое шахское…
И помог взобраться на уступ Нахид-дэви, с глупой улыбкой таращившейся по сторонам.
Разумеется, бросать в Мазандеране кого-либо из своих спутников поэт не собирался — да они бы и сами не остались. Даже Худайбег, доведись ему выбирать. А вот насчет Нахид… относительно бывшей хирбеди Абу-т-Тайиб долго колебался. Помочь несчастной он вряд ли сможет; среди людей ей теперь не жить — а здесь, в Краю Дэвов, она, по крайней мере, своя! Оставить? Или все-таки надежда есть? Одному Аллаху ведомо, что случится, когда он во второй раз войдет в пещеру Испытания…
Надеяться оставалось лишь на чудо — но разве не за чудом, пусть страшным, чуждым, непредсказуемым чудом, шел он, Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби?
Разве не чудо все, случившееся со мной, беспутным рифмоплетом; и, клянусь бородой святого Хызра, не о таких чудесах молил я Господа миров!
Сомнения поэта неожиданно разрешил Гургин.
— Бери ее, мой шах, — уверенно заявил маг. — Лишний дэв нам очень даже понадобится.
— Зачем? — удивился Абу-т-Тайиб.
— Дорогу прокладывать, — буркнул Гургин, и поэт не стал пускаться в дальнейшие расспросы. Даже извинений за случайную грубость слушать не стал. Может быть, эта таинственная дорога завалена оползнем? Тогда дэвская сила Нахид действительно окажется кстати…
А тащить с собой местных исполинов поэт хотел меньше всего.
Выступили на рассвете, едва золотая кровь солнца легла на клыки южных вершин. Заспанная Нахид, поднятая Худайбегом прямо с убогого ложа, счастливо пялилась на вожделенного шаха и все старалась придвинуться к нему поближе, побыть рядом, чуть ли не потереться об поэта!
О своей недавней обиде она уже и не вспоминала; а о давней ненависти — и вовсе…

Абу-т-Тайиб же честно старался смотреть мимо бывшей хирбеди. Иначе перед внутренним взором чередой сменялось: что было и что стало! Оставалось лишь кусать губы от бессилия и остервенело карабкаться на склон.
Но, может быть…
Ради этого призрачного «может быть» они и лезли сейчас в гору в поисках загадочного Ал-Ребата.
Междуместья.
Промежутка.
Выхода к пещере Испытания.
6
Тупик.
Перед ними высилась скала — отвесная голая Башня Молчания, на верхушке которых еретики-огнепоклонники оставляют своих покойников на поживу стервятникам. Стена без каких бы то ни было признаков расселины, пещеры или замурованного входа.
— Ну и? — Абу-т-Тайиб злобно полоснул мага взглядом, тщетно пытаясь сдержать кипящий вал бешенства. — Сим-Сим, откройся, это мы, сорок разбойников?!
Если б не почтение к сединам…
— Ал-Ребат здесь, мой шах! — смущение было неведомо верховному хирбеду Кабира. — Сейчас начнем уговаривать. Я думаю, с двумя дэвами, если они возьмутся как следует… Помнишь ли ты ущелье, где Нахид устроила засаду? И ее бегство от преследования?
— Прямо через скалу?! — дошло наконец до Абу-т-Тайиба.
— Именно так, мой шах, именно так. Ну что ж, приступим.
Гургин отобрал у Утбы хурджин, извлек из него плоскую жаровенку в виде солнечного диска с лучами — правда, больше жаровенка походила на краба. И принялся разводить огонь, бормоча себе под нос разную чушь на неизвестном поэту языке. Прозрачными змейками закурился пряный дымок, робко потянулся к скале, как тянется к блуднице юноша, впервые ощутивший томление плоти; вот нежные пальцы тронули одежды из сланца и базальта, распахнули полы, лаская упругую кожу, сглаживая выступы и неровности; вот любовный пот заструился по телу скалы, копясь в заповедных островках мха — скорее! откликнись! утоли!
О-о, надежда моя!
Дряхлый хирбед поднялся во весь рост, забормотал громче, вскрикивая весенним павлином; голос мага постепенно набирал силу…
Худайбег, словно завороженный, уставился на скалу, и Нахид-дэви последовала его примеру, ворча сытой львицей. Так они и стояли: высокий седой старец над пылающей жаровней — а по бокам два могучих дэва, плавя взглядами скалу-недотрогу. Очертания каменной шлюхи дрогнули от страха, чуждого горам, испытанного ими впервые; скала заколебалась — не подчиниться ли? — поплыла расслабленной наложницей в бассейне гарема, жадно вдыхая волшебный дымок, сама становясь дымом, туманом, дурманом…
Абу-т-Тайиб с Утбой невольно подались вперед. И в этот момент жаровня волчком отлетела в сторону, брызжа от злобы искрами и раскаленными угольками. Гургин осекся на полуслове, бывшая хирбеди и силач юз-баши разом отвернулись от скалы — что стряслось?! — и скала вздохнула с облегчением.
Тупик.
Мертвый тупик, и никаких туманов.
Блудница отказала.
Перед Гургином стоял давешний рогач-великан, явившийся незваным прямо из второй скалы, рядом; и выпученные глаза со странной скорбью глядели на мага сверху вниз. Рогач постоял еще с минуту, затем подошел к скале Ал-Ребат и уселся перед ней на корточки, мыча песню без слов.
Но за минуту до песни… это он пнул ногой жаровенку.
Он.
— Что ж ты делаешь, шайтан рогатый! — Абу-т-Тайиб первым обрел дар речи. — Пшел отсюда, дубина!
Дэв замычал вдвое громче.
Гургин еле держался на ногах. Совершенно измотанный и опустошенный, он напоминал носильщика тяжестей после трудного дня; по лицу мага стекали капли пота, исчезая в темных ущельях морщин.
— Дозволь, твое шахское, я его?.. — с надеждой осведомился Худайбег.
— А я добавлю! — поддержал Дэва хург, удобнее перехватывая секиру.
Без всякого намека на улыбку.

Судя по всему, рогатому нахалу в ближайшее время могло не поздоровиться — если бы Гургин не разлепил спекшиеся губы:
— Не надо. У меня все равно… старый я, владыка. Силы на исходе. Завтра попробуем еще раз.
Абу-т-Тайиб смачно плюнул под ноги рогачу и выругался. В случайности поэт верил слабо, особенно в такие рогатые случайности, которые шляются за тобой тенью, дорогу перегораживают… жаровни пинают. Е рабб, в третий раз припрется — он, Абу-т-Тайиб, просто-напросто не станет удерживать Дэва с Утбой. Или… Как-никак, вот такие, рогатые, здесь хозяева, и не стоит раздражать их без крайней надобности.
А сейчас — крайняя, или нет?
Поэт подумал и решил, что нет.
Он погрозил рогачу кулаком и, не глядя на спутников, первым полез вниз по откосу. Обратно, в долину.

Глава седьмая,

где дэвы всех мастей гурьбой бродят за шахом, их собратья мнут глину или носят воду, дед и внучка рассказывают поэту много интересного — а толку?

1
Весь оставшийся день Абу-т-Тайиб понуро мерял котловину вдоль и поперек.
В самом скверном расположении духа.
Гургина, к концу обратного пути буквально валившегося с ног, Дэв с Утбой под руки отвели во «дворец» — отъедаться и отсыпаться. А потом, видя, что шаху не до них, потихоньку убрались с глаз долой. Хотя поэт и подозревал: эта парочка наверняка крутится где-то поблизости. Подпоясавшись поясами служения и намотав чалмы верности, чтоб их… Пусть. На глаза не лезут, и хорошо. А за заботу — спасибо, конечно…
Зато местные дэвы то и дело увязывались следом — по одному, по двое, а порой и целой ватагой. Вначале Абу-т-Тайиб честно пытался отогнать жутких попутчиков, а потом махнул рукой: ходят — и ну их. Тем более, что дэвы почтительно держались сзади, в разговоры не вступали и вообще всячески старались как можно меньше мозолить шаху глаза.
Что у них временами даже получалось.
Вот прицепились, отродья случайных связей! — не уставал дивиться поэт, но дивиться вскоре надоело. Тучи мрачных мыслей роились в мозгу, противно жужжа: «Ж-жиз-знь! Ж-жаж-жда ж-жиз-зни! Ж-жуть!..»: и, стараясь угомонить наглую свору, Абу-т-Тайиб занялся осмотром долины, в которой ему, судя по всему, придется задержаться еще на несколько дней.
Пока не оправится старый маг, и они не попытаются снова открыть загадочный Ал-Ребат.
Вид мазандеранцев, занятых своими делами, тоже радовал глаз существенно меньше, чем «танец живота» в исполнении юной невольницы; но давал изрядную пищу размышлениям.
Да сами поглядите, чего зря ерзать…
Десятка два почти голых дэвов — все без особых «украшений» вроде рогов, крыльев или суставчатых лап, а облезлые хвосты не в счет! — в поте лица трудились на куцых огородах. Пололи, окучивали, разрыхляли; правили оградки. И в то же время близ огородов слонялось никак не меньшее количество откровенных бездельников, зато бездельников рогатых, крылатых и перепончатых.
Кстати, именно они и увязывались то и дело вслед за поэтом.
Из части пещер раздавался отчетливый стук. Наружу время от времени летела каменная крошка; не поленившись заглянуть в одно из таких жилищ, Абу-т-Тайиб обнаружил внутри двух дэвов-«огородников» — те мучали бугристый потолок теслами, вместо молотка колотя по обушку собственными кулаками. На полу, подстелив драную циновку, сидел широкоплечий урод в чешуе; фыркал и топорщил усы, каждый длиной в локоть.
Поглядев немного, поэт двинулся дальше.
Близ ручья, под навесом, за неказистым гончарным кругом пристроился еще один дэв. Работа у него явно не ладилась: мало того, что разболтанный круг водило из стороны в

сторону, будто пьяного гяура — это еще полбеды, хороший гончар и на таком управится. Возможно, когда-то, в своей предыдущей жизни, дэв и был хорошим гончаром; но сейчас… Едва глина начинала приобретать некое подобие формы, как корявые пальцы дэва клещами цепляли заготовку — и вся работа шла насмарку. Дэв раздраженно хрюкал, отшвыривал прочь ни в чем не повинную глину, потом сидел истуканом, продолжая вращать ногой круг и глядя при этом в какую-то ему одному ведомую даль. Вздыхал, брал следующий кусок глины…

Абу-т-Тайиб приблизился. Его вдруг пронзила стрела любопытства: что мастерит бедолага? Поэт тихо встал за спиной гончара, наблюдая за работой. И, как ни странно, у дэва вскоре начало получаться! Пусть кривобокий, но в целом вполне приличный кувшин с широким горлом. Похоже, гончар и сам был крайне удивлен подобным успехом. С осторожностью ювелира он снял с круга готовый кувшин, поставил на плоский камень — и залюбовался своим творением, на время позабыв обо всем.

Поэт кашлянул.

Косматая голова повернулась, скрипнув позвонками шеи; и взгляд голубых глаз упал на Абу-т-Тайиба.

Мгновение — и вот дэв неуклюже растянулся у ног шаха.

— Моя твоя… шаха благодари очень!

— Да ладно, вставай!.. умелец. Только-только работа пошла — а ты тут брюхом камни протираешь… Трудись, говорю!

— Твоя правильный говори. Мудрый шаха! — дэв встал, низко поклонился и с усердием принялся вертеть круг.

Здесь больше стоять не имело смысла… а где имело?!

Тянулись к ручью коренастые чудо-дэвицы; несли пустые бадьи и кувшины, возвращались обратно с полными. Их сестры и подруги собирали урожай на дальних огородах, а вон две старухи возятся с одеялами, когтями выдирая из складок насекомых.

Абу-т-Тайиб прикрыл глаза и постоял так, вслепую, пытаясь представить себе ту же картину. Но с одним отличием: вместо дэвов весь этот круговорот обыденности творили люди. Простые люди. Ведь все, как у людей, вроде…

Странное дело! В представленной им картине люди были четко разграничены: феллахи в пыльных одеждах занимались земледелием; поодаль прохаживалась стража — кожаные панцири, пики в руках… надсмотрщик бичом щелкает. Зато с женщинами вышла неувязочка: к ручью спускались сельские простушки рука об руку чуть ли не с султанскими женами: домотканая холстина и индийский кашемир, ковровые накидки и парча, шитая золотом…

А вот из-за скал выходит вереница гостей. Купцы? разбойники? — у всех в руках и на головах красуются тюки, хурджины, ларцы со всяким добром.

Все-таки: торговля или грабеж?

Абу-т-Тайиб открыл глаза — и в действительности увидел выбирающуюся из-за утесов вереницу исполинов, нагруженных разнообразной поклажей. Вот тебе и раз! Никак провидцем становлюсь?!

Дэвы местного каравана весьма смахивали на былых проводников к Мазандерану. Как их назвал тогда Худайбег? Добытчики? Похоже. Что ж это выходит: его, Абу-т-Тайиба, они тоже «добыли»?

А до него — безумного Кей-Кобада?

Встречаться с «добытчиками», даже для изучения добычи, мигом расхотелось — и Абу-т-Тайиб свернул на неприметную тропку, уходившую в заросли кизила. Впереди, за поворотом, он различил тонкую струйку дыма, уходящую в безветренное небо — и двинулся туда. В конце концов, шах он или не шах?! Значит, вполне может посетить любого из своих подданных, дабы… Нет, никаких «дабы»! Для шахов и душегубов закон не писан…

Говорят, правда, что для дураков — тоже.

Вскоре тропа вывела поэта на поляну, скрытую от досужих взглядов кизиловыми деревцами. Под одним таким деревцем белела груда… груда… короче, в первое мгновение Абу-т-Тайиб решил, что это — снежный сугроб.

Именно из сугроба и ползла вверх сизая струйка, которую поэт заприметил еще с тропы.

А потом сугроб зашевелился — и на шаха из-под кустистых бровей уставились два прозрачно-голубых осколка неба.

* * *

— В гости пришел? Заходи, — еле ворочая языком, произнес старый Олмун-дэв.

Вблизи поэт сразу учуял знакомый запах гашиша — тот исходил из серебряного кальяна, покоившегося в косматых лапах Олмун-дэва. Тихо булькала вода в кальяне, запах дурмана смешивался с ароматом цветущего кизила, солнце грело, как греет душу удачно сложенный стих — райские кущи, да и только. Только гурий не хватает! Да и то: даром гарему простаивать? — сейчас кликнем…
Поэт тщетно пытался выдавить улыбку.
Шерстяной сугроб по имени Олмун-дэв долго молчал, время от времени вдыхая дурманящий дым.
— Ты ее не гони. Тебе с ней хорошо. Будет. Хорошо… — проговорил он наконец, с трудом возвращаясь на грешную землю из своих высей.
— Кого — ее? — не сразу понял Абу-т-Тайиб, сразу подумав о Нахид и внутренне содрогнувшись.
— Внучку мою. Фарангис, — сейчас дэв говорил правильно, медленно и старательно произнося слова. Только паузы делал не всегда там, где надо. Но от курильщика гашиша трудно ожидать красноречия; даже не будь он мазандеранцем.
— Внучку?!
— Да, шах. Внучку. Это я ее к тебе. Послал. Да она и сама. Была. Не против.
Казалось, голос Олмун-дэва доносится издалека, из облаков покоя и блаженства, где он сейчас пребывал.
— Пусть к тебе. Поближе будет. Ей — надо.
— Да я, в общем, и не против, — зардевшись, как юноша, чего с ним уже давно не случалось, сдавленно ответил поэт. — Если только она сама не откажется. Зачем ей я?
Лицо горело, и было трудно не переминаться с ноги на ногу.
Чудеса!
— Ты ей. Понравился. Свет. От тебя. Может быть. Дети будут, — Олмун-дэв снова на некоторое время замолчал, окутавшись гашишным дымом. — Пока ты здесь. Всем хорошо. Дэвам. Если Фарангис. Рядом будет. Человеком останется. Совсем хорошо. Облака. Летят. Летят. Хорошо. Хочу туда… хочу.
Голубые глаза затянула туманная поволока, и только сейчас поэт до конца понял, насколько точное это слово — «небоглазый». Олмун-дэв был там, в вышине, слившись с лазурной далью — и плыл вместе с пуховыми лебедями облаков, такой же снежно-белый и свободный от всего земного.
Потом осмысленное выражение вновь возникло во взгляде старого дэва. И поэт задал вопрос, который давно жег ему язык:
— Почему вы цепляетесь за меня? Почему, Олмун? Ведь вы — «небоглазые», и фарр для вас — пустой звук! Зачем я вам нужен? Дэвы липнут ко мне голодными мухами, ты послал Фарангис на мое ложе… Зачем вам, изгоям, шах?
— Не понимаешь… — нараспев протянул старик. — Хорошо. Я скажу. Ты видел нас. Дэвов. Какие мы. А ведь раньше. Мы были — люди. Как все. Только глаза другие. А теперь… Мы глупеем, шах! Мы — ладно. Плевать. Наши дети. Дэвтаги. Они родятся обычными. Многие умирают. Многие. Очень. Но потом. Те, кто выжил. Лет с тринадцати… У Фарангис шерсть появилась. Совсем недавно. Скоро у нее будет. Шерсть. Как у меня. И она станет дурой. Совсем. Я не хочу. Внучка. И другие — тоже. Плохо. Душа… болит. Гашиш. Помогает. Ненадолго. Думаю лучше. Когда курю. У людей наоборот. А у дэвов…
Он жадно припал к черному, прокуренному мундштуку кальяна и сделал глубокую затяжку. Тучи набежали на небо в глазницах дэва, но поэт терпеливо ждал его возвращения из царства грез.
— Тяжко… возвращаться, — пробормотал наконец старик, с усилием приходя в себя. — От тебя — свет. Небоглазые не видят. Люди. Дэвы — могут. Не все. Этот свет… лекарь. Лекарь разуму, о шах! — во взоре Олмун-дэва полыхнуло яростное отчаяние, и призрак дикой, невозможной надежды. — Разум — рядом с тобой! Душа — рядом! Ты нужен нам! Мы хотим быть людьми! Людьми, а не чудищами!
Абу-т-Тайиб мимоходом отметил, что речь Олмун-дэва становится более гладкой — неужели действительно благодаря его присутствию?!
— А те, кто моложе… наши дети, внуки… они вообще могут. Не стать дэвами! Остаться людьми. Или почти. Людьми. Как Фарангис. Она была умная. Очень. Для внучки дэва. Мне больно смотреть на это, шах! Но я ничего не могу сделать. Сам. Гашиш помогает. На время. А потом — опять. И тут пришел ты. С твоим светом, который лечит. Ты нужен нам, шах! Если у Фарангис будет ребенок… от тебя. Он будет человеком! И у него будет свет! Он будет светить нам всем. Так было когда-то здесь, очень давно… пока не явился Меднотелый! И Фарангис… она останется

человеком, с тобой. Совсем. Вчера и сегодня она была почти прежней! Не гони ее, шах!.. молю… облака… облака… хочу…
* * *
Старый дэв с кальяном давно остался позади, на поляне, вновь уйдя в свои заоблачные выси, а Абу-т-Тайиб все брел, не разбирая дороги, и мельничные жернова в его мозгу крутились быстрей и быстрей, перетирая зерно мыслей в муку отчаянья.
Значит, он несет не только зло? Значит, дэвы любят его отнюдь не по велению Златого Овна? Оказывается, сияние фарра целебно не для него одного…
Неужели — правда?
Но ведь это фарр-ла Кабир, Златой Овен, сделал «небоглазых»-отступников такими, какими они стали! И что теперь? Остаться здесь, пытаясь помочь этим… людям? дэвам? По ночам любить Фарангис, а днем бездумно бродить по Мазандерану, не обращая внимания на плетущихся следом уродов, понимая теперь — в чем смысл…
Аллах, дай силы! Посвятить остаток (возможно, еще очень большой остаток!) жизни бескорыстному самоотречению?!
Нет, он не святой в дырявом плаще-хырке, и не подвижник, бичующий себя проволочной плетью! Он поэт и бродяга, через год он просто рехнется в этой дыре, и никакие благочестивые размышления о долге, пользе и помощи ближнему не удержат мятежный рассудок в темнице черепа — как не удержат его самого в пещерном городе под названием Мазандеран!
Да, ему жаль этих несчастных, да, он хотел бы помочь им, но никому не дано стать выше себя! Жить растением, полезным растением, дуреть от скуки и понемногу сходить с ума — увольте! Рано или поздно он все равно не выдержит — так не лучше ли сделать это сразу, пока зыбучий песок равнодушия ко всему на свете еще не поглотил его мятущуюся душу?!
О, Аллах! Вразуми и наставь на путь истинный непутевого раба твоего!
Да, он уйдет, уйдет, как только старый маг оправится и откроет свой Ал-Ребат. Уйдет к пещере Испытания — и будь, что будет. Может быть… может быть, Олмун-дэв окажется прав, у Фарангис родится ребенок с фарром, и тогда…
Поэт понимал, что лжет самому себе; но другого выхода не было.
Это была жизнь с чужого плеча; это вновь был подарок, искушение, милостыня… Абу-т-Тайиб хотел брать сам.
3
— Это ты, Фарангис?
Шелковистая шерстка под ладонью, упругое тепло приникает к боку, тонкие руки, которые тут же начинают осторожно двигаться под одеялом…
— Да, это я, мой шах.
— Не называй меня так. Зови по имени — Абу-т-Тайиб.
— Разве у шахов бывают имена?
— Бывают, Фарангис.
— Странно, — руки девушки на миг останавливаются; два теплых щенка, тычущихся в бок матери. — Тот, другой, требовал, чтобы я звала его только «мой шах». Или, в крайнем случае, «мой повелитель»…
— Кей-Кобад?! — Абу-т-Тайиб резко сел. — Ты была с ним?!
— Была, мой… была, Абу-т-Тайиб. Олмун-дэв сказал: так надо. И еще я очень боялась… боялась стать такой, как все! Ты не прогонишь меня?
Тревога. Тревога и ожидание в дрогнувшем голосе. Девушка, почти девочка — согласная пойти на все, лишь бы не превратиться в тупое чудовище!
— Что ты, Фарангис! Нет, конечно, — вздохнув, поэт вновь опускается на ложе и мягко привлекает внучку Олмун-дэва к себе.
А потом они еще долго лежали рядом, блуждая между сном и явью, и поэт успел подумать: «Зря, зря говорят, будто нельзя дважды войти в одну и ту же реку… глупцы.» Но едва он улыбнулся собственным мыслям, как ощущение сказочности происходящего исчезло, и поэт застонал от грубого явления реальности, словно от приступа зубной боли. Скоро он покинет Мазандеран, и эта девушка волей-неволей начнет спуск в общую пропасть, станет обычной самкой дэва… такой, как Нахид. И важно ли, что не появись он здесь, роковые изменения случились бы еще раньше?! — нет, это неважно.
Е рабб, он дал ей надежду — а теперь уходит, забирая надежду с собой!
— Что с тобой? Тебе плохо?.. Абу-т-Тайиб!
Соврать?
Промолчать?
— Скоро я уйду, Фарангис. Мне очень жаль, но я не могу остаться.

— Ты останешься. Тебе не уйти отсюда, мой шах, — поэт не видел в темноте лица девушки, но голос прекрасно выражал все то, что Фарангис и не пыталась скрывать: искреннее сочувствие и столь же искреннюю радость, что шах останется с ней!
— Почему? — поэт удивленно приподнялся на локте.
— Тебя не выпустят.
— Кто? Дэвы?
— Дэвы. Стоголовый, Следящий и их подручные.
— Погоди-погоди! — остатки дремы упорхнули с век всполошенными голубями. — Следящий — это такой длинный… с бараньими рогами?
— Нет, это Стоголовый. У Следящего — крылья.
— Стоголовый? Башка-то у него вроде одна…
Тихий смех, хрустальные колокольчики во тьме.
— Голова у него одна. Но ему подчиняется сотня других дэвов. Бойцов.
— А, юз-баши!.. ну да, это, собственно, и значит «голова сотни». Сотник, значит. Стоголовый… Он еще сегодня утром жаровню Гургину перевернул! Выходит, это было не случайно?!
— Не случайно. Ты нужен дэвам. И останешься здесь.
Абу-т-Тайиб тут же вспомнил четверку мазандеранцев, заступивших ему тропу и отказавшихся выполнить приказ.
Фарангис правильно поняла его замешательство.
— Здесь, в Мазандеране, они сделают все, чтобы тебе было хорошо. Работники будут служить тебе, добытчики принесут все, что ты захочешь. Если сумеют, конечно. Бойцы будут защищать тебя до последнего вздоха; женщины — ублажать. Но уйти… уйти тебе не дадут. Так хочет Олмун-дэв. И так хотят все.
— Олмун-дэв? Твой дед? Он здесь правит?
— Нет. Просто дедушка — самый умный. И знает, как надо.
— А если попробовать договориться с твоим умным дедушкой? — поэт еще надеялся решить дело миром.
— Он не согласится. Ты нужен здесь. Нам всем.
Фарангис отвернулась, и они долго молчали.
— И все же я попробую, — медленно проговорил наконец Абу-т-Тайиб. — Прости, девочка, — я не могу остаться. Это не моя жизнь; понимаешь, Фарангис?
Она плакала почти беззвучно — и у поэта впервые не нашлось слов.
Любые слова здесь казались орудиями пытки.
4
…На этот раз Худайбег, не слушая возражений хирбеда, усадил Гургина себе на закорки, чтобы сберечь его силы. Они им еще понадобятся, эти скудные стариковские силы! Нахид сама вызвалась тащить хурджин с жаровней и всем остальным, что могло понадобиться при открывании Ал-Ребата. Она дважды пыталась заговорить то со своим учителем, то с Абу-т-Тайибом, — но вскоре, отчаявшись связать больше трех слов, умолкала. И все же это была не та Нахид, которая с воплем выбежала из «тронной залы» Мазандерана, отвергнутая поэтом. Исподволь, нехотя, ворча и сопротивляясь, разум вновь просыпался в ней, и взгляд Красной Дэвицы становился осмысленней.
Еще неделя-другая, проведенная рядом с шахом… не проснется ли вместе с разумом и былая ненависть?!
Абу-т-Тайиб запретил себе думать об этом.
Мелкий щебень выскальзывал из-под ног и шуршал по склону, уносясь вниз; край скалистой площадки, где они в прошлый раз пытались открыть Ал-Ребат, приближался медленно, но верно.
Еще немного — и…
Их ждали. Стоголовый, угрюмо набычившись, стоял прямо напротив, и за его спиной корячились громады все тех же (или других?) исполинов, которые уже однажды заступили Абу-т-Тайибу путь в горах.
— Уходите! — это слово произнесли одновременно двое: Стоголовый и Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби.
— Эй, твое шахское? Может, их тово… копьецом? — громко зашептал на ухо поэту Худайбег, ссаживая на землю мага.
Убивать не хотелось. Но есть ли иной выход? Поэт прикинул возможности обеих сторон. «Нет, не осилим, — пришел он к малоутешительному выводу. — А если и осилим, то кого-то потеряем. Меня эти красавцы не тронут, зато остальных…»
Мостить дорогу из Мазандерана трупами друзей?! У шаха не бывает друзей! Не бывает?! Врешь, Гургин, врешь, Баркук-Харзиец! Вот они, мои друзья, стоят рядом со мной! И я не дам им лечь в могилы ради моих прихотей! Я — плохой шах?.. да, плохой.

Никудышный. Златой Овен ошибся в выборе. Настоящий Кей-Бахрам фарр-ла-Кабир послал бы любого на смерть, не задумываясь! Но почему же я тогда молчу?! Ведь Худайбег сейчас решит, что я согласен, и…
Уже решил!
Горло сковал спазм, челюсти окостенели, не желая раздвигаться, язык намертво присох к небу, рождая лишь дурацкое блеянье. Грудь вздымалась все чаще, воздуха не хватало — какой там крик, продышаться бы всласть… всласть… всласть… власть!
Не вставaвший на колени — стану ль ждать чужих молений? Не прощавший оскорблений — буду ль гордыми прощен?! Тот, в чьем сердце — ад пустыни, в море бедствий не остынет, раскаленная гордыня служит сильному плащом!..
— Назад, Дэв! Назад!
Хриплый рык отшвырнул прочь Худайбега, уже готового броситься на Стоголового.
— Назад, я сказал! Не трогать их! Уходим…
Горло жгло, как если бы оно отведало расплавленного олова: смертельно. Проклятый баран, проклятый фарр проклятой страны — что же вы все со мной делаете?!!
Ведь еще немного… е рабб!
* * *
— …Хочешь, я почитаю тебе стихи?
— Стихи? — восторг и удивление вспыхивают в ее голосе, переливаются искристым серебром на солнце. — Конечно, хочу! А что это такое — стихи?
— Если б я знал это сам, Фарангис!.. тем паче я никогда не был силен в любовной лирике…
Слова пришли сами.

— Ты стоишь передо мною, схожа с полною луною,
С долгожданною весною — я молчу, немея.
Дар судьбы, динар случайный, ветра поцелуй прощальный,
Отблеск вечности печальный — я молчу, не смея.
Пусть полны глаза слезами, где упрек безмолвный замер —
Я молчу, и мне терзает душу жало змея.
Заперта моя темница, и напрасно воля мнится —
Не прорваться, не пробиться… О, молчу в тюрьме я!
Ты стоишь передо мною покоренною страною —
Укрощенным сатаною мучаюсь во тьме я!
Отвернись, уйди, исчезни, дай опять привыкнуть к бездне,
Где здоровье — вид болезни, лук стрелы прямее,
Блуд невинностью зовется, бойня — честью полководца…
Пусть на части сердце рвется — я молчу. Я медлю.

— …это стихи? — Фарангис очень осторожно погладила поэта по плечу. — Твои стихи?
— Увы, мои. Я же говорю: лирика мне не дается.
— Ты все равно уйдешь, — неожиданно звякнуло серебро. — Я знаю. И никакой Стоголовый тебя не удержит. И я не удержу…
Тишина.
— Если бы ты знала, девочка… Ты держишь меня тут куда сильнее, чем дюжина Стоголовых! Да, я уйду. Рано или поздно. Но пока я здесь, с тобой, и к чему жить будущим?! Хочешь еще стихов? Веселых, как ветер над рекой? Буйных, как табун в степи?! Хочешь?!
— Да!..
— Тогда слушай…
5
— …Есть другой Ал-Ребат, точно есть! Чувствую я его! — бормотал себе под нос Гургин, резво перебирая ногами и бросая по сторонам короткие острые взгляды — словно ножами швырялся.
Волоски на знаменитой бородавке мага воинственно топорщились.
— А ты, Худайбег, тоже чуешь? — интересовался Абу-т-Тайиб. Все-таки, одна голова, пускай хирбедова — хорошо; а две, особенно когда вторая — Дэвова, с его нюхом на Ал-Ребаты — куда как лучше!
— Чую, твое шахское, чую, — отвечал в сотый раз Худайбег. — Куда надо идем, это уж точно!

Торчали из расщелин сухие руки корней, не нашедших опоры, словно лапы добровольных тюремщиков: стой! ухвачу! сволоку в пропасть! Обломки скал псами бросались под ноги, грозно выл ветер, налетая сбоку и норовя ударить, больно зацепить крылом, сбить дыхание — казалось, сами горы не желают выпускать беглецов из своей утробы.
Но они шли.
Осыпи, предательские откосы текут реками щебня, тропа петляет, двоится, троится, издеваясь — но две шахских собаки, большая и маленькая, безошибочно отыскивают путь в горном лабиринте, углубляясь все дальше и дальше в каменный хаос, уходя, уходя прочь от Мазандерана!
Абу-т-Тайиб едва не убил себя за подлую мысль о «шахских собаках»; и еще долго брел, стараясь не думать вовсе ни о чем.
Гургин резко останавливается, и ойкает Утба, едва не сбив с ног старого хирбеда.
— Удача, мой шах, — скупая улыбка мага похожа на милостыню скряги. — Этот Ал-Ребат — не в скале. Вот он, перед нами.
— Угу, — согласно кивает Дэв.
И даже Нахид бурчит невнятицу, тыча перед собой мосластым пальцем.
Поэт смотрит туда, куда указывает Гургин. Ничего особенного. Узкая расселина, след от удара меча Джибраиля, развалила ближний утес пополам. В расселину вполне может пройти человек — а то и дэв.
Во всяком случае, Худайбег с Нахид наверняка пройдут.
По другую сторону расселины видны камни, каких везде — хоть горстями греби!.. и взъерошенные пучки травы упрямо лезут в щели. Тропа огибает утес, скорее всего, продолжаясь там, по другую его сторону, у выхода из расселины.
— Ну так… пошли, что ли? — неуверенно бросает поэт, и замолкает, устыдясь надежды в собственном голосе.
— Двое, — маг шепчет это на ухо, и шепот старца горячей кипятка, — двое дэвов нас всех не потянут, мой шах! Чтобы уйти вместе — нужен ритуал открытия.
— Но ведь сами дэвы ходят по твоим Ал-Ребатам, как по базарной площади! Ну, скалу заколдовать (при этом слове Гургин морщится), это еще понятно, а тут — дыра дырой…
— И мы выйдем из дыры по ту сторону утеса. Не более и не менее. А так может посчастливиться выйти к перевалу Баррах. Оттуда до пещеры Испытания уже рукой подать. Нельзя терять, не приобретая, мой шах! И наоборот. Это закон, хоть для людей, хоть для дэвов. Последние, например, без усилий отыскивают и используют Ал-Ребаты, даже не замечая этого. Поэтому ловить дэва в горах или пустынях — дело безнадежное… Если только он сам не захочет послужить тебе проводником. Но я уже сказал, мой шах: два дэва не свезут нас троих!.. да и Худайбег, к счастью, еще не совсем…
— Я понял, — угрюмо кивает Абу-т-Тайиб.
Нахид тем временем, сосредоточенно сопя, уже развязывает завязки жреческого хурджина. Пальцы упрямятся, противятся воле бывшей хирбеди, но вот бунт подавлен, и на свет является знакомая жаровня, огниво, бруски ароматного дерева… над всеми этими сокровищами парит улыбка Нахид, дерзкая улыбка, которой не место на чудовищной морде.
Ястреб кричит в небе; и бьются в припадках восторга цикады, рискуя охрипнуть.
— Здесь легче будет, — оборачивается к поэту маг, минутой ранее присевший у жаровни на корточки. — Не скала — дыра, как справедливо заметил мудрый владыка…
И, забыв обо всем, начинает возиться с огнивом. Пока Абу-т-Тайиб думает, что в последнее время слишком часто подозревает своего наиглавнейшего советника в скрытом издевательстве, над жаровней начинает куриться легкий дымок. Гургин вовсю бормочет заклинания, и на этот раз Стоголовый все-таки проморгал их побег, что хорошо, отлично, прекрасно и замечатель…
Уши мгновенно закладывает от дикого, оглушительного вопля, заполнившего мир, что называется, от Тельца до Рыбы. Вскрикнув от боли и зажав уши ладонями, поэт оборачивается. Шагах в пятидесяти позади них на тропе стоят старые знакомые: Стоголовый, трое его дружков, а рядом раскорячился мохнатый бурдюк на кривых ножках. Бурдюк пыжится, топырит космы, раздувается жабой в предчувствии ливня — и кошмарный звук вновь обрушивается на многострадальные горы.
Дэв Вайдос!
Оказывается, у рогатого сотника в запасе имелся еще один способ, как остановить беглецов!
Гургин шевелит белыми губами и беспомощно начинает ковыряться пальцем в ухе.

У ног мага медленно гаснет жаровня.

* * *

Абу-т-Тайиб потерял счет дням, в течение которых бесцельно бродил по долине, сопровождаемый почтительным эскортом дэвов; потерял счет ночам, когда любовные ласки перемежались рвущимися наружу бейтами — странными, грустными и пронзительными, так не похожими на обычные строки поэта; потерял счет тщетным потугам уйти, вырваться из каменного мешка. В память отчетливо врезался лишь один случай: когда, озверев после очередной неудачи, он отшвырнул в сторону рвавшихся в бой Худайбега с Утбой, и наотмашь рубанул проклятого рогача своим ятаганом. Сталь до кости рассекла подставленную под удар лапу дэва — и тот стал сосредоточенно зализывать рану длинным шершавым языком. Пытаясь унять кровь, что темным потоком хлынула наружу, Стоголовый глядел на рассвирепевшего шаха сверху вниз, глядел грустно, заранее прощая; и в голубых глазах дэва стояли печаль и понимание.

У Абу-т-Тайиба опустились руки.

А еще он помнил, как однажды утром к нему подошел его «пятнадцатилетний курбаши» и, с трудом подбирая слова, заговорил:

— Я тут тово, твое шахское… думал я, вот. Долго думал. Не выпустят они тебя. А сам я тебя не выведу, хоть пуп надорви! Даже с махонькой… с Нахид. Вот ежели б я… тово… совсем дэвом стал, как они… Тогда бы смог, наверное. Только ты не серчай, твое шахское. Ежели я совсем дэвом сделаюсь… я тебя тоже отсель не пущу. Голова совсем дурной станет. Забуду все. Так что я уж лучше как сейчас. С тобой то есть, вместе. Чтоб не совсем тово… Вот.

Выхода не было, и поэт это уже понял, но, скорее по привычке, от безнадежности и неумения сдаваться, раз за разом повторял свои бесплодные попытки. Он почти смирился — но не хотел признаваться в этом даже самому себе.

И, значит, еще не смирился до конца.

6

В тот раз Утба и Нахид не пошли с ними. Хург с самого начала разрывался на части, утешая местных невольниц, притащенных дэвами-добытчиками со всех обитаемых четвертей земного круга. К немалой радости бедняжек: одни чудища вокруг, бугаи несытые, а тут в кои-то веки сын Адама! Свободное же время веселый Утба посвящал утешению коренных мазандеранок, в чем также преуспел. А бывшая хирбеди просто куда-то запропастилась, и искать ее не стали. Все равно сегодня побег не предвиделся.

Шли вроде бы без дела, прогуляться втроем: Абу-т-Тайиб, Гургин и Худайбег. Хотя на самом деле «прогулка» их имела подспудный смысл: вчера вечером старец шепнул поэту, что он, кажется, нащупал еще один Ал-Ребат. И открыться сие «междуместье» должно, вроде бы, полегче. Но соваться наобум глупей глупого, лучше сначала разведать, что да как, изучить путь — и тогда, ночью, тайком…

Маг был многословен и бодр, отчего Абу-т-Тайибу становилось вдвое тоскливей.

Хоть передо мной-то не притворяйся, колдун колчерукий!..

Позади брели вразвалочку пятеро дэвов-стражей. Рогатого сотника с ними не было, но Абу-т-Тайиб не сомневался, что и этой пятерки достанет в случае чего сорвать им побег. Ну и тащитесь, дети мятежа, шайтан с вами!.. все равно ведь не отвяжетесь!

— Вот здесь, мой шах, — Гургин остановился напротив грота, потолок которого украшали, сочась влагой, сосульки сталактитов. — Верно, Худайбег?

— Угу, — Худайбег задумчиво вертел в лапах свою «Сестру Тарана» и словно прислушивался к чему-то.

— Совсем прямой Ал-Ребат! — с натужной радостью сообщил маг. — Ай, какой прямой — хоть босиком ходи!

Фальшивая бодрость старика, равно как и ухватки рыночного зазывалы, совсем вогнали поэта в тоску.

А знакомый вопль, эхом раскатившийся по горам — в глухоту; и лишь изрядное расстояние до чинары с Вайдосом отчасти сберегло на этот раз уши путников.

— Стряслось чего-то, — буркнул Худайбег. — Народ кличет.

— Ну и пусть хоть разорвется! — не сдержался поэт. — Лишь бы не по наши души…

Он обернулся — и застыл, не веря своим глазам. Тропа позади была пуста, только где-то за поворотом удалялся топот пяти пар исполинских ног.

— Ушли… — выдавил Абу-т-Тайиб; и тут до него дошло, что это значит.

Путь свободен!

— Гургин! Мудрец ты мой любимый! Открывай Ал-Ребат! Скорее! — срывающимся от волнения голосом закричал поэт, будто собираясь соперничать с Вайдосом.

Вялость и безразличие, свившие гнездо в его сердце, стрелой улетели прочь.

— Жаровня… Огниво… Священное дерево… — выдавил Гургин, разом растеряв всю бодрость. — Мой шах, ведь…
— Здесь оно! — радостно гаркнул Худайбег, скидывая с плеча хурджин и, не справясь с завязками, попросту разорвал их. — Здесь, говорю!
И зарделся, когда шах Кабира ухватил его за уши и звонко расцеловал в обе щеки.
Старик торопился, словно за ним гналась свора шайтанов. Нетерпеливое возбуждение шаха передалось всем. Жаровню раздули в считанные минуты, и тогда Гургин, разом успокоившись, взял себя в руки — сказывался опыт, приобретенный жрецом за его долгую жизнь. Он принялся читать свои заклинания, а рядом с ним могучий юз-баши плавил взглядом кромешную тьму грота.
Наконец маг умолк, и в воздухе повисла гулкая тишина; лишь потрескивала жаровня, да тяжело сопел Дэв.
В гроте насмешливо стучала капель.
— Ал-Ребат открыт, мой шах, — голос Гургина звенел от напряжения. — Мы можем идти, если шах желает.
— Шах желает! — поэт еще подумал, что такого разочарования не перенесет. — Скорей!
Худайбег голой рукой подхватил с земли раскаленную жаровню и первым шагнул в темноту. Абу-т-Тайиб, не колеблясь, последовал за ним.
Шаг.
Другой.
На третьем шаге мир мигнул — и по глазам полоснуло солнце.
— Мы на перевале Баррах! — торжественно объявил Гургин, возникая позади поэта прямо из воздуха.
Бескрайняя синь горного неба раскинулась над головой, сколько хватало взгляда, вниз убегала каменистая змея тропы, на горизонте белела снежная вершина Тау-Кешт, а по правую руку в глубокой долине раскинулся город.
Медный город — его Абу-т-Тайиб узнал сразу.
— Ты, твое шахское, брось, — бормотнул рядом Худайбег, — брось это дело… ишь, вздумал, плакать-то…
* * *
— Е рабб! Тысяча шайтанов! О Аллах, прости мой скверный язык! Мы не можем оставить там хурга и Нахид!
«И Фарангис! — мысленно добавил поэт. — Надо было забрать и ее! Ведь если она все время будет рядом…»
— Проклятье! Я возвращаюсь за ними!
— Опомнитесь, мой шах! — старик был близок к истерике. — Пошлите за ними вашего юз-баши!
— Меня пошли, твое шахское! Я их приведу! — верный Дэв грохнул в грудь кулачищем.
— Ведь им нужен именно шах, его фарр! — хирбед уговаривал упрямого владыку, как ребенка. — А Худайбега никто удерживать не станет! На кой он им?!
— На кой я им?! — еще один удар кулака в грудь.
Умом поэт понимал, что Гургин совершенно прав, что надо отправить в Мазандеран одного Дэва, а Нахид вообще лучше никуда не забирать…
Мучило другое: что, если Худайбег, оторванный от него и его фарра, начнет стремительно превращаться в чудовище? Что, если он забудет все и вся, навеки оставшись в каменной ловушке Мазандерана?! А вместе с ним — Утба, Нахид… Фарангис!
— Прости меня, Гургин. Я уже говорил тебе, что я — плохой шах. Там, где любой правитель отправил бы вперед слугу, мне проще идти самому.
— Ага, разогнался! — в отчаяньи Дэв совсем забыл, кто есть кто. — Сам он пойдет… без меня никуда — понял, твое шахское? И не надейся!
В эту минуту «пятнадцатилетний курбаши» был до невозможности похож на Стоголового.
— Воля шаха — закон, — безнадежно развел руками хирбед. — Отсюда я смогу держать Ал-Ребат открытым около суток — здесь дэвы не в силах помешать мне. Но на большее меня не хватит… это так, мой шах — даже владыкам неподвластен возраст. Поторопитесь.
Абу-т-Тайиб кивнул, сглотнув горький комок, и вслед за Дэвом шагнул в мигнувшую пустоту.

КАСЫДА О ЛЖИ

Это серость, это сырость, это старость бытия,
Это скудость злого рока, это совесть; это я.
Все забыто: «коврик крови», блюдо, полное динаров,
Юный кравчий с пенной чашей, подколодная змея,
Караван из Басры в Куфу, томность взгляда, чьи-то руки…
Это лживые виденья! Эта память — не моя!
Я на свете не рождался, мать меня не пеленала,
Недруги не проклинали, жажду мести затая,
Рифмы душу не пинали, заточенные в пенале,
И надрывно не стенали в небе тучи воронья.
Ворошу былое, плачу, сам себе палач и узник,
Горблю плечи над утратой, слезы горькие лия:
Где ты, жизнь Абу-т-Тайиба, где вы, месяцы и годы?
Тишина. И на коленях дни последние стоят.

Глава восьмая,

залитая кровью и оглушенная криками, прибежище удивительных встреч и дивных разговоров, где вопреки очевидному напрочь отсутствуют порицания в адрес безбожников-дахритов, полагающих мир вечным, а не сотворенным Аллахом всемилостивейшим и милосердным!

1

…поначалу Абу-т-Тайиб решил, что верный Дэв-проводник ошибся. Спутал место и время, взамен Мазандерана случайно выйдя к земле Божьего гнева. Открывшееся зрелище более всего напоминало истребление оскорбленным Аллахом (славен Он!) языческих племен Ад и Самуд, дерзких исполинов, отвергнувших сладкоречие пророков Худа с Салихом и убивших верблюдицу последнего. А так, если не поминать всуе нечестивых адитов и самудян, все прежнее — котловина, извилистая дорога вниз, по которой он не так давно спускался навстречу неизвестности и гостеприимству дэвов, речушка-подросток плещет волнами… разве что русло запружено трупами, и вода ярится, бьется о страшные пороги, ища выхода из западни.

Пахло кровью. Пахло бойней, насильно распахнутым чревом, насильно отворенными венами, насильно подрубленными сухожилиями… насилием пахло.

И кружилась голова, хотя Абу-т-Тайиб никогда не отличался особой брезгливостью или малодушием.

— Да что же это? — бормочет рядом Дэв, и в хриплом рыке юз-баши щебнем катаются тайные всхлипы, стон потрясенного мужчины и рыдания обиженного ребенка. — За что, твое шахское?.. за что?!

— Молчи! — обрывает его поэт. — Молчи, говорю! И держись рядом. Как бы дело ни обернулось — рядом! Понял?!

Абу-т-Тайиб начинает медленно спускаться туда, в царство Разрушительницы наслаждений и Разлучительницы собраний, в обитель смерти, некогда звавшуюся Мазандераном. Медленно, ибо ноги не держат, подкашиваются, а идти все равно надо. Он знает, что мгновением раньше был несправедлив к своему спутнику. Как несправедлив отец, затрещиной отшвыривая малыша от края пропасти. Как несправедлива мать, когда изо всех сил стегает чадо веревкой, даже не дав опасно приблизиться к песчаной эфе, греющейся на солнышке. Так надо. Надо идти, надо держать спутника на коротком поводке верности и послушания, не давая привязи лопнуть. Еще не хватало, чтобы Дэв с воплем ринулся вниз, истово размахивая «копьецом», захлебываясь горьким хмелем мести, убивая, убивая, убивая, пока шальной удар не вобьет ему в глотку и месть, и саму жизнь.

Абу-т-Тайиб знает, что он прав.

Ему даже не нужно слышать громоподобного клича, взметнувшегося навстречу:
— Слава! Слава Кей-Бахраму!..
Слышать не нужно, но и не слышать тоже нельзя.
Из нор, из разоренных ласточкиных гнезд, торопливо ползя по уродливым трупам бывших обитателей, выбираются муравьи: черные, блестящие, только что они шарили в глубине, копошились, ища вожделенную добычу — и вот уже муравейник вскипел забытым на огне котелком, ибо добыча идет к ним сама.
Искать больше не стоит.
— Слава!.. о-о, шах…
Муравьи остро пахнут волками.
«Волчьи дети».
Они бегут навстречу, спотыкаясь, захлебываясь счастьем обретения, как бегут сыновья к вернувшемуся из долгих странствий отцу; но останавливаются на полпути. Счастье на бородатых лицах исподволь сменяется пониманием, и взгляды, где еще недавно плескалось бешенство и упоение справедливым боем, наполняются тихим сочувствием. Они расступаются, не добежав; они дают дорогу, застыв изваяниями в помятых доспехах. Владыка скорбен. Владыка не в настроении. Владыка хочет одиночества. Еще бы! — после долгого плена, после общества отвратительных чудовищ, после заточения и скорби душевной… Носителю фарра надо дать прийти в себя. Главное сделано: шах спасен, а будущее навсегда осенено знаменем благоденствия.
Это так; мы знаем, что это так.
Мы все знаем.
Впереди поэта бежит Златой Овен, весело топоча копытцами по бурой от крови гальке; баран трясет курдюком и поминутно дергает ноздрями, с жадностью втягивая запах гургасаров-освободителей. Волчий запах. Хищный. Домом пахнет… Поэт нагибается за камнем, но рука отказывается бросать: там, где остановился проклятый баран, скорчилось маленькое тело, и лепестки мушмулы тихо осыпаются на золотистую шерстку.
Рядом валяется кувшин; бесформенный кусок меди, смятый солдатским сапогом.

— Ты лежишь передо мною мертвой бабочкой ночною,
Неоправданной виною — я молчу, немея.
Отливают кудри хною, манит взор голубизною,
Но меж нами смерть стеною — я молчу, не смея…

«Вот где славно умереть, — шепчет в ухо насмешница-память, и горячий этот шепот обжигает сознание, на миг пробуждая страстное желание ударить наотмашь и уйти навсегда, но увы! — этого блаженства шаху не дано, а самоубийство есть тягчайший грех перед Совершеннейшим Благотворителем. — Вот где славно… славно… Умереть и быть похороненным. И чтоб ветер осыпал на могилу пригоршни лепестков, а река смеялась… Е рабб, хоть бери и ложись, не дожидаясь отведенного срока!»
Златой Овен блеет, запрокинув рогатую голову, и бежит дальше.
А камень выпадает из пальцев поэта.
Расталкивая «волчьих детей», вперед выходит широкоплечий воин: латы в двух местах надорваны, будто не металл рвали чужие когти, а гнилую ветошь, ноги забрызганы до колен, чьи-то волосы прилипли к сапогам, и тяжелая сабля щукой ныряет в ножны…
Воин падает ниц, прямо в растоптанную требуху, и замирает недвижимо.
Перед шахом.
— Встань, — скрипит колодезный ворот, который нерачительные хозяева забыли смазать маслом.
Воин послушно встает. На нем знакомый пояс, и еще вокруг шлема знакомый венец-кулах — россыпь жемчужин по зубчатому обручу; каждая третья или пятая — черные. Капли адской смолы.
Лицо воина чужое: твердые скулы, твердый взгляд, рот сжат твердо и упрямо, а по углам рта залегают складки опыта и решимости.
В черной бороде пробивается первая седина; первый иней грядущей зимы.
— Здравствуй, юноша, подобный блеску молнии во мраке, — надрывно скрипит колодезный ворот, и в лице воина на миг пробивается робость былого шах-заде, того мальчишки, что честно рубил ненавистного оскорбителя в Медном городе, а потом так же честно плакал перед этим оскорбителем в бане, не смея поднять головы.

— Теперь можно умирать, — отвечает Суришар, и глаза шах-заде блестят слюдяными озерами, но ни одна капля не срывается с ресниц. — Клянусь Творцом, можно…
Он пережидает спазм, мешающий ему говорить, и завершает:
— Потому что владыка наконец свободен. Свободен от пятилетнего плена в краю ужасных дэвов. Слава!
— Слава! — отзывается слитный хор многих глоток. — О-о, шах… наш шах…
Поэт даже не удивляется «пятилетнему плену». Если Суришар так говорит, значит, это правда. Время ничего не значит, и расстояния ничего не значат; и вообще ничего не имеет значения, если оно снаружи, а не внутри. Поэт глядит внутрь, туда, где варом клокочет бессильная боль; и тесно зажмуривает глаза души.
Нет сил.
— Скорбь владыки билась в наши сердца, — продолжает меж тем Суришар, Суришар-дэвоборец, Меднотелый Суришар, герой и витязь. — Мечты владыки о свободе не давали нам спать по ночам. Темные земли, проклятые от века, тряслись под копытами наших коней; темные существа, недостойные жить, корчились под ударами наших мечей. Мы дошли, и владыка поведет нас обратно. Домой.
— Домой… — бормочет поэт. — Домой…
Слово горчит на вкус, будто оно не слово, а вяжущее растение мирар, от которого у верблюдов выворачиваются губы.
И насмехается с кручи Златой Овен, бодая труп седого мохнача, чья шерсть заплетена в щегольские косички даже на животе.
Олмун-дэв молчит, ибо мертвым все равно, кто их бодает.
Чудовищным усилием Абу-т-Тайиб подавляет в себе желание шагнуть вперед и взять Суришара за глотку. Не поможет. Да и мальчишка не виноват… впрочем, какой он теперь мальчишка?! Пять лет, говорите, прошло? — да, пять лет трудов ратных, пять лет сплошных подвигов во имя заточенного владыки… Е рабб, здесь есть лишь один человек, которого действительно стоило бы брать за глотку! — вот он, сей человек, бездарный рифмоплет, покинутый Аллахом! Ведь это его желание оставить Мазандеран, его тяга к свободе, к бегству от упрямых дэвов — это и только это дотянулось до Кабира! Ухватило Суришара за шиворот, превратило щенка в героя, кинуло с полком гургасаров в стремнину безнадежных поисков… и ведь нашли, добрались, победили!..
Цена победы видна: меж трупами дэвов немало убитых гургасаров.
Абу-т-Тайиб вглядывается, смаргивая предательские слезы: почему он не заметил этого раньше? Вон подле заколотого дэва лежит мертвец: голова покрыта бедуинским уккалем, в руке зажата сломанная альфанга… Дальше еще один труп — и налобник адийского шлема украшен изображением черного орла, символом Бану Абс. А за спинами «волчьих детей» сгрудилось не меньше полусотни истинных фарисов — бойцов пустыни, каких поэт многажды видел в жизни, что была до самума и пещеры Испытания.
Смуглые лица бесстрастны, будто не бой остался за плечами фарисов, а тихий вечер в кругу домочадцев; будто не удивительные земли вокруг них, а знакомый до мелочей оазис с водопоем; будто не неизвестность впереди, а безопасный путь домой.
Впереди бедуинов стоит чернокожий предводитель, опираясь на длинное копье.
Тот самый, кто являлся Абу-т-Тайибу в колдовском киселе скалы, когда пятеро дэвов отражали налет дерзких всадников.
Они смотрят друг на друга, не отводя взгляда: Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби, рожденный в триста втором году от бегства пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) — и Антара Абу-ль-Фаварис, Отец Воителей, ничего и никогда не слышавший о пророке Мухаммаде, которого какой-то Аллах должен за что-то благословлять и приветствовать.
Пятьсот лет разницы смотрят друг на друга, Эра Истины и Эра Невежества; и окружающие их существа, живые и мертвые, не видят в этом ничего удивительного.
А сам поэт предпочитает не вспоминать, что в свое время мечтал о встрече с живой легендой песков, с самим Антарой-Губошлепом, мечтал страстно, терзаясь неосуществимостью грез. Сейчас он готов молиться об одном: чтобы Господь миров лишил его способности мечтать и стремиться. Слишком часто желания выворачивались наизнанку, слишком часто они исполнялись, исполнялись так, что воздух пах кровью, а плащ безрассудства бился за плечами сумасшествия… Радуйся, несчастный! Пой песни, пляши, вскидывай пятки к горбатому небосводу, ликуй великим ликованием! Получи! — ты же этого хотел?!
Антара передает копье стоящему рядом бедуину и идет к Абу-т-Тайибу.
Приблизясь, он опускается на одно колено.

— Пусть враг никогда не попользуется твоим огнем, о царь джиннов Сальхаб ибн Акхаб! — звучный голос Отца Воителей раскатывается над котловиной смерти. — Счастлив тот день, когда я встретил тебя в облике вороного коня, заточенного в тайных подземельях, и освободил от плена, взяв клятву помочь мне в поисках убийц моего сына!
Поэт затравленно озирается.
Нет.
Никакого царя джиннов со странным именем Сальхаб ибн Акхаб поблизости не наблюдается.
— Э-э-э… Отец Воителей обращается ко мне? — осторожно интересуется поэт.
Вести такой разговор при Суришаре и «волчьих детях» весьма неловко. И еще: все время приходится краем глаза следить за Дэвом — как бы парень в отчаяньи не натворил глупостей!
Е рабб, они слепы, они честно не замечают сходства юз-баши с чудовищными трупами вокруг!
Или слеп только шах?
— А к кому же еще?! — в свою очередь удивляется чернокожий предводитель. — Кто, как не ты, следил из огненного столба за подлым убийством моего первенца Гадбана?! Кто, как не ты, встретил меня и моих воинов на Сарихской равнине во главе войска джиннов в облике человеческом?!
И рука Антары указывает на молчаливые ряды гургасаров.
— Кто, как не ты, распахнул пред нами вихрь, позволивший нам явиться сюда; и кто, как не ты, достал золотую палочку и намазал волшебной сурьмой глаза мои и глаза спутников моих, дабы мы увидели врагов наших в их истинном облике, от которого волосы встают дыбом и седеют трехнедельные младенцы?! И наконец…
Антара выхватывает из ножен меч; но не для удара, о котором поэт втайне молился.
— И наконец: кто, как не ты, подарил мне свой колдовской клинок по прозвищу аз-Зами, что значит «Горе Сильных», дабы я успокоил боль моего сердца и поразил убийц Гадбана?!
— Кто, как не ты?! — слитным эхом отзываются бедуины за спиной чернокожего Антары.
— Кто, как не я? — пожимает плечами шах Кабира.
Он узнал меч в руках Антары. Кривой машрафийский меч, изготовленный оружейниками Йемена, оплаченный блюдом полновесных динаров — и похороненный вместе с мумией в бархане-мавзолее.
Он только… впрочем, неважно.
Антара, Отец Воителей, растягивает в улыбке эфиопские губы, сверкая жемчугом зубов.
— Мой жребий высок, — смеется он, — и ушла в песок кровь недругов Антары!
— Но жизнь — не кусок, — ответ Абу-т-Тайиба рождается сам, рождается в крови и нечистотах, как любое дитя, — подхваченный псом, не мяч для веселой игры…
Черное лицо становится серьезным; очень серьезным.
— Прибежищу лжи бессмысленно жить, бессмысленно длить года!
— Но, мудрый, скажи: хоть мы — миражи, неужто уйдем без следа?!
— Пир сильного — бой! Рискуя собой, заслужим в веках хвалу!
— Но крови прибой утопит Любовь, наткнувшуюся на стрелу…
— К чему этот стон? Один или сто — позорно врагов считать!
— Но, явь или сон, он определен — твой жребий, за пядью пядь! И полно мечтать о том, чтобы спать — придется когда-то встать…
Антара, Отец Воителей, умолкает и долго разглядывает царя джиннов.
— Прощай, — наконец говорит чернокожий. — Если буду нужен — позови. Я у тебя в долгу.
Он машет своим людям, и бедуины идут к коням, легко прыгают в седла — чтобы медленно двинуться по склону вверх, туда, где воздух закручивается удивительным вихрем, так похожим на приближение самума, из которого нет возврата.
— Погоди, — кричит вслед поэт. — Погоди, Антара!
Только что Абу-т-Тайиб вспомнил, вспомнил отрывок из «Сират Антара», эпизод жизни чернокожего бойца, истинный или придуманный, — но раньше он всегда слушал эту историю, позевывая.
Раньше; но не теперь.
— Да погоди же! Ответь: правда ли, что один из твоих недругов возил по пустыне барана с позолоченными рогами и требовал от вольных племен поклонения этому барану?!

— Правда, — улыбается Отец Воителей, подбоченясь в седле. — Истинная правда, о царь джиннов!
— И что ты сделал с проклятой тварью?!
— Я накалил на огне жало моего копья и прижал к глазам твари, после чего они лопнули!
— Я не о человеке! Я о баране! Что стало с ним?!
— Баран? — искренне недоумевает чернокожий. — Баран убежал. Стану я гоняться по пескам за каким-то бараном…
И с кручи весело блеет Златой Овен.
2
Тучи собирались над растерзанным Мазандераном, косматыми бурками плотно укутывая небо; тучи наползали с востока, с запада, с севера и юга они наползали тоже, отовсюду, со всех сторон света, в котором света было разве что на медный фельс больше, чем тьмы, и то сомнительно; медленные отары, стада ливня, табуны гроз, — но пастух еще не взмахнул бичом, разорвав морок тишины ветвистым зигзагом, и водяные змеи медлили, не спеша обласкать исковерканную землю, живых и мертвых, мертвых и живых, а есть ли разница между первыми и вторыми, известно не всякому…
Тучи.
В небе.
Высоко… не достать, не дотянуться.
Шкурами выстлана былая синева, блеск глаз неудачников.
«Они не виноваты», — беззвучно вымолвил Дэв, или только подумал; или только собрался подумать.
«Они не виноваты, — песчинка в каменной чаше, плоть от плоти убийц и убитых, душегуб и солдат, ребенок и чудовище. — Они просто любят тебя, твое шахское… любят. Как я.»
«Они просто… — пальцы на древке огромного копья ерзают, словно не находя себе места, и ерзают „волчьи дети“ под внимательным взглядом могучего юз-баши, переминаются с ноги на ногу, потупив взоры. — Нет. Не как я. По-другому. Но это не важно, твое шахское… важно, что любят. Вот.»
«Ты не бойся за меня, твое шахское. Я не пойду их убивать. Ты за себя бойся, отец…»
В этот день Худайбег аль-Ширвани, «пятнадцатилетний курбаши», стал взрослым.
Здесь, в Краю Дэвов, где трупы перемешались с трупами, и не было меж ними отличия для сведущего.
* * *
Шах-заде Суришар стоял перед возлюбленным владыкой, и душа его, душа не мальчика, но мужа, плавала в приятной опустошенности.
Душа пела.
Три года он жил жизнью властных: наместник Кабира соизволением обладателя фарра, чье слово — закон, а взгляд — повеление; держава процветала, и Суришар спал ночами без сновидений, подобно утомленному за день пахарю. Он знал: где-то есть венценосный владыка, где-то идет за своей прихотью символ государства, дыша полной грудью, пребывая в благополучии, как он это себе понимает — и оттого цветет Кабирское шахство розовым кустом!
Он знал.
И два года он жил жизнью сильных: Волчий Пастырь, спахбед воинов в серых плащах, покоритель земель неведомых, призраков невидимых и чудовищ ненавидимых. Его гургасары шли за полководцем в огонь и в воду, они рыскали обезумевшей стаей, терзая молчаливых, сокрушая упорных, пытками вынуждая колдунов открывать тайные двери; где ты, Край Дэвов?! — я иду, ибо ощутил зов плененного владыки, и его неистовая тяга к свободе колотится о мое сердце!
Он шел.
И еще пять часов он жил жизнью верных: мститель, он рубился в первых рядах, заставляя изумиться даже бесстрастных союзников, явившихся из ниоткуда, без чьей поддержки, без чьей ярости и безумия лежать сейчас гургасарам вкупе со спахбедом в каменной чаше страшным приношением. Уроды-исполины падали под мечом Суришара, скрипели кожистые крылья, рассекаемые синим высверком стали, плакали раненые утесы, осыпаясь кровавым щебнем, и вой сотрясал горы окрест, дикий гимн победителя.
Он сражался.
И еще полчаса он жил жизнью счастливых: господин стоял перед слугой, свободный шах перед освободителем-героем, и путь домой был открыт.
Он радовался.

Так отчего же ты не в силах опустить взор, Суришар Меднотелый, о ком еще только сложат песни?! Отчего ты смотришь на своего владыку в упор, взглядом неподобающим, и губы твои шевелятся сами собой, будто дерзкие слова щекочут их кончиком голубиного пера, и умирают, так и не родившись? Что видишь ты, шах-заде, потерявший юность в поисках и битвах?!
Что ты видишь?
Лик обожаемого господина на миг уплыл куда-то вбок. На его месте вдруг возникло совсем чужое, незнакомое лицо, сплошь заросшее кудрявой бородой; горбатый нос сморщился, шевельнулись густые усы, и в ушах Суришара прозвучало отзвуком запредельного:
— Если вы в затруднении… о-о, если вы в затруднении, то ищите помощи у покоящихся в могилах!.. ищите… в могилах…
Нет, кабирский шах-заде никогда не слышал хадисов — преданий о жизни и воззваниях пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует!); но странный смысл почудился ему в услышанном.
Шах Кей-Бахрам стоял перед названным сыном: на голову выше любого из гургасаров, могучие плечи гордо расправлены, весь облик дышит силой и спокойствием, — но сквозь владыку, как проступает блеск оброненной монеты через толщу воды, проступал совсем иной человек. Шрам на шее, и на скуле, и еще вот здесь, под ключицей, часть зубов выбита, и ухмылка от этого кривая, жестокая ухмылка, а ноша возраста давит нещадно, будто верблюда нагрузили двойной поклажей, только упрямый горбач идет себе по пустыне, идет на гордости и умении мерять пески, а больше ни на чем. Тот бродяга, что вышел из пещеры Испытания, тот боец, что гонял шах-заде в грязи Медного города, певец, гораздый подхватывать и завершать; прошлый, забытый, ушедший… Оказывается, он никуда не делся! Оказывается, он всегда был здесь, но прежний Суришар не видел его, или не хотел видеть; или не умел…
И прежний был многажды опасней нового.
Мысль показалась совсем уж еретической, ее просто-напросто не могло родиться, этой мысли…
И как же было хорошо, когда владыка увлекся разговором с чернокожим союзником, а потом долго провожал последнего взглядом, давая отдышаться Суришару, Суришару-дэвоборцу, Меднотелому Суришару, герою и витязю!
А тучи все копились в небе над Мазандераном.
3
…подбежав, десятник гургасаров припал на одно колено. Плечо «волчьего сына» было наспех замотано грязной тряпицей, и сдавленный стон нет-нет да и прорывался сквозь стиснутые губы.
— Говори, — машинально вырвалось у Суришара, и шах-заде вздрогнул. Привычка командовать въелась в плоть и кровь, дергая за язык раньше, чем следовало бы в присутствии повелителя — но, кажется, все обошлось. Названный отец стоял, равнодушно глядя на десятника, и не проявлял признаков раздражения.
— Там… там… — десятник никак не мог начать. Храпел загнанной лошадью, сбивался. — Там… я нашел его под одеялами…
— Кого? — осведомился Суришар, а шах лишь хрипло расхохотался.
Будто в Краю Дэвов под одеялами в пещере можно обнаружить бабушку султана Баркука!
— Дэва, владыка мой! Дэва, Пастырь мой… раненый, он прятался…
— И ты полагаешь эту новость достойной ушей шаха? Почему ты просто не добил эту мерзость, глупец?
Суришар кривится. Распекать десятника противно. Позор! — вести такие разговоры в присутствии обладателя фарра… Позор давать повод упрекнуть «волчьих детей» в малодушии.
Десятник заслужил наказание.
— Я… рука не подымается… я старался, владыка! — последнее адресовано непосредственно шаху. — Я старался! Но… колдовство, наверное!..
— Неси его сюда, твоего дэва, — приказывает шах. — Живого неси, слышишь?
И десятник, кликнув еще троих воинов, убегает.
Вскоре они возвращаются, неся на копьях, застланных плащами, чье-то тело. Импровизированные носилки ложатся в грязь перед владыкой Кабира и его спахбедом-освободителем; стонет существо поверх плащей, и десятник невольно отступает назад, сдержав собственный стон.
— Кто это? — неприятным голосом интересуется Кей-Бахрам у своего названного сына. — Кто это, Суришар? Как полагаешь?!

Шах-заде равнодушно пожимает плечами.
— Дэв, мой повелитель. Кто же еще?
Владыка пристально вглядывается в лицо Суришара — так он вглядывался тогда, в бане, назначая юного шах-заде Волчьим Пастырем: жестокое любопытство плещет в глубине взора, вынуждая смотреть в землю и чувствовать, как уши позорно багровеют. Стыдно.
— Дэв, говоришь? Ладно… Скажи мне: ты хорошо помнишь моего предшественника, покойного шаха Кей-Кобада?
Суришар улыбается. Владыка просто расположен к разговору, к тихому, спокойному, ни к чему не обязывающему разговору. А потом они поедут домой…
— Разумеется, мой повелитель! Я прекрасно помню прежнего шаха!
— И этот дэв, по-твоему, нисколечко не похож на их солнцеподобность, великого Кей-Кобада?! Или ты просто расчесываешь гребнем зломыслия бороду коварства, скрывая очевидное?
Суришар позволяет себе улыбнуться шире.
А гургасары — те еле сдерживаются, чтобы не последовать примеру своего Пастыря.
— Владыка изволит шутить? Грязный урод похож на обладателя фарра?!
Владыка присаживается на корточки над носилками, и ладонь шаха откидывает волосы с лица раненого дэва. Тот стонет и открывает глаза. Отчаянный луч солнца, прорвавшись сквозь завесу туч, осыпает голову и плечи чудовища драгоценной пылью… Суришар близок к тому, чтобы отшатнуться — нет, быть не может!.. Но тучи смыкаются, золотое марево гаснет, и все возвращается на круги своя. Впору проклясть собственную впечатлительность, недостойную водителя отрядов! И все-таки: теперь шах-заде понимает, отчего десятник не сумел добить раненого дэва. Понимает, и не станет наказывать воина. Что-то есть в полудохлом уроде, незнакомце из Мазандерана, что-то такое…
Впрочем, дело сделано, и груз переложен на чужие плечи: сейчас решать владыке.
Дэв с носилок моргает и пытается приподняться. Это ему не удается, зато владыка склоняется еще ниже.
— Я вспомнил… — бормочут губы в запекшейся крови, губы чудовища на пороге мира иного. — Эй, вор, ты слышишь?! — я вспомнил! Там, в пещере, там нет тьмы… тьмы не бойся! Бойся себя, самого себя… понял?
— Понял, — кивает владыка. — Ты лучше молчи, тебе нельзя…
— Можно, вор! Теперь мне все можно… Спрашивай! — я отвечу.
— Что он сделал с тобой?
— Златой Овен? То, что я хотел сделать с остальными…
Стон прерывает речь, тело дэва выгибается в предсмертной агонии, и последние слова звучат последним вздохом, судорогой вздувшегося горла, выкриком уходящей жизни:
— Он меня съел!.. съел… меня…
Шах Кей-Бахрам стоит над трупом.
— Похоронишь его, как хоронил бы меня самого, — роняет владыка, страшно дергая левым веком, и прежний бродяга вновь виден в обладателе фарр-ла-Кабир. — Слышишь?! Как меня самого. Ты прав, глупый мальчик: мой предшественник, гордый Кей-Кобад, умер. Воистину ты прав…
И владыка начинает уходить прочь, по дороге вдоль стенок каменной чаши.
Следом тащится могучий юз-баши, поминутно оглядываясь.
Суришару отчего-то кажется: это все.
Если б еще понимать, что — все…

Глава девятая,

повествующая о тайном и явном, звучащая плачем, смехом и словами мудрецов прошлого, но даже намеком не помогающая героям сделать их выбор.

1

Эта картина позднее не раз будет являться поэту в снах; и он будет тихо улыбаться вялыми губами.
Не разгром Мазандерана, не встреча с легендарным Антарой, не иные деяния и похождения — перевал в горах без названия. Солнце падает в объятия дальнего хребта, краснея от стыда и еле сдерживаемой страсти, а над песчинкой, муравьем,

распростертым навзничь старцем в шафрановом плаще склонился гибкий хург, отбросив прочь секиру. Ладони хурга ритмично давят на впалую грудь старца, с усилием, с требовательным усилием приказывая изношенному сердцу — бейся! ну бейся же, подлое!.. Затем самозванный лекарь припадает губами к запавшему рту мага, словно всю жизнь мечтал о поцелуях стариков, и дышит, дышит, толкает упрямый воздух внутрь; поцелуй прерывается, и снова — руки, грудь, толчки… толчки под ладонями.

Сбивчивые всхлипы жизни.

Хург беззвучно смеется, кладет седую голову к себе на колени и тянется за баклагой воды.

В пяти локтях от него курится забытая жаровенка, и возле золотого краба, рукотворного солнца, младшего брата того светила, что сейчас рушится за горы — рядом стоит рыжее чудовище. Трясутся бурдюки грудей, кривые ноги полусогнуты, страшно напоминая лапы львицы, но лицо спокойно, и странно видеть это спокойствие на морде ночного кошмара. Губы движутся, вывороченные губы зинджа из речных заводей юга, и почти членораздельное бормотание сливается со стоном дряхлого мага, рождая противоестественную гармонию. Курится жаровенка, течет пряным дымом, хоть и нет топлива в сердцевине ее, нечему гореть, нечему дымиться, кроме бормотания, стона и смеха…

Нечему.

А горит.

— Ал-Ребат, — бормочет Дэв, забывшись, хлопает по плечу своего владыку и даже не думает извиняться. — Они удержали его, твое шахское… Нахид, махонькая, умница моя! — твое шахское, ну скажи ей хоть словечко, она рада будет! Эй, хург, с меня причитается, за девкину жизнь… да брось ржать-то, юрта ты кочевая, растрясешь дедушку!..

Дэву простительно: это он минутой раньше пыхтел зверем аль-каркадани, прорываясь в шайтанов Ал-Ребат и стараясь увлечь за собой беспомощную обузу в виде шаха Кей-Бахрама.

Сейчас Дэву все простительно.

И не только ему.

Щеку Абу-т-Тайиба щекочет легкое касание; поэт машинально смахивает каплю-надоеду и потом долго смотрит на собственную ладонь.

Ладонь влажная.

А в уголках глаз подозрительно щиплет.

2

— Я у чинары сидел тогда. С которой Вайдос глотку дерет. Ждал одну… прийти обещала. Только не дождался…

Утба Абу-Язан, отставной есаул султана Харзийского, любил женщин, и те отвечали ему взаимностью. Приятели-Вороноголовые, тоже бабники, каких мало, иногда перемигивались, слушая рассказ веселого хурга о его новом увлечении; но языкам волю не давали. Секира Утбы была им хорошо известна, и бешеный норов — тоже: кому охота из-за лишнего словца… Короче, друзья помалкивали. Отхватил красотку, говоришь? Чудненько. На все согласна, говоришь? Мы за тебя рады. А то, что красотка носата, сутула, и в годах уже — о том молчок.

О вкусах не спорят.

Тем паче, что водились за Утбой и подлинные красотки, и просто хорошенькие… всякие водились.

Если бы веселый хург был поэтом, он нашел бы нужные слова. Судьба подарила Утбе замечательное качество: он смотрел на женщин открытым взглядом, не замечая внешней оболочки, и видя тайную суть, сердцевину, сокровища, скрытые от неумелого глаза, как запоры скрывают от воришки-простофили золотую казну. С иной старухой он мог сидеть часами, ведя бесконечные разговоры о прошлых днях, и выходил из покоев окрыленный, долго вспоминая тихие беседы. И точно так же он мог буйствовать на ложе с мастерицей постельных утех, доводя ее до изнеможения, давным-давно забытого и оттого вдвойне желанного; после мастерица погружалась в дрему, а хург уходил. Окрыленный. Да и в Мазандеране его мало смущали все эти крылья, когти, хвосты… пустяки. Он не видел внешнего уродства; он смотрел дальше. Женщина есть женщина, и любая хочет одного: отогреться у мужского огня. Здешним бедолагам вообще не повезло; пока мы сюда не явились… пока я сюда не явился. Если бы хург был поэтом…

Но поэтом Утба не был. И не понимал удивления во взглядах приятелей. Он просто жил, как умел, даже не подозревая, что мужчине вроде бы положено от роду-века

брать, а не отдавать. Утба отдавал. И в любви, и в гульбе, доведя было имущество предков до полного разорения; и в бою.
Стихия схватки захлестывала его целиком, без остатка, и когда после шутейных свалок на майдане Утбу урезонивали: дескать, что ж ты делаешь, безумец, убить кого вздумал или попросту сдурел?! — Утба не обижался. И на него не обижались. Иногда он пытался объяснить, что в дружеских поединках щедро выплескивает все свое умение, весь свой пыл, как велит слугам ставить на дастархан все угощения, имеющиеся в доме, едва на пороге объявится дорогой гость! Жизнь и смерть в такие минуты теряли для хурга всякий смысл — была жизнь, будет смерть, и опять жизнь, а слова есть слова, и ничего они не значат! Увы, его стали отстранять от учений; без объяснений причин. И так ясно. Денег не напасешься, дурачок: платить отступной выкуп за братскую кровь, нечаянно пролитую, и по первому ли разу…
Если бы Утба был поэтом… но поэтом он не был.
Жил, как умел; и все тут.
— Сижу, а тут Вайдос бежит; и на чинару. Я от греха подальше — оглохну ведь, его вопли слушая! Дай, думаю, выше пересижу, где шиповник… моя-то все равно не пришла, а теперь и не придет, наверное! Только спрятался, только уши заткнул…
Гургасары свалились, как снег на голову. Утба заткнул уши более чем основательно; и призыва Вайдоса не услышал (лишь в голове слабое шевеление произошло), и топота копыт заодно.
Видимо, «волчьи дети» еще перед спуском в котловину разделились на несколько отрядов, и веселому хургу повезло: налетевшими на него всадниками командовал лично Суришар. Не успел хург скинуть с коня головного знаменосца, не успел лечь под копыта, предварительно захватив с собой в Верхнюю Степь пару-тройку удальцов — взлетела вверх ладонь в латной перчатке, и клинки опустились, минуя дерзкого.
Суришар слетел с коня, обеими руками вцепился в хурга, и губы шах-заде беззвучно задергались.
— Что? — переспросил Утба и рассмеялся: уж больно весело шевелились губы, ни дать ни взять у червяков свадьба!
Черви выплюнули ругательство, понятное даже глухому; Суришар прянул в седло, и спустя мгновение конные гургасары прогрохотали вниз, по тропе.
Только тут Утба вспомнил, что забыл вынуть из ушей затычки.
Вынул.
И стал смотреть вниз; где бой превращался в бойню.
Дэвы дрались отчаянно. Ярость гургасаров, ярость мстителей, дорвавшихся наконец до вожделенной цели, разбивалась о мощь «добытчиков» и проворство «бойцов», похожих на Худайбега-дружка; вернее, на того Худайбега, каким юз-баши только обещал стать. Мелькали змеиные жала копий, суковатые дубины мерно подымались и опускались, в ход шли камни и ножи, и пока хозяева с гостями вовсю истребляли друг друга — по западному краю котловины уходили в горы дэвицы и дети-дэвтаги, прикрытые с тыла редкой цепочкой особо могучих «добытчиков».
На их счастье, нежданные союзники гургасаров ссыпались вниз по другой тропе, иначе этот натиск смял бы женщин вместе с немногочисленной охраной.
— …Там и тропы-то особо не было. Как из воздуха явились… кони под ними славные были, это я сразу приметил: морды узкие, щучьи, бабки аж звенят на ходу! Даже в наших табунах такие аргамаки — редкость. И копьями швырялись — заглядение…
— Кони? — машинально переспросил Абу-т-Тайиб.
— Люди, — удивился Утба. — Кони копьями швыряться не умеют…
Чернокожий предводитель всадников оказался зорок на диво. Или предупрежден заранее. Он лишь привстал на стременах, вскинув пику, на флажке которой трепетал крыльями черный орел — и новая напасть обрушилась на жителей Мазандерана. Бой в котловине то затихал, то вспыхивал с новым ожесточением, раненые дэвы уползали в заросли на склонах, прятались в пещерах — но «волчьи дети» кидались следом, и схватки продолжались там, в темноте и стонах.
Утба смотрел и смеялся: шутка судьбы оказалась удачной! Вот бой, и вот он, хург — вне боя! Не смешно ли? А если вступать, если решиться отвести душу — на чьей стороне? И что скажет шах-побратим: одобрит ли выбор своего пса? осудит? промолчит?
Побратимом Утба называл кабирского шаха только в мыслях, ни разу не дав волю языку.
И если бы Утба был поэтом… нет, не так. Если бы некий мудрец разъяснил веселому хургу, что даже мысленно приблизиться к владыке столь дерзким образом —

кощунство, достойное кары!.. Увы, Утба не был поэтом, мудрецов поблизости тоже не наблюдалось, и «небоглазый» хург раздумал терзаться выбором.
Он знал: неизбежность приходит сама, выбирай не выбирай.
— Она из-за кустов вывернулась. Я сперва и не признал-то: вся в крови, поди разбери, своя кровь, чужая? — и тюк волочит. Здоровенный такой тюк, мне и не поднять. А следом гургасар и двое этих… у которых кони… только пешие.
Нахид-дэви задыхалась. Едва не сбив Утбу наземь, она проковыляла мимо, спотыкаясь, подволакивая ногу, задетую чьим-то мечом — но добычу из рук не выпустила.

Рыжая.

Та, за которой шах-побратим пошел в Мазандеран.
Своя.
Утба смотрел дальше уродства; и видел больше других, или меньше, или…
Впрочем, неважно.
Своя.
— Эй, хург, хватай ее! — хрипло выдохнул гургасар, замахиваясь копьем для броска. — Воровка дэвская, с-сучья…
— С-с-с? — осведомилась секира веселого хурга.
К чести залетных воинов, они соображали быстро. Гургасар не успел еще упасть с раскроенным черепом, как две кривых альфанги заплясали вокруг убийцы. Им ответил страшный плеск Ар-Раффаль, и пока «Улыбка Вечности» делала свой выбор за хозяина, вторя его смеху радостным звоном — все это время рыжее чудовище стояло поодаль, дожидаясь исхода драки.
А потом Нахид удобней перехватила косматыми лапами тюк, вскинула воровскую добычу на холку и мотнула хургу головой — пошли, мол!
Утба бежал за ней, бежал по тропе, бежал вдоль гряды, похожей на спящего верблюда, бежал прямо в пропасть, на краю которой вдруг заварился колдовской кисель, маня неизвестностью — и все это время он смеялся.
В самом деле, не смешно ли…
* * *
Абу-т-Тайиб подошел к хургу и взял его за плечи.
— В Коране сказано Аллахом о людях: «Пусть смеются мало и плачут много». Пророк Мухаммад (да будет мир над ним!) изрек: «Изобилие смеха убивает душу!» Святые мудрецы учили: «Пагубных последствий смеха много. Во-первых, он заставляет человека забыть о Боге; во-вторых, он превращает живую душу в мертвое тело; в-третьих, хохот есть великий грех; и в-четвертых, от смеха в чистых членах появляется нагноение». Мужи истины утверждали: «Кто, подобно безумцам, много смеется, обретет еще больше камней отчаянья!»
Поэт перевел дух и улыбнулся в ответ на улыбку отставного есаула, веселого хурга по имени Утба Абу-Язан.
— А я, побратим, скажу другое. Смейся, сколько тебе влезет; смейся, не боясь забыть о Боге, не боясь омертвления души, хохочи, презрев нагноение чистых членов, и веселись, пиная камни отчаянья! И еще…
Тишина.
Даже Гургин перестал стонать.
— И еще — спасибо. Теперь мы квиты; ты честно заплатил долг.
— Нет, — спокойно ответил хург. — Это не так. Я еще только плачу, и вряд ли когда-нибудь расплачусь до конца.
В трех шагах от них, над украденным тюком, сидела на корточках Нахид-дэви и настороженно глазела по сторонам. В прорехах тюка, разорванного по дороге, тускло блестела сталь. Бывшая хирбеди знала, что делает; знала тем знанием, для которого не всегда нужен разум и почти никогда не нужны слова.
Суришар не зря вез с собой в тороках боевой доспех шаха.
Латы попали по назначению.
3
…Абу-т-Тайиб из-под ладони глянул на солнце, клонившееся к закату. Багровый диск вот-вот должен был утонуть в складках чалмы Тау-Кешт. Именно в эту минуту он, шах Кабира, поэт и бродяга, упрямая игрушка рока, должен будет войти в шершавый сумрак, который поглотит его…
Что произойдет дальше? Эта мысль ушла, улетела, избежав рождения, даже не думая вором прокрасться в сердце — ибо, как известно, Господь миров поместил истинный разум в сердце человека, откуда свет его подымается в голову. Поэт тихо улыбнулся

собственным размышлениям. Он просто устал, смертельно устал от безнадежной войны с судьбой; а после чаши Мазандерана, доверху полной крови, эта судьба — его собственная судьба! — уже не слишком волновала Абу-т-Тайиба. Он сделает должное, совершит предназначенное, каким бы оно не оказалось — и да поможет ему Аллах, всемилостивый и милосердный, на которого уповает всякий правоверный!
В глазах мало-помалу темнело, и Абу-т-Тайиб не осознавал, что виной тому — не зубчатый горизонт, чье чрево поглощало солнечный диск. Просто веки поэта, отяжелев от грез, налипших на ресницы, смыкались тюремными дверями, смыкались, смыкались… пока самовольно не скрыли от господина и раба своего угасающий день.
А потом под веками вспыхнуло другое солнце!
* * *
Пол-неба было забрызгано кровью. Багровый диск светила яростно рвал в клочья тучи, темные, как пролитые растяпой-писарем чернила; края обрывков мрака небесного сверкали позолотой молний — и люди, казалось, старались не отстать от солнца и залить кровью половину земли!
С холма, где, приподнявшись на стременах, воздвигся Абу-т-Тайиб, были хорошо видны белые стены Кабира — но сейчас стены были черным-черны от карабкающихся на них людей! Город брали приступом, и с левого фланга отчетливо доносился грохот медного тарана, в щепки разносившего западные ворота. На ближних холмах, у осадных машин, метался лысый джаселик — мастер стенобитных орудий. Казалось, это джинн, обладающий способностью находиться сразу в дюжине мест: вот он у баллист-аррад, какими пользовался еще пророк Мухаммад (благо ему!) при взятии святой Мекки — а вот он уже у камнеметов-манджаников, кричит на полутысячную обслугу «Невесты», огромного манджаника, прозванного так за множество веревок, подобных косам. Именно такая «Невеста» некогда умудрилась сшибить флагшток на самой высокой башне Дайбула; а сейчас от ее поцелуев несладко приходится укреплениям Кабира.
Войска уже подступили вплотную к столице шахства, жадными руками вознося ввысь осадные лестницы; волна атакующих муравьиным нашествием захлестывала белый камень — и свет разума наконец поднялся из глубин сердца в голову поэта!
Е рабб! Ведь это же ЕГО войска штурмуют белостенный город!
Его, Абу-т-Тайиба аль-Мутанабби!
«Вы хотели подарить мне ваш Кабир, вместе со всем шахством и венцом владыки?! — поэт рассмеялся сухо и зло, как не засмеяться во сне даже самому Иблису. — Подавитесь вашими подарками! Я возьму сам!»
И безумие этой битвы показалось ему куда более подлинным, истинным, чем безумие последнего года, проведенного им в образе кабирского шаха. Плевать, что этого не могло быть, что он никогда не был полководцем и не брал приступом города! Плевать! Это была ЕГО жизнь, настоящая, в которой правил не Златой Овен, но Меч!
«Хорошая фраза, — подумалось мимоходом. — Не забыть бы…»
Но мгновением позже ему уже было не до удачных фраз.
С треском распахнулись створки ворот, изнасилованные залпами манджаников, и наружу потекла стальная река, сверкая кровавыми отблесками: латная пехота, гордость и слава Кабира, приняла вызов!
Смыкались щиты, частокол копий грозил широкими жалами…
— Вперед, дети пустыни! — рев Абу-т-Тайиба, нового, бешеного Абу-т-Тайиба сотряс землю.
Ответный грохот и визг.
Конная лава устремилась наперерез разворачивающейся в боевые порядки пехоте. Впереди несся, горяча белоснежного, как стены Кабира, жеребца, чернокожий всадник, воздев над головой кривой полумесяц меча — и поэт уже не удивился, узнав в предводителе «детей пустыни» Антару Абу-ль-Фавариса!
Здесь и сейчас возможно было все, что угодно.
Явись сюда сам пророк (благо ему!), осенить святостью падение Кабира — приму, как должное!
— Утба Абу-Язан докладывает: восточные ворота пали, мой повелитель! Хург и его люди в городе!
— Отлично! — ухмылка раздирает губы, и боль сладостна, она пьянит, течет запретным хмелем, от этой боли сердце пляшет базарным дервишем.
Довольно наблюдать. Сил у Утбы недостанет удержать захваченное — хургу нужна подмога.
Поэту было совершенно неинтересно: откуда он знает о распределении сил? Должен знать, если он же и затеял этот штурм!

— Скачи к Утбе. Передай: пусть держится зубами — мы уже идем!
— Радость и повиновение! — и только пыль взметнулась из-под копыт, хрустя на зубах оскоминой боя.
Абу-т-Тайиб в последний раз окинул взглядом поле сражения.
Кабирская пехота, перегородив западные ворота, еще держалась, но строй ее прогнулся панцирной пластиной под ударом клинка: всадники Антары рвались вперед, и даже явление ангела Джибраиля не могло бы сдержать дикий натиск язычников из славных времен джахилийи! На стене, у башни Аль-Кутуна и прямо напротив холма, с которого поэт обозревал битву, вертелся кровавый ветряк, расшвыривая защитников, и к нему спешили другие осаждающие, проворно карабкаясь вверх по узким лестницам.
Худайбег? Точно, Дэв! И смертоносная «Сестра Тарана» разила, как всегда, без устали.
Мало кто из кабирцев отваживался сунуться в жернова смерти — а на стене тем временем возникали все новые и новые фигурки атакующих. Худайбегу с Антарой помощь явно не требовалась — они и их люди справятся сами.
Пора!
— За мно-о-ой! — и три тысячи всадников резерва, давно ожидавшие своего часа, во главе с самим полководцем устремились к городу.
Мимо проносятся стены, люди, бьются в агонии кони с распоротыми животами, над столицей плывет в зенит черный дым, подсвеченный снизу багрянцем пожаров; звон металла, крики — но все это заглушает грозный топот тысяч копыт за спиной.
Дальше, дальше — восточные ворота уже совсем рядом.
На мгновение Абу-т-Тайиб оглянулся через плечо. Но смотрел он почему-то не на своих воинов, скачущих позади, а вверх, на небо. Поэту хотелось увидеть разъяренный лик солнца.
Это казалось очень важным.
Но солнца не было: лишь кромешная тьма грозовых туч — предвестниц бури; светило брызгало на их края позолотой, тщетно силясь пробиться сквозь заслон. То же, что и на земле — чернота дыма, подсвеченная кровавым огнем.
А потом впереди явились ворота. Спешно уступала дорогу коннице пехота Утбы Абу-Язана, сам Утба пятился от наседающих кабирцев, отмахиваясь секирой…
Свистнул, покидая ножны, ятаган.
Тот самый!
И завертелась кровавая круговерть.
Металл звенел о металл, кричали люди, бешено ржали кони, в горле першило от едкого дыма, и рука в латной перчатке, по локоть забрызганная дымящейся кровью, вздымала вверх тяжелый ятаган — и мощное лезвие, визжа от ярости, опускалось на головы врагов, рассекая шлемы и черепа, и скользил на плитах площади гнедой жеребец, и он, мятежный поэт, презревший милостыню венца, Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби, все смеялся в порыве боевого безумия, совсем как его друг и побратим Утба Абу-Язан, и бежали, спасая свою жизнь, защитники Кабира, а за ними вдогон неслись воины на взмыленных конях…

— Живой, я живые тела крушу; стальной, ты крушишь металл —
И, значит, против своей родни каждый из нас восстал!

Навстречу ударил грохот копыт, совсем как тот, что недавно плащом бился за спиной; и сразу следом — истошный вой. Гургасары, «волчьи дети», личная гвардия кабирского шаха!
Демоны-оборотни в косматых шкурах поверх доспехов, на черных жеребцах-исполинах — они вылетели из-за поворота, и шедшая на убыль битва вспыхнула с новой силой.
Но Абу-т-Тайиб не видел всего этого. Сейчас он не видел ничего, кроме всадника, закованного в драгоценный доспех, всадника на чалом скакуне с узкой щучьей мордой.
Поэт узнал их сразу.
Обоих — и коня, и всадника.
Суришар, наследник кабирского трона, которого он, Абу-т-Тайиб, невольно лишил венца, явившись на свет из пещеры Испытания — и теперь собирается лишить вновь, но отныне своей волей, с мечом в руках!
Кто же он сейчас, вспыльчивый Суришар: восставший против господина наместник — или законный шах Кабира, по праву носящий кулах владыки?
Но и это тоже не имело значения.

Кони сшиблись грудь-в-грудь. Полыхнула, запела сталь клинков, закружилась в гибельном и по-своему прекрасном танце. На этот раз Суришар предусмотрительно сменил легкую щегольскую саблю на массивный талвар, да и опыта у юноши… куда там, где он, былой юноша?! — заметно прибавилось. Вихрь ударов рушился на поэта памятным самумом, обещая тьму и покой. Дважды лезвие скрежетало по наручу и латной перчатке, но Абу-т-Тайиб успевал отбиваться, не спеша лезть на рожон. Возраст не тот, молодость давно ушла в дальние края, и приходилось беречь силы, выжидая, когда разгоряченный противник зарвется…
Случилось!
Чудом извернувшись в седле, поэт пропустил очередной удар мимо себя — лишь седельная лука взвыла от мимолетного касания! — и ятаган Абу-т-Тайиба пошел на полный круг.
Давешние слова пришли сами:
— Отныне Кабиром будет править не Фарр, но Меч!
И в этот миг рука отказала.
Нет, не рука!
Став вдруг непомерно тяжелым, ятаган, словно живой, отказывался повиноваться, отказывался взмыть вверх и обрушиться на противника, проламывая доспех, мышцы, кости!..
Свинцовый клинок тянул к земле, едва ли не стаскивая с коня; этому не было объяснения, как не было объяснения и всему, что творилось вокруг; но ведь и на Страшном Суде вряд ли станут слушать твои дурацкие объяснения, грешный человек, и цена им — ломаный фельс!
С какой-то странной отрешенностью поэт наблюдал, как вспыхивают торжеством глаза Суришара, как вспыхивает в ответ нимб фарра вокруг головы кабирца, как юноша, подобный блеску молнии во мраке, поднимает коня на дыбы — и как рушится сверху смерть в облике клинка талвара.
Он проиграл. Час пробил; и значит — пора. Пора уходить. Он и так прожил лишний кусок чужой, заемной жизни.
Или все же своей?
Последним, что увидел поэт, было солнце над правым плечом кабирского шаха. Нет, не солнце: в небе, усмехаясь, скалила плоские зубы баранья голова!
Златой Овен смеялся.
Потом была темнота.
* * *
— Е рабб!
Поэт заснул сидя, и сейчас, упав набок, основательно треснулся головой о камень.
От чего и проснулся.
— Е рабб! — еще раз повторил Абу-т-Тайиб, потирая ушибленное место. — И приснится же такое!
Солнце успело закатиться за вершину Тау-Кешт, и снежная чалма, которую гора носила с неизменным достоинством, была уже не розовой, — серо-лиловой она была, и продолжала быстро темнеть.
Сумерки стремительно падали на горы серым саваном, обещая скорую ночь.
Пора было идти.
Поэт тяжело вздохнул, встал и шагнул в кромешную тьму пещеры.
Два-три шага — и темнота сомкнулась вокруг.

Глава десятая,

где рай сменяется адом и наоборот, наисладчайшее блаженство — наитягчайшим грехом и наоборот, агнец возлежит со львом и наоборот, но никоим образом не упоминаются джавляки, бродячие дервиши, во имя Аллаха добровольно лишившие себя всех волос на теле, включая брови и ресницы.

1
Родник доверчиво ткнулся мне в ладонь холодным носом — и отпрянул от кольчужной чешуи, обиженно лепеча невнятицу. Брызги маленькой радугой на миг повисли в воздухе, чтобы опасть на травы капельками росы; гордая фиалка вскинула головку, украшенную алмазным ожерельем, и насмешливый щебет птиц был ответом этой

гордыне. Солнце пригоршнями рассыпало вокруг тертую охру, золотя кусты жимолости, оглушающий аромат плыл волнами, заставляя сердце биться чаще, словно у юноши в предвкушении первого любовного свидания — а каждый вдох и выдох звучал «алифом» и «лямом», славя Предвечного.
Я стоял нелепой, закованной в металл статуей, посреди райских пределов, и не знал: тосковать ли мне за тьмой пещеры Испытания?!
Тьмой, из которой родился свет, как уже случалось некогда с мирозданием; да и со мной однажды бывало.
Память подсказывала свидетелем, заслуживающим доверия: шахский доспех так и остался лежать у входа в пещеру. Я не разворачивал тюк, не просил Утбу или Дэва помочь мне застегнуть пряжки и затянуть ремни; я не облачался во все эти зерцала, оплечья, наручи, поножи, не обвивал талию поясом с бляхами, не украшал голову прорезным шлемом, наматывая поверх него тюрбан…
Я не делал этого.
И тем не менее — творение Коблана-кабирца покрывало злосчастного Абу-т-Тайиба с головы до ног, и это являлось такой же истиной, какой был тюк, оставшийся снаружи.
Я был готов к бою.
Я — потому что здесь и сейчас не находилось места лжи или притворству, отстранению или возвышению, всем этим Ахмедам ибн аль-Хусейнам, Абу-т-Тайибам аль-Мутанабби, именам, прозвищам, отчествам и племенным куньям; я был наг душой и открыт рассудком для всего, что могло произойти со мной в здешнем раю.
Не смешно ли? — нагой боец в ратном снаряжении!
Смейтесь великим смехом!
…трава хрустела под двойными подошвами сапог. Брызгала липким соком, ломкими стеблями корчилась за спиной. Трава была бессмертна: что значит сотня-другая зеленых побегов для обширной луговины? Меньше, чем ничего. Мы с травой знали о бессмертии все. Я сдвинул набок ножны с ятаганом и полной грудью вдохнул пьянящий ветер, отличный от запретного вина лишь тем, что он был дозволен. Куда идти? Что делать? С кем биться? О гордый Кей-Кобад, неужели именно здесь тебя выели до сердцевины, бросив в мир лишь пустую оболочку?!
Деревья сомкнулись вокруг меня: ивы с ветвями-хлыстами, вековые карагачи, пирамиды кипарисов накалывали облака на острия макушек, красные листья аргавана соседствовали с серебристой подкладкой листвы сафеддоров; и пятнистой шкурой леопарда земля стелилась к ногам владыки.
Я шел, не разбирая дороги, держа ладонь на рукояти ятагана. Легкий скрежет латной перчатки о костяные накладки рукояти, хруст травы под сапогами, звяканье наруча, когда он краем цеплял поясные бляхи — странная, противоестественная гармония царила в этом хаосе звуков! Трели птицы бульбуль — и скрежет, воркотня голубей — и хруст, шелест крон под ветром — и звяканье… хиджазский напев бытия!
Уж лучше бы меня ожидала тьма кромешная со скрежетом зубовным, мрак тысячи опасностей, чем этот волшебный Ирем, где волей-неволей приходится чувствовать себя захватчиком!
Я наклонился и мимоходом сорвал нарцисс.
Сунул было за ухо и, наткнувшись на шлем, устыдился.
«Только раз в году нарциссы украшают грудь земли — а твоих очей нарциссы расцветают круглый год…» Воспоминание отрезвило, я бросил цветок в душистую тень олеандра и двинулся дальше.
Без цели; без смысла.
В метелках дикого овса, осыпая серую пыльцу, щеголями площади Мирбадан бродили голуби. Ворковали, топорщили перья, терлись клювами в любовной игре. Ближе всех ко мне прохаживался крупный сизарь с алой полоской вокруг шеи, более всего похожей на коралловое ожерелье. «Мяо!.. мя-а-ао…» — кошачье пение издавал он, и все топтался на одном месте, отпрыгивая, возвращаясь, кося на меня влажной бусиной глаза. Я пригляделся. У лап голубя извивалась пестрая гадюка, один укус которой отправляет человека к праотцам верней, нежели добрый удар копья.
Змея вязала из себя замысловатые узлы, но жалить не спешила; и уползать не спешила.
— Мя-а-ао… мя-я-я…
Голубь с ленцой топтался по упругому телу гадюки, кривые когти не по-голубиному хищно прихватывали змею, вздергивали над землей, чтобы тут же отпустить, дать наизвиваться вдоволь — и снова… Тихое шипение вторило нежному мурлыканью, кораллы на шее птицы отливали рассветной зарей, а остальной стае дела не было до забав вожака.
— Кыш! — довольно глупо сказал я. — Кыш, зар-раза!

Голубь, являя собой образец послушания, оставил змею в покое (та мигом юркнула прочь, исчезнув в зарослях), вспорхнул и уселся ко мне на плечо.
— Кыш… — беспомощно повторил я.
Голубь потерся головкой о назатыльник шлема. Щелкнул мощным клювом, норовя ухватить кольчатый край. В ответ я дернул плечом, желая прогнать назойливую птицу, но земля вдруг ринулась прочь, вниз, в пропасть, а небо ударило в лицо синим полотнищем. Расплескивая пену облаков, я мчался в вышине вольным голубем, следя, как внизу стелятся реки и озера, холмы и долины, города с многоярусными крышами домов и рисовые поля, залитые водой… острые шпили пагод, судоходные каналы, обсаженные деревьями… «Мэй-лань, — мяукал мне в уши ветер, — Мэ-э-эйлань, Мя-я-ао!..»
Я знал: захоти я, и все это станет моим. Я стану всем, стану холмами и долинами, домами и людьми в них, стану Сыном Неба, который долгожитель даже в сравнении с владыками иных держав; мне предлагали величие без границ и пределов.
Искренне.
Я зажмурился. Ну почему я?! Зачем я вам всем понадобился, бродяга, с двенадцати лет избравший долю странствующего поэта? Почему вы не даете мне умереть, отказывая в последнем утешении отчаявшихся?! Я привык петь хвалу власть имущим, когда нуждался в деньгах, я не стеснялся славословить халебского мерзавца Сайфа ад-Даула, этого тупого Меча Истины, получив за лесть годы благополучия, о чем сейчас вспоминаю с омерзением! — но, воспевая эмиров, я мысленно претендовал на их троны лишь в минуты отчаянья! В те горькие минуты, когда душа моя, залог Аллаха, брала своего обладателя за глотку и гнала прочь от благополучия, заставляя выкрикивать стихи, оплачиваемые не динарами, но мечами оскорбленных! «Как, — возмущались они, — сей рифмоплет, чье достоинство — только происхождение от южных арабов, смеет превозносить свою гордыню до небес?! Пес заброшенных стоянок воет на луну и называет это истинной поэзией?! В наше время, когда, в отличие от славного прошлого, перестали рождаться мастера слова, он задирает нос и бахвалится похвальбой зазнаек?! Ату его!» Да, слыша их, мне хотелось надеть венец и перестать быть поэтом, ибо я втайне знал: такого не может произойти никогда…
И не потому, что венец мне заказан.
— Мя-а-а… — разочарованно проворковал ветер. Я вновь стоял на земле, а Голубь-Мяо фарр-ла-Мэйлань, спрыгнув с моего плеча, вразвалочку ковылял прочь.
Стая ждала вожака.
2
Из-за цветущей мушмулы выскочил заяц. Принюхался, вытягивая мордочку, и дробно рванул в лощину, где мне почудилась серая тень. За ним вылетела добрая дюжина приятелей — длинноухих, с куцыми хвостами-пуговками; и зайцы скатились вниз по склонам, топча клевер-пятилистник, будто совершенно не нуждались в удаче. Солнце полоснуло их семихвостой плетью, прежде чем зверьки успели скрыться от моего взгляда, и заячьи шкурки запылали в ответ шафраном, а на ушах блеснули серебром длинные кисточки.
Минутой позже в лощине раздался тоскливый волчий вой. Он разрастался, ширился, тек унынием, захлестывая окружающий меня Ирем; истошному вою вторил барабанный перестук. Невидимые для меня лапки колотили в невидимые стволы, полые изнутри, барабаны гремели все громче, и вой звучал все громче, превращая день в ночь, а солнце — в луну, пока не оборвался на самой высокой ноте.
Я шагнул к спуску в лощину, плохо понимая, зачем это делаю; и споткнулся. Степь раскинулась вокруг меня, степь белобаранных хургов, и чернобаранных хургов, до самой Харзы, на чьи стены никогда не поднимался враг; та степь, которую я уже топтал однажды. Ноги вихрем несли меня по ковыльным просторам, заставляя петлять меж сопками, шуршать в озерном камыше, бешеным соглядатаем наворачивать круги вдоль крепостных стен… люди, кони, юрты и палатки, стада и табуны, башни и рвы…
Все это предлагалось мне.
Бесплатно.
Просто так.
— Нет! — выкрикнул я, чувствуя, что теряю сознание. — Не-е-ет! Я возьму сам!.. са-а-ам!..
Тишина.
На краю лощины сидел Лунный Заяц фарр-ла-Харза, внимательно глядя на меня зелеными глазами. «Зря, — явственно читалось в глубине заячьего взгляда, — зря… я ведь от всей души…» Наконец он моргнул и, потешно выпрыгивая на каждом шагу, двинулся вниз.

Где били в барабаны маленькие лапки, а эхо еще ловило отголоски былого воя.
* * *
Синий Тур Лоула даже не подошел ко мне.
* * *
Виноградная лоза предложила мне масличные рощи Кимены, двугорбый Нар ал-Ганеб — Дурбанские равнины, купцы-оразмиты со всеми их караванами были брошены мне под ноги Вольным Плющом фарр-ла-Оразм; Вран фарр-ла-Фес каркал над моей головой, удивляясь человеческому упрямству, а Черепаха-о-Семи-Пятнах все ползла за мной, с воистину черепашьим терпением раз за разом предлагая мне Хинское ханство. Пока я чуть не наступил на нее сапогом, и черепаха отстала.
Я шел, топча благоуханный ковер, я чувствовал себя святым пророком Исой, которого враг Аллаха возвел на гору и указал пророку на все царства земные: владей! бери! пользуйся!
Только я, в отличие от святого пророка, мог сколько угодно кричать гласом вопиющего в пустыне:
— Отыди от меня, искуситель!
Разве что горло сорвал бы.
Его я нашел последним. Златого Овна, бесцеремонного спутника, того, за кем явился сюда. Баран лежал у поваленного кедра, а рядом с ним лежал косматый лев, опустив голову на передние лапы и зорко поглядывая по сторонам. При моем появлении лев глухо зарычал и сделал было попытку встать, но блеянье Златого Овна остановило хищника. Рык еще доносился из груди льва, катился предупреждающим рокотом, пока баран не ухватил зверя зубами за складку шкуры на шее и не встряхнул как следует.
Лев угомонился.
Зажмурился, лег на бок и выгнулся спящим котенком.
Я подошел к Златому Овну. Остановился в растерянности, потом освободил ятаган от ножен.
Клинок вопросительно блеснул: я здесь! чего ты хочешь?
Лев встал и затрусил прочь. А проклятый баран глянул на меня снизу вверх и прикусил травинку, что торчала у самой его морды. Курдюк Овна дряблой грудой трепетал от каждого движения челюстей, драгоценная шерсть блестела сокровищами пещеры Сим-Сим; он не сопротивлялся, он лежал покорной тушей, и я почувствовал себя подлецом.
Мне опять предлагали милостыню.
Кебаб вместо Золотого Руна.
Вместо боя, борьбы и схватки, вместо возможности взять самому, мне подкладывали нечистое животное свинью! — то есть тупого барана, на холку которого я в любую минуту мог опустить карающий клинок.
А вокруг молчал Ирем, рай без людей, или не так: рай, каким он был до создания Адама.
Впервые я понял, почему имя падшему ангелу, отказавшемуся исполнить прихоть господина: Иблис, то есть «отчаяние».
Иблис охватывал меня все теснее, и не было этому яду противоядия.
— Нет, — сказал я раю, барану и всем на свете фаррам, которые бродили неподалеку, с интересом поглядывая в нашу сторону. — Нет. Если вы предлагаете мне рай, чьей благодати я уже успел наесться всласть, так что она пошла мне горлом — тогда я предпочитаю ад. При одном условии: свой ад я возьму сам. И поверьте: я знаю верный способ…
Я укрепил ятаган между двух камней; острием вверх.
Сцепил пальцы на затылке, чтобы не передумать в последний миг.
И упал на острие.
3
Падение длилось вечность.
Я даже успел вспомнить, что забыл снять доспех, которого не надевал; и решил, что это не имеет никакого значения.
* * *

— Я лежу перед собою цитаделью, взятой с бою,
Ненавистью и любовью — ухожу, прощайте!
Тенью ястреба рябою, исковерканной судьбою,
Неисполненной мольбою — ухожу, прощайте!
В поношении и боли пресмыкалась жизнь рабою,
В ад, не в небо голубое ухожу. Прощайте.

Ухожу…

Кривое лезвие ятагана изгибалось мне навстречу холодной улыбкой стали: «Давай, поэт! Иди ко мне! Доверься! Уж я-то тебя не подведу!»
И я так же криво улыбался ему в ответ, отвоевывая у пространства пядь за пядью. Прости меня, Аллах всемилостивый и милосердный; или нет, лучше не прощай, а просто пойми. Я даже не буду молить Тебя принять мою неприкаянную душу — ибо знаю, какой грех совершаю. Нет мне прощения, как нет и другого пути. Эй, падший ангел, гордыня во плоти — готовь котел попросторнее, раздувай пламя, зови подручных!
Встречай!
Я иду, спешу, падаю, я уже… где ты?!
Перед глазами мелькают кровавые угли и блеск рогов — вот ты каков, хозяин преисподней! — тупой удар в бок пронизывает болью все тело, в уши врывается глухой звон металла…
…Небо. Откуда в аду такое голубое небо?
Я приподнялся и сел.
Напротив ухмылялась баранья морда! Иблис, будь ты проклят, прощен и снова проклят! — почему и ты предал меня?! Или ты — одно целое со Златым Овном, моим мучителем и искусителем?! Молчишь? Все молчите, да?! — адские выкормыши, зеленые холмы Ирема, их обитатели, толпа тварей, что мало-помалу собирается вокруг поглазеть на завидное зрелище!
Последние слова умирающего Кей-Кобада кузнечными молотами бьют изнутри в гулкие своды черепа:
— Он меня съел!.. съел… меня…
«И меня», — беззвучно отвечаю я.
В ответ баран издевательски скалит плоские зубы, похожие на речную гальку — словно мерзкая скотина чует мои мысли и глумится над старым поэтом! Златого Овна не устраивает шах-самоубийца! Только он, рогатый фарр-ла-Кабир, волен распоряжаться жизнью и смертью венценосной куклы! Только он вправе, отшвырнув глупца в сторону и выбив из-под него стальную смерть, лично растерзать упрямого — позже найдя замену сносившейся ветоши!
Это намерение ясно читалось в горящих углях, в хищных глазах пастыря стад.
И я понял запоздалым озарением: судьба дарит мне вместо греха самоубийства нечаянную возможность взять, взять, взять наконец самому — что бы я ни брал, жизнь или смерть!
До каких я великих высот возношусь и кого из владык я теперь устрашусь, если все на земле, если все в небесах… если… все…
Удар!
Скрежещут пластины доспеха, трещат ребра, запирая дыхание в легких, как запирают узника в беспросветных темницах Салам-Зиндана; оскал бараньей морды нависает надо мной ущербной луной геенны — и я еле-еле успеваю извернуться под массивной тушей. Кулак, закованный в броню, со звоном впечатывается в самую середину мощного лба, Овен отшатывается, гнусаво блеет; и пинком ноги я отталкиваю его от себя.
Ятаган! Где ты?! Где?!
Тусклый серый блеск в траве, в каких-то двух шагах.
Ноги все делают за меня сами: остается лишь нагнуться, сомкнуть пальцы на рукояти, моей волей избавленной от позора самоцветов…
Багровая вспышка превращает сознание в кусок парного мяса.
Боль.
Семь адских кругов боли, и восьмой, предназначенный исключительно для упрямцев вроде меня.
Во рту — соленый вкус крови и крошево выбитых зубов.
Зубы хрустят на зубах; бывшие на оставшихся.
Встать! Встать, старый урод! Немедленно — потому что время медлить иссякло на весах твоей участи!
Ну же?!
Баран стоит рядом. Рукой подать, и кровь, МОЯ кровь стекает по его золоченым рогам. Встать не получается, сколько ни кричи сам на себя; затруби сейчас Израфиль в трубу Судного Дня, я все равно не встану — но это и не нужно. Вот он, ятаган, стальные пальцы латной перчатки плотно обхватили рукоять с костяными накладками. Правая

рука с оружием как нарочно отброшена назад: единственный взмах, один сверкающий полукруг — и этому кошмару придет конец!
Н-на!
Плечо едва не вывернулось из сустава. Ятаган жмется к земле, наливается свинцом, не желая подниматься, мешая рывком сесть и нанести решающий удар — меч владык, символ Кабирского шахства, отказывается рубить Златого Овна.
Как отказываются рубить только мечи: наотрез.
— Предатель!
В ответ с неба рушится издевательское блеяние, злорадный смех фарр-ла-Кабир.
Вот он, вещий сон! Вот он, сон в руку, меч в руку, и непомерная тяжесть распластывает меня по нежной траве Ирема, давая всласть насмотреться на адское солнце — баранью голову, хохочущую в облаках!
Исступление, бешенство отчаяния обжигает гортань расплавленным оловом:
— Предатель! Кусок ржавчины, позор своего рода, недостойный называться Мечом! Прислужник вонючего барана!
Златой Овен заставляет небосвод содрогнуться в приступе дикого веселья.
— Ведь мы похожи, ты и я!.. — шепчу я непослушными губами, словно надеясь уговорить упрямый ятаган. — Чего ты хочешь? Пылиться на дворцовых коврах, надуваясь от спеси во время парадов и торжеств?! Даже покидая ножны по прихоти очередной венценосной куклы, оставаться мясницким ножом?! — ибо никто не ответит тебе честным ударом на удар! Ты меч — или кусок бараньего дерьма?! Вспомни: подобен сверканью моей души блеск моего клинка: разящий, он в битве незаменим, он — радость для смельчака!.. мой яростный блеск, когда ты блестишь, это — мои дела; мой радостный звон, когда ты звенишь, это — моя хвала! Живой, я живые тела крушу; стальной, ты… ты…
«Достаточно, — решает Златой Овен. — Пора обедать.»
Дрогнула земля под копытами кинувшегося на меня барана — и в ответ странной, пронизывающей дрожью отозвалась рукоять ятагана, в чью плоть, казалось, намертво вросли сквозь железо перчатки мои пальцы.
Победный рев исторгся из моей груди, вторя свисту рассекаемого клинком воздуха Ирема: меч все-таки сделал свой выбор! Выбор между человеком и златорогим фарром — а значит, нас было двое!
Нет, не двое: сейчас мы были одним целым!
Ятаган крылом бури взмыл над косматой тушей — чтобы опуститься.
Истошное, испуганное блеяние, влажный хруст — и кривое лезвие, на треть войдя в шею Златого Овна, вспыхивает ярче дюжины солнц. Оно плавится в жаре фарра, истончаясь, исходя нестерпимым сиянием — и вот: обожженные пальцы уже не ощущают рукояти, ибо ладонь моя пуста.
— Отныне Кабиром будет править не Фарр, но Меч!
Полководец из сновидения в последний раз повторяет эти слова, пробуя каждое на вкус, и удаляется в свою обитель грез.
Раненый баран неистово бьет копытами, проминая доспех, насилуя мое кричащее тело — но руки уже сомкнулись мертвой хваткой на подрубленной шее фарр-ла-Кабир.
Рывок, проворот, треск ломающихся позвонков и рвущихся сухожилий…

Я встаю.

У ног моих бьется в агонии обезглавленная туша кабирского фарра. Драгоценная шерсть, легендарное Золотое Руно, быстро тускнеет, становясь обычной бараньей шкурой, грязной и окровавленной.
Мухи.
Жужжат, клубятся… райские мухи.
А вокруг молча ждут обитатели Ирема, символы сопредельных держав. Фарры Харзы, Мэйланя, Дурбана… зайцы, голуби, верблюды, черепахи; лоза и плющ растут из рыхлой земли, цепляясь усиками друг за друга, уставясь на меня глазницами странных соцветий… ни одного хищника.
И я читаю в их молчании приговор.
Приговор озверевшего рая.
Но все-таки первый шаг навстречу делаю я.
Сам.
4
— …твое шахское! Посторонись!

Мимо меня, выпятив смертоносный рог «Сестры Тарана», проносится разъяренный зверь аль-каркадани по кличке Дэв.
Мимо меня летит знакомый смех Утбы Абу-Язана, смех и песнь «Улыбки Вечности», двуручной секиры, не обученной задумываться: рай вокруг, ад или сумрачная страна аль-Араф.
Мимо.
Меня.
А в отдалении наотмашь пластает воздух кривой машрафийский меч, изготовленный оружейниками Йемена, честно оплаченный блюдом полновесных динаров — разрубая цепкие объятия Вольного Плюща фарр-ла-Оразм и скрежеща по панцирю Черепахи-о-Семи-Пятнах, так и не сумевшей всучить мне трон Хины!
«Если буду нужен — позови. Я у тебя в долгу.»
Антара Абу-ль-Фаварис, Отец Воителей, ты и без зова пришел на помощь к царю джиннов по имени… по имени… забыл!
Антара, я забыл, как ты называл меня там, в чаше Мазандерана!
Но все равно — спасибо.
Оглушительное хлопанье крыльев над головой — и в горло впиваются кривые когти Голубя-Мяо, символа мира и добродетели! Стоит немалого труда оторвать от себя разъяренную птицу, больше похожую сейчас на горного орла, чем на кроткого голубка. В ответ на удары кулака пернатый фарр-ла-Мэйлань бьет клювом, метко и страшно, прошибая зерцало как раз под ключицей, на месте былого шрама; клещи когтей отрывают от доспеха пластину за пластиной, хлопанье крыльев терзает слух, и я уже с трудом держусь на ногах, но падать нельзя, ни в коем случае нельзя, а можно лишь раз за разом бить в ответ, бить, пока есть силы, а потом — ногами втаптывать мерзкую тварь в грязь, ломая крылья и слыша, как хрустят под каблуком ребра…
Огромная голова Лунного Зайца катится по останкам голубя, а верный Дэв спешит на помощь чернокожему Антаре — Отец Воителей, изрубив наконец в куски Вольный Плющ, схватился с двугорбым Наром ал-Ганебом, успевая одновременно уворачиваться от упрямой черепахи фарр-ла-Хина. Гигант-верблюд встает на дыбы, машет копытами, пытается достать Антару зубами, и помощь Дэва весьма кстати.
Я вытираю пот, удивленно слыша скрежет перчатки о налобник шлема; и вижу Утбу.
Что ж ты так, веселый хург, что ж ты…
Они лежат рядом, вцепившись друг друга и разметав в стороны обрывки Кименской Лозы: Утба Абу-Язан и Фесский Вран. В спине мертвого ворона, подобного птице Рох из легенд, глубоко засела секира со сломанным древком — но клюв фарр-ла-Фес до середины вошел в левый глаз Утбы, выйдя из затылка.
И на губах хурга костенеет его последняя, прощальная улыбка.
А поодаль молчаливо стоит Синий Тур Лоула, так и не приняв участия в битве, стоит, печально глядя на убийц и убитых слезящимися голубыми глазами.
Опять — голубыми!
Голова идет кругом, взор туманится, но я еще успеваю увидеть, как под страшным ударом копыта падает несокрушимый, казалось, Дэв, подняв за миг до смерти на копье Черепаху-о-Семи-Пятнах; как возле него, прорвав воздух-кисель, возникает суровый Гургин, и пламя из солнечного краба жаровни, которую маг держит в руках, фонтаном ударяет в оскаленную морду верблюда фарр-ла-Дурбан; Антара радостно заносит меч — и я ухожу.
Сам.
* * *
Утонув во мраке беспамятства, Абу-т-Тайиб уже не видел, как пал Нар ал-Ганеб под ударом Отца Воителей; не видел, как растворился в туманном мареве сам Антара, и как уходил прочь из осквернённого кровью рая печальный Тур Лоула.
Он не чувствовал, как трясущиеся руки Гургина стаскивают с него покореженные латы, отбрасывая прочь куски металла. Левую перчатку маг стащил, истово ругаясь сквозь зубы, потому что раскаленная сталь обжигала руки; и потом старец долго смотрел на покрытую ожогами ладонь поэта. Там, на среднем пальце, ниже полуоторванной фаланги, сиял перстень с вишнево-красным камнем — а на самоцвете мигал удивительный глаз, похожий то ли на косматое солнце, то ли на разинутый рот.
Шахский перстень, древний символ, который поэт всего-навсего забыл снять, оставляя в Кабире кулах и пояс владыки.
Свет в Иреме стремительно мерк — и вместо этого наливался багровым пламенем камень перстня, словно всасывая остатки умирающего дня.
Маг потянулся было к перстню — снять! — но не решился.

— Тебе не хватает света, да? — тихо спросил верховный хирбед, делатель владык. — Ты привык всегда быть в сиянии фарра, и теперь пьешь про запас?
Перстень не ответил.
Старец кивнул и попробовал успокоить сердцебиение.
Иначе сил его изношенного тела могло попросту не хватить.

Глава одиннадцатая,

в которой жизнь и смерть спорят между собой из-за одного человека, в которой память издевается над этим человеком, в которой выясняется, что может произойти с тем, кто заночует-таки в храме Сарта, Гложущего Время (благо ему!) — но так и остается неясным, отчего же горцы обходят столь гостеприимный храм десятой дорогой?!!

1

Солнечный диск медленно полз к закату. По пустыне неба, изгрызенной зубами скал, осыпая напоследок золотистым багрянцем угрюмые хребты, подкрашивая веселой охрой — словно красавица кудри! — замшелые крыши селения. Требовательно блеяли недоенные козы в тесноте загонов; незло, по привычке, переругивались соседки и зубоскалили над женщинами их мужья, раскупоривая глиняные бутыли; квохтали куры, устраиваясь на ночлег. Скрип и хлопанье ветхих дверей, над саклями курились сизые дымки, разнося окрест ароматы готовящейся стряпни. Пахло обжитым, вековечным домом, которым давно уже стали для этих людей здешние горы без названия.
У входа в крайнюю саклю, на каменной скамье, отполированной седалищами поколений, сидели двое. Сухощавый старец кутался в длинный, до пят, войлочный кобеняк, поверх обшитый кожей — от дождя и ночной сырости. Рядом яростно чесал бороду заросший до самых глаз горец, обладатель мохнатой папахи и кацавейки из козьей шкуры, мехом наружу.
Штанов на горце не было.
Они после стирки сушились на веревке, в трех шагах от скамьи; и чем-то удивительно напоминали злоумышленника, вздернутого на дыбу.
Оба молчали: и старец в кобеняке, и горец без штанов. Прислушивались к звукам, что доносились из сакли — невнятное бормотание, звяканье связки колокольцев, ритмичный перестук деревяшек, шарканье шагов…
Что-то творилось внутри, и это «что-то» явно интересовало обоих. Но соваться внутрь мужчины не решались — лучше не мешать; сидеть снаружи, слушать… ждать.
— Не грызи печенка, Гургин-ака, — горец искоса глянул на старца, и подмигнул со значением. — Хадыжа-апа дело знай! Хороший колдовка, вай! Меня лечи, когда я нога ломай — вишь, как новый бегает!
И в доказательство стукнул себя кулаком по колену.
— Вижу, знает она дело, бабка ваша, — хмуро кивнул старец, которого горец назвал Гургином-акой. — Была б нога, я б сейчас песни пел! Ох, была б нога… Боюсь — помрет.
— Вай, зачем Косую поминаешь?! — замахал на старца руками хозяин жилища. — Седые волосы нажить, ума не нажить! Все хорошо быть! Я вас на перевал находи — хорошо?
— Хорошо, — вынужден был согласиться старик.
— Твой друг совсем дохлый быть, ты его таскай-волочи — силы кончайся, вы оба кончайся! Плохо? Плохей некуда. Но Джуха, — палец гордо ткнулся в отворот кацавейки, — вас орлиный глаз замечать, вино поить, второй конь деревня находить, гостей спасай-привози — хорошо?
— Хорошо, — доводы Джухи просто-таки вынудили собеседника кивнуть.
— Теперь лучший колдовка твой друга помоги! Злого испа-лихоманщика гоняй, травами лечи, какой надо еда делай — хорошо?
— Хорошо, — в третий раз согласился старец. — Спасибо тебе, Джуха. Я очень надеюсь, что уважаемая Хадыжа-апа сумеет поставить моего друга на ноги. Но мои надежды — это одно, а раны — совсем другое…
— Великая воин, да! Я сразу видать! Рука совсем железный! — поспешил внести свою лепту неугомонный Джуха.
— Только если он даже поправится, — старец гнул свое, и тень лежала на морщинистом лице, тень забытых ущелий, куда не попадает солнечный луч, — нам тут у тебя еще долго гостевать. Пока мой спутник на ноги встанет… Если встанет, —

добавил он чуть слышно. — Так что имей в виду: мы в долгу не останемся! Еды прикупить, знахарке заплатить, ну и за ночлег — ты только не стесняйся, прямо говори. К чему тебе разорение?
— Обидеть хочешь?! — Джуха аж подпрыгнул на скамье и сбил папаху набекрень. — Вы двое — моя гость! Любимый гость, кунак, живи, сколько надо! Ты, наверно, горы редко бывать, Гургин-ака… Закон не знать. В горы по-другому нельзя. Человек беда попади — помогай надо! Гостя гнать — позор! Деньга брать — позор! Чтоб не слышать больше! Понял?
Джуха грозно свел косматые брови на переносице.
— Понял, — покладисто согласился Гургин.
И тронул бородавку: не пропала ли?
2
…Темнота. Тишина. Покой. Ничто.
А вот уже — не тишина. Звук. Колокольцы. Издалека. А вот трещит что-то, постукивает. Ближе, ближе…
Рядом.
Мрак редеет, и из него проступает старушечье лицо. Морщины, складки. Скорбно поджатые губы скупо цедят слова, но смысла не разобрать — просто слова.
Кап… кап… слова.
Лицо исчезает. Дым. Едкий, остро пахнет бедой. Горим, наверное. Пожар.
Эта мысль не вызывает никакого отклика — попытки или хотя бы желания вскочить, бежать куда-то, спасаться. И страха тоже нет. И на помощь звать не хочется.
Горим — значит, так надо. Ну, сгорим. Что с того?
Пожар заканчивается, не начавшись. Дым уходит, уплывает, хоронится в щели… Ну и ладно. Не сгорим. Тоже хорошо.
Твердое тычется в губы. Наверное, надо бы их приоткрыть — вот только получается плохо. Нет, получилось-таки.
— Ляпс пей надо, родимый! Много пей, здоровей, сил набирайся… сил…
Слова. Одно смешное: л-ляпс! Пригоршня жидкой грязи — и на мрамор. Ляпс. Пахнет луком и чесноком. Горячий. Вкусно. Только больше не хочется. Хочется назад, туда, в темноту без звуков.
И темнота приходит.
* * *
Тишина. Но темноты больше нет — ушла куда-то, наверное. Камень. Вокруг — камень. И над головой — тоже. Сверху неуверенно сочится серость. Это свет. Такой свет.
Совсем рядом — руку протяни, достанешь! — грязные циновки. Это пол. Такой пол.
Чуть дальше — круглый блин из камня; на блине стоит кувшин. Глиняный, кособокий.
Ага, вон, еще дальше — дверь, собранная из каких-то совершенно немыслимых обломков дерева. Кажется, что-то подобное он уже видел. Серость, плоские камни, узкое оконце и — дверь-урод. Где?
Нет, не вспомнить.
Снаружи доносятся голоса. Люди. Разговаривают. О чем — не понять. Люди… А сам он — кто? Человек? Да, наверное. Руки ползут по телу, щупают, трогают. Руки. И тело, по которому они шарят. Наверное, где-то есть и ноги. И голова. А вот на теле обнаруживается шрам. Под ключицей. И еще один, выше, прямо на горле. Шрамы хочется чесать. Но одна рука удивляет: два пальца короче остальных. Ну и ладно.
Удивление уходит вслед за темнотой.
Он — человек. Это точно. Человек — и все?!!
Нет ответа. Только гулкая пустота там, внутри, где должен лежать этот самый ответ.
И вновь — тишина.
Темнота.
Вернулась.
* * *
Глаза открываются.
Видят.
Старца видят. Сухого, жилистого, с бородавкой над верхней губой, из которой растут жесткие черные волоски. Старец сидит напротив, почесывает свою бородавку и глядит прямо.
На него глядит.
На человека.
— Наконец-то ты пришел в себя, — скупая улыбка на морщинистом лице.
— Я… пришел… — слова выходят чужие, натужные, от них першит в горле, и человек на время умолкает, откашливаясь. Грудь саднит; это неважно. Важно другое.

— Кто я, старик?
— Кто ты? Одно время тебя звали Кей-Бахрамом, шахом Кабира-белостенного. Но ты задушил это имя собственными руками. А еще раньше, если мне не изменяет моя старческая память, ты называл мне другое имя. Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби, бродяга и поэт.
— Абу-т-Тайиб? Кей-Бахрам? — человек по очереди пробует имена на вкус. Оба — одинаково безвкусные. Никакие. Ляпс вкуснее: там чеснок и лук. И нет отклика в душе, ничего не поднимается из глубин спящей памяти. Спящей? Или умершей?..
Шах? Бродяга? Поэт? На последнем слове человек задерживается чуть дольше. Поэт.
— Кто такой поэт, старик?
— Тот, кто слагает стихи.
Тот, кто слагает стихи. Если он был поэтом, у него тоже должны быть стихи.
Наверное.
— Эти имена — пустой звук, старик. Почитай мне лучше стихи. Мои стихи.
— Увы, — разводит руками старец, и его голубые глаза предательски блестят. — Я не могу… я не помню, не знаю… Неужели ты все забыл? — старец на миг умолкает, не зная, как теперь обращаться к собеседнику. — Мазандеран, пещера Испытания, Златой Овен? Вспомни! Ну вспомни же!
В хриплом голосе звучит отчаянная мольба.
Человек честно пытается вспомнить, раз за разом повторяя про себя странные слова, произнесенные стариком, и пытаясь представить себе, что бы они могли значить.
Ничего.
Пустой звук.
Человек устало откидывается на изголовье.
— Я болен, старик?
— Ты очень сильно болен, — старец глядит в сторону. — Тебе требуется покой и хороший уход. Мы делаем все, что в наших силах — но…
— Мы? — вяло переспрашивает человек.
— Я, наш добрый хозяин Джуха, знахарки из селения…
— Хорошо. Спасибо. Тебе, Джухе и знахаркам.
— Принести тебе поесть?
— Не надо. Хотя… Поставьте еду где-нибудь рядом. Когда я захочу есть, я возьму сам.
При последних словах больного глаза старика странно вспыхивают.
Он ждет.
Но человек молчит.
— Хорошо, отдыхай. Я больше не буду отвлекать тебя глупыми разговорами. Но… ты отказался от прежних имен — как же мне называть тебя?
— Зови меня Безымянным, — равнодушно говорит человек, отворачиваясь к каменной стене.
3
— Хадыжа-апа говори: плохо дела, — Джуха подошел сзади, заставив Гургина вздрогнуть от неожиданности. — Твоя друг уже вставай, только мало-мало. Голова совсем пустой. Ничего не помни. Ничего не хоти. Помирай скоро. Только Джуха не понял: почему помирай? От глупой голова, да?
— От безразличия, — старец все смотрел на закат и не мог оторваться от зрелища похорон дня. — Ему скучно жить.
— Помирай хоти? — сочувственно осведомился Джуха.
— Нет. Он ничего не хочет — ни жить, ни умирать. И поэтому скоро умрет. С одними ранами он бы еще справился — он очень сильный человек. Был…
И старик снова, не моргая, уставился на заходящее солнце блекло-голубыми глазами.
Джуха стоял рядом, морща лоб. Думал. Наконец заговорил снова.
— Слушай, Гургин-ака… Если он все вспоминать — жить опять?
— О, если бы он вспомнил! — тяжелый вздох. — Тот, кем он был прежде, очень любил жизнь. Но, к сожалению, даже я не знаю, как вернуть ему память. И возможно ли это вообще…
— А так он точно помирай? — не отставал Джуха, явно лелея тайный замысел.
— Да. Я вижу.
— И Хадыжа-апа тот же слова говори! — непонятно чему обрадовался горец. — Значит, если мы его свой способ лечи — хуже не бывай?
— Не бывай, — кивнул Гургин. — Теперь хуже ничего не бывай.
— Только ты Хадыжа-апа не говори! Она мой шибко ругать будет! — зашептал Джуха прямо в ухо старцу, косясь по сторонам и отчаянно брызгая слюной. — Есть способ!

Храм Дядь-Сарт его везти надо! И на ночь оставляй! Утром мы приехать. Тогда твой друг или вспомнить все, или помирай!
Джуха подумал немного и добавил:
— Или сначала вспомнить все, а потом помирай. Но так все один сдохнет. А так… — и многозначительно умолк.
В следующий миг над горами раскатился протяжный, нечеловеческий вой, от которого, казалось, в ужасе содрогнулись сами скалы.
— Горный Смерт! — поднял вверх указательный палец Джуха. — Хорошо кричи, молодца! Добрый знак.
— Добрый?! — поперхнулся Гургин, которому вопль подозрительно напомнил одного голосистого мазандеранца.
— Ясно дела, добрый! — уверенности Джухи не было предела. — «Так и надо делай, вах!» — говори. Громко говори, подбадривай! Завтра утром и повезти.
* * *
Одеться ему помогли. Безымянный не возражал; только очень спать хотелось. Все время. Даже когда его, почему-то стараясь не шуметь, вывели во двор, где ждали три низкорослых конька.
Безымянного подсадили в седло и предусмотрительно привязали к коню толстой мохнатой веревкой.
Это было правильно — ведь с коня можно упасть. И тогда: снова боль, мешающая спать, уходить в спокойные глубины забытья, к которым он уже привык и совсем не возражал бы остаться там навсегда.
Они выехали из селения, и копыта коней застучали по камням узкой тропы.
Безымянный не смотрел по сторонам. Равнодушие пеленало его в серый кокон из пыли, такой же мохнатый, как веревка-хранитель. И лишь когда впереди, на востоке, показался из-за зубчатого хребта розовый краешек солнца, во взгляде привязанного к лошади человека появилось некое подобие интереса. Он знал, что это — ПРАВИЛЬНОЕ солнце, и ему доставляло странное удовольствие смотреть на восход.
Он смотрел на солнце до тех пор, пока у него не начали слезиться глаза.
4
…Безымянному было все равно.
Его куда-то везли, потом вели, вполголоса шепчась за спиной, после сунули в руки узелок, из которого вкусно пахло свежими лепешками; и наконец оставили в покое.
Безымянный огляделся.
Свет закатного солнца медленной патокой тек в крохотное оконце под потолком.
Пылинки танцевали в луче, вертясь и подпрыгивая заблудшими душами в поисках божественного откровения; Безымянный подумал еще, что свет не видывал более напыщенного сравнения; да и тьма, пожалуй, тоже не видывала…
Мысль оказалась слишком длинной и сложной, чтобы додумывать ее до конца.
Ну ее.
В углу стоял алтарь, похожий на черный камень Каабы. Чуть дальше, у самой стены, притулился идол из серого песчаника, но на идола Безымянный смотреть не стал.
Он знал, что идолопоклонничество — это грех.
Единственное: он не помнил, что такое грех, и плохо ли это.
Безымянный потер пальцем шершавый сланец стены, лизнул палец, сплюнув горькую крошку; и присел на корточки. Узелок он положил перед собой на пол. Узелок его сейчас не интересовал, до наступления голода. Зато сбоку, прикрученный тесемкой, обнаружился длинный сверток — и любопытство вспыхнуло в Безымянном. Это было приятно: хотеть узнать и иметь возможность узнать.
Съесть лепешку — тоже приятно, но не так.
Меньше.
Шелковый платок развернулся сам собой. Там, в скользких объятиях шелка, прятался пенал. Роскошный пенал из мореной черешни, сплошь расписанный мельчайшей вязью, ветками и цветами. Серебряная цепочка приковывала к пеналу чернильницу о шести гранях, сделанную из желтой бронзы. А внутри черешневого футляра мирно лежали два очиненных калама и бронзовый ножичек.
Маленький такой.
Безымянный встал и подошел к дверям. Ему захотелось уйти, но двери оказались заперты снаружи. У порожка, свернутое втрое, валялось одеяло из колючей верблюжьей шерсти; поверх одеяла ждали своего часа огниво и пучок лучин.
Безымянный передумал уходить.
Он только стукнул кулаком в дверь: тихий вызов, бунт, от которого смешно щипало в носу, а на душе становилось тепло.

И вернулся к пеналу.
Чернильница была пуста. Безымянный огляделся: раз есть пенал, значит, должно быть что-то еще… что-то… еще… Нашел. На алтаре лежала книга. Огромный фолиант в кожаном переплете, с застежками из тусклого металла, похожего на серебро. Рядом стоял яшмовый флакон с притертой пробкой.
Безымянный подошел к алтарю. Взял флакон; с трудом выдернул пробку, получив в ответ короткий визг. Внутри, в полой гробнице, плескались чернила — и это было правильно. Перелить часть их в чернильницу оказалось делом совсем простым. Безымянный даже почти не испачкался, только полу халата залил, но халат его не интересовал.
Его интересовала книга.
Первая страница была девственно чистой. Как вторая и третья. Безымянный макнул калам в чернильницу, подумал и опустил калам на алтарь. Зачем? И так красиво. Он подпер рукой подбородок и задумался. О белых страницах и черных чернилах. Думать о них было неприятно; а не думать — плохо. Наверное, это и есть грех. Наверное, за него положено запирать в одиночестве, чтобы человек мог спокойно поразмыслить о важном, наедине с каламом и тишиной.
А потом надо будет съесть лепешки.
— Нравится? — спросили из-за спины.
Безымянный кивнул.
— Ну-ну, — сказали из-за спины; но уже гораздо ближе. — Ты каллиграф?
— Нет, — с уверенностью сказал Безымянный; потом ему захотелось узнать, что такое каллиграф, но он постеснялся спросить.
— И я — нет, — чужое дыхание жарко коснулось волос на затылке. — Но у меня есть вино и немного зелени. А у тебя?
— Пить вино — это грех, — наставительным тоном сообщил Безымянный, сам удивляясь собственным словам. — Ибо сказано: «Вино превращает человека в похотливого пса, в грязную свинью!»
— Тем, кого превращает, конечно, запретно, — покладисто согласилось чужое дыхание. — А тем, кого не превращает — дозволено.
Довод показался Безымянному разумным.
Он обернулся и увидел рядом с собой худого человека, вид которого показался Безымянному знакомым. Горбатый нос, в запавших глазницах плещет немая усмешка, лоб изборожден морщинами… Человек улыбнулся и почесал себе переносицу.
Безымянный улыбнулся в ответ и тоже почесал себе, но иначе: проводя пальцами от складки меж бровями по всей седловине носа до самых крыльев.
Утолять зуд было приятно; почти как утолять любопытство.
А думать о том, что сбрей Безымянный бороду — и они с человеком из-за спины станут изрядно похожи… думать об этом не хотелось.
Ну его.
— У меня есть лепешки, — сказал Безымянный, осторожно вытирая калам тряпицей, найденной за пазухой, и пряча его обратно в пенал. — Кажется. Я сейчас посмотрю.
В узелке, кроме лепешек, обнаружились катышки овечьего сыра и еще какой-то сыр — скользкий, он плакал солеными слезами, скорбя о собственной участи.
Последней явилась плеть вяленого мяса, сплошь покрытая коростой перца.
Человек из-за спины тем временем рылся в углу, где раньше стоял идол. Извлек кувшин, оплетенный сеткой из сухих лоз, встряхнул его, насладившись бульканьем; и полез за зеленью.
— Тебя как зовут? — спросил человек из-за спины, нюхая пучок рейхана.
— Меня?
— Тебя. Неловко, понимаешь: собутыльники — и без имен!
Последняя реплика подсказала ответ.
— Меня зовут Безымянный, — сказал Безымянный.
— А меня — Ожидающий, — ничуть не удивившись, сказал человек из-за спины. — Слушай, а рейхан совсем свежий… ишь, пахнет! К нему бы баранинки… с перчиком, с черемшой…
И кинул в рот фиолетовый листок.
— Вот, — Безымянный махнул вяленой плетью. — Вот баранинка.
И мысль о баранинке, которую можно съесть под вино, которое одним запретно, а другим — дозволено, показалась Безымянному приятнее всего на свете.
5
— …еще по одной?
— Наливай!

— А песню?!
— Чей черед, Ожидающий? Я тебя спрашиваю: чей черед?! Гость, значит, через раз поет, а хозяин — через два?!
— Ты, гость, ври, да не завирайся! Хозяин черед знает! Я тебе пел: «Над горою кипарисы…»? Пел или как?!
— П-пел! Перепел! Давай еще разок, хором: «М-мир лишь луч от лика друга… мир лишь луч…»
— Не хочу хором! Ты пой, как уславливались!
— Н-нет, ты меня не торопи! Раз Ожидающий, значит, жди и не выкобенивайся! П-понял?
— П-понял! Жду и не выкобениваюсь!
— А теперь скажи: обиделся?
— Н-ну… ты лучше перстенек свой поверни камнем внутрь — кому охота в темноте сидеть? Ишь, светосос…
— Ты не юли, ты отвечай: обиделся?
— Отвечаю: да. Убил бы, только некогда.
— Правильно! Если б ты не обиделся, я б тебе в жизни петь не стал! Ни словечка! Бродим по миру тенями бесплотными, бродим по крови, которую пролили; жизнь моя, жизнь — богохульная проповедь! Ныне молчу… молчу! Ныне… Слушай, Ожидающий, скажи мне лучше; кого больше — живых или мертвых?! Ну скажи: кого?!
— Ты украл чужой вопрос, Безымянный.
— Знаю! А откуда знаю, не знаю! Это спросил Искандер Двурогий у нагих мудрецов из страны Синдху! Смешно: мудрецы — с голой задницей! Чтоб мудрость лучше отсвечивала…
— И что ответили мудрецы Искандеру?
— Живых больше, ответили задницы; мертвых не существует. Представляешь, Ожидающий: мертвых не существует! Совсем! Ты мне веришь?
— Верю.
— А задницам?
— И задницам верю. Особенно голым.
— Где мой пенал? Где мой пенал, я тебя спрашиваю?! Мне просто необходимо это записать в твоей книге: мертвых не существует! Заглавными буквами! Где мой… а-а, вот он! Где книга?!
— Перед тобой.
— А я пишу! Е рабб, я пишу! Вот: «Мерт… мертвых не существует!» И еще: «Пусть враги стенают, ибо от Багдада до Магриба петь душе Абу-т-Тайиба, препоясанной мечом!» И еще: «Где ты, жизнь Абу-т-Тайиба, где вы, месяцы и годы? Тишина. И на коленях дни последние стоят». И еще…
* * *
Безымянный отшатнулся.
Опьянение талой водой оплыло с него, исступленные сквозняки продули сознание насквозь; сейчас он мог только стоять и смотреть, как на белизне книжной страницы, испещренной его записями, проявляется новый текст.
Алиф, лям… штрихи, точки, завитки…

> «Аль-Мутанабби (Сам-Себе-Пророк, Выдающий себя за пророка) Абу-т-Тайиб Ахмед ибн аль-Хусейн. 915–965 г. г. по христианскому летоисчислению (302 — 354 г. г. лунной хиджры). Потомок южноарабского племени Бану Джуф, с двенадцати лет избрал путь профессионального странствующего поэта. Добился признания, состоял при дворах эмиров Сирии, Египта и Ирака; высшего успеха и славы достиг в Халебе, при дворе эмира Сайфа ад-Даула. Убит из мести за сатирические стихи. Оказал влияние на персидскую поэзию.»

И еще:

> «Ханна аль-Фахури сказал: „Ему были свойственны воинственность, решимость в риске, бесстрашие, неиссякаемая энергия… Аль-Мутанабби обладал такими качествами, как стойкость, непоколебимая решительность, и никакие превратности судьбы не могли заставить его пасть духом.“»

И еще:

«…человек у ночного костра невесело ухмыльнулся. Поворошил угли палкой с завитком на конце, похожим на вытянутую букву вав; и в ответ иные буквы зарделись, заплясали в очнувшемся пламени — алиф, мим, нун, син, каф… ты, гроза, гроза ночная… Заревая кобылица пока что существовала лишь в воображении человека, до бега ее оставалось не меньше трех часов, а реальность была совсем иной: костер, который пришлось разводить заново, ежеминутно поминая шайтана над сырыми дровами…»

Когда Абу-т-Тайиб наконец захлопнул книгу и обернулся — собутыльника, минутой ранее выяснявшего черед дружеского пения, рядом не было.
Лишь в углу молчал идол из серого камня; но на идола поэт смотреть не стал, потому что идолопоклонничество — это грех.
— Не складывается жизнь… — поэт сложил калам с ножичком в пенал, плотно закупорил чернильницу и стал заворачивать пенал в платок. — Нет, не складывается…
«Какая жизнь? — беззвучно спросили из угла. — Какая, приятель — та или эта?»
— Неприкаянный я, перекати-поле… носит ветром, и куда ни занесет, везде одно и то же!..
«Ты сказал! — плясали пылинки в луче зари рассвета, и молчал алтарь с книгой в кожаном переплете. — Ты сказал… ты…»
Абу-т-Тайиб подошел к двери и стал колотить в нее кулаком.
6
Открыли не скоро.

КАСЫДА О ВЗЯТИИ КАБИРА

Не воздам Творцу хулою за минувшие дела,
Пишет кровью и золою тростниковый мой калам,
Было доброе и злое — только помню павший город,
Где мой конь в стенном проломе спотыкался о тела.

Помню: в узких переулках отдавался эхом гулким
Грохот медного тарана войска левого крыла,
Помню: жаркой требухою, мертвым полем под сохою,
Выворачивалась площадь, где пехота бой вела.

Помню башню Аль-Кутуна, где отбросили к мосту нас,
И вода тела убитых по течению влекла,
Помню гарь несущий ветер, помню, как клинок я вытер
О тяжелый, о парчовый, кем-то брошенный халат.

Помню горький привкус славы, помню вопли конной лавы,
Что столицу, как блудницу, дикой похотью брала.
Помню, как стоял с мечом он, словно в пурпур облаченный,
А со стен потоком черным на бойцов лилась смола —

Но рука Абу-т-Тайиба ввысь указывала, ибо
Опускаться не умела, не желала, не могла.
Воля гневного эмира тверже сердцевины мира,
Слаще свадебного пира, выше святости была.

Солнце падало за горы, мрак плащом окутал город,
Ночь, припав к земле губами, человечью кровь пила,
В нечистотах и металле жизнь копытами топтали,
О заслон кабирской стали знатно выщерблен булат!

Вдосталь трупоедам пищи: о стервятник, ты не нищий!..
На сапожном голенище сохнет бурая зола.
Над безглавыми телами бьется плакальщицей пламя,
Над Кабиром бьет крылами Ангел Мести, Ангел Зла,

Искажая гневом лица, вынуждая кровь пролиться —
Плачь, Златой Овен столицы, мясо бранного стола!
Плачь, Кабир — ты был скалою, вот и рухнул, как скала!
…Не воздам Творцу хулою за минувшие дела.

Глава двенадцатая,

полная загадок без разгадок, вопросов без ответов, мудрости и глупости, а также воодушевленных разговоров; но то, что богомолец-ходжа обязан после обхода Каабы посетить Стоянку Авраама — это так и остается невыясненным.

1

Во дворе постоялого хана плясал дервиш. Исступленно, самозабвенно; третий час плясал. Метались полы одежд цвета меда, билась стягом траура лиловая накидка, противореча танцу; высокая шапка-конус, крестообразно обмотанная чалмой, чудом удерживалась на голове — а ноги странника переступали, притоптывали, отбивали неслышный иным ритм, сгибались в коленях, подбрасывали в воздух сухое тело… Неподалеку, ближе к коновязям, валялся посох с железным набалдашником.

И еще: котомка, откуда высовывалась другая шапка, в форме ладьи, испещренная письменами — будто чайка прогулялась по мокрому песку.

— Ай, святой человек! — цирюльник ловко шлепнул на макушку клиента горсть мыльного настоя и ухватил помазок из конского волоса. — Ай, славно пляшет, душу Аллаху выворачивает!

— Это ересь или дурость? — поинтересовались из-под пенного тюрбана.

— Свою душу перед Аллахом, я хотел сказать! — спешно исправился цирюльник, с удвоенным рвением работая помазком; потом он потянулся за бритвой. — Я б так сплясал, и сразу в рай… лба не утерев…

Клиент хотел было кивнуть, выражая согласие с мнением просвещенного цирюльника, но побоялся: уж больно остра была бритва.

Кому охота оставшийся век корноухим ходить?

Дервиш тем временем завертелся волчком, вскинул правую руку к небу, а левой ухватил подол собственной накидки. Святой человек был безбород, безволос, даже брови его были аккуратно выщипаны по волоску. Возраст славно поработал над лицом странника, и складкам с морщинами негде было укрыться — выставились на всеобщее обозрение, втайне мечтая о бороде-спасительнице.

— Потом отрастит, — цирюльник угадал тайные мысли клиента. — Все у него будет, и борода лопатой, и усы ручьями… Обет он принял, небось, на тысячу ночей и еще одну, покаянную. Я на таких насмотрелся, господин хороший, все их повадки изучил! Вот сейчас вы голову бреете, а завтра этот дервиш придет! Ну, не завтра, пусть через месяц — какая разница? Мимо цирюльни никто не ходит…

— Ты б болтал поменьше, — донеслось снизу. — Неровен час, порежешь!

— Я?! — возмущению цирюльника не было предела. — Я мухе усы обрею и лишку не сниму! Когда я брил голову светлейшему Харуну, наместнику Басры…

Клиент ухмыльнулся, отважно рискуя ухом.

— Светлейшему Харуну, говоришь? Наместнику Басры? Это случайно не Харуну Праведному, лучшему из халифов? А по ночам в народ ты с ним не ходил?

— Светлейший Харун тогда еще не был даже престолонаследником, — наглости цирюльника не было предела. — А после их светлость Харун перебрался из Басры в Дар-ас-Салам, а я — сюда, так что не знаю, не знаю, кто там с кем в народ хаживал!

— Выходит, ты меня лет эдак на двести постарше будешь? А, брадобрей?

Цирюльник лишь усмехнулся — веселый заказчик попался! — и продолжил ловко орудовать бритвой. Которой некогда, начиная с правой стороны и заканчивая левой, брил басрийского наместника Харуна, потом — привередливых жителей Медного города; сейчас же делал красивым разговорчивого клиента по имени Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби.
А дервиш все плясал.
* * *
…Гостеприимец Джуха предлагал гостям остаться у него. Навсегда. Мол, всем селением обустроим, саклю поставим, кур там, овец… невест сосватаем! Поэт не сомневался: дай они с Гургином согласие, и завтра же горец вывернет весь свет наизнанку, а обещание выполнит! Таков уродился. Соседи-всезнайки успели шепнуть, что и отец Джухи таков был, и дед… Однажды пять аулов разбойника Джукмара ловили — грабеж грабежом, все горазды, а этот на женщину руку поднял, вшиголовый! — так разбойничек в саклю деда Джухи вломился и к ногам упал.
— Гость, — кричит. — Гость я!
А у самого кровь по лицу…
Не тронули горцы Джукмара-лиходея: дед у входа с кинжалом стал, и трое суток не евши, не пивши, охранял гостенька.
После до перевала проводил и сказал тихо:
— Иди, добрый человек! Далеко иди, мой глаз не видеть — иначе у Горный Смерт ночевать!
А внук Джуха, если соседским языкам верить, и деда с отцом вдвое переупрямил.
Нет, поэт с магом не собирались испытывать на прочность гостеприимство хозяина. И оставаться здесь, в горах без названия, не собирались. Поэт ненавидел горы. Каждая скала, каждое ущелье напоминали ему о том, о чем хотелось забыть раз и навсегда. Только не получалось. И Абу-т-Тайиб понимал: после ночи в храме, ночи, смысл которой остался для поэта темен, память вернулась к нему иной. Теперь он ничего не забывал. Захоти Абу-т-Тайиб припомнить шуточную строчку, которой позабавил Аллах весть когда эмира халебского — строчка приходила сама. Ждала, вертелась красоткой перед зеркалом; звенела бубном. Так и лица: друзья, враги, мать… Дэв, Нахид, веселый хург…
Но в горах он больше жить не мог; не мог, даже зная, что забыть прошедший год, год безумия, находок и потерь, — тщетная надежда.
— Ты счастлив? — как-то спросил его Гургин.
— Да, — без колебаний ответил поэт. — Я счастлив. Я достиг цели, я взял сам, и потерял сам. Я счастлив. А ты?
Маг не ответил.
Джуха вызвался проводить гостей до перевала Баррах, но гости вдруг решили ехать в Медный город. С перевала дорога вела их в Кабир, куда оба возвращаться не желали. Поэт — по вполне понятным причинам; маг — из страха. Он так и сказал поэту: боюсь. Однажды я уже пережил это: возвращение не туда, откуда уезжал. Нужно обождать, сказал он, нужно пережевать страх зубами времени, проглотить и запить холодной водой. Может быть, тогда…
Может быть.
Двое стражников-близнецов, собирающих пошлину у въездной заставы, неожиданно показались Абу-т-Тайибу чуть ли не милей кровных родичей. Такие они были… настоящие. Свои. Рыжие чекмени, треухи норовят сползти на лоб; и сквалыжничество обоих походило на дым родного очага. Жаль, денег у путников не нашлось. А маг на вопрос поэта о деньгах откликнулся крайне двусмысленно, хотя сам обещал Джухе чуть ли не озолотить горца за приют.
— Сейчас нет, — вот что сказал старый хирбед.
Пришлось торговаться. Стражники упирали на то, что за двоих уважаемых людей они хотят получить пенал из мореной черешни; и вдобавок кинжал, подаренный на прощанье Джухой. Иначе, дескать, откроется истинная суть путников, а бродяги, хоть и стоят гораздо дешевле, но пропускаются в город через одного, во избежание. Выбирайте, уважаемые: кто пойдет, кто останется?
В конце концов сошлись на кинжале и пуховой чалме, сохранившейся у поэта со времени его былого шахства.
Зато в городе, едва оба несостоявшихся бродяги миновали ворота, Гургин повел себя крайне возбужденно. Разыскал ближайшую чайхану, где собирались местные саррафы — менялы и ростовщики; и долго выспрашивал у них, кто является старшиной цеха. Сперва с назойливым стариком и разговаривать не захотели. Но маг распорол подкладку халата и извлек оттуда треугольный лоскут кожи, сплошь покрытый

мелкими значками. Лоскут мигом превратил заносчивых павлинов в подхалимов-вертишеек, а старшина цеха объявился джинном из волшебной лампы.
Не прошло и получаса, как поэт стал обладателем увесистого кисета с динарами; такой же кисет и другой лоскут, поменьше, Гургин спрятал у себя.
— Вернемся? — поинтересовался маг и подмигнул спутнику, что было менее всего похоже на прежнего Гургина.
— Выкупим кинжал?
Догадка поэта оказалась верна.
И вскоре они, с кинжалом и при чалме, устраивались на ночлег в постоялом хане хромого Кумара.
Впервые, что ли?
Укладываясь спать в отведенной им келье, поэт долго мучал мага разговорами. Все представлял вслух, как вернется домой, в Халеб или Дар-ас-Салам, как купит дом, примется восхвалять местного владыку и ближних его, подставляя открытый рот за жемчугом-динарами, как будет поносить скупых, вышибая подачки острословием, как возобновит переписку с закадычным другом, прожорливым неряхой Абу-ль-Фараджем Исфаханским, в надежде попасть в «Книгу песен» последнего; и в конце концов, давно пора бросить воспевать дев и битвы, вспомнив о бренности тела и вечности души…
— Дай поспать! — наконец не выдержал Гургин.
И поэт до самого рассвета улыбался, глядя в потолок.
А то, что улыбка выходила чуточку грустной — так ее все равно никто не видел.
2
— Освежить? — теплым полотенцем цирюльник вытер гладкую макушку клиента. — Есть отвары трав редких, драгоценных; есть благовония шамсийские, согдийские, дамасские; есть…
— Не надо.
— Бороду подкрасить? Хной пройдемся? — говорят, женщины любят рыжих!
— Врут.
— Кто врет? — опешил цирюльник.
— Те, кто говорят.
Ханщик, стоя у кухни, откуда доносилась ругань стряпух, расхохотался. Даже за пляской дервиша перестал наблюдать. В кои-то веки болтуна-цирюльника осадили! — а в наше тихое время вошь сдохнет, и то событие…
Удачное утро складывалось у хромого Кумара.
— Ты его больше слушай, почтенный! — крикнул он Абу-т-Тайибу. — Он тебе уши вьюнками заплетет — моргнуть не успеешь, залезет в шальвары и обрежет по второму разу!
Цирюльник обиженно поджал губы, а поэт не стал объяснять ханщику, что еще при первом своем появлении в Медном городе имел беседу вот с этим болтливым цирюльником. И про его отъезд из Басры слышал, разве что о наместнике Харуне брадобрей тогда не вспоминал.
И правильно делал.
— Это Румиец, — вытирая руки передником, на пороге кухни объявилась дородная стряпуха, и кивнула головой в сторону дервиша. — Звать Джалалом, а Румиец — это прозванье у него такое. Он уже неделю пляшет. Вчера на базарной площади, позавчера — в квартале кузнецов; сегодня вот к нам заявился… Тетка моя спросила у него, осмелилась: какими, мол, ветрами, божий странничек? А он шапку оземь и хохочет: дескать, трижды помер, пока до вас добрался! Оттого и пляшу, значит…
Все засмеялись: и хромой Кумар, и стряпуха, и цирюльник-пустозвон, и пятеро купцов, восьмой день державших постой в этом хане.
Засмеялся и Абу-т-Тайиб.
Хорошо, что цирюльник в этот момент не видел лица поэта; а еще лучше, что бритвы в руке не держал.
Дервиш тем временем резко оборвал пляску, собрал свои пожитки и пошел прочь, не оборачиваясь.
— Я эти танцы видел, — сообщил один из купцов, оправляя кушак. — Мы когда из Коньи от монголов бежали, насмотрелись: султан Изеддин таких плясунов привечал, набрал великое множество… в рай думал на их горбу въехать. Ан не въехал…
Поэт продолжал улыбаться. Время ничего не значит. Пространство ничего не значит. Мертвых нет; совсем. Если здесь есть ничтожный раб Аллаха по имени Абу-т-Тайиб, то почему бы и не стоять где-то некой Конье, откуда стоит бежать, не дожидаясь каких-то монголов? — и султан Изеддин вполне мог родиться вчера или завтра.
Это пыль.

Это прах; и домыслы несведущих.
Истинно то, что происходит с тобой; но истинно и другое, то, что происходит с остальными людьми и нелюдьми — а искать меж первым и вторым скрытые соответствия…
Полно, уважаемые!
И пляска исступленного дервиша говорит сердцу больше, нежели выводы ученых.
Мертвых не существует.
Совсем.
* * *
У ворот хана послышалось бряцанье колокольчиков. Хромой Кумар мигом вылетел наружу, забыв про хромоту, а минутой позже принялся обустраивать целый караван. Не торговый — богомольцы. Из святого хаджа идут: вон, почти у всех зеленые чалмы паломников, посетивших Мекку. Богомольцы мало интересовали поэта: он расплатился с цирюльником и собрался было идти завтракать, как увидел Гургина.
Старый маг прятался в тени карагачей, близ водоема, и манил поэта пальцем.
— Что случилось? — осведомился Абу-т-Тайиб, подходя.
— Это наши, — палец мага, сухой и мосластый, теперь тыкал в паломников. Дрожа осенним листом.
— Наши?
— Да, кабирцы. Помнишь: «И паломничество к священному храму Аллаха для тех, кто в состоянии его совершить!» Когда мой шах…
Маг замолкает и долго жует впалыми губами.
— Когда ты…
— Я помню, — обрывает его поэт. — Я теперь все помню.
И смотрит на богомольцев.
Один из них, дряхлый патриарх, согбенный непомерной тяжестью лет, замечает этот взгляд. И вопросительно глядит в ответ, моргая белесыми ресницами: что, мол, надо, добрый человек?
Абу-т-Тайиб делает глубокий вдох и идет к патриарху.
— Из Мекки путь держите, рабы Аллаха? — спрашивает он после долгих изъявлений вежливости.
— Из нее, — степенно кивает патриарх, довольный возможности поговорить с новым человеком. — Давно идем, тридцатый годок скоро… ничего, теперь уж недолго осталось!
— Это хорошо, что недолго… А через какие ворота мой отец вступил в мечеть?
— Через Баб-аль-Салам, о любопытный, через «Ворота Приветствия». И пройдя под аркой, читал без устали известные молитвы, выученные в тяжком пути!
— Я полагаю, Господь миров предоставит моему отцу в раю никак не меньше двух сотен гурий, чьи прелести несравненны! А дозволено ли будет спросить: как отец мой совершал обход Каабы?
— Семью обходами, о любопытный, и три из них я совершал бегом, насколько позволял мне мой возраст, а четыре — медленным шагом.
— И отец мой после святого обряда посещал цирюльню?
— Конечно, о любопытный!
— А что сделал цирюльник с обрезками волос и ногтей моего отца?
— Зарыл в священную землю, о любопытный, не пропустив мельчайшей частицы — и обет с тех пор считается выполненным мною!
— И когда же мой отец решил отправиться в паломничество, да будет добрая участь его вечным спутником?
— Давно, о любопытный, давно, говорю тебе, покинул я Кабир-белостенный с товарищами моими! В тот год, отмеченный благими знамениями, открылся перед нами свет истины — стараниями владыки нашего, шах-заде Суришара, вместе с кулахом принявшего на себя имя Кей-Бахрама, да сиять его фарру… Эй, любопытный! Что с тобой? Тебе плохо?!
— Не знаю, — плотно зажмурясь, отвечает Абу-т-Тайиб. — Не знаю, отец мой.
Поэт не врет.
Он действительно не знает.
3
Когда полдневная жара разогнала всех обитателей хана, Абу-т-Тайиб чуть ли не за шиворот выволок мага во двор.
— Завязывай! — он сунул в руки Гургину шелковый платок, куда раньше заворачивал пенал. — Глаза мне завязывай, говорю!
Маг повиновался, пребывая в недоумении.

— Теперь раскручивай!
— Что?
— Меня раскручивай! В «Джинн-бежим!» не играл?
Маг пожимает плечами. Он не играл в игру со странным названием «Джинн-бежим!»; он вообще почти не играл в игры детей, с младенчества приобщаясь к тайнам хирбедов — но если поэт настаивает…
Руки Гургина хватают поэта за плечи и вертят, вертят, пока Абу-т-Тайиба не начинает качать и без чужой помощи.
— Теперь спрашивай: где Басра?
— Где Басра? — послушно спрашивает маг.
Минута задержки — и рука поэта указывает на северо-восток.
— Там. Крути еще!.. еще! Спрашивай: где Нумания?
— Где Нумания?
— Там… е рабб, там! Крути… крути! Спрашивай: где Кабир? Спрашивай, чтоб тебя ифриты разодрали! Ну?!
— Где… где Кабир?
Поэт останавливается. Он стоит прямо, врастая в землю вековой чинарой, от головокружения нет и следа; рука Абу-т-Тайиба медленно поднимается и указывает вдаль.
Рывок — и повязка сорвана.
— Мой шах, — бормочет старый хирбед, бледнея лицом. — Мой… шах…
— Ударь меня! Ты слышишь: ударь меня! Живо!
В ответ ладонь мага входит в чувствительное соприкосновение со щекой поэта. Ноги подламываются в коленях, Абу-т-Тайиб с размаху садится, ударяясь оземь сиденьем, дарованным Аллахом всякому человеку, и смеется смехом ребенка.
— Ф-фух… А я уже испугался: шах, мой шах! Ну и ученька у тебя, Гургин-богатырь, такой не Ал-Ребаты открывать, а слонов опрокидывать…
Маг молчит.
Испуг мало-помалу выходит из старика ознобом и холодным потом.
Испуг того мига, когда он увидел: там, куда указывал поэт в последний раз, воздух заплясал киселем открывающегося Ал-Ребата.
Без жаровен и дэвов.
4
В этой чайхане они уже сидели год назад; и память о дерзкой хирбеди, требовавшей, чтобы наглого чужака бросили у пещеры Испытания, больно кольнула в сердце.
Хозяин заведения, толстяк Али, тоже был прежний — вот только постарел он, что ли?
Впрочем, возраст чайханщика волновал Абу-т-Тайиба меньше всего; а мага не волновал вовсе. Поэт открыл было рот: спросить гранатового сока! — но вовремя опомнился. И, мысленно вытерев лбом покаяния престол Всевышнего, заказал вина.
Красной крови лоз, седой от пузырьков родниковой воды, каковую следует добавлять в необходимом количестве, для радости заказчика, а не для выгоды продавца. К вину требовалось подать плоский хлеб с корочкой, покрытой сладкими ожогами, кебабы рубленые, томленые, а также жареные на решетке, вкупе с уксусным супом из барбариса; свежих фруктов не надо, вместо них несите сушеный инжир, фисташки, тминные прянички…
В итоге поэт с уважением смотрел на сплошь заставленный стол; а маг с уважением смотрел на поэта.
— Совсем выздоровел! — скупая усмешка растянула губы старца; и он, ухватив дрожащей рукой кувшин, основательно приложился к нему.
Когда маг ставил кувшин обратно, дрожь в его руках унялась.
— Да ты ж вроде трезвенник?! — запоздало изумился Абу-т-Тайиб, но старик только рукой махнул: с тобой, мол, и праведник детей резать начнет!
— Молодец! — на всю чайхану возгласил поэт. — Этот старец поклоняется веселью, и прекрасно прославлять его стихами — ибо видим патриарха мы с похмелья меж кувшинами с вином и бурдюками!
После чего пододвинул ближайшую миску и впился остатками зубов в сочное мясо.
Желудки наполнялись, блюда пустели, царивший в голове сумбур улетучивался восвояси, и превратности жизни мало-помалу начинали казаться пустяками, не заслуживающими внимания; минута в чайхане, оказывается, вполне стоит года воздержания и наоборот, а баловать чрево есть признак благодушия…
— Честь имею приветствовать достойных сотрапезников!

У стола обнаружился лысеющий человечек, облаченный в узкие шальвары и кургузый казакин из одинаковой ткани: синей, плотной, какая чаще идет на обивку паланкинов. В одной руке человечка булькала бутыль, в другой — дымилась плошка с пловом.
— Валент бен-Шамаль, мудрец, — без всяких предисловий представился гость. — Свидетель падения Трои, Рима, Кабира и гетеры Авлиды Херсонесской (последнее свидетельствовал дважды)! Позволите присоединиться?
На пехлеви Валент бен-Шамаль говорил бегло, слегка пришепетывая.
— Валяй, Валент, — кивнул Абу-т-Тайиб, а Гургин лишь покосился на бен-Шамаля и кинул в рот пряничек.
Упрашивать человечка по второму разу не пришлось.
— Кой же тебе годик, мудрец? — шутливо осведомился поэт, когда бен-Шамаль уселся за стол напротив него. — Ишь, погулял: Троя, Рим, Кабир…
И недожеванный кусок встал поэту поперек горла.
Кабир!
Свидетель ПАДЕНИЯ Кабира!
В следующую секунду Гургин подавился пряничком и заперхал, так что пришлось долго хлопать мага по костлявой спине.
— По какому календарю считать будем? — хитренькие глазки Валента бен-Шамаля сощурились. — А если без календарей, то мне сегодня стукнуло ровно сорок! От рождества вашего покорного слуги. Чем не повод для выпивки в чудной компании? Стопольское грызло, тройной перегонки — такое вы здесь вряд ли найдете!
Кружки мигом наполнились, и, выпив за долгие лета Валента, поэт мысленно согласился с последним заявлением мудреца. Видимо, возглашая запрет на вино, пророк (благо ему!) не имел в виду стопольского грызла тройной перегонки. А если бы имел, то удержал бы святой язык и обошелся без запретов, тихо спившись еще до начала пророчеств.
Огонь, не вино!.. водичкой, водичкой запить… водичкой… ф-фух!
— Кстати, о каком это падении Кабира ты упомянул, почтенный мудрец? — как бы невзначай поинтересовался Абу-т-Тайиб, а Гургин только навострил уши.
— Науке в моем лице известно лишь одно падение Кабира! — заявил Валент, являя собой пример того, что после первой не закусывают. — Одно-единственное, тридцатилетней давности… если считать по тамошнему календарю. Когда с Белых гор Сафед-Кух спустился неистовый и мятежный вождь племен Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби, чей чанг в редкие часы мира звенел, подобно мечу, а меч в годину битв пел громко и радостно, слагая песню смерти!
Валент перевел дух и запил тираду новой порцией грызла.
— Город был осажден и взят штурмом, а шах Кабира сражен в поединке самим Абу-т-Тайибом — и поэт-воин воссел на престол, отказавшись от шахского кулаха в пользу титула эмира, военного вождя. Вот это был человек, я понимаю!
— Был? — тупо переспросил поэт, прихлебывая дар бен-Шамаля маленькими глоточками; что само по себе было удивительно. — А где он сейчас?
— Помер, ясное дело! — бен-Шамаль поразился неосведомленности собеседника. — Лет десять как помер. От старости.
Гургин вкрадчиво пододвинулся ближе.
— А уверен ли досточтимый в подлинности своего рассказа? Видел ли он это собственными глазами, пользовался ли свидетельствами уважаемых людей или внимал слухам?
— Слухами пользуются лже-мудрецы, позор исторической науки, которую я в данный момент представляю! — гордыней бен-Шамаль вполне мог поспорить с самим Иблисом. — Я же привык отвечать за свои слова! Иначе разве сам великий Кей-Кавун доверил бы мне писать летопись Ории, моей родины? Разве взялся бы я за «Око Сциллы», жизнеописание славного народа дхаров, если бы не провел меж ними большую часть жизни? А на мой трактат относительно Ахиявы, которую пустозвоны именуют Элладой, ссылается лично Гермес Трис… Трис… Трисмегист, вот! Хотя…
Уже изрядно захмелевший бен-Шамаль наклонился к собеседникам и зловеще прошептал на всю чайхану:
— Я открою вам тайну тайн! История — лженаука. Ее не существует! Ни одно событие прошлого не является абсолютно достоверным! Ни одно! Если вы услышите, будто ахейцы десять лет брали Трою, или что Кабир пал под натиском орд аль-Мутанабби — плюньте лжецам в морду! Не верьте им! И мне не верьте, когда я говорю вам об этом!
Бен-Шамаль хитро усмехнулся и, оставив собеседников в изрядном недоумении, вновь припал к своей кружке. Он явно вознамерился напиться, и его мастерство в этом деле было очевидно — так что задавать вопросы следовало поскорее.

Если, конечно, Абу-т-Тайиб хотел получить связный ответ.
— Подробности, уважаемый, подробности! Мы жаждем услышать о славных делах прошлого, которых на самом деле не было! Поверь, история Кабира вдохновляет нас на подвиги, и если мы до сих пор их не совершили, то лишь по одной причине: неимению сведений! О, молим — не прекращай дозволенные речи!
— Верю! — резкий кивок, и зачесанные назад волосы бен-Шамаля падают ему на глаза, являя взорам плешь, подобную зарождающемуся светилу. — Вдохновляю! Когда, более полувека назад (по кабирскому календарю, уважаемые, по кабирскому!) на сто семьдесят девятом году жизни безвременно скончался великий шах Кей-Кобад, на смену ему пришел молодой и горячий Кей-Бахрам, прежде носивший имя Суришара. Правление его было безоблачным в течение двадцати шести лет, пока на шахство не обрушились племена Белых гор под предводительством поэта-воителя. Как я уже говорил, город был взят приступом, шах погиб в поединке, и на престол воссел первый эмир Кабира, Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби. Позже эмир принял на себя кунью «Абу-Салим», то бишь «Отец Салима», по имени своего первенца от бывшей хирбеди Нахид, которую вскоре по восшествии на престол взял в жены, устроив большие свадебные празднества.
— Дальше! — выдохнул поэт. — Дальше!
— А дальше, как известно, новый владыка занялся расширением границ своего эмирата. Разделив войско на четыре части, сам он двинулся по дороге Барра, ныне Фаррскому тракту, к Мэйланю; его верный соратник Худайбег аль-Ширвани возглавил поход на Харзу, и после падения Харзы войска Худайбега соединились на Дубанских равнинах с конными полчищами Антары Абу-ль-Фавариса, успевшего к тому времени растоптать Хинское ханство и вольный город Оразм. Вскоре их объединенные силы взяли приступом Дурбан. Тем временем полки Утбы Абу-Язана, эмирского побратима, прошлись по землям Феса и осадили Кимену — взяв пред тем с торгового Бехзда вассальные грамоты. И попробовали бы торгаши не подписать!
Глаза бен-Шамаля азартно горели, а бутыль с грызлом едва успевала кланяться и выпрямляться, подражая льстецу-царедворцу.
— При штурме Кимены веселый Утба погиб, сдерживая натиск копейщиков, но город был взят! На чем эпоха великих войн завершилась, и на территории Кабирского эмирата, от барханов Верхнего Вэя до масличных рощ Кимены, воцарился мир. Который, насколько мне известно, длится по сегодняшний день. Сейчас эмиратом правит эмир Салим, сын покойного аль-Мутанабби, славясь добродетелью. О, я мог бы рассказывать еще долго: о предсмертном пророчестве верховного хирбеда Гургина, зарезанного пьяным горцем при штурме Кабира (от этих слов Гургин подпрыгнул на скамье, плюясь недожеванным мякишем), о небывалом расцвете изящных искусств, в частности — искусств воинских; о культе Творца, сменившем культ Огня Небесного — но тогда, боюсь, нам не хватит времени и до завтрашнего утра!
И Валент бен-Шамаль отдал дань кружке.
— Ты бы не частил так, уважаемый, — только и смог растерянно выдавить Абу-т-Тайиб. — Ведь написано в Коране…
— А мне Коран не указ! Ибо вкушаю плоть и кровь Господа нашего по мере слабых моих возможностей! — выкрик бен-Шамаля привлек к себе внимание всех завсегдатаев чайханы. — Взыскуя Истинного Лика, тщусь возобладать над… и под. Вот вам, обрезанным!
— Истинный Лик? — Гургин наконец справился с собой.
— Да! Истинный Лик коренного ха… дха… дхарянина! И если ко мне опять начнут приставать эти… то я им…
Кусок репы плюхнулся прямо на колени к разбушевавшемуся мудрецу, забрызгав медовым сиропом его чудную одежду.
Репой, как вскоре выяснилось, кидался из угла некий раскосый молодец в фартуке сапожника — и пьян молодец был тоже как сапожник, в стельку.
Видимо, бен-Шамаль был не одинок в достижении Истинного Лика.
Поймав на себе взгляд всей троицы, сапожник довольно заухал.
— Он им! — кулак молодца указал на бен-Шамаля, а ладонь второй руки похабно рубанула по сгибу локтя. — Он, понимаешь, им! Ты б Стополье лучше отдал, мятежник! Понял?
Кажется, Абу-т-Тайиб с Гургином уже видели молодца. Здесь же. Год назад. Правда, тогда он был заметно трезвее — впрочем, если предположить, что сапожник не вылазил из чайханы весь прошедший год…
— Вот тебе, Марцелл! Выкуси! — поклонник лженауки истории кинул репу обратно, но попал не в сапожника, а в чайханщика Али; и попал, надо заметить, весьма удачно:

прямо в разинутый рот. — Родное Стополье?! Отчий дом?! Где куст калины?! Где я без штанов?.. Никому не отдам! Погоди у меня — вот допьюсь до Истинного Лика, шиш ты у меня заново срастешься! Изыди!
Сапожник, как ни странно, внял.
И захрапел на всю чайхану.
— И вот так всегда! — повернулся бен-Шамаль к поэту, ища у того сочувствия. — Только сядешь выпить с приличными людьми — лезут всякие! Стополье им подавай!
— А оно что, твое, это Стополье? — осторожно осведомился поэт.
— Нет, конечно! Вино там хорошее делают… — без видимой связи добавил историк и допил остатки прямо из бутыли.
— Так почему они к тебе пристают?
— А я знаю? — глухо булькнули остатки. — Все равно не отдам!
— Так ты говоришь, что аль-Мутанабби… — поэт сделал было попытку вернуть собеседника к исходной теме, однако ответ бен-Шамаля на еще не заданный вопрос мгновенно поставил его в тупик.
— А кто такой аль-Мутанабби? — заплетающимся языком вопросил в свою очередь историк. — Знать не знаю! Это который «Касыду о Мече», да? — «…подобен сиянью моей души блеск моего клинка…»? От-т-личные стихи! А кто такой аль-Мутанабби — не знаю…
И Абу-т-Тайиб понял, что от историка он больше ничего не добьется.
Тем временем бен-Шамаль с усилием поднялся и, пробормотав: «П-прошу прощения, уважаемые, п-пора мне», нога за ногу направился к выходу.
— Пожалуй, и нам пора, — решил Абу-т-Тайиб, вставая. — А ты, Гургин, не горюй — подумаешь, погиб ты при штурме! Я вон уже по третьему разу хожу: сперва в пустыне, потом в Кабире, от старости, если верить бен-Шамалю — и ничего, живой! Выше голову, старик!
Гургин смотрел в пол.
* * *
Бен-Шамаль, оказывается, не успел далеко уйти. Лик его, впрочем, особо не изменился, так что трудно было сказать: являлся он Истинным или нет?
Историк, покачиваясь, стоял перед пожилым священником Людей Евангелия, обладателем грубой рясы с капюшоном.
Сбоку топтался молоденький монашек-служка.
— Исповедуйте меня, фра Лоренцо! — орал на всю улицу бен-Шамаль. — Ибо грешен и жажду покаяться!
Священник колебался; и не без оснований, если принять во внимание облик грешника.
— Брат Бартоломео! — обратился он к служке. — Может, вы… во имя милосердия?..
Монашек отпрыгнул к глинобитному дувалу и вжался в него всем телом.
— Брат… Барт… Бартоломео! — вопль историка и вовсе опрокинул монашка в беспамятство. — Нельзя отказывать человеку в исповеди! Все люди — братья, понял?!
— Хорошо, сын мой, — со вздохом согласился наконец фра Лоренцо. — Мы с братом Бартоломео направляемся в горы, дабы нести свет Господа заблудшим душам, так что в миссию возвращаться не имеет смысла. Но, прошу тебя, сын мой, — уединимся…
— Н-не могу, святой отец! — покаянно сообщил бен-Шамаль. — Н-ноги не держат.
И рухнул на колени пред священником прямо в дорожную пыль.
Наблюдать дальше за этой сценой поэт с магом не стали, а тихо свернули в переулок, где и остановились.
— Он не врал, — еле слышно произнес Абу-т-Тайиб. — Иначе я бы почувствовал. Гургин, мне надо туда. В Кабир. Я должен увидеть все это собственными глазами… Я должен, понимаешь?
— Понимаю, — серьезно кивнул Гургин.
— Да ничего ты не понимаешь, старик! Ничего! Этот баран опять загнал меня в ловушку! Я взял Кабир, понимаешь, взял! — но я не брал его сам! Мне его снова подсунули милостыней, подачкой! — а потом бросили в смерть, лишив возможности сопротивляться! Даже дохлый, Златой Овен смеется надо мной!
Гнусавое блеянье донеслось из-за угла. Бледный, как известь, поэт вскинул руки, защищаясь от своры призраков; и жалобно вскрикнул, когда в переулок вбежал баран. Следом за животным с воплями выскочили два подростка, ухватили барана за космы — и поволокли обратно, награждая тумаками.
Смех, похожий на рыдания, вырвался из груди Абу-т-Тайиба.
— Я понимаю, — повторил маг, отступая на шаг. — Я все понимаю. Прости меня, но я останусь здесь, в Медном городе… мне страшно. Я не пойду с тобой. Но я провожу

тебя до перевала Баррах и открою для тебя Ал-Ребат в Кабир. А потом вернусь сюда, доживать отпущенный мне век.
— Ты сильно сдал за последнее время, Гургин, — поэт взглянул старику прямо в глаза. — Отдыхай. Не стоит меня провожать. А Ал-Ребат я теперь могу открыть сам. Любой. Для этого мне даже не придется тащиться к перевалу. Ты веришь мне?
— Верю.
— Ну что ж, тогда прощай, старик. Скорее всего, мы больше не увидимся, хотя… кто знает? Вот, возьми на память, — и Абу-т-Тайиб принялся стаскивать с пальца шахский перстень.
Глаз, вырезанный на красном камне, подмигивал обоим людям.
— Нет, не надо!.. — запротестовал было старик, но отставной шах едва ли не насильно втиснул подарок в сухую ладонь хирбеда.
— Прощай. И не держи на меня зла. Хотя есть, за что… есть. Надеюсь, ты не пропадешь здесь, в Медном городе?
— Я-то не пропаду! — ворчливо буркнул Гургин, но поэт уже шел прочь, забросив за спину полупустой хурджин. Сворачивая на главную улицу, Абу-т-Тайиб не выдержал, оглянулся — и увидел, что маг стоит на прежнем месте.
Вслед смотрит.
Поэт отшагнул, прячась за углом дувала — и еще успел заметить в конце улицы удаляющуюся фигуру бен-Шамаля. Историка бережно поддерживал огромный волосатый детина, весьма смахивавший на обитателей Мазандерана.
Миг — и обоих след простыл.
Пора было уходить и ему.
Поэт зажмурился, потом медленно закружился на месте, вспоминая дневные ощущения… почувствовать, увидеть, нащупать, в какой стороне лежит дорога… дорога…
Напротив стоял дервиш-плясун и следил за исчезновением человека.
Без удивления.

Глава тринадцатая,

весьма несчастливая, как и положено тринадцатой главе, написанной в пятницу, к тому же тринадцатого числа; некий человек здесь раз за разом убеждается в бесплодности своих поисков, кричит в пустоту — но так и остается загадкой: добавляют ли крики мудрости?

1

Суровая строгость мавзолея подавляла и вызывала невольное благоговение. Казалось, сам Огнь Небесный стеснялся светить здесь в полную силу, дабы не нарушать торжественную гармонию вечного покоя. Багровый купол венчал полированные стены серого, в тонких золотистых прожилках, мрамора, и стражами застыли вокруг недвижимые свечи кипарисов, чья темная зелень и неправдоподобно четкие, резко очерченные тени внушали людям суеверный трепет.
Ничего лишнего, никаких украшений, барельефов, орнаментов — только над входом чеканная золотая вязь:
«Абу-т-Тайиб Абу-Салим аль-Мутанабби».
Ни титулов, ни перечисления заслуг, ни эпитафии, ни даже дат жизни.
«Ни стихов», — подумалось вдруг остановившемуся у гробницы человеку.
Двое хмурых гургасаров, облаченные в золото и сталь парадных доспехов, с кривыми шамшерами наголо застыли у входа. На человека они не глядели; верней, глядели сквозь него, как умеют лишь правители и часовые. Снаружи, за ровным четырехугольником кипарисов, позволено находиться всем. Каждый имеет право бросить шапку почтения к ногам покойного эмира — таков закон. А внутрь прохожий соваться не собирался; и это тоже был закон, неписаный, но от того не менее властный. Еще не хватало, чтобы всякие бродяги тревожили покой великого аль-Мутанабби!
«А ведь действительно хорошо сделали, — думал человек, глядя на суровую гробницу. — Никакой помпезности, показной пышности — на что они усопшему? Строго и величественно. Хорошо. Вот только… хотя бы одно стихотворение могли все-таки высечь! Хоть один бейт… одну строчку! Впрочем… ладно. Может быть, тот, другой, так завещал. Или не завещал. Теперь это уже все равно. Ничего ведь не

изменишь? — да, странник? Странник… страна… странно. Очень странно. Там, внутри, в пыли и тишине — я? Да, наверное. И под барханом в пустыне — тоже я? И здесь стою — я? Какой из нас — настоящий? Я-здесь полагаю, что я; а что полагают я-там и я-очень-далеко? Ведь мертвых не существует…»

Человек постоял еще немного. И медленно двинулся прочь, по аллее, сплошь обсаженной благоуханными кустами жасмина; туда, где в небо возносилась высокая стела из гранита.

Вот где барельефов хватало с избытком! Стелла так и называлась: «Взятие Кабира». И хотя Аллах запретил сынам Адама создавать изображения людей и животных — дабы не возгордились, уподобляя себя Творцу! — все же человек невольно залюбовался открывшейся ему картиной.

Да, скульпторы и каменотесы поработали на славу! На вечную славу Абу-т-Тайиба Абу-Салима аль-Мутанабби и его потомков. Рушились белокаменные стены города под ударами осадных машин, падали сраженные защитники Кабира (неправдоподобно маленькие в сравнении с атакующими), каменные языки пламени жадно лизали каменное небо — и вел в бой свои орды непобедимый воин Абу-т-Тайиб, гордо воздев над головой каменный ятаган. Все это было монументально, и величественно, и… лживо. Потому что всего этого не было.

Никогда.

Человек знал, что «Я-здесь» не брал белостенный Кабир.

Ему подносили город с поклоном.

Дважды.

Зато все остальные знали иное. Они знали, помнили — и ни у кого ни разу не возникло и тени сомнения в истинности событий прошлого!

И это тоже была правда. Их правда.

Воистину: «Ни одно событие прошлого не является абсолютно достоверным!» Прав был историк…

Впрочем, отчаиваться, равно как и впадать в уныние, не стоило. Он еще побродит по эмирату, поищет. Он должен найти. Должен! Иначе просто и быть не может!

«Найти — что?» — сам себя спросил человек.

Ответ свернул за поворот аллеи и удрал, громко топоча.

Пора было идти. Дальше.

Вот только ноги отказывались подчиняться. Все время сворачивали обратно, к мавзолею. Человеку временами казалось: его место — там, в саркофаге, в подземельи, скрытом под мраморными стенами; он уже давно там, спит без сновидений, а по земле бродит лишь его неприкаянный призрак, навеки опутанный миражами чужой памяти…

Человек напомнил себе, что он жив.

И невесело рассмеялся.

2

Надрывались медные трубы, в которые исступленно дули гордецы-карнайчи, павлинами вышагивая впереди. Торжественно рокотали барабаны, и нога в ногу ступали вороные жеребцы под «волчьими детьми» в ярко начищенных латах.

— Слава светлейшему эмиру Салиму фарр-ла-Кабир! — надрывалась в ответ толпа, силясь перекричать трубы, барабаны и друг друга.

Человек не кричал. Он предусмотрительно явился на шествие заранее; теперь же тихо стоял во втором ряду. Смотрел. И лишь иногда недовольно морщился, когда одноглазый сосед слишком громко вскрикивал у него над ухом.

Но вот прошли мимо краснолицые карнайчи с раздутыми щеками, печатающие шаг барабанщики, простучали по мостовой копыта гургасарских коней, проехал знаменосец, важно неся стяг с изображением оскаленного волка, изготовившегося к прыжку — и человек наконец увидел.

Светлейший эмир восседал на белоснежном иноходце. Да и сам владыка был облачен в белые, шитые золотом одежды — символ мира, а также благоденствия. На голове эмира сиял белым золотом и алмазами венец повелителя Кабира — но это был совсем другой венец, а не хорошо памятный человеку шахский кулах, который некогда украшал его собственную голову.

Нимба, сияния ореола вкруг эмирского чела, не наблюдалось.

Человек вздохнул с облегчением и внимательнее вгляделся в лицо эмира Салима.

Лицо как лицо. В меру смуглое, с правильными, чуть крупноватыми чертами. На губах — вежливая улыбка приветствия. Таким, наверное, и должен быть эмир Кабира, осчастливив шествием своих восторженных подданных. Точно так же вели себя правители других городов и стран на парадных выездах — человеку не раз доводилось наблюдать подобные зрелища.

Похож ли теперешний эмир на него самого? В чем-то похож. А в чем-то — нет. Мог ли он быть его сыном? Вполне. А мог и не быть. И выяснить это сейчас уже нет никакой возможности. Да и стоит ли выяснять? Наверное, нет…
Эмир проезжал мимо, когда взгляд человека зацепился за висящий на поясе правителя ятаган. Хотя дорогие, обитые бордовым бархатом и украшенные драгоценностями ножны скрывали от досужих взглядов славный клинок, человек узнал ятаган, как узнают давно не виденного друга.
Рукоять.
Знакомая рукоять с ребристыми накладками из кости!
На мгновение человеку показалось, что от ножен исходит некое прозрачное сияние — но это, наверное, просто солнце сверкнуло на обилии самоцветов. Человек протер слезящиеся глаза — соринка попала, что ли? Нет, ничего. Ятаган — тот самый. Ну и что? Так, наверное, и должно быть…
3
— Язык проглотил, уважаемый? Величию светлейшего эмира поражаешься? Понимаю. Добрый наследник у великого аль-Мутанабби вырос, добрый, дурного слова не оброню — а все не чета папаше! Вот кто был герой, я тебе скажу…
— Ты знал его? Видел?
Седобородый ветеран, чье лицо украшено косым шрамом от виска до подбородка, криво ухмыляется.
Трещины морщин на его дубленой коже становятся еще глубже.
— Я? Видел?! Как тебя сейчас… Слушай, странник, чем здесь мостовую протирать — пошли-ка лучше в чайхану! Поднесешь винца, а я тебе доподлинно расскажу, как мы с Абу-т-Тайибом Мэйлань брали!
И ветеран панибратски хлопает человека по плечу.
— Пошли. Давно мечтал послушать рассказы очевидцев. А угощение — за мной, не сомневайся, — ветерана несколько озадачило легкое согласие странника, однако это не помешало обоим нырнуть в завешенный циновкой проем двери ближайшей чайханы.
На удивление, у странника, по виду более всего смахивавшего на бродягу, оказались деньжата, причем деньжата немалые, а словоохотливого ветерана вполне устроило вино, которое здесь подавали. Вояка издавна привык к тому сорту, что носит название «дешевого крепкого». Ведь что славно: пить противно, во рту будто ишак опростался, вот и глотаешь залпом, побыстрее — а там и хмель объявляется сам собой.
Красота!
Сам бродяга, как ни странно, вина пить не стал, спросив себе шербету и сдобных крендельков.
— …значит, до самого Мэйланя пылили без интересу. Хаффа подкрепление дала, провианту, так что про дорогу я тебе рассказывать не буду. Нечего там рассказывать!
Дубленый старик со шрамом резво выхлебал очередную чашку вина и мигом наполнил ее снова.
— Ну а когда к Мэйланю подперли — вот тут-то ихние голубки навстречу и вывалили! При полном параде: флаги, ленты, крылья из дранки — и мяукают по-своему! Прямо как коты весной! Любо-дорого косоглазых рубить было: пока они, значит, строй развернули, как на учениях — наша конница уже во весь опор! И сам эмир впереди, на белом коне! Ну, задал он им жару, а тут и мы подоспели — я-то в пехоте служил…
— А сам-то он каков был, эмир? — прервал рассказ бродяга.
— Каков-каков, — с раздражением буркнул ветеран, досадуя на недотепу-собеседника, перебившего его на самом интересном месте. — Во-о-от таков! (Старый вояка изобразил руками нечто громадное и могучее.) Герой, в общем! Как махнет ятаганищем — враги дюжинами с ног валятся! Ну, и мы, ясное дело, не плошали. Я, вот, схватился с одним из этих: юлой вертится, сопливец, мечиком тоненьким меня достать норовит — а я его копьем, копьем…
Ветеран явно увлекся рассказом, живописуя свое боевое прошлое, но бродяга уже не слушал его. Даже не смотрел на собеседника. Взгляд его был прикован к дальнему, затемненному углу чайханы, откуда доносилось журчание струн чанга. Плохо различимый в сумраке чангир наигрывал мелодию без слов, тихую, ленивую, а человек слушал, слушал…
— …Вот тут-то я сопливцу жало промеж глаз и всадил! — донесся до него азартный возглас ветерана, даже не заметившего, что собеседник перестал слушать его повесть.
— Да, здорово ты его! — кивнул человек. — А скажи-ка мне, уважаемый: правду ли говорят, будто эмир аль-Мутанабби был не только великий полководец, но и поэт, каких мало?

— Каких мало? — возмутился вояка, уязвленный тем, что кто-то мог усомниться в многочисленных талантах и доблестях его кумира. — Таких и вовсе-то нет! Как запоет, затянет — все враги бегут в страхе! Понял, деревенщина?!
— А тебе самому его песни слышать доводилось?
— Ясен пень! — самодовольно подтвердил старик, уже заметно окосевший от выпитого вина.
— Вспомнить можешь? Ну хоть строчку! Плачу по динару, за каждое слово!
На мгновение лицо ветерана отразило мучительные раздумья.
— Не, не помню. Эх, как на грех… Ты лучше про Мэйлань послушай, и по динару не надо — дирхемов пять-десять отвали, я спасибо скажу!
— В другой раз, — человек кинул старику два золотых и встал.
Но направился почему-то не к выходу, а в полутемный угол, из которого все плыла, скользя среди дыма и чада, тихая мелодия…
4
— Не соблаговолит ли уважаемый мастер струн и ладов спеть одну песню по просьбе усталого путника? — человек присел рядом на скатанную валиком старую циновку.
Чангир откинул назад длинные, до плеч, сальные волосы, закрывавшие его лицо, явив полусвету смуглый горбоносый лик похмельного коршуна.
— Разумеется, соблаговолит — за соответствующую плату.
— О, я заплачу с лихвой!
— Тогда какую именно песню желает услышать славный путник, несомненный знаток прекрасного?
— Одну из касыд покойного эмира Абу-т-Тайиба аль-Мутанабби, да славится его имя в веках! Любую, на твой выбор.
Чангир долго смотрел на заказчика, задумчиво перебирая струны чанга.
— О, песни покойного эмира есть вершина поэтического мастерства! — наконец затянул он вполголоса. — Не мне, презренному, за деньги потешающему народ, терзать языком сокровища сих касыд…
— Я ценю твою скромность, о шах чангиров, — человек изо всех сил сдерживал нетерпение. — Но память о поэте — его песни, и ты лишь послужишь вящему величию аль-Мутанабби! Заодно получив весьма щедрую плату!
Человек многозначительно потряс перед носом певца тугим кисетом, откуда донесся сладкий звон.
Глаза чангира вспыхнули хищным блеском; угаснув почти сразу.
— Прости меня, щедрый странник, но, к моему великому сожалению, я не в силах усладить твой слух стихами покойного эмира. Ибо не знаю их! — честно признался длинноволосый коршун.
— Не знаешь? — изумился человек. — Но ты хотя бы слышал их? Может быть, всего пару строк…
— Кажется, слышал, — неуверенно пробормотал певец, — но… Да нет же, слышал!
Чанг под его пальцами взвыл собакой под колесами арбы.
— Еще раз прошу простить меня, о странник! Мне действительно очень жаль, но я не могу удовлетворить твой взыскательный вкус!
— Да, жаль… — человек поднялся, громко хрустнув коленями, и, сутулясь, побрел к выходу из чайханы.
* * *
— …Какую же песню ты хочешь? — благообразный чангир преклонных лет говорил степенно, не торопясь, ибо возрасту поспешность приличествует не более, чем глупый спутник — мудрецу.
Человек уже знал: этот полуслепой певец славится не только своим умением, но также до сих пор чистым, без старческого дребезга, голосом.
О нем говорили, что он знает все песни на свете, кроме ненаписанных!
— Одну из касыд покойного эмира, великого поэта аль-Мутанабби, — произнеся последнее, человек едва заметно скривился.
Будто лесного клопа с ягодой разжевал.
— Покойный эмир был все-таки больше воин, нежели поэт, — осторожно, тщательно подбирая слова, заговорил старец. — Свои песни он чаще пел в походах — и, похоже, среди воинов не нашлось грамотного или просто памятливого… Боюсь, я не смогу порадовать твою душу, о странник!..
* * *
Человек метался по городу загнанным в ловушку чаушем. О нем уже были наслышаны все чангиры Кабира-белостенного, и теперь в большинстве своем старались не

попадаться упрямцу на глаза. Кому охота признаваться, что ты не знаешь ни одной песни великого поэта? Ясное дело, никому!
Дважды его пытались обмануть, выдав за стихи покойного эмира какое-нибудь другое сочинение. Но после первых же строк человек гневно прерывал обманщика, и тот смущенно умолкал, даже не заикаясь о деньгах — как бы по шее не схлопотать! Глаза-то, глаза — огонь, не глаза!..
И лишь подле одного чангира задержался назойливый искатель — подле молодого парня, чьи черные кудри вились буйной порослью, словно никогда и не слыхали о существовании такой вещи, как гребень.
Человек долго стоял, слушая разбитные песни, что так и рвались со струн чуть дребезжащего чанга и из неутомимой глотки парня.
— Касыд аль-Мутанабби не знаю, — кратко бросил молодой чангир в перерыве между двумя песнями, не удостоив взглядом человека; и продолжил веселить народ.
А человек все стоял, стоял рядом…
Он помнил этого парня. Когда-то он походя, не глядя, ткнул его ятаганом, мгновенно отправив чернявого в Восьмой ад Хракуташа, или куда-то еще, куда отправляются души местных воров и певцов. Чудеса! — вот сейчас парень сидит перед ним, жив-здоров, весело скалится из-под завесы смоляных кудрей. Песни поет. В конце концов, он и сам умирал дважды — чем он лучше чернявого чангира?!
Тем, что убийца помнит убитого, а убитый убийцу — нет?
А чанг, похоже, прежний: звучит знакомо, надтреснуто.
Сумерки потихоньку окутывали город чадрой близкого сна, зеваки разошлись, звякнули последние монеты, упав в папаху, лежащую у ног чангира — и парень наконец умолк.
— А ты что скаредничаешь? — ухмыльнулся чернявый прямо в лицо человеку. — Полдня слушал, жадина! Аль денег нет?
— Есть, — спокойно ответил человек, но лишь один Аллах ведал, какой ценой далось ему это спокойствие. — Продай мне свой чанг.
— Что-о-о?!! — глаза чернявого вылезли из орбит. — Может, тебе еще и эмирский дворец по дешевке уступить? На кой он тебе, мой чанг?
— Нужен, — лаконично ответил человек. — Я дам хорошую цену, чангир.
— Ну так сходи на базар и купи, — сбавил тон парень. — А я к своему привык, даром что не новый…
— Вижу. Продай, я тебя очень прошу…
— Вот ведь привязался, как репей к ишаку! — растерялся чернявый. — Вот ведь… Десять динаров! — ляпнул он наобум, и, похоже, сам испугался заломленной цены. За такие деньги можно было купить три новых чанга, и еще осталось бы на добрую пирушку с друзьями!
Странный покупатель, не торгуясь, развязал тугой кисет — и десяток новеньких золотых перекочевал в папаху обалдевшего чангира.
— Спасибо, — вежливо поклонился незнакомец, осторожно, словно хрупкую фарфоровую вазу, беря старый чанг и чехол, протянутый ему чернявым. — Да будет к тебе новая судьба благосклонней старой, певец!
Молодой чангир еще долго смотрел вслед человеку, зажав в кулаке нежданное богатство, и смутная, забытая тень ворочалась в душе парня.
Отчего-то болело под сердцем, словно туда сунули холодным лезвием.

5

Он держал в руках старый чанг и понимал: это не просто потертый инструмент. Это кусок памяти. Часть сгинувшего бытия, о котором помнил только он, поэт и бродяга, бывший шах Кабира.
Он так и заснул, сжимая в руках чанг; словно держал за руку старого друга, с которым наконец-то посчастливилось встретиться.
В эту ночь его снова мучали кошмары. Своды мраморной гробницы смыкались над ним, и старательные каменщики уже закладывали дверь, плеща раствором; лишь маленькое окошко покуда оставалось свободным. Сквозь него человек видел, как в небе вместо солнца скалится в злорадной ухмылке бараний череп.
А потом из-за горизонта обрушился самум, и сквозь оставшуюся щель устремилась лавина песка, погребая человека под собой…
Он проснулся от собственного крика. И долго еще сидел в предутренней мгле, не разжигая огня, медленно приходя в себя. Ночные призраки таяли, в окошко сочился серый свет, а чанг лежал у изголовья, пряча в себе отзвуки неспетых песен.
Иблис, чье имя значит «отчаяние», сидел напротив.

Златой Овен издох, смеясь: если подобает возвращаться поэту и бродяге, почему бы не вернуться барану из садов Ирема? Воистину, человек всегда остается в убытке!.. Жизнь снова прожили за него, всучив ему все тот же Кабир, который он взял, взял сам, штурмом взял — никогда не делая этого! Никогда аль-Мутанабби не брал приступом белостенный город, не шел войной на Мэйлань и Харзу, не женился на красавице Нахид, не радовался рождению сына Салима — и не умирал от старости, окруженный лекарями, семьей и верными подданными!
Никогда!
Он, Абу-т-Тайиб, знал это. А все остальные знали другое. И знание это было столь же непоколебимым, как и горы без названия, за которыми прочно закрепилось теперь имя Сафед-Кух — Белые горы; как строгие мраморные стены гробницы первого эмира Кабира, великого полководца и завоевателя, величайшего поэта — от кого не осталось ни единой строчки.
Ни единой! — человек с размаху ударил кулаком о край ложа и не почувствовал боли. Те редкие обломки памяти, один из которых лежал сейчас перед ним в виде потертого чанга, являлись памятью лишь для него.
Великий эмир Абу-т-Тайиб Абу-Салим аль-Мутанабби умер. Никому нет дела до бродяги, неприкаянно шляющегося по эмирату, никому нет дела до шуток его неправильной памяти!
Ему снова силой всучили милостыню, предусмотрительно умертвив во второй раз, оградив тридцатилетним частоколом, чтобы связать упрямцу руки, чтобы не дать ничего изменить, хоть трижды пройди путь отсюда до Мазандерана!
Ни-че-го!
Эхо этого слова отдалось глухим стуком очередного камня, положенного в неумолимые стены гробницы. Он там, внутри. Он мертв. Пора успокоиться.
— Врете! — человеку казалось, что он кричит, но на самом деле с обветренных губ срывался лишь едва различимый шепот. — Я не хотел такой славы! Я не брал Кабир! Я не был эмиром! О, если бы все это случилось на самом деле! — если бы я действительно вел армады на штурм, рубился с мальчишкой Суришаром, если бы… ведь я мог… Оставьте себе вашу славу, вашу жизнь, которую вы все сделали моей! Ну хоть кто-то, хоть один человек, вспомните меня! Один-единственный бейт моих стихов — и я покорно соглашусь с остальным! Где вы, те, кто умер, и те, кто выжил тогда, в настоящей жизни? Где вы?! Чернявый чангир — не в счет. Я рад, что ЗДЕСЬ он остался жив; но — не в счет! Дэв, Нахид, Фарангис — я найду вас! Вы обязаны узнать меня, вы просто не можете иначе…
Утро вставало из-за Белых гор Сафед-кух.
Один из длинной вереницы рассветов.

Глава четырнадцатая,

открытая ветрам жизни и смерти, памяти и забвению, полная плачем и песнями, и трепетом траурных полотнищ, но если подойти к ней с точки зрения здравого смысла, то останется лишь пожать плечами в недоумении.

1

Его вело то же чувство, которое позволяло ему отныне безошибочно открывать призрачные Ал-Ребаты, находить дорогу в незнакомых местах, за десятки и сотни фарсангов определять, в какой стороне находится нужный ему город — и, как выяснилось теперь, нужный ему человек. Кто подарил ему это умение: издыхающий баран в пещере Испытания? гостеприимный обитатель заброшенного храма? книга с чистыми страницами на алтаре?
Человек не знал этого; да и не очень-то стремился узнать. Куда идти — известно, за что спасибо небесам; а если ты, умирая от голода, нашел лепешку, то негоже сетовать на отсутствие халвы.
Ешь и помалкивай.
Впрочем, на сей раз далеко ходить не пришлось. Его влекло к южным предместьям — и он, подчиняясь зову, отправился мерять мощеные улицы и грязные переулки, эти кишки большого города, выводящие… нет, совсем не туда, куда вы подумали, уважаемые!

Вот они, крепостные башни; вот заново отстроенные стены; вот и ворота… и дальше, пыля широким трактом, а потом — виляя собачьим хвостом тропы, к селению углежогов, чьи крытые камышом крыши домов прятались под сенью вековых чинар. Вместо дувалов здесь были плетни, высотой до подбородка взрослому мужчине. Все жители селения наперечет, чужие заглядывают редко — от кого хорониться?!
Он увидел ее во дворе третьего с краю дома — и сердце ударило сумасшедшим бубном. Было почти невозможно отвести глаза, но он сделал это. Перевел дыхание. Облизал губы, почувствовав под языком сухие трещины. И снова: осторожно, почти благоговейно тронул взглядом знакомую фигурку в платье из дешевого карбоса. Выцветшие ленты вплетены в смоль кос, свисающих ниже пояса — все как там, в Мазандеране. И знакомое золото шерстки на обнаженных девичьих руках… Нет, не шерстка, конечно! — он усмехнулся, понимая, что эта усмешка не для зрителей. Просто ее кожа теперь была золотистого цвета, и пушок, нежный персиковый пушок…
Почувствовав на себе чужой взгляд, девушка порывисто обернулась, — и в лицо ему плеснул знакомый голубой огонь. Е рабб, и родинка на скуле, капля драгоценной сурьмы! Здешняя Фарангис была года на два-три старше той, памятной мазандеранки — но это несомненно была она!
— Фарангис… — в горле стоял комок, и слова разбивались о него, выходя горьким шепотом.
— Да, меня зовут Фарангис, — брови девушки двумя голубками взлетают на лоб; совсем как тогда, при первой их встрече. — Откуда ты знаешь меня, странник? Я тебя впервые вижу!
И сердце снова на миг отказывает.
Захлебывается, мчит шалым скакуном по лугам проклятого Ирема.
— Вспомни! — отчаяние и надежда звенят в надтреснутом голосе человека. — Мазандеран… ложе в пещере, которую звали дворцом… я читал тебе стихи…
— Стихи?! — утренняя заря вспыхивает на щеках девушки. — Ложе?! Какая сводня подсказала тебе мое имя, бесстыдник?! И ты решил, что я… Салех! А ну-ка, иди сюда! Ишь, увалень! — к его жене пристают, а он и ухом не ведет!
Из дома грузно вывалился полуголый детина, скребя обеими руками черную поросль на груди.
— Кто, дорогая? Вот этот? — недобрый взгляд маленьких, кабаньих глазок детины уперся в бродягу, стоящего у плетня.
— Ну, не совсем пристает, — смутилась Фарангис. — Странный он какой-то…
— Странный? Ну и странствовал бы где-нибудь в другом месте! — детина хохотнул над собственной шуткой. — А я ему помогу, чтоб не заблудился!
Одним прыжком Салех с разбега перемахнул через ограду.
В следующее мгновение человек получил изрядный пинок в бок, едва не упав.
— Вали отсюда, понял? И если я еще раз увижу тебя возле моей жены…
Детина взмахнул увесистым кулаком, с удовлетворением отъявленного драчуна приметив огоньки во взгляде бродяги. Неизвестно, чем бы дело кончилось, если бы в этот момент не откинулась циновка на окне дома, и властный голос не приказал:
— Угомонись, Салех! Пусть идет себе.
В окне обозначился косматый старец. Борода и длинные, до плеч, волосы старца были белы, как снег — однако голос устоял против возраста: сразу слыхать, кто в доме хозяин!
Муж Фарангис с неохотой опустил кулак.
— Иди уж, похабник, — угрюмо бросил он бродяге. — Счастлив твой бог: когда б не дедушка Олмун…
И Салеху вдвойне захотелось отвести душу на бродяге: ишь, урод, выпятился на Олмун-деда, ровно на шлюху портовую!
А человек, забыв про обиду и обидчика, смотрел — и ничего не мог прочесть в раскосом прищуре былого Олмун-дэва. Погибшего во время резни в Мазандеране, чтобы жить здесь, в мирных предместьях Кабира, вместе с внучкой, благополучно выскочившей замуж за углежога Салеха.
Вспомни!
Ну вспомни, Олмун-дэв!.. не хочешь? не можешь?
Человек повернулся и молча побрел восвояси.
Он не видел, как Фарангис провожает его долгим взглядом, и уж тем более не слышал, как она шепчет деду, боязливо косясь на Салеха:
— Он говорил, что читал мне стихи… Когда-то. В чудном месте, которое называется Мазандеран. И знаешь, дедушка… помнишь, я рассказывала тебе о моих снах? Ну тогда, еще до замужества… и после…

— Сны — это всего лишь сны, Фарангис, — отвечает старый Олмун. — Правда, иногда они бывают вещими… Скажи мужу, пусть лучше любит тебя — х-ха, мои женщины спали без сновидений!
Но в глазах старика, противореча веселью слов, на мгновение вспыхивает нездешняя синь горного неба.
Неба над каменной чашей.
…Нет, всего этого человек не видел.
Он шел прочь.
2
Он понимал тщету своих поисков; понимал, отказываясь принимать. Строители гробницы поработали на совесть, не оставив лазеек. И все же… он просто не умел по-другому, вслепую тычась в стены, ища несуществующий выход, загоняя панику в самый дальний угол рассудка, изнемогшего в борьбе с самим собой.
А значит — еще оставалась надежда.
* * *
Он нимало не удивился, когда в какой-то чайхане услыхал: завтра в столицу с докладом приедет Худайбег аль-Ширвани, соратник покойного аль-Мутанабби, а сейчас — наместник эмира в Харзе. Человек уже неделю ждал приезда того, кто раньше был известен ему под кличкой Дэв. Он знал: Худайбег приедет. Не нужно открывать Ал-Ребаты или добираться с попутным караваном в Харзу. Дэв едет к нему сам.
И при этой мысли по коже странника пробегал озноб. Он боялся не слепоты во взгляде бывшего друга. Что, если кто-то снова начал исподволь подсовывать ему желаемое? Не труди ноги, бывший шах! Тот, встречи с кем ты ищешь, сам спешит к тебе — о радость!
Ты получишь желаемое!
Совпадение? — с некоторых пор человек весьма подозрительно относился к подобным совпадениям.
Въезд наместника Харзы в столицу был обставлен, как и следовало ожидать, куда скромнее парадного выезда эмира. Зато сам наместник гордо ехал впереди свиты, состоявшей из двух десятков «Вороноголовых» на пегих иноходцах.
Сам Дэв красовался на гнедом жеребце-гиганте, чьим отцом был скорее слон, нежели конь. Левая рука наместника играла посеребренной уздечкой, в правой он сжимал до боли знакомую «Сестру Тарана», ставшую, похоже, символом его правления. Дэв заметно постарел, буйную гриву обильно припорошила седина — однако весь его облик по-прежнему дышал первозданной мощью сказочного богатыря. Но это была вполне человеческая мощь, и даже лоб, изрядно нависая над пронзительной голубизной взора, принадлежал сыну Адама, а не обитателю Мазандерана.
Фарр-ла-Кабир умер — и вместе с ним умерло проклятие, тяготевшее над «небоглазыми».
Худайбега аль-Ширвани встречали. Его приветствовали. Как-никак, живая легенда, соратник самого аль-Мутанабби, наместник двух эмиров подряд! Однако толпа зевак, выстроившихся вдоль улицы, была достаточно редкой, чтобы человек смог без труда пробраться в первый ряд.
Наместник Харзы не глазел по сторонам. Он был преисполнен важностью своей миссии и погружен в размышления о предстоящем докладе эмиру; праздная толпа его не интересовала.
Человек понял: Дэв сейчас попросту минует его, даже не заметив — тем дело и кончится. Поэтому, не раздумывая, сделал единственное, что мог сделать, обратив на себя внимание наместника: вышел на середину улицы и встал, загораживая путь процессии.
Глядя прямо в голубые глаза седого «пятнадцатилетнего курбаши».
Это было глупо. Это было настолько глупо, что наместник наконец очнулся от государственных дум.
И наглому бродяге достался удивленный взгляд.
Человек молчал. Он уже знал: взывать к памяти, к прошлому, в котором они сражались бок-о-бок, бессмысленно. Худайбег либо вспомнит сам, либо…
Придержав коня, наместник смотрел на наглеца: сперва недоуменно, потом все более пристально. Тень сгущалась в глубине голубых колодцев, смутно ворочалась в душе бывшего Дэва — еще, еще немного, еще несколько мгновений, и…
— Вон пошел, бродяга! Мыши плешь проели?! — у наместника на дороге стоять?!
Удар камчи обжигает спину, гнет к земле крылом урагана — а с боков уже наезжают, теснят лошадьми всадники свиты. В толпе рождается смех: поделом дураку! Человека отшвыривают прочь, вдогонку на прощанье огрев копейным древком.

Путь свободен!
Наместник может ехать дальше.
— А ведь похож… — бормочет себе под нос Худайбег аль-Ширвани, и медленно гаснут на лице наместника голубые угли. — Нет, действительно похож…
Соратник покойного аль-Мутанабби трогает повод. Он едет дальше, ко дворцу, выбросив из головы нелепое происшествие… выбросив… е рабб, да выбросив же, чтоб тебя!
Сердце колотится взбалмошным зверьком, и еще: почему-то хочется умереть за кого-то.
Умереть.
Хочется.
Мертвых не существует — щекочет сознание наместника Харзы странная мысль.
3
На западную окраину города он попал случайно.
И у высокого дувала остановился случайно — внимание привлекли траурные полотнища синего и лилового атласа, наискось переброшенные через верх.
Странно: хора плакальщиц и воплей родственников, предающихся скорби, слышно не было.
— Кто умер? — без особого интереса спросил Абу-т-Тайиб у древней старушки, что сидела у ворот на оструганном чурбачке.
Его мало интересовало, кто умер.
Мертвых не существует.
Совсем.
— Кобланчик помер, странничек… — ласково прошамкали старушечьи губы. — Внучок мой… только он не помер ишшо, помирает себе, помирает, который день как помирает, странничек…
Слово «помирает» старушка произносила вкусно, со значением. Так говорит влюбленный о предмете своей страсти, или пьяница — о вине.
— Кузнец? Кузнец Коблан?!
Что-то исподволь шевельнулось в душе поэта, тайная, давняя струнка зазвенела тихим звоном: воробышек-кузнец, могучие подмастерья-мариды… доспех…
— А ты, небось, знавал его, странничек? Внучка моего?
— Знал, бабушка.
— Так зашел бы, проводил… не сегодня-завтра отмучается, внучок-то! Тебе б там лепешечек сунули, мясца кус… Ворота вторую недельку без запора, входи, кому душа велит!
И, в сопровождении ковыляющей старухи, поэт пешком вошел во двор — куда некогда въезжал на лихом коне, шахом Кабира, с эскортом гургасаров.
Было?
Не было?
Сперва он по старой памяти направился в кузню, но предупредительное шамканье за спиной остановило поэта. И впрямь: не у горна ведь лежать умирающему? Хотя такой упрямец, как воробышек с глоткой матерого льва… Этот и при смерти на своем настоит. А в дом отчего-то идти не хотелось. Абу-т-Тайиб взошел было на айван, затоптался на веранде меж колоннами из ошкуренного тополя, думая повернуть обратно — но навстречу уже грузно шагал мохнорукий исполин, на голову выше поэта и вдвое шире в плечах.
— Правнучек это, Кобланчик-младшенький, — бормотнули из-за спины. — Ты его не боись, странничек, он только с виду страшенный, а так мухи не обидит, правнучек-то мой…
Словно задавшись целью опровергнуть высказывание прабабки, исполин походя пришлепнул муху на перилах.
Но пришлепнул с одного удара, не обижая — это старуха верно заметила.
— Ты, значит… — утробный бас Кобланчика-младшенького был подстать рыку Кобланчика-старшенького, но гораздо больше подходил к его могучей стати. — Ты, значит, странник… ты заходи, значит. Помолись за родителя моего. Скажешь потом — накормят. Значит, так и разумей, что накормят…
И веранда сотряслась, когда он затопал дальше — в сотый раз распорядиться насчет лекарей.
Безнадежно, значит, да совесть велит.
Абу-т-Тайиб вошел в дом. Там было многолюдно, шепоток сквозняком гулял от стены к стене, бродил коридорами, перемежаясь редкими всхлипами; женщины украдкой

прятали лица в передники, мужчины сдержанно говорили о пустяках. Пахло едой, снадобьями, человеческим потом; и еще — смертью.
Поэт не стал говорить этим людям, что мертвых не существует.
Он протолкался к запертой двери в соседнюю комнату, плохо понимая, зачем он это делает. Почти сразу дверь открылась, больно ударив в грудь краем створки, и оттуда бочком выбрался сухонький лекарь-хабиб с личиком престарелого младенца. Он уставился на поэта и развел ручками: дескать, все в воле Творца! Будем надеяться… надеяться… будем. Поэт кивнул; потом глянул через плечо хабиба. В глубине комнаты, на смятом ложе, лежала мумия: крошечная, сморщенная, туго обтянутая пергаментной кожей. На лице-черепе мумии лихорадочно горели впадины глаз: жаркое пламя души истово рвалось на волю из вонючего склепа.
Этот огонь опалил сознание Абу-т-Тайиба, как если бы поэт живьем сунулся в пылающий горн, сунулся в тщетной надежде быть перекованным из человека в меч.
Мумия на ложе захрапела умученной лошадью, задергалась, и рядом всполошились сиделки. Одна из них — видать, главная — склонилась к мумии, оттопырила себе ухо ладонью, вслушалась в еле слышный хрип былого горлопана…
— Давайте странника-то! — крикнула она минутой позже. — Сюда давайте! Дядь Коблан просит!
Абу-т-Тайиба сильно толкнули в спину, и ноги сами сделали два-три шага, переступив низкий порожек.
Подойдя к ложу, поэт остановился, глядя на умирающего и теряясь в догадках: что делать? о чем говорить? молиться?!
— Ты пригнись, странничек, — шепнула сиделка. — Пригнись к дядь Коблану! Он говорить хочет… да язык костяной. Авось, услышишь…
Абу-т-Тайиб послушно нагнулся.
Сперва он услышал только страшное сопенье. Воздух клокотал в глотке мумии, клокотал слабо, усталым варом, выходя вместо слов пузырями.
— Д-до… — лопнул один пузырь, обдав поэта жаркими брызгами. — Д-доспех… помнишь?..
— Помню, — больше всего Абу-т-Тайибу хотелось бежать отсюда. Ноги, ноги хадрамаутского верблюда, бегуна из бегунов — где вы?! Сейчас, когда в намертво замурованной гробнице, куда заточил его издыхающий Златой Овен, обозначился крохотный просвет, мышиная нора, щелочка наружу, — поэту стало страшно.
Так узники дуреют от глотка свежего воздуха, кричат, хватают стражников за руки, моля вернуть их в привычный смрад и мрак.
Или это просто предсмертный бред?
— В-вели… туда… вместе…
— Про какой это он доспех? — спрашивая сиделку, Абу-т-Тайиб втайне надеялся, что та выставит странника-нахала прочь. Ишь, человек душу отдает, а этот прилип репьем, с вопросами!
— Про эмирский доспех, — оказывается, Коблан-младшенький успел вернуться; и теперь стоял с поэтом бок-о-бок. — Родитель мой самому аль-Мутанабби латы ковал, значит… было дело. А потом эмир доспех вернул, да со значением: дескать, мир на земле, пусть хранится у того, кто делал! По сей день, значит, в сундуке бережем…
— В-вели… туда…
— Тебе, значит, показать хочет? — спросил Коблан-младшенький у поэта и, не дожидаясь ответа, кивнул сам себе. — Просьба умирающего — закон. Эй, кто там — носилки! Пусть порадуется, значит, родитель… эх, Коблан-ата!..
* * *
В кузне было прохладно. Молчал горн, скучали без дела меха, дожидаясь подмастерьев, масляно отливали в углу молоты и клещи. Носилки втаскивали осторожно, стараясь не потревожить мумию, бывшего человека — которого вскоре уже не потревожит ничто из тревог земных.
По приказу исполина из кладовки вынесли сундук, поставив его прямо на холодную наковальню.
— В-в… в-во двор…
Пришлось с той же осторожностью тащить носилки обратно во двор; следом сын умирающего вместе с коренастым бородачом несли сундук.
Все, кто был в доме, к этому времени толпились здесь, на открытом пространстве: недоумение во взглядах, губы роняют слова, будто крошки, мигом разбираемые любопытными пичугами, мужчины чешут бороды, женщины шушукаются втихомолку, обсуждая и осуждая суетную похвальбу кузнеца. И было б перед кем?! — перед бродягой с большой дороги!..

На старушку, пригласившую удивительного странника, глядели с опаской.
Носилки примостили на дощатой тахте в тени чинары, сундук опустили напротив, прямо на землю. Со стороны это напоминало погребальный обряд каких-нибудь диких зинджей: покойника таскают туда-сюда, без видимого смысла и цели, ожидая то ли чуда, то ли вовсе Страшного Суда…
— О-о… открой…
Коблан-младшенький откинул крышку, распахнув перед людьми чрево сундука.
Внутри лежал доспех; зародышем в материнской утробе. Густо смазанный зигировым маслом шлем со стрелкой, защищающей переносицу; вороненые наручи и оплечья, подбитые двойным бархатом, меж слоями которого для упругости был уложен конский волос; пояс, густо усыпанный стальными бляхами; наколенники, сетчатый полог с разрезами; латная перчатка была одна.

Левая.

Но не это бросило поэта в холодный пот.
Сзади о чем-то шептались незнакомые люди, беззастенчиво орала ворона в ветвях чинары, звон невидимых цикад оглушал, а поэт все смотрел и не мог оторвать взгляда от зерцала панциря, уложенного по центру.
С зеркальной глади металла, нагло врезаясь в его плоть бороздками гравировки, Абу-т-Тайибу в лицо ухмылялся череп со спиралями рогов.
Мертвая баранья голова.
Неужели они не видят? Неужели они по-прежнему слепы, и зрячие здесь лишь двое: он, неприкаянный рифмоплет, дважды похороненный и дважды воскрешенный не волей Аллаха, но причудой ходячего кебаба — и еще проклятая скотина, которой он собственноручно свернул шею?
Выходит, зря?!
— С-со… с-сохранил я… сберег…
Поэт ухватился за еле слышный шепот умирающего, как хватается тонущий за брошенную ему веревку. Вытер лицо рукавом, вздохнул полной грудью. Переждал, пока сердце угомонится, уймет лихорадочный стук.
И стал рыться в дорожном хурджине.
Все ахнули, когда странник извлек наружу латную перчатку, родную сестру-близнеца той, что безмятежно дремала сейчас в сундуке.
Только сестра была правая.
Абу-т-Тайиб еще немного постоял над сундуком, собираясь с духом; зачем-то надел свою перчатку на руку, снял, скрежетнул ногтем по кольчатой чешуе… Поэт был сейчас похож на фариса-рыцаря Запада, когда те бросают вызов врагу — и брошенная перчатка полетела прямо в морду Златого Овна.
В ухмылку.
В оскал.
В сундук.
Свой выбор — в чужой.
Звонко ударившись о поверхность панциря.
Абу-т-Тайиб страшно рассмеялся и стал расчехлять чанг, купленный им у чернявого.
— Д-да… — хрипела мумия на носилках. — Д-да… т-так его…
И ни у кого из присутствующих не повернулся язык сказать, что негоже при умирающем струны драть.
Примерзли языки.
— Ты почтил меня великой честью, Коблан-мастер, — мумия замолчала, внимая; лишь полыхали бешеные глаза с пергамента лица. — Великой честью. Я отплачу тебе единственным, что имею: песней. И думаю, тогда мы будем наконец квиты — ты и я. А вместе с нами и тот, кто всегда стоял между такими, как мы.
— Песня, значит, — буркнул Коблан-младшенький, тщетно пытаясь вникнуть в загадочные речи странника, и обвел людей строгим взглядом — хотя и так никто не собирался перечить. — Песня, это ладно… родитель любил… раньше. Хоть и… ну да ладно. А чья песня-то, значит?
— Моя.
— А слова, значит? Слова-то чьи?
— Аль-Мутанабби.
— А зовется как? Название, значит?
— Касыда о взятии Кабира.
И чанг плеснул в людские лица буйным хиджазским напевом.

— …помню: жаркой требухою, мертвым полем под сохою,
Выворачивалась площадь, где пехота бой вела.
Помню башню Аль-Кутуна, где отбросили к мосту нас,
И вода тела убитых по течению влекла…

Ты обложил меня со всех сторон, Златой Овен, рогатый пастырь; даже приняв смерть от моей руки, ты бродишь за мной неуспокоенным призраком — и блеешь во тьме, смеясь над безумным поэтом! Ты спрятался от меня в гибельной мгле, которую я сам даровал тебе; теперь мне не достать, не дотянуться, не ухватить за глотку барана, раздающего милостыню направо и налево со щедростью владыки владык! О фарр-ла-Кабир, единственное, что ты не смог вплести в ткань своей изысканной шутки — это кровь моего сердца, стрелы моего колчана, мои слова, рожденные из тех глубин, куда я сам редко осмеливался заглянуть… Все ложь: походы и завоевания, падения и взлеты, годы и фарсанги расстояний, имена и клички — все в мире ложь, кроме этого!
Спасибо тебе, Златой Овен. Низкий поклон, ибо без тебя я никогда не достиг бы понимания простой истины: можно возвести гробницы и дворцы, обойдясь без каменотесов или зодчих, можно воскресить мертвых и похоронить живых, швыряя жизнь со смертью игральными костями, путая чет с нечетом; но нельзя заставить кабирских чангиров петь мои песни, если я, я сам, не захотел отдать им эти песни!
Это единственное, что поэт может сделать сам, и только сам!
Я благодарен тебе: ты делал меня владыкой, упрямо и самозабвенно, пытаясь уподобиться Творцу, ты лепил меня-нового из глины власти, чтобы я остался прежним.
Спасибо — и прости.
Я убью тебя снова.
Навсегда.

— …помню горький привкус славы, помню вопли конной лавы,
Что столицу, как блудницу, дикой похотью брала.
Помню, как стоял с мечом он, словно в пурпур облаченный,
А со стен потоком черным на бойцов лилась смола…

Ты травишь меня сворой псов-подробностей, Златой Овен, все за тебя — правда и ложь, быль и небыль, мой сын, которого я не зачинал, мои походы, которых я не совершал, мои сподвижники, гибель которых я видел собственными глазами! Я — никто, я меньше, чем никто, и нет у меня орд, способных обвалом рухнуть с Белых гор Сафед-Кух на твои твердыни, о вожак стад! — нет и свидетелей, способных обвинить тебя на высшем суде, ибо Гургин далеко, а остальные безнадежно немы, кроме этого умирающего кузнеца, чье существование — прах под зимним ветром!
Я брожу по твоим пастбищам неприкаянным призраком, погибшей душой, стеная о том, что ушло прошлогодним снегом; я вновь добрался бы до Мазандерана, я вновь свернул бы тебе шею, если бы знал: это хоть что-то изменит!
И все-таки я возьму Кабир.
Сам.
Здесь и сейчас.

— …воля гневного эмира тверже сердцевины мира,
Слаще свадебного пира, выше святости была…

Они слушают меня, открыв рты, они внимают тому, что выше нас, выше всех, выше мавзолеев и тверже гранита, они берут твой Кабир вместе со мной, заново — посмотри в их глаза, мертвый череп! Посмотри и ухмыльнись, если сможешь! Там клубами плещет дым горящей столицы, там сшибаются всадники, там в стенном проломе бьются последние защитники Кабира, и вой гургасаров перекрывается визгом бедуинов Антары Абу-ль-Фавариса; их взгляды полны огня и стали, бешенства и ярости, их

взгляды — зеркала, их души — зеркала, их жизнь, исковерканная тобой — зеркало, где теперь отражаюсь я-настоящий, я-живой, я-подлинный…
Моя прихоть равна твоей, о Златой Овен, потому что я стою ныне на своей земле, и не баранам гнать меня прочь, туда, где мы все презренно равны: рогатые и безрогие!
Я возьму твой Кабир.
Сам.

— …над безглавыми телами бьется плакальщицей пламя,
Над Кабиром бьет крылами Ангел Мести, Ангел Зла,
Искажая гневом лица, вынуждая кровь пролиться —
Плачь, Златой Овен столицы, мясо бранного стола!

Звени, чанг — оружие превыше мечей, господин превыше венценосцев, истина превыше летописей или памяти; звени, пой, опускайся ятаганом на холку проклятой твари, даже если я льщу сам себе несбыточной надеждой, и все мои упования — льдинка на полуденном солнце!
Обманывая сам себя — я все равно обманываюсь сам.
Сам.
* * *
…старый Коблан прожил еще три с половиной дня.
Все это время Абу-т-Тайиба не отпускали: самая лучшая еда, самое мягкое ложе, любая одежда, золотые динары, лишь пожелай он, были бы к его услугам. Во двор с утра набивались толпы людей — забыв о смерти, забыв о скорби, они приходили слушать, и пламя души умирающего все жарче горело во впадинах глазниц.
Тело уходило без боли и сожаления.
Кузнец умрет, произнеся всего два слова.
— Ш-ш… ш-шахский дар, — скажет он, и отойдет к праотцам с улыбкой.
Все решат, что покойный имел в виду доспех, оставленный ему первым эмиром Кабирским.
А Абу-т-Тайиб лишь кивнет и закроет умершему глаза.
Наутро поэт оставит дом Кобланов, попрощается у ворот со старушкой, а потом зашагает себе дальше.
По эмирату, от барханов Верхнего Вэя до масличных рощ Кимены.
Он никогда и никому не скажет, что в свою последнюю ночь, проведенную у кузнеца, он тайком ходил в кладовку.
Туда, где хранился драгоценный сундук с латами.
Крышка откинулась без скрипа.
Вместо бараньего черепа по зерцалу панциря вилась ровная вязь; две строчки.
Бейт из «Касыды о мече».

— Живой, я живые тела крушу, стальной, ты крушишь металл —
И, значит, против своей родни каждый из нас восстал!..

Поэт закроет крышку.
Мертвых не существует.
Совсем.

Глава пятнадцатая,

подлежащая было усекновению по причине отсутствия ответов на вопросы, но даже Аллах (слава Ему!) не обещал отвечать на все загадки Мироздания (при условии, что кто-то из смертных дерзнет беспокоить Господа миров своими наглыми домогательствами).

— Открывай, хозяин! Именем светлейшего эмира Салима! Открывай, пока мы не разнесли ту рухлядь, которую ты по недомыслию именуешь дверью!
Гулкие удары.
Брань стражников.
Испуганный голос за дверью:
— Кто вы, добрые люди? И что вам нужно в моем доме в столь ранний час?
— Оглох?! Именем светлейшего эмира и его наместника в Дурбане! Открывай, кому говорят?!
Лязг засовов, жалобный скрип петель.
И поспешный грохот тяжелых сапог — мимо едва успевшего посторониться хозяина. Бледного коротышки в ночной сорочке и остроносых домашних каушах на босу ногу.
— Где он?! — последний стражник задерживается в дверях, нависает над низкорослым хозяином, дышит в лицо чесночным перегаром.
— Кто, господин?
— Чангир этот, кто ж еще?
— Пусть господин простит меня, скудоумного, но я не понимаю, о ком идет речь! В моем доме нет никаких чангиров! Я честный красильщик, подати плачу исправно…
— Не болтай зря, красильщик! Лучше сразу отвечай, где его прячешь — как бы не сожалеть потом!
— И рад бы сказать, господин — да не знаю, о ком речь! В доме только я, мои жены с детьми, да еще подмастерье. Подмастерье, правда, ловок струны драть, только все больше не на чанге, а на ребабе…
— А если посмотреть с пристрастием?!
— Смотрите, господин, только я вам, как пред самим Творцом…
А в доме тем временем уже по-хозяйски топочут сапоги. Трещит мебель, возмущаясь наглостью чужих рук, голодными ртами распахиваются крышки сундуков, содержимое их бесцеремонно вываливается прямо на пол, в воздухе плавает пух из распоротой перины; и тихо причитает старшая жена красильщика.
Младшая, круглолицая бабенка с разбитной ухмылкой, молчит.
Скалится, блудница!
— Здесь! — радостно кричит один из ранних гостей. — Господин он-баши, здесь люк под ковром!
Приводят хозяина.
— Ну что, скажешь — нет его там? В последний раз добром спрашиваю!
— Н-нет, господин…
— Открывай!
Крышка поднимается без скрипа — сразу видно, пользовались люком часто, на масло для петель не скупились, исправно мазали.
Один из стражников сунулся вниз с лампадкой в руке.
— Ага, попался!
Наружу был немедленно вытолкнут тощий паренек — востроносенький, с испуганно бегающими глазками, одетый в одно исподнее.
— Да это же мой подмастерье! — всплескивает руками красильщик; и напускается на паренька. — Что ты там делал, Азизам?!
— Я… я… не надо меня в тюрьму! Не крал я те пряники! Клянусь мамой, не крал! Я деньги на прилавок положил, а тут он ко мне поворачивается и кричит: вор! держи вора! Испугался я, побежал… Не надо меня в тюрьму, не виноватый я!
Плечистый он-баши, успев дважды стукнуться навершием шлема о низкую притолоку, только плюет с досады.
На пол.
— Заткнись, дитя разврата! — рявкает он, сам плохо понимая, кого имеет в виду: хозяина? подмастерье? всех вместе?
Злоба распирает душу сброженным суслом.
— Эй, Саид, больше там никого нет? Хорошо смотрел?
— Хорошо, хорошо, — ворчит из подполья Саид. — Тряпки тут всякие, краска… людей нет, господин он-баши!
— Ладно, вылазь. Пойдем отсюда.
Уже выйдя на улицу, он-баши с досады засаживает кулаком в крайний из опорных столбов, поддерживающих кровлю айвана, заставив столб дрогнуть. Снова придется докладывать: упустили! А, может, и впрямь не было его там?!
Стражники опасливо молчат.
Зевают, прикрывая рты ладонями.

— Поторопись, уважаемый! Стражники уже в доме, небось! Скоро по окрестностям шарить начнут — уходить надо. Ну да нам везет, до затоки теперь рукой подать…
— Спешу, спешу, мой проводник! — весело откликнулся человек.
И действительно прибавил шагу, стараясь не отстать от провожатого.
Далось ему это с некоторым трудом: человек явно разменял полвека, был не то чтобы тучен, но грузен изрядно; и слегка припадал на левую ногу — растянул, должно быть.
Вскоре полы джуббы беглеца зашуршали среди прибрежных камышей.
Захлюпала вода под стоптанными сапогами.
— А вот и Монсур-рыболов! Ждет, молодчина… Счастливого пути, певец!
— Спасибо, добрый человек. И тебе, и красильщику-хозяину, и всем вам — низкий поклон! Ну что, Монсур, поплыли? Я, пожалуй, на весла сяду — а ты рулить будешь. Так?
— Еще бы не так! — угрюмо буркнул Монсур, помогая ступить через борт. — Ты тут нарулишь… и нагребешь…
Лодка бесшумно скользила по черной воде, рассекая носом белесую пелену, укутавшую саваном озеро Куч-Курган. Воистину: ножом мучную похлебку резать, и то проку больше! Туман расступался лениво, с неохотой — чтобы немедленно сомкнуться позади. По сторонам темнели, шурша от зябкого ветерка, стены тростника; действительно, певец бы тут нарулил!
А Монсур, по всему видать, Озерному Деду родная душа…
Плыли не слишком долго: хитрей водяной змеи скользнули по затоке, и лодка мягко ткнулась носом в противоположный берег.
— Эх, спел бы я тебе песню, Монсур, да, жаль, нельзя — у этих уши, как у ишака! — поэт выбрался из лодки. — Может, динар возьмешь? У меня есть.
— Со святых плату брать грех, — с прежней угрюмостью ответствовал Монсур-рыболов.
Сказанные им слова странно противоречили хмурому лицу: с такой рожей не то что плату, родную мать зарезать — где мой нож?!
— Какой же я святой? — усмехнулся поэт. — Брожу себе по белу свету, песни горланю, люди слушают — вот и вся моя святость!
— Некогда мне с тобой спорить, — Монсур явно не был любителем долгих бесед. — Не хочешь святым быть — твое дело. Поторопись только. Вон там, от холмов наискось — дорога на Оразм.
— Ну, прощай тогда, шутник Монсур! Пусть рыба легко идет в твои сети, а счастье — в твою душу… Удачи!
Поэт закинул за спину видавший виды хурджин, умостил поверх зачехленный чанг — и, чуть прихрамывая, двинулся к округлым холмам, проступавшим в тумане грудями блудницами.
Где должна была лежать дорога на Оразм.
Рыболов долго глядел ему вслед. Очень долго, пока фигура певца не растворилась во мгле. Но и после Монсур еще с полчаса продолжал сидеть в лодке — оглядывался, прислушивался.
И услышал.
Стук копыт. Ближе, ближе… И вот, наполовину скрытые молочной кисеей, мимо проносятся силуэты всадников.
Конный разъезд!
Топот не успел стихнуть — а Монсур уже бежал. Он знал, куда направился поэт, и куда поскакал разъезд. А еще он знал короткий путь. Он успеет, успеет перехватить, дать знак…
Тайная тропка сама легла под ноги. Мягкие ичиги, выменянные в свое время у неразговорчивых, как и сам рыболов, горцев Озека, и предусмотрительно надетые сегодня, делали шаги бесшумными, и не надо было осторожно красться, стараясь не выдать себя, не надо было терять драгоценное время.
В последний раз Монсур бегал так, во весь дух, ребенком — спасаясь от девок Озерного Деда, падких на заблудших молокососов.
На миг ему показалось: на склоне ближнего холма мелькнула фигура с хурджином за спиной. Рыболов прибавил ходу, но проклятый туман перед ним заклубился, потек киселем, чтобы минутой позже начать редеть, истончаться — и, добежав до гряды, Монсур увидел: впереди никого нет.
Холмы здесь заканчивались, дальше начиналась обещанная дорога, на которую как раз выезжал из-за поворота давешний разъезд. Выезжал, бросив горячить коней: за кем гнаться, почтенные?! Место здесь открытое, спрятаться невозможно… а на дороге пеший от конного и без скачки не уйдет.

Только нет его, пешего-то!..
Рыболов на всякий случай обошел холм кругом. И от всадников подале, и оглядеться не грех. Никого. Чудеса, да и только!
«А ведь верно — чудеса!» — дошло вдруг до Монсура.
Даром, что ли, в народе считают этого человека святым? — а то и вовсе самим Абу-т-Тайибом аль-Мутанабби, вернувшимся с того света…
Выходит, прав был он, Монсур! Как есть святой! Исчез — и поминай лихим помином! Теперь понятно, почему его уже два года не может изловить вся эмирская конница, вся эмирская рать!.. Одно неясно: если он, Монсур, прав, значит, святой был не прав, споря с ним? Что ж это получается?!
Прав, не прав… чудны дела твои, Отец Небесный!
3
— Мой повелитель! Владыка Ночи докладывает — этому человеку опять удалось уйти! Владыка Ночи обещает приложить все усилия, но пока…
— Да что ж он, в самом деле святой?! Чудотворец?! В который раз… — эмир Салим не закончил фразу. Оставил трон, прошелся по зале, время от времени косясь на распростершегося ниц вазирга.
— Матери моей докладывал? Ее ведь затея… — эмир остановился напротив вазирга, покачиваясь с пятки на носок и обратно.
— Нет еще, мой повелитель. Нахид-хатун сейчас очень занята — к ней привели очередного чангира. Он утверждает, будто знает две касыды вашего великого отца, которые до сих пор не звучали в стенах дворца. И Нахид-хатун распорядилась…
— Понятно. Можешь не докладывать — сам знаешь, что за дурные вести бывает… Или напомнить?
— Как будет угодно моему…
— Ладно, иди.
Когда пожилой вазирг, пятясь и кланяясь, покинул тронную залу, эмир Салим снова прошелся от стены к стене. Задумчиво взял с золотого подноса гроздь винограда — кименский «калинджари», черней смолы, с тонкой кожицей… любимый виноград эмира.
Бросил ягоду в рот, постоял и скривился: дар лозы, подобного которому не найти в обитаемых четвертях земного круга, горчил.
Или дело не в винограде?
* * *
Слухи пестрыми гадюками поползли по эмирату около двух лет назад. Поначалу внимать им казалось глупей глупого. Ну, объявился какой-то бродячий чангир; ну, поет на площадях касыды покойного владыки, казалось бы, безвозвратно утерянные. Ну и пусть поет! Небось, старые записи раскопал. Или сам когда-то ходил в походы под началом славного завоевателя — там и услышал, запомнил. Почему только раньше не объявлялся?
Впрочем, подобная ерунда меньше всего интересовала эмира Салима. Что, других дел в державе нет, кроме как бродячих чангиров отлавливать?!
Отца этим не воскресишь…
Однако царственная матушка эмира крайне заинтересовалась новой молвой. А когда слух ее усладили дюжиной песен, приписываемых покойному супругу, в исполнении других чангиров — Нахид-хатун неожиданно щедро одарила певцов. И распорядилась привести к ней того, который… в общем, ясно. Прихоть стареющей женщины? Почему бы и нет? Возможно, таинственный бродяга был знаком с ее мужем, воевал бок-о-бок — славно вспомнить молодость, услышать рассказы и песни из первых уст…
Для кого прихоть, а кому — беготня от заката до рассвета, и от рассвета до заката в поисках чангира, оказавшегося воистину неуловимым! Слуги с ног сбились, пытаясь найти певца — однако тот как в зыбучий песок канул!
Чтобы вскоре объявиться в Хаффе, затем в Мэйлане, Верхнем Вэе, после — в Харзе, в Бехзде…
А потом к эмиру явился с докладом Владыка Ночи, начальник столичной стражи — и правая рука Господина Приговоров, вазирга западной стороны трона. Владыка Ночи был неглуп, очень неглуп, дело свое знал; и имел нюх охотничьего пса на беспорядки и волнения, когда смута находилась в самом зародыше.
Доклад был подробным — но оттого еще более странным.
Владыка Ночи не поленился собрать все донесения из разных уголков эмирата о появлении там искомого чангира, поющего касыды аль-Мутанабби. Затем бдительный блюститель опор власти сопоставил даты сообщений, расстояния между указанными в

них городами… и решил, что кто-то сошел с ума! Или он сам, или его осведомители, или весь мир разом!
Замеченный в Мэйлане, певец никак не мог неделю спустя объявиться в Харзе! Даже если скакать день и ночь, ежедневно меняя лошадей на свежих — все равно, от Мэйланя до Харзы около месяца пути! Добраться быстрее просто не в человеческих (и не в конских) силах!
Разумеется, оставалась возможность ошибки, и в Мэйлане касыды покойного эмира пел один человек, а в Харзе — другой. Именно об этом в первую очередь и подумал Владыка Ночи. Однако, сравнив описания внешности чангира из разных донесений, он пришел к выводу: человек был один и тот же. Одежда, телосложение, шрамы на горле и на скуле, недостача пальцев на левой руке, что отнюдь не мешало бродяге ловко управляться с чангом — донесения сообщали обо всем этом в один голос!
Столь совершенных двойников не сыскать даже среди братьев-близнецов — в последнем Владыка Ночи был уверен.
Затем всплыла очередная несуразица во времени, следом явилась ее родная сестра, хихикая втихомолку: от Кимены до Хаффы бродяга добрался за день; не иначе, одолжил летучий хурджин у Ушастого демона У!
И тогда Владыка Ночи забеспокоился всерьез. Дело попахивало колдовством или явлением святого — никаких других объяснений происходящему не было!
Слухи тем временем ширились, обрастали истинными или на ходу выдуманными подробностями: в народе шептались, что смерть аль-Мутанабби была подлогом, сыновним бунтом против отца, и вот теперь отец возвращает людям свои стихи, бездарно утерянные глупцами! Или нет, смерть есть смерть, но Творец отпустил поэта-воина из райских пределов, вняв скорби его касыд, дабы поэт мог завершить свои земные дела; а какие именно дела — о том можно только гадать! Говорили и о новоявленном святом, и о деревенском дурачке, в коего вселилась душа первого кабирского эмира, и о…
Разное говорили.
Владыка Ночи не мог допустить, чтобы по эмирату летал колдун или святой, принимаемый чернью за покойного эмира. Слухи и так уже начали принимать опасный оборот: видать, не по отцовским заветам правит нынешний эмир, ежели отцу во гробнице не спится вечным сном!
Необходимо было принять меры. Срочные меры. А для этого Владыке Ночи требовалось разрешение светлейшего эмира Салима.
За чем он и пришел во дворец с подробным докладом.
Эмир так до конца и не поверил Владыке Ночи: склонность последнего сгущать краски возможных бед и волнений была хорошо известна сыну аль-Мутанабби. Тем не менее, соответствующий фирман Владыка Ночи получил — и началась охота.
По всем правилам.
Но с единственной оговоркой: стражникам было строго-настрого велено взять певца ТОЛЬКО ЖИВЫМ, не нанося ему телесных повреждений. И под конвоем препроводить в Кабир, пред светлы очи эмира и вдовствующей Нахид-хатун.
Охота началась — и продолжалась вот уже два года без малого.
Ищи ветра в поле!
* * *
— Дворцовый хабиб просит высочайшего позволения войти!
— Пусть заходит.
Лекарь с порога пал ниц, и эмир раздраженно поморщился: величие величием, но иногда надоедает. И время уходит впустую…
Перевалив за третий десяток, эмир Салим стал чаще жалеть уходящее время.
— Вставай. Ты пришел сообщить мне о состоянии здоровья моей матушки?
— Прозорливость великого эмира может сравниться разве что с его же мудростью! Да, я пришел поговорить с моим повелителем именно об этом. К сожалению, никаких улучшений в состоянии здоровья Нахид-хатун не происходит. И даже наоборот. Стеснение дыхания усиливается, разлитие черной желчи влечет за собой меланхолию, слабы выделения тела; вдобавок… дозволит ли мой повелитель продолжить, ибо сам я не смею?
— Продолжай. И ничего не скрывай — я хочу знать правду. Моя мать умирает?
— Еще нет, мой повелитель, еще нет — но все к тому идет, и мое искусство здесь бессильно. Мне кажется, сиятельная Нахид-хатун просто устала от жизни. Ей скучно жить. Такое бывает…
— Я знаю. Думаю, ты прав. Можешь что-то присоветовать?

— Разве что чистый горный воздух и целебные источники Бек-Неша, мой повелитель. Вряд ли они вернут вашей матушке волю к жизни — но могут заметно облегчить ей дыхание. Тогда появится надежда…
— Я понял, хабиб. И поговорю со своей матушкой — возможно, ей действительно стоит отправиться в горы. Опять же, путешествие хоть немного развлечет ее. А ты, — палец эмира уперся в грудь лекаря, — будешь ее сопровождать! Слава Творцу, здесь больше нет тяжелобольных — так что твои ученики вполне управятся. Ступай!
Отпустив хабиба, эмир Салим еще долго стоял в задумчивости. Похоже, неудачи поисков и хвори-злодейки осадили крепость Нахид-хатун, приближая день сдачи. Даже стремление встретиться с удивительным чангиром исчезло. Скажем честно: касыды аль-Мутанабби распевали сейчас сотни певцов по всему эмирату, и отыскать среди них нужного — будь он хоть колдун, хоть святой… особенно, если он действительно колдун или святой! Молва, словно весеннее половодье, мало-помалу вернулась в теснину дозволенного русла, опровергнув мрачные предсказания Владыки Ночи. Пожалуй, хватит гонять стражников за призраком. Есть дела и поважнее!
Приняв решение, эмир хлопнул в ладоши.
Миг — и в залу вбежал юный гулям, ожидая распоряжений.
4
— Про указ эмирский слыхал? — дюжий гончар аккуратно отставил в сторону готовый кувшин и сунул руки в лохань с мутной водой — ополоснуть.
— Не глухой, чай, — покупатель, медник с соседней улицы, придирчиво осмотрел кувшин. Не тот, что минутой ранее сошел с гончарного круга; другой, уже расписанный и обожженный. Кувшин явно глянулся меднику, но брать без торговли — обидеть мастера!
— Ну?
— Вот те и ну… Два года ловили, а теперь вдруг — на попятный? Небось, нарочно указ-то огласили. Вот поверит ОН, что минула опала, бросит хорониться — тут-то ЕГО и возьмут за шкирку!
— Болтун ты, — ухмыльнулся гончар, отряхивая мокрые руки. — ОН и раньше-то не больно хоронился… Возьми ветер за шкирку! А так — все верно. Зря, что ль, другим чангирам по куче монет отваливали, да с почетом отпускали? Думали, ОН клюнет, заглотит крючок! Нет уж, народ не обманешь, а ЕГО — и подавно!
— Точно, — медник не обиделся на «болтуна». — Народ все видит! Нам-то ОН поет, а ИМ — шиш с бараньим жиром!
И сменил тему:
— А скажи-ка, уважаемый, во сколько ты ценишь этот простенький кувшинчик для воды?
— Простенький?! Для воды?! — гончар воздел руки возмущения над головой гнева. — Да в таком кувшине не стыдно подать лучшее вино на стол самому эмиру! Нет, ты посмотри, уважаемый, посмотри — тут одной росписи на динар, не считая…
Поэт, скоротав ночь в доме гончара, сидел, никем не замеченный, в дальнем углу двора, в тени приземистого аргавана, и с улыбкой слушал разговор.
Два года поисков минули, скрылись в бездне времени. Он мог уйти от преследователей в любой момент, открыв первый попавшийся Ал-Ребат, как хозяин дома открывает привычную с детства калитку. Однако поэт редко пользовался новым умением. Не раз его прятали от властей благодарные слушатели, не раз провожали задворками или тайными тропами в горах — и он не мешал этим людям спасать его. Они сами делали свой выбор, сами решались укрывать беглеца от властей; поэт был счастлив их свободой. Счастлив чужим поступком. Счастлив… Он ничего не имел против эмира Салима и его слуг, но каждый раз, когда очередной гончар или красильщик спасал от погони незнакомого ему чангира — сердце поэта пело от радости!
Он все-таки взял Кабир! Взял сам, как и хотел того — не мечом, но песней.
Пора подводить итоги. В последние дни поэта все чаще необъяснимо влекли горы, перевал Бек-Неш, славный целебными источниками — и обилием Ал-Ребатов, которые поэт чуял даже отсюда.
Это означало одно: пора уходить.
Пора.
5
Рыжая кобылица зари, плеща гривой, стремительно неслась в небо; еще скрытая за седыми от снега вершинами, она спешила подарить людям первые отсветы зарождающегося дня.
Матушка эмира Салима, проведя ночь в обнимку с удушьем, наконец уснула. Уснул и пожилой хабиб, до утра не сомкнув глаз у ложа Нахид-хатун.

Зато в соседних шатрах и около них вовсю кипела жизнь. Спешили за водой служанки, разжигали огонь челядинцы, то и дело норовя ущипнуть девушек за тугие ягодицы. Результат сего ухаживания поражал разнообразием: от лукавого подмигивания до звонкой пощечины.
Жизнь потихоньку вступала в свои права, потягивалась, просыпаясь — и явление немолодого чангира мало кого заинтересовало.
— Откуда взялся, странничек? — повар у котла зевнул, пытаясь скоротать время беседой.
— Пришел, — лаконично ответствовал чангир, расчехляя свой видавший виды инструмент.
— Ну и шел бы дальше… — повар без видимой причины охладел к пустым разговорам, но его перебила подошедшая сзади служанка.
— Чего ты человека гонишь, Низам? Видно же: не вор, не разбойник! Споет нам, чтоб работалось веселее, а от твоей шурпы не убудет!
— Нашла время для песен! — напустился на девушку бдительный Низам. — Госпожа почивать изволит! Еще разбудит…
— Не разбудит! — беззаботно махнула рукой служанка. — Ты тихонько, чангир, ладно? А этого скупердяя не слушай: у него подружку один такой, как ты, увел, вот и злобствует!
Повар густо покраснел и заткнулся.
Веселая песенка о влюбленном парне и упрямой красотке, отправившей парня на край света искать ей заморские подарки, взвилась над малахитовой зеленью луга, где был разбит лагерь — и работа, как ни странно, действительно пошла веселее. Чангир спел одну песню, потом другую, третью — управясь со своими делами, слуги собирались вокруг, садились, слушали…
— А касыды аль-Мутанабби знаешь? — с надеждой осведомился разом подобревший Низам, поднося гостю миску с дымящейся шурпой.
Чангир не ответил — просто запел:

— Я любовью черноких, упоеньем битв жестоких,
Солнцем, вставшим на востоке, безнадежно обольщен.
Только мне — влюбленный шепот, только мне — далекий топот,
Уходящей жизни опыт — только мне. Кому ж еще?!

— …Еще! — выдохнул повар, когда касыда кончилась, и последние отзвуки струн растаяли, разбились о каменные зубцы ближних скал.
— Дай ты передохнуть человеку! Шурпа стынет, — немедленно встала на защиту певца давешняя служанка. — Ты ешь, чангир, угощайся… А потом еще споешь?
— Угу, — с набитым ртом кивнул певец.
По всему было видно: человек успел изрядно проголодаться, и дважды упрашивать его отведать шурпы не пришлось.
Почти сразу в шатре Нахид-хатун раздался слабый возглас.
Служанка бросила глядеть на певца, охнула, метнулась внутрь…
— Ну вот, разбудили-таки, — виновато пробормотал Низам. — Сейчас всем нагорит!
Он выразительно взглянул на чангира, но тот не понял намека; или сделал вид, что не понял. Сидел, шурпу наворачивал, аж за ушами трещало!
— Добрая похлебка, — ухмыльнулся он, покончив с едой и вытирая руки о траву рядом с собой. — А нагореть — это вряд ли… Сами увидите!
Словно в ответ на его последние слова, полог шатра качнулся, и доверенная служанка поспешила к костру.
— Светлейшая Нахид-хатун желает слушать твои песни! — гордо объявила она. — Я проведу тебя в шатер, чангир.
— Мужнины стихи пой! Мужнины! — зашептали со всех сторон. — Озолотит! Иди!
— Нет, я отсюда петь стану, — неожиданно возразил певец. — И касыды не аль-Мутанабби, а Рудаки!
— Лучше делай, что говорят, — зашептал чангиру прямо в ухо вездесущий Низам. — А кто такой этот твой Рудаки? — непоследовательно поинтересовался он.
— Его звали Адамом поэтов. Впрочем, это не важно. Нахид-хатун понравится — я знаю.
Бродяга встал, и голос его сразу набрал силу.

— Только раз бывает праздник, только раз весна цветет,
Взор твой, пери, праздник вечный, вечный праздник в сердце льет!

И людям у костра послышалось, что внутри шатра тихо ахнули.

— Раз в году блистают розы, расцветают раз в году —
Для меня твой лик прекрасный вечно розами цветет!

Полог шатра качнулся, как от легкого дуновения ветра.
Нахид-хатун стояла перед чангиром, судорожно вцепившись непослушными пальцами в одну из шатровых растяжек. Вдова первого эмира кабирского была далеко немолода, время дурно обошлось с былой красавицей-хирбеди, а болезнь иссушила тело, сделав его легким, почти прозрачным, готовым, казалось, взлететь при первом же порыве ветра, чтобы умчаться прочь из этой обители скорби.
И при взгляде на эту осень, на тихую пору увядания, щемило сердце, а к горлу подступал комок.
Поэт на миг запнулся, не в силах оторвать взгляда от женщины у шатра. Потом губы его шевельнулись — беззвучно, рождая слова, слышные лишь двоим:

— Только раз в году срываю я фиалки в цветнике —
А твои лаская кудри, потерял фиалкам счет!

— Мерзавец! — прошептала женщина.
Слуги застыли с раскрытыми ртами, не понимая, что происходит, и что им теперь делать.
— Червяк! Дождевой червяк! Проходимец!
— Да, да, Нахид! Еще! Еще! Кто я?!

…Только раз в году нарциссы украшают грудь земли —
А твоих очей нарциссы расцветают круглый год!

— Собачий сын!
— Еще!
— Мучитель!

— Кипарис — красавец гордый, вечно строен, вечно свеж,
Но в сравнении с тобою он — горбун, кривой урод!

— Палач!
— Еще! О-о, еще!..
— И еще… еще… Еще ты — поэт. Ты мой муж, Абу-т-Тайиб аль-Мутанабби! Где же ты шлялся столько лет, изверг?!
* * *
— Ты сказала! — лицо поэта осветила улыбка. — Теперь я твердо знаю, кто я такой. И важно ли, где я был все эти годы?.. Пойдем. Нам пора.
Застыв идолами, поклоняться коим — грех, слуги молча смотрели, как бродяга осторожно обнимает плечи светлейшей матушки эмира Салима, как они идут прочь, дальше, дальше, по зеленому лугу — и вот луговина пуста.
Чудо?!
Лишь повар Низам успел заметить: перед самым исчезновением на том краю луга встал призрак. Зыбкий силуэт высокого старца в накидке цвета шафрана. Старец улыбался, и у ног его курилась жаровенка в форме то ли краба, то ли солнечного диска с лучами…

— Помилуй нас, Творец! Что мы скажем эмиру?! — потрясенно шепнул Низам побелевшими губами.
Доверенная служанка вдруг со всех ног бросилась в царский шатер — и мгновением позже оттуда раздались ее причитания.
Зря…
Впрочем, ведь служанке покойной Нахид-хатун никто никогда не говорил, что мертвых не существует.
Совсем.

ЭПИЛОГ

— Я знаю мир — он стар и полон дряни,
Я знаю птиц, летящих на манок,
Я знаю, как звенит экю в кармане,
И как звенит отточенный клинок.
Я знаю, как поют на эшафоте,
Я знаю, как целуют, не любя,
Я знаю тех, кто «за» и тех, кто «против»,
Я знаю все, но только не себя.

Толстый лютнист, минутой раньше одолживший наглому школяру свой инструмент, был вне себя от ярости. Даже курицу не доел — жареную курицу с гарниром из тушеной капусты, куда подлец-трактирщик положил мало сала и много моркови. Обвислые брыли лютниста побагровели от прилива крови, а нос стал и вовсе сизым, пористым, хоть бери и запекай вместо баклажана!
Пальцы его, жирные пальцы чревоугодника — впрочем, они весьма ловко управлялись и со струнами лютни — сжимались в кулаки. Вот огреть бы по уху шалопая, огреть смачно, всласть, чтоб слова скомкались у него в глотке грязным бельем шлюхи из портовых заведений; если, конечно, у таких девок есть белье, в чем достойный лютнист изрядно сомневался.
Мерзавец!
Похабник!
Ворюга…
А школяр, знать не зная о чувствах лютниста, продолжал рвать струны, выкрикивая на всю таверну «Золотая Роза»:

— Я знаю шлюх — они горды, как дамы,
Я знаю дам — они дешевле шлюх,
Я знаю то, о чем молчат годами,
Я знаю то, что произносят вслух,
Я знаю, как зерно клюют павлины,
И как вороны трупы теребят,
Я знаю жизнь — она не будет длинной,
Я знаю все, но только не себя.

Увы, негодование лютниста отнюдь не разделяли собравшиеся в таверне люди. Смеялся, слушая школяра, бродячий жонглер, чьи разноцветные штаны и лазоревая котта с нашитыми бубенцами выделялись ярким пятном в дымном чаду «Золотой Розы». Вторила смеху спутника юная акробатка, машинально стирая рукавом со щек густые румяна; за соседним столом равнодушно жевал старик-крестьянин, глухой, как пень. Требовали продолжения трое солдат в панцирях из буйволовой кожи, и вино клокотало в их глотках, а похоть горела в их взглядах, когда мимо проходила толстозадая служанка, рябая девка в засаленном чепце. Сержант поглядывал в угол, где стояли солдатские алебарды, крутил длинный ус, не мешая гульбе подчиненных — в Париже чума, в деревнях беспорядки и недород, где еще отвести казенную душу, как не в кабаке?

А школяр, из тех клириков Веселой Науки, что в любом возрасте остаются семнадцатилетними мальчишками, несмотря на выбитые зубы и седину в кудрях, все пел, вспрыгнув на стол, все терзал взятую напрокат лютню костлявыми пальцами…

— Я знаю мир — его судить легко нам,
Ведь всем до совершенства далеко,
Я знаю, как молчат перед законом,
И знаю, как порой молчит закон.
Я знаю, как за хвост ловить удачу,
Всех растолкав и каждому грубя,
Я знаю — только так, а не иначе…
Я знаю все, но только не себя.

И лютнист наконец не выдержал.
— Это ложь, — завопил он, привлекая всеобщее внимание. — Это жалкое подражание! Я лично — слышите? лично! — присутствовал на поэтическом турнире у герцога Шарля Орлеанского! Я собственными ушами слышал посылку, данную его высочеством: «От жажды умираю над ручьем!» И ответные баллады Жана Робертэ слышал, и мэтра Астезана, и Франсуа Вийона! И потом я слышал Вийона близ церкви Сен-Бенуа, когда он продавал «Балладу состязания в Блуа» и «Балладу примет» по десять су за строчку! Там были совсем другие слова! Совсем другие! Как ты посмел, виршеплет, как ты… посмел… искажать… Отдай мою лютню! Отдай немедленно!
— Лови! — гибкий, как ивовая плеть, школяр швырнул лютню ее владельцу. — Что ж ты не купил балладу, пока шла по дешевке? Небось, поскряжничал, жмот! — а теперь развонялся: «Слова! Не те слова!» Хочешь всегда одинаковых слов — женись! Небось, женушка тебя одинаково звать будет, рогач ты эдакий!
— Я… — задохнулся лютнист, прижимая инструмент к дряблой груди. — Я… чтобы всякое отребье, всякий висельник…
Но школяр уже не смотрел в его сторону.
Солдаты разразились громовым хохотом, требуя, чтобы оба бездельника кулаками выяснили отношения — если, конечно, они считают себя мужчинами, а не ощипанными кочетами! Служанка, являя пример женской непоследовательности, заигрывала со школяром, явно предпочитая ласки муз прелестям походной любви; а жонглер с подругой втихомолку подсчитывали дневную выручку — хватит ли заказать жбан красного?
Да еще скучал в углу темнолицый мавр, разодетый с истинно восточной пышностью, которой уж никак не место было в «Золотой Розе».
Сержант покосился в сторону мавра. Мысленно посетовал на нерасторопность испанских кабальеро, что до сих пор не успели прибрать к ногтю Гренадский эмират, а заодно и на собственного всехристианнейшего короля Людовика, позволяющего черномазым нагло расхаживать меж честных французов; и усы сержанта воинственно встопорщились.
Ишь, паленая кость, нехристь! — целый экю бросил школяру через всю таверну. А тот рад стараться: поймал, и к сердцу прижал, и расцеловал, голытьба…
Нам за экю больше горбатиться надобно!
Ну да ладно, будет и на нашей улице праздник; как не бывать…
Когда школяр собрал пожитки и, вскинув котомку на плечо, пошел прочь из «Золотой Розы», сержант исподтишка показал солдатам кулак.
Большой такой, волосатый кулак, со вздутыми костяшками.
Алебарды были расхватаны в считанные секунды, а служанке осталось только провожать мужчин взглядом: школяр, солдаты… не жонглера ведь соблазнять?
Может, мавра?
Но темнолицый рассчитался сполна, даже с лихвой, и вскоре на долю служанки остались лишь бродячие актеры, да еще глухой крестьянин, равнодушно жующий вареную репу.
* * *
Осенняя распутица влажно чавкала под ногами. Заслышав топот за спиной, школяр проворно перепрыгнул канаву — и собрался было бежать. Увы, ноги подвели хозяина. Подломились в коленях, не удержали легкого тела; правый сабо свалился наземь, жабой ускакал в грязное нутро канавы, и сперва деревянный башмак погрузился в жижу до половины, а там и вовсе оплыл на дно.
— Стой! — рявкнул сержант. — Стой, говорю тебе!
— Господа, господа, — заюлил школяр, шаря по сторонам взглядом затравленной крысы; котомку он выставил перед собой, будто защищаясь. — Если вы хотите отобрать у бедняги

его нечаянную удачу, последнюю монетку, брошенную судьбой в лице славного мавра — она ваша! Если же вы намерены причинить мне зло… Господа солдаты, господин сержант, на ваших лицах я читаю добродушие и любовь к ближнему! Позвольте мне идти своим путем!
Сейчас, стоя вплотную, было видно: школяр отнюдь не юн. Даже не молод. Небось, четвертый десяток разменял, и вряд ли меньше, чем наполовину. Сука-жизнь изрядно потрепала клирика Веселой Науки: когда он говорил, явственно обнаруживалась недостача зубов, кудри поредели, соль времени густо проступила на них, и впалые щеки говорили сами за себя. Нервные пальцы, костлявые, с распухшими суставами, сжимали котомку все теснее; так цепляется за кошель скряга, встреченный ночными шутниками. Одет школяр был бедно, плащ (явно с чужого плеча!) снизу доверху заляпан рыжей глиной; и стоя, ему приходилось кособочиться из-за потери сабо.
— Своим путем? — сержант довольно осклабился, воняя перегаром. — Не пойдешь, соловушка — побежишь!.. полетишь…
И мигнул солдатам.
Тупой конец алебарды угодил школяру в живот. Тот согнулся, блюя недавним обедом; и древко с костяным стуком опустилось на спину в грязном плаще. Солдаты столпились вокруг упавшего, носки и подошвы сапог с сочным чавканьем, подражая распутице-распутнице, принялись месить вскрикивающее тесто; нашлось место и древкам алебард…
— Тише, парни, тише! — прикрикнул сержант на увлекшихся подчиненных. — Не до смерти… пока.
И подошел ближе, склонился над растерзанным человеком.
— Г-го… — гусиный гогот вырвался из губ, более всего напоминавших сейчас мучные клецки, измазанные вишневым сиропом. — Г-господа… н-не надо, господа…
— Ты, грамотей, зла не держи, — в единственном глазу, который еще не утратил способности видеть, вспыхнула отчаянная надежда; и угасла, зашипев в ледяном спокойствии взгляда сержанта. — Я — человек приказа, что велено, то и делаю. Ты лучше вот что скажи: лейтенанта Массэ помнишь?
Школяр все пытался отползти, отодвинуться; вжавшись спиной в ствол древнего вяза, он трясущейся рукой полез за пазуху.
Серебряная рыбка ножа плеснула хвостом, вздрагивая от зябкой сырости; и ухмылка опять встопорщила усы сержанта.
Солдаты дружно заржали.
— Ты, грамотей, ножиком-то не тычь, не грози… Не о ножике спрос. Лейтенанта Массэ, говорю, помнишь? Ну, того, которого ты в своих «Заветах» на весь белый свет ославил?! Сопляки голозадые — и те по сей день орут: «Не стряпчий, не судья, не граф — пускай тройной заплатит штраф Массэ, потомственная шлюха!»
И сержант скосился на подчиненных: смеяться станете — удавлю!
— Вижу, помнишь. Так ведь и он тебя помнит! Всехристианнейший король наш, Людовик, тебя простил, а лейтенант не король, он прощать не обучен…
Еще один взгляд в сторону солдат: я этого не говорил, вы не слышали!
Ясно?
Солдатам было ясно.
— Эх, грамотей, тебе б ноги делать, да подальше! — а ты ходил-бродил, и опять к Парижу потянуло! Кого куда, лису в курятник, а тебя — на лобное место. Что ж, плати, раз кредиторы объявились…
В следующую секунду бравый сержант отшагнул назад и осенил себя крестным знамением. Клянусь подвязками святой Женевьевы, ведь не было, никого не было рядом, кроме школяра и парней; вот незадача!
Из-за ствола вяза бочком выбрался давешний мавр.
Встал рядом со школяром, чучело бородатое, одернул свою одежку — простой христианин и не выговорит, как эта пакость называется! — по-птичьи склонил голову в тюрбане к левому плечу.
— Доблестные воины, — по-французски мавр говорил гортанно, с придыханием, но вполне понятно, — оглянитесь вокруг!
Сержант завертел головой: неужто тьма мавров кругом бродит?
Ф-фу, врет, кость паленая…
Тишь да гладь.
— Оглянитесь, — гнул свое черномазый, — и ощутите на губах сладость нынешнего дня! Разве лебедь ликования не парит в облаках ваших душ при одной мысли о том, что дней таких мало в нашей жизни, как мало жемчужин, но много пустых раковин на дне морском?!

— Шел бы ты, приятель, подобру-поздорову, — сержант уже малость пришел в себя. И то сказать: являются всякие, а ты их бредни выслушивай… — Раз день по душе, так иди себе, жри на сладкое! А что за день хоть?
— О, достойный воин, это день из дней! Ведь именно в этот день, в песках близ Нумании, ровно пятьсот лет тому назад…
Мавр оказался назойлив сверх меры.
Сержант поудобнее перехватил алебарду и смерил незваного гостя взглядом.
Массэ де Орлеан строго-настрого приказал: без свидетелей!.. ну что ж, без — так без, в первый раз, что ли?
— …пятьсот лет тому назад умер в первый раз один малоизвестный поэт, рожденный в славном племени Бану Джуф! И я дал себе обет: в день сей спасти от злой участи бедную душу, будь она душой правоверного или гяура, о коих сказано в Книге Неизменности…
Сержант справедливо полагал, что в Книге Неизменности ничего не говорилось о выпадах алебардой. О тех добрых выпадах, после которых остается лишь собрать потроха и убраться в ад, где дьявол уже приготовил для мавров местечко потеплее. Опытный вояка, он даже успел заметить, как черномазый ловко повернулся, пропуская мимо тяжелое лезвие; а вот когда кривой меч мавра покинул ножны — этого сержант заметить не успел. Так и остался стоять, сжимая в руках кусок древка, чисто срубленный у самого наконечника.
Мавр кинул меч обратно в ножны и тщательно вытер сапоги о лезвие искалеченной алебарды. Острое такое лезвие; богатые такие сапоги, из отличной юфти, с кисточками по краю голенищ. Сержант ждал, и в голове его волчком вертелась дурацкая мысль: что за меч у проклятого мавра? Альфанга? — нет, та короче, и конец у альфанги обоюдоострый… Симитарра? — у этой изгиб другой. В оружейной лавке дядюшки Госсуэна по прозвищу Ослиное Ухо сержант не видел подобных клинков; а теперь и видеть не хотел.
Никогда.
Зато мысль о том, что недурственно было бы скомандовать парням… нет, такая мысль сержанту в голову не являлась.
Все-таки он был опытным человеком, этот сержант.
— Пойдем, — мавр тем временем помог школяру подняться, бережно поддерживая избитого человека. Не надо было слыть лекарем, чтоб понять: пара ребер у бедняги сломана, ибо каждый вдох давался ему со скрежетом зубовным, а выдох и вовсе шел стонами. — Обопрись о меня… вот так… а теперь пошли. И прошу: не оборачивайся…
— Господин сержант! Господин сержант! Смотрите!
Школяр все-таки обернулся.
С холма было видно плохо, слезы боли застили взор, но он сумел-таки рассмотреть: солдаты сгрудились у канавы и, неловко используя алебарды в качестве багров, выволакивают из грязи чье-то тело.
Больше он смотреть не стал.
— Ты обронил котомку, — сказал мавр, незаметно поддерживая клирика Веселой Науки за талию. — Ты обронил котомку, Франсуа. Хочешь, я подниму?
— Не надо, — ответил школяр, пережидая головокружение. — Спасибо, добрый мавр; не утруждай себя. Я возьму сам.
Паутинки струились в стеклянном воздухе, скользя по лицам поцелуем осени, и клин журавлей рассекал небо над головами людей.

Олег Дивов
Лучший экипаж Солнечной
(авторская редакция 2008 г.)

От автора и Нострадамуса

Так получилось, что герои этой книги почти не говорят по-нашему. Те немногие их слова, которые все-таки звучат на ломаном русском, я выделил латиницей. На мой взгляд, разумнее всего воспринимать язык «Экипажа», как очень вольный (а местами и фривольный) перевод с английского, французского и немецкого. Иногда уже по контексту можно догадаться, когда именно люди перешли на французский, чтобы подчеркнуть обращение на «ты». А употребляемые ими эпитеты, как правило, хорошо нам знакомы,

поскольку английские. Конечно, русское сквернословие на слух куда веселее (а главное — сквернее). Признаться, концепция «переводной книги» родилась у меня именно в тот момент, когда за одной яркой сценой я вдруг разглядел всего-навсего унылое fuck you, произнесенное раз десять кряду.

Кому-то может показаться странным, что я не перевел все без исключения англоязычные термины. Но тут автор сам загнал себя в ловушку. Ведь контр-адмирал — это при любых обстоятельствах «задний адмирал», и ничего больше. А вот коммандер далеко не всегда командир и даже куда реже командир, нежели коммандер. Спирт, который пьют герои, он и в Африке спирт. Но когда персонажи разливают нечто, обобщенно поименованное «самогон», то в реальности это каждый раз что-то новенькое. Пару-тройку слов автор, на беду свою, просто выдумал. Какая жуткая вещь мегадестроер, я догадался, лишь когда увидел эту штуку в бою. Признаюсь, был слегка ошарашен.

Сомнительную ценность для читателя, слабо знакомого с фантастикой, имеют и дорогие мне имена. Лейтенанта Хелен Рипли многие у нас знают, можно сказать, как родную. Некоторые даже в нее влюблены. Но, допустим, с Локом фон Реем дружны не все. И не каждый сразу поймет, что «Лучший экипаж Солнечной» — низкий поклон милитаристской спейсопере, оммаж, книжка с картинками. Короче говоря, закончив роман, я набросал к нему именной указатель. А потом еще и небольшой словарик. И если не дает покоя вопрос, что за звери такие «круизер» и «бэттлшип», чем известен Г. Роканнон и страшен Шворц и где же в конце концов нашла приют «синагога бесплодная», смело ныряйте в приложение. Никаких секретов.

Еще меньший секрет, откуда взялась такая банальная трактовка будущего Земли. Признаюсь — не сам выдумал. Меня вообще ДЕТАЛИ нашего «завтра» волнуют мало. Основные мои претензии на этот счет укладываются во фразу «лишь бы не было войны». Те из читателей, у кого над головой хоть раз пролетала фугаска в полтораста кило весом, такую позицию, я думаю, в состоянии оценить. Скажу больше: прорисованное в этой книге будущее автору отвратительно. Но лучшего поля деятельности для интересных мне персонажей было просто не найти. Именно в кондовой «постхолокостной» ситуации эти характеры могли раскрыться ярче всего. Я хотел силой вырвать из них то лучшее, что они прятали где-то в глубине души.

Поэтому, не мудрствуя лукаво, я взял за основу самую популярную на сегодня расшифровку предсказаний Нострадамуса, опубликованную в 1963 году в Кёльне доктором Люстрио. Вам эта расшифровка знакома как минимум по газетным публикациям. Одна из самых завораживающих ее особенностей — указание (с точностью до месяца) срока, отпущенного Советской империи. Посему наши журналисты полюбили доктора Люстрио куда больше прочих толкователей пророческих центурий и довольно мощно отрекламировали именно его труд. При этом упорно замалчивался тот факт, что если верить Нострадамусу в трактовке Люстрио, то некто Генрих Счастливый родился 21 января 1981 года, а значит, братоубийственная война в Европе, на Средиземноморье и в зоне Персидского залива, в которой Генрих победит, уже не за горами.

Эта война коснется России только краем и принесет за собой 57 лет прочного мира для всех. Но в XXII веке она начнется по новой, что особенно интересно — на той же основе, религиозной и этнической. И, судя по географии боевых действий, русским придется туго. Осознав это, я поиграл с датами, слив две войны в одну и отнеся на триста лет вперед другую — ограниченный Апокалипсис, еще не смертельный, но такой, после которого жить по-старому уже не получится. Жить нужно будет умно и расчетливо. Осторожно, чтобы не дай Бог опять…

Удивительно, но смоделированное мной по указке Нострадамуса битое-перебитое человечество, став умным, расчетливым и осторожным, снова развязало войну. Только уже межпланетную.

Эта война родила своих героев. Точнее, моих героев. Даже неприятно их так называть, потому что они терпеть не могут слово «герой». Надеюсь, вы поймете их.

Искренне Ваш
Олег Дивов.
1998 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
НАД ЗЕМЛЕЙ

Они были не к месту и не ко времени.
Естественно, что они стали героями.
Принцесса Лея

Из одежды на дежурном навигаторе Иве Кендалл имелись только боевой спецкостюм и ниточка от тампакса. В принципе, рабочую форму военного астронавта даже рекомендуется надевать иногда на голое тело. Лучше чувствуешь, как работают усилители. Спецкостюм в некоторой степени оружие, и эффективно пользоваться им учатся годами. Еще в спецкостюме нельзя выходить за ворота наземных баз. Иначе, вздумай ты дать кому-нибудь в лоб, у противника отвалится голова, а тебе нужен будет протез кисти.
С пристегнутыми ботинками костюм мгновенно превращается в скафандр — стоит только поднять капюшон и опустить маску. Ботинки Ива сунула под свой пульт. Астронавты любят на работе ходить босиком. Во-первых, пол на корабле стерильный, слегка подогретый и очень приятный на ощупь. Во-вторых, ботинки страшно тяжелые. В-третьих, шляться по кораблю разутым категорически запрещено.
Но когда на судне такой бардак, что за его подвижность отвечает женщина, у которой месячные начнутся с минуты на минуту, сидеть на посту можно хоть нагишом.
По сравнению с тем, что бомбардир Фокс третьего дня сломал нос старшему технику, это вообще не будет считаться за проступок.
Тем более что в сейфе оперативного штаба нашли канистру самогона.
И контроль отражателей барахлит.
А на дне рекреационного бассейна какой-то самородок очень реалистично нарисовал активной краской двухметровый фаллос. Краска намертво въелась в покрытие, а бассейн такой здоровый, что выбрасывается только вместе с кораблем. И замазать безобразие невозможно: сквозь другой цвет активная краска мигом просочится, а в бассейне с радикально красным дном беззаботно плещутся только утопленники.
Под давлением таких печальных обстоятельств старпом Боровский, который еще полгода назад скорее удавился бы, чем поставил на дежурство женщину в критические дни, только сказал: «Ты, Кенди, поаккуратнее, да?» А Кенди именно одного дежурства в этом месяце не хватало, чтобы в платежной ведомости нарисовался лишний нолик.
Кенди-Конфетка в списках группы F значится как мастер-навигатор капитан-лейтенант Иветта Кендалл. Ей тридцать лет, она стриженная под мальчика зеленоглазая блондинка и прекрасно водит корабли. На парадном кителе у нее две Летучие Медали, Офигенный Лётный Крест и очень редкая для астронавта награда: Пурпурное Сердце. Это вещь настолько серьезная, что острословы так и не выдумали, как ее обозвать. Военный астронавт редко бывает ранен. Он, как правило, сразу оказывается убит. И не столько наповал, сколько вдребезги, а то и в клочья. Потому что с дыркой в обшивке жить и воевать можно. А вот с дыркой в обшивке и дыркой в спецкостюме — это вряд ли. Это, как любит говорить адмирал Рашен, стопроцентный pizdets.

Во всей группе F кавалеров Пурпурного Сердца — трое. И все ходят на флагмане.
Трехзвездный адмирал Рашен, он же командир «Тушканчика», его старпом коммандер [78]
Жан-Поль Боровский и мастер-навигатор капитан-лейтенант Иветта Кендалл.

Рашен получил Сердце в незапамятные времена, когда был по званию едва-едва капитаном и гордого прозвища «Рашен» еще не носил. Кто-то там в него стрелял. Ну и Рашен тоже кого-то шлепнул. А вот Боровский и Кенди схлопотали по медали вместе, три года назад, за вторую марсианскую кампанию. Они в составе призовой команды вели на базу трофейный бэттлшип «Энтерпрайз» и едва не стали жертвами диверсии. Здоровенная дура размером с Фобос неожиданно взбрыкнула и так об этот самый Фобос приложилась, что пришлось ее списать на металлолом. Боровский в момент рывка уже отстегнулся и стоял на ногах. Старпома размазало по стене, и в таранном ударе о спутник он участвовал пассивно, валяясь без сознания. А Кенди боролась за корабль до последней секунды, умудрилась перевести удар из лобового в скользящий, и все было бы ничего, но у ее кресла лопнула консоль. Три ребра Кенди оставила на краю пульта управления и тридцать зубов — в маске спецкостюма. Заработала на память шрам под левой грудью, белоснежные зубы за счет Адмиралтейства и медаль. И еще, говорят, сам Рашен ее на руках нес и чуть не плакал. Только из этого Кенди удовольствия не извлекла, поскольку уже отдавала концы и явился ей некто весь белый и пушистый. Так бы он ее и увел к себе, если бы не гениальный спецкостюм и не отчаянный Рашен. Спецкостюм не дал Кенди мгновенно помереть от ударной деформации. А Рашен привел «Тушканчик» к Фобосу с такими бешеными перегрузками, что у него потом вся команда еще неделю ходила пошатываясь. Кстати, сам

адмирал перегрузку «держит» плохо. Не мальчик уже, сорок шесть мужику. Но пожалей он себя и опоздай на полчаса — был бы у Кенди красивый орден посмертно.
А теперь и война кончилась, и дежурство можно нести босиком и без трусов, старшие офицеры лупят друг друга по морде, как сопливые курсанты, а в бассейне кто-то член нарисовал. Адмирал уехал вниз на совещание. Единственное позитивное событие — то, что над контролем отражателей колдует новый старший техник — очень красивый мужик по фамилии Вернер. Такое у него лицо… Кошачье. «Зовите меня просто Энди, капитан». — «А вы будете звать меня Кенди, лейтенант? Энди и Кенди. А». — «Извините, капитан, я, кажется, допустил бестактность». — «Не берите в голову, лейтенант. Я просто хотела тонко намекнуть, что вы еще не свой на «Тушканчике». Получилось?» — «Получилось, капитан. Принял к сведению. Не сочтите за труд, отрубите питание вот здесь». — «Запросто… Энди». — «Спасибо, капитан».
Держится как ветеран. Лет примерно тридцать пять. Должен быть минимум капитаном, но всего лишь лейтенант. А на груди планка. Одна-единственная медаль. Четвертое на «Тушканчике» Пурпурное Сердце.
Ива рассеянно перелистнула на своем терминале несколько страниц женского романа (еще одно злостное служебное нарушение) и отвернулась к большому, во всю стену, обзорному экрану. В боевой рубке экран такой, что дух захватывает. А здесь, в ходовой, просто большой.
«Тушканчик» летел над Россией. Внизу не было огней, и легендарная страна выглядела с орбиты пугающей в своей безбрежности черной дырой.
В углу Вернер одной рукой выбивал команды на «доске» мобильного терминала, а другой перебрасывал контакты. Работал он красиво и явно с удовольствием. А еще красивее было то, как при каждом повороте головы скакал у него с плеча на плечо длинный, чуть не до лопаток, коричневый хвост, схваченный на затылке резинкой с кожаным черным бантиком. Волосы у Энди просто обалденные. Блестящие и холеные. Ива невольно залюбовалась ими, с сожалением подергала себя за челку и застыла, пораженная догадкой. На «Тушканчике» почти все мужики, едва война кончилась, начали отращивать такие же хвосты по моде средневековых аристократов. В знак протеста: мол, вы решили армию распустить, а мы тогда будем ходить обросшие и небритые. Но пока что хвостики у ребят были куцые. А вот Энди… Оказывается, мастер-техник лейтенант Вернер очень давно не был — в космосе. Как минимум — на боевых судах.
Ива как раз примерялась задать Вернеру какой-нибудь хитрый провокационный вопрос, когда в боевую рубку, шлепая босыми ногами, вошла Линда.
— Здорово, мать! — провозгласила она с порога. — Как жизнь половая?!
В отличие от Ивы, Линда сейчас не дежурила, но тем не менее оказалась в трусах. Правда, больше на ней не было совершенно ничего. Вернер бросил на Линду косой взгляд, неожиданно смутился и нырнул в свою машинерию аж по пояс.
— Жизнь нормально, — ответила Ива, исподволь разглядывая Линду и прислушиваясь к странным ощущениям внутри. У Ивы не было гомосексуального опыта, и она не хотела признаться себе, что крупная и сильная белокурая Линда волнует ее. Ива вдруг представила, как эта тяжелая полная грудь с коричневыми сосками ложится ей на живот, большой жадный рот по очереди заглатывает целиком ее маленькие острые груди, сильная рука широко раздвигает колени и властные пальцы ударом, толчком входят в нее… Чтобы отогнать видение, пришлось зажмуриться и помотать головой. Конечно, в реальности ничего подобного случиться не могло, да Ива этого и не хотела. Но от Линды сейчас шла такая мощная волна сексуальных эмоций, что не поддаться ее настроению было просто невозможно.
— Ты чего морщишься? — спросила Линда. — Нездоровится?
— Да нет, — отмахнулась Ива. — Первый день. Грудь побаливает и вообще…
— А-а… Соболезную. Прими таблеточку.
— Уже. Ты-то как, подруга?
— Мне таблетками не поможешь, — заявила подруга. — Вниз пора. Трахаться.
Вернер, который в этот момент осторожно выползал, пятясь, из недр контрольного пульта, крепко стукнулся затылком и что-то неразборчиво буркнул. Линда хищно уставилась на его ягодицы и машинально почесала зад.
— Ну потерпи недельку, — сочувственно вздохнула Ива. Они были с Линдой в одной смене и через восемь дней отправлялись вниз, то есть на Землю, на отдых и тренировочные курсы. В мирное время служба на кораблях группы F шла двухнедельными циклами. Четырнадцать дней наверху, сутки на пересменку и тринадцать дней внизу. И наверху было по большей части не до мыслей о сексе. Да и модель отношений между астронавтами исторически сложилась не та. Экипаж — семья. Братья и сестры. Все друг друга любят,

берегут, пылинки сдувают. Безобразия на судах группы F стали отмечаться совсем недавно. Армия переживала глубочайший кризис, и людям приходилось нелегко.
— Через недельку как раз у меня месячные начнутся, — объяснила Линда. — Ну ладно, подруга. Вижу я, ты в порядке. Неси службу. Пойду, что ли, изнасилую кого-нибудь… — она крепко хлопнула Иву по плечу, цыкнула зубом в сторону притихшего в углу Вернера и, демонстративно вихляя бедрами, покинула рубку. Вернер уткнулся носом в монитор и деловито застучал по «доске». Ива любовалась его прической. Потом вдалеке Линда заорала: «Здорово, отец! Как жизнь половая?!» Раздался хохот и звучные шлепки по голому телу.
— Насколько я знаю, на круизерах положен по штатному расписанию психолог, — сказал вдруг, не отрываясь от работы, Вернер.
— Он только что был здесь, — ответила Ива равнодушно.
Вернер обернулся и поглядел на Иву в легком изумлении.
Ива заметила, какие у него красивые глаза, и потупилась.
— Однако! — пробурчал Вернер.
— Она с нами всю вторую марсианскую кампанию прошла, — заметила Ива. — Ей буквально цены нет. Между прочим, Линда — капитан.
— Кстати о второй марсианской, — сменил тему Вернер. — Я все хотел спросить… Откуда у вас Пурпурное Сердце, капитан?
— Воевала, — ответила Ива неожиданно сухим тоном. Ей даже стало немного стыдно. — А у вас, лейтенант?
— Болел, — отрезал Вернер и вернулся к работе. «Обиделся, — подумала Ива. — Ну и дурак». Она снова отвернулась к экрану. В поле зрения показалась чудовищная туша висящего на геостационарной орбите мегадестроера «Джон Гордон». Ярко-белую букву F, красующуюся на его необъятном черном брюхе, снизу можно было разглядеть в бинокль. С помощью этой буквы «Гордон» выполнял значительную часть своей работы: напоминал, кто в мире хозяин. Увы, марсианские колонисты в своей безумной гордыне позабыли, что, имея бомбер над головой, лучше быть смирными и послушными. А потом их пример заразил Венеру. И тогда бомберы перестали запугивать и начали бомбить.
Маленький «Тушканчик» на фоне «Гордона» выглядел этакой блохой. Но только выглядел. Потому что на «Тушканчике» (он же «Муад-Диб», он же «наш Махди», а то и просто «старина Пол») держал флаг командир группы F адмирал Рашен. А сам «Тушканчик» значился в реестре Адмиралтейства как круизер серии 100 «Пол Атридес».
По идее, Рашен должен был ходить именно на «Гордоне» или на другой аналогичной дуре серии 105. Но после одного прискорбного инцидента Рашен поклялся до пенсии летать на круизере, а слово его было крепко. Поэтому на «Гордоне» разместился контр-адмирал Задница со своим раздутым штатом планировщиков, аналитиков и прочих штабных писарей. А Рашен скакал на «Тушканчике» с его тесными каютами, минимумом удобств, небольшим экипажем — и не жаловался. Корабль, приспособленный ко входу в атмосферу, его вполне устраивал. Однажды такой круизер, «Лок фон Рей», спас ему жизнь. Это случилось еще в первую марсианскую кампанию, Рашен был капитаном, и на «фон Рее» он нырнул в Юпитер.

> Дежурная смена тогда проворонила врага. Тот самый злосчастный бэттлшип «Энтерпрайз», на котором Ива билась о Фобос и который хронически всю войну переходил из рук в руки, зажал «фон Рея» на траверзе Юпитера. Обложил самоходными минами, выпустил целое крыло
> [79]
> файтеров на перехват, отжал к поверхности и начал расстреливать. Деваться было некуда. Рашен спикировал в атмосферу и тонул в ней до тех пор, пока висящие у него на хвосте файтеры не начало плющить, как консервные банки. Месяц «фон Рей», кряхтя и стеная, провисел в жуткой пузырящейся каше, под многократной перегрузкой и на пределе своей прочности. Корабль пытку выдержал. Но здорово поломался экипаж. Того и гляди тебя раздавит, ты лежишь в полуобморочном состоянии и едва-едва дышишь, а где-то наверху барражирует здоровенный бэттлшип. И так день за днем. Относительно нормальными людьми вышла из этой передряги от силы дюжина, во главе, разумеется, с несгибаемым Рашеном. Тех, кто начал трогаться рассудком, доктор накачивал депрессантами и заставлял уснуть. Сам доктор на двадцать восьмые сутки застрелился, потому что медикаменты у него вышли, а психика тоже истощилась, и он решил, что больше никому здесь не нужен. А на тридцатый день «фон Рей» всплыл, как субмарина, шарахнул «Энтерпрайзу» по отражателям и к чертовой матери все их разнес. Обошел потерявшую ход махину по широкой дуге и рванул на базу. Рашен сдал в психушку экипаж, получил звание коммандера, Медаль за Наглость и

новенький, с иголочки, «Эрик Джон Старк», систершип «Гордона». Но у Рашена после Юпитера в одночасье поседели виски. И на мегадестроер он не пошел. Потому что этот корабль мог сделать непригодной для жизни планету земного типа, но был не в состоянии войти в сколько-нибудь плотную атмосферу. А зачем нужны плотные атмосферы, Рашен сам уяснил и другим рассказал.

Кроме того, он совершенно не хотел бомбить сепаратистов. Основной специальностью Рашена был космический бой, он атаковал, разрушал и захватывал корабли повстанцев. А мегадестроеры работали из космоса по поверхности, не разбирая, где там внизу армия ползает, а где просто люди живут. Так что, какая слава его ждет, прими он «Старка», Рашен очень точно вычислил.

И тогда начальник Рашена адмирал Кёниг повысил на него голос. При свидетелях он произнес свою историческую речь, в которой раз десять кряду прозвучало: «Ах ты, русский наглец». И при тех же свидетелях Рашен ему ответил. «Все правильно, — сказал он. — Не отрицаю, что я наглец. И не отрицаю, что русский. Более того, горжусь своей русской кровью. И как русский офицер, заявляю: я всегда дрался по законам чести и буду поступать так и впредь. Дайте мне хороший корабль и отправьте сбивать плохие суда. А на этой huevine ходите сами. И бомбите сколько влезет. А если вам не нравится чье-то происхождение, то, во-первых, это не по уставу, а во-вторых, просто неприлично. И впредь, господин адмирал, забудьте мое настоящее имя. Зовите просто — коммандер Рашен. Очень меня обяжете».

Кёниг схватился для начала за сердце, а потом за пистолет. Рашен был в спецкостюме и как раз уже примерился дать начальнику по морде, что кончилось бы плачевно, но тут вмешался адмирал флота, покойный Хантер.

«Отстань от парня, Гуннар, — приказал он. — Ты неправ. А вы, коммандер, встаньте смирно. В рамочках держитесь, ясно? Значит, так. Сейчас заканчивают ходовые испытания на еще одном «сотом». Для себя готовил. А отдаю вам. Звать корабль «Пол Атридес». Имя обязывает. На таком судне дурака валять нельзя. Так что идите и готовьтесь его принять, а заодно возьмете под начало все силы прикрытия группы F. И сколотите мне из них такое крыло, чтоб ни одна марсианская сволочь от поверхности не отлипла. И если через месяц хоть одна краснозадая посудина будет летать, я вас разжалую и посажу. Все ясно?»

«Так точно, господин адмирал флота, — отчеканил Рашен. — Разрешите доложить. Одна сволочь летать будет. Но плохо и недалеко».

«Это какая же?» — удивился Хантер.

«А «Энтерпрайз», — напомнил Рашен. Тут Хантер заржал и смеялся долго, наливаясь краской и хлопая себя ладонями по коленям.

«Ладно, — сказал он, отсмеявшись. — «Энтерпрайз» пусть летает пока. Не до него. А теперь вы идите и воюйте хорошо… коммандер Рашен».

Так Рашен приобрел свое прозвище, которое приклеилось к нему накрепко. А «Энтерпрайз» доковылял до Марса только к самому концу войны и прибыл на орбиту донельзя лояльный, с запертыми в карцере офицерами и весь обляпанный демаскирующей белой краской. Некоторое время он ходил под земным флагом, его даже собирались переименовать по-человечески. Потом решили, что судно морально устарело, отказались от капремонта и решили толкнуть на вторичном рынке. Но коммерсанты «Энтерпрайз» не взяли: на корабле с такой потрепанной ходовой частью оказалось нерентабельным возить даже мусор. Тогда разоруженный бэттлшип вернули марсианам, которые умудрились-таки его залатать и поставили новые пушки. В самом начале второй кампании «Энтерпрайз» захватила диверсионная группа землян и отогнала на Венеру. Как выяснилось, зря. Венериане провозгласили суверенитет и долго еще пугали этим кораблем Землю. Затем «Энтерпрайз» у них отбили, позорно сдали марсианам, еще какое-то время он воевал в поясе астероидов, пока не столкнулся во второй раз с войсками Рашена и не принужден был сдаться. Оставленный повстанцами хитрый компьютерный вирус сыграл злую шутку с мастер-навигатором Иветтой Кендалл, и на этом история «Энтерпрайза» завершилась…

«Тушканчик» прошел над «Гордоном» в сотне километров, и громадная машина смерти бросила Иве на терминал дежурное ОК. Компьютер сам дал подтверждение — молодцы, несите службу, — и на этом обмен любезностями завершился. А в боевую рубку в окружении клубов сизого дыма ввалился Фокс. Изо рта у него торчала квадратная в сечении гавана внушительной длины. Под левым глазом бомбардира красовался фиолетовый синяк. И ботинки он, разумеется, где-то позабыл.

— Привет, Конфетка! — промычал Фокс, вынул сигару изо рта и подошел к Иве. — Дай-ка я тебя, солнышко, облизну!

Ива засмеялась, позволила Фоксу отечески чмокнуть себя в макушку и в ответ потрепала по толстой щеке. За последние несколько месяцев склонного к полноте Фокса здорово разнесло. Комбинезон на нем так и топорщился.
Должность у Фокса была «старший эксперт по огневой работе». Поэтому иначе как бомбардиром его никто не называл.
— Салют, Андрэ! Как самочувствие? — спросил Фокс у Вернера. Эту фразу он произнес по-французски, чтобы подчеркнуть обращение на «ты». Ива удивленно подняла брови. Ей и в голову не приходило, что Вернера на «Тушканчике» кто-то может давно и хорошо знать.
— Спасибо, Мишель, порядок, — бросил через плечо Вернер. — А ты почему все еще с синяком?
— Я его ношу, как орден, — гордо ответил Фокс. — Ну, что там у «старика Пола» с отражателями?
— Похоже, заводской брак в одном блоке. Ничего серьезного. А тебе-то что? Наше дело — рулить, твое дело — бомбить… Меньше хода — прицел четче.
— Мне до всего есть дело, — сообщил Фокс. — Я «старика Пола» люблю всем сердцем. Меня беспокоит любая мелочь. Даже то, что у нашей Линды сексуальный психоз.
Конфетка, у тебя был когда-нибудь сексуальный психоз? Кстати, ребята, какая из вас получится классная пара! Энди и Кенди!
Ива поманила Фокса пальцем и, когда тот к ней нагнулся, крепко схватила за нос.
— Ой, де дадо! — взвыл бомбардир. — Я больше де буду!
— Так его, болтуна… — одобрил экзекуцию Вернер.
Ива отпустила нос бомбардира и взяла Фокса за воротник, чтобы не сбежал.
— Ты откуда его знаешь, Майк? — прошипела она Фоксу на ухо.
— А что? — шепотом удивился Фокс, растирая покрасневший нос. — Энди ходил на «фон Рее». Мы оба из первого экипажа Рашена. Только меня перед самым Юпитером загнали на переподготовку. А Энди… Видела у него планку Сердца? Вот так-то.
— А-а… — протянула Ива многозначительно, ничего толком не поняв.
Фокс распрямился, воткнул сигару в угол рта и упер руки в бока.
— На «Тушканчике» теперь просто уникальный экипаж, — сказал он в полный голос. — Целых четыре Пурпурных Сердца и аж двое русских. Про нас еще песни сложат. И легенды.
— А кто второй русский? — удивилась Ива.
— Да вон! — Фокс указал сигарой в сторону Вернера.
— Слушайте, Эндрю, он это серьезно? — не поверила Ива.
Вернер чем-то звонко щелкнул, с довольным видом подбросил на ладони дефектный блок и задвинул на место контрольную панель. Небрежно швырнул блок в сумку с инструментами, уселся на кресло верхом, сложил руки на спинке и опустил на них подбородок. И посмотрел Иве прямо в глаза, да так, что она впала в окончательное замешательство.
— А почему бы и нет? — спросил он.
— А-а… — в очередной раз сказала Ива.
— А фамилия у него такая для маскировки, — объяснил Фокс. — Чтобы не приставали.
— Трепло, — усмехнулся Вернер. — Вы не слушайте Майка, капитан. Фамилия у меня родная. Предки мои были из обрусевших немцев. И жили Вернеры в России начиная с семнадцатого века и вплоть до самой Заварухи. И потом тоже скрещивались только с чистокровными русскими. Так что я русский на сто процентов. Как адмирал Рашен.
— Кстати, у Рашена тоже имя… — заметила Ива.
— Вполне русское, — не согласился Фокс. — Алекс Успен. Чем тебе не нравится?
Вернер не удержался и прыснул.
— Что такое?! — возмутился Фокс. — Какого черта сегодня надо мной все издеваются?! Одна ненормальная за яйца хватает, другая за нос, теперь ты еще…
— Адмирала Рашена зовут Oleg Uspensky, — сказал Вернер.
— Быть не может, — отмахнулся сигарой Фокс. — Фамилии на «ский» все еврейские. Как у нашего Жан-Поля.
— Я могу показать тебе штатное расписание, — предложила Ива.
— Давайте-давайте, — кивнул Вернер. — А то сам не знает, с кем двадцать лет прослужил. Одни пушки на уме. Позорище какое, Майк.
— Да идите вы! — Фокс обиженно надулся.
— Секундное дело. — Ива положила руку на контакты своего терминала. — Сейчас мы его фактами прижмем. Пока Майкл и вам нос не сломал. Вы с ним поосторожнее, Эндрю. Он у нас тот еще задира.
— Ему не сломаешь, — хмыкнул Фокс и снова окутался клубами дыма. — Ну давай, не тяни, делай запрос. На что спорим?

— Не будет запроса, — сказала Ива, глядя на монитор. Левой рукой она выбила дробь на контактах, а правую сунула под пульт и вытащила ботинки.
— Ох, мама! — воскликнул Фокс. — Где моя обувь, вы, астронавты?! Никто не видел мои башмаки?! Куда же я их… — и опрометью выскочил в коридор, чуть не сбив с ног старпома Боровского.
Ива поспешно обувалась. Вернер со спокойной улыбкой смотрел, как на обзорном экране растет приближающийся адмиральский катер.
— О, Жан-Поль! — обрадовался в коридоре Фокс. — Ты ведь еврей?!
— Ну… — хмуро ответил Боровский.
— Фамилии на «ский» все еврейские, ведь так?
— Слушай ты, поц, — сказал Боровский. — Где твои ботинки?
— Виноват, — пробормотал Фокс и убежал по коридору. Боровский вошел в рубку и остановился посредине, заложив руки за спину и покачиваясь с пятки на носок.
— Бар-р-дак! — прорычал он, ни к кому специально не обращаясь.
Вернер подобрал сумку и встал.
— Контроль отражателей в норме, — доложил он.
— А, — сказал Боровский, как будто только что заметил Вернера. — Здравствуйте, Эндрю. Хоть кто-то здесь в состоянии за что-то отвечать. И чего там было?
— Видимо, дефектный блок. Сейчас я его протестирую на. своей машине и тогда смогу дать полное заключение.
— На диверсию не похоже? — неожиданно спросил Боровский. Ива, услышав это, подпрыгнула в кресле и обернулась.
— Не похоже, — ответил Вернер, ощутимо понизив голос. — А что?
— Да так, — Боровский неопределенно шевельнул бровью. — Пришел снизу меморандум о профилактике саботажа. Это, конечно, совершенно не мое дело, но если бы меня спросили… М-да. Вот я и спрашиваю: не похоже?
— Знаете, коммандер, — сказал Вернер без тени юмора в голосе. — По-моему, в Адмиралтействе у кого-то поехала крыша. А вы — рады стараться.
— Ты сам-то когда из психушки вышел?! — окрысился Боровский.
— Да я там, может, и вовсе не был… — пробормотал Вернер обескураженно.
— А я — был, — веско сказал Боровский. — И многому научился. Поэтому я всегда помню, что на «сотках» до полутора тысяч деталей, отказ каждой из которых приводит к потере боеспособности корабля. А еще я помню, что на «Тушканчике» сто человек экипажа. И все основательно тронутые. Во главе с психологом, которая только что хватала меня за яйца. Спрашивается — чего ей стоит отвинтить какую-нибудь елду на орудийной палубе и засунуть себе в…? Может, «Тушканчик» без этой елды и не развалится, но…
— Раз вы такой ответственный, подарите ей вибратор, — посоветовал Вернер.
— Да у нее этих вибраторов два ящика. Не в том дело. Ты пойми меня правильно, Эндрю. Мы с тобой здесь отвечаем за боеспособность. Только мы. Ну, еще твои пятеро шлимазлов, но с них спросу никакого. А больше никто. Ни Кенди, ни тем более этот толстожопый Фокс. Даже адмирал Рашен ни за что на «Тушканчике» не отвечает. А вот спросить они могут. И с кого? С нас! Так что давай, шевели мозгами. Тем более ты русский.
Ива смотрела, как причаливает адмиральский катер, слушала бредовый разговор за спиной и качала головой. С Вернером она была не согласна. Крыша ехала не только у чиновников Адмиралтейства. На «Тушканчике» потихоньку дурели все. Не исключая старпома Боровского.
— Слушайте, Жан-Поль, — сказал Вернер. — Я вас понял. Все будет ОК. Только вы не расстраивайтесь так.
— Я даже твоего личного дела не видел, — вдруг сказал Боровский с непонятной тоской в голосе.
— А вам и не положено, — неожиданно жестко заметил Вернер.
— То-то и оно… — вздохнул старпом. — Дежурный! — вдруг рявкнул он себе в воротник, туда, где торчал микрофон. — Не слышу доклада!
— У вас же наушника нет, Жан-Поль, — сказал Вернер тихонько.
Боровский пронзил техника безумным взглядом и принялся хлопать себя по карманам в поисках наушника.
— Возьмите, — Вернер протянул старпому маленькую черную фишку. — Это мой резервный.
Боровский что-то промычал, схватил фишку и запихнул ее в левое ухо.
— Дежурный! — заорал он.
— Что-то случилось, Жан-Поль? — спросил из коридора глубокий и ровный голос.
Боровский судорожно отпрыгнул с прохода и принял строевую стойку.
— Никак нет! — отрапортовал он.

— Это хорошо, — сказал адмирал Рашен. — Добрый день, Иветта. Zdravstvui, Andrey.
— Zdravstvuite, Oleg Igorevich, — сказал Вернер и почтительно склонил голову.
— Как ты здесь? — спросил Рашен, переходя на французский и протягивая Вернеру руку. — Привыкаешь? Не обижают?
— Его обидишь, — ответил за Вернера Боровский. — Он сам кого хочешь обидит до слез.
— Все нормально, драйвер, — улыбнулся Вернер, пожимая крепкую руку адмирала.
— Отражатели починил?
— Да ничего там не было, драйвер. Ерундовая потеря контакта.
— Разберешь «старика Пола» по винтику и соберешь. Ясно?
— Да, сэр.
— Коммандер Боровский тебе все обеспечит.
— Да, сэр! — хором ответили старпом и техник.
— Вопросы?
— Да, сэр, — сказал Вернер. — Коммандер Боровский обеспокоен тем, что не видел моего личного дела.
— И ничего я не обеспокоен… — пробормотал Боровский, опуская глаза.
— Пусть он лучше обеспокоится тем, что у него по кораблю голые бабы разгуливают, — сказал Рашен.
— Застрелю психопатку… — прошипел Боровский. — Застрелю и в жопу трахну.
Рашен сделал нижней челюстью жующее движение и поглядел на старпома очень внимательно.
— А может, в обратной последовательности? — спросил он.
— Виноват, сэр, — сказал Боровский, глядя в пол. — Разрешите удалиться?
— Через полчаса зайдешь ко мне, — приказал Рашен. — И к Линде не суйся. Я с ней уже сам поговорил. Хватит с нее. Ладно, Andrey, ты работай по своему расписанию, я потом тебя найду. По местам, господа астронавты. Не развалите тут все окончательно.
Вернер и Боровский, щелкнув каблуками, скрылись в коридоре. Рашен подошел к пульту Ивы и устало повалился в кресло слева от нее.
Ива украдкой посмотрела на адмирала. Ей всегда нравилось его волевое и умное лицо. Но сейчас под глазами Рашена запали тени. И глаза эти, острые, живые, а зачастую даже злые, теперь казались мертвыми. А седая челка и серебристые виски окончательно превращали адмирала в старика. Раньше Иве всегда хотелось прикоснуться к адмиралу или хотя бы сказать ему что-нибудь хорошее. Но развалина, которая сидела рядом сейчас, не вызывала желания приласкать ее.
— Пожалуйста, вызови Задницу, Иветта, — пробормотал адмирал, потирая ладонью, глаза.
— Да, сэр. — Ива набрала команду, быстро переговорила с дежурным «Гордона», и через минуту на мониторе появилась костлявая физиономия контр-адмирала Эссекса.
— Здравствуй, Фил, — сказал Рашен. — Ты мне нужен. Сможешь подвалить часам к семи?
— Один? — спросил Задница.
— Да. Бутылку возьми и подваливай. Думать будем.
— А может, ты ко мне? Моя охрана у тебя на борту не поместится.
— А ты всех не бери.
— Ну Алекс, ну чего тебе стоит…
— Фил, кончай ныть. Ты уже старый хрен, а все ломаешься, как не знаю что… Я сказал «подваливай», значит, подваливай.
— Сам ты старый хрен. Ладно, жди, — и Задница дал отбой.
— Все-таки он действительно Задница, — заключил Рашен. — А представляешь, Иветта, ходили бы мы с тобой сейчас на «Старке». Или на том же «Гордоне». Бассейн — двадцать пять метров! Теннисный корт. Зона психологической разгрузки… санаторий. То-то Задница вниз не стремится. Ему и так хорошо.
— Наш кораблик самый лучший, — сказала Ива. — И сами мы классные парни и хорошие астронавты.
— Угу, — кивнул Рашен. — Только кроме нас этого почему-то никто не понимает. Да и сами мы, честно говоря… Слушай, детка, ты мне доложить ничего не хочешь?
— А что докладывать, сэр? — удивилась Ива.
— Воин, службою живущий, читай Устав на сон грядущий, — продекламировал Рашен. — И утром, ото сна восстав, читай внимательно Устав… А я ведь, кажется, целый адмирал…
— Можно вопрос, драйвер? — спросила Ива, игнорируя намек.
— Хоть дюжину. Но сначала ты мне доложишь, как положено. Что тебе, жалко? Уважь старика.
— Господин адмирал, за время вашего отсутствия происшествий не случилось. Дежурный навигатор капитан-лейтенант Кендалл, сэр, — лениво пробубнила Ива. — И ничего вы не старый.

— Я говорю, что старый, значит, старый. Ну, чего тебе?
— Сэр, вам никто еще не говорил, что через пару месяцев такого бардака, как сейчас, мы не сможем воевать?
— Знаешь, Кенди, ты действительно забыла, что я адмирал.
— Сэр, люди не хотят больше служить. Даже хуже, чем не хотят, — не могут. И деваться им некуда. Я когда в прошлый раз внизу была, так и не рискнула выйти за ворота базы. Просто боюсь, что земляне со мной сделают что-нибудь нехорошее. Вы слышали, одну девчонку из десанта изнасиловали и убили?
— Они ее потом очень ловко надели на громоотвод, — сказал Рашен. — А на животе у нее было выжжено: «murder». Сам видел. А ты чего хотела? Чтобы ее искупали в шампанском? Убийца он и есть убийца.
— Сэр, я вас не понимаю, — сказала Ива упавшим голосом.
— Говорю же, милая, я все-таки адмирал.
— Объясните, сэр.
— Я знаю в сто раз больше твоего. И во всех подробностях. Вдобавок я догадываюсь, зачем это делается. Нас с тобой, милая, хотят сжить со света. И делают это самым эффективным способом — разлагая флот изнутри. Мы больше не нужны, понимаешь?
— Ох… — выдохнула Ива. — Что же делать, сэр?
— Ждать, — сказал Рашен жестко. — Сидеть и ждать приказа.
— Чует мое сердце, — пробормотала Ива, — что долго мы не высидим.
* * *
— Ну что, Andrey? — спросил Рашен вместо приветствия. — Как себя чувствует наш Махди?
— Кто? — удивился Вернер.
— Классику надо знать, — упрекнул Рашен. — Присаживайся.
— Спасибо, — Вернер уселся напротив адмирала и при щурился на него одним глазом, вспоминая. — Махди — это Пол Атридес, да?
— Угу, — кивнул Рашен. — У группы F в чести народный фольклор. Набрал я себе помощничков, век бы их не видеть. Искал умных и начитанных, а теперь время от времени думаю, что лучше бы они все были тупые и необразованные. Особенно штаб — прямо расстройство одно. Что ни день, то какой-нибудь юный талант берется тонко пошутить. Скажет пару слов с умным видом и щурится на меня, вот как ты сейчас примерно. А остальные и рады бы засмеяться, да совестно — жалеют старого дурака…
— Oleg Igorevich, с чего вы взяли, что старый? — искренне удивился Вернер.
— Ощущение, — сказал Рашен и неопределенно помахал ладонью в воздухе. — Знаешь, после того паскудного случая у Юпитера… Первые дни, когда мы только на базу вернулись, я еще от шока отходил и чувствовал даже подъем какой-то. А после… Устал. Надорвался я, Энди, понимаешь? Вот целых десять лет и живу в глубоко надорванном состоянии. Ладно, что там по твоей части? Какие новости?
— Так я вам послал, — Вернер указал подбородком на терминал.
— Да? Что-то я не заметил, — адмирал повернулся к монитору, но руки на контакты положить не успел. Потому что Вернер подался вперед и сунул прямо на контактную доску кусок белой ткани. Рашен опустил глаза и весь сморщился.
Вернер умел писать от руки — именно писать, а не только расписываться. Довольно редкое качество, характерное больше для ученых или представителей малых народов с угасающей культурой. В экипаже «Тушканчика» подобных грамотеев имелось трое. Рашен хорошо писал по-французски и по-русски, Линда вполне сносно выводила английские слова, а Боровский уверял, что свободно пишет на пяти языках, но замечен в этом ни разу не был. Искусство каллиграфии отмирало. Писать от руки было нечем и незачем. Учащиеся младших классов на стандартной контактной доске выколачивали до трехсот знаков в минуту. А техник уровня Вернера — все шестьсот. Но Вернер был русским и умел держать в руках стило. И сейчас написал такое…
— Та-ак, посмотрим, — сказал Рашен, для порядка выводя на монитор докладную о результатах первичного техосмотра корабля. Правой рукой он разгладил белую тряпку, оказавшуюся куском форменной майки. И чем дольше он читал печатные буквы, аккуратно нарисованные графитным стержнем, тем сильнее морщился.
«Система оповещения — в режиме микрофона, — писал Вернер. — Сигнал идет вниз постоянно на кодированной волне. Передатчик спрятан под обшивку на технической палубе».
Рашен машинально поднял глаза к потолку. Динамики системы оповещения стояли по всему кораблю. На какую-то секунду адмиралу стало дурно: он вдруг ощутил себя до такой степени голым, будто с него содрали кожу. Пришлось зажмуриться и сосчитать до десяти. А потом — открыть глаза и снова читать.

«Блокиратор главного ствола управления огнем, — прочел Рашен, — вживлен намертво. Приемного устройства пока не нашел».
— Ты блестящий специалист, Andrey, — скорее выдавил из себя, чем сказал Рашен. — Я очень рад, что взял тебя в экипаж.
— Мастерство не пропьешь, — невесело заметил Вернер. — Вы дальше посмотрите, Oleg Igorevich.
— Куда уж дальше! — усмехнулся Рашен. По главному стволу управления огнем шла вся телеметрия орудийной палубы. Включая те группы команд, что управляют орудиями с ядерной накачкой. Большими импульсными лазерами, в огненных плевках которых растворяются файтеры и поджариваются дестроеры. Будь у Рашена такие пушки на «фон Рее» десять лет назад, фиг бы он нырял в Юпитер, изображая подводную лодку.
«Автономная инициирующая схема аварийного глушения реактора. Приемника тоже пока не нашел».
Рашен откинулся в кресле и сложил руки на груди. Это был конец. Флагман группы F больше ему не принадлежал. Достаточно кому-то, по чьей воле в нервную систему корабля вживлены эти устройства, нажать кнопочку — и «Пол Атридес» станет грудой металлолома, которая не в состоянии толком ни полететь, ни выстрелить. Она сможет только сбросить аварийные модули и приземлить экипаж. А там, внизу, его уж встретят…
Рашен протянул руку, и Вернер вложил в его пальцы кусок графита. Адмирал перевернул тряпку, вывел в уголке вопросительный знак и вернул импровизированные карандаш и бумагу Вернеру.
— По интересующим вас пунктам, — сказал Вернер самым беззаботным тоном, — мне понадобится около месяца.
С первым справлюсь за неделю, с остальными двумя придется думать.
«Если не справлюсь, устроим пожар на техпалубе и поставим аварийный комплект», — написал он и перепаснул тряпку адмиралу.
Реакция адмирала была вполне естественной для астронавта. Едва прочитав, он скомкал послание и запихнул его в утилизатор. Вернер дернулся было спасти тряпку, но опоздал. Рашен посмотрел на него и покрутил у виска пальцем. Вернер развел руками.
— М-да, — сказал Рашен. — Ну что ж, Andrey. Работа проделана серьезная. Надеюсь, с тем, что осталось, ты управишься в заявленные сроки. Признаюсь, я думал, проблем у нас гораздо меньше. Но приятно слышать, что неполадки устранимы без помощи извне.
— У меня все-таки пять человек, — напомнил Вернер.
Рашен тут же показал ему кулак, и Эндрю понимающе кивнул.
— Ладно, — сказал Рашен. — Благодарю за службу. Вопросы есть?
— Никак нет, сэр, — Вернер поглядел на потолок, выразительно ткнул пальцем в сторону утилизатора, где скрылась тряпка, и погрозил адмиралу. Наверное, вопросы остались, но Рашен, едва прочитав о пожаре, испугался. Даже на субмарине пожар менее опасен, чем на космическом судне. От такой идеи не стыдно было и потерять контроль над собой.
Рашен хмыкнул и расстегнул нагрудный клапан спецкостюма, демонстрируя ослепительно белую футболку. Вернер махнул рукой — мол не надо, — и поднялся.
— Разрешите идти? — спросил он.
— Разрешаю заходить в любое время, — сказал адмирал. — И не забудь, старпому Боровскому приказано содействовать тебе в части, его касающейся. Пока, Andrey.
— До свидания, — сказал Вернер, подмигнул и вышел за дверь.
Адмирал повернулся вместе с креслом, набрал команду на замке сейфа, просунул в него руку и схватился за бутылку самогона, как утопающий за спасательный круг.
* * *
Отвергая духовное наследие предков, как не оправдавшее себя и едва не погубившее Землю, человечество не похоронило старые добрые технические идеи. Поэтому «Тушканчик» был сконструирован по принципу русской матрешки и мог позволить себе такую роскошь, как искусственная гравитация за счет раскрутки внешней оболочки. Безусловно, инженеры предпочли бы менее замысловатое решение проблемы. И корабль получился великоват в поперечном сечении, попросту толст. Гравигенератор, легкий и компактный, вписался бы в схему круизера серии 100 как нельзя лучше. К сожалению, таких генераторов в природе не существовало. И ходил корабль на традиционной ядерной тяге, и команды из боевой рубки шли не к каким-нибудь заковыристым искривителям пространства, а к нормальным импульсным лазерам. Единственным революционным новшеством, отличавшим «Тушканчик» от прочих судов группы F, был фаллический рисунок на дне рекреационного бассейна.
Вращающаяся оболочка корабля в просторечии именовалась «рабочей зоной». Она делилась поперек на так называемые палубы, на которых и проходила вся жизнь экипажа. В распоряжении астронавтов всегда имелся чуть заметно вогнутый пол и более явственно

выгнутый потолок. Хочешь прыгай, хочешь падай, если очень хочешь — лезь на стенку. А вот кувыркаться в невесомости тебе незачем. Чинить силовые коммуникации и пушки, смонтированные в «разгруженной» зоне, ты все равно не умеешь. На это есть техники, им положено уметь летать. У них даже имеется профессиональное заболевание — «синдром летчика».

Разумеется, все испытывали кратковременную невесомость по пути от причальных шлюзов до рабочей зоны, но ее отчасти сводили на нет электромагниты, присасывающие к полу стальные вкладыши в подошвах форменных ботинок. Вдобавок магнитный пол исправно подбирал из воздуха бесхозные железяки. Полная невесомость считалась чересчур коварной штукой, чтобы позволить ей резвиться на военном корабле. В качестве примера Рашен вспоминал байку о том, как лет пятьсот назад русские астронавты искали на своей — крохотной станции гаечный ключ, чтобы закрыть крышку переходного отсека и улететь-таки вниз. Ключ, разумеется, был на привязи и деться никуда не мог, но вот взял и испарился. Примерно через сутки астронавты заметили какую-то веревку, потянули за нее и вытащили ключ из-за заглушки на щите электропитания, поставленной специально, чтобы за нее случайно не залетел металлический предмет.

Еще Рашен вспоминал, как по молодости лет решил учинить на «фон Рее» полноценную тренировку на невесомость. У него хватило ума не тормозить рабочую зону — вероятно, он предчувствовал результат. Рашен просто вывел людей полетать в центральный ствол. Вернулись астронавты назад все заблеванные, а центральный ствол долго продували сжатым воздухом с дезинфицирующей эмульсией.

Короче говоря, жизнь на «Тушканчике» шла в полном согласии с земной физикой. Именно поэтому на пятый день пребывания в экипаже флагмана лейтенант Вернер умудрился буквально, безо всяких обиняков, свалиться на голову капитан-лейтенанту Кендалл.

По корабельному времени был уже поздний вечер, Ива только что вышла из душевой и направлялась к себе в каюту — розовый халатик на голое тело, голова обмотана полотенцем, взгляд блуждающий, настроение самое что ни на есть благодушное, все рефлексы на нуле. Вдруг над головой у нее что-то натужно заскрипело, и пока Ива соображала, что бы это могло значить, с потолка градом посыпались болты. Затем по голове несильно ударило легкое и пластмассовое. Тут Ива подняла глаза, и в этот момент на нее с неразборчивым французским проклятьем рухнуло восемьдесят кило живого веса.

— Тысяча извинений, капитан, — пробормотал Эндрю, отползая задом на четвереньках. — Даже не знаю, что и сказать. Вы как? Я вас не очень… того?

Ива села, прислонилась к стене и подобрала слетевшее с головы полотенце.

— Отвернись! — приказала она, заново сооружая из полотенца чалму.

— Я не нарочно, — объяснил Эндрю, глядя вверх. — Панель выпала. Какой-то умник очень хорошо ее закрепил. Ползу себе, никого не трогаю… Я вас правда не ушиб?

— Ты-то живой? — поинтересовалась Ива.

— Вроде бы. — Эндрю поднялся на ноги и нагнулся к Иве. Он был в легкой рабочей куртке с закатанными до локтей рукавами, и Ива увидела на его левом предплечье извилистый белый шрам. Руки у Вернера были не по-мужски изящные, с тонкой кистью и длинными красивыми пальцами. Но поднял он Иву с пола легко, как пушинку.

— Где это тебя угораздило? — спросила она, показывая глазами на шрам. — На «фон Рее»?

— Да. Производственная травма. Ползал по магистрали, вот как сейчас, и зацепился.

— Что ж ты его не зарастил?

— Не знаю… Все-таки память. И девочкам нравится.

— Ага, — кивнула Ива, посмотрела Эндрю в глаза и отвела взгляд. Вернер не был особенно крупным мужчиной, но сейчас он казался Иве просто огромным. Сильным и надежным. Он окружал ее собой, защищал и все еще мягко придерживал за плечи. Видно было, что ему нравится так стоять. Вплотную. А глазами он Иву просто ел.

— Я вас правда не ушиб? — в очередной раз спросил Эндрю.

— Правда, — еле слышно сказала Ива, мучаясь вопросом: он ее сейчас поцелует или все-таки постесняется и отложит это на потом. Никогда раньше ей не хотелось, чтобы ее поцеловал мужчина, с которым она разговаривает второй раз в жизни. На отдыхе внизу ей случалось по пьяни отдаваться малознакомым людям, но это все были астронавты, свои парни, чистые душой и телом, как пол на «Тушканчике», разве что не стерильные. А Вернер, хоть и тоже астронавт, «своим» не был. За его спиной притаилась тайна, его отделял от Ивы невидимый барьер. Перед этим человеком не хотелось обольстительно изогнуться. А хотелось скромно потупить глаза, уронить безвольно руки и надеяться, что ты достаточно хороша для того, чтобы он лишил тебя невинности. Разумеется, не сейчас. Много после. Но вот хотя бы поцеловать… Ива встряхнулась, не без труда пришла в себя и снова посмотрела Вернеру в глаза, на этот раз прямо и смело.

— Кто ты? — спросила она.

Эндрю отпустил ее и непроизвольно сложил руки на груди.
— Меня зовут Эндрю Вернер, — сказал он с легкой усмешкой на губах. — Возраст тридцать шесть, рост сто восемьдесят, вес семьдесят девять. Имею правительственные награды. Очень хороший техник. Очень скромный и застенчивый человек. Даже чересчур застенчивый…
— Это заметно, — подтвердила Ива. — А все-таки кто ты? Что ты здесь делаешь?
— Падаю на голову красивым женщинам.
— Не валяй дурака… Энди.
— Но вы действительно очень красивая женщина, капитан. Во всяком случае, на мой вкус.
— Особенно сейчас, — заметила Ива, машинально поправляя на голове полотенце. — Значит, не хочешь отвечать?
— Сожалею, но мне нечего ответить, — сказал Эндрю очень мягко, почти ласково. — Вы меня за кого-то принимаете… За героя какого-то. Из женского романа. А я просто свалился вам на голову. Сначала испугался, а теперь вот… Даже не знаю. Рад, наверное. Я ведь скучал по вам…
— Если не можешь обращаться ко мне на «ты», давай перейдем на английский, — предложила Ива. — Или у вас, у русских, положено сначала выпить на брудершафт?
Вернер откровенно смутился. Получалось это у него обворожительно.
— Я не знаю, что на этот счет положено у русских, — сказал он. — Но выпить я с вами… с тобой готов в любое время.
— Тебя что, тормозит, что я старше по званию? — не унималась Ива.
— Тьфу! — Вернер отступил на шаг, провернулся на каблуках, и когда лицо его снова оказалось у Ивы перед глазами, было оно уже совсем не смущенным, а заразительно улыбающимся. — Да ничего меня не тормозит! Я просто с тех пор, как тебя увидел, только о тебе и думаю!
— Молодец! — похвалила Ива, крепко хлопнула Эндрю по плечу и, повернувшись к нему спиной, царственно поплыла по коридору.
Эндрю восхищенно смотрел ей вслед.
* * *
Адъютант контр-адмирала Задницы сгибался под тяжестью здоровенного кофра с оборудованием.
— Здрасте! — выдохнул он, роняя кофр на стол. — Все как заказывали. С горячим приветом от моего патрона.
— Не любит он тебя, Изя, — сказал Рашен. — Не бережет.
— Это точно, — согласился Изя, откидывая крышку и извлекая из кофра цилиндрический сосуд с бурой жидкостью.
— Посуду на стол, технику в угол, — распорядился Эссекс, возникая на пороге. — Здравствуй, Алекс. Стаканы где?
— Да вот стаканы, не переживай. Изя, ты бы действительно убрал со стола этот ящик.
— Погодите, — сказал Изя, запуская руки в кофр и щелкая рычажками помехопостановщика. — Не все сразу. Дайте машину на режим вывести.
— Ой! — скривился Рашен. У него вдруг прихватило зубы и ломануло поясницу. Это Изя что-то у себя в кофре перекрутил. — Ты полегче!
— Сами-то не умеете… — буркнул Изя, вглядываясь в аппаратуру и недовольно морщась. — Пардон. Эта штука буквально на честном слове держится… Момент.
Эссекс вытер слезящиеся глаза и уселся за стол напротив Рашена.
— Ну? — спросил он недовольно. — Долго еще терпеть?
— Да сейчас же! — обиделся Изя. — Я вам что, техник? Я вообще в этой электронике ни бум-бум…
— Как раз насчет бум-бум хорошо получается, — заметил Рашен. — У меня сейчас зубы выпадут.
Изя что-то с усилием провернул в кофре, и затопившее каюту электричество рассосалось. Помехопостановщик вышел на режим.
— Вот, — сказал Изя, доставая круглую черную коробочку и протягивая ее Рашену. — Вы лучше пока заглушку поставьте.
— Ну ты обнаглел! — восхитился Рашен, но заглушку взял, отодвинул в сторону бутылку и стаканы и полез на стол. Дотянулся до решетки, под которой прятался динамик громкой связи, и прилепил коробочку к потолку.
— Так? — спросил он.
— Левее. Еще. Ага, правильно. Спасибо.
— Да не за что. Заходи еще. — Рашен спрыгнул со стола и вернулся на место. — Как детишки, Изя?

— Растут, — вздохнул Изя. — Денег просят. Я говорю, куда вам столько — вы их что, едите? Нет, говорят, мы их в задницу суем…
— А ты чего ждал? — удивился Рашен. — Семья, дружище, это просто фабрика по уничтожению средств…
— Слушайте, вы… евреи! — взорвался Эссекс. — Может, я пойду?! Может, вы и без меня обойдетесь?!
— Нет, Фил, — вздохнул Рашен. — К сожалению, без тебя не получится. Ну что, Изя? Можно уже говорить по душам?
— Угу, — кивнул Изя, с демонстративной натугой оторвал кофр от стола и поставил его в угол. — Разрешите идти?
— Брысь отсюда! — рявкнул Эссекс.
— Вы свободны, капитан Мейер, — сказал Рашен величественно. — Медаль вам пришлют на дом.
— Лучше деньгами, — заметил Изя и вышел.
— Ну, Алекс, наливай! — скомандовал Эссекс. — Na zdorovie!
— Na zdorovie, — кивнул Рашен.
Несколько минут командование группы F просидело в молчании, дегустируя напиток.
— Отрава, — сказал наконец Рашен. — Пойло.
— По-моему, тоже, — согласился Эссекс. — Ну, зачем позвал? И к чему такая секретность?
— Этот корабль мне больше не принадлежит, — заявил Рашен.
— То есть? — насторожился Эссекс.
— Громкая связь работает как микрофон, — объяснил Рашен. — Каждый пук из моего сортира фиксирует какая-то сука внизу.
— Подумаешь! — сказал Эссекс с видимым облегчением. — Открытие! У меня на «Гордоне» все то же самое.
— А блокировка реактора у тебя есть?! — спросил Рашен агрессивно. — А отсекатель на стволе управления огнем?! А?!
— Ничего себе… — пробормотал Эссекс. — Вот хреновина… Приемники нашел?
— Пока нет. Найду, не беспокойся. Но что нам делать теперь, Фил?
— Наливать и пить, — сказал Эссекс. — Проклятье! Завтра же прикажу своим технарям… Тьфу!
— Вот именно, — кивнул адмирал, разливая «отраву» по стаканам. — Я старшего техника уже поменял. И тебе советую. А до этого — ни-ни.
— Так вот почему ты Фокса не тронул! — догадался Эссекс. — Умно, ничего не скажешь.
— Фокс не в курсе, зачем это было сделано. Он просто мне пожаловался, что Скаччи много себе позволяет. А я сказал: ну, дай ему в рыло. Фокс говорит: вы что, серьезно? А я говорю: считай, приказал. Вот он и врезал ему.
— Какие они все у тебя… послушные.
— А куда им деваться? Вниз, что ли? Кому они там нужны?
— Ну почему же, — возразил Эссекс. — Внизу найдется масса желающих набить им морду. Я слышал, даже гражданским астронавтам иногда достается.
— Скаччи передо мной на коленях ползал, — вздохнул Рашен и припал к стакану.
— Пускай ему теперь жопу порвут, — кровожадно усмехнулся Эссекс и тоже пригубил «отравы».
— Из чего ты это гонишь, Фил? — спросил Рашен, поднимая стакан и разглядывая напиток на просвет.
— Из чего придется, — уклончиво ответил Эссекс.
— И это два адмирала, — заключил Рашен.
— Так что делать будем? — спросил Эссекс деловито, подаваясь вперед и пристально глядя на коллегу. — По-моему, ситуация патовая. Народ против нас, ты это понимаешь? Там внизу бешеная пропаганда за отказ от армии как таковой. У каждого третьего землянина на Марсе и Венере были либо родственники, либо друзья. И каждому землянину без исключения эта война в копеечку влетела. Распустят нас.
— А что говорят твои умники?
— Вот это и говорят. Даже если предположить, что Собрание Акционеров решит пока оставить все как есть. Совет Директоров так вздрючил общественное мнение, что им просто нельзя идти на попятный. Допустим, полицейские силы они пока не тронут. Пираты, контрабандисты… Но группе F точно конец. Готовься к отставке, старик. Вот что советует мой штаб.
— Понимаешь, Фил, — сказал Рашен, — я ведь не из принципа упираюсь. Плевал я на эту армию. Я вообще человек не военный. И с моральной точки зрения мы действительно неправы.
— Не скажи. Мы выполняли приказы. И все. А теперь из нас делают козлов отпущения.

— Погоди, Фил. Сколько народу мы ухлопали на Марсе?
— Это не мы, Алекс. Не передергивай. Это были крашеры и десант. Группа F прижимала корабли сепаратистов к поверхности. И все. Ну, взорвали мы сколько-то этих посудин — а они что, погулять взлетели? Мы не бомбили. Не жгли. И кстати, не мы придумали, что Марс и Венера должны отделяться. И не мы придумали, что им этого нельзя. Так что я тебя…
— Да я вообще о другом, Фил. Ты скажи: какие у тебя аргументы за то, что армию распускать пока еще не стоит?
Эссекс плеснул себе «отравы», поднес стакан к губам и задумался.
— У тебя внизу хоть кто-то есть… — пробормотал он.
— Считай, что нет, — вздохнул Рашен. — Последний мой разговор с сыном продолжался ровно минуту, и говорил в основном Игорь. Так что я внизу тоже никому не нужен. Ну, Фил? Зачем сейчас Земле военно-космические силы?
— Они ей на хрен не сдались, — сказал Эссекс и залпом выпил.
— Вот именно, — кивнул Рашен. — Группа F нужна только тем, кто в ней служит. Потому что больше им деваться некуда. Так думают все три обитаемые планеты Солнечной. Три суверенных государства. Три могущественные корпорации. И они не только считают так, но еще и говорят об этом. Кричат во весь голос. А что мы?
— А что мы? — тупо повторил Эссекс.
— По-моему, и Земле, и Венере, и Марсу группа F нужна позарез, — скромно заметил Рашен. — Десантный и бомбардировочный флот действительно можно списывать, а вот что касается нас, с нашим опытом боев в открытом пространстве…
— Да? — оживился Эссекс.
— Фил, ты тормоз. Кто их будет защищать от внешней угрозы, если не мы?
— От внешней угрозы? — переспросил, Эссекс.
— Почему молчит станция на Цербере? — спросил Рашен. — Ты выяснил?
— Адмиралтейство разбирается… — виновато ответил Эссекс. — Телеметрия… Все такое… Скоро узнаем.
— Пошли туда скаут, Фил.
— Зачем? — искренне удивился Эссекс.
— Чтобы посмотреть, отчего станция молчит.
— Ну ты сказал! Туда два месяца ходу! А сигнал может появиться завтра, ну послезавтра. Может, там заело что-то.
— И чему там заедать?
— Не знаю, — признался Эссекс. — Вроде бы нечему. Там все просто как болт. Сверхнадежно.
— Вот именно, — кивнул Рашен. — Отправь туда скаут, Фил. «Рипли» пошли. Завтра же. И пусть до Цербера ходу будет не два месяца, а три недели максимум.
— Это же самоуправство, Алекс… — до Эссекса постепенно начало доходить, что Рашен не шутит. — Если внизу узнают… А деньги?! Из каких фондов я это оплачу? За три недели до Цербера — ты что?! Сам посчитай — бустер понадобится от «Гордона», чтобы так разогнать…
— Сколько осталось до Собрания Акционеров? Три месяца, Фил. Вот и считай: три недели туда, столько же на разведку. И месяц убеждать идиотов внизу, что станцию уничтожил кто-то чужой. А заправку бустера я оплачу, раз ты такой жадный. Из резервного фонда.
Некоторое время Эссекс выпученными глазами вглядывался в лицо Рашена.
— Алекс, ты с ума сошел? — спросил он с надеждой в голосе.
— Хотелось бы, — ответил Рашен серьезно.
* * *
Скаут «Рипли» был маленькой юркой посудиной, семьдесят процентов которой занимала ходовая часть, а еще двадцать — оптические и радарные сканеры. Экипаж скаута насчитывал пять человек, и в полет они надевали громоздкие противоперегрузочные скафандры с системами кормления, водоснабжения и канализации. Скаут ходил с такими перегрузками, от которых у человека в обычном спецкостюме просто вытекли бы глаза. Жить месяцами в скафандрах было нелегко, зато скаут прошел две войны без единой пробоины. Целиться в него еще получалось, а вот попадать — нет.
Обстановку скаута пронизывал спартанский дух, если не сказать хуже. Самой роскошной деталью внутреннего убранства «Рипли» был унитаз для невесомости с привязными ремнями. На клапане унитаза кто-то нацарапал: «НЕ СРАТЪ».
— Это зачем? — спросил Рашен, повисая над унитазом головой вниз.
— Шутка, — объяснил коммандер Файн. — Мы им так ни разу и не пользовались. Времени не было. Воевали.

— Ладно, — сказал Рашен. — Будем считать, что порчи казенного оборудования я не заметил. Слушайте, Эйб. Видите, я сам пришел… — он замолк в легком замешательстве.
— Вижу, — кивнул Файн. — Ну и как вам тут, сэр? Не жмет?
— Зато когда в эту блоху последний раз попали? — хитро прищурился Рашен.
— Стрелять не умеют, — парировал Файн. Он ходил на скаутах пятнадцатый год и каждый сезон подавал кляузные рапорты о том, что Задница не дает ему продвигаться по службе. Рашен пересылал жалобы Эссексу, а тот их с удовольствием читал и спускал в утилизатор. На самом деле Файна «задвигал» Рашен. Эбрахам Файн был прирожденным разведчиком, сам это хорошо понимал, гордился своей квалификацией и жаловался только из личной вредности. Кроме того, когда ты ценный специалист, то чем больше возникаешь, тем скорее тебе затыкают рот внеочередным поощрением.
— Хорошо, — кивнул Рашен. — Будем надеяться, если кто-то сейчас болтается вокруг Цербера и поджидает вас, Эйб… Будем надеяться, что он тоже плохо стреляет.
— Так, — сказал Файн. — Интересно. Значит, обследование станции — это лажа. Я так и думал.
— Что вы думали, Эйб?
— Виноват, сэр.
— Да нет, продолжайте. Серьезно.
— Ну… Ее ведь кто-то подбил, да? Там полный автомат, ломаться нечему. Значит, кто-то по станции отбомбился. Да, сэр?
— Как вы думаете, Эйб, кто это мог быть?
— Ну, сэр… Вообще это не мое дело. У Задницы… Пардон, у его превосходительства контр-адмирала Эссекса громадный штаб. Сотня бездельников. Вот пусть они и думают. А наша задача. — смотаться, все обнюхать и доложить.
— Эйб, кончайте вы свои еврейские штучки.
— Сэр, ну сами посудите: я вам сейчас расскажу, кому, на мой взгляд, станция мешала, а вы меня того… Вниз.
Рашен пнул ногой унитаз, перелетел через рубку и, ухватившись за одно из кресел, завис перед обзорным экраном.
— Чужие? — спросил он.
— Разумеется, — сказал Файн ему в спину. — Подшибли станцию и ждут ремонтников. Хотят взять «языка».
— Очень уж это по-человечески.
— Почему нет? — спросил Файн. — В любом случае, больше напасть на станцию некому. Вся зона внутри орбиты Сатурна под контролем. Высунься из Пояса в ту сторону контрабандист, полиция бы заметила. И потом, они до Цербера все равно не доползут. Да и зачем им?
— Незачем. Они сидят в Поясе и тащат оттуда сырье на Венеру и Марс. И полиция наступает им на пятки. Значит, чужие?
— Точно чужие, сэр.
— Как вы легко об этом говорите, Эйб…
— Я?! — возмутился Файн. — Да я, можно сказать, был первый, кто рот открыл. И первый же, кто за такие разговорчики по ушам огреб. А Задница…
— Так вы поняли задачу, Эйб? — перебил его Рашен.
— Да, сэр, — ответил Файн хмуро.
— Я думаю, там никого не окажется. Но вы на станцию глядите в последнюю очередь. Только когда убедитесь, что пространство чисто. Тогда оцените характер повреждений, сбросьте мне информацию по дальней связи и тут же назад.
— Нереально засечь чужака нашими средствами, — проворчал Файн. — Если они добрались до Солнечной, я таки представляю себе, на чем они ходят. И если они уконтрапупили станцию, я таки могу вообразить, из чего они стреляют.
— Что, есть идеи? — спросил Рашен, оборачиваясь.
— Идеи пусть Задница генерирует, — ответил Файн. — У него на это специалисты имеются. Заодно пусть выдумает, что нам делать, когда группу F распустят.
— Если вы найдете убедительные следы чужих, группу F не распустят, — заметил Рашен.
— Нет уж, — помотал головой Файн. — Не такой ценой. Я лучше в ассенизаторы устроюсь. Буду говно откачивать, бряцая орденами…
— Вот это верно, — кивнул Рашен. — Это сказал боевой офицер. Вы молодец, Эйб. Так что, пойдете к Церберу? Нет возражений?
— Так точно, пойдем, сэр! — отчеканил Файн.
— В штабе сейчас готовят справку по всем необъясненным явлениям, что наблюдались за последние годы. Успеете ознакомиться до старта. Прикиньте стратегию поиска. Тут я вам не советчик.

— Да я все знаю, сэр, — улыбнулся Файн. — Вы и забыли, наверное, а я вам еще сто лет назад говорил, ну, после истории со «Скайуокером», что в Солнечной от чужих скоро будет не продыхнуть… В разведке многие собирают данные о чужих. Неофициально, конечно. Начальство об этом и слышать не хочет.
— А я хочу, — сказал Рашен. — И хочу услышать о чужих именно от вас, Эйб. Вернитесь и расскажите мне, что их не было и нет.
— Они есть, сэр. Просто у них пока руки до нас не доходили.
— Хорошо бы, чтоб при нашей жизни не дошли.
— Это вы зря, сэр, — не согласился Файн.
— Почему? — поднял брови Рашен.
— Потому что уже через несколько лет в Солнечной не останется боевых кораблей. Что же, эти уроды возьмут нас без единого выстрела?
Рашен с усилием потер глаза.
— Несчастные мы люди… — пробормотал он.
— Это точно, сэр, — кивнул Файн.
* * *
Обычно бустер-разгонник пристегивается к кораблю на специальных захватах. В случае с «Рипли» картина выглядела с точностью до наоборот. Крошечное суденышко прилепили к громадной бочке и нажали кнопку. Бустер секунду повисел как бы в раздумье, потом выплеснул из хвоста сноп пламени и рванул себя в пространство с такой силой, что у коммандера Файна глаза на лоб полезли. В таком положении им теперь суждено было оставаться до самого Пояса, где бустеру полагалось, исчерпав себя, пинком сбросить «Рипли» и отдаться в стальные лапы буксировщиков.
— Что-то у него выхлоп нестабильный, — заметил Вернер, глядя через плечо Рашена на обзорный экран. — Или мне кажется?
— Нормальный выхлоп, — проворчал Боровский. — Сейчас у всех такой. Поизносились кораблики. У нас в шестом отражателе здоровая дырка, а кто ее теперь залатает? Да никто. У главной пушки три импульса до капремонта осталось, и кто его будет делать? В бассейне здоровенный поц нарисован, тоже мне называется — военное судно…
— Ты хоть узнал, кто автор? — спросил Рашен, глядя, вслед уходящему бустеру, превратившемуся уже в крошечную точку.
— Какой-то поц, кто еще…
— Кончай ныть.
— Да, сэр. Разрешите обратиться? Слушайте, драйвер, можно я в этот раз вниз не поеду? Тут поработаю.
— Нельзя.
— Прокладки нужно менять в главном шлюзе. Я бы лично проконтролировал…
— Нельзя, — повторил Рашен устало. — Я тебя понимаю, Жан-Поль. Никто вниз не хочет. Но есть такой порядок. Разумный порядок. От космоса нужно отдыхать. Так что будь другом, не расстраивай меня.
Боровский тяжело вздохнул и ссутулился.
— Насчет замены прокладок Энди проследит, — сказал Рашен. — Все будет ОК. Правда, Andrey?
— Конечно, драйвер. Никаких проблем.
Боровский снова вздохнул, на этот раз совсем уж душераздирающе, и прищурился на исчезающую в пустоте точку.
— Бедный Абрам, — сказал он. — Это, конечно, совершенно не мое дело, но… Ох, не хотел бы я сейчас оказаться на его месте.
— А ты бы и не смог, — усмехнулся Рашен. — Ты даже в спецкостюме десять «же» не держишь. А Файн сейчас идет на двадцати. Вернется живой — поставлю начальником разведки. Пора мужику отдохнуть как следует. Будешь с ним летать, Жан-Поль?
— А он согласится? — усомнился Боровский.
— Ну тогда медаль «За наглость», — пожал плечами Рашен. — От медали он точно не откажется. Ему только дай. Интересно, что он с ними делает. У него этого железа уже килограммов десять.
— Он медали детям поиграть дает. Я сам видел.
— Трое у него?
— Ну.
— И что у вас за манера такая — плодиться как… не знаю, что?
— Так ведь били нас! — гордо сказал Боровский.
— Били — не добили. То ли дело нас — бац и нету. — Рашен невесело хохотнул. Он все еще стоял к Вернеру и Боровскому спиной, у самого экрана.
— А сколько вас осталось? — спросил Боровский. — Миллион?

— Да что ты… От силы пятьсот тысяч. Ну, не считая полукровок.
— Вас теперь спасут только межнациональные браки, — авторитетно заявил Боровский. — Не понимаю, чего вы так за чистоту породы цепляетесь? Вымрете!
Рашен молчал.
— Тараканы, крысы, голуби и одуванчики, — ответил за него Вернер. — Вот кто не вымер и не вымрет.
— Люди тоже приспособились, — заметил Боровский.
— Не все. Мы очень усталая нация, Жан-Поль. И у нас нет комплекса богоизбранного народа. Стимулов не осталось размножаться, понимаете? Надоело. Сколько можно, в конце концов, заслонять собой Европу то от монголо-татар, то от арабов, то от китайцев…
— Что-то вы ее не шибко от арабов заслонили. Арабов-то мы как раз уделали.
— И ни фига не вы, — вступил Рашен. — Арабов мочили немцы и французы. Китайцев долбали всем миром. А вы, жиды пархатые, с этого дела купонов настригли. Сколько ваших в Совет Директоров пролезло, а?
— А где теперь Государство Израиль? — парировал Боровский.
— Там же, где и Россия. Но вас стало много, а русских — наоборот.
— Сами виноваты. Могли бы снюхаться с китайцами и поделить мир. Или, наоборот, в НАТО вступили бы.
— Да не успели мы! — раздраженно сказал Рашен. — В России только-только перед самой Заварухой нормальная жизнь наладилась. И тут — на тебе… Знаешь, Жан-Поль, был такой народ — украинцы. И был замечательный анекдот о том, как украинец поймал золотую рыбку. Она ему: проси, чего хочешь. Три желания. А он говорит: хочу, чтобы Турция напала на Швецию. А потом чтобы Швеция напала на Турцию. И еще раз Турция на Швецию. Рыбка спрашивает — да на хрена это тебе? А украинец отвечает: уж больно здорово, как они через Москву будут носиться туда-сюда…
— Пророческий анекдот оказался, — заметил Вернер.
— Не то слово, Энди. А ведь действительно вся планета спала и видела, как бы от нас избавиться. Очень уж Россия была неудобное государство. Тоже в своем роде Израиль, только большой и с атомными бомбами. И вот нас не стало. А что толку? Пустыня. Говорят, правда, что живут какие-то племена на побережье Северного Ледовитого океана. Мутируют потихоньку. Идолам поклоняются, кретины.
— Что ж они там едят? — удивился Боровский.
— Друг друга.
— Тяжелый случай.
— Не знаю, — Рашен повернулся к собеседникам и усмехнулся одной стороной рта. — У меня от прадеда дневник остался. Настоящий, на бумаге. И там блестяще описано, как они в Париже крыс на вертеле жарили. Когда всех голубей слопали. Это что — жизнь? Которое поколение на Земле ест досыта? Пятое? Шестое?
— Допустим, на Марсе и Венере тоже народ не шоколадом объедается, — ввернул Боровский. — Такую же синтетику жрут, что и мы.
— Это ты к чему? — не понял Рашен.
— Я к тому, что воевать в принципе нехорошо.
— Ты бы это верующим сказал. Лет сто назад, а лучше все пятьсот. Всяким религиозным фанатикам.
— Простите, драйвер, а вы всерьез считаете, что без религий лучше?
— Религия — опиум для народа, — отрезал Рашен. — Костыли для нравственно безногих. И мощный способ зомбирования.
Боровский закусил губу.
— Есть такая русская поговорка: заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет, — поддержал Вернер. — Вот и расшибли.
— Был еще такой умник — папа римский, — вспомнил Рашен.
— Злые вы, — сказал Боровский. — Одно слово — русские.
— «Синагога, бесплодная и бесполезная, найдет приют в стране неверных…» — процитировал Нострадамуса Рашен. — Ну что, Жан-Поль, обрезала вам крылья дочь Вавилона, а?
— Как бы теперь нас всех не ощипали, — сообщил Боровский зловеще. — Кругом засада. Либо Абрам на чужих наткнется, либо Собрание Акционеров флот разгонит. От чужих-то, может, еще отобьемся…
— Не надо про чужих, — попросил Рашен. — Не отобьемся мы.
— Ну да! — возмутился Боровский. — Как это?! Или мы уже не группа F? Не бригада Attack Force?

— Мы банда истериков и психопатов, Жан-Поль. И в бассейне у нас hui нарисован. Что ты знаешь о чужих? Что на них теория относительности не распространяется, это ты знаешь? Что они экранируются почти идеально, ты в курсе? А как они Плутон выпотрошили?!
— Дался вам этот член в бассейне… — буркнул Боровский. — Как будто его на двери у вас нарисовали…
— Знаешь… — Рашен машинально поглядел на динамик громкой связи и весь передернулся. Он никак не мог забыть, что система оповещения целый год ловила каждое его слово. Вернер не стал полностью лишать динамики их шпионских функций, он только обезопасил каюты старших офицеров и отсеки управления. Теперь здесь можно было говорить свободно, но Рашен все не мог отделаться от мысли, что ему плюнули в душу. — Знаешь… — повторил Рашен. — Когда эти гады внизу начали разлагать войска, я им первое время подыгрывал. Думал, что взвинченная и задерганная армия в случае чего скорее меня послушает, чем Адмиралтейство. А теперь… Даже не знаю. Страшный бардак на кораблях. Чудовищный. Теряем боеспособность не по дням, а по часам. Нам сейчас война нужна позарез, Жан-Поль. С кем угодно, лишь бы делом заняться. Только вот чужие… Слабоваты мы против них.
— Ну давайте тогда Землю на уши поставим, — предложил Боровский. — Бомбанем разок для острастки… Разве плохо, если вы станете Председателем Правления?
— А Задница — Генеральным Директором! — рассмеялся Вернер.
— Задница на все готов, — заметил Рашен без тени улыбки. — Он вниз год не спускался. Боится.
— Так я и говорю, — кивнул Боровский. — Захватим власть, запретим монополии, построим демократию, нарастим мощный флот, чужих распатроним. Пиратов и контрабандистов прижмем. И заживем по-людски. Тем более что с Марсом и Венерой отношения налажены. Их, главное, не пугать больше.
— Как все просто… — сказал Рашен с непонятной интонацией. — Как все просто, оказывается.
— А может, действительно все просто? — осторожно спросил Вернер.
— Я тут спросил Задницу, сколько мы народу ухлопали, — вспомнил Рашен, — а он кивает на крашеры и десант. Как будто группа F всю войну металлолом возила. Господа, вы готовы снова убивать? И не каких-нибудь чужих, а самых что ни на есть своих, а? Убивать просто за то, что они с нами могут оказаться несогласны…
— Да бросьте вы эти русские штучки! — посоветовал Боровский. — Военный вы или нет?
— Наверное, я так и не стал военным, — горько вздохнул Рашен. — Как я был пилотом, так им в душе и остался.
— А зря.
— На себя посмотри, тоже мне, массовый убийца. Вниз боишься ехать, прокладки у тебя, видите ли…
— Короче говоря, — заключил Боровский, — вы еще ничего не решили.
— Не бойся, — сказал Рашен. — Когда время придет, я быстро решу. Все равно нам идти на профилактику через месяц.
— Ага! А если «Тушканчику» пушки отвинтят? В целях профилактики, так сказать?!
— Не отвинтят. Мы еще полетаем.
— Хорошо бы! — рявкнул Боровский с вызовом.
* * *
По корабельному времени стояла глубокая ночь, когда тишину разорвали колокола громкого боя. «Тушканчик» вздрогнул: реактор выбросил энергию в накопители. И от этого толчка проснулись даже те, кого сигнал «к бою» едва-едва заставил разлепить глаза. Потому что круизер изготовился к стрельбе.
Ива влетела в боевую рубку второй, сразу после Фокса. Бомбардир уже сидел в кресле и одной рукой тянул на себя ремни, а другой нервными резкими движениями оглаживал контактную доску, выводя пушки на режим поиска.
— Что?! — крикнула Ива, прыгая на место, врубая одним движением всю ходовую автоматику и впиваясь глазами в монитор. — Где?!
— DN! — выплюнул Фокс. — NES! Бля! — теперь он уже терзал доску обеими руками. Корабль мелко завибрировал: главный калибр вышел на режим. С тихим шипением задраились люки в переборках.
— Боевая! — рявкнул в динамиках голос Рашена.
— NES! — отрапортовал Фокс. На боевом языке это значило «no enemy spotted». Брошенное им раньше DN было его личным изобретением и расшифровывалось как «I don't know».

— RM, — добавила Ива свое уставное «ready to move». Добавила с ленцой в голосе. До нее вдруг дошло, что пустует кресло старпома. Значит, Боровский вместе с Рашеном глядит на монитор контроля готовности и чешет в затылке, отмечая, кто опоздал.
— Это учебная, Майк, — сказала Ива. — Расслабься.
— Учебная тревога. Полная готовность две минуты тридцать одна секунда, — сообщил Рашен. — Всем отбой. Ну и что мне теперь с вами делать, астронавты?
— Быть такого не может! — выдохнул Фокс, невольно поднимая глаза к динамику. — Сколько-сколько времени?
— Все слышали? — спросил Рашен. — Две тридцать одна. Молодцы. До команды оставаться на местах. Сейчас мы вас обойдем и послушаем, какие вопросы. Ждите.
— Фф-фух! Ой… — Фокс поник в кресле и сжал руками виски. Ива откинулась на высокую спинку и принялась глубоко вдыхать и выдыхать, надеясь, что возбуждение рассосется само, не заставляя члены мелко трястись. «Тушканчик» несколько раз конвульсивно содрогнулся, будто у него тоже схватило голову.
— У «старика Пола» тоже отходняк, — заметил Фокс, доставая болеутолитель. — Хочешь таблеточку, Кенди?
— Нет, спасибо. А который час? — спросила Ива, отстегивая ремни. Спохватившись, она посмотрела на вмонтированный в манжет спецкостюма циферблат. — Ого, почти четыре уже… Слушай, Майк, как это может быть, а? Мы же рекорд флота на полминуты улучшили.
— На двадцать девять секунд, — невнятно уточнил Фокс с набитым ртом, тоже высвобождаясь из ремней. — Да, накликал Рашен проблему себе на голову. Нас ведь поощрять теперь придется. А ты помнишь, когда последняя учебная была?
— Не-а.
— Вот именно. А я тебе скажу: не было учебных тревог с самого конца последней кампании. Год уже. Потому что, как только все улеглось, Совет Директоров поставил вопрос о роспуске флота. А кому нужна учебная на корабле, который скоро по гайкам растащат?
— Ну и что? — спросила Ива, ослабляя застежки спецкостюма. Она была одета по полной форме, включая трехслойное белье. Сказались месяцы тренировок, когда все действия по тревоге доводились до полного автоматизма. В первый раз Ива надела спецкостюм в шестнадцать лет. А первую боевую награду получила в двадцать.
— Что-то я дерганый стал, — пожаловался Фокс. — Ты не заметила?
— Майк, ты был прекрасен, как всегда. Ты работаешь — это фантастика. У тебя настоящий талант.
Фокс довольно хрюкнул и потянул из кармана огрызок сигары.
— Э! — возмутилась Ива.
Фокс поглядел на зажатый в руке окурок и быстро его убрал обратно. Случаи курения на борту вообще не рассматривались дисциплинарным уставом ввиду их полного безумия.
— Виноват, — сказал Фокс. — Ты посоветовала расслабиться, вот я и расслабился.
— Сейчас Рашен придет, он тебе расслабится, — пообещала Ива.
— Салага, — бросил Фокс через плечо. — Курсант Кендалл, снять штаны, предъявить наличие трусов.
— У меня-то они как раз в наличии. А ты уже без смазки в костюм не влезаешь.
— Угу, — вздохнул Фокс. — Я так полагаю, это меня на нервной почве разнесло.
— А ты не переживай, — посоветовала Ива. — Поедем вниз, зайдем в кабак, выпьем, станцуем, найдешь себе девчонку по вкусу — снимет все твои нервы как рукой.
— Не хочу я вниз, — сказал Фокс упавшим голосом. — Не хочу, и все тут. Мы же опять в город не выйдем, проторчим на базе весь срок.
— А на базе что, гульнуть негде?
— Меня раздражает эта толпа у ворот. Я все время помню о том, что она есть, понимаешь, Кенди? А кто в толпе, а? Простые люди. Нормальные люди. Добрые в принципе люди. Не злые. Стоят и держат плакаты: «Валите, убийцы, в свой космос!» Отсюда их тоже можно разглядеть, если настроить оптику. Хотя не буду я вниз смотреть, больно надо…
Фокс не успел закончить свою пространную жалобу, потому что люк ушел в стену, и в боевой рубке появился Рашен с мобильным терминалом под мышкой. Астронавты вскочили.
— Вольно, вольно, — разрешил адмирал. — Значит так. Майкл, ты был на месте в две одиннадцать, а ты, Иветта, в две восемнадцать. Блестящий результат. Вопросы, жалобы, предложения?
— Никак нет! — хором отозвались Фокс и Ива.
— Я не стану вас благодарить от лица командования, дамы и господа, — сказал Рашен, — поскольку командованию на ваши успехи наплевать. А вот от себя лично… Будем внизу —

бутылку поставлю. Все, глушите технику — и по койкам. Лишний час сегодня можете валяться. И спасибо еще раз за службу. Молодцы.
— А кто первый успел? — спросил Фокс.
Адмирал уже повернулся к выходу из рубки.
— Лучший результат у техников, — бросил он через плечо.
— Ни фига себе! — изумился Фокс. — Им дальше всех бежать!
— Вот именно, — кивнул Рашен и вышел.
— У Энди тоже к работе талант, — сказал Фокс. — Как и у меня.
— А у меня? — притворно обиделась Ива.
— А у тебя глаза очень красивые и попка аппетитная, — утешил ее бомбардир.
— Жопа ты, Майк, — усмехнулась Ива, отрубая питание ходовой части. — Шовинист. Не веришь, что женщина может чего-то в жизни добиться, занять достойное место…»
— Место женщины — в сердце мужчины, — сказал Фокс, доставая свой окурок. — А если женщина такая дрянь, что ее никто не любит, вот тогда она начинает кричать о половой дискриминации.
— А если женщина сама никого не любит? — спросила Ива, потягиваясь.
— Значит, время ее не пришло, — объяснил Фокс с такой серьезностью, что Ива расхохоталась.
— Пошли… философ, — сказала она и шагнула через порог. Фокс воткнул окурок в угол рта и последовал за ней.
По рабочей зоне сновал оживленный народ. Легко было заметить, что впервые за очень большой срок астронавты почувствовали себя комфортно. Глаза у всех горели, люди бурно жестикулировали и говорили куда громче, чем было нужно. Ива и Фокс отвечали на приветствия, довольно раскланивались, и их тоже постепенно охватило радостное возбуждение.
— Фиг заснем теперь, — заметил Фокс. — Боевая эйфория в чистом виде. Эх, и стрельнул бы я сейчас! На поражение! А ты бы сейчас порулила, а, сестренка?
— Да я бы и стрельнула, — отозвалась Ива. — Так ведь ты не дашь.
— Не положено. Мужское дело — стрелять, женское — рулить.
— Кто там говорил о половой дискриминации?
Теперь рассмеялся Фокс.
На входе в жилую зону они столкнулись с парой взмыленных техников, волочивших по коридору какой-то громоздкий аппарат. На вопрос Фокса, что стряслось, техники нервно хохотнули и скрылись за углом. Ива проводила их взглядом и вдруг почувствовала легкую тоску разочарования. Она поймала себя на том, что была бы очень рада, если бы одним из техников оказался Вернер.
— А зачем вообще это все было? — спросил ее Фокс, когда Ива остановилась у двери своей каюты.
— Ты про что? — удивилась Ива, задумавшаяся о своем.
— Я вот понять не могу, какого хрена Рашен устроил тревогу именно сейчас, — объяснил Фокс. — Мы скоро на профилактику встаем. Ну и учинил бы нам встряску под занавес, чтобы службу не забывали. А сегодня… Может, войнушка наклевывается? Ты же знаешь, у Рашена на такие штуки феноменальный нюх.
— Да по мне хоть война, лишь бы вниз не ехать, — неожиданно для себя выпалила Ива. Смущенно посмотрела на обалдевшего Фокса, пробормотала: «Ну, пока» — и скрылась в каюте.
— А пойду-ка я потренируюсь и малость погоняю своих бездельников, — буркнул Фокс и повернул в сторону орудийной палубы.
* * *
В душевой шумно плескалась сменившаяся навигационная вахта, она же третья, она же «вахта Кендалл».
Стараясь не смотреть вниз, откуда просвечивал красным двухметровый фаллос, Ива несколько раз перенырнула бассейн. Выгребла на середину, улеглась, раскинув руки, на спину и замерла в неподвижности и блаженстве. Насыщенная лечебными солями вода была гораздо плотнее обычной и легко держала на поверхности ее стройное тело. Ива закрыла глаза и постаралась, согласно инструкции, задуматься о приятном и необременительном. Почему-то сразу пришло на ум, как здорово шпарить на полной тяге, слушая командные завывания из динамика и треск «доски» под руками Фокса.
Наблюдая прямо по курсу огненные шары разрывов. Мягко оглаживая контакты и чувствуя, как малейшее твое движение отдается в послушном организме корабля…
— Тысяча извинений, капитан! — раздался с бортика молодой звонкий голос. — Не беспокойтесь, я к вам спиной… Тут идея одна у парней, а я вроде парламентера к вам…
— Что такое, Кристоф? — спросила Ива, лениво открывая глаза.

— Мы задумали в свободное время ходовые учения смоделировать… Завтра вечером. Только не как обычно, а в два корабля. Бросок через Пояс, чисто на скорость, наша вахта против ребят Фальцфейн. Госпожа Фальцфейн вроде не против, но у нее какие-то личные дела, а нам желательно, чтобы опытный посредник наблюдал. Арбитр. Может, вы посмотрите? Мы в ускоренном режиме, за пару часов управимся…
— Прямо взрыв энтузиазма, — усмехнулась Ива. — Соскучились по работе, балбесы?
— Хочется! — не без вызова сказал Кристоф.
— Ладно, согласна. Только предупредите меня за часок. Все?
— Да нет… Понимаете, капитан, мы в библиотеке сядем, нам бы туда бросить линк от ходового процессора. Чтобы все было по правде.
— Ага. И я, значит, должна идти к техникам договариваться.
— Ну… В общем, хорошо бы.
— А что бы тебе самому не подойти к старшему технику и не сказать, что я в курсе и все под мою ответственность?
— Ну… — Кристоф замялся. Слышно было, как он на мокром бортике переминается с ноги на ногу.
— Очень ты стеснительный, Кристоф. К человеку подойти боишься, ко мне вот спиной встал…
— Я к вам спиной, чтобы не мешать, — объяснил Кристоф. — А лейтенант Вернер, он такой… Ну, мы его совсем не знаем еще. И потом, он все время где-то в центральном стволе. Как я его вызову? Кто я ему?
Забыв, где она, Ива перевернулась набок, мгновенно ушла под воду и чуть не захлебнулась. Отплевываясь, подплыла к бортику, ухватилась за поручень и, отбросив волосы со лба, посмотрела снизу вверх на смущенного Кристофа. Тот действительно стоял к бассейну спиной. Ива про себя отметила, какая у мальчишки рельефная мускулатура, и с тоской подумала, что не была в тренажерном зале минимум полгода.
— Ты же вроде тоже лейтенант, Кристоф, — сказала она, выбираясь на бортик и усаживаясь, свесив ноги в воду.
— Я чайник второго класса. А он мастер и боец. Да, я стесняюсь. Извините.
— С чего ты взял, что Вернер такой уж боец? — пробормотала Ива, разглядывая свой шрам под грудью. Боевые шрамы астронавты не заращивали. Носили их как медали. Ива вспомнила белую рваную полосу на предплечье Вернера и подумала: рассказ о том, как он «полз и зацепился», — вранье.
— Он же тонул на «фон Рее». Потом на «Декарде» горел. С Рашеном он запросто… По имени. И ребята говорят, его из экипажа «Горбовски» в самый последний момент вывели. Вроде бы Рашен попросил.
— Ладно, — вздохнула Ива. — Во сколько вы завтра…?
— В девятнадцать бортового. Если, конечно, будет линк. Потому что на обычных компьютерах это несерьезно, сами понимаете, капитан. Вы извините, больше попросить некого… А хотелось бы погонять от души.
— Будет тебе линк, Кристоф, — сказала Ива, поднимаясь на ноги. — Будет тебе полноценная модель в реальном времени. Это ты хорошо придумал, молодец. Значит, найдешь меня завтра в восемнадцать, — она хлопнула Кристофа по плечу и пошла в сторону душевой, но на полпути обернулась.
Кристоф поспешно опустил глаза, но успел охватить Иву взглядом с ног до головы. Воздух в зале был прохладный, и небольшая грудь Ивы с торчащими в стороны и вверх сосками, крепкие стройные ноги в капельках воды, прямые сильные плечи — все это гладкое упругое тело было сейчас чуть напряжено и выглядело отлитым из металла. Кристоф медленно залился краской. Иве захотелось рассмеяться. Очень уж мальчик не умел скрывать эмоции.
— Совсем забыла, — сказала Ива. — Кто от нашей вахты будет в гонках за старшего навигатора?
— Я… — с трудом выдохнул Кристоф, глядя в пол.
— Отлично. Так вот, лейтенант. Ты, конечно, еще не мастер, но задатки у тебя приличные. Лет через десять и к тебе адмиралы будут обращаться по имени. Я это вот о чем. Если ты после всех моих трудов не обгонишь вахту Фальцфейн…
— Мы их сделаем! — поспешно заявил Кристоф.
— …то я тебя сама погоняю, — заключила Ива. Повернулась и ушла в душевую. Кристоф проводил ее безумным взглядом, оттянул плавки, с тихим стоном высвободил напряженный до боли член и принялся гладить себя. Он ничего не мог поделать: перед его глазами мучительным наваждением стояли капельки воды на вьющихся золотистых волосах, и за то, чтобы припасть к этим волосам губами, он готов был отдать все на свете.

А уж проникнуть туда, под это сверкающее золото, в сокровенную глубь прекрасного тела…
Из душевой высунулся младший навигатор вахты Кендалл и тут же нырнул обратно.
— Наш Кристоф совсем от любви рехнулся, — объявил он. — Стоит и дрочит.
— Подумаешь… — сказали ему. — Все такие. Ты ее, что ли, не хочешь?
— Да я ее обожаю! Но не до такой же степени, трам-тара-рам. Это даже как-то неприлично.
— Мне вот интересно, это он с горя дрочит или на радостях?
— В смысле?
— В смысле, поговорит она с Вернером или как? Что толку гоняться на обычных компьютерах, баловство одно. Вот если действительно на нас будет работать ходовый процессор…
— Да не бойся ты. Все ОК. Она на этого Вернера запала. Точно говорю.
— Это получается, мы ей даже подыграли?
— А то! По-моему, мы после этого отличные ребята. Вилли нальешь коллегам по стакану за успех капитан-лейтенанта Кендалл? Нам она все равно не даст, так пусть хоть кому-то…
— За такое дело налью. Собирайтесь, пошли. А этот Вернер ничего мужик… Порода чувствуется. Хотел бы я посмотреть, как он ее. Или она его.
— Фу, Вилли, как не стыдно!
— Да я так, теоретически. В интересах чистой эстетики. Очень уж она сексуальная женщина. Должна, по идее, трахаться как кошка, направо и налево. А ведь ничего подобного. Вот мне и интересно — почему? Ладно, пойдем.
— Погоди, а Кристоф?
— Тоже верно. Он-то стакан заслужил, в отличие от некоторых. Узнай, Ален, как там наш приятель, кончил?
— Ну ты сказал! Что, прикажешь мне высунуться и спросить, Кристоф, дорогуша, ты кончил уже?!
Дверь отворилась, в раздевалку вошел Кристоф. Судя по виду, он все еще был основательно не в себе.
Вахта Кендалл, позабыв свойственную военным астронавтам деликатность, встретила коллегу громовыми аплодисментами.
* * *
В интерьере каюты старшего навигатора доминировало мощное кресло с массой регуляторов и контактов в подлокотниках. В стене перед креслом помещался многофункциональный терминал. В экстренных случаях Ива могла включиться в боевые действия, будучи, что называется, одной ногой в постели.
Ива бросила халат на кровать, достала из шкафа легкий спортивный костюм и натянула его на голое тело. Потом уселась и вызвала капитана Фальцфейн. Та отозвалась немедленно. Темные волосы мастер-навигатора Фальцфейн оказались слегка растрепаны, взгляд блуждал. То ли девушка была под мухой, то ли еще что.
— Привет, Марго, — сказала Ива. — Я не помешала?
— Да ну! — отмахнулась та. — Чем тут можно заниматься, чтобы тебе помешали? Обстановка не та.
— Ты действительно занята будешь завтра?
— А-а… — усмехнулась Марго. — Нет, честно говоря. Но мне все эти гонки… Баловство для малышни. Нас не сегодня-завтра распустят. Что толку старое ворошить?
— А помнишь, как мы через Пояс ходили?
— Мало ли куда мы ходили. Ива, ты не думай обо мне плохо, но я правда не хочу. Могу я не хотеть? И тебе советую: наплюй. Смотри на вещи трезво. Ни к чему все это. Я, например, мыслями давно уже внизу.
— Но телом-то ты наверху. Мало ли, как все обернется.
— Я тебе скажу, как все обернется, сестренка. Пару раз мы еще прокатимся туда-сюда, а потом «Муад-Диб» встанет на капремонт. Только не надейся, он пойдет не в орбитальные доки. Нет, милая, его спустят вниз. А там снимут пушки и отправят на металлолом. Или в буксировщик переделают. И все. Чем ты займешься тогда? Извини. Просто меня удивляет, как ты за свой мундир цепляешься. Ты же всегда хорошо соображала, милая. Ты бы лучше готовилась к тихой спокойной жизни внизу.
— Счастливая ты баба, Марго, — без тени иронии сказала Ива. Маргарета фон Фальцфейн через два месяца подавала в отставку и выходила замуж. Все у нее было уже решено. Жених, референт одного из Директоров, ставил перед Марго единственное условие: забыть, что она была военным астронавтом, и никогда об этом не заикаться. Он уже заготовил для будущей супруги благопристойную легенду — историю о девушке из космодромной обслуги, с которой познакомился во время командировки на Марс.

— Наверное счастливая, — подумав, согласилась Марго. — Не знаю, как я там буду, внизу, но постараюсь своего не упустить. Рожу, это точно. Лучшее средство от воспоминаний. Лет на десять забот полон рот.
— Ладно, — вздохнула Ива. — А я, пожалуй, все-таки устрою ребятам праздник. Хоть посмотрю, как они твоих охламонов уделают.
— Давай-давай, — усмехнулась Марго. — Мастурбируй. Честное слово, я тебя не понимаю. Что ты будешь делать, когда группу F разгонят?
— Понятия не имею, — призналась Ива. — Попрошусь, наверное, в коммерческий флот.
— Так они тебя и возьмут! Мало мы грузовиков спалили?
— Ой, Марго, не трави душу!
— Прости, сестренка. Конечно, я тебе не советчик. Может, так и надо. Ты сядешь с молодыми в библиотеке дурью маяться, а я достану здоровенный резиновый член и засуну его себе по самые печенки. И буду всем сердцем тебе сочувствовать. Чертовски увлекательное занятие: таращиться сразу на двадцать мониторов и давать вводные. Такая производственная мастурбация. Пир во время чумы. Куда веселее, чем обычный секс, а?
— Дура ты, — сказала Ива от души и отключилась. Некоторое время она сидела, поджав губы от злости, сложив руки на груди и стараясь не расплакаться. Очень уж Марго была в своих рассуждения близка к истине.
Слегка успокоившись, Ива набрала вызов старшего техника. Вернер откликнулся не сразу, и экран монитора остался черным. Координаты абонента указывали, что он сейчас в центральном стволе «Тушканчика», в разгруженной зоне.
— Да, — сказал голос Вернера. — Я вас слушаю, капитан.
— Вы очень заняты, Эндрю? — спросила Ива робко.
— Страшное дело, — ответил Вернер. Голос его раздавался на фоне треска и шипения. Где-то далеко, на пределе слышимости раздался металлический лязг и кто-то спокойно произнес: «Восемь. Отлично. Теперь левее».
— Внимательней там! — прикрикнул Вернер, отвернувшись от микрофона. — Почему восемь? Должно быть минимум одиннадцать! Повторить!
— Может, я потом? — спросила Ива.
— Секунду, — попросил Вернер. Похоже, он был не в спецкостюме и говорил со стационарного терминала в центральном стволе. Примерно минуту Ива с интересом слушала, как он ровным, но очень жестким тоном распекает подчиненных, у которых снова получилось восемь, а не одиннадцать. Потом совсем близко от микрофона раздалось тяжелое сопение и что-то шумно ударилось о твердое.
— Бля! — выдохнул незнакомый голос.
— Ас-тро-навт! — сказал издали Вернер с нескрываемой издевкой.
— Так точно, сэр! — отозвались вблизи микрофона не менее язвительно. — Кто же еще. Чужие здесь не ходят.
— Извините, капитан, — Вернер опять был совсем близко. Судя по всему, он в разгруженной зоне передвигался легко и непринужденно. — Так что там у вас стряслось?
— Может, я правда вас потом найду?
— Откровенно говоря, капитан, я бы попросил. Мы тут слегка авралим. Знаете что? Я вернусь в рабочую зону где-то через шестьдесят минут. Где я смогу вас найти?
— А вы заходите ко мне, — предложила Ива и сама испугалась того, как естественно вырвались у нее эти слова.
— Нет проблем, — сказал Вернер. — А сейчас извините. До свидания.
— До свидания, — сказала Ива, отключая связь и замирая в смущении. Голос Вернера все еще отдавался у нее где-то в глубине души. Никогда с ней раньше такого не случалось, Это ощущение было необычно, тревожило, беспокоило, от него хотелось освободиться. И в то же время, изгнать из себя странное чувство внутреннего смятения означало не прочувствовать его до конца, не понять, что же за ним стоит.
Ива повернулась вместе с креслом и задумчиво оглядела свою тесную каюту, пытаясь за что-то зацепиться взглядом и успокоиться. «Неужели я влюбилась? — подумала она. — Вот глупость. Или это просто сексуальный психоз? Заразилась от Марго. Все с ума посходили. Марго в такой ситуации достала бы из шкафа вибратор. А я?.. Однако ну и бардак у меня тут… Он же сюда придет…»
Мастер-навигатор капитан-лейтенант Иветта Кендалл вскочила и принялась собирать разбросанное по каюте барахло.
* * *
Энди Вернер подался в астронавты с голодухи. Никогда он не рвался в космос, тем более — на военные суда. Вернеры были потомственными медиками, и Энди с детства знал, что станет нейрохирургом, как отец. Это было его призвание: точные приборы, высокие технологии, работа с микронными допусками, когда малейший просчет означает смерть

пациента, и значит, просчета быть не должно. Отец Энди давал ему тренироваться на муляжах и закрывал глаза на то, что мальчишка сбегает в клинику с уроков. В школе хроническое отсутствие Вернера терпели. Экзамены по большинству предметов он умудрялся сдавать более-менее нормально, а счета за обучение всегда были оплачены в срок. Даже одноклассники ни разу толком не побили этого наглого выскочку.

Позже Вернер не вспоминал то время — прекрасные дни, когда жизнь на Земле постепенно налаживалась, появлялось все больше еды и красивых интересных вещей, а люди были счастливы предчувствием, что все беды позади и дальше будет еще лучше. Кошмарная Полночь, до самых основ потрясшая Землю, отступала. Даже в пророчествах Нострадамуса на ближайшую тысячу лет ничего дурного не планировалось. На улицах Парижа открывались кафе, заново отстраивался Рим, а в далекой сытой Америке вообще намечался перманентный рай земной.

В эту самую Америку родители Вернера и собрались в отпуск. Им очень хотелось посмотреть страну, большая часть которой осталась такой, как в легендарные старые времена — зелень, синие реки и даже, говорят, дикие животные. Энди тоже мечтал увидеть какого-нибудь зверя и очень радовался поездке. Вместе с сотней других европейских туристов семья пересекла Ла-Манш, вступив таким образом на американскую территорию, прошла санитарный контроль и погрузилась на лайнер-субмарину, направлявшуюся через Северный полюс в метрополию.

Энди стоял в ходовой рубке и благоговейно наблюдал за работой экипажа, когда лодка на крейсерской скорости протаранила неизвестный объект. Пассажирский отсек затопило в несколько секунд, и выйти оттуда никто не успел. Из пятнадцати чудом выбравшихся на поверхность десять человек умерло от переохлаждения. Остальных вовремя подобрали спасатели. Через две недели осунувшийся Энди вышел из больницы на улицу Ванкувера, огляделся и понял, что идти ему некуда.

У него были деньги, и в кармане лежал билет домой. Но парижская квартира пошла с молотка за неожиданно серьезные долги отца, а страховка оказалась мизерной. Как большинство европейских семей, Вернеры жили в кредит. По возвращении на родину Энди предстоял визит в инспекцию по делам несовершеннолетних и масса других приятных вещей.

— Подкормить-то мы тебя найдем чем, — сказал ему главврач. — Но насчет работы — извини. Во-первых, нам местных санитаров девать некуда. А во-вторых, тебя все равно иммиграционный контроль накроет. Честное слово, ехал бы ты на родину.

Пару недель он скитался по городу. Ночами заливался слезами в маленькой комнатке дешевого пансиона, а днем искал способы выжить. Он не мог ехать в Париж. От одной мысли, что он теперь один будет ходить по улицам, где все напоминало счастливые детские прогулки за руку с обожаемыми родителями, ему становилось дурно. А еще он безумно не хотел в приют.

Потом кончились деньги, потом его вежливо попросили и из пансиона, и с больничной кухни. Никому он был не нужен во Франции, никому оказался не нужен и в Америке. Ему было пятнадцать лет, и он остался совершенно один. Энди вышел на непривычно зеленый бульвар, присел на скамейку и заплакал.

— Что, браток, проблемы? — весело спросили его.

— Да пошел ты… — сказал Энди по-русски, не поднимая глаз.

— Какой ты невежливый, земляк! — рассмеялся все тот же голос. — И нечего реветь. Moskva slezam ne verit.

Энди ошеломленно уставился на собеседника. Перед ним стоял молодой человек лет двадцати пяти с жестким мужественным лицом и живыми смешливыми глазами. Одет он был в форму военного астронавта с лейтенантскими нашивками.

— Yolkee-palkee! — воскликнул молодой человек, хлопая себя по лбу. — Так я тебя знаю! Это ведь ты американскую подлодку утопил! Ну, земляк, ты везунчик! А им, уродам, так и надо!

Энди против воли улыбнулся.

— Так, — сказал лейтенант, усаживаясь рядом и протягивая руку. — Честь имею, навигатор первого класса лейтенант Uspensky Oleg Igorevich. А ты, дружище…

— Andrey Verner, — сказал Энди, одной рукой утирая слезы, а другой пожимая крепкую ладонь.

— Я читал в новостях, — кивнул лейтенант. — Считай, я все про тебя знаю. Кроме одного, куда ты теперь собираешься, и как вообще дальше…

— Понятия не имею, — признался Вернер и с ходу рассказал лейтенанту всю короткую историю своей жизни, завершившуюся столкновением с экранированной от радарного сигнала военной субмариной, дежурная вахта которой прошляпила гражданский лайнер, идущий лодке в борт.

— Да, — сказал лейтенант, выслушав Энди. — Знаешь, дружище, в чем истинный смысл второго закона термодинамики? Как ни упирайся, а бардака все больше. И чем серьезнее ты упираешься, тем страшнее неразбериха. В космосе, доложу я тебе, все то же самое. Но бывают такие люди — везучие, которых это не касается. Вот ты, например. Сел на скамеечку, и тут же подошел человек, который может кое-что подправить. Главное, как меня сюда занесло, не представляю. Я обычно другим путем хожу, он короче. Ну Ладно, Andrey, пошли.
— Куда? — спросил Энди.
— Тебе пятнадцать, — сказал лейтенант. — Я верю, что, имея соответствующий инструмент, ты можешь распилить мою башку пополам, и я от этого стану только умнее. Но в клинику тебя сейчас даже санитаром не возьмут. Соображаешь?
— А то, — невесело усмехнулся Энди. Уж что-что, а это он уже выяснил.
— Значит, тебе нужно как-то перекантоваться несколько лет при халявной кормежке и жилье, — продолжил лейтенант. — Ничего, что я так по-простому, без церемоний? Давай уж реально смотреть на вещи.
— Да я понимаю, — кивнул Энди.
— В Париже тебе дадут нищенское пособие и загонят в дешевую школу. Потом ты пойдешь на завод и будешь там вправлять мозги роботам, а ночами станешь готовиться в университет. Тебе придется очень туго, но ты пробьешься и получишь стипендию. Еще пять лет впроголодь с жуткими нагрузками, потому что днем ты будешь учиться, а ночами вкалывать санитаром. Учиться ты будешь очень хорошо, чтобы не отняли стипендию, и работать тоже придется до седьмого пота, чтобы не выгнали. И это еще лучший вариант. Это, считай, если тебе по-прежнему будет везти. Но может статься, что ты останешься до конца своих дней на заводе. На гидропонной фабрике какой-нибудь… Достойное место для тебя?
— Господин лейтенант, — сказал Энди твердо. — Не надо меня уговаривать. Я и сам понимаю, в каком положении оказался. Куда вы меня зовете? Расскажите — я пойду. Я вам почему-то верю.
— Молодец! — сказал лейтенант. — Это ты правильно. Мне нужно верить, у меня профессия такая. Представляешь — говорю я капитану: сэр, отказ ходового процессора. Управляться не могу. А он не верит… М-да. Так вот, Andrey. Если ты разбираешься в медицинской технике, то вся наша аппаратура для тебя не сложнее молотка. К восемнадцати получишь классную профессию и, как военный, массу льгот. И сможешь перевестись на медицину запросто. Если захочешь, конечно. Вот и решай. До училища десять минут ходу.
— Не знаю, — пробормотал Энди. — Училище… Выше ногу, курсант…
— Да что ты! — рассмеялся лейтенант. — Это же космическое! Там второй принцип термодинамики работает вовсю. И ребята отличные, гарантирую.
— Я по возрасту не подхожу… — робко заметил Энди.
— Сделаем, — отмахнулся лейтенант.
— А вы что там, преподаете?
— Нет. Подбираю себе экипаж из выпускников. Меня временно на учебную базу загнали. Так сказать, в воспитательных целях. За грубость и нетактичное поведение. Но я это училище знаю неплохо. Поверь, там вполне можно жить. Кормят от пуза, отдельные комнаты и, повторяю, очень приличный народ. В общем, смотри.
— Я хотел бы еще подумать, — сказал Энди.
— Три дня. Потом я уеду. У тебя деньги есть? Ты вообще когда ел последний раз?
— Погодите, господин лейтенант, — попросил Энди. Он спрятал лицо в ладони и несколько минут, сопя, просидел неподвижно. Лейтенант спокойно ждал.
— Все правильно, — сказал Энди, убирая руки от лица, которое оказалось красным и слегка дергалось. — Все правильно. Я пойду с вами.
— Ты быстро соображаешь для своих лет, — заметил лейтенант. Он поднялся, Энди тоже встал. — Попомни мои слова, даром тебе это не пройдет.
— То есть? — не понял Энди.
— Не быть тебе адмиралом, — объяснил лейтенант. — Впрочем, как и мне.
У дверей училища Энди внезапно остановился.
— Все нормально, — улыбнулся лейтенант. — Я с тобой. Все будет ОК.
— Да нет, — сказал Энди. — Я хотел спросить… Вы мне помочь решили, потому что я тоже русский?
— Ничего себе! — улыбка лейтенанта растянулась чуть ли не до ушей. — А кому еще помогать-то на этой планете? Ладно, не дури, Andrey. Какая разница, кто ты по национальности… Тебе было плохо. Как я мог пройти мимо?
— Извините, — пробормотал Энди.

— Ерунда, — сказал лейтенант. — Я, наверное, за свою жизнь раз двадцать вот так сидел один-одинешенек и впадал в отчаяние, как ты сегодня…
Энди ждал продолжения, но его не последовало. Тогда он не удержался и спросил:
— И к вам подходили добрые люди?
— Ни-ког-да! — рассмеялся лейтенант не без гордости. Он поставил ногу на ступеньку и хитро подмигнул Энди. — Выше ногу, курсант Вернер, — сказал он. — И выше нос. Путешествие началось. Poyehali!
— Poyehali! — откликнулся Энди.
* * *
За последующие годы Энди впадал в отчаяние не двадцать раз, как лейтенант Успенский, а всю тысячу. Он безумно тосковал по родителям и не мог понять, отчего судьба так жестоко обошлась с ним. Но он никогда больше не терял самообладания на людях. Военному астронавту такая роскошь не полагалась.
В навигаторы он не прошел из-за слишком высокой нервной возбудимости. На отделение систем управления огнем его тоже не взяли — реакция оказалась не та. Расстроенный Энди сидел на подоконнике и с тоской рассматривал свой билет в Европу, когда к нему подошел старший преподаватель отделения технической поддержки. Он за шиворот снял абитуриента с подоконника и пять минут с ним поговорил. «А откуда ты здесь вообще?» — спросил он. «Меня привел лейтенант Успенский», — ответил Энди. «Да ну! — рассмеялся преподаватель. — Что ж ты сразу не сказал! Узнаю друга Алекса. Его наш ректор до сих пор без дрожи в голосе не вспоминает. Пойдем, астронавт. Считай, я тебя зачислил без экзаменов. И если ты через год не будешь лучшим на курсе, я тебе за лень и раздолбайство голову оторву».
К четвертому курсу за Энди укрепилась репутация блестящего специалиста. Он быстро вошел во вкус: работа с механизмами и электроникой боевых кораблей оказалась не менее тонкой и увлекательной, чем нейрохирургия. Корабли тоже были в какой-то степени живыми существами, они нуждались в качественной диагностике, и тут Вернеру не было равных. На пятый курс он перейти не успел — за ним приехал знаменитый капитан Успенский, встречать которого выбежало во двор пол-училища. «Poyehali?» — спросил капитан. «Poyehali!» — ответил Энди. Ему вне очереди вручили нашивки энсина, и Успенский забрал Энди на дестроер «Хэн Соло». Два сезона патрулирования в Поясе энсину Вернеру засчитали как дипломную практику. Верная половина экипажа «Соло» была из таких мальчишек, уже носивших мичманские нашивки, но еще не получивших официального сертификата. Как Успенский протаскивал их на борт, Вернер до конца не разгадал. Но зато тинэйджерский экипаж, не обремененный излишней привязанностью к жизни ввиду отсутствия детей и жен, буквально творил чудеса. Ордена и медали сыпались на дестроер как из рога изобилия. Гоняя пиратов и контрабандистов, «Соло» производил маневры, невозможные для судов такого типа, и подолгу ходил с ускорениями, под которыми в других экипажах никто не мог шевельнуть рукой.
Потом Энди тонул на «фон Рее». Потом затыкал собственным телом пробоину на скауте «дин Альт». Потом вляпался в большие неприятности на десантнике «Декард», где дважды был контужен и чуть не сгорел. Взрывался на бэттлшипе «Эндрю Виггин». И эта последняя история оказалась концом его славной карьеры. Лейтенант Вернер приобрел дурную репутацию везунчика. Человека, который выпутывается из смертельно опасных ситуаций. И человека, которого эти ситуации, что называется, находят без долгих уговоров. Его никто не хотел брать в экипаж. Даже коммандер Рашен. У Рашена на «Тушканчике» был полный комплект, а у Вернера в результате многочисленных психических травм здорово испортился характер, и он Рашену несколько раз основательно нахамил.
Вернера забраковал лично Задница, тогда еще вице-адмирал. Он просмотрел его дело, покрутил костлявым носом и сказал: «Этого типа — списать под благовидным предлогом. Жаль мужика, но он беду притягивает. Бывают такие люди, увы». И Эндрю не прошел очередную медкомиссию, нашедшую у лейтенанта критический уровень нервной перегрузки. В принципе, комиссия была недалека от истины, и Эндрю это признавал. Он только обиделся, что ему даже капитана не дали на прощание. Так и загремел в космодромную обслугу: тридцатилетний лейтенант с Пурпурным Сердцем и редкостным послужным списком.
В какой-то степени это было к лучшему. После катастрофы на «Виггине» Эндрю невзлюбил космос, где царит второй принцип термодинамики, и, как ни упирайся, всегда найдется кретин, готовый ни за что ни про что угробить боевой корабль с тобой на борту. Но, с другой стороны, Вернер, спустившись вниз, погрузился в тоскливое и беспросветное одиночество.
Эндрю чинил станции наведения, менял женщин, как перчатки, и галлонами пил самогон, который механики добывали из гидравлической жидкости. Так он просидел на Земле всю

страшную вторую марсианскую кампанию: работал, пил, трахался, издевался над старшими по званию, совершал эксцентричные поступки и ходил к психоаналитику. Наконец руководство базы возненавидело Вернера до такой степени, что стало подыскивать более-менее легальный способ от него избавиться. И тут очень кстати подоспел «Горбовски», на который требовался специалист экстра-класса. А руки у Вернера не дрожали. Работать он мог.

«Горбовски» был экспериментальным прототипом, кораблем принципиально новой системы, на котором собирались обкатать старую, как мир, идею «нуль-Т». Предполагалось, что, сгенерировав вокруг себя некое поле, эта штуковина сможет то ли проколоть, то ли искривить пространство, раствориться на границе Солнечной и выскочить незнамо где. Детали работ по «Горбовски» были засекречены, но о самой идее орали все сводки новостей, подавая затею как безусловно героическую и эпохальную. Особенно журналисты напирали на фантастическую смелость экипажа, смакуя блестящие эпизоды боевого прошлого испытателей-добровольцев.

Некоторых из этих людей Эндрю знал и обоснованно полагал сумасшедшими. А начальство полагало сумасшедшим его, лейтенанта Вернера. И стало подъезжать к Эндрю с настойчивыми советами пойти в испытатели. Вернер отвечал по-русски и делал неприличные жесты. Его вроде бы оставили в покое, но в один прекрасный день, когда Вернер, мучаясь с похмелюги, брел на службу, его нагнали механики и стали громогласно поздравлять. Вернер кинулся к ближайшему терминалу Сети, вывел на монитор блок новостей и опешил. С экрана глядела его угрюмая физиономия, а чей-то голос взахлеб расписывал, какой великий специалист и настоящий герой подал заявление на должность старшего техника «Горбовски». А у ворот базы уже толпилась пресса.

Вернер нехорошо поглядел на механиков, и ему тут же сунули флягу с бормотухой. Эндрю основательно похмелился, здорово упал духом и потерял над собой контроль.

Журналистов от фатальных увечий спасло незыблемое правило: никаких спецкостюмов за воротами базы. Впрочем, наземному персоналу спецкостюмы и не полагались. Но пару челюстей Эндрю все-таки свернул. Драться он не умел и поэтому бил так, чтобы уж наверняка. Затем он разогнал спешивший к месту побоища наряд военной полиции, ворвался в кабинет начальника базы, закатил ему истерику, вышиб зуб, сломал ребро и оттаскал за волосы.

И угодил под трибунал.

Позже он рассказывал эту историю Рашену и Боровскому, смеясь. Выходило, что ему действительно здорово повезло. Его могли поставить к стенке, могли загнать на урановую каторгу. Но то ли Эндрю чего-то недоговаривал, то ли его счастливая звезда горела в те дни особенно ярко.

По словам Эндрю, первым и единственным, кто навестил его в камере, оказался капитан Риз, командир «Горбовски». «Пошли с нами, лейтенант, — сказал он. — Тебя эти сволочи все равно шлепнут. А так хоть какой-то шанс. Хрен ли нам, смертникам?» — «Не понял», — сказал Эндрю. «У меня половина экипажа из-под трибунала, — объяснил капитан. — А остальные — сумасшедшие. Думаешь, хоть один нормальный человек согласится по доброй воле быть первым испытателем нуль-Т-корабля? А с твоими-то руками мы эту хреновину так гениально сломаем, что испытания лет на сто затянутся».

Эндрю почесал в затылке. Командир «Горбовски» начинал ему нравиться.

«Будем себе болтаться вокруг орбитальной верфи и заниматься саботажем, — продолжал капитан. — Все равно эта нуль-транспортировка бред. Не верю я в нее. Такой мастер, как ты, считай, для нас спасение». — «А если я не смогу?» — усомнился Эндрю. Капитан пожал плечами. «По большому счету все равно. Нам так и так идти за Цербер. А за границей Солнечной кто нас заставит делать то, чего мы не хотим? Ты не сомневайся. Они думают, я настоящий псих и жду не дождусь, как бы рвануть в это самое подпространство. А я всего-навсего обычный алкаш. Трус я и сука. Ходил на десантнике, бросал ребят на поверхность. А однажды нажрался до глюков и своего навигатора, хорошую бабу, взял и удавил. Показалось мне, что не туда рулит. Сел за управление, стал отворачивать и собственным выхлопом три десантных бота спалил. Ну, думаю, молодец, долетался. И тут как осенило меня. Выхожу на связь и начальству докладываю: не могу больше воевать с мирным населением, свободу Марсу и все такое прочее. Только что в знак протеста сжег три сотни десантников, туда им и дорога, кровавым убийцам. А самого хохот безумный разбирает… Меня — бац! — в психушку на экспертизу. И что ты думаешь — нашли поражение чего-то там в башке. Допился, наверное. Поэтому и не убили. Но три года в палате — та же могила, разве что светло. Вот с таким командиром ты пойдешь, лейтенант. Командир-то я хороший. Тем более не пью вообще ни капли — вылечили. Ну что, согласен?»

Эндрю подписал бумаги, согласно которым исполнение смертного приговора откладывалось на неопределенный срок. Под усиленным конвоем его переправили в закрытый тренировочный центр. Он как раз внедрился в компьютер системы охраны и готовил побег, когда за ним приехал флаг-адъютант группы F капитан Мозер с секретным предписанием Адмиралтейства. Приговор скостили до пятнадцати лет условно, звание и награды вернули. Оказалось, что на флагмане группы F произошла безобразная драка, и старший техник капитан Скаччи, весь в слезах и соплях, на коленях стоял перед адмиралом, умоляя не отправлять его вниз. А Рашен обратился в строевую часть Адмиралтейства и спросил, где сейчас лейтенант Вернер. «Да он сидит», — ответили ему. «За что?» — удивился Рашен. «Нападение на старшего по званию. Кажется, съездил по морде командиру базы». — «Уверен, командир это заслужил, — небрежно сказал Рашен. — Найдите мне Вернера. А я пока с адмиралом флота переговорю и улажу формальности».
Теряясь от смешанного чувства стыда и восторга, Эндрю ступил на борт флагманского корабля, не зная, что сказать Рашену и как его благодарить. Эндрю по-прежнему не любил космос. Но он понимал, что единственное его спасение — работа. И как минимум был в долгу перед адмиралом. Которому он зачем-то остро понадобился.
Уже через сутки, проведенные на «Тушканчике», Эндрю буквально расцвел. Ему поставили безумную по сложности задачу. Но зато адмирал не держал на него зла, а вокруг были отличные люди, элита группы F. И прелестная женщина-навигатор, которой Эндрю вроде бы тоже понравился. Жизнь наполнилась смыслом. А то, что Вернер оказался в сердце настоящего антиправительственного заговора, его пока не волновало. Он не верил, что противостояние может оказаться долгим и жестоким. Он думал, это все понарошку, и Рашен, как обычно, старается предусмотреть даже невозможное. Эндрю не был глуп. Но он был неисправимый романтик и открытая душа.
Как раз таким людям больше всего доверял Рашен. Такие не любили умирать и поэтому старались не совершать ошибок. Еще их не тянуло на подвиги. С героями Рашен боролся всеми доступными способами. Недаром его начальником штаба был известный буквоед, задница и саботажник контр-адмирал Задница, лучшим разведчиком считался отпетый перестраховщик Эбрахам Файн, а всей техникой распоряжался зануда Боровский. Отчасти этим объяснялись успехи группы F во второй марсианской кампании. Опираясь на таких, мягко говоря, странных людей, Рашен воевал ювелирно. Задница обеспечивал абсолютную тактическую грамотность операций, Файн ни разу не дал заключения на основе недостаточных данных, а Боровский гнал на верфи любой мало-мальски побитый корабль. В итоге Задница получил орден, у Файна проявилась в легкой форме паранойя, Боровский слег в больницу, Рашен имел кучу неприятностей в Адмиралтействе, но все задачи были выполнены, а все экипажи группы F — целехоньки.
И Эндрю Вернер, все боевые подвиги которого были делом чисто вынужденным, такое положение вещей от души приветствовал. Под крылом у Рашена он отогрелся и почувствовал себя человеком, которого в беде не бросят. Взамен он работал как проклятый. А ночами ему снилась блондинка с зелеными глазами и обворожительной улыбкой. Мастер-навигатор Кендалл. Милая Кенди.
* * *
Вернер после работы забежал в душ и теперь слегка опаздывал. Поэтому он спешил и, выскакивая из-за угла, чуть не сбил с ног весьма представительного господина, одетого в парадную форму военного астронавта: сплошь пуговицы, галуны и прочая бижутерия.
— Куда так разбежался? — хмуро спросил его флаг-адъютант капитан Мозер. — К бабе, что ли?
— Извини, — сказал Вернер и потянулся было поправить сбившийся на сторону аксельбант, но Мозер деликатно вырвался. — А чего это у тебя аксель не пришит? Оторвут ведь.
— Когда пришит — некрасиво, — авторитетно заявил Мозер, приводя себя в порядок.
— И пуговица вот на честном слове болтается…
— Тише ты! Да не дергай! Ну же, Энди! Отпусти!
— Да я так… попробовал. Ты вообще откуда взялся такой красивый?
— Снизу, — устало объяснил Мозер, приваливаясь к стене. Видно было, что он не особенно спешит и рад возможности почесать языком.
— Ну и как там, внизу?
— Ты что, новостей не видел?
— Мне по Сети бродить некогда, — заявил Вернер. — Я сейчас по центральному стволу летаю. Тебя бы туда со всеми твоими… причиндалами.
— Ладно, ты, слесарь хренов… Короче говоря, последний опрос показывает: скорее всего, на Собрании Акционеров для роспуска военного флота не хватит шести процентов голосов.
— Так отлично! — просиял Вернер. — Это же просто здорово!

— Здорово-здорово, а ничего не здорово, — неожиданно зло высказался стихами Мозер. — У соседа моего отымели борова!
Вернер опешил. О существовании такой лихой баварской поговорки он раньше не знал. Даром что был немец только по фамилии.
— Ты чего?.. — с опаской спросил он.
— Да ничего. Видишь, стою, дурака валяю, а дальше идти — боюсь. Мне сейчас твоего папочку в парадку одевать. Бляху ему драить, башмаки чистить и все такое…
— Что-то случилось? — посочувствовал Вернер. — В Адмиралтейство, к Дяде Гуннару на пистон?
— А то… Слыхал, «Рипли» к Церберу послали?
— Даже видел. И правильно сделали, что послали.
— Я не знаю, правильно или как, только денежки на бустер твой обожаемый Рашен хапнул из резервного фонда. Никого не спросясь, без серьезного обоснования. Накорябал записочку для отчета… И какая-то сволочь из штаба капнула вниз. А знаешь, что внизу бывает за разбазаривание средств? В лучшем случае припаяют самоуправство. И Рашена теперь — на вздрючку. Ладно, ему не впервой. Только если информация выйдет из стен Адмиралтейства и попадет в Сеть… Найдется ведь зараза, раззвонит на всю Солнечную. А Рашен, может, последний вояка, которого на Земле еще с дерьмом не смешали. И плакали твои шесть процентов голосов. Он же эти бабки, считай, украл! А главное, зачем?!
— Во-первых, не «твои шесть процентов», а наши, — поправил его Вернер. — Или ты уже не наш, а, крыса штабная?
— На себя посмотри, жертва радиации. Таракан реакторный!
— А во-вторых, ничего ему не будет, — продолжил Вернер твердо. — Ты же знаешь, зачем Файн пошел к Церберу. Наоборот, Рашена хвалить надо. Он, можно сказать, работает на опережение. Защищает мир от внешней угрозы.
— Это, что ли, от чужих? — спросил Мозер с нескрываемой издевкой.
— А от кого же еще?
— Знаешь, Энди, ты, конечно, мужик что надо, но дурак редкостный. Мой тебе совет: про чужих ни слова.
— Погоди… Ты в них что, вообще не веришь?
— В чужих никто не верит там, — Мозер ткнул пальцем себе под ноги. — Согласись, в таком контексте уже не важно, что думаю я. Стоит Рашену только заикнуться о своих идеях, и он всему флоту кинет серьезную подлянку. Тебе сказать, как ведущие психиатры внизу трактуют активные действия по розыску чужих? Или сам в курсе?
— Болезненная тревожность, — мрачно кивнул Вернер, опуская глаза. — Хотя нет, активные действия — это уже мания преследования. Вот дерьмо!
— Они, конечно, тормозят, — сказал Мозер, — но я их понимаю. У Совета Директоров сейчас одна задача: развалить флот и высвободить деньги. Вот они ее и выполняют. А если чужие прилетят и врежут, это будет совсем другой разговор. И другая политика. И другая экономика.
— Интересно, какую он придумал отмазку, — пробормотал Вернер, имея в виду Рашена, который в Адмиралтействе о чужих, разумеется, не заикнется. Понять это было обидно.
— Придумает что-нибудь. Он же русский. Хитрожопый.
— Как дам в лоб! — пообещал Вернер. — Не погляжу, что целый капитан.
— Ой-ой-ой! — рассмеялся Мозер. — Напугал. Главное, не расстраивайся. Ты ведь к бабе шел? Вот и думай о хорошем. А то еще не встанет…
— Фу! — брезгливо сморщился Вернер. — Что за слова… Будто и не астронавт вовсе. Говоришь, словно всю жизнь внизу ползал. Стыдно.
— На себя посмотри, — всерьез обиделся Мозер. — Тоже мне, понимаешь, орденоносный герой, весь в шрамах и без пиписки…
— А ты ведь боишься, — неожиданно спокойно заметил Вернер. — Ты наверняка присмотрел себе местечко в наземных службах. Дал на лапу кому следует… Распустят нас или нет, тебе в любом случае лет на десять жирный кусок гарантирован. Интересно, с какой рожей ты подпишешь распоряжение о сдаче «Тушканчика» на слом… Что, угадал?
— Да пош-шел ты! — почти крикнул Мозер. Обвинение было серьезным. В случае роспуска флота его наземные службы превращались в контору по инвентаризации всего, что от флота осталось, затем — эксплуатации того, что могло летать под коммерческим флагом, а потом и утилизации оного. Неписаный кодекс чести не позволял летному составу участвовать в таких мероприятиях. Считалось, что это предательство.
— А если Рашена вниз спишут, — продолжал зловеще Вернер, — то ведь и твои акции здорово упадут, правда? Это ты сейчас крутой, ходишь адъютантом при самом лихом адмирале…

— Знаешь, это ведь я тебе в лоб звездану, — прошипел Мозер. — Тоже не посмотрю, что ты всего лейтенант. Не пожалею нищую сиротинушку, психически травмированную да условно освобожденную…
— Попробуй, — сказал Вернер. — Только учти, что я не хотел тебя обидеть. Я просто констатировал факты. И знаешь… Я тебе сочувствую. Неудобное у тебя положение, слов нет.
Мозер сник. Ударить Вернера он не рискнул бы. А выиграть в перепалке у него шансов не было, потому что Вернер угадал все правильно.
— Злой ты стал, — только и сказал Мозер. — И очень уж нос задрал. Ты сейчас тоже у Рашена в фаворе. Но были времена, когда ты вел себя по-другому. Попомни мое слово, он тебя снова выжмет, как тряпку, и выбросит. Чисто русская модель поведения, я эти штучки знаю. Сегодня ты ему нужен, а завтра… И вообще, Энди, не забывай, где я тебя видел и как плачевно ты в тот момент выглядел.
— Я же не герой, — мирно сказал Вернер. — Я так… просто астронавт.
Повернулся и ушел.
Мозер дернулся было с намерением сказать вслед гадость, но передумал. На любое его обидное слово Эндрю уже сто раз мог предложить Мозеру, допустим, нырнуть в Юпитер. Или посидеть в тюрьме.
Но ведь не предложил.
— Дурак ты, — сказал Мозер уныло.
В тюрьме, куда Мозер за ним приехал, Эндрю выглядел далеко не плачевно. Был в этом человеке какой-то несгибаемый стержень. В любой кризисной ситуации Вернер быстро соображал, компетентно действовал и не терял головы. На взгляд Мозера, он был отличный профи и настоящий герой. А то, что в обыденной жизни Вернер оказался рохлей и сейчас таскал позорные для своих лет лейтенантские нашивки, Мозера не удивляло. По его мнению, это как раз была характерная примета героя. Флаг-адъютант Мозер по-черному завидовал своему однокашнику, которого другой герой — Успенский — прямо с четвертого курса забрал в космос.
Мозер тяжело вздохнул, сунул руки в карманы и отправился по своим абсолютно не героическим делам. В этом заключалась разница между успешным и состоятельным Мозером и ободранным неудачником Вернером. Эндрю на каждом шагу подстерегала возможность блестяще проявить себя. Да, это было опасно для жизни, но как же красиво выглядело! И планка Сердца на рабочей куртке Вернера всегда будет волновать девичьи сердца. А все нашивки и галуны Мозера говорили только о респектабельности и добропорядочности, но никак не об умении выживать и спасать других, которое так ценят женщины.
Конечно, Мозер тоже неоднократно имел возможность красиво выступить. Но на другом поприще — штабном, которое здесь, наверху, считали делом особым, предназначенным для людей умных и дальновидных, только вот, увы, неспособных держать перегрузку и мгновенно принимать решения. Единственным в группе F «штабным», по-настоящему уважаемым боевыми офицерами, был контр-адмирал Задница, который по молодости отмочил такой подвиг, что не смог больше водить корабли.
А флаг-адъютант Мозер с детства бредил космосом и очень хотел совершить в Пространстве настоящий подвиг. Можно даже с травмой, физической, а лучше еще и с психической, что уж совсем круто. Прийти на выручку, спасти коллег, разнести врага в клочья, уползти домой на разбитом отражателе и, ступив на твердую землю, с облегчением сказать: «Я сделал все, что мог». Но вот как раз сделать все, что в его силах, прожить отрезок жизни на пределе и вернуться из смертельного боя живым Мозер оказался не способен. И до сих пор страдал по этому поводу. А по пьяни даже горько расстраивался. Хотя, строго говоря, не был ни в чем виноват.
Молодую смелость флаг-адъютанта хватил столбняк пятнадцать лет назад. Мозер, тогда еще лейтенант, ждал на базе скаут «дин Альт», куда был приписан вторым навигатором. И увидел заходящий на стыковку круизер «Лок фон Рей», совершивший фантастическое погружение в Юпитер. Мозер знал нескольких ребят с «фон Рея», в том числе Эндрю Вернера, и поспешил к шлюзу, благо его офицерское звание позволяло ходить везде и совать нос в чужие дела.
А из шлюза выплывали бесчувственные тела в запечатанных спецкостюмах, смотанные между собой электрическим шнуром. Второе, третье… Когда Мозер досчитал до пятидесяти, ему стало плохо. А когда вслед за телами вышли на своих ногах, с трудом цепляясь подошвами за магнитный пол, относительно здоровые астронавты, Мозер не рискнул подойти к ним.
Впереди шагал капитан Успенский, еще не подозревающий, что месяцем позже навсегда получит имя «Рашен». Впрочем, скажи это Успенскому тогда, он бы и ухом не повел.

Капитан был вообще никакой, если не сказать жестче. А следом показался Вернер, и в глазах его сквозило плохо скрываемое безумие.
Мозер отступил на шаг, потом еще, а потом не выдержал и удрал. Он не бежал с флота, вовсе нет, только что-то он в том шлюзе навсегда потерял. То ли молодость, то ли готовность рисковать и жертвовать собой. То ли, как он безуспешно уверял себя позднее, глупость. Для очистки совести Мозер дважды сходил на «дин Альте» к Марсу и один раз к Венере, но судьба берегла кораблик от неприятностей. Может потому, что командовал на нем Эбрахам Файн. Но Мозер почувствовал: вероятность катастрофы накапливается — и подал рапорт на переподготовку. Не успел он год проучиться на штабного аналитика, как «дин Альт» схлопотал в Поясе сквозную пробоину. Мечущийся в дыму и огне экипаж спасла находчивость техника, который оказался возле самой дырки и хладнокровно заткнул ее кулаком. Узнав об этой истории, Мозер напился вдрызг и навсегда успокоился.
Он сделал нормальную карьеру в штабе Задницы, участвовал в планировании ряда удачных операций, считался толковым разработчиком и приятным в общении человеком. Потом Эссекс рекомендовал его во флаг-адъютанты. Рашену нельзя было врать, и на вопрос, отчего Мозер пошел в штабные, он выложил адмиралу историю про шлюз. Адмирал ему посочувствовал и сказал: «Ладно, принимай дела». Сначала Мозер был от счастья на седьмом небе, работал не за страх, а за совесть и, сам того не замечая, приобрел блестящую репутацию. В Адмиралтействе на толкового и исполнительного Мозера нарадоваться не могли. Но потом картину стала портить его близость к строптивому русскому. Будучи передаточным звеном между командиром группы F и адмиралом флота, Мозер ходил по лезвию, рискуя подставиться и с той, и с другой стороны. А когда на твоего начальника стараются оказать давление через тебя самого…
В последние дни ситуация усугубилась. И сейчас, направляясь к адмиралу с дурными новостями, Мозер нарочно замедлял шаг. Он все прикидывал, когда умнее будет попросить Ращена о переводе вниз и как эту просьбу изложить.
А драпать было самое время. Потому что история с отправкой «Рипли» на Цербер пахнет дурно, и Рашену того и гляди оторвут его чересчур умную русскую башку.
* * *
На двери каюты старшего навигатора Кендалл была красным фломастером нарисована конфетка. Рисунок явно делался в одно движение, на ходу, но яркая линия, небрежно брошенная на белый пластик, выдавала недюжинный талант.
Вернер задумчиво ткнул пальцем кнопку вызова, дверь тут же распахнулась.
— А у нас на «Тушканчике» маньяк, — сказал Эндрю, невольно провожая глазами уплывающую в стену конфетку. — Здравствуйте, капитан. Извините, я немного запоздал… — он перевел взгляд на стоящую в дверном проеме женщину и поборол желание схватиться за сердце, которое вдруг основательно защемило. Он не думал, что соскучился по Иве до такой степени. И не опомнился еще от бестолковой перепалки с Мозером. Всю дорогу до каюты Эндрю пытался в мыслях примерить себя на место флаг-адъютанта, а Мозера — на свое. Не вышло.
— Здравствуй, — сказала Ива и отступила назад. Судя по ее виду, она тоже пребывала в легком замешательстве. — Ну что стоишь, заходи. А маньяков у нас полкорабля.
— Да нет! — отмахнулся Эндрю. — Вот, посмотрите, что у вас на двери нарисовано.
— Мы, кажется, были на «ты», — напомнила Ива, выходя в коридор и закрывая дверь. — Ого! Слушай, это откуда?
— Понятия не имею. — Эндрю все-таки поднял руку и потер ноющую грудь. Никогда с ним раньше такого не было. Странное ощущение, как будто всем телом он что-то предчувствовал. Нечто грандиозное и даже пугающее.
Ива стояла в шаге от него, совсем близко, и Эндрю с умилением подумал, какая она трогательно маленькая, уютная и домашняя в легком спортивном костюме и босиком. Вдруг захотелось положить ей на плечо сильную уверенную мужскую руку и защитить Иву сразу от всего на свете. Но рука плохо слушалась.
— М-да-а, — протянула Ива, разглядывая конфетку, — Художник. Бывают ведь талантливые люди… Один росчерк, а сколько экспрессии. Вот бы его, негодяя, поймать! Чтобы в наказание приличную картину для кают-компании написал!
— Вы руку не узнаете?
— Слушай, Энди, ты меня достал, — сказала Ива, поворачиваясь к нему лицом. — Не «вы», а «ты».
— Я больше не буду, — скромно пообещал Эндрю. — Узнаешь руку?
Ива еще раз посмотрела на рисунок, покачала головой, открыла дверь и махнула Вернеру: заходи.
— У него пристрастие к красному цвету, — объяснил Эндрю, шагая через высокий порог с вакуумным уплотнителем. — Это ведь его художество в бассейне-то.

— Может быть, — кивнула Ива, приказывая двери захлопнуться. — Очень даже может быть…
— Простейшая графологическая экспертиза, — не унимался Эндрю. Он был по-прежнему смущен, хотя сердце уже отпустило. — Есть образцы почерка всего экипажа. Подписи на платежных ведомостях. Достаточно отсканировать эту конфетку и поставить компьютеру задачу. Наверняка в Сети найдется подходящий софт. Нужно его только отыскать и скачать наверх. Правда, у нас вспомогательные компьютеры слабенькие, но это ерунда. Ходовому процессору работы на пять секунд.
— Ах ты, негодник! — рассмеялась Ива. — А еще мастер-техник называется!
— Подумаешь! — Эндрю гордо выпятил грудь. — Делов-то. Все равно этот процессор сейчас отдыхает. Никто и не заподозрит, что у него там на уме… И вообще у меня один приятель из обычного унитаза самогонный аппарат соорудил. На скауте. Там все равно никто им не пользуется. Вот как ребята до Цербера долетят… — тут он осекся и сделал большие глаза.
— Я молчу! — усмехнулась Ива. — Расскажи еще что-нибудь.
— Да это все неинтересно. У техников своя жизнь, свои байки. У навигаторов тоже. Профессиональный фольклор. У нас только что в центральном стволе такой хохот стоял! Но окажись рядом Боровский, он бы решил, что мы с ума посходили. Хотя и отвечает за боевую часть. А ввв… Ты зачем меня позвала?
— Молодец, — похвалила Ива. — Привыкаешь. Слушай, тут дело такое… Надо же, чуть не забыла!
— Я тоже, — ляпнул Эндрю. Просто не мог с собой ничего поделать. Взял и сказал.
— А ты о чем забыл? — удивилась Ива.
Вернер крепко зажмурился и выпалил:
— Я уже подумал, что у нас просто свидание!
А когда разжмурился, Ива была совсем рядом и глядела на него снизу вверх, доверчиво и внимательно.
— Кто ты, Эндрю? — спросила она в точности, как в прошлый раз.
— Или я тебя сейчас поцелую, или умру, — сказал он невпопад.
Вот так просто, без привычных заигрываний, что называется, грудью на амбразуру. «Как даст мне по морде сейчас… — пронеслось в голове. — А я перед ней на колени упаду. Все, пропал. Это любовь. Надо же!»
Но ласковые руки уже обнимали его за шею, а мягкие нежные губы прижались к его губам. Эндрю осторожно, но крепко обнял Иву и провел кончиком носа по ее щеке. Поцеловал в шею, почти неощутимо, одним дыханием. И заглянул в чуть приоткрытые глаза.
И снова поцеловал в губы, страстно, но без напора, без мужской жадности, которую знал за собой. С Ивой сейчас был совсем другой Энди Вернер, не тот, которого знали многие женщины, там, внизу. Он и сам-то не узнавал себя.
— Погоди, — сказала Ива, мягко отстраняя его. Эндрю послушно отодвинулся, но объятий не разжал, только позволил ей чуть увеличить дистанцию. Глаза Ивы были прикрыты, и вырываться она не собиралась. Каким-то шестым чувством Эндрю понял, что ей хорошо в его руках. Она просто хотела что-то сказать. — Я же действительно забуду, — почти шепотом сказала Ива и, чтобы собраться с мыслями, уперлась Вернеру пальцем в грудь. — Слушай, у нас… тьфу, все путается. У нас ходовой тренаж внеплановый. Но в рубке не получится. Две команды, понимаешь? Соревнование. Мы сядем в библиотеке и вводные будем давать вспомогательным компьютерам. А ты же сам говорил, они слабенькие…
— Что там у вас? — спросил Эндрю деловито, и Ива совсем очнулась. Широко раскрыла глаза (Вернер от восхищения тяжело вздохнул, эти глаза и так были невероятно красивы, а сейчас еще и светились), но в сторону не отошла, а наоборот, обхватила Эндрю руками за пояс.
— Рейд к орбите Юпитера, на скорость, — объяснила Ива. — Через Пояс, насквозь. Соображаешь?
— Угу. Обзорные мониторы… Правильно, что в библиотеке. Но?
— Вот именно — но. Слушай, Энди, брось туда линк от ходового процессора, а?
— Боровский в курсе? — мгновенно отреагировал Эндрю.
— А это обязательно? — хитро прищурилась Ива.
— Да как сказать… Когда тебе это нужно?
— Завтра к восемнадцати бортового. Ну, к восемнадцати тридцати…
— Понимаешь, милая, я ведь не успею протянуть линк по вентиляционной системе, как это обычно делается. Кабель пойдет открыто, через коридор. И если Боровский об него споткнется… Ладно, ну его. Будет тебе линк.
— Как ты сказал?
— Что?

— Как ты меня назвал?
— Милая…
— Еще раз, — попросила Ива.
— Милая, — повторил Эндрю, внутренне замирая от восторга.
Ива подалась к нему, прижалась лицом к его груди и, опустив глаза, в который раз отметила, до чего у Эндрю красивые руки и как ей это нравится. А еще она снова заметила шрам. Эндрю был в рабочей куртке с рукавами, закатанными до локтя — по моде Ванкуверского училища. Длинная белая рваная линия. Ива осторожно потрогала шрам кончиком пальца.
— Значит, полз и зацепился? — спросила она.
— В каком-то смысле зацепился. — Эндрю прижал ее к себе крепче и от удовольствия закрыл глаза.
— Врешь постоянно! — беззлобно обвинила его Ива.
— Да не вру я! История на самом деле идиотская. Был такой скаут, «Язон дин Альт». Первый скаут Абрама Файна. И я около года на нем ходил. Лет двадцать пять мне было или около того. Однажды нас загнали в Пояс, базу контрабандистов искать. К полицейским на усиление. И Абрам против обыкновения разлетелся. Вокруг каменюки, давно пора надевать скафандры, а он все соображает что-то. Нет, думаю, так не пойдет. А пульт техника на скауте в корме, у всех за спиной. И я потихоньку в скафандр влез. Тут Абрам говорит: ладно, мужики, одеваемся. В этот самый момент ка-ак долбанет! Потом оказалось, что эту зону пиратский дестроер патрулировал. У него тоже вахта спала, наверное. Пираты, они же все кто пьяный, кто еще что… Короче говоря, нас элементарно не заметили. Только в последний момент спохватились и шарахнули беднягу «дин Альта» по заднице. Внешняя обшивка — насквозь, а внутреннюю так… порвало слегка.
— Пожар? — догадалась Ива.
— Не то слово. Черный дым, народ поливает друг друга из огнетушителей, крик страшный… Воздух-то выгорает. И сирена орет: разгерметизация. А где дырка, просто не видно, потому что все в дыму. Меня слегка контузило, я сижу, головой мотаю, а шлем-то закрылся, и вся телеметрия прямо на забрало идет. Смотрю: так вот же дырка, только руку протяни, чудо вообще, что не убило меня. Угадал я с этим скафандром… И главное, здоровая дырка, затягивает ее помаленьку, но слишком медленно. Смертельный вариант, до критической точки — пара секунд. Подкачка вовсю старается, а давление падает. Ну, я отстегнулся, шагнул и, собственно, руку протянул. Сунул. Как-то машинально. Вот и вся история. Пока разворачивались, пока из Пояса выпрыгивали, я так и стоял с рукой в дыре. И скафандр приварило к обшивке. Ну…
— И тебя пришлось вырезать, — закончила Ива.
— Ага! — простодушно согласился Эндрю.
— Какой же ты врун! — заявила Ива почти восхищенно.
— Есть немножко, — скромно потупился Эндрю.
— Просто невообразимый! — она медленно потянула вниз застежку его куртки и задохнулась от изумления.
Военные астронавты все были крепкие мускулистые ребята, и Эндрю в этом плане ничем не выделялся, разве выглядел чуть помассивнее. Но грудь его располосовывали такие шрамы, каких Ива в жизни не видела.
— Не заживляется, — извиняющимся тоном пробормотал Эндрю. — Нужна хорошая пластика, а я не настолько богат.
— Бедный, — прошептала Ива, осторожно целуя его изуродованную грудь. Куртка упала на пол. — Бедный Энди…
«Она меня за муки полюбила, — вспомнил Эндрю идиотский стишок, — а я ее… за попу укусил. Что угодно, только не это». Его чуть не разобрал нервный смех, так он был взволнован. Но все-таки понял, что жалости в голосе Ивы ни на грош. А есть нечто на грани любования и восхищения.
— А у меня знаешь какая дырка под грудью? — спросила Ива в перерыве между поцелуями.
— Сейчас поглядим, — сказал Эндрю, осторожно раздевая ее. — У-у… Это ваше Сердце, капитан?
— Да. А это, — Ива обозначила вопрос прикосновением губ, — ваше, лейтенант?
— Да.
— Ты мне когда-нибудь расскажешь?
— Клянусь, — выдохнул Эндрю так искренне, что едва не заплакал. Его всего колотило от нежности и восторга.
— Я так ждала тебя… — прошептала Ива, откидываясь назад, чтобы ему было удобнее целовать ее напрягшиеся от возбуждения соски.

— Я так мечтал о тебе…
— Ты когда-нибудь делал это наверху? На корабле?
— Нет. Значит, мы друг у друга первые?
— Да… Замечательно, правда?
— Это прекрасно…
— Иди ко мне…
— Милая…
Эндрю не думал, что это окажется так. Он вообще ничего особенного не ждал от сегодняшней встречи. Немолодой уже и много переживший мужчина, он был впервые по-настоящему влюблен. До умопомрачения. И готов ради Ивы на все, даже на рыцарское обожание издали. Настроился на серьезный, неторопливо развивающийся роман. Вовсе не хотел форсировать события.
Боялся, наверное.
Но Ива уже не в силах была ждать. Энди Вернер, обаятельный мужик со страшной тайной за плечами, роскошным «хвостом» за спиной и неумелыми попытками скрывать при разговоре внушительный словарный запас… Он был нужен ей. Ива раньше просто не встречала таких людей, по-настоящему взрослых и по-настояшему сильных глубокой внутренней силой, которая сквозит в каждом движении и неумолимо притягивает. Ива еще не нашла своего мужчину. А нужен ей был именно такой.
Недаром она все хотела прикоснуться к адмиралу и сказать ему что-нибудь хорошее. Но всерьез полюбить Рашена не получалось, настолько он был далек от Ивы годами и ответственностью. А вот Энди…
Ива словно всю жизнь его ждала. Он еще нес чепуху про местного художника, рисующего красным, а она уже представляла себе, как потрясающе будет то, что ждет их обоих чуть впереди… В тесной каюте стало вдруг нестерпимо жарко, а потом этот жар собрался у Ивы в груди и внизу живота, и она умерла бы от удовольствия, если бы не мечтала о большем. На двоих.
В вихре эмоций, рвущихся из влюбленной женщины, Эндрю совершенно потерял себя. Он хотел сначала доказать Иве свою нежность, довести ее до экстаза одними прикосновениями. А уж потом…
Но Ива раскрылась ему навстречу и направила в себя.
И очень скоро потолок каюты отразил ее восторженный крик.
* * *
Филипп Эссекс получил награду, в просторечии именуемую «Звезда Урою», в самом начале первой марсианской кампании. Он ходил на дестроере в составе Второго крыла прикрытия группы F и считался лихим командиром. В несчастливый день, окончившийся подвигом, капитану Эссексу приказали идти в одиночный патруль. Его «Роканнон» должен был утюжить пустынный район марсианской поверхности, местное захолустье, где отродясь не было никакого шевеления — только заброшенные шахты. Их просканировали на оружейный металл и электромагнитные поля, отметили, что шахты пусты, и решили чисто для мебели повесить над районом патрульное судно. Дабы враг худого и не помышлял.
Эссекс крепко выругался и пошел к месту назначения. По прибытии на точку отметился, приказал экипажу начать плановые работы согласно регламента — не терять же время попусту, — а сам положил локти на командирский пульт и затосковал. Второе крыло прикрытия должно было сейчас идти в самое пекло, отгонять полчища юрких марсианских файтеров, обеспечивая выброску десанта на Ред-Сити. А он, Эссекс, прохлаждался здесь, над другим полушарием, фактически незаселенным из-за скудости ресурсов. Под «Роканноном» простиралась тоскливая пустынная равнина и торчала одинокая скала, под которой в незапамятные времена чего-то добывали, забурились на серьезную глубину, да и бросили это дело.
Позже Эссекс устроил такой скандал, что троих разведчиков списали вниз. За то, что не догадались забуриться сканером туда, куда в свое время закопались марсиане. Всего-то и надо было разведчикам чуть-чуть снизиться и обнаружить, что шахты куда глубже, чем указано на старых картах. Но разведчики не стали утруждаться, а Эссекс в итоге совершил героический поступок, угробил хороший корабль, потерял здоровье и почти весь экипаж. Потому что под скалой неожиданно взметнулись облака пыли, шахты вдруг стали пусковыми стволами, и из них рванули вверх продолговатые черные тела. Потом выяснилось, что стартовало марсианских дестроеров, ни больше, ни меньше — девять штук. Три звена. Но в тот момент, слава звездам, Эссексу показалось, что их меньше. Он заорал так, что почти оглох, и врезал обеими руками по контактам. «Роканнон» взревел, кувыркнулся и рухнул на перехват.

От скалы до побоища над Ред-Сити было десять мегаметров, и марсиане думали в решающий момент ударить по земному десанту с фланга. Одинокий патрульный дестроер над шахтами их не волновал, его они легко сбивали на взлете. Марсианские планировщики знали тактику землян и просчитали заранее любые возможные движения паникующего командира. Едва оторвавшись от поверхности, дестроеры принялись стрелять, перекрывая «Роканнону» пути к бегству. — Какой бы маневр уклонения Эссекс ни избрал, везде его ждала пробоина в борту.

Однако Эссекс не паниковал. Атака оказалась до того неожиданной, что землянин не успел ни испугаться, ни адекватно оценить силы врага. Он просто селезенкой почуял, что ситуация нештатная, и если как-то не разрядить обстановку, то второму крылу ничего не сделается, а вот неуклюжие десантные корабли сильно побьют. А до этого пришибут «Роканнон» и его, любимого, капитана Эссекса. Поэтому землянин подчинился инстинктам. Он не стал выходить на предписанные уставом маневры уклонения. А просто спикировал отвесно вниз, проскочил сквозь вражеский строй и чудом затормозил у самой поверхности. И пока марсиане расстреливали небо, полагая, что сейчас где-то над ними вспыхнет пламя, Эссекс, подняв колоссальный столб бурой пыли, разворачивал дестроер, ползущий от натуги по швам, и истерически хохотал. Потому что альтиметр давал у поверхности слишком большую погрешность и сейчас показывал, что «Роканнон» на сто метров углубился в Марс.

Космический бой — дело заковыристое и, на взгляд непосвященного, совершенно не поддающееся мало-мальски серьезному планированию. Боевые корабли нашпигованы помехопостановщиками и все время сбрасывают ложные цели. Аспидно-черная обшивка кораблей эффективно поглощает радарный луч. Засечь истинное местонахождение противника — форменная головоломка. В основном точное попадание достигается анализом траектории целей-обманок. И хорошей работой оптики. Все-таки какой бы безукоризненной черноты ни был вражеский корабль, где-то да саданул его микрометеорит. А еще, как он ни крутись, звезду какую-нибудь возьмет да заслонит.

И у корабля есть слабое место — корма с хрупкими отражателями. На коммерческих судах отражатель, как правило, один: им опасаться нечего. На дестроерах по четыре, между ними примостились кормовые батареи. И марсианам стрельнуть бы с кормы в пыльную тучу внизу, но то ли они посчитали, что сами так надымили, то ли просто не успели сообразить. Дестроеры били вверх, отдавая на это часть энергии и потеряв таким образом жизненно важное для них ускорение при разгоне. А «Роканнон» уже высунул из тучи нос, получил идеальную картинку и принялся молотить всеми своими четырьмя основными лазерами. Три замыкающих судна он просто, что называется, сбил. Как в тире. Пара кораблей потеряла ход и начала сыпаться на поверхность, Эссексу прямо на голову. Третий успел слегка отвернуть и погреб боком, врубив на всю катушку маневровые двигатели в отчаянной попытке оттолкнуться их слабеньким упором от притяжения Красной планеты. Еще одному дестроеру, поднявшемуся чуть выше, Эссекс так расколотил корму, что тот застрял на опасно низкой орбите, откуда ему была все равно одна дорога: сбрасывать аварийные модули. Но остальные пятеро марсиан, сообразив, что дали промашку, бросились врассыпную и начали перестраиваться в боевой порядок. Все они были намертво захвачены следящими прицелами «Роканнона», и никакие ложные цели обмануть Эссекса уже не могли.

Но и сам Эссекс был у марсиан как на ладони. Черное пятно на фоне бурой поверхности. Минута до торжественного погребения. Сначала ровно полминуты на боевой разворот марсиан. Потом еще столько же, чтобы накопить энергию для импульса. И гроб. «Роканнон» с надрывом шел вверх. Слишком медленно. Реактор захлебывался: он все силы отдал на стрельбу и теперь не мог обеспечить быстрый разгон. Марсиане перестраивались. Тоже не спеша. Они были по-своему честные ребята, летать учились на Земле и теперь давали Эссексу время подумать — развалиться вместе с кораблем или сбросить экипаж на аварийных модулях. А уж спасатели из замаскированной базы толпой набегут. Ни разу еще мятежный Ред-Сити не брал в плен астронавтов группы F. Может, даже не убьют.

— Есть подтверждение, — неестественно спокойным голосом доложил старпом. Эссекс кивнул. Второе крыло получило сигнал тревоги и приняло его к сведению. Возможно, на помощь Эссексу уже идет Успенский на красавце «фон Рее». Хотя умнее было бы записать «Роканнон» в расход и не гонять корабли туда-сюда попусту. Устав позволяет.

— Когда полная тяга? — убирая руки с контактов, спросил Эссекс. Просто так, чтобы поговорить.

— Не успеем, — ответил старпом. Он все ждал, когда Эссекс прикажет саданут одному из марсиан напоследок в борт и всем прыгать в аварийные модули. Но Эссекс решил иначе. И выдал такое, от чего «Роканнон» на пару секунд утратил боеспособность, потому что все

буквально обалдели. Сам Эссекс потом уверял, что на него озарение нашло. Припадок интуиции.
— Внимание! — сказал Эссекс. — Всем стоять! Через тридцать секунд я сброшу модули. Пустые! Ясно?! И уйду на баллистическую. Если кто хочет в плен — милости прошу. Думайте.
Воцарилась напряженная тишина. Экипаж соображал. Кто-то схватился за голову. Но с места никто не сдвинулся.
— Убрать тягу! Энергию в накопители! — с облегчением приказал Эссекс. — Когда приблизятся, бьем кормовыми.
— Отлично! — радостно провозгласил бомбардир. И работа закипела в прежнем темпе. К аварийным модулям не убежал ни один человек.
«Роканнон» использовал свой единственный шанс — притвориться брошенным и подманить врага вплотную. Марсиане уже почти развернулись. Эссекс сорвал чеку и утопил в гнезде кнопку сброса. Дестроер тяжело мотнуло из стороны в сторону. Корпус его в нескольких местах раскололся, и небольшие секции, озарившись пламенем тормозных двигателей, заскользили вниз.
Эссекс завалил корабль на баллистическую траекторию. «Роканнон», внешне неуправляемый, медленно удалялся от Марса по касательной.
Последующие минуты стали для экипажа таким испытанием, после которого шевелиться может только сумасшедший. Или военный астронавт, что примерно одно и то же. Марсианские дестроеры, словно принюхиваясь, повели носами, провожая модули выхлопными отверстиями лазеров главного калибра.
— Вот суки! — возмутился старпом. — Они ведь нас того… этого…
И тут марсиане начали стрелять.
По «Роканнону» пронесся крик. Это было невообразимо, чудовищно, это воскрешало в памяти рассказы об ужасах Заварухи и Полуночи. Такого на памяти землян не случалось никогда.
Аварийные модули вспыхнули и превратились в облака пара.
— А ведь убили нас, — констатировал старпом. — Ну, гады…
— Одно слово — красножопые, — сообщил бомбардир.
— Ты не ругайся, а думай, что делать, если они не станут нас брать на абордаж, — посоветовал Эссекс. — Они наверняка собираются идти к Ред-Сити. Им тут задерживаться нельзя.
— Полный ход вдогонку и бьем носовыми, — сказал бомбардир. — Еще парочку расковыряем. Делов-то.
— А остальные трое нас расковыряют, — добавил сзади кто-то из навигаторов.
— Всего лишь трое, — заметил старпом. — А было-то девять.
— Действительно! — удивился Эссекс. — Слушай, и правда девять! Я как-то даже не посчитал…
Марсиане снова перестроились и взяли курс на Ред-Сити. В боевой рубке дестроера раздался дружный вздох облегчения.
— Я не понял, — сказал Эссекс. — К нам идет катафалк или нет?
— А как же! Сказали «высылаем подмогу».
— Как ты думаешь, — спросил Эссекс старпома. — Пять — это много?
Старпом задумался. Сейчас каждый в экипаже имел право голоса. Сбросив пустые модули, Эссекс лишил этих людей единственного реального шанса выйти из боя живыми. Был, правда, еще один шанс, но призрачный: на орбите покинуть разбитый дестроер в спецкостюмах. Тут уж все зависело от того, удастся ли заглушить и катапультировать реактор, сильно ли будет взрываться корабль и быстро ли подоспеет «катафалк», как обычно называли судно, на чью долю выпала спасательная миссия. Целых три «если». Если реактор не долбанет, заражая пространство радиоактивной тучей; если корабль не разнесет в щепы, на которые экипаж сядет, как на вертелы; если капитан спасателя будет достаточно опытен в поисковых работах…
А то, что марсиане расстреляли модули, то есть Эссекс уже один раз всех здорово выручил, было сейчас не в счет.
— Пять — это до хренища, — решил старпом. — Сейчас над Ред-Сити у наших преимущество минимальное. Да еще катафалк за нами отрядили. И тут являются эти… Конечно, Ред-Сити мы возьмем, но потерь будет неоправданно много.
Эссекс посмотрел в сторону удаляющихся марсиан.
— Все так думают? — спросил он. — Да? Тогда я даю тягу. Приготовились, господа астронавты. Сейчас кому-то порвут его красную жопу…
Двадцатью минутами позже Эссекс через пробоину в обшивке прыгнул в космос, сложился пополам, зажал между колен маневровый пистолет и надавил гашетку. «Роканнон»

выглядел настоящим решетом, и Эссекс, удаляясь от своего корабля, чуть не плакал от обиды. На его глазах прямо в боевую рубку ударил импульс главного калибра, и взрывом разнесло в клочья двоих, отчего-то застрявших поблизости. Эссекс кричал и ругался, не помня себя. А потом он провалился в странное забытье, началась постстрессовая апатия, и на борт «фон Рея» капитана втащили в бесчувственном состоянии. Он все-таки уничтожил еще один дестроер и основательно повредил второй. Еще одного марсианина походя зашиб Успенский, а оставшиеся двое отвернули от Ред-Сити к Поясу и затерялись в нем.

Это была чистая победа и настоящий подвиг. Фотография капитана Эссекса красовалась во всех сводках новостей и была навечно зафиксирована в анналах Сети. Земля гордилась своим воином и осыпала его почестями. Но сам Эссекс что-то очень важное оставил на марсианской орбите среди обломков «Роканнона».

Психологическое кондиционирование он прошел за два месяца и был признан годным к летной службе. «Роканнон-2» уже готовился к ходовым испытаниям. А Эссекс изменился до неузнаваемости. Он стал медлителен и задумчив. В его душе поселилась тоска. Эссекс не хотел быть героем и совершать подвиги. Еще в училище ему объяснили, что героическим личностям в космосе не место. Слишком дорого стоят боевые корабли для того, чтобы проявлять на них чудеса храбрости. Группа F даже в лучшие времена насчитывала не более пятидесяти судов, включая мелюзгу, и ходили на них люди благоразумные, военные в лучшем смысле этого слова. То есть способные рисковать, но всегда четко знающие допустимую границу риска. И старающиеся не переступать ее.

Земля воевала с бывшими колониями методично и аккуратно. Искала бреши в чужой стратегии и била туда. Но, как говорил капитан Успенский (и был за это многократно наказан), «против второго принципа термодинамики не попрешь». Сто раз Эссекс видел, как другие офицеры расплачиваются за чужие ошибки. И надеялся, что ничего подобного с ним не случится. Но вот — случилось. Эссекс выбрался из безнадежной ситуации. И понял вдруг, что еще раз у него такой фокус не получится.

А главное — он потерял веру в благоразумие своих коллег. Оглядываясь назад, он там и сям видел пробелы в стратегическом планировании, стыдные тактические ошибки и хронический недосмотр по мелочам. Раньше он этого почему-то не замечал. А теперь любая нечеткость резала ему глаз. Эссекс всех и вся подозревал в разгильдяйстве и недомыслии, и подозрительность его стала приобретать маниакальный характер.

Нечеловеческим усилием воли он снял «Роканнон-2» с земной орбиты и повел его к Марсу. Но в строй Второго крыла прикрытия дестроер поставил старпом. А Эссекс заперся в каюте, вызвал Успенского и рассказал ему о своей проблеме, запинаясь и пряча глаза.

— А ты не нервничай, Фил, — посоветовал Успенский. — Во-первых, война кончается. А во-вторых… До тебя просто еще слухи не дошли. Нашему крылу нужен молодой и толковый начальник штаба. Кандидатур на сегодня две. Я отбрыкиваюсь, как могу. А ты согласись. И все. Как раз для тебя должность. Засядешь на бэттлшипе, и никаких проблем. Главное — психологам ни слова. А то мигом вниз загремишь.

— Не знаю… — пробормотал Эссекс в замешательстве. — Понимаешь, Алекс, я страшно боюсь ошибок. Любых. И своих в том числе.

— Главное, психологам об этом не говори, — повторил Успенский.

— Слушай, Алекс, неужели я заболел? — в ужасе выдавил из себя Эссекс.

Успенский рассмеялся.

— По-моему, Фил, ты просто вырос, — сказал он. — Ничего, привыкнешь. А за совет с тебя причитается.

Через неделю Эссекс перешел на штабную работу и с этого момента ни разу не управлял кораблем лично. И действительно успокоился. Потом его выдвинули в командиры Второго крыла. Потом — в начальники штаба группы F. В этой должности он прошел еще одну войну, точнее полторы, если считать рейд устрашения на Венеру. Он стал опытным штабным офицером и редкостной сволочью. Но группа F его терпела. В конце концов, адмирал Рашен мог быть при желании таким зверем, что Эссекс на его фоне просто терялся. И все признавали: оба этих незаурядных человека заслужили право вести себя так, как им хочется. Зато с ними не пропадешь…

…Сейчас две незаурядные личности неспешно шагали по бетонному плацу к зданию Адмиралтейства. Рашен сделал легкое движение рукой, и охрана почтительно отошла подальше. Эссекс поежился: он без охраны чувствовал себя неуютно. Рашен, наоборот, телохранителей на дух не переносил. Он всегда говорил, что телохранители отчего-то слишком долго живут, а вот охраняемые ими тела — наоборот.

— А вас что, команда не касается? — бросил Рашен через плечо адъютантам.

Мейер и Мозер очень похоже сморщились и немного приотстали.

— Ну? — спросил Эссекс. — Есть идеи?

— Ты бухгалтерию подчистил?

— Успел.
— Значит, ты ничего не знаешь. Все на меня вали. Я на «Рипли» ездил? Ездил. С Абрамом имел конфиденциальную беседу? Да. А больше тебе ничего не известно.
— Как скажешь, Алекс.
— И запомни. Есть только один тип вооружения, которым можно подбить наши суда с Земли. Это решения Собрания Акционеров. Пока Собрания не было, мы потенциально сильнее всех.
— Ага, — уныло кивнул Эссекс.
— Я этих идиотов буду защищать, даже если они мне это запретят в приказе, — неожиданно зло прошипел Рашен. — Если Абрам найдет следы чужих…
— Угу, — поддакнул Эссекс.
— Может ведь такое быть, правда, Фил?
— А то, — снова кивнул Эссекс и покосился на своих охранников.
— Да что ты все озираешься?
— Отвык, — смутился контр-адмирал. — Как-то здесь очень неуютно. Ветер… И все такое.
— Потолка нет? — спросил Рашен язвительно. — Жопу спрятать некуда?! Кр-р-рыса штабная…
— Ты чего? — обиделся Эссекс. — Совсем уже… Того.
— И как я с тобой воевать буду? — пробормотал Рашен, глядя в хмурое небо. — Одно слово — Задница. Эссекс, смени фамилию.
Эссекс протянул руку и крепко взял адмирала за локоть.
— Не психуй, Алекс, — попросил он. — Отобьемся как-нибудь.
* * *
На большой дисплей, занимавший целую стену в кабинете адмирала флота, была выведена карта Марса. Ничего подобного Рашен увидеть не ожидал и удивленно на карту вытаращился. Эссекс, оказавшись в закрытом помещении, сразу повеселел, расправил плечи и ел взглядом начальство.
— Здравствуйте, молодые люди, — сказал адмирал флота Кёниг, отмахиваясь от положенного по уставу салюта. — Прошу садиться. Как самочувствие? Настроение? Что группа F?
— Самочувствие в норме, вверенная мне группа без происшествий, ожидаю приказаний, — доложил Рашен, усаживаясь в кресло.
— Настроение боевое, — соврал Эссекс, садясь так, чтобы Рашен хотя бы отчасти прикрыл его от Кёнига.
— Работать готовы? — спросил Кёниг. Рашен и Эссекс переглянулись.
— Так точно, сэр, — сказал Рашен, но интонация его была скорее вопросительная.
— Сейчас объясню, — улыбнулся Кёниг. На флоте его за глаза обзывали «Дядя Гуннар». С такой вот дружелюбной улыбкой Кёниг приказывал бомбить заведомо гражданские объекты или намекал, что десанту следует быть пожестче при захвате марсианских городов. А на Венере Кёниг устроил форменное побоище. Рашен шефа не винил. Дядя Гуннар подчинялся Директорам, а земное правительство очень хотело запугать сепаратистов так, чтобы и внукам заказали ссориться с метрополией. Увы, результаты были получены с точностью до наоборот. Население Земли по-прежнему не дотягивало до ста миллионов, и бескрайние просторы, ждущие умелых рук, лежали в запустении. А свежая кровь, застоявшаяся на планетах-колониях, не спешила влиться в жилы земной цивилизации, страдающей бесплодием и генетическими сбоями. Сепаратисты предпочитали с чудовищными трудностями обживать свои жестокие миры, а Землю обзывали колыбелью вселенского зла. Их тоже можно было понять. Со времен страшной Полуночи, убившей девяносто восемь землян из ста, едва минул век, и тем не менее за это столетие Земля умудрилась развязать две межпланетных войны.
— Итак, господа, — сказал Кёниг. — Есть для вас халтура. Причем ее хорошо оплатят. Сделка бартерная, но очень выгодная для Земли.
— Опять Марс, — тоскливо кивнул Рашен.
— Опять, — согласился Кёниг. — Но он сам просит о содействии. Официальный заказ правительства Республики. В порядке, так сказать, оказания помощи согласно договору о сотрудничестве, дружбе и ненападении. Смотрите, господа.
Карта за спиной Кёнига сменила масштаб, и наметанный глаз Рашена тут же опознал участок марсианской поверхности недалеко от южного полюса.
— Так, — сказал Эссекс, подавшись вперед. — Знаю это место.
— И как оно вам? — поинтересовался Кёниг.
— Пустыня, — коротко ответил контр-адмирал.

— Если бы! — усмехнулся Кёниг. — Дали мы промашку. Стоило нам это местечко основательно прочесать. А мы ограничились поверхностным осмотром… Это, кстати, в ваш огород камешек, господин начальник штаба группы.
— Мы искали военные объекты, — вступился за своего подчиненного Рашен. — Мы все-таки не геологи, а группа F.
— Геологи? — хитро прищурился Кёниг. — Вы схватываете на лету, господин Успенский. Жаль, что вы не геолог. А то бы у нас давно стояла в этой точке хорошо укрепленная база.
— Уран, — сказал Рашен утвердительно. — И близко к поверхности.
— Не быть вам, дорогой Алекс, адмиралом флота, — заметил Кёниг.
— Что, слишком умный?
— Опасно умный. Опасно, друг мой.
— А кто тогда?… — невоспитанно ляпнул Рашен. Все знали, что Дяде Гуннару осталось несколько месяцев до пенсии.
— Да никто, — мрачно сказал Кёниг. — Я полагаю, это будет ваш последний боевой поход.
Услышав слово «последний», Рашен поежился. Эссекс тоже. Как все практикующие астронавты, они были немного суеверны и предпочитали выражение «еще разок». А то, не ровен час, сглазишь, и поход окажется действительно последним в твоей жизни.
— Так что можете не жалеть технику, — продолжал Кёниг. — Вырабатывайте ее до упора. До конца. Хоть об поверхность колотите.
— У нас техника и без того на нуле, — вставил Эссекс. — На таких гробах ходим, просто ужас.
— А почему вдруг мы? — спросил Рашен. — Почему не полиция?
— У полицейских свои задачи. Они сейчас Пояс наизнанку выворачивают. А ваше дело — уничтожать противника. Вот и будете уничтожать. Знаете, молодые люди, вы меня не уводите от темы. За ужином поболтаем.
— Виноват, сэр.
— Постыдились бы, Успенский, такое вслух говорить, — неожиданно вспомнил старое Кёниг. — У вас на лице написано, что виноваты. Грубость и нетактичное поведение — это ваш образ жизни. А еще целый адмирал. Даром что русский.
— Какой есть, — гордо сказал Рашен.
— За это и ценю. Значит, так. — Кёниг провел рукой по контактам, и карта увеличилась еще. — Вот, смотрите. Здесь марсиане наметили разработку еще полвека назад. Тогда у них не было для этого мощностей. Сейчас есть. Они двинули на эту точку людей и технику, все исчезло. Посмотрели со спутника — никаких следов. Отправили спасательную группу — опять с концами. Мимо шел наш полицейский скаут, попросили глянуть, что такое. Прежде чем его сбили, полицейский засек несколько пусков. В общем, на месторождении кто-то вовсю копает и вывозит уран. Когда мимо проходит спутник, жизнь на точке замирает. Вот так. Ковыряются они там не меньше года и успели хорошо закрепиться. Марсианам такая база не по зубам. А вам — в самый раз.
Рашен через плечо бросил взгляд на Эссекса. Тот неопределенно шевельнул бровью. Рашен брезгливо покосился на карту и уже собирался открыть рот, когда его перебили.
— Только не надо! — попросил Кёниг. — Вот только этого не надо! Вы за кого меня принимаете? Десантник с вами будет, разумеется! Но вы подойдете на точку первыми. Уничтожите все наземные вооружения и собьете все, что попытается взлететь. А потом уже подвалит десантник и произведет высадку под вашим прикрытием. И все, больше от вас ничего не требуется. Останетесь чистенькими. Рыцари, вашу мать!
— Понял, сэр, — кротко сказал Рашен. — Какие еще будут указания?
— Все детали я отошлю вам наверх через несколько часов. Вместе с приказом. Отходите через сутки. Хватит вам суток? С марсианами в контакты не вступать. Делаете свою работу и все. Ясно?
— Сколько готовить кораблей? — спросил Рашен. — Одного ударного крыла хватит?
— Все готовьте, — отрезал Кёниг. — Всю группу. Десантник с вами пойдет «Декард-2». В общем, ознакомитесь с приказом — разберетесь.
— Зачем всю группу? — удивился Рашен. — Сорок восемь единиц! Это же бешеные деньги!
— Денег нам дают немерено, — хмуро сказал Кёниг. — А вот данных о том, что творится над южным полюсом Марса, ни хрена нету.
Рашен снова оглянулся на Эссекса. Тот опять двинул бровью.
— Несчастливое имя — «Декард», — сообщил он.
— Это вы к чему? — не понял адмирал флота.
— К тому, сэр, что с нами второй «Декард» пойдет. Имя несчастливое.

— Час от часу не легче! — взорвался Кёниг. — Имя ему не подходит, видите ли! Десантник ему другой подавай! Всей группой не хотят идти! Знаете, куда бы я вас послал, будь моя воля?!
— И все-таки, сэр, почему нужна вся группа? — спросил Рашен.
— В Поясе урана мало, — сказал Кёниг. — А вот пиратских круизеров не меньше десятка. И минимум один бэттлшип. И не забудьте, что любой буксир контрабандистов — это переоборудованный дестроер.
— И все они тут же бросятся отбивать свои шахты, — саркастически заметил Рашен.
— Запросто, — сказал Кёниг.
— Вы что-нибудь понимаете, контр-адмирал? — спросил Рашен через плечо.
Эссекс покрутил носом и выпятил челюсть.
— Я тоже не понимаю, — кивнул Рашен. — Господин адмирал флота, разрешите?…
— Ну?
— Почему я не могу для начала провести разведку? Сходит туда-сюда пара скаутов… Моих-то не собьют. Определим необходимый состав ударных сил — и тогда уж аккуратненько…
— Сколько вам на это времени понадобится, Успенский? — спросил устало Кёниг.
— Вплоть до высадки десанта — месяц.
— Вы на какой планете живете, Успенский?! — почти застонал Кёниг. — Не будет у Земли через месяц никаких десантников. Хилые полицейские силы останутся. И все. Нет у нас времени, господа. Пока есть нормальный флот, пока есть группа F, мы должны все хвосты подчистить. И со спокойной душой — в отставку.
— Почему так скоро? — опешил Рашен. — Почему через месяц?
— Подарок Директоров к Собранию Акционеров, — процедил Кёниг. — А также акт доброй воли и признания своей вины перед суверенными народами Марса и Венеры. В Солнечной больше никто и ни с кем не будет воевать. Все, господа. Поздравляю. Демилитаризация, бля!
За спиной Рашена шумно вздохнул Эссекс.
— Свободны, — приказал Кёниг и отвернулся.
Рашен сунул палец за воротник и покрутил шеей.
— Свободны, — повторил адмирал флота очень тихо. — Валите отсюда. Не будет вам никакого ужина. И видеть больше вас не желаю.
Командование группы F тяжело поднялось на ноги и вышло из кабинета, не прощаясь. А Кёниг сгорбился в кресле и закрыл лицо руками.
На улице Эссекс толкнул Рашена локтем.
— Понял хоть что-нибудь? — спросил он.
— Наше присутствие в околоземном пространстве крайне нежелательно, — сухо ответил Рашен.
— По-моему, нас убить хотят, — предположил начальник штаба. — Или как минимум подставить. Чего это он сказал — «последний»? Может, предупредить решил?
— По сведениям из конфиденциальных источников, корпоративная солидарность не характерна для господина адмирала флота, — пробубнил Рашен.
— Очнись, Алекс! — попросил Эссекс.
— А ты попридержи свою манию преследования, — парировал тот. — Отстань. Занят я. Думаю.
— Господин адмирал, сэр! — позвал сзади Мозер. — Хотите, я внизу задержусь? До вечера. Поговорю с народом, может, выясню что-нибудь.
— Ничего ты не выяснишь, — помотал головой Рашен. — Нас точно продали. Но кто, за сколько и кому… Готов поспорить, этого не знает даже Кёниг.
— И что же нам теперь делать? — осторожно спросил Эссекс, втайне надеясь, что у командира есть идеи.
— Выполнять приказ, — вздохнул Рашен.
Налетевшим порывом ветра с головы Эссекса сбило фуражку и покатило через плац. Изя Мейер бросился за головным убором вдогонку.
— Еще одна дурная примета, — только и сказал Эссекс, глядя, как Изя бегает за скачущей по бетону фуражкой, а та от него уворачивается, будто живая. — Заболеть, что ли?
— Даже если мы упремся, а нас за это разжалуют и посадят, — неожиданно заявил Рашен, — группа все равно уйдет к Марсу. Только мы с тобой утратим за ней контроль. Вот и вся разница.
— Что за пораженческие настроения, Алекс! — возмутился начштаба. — Нам группу бросать нельзя. С тех пор, как сократили заместителей…
— И это тоже было сделано нарочно! — выпалил Рашен.

Эссекс принял у запыхавшегося Мейера фуражку, критически ее оглядел и решил на голову не надевать.
— Изя, — сказал он. — Дуй за выпивкой. И возьми-ка ты не ящик, а два. Кто его знает…
— Шеф, а нам? — спросил Рашена Мозер.
— Не хочу, — отрезал тот. — Надоело.
— Пожалеете еще, — упрекнул его адъютант.
Рашен одарил Мозера свирепым взглядом через плечо, тяжело вздохнул и полез в карман за бумажником.
* * *
В тесную библиотеку «Тушканчика» помимо двух соревнующихся вахт набилось еще человек сорок. Люди сидели на столах и в проходах, многие стояли. Фокс, важно разгуливая за спинами навигаторов и оттирая животом болельщиков, принимал ставки. Ива с трудом протолкалась к своему месту и через плечо Фокса посмотрела на его мобильный терминал.
— Почему так мало? — удивилась она. Чтобы за моих — и всего один к двум?!
— Да, — согласился Фокс. — Ставят помногу, но коэффициент неважный. Это потому что у тебя Кристоф поведет. Молодой он еще. А если все-таки Марго явится, коэффициент опять изменится. Уж она-то против тебя годовой заработок ухнет, не пожалеет.
— Почему так мало за вахту Кендалл, сволочи?! — крикнула Ива, оборачиваясь к болельщикам.
— Ты не дави на общество, капитан, — посоветовала из толпы Линда. — А дави на кнопку и береги попку. Сейчас люфтваффе покажет твоему французику, как водят корабли.
— От винта! Асы в воздухе! — заорали вразнобой молодые голоса из задних рядов. — Дойч-ланд, Дойч-ланд!
— Вот ща как дам по толстой фашистской заднице! — пробасил кто-то, и голоса стихли.
— И вообще, лучше всех корабли водят евреи! — сообщили от дверей.
— Ого! Капитан Джозеф Мейер, какими судьбами? Здрасте, а я вас и не заметил…
— В гости зашел. Привет.
— Изя! Здорово, солнышко! Как жизнь половая?!
— Спасибо, Линда, хорошо. Только очень пассивно. То есть наш славный начальник штаба имеет меня каждый день во все дырки…
— Ну да, тебя поимеешь! Ты сам натянешь кого угодно… — снова вступил непререкаемый бас.
— Разрешите пройти, господин капитан?
— Заходи. Эй! Постой! Вернер! Ты, что ли?!
— Ну, я. С кем имею честь?.. — хмуро спросил Вернер, осторожно проталкиваясь в дверь мимо увешанного парадными аксессуарами Мейера. Эндрю был в инструментальном нагруднике, из которого торчало железо, и он уже чем-то за Мейера зацепился.
— Да это же Изя!!! — хором объяснили со всех сторон.
— Да хоть Мойша. Капитан, только не шевелитесь, а то я вам сейчас все побрякушки оборву.
— Да хрен с ними! Энди! Ты что, не узнал меня? Я Изя Мейер с навигационного!
Эндрю выдернул из мейеровских нашивок и орденов два зажима-»крокодила», аккуратно снял с пуговицы адъютанта намотавшийся провод и смог наконец-то поднять глаза.
— Изя? — удивился он. — Быть не может… Точно, Изя. Ну и ну! А я думал, тебя на «Скайуокере» того… — Эндрю заметно побледнел. Стоящие вокруг астронавты начали переглядываться.
— Цыц! — сказал Изя громким шепотом. — И ничего не «того». Ну, здорово!
— Здравствуй, — медленно произнес Эндрю, разглядывая Изю с непонятным для окружающих замешательством. — Ты извини, я тут должен… Ты меня найди после, ладно?
— Обязательно. Слушай, Энди, а ты почему всего лейтенант?
— Потом расскажу, — пообещал Эндрю, продираясь сквозь толпу к линии терминалов.
Вид у него был по-прежнему довольно обескураженный. Добравшись до кресла Ивы, Эндрю схватился за его спинку и остановился, переводя дух. Ива заметила, как побелели его пальцы, намертво вцепившиеся в мягкий пластик.
— Ты что? — спросила она.
— Привидение увидел, — пробормотал Эндрю, глядя в сторону. — Ничего. Ерунда. Ну и толпа здесь… Эй, Ди Ланца! Этторе, где ты?
— Здесь, патрон! — крикнул техник, устроившийся у дальнего терминала.
— Слетай, пожалуйста, в центральный ствол. Там у Фреда опять не идет.
— А у Фреда по жизни не идет, патрон. Он прирожденный тормоз-компенсатор.
— Вот ты ему это и скажи.
— Что, прямо сейчас?

— Извини.
— Да ладно, патрон. Я тут все уже отладил. — Техник чуть ли не по головам навигаторов полез к выходу. Перед ним уважительно расступались. Не каждый здесь так легко согласился бы уйти, когда намечалось редкостное зрелище. Большинство из собравшихся в библиотеке астронавтов имело самое общее представление о работе навигаторов. С орудийной палубы или из реакторного отсека не разглядишь, как летит корабль и куда именно. Больших обзорных экранов там не полагалось. А сейчас изображение, пусть и ложное, но неотличимое от реального, выводилось на два монитора с трехметровой диагональю каждый.
— Какие у тебя люди… Обязательные, — нашла подходящее слово Ива. — Как ты их умудрился так вышколить всего за две недели…
— Хорошие ребята, — кивнул Эндрю, вглядываясь в ее лицо, и у Ивы побежали по спине ласковые мурашки. — Ну ладно, удачи. Мне тоже пора.
— А зачем ты пришел? — удивилась Ива. — Ты же мог его по связи…
— Не догадываешься? — спросил Эндрю, и Ива подумала: «Сейчас он меня поцелует. При всех. С ума сошел. А я ка-ак его обниму…»
Эндрю все-таки ее не поцеловал. Но посмотрел так, что вокруг едва не зааплодировали. А он кивнул и, провожаемый завистливыми взглядами, пошел на выход. В дверях он еще раз задумчиво оглядел капитана Мейера и исчез в коридоре.
— У нас готовность две минуты, — доложил Кристоф. Ива благодушно кивнула. Она уже перешла от размышлений о том, какой Эндрю внимательный и деликатный, к воспоминаниям о том, как все безумно и обалденно случилось у них вчера. Ей вдруг стало жарко.
У дверей Изя объяснял, что они с Вернером сокурсники, но давно не виделись, и удивлялся, что Энди сильно переменился, стал какой-то нервный и сухой, а раньше был душой общества и все его любили. «Да нормальный он мужик, — говорил Изе давешний бас. — Чего ты к нему пристал? Ты, что ли, не изменился? Вот, ходишь, как прогулочный бот, весь огнями переливаешься, да и рожу отъел на штабных харчах. А был ведь такой заморыш, тощенький противный еврейчик, что я тебя, не помню, что ли…» Потом Изю спросили, кто такой Скайуокер, но адъютант надменно ответил, что это военная тайна.
В задних рядах уже распевали по-французски. Видимо, акции вахты Фальцфейн начали падать.
Фокс присел на корточки рядом с креслом Ивы.
— Я же говорил, вы будете с Энди отличной парой, — прогудел он ей на ухо.
Иве было настолько хорошо, что она даже не потрудилась схватить Фокса за нос.
— Давай, что ли, команду, Майк, — только и сказала она.
Фокс выпрямился, расправил оплывшие мощные плечи и проорал, надсаживаясь, чтобы перекрыть толпу:
— Всем стоя-а-а-ть!!!
Гул в зале мгновенно стих.
— Готовность! — ровным и звонким голосом сказала Ива.
— Кендалл — есть! — ответил Кристоф.
— Фальцфейн — есть!
— Даю отсчет. До старта десять… девять… восемь…
— Отставить, — скомандовал кто-то от дверей, негромко, но внушительно.
Все головы повернулись на голос. В дверях стоял Жан-Поль Боровский. Из-за его спины выглядывали Марго Фальцфейн и техник Ди Ланца.
— Господа офицеры! — крикнула Ива, вскакивая на ноги. Толпа дружно вытянулась и сделала руки по швам.
— И подберите животы, астронавты, — заметил старпом брюзгливо. — А то пройти невозможно. Капитан Мейер, к командиру группы. Капитан Стенфилд, туда же. Вольно, вольно…
Изя и Линда поспешно выскочили в коридор. Остальные попятились, давая старпому проход. Боровский подошел к Иве, уселся в ее кресло и закинул ногу на ногу. Марго остановилась за его спиной и тупо оглядела собравшийся в библиотеке народ. Ее слегка пошатывало.
— Так, — сказал Боровский. — Навигаторы — на месте. Майкл, где твоя свободная вахта?
— Да все здесь, кажется… — пробормотал Фокс, озираясь. — Точно, все!
— Управление огнем — тоже на месте, — кивнул Боровский. — Остальные — вон отсюда.
Болельщики, перешептываясь, стали пробираться к выходу. Разочарованных лиц заметно не было. Конечно, гонки сорвались, но взамен наклевывалось что-то экстраординарное.

— Внимание, — сказал Боровский. — Соревнования продолжаются, но уже кроме шуток. Старшим навигаторам занять места ведущих. Бомбардир, дай им по два стрелка на главный калибр. Эй, сержант, как вас там…
— Сержант Ди Ланца, господин коммандер, сэр! — рявкнул с порога техник.
— Этторе, да? Помню. Идите сюда. Будьте добры, Этторе, перенастройте управление. Вот диск с задачей, возьмите.
— Есть, сэр! Одна минута, господин коммандер, сэр! — отрапортовал Ди Ланца, густо краснея от волнения.
Ива, утешающе хлопнув по плечу Кристофа, заняла его место и издали подмигнула встрепанной и дико стреляющей глазами Марго. Та раздраженно надула губы и через плечо бросила на старпома взгляд, полный ненависти. Боровский, наблюдавший, как Ди Ланца колдует над главным библиотечным процессором, тут же на этот взгляд обернулся.
— Это, конечно, не мое дело, — сказал бдительный старпом, — но ты, Маргарет, на супруга будешь так глядеть. А на меня не стоит.
— А может, я тренируюсь, — парировала Марго.
— Сейчас я тебе устрою ходовой тренаж, — пообещал Боровский. — С заходами в атаку и маневрами уклонения. Я тебе сейчас таких вводных накидаю, похлеще любого вибратора будут.
«Ну и ну, — подумала Ива. — Он что ее, из койки вытащил? Зачем тогда провоцирует? Она же явно не в себе. То ли пьяная, то ли чего похуже. И вообще, что это за перепалка при младших по званию…»
— Ты, старшой, не распускай язык, — посоветовала Марго ледяным тоном. — Не в училище. И не разевай хлебало. А лучше слюни подбери.
— Простите, капитан, — сказал Боровский с неожиданной кротостью. — Виноват. Допустил бестактность. Приношу извинения. Но вы за последние десять минут дважды игнорировали приказ старшего по званию и должности. В циничной форме. Что мне теперь, к ордену вас представить?
— А ты и не можешь, — заявила Марго. — Ни представить, ни поставить, ни вставить. Импотент.
— Фу, капитан! — улыбнулся Боровский. Ничего хорошего эта улыбка не предвещала. Младшие навигаторы привычно вобрали головы в плечи.
— Ребята, не заводитесь, а? — попросил Фокс, осторожно кладя руку на плечо старпома. — Что вы, в самом деле?
— А чего, он выдрючивается? — не унималась Марго. Глаза у нее неприятно остекленели. Чувствовалось, что капитан Фальцфейн себя не контролирует. — Предложили ему по-людски, разве что под нос не сунули, а он…
— Замолчите, капитан, — приказал Боровский, по-прежнему не повышая тона.
— Идите в жопу, коммандер! — ответила Марго.
— А ну, выйдем! — сказал Боровский ласково, чуть ли не мурлыча.
— Да вы что, астронавты! — изумился Фокс, всерьез хватая Боровского за воротник.
— Старшие, за мной! — приказал Боровский, вырвался из рук Фокса и быстро вышел за дверь.
— Да у него просто не стоит! — объяснила Марго, прижимая для вящей убедительности руки к сердцу.
Фокс осуждающе поглядел на нее, покрутил пальцем у виска и тоже вышел. Ива, не говоря ни слова, встала и последовала за ним.
Боровский в коридоре стоял, прислонившись к стене и — глядя в потолок.
— Ты чего, Жан-Поль? — прошептал Фокс.
— Начинаем терять людей, — сказал Боровский лениво. — Я же говорю, прямой отказ от выполнения приказа. Дважды. За руку ее сюда привел. А она и тут… Сука… Интересно, чего нажралась. Спиртным не пахнет. Но мозги у нее и без того конкретно набок.
— Ты ей что, помешал? — спросил Фокс. — Ну, в смысле, с прибора ее снял?
Стоявшая рядом Ива почувствовала, что краснеет.
— Да она с него вообще не слезает, — отмахнулся Боровский. — Конечно, это совершенно не мое дело, но если бы спросили, я бы сказал, что на боевых судах дрочить отнюдь не возбраняется. Особенно тридцатилетним сумасшедшим бабам. Прости, Иветта. Устал я. Ох, недаром меня Линда предупреждала…
— Да Линда сама с прибабахом, — заметил Фокс. — Психолог…
— Линда в порядке, на все сто, — помотал головой старпом. — А вот Марго — нет. Она больше не может служить. Не хочет и не может.
— И не буду, — лениво произнесла Марго, выходя в коридор и упирая руки в бока. — Во всяком случае, с тобой.

— Да перестань ты, — Боровский отвернулся. — При чем здесь я? Иди, Маргарет. Собирайся. Через два часа жду тебя у главного шлюза. С удовольствием дерну ручку и посмотрю, как тебя смоет вниз.
— Ах ты, бедняга! — сказала Марго вяло и разочарованно. — Я-то думала, ты мне хоть в рожу плюнешь. А у тебя действительно не стоит.
— Это уже неважно. А важно то, что ты идешь собирать вещи.
— Он меня трахнуть хотел, а у него не стоит, — заявила Марго в пространство и фыркнула. При этом с нижней губы у нее сорвалась слюна и повисла на воротнике.
Боровский поглядел на Марго с тоской во взоре и снова отвернулся.
— Срать я хотела на вашу службу, — абсолютно без выражения произнесла Марго. — И на ваш «Тушканчик», у которого тоже не стоит.
— Молчать! — неожиданно разъярился Фокс. — А ну, вали отсюда, предательница!
— А ты вообще педераст, — сообщила Марго… — И у тебя не стоит. А ты, Иветта, просто дура.
— Капитан Фальцфейн. — Боровский по-прежнему глядел в стену. — Приказываю вам идти в каюту и собирать вещи. Прибыть к шлюзу через два часа. В противном случае выдворю с борта силой.
— Просто дура ты, Иветта, — повторила Марго. — Все же знают, что тебя имеет вся твоя вахта. А потом, между прочим, рассказывает. Неужели ты думаешь, что это хоть для кого-то секрет? Ни у кого здесь не стоит. И все они тебя имеют. И кончают, и кончают… У тебя из ушей не течет?
— Капитан Фальцфейн, — сказал Боровский. — Еще пять секунд, и я вызываю дежурную вахту.
— В три члена они ее имеют, — заговорщически прошептала Марго на ухо Фоксу. — И кончают, и кончают. И из нее течет…
Фокс мелко затрясся и не без труда засунул руки в карманы. Он был в спецкостюме, и ему стоило огромного усилия воли не ударить сумасшедшую, вдруг оказавшуюся на месте честного боевого товарища, с которым вместе было многое пережито. Но сейчас один-единственный удар Фокса мог стать для Марго смертельным. Будь это даже пощечина.
Боровский щелкнул рычажком на груди.
— Аварийную группу ко мне, — сказал он себе в воротник.
Ива стояла ни жива, ни мертва. Ей очень хотелось убежать, но Боровский держал ее сзади за пояс. Наверное, сам не знал, куда деть руки.
— Интересно, — Марго попыталась заглянуть Иве в лицо, — а каково это, когда тебе кончают во все дырки? Из тебя потом течет? А в жопу — это больно? И неужели тебе не противно сосать? А ты глотаешь потом, а, Иветта?
— Вы, ребята, идите пока, — сказал Боровский, отпуская Иву. — Отдохните полчаса. Я тут справлюсь.
— Нет, не уходи! — прошипела Марго, подаваясь вперед. Ива, глядя под ноги, отступила к стене, и Фокс плечом заслонил ее.
— Расскажи, как это на вкус! — попросила Марго. — Неужели не тошнит?
— Ну ты и дура! — обалдело сказал Фокс. Он неожиданно просветлел лицом и расплылся в улыбке. — Да ты же… Вот это да! Ива, ничего ей не рассказывай!
— Пусть так и помрет невеждой, сгорая от любопытства, — добавил Боровский, включаясь в игру.
Это было нечестно по отношению к больному человеку, но мужчины больше сдержаться не могли. Им нельзя было надавать Марго по морде, но уж довести ее до истерики они были готовы. Пусть это и не Марго совсем, а так — безумная говорящая кукла.
— Майкл, пойдем… — через силу прошептала Ива.
— Конечно, солнышко, — сказал Фокс, обнимая ее за талию и уводя по коридору в сторону жилой палубы.
Марго проводила их хищным взглядом и двинулась было вслед, но ее схватила за руку усиленная спецкостюмом железная длань Боровского. И тут-то Марго испустила дикий вопль и кинулась рвать старпома в клочья.
Мимо Ивы и Фокса с грохотом пронеслась аварийная команда — пятеро в спецкостюмах, увешанные разнокалиберным снаряжением. Ива не выдержала, повисла на толстой шее бомбардира и разрыдалась.
* * *
Боровский нашел Иву и Фокса в боевой рубке, темной и пустынной по случаю орбитального дрейфа. Мастер-навигатор Кендалл заливалась слезами, а Фокс ее по мере сил успокаивал. Сил у него явно не хватало.
— Да плюнь ты, Кенди, — сказал Боровский. — Ну чего с нее возьмешь, с сумасшедшей?
Ива согласно кивнула и разревелась в голос. Мужчины переглянулись и отошли в угол.

— Ну? Как там наша Марго?
— Зуб сломала.
— Кому?
— Себе. Кусаться вздумала, с-сука… — Боровский сунул Фоксу под нос свой правый рукав. На мягкой обтяжке спецкостюма медленно разглаживалась вмятина.
— Так все-таки? — спросил Фокс. — По-моему, общественность имеет право знать.
— Да ничего там не было, — Боровский смущенно потупился, и Фокс ему поверил. Если бы в каюте Марго «что-то» имело место, старпом вел бы себя иначе. А так ему действительно нечего было сказать. — Я вызвал ее по связи, — объяснил Боровский. — Говорю: пошли в библиотеку. Она спрашивает: зачем? Я: работать будем. Она снова: зачем? Я говорю: вводная изменилась, Рашен приказал. Ваши гонки доморощенные превращаем в боевой тренаж. Отрабатываем бросок на Марс…
— За-а-чем? — издали поинтересовалась Ива, по-прежнему давясь слезами.
— А ты не подслушивай, — сказал Фокс. — Ты давай отдыхай. Слушай, Жан-Поль, а действительно, зачем?
— Что, опять война?! — встревоженно спросила Ива.
— Да какая, в жопу, война… — Боровский подошел к пульту старшего навигатора, за которым плакала Ива, и успокаивающе похлопал ее по плечу. — Так, коммерческая операция. У марсиан пираты руду из-под носа таскают. Смотаемся к южному полюсу, отработаем по поверхности, собьем пару грузовиков, десант прикроем… Расслабься, Кенди.
— Расслабишься тут с вами… — пробормотала Ива и достала из-под пульта упаковку гигиенических салфеток. Боровский машинально присел на корточки и заглянул вниз.
— Что вы делаете с этими салфетками? — спросил он, мгновенно переходя на характерный подозрительный и неприязненный тон человека, ответственного за материальное обеспечение корабля. — Картридж пустой уже. Вы их что, едите?
— Нет… мы их в задницу… засовываем… — ответила Ива, яростно сморкаясь.
— Ничего не осталось, — пробормотал Боровский себе под нос. — Ресурса ноль, топлива едва-едва, прокладки не держат, люди еле живы… Хочу обратно в психушку. Там все было.
— Ты это… — попросил его Фокс. — Не надо про психушку. Ты на «Тушканчике» единственный, кому там понравилось. Вот и держи это при себе.
Ива за пультом комкала салфетки и бросала их по одной в утилизатор.
— Так все-таки? — повторил Фокс.
— Чего? А-а… Ну, говорю, я сейчас за тобой приду лично, раз ты такая… И пришел. Вот. А она говорит: все равно не пойду. Не буду. Я ей: Марго, ты сдурела? Я твоего рапорта о списании пока не видел. Так что будь любезна, ноги в руки и бегом на место. Прыжками. И тут вижу: а баба-то не в себе. Ну совершенно. Взгляд такой… Мать-перемать! Что делать, не представляю. И тут она сама к двери поворачивается… Ладно, говорит, черт с тобой, уболтал… Ну, думаю, кажется, пронесло. Действительно — мало ли у нас таких случаев было? Космос все-таки. А вот не пронесло ни фига. Прямо хочу прощения у всех попросить, что привел Марго в библиотеку… Стыд-то какой. И что ее так на сексуальной почве заклинило, а?
— Ты это у Линды спроси, — посоветовал Фокс. — Капитан Стенфилд у нас по сексуальному психозу главный специалист. Даром что пребывает в нем постоянно и безвылазно.
Ива опять сдавленно всхлипнула.
— Да забудь, Кенди! — бросил в ее сторону Фокс. — Ну чего ты хочешь от женщины, у которой за всю жизнь ни одного нормального мужика не было? Чтоб не только потрахаться, а еще и для любви?
— С чего ты взял? — спросила Ива, утираясь рукавом.
— Потому что она ни разу в жизни минет не делала, — объяснил Фокс. — Мечтала, а не делала. Конечно, так и рехнуться недолго. Подавленная сексуальность — дело страшное, с ней шутки плохи.
— Тебе это в психушке объяснили? — через плечо съязвила Ива. — И не смотри на меня! Отвернись!
— Даже когда ты вся в соплях, — сказал Фокс назидательным тоном, — ты самая красивая на «Тушканчике». А может, и во всей группе F. Тебя все обожают. Между прочим, Марго к тебе не приставала?
— Заткнись! — сказала Ива и снова принялась всхлипывать.
— Комплименты у тебя, Майк… — заметил старпом. — А Марго ни к кому не приставала. Может, и зря.
Фокс достал из кармана огрызок сигары и зажигалку и, не обращая внимания на присутствие старпома, задымил. Боровский встал на колени у пульта и заглянул Иве в лицо.

Глаза у Боровского были еще более печальные, чем обычно. Умные, совершенно бездонные и чуточку сумасшедшие. Тоскливые глаза. Ива, повинуясь импульсу, обхватила старпома за плечи и уткнулась носом ему в шею.
— Что же будет, Жан-Поль? — шепотом спросила она. — Что же с нами со всеми будет? Мы тоже сойдем с ума…
— Я думал, что надвигается беда, — также шепотом ответил Боровский. — Я ошибся. Беда уже здесь. Держись, Кенди. Кто угодно может сорваться, только не ты. Без тебя мы пропадем. Ты же наша радость, ты символ группы F. Здесь на тебя все буквально молятся. Пока есть наша Кенди, мы будем ходить в космос.
— Не хочу на Марс, — прошептала Ива. — Опять война. Как мне все это надоело… Жан-Поль, миленький, ну сделай так, чтобы мы не ходили на Марс, ты же все можешь…
— Прости, — сказал Боровский. — Ты забыла, я уже не начальник. Я всего лишь старпом на «Тушканчике».
— А ты попроси Эндрю, — посоветовал Фокс. — Пусть он тут что-нибудь сломает.
— Я тебе дам «сломает»! — рыкнул Боровский, возвращаясь к своей обычной старпомовской манере поведения. — Я сейчас тебя всего поломаю с ног до головы! Бомбардир хренов!
— Не надо «Тушканчика» ломать, — попросила Ива жалостно. — Он такой хорошенький…
— Да ерунда. Вернер не сможет испортить корабль, даже если ты его будешь всем флотом упрашивать, — заметил Боровский, поднимаясь. — Воспитание не то.
— Ха-ха, — Фокс значительно поднял указательный палец. — А кто реактор отстрелил на «Декарде»?
— Байки, — помотал головой старпом. — Сплетни. На «Декарде» полетело охлаждение, и реактор пошел вразнос. Был жуткий пожар, началась паника. Коммандер Фуш тогда погиб, настоящий был драйвер…
— Убили Фуша, ты хочешь сказать.
— Майк, перестань нести околесицу.
— Это вы о чем? — спросила Ива, безуспешно пытаясь разглядеть свое отражение в антибликовом стекле монитора.
— Да так, ерунда. Майк старые легенды вспоминает.
— А ты не слышала? — удивился Фокс.
— Про что?
— Про мятеж на десантнике «Рик Декард».
— Майк! — прикрикнул на Фокса старпом.
— Да что такое, Жан-Поль? Почему Кенди не может знать таких вещей? Она уже в курсе, зачем мальчикам нужны девочки.
— Вот пусть на этом ее образование и закончится, — приказал Боровский. — А ты, бомбар-дир, для начала убери свой огонек. До хануки далеко, отсюда не видать.
— Может, я еще и ботинки надену? — предложил Фокс, кривя лицо, но сигару изо рта вынул и аккуратно загасил о стену. Боровский тяжело задышал и выпятил челюсть. Фокс со вздохом взял с пульта одну из уцелевших салфеток и стену протер.
— Отлично, — сказал Боровский. — А теперь марш за ботинками. По обувании — доложить.
— Есть, сэр! Разрешите воздержаться от криков восхищения?
— Бегом!!! — заорал Боровский, и Фокса будто ветром сдуло. Старпом заложил руки за спину и прошелся по рубке. Он ждал вопроса, и тот последовал.
— Действительно был мятеж? — спросила Ива, по-прежнему сидя к Боровскому спиной. Старпом шумно втянул в себя воздух и снова прошагал от стены к стене.
— Значит, был, — кивнула Ива. — Интересно. Лет семь-восемь назад, да? Я ведь про «Декард» почти ничего не знаю.
— И не надо, — буркнул Боровский. — Зачем тебе эта помойка? На флоте и так достаточно грязи.
— А кто-то говорил, что я символ группы F, — вспомнила Ива.
— Группа F чиста, как стеклышко. Как белое платье невесты. Как ты, Кенди.
— С чего ты взял, что я такая чистенькая?
— А мне плевать, — заявил Боровский агрессивно. — Я видел, как ты выводила «Энтерпрайз» из пике. Тебе положено было прыгать в аварийный модуль и спасаться. А ты рулила, как никогда. Ты — астронавт, понимаешь?
— Ничего ты не видел. Ты в обмороке лежал.
— Это официальная версия. На самом деле у меня сердце прихватило. Только смотри, никому не говори, а то старика Боровского вниз спишут. Усекла?
— А то. Не переживай. Я — могила.

— А я вообще о другом. Вторая марсианская кампания вся прошла под этим знаком: тотальный глубокий обморок. Ничего не знаю, ничего не вижу, по существу дела ничего доложить не могу, господин следователь, оставьте меня в покое. А на самом деле по всему флоту творился чудовищный бардак. Корабли изношены, и воевать никто не хочет. А как наш героический десант Ред-Сити расчехвостил? Даже Задница и тот сказал — зря воюем. Марсиане скорее в куполах своих задохнутся, чем на Землю поедут.
— Не знаю. — Ива опустила голову и посмотрела на свои босые ноги. — Я как-то не задумывалась даже…
— А были люди, которые задумывались. Слыхала про капитана Риза?
— Конечно! Он сейчас на «Горбовски». Отчаянный мужик.
— Этот отчаянный мужик спалил выхлопом то ли два, то ли три собственных десантных бота. Не лучшая форма протеста, но…
— Быть не может! — Ива так обалдела, что даже забыла про свой облезший педикюр, который еще за секунду до признания Боровского волновал ее больше всего на свете.
— Может, Кенди. Еще как может. Риза, конечно, судили. А теперь он капитан судна, которое идет на запланированный подвиг. Вероятность успешного возвращения «Горбовски» оценивают в девяносто процентов, но я думаю, врут. И все планеты шлют капитану Ризу восторженные послания. Детям рассказывают, какой он герой. А о том, что Риз сделал над Марсом, знают единицы. И молчат. Я молчу, например. Хотя мне безумно интересно, на каких условиях Риза оставили в живых.
— Быть не может… — повторила Ива упавшим голосом.
— Кругом парадоксы, — вздохнул Боровский. — А что касается «Декарда»… Ладно, сказавши «а», скажу и «бэ». Впрочем… Извини, Кенди, это, разумеется, не мое дело, но я лучше уточню. У тебя с Вернером что, любовь?
Ива густо покраснела и отвернулась.
— Понял, — кивнул Боровский. — Вот ты его и спроси. Он как раз за «Декард» получил Сердце. Тебе он, наверное, расскажет, как там все на самом деле обернулось. Вообще Эндрю редкий человек. У него талант попадать в истории. Так что, Кенди, я повторяю — беда уже здесь. Если в твоем экипаже Вернер, жди неприятностей. Ты извини, я ничего плохого о нем сказать не хочу. И вообще это не мое дело. Но…
— Ты-то его откуда знаешь? — спросила Ива, не поднимая глаз.
— Да его все знают, — усмехнулся Боровский. — Русских астронавтов всего двое. Как их не знать? Ну ладно. Ты, Кенди, подходи в библиотеку минут через десять, ОК? Сможешь рулить? Отдышалась чуток?
— Все нормально.
Боровский кивнул и пошел к выходу из рубки.
— Жан-Поль! — позвала Ива.
— Что? — обернулся старпом.
— Я хотела… В общем, ты очень хороший, Жан-Поль.
— А я знаю, — сказал Боровский пренебрежительно, но все-таки немного смутился. — Мне жена говорила.
Ива рассмеялась. Боровский подмигнул ей и вышел. Старпом был очень рад, что утряс все проблемы, и на вверенном ему судне воцарился относительный порядок. Хотя бы временно.
* * *
Бэттлшип «Люк Скайуокер» не отличался новизной конструкции и был к тому же под конец первой марсианской кампании уже совсем изношен. Когда полицейским срочно понадобилось судно такого класса на усиление, именно «Скайуокер», пыхтя и разваливаясь, погреб с ними к Поясу долбать базу контрабандистов. Как раз старой галоше должно было хватить ресурса на один поход.
Полицейская мелюзга отцепилась от неповоротливых транспортов и нырнула в Пояс, а «Скайуокер» покинул конвой и ушел затыкать место возможного прорыва, откуда должны были, по идее, выскакивать недобитые пиратские корабли. Занял позицию и через несколько часов пропал. С бэттлшипа вдруг перестала идти телеметрия. Подумать, что такой мощный корабль уничтожен, никому и в голову не пришло. Пираты действительно бросились наутек, только через совсем другой проход. Операция уже шла вовсю, в Поясе и вокруг него творились форменные гонки на выживание, и посылать на место разбираться было некого.
А бэттлшип молчал, будто ему все антенны поотрывали.
Поубивав кого надо, а некоторых даже арестовав, полицейские отправили к «Скайуокеру» дестроер, посадив на него для пущего спокойствия ремонтную бригаду. А командир полицейского крыла уселся составлять в штаб группы F язвительную депешу. Мол, знали бы — не просили бы, и каким местом думал тот, кто отправил на серьезное дело этакий

летучий хлам. Но тут командир дестроера обалдело доложил, что терпящего бедствие судна не наблюдает. Для начала ему приказали не орать на всю Солнечную, а поискать обломки. Потом всполошились, сообразили, что дело худо, выстроились в поисковый ордер и двинулись прочесывать окрестности. Но бэттлшип словно в Пояс нырнул. Чего, разумеется, быть не могло ввиду солидных размеров и недостаточной маневренности корабля. Полицейский командир был тот еще драйвер, на поиске и спасении заслужил ордена, и когда в Адмиралтейство переслали его покаянный рапорт, там стрелку переводить и не подумали. А тут же сообразили, что к чему, и виноватого нашли своего. Засудили начальника штаба группы F за потерю бдительности. И думать было нечего: «Скайуокер» дезертировал. За каким чертом это понадобилось экипажу, тоже догадались. «Скайуокер» не раз ходил к Венере, где его командир вполне мог снюхаться с местными. Нейтральная Венера давно потихоньку копила серьезные корабли. Тоже бунтовать готовилась. Разумеется, и следствие, и трибунал шли в режиме глубокой секретности. Официально «Скайуокер» объявили, как, собственно, и было дело, пропавшим без вести. А осужденного начштаба якобы расстреляли за воровство в особо крупных размерах. На самом деле его запихнули в одиночку, дабы устроить очную ставку с командиром «Скайуокера» в случае поимки оного и выяснить, не было ли преступного сговора. Так упрятать военного оказалось несложно — у большинства действующих астронавтов внизу не было ни семей, ни друзей. Некому интересоваться, куда ты пропал. А из интересующихся, которые наверху, попробуй кто заикнуться — не ровен час, сам в урну сыграешь.

Начальник штаба группы F колоссальной силы воли оказался человек. Потому что утопиться в тюремном душе — это вам не для слабонервных. Дышал водой, пока не захлебнулся. Чем и подтвердил, что хранил за душой неслабые грешки. На вакантную должность прочили Успенского, но тот упирался вплоть до грубости и нетактичного поведения. Тогда назначили Эссекса, которому в приватной беседе порекомендовали сбить с этого русского спесь и вообще навести в группе порядок. Эссекс с Успенским на радостях крепко выпили и тут же, не выходя из-за стола, вдребезги разругались. Вплоть до перехода на «вы» и обращения друг к другу строго по Уставу. Что лишний раз доказывает, как портит характер повышение по службе.

А про «Скайуокер» до поры до времени забыли. Тем более, агентура на Венере не смогла отыскать след мятежного корабля.

Основную пользу из всего этого бардака с загадочным исчезновением линкора вынесли полицейские. Им тут же отдали три новеньких бэттлшипа. На случай, если дряхлый, но хорошо вооруженный «Скайуокер» вдруг объявится как перевозчик контрабандных руд или, что еще страшнее, — пират.

Но «Скайуокер» не посрамил славного имени и через месяц объявился, как положено геройскому боевому судну, пропавшему без вести, — в виде аварийных модулей.

На первый модуль случайно наткнулся патруль. Кусок носовой секции, рассчитанный на спасение персонала ходовой рубки, болтался над Поясом. Целехонький и совершенно пустой. Сняли данные «черного ящика» и обнаружили, что сброс модуля произошел совсем не там, где бэттлшип должен был находиться. «Скайуокер» совершил почти невообразимый бросок вдоль Пояса, а потом — к нему вплотную, словно пытаясь спрятаться. Озадаченные полицейские начали активный поиск и через неделю отловили еще один модуль — для боевой рубки. Тоже пустой.

К спасательной операции подключилось Адмиралтейство. У Марса задержали группу F, а всю остальную армию двинули к Поясу. В итоге беспрецедентных поисков добыли еще четыре модуля, но тайну гибели «Скайуокера» так и не раскрыли. Да, в модулях оказались люди. Целых двадцать. Только все они на момент катастрофы были в отдыхающей смене. Как и положено во время боевого крейсирования, эта смена дрыхла по кубрикам, не раздеваясь, закрыв маски спецкостюмов и подключившись к бортовой воздушной магистрали, чтобы попусту не расходовать свои баллоны. Проснулись люди от дикой перегрузки, а потом где-то в носу раздался страшный бабах. «Скайуокер» кувыркнулся, перегрузка возросла, и коммандер Бэнкс по трансляции заорал: «Всем прыгать!» Ну они и прыгнули. А больше никто. Припав к экранам в модулях, уцелевшие силились разглядеть покинутый корабль, но космос оказался пуст.

Спасенных долго и нудно допрашивали, какой силы была перегрузка и на что похож был страшный бабах. Установили, что бэттлшип резко прыгнул вперед, получил сильнейший удар в скулу и затем самым полным рванул в сторону Пояса. И только-то. За кем именно коммандер Бэнкс погнался, как схлопотал по носу и от кого удирал — так и осталось загадкой.

«А вдруг чужие?» — спросил один умник в Адмиралтействе и тут же огреб жуткую выволочку.

«Точно чужие!» — сказал Успенский, и ничего ему за это не было, потому что произнес он эти слова шепотом и себе под нос.
«Эй, коммандер! Слыхали, как чужие «Скайуокера» уделали?» — спросил его Эбрахам Файн, с которым они случайно встретились на базе внизу.
«Потише, Эйб, — посоветовал ему Успенский. — Доложит ведь какая-нибудь сволочь про такие разговорчики».
«Вы лучше зайдите к нам в разведку, пока я здесь, — сказал Файн. — Покажу один архивчик. Интересный, блин».
«А начальство ваше этот архив видело?» — поинтересовался Успенский.
Файн плюнул и ушел. Даже разведка в чужих не верила. Конечно, многие из армейского руководства понимали, что в космосе сплошь и рядом творится нечто, чего люди не в состоянии объяснить. Иногда это нечто проглатывало скауты и буксиры. Вот, замахнулось на бэттлшип. Но считать загадочные аномалии пространства разумными — это уже попахивало шизофренией. Космос был жесток, но при ближайшем рассмотрении всегда оказывался мертв.
Прошла еще пара месяцев, и на траверзе Земли вдруг обнаружился очередной модуль со «Скайуокера». В модуле лежал бездыханным лейтенант Джозеф Мейер. С изуродованным лицом и под медикаментозной накачкой, известной в народе как «последний шанс». Когда его привели в чувство, изумляясь отваге и находчивости совсем молодого парня, и Мейер смог говорить, ситуация яснее не стала. В момент неожиданного рывка лейтенант работал в библиотеке. «Намордник» спецкостюма был у него в нарушение инструкции расстегнут. Когда «Скайуокер» прыгнул, будто его укусили за хвост, Мейер въехал лбом в монитор и на несколько секунд отрубился. Очнулся лейтенант от того, что уши у него съезжали к плечам, а глаза собирались вытечь. Мейер поспешно закрыл маску, но поскольку физиономия его существенно изменила конфигурацию, то усилителями бедняге порвало щеки и подбородок. Глотая кровь, он слегка отдышался и собирался уже бежать в ходовую рубку, но тут Бэнкс скомандовал прыгать, и Мейер нырнул в ближайший аварийный лаз. Больше до этого модуля не добежал никто, и лейтенант остался в одиночестве.
Так же, как и остальные спасенные, Мейер согласно инструкции остался ждать прихода «катафалка». Других модулей поблизости не было, и установить с ними радиоконтакт Мейер не смог. А «катафалк» все не ехал и не ехал.
Возможно, Мейера просто не заметили. Модуль при отстреле обо что-то сильно приложило, и у него не вышли наружные антенны и солнечные батареи. Системы модуля опасно пожирали энергию аккумуляторов. Вдобавок лейтенант, даром что был навигатор, осмотрелся и сообразил, что сбросило его непонятно где, но точно не там, где надо. А в опасной близости от Пояса. И судя по всему, над богатой железом зоной, где сканеры «катафалка» могут оказаться не на высоте. Мейер тихо присел в уголок и стал ждать в надежде, что его засекут оптикой.
Не засекли.
Через месяц Пояс уволок его к точке невозврата. Если ждать дальше, рассудил лейтенант, мощности двигателей модуля не хватит, чтобы отлипнуть от Пояса и уйти к Земле. Точнее, если запоздать с маневром, модуль пойдет домой с таким мизерным ускорением, что Мейеру все равно не жить. И провиант сто раз кончится, и кислород он весь «сдышит», и аккумуляторы сядут окончательно. А так хоть какой-то шанс — направить модуль на Землю, и, глядишь, на подходе тебя обнаружат.
Оставался, правда, один гаденький нюанс. Топлива в двигательной установке модуля только на одну посадку. И то на крайний случай. Модуль — не судно, даже не шлюпка, а спасательный плотик. Но, учитывая военный характер техники, маломощную ходовую часть в нее все-таки запихнули. С таким ресурсом, какой влез.
Так что рвани лейтенант напрямую к матушке-Земле, на мягкую посадку у него не осталось бы ни малейшего шанса. Конечно, с орбиты его должны были заметить. Но могли и прохлопать. Мало ли железа вокруг болтается. А сгореть в атмосфере, когда ты уже, считай, дома, — просто несерьезно.
Поэтому Мейер решил пойти на риск и двинуть мимо Земли по касательной, чтобы пройти через максимальное число сканируемых зон. Перенастроил двигатели и стартовал. А себе вколол «последний шанс» — комплексную инъекцию из громадной дозы витаминов и умного наркотика, загоняющего человека в псевдоанабиоз. А то кислорода у него оставалось едва-едва глубоко вдохнуть.
Не прогадал. Заметили, подобрали, вывели из сна.
Восхищенная подвигом родина отогрела лейтенанта Джозефа Мейера, подкормила, допросила, вручила орден и осведомилась, чего герой хочет. Мейер заказал для начала пластическую операцию, а потом — курсы переподготовки. Родина не отказала. Только взяла подписку, что про «Скайуокер» и свой отчаянный дрейф Мейер даже не заикнется. А

еще провела с лейтенантом обстоятельную беседу в офисе армейской контрразведки. И отпустила подобру-поздорову дальше воевать.
Лицо Изе сделали не хуже прежнего, а специальность он поменял с навигатора на штабного планировщика. Чтобы больше в одиночный патруль не ходить никогда. И действительно, очень скоро Мейер прибился к штабу Эссекса, а потом стал адъютантом начальника. Женился (молодец!), нарожал здоровых нормальных детишек (везет же некоторым) и ни на что не жаловался. А когда его спрашивали: «Ты на чем ходил, мужик?» — он то врал, то отшучивался.
А через несколько лет «Скайуокер» начал сыпаться на Марс. Ненавязчиво, по запчастям. Осматривать детали отправили самых проверенных и компетентных, включая лейтенанта Вернера, который еще не успел заработать дурную репутацию. Ничего вразумительного осмотр не дал. Удалось только выяснить, что бэттлшип порвало на куски невероятно мощным взрывом. Обломки сильно излучали, и комиссия со скрипом и покачиванием головами заключила, что долбанул реактор. Это никак не вязалось ни с загадочными маневрами, ни с бабахом в носовой части. Но на то и комиссия, чтобы скрипеть и качать головами, а заключения — составлять.
Еще Вернер нашел вплавленный в обшивку нагрудник спецкостюма с отчетливыми следами крови изнутри и табличкой «lt J. Меуег» снаружи. Припомнил сокурсника Изю, пожал плечами, о находке доложил по команде и больше об этом случае не думал. Из однокашников Вернера и без того погибла едва ли не половина. А потом Эндрю списали вниз, и начались такие личные проблемы, что самому впору было по стенке размазаться.
Разумеется, Вернер не был удивлен, обнаружив сокурсника Изю на борту «Тушканчика», живого и невредимого, да еще при адъютантском мундире. Он его просто не узнал. Но Мейер ему о себе напомнил. И тут Эндрю, что называется, поплохело.
Может, поэтому он и не поцеловал Иву тогда, в битком набитой людьми библиотеке. А хотел ведь.
* * *
У своего кабинета Линда остановилась.
— Ты иди, — сказала она Изе, ныряя за дверь, — а я догоню. Мне обуться надо.
Изя кивнул и заспешил по коридору дальше. Но тут ему навстречу открылась дверь, и на территорию жилой палубы ввалилась целая делегация.
Во главе колонны следовал малый состав охраны контр-адмирала Задницы в количестве шести здоровенных лбов при автоматическом оружии. Следом важно шествовал сам Эссекс, что-то втолковывая на ходу Рашену, злому и взъерошенному. Замыкал шествие лейтенант Вернер. С боков его подпирали двое охранников Рашена. Вид у них был донельзя воинственный, и Изя на какой-то миг решил, что Вернера арестовали. Но тут Рашен поднял голову, увидел Изю и сказал: «Ага!»
Изя щелкнул было каблуками, но его уже профессионально взяли за шкирку, развернули лицом к стене и с ног до головы обшарили проворными ладонями.
— Да вы что?! — возмутился Изя.
— Молчать, капитан! — рявкнул Эссекс, и тот благоразумно притих.
В карманах у Изи оказалось несколько пластиковых карточек, пачка салфеток и рамка с голографической фотографией семьи.
— Негусто, — сказал Рашен. — Ну что, Изя, будем сознаваться?
— В чем? — искренне удивился Изя.
Из кабинета вышла Линда, уже в ботинках и тщательно причесанная, и в изумлении уставилась на распластанного по стене Изю.
— Что такое? — спросила она. — Сексуальные домогательства?
— Фил, — сказал Рашен. — Рекомендую — наш психолог капитан Стенфилд.
— Наслышан, — осклабился Эссекс, протягивая Линде руку и пожирая глазами ее мощный бюст. Капитан Стенфилд отсалютовала, расплылась в улыбке и учтиво пожала руку Заднице.
— Кажется, мы встречались когда-то внизу, — проворковал Эссекс, не в силах оторвать взгляд от выпуклостей под комбинезоном Линды.
— Очень даже может быть, — в тон ему ответила Линда.
— Прекратить! — скомандовал Рашен. — Линда, мы к тебе. Можно зайти?
Линда сделала приглашающий жест, и охрана волоком утащила Изю в кабинет. Следом зашло начальство. Линда бросила озадаченный взгляд на Вернера, но тот указал ей подбородком на дверь и согласно Уставу вошел в каюту последним. Телохранители Рашена в напряженных позах встали снаружи, дверь закрылась.
Кабинет у Линды был раза в три больше, чем у адмирала, с уютными креслами, живописью на стенах и прочими расслабляющими аксессуарами. Эссекс, почувствовав вокруг слишком много пространства, ссутулился и отошел в утолок. Здесь оказалось неожиданно просторно,

и не скажешь, что жилая зона боевого корабля, всего-навсего круизера. Еще одни такие же личные апартаменты полагались только доктору Эпштейну, но там все было забито медицинской техникой.
Охрана уронила Изю в кресло и угрожающе нависла над арестантом со всех сторон.
— Молодцы, ребята, — похвалил охранников Рашен. — А теперь свободны.
Старший охраны удивленно посмотрел на Эссекса. Тот кивнул, и бойцы с недовольными лицами убрались за дверь.
— Значит, так. — Рашен заложил руки за спину и подошел к Изе вплотную. — Ты сиди, сиди…
— Можно я к вашему терминалу…? — спросил Эссекс у Линды.
— Да пожалуйста… — Линда, видимо, уже поняла, чего от нее хотят, и исподволь внимательно разглядывала перепуганного Изю. Эссекс с видимым облегчением спрятался за рабочий стол, развернул к себе монитор и принялся теребить контактную доску.
— Связь блокировал, — сообщил он. — Теперь нам не помешают.
— Значит, так, — повторил Рашен. — Это допрос. Я буду спрашивать, а ты будешь отвечать. Быстро и четко. Осознал?
— Так точно… — пробормотал Изя.
— Имя, звание, должность, — без выражения произнес Рашен.
— Капитан Мейер, старший помощник начальника штаба усиленной бригады Attack Force, господин адмирал, сэр!
— Где получал специальное образование?
— Город Ванкувер, Соединеные Штаты, высшее специальное военно-космическое, факультет навигации, господин адмирал, сэр! Затем курсы штабных аналитиков на базе Орли, Париж, Европа, господин…
— Можно без званий.
— Да, сэр!
— Куда распределен по окончании училища?
— ББК «Пиркс». Младший навигатор, сэр. По окончании переподготовки — БМК «Джон Гордон», сэр!
— Ну, — кивнул Эссекс, глядя на монитор. — Правильно врет. Да я этот файл сто раз видел…
— Это кто? — спросил Рашен, указывая на Вернера, который невоспитанно уселся на край стола и через плечо Эссекса тоже заглядывал в монитор.
— Это Эндрю Вернер, сэр. Мой сокурсник, технический факультет.
— Твой сокурсник утверждает, что ты ходил не на «Пирксе», а на «Скайуокере». У него есть убедительные доказательства.
— Не может быть, сэр, — твердо сказал Изя, распрямляясь в кресле. — ББК «Пиркс», сэр. Младший навигатор. А с господином Вернером мы, извините, сэр, по окончании училища встречались исключительно внизу и о служебных делах не разговаривали.
— Ты уверен, Изя, что скажешь то же самое под гипнозом? — поинтересовался Рашен.
Линда сунула руки в карманы и подалась вперед.
Изя опустил глаза и весь как-то обмяк.
— А? — спросил Рашен. — Не слышу ответа, капитан Мейер, или как вас там.
— Почему вы ему верите, а мне нет, сэр? — пробормотал Изя. — Вы посмотрите, он сколько лет служит, а всего лейтенант. Он же псих, это все знают.
— Я такой же псих, как ты капитан Мейер, — процедил Эндрю.
— Цыц! — сказал Эссекс. — Не встревай, лейтенант. Здесь тебе не русская чайная.
— Виноват, сэр.
— Тот-то же. Мейер, кто поменял информацию в твоем файле?
— Господин контр-адмирал! — взмолился Изя. — Ну вы же меня знаете!
— Отвечать!
— Да я понятия не имею, о чем вы, господин контр-адмирал! В чем дело-то? Какой «Скайуокер»? Ну, был такой ББК. Кто-то его в Поясе крепко расколотил, так, что одни модули остались, да и те, говорят, пустые…
— Эта история со «Скайуокером» покрыта завесой секретности от начала и до конца, — вздохнул Рашен, оборачиваясь к Эссексу. — Мы ведь тоже знаем, что он ушел к Поясу вместе с полицией и не вернулся. И все. Правильно, какие-то аварийные модули нашли, но был ли там кто живой, официально не сообщалось. Вот на этом наш друг Изя и погорел…
— Ничего не понимаю… — почти шепотом сказал Изя.
— Обломки «Скайуокера» потом упали на Марс, — объяснил Рашен. — И твой друг Эндрю…
— Да не друг он мне никакой! — взвыл Изя.

— Не перебивай. Твой никакой не друг Эндрю работал на подхвате в аварийной комиссии. И нашел кусок спецкостюма с табличкой «лейтенант Джей Мейер». Доходчиво объясняю?
— Да этих Мейеров — как говна! — в голос заорал Изя. — Вы что, тоже с ума посходили?! Кого вы слушаете?! — от собственного вопля он сам чуть не оглох и бессильно скомкался в кресле.
— Ох, и нечиста же у тебя совесть, дружище! — сказала Линда.
— Говна на флоте точно много, — заметил Эссекс. — А Мейеров за последние двадцать лет появилось всего-навсего трое. Один якобы ты. А еще двое, Эфраим и Мордехай, — командиры десантных батальонов. Чего бы им, спрашивается, делать на бэттлшипе, приписанном к группе F? А?
Не кажется ли тебе, дорогой мой адъютант Изя, что один из этих Мейеров действительно говно?
— А Вернера, между прочим, списали вниз после этого случая, — заметил Рашен. — И загнали в обслугу, чтобы с астронавтами не болтал.
— Это ты зря, — перебил его Эссекс. — Вернера я списал. Ты же мне не говорил, что он твой…
Рашен укоризненно поглядел на Эссекса и почесал в затылке.
— Видите, ничего не сходится, — поспешно вставил Изя. Вернер машинально отодвинулся от Задницы подальше и уставился в пол.
— Извини, лейтенант, — сказал Эссекс. — Но тебя после взрыва на «Виггине», и особенно после «Декарда», никто брать не хотел. За тобой беда ходит, ты в курсе? Сам видишь, сплошные неприятности…
— Я их не искал… — тихо произнес Эндрю, не поднимая глаз.
— До чего ж вы суеверные, астронавты! — усмехнулась Линда. — Слушайте, господа адмиралы, давайте, зайдите ко мне как-нибудь, а? Ничего особенного…
— Успеется, — сказал Рашен. — Ладно, Andrey на нас не в обиде. В конечном счете все обернулось не так уж плохо. И вообще, мы эту ситуацию потом обсудим. Верно, Andrey?
— Все нормально… — тихо сказал Эндрю.
— Как насчет гипноза? — учтиво спросил Рашен, обращаясь к Линде.
— Без проблем, драйвер. Расколю его как миленького.
— Я буду все отрицать, — пообещал Изя. — В смысле — потом.
— Ну ты дурак! — расхохотался Эссекс. — Ты что же решил, мы тебя судить будем? Судом присяжных? Ха-ха-ха!
— Мы тебя просто в мусоропровод спустим, — объяснил Рашен. — Не переживай, больно не будет. «Последний шанс» тебе воткнем, и головой в люк. А летать тебе не впервой, навигатор все-таки. Pidaras.
— Не посмеете! — окрысился Изя. — Здесь вам не Россия! Быстренько вслед за мной загремите!
— Слушай, Линда, чего он такой агрессивный? — благодушно осведомился Рашен.
— Да он с самого начала все понял, — объяснила Линда. — И никак не может решить, сразу колоться или чуть погодя. Вот, душу отводит, ловит свой кайф, рычит на начальство. Моментом пользуется, крысняк мелкий.
— А-а… А Россию ты, Изя, лучше не трогай. Здесь точно не Россия, здесь пока что люди живут. А вот из-за таких, как ты, от группы F может остаться груда металлолома. Давай, рассказывай, кто ты есть на самом деле. А то у нас времени в обрез. И про мусоропровод я не шутил, клянусь.
— Я потом буду все отрицать, — повторил Изя.
— Ну, заладил, yolkee-palkee! Изя, мне плевать, что ты скажешь потом. Мне важно знать правду.
— А потом вы меня убьете!
— Не обязательно.
— Это как? — удивился Изя.
— Нам тоже нужны свои люди в Адмиралтействе, — объяснил Рашен. — Между прочим, сколько они тебе платят?
— Да уж побольше, чем вам… — признался Изя.
— Нет, — отрезал Рашен. — Я тебе могу заплатить по самой высокой ставке. Если мы договоримся, выйдешь отсюда живым.
— Я вам не верю, — сказал Изя твердо. — Вы, русские, нас арабам продали. А потом весь мир — китайцам. И Россию тоже продали. И меня сначала купите, а потом тоже продадите. Русские — самая хитрожопая нация на свете. Пусть мне гарантии дает господин Эссекс, но только не вы…
Рашен на протяжении этой глубокомысленной проповеди стоял неподвижно и даже в лице не изменился. Но когда Изя замолк, адмирал сделал резкое, почти неуловимое движение

правой рукой. В кабинете раздался негромкий хлопок. Подголовник Изиного кресла разлетелся в клочья, и что-то глухим шлепком ударило в стену.
Изя медленно поднял руку, потрогал разорванное ухо, поднес окровавленную ладонь к лицу, и взгляд его остекленел.
Глухо щелкнуло — это адмирал спустил взведенный курок, придерживая его большим пальцем.
На глазах у Изи выступили крупные слезы.
Рашен не спеша убрал в набедренный карман маленький черный пистолет.
— Пытки выдержишь, жиденыш? — спросил он почти ласково.
— Матерь Божья… — прошептал Изя, разглядывая свои трясущиеся пальцы, с которых капала на пол кровь.
— Бога нет, — заметил Рашен. — Во всяком случае, для тебя.
— Бог есть ненависть, — сказала Линда. — А тебе сейчас, Изя, позарез нужна любовь. Кстати, господин адмирал, я вам не разрешала тут стрелять.
— Залатай ему ухо по-быстрому, — приказал Рашен. — И не возникай. Шутки кончились. Мы на военном положении уже почти час. Застрелю любого, кто мне не понравится.
— Почему военное?.. — громким шепотом спросил Вернер.
— На Марс идем, — проворчал Эссекс. — Контрабанду душить. Полицейских недостает, видите ли.
— Господин адмирал! — позвал Вернер. — Разрешите? Так, может, я?..
— Иди, Andrey, — кивнул Рашен, не оборачиваясь. — Продолжай работу. И спасибо. Потом увидимся.
— Есть, — Вернер кивнул Эссексу, подошел к двери, нажал кнопку и испуганно отшатнулся. В коридоре стоял такой оглушительный мат, какого не бывает, наверное, даже в бою. Это орал коммандер Жан-Поль Боровский. В качестве мальчиков для битья выступала охрана, не пускавшая старпома к переговорному устройству на двери.
— Что еще такое?! — рявкнул адмирал, перекрывая командным ревом вопли в коридоре. — Пропусти!
— Блядь! — выдохнул Боровский, продираясь сквозь охрану. — Ой, виноват, сэр! У нас ЧП. Мне Линда нужна позарез. А у вас тут… Виноват, сэр! Я лучше потом.
— Какое еще ЧП? Зачем тебе Линда? Что, крыша поехала у кого-то?
— Так точно, сэр! Старший навигатор Фальцфейн. Сначала категорически отказалась выполнять приказы, а потом взяла и свихнулась.
Из-за перегородки высунулась Линда с баллоном анестетика в руке.
— Давно пора, — заметила она.
— Это какая Фальцфейн? — оживился Эссекс. — Куколка такая светленькая, с круглой попкой?
— Да нет, — отмахнулся Рашен. — Светленькая — это наша Кенди. А Фальцфейн — шатенка. Ты ее не знаешь.
— Мы ее пока депрессантом жахнули, — сказал Боровский извиняющимся тоном. — Но боязно что-то. Вдруг очнется…
— Линда занята, — отрезал Рашен. — А Марго — расстрелять na hui. Не до нее сейчас.
— Чего? — вылупился на адмирала Боровский.
— Пойдемте, Жан-Поль, — сказал Эндрю, обнимая старпома за талию и вытаскивая в коридор. — Видите же, заняты люди.
— Как это — расстрелять? — пробормотал Боровский.
— Na hui, — объяснил Рашен. — И дверь закрой.
В коридоре старпом обвел потрясенным взглядом охрану. У бойцов, которые разговор прекрасно слышали, вид тоже был так себе.
— Мужики, — спросил Боровский. — А вы расстреливать умеете?
Мужики обалдело переглянулись. Кто-то нервно хихикнул.
— Может, обойдется… — неуверенно заметил старший охраны Эссекса, довольно симпатичный здоровяк-капитан.
— И не надейся, — печально сказал один из телохранителей Рашена, украдкой подмигивая Боровскому и высовывая язык. — Если бы Задница приказал, тогда еще туда-сюда. А тут сам Рашен. Наш патрон слов на ветер не бросает. Давай, поднимай архив, выясняй, как это делается.
— А почему я? Почему не вы, например? — капитана прямо затрясло.
— А потому что расстрельная команда минимум пять человек. Как раз — и ты главный. Командовать будешь. Отмашку давать.
— Суки! — догадался капитан. — Разыгрываете, да?
— Не-а, — помотал головой Боровский.

Капитан широко открыл рот. Потом закрыл. Боровский еще год назад был заместителем Рашена по боевой части и наводил ужас на всю группу F, пока не загремел в психушку с нервным истощением. Иначе он был бы уже контр-адмиралом, и все об этом помнили. До сих пор единственным судном, на котором Боровского не боялись, оставался «Пол Атридес». Здесь коммандер был просто лапочка. Но стоило ему появиться где-либо еще, как все разбегались. Даже вооруженная охрана. Ходили слухи, что Боровский отсидится на «Тушканчике» немного, а потом Рашен вернет его на организационную работу. И когда он снова примется дрючить экипажи и гонять корабли… Лучше уж война.
А его друг и начальник адмирал Рашен, весьма опасный человек, говорят, когда-то собственноручно кого-то шлепнул. За неповиновение.
— Готовьтесь, капитан, — жестко приказал Боровский. — Формируйте расстрельную команду. Печально, конечно, но что поделаешь… Нам в походе балласт ни к чему.
— Значит, вы это серьезно… — упавшим голосом пробормотал капитан.
— Слышали же приказ — расстрелять.
— Да как же так?! — взвился капитан. — Расстрелять?! Безоружного человека убить?! Женшину-у! Да вы что, коммандер?!
— Почему обращаетесь не по Уставу? — посуровел старпом.
— Виноват, сэр. Но…
— Вы слышали, что мне было сказано?
— Но…
— Повтор-р-ряю!!! — начал очень правдоподобно закипать старпом. — И больше не стану! Вы уже мне тут прекословили, молодой человек! Уже допустили нетактичное поведение! И что, вам этого мало показалось?!
— Ох…
— Нет, вы слышали или что, капитан? Оглохли, мать вашу?! Вы, блядь, на борту чего?! Военное положение! Боевое судно! Охр-р-рана!!! М-мать! После расстрела все немедленно в карцер! На сухой паек! Так и доложите контр-адмиралу! Ответственный — вы, капитан! А я прослежу!
— Лучше всего в грузовом шлюзе, — подсказал Вернер. — Поставить Марго к внешнему люку, ба-бах, потом внутренний закрыть, а внешний открыть и дать продувку.
У капитана было такое выражение лица, будто он сейчас потеряет сознание. Телохранители Рашена за его спиной буквально съезжали по стенке от беззвучного хохота. Охрана Эссекса, которая, обмирая, таращилась на Боровского, этого не замечала, и выручить капитана было некому.
— Хорошая идея, — поддержал Вернера Боровский, переходя на спокойный деловой тон. — Так и сделаем. Понял меня, капитан? Готовь людей. Так уж и быть, потом литр самогона вам поставлю. Считай, я тебя простил. Я же понимаю… Не переживай, это только в первый раз трудно.
— Приказ… — выдавил капитан. — В письменной форме… На бумаге… Ой, что-то мне нехорошо…
— Лови! — скомандовал Боровский.
Подчиненные схватили капитана под руки и осторожно уложили на пол.
— Будешь знать ты, поц, как распоряжаться на моем корабле, — гордо заявил старпом. — Я здесь главный, коммандер Боровский! А ты никто! У себя на «Гордоне» возникай. А «Тушканчик» — мое хозяйство. Ладно… — он перевел взгляд на телохранителей Рашена, и те вдруг перестали смеяться.
— Эти заезжие слабаки не справятся, — объяснил им Боровский.
— И что? — осторожно спросили местные.
— А то, что расстреливать Марго будете вы!
* * *
— Свет, — пробормотал Изя. — Вижу свет…
Он уверял, что его зовут Джозеф Мейер. Он рассказал, как катапультировался с подбитого бэттлшипа и совершил беспримерный дрейф на крошечном модуле от Пояса к Земле.
— Очень яркий свет. И очень теплый. Как будто с Земли смотришь на Солнце…
Он уже выложил все о контактах с военной контрразведкой, вплоть до канала связи и кодовых слов. Бедняга Эссекс, слушая откровения своего адъютанта, объел на руках все ногти.
Допрос продолжался больше часа — из памяти Изи выковыряли даже именной список экипажа «Скайуокера». Кто-то ведь еще спасся помимо лейтенанта Мейера, и этих астронавтов нужно было теперь искать. Потому что стало ясно: Адмиралтейство использовало шанс заполучить людей без прошлого, сделать их секретными агентами и рассовать по всему флоту, целясь поближе к ключевым должностям.

— А потом… А потом я заснул, — сказал Изя и тут же действительно заснул, прямо внутри гипнотического транса.
— Он на самом деле заснул, — кивнула Линда, отрываясь от монитора и глядя на Рашена с немым вопросом в глазах. — Он больше ничего не помнит. То есть… Ну, вы понимаете. Скажем так: это существо обладает в полном объеме памятью лейтенанта Джозефа Мейера. Который увидел свет и заснул.
Рашен с усилием провел рукой по лицу.
— Никаких шансов? — спросил он.
Линда снова посмотрела на монитор, встала, подошла к Изе и принялась собирать с его головы контакты гипнорекордера.
— Стерто все, — сказала она. — Нет, может, что-то у него и записано, но, скорее всего, на таком языке, какой мы читать пока не в состоянии. Я ведь угадала, а, драйвер?
Она наткнулась на эту информацию случайно. Что-то ей показалось странным в рассказе Изи о том, как он болтался над Поясом, и Линда попросила его вспомнить детали. И тот рассказал, как на пятые сутки увидел загадочный свет. Увидел и заснул.
Эссекс поскреб тщательно выбритый подбородок и так вздохнул, что Рашен неодобрительно покосился на него через плечо.
— Сколько Абраму осталось ходу до Цербера? — спросил он. — Недели две?
— Пятнадцать дней.
— Пошли ему вдогонку приказ. Увидит свет — пусть не засыпает, а двигает оттуда самым полным. Не пытаться рассмотреть, понял? Бежать немедленно.
Эссекс утвердительно кивнул и вздохнул снова.
— Чужие? — спросила Линда, приподнимая Изе веко и заглядывая в глаз.
— Да кто его знает, — уклончиво ответил Рашен.
— Но ведь ему приказано этот случай забыть…
— А почему этого не могли сделать в Адмиралтействе? Ты что-нибудь знаешь об экспериментах по клонированию? Они ведутся сейчас?
— Понятия не имею, шеф.
— Но тем не менее образец ДНК каждого астронавта лежит в банке данных строевой части. Теперь представь — накрылся корабль. Дядя Гуннар отдает приказ контрразведке. Та выращивает нового Джозефа Мейера взамен погибшего, сочиняет милую легенду, для большего правдоподобия секретит ее… Нет, концы с концами не сходятся. Зачем тогда этот свет?
— Вот именно — зачем?
— Слушайте, Линда, а не получится распотрошить ему башку и узнать, что же там все-таки было? — поинтересовался Эссекс. — Я имею в виду, ну, хирургическое вмешательство какое-нибудь…
— Не моя компетенция, — хмуро ответила Линда. — Может, нейрохирург вам и скажет, а для меня это слишком. Да и вряд ли что получится. Наша хирургия до сих пор смотрит на мозг, как на компьютер. А это самый примитивный и лобовой подход, какой только можно вообразить.
— Кто сказал, что чужие умнее нас? — заметил Рашен.
— Так, значит, чужие, да? — оживилась Линда.
— Я же говорю — понятия не имею… Может быть.
— Умнее они нас или нет, — сказал Эссекс, — но что у них все по-другому — это факт. И как бы мы ни искали, чего они ему там записали на винчестер, толку не будет. Потому что искать мы будем не то, да и методы наши не те… Сам подход. Уверен.
— Слушайте, господа, — Линда вдруг села. — Вы хоть соображаете, какую бредятину мы сейчас несем?
— А чего ты от нас хочешь, от сумасшедших? — удивился Рашен. — Мы же военные астронавты. Постоянный стресс, нервные срывы, травма на травме, медицинскую печать ставить негде.
— По мне уже десятый год больница плачет, — на полном серьезе поддержал его Эссекс. — Как уйду на пенсию, тут же лягу.
— Ой, не смешите, — отмахнулась Линда. — Таких сумасшедших, как вы, целый флот. Мало ли у кого травмы. Ну, тревожные все, не без этого. Опять-таки, сексуальные проблемы… И вообще, жениться вам надо, господа мужчины.
Каждому по бабе, и чтобы нормальный дом. Все как рукой снимет. А вот когда вы начинаете про чужих задумываться…
— Ладно, хватит, — приказал Рашен. — Ты, конечно, профессионал, и за Марго тебе отдельное спасибо, но что касается чужих, это, милая, просто не твоего ума дело. Ясно?
— Да, сэр, — надулась Линда. — А за Марго не благодарить меня надо, а лицензию отобрать.

— Нам балласт ни к чему, — сам того не зная, повторил Рашен слова Боровского, сказанные час назад в коридоре. — Психопатка на руле — угроза боеспособности. Линда ее на обострение спровоцировала, — объяснил он Эссексу. — Сам понимаешь, не могу я списать человека вниз по одному только подозрению, что он больной.
— А я могу, — твердо сказал Эссекс. — Я добрый.
— Ты, наверное, совсем размякший был, когда Вернера списывал, — вспомнил Рашен. — Уверен, что никто тебе ничего не говорил насчет Эндрю?
— Да уверен. Помню я его отлично. Как тут забудешь — русский же. Опять-таки, «фон Рей», погружение в Юпитер… Классика. Нет, Алекс, ты прости, но я все отлично помню. Его действительно никто не хотел брать в экипаж. И ты в том числе.
— Мы тогда повздорили слегка… — потупился Рашен. — Понимаешь, я ведь его на флот привел. Конечно, отношения у нас были совсем не уставные, а скорее как у отца с сыном. Но после истории с Юпитером Эндрю долго лежал в больнице, отдыхал еще почти год и вернулся наверх совсем другим, не таким, каким я его знал. Вот я и не стал его при себе держать. Пусть, думаю, походит на разных судах, опыта наберется. А его начали преследовать неудачи. Хотя почему неудачи — он ведь каждый раз выкарабкивался…
— Извините, сэр, а в какой больнице он лежал? — встряла в разговор Линда. — По нашей части?
— А в каких еще больницах лежат подолгу? — ответил Рашен вопросом на вопрос.
— Я так и думала, — кивнула Линда. — Действительно везучий парень. Хорошо его починили. Недаром у них с Кенди роман.
— Да ну? — удивился Рашен. — Что ж… Неплохо. Лишь бы от работы не отвлекался. А работы у него… — он многозначительно посмотрел на Эссекса, и тот понимающе кивнул. — Фил, загладь вину. Сообрази мужику капитана, а?
— Придумаем, — согласился Эссекс. — Случай тяжелый, — это он имел в виду условный срок Вернера, — но не безнадежный.
— Хорошо, — сказал Рашен. — Поболтали, отдохнули, а проблема все стоит. Точнее, лежит, — он кивнул в сторону Изи, который по-прежнему спал. — Что нам делать с этим приятелем? Допустим, в том, что это клон, мы почти уверены. Но кто его вырастил? Угрожает ли нам его присутствие в штабе группы? Куча вопросов, а, Фил? Yolkee-palkee, поверить не могу, что он не человек.
— Он человек, сэр, — не согласилась Линда. — Просто искусственный. Ну, бывает, не всем же рождаться от мамы с папой. И знаете, я думаю, это все-таки адмиралтейская работа.
— А свет? — напомнил Рашен.
— М-да… Не сходится.
— Придется как-то от него избавиться, — сказал Эссекс легкомысленным тоном, будто обсуждалась не судьба его адъютанта, а некий отвлеченный предмет. — Пусть даже Изя клон, так и хрен с ним. Все равно офицер толковый. Но терпеть под боком адмиралтейского шпиона — это еще куда ни шло, а вот человека, узревшего свет небесных сфер…
— Может, это какой-нибудь религиозный припадок у него был, а? — с надеждой спросила Линда. — Господа, вы же образованные…
— Вот, Фил у нас образованный, — вспомнил Рашен. — Он даже Библию читал.
— Отстань, — попросил Эссекс. — Не читал я Библию. Просматривал. И не советую больше никому. Весьма детализированная история кровопролития. Все друг друга убивают и в жертву приносят. И так полкниги. А остальное про то, как евреи Христа распяли. И вывод из всего этого — что Бог есть любовь.
— Странные люди были наши предки… — вздохнул Рашен.
— Есть там, конечно, примеры и положительные, — заметил Эссекс. — Даже весьма положительные. Но тоже какие-то смурные, с явным оттенком психопатологии. И мало их, честно говоря.
— Короче, что нам делать с Изей? — подытожил Рашен.
— Как что — отдать мне. А я разберусь. Не беспокойся, Алекс, он теперь долго не проживет. Мы его тихонько шлепнем, а потом вскроем и посмотрим, чья это работа, земная или чужая. Линда, милая, вы сможете его пробуждение как-нибудь естественно обставить, чтобы он ничего не понял?
— Да, сэр. Только лучше не здесь. Вы могли бы сымитировать совещание или что-то в этом роде? А я ему внушу, что он давно сидит рядом с вами и думает о своем, поэтому ничего толком не запомнил.
— Нет проблем, — сказал Рашен. — Тогда вызываем охрану, и пусть тащат его ко мне. Спасибо, Линда. Век не забуду.
— Вы лучше забудьте про чужих, — посоветовала Линда. — Здоровее будете.
Рашен встал и подошел к двери.
— Про чужих забудь ты, — сказал он жестко. — Ясно?

— Да, сэр, — кивнула Линда. — Поняла, сэр.
— Нет, ты не поняла. Это был приказ, капитан Стенфилд.
Линда встала и сделала руки по швам.
— Виновата, сэр, — сказала она серьезно. — Есть забыть про чужих, сэр.
— Вот так-то лучше, — улыбнулся Рашен и открыл дверь. — Пойдем, Фил.
— По-моему, мы все-таки с вами раньше встречались, милая Линда, — проворковал Эссекс, пожимая Линде руку и значительно глядя в глаза. — Что ж, приятно было поработать вместе. А не хотите посетить «Гордон» на досуге? Вы уже бывали на наших БМК? Там есть на что посмотреть. Мегадестроер — это целый город…
— При случае — с удовольствием, сэр.
— Впрочем, я не прощаюсь, вы же сейчас пойдете с нами? Чудесно, чудесно…
В коридоре народу заметно поубавилось, из охранников Эссекса на месте были всего лишь трое. Вид бойцы имели бледный.
— Что такое? — спросил Эссекс, обнаружив, что ряды его охраны сильно поредели. — А где остальные?
— Старшему плохо стало, господин контр-адмирал, сэр, — хмуро доложили ему. — Сердечный приступ. Двое наших с ним в лазарете.
— С чего бы это вдруг? — изумился Эссекс.
— Это его Боровский довел, — наябедничали ему.
Эссекс с укоризной поглядел на Рашена.
— Наш кадр, — сказал Рашен гордо. — Мертвого затрахает. Он как, моего навигатора не расстрелял еще?
— Готовится, сэр. Нас хочет заставить. А нам не положено, мы подчиняемся только начальнику штаба… Вы скажите господину Боровскому, сэр, а то он нас за людей не считает…
— Дети, — объяснил Рашен Эссексу. — Все охранники принадлежат, как правило, к ярко выраженному инфантильному типу. Большие дети. Только бы им в войнушку поиграться. К настоящим-то боевым действиям их не подпускают. Вот они и не взрослеют никогда. Скажешь им глупость, а у них уже сердечко екает. Что же вы, дураки, — повернулся он к охране, — Устава вообще не знаете? Читать разучились? Какой еще, к матери, расстрел наверху?
— Так военное же положение… — слабо возразили ему.
— В карцер, — заключил Рашен. — На урезанный паек, и каждому в зубы — Устав. И пока не выучите наизусть, за порог ни ногой.
— Ты это… — Эссекс потянул адмирала за рукав. — У тебя вон своих балбесов двое, ты с ними и развлекайся. А моих не трогай.
— Разве это я тронул? — усмехнулся Рашен. — Ты же знаешь, что бывает, когда я действительно трону. Ладно, вы… расстрельная команда. Поработайте грузчиками для начала. Заходите в кабинет, берите капитана Мейера и тащите ко мне. А в карцер — потом.
Охранники с похоронными лицами проследовали в дверь.
— Жестокий ты человек, Алекс, — сказал Эссекс с деланой серьезностью. — Одно слово — русский.
— Ага, — кивнул Рашен. — Еще я продал евреев арабам, а всю остальную планету — китайцам. И всех марсиан поубивал.
— И как только успел! — рассмеялся Эссекс.
* * *
Чтобы перестроить группу F в походный ордер из орбитальной позиции, обычно требовалось около двух часов. На этот раз управились за полтора. Даже рядовые были в курсе, что операция может оказаться для группы последней («еще разок, и все»), поэтому работа шла четко и слаженно, без единого сбоя. С некоторым опозданием в хвост бригаде пристроился десантник, и Рашен, который весь извертелся, наблюдая его неуклюжие маневры, дал команду на отвал.
Начальство снизу требовало шевелиться, денег бухгалтерии Эссекса отвалили щедрой рукой, поэтому разгон шел на бустерной тяге, совершенно разорительной для бюджета группы в обычной ситуации. «Марсианское плечо», и без того считавшееся коротким, на этот раз сократилось для группы F до одиннадцати суток.
Перегрузка на разгоне была шестикратная. Поскольку все ходили в масках, Рашен приказал каждому в добавление к табличке на груди написать фамилию еще и на спине. Над Рашеном эту операцию проводил Фокс, и, разумеется, плечи адмирала украсились крупной надписью «RUSSIAN», о чем тот поначалу и не подозревал. Но днем позже адмирал догнал в коридоре какого-то деятеля по фамилии Fuckoff и заподозрил неладное. Построение личного состава выявило еще десяток матерных фамилий, а также одну барышню по имени Candy и мужика, на груди у которого было написано, как и полагается, «comm. Fox», а на

спине коротко и ясно «Bombardeer». Рашен сначала ругался, но когда ему сказали, что у него самого на спине накорябано, вдруг успокоился. Конечно, всяческих Факовых, Шитхедов и Доннерветтеров он приказал изничтожить, но в остальном хулиганская выходка сошла экипажу с рук.

В целом жизнь астронавтов на разгоне не особенно изменилась, дело было привычное. В боевой обстановке им случалось не расстегивать масок по месяцу, а при шести «же» спецкостюм позволял хоть танцевать. Только Боровский, которому даже в спецкостюме при таких режимах было нехорошо, уже на второй день совершенно озверел и, пользуясь тем, что из бассейна слили воду, послал техников Вернера циклевать дно ультразвуковыми резаками. Вернер, отдыхавший от трудов праведных, обнаружил злоупотребление властью, когда его подчиненные содрали уже два миллиметра покрытия. Огромный красный член на дне бассейна после этой операции заиграл такими яркими красками, что техники выразили желание продолжить работу. Боровский сидел на бортике, свесив ноги вниз, и изрыгал тоскливую ругань на всех доступных ему языках.

Вернер хохотнул и ушел дальше спать. За два часа до старта он доложил адмиралу, что все работы по нейтрализации саботирующих и подслушивающих устройств на борту «Тушканчика» завершены. Рашен одобрительно хлопнул Эндрю по плечу и разрешил отдыхать, пока не надоест. Вернер посмотрел на часы и со всех ног бросился к Иве.

— Ох… — только и выдохнул он, увидев, что Ива в халате и на вахту не собирается. — Я так боялся, что ты сейчас уйдешь… Милая! Как же я по тебе скучал!

Ива мягко обняла Эндрю и прижалась лицом к его груди.

— Я тоже, — сказала она. — Но ты напрасно радуешься. Мы пойдем на бустерах, сейчас объявят. Тут уж будет не до любви.

— Сколько у нас времени? — деловито спросил Вернер, расстегивая комбинезон. — Успею рассказать, как я тебя обожаю?

— На языке жестов? — Ива одним движением сбросила халат, и Вернер чуть не прослезился от нахлынувшей вдруг нежности. Эта женщина была не просто красива. Каким-то шестым чувством Эндрю ощутил, что она создана для него. Именно для него. А он — чтобы служить ей, быть ей верным, мечтать о том, чтобы у них были дети, а может быть, даже предложить Иве руку и сердце, как это делалось в старые времена.

Наверное, у него было очень странное выражение лица в этот момент. Во всяком случае, Ива под его взглядом первый раз в жизни смутилась перед мужчиной и прильнула к Эндрю, избрав такой неожиданный способ прикрыть свою наготу.

— Ты что? — спросила она тихонько.

Из груди Эндрю вырвался нервный смешок, и он крепко прижал женщину к себе.

— Прости, — сказал он. — Я просто вдруг понял… Извини. Это так внове для меня. Понимаешь, я раньше ничего подобного не испытывал. Ива, милая… А я ведь люблю тебя.

— Что? — переспросила она.

— Никогда еще никому такого не говорил, — признался Вернер. — Оказывается, это не так просто. Словно душа нараспашку. И соврать невозможно. Либо ты это чувствуешь и тогда говоришь, либо нет, и тогда сказать нечего. А мне вот есть что сказать. Я люблю тебя. Я люблю тебя… Вот.

Ива чуть отстранилась от Эндрю и заглянула ему в глаза.

— Можно бестактный вопрос? — поинтересовалась она. — А когда ты это понял?

— С первого взгляда, — честно ответил Вернер. — Помнишь, тогда контроль отражателей барахлил, и я…

— Энди, — сказала Ива. — Пожалуйста, не стригись, а?

— То есть? — удивился перемене темы Вернер.

— Я понимаю, когда ходишь в маске, длинные волосы — не очень удобно, — Ива продолжала гнуть свое. — Но пожалуйста, ты побереги этот свой хвост. Для меня, хорошо?

— Да ладно… — пробормотал обескураженный Вернер.

— Он так тебе идет… Ты такой красивый, Энди. Ты самый красивый на свете. И… Я как тебя в первый раз увидела… Ты мне снился потом каждую ночь. Я… Я тоже люблю тебя. Я очень тебя люблю.

У Вернера перехватило дыхание. Он хотел сказать что-то очень важное, что-то самое главное, но не мог подобрать слов. И нашел, сам того не подозревая, емкую и мужественную фразу.

— Значит, все будет хорошо, — сказал он.

Больше они почти не говорили, но им действительно было хорошо друг с другом, хорошо, как никогда раньше, а потом Ива вдруг заплакала, и перепуганный Вернер бросился ее утешать. Но оказалось, что это с ней от радости.

И если бы не приказали всем стоять по местам, Вернер ни за что бы от Ивы не ушел. Но потом он все равно вернулся, и часами сидел рядом с ней в ходовой рубке, когда она была

на вахте, и ходил за ней, как привязанный, куда бы она ни пошла. Два угловатых чудовища с забралами вместо лиц, они даже по обезображенной усилителями походке легко узнавали друг друга. Им не нужны были надписи на спинах, чтобы расслышать, как под металлом и пластмассой бьется родное сердце.
А усиленная бригада Attack Force беззвучно раздирала пространство на шестикратной.
Маяк на Цербере по-прежнему не подавал ни малейших признаков жизни. Ремонтник шел к маяку самым полным и прибывал на Цербер в расчетное время, через полтора месяца.
Капитан скаута «Хелен Рипли» коммандер Файн докладывал с периферии Солнечной, что последние распоряжения адмирала Успенского принял к сведению. Экипаж «Рипли» завершал подготовку к работе на ближних дистанциях, на скауте шла плановая диагностика сканирующих устройств.
Последний опрос акционеров по ограниченной выборке снова показал, что для роспуска боевого флота Земле, скорее всего, не хватит пяти-шести процентов голосов.
На Чикагской фондовой бирже акции производителей комплектующих для военных кораблей медленно, но неуклонно шли вверх.
Экспериментальный звездолет «Леонид Горбовски» вернулся на орбитальные верфи из-за фатального сбоя ходового процессора. Капитан Риз дал в Сети открытую пресс-конференцию и пообещал, что «Горбовски» стартует не раньше, чем будет идеально отлажен, а значит — готов со стопроцентной гарантией вернуться домой и открыть для жителей Солнечной новую эру космической экспансии.
На Земле количество лиц, ограниченно дееспособных по инвалидности детства, перевалило отметку в восемнадцать процентов.
Правительство Марса в очередной раз отклонило предложение Совета Директоров продать земным банкам воспроизводства свой генетический материал.
Совет Директоров, в свою очередь, снова отверг законопроект о безвизовом перемещении лиц в пределах Солнечной.
Интерпол перехватил крупнейшую в истории контрабандную партию элитной консервированной спермы.
На территории бывшей Российской Федерации были зафиксированы массовые перемещения кочевых орд.
Правление Соединенных Штатов опубликовало ежегодный годовой отчет и прогноз развития компании на ближайшие пять лет. Один из пунктов — объявление Лондона свободной экономической зоной — был вынесен для обсуждения в Сеть.
На Венере в возрасте девяноста пяти лет умер последний чернокожий гражданин республики.
Адмиралтейство удовлетворило прошение об отставке мастер-навигатора капитана Маргареты фон Фальцфейн.
Адъютант начальника штаба группы F капитан Джозеф Мейер получил смертельную черепно-лицевую травму в результате неосторожного обращения с маской спецкостюма при ускорении в шесть единиц.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ВНЕ ЗЕМЛИ

Маяк на Цербере навигационных функций не выполнял и представлял ценность исключительно для того, кто его установил. Маяк работал громко хлопающей пробкой, или, если хотите, сигнальной затычкой. На обледеневшей железяке, коей являлась десятая планета Солнечной, маяк крепко держался сенсорными щупальцами за единственную полезную вещь, которая там была. Он контролировал урановую жилу. Стоило какому-нибудь идиоту (а иначе не назовешь того, кто попрется за топливом в такую даль) к жиле сунуться, как маяк вместо дежурного ОК. послал бы в эфир тревожный вопль.
Безотказную и практически вечную штуковину когда-то установили на Цербере марсианские геологи. Ред-Сити в те времена был еще лоялен, купался в земных инвестициях, о независимости не помышлял и услугами контрабандистов не пользовался. Исследовательские группы марсиан шныряли по Солнечной за денежки землян и повсюду втыкали маяки и бакены. Как выяснилось потом, месторождений было открыто ровно вдвое больше, чем сообщалось в метрополию. Разумеется, все, что Ред-Сити придержал для себя, было и качеством повыше, и числом поболее и находилось по темным углам, как правило, внутри Пояса, который марсиане изучили очень прилично. Так что когда Марс провозгласил республику, а Земля устроила ему жесткую блокаду, именно по этим секретным точкам разместились марсианские базы нелегального горнорудного промысла.

А замаскированных космодромов на поверхности Красной планеты оказалось достаточно, чтобы хоть какой-то груз просачивался вниз и доходил до заказчика.
Аннексию залежей на Цербере марсиане перенесли безропотно в силу их удаленности. Земной ремонтник перепрограммировал маяк, и с тех пор никаких проблем с ним не возникало. Может, среди контрабандистов и встречались дураки, но грамотных экономистов там оказалось явно больше.
Так что маяк нес службу, армия тормозила зазевавшиеся грузовики, полицейские силы ковырялись в Поясе, а Ред-Сити упорно отрицал, что контрабандные разработки финансируются им на правительственном уровне. Иногда марсиане арестовывали какого-нибудь совсем уж зарвавшегося торговца и устраивали над ним показательное судилище. После чего безобразник ввиду отсутствия на Марсе тюрем отправлялся под домашний арест. Откуда и продолжал свою преступную деятельность, необходимую марсианской экономике позарез. На Красной планете с ресурсами было так себе, а не имеющая официально собственного грузового флота Венера за каждый грамм обогащенного урана платила живыми деньгами. Причем так или иначе, а деньги эти шли с Земли, которой Венера подбрасывала время от времени здоровые яйцеклетки. Положение было идиотское, это все признавали, и только политические амбиции земных менеджеров не давали им по-хорошему договориться с бывшими колониями. Но альянс уже сам напрашивался.
Слишком туго шли дела на Земле, чтобы не признать: силовые методы результатов не дают, и с сепаратистами пора дружить. Предстоящее Собрание Акционеров намеревалось решить этот вопрос раз и навсегда, а одним из следствий перехода от холодной войны к настоящему миру должен был стать демонстративный роспуск военного флота.
Умный Дядя Гуннар просчитал эту ситуацию еще в ходе второй марсианской кампании. Адмирал флота крепко призадумался и сообразил, что спасти его от почетной отставки может только обнаружение внешнего противника, равно опасного для всех планет. Дядя Гуннар вызвал к себе начальника разведки и приказал доложить информацию по чужим. Информации оказалось много, но вся она была, мягко говоря, неубедительной, а если честно — с нехорошим шизофреническим душком. Тем не менее адмирал флота организовал утечку данных в Сеть и стал ждать реакции.
Отклик пришел не только от рядовых акционеров и не столько от них, сколько от Совета Директоров. Народ пошумел и вроде бы успокоился. А вот руководство планеты вызвало Дядю Гуннара на беседу, и, вернувшись, адмирал Кёниг вид имел бледный. С этого момента любой разговор о чужих в стенах Адмиралтейства вызывал дисциплинарные последствия, а сам Дядя Гуннар впал в меланхолию. Ему и раньше случалось вести себя этакой марионеткой, а теперь он просто на все плюнул и слепо проводил в жизнь линию гражданского начальства. В частности, не моргнув глазом, загнал группу F на Марс, хотя здорово сомневался в том, что элитную бригаду стоит отправлять на полицейскую операцию.
Сам того не зная, адмирал Кёниг добился-таки своего. И уж совсем нечаянно этим нагадил флоту. Мысль о том, что космос может быть враждебен, не вызвала мгновенной реакции, но отложилась у землян в подкорке. И социологи обнаружили, что исход голосования по роспуску флота может оказаться совсем не однозначным. Увы, за решением о переводе военных кораблей в грузовики прятались такие деньги, о которых Дядя Гуннар и не подозревал. Кроме того, Марс и Венера ставили будущие торговые контакты в прямую зависимость от устранения земной угрозы. Экономика и политика нависли над военными астронавтами и собирались их раздавить.
Перед лицом такой проблемы никому не было дела до того, что адмирал Успенский, дабы потешить свое любопытство, за казенные деньги отправил на край света какого-то Абрама. Тем более что Успенский не лез в политику. Он, конечно, грызся с Адмиралтейством, но это были личные сложности Дяди Гуннара. В остальном адмирал Рашен вел себя как честный служака. И до поры до времени его не трогали. Мелкое разбазаривание фондов не походило на преступление, способное всерьез замазать дерьмом ослепительную репутацию командира группы F. На флоте и без того доставало начальников, за которыми в массовом сознании закрепился образ кровожадных чудовищ.
Поэтому группа F отправилась к Марсу, и не просто так, а на бустерах. А в Сети что ни день возникали материалы, напоминающие акционерам о зверствах военных, из-за которых погибло куда больше мирного инопланетного населения, чем могла себе позволить изнывающая от генетического дефицита Земля.
А скаут «Рипли» осторожно подгребал к зоне активного поиска. Эбрахам Файн придирчиво следил за работой экипажа и про себя неумело молился. Религиозность на Земле считалась чем-то вроде заболевания психики, но Файну на это было наплевать. Ему, уверенному в существовании чужих, требовался сейчас Божий промысел, и никак не меньше. Чтобы вместо чужих найти всего лишь пиратов.

* * *

Еще за добрую сотню лет до Полуночи, в эпоху расцвета науки и промышленности, когда сырья и товаров было завались, пиратство на торговых путях Солнечной уже цвело махровым цветом и считалось прибыльным бизнесом. Многие компании, имеющие собственный флот, баловались перехватом грузов конкурирующих фирм. Поэтому буксиры ходили с вооруженным эскортом, который мог внезапно отвалить и сцапать показавшийся на радаре соблазнительный кораблик, а вернувшись с добычей, обнаружить, что их собственный подопечный летит уже налегке и капитан на радостях, что не убили, нажрался в стельку.

Ценность грузов с лихвой окупала риск. И в один прекрасный день оказалось, что по Солнечной буквально не пройти, не проехать без того, чтобы тебя не взяли на абордаж какие-то негодяи. Обычно захват обходился без стрельбы по коммерческим судам, палили друг в друга только нападающие и охрана. Все-таки буксиры не за один день строятся, да и астронавты не размножаются почкованием. Кто-то ведь должен перевозить товар, который ты намерен хапнуть. Так что пираты отстегивали грузовой отсек, делали ручкой и улетали восвояси. Капитан Лунц, ходивший на буксировщике «Янки Фэйр» и счастливо переживший восемь ограблений, стал притчей во языцех и так красочно рассказывал внизу о своих злоключениях, что в итоге спился.

Потом разразилась Полночь, которая смела с лица Земли целые народы, спровоцировала затяжную ядерную зиму и уничтожила столько ресурсов, что в буквальном смысле не из чего стало костер запалить. Экономика, политика, религия, культура — все полетело в тартарары. Жуткая Заваруха, случившаяся тремя веками раньше, еще не научила человечество гибкости. После религиозной войны земляне отдались в лоно победившей религии. Победившие народы старались покрепче затоптать побежденных. И только Полночь расставила все на места, показав, что, если дважды наступил на грабли, надо их поднять и выбросить. Остатки населения требовали радикальных перемен. Наряду с позитивными идеями, всем очень хотелось электричества и желательно хоть немного поесть. А чтобы поесть — хотя бы вонючей хлореллы, — опять-таки нужно было электричество. И чистая вода. То есть снова энергия. Подскочил в цене уран. Образовался мощнейший черный рынок. Там, где раньше сталкивались интересы фирм, теперь грызлись правительства.

Пересидевшие бойню в колониальных доках пираты занялись нелегальными разработками полезных ископаемых, ориентируясь в первую очередь на земной спрос. Для этого нужен был грузовой флот — и корабли начали угонять вместе с экипажами. От полярной шапки Марса кто-то отковырял громадный кусок льда и толкнул его, как оказалось позднее, американцам. В руинах старых земных городов обнаружилось подозрительное шевеление, и вскоре полицейские скауты нашли три хорошо укрепленные пиратские базы, захватить которые удалось только после массированной бомбардировки.

Качество оборудования на подпольных заводах поражало воображение. А оружие у пиратов было зачастую круче, чем у гонявшихся за ними войск. После того как засевшая в развалинах Пекина еврейская банда, оказавшись в кольце, подорвала себя ядерным зарядом в пять килотонн, терпение честных землян исчерпалось. Разразился глобальный правительственный кризис, в результате которого радикально изменилась как форма правления, так и степень участия граждан в принятии решений. Группа молодых амбициозных политиков бросила в массы идею диктатуры частного капитала, «народного капитализма», и не просчиталась. Земля превратилась в одно холдинговое предприятие, где каждый гражданин получал базовый пакет акций и право голоса в Собрании Акционеров. Суверенные государства стали компаниями. И все неожиданно пришло в норму. Оказалось, что надо защищать и приумножать собственность, а делать это лучше сообща.

Уже через сто лет на той же почве Земля, единая как никогда, отбомбилась по Марсу и крепко приложила не вовремя подавшую голос Венеру. Большая часть населения, сама того не подозревая, жила в долгах как в шелках. Вырождение биосферы затормозилось, но обратно тоже не шло. Появление на свет здорового ребенка по-прежнему считалось удачей. Взамен политических дрязг между земными правительствами возникли склоки межпланетного уровня. Но поскольку удалось худо-бедно насытить рынок продуктами и земляне перестали умирать от голода, никто особенно не роптал. В то время как отдельно взятый землянин становился все менее кредитоспособен, правительственные структуры, наоборот, крепли. Земля сформировала космические полицейские силы, запретила любые вооружения на частных кораблях и объявила пиратов вне закона. А когда забрезжила проблема с колониями, на базе полицейской эскадры начала заново строиться полноценная армия.

Грянула жестокая и кровопролитная война. И вскоре по ее окончании пиратство возродилось, только в более изощренной форме. Экономическая блокада Марса и

частичное эмбарго на торговые контакты с Венерой заставили сепаратистов выдумать заново систему каперства. А что еще делать, если месторождения на твоей родной земле контролирует противник и разрешает добывать ровно столько, чтобы подданные не загнулись от нехватки ресурсов? И очень быстро полулегальные контрабандисты и вольные охотники Венеры и Марса устроили в Солнечной такой кавардак, что время от времени за ними принималась гоняться чуть ли не вся земная армия. Разумеется, схваченного землянами пирата никто не признавал за своего, а сам преступник обычно в последний момент стрелялся, травился или прыгал в открытый космос. Люди это были отпетые, в прошлом воевавшие против Земли за независимость своих планет и заочно приговоренные к уничтожению. Живьем их брали редко.

Но конфликт пошел на убыль. И пока контрабандисты снабжали осажденные планеты топливом, строительными материалами и прочим сверх установленных Землей норм, все шло как по маслу. А вот когда Земля ослабила тиски и сама заговорила о партнерстве, стало ясно, что несметную толпу космических старателей надо либо расстрелять, либо легализовать. Положение усугублялось тем, что смертные приговоры этим людям земляне не отозвали. И пока независимые планеты озадаченно чесали в затылке, вооруженные до зубов рыцари левых поставок сами показали характер. Выяснилось, что в Солнечной никто черный рынок не отменял и прикупить редкоземельных элементов по демпинговым ценам согласны многие как в экс-колониях, так и в бывшей метрополии. Кроме того, в Поясе работали мощные лаборатории, производившие медикаменты и точные приборы, и на этот товар тоже нашелся устойчивый спрос. Интерпол сбивался с ног, космическая полиция рвала жилы, а черный рынок все процветал.

На этом фоне информация о том, что какая-то наглая сволочь откупорила законсервированную шахту прямо на марсианской поверхности, никого не удивила. Группа F шла на перехват без особого удовольствия, но кто-то же должен был это сделать. Что именно ждало усиленную бригаду Attack Force у Красной планеты, адмирала Успенского не волновало.

А вот то, что мог увидеть Эбрахам Файн на Цербере, беспокоило Рашена весьма. Ведь контрольный маяк сам по себе не замолкает. Даже разлетись Цербер на кусочки, маяк успел бы встревоженно пискнуть. Возможно, одно из ударных крыльев группы F смогло бы при желании расстрелять хитрую железку до того, как она засечет корабли. Но пираты так виртуозить не умели. Они ловко прятались среди каменных глыб Пояса, а в открытом космосе воевали посредственно.

И вообще, любой корабль, построенный в пределах Солнечной, просто не имел вооружения, способного прихлопнуть маяк одним импульсом.

Поэтому адмирал Рашен на подходе к Марсу нервничал. И даже известие с Земли о том, что он стал дедом вполне нормальной девчонки, не привело его в приятное расположение духа. Тем более что сообщение от сына пришло сухое и официальное. Игорь Успенский отца не любил. Не мог простить ему профессию военного астронавта, от чьих рук гибли марсиане, среди которых у Игоря были друзья.

Таких виноватых без вины, как Рашен, на «Тушканчике» хватало. У Фокса на Марсе погиб дядя, после чего от Майкла навсегда отвернулась мать. С Кенди сестра принципиально не разговаривала. Слегка ненормальный брат Линды, насмотревшись по Сети новостей с марсианского фронта, дождался, когда родственница спустится вниз, и чуть ее не задушил. Технику Ди Ланца, любившему заходить в пиццерию неподалеку от базы Орли, дважды прямо там били морду его импульсивные соплеменники.

Это все были люди, провожавшие астронавтов на войну, как героев. Нормальные люди, вполне хорошие. Просто за время, что астронавты провели далеко от дома, в сознании тех, кто остался на Земле, произошел крутой поворот. И члены экипажей группы F оказались к нему совершенно не готовы. Они делали свою работу, полагая, что выступают от имени всех землян, таких же, как они, рядовых держателей акций.

А вышло на поверку что-то совершенно другое.

* * *

Утвержденный адмиралом флота план операции по зачистке поверхности обрушился на Рашена так неожиданно, что тот даже выругаться толком не сумел. Группе F оставалось полчаса до начала торможения, когда пришла кодированная информация чрезвычайного характера. Рашен включил дешифровку и с неудовольствием отметил: новая вводная — а в том, что это именно она, адмирал не сомневался, — будет готова к чтению за несколько минут до начала маневра.

Рашен поспешно вызвал начальника штаба.

— Получил? — спросил он.

— Угу, — буркнул Эссекс.

— И что делаешь?

— Раскодирую, что еще…
— Послушай, Фил, что это может быть?
— Мерзость какая-нибудь, — без тени сомнения заявил Эссекс. — Иначе зачем ее посылать сразу в два адреса?
Рашен на секунду задумался.
— Умно, — кивнул он. — Соображаешь, Фил.
— И как мы к этому отнесемся? — осторожно спросил Эссекс.
— Почитаем сначала, — вздохнул Рашен. Ему очень не хотелось предполагать худшее, но они с Эссексом уже поняли друг друга без лишних слов. Приказы Адмиралтейства всегда поступают строго по Уставу: командиру лично конфиденциально. А дальше он уже сам доводит содержание приказа до подчиненных в части, их касающейся.
Но сегодня начальник штаба получил копию документа. Дело пахнет жареным. Разумеется, адресованный Эссексу приказ не начнется со слов типа «если командир группы проигнорирует данное распоряжение или отдаст его в искаженном виде, арестуйте командира и обеспечьте неукоснительное выполнение». Этого не нужно, хватит и того, что у Эссекса перед глазами копия. Сам факт раздела ответственности на двоих заставляет командира быть послушным. Особенно когда между командиром и начальником штаба есть разногласия. А Эссекс и Рашен были, на взгляд Адмиралтейства, просто ходячей взаимной обструкцией.
— Тормозить-то будем? — поинтересовался Эссекс.
— Я же сказал — почитаем сначала! — огрызнулся Рашен, дал отбой, откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.
— Ходовая рубка, сэр! — гавкнул динамик. — Готовность к торможению пятнадцать минут.
— Ходовой рубке — ждать, — устало сказал Рашен.
— Виноват, сэр? Да, сэр! Ходовой рубке — ждать… Господин адмирал, разрешите обратиться? Нам что, пересчитывать торможение или как?
— Что еще за «или как»? — процедил Рашен. — Ты где находишься, астронавт? Ждать! Mudak!
— Да, сэр!
— Скотина… — буркнул Рашен, непонятно к кому обращаясь.
Ему стало немного стыдно. Он сам распустил людей, привив им тягу к инициативе, а теперь готов был сорвать дурное настроение на подчиненном, который ничего особенно крамольного не сказал. Но именно сейчас Рашен предпочел бы, чтобы на месте этого капитана за пультом сидела его бывшая начальница психопатка Марго. Она была профессионалом старой школы и умела ничему не удивляться. В годы ее курсантской молодости из человека еще в училище выколачивали слишком откровенное удивление несуразному приказу. Руками менее независимых сокурсников. Причем если в мужском училище только били, то в женском могли от избытка фантазии устроить и что-нибудь похлеще.
Цель преследовалась по военным меркам благая — научить подчиняться не рассуждая. Поставить в строй и зафиксировать на месте. Но курсанту Успенскому, которого и так шпыняли за то, что русский, размеры мордобоя показались завышенными. Он вообще это дело не одобрял, поскольку, в отличие от многих, умел добиваться своего убеждением. Став офицером и завоевав авторитет, он много сил потратил на то, чтобы порядки в училищах стали либеральнее. А теперь иногда жалел об этом. Прослужив на флоте больше четверти века и оказавшись во главе ударных сил, он уже почти не использовал былое знании психологии, нажитое потом и кровью. Лейтенанту Успенскому, чтобы воевать и выживать, требовались подчиненные-друзья. Адмиралу Рашену для того же понадобились винты и гайки.
Сам-то он почти не изменился за эти годы. Поменялся характер задач.
— Здесь Боровский, сэр. У нас проблема?
— Ждать, — в который раз сказал Рашен. На этот раз — благодарно.
— Понял? — спросил в ходовой рубке Боровский расстроенного капитана, принявшего «скотину» в свой адрес. — Давай все пересчитывай к едрене матери. В первую очередь посчитай разворот к Земле. И на всякий случай — выход к Поясу. Да, на крайняк посмотри еще обход Марса по касательной с пролетом над точкой. Осознал? И расслабься. Сам нарвался. Мог бы и самостоятельно все решить, не задавая дурацких вопросов.
— Хотел бы я знать, что случилось, — заметил приободрившийся капитан, вводя задачи в ходовой процессор.
— Ну какая тебе разница?! — простонал Боровский, заводя глаза к потолку. — Все узнаешь в свое время.
— Интересно, когда нам рассказывали это самое «все»? — ехидно спросил капитан.

— Интересно, когда ты в последний раз был лейтенантом, — не очень понятно, но с угрозой ответил Боровский.
Капитан оторопело зыркнул на старпома и рефлекторно ссутулился.
Рашен в своей каюте подался вперед и впился глазами в монитор.
— Ого! — только и сказал он.
Приказ отменял заказанную Адмиралтейством операцию по зачистке поверхности. Вдумчивая пальба с безопасных дистанций потеряла актуальность. Ни с того ни с сего Дядя Гуннар требовал от группы F стремительной атаки. В древности это называлось «кавалерийский наскок».
* * *
Новый маневр, предписанный Адмиралтейством группе F, был из разряда фигур элементарного пилотажа. Штурмовка: проход над поверхностью на минимально допустимой высоте со скоростью, максимально возможной для ведения прицельного огня. Обычно такие маневры выполняются, когда внизу тебя ждут мощные зенитные вооружения. Появляешься внезапно, даешь залп, и немногим уцелевшим даже стрелять некуда, потому что вспышка лазера была с одной стороны, а ты уже с другой и улетаешь дальше по своим делам. Попасть в круизер или дестроер, решившийся на штурмовой заход, почти нереально.
Никаких аналогий с пулей: ты летишь гораздо быстрее.
Главное — идти как можно ниже, чтобы зенитные лазеры не успели развернуться тебе вслед. Мощная наземная установка легко продырявит обшивку корабля. Но повернуть ее зеркало на большой угол — задача на десятки секунд. А ты проскакиваешь верхнюю полусферу за несколько. И пока эта дура внизу крутится, второй такой же отчаянный, как ты, заходит сбоку. А третьего, как правило, и не требуется.
При условии, что ты не царапнул поверхность брюхом и не влетел прямо во вражеское расположение вперед ногами. Выхлоп у корабля не всегда стабильный, и судно чуть-чуть рыскает. В космосе это неважно, а над поверхностью отклонение в десяток метров бывает смертельным. Еще на сверхнизких высотах иногда барахлит авионика. Короче говоря, штурмовой заход — развлечение для асов, в руках которых хорошо отлаженные суда.
В плотных атмосферах Земли или Венеры такие фокусы не проходят — сгоришь. А если идти на авиационных скоростях, то заметят тебя издали, просчитают траекторию и вполне успеют зацепить хотя бы по удаляющейся корме. Над атмосферными планетами умнее висеть невидимкой и постреливать с высоты километров в пятьсот. Выстрелил — отпрыгнул. Снова выстрелил. Пусть у их компьютеров мозги трещат в попытке догадаться, куда именно ты отскочил. Эту тактику земляне применяли над Венерой, и она себя оправдала.
Но марсианский квазивоздух штурмовой заход позволял, атмосфера там была разрежена и имела ерундовую по земным меркам глубину. Рашен выполнял штурмовые маневры над Красной планетой неоднократно, как в одиночку, так и в составе эскадрильи. Однажды пришлось даже целым крылом атаковать оборонительные сооружения Ред-Сити. Потери ограничились дестроером, который все равно уполз по инерции на орбиту, хотя корма у него была как решето. Зато вовремя сброшенный реактор с пробитым охлаждением падал на головы марсиан, и позже говорили, что эта импровизированная атомная бомбардировка сыграла в штурме Ред-Сити важнейшую роль. Правда, реактор так и не взорвался, что тоже записали группе F в плюс: не испортили трофейный город.
Но теперь дело было не в зенитных установках. Дело было в подлетном времени.
Судя по сообщению Адмиралтейства, марсиане вдруг заартачились, отказались от услуг земного десантника и решили брать базу контрабандистов собственными войсками. Очень уж много разрушений производил земной десант, к тому же убивал направо и налево, и это марсиане затвердили накрепко. Во всяком случае, таковы были их доводы. За группой F оставалась артподготовка, а все остальное марсиане собирались делать сами.
— Интересно, — пробормотал Рашен.
Его не волновало, кого именно такого ценного для марсиан могли случайно захватить или пристрелить земляне внизу или что такое необычное пряталось от земных глаз в подземном городе вокруг шахты. В Адмиралтействе это должны были понимать. Но, видимо, имели приказ Директоров не вмешиваться в дела суверенной планеты. Тем более что марсиане уже стягивали войска к атакуемой базе, и группе F теперь приходилось не спешить, а догонять.
Так или иначе, Рашен получил категорическое распоряжение отправить домой за ненадобностью мегадестроер «Старк», десантник «Декард-2» и все свои четыре бэттлшипа с их эскортом, — а остальными силами продолжать разгон. Пройдя по кромке атмосферы, отстреляться и по широкой дуге уйти к Поясу на соединение с полицейской эскадрой Рабиновича, где и ожидать дальнейших указаний.

Под конец Адмиралтейство напоминало, что группе положено хранить строгое радиомолчание и не пытаться контактировать с Сетью. Для входа в Сеть у группы был отдельный канал, и сейчас на нем висел ложный пользователь, имитирующий рутинную перекачку данных. Предполагалось, что группа F все еще болтается в окрестностях Земли. Это было стандартное прикрытие секретной операции. Во-первых, с удалением группы от наземных информационных станций менялся характер сигнала, и мало-мальски сведущий оператор мог бы сообразить, что корабли уходят в космос. Во-вторых, в боевой обстановке флот традиционно отсекался от публичной информации, дабы общественное мнение не мешало воевать. Адмиралтейство помнило случай с капитаном Ризом, который, начитавшись перед боем пацифистских опусов, поддался комплексу вины и сорвал важную десантную операцию.
Приказ завершался требованием немедленно по прочтении вновь его закодировать. Рашен со вздохом перечитал документ и вернул в прежнее состояние бессмысленной мешанины знаков. И не успел вызвать Эссекса, как тот появился на мониторе сам.
— Ну? — спросил начальник штаба.
— Как тебе это все?
— Не знаю. Вроде бы логично. Бэттлшипы жалко. Мы и вернуться не успеем, а из них уже грузовиков понаделают. А «Старк»? Такая машина! Как-то все сразу навалилось… Если они уйдут и вся мелюзга, которая с ними, в группе F останется двадцать активных единиц.
— Как нарочно все задумано, чтобы мы вернулись тихие и послушные, знающие свое место.
— Вот! — поддержал адмирала Эссекс. — Обдумать ситуацию не дали, погнали воевать. Теперь оттяпали полбригады. Форменный заговор против группы F, попомни мои слова, Алекс. Недаром мы потом не к Земле уходим, а к полицейским в лапы. Боятся нас. Ох, боятся…
— Ну, насчет «к полицейским в лапы», это ты загнул. Мы и без линкоров всю полицию зажарим в пять минут. Не паникуй. Не станет полиция с нами связываться, ты же знаешь Рабиновича, у него голова на месте. А насчет того, что нас боятся, это я с тобой согласен, да. Ну что, Фил? Кончается военный флот? Чувствуешь?
— Я не думал, что это будет так сразу, — признался Эссекс.
— И нам действительно не дали времени подготовиться, — вздохнул Рашен. — Ладно. До Собрания Акционеров все равно не вернемся. А там, глядишь, и оставят нас летать, пусть в урезанном составе.
— Оптимист! — сказал Эссекс. Как выругался.
— На себя посмотри. Хорошо, что дальше? Мы выходим к Марсу очень удобно, как раз по касательной к нашей точке. Но вот тебе, старина, придется сделать небольшой крючок.
Эссекс судорожно зевнул. Его штаб на «Гордоне» корректировал заход группы на цель и управлял огнем. В изменившихся обстоятельствах «Гордону», чтобы сделать «небольшой крючок», предстоял маневр на самых больших в группе ускорениях, как положительных, так и отрицательных, а потом еще и лишний разгон. Жилистый Эссекс ускорения не боялся. Он просто заранее предвидел, какие нагрузки лягут на ходовую часть корабля, и уже привычно нервничал.
— Значит, все лишние пусть встают на разворот и дуют обратно, — резюмировал адмирал. — Торжественного прощания не будет. Во-первых, нечего их раньше времени расстраивать, во-вторых, приказ все-таки секретный. А остальные — сам знаешь, полный вперед.
— Сейчас посчитаем, — кивнул Эссекс.
— Погоди минутку, — усмехнулся Рашен. — Спорим, мои охламоны уже посчитали все возможные маневры? Включая и штурмовой заход?
— Даже спорить не буду. Ладно, разбирайся, мне же работы меньше.
— И не психуй, Фил.
— На себя посмотри.
— Отправляй пока ребят.
— Догадался, господин адмирал, сэр…
Рашен с усилием оттянул воротник и поворочал шеей.
— Пожалуйста, Фил, не переживай так, — очень мягко попросил он.
Эссекс что-то недовольно буркнул и отключился.
Рашен встал и был вынужден схватиться за кресло. Если кто и не был готов, что у него вдруг отгрызут половину группы, так это ее командир. Вернуться с победой на Землю, собрать волю в кулак и одним махом сдать дела он мог. А вот терять самое дорогое по частям… Внезапная утрата самых мощных кораблей и всего москитного флота в придачу страшно ударила по его самолюбию. Унизила, как никогда в жизни. Видимо, в

Адмиралтействе и правда хотели сделать все, чтобы домой адмирал Рашен пришел, как он сам выразился, тихий и послушный, знающий свое место.
Только на самом деле его разозлили.
Русский парень Олег Успенский с детства привык к унижениям, дискриминации, угрозам и плевкам в душу. И уже годам к двадцати напугать его, заставить плясать под чужую дудку, короче говоря — согнуть, было невозможно. А сам он пугать, заставлять и гнуть так и не научился: видимо, это шло вразрез с русской ментальностью. Но зато приобрел редкую способность вербовать сторонников и уговаривать противников. Выбился в люди исключительно за счет ошеломляющей честности и прямоты. От него не ждали подвоха даже самые прожженные лжецы, готовые всех и вся подозревать в обмане.
И каждый раз, сталкиваясь с подлостью и интригами, Рашен хватался за голову, чтобы не потерять ее.
Он чувствовал, что выход группы F к Поясу на соединение с полицейскими силами задуман неспроста. Против группы уже была совершена какая-то вопиющая подлость, только непонятно, какая именно. И Адмиралтейство боялось, что, когда мерзость всплывет, Рашен захочет двинуться к Земле искать справедливости. Тогда полиция возьмет «Тушканчик» на абордаж и схватит взбунтовавшегося русского. А Эссекс покорно отведет группу на верфи под реконструкцию. Вполне разумный план.
Это если не предполагать, что Рашен бросит у Марса один скаут, чтобы слушать эфир и, если удастся, нащупать контакт с Сетью. А значит, оторванная в секретном походе от информации группа F обретет уши. И быстро разберется, что против нее задумали.
И если не знать, что с виду лояльный Эссекс увяз в антиправительственном заговоре по самое никуда. Причем с огромным удовольствием.
А также если не учитывать взрывоопасное настроение рядовых астронавтов, готовых скорее обстрелять Землю, чем спуститься на нее.
И значительно переоценивать желание полицейских конфликтовать с элитной ударной бригадой, возглавляемой человеком, у которого они всю жизнь учились воевать. За исключением полицейского адмирала, который учился вместе с Рашеном.
Только вот одна загвоздка. Как, зная все это, выдержать напряжение предстоящих дней? Уберечься от мучительных раздумий о том, как именно тебя подставили? Сохранить выдержку, когда беда нагрянет? И не сорваться в истерику, найти выход?
Лучший выход. А может, и единственный.
Рашен нащупал рычажок интеркома.
— Старпом коммандер Боровский, — сказал он. — Ко мне!
* * *
В унитазе тихо журчало и хлюпало. Скаут «Рипли» осторожно выдвинулся из тени, ощупывая поверхность Цербера оптическими сканерами.
— Вот он, наш маячок… — проворковал Файн, вглядываясь в монитор. — Целенький. Что же ты молчишь, зараза, а? Так. Мужики, а это что?
— В радарном диапазоне не виден. В инфра не виден. Шеф, можно СВЧ?
— Даже не думай. Ну, мужики, смотрите, пока живые.
На поверхности по обе стороны от маяка сидели два удивительных аппарата. Странные кривые загогулины, больше всего похожие на засохшие ветки деревьев. Никакой симметрии. И никакой привычной земному глазу маскировки. Серебристая обшивка, мягко светящаяся изнутри. Иногда по телам кораблей пробегала едва заметная дрожь.
— Очень большие, — заметил второй навигатор. — Размером с бэттлшип. Даже не верится…
Файн подтянул к себе терминал дальней связи, набрал команду, и рука его повисла над контактной доской. Теперь одно движение, и информация о том, что чужак обнаружен, уйдет в глубь Солнечной, туда, где ее перехватят антенны «Гордона». Но, подав сигнал, «Рипли» обнаружит себя. Пока что засечь скаут методами, известными земной науке, было крайне трудно. Судя по индифферентному поведению чужих, их наука тоже в этом плане недалеко ушла.
Направленный луч СВЧ-сканера мог бы нащупать «Рипли», но для этого нужно как минимум догадаться, что железная блоха подгребла к тебе с тыла, не изнутри планетной системы, а от периферии. И все равно луч узкий, скаут маленький…
Но вот сейчас «Рипли» подаст голос. Один-единственный импульс, а как страшно…
Файн пихнул терминал за спину, в корму, туда, где сидел и обмирал молодой техник.
— Эй, малыш, — позвал Файн, не оборачиваясь. — По моей команде нажмешь ввод. Приготовились, сейчас будет полная тяга и кувырок. Джонни, управление на меня. Папаша Эйб намерен порулить.
— Ты хоть скажи, чего задумал, шеф, — попросил второй навигатор.
— Как обычно — спасти наши хитрые задницы. Малыш,

— Да, сэр, — через силу выдавил техник.
— Молодец. Господа, сейчас мы развернемся и покажем им корму. Отвалим в тень, насколько успеем, потом встанем к этим уродам носом и полный ход. Ясно?
Экипаж молчал. Файн не предлагал ничего революционного, он просто собирался опробовать на чужих, буде те вздумают броситься в погоню, стандартную земную тактику. Боевые корабли, построенные в Солнечной, имели один радикально демаскирующий недостаток — выхлоп отражателей. Поэтому они старались держаться к противнику носом или бортом, только не кормой. Если тебе зашли в хвост, ты отнюдь не обречен, ведь между отражателями стоят пушки.
Начинается артиллерийская дуэль. Но все равно противник тебя отлично видит, а ты его — так себе.
А на скауте пушек нет, если не считать пистолет командира, предназначенный для разрешения конфликтов на борту. Поэтому разведчик скорее бросится на врага, чем от него. Проскочит в опасной близости, вырубит тягу и уйдет по инерции, крошечный и невидимый. Если поблизости найдутся планеты, он задействует их гравитационные поля так, чтобы заложить дугу и умотать в любом направлении кроме того, которое могут рассчитать компьютеры преследователя.
— Может, еще не засекут… — предположил Джонни.
— Ну это мы сейчас посмотрим, да?
— Надо же — чужие… — пробормотал техник, будто до него только сейчас это дошло.
— Жми на кнопку, малыш, — усмехнулся Файн. — И да пребудет с тобой Шворц.
Техник не оценил шутки, вздохнул и стукнул пальцем по доске.
Несколько секунд прошли в абсолютной тишине и неподвижности. Потом кто-то нервно скрипнул зубами.
И словно услышав этот скрип, чужие пошевелились. По телам кораблей прошла волна мелкой вибрации. А потом обе засохшие ветки с неожиданной легкостью отлипли от поверхности и неспешно пошли вверх. На какой тяге это делалось, было совершенно непонятно.
— Малыш, жми снова! — рявкнул Файн.
Техник послушно ткнул контакт, и второй импульс ушел домой, передавая информацию о том, как именно движутся чужие.
— Готово! — доложил техник.
— Зашибись! — сказал Файн и рванул скаут немыслимым кувырком через голову.
Чужие вдруг наддали и очень резво бросились вдогон.
— Идиоты, — прорычал Файн. — Сразу видно — не евреи. Зачем вдвоем-то?
«Рипли» на половинной тяге уходил в тень. Чужие не отставали.
— Ща как стрельнут… — заметил Джонни.
— Не-а, — помотал головой Файн. — Им «язык» нужен. Он чуть подкорректировал движение маневровыми двигателями, загибая траекторию к поверхности Цербера. Чужие немного разошлись, явно намереваясь прижать скаут к планете.
— Чистые марсиане, — сказал Джонни. — Дураки. Шеф, реактор готов к полной тяге. Все системы ОК.
Файн убрал энергию с отражателя, суденышко пошло по инерции. Чужие вдруг заметались, их полет стал волнообразным.
— Не видят… — обалдело прошептал Джонни. — Не может быть… Вот же мы!
И в тот же миг корпус «Рипли» содрогнулся, как от попадания. Корабль затрясло. От тошнотворной мелкой вибрации перед глазами у астронавтов все поплыло. Казалось, люди и механизмы сейчас распадутся на части. Кто-то из экипажа громко застонал.
— Держись! — крикнул Файн. Скаут перевернулся, нацелившись в промежуток между кораблями чужих. Вздрогнул, уже по собственной воле, и с пушечным ускорением рванул вперед.
Тряска прекратилась — вероятно, скаут миновал границу поля, наведенного чужими. «Рипли» наискосок проскочил между врагами, отвесно рухнул к поверхности Цербера и на бреющем, как заправский истребитель, почесал вокруг планетки, лихо маневрируя среди остроконечных скал. Прыгнул вверх уже на освещенной стороне, оттолкнулся полной тягой, развернулся к опасности носом и задом наперед по инерционной траектории полетел внутрь системы.
Чужие медленно выплыли из-за Цербера и остановились, будто в нерешительности.
Файн поморгал, стряхивая воду с ресниц. С трудом разглядел индикатор времени среди прочих данных, проецируемых на внутреннюю сторону забрала. С момента начала движения прошло двадцать пять минут. Несмотря на яростную работу систем обдува и дегидрации, внутри скафандра можно было утонуть в собственном поту. Так крутиться, как в этот раз, коммандеру Файну даже на войне случалось редко. От соплеменников можно

было оторваться на куда меньших ускорениях. Впрочем, у страха глаза велики. Чужие оказались не больно-то проворными. Если только не хотели показаться таковыми.
Файн отстегнул ремни и осторожно, чтобы не взлететь, потянулся всем телом.
— Если уйдем, — сказал он, — нужно будет как-то тормознуть этот дурацкий ремонтник. Сцапают они его и выпотрошат. Как только будет подтверждение от Задницы, попросим его…
Он не успел договорить. Увеличенное оптикой изображение чужих на обзорном экране вдруг покрылось зыбкой пеленой. Задрожало. Расплылось.
Вспыхнуло ослепительно белым теплым светом.
Рефлекторно Файн закрыл глаза. И понял, что это уже не имеет значения. Он не в силах был пошевелиться. Его словно взяли за шкирку и подняли в воздух, беспомощного и жалкого. Думать еще получалось, а двигаться — нет.
Он приоткрыл один глаз. Вокруг все было залито пульсирующим белым теплом. Разглядеть что-либо внутри рубки не представлялось возможным: только плотный яркий туман.
Возникло ускорение, небольшое, но ощутимое. Чужие подтягивали «Рипли» к себе.
Безвольно висевшая рука Файна, обретя вес, легла рядом с контактной доской. Файн с тоской отметил, что остался шанс: стоит прижать контакт, и реактор даст тягу, плавно увеличивая значение до максимума. Скаут рванет навстречу чужим, и удастся ли им поймать его — это еще большой вопрос. А почему бы не… Только вот как? Двигательные функции блокированы полностью. И волной накатился страх. Парализовав тело, чужие собирались вдобавок подавить и волю, используя естественные реакции человеческого мозга. «Страх убивает мысль». Кто это написал? Беспричинный и оттого еще более навязчивый ужас рождался где-то в груди и заполнял всю душу.
В наушниках раздавались неразборчивые стоны, от этого становилось еще жутче. Файн снова закрыл глаза, попытался найти выход из сложившейся безумной ситуации и понял, что уже ничего не соображает. Он только хотел, чтобы пытка кончилась поскорее.
Кончилась… Кончилась… Как заставить чужих прекратить это? А почему, собственно, их? Можно заставить себя отключиться. И тогда плевать, что вокруг. И тогда…
У Файна не хватило сил даже обрадоваться. Для этого ему было чересчур страшно. Во рту плавала слюна. Чудовищным усилием воли Файн заставил себя глотнуть, чтобы потом ненароком не захлебнуться. Сильно выдохнул.
И не вдохнул.
И принялся ждать.
Для Файна этот выкрутас был не внове. Он частенько закладывал за воротник, в пьяном виде легко терял человеческий облик, пил жадно, захлебываясь, и страдал в результате мучительной икотой. А боролся он с ней просто: задерживал дыхание почти до обморока. Здесь главным было умение себя обмануть, заставить организм поверить, что ему без воздуха только лучше.
Горло сдавила болезненная судорога. Перед глазами поплыли круги. Еще немного продержаться. Еще. И все будет ОК. И все по… лу… чит…
Файн потерял сознание. Его тело, не удерживаемое ремнями, завалилось вперед. Прямо тяжеленным шлемом — на ждущую распоряжений контактную доску.
Бац!
Реактор послушно выплюнул энергию на отражатель. В точке сгорания плазмы вспыхнуло маленькое солнце. «Рипли», как ужаленный, прыгнул вперед. Наддал еще. Потом добавил. Выдал полную тягу.
И стало темно.
* * *
Как и многие другие изобретения, доставшиеся человечеству в наследство от талантливого, но своеобразного племени русских — вроде матерной ругани, пирогов и танца вприсядку, — дальняя космическая связь отличалась простотой замысла и ограниченной пригодностью. Маломощный передатчик «Рипли» позволял без проблем отправить нежный привет на скорости света хоть в Туманность Андромеды. Все бы ничего, но сложность дешифровки сигнала низводила достоинства ДС до вполне прозаического уровня. Радио было настолько дешевле, что ДС так и осталась сугубо дальней связью, окупающейся только на огромных дистанциях, когда во главе угла стояла надежность и четкость передачи. В этом отношении ДС была совершенно безупречна.
Поэтому информационный бакен-накопитель группы F, хитро сброшенный там, где ему быть не полагалось, а значит, недоступный для любопытного Адмиралтейства, получил с «Рипли» отменную картинку. Эбрахам Файн, приказав технику давить на кнопку, мог после этого, как он сам любил поговаривать, «загибаться уже сколько влезет с чистой совестью».
Тем временем остатки ударных крыльев группы F — семь круизеров и четыре звена дестроеров — перестраивались в атакующий ордер. Вырвавшийся далеко вперед на

«Гордоне» Эссекс тормозил над зоной поражения и, в нарушение адмиралтейских инструкций, готовился бросить вниз скауты. Приданный группе ремонтник ковылял в безопасном отдалении, по уши загруженный ремонтом себя. На «Тушканчике» вовсю сифонили злополучные прокладки. У «фон Рея Третьего» опасно грелся реактор. «Роканнон-2» вообще не мог стрелять из-за фатального сбоя в телеметрии, но доложить об этом по команде мешало уставное радиомолчание.
Первым его нарушил Эссекс, когда черные тени земных судов уже заходили в атаку. И нарушил не как-нибудь, а по открытому голосовому каналу. Сказал два слова на межпланетной аварийной волне.
— Фокстрот виски! — проскрипел он своим знаменитым на всю Солнечную голосом, от которого марсианские связисты внизу сначала окаменели, а потом дружно полезли на стенку.
«FW»: группе F предупреждение.
Позже за этот выкрутас Заднице приписывали высокий гуманизм в истинно европейских традициях. Называли благородным рыцарем и тому подобное.
А он всего-навсего получил со скаутов недостающую информацию, рассмотрел внимательно панорамную картинку поверхности и заметил неладное. Быстро просчитал варианты и принял решение на всякий случай поднять шухер. Дабы избежать возможных неприятностей…

…Боевая рубка круизера серии 100 упирается в полусферический обзорный экран. Посты офицеров стоят на небольшом возвышении и расположены ступенчато, будто кресла в театре. Впереди и внизу, основанием на кромке экрана, — пульты старшего навигатора и бомбардира. У них за спиной большой контрольный пост командира. Дальше сидят двое связистов. Есть еще пара резервных универсальных пультов на случай, если надо усадить посредника или высокое начальство. Но обычно в «боевой» работает только пять человек. Остальной персонал разбросан по круизеру на первый взгляд совершенно бессистемно. Многие из подчиненных в бою вообще не ведают, что творят. Их дело — быстро выполнять приказы.
Во время атаки все, что происходит вокруг судна, видно только из «боевой». Хорошая картинка на мониторах огневой группы, сидящей в геометрическом центре корабля. Неплохой обзор у резерва младших навигаторов, которые занимают в бою ходовую рубку. Вообще, непосредственных участников событий не больше пятидесяти человек. Отдыхающая вахта лежит по каютам, застегнув маски спецкостюмов, и давит храпака. Если нужно кого-то подменить или покинуть терпящий бедствие корабль, их разбудят. Принцип «меньше знаешь — лучше спишь» не распространяется в боевой обстановке только на командира, старпома и бригаду техников. Их подменять некому. Пост Рашена в боевой рубке, Боровского — в ходовой, Вернер с командой сидит у переборки реакторного отсека. Еще на идущем в бой «Тушканчике» обязаны бодрствовать доктор Эпштейн и ассистирующая ему в трудных случаях Линда. Чем и занимаются беспробудно. У этой парочки все поперек Устава: в походе работы невпроворот, а в бою как раз можно отоспаться. Пока на корабле спокойно, обязательно кто-нибудь либо ногу подвернет, либо уйдет в депрессию. А едва начинается война, тут все как на подбор абсолютно здоровые люди, некуда печать ставить. Вот и лежи себе, отдыхай, пока «Тушканчик», паче чаяния, не заработает сквозную дырку в рабочей зоне, чего на круизерах практически не бывает, а если вдруг и случится, так мертвецам терапия все равно ни к чему.
Поэтому к моменту выступления контр-адмирала Эссекса в прямом эфире жизнь на круизере «Пол Атридес» шла привычным чередом. Флагман идеально держал позицию в центре атакующей группы и, басовито урча накопителями, падал на Марс. Идущие в авангарде дестроеры уже коснулись верхних слоев атмосферы.
— Внизу небольшая турбулентность, — сказала Ива. — Может быть, на входе слегка тряхнет. Полагаю, все пристегнуты?
Рашен, командирские функции которого на данный момент исчерпались и сводились к глубокомысленному рассматриванию информации на мониторе, благодушно хмыкнул.
— Две минуты до огня, — доложил Фокс.
— Да. Эй, что там в эфире? Клиент не шевелится?
— Никак нет, сэр. Есть небольшой фон, но это их мобильные рации.
«Тушканчик» вдруг дернуло и ощутимо поволокло влево. Похоже, «небольшая турбулентность» тянула на серьезный шквал.
Корабль рыскнул и встал на прежний курс.
— Буря, — пробормотала Ива. — Смерч. Посмотрите, сэр, внизу настоящий торнадо. Идет к нашей цели.

— Вот они и не шевелятся, — заключил Рашен. Звездочки на его мониторе, обозначающие положение кораблей, показывали, что группа отлично держит строй. — Ровно идем. Точно по графику. Даже…
Тут-то Эссекс и произнес исторические слова.

Астронавты потом говорили, что, когда раздалось это напрочь демаскирующее группу «FW», им показалось, будто от такого кощунства на секунду остолбенел весь обитаемый космос.
— Идиот! — заорал в боевой рубке «Тушканчика» Рашен и вызвал Эссекса на кодированной волне.
— Есть захват цели, — безмятежным тоном доложил Фокс.
Заходящий в атаку круизер звенел, как струна.
Рашен громко сказал по-русски нечто такое, чего никто не понял. На «Тушканчике» знали адмиральский лексикон, но это было что-то новенькое.
Поругаться от души начальник штаба ему не дал.
— Большое скопление техники в зоне поражения, — быстро сказал он, появляясь на мониторе. — И никого вокруг.
— Что ты наделал, suka! Расползутся же!
— Не успеют. Я повторяю: никого вокруг на верных сто миль.
— Ну и что, ты, адмирал хренов!
— По Уставу союзные войска должны стоять на дистанции в тридцать миль и ждать, когда мы отстреляемся.
— Какой Устав, придурок, они же марсиане!
— Да, но согласовывали операцию наши. Значит, мы должны ориентироваться на земной Боевой Устав. В противном случае нас бы предупредили.
— Ты действительно Задница, — ответил Рашен и отключился.
Эссекс сделал жест, будто умывает руки. На контр-адмирала смотрели удивленные глаза: никто из его подчиненных, сидевших в оперативной рубке «Гордона», смысла этого движения не знал.
Внизу появились желтые всполохи: кто-то наугад молотил небеса лазером. Смысла в этом не было никакого, группа F все равно избрала для атаки самое бредовое направление.
Рашен, бормоча под нос русские слова, повернулся к обзорному экрану.
— Марсианскую волну мне немедленно, — приказал он. — Голосовую связь!
— Минута до огня, — напомнил Фокс.
— Знаю! — рявкнул адмирал. — Дайте связь! Найдите их! Ива, которая наводила вибрирующий и рыскающий на курсе «Тушканчик» на цель, не могла повернуться, но отлично представляла, какие у адмирала злые глаза. Такого она еще не видела. Ей и в голову не приходило, что это возможно: за считаные мгновения до атаки искать контакта с противником.
Беспорядочная пальба снизу прекратилась. А динамики аудиосвязи вдруг ожили.
— Поверхность вызывает адмирала Эссекса! — прокричал незнакомый голос. — Ради Бога, адмирал!
— Контр-адмирала Эссекса, — сварливо поправил Рашен, прислушиваясь. — Не узнаю. Что это еще за hui s bugra?!
— Не идентифицируется, — доложил связист. В голосовой картотеке «Тушканчика» были данные на всех действующих марсианских командиров. Иногда это здорово помогало раскрыть чужую военную хитрость.
— Здесь Эссекс, — раздалось в эфире. — Кто вы?
— Полковник Тон, самооборона Республики! Где вы, адмирал? Что происходит?!
— Почему атаковали, не дождавшись нас?
— Да… как же… Что значит — не дождавшись?
— У нас приказ о совместной операции. Мы отстреливаем площади, вы захватываете.
— Кого захватываем?! — изумился марсианин.
В эфире воцарилось гробовое молчание. Судя по всему, Эссекс терзался сомнениями. Или уже сожалел о проявленном благородстве и прикидывал, что ему за это будет от Рашена.
— До огня тридцать, — сказал Фокс.
— Никакого полковника Тона, — доложил связист. — Не было и нет, я проверил.
— Я так и думал, — кивнул Рашен. — Дурят нашего брата. Ох, уйдем живыми, Заднице несдобровать… Выпорю паникера. Ремнем по жопе.
— Здесь просто шахты… — промямлил марсианин. — Мы охраняем… Только не стреляйте, Бога ради…
— К сожалению, Бога нет, — сказал Эссекс с тоской в голосе. — Эй, Алекс! — позвал он. — Прости меня, дурака.

— Вот Бог и простит, — усмехнулся Рашен. Липовый полковник окончательно выдал себя. Марсиане не были религиозны. А вот пираты и контрабандисты, люди суеверные по самой природе своей воровской профессии, были.
— Адмирал Успенский! — орали снизу. — Не надо! Что вы делаете! Мы же свои!
— Время! — резко выдохнул Фокс.
Марсианская база снова озарилась вспышками. Опять мимо.
— Разрешаю, — негромко сказал Рашен.
Фокс мягким движением огладил рукой контактную доску. «Тушканчик» содрогнулся всем своим могучим телом, и скальное плато внизу заволокла бурая туча.
За какие-то доли секунды группа F, плюясь огнем, проскочила над целью и ушла. Вслед земным кораблям не было сделано ни единого выстрела. Стрелять было уже некому. Обрабатываемый участок поверхности закрыла плотная стена пыли, сквозь которую слабо просвечивал медленно набухающий малиновый шар.
— Цель подавлена, — доложил Фокс.
— Как у нас? — спросил Рашен.
— «Роканнон» не стрелял. Облом системы, отказ главного ствола. В остальном все чисто.
— Всем отбой. — Рашен вывел на обзорный экран картинку оставшейся далеко позади марсианской поверхности. — М-да, подпортили мы им обстановочку… Капитан-лейтенант Кендалл!
— Да, сэр! — хрипло отозвалась Ива. Удержать «Тушканчик» на бреющем стоило ей большого труда.
— Дальше идем по плану. Молодец, детка.
— Да, сэр.
— А теперь Задницу мне на растерзание! — приказал Рашен почти весело.
* * *
Эбрахам Файн проснулся и с удивлением обнаружил, что он вовсе не голый, и отнюдь не в постели жены, где минуту назад показал себя настоящим астронавтом. В действительности разведчик был упакован в боевой скафандр и безвольно свисал с кресла на борту «Рипли». Файн с трудом выпрямился. Некоторое время он сидел неподвижно и часто моргал, приходя в себя. Потом шевельнул головой, ухватил ртом загубник и выпил несколько глотков холодного энерджайзера. От напитка ему сразу полегчало, и он смог осмотреться. Телеметрия показывала, что из последних двадцати часов около тридцати минут коммандер пребывал в глубоком обмороке, а остальное время спал. Прочие члены экипажа в бессознательном состоянии находились кто час, кто два, а потом у них обморок тоже перешел в сон, не вполне здоровый, насыщенный кошмарами, но в целом нормальный. Скаут удалялся от Солнечной на ускорении, близком к предельному. Картина звездного неба впереди не сулила ничего радостного. Файн вывел на монитор данные следящей оптики, быстро прокрутил запись и обомлел.
За время неуправляемого полета «Рипли» чужие догоняли скаут дважды. Через два часа, а затем еще через полтора две сверкающие загогулины неожиданно выскакивали прямо по носу корабля и пытались воздействовать на него загадочным гравитационным полем. Оба раза маленькое суденышко благополучно проныривало между преследователями, и стоило ему удалиться на какую-нибудь сотню километров, как чужие испарялись. Появление и исчезновение чужих происходило словно по мановению руки: сгустилось вдруг из ничего серое облачко, и возник чужой. Повисел, задрожал, обволокся дымкой и растаял.
Файн восхищенно охнул. Легендарная нуль-транспортировка, которую земляне пытались обкатать на прототипе «Горбовски» и в которую, похоже, толком не верили даже разработчики корабля, действительно существовала. Файн вспомнил казус со «Скайуокером», прикинул, какие преимущества даст нуль-Т чужакам в реальном бою, и охнул еще раз.
«Почему они нас отпустили? — подумал Файн. — Не может такого быть, чтобы у них, как и у нас, и оружие, и ходовая часть питались от одного источника. Точно не может. Чужие свободно генерировали это свое излучение сразу после выхода из подпространства или как его там… Значит, могли выстрелить на прощание нам в корму. Получается, нас отпустили намеренно? Или я о чужих слишком высокого мнения… С перепугу».
Файн крепко зажмурился. Потом непослушной рукой тронул контакты на подлокотнике кресла и принялся работать. Через несколько минут он закончил расчеты и задал скауту новый курс.
«Рипли» плавно изменил направление и потихоньку начал забирать вверх, уходя из плоскости эклиптики. Сейчас Файн был готов лишний месяц проболтаться незнамо где, лишь бы не встречаться больше с чужими. Привычные навигационные приемы такой гарантии дать не могли. А широкая полупетля выбрасывала скаут из зоны стратегических интересов пришельцев.

Следовало, конечно, доложить своим о последних наблюдениях, но сделать это немедленно Файну просто не хватило духа. Он был подавлен и измотан. Послать донесение он собирался не раньше, чем снова окажется в границах Солнечной, высоко над плоскостью, в которой вращались планеты и ходили корабли.
Экипаж спал. Файну стало тоскливо. Будить людей немедленно не имело смысла, их психика явно еще не отошла от шока. Придет время — сами проснутся. А почему бы…
Файн убрал почти всю энергию с отражателя, и ускорение спало до одного «же».
Коммандер проверил воздух в рубке, нашел его удовлетворительным, поднял забрало шлема, расстегнул антиперегрузочную маску и принялся надрывно кашлять, освобождая легкие от дыхательной смеси. Потом отстегнул ремни и осторожно встал на ноги. Покачнулся, но устоял. И медленно, хватаясь по пути за все, что попадало под руку, двинулся в корму.
Из шкафчика над унитазом он достал герметичную пластиковую колбу. Перебросил несколько тумблеров на панели и внимательно прислушался к шипению внутри замысловатой конструкции. Удовлетворенно хмыкнул и поднял крышку с нацарапанной поверх грозной надписью «НЕ СРАТЬ». Запустил громоздкую из-за усилительной перчатки, но достаточно ловкую руку в недра унитаза. Вынул патрубок с краном на конце, подсоединил к колбе и повернул вентиль. Космический санузел хрюкнул и выплюнул в колбу порцию бурой жидкости.
На любом другом скауте группы F подобные действия означали бы, что орденоносный герой коммандер Файн окончательно сошел с ума. Но только не на «Рипли». Эксперименты с сортиром Эндрю Вернер, бывший подчиненный Файна, начал еще на «дин Альте». Уж больно хороша была конструкция аппарата для того, чтобы в него просто гадить.
Файн загерметизировал унитаз и вернулся на место. Связался с фонотекой и включил потихоньку музыку. Откупорил колбу, сунул нос в горлышко и понюхал.
— Та-ак, — довольно протянул он. — Приемлемо. Воровато огляделся, поднял колбу в шутовском салюте, привычно сделал выдох и отхлебнул. Задохнулся. Отдышался. И блеснул глазами.
— Мама родная! — воскликнул коммандер Файн. — Ну, мужики, чтоб я так жил, а вы проснулись!
И жадно выпил снова.
Начальник штаба приказал сбавить ход. Группа F расстегнула маски и переоделась из спецкостюмов в легкую рабочую форму. Астронавты радостно плескались в душе и жадно поглощали нормальную человеческую пищу. Но обычного упоения земной гравитацией никто не чувствовал. На группу навалилась такая проблема, какой еще не было за всю ее боевую историю.
Олег Игоревич Успенский, трехзвездный адмирал космического флота, кавалер орденов и медалей, немолодой и смертельно усталый человек, лежал в своей каюте, повернувшись лицом к стене. Лежал безвольно, как тряпичная кукла. В центре монитора на рабочем столе тлела затухающим огоньком красная точка — оставшийся за кормой Марс.
Это была демонстрация. Кто бы ни зашел в каюту — а дверь у адмирала была на этот раз против обыкновения не заперта, — первым делом он видел проклятую Красную планету на мониторе. Так Рашен без слов давал понять, что беседы по душам не получится.
Уже сутки прошли, как Рашен устранился от несения службы и лежал молча и неподвижно, отказываясь от еды и упорно не отзываясь на попытки заговорить с ним. Временами казалось, что он просто спит.
Лишившаяся командования группа F продолжала движение к Поясу. Согласно приказу, группа сохраняла радиомолчание и не пыталась установить контакт с земной Сетью.
Но одинокому скауту, прячущемуся в метеоритном кратере на Фобосе, никто не мешал подключиться к частному марсианскому бакену и качать с него последние известия трех планет.
Едва началась передача, Рашен жадно впился глазами в сводку. А потом, ни слова не говоря, вывел на монитор оптику, установил изображение Марса по центру, откинул койку, лег и уткнулся в стенку носом.
Формально он никому не передавал командных полномочий. И ошарашенная новостями группа F никаких претензий Рашену не предъявила. Но адмирал вышел из игры сам.
Как он и ожидал, его подставили.
Только вот предательство оказалось несправедливо жестоким.
Группа F блестяще выполнила поставленную Адмиралтейством задачу. От марсианской шахты со всем ее гражданским персоналом не осталось и следа. Погибли и охраняющие разработку войска. Силы республиканской самообороны во главе с полковником Тоном. Не было там никакой пиратской базы и в помине.

А был плотный клубок финансовых интересов. Кому-то злосчастная шахта встала поперек горла, и этот кто-то готов был на все, чтобы разработка перестала существовать. Возможно, это был частный заказчик. Может быть, Совет Директоров хотел увеличить долю уранового экспорта на Марс. Или усложнить взаимоотношения между Ред-Сити и Венерой, остро зависящей от марсианской руды.
А на Земле, как нарочно, акционеры колебались по животрепещущему вопросу роспуска флота. И нашлась хитрая и безжалостная сволочь, которая увязала одно с другим.

Контр-адмирала Эссекса у главного шлюза встречал Боровский. В этот раз Задница прибыл на «Тушканчик» без охраны и вид имел помятый. От начальника штаба за версту разило перегаром.
— Господин контр-адмирал… — начал было старпом, но Эссекс небрежно от него отмахнулся.
— Перестань, — сказал он. — Не время сейчас. И вообще, мы больше не армия. Пираты мы, Жан-Поль. Уголовники.
Боровский неприязненно скривился, но промолчал.
— Знаешь, что делать-то? — спросил Задница. — Есть идеи?
— Идеи есть, — хмуро ответил Боровский. — Это, конечно, в принципе не мое дело, но если бы меня спросили, я бы сказал: к Земле надо поворачивать.
— Ха! — Эссекс нервно огляделся, как будто разговор мог подслушать кто-то, имеющий другое мнение.
— К Земле, — повторил Боровский. — Или к Марсу. Да хоть на Венеру, в конце концов. Но только не бежать.
— А мы и не бежим. Нас полиция ждет не дождется.
— Правда, что приказ тю-тю? — спросил Боровский.
— Ага, — кивнул Эссекс. — То есть, не совсем тю-тю. На его месте теперь совсем другой приказ. Ультиматум. Требование к Алексу прекратить самовольные действия, сдать группу мне и возвращаться.
— Бедный Алекс, — вздохнул Боровский.
— Не сломался он, как ты думаешь?
— Он просто устал, — сказал Боровский твердо. — Вы же знаете, Филипп, наш Алекс несгибаем. Но он тоже живой человек. У него легкая депрессия. Пройдет.
— Это кто так говорит? Ваш психолог, как ее там…?
— Линда. Да, и она тоже.
Эссекс задумчиво поскреб щетинистый подбородок.
— Ладно, — сказал он. — Давай попробуем его реанимировать. Нужно же решить что-то.
— Пойдемте, — сказал Боровский, и они зашагали по пустынному коридору. Боровский молча глядел под ноги, а Задница хмыкал и сопел.
— Никогда мне не был симпатичен нынешний заместитель по боевой, — сказал начальник штаба наконец. — А тебе он как?
— Никак, — отрезал Боровский.
— Пойдешь на его место?
— А он? — недоверчиво покосился на контр-адмирала Боровский.
— А он застрелился, — небрежно бросил Эссекс.
— Вы серьезно?
— Час назад. За последние сутки восьмое самоубийство уже. Сдают нервишки у кровавых садистов. Как нас еще пресса обзывает, я забыл?
— Вас это раздражает?
— Да не особенно, — признался Эссекс. — Просто жалко людей. И обидно, что флот похоронили именно нашими руками. Ну, будешь восстанавливаться в должности?
— Если Алекс так решит…
— А если он вообще ничего больше не решит? — вкрадчиво спросил Эссекс.
Вместо ответа Боровский вдруг остановился, крепко взял контр-адмирала за грудки и шмякнул об стену.
— Задница… — прошипел он с чувством. — Чтобы я таких слов… Ясно тебе, адмирал?! Ты этого не говорил, я этого не слышал!
— Сдурел?! — не повышая голоса поинтересовался Эссекс, пытаясь вырваться. — Опять крыша едет? А ну, отпусти!
— Не трогай моего русского, понял?! — прорычал Боровский. — Ты его мизинца не стоишь! Жопа штабная!
— Психопат. — Эссекс оторвал от себя цепкие руки старпома и сделал шаг в сторону. — Да кто его трогает?! Я так, на всякий случай…

— Я тебе покажу случай, — очень спокойно произнес Боровский. — У тебя люди стреляются направо и налево, а ты, зараза, водку хлещешь. Ты ведь со стыда не застрелишься, а, Фил?
— Коммандер Боровский! Прекратить истерику!
— И не подумаю!
— Ну и пошел в жопу! — Эссекс повернулся к Боровскому спиной и зашагал дальше. Боровский несколько раз с шипением пнул башмаком стену и поспешил следом.
— Я ничего дурного и не думал, — сказал через плечо Эссекс, когда Боровский его догнал. — Я просто беспокоюсь: а вдруг Алекс еще неделю так проваляется? И никакой он не твой русский. Он наш русский. И ты, между прочим, тоже что-то с собой кончать не торопишься. И вообще…
— Да иди ты… — смущенно пробормотал Боровский в знак того, что препирательства закончены.
— Вот и славно, — кивнул Эссекс, останавливаясь у двери адмиральской каюты и нажимая кнопку.

В поведении Рашена обнаружилась положительная тенденция: теперь он лежал хоть и с закрытыми глазами, но уже носом кверху.
— Здорово, Алекс, — сказал Эссекс, садясь на койку рядом с адмиралом. — Как самочувствие?.
Рашен не ответил, только плотнее зажмурил глаза. Боровский встал за креслом, облокотился на его спинку и устало повесил голову.
— Значит, так, — сказал Эссекс. — Ты, Алекс, можешь не отвечать, я тебе просто обрисую сейчас варианты, которые предлагает штаб. А ты сам решай. Да? Эй, мужик, ты не спишь?
— Да не спит он, — проворчал Боровский. — Вы говорите, Филипп, не беспокойтесь. Когда придет время, он свое выскажет.
— Хочется надеяться, — заметил Эссекс язвительно. — Хорошо бы он высказался раньше, чем у нас перестреляется к едрене матери весь наличный персонал. Ладно, Алекс, расклад такой. Пилить дальше тем же маршрутом штаб полагает бессмысленным. Нужно не лезть на рожон, а упредить противника. Флот потерян, это ясно. Группе F кранты. Но стоит побороться хотя бы за наши головы. А значит, нужно тормозить, разворачиваться и идти на Марс.
Боровский поднял голову и неодобрительно глянул на начальника штаба. Ему вдруг показалось, что еще пару минут назад у Эссекса никаких позитивных вариантов на уме не было, и пока старпом в коридоре валял дурака и проявлял эмоции, контр-адмирал нагло украл его идею. Каждый раз в такие моменты Боровский вспоминал, что, если бы не проблемы со здоровьем, он тоже носил бы сейчас на груди большую адмиральскую звезду. И, разумеется, начинал злиться.
— Мы сядем прямо у Ред-Сити, — продолжал Эссекс. — Они и опомниться не успеют. А мы вышлем парламентера и скажем: так и так, ребята, можете нас судить, но мы ни при чем. Пусть разберутся, кому было выгодно разнести эту шахту. И все говно тут же всплывет. Начнется большой скандал, а нас оправдают. Главное — сделать это быстро. Чем дальше мы уходим от Марса, тем больше похожи на сумасшедших и преступников.
Рашен тихо вздохнул и перевалился на бок, отворачиваясь к стене.
— Не дури, Алекс, — попросил начальник штаба. — Это наш единственный шанс. Ты хочешь драться с полицией? Допустим, мы их уделаем. А смысл? Лишний раз распишемся в том, что виноваты.
Рашен неопределенно шевельнул плечами.
— Честно говоря, мне это все не очень по душе, — вступил в разговор Боровский. — Если бы меня спросили…
— Ну? — подтолкнул его Эссекс.
— Рванем к Земле! — предложил Боровский. — Вывесимся над Парижем. И предъявим ультиматум: пусть в двадцать четыре часа выдадут нам того, кто все это затеял. А не то бомбанем. Спорим, получится?
— Экстремист, — покачал головой начальник штаба.
— А сдаваться марсианам — предательство, — парировал Боровский. — Во всяком случае, это так могут расценить. На фиг нам арбитры и посредники? Зачем выносить сор из избы? Разбираться нужно со своими. Наши как услышат про бомбардировку, тут же сделают лапки кверху.
— В общем, ты подумай, Алекс, — сказал Эссекс. — А мы подождем. Времени еще немного есть. Пойдем, Жан-Поль, не будем ему мешать.
— Счастливо, драйвер, — сказал Боровский в спину Рашену.

— Ну чего ты полез с этой бомбардировкой? — спросил Эссекс старпома, когда дверь за ними захлопнулась. — Что за фокусы? «Вывесимся над Парижем»! Между прочим, это его родной город.
— Подумаешь! — всплеснул руками Боровский. — Какая неприятность!
— Все равно нам бомбить нечем, — вспомнил Эссекс. — Ракеты все на «Старке» остались. И Дядя Гуннар это прекрасно знает.
— Ну не бомбанем, так стрельнем.
— Слушай, не пори ты чушь!
— Военный переворот! — хищно заявил Боровский. — Захватить власть! И конец всему!
— Маньяк, — поставил диагноз Эссекс.
— Надоело, — объяснил старпом. — Непорядок на Земле, неужели ты не чувствуешь? Давно уже непорядок.
— Давай решать пока что тактические задачи, — миролюбиво предложил Эссекс. — Как нам Алекса растормошить?
— Пошли к Линде, — сказал Боровский. — Она умная.
— А буфера какие! — заметил Эссекс. — Если сообразно уму, то голова у нее — ого-го!
Капитан Стенфилд встретила гостей неприветливо.
— Ну чего? — спросила она хмуро, не делая при виде начальства даже попытки встать.
Гости в ответ не стали с ней здороваться, а сразу приступили к делу.
— Сколько он еще будет выпендриваться? — спросил Эссекс, присаживаясь на край стола.
— Сколько влезет, — отрезала Линда. — И не просите меня ни о чем, я с ним работать отказываюсь.
— Почему? — удивился начальник штаба: — Я полагал, это ваш профессиональный долг, так сказать.
— Только не с ним.
— Да почему же?
— Не буду, и все тут.
— Линда, дорогая, — сказал Боровский очень мягко. — Может, Филу это все кажется странным, но я-то хорошо тебя понимаю. Слушай, мы тебя пока что ни о чем таком не просим. Ты хотя бы подскажи, как его поставить на ноги?
— А зачем? Пусть себе лежит. Он может с этим справиться. Отойдет — сам встанет.
— У нас времени мало. Нужно принимать решение.
— Вы ему что-то предложили уже?
— Ну.
— Догадываюсь, — буркнула Линда пренебрежительно. — Вы посоветовали ему доказать, что мы правы, а Земля нас подставила. Доказать силой. Так?
— У вас что, капитан, — процедил Эссекс, есть другие идеи?
— Нет, господин контр-адмирал. Только я не уверена, что наш патрон готов к силовым решениям. Понимаете, ему надоело биться головой об стену. Он последние двадцать лет только этим и занимается. И все без толку.
— Слушайте, Линда, — сказал Эссекс. — Ваши предположения… Все чудесно. Но что-то я не слышу голос профессионала. Давайте соберитесь с духом и принимайтесь за дело. К чему Алекс готов, а к чему нет — это сейчас не имеет значения. Группе нужно, чтобы он был готов ко всему. Вот идите — и обеспечьте. Прошу вас. Еще прошу.
У Линды сделалось такое выражение лица, будто она вот-вот расплачется. Эссекс посмотрел на нее с удивлением и покосился на Боровского. Старпом отвернулся.
— Вы даже не представляете, откуда он меня вытащил, — пробормотала Линда глухо и хрипло. — Он мне буквально как отец. Я его люблю, понимаете?
— Как же вы меня все достали с вашими личными проблемами! — прошипел Эссекс. — Слушайте, Линда, сейчас не время распускать сопли! Речь идет о выживании группы F. Корабли мы уже не спасем, но хотя бы людей… А от того, будет Алекс с нами или останется прохлаждаться в каюте, зависит почти все. Понимаете? Алекс обязан подняться. Иначе на его совести будет судьба полутора тысяч человек. И на вашей тоже, между прочим, если вы сейчас не справитесь с эмоциями.
— Если я его подниму, вы заберете меня на «Гордон», — сказала Линда бесцветным голосом. — Я после этого больше не смогу здесь оставаться. Или он меня сам потом выгонит. Он же такой… Он же все понимает.
— Хорошо, — кивнул Эссекс. — Если он встанет и начнет говорить, собирайте вещи. А теперь идите, капитан. Это приказ.
Линда медленно поднялась, обошла Боровского и заглянула ему в лицо. Старпом отвел глаза.
— Иначе никак, — вздохнул он. — Ты прости, сестренка.
Линда сунула руки в карманы, пнула ногой контакт на двери и вышла.

— Сумасшедший дом! — сказал Эссекс с чувством.
— Нет, — возразил Боровский уныло. — Совсем не похоже. В психушке тихо, спокойно. Ничего не происходит. Никаких проблем. Как в раю.
В коридоре Линда прислонилась к стене и несколько раз глубоко вздохнула. Повернулась было в сторону адмиральской каюты, но вдруг остановилась, как вкопанная. Развернулась и почти бегом кинулась в совершенно другом направлении.
* * *
Ива блаженно раскинулась на койке и тихо напевала себе под нос незамысловатый мотивчик. Эндрю сидел в ее рабочем кресле и перечитывал земные информационные сводки. Сейчас на мониторе была подборка данных об адмирале Успенском. Анализируя историю жизни адмирала, журналист очень убедительно доказывал, что иного пути, кроме как сойти с ума, у Рашена не было. Из материала следовало, что тронувшийся умом русский вознамерился отомстить всему миру, и атака на Марс — только первая акция, за которой последуют страшные удары по Земле. Предполагалось, что Рашен арестовал или уничтожил верных присяге офицеров. В этом контексте автор с особой горечью отзывался о контр-адмирале Эссексе, только усилиями которого удавалось в последние годы удержать теряющего адекватность Рашена в узде.
Выводы были пространными и нелицеприятными для руководства Адмиралтейства. Материал иллюстрировала статистика по психическим заболеваниям среди офицеров космического флота. Статистику Эндрю просмотрел очень внимательно и нашел цифры завышенными. Иначе выходило, что в космосе стоит форменный бедлам и армию нужно не распускать, а прямо с космодрома грузить в санитарные машины и везти по больницам. Разумеется, земные информационные агентства многого в поведении группы F объяснить не могли. Все их выкладки крутились вокруг личности Рашена и морального климата на вверенных ему судах. На Адмиралтейство никто особенно не замахивался, вменяя Дяде Гуннару в вину разве что халатность и утрату контроля над войсками. Адмирал Кёниг в ответ просил отставки, громогласно каялся в позорном недосмотре и валил ответственность на департамент здравоохранения, психологи которого не успели вовремя распознать начавшуюся у Рашена шизофрению. Психологи, в свою очередь, туманно намекали, что с астронавтами очень трудно работать и по большому счету Кёниг сам не подарок. Но все сходились на том, что русским в космосе не место в силу их повышенной восприимчивости.
Эндрю перелистнул страницу и через плечо посмотрел на Иву.
— Ты хоть что-нибудь понимаешь? — спросил он.
— Ага, — промурлыкала Ива, потягиваясь всем телом. — Нас подставили. Вот теперь-то все и начнется…
— Что начнется? — тупо пробормотал Эндрю.
— Постановка на уши, — объяснила Ива безмятежным тоном. — Рашен им, гадам, даст просраться. Мало не покажется.
— Кому — «им»?
— Гражданским. Они же, кретины, хотели командира утопить. А теперь он их утопит. Эти идиоты даже не представляют, с кем связались. Рашена обижать нельзя. Он терпит-терпит, а потом как взорвется…
Эндрю подобрал со стола резинку и начал собирать волосы в хвост. Ива перевернулась на бок и стала наблюдать. Она даже рот приоткрыла от удовольствия.
— И зачем мужику такие роскошные волосы? — задумалась она вслух.
— Чтобы девочкам нравиться, — усмехнулся Эндрю.
— А сколько их у тебя было?
— Волос?
— Не уходите от ответа, лейтенант. У-у… котяра. Знаем мы таких.
— А тебе не все равно? — спросил Эндрю, поворачиваясь вместе с креслом и хитро прищуриваясь.
— Совершенно все равно. Но очень интересно. — Ива скользнула взглядом по его телу и в который раз поймала себя на мысли, что мужчин красивее Эндрю видела миллион, а вот такого родного…
— Немного их было, — сказал Эндрю, — и с каждым разом все отчетливее казалось, будто они мне просто не нужны. Тебе знакомо, наверное, ощущение, когда думаешь: ну вот, с этим-то человеком все получится, такой он милый и замечательный. Бац! — ничего подобного. Еще один эпизод, ни уму, ни сердцу. Я уже думал: может, я урод какой-нибудь бесчувственный… Чисто из жалости все происходило или так, на драйве, понимаешь? Выпьем, станцуем, все такое, а наутро словно и не было ничего. Только осадок в душе, будто украл что-то или чужое место занял…
— А теперь? — спросила Ива, ложась на живот и болтая ногами.

— А теперь я счастлив, — ответил Эндрю просто, вставая и подходя к ней. Ива протянула руку и медленно провела ладонью по его ноге. — У-у… — сказал Эндрю. — Как же я люблю твои прикосновения. Такие ласковые руки…
— Это от любви… — прошептала — Ива, чувствуя, как он ложится на нее, мягко, так, что почти не ощущается вес, обнимает за плечи и целует в шею. Она выгнула спину, чтобы, почувствовать его ближе. Ладони Эндрю вдруг оказались под ней и обхватили ее груди, так ловко и естественно, будто специально для этого были созданы. Поцелуи стали легкими покусываниями, и Ива представила себя кошкой, сытой и довольной, которую сейчас опытный, умный кот зубами ухватит за загривок… И ничего не нужно делать, ни о чем не нужно думать, потому что ты знаешь, что все получится отлично. Только развернись навстречу, прими своего мужчину в себя. Он твой, и все, что он будет делать, окажется воплощением твоей мечты. А чего тебе захочется — ему тоже понравится. Иначе и быть не может.
— Не туда, безобразник! — сказала она.
— Виноват, — нарочито задушенным голосом прохрипел Эндрю. Задумался. Ничего, был бы человек хороший…
Ива плотно сжала ягодицы и начала осторожно вырываться.
— Ага! — воскликнул Эндрю. — В этом что-то есть!
Некоторое время прошло в сосредоточенной и деловитой возне.
— Так нечестно, — сказал он наконец. — Я сильнее.
И тут же оказался на спине.
— А вот так? — хищно спросила Ива. — А вот так…
— Ты чудо, — прошептал Эндрю, преданно глядя ей в глаза. — С тобой… хорошо… всегда. Потому что… с тобой… О-о-о…
То ли они уже знали друг о друге все, то ли им, созданным друг для друга, это знание было дано от рождения. И теперь Ива со стоном упала Эндрю на грудь, чувствуя, как он в сладостной муке содрогается внутри нее.
И тут же переговорное устройство на двери разразилось требовательным звоном.
Эндрю безвольно уронил голову набок, приоткрыл рот и закатил глаза.
— И на том спасибо, — выдохнул он.
Ива с трудом рассмеялась сквозь пронизывающую все тело волну блаженства.
— Любимая… — прошептал Эндрю, крепче прижимая ее к себе.
— Ты мой самый-самый, — ответила Ива, но все-таки сползла с мужчины, протянула руку и ткнула кнопку на подлокотнике кресла.
— Ну-ка, мои хорошие, давайте одевайтесь! — провозгласила дверь голосом Линды. — Дело есть.
* * *
— Опять война, — сказал Эндрю уныло. — Неужели еще не надоело, а?
— Это ты о чем? — спросила Линда, оборачиваясь на ходу.
— Понятно о чем. Сначала полицейских распугаем, потом на Землю… Доказывать, что мы хорошие и ничего дурного не замышляли. Нам навстречу те же самые бэттлшипы пошлют, да еще и «Старк», да мелюзги всякой немерено… Ну, потеряем мы полгруппы. Ну, ухлопаем пару эскадрилий таких же идиотов, ну, обстрелом пригрозим…
— Кончай это русское нытье! — скомандовала Линда. — Не мы ухлопаем, так нас ухлопают.
— По своим же стрелять… — буркнул Эндрю и тяжело вздохнул.
— Перестань, Энди, — попросила Ива. — Думаешь, ты один такой совестливый?
— Я не совестливый, — возразил Эндрю. — До меня просто только сейчас дошло: мы ведем себя как военные. Пытаемся решать проблему силой. А это зря. Нас уже на трех планетах объявили врагами. Интересно, сильно группу F полюбят, если она будет дальше стрелять и запугивать? Я понимаю, у нас беда, но разве нельзя как-то мирным путем?
— Нельзя, — сказала Линда сквозь зубы.
— Что, мало наших замочили? — спросил Эндрю язвительно.
— Дурак ты, лейтенант… Если группа F сейчас проявит слабость, начнет колебаться, это будет лучшим доказательством того, что Рашен сумасшедший, а мы пляшем под его дудку. Психанул адмирал, а теперь сам не знает, куда дальше идти… В том и дело, что нам придется гнуть одну линию. Действительно вести себя как военные.
— Не знаю, — помотал головой Эндрю. — Конечно, я не специалист. Но мне кажется, нам сейчас нужно сделать красивый жест. Только не пугать. А наоборот, даже подставиться. Ну правда, хватит боевых действий. Тот, кто прав, убеждать должен, а не головы рубить.
— Типично русский закидон, — хмыкнула Линда. — Всепрощение и невмешательство. Расскажи об этом своему папочке Рашену. Он тебя по головке погладит и на радостях

закатит такую депрессуху, что мне придется его лечить. Тьфу! Давно я говорила, что командовать флотами должны американцы…
Ива остановилась у двери адмиральской каюты, повернулась к Эндрю и положила руку ему на плечо. Вернер стоял, как в воду опущенный, глядя себе под ноги.
— Что с тобой? — спросила Ива очень тихо.
— Прости, — сказал Эндрю, стараясь не глядеть ей в глаза. — Я просто вдруг почувствовал… Не знаю. Иди одна. От меня там не будет сейчас никакой пользы.
— Благородный, паразит, — высказалась Линда и отвернулась.
— Зря ты так, — сказала Ива. — Но даже за это я тебя люблю.
— И я тебя люблю. Прости меня, пожалуйста.
Ива быстро поцеловала его в щеку и тронула контакт на стене. Дверь отворилась, и Ива шагнула через порог. Эндрю сунул руки в карманы и пошел вдаль по коридору.
— Молодец! — крикнула Линда ему в спину. Плечи Вернера в ответ поднялись и опустились. Линда прислонилась к стене и начала яростно обгрызать ногти.

— Здравствуйте, драйвер, — сказала Ива нерешительно. — А я вот к вам. Можно?
— Да ты уж вошла, — заявил Рашен сварливо. Он сидел в рабочем кресле, подперев голову кулаком. — От кого делегация?
— Простите?..
— Кто прислал тебя, говорю… Боровский? Или Линда?
— Да я…
— Линда, — догадался адмирал. — Ну и зря. Я уже в порядке. Относительно. У твоих раздолбаев самогонки не осталось?
— Понятия не имею, — удивилась Ива.
— Перед отходом была целая канистра, — объяснил Рашен. — Хотя что им, пятерым, на целые сутки десять литров? Так — горло промочить…
— Вы откуда знаете? — пробормотала Ива ошарашенно.
— Ну, я на этой развалюхе вроде как главный, — заметил адмирал. — Или уже нет?
— Слушайте, драйвер, я…
— Спасибо, что пришла, — неожиданно сменил тему Рашен. Он повернулся к Иве, и та поразилась, как глубоко запали у него глаза и какие страшные под ними синяки. Адмирал выглядел совершенно больным. И глубоко несчастным. — Могла ведь не согласиться, — продолжал Рашен. — А ты вот здесь. Пожалела меня, старого дурака. И-ди-о-та.
— Да кончайте вы! — против своей воли разозлилась Ива.
— Кончаю я по ночам и об стенку! — сказал адмирал так злобно, что Ива покраснела и опустила глаза. — А еще на меня ходят смотреть, как на мумию вождя. Стоят над телом и произносят речи. А я лежу себе и в гробу ворочаюсь…
— Мне уйти? — спросила Ива тихонько.
— Ни в коем случае, — отрезал Рашен. — Ты на этой старой калоше единственный нормальный человек. Кому я еще могу поплакаться?
— Вы так ничего и не решили… — поняла Ива.
— Фу! — возмутился адмирал. — Ты что, со мной первый день ходишь? У меня все варианты давно просчитаны.
— И? — спросила Ива с надеждой.
— И ничего хорошего. В любом случае две трети группы накрывается. А сколько мы полицейских угробим, это просто караул. И не забывай про наши собственные бэттлшипы на которых уже сменили экипажи. Да еще этот долбаный «Старк»… Какое счастье, что остальной флот пошел на металлолом! — воскликнул адмирал. — Если бы мне месяц назад сказали, что я буду этому радоваться… А так у нас есть шансы. Но при одной мысли, что мы с тобой, допустим, уцелеем, а остальные — нет… Дестроеры все можно списать в расход! Это что, война?! Да это же бойня!
Ива зажала руки между колен и беспомощно смотрела на адмирала.
— А сколько наших уже застрелилось? — спросил Рашен.
— Послушайте… — взмолилась Ива. — Ну давайте повернем! Уйдем на Марс. Сдадимся. А?
— Ты понимаешь… — сказал Рашен с безумной горечью. — Сдаваться мы можем кому угодно, это не проблема. Мне все равно, меня-то в любом случае расстреляют…
— Как?! — воскликнула Ива.
— Да вот так. Ты приказ Адмиралтейства видела? Нет? Вот то-то. Приказ отдали лично мне и Заднице. А после рекодировки он испарился. Я ничего не могу доказать. Выходит, я просто обычный сумасшедший офицер, каких полно, и не более того. Как капитан Риз с «Горбовски». Он собственных десантников пожег — и никто не удивился. Ну и что с того, что я на марсиан напал?

— Но ведь Эссекс подтвердит…
— Да он не может выступать свидетелем в суде! — рявкнул адмирал. — Он почти год не спускался вниз! По Филу психушка не то что плачет, а слезами заливается. Это я его от последней медкомиссии отмазал. На мой взгляд, он нормальнее нас всех. А как медики относятся к тем, кто боится вниз сойти?! Группу F подставили тупейшим образом, и все отлично получилось! Мы же астронавты, от нас всего можно ожидать… Погоди, о чем я?
— О том, что вас расстреляют, — сказала Ива и вдруг глупо хихикнула.
Рашен улыбнулся одной стороной рта, прищурил глаз, и Ива неожиданно увидела такого адмирала, которого она знала очень хорошо: уверенного в себе, ироничного, мудрого. Но эта маска быстро пропала, и перед ней снова оказался усталый старик.
— Так вот, — кивнул Рашен. — Но самое обидное, что пострадает и остальное командование. Тюрьма ребятам обеспечена. Всем, кто был ко мне близок, постараются заткнуть рты очень надолго, если не навсегда. Могут просто изолировать. Могут с ума свести. Ты понимаешь, за роспуском флота стоят бешеные деньги. Мне даже представить страшно, кто именно и с кем снюхался, чтобы нас уничтожить. И если бы нас просто списали вниз — это была бы одна сумма. А теперь она может увеличиться на порядок.
— Не понимаю… — пробормотала Ива.
— Знаешь, кто теперь больше всех заинтересован в том, чтобы утаить правду? — спросил Рашен. — Марс. Ред-Сити.
— Да почему же…
— Контрибуции, лапочка. Готов поспорить, что в этой несчастной шахте урана было кот наплакал. А вот торговля с Землей теперь пойдет на совсем другой основе и за совсем другие деньги. Нашей милой родине позарез нужен генетический материал. А республика категорически не хотела им делиться. Она и теперь не захочет. Но уже на гораздо более жестких условиях.
— Так значит, это не наши все устроили? — удивилась Ива.
— А у нас что, сволочей мало? — усмехнулся адмирал. — По большому счету мне плевать, кто именно нас подставил. Меня интересует, как мы выпутываться будем. В какую сторону ни поверни, на этом пути нас ждет море крови и неоправданно большие потери. А мне, честно говоря, стрелять по своим надоело. Мне уже во вторую марсианскую это дело поперек горла уперлось. Не могу я больше, понимаешь?!
Иве показалось, что она сейчас расплачется. Железно логичные выкладки адмирала ее ни в чем не убедили. А вот то, что Рашен больше не хочет отдавать приказ «к бою»…
Катастрофа. Рашен был талисманом группы F, ее счастливой звездой. Надумай он сдать командование, группа развалится. Ива понимала, что это ясно и Эссексу, и Боровскому, и всем остальным командирам. В группе немало авторитетных офицеров, но адмирал Рашен только один.
— У нас совершенно нет козырей, — сказал Рашен. — Не с чего ходить. Вот так-то, малыш. Как говорил мой дедушка, старый опытный хирург, когда к нему являлся неприятный пациент: «Это pizdets, а pizdets мы не лечим…» Эй! Ну-ка, девочка, иди к папе на коленочки, пока ты не заплакала.
Ива медленно, как во сне, встала и подошла к адмиралу Рашен обнял ее, усадил к себе на колени и зарылся носом в ее волосы.
— Прости меня, — вздохнул он. — Мне больше не на кого это выплеснуть. Ты только не подумай, что я запутался. Мне просто страшно. В первый раз. Никогда страшно не было А теперь вот боюсь.
— Не бросайте нас, Oleg Igorevich, — прошептала Ива сквозь наворачивающиеся слезы.
— Да куда я денусь… — сказал Рашен с невероятной горечью.
И от этих его слов Иве стало легче. У нее даже глаза высохли. Она уютно свернулась на коленях адмирала и прижалась щекой к его груди. Ива не помнила своего отца, но человек на старых фотографиях, которые ей показывала мама, был неуловимо похож на Рашена. Наверное, он тоже мог так надежно заслонить ребенка от любой беды, всего лишь усадив его себе на колени.
— Только вот как я буду стрелять в Рабиновича, — пробормотал Рашен, — для меня загадка. Он же решит, что это личное. Я у него двадцать лет назад девчонку отбил. А потом она все равно к нему ушла…
Ива невольно улыбнулась. Таких подробностей из прошлой жизни Рашена она не знала. А вице-адмирал Рабинович командовал полицейской эскадрой, поджидающей группу F у границы Пояса. У Ивы среди полицейских навигаторов тоже были приятели, но она здесь никакой проблемы не видела. Драться так драться!
— Ни одна девица в Ванкувере не хотела замуж за русского, — пожаловался Рашен. — Даже за астронавта. Даже с нашего факультета…

— Неправда! — выпалила Ива. — Я хочу! — и тут же осеклась. Ей пришло в голову, что Рашен может ее неверно понять. А главное, она сама удивилась тому, как естественно вырвались у нее эти слова.
— Энди — славный парень, — кивнул Рашен, который все понял совершенно правильно. — Очень тонкий и интеллигентный. Для астронавта даже слишком. И уж как его жизнь ломала… Хорошо, что он с тобой не пришел. А то здесь и так розовых соплей по колено.
— Я его звала, но он не захотел, — сказала Ива.
— Тоже весь в расстройстве? — догадался адмирал.
— У вас это что, национальное? — поинтересовалась Ива.
— Говорят. Хотя врут, по-моему. Никакие мы, русские, не особенные. Просто нас очень мало, и все кому не лень тычут в нас пальцами и вешают ярлыки. Вот, мол, осколки великого народа. Ах, какая жалость!.. А этот великий народ только и делал, что пускал себя на мясо, выручая других. Мы же буферная зона между Европой и остальным миром. Нас захватывали раз сто, порабощали, истребляли. А мы вставали раз за разом — и в морду гадам. С кем только мы не воевали! И с татарами какими-то, и с монголами, и с фашистами всех мастей… Жалко, с Америкой не успели. Мы бы вам дали прикурить. И евреи тоже что-то много на себя берут. Эх… Ладно, слезай. А где Задница, ты не в курсе?
— Кажется, здесь, — сказала Ива, пересаживаясь на кровать.
— Та-ак… — адмирал подвинул к себе контактную доску. — Ладно. Алло! Мозер! Где ты?
— Я, сэр! — радостно отозвался флаг-адъютант.
— Ты вот что… Там у вахты Кендалл завалялся самогон. Давай бегом к ним. Подойди к этому пацаненку, как его…
— Кристоф Бульон, — нехотя подсказала Ива.
— Навигатор Бульон, не забудешь, фамилия редкая. И скажи, что с начальством положено делиться. Пригрози конфискацией, и через полчаса чтоб у меня был литр!
— А не много вам? — поинтересовался Мозер тоном опытного денщика.
— Загр-р-рызу! — прорычал адмирал, и флаг-адъютант мгновенно исчез с монитора. — Ты, — сказал Рашен, оборачиваясь к Иве. — Ты мне понадобишься часов примерно через двадцать. Иди пока отдыхай, люби своего русского и скажи ему, чтобы не переживал. Все устроится. Я тебя потом вызову, будем вместе думать, рисовать всякие схемки и графики. И спасибо тебе, Кенди.
— За что… — скромно потупилась Ива.
— Есть за что, — отрезал адмирал. — Да, встретишь Линду, скажи ей, что она сука, но я ее все равно люблю.
— Есть, сэр! — отрапортовала Ива и поспешила выскочить за дверь, пока адмирал не нагрузил ее еще какими-нибудь деликатными поручениями.

В коридоре на полу сидела Линда. Глаза у психолога были опухшие.
— Ну? — спросила она.
— Воюем! — радостно ответила Ива.
— Хреново, — сказала Линда. — А я еще надеялась когда-нибудь родить. Теперь уж точно не успею.
— Ты чего? — удивилась Ива. — Все будет ОК. Это же Рашен.
— Дурочка, — вздохнула Линда сочувственно. — Тебе бы только летать и стрелять. Мало тебе одного Пурпурного Сердца, захотелось еще и урну с крышкой.
— Это как понимать? — Ива агрессивно уперла руки в бока. — А кто меня агитировал выводить патрона из депрессии?
— Я думала, он умный и сдаваться пойдет, — ответила Линда. — Все к тому и шло. А ты, подруга, выходит, перестаралась. Ну куда мы со своими двадцатью скороварками против целых трех планет?
— Может, «Тушканчик» и скороварка, но у него лучший в Солнечной экипаж, — парировала Ива. — А за остальных ты не беспокойся. Наше дело — выжить для начала, а потом восстановить справедливость. И шла бы ты подальше со своими пораженческими настроениями.
— Сама ты иди, — вяло сказала Линда. — Трахайся, пока дают.
Ива присела на корточки, взяла Линду обеими руками за горячие щеки и повернула лицом к себе.
— Что-то случилось? — спросила она мягко.
— Да нет, — вздохнула Линда. — Кажется, в моей жизни уже никогда не случится ничего. Знаешь, подруга, мне все до такой степени надоело… Пятнадцать лет я на флоте, а все ради чего?

— Может, ради того, что тебя здесь все любят, — предположила Ива. — Ради того, что весь «Тушканчик» прошел через твой кабинет, и всем ты помогла, всем стало легче. Думаешь, это хоть кто-то забыл?
— Он в моем кабинете не был, — прошептала Линда. — А когда ему стало плохо, я не смогла к нему прийти… Вот тебя уговорила.
— Он уже был в порядке, — возразила Ива, а сама подумала: «Вот это да! Я просто слепая…»
— Ты даже не понимаешь, как ему это было нужно, — слабо улыбнулась Линда. — Чтобы пришла женщина и ничего не говорила. А только слушала. Ты все сделала отлично. — Ты бы справилась в сто раз лучше меня.
— Да нет же! — Линда отвернулась к стене, и Ива заметила, что у нее дрожит щека. — Мне нельзя, понимаешь? То есть, я могла бы, но… Нам профессиональная этика запрещает работать с близкими людьми. Только в крайних случаях. Но мне бы потом нельзя было остаться с ним рядом. Трудно объяснить, но это так. Это правильно.
— Слушай, ты извини, но… А ты что, не пыталась ему ничего сказать? Ну, в смысле…
— Милая Кенди, что ты обо мне знаешь… — сказала Линда шепотом. — Хотя, наверное, теперь это не важно. Нас все равно скоро не станет, так пусть хоть кто-то… Я ведь десантник, Кенди. Связист десантно-штурмового батальона.
— Что? — не поверила Ива.
— Мы как раз приехали из училища в Орли, — голос Линды стал звонок и сух, она выговаривала слова, будто не слыша их, как автомат. — Готовились к погрузке. А там же город, мы ходили в увольнение. И я поцапалась с одной из наших центровых из-за мужика. И мужик-то был дерьмо, вот что обидно… В казарме скандал разросся, вспомнили, что я вообще слишком умная, и так далее. Честно говоря, давно я нарывалась. И самооценка у меня была тогда ого-го. Я ведь могла пробить человеку висок одним пальцем. И зубов я тогда накрошила целое ведро. Руки-ноги поломала. Но когда против тебя целый взвод… Короче говоря, они меня изнасиловали всей казармой. Дождутся, пока я в себя приду, — и снова… Знаешь, как это, когда женщины?.. Наша подружка Марго хорошо знала. Ее в последнее время даже гипноз не спасал. Каждую ночь во сне видела, как отказывается лизать, а в нее за это ножку от стула…
Ива крепко зажмурилась, изо всех сил пытаясь не представить себе, как это может быть.
— Алекс в ту ночь стоял дежурным по базе, — продолжала Линда. — Пошел в обход и вынул меня из петли. Сделал так, что весь наш взвод загремел на каторгу. А сам приходил ко мне в больницу. И говорил со мной, говорил, как грамотный психотерапевт. Талант у него. Это сейчас ему не нужно, а раньше он, ты же помнишь, влюблял в себя людей за секунду, одним взглядом…
Ива согласно кивнула. Рашен сильно изменился за последние годы, но до сих пор ему все прощалось за то, что когда-то он был лучше всех.
— Знаешь, — сказала Линда, — мне ведь по всем раскладам положено было его возненавидеть, он же видел, что со мной сделали… А я глядела на него, как собачонка, и все хотела, чтобы он меня погладил. У него глаза такие были… Если бы не он, я бы точно с ума сошла. Или все-таки убила бы себя. Но он меня вытащил. Вот сюда. Вот такую, какая я есть. А теперь все рушится… Ни малейшей надежды. Они ведь угробят нас, Кенди! — простонала Линда и наконец разрыдалась.
Две женщины сидели на полу у стены, обнявшись, и горько плакали. Мимо них, воровато озираясь, пробежал на цыпочках флаг-адъютант Мозер, прижимая к груди десятилитровую канистру с самогоном.
* * *
Кресла в салоне адмиральского катера были глубокие и мягкие, как на прогулочном судне. Усевшись, Рашен положил ногу на ногу, скрестил руки на груди и принял неприступный вид. Эссекс и Боровский за его спиной о чем-то переговаривались громким шепотом.
— Жду команду на старт, — доложил Мозер.
— Poyehali, — бросил Рашен.
Мозер с небрежностью опытного пилота хлопнул ладонью по «доске». Стартовые электромагниты оттолкнули катер от стыковочного узла, и суденышко выпрыгнуло из глубокой пазухи на борту «Тушканчика». Мозер дал тягу, перегрузка возросла.
— Не гони, — попросил Рашен.
— Да, сэр.
— Слушайте, патрон, — сказал Боровский. — Я понимаю, что это не мое дело, но если бы меня спросили…
— Да что ты заладил «не мое дело, не мое дело…». Ну?
— Зачем нам этот референдум? Только время теряем.
— Не референдум, а рабочее совещание, — поправил Эссекс.

Рашен высунулся из-за высокого подголовника и внимательно оглядел подчиненных.
— Бунт на корабле? — спросил он ласково.
— Никак нет, сэр! — поспешно гавкнул Боровский.
— Молодец, — кивнул Рашен и отвернулся.
Позади снова зашушукались. Слышно было, как старпом возмущается, а Эссекс его успокаивает. Впереди на обзорном экране компьютер прорисовал силуэт «Гордона». Среди далеких звезд медленно проступали очертания невидимого глазу мегадестроера.
Рашен вдруг вспомнил: еще четверть века назад на семинаре по общей психологии он доказывал, что бессознательно астронавты должны воспринимать бой в пространстве как игру в виртуальной реальности. Сложно воевать с бесплотным и неосязаемым противником всерьез. Конечно, до того момента, пока не заработаешь первую в своей жизни сквозную пробоину в борту.
Но вот парадокс: если тебя подстрелили, а ты выжил и смог понять, что же, собственно, произошло, война в космосе не станет от этого реальнее. Ты просто начинаешь ее бояться. Обижаешься на то, что за ошибку в игре тебя всерьез ударили. А дальше только два пути. Либо ты навеки испугаешься — как Мозер, например, — либо весь остаток боевой жизни пройдешь рука об руку с нервными расстройствами.
В колледже Рашен читал воспоминания морских офицеров времен Заварухи и запомнил, как отзывались бравые мореманы о бесстрашии сухопутных войск. «Мы работаем за компьютерами и решаем некую почти абстрактную задачу, — писал опытный флотоводец. — Никаких сверхъестественных личных качеств для этого не требуется. А вот чтобы, сидя в окопе под огнем, крикнуть «Ура!» и броситься вперед, нужно большое мужество. Это совсем не похоже на то, что испытываем мы. Конечно, в случае ошибки, если в нас попадут… Последствия могут быть не из приятных. Но все равно, вздумай я у себя на мостике заорать: «Ура! В атаку!» — на меня посмотрят с глубоким удивлением. Наша война — это работа, в первую очередь работа интеллекта, где эмоциям нет места, потому что они могут исказить решение задачи и оказаться гибельны для корабля».
Уже лейтенантом Рашен осознал правоту этих слов на собственном опыте. Но в море было хотя бы само море, осязаемая в своей опасности враждебная среда вокруг. А космос, ничуть не менее смертельный, чем вода, казался бесплотным и пустым. Корабль, скрывающийся под водой, можно было обнаружить тремя-четырьмя довольно простыми способами. На поиск черного, как пустота, и отлично заэкранированного боевого космического судна работали десятки сложнейших методик. И если от утопленной субмарины всплывало на поверхность хотя бы масляное пятно, то межпланетный дестроер с пробитым реактором погибал беззвучно, и после взрыва искать было нечего.
Романтики в космической войне не оказалось ни на грош. Ничего общего с земными реалиями тоже. И удовольствие от победы было чересчур абстрактным. Но со временем его выдумали люди. Каждый находил для себя в безумных гонках среди тьмы что-то особенное, свое. И каждый знал, что, если после боя не хлопнешь товарища по плечу, в следующий раз он может сплоховать. Из этого взаимного одобрения, постоянного внимания к успехам других и выросли отношения в экипажах. Своеобразные, но подчеркнуто теплые, родственные. Возможно, поэтому среди астронавтов не было семейных пар, а сексуальным контактам, случавшимся на отдыхе внизу, никто не придавал значения. Навигаторы, «пушкари», техники, проводя большую часть времени в иллюзорном мире полетов меж планетами, занимались самообманом. Они вынужденно уговаривали себя, что их постоянная игра со смертью и есть настоящая жизнь. В противном случае они бы слишком часто ошибались и пренебрегали опасностью.
Но поверить в то, что неуклюжее барахтанье внизу — это как раз жизнь реальная, могли немногие. Тем более что в последние годы, особенно после неудачной уже по замыслу второй марсианской кампании, Земля отвернулась от своих верных солдат…
Рашен помотал головой, отгоняя тяжелые мысли, вздохнул, и бормотание за спиной тут же прекратилось. Эссекс и Боровский синхронно подались вперед, пытаясь заглянуть адмиралу в лицо. Им все еще было немного боязно: а не передумает ли Рашен командовать.
Катер изящно подрулил к борту «Гордона» и повел тупым носом, выцеливая причальную мишень.
— Все уже здесь? — спросил Рашен.
— Здесь, — кивнул Эссекс. — В малом конференц-зале.
— Там же экран маленький, — упрекнул его Рашен.
— Зато уютно.
Рашен недовольно цыкнул зубом, но вспомнил, что у начальника штаба агорафобия, и решил его лишний раз не обижать.
— Все будет нормально, Фил, — сказал он. — Не мандражируй.

— Это ты себя убеждаешь? — ляпнул Эссекс. Боровский ткнул его локтем в бок и состроил жуткую гримасу.
— Ерунда, — сказал Рашен. — В чем мне себя убеждать? Наоборот, у нас впереди самое интересное… Просто море веселья.
— Да? — удивился такому выводу Эссекс.
— Разумеется. А тебе, Фил, разве не надоело, как мы до сих пор воевали?
— А как мы воевали? — Эссекс озадаченно посмотрел на Боровского.
— Мы теперь не армия, — объяснил Рашен. — Мы самая что ни на есть пиратская эскадра. Хотя бы на ближайшее время. Пока не докажем, что нужны Земле.
— И что? — осторожно спросил Эссекс. Он давно понял, что в непринужденной беседе с русским проще спросить, чем самому догадаться. Очень уж у Рашена бывали неожиданные концепции.
— А то, что корсарам положено быть поддатыми и расслабленными. Знаешь, сколько у нас выпивки? Сейчас все совещание так надерется… Не сразу, конечно, а когда решим, как дальше жить. По пол-литра на рыло! Мозер расстарался. Кстати, сволочь ты, капитан.
— За что?! — возмутился Мозер, не поворачивая головы. Он сейчас аккуратно подводил катер к шлюзу.
— Я же сказал тебе: все не отбирать!
— Обижаете, сэр. У них две канистры было. Они сами мне тут же одну и вручили. Сказали, если надо, еще сделают.
— Ты узнал, где у них аппарат? — тут же поинтересовался Боровский.
— Ой, это безнадежно! — рассмеялся Эссекс. — Все самогонные аппараты на судах — изделия двойного назначения. У меня на «Роканноне» доктор выгонял почти настоящий спирт через искусственную почку. На десантниках бражку настаивают в системах промывки оптики. Там бачок на десять литров и такие гнутые патрубки…
— Это ты что-то загнул, — не поверил Боровский.
— В бронетранспортерах! — объяснил Эссекс. — Эх ты, а еще туда же — боевая часть…
— Да я этих десантников в жизни не видел, — пошел на попятный старпом. — И вообще…
— У Абрама, по-моему, в унитазе что-то такое было, — неожиданно упавшим голосом произнес Рашен.
Все затихли. Скаут Файна до сих пор не подал голоса.
Катер без малейшего сотрясения прилип к шлюзу.
— Ювелирная стыковка, — заметил Мозер. — Даже самому приятно. Господин адмирал, давление уравнено. Открываю люки.
— Ты хорошо водишь малотоннажники, — сказал Рашен печально. — Но Абрам — еще лучше.
— Я помню, Oleg Igorevich, — кивнул Мозер. — Вы не спешите с выводами. Старина Эйб не даст себя угробить. Ни чужим, ни нашим.
— Наши-то пострашнее чужих будут, — заметил Эссекс, вставая. — Ну, Алекс, пойдем?
— Страшнее группы F в обитаемой Вселенной нет ничего, — твердо сказал Рашен. — Зарубите это себе на носу. Пока мы это помним, будем живы. А как забудем — нам pizdets.
Он тяжело поднялся на ноги и, сутулясь, пошел к выходу.
* * *
Большой многофункциональный корабль, он же в просторечии мегадестроер, «Джон Гордон» внешне представлял собой угловатую летающую тарелку километрового диаметра. Корабли серии 105 проектировались универсальными боевыми судами. На практике, как любое многопрофильное устройство, каждую из возложенных на него функций по отдельности «Гордон» выполнял так себе. Земляне уяснили это, когда «сто пятых» было построено уже десять штук. Несколько монстров переоборудовали в десантные баржи, один торжественно вручили полицейским, а два подсунули группе F. Полиция свой дредноут переделала в мобильную военную базу. Бригада Attack Force на «Гордоне» устроила штаб, а «Старк» таскала за собой для поднятия авторитета. В основном он работал складом боеприпасов, мог послужить летающей крепостью, а лучше всего исполнял роль страшилки для окопавшихся внизу. Ракетно-бомбовая нагрузка была у него вполне достаточная, чтобы группа F чувствовала за собой крепкий тыл.
Одного у всех «сто пятых» было не отнять. Более неистребимого судна в истории человечества не изобретали. Запас прочности эта хреновина имела невообразимый, а заградительный огонь ставила такой, что за одним-единственным БМК могла укрыться целая эскадра. Зашибить «Гордон» с поверхности вообще нереально, победить в открытом космосе — чистой воды научная фантастика. Три реактора (ходовой, огневой и резервный), восемь отражателей, огромные кормовые батареи, надежно прикрывающие хвост. Все это хозяйство делало мегадестроер вещью одновременно бесполезной и внушительной.
Поднаторевший в истории Эссекс, пересев на «Гордон», частенько упоминал многовековой

давности казус с немецким морским бэттлшипом, который так ни разу и не участвовал в бою из-за своей чрезмерной разрушительной мощи. Стоило ему высунуться из порта, море пустело: все разбегались кто куда. Некоторые исследователи вообще, ставили под сомнение, что страшная махина хоть раз выходила из доков — ведь для успеха операции достаточно было просто заикнуться вслух, будто чудовище собирается в поход. Эссекс в этой связи многозначительно упоминал, что так на стоянке злосчастное судно и разбомбила авиация…

Охрана Эссекса, встречавшая начальство у шлюза, красиво сделала на караул.

— Вольно, — царственным тоном сказал Рашен, стараясь не рассмеяться. Каждый раз, когда при виде строевых приемов его разбирал неудержимый хохот, он вновь убеждался, что так и не стал настоящим военным.

Боровский деловито подергал телохранителей за небрежно затянутые ремни и хищно зыркнул на начальника охраны. Тот покрылся красными пятнами и стеклянно вылупил глаза. Эссекс взял Боровского за локоть и увлек за собой. Охранники замкнули вокруг старших офицеров каре, но тут сзади набежал приотставший Мозер. Ловко орудуя тяжелой канистрой, он растолкал грозное воинство и пробился к адмиралам.

— А посуда? — спросил он Эссекса, выразительно приподнимая свой груз.

— Там стюард должен быть, — сказал Эссекс, одобрительно щурясь на канистру. — Иди вперед, проследи.

— Сделаем, — кивнул Мозер и убежал по коридору.

— Толковый парень, — заметил Эссекс.

— Даже чересчур, — сказал Рашен. — У него за последние сутки будто крылья выросли. Понимаешь, он ведь отлично просек ситуацию. Почувствовал, что мне грозит опала, и готовился сбежать вниз. И очень из-за этого переживал. Стыдился. А теперь ему деваться некуда, вот он и порхает на радостях, что подлецом не стал.

— Не подлецом, так мертвецом, — сообщил Боровский. Ступив на борт «Гордона», он резко озлобился и посерьезнел. Наверное, вспомнил, что ему светит возвращение на волчью должность заместителя командира группы по боевой части.

Рашен на это рифмованное замечание не отреагировал.

— Удивительный мы все-таки народ, — глубокомысленно сказал Эссекс. — В смысле — мы, астронавты.

— Ага, — поддакнул Боровский. — Разгильдяи, каких мало. А гонору столько, что без топлива до Милки Вэя долетим. На одном выпендреже.

— «Остались только выправка да честь», — процитировал Рашен. — М-да… Между прочим, вы и не знаете, наверное, господа, что этот самый Милки Вэй во всех языках мира имеет одинаковое происхождение, кроме одного. У нас это «молочная дорога». А вот был такой народ — украинцы. Так у них дорога не молочная, а соленая.

— Они что, на соляных озерах жили? — предположил Эссекс.

— Да кто их знает. Спросить уже не у кого.

— Соленая дорога… — задумался Эссекс.

— Да ладно! — сказал Боровский. — Ты его лучше спроси, почему Москва не верит в слезы.

— А почему? — тут же спросил Эссекс.

— Когда-нибудь я туда съезжу, — мечтательно произнес Рашен. — Там, говорят, уже чисто. Правда, мало осталось от былой красоты, но все-таки… Очень жестокий был город, Фил. Прямо в центре помещалось место публичных казней. Какие уж тут слезы.

— Дикари, — заключил Эссекс.

— А вы, американцы, лучше, что ли? Как будто у вас в Лондоне негров не линчевали!

— Сам ты американец, — надулся Эссекс — Лондон был, есть и будет столицей великой империи. И пусть разрушен Стоунхендж. Но в сердце каждого этнического британца…

— Короче говоря, евреи нас победили, — перебил Рашен.

— Так вам и надо, — заключил Боровский.

— Дуракам, — добавил Рашен. — Кстати о евреях! Слушай, ты, победитель! Нам сейчас зам по боевой на фиг не нужен. Поэтому с «Тушканчика» я тебя не отпускаю. Понял?

— Есть, сэр! — Боровский просветлел лицом и расправил плечи.

— Почему это на фиг не нужен? — взвился Эссекс. — А кто…

— Боевых действий не будет, — отрезал Рашен.

Эссекс и Боровский переглянулись и от удивления встали посреди коридора. Охрана, пытаясь выполнять уставные обязанности, заметалась вокруг. Рашен уходил все дальше.

— Господин адмирал! — деревянным голосом позвал Боровский.

Рашен поднял руку, звонко щелкнул пальцами и небрежно поманил отставших за собой. Начальник штаба и старпом переглянулись вновь. Потом дружно уставились на суетящихся охранников.

— Бегом в конференц-зал! — рявкнул Эссекс.
Охрана мгновенно испарилась. Эссекс и Боровский кинулись вслед Рашену и схватили его за бока.
— Ты что? — выдохнул Эссекс в лицо командиру.
— Вы это, драйвер… — пробормотал Боровский. — То есть, это совершенно не мое дело, но…
Рашен улыбнулся, легко сдернул подчиненных с места и поволок за собой.
— В штаны наклали? — довольно спросил он.
Эссекс бросил на старпома ошалелый взгляд. Тот ответил ему тем же.
— Сволочь русская!!! — взвыл Эссекс. Боровский, в свою очередь, весьма натурально схватился за сердце.
— Хреновые шуточки, драйвер, — заметил он. — Сдается мне, что мы такого обращения не заслужили.
— Пиратская эскадра, — сказал Рашен, печально качая головой. — Никакой дисциплины. Что, гады, совсем обнаглели?! — внезапно заорал он. — Кто здесь главный? А?! Коммандер Боровский, вашу мать!
— Я-а!!! — в полный голос крикнул Боровский.
— Контр-адмирал Эссекс!
— Ну? — отозвался Эссекс, еще не осознавший патетику момента.
— Смир-р-рна-а!!!
Старшие офицеры выстроились во фрунт, Эссекс — недоверчиво улыбаясь, Боровский — с каменным лицом.
Рашен заложил руки за спину и прошелся вдоль импровизированного строя.
— Значит, так, — сказал он. — Вы, паразиты, совсем разболтались, как я посмотрю. Две войны беспардонно просидели у меня на шее, а теперь возомнили о себе. Ладно, я вам напомню, кто хозяин Attack Force. Я вам объясню сейчас, кто здесь принимает решения. Кто?
— Вы, господин адмирал, сэр! — доложил Боровский.
— А ты как думаешь? — спросил Рашен, наступая на Эссекса.
— Алекс… — начал тот проникновенно.
— Не слышу ответа!
— Ну ты, успокойся, ты…
— Кто?!
— Здесь принимаете окончательные решения только вы, господин адмирал, сэр!
— Наконец-то! — делано обрадовался Рашен. — Вот именно — о-кон-ча-тель-ны-е! А у вас, дорогие мои… Боровский! Команды «вольно» не было!
— Виноват, сэр! — Боровский подобрал живот и встал прямо.
— Так вот, дорогие мои боевые товарищи и близкие друзья, мать вашу… Можете так запомнить, можете записать для памяти. Негодяи! Если вы по-прежнему считаете меня своим командиром, то и ведите себя как положено. Ясно? Право голоса у вас, разумеется, как было, так и есть. Но это право совещательного голоса. Осознали? Не слышу ответа!
— Да, сэр! — отрапортовал строй.
— Ваше блядское мнение для меня очень ценно. Но не более того. Что?!
— Да, сэр!
— Вам очень стыдно, господа офицеры?
— Да, сэр!
— Или еще не очень?
— Никак нет, сэр!
В коридоре появились Мозер и начальник связи «Гордона». Вид у них был озабоченный. «Назад!» — рявкнул адмирал, и обоих тут же словно ветром сдуло.
— Две войны подряд вы делали, что я говорил, — продолжил. нотацию Рашен. — Когда вы давали мне хорошие советы, я вас слушал. Когда давали плохие советы, не слушал. В итоге все мы живы. Вам это что, не нравится? Так и скажите.
— Никак нет, сэр! — проорали воспитуемые.
— Будете меня слушаться?
— Так точно, господин адмирал, сэр!
Рашен сунул палец в ухо и потряс головой.
— Отвык, — признался он миролюбиво. — Хорошо орете, сволочи. Прямо как в училище на плацу. Вольно… бунтовщики несчастные.
Несчастные бунтовщики слегка расслабились, но двинуться с места не рискнули.
— Я вытащу группу, — сказал Рашен, наставительно тыча пальцем Эссексу в нос. Сказал это с такой силой, будто убеждал и себя заодно. — Сто раз вытаскивал и теперь вытащу. Без боя, поняли? Нельзя нам сейчас воевать. Даже отбиваться нежелательно. Проклянут

нас, если будет еще хоть одна смерть, понимаете? Окончательно проклянут. Так что пока есть хоть малейший шанс восстановить наше доброе имя, воевать мы не будем. Все, я сказал. Верите мне, вы, отщепенцы?
— Без вопросов, драйвер, — выразил общее мнение Боровский.
— Тогда за мной, — скомандовал Рашен. — Эй, Мозер, где ты там?
В воротнике адмирала звонко щелкнул триггер переговорного устройства. Это умный Мозер, решив на всякий случай не показываться шефу на глаза, задействовал местную связь «Гордона».
— Ну? — спросил Рашен, прижимая контакт на груди.
— Есть информация от Файна, сэр! — пропищал наушник.
* * *
В малом конференц-зале «Гордона» собралось человек тридцать — командиры судов и верхушка штаба. Людей в звании ниже капитана здесь не было. Выглядели лихие вояки непривычно подавленными и растерянными, как дети, у которых поотбирали любимые игрушки.
— А что, господа, может, по стакану? — предложил командир «Роканнона», глядя на соблазнительно торчащую из-под стола канистру. — Хрен ли нам, молодым пиратам?
Заявление встретили нервным хохотом.
— Не, — сказали юмористу. — Надо бы, да нельзя. Патрон обидится, что без него.
— Ты сначала пушки свои почини, — вставил кто-то сзади. — А потом возникай.
Командир «Роканнона» приподнялся, высматривая обидчика.
— А-а… — сказал он разочарованно и сел.
— Вот именно — «а-а». Где это видано: чтоб облом системы прямо на заходе в атаку?
— У меня это видано, — сказал командир «Роканнона», заливаясь краской. — А ты вообще на моем корыте был хоть раз?! — неожиданно разозлился он. — Давай, заходи, приглашаю на экскурсию… Это ж не дестроер, а самоходная беда.
— А у меня реактор греется, — напомнил командир «фон Рея», который во время атаки на Марс вынужден был помимо собственных целей обработать еще и квадрат вышедшего из строя «Роканнона». — Давай махнем не глядя твою посудину на мою. Слушай, кроме шуток! У меня там хорошо. Рабочая зона громадная, коридоры широкие. Опять-таки, бассейн. Девчонки красивые… Хотя нет, девчонок не отдам.
— Да иди ты… — огрызнулся «Роканнон».
— Ну и зря, — не унимался язвительный коммандер. — Ты подумай, тормоз, кто еще такой бартер предложит — махнуть твою мандавошку на здоровенный круизер. Вполне пригодный для житья. Правда, с герметичностью проблемы, и вообще ресурс на нуле, но в остальном… Ты, главное — реактор сразу катапультируй — и летай в свое удовольствие.
— Он что у тебя, ремонту уже не поддается? — спросили из первых рядов.
— Только на замену. Рубашка сгнила. Протечки теплоносителя, повышенная радиация, перегрев… Короче, не соскучишься. В реакторный отсек без скафандра — ни-ни. Технари просто кипятком писают. Уж не знают, как и благодарить тех, кто профилактику делал. Здорово, да: по всем документам судно как новое…
— А что наш доблестный ремонтник?
— Дает полезные советы. Типа водой сверху поливать.
— А как же ты…
— Водой поливаю.
— Водой… Тьфу! Да я серьезно!
— Если серьезно — понятия не имею. На честном слове.
— Ты Заднице докладывал?
«Фон Рей» злобно фыркнул и от ответа воздержался.
— Я, например, докладывал, — пожаловался «Роканнон». — Он говорит: чинись. А как я буду на ходу чиниться, если у меня облом системы?!
— То есть стрелять ты по-прежнему не можешь…
— Почему не могу? Могу уже. Только плохо и недалеко.
— И кто же это нас так подставил, а, господа офицеры? — сказал горько капитан с целым блоком орденских планок на груди. — Впереди старина Рабинович, позади, мать-перемать, дорогая родина…
— А с боков — республиканцы и нейтралы, — напомнили сокрушающемуся капитану.
— И повсюду трибунал, — заключил он. — Эй, мужики. Ну-ка, тащите сюда эту канистру. Плесните дозу. Ну что вам жалко?! Я в терапевтических целях. А то у меня нервишки разыграются, того и гляди буянить начну.
— Закройся, ты… неврастеник! — посоветовали ему. — Сами такие. Видал, Мозер побежал куда-то с начальником связи? Вот и сиди.
— Это, наверное, ультиматум пришел, — авторитетно заявили из угла.

— Да плевал Рашен на их ультиматумы…
— Вот и я говорю. Значит, он сейчас придет и всем нальет для храбрости. Что, сложно вам еще минуту подождать? Алкоголики. Свое бухло все выхлебали, теперь на халяву сбежались…
— Ты чего такой злой, дон Педро?
— Да не злой я! Просто вы тут сидите целой кодлой и херней маетесь, а Рашен там сейчас в одиночку решает что-то!
— А у него работа такая…
— Вот именно, — отрезал Педро.
* * *
— Легок на помине! — воскликнул адмирал.
— Что такое? Неужели Эйб? — обрадовался Эссекс, включая свой интерком.
— Идет декодировка, картинка будет через полчаса, — доложил Мозер. — Но ответ на задачу поиска уже есть. Ответ «да». Господин адмирал, задержим начало совещания? Мало ли, что там?
— Нет, — сказал Рашен. — Совещание начнем по плану. Мы сейчас подойдем. А информацию от Файна передай мне немедленно, как только будет раскодирована.
— Будто гора с плеч свалилась, — пропыхтел Боровский. — Неужели он живой, старый черт?
— Это еще не обязательно, — заметил Эссекс. — Ты не слышал? Он нашел следы чужих. Как минимум — следы.
— И что самое обидное, — сказал Рашен, — нам от этого ни жарко ни холодно.
— Какая фигня! — не выдержал Эссекс. — Да это же чистая победа! Если чужие на границе Солнечной, мы, считай, уже выиграли! Нас и пальцем никто не тронет. Кто будет этих гражданских идиотов защищать?! Кто, если не мы?
— Слушай, Фил, — попросил Рашен. — Помнишь, что я говорил про твое блядское мнение?
— Про наше блядское мнение, сэр, — поправил его Боровский.
— А ты вообще молчи. Целее будешь. Фил, я тебя люблю. Я тебя просто обожаю. Ты лучший в мире начальник штаба и очень хороший человек. Но второго такого лопуха… Ты себя послушай! Ты хоть понимаешь, что говоришь?!
— Секундочку! — выставил ладонь Эссекс. — А что я не так сказал?
— В чем разница между военными и пиратами? — спросил Рашен.
— Риторический вопрос.
— А все-таки?
— Ну и в чем? — Эссекс по старой доброй привычке решил получить готовый ответ.
— Пока мы вне закона, нам веры ни на грош, — сказал Рашен. — Допустим, Файн добыл хорошую картинку. Да ты ее хоть по Сети брось, все равно тебя немедленно объявят мистификатором, готовым на все, лишь бы убедить Землю, что ты ей нужен позарез. Это раз.
— Ну, это довод, — кивнул Эссекс. — Ладно, принимается.
— Положим, нам поверили. Но! В случае внешней угрозы пиратов могут взять на военную службу. Только сейчас не пятнадцатый век. И пиратское клеймо никакими подвигами не смоешь. Во-первых, бывшего пирата на войне обязательно подставляют, его ведь не жалко, он не свой. Во-вторых, пусть даже мы свое отвоюем, потом нас все равно заплюют. Понял? Так что не важно, есть чужие или нет их. Прежде чем с ними разбираться, группа F должна восстановить свой легальный статус. Иначе нет гарантий, что мы врага отгоним, а нас на радостях не повесят. Это два.
— Согласен, — вздохнул Эссекс. — А аргумент номер три будет?
— А три — на себя посмотри. Ты сказал: «Кто этих гражданских будет защищать?» А себя ты защищать не собираешься? До тебя не доходит, какая это угроза — чужие, Фил?
— Ох, не обязательно! — усомнился Эссекс.
— А я тебе говорю: вломят они нам, — авторитетно заявил Рашен.
— Это точно, — согласился Боровский.
— Так или иначе, — Рашен снова поднял указующий перст, — избавляйтесь, господа, от сепаратистской психологии. От вас еще только на сутки родина отвернулась, а вы уже рассуждаете, как разбойники какие-то. Противопоставляете себя обществу. Хреновый симптом.
— Слушай, ты, философ! От нас родина отвернулась, когда послала воевать! — заявил Эссекс. — И ничего мы ей не обязаны. Как она с нами обращается, так мы себе и рассуждаем.

— У тебя впереди еще лет двадцать жизни, Фил, — напомнил Рашен. — Где ты их проведешь? В космосе? Мы уже скоро по здоровью не сможем летать даже на грузовиках. Значит, придется спускаться вниз. Ты хочешь там жить как человек или как изгой?
— Вообще, — вступил в разговор Боровский, — мне такие высокие материи не особо доступны, но если бы меня спросили, я бы сказал: ваша правда, драйвер. Мы ведем себя, будто мы и не люди, а так — небожители. А у меня, кстати, жена и дети есть. Я с самого начала печальных нынешних событий о них не вспоминал. А теперь вспомнил, и что-то мне уже не по себе… Слушайте, драйвер, как выкручиваться будем?
— Для начала — пойдем на совещание, — сказал Рашен. — Пьянка отменяется. Вместо нее будет постановка задач. Мы работаем, понимаете? Мы снова в деле. Все как обычно. Пошли.
И мягко подтолкнул офицеров по коридору.
Как дети, которых ведут за руки, Боровский и Эссекс шагнули вперед.
* * *
Эндрю висел на стене в разгруженной зоне и тоскливо глядел на блокиратор центрального ствола управления огнем, поставленный его предшественником Скаччи. Сейчас устройство было отключено, но пара несложных операций могла бы возродить его к жизни. И тогда, стоит «Тушканчику» приблизиться к Земле, радиокоманда Адмиралтейства выведет из строя главные лазеры.
Примерно такая же машинка ждала своего часа в реакторном отсеке, тоже пока отключенная. Но не уничтоженная.
Адмиралу Эндрю сказал, что угроза блокировки жизненно важных функций корабля устранена. Так оно, собственно, и было. И будет до того момента, пока Эндрю не решит, что «Тушканчику» пришло время превратиться из грозного крейсера в беспомощную межпланетную баржу.
А сейчас Эндрю висел на стене и боролся с желанием то ли заплакать, то ли заорать дурным голосом, то ли умереть. Мастер-техник лейтенант Вернер попал в такой замысловатый переплет, из которого не выбрался бы и человек посильнее, чем он. Год назад, в тюремной камере, Эндрю решил перехитрить судьбу. Тогда ему в голову не приходило, что судьба — категория скорее нравственная, чем какая-нибудь другая. Он полагал, что злой рок преследует человека из-за стечения многих несчастливых обстоятельств. И если в кои-то веки повести себя умно и расчетливо, его можно обмануть. А на поверку вышло, что от судьбы не уйдешь, потому что она сидит в тебе самом.
Угодив в тюрьму, Эндрю не сломался лишь потому, что не поверил в реальность происходящего. Только вжался плотнее спиной в холодную стену и закрыл глаза, убеждая себя, что все равно сбежит. Урановая каторга на Ганимеде, откуда еще никто не вернулся, была не для него. Поэтому Эндрю отмел такой расклад сразу, как нереальный, и стал прикидывать, когда именно и как ловчее удрать.
Трибунал с приговором не спешил, времени поразмыслить хватало. Когда Эндрю начал склоняться к мысли, что побег — дело дохлое, и стал потихоньку терять самообладание, к нему в гости заглянул особист с нашивками сухопутного майора.
«Лихо тебя командир базы подставил, — сказал майор сочувственно. — Это ж надо, как ты его довел! Чтобы целый полковник собственной морды не пожалел, лишь бы от тебя избавиться… Ладно, сделанного не воротишь. Между нами, тебе светит двадцатник. Урановая каторга на Ганимеде. Жить охота, лейтенант?»
«А то! — сказал Эндрю. — Какие будут предложения?»
«Молодец, — похвалил его майор, раскрывая мобильный терминал. — Люблю иметь дело с русскими. Никаких тебе охов и вздохов, сразу к делу. Вот, смотри, какой документик. Типовое соглашение, ничего особенного. Подпишешься?»
«И что мне это даст?» — спросил Эндрю, уже понимая что.
«Для начала — отсрочку исполнения приговора на неопределенный срок. А там поглядим, как вести себя будешь».
«Стукач из меня хреновый», — заметил Эндрю.
«Зато техник хороший, — усмехнулся майор. — Не ссы, лейтенант, стучать тебе не придется. И врать тоже… Ну разве самую малость. Работать будешь по специальности. Гарантирую. Что я, не понимаю, к кому пришел? Русского парня в соглядатаи вербовать? Слуга покорный, мне еще жизнь дорога. Ты же всегда на виду, дубина!»
Эндрю неприязненно сморщился. Майор попал в точку: немногих оставшихся на свете русских преследовала роль ярмарочных уродов. Их было так мало, а нация их так обросла легендами, что стоило заикнуться о своем происхождении, как к тебе начинали лезть с дурацкими вопросами. Не то чтобы русских не любили, скорее наоборот. Но всеобщая снисходительная жалость вперемежку со слегка брезгливым интересом — тоже не подарок. Каждый справлялся с этим, как мог. Например Олег Успенский бремя своей национальной

принадлежности нес гордо, как рыцарский герб, и всюду козырял тем, что он русский. Эндрю в детстве тоже был такой — пока за спиной стояли всеми уважаемые родители. А оставшись сиротой, наоборот, старался не высовываться, быть как все. Но рано или поздно ему все равно напоминали, кто он.

Самым обидным в положении русского на Земле было то, что никто его ни в чем не упрекал. Еврею могли сказать, что это его сородичи устроили страшную Полночь, натравив друг на друга все нации планеты. Американцу — что именно хитрожопые Штаты поимели с этого дела больше всех. Французу — что он жадина. Немцу — что тупой. Итальянцу — что слишком много размахивает руками и вообще макаронник. Этнических британцев презирали за высокомерие, скандинавам говорили, что они все «отмороженные». А на русских просто смотрели косо. И заочно обвиняли в том, что они сами себя угробили. Ах, какая была великая страна, родина лучших поэтов и писателей, гениальных конструкторов и прекрасных артистов. Ах, с каким благоговением мы от нее ждали, что вот-вот она нам что-то скажет такое, от чего мы все резко станем лучше, чище, умнее! Тысячу лет ждали! А Россия, вместо того чтобы сделать нас высокодуховными и донельзя нравственными, опустила в свои несметно богатые закрома атомные мины и взорвала их под ногами китайских полчищ… Ну не сволочи ли вы после этого, русские, а?

Эндрю сидел в камере и, неприязненно кривясь, переваривал услышанную от майора жестокую правду.

«Чтобы стучать, у меня американцев навалом, — сказал майор. — Это дело у них в крови. А ты как крутил гениально свои гайки, так и будешь их крутить. Ну, по рукам?»

Эндрю молча набил на «доске» свой личный номер и приложил ладонь к сканеру отпечатков.

«Умница, — сказал майор. — Теперь слушай внимательно. К тебе на днях зайдет капитан Риз с «Горбовски». Предложит идти с ним в подпространство или как его там… Ты соглашайся».

«Ты чего, майор, ohuel?» — спросил Эндрю.

Майор возвел глаза к потолку, вспоминая русское слово.

«А-а, — сказал он. — Нет, парень, это ты обо мне нехорошо думаешь. Проблемы менталитета как раз у капитана Риза. Он действительно намерен опробовать нуль-Т-принцип. А нам это сейчас абсолютно ни к чему. Понимаешь, «Горбовски», конечно, аппарат сырой. Но кто его знает, вдруг у Риза получится нуль-транспортировка? Шансы пятьдесят на пятьдесят, что он не только нырнет в подпространство, но и вынырнет обратно. Вот в чем беда-то. А сменить этого шизофреника Риза на более-менее нормального мужика, которому помирать неохота, мы уже не можем. Его концерн «Хэви Индастриз» перекупил у военных с потрохами. Этого психа теперь даже пристрелить нельзя, сочтут за экономическую диверсию».

«Ничего не понимаю, — сказал Эндрю. — С каких пор Земле не нужен нуль-Т-звездолет?»

«Эпоха космической экспансии окончена, друг мой, — объяснил майор. — Главное сейчас — возродить Землю. Начать ее копать и возделывать. А если нуль-Т окажется реальной штукой? Каковы шансы, что остатки землян не потребуют срочно отправить их к едрене матери, где воздух почище и трава растет? Тут-то интересы Совета Директоров и расходятся с интересами монополий. Компаниям нынешнее положение дел надоело. Им нужна колонизация новых миров, чтобы строить там собственные государства, на свой вкус. Обанкротился народный капитализм, понимаешь? А Совет Директоров хочет сохранить то, что есть. И пока нуль-Т не работает, так и будет. Осознал?»

«Осознал, — кивнул Эндрю. — Вы хотите, чтобы «Горбовски» дальше орбитальных верфей не улетел».

«Пусть летает куда угодно, — улыбнулся майор, — только на обычной ядерной тяге. Как думаешь, это тебе по зубам?»

«Надо схему посмотреть», — сказал Эндрю. Майор достал из кармана диск, зарядил его в терминал и вывел на экран список документации по «Горбовски».

«Изучай пока, — предложил он, отстегивая от терминала пол винчестера, — а я завтра к тебе загляну».

Эндрю от такой щедрости буквально обалдел. То ли майор не понимал до конца, с кем имеет дело. То ли психологи тюремной медкомиссии, не разобравшись в загадочной русской душе, сказали ему, что заключенный Вернер сломлен и готов сотрудничать. Так или иначе, через два часа ожесточенного стука по контактам Эндрю уже располагал программным обеспечением получше того, что майор унес в кармане. К рассвету вышел в локальную сеть тюрьмы. И с глубоким огорчением заключил, что бежать — во всяком случае отсюда — действительно номер дохлый. Тогда он раздраженно глянул на схему «Горбовски» и увидел, что красиво испортить это чудо техники сумеет голыми руками за пять минут.

«Ладно, майор, — сказал он на следующий день особисту. — Тащи сюда этого маньяка».
Через неделю у Эндрю состоялся примечательный разговор с капитаном Ризом, в ходе которого Вернер мучительно сдерживал эмоции, дабы не рассмеяться. Возможно, капитан Риз и был маньяком, но дураком не был точно. Ему хотелось жить, в нуль-Т он не верил, и главным желанием капитана было не дать кораблю уйти в подпространство. Вслух этого Риз не говорил. Более того, на словах он нес ахинею, доказывая Эндрю, как надежен «Горбовски» и как лихо они прокатятся на нем по неведомым мирам. Но рукой капитан нервно, будто настоящий псих, цеплялся за плечо Эндрю. И вовсю отбивал на нем морзянку. Эндрю в ответ ласково придерживал сумасшедшего за колено, стараясь не слушать его словесный понос. И в свою очередь правдоподобно возражал и упирался ради успокоения встроенной неизвестно в какой угол скрытой камеры слежения.
Когда довольный Риз ушел, Эндрю даже подумал: а не доказать ли майору свою преданность и не заложить ли этого мужика, благо Риз ничем не рисковал. Но по зрелом размышлении понял, что, во-первых, Риза тогда могут счесть нормальным и все-таки по старой памяти расстрелять за угробленных десантников и сорванную операцию. Во-вторых, фокус с морзянкой еще мог пригодиться. Кроме того, как ни выгодно было начать карьеру секретного агента с качественного доноса, стучать Эндрю все-таки было противно.

Трибунал не поскупился и обрадовал лейтенанта Вернера пожизненной каторгой с лишением наград и звания. Но майор не соврал: вместо этапа на Ганимед Эндрю сменили меру пресечения и до отправки на «Горбовски» послали в закрытый тренировочный лагерь для таких же штрафников. Отличие Вернера от остальных было в том, что его расконвоировали, поселили отдельно и зачислили в обслуживающий персонал.
А вскоре попросили согласиться на предложение зэков поколдовать с охранной системой. Группа заключенных собиралась в бега, и особисты хотели, чтобы побег частично удался. Человек пять лишних охранники должны были застрелить, а вот двоим полагалось из лагеря уйти. Эндрю, скрипя зубами, кивнул. Договариваться к нему пришел один из будущих трупов, красивый юноша с мягким лицом и приятными манерами. В оплату услуг он предложил Эндрю пистолет с двумя патронами, литр браги и себя. Вернер заглянул в глаза человеку, который должен со дня на день умереть не без его помощи, и чуть было не сказал ему: «Не ходи». Но вспомнил, что сам тоже очень любит жизнь, взял бутылку, а от пистолета и сексуальных услуг холодно отказался.
Юноша заработал пулю в затылок у самой границы лагеря, и Эндрю утешал себя тем, что парень хотя бы не мучился.
«Как тебе понравилась его попка? — спросил майор. — Или ты его в ротик?»
«Я не по этой части», — ответил Эндрю.
«Будешь, — пообещал майор. — Тебе еще здесь сидеть не пересидеть».
«Это как?» — удивился Эндрю.
«Ты не пойдешь на «Горбовски», — объяснил майор. — Есть дело посерьезнее. Через месяц-другой. Не пожалеешь, честное слово. Секретная миссия. Гордись, парень, будешь трудиться на благо всей планеты».
Эндрю выругался по-русски, чем очень майора развеселил, и ушел к себе. Заработанную предательством бражку он распил с начальником лагеря и вместе с ним на служебной машине уехал в бордель. На руке Эндрю красовался браслет-определитель, снять который можно было, только отрубив кисть. Эндрю вскрыл браслет на глазах у начальника, но тот ему посоветовал не отключать маячок. Иначе в лагере поднимется дикий шухер и поездка к бабам выйдет скомканной, то есть потрахаться они успеют, а посидеть по-человечески — нет.
«Впрочем, — философски заключил начальник, — тебе-то, русскому, и браслет ни к чему. И так найдут».
«У меня на морде написано, что я русский?» — взвился Эндрю.
«Да, — твердо сказал начальник лагеря. — Заявляю как полицейский офицер. Не убежать тебе, Энди, даже и не думай. Все равно поймают, раньше или позже. И тогда — к стенке».
«Куда же мне деваться?» — спросил Эндрю упавшим голосом.
«Наверх, — сказал начальник. — Только наверх. Но учти, путь этот для тебя простым не будет».
«Догадываюсь, — кивнул Эндрю. — Вот, пятеро уже на моей совести».
«Ой, какая ерунда! — рассмеялся начальник. — Тебя еще лично заставят шлепнуть кого-нибудь. Статья-то твоя пока не расстрельная. Да и само дело липовое. Перед гражданским судом оно бы вмиг развалилось. А вот когда у тебя за плечами реальное убийство будет, да такое, за которое не только военный трибунал, но и гражданские к стенке поставят… Вот тогда по особистским меркам ты и будешь готов к работе. И действительно поедешь наверх. А едва дернешься, как тебя — за шиворот, обратно вниз и пулю в лоб. И никакие

астронавты не отмажут, потому что одно дело — полковнику рыло начистить, а совсем другое — убить невинного человека».
Так, мирно беседуя, они и доехали до публичного заведения, откуда их под утро вышибли пинками, заливающихся пьяной слезой и всех в блевотине.

Эндрю повезло: он не успел лично ни убить кого-нибудь, ни даже заложить. Не прошло и дня, как дюжие молодцы из военной полиции завязали ему глаза, сунули в машину и отвезли куда-то, где оказался все тот же майор, а помимо него — целая комиссия во главе с двухзвездным генералом. Комиссия долго компостировала мозги лейтенанту-штрафнику, выясняя, как у него с чувством долга и гражданской ответственностью. А потом выдала такое, что Эндрю от изумления чуть в обморок не упал.
«Есть мнение, что адмирал Успенский слегка не в себе, — заявил генерал. — Похоже, устал человек. Теряет контакт с реальностью. Сейчас на носу роспуск флота, и адмирал может сгоряча выкинуть какой-нибудь опасный номер. Понимаешь, лейтенант, у адмирала серьезные личные проблемы, ему родственники простить не могут, что он воевал, и все такое… Короче говоря, у него нет причин спускаться вниз. Никому он на Земле не нужен. И адмирал все чаще говорит прилюдно, что разгонять флот не стоит. Успенский хочет уберечь свой внутренний мир. А его внешняя оболочка — круизер «Пол Атридес». Вдруг адмиралу придет в голову угнать корабль или что-нибудь еще в этом роде? Ты как думаешь, это реально?»
Обескураженный Эндрю подобрал отвалившуюся челюсть. Он-то твердо знал, что Рашен может угнать не только свой корабль, но и половину флота взбунтовать. Если, конечно, дураки снизу заденут адмирала за живое своей поспешной демилитаризацией. Рашен с его психологией вольного художника был, на взгляд Эндрю, с армией несовместим. Он не служил, как другие, а старался выжать из службы максимум удовольствия. Конечно, особист с генеральскими звездами делал из мухи слона. Но Эндрю давно не видел Рашена и мог предположить, что сейчас, болтаясь на орбите без дела, адмирал начинает потихоньку звереть.
«Мы хотим оградить адмирала от неприятностей, — сказал особист. — Ты ведь не желаешь Успенскому зла, лейтенант?»
Эндрю буркнул, что нет, разумеется, не желает.
«Когда ты всю жизнь бороздишь космос, а у тебя вдруг хотят отнять корабль, очень легко переступить черту и послать всех на хер, — продолжал генерал. — Но с этого пути уже не повернешь назад. Можно только идти дальше. А значит, сначала угрожать оружием, потом отстреливаться, а потом… Мы не хотим, чтобы адмирал оступился. Как думаешь, это правильно?»
Эндрю только хмыкнул, потому что вопрос не требовал ответа.
«Самое обидное, что Успенского все предали, — вступил майор. — Адмирал Кёниг пытается его утопить, гражданские мечтают подставить, сын от него фактически отказался… И всем очень хочется, чтобы он сорвался и наделал глупостей. Нельзя сказать, будто у врагов Успенского мало оснований его не любить. Ты сам знаешь, он совсем не пай-мальчик. Он такой… Русский воин. И сейчас он одинок как никогда. И очень зол. Пришло время о нем позаботиться. Не скрою, мы это делаем без особого удовольствия. Уж наше ведомство от него натерпелось… Но умнее проявить к господину Успенскому сострадание, чем довести его до нервного срыва. Ты ведь ему друг, лейтенант. Был, во всяком случае».
«Да я… — промямлил Эндрю. — Ну конечно. Нет, разумеется… Только я надеюсь, мне не придется ничего такого… Вы понимаете?»
«Мы знаем о ваших отношениях все, — сказал майор. — И мы не шарашкина контора, а военная контрразведка. Мы не предложим тебе ничего бесчестного. Ты просто выручишь человека, попавшего в беду».
«Ага, — сказал Эндрю. — А каким образом? То есть я согласен, да, только если…»
«Вот и чудно! — обрадовался генерал. — Тогда вникай в диспозицию. Сейчас наши люди ставят на флагмане и еще нескольких судах блокираторы, чтобы в случае чего… Ну, сам понимаешь. Заглушки на реактор и стволы управления огнем. Если Успенский и захочет рыпнуться, ничего у него не выйдет. И он легко сможет пойти на попятный и сказать, что плохого и не замышлял. Понял, как все удачно для него оборачивается?»
«Наверное», — буркнул Эндрю без особого энтузиазма.
«Вот именно, — кивнул генерал. — Но тут возникла проблема. Адмирал начинает догадываться, что его старший техник ведет двойную игру. Со дня на день Успенский этого человека спишет вниз. И будет искать замену. Ему понадобится квалифицированный технарь, которому Успенский доверяет как себе. А это кто?»

«Увы, не я, — отрезал Эндрю. — Я после взрыва на «Виггине», едва меня подлатали, явился к Рашену в экипаж проситься. А мне на самом деле не к адмиралу надо было, а прямиком в санаторий для лиц с нервными расстройствами. Куда я, собственно, и попал через неделю… Рашен, наверное, и не поверит, что я оттуда вышел. Очень плохо со мной было».
«Нет, парень, — сказал майор почти ласково. — Ты его недооцениваешь. Поверь мне на слово, Успенский будет искать тебя. И позовет на «Пол Атридес». И ты не откажешься».
Эндрю для приличия несколько минут поломался, хотя внутри у него все пело, а потом согласился, что да, конечно, не откажется.
«Ну, и молодец, — сказали ему. — Для начала поздравляем тебя, лейтенант, с условным сроком в пятнадцать лет. Кстати, ты опять лейтенант, и награды тебе вернут. А теперь вали отсюда».
«Это как? — удивился Эндрю. — Так что же мне делать там, наверху?»
«А что хочешь, — ответили ему безмятежно. — Как сердце подскажет».
«Да вы чего? — изумился Эндрю. — А если я, допустим, все Рашену выложу про блокираторы?»
«Пожалуйста. Только одна просьба: не сразу. Оглядись сначала, посмотри, что к чему. А там — решай. Мы тебе ситуацию обрисовали. Твоя задача — спасти Успенского от него самого. Защитить его. Пять лет назад он не разглядел, что ты нуждаешься в помощи. А ты сейчас можешь сделать для него то, чего он не смог для тебя… Подумай об этом на досуге, лейтенант. Ну, счастливо».
В свою лагерную каморку Эндрю вошел шатаясь и без сил повалился на кровать. Он и не думал, что с ним обойдутся так ловко. Эндрю надеялся перехитрить особистов. А вышло, что они его повязали по рукам и ногам. Всего-навсего — предложили решать самому.

А теперь он болтался в невесомости, пристегнутый страховочным концом к стенке, и кусал губу, не зная, что делать.
Зная нынешние обстоятельства адмирала, Эндрю ждал от него силовых решений. У Рашена был под рукой отличный инструмент восстановления справедливости — корабли группы F с преданными экипажами. Разногласия с офицерами заставили бы адмирала искать мирный выход из кризиса. Беречь людей и уважать их мнение было в его характере. Но сейчас и думать не приходилось: группа F жаждала надрать задницу своим обидчикам. Других мнений Эндрю не слышал. Теперь Рашену ничего не стоило разметать полицейскую эскадру, чтобы обезопасить свой тыл, а потом двинуться к Земле и начать предъявлять ультиматумы.
Эндрю был уверен, что драка с эскадрой Рабиновича пройдет для группы F с минимальными потерями. А вот столкновение с земной оборонительной системой могло выйти группе боком. Очень много хороших людей погибло бы в бою с другими хорошими людьми только из-за того, что финансистам нужны деньги, а политикам — власть. И если Рашен пойдет на поводу у своей излишне возбужденной группы, так и будет. Эндрю боялся, что обида и ярость помутят рассудок адмирала.
В принципе, он был недалек от истины. Рашен недаром отлеживался в каюте. Он пережидал тяжелейший припадок злобы. Вот только Эндрю этого не знал и сделал неверные выводы.
Из-за того, наверное, что именно его рассудок помутился от обиды на судьбу. Пока Рашен осторожно и вдумчиво работал над собой, Эндрю отдался эмоциям. У адмирала на шее висело полторы тысячи человек. А Вернер решал личную проблему. Поэтому Рашен старался успокоиться, а Эндрю все накручивал себя.
Он испугался. Ему теперь было что терять. У него была Кенди.
Как и Рашена, его заботил статус группы F, только в несколько ином ключе. Эндрю тоже считал, что группе больше нельзя стрелять. Он совершенно верно рассудил, что сейчас Земле нужна только голова Рашена. Но после одного-единственного залпа по своим Земля выпишет ордера на арест всех офицеров.
Включая капитан-лейтенанта Кендалл.
Возможно, те, кого захватят живыми, отделаются длительными сроками. Но урановая каторга — та же смерть. Конечно, если Кенди приглянется кому-нибудь из начальства, ей будет чуть полегче… Подумав так, Вернер сжал кулаки. Он вдруг представил себе Иву, грязную, исхудавшую, жалкую, с радиационными оспинами на лице, стонущую от боли под невесть каким по счету мужиком… Она еще не знает, что это такое — цепляться за жизнь когтями, зубами и влагалищем. Этого Вернер не мог допустить.
И теперь, глядя на блокиратор и соображая, когда будет умнее обездвижить и обезоружить корабль, Эндрю не думал о себе. Его волновала только судьба Ивы, которую он в меру своих возможностей намеревался устроить самым лучшим образом.

Он действительно любил эту женщину. И готов был ради того, чтобы она жила, не зная боли, пожертвовать всем. Даже ее любовью.
Ведь Ива сейчас, как и большинство офицеров группы F, хотела только одного: драться, отстаивая свою честь. И едва вскроется причина, отчего ее корабль потерял ход, первое, что она сделает — попробует задушить своего возлюбленного собственными руками. В этом Вернер не сомневался. Конечно, был шанс, что потом Ива его простит. Но когда оно будет, это «потом», и не убьет ли его Рашен намного раньше, Вернер тоже не знал.
Ему было стыдно, больно, обидно, противно. Но с каждой минутой он приближался к самоубийственному выбору: на подходе к эскадре Рабиновича активировать блокировки. Полицейские возьмут беспомощный круизер на абордаж. Все пленные, как не оказавшие сопротивления, отделаются разжалованием и увольнением с флота без пенсий и льгот. Это Вернеру объяснил на всякий случай майор-особист, провожая его наверх.
А еще майор показал ему на прощание фотографию.
«Что это?! — воскликнул Эндрю, в ужасе отодвигая снимок. Там было очень много крови, целая лужа, и в ней лежала обнаженная девушка с обезображенным лицом. — Зачем?!»
«Не узнал? — делано удивился майор. — Конечно, ты же так нажрался, что мать родную не признал бы… А ты, между прочим, именно с этой девицей развлекался».
«Где?!» — обалдело спросил Эндрю, уже предполагая худшее. И худшее не заставило себя ждать.
«В бардаке, куда тебя начальник лагеря возил, — напомнил майор. — Тут понимаешь, какое дело. Твой друг Успенский знает, конечно, что ты уже не псих. Думает, тебя вылечили. Но стоит ему увидеть эту фотку и посмотреть экспертное заключение про твои отпечатки на ноже, которым девочку порезали, про твою сперму у нее во всех дырках и так далее… Кстати, не хочешь сам почитать?»
«Зачем?» — только и спросил Эндрю перед тем, как засветить майору раскрытой ладонью в нос. Он бы точно его убил, если бы майор не оказался вдруг сзади и не въехал ему башмаком под копчик.
«А затем, дорогуша, — ласково сказал майор скрючившемуся в углу Эндрю, — что ты у нас русский. А я вашу породу хорошо изучил. Русские все считают, что только они умные, а остальные — тупое дерьмо. Поэтому русские добра не помнят. Спорим, ты меня кинуть хотел? В порядке, так сказать, глубокой благодарности за то, что я тебя выручил. А теперь ты, лапуля, у меня вот где, — и майор показал сжатый кулак. — До самого конца. На-всег-да».
Так Эндрю и ступил на борт флагмана группы F — потирая ушибленную задницу и думая, а не зарезаться ли ему.
Приблизительно в тех же чувствах он пребывал и теперь, уединившись в центральном стволе «Тушканчика».
Только болело у него сейчас где-то в области сердца.
* * *
— Господа офицеры! — рявкнул командир «фон Рея», вскакивая и делая руки по швам.
— Вольно! — крикнул с порога Рашен и властным движением руки всех усадил по местам. — Господа офицеры, времени в обрез. Взяли терминалы, приготовились слушать.
Командиры, многозначительно переглядываясь, откинули крышки своих мобильных терминалов. Рашен уселся за стол и повернул к себе монитор. Эссекс встал у него за спиной, внимательно разглядывая публику. Боровский прислонился к стене у дверей и сложил руки на груди.
— Готовы? — спросил Рашен. — Смотрите. Оперативная схема ноль один. Все нашли свои места?
— Ого! — не удержавшись, выдохнул кто-то.
На мониторах появилась схема расположения судов группы F в непосредственной близости от Земли. Похоже, схему готовили для подавления локального конфликта или мятежа на родной планете.
— Разработка нашего штаба, — объяснил Рашен. — Очень неплохо сделано. И Адмиралтейство не в курсе. Как видите, достать нас с поверхности невозможно. Атаковать силами земного флота тоже нереально: мы их заметим первыми и успеем перегруппироваться или отойти. Теперь, господа, ставлю задачу. Строевая часть сейчас готовит расписание, вскоре вы его получите. Через пять часов начинаете согласно этому расписанию швартоваться к «Гордону» и снимать с него экипаж… Что?!
— Никак нет, сэр! — сказали в задних рядах.
— Придется, господа, немножко потесниться, — продолжил Рашен. — Иначе никак. Мы могли бы посадить около трехсот человек на ремонтник, там есть пустые склады, но это дурно по отношению к людям.
Зал одобрительно загудел.

— Ничего, поместимся как-нибудь, — выразил общее мнение командир «фон Рея». — Правда, господа?
— Отлично, — улыбнулся Рашен. Учтите, с «Гордона» уходят все. Теперь дальше. Эвакуация проводится за час. Затем группа распадается и по одному скрытно уходит на точки, предписанные оперативной схемой ноль один. Там стопорит и ждет указаний. По пути в бой ни с кем и ни в коем случае не вступать. Уходить от любого силового контакта. Сохранять радиомолчание. Связь со штабом только в экстренном случае и только через наш бакен. Учтите, меняются все коды. Порядок связи и новую систему шифрации до вас доведет контр-адмирал Эссекс. На время проведения операции назначаю его исполняющим обязанности командира группы F. Господин контр-адмирал, вы вступаете в должность немедленно по окончании совещания.
— Есть, — кивнул Эссекс с бесстрастным видом.
— Флагманом на время проведения операции назначаю СБК «Лок фон Рей».
— Мне нельзя, у меня реактор греется, — тут же заявил «фон Рей».
— Починишь, — сказал Рашен.
— Да он не чинится!
— А ты починишь, — с угрозой в голосе сообщил от дверей Боровский.
Командир «фон Рея» метнул в сторону Боровского взгляд, полный беспомощной ненависти, повернулся к адмиралу и сделал несчастное лицо.
— Oleg Igorevich! — взмолился он. — Ну за что?! Я же еле ползаю! Охлаждение почти на нуле…
— Очень не хочется? — спросил Рашен вкрадчиво.
— Виноват, — «фон Рей» потупился и уткнулся в свой терминал.
— Пока все, — сказал Рашен. — Вопросы?
В зале снова начали переглядываться, но обсуждать новости вслух никто не рискнул.
— Вопросов нет, — заключил Рашен. — Эссекс, команду.
— Господа офицеры, — негромко сказал Эссекс.
Командиры с похоронными лицами встали. Особенно расстроенным выглядел «фон Рей». Рашен встал из-за стола и прошелся вдоль первого ряда кресел. Тишина в зале царила гробовая. Никто из офицеров не шелохнулся, только глазами они ели адмирала, и в глазах этих можно было разглядеть все что угодно: от немого вопроса до глубокой скорби.
— Да, — сказал Рашен, оборачиваясь к Эссексу. — Вот это я называю вооруженными силами. Это вам не шайка Рабиновича. И не банда Дяди Гуннара. Это настоящая Attack Force. Принимай группу, Фил.
Эссекс широко улыбнулся.
— Вольно, господа, — разрешил он. — Прошу садиться.
По залу пронесся дружный расслабленный выдох.
— От имени командования группы, — сказал Эссекс, — всем присутствующим объявляю благодарность. В этот нелегкий час вы проявили себя настоящими военными астронавтами. Господа, слово имеет адмирал… адмирал Рашен.
— Спасибо, Фил, — Рашен кивнул, вид у него был польщенный. — Ну что же, уважаемые коллеги. Думаю, своим похвальным единодушием и преданностью интересам группы F вы заслужили некоторые объяснения. Конечно, вы уже заметили, что в оперативной схеме не указано расположение двух кораблей. Это БМК «Джон Гордон» и СБК «Пол Атридес». Все правильно. После того как группа уходит к Земле, я сажаю на «Гордон» одну свою вахту и увожу его прежним курсом навстречу эскадре Рабиновича. Скажу Бобби пару слов, оставлю ему в подарок «Гордон», а сам вернусь на «Атридесе». Вам спешить некуда, а я пойду самым полным, так что соскучиться вы не успеете. Недельку помозолите землянам глаза, напомните им, с кем имеют дело, а тут и я подойду. Вот, собственно, и все. Да, Педро, что тебя волнует?
— Извините, сэр, — встал Педро. — Мы, конечно, знаем, что вы с Рабиновичем старые друзья, но это еще не повод так рисковать. Мы не дети, сэр. Мы отлично понимаем, что вы не вернетесь.
— Да ну? — спросил Рашен, хитро прищурившись.
— Я уважаю ваше мнение, сэр. Но по-моему, прежде чем спасать наши шеи от петли ценой собственной жизни, вы могли бы спросить и нас, — заявил Педро.
— Вот именно! — поддакнул «фон Рей», который очень не хотел принимать у себя на борту штаб контр-адмирала Задницы. — Все по красножопым стреляли, все и ответим. Не так, что ли, мужики?
— Так! — нестройным хором поддержали его мужики.
Рашен коротко глянул на Эссекса. Тот гордо выпятил грудь.
— Знай наших! — усмехнулся он.

В зале поднялся многоголосый шум, сопровождающийся вскакиванием с мест и бурной жестикуляцией.
— Все пойдем к Рабиновичу! — выкрикнул «Роканнон». — И пускай только рыпнется!
— Вы что, юноша, уже стрелять научились? — ехидно поинтересовался Рашен. — Облом системы у него, а туда же, как большой. Ну-ка, тихо все! Сели! А ну сели по местам! Я кому сказал?!
Офицеры слегка поутихли, но смотрели по-прежнему воинственно и явно не собирались бросать адмирала в беде. Рашен перегнулся через стол и заглянул в монитор.
— Не готово еще, — сказал ему Эссекс.
— И какой урод выдумал эту дальнюю связь! — в сердцах воскликнул Рашен. — Одно расстройство каждый раз…
— Русский ее выдумал, — подал голос Боровский. — Забыл фамилию. Что-то типа Айвенофф. Или Айвен…
— Что-то типа Эйзенштейн, — процедил Рашен. — Или типа Боровский. Чего ты там стоишь, народ пугаешь? Иди сюда!
— Мне отсюда лучше видно, — сказал Боровский. — Я слежу, чтобы никто под шумок нашу самогонку не упер.
Конференц-зал огласился дружным хохотом. Рашен улыбнулся. Боровский как всегда идеально подгадал с репризой. Никто лучше него не умел подавать дурацкие реплики в излишне патетический момент. Вот и сейчас Боровский одной фразой сбил царившее в зале напряжение.
— Группа, стой! Внимание! — скомандовал Рашен. — У связистов пока не готова картинка. Мы получили донесение от коммандера Файна. Держитесь за кресла, господа офицеры. Файн нашел чужих. И они проявили агрессию.
Офицеры, как громом пораженные, уставились на Рашена. Несколько мгновений в зале никто не шевелился, а затем со своего места опять встал Педро. На этот раз очень медленно.
— Господин адмирал, сэр, — произнес он удрученно. — Простите мою дурацкую вспышку эмоций. Я вел себя недостойно. Приношу извинения, сэр.
— Спасибо, коммандер, — сказал Рашен. — Никаких проблем. Я отнюдь не в обиде. Надеюсь, вы понимаете, зачем я держал вас в неведении?
— Да, сэр. Теперь — да. Вы хотели проверить…
— Конечно. Вы уж простите мне этот небольшой эксперимент. Все мы люди, друг мой, у всех есть нервы. Сколько мы за эти сутки потеряли человек, Фил?
— Десять, — вздохнул Эссекс.
— Понимаете, — сказал Рашен, — мне нужно было убедиться, что группа F перенесла этот стресс и по-прежнему готова работать как единый организм. Я получил ответ, и я горжусь своими офицерами. Садитесь, Педро. Спасибо. Итак, господа, как только мы посмотрим, что там нашел Файн, я отошлю картинку на бакен полицейской эскадры. Ну, теперь никому не кажется, что Рабинович меня арестует?
— Да что ж он, самоубийца… — буркнул «фон Рей».
— А реактор ты все равно починишь, — сообщил ему Боровский.
— Подлатаем как-нибудь, — согласился тот.
— Еще вопросы? — спросил Рашен. — Нет? Хорошо. Господа, вы получите отчет Файна на свои терминалы немедленно по окончании декодировки. Я рассчитываю в связи с этой новостью выступить примерно через два часа по внутригрупповой трансляции с обращением к личному составу. А сейчас прошу меня извинить, время… Эссекс!
— Господа офицеры!
— Вольно! Всем спасибо. Ровной тяги вам, друзья мои. И до встречи.
— Адмиралу Рашену — ура! — заорал кто-то.
Рашен смутился и под троекратный оглушительный рев почти бегом выскочил из конференц-зала. Уставом флота такие выражения чувств не были предусмотрены, да и не случалось раньше в группе F ничего подобного.
— Мозер! — крикнул Боровский, когда эхо отгуляло по стенам. — Где ты там? Хватай канистру, побежали!
— Я вот только не понимаю, — задал в пространство вопрос «Роканнон». — Зачем «Гордон»-то сдавать?
— Тормоз, — сказал ему Педро. — Это жест доброй воли. Без «Гордона» мы для Земли не так опасны. Будет равновесие сил.
— Ни хрена себе равновесие…
— Пока у нас Рашен, — заявил «фон Рей», — перевес все равно на нашей стороне. Мозер! Зараза! Куда понес?!.. Ну налей ты хоть стакан!
* * *

Когда интерком Вернера, тоненько пискнув, включился на прием, Эндрю уже третий час ползал по разгруженной зоне, тестируя работу системы управления огнем. Зачем он это делал, Эндрю сам не знал, но так было спокойнее. Думать он все равно больше не мог. А вернуться сейчас в рабочую зону, где обитали дорогие ему люди, которых он собирался обречь на позорную сдачу корабля, было выше его сил. Уж лучше бы он твердо знал, что намеревается делать. Но Эндрю так и не смог ни на что решиться. С тяжестью на сердце и саднящей болью в висках он совершенно механически обследовал внутренности центрального ствола, ползая, как муха, среди хитросплетения кабелей. Все-таки это было лучше, чем висеть на стене и переживать. Он уже здорово превысил норму пребывания в невесомости, но это его не беспокоило, скорее даже наоборот. Спасительный повод наглотаться транквилизаторов и провалиться в тупой беспробудный сон.

— Внимание! — раздалось в наушнике. — Через одну минуту с обращением к личному составу выступит командир группы. Всем свободным от вахты просьба включить мониторы. Повторяю…

Эндрю затолкал в нагрудник тестерные зонды и огляделся. Ближайший терминал инструментального контроля был в нескольких десятках метров от него, на противоположной стене. Дисплей терминала не годился для приема бортового видео, но местные техники решили эту проблему задолго до появления Вернера на «Тушканчике». Вместо убогого серого экранчика на терминале контроля стоял здоровенный библиотечный монитор, совсем еще новый. Флагман вообще оказался кораблем, хорошо приспособленным для жизни. В тех местах, куда редко заглядывал командный состав, здесь разве что танцулек не устраивали. Ну и еще никому не пришло в голову заниматься сексом в разгруженной зоне. И то, наверное, лишь потому, что атмосфера на боевом судне не располагала к эротическим забавам. А такой большой любви, как у Эндрю с Ивой, между астронавтами обычно не возникало.

Эндрю отстегнул страховку и, мягко оттолкнувшись, пересек трубу центрального ствола по диаметру. Зацепил карабин за специальный релинг и поплыл вдоль стены к терминалу. Поменял местами пару штекеров, вышел в бортовую сеть, подключился к видео и заглянул в чуть прищуренные серые глаза адмирала.

— Здравствуйте, господа, — сказал Рашен.

— Привет, — хмуро кивнул Эндрю. Голова у него болела с каждой минутой все сильнее.

— Я обращаюсь к вам с сообщением чрезвычайной важности. Сейчас вы увидите небольшой сюжет, только что полученный нами от скаута «Хелен Рипли» с траверза Цербера. В принципе эта информация секретна. Но в сложившихся обстоятельствах командование считает, что каждый член наших экипажей имеет право увидеть… — Рашен на мгновение замялся, подбирая слова. — Увидеть то, с чем ему, возможно, придется встретиться в бою. Смотрите, дамы и господа.

И перед Эндрю появились корабли чужих.

Вернер крепко вцепился в поручень. О головной боли он мгновенно забыл. Чужие оторвались от поверхности и начали преследование. Эндрю представил себе, каково было Файну, когда за ним погнались две огромные враждебные хреновины, и нервно облизнул губы. Потом крепко зажмурился. А когда открыл глаза, на него опять смотрел Рашен.

— Мы надеемся, что коммандер Файн ушел от погони и вскоре сможет предоставить детальный отчет, — сказал Рашен. — Но в любом случае, мы твердо знаем теперь, что чужие действительно есть, и их намерения не оставляют сомнений. Вот наш противник, господа. Реальный противник. И если он преодолел огромное пространство для того, чтобы оказаться у границ Солнечной, можете себе представить, на какой тяге он ходит и какими ресурсами обладает. Я не буду сейчас распространяться о моделях взаимодействия с чужими, которые построил штаб нашей группы. Ни одна из этих моделей не выходит за рамки элементарной логики, и вы в свободное время сами можете заняться теоретическими выкладками. Возможно, контакт вообще не будет силовым. Не исключено, что мы неправильно оцениваем поведение чужих. Может, все закончится боем конкретно с этими двумя судами, за которыми не последует мощная армия. Но в любом случае, господа, появление чужих в корне меняет ситуацию, в которой до недавнего времени находилась группа F, — Рашен на мгновение задумался, опустив глаза. Зачем-то потрогал кончиками пальцев седой висок. Наверное, у него тоже болела голова. — Мы — военные астронавты, — сказал он, медленно поднимая взгляд к камере. — Мы обязаны быть готовыми ко всему. И, согласно присяге, мы должны оборонять Солнечную от вероятной агрессии извне. Я знаю, что в последние сутки на кораблях группы шли бурные дискуссии о том, кто мы теперь и что нам делать. Сейчас этот вопрос снят. Не уверен, что появление внешнего противника — удачный выход. Нападение чужих может обернуться трагедией для всего человечества. Но в любом случае, на пути этой агрессии встанет Attack Force. А значит, мы остались теми, кто мы есть. Двух мнений здесь быть не может. Мы — экипажи

кораблей усиленной бригады военного космического флота земного подчинения. Мы защищаем свой дом. Поэтому, господа, все остается по-прежнему. Командование группы ждет от каждого четкой работы согласно должностным обязанностям. В свою очередь, командование гарантирует вам, что в ближайшее время официальный статус группы F будет подтвержден Советом Директоров и, если потребуется, специальным решением Собрания Акционеров.
Рашен чуть склонил голову набок и мягко улыбнулся.
— Вот, собственно, и все, — сказал он. — Мы снова в деле, коллеги. Мы работаем. В ближайшие часы придется активно маневрировать… Впрочем, детали будут до вас доведены обычным порядком. Необходимые приказы по группе уже отданы. На прощание хочу поблагодарить всех, кто в трудную минуту не потерял веры в группу F и ее счастливую звезду. Спасибо вам. И до свидания.
На мониторе появилась текущая информация. Эндрю с трудом оторвал руку от поручня и поднес ее к лицу. По щекам что-то текло. Это оказались слезы.
* * *
Эндрю выбрался в рабочую зону на грузовой палубе, неподалеку от главного шлюза. Люк открывался у самого пола, и первое, что Эндрю увидел, были спешащие по коридору ноги. К шлюзу почти бегом двигались старпом Боровский и навигатор Кристоф Бульон. У обоих из-под мышек торчали пятилитровые кислородные баллоны.
Боровский услышал, как чавкнула, распахиваясь, крышка люка, и резко обернулся, словно застигнутый на месте преступления.
— А-а, это ты, — произнес он с облегчением. — Здорово. Ну, видел гадов? Интересно, что у них за тяга, а?
— Антиграв какой-нибудь, — сказал Эндрю, выкарабкиваясь из узкой круглой дыры. — Ох, дадут они нам жару…
— Вот именно, — кивнул Боровский. — А нашим хоть бы хны. Все так обрадовались, что не надо с Землей воевать… Будто чужие лучше. Слушай, ты мне вот что скажи. Какой силовой кабель дольше служит, «восемнадцать би два» или «восемнадцать си восемь»?
— «Си восемь» лучше держит максимальную нагрузку, — объяснил Эндрю, вставая на четвереньки и закрывая люк. — А «би два» просто хороший надежный шнур. Нам он сейчас ни к чему. На складе целых две катушки.
— А нужно четыре, — сказал Боровский. — Ладно, поглядим, что там у них есть.
— Зачем столько? — удивился Эндрю.
— Затем, что «фон Рей» столько хочет за комплект прокладок. Кристоф, вы идите пока в катер, мне тут нужно проконсультироваться… Скажи, Энди, а ходовый процессор с мегадестроера нам никак не может пригодиться? У них должен быть резервный, если не пропили, конечно.
— «Гордон», что ли, грабить собрались?
— А ты думал? Мы же его Рабиновичу отдаем. Ах да, ты еще не в курсе. Ну, Рашен хочет сделать красивый жест.
Эндрю почесал в затылке. Он все еще довольно плохо соображал и не до конца понимал, что творится вокруг, но идея Рашена ему понравилась. Боровский ждал ответа. Эндрю задумчиво посмотрел на баллоны, которые старпом крепко прижимал к бокам.
— А что, возьмите, — сказал он. — В крайнем случае на запчасти пойдет. Кстати, можно его тому же Рабиновичу и втюхать. Если он нас не поубивает до этого.
— Роберт свой мужик, — помотал головой Боровский. — Мы с ним договоримся. А насчет такой аферы я уже подумал. Ты понимаешь, нужно ведь сначала основной процессор «Гордона» сломать…
— Нехорошо это, — сказал Эндрю.
— Вот именно, — кивнул Боровский. — Ладно, я посмотрю, что еще там у них слабо привинчено. Между прочим, ты, астронавт, хреново выглядишь.
— Невесомости перебрал. А что вы собираетесь выменять на кислород? Кому он нужен?
— Наш кислород нужен всем, — усмехнулся Боровский. — Он у нас фирменный. Очень жидкий. Ну, пока! — и убежал к шлюзу.
Эндрю тупо кивнул и, придерживая голову рукой, чтобы не так кружилась, поплелся в глубь рабочей зоны.
Дверь медчасти отодвинулась ровно настолько, чтобы в нее просунулся могучий нос доктора Эпштейна.
— Ну? — спросил док неприветливо. — На что жалуемся, лейтенант?
— На обстановку в разгруженной зоне, — сказал Эндрю. — Я там почему-то летаю.
— Долго? — спросил Эпштейн серьезно.
— Сегодня около трех часов.
— Ну и дурак. Погоди, я сейчас, — и дверь закрылась.

Эндрю устало прислонился к косяку.

Дверь отодвинулась снова, и опять всего на несколько сантиметров. В щель просунулся ствол пневмоинъектора.
— Шею сюда, — приказал Эпштейн.
— А может, в плечо? — спросил Эндрю, опасливо косясь на ствол.
— А может, в сраку?! — поинтересовался док.
— Отчего вы, доктора, все такие злые… — пробормотал Эндрю, неловко выворачивая голову, чтобы Эпштейну было удобнее стрелять.
— От того, что астронавты такие идиоты. Выстрел!
— Ох! — сказал Эндрю, отскакивая и хватаясь за шею. — Спасибо, док. Извините.
— Ничего. Теперь немедленно спать. Ты кто у нас? Лейтенант Вернер?
— Он самый, док.
— Хорошо, я занесу в журнал. Восемь часов отдыха. Это приказ. Все, свободен.
— До свидания, — попрощался Эндрю с закрытой дверью и, потирая шею, уковылял к себе.
Эпштейн заблокировал дверь, прошлепал босыми ногами к рабочему столу и взял с него пластиковый стаканчик с прозрачной жидкостью. Выдохнул, сделал глоток, удовлетворенно крякнул и повернулся к саркофагу экспресс-лаборатории. Под стеклом лежало обнаженное тело, и металлические щупальца деловито отдирали мясо от костей.
— Линда, солнышко, — попросил Эпштейн. — Будь добра, занеси в журнал: лейтенанту Вернеру сделана комплексная инъекция от «синдрома летчика». Показан восьмичасовой отдых. Строго показан.
Линда, уютно свернувшаяся в кресле доктора, подтянула к себе контактную доску и сделала запись.
— Не будет ему восьми часов, — сказала она ощутимо пьяным голосом. — Его на «Гордон» отправят с вахтой Кендалл.
— Значит, там доспит, — безразлично произнес доктор. Экспресс-лаборатория тихо звякнула, на мониторе появились столбцы цифр. Некоторое время Эпштейн молча их рассматривал. Потом хмыкнул и через плечо бросил взгляд на Линду. — Ну что, сестренка, поднимай стакан, — сказал доктор. — Выпьем за упокой души Изи Мейера, человека, очень похожего на человека.
— Что, как настоящий? — спросила Линда. — Тогда выпьем.
Они чокнулись стаканчиками и сделали по глотку.
— Уфф, — выдохнула Линда. — Вещь. Слушай, а дальше?..
— А дальше генетическое исследование. Это все, что мы сейчас можем. Я думаю, этот Мейер действительно клон. Очень качественный, но все-таки клон. Эх, узнать бы, что у него при жизни в мозгах было… Вот где разгадка.
— А может, это все-таки настоящий Мейер, — произнесла Линда задумчиво.
— А кто тогда на «Скайуокере» погиб? Думаешь, Вернер соврал насчет его останков? А жетон нагрудный где он мог взять? И вообще, зачем это ему?
— Ты материалы комиссии видел?
— Нет.
— И никто их не видел. Понимаешь, — сказала Линда глубокомысленно. — Энди Вернер, он, конечно, мужик что надо. Только вот не доверяю я ему. Какая-то у него есть тайна, и очень серьезная. Оч-чень серьезная. И вообще он русский…
— Наш командир тоже русский, — напомнил Эпштейн.
— Рашен совсем другой русский, — отмахнулась Линда. — Ай, да не знаю я ничего… Ну, что прикажете, док?
— Иди сюда, ассистировать будешь.
— А это ничего, что я голая? — спросила Линда, вставая и потягиваясь.
— Очень даже ничего. Особенно спереди.
— А сзади?
— И сзади тоже красиво. Линда! Отстань! Не сейчас…
— Глупый, нам же одеваться через десять часов… Полная тяга. И вообще, может, это наш последний раз. Ты уверен, что боя не будет? Не с Рабиновичем, так с чужими…
Эпштейн прикрыл глаза и замычал от удовольствия, чувствуя, как ласковые руки стягивают с него комбинезон.
— Рабинович, конечно, не русский, — сказал доктор, — но он и не дурак. А чужие еще неизвестно, чего хотят. А я вот знаю, чего хочу.
— Это видно, — проворковала Линда, с восхищением глядя вниз.
* * *

Группа F брызнула в разные стороны и растворилась в пустоте. На прежнем курсе осталось только два корабля. От одного из них, маленького, отделился катер и пошел к другому, огромному. Шлюзовые ворота открылись и проглотили катер, словно муху. -
Большой многоцелевой корабль «Джон Гордон» был разграблен. От него честно оторвали все, что можно было спереть без ущерба для ходовых качеств судна. Исчезли даже аварийные скафандры из главного шлюза. Внутри корабля обшивка была сплошь порвана в лохмотья, а с потолка свисали обрывки кабелей. Сонный Эндрю сначала только меланхолично цыкал зубом, натыкаясь на очередной факт мародерства, но потом споткнулся о забытый кем-то посреди коридора ботинок, чуть не расквасил себе нос и проснулся.
— Не падать, — приказал Боровский, хватая Эндрю за ремень и помогая встать. — Ты нам живой нужен. Под тягой отоспишься. Кенди! Ну-ка, держи своего красавца.
Ива крепко взяла Эндрю под руку. Вернер с умилением посмотрел на нее сверху вниз и украдкой поцеловал в макушку. Ива покраснела и легонько пихнула его локтем в бок. Сзади кто-то одобрительно хихикнул.
По широченному коридору мегадестроера люди шли колонной по три, и им не было тесно. Десять человек вахты Кендалл, пятеро техников и трое стрелков, ведомые Боровским и Фоксом, медленно приближались к ходовой рубке, и топать им оставалось еще метров триста. Даже растерзанный, «Гордон» поражал воображение.
— Никто больше не спит? — поинтересовался Боровский, оборачиваясь. — Здесь носом клевать нельзя, а то с непривычки заблудитесь. Схему корабля всем раздали?
— Раздали, — ответил Фокс, временно исполняющий обязанности старпома. — Главное, чтобы переборки все на месте были. Судя по масштабам разграбления… Как думаешь, Энди, реакторы у нас в наличии?
Вернер усмехнулся и поманил к себе техников.
— По-моему, сейчас будет развилка, — сказал он. — Этторе, тебе налево, дуй в реакторный отсек и действительно посмотри, все ли там на месте. Фред, за тобой управление огнем. Это три уровня вниз. Там много чего можно отвинтить, так что будь повнимательнее, ладно? Остальные в центральный ствол, задача та же. Как разберетесь, тут же докладывайте.
Техники разошлись и уже через минуту все до единого исчезли в боковых проходах. Этим людям не нужно было ставить конкретные задачи, они и так знали, что к чему. Их профессия слишком напоминала медицину, и опытный сержант технической службы ценился на боевом флоте не меньше, чем мастер-навигатор.
— Очень большой корабль, — задумчиво сказал Кристоф, разглядывая на ходу схему. — Ну просто очень большой. Надо же — теннисный корт!
— Вот, наверное, Задница сейчас на стенку лезет! — рассмеялся Фокс. — В крошечной однокомнатной каюте, без референтов, без охраны…
— Ничего подобного, — бросил через плечо Боровский. — У него и здесь каюта была маленькая. Эссекс не любит открытого пространства. Я когда был замом по боевой, спросил его однажды, зачем он вечно по углам прячется. А он мне серьезно ответил: чем больше места, тем круче может разгуляться второй закон термодинамики…
— Псих, — заключил Фокс.
— Не больше, чем мы с тобой, — пробурчал ему в спину Вернер.
Слева на стене показалось обширное кровавое пятно. Боровский походя мазнул по крови пальцем и сунул его в рот.
— Какая жалость! — сказал он. — Всего лишь варенье. А я уже хотел испугаться… И долго нам еще?.. Ага, узнаю место, это малый конференц-зал. Ну, теперь уже рукой подать.
Рядом с дверью, ведущей в конференц-зал, кто-то нарисовал красным маркером по белой стене карикатуру на начальника штаба. Рисованный Эссекс выглядел как живой, хотя и был изображен буквально одним росчерком.
— И тут наш маньяк побывал… — шепнул Эндрю на ухо Иве.
— Ух ты! — восхитился Фокс, который тоже заметил рисунок. — Вот это да! Господа, смотрите! Автора! Автора!
Астронавты столпились у двери, бурно выражая одобрение.
Боровский, который ушел далеко вперед, остановился у вырванного с мясом из стены терминала внутренней связи и зачем-то подергал изуродованную консоль.
— Эй, Жан-Поль! — позвал его Фокс. — Ты это видел?! Роскошная живопись!
— Я вот что вижу, — хмуро процедил Боровский, наклоняясь и засовывая голову в зияющий проем. — Вернер! Энди, как ты думаешь, чем это сделали?
Эндрю подошел к Боровскому и осторожно потрогал оплавленный металл.
— Интересно, — сказал он. — А ведь это не резак, коммандер.

— Вот и я думаю: не похоже что-то. Конечно, это совершенно не мое дело, но если бы меня спросили, я бы сказал, что консоль не резали. Ее отстрелили. Майкл! Подойди-ка. Тут по твоей части.
— По-моему, и без Фокса ясно, — сказал Эндрю. — Ручной десантный лазер. Импульсный.
— Ну? — спросил Фокс, отодвигая Вернера и разглядывая консоль. — Ага! Ну и что такого? Кто-то здесь с «Маузером» развлекался.
— Почему именно с «Маузером»? — удивился Боровский.
— Дырки здоровые. Наши лазеры слабее, А немцы делают машинки тяжелые, но очень мощные.
— Так, — сказал Боровский. — Нужно будет прочесать корабль. Ладно, в походе время найдется.
— Зачем? — в свою очередь удивился Фокс.
— В спецификации на БМК стрелковое оружие не значится. Кроме офицерских пистолетов. Если бы Эссекс заныкал десантные лазеры, он бы не забыл их с собой забрать. А раз не забрал — может, и не знал о них вовсе. А кто ходил на «Гордоне» до Эссекса?
— Коммандер Фуш, — сказал Эндрю и вдруг потупился.
Боровский внимательно посмотрел на Эндрю, огляделся и увидел, что вокруг стоят люди и внимательно прислушиваются к их разговору.
— Продолжать движение, — неприязненно процедил Боровский. — Кенди, всех в боевую рубку. Мы догоним.
— Есть, — сказала Ива, бросила на Эндрю сочувственный взгляд и ушла. Навигаторы и стрелки потянулись за ней, время от времени оборачиваясь с нескрываемым любопытством.
— Насколько я знаю, коммандер Фуш был хронически не в ладах с экипажем, — сказал Боровский доверительным тоном. — У него уже бунтовала команда задолго до инцидента на «Декарде». Энди, я, конечно, лезу не в свое дело, но ты скажи: Фуш боялся мятежа? Ждал его?
— Я вас понял, Жан-Поль, — кивнул Эндрю. — Мне, разумеется, ничего не известно про нелегальный склад оружия на «Гордоне», но… Думаю, вы правы. На «Декарде» такой склад был. И Фуш действительно ждал мятежа. Иногда мне кажется, что он его просто хотел. Провоцировал. Только когда поднялся бунт, Фуш не успел раздать оружие верным людям. Не дожил. Впрочем, это не важно.
— Где он прятал лазеры? — спросил Боровский. — И сколько?
— В одном из аварийных модулей. Я думаю, в том, который ближе к его каюте, — модуле боевой рубки. А сколько… На «Декарде» не меньше сотни. Да… — Эндрю помотал головой, вспоминая. — Не ходите на десантниках, Жан-Поль. И ты, Майк, если занесет тебя судьба на десантник, беги оттуда со всех ног. Вот где действительно бедлам. У нас даже откровенные психи вполне домашние. А там… Простите, господа. Вырвалось.
— Пустяки, — сказал Фокс, кладя руку Вернеру на плечо. — Забудь. Слушай, Жан-Поль, ну, допустим, найдем мы здесь дюжину-другую «Маузеров». А на хрена они нам?
— Ты что будешь делать, если абордаж? — спросил Боровский. — Ручки кверху, ножки врозь?
— Абордажа не будет! — ответил Фокс уверенно. — Зачем я здесь, по-твоему?
— Мы, кажется, вообще не собирались воевать, — напомнил Эндрю.
— Это мы, — сказал Фокс. — А вдруг Рабинович начнет дурака валять?
— Да при чем тут Рабинович! — воскликнул Боровский. — Бобби нас не тронет, вопросов нет. Что он, дурак? У него жена, дети… Блин, у меня ведь тоже! — добавил он с некоторой растерянностью в голосе. — Ладно, проехали. А вот когда к Земле подойдем, могут быть эксцессы. Все может случиться.
— Хорошо, — кивнул Фокс. — Согласен. Только чур, моих бойцов к розыску не привлекать. У нас и без того хлопот полон рот, не хватало еще какие-то пукалки по углам вынюхивать.
— Энди, — неожиданно сменил тему Боровский. — А кто все-таки остановил мятеж на «Декарде»? Кто реактор отстрелил?
Вернер шевельнул плечом, сбрасывая с него руку Фокса.
— Знаете, Жан-Поль, — сказал он угрюмо, — вы меня совершенно не жалеете. Хотя тоже попробовали, что такое желтый дом.
— Тебя вылечили, — заметил Боровский. — Разве нет?
— Вылечили. А мне до сих пор страшно, — очень тихо произнес Вернер. — Мы когда на «Виггине» разлетелись в мелкую стружку, я и глазом не моргнул. А годом раньше на «Декарде» я молиться был готов. Понимаете?

— Извини, — сказал Боровский. — Честно, извини. Ты же в курсе, я параноик, ну чего с меня возьмешь? Пойдем, что ли. До полной тяги… — он посмотрел на часы. — Восемь с половиной. Если, конечно, все реакторы по деталям не растащили.
— Ерунда, — усмехнулся Фокс. — Сказано же было: орудия и ходовую часть не портить.
— Терминалы из стен выковыривать тоже не просили. Тем более лазерами.
Впереди замаячила дверь боевой рубки. На двери было крупно написано синим вкривь и вкось: «Essex is Asshole». Знаменитая формула, когда-то открытая Рашеном. Эссексу как раз дали контр-адмирала, и Рашен вдруг начал хохотать. Его спросили, в чем дело, и он объяснил, что английское «rear admiral» очень смешно звучит в русском контексте: «задний адмирал». Просто англоязычная публика тут юмора не видит, она привыкла. А у Эссекса еще и фамилия созвучна с «эсхолл», так что звание это как раз для него. Задница он и есть Задница.
— Это ж надо так надругаться над хорошим кораблем! — возмутился Боровский. — Мало того что разворовали все…
— Вы кабель-то достали? — вспомнил Эндрю.
— И достал, и на прокладки обменял. А ходовый процессор не успел. Когда я пришел, от него только корпус остался. Ничего, мы тут еще пошуруем. Ни грамма родного железа врагу! Вообще хорошенький подарочек мы Рабиновичу везем… Тут ремонта будет миллионов на десять.
— Подорвем экономику полицейских сил! — расхохотался Фокс, вытащил из кармана сигару и принялся ее раскуривать.
— Вообще-то сейчас это мой корабль, — заметил Боровский, унюхав дым. — Но поскольку ты у меня вроде бы старпом, пусть и временно… Так что травись. Знай мою доброту. Учись грамотному обращению с подчиненными.
— Угу… — промычал Фокс, упоенно дымя.
— Спасибо вам, Жан-Поль, — неожиданно сказал Эндрю.
— Пожалуйста, — улыбнулся Боровский. — А за что?
— За «Декард». Вы заставили меня вспомнить, и я вдруг почувствовал, что уже не больно. Я много лет прячу в себе этот ужас, а сейчас вот… Кажется, все перегорело. Меня ведь там здорово покалечило. И десантники чуть не убили. И это я катапультировал реактор.
— Я так и думал, — кивнул Боровский. — Поэтому ты и здесь. Ты, Майкл, Иветта… Не хватает только Алекса и Задницы. И Абрам бы нам сгодился.
— Твою мать, до чего же нас мало! — воскликнул Фокс.
* * *
Когда «Гордон» и «Тушканчик» завершили торможение у границы Пояса, Боровский тут же развил на вверенном ему борту нездорово бурную деятельность. Рашен специально оставил день свободного полета до встречи с полицейской эскадрой, чтобы все детально обдумать и дать людям привести себя в порядок. Боровский решил из этого дня выжать максимум.
Первым делом он затребовал на «Гордон» дневальных с «Тушканчика», чтобы организовали челночные рейсы с награбленным барахлом. Невероятных размеров куча всякой дряни уже забила доверху грузовой шлюз и проявила тенденцию к расползанию в глубь корабля. Прибывшие дневальные, отворив люк, уперлись в эту груду металлолома и замерли в тихом ужасе. Просочиться внутрь «Гордона» и попрятаться они не могли. Сымитировать какой-нибудь отказ техники и улететь обратно, бросив все как есть, — тоже. На этот случай их в шлюзе поджидал Боровский.
— А вот и вы, — раздался его приглушенный расстоянием голос с противоположной стороны кучи. — Там с краю ящики лежат, с них и начинайте. Дюжина ящиков с эмблемой «Маузерверке».
— Господин коммандер, сэр! — крикнули ему. — Вы эту посудину совсем выпотрошили или у вас там внутри хоть что-то осталось?
— Пока не увижу ваши морды, отдыхать не дам, — предупредил Боровский, игнорируя шутки. — И если хоть раз задержитесь на «Тушканчике» дольше пятнадцати минут — пеняйте на себя.
— Значит, сверху надо брать, — заметил один из дневальных, обреченно поднимая глаза туда, где куча смыкалась с потолком.
Катер начал сновать между кораблями. Боровский со своей стороны придирчиво допрашивал, что именно взяли, и ставил пометки в импровизированной накладной. Через час он сорвал голос и догадался общаться с грузчиками по интеркому. Еще часом позже откуда-то сверху просунулась красная от натуги сержантская физиономия и сказала:
— Здрасте, господин коммандер, сэр. Что-то вы с лица спали. Плохо кормят тут?
— Весь в заботах, — миролюбиво объяснил Боровский. — Ну, как там наш Махди?

— Летает потихоньку. То есть за время вашего отсутствия никаких происшествий не случилось.
— Ну-ну. Вернусь — проверю. А прокладки новые как, держат?
— Давление в норме, сэр.
— Что господин адмирал?
— Да вроде ничего. Ругается.
— В чем дело? — тут же насупился Боровский.
— Говорит, без вас на борту непорядок, господин коммандер, сэр! Бардак, говорит.
— Наверное, опять в коридоре на голую бабу наткнулся, — пробормотал Боровский.
— Да вы что, сэр! Какие могут быть голые бабы, мы же под ускорением шли…
— Голая баба — это такая вещь, друг мой, — сообщил Боровский глубокомысленно, — которая всегда может быть…
Сержант на всякий случай подался назад.
— Ну хорошо, — сказал Боровский. — Спасибо за новости. Продолжайте разгрузку. Много там еще?
— Ужас. А дежурный по складам говорит, что уже класть некуда.
— Дежурному я потом объясню, как пользоваться складскими помещениями. Будет ерепениться, скажите: Боровский приказал, и все тут. Ладно, ступайте грузить.
— Простите, сэр, но вы говорили, что когда…
— Работайте, молодой человек. Отдыхать на том свете будем.
Расстроенный сержант выполз задом из кучи, начал спускаться, зацепился за какой-то ящик и грохнулся вниз.
— Ну? — спросили его.
Сержант вместо ответа покрутил у виска пальцем.
— Разделимся пополам, — сказал он. — Половина грузит, половина лежит. А то ведь так и надорваться недолго.
— Ты бы сначала микрофон выключил, кретин! — раздался из динамика голос Боровского. — Ну сколько вас учить можно, остолопов, таким элементарным вещам?! Совершенно не умеете нести службу. Прямо стыдно мне за вас…
Эндрю сидел на краю бассейна, почесывая отмытую до красноты задницу, и наблюдал, как поднимается вода. Бассейн на «Гордоне» был двадцати пяти метров в длину, прямо как в дорогом отеле на Земле.
Ива вышла из душевой и прикрыла за собой дверь.
— Может, запереть? — спросил Эндрю.
— Да никто не придет, — ответила она. — Спят все. Один Боровский в грузовом шлюзе, никак от своего барахла оторваться не может.
— Ну, тогда иди ко мне.
— А вот не подойду.
— Это почему же?
— Ты меня сначала поймай.
— А если не поймаю?
— Почему не поймаешь? — удивилась Ива. Она тоже была сейчас, как и Эндрю, вся розовая и с ног до головы в мелких капельках воды. Кто не ходил неделями в спецкостюме, не знает, какой это кайф — раздеться и встать под душ. — Еще как поймаешь, — сказала Ива, заглядывая издали Эндрю между ног.
— Вот теперь уже вряд ли. Бегать неудобно.
— А я поближе к тебе подойду.
— А можно еще?
— У-у, противный! Вот тебе за это! — Ива рассмеялась и кувыркнулась с бортика головой вниз, подняв радужный фонтан брызг.
— Ах, так! — закричал Эндрю. — Ловите торпеду, капитан! — и тоже бросился в воду.
Ива плавала неплохо, но Эндрю еще лучше. Несколько минут он гонял ее от бортика к бортику, а потом зажал в углу, возле лестницы, повернул лицом к себе и крепко обнял.
— Сейчас вы будете торпедированы, капи… — договорить он не успел, потому что его уже целовали, жадно и даже где-то взахлеб. Через мгновение оба от полноты чувств ушли с головой под воду.
Сначала они делали это в бассейне, что оказалось для обоих ново и интересно. Потом выяснилось, что все-таки нужно за что-то держаться, а держаться уже не было сил, и они перебрались на бортик. И там, на бортике, на пластиковом матрасе, который забыл оприходовать Боровский, произошло нечто волшебное, во что Ива раньше отказывалась верить. Эндрю сделал ей так безумно хорошо, что Ива громко кричала и под конец даже на миг потеряла сознание.
— Что ты со мной делаешь? — прошептала она, с трудом приходя в себя.

— Я тебя люблю, — ответил Эндрю очень серьезно.
— Милый… — Ива провела кончиками пальцев по его изувеченной груди, потом взяла за руку и поцеловала длинный белый шрам. — Это ведь не на скауте было, врунишка, — сказала она. — Это тот самый десантник? «Декард»?
Эндрю кивнул.
— Ты обещал рассказать мне, — напомнила Ива. — Не забудь. Эндрю откинулся на спину и провел ладонью по глазам.
— Все рассказать? Как было на самом деле?
— Ты не можешь? Тебе запретили? — догадалась Ива.
— Мне запретили, — кивнул Эндрю. — Но тебе я могу. Наверное, ты должна это знать. Понимаешь, любимая, ты… Если можно применить к тебе это слово, ты — рыцарь. Честный вояка. Адмирал Успенский в молодые годы, с той лишь разницей, что ты женщина, а он мужчина.
— Не исключено, — легко согласилась Ива. — Рашен мне как родной. Иногда кажется, что мой отец такой же был.
— Вы действительно очень похоже себя ведете. Мне хорошо видно со стороны, ведь я Рашена много лет наблюдал. И он тебя за это любит, за то, что… Как бы сказать. Понимаешь, он всегда был готов к подвигу. Это у него такая реакция на опасность — не бежать, не прятаться за других, а встать лицом к беде и совершить поступок. Даже через силу, даже через «не могу». Он и меня этому учил. Не вышло. Я по жизни не рыцарь совершенно. Мне для подвига нужен очень серьезный повод.
— Повод для подвига! — продекламировала Ива. — Не звучит. Мягко говоря, издевательская метафора.
— А я к этому и веду. Бывают люди, которые в нештатной ситуации борются только за свою жизнь. Ты можешь спасать целый корабль, но делаешь это на инстинкте самосохранения. И таких людей большинство. А есть немногие, в первую очередь спасающие других, исполняющие какой-то долг, ну, ты понимаешь… Таким повода не нужно, у них серьезное решение принимается на другом уровне. По велению сердца, как принято говорить. Вот такие вы с Рашеном. А я — из тех, из большинства.
— Ну и что?
— Понятия не имею, — сказал Эндрю. — Это я просто думаю вслух.
— Ты что-то не так сделал на «Декарде»? — осторожно спросила Ива.
— Не знаю. Может, ты мне объяснишь, так или не так.
— Пойдем в каюту, — предложила Ива. — Ляжем, обнимемся, я буду тобой любоваться, а ты мне будешь рассказывать.
— А можно я тоже буду тобой любоваться? — спросил Эндрю, впервые улыбнувшись с того момента, как ударился в философию.
— Обязательно! — рассмеялась Ива.
* * *
Как и все десантики, «Рик Декард» был цилиндрической самоходной баржой километровой длины, густо облепленной снаружи посадочными средствами. Половину внутреннего объема «Декарда» занимали тренировочные залы и казармы на тысячу пятьсот человек, другую — ходовая часть и служебные помещения экипажа. Орудий десантнику не полагалось, его задачей было таскаться в хвосте атакующей эскадры и после артподготовки бросать на поверхность тяжело вооруженную пехоту.
Пушечное мясо, в роли которого выступал размещенный на «Декарде» усиленный десантно-штурмовой полк, мало походило на легендарный земной спецназ времен Заварухи. Диверсионные группы, где каждый боец стоил целого пехотного взвода, ушли в прошлое за ненадобностью. Осталось только название: «десант». Еще остались устрашающие эмблемы, гордые лозунги и разноцветные береты. Только люди были совсем другие. Земля не могла расходовать на войне ценный материал. В десант шли отходы воспроизводства. Человеческий шлак.
Вернер часто бывал в казармах, проверяя работу систем жизнеобеспечения. Сначала он появлялся там с ремонтной бригадой, но вскоре стал ходить один. Так ему показалось надежнее. Он предпочитал дать кому-нибудь из солдат подержать свои тестеры, на что бойцы легко соглашались с почти детской гордостью. Это было полезнее для здоровья, чем телом заслонять техников, которым десантники так и норовили заехать в лоб.
Профессиональные астронавты слишком открыто выказывали десанту свое презрение. А Вернер, хоть и тоже астронавт, был другой. Он хорошо понимал, что значит считаться изгоем. Поэтому в казармах его не обижали и держали почти за своего. Он даже завел себе там подружку во взводе связи — красивую, тупую как компьютер, мускулистую, психопатичную и бисексуальную. Это было серьезное достижение: обычно барышня из десанта скорее дала бы астронавту в рыло, чем еще чего-нибудь.

Экипаж глядел на Вернера косо, плевался за его спиной и объяснял такие выкрутасы тем, что Эндрю русский, человек без роду и племени, а значит, по жизни неразборчивый в связях. Вернер молча занимался своим делом. Обстановка на «Декарде» его раздражала. Он не ходил раньше на кораблях, где люди делились на «летный состав» и «пехотное быдло». Между экипажем и его живым грузом был перманентный конфликт, всегда готовый вылиться в драку. Вдобавок неврастеник Фуш этот конфликт не только поддерживал, но и разжигал, ежедневно собачась с десантным начальством.
Эндрю с удовольствием свалил бы из этой клоаки, но у него была на тот момент ограниченная годность «по психике». Старые травмы, полученные на «фон Рее», давали себя знать. Эндрю принимал транквилизаторы и с нетерпением ждал очередной медкомиссии. В дрязгах между флотскими и пехотой старался не участвовать и вообще держался особняком. На судне было неспокойно, а в случае больших неприятностей Эндрю предпочел бы оказаться на стороне тех, кто лучше обучен рукопашному бою.
Тем более что он десантников научился жалеть.
В десант нанимались интеллектуально отсталые и бесплодные. Зачастую рейнджер страдал и тем и другим сразу. Вся система вербовки строилась на убеждении человека в том, что лет за десять он (если выживет, конечно) заработает себе на сложную операцию или покупку донорских клеток. Некоторым десантникам на самом деле удавалось, пройдя огонь и воду, выйти на пенсию и завести детей. Но большинству уже сама армейская жизнь казалась достаточной премией. Вырваться в армию с должности оператора гидропонной фермы или наладчика промышленных роботов тоже было непросто — требовались хорошие физические кондиции, выносливость и придурковатая отвага. Десантники гордились собой и искренне любили свой образ жизни. Если ты с четырнадцати лет гонял комбайны по хлорелловой плантации, а придя домой, сам должен был думать, чего тебе пожрать и на какие деньги, то, конечно, четкий и размеренный казарменный быт покажется раем. Ты окружен грубоватой, но реальной заботой, всегда сыт, чисто вымыт и не страдаешь недосыпанием. Короче, вытащил счастливый билет. Тем более что десантников заставляли учиться. Некоторых просто грамоте, а немногих и в университетском объеме. В десанте не было элиты, точнее, ее взращивали из своих же, каждый офицер начинал сержантом, и это тоже был хороший стимул для неотесанных пролетариев. Их генералы выбрались из того же дерьма и служили живым примером успеха.
На «Декарде» пехота с утра занималась боевой учебой, после обеда садилась за парту, вечером устраивала пляски и спортивные игры, а ближе к ночи трахалась попарно и группами в специально отведенных помещениях. Иногда в казармах случались потасовки, но жертв обычно не было: по закону убийцу ждал расстрел на месте. Для серьезных разборок служили третейские суды, на преступников имелся полноценный трибунал, вора или насильника могли загнать на каторгу или отправить в штрафбат. Десантное начальство рулило железной рукой. Флотский командир, исполнявший при десанте функции перевозчика, в его внутренние дела не вмешивался.
Но в то же время командир десантного планетолета считался на корабле главным. И ключи от арсенала были не у пехотного дежурного офицера, а у старшего бодрствующей вахты. Один случайный выстрел из штурмового ружья мог натворить на борту таких дел, что о занятиях с тяжелым оружием не было и речи. Конечно, ни импульсный «кольт», ни даже «маузер» не продырявил бы наружную обшивку. Но порвать коммуникации ему было вполне под силу. Пехота тренировалась с макетами, а астронавты охраняли от нее арсенал, за что удостаивались отдельного презрения.
К началу второй марсианской кампании Вернер отслужил на «Декарде» полгода. Транспорт провел три учебных выброски, один ходовой тренаж, и все шло терпимо. Два мира — десантников и астронавтов — старались поменьше контачить во избежание серьезного рукоприкладства. Если не считать нескольких расквашенных носов еженедельно, обстановка на борту царила почти безмятежная. Подружка Вернера говорила, что он прелесть, в казарме его всегда ждал стакан. Войны не предвиделось, пехота накачивала мускулы и повышала интеллектуальный уровень. Десантный полковник и коммандер Фуш принципиально общались только через адъютантов. Тупеющие от безделья навигаторы учили ходовый процессор ругаться матом. Процессор упирался, как живой.
Когда стряслась беда, «Декард» заканчивал учебный поход, болтаясь в хвосте ударной эскадры Тернера. Внизу был Марс.

Неприятности застигли Эндрю в патетический момент, сидящим на унитазе с отрешенным взором. Вдруг загремели колокола громкого боя. Эндрю ругнулся, спустил воду, загерметизировал унитаз и, держа руками штаны, побежал надевать спецкостюм. Колокола звенели не переставая. «Это не учебная», — с удивлением подумал Эндрю и выругался

крепче. Он не хотел на войну. Ему надоело участвовать в бессмысленном кровопролитии, к тому же он начинал подозревать, что его утомил космос.
Навстречу пробежал мужик с разбитой мордой и безумным взглядом — старпом. Эндрю удивился еще больше: старпому полагалось сейчас быть на вахте. Решив не делать поспешных выводов, Эндрю прыгнул в лифт, через три секунды выскочил из него на технической палубе и тут же огреб тяжелым по макушке.
Очнулся он, лежа на жестком, с туманом перед глазами и кровью на губах. Кто-то бросил ему в лицо мокрую салфетку. Эндрю машинально утерся, попробовал оторвать голову от пола — это был именно пол — и взвыл от головной боли.
— Не трепыхайся, лейтенант, — сказали ему. — Лежи, отдыхай.
— Что случилось? — пробормотал Эндрю. — В нас попали?
— Вроде того. Все узнаешь в свое время.
Эндрю подумал, что если он сейчас живой, то о нем и дальше позаботятся, и закрыл глаза. Все равно он ничего толком разглядеть не мог.
Рану на голове ему почистили и залили клеем, потом сделали инъекцию, от которой Эндрю тут же начал зевать и провалился в сон. Проснувшись, он с удивлением обнаружил себя пристегнутым к креслу и с непонятными датчиками на висках. Перед креслом был стол, а за ним сидели пехотный капитан и полковой главврач. Обоих Эндрю знал в лицо, и сейчас эти лица не предвещали ничего хорошего. Главврач угрюмо глядел на торчащий из стола монитор, а капитан стеклянно таращился Эндрю в переносицу.
— Имя, звание, квалификация, должность, — сказал капитан бесцветным голосом.
— Эндрю Вернер, лейтенант флота, мастер-техник, старший техник БДК «Декард», — тупо ответил Эндрю. Скосив глаза, он прочел маркировку на панели кондиционера. Судя по цифрам, каюта находилась в глубине служебной палубы. Эндрю догадался: это пост контроля вещевой службы. Он здесь и был-то всего один раз, когда становился на довольствие.
— Вы марсианский шпион? — спросил капитан.
— Чего?! — опешил Эндрю.
— Вы осуществляете на корабле подрывную деятельность? — гнул свое капитан, будто не заметив реакции допрашиваемого.
— Ты что, капитан, ebnulsya? — спросил Эндрю.
Его ткнули сзади в болевую точку, и он вскрикнул от неожиданности.
— У вас есть приказ саботировать выброску десанта на Марс?
— Я ни в чем не виноват! — заявил Эндрю.
Его ткнули снова, на этот раз больнее. Эндрю с удовольствием плюнул бы в обидчика, но не мог повернуть голову: ее тоже прижимал ремень.
— Отвечать на поставленные вопросы, — сказал капитан. — Вы марсианский шпион?
— Нет, — вздохнул Эндрю. Он еще не совсем понимал, что происходит, но его уже терзали нехорошие предчувствия.
— Вы состоите в половой связи с младшим сержантом Джордан?
— Ничего себе…
— Отвечать!
— Ну… Да.
— Джордан склоняла вас к предательству в пользу Марса? Эндрю тоскливо закатил глаза. Перед его внутренним взором предстала Дженет Джордан. «Я бы хотела родить от тебя, Энди. Лет через пять, если меня починят, конечно, и если будем живы… Сделаешь?» Эндрю соврал, что сделает. Он не любил Дженни и не хотел, чтобы его дети бродили неизвестно где и росли в компании недоумков. Но и обидеть Дженни не мог, она ему ничего плохого не сделала, даже наоборот. Была в ней какая-то неожиданная чистота, может, оттого, что в казарме она спала только с девочками и не давала повода размышлять, какой ты у нее сегодня по счету мужик.
— Да чего вы от меня хотите?! — взмолился Эндрю. — Я лояльный. Я верен присяге. Что происходит?!
— Мы хотим ответов, лейтенант. Джордан склоняла вас к измене, да или нет?
— Нет, не склоняла. Слушайте, я что, арестован? Тогда предъявите обвинение!
— Кто из десантников склонял вас к измене?
— Никто!
— Вы знали о тайном складе оружия?
— О каком еще, мать твою, складе оружия?
На этот раз ему сделали очень больно.
— Не-е-ет! — заорал Эндрю. — Отстаньте, suki! Ничего я не знаю! Уберите вашего урода! На хрена этот полиграф?! Чтоб вас…
— Он в порядке, — сказал молчавший до этого главврач. — Он наш.

— Развяжите его, — приказал капитан. — А что такое полиграф, лейтенант?
— Детектор лжи, — объяснил Эндрю, постепенно успокаиваясь.
— А-а… Ясно. Вы хотели знать, в чем дело. У нас проблемы, лейтенант Вернер. Извините за допрос, но это была вынужденная мера.
— А прикладом по голове — тоже вынужденная мера?! — поинтересовался Эндрю сварливо. Ремни отстегнулись, он повернулся и увидел у себя за спиной громилу с нашивками капрала и автоматом под мышкой.
— Mudila, — сообщил ему Эндрю, отлепляя от головы датчики и бросая их на стол. Капрал даже ухом не повел.
— Это вас не прикладом, — сказал капитан. — Это ребром ладони. И вовсе не мы. Наоборот, мы вас отбили.
— У кого?! У марсиан, что ли?
— У мятежников, лейтенант. К вашему сведению, на корабле идет бой. Некоторая часть солдат… Раумеется, незначительная часть, поддавшись агитации марсианских шпионов, отказалась от выброски. Агентов врага мы обезвредили, но мятежники, понимая, что их теперь ждет, не хотят сдаваться и оказывают нам ожесточенное сопротивление. Несколько судов эскадры Тернера идут на помощь, но там нет пехоты, и мы все равно должны гасить мятеж сами. В противном случае «Декард» может быть просто расстрелян. Впрочем, мы справимся раньше. Вот такие дела, лейтенант.
— Отказались от выброски… Все-таки опять война?
— Ну, не так масштабно. Скорее, маневр устрашения. Марсиане лезут в наши внутренние дела. Решили диктовать Земле условия.
— М-да… И что, действительно были их агенты на борту?
— Представьте себе, были. Слушайте, лейтенант, мы сейчас где-то в двадцати мегаметрах от поверхности. Ускорения нет, скорость… Ну, сами посмотрите. Успеете затормозить эту баржу в пяти мегаметрах?
Эндрю обалдело вытаращился на капитана.
— Мне горько это говорить вам, — сказал капитан. — Но так получилось, что вы единственный член экипажа, оставшийся в живых.
— Yo-moyo… — протянул Эндрю, не веря.
— Мы обязаны затормозить, лейтенант. Мятежники отступили к третьему десантному шлюзу и закрепились там. Выкурить их оттуда — дело нелегкое, может затянуться на несколько часов. К сожалению, у них лазеры, а у нас только автоматы. Если «Декард» приблизится к Марсу на два-три мегаметра, предатели могут попробовать сброситься вниз и перейти на сторону красножопых. А это уже непорядок.
— Откуда у них лазеры… — задумался вслух Эндрю, смутно догадываясь откуда.
— Похоже, у них был тайный арсенал. К сожалению, мы о нем не знали.
— Ясное дело, не знали, — невесело усмехнулся Эндрю. — Его ведь коммандер Фуш устроил.
— То есть?! — изумился капитан.
— У Фуша были не в порядке нервы. Он панически боялся мятежа. Доверял только флотским офицерам. Перетащил несколько ящиков с лазерами в один из аварийных модулей И сказал, что, если пехота начнет возникать, он нас вооружит и мы десанту устроим Полночь. Извините, конечно, но это его слова.
— Кто говорил, что умеет работать на детекторе лжи?! — окрысился капитан на главврача.
— Я не говорил, что умею. Я говорил, что попробую…
— Ну и ну… — пробормотал капитан. — Теперь все понятно. Они ведь начали с того, что захватили коммандера Фуша. Старый пердун! Капрал, вы слышали? Бегом к полковнику с докладом! Потом назад. И выясните мне, как там дела.
Капрал вышел из каюты. Капитан покачал головой и закусил губу. Эндрю с интересом посмотрел капралу вслед. Бравые вояки то ли разнесли вдребезги корабельный пост внутренней связи, то ли потеряли его. А где тогда их мобильные рации? Почему они в легкой учебной форме? Что-то не похоже это на успешное подавление мятежа…
— Ну вы даете, господа астронавты… — сказал капитан. — Прямо не знаю, Вернер. Склад оружия втайне от нас… Это же чистой воды измена. Расстрелять вас, что ли?
— Пожалуйста, — согласился Эндрю. — А кто тормозить будет? И вообще при чем здесь я? Я этих лазеров в глаза не видел.
— Но слышали ведь! Не понимаю, почему никто из ваших не догадался прийти и доложить?…
— Почему, почему… Потому что обстановка была ненормальная. Экипаж «Декарда» презирал десант. Ну и десант умеет восстанавливать против себя астронавтов. Ваши говенные рейнджеры…

— А вы только и умеете, что трахаться с предателями родины, — перебил капитан. — Учтите, лейтенант, ваша связь с Джордан еще будет предметом разбирательства.
— Она с ними? — спросил Эндрю.
— Она убита, Вернер. Она пыталась сдаться нам, и за это мятежники ее пристрелили.
Эндрю провел рукой по лицу. Дженни… Это уже не имело значения. Живая или мертвая, она была сама по себе. А он, Эндрю Вернер, должен сейчас выбирать, что делать. Но Дженни… Как жаль.
— Я вам даже не соболезную, Вернер, — заметил капитан мстительно.
«Раздавлю, — подумал Эндрю. — Мне бы только добраться до спецкостюма, и я их всех раздавлю перегрузкой. А сам уйду на десантном боте. Пусть они об Марс размажутся, все до единого, и правые, и виноватые, и хорошие, и плохие».
— Астронавты! — сказал капитан, словно выругался.
«Мой запасной спецкостюм в центральном стволе, — думал Эндрю. — До ближайшего лаза отсюда два шага. Аварийный ход транспорта восемь «же». Точно, раздавлю. Если только…»
— У мятежников есть спецкостюмы? — спросил Эндрю.
— А в чем дело? — встрепенулся капитан.
— Я спрашиваю, есть или нет?
— Есть. Штурмовая броня. И у нас есть.
«Так… Эта броня держит десять «же». Фокус с перегрузкой отпадает. Но спецкостюм мне все равно нужен, его не каждая пуля берет. Что же делать? Лезть в невесомость, в центральный ствол. В любом случае. Там я что-нибудь придумаю».
— Почему вы тогда в легкой форме? — заметил Эндрю.
— Вы много вопросов задаете, лейтенант. Между прочим, вы так и не ответили, успеем мы затормозить или нет.
— Зависит от скорости. Да вы не волнуйтесь, если Тернер знает, что мы потеряли управление, он подгонит сюда пару бэттлшипов и подцепит «Декард» за бустерный крепеж. Конечно, наша «баржа», как вы изволили выразиться, тяжелая, но у бэттлшипов хорошая тяга.
Главврач неожиданно встал и принялся нервно ходить туда-сюда по каюте.
— У нас нет связи с Тернером, — признался капитан. — Мы только предполагаем, что он идет к нам. Должен идти. События на «Декарде» развиваются уже три часа. Мятеж начался почти сразу после объявления военного положения.
— Поздравляю, — сказал Эндрю. — Тогда нам pizdets.
— Что? — не понял русского слова капитан.
— Эх, пехота… Ты не на поверхности, — объяснил Эндрю. — Любой групповой маневр в пространстве идет по схеме. Этих схем миллион, на любой случай жизни. Если военное положение объявлено, значит, эскадра уже отрабатывает какую-то схему. Дежурный навигатор заряжает ее в ходовый процессор, и дальше судно пилит на автомате. Сохраняя радиомолчание, между прочим. Конечно, суда огневой группы — сейчас активно маневрируют. Но «Декарда» это не касается. Наше дело — ползти к точке выброски. Вот мы и ползем. Ясно?
— И что, вводных никаких больше не будет? — осторожно спросил капитан.
— Слушайте, капитан, вы кто такой вообще? — удивился Эндрю. — Интендант какой-нибудь? То-то я смотрю, вы к складам жметесь…
— Я начальник разведки полка!!! — заорал капитан, покрываясь красными пятнами. — Отвечать мне!!!
— …И капрал ваш куда-то запропастился, — заметил Эндрю самым что ни на есть мирным тоном.
— Сволочь русская! — капитан грохнул по столу кулаком. — Отвечать! Будет связь или нет?!
— В ближайшие часы точно не будет. Повторяю, мы сейчас эскадре не нужны. Мы же не дестроер, а, как вы правильно заметили, «баржа». Нам спешить некуда, Тернер должен сначала отстреляться по поверхности.
— Но штаб эскадры должен контролировать наше положение, — заметил капитан, сбавляя тон.
— А он и контролирует. «Декард» сейчас движется? Движется. Ускорения нет? Значит, так и надо. Мы же на автопилоте. А три часа — это пустяк. Им и в голову не придет, что у нас тут нелады. Вы лучше надевайте свою броню, мужики. Ходовый процессор может в любой момент дать полную тягу.
— Вы разрешите мне уйти? — тут же спросил главврач.
— Убирайтесь! — рявкнул капитан. — И посмотрите, что там. Пришлите назад этого кретина, в конце концов!

— Вы меня собираетесь вести в ходовую рубку или как? — спросил Эндрю. — Не исключено, что у нас времени в обрез.
— Мы… — начал было капитан, но договорить не успел. Каюту потряс мощнейший взрыв. Кресло, в котором был Эндрю, сорвалось с креплений и вместе с седоком шмякнулось о стену.
Когда Эндрю пришел в себя, первым, что он увидел сквозь застилающий глаза туман, оказалась унылая физиономия главврача.
— Здрасте, доктор, — сказал Эндрю. — А что это вы тут?…
— Лежите, не двигайтесь. Вторая контузия у вас за день…
— А когда была первая? — удивился Эндрю. — Что происходит? В нас попали?
— Попали, не сомневайтесь. В вас, лейтенант, попали точно.
— Не помню, — вздохнул Эндрю. — Война, что ли? Гадость какая…
Тут доктора отодвинули, и в поле зрения возникли полузнакомые ухмыляющиеся морды.
— Ну ты везунчик, лейтенант! Поздравляем с днем рожденья! Считай, у тебя жизнь заново начинается…
— Я знаю, что у меня начинается, — заявил Эндрю сварливо. — Динамическая невралгия на почве подрывной контузии, вот что. Вы лучше, мужики, отойдите — а то еще сблюю…
— Похоже, он совсем не рад нас видеть, — заметила одна из морд.
— А от этой, как ее… нервалгии — что, на самом деле блевать тянет?
— Меня от твоей рожи блевать тянет. Пойди, умойся, подрывник хренов. Эй, лейтенант, гляди, сколько пальцев?
— Восемь, — сказал Эндрю. Зрение нормализовалось, но чувствовал он себя хуже некуда. Еще он не понимал, где находится и что творится вокруг. Особенно его беспокоило присутствие вооруженных десантников, возбужденных и с ног до головы вымазанных в саже. А у сержанта, который разговаривал с Эндрю, на щеке запеклась кровь.
— Не свисти. Один палец. Ты меня узнаешь? Я сержант Вайль, из разведки. Помнишь?
— Ты, случаем, не тот Вайль, который второго навигатора в унитазе топил?
— Он самый! — обрадовался сержант. — Ну, уже легче. Тебя как, на самом деле тошнит? Голова кружится?
— А голова — это где?
— Между ног. Господа, по-моему, он в порядке. Доктор, можно ему шевелиться?
— Если жить надоело — пожалуйста.
— Что за похоронные настроения, доктор?! Вас, кажется, еще не убили.
— Сейчас не убили — потом убьете, — сообщил врач ледяным тоном.
— Слушай ты, зараза, — вмешался кто-то. — Если лейтенант помрет, ты в натуре будешь не жилец. Так что давай не выдрючивайся, а ставь его на ноги.
— Я сделал необходимые инъекции, — произнес врач подчеркнуто спокойным голосом. — Лучше, чем сейчас, в ближайшее время ему не будет.
— Хреново, — заключил сержант. — Ладно, главное, чтоб не загнулся. Лейтенант, мы тебе сейчас носилки изобразим. Ты лежи, отдыхай. Ну, куда мы его…
— Мужики, а мужики? — позвал Эндрю. — Что творится, а?
— Да сам не пойму — коротко ответил сержант. — Так, господа, взяли!
Эндрю осторожно приподняли и уложили на жесткое. Судя по всему, это была крышка стола.
— Что значит — «сам не пойму»? — спросил Эндрю. Импровизированные носилки выволокли в коридор, и глазам Вернера открылся изувеченный потолок. Обшивка вся была в оплавленных дырах, сквозь них просвечивали коммуникации.
— Ну как-то все по-дурацки вышло, — начал объяснять сержант. — Ваш старпом часом не гомик был?
Эндрю утвердительно хмыкнул. Он сам от старпома не раз отмахивался подручным инструментом. Старпом был мужик любвеобильный, и тесных отношений с коммандером Фушем ему, видимо, не хватало. «А чего это о старпоме говорят в прошедшем времени?» — подумал Эндрю. Но спросить не успел.
— Я так и думал, — кивнул сержант. — Одни неприятности от этих пидоров. Короче, лейтенант, ваш старпом нашего парня в душевой пристрелил. Мы его, гада, поймали и отрихтовали слегка. Конечно, не до смерти, сам знаешь, у нас с этим строго, никакого самосуда. Но ребята очень уж на вас, астронавтов, осерчали. И значит, как раз уже собрались его дежурному сдать — а тут другие ваши набежали. И понеслось… Является дежурный, мол, почему нападение на офицера, все под арест, — а ему в репу ка-ак звезданет кто-то… Короче, через пару минут разобраться в том, кого бьют, никакой возможности не было. Все огребли — и ваши, и наши. Объявляют боевую тревогу, чтобы, значит, прекратить мордобитие, а в казарме уже пальба: шмаляют по нам из пистолетов, будто в тире. Мы их, ясное дело, забили, вызываем полкана: ты, мол, разберись, защита, не

виноваты же. А он заперся и орет, что всем нам теперь хана. Типа измена и все такое. Тут появляется этот чудак, коммандер Фуш, и с ним еще какие-то ваши уроды. С лазерами. Короче, принялись нас убивать. Ну и вот… Я же говорю: везучий ты мужик, лейтенант.
— Ну, вы даете… — с трудом выговорил Эндрю.
— Сами удивляемся, — вздохнул сержант. — Ты сейчас единственный, кому на этой барже трибунал не светит.
Носилки догнал кто-то огромный, гулко топающий, и в поле зрения Вернера появилось новое лицо. Этого человека Эндрю опознал сразу: Банни, капрал из взвода связи. Тут же проснулись какие-то обрывочные воспоминания. Внутренне Эндрю весь напрягся: воспоминания были нехороши.
— Живой! — выдохнул Банни. — Отлично. Порядок — Ты как, лейтенант?
— Дженни, — сказал Эндрю. — Где?
— Извини, лейтенант. — Банни помрачнел и насупился.
— Что значит «извини»?
— Ну… Извини, и все тут.
— Какие же вы гады… — прошептал Эндрю и крепко зажмурился.
— Мы не виноваты, — сказал Банни тоном обиженного ребенка. — Это ваши. Ее лазером. Сразу, наповал. Думаешь, мне не жалко?
— Приехали, — сказал Вайль. — Осторожнее, господа. Взяли.
Сильные руки подняли Вернера и усадили во что-то мягкое и пружинящее. Эндрю открыл глаза. Их застилали слезы. Ему деликатно сунули в руку салфетку.
— Давай потом все это, а? — попросил Вайль. — Так уж вышло, сделанного не воротишь.
— Точно, — поддакнул Банни… — А ты сейчас отвечаешь за корабль. Больше некому.
Эндрю вытер лицо И отбросил салфетку. Он сидел в ходовой рубке, в кресле старшего навигатора. Одного взгляда хватило, чтобы понять: здесь тоже шел бой. В рубке было много крови, и большая часть аппаратуры нуждалась в замене. Повсюду шлялись десантники, с любопытством поглядывая на экраны и пиная ногами обломки. Из-за резервного пульта торчали ноги в обгоревших башмаках. Одна подошва еще слегка тлела. Эндрю показалось, что это лежит навигатор Камински, и ему стало окончательно нехорошо. Нет, увиденное не вогнало его в ужас. Он просто разозлился. Тупая сила штурмовой пехоты наконец-то разбудила в душе ненависть. Безмозглая мощь, убившая Дженни. Бестолковая агрессия, чуть не угробившая его самого. Бессмысленная ярость, поставившая на край пропасти даже себя, но до этого искоренившая все, что считала чужим и неправильным.
Эндрю вдруг понял: он ненавидит этих людей. И всегда ненавидел. Просто раньше Вернер считал их большими детьми, недотепами и бедолагами, достойными жалости не меньше, чем он сам, неприкаянный и одинокий. Но теперь десантники показали характер, и жалеть их было уже не за что. На поверку дети оказались всего лишь убийцами.
— И чего вы от меня хотите? — спросил он.
— Сделай что-нибудь, чтобы нас сразу не убили, — сказал Вайль.
— Это как? — удивился Эндрю.
— Ну, допустим, отгони эту хреновину домой.
— Домой?
— Кончай издеваться! — неожиданно повысил тон Вайль.
— Ты полегче, — сказал Банни. — Он же контуженный. Он не понимает.
Вайль сел перед Эндрю на корточки и заглянул ему в лицо.
— Лейтенант, — доверительно проговорил он. — Динамическая невралгия — серьезная болячка. У меня она третий год. Как раз из-за подрывной контузии. Поэтому ты меня заранее извини. Я срываюсь иногда. Но я хотя бы понимаю, как ты нам нужен. Мы тут по уши в говне. И сейчас любой салабон готов тебя шлепнуть просто за то, что ты астронавт. За то, что вы нас подставили. Поэтому будь добр, выручи. Тогда останешься живой.
— Ох, круто ты забираешь, сержант, — заметил Банни.
— Отвали! — огрызнулся Вайль. Банни поморщился, но смолчал. Ему, похоже, не улыбалось ходить в шестерках при каком-то сержанте, но в любой стае верховодит самый жестокий. А из Вайля зверство так и рвалось на волю.
— Лейтенант, ты понял меня? — спросил Вайль. — Это корыто летит. Похоже, к Марсу. Поверни его домой. Нам нужно связаться со штабом нашей бригады и обо всем доложить. Не флотскому командованию доложить, а пехоте. Тернер нас просто расстреляет, и дело с концом. Только наши могут во всем разобраться по-честному. Мы ни в чем не виноваты, понимаешь?
— Ну и что тебе мешает послать сигнал? — спросил Эндрю. — Вон у тебя минимум один живой связист есть. Установите контакт, ваш штаб вызовет Тернера и скажет ему, чтобы не горячился.

— У нас сгорел пост дальней связи, — сказал Банни уныло. — Не можем мы сейчас ни с кем связаться. Только с эскадрой.
Эндрю сделал Вайлю знак, чтобы отодвинулся. Впереди, по центру обзорного экрана, светился красным Марс.
— Сам видишь, куда летим, — сказал Вайль. — Не к красножопым же на поклон идти. Они-то нас примут, конечно, с распростертыми объятьями. Всех к стенке поставят за прошлые грехи.
— Когда объявили боевую тревогу? — вспомнил Эндрю.
— Да часов пять…
— Ну-ка, еще подвинься. — Эндрю наклонился к пульту навигатора. Первым делом он, повинуясь рефлексу опытного техника, запустил диагностику. Потом вошел в меню электронной почты. — Почему вы так уверены, что тревога была ложной? — спросил он.
— А зачем еще тревога? — удивился Вайль. — Это как понимать?
— Так понимать, что мы воюем. Эскадра отрабатывает какую-то схему по поверхности Марса. Расчетное время десантирования… через три часа.
— Мама! — отчетливо произнес Банни.
Вайль обеими руками схватился за голову.
— Поздравляю, господа, — сказал один из десантников, толпившихся позади. — Мы трупы. Кто не верит — читай Устав.
Сказано было веско и справедливо. Устроив бучу в мирное время, даже со смертоубийством, десантники имели шанс отделаться каторжными работами или переводом в штрафники. Те же действия в условиях войны расценивались как мятеж и сознательный подрыв боеготовности. А к мятежникам древний закон «смыть преступление кровью» не применялся. Ненадежный боец, способный перейти с оружием на сторону врага, стоил чересчур дорого, чтобы давать ему такую возможность. Разумнее было его убить.
— Ну мы влипли…
— Никуда мы не влипли. Нам просто кранты.
— Вон отсюда! — заорал Вайль. — Все! Немедленно! В казарму!
— Ты это… полегче, — сказали ему.
Вайль неприятно переменился в лице и поднял лазер. У него был тяжелый «Маузер-500», способный одним импульсом превратить человека в пережаренный бифштекс.
— Не командуй здесь, — неожиданно для себя произнес Эндрю. — Ты в ходовой рубке, сержант.
Вайль мигом перевел выхлоп лазера на него.
— К Земле! — хрипло приказал он.
— На хрена? — поинтересовались сзади. — Там же зенитки.
— Не везде. Есть зоны, которые не прикрыты. Сбросимся над Южной Америкой.
— Может, сразу над Южным полюсом?
— Я сказал: над Южной Америкой. Там должна быть растительность, значит, будет, что пожрать. Искать нас там не станут. Бабы есть, нормально заживем. К Земле, лейтенант!
— Дело говорит, — признали сзади. — Слышь, летёха, гони домой!
— Эй, Банни! — позвал Эндрю, стараясь не обращать внимания на упирающийся в живот ствол. — А куда вы навигаторов подевали?
— Ты что, не понял? — удивился Банни. — Ты один, лейтенант. Никого ваших не осталось. У нас и своих-то офицеров больше нет. Был полкан, и тот застрелился. Слушай, на самом деле, чего бы нам под шумок не свалить к Земле? Ты-то вообще ничем не рискуешь. Мы же тебя, считай, заставили.
Эндрю неспешно оглядел собравшихся. Глаза у десантников так и горели надеждой. Им действительно некуда было деваться. На Марс они не хотели: сказывалось понятное недоверие к «красножопым». Да и марсиане накроют их ракетным ударом раньше, чем мятежный полк успеет поднять белый флаг. А вот засесть где-нибудь на Земле, в относительно чистом месте, означало возможность хотя бы еще немного пожить. Они натворили дел, а теперь не хотели отвечать. Это Вернеру не понравилось еще больше. Он был приучен рассчитывать последствия любого самовольного поступка. Как все астронавты, он считал минимум на три хода вперед. А эти троглодиты сами загнали себя в ловушку.
«Ох, заплатите вы мне за Дженни, — подумал Эндрю. — И за тупость свою, и за трусость заплатите. Я вам устрою Южную Америку».
— Откровенно говоря, — сказал. Эндрю, — мне что к Земле, что к Альфе Центавра. Вы будете смеяться, ребята, но я не умею водить корабли.
Ребята на самом деле недоверчиво рассмеялись. Все, кроме Вайля.
— Застрелю, — деловито пообещал он.

— Я серьезно, — вздохнул Эндрю. — Я могу запустить двигатели на разгон или торможение. И только.
Вайль молча отложил лазер в сторону и достал нож.
— Я даже не сумею поставить «Декард» на орбиту Марса, — продолжал Эндрю. — Вы, господа, не того пожалели. Навигаторов беречь надо было. А теперь у вас одна дорога, — он ткнул пальцем в Марс на экране. — Туда.
— А еще русский, — обиженно заметили в толпе.
— Это он нам за своих дружков мстит.
— Чего за своих, они же его бабу убили…
— Значит, просто сволочь. Эй, лейтенант, кончай шутить, мы же тебя на куски порежем!
— Погодите! — сказал Банни. — Лейтенант, ты это серьезно?
— А какой мне смысл врать… — честно признался Эндрю, глядя на монитор. Диагностика показывала, что ходовая часть в порядке, но сильно побиты коммуникации. Ходовая рубка, нервный центр корабля, была фактически отрезана от двигателей. Видимо, кто-то неосторожным выстрелом разбил переборку и порезал кабели в разгруженной зоне. Теперь управлять «Декардом» можно было только с резервного процессора в корме. Но для этого его нужно было как минимум запустить. А вот команда автопилота, которую реактор запомнил в своем буфере, активировала тягу через час с небольшим. «Декард» готовился выйти к точке десантирования.
— Тебе есть смысл врать, — сказал Вайль. — Ты астронавт, ты офицер… Ты бы хоть за рожей своей брезгливой последил. Хочешь нас загнать под удар красножопых? Ничего, я тебя сейчас вразумлю, — с этими словами он резким движением вонзил нож в предплечье Эндрю. Будто гвоздь забил.
Ткань комбинезона с хрустом треснула. Эндрю согнулся пополам от боли и застонал. Вайль дернул нож на себя, вырвал его из руки Эндрю и облизнул кровь с лезвия. Глаза его затуманились.
Эндрю, шипя, зажал рукой неглубокую, но длинную рану.
— Почувствовал? — спросил Вайль. — А теперь я тебе глазик вырежу. Ну-ка, ребята, держите его.
Эндрю прижали к спинке кресла. Вайль не спеша приблизил лезвие к его лицу. На губах сержанта играла кровожадная усмешка. Он наслаждался тем, что делал. И между процессом и целью не было никакой связи. Пытка могла не привести к желаемому результату. Но свое удовольствие полоумный сержант все равно бы получил. «Убьет ведь», — подумал Эндрю.
— Расслабься, сержант, — сказал он. — Погляди лучше на монитор. Читать умеешь?
Вайль тряхнул головой, будто просыпаясь.
— Ну? — спросил он, поворачивая голову.
— Видишь надпись «обрыв контакта»? Кто из ваших стрелял в разгруженной зоне?
— А в чем дело?
— Нет связи между ходовой рубкой и двигателями. Пойдем в корму. Нужно запускать резервный процессор.
— Значит полетим все-таки? — спросил Вайль с ухмылкой. И кулаком, сжимающим нож, сильно ударил техника по скуле. От удара у Эндрю в который раз за день потемнело в глазах.
— И еще раз, — сказал Вайль, нанося второй удар. На этот раз другой рукой: хлесткую и болезненную пощечину. — Это так, авансом. На всякий случай. Ну пошли, лейтенант.
Эндрю выдернули из кресла и поставили на ноги. Голова у него кружилась, но в душе кипела злоба. Бить его по лицу не следовало. От такого обращения Эндрю окончательно утвердился в своем замысле.
Ему нужен был только один раскрытый технический люк по дороге.
Они медленно шли по коридору, стараясь не касаться обугленных стен. Десантники окружили Вернера, но держать его за шкирку никто не собирался. Так они выражали презрение к человеку, с которым обращались раньше по-людски, а он повел себя как какой-то сраный астронавт. Перевязать руку ему тоже никто не предложил. Только капрал Банни все сопел над ухом, будто намереваясь что-то сказать. Однако словами так и не разродился. Впереди сержант Вайль отдавал вполголоса распоряжения. Видимо, остатки дисциплины у пехоты сохранились. Перебив офицеров, десантники из войска превратились в банду, но выживать-то этой банде все равно было нужно.
Эндрю, глядя под ноги, высматривал технические люки. Все крышки, как назло, были закрыты, да еще и заблокированы.
— Эй, осторожнее! — сказали впереди. — Тут дырочка небольшая.
— Ничего себе дырочка! Говорили же, чтоб без гранат…
— Да это не граната, здесь огнетушители стояли.

— Все-таки, господа, не умеем мы стрелять.
— Точно. Ну-ка, по стеночке. Вправо принять!
По одному десантники начали огибать зияющую в полу дыру с оплавленными краями.
— Ого! Насквозь! Провалиться можно, — с уважением сказал рядовой, шедший перед Вернером. И Эндрю схватился за эти слова, как утопающий за соломинку. Он не стал примериваться и рассчитывать. А просто, обходя дыру, сделал шаг в сторону.
Он бы сейчас полжизни отдал за спецкостюм, в котором можно рушиться хоть с развалин Эйфелевой башни.
— Стоять!!! — заорал Банни. Как будто Вернер мог его послушаться и затормозить в падении.
Эндрю пролетел три с половиной метра и, если бы не эластичный пол, наверняка что-нибудь сломал бы себе или вывихнул. От удара душа оказалась буквально в пятках, и он чуть снова не потерял сознание. Упал на четвереньки и, не утруждаясь встать, галопом поскакал вперед.
Сзади с шипением грохнуло и полетели брызги.
— Не стрелять! — заорал Вайль. — Банни, отставить! За ним, идиот!
Посреди коридора ни к селу ни к городу развлекалась парочка: оба полуголые и тоже, как Вернер, на четырех костях.
Бронекостюмы и оружие валялись рядом. Эндрю с низкого старта перепрыгнул любовников и сразу увидел вожделенный люк.
— Вот это да! — сказала женщина, поворачивая голову и крепче упираясь в пол, чтобы не так трясло и было лучше видно. — Офицерик! Живой! А хорошенький…
Мужчина на происходящее никак не отреагировал. Он был занят.
Эндрю рванул на себя крышку люка, сел и забросил ноги внутрь.
Сзади опять грохнуло, на этот раз без шипения, зато с оглушительным матом. Это совершил жесткую посадку капрал Банни.
— Лежать, суки! — заорал он любовникам. — Застрелю, мать вашу!
Эндрю провалился в люк, привычно встал ногами на перекладину тросового лифта, одной рукой взялся за поручень управляющей насадки, а другой потянул на себя тяжелую крышку, чтобы задраить ее изнутри. Раненую конечность пронзила боль, Эндрю вскрикнул, но поручня не выпустил. Не хватало еще сорваться и застрять в шахте.
— Да не стреляй же ты, дебил! — командовал сверху Вайль. — Лови его! Лови!
Крышка люка захлопнулась, и в технической шахте наступила ватная тишина. Эндрю до упора повернул задрайки, нажал клавишу на поручне, и лифт рванул его вверх.
Теперь у него было преимущество. Десантники схему корабля не изучали. Пока они ее найдут, пока разберутся… Эндрю за какие-то десять секунд проскочил насквозь все палубы и выпрыгнул на шершавую поверхность внутренней обшивки рабочей зоны.
Над головой ехал низкий потолок. Эндрю был сейчас между двумя стенками гигантской матрешки. Та, на которой он стоял, двигалась, та, в которую собирался залезть — уже нет. Гравитация в переходном секторе была от силы в треть земной. Головокружение усилилось.
Прижимая к животу больную руку и тяжело хромая на обе ноги, Эндрю подбежал к посту техконтроля. Достал аптечку, вколол себе обезболивающее, проглотил несколько тонизирующих пилюль и наспех перевязал руку. Быстро влез в спецкостюм и нацепил инструментальный нагрудник. Действовал он вполне осмысленно, но как в тумане.
Над головой проплыл люк. Эндрю злорадно подумал, как здоровенные тяжело вооруженные десантники будут проклинать его, ползая по таким катакомбам, и побежал догонять уходящую крышку. Для него-то перемещения таракана по щелям были делом привычным и даже занимательным. Рашен по этому поводу однажды заметил, что каждый техник ежедневно рождается заново, выбираясь по узким каналам из тьмы на свет. А значит, такой выбор профессии обусловлен бессознательным желанием вернуться обратно к маме в живот и там навеки спрятаться.
Это было очень давно, Рашена тогда еще звали капитан Успенский. «Если судить по изгибам и закоулкам, наши коммуникации скорее похожи на кишечник! — ответил ему Эндрю. — Значит, и мечтают технари не прятаться, а летать. Хотя бы сверху вниз». Народ дико заржал. «Сам признался! — выдавил Фокс, совсем еще молодой и вовсе не толстый стрелок. — Сам признался, что техники — говно!» — «Тогда не стой внизу, когда я летаю», — парировал Эндрю и полез на потолок работать. Фокс начал в притворном ужасе метаться по рубке, а Рашен с умилением глядел на свой экипаж и приговаривал: «Эх, детишки… Вырасту большой, своих таких же нарожаю». Через месяц Фокс уехал вниз на переподготовку. А еще через месяц на траверзе Юпитера «фон Рей» по глупости напоролся на марсианский бэттлшип «Энтерпрайз»…

Эндрю висел в разгруженной зоне и остервенело резал провода, а перед глазами у него стояли лица друзей. Больше всего он хотел бы оказаться сейчас рядом с этими людьми. Не потому что Рашен любой конфликт на борту гасил в зародыше. Хотя Эндрю не сомневался, что его учитель загнал бы десантников обратно в казармы одним взглядом. Да он и проделывал такие номера, стоя дежурным на наземных базах. Уважали его весьма, а боялись еще больше.

Нет, Эндрю хотел поближе к Рашену, потому что тот мог сейчас положить руку ему на плечо и сказать: «Andrey, ты все делаешь правильно».

Эндрю срастил коммуникации и завел их на компьютер техпоста. Проверил цепи, запустил наспех составленную немудреную программу и прислонился к стене на минутку отдохнуть. Он сделал для десантников все по справедливости, без обид. Так, как совесть подсказала. Решил оставить им выбор. Эти люди поступили глупо и некрасиво, но они и не могли вести себя иначе. Сущность их была такая: убивать в припадке злобы, а потом делать вид, будто все нормально. Их так учила Земля: умирать или убивать. И Земля же поставила их в такие нестерпимые условия жизни, при которых один-единственный нештатный случай приводит к взрыву.

«Декард» гулко вздрогнул. Реактор отвел запас энергии в накопители. Резерва хватит, чтобы корабль дошел до точки сброса, а затем лег в орбитальный дрейф. Главное — вовремя катапультировать реактор, тогда «Декард» перейдет в аварийный режим и начнет сам заботиться о себе. И пусть десант решает, куда ему лучше — к марсианам в гости или к вице-адмиралу Тернеру на расправу. Другого Эндрю не мог предложить бунтовщикам. Он действительно не умел водить такие громадные корабли. Но кое-что автоматика легко сделает без человеческого участия.

Как любое военное судно, «Декард» не имел аварийных программ, выводящих исправный корабль из опасной ситуации без приказа навигатора. Военные суда просто обязаны выполнять маневры на грани фола, а то и за этой гранью. Где она проходит, решает только экипаж. Поэтому, отработав положенное по схеме выбросы, лишенный управления «Декард» запросто мог впаяться в Марс. Вздумай десантники остаться на борту, транспорт превратился бы в гроб для них. Объяснять такие вещи сержанту Вайлю Эндрю не стал. Если тот не поверил, что не всякий астронавт разбирается в судовождении…

Лишь бы программа не засбоила. Не должна, это ведь просто таймер… Без реактора «Декард» спасет себя и людей. И пускай дальше сами разбираются.

Эндрю с трудом открыл глаза и посмотрел на часы. Времени оставалось в обрез. Ему еще нужно выбраться к шлюзам. Простой путь через технические лифты, где в каждом люке могло теперь сидеть по стрелку, отпадал.

Эндрю поплыл вдоль стены центрального ствола, проверяя на лету кислородные баллоны и другое вакуумное оборудование спецкостюма. Он двигался в корму, к отражателю, где были контрольные люки.

Протиснувшись в шлюзовую камеру, Эндрю застегнул маску спецкостюма, снял со стены маневровый пистолет, нацепил его на пояс и рядом пристегнул карабин страховочного леера. Теперь нужно было закрыть внутреннюю дверь. Эндрю протянул к ней руку, да так и застыл.

— Кто не успел, тот опоздал, — сказали ему.

В десяти метрах от него из стены торчал десантник с лазером в руках. Похоже, он не мог целиком пролезть через горловину люка в своей толстенной штурмовой броне. Даже шлем внизу оставил. Но и того, что просунулось в разгруженную зону, хватало для убийства.

— Чего мне не нравится в невесомости, — сообщил десантник меланхолично, — что всегда глаза на лоб и волосы дыбом стоят.

Проклиная все на свете, Эндрю нащупал за спиной аварийную скобу. На случай отказа гидравлики в шлюзе стояли пиропатроны. На каждую дверь — полсекунды. Внутренняя захлопнется, внешняя откроется. Успеет этот тип выстрелить? Пули Эндрю не очень боялся. А вот лазер…

— Ну, — продолжал десантник все так же спокойно, — плыви сюда, дорогуша. Там уж тебя заждались.

Эндрю медленно потянул скобу, выбирая свободный ход. «До чего же недалекие люди обожают упиваться агонией жертвы! Этот тип, наверное, думает, что я от страха остолбенел…»

— Ага! — раздался голос издали, и через люк, что подальше, высунулся еще один ствол, а за ним голова. — Вот он, зараза! Давай, лейтенант, сюда иди!

— А может, вы ко мне? — учтиво осведомился Эндрю, чувствуя, как внутри закипает отчаянная смелость обреченного. Шансов уйти живым из-под лазерного выстрела в упор было очень мало. Но в том, что разгневанная пехота намерена отыметь его не только фигурально, Эндрю тоже не сомневался.

— Даю тебе секунду, — ровным голосом произнес флегматичный убийца. — Моя лапочка…
И тут «Декард» решил помочь астронавту. Он мощно передернулся всем своим необъятным телом и с оглушительным хлопком катапультировал реакторный отсек. Центральный ствол заходил ходуном. Десантники в ужасе заорали. Эндрю рванул скобу, увидел ослепительную вспышку, получил сильнейший удар в грудь и бездыханным вылетел за борт.
На этот раз Эндрю очнулся от боли. Он болтался на конце страховочного леера, вокруг был космос, под ногами — громада корабля, а грудь раздирало чудовищное жжение.
На самом деле его разбудил спецкостюм, впрыснув в потерявший сознание организм лошадиную дозу наркотика. Который уже раз космическая техника выручала Эндрю в безвыходной, казалось бы, ситуации.
Выкрикивая ругательства сразу на трех языках, рыча и пуская слюни, он схватился за грудь. Ничего особенного не нащупал, потом догадался, что он в перчатках, нагнул голову, насколько позволял воротник, и посмотрел. Мягкой обшивки спецкостюма больше не было, а торчащий наружу кевларовый торс оказался сильно оплавлен. Видимо, Эндрю, выпадая из люка, «поймал» случайное попадание по касательной. Сомнений не было: еще минуту назад лейтенант Вернер горел синим пламенем.
Кожу жгло так, что хотелось из нее выпрыгнуть. Перед глазами плавали радужные круги. Третий за день приход в сознание был ужасен. Эндрю даже не обрадовался тому, что все отлично помнит.
Наркотик действовал, боль постепенно отступала. Двигаться Эндрю мог. Хотя это не значило, что он впоследствии не загнется. Аптечку спецкостюма программировали так, чтобы раненый астронавт мог выполнить свою задачу. Может, он и смертельно ранен, но чуток еще проживет. А там уж как-нибудь. Эндрю перевернулся к кораблю спиной, взял маневровый пистолет и нажал на спуск. «Хорошо, что леер не сгорел, — подумал он. — А то совершил бы я на Марс посадочку… И вдвойне хорошо, что десантная броня такая мощная. Не пролезть в ней в наши дырки. И это просто замечательно!»
Из распахнутой наружной двери шлюза никто не торчал. Возможно, десантники сейчас искали оставшиеся от команды спецкостюмы, намереваясь завершить охоту в открытом космосе, но тут они не успевали явно. Эндрю был в отключке всего несколько минут, больше ему прохлаждаться не дала аптечка.
Несколькими импульсами он подогнал себя к «Декарду», прошел над огромными десантными ботами и вдруг завертелся волчком. С трудом погасил вращение и отцепил леер, выбравший длину и рывком остановивший движение. Подлетел к штабному катеру, на котором сбрасывалось пехотное руководство. Просочился внутрь через аварийный шлюз. Запутался было в незнакомых лазах и коридорчиках, но вскоре добрался до рубки. Нырнул в кресло и, превозмогая навалившуюся усталость, дал команду на сброс. Катер спрыгнул с палубы «Декарда», повисел в легкой задумчивости и, дождавшись команды, рванул вслед эскадре Тернера.
Если бы Эндрю не ходил на скауте Эбрахама Файна, который любого члена экипажа учил хоть немного «рулить»… Если бы управление судов москитного флота не было оптимизировано до крайности… Если бы эскадра задумала лихой обманный маневр с заходом на другую сторону планеты… Верный десяток «если» мог в тот день погубить мастер-техника лейтенанта Вернера. Но он подтвердил свою репутацию везунчика. На его сигнал бедствия пошел не задрипанный файтер, а целый флагманский мегадестроер (от того на самом деле, что Тернер не любил соваться в пекло). Более того, Эндрю не умер. Он даже успел надиктовать в бортовой журнал катера подробный доклад о событиях на «Декарде». И вышел из комы через каких-то три дня, живой, хотя и дико нервный после всего пережитого.
Ему прямо в клинику Пурпурное Сердце привезли.
Он остался лейтенантом и никаких поощрений не получил. Сердце вручили за ранение. Взамен Эндрю дал подписку: он под страхом военного трибунала никогда не расскажет, что случилось на «Декарде». По официальной версии, там взорвал реактор марсианский диверсант. А лейтенант Вернер, который вел профилактические работы на внешней обшивке судна, оказался единственным спасенным после катастрофы. На самом же деле вице-адмирал Тернер, прослушав доклад Эндрю, решил, что, раз живых офицеров на транспорте не осталось, значит, говорить там не с кем и не о чем. Он подогнал флагман к беспомощно крутившемуся вокруг Марса «Декарду» и устроил своим застоявшимся без дела стрелкам огневой тренаж.
Того, что у десантника посадочные средства в наличии, а значит, и люди все на борту, он, недолго думая, приказал стрелкам не видеть. Позже с них особисты тоже взяли подписку.

В итоге Тернер получил от Дяди Гуннара нагоняй за большие потери и орден за находчивость в трудной ситуации.
А Эндрю Вернер старался о «Декарде» не вспоминать. И не вспоминал — пока Боровский не спросил прямо, что же там случилось.
А ничего там не случилось. Ничего особенного. Шрам на руке, обожженую грудь, Пурпурное Сердце, полгода терапии — все это Эндрю схлопотал за то, что сумел остаться в живых. Никому не помог, никого не выручил, ничего не добился.
С такими мыслями он списывался вниз. То же самое думал, валяя дурака на наземных базах. Примерно то же — в тюрьме. И не будь ощущения, что жизнь проходит вовсе зря, Эндрю точно не ввязался бы в авантюру с работой на контрразведку.
Как же он удивился, когда понял, что именно предательство дало ему новый шанс!
С подачи особистов Эндрю вырвался с Земли в совершенно новый космос, не тот, какой он знал раньше. В космос группы F.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
НА ЗЕМЛЕ

Личное конфиденциальное послание от адмирала Успенского свалилось на командира полицейской эскадры Рабиновича, как снег на голову. И погрузило в глубокое расстройство. Во-первых, не удалось выяснить, откуда на полицейский информационный бакен пришел сигнал. Во-вторых, текст послания оказался до того неожиданным, что Рабинович просто растерялся.
Полицейский адмирал был реалистом и циником. Официальная версия событий, гласящая, что Рашен свихнулся, вызвала у него лишь презрительную ухмылку. Узнав, что группа F вышла из повиновения, Рабинович сразу понял: старина Алекс решил-таки заняться политикой. На взгляд Рабиновича, демонстрация силы на Марсе означала вовсе не сумасшествие Рашена, а начало его политической карьеры.
Как служитель закона, Рабинович обязан был Рашена арестовать. Но как живой пока что человек, да еще и семейный, он этого делать категорически не хотел. Когда ему приказали схватить мятежного вояку, Рабинович занервничал и принялся судорожно перемещать свои корабли. Разукомплектованная армия не была готова к драке в пространстве и едва годилась оборонять Землю. Единственной реальной силой, которая могла бы Рашена укоротить, оставалась полицейская эскадра.
Больше всего Рабиновича мучило недоверие к информации с Земли. Гражданские власти, приказавшие арестовать Рашена, сообщали, что тот сам явится к полиции в руки и первым стрелять не станет. В ответ на резонный вопрос — а что еще Рашен будет делать в районе Пояса, если не бить полицейских, — толковых разъяснений не последовало.
Поэтому вице-адмирал не спал ночами, извелся сам и задергал свой штаб. То ему казалось, что группу F следует накрыть упреждающим ударом, а дальше выкручиваться по обстановке. То Рабинович требовал представить ему план — желательно подлый и коварный, — как выманить Рашена с «Тушканчика» и таким образом мятеж обезглавить. Но все идеи по управлению огнем упирались в проблему совершенного непонимания, куда стрелять. А все коварные планы захвата оказывались слишком шаблонными, чтобы быть достаточно подлыми.
И когда Рашен первым вышел на контакт, у Рабиновича сначала от радости гора с плеч свалилась, а потом от удивления заболела голова. Он ждал от Рашена чего угодно — предложения сотрудничать, ультиматума, знаменитого русского «иду на вы», наконец. Вместо этого он получил спокойный и дружественный текст, ни к чему не обязывающий. Рашен просто сообщал, что произошло на самом деле, объяснял свои дальнейшие намерения и ничего взамен не просил.
Худшего подарка он Рабиновичу сделать не мог. Полицейский должен был принять очень серьезное решение и всю ответственность за него взять на себя. Борясь с желанием отдать письмо Рашена психоаналитику, Рабинович принял таблетку от головной боли и вывел на монитор видеозапись, приложенную к тексту.
Внимательно просмотрев ее, он принял еще две таблетки. Потом отправился в медпункт и реквизировал у доктора недельный запас спирта. Назавтра Рабиновичу было очень плохо, и эскадра наконец-то смогла от него отдохнуть. А еще днем позже он вызвал на флагман всех своих старших офицеров и показал им запись, на которой огромные блестящие загогулины чужих кораблей гонялись за маленьким скаутом.
Когда в кают-компании утихли изумленные возгласы, Рабинович поднял ладонь, призывая людей к порядку, и произнес характерную для него речь, короткую и безапелляционную.

— Эта долбаная запись, мать ее так, подлинная, — сказал вице-адмирал. — Работал Абрам Файн, опытный старый хрен, вы его знаете. Алекса Успенского, чтоб ему провалиться, вы тоже знаете. Никакой он, трам-тарарам, не псих. Нормальный русский, мать его так. Говорит, с красножопыми его подставили. Замечательно. Пусть эти… (набор эпитетов продолжительностью в минуту) …гражданские подставляют кого угодно, сто херов им в рот и якорь в жопу! Главное, чтобы не подставили нас. А ведь они хотели… (еще минута раздумий вслух). Воевать с трахучей группой F — занятие для умственно отсталых, я так считаю, чтоб меня… Понятное дело, никто здесь группы F не боится, мы ее вздрючим, трамтарарам. Военные будут сосать, пока не подавятся. Но сколько они между делом побьют наших, страшно подумать, трамтарарам. Я таких гнилых раскладов не хочу. Похоже, и Алекс, мать его, тоже этого не хочет. Предлагает разойтись, бля, по-хорошему. Поэтому я, как командир долбаной эскадры, в сложившихся педерастических обстоятельствах беру всю ответственность на себя! А вы, такие-разэтакие… (несколько минут задушевного рассказа об особенностях интимной жизни подчиненных). Да, о чем это я?
— Вы сказали, что берете ответственность на себя, господин вице-адмирал, сэр! — напомнил заместитель Рабиновича.
— А кто еще здесь на такое способен, ты, что ли? — осведомился Рабинович, но крепкого слова к вопросу не добавил. Как хороший командир, он никогда не ругал офицера персонально, если рядом были младшие по званию. Хотя не стеснялся материть всю свою эскадру оптом. — Итак, негодяи! — заключил он. — Приказываю всем рассосаться отсюда на хер, и носа блядского не казать, пока я не разрешу. Может, Алекс и не врет, мать его, а может, тут какая-то засада. Короче, план расстановки наших вонючих сил получите у начштаба. После чего встанете по своим долбаным местам и будете тихо стоять. Занимаем, мать ее, сферическую оборону. Я в центре жду Алекса, он, зараза, должен подойти на двух кораблях. Но если он, паскуда, задумал кинуть нам подлянку, так хоть вы, трам-тарарам, живы останетесь. Всякие детали, подробности и прочие гребаные координаты вам сообщат. Жду ваших сраных вопросов, на хер!
— А как же насчет чужих, сэр? — спросил кто-то не в меру любопытный. — В смысле — что мы с ними будем делать?
Вице-адмирал испепелил непонятливого офицера взглядом, крякнул и с надеждой оглянулся на заместителя.
— Мы ничего не будем делать с чужими, — спокойно объяснил заместитель. — Это задача армии. Поскольку от армии не осталось… — он слегка замялся, — почти ничего…
— Короче, нам этот русский траходактель со своей трахучей бригадой нужен живой и невредимый! — заключил Рабинович. — И это ваше дурацкое счастье, что он не рехнулся и готов делать свою долбаную работу! Потому что, мать-перемать, если бы против чужих выставили вас, трам-тарарам, мне даже страшно представить… (и так далее). Короче, если Алекс в порядке, мы ему должны всю жопу расцеловать и не поморщиться!
— Вот именно, — поддакнул заместитель. — Именно это я и хотел сказать.
* * *
— Включить позиционные огни, — приказал Рашен.
«Гордон» и «Тушканчик», бестелесные черные пятна на черном фоне, вдруг превратились в две новогодние елки.
Полицейская эскадра, на экранах которой вдруг соткались из ничего два корабля, дружно охнула.
— Твою мать! — взвизгнул Рабинович, подпрыгивая в кресле.
— Вице-адмирал Рабинович, ответьте адмиралу Успенскому! — раздалось из динамиков.
— Во подкрались! — восхитился бомбардир полицейского флагмана. Это ж надо… Орудия к бою!
— Мать твою… — сокрушенно пробормотал Рабинович. — Где начальник разведки, мать его?! Как мы их прозевали, трам-тарарам?!
— Отвечай, Бобби, я тебя вижу! — позвал Рашен.
— Не может он нас видеть!!! — заорал Рабинович. — Почему он нас видит?! Как это так?! — от возбуждения он даже ругаться перестал.
— Рабинович, вам привет от тети Хаи! — не унимался Рашен.
Полицейский врезал кулаком по «доске», включая связь.
— Ты меня не видишь! — рявкнул он. — Ну как я стою, по-твоему, а?
— Ты держишь сферическую оборону, — спокойно ответил Рашен. — Сам висишь почти точно по центру, с небольшим смещением влево и назад, если смотреть от меня. Здравствуй, Бобби.
— Чтоб тебя! — выдохнул Рабинович. — Привет, Алекс. Как самочувствие?
— Патологии не наблюдается. Ты это хотел узнать?

— Это мне как раз по хрену. Слушай, Алекс, а где твоя бригада?
— По делам улетела.
— Точно улетела? Куда?
Рашен громко рассмеялся.
— Как мне нравится эта очередность вопросов… Бобби, ну почему ты такой мнительный? Нет здесь больше моих кораблей, честное слово.
— Может, я и мнительный, зато до сих пор живой, — ответил Рабинович. — И куда ты их подевал?
— Говорю же, по делам ушли. Бобби, тебе лучше не знать, где они. Живее будешь, опять-таки.
— Мне лучше знать, мать твою, что мне нужно знать!
За плечом Рабиновича деликатно кашлянул связист.
— Что такое, мать твою? — спросил полицейский.
— Господин вице-адмирал, сэр. Начальник разведки на втором канале.
— Ага! Ну, бля… Алекс, подожди минутку, ладно?
— Нет проблем.
Рабинович переключился на другой канал связи.
— И как это ты умудрился просрать два здоровенных корыта? — поинтересовался он, забывая о хороших манерах и сидящем вокруг младшем командном составе.
— Они, наверное, по инерции подошли. Без тяги. Старый пиратский фокус, сэр.
— Так что же ты, мать твою…
— Сэр, мы ведь не пиратов ждали, а военных.
— И что? — на полном серьезе удивился Рабинович.
— Соответственным образом и были рассставлены сканирующие бакены, сэр.
— У тебя что, бля, вонючих бакенов мало? Или, на хер, мозгов?
Начальник разведки обиделся и не ответил.
— Нет, я тебя спрашиваю! — настаивал Рабинович.
— Виноват, сэр!
— Орел ты с голубыми яйцами! — заключил Рабинович и вернулся на внешнюю связь.
— Извини, Алекс, — сказал он. — Так на чем мы, блин, остановились?
— Я вот думаю: может, ты ко мне в гости зайдешь?
— А может, ты ко мне?
Рашен на секунду замялся.
— Понимаешь, Боб, — произнес он глубокомысленно. — Не слышно уверенности в твоем голосе. Ты, кажется, еще не решил, что со мной делать.
— Не ссы! — рассмеялся полицейский. — Не трону. Если я тебя арестую, кто тогда с чужими разберется?
— Это ты верно сказал, — одобрил Рашен. — Никто. Хотя бы потому, что в них еще никто не верит. Невыгодно это Совету Директоров.
— Вот именно, мать их за ногу! Так что заходи, Алекс. Имеется спирт.
— Богато живете. У нас только самогон. И тот какой-то сильно технический…
— Вот бери и заходи.
— Все равно не пойду.
— Слушай, Алекс, бросай ты эти русские задрочки! Я тебе слово даю: отпущу! На все четыре стороны.
— А что ты потом на Землю доложишь, а? — спросил Рашен проникновенно.
— Скажу, что ты, бля, не пришел, и все тут. Мы тебя ждали, а тебя нету ни хрена. Пришел один «Гордон» и тот на автопилоте. О! Кстати! Слушай, Алекс, ты на самом деле посиди-ка у себя.
— Да ну? — усмехнулся Рашен.
— Ну да! Я сейчас пошлю на «Гордон» саперов, а ты пока не шевелись. — Рабинович сделал знак своему заместителю, и тот принялся выбивать команды на «доске». — И учти, Алекс, я своим дуракам отдал приказ стрелять. Ты сам знаешь: они реальные дураки. Чуть двинешься с места — так долбанут, мало не покажется. А если эта хреновина взорвется, пусть тебе же будет хуже!
— Бобби, — сказал Рашен укоризненно. — И не стыдно тебе?
— Я же коп! — ответил Рабинович серьезно. — У меня по определению ни стыда, ни совести.
— Какая жалость, что ты не мой подчиненный, — заметил Рашен. — Я бы тебя… Кстати, от Боровского привет.
— И ему тем же концом по тому же месту! Слушай… — Рабинович вдруг перешел чуть ли не на шепот. — Абрам… Файн вернулся?
— Нет еще.

— И что ты думаешь?
— Думаю, вернется. Наш Абрам неистребим. Ни своими, ни чужими.
На экране полицейского флагмана крошечный белый огонек резво почесал в сторону расцвеченной огнями махины «Гордона».
— Вижу саперов, — сказал Рашен. — Зря ты это, Бобби.
— Почему? — насторожился Рабинович.
— Боюсь, инфаркт у них будет. Некто Задница, хорошо тебе известный, перед тем как покинуть корабль, с горя весь его распродал. На бухло обменял все, что можно было отвинтить. Только ходовую не тронул и навигационное оборудование. Там внутри сейчас картинка, как после ядерной войны.
— Ну спасибо… — протянул Рабинович. — Алекс, ты действительно ненормальный. Растащить на хер целый мегадестроер и потом цинично в этом признаться… Знаешь, это как-то даже не по-русски.
— Извини, больше не буду.
— И чего вы, русские, такая вороватая нация, а?
— Я, что ли, крал?! — возмутился Рашен.
— Ты командовал, — упрекнул его Рабинович.
— Слушай, мы будем ждать, пока твои саперы взорвутся, или все-таки делом займемся?
— Каким еще, мать твою, делом? По-моему, и так все ясно. Вали отсюда, и попутного хера тебе в затылок.
— Прямо сейчас? — судя по голосу, Рашен здорово удивился.
— Немедленно, — разрешил полицейский. — И чтоб глаза мои тебя не видели. Давай, бля, вали на хер.
— Хороший ты мужик, Роберт, — задумчиво произнес Рашен.
— Какой есть. Ты вот что мне скажи на прощание. Эти сраные чужие, как ты думаешь, может, их случайно к нам занесло, а? Ну, блин, покрутятся и уйдут.
— Придется мне все-таки зайти к тебе в гости, — сказал Рашен.
— Почему?
— Уж больно тоскливый будет разговор.
— Да ладно, я прикажу своим чудикам уши заткнуть. Эй! Всем негодяям, которые подслушивают! Уши за-аткнуть! Раз-два! Это приказ, мать вашу!
В эфире раздался легкий шорох.
— Какие дисциплинированные ребята, — похвалил Рашен.
— У меня хорошие копы служат. Грех жаловаться. Ну, говори.
— Боб, ты помнишь казус со «Скайуокером»?
— Бля! Еще бы!
— А ты в курсе, что один человек выжил? Прилетел на аварийном модуле прямо к Земле?
Рабинович почесал в затылке.
— Да как тебе сказать… — пробормотал он. — Не то чтоб, блин, совсем не в курсе… Но без подробностей.
— Тогда держись за кресло. Вместо человека прилетел клон.
— Твою мать! Откуда знаешь?
— Тетя Хая сказала.
— Ты не знаешь тетю Хаю! — заявил Рабинович тоном прокурора на суде.
— Тетю Хаю из Парижа или тетю Хаю из Чикаго?
— Чтоб ты сдох! Перестань издеваться! Я серьезно, мать твою!
— Я его препарировал.
— Та-ак… — протянул Рабинович. — А сначала, бля, убил.
— Я много людей убил, — сказал Рашен сухо. — На Марсе, на Венере, в открытом космосе. Очень много, Бобби.
— Ты не путай, старый хрен, войну с убийством. Ладно, проехали. Где ты его откопал?
— Он несколько лет ходил на одном из моих кораблей. — Рашен не уточнил, что Мейер ходил на «Гордоне», дабы лишний раз не пугать впечатлительного Рабиновича. — И между делом стучал в Адмиралтейство.
— Ни хера себе!
— Вот именно. Очень странная история, Бобби. Понимаешь, даже под гипнозом он уверял, что настоящий человек. У него была подсажена ложная память. И сам клон сделан великолепно. Мы его вычислили, потому что нашли доказательства гибели прототипа. А теперь уже знаем совершенно точно. Мой док Эпштейн нашел там какое-то крошечное несоответствие… Мелкие отклонения в структуре ДНК. Но если у клона и была своя программа, то на самых задворках мозга. Мы еще не умеем копать так глубоко.
— То есть зачем этот урод у нас ошивался…
— Совершенно непонятно.

— И что мы об этой херне должны подумать, а?
— А вот это к тебе вопрос, — заметил Рашен. — Ты же коп.
— Вот что, — сказал Рабинович твердо. — Труп сейчас у тебя? Давай его сюда. У меня все-таки судебно-медицинская экспертиза.
— Надо подумать. А то напополам?
— Тебе-то он на кой хер сдался теперь?
— Доказательства!
— Ах да! Ты же собираешься всему миру объяснить, какой ты хороший русский…
— Я что-то не то сказал? — насторожился Рашен.
— Да нет… Эх, чтоб меня! Ладно, ты вот что… Отпили от этого урода кусок поаппетитнее, и я сам за ним приеду. Где-то, бля, через полчасика.
— А как же саперы? — ехидно спросил Рашен.
— Задолбал, — ответил Рабинович и отключился.
* * *
Когда вице-адмирал Рабинович, навьюченный кофром с деталями организма капитана Мейера, покинул борт «Тушканчика», к Рашену зашел старпом.
— Он самогонку взял? — деловито спросил Боровский.
— Нет, — помотал головой Рашен, задумчиво разглядывая свои ногти.
— Тогда отдайте, — потребовал Боровский. — Я тут, пока суд да дело, с его ребятами договорился насчет батарей к «Маузерам». А то у нас некомплект. Сто десять стволов рабочие, а еще десяток заряд не держит.
— На! — сказал Рашен брезгливо, пинком выдвигая канистру из-под стола.
— Спасибо, — Боровский исчез за дверью, с кем-то там переговорил и тут же вернулся.
— А еще говорят, что копы взяток не берут, — заметил он.
— Это хорошие копы, — хмуро сказал Рашен. — Они нам помочь хотят.
— Ага, как же. Конечно, это совершенно не мое дело…
— Задолбал.
— Фу, патрон! Всего-то полчаса с Бобби поговорили и уже выражаетесь, как потомственный Рабинович.
— Извини, вырвалось. Но ты меня достал этой своей присказкой. А у Бобби и правда тяжелый случай. Я еще с училища помню: минуту с ним поболтаешь, а потом матюги так из тебя и сыпятся. И чего он такой?
— На улице вырос, — объяснил Боровский. — Вы это, драйвер… Типа не обольщайтесь. Не помочь они нам хотят. Они группой F свою задницу от чужих прикрывают.
— Это точно, — вздохнул Рашен. — И знаешь, Жан-Поль, я из разговора с Бобби вынес одну вещь. Он на самом деле чужих боится. До ужаса боится. Он на все готов, лишь бы его от них защитили.
— Они, может, еще и не придут…
— А он уже готов. Большая редкость в наши дни, чтобы человек принимал чужих всерьез. Кто их сейчас боится? Тот, у кого достаточно информации. Армейская разведка, да и то не вся. Ну мы с тобой. А больше ведь никто. И вдруг — целый вице-адмирал полиции! Командир единственной полноценной эскадры в их ведомстве. Интересно, а, Жан-Поль?.
— Интересно, — кивнул Боровский, присаживаясь на край стола. — Так чего он вам сказал? Так и сказал, что боится?
— Нет. Как раз этого он не говорил.
— А чего же ему надо?
— Ему надо, чтобы мы пошли на Землю и устроили там государственный переворот.
— Чего-о? — изумился Боровский.
— Понимаю твою реакцию, — улыбнулся Рашен. — Она ничем не отличается от моей.
— Ни хрена себе — полицейский! — высказался старпом.
— Очень даже полицейский. Наш Бобби, оказывается, человек с идеями. Ему опостылел народный капитализм. Он считает, что на самом деле это диктатура. И знаешь, он во многом прав. Когда вся планета становится одной большой фирмой…
— Если бы меня спросили… — привычно начал Боровский, поймал укоризненный взгляд Рашена и перешел к сути: — Я, может, и безыдейный тип, но мне тоже кажется, что Бобби прав.
— М-да? — хмыкнул Рашен, задумчиво кривя бровь.
— Там же все делается не для блага народа, а для блага компаний. Почему мы воевали с колониями? Это фирмы защищали сырьевую базу. И какую! Сперматозоиды и яйцеклетки! Казалось бы, отпусти красножопых на волю — и покупай у них материал сколько влезет. Ан нет, все хотят даром! Задарма людей побольше наплодить, чтобы было, кому горбатиться! А система кредитования? Каждый от рождения уже по уши в долгах! Хотя

его-то уверяют, что это ему только на пользу… Вы сами подумайте! Нехорошо у нас на Земле. Во всяком случае, мне так кажется.
— А кому так не кажется? — спросил Рашен.
— Тем кто доволен. И тем, кому наплевать. Ну и дуракам еще.
— Это восемьдесят процентов землян, Жан-Поль. Если не девяносто.
— Сейчас меньше, драйвер. Гораздо меньше. Очень многие задаются вопросом, почему это Венера и Марс решили не копировать земную схему, а провозгласили республики.
— Куцые у них республики. Недалеко от нас ушли.
— Ну, шеф, им пока что жрать особо нечего. Тут поневоле задумаешься, какое правление самое рациональное. Но в принципе… Рано или поздно там будет настоящая демократия. А что касается землян, так нужно просто как следует покопаться в Сети. И все станет ясно насчет их мнения. Шеф, мы же военные! Мы живем в своем крошечном мирке, отгородившись ото всех, и чем больше нас пинают, тем плотнее мы закрываем ворота. Мы просто ничего толком не знаем о нормальной жизни!
— Думаешь, там, внизу, нормальная жизнь? — спросил Рашен. — Сомневаюсь. Если там все ОК, откуда такой громадный конкурс в десант?..
— Вот именно! — воскликнул Боровский.
Рашен тяжело вздохнул.
— Не по душе мне все это, — признался он. — Ох не по душе!
— Это от того, что вы русский, драйвер. Вам положено.
— Что мне положено, ты, антрополог хренов?!
— Ого, какие слова! Вам положено, чтобы все на свете было не по душе, вот что вам положено.
Рашен задрал глаза к потолку и медленно пробормотал себе под нос какие-то русские слова.
— И нечего ругаться, — сказал Боровский примирительно. — Может, выпить хотите? Я знаю, у вас, у русских, серьезные решения только со стаканом принимаются.
Рашен покосился на старпома и агрессивно выпятил челюсть.
— Ты меня разозлить хочешь, да? — спросил он.
— Очень, — честно сказал Боровский. — Шеф, как я рад, что Бобби начал этот разговор!
— Скорее этот еврейский заговор. Чего тебе надо, Жан-Поль? Чтобы группа F огнем и мечом привела человечество к счастью?
— Очень даже может быть.
— Твой Рабинович пообещал нам месяц.
— Почему это он мой Рабинович? Он такой же мой, как и ваш. Что значит — пообещал месяц?
— Если группа F не добьется реабилитации мирным путем и нам придется доказывать свою правоту силой, Бобби целый месяц будет ползти от Пояса к Земле. Если увидит, что наша берет, еще притормозит. А если… Ну ты понял. Все равно у нас будет месяц, и мы сможем уйти на Венеру.
— А сыграть на нашей стороне?
— Это для него слишком. И потом, ему надо беречь силы. Если нас разобьют, драться с чужими будет он.
— Хороший коп, — признал Боровский.
— А я что говорю? Конечно, хороший. Только ругается через два слова на третье.
— Ну мы им дадим копоти! — воинственно заявил Боровский. — Уж за месяц-то…
— Я не уверен, что мне этого хочется, — сказал Рашен.
— Вам захочется, — пообещал Боровский. — Вы, главное, почаще думайте о том, что у вас на родине диктатура олигархического капитализма.
— У меня на родине одни развалины, Жан-Поль, — сказал Рашен, и в голосе его вдруг зазвенела тоска. — От моей родины остался только пепел. Мы заслонили вас собой, и нас больше нет.
— А как же Франция? — напомнил Боровский. — Вы же коренной парижанин, шеф. А Канада, а наш Ванкувер? Да ну вас, честное слово…
— Да, Ванкувер… — вздохнул Рашен. — Сколько там зелени, помнишь? Фантастика. А я, между прочим, видел однажды настоящего дикого оленя. Ездил с семьей на экскурсию. Игорю было лет пять, Ольга… Тьфу!
— Вы ведь так с ней и не поженились? — осторожно спросил Боровский.
— Я же военный астронавт, — сказал Рашен горько. — Сегодня мужик, а завтра труп. В порыве любви она на многое была готова, тем более что в кои-то веки встретились два здоровых русских человека. А потом оказалось, рожать она хочет, а замуж — ни в какую. Знаешь, в общем-то, я был не против. Я ее понимал. Нормальные условия для воспитания

ребенка, чтобы деньги, чтобы отец всегда рядом… Только вот Игорю достался чересчур богатый отчим. Вырастил взбалмошного капризного мальчишку.
— Это вы ему простить не можете, что от вас отрекся, — сказал Боровский. — А знаете, почему он так поступил? Я скажу. Ему, как и многим, очень не нравятся порядки на Земле. На Земле, которая убивает тысячи колонистов только за то, что они хотят жить по справедливости.
— Ишь ты, как завернул! — восхитился Рашен.
— По-моему, убедительно, — скромно заметил Боровский.
— Mudak ты, Жан-Поль, — сказал Рашен.
— Сами вы мудак.
— Ты неправильно переводишь. Русский mudak и английский мудак — совсем разные вещи. По смыслу близко, а интонация другая. То, что ты сказал, по-русски будет hui. Это всего-навсего член, причем в очень грубом варианте. А вот mudak… — Рашен мечтательно закатил глаза. — Хороший был у нас язык, Жан-Поль. Глубокий. Богатый. Красивый. Был да сплыл.
— Не нравится мне ваше настроение, драйвер.
— Мне тоже, Жан-Поль.
— Неужели вам не надоело плясать под чью-то дудку? Неужели, если мы придем на Землю и нас там реабилитируют, вы им все простите? Эту жуткую подставу, что — забудете?! Рашен сделал неопределенное движение глазами.
— Какой-то сраный Рабинович его пожалел, и он уже счастлив! — заявил Боровский в пространство. — И всех уже простил!
— Был у нас такой писатель Лео Толстоу, — сказал Рашен. — Я, правда, его не читал, но читал о нем. Этот деятель так отчаянно пропагандировал христианское всепрощение, что ему запретили в церковь ходить. В итоге он проиграл свою войну и помер совершенно один, старый и больной.
— Это вы к чему? — не понял Боровский.
— К тому, что сейчас об общественном благе печется Совет Директоров. И если появится кто-то, кто болеет за общество еще сильнее, его с Земли вышибут. Ты хочешь помирать в одиночестве, Жан-Поль?
— Я, — сказал Боровский гордо, — никогда не помру в одиночестве.
— Еще бы! — усмехнулся Рашен. — Вас, евреев, как тараканов.
— Да идите вы! Я не об этом…
— Знаю, Жан-Поль, — сказал Рашен очень мягко. — Я просто хотел объяснить, что, если мы ввяжемся в драку, у нас не будет права на проигрыш. Группа F все еще очень сильна. Война с нами подорвет земную экономику. Неважно, кто победит, мы или Совет Директоров, там, внизу, развалится все. И при нынешнем общественном устройстве Земля просто не выживет. А если выиграем мы — что мы будем делать, Жан-Поль? Мы обязаны предложить людям пути выхода из кризиса. Обязаны все разрушенное перестроить по-новому. Мы взвалим на свои плечи руководство огромным миром. Но куда мы его поведем? Есть у тебя позитивные идеи на этот счет? Экономическая программа? Политические лозунги? Идеологическая база?
— У меня есть очень большое желание сделать людей свободными от монополий. И нечего вешать мне лапшу на уши. На хрена нам лозунги? Народ сам разберется.
— Народ сам не может ничего, — отрезал Рашен. — Его за последние сто лет до такой степени развратили, что он теперь может только жрать и трахаться. За него же все решают! Абсолютно все! Ни о чем не надо думать! Я однажды прикинул: отчего в космосе так много толковых и сообразительных людей. Знаешь, отчего? Здесь нужно тренировать мозг, если хочешь остаться в живых. А на Земле это уже ни к чему.
— Так заставьте их! — крикнул Боровский. — Вы сами говорили — от войны там все развалится! Тогда им придется думать, чтобы выжить!
— Честно говоря, я в них не верю, — сказал Рашен. — Не потянут они. Мозг у них давно атрофировался.
— Вы их просто мало знаете, шеф.
— Ты их, что ли, хорошо знаешь?
— Ну… Все-таки нас, евреев, как тараканов. У меня большой круг общения.
— И что?
— Да говорю я вам — справятся они!
— Ох, мама! Слушай, Жан-Поль, ну что ты меня, усталого старика, все на подвиги склоняешь?
— А вам что, драйвер, — спросил Боровский, неприязненно морщась, — вдруг понадобился для подвига серьезный повод?
— То есть?

— Сколько вас помню, вы о себе меньше всего думали. В основном для других старались.
— Ну это ты загнул.
— А как вы с экипажами работали? Да ребята молятся на вас! Вы же их настоящими людьми сделали!
— Молиться вредно, — заметил Рашен. — От этого становишься инфантильным. А насчет экипажей ты неправ. Хороший экипаж — залог выживания корабля в бою.
— Это вы себя убеждаете! — рассмеялся Боровский. — Врете и сами не понимаете, как врете! Я-то вижу! Я ведь не слепой…
— Ты страшно наглый, коммандер Боровский. Нести какую-то чушь перед целым адмиралом…
— Слушайте, вы, — сказал Боровский, подаваясь к Рашену вплотную, — целый адмирал! Совет Директоров подставил вас, чтобы сместить. Они Дядю Гуннара загнали в отставку без малейших проблем! А вас, всего-то командира бригады, вынуждены были подставлять. Потому что у вас репутация. У вас реноме. Земля считает, что вы рыцарь. И я уверен, она пойдет за вами, если вы будете тверды. Все, я сказал. Разрешите идти?
Некоторое время Рашен молча жевал губу.
— Знаешь, кто предложил дать боевым кораблям имена литературных героев? Не настоящих героев, а придуманных? — спросил он наконец.
— Какой-то умный еврей. Я забыл фамилию, это же было сто лет назад.
— Ты понимаешь, зачем это было сделано?
— Конечно. Чтобы подтвердить отказ Земли от прошлого. Забыть все дурное, что осталось позади. Религии мы стерли, потому что из-за них была Заваруха и была Полночь. А из литературы уцелела только чистая романтика да фантастика, потому что остальные книги несли в себе злобу и ненависть. Я согласен с этой идеей, драйвер. Недаром мы и через сто лет так живем.
— Неправильно живем, как ты сам заметил.
— Вы меня не сбивайте, шеф. Я, например, горжусь тем, что наш «Тушканчик» на самом деле — «Пол Атридес».
— Пол Атридес установил во Вселенной мир. Но для этого ему пришлось развязать войну, которая уничтожила десять миллиардов человек. Он был потомственный аристократ, король, и для него это было нормально. А для нас…
— Мы офицеры, шеф. Для нас это тоже нормально.
— Да ни хрена это не нормально!!! — взорвался Рашен. — Не хочу я со своими воевать!
— А придется, — сказал Боровский. — Начнем со своих, а кончим чужими. Иначе никак. Снимите розовые очки, драйвер. Когда мы придем к Земле, нас ждет бой. Не простит нас Совет Директоров. И в чужую угрозу он не поверит. Будет драка. И придется в ней победить. Ничего нового, привычное дело.
Рашен молча уронил голову на грудь.
— Так я пошел? — спросил Боровский, вставая со стола.
— Выпить принеси, — сказал Рашен очень тихо. — Пожалуйста.
* * *
Средний боевой корабль серии 100 «Пол Атридес» был на полпути к Земле, когда прямо у него перед носом возникла блестящая кривая штуковина, совершенно не похожая на звездолет. Не сообрази Рашен, что это, «Тушканчик» протаранил бы сие загадочное явление в момент. Одно дело — рассматривать чужака на картинке, и совсем другое — когда он вдруг появляется у тебя на обзорном экране. В первую очередь ты не веришь, что это правда. Когда впереди серебристо замерцало и среди тусклых сполохов нарисовался чужак, Ива, сидевшая за пультом навигатора, первым делом потянулась к лицу протереть глаза. Немного странная реакция для опытного астронавта, у которого застегнута усилительная маска.
Да и прочие, кто был в ходовой рубке, до того обалдели, что толку от них оказалось чуть. А до удара носом осталось секунд тридцать. По космическим меркам все равно что ноль. Уйти от столкновения никаких шансов. «Тушканчик» хоть и числился в реестре Адмиралтейства «средним боевым планетолетом», но все равно был для таких резких маневров чересчур здоров. Вздумай Ива повернуть, круизер принял бы чужого бортом, где-то в миделе, как раз напротив основных помещений рабочей зоны. Про такие удары говорят: «Ну-ка, замени корабль». Впрочем, тупой нос круизера тоже не был рассчитан на таранные атаки. Колотиться о врага мордой не так опасно для экипажа, как боком, но с выхлопными отверстиями носовых батарей можно проститься.
В момент контакта «Тушканчик» шел неподалеку от секретного информационного бакена группы F. Чтобы попасть к нему, понадобился небольшой крюк, но этот маршрут заказал Боровский. Дотошный старпом вспомнил, что бакену пора делать осмотр, и упросил Рашена слегка изменить курс. Рашен, который после беседы с Рабиновичем все еще

пребывал в меланхолии, разрешил. Похоже, он рад был теперь любой задержке в пути.
«Тушканчик» слегка забрал влево, прошел вплотную от бакена, и Боровский как раз, удовлетворенно хмыкая, разглядывал его в сканер-телескоп, когда приключение началось.
Рашен сидел на обычном своем месте, чуть позади и выше старшего навигатора, когда взвыла сирена опасного сближения. С этого момента время в ходовой рубке спрессовалось, и все, что произошло дальше, заняло меньше чем полминуты. Никто в рубке, принимая решения, не раздумывал. Астронавты просто спасали корабль.
Это было совсем не похоже на космический бой. А вот на дружный жест отчаяния тянуло вполне.
Услышав сирену, адмирал встрепенулся, поднял глаза на обзорный экран и заорал:
— Фо-о-окс!!!
Самая правильная команда, если не уверен, что твои орудия готовы к стрельбе. Впрочем, Рашен и так знал, что накопители сейчас пусты. Он просто надеялся, что бомбардир чего-нибудь придумает.
Таращившийся на чужого круглыми глазами Фокс очнулся и взвыл:
— Не-е-ет!!!
Головной лазер «Тушканчика» выводился на режим около двадцати секунд. Как раз к тому моменту, когда нос круизера воткнется в чужого. А бить с нулевой дистанции по загадочному судну, характеристики которого неизвестны, представлялось Фоксу не лучшей идеей. Чужой мог от попадания рвануть похлеще китайской водородной бомбы над Нью-Йорком.
И тогда Рашен крикнул:
— Кенди! Сжечь его!!!
Ива, не раздумывая, воткнула пальцы в «доску». Кормовые отражатели мгновенно погасли. Круизер натужно взвыл, оттолкнулся от пустоты боковым выхлопом с носа, тяжко содрогнулся и яростно пнул космос в противоположную сторону с кормы. Теоретически подобный маневр был возможен: маневровые двигатели «сотки» развивали огромный упор. Но выяснить на практике, хватит ли его для таких фокусов, до сих пор никто не решался. Во-первых, незачем было, во-вторых, уж больно жалко корабли.
Упора хватило. Более того, бессовестно вздрюченный «Тушканчик» не пошел винтом и не закувыркался. Он просто встал на уши, как его и просили. На полном ходу круизер перевернулся задом наперед. И снова врубил полный.
И будто с размаху ударился о стену.
Над головой Рашена пронеслось чье-то тело и с треском впаялось в обзорный экран. Это вышибло из кресла связиста, не пристегнутого в нарушение инструкции.
У Рашена потемнело в глазах, и он судорожно зажмурился. Оптика уже переключилась на кормовые объективы, но все равно четко по центру экрана красовался распластанный астронавт, заслоняя чужого, который сейчас оказался прямо в сердце маленького солнца.
«Тушканчик» летел кормой вперед, и в недрах круизера с треском сыпались переборки. Их сломало еще первым ударом двигателей, а сейчас они уже просто разлетались в клочья.
Рашен с закрытыми глазами мучительно подсчитывал, сколько людей внутри корабля находилось к моменту кувырка в свободном движении.
В наушниках стоял многоголосый крик боли.
Ива резко убрала тягу. Ошпаренный чужак уже проскочил точку наивысшей температуры выхлопа, а энергия нужна была Фоксу, чтобы добить гада из кормовых батарей.
Внутренности «Тушканчика» еще раз тряхнуло, и на миг людям показалось, будто они валятся на пол. Но мгновенная невесомость тут же прошла — включились гироскопы рабочей зоны, раскручивая ее до земной силы тяжести.
Пострадавший связист отлепился от экрана, рухнул на пол, и стало хорошо видно, как буквально в двух шагах прямо по курсу плавится чужой. Его корпус расползался, как масло на сковородке. Одной секунды в пламени выхлопа хватило загадочному и страшному чужаку, чтобы превратиться в студень. Не так уж он оказался крут.
Фокс выстрелил. «Тушканчик» опять дернулся, и Рашен с надеждой подумал, что этот рывок на сегодня последний. Четыре кормовые батареи дали залп, и четыре огненных шара размазались по корпусу чужого. Электроника услужливо подрисовала на обзорном экране невидимые в безвоздушном пространстве лучи и рядом с каждым — «100/100/100». Полная мощность лазера на выходе, сто процентов вероятности поражения, сто процентов мощности реализовано на поверхности цели.
— Ого! — сказал Фокс.
Чужого не разорвало на куски, он не взорвался и не рассыпался в пыль, как это случалось при стрельбе по кораблям Солнечной. Чужого просто раздавило. В местах попаданий расползлись вмятины, будто чужака стукнули туда огромной кувалдой, и его размякший корпус вдруг неожиданным образом вывернулся наизнанку. Вместо красивой и жуткой в

своей чужеродности серебристой загогулины на экране теперь был серый оплавленный комок.
Еще чужого отбросило с курса. Фокс ударил его под небольшим углом, насколько это было возможно при стрельбе почти в упор, и останки противника сейчас медленно проплывали в сотне метров от борта «Тушканчика».
— А небольшой, — сказал Рашен в наступившей тишине. — Примерно как наш дестроер.
Рядом скрежетнуло: Боровский расстегнул маску. Рашен вспомнил, что теперь это можно сделать, и тоже потянулся к замкам на шее.
— Двадцать пять секунд на все про все, — сказал Боровский и хрипло закашлялся.
— Ты живой? — спросил Рашен, усиленно массируя лицо. — Посчитай тогда потери в свободной вахте. Думаю, человек двадцать мы сегодня поломали. Да и в отдыхающей у нас тоже не все по койкам лежат… А из тех, кто лежит, не все пристегиваются.
— Теперь будут, — пообещал Боровский, с трудом выдирая себя из кресла. — Жизнь научит. Слушай, откуда он взялся, а?
— Это нуль-Т, — сказала Ива. — Он возник ниоткуда.
— А может, он просто маскировку выключил, — предположил Фокс, доставая из карманов сигару и зажигалку.
— Нет, Майк, я же все-таки навигатор. Я видела. — Ива посмотрела на монитор диагностики и взялась за свою контактную доску.
— Кенди! — позвал Рашен. — Не надо, милая. Не переворачивай нас обратно… Давай сначала посмотрим, все ли на месте. Не верь диагностике, могло кабели порвать. Отдыхайте пока, ребята.
Толстые щеки Фокса были все в мелких красных точечках: от перегрузки выдавило кровь. У Ивы на скулах медленно вспухали синяки.
— Доктор Эпштейн, — сказал Рашен в микрофон. — Ты цел, док?
— Несмотря на ваши усилия, патрон. Что это было?!
— Экстренное торможение переворотом. А как Линда?
— В порядке.
— Тогда отправь ее по кораблю оказывать неотложную помощь, а сам быстренько ко мне в ходовую. У нас тут, похоже, труп.
— Я думаю, не только у вас, патрон.
— Этот главный. Он тут у меня все захламляет. Не сможешь починить, так хоть унеси. И вот что, возьми у Жан-Поля ребят из дежурной вахты себе в помощь. Они сейчас потери будут считать. Пусть для тебя перетаскивают, кого надо.
— Да, сэр.
Ива отстегнулась, встала и подошла к телу, лежащему на полу неподвижно. Прозрачные «глаза» маски оказались красны от крови, залившей их изнутри. Связист был хороший парень и толковый астронавт. Но он сам накликал беду. На вахте пристегиваться нужно. Если выживет, Рашен с него три шкуры спустит и прогонит вниз. Навсегда.
— Надеюсь, ты не переживаешь, Кенди? — спросил Рашен, играя контактами «доски» и вглядываясь в показания диагностической системы.
— Надеюсь, я не убила никого, о ком буду плакать, — честно сказала Ива. Запнулась и повернулась к адмиралу. На лице ее отразился с трудом сдерживаемый ужас.
— Беги, — сказал Рашен. — Беги, девочка. И она побежала.
* * *
Ива нашла Вернера только через двадцать минут. Эндрю сидел на полу боевой рубки и, что-то злобно рыча себе под нос, ковырялся в большой куче микросхем. Рядом понуро стояли двое техников, один с забинтованной головой, другой с рукой на перевязи. У самого Эндрю на лбу красовалась здоровая ссадина, наспех залитая клеем. И одет он был вместо спецкостюма в легкую рабочую форму.
Ива влетела в рубку с такой скоростью, что Эндрю даже головы повернуть не успел.
— Энди! — крикнула Ива, падая на колени и бросаясь ему на шею. — Живой! Милый! Любимый мой! — она обняла опешившего Вернера так крепко, будто собиралась задушить, и с наслаждением зарыдала.
— Шеф, мы пошли, — сказал техник с забинтованной головой, подхватил с пола инструментальную сумку и, увлекая за собой товарища, выскочил за дверь.
Ива плакала. Эндрю гладил ее по волосам и шептал на ухо ничего не значащие ласковые слова. Экран боевой рубки показывал удаляющегося чужого, вернее — то немногое, что от него осталось.
— Жалость какая, — пробормотал Эндрю, глядя одним глазом на экран. — Даже не сходишь посмотреть, как чужие живут. Интересно, сколько там у них сейчас рентген. И сколько градусов. Ива, солнышко, ты же всех нас спасла. Ну что ты плачешь?

— Это я от радости, — прохлюпала Ива. Эндрю покопался в кармане и достал ей салфетку. — Спасибо… Я так испугалась. Ты же никогда на месте не сидишь, все время ползаешь где-то… Я подумала — а вдруг тебя?..
— Родная… Ты не беспокойся. Когда тяга, я всегда пристегнут. С чем бы ни работал, прямо к этому и пристегнут.
— А лбом ударился все-таки. Покажи.
— Да ничего, просто ссадина. Усилитель треснул, разорвал подкладку. Бывает.
— Тебя не подташнивает? — деловито спросила Ива, утирая слезы. Вид у нее был уже не испуганный, а скорее озабоченный. — Голова не кружится?
— Нет, — соврал Эндрю, глядя на Иву в полном умилении. С ним еще ни одна женщина так заботливо не разговаривала. Если не считать матери, конечно. Но мать, как правило, еще и злилась на ребенка за то, что он причинил себе вред. А Ива просто беспокоилась о его здоровье, совершенно искренне.
— Видишь, меня уже Эпштейн обработал, — еще раз соврал Эндрю, тыча пальцем себе в лоб.
— Я его потом спрошу, — пообещала Ива. — И не надейся, что забуду. Представляю, какой был удар, если ты разбил налобный щиток! Еще могу представить, что осталось от прибора, об который ты бился… — она вдруг улыбнулась. Ей тоже случалось по долгу службы колотиться головой о жесткие предметы. Стоимость некоторых из них у Ивы вычли из жалованья.
— Да я промазал. В стену попал, — в третий раз соврал Эндрю. На самом деле он расколотил лбом бронированное стекло монитора здесь, в боевой рубке. Монитор уже стоял новый, и доказать ничего было нельзя. А по виду микросхем, валявшихся под ногами, трудно было понять, куда именно он въехал коленом. Панель комбайна управления огнем Эндрю тоже успел поменять. Но что творилось сейчас под этой панелью… Если бы Фоксу пришлось стрелять из боевой рубки, а не из ходовой, у него могло бы возникнуть серьезное затруднение, известное на флоте под кодовым названием «облом системы».
Наметки этого «облома» Эндрю заметил в тот самый момент, когда «Тушканчик» напоролся на чужого. Обрадовался, что неисправность обнаружена вовремя и может быть легко устранена. Немного ослабил ремни, чтобы дотянуться до нужного контакта. Тут судно крутануло, и система управления огнем была обломана механически — путем ударения об нее лейтенанта Вернера.
— Чужой пришел на нуль-Т? — спросил Эндрю, переводя разговор в другую плоскость.
— Угу, — кивнула Ива. — И по-моему, это у него слабое место. Я бы успела отскочить. В смысле, земной корабль успел бы. А этот дурак вообще не шевелился. Наверное, он сразу после выхода в обычное пространство двигаться не может. Хорошо, конечно, что он маленький был. Раза в три меньше, чем те, которых видел Файн.
— Ты чудо, — сказал Эндрю. — Ты герой. Можешь крутить на «парадке» дырку под Звезду.
— Не-а. За что? Крест дадут в лучшем случае… Интересно кто. Некому больше давать. Мы сейчас вне закона.
— А Рашен своей властью. У него полный сейф наградных бланков. А когда все наладится, Адмиралтейство утвердит.
— Энди, милый, — сказала Ива очень серьезным тоном. — Очнись. Ничего уже не наладится. Вообще. Никогда.
— Почему? — удивился Эндрю. — Кто это тебе сказал? Паникер Боровский?
— Ты подумай головой. Вот этой умной любимой моей головой… — Ива осторожно поцеловала Эндрю в лоб. Задумчиво облизнула губу. И вдруг схватила Вернера за шиворот и принялась трясти.
— Ой! — воскликнул Эндрю. — Не так резко! Солнышко, за что?
— Тьфу! — Ива сообразила: она делает не совсем то, что положено вытворять с человеком, у которого сотрясение мозга. — Вставай! Если можешь… Погоди, дай помогу. Ну? Руку!
— Да что такое?! — притворно возмутился Эндрю, но руку Ивы все-таки приял. Встал и заметно пошатнулся.
— К Эпштейну! — приказала Ива, обхватывая Эндрю за талию. — Не бегом, но очень быстро. Пошли! Ты чем голову заклеил, врунишка? Ну как тебе не стыдно, а?!
— Интересно, откуда девушка знает вкус силиконового герметика? — спросил Эндрю, осторожно переставляя ноги. У него не только кружилась голова, он еще и хромал. — Что-то я о таких извращениях еще не слышал.
— Я знаю вкус медицинского клея, дурак! — сказала Ива в сердцах.
— А его где лизала? — поинтересовался Эндрю невинным тоном.
— Мордой билась, — объяснила Ива грубо, но по существу. — Зашивать времени не было, плеснули клея, чтобы губа не висела. Я когда очнулась, у меня полный рот этой дряни был.

Из бокового прохода им навстречу появились давешние техники. Головы оказались забинтованы уже у обоих.
— Кретины!!! — рявкнула Ива на них. — Уроды!
— Виноват, мэм? — спросил тот, у которого руки остались целы. Он опять, как и в боевой рубке, тащил второго за здоровую конечность. Этот на злобную реплику старшего по званию никак не отреагировал. Похоже, его серьезно мутило.
Ива вознамерилась объяснить, почему техники кретины и уроды, но Эндрю ее перебил.
— Закончите там, — сказал он. — Сейчас же. Потом можете падать. Но сначала доделайте. Очень прошу.
— Да, сэр! — кивнул дееспособный техник и быстро уволок индифферентного коллегу подальше от разъяренной женщины-навигатора.
— Тактические характеристики, — объяснил Эндрю. — Не имеем права. Должны. Полностью восстановить, — речь его вдруг стала прерывистой и затрудненной. Видимо, пока он был занят своим делом, у него хватало сил держаться. А теперь силы кончились.
— Иди, — сказала Ива, внутренне содрогаясь. — Не останавливайся.
— Даже если резерв в порядке. Ребята обязаны. Дать все двести процентов. Бедные ребята. Как их побило, — бормотал Эндрю. — Слушай. Может, отдохнем? Секунду… — и начал валиться на пол. Ива поймала его и осторожно уложила. Почувствовала, как дрожат губы, и этот признак надвигающейся истерики заставил ее действовать. Подбородком она нажала рычажок на воротнике.
— Эпштейн! — закричала Ива в микрофон, с беспомощным ужасом глядя в закатившиеся глаза Эндрю. — Эпштейн! Док! Отзовись! Да отзовись же, чтоб ты сдох!!!
* * *
Через сутки чужой превратился в крошечную точку на кормовом сегменте обзорного экрана. Положение останков чужака на всякий случай обозначал специальный маркер. Ива и Фокс то и дело на него озирались. Слишком уж много неприятностей принес «Тушканчику» этот красный треугольничек с быстро увеличивающимся числом метров сверху.
«И чего эта тварь болталась возле нашего бакена?» — спрашивал Фокс всех, кто заходил в рубку.
Ответы разнились от «вынюхивала что-то, сука» до «надо было ей, вот и болталась».
Сам корабль не особенно пострадал. Ходовая и боевая части работали просто идеально (учиненные Вернером разрушения его команда устранила так быстро, что никто и не заметил). Рассыпалось несколько внутренних перегородок на жилой палубе, треснула в двух местах переборка, отделяющая реакторный отсек. Самопроизвольно отстрелился и улетел так резво, что уже не поймаешь, аварийный модуль резервного командного поста. На складах побился груз. Но в целом ни одна из этих проблем ущерба боеспособности не нанесла.
Зато прорвало трубы регенерационной системы. И не где-нибудь, а в нежно любимой экипажем зоне отдыха. И пока дежурная вахта суетилась, подбирая раненых и пересчитывая живых, дерьмо успело заполнить до краев бассейн, затопить прилегающие душевые и так уделать кают-компанию, словно в ней резвился ассенизационный обоз. Разъяренный Боровский объявил авральные работы и загнал на приборку столько народу, сколько удалось поймать. От старпома прятались по всем углам, и это приключение слегка разрядило обстановку на корабле.
Потому что трупов оказалось, как и предполагал Рашен, достаточно. Восемнадцать. И еще десяток человек с серьезными переломами и тяжелым сотрясением мозга. И еще пятнадцать с мелкими повреждениями. В их число попал Вернер, которого док накачал лекарствами и отправил спать.
В прозрачном саркофаге медлаборатории лежал нарушивший технику безопасности связист. Все его тело превратилось в один громадный синяк, лицу требовалась дорогая пластика, но лейтенант был жив. Ввиду чего Боровский заочно вкатил ему тридцать суток ареста с отсрочкой исполнения и лишил премиальных за год.
Иву утешали всем экипажем. Разве что Линда не сказала ей ни слова, только заглянула в глаза и крепко пожала руку. А остальные хором уверяли, что она молодец и действовала правильно. Общественное мнение не учитывало, что смертельный номер с кувырком Ива не сама выдумала, а просто идеально выполнила приказ. Но поблагодарить кого-то и утешить людям было необходимо, а истинный виновник торжества, Рашен, во-первых, оказался труднодосягаем, а во-вторых, не выглядел расстроенным из-за потерь. Он скорее выглядел злым. Адмирал лично разобрал каждый случай, когда травму получил человек, обязанный в момент кувырка быть пристегнутым. Самих людей — тех, кто по состоянию здоровья мог его выслушать, — он не особенно ругал. Зато в пух и прах разнес их

командиров. А явившегося с повинной головой Боровского, формально отвечающего за соблюдение техники безопасности на всем корабле, вообще не тронул.
Едва старпом приблизился к нему на два шага, Рашен сморщил нос и сказал:
— Фу! Иди отсюда! Топай обратно говно черпать!
— Да мы уж вычерпали, — печально сообщил Боровский, принюхиваясь. — Мы теперь все чистим и дезинфицируем.
— Себя потом не забудь продезинфицировать… Спаситель человечества.
Спаситель человечества вздохнул и ушел вымещать злобу на младших по званию. А Рашен связался с библиотекой и принялся искать в ее куцем собрании хоть что-то, что могло бы рассказать ему, как люди жили раньше, не употребляя эпитетов «деструктивные тенденции» и «преступная недальновидность». Увы, сто лет назад история была в очередной раз переписана заново, и ничего ободряющего о прошлых веках Рашену найти не удалось. Выходило, что хотя человечество и докатилось до Заварухи по собственной глупости, но выводов не сделало, и только ядерная зима Полуночи заставила людей поумнеть. Согласно учебникам, волны религиозного и расового противостояния накатывали одна за другой в течение всех четырех веков атомной эры. Остановить насилие смогли два фактора, и оба человеческие. Установление «народного капитализма» — раз, и решительный отказ от всех постулатов традиционной культуры — два.
Фактор первый вытекал из самой Полуночи: с ядерной зимой не поспоришь, нужно было сплотить людей и выживать. Это сделали через объединение капиталов. Второй фактор тоже возник не от хорошей жизни. Глобальная война разразилась на религиозно-этнической почве, и залогом того, что она не повторится, могло стать только стирание граней между культурами уцелевших наций. Сгоревшие книгохранилища и потерянные из-за электромагнитных всплесков файлы весьма этому способствовали. На израненной Земле осталось совсем мало литературы во всех ее проявлениях, и отфильтровать ее по качественным признакам оказалось легко. А в самой идее единого общества не было ничего особенно нового. Она только ждала, когда ее претворят в жизнь. Для этого у власти должны были встать люди, больше всех заинтересованные в стабильности: менеджеры и военные. У них хватило ума договориться, втихую перестрелять уцелевших политиков и дать людям то, что всех примирило: общие интересы и общую судьбу.
Все это Рашен знал еще со школы. Более того, он верил, что ксенофобия неизлечима. Его учили: если человек религиозен, то всегда найдет себе врага, а коли гордится особым цветом кожи — и подавно. Но с годами Рашен стал задумываться, не были ли межпланетные войны, в которые он сам оказался втянут, результатом системной ошибки в самой основе земного уклада жизни. И не гниет ли земное общество изнутри, если оно так тупо, по принципу «нравится — не нравится» реагирует на действия Совета Директоров. И почему вообще оно живет, как в воду опущенное, тоскливо развлекаясь, неумно размножаясь, паразитируя на оставшихся в наследство технических идеях? И почему за сто лет не создало ни одного мало-мальски заметного произведения искусства?
Сейчас ему представился шанс проверить это общество на прочность. И он был почти готов это сделать. Ему не хватало только одного — понимания, куда идти потом.
За фамилией «Успенский» стояло одиннадцать поколений русских священников, начиная аж с семнадцатого века. Если бы Рашен об этом узнал, он бы очень удивился. Но возможно, именно в этой информации он и нашел бы какие-нибудь ответы на свои многочисленные вопросы.
* * *
В зоне лунной орбиты корабль Рашена подвергся бездарной атаке земного бэттлшипа. «Тушканчик» подставился сам. Он двигался к Земле хитрым обходным маневром и теплой встречи не ждал. Поэтому дежурная вахта, та, которую по привычке все еще звали «вахтой Фальцфейн», излишне расслабилась. Сомнительное уплотнение пространства в мегаметре строго по курсу обнаружили тогда, когда оно взяло и от души стрельнуло.
Землянин тоже оказался тот еще тормоз. Вместо того чтобы, затаившись, подпустить круизер Рашена вплотную, он саданул по нему со всей дури с большой дистанции, слегка опалил «Тушканчику» борт, а сам на ближайшие несколько минут остался без энергии.
То ли на бэттлшипе раньше времени испугались до полных штанов, увидев приближающийся флагман, то ли переоценили свою огневую мощь, то ли просто в целом сказался непрофессионализм. А может, с этого направления Рашена ждали меньше всего, и в патруль сюда назначили самый ненадежный корабль, так, для порядка. У него даже эскорта файтеров не было.
При ближайшем рассмотрении выяснилось, что придурковатый бэттлшип еще пару месяцев назад ходил в составе группы F. Судя по манере ведения боя, экипаж на нем сменили вплоть до последнего кладовщика.

Вахта Фальцфейн взяла ноги в руки и принялась изобретательно заглаживать допущенную оплошность. Вместо того чтобы окутаться роем ложных целей и вообще прятаться, «Тушканчик» поддал газу и пошел на агрессора в лоб.
— Атакуйте, — разрешил по интеркому проснувшийся Рашен. — Я сейчас подключусь.
На то, чтобы присоединиться к игре, адмиралу понадобилось время. Навигатор выжал из корабля максимально разрешенные двенадцать «же», и Рашен предпочел не отрываться от койки. Усилители-то усилителями, но в любом случае адмирал сейчас весил побольше ископаемого бегемота и мог одним неловким движением поломать свой пульт, установленный в каюте. На такой случай безумно дорогой командирский спецкостюм был напичкан электроникой. А воткнуть себе на ночь в грудь штекер бортовой сети Рашен, в отличие от некоторых, не забыл еще ни разу. Он задержался с подключением только из-за того, что ему тяжело было совершать точные движения пальцами.
Бэттлшип отползал на маневровых двигателях, копя энергию для нового залпа. На «Тушканчике» уже было все давно посчитано, и когда бомбардир противника нажал спуск, крейсер сделал «горку», пропустив залп под брюхом и вернувшись на прежний курс.
— Только не стреляйте, — посоветовал из своей каюты Фокс. — И обманки раньше времени не бросайте. Пусть они, гады, испугаются как следует.
— Без тебя знаем, — ответили из рубки. — Не ты, что ли, нас учил?
С третьего залпа бэттлшип попал. Не в крейсер, а в одну из сброшенных в последний момент «обманок». На четвертую попытку времени у него не осталось. Крейсер подошел на дистанцию эффективного выстрела и так дал линкору в рыло, что громадная махина вся содрогнулась. А «Тушканчик» проскочил мимо. Легко подавил слабый огонь бортовых орудий врага и поймал всего-то два несильных удара, один в область грузового шлюза, а другой — касательный по аварийному модулю жилой палубы. Модуль, зараза, тут же отстрелился и улетел, как будто его делом было спасать не людей, а себя.
Бэттлшип дал энергию на отражатели и двинулся вперед. Видимо, его командир уже догадался, что сейчас будет, и решил хотя бы так осложнить Рашену задачу.
— Бейте ему в третий, пятый и шестой, — сказал Рашен. — Так больнее получится.
Крейсер, будто заправский самолет, изобразил полупетлю и сел противнику на хвост. Обзорный экран в рубке перешел на графический режим. Окосевшая от выхлопа шести большущих отражателей врага оптика закрыла стальные веки, и картинку теперь целиком моделировал компьютер.
Впрочем, бэттлшипу пришлось не легче, потому что, заглядывая себе под корму, он видел то же самое пламя, которое слепило преследователя. Залпом его кормовых батарей «Тушканчику» немного прижгло нос, и не более того.
— Есть захват третьего и шестого отражателей, — сообщили Рашену.
— Огонь, — сказал тот.
Крейсер дважды издал тяжелый вздох. Потом, без команды, еще раз.
— И пятый разбили! — доложил радостно стрелок.
— Вижу. Сейчас его закрутит.
Но бэттлшип не закрутило, только чуть повело. Оставшись без трех отражателей, он мгновенно убрал тягу и принялся стрелять. В результате артиллерийской дуэли «Тушканчик» выбил ему две кормовые батареи из четырех, получил еще раз легонько по носу, решил себя поберечь и отвалил на безопасную дистанцию. Все-таки бой одиночного крейсера с целым линкором никакими правилами не был предусмотрен. Случись такое в старые добрые времена на море, от «Тушканчика» осталось бы одно воспоминание. Да и в космосе атаковать громадину вчетверо больше себя мог только настоящий ас, причем из категории вовсе отпетых.
— Убрать тягу, судно в режим ожидания, — приказал Рашен. — И попробуйте наладить с этим деятелем связь в оптическом диапазоне. Хуже не будет, и так на весь космос фейерверк устроили. Надо же знать, кого бьем.
— Не можем сигналить — доложила рубка. — Похоже, он нам лампочку сжег.
— Тогда глазом ему моргай!!! — взорвался Ращен. — Сами подставились, сами и придумайте что-нибудь… Носовой позиционный огонь в прерывистый режим поставьте.
— Нет огня носового, — упавшим голосом ответили ему.
— Пусть главным шлюзом похлопают, — дал совет Боровский.
— Идиот… — прорычал Рашен.
— Да это я шучу, патрон. Это я, так сказать, язвлю.
— Оно и видно. Слушайте, молодые люди, у нас позиционных огней было с утра четыре. Хоть один уцелел?
— Кажется… Есть кормовой.
— Ну и мигай. Не знаешь как — позови лейтенанта Вернера.
— Господин адмирал, сэр! — позвал Вернер. — Я у себя в посту, сейчас все организуем.

— Отлично. Andrey, тогда поговори с ним сам. Морзянку не забыл еще?
— Так точно.
— Спроси, кто он и чего ему надо вообще.
— Не так быстро, сэр. Мне тут еще паять и паять.
— Жду. Ты не спеши.
Бэттлшип на вопросы не реагировал.
— Скажи, будет дурака валять — остальные зеркала поотшибаем! — требовал Рашен.
Бэттлшип тупо висел на месте и упорно отмалчивался.
— Ну и хрен с ним! — вздохнул Рашен. — Надо бы поучить дурака, да себя жалко, любимого. Дежурный навигатор! Давай полную тягу, идем к Эссексу. А сам, как встанем на курс, немедленно ко мне!
— Есть, сэр, — хмуро сказал дежурный.
— Готовь смазку, — посоветовал ему стрелок. — Разозлил ты старика. Он сейчас тебе по самые печенки вдует за утерю бдительности.
— Да кто ж мог знать, что эта сволочь здесь торчит! — возмутился дежурный. — Когда такое было, чтобы в этом секторе… А тебе, юмористу, как вернусь, самому задницу надеру!
— Мне-то за что? — удивился стрелок. — А потом, ты ведь не вернешься. Это я тебе в карцер передачи носить буду. А их у меня не примут, хе-хе…
Дежурный задумчиво оглядел свою вахту.
— Ребята, — сказал он. — Ни у кого не завалялось пожрать чего-нибудь вкусненького? Найдите варенья хоть пару тюбиков, а? Так, на всякий случай…
* * *
Скаут «Хелен Рипли» опустился в плоскость эклиптики за четыреста мегаметров от Земли. Файн мог бы и до самой орбитальной базы идти нехоженными тропами, но его внимание привлек одинокий бэттлшип с горящими позиционными огнями. Кроме того, «Рипли» и так уже снижался.
— О-па! — воскликнул Файн. — Да это же наши! Это «Пиркс»! Ну-ка, вызывай его!
Бэттлшип не реагировал. То ли в группе F поменялись коды, то ли…
— А что-то с ним нехорошо, — заметил второй навигатор. — Посмотрите, Эйб, по-моему, у него корма не в порядке.
— О-па… — теперь уже не воскликнул, а скорее пробормотал Файн. — А ведь ты прав, Джонни.
— Половины отражателей как не бывало, — сообщил Джонни. — И кажется, по носу он тоже огреб.
— Так, — сказал Файн. — Отставить связь. И дайте мне на оптику максимальную резкость.
— Вы что, шеф? — удивился Джонни.
— Он не отзывается на наш код, — сказал Файн твердо. — Он висит с разбитой жопой и побитой мордой и не шевелится. Огни зажег, как грузовик какой-то. Мужики, вы видели хоть раз корабль из группы F в таком нелепом положении?
И он же один висит! Никого из наших рядом.
— Мало ли что там могло случиться…
— Вот именно! — сказал Файн со значением. — Именно — мало ли?..
В этот момент позиционные огни «Пиркса» начали мигать.
— Заметил… — упавшим голосом констатировал Файн. — Теперь не отвяжется.
— …и три длинных, и три коротких, — сосчитал Джонни. — Шеф, вам не кажется, что «SOS» здорово похоже на сигнал бедствия?
— Радио на аварийную волну, — приказал Файн.
На аварийной волне стояла полная тишина.

— Ну?! — торжествующе вопросил Файн. — Где «мэйдэй»?
[80]
Нету! Мало вам? Давай приемник на автонастройку.

В близлежащем эфире на всех частотах оказалось глухо.
— Вон у него все антенны на месте торчат! — настаивал Файн.
— Да что вы меня уговариваете, шеф? Вы с собой разберитесь, чего вам хочется. Ожидаю приказаний.
— Вы лучше прикиньте, кто ему отражатели раскокал. Ведь отродясь группу F так не били, — заметил техник.
— Да уж, — согласился Файн. — Не иначе, наши с русскими воюют.
Это заявление вызвало в рубке дружный хохот.
— Или наши с чужими, — ляпнул Джонни.

— Типун тебе на язык. Ладно, двигай к нему полегоньку. Если что — отскочим. Мы суденышко маленькое, авось не попадут.
Причалив к бэттлшипу, Файн долго препирался с командой, кому идти внутрь разбираться. По Уставу он не мог покидать борт корабля, но и отправлять своих людей в потенциально опасное место тоже не хотел. Наконец он заявил, что никаких аргументов слушать больше не желает. Гордо вытащил большой автоматический пистолет, заверил подчиненных, что живым врагу не дастся, и, очень довольный собой, вышел наружу.
Внутренняя дверь шлюзовой камеры открылась, за ней оказался хорошо знакомый Файну интерьер. Все системы были под током, всюду горел свет, но пришвартовавшийся скаут никто не встречал, и это Файна весьма насторожило.
Он как раз положил руку на клавишу внутренней связи, намереваясь спросить, за что ему такое неуважение, когда из-за угла вышли трое в спецкостюмах и с автоматами. Маски у незнакомцев были застегнуты, оружие бойцы держали с сознанием полного своего превосходства небрежно, стволами вниз. Знаки различия у них были сержантские, но не летные, а общевойсковые.
— Вы арестованы, — глухо раздалось из-под маски. — Назовите себя.
Такого приема Файн не ожидал совершенно. Обнаружь он на борту чужого, и то его реакция была бы куда более адекватной. А больше всего разведчика потрясла фраза «Назовите себя».
— Вы чего, детишки? — спросил он. — Не узнаете, что ли?
— Назовите себя, — раздалось в ответ.
— Что здесь происходит? — не унимался Файн, шаря вокруг глазами в поисках хотя бы мельчайшего намека на ответ. И неожиданно увидел. Терминал, на котором он по-прежнему держал руку, украшало грязное пятно. Здесь должно было быть написано по трафарету «BS PIRX», а дальше — номер терминала. Номер был на месте. А название судна кто-то соскреб.
«Повязали наших, — догадался Файн. — Вот, гады, даже имена у кораблей отняли. И меня сейчас повяжут. И ребят. И от нашей красотки «Хелен» тоже останется только порядковый номер. А вот хрен вам! Надо драпать на Венеру. Если кто из группы цел, все сейчас там. Потом, я ведь обязан доложить Рашену насчет чужих. Я выполняю приказ своего командира. А эти заладили — назовите себя, назовите себя… Имею право не подчиняться».
— Ну, знаете… — пробормотал Файн, прикидывая, куда ловчее отпрыгнуть. Рука в кармане сжала рукоять пистолета. Другая рука сползла с клавиши вызова на контакты сектора управления погрузкой. Автоматов разведчик не особенно испугался, его громоздкий скафандр защищал от пуль не хуже штурмовой брони. Но забрало Файн поднял, и один точный выстрел в лицо мог оказаться для него роковым. Поэтому главным было отвлечь внимание противника и успеть развернуться спиной, а потом уже драпать.
— Что происходит, шеф? — беспокоился в наушнике Джонни.
— Вы хоть кто такие, парни? — спросил Файн. — Должен же я знать, что за народ меня арестовывает. Я вообще-то целый коммандер, если вы, конечно, в состоянии это разглядеть.
— Вы задержаны от имени Совета Директоров, — сообщили ему. — Мы патрульная группа Земли. Назовите себя, коммандер, и сдайте оружие, или будем вынуждены применить силу.
Файн незаметно двигал рукой над пультом управления, вспоминая, как запускается погрузчик. В толстых перчатках найти верную позицию было непросто, но он, кажется, справился.
— Ну, раз такие дела… — сказал разведчик, опуская пальцы на «доску».
В тот же миг он повернулся на сто восемьдесят градусов и кинулся в шлюз. Позади раздался оглушительный грохот, и начали палить из трех стволов. Файна это несколько удивило. На его памяти автоматические погрузчики ездили с легким жужжанием и не пугали людей до такой степени. Разведчик ткнул кнопку закрывания двери, проскочил внутрь шлюза и весь сжался в ожидании автоматной очереди в спину.
Выстрелов не последовало. И когда дверь почти захлопнулась, озадаченный Файн рискнул-таки на секунду обернуться и самым краешком глаза посмотреть, что же он натворил.
В полу зияла квадратная дыра, а из нее торчали лупоглазые маски и судорожно цепляющиеся за край дыры руки. Вместо погрузчика, который должен был на миг отвлечь внимание незнакомцев, Файн включил, оказывается, привод лифта-транспортера, ведущего на складские уровни.
Хохоча, Файн вбежал на борт «Рипли» и плюхнулся в свое кресло.
— Что это было, шеф? — спросил Джонни.
— Понятия не имею, — ответил Файн. — Но ничего хорошего, это я тебе ручаюсь. Отчаливай и вдоль борта — пошел!
Эй, мужики! Где у нас резак и краска? Маркировку на обшивке нужно будет поменять. И эмблемы отодрать от скафандров. Кто-нибудь может нарисовать венерианский герб?

* * *
— Внизу жуткий шухер, — сказал Эссекс. — Директора подняли весь наличный флот и заставили его хватать каждого, кого увидят на подходе к Земле. Мы с большим трудом сюда просочились. Знаешь, Алекс, надо было тебе добить этот бэттлшип. Жалко, конечно, беднягу «Пиркса», но он уже поднял шум. Через несколько суток они догадаются, где мы, и заявятся сюда всей бандой. Жарко нам придется.
— Я не мог его добить, — помотал головой Рашен. — Он большой, а я маленький.
— Маленький да удаленький. Ладно, справимся как-нибудь. Ты объясни, как будем жить дальше.
— Что о нас говорят в Сети?
— Разделились мнения. Тут какая штука: красножопые-то молчат. Как будто мы на них и не нападали вовсе. Прошла уже информация, что атака на Марс была ошибкой и виновато в ней земное руководство. Эх, нам бы еще недельку отсидеться, и все бы само встало на свои места!
— Не будет у нас времени, Фил. — Рашен задумчиво взялся рукой за подбородок. — Мы сейчас должны что-то придумать такое, чтобы опередить Директоров и поставить их в дурацкое положение. Нам позарез нужен красивый жест. И мы его, кажется, сделаем.
— Ну? — подался вперед Эссекс, весь обратившись в слух.
— Мы вернули Земле бэттлшипы. Мы отдали Рабиновичу «Гордон». Как тебе кажется, Фил, каких судов у нас в группе не осталось?
— Больших, — сказал Эссекс в легком удивлении. — Мощных.
— Не-ет, дорогой. У нас больше нет судов, которые связывают нам руки. Намертво приковывают нас к космосу. Не позволяют спешиться.
— Ты действительно больной… — прошептал Эссекс.
— Почему? — удивился Рашен. — Вся земная оборона развернута наружу. И прикрывает только населенные зоны, Европу и Северную Америку. Мы спокойно их обойдем, сядем где-нибудь… В Москве сядем, например, чтобы до Парижа было недалеко. И никто нас очень долго не побеспокоит.
— И что?
— И то, что перед входом в атмосферу наши связисты забросят в Сеть картинку от Файна. С чужими. Кстати, от Абрама до сих пор ничего?
— Появится, — сказал Эссекс уверенно. — Хорошо, допустим. Ты хочешь всколыхнуть общественное мнение. Картинку мы тебе в Сеть хоть сейчас загрузим. Но приземляться зачем?
— Чтобы люди к нам потянулись, — объяснил Рашен.
— Вот это ты верно сказал! Армия к нам рванет на полном ходу. Ты подумай, Алекс! Допустим, мы орбитальные батареи обойдем. Предположим, место посадки не засекут. Но все равно найти нас на поверхности — дело нескольких дней. Максимум неделя. Расстреляют сверху, и привет. Или ты хочешь изобразить авиацию? Пугать землян штурмовыми заходами на города? Полная чушь. Сам знаешь, в атмосфере мы не сможем разогнаться. Едва войдем в зону, прикрытую спутниками, они нас посшибают, как на учебных стрельбах…
— Я никого не хочу пугать, — сказал Рашен. — Наоборот. Я уверен, рядовые акционеры расценят наш поступок как жест доброй воли. Прилетели, сидим, никого не трогаем… Сумасшедшие бунтовщики так себя ведут? А неделя — как раз то, что надо. Вполне достаточно, чтобы люди разобрались, кто прав, а кто не очень. Пока Адмиралтейство флот подтянет… К тому же места дикие, топопривязки никакой. Poyehali, Фил!
— Сумасшедшие бунтовщики так себя действительно не ведут. Так себя ведут дети, Алекс.
— Разумеется, Фил! — Рашен даже рассмеялся, до того ему замечание Эссекса показалось верным.
— Ты чего ржешь? — спросил Эссекс подозрительно.
— Подавляющее большинство тех, кто внизу, — остро инфантильные личности. Все настоящие взрослые мужики удрали в космос. Почему мы с тобой воевали-воевали, а потом раздумали? Мы взрослые, Фил. А почему внизу сначала вокруг нас учинили культ героев, а потом решили нас с грязью смешать? Потому что они дети. Они чувствуют, что мы какие-то не такие, и не понимают, как к нам относиться и что с нами делать.
— И ты хочешь дать им понять?..
— Мы должны хотя бы раз сыграть по их правилам, Фил. Тогда они нас полюбят. Мы должны отмочить какой-нибудь подвиг. Благородный рыцарский поступок. Ну же, poyehali! Соглашайся, дружище.
— Ты больной, — заключил Эссекс. — Ладно, поехали.
* * *

Запись нападения чужих на земной разведчик Совет Директоров объявил фальшивкой и гнусной провокацией. Крамольный файл мгновенно из Сети выковыряли, но его успело просмотреть достаточно народу, чтобы внизу поднялся вопль ужаса. Критические выступления ученых и экспертов по видеозаписи только подлили масла в огонь.
Тем временем группа F цинично показала издали борт спутникам земной обороны и, не получив ни одного попадания, с грохотом обрушилась в атмосферу. Разметав подвернувшийся циклон и подарив головную боль метеорологам, корабли выровнялись на предельно малой высоте и скрылись в глубине Евразийского континента.
Совет Директоров спешно восстанавливал штатную структуру Адмиралтейства. Полиция устроила настоящую облаву на адмирала Кёнига — но того и след простыл. Старый мерзавец, единственный достойный противник Рашену, убыл в инспекционную поездку на Американский континент. Решил, видите ли, за неделю до отставки попутешествовать за казенный счет. Конечной целью Кёнига был Ванкувер, но до города адмирал флота не доехал и растворился вместе со своей многочисленной свитой где-то в бескрайних канадских степях.
Более того, неожиданно вымерло знаменитое Ванкуверское военно-космическое училище, из которого Директора надеялись добыть триста боеспособных молодых офицеров. Когда группа F заходила на посадку, в училище стряслась внеплановая учебная тревога. Преподаватели и курсанты попрыгали в грузовики и, разбудив сонный город, шумно умчались куда-то, не оставив на месте ни одного человека. Логично было предположить, что и адмирал флота Кёниг, и инспектируемая им часть окажутся на тренировочной базе Маккензи, но туда они не прибыли.
Полицейская эскадра вице-адмирала Рабиновича, спешно вызванная домой, не могла набрать достаточный ход из-за нехватки бустерного топлива и прибывала к Земле не раньше, чем через месяц.
По Сети бродила расшифровка записи переговоров некоего высокопоставленного астронавта У. с анонимным членом Совета Директоров. Половина текста состояла из нецензурных выражений. Из другой половины следовало, что У. по заказу Директоров сначала провоцирует беспорядки на флоте, а затем подставляет восставшие корабли под огонь полиции. В итоге самые независимые командиры должны были погибнуть, а флот немедленно распущен в виду нелояльности. Журналисты уверяли, что запись доказывает заговор между Директорами и марсианским Сенатом. Они увязывали творящийся вокруг группы F бедлам с нерешительностью предстоящего Собрания Акционеров. Последний социологический опрос снова не давал четкого ответа, готовы ли Акционеры голосовать за роспуск флота. Согласно выводам прессы, такая ситуация в равной степени не устраивала и Директоров, и красных сенаторов, так как первым стало трудно флот содержать, а вторым надоело его бояться.
Орбитальные станции не смогли точно засечь место посадки кораблей группы F из-за мощных атмосферных возмущений. Предположительно Рашен приземлился где-то на относительно чистой территории в Центральной России. Группа полицейских специалистов на двух антикварных самолетах, оснащенных системой АВАКС, вылетела из Парижа на восток в надежде уточнить эти данные. Один самолет вскоре разбился из-за отказа двигателей, а второй попал в жуткую болтанку и вынужден был вернуться. На Европу шел торнадо. Служба погоды крыла Рашена матом и требовала боевые лазеры для расстрела приближающегося атмосферного фронта.
А Рашен, в который раз оказавшийся самым популярным человеком в Солнечной, молчал.
* * *
Когда в небе над руинами с оглушительным воем пронеслись большие огненные шары, доктор Ллойд как раз сидел под стеной Черного Храма и разговаривал с Батькой.
— Что это было? — ошарашенно спросил доктор, поднимаясь на ноги, слегка ушибленный и весь в саже.
— Гром небесный, — хмуро ответил Батька, отряхивая рясу.
— И часто у вас так? — поинтересовался доктор.
— Давно пора, — сообщил Батька уклончиво.
Вдалеке, на равнине за холмами, поднималось огромное мутное зарево.
— Съездить, посмотреть? — нерешительно пробормотал доктор.
— Зачем? — тут же спросил Батька, внимательно заглядывая доктору в лицо.
— Ну мало ли…
— Не надо, — посоветовал Батька с угрозой в голосе.
— Как скажете, — миролюбиво согласился доктор. — Пойду я тогда к себе, что ли…
— К вечеру приходи, — сказал Батька. — Я сейчас людей соберу, Богу молиться будем. А ты принеси еды.
— Хорошо, — сказал доктор. — Тогда до вечера.

— Будь благословен, — напутствовал его Батька, простирая в сторону доктора тощую хилую руку.
Доктор учтиво поклонился и быстрым шагом направился в центр города. Батька проводил его подозрительным взглядом. Позвал служку, приказал давать сигнал, задумчиво почесал под рясой и спустился от Храма на берег Тропы Паломников.
Ничего почти не осталось от его любимого города, в прошлом знаменитого на весь мир религиозного центра. Но святыни устояли, не рассыпались во прах. Громада Черного Храма за спиной и величественная статуя Бога впереди, на возвышении в развилке Тропы. Сюда, поклониться Богу, шли когда-то по каменному ложу Тропы многие тысячи людей. А из Храма выходили на берег иерархи и благословляли паломников на служение. И огромный город был вокруг, в несколько сотен домов. Ничего не осталось, все превратилось в труху, только Бог по-прежнему грозно взирал с пьедестала, и Черный Храм глядел своими трубами в пасмурное небо. И еще Тропа осталась, специально проложенная в незапамятные времена ниже уровня земли грандиозным извилистым каньоном, чтобы шли молящиеся ровными колоннами прямо к ногам Божьим преклонить колена.
Батька оглянулся. Над центральной трубой Храма, самой большой, уже поднимался легкий дымок. Сейчас он станет гуще, и видно будет его издалека, и сойдутся люди, а он, Батька, скажет им: случилось чудо Божье. Успокоит встревоженных, утешит напуганных…
Интересно все-таки, что бы это огненное пришествие могло значить? А ну, как встанет сейчас за холмами сам Бог во весь свой исполинский рост?
Батька покосился на холмы. Зарево уже опало, только клубилась на равнине какая-то пыльная муть. И любопытный чужестранец, конечно же, едет туда на своей машине. Убить бы его, гада, чтобы народ не смущал высоким ростом и странной речью, да вот нельзя. Бог не велел. Ничего, за чужестранцем проследят. И все увиденное доложат.
Но все-таки, что же это было, а?

Вездеход доктора Ллойда проворно вскарабкался наверх и выскочил на равнину. Доктор посмотрел вперед, резко затормозил, и из груди его вырвался удивленный возглас.
В сотне метров справа от доктора над гребнем холма показались две лысые бугристые головы и уставились, подслеповато щурясь, в том же направлении.
— Ёб! — сказала одна голова и в ужасе спряталась обратно за гребень.
— Ёп! — согласилась другая и сделала то же самое. Доктор поколдовал над пультом и дал на экран максимальное увеличение.
— Вот это да… — пробормотал он.
Головы высунулись опять, на этот раз уже с биноклями у глаз.
— Ну, ёб! — сказала первая.
— Ну, ёп! — кивнула вторая.
Доктор в раздумье барабанил пальцами по штурвалу. Головы оживленно шептались между собой. На равнине впереди стояли на коротких лапах огромные металлические сигары. Блестящие зеркала отражателей пускали в глаза доктору солнечные блики, и он вынужден был приглушить яркость экрана.
— Эй, неопознанный объект на краю обрыва! — позвал молодой веселый голос в наушниках.
Доктор от неожиданности подскочил в кресле и больно ударился головой о задрайки люка.
— Эй, ты, уже опознанный! — не унимался голос. — Транспорт наземный универсальный, бортовой номер сто пятнадцать двести семь, приписан к Смитсоновскому институту Соединенных Штатов! Тебя вызывает дестроер группы Attack Force «Роканнон-2»! Хочешь жить — отзывайся! Не хочешь жить — не отзывайся! Шаг вправо, шаг влево считаю за побег, прыжок на месте — провокация! Чего молчишь, обосрался?..
Голос внезапно потонул в треске помех, и его место занял другой, скрипучий и взрослый.
— Отзовитесь, транспорт наземный! — потребовал он. — Мы не представляем опасности для гражданских лиц. Если вы действительно работаете на Смитсоновский, мы будем рады вас принять.
— Я… — хрипло выдавил в микрофон ошарашенный доктор.
— Уже лучше, — поддержал его голос. — Вы не волнуйтесь так. Все в порядке. С вами говорит начальник штаба группы F контр-адмирал Эссекс. Повторяю, мы вас не тронем. Назовите себя, пожалуйста.
— Доктор Джеффри Ллойд, Смитсоновский институт, отделение этнографии. Вы извините мое молчание, я был несколько удивлен.
— Мы тоже, — согласился Эссекс. — Вот уж не думали, что ваша фирма забралась в эти края. Ну что же, доктор, подъезжайте к нам. Посплетничаем. Видите круизер градусов десять слева по курсу?
— Кого? — не понял доктор.

— Ну здоровая такая штука в пяти километрах впереди и левее. Шесть больших отражателей, надстройка зализанная в миделе…
— Я сориентируюсь, — пообещал доктор. — Вы меня поправьте, если я не туда. А то вас очень много.
— Мало нас, — вздохнул Эссекс. — Ладно, давайте рулите. А вы что, один?
— Да. — Ллойд двинул вездеход с места. Свободной рукой он утер пот со лба. Пота оказалось неожиданно много, и вообще доктор был весь в жару. Его кольнула внезапная догадка, и он посмотрел на счетчик Гейгера. Нет, радиация за бортом оказалась, конечно, выше нормы, но вовсе не такая, чтобы причинить серьезный вред. Доктор просто здорово перенервничал.
— Насчет заражения не думайте, — сказал Эссекс, будто прочитав мысли доктора. — Мы вашу кроху затащим на борт подъемником и сразу почистим. И можете передать своим, чтобы не беспокоились.
— Я один, — повторил доктор.
— Вообще один? — удивился Эссекс.
— Вообще. — Ллойд решил было срезать угол, пройдя под брюхом одного из кораблей, но побоялся и свернул. Вездеход был уже внутри приземлившейся эскадры, и доктор подумал, что так, наверное, чувствует себя таракан на людной улице. Вблизи корабли оказались просто огромны. Стой они вертикально, к ним страшно было бы приблизиться.
— Смелый вы, — одобрил Эссекс. — Левее, еще левее берите. Вот так. А что интересного про этнографию можно узнать в Москве?
— У местных очень забавный религиозный культ, — объяснил доктор.
— У местных… Слыхал? — обратился Эссекс к кому-то, отвернувшись от микрофона. — И много их, местных?
— Точно не знаю. В пределах самого города прокормиться может, я так думаю, тысяч пять. Но на праздники сходится гораздо больше.
— Мутанты? — спросил Эссекс с брезгливой интонацией.
— Разные люди, — коротко ответил доктор.
— Ну-ну. Вы на месте, доктор. Подъезжайте к левой задней лапе, увидите там платформу. Вот так. Прямо на нее. Все, ждите. И добро пожаловать на борт нашего флагмана.
— У вас найдется какая-нибудь приличная одежда? — спросил доктор. — Мой рост сто шестьдесят восемь, полнота третья. И ботинки. Семь с половиной.
— А вы что, голый? — недоверчиво спросил Эссекс.
— Я не голый. Но я стараюсь не выделяться.
— У нас? — не понял Эссекс.
— У них.
— А-а… Ну что же, господин этнограф, в таком случае у нас вы тоже не будете выделяться. И у нас тоже очень забавный культ. Вам будет интересно.
— И хорошо бы сначала помыться мне… — робко попросил доктор.
* * *
Ввиду того, что в кают-компании все еще нехорошо попахивало, доктора Ллойда приняли в библиотеке. Чисто вымытый, намазанный средством от паразитов и облаченный в легкую рабочую форму, доктор обрел вполне достойный вид. Больше всего он теперь смахивал на этнографа, который притворяется астронавтом.
— Наш гость слегка радиоактивен, — предупредил Боровский, — но это не существенно. Вы бы видели его шмотки! А рожа какая! То есть сейчас он уже размылся, но пока был в гриме — мама родная! Если бы меня спросили, я бы сказал: мутант он и есть мутант. Одно слово — ученый.
— Все полевые работы Смитсоновского института финансирует ЦРУ, — сообщил Эссекс. — Особенно это касается районов, о которых мало информации. Так что ученый он в последнюю очередь. Ладно, тащи его сюда. Что он хоть за мужик-то?
— Да ничего. Только мелкий. Чудом форму ему отыскали.
— Это не он мелкий, — сказал Рашен и устало зевнул. — Это мы крупные. Здоровые все, потому и крупные. Будешь лазать по задворкам, тоже измельчаешь.
— Десантники вон тоже крупные, — возразил Боровский, — а размножаться не умеют.
— Их просто в детстве не тем кормили. Вырастешь на помойке, тоже размножаться отучишься. Давай, Жан-Поль, зови. Я спать хочу.
— Вы будьте с ним повнимательней, драйвер. А то если он на самом деле разведчик…
— Непременно разведчик, — кивнул Эссекс. — Вот мы его сейчас и допросим.
Доктор Ллойд, войдя в библиотеку, смущенно остановился на пороге. Из Сети он довольно много выяснил о людях, которых ему предстояло сейчас увидеть, и даже знал их в лицо. Эти офицеры не раз побывали в центре внимания прессы, и всегда их называли героями. Но в последний месяц они вдруг стали безумцами и предателями. Такая метаморфоза доктору

была интересна и как ученому, и как простому акционеру, на деньги которого эти люди воевали сначала с врагами Земли, а теперь и с ней самой.
Первым навстречу доктору поднялся высокий, чуть сутулый офицер с одной яркой большой звездой и кучей мелких нашивок на груди комбинезона. Лицо у него было осунувшееся и хищное. Маленькие глазки-буравчики так и сверлили гостя.
— Контр-адмирал Филипп Эссекс, — сказал он, протягивая сильную жилистую руку. — Приветствую вас на борту флагмана группы F, среднего боевого корабля «Пол Атридес». Разрешите представить: командир группы адмирал Алекс Успенский.
Доктор рассеянно пожал руку Эссекса, выглядевшего именно так, как Ллойд и представлял его себе по фотографиям. А вот человек с тремя генеральскими звездами… Он тоже встал из-за стола, оказавшись неожиданно большим и в то же время стройным. Очень спокойное лицо с волевыми чертами, ясные умные глаза, коротко стриженные волосы с отчетливой сединой. Внутренне доктор поежился. Никакое видео не могло передать того магнетизма, что излучал этот человек. Он не подавлял и не пугал. Он удивительно властно располагал к себе. Буквально с первого взгляда.
— Я вас знаю, — сказал Ллойд. — Вы адмирал Рашен.
— И я вас знаю, — улыбнулся Рашен. — Вы Джеффри Ллойд из исследовательской группы в Лэнгли. Специалист по евразийским племенам. Мы встречались как-то на приеме в Адмиралтействе. По случаю завершения первой марсианской кампании. А вы как раз вернулись с островов на русском Севере. Вас тогда еще все расспрашивали, едят ли русские мутанты друг друга.
— Северные едят, — сказал Ллойд. — А местные нет. Они бы хотели, но им вера не позволяет. Только насчет Лэнгли вы, сэр, промахнулись. Я из ЦРУ еще десять лет назад ушел. Точнее, меня… ушли.
— По здоровью? — участливо спросил Эссекс, пожирая доктора людоедским взглядом сверху вниз.
— По убеждениям, — гордо ответил Ллойд.
— Это по каким же таким убеждениям? — нахмурился Эссекс.
— Агитация против существующей формы правления, господин контр-адмирал, сэр, — ответил Ллойд весьма язвительным тоном. — Уволен из рядов с позором без пенсии и звания. Так что никакой я больше не разведчик и не офицер. А вот докторскую защитил на самом деле. Преподаю. Ну и выбираюсь в поле, когда деньги есть.
— Надо вам было поступать в Лэнгли гражданским консультантом, — посочувствовал Рашен. — Тогда бы ни позора не было, ни срывания погон. Знаю я эти гадские церемонии. Отвратительное чувство испытываешь. И сам разжалуемый весь извивается, и вокруг все стоят, как в дерьмо опущенные.
— Вас разве тоже?.. — удивился Ллойд.
— Не меня, — объяснил Рашен. — Я.
— А-а… — понял доктор. — Да, вы правы. Но я был молод, и мне очень хотелось надеть мундир. И чтобы вся грудь в орденах. Кстати, адмирал, а я ведь не помню нашей встречи. Прием в Адмиралтействе помню, а вас — нет.
— Я тогда был еще капитаном, а вы, дружище, находились в состоянии тяжкого алкогольного опьянения. Мне очень понравилось ваше заявление, что если бы не русские, мы бы сейчас были узкоглазые и жрали один рис. Все тут же посмотрели на меня, а я смутился и убежал.
— Что-то я не слышал таких заявлений, — снова нахмурился Эссекс. — Прием этот был, помню, мне еще Крест вручали, а вот насчет русских…
— Фил, я тебе потом расскажу, где ты в этот момент был.
— В сортире?
— Неважно, что в сортире, важно, что именно ты делал там.
Эссекс задумался.
— А что, собственно, можно делать в сортире?
— Ты очень изобретательный, Фил. Тем более, сортир был женский.
— А! — воскликнул Эссекс. — Ну разумеется. Простите, доктор. Какая жалость! Я тогда наутро еле очухался. У меня этот Крест был, можно сказать, юбилейный. Третий. И, конечно, я…
— Это то, что вы называете Офигенный Летный Крест? — проявил эрудицию доктор. — Который на самом деле «За Выдающиеся Успехи в Летной Службе?»
— Он самый. Слушайте, Джефф, — заявил Эссекс, на глазах теплея лицом. — Бросайте вы своих мутантов. У нас на флоте такой безумный фольклор… Ну где вы еще найдете такой компот из морских и авиаторских традиций?
— Вы бы видели, что придумывают там… — Ллойд ткнул пальцем куда-то за борт, — С ума сойти, чего творится. Ходишь и только глазами хлопаешь.

— Там радиация, — сказал Эссекс. — И жрать нечего.
— Ну, допустим, пища есть. Только за ней приходится изрядно побегать.
— Крысы, что ли?
— В основном голуби. Местные их разводят. Откармливают на убой.
— А кормят-то чем?
— А кормят именно крысиным мясом. Потому что голуби вкуснее. Честное слово, приличная еда. Собаки тоже довольно-таки… И потом, это все городские извращения. В сельской местности, где заражение было не такое серьезное, выжил кое-какой скот. Выглядит он не особенно аппетитно, но те куски, что доезжают до Москвы, вполне съедобны.
— Интересно, — сказал Рашен. — Слушайте, Джеффри, как вы там управляетесь один? Убьют же.
— За городом маскируюсь под бродячего охотника. Я высокий, сильный… Не надо так откровенно смеяться, господа. По их меркам я действительно крепкий парень. А главное, они хоть и мутанты, но все-таки русские. Одинокого торговца они могут прирезать от жадности — это да. А мужчину, который сам добывает себе пропитание, скорее накормят, чем обидят. Тем более что мутанты своих не трогают. Кроме того, для местных барышень я завидный кавалер…
— Фу! — сморщился Эссекс.
— Работа такая, — объяснил Ллойд без тени смущения. — А чего, попадаются симпатичные.
— Только малость лысые и скрюченные, и иногда с двумя головами.
— Ну с двумя головами не видел…
— Секундочку, — прервал доктора Эссекс. — Как вы сказали? Мутанты своих не трогают? Это нужно понимать, что есть какие-то еще, которых?…
Ллойд слегка задумался и очень естественно поскреб себя под мышкой.
— Извините, — пробормотал он. — Дурная привычка. Как бы вам сказать, господин Эссекс. Я же вам ответил: здесь разные люди живут.
— Насколько разные, доктор? — вмешался Рашен. — Ведь считается, что нормальных людей здесь нет. Или вы имеете в виду, что у них гуманоидная внешность? Для наших целей это несущественно.
— А вы тут что, воевать собрались? — быстро и довольно агрессивно спросил Ллойд.
— Нет-нет, доктор, как раз наоборот! — рассмеялся Эссекс. — Мы хотим здесь отсидеться некоторое время. Конечно, будет определенная угроза сверху, но мы спроецируем на небо маскировочную картинку. Так что вам бояться нечего. И здешним э-э… людям тоже.
— Городских вы можете за людей не считать, — отмахнулся Ллойд. — Разрешаю. У вас просто не получится, даже я долго привыкал. Но… Поверьте, господин Эссекс, не все здесь так ужасно, как уверяет официальная пропаганда Совета Директоров. Здесь народу очень много, и некоторые группы научились эффективно выживать. Кроме того, не вся территория России так уж загажена. В половине мегаметра на северо-запад отсюда есть местность с очень странным названием, английским почему-то — Вэлл Дэй. Уверяю вас, там все в относительном порядке. Уровень радиации как в Париже, почти в каждой семье есть дети, растут они на козьем молоке, у девушек прекрасные светлые волосы… Мне там даже по шее однажды дали.
— И они за эти сто лет не вымерли? — недоверчиво спросил Рашен.
— У них есть прирост населения. Пока минимальный, но с каждым годом показатели растут. Я отметил это еще когда служил в Лэнгли. Вы не задумывались, адмирал, почему эта информация не просочилась в Сеть? Почему никто не знает, что подобное есть и в Южной Америке, хотя там вроде бы ни кустика не осталось…
— А чего это мы стоим? — заметил Эссекс. — Пора бы и накормить гостя, и вообще…
— Действительно, — пробормотал Рашен, о чем-то напряженно размышляя. — Вы присаживайтесь, Джефф, сейчас я скажу, чтобы принесли чего-нибудь.
— Так что же, адмирал? — спросил Ллойд, садясь за стол.
— Не хочу я в это верить, Джеффри. Понимаете — не хочу.
— И это говорит человек, восставший против тоталитарной системы.
— Я не восставал против системы. Просто нас хотели подставить, а мы упираемся доступными методами.
— Так упирайтесь же сильнее! — вскричал Ллойд. — На вас пол-Земли молится, а вы еще раздумываете?!
Рашен сел напротив Ллойда и устало оперся локтями о стол.
— Фил, — сказал он. — Где там этот бездельник, мой адъютант? Пусть организует выпить и закусить.
— Я сам прослежу, — сказал Эссекс и вышел.

— Только не очень, — предупредил Ллойд. — Мне еще вечером в Черный Храм на богослужение.
— Черный Храм? — переспросил Рашен.
— Отсюда прекрасный вид, и вы сможете наблюдать, — пообещал Ллойд. — И вы обалдеете. Это такая чудовищная инверсия традиционной религии! Такое издевательство над православием! Восторг! Фантастика! Языческий бог вместо Троицы! У них даже статуя Бога нашлась!
— Я в этом ничего не понимаю, — сказал Рашен тоскливо. — Не уходите от темы, Джефф. Там, за бортом, полудохлые мутанты поклоняются идолу. А вы хотите сказать, что у них есть будущее?
— У этих, — Ллойд снова ткнул пальцем в стену, — будущего, скорее всего, нет. Москва вымирает. Фактически вымер Санкт-Петербург. Но я могу повторить: в слабо зараженных районах наблюдается прирост населения. Да, они уже не русские богатыри. И ростом не вышли, и рахитичные слегка. Но они успешно возделывают землю, разводят скот и охраняют свои угодья. Не скрещиваются с мутантами, более того, не позволяют им даже приближаться к селам. Только меновая торговля, да и то через посредников. Мясо, хлеб, молоко в обмен на металл. Натуральное хозяйство. У них все в порядке, адмирал. Они славные добрые люди, и через три-четыре века их народится достаточно, чтобы все начать заново.
— И вы это доложили своему начальству в Лэнгли…
— Примерно лет пятнадцать назад, — напомнил Ллойд. — А теперь я вернулся и могу подтвердить: мой прогноз оправдается. Если, конечно, на Вэлл Дэй не уронят бомбу. Не знаю, как этот оазис уцелел. Видимо, роза ветров удачная, все осадки унесло в сторону. Есть несколько таких же счастливых мест в Центральной России, но я их обследовал конспективно и не могу дать четкого прогноза.
— И это вы доложили пятнадцать лет назад…
— Не грустите так, адмирал, — попросил Ллойд. — Вы были орденоносный герой и летали по небу. Совет Директоров сообщал вам некую информацию, вы ее принимали… Это нормально. Обидно другое — то, что Директорам верили здесь, внизу. Если бы акционеры хотели узнать правду, войны с Марсом не было бы. Но акционеры привыкли жрать с раскрытой ладони своих Директоров. Им ничего не надо. Они только сейчас всполошились, потому что Директора начали совершать чересчур резкие движения. А народ этого не любит, ему нужна стабильность. Вот он и вступается за адмирала Рашена, которого макнули головой в дерьмо.
— Вступается? — хмуро переспросил Рашен.
— Вы не умеете работать в Сети, адмирал. Там масса конференций, в которые нужно только заглянуть, и все станет ясно. Ну и вы отлично подыграли. Сесть на Землю — просто гениальный ход. Я читал последние сводки, прежде чем выбраться к вам. Семьдесят процентов голосов за то, что вы ни в чем не виноваты. Люди напуганы чужой угрозой, и вы их единственный защитник. Через неделю-другую спокойно явитесь в Париж и взойдете на престол, а головы Директоров вам поднесут на серебряном блюде… Кстати о чужой угрозе. Не сочтите меня недоверчивым, это что — правда?
— Насчет собственно угрозы мы ждем уточненных данных. Но то, что чужие ходят по Солнечной, как по собственной квартире — факт. Я напоролся на их корабль по пути сюда. Пришлось его сжечь, иначе мы бы столкнулись.
Ллойд озадаченно помотал головой.
— М-да, ситуация, — пробормотал он. — Ну ладно, раз один сожгли, значит, и остальные побьете. Главное другое. Главное сейчас на Земле. Постарайтесь уяснить, адмирал. Перед нашей планетой не стоит проблема воспроизводства населения. Вас заставили воевать, чтобы эта проблема была решена. А ее не было. На самом деле была проблема власти. То, что в Париже редкая женщина может родить, а в Торонто каждая вторая может, и это никого не удивляет — штучки Директоров. Машина пропаганды. И вообще Париж не показатель. Да и Торонто, честно говоря, тоже. У нас в любом случае людей — завались. Дееспособных, здоровых, умеющих и любящих обрабатывать землю, потенциально очень неплохих колонистов. Им просто нужно дать технику — и вперед. И у нас снова появятся бескрайние хлебные поля.
— И эта информация была засекречена ЦРУ?
— Хуже того, адмирал…
— Зовите меня Алекс. Или, если хотите, Oleg. Вы же, наверное говорите по-русски лучше меня.
— Хорошо… Алекс. Так вот, эта информация секретится даже сейчас. Мне разрешили здесь работать, потому что информация нужна. Но она не выходит из Смитсоновского института. Как раньше не выходила из Лэнгли. А я, к сожалению, один такой специалист,

который может прожить в России год и не лажануться. Заслать бы сюда полноценную этнографическую партию — так ведь съедят. Ох до чего тут не любят чужаков… Самое обидное, что мутантам религия запрещает убивать мутантов, а всех остальных — пожалуйста, дело вполне богоугодное.
— Как вас-то не съели, доктор? Ну я понимаю, грим, шкуры, все такое…
— Главное — имидж. В зоне Вэлл Дэй, я уже говорил, — бродячий охотник. Тихий симпатичный парень. А здесь, в Москве, работаю под крутого: вездеход у меня, оружие… Изображаю эмиссара некой злобной группировки, которая придет и всех завалит, если живым не вернусь. Наврал с три короба — ничего, сошло. Единственный, кто меня почти расколол, — здешний патриарх. Но ему самому интересно, что я за тип. Неизвестно еще, кто из нас кого исследует, я его или он меня.
— Сколько всего может быть людей в России? — спросил Рашен. — Я имею в виду не мутантов или, скажем так, не совсем мутантов?
— Тысяч четыреста только в районе Вэлл Дэй. В целом по стране миллиона два.
— Это увеличивает известное на сегодня поголовье русских вчетверо, — сообщил Рашен хмуро.
— А впятеро не хотите?
— Да плевать. Так, а сколько по всей планете, вы не прикидывали?
— Миллионов двести, — с легкой улыбкой сказал Ллойд.
— Вы шутите? — спросил Рашен.
— Нисколько.
— Двести миллионов живут сами по себе; без ведома Директоров?
— И вне их контроля, адмирал… То есть Алекс.
— Я сейчас с ума сойду, — сказал Рашен. — Это ведь столько же, сколько всего народу на Земле, по официальным данным…
— Реально — больше. Акционеров от силы сто пятьдесят миллионов, Алекс. А все остальные, заметьте, не только свободные люди, но еще и не акционеры. Если их существование признать, так придется всех взять в долю. А чем обеспечить новые паи, если и старые-то обесценились уже почти до нуля? Привет народному капитализму. Привет Директорам. Привет монополиям. Здравствуй, демократическая республика.
— И что же будет? — тупо спросил Рашен.
— Какая разница? Для начала будет… Да хоть феодальная раздробленность. Главное — мы можем взять хороший старт. У нас есть для этого люди. Нам такие огромные инкубаторы понадобятся… У нас столько здоровых яйцеклеток, что дай только Бог управиться их все оплодотворить. И дай Бог… Вот привязалось выражение! Да, не исключено, что Бог нам тоже понадобится. Здешние ребята без него никуда. Конечно, я не имею в виду этих несчастных, которые шаманят в Москве.
Открылась дверь и вошел Эссекс с подносом, уставленным посудой.
— Извините, — сказал он, — задержался. Но там, в городе, такое… Все наши сейчас в рубке. Не хотите посмотреть, доктор? Можно вывести оптику сюда. Это же по вашей части.
— Поклоны бьют перед статуей? — спросил Ллойд.
— Да как бы лбы не разбили! — ответил Эссекс.
* * *
В ходовой рубке было не продыхнуть от народа. Эндрю легко подхватил Иву и усадил к себе на плечи, чтобы ей было лучше видно. Впереди, на обзорном экране, людская масса текла по руслу высохшей реки к подножию гигантской статуи. А от огромной черной церкви без куполов к берегу спускалось факельное шествие.
Непомерных размеров статуя глядела прямо в экран, на собравшихся в рубке астронавтов. Злое некрасивое лицо с маленькими глазками и закрученными усами поражало мастерски переданной скульптором маниакальной жаждой власти. Единственная рука гиганта сжимала архаичного вида штурвал. Ногами чудовище попирало крошечный морской кораблик.
— Силен, гад, — сказал Фокс. — Похоже, это их местный бог. Во, гляди, опять кланяются! Люди у подножия статуи, а их собралось уже тысяч пять, начали синхронно отбивать поклоны. Руководила церемонией тщедушная фигурка в долгополом черном одеянии, стоящая в окружении факельщиков на берегу мертвой реки. Мановением руки она заставляла паломников сгибаться и разгибаться. По ее же сигналу над толпой раздавался то и дело нечленораздельный гул.
— Впервые вижу столько идиотов, собравшихся в одном месте! — провозгласил Фокс. — Но каков этот идол, а? Слушайте, коллеги, не могли они его сами построить. Он наверняка со старых времен остался. Эй, Вернер! Энди! Кто это, а? Неужели у ваших было такое кошмарное божество?

— Исключено, — сказал кто-то сзади. — Будь у них такой бог, китайцы трижды бы подумали, стоит ли сюда идти. Это же белая горячка, а не объект поклонения. С таким богом можно весь мир взорвать, и только аппетит разыграется.
— А они чего сделали? — заметили справа. — В нефтяные скважины боеголовок понапихать — это что, по-твоему, акт доброй воли? Отдали бы Сибирь китайцам, те бы дальше не пошли. Им бы там и по сей день занятие было — снег разгребать.
— Ты, умник, заткни хлебало, — посоветовал Фокс, оборачиваясь. — Учил историю?
— А что мне эта ваша история…
— А то, что китайцы начали не с Сибири, а сразу с Нью-Йорка. Кто его сжег, русские, что ли? Желтая экспансия шла во все стороны. Просто Россия не смогла себя защитить без чужой помощи. Европа объединилась, как против арабов в дни Заварухи. Америка была за морем и не подпустила желтый десант к своим берегам. Всего-то два города потеряла. А на русских все плюнули и сказали: выкручивайтесь, как можете. Так и сказали, как ты сейчас, — мол, отдайте им полстраны, и дело с концом… И что русским было делать? Вот они и подорвали к такой-то матери все интересные для китайцев земли.
— И все остальные засрали в придачу, — оставил за собой последнее слово угрюмый скептик. — Скажите, Вернер, не так, что ли, было? А кто на Германию напал в двадцатом веке, причем два раза подряд?!
— Ты нашего Энди не трожь, зараза! — посоветовали скептику.
Вернер тоскливо вздохнул.
Ива участливо погладила Эндрю по голове.
— Опусти меня, — шепнула она ему на ухо. — Не могу я больше на это смотреть.
Эндрю присел на корточки, Ива спрыгнула на пол.
— Что они такое говорят? — спросила она Вернера.
— Они сами не знают, что говорят, — ответил тот. — Не слушай их, милая. Это все бред. Такой же, как на экране.
— Да плюнь ты на этого тупого ганса, — посоветовал Фокс, на всякий случай проталкиваясь к Вернеру поближе. В углу рубки, где по-прежнему разорялся астронавт с особым мнением о событиях многовековой давности, потихоньку закипала свара. — Ты лучше скажи, что за статуя такая?
— Насколько я помню, это наш царь Питер Великий. Похож, во всяком случае.
— Ну и рожа у него! Извини, конечно…
— Какая есть, — философски ответил Вернер.
— Это, понятно, совершенно не мое дело, — громко объявили в дверях. — Но если бы меня спросили, я бы сказал…
В рубке мгновенно наступила испуганная тишина.
— Как не стыдно, Линда! — возмутился Фокс.
— Я бы сказал, — продолжила Линда голосом Боровского, — что старпом придет сюда через минуту, и вот тут-то вам будет весело!
— Ты серьезно?
— Абсолютно, — ответила Линда уже своим голосом, наслаждаясь произведенным эффектом.
— Свободная вахта! — крикнула Ива. — Бегом отсюда! Дежурная вахта! По местам!
— Отдыхающая вахта! — поддержал ее Фокс. — Какого… не отдыхаете?!
Народ толпой ломанулся из рубки, и Линда едва успела отскочить с дороги.
— Всем спать! — рявкнула она вслед удирающим астронавтам, на этот раз голосом Эссекса.
— Ну ты, подруга, талант! — усмехнулась Ива, подходя к своему пульту.
— Я еще и не так могу, — заверила Линда. — Кстати, я не шучу. Прячь сигару, Майкл. И надень ботинки. Сюда направляется весь бомонд.
Вернер подошел к усевшейся Иве, наклонился и мягко поцеловал ее в висок.
— Увидимся, — сказал он.
— Любимый… — прошептала Ива. — Я буду скучать.
— А ты останься, Энди, — заметила Линда. — Тебя-то не прогонят. Это все, — она показала на экран, — вроде бы тебя касается.
— Никаким боком, — помотал головой Эндрю.
— Разве? — удивилась Линда. — Почему?
— Какое мне дело до сумасшедших идолопоклонников? Это не мой народ, Линда. Моего народа вообще больше нет.
— Напрасно вы так, молодой человек, — раздалось сзади.
Вернер обернулся. В рубку вошел небольшой краснолицый человечек в рабочем комбинезоне с эмблемой «Тушканчика» на груди. Судя по табличке, фамилия его была Каплан. За спиной человечка возвышался адмирал.

— Господа офицеры! — крикнула Ива.
— Вольно! — Рашен жестом усадил на места вскочившую дежурную вахту. — Дамы и господа, позвольте вам представить нашего гостя. Доктор этнографии, профессор Смитсоновского института Джеффри Ллойд. Доктор, это капитан Фокс, бомбардир. Капитан Стенфилд, наш психолог. Капитан-лейтенант Кендалл, старший навигатор. Лейтенант Вернер, служба технического обеспечения.
— А я Джефф, — сказал краснолицый. — В прошлом американский шпион.
— Очень хорошо, что вы американский шпион, а не какой-нибудь еще, — обрадовала доктора Линда, пожимая ему руку. — А то бы мы вас расстреляли. Впрочем… Сколько вы схватили рентген за последний год, доктор? Не хотите показаться нашему врачу?
— Линда, не наезжай, — попросил, входя, Боровский. — Доктор у нас в гостях, веди себя подобающе.
— Из доктора химия так и течет, — парировала Линда.
— Заметно? — спросил Ллойд. — Извините. Но я вынужден каждый день есть эту гадость. Мне приходится ходить через очень грязные места.
— И к чему этот героизм? Ради изучения быта мутантов?
— Оставь, Линда, — приказал Рашен. — Благодаря героизму доктора, именно героизму, как ты правильно заметила, мы узнали очень много нового о мире, в котором живем. Возможно, это знание изменит нашу судьбу. Я не шучу. Кенди! Придется тебе на время сделать из моего катера самолет. Погрузим вездеход доктора и полетим. Нужно смотаться тут в одно место.
— Куда? — деловито спросила Ива, кладя руки на «доску».
— Ноль пять мегаметра на северо-запад. Там будут такие холмы…
— Valdaiskaya vozvishennost, — сказал тихонько Вернер.
— Как-как? — удивленно вытаращился на него Ллойд.
— Valdai, — повторил Эндрю. — Это место называется Valdai.

В коридоре Рашен придержал Боровского за рукав.
— Видел статую? — заговорщически прошипел он старпому на ухо.
— Жуть! — выразил свое мнение тот.
— Это не бог! — объявил Рашен.
— Да что ж вы меня, драйвер, совсем за идиота держите? Конечно, не бог. Так, железная хреновина. Какой-нибудь видный политический деятель.
— Всюду ложь, — сказал Рашен с таким видом, будто только что совершил великое открытие в философии. — По всей Солнечной никаких новых идей, а только подмена одних идолов другими. А знаешь почему? Знаешь, кому это выгодно? Помнишь, я говорил, кто придумал давать боевым кораблям имена героев из классической фантастики? Ты еще сказал, что это был какой-то умный еврей?
— Ну… — пробормотал старпом, вспоминая.
— Во-первых, никакой он был не еврей. А во-вторых, его звали Эрик Старк.
— И чего?
— Дубина! Он не думал ни о какой идеологии. А просто размечтался, что когда-нибудь его именем назовут корабль.
— И добился своего, — индифферентно кивнул Боровский.
— Слышал, как себя величает патриарх этих недомерков? — не унимался Рашен. — Батька! Кретин! На самом деле священнослужителя на Руси всегда называли batiushka. В смысле — отец родной. А «батька» это лидер преступной группировки. Как тебе, а?
— Совершенно по фигу, — честно признался Боровский.
— Не-на-ви-жу! — выдохнул Рашен, потрясая для большей внушительности указательным пальцем.
— Вы не заводитесь только, драйвер, — попросил старпом. — Не накручивайте себя. А то я вас знаю…
— Всюду ложь, — повторил Рашен. — Мало того, что дома нам всю жизнь мозги пудрили, так еще и здесь, в Москве, надули! Кругом обманщики. Вся история — туфта! Все идеи — ворованные!
Боровский тоскливо вздохнул. Ему вдруг пришло на ум, что он малость переусердствовал, уговаривая Рашена взяться за обустройство мира. Похоже было, что адмирал принял эту мысль слишком близко к сердцу.
— Ничего, мы объясним землянам, что жить нужно по правде, — ровным голосом пообещал Рашен. — Я уверен, они научатся.
В этих словах было столько убежденности, да такой жестокой, что старпома с ног до головы охватил благоговейный ужас.
* * *

Старостой Вышнего Волочка оказался молодой русский парень Виктор де Вилье, отец троих детей и выпускник Сорбонны с дипломом по терраформированию. Он удрал на историческую родину десять лет назад, движимый тягой к познанию мира. С рюкзаком, автоматом и счетчиком Гейгера. На своих двоих Виктор обогнул зараженные районы, почти не облучился и не дал себя загрызть одичавшим мутантам. Довольно быстро он вышел на человеческое поселение в районе Пскова, был радушно принят, но вскоре двинулся на юго-восток, где жизнь только налаживалась и можно было по-настоящему развернуться. Теперь под началом у де Вилье работало и богатело двадцать пять тысяч человек, очень довольных тем, что нашелся грамотный мужик. Потрясенному Рашену продемонстрировали самодельную гидроэлектростанцию, свечной завод, кирпичное производство и водяные мельницы. Здание мэрии украшала спутниковая «тарелка», здесь стоял компьютер с нелегальным выходом в Сеть. Вышний Волочок находился на фронтире, отсюда было рукой подать до загаженной Москвы, поэтому окрестности патрулировала группа вооруженных егерей, по совместительству промышляющих охотой. Рашен тихо млел и ругал доктора Ллойда, который решил устроить адмиралу сюрприз и не рассказал всего сразу. Ллойд, с видимым облегчением скинувший личину мутанта, довольно улыбался.

В Новгороде клепали сельскохозяйственную утварь и ремонтировали оружие. Тут же был крупный по здешним меркам рынок и порт речного судоходства. Во Пскове функционировало что-то вроде университета. Для связи между городами имелся примитивный телеграф, а кое-где даже маломощные рации. Жизнь вокруг била ключом, люди выглядели здоровыми. Чужаков они действительно недолюбливали, но Рашен оказался гораздо более тонким дипломатом, чем доктор Ллойд. Там, где американец шел, скрываясь и маскируясь, Рашен запросто садился на катере и тут же оказывался в гуще событий, расспрашивая и рассказывая. Его же еще и жалели за то, что плохо говорит по-русски. И все время предлагали остаться жить.

А дозиметр показывал, что жить здесь можно. Чуть хуже, чем в Канаде, но гораздо лучше, чем в Европе. Кроме того, все вокруг было пропитано духом настоящего частного предпринимательства, и никому не приходило в голову жаловаться на правительство ввиду отсутствия такового. Люди селились общинами, где все спорные вопросы решались по справедливости. Для торговли имелись специально отведенные места с добровольной охраной и выборными аукционерами. На случай массового вторжения мутантов существовал небольшой штаб ополчения, но в последние годы мутантам было не до набегов, они предпочитали торговать. Судя по всему, бедолаги действительно вымирали.

Рашен общался с народом, таская с собой Ллойда и Вернера в качестве самоходного разговорника. На второй день у адмирала вдруг прорезался акающий московский говор, и Эндрю он разрешил гулять. Чем тот и воспользовался. Сначала они с Ивой оба ходили по лесам с непременным дозиметром на запястье и «Маузером» на плече. Но вскоре освоились и перестали всего бояться. Они просто никогда раньше не видели такого количества зелени и живого зверья.

Они купались в чистой воде и любили на мягкой зеленой траве. Вдыхали упоительный запах сена и пили настоящее молоко. Ива на охоте застрелила кабана и, пока местные бурно ее поздравляли, вся обрыдалась над бедной хрюшкой. Эндрю собственноручно поймал рыбу, и изумлению его не было предела, когда окуня тут же бросили в уху. Это была какая-то фантастическая жизнь, волшебная, настоящая, и возвращаться на скучный железный корабль совершенно не хотелось.

— А не слабо нам будет приехать сюда, когда все кончится? — спросил однажды Эндрю. — Мы, конечно, горожане, но мы привыкнем. Здесь обалденно.

— В Канаде не хуже, милый, — сказала Ива. — Там просто меньше лесов, зато фон не такой высокий. Ты заметил, как много здесь больных деревьев?

— Здесь все почистят, — отмахнулся Эндрю. — Лет через пятьдесят…

— Вот через пятьдесят лет и приедем. А сейчас, милый, ты прости, но когда все кончится, мы поедем в Канаду.

— Что так? — удивился Эндрю.

— Мне сейчас ни к чему лишние рентгены, — объяснила Ива. — Чем меньше их будет, тем лучше.

— Я понял тебя правильно? — осторожно спросил Эндрю.

— Я сама еще ничего не понимаю. Но похоже… Энди, ты что?!

— Извини, — пробормотал Эндрю, прикрывая рукой глаза. — Это я от радости.

* * *

Староста постучал в люк катера рано утром. Постучал кувалдой, чтобы услышали.

— Улетай, командир, — сказал он Рашену.

— Что-то случилось? — спросил адмирал, протирая глаза.

— Случилось. Пришла телеграмма. От Москвы идут уроды. Много. Они уже под Волочком.
— Оружие на катере есть? — деловито поинтересовался Ллойд, застегивая штаны.
— Только стрелковое. Катер сам не вооружен. Но можно вызвать дестроер. Волочек… Ноль три мегаметра. Думаю, они смогут быть на месте примерно через час. Раньше не выйдет, дестроер не самолет. Кенди!
— Проблема, шеф? — Ива высунулась из-за двери, закутанная в простыню.
— Сколько нужно времени дестроеру пройти в атмосфере ноль запятая три мегаметра и ударить с воздуха?
— Нашему дестроеру? Так… Минут пятьдесят. Еще плюс-минус пять на ориентацию. Сами понимаете, шеф, на таких дистанциях не разгонишься. Ему придется взлетать в другую сторону и делать петлю. И вот еще что, шеф… Он ведь засветится.
— Плевать. Нас так и так через пару дней обнаружат.
— Это все пустое, командир, — сказал угрюмо староста. — Ты говорил, ваше оружие сносит целые города. Уроды сейчас на границе Волочка. Егеря их держат, но…
— А если прижечь их выхлопом катера? — спросил Рашен у Ивы.
— Извините, шеф. На высотах меньше ноль-ноль одной ничего не могу гарантировать.
— Ну а просто над ними пройти? Напугать? Что скажете, доктор?
— Вот уж чего не стоит! Вы их только воодушевите.
— Почему? — удивился адмирал.
— Отойдем, — сказал Ллойд. Рашен покорно ушел вслед за ним в глубь рубки. — Готов поспорить, — сказал Ллойд, озираясь на пригорюнившегося старосту, — что нашествие связано с вашим появлением в Москве. Вы явили мутантам чудо. И проклятый Батька, их патриарх, наверняка сообразил, как употребить чудо во благо. Понимаете, у него довольно шаткие позиции. А война — отличный повод избавиться от недовольных и запудрить мозги остальным.
— Это я знаю по себе, — заметил Рашен.
— Если вы пройдете у них над головами, они лишний раз уверятся в том, что с ними Бог, — заключил доктор.
— А дестроер оставит там одну большую воронку, — буркнул Рашен. Он повернулся и вышел к люку. — Слушай, бугор, — сказал он старосте. — Как ты думаешь, продержится Волочек хотя бы час?
— Не знаю, — ответил староста, разглядывая свои мокасины. — Вряд ли. Улетай, командир. Тебе здесь не за что умирать.
— Вот это мне виднее, — отрезал Рашен. — Кенди! Связь со штабом. Найди мне Задницу, немедленно.
— Да, шеф. — Ива уже сидела за пультом, застегивая на груди комбинезон. — Сейчас, шеф.
— И все-таки ты улетай, — посоветовал староста и ушел восвояси.
Эссекс отозвался через минуту.
— У нас тут концерт, Алекс, — сообщил он. — Целая толпа мутантов вскарабкалась на гребень и вовсю колдует. Бегают с факелами, орут чего-то и нам кланяются. Забавно. Хочешь, покажу?
— Слушай, Фил, — перебил его Рашен. — Собери добровольцев, каждому дай по лазеру. Постарайся уговорить человек сто. Грузи их на дестроер, прицепи какие-нибудь шлюпки для десантирования, и пусть двигают в Вышний Волочек. Задача — отбить нападение мутантов. Скажи, там русские люди гибнут. На подлете оцени возможность атаки с воздуха. Но только чтобы не загадить город.
— Попробуем… — вздохнул Эссекс. — Нужно, пожалуй, мне самому туда смотаться.
— Не стоит, Фил. Ты на дестроере не ходил десять лет. Тем более — в атмосферах.
— Все равно я лучший. Жди доклада, — сказал Эссекс просто и отключился.
— Задница! — прорычал Рашен. — Кенди! Машину в воздух. Andrey! Хватит спать! Ты мне нужен.
— Да не сплю я, — ответил Вернер, показываясь из-за переборки двигательного отсека. Когда он успел туда просочиться, не заметил никто.
— Молодец. Садись на оптику, будем корректировать огонь. Доктор, вы же у нас пехотный офицер. Идите сюда, придется вам поработать консультантом.
— Я все забыл, — сказал Ллойд, но тут же сел на указанное место.
— Вспомните, — пообещал Рашен, пристегивая ремни. Катер рывком прыгнул в небо и пошел на юго-восток.
— Давай вверх на ноль-ноль одну мегаметра, — приказал Рашен. — Так они нас не заметят, а сами будут как на ладони.

— У этого парня в Волочке есть неплохая радиостанция, — напомнил сзади Вернер, отъезжая вместе с креслом к посту связи. — Он нам оставил свои коды. Может, я попробую?…
— Давай, — разрешил адмирал.
Де Вилье отозвался почти мгновенно, едва только Эндрю нащупал его волну. Голос старосты был ровен и сух, вдалеке слышался неразборчивый гул.
— Женщины и дети идут лесом на северо-запад, — сказал де Вилье. — Их должны встретить, но если вы подстрахуете… И сообщите как-нибудь в Новгород, чтобы готовили оборону. Радио мое туда не добивает, а телеграф эти гады уже оборвали.
— К тебе сейчас пойдет дестроер, а на нем десантная группа. Все будет ОК, не беспокойся, — пообещал Рашен.
— Мне уже нечего беспокоиться, — сообщил де Вилье. — Мы с ребятами в мешке. И патроны на исходе.
— Как это — в мешке?!
— А так. Уроды двумя колоннами обтекают город, а третья зашла в лоб. Они тут повсюду. Мы еще минут двадцать продержимся, оттянем их на себя, а потом… Нам важно, чтобы они беженцев не догнали.
— Сколько мутантов? — спросил Рашен.
— Мало не покажется. Тысячи.
— Не уходи со связи, ладно?
— Накрылся мой город, — невпопад сказал де Вилье. — Уже горим. Такой был город отличный… — и пропал из эфира.
Рашен громко скрипнул зубами.
— Есть добровольцы, — сообщил Эссекс. — Уже грузятся.
— Нелегко им придется, Фил, — понуро ответил Рашен. — Мутанты уже в городе. Местные говорят, что минут двадцать — и все. Так что постарайтесь хотя бы задержать продвижение колонн на северо-запад. А в самом Волочке, или что там от него останется, — промышленные объекты прикрыть. Сколько у тебя людей, Фил?
— Сто пятнадцать человек, больше стволов не нашлось. А с автоматами я не разрешил. Правильно? Старший десанта капитан Стенфилд.
— Линда? — усмехнулся Рашен. — Ну, уже легче.
— Жутко она кровожадная девушка, — заметил начальник штаба.
— На себя посмотри. Какой берешь корабль?
— «Роканнон», естественно, какой еще… Отрываюсь через пять минут. Где ты?
— Я буду над городом круги нарезать. Посади человека принимать от меня целеуказания. Выведи мою оптику на резервный экран.
— Сделано.
— Уверен, что тебе нужно самому?
— Пошел на хер. У кого еще в группе три Креста? Все, до связи.
— До связи, зануда. — Рашен достал из-под пульта салфетку и вытер лоб. — Доведет он меня до инфаркта, — пожаловался адмирал. — Одна радость, что на таких дистанциях невозможен бреющий полет.
— Зря вы ему разрешили, шеф, — заметила Ива.
— Фил отличный пилот, — сказал Рашен. — Ты просто не застала его лучшие дни. Он все свои побрякушки честно заслужил. Только вот…
— Только вот он действительно не сидел за управлением десять лет, — подсказала Ива.
— Сам удивляюсь, что это на старика нашло… — пробормотал Рашен и закусил губу, чтобы не улыбнуться. Адмирал очень боялся за Эссекса. Но сейчас это был единственный человек, достаточно сумасшедший, чтобы хоть как-то исправить положение.

Эссекс выбрал «Роканнон», потому что дестроер стоял дальше всего от толпы мутантов, бесновавшейся на краю обрыва. Возьми он другой корабль, пришлось бы отгонять этих дураков, не понимающих по-английски, да еще и замороченных религиозным экстазом.
— Отрыв! — приказал Эссекс.
«Роканнон» окутался клубами пыли и мягко оттолкнулся от поверхности. Эссекс дал тягу, и дестроер медленно пошел от Москвы прочь, набирая высоту и закладывая плавную дугу вправо. Любой нормальный командир на месте Эссекса рванул бы сейчас вверх, рисуя громадную петлю с выходом в стратосферу. Но такой маневр, по расчетам вице-адмирала, занял бы минут сорок. А Эссексу очень хотелось успеть.
Все дни, пока Рашен путешествовал по своей родине, Эссекс провел у монитора, обалдело разглядывая картинки мирной жизни на красивой русской земле. Камеру Рашен крепил на плече, и все, что попадало в его поле зрения, видел Эссекс и фиксировали библиотечные компьютеры «Тушканчика». Тихие русские селения, где пасли настоящих коров и рожали

здоровых детей, симпатичные города с их неторопливым и толковым жизненным укладом — все это произвело на Эссекса неизгладимое впечатление. Он понял, что группа F спустилась с небес на землю совсем не зря. Именно тут, в России, можно было начинать все сначала, по-умному и по-доброму. От одной мысли, что орда перекошенных злобных дикарей может в одночасье растерзать эту надежду на лучшую жизнь, Эссексу стало так мерзко, что он ни минуты не раздумывал, кто именно поведет дестроер со спасательной группой на борту. И как именно поведет.
— Полная тяга! — крикнул Эссекс. «Роканнон» неприятно мотнуло, и вице-адмирал с трудом «поймал» его маневровыми двигателями. Корабль встал на курс. Огненным болидом он понесся на нереально малой высоте в пятьсот метров с прибытием к точке десантирования через триста секунд.
— Разобьешься — голову оторву! — прохрипело радио голосом Рашена.
Эссекс промолчал. Внизу под «Роканноном» дымилась земля.

С водокачки было отлично видно, как мутанты жгут город. Вот запылал свечной завод, вот занялся кирпичный… Виктор де Вилье крепко сжал зубы. Все это хозяйство было построено под его руководством, далось потом и кровью, все было родное, свое. И теперь разваливалось под натиском плешивых уродцев, вооруженных копьями и дубинами, но берущих числом и фанатизмом. Две сотни бойцов с длинными охотничьими луками пока что удерживали нападающих на почтительном расстоянии от электростанции, но скоро падет и она. И тогда город кончится. В него уже незачем будет возвращаться тем, кто выживет. Проще начать на новом месте. Да и будут ли выжившие?
— Есть! — сказал помощник, отрываясь от бинокля и протягивая его Виктору. — Повернули! Гляди!
Де Вилье припал к окулярам. Действительно, с северо-запада в город входили все новые и новые группы мутантов. Кажется, ожесточенное сопротивление людей заставило уродов изменить планы. Их главные силы, рвущиеся на Валдай, теперь возвращались, чтобы не оставлять за спиной врага.
Де Вилье отдал бинокль помощнику, удовлетворенно вздохнул, перевернулся на спину и уставился в голубое безоблачное небо. Теперь можно умирать спокойно. Выжившие будут. Женщины и дети, в том числе и его, Виктора, жена и трое детишек, успеют оторваться от преследования. Дальше мутантов притормозят мобильные отряды, а крепостные стены Новгорода сдержат любой натиск.
Но уничтожить всех мутантов у людей не хватит сил. А значит, угроза будет висеть над русской землей еще лет сто, если не двести.
— Интересно, вся Москва сюда явилась? — буркнул де Вилье.
— Все здесь, — сказал помощник. — Сколько было, все здесь.
— И чего они поперли? Все же было нормально. А мы им, гадам, еще ножики продавали… Какая все-таки сволочь этот Батька! Колдун хренов…
— Урод он и есть урод, — вздохнул помощник.
— У нас шансов уйти никаких. Или?…
— Ну что ты, Витя. Кольцо ведь…
— Давай, что ли, тогда попрощаемся.
— Давай, — сказал помощник.
Они крепко пожали друг другу руки, и де Вилье подвинул к себе рацию.
— Адмирал, — сказал он. — Короче, мы свою задачу выполнили. Здесь уродов тысяч десять, и пока мы живы, они никуда не уйдут. Нам все равно конец, так пусть мы лучше с ними за компанию поджаримся. Где твой дестроер? Я вызываю огонь на себя! Как понял?!
Ответа он не услышал, потому что с юго-востока на город вдруг налетел горячий шквал, и что-то в небе начало с грохотом лопаться, взрываться и разлетаться на куски. Эссекс бросал шлюпки, как бомбы, они едва успевали затормозить перед самой поверхностью. Водокачка пошатнулась, и де Вилье схватился за поручень.
— Вижу!!! — раздался сверху трубный глас. — Оборона!!! Ложись!!!
— Всем лежа-ать!!! — проорал де Вилье по-русски, свешиваясь вниз. Но защитники электростанции и без перевода все отлично поняли.
* * *
— А ты молодец, — сказала Линда заросшему бородой мужику в шкурах и холстине. — Тактически все очень грамотно.
— Жить захочешь — не такое выдумаешь, — ответил де Вилье, набивая патроны в магазин. У него снова был автомат, а вокруг стояли закованные в броню астронавты с лазерами. Впереди, на мосту, дымилась груда обугленных трупов, и жизнь казалась прекрасной как никогда. — Хорошо, что уроды не умеют плавать, — сказал он, вешая автомат на плечо. — У нас все заставы — на мостах. Если бы не было таких проблем с порохом…

— Больше не будет, — пообещала Линда. — Ну, мы пошли вышибать оставшихся.
— Осторожней там, — сказал де Вилье. — Это бывшая промзона, цеха огромные, есть подвалы, в некоторых зданиях можно скрытно накопить очень много сил. Постарайтесь отжать их к водохранилищу и утопить. Может, я все-таки с вами?
— Тебе нельзя. Ты здесь главный. А с проводником мы и на языке жестов легко общаемся.
— Тогда удачи, — виновато развел руками де Вилье. — Только не рассредотачивайтесь. Их там еще тысячи две. Не съедят, так затопчут.
— Не затопчут. Держи мост. — Линда махнула рукой своему взводу, застегнула маску спецкостюма и размашистой походкой направилась в сторону длинных строений с прохудившимися крышами, где сейчас готовились к прорыву остатки мутантов. Еще час назад они держали в кольце весь город, а теперь сами угодили в мешок — разбитые, уничтоженные, но не сломленные. Ведомые своим чудовищным богом, они готовы были умирать за веру.
— Ты проследи за этой бабой персонально, — сказал де Вилье проводнику. — Чтобы в пекло не лезла.
— Будь спок, — кивнул проводник. — А клевая баба. Я бы на такой женился не раздумывая. Жалко, нерусская. Хотя…
— Ты сначала английский выучи, — усмехнулся де Вилье.
— Я ей и на пальцах все, что надо, покажу, — заверил проводник. — Ну, бугор, если что… Короче, не поминай лихом.
— Беги, — сказал де Вилье и устало направился к заставе на мосту. Закопченные и ободранные егеря и ополченцы сушили портянки и смачно гоготали над какой-то немудреной шуткой. Де Вилье окинул их взглядом и с тоской подумал, что еще три часа назад их была почти тысяча. Час назад — двести. Теперь осталось двадцать шесть.
Линда выскочила в узкий проулок между дымящимися бревенчатыми хижинами и одним импульсом от живота скосила четверых. Кто-то справа прыгнул на нее с крыши, но Линда только шевельнула бронированным плечом, и нападающий с жутким воем покатился по земле. Набежавший сзади астронавт, экономя заряды, размозжил плешивую голову мутанта ударом башмака.
— Мерзость какая… — Пробормотал он, разглядывая свою жертву.
Мутанты вблизи оказались совсем даже не уродами. Да, они были мелкие, плешивые, безносые, хилые, все в струпьях и грязи. Тем не менее у них имелась членораздельная речь, а залитые гноем узкие глазки излучали вполне человеческую ненависть. Что же касается шкур, служивших мутантам одеждой, а также копий и рогатин, которыми орда воинственно размахивала, то качеством изготовления все это почти не отличалось от того, что имели защитники Волочка. И стреляя по мутантам, Линда никак не могла отделаться от мысли, что, если вонючего радиоактивного москвича как следует отмыть, а пропахшего навозом парижанина де Вилье, наоборот, окунуть в грязь, разница покажется не такой уж удручающей. Но москвичей здесь называли уродами вовсе не за генетические отклонения, и это Линда тоже поняла.
Одетый с ног до головы в толстую дубленую кожу проводник маячил впереди, указывая направление. Линду в ее спецкостюме уже несколько раз чувствительно ткнули копьем, один раз даже с ног сбили, а этот парнишка, казалось, и сквозь пулеметную очередь проскочил бы целый и невредимый.
— Выходим к большому зданию, — доложил по радио авангард. — Здесь тихо. Похоже, они засели внутри.
— Посмотри, где там опоры, и подрежь их, — распорядилась Линда. — Если мощности хватит, постарайся завалить стены. Внутрь лезть ни к чему.
— Сделаем, капитан.
Справа обрушилась крыша горящей хижины, и из окон градом посыпались скрюченные фигуры в тряпье. Оказавшись прямо между двух групп астронавтов, мутанты, визжа и плюясь, начали бессмысленно метаться из стороны в сторону, не понимая, что противник сейчас не может стрелять, опасаясь задеть своих. Бестолковых уродцев быстро забили прикладами и ногами. Проводник восхищенно показал Линде большой палец.
— Второе отделение, быстро прочесать все эти хибары! — приказала Линда. — Если что, жгите их к такой-то матери, они все равно едва стоят.
Впереди с глухим уханьем завалилась стена. Отряд Линды выбрался из развалин предместья и оказался на обширном пустыре. Дальний его край заволокла стена песка — там, подрезанное лазером, падало ржавое железо. Здоровенный не то ангар, не то цех тяжело осел наземь и рассыпался в пыль. Из коричневой тучи донесся яростный вопль в сотню глоток.
— Ложись! — крикнула Линда, упала на землю и несколько раз, не целясь, выстрелила в тучу. Ответом ей был еще более дикий крик.

Из тучи лавиной хлынули мутанты. На залегших астронавтов посыпались дротики. Линду сильно ударило по шлему, но спецкостюм выдержал.
Проводник, уворачиваясь от попаданий, катался по земле, успевая одиночными выстрелами сшибать приближающиеся фигуры.
— Ближе! — крикнула Линда. — Подпустить ближе! Так… Огонь!!!
Мутанты бежали стеной, и, словно по команде, стена эта опрокинулась, разрезанная вдоль. Оранжевые молнии впились в завалы живой плоти, и через несколько секунд атака захлебнулась. Уцелевшие мутанты бросились наутек, но астронавты уже встали во весь рост, и до спасительного овражка за цехом не добежал никто.
Проводник зажимал нос. Линда представила, каково ему бегать в толстенной шкуре без кондиционера по тридцатиградусной жаре, дурея от запаха жареной человечины, и невольно сморщилась.
— Проверка аккумуляторов, — приказала она. — Доложить потери.
— В первом все. Во втором все. В третьем все.
— Отлично. Пошли на добивание. Дистанция пять метров. Цепью вперед. Заряды попусту не тратить. Проводника ко мне.
Проводник сунул Линде под нос примитивную рисованную карту местности и отчеркнул заскорузлым пальцем следующий объект.
— Экий ты грязнуля, — сказала ему Линда. — А ведь тебя если отмыть-почистить…
Под ногами наступающей цепи с хрустом трескались черепа раненых мутантов.
* * *
Уже смеркалось, когда отряд Линды перевалил через высокую бетонную дамбу и взорам астронавтов открылась неправдоподобно красивая зеркальная гладь водохранилища.
— Все, — сказала Линда. — Вот и последние.
У края дамбы, по уши в воде, понуро стояли четверо мутантов. В зубах они держали ножи, а руками осторожно гребли перед собой, чтобы ветром не относило на глубину.
Проводник неспешно присел на корточки и вгляделся в торчащие над поверхностью облезлые головы. Ближайшая оказалась украшена татуировкой в форме православного креста.
— Вася! — сказал проводник чуть ли не радостно. — Выплюнь ножик, Вася! Ты меня узнаешь?
Татуированный взял нож в руку и оскалил подпиленные в форме треугольников зубы.
— Только демоны спасли вас! — прохрипел он. — Но за это они возьмут ваши души! А с нами Бог!
— С нами Бог! — нестройно поддакнули сквозь зубы остальные три головы.
— Нет у вас никакого Бога, — сказал проводник. — Какой же это, извини-подвинься, Бог, если он своих убивать запрещает, а чужих пожалуйста?
— Вы не люди, — ответил мутант. — Вы безбожники. Вам не место на святой земле. Придут за нами другие. За нас отомстят.
— А ведь раньше ты был нормальный мужик, Вася, — упрекнул мутанта проводник.
— Было знамение. Было чудо. Бог сказал — пора.
— Урод, — заключил проводник. Встал, повернулся к астронавтам и сделал выразительный жест — ребром ладони по горлу.
Вдалеке на юго-востоке, где-то над бывшей автодорогой раздалось жужжание и полыхнул оранжевый луч. Эссекс добивал слабыми импульсами отступающую к Москве группу мутантов численностью особей в двести-триста. В небе над зоной поражения можно было разглядеть белое колечко: это адмиральский катер ходил кругами, наводя «Роканнон» на цель.
— Дорвались старички, — пробормотал кто-то.
Линда подошла к кромке воды и опустила к темному зеркалу руку с датчиком химзащиты.
— Норма, — буркнула она. — Ну, заодно и помоемся.
Ее спецкостюм был заляпан кровью и грязью с ног до головы. Линда положила «Маузер» на бетон и шагнула в воду. Мутанты, в ужасе вытаращив глаза, подались назад, отчего двое тут же принялись со злобным шипением тонуть. Бесстрашный Вася ловко ударил Линду ножом в стеклянный глаз маски. Нож сломался. Линда неспешно ухватила Васю за горло и сжала руку. Послышался хруст шейных позвонков, и голова мутанта безвольно повисла.
Линда отпустила мертвое тело, которое нелепо всплыло задом вверх, поймала следующего мутанта за плечо и наградила его коротким тычком пальца в висок. Третьего ударила раскрытой ладонью в безобразно торчащие вперед носовые отверстия. Четвертому помощь уже не понадобилась — он с перепугу захлебнулся.
Линда присела, ушла под воду с головой, вынырнула, отряхнулась и вышла на берег.
— Потрясающая вода, — сказала она, расстегивая маску. — Вы только посмотрите!
Астронавты склонились к датчику у нее на запястье.

— Обалдеть! Прямо как на Великих Озерах!
— А говорили, что тут даже тараканы не выжили…
— Ты больше читай всякую херню.
— Ох и дурят же нашего брата…
— Вы как хотите, мальчики, — сказала Линда, — а пока солнце не зашло, я поплыла. Когда еще такая возможность будет…
— А мы?
— И вы плывите. Взвод, разрешаю купаться. Полчаса.
— Ура-а!!! — заорал взвод.
— А если по нам в это время с тыла?.. — спросил кто-то недоверчиво и покосился на проводника.
Проводник уселся на бетон, расстегнул куртку, вытащил из-за пазухи причудливо расшитый кисет, достал короткую деревянную трубочку и неспешно принялся ее набивать. Лицо проводника выражало полнейшее довольство.
— Я же говорю — работа окончена, — усмехнулась Линда. — ОК, на всякий случай организуем караул. Сержант, разберись, кого назначить.
— Сделаем, господин капитан, мэм!
Линда выбралась из спецкостюма и с облегчением стряхнула его наземь. Бросила сверху изолирующее белье и довольно потянулась всем телом. Изумленный проводник выронил трубку изо рта.
Линда нырнула и надолго исчезла под водой.
— Восторг! — крикнула она, появляясь уже метрах в двадцати от берега.
— Теплая, — недоверчиво сказал один из астронавтов, пробуя воду ногой. — Надо же!
— Ты хлебни! — посоветовала издали Линда. — Она еще и вкусная!
— А можно?
— Ты что, приборам не веришь?
— Приборам-то я верю. Я глазам своим не верю. Ребята, неужели мы на Земле? Может, это другая какая планета, а?
— Это просто другая Земля, — объяснили ему. — Эй, капитан! Далеко не заплывайте!
— Да я вдоль берега.
— Ну-ну.
Солнце уже почти касалось воды, и та переливалась чудесными бликами. Линда не раз видела озера в Канаде и на Британских островах, даже купалась в них, но там вода была жесткая и неприветливая. А здесь она приятно обволакивала разгоряченное тело, и ощущение было непередаваемое. Сексуальное.
Линда плыла, чувствуя, как вода смывает с души кровь и грязь прошедшего дня. Она будто вернулась в свою молодость, неприкаянную и безрассудную, в которой сплелись воедино драки и совокупления, тренировки на выносливость и стресс постоянного ожидания смерти, когда ты каждый миг хочешь прожить, будто он последний. И сейчас, прислушиваясь к своим ощущениям, привычно раскладывая их на составляющие, Линда впервые поняла, насколько же глубоко сидело в ней желание убивать, которое привело когда-то несмышленую девчонку в казармы десанта. Сегодня Линда отыгралась на мутантах за все. И за несостоявшийся свой первый рейд на Марс, и за пережитое насилие, и за то, что годами приходилось терпеть излияния таких же психопатов, награждая их вместо удара по голове теплом, пониманием, добротой…
Зелень, густо обрамлявшая берег, вдруг раздалась, и перед Линдой открылся небольшой пляжик. Дамба осталась далеко позади, и только по доносившемуся радостному визгу можно было понять, что взвод на месте и ничего с ним не происходит. Линда свернула к берегу и со стоном повалилась на теплый песок.
В небе уже зажглись первые звезды. «Неужели это все на самом деле? — подумала Линда, оглаживая мокрыми ладонями свое тело, будто в попытке убедиться, что вокруг не сон. — Какие же сволочи те, кто скрывал от нас, что на Земле есть места, где так волшебно хорошо… И народ здесь хоть и редко моется, но вполне симпатичный, а главное, его так много… А мы, как полные идиоты, верили, что земляне вымирают, и вообще… Идиоты».
Линда задышала чаще, мягко оглаживая свою грудь и легонько теребя напрягшиеся соски. От дамбы еле слышно доносились хлопки падающих в воду тел и дружный радостный смех. Линда раздвинула ноги, чуть согнув их в коленях, и погрузила в себя палец.
Сильнейший удар в живот согнул ее пополам. Линда перекатилась на четвереньки и, безуспешно пытаясь вдохнуть широко открытым ртом, одним ударом проломила висок прыгнувшему на нее мутанту. Второй рукой выбила чей-то кадык. Бывший сержант-десантник Линда Стэнфилд легко делала такие вещи и без спецкостюма. Если бы только воздуха, хоть немного. Только чтобы крикнуть. Позвать на помощь.

Линду сильно приложили твердым по затылку, бросив лицом на песок. Она яростно лягнула ногой, и сзади треснула чья-то кость. Мутанты сыпались на Линду из кустов, как будто у них там было гнездо. Линда несколько раз ударила в полную силу, не жалея рук, выбила два пальца, но расшвыряла нападавших и встала над их трупами во весь рост. Наконец-то смогла вдохнуть полной грудью и тут же пропустила удар в солнечное сплетение древком копья. Откуда-то прилетел камень и попал в лоб, так что помутилось сознание. Линда упала на спину, и на нее тут же навалился сразу десяток тел. Сквозь застилающую разум спасительную волну беспамятства Линда увидела перед самыми глазами оскаленные треугольные зубки и ударом головы повыбивала их все до единого. Хрустнула, ломаясь, правая рука. «Почему я еще не в обмороке?» — через силу удивилась Линда, выплевывая изо рта кусок шкуры и скрюченными пальцами левой вырывая чью-то глотку. Наверху, заслоняя небо, возникла фигура с занесенным над головой огромным булыжником. «Вот и все», — подумала Линда, закрывая глаза. Что-то тупое и будто раскаленное вонзилось ей в пах, раздирая ткани. Из горла вырвался стон, первый звук за всю безмолвную схватку.

Камень опустился.

* * *

Ива посадила катер в болото, отделяющее дамбу от города. Рашен, не говоря ни слова, выпрыгнул наружу и быстро зашагал по спекшейся в асфальт грязи. Ллойд коротко глянул на Иву. Та кивнула, и доктор отстегнул ремни.

— Возьмите, — сказал Эндрю, протягивая Ллойду свой «Маузер». Доктор благодарно кивнул, подхватил оружие и побежал догонять адмирала.

Эндрю подошел к Иве и мягко обнял ее сзади.

— Кошмарный день, — пробормотал он, прижимаясь щекой к ее волосам. — Ужасно длинный и совершенно бездарный.

— Мы это сделали, — сказала Ива. — Из-за нас все началось, мы все и закончили. С минимальными потерями.

— Странно. Я ведь совсем не знаю тебя вот такой…

— Какой? — спросила Ива неожиданно жестко.

— Мне кажется, я всю жизнь был знаком с Ивой Кендалл. Но вот капитан-лейтенанта Кендалл я не знаю вообще.

— А придется, — заметила Ива сухо. Она сидела за пультом, напряженная и подобравшаяся, держа руки на контактной доске. Пальцы слегка подрагивали.

— Расслабься, милая, — попросил Эндрю. — Мы уже всех убили. Расслабься.

— Не говори «мы»… Техник.

— Вот как… — пробормотал Эндрю, слегка отстраняясь.

— Ты сам этого хотел. Очень хотел остаться чистеньким. Все уши мне прожужжал о том, как тебе надоело воевать. Ты только об этом и говоришь все время, сколько мы вместе.

— Но ведь это правда, милая.

— Знаю. Вот и не надо этого «мы». Ты следил за двигателями, ты держал связь — замечательно. Ты никого не убивал. Доволен?

— Да что с тобой?!

— Ты же меня презираешь сейчас! — выпалила Ива. — Ты говоришь, что меня любишь… Да, наверное. Но ты прав, ты полюбил совсем другую женщину. Спокойную, уютную, домашнюю такую бабу, не ту, которая водит корабли. И ты не хочешь принять меня другую. Тебе спокойнее с бабой. Ей можно поплакаться, рассказать, как много ты из-за войны пережил, какой ты весь душевно израненный… А я не могу, понимаешь?! Не могу я каждый день быть только бабой! Мне тоже иногда нужно кому-то поплакаться. Но только не тебе. Потому что это ты у нас самый несчастный и самый травмированный. Гвардии инвалид военно-космических сил… А то, что мне тоже больно, и стыдно, и противно, это тебя не касается!

— Напрасно ты так, — сказал Эндрю ласково, но не очень уверенно. — Я же все понимаю…

— Сомневаюсь. Ты бы видел свое лицо сейчас… Знаешь… Дорогой. Знаешь, дорогой, я вот о чем думаю. У нас впереди еще масса боевых действий. Это объективно, нам просто их не избежать. И если ты каждый день будешь мне демонстрировать свое отношение к тому, что мы делаем… Я не знаю. Я скорее попрошу Рашена, чтобы он тебя с собой не брал. Пусть он тебя к Эссексу переведет. А потом, когда все кончится, мы снова будем вместе и будем очень друг друга любить. Только извини, но замуж я за тебя не пойду. Во-первых, сейчас и не женится почти никто, кроме евреев, а во-вторых, не нужен мне муж — живой укор.

— Да чем же я тебя обидел?! — взмолился Эндрю.

— Чистоплюйством своим, — объяснила Ива, глядя куда-то сквозь обзорный экран. — Своим поганым русским чистоплюйством. Ты ведь поэтому и в технари подался, чтобы в

случае чего сказать: а я тут ни при чем! А я никого лично не бомбил, не расстреливал, я исключительно гайки-железки… Твою мать, до чего же ты на Рашена похож!
— Да ты же его… — беспомощно пробормотал Эндрю.
— Только я с ним не сплю, — заметила Ива. — И не жду от него ребенка. Другие мерки, понимаешь? И мне плевать, что он каждый раз после боя надирается у себя в каюте. Сидит, пьет и себя жалеет. Ах, какой я бедный и несчастный, опять кого-то укокошил! Не хотел, да вот так вышло! Вся группа это знает, молчит только. А мне надоело молчать. Потому что когда все это кончится… — Ива оторвала руки от «доски» и закрыла ими лицо.
Эндрю наклонился, ослабил под креслом стопор и развернул Иву к себе.
— Я не хотел тебя обидеть, — сказал он твердо. — Клянусь. Я просто чего-то недопонял. Прости меня. Пожалуйста.
— Когда все это кончится, — прошептала Ива, — Рашен опять повернется и уйдет. Пить водку, сожалеть и каяться. Благородный такой и совестливый. Как он после Марса залег и в стенку глядел… Вот именно так. И все будут гладить его по головке, утешать и говорить, что он лапочка. А нам дадут по железке на грудь и скажут: пока, ребята. Мы же злые и бессовестные, Энди. Я, Майкл, Жан-Поль, даже Задница… Как бы все ни обернулось, нам будут улыбаться в лицо, а вслед корчить рожи. Потому что у нас, видите ли, не хватает ума громогласно переживать. Слезами заливаться!
— Он не заливается слезами…
— Заливается! — упрямо сказала Ива. — И ты заливаешься. Ты постоянно себя жалеешь. А ты меня пожалей! Вот такую, какая я есть! Лучшего пилота на лучшем крейсере! Всю в медалях и в кровище! Да, я выполняла приказы! Любые! А где бы ты был сейчас, милый, если бы не я? И не такие, как я?! Бездушные да бессовестные?! Военные?! Убийцы?!
— Кончай истерику, — тихо сказали за спиной.
Энди резко обернулся. Он и не заметил, как в рубке оказался адмирал. Лицо у Рашена было совершенно каменное. На руках он бережно, как ребенка, держал черный пластиковый мешок.
— Извините, — пробормотала Ива и отвернулась к пульту. Эндрю тихонько отошел в глубь рубки, присел в углу и опустил голову на скрещенные руки.
— Фил! — позвал Рашен, опуская мешок на пол и подходя к своему месту. — Где ты?
— Он на посадку заходит, — подсказала Ива.
— Я на глиссаде, — отозвался Эссекс.
— Не устал? Есть силенки еще?
— Ты приказывай, Алекс.
— Отставить посадку. Группу на взлет. Цель поверхностная. Круглая плоская. Отставить плоская. Вогнутая полусферическая. Режим выжигание. Радиус полусферы… — Рашен на миг задумался. — Тридцать километров. Ориентир для отсчета радиуса — развалины храма в центре города. Нет, отставить храм. Лучше что-нибудь железное. Да! Металлическая статуя в центре города.
— Уточни, какого города, — деловито потребовал Эссекс. Рашен сжал челюсти. На щеках адмирала выступили желваки.
— Город — Москва! — сказал он с усилием.
На несколько секунд в эфире воцарилась тишина.
— Прошу уточнить радиус полусферы, — сказал Эссекс наконец.
— Тридцать километров. Нужно выжечь этот гадюшник до основания, Фил. Чтобы никого. И ничего. Чтобы навсегда, понимаешь?
— Я понимаю, Алекс. Тут вот какое дело… Погоди, секунду, я группу подниму.
— Жду, — сказал Рашен, откидываясь на спинку кресла.
Ива через плечо бросила взгляд в глубь рубки. Эндрю сидел в углу неподвижно. Голову он поднял и теперь глядел в стену, покусывая нижнюю губу.
— Есть, — доложил Эссекс. — Системы на прогреве. Отрыв через пять минут. Так вот, Алекс. Если закладывать мощность импульса под тридцать километров, да еще и полусферой, то глубина воронки в центре будет верных полкилометра. Может все-таки плоскую цель, а? Не выжигание, а прижигание? Так и так мы срежем почву метров на двадцать в глубину.
— Мало, — сказал Рашен. — Под городом катакомбы. Доктор говорит, что все эти полчища, о которых он и не подозревал, вылезли оттуда. Делай полусферу, Фил.
— Боюсь, землетрясение устроим.
— А ты посчитай. Что значит — «боюсь»?
— Да я и считаю.
— Воронку мне, — потребовал Рашен. — Кратер. Выжечь.
— Ладно, — вздохнул Эссекс. — Если верить сканерам, город стоит на мощной плите, тектоника устойчивая. Похоже, если и тряхнет, то легонько. После маневра куда дальше?

Мы же так засветимся, что в Чикаго разглядят… Как раз флот на подходе, то-то мы их обрадуем!
— Свечой на орбиту, — сказал Рашен. — Я буду ждать вас там. Только распоряжусь насчет… насчет Линды, и сразу наверх.
— Есть. Мы отрываемся. До встречи, Алекс.
— Сожги этот город, Фил, — уже не приказал, а попросил Рашен. — Как следует его сожги.
Адмирал поднялся, снова взял на руки мешок и шагнул за борт.

— Это что еще за хреновня?! — поразился коммандер Файн, когда сканеры «Рипли» засекли яркую вспышку на поверхности Земли.
— Наши с русскими воюют, — подсказали ему.
— Идиот! — заорал Файн. — Глобус видел? Карту помнишь?! Где рвануло?! А?!
— Ну где-то в Восточной Европе…
— Посчитайте мощность, — приказал Файн, успокаиваясь. — Всю оптику развернуть. Смотреть на Землю. И думать. Вместе.
— Координаты взрыва приблизительно совпадают с расположением древней столицы России.
— Не взрыва, — сказал Файн.
— Вижу сильные атмосферные возмущения. Там кто-то маневрирует. Эскадра как минимум.
— Не эскадра, — отрезал Файн.
— Виноват, сэр. Может, вы нам и так все расскажете?
— Ты считай, Джонни.
— Все правильно, это не взрыв и не бомбежка, еще раз виноват, сэр.
— Ты по жизни виноват. Тебе не в разведке место, а на говновозе. Думай!
— Идеальное распределение мощности по цели. Судя по всему, закладывались на вогнутую полусферу. Да, командир, это не эскадра. Это бригада средних боевых кораблей. Интересно, кого они там жгли?
— Разберемся. Экипаж, к торможению. Джонни, курс на Землю.
— Опять?!. — простонал второй пилот.
— Это же наши! — расхохотался Файн. — Неужели ты не понял, дубина, это наши! Их не повязали, они все там! Вот отчего «Пиркс» теперь ходит в составе армии! Старик Рашен побросал большие суда, чтобы они не связывали ему руки! Он сделал из группы F авиационное крыло! И только что здорово надрал кому-то задницу! Ура-а-а!!!

— Машину к старту, — приказал Рашен. — Ну что, доктор? С нами, а?
— Извините, — помотал головой доктор. — Я здесь нужнее. Хозяйство разрушено, его придется восстанавливать, а мужиков-то поубивали. Кем я буду, если сбегу?
— Учтите, доктор, вы теперь действительно слишком много знаете. Если мы проиграем, вас рано или поздно найдут Директора. И пощады вам не будет.
— Вы не проиграете, адмирал, — сказал Ллойд. — Теперь у вас нет такого права. А меня найти будет сложно. Простого русского мужика с заурядной физиономией…
— Русского мужика? — переспросил Рашен. — Слушайте, доктор, может, хоть вы мне наконец объясните… Что за магия такая у этой несчастной страны? Зачем вам, образованному человеку, разделять с ее народом его дурацкую судьбу?
— Отстаньте, Алекс. И вот что. Если уцелеете, приезжайте. Де Вилье подскажет, где я могу быть. В крайнем случае — поспрошайте у людей, не видал ли кто Женю Ложкина.
— И все-таки, доктор? Зачем вам это?
— Боюсь, вам не понять, — вздохнул Ллойд. — Вы просто не успели пожить здесь. Вы еще не русский, адмирал Рашен.
* * *
Семь круизеров и четыре звена дестроеров группы F строились на орбите в замысловатый боевой порядок. Ремонтник отогнали подальше с категорическим приказом затаиться, а в случае чего не геройствовать и сдаваться в плен. Адмиральский катер нырнул в пазуху на боку «Тушканчика». В шлюзе стояли навытяжку флаг-адъютант Мозер и старпом Боровский. Мозер оказался против обыкновения не в парадной форме, а в спецкостюме. И в руке у него была отнюдь не фляга с контрабандной выпивкой, а мобильный терминал.
— Господин адмирал, сэр… — начал уставное приветствие Боровский, отдавая честь.
— Некогда, — отмахнулся Рашен. — Мозер, за мной. Боровский! Дозаправить катер. Немедленно.
У себя в каюте Рашен открыл сейф, достал из него несколько чехлов с дисками и сунул в руки Мозеру.

— Архив?! — удивился тот.
— Вот и твое время пришло, — сказал Рашен адьютанту. — Не слабо дойти на катере до Венеры?
— Это будет рекорд, патрон.
— Значит, поставишь рекорд. Других судов у меня сейчас нет. И другого такого пилота на сверхмалые тоже. Рискнешь?
— Да это я так, патрон… От неожиданности. Дойти можно. Но…
— Тогда слушай приказ. Берешь архив. Даю полтора часа на проверку систем и загрузку ходового процессора. Через девяносто минут уходишь на Венеру. Задача — выжить самому и рассказать правду о нас. Все.
— Почему я, патрон?
— Скажи мне, кто еще пройдет на катере такое расстояние и не загнется? У тебя будет в обрез всего: горючего, воздуха, пищи. Кто?
— Вы. Ива Кендалл. Может быть, Эссекс. Отправьте Иву, патрон.
— Я бы с удовольствием. Но ты не заменишь ее здесь.
— Виноват, сэр.
— Кроме того, для венерианского Конвента она всего лишь девчонка с кучей наград за убийство. Мало ли, как они с ней обойдутся. А ты штабной офицер, мой личный представитель. Ты сможешь объяснить миру, что случилось с группой F на самом деле. И что в действительности происходит на Земле. Я же чуть не забыл… — адмирал сунул руку в карман спецкостюма и достал еще один диск. — Посмотри по дороге. Сам разберешься, как умнее подать эту информацию. Здесь все, что успел накопать доктор Ллойд. Сам по себе этот диск может изменить земную историю на много столетий вперед. При условии, что попадет в третьи руки. Поэтому ты обязан дойти до Венеры. Если мы не справимся здесь, ты завершишь наше дело иными средствами. Понял?
— Я буду там через месяц, сэр. Или даже чуть раньше.
— Иди, Хельмут, — сказал Рашен, чуть ли не впервые называя адъютанта по имени. — И удачи тебе.
— Вы их разобьете, патрон, — сказал Мозер, густо краснея. — И мне будет страшно обидно, что я в этом не участвовал.
* * *
— Шесть бэттлшипов, — сказал Эссекс, водя курсором по экрану. Мегадестроер «Старк». Файтеров не знаю — сколько. Много. Самоходные мины. Построятся и блокируют ту часть поверхности, которая не прикрыта орбитальными батареями. Поднырнуть в атмосферу мы уже не сможем. Как ни крути, а придется брать их в лоб.
— Экипажи у них хреновые, — заметил Боровский. — Тупые.
— Зато лояльные к Директорам.
— Потому и лояльные, что тупые.
— Что говорит разведка? — спросил Рашен.
— Час назад специальным указом Совета Директоров объявлено военное положение. С этого момента все переговоры в Сети блокированы. Идут только официальные бюллетени. Так что мнение акционеров уже никого не волнует.
— Это хорошо, — кивнул Рашен. — Пусть на своей шкуре почувствуют, каких сволочей выбирали.
— Ничего хорошего. Как мы будем следить за общественным мнением?
— Мы не будем за ним следить. Мы будем его формировать. Как только сядем в Орли, тут же и сформируем.
— Ты уже придумал что-то? — обрадовался Эссекс.
— Не-а. Просто ты выйдешь к людям и скажешь: власть — народу, заводы — рабочим, землю — фермерам, военных — на пенсию, Директоров — на фонарь. А дальше по обстоятельствам.
— Почему я?!
— А кто?
— Да ты!
— Спросите меня! — предложил Боровский, сократив до минимума свою обычную преамбулу.
— Ну? — хмыкнул Эссекс.
— Давайте я к людям выйду! — гордо выпятил грудь старпом.
— Американцам он понравится, — заметил Эссекс. — Они к такому привыкли.
— Зато русским не понравится, — вставил Рашен.
— Насколько я понял, в России только два терминала Сети. В Псковском университете и у этого французика из Волочка, как его…

— Да перестань ты дурью маяться, Фил! Кто жив останется, тот и будет языком трепать. Что ты предлагаешь на сегодняшний день?
— На прорыв сквозь орбитальные батареи. Суммарная мощность у них гораздо выше, чем У флота, зато маневр огнем слабый. Кроме того, на случай чужой агрессии имеет смысл поберечь земные корабли.
— Как ни обидно, я того же мнения, — кивнул адмирал. — Хорошо, пусть штаб займется детальной разработкой. Часов десять у нас осталось.
— Два слова, Алекс. Я все понимаю, Мозер отлично водит малотоннажники, но… Почему ты не отправил к Венере свою девочку?
Рашен прикрыл глаза и принялся массировать пальцами виски.
— Пойми меня правильно, здесь никто умирать не собирается, — сказал Эссекс. — Но все-таки?…
— Эта девочка причастна к убийству сотен тысяч человек, — тихо сказал Рашен. — Она военный преступник, Фил. Ее послужной список известен каждому, кто имеет отношение к космосу. Все ее награды, все заслуги перед Землей… А про Мозера вся Солнечная в курсе, что он штабная крыса, лизоблюд и патологический трус. Кто-то даже болтал, что я его за служебные проступки трахаю. Поэтому Мозер выживет в любой ситуации. И сделает то, что нам нужно. А насчет Иветты… Когда я приказал ей на полном ходу перевернуть «Тушканчик», я сам не верил, что это возможно. А она просто выполнила приказ. Она блестящий исполнитель, Фил. Я с ней готов идти на любое дело. Но поручить дипломатическую миссию… Нет.
— Мозер объективно лучше, — поддержал адмирала Боровский. — Во-первых, он никакой не трус. Во-вторых, очень гибкий. В-третьих, давно уже рвется на подвиги, только все не может понять на какие. Ну мы и задали ему направление.
— Все-то мы стараемся, как лучше, — пробормотал Эссекс. — Как умнее. Хороших исполнителей подбираем. Винтики и гаечки…
— Работа такая, — вздохнул Рашен. — Если бы мне в училище кто-нибудь объяснил, что через тридцать лет моим основным занятием будет выбирать, кого отправить на верную смерть, а кому пока дать отсрочку… Я бы сказал — nu ego na hui, ребята!
* * *
Остатки некогда могучего земного флота соткали над планетой дырявую паутину и зависли в ожидании атаки, нервничая и терзаясь сомнениями. По улицам вымерших городов ползали бронемашины полицейских сил. Ночью Европа и Америка погружались в непроглядную черноту затемнения, что было уж совершенной дикостью, поскольку группа F располагала точными картами заселенных районов.
Совет Директоров покинул роскошное здание в центре Брюсселя и спустился глубоко под землю, в бункер. Председатель Правления из фигуры чисто бутафорской вдруг превратился в видного общественного деятеля. Старому маразматику вменили в обязанность разъяснять народу положение вещей. Теперь он ежечасно подписывал бодрые официальные бюллетени, призывающие акционеров теснее сплотиться и не падать духом.
Акционеры духом не падали, а совсем напротив, злорадно хихикая, начали рассасываться по родственникам и знакомым, живущим в сельской местности. Полиция их отлавливала и загоняла обратно в жилые массивы, чем спровоцировала всплеск недовольства, переходящий в массовые выступления с мордобоем, битьем стекол и поджиганием машин. Акционеры очень не хотели, чтобы власть прикрывалась от группы F их телами. Общее мнение было таково, что хуже, чем сейчас, все равно не будет. А потому самое время собрать пожитки и удрать подальше, желательно туда, откуда в город привозят мясо, хлеб и молоко.
Почуяв момент, начали бузить фермеры, требуя повышения закупочных цен или снижения тарифов на горючее, а лучше — и того, и другого сразу. Неожиданно пригрозили забастовкой транспортники. На Британских островах шептались о выходе из состава Штатов и провозглашении нейтралитета. На то, что объявлено глобальное военное положение и за такие заявочки могут запросто поставить к стенке, никто как бы не обращал внимания. Массовому бессознательному было не до того. Давно намечавшийся кризис потихоньку набирал обороты.
Группа F замерла на позициях, выжидая, рванет оно внизу само или придется-таки воевать. Каждый час отсрочки играл на руку бунтовщикам, и, как ни мучительно было подвешенное состояние, Рашен приказал: терпеть. Большинство офицеров эту тактику приветствовало, но все равно атмосфера на кораблях постепенно накалялась. Единственным, кого не затронул всеобщий психоз, оказался Боровский. Он перед зеркалом репетировал свое обращение к акционерам. Хотя никто ему этого делать не приказывал.
Прочно засевший на «Роканноне» Эссекс с отупляющей регулярностью учинял тревоги и профилактические работы.

Лицо оставшегося не у дел капитана дестроера с каждым днем становилось все краснее, а сивухой от бедняги разило все явственнее. На «Тушканчике» Фокс провонял сигарным дымом всю боевую рубку. Ива трижды собиралась провериться на беременность, но каждый раз почему-то не доходила до медпункта, где в это время доктор Эпштейн пил неразбавленный спирт и тихо плакал над фотографией Линды.
Подчиненные Вернера залатали треснувшую переборку в корме и тоскливо слонялись по кораблю, высматривая, где бы чего еще починить. Эндрю у себя в каюте что-то сосредоточенно писал от руки куском графита на одноразовой простыне. «Это что?» — спросила Ива. Эндрю смутился и ответил, что как-нибудь потом расскажет. О своей размолвке они старались не вспоминать, но легкую отчужденность чувствовали оба. Иве было стыдно, что она наговорила человеку гадостей. Эндрю переживал, что довел любимую женщину до такого. Разобраться, что именно их друг в друге не устраивает, они пока не могли — для этого нужно было сесть вдвоем и как следует поговорить, но у Ивы не хватало времени. Она проводила в ходовой рубке по шестнадцать часов в сутки, тренируя по очереди все три навигационные вахты «Тушканчика», и падала на койку, как убитая. Ей оказалось проще загнать себя, забить голову работой, чем думать о возможных переменах в жизни и что-то решать.
Рашен на вахте штудировал историческую литературу, а свободное время проводил в библиотеке в поисках новых источников. Читал он, негодуя и плюясь, доставая астронавтов неразборчивым бормотанием себе под нос, успевая при этом краем глаза следить за обстановкой и шпынять нерадивых.
Впереди маячила размалеванная компьютером неосвещенная сторона Земли. Точечки, кружочки и треугольнички кораблей Адмиралтейства мозолили глаза. Ожидание становилось невыносимым.
* * *
На пятый день противостояния сканеры группы F засекли объект, двигающийся по инерционной траектории со стороны Марса. Объект при ближайшем рассмотрении оказался грузовиком республиканцев, уверенно надвигающимся на боевые порядки группы с тыла. Астронавты, радуясь хоть какому-то разнообразию, начали заключать пари, напорется марсианин сослепу на какое-нибудь из судов или пронесет нелегкая.
Грузовик безмятежно прошел сквозь группу и почесал дальше к Земле.
— Нехорошо, — заметил Эссекс, появляясь на мониторе в ходовой рубке «Тушканчика». — Надо бы его того… этого. Может, он к нам шел, бестолочь.
— Рискуем себя обнаружить, — помотал головой Рашен. — А если он такой придурок, что не заметил целую группу, так с ним вообще разговаривать не о чем.
— Мое дело маленькое, — сообщил Боровский, хотя его мнения никто не спрашивал. — Но если он в двух-трех мегаметрах не отвернет куда-нибудь, по нему с Земли стрельнут.
— Вот они пусть стрельнут, а мы посмотрим, — сказал Рашен.
— А если даже и отвернет, — продолжил Боровский, — земляне могут решить, что это наш выхлоп, и кинутся всей толпой сюда. Демаскирует он нас, сволочь.
— Вот они пусть кидаются, а мы поглядим. Расслабься, Жан-Поль. Он не к нам идет. Он к ним собрался.
Боровский что-то недовольно проворчал и демонстративно затянул до упора ремни безопасности. Мол, я вас предупредил.
Грузовик медленно приближался к линии земной обороны.
— Господин адмирал, сэр! — позвал Рашена связист. — Марсианин передает кодом. Земля отвечает. Коды в наших таблицах не значатся. Прикажете ставить запись на дешифровку?
— Что же, попробуй, — задумчиво протянул Рашен. — Ох, как это все интересно…
— Кто это может быть, драйвер? — обернулась Ива.
— Посол, — уверенно сказал Рашен. — Чрезвычайный и полномочный.
— Это еще кто? — опешил Боровский, забыв, что обиделся.
— Должность такая. Официальное лицо, имеющее право говорить от имени правительства. Выражать его точку зрения.
— Им что, сложно было по дальней связи поболтать?
— Может, дело чересчур серьезное.
На орбите грузовик швартовался к борту «Старка». Рашен пожевал губу, сунул руки в карманы и откинулся на спинку кресла.
— Сейчас его пересадят на катер, — сказал он, — и опустят вниз. Часа два на это уйдет. Три часа минимум ехать по поверхности к Директорам… Успею выспаться. Жан-Поль, принимай вахту. Я пошел баиньки. Или подождать катера, а?
— Вы лучше останьтесь пока, драйвер, — попросила Ива.
— Нервничаешь, малышка? — улыбнулся адмирал. — Ладно, жду.
Через полчаса от «Старка» отстыковался катер. Рашен удовлетворенно зевнул.

— Значит, так, — заявил он. — Пока эти деятели между собой не договорятся, войны не будет точно. Объявляю приказ по группе: всем спать. На местах только дежурные. Подъем через пять часов. Через шесть — полная готовность к маневру согласно утвержденному плану. Жан-Поль, организуй исполнение приказа. Дамы и господа, спокойной ночи.
С этими словами адмирал поднялся, дружески хлопнул озадаченного Боровского по плечу и вышел из рубки.
— Чего это он такой довольный? — спросила Ива у старпома.
— Мне кажется, что либо через шесть часов на нас нападут, либо мы нападем, — ответил Боровский. — Или кто-то сдастся кому-то без боя. — Старпом отстегнулся, пересел за командирский пульт, вывел на экран меню внутригрупповой связи и принялся набивать команду.
— Посол — это круто, — сообщил из боевой рубки подслушивавший Фокс. — Роскошный выпендреж. Это ж надо додуматься — гонять бездельника за народные денежки на другую планету, чтобы он там кому-то сказал пару слов… Только почему на грузовике? Бэттлшип ему! Да нет, мегадестроер! С эскортом! Форма одежды парадная! Караул, смирно! Вот, блин, дожили краснозадые — а еще республика, называется…
— Он на грузовом пошел, чтобы мы не перехватили, — сказал Боровский. — Зря не тормознули его. Хоть посмотрели бы, какие они бывают — послы…
Как и предсказывал Рашен, в ближайшие часы на земной орбите все было тихо, разве что дважды к «Старку» поднимались снизу челноки снабжения. Катер вернулся наверх через пять часов сорок две минуты. И почти сразу же на черной громадине «Старка» замигал белый огонек.
— Совсем обнаглели, — пробормотал Боровский. — Так. Че-рез-вы-чай-ный и у-пал-на-мо-че-ный па-сол Рес-пуб-ли-ки… Твою мать, что за урод безграмотный у них на связи… Просит раз-ре-ше-ни-я… На-встре-чу. О-гонь-не-от-кры-вать. Под-твер-ди-те со-гла-си-е од-ной вспышкой. Ага, сейчас. Вспыхну я тебе. Из главного калибра…
— Хорошая идея, — сказал Рашен. — Но преждевременная. Эй, разведка! Какова вероятность, что нас засекли?
— Процентов тридцать, сэр. И то очень приблизительно. Целятся они по-прежнему мимо.
— Если мы послу действительно нужны, пускай сам нас ищет, — заключил Рашен. — Кто у нас ближе всего к их зоне обстрела? Ага, «фон Рей». Ну и отлично. Посмотрим, куда марсианин направится. А там и решим.
«Старк» повторил сообщение, на этот раз без ошибки в слове «посол».
— Господин адмирал, сэр! — позвала разведка. — У нас опять гости. Сзади подходит одиночный скаут. Маркировка венерианская.
— Что-то здесь стало оживленно, — пробормотал Рашен. — И республиканцы, и нейтралы… Скаут — это плохо. Заметит он нас. Близко?
— Входит в зону поражения кормовых батарей круизеров, сэр. Разрешите доложить, принадлежность скаута вызывает сомнения.
— Не понял? — насторожился Рашен.
— Маркировка, как я уже сказал, венерианская. Но вот тип судна… Во флоте нейтралов таких отродясь не было. Это «восьмерка», сэр. Хорошая машина, почти новая.
— Наверняка подарок Адмиралтейства, — отмахнулся Рашен. — Может, даже из бывших наших. Ладно, следите за ним пока. Ох, как он некстати…
— Вдруг там еще один посол? — улыбнулся Боровский.
— Нам и одного пока хватит. Как думаешь, отчего марсиане вмешались?
— Не от хорошей жизни — это точно, — заверил адмирала Боровский.
Так и не дождавшись подтверждения от группы F, марсианский грузовик отчалил от борта «Старка» и медленно двинулся вперед.
— Если не изменит направление, оставит нас в десяти мегаметрах по левому борту, — доложила разведка. — Его сканеры работают на полную мощность, сэр. А венерианский скаут уже совсем близко.
— Вижу, — кивнул Рашен. — Так. Что-то мне не нравится во всей этой ситуации. Плохо мы стоим, ох плохо. Бездарно стоим.
— Отлично стоим, — возразил Боровский.
— Господин адмирал, сэр, начальник штаба на связи.
— Спасибо. Фил?
— Есть полная готовность к маневру. Как ты?
— Мне очень хочется дать полный назад, — признался Рашен.
— Почему? — тут же спросил Эссекс.
— Понятия не имею. Но ситуация выходит из-под контроля, тебе не кажется? Что нам стоит резко отпрыгнуть и перегруппироваться?
— Сам знаешь, мы выйдем из мертвой зоны.

Рашен вздохнул. Группа F пряталась в одной из редких для околоземного пространства зон, где по непонятным до сих пор причинам глох любой достаточно мощный радиосигнал. Общаться между собой корабли группы могли без особых проблем, а вот чтобы поговорить, например, с Землей, понадобилась бы уже дальняя связь. Терять преимущества, которые сулило такое расположение, адмирал не хотел. Но и шевеление неземных кораблей вокруг группы с каждой минутой все сильнее действовало на нервы.
— По-моему, все нормально, — продолжал Эссекс. — Грузовик проходит мимо, это видно невооруженным глазом. Когда удалится как следует, пошлем за ним катер. Вот скаут нейтралов здесь совершенно не к месту. И какого хрена ему тут понадобилось?
— Вот и я думаю — какого? И вообще чей он? Может, это на самом деле не скаут, а самоходная мина.
— Это скаут, Алекс. Никаких сомнений.
— Прозондировать бы его СВЧ… — пробормотал Рашен. — И его, и этот грузовик заодно.
— Нельзя, засветимся.
— Сам знаю. Терпеть не могу, когда от меня ничего не зависит…
— А кто уже пять суток тут висит без движения?
— Сам придумал, сам и вишу. Раньше это было правильно. А теперь выходит, что мы заложники собственной позиции. Такой умной и выгодной.
— Вот и виси, — заключил Эссекс, — а мы ждем команды. Все, я тебе доложил «готовность ноль».
— Принял. Спасибо.
Грузовик обходил группу слева, не спеша, будто демонстрируя свою беззащитность. Скаут подгребал сзади. Было уже ясно, что он группу видит. Не может не видеть, если не слепой.
— Отлично у этого нейтрала траектория задана, — сказал Боровский. — Не иначе, его капитан с нами воевал. Я имею в виду — против нас. Он таким курсом до самой атмосферы доползет незамеченным и еще «Старку» на борту похабное слово нацарапает.
— Заткнись, — попросил Рашен. — Не мешай думать.
Боровский фыркнул и отвернулся. Незаметно достал из кармана цилиндрик маркера с красной полосой на боку, ловко отвинтил колпачок рукой в тяжелой перчатке и за какие-то две секунды нарисовал у себя на пульте короткими уверенными штрихами карикатуру на Рашена. Адмирал получился как живой. Боровский полюбовался на свое творение, удовлетворенно вздохнул и, уже совершенно успокоенный, сунул маркер обратно в карман.
— Марсианин стопорит! Господин адмирал, он на краю мертвой зоны…
— Есть, вижу. Ну что, придется «фон Рею» с ним разбираться. Дайте мне связь. Будь проклята эта мертвая зона, чтоб ее… Как бы его подманить к нам поближе? «Фон Рей»! Это старший. Послушай, можешь слегка подсветить свою корму, чтобы этот балбес тебя увидел?
— У меня в грузовом шлюзе стробоскоп, господин адмирал, сэр. Откроем люк, получится незаметно. Сможем общаться сколько влезет. Будет готово примерно через минуту.
— Умница. Выясни, чего ему надо.
— Исполняю.
— Ну вот… — пробормотал Боровский. — Мы нервничаем, боимся, а подчиненные все уже сами придумали.
— Так чьи подчиненные-то? — хитро прищурился Рашен. — Кто их всему учил?
В этот момент грузовик взорвался.
* * *
Когда ослепительная вспышка заполнила собой весь космос, «Рипли» находился уже внутри боевого порядка группы F. На секунду коммандер Файн потерял над собой всякий контроль: ему почудилось, будто он сквозь обшивку скаута видит звезды. Потом разведчик услышал отвратительный вой в наушниках и очнулся. Выла сирена, извещающая о потере управления.
Файн открыл глаза и обнаружил, что в рубке совершеннейшая темень, а перед носом горит одна-единственная лампа аварийного отключения реактора.
— Предохранители! — крикнул Файн. И тут вспыхнуло снова.
Не будь астронавты намертво пристегнуты к креслам, они бы сейчас залезли под них. Скаут тряхнуло: в систему пошла энергия из накопителей. Потом тряхнуло опять: полетел еще один блок, и цепи разомкнулись.
— Да предохранители же! — прорычал Файн, зажимая руками прозрачное забрало шлема, как будто от этого могло стать легче.
Еще одна беззвучная вспышка, словно пронизывающая тебя насквозь. И еще одна. И еще.
— Это наши! — заорал второй навигатор. — Это же наши!!!.. Пошла цепная!!!..
Файн сунул руку под кресло, сорвал пломбу с рычага и крепко ухватил его рукоятку.
— Держитесь! — крикнул он, дергая рычаг на себя.

Реактор ожил и изо всех сил швырнул ослепший скаут вперед.

Пока арестованное марсианское посольство втолковывало следователям Директората, что в Поясе замечены корабли чужих, на орбиту в спешном порядке челноками забрасывался весь земной ядерный боезапас, сохранившийся со времен Полуночи. Марсиане требовали немедленно прекратить боевые действия, амнистировать группу F, объединить все флоты Солнечной и бросить их на оборону. В это время на посольском грузовике настраивали детонаторы. Землян ни в чем не убедило даже заявление республиканцев, что полицейская эскадра Рабиновича домой не вернется, потому что выстраивает сейчас защитный ордер над Ред-Сити. Даже когда марсиан на полном серьезе поставили к стенке, они продолжали нести свою провокационную чушь. Это было забавно, ведь грузовик все равно уже стартовал.
Расположение группы F земляне вычислили очень приблизительно, но мощности взрывного устройства хватило бы, чтобы расколоть пополам целую планету. Яростный поток жесткого излучения должен был пробить корпуса судов, вызвав сбой в работе их электроники и сделав бунтовщиков видимыми и беспомощными. Результаты превзошли все ожидания.
Когда над неосвещенной стороной Земли вспыхнуло новое солнце, круизер «Лок фон Рей» был в семи мегаметрах от эпицентра взрыва. Через несколько долей секунды неуправляемая цепная реакция взорвала его ходовую часть. Следом мгновенно сдетонировало находившееся рядом звено дестроеров. Остальные корабли группы F, пострадавшие в меньшей степени, на время утратили боеспособность. И стали видны.
Не обращая внимания на то, что пространство вокруг группы быстро захватывала радиоактивная туча с очень высокой температурой поверхности, земной флот бросился на добивание. Прикрывать тылы остался мегадестроер «Эрик Джон Старк». Он открыл стрельбу с предельной дистанции и тут же запросто разнес в клочья еще один дестроер. Теперь у бунтовщиков осталось четырнадцать судов, и все они висели неподвижно, представляя собой отличную мишень. Непобедимая группа F была уже фактически разбита. Надо было только завершить процесс физически, понаделав в кораблях группы побольше дырок.
Это была победа. Это был триумф.
— Сколько мы схлопотали? — пробормотал Файн, орудуя паяльником в недрах пульта управления оптикой.
— Жить будем! — ответил Джонни, бросив короткий взгляд на счетчик радиации. — Но бездетным членам экипажа я не завидую. Шеф, нужно вколоть «Рэд Эвэй». И чем скорее, тем лучше.
— Слышали? Выполнять! Фигня, мужики, победим — вылечимся. Когда граница мертвой зоны?
— Через две минуты, шеф. — Джонни задвинул на место блок предохранителей и склонился над контактной доской. — Какая же ты молодчина, «Хелен»! Чем тебя не долбали, вот теперь еще и водородной бомбой, а тебе хоть бы хны…
— Мировая баба! — жизнерадостно заметил техник, вырывая что-то с мясом из-под панели контроля отражателя.
— О бабах забудь, — мрачно посоветовал Джонни. — Есть оптика, шеф. Запускаю диагностику. Ох, мама родная! Вы только посмотрите!
Файн нажал кнопку встроенной аптечки скафандра и зашипел, получив болезненный укол в поясницу. Экран перед ним осветился, над головой захрюкал, перезагружаясь, компьютер навигационной системы.
— Гибель… — пробормотал Файн, отбрасывая паяльник. — Караул…
В космосе было неожиданно и очень неприятно светло, даже светлее, чем когда идешь над освещенной стороной Земли. Но только сейчас все видимые объекты светились красным. В околоземном пространстве возникла звезда, багровая, разбухающая на глазах.
Скаут, выпрыгнувший на аварийной тяге из расположения группы F, приближался к родной планете. Навстречу ему, разворачиваясь в атакующий ордер, шли корабли Адмиралтейства. Когда Файн насчитал шесть бэттлшипов, ему стало неинтересно, и он решил не обращать внимания на мелюзгу. У Земли было решающее превосходство. Если бы корабли группы F могли что-то предпринять… Но они только начинали двигаться, неуверенно и с отключенными помехопостановщиками.
— Наши идут в лоб, — сказал Джонни. — Самоубийство, правда, шеф?
— Другого шанса у них просто нет, — вздохнул Файн. — Развернуться и удрать они не успеют. А так, если им удастся проскочить сквозь этот бездарный строй… Можно нырнуть в атмосферу и уйти на восток. Если бы не «Старк». Он висит как раз над Азией, прикрывает

фланг орбитальных батарей. Ох, труба… Ладно, мальчики. Обещайте меня слушаться, и папа Абрам что-нибудь придумает.
— Граница мертвой зоны, шеф. Думаю, уже можно наладить связь. Кого вам найти, Рашена?
— Нет, — сказал Файн твердо. — Дай мне аварийную волну для голосовых сообщений.
— Вы хотите громко крикнуть «мэйдэй»? — не веря, усмехнулся Джонни.
— Я хочу громко крикнуть: «Жопа!» — отрезал Файн.

*. * *

Когда на «Тушканчике» внезапно замкнуло все, что только можно, и круизер превратился в огромный дорогой гроб, Ива Кендалл испустила громкий крик и инстинктивно схватилась за живот. По счастью, флагман находился далеко от эпицентра взрыва, и его обшивка удержала большую часть смертоносного излучения. Но электромагнитный импульс выбил все управляющие системы. Внутренности корабля погрузились во мрак. Это было по-настоящему страшно, и бесконечно долгую секунду, пока не включились дублирующие контуры, рубку заполнял многоголосый вопль ужаса.
Затем экраны и пульты ожили, и астронавты разом замолчали. В наступившей тишине раздался спокойный и уверенный голос.
— Готов доложить о повреждениях, — сказал кто-то хорошо знакомый Иве. Не просто знакомый — родной.
Рашен громко прокашлялся и с трудом оторвал руки от маски спецкостюма. Как и многие вокруг, он машинально прикрыл лицо.
— Пост технического контроля, лейтенант Вернер, — представился голос. — Вызываю ходовую рубку. Готов доложить о повреждениях.
— Слушаю тебя, Andrey, — сказал Рашен, шаря по контактной доске и нелепо ворочая головой из стороны в сторону. В аварийном режиме вся телеметрия проецировалась ему прямо на сетчатку, и теперь он таким образом осматривал внутренности корабля.
— Система управления огнем в режиме самодиагностики. Восстановится через тридцать секунд. Центральный ствол — норма. Приводы отражателей — норма. Контроль отражателей — норма. Зеркала — норма. Главная проблема — облом системы в ходовой части, сэр. Утерян дистанционный контроль. Перегрев реактора сорок процентов. Медленно растет. Выбит полностью контроль охлаждения. Сэр, разрешите идти в корму и управлять оттуда вручную?
— Как это серьезно, Andrey? Сколько нам осталось?
— Полной нагрузки не больше часа. Потом нужно катапультировать эту штуку. Единственный шанс сохранить реактор — немедленно его глушить и работать на том, что есть в накопителях.
— Нам этого не хватит даже до Земли. Сесть уже не сможем. И стрелять не сможем.
— Понимаю, сэр. Я и говорю: час можете воевать. Столько я его удержу. Разрешите идти?
— Да, — тихо произнес Рашен.
— Есть доклад начальника штаба, — доложил Боровский. — В оптическом диапазоне.
— Да, — повторил Рашен.
— Потерян круизер и три дестроера. Причина — цепная детонация. Еще один круизер и один дестроер не отзываются, предполагаю радиационное поражение экипажей. На «Роканноне» фатальный облом системы управления огнем, выбит пост связи, перегрет реактор. Выполнять боевые функции не могу. Мой сектор накрывает туча. Прошу разрешения выйти из зараженного сектора и сбросить экипаж на аварийных модулях.
— Не только экипаж, — тихо сказал Рашен. — Передай Эссексу приказ. Сбросить всех до единого, и себя в том числе. Выполнять немедленно.
— Да, сэр.
Рашен выбил на «доске» частую дробь и снова принялся вертеть головой.
— Флагман — бригаде Attack Force, — сказал он, по-прежнему не повышая голоса. Но услышали его все, кто еще мог слышать, потому что адмирал взял на себя внутреннюю голосовую связь. — Флагман — бригаде Attack Force. Приказ — делай, как я. Для уцелевших место встречи… Там, где мы потеряли Линду Стэнфилд. Как поняли меня, доложить по очереди.
В наушниках раздались далекие голоса командиров. Отозвалось только десять.
— Земляне атакуют! — доложил Фокс.
— Вижу, — кивнул Рашен.
— Оставили «Старк» отсекать нас от поверхности. Догадываются, что мы двинем на прорыв.
— И это вижу. Майкл, ты слышал, что с реактором. Думай, когда начнешь стрелять.

— Шеф, против нас будет мегадестроер. Когда я стану давить его батареи…
— Вот ты и дави расчетливо. Пусть и без реактора, но мне хотелось бы посадить целый корабль. Он нам еще пригодится. Кенди? Готова?
— Готова, сэр! — кивнула Ива, совершенно не понимая, что теперь будет. Маневр прорыва был ей ясен, но как увернуться потом от чудовищных батарей «Старка», она не представляла.
Этого не представлял и сам Рашен, но виду не подал. Он знал только одно: убежать с поля боя теперь не получится. Значит, придется идти в лоб и уповать на выучку экипажа.
— Я хочу, чтобы сегодня мы опять победили, — сказал он просто. — Капитан-лейтенант Кендалл! Poyehali!
* * *
Четыре круизера и семь дестроеров — вот было все, что осталось от группы F, когда она двинулась навстречу землянам. Отваливший в сторону «Роканнон» сбрасывал аварийные модули, и Рашен молиться был готов, лишь бы Эссексу хватило ума не геройствовать и покинуть корабль.
Земные бэттлшипы, как им и было положено, начали стрелять издали, промахиваясь и тратя много времени на перезарядку. Им удалось-таки подбить еще один дестроер, но остальные суда группы, починив кое-как электронику, уже принялись активно маневрировать и ставить помехи. Две эскадры сближались, одна — плюясь огнем, другая — выделывая лихие финты. Где-то далеко впереди, уже почти на носу у землян, мельтешил венерианский скаут.
— Господин адмирал, сэр! — крикнул связист. — Нейтрал передает голосом на аварийной волне! Хотите послушать?
— Давай!.. — прохрипел опутанный проводами Рашен, крутясь вместе с креслом и отчаянно жестикулируя.
— Мэйдэй! Мэйдэй! — раздался в динамиках возбужденный голос. — Здесь специальный посланник Конвента! Требую немедленной посадки! У меня сбой ходового процессора, теряю управление! Не стреляйте! Как дипломатическое лицо, нахожусь под защитой Совета Директоров! Мэйдэй! Требует аварийной посадки скаут гражданского флота Венеры бортовой номер двести три! На борту посланник Конвента с личным конфиденциальным файлом Генеральному Директору! Не стрелять! Прошу безопасный курс!
— Я знаю этого мужика, — уверенно сказал Боровский, отрываясь на миг от исполнения служебных обязанностей. — Нет, я точно знаю этого мужика!
— «Эрик Джон Старк» посланнику Конвента, — прогнусавили в эфире. — Вы идентифицированы. Разрешаю заход прямо на меня с отворотом в мегаметре тридцать градусов вправо. Затем получите курс ниже уровня орбитальных батарей с посадкой в Южной Европе.
— У вас же там засрано все, в этой вашей Южной Европе! — возмущенно заорал посланник, срывая голос.
— Вы, кажется, просили аварийную посадку, — заметил «Старк» с некоторым удивлением.
— Да нет, я точно знаю этого хрена! — рявкнул Боровский. — Но кто это?!
— Разумеется аварийную! — разорялся нейтрал. — Но не в такую же, мать твою, жопу!
— А вы хотите на ручном управлении — и прямо в Брюссель? — съязвил землянин.
— Да я справлюсь! Я как-нибудь…
— Сядешь, где разрешили, козел! — отрезал «Старк».
— Есть, — вздохнул посланник. — Выполняю маневр расхождения с бэттлшипами. Захожу на указанный курс.
— Я тоже его знаю, — сказал Рашен хмуро. — Это наш Абрам. Только Абрама здесь и не хватало…
Ива швыряла «Тушканчик» из стороны в сторону, уклоняясь от вражеских залпов. Пока что все шло нормально, круизер получил лишь пару легких ожогов. Позади запылал и начал разваливаться еще один дестроер.
Рашен что-то прорычал себе под нос, и три круизера внезапно отделились от группы, забирая в сторону. Заподозрив неладное, земляне перенесли огонь на них, за что немедленно поплатились. Круизеры легко поднырнули под стену огня, а Фокс в это время четко, как на тренировке, разбил нос одному из противников, да так, что бэттлшип завалился набок. Идущие в кильватерном строю остатки группы F чуть разошлись, дружно пальнули и совместными усилиями развернули ему борт. Землянина медленно вспучило, и массивная железяка принялась величественно расползаться по швам.
— Вот еще пять раз таким же образом, — сказал Боровский, — и останется какой-то задрипанный мегадестроер… Да еще спутников полторы дюжины…

До бэттлшипов было уже рукой подать, и их поведение свидетельствовало о явной растерянности. Издали по группе F редко и неопасно постреливал «Старк», боясь зацепить своих. Отделившиеся круизеры сильно помяли еще одного землянина и воткнулись в плотный строй файтеров и самоходных мин. Пространство вокруг трех мятежных кораблей превратилось в мерцающий блестками кокон, внутри которого что-то вдруг ярко разорвалось.
— Минус один, — уныло сообщил Боровский.
— А у них минус двадцать! — прошипел Рашен.
Поврежденный бэттлшип земной обороны изменил курс и пошел туда, где москитный флот пытался заклевать два оставшихся на его долю круизера.
— Кенди! Майкл! — позвал Рашен. — Задавить этого урода! Сами! У меня времени не хватает!
— Сделаем! — крикнула Ива. Рашену действительно было сейчас не до мелочей. Он работал одновременно и за командира группы, и за выбывшего начальника штаба. Кораблей у него в наличии имелось всего ничего, но проще управлять ими от этого не стало. Впервые за всю историю группы F силы оказались категорически не в ее пользу. Ситуация изначально была провальная, и как Рашен ни старался ее переломить, выходило плохо.
«Тушканчик» сделал «горку», пропуская мимо очередной залп. И оказался между двух бэттлшипов.
— Идиоты! — усмехнулся Фокс, ударяя по «доске». Со стороны могло показаться, что круизер взорвался — такую мощность Фокс перевел на бортовой огонь. Страшным ударом его батарей оба бэттлшипа сбило с курса, и в образовавшуюся брешь нырнули ведомые флагманом корабли.
Ива немыслимым образом изогнула траекторию, прогоняя круизер под брюхом врага. Где-то в корме стонали переборки. Далеко впереди замаячили сполохи: круизер зашел в хвост удаляющемуся землянину.
— В двух местах лопнула рубашка, перегрев реактора восемьдесят, — доложил с кормы Вернер. Тут Фокс выстрелил, умело разбив землянину три отражателя из шести и закрутив его винтом. — Восемьдесят семь, — поправился Вернер. — До сброса реактора максимум тридцать минут.
Занятый Рашен что-то неопределенно промычал.
— Успеем! — ответила за него Ива. Впереди два оставшихся бэттлшипа землян шевелили носами, занимая удобную позицию для стрельбы. В проеме между ними полыхнуло — это выстрелил «Старк».
Круизер содрогнулся от удара по скуле.
— Перегрев реактора восемьдесят девять, — сообщил безмятежно Вернер. — Перегрев обшивки носа тридцать два. Плавится носовая оптика.
— Экраны в графический режим! — крикнула Ива, видя, что изображение мутнеет.
— Расплавилась носовая оптика, — вздохнул Боровский. — А где я новую возьму?
— Вырвались! — неожиданно в полный голос заорал Рашен. — Вырвались, родные! Теперь на курс шесть! Как слышишь меня?! Да! Да!
Ива бросила взгляд на общую схему боя. Два круизера, шедшие обходным маневром, прорвали заслон малых кораблей и теперь, помятые, но непобежденные, быстро удалялись к Южному полюсу. Похоже, Рашен вывел их из боя намеренно, желая пока сберечь. Но все равно дорогу к Земле им преграждал непотопляемый «Старк». Группа F уже совершила невозможное сегодня. Впереди ее ждало невыполнимое.
* * *
«Старк» и два бэттлшипа ударили залпом, превратив в огненный щар еще один дестроер. Замыкающий группы F мотнулся в сторону и выстрелами кормовых батарей обездвижил землян, пытавшихся развернуться позади и броситься группе вдогон. Ему несколько раз чувствительно влепили по корпусу, но судя по всему не смертельно. Пять кораблей, атакуя, продолжали движение вперед. В это трудно было поверить, но пять средних боевых кораблей собирались теперь напасть на два больших и один просто страшный.
— Осталось двадцать минут, — напомнил Вернер. — Перегрев реактора критический.
— Цифру! — потребовал Боровский.
— Этого вам лучше не знать, — меланхолично ответил Эндрю.
Еще один залп противника ушел впустую.
— Как мы обогнем эту дуру, шеф? — спросил Боровский, имея в виду «Старк».
— Мы не будем ее огибать, — процедил Рашен. — Мы зажмем ее и сломаем. Кто не знает, я объясню. Слушать меня! У мегадестроеров есть конструктивный недостаток. Десять минут заградительного огня на полной мощности — и вылетает система наведения. Все

ясно? Повредить эту huevinu мы, конечно, не сможем, но заткнуть ей пасть — вполне. И потом спокойно приземлимся.
«Десять минут под таким огнем… — подумала Ива. — Может, кто-то и уцелеет. Но только не мы. У нас реактор… Ох…» Она машинально выполнила маневр уклонения.
— Потеряли дестроер, — доложил Боровский.
— Еще два бэттлшипа, — сказал Рашен. — Потом будет легче.
— Нас догоняют файтеры.
— Плевать. Не успеют. Вернер! Andrey! Гарантируешь двадцать минут?
— Восемнадцать, Oleg lgorevich. Только восемнадцать.
— Не хочу терять корабль, — пробормотал Рашен. — На чем мы тогда к чужим пойдем?
— Да кончайте трепаться, драйвер! — взорвался Боровский. — Скажите прямо: без корабля нам конец! Сбросимся на модулях — расстреляют прямо в них!!! А не расстреляют — так куда мы сядем? Прямо Директорам в лапы! И все — к стеночке… Нас с вами — точно. Да и остальным мало не покажется!
— Полегче, Жан-Поль, — миролюбиво попросил Рашен. — Ты на службе, как-никак.
— Скаут нейтралов встал на указанный ему курс, — доложил связист.
— Рад за Абрама, — процедил Боровский. — Хоть он выживет, гад хитрожопый. Только его все равно арестуют…
— Наш Абрам неистребим, — помотал головой Рашен, в который уже раз повторяя эти слова.
Два вышедших из боя круизера группы F наткнулись на плотный огонь «Старка» и принялись исполнять замысловатый танец среди радужных сполохов. Ива невольно улыбнулась. Ей вдруг показалось, что все происходящее вокруг — сон. Впервые в жизни капитан-лейтенант Иветта Кендалл по-настоящему отдала себе отчет в том, чем занимается. Все эти годы, с момента поступления в училище, Ива только играла. Да, игры оборачивались время от времени травмами и переживаниями. Но все равно того, что сейчас показывал ей компьютер, на самом деле не существовало. Ни ярких разрывов, ни острых, как бритва, цветных лучей, ни красивой боевой раскраски судов. Все это была лишь фикция, заложенная в память машины и услужливо выдаваемая ею на экран. Только для того, чтобы человек не страдал от недостатка информации. Расцвечивание, подрисовка, маркеры и бегущие цифры были призваны облегчать и ускорять восприятие. В реальности космический бой выглядел сурово и бесцветно, сухо, мрачно, жестоко. Но специально для таких, как Ива, кто-то умный догадался придать войне яркие краски.
Понять это было обидно. А еще обиднее было бы за всю эту бутафорию умереть.

«Старк» переключил внимание на пару круизеров, но два оставшихся на ходу земных бэттлшипа вовсю колотили приближающиеся корабли мятежников. «Тушканчик» потерял один носовой излучатель и две малые бортовые пушки. Начали сдавать перегруженные системы охлаждения, и внутри корабля воздух нагрелся до пятидесяти градусов по Цельсию. Никогда еще СБК-100 «Пол Атридес» не переживал такие длительные непрерывные боевые нагрузки, да еще и с неисправным реактором.
— Потеряли дестроер.
— Вижу.
— Наш ведомый просит разрешения выйти из боя. Облом системы, шеф. У него и раньше барахлила электроника. Так, уже ничего не просит.
— Вижу, Жан-Поль, вижу…
Один из круизеров, выписывающих кренделя вокруг изрыгающего пламя «Старка», начал терять ход.
— У этого тоже реактор греется.
— Удивительно, что мы вообще не развалились от первого же взрыва. Ты не пробовал мощность подсчитать?
— Они взорвали все бомбы, какие смогли найти.
— Ненавижу марсиан! — рявкнул адмирал. — Такая была позиция…
— Они же хотели нам помочь, шеф.
— Кто тебе это сказал?
— Мне так кажется.
— Ну-ну.
Сильно побитый круизер и два полуживых дестроера выплетали петли вокруг двух больших земных планетолетов. Сначала начал исходить паром из многочисленных щелей один землянин. Потом запылал и сбросил аварийные модули небольшой мятежник. И вдруг еще у одного землянина хлестнул огонь из кормы.
— Я попал! — надрывался Фокс. — Вы видели, шеф?! Я попал ему…
Корма бэттлшипа начала раскаляться.

— Назад! — крикнул Рашен. — Назад, куда ты, мать твою, наза-ад!!!
Последний дестроер группы F не успел отойти от взрывающегося противника. Мутно-красное облако заволокло их обоих.
— Все, — сказал Рашен бесцветным голосом. — Еще десять минут, и все. Ну максимум пятнадцать. Кенди! Пойдем на помощь нашим.
— У вас нет пятнадцати минут. И десяти не будет, — вмешался по интеркому Вернер. — Либо катапультируем реактор через пять, либо я ни за что не отвечаю.
— А если дать ему передохнуть? — спросил Боровский.
— Без толку. Мне больно это вам говорить, Жан-Поль, но он уже взрывается. Я его, можно сказать, руками держу.
— Ты как вообще? — вдруг, словно вспомнив нечто важное, поинтересовался старпом. Видимо, ему, как и остальным членам экипажа, до этого момента казалось естественным, что там, где хозяйничает Вернер, должен быть полный ажур. — Сколько рентген схлопотал?
— Ерунда, я в тяжелом скафандре, — ответил Эндрю. У меня тут давно уже вакуум. Дырки повсюду.
— Какой перегрев, Andrey? — осторожно спросил Боровский, впервые называя Вернера его русским именем.
— Двести тридцать.
— То есть мы должны были взорваться еще тридцать процентов тому?..
— Я рискнул поэкспериментировать с жидким азотом, и вроде повезло. Думаю, реактор потянет двести пятьдесят. Но тут есть свои минусы. Не могу точно сказать, когда машина пойдет вразнос. Рубашка просто треснет.
— Нам еще две минуты хода до начала работы по «Старку», — сухо произнесла Ива. — Допустим, сяду я на том, что в накопителях, это не вопрос. Но у «Старка» нужна будет полная мощность, и долго. Решите наконец что-нибудь, господа.
— И мне понадобятся все ресурсы, — вставил Фокс. — Все, какие есть. Слышишь, Энди?
— Слышу, — хмуро ответил Вернер.
— Мы готовы работать? — поинтересовался Рашен, возвращаясь из своего тактического далека. — Нас еще трое, но это, похоже, временно.
— Ладно, — сказал Вернер. — Давайте, воюйте. Забудьте все, что я сказал. Забейте гада.
— Слышали?! — спросил Рашен с таким воодушевлением, будто ему подарили жизнь. Впрочем, может, так оно и получалось. — Вы-пол-нять!!! Забейте гада!!!
— Скаут нейтралов просится к «Старку» в шлюз, — доложил связист. — Говорит, страшно ему. Отсидеться хочет. Получил добро.
— Не знаю, что Абрам делает, — пробормотал Боровский, — но делает он это зря.

Эндрю внутри скафандра буквально тонул в собственном поту. Температура забортного пространства уже на уровне обшивки становилась плюсовой. Внутри реакторного отсека многое совсем расплавилось, остальное уже собиралось. Не догадайся Эндрю совершить рискованный эксперимент с проливкой реактора жидким азотом, «Тушканчик» взорвался бы еще полчаса назад. Но Эндрю догадывался, насколько группа F близка к гибели, и хотел дать Рашену столько шансов, сколько мог обеспечить. Поэтому реактор функционировал за пределами возможного. Как долго он еще продержится, было непонятно. Если бы реактор не решал сейчас вопросов жизни и смерти, Эндрю посоветовал бы Рашену прыгать в аварийный модуль, и сам бы последовал за ним. Но от того, уцелеет ли «Тушканчик» и выйдет ли его командир победителем из драки, зависело слишком многое. Сброс на модулях означал для экипажа «Тушканчика» немедленный плен. И немедленный расстрел — как минимум для военных преступников и изменников родины Успенского, Боровского, Кендалл и Фокса. А может, и для остальных. Больше всех в этом списке Эндрю беспокоился за Иву. То, что он делал сейчас, делалось именно для нее.
Поэтому «Тушканчик» просто обязан был подавить огонь «Старка» и уйти в сторону России. Туда, где мятежников еще долго не найдут, а когда найдут, то отвезут в Европу с почестями. И для этого окаянный реактор должен был продержаться еще четверть часа. Это при условии, что СБК-100 «Пол Атридес» не получит смертельную рану немного раньше.
И если у «Старка» действительно от перегрузки обломается система управления огнем. И если не сдадут нервы у старшего навигатора Иветты Кендалл, от мастерства которой зависит напрямую выживание корабля в бою.
* * *
Три круизера, почти неразличимые на фоне необъятной туши «Старка», клевали его орудийные порты и быстро отскакивали. Вокруг самоубийц роем вились файтеры, но Рашен приказал на них не отвлекаться. Москитный флот скорее прикидывался, что воюет,

нежели старался на самом деле нанести серьезный урон группе F. Уже с десяток файтеров разбилось о толстые борта атакующих, не причинив им особых повреждений.
Шла седьмая минута боя, когда один из круизеров, тот, у которого и раньше барахлила ходовая часть, потерял управление.
— Ох сейчас будет!.. — прошептал Боровский, втягивая голову в плечи. — Хоть бы воткнулся в него, что ли…
«Старк» выстрелил и попал. Это было страшное зрелище. От круизера на осталось практически ничего. Мощное и хорошо защищенное для своего класса судно рассыпалось буквально в пыль.
— Работаем, мальчики и девочки… — бормотал Рашен. — Работаем…
«Старк» несколько раз бесстыдно промазал, будто и не целился толком. Перерывы между залпами гиганта становились все дольше.
— Слабеет, гад! — удовлетворенно хмыкнул адмирал. — Кенди, ближе к нему, ближе!
— Ты как, сестренка?! — крикнул из боевой рубки Фокс.
— Держусь, — сквозь зубы ответила Ива. Иногда взгляд застилала пелена, и только усилием воли получалось ее разогнать. Ива устала. А еще ей очень не понравился голос, которым сообщал о температуре реактора Вернер. Слишком его голос был спокоен. Чересчур. Ива достаточно знала своего мужчину, чтобы почувствовать это. Обычно живой и непосредственный даже в боевой обстановке, Вернер становился вдруг очень собранным и немного отрешенным, когда ему угрожала серьезная опасность. Лично ему. Ива понимала, что в корме сейчас далеко не праздник, но истинной обстановки там просто не знала. Монитор диагностики ходовой части на ее пульте был мертв. Дистанционный контроль за реактором утерян полностью. Только Эндрю сейчас мешал сложной машинерии плюнуть на все и зажить собственной жизнью. И было что-то еще, о чем Ива смутно догадывалась, но из-за нехватки времени оценить не могла. Если нет дистанционного контроля, а только ручное управление, значит…
— Не спать! — рявкнул над ухом адмирал. — Он саданет из шестого порта через десять секунд. Восемь… Семь…
Ба-бах!!! Мимо.
— Умница. И держись подальше от кормы. Он только и ждет, чтобы мы сунулись к отражателям.
— Все нормально, сэр.
— Кенди, солнышко, давай еще немного. Если надо будет, я корабль сам посажу.
— Я в порядке, сэр.
— Внимание! — сказал в наушниках Вернер. Очень тихо сказал, но так, что у Ивы комок подступил к горлу.
— Еще чуть-чуть, Andrey! — взмолился адмирал. — Ну чуточку!!!
— Через шестьдесят секунд машина взорвется. Прошу разрешения катапультировать реактор.
Рашен взвыл и обеими руками с размаху врезал по пульту, разбив бронестекло одного из мониторов.
— Все… — выдохнул он, роняя голову поверх стеклянного крошева. — Все…
— Понял вас, — сказал Эндрю и неожиданно хихикнул. — Ива, родная, переходи на накопители. И вот что, любимая, послушай…
— Не сметь!!! — заорал Рашен, поднимая голову к потолку, будто взывая к несуществующему по его понятиям Господу. — Лейтенант Вернер, я вам запрещаю!!!
Боровский протянул руку к адмиралу, видимо, намереваясь ухватить его за плечо и встряхнуть, но не достал.
— Кристоф, возьми управление… — прошептала Ива. Она наконец-то поняла, от чего сходит с ума адмирал. И что хочет сказать ей Эндрю.
— А как еще?! — спросил Эндрю с легким удивлением в голосе. — Чего вы ждали, собственно говоря?
— Не знаю! — крикнул адмирал. — Не знаю! Придумай что-нибудь! Идиот! Я убью тебя-а!!!
— Заткнитесь, шеф, — попросила Ива ровным и начисто лишенным выражения голосом. — Я слышу тебя, Andrey.
— Я был счастлив с тобой, милая. Так счастлив… Я очень тебя люблю.
— И я тебя люблю безумно, — сказала Ива, чувствуя, как подкладка маски впитывает ее слезы. — Очень. Всегда.
Круизер жестко тряхнуло — Кристоф уклонился от попадания, но сделал это не так ловко, как умела Ива.
— Разворот! — прохрипел Рашен. — Кормой к «Старку»!

— Верный ход, шеф, — похвалил адмирала Эндрю. — Милая! Ты прости, что так вышло. Нельзя было иначе. Ну, всем счастливо! Активирую сброс. Ива!
— Да… — выдавила Ива сквозь комок в горле.
— Я люблю тебя.
В корме треснуло, лопнуло, взорвалось, и круизер встал на дыбы.
— Беру управление! — крикнул Рашен. — Держаться всем! Даю полный!
«Тушканчик» отпрыгнул от «Старка» с такой силой, что в рубке у всех потемнело в глазах. А потом корабль будто пронзила молния. С потолка обрушился водопад огненных искр, и электроника вырубилась подчистую. Круизер ослеп и неуправляемым волчком понесся куда-то прочь.
— Ввожу последний резерв предохранителей, — пробубнили по внутренней связи.
— Он не успел, — хмуро доложил Фокс. — Я видел. «Старк» подбил наш реакторный отсек прежде, чем тот подлетел вплотную. Но у них, я думаю, тоже сейчас неполадки.
В рубке снова зажглись огни. Все обернулись к экранам и увидели, как на «Старк» наплывает огненный вихрь, а мегадестроер отползает задом на маневровых двигателях. Второй круизер, пострадавший меньше «Тушканчика», отважно лез «Старку» под хвост, рискуя сгореть в пламени выхлопа, буде гигант вздумает двинуться вперед. Или быть расстрелянным, если чудовище сможет задействовать кормовые батареи.
— Отходи, дурак! — потребовал Рашен, с трудом выравнивая свой корабль. В этот момент «Старк» выстрелил кормовыми, и безрассудно дерзкий круизер превратился в шаровую молнию.
— К развороту! — приказал Рашен. — Боевая, как орудия?
— Стараюсь, сэр! — бодро ответил Фокс.
— Шеф, дайте порулить, — тихонько попросила Ива.
— Ни за что! — отрезал Рашен, угадавший ее намерения.
— Шеф! — Ива протянула руки к «доске», но Рашен ее опередил. Он вскрыл панель у себя под ногами, что-то там сдвинул, и пульт Ивы неожиданно умер.
— Мы должны это сделать! — прорычал он. — Иначе грош всему цена!
Ива отстегнула ремни и встала на ноги. Это казалось совершенным безумием, но ей было все равно. Круизер скакал в пространстве, как настоящий тушканчик, а Ива, цепляясь за все, что можно, лезла по рубке к выходу.
Боровский ослабил ремни и, когда Ива миновала его пост, вытянул руку и сильно ударил девушку под колени. Она потеряла равновесие, опрокинулась назад, врезалась бронированным затылком в подлокотник кресла, снеся его начисто, и затихла.
— Долго не продержится… — сказал Рашен, непонятно кого имея в виду.
* * *
— Готово? — спросил коммандер Файн. — Ну, пронеси, Господи! Эх, лейтенант Рипли, милая барышня, ты прости меня, насильника, а только иначе нельзя. Джонни… Пошел!!!
Скаут выстрелило из глубокой шахты на борту мегадестроера, как пробку из бутылки шампанского, которую основательно встряхнули.
— Куда еще понесло этого идиота? — спросил командир «Старка» у своего помощника. — Сам же просился к нам в шлюз, посланник, мать его за ногу…
— Я так думаю, господин вице-адмирал, — глубокомысленно сообщил помощник, — что у нейтрала с перепугу шарики за ролики окончательно зашли? Вы же слышали, он и так какой-то прибабахнутый…
— Хрен с ним, — отмахнулся командир. — Готовимся к абордажному маневру. Попробуем взять этих уродов живьем.
Энергии в накопителях им хватит еще минут на десять, а потом они наши…
— Господин вице-адмирал, сэр! — встревожено позвал навигатор. — Смотрите!
— Куда? — спросил командир.
— Смотрите! — повторил навигатор, увеличивая изображение в том из секторов экрана, где вовсю улепетывал разукрашенный венерианскими гербами скаут Файна. — Я не знаю, куда этот кретин намылился, но он где-то забыл свой реактор!
— Где?! — хором спросили командир и помощник.
— Фокстрот виски! Фокстрот виски! — проорал знакомый голос на аварийной волне. — Фокстрот альфа браво! Фокстрот альфа браво!
— Вот тебе и нейтрал… — пробормотал командир. — Что он хочет этим сказать? FW, а потом FAB… Что бы это значило? И где его реактор? Что-о?!! Продуть главный шлюз! Немедленно продуть главный шлюз! Продуть главный шлюз немедленно, я приказываю, мать вашу… А-а-а-а!!!

— А вот и Абрам! — воскликнул в ходовой рубке «Тушканчика» Боровский. — Видите?

— Голосовое сообщение на аварийной волне, сэр! Передает скаут нейтралов! Группе F предупреждение! Группе F — все назад! Сэр…
Рашен, не раздумывая, бросил корабль в немыслимую по крутизне петлю.
— Плохо видно, шеф… — прохрипел раздавленный перегрузкой Кристоф. — Посмотрите, мне кажется, он без реактора…
— Главное, чтобы он догадался заварить им внешний люк… — выдавил Боровский.
«Старк» неожиданно жахнул из главного калибра, но только не вслед «Тушканчику», а по скауту Файна. Разведчик, видимо, ждал такой благодарности и виртуозно уклонился.
— Это за тебя, Andrey, — прошептал Рашен, выжимая из корабля все, на что тот был еще способен. — Это за тебя, мой хороший… Техники! — вспомнил он. — Сейчас опять долбанет! Если хотите попасть домой, рожайте еще один комплект предохранителей!
Ходовую рубку залил холодный белый огонь. Но за долю секунды до того, как экраны в очередной раз погасли, компьютер успел нарисовать перед астронавтами восхитительную картину, открывшуюся его сенсорам за кормой.
Там развалился пополам мегадестроер «Эрик Джон Старк».
* * *
Рашен, Файн и Боровский сидели на бетонной дамбе, отделяющей водохранилище от города. Далеко позади бухал, забивая сваи, паровой молот. Там де Вилье заново отстраивал кирпичный завод.
На берегу водохранилища раскинулся палаточный лагерь. А совсем на краю земли, у самого горизонта, оплывшей горбатой тушей возвышался над лесом искалеченный «Тушканчик», радиоактивный и окончательно потерявший ход.
У всех троих астронавтов цвет лица был нездорово загорелый, а движения замедленные и нечеткие. Так сейчас выглядел каждый счастливчик, вышедший живым из боя над Землей. За прошедшие сутки экипажи съели весь противорадиационный арсенал доктора Эпштейна и готовились растерзать запас химии доктора Ллойда.
Освобожденный из тюрьмы ликующим народом Эссекс обещал прибыть к рассвету. У контр-адмирала был забот полон рот, он пытался вырвать из жадных лап временного правительства честно сдавшегося ему Дядю Гуннара. Адмиралу Кёнигу собирались заодно с Директорами рубить голову, а он был сейчас позарез нужен для комплектации нового флота.
— Боюсь я, ребенка она потеряет, — вздохнул Рашен, щурясь сквозь темные очки на бредущую по берегу далеко в стороне фигурку.
— Эссекс завтра прилетит, отвезет ее в клинику. Док говорит, обойдется.
— Как знать, Жан-Поль, как знать… Обидно будет, да?
— Я бы на вашем месте, драйвер, тоже полетел.
— Не могу я сейчас, — пробормотал Рашен, уютно складывая руки на коленях и опуская на них голову. — Мне там покоя не дадут, а я безумно хочу отдохнуть. Сил больше никаких.
— Это все от медицины, драйвер. У нас сейчас обмен веществ совершенно ненормальный. Из меня утром такой кусок стронция выпал, я думал, унитаз развалится.
— Завидую, — улыбнулся Файн. — Тебе хоть геморрой не мешает…
— Еще как мешает…
— Господин адмирал, сэр! — позвали сзади.
Рашен, неловко вывернув голову, одним глазом уставился на подошедшего астронавта. Им оказался техник Ди Ланца. В руке он держал белый сверток.
— Разрешите доложить… — начал было Ди Ланца, но мучительно закашлялся. Рашен милостиво кивнул. Техник некоторое время хрипел и задыхался, потом отвернулся, сплюнул и снова встал смирно.
— Расслабьтесь, Этторе, — посоветовал Боровский. — Вам теперь каждый день с адмиралами общаться. Привыкайте.
— Да, сэр. Господин адмирал, работы по дезактивации корабля идут согласно графику. До поставки заказанных комплектующих пятнадцать часов. Разрешите…
— Как здоровье, Этторе? — спросил адмирал.
Техник снова кашлянул.
— Благодарю вас, сэр, лучше. Док говорит, через неделю буду в норме. Мы же сидели в центральном стволе, нас, можно сказать, почти и не задело.
— Слушайте, Этторе… Я все никак не могу избавиться от мысли… Просветите меня, как специалист. Неужели не было другого выхода?
— Вы насчет лейтенанта Вернера, сэр? Простите, нет. Сбросить реактор можно было только вручную. Он и управляться-то не мог дистанционно, там все оборвало… Мы хотели тянуть жребий, но лейтенант уже вышел в корму и задраил люк за собой.
— Вот тебе и везунчик Энди, — протянул Файн. — Узнаю своего русского.

— Вы понимаете, сэр, — продолжил Ди Ланца. — Мы сами все время об этом думаем. Лейтенант мог провести кабель от привода катапульты внутрь корабля и сбросить реактор, оставшись с нашей стороны. Но тогда он не смог бы контролировать работу машины. Корабль взорвался бы уже на пятой-шестой минуте. А лейтенант продержал его сами знаете сколько… Да еще и переборку всю перекосило, люк заклинило намертво… Он не мог вернуться, даже если бы передумал. Только он не передумал, господин адмирал, сэр. Я так понимаю, лейтенант сразу все решил, как только увидел, что контроль за реактором утерян. Видите ли, сэр…
— Да, Этторе, я вас слушаю.
— Нам повезло, что это был именно лейтенант Вернер, — сказал техник. — Окажись на его месте кто-нибудь другой… Он мог бы активировать сброс немедленно, обнаружив критический перегрев. А Вернер отлично разбирался в тактике боя. У него был, вы извините нас, конечно… Ну, у него был свой контрольный монитор, замкнутый на ходовый процессор. И лейтенант прямо из техпоста видел, куда идет судно и что творится вокруг. И нам объяснял. А когда эта проклятая бомба взорвалась, он весь лицом побелел, сказал что-то по-русски и тут же ушел к реактору. То есть он сразу понял, что делать, чтобы спасти корабль. И что корабль обязательно должен сохранить ход до самого конца.
— Я знаю, — сказал Рашен. — Это я его так научил. Эх…
— Вы не переживайте так, шеф, — попросил Боровский. — Энди знал, на что шел. Он ее спасал, — Боровский кивнул в сторону Ивы, которая ушла куда-то на самый край дамбы и теперь заторможенными механическими движениями бросала в воду камешки.
— Я понимаю, Жан-Поль. Я понимаю, что он ее спас. А мы его — нет.
Рашен поджал губы и отвернулся.
— Надоели вы мне, русские, — сказал Боровский и, кряхтя, поднялся на ноги. — Когда чужих замочим, уеду куда-нибудь, где вас нет. А если замечу хоть одну русскую морду, буду в нее бить. Превентивно.
— Господин адмирал, сэр, — напомнил о себе техник. — Я, собственно… Вот, посмотрите. Это мы нашли в вещах лейтенанта. Здесь, кажется, по-вашему.
Рашен протянул руку и взял у техника белый сверток. Это был кусок простыни, густо исписанный черным графитом.
— Да, по-русски, — кивнул адмирал. — Спасибо, Этторе. Если найду что-нибудь, касающееся вас лично, обязательно расскажу.
— Не надо, — помотал головой техник, и лицо его вдруг искривилось. — А то я и так каждый день плачу. Как вспомню его — так слезы… Виноват. Разрешите идти?
— Да, — кивнул Рашен, вглядываясь в аккуратные печатные буквы. Эндрю писал грамотно и разборчиво, видимо, не спеша, обдумывая каждое слово. Рашен начал читать.
«Дорогой Олег Игоревич! — писал Эндрю. — Двадцать лет я считал вас своим учителем. Наши отношения складывались по-разному. Но я всегда помнил, какую роль вы сыграли в моей судьбе. И теперь хочу сказать вам огромное спасибо. А еще извиниться. Потому что я должен уйти.
Надеюсь подбросить это письмо в вашу каюту, когда мы разобьем чужих. Тогда вам уже не нужен будет техник Вернер. А человек Вернер обязан покинуть вас. Это будет для меня большой потерей. Но виноват я сам. Так вышло, что я попал в экипаж «Пола Атридеса» ценой предательства. То, что я рассказал вам про свои злоключения внизу, правда лишь отчасти. Помните грустные обстоятельства, из которых вы меня вытащили наверх? Увы, Олег Игоревич, все было подстроено. Вы убрали с борта саботажника, а вместо него вам подсунули другого. На этот раз такого, которому вы доверяли.
Долго рассказывать, как именно меня шантажировала контрразведка. Главное — в какой-то момент я почти сделал то, что они требовали.
Я страшно запутался, учитель. Запутался в своих мотивах. Я не понимал, чего ради живу. Мне опостылела война в любых ее проявлениях. На этом особисты тоже сыграли. Они всячески подпитывали мою ненависть к войне. И оказалось, что ее можно направить против вас тоже.
Я не снял блокировки, которые оставил мой предшественник, а только отключил их. Решил поиграть в Бога, оставив за собой право выбирать, какой дорогой пойду не только я, но и вы. Сначала мне казалось, что так я смогу защитить вас, уберечь от верной гибели, которую влекла за собой война с землянами. Собственно, на этом желании меня и подловили особисты.
Но теперь мне кажется, я просто хотел мести за то, что вы когда-то отвернулись от меня. Хотя вы меня не предавали. А я поступил как ревнивая девчонка и совершил подлость в отношении вас. Пусть даже в мыслях. Но все равно это было чудовищно. Увы, сразу я этого не понял. Иногда думаю — лучше бы я вообще не поднимался к вам на борт. Но вот парадокс: именно на «Атридесе» я нашел то, чего мне недоставало внизу.

Меня вылечили от ненависти вы и ваш экипаж. Я понял, что не одинок в этом мире. Готов идти за вами. И, главное, верить в то, что вы никогда не толкнете меня на бесчестье. Отчего я пошел на сделку с совестью? Наверное, это была обычная трусость. И еще, повторяю, я не понимал, зачем живу. Поэтому я и не смог признаться вам сразу, что вел двойную игру. А страшнее всего, что теперь, когда я стал другим, мне вдвойне мучительно говорить вам об этом. Даже в письме. А в глаза — просто невозможно. Я представляю, как вы на меня посмотрите. А вы, извините, можете убить взглядом, когда на самом деле хотите всего лишь слегка упрекнуть.
Я заново родился, встретив Кенди. Я стал другим, я избавился от злобы. У меня все хорошо. Но именно поэтому я не смогу остаться в вашем экипаже, когда война закончится. Обидно, ведь это лучший экипаж в моей жизни и, думаю, лучший экипаж Солнечной. Но иначе нельзя. Мое предательство не загладить ничем. Даже если вы скажете, что все нормально, — я себя не прошу. И сделанное мной (точнее, не сделанное) не умаляет моей вины перед вами. Никогда не думал, что человека может до такой степени заесть совесть. Написал это и понял, что очистился. Мне всегда нравилось плакаться вам и жаловаться, вы уж простите. Теперь у меня есть Кенди, и я жалуюсь ей. Знаете, иногда мне кажется, что она ваша дочь. Вы очень с ней похожи внутренне. А может, все из-за того, что и я, и она — ваши воспитанники. И в том, что мы полюбили друг друга, есть нечто и от вашего большого сердца. Как обидно: я не смог взять от вас самое главное — умение быть верным себе. Я себе изменил и совершил ошибку. Не могу ее забыть. И поэтому ухожу.
Надеюсь, Кенди поймет меня, я ей тоже собираюсь оставить письмо. Пусть хотя бы поймет. Простить она не сможет. Ей нравится флот, нравится летать, нравитесь вы, наконец. Это ее жизнь. Жизнь, которую я мог оборвать. Вы позаботьтесь о ней пожалуйста. Я знаю, ей будет поначалу тяжело. Конечно, я мог бы смолчать. Но сил нет — либо скину камень с души, либо сойду с ума. Память о совершенном предательстве и так уже доводит меня до исступления. Я просто обязан рассказать тем, кто мне дороже всех на свете, о том, как я обманул их.
Только вот сделать это лицом к лицу… Нет могу.
За все надо платить, да, учитель? Вы это знаете. Поэтому никогда не идете поперек совести. И мешаете делать это другим. Вы много лет учили меня думать о последствиях. Помню вашу фразу: «Прежде чем совершить ошибку, подумай, не окажется ли она для тебя роковой». Увы, я плохо выучил урок. Как жаль.
Как обидно, что Кенди — астронавт до мозга костей. Ее любовь ко мне велика, но девочка не знает и не хочет знать другой жизни. На днях она мне это очень доходчиво объяснила. А я ведь плюнул в самое главное, на чем эта жизнь держится. Экипаж — семья, а у меня был за пазухой камень. И то, что он оказался жутко тяжелым, не искупит моей вины.
И все-таки я счастлив. Я узнал, ради чего на самом деле стоит жить. Оказывается, это так просто…»
Текст обрывался. Рашен повертел кусок ткани в руках, но больше не увидел ни слова. Видимо, Эндрю не успел написать, в чем же смысл жизни. Просто не успел.
— Возьмите платок, драйвер, — раздался откуда-то издали голос Боровского. — Ну, что там?
Рашен нашарил протянутый ему платок, утер слезы, высморкался, аккуратно сложил письмо и спрятал его за пазуху.
— Лучший экипаж Солнечной… — тихо произнес он.
— Это он про нас? Ну правильно, — кивнул Боровский. — А что там еще?
— Завещание, — сказал Рашен, поднимая глаза. — И вы его, господа, не видели. Ага?
— Опять русские заморочки, — вздохнул Боровский. — Абрам! Вставай. Пошли-ка, брат, на процедуру.
— И скажите Ди Ланца, что этого письма не было, — приказным тоном, очень напоминающим его былые манеры, заявил адмирал. — Жан-Поль, выясни, кто еще из техников в курсе, и тоже прикажи забыть. Откровенно говоря, пристрелил бы всех, чтобы не было утечки, да, видно, стар уже…
— Выздоравливает, — объяснил Боровский Файну, удивленно вытаращившемуся на адмирала. — Да что такое, драйвер? Почему секретность? Ну хотя бы в общих чертах?
— И тебя убил бы… — прокряхтел Рашен, с видимым трудом поднимаясь на ноги и разгибая спину.
— Будет жить! — радостно воскликнул Боровский. — Таков мой диагноз. Ох, драйвер, как я рад! А то вы меня просто достали этим своим нытьем…
— Я тебя еще битьем достану, — пообещал Рашен. — Ну, идите, вояки, на вечернюю клизму.
— Вам оставить? — ехидно спросил Боровский.

— И побольше, — кивнул Рашен, повернулся и зашагал в ту сторону, где Ива спустилась к краю воды и присела на теплый от солнца бетон. — Лучший экипаж Солнечной… — пробормотал он себе под нос. Лучший экипаж Солнечной… Да, Andrey, так и есть на самом деле. И ты, глупышка, был в нем совсем не последний человек. Ох, как жаль…

Ива встретила адмирала мягкой и чуть рассеянной улыбкой. Рашен сел рядом и понуро уставился в воду.
— Вещи собрала? — буркнул адмирал. — Когда прилетит Фил, у тебя будет совсем немного времени.
— Времени… — задумчиво протянула Ива. — А хорошая у нас радиационная защита, правда?
Адмирал непонимающе уставился на нее.
— Уж какая есть, — буркнул он. — Внешнюю обшивку снять придется и захоронить. И чем скорее, тем лучше. Ужас, сколько работы, проще весь корабль выкинуть. Ты видела, как излучает?
— Я все думаю об Эндрю, — объяснила Ива. — Какую дозу он схватил, как вам кажется?
— Где? — осторожно спросил Рашен, машинально отодвигаясь. Адмирал привык иметь дело с нервными расстройствами у членов экипажа, но откровенных сумасшедших до сих пор стеснялся. «Бедная девочка, — подумал он. — Вот и тебя война достала. Зацепила по самому больному месту. Как жаль». — Где получил?
— В лапе, — сказала Ива, тыча пальцем в сторону корабля. И снова улыбнулась, застенчиво и как бы виновато.
Рашен обернулся настолько резко, насколько позволяло здоровье. Громада «Тушканчика» выглядела сейчас очень странно. Вместо мощной обтекаемой кормы в задней части судна красовался распустившийся бутон. Это торчали во все стороны «лапы» — консоли, еще сутки назад державшие мертвой хваткой реакторный отсек.
Адмирал поднялся на ноги и упер руки в бока. Он глядел на корабль, не отрываясь, и что-то соображал.
— У него был такой голос, когда он прощался… — донеслось сзади. — Вы не заметили, шеф? Он будто шел или лез куда-то. Знаете, я весь день сегодня просидела над схемой корабля. В реакторном есть пазухи, по которым можно выбраться прямо к лапам. А в самих лапах тоже ведь шахты…
«Эндрю работал в тяжелом ремонтном скафандре, — вспомнил Рашен. — Неповоротливая штука, зато всюду свинец. Так… Что там еще? Термозащита в четыре слоя. Экзоскелет. С какой скоростью он мог двигаться? В училище мы пробовали бегать в таких скафандрах. У меня не вышло. А какой ширины кабельная шахта в лапе? Секундочку… Интересно, кто тут более псих — я или Кенди?»
— Вы здорово с ним поссорились? — бросил он через плечо.
— Я идиотка, — сказала Ива. — Ну дура я была, и все тут. Я просто никак не могла понять, что мы очень разные и… Ну, у него есть право быть таким, какой он есть. Вот… А он, по-моему, насмерть обиделся.
— Насмерть… — эхом повторил адмирал, размышляя. — Насмерть…
— Дура я была, так что мне теперь, застрелиться?! Не понимала я, что он такой ранимый…
— Угу…
— Чего «угу»?! — злобно выпалила Ива, забывая, что Рашен какой-никакой, а все-таки трехзвездный адмирал.
— Я говорю, мальчик всегда особенно быстро соображал в критических ситуациях, — объяснил Рашен. — Чем хуже дела, тем у него лучше мозги работают. Идеальный техник.
Ива встала и несмело шагнула к адмиралу поближе.
— А еще у него инстинкт самосохранения просто зверский, — продолжал думать вслух Рашен, не замечая, что говорит об Эндрю уже в настоящем времени, будто тот и не мертв вовсе.
— А-а…
— Бэ! — адмирал потянул из воротника микрофон. — А ты, Иветта, на самом деле редкостная дура. Будь я тебе отцом, всыпал бы по первое число! Завела себе мужика с богатым прошлым — так береги его! А этот… Откуда он только взялся на мою голову, отставной сумасшедший и бывший уголовник! Где мне его теперь искать, а?! Тонкая и ранимая натура, чтоб ему ни дна ни покрышки… А если он загнулся там? Сутки прошли уже!
Ива надулась, сунула руки в карманы и демонстративно встала к адмиралу спиной.
— Боровский! — рявкнул адмирал в микрофон. — Внимание! Всех, кто может стоять на ногах, поднимай немедленно! И в корму! Обшарить все закоулки, куда поместится человек!

В каждую дырку заглянуть! Вдруг он сознание потерял или что еще… Первым делом в лапах посмотри, может, он там валяется!
— Кто?! — обалдело спросил Боровский.
— Да лейтенант Вернер, мать его!!! — заорал Рашен.
Несколько секунд Боровский молчал, осмысливая происходящее.
— Это, конечно, совершенно не мое дело, — начал он, — но мне кажется…
— Вы-пол-нять! — пролаял Рашен и переключился на другую волну. Сделал несколько глубоких вдохов, чтобы привести нервы в порядок, и сказал уже гораздо спокойнее: — Успенский вызывает де Вилье. Ответьте, Виктор. Срочное дело.
— Ну? — отозвался староста.
— У вас там моих людей, случаем, нет?
— Пока не видел. А хорошая идея! — обрадовался де Вилье. — Я как раз думаю, чего они в лагере без дела болтаются. А мне…
— Виктор, я серьезно.
— Да вроде нет.
— А не замечали никого?
— Что, дезертиры?
— Не совсем. Просто мог уйти погулять один деятель. Вы его помните, Andrey. Лохматый такой, с хвостом.
— И с рогами… Нет, командир, не было его здесь.
— А где доктор Ллойд?
— Да вечером еще сел на свою таратайку и в Новгород укатил. Резко так, я даже удивился. Бац — и нету. Сами понимаете, ученый, что с него возьмешь…
— Та-ак… — протянул Рашен. — Ну спасибо, Виктор.
— Людей-то дадите?
— Да разве это люди — инвалидная команда. Не могу пока, болеют все. До свидания.
Ива, поджав губы, прохаживалась вдоль берега туда-сюда. Рация у нее в кармане тихо бурчала на разные голоса. Это дежурная вахта, облачившись в скафандры, чтобы не подцепить лишний рентген, прочесывала корму «Тушканчика».
— Новгород… — вздохнул адмирал. — Не поеду. Надоело мне здесь.
— Что так? — сухо поинтересовалась Ива.
— Не знаю. Грустные какие-то места.
— Совесть мучает? — невесело усмехнулась Ива.
— Да с чего ты взяла? — окрысился Рашен. — Нет у меня совести и не было никогда! Я адмирал, ясно?!
Он повернулся и, спотыкаясь, зашагал к лагерю, что-то злобно бормоча. Остановился на полпути и через плечо бросил на Иву сумрачный взгляд.
— Ты за ним поедешь! — крикнул он. — Именно ты! Как подлечишься, тут же бери катер и лети! Сама его прошляпила, сама и ищи теперь! Все! И отстаньте вы от меня со своими проблемами! Задолбали! Вот, читай! Наслаждайся! — он швырнул под ноги густо исписанную белую тряпку. — Ранимый он, видите ли… Да он просто дурак! И-ди-от! Невр-р-растеник!
Ива вынула руки из карманов и почти бегом кинулась подбирать письмо.
— «Лучший экипаж Солнечной!» — разорялся вдалеке адмирал. — Негодяи! Кровопийцы! Смерти моей хотите, да?!
Когда Ива дочитала письмо до конца, фигура адмирала уже давно затерялась среди лагерных палаток. Но все равно слышно было, как он там орет на подчиненных. И голос его показался Иве уже не таким злобным, как несколько минут назад.
— Ее любовь ко мне велика… — негромко повторила Ива строку из письма. — Милый Энди! Ты сам не знаешь, как ты прав…

ПРИЛОЖЕНИЕ
СЛОВАРЬ И ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

АТРИДЕС, ПОЛ
— он же Император Пол Муад-Диб. Гениальный провидец. Род. во 2 в. 11 тысячелетия на пл. Келадан. В возрасте 15 лет вместе с родителями переехал на Арракис (Дюна), где и прожил большую часть жизни. В ходе борьбы родовых кланов за контроль над разработками «спайса» (многофункциональный наркотик, важный элемент системы дальней навигации) А. одержал внушительную победу и провозгласил себя

Императором. Развязал тотальный джихад — религиозную войну, в ходе которой полностью овладел заселенной людьми частью Вселенной и насильственно установил в ней мир. Известен также как Махди (Пророк). При вступлении в племя фрименов получил имена Узул и Пол Муад-Диб. «Муад-Диб» в одном из вариантов перевода с языка чакобса — кенгуровая мышь, арракинский пустынный тушканчик. Этим объясняется фривольная трактовка имени А. экипажем СБК-100 «Пол Атридес». Подробнее об А. см. Ф. Херберт «Дюна» и др. Экранный образ А. — Кайл Маклахлан (Kyle McLahlan).

ATTACK FORCE
— группа F (рабочее название образовано прочтением сочетания букв AF). Усиленная бригада планетолетов, работающая на перехвате внутри Солнечной и блокаде поверхностей. Тактико-технические характеристики бригады обусловили ее обозначение в документах Адмиралтейства. Перед второй марсианской кампанией AF была расширена за счет придания ей нескольких БМК-105 (см. МЕГАДЕСТРОЕР). Число боевых единиц AF никогда не превышало 50. За годы первой марсианской кампании AF из-за неграмотного руководства и навязывания бригаде несвойственных ей бомбардировочных функций потеряла экипажи 28 средних и 31 легкого судов. Характерные черты поздней тактики AF — точечное нанесение ударов, склонность к ведению боя при условии огневого преимущества, феноменально быстрая перегруппировка сил. Во второй марсианской кампании AF сохранила все до единого экипажи, за исключением частичных потерь в результате диверсии на призовом ББК-103 «Энтерпрайз».

БЭТТЛШИП
(здесь) — тяжелый планетолет, космическое боевое судно, обладающее значительной огневой мощью, т. н. ББК (большой боевой корабль). Предназначен для огневого прикрытия десантных операций, свободного крейсирования, уничтожения малых, средних и больших кораблей. Полностью монтируется только на орбитальных верфях. Обычно эскортируется группой скаутов и файтеров среднего радиуса действия, для которых служит ремонтно-снабжающей базой. Неаэродинамичен, свободно маневрирует только в безвоздушном пространстве. В дни описываемых событий Б. относились в основном к модернизированной серии 104, обладающей усиленным вооружением и фактически неограниченным в пределах Солнечной запасом хода.

ВИГГИН, ЭНДРЮ (Эндер)
— командующий военно-космическими силами Земли в период боев с расой «жукеров». Прошел обучение в раннем детстве, руководил экипажами, набранными из подростков. Будучи уверен, что сдает выпускной экзамен на симуляторе, на самом деле дистанционно управлял реальным сражением, одержав решающую победу над врагом. Подробнее о В. см. Орсон Скотт Кард «Игра Эндера», «Голос тех, кого нет».

ГОРБОВСКИ (Горбовский), ЛЕОНИД
— командир десантного звездолета. Следопыт, позднее член Комкона и Мирового Совета, эксперт по поиску следов деятельности внеземного разума. Один из самых уважаемых лидеров мирового сообщества 22 в. Подробнее о Г. см. А. Стругацкий, Б. Стругацкий, «Полдень, XXII век», «Далекая Радуга», «Малыш», «Волны гасят ветер» и др. Самую полную информацию о жизни и деятельности Г. содержат исследования группы «Людены», неоднократно публиковавшиеся в качестве справочного материала к позднейшим изданиям Стругацких.

ГОРДОН, ДЖОН
— ветеран Второй мировой войны, мелкий клерк. Помимо своей воли вступил в контакт с человеком из отдаленного будущего, разработавшим систему темпоральных путешествий. В результате замещения разумов оказался в теле принца крупной псевдомонархической державы, объединяющей несколько обитаемых миров. Владея минимумом информации о происходящем вокруг, попал в центр военного конфликта. Проявив чудеса мужества и находчивости, сумел достойно выступить от лица принца и

обеспечить победу своих войск. Затем был возвращен в свое время и собственное тело, но вскоре перенесен в будущее вновь, уже в истинном обличье. Принимал активное участие в последующих боевых действиях, обеспечивших прочный мир. Подробнее о Г. см. Э. Гамильтон, «Звездные короли», «Возвращение на звезды».

ДЕКАРД, РИК
— отставной полицейский, блейдраннер (охотник за андроидами, работающий за премиальные). Занимался отстрелом нелегально проникающих на Землю искусственных людей («репликантов»). Наиболее известен охотой, состоявшейся в 2019 г., когда мишенью Д. стали четверо репликантов серии Нексус-6. В ходе силового перехвата Д. не только подвергался смертельной опасности, но и был вынужден решать серьезнейшие нравственные проблемы. Подробнее о Д. см. Ф.К. Дик «Снятся ли андроидам электрические овцы» или х/ф Р. Скотта «Бегущий по лезвию» (Bladerunner), представляющие различные (фактически полярные) трактовки событий. Экранное воплощение Д. — Хэррисон Форд (Harrison Ford).

ДЕСТРОЕР
(здесь) — планетолет классом ниже круизера, эскадренный средний боевой корабль, т. н. СБК, он же «девятка»; Универсальное истребительно-штурмовое судно. Обычно работает в звеньях по 3 Д. Аэродинамичен, способен осуществлять взлет и посадку на поверхность, несет значительное ракетно-артиллерийское вооружение. Дестроеры серий с 90 по 99 активно использовались как Землей, так и Марсом.

Дин АЛЬТ, ЯЗОН
— профессиональный игрок, обязанный успехом значительным экстрасенсорным способностям. Однажды согласился играть на чужие деньги с последующим дележом выигрыша. Спасаясь от проигравших, бежал вместе с человеком, делавшим ставку. Оказался на планете Пирр, известной невыносимыми для жизни условиями (двойная гравитация, враждебно настроенный животный мир, ядовитая флора). Выигранные деньги предназначались на закупку вооружений для борьбы с окружающей средой. В силу незаурядного интеллекта и организаторских способностей Д. не только выжил на Пирре, но и радикальным образом переломил образ жизни аборигенов, что привело к снижению давления биосферы на поселение людей. Позднее Д. сколотил из пиррян группу наемников и, возглавив ее, принял участие в ряде авантюрных экспедиций. Подробнее о Д. см. Г. Гаррисон «Неукротимая планета», «Специалист по этике», «Конные варвары» и др. (серия «Death World»).

ДРАЙВЕР
— неофициальная характеристика, то же — уважительная форма неформального обращения к капитану на флоте. Подразумевает высокую компетентность и способность хладнокровно противостоять обстоятельствам непреодолимой силы. Наиболее полный разбор понятия «драйвер» см. В. Конецкий, «Вытрезвитель мифов».

ЗАВАРУХА
— жаргонное обобщенное название группы взаимосвязанных локальных войн на этнической и религиозной почве, проходивших в 1-й половине 21 в. на территории Европы, в Средиземноморье, зоне Персидского Залива, а также в азиатской части России. Официальный термин — «Третья Мировая война».

КРАШЕР
(здесь) — сверхтяжелый планетолет, космическое бомбардировочное судно, т. н. ББК (большой боевой корабль). Проект К. разработан по заказу Адмиралтейства непосредственно к первой марсианской кампании ввиду необходимости иметь классический бомбардировщик для работы по поверхности. К. предназначен для подавления огневых точек и мобильных сил противника на поверхности, огневого прикрытия десантных операций. Способен наносить ракетно-бомбовые и орудийные удары по большим площадям. Монтируется только на орбитальных верфях.

Малоподвижен, ко входу в атмосферу не приспособлен. Обычно нуждается в прикрытии от вражеских файтеров (см. ФАЙТЕР). Как правило, эскортируется группой скаутов и файтеров и несколькими дестроерами. В описываемый период времени земной флот насчитывал не более 5 К. серии 107, все они были разукомплектованы и готовились к реконструкции в коммерческие грузовые суда.

КРУИЗЕР
(здесь) — средний планетолет, космическое боевое судно, обладающее значительной огневой мощью, т. н. СБК (средний боевой корабль), он же «сотка». Предназначен для прикрытия и поддержки ББК, операций перехвата, свободного крейсирования, патрульной службы, уничтожения малых и средних кораблей. В силу относительно небольших размеров поддается монтажу на поверхностных верфях. Аэродинамичен, маневренен, обладает уникальной разгонной и тормозной динамикой, способен осуществлять взлет-посадку на поверхность без внешней топопривязки. В дни описываемых событий К. относились, как правило, к «продвинутой» серии 100 и составляли ударное ядро группы F. В силу исключительных ходовых качеств К. именно на корабле такого типа (СБК-100 «Пол Атридес») держал флаг адмирал О. Успенский.

МЕГАДЕСТРОЕР
— жаргонное название сверхтяжелого боевого планетолета, большого многофункционального корабля, т. н. БМК. Способен решать любые боевые задачи, не требующие входа в атмосферу. Мобильная база файтеров и скаутов, танкер-арсенал, бомбардировщик, космический форт, штабное судно. Трудноуязвим с поверхности, практически неуязвим в открытом космосе. Монтируется только на орбитальных верфях, не приспособлен к посадке на поверхность. В составе группы F на описываемый период времени числилось два М. серии 105, один из которых использовался как мобильный штаб.

НОСТРАДАМУС, МИШЕЛЬ
— французский медик, астроном, астролог, алхимик. Гениальный предсказатель. Род. 14.11.1503 г. Происходил из древнего еврейского рода Иссахар, представителям которого приписывался особый пророческий дар. Доктор медицины, доцент кафедры мед. факультета университета Монпелье. Первая инспирация осенила Н. при сожжении им оккультных писаний. Своим даром предвидения Н. апеллировал к Богу. Астрономические расчеты и астрологические выкладки служили ему подтверждением этого дара. После издания в 1555 г. первой серии пророческих центурий приглашен ко двору Генриха II. Неоднократно консультировал царствующих особ. С 1590 г. лейб-медик Карла IX. Предсказал дату собственной кончины. Пророческий труд Н. содержит 12 центурий, 2 предисловия и 141 предсказание. Дешифровка текста затруднена тем, что Н. разорвал цепь исторической последовательности центурий. Согласно посланию Н. сыну Цезарю, существует «Наследное слово» (ключ), с помощью которого последовательность может быть восстановлена. Реконструкция хронологии центурий так и не была завершена. Подавляющее большинство предсказаний Н. сбылось. В частности, Н. детально описал реальное течение событий Заварухи и в общих чертах — Полуночи.

ПИРКС
— навигатор торгового флота. Известен уникальной психической устойчивостью в сочетании с тягой к нестандартным и эффективным решениям. Обладал колоссальным потенциалом выживания в ситуациях критической нагрузки на психику. Неоднократно проявлял эти качества при выполнении несвойственных профессии обязанностей. Подробнее о П. см.: Ст. Лем «Рассказы о пилоте Пиркссе».

ПОЛНОЧЬ
— жаргонное обобщенное название глобальной ядерной войны, начавшейся в 2400 г., и последующих событий. Толчком к развитию П. послужила азиатская вооруженная экспансия из-за Урала в европейскую часть континента. Основным деструктивным

следствием П. стала затянувшаяся на десятилетие «ядерная зима», вырождение биосферы и вымирание 90–95 % человечества.

РАБОЧАЯ ЗОНА
— на боевых судах классом от дестроера и выше зона, в которой поддерживается искусственная гравитация.

РАЗГРУЖЕННАЯ ЗОНА
— любая внутренняя часть корабля, подверженная невесомости.

РЕЙ фон, ЛОК
, — навигатор-любитель, выходец из рода торговцев, обладающего большим влиянием в федерации Плеяд. Род. на пл. Арк в 3148 г. Участник жестокой конкурентной борьбы фон Реев с Ред-Шифт Лимитед за обладание коммерческими объемами «иллириона» (супергорючее, элемент тяжелее N300 по таблице Менделеева). Производство собственных иллирионовых двигателей сулило федерации Плеяд свободу от диктата Земли и Ред-Шифт. В критической ситуации Р. пошел на рискованный эксперимент. В 3172 г. на парусном звездолете «РУХ» стартовал с космодрома Геенны-3 (созвездие Дракона, Тритон), вышел к точке рождения Новой и прошел сквозь взрыв, зачерпнув парусами образующийся в тороидальной структуре Новой иллирион. Поскольку судно управлялось через прямой контакт с нервной системой навигаторов, приближение к месту рождения Новой грозило экипажу потерей зрения. В последний момент Р. принудительно отключил навигаторов от сенсоров корабля и пилотировал «РУХ» в одиночку. Р. добыл семь тонн иллириона, достиг своей цели и ослеп. Подробнее о Р. см.: С. Дилэйни. «Нова».

РИПЛИ, ХЕЛЕН
— лейтенант, помощник командира буксира «Ностромо». Приняв сигнал бедствия с пл. ЛБ-426, «Ностромо» обнаружил на поверхности неземной звездолет и яйца-инкубаторы с зародышами агрессивных чужих. В результате контакта из всего экипажа «Ностромо» выжила только Р. Взорвав буксир, Р. спаслась на аварийном модуле и 57 лет пробыла в анабиозе, дрейфуя к Земле. Поскольку за это время на ЛБ-426 успели образовать земную колонию, отчет Р. был признан неадекватным, и Р., лишенная звания и квалификации, работала оператором погрузчика в портовых доках. На условии восстановления в правах стала экспертом спасательной экспедиции на ЛБ-426, когда связь с колонистами была внезапно утеряна. Высадилась на ЛБ-426 в составе экипажа десантника-разведчика «Сулако». После столкновения с чужими на корабль помимо Р. вернулись только два человека и андроид. Проникшая на борт и позднее уничтоженная Р. матка чужих успела сбросить несколько яиц, и атака эмбриононосителей вызвала неполадки на корабле. Автоматически отстреленный аварийный модуль приводнился на Фьурине-161, где Р. позднее совершила акт самоубийства. Подробнее о Р. см. х/ф «Чужой», «Чужие» и литературные версии сценария. Экранный образ Р. — Сигурни Уивер (Sigourney Weaver).

РОКАННОН, ГАВЕРЭЛЬ
— ученый-этнограф, специалист по культурам высокоразумных существ. Руководитель первой этнографической экспедиции на Фомальгаут-2 (позднее Роканнон) в 321 г. (летоисчисление Лиги Всех Миров). В результате нападения враждебных Лиге сил потерял весь состав экспедиции. Вместе с дружественными аборигенами совершил марш по неисследованным землям, обнаружил секретную базу повстанцев и навел на нее бомбардировщики Лиги. Остался жить в селении Брейгна, где и умер ок. 329 г. Подробнее о Р. см. У. ле Гуин «Мир Роканнона».

СЕТЬ
(здесь) — глобальная земная система интерактивной коммуникации.

СИНАГОГА, БЕСПЛОДНАЯ…
— Рашен цитирует катрен 8,96 Нострадамуса, предсказывающий образование государства Израиль и обострение ситуации на Ближнем Востоке. Полный текст 8,96 в русском переводе звучит примерно так:

«Синагога, бесплодная и бесполезная,
Найдет приют в стране неверных.
Ей угрожает преследованием дочь Вавилона,
Которой надлежит обрезать ей крылья».

СИСТЕРШИП
— судно, полностью идентичное по конструкции другому судну. Как правило, два С. закладываются на верфях параллельно.

СКАЙУОКЕР, ЛЮК
— пилот истребителя, рыцарь джедай, активный участник, позднее — один из лидеров повстанческого движения в годы правления Императора Палпатина. Сын А. Скайуокера, более известного как Дарт Вейдер. Участник диверсионных рейдов на первую и вторую Звезды Смерти. Подробнее о С. см. «Звездные войны», литературные версии сценариев и сиквелы. Экранное воплощение — Марк Хэммил (Mark Hammil).

СКАУТ
(здесь) — легкий планетолет, боевой разведывательно-дозорный корабль, т. н. БРДК, он же «восьмерка». Лишен вооружения, обладает исключительной маневренностью, разгонной и тормозной динамикой, большим запасом хода. Предназначен для оптической и электронной тактической разведки. Лишен аварийных модулей. Аэродинамичен, способен осуществлять взлет и посадку на поверхность, в том числе и на планеты с атмосферами. Часто придается в эскорт крашеров, мегадестроеров, бэттлшипов. Разведка группы F насчитывала до 1 °С. серии 88.

СОБРАНИЕ АКЦИОНЕРОВ
(здесь) — ежегодная глобальная телеконференция с участием всех держателей акций, т. е. дееспособных землян.

СОВЕТ ДИРЕКТОРОВ
(здесь) — выборный орган верховной исполнительной власти на Земле.

СОЛО, ХЭН
— пилот грузового судна, профессиональный контрабандист. Волею случая оказался втянут в конфликт с Галактической Империей на стороне повстанцев. Участник диверсионных рейдов на первую и вторую Звезды Смерти (во второй раз — лидер наземной группы), близкий друг Л. Скайуокера. Возлюбленный принцессы Леи (она же сенатор Лея Органа). Подробнее о С. см. «Звездные войны», литературные версии и сиквелы. Экранное воплощение — Хэррисон Форд (Harrison Ford).

СТАРК, ЭРИК ДЖОН
— воин-наемник, исследователь. В ходе спасательной экспедиции на пл. Скэйт невольно оказался втянут в процесс коренной перестройки устройства жизни на планете. Стал одним из предводителей местного революционного восстания. Подробнее о С. см. Ли Бреккетт «Рыжая звезда» и др.

ТУШКАНЧИК

— жаргонный вариант названия СБК-100 «Пол Атридес». Детально о происхождении названия см. АТРИДЕС, ПОЛ.

ФАЙТЕР
(здесь) — истребитель, легкий планетолет, космическое боевое судно, т. н. МБК (малый боевой корабль). Вооружение ракетно-торпедное и артиллерийское. Трудноуязвим в силу малого размера и высокой маневренности. Предназначен для повреждения и уничтожения кораблей любого типа. Способен выполнять штурмовку поверхности. Аварийные модули отсутствуют. Ф. действует обычно в составе эскадрилий по 10 и более однотипных судов. Часто придается в эскорт крашера, мегадестроера, бэттлшипа. Группа F в первую марсианскую кампанию была укомплектована двумя эскадрильями Ф. серии 75. Однако в ходе боевых действий была доказана относительно малая эффективность Ф. на перехвате и в патрульных операциях. Позже адмирал О. Успенский передал свои Ф. для эскортирования десантного и бомбардировочного флота.

ЧУЖИЕ
— обобщенное название инопланетного разума. Как правило, используется в негативном контексте.

ШВОРЦ
— пародийный аналог Силы в комедии Мела Брукса «Spaceballs».

ЭНСИН
— воинское звание на флотах англоязычных стран. Соответствует русскому «мичман».

Дивов Олег Игоревич
Оружие Возмездия

ГЛАВА 1.

По лагерю бегал поддатый Минотавр и орал: "Тхя! Тхя! Тхя!". Мимо шли обедать десантники. Минотавр выскочил на них из-за палаток и, глядя поверх голов, рявкнул:
— Тхя!!!
Десантники резко прибавили ходу.
Десантура нас побаивалась. Мы ее еще летом основательно сбили с толку. На каждом полигоне сотня ненормальных самоходчиков изумляла своими дикими выходками целый лагерь, где собиралось полторы тысячи человек — все ракетные войска и артиллерия окружного подчинения. С нами было не соскучиться, и нас было не переплюнуть. Даже когда противотанкисты зачем-то начали стрелять поверх лагеря, адский свист над головой никого не впечатлил. Зато все обсуждали, как самоходчики гонялись на миномете за грузовиком с десантниками, старательно делая вид, что вовсе не хотят его задавить своей тридцатитонной гусеничной дурой.
А теперь наша Бригада Большой Мощности распоясалась окончательно.
Минотавр неспроста озверел. Было так. Вычислитель Саня Вдовин стоял в наряде и отчаянно скучал на посту. Сначала развлекался тем, что затыкал варежкой трубу "буржуйки" в офицерской палатке и слушал, как там внутри кашляют и матерятся. Потом спустил штаны и навалил офицерам под порог здоровенную кучу. Выразил, так сказать, общее мнение о командирах. Полюбовался на свою, извините за выражение, художественную инсталляцию. И вдруг сообразил: его пост в трех метрах от входа в палатку. И если офицерам кто-то нагадил, то либо дневального не было на месте, либо

он сам это и сделал. Вдовин счел за лучшее убежать, но тут из палатки наружу полез Минотавр и, конечно, наступил в дерьмо.
Марать руки о бывшего младшего сержанта, которому самолично лычки срезал, Минотавру показалось недостойно. И теперь он носился по лагерю в поисках страшного сержанта Тхя, чтобы тот выбил из Вдовина любовь к авангардному искусству. Тхя благоразумно спрятался.
А еще у нас была с собой атомная бомба.

ОРУЖИЕ ВОЗМЕЗДИЯ

просто трагедия

Действующие лица и исполнители:

Командир 3-го дивизиона ББМ майор К. в роли Минотавра.

Командир батареи капитан Масякин в роли капитана Масякина.

Старший сержант Тхя в роли страшного сержанта Тхя.

Установка 2С4 "Тюльпан" и КШМ на базе МТ-ЛБу в роли Оружия Возмездия.

Один младший сержант без классной квалификации в роли Автора.

Солдаты и сержанты 3-го самоходно-минометного дивизиона ББМ в ролях второго плана.

Сначала мы нанесли невосполнимые потери в живой силе и технике каким-то итальянским и турецким дивизиям. Противник сбросил на нас 8-й авиадесантный корпус ФРГ, но мы и его раскатали в блины. Немцев били с особым воодушевлением. Потерь с нашей стороны не было, только навалил в штаны прапорщик Козолуп, случайно угодивший под обстрел. И еще сержант Драгой, мудро говоривший про себя "Я не пенек, я низко срубленное дерево", навел миномет точнехонько на НП, где как раз собралось все управление бригады. А миномет у нас такой, что извини-подвинься, фугаска сто тридцать кило весит, и вероятность попадания с первого выстрела 0,5. То есть одно из двух. Замечательный аппарат. Хорошо, капитан Масякин решил проверить, чего там этот пенек Драгой накрутил на прицеле. Масякин потом долго бегал вокруг миномета, выкрикивая разные слова и размахивая сорванной с брони лопатой, а Драгой из-под брюха самоходки пищал: "Товарищ капитан, я больше не буду!".
Еще пушкари взорваться пытались на собственном снаряде, но не сумели, а то бы мы с НП увидели, как они по воздуху летят вверх тормашками.
И еще наконец-то наши протаранили десантный ГАЗ-66. Достали-таки! Летом мы просто дурака валяли, когда гонялись за ним на миномете, а тут он сам под кашээмку подставился. КШМ это командно-штабная машина, железная и на гусеницах, очень симпатичная. Она поцарапалась слегка, а у "шишиги" полкузова как не бывало.
Ах, да, еще мы с сержантом Андрецовым по ошибке сожрали кастрюлю офицерской вермишели.
Потом мы сожгли караулку.
Потом еще кое-что сожгли.
Потом я подорвался на банке с протухшей тушенкой.
Слава тебе, Господи, потом мы уехали обратно на зимние квартиры.

Долго мы раскачивались в тот раз, четыре недели на полигоне ничего интересного не происходило, и вдруг ББМ с цепи сорвалась, да за три дня столько натворила — до сих пор вспомнить страшно.
Хотя было кое-что, было и до. Но так, по мелочи.
Ну, скучно показалось одному капитану стоять дежурным по части. Так он ночью пошел и своего комдива подполковника Миронова пришил за белье суровыми нитками к матрасу, а потом крикнул: "Тревога!"… А Миронов с майором Кудиновым, два орденоносных "афганца", бегали перед строем, играя в "кто отдавит другу ногу", и чуть не затоптали генерала из штаба округа, который пришел толкнуть нам речь. А вычислитель Саня Вдовин увидел на карте деревню километрах в десяти от полигона, отправился туда искать баб, и по пути заблудился. Когда через полтора суток он все-таки вышел из леса, генерал перед строем торжественно подарил ему компас.
Еще нас пытались заставить спеть гимн Советского Союза, но оказалось, что я единственный, кто помнит слова. Минотавр нам втолковывал, мучительно пытаясь удержать равновесие: "Сейчас оркестр… В количестве трех человек… Исполнит гимн Советского Союза. Чтоб все пели, ясно?! Союз нерушимых республик свободный, э-э… ну, и так далее". Первый куплет мы одолели до середины, потом заглохли. Но и оркестр в количестве трех человек (барабан, труба и еще какая-то штука) — сильно выступил. После его видели только с лопатами, он закапывал какашки, щедро разбросанные по периметру лагеря.
А капитан Каверин на той самой кашээмке, что потом таранила ГАЗ-66, дал прикурить десантной "Ноне", маленькой такой хорошенькой самоходочке. Она просто мимо проехала, а Каверин неожиданно возбудился и заорал своему механику: "А ну, заводи! Догоним эту мандавоху и покажем ей, как надо ездить!". Турбиной взвыл, траками лязгнул, поднял столб песка и на два часа пропал. Механик после сказал, они бедную "Нону" совершенно затерроризировали. То у нее перед носом из кустов выпрыгнут, то в кургузую попочку торцом упрутся.
ББМ в совершенстве владеет мастерством давления всего, что высовывается. А кто не высунулся, того догоним и тоже задавим. Когда мы идем на гусеницах от железнодорожной станции до полигона, деревни, лежащие на нашем пути, натурально вымирают. Крестьян заранее предупреждают: едут особенные люди. Очень специальные. Помню, новую технику принимали и гнали ее в часть. Всего-то несколько километров от вокзала до забора. Город Белая Церковь понес материальный ущерб на пятьдесят тысяч рублей советскими деньгами.
Мы элита округа, трам-тарарам. Очень маленькая, но гордая войсковая часть. Всего-то полтораста морд, солдат и сержантов поровну, треть офицеров и прапорщиков была в Афганистане. Самое мощное на планете Земля самоходное вооружение. Минометы и пушки с нежными цветочными именами "Тюльпан" и "Пион". После развертывания до полного штата каждый дивизион получает собственное знамя.
У нас в парке техники на зимних квартирах стоит бесхозный танк. Какая-то мелочевка, кажется, Т-55. Танк попал к нам случайно, и мы уже который год не можем от него избавиться.
Загоняли пушку на трейлер, везти в Киев на показ, а она вместе с трейлером перевернулась. Все от хохота чуть не уписались. Знали, конечно, что мы идиоты, но не до такой же степени! Самоходка на боку лежит, трейлер тоже, и у МАЗа, который должен их тащить, половина колес в воздухе болтается. Целый день пушку дергали туда-сюда двумя тягачами. Сорок семь тонн. Жертв и разрушений нет. Ёкарныбабай. Какая прочная и надежная боевая машина. Даже трейлер не помялся.
Собираясь по тревоге, в суматохе и толкучке согнули автомат. Сделали кипятильник из сапожных подков — вылетели пробки. Один с пушки рухнул так, что комиссовали. Другой запузырил себе в глаз краской из пульверизатора, чуть не окривел. Третьего укусила в щеку оса, он схватил углекислотный огнетушитель с температурой струи минус восемьдесят, шарахнул по осиному гнезду, осы вылетели, укусили его для симметрии в другую щеку, он уронил на себя огнетушитель и обморозил руку. Двое вернулись из увольнения и заблевали полказармы. Кроме шуток — оба пушечных дивизиона прибежали к нам спать под кровати. Еще один шел бухой через железнодорожные пути, видит, на рельсах пьяный комбат лежит, Анну Каренину изображает. Растолкал, увел с путей, может, жизнь спас офицеру, а комбат его запомнил и назавтра за самоволку вздрючил.
Командир "взвода хранения и обслуживания" решил слазать посмотреть, что творится на крыше бокса, и с лестницы чуть не упал от ужаса: по всей крыше сушилась конопля.
Я в новогоднюю ночь сверзился с забора — при парадной форме, с бутылкой самогона и громадной совковой лопатой в руках, — прямо на головы заступающему караулу

ракетчиков. А зампотех майор Крот объявил лежачую забастовку: отказался выполнять служебные обязанности, притащил в кабинет солдатскую койку и пообещал в штабе поселиться насмерть, пока ему не улучшат жилищные условия. А один прапорщик, залив глаза, стрельнул из "макарова" в зама по тылу, потому что тот передвинул его в очереди на автомобиль. Прапора услали в отпуск, через месяц он пришел бородатый и еще более пьяный, бегал по штабу, искал зампотыла, не нашел и уволился. Чуть не погиб на боевом посту начальник Особого Отдела майор Рогачкин. Он подсматривал из кустов, как секретчик жжет на помойке обрезки карт. Надеялся потом отыскать уцелевший кусочек и устроить секретчику веселую жизнь. А в помойке валялся оброненный кем-то трассер. Стрельнуло. Рогачкин и секретчик ускакали в разные стороны на четвереньках.

Были, конечно, в нашей гарнизонной жизни и светлые, радостные дни. Вот я веду строй, ребята поют народную артиллерийскую песню "Если близко воробей, мы готовим пушку…". Очень красиво, с раскладкой на все двадцать восемь голосов. Выворачиваем из-за угла, а перед нами — управление бригады в полном составе. Комбриг отзывает меня в сторону и спрашивает:

— Скажите честно сержант, вы что, без этого не можете?! Вот скажите: товарищ полковник, я не могу не выё…ться! Ну скажите!

Я смущенно ковыряю сапогом бетонку. Минотавр, красный до кончиков рогов, показывает мне издали кулак. Полкан выдает свое коронное: "Служба войск несется архискверно!" и уходит. Начальник штаба застраивает офицеров, и начинаются какие-то шумные разборки внутри управления. "Да идите вы на х…, товарищ подполковник! — Сами идите на х…, товарищ подполковник!". Зам по вооружению покидает строй и действительно — куда-то идет. Черт его знает, куда.

— Сержант! — орет мне начальник штаба. — Если твои люди не перестанут хохотать, я подам вам команду "Кругом"!"

Минотавр оглядывается, снова грозит кулачищем, но сам тоже ржет.

Очень вдруг захотелось ругнуться матом. Нет, не буду.

Так вот, про тот зимний полигон 1989-го года. Я караулил ночью у входа в полевой парк, с пустым автоматом на шее. Не полагалось нам патронов. На фиг нам патроны, у нас атомная бомба есть. Она вообще-то мина, но мы ее для солидности бомбой звали. Потом, мина на бомбу похожа, тоже с хвостиком.

Шучу, конечно, патронов не давали — догадываетесь, отчего. ББМ была знаменита на всю Белую Церковь, напичканную войсками, как самая "неуставная" часть. А я служил в самом неуставном дивизионе этой самой неуставной части. И дай мне волю, по молодости не отказался бы кое-кого тихо пристрелить и тихо закопать. Потом все изменилось, наш призыв задушил дедовщину, мучился из-за ее отсутствия (по казарме стало невозможно пройти), но держал марку. Молодые получали в лоб, если отказывались работать. Глумиться и издеваться, бить для собственного удовольствия, заставлять стирать и подшивать свое барахло считалось дурным тоном. Офицеры это знали. А патронов не давали все равно!

Понимая, что не словят пулю, командиры и начальники совались в парк бесстрашно, со всех направлений, дабы вздрючить усталого бойца за сон на посту. Мой комбат капитан Масякин меня конкретно пас. Пока я ему не устроил "случай в карауле".

Полевой парк — это участок приднепровской степи, обнесенный невысоким заборчиком из колючки. За заборчиком стоит наша техника. На входе шлагбаум и две палатки. В одной храпит дежурный по парку (офицер) с дневальными, в другой начкар (сержант) с караульными. Между палатками хожу кругами я. Вытоптал себе валенками что-то вроде лыжни в промерзшем песке, и вращаюсь. Это единственный способ не спать. Температура минус один, и одежда теплая — зимний танковый комбинезон, я в нем давеча на голой земле дрых. Если присядешь на ящик для чистки сапог, уснешь тут же. Однажды так и задремал. Очнулся уже когда Масякин отстегивал у моего автомата магазин.

— Спишь, — говорит, — на посту, зараза!

— Нет, — говорю, — просто глубоко задумался.

— Чего-о?

— Товарищ капитан, если бы я и правда заснул, то спросонья от испуга наверняка двинул бы вас прикладом в зубы.

Не знаю, может, у него с ударом по зубам были связаны тягостные воспоминания, но капитан молча отдал мне магазин и ушел, не попрощавшись.

Нет, спать нельзя. Это теперь дело чести, никогда больше в карауле не засну. Хожу кругами. И вдруг нюхом чую: идет Масякин меня проверять. А я возьми, и спрячься за пушку. Бронтозавра видели? Эта пушка сквозь него проедет и не заметит. Прячься, не

хочу. Масякин приходит и обнаруживает: часового нет. Осчастливленный, капитан рысью несется вперед. Надеясь застукать меня спящим на броне или вообще со спущенными штанами. И тут я крепко втыкаю Масякину ствол в почку, и говорю: "Стоять!".
Блин, он ушел из парка еще счастливее, чем был. Расплывшись в блаженной улыбке. Сопровождая капитана до караулки, я громко беседовал с ним о погоде, и когда Масякин полез внутрь, там уже никто не спал, даже те, кому можно было. Такой подарок офицеру, которого мы всячески третировали за слабость духа, и чьи "Жигули" однажды занесли на руках в глубокую лужу! А еще я как-то Масякина обложил в три этажа по-английски, он ничего не понял, обиделся, и пытался отправить меня на гауптвахту.
У меня то ли пятнадцать, то ли уже больше суток "губы" и шесть строгих выговоров. Все за грубость и нетактичное поведение со старшими по званию. Даже разжаловать хотели, но комбриг отсоветовал. Сказал — как вы тогда удержите в узде этого бузотера и антисоветчика?.. Редкий стратег наш полкан.
…И вот, в ту ночь я, как обычно, вращался между двух палаток — то по часовой стрелке, то против. Не потому что боялся проверки, а уже принципиально. Потом ушел в глубь парка — достать из машины "консерву", перед сном подкрепиться. Ключа-"лючника" на привычном месте в пазухе воздухозаборника не оказалось, наверное, водила унес. Лючник точно был у одного из наших. Я повернул обратно и издали увидел: что-то не так с караулкой. Странный отсвет возник на задней стенке палатки. Пару мгновений я не мог поверить своим глазам. Потом откашлялся и заорал:
— ПОЖАР В КАРАУЛЬНОМ ПОМЕЩЕНИИ!
И включил секундомер на часах. Говорили мне, что палатка сгорает за пятнадцать секунд.
Наша управилась за двенадцать.
"Все случилось так быстро, я рта не успел открыть!" — уверял дежурный по парку капитан Мужецкий. Ну да! Рот он открыл шире некуда. В свете пожарища я прекрасно разглядел страшенное черное хайло и круглые остекленевшие глаза над ним. Вот сказать Мужецкий ничего не успел, это точно. Впрочем, ребята и без его мудрого руководства справились. На третьей секунде пожара из караулки ласточкой катапультировался начкар, без сапог, но зато с автоматами в охапке и постовой ведомостью в зубах. На пятой секунде парни уже рвали в стороны пылающий брезентовый полог, чтобы ошметки не провалились внутрь, на одеяла и матрасы. Жертв не было, только виновник пожара, уснувший у печки, обжег руку и, сдурев от боли, присыпал ожог холодным песком. Ему надавали пинков по толстой заднице и отправили в санчасть. Кличку "Столбняк" он таскал до конца службы.
Через десять минут обстановка у входа в парк была следующая. Представьте себе пепелище, компактное, но убедительное. В центре пепелища — школьная парта, на ней чайник и керосиновая лампа. У парты стоит некто с автоматом, жует крендель и прихлебывает из кружки остывший чаек.
К парку движется сутулая тень начальника штаба бригады.
— Стой, кто идет, — невнятно говорит караульный, продолжая жевать.
Тень безмолвствует.
— Стой, стрелять буду.
— Я тебе стрельну! Я тебе сейчас так стрельну, мать твою! Чего опять натворил?! Разжалую негодяя! Посажу! Ты мне ответишь за поджог!
— Это не я, товарищ подполковник.
— А кто?!..
И так далее в том же духе.
Оценив ситуацию и обложив всех участников шоу последними словами, начальник штаба принял соломоново решение — сделать вид, что тут ничего вообще не стояло никогда. К утру на месте караулки была идеально ровная причесанная граблями площадка, в центре которой торчала обугленная табличка "Караульное помещение в/ч XXXXX". За каковой цинизм мне всыпали отдельно.
На завтраке к нам подошли коллеги-минометчики, которые должны были заступать в караул следующими, и поблагодарили за избавление от этого идиотизма. Заметив, правда, что мы могли бы и раньше почесаться с поджогом. На вопрос, чего ж они сами не почесались, раз такие умные, коллеги ответили, что они умные, но, видимо, недостаточно сумасшедшие. Спасибо нам, короче, за подвиг. Тут раздался панический вопль: "Горит палатка четвертого дивизиона!". Коллеги переменились в лице и убежали. Мы, смеясь, продолжили завтрак. Через некоторое время коллеги вернулись, тоже хохоча.

— Ребята, — сказали они, — ошибочка вышла. Это ваша палатка сгорела!
В тот день я понял, отчего Минотавра прозвали Минотавром. Вверенный ему дивизион трусливо убежал от своего командира в лес. Но троих лидеров, прикрывавших отступление, Минотавр поймал, застроил, и орал на нас до пены на губах. "Мне надо вытерпеть еще полгода", — только и сказал потом страшный сержант Тхя, удрученно вздыхая.
Минотавр, когда ему вступало в голову, совершенно не помнил добра. Он запамятовал даже, как на той неделе пытался дать залп по чужой цели, а я его остановил. Это был случай из тех, когда сержант громко кричит на майора, а майор потом извиняется. Мы промешкали с залпом полминуты, но избежали позора, да и попали на пять баллов — от нервов, видимо.
Он же меня сам не пустил на огневую и посадил к себе старшим радиотелефонистом. И все, чем мы стреляли, летало теперь над моей головой. Сначала ты слышишь "бух". Потом секунд двадцать молишься всем богам. Потом высоко в небе раздается свист. Ура, ура, можно ничего не бояться. Пусть теперь боятся списанные бэтээры без колес, служащие нам мишенями. Когда фугаска падает рядом, бэтээры летят кувырком. А воронка остается — пару трейлеров похоронить.
И зачем нас угораздило полюбить самоходную артиллерию?! Какого черта мы стоически перенесли "злую дедовщину"? Для чего сделали из развалленного дивизиона боеспособное подразделение с красным вымпелом победителя соцсоревнования? Видимо, только для себя. Чтобы от скуки с ума не сойти.
Я стоял перед заходящимся в крике Минотавром и думал: что он знает о нас? Что может сделать с нами? И, главное, что может нам сказать? Ничего. Ничего. Ничего. Каждый из нас, двадцатилетних оболтусов, лучше Минотавра управлял людьми и тверже держался кодекса чести. Настоящих командиров в дивизионе было четверо: мы, три сержанта, и эксцентричный отморозок капитан Каверин, перед училищем отслуживший срочную. Вот кого дивизион любил и охотно слушался.
Ведь строевой офицер, друзья мои, это, извините за пафос, не звезды на погонах, а достоинство, воля, чувство юмора и умение прощать. Это сложная и вредная профессия, не каждому по плечу.
Минотавр обрушивал на наши головы потоки угроз. Накатила тоска. Еще месяцы и месяцы, бесконечные месяцы этого кошмара впереди. Трудно быть под началом того, кому не доверяешь. Главное, во внеслужебное время Минотавр преображался, становился вменяемым и приятным в общении человеком. Фу. Воевать с ним было милое дело. Дружить, как я потом узнаю, тоже. А вот тянуть лямку изо дня в день — утомительно.
Отплевавшись, Минотавр разогнал нас работать. Мое задание звучало так: найди людей, найди топор, найди пилу, и чтобы к вечеру были дрова.
Я забрался на развесистую полевую сосну, росшую посреди лагеря, достал губную гармошку и заиграл "Ах, мой милый Августин".
Мимо топали ребята — в оружейку за атомной бомбой. Остановились послушать. Подошел начальник штаба. Он то ли уже забыл, что я негодяй, то ли понял, что без караула бригаде только лучше. В общем, настроение у него было мирное.
— Как дела, Олег? — спросил НШ.
— Замечательно, товарищ подполковник.
— А что это ты там делаешь?
— Дрова рублю.
— Хм…
— Майор К. послал меня рубить дрова. Приказал найти людей, найти пилу, найти топор…
— Понятно, — НШ оглянулся на ребят. — Ну-ка, дуйте отсюда.
Ребята дунули.
— И как ты думаешь жить дальше, Олег? — поинтересовался НШ.
— Наверное еще немного тут посижу, а потом соберусь с духом, все-таки пойду найду людей, одолжу в четвертом дивизионе пилу, украду топор…
— А топор где воровать собираешься?

— В штабе. Его под вашим кунгом
[81]
прячут. Я потом на место положу, конечно. Не впервой.

— Молодец, — похвалил НШ. — Ладно, отдыхай.
И ушел.

Я не стал искать людей и воровать топор. Я нашел Тхя. Мы пошли на болото и принялись там руками-ногами валить и ломать сухостой, вымещая на нем накопившуюся злобу. "Ко мне все пристают, — жаловался Тхя, одним ударом перерубая толстый ствол, — думают, если я кореец, то должен непременно знать какое-нибудь тэквондо. Я раньше пытался возражать, а потом плюнул, и теперь говорю просто: да, знаю. А когда спрашивают, в какой школе работаю, отвечаю сурово, со значением — в Школе Молодого Тигра!".
Горело сухое дерево великолепно. А сквозь ветхий одинарный брезентовый полог, который мы где-то добыли для палатки, были видны звезды.
В степи матерился бухой замполит.
Назавтра минометные экипажи возились с атомной бомбой, а мы бездельничали на НП. Валялись на броне и смотрели, как двое связистов из батареи управления бегают в противогазах вокруг своей машины.
После обеда меня, как шибко грамотного, включили в комиссию по учету остатков и списанию негодного продовольствия. Тем более, я в этом году разворачивал полевую кухню, да так лихо, что бригада впервые за всю свою историю получила горячий завтрак уже на следующее утро. Жертв, как обычно, не было, только я наглотался солярки, заправляя плиту, а начальник штаба чуть не слопал пулю от АК, которая оказалась у него в каше.
Обнаружили три вздутых банки тушенки. "Просто выкинуть нельзя, — сказал майор Кудинов, возглавлявший комиссию, — вдруг какой-нибудь чурка найдет и сожрет. Пойди эти банки поруби". Мне дали топор, я пристроился у колоды возле кухни и две банки покромсал благополучно. Ну не было у меня опыта обращения с протухшей тушенкой!
Третья банка вздулась основательно. Я тюкнул по ней топором. Раздался громкий хлопок. Проходившие мимо солдаты бросились врассыпную. Отвратительно пахнущее розовое мясо образовало купол гарантированного поражения радиусом около трех метров. Максимальный разлет ошметков оценили потом метров в десять. А в эпицентре взрыва стоял ваш покорный слуга — с топором в вытянутой руке.

> Сказать, что все надо мной смеялись, значит ничего не сказать. Будь я молодым бойцом, меня бы закопали тут же, дабы не вонял. Но признанная стаей "альфа" не теряет лица даже рухнув в дерьмо мордой. И нас ведь было очень мало, так что поработать иногда в охотку руками не считалось зазорным ни для черпака [82], ни для самого отпетого деда. Поэтому время от времени мы с Тхя бесстрашно падали в мазут, геройски проливали на себя краску и отважно гуляли по свежему цементному раствору. И вообще, трудно засмущать сержантов, которые ездят вокруг казармы на скейтборде, подтираются настоящей туалетной бумагой и умеют завязывать галстук.

Как от меня несло!!! Я почистился снегом, а приятели-повара из столовки вылили на мой комбинезон флакон одеколона "Цветочный", который как раз собирались выпить. К вони тухлого мяса прибавился одуряющий аромат дешевого парфюма. Когда я забрался в палатку, Тхя сказал — да-а, хорошо, у нас полог одинарный и дырявый! Тут явился с претензиями четвертый дивизион. Пилу мы, что ли, у них опять свистнули. Тхя скомандовал: Олег, займись. Олег только высунулся. Коллеги решили отложить разговор на потом и ушли очень быстро.
Минотавр, приняв на грудь по случаю окончания стрельб, вспомнил обо мне и решил поразвлечься воспитательной работой. Не на того напал! Офицеров так перекосило от моего запаха, что я из их палатки убыл, не успев толком прибыть. И на прощанье заткнул им трубу заранее припасенной тряпкой.
Утром мы свернули лагерь и поехали в Белую Церковь. Превращаться обратно из самоходчиков в чернорабочих и заниматься фигней: красить заборы, рыть канавы, ворочать железо.
Но сначала — отстирывать мой комбез.
Кто бы знал тогда, что полкан все-таки уйдет на давно ожидавшееся повышение, и вместо него пришлют комбригом не обычную пьянь, а настоящего алкоголика и психопата. И начнется полный дурдом! Такой, что мы с Минотавром станем лучшими друзьями, и он будет меня защищать, а я его всячески поддерживать! А потом комбриг, в самый разгар проверки нас комиссией округа — исчезнет! Оставит часть! И его будут трое суток искать! И найдут в канаве! И я, стоя дежурным по штабу, увижу, как два генерал-лейтенанта волокут под руки заблеванного подпола в обмоченных штанах!

И один из генералов понимающе кивнет мне, когда я демонстративно заложу руки за спину, чтобы не приветствовать своего комбрига отданием чести.

ГЛАВА 2.

Начальник штаба Бригады Большой Мощности подполковник Мамин сидел, тяжело облокотившись о стол, подперев руками подбородок, и очень несчастными глазами смотрел в никуда.
— Здравия желаю, товарищ подполковник, — сказал я, заглядывая в кабинет.
— А, Олег… — слабым голосом отозвался Мамин. — А что это ты тут делаешь?
— Заступаю дежурным по штабу. Вот, хожу, смотрю недостатки.
— И какие у нас недостатки? — спросил Мамин с такой предсмертной интонацией, будто у нас кроме недостатков уже ничего не могло быть.
— Да как обычно. Разбито стекло на лестнице, не горят две лампы в коридоре, сломано электрополотенце в таулете, на двери пятой комнаты нацарапан косой крестик.
— Пятой? — через силу удивился Мамин. — Это же моя.
Я молча толкнул дверь, чтобы ему было лучше видно.
Мамин разглядывал косой крестик где-то с минуту.
— Это, наверное, "хуй" хотели написать… — пробормотал он наконец.
И спрятал лицо в ладонях.

НОЧНОЕ ВОЖДЕНИЕ

па де труа

Действующие лица и исполнители:

Командир батареи капитан Каверин в роли дежурного по части

Автор в роли дежурного по штабу

Нечипоренко и Остапец

Сержант, которого я менял, сосредоточенно давил прыщ на носу, стоя перед мутным сортирным зеркалом. Штаб он сдавал такой же, как принял, беспокоиться не о чем.
— У Мамина никто не умер?
— Вроде никто. Кажется, он просто вчера перепил. А чего?
— Мне его жалко.
— А мне нет.
— В том-то и дело, — сказал я. — Никому их не жалко. Ни одна сволочь ими не интересуется. Как ты думаешь, охота им после этого Родину защищать? Вот нападут на нас турки, итальянцы и восьмой авиадесантный корпус ФРГ…
— Не ссы, не нападут. Слушай, а кто от вас по части заступает?
— Каверин.
— О-па! Будем жить.
Бригада наша "кадрированная", то есть пока войны нет — никакая. Личного состава одна десятая штата. Существуем буквально от чужих щедрот. Жилье — первый этаж казармы десантников, штаб — третий этаж штаба ракетчиков. Столовая, баня, почта, магазин, все не свое. Наши только парк техники и склады. "По войне" ББМ должна убраться из Белой Церкви и уже не вернуться. А пока мы очень гордые, но очень маленькие. У нас два подполковника могут, страшно ругаясь, вести территориальный спор — по какой половице идет демаркационная линия между их зонами

ответственности. А дежурный офицер сидит прямо в казарме и, естественно, отравляет ночную жизнь старшим призывам. И уж ночью с пятницы на субботу, когда все хотят смотреть телевизор, злой дежурный — сущее наказание.
Капитан Каверин не злой офицер. Он сам придет в расположение смотреть телевизор. Капитану принесут из канцелярии удобный стул. Или вообще койку предоставят с кучей подушек. Но особого шума, гама и шевеления в казарме не будет. Потому что если Каверин вдруг произнесет слово "отбой", все, конечно, удивятся. Но стоит ему это слово повторить, тут же случится отбой. И только бесплотные тени узкого круга избранных будут иногда беспокоить взор дежурного по части. А если Каверину почудится непорядок, и он из дежурки раздраженно гавкнет, тени мигом обретут плоть, и непорядок — бац! бац! ой! спать, военный, урою! — ликвидируют.
Я на своего комбата Масякина запросто могу повысить голос. Причем тут же сбежится народ, обступит Масякина со всех сторон, примется строить зверские рожи и многозначительно дышать капитану в затылок. А с Кавериным, таким же комбатом из нашего дивизиона, цапаться даже как-то странно. Потому что Каверин состоит из сплошных "не". Он не истеричен, не труслив, не цеплется к мелочам, не отдает идиотских приказов, не гнется перед начальством. Он вообще, кажется, не боится никого и ничего. Если тот же Масякин, выписав себе банку спирта "для протирки оптических осей", покинет территорию части сквозь дыру в заборе, обеими руками прижимая награбленное к животу — Каверин спокойно уйдет через КПП, небрежно помахивая банкой в авоське. И все будут знать: вот идет капитан Каверин, настоящий артиллерист! Он идет домой пить настоящий артиллерийский спирт! А встреться ему, допустим, генерал, и вздумай тот генерал отнять у Каверина банку, капитан скажет: отстаньте. Что вы можете со мной, капитаном Кавериным, сделать, меня уже из партии на хрен выгнали. Дальше китайской границы не ушлете (эка невидаль, я там был), меньше батареи не дадите (так я и есть пожизненный комбат), и я еще спасибо вам скажу, потому что здесь у меня шесть (в скобках прописью — шесть!) уродов подчиненных и столько же уродов начальников, это не считая кретина замполита, и надоела такая служба донельзя. Конечно Белая Церковь городок симпатичный, а Украина теплый край, только свет на нем клином не сошелся, поэтому я вам, товарищ генерал, полбанки, так уж и быть, отолью, но на большее не рассчитывайте…
В общем, когда Каверин стоит дежурным по части, главное его не злить — и ночь с пятницы на субботу пройдет замечательно.
Ну, меня это вообще не касается. Я нынче сам себе хозяин. Отпущу помощника баиньки, запру штаб на швабру, вскрою кабинет замполита, вытащу телевизор и отнесу его на узел связи. Мы там будем со связистом Генкой Шнейдером гонять чаи и смотреть программу "Взгляд".
У замполита печать номер 8, у меня номер 88. Я не нарочно, так получилось. А замки вскрывать — армия учит.
Тиха украинская ночь. Происшествий никаких. Каверину поднесли стакан и закусить, потом еще стакан и закусить, казарма блаженствует.
Потом Каверину захотелось добавить.
И началось.
Убыл в самоволку рядовой Нечипоренко из первого дивизиона. Нормально, достойно, как уважающий себя дедушка Советской Армии, вышел через парк, сообщив нашим, что если его будут искать, так он скоро вернется. Оставил на хранение тело рядового Остапца, который тоже очень хотел в самоволку, но переоценил свои возможности.
И тут Каверин в парк звонит. Говорит, есть у меня подозрение, будто кто-то погулять вышел. Было, сознавайтесь? Наши ему: да фигня, Нечипоренко ушел. Сказал, ненадолго. Каверин: нет проблем, только пусть мне сразу звякнет, когда придет.
Понятное дело, Нечипоренко с самогоном явится, и тут уж Каверин своего не упустит.
Но это будет еще не скоро, поэтому Каверин вызывает в дежурку старшину первого дивизиона и устраивает ему разнос — почему люди без спросу в город уходят. Я с вами по-человечески, а вы мне что?..
Ну, первый дивизион ему немедленно откупного — на пульт.
Каверин погружается в эйфорию.
А часом позже в парк нетвердой походкой вступает Нечипоренко.
Наши говорят: тебя Каверин искал, позвони ему.
Шнейдер, который на коммутаторе все разговоры подслушивает, сил не находит протянуть мне второй наушник, только пальцем в него тычет и рожи строит.

— Триста десятый "Солекопа"

капитан Каверин!

— Здрасте, товарищ капитан!

— Здравствуйте.
(с живым интересом)
А кто это?

— Да я!
— Кто "я"?
— Ну я, Нечипоренко!
— А-а…
Пауза.
— А это триста десятый "Солекопа" капитан Каверин.
— Товарищ капитан, да я это, я!
— Кто "я"?!
— Рядовой Нечипоренко!
— А-а! Нечипоренко! Здравствуй, дорогой!
— Здравствуйте, товарищ капитан!
— М-да… Нечипоренко. И что?
— Ну, вы сказали, чтобы я позвонил, когда приду.
— Хм. И что?
— Э-э… Вот, я пришел.
Долгая пауза.
— А кто это?

— Э-э…
(неуверенно)
Это рядовой Нечипоренко.

— А это триста десятый "Солекопа" капитан Каверин. Погоди, погоди! Нечипоренко, это ты, что ли?!

— Да! Да!
(радостно)
Это я, товарищ капитан! Нечипоренко!

— Черт побери, Нечипоренко, дорогой, где же ты был?! Я тебя очень давно жду! Иди скорее ко мне сюда!
— Да-да, товарищ капитан, мы уже идем!
Пауза.

—
(опасливо)
Кто "мы"?

— Ну… Я и Остапец.
— А кто это?
— Остапец?! Ну… Ну, Остапец… это Остапец!
— Да нет, кто со мной говорит?
— Рядовой Нечипоренко!
— А-а…
Пауза.
— Триста десятый "Солекопа" капитан Каверин!
Дальше мы не слушали. Сил не хватило.
Чтобы преодолеть неполных пятьсот метров от парка до казармы, рядовым Нечипоренко и Остапцу понадобился час, потому что Остапец то и дело падал, а Нечипоренко укладывался на травку отдохнуть. Наконец они ввалились в дежурку, растолкали спящего Каверина и доложили, что пришли. Нечипоренко даже отдал капитану честь, для чего отпустил Остапца, и тот снова упал.
Каверин их не узнал, особенно Нечипоренко, посоветовал уйти отсюда на хер к такой-то матери и перевернулся на другой бок.

Нечипоренко был глубоко озадачен. Он попытался совершить второй подход к телу капитана, но тут помощник дежурного сунул ему в руки опасно булькающего Остапца и указал на дверь.
Светало.
Потом эту историю рассказали капитану Мужецкому, лежавшему в ту ночь дежурным по парку. Собственно, прямо над его ухом происходил исторический телефонный брифинг, а на соседнем топчане валялся пьяный Остапец.
Мужецкий попросил его не разыгрывать.

ГЛАВА 3.

Первая шеренга, два шага вперед, снять правый сапог, предъявить наличие портянки!
Всем привинтить значки член ВЛКСМ!
И где вы дели эту штуку, которая на ремне?
По Уставу пилотка должна выглядеть так, чтобы вот эти внутренние губки — гы-гы-гы! — торчали наружу!
Ускорить готовность!
Вы мне объясните: как может комсомолец вытирать жопу полным собранием сочинений Ленина?!
Ходоровский, чмо болотное, кто вам сказал, что вы еврей, забудьте об этом, вы позор самоходной артиллерии — ГДЕ ПУГОВИЦА, Я ТЕБЯ СПРАШИВАЮ?!
А номер военного билета должен быть у вас на всём!
Почему этот нахал разгуливает в параллельных брюках?
Не вижу службы войск, не вижу совершенно!
Содержимое карманов — к осмотру!
Ах, у вас перья из задницы повырастали?!
Ладно, сержант, вот переживем эту проверку, и вы мне за всё ответите!

ПРОВЕРКА НА ВШИВОСТЬ

любительская порнография

сержанты и солдаты ББМ в разных непотребных ролях

Есть такой анекдот. "Как победить Советскую Армию? Ни в коем случае не нападать внезапно. Надо ей объявить войну за месяц. И она сама затрахает себя подготовкой". О, да. Ничто так не подрывает боеспособность войск, как плановая проверка этой самой боеспособности.
Ответная реакция войск на приближающееся несчастье всегда одна и та же. Сначала яростные поиски тех, кто хоть что-то знает и может объяснить другим. Затем повальный инструктаж и тренаж. Тотальный контроль наличия всего. Бирки, таблички, номера по трафарету. Памятки и планы. Сержантские книжки. И стенгазета! И боевой листок! И строевая песня!..
— На ящиках для угля должна быть надпись "УГОЛЬ". Значит, найди краску, найди кисть, сделай из чего-нибудь трафарет… Если не найдешь краску, найди гудрона, тоже пойдет. Только сначала найди сержанта Тхя и скажи ему, чтобы нашел лопаты и послал людей стесать траву, которая торчит из щелей в бетонке перед боксом… Тхя уже ищет гудрон? Зачем?! Не надо. Ты ищи гудрон. Если не найдешь краску. А Тхя пусть ищет лопаты. Нет, те лопаты, которые на машинах, брать нельзя, они только что покрашены. Вы прямо как дети малые, всему вас приходится учить… В общем, я на тебя надеюсь!
— А где эти ящики для угля?
— Убью!!!
"Внимание! Завтра, совершенно внезапно, в полшестого утра, будет объявлена тревога. Поэтому, товарищи сержанты, подготовьте личный состав и его оружие. Магазины разложите по подсумкам. А автомат, штык-нож и подсумок надо сцепить ремнем,

чтобы в одно движение выдернуть из пирамиды всю эту херню. Вещмешок должен у каждого лежать под кроватью. Во избежание давки на выходе советую третьему и четвертому дивизиону покидать казарму через окна"
И покидали. И неслись тяжелым галопом в парк техники, снося все на своем пути. Бежали через территорию ракетчиков, у которых были железные ворота, центнера два весом, запертые на амбарный замок. И мы хватали эти ворота, срывали с петель и швыряли наземь. За что ракетчики нас, конечно, очень любили. А мы бежали, пыхтя и задыхаясь, подтягивая отставших, принимая на руки подвернувших ногу, геройски бежали… Дабы оседлать свою верную технику, выгнать ее из боксов, и… и… Спать на броне полчаса минимум! Потому что офицеры все равно не добирались до парка раньше!
Неделя до выхода на полигон. Пятеро сержантов на фоне миномета. Никто не хочет им командовать. Особенно те, кому скоро на дембель. Из миномета можно не туда попасть. Еще им можно кого-нибудь задавить — в том числе себя, — даже стоя на ровном месте. Оно нам надо?
Механик торчит из своего люка и радостно скалит зубы, с него взятки гладки. Капитан Масякин расхаживает перед строем, пытаясь хотя бы внешне хранить спокойствие. Он уже понял, что никто из присутствующих ничего не умеет, не может и не будет. Опять. Как и полгода назад. Придется волевым решением назначать крайнего.
— Слушай, Верчич, ты же на прошлом полигоне отлично справлялся с машиной. Что значит — забыл? Как ты мог все забыть?
— Ну не помню я, тарщ ктан. Пусть вон Вася… То есть сержант Голиней командует. А я оператором буду. А?
— Вася молодой еще.
— Вот пусть и командует, опыта набирается.
— А ты, значит, будешь нажимать кнопки и ни за что не отвечать?
Сволочи. Вы не минометчики, вы сволочи, ясно? Ладно, Верчич, я тебе это припомню. Сержант Голиней, лезь на башню. Назначаю тебя командиром расчета.
— Това-арищ капита-ан…
— Лезь, кому говорю! Верчич, подсказывай ему, если что.
— Угу! Спасибо, тарщ ктан.
— Вторая, стой! Машину в боевое положение… Развернуть!
Вжжжжж… Бум! Вжжжж…. Бум! Хрясь! Дзынь! Хлоп!
— Не лезет.
— Спокойно, ребята, спокойно. Назад откинули! Воткнули.
Хрясь! Дзынь! Блям!
— Сука! Не лезет!
— Ты в бабу тоже с двух раз не попадаешь?
— Разговорчики!
Хрясь! Дзынь! Бац!
— Есть! Прицел сюда! Ушли с брони! Тарщ ктан, машина в боевое положение переведена.
— И ведь какой-то инженер, сука, за этот узел премию получил. Это, блядь, диверсия, а не узел.
— Разгово-ор-чи-ки… Ты не суетись, когда втыкаешь. Ты прицельсяи спокойно воткни. Вторая, стой! В походное… Свернуть!
Бух-бух-бух! Дзынь! Блям! Хрясь! Вжжжжж… Бац!
— Ой!
— РУКИ!!! РУКИ НА ХЕР!!!
— Ты что, военный, совсем дурак?!
Бац! (это уже по шее).
— Стопор! Крути! Накладку! Есть!
— Чехол будем, тарщ ктан?!..
— Не будем. Ну его. Верчич, ты не улыбайся так, когда другие бегают.
— Да уж я набегался за два года, тарщ ктан.
— Ушли с брони! Тарщ ктан, машина в походное положение переведена. Ну что, укладываемся в норматив?
— Хм… В общем, да. Вторая, стой!
— Това-арищ капита-ан…
— Машину в боевое…
— Ы-ы-ы… У-у-у…
— Развернуть!
И так до посинения.

За пять дней до зимних учений Минотавр вдруг говорит, что на миномет я не пойду. Не хрена мне там делать. А пойду я старшим радиотелефонистом на его, Минотавра, машину. Потому что кроме Тхя и меня в таком деликатном вопросе надеяться не на кого. Но Тхя сядет на свое штатное место, за дальномер. Короче — я с рацией умею обращаться?

— Товарищ майор, вы же знаете, я кроме автомата и пишущей машинки ни с чем не умею по-настоящему обращаться. Так, в самых общих чертах…

— М-да? А кто миномет покрасил?

— Одну гусеницу?

— Хм. Ну, найди кого-нибудь, пусть тебя научат.

Я нашел кого-нибудь, и меня научили.

Мы учиться-то любили. Минометом шевелить, конечно, утомительно, а все веселее, чем лопатой махать. При наличии доброй воли и толики мозгов азы любой армейской специальности осваиваются даже не быстро, а очень быстро. Но дальше надо бойца много и упорно тренировать. Дрессировать. Погружать в профессию. Иначе он будет не боец, а пушечное мясо для агрессивного блока НАТО. И вот с регулярной дрессировкой в ББМ были проблемы. Потому что мы постоянно заняты — то копаем, то закапываем, то строим, то ломаем. Да-да, и ломаем тоже. Когда я только пришел в часть, веселый дед сержант Верчич уничтожал пулеулавливатель. Я не мог понять, зачем эту кирпичную штуку, предназначенную для безопасного разряжания автоматов караула, разносят в пыль кувалдами. А Верчич мне говорит: "Ты заметил, что в ББМ караула нет? Он когда-то был, а потом молодые начали по всей армии отстреливать дедов — и начальство наше пересрало. Теперь полкан решил, надо сделать вид, что караула вообще не было. Чтобы не заставили его снова ввести. Мы еще и караулку сломаем, если прикажут. Это правильно, а то вдруг какой-нибудь мудак вроде тебя решит нас из автомата покрошить".

В одном Верчич ошибался. Доведенные до отчаяния молодые не "начали отстрел дедов". Просто информация об убийствах стала доступнее — и для офицерства в том числе. А то, знаете ли, есть такое мнение, что в СССР самолеты не падали, и не "размораживались" зимой целые города. И "демографической ямы" у нас не было, и страна не сидела на "нефтяной игле". Это все устроили алкаш Ельцин и жирный уродец Гайдар на деньги американских сионистов… Ой, простите, снесло меня куда-то боковым ветром.

Я сначала поражался таким откровенно детским решениям — "сделать вид, будто ничего не было". Еще меня шокировала распространность приема "мы вас ничем не обеспечим, но вы сделайте что приказано". Но в Вооруженных Силах СССР все это прекрасно срабатывало! Теперь помножьте такой детский сад на разболтанность вертикальных и горизонтальных связей — и вы получите войско, которого вполне обоснованно боялась Европа.

Это войско само себя побаивалось. Знало, за что.

Вот, поехали мы на ночные стрельбы из личного оружия. Была у нас пара автоматов с рамкой для крепления ночного прицела. Стволы пристреляли, бойцов подучили обращаться с инфракрасной оптикой. А насчет собственно попадания в мишень сказали, что делать ничего не надо — только лови цель на фиговинку в визире, дальше автомат без тебя справится. Мы радостно залезли в грузовик, поехали на стрельбище и долго там валялись в траве, ожидая, пока стемнеет. Минотавр со стрельбищенской администрацией поддал, и все было замечательно.

Пока не выяснилось, что все ужасно. Потому что стрелять мы должны не с ночным прицелом, а с фосфорной насадкой на мушку. Которой, разумеется, нет, и даже никто не знает, как она выглядит. А оценку за эту стрельбу нам поставят либо сегодня, либо два балла.

И мы снова обрадовались, ведь еще не стемнело до такой степени, когда землю от неба не отличишь. Значит, можно задрать ствол, кое-как поймать мушку в прорезь на темно-синем фоне, зафиксировать автомат в таком положении, медленно его опустить в темноту… А мишень слегка подсвечивается. Короче, жми мягко, и оружие само куда надо попадет.

Все попали — и в третий раз обрадовались.

Ну просто какой-то праздник, который всегда с тобой.

А могли бы рвать тельняшки и орать: "Нас предали! Судью на мыло!"

Но, как следует из Устава, мы обязаны были "стойко переносить тяготы и лишения воинской службы". Нигде в Уставе не написано, что идиотизм и головотяпство к тяготам и лишениям не относятся. Скорее наоборот, это подразумевается. Ну, и мы их — стойко. С огоньком и юным задором.

По сравнению с ПППЛС нам многое казалось мёдом.
Специфика "кадрированной" войсковой части. Она живет в ожидании войны. И когда война приходит, часть снимается с места и скрывается в лесах. Там она разворачивает Передвижной Пункт Приема Личного Состава — и сидит, пока Личный Состав ее не настигнет. Теперь представьте, какое это сомнительное удовольствие: полтораста человек должны принять, обиходить, накормить, одеть, вооружить и слегка потренировать тысячу пятьсот! А если зимой?!
Обычно ББМ только имитировала боевое развертывание. То есть она срывалась (всегда совершенно внезапно, в полшестого утра) по тревоге. Выгоняла машины из боксов. Дожидалась офицеров. Потом загоняла технику обратно, завтракала, цепляла заранее нагруженные прицепы к грузовикам и катила в лес, где ставила палатки и размещалась в них с умным видом, якобы ожидая пополнения. Сразу оговорюсь, стопроцентной показухой это не было. На каждом ящике для угля красовалась надпись "УГОЛЬ", и все "буржуйки" поддавались растопке.
Первый раз я разворачивал этот кошмар, слава богу, летом. У нас тогда еще были допотопные палатки с тяжеленным дерматиновым пологом, дубеющим на холоде. И мы радовались — опять-таки радовались! — что тепло. А через полгода мы очень радовались, что возимся при минус десяти с новыми легонькими брезентовыми палатками, а сами упакованы в чудесную зимнюю форму на ватной подстежке.
Деды вздыхали и жаловались, что не застали легендарное "полное развертывание", случившееся парой лет раньше. Тогда ББМ действительно вышла в "запасной район" нешуточно, целиком и полностью. Пёрла на себе всё, вплоть до матрасов и столовых ложек. И когда бригада честно сделала, что от нее требовалось, то легла вповалку. Но отлежавшись, она все-таки приняла своих "партизан" — приписной состав, дядек в возрасте до сорока пяти, которые решили, что если уж их оторвали от мирной жизни и заставили играть в войну, так играть надо весело.
Говорят, слегка протрезвев, офицеры собирали разбросанные по кустам автоматы. Сожалею, что не присутствовал при сей виктории хотя бы мичманом. Да, это была, если верить легендам, полная задница. Тогда побили машины, попортили немало оборудования, и кто-то что-то себе сломал. Все страшно устали, обратно из леса бригада едва ползла. Но мы, честное слово, мечтали, чтобы такое безобразие пришлось и на нашу долю. Черт с ним, с "партизанским" самогоном — выпивки у нас хватало. Просто хотелось поучаствовать в том, для чего ББМ была действительно предназначена. Мы подозревали, что справимся, но — насколько хорошо?
Чтобы было взаправду. Самомнение бригады очень страдало от того, что мы выгоняли на полигон всего лишь по четыре пушки и миномета с условно боеспособными экипажами. А я помню, как вообще по одной машине стреляло от каждого дивизиона ББМ. Оно, конечно, давало копоти, а иногда еще давало шороху — и даже просраться кое-кому давало! — и вокруг крутилась целая стая наших кашээмок. Но все понимали, какая это жалкая пародия на реальную стрельбу. Такую бешеную, когда уже и своих не боишься, не то, что чужих.
А пока мы привинчивали "значки член ВЛКСМ", предъявляли наличие портянки и демонстрировали знание строевых приемов с оружием и без. Начищенные и отглаженные, мы маршировали и пели. Бегали кроссы и штурмовали полосу препятствий. Докладывали скороговоркой про миномет 2Б8 и самоходную базу СУ-100П. Дурили проверяющих как могли. И втайне надеялись однажды всем предъявить (и себе доказать в первую очередь) свою фантастическую крутизну.
Но даже та наша пушка, которую возили в Киев на показ — ну, помните, она еще с трейлера навернулась, — до места не доехала.
На полпути отбросил копыта тягач.

ГЛАВА 4.

— Пойди клиренс принеси! — скомандовал Вася. — Он там, за минометом валяется.
Я замешкался.
— Клиренс, — повторил Вася. — Принеси. Ну?!
— Извини, — сказал я, — везде свои порядки. Понятия не имею, что здесь называют клиренсом.
— А по-твоему что такое клиренс? — прищурился Вася.

— Расстояние от нижней точки машины до земли.
— Образованный, сука, — заключил Вася.
И дал мне пендаля.

ТЕХНИКА НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ

трактат о сакральных артиллерийских приборах, секретных самоходных механизмах, тайных баллистических сущностях и поражающих воображение методах овладения ими, творчески переосмысленных бесстрашными солдатами и отважными сержантами Бригады Большой Мощности

Справедливости ради надо сказать, что с сержантом Васей Голинеем мы позже стали не разлей вода друзья, и многими знаниями по военной специальности я обязан именно ему. Хотя смысл ряда приборов был недоступен и Васе. "А хрен его знает, для чего эта хреновина, — говорил сержант в таком случае. И добавлял: — Думаешь, они сами знают? Да хрен там! Вот пойди, спроси у них. Потом мне расскажешь".
"Они" — это были те, кому положено знать.
В результате я так и не смог уяснить, зачем бывает теодолит. Отчего-то наши топогеодезисты окутали этот прибор завесой тайны. Про гирокомпас и курсопрокладчик они мне всякого наобъясняли, а как дойдет до теодолита — вдруг у них глаза мутнеют и голос садится.
Даже умница Тхя относился к теодолиту словно закоренелый язычник к самому уважаемому идолу.
— О-о… — рассказывал он мне про теодолит. — Это у-у…
Сакральный какой-то прибор. Когда солнце в зените, можно залезть под его треногу, усесться по-турецки, и макушка спрячется в тень. Сам видел. Может, он для этого?
Гирокомпас нужен чтобы уйти в радиомолчание. Потому что когда он крутится, ничего нельзя делать — чуткий очень инструмент. Даже ходить по броне, и то нельзя. Только спать можно. Далеко от рации, естественно. Если пропал экипаж на топосъемке, значит точно, когда отзовутся, то сонным голосом объяснят: не могли разговаривать, запускали гирокомпас.
А курсопрокладчик это умнейшая машина, которая иногда с непутевыми артиллеристами играет злые шутки. Функция его такая: ты едешь, а он за тобой записывает. Рисует на карте. Вот так катались наши по Германии, делом занимались, снимали какие-то пути куда-то, потом завернули в пивную, а курсопрокладчик выключить забыли. Ну, он соответствующую загогулину на карте и изобразил. Начальство было в восхищении — надо же, сами на себя донос настрочили!
А есть еще железный ящик под названием ПУО, сиречь Прибор Управления Огнем. Это чтобы вычислителям жизнь медом не казалась. Как они заартачатся, сразу ПУО в руки — и вон из машины, на броню, на свежий морозный воздух. Да он и летом не подарок, этот ПУО, недаром к нему ремни присобачены для переноски на спине.
И не спрашивайте меня, что такое "метеосредний".
А если на лазерный дальномер навинтить линзу-усилитель и замерить расстояние до сидящей на заборе вороны — кранты вороне.
Он так делает — вжжжжж! — лазерный дальномер. И кранты.
Полезный продукт высоких технологий.
А в командно-штабной машине система омывателя лобовых стекол на десять литров, которой все равно никто не пользуется, потому что ездим мы "по-походному", когда механик из люка торчит, и значит, в этой системе можно такое забодяжить — у-у-у!!!
А сколько консервов, сигарет, конфет, самогона удается в кашээмке спрятать — о-о-о!!!
Не сердитесь на солдата, он воюет как умеет.
Когда американцы кладут свои продвинутые высокоточные бомбы куда попало, а то и себе на голову, я не удивляюсь. "Потери от дружественного огня" самая больная тема для военных всего мира. И самая засекреченная, пожалуй. А чего вы хотите: если у нас на учениях случались иногда чистые аномалии, то на реальной войне просто должен твориться реальный же бардак.
Докажите обратное ребятам из бригады, где один и тот же экипаж пушкарей дважды пытался подорваться на собственном снаряде. Один раз традиционным способом, второй — в извращенной форме.

Или вот случай типа "оно само приползло". Сидим на НП, никого не трогаем, передаем целеуказания. Все идет по плану. Мы своим: цель сто вторая, пехота укрытая, внакладку подавить, огонь! Они: рады стараться, бух! Над нами: фррррр! Мы: слава богу, пронесло… Спереди: хлобысь!!! Минотавр: надо же, опять попали, бывает же такое, господабогадушумать!!!.. Короче, нормальная работа артиллерии большой мощности. И вдруг на нашей основной частоте возникает какой-то "Днепр", отважно штурмующий высоту сто пять и пять.
— За мной! В атаку! — орет "Днепр" как резаный, уши вянут от него.
— Грёбаный ты несусветный Днепр! — кричит ему Минотавр. — Уйди с моей частоты к такой-то матери, чтоб тебя и так и эдак!
— Уррраааа!!! — откликается "Днепр".
Я пытаюсь вызвать Минотавра по внутренней связи, но это дохлый номер. Встаю, из кормового отсека заглядываю в башню и вижу, как на Минотавре приподнимается шапка: лезут рога.
— Товарищ майор, разрешите перевести дивизион на запасную частоту!
Минотавр не слышит. Он в эфире. Кроет "Днепр" матом. А у нас всего ничего до следующего залпа, и дивизион натурально оглох из-за этого "Днепра" — чтоб его заколдобило там, у незнакомого поселка на безымянной высоте!.. От дальномера отрывается Тхя и машет мне: делай, что хочешь, только что-нибудь делай! Я сажусь на место и самовольно отдаю дивизиону приказ сменить частоту. Уповая на то, что обговорил резервные частоты с другими связистами лично. И для меня ребята — сделают. На Минотавра они клали с во-от таким теодолитом. С раннего утра стреляем, надоело уже, любой затык на связи воспринимается как лишний повод отдохнуть. Потом целую минуту я обливаюсь потом. Ведь остальные радисты — такие же, как я, молодые дураки не старше двадцати лет. У них мозги набекрень от постоянных размышлений об еде, сне, сексе и увольнении в запас. Жрать, спать, трахаться и на дембель они хотят даже когда спят. "О чем вы думаете, сержант, глядя на это гордо возносящееся в небо красное знамя? — О бабах, товарищ майор…". Значит, не исключен вариант, что через минуту штаб со мной будет говорить на одной частоте, я окажусь на другой, а огневая просто затеряется в коротких волнах и сгинет. А Минотавр продолжит конструктивное общение с "Днепром". И кто будет виноват?!
А вы говорите — высокоточное оружие.
Минотавр так и не заметил, что мы частоту сменили. Тхя протянул руку у него за спиной и верньер крутанул, а дальше автоподстройка справилась. У нас старые были станции, без кнопочек.
— Ушел этот Днепр с нашей частоты, сука! — сказал довольный Минотавр, втягивая рога обратно. — Слыхал, как я его?..
Тридцать один и девять десятых килограмма взрывчатки тебе на голову! Мы же с Тхя чуть не сдохли! Только Зозуля, наш механик, в носовом отсеке от хохота давился, гад такой. С разбитой бровью.
Он поутру, вылезая из люка, зацепился капюшоном за стопор. Люк расстопорился, врезал Зозуле по затылку, и механик треснулся мордой о бронированный козырек триплекса. В дешевых комедиях такие трюки обожают. Уронил на себя шкаф, наступил на банановую кожуру и выпал в окно. А я, когда разбитую бровь увидел, чуть за голову не схватился. Ясно было: придет Минотавр, закатит истерику. Потому что таких идиотских травм люди сами себе не наносят. Зачем вы избили механика, сержант?! Дедовщина, трам-тарарам?!
Так и вышло. Хорошо, я с детства не терплю несправедливых обвинений. Реагирую неадекватно. Могу ступорнуть, могу начать дурацки хихикать. А могу и ответную истерику выдать.
На Минотавра я конкретно рявкнул. Он от удивления резко сменил тему.
А хитрый Тхя в носовом отсеке спал.
Это называется "стойко переносить тяготы и лишения воинской службы".
Вы-таки хотите, чтобы мы еще и воевали?
Думаю, перевести миномет 2С4 "Тюльпан" из походного положения в боевое и остаться в живых, я смогу даже сегодня. Наверное даже зарядить эту штуку сумею, не взорвавшись. И прицел к ней присобачить, не отдавив себе пальцы. И поглядеть в прицел с умным видом.
А дальше, поскольку без комплекса топопривязки и наведения "Тюльпан" просто груда крашеного железа, останется довернуть ствол на глазок, ткнуть кнопку… И кто не спрятался, я не виноват.

Впрочем, даже если передать мне целеуказания, толку не будет — я напрочь забыл, что все эти числа значат, и какие из них следуют команды наводчику. "Цель сто вторая, щель половая, внакладку подавить, трам-тарарам!"
Да ладно, чего стесняться, я младший сержант без классной квалификации, антисоветчик и раздолбай. А вот мне еще в учебке один старлей, отличник боевой и политической подготовки, рассказывал: "Поехали с минометом на показ. Долго распинались перед генералами. Всё объяснили, что только можно. А один генерал бродил-бродил вокруг "Тюльпана", восхищался, языком цокал, и вдруг спрашивает: а если танки на вашу огневую полезут, как отбиваться будете? Прямой наводкой сможете? Я: а как же! Сможем прямой наводкой! Генерал: ну-ну, молодцы…". Просто как в том анекдоте. "Товарищ майор, вот скажите, ведь снаряд из пушки летит по параболе? Значит, если положить пушку на бок, из-за угла стрелять можно? Майор: наверное, можно… Но по Уставу не положено!".
Один бывший снайпер, узнав, что я служил по части навесной стрельбы, заскрипел зубами и признался: "Ненавижу минометы!". Оказалось, его однажды накрыло батальонными 82-мм. Бедняга от тоски и безысходности навалил в штаны. Когда я объяснил, что у нашего миномета ствол длиной пять метров, а в мине тридцать два кило взрывчатого вещества, снайпер пожал плечами и сказал: "Ну, это уже не страшно, наверное. Это уже… Все равно".
Близко к истине. Артиллерия большой мощности, она, знаете, такая стихия, навстречу которой можно только широко улыбнуться. Потому что тебя сдует как пушинку.
Ну, поскольку на каждую тяжелую гирю найдется своя глубокая лужа, нас тоже когда-нибудь сдует. Есть средняя цифра живучести артдивизиона БМ в условиях боя. Кажется, три часа. Подчеркну — средняя цифра. Кто-то успеет развернуться, жахнуть, свернуться и удрать. А кто-то не успеет свернуться, и его в ответ накроют ракетным залпом. И это, кстати, очень жаль, потому что солдата или сержанта запросто может родить любая баба, а установок 2С4 "Тюльпан", если верить статистике, на всей планете только четыреста штук. И в свободное от идиотских выходок время мы этими машинами очень гордились.
Я своей даже гусеницу покрасил.
Считается, что я. На самом деле этот миномет красили с незапамятных времен. С ним трахался сержант Верчич, потом мучился Вася Голиней, но какой-то внешне заметной стадии процесс достиг, когда формально отвечал за миномет уже я. И лавры героя, способного покрасить гусеницу, обрушились на мою ни в чем не повинную голову. Вообще-то мы должны были покрасить всю машину, но это оказалось выше человеческих сил.
Представьте себе двадцать семь тонн железа сложной конфигурации. Если совсем тупо — гигантское охотничье ружье, привинченное к здоровому бронированному трактору. И вот этот, с позволения сказать, предмет, под управлением механика-водителя по прозвищу Батя, носится туда-сюда, как укушенный. Запросто развивая шестьдесят километров в час на любой местности. Ну, до сорока на пересеченной, а то "ружье" отвалится. Местность им с Батей по фиг. У них пятьсот двадцать лошадиных сил и широченные гусеницы. Правда, иногда вдруг кончается топливо, потому что Батя, увлекшись, забывает переключить крантик. И капитан Масякин грозится, что однажды в воспитательных целях заставит механика переливать солярку из бака в бак шлемофоном. Батя вяло огрызается. У него сколиоз, плоскостопие, геморрой, фурункулез и еще какая-то фигня. Как его такого вообще в армию взяли, загадка. Кто эту двухметровую унылую жердину записал в механики-водители, тоже вопрос. Но у 2С4 довольно просторный водительский отсек, удобное кресло, и Батя в нем помещается. И гонять на миномете он любит.
Миномет ездит, разворачивается, сворачивается, закапывается, откапывается, стреляет. Долбит так, что за два-три километра "бубух" слышно сквозь легкую броню. Гениальная машина. Но ее же после всего этого надо перед покраской отмыть! А потом тщательно протереть уайтспиритом! Чистим, моем, протираем. И тут наш экипаж отправляют рыть канавы. Или строить заборы. Или разгружать боеприпасы. Мы приходим через неделю и видим, что миномет запылился. Мы снова изводим на него литры растворителя и метры старых простыней. И нас опять куда-то срывают. И миномет опять пыльный.
В конце концов сержант Вася Голиней собирает консилиум — мы стоим вокруг машины и делаем вид, что думаем, как ее покрасить. На самом деле мы думаем, как нам все это надоело, до чего же хочется спать, есть, трахаться и домой к маме. Приходит капитан Масякин и интересуется, почему мы не красим миномет, а стоим вокруг него с глупыми лицами. Масякину объясняют, почему. Капитан включается в

общий мыслительный процесс. Наконец кто-то говорит: надо красить по частям, иначе никак. Масякин сдвигает фуражку на нос и чешет в затылке. Капитан вовсе не глуп и все отлично понимает. Просто ему тоже здесь надоело, хочется есть, спать и так далее, хоть он и офицер. А еще капитану заранее ясно, чем может закончиться такая окраска. Но красить все равно надо, поэтому Масякин с тяжелым вздохом дает "добро". Мы выгоняем машину из бокса и срываем с нее гусеницу. Матерые деды оттирают молодняк, хватают кувалды и начинают с дикими воплями колошматить несчастную гусеницу, будто пытаясь выместить на ней всю свою ненависть к Советской Армии и заодно Военно-Морскому флоту. Потом они, конечно, устают, и дальше ржавчину сбивают молодые. Затем мы орудуем щетками с металлическим ворсом. И наконец-то красим эту гусеницу. Дочерна! Вусмерть! Тут как раз уходит на дембель Вася Голиней, и миномет с крашеной гусеницей достается по наследству мне. Экипаж сажает гусеницу на место, убирает машину в бокс, и больше я ее не вижу до конца службы. Потому что надо копать, строить, грузить-разгружать. Еще бирки писать и вешать. Как сказал один умный политработник — что останется от нашей армии после ядерного удара? Бирки и таблички.

В процессе работы над гусеницей происшествий не случилось, только навернулся вниз головой с двухметровой высоты младший сержант Ващик. Надел сапоги с победитовыми подковами. Так, для форсу — ходил, высекая искры из бетона. Потом зачем-то полез на миномет. Самоходчики вообще подков не носят. Не потому что можно поскользнуться и вонзиться головой в бетонку, а чтобы краска с машины не обдиралась.

Да, и еще обалдуй Батя, маневрируя в боксе, размазал по стене бочку со ста литрами уайтспирита.

Спасибо, бокс не развалил.

Мы такие, нам врагов не надо, сами обойдемся. Помню, направили капитана Черемисина машины в боксе подровнять. Чтобы стояли как по линейке в ожидании проверки. Механик заводит кашээмку, Черемисин ему руками семафорит. И то ли механик слишком резко сцепление бросил, то ли еще чего, но машина прыгает назад и дает кормой по морде кашээмке, стоящей в заднем ряду. Вас никогда по морде задницей не прикладывали? Ничего смешного, говорю ответственно, как игравший в регби… Так эта дура мало того, что бьет заднюю машину, она еще сдвигает ее с места, упирает в стену, и гусеницами по бетонке вхолостую шварк-шварк-шварк! Капитан Черемисин, недолго думая, срывает со стенда пожарный багор. Механик вышибает из-под сиденья стопор, проваливается в люк и захлопывает крышку. А Черемисин, подпрыгнув, багром по крышке — хрясь!

Минут пятнадцать он вокруг машины бегает, размахивая багром и крича: "Выходи, подлый трус!". А механик ему в ответ глухо из-за брони: не выйду я, товарищ капитан, вы же меня убьете на фиг…

Вот зачем они так оба, а, кто ответит?

Вот зачем новый командир приказал сцепить тросами машины переднего и заднего ряда? У нас в боксах спереди машины учебно-боевой группы стояли, а сзади те, что на консервации. И командир говорит: а вдруг пожар?

Любят новые командиры, едва в части появившись и еще ничего не поняв, огорошить старожилов таким вопросом. А вдруг пожар, а вдруг война со Швецией, а вдруг, что самое ужасное, внезапная проверка?

Делать нечего, народ полдня корячится с тросами. Чтобы, значит, если пожар или война со Швецией, завести передние машины и вытащить задние из боксов волоком. Хиханьки-то хаханьки, только наша кашээмка, смешная такая железная коробочка на гусеницах, застрявший в песке БТР выдергивает в одно касание. Сам участвовал. И когда задумаешься, какая в этой коробочке дизельная мощь с турбонаддувом, шутить уже не хочется. Движки в "консервированных" машинах не сухие, топливо есть, а то, что без аккумуляторов, это несущественно. Дизель летом "с толкача" заводится только так. И едет, едет, едет… Вот передняя машина дернет, а через пару секунд задняя ей носом по корме ка-ак треснет!

Все это знают, но молчат. Поэтому я к Минотавру подхожу и тихонько говорю:

— Товарищ майор, вы сами-то понимаете, что приказ дурацкий?

— А что ты предлагаешь?

— После того, как командир проверит выполнение приказа, надо машины по-тихому расцепить. Пусть тросы на полу валяются.

Минотавр глядит на меня со сдержанным уважением и вдруг спрашивает:

— Теперь понимаешь, каково это — быть командиром дивизиона?

— Теперь понимаю. Мне вас даже иногда жалко.

Минотавр смеется и хлопает меня по плечу.
— И все-таки, — говорю, — товарищ майор, а если хотя бы для успокоения совести вскрыть задние машины и переставить их на нейтралку?
— Они и так должны стоять на нейтралке.
— Они много, чего должны.
— Да, это точно…
Ничего мы решить так и не успели, потому что началась беготня, какие-то дурацкие тревоги и строевые смотры. Внезапная тревога ввергла нового командира в шок: минут десять ББМ просто не понимала, чего от нее хотят. Все сидели в кроватях, вертели головами и удивлялись — зачем это по проходу так отчаянно скачет дежурный офицер и так страшно кричит?!.. Строевой смотр тоже, мягко говоря, не задался.
А через неделю сержант Карнаухов (для друзей просто Ухо) решил за каким-то чертом выгнать из бокса свою кашээмку. Ухо позвал механика и сказал: заводи. Тот завел. А Ухо пошел спрашивать разрешения на старт у своего комбата капитана Мужецкого, как нарочно стоявшего дежурным по парку.
Будь Мужецкий индейцем, его прозвали бы Приносящий Геморрои. Вечно в его присутствии случалась какая-то фигня. Не война со Швецией, так пожар. Но мы были не индейцы, поэтому именовали комбата просто Капитан Африка — он давно собирался и никак не мог уехать рашен милитэри специалистом на Черный Континент. Вероятно Ухо решил, что раз пожар мы с Мужецким уже однажды устроили, то войны со Швецией можно не опасаться.
А зря.
В общем, минут десять механик грел машину, вокруг бродили люди, и никто ничего не вспомнил, никто не задал ни одного недоуменного вопроса. Тут подошли Ухо с капитаном. Ухо махнул рукой. Механик воткнул передачу и поддал газку.
"Это случилось так быстро, я рта не успел открыть!" — говорил потом капитан Мужецкий. По моим наблюдениям (мы же вместе с ним горели), он всегда так говорил. И всегда успевал именно что открыть рот, широко-широко.
Не на нейтралке стояла задняя машина, ох, не на нейтралке. На второй. Едва тросы, о которых все забыли, натянулись, она мгновенно завелась. Прыгнула вперед и так наподдала бронированным носом передней машине под хвост, что звон разлетелся по всему парку.
Еще разлетелась в клочья СЭП, станция электропитания — недешевенький железный ящик, висевший у передней кашээмки на корме.
В тот же день командир отдал приказ: расцепить все машины к чертовой матери! Что мы и проделали с немалым удовольствием. Военная техника, она особенная. Производит впечатление одушевленной. А может, и есть такая. И фамильярности не терпит. Задавит, костей не соберешь.
Мальчишки военную технику любят. Любовью искренней и несколько разрушительной — ну, свойственной нежному своему возрасту. Вот, скажем, иду я ночью по делам. Прохожу мимо парка. А за бетонным забором ревут дизеля, и снопы света разрывают темноту. Кто-то там носится между боксов на колесных машинах. Покатушки там.
Это заступил в наряд героический ВОХ, взвод обслуживания и хранения. Напоил мертвецки своего прапорщика. Расселся по грузовикам — пара техничек у них, самосвал, что-то еще.
И играет в догонялки.

ГЛАВА 5.

Теперь, когда вы, уважаемый читатель, познакомились с Бригадой Большой Мощности и может быть даже прониклись к ней симпатией, настало время рассказать, как молодые люди попадали в ББМ. Мы с вами скоро вернемся в бригаду, увидим ее под неожиданными углами, от души посмеемся, немного попереживаем — книга длинная, впереди много интересного.
Нас ждут стрельбы и хозяйственные работы, выезд на командно-штабные учения, безумные армейские ритуалы, гонки по пересеченной местности, встреча с Кинг-Конгом, общение с генералами, "стодневка" и так далее, вплоть до "дембельского аккорда", увольнения в запас и чисто мужского кошмарного сна "снова в армию

забрали". Некоторые главы будут тематическими, но и в них армия рассматривается сквозь призму Бригады Большой Мощности.
А сейчас отвлечемся на несколько глав и узнаем кое-что о самом авторе и извилистом армейском пути, который привел его в ББМ.

КЛЮЧ — НА "СТАРТ"

краткое содержание предыдущих серий, вырезанных из-за несоответствия теме сериала

Прибыл я в армию красиво. Везли меня прямо как жениха какого: одного в целом автобусе, да еще при капитане-сопровождающем.
— Что бы это значило? — спросили капитана на сборном пункте.
— Да вот, студенты, роскошные парни, служить не хотят, — процедил капитан сквозь зубы.
— Повестки надо вовремя присылать, — буркнул я.
— Умный какой, — сказал капитан.
И на всякий случай крепко взял меня за локоть.
До конца осеннего призыва 1987 года оставалась неделя.
"Угрешка" — слово, хорошо знакомое большинству мужчин-москвичей. Это сборный пункт на Угрешской улице. Сумрачное место, совершенно не приспособленное для жизни. Если призывник засиживался "на угрешке" день-другой в ожидании своей партии, его отправляли домой, а потом вызывали снова.
Армия для москвича начиналась "на угрешке", и там же начинались неуставные отношения. Первое, что я услышал от моих товарищей по партии — как здешние солдаты пытались заставить одного призывника мыть туалеты. Парень был не из тех, кто посылает в ответ, и уже взялся за швабру, но тут прибежали наши. Надо сказать, солдаты рисковали. Столичная прописка лишала нас права служить в Москве. И за предложение вымыть туалет в этом благословенном городе, который был для нас закрыт, что называется, "по праву рождения", непуганые призывники могли крепко вломить товарищам военнослужащим.
Указание "убрать москвичей из города" прозвучало еще весной. Исполняли его так рьяно, что загремел на кудыкину гору даже мой приятель-журналист, проходивший срочную в пожарной охране и выпускавший "пожарную полосу" в милицейской газете "На боевом посту". Вышвыривали наших отовсюду и усылали далеко, поначалу минимум километров за триста. Причиной дискриминации стала, по слухам, дорожная авария, когда военный грузовик с пьяными москвичами, ехавшими то ли по бабам, то ли в магазин за добавкой, задавил кагэбэшную "Волгу". В реальности наверняка было не так, но все равно мы стали персонами нон грата в собственном городе.
Случались и исключения, где за взятку, где по наплевательству, где по особому распоряжению. Один мой одноклассник как сидел на узле связи в подмосковных Мытищах, так на нем и остался. И не тронули, понятное дело, "мосфильмовский" кавалерийский полк, базирующийся в Голицыно: там служили дети работников киноиндустрии.
В общем, "на угрешке" собрались заметно озлобленые ребята. И одинаковые. Из Москвы тогда было модно призываться одетым в заношенные джинсы, телогрейку и дурацкую вязаную шапочку с помпоном. Плюс старый брезентовый рюкзак. Столичный шик, так сказать.
Было очень муторно ждать. Призывники надрывно шутили, подбадривая друг друга. Я сидел на жестком топчане и пытался не думать, куда меня отсюда занесет нелегкая. По идее, я не должен был уехать совсем далеко. Один мой университетский одногруппник угодил аж на мыс Шмидта — практически край Земли, — и куковал там в обнимку с какой-то страшной ракетой. Другого угораздило мало, что в Монголию, еще и в железнодорожные войска, и теперь он клал шпалы через Гоби и Хинган. Я ни в Монголию, ни на край Земли не собирался. Не потому что был особенный, а из личной вредности. Ну, разозлили. Это случайно вышло. Чтобы все объяснить, придется вкратце изложить предысторию.
Я учился на факультете журналистики МГУ. Международное отделение — тридцать человек на курс, только мужчины, "годные к строевой". По большей части отпрыски дипломатов, журналистов-международников и прочей внешней разведки, слегка разбавленные детьми "творческой интеллигенции", военных и партработников. Чистая анкета, рекомендация от райкома комсомола, два творческих конкурса. Нам твердили,

что мы элита и штучный товар, единственные конкуренты МГИМО. А чтобы не задирали носы — вот вам "программа сбивания спеси с международников". То есть 1 сентября, когда все пошли учиться, мы двинули на овощную базу. А через месяц — на "картошку". И так далее. Хотя график занятий у нас был плотнее, чем у других, и экзаменовали "международников" строго.

И все мы, как один, должны были отслужить в армии, иначе — пошел вон, на "общее отделение".

Армия была пропуском в ВУЗ для многих. Дембель имел льготу на поступление, которая перевешивала не только слабые оценки, но иногда и минусы в биографии. Один из моих ближайших друзей по ББМ, связист Генка Шнейдер, мог "откосить" по болезни. Но когда он сдавал экзамены на харьковский истфак, ему прозрачно намекнули, что с такой широченной жидовской мордой не мешало бы сначала Родине послужить, а потом уже в историки лезть. Генка, сын сапожника, плюнул — и призвался.

А мы, "международники" нацеливались на самую престижную советскую профессию. "Опять нелегкая судьба журналиста забросила меня в Париж…" Ради такого стоило в армию сходить.

Мы считали, что это справедливо.

Иллюзии начали развеиваться к концу первого курса. Журфак образца 80-х давал неплохое "общегуманитарное" образование, но ввести человека в профессию не мог: что такое один час занятий по специальности в неделю?! Поэтому все, кто хотел работать, делать реальное дело, сами пристраивались в газеты и на радио. Конечно, они "забивали на учебу". Иногда намертво. Чемпионом журналистского сообщества был Юрий Щекочихин, числившийся на факультете десять лет, но так и не получивший диплом. В "Комсомольской правде" считалось нормальным позвонить на журфак и спросить: извините, я у вас еще учусь, или уже выгнали?

Оставаться на международном отделении имело смысл, чтобы впоследствии устроиться туда, откуда "посылают за границу". Но кому нужен этот журавль в небе, когда в руки сама просится синица размером с курицу? Уже на втором курсе половину отделения было днем с огнем не сыскать: люди зарабатывали себе имя и нарабатывали связи. Их фамилии появлялись на полосах центральных газет.

К весне 1987-го еще один фактор принялся расшатывать международное отделение нашего курса. Некоторых уже призвали, а остальные почуяли, что вот-вот призовут. И народ загулял. Все, как один, страстно влюбились и крепко запили. Вскоре раздолбайство "международников" достигло таких размеров, что нас вздрючил лично декан. Не хотите, говорит, учиться, тогда отчисляйтесь. А грехов за нами набралось — куда отчислять, расстреливать можно. Хроническое непосещение занятий, пьянство, блядство, антисоветская болтовня. Крутовато для элитного отделения, кузницы кадров внешней разведки. И началась бойня — аттестация. Мы заходили по одному в кабинет, где нас терзала комиссия. "А я этого молодого человека вообще не знаю!" — "А я вас знаю! Вы ведете русский у 16-й группы" — "А вы из какой?" — "А я из 15-й!!! (ура, ура, ура)" — "Да, но в этом семестре я веду русский и у 15-й тоже!". Пауза. Абзац. Я потом сорок минут эту даму уговаривал принять у меня экзамен. Сдал на пять, дама сказала, из принципа ставит четыре, я не возражал. Мне было почти девятнадцать, я шел в армию, многих мы уже проводили, традиционно занося в военкоматовский автобус на руках…

Ходить или не ходить в армию, такого вопроса не стояло. Даже у тех, кто разочаровался в "международке". И у тех, кто вообще наплевал на факультет, неделями пропадая в редакциях. Мы были слишком давно и плотно замотивированы на военную службу. Нас несло в армию по инерции.

Горячего желания служить никто не проявлял. Если бы сказали, что это не обязательно, почти все остались бы, кроме самых идейных. Встречались еще мечтающие об Афганистане, но на них смотрели косо. Человек, рвущийся на откровенно "не нашу войну", выглядел то ли очень глупым, то ли очень кровожадным. Да и видели мы уже, с какими странными глазами оттуда возвращаются. Но, повторяю, все понимали, что идти служить придется. Во-первых, нас, мужчин 1967-68 годов рождения, очень мало. Военкоматы гребли всех, не обращая внимания даже на явные болячки (некоторых через месяц-два возвращали домой уже из войск). Во-вторых, было понимание того, что не служивший — человек, мягко говоря, трусоватый и не пригодный к нашей профессии. Мы воспринимали армию как жестокое испытание, и это тоже заводило: настоящий журналист должен увидеть всё. И дедовщину, и пресловутый "армейский тупизм".

Мы очень быстро взрослели. Нам просто надо было отслужить, чтобы почувствовать себя состоявшимися мужчинами.
Мы были готовы к холоду, голоду и грязи. Две "картошки" на поле Бородинской битвы даром не прошли. Но всеобщая бесхозяйственность и бестолковость, которую мы видели тут и там, отчего-то не подтолкнула нас к мысли, что в армии еще хуже. Мне не нравилась обстановка в стране, ухудшавшаяся год от года, а работа "журналистом на побегушках" и сортировка "писем в газету" укрепила во мнении, что у нас полный бардак. Но хотя бы в армии должен сохраниться относительный порядок! Она ведь армия!
К тотальной армейской безнадёге мы оказались не готовы. В письмах от ребят, ушедших первыми, между строк сквозило: здесь пусто, братцы, здесь ничего нет, нас ждут два потерянных года.
Тем не менее, я собрался уходить. Надо было увидеть все своими глазами. Да и пример родственников, которые служили, подстегивал — я уважал этих людей. Наконец, хотелось самой службой "расплатиться с государством", не чувствовать за собой долга по отношению к Советской власти, которой мы все по гроб жизни обязаны — это нам вдалбливали с раннего детства.
В общем, я был морально готов к весеннему призыву 1987 года — и вдруг начались чудеса.
Мне полагалась отсрочка, чтобы доучиться второй курс и сразу после весенней сессии уйти. Я, собственно, так и планировал. И тут произошло странное: на меня открыл настоящую охоту военно-учетный стол. Задача этой неприметной конторы — следить, чтобы студент не засиделся на гражданке. Но если мои сокурсники вовсе не чувствовали вмешательства "стола" в свою жизнь, то вашего покорного слугу натурально "пасли". С какой стати? Что за чертовщина? Из "стола" звонили мне домой, присылали какие-то бумажки, и теребили военкомат, чтобы там не забыли студента призвать.
В военкомате, где тоже живые люди служат, меня спросили с неподдельным интересом: парень, ты чего натворил у себя в МГУ? Твоя фамилия уже у нас в печенках. Университет хочет от тебя конкретно избавиться. Сознайся, ты дочку ректора трахнул?
Я в ответ только улыбнулся — и они сразу все поняли, что хотели понять. И мои родители пришли к тем же выводам. Дело-то житейское, обычная история. Один я не хотел этого понимать, да и сейчас не понимаю. А тогда я вообще мыслил строго рационально: поздно искать причину, надо выкручиваться.
Я еще не знал выражения "это черный песец, военно-морской зверь". Но почуял, что кусачее животное подбирается вплотную. Вашего покорного слугу выталкивали с факультета в армию. И кто знает, закончится ли "опека" после отправки в войска? Вдруг постараются услать как можно дальше. И куда погорячее.
Меня эта ситуация даже забавляла, но тут жестко вмешались родители. Неприятно, когда твоим сыном играют, как шахматной фигурой, просто из-за того, что он не ту девочку осчастливил. Нет, не дочь ректора, сразу говорю. Между прочим, два года разлуки не сыграли особой роли — точка в той любовной истории будет поставлена только в середине 90-х, всем спасибо.
А пока что папа с мамой хорошенько промыли мне мозги. Я увидел, как они взволнованы, и согласился: ладно, спасайте бедненького. Но одно условие. Я буду служить, как все нормальные люди. Не надо тепличных условий. Хочу, вернувшись, честно глядеть в глаза друзьям и колллегам.
Да-да, сказали мне. Мы только попробуем устроить, чтобы ты — вернулся. Чтобы не загнали за тридевять земель, или туда, где по тебе будут стрелять боевыми.
Знай они, что над головой их сына будут летать "чемоданы" по сто с лишим кило… Это ерунда, этим только гражданских напугать можно. А вот объясни мне кто тогда, что я по собственной дурости сунусь после учебки в Бригаду Большой Мощности… В бригаду, которая по-настоящему страшна не в поле, а в казарме, и не для чужих, а для своих… Ой, мама. Плевать, чего я там насмотрелся. Главное — что я вырастил из себя в ответ. Весной 89-го молодой сержант мне бросит, чуть не плача: Олег, посмотри в зеркало, у тебя стали мертвые глаза. А сердобольные деды будут объяснять духам: вы нашего москвича не бойтесь, он запугать может до усёру, но бить-то не бьет. И Минотавр скажет: да, знаю, ты их не бьешь, но ты их одними словами в узлы вяжешь, будь помягче, Олег…
А мне нельзя бить людей, я это в армии открыл.

Сейчас я понимаю, что приобрел важный и полезный опыт. А двадцать лет назад я ужаснулся бы. Вообще бы в армию не пошел, удрал бы на волю в пампасы, влез на пальму и откусил себе хвост.
Но двадцать лет назад я не знал о порядках в организациях типа белоцерковской ББМ, и потому смотрел в будущее уверенно. Да, служба не сахар. Да, дедовщина почти везде. Да, офицеры по большей части существа равнодушные, и ты для них расходный материал. Ничего, поглядим, как оно там.
"Договорились" — сказал я родителям.
Через пару дней у меня обнаружилась травма колена, несовместимая с весенним призывом, и черный песец остался голодным. В военкомате, подозреваю, от души посмеялись. Я чудесно провел лето. Только раздражала модная песня "You're in the army now". Она звучала повсюду, напоминая: парень, ты здесь временно. Особенным успехом пользовался русский народный вариант, который распевали спьяну:

Твои друзья пьют водку и вино,
Твоя подруга спит с другим давно,
А ты же в армии, да-да-да,
Теперь ты в армии.

До сих пор терпеть ее не могу.
К осеннему призыву стало известно, что за моей воинской судьбой ненавязчиво проследят. Ничего особенного, просто зададут направление. И сидя "на угрешке", я не боялся отправки в тьмутаракань, Камрань или Нахичевань. Правда от первого взгляда на армию было впечатление, что здесь полный кабак, и если тебя не водит за руку полковник, случиться может всякое. Ведь едва не забыл обо мне военкомат. Еще пара дней, и пришлось бы самому к ним стучаться: ау, отправьте Родине служить. И фраза капитана: "Студенты, роскошные парни, служить не хотят", была тем, на чем вся армия держится — "отмазкой", оправданием своей беспечности.
Да, отвечу на естественные вопросы. Откуда взялась травма колена? Справку о ней устроил мой покойный ныне двоюродный дед, крупный травматолог. Бывший фронтовой хирург, он встретил меня словами: "Наконец-то взялся за ум!". И заметно обиделся, когда я объяснил, что служить буду, только позже. А где работали мои родители, что у них нашлись контакты в армии? Как бы вам сказать… У них могли найтись контакты где угодно. Есть такая вредная профессия — художник-реставратор. Действительно вредная, дышать растворителями не подарок. В советское время хороший реставратор мог очень многое. Мы жили не шикарно, но деньги тут не главное. В СССР вообще деньги мало что решали. Все решали связи.
Мне еще маленькому объяснили: нет в мире недостижимого, просто вкалывать надо и не бояться ставить перед собой высокие цели. И я видел, с кого брать пример: кругом были профессионалы, яркие и сильные люди, что-то умеющие делать лучше всех. Знакомые у родителей попадались очень разные. Когда я служил в ББМ, дежурного по части чуть не хватил кондратий: позвонил Иосиф Кобзон спросить, как у меня дела. Ну, он был проездом в Белой Церкви — и звякнул. А я, матёрый сержантище, дрых где-то, вот и не поговорили. Кстати, Иосиф Давыдович, золотой вы человек, спасибо вам огромное за всё.
Дополнительную уверенность в том, что я не пропаду за забором Вооруженных Сил, придавал мой собственный камень за пазухой, личный козырь. Я шел в армию не просто отслужить положенное, но и конкретно выполнять долг журналиста. У меня было задание, ни больше ни меньше, от газеты "Правда". Неплохо для поднятия настроения девятнадцатилетнего советского мальчишки.
Дело было еще летом. Я валял дурака в "Комсомолке", когда подошел знакомый и говорит: хватит тут курить, сначала открой форточку, а потом топай в "Правду", с тобой пообщаться хотят. А в "Правде" один дядя открытым текстом сказал: тебя осенью забирают? Тогда слушай. В армии сейчас очень худо. И нам важно знать, насколько худо. Мы просим всех молодых журналистов, которых призывают, давать нам информацию. Ждем твоих сообщений. Присылай их на такой-то домашний адрес. Если какие неприятности постигнут тебя лично, тоже пиши, не стесняйся. Заступимся вплоть до немедленного перевода в другую часть.
В общем, сидя "на угрешке", я был относительно спокоен. Даже если ушлют случайно на мыс Шмидта — не домашний мальчик, не пропаду. Моя ангельская внешность интеллигентного юноши была обманчива. За короткую свою жизнь я успел поработать

в типографии и на элеваторе, умел обращаться с навозом и цементным раствором, мог что угодно покрасить, многое починить, и даже как-то в драке сломал человеку ногу. Вдобавок, я категорически не боялся никакого начальства. Нет, такие не пропадают.
Я еще не знал, что бояться надо совершенно другого. Что главный враг каждого человека прячется у него внутри. Что самую могучую организацию успешнее всего развалит сама эта организация. И ни одна держава не причинит столько вреда другой, сколько может причинить себе. А у русских нет противника опаснее, чем русские. Явления, наблюдая за которыми, можно было понять все это, размазывались тонким слоем по огромной стране. В Советской Армии они подавались концентрированно любому желающему прямо под нос, имей только смелость принюхаться. За всю службу я не отправил ни одного письма человеку из "Правды". Потому что увидел: эту армию спасать уже бессмысленно. Спасать надо страну. Знать бы, как.
…Нас подняли, вывели во двор, построили. Прощай, "угрешка". Прощай, Москва.
— Куда едем, товарищ прапорщик?
— Это военная тайна.
В плацкартном вагоне царило истеричное веселье. Немногие припрятали водку и теперь ее пили, скупо угощая соседей. Кому не досталось, жевали последнюю на долгое время домашнюю еду, извлеченную из рюкзаков. Для некоторых — вообще последнюю, только они об этом не догадывались. Было тесно, зато тепло. По проходу вдруг пробежали куда-то странные люди в меховых шапках и полосатых халатах до пят. Ух ты, настоящие узбеки. Толстые, должно быть, халаты, если узбеки ходят в них при температуре минус пятнадцать… Так мы с узбеками будем служить? Куда мы вообще едем, мать-перемать?
Ехали мы в поселок Мулино Дзержинского района Горьковской области. В сырое гиблое место, где люди гнили заживо, и некоторые так убедительно, что приходилось их переводить куда посуше. До сих пор у меня ноготь на правом мизинце больше, чем на левом, потому что отвалился кусок мяса — это я двадцать лет назад в Мулино оцарапался. Офицеры не любили это место. Туда всеми правдами и неправдами старалась не приезжать "Скорая помощь". Там ничего не было.
То есть, там стояла учебная дивизия. Три полка — артиллерийский, противотанковый и разведка. Военный городок. Несколько полигонов. Дисбат. Всё, ничего больше. И болота вокруг. Правда, неподалеку теплился еще один очаг цивилизации, ГУЦ — Гороховецкий учебный центр. Но этот тот хрен, что редьки не слаще.
Дома, в которых селились офицеры, были кривыми. Буквально — кривыми. Один дом, который возводил не стройбат, а дисбат, был настолько кривой, что в нем никто не жил. Туда ходили воровать оконные стекла. Ну, и летом в нем буянили офицерские дети, какие постарше. Гуляли так шумно и матерно, что пугались курсанты.
Курсантами в Мулино назывались солдаты, часть-то учебная.
Курсанты жалели офицеров. Потому что мы тут всего на полгода, а офицеры — может, до пенсии.
Особенно курсанты жалели командира дивизии, генерал-майора Н. Славный был дядька. Типичный генерал: солдатам улыбался, офицеров гонял. Но по нему было видно, до чего доводит Мулино. Один майор рассказал про генерала поучительную историю. На ступенях главного учебного корпуса стояли две гаубицы со стволами, задранными вверх под сорок пять градусов. А раньше стволы глядели в горизонт, прямо на подъездную аллею. Идешь к корпусу — они на тебя смотрят… Однажды генерал ехал утром, как обычно, на службу. Внезапно он издал дикий вопль, распахнул дверцу "Волги", десантировался на ходу и попытался зарыться в сугроб. Перепуганный водитель долго уговаривал генерала вернуться в машину. А через некоторое время из учебного корпуса выбежал оперативный дежурный дивизии и собственноручно задрал стволы гаубиц к небу…
Впервые я увидел заснеженное Мулино утром. Мне понравилось, что там росли сосны и ели. Больше мне там ничего не понравилось. Занимался на редкость мерзкий рассвет. Военный городок в его холодных лучах выглядел еще более мертвым, чем безжизненная "угрешка".
Потом я обнаружу, что это так и есть. В Мулино не жили — просто служили. Здесь кантовались, терпели, держались из последних сил замечательные офицеры. Выли от тоски и спивались отчаявшиеся офицеры. Влачили жалкое существование пустые, бессмысленные офицеры. Эти, последние, были гораздо счастливее остальных. Наконец, в Мулино попадались целеустремленные натуры, пытающиеся тут выслужиться — во что ни поверишь от безысходности.
По идее, занималась Мулинская учебка благородным делом: за полгода готовила из мальчишек военных специалистов. Какая тут учеба, я увидел, походив недельку на

теоретические занятия (может, мне крупно не повезло, но каждый раз занятий просто не было). Какая ерунда учеба в двух других полках, знакомые рассказали, да с такими иллюстрациями, что трудно поверить. И только позже я сообразил: главная задача учебки — не выпустить умелого артиллериста, а обтесать гражданского юношу до состояния военного человека. Заставить его осознать себя бойцом, приучить мыслить как солдат. Вколотить в него армейский регламент, сформировать чисто воинские привычки, довести до автоматизма типичные реакции военного. Потому и тратится полгода, целый "период" на подготовку, красная цена которой — месяц. Воин неуправляем, если у него в мозгу не отпечаталось заветное: будь как все, иди куда сказано, делай что приказано, терпи, молчи, слушайся и не возникай.
И главное: инициатива в армии наказуема. Если ты все равно готов ее проявлять, запомни: сам придумал, сам будешь делать, тебя и накажем за то, что плохо сделал!
Можете смеяться, но такой, с гражданской точки зрения, идиотизм, это вековая мудрость, за которую заплачено большой кровью. Армия — огромный неповоротливый механизм. Армия мирного времени это еще и ржавый механизм. И в девяти случаях из десяти шаблонные решения гарантируют, что он не задавит тебя мимоходом.
А один случай из десяти — когда задавило — военные спишут на "допустимые потери".
…Мы вошли в ворота артиллерийского полка, глухие железные ворота с красными звездами. Дорога перед нами была вычищена до асфальта и обнесена прямоугольными сугробами. Казалось, нас здесь ждет такое же прямоугольное будущее, простое и ясное. Некоторым из нас жить оставалось недели две, не больше.

ГЛАВА 6.

На восьмой день службы в Вооруженных Силах СССР я красиво потерял сознание. Не выходя из строя: так сказать, на боевом посту. Холод, голод, постоянный стресс, надрывная работа (выковыривали смерзшуюся щебенку из вагонов), да еще и навязчивое ощущение абсолютной иллюзорности бытия — тут не в обморок хлопнуться, а свихнуться можно с непривычки. Говорят, в тюрьме поначалу ощущения те же, пока не адаптируешься. Плюс, у меня была уважительная причина: температура подскочила.
В общем, я постоял немного на разводе, а потом взял, закатил глаза и упал. Мне случалось до этого терять сознание дважды. В первый раз кислородное голодание на высоте "помогло", во второй та же высокая температура. Я умел различать признаки надвигающейся "отключки" и знал, как ее избежать. Но армия меня перехитрила, загнав в хроническое полуобморочное состояние, из которого не то, что симптомы какие учуять — маму родную фиг опознаешь.
Упал я не опасно: сложился, будто карточный домик, и на несколько секунд выключился из жизни. Очнулся, когда сержанты волоком тащили меня в умывальную комнату. Усадили, прислонив к стене, дали закурить, сказали: "Ничего, чувак, это бывает, когда отдышишься — догоняй батарею" и оставили в покое. Я затянулся "Примой", огляделся по сторонам и увидел такое…

КАК Я БЫЛ ЭКСТРАСЕНСОМ

подлинная история, которую Автор иногда рассказывает, чтобы публике жизнь мёдом не казалась

Это тоже был "умывальник", только другой — грязный, запущенный, тускло освещенный. И здоровый кавказец, одетый почему-то в тельняшку, бил меня прямым в челюсть, а я уклонялся, подставляя под удар плечо…
Вот тут я очнулся по-настоящему. Видение было настолько ярким и четким, что я просто не мог его не запомнить до мельчайших подробностей. Действие происходило летом, в совершенно другой воинской части, и порядки тамошние мне уже заранее не нравились. Интересно: мои ощущения "там" не были из ряда вон выходящими. Головой

об стену не бился, в обморок падать не собирался. Помню легкий испуг, желание не пропустить удар… Еще тепло было. Наконец-то тепло. И все.
Одна закавыка: я там никогда раньше не был, ребята, кавказца этого не видел, и хабэшку в жизни не носил.
Поразмыслив минуту-другую, я понял — информации для анализа мало. "Там", похоже, было лето 1988 года, мой второй период службы. Как минимум, ваш покорный слуга дожил до того дня — что радовало. Оставалось ждать и помнить. Я докурил, кое-как отлип от стены, встал на ноги, умылся ледяной водой и пошел на мороз долбить треклятую щебенку.
Потом было очень много событий, так много, что я о видении не вспоминал. Оно никуда не делось, просто хранилось в самом дальнем углу памяти. До момента его э-э… сбывания мне еще предстояло служить, как медному чайнику. Пока же я успел здорово разозлиться — настолько, что упала температура (испугалась, наверное).
Добрел до железнодорожных путей и взялся за лом.
— Ты как?
— Жить буду, товарищ сержант.
— Не надрывайся, отдыхай почаще. А то загнешься, и у нас будут неприятности.
Через час я провалился сквозь полувагон со щебенкой. Знаете, у него такие люки внизу, чтобы сыпучий груз сам выпадал. Увы, на морозе сыпучий груз теряет сыпучесть. То есть, люки мы открывали, и что-то оттуда удавалось выковырять, но остальные разгрузочные процедуры сводились к залезанию наверх, долбанию груза ломом и киданию отдолбанных кусков лопатой через борт. Ну, и в очередной раз долбанув, я услышал глухое "жжжах!". И наступила темнота. Потом чувствую, кто-то за валенок дергает. Я поворочался немного, выполз из кучи щебня, которой меня накрыло, огляделся — сижу на насыпи, а вагон уже надо мной. Ребята вокруг перепуганные стоят.
— Вы как хотите, — говорю, — а каскадерам полагается внеплановый перекур!
Смотрю, заулыбались. Я веселый тогда был, всех подбадривал, друзей уже завел, и ко мне народ тянулся. Другому бы сержанты не сигарету дали, а просто по шее за то, что он из строя на пол вываливается.
На самом деле я буквально загибался от тоски. Но разглядеть это не позволял никому. Ведь когда вокруг точно так же загибаются все… Кому как, а мне людей становится жальче, чем себя. И поэтому, наверное, самому немного легчает.
Присел я у костра, закурил, окинул взглядом состав с дробленым камнем, и понял: кризис миновал, дальше будет только хуже. Парень, ты адаптировался в армии, и это хорошо, но что теперь? На что тут глядеть еще двадцать три с лишним месяца? Чему учиться? Христианскому смирению?! Пожалуй теперь понятно, отчего полгода назад из здешнего противотанкового полка мой одноклассник сбежал, насилу вернули. Не задалось у него с христианским смирением. Не понял он армию. Думал, наверное, ему сразу автомат дадут.
Тут подходит один из наших, тоже закуривает и говорит:
— Елки-палки, куда мы попали… Это нам еще два года вот такой херней маяться?!..
— Слушай, мы все-таки не в стройбате. Рано или поздно начнется боевая учеба. Должна же она начаться хоть когда-то.
В этот момент справа бухнуло, и из-под соседнего вагона показались чьи-то валенки. Улыбнитесь, каскадеры! До вечера мой подвиг растиражировало еще человек пять…
А через неделю пятерых завалило углем в кочегарке — насмерть. И я, сидя в штабе дивизии за пишущей машинкой, подумал, до чего же мне повезло. В самый первый день, когда нас оформляли, подполковник из "строевой части" бухнул на стол машинку и спросил: кто умеет печатать? Я поднял руку. Пару часов постучал. И однажды за мной явился другой подполковник, из политодела. Пойдем, говорит. И я пошел. С тех пор в образцово-показательной первой батарее меня видели только ночью или на специальных мероприятиях типа "из автомата пострелять". Потом я еще неделю "отучился", когда приезжала комиссия округа, и из штаба убрали не положенных по штату писарей-рядовых. Иногда я приходил в казарму греться.
В штабе было холодно всю зиму, офицеры не снимали шинелей и грызлись с начальником тыла, который воровал из кабинетов электрические отопители "в целях пожарной безопасности". Плюс двенадцать это температура, когда при интенсивной работе на тяжелой механической машинке начинает идти кровь из-под ногтей. Но зато тут хватало материала для исследований. Человеческого материала. Жизнь приобрела некоторое подобие смысла. Уморительные и поучительные истории в штабе и вокруг него приключались ежедневно. И хотя я снова болел, да и эксплуатировали меня зверски, все равно тут было, на что посмотреть. И накрепко запомнить. Конечно, тоска

иногда наваливалась и принималась грызть нещадно, но все-таки я избегал того, что поджидало в учебной батарее — отупения и озверения. И через полгода из учебки загремел в войска все тот же парень: веселый, острый на язык, практически не битый и совершенно не злой.

Прибытие сержантского пополнения в Бригаду Большой Мощности ознаменовалось глухим "пух-пух-пух" с верхних этажей казармы — засадил себе три пули в грудь молодой десантник. Якобы, от несчастной любви. На следующее утро началась пресловутая дедовщина во всей своей красе, с затягиванием поясного ремня по окружности морды, застегиванием крючка сквозь кожу на горле, реквизицией не положенных молодому бойцу материальных ценностей и прочими выкрутасами. А где-то на седьмой или восьмой день службы в ББМ сбылось то самое видение. Картинка, отпечатавшаяся у меня в сознании, наложилась на реальное действие. Совпала до мелочей. Грязный "умывальник", чеченец в тельняшке, какой-то разбор полетов, удар, я машинально ухожу и поднимаю вверх плечо…

Дедушка Советской Армии сержант Чадаев сам сильно удивился. Надумай он врезать мне еще разок, я бы уже не смог закрыться. Я стоял с вылупленными глазами и, кажется, слегка пошатывался. А Чадаев глядел на меня и пытался сообразить, что такое происходит с молодым сержантом, которому он не попал в челюсть. Я запамятовал, о чем был потом разговор, но точно помню: мордобой угас в зародыше. И между прочим, Чадаев в дальнейшем упорно избегал трогать меня руками. Видимо, произвели на него впечатление мои безумные глаза…

Между прочим, у меня с "дежа вю" — ощущением, что ты это уже видел, — были очень тесные отношения в молодые годы. Но "дежа вю" феномен весьма распространенный и довольно безобидный. Врачи-психиатры объясняют его сбоем при обработке входящей информации. Вам просто кажется, что вы уже "были здесь", "видели это". И вы сами обычно понимаете: ерунда, глюк.

Со случаями предвидения такого уровня, как у меня, объяснений нет и быть не может. Если, конечно, принять по умолчанию, что время линейно и всегда неумолимо движется вперед, от утренней зарядки к построению на завтрак и так далее.

Я же, как "лично пострадавший", больше интересовался не технологией феномена, а самим видением. Почему именно тот дурацкий загаженный "умывальник", а не что-нибудь другое? Я терялся в догадках.

Понадобилось долго прожить, чтобы отстраниться от армейских событий, все взвесить и понять: ох, недаром мне довелось увидеть именно ту картинку! Обычному человеку видения приходят, когда он впадает в измененное состояние сознания. Но так и вышло! Дважды за всю службу я перенес по-настоящему дикий стресс. Причем оба раза стресс был затяжной, он набирал обороты в течение целой недели, чтобы затопить меня целиком, по уши. Солдат-череп, только попавший в учебку, и молодой сержант, угодивший в ББМ — два очень похожих случая. Ровнехонько через неделю доходишь до кризисной точки, до пика стресса, когда либо вешайся, либо привыкай. И происходит некий прокол реальности. Из точки в точку — будто сложили пополам лист бумаги длиною в год и проткнули иглой посередине.

И сначала ты видишь свое будущее, а через полгода оно догоняет тебя.

Мало кто верит в эту историю. Слишком она смущает людей. А кто верит, тот ищет объяснение, строит версии, пытается разобраться. Без толку. Вы, дорогие мои, ничего не знаете о мире, в котором живете. И я ничего не знаю.

Поверьте, мне совсем не весело думать так. Я тоже живой и любопытный человек. Но если разок-другой-третий увидишь наше бытие с изнанки, в голову лезут суровые мысли. Первая из которых — а ну их на фиг, чудеса. Поставьте себя на мое место. Если у вас хорошее воображение, вы сможете. Закройте глаза и представьте.

Прыжки в неведомое слишком похожи на битье рогами в крепко запертые ворота. Пока я был молод, меня это забавляло. Тот армейский случай потянул за собой новые, раз в год-два. Сознание-то раскрепостилось. Правда, будущего я больше не прозревал. Но изредка, пребывая на тонкой грани сна и яви, заглядывал черт-те куда. Ничего любопытного с точки зрения обывателя там не было: в первую очередь, там не было Времени. Я приказал себе перестать глючить — и четко выполнил приказ.

Но все-таки, не попади я в армию, вряд ли бы со мной такое случилось вообще.

ГЛАВА 7.

Майор Тяглов лежал, навалившись грудью на свой рабочий стол. Лицо у майора было сиреневое и опухшее, дышал он едва-едва, рывками. Из последних сил майор успел сорвать галстук и расстегнуть воротник рубашки.
Сходил, называется, поговорить с начальством. Поговорил — и сполз по стене прямо в штабном коридоре. Хорошо, дневальный рядом оказался, подхватил майора и принес на рабочее место.
Посреди кабинета стояли сослуживцы Тяглова, два подполковника — старший инструктор по организационно-партийной работе и заместитель начальника политотдела. Они разглядывали задыхающегося майора и вполголоса совещались, как с ним быть.
— Придуривается, — сказал "оргач". — На пушку нас берет, хе-хе.
— А вдруг нет? — возразил замначПО.
— Может, и не придуривается, — согласился "оргач". Кто его знает. Вон, синий какой.
— И что теперь делать? Если он валяет дурака, мы ему только подыграем. А если и вправду копыта откинет… Похоже это на сердечный приступ, как по-вашему?
— У меня сердце здоровое, хе-хе.
— А может, поваляется — и отдышится?
— Или придуриваться ему надоест, хе-хе.
— Вообще, — сказал замначПО глубокомысленно, — странно все это. Сколько он уже так лежит и дышит? Точно симулянт!
Я подошел к офицерам и сообщил негромко:
— Пойду в лазарет.
ЗамначПО очень внимательно на меня посмотрел.
— Приведу врача, он сразу разберется, похоже ли это на сердечный приступ.
— Разумно, — согласился замначПО. — Давай.
Я выскочил из штаба. Неторопливо прошел мимо окна комнаты "общего политотдела". И, едва скрывшись с глаз товарищей политработников, сразу рванул, как на стометровку.
Тяглов не отдышался бы без посторонней помощи. Он мог умереть в любую секунду.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ПАУЗА

самая грустная глава в этой книге — Автор даже хотел ее выкинуть, но передумал

Я точно знаю, когда последний раз в жизни плакал. Это случилось 30 декабря 1987 года. С тех пор — как отрезало. После тридцати стало иногда пробивать на сентиментальную "пьяную слезу". А вот заплакать с трезвых глаз не получается, как бы худо ни было. От беды я теперь каменею. Армия научила.
…Перед лазаретом больные, в шинелях поверх халатов, долбили ломами и пешнями лед. Я заскочил внутрь и потребовал дежурного врача. Из кабинета высунулся фельдшер, немолодой прапорщик с солидным набором орденских планок.
— Майору Тяглову плохо.
— Что с ним?
Я описал симптомы. Прапорщик сразу подобрался и сказал:
— Ну, побежали.
Тяглов уже сползал на пол. "Оргач" и замначПО все еще пребывали в задумчивости. Они служили с майором вместе несколько лет, "оргач" так просто в одном кабинете, и только сейчас я увидел, до какой же степени оба терпеть не могут Тяглова.
Прапорщику хватило одного взгляда на больного.
Следующим взглядом он буквально прорентгенил товарищей политработников.
Товарищи политработники надулись и засопели.
— Дружно взяли — и потащили! — скомандовал прапорщик.
Мы с ним дружно взяли — и потащили.
В кардиокабинете майора откачали за полчаса. Вышел офицер в белом халате, поглядел на меня:
— Это ты его принес? Ты кто такой вообще?
— Машинист политотдела. Тяглов мой начальник.
— Почему сразу не вызвали помощь?
Я замялся.
— Спросите прапорщика, он все видел.

— Ты мне скажи.
Запинаясь, я обрисовал ситуацию. Мне самому не верилось, что так было. Но так было. Два взрослых человека, старших офицера, стояли и глядели, как их коллега отдает концы.
— Какой-то у вас там зверинец, бля, — процедил медик. — Если тебя спросят, можешь цитировать: я сказал именно это. Знаешь, что такое "цитировать"? Молодец. Теперь бери своего майора и тащи его домой. Жить будет.
Я вернулся в политотдел за шинелями. "Оргач" увлеченно перебирал бумажки.
— Ну? — спросил он.
— Сердечный приступ. Мне нужно отвести майора домой, он сам не дойдет.
— Ну-ну, — сказал "оргач". — Ты мне там делаешь, что я просил?..
— Все идет по плану, товарищ подполковник.
Диплом я ему печатал. Он заочно на педагога учился. Чтобы, значит, уволившись в запас — преподавать.
— Ты ночью не работай, береги себя, — посоветовал "оргач". — Ночью надо спать. Ночью-то только дураки не спят, хе-хе.
"Да, это зверинец, — подумал я. — Не сумасшедший дом, как мне казалось раньше, а просто зверинец".
Тяглов уже порозовел и даже пытался буянить — ему совали в карман таблетки, а он упирался, хрипя, что совершенно здоров, просто малость перенервничал. Мы с прапорщиком упаковали больного в шинель. По счастью, Тяглов был заметно легче меня, и когда я крепко взял его под руку, деваться ему стало некуда. Мы побрели по скользкой дорожке к военному городку. Майор спотыкался, нечленораздельно ныл и отчетливо матерился. Обычно он в моем присутствии не позволял себе ни того, ни другого, ни третьего.
Он числился в политотделе "старшим инструктором по агитации и пропаганде". Должность халявная, но Тяглова, пижона и артиста, можно было назначить хоть инструктором по ловле блох, он и из этой работы устроил бы шоу. Когда майор вел политзанятия у телефонисток, те возвращались на узел связи все зареванные: Тяглов читал им лирические стихи.
Начинал он службу на китайской границе и однажды мне рассказал, что там было в дни полузабытого ныне китайско-вьетнамского конфликта — как наши мерзли в траншеях, а по брустверу ходил генерал и приговаривал: "Ничего, сыночки, потерпите чуток, завтра двинем через границу и вам сразу станет тепло, а потом даже жарко".
Тяглов был честным, правильным офицером. Увы, его темперамент не подходил для службы мирного времени. Ему бы шашку, да коня, да на линию огня… Вдобавок, майору хватало мозгов быть умным, но не хватало выдержки это скрывать. В армии немало офицеров, из карьерных соображений притворяющихся недалекими, и у всех у них общая проблема: иногда они не выдерживают. Срываются. А этот и не думал косить под тупого. Я бы на его месте обаял нашего "оргача" и стал задушевным приятелем замначПО. Тяглов же, не сказавший им худого слова, тем не менее, умудрился обоих восстановить против себя насмерть.
Они ему завидовали.
Майор жил в Мулино один, тосковал по жене и сыну, оставшимся в далеком Новосибирске, регулярно квасил и всячески валял дурака. Кажется, временами он пугался самого себя. В Мулино, зажатом между болотами, дисбатом и полигоном, можно было спиться запросто. Некоторые в этом преуспели. Чуя беду, майор инстинктивно изо всех сил рвался к родным, хоть ненадолго. Сердечный приступ у него случился после разговора с начПО: Тяглов просился в отпуск на Новый Год.
По словам адъютанта начПО, сначала в кабинете было тихо, а потом эти двое заорали друг на друга так, что хоть знамя выноси из штаба.
К концу пути майор раздышался, у него уже почти не заплетались ноги, и дверь он отпер довольно бодро, где-то за минуту. Протопал неверными шагами в квартиру, присел в углу и включил магнитофон. Заиграла какая-то попса. Чуть ли не Modern Talking.
И тут плохо стало мне. Разом схлынуло накопившееся за последний месяц напряжение. И увиденное сегодня — догнало. И то, что я с момента приезда в Мулино не слышал вообще никакой музыки, кроме страшного нашего полкового оркестра, тоже сыграло роль.
Музыка для нас, мальчишек восьмидесятых, значила невероятно много. Мы в нее прятались, мы ею отгораживались от мира родителей, музыка делала нас свободными. У кого-то попса, у кого-то рок, главное — она у нас была. В учебке музыки не оказалось вообще.

И тут я ее услышал.
Я привалился к стене, закрыл глаза, и из-под сомкнутых век буквально хлынуло.
— Ты не стесняйся, Олег — просипел Тяглов. — Не стесняйся слез.
Он что-то еще сказал ободряющее, сидя в расстегнутой шинели на корточках перед тумбочкой с магнитофоном. Голос майора был слабым, потерянным, несчастным и больным — а я ничем не мог помочь. Кто бы мне самому помог.
— Устал… — прошептал я.
— А как я устал… Кто бы знал.
Он повалился на диван и тоже закрыл глаза.
— Что вы здесь делаете, товарищ майор… В этом зверинце?
— Служу, — объяснил Тяглов.
Помолчал и добавил:
— Никогда не задавай офицерам этот вопрос. Он бьет не в бровь, а в глаз, и нечего ответить. Ладно, я посплю наверное. Спасибо, ты иди теперь.
Я утер слезы. Мне как-то сразу стало легче.
— Не забудьте про таблетки, они у вас в правом кармане. И врач настоятельно советовал не пить.
Тяглов шепотом сказал, где он видел всех врачей.
Военный городок Мулино был все таким же холодным и мертвым, как в самый первый день. Я сделал небольшой крюк, чтобы пройти через сосновый перелесок — хоть минуту не видеть ничего мулинского, ни домов, ни забора части. Меня просто воротило от всего этого. Как жить дальше? Я не хотел возвращаться из штаба в батарею — там было невыносимо скучно. Но политотдел дивизии оказался чересчур интересным местом. Несколько более интересным, чем может вынести мало-мальски приличный человек. Как переварить сегодняшний опыт и никому не плюнуть в глаза, я просто не знал.
Почти у самого КПП артполка меня засек скучающий патруль.
— Това-арищ военнослужащий! — нараспев позвал старший лейтенант, потирая руки.
Я подошел и представился.
— А, это ты… — протянул старлей разочарованно.
За месяц работы в штабе я перезнакомился тут со многими, вплоть до контрразведчика. Этот старлей был таким же "агитатором", как Тяглов, только рангом ниже, из противотанкового. Сам небольшой, и патрульные будто сплюснутые по вертикали — чтобы помещались в отсек управления ракетного комплекса на базе БРДМ.
— И отчего вдруг поплохело нашему майору? — удивился старлей, выслушав мою историю. — Он же обычно живее всех живых.
— Поговорил с начПО. В отпуск просился.
— М-да… Смелый поступок. Мои соболезнования. Ну, топай.
Вечерело, штаб уже опустел. Я мог бы просто сидеть у себя и наслаждаться редчайшей в армии роскошью — одиночеством, — но было слишком муторно на душе. И я отправился к чертежникам. Мне сразу открыли на условный стук, который знали только мы — "штабные" — и начальник оперативного отдела. Стук был слишком замысловатый, чтобы офицеры додумались до него: один удар. Начопер тоже не додумался, он подслушал. И никому не рассказал. Ему нравилось, что у него такие хитрые чертежники.
На огромном столе посреди чертежки была расстелена карта. Рядовой Гусев лежал на ней с плакатным пером в руке. Рядовой Косинов варил суп в электрическом чайнике.
— Ты чего такой смурной?
Я рассказал.
— Наплюй и забудь, — посоветовал Гусев. — Это же товарищи офицеры. Странно, что они не едят друг друга. Нашел, из-за кого расстраиваться. Даже самый лучший офицер не стоит одной твоей слезинки.
— Они друг друга именно едят, — возразил Косинов. — Еще как едят. А ты, Олег, просто не служил толком. Через пару месяцев такого насмотришься, что отучишься удивляться вообще чему-либо.
— Не хочу отучаться.
— А придется, — заверил Косинов.
Он угадал, мудрый дед: пришлось.
Я отправился в казарму — поспать в тепле. Шел между прямоугольными сугробами, вспоминал этот безумный день. Думал о курсанте, застрелившемся позавчера в карауле. О контуженных танкистах, которым на стрельбище попал под гусеницу забытый кем-то снаряд. О больных, долбящих лед — некоторых скоро комиссуют,

потому что военкоматы просто не имели права их призывать. Чего ради это все, если у нас офицеры едят друг друга?
И тут случилось удивительное. В первый и последний раз за мою службу в артполку включилась система громкой связи. И заиграла музыка.
Я шагал через плац как во сне, как в сказке. Передавали вещь, которую я меньше всего ожидал услышать здесь — "Русских" Стинга. Величественная тема, свет фонарей сквозь легкий снегопад… Территория артполка вдруг показалась обжитой, теплой, пригодной длля человеческого обитания. Я шел, а музыкальная тема все раскручивалась и раскручивалась, заполняя собой мир, привнося в него то, чего так не хватало мне в армии — смысл… Не было только голоса певца. Стинг отчего-то не спешил сказать:

Но что может спасти нас,
Меня и тебя —
Я надеюсь, русские
Тоже любят своих детей…

И тут я понял, что это Прокофьев.
Музыка оборвалась на полузвуке.
В этом не было и не могло быть ничего символического.
Ее просто выключили.

ГЛАВА 8.

— Косинов, мать твою, что за внешний вид?! Мятый, нестриженный, весь в краске… Ужас! Солдат, мне на тебя смотреть больно!
— Да… Вот… Товарищ полковник… Ну, да.
— Нет, ты представь, скоро придет молодое пополнение, увидит тебя, чучело эдакое, и скажет: что, вот это — артиллерийская дивизия?!
— А я… Да ну… Ну я же в штабе буду, товарищ полковник! Не увидит меня никто.

ШТАБНЫЕ

иллюстративный материал к статье из воображаемой военной энциклопедии

Штаб учебной дивизии жил насыщенной жизнью. Через сутки после того, как политработник майор Тяглов чуть не умер на боевом посту, настала очередь нашей секретной части доказать: она тоже не лыком шита, всегда готова за Родину голову сложить. Или не голову, а другое место — это уж как повезет.
Помимо секретных чемоданов, набитых секретными тетрадями, в секретной комнате штаба хранились и вещи поконкретнее. Например, две казацких шашки, предназначенных для церемонии выноса знамени. Секретчики, прапорщик и сержант, когда им нечего было делать, гонялись друг за другом по коридору с этими шашками и рубились так, что звон стоял.
На Новый Год в Доме офицеров устроили церемонию с выносом знамени. Сержант-секретчик Женька Ясаков приехал туда в кузове грузовика. Перевязи, белые перчатки и прочую бижутерию он держал в руках, а шашки опрометчиво зажал под мышкой. Рукоятками вперед.
Когда он прыгал из кузова, одна шашка выскользнула из ножен, обогнала сержанта в полете и воткнулась рукоятью в снег. А Женька, приземлившись, наделся на острие шашки задницей.
Пострадал на секретной службе.
Ну, какая служба, такой и Джеймс Бонд.
Нахохотавшись до колик, штабные задумались, как человеку помочь. Ему повезло: он заработал глубокую, но безобидную дырку в мякоти. Увы, нормально ухаживать за

раной Женька без посторонней помощи не мог. Ходить в лазарет он отказался: новость мигом просочилась бы в батарею управления, к которой сержант был приписан, а тогда хоть ложись и помирай: засмеют.
Чертежники отнеслись к травме сержанта Ясакова с сочувствием. Поржали день, поржали другой — и успокоились. Но первая же попытка сменить Женьке пластырь закончилась истерическим припадком у Паши Гусева. Тот потом объяснил, что Ясаков ему, конечно, друг, но пускай как-нибудь сам, а то у Гусева руки дрожат от хохота. Женька, стоя посреди чертежки с голым задом, страдальчески оглянулся на меня. Естественно, я был здесь. Машинист "строевой части" и адъютант начПО тоже хотели прийти, но их отговорили, зная за обоими нехватку гуманизма — они бы тут вообще по полу катались.
Я подумал-подумал, взял себя в руки, спокойно обработал рану и заклеил ее. После чего был назначен ответственным за Женькину задницу. Мне полагалось вознаграждение: Ясаков, хоть и в попу раненый, мимоходом украл из Дома офицеров упаковку "сладкой плитки". Это вроде шоколада на вид. Ребятам не понравилось, а я с детства обожал соевые батончики. Увидев, как я лихо "плитку" уминаю, старшие посовещались и решили: выдавать мне строго по одной в день, не больше.
Ясаков ходил по штабу, ковыляя, и всем своим видом демонстрировал, что у него вот-вот отвалятся руки и ноги. Между делом он победил в чемпионате батареи управления по чистке сапог. Вернее, по не-чистке. Сапоги у Женьки были на вид совершенно плюшевые, они не видели щетки больше трех месяцев.
"Постоянный состав" Мулинской учебки вообще, за редким исключением, старался выглядеть неухоженным и расхристанным. Так "постоянка" проводила грань между собой и курсантами. Штабные, вся служба которых проходила на глазах у офицеров, выглядели не лучше, а зачастую страшнее остальных. Один адъютант начПО разгуливал наглаженный и чистый. Женька и я были еще туда-сюда, а вот чертежникам не хватало только надписей "Не прислоняться" поперек спины. В смысле — не прислоняйся к чертежнику, а то испачкаешься. Такая уж работа.
Офицеры глядели на это сквозь пальцы: мы много трудились, мы были нужны.
— Бывают домовые, а я — штабной! — говорил чертежник Паша Гусев, счищая краску с рукава лезвием бритвы.
Его даже вызывали на собеседование в штаб округа, так он хорошо делал свое дело. Но Паша не горел желанием остаться на сверхсрочную, а служить ему оставалось меньше года.
— Люблю штабных, — сказал мне один проверяющий. — С ними всегда есть, о чем поболтать, ведь в штабы берут самых толковых.
Он нашел верное слово. В штабы брали разных, не обязательно шибко умных и сильно образованных, но как правило — толковых. Тех, кто быстро соображает. Естественно, такие солдаты и сержанты со временем наглеют, требуют к себе особого отношения, но за это они платят сторицей. Опытный штабной — ценный человек.
По нам видно было, что мы особенные. Заходя в магазин или чайную, я разрезал толпу курсантов как ледокол. Они сами передо мной расступались. Хотя формально и я был курсантом. Но армия приучает людей мгновенно, чуть ли не бессознательно, считывать такие коды, как мельчайшие отличия в одежде и прическе. И выражение лица многое значило. Мы, штабные, чувствовали себя в Мулино гораздо свободнее прочих. Они даже передвигались только по заранее предписанным маршрутам, а мы сами выбирали дорогу, в нашем распоряжении была вся территория части, до последнего уголка. Нас могли отправить с поручением куда угодно: кого — воровать оконные стекла из нежилого дома, кого — аж в Москву с деловой перепиской.
У штабных был свой режим дня. Начальство частенько запаздывало с подготовкой документов, тогда мы вкалывали ночами. Машбюро хронически не успевало обработать всю макулатуру, которой его заваливал политотдел, так что ваш покорный слуга не скучал ни часа. Меня вообще иногда сдавали на день-другой в аренду — отправляли, допустим, в соседний ГУЦ обеспечивать учения. А я хоть и отвыкал потихоньку чему-нибудь удивляться, тем не менеее, не упускал случая приобрести новый опыт.
Свободное время мы тоже проводили не по-солдатски. Например, нас могли позвать в клуб на закрытый ночной просмотр фильма "Пролетая над гнездом кукушки". Как сказал киномеханик, смотреть серьезное кино днем, когда полный зал курсантов, будет невыносимо. И мы сидели ночью в клубе впятером. Я потом зашел на воскресный дневной сеанс и убедился — киномеханик более, чем прав.
У нас был налажен тесный контакт с библиотекой. Благодаря этому мы прочли повесть "Сто дней до приказа" несмотря на то, что соответствующий номер журнала "Юность"

в армии был под запретом. Я между делом привил ребятам вкус к Бунину, и они сначала зачитывались "Темными аллеями", а потом взялись за вещи потруднее. Иногда, конечно, заедала тоска. У каждого была своя мучительная любовная история, каждого то ли уже бросила, то ли собиралась бросить подруга — в общем, хватало тем для разговора. Но потом выйдешь покурить на крыльцо, весь такой несчастный, а из-за забора раздается многоголосый хор:

И ей понра-авилась
Шинель военная,
Погона синяя
И звездочка на ней…

Влезешь на забор полюбопытствовать. За забором идет по дороге неправдоподобно четкий строй. В "хабэшках" и бушлатах без знаков различия, в шапках без кокард. А вокруг "коробки" на некотором отдалении шагают краснопогонники с автоматами наперевес. Это дисбат возвращается с работы.
Сразу чувствуешь, что у тебя-то жизнь удалась. Хотя вокруг разговаривают исключительно матом (особенно молодые политработники, они так ставили себя ближе к народу), кормят плохо, одежда неудобная, вода горячая только в бане, климат гадкий. Зато "на дизеле" вообще смерть. Почувствуй, как тебе повезло, и веди себя хорошо…
В штабе было очень холодно, мы более-менее спасались вшивниками (так в армии зовут любую теплую поддевку под форму) и электрическими отопителями. За калориферами, особенно с открытой спиралью, охотился начальник тыла дивизии — я уже вспоминал об этом. Но в кабинете "общего политотдела" товарища подполковника ждало жестокое разочарование.
Однажды утром тыловик заглянул к нам, увидел включенный отопитель и без лишних слов конфисковал его. Вскоре явился Тяглов.
— А чего такой колотун? — удивился он.
Я объяснил.
Тяглов подумал с минуту и сказал:
— Гляди, как это делается.
Он ушел и через пять минут вернулся с отопителем под мышкой. Вручил его мне и сказал, очень довольный собой:
— Твоя заслуга, между прочим.
— То есть?..
— Да я прихожу к тыловику и говорю: "Ты хоть понимаешь, у кого отопитель забрал? Наш машинист в "Комсомольской правде" печатался. И сейчас ночами потихоньку клепает роман про армию. Я уже видел пару глав. Это типа "Сто дней до приказа", только еще страшнее. Представляешь, что будет, если парень на тебя злобу затаит? Ты у него окажешься проходной отрицательный герой!.." Тыловик бедный аж в лице переменился. Мы его теперь долго не увидим!
— Ну спасибо, товарищ майор… Веселенький экспромт. Только этого мне не хватало для полного счастья.
— Я не собираюсь тут замерзнуть насмерть, — сказал Тяглов. — А ты — наплюй и забудь. Пускай они тебя боятся. Это для них лишний повод держать тебя поближе и контролировать. И вообще, кто первый начал? Кто особиста запугал?
— Я просто с ним нормально поговорил.
— В случае особиста это и называется: запугал!
Так получилось, что ко дню моего появления в Мулино разом уволилось несколько рядовых машинистов, в том числе из "особого отдела" — военной контрразведки. И начальник "строевой части" неспроста явился на оформление новобранцев с пишущей машинкой: вычислял кандидатов. Я печатал быстро, подолгу держал темп и не промахивался мимо клавиш. Кроме того, уже через неделю сидения в политотделе я начал выполнять работу Тяглова — готовил ему материалы для лекций на основе статей из журнала "Коммунист Вооруженных Сил". Молва о способном парнишке разнеслась по окрестностям, и однажды к нам зашел некий майор с такими же, как у всех, пушками в петлицах. Он перекинулся с Тягловым парой слов, а потом сунулся в мой закуток и как-то невзначай раскрутил меня на беседу "за жизнь". Я не заметил ревнивого взгляда Тяглова. Мы с майором немного поговорили. Беседа завершилась фразой, брошенной в полном изумлении:
— То есть вы, молодой человек, против перестройки?!

— Ничего подобного, товарищ майор. Просто я вам пытаюсь объяснить, что очень многие из моего поколения к ней не готовы. Нас учили жить и работать в совершенно других условиях. И я не могу предсказать, насколько успешно мы впишемся в новую реальность.
— М-да… Ну, счастливо! — сказал майор и исчез.
Тяглов сиял.
— Знаешь, кто это был? — спросил он. — Начальник особого отдела! У него машинист уволился, вот он и пришел на тебя поглядеть.
— И что теперь?..
— Все замечательно: останешься здесь. Ну ты представь — как может в контрразведке работать с бумажками такой страшный антисоветчик, который даже против перестройки?!
— Да я не против… Кстати, а вы?
— Я — за, — твердо заявил Тяглов. — Я политработник, мне положено быть за! И вообще, хуже, чем сейчас, уже некуда. Так что пускай будет перестройка, новое мышление и все такое прочее…
Теперь многие уверены, что "хуже некуда" это сейчас, а тогда было терпимо. Но такова человеческая психика: люди быстро забывают плохое. Я помню, как беспросветно жилось в восьмидесятые, и как мы надеялись на лучшее, радовались первым росткам свободы. Но это уже совсем другая история…
К весне я в штабе был уже свой. Перенес на ногах пневмонию (однажды пришел в себя, лежа лицом на клавишах — весь алфавит на физиономии), успел немного позаниматься вместе с батареей, обжился в Мулино лучше некуда. Помню, итоговые документы какой-то очередной проверки доверили печатать мне. Я возился с ними сутки без продыху, а потом вручил кипу листов начальству и отправился к чертежникам спать. У них стоял большущий светостол (такой фанерный ящик с подсветкой столешницы), внутри которого прятались два матраса и плоский масляный отопитель. Я, как всегда, был слегка простужен и во сне тихонько похрапывал.
— Это кто там? — удивился начопер, раскладывая на светостоле карту.
— Олег из политотдела. Спрятался от своих, они его совсем загнали.
— Пускай дрыхнет, — сказал подполковник. — В отличие от вас, лоботрясов, он действительно много работает.
А я все понять не мог, чего он вдруг засмеялся, когда мы с ним в туалете столкнулись.
Со временем я начал подумывать, что можно и тут остаться. Да, штаб — порядочный зверинец. Но зато кругом знакомые лица, а это в армии многое значит, если не всё. Как уверяла брошюра "Сержанты и старшины Воруженных Сил", недаром часто раздается в казармах и кубриках народная пословица:

Без коллектива
И жизнь не счастлива!

Очень жалею, что не прихватил с собой эту брошюру. Лучшее чтение в минуты жизни трудные, когда кажется, что ты полный идиот. Перелистнешь несколько страниц — и понимаешь: нет, парень, с тобой-то как раз все в порядке…
Весной перед штабом начала появляться каждый день пожарная машина. Поливала траву, чтобы та росла зеленее. Учебка готовилась сдавать выпускные экзамены. А меня вызвал замначПО.
Сначала мы просто говорили о том, о сем. Потом мне предложили, в очень мягкой и ненавязчивой форме, шпионить за Тягловым — собирать компромат. Потом спросили, тоже очень ласково, как продвигается работа над книгой про армию. Я ответил, что когда текст примет более-менее товарный вид, непременно дам товарищу подполковнику с ним ознакомиться. На том и расстались.
Стало ясно: надо привыкать к мысли об отправке в войска. Может, это и к лучшему. Пусть все идет как идет. В штабе мне уже нечему учиться. Я увидел здесь все, что мог.
— Мне будет скучно без тебя, — сказал Тяглов, — но я бы на твоем месте тоже ушел. Просидеть два года в штабе — это несерьезно. Ты должен узнать настоящую армию. Трудно придется. Но ты справишься.
Через несколько дней выяснилось, что оставить меня в учебке политотдел не может: армии остро не хватает сержантов. Это, кстати, была правда.
— В порядке нашей благодарности за работу можем предложить тебе выбор, — сказал начПО. — Два самых теплых округа — Одесский и Киевский. Куда хочешь?

— Киевский к дому ближе. — решил я.
В Мулино стало жарко и душно. Ветер гонял по плацу крупную пыль. Здесь, похоже, никогда не бывало терпимо, всегда через край.
— Значит, штабные козлы решили от тебя избавиться, — сказали сержанты из моей учебной батареи. — Перетрусили. Ладно, не падай духом. В войсках тоже люди служат. Ты, конечно, ни фига не обученный, но это ерунда. Все доучиваются на месте.
— Мужайся, — только и посоветовали знакомые из батареи управления.
У них там была легкая дедовщинка, и они представляли, как это должно выглядеть в суровом варианте.
— Ты слишком добрый для войск, — сказал Паша Гусев. — Хреново тебе придется.
— Обозлюсь, — пообещал я.
Надел парадную форму — и поехал служить дальше. У меня была слишком длинная для курсанта-выпускника шевелюра, самодельный широкий камуфлированный брючный ремень, модные электронные часы и наглая морда.
— Нас почти двадцать, — сказал я ребятам в поезде. — Если что, отобьемся. Главное — держаться вместе.
Как потом оказалось, ребята мне поверили.
А напрасно.
Бригада Большой Мощности знала эти штучки и пресекала их в зародыше.

ГЛАВА 9.

Дальний берег Днепра терялся в жарком мареве.
— Надо будет смотаться туда, посмотреть, как там люди живут, — сказал я на перекуре.
— Доплывешь? — недоверчиво спросил Голиней.
— Я когда плаванием занимался, у меня любимая дистанция была километр брассом. А тут на глазок столько же.
— Даже не пробуй, — сказал Верчич. — Утонешь, а нас вздрючат. Вчера Тхя проверял лазерный дальномер, стрельнул по тому берегу, оказалось четыре километра.
— Ско-олько?..
— Эх, ты, Москва. Это ж Днепр!
— Однако… Верно сказано: редкая сволочь долетит до середины Днепра.
— Ты тоже редкая сволочь, но даже не пробуй, — повторил Верчич. — И вообще, Москва, поменьше залупайся. Тебе сказано было подстричься?..
— У меня нормальные волосы.
— Тебе не положено.
— Слушай, мне и так до хрена не положено.
— Москва, не выпендривайся. Сегодня ты обрастешь, завтра Кузнечик твой обрастет… Думаешь, если вы такие здоровые лбы вымахали, мы вас не уроем? Тебя просто не мудохали по-настоящему, так, чтобы кровью ссал. С тобой по-человечески обращаются, ты это ценить должен.
— Ни хрена себе по-человечески… Коля, в ББМ дышать нечем. Молодые на положении рабов. Из личных вещей одна зубная щетка, да и то не у всех. Боятся зайти в казарму — там ведь каждую секунду кого-то бьют… С чего ты взял, что я выпендриваюсь? Я круглые сутки молчу. У меня один вопрос: вам самим-то не противно? Не стыдно?
— Москва, — сказал Верчич проникновенно, — если вас не пинать каждую секунду, вы не будете работать, и ББМ развалится. Это закон. Это армия. Тут никто добровольно ничего делать не станет. И ты не представляешь, что творили с нами. Вон, Вася еще застал наших дедов. Это была вообще жопа.
— Да, это жопа была, — вспомнил Голиней и передернулся.
— Постригись, — сказал Верчич. — А то пожалеешь.
— Эй! — позвал капитан Масякин. — Кончай перекур.
Мы пошли к миномету.
— Пойми, Москва, — сказал Голиней тихонько, — тебя никто не поддержит. Ты хороший парень, ну не лезь против правил. Из-за тебя и остальным молодым достанется.
— Знаю. Я все знаю, Вася. Я же не слепой. Но от этого не легче.

— Вот и не выпендривайся. Будет только хуже.
Я, конечно, не подстригся. Стало не хуже а вообще жопа. Где-то через сутки. А пока мы полезли на миномет.
На броне я сразу успокоился. Мне нравилась эта железяка.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ББМ

глава, в которой мы наконец-то возвращаемся в Бригаду Большой Мощности, но особого веселья пока не испытываем, оно будет дальше

Сначала нашу партию молодых сержантов занесло в Малиновку, что под городом Чугуевым. Сюда за нами должны были явиться "покупатели". Нам сразу объяснили: это та самая Малиновка, про которую фильм "Свадьба в Малиновке". Меня эта комедия никогда не впечатляла, и малиновская часть не впечатлила тоже.
Перебросившись с местными парой слов, я узнал, что служба тут состоит в основном из хозяйственных работ, дедовщина терпимая, кормят хорошо, а неподалеку продают отличный самогон.
— Не служба, а сплошная барза, — сказали мне. — Хотя скучновато, честно говоря.
— Барза? — переспросил я.
— "На барзу попал" это значит: все хорошо, — объяснили местные. — А ты с Москвы? С самой Москвы? Так у тебя и земляки тут есть.
Земляки — не главное, подумал я, ключевое слово: "скучновато". Если им скучновато, мне будет в самый раз. Одно плохо, здесь почти не работают на технике. Это обидно. А нужна мне техника? Позарез нужна? Малиновка так Малиновка. Я тут уже принюхался. Вроде бы ничего особенного, но можно жить. С одним условием. Раз они тут в глаза не видят боевой учебы — нет смысла служить в батарее. Надо пристроиться в штаб. Буду там, по завету Тяглова, ночами писать страшную книгу. Непременно выведу зампотыла проходным отрицательным героем.
— Прячь бычки, начПО идет.
— Где начПО? — встрепенулся я.
— Да вон. Он с курением борется. А так ничего дядька, простой.
Я рванул наперерез высокому подполковнику и спросил, нет ли нужды в специалисте редкой военной профессии.
— Что еще за профессия?
— Командир пишущей машинки.
— Где работал?
— Политотдел Мулинской учебки.
— Понял, — сказал начПО. — Где твоя партия? Стой там, я за тобой приду через полчаса.
— То есть…
— Да, ты уже служишь здесь. Поздравляю.
Все оказалось не просто, а очень просто. Я вернулся к своим, закурил и решил пока ребят не радовать тем, что дальше они двигаются без меня.
Тут появился моложавый и веселый капитан в лихо заломленной фуражке.
— Мужики, — сказал он. — На фига вам киснуть в этой Малиновке? Вы здесь миномета даже издали не увидите. А мы регулярно на технике работаем. И ездим стрелять на полигон. Рванули к нам в Белую Церковь! От Киева восемьдесят километров. Город чудесный, наша часть стоит на окраине. Кормежка отличная. А главное, сама часть особенная.
— Чем же? — спросили капитана.
— Кадрированная бригада прямого окружного подчинения. Всего сто пятьдесят человек. Разворачиваемся только по войне.
У нас тут же в мозгах дружно щелкнуло: чем меньше часть, тем меньше дедовщина. Армейский стереотип.
— Небольшой дружный коллектив, — заявил капитан, будто подслушав наши мысли.
— В дивизионе меньше тридцати солдат и сержантов. Батарея — шестеро. На шестерых — свой комбат, представляете? Я сам комбат.
Память моя не сохранила фамилию этого телепата, он нас отвез в ББМ и вскоре оттуда перевелся. Попался бы он мне через месяц за забором, я бы ему… Да ничего особенного, просто в глаза бы посмотрел.
— Поедем в Бригаду Большой Мощности!

Название части нас доконало. Работать на технике! Ездить стрелять на полигон! Жить на окраине города. Сто пятьдесят человек! У шестерых свой офицер! И тем не менее — стрелять! Мечта артиллериста.
АбрБМ, вот как это называется. Артиллерийская бригада большой мощности: два пушечных дивизиона, два минометных. Ну и пускай кадрированная, лишь бы боевая учеба, а не заборостроительство.
Я подхватил вещмешок. Прощай, Малиновка. Не повезло тебе.
Малиновского начПО я потом видел на зимнем полигоне. У подполковника был кунг-прицеп размером с троллейбус, но сам начПО и его люди носили шинели. Самоходчику это говорит многое, если не всё. Самоходчик в шинели вне зимней квартиры — не бывает. А я уже стал к тому дню самоходчиком до мозга костей, до опупения и изумления от себя самого. И порадовался, что не остался в Малиновке.
Я до сих пор в душе самоходчик. Боюсь, это не лечится…
Первое, что мы увидели, ступив на территорию Бригады Большой Мощности — непролазная грязь, развороченная глина, посреди которой стояла кольцевая скамья курилки. В курилке сидели люди в тельняшках и с головами, бритыми до блеска. Рожи у людей были широченные и страшенные.
Это были старшина четвертого дивизиона Шура Андрецов и его водитель Котарев. Обрились деды на "стодневку".
— Ага! — заорал Андрецов, углядев нас. — Дивись, Котяра! Пушечное мясо приехало, трам-тарарам!
Котарев дико захохотал.
Мы немного призадумались.
Нас подвели к высокой казарме старинной постройки (как потом оказалось, дореволюционной). Откуда-то сверху раздалось: пух-пух-пух! Очередь из "Калашникова" 5,45, примерно в три патрона.
Мы задумались еще крепче.
В казарме было довольно уютно, тут люди жили, а не кантовались, в отличие от учебки. Но я сразу заметил, какими глазами на нас смотрят. Либо жадно-внимательными, либо испуганно-забитыми. И я навскидку, с первого взгляда, мог бы отличить старослужащего от молодого. По одним глазам.
Повели обедать. Столовая помещалась в величественном здании, наводившем на мысль о екатерининской эпохе (почти угадал). Кормили нормально, хотя после Мулинской учебки что угодно сошло бы за еду. С нами был молодой солдат, который раздал новичкам ложки, а после собрал их, пересчитал и отправился мыть.
— Что это значит? — спросили его.
— Это наши ложки, — ответил солдат. — У каждого дивизиона свои ложки. Не дай бог потеряешь.
— Что за пальба была наверху?
— Там десантники живут. Говорят, дух застрелился.
— А как тут вообще?
— Жопа. Вечером сами увидите.
К вечеру нас раскидали по дивизионам, но мы ничего особенного не увидели. К нам еще приглядывались.
Я оказался в третьем минометном. Из моей партии сюда попал еще один сержант. Здесь было много дедов, несколько черпаков, много молодых и ни одного духа. Я оценил соотношение сил призывов как почти равное, но уж больно подавленно глядели молодые.
Это настораживало. Среди дедов я заметил троих по-настоящему здоровых парней, а у черпаков вообще одного. Дивизион был в целом низкорослым, я со своими 183 сантиметрами неплохо смотрелся на его фоне. Мой водитель Кононенко по прозвищу Кузнечик оказался еще чуть выше и чуть шире. Но его запросто шпыняли мелкотравчатые деды, и он подчинялся безропотно. Серым кардиналом дивизиона был здоровенный, почти на голову выше меня, дед-каптерщик с литовской фамлией (по кличке, разумеется, Сабонис). Против Сабониса я бы не выстоял, но остальным пришлось бы попотеть, выйдя со мной один на один. Тем не менее, они тут всех затоптали. Они редко действовали в одиночку. Даже живой кошмар дивизиона, неуправляемый казах Орынбасар Кортабаевич Арынов, не рыпался против меня без поддержки, хоть у него и был разряд по вольной борьбе. Всегда кто-то околачивался рядом, готовый Арынова спасать. Многих дедов от него просто мутило, но они беззастенчиво использовали "Алика" как пугало.
Очередным потрясением стало то, что бригада по команде "отбой" и не думала "отбиваться" — хотя дежурный офицер сидел здесь же, за пультом оповещения в торце

казармы. Бригада включила телевизор и начала бродить туда-сюда, занимаясь своими делами. Где-то кого-то немножко пинали ногами, чтобы шевелился быстрее.
Я, как сумел, познакомился с народом. Мне сразу понравились местные черпаки, особенно Тхя, Голиней, вычислитель Саня Вдовин (тогда еще младший сержант, разжалуют его позже) и мой замкомбат Болмат. Они были спокойны, доброжелательны и не качали права. Спокойно, доброжелательно и не качая права, они разъяснили мне обстановку в бригаде и расстановку сил в дивизионе. Как сейчас говорится — "ничего личного". Тхя не скрывал, что его от здешних порядков тошнит, Вдовину было все по фигу, Голиней с Болматом хоть и встроились в систему, но, как мне показалось, без энтузиазма.
Я понял, что еще не разучился удивляться.
Общение со своим призывом не удивило — расстроило. Ребята они были неплохие, но их давно согнули в три погибели. Опереться на Карнаухова, сержанта, пришедшего со мной, я и не думал — это было существо в два раза добрее и незлобивее меня.
Ночь прошла относительно спокойно. С утра — началось.
На новоприбывших срывались мгновенно, все и по малейшему поводу: хватало нескромного взгляда, я уж молчу про расстегнутый крючок на воротнике. Из какого ты дивизиона, никто не смотрел. Все лупили всех. Кто-то пробовал отбиваться, тогда набегала толпа и тащила его в умывальник — учить жизни подальше от посторонних глаз. Кто-то пробовал вступиться — набегала толпа вдвое больше. А молодые из местных говорили: не выпендривайтесь, только хуже будет, мы же не выпендриваемся…
Я мог бы сейчас развернуто, на целую главу, составить руководство по грамотной организации дедовщины, но вижу: хоть почти двадцать лет прошло, а сил не хватает. Задыхаюсь от злости. Оставлю опыт при себе. Запомните главное: дедовщина это не "когда бьют", а когда создана атмосфера полной безнадеги, в которой каждый за себя и никто тебе не поможет. Главное — расколоть молодой призыв, и дело в шляпе. Если даже один-двое выбьют себе особые условия, это ничего не изменит в целом. Так вышли в люди до срока мои друзья по ББМ Ракша и Михайлов, но на общий уровень зверства в своих дивизионах, первом и втором, они повлиять не могли. Переживали молча. Я тоже потом буду молча переживать.
Задача дедовщины проста: заставить младшие призывы делать все за старших. Любую работу, не относящуюся к боевой, от застилания постелей до чистки сапог и рытья канав. Дополнительно младшие должны угождать старшим, исполняя любую их прихоть. Ну и отдавать им деньги, разумеется. Чтобы младшие крепче помнили свое место, на них накладывается множество унизительных ограничений по внешнему виду и личным вещам, а личного времени у них просто нет. И все — система становится устойчивой. Лишь бы каждый дед готов был в любую секунду ее поддержать, хотя бы молчаливым согласием. Молчаливое согласие дорогого стоит.
Особенно — молчаливое согласие офицеров. Ах, тебя заставили сделать то-то и то-то? Ну, мы тебя накажем, чтобы в следующий раз не заставили. Сам виноват, что слушаешься дедов…
Через несколько дней ко мне подошел один сержант из моей партии и с непонятной обидой в голосе сказал:
— Вот, ты в поезде говорил, нас много, отобьемся…
— Где ты был вчера, когда меня тут, прямо на этом месте, били?! — зарычал я. — Когда пытались мне крючок сквозь горло застегнуть? Тебя не было. Никого не было. Ни одна гнида не подошла. Так запомни: я здесь выживу, а ты — сдохнешь!
Он ушел, чуть не плача. Ничего, не сдох.
И я выжил. Из нашей партии, насколько помню, никто даже не пытался дезертировать. Солдаты бегали, сержанты нет.
…В первый день мы с Тхя отправились бетонировать площадку под караульную вышку.
— А ты молодец, — сказал Тхя. — Работы не боишься.
Я пожал плечами. Чего ее бояться, работы. Я боюсь, когда людей вокруг избивают ни за что, а те не сопротивляются.
— Что все это значит? — спросил я. — Почему такой ужас? Не верю, что никто не пытался офицерам настучать.
— Командир бригады скоро уходит на повышение, — объяснил Тхя. — Значит, у нас не может быть ЧП в принципе. Что бы ни случилось в ББМ — этого не было. Стучали уже не раз. Бессмысленно. ББМ удивительная часть, я думаю, ты больше нигде такой не увидишь: стукача здесь считают не подлецом, а просто идиотом! На него даже не

очень сердятся — чего взять с дурака? Все равно никого на "губу" не посадят, это ведь испортит наши показатели.
И мы продолжили заниматься важным делом — готовить площадку под караульную вышку для бригады, в которой нет караула. Здесь тебе могли дать автомат, но ни за что не дали бы патронов. Позже воспоминание об этом казусе очень развеселит, когда в мои руки попадет десяток атомных мин…
На следующий день я увидел нечто вообще из ряда вон выходящее: Арынов свалил наземь черпака и топтал его ногами. Черпак выл и жаловался, но не пытался сопротивляться.
Я мог бы растащить эту мелкоту за шкирки. Но рядом стояли еще двое, оба меня покрепче, и наблюдали за экзекуцией. Они не вмешались даже когда у черпака на губах появилась кровь. И я убеждал себя: вероятно, бьют за дело, он в чем-то серьезно провинился. Сейчас влезу в драку, огребу по первое число, да еще и дураком окажусь полным, да в казарме потом снова отметелят за нападение на деда — оно мне надо?
Не помню, в чем провинился черпак, то ли водки не принес из самоволки, то ли денег в долг не дал. Я многое забыл из того времени. Своих проблем хватало — в бригаде узнали, что я москвич. Как нарочно, в ББМ всегда был ровно один москвич. И совсем как нарочно, до меня роль москвича исполнял некто Башмаков. Он оставил по себе такую память о жителях столицы, что хоть волком вой. Первый вопрос ко мне был:
— А ты тоже пустые бутылки собираешь?
Хрен с ними, с бутылками, Башмаков умудрился растопить печку на КПП уайтспиритом — и катапультировался из кирпичной избушки с оконной рамой на шее.
И это был еще не самый веселый эпизод его армейской биографии. Спасибо тебе, земляк Башмаков, если ты читаешь эти строки, я за твои художества отдувался долго.
Мне приходилось каждый день доказывать идиотам, что москвичи тоже люди. А доказать идиоту — непросто. Когда идиот видит, что проиграл спор, он бросается на тебя с кулаками.
То, что я русский из России, тоже не радовало. Полурусский или даже совсем русский украинец в ББМ считался нормальным человеком, а вот такому, как мне, опять приходилось что-то доказывать. Русские были людьми второго сорта — они не умели постоять за себя, не ценили землячества, вообще не умели жить.
— Почему вы такие нищие? У меня дома и то, и это, а у вас ничего нет. Вы, русские, не умеете жить!
Почему? Да по кочану. Потому что у тебя дома и то, и это, дубина ты черножопая. Потому что ты нацменьшинство в братской семье советских народов.
— И бабы ваши к нам бегут, нас любят!
Да, с бабами русским определенно не повезло.
— И песни вы слушаете какие-то унылые… Полюшко-поле, тьфу, трам-тарарам…
Ага, нам еще "Владимирский централ" очень нравится, всем и каждому…
И это на фоне изнуряющей гонки с утра до ночи: мы что-то делаем, делаем, делаем. Как правило, не очень осмысленное. А старшие изо всех сил стараются ничего не делать. Мы мало спим, часов по пять-шесть в лучшем случае, потому что ночью нас "воспитывают". При том, что вся работа — особенно тяжелая физическая работа — делается половиной личного состава. Уточняю: вся хозяйственная работа в войсках делается половиной личного состава, молодыми и духами. Черпаки — надзиратели. Деды отдыхают. Готовятся к дембелю. Если придет офицер, деды за что-нибудь с ленцой возьмутся, но когда офицер удалится — тут же лягут.
Спросите об этом какого-нибудь народного депутата в погонах, радетеля за Великую Россию. Их у нас немало — тех, кто служил как раз в 70-е и 80-е. Поглядите в их честные глаза. Пускай товарищи офицеры и генералы доказывают с пеной у рта, что им не в чем себя упрекнуть. У них, разумеется, не было дедовщины. Кого ни ткни — не было у него дедовщины. Герои, мать их, Страны Советов.
Чего-то злой я какой-то. Вам так не кажется?..
Через месяц службы в ББМ я обнаружил, что все это время не чистил зубы. И еще у меня, извините, пропала утренняя эрекция. Тут я будто проснулся. Сразу эрекция вернулась. И время чистить зубы я выкроил. И начал упираться. Потихоньку. Того подвинул, этого не испугался, на другого вообще зарычал. А бить меня оказалось трудно и как-то неинтересно, что ли. Толку мало: ты эту скотину московскую колотишь, а скотина удары отбивает и объясняет, что ты неправильно себя ведешь. И еще улыбается. Они ж не знали, что я улыбаюсь когда злюсь, когда убить готов.
Мне бы дали отдышаться, позволили бродить самому по себе, но я портил обстановку в дивизионе. Глядя на меня, стали возбухать остальные молодые. А я еще сдружился с

черпаками и довольно сильно капал им на мозги. Это тоже не способствовало удержанию контроля над молодняком. Надо было проблему решать.
Сначала меня приблизил к себе Сабонис, стал опекать. Кузнечик сразу предупредил: осторожно, ловушка. И точно — Сабонис хотел, чтобы я начал бить и "строить" других молодых. Он был хитер, каптерщик Сабонис. Но ему пришлось во мне разочароваться, как до этого в Кузнечике. Мы не предали бы свой призыв.
Мы держались на взимовыручке. Ну, послали Сеньку постирать кучу хабэшек, он полночи за казармой в корыте вошкается — подойдут двое, помогут, третий бычков насобирает, покурим заодно.
Сабонис от обиды ремень мне укоротил по окружности лица и пряжку каблуком затоптал. Не помогло. И зажим на пряжке разжал я, и сговорчивей не стал.
Потом меня еще не раз загоняли в психологические ловушки, но я выворачивался. У меня уже были друзья повсюду, ко мне благоволили авторитетные люди. Они не вмешивались в дела третьего дивизиона, но иногда удавалось час-другой посидеть вечером в тишине и покое. Набраться сил. Уставал я очень. Вы представьте себе казарму, в которой нельзя встретить молодого бойца. Потому что все молодые либо работают на дедушек, либо попрятались, чтобы их не "припахали". От такого можно тронуться. Я до самого конца службы буду иногда недоуменно глядеть на молодых, гуляющих по казарме, будто это дом родной. Хотя то, что они тут лазают безбоязненно — и моя заслуга тоже. А все равно как-то странно это видеть: ходят, понимаешь, улыбаются…
Гена Шнейдер, наблюдая, как я тихо загибаюсь, пытался вытащить меня в штаб. Иногда я действительно там работал — если не справлялась штатная машинистка, — но всегда возвращался. Молодые это ценили. Черпаки тоже. Деды злились. К летнему полигону ситуация зашла в тупик.
И тут я нарвался.
На полигоне я до обеда работал на технике, а после обеда оформлял документы в штабе: Михайлов чертил, я печатал. Такой расклад всех устраивал, включая дедов — чем меньше я крутился среди молодых, тем им было спокойнее. Но тут я отрастил волосы почти как у черпака. Это был уже перебор. Деды взбесились.
Одним прекрасным вечером, придя спать в палатку, я обнаружил, что меня ждут: очень грустный Кузнечик и очень веселые деды. Почему-то тут был еще Исламов, главный отморозок четвертого дивизиона — сидел, консервы жрал, громко чавкая.
— Москва, тебе сколько раз говорили подстричься? — спросил Сабонис.
Бежать было некуда. Да и не умею я убегать.
— У меня нормальная прическа.
— Для черпака нормальная. А ты молодой еще.
— Хорошо, раз ты настаиваешь…
— Да-да, слушаю тебя внимательно.
— Я завтра утром попрошу Болмата, и он меня пострижет так, как ты считаешь нужным.
— Спасибо большое, Москва, — Сабонис шутливо поклонился. — Очень мило с твоей стороны. Только немножко поздно. Кузнечик, вперед.
В руках у Кузнечика были маникюрные ножницы с загнутыми концами.
— Олег, извини, — сказал Кузнечик очень тихо.
За что немедленно схлопотал по голове. Похоже, не в первый раз за этот вечер. Они долго меня ждали.
— Все нормально, Женя, — сказал я.
Стрижка вышла феерическая: волосы буквально через один длинный-короткий, длинный-короткий. Дедам очень понравилось. Исламов так расчувствовался, что схватил пригоршню срезанных волос и попытался затолкать мне в рот.
— А теперь отбой, — сказал Сабонис.
Я лежал и думал: ничего, мой призыв за меня горой. Переживем и это. И вообще, я наименее битый в дивизионе. Во всей бригаде трудно найти людей, которым досталось меньше, чем мне. Двое-трое… Без волос, конечно, тоскливо. Ладно, вырастут. А что голова как у ежа, больного лишаем — под пилоткой не видно.
Утром на построении Сабонис, который всегда стоял за мной — прятался от офицеров, — сбил с моей головы пилотку и предложил дивизиону полюбоваться.
Хохотала вся бригада. Да и черт бы с ней.
Громче всех, глядя прямо мне в глаза, ржали мои сопризывники. Те самые ребята, что "за меня горой". Которых я заслонял от черпаков, как мог. Они стояли рядом и смеялись так, будто им действительно показали что-то очень забавное.

Этого я не вынес. Шагнул за пилоткой, поднял ее, надел и спокойно пошел вдоль строя — к Днепру. Мне что-то кричали вслед. А я шел, пока не скрылся в кустах. Там свернул, обогнул лагерь вдоль берега, сел на песочек, закурил. Чудесная река, прекрасное утро.

Того смеха я не простил своему призыву из третьего дивизиона до самого конца. Одного Кузнечика считал другом, прочих — нет. Не позволял им увидеть это, но случись чего, не дал бы за их жизни и копейки.

Внутри зияла пустота. Все отношения с ББМ, так старательно выстроенные, словно разом оборвались. Их предстояло строить заново, с нуля. На каких-то новых принципах.

Я сидел на берегу около часа. Потом вернулся. Сразу наткнулся на капитана Масякина. Поругался с ним до крика. Тут подошел начальник штаба.

— Говори, кто тебя изуродовал.

— Товарищ подполковник, вы отлично знаете обстановку в бригаде…

— Ничего я не знаю!

— …и знаете, что все бессмысленно. Комбриг уходит на повышение, это известно каждой собаке, и все этим пользуются. Ни одно ЧП не всплывет, никаких мер не будет принято. Ну, покричите вы на моих обидчиков — дальше что?

НШ подумал-подумал и сказал:

— Иди в штаб, там работы полно.

Я сделал вид, что пошел в штаб, а сам направился в столовую.

Там завтракали местные интеллектуалы и по совместительству авторитеты: Андрецов и братья Хашиги. Мне тоже нашлась тарелка вермишели и кружка чаю.

— Мы думали, ты крепкий парень, — сказал Реваз Хашиг, — а ты сломался все-таки.

— Тебя бы так постригли, — окрысился я.

Они засмеялись, громче всех — Реваз.

— И ничего я не сломался. Вот, сижу тут, живой-здоровый.

— Но ты стукнул. Это было лишнее.

— Представь, Реваз, не стукнул. Я могу стукнуть прямо в Москву. Устроить себе перевод, а всей бригаде веселую жизнь. Но я хочу остаться здесь. Мне тут нравится.

Это было вранье, я видеть не хотел людей, предавших меня ни за что. Рухнули все надежды. Казалось, я чего-то тут стою, оказалось — ничего. Мечта была одна: убраться к чертовой матери.

Только усилием воли я подавлял в себе желание просить о переводе из ББМ. Ведь получится — зря столько вытерпел. Некоторые, конечно, по году терпят, но мне и так хватило. Сколько дерьма слопал, все мое.

— Ну-ну, — сказал Реваз. — Поглядим, что дальше будет.

Дальше ничего не было. Как мне позже объяснили, деды сильно испугались — в ББМ еще никто не выходил из строя, и они решили, что я отправился либо вешаться, либо прямиком в Москву. На дедов нагавкал Масякин, потом добавило начальство (пустая ругань, ничего больше), и они решили, что я стуканул. А мне было плевать, что они думают. Я видел третий дивизион в гробу вместе с его мнением. Когда я там появился — через неделю примерно, — то не боялся ничего. Как отрезало.

— Стукач… — прошипел Верчич.

— Нет, — сказал я и улыбнулся.

Этого хватило, чтобы Верчич засомневался. Он мне потом неспроста свои любимые тапочки подарит. У меня вообще все стало легко получаться в третьем дивизионе после того выхода из строя. С полуслова, с полуоборота. Я пророс сквозь подразделение, как шампиньон через асфальт: треснуло — и выбрался наружу. Андрецов и братья Хашиги сказали пару теплых слов Сабонису (за что им спасибо большое), но не последнюю роль сыграла моя холодная отстраненность. Я перестал воспринимать наезды дедов всерьез. А обращаться с человеком, который тебя в упор не видит, деды не умели.

Нет, они еще пытались меня как-то пронять. В последний раз — трое на одного. Но я удачно встал задом в угол. Честно говоря, повезло. Не пропустил ни одного удара, только рукава оказались в сапожном креме чуть не до плеч, и трясло меня потом верных полчаса. И всё — отцепились. Так, напоминали время от времени, чтобы не выпендривался и не смущал народ. А личной свободы у меня стало почти как у черпака.

И однажды на вечерней поверке Сабонис, стоявший, как обычно, за мной, нарочито громко буркнул:

— Чего у тебя погон так чмошно пришит? Непорядок, черпак все-таки!

Подумал и добавил:

— Все слышали?

И все бросились жать мне руку. Я опять, сам того не желая, удивил третий дивизион. Тут раньше не переводили в черпаки одними словами. Обычно — двенадцать ударов пряжкой ремня по заднице, да с хорошего размаха, так, что долго не сядешь потом.
Я улыбался, отвечая на поздравления, но внутри было привычно холодно. Мне еще только предстояло отогреться в ББМ, перекроить третий дивизион под себя и полюбить его.
А погон и правда сидел чуть кривовато, самую малость, странно, как я раньше не заметил.

ГЛАВА 10.

После второго стакана майор Афанасьев изъял у капитана Димы Пикулина табельное оружие. Со словами:
— А отдай-ка мне, дружище, пистолет.
Капитан Дима Пикулин снял с пояса кобуру и сказал:
— Это ты хорошо придумал.
И разлил по третьей.
Майор Афанасьев что-то сделал с кобурой, и та исчезла. Оглянулся на нас с Косяком — не подсматриваем ли, куда он ее спрятал.
Мы не подсматривали. Нас гипнотизировал стол, ломившийся от яств.
О, деревенский украинский стол! Будь я Гоголь — поведал бы вам, какого неестественного размера лежали там домашние колбасы, шматы сала и всякие кулебяки. Родись я Булгаковым, описал бы, как вкусно это употреблялось в пищу. А талант Хемингуэя позволил бы мне передать смачность, вязкость и сочность, с которой лилась в стаканы желтая самогонка…
Ну, короче, накушались мы.
Потом выпал снег, капитан Дима Пикулин заблевал полдвора, майор Афанасьев потерял дар членораздельной речи, Косяк сгинул в направлении сельского клуба, а я рухнул на лавку и отключился.
Украину накрыла мирная ночь, оглашаемая храпом славянских воинов, крепко вломивших натовской гадине.
Мы победили.

БОЛЬШАЯ ЖРАТВА

гастрономическое путешествие

В роли майора Афанасьева — майор Афанасьев.

В роли капитана Димы Пикулина — капитан Дима Пикулин.

Младший сержант Косяк и Автор в ролях второго плана.

Штабной кунг на базе а/м "Урал" в роли Руссише Газенваген.

Конец октября 1988 года я встречал в странной ипостаси — еще не черпака, но уже не забитого салабона. Кого-то из наших продолжали колотить и пинать, а на меня, трудновоспитуемого, плюнули. Вдобавок, будущие дембеля малость притихли: боялись испортить себе увольнение. А с будущими дедами я успел крепко сдружиться — вместе натерпелись от уходящего призыва. Третий дивизион ББМ, он же "болото" в бригадном просторечии, булькал и хлюпал, выжидая, когда старичье уволится на фиг, и

можно будет забыть, что мы — общепризнанно самое неуставное подразделение самой неуставной войсковой части города Белая Церковь.
С каждым днем становилось легче жить. Я начал забывать, что такое круглосуточная боязнь "пропустить" опасный для здоровья удар. И синяки на руках — из-за постоянной блокировки — прошли, и тяжесть в отбитой почке рассосалась. Бесило, что не могу помочь своим, которых еще давят. Но от этого меня предостерегли. Сказали, брось, не рыпайся, только хуже будет, скоро это дерьмо само закончится.
Так я болтался в подвешенном состоянии, набираясь душевного здоровья, пока вдруг не случились КШУ.
"Ка-шэ-у" — войнушка совсем понарошку, командно-штабные учения. Игра в карты, вроде подкидного дурака. Выглядит примерно так: чертежники склеивают большую-пребольшую карту местности. Офицеры рисуют на ней полосочки и стрелочки. Потом кладут перед начальником и ждут, чего этот дурак им подкинет.
Начальник тычет в карту пальцем и говорит:
— А вот здесь мы нанесем тактический ядерный удар! Две килотонны. Нет, лучше десять!
Офицеры хватают карту и бегут ее перерисовывать.
Офицеры, в общем, любят КШУ. Это для них и развлечение, и экзамен, и способ показать себя. Какая-никакая, а почти война, но без риска упасть с самоходки, угодить под обстрел или потерять в лесу вычислителя Саню Вдовина, что случается на полевых выходах.
Той осенью Бригаде Большой Мощности предстояло участвовать в каких-то окружных КШУ. Силами одного самоходно-минометного дивизиона. Изображать это могучее, кроме шуток, войско на полигоне Черниговской учебки должны были начальник штаба дивизиона, один командир батареи и пара нижних чинов.
С начальником решили мудро: назначили нашего майора Афанасьева, потому что он был грамотный НШ и ответственный мужик. С комбатом решили еще мудрее: поймали капитана Диму Пикулина, случайно забредшего в расположение части. Отсутствия Димы в четвертом минометном дивизионе все равно никто бы не заметил. Вот капитан и пригодился, раз сам пришел.
Доставить воображаемый дивизион к театру воображаемых боевых действий приказали младшему сержанту Косяку. Косяк отличался спокойствием, рассудительностью и прилично водил грузовик. В выборе именно Косяка был еще некий тайный умысел товарищей офицеров, о чем я сначала не подозревал.
В качестве "прислуги за все" и писаря-машиниста Афанасьев взял меня. На КШУ всегда прорва бумажной работы, но в дивизионе ее тоже было полно, да и нынешний "писарчук", без пяти минут дембель, не горел желанием покидать казарму. А я все, что надо, умел. Вдобавок Афанасьев знал, что меня старшие оставили в покое — то есть, я не сойду с ума от внезапно свалившейся на голову свободы.
Писарь четвертого дивизиона вручил мне едва живую машинку. Произошел обмен ритуальными фразами:
— Доломаешь аппарат — убью.
— Как доломаю, так и починю.
— Тогда посмотри, чего каретку заедает, ладно?
Оба знали, что писарь спит и видит, как бы "доломать аппарат", только чужими руками. Ему хотелось новую машинку, с этой развалиной он уже не справлялся.
С Косяком, здоровым парнем, тоже из "четверки", на призыв старше меня, я был едва знаком, но мы легко нашли общий язык.
— Я буду рулить, ты — спать в кунге, — объяснил Косяк мои функциональные обязанности. — Отопитель знаешь?
— Как свои пять.
— Не включай, угоришь. Если придется всем спать в кунге, будем ночью следить за отопителем. Твоя половина ночи — вторая. Не заснешь? Справишься?
— Проверено. Я на прошлом полигоне жил в таком кунге, отопитель был на мне. Ни у кого голова не болела, спроси хоть Сушинского.
— А я уже спросил! — Косяк хохотнул. — Готовить умеешь?
— Хреново. Считай, не умею.
— Да хрен с ним, я сготовлю. Все равно мне там делать будет нечего. Куришь? Тогда почаще кунг проветривай. Теперь двигай на вещевой склад. А я на продовольственный.
На вещевом складе мне дали четыре матраса, четыре одеяла и четыре подушки. Требовалось еще утеплиться на случай холодов. У Косяка, пришедшего в ББМ прошлой осенью, уже был свой "комбинезон" — куртка и штаны с ватной подстежкой, замечательная удобная форма. Мне только предстояло это все получить, когда бригада

переоденется в зимнее. Нашли пока куртку, ношеную, зато вполне боевого вида. Поверх брюк от хабэшки я надел свободные черные штаны с карманами на бедрах из летнего полевого комплекта — стало очень комфортно и не жарко. Прапорщик Козолуп оглядел меня и восхитился:
— Красавец, настоящий танкист. Возьми еще шлемофон, если знаешь, где. Приедешь в Черниговскую учебку, напялишь его — там все от зависти сдохнут, они такое на картинках только видят.
— Сначала мне тут по этому шлемофону сапогом настучат. Тоже от зависти.
— Тебя же больше не трогают.
— Ну вот и я их… Не дразню.
Памятуя о том, что придется на свежем воздухе работать с бумагой, а то и печатать, я забежал в магазин и купил тонкие зимние перчатки.
В кунге на базе "Урала" был откидной диванчик, пара жестких сидений, шкаф и огромный стол. В шкаф мы запихали коробки с сухим пайком, на стол я свалил матрасы и прочее. Косяк недобро глянул на отопитель и напомнил, чтобы я не включал его. Этих адских машин в войсках боялись куда сильнее, чем вероятного противника. Пока агрессивный блок НАТО вынашивал свои коварные замыслы, простые советские отопители не теряли времени даром и угробили, по слухам, кучу народа. За ними требовался глаз да глаз.
Из новенькой канистры, выданной нам под питьевую воду, пахло дизельным топливом. Мы долго по очереди нюхали горловину. Потом я долго полоскал канистру, и мы снова ее нюхали. Запах, казалось, только усилился.
— Хрен с ним, — решил Косяк. — Лучше вода с соляркой, чем никакой воды.
Стартовали после обеда. Афанасьев придирчиво меня оглядел, заметил, что я в перчатках, и сказал:
— Молодец, сообразил.
С офицерами прибыло несколько объемистых бумажных пакетов: там оказались картошка и лук. Афанасьев вручил мне на хранение две пачки масла. Я уложил провизию в шкаф.
Офицеры залезли в кабину, "Урал" тронулся.

***

Это было волшебно. Я сидел в кунге и глядел через окно на дорогу. Обычную гражданскую дорогу, по которой ездят гражданские люди на машинах с гражданскими номерами. Свободные люди. Я не завидовал им — я любовался ими, их машинами, их свободой. Меня распирало от удовольствия. Я был готов ехать по дороге вечно. Ну, то есть, еще год, вплоть до увольнения. В последний раз меня так захлестнуло, когда нас везли поездом из учебки на Украину. Но тогда вокруг была толпа молодых сержантов, а сейчас я сидел один в герметичной железной коробке — наконец-то один! — и был счастлив.
На окраине Киева машина остановилась. Офицеры ушли за водкой и надолго пропали. Водку в те времена приходилось не покупать, а "доставать".
— Ты как? — спросил Косяк.
Я показал большой палец.
— Спать хочется, — пожаловался Косяк. — Они-то дрыхнут, и меня тоже в сон клонит. Ты не спи, ладно? Я буду знать, что ты не спишь, и мне будет легче. Ой, да хрен с ним, не боись, доедем.
Уже стемнело, когда мы подъехали к Черниговской учебке. Афанасьев полчаса с кем-то о чем-то договаривался, нас впустили, машина покатилась в парк. В свете фонарей я разглядывал чистые коробки казарм, вылизанную до блеска территорию, и удивлялся, насколько все тут не похоже на реальные войска. Полгода в ББМ, прожитые после учебки, напрочь отрезали от меня эту кукольную армию, поначалу казавшуюся суровой, теперь — игрушечной. Мимо промаршировала, отчаянно печатая шаг и размахивая руками, учебная батарея. Бедные ребята, подумал я. "Товарищи курсанты" спят и видят, как бы поскорее вырваться из учебки, с ее отупляющей муштрой и шагистикой. "Товарищи курсанты" знают, что в войсках их будут бить, но не очень верят в это, не до конца осознают. А бить начнут, где-то через пару-тройку дней, а может, и в первую же ночь — руками, ногами, ремнями, тапочками, сапогами, а то и табуретками, швабрами, дужками от спинок кроватей… Чем захотят, тем и будут. И ты не имеешь права защищаться, ты должен стоять, принимать удары грудью и держать строй. Кто выпадет из строя, за того всем достанется. Добро пожаловать в Вооруженные Силы, молодые люди.

Зато в войсках вам, быть может, доведется по-настоящему узнать свое удивительное оружие, большие пушки. Поработать на них. Полюбить их.
А может, и не доведется. Может, вы будете видеть пушки только издали, охраняя их, строя заборы вокруг них, возводя боксы для них. Кто знает, как все получится…
Косяк загнал машину в парк, опечатал ее и сдал под охрану.
— Переночуете в батарее управления, — сказал Афанасьев. — Не безобразничайте там, помните, что по вашему поведению будут судить об обстановке в войсках. Ясно?
— Ага, — только и сказал я.
— А ужинать? — спросил Косяк.
— Опоздали. Да и нужна вам здешняя баланда?
Косяк оглянулся на кунг, где лежал сухпай.
— Завтра позавтракаете, — пообещал Афанасьев. — Не вскрывать же теперь машину. И сухой паек лучше поберечь.
— Да хрен с ним, — мудро рассудил Косяк. Армейский ужин в учебке одно название, что ужин, прав Афанасьев: баланда. Остаться без кружки чая с куском хлеба не трагедия, а сухпай и правда лучше заначить.
Перед дверью казармы Афанасьев напомнил нам, что мы — сержанты из Бригады Большой Мощности, временно находящиеся в учебке с дружеским визитом. Я пожал плечами. А Косяк сказал:
— Здесь учился наш Швили. И братья Хашиги. И еще Шура Андрецов…
И огляделся, будто высматривая следы жертв и разрушений.
Дежурным по батарее управления оказался сержант-дед, тщательно заглаженный и до блеска начищенный. На нас с Косяком он посмотрел уважительно — мы из войск приехали. И куртки наши произвели сильное впечатление. Я бросил взгляд на шинельные шкафы. Там висели тщательно выровнянные шинели. Комбинезоны могли лежать в каптерке, но скорее всего, местным их вообще не давали. А рабочий бушлат хоть и теплей шинели, только какой ты самоходчик, в бушлате-то. Фигня ты на палочке, если тебе комбинезон не дают.
Афанасьев сказал, что после завтрака встречаемся у машины в парке, и с преувеличенной строгостью пожелал нам спокойной ночи. Кто его знает, может, он думал, что мы с Косяком всех тут заставим петь нам колыбельную и чесать пятки. Несмотря на явный численный перевес местных и требование майора вести себя прилично. В конце концов, Афанасьев сам был из ББМ. Он понимал, что наш личный состав делится на две категории: неуправляемых идиотов, и тех, кого жизнь в бригаде научила убедительно изображать неуправляемых идиотов. И не поймешь, кто хуже. В общем, Афанасьев давно привык относиться с подозрением даже к самым надежным с виду бойцам.
— Откуда, ребята? — спросил дежурный.
— Бригада Большой Мощности, Белая Церковь.
— Понятненько. Эх… А родом?..
— Отсюда, — сказал Косяк. — Неподалеку.
— Москва, — сказал я.
— О, у тебя тут есть земляк.
Мы шли по казарме, ловя на себе заинтересованные взгляды. Нас уже ждали тщательно застеленные кровати.
— А пожрать, ребята, нету, — сказал дежурный. — То есть совсем. Можем дать по куску чернухи, но вы же такое не едите.
— Не едим, — честно признал Косяк. — Да хрен с ним.
Он снял куртку, сел на кровать, сбросил хабэшку, богато украшенную значками. Под хабэшкой обнаружилась синяя "олимпийка". Казарма дружно сглотнула.
Я свою хабэшку, скромную, с одним лишь комсомольским значком, слегка расстегнул. Показался свитер, который мне одолжил, скорее даже навязал, чтобы я не простудился, связист Генка Шнейдер. Казарма сглотнула еще раз.
По телевизору показывали какую-то муть.
— Спать буду, — решил Косяк, и полез под одеяло.
— Спокойной ночи… Местный.
— Заткнись, а то сглазишь, — буркнул Косяк.
Интересно, подумал я, что ему обещал Афанасьев. Майор любил держать человека в подвешенном состоянии, не говоря ни "да", ни "нет". С другой стороны, не зверь же Афоня. Раз уж взял Косяка водителем, то помучает его до последнего дня учений, а потом скажет — ладно, товарищ сержант, поехали к тебе в гости…
Я достал сигарету и сунул ее в рот. Достал зажигалку. Без умысла, это не было демонстрацией. Казарма едва не застонала.

— А где тут курят? — спросил я.
В туалете меня нашел земляк, солдат-дед, самую малость расхристанный. Тут все были такие, с небольшими отступлениями от уставной нормы, но без фанатизма — ремень чуть распущен, сапоги чуть смяты, поперек спины заглажена полоска-"годичка"… Видели бы они, как у нас по казарме деды разгуливают, кто в тельняшке, кто в больничном халате, некоторые в кроссовках, и все в шерстяных носках. Уж молчу про сержанта Шуру Андрецова и его желтые трусы до колен.
— Как у вас там? — спросил земляк.
Я провел ребром ладони по горлу.
— Да ладно, — не поверил дед, — ты ведь даже еще не черпак, а уже вшивник носишь. У нас если офицеры вшивник спалят, три шкуры спустят.
— У нас офицерам на все плевать. И на это, — я снова провел по горлу, — тоже. Каждый выкручивается как может.
Тут в туалет зашел прапорщик.
— Добрый вечер, товарищ прапорщик, — машинально сказал я.
— Э-э… Добрый вечер. А вы откуда, молодой человек?
— Бригада Большой Мощности, Белая Церковь. Приехали на КШУ. Переночуем у вас — и завтра на полигон.
— А-а, знаю, — сказал прапорщик и обернулся к деду. Тот был бледен и прятал сигарету за спину. Меня это удивило. Наверное у них с прапорщиком давний конфликт, решил я.
В то, что случилось затем, я не сразу поверил.
Прапорщик сильно ударил деда кулаком в грудь. Тот едва не упал задом в сортирное "очко", но успел схватиться за загородку.
Он даже не пытался закрыться от удара, отпрыгнуть, повернуться боком, наконец, чтобы кулак пришел в плечо. Он принял наказание совершенно безропотно, в грудину. У нас так деды били салабонов: молодой не должен защищаться. Я защищался всегда. Не мог иначе. Это не нравилось старшим. Из меня вышла плохая боксерская груша. А здесь вот так, как грушу, били деда.
— Зачем ты тут куришь? — ласково спросил деда прапорщик. — И сам нарушаешь, и гостям подаешь дурной пример.
И оглянулся в мою сторону.
— Виноват, товарищ прапорщик, — сказал я. — У нас разрешено курить в туалетах зимой.
Это была чистая правда. Хотя помимо разрешенных мест, в ББМ курили практически везде: в умывальниках, сушилках, канцеляриях, каптерках и за пультом дежурного. В любое время года. Да и в расположениях дымили, бросая окурки на пол: молодые подберут.
— А у нас в туалетах не курят, — сказал прапорщик и ушел.
Дед выкарабкался из загородки, швырнул бычок в "очко", потер ушибленную грудь и спросил:
— Видал? То-то.
Общаться со мной дальше он не захотел. Кажется, окончательно его убило то, как я с прапорщиком разговаривал — свободно, по-граждански. Несчастный дед решил, что настоящая служба прошла мимо него.
Батарея тихо встала на вечернюю поверку, тихо умылась на ночь и тихо расползлась по казарме. Все здесь было как-то вполголоса. И дедовщина в том числе. Она в батарее ой как присутствовала, мне не надо было видеть ее признаков — которых хватало, — я чуял ее запах. Затхлый душок спокойной деловитой дедовщины, когда принуждение вершится без лишних истерик и драк, просто одни покорно выполняют всю работу, а другие прилагают огромные усилия, чтобы не делать ничего.
Черпаки и деды лениво укладывались. Я присмотрелся: свитеров и "олимпиек" здесь действительно не носили, и белье было строго уставное.
По телевизору шел молдавский фильм с непроизносимым названием "Лачафаруэл". Или "Лачафэрул". Кино о нелегкой судьбе человека искусства в кастовом обществе — ну прямо про меня. Под него я и заснул.

***

Утром после подъема, когда молодые суетились, а заслуженные дрыхли — на зарядку батарея почему-то не пошла, — от дверей раздался дикий вопль:
— Дежурный по батарее — на выход!!!

Старшие призывы как метлой вымело из постелей. Мы с Косяком на всякий случай сели в кроватях, чтобы было видно, кто чужой на этом празднике жизни.
В расположение вошел немолодой подполковник. И сразу уставился на нас.
— А это что за ребята такие… Полосатые? — удивился он.
Ему объяснили. Подполковник моментально потерял к нам интерес и повернулся спиной.
— А вы, негодяи — бегом на зарядку.
Негодяи убежали. Мы с Косяком снова легли, но спать уже не хотелось. Тогда мы пошли умываться, чтобы потом не мешать.
— Смешно тут, — сказал Косяк.
— Вчера прапорщик ударил деда за курение в туалете. Фанеру ему пробил. Едва в очко не вколотил. Я чуть не помер.
— Не смешно, — передумал Косяк. — Ну и порядочки.
— А может, просто мы у себя расслабились?
— Так у нас же ББМ! — отрезал Косяк так уверенно, будто это все объясняло.
Это действительно все объясняло.
Вернулась батарея, взмокшая и несчастная. Быстро умылась-почистилась, пересчиталась и двинулась на завтрак. Мы пристроились в хвосте.
Наша белоцерковская столовая давно перешла на раздачу с подносами, а тут все оказалось по старинке — во главе стола бачок, чайник, кружки, стопка тарелок.
Нахлынули воспоминания о том, как было голодно, холодно, одиноко и страшно первые дни в армии. Я огляделся в поисках "пушечного мяса". Точно, вот оно! На столе красовалась глубокая миска, заполненая жидкостью цвета разбавленного солидола. В жидкости плавал кусок мертвенно-бледного сала с синюшной волосатой корочкой.
Не хватало еще сморщенных зеленых помидоров, а то была бы точь-в-точь моя Мулинская учебка.
Косяк тоже заметил "пушечное мясо" и переменился в лице. Я не думал, что он примет это так близко к сердцу. А ведь самое ужасное ждало впереди.
Мы сидели, как положено, рядом с дедами. Самый плечистый встал на раздачу. И начал полными черпаками выковыривать из бачка темно-зеленую еду устрашающего вида.
Нервно-паралитического вида еду, я бы сказал.
— Сначала гостям, — заявил он. — Лопайте, ребята! Чем богаты, тем и рады.
Это выглядело чистым издевательством. На миг я испугался — думал, Косяк сейчас запустит едой деду в морду. И тогда сожрут нас, прямо в одежде, потому что сапоги с мясом и куртки с требухой на порядок вкуснее того, чем обычно кормят здесь.
Но у Косяка хватило выдержки. Он принял тарелку, в которой грудилась отвратительно комковатая жуть, и глубоко задумался над ней.
И правильно сделал.
Дед продолжал раздачу. Такие же мощные порции возникли перед каждым старослужащим, и бойцы стремительно вгрызлись в это месиво — с неподдельным аппетитом.
Я не без труда отделил немного зеленой гадости от общей массы и осторожно пожевал. Да, в тарелке была очень плохая гороховая каша. Феноменально невкусная. Чтобы не огорчать местных, уплетающих за обе щеки, я кое-как затолкал в себя несколько ложек.
Косяк даже пробовать кашу не стал. Казалось, его сейчас вырвет.
Я не был гурманом никогда, с детства ел всё, студенческая жизнь усугубила эту способность, а армия закрепила опыт. Но в Белой Церкви готовили очень прилично.
Нам надоели макароны по-флотски. Мы брезговали перловкой. Не поражались наличию мяса в супе. Когда дивизион заступал в наряд по столовой, двоих бойцов выделяли в солдатскую чайную — они там швырялись котлетами. Те прыгали, как резиновые мячики, но все равно это были котлеты. А перловкой мы кормили собак, живущих в парке техники. Собаки ели ее неохотно.
Моя учебка была в России, под Горьким, и там я принял скудость рациона как неизбежное зло. Чего ждать от страны, где деревенские просят москвичей привезти им колбасы, и даже в Москве нормальное повседневное блюдо — жареная картошка с той самой колбасой. Но Украина, жители которой не стеснялись ругать клятых москалей, сожравших всю еду, была на мой взгляд сказочно богатым краем. Мягко говоря, заевшимся. Если бы москали отрыгнули ей обратно что сожрали, Украина бы вообще лопнула. Армейская кормежка в Белой Церкви подтверждала эту версию стопроцентно.
И вдруг под Чериговом — такая, извините за выражение… Гибель.

…Чай оказался того же качества, что и каша. Мы с Косяком забрали свои "пайки" — хлеб с маслом и сахаром, — тепло простились с увлеченно жующими дедами и поспешно убрались в парк.

***

Косяк шел молча. Ему было худо.
Я пытался вслух осмыслить увиденное — как жалко местных, которые выгнуждены такое есть, и вообще.
Косяк попросил меня заткнуться. Ему было не жалко местных, он жалел себя.
Тут нам навстречу попался толстый прапорщик, толкающий перед собой решетчатую тележку, из тех, на которых возят аккумуляторы. Косяк слегка повеселел.
— Прямо как в анекдоте, — сказал он. — Не знаешь? Ну, короче, идет прапор на выход из части, везет тележку с говном. Ему навстречу полкан. Говорит, эй, прапор, чего везешь? Да говно, товарищ полковник. Не может быть, говорит полковник, я ж тебя знаю, ворюгу страшного, ты в говне что-то спрятал, иначе зачем оно тебе. Зовет солдата, приказывает говно разгрести. Но ничего в говне нет, только солдат весь измазался. Полковник говорит: может, это какое-то особенное говно — иначе зачем оно тебе, не верю! Прапор ему: обычное говно, можете попробовать. Полковник взял, пожевал, действительно обыкновенное говно. Он и так, и этак прапорщика пытает, тот ни в какую: говно вывожу с территории, и точка. Ну, полкан отпустил прапора, сам ушел, плюясь. А прапор выходит за КПП, тележку переворачивает, говно — в канаву. И говорит: "Да на хрена мне ваше говно, мне тележка нужна!"
Смеясь, мы забрались в кунг, вскрыли коробки с сухпаем, взяли по банке консервов, достали из карманов ложки… И замерли, глядя друг на друга.
— Ну? — спросил Косяк.
Я похолодел.
— Ну, давай открывалку, — сказал Косяк, уже предчувствуя ответ.
— Да я консервов с прошлого полигона не видел! Откуда у меня консервный нож? Я думал, у тебя в машине есть.
— У меня в машине все есть. Даже стакан. Но это не моя машина!
Косяк затравленно оглядел кунг. Я помотал головой.
— Здесь я сразу все обшарил. Ты в бардачок заглядывал?
— А то.
Мы грустно уставились на банки. Этикетка моей скромно гласила: "Каша гречневая с мясом". Косяк, без пяти минут дед, взял тушенку.
— Эх, ты, — сказал Косяк.
Жестянка вскрывается краем пряжки солдатского ремня. Но в ББМ это умение давно забыли за ненадобностью. Молодым бойцам консервы доставались уже открытыми — добрать с донышка остатки — а у старших были консервные ножи. В наряде банки вспарывали штыками… Мы с Косяком и не подозревали, что "открывалки" висят у нас на поясах.
— Можно сточить бортик банки об асфальт, — вспомнил я студенческую хитрость. — Но это долго и грязно.
— Погоди. У Афони может быть открывалка.
— Или у Димы.
— Дима раздолбай. У него Вдовин офицерский ремень украл.
— У Афони есть нож, — вспомнил я. — Но он не даст.
— Жрать захочет — даст.
Распахнулась дверь, в кунг ввалились офицеры. Глаза их блестели голодным огнем. Похоже, офицерская столовая здесь была не лучше солдатской.
— Жрать! — с ходу потребовал капитан Дима Пикулин.
— Доброе утро, товарищ капитан, — сказали мы грустным хором.
— Доброе утро! И жрать!
— А у вас случайно нет открывалки для консервов?
Дима пожал плечами и обернулся к Афанасьеву. Тот глядел на меня и недобро шевелил усами.
— Товарищ майор, может, вы одолжите нам нож? Мы аккуратненько…
Афанасьев достал складной нож, раскрыл его и продемонстрировал лезвие, отточенное до бритвенной остроты. С этим ножом на майора бросался впавший в истерику Орынбасар Кортабаевич Арынов. Майор тогда стоял дежурным по части, у него был пистолет, и некоторые оптимисты надеялись, что Афанасьев застрелит психопата.

Почему нет, у нас же прапорщик стрелял в подполковника, тот едва успел отбить ствол, дырку в потолке КПП с гордостью показывали молодым.
Но у Афанасьева нервы были толще буксирных тросов. Он дал обезумевшему деду вволю попрыгать по тумбочкам и пошвыряться табуретками, а потом отнял нож, взял Арынова за шкирку и уволок в канцелярию. Неизвестно, о чем они там говорили, но вечером Орынбасар Кортабаевич стоял в строю привычно жизнерадостный и без заметных повреждений…
— Ты думаешь, я дам таким ножом вскрывать банки? — спросил Афанасьев.
Я только вздохнул. Острый нож был нужен Афанасьеву для работы с картами и прочей бумагой. Но и без этого он мне его не доверил бы.
— Как ты мог: на полевой выход — и без консервного ножа?
Я вздохнул еще раз.
— Ты вон даже перчатки купил, а консервный нож взять не догадался…
Я укоризненно поглядел на Афанасьева. Он не понимал. Где я мог взять эту злосчастную открывалку? Мне не полагалось ее иметь по сроку службы. Мне еще много чего не полагалось — например, носить часы, носки и вшивник. Я не имел права курить сигареты с фильтром и пользоваться зажигалкой. И еще два десятка простейших бытовых вещей были для меня под запретом. То, что я всякое себе позволял, не значило, будто это разрешено. Просто на мои вольности смотрели сквозь пальцы. А обзавестись консервным ножом я мог в одном случае: если бы меня назначили ответственным за него. Но сержантам такого не поручали. Молодой сержант в ББМ не делал трех вещей: не убирал туалет, не стирал дедам шмотки и не отвечал за столовые принадлежности.
Короче говоря, надо было, когда я покупал перчатки, взглянуть, нет ли в магазине консервного ножа. Но даже в голову не пришло. Не укладывался этот предмет в мою тогдашнюю систему ценностей. Зачем он мне был нужен — в зубах ковырять?
— Ну, ты даешь, — сказал Афанасьев, убирая свой складень обратно в карман. Майор был очень недоволен. Я подумал: он меня теперь зашпыняет. Афанасьев любил и умел нудить, делал это со вкусом. В воображении соткался образ гигантского консервного ножа, что повиснет надо мной дамокловым мечом до конца службы.
Через несколько месяцев в ответ на вопрос Афанасьева, почему руки в карманах, я скажу: да у меня там это, товарищ майор… Ну, это… Прямо неудобно показывать… И вытащу из карманов два кукиша. Понятие "фига в кармане" тогда было общеизвестным. Дивизион согнется от хохота, майор понимающе усмехнется в усы. Но это случится позже, много позже. А пока надо было проявлять сержантскую смекалку.
Передо мной сидел грустный Косяк. Он хотел есть. И он был механиком-водителем. Как "мехи" открывают консервы? Давят их десантным люком? Наезжают гусеницей на край банки?
— Пассатижи, — вспомнил я. — У тебя должны быть пассатижи. Где они?
Косяк нахмурился.
Я взялся двумя пальцами за бортик банки. Показал, как ломаю и скручиваю на отрыв.
— С тонкими губками! — воскликнул Косяк и вскочил.
— Ну-ну, — хмыкнул Афанасьев. Я расценил интонацию майора как высокомерно-недоверчивую.
Капитан Дима Пикулин безучастно сидел на столе, держа перед собой банку паштета. Ни дать, ни взять принц Гамлет с черепом бедного Йорика. Сейчас как скажет…
— Кушать очень хочется, — сказал капитан Дима Пикулин.
Косяк принес из кабины пассатижи. Первую жестянку я вскрыл не очень чисто, но сама технология была признана эффективной. Дальше пошло лучше. Потом Косяк отнял у меня инструмент и показал класс. Офицеры достали ложки.
— А чай? — спросил через некоторое время капитан Дима Пикулин, сыто отдуваясь.
— А чай ты уже пил, — отрезал Афанасьев.
— Разве это чай…
— Мы не можем в чужом парке кипятить воду на паяльной лампе. Тут все с ума сойдут. Мы и так… Молодые люди! Вы хорошо себя вели?
— Очень хорошо, — заверил я.
Косяк кивнул.
Мы были рады перемене темы. Нам не хотелось кипятить на паяльной лампе воду, пахнущую дизельным топливом. Дело не в том, что она могла загореться, глупости, мы бы и чистую солярку вскипятили — из хулиганских побуждений и спортивного интереса. Нет, просто мы догадывались, что скажет Афанасьев, хлебнув чайку из красивой новенькой канистры.

Хватит с нас пока консервного ножа. Учения еще не начались толком. Впереди масса возможностей подставиться, вляпаться, нарваться, пролететь, набедокурить, прощелкать хлебалом, выпендриться не по делу — и так далее.
— Косяк, заводи! — скомандовал Афанасьев.
Косяк завел, и мы поехали.

***

Вокруг полигона, куда мы летом ездили стрелять, рос странный сосновый лес. В глубине его, где была настоящая чаща, плотно строились привычные русскому глазу корабельные стволы с зелеными венчиками на самом верху. Но подлесок, если можно его так назвать, мог тянуться на сотни метров и состоял из полевых сосен. И перелески тоже были из полевых сосен. Дома я такого не видел. В том районе Тверской области, где я жил каждое лето с самого рождения, ничего подобного не росло. Там скорее была редкостью полевая сосна.
На полигоне Черниговской учебки лес оказался до того "правильный", что едва слезы не потекли. Сердце сжалось от ностальгии. Я словно вернулся домой. Да, этот сосняк был сильно прорежен автомобильными колеями и какими-то траншеями, но по сути он не отличался от соснового бора на моей "малой родине".
Машина, поблуждав среди деревьев, наконец остановилась. Афанасьев сказал выходить, я выпрыгнул из кунга и окончательно сомлел от счастья.
Мы были одни. Да, кое-где за деревьями угадывались зеленые коробки таких же кунгов, в отдалении я заметил песчаный бруствер и торчащую из-за него крышу палатки, но главное, мы не стояли ни с кем борт в борт. У нас была своя территория. Сухая хвоя под ногами, сосны вокруг. Лучше не бывает.
— Сетей никто не раскатывает, — как бы невзначай буркнул Косяк, озираясь.
— Отставить сеть, — сказал Афанасьев, чем весьма нас обрадовал. Раскатать и закрепить маскировочную сеть минутное дело. Жить под сетью уютно. Но закидывать ее обратно на крышу машины и там скатывать в аккуратный рулон довольно муторно, потому что сеть за все цепляется. Она ведь сеть.
Афанасьев критически оглядел свое воинство, прикидывая, чем бы его занять. Задача выглядела непростой. Послать меня или Косяка на поиски кухни было боязно: вдруг потеряемся. Приказать "навести порядок на территории" — глупо, какой тут порядок. Оборудовать согласно Уставу отхожее место? Нема дурных им пользоваться, здесь же песок, над ямой присел — считай, упал в нее. А если… Ну, что вам сейчас в голову взбредет, товарищ майор?
По счастью, у Афанасьева была замечательная черта: когда ему не хватало своих идей, он присваивал чужие. Иногда это раздражало, чаще — выручало.
— Песка и иголок в кунге будет по уши… — шепнул я Косяку. — А щетки приличной нет, только "смётка".
— Значит, так! — распорядился Афанасьев. — Вяжите веники!
Мы с Косяком сделали удивленные лица.
— Чтобы в кунге подметать, — объяснил Афанасьев нам, непонятливым. — От машины не удаляться. Мы с капитаном идем на КП и попутно осуществляем… Разведку местности вообще.
— Кухня, кухня, — ввернул капитан Дима Пикулин. — Столовая.
— Все за работу! — провозгласил Афанасьев.
Офицеры скрылись за деревьями.
— Лезь в кабину, отдыхай, — сказал я Косяку. — Люблю вязать веники. Честно. В кунге есть моток бечевки, я еще и метлу сконструирую всему полигону на зависть. Топор только дай. Не говори, что его нет, умоляю.
— Как ты думаешь… — протянул Косяк, глядя вслед Афанасьеву. — У Афони тут много знакомых? Мне кажется, много.
— Полно. А у Димы еще больше. В ближайшие трое суток мы редко будем видеть наших офицеров. Соскучиться успеем.
— Тогда вяжи веники, — сказал Косяк, открыл дверь кабины и достал из-под сиденья топор.

***

Офицерская вермишель отличается от солдатской тем, что ее промывают. И ест офицер в палатке из тарелки, а не под открытым небом из котелка. Только солдат через год-два уволится, а офицеру такая романтика — надолго.

Со стороны может казаться, что именно поэтому офицер должен цепляться зубами и когтями за любой минимальный комфорт. Чтобы в палатке и из тарелки. Хоть самую малость вырвать у суровой офицерской судьбы. Хоть немного от солдата отличаться. Ерунда. Офицер об этом даже не думает, ибо указанный минимум комфорта ему полагается по званию. Есть такое могучее армейское слово: "положено". Так вот, офицеру — положено, чтобы его кормили как белого человека официанты в белых халатах. Что за дрянь у офицера в тарелке, не суть важно, но обставлено все должно быть цивилизованно и с уважением к статусу. Армия может измываться над офицером как угодно, но вот если она "положенную" малость зажмет, тут он страшно обидится. Тут у него глаза полезут на лоб от изумления: да за что ж меня так?! Ведь в мирное время только эта малость и отделяет его — профессионального воина, — от нас, гражданских идиотов, временно попавших в войска.
Поэтому майор Афанасьев и капитан Дима Пикулин питались в полевой столовке, а Косяк, прихватив котелки, отправился непосредственно туда, где дымила кухня. Пошел он, превозмогая себя. Его одолевали дурные предчувствия. Косяк признался, что до сих пор у него перед глазами стоит гороховая каша по-черниговски. Но послать на кухню меня означало куковать у машины, а Косяку уже становилось понемногу скучно. Он не мог долго сидеть без дела. Он, кажется, уже жалел, что не занялся вязанием веников.
— Что делать, если на кухне будет… То же самое? — спросил он, глядя мне прямо в глаза. — Тебе брать? Ты сможешь это съесть? Я просто не смогу.
— Ты не представляешь, какие помои мы жрали студентами на "картошке". Так что… Нет, не бери! Это выше моих сил.
На самом деле с голодухи я бы не такое съел, но мне было и жаль Косяка, и не хотелось упасть в его глазах. Да и голодухи особой не предвиделось.
Вернулся Косяк почти счастливым. С полными котелками вкусной каши, в которой местами угадывались мясные жилки.
— Здесь солдат-то меньше, чем офицеров, — объяснил он. — Вот и кормежка более-менее… Супчик жидкий сварили, я решил — хрен с ним. А кашка ничего себе.
— Как там с водой? — вспомнил я.
— Хоть залейся. Там цистерна. Котелки помыть вряд ли разрешат, но чаек мы забабахаем что надо. Сейчас порубаем, возьму бачок и схожу за водой.
— Давай я схожу.
— Не надо, я сам.
— Почему?
— Потому что мне так нравится!
— Тебе нравится носить воду по пересеченной местности? — уточнил я. — В бачке без крышки?
Косяк заржал.
— А я в чайнике буду носить!
— Ты смотри, ведь меня как припашут — и останешься сам на хозяйстве, — настаивал я.
— Да и хрен с ним. — сказал Косяк. — Все равно заняться нечем!
Котелки мы рискнули помыть дизельной водичкой из канистры. Понюхали их и решили, что вроде пронесло. Майора с капитаном не было ни слуху, ни духу. Косяк взял чайник и ушел. Я закурил и уселся на подвесной лесенке кунга переваривать еду. День пока что складывался — лучше не придумаешь.
Перспективы тоже выглядели неплохо. У нас была паяльная лампа и специальная тренога с соплом. Лампа разжигалась, утыкалась выхлопом в сопло. На треногу ставился бачок. В бачке готовилось что угодно. Еще у нас была сковородка. Так что картошка с тушенкой на ужин — обеспечена. И чайник мы взяли. Счастье-то какое.
В армии очень трудно, почти невозможно плотно и вкусно поужинать. Солдат кормят на ночь скудно и невыразительно. Дабы им кошмары не снились, наверное. Самая обстоятельная еда — обед. Но к вечеру этот обед прогорает в организме. А ужин обычно настолько плохо запоминается, что приходишь из столовой с устойчивым ощущением недокормленности. В общем, именно к ночи личный состав особенно голоден. Поэтому во всех каптерках, канцеляриях, штабах и даже на контрольно-пропускных пунктах вечером журчат кипятильники, а из "нычек" извлекается заблаговременно припасенная еда, желательно повкуснее. Вкусы разные (я видел, как сгущенное молоко, намазанное на хлеб, посыпали сверху растворимым кофе), но тенденция везде одна: пожрать бы.
Честно говоря, вопросы питания себя, любимого, волновали меня сейчас в последнюю очередь. Я отдыхал от казармы. Впитывал запахи леса. Представлял, каково будет

забраться на крышу машины, когда стемнеет — и глядеть в бездонное украинское звездное небо.
Но чтобы окружающие не мешали мне этим заниматься, у них с едой все должно было сложиться удачно.
А то сожрут ведь.

***

Майор Афанасьев и капитан Дима Пикулин вернулись к нам озабоченные, при охапке карт и в сопровождении невысокого подполковника с красной повязкой на рукаве шинели.
На повязке было написано: "ПОСРЕДНИК".
— Понял, где вы, — сказал посредник и убыл в лес.
Офицеры забрались в кунг, высыпали карты на стол, сняли куртки и удивились:
— А почему тут холодно?
— А вы сказали?.. — спросили мы.
Афанасьев почесал в затылке и распорядился:
— Включить отопитель. И регулярно проверять. Каждые тридцать минут.
Я разогрел лампу накаливания, подал топливо — отопитель тихонько загудел, — и поинтересовался:
— Что проверять — не угорели ли вы?
— Смотреть, не заглохла ли эта адская машина, — сказал Афанасьев. — А теперь брысь отсюда, ты пока не нужен.
— Чаю хотите, товарищ майор? — спросил Косяк.
— Очень хотим, — ответил капитан Дима Пикулин.
— Сейчас вскипятим.
— Только осторожно, — напутствовал нас Афанасьев. — Не спалите лес. Пожарной тревоги в плане КШУ нет.
— Есть.
— Соблюдайте технику безопасности.
— Ага.
— Расчистите площадку под треногой и вокруг нее от горючих материалов.
— Угу.
— И тщательно окопайте!
— А то!
— Вы поняли, что вам приказано, товарищи сержанты?
— Да все будет нормально, товарищ майор!
— Надеюсь! — сурово сказал Афанасьев.
Взял лопату, стоявшую в углу кунга, вручил ее мне и захлопнул дверь.
— Вы поняли, что вам приказано, товарищ сержант? — спросил Косяк. — Гы-гы-гы!
Пока Косяк раскочегаривал паяльную лампу, я довольно легко "расчистил площадку от горючих материалов", попросту срыв то, что поддавалось лопате. Изобразил вокруг невысокий бруствер. Если не приглядываться, то импровизированный очаг выглядел неплохо. Косяк установил треногу, воткнул лампу в сопло и пристроил сверху чайник.
Офицеры в кунге возились с картами, негромко переговариваясь и сдержанно ругаясь.
Работа шла у них споро. Когда чай подоспел, на столе уже лежала здоровенная бумажная простыня, и Афанасьев грозно нависал над ней, целясь в поле боя остро отточенным карандашом.
У Косяка был маленький приемник на батарейках, мы с ним засели в кабине. Каждые полчаса я заглядывал в кунг и проверял, не заглох ли отопитель. Майор Афанасьев встречал мои визиты одобрительным бурчанием.
— Узнай у них, вечерять тут будем, или как, — попросил Косяк. — А то картошку чистить давно пора… Афониным ножом, гы-гы-гы!
Афанасьев, лежа животом на карте, сказал, что сегодня не до разносолов с развлечениями, дел по горло, и кстати, мне не стоит особо расслабляться, поскольку завтра я вступаю в игру.
— Да и хрен с ним, — согласился Косяк. — Просто скучно.
Смеркалось. В кунге зажглась тусклая лампочка. Потом офицеры сбегали поужинать, а Косяк принес с кухни наши "пайки" и горку тощих жареных рыбок. Офицеры, вернувшись, заказали еще чаю да побольше — и снова упали животами на стол.
Я взял у Косяка приемник и осторожно, стараясь не топать, залез на крышу кунга. "Кто там?" — глухо поинтересовался Афанасьев изнутри. "Дежурный по штабу. Веду

наблюдение, вдруг генерал придет". Афанасьев хохотнул и не стал возражать. Я раскатал по крыше маскировочную сеть, сложенную в несколько слоев, и лег навзничь. Небо, какое там было небо. Звезды, какие там были звезды. Лес гудел автомобильными моторами, перекрикивался человеческими голосами, но все равно это был лес. А сам я пусть и не освободился от Вооруженных Сил, но зато вырвался из-за забора части. Почти год уже денно и нощно вокруг меня стоял этот забор. В какую сторону ни погляди — бетонный забор, вся разница что грязно-белый или светло-серый. На летнем полигоне я слишком занят был элементарным выживанием, чтобы почувствовать, каково это: жить без забора.
Теперь почувствовал.
Приемник удивительно легко поймал "Русскую службу Би-Би-Си". В Москве ее глушили, а тут, похоже, вовсе нет. Можно было надеяться в пятницу услышать Севу Новгородцева. "Мы встретимся с вами в полночь на короткой волне, когда начнут бить кремлевские курсанты… э-э, куранты!". Хорошо. Как мало надо для счастья.
Ладно, пора сунуть нос в кунг. Афанасьев сам педант и уважает это в других. А мне с ними обоими еще служить и служить — и с майором, и с отопителем.

***

Полночи я дежурил, следя, чтобы три храпящих тела не отравились угарным газом, потом мне дали выспаться, и перед обедом — началось. Армия структура бюрократическая. Ты можешь разбить врага наголову, но грош тебе цена, если победа достигнута без заранее подготовленного плана, оформленного уставным образом. А уж на КШУ без правильно составленной бумажки ты… Даже не букашка. Какашка ты, вот кто. Поэтому я достал из шкафа пишущую машинку и принялся клепать документы. Карточки на ватмане, которые потом надо было разграфить, склеить между собой в "раскладушки" и придать им деловой вид. Какие-то схемы и графики — не помню уже, забылось за давностью лет. А дальше бумага: приказы в ассортименте. Машинка вроде бы держалась молодцом. Офицеры ушли — и я начал лупить по клавишам в нормальном ритме. При Афанасьеве это было неразумно.
Косяк бродил вокруг кунга, потому что спать больше не мог. Если я выглядывал в окно, он приветственно махал рукой, но внутрь не совался. Только чаю мне принес по собственной инициативе — и тут же вышел. Старался не мешать. Косяк уважал в людях мастерство, и на него произвело впечатление то, как я печатаю. Когда на большой тяжелой "механике" разгоняешься до ста пятидесяти-ста восьмидесяти ударов в минуту (нормальный темп умелого непрофессионала), это довольно шумно, и только. Но вот когда ты уверенно держишь такой темп хотя бы полчаса, тут-то окружающие и задумываются. А я мог держать темп четыре часа и больше. К счастью, в ББМ об этом пока не знали, разве что писари догадывались.
Позже узнают многие. Но никто не донесет офицерам. И когда Афанасьев попросит (именно попросит) готовить документы на новый учебный период, я буду неделю бить баклуши, отпечатав все за сутки. Афанасьев потом догадается, что его водят за нос, но у майора просто не найдется рычагов воздействия на ситуацию. Только жалобный вопль, который мне передадут: "Этот негодяй берет работы на неделю, делает ее за день, а остальное время где-то спит!".
Будут обвинения и покруче. Уже от замполита: "Он окружил себя единомышленниками и принялся в их компании разлагаться!". Но это позже, позже.
А пока я оглашал черниговский лес металлическим лязгом разболтанной машинки. Косяк обеспечивал снабжение провиантом и, кажется, завидовал мне. Я ведь был занят плотно и серьезно, а Косяк — только периодически. В промежутках он страдал от безделья.
Вечером майор Афанасьев оценил проделанную работу, похвалил меня за качество и вдруг задал неожиданный вопрос:
— В каком состоянии машинка?
— Сильно разбита, но еще поживет, — заверил я.
— В ближайшие дни сложностей не предвидится?
— Ну… Ленты хватит. По механической части гарантий дать не могу, но при разумном обращении машинка продержится верных полгода. До конца следующего периода.
— М-да? — Афанасьев приподнял бровь. — Ее ведь заедало. Четвертый дивизион нам ее одолжил потому что она и так еле жива.
— Если не вдаваться в подробности, товарищ майор — печатать надо уметь, тогда не будет заедать.

Именно. У каждой старой машинки по-своему выработаны детали, и значит, выработался свой "характер". Главное его понять. Эта машинка сбоила, когда клавиши пробивались с чрезмерной силой. Писарь четвертого дивизиона не умел дозировать удар, опыта не хватало, да и не любил он печатать — и у него часто клинило каретку. У меня только два раза, пока не понял, в чем проблема.
— Хорошо, — сказал Афанасьев. — Завтра бумажной работы будет немного. Но… Надо бы помочь товарищам. Ты не против слегка постучать на сторону, хе-хе?..
— Нам это выгодно? — нагло полюбопытствовал я.
— А ты как думаешь? — Афанасьев ухмыльнулся.
Я никак не думал. Я просто слышал, что однажды комиссия из штаба округа повысила оценку моему учебному артполку с "четырех" до "пяти" за две коробки клея ПВА. Хотя, по идее, в штабе Московского округа этого клея хоть задом ешь. Пока не склеится.
Может, это был всего лишь слух — про оценку. Но то, что они две коробки клея с собой уперли в столицу, видели многие. Зачем?!
Любят ли Слонопотамы поливинилацетатный клей?
И как они его любят?..
— Мне придется куда-то идти?
— Так я и отдам своего писаря! Все сюда принесут. И бумага у них есть, и копирка. Значит, договорились.
— Бедный Косяк, — сказал я искренне.
— Я его нагружу, и он не будет скучать без тебя, — пообещал Афанасьев.

***

Завтрак оказался вполне съедобным. Мы заварили чаю и стали решать, слопать еще по баночке из сухого пайка, или не надо. Пришли к выводу, что пока обойдемся, а там видно будет. Если удастся консервы сэкономить — по возвращении в бригаду честно поделим.
После завтрака в дверь кунга деликатно постучали. Я выглянул. Там стоял давешний подполковник-посредник.
— Доброе утро! — сказал он. — А не найдется ли у вас газеты "Красная Звезда"?
— Э-э… — вопрос меня несколько ошарашил, потом я сообразил, в чем дело. — Вам почитать — или как?..
— Ну да, как говорится — сколько оторвем, столько и читаем!
— Момент… Вот, прошу вас.
— Благодарю вас!
Вскоре появился Афанасьев в сопровождении незнакомого солдата. Косяк от нечего делать рванул к майору строевым шагом, козырнул и заорал на весь лес:
— Товарищ майор! За время вашего отсутствия происшествий не случилось! Дежурный по штабу Бригады Большой Мощности младший сержант Косяк!
— Вольно. Значит, ты. Познакомься с моим машинистом. Отдашь бумаги ему, объяснишь, чего надо, потом заберешь. Всё, я на КП…. — Афанасьев вдруг прищурился. — Уверены, что происшествий не случилось?!
Косяк на всякий случай огляделся.
Я эту манеру Афанасьева хорошо знал и ответил без тени сомнения:
— Уверены. Только посредник заходил.
— Чего хотел?
— Попросил газету "Красная Звезда" и убыл с ней в направлении… Вон туда убыл.
— Понял. Несите службу! — строго приказал Афанасьев и отправился на КП. Косяк откозырял ему вслед так старательно, что едва не сбил с головы шапку.
— Хромает у вас строевая подготовка, товарищ младший сержант, — заметил я.
— Виноват, исправлюсь, товарищ младший сержант, — пообещал Косяк.
Солдат с бумажками стоял ни жив, ни мертв. Он просто не знал, как воспринимать весь этот цирк. Судя по внешнему виду, парень был из молодых, если вообще не дух.
А еще он был одет в шинель. Как любой, кого я видел в лесу, включая офицеров. А мы четверо ходили в куртках, и это тоже наводило на размышления: чего они о себе воображают, если одеты не как все, а как удобно? А вдруг у них есть веские основания воображать? А вдруг они сразу дают в хрюсло, если ты на них косо поглядел?..
— Ну, чего надо?! — грозно спросил я.
Документы оказались вроде наших, уровня полка. Действительно похоже на дружескую помощь. Может, у них машинка накрылась или писарю руки отдавило.
— Когда надо?

— Да нам бы к вечеру хорошо бы… К ужину.
— Что случилось-то?
Солдат оглянулся на Косяка. Тот сидел на подножке кабины и крутил ручки приемника.
— Не напрягайся, — посоветовал я. — Это мы дурака валяли. Здесь все свои. Наша бригада — неуставная вусмерть.
— А-а… Ну, у нас, короче, в штабе один немножко не того… Протормозил. А командир нервный… Схватил машинку — и в него кинул…
Представив себе картину происшествия, я ощутил нечто вроде благоговейного ужаса. И порадовался, что служу в ББМ. При всех минусах бригады, "нервных" офицеров, срывающих зло на солдатах, в ней не водилось. Да, капитан Масякин выковыривал наводчика Драгого из-под миномета с помощью лопаты — так было, за что! Коля тогда хорошо навел, от души.
— Здоров мужик ваш командир! — сказал я. — Килограммов двенадцать, а то и все шестнадцать метнул. Убить не фиг делать. Не попал, надеюсь?
— Да в том и дело что промазал! Машинка легкая, портативная… Была.
— А-а… Тогда и правда жалко, что промазал.
Мы с солдатом дружно вздохнули.
— А какая она была при жизни? Как звали покойную?
— Не знаю. Плоская красная с белыми пластмассовыми бортиками. Вроде импортная.
— Вот же сволочь ваш командир! — сказал я с чувством. — Это "ТБМ Трэвеллер Де Люкс". Очень удобная машинка. Только не надо лупить по клавишам со всей дури сверху вниз. Удар должен идти с небольшим потягом, вскользь. Если приноровишься, тогда ей цены нет. У меня такая дома.
— Дома? — удивился солдат.
Развивать эту тему мне не хотелось. Погорюй я еще секунду о судьбе погибшей машинки — страшно захотелось бы домой, к своей. Поэтому я просто сказал:
— К обеду приходи, все будет.
Солдат ушел, озадаченно вобрав голову в плечи. Я повернулся к Косяку:
— Слыхал?..
— Подумаешь, — сказал Косяк. — То ли дело в меня на гражданке аккумулятором бросил один псих.
— Двенадцативольтовым?
— Ха! Двадцатичетырех.
— О, ужас. Он был штангистом?!
— Он был псих, — повторил Косяк. — В больницу с грыжей увезли.
— Кого из вас? — уточнил я на всякий случай.
Косяк рассмеялся. Потом сказал, что со мной в лесу довольно весело, но вообще тут очень скучно.
— А я бы здесь пожил до холодов. Обожаю лес.
— Да что тут делать?! — изумился Косяк.
— А в бригаде что делать? Тебе там, может, не скучно, а я каждый божий день наблюдаю, как моему призыву — кулаком в грудину да сапогом по заднице.
— Тебя-то не трогают.
— Ребят жалко.
Косяк подумал и сказал:
— Дивизион у вас конечно… Долбанутый. Придурок на придурке. Одно слово — болото.
— Ага. Слышал поговорку: "Отчего в третьем дивизионе болото? Потому что в четвертом — трясина!"
— Ну-ну! — Косяк почти обиделся. — Иди печатай. Командир пишущей машинки!
— Есть, товарищ дежурный по штабу! Ладно, не злись. Ваш Исламов, конечно, тот еще товарищ… А в остальном ребята из четвертого нормальные.
— А ваш Арынов — вообще… Как вы его терпите? Я бы убил.
— Была такая идея, — сказал я небрежно. — Просто мы не придумали, куда девать труп.
— Шутишь? — спросил Косяк недоверчиво.
— Шучу, — ответил я нейтральным тоном. — Пойду в самом деле печатать. Ты не устал ходить на кухню?
Косяк помотал головой. Я полез в кунг.
Мы и правда не знали, как спрятать труп. Убийство не планировалось заранее, но мы всерьез обсуждали, что делать, если кто-то сорвется и придушит гаденыша.

Увы, наша "седьмая площадка" была плотно заселена войсками. Всюду шлялся народ, всюду были глаза. Под любым кустом валялся дрыхнущий бездельник, на чердаке казармы прятались от дедов молодые, даже подземные коммуникации были обжиты. Отмазка-то простая: боец не вернулся из самоволки. А вот с телом проблема. Не закапывать же его в парке, там собак полно, вдруг примутся выть на могиле. Выносить в город — почти гарантированная засветка по дороге. В общем, мы решили, что глупо идти "на дизель" из-за такого дерьма, как Арынов. Все равно его на гражданке убьют рано или поздно…
В кунге я несколько минут сидел, закрыв глаза. Даже здесь от дедовщины не спрячешься, не забудешь ее. Дикая, невообразимая ситуация, когда нельзя элементарно дать в рыло негодяю — потому что в ответ прибегут десять и начнут тебя метелить почем зря. И никто не заступится, и скрыться некуда. А кто-нибудь из дедов потом еще скажет: ты же умный парень, на фига рыпаешься?
Со зла вдруг захотелось есть.

***

Документы были готовы к обеду. Штабной солдат и Косяк с двумя котелками еды появились у кунга одновременно. Увидев, кто тут ходит на кухню, солдат окончательно уяснил: я — Очень Важная Персона. От смущения он быстро выхватил у меня бумаги и удрал, даже не взглянув, все ли правильно напечатано.
Когда мы уселись в кунге и запустили ложки в кашу, Косяк вдруг заявил:
— Вот хожу я тут, гляжу на этот цирк и думаю: а что будет, если на нас вправду нападут?! Жопа ведь будет.
Об этом в ББМ хоть раз задумывался каждый. Мы, так сказать, знали имена своих врагов и имели представление, с чем кого из них едят. Турки и итальянцы нас не смущали ни капельки, а вот восьмой авиадесантный корпус ФРГ вызывал беспокойство, потому что мог случайно авиадесантироваться нам на головы. Это он на учениях выбрасывается туда, где его легко прихлопнуть. А вот как свалится прямо сверху, тогда одно из двух: либо нихт шиссен, либо бригаден капут.
Теоретически, с нами шутки плохи. У нас есть на складе атомные снаряды и мины — бабах! — украсим пейзаж Украины красивыми грибочками, пусть порадуются люди перед смертью хоть чуть-чуть. Но практически спецбоеприпасы не "окснаренные", то есть не окончательно снаряженные, и пока взрыватели привинтят, всякое может случиться.
Но это вообще лирика. А физика такова, что боеспособность армии в целом весьма сомнительна. Советская Армия слишком неповоротлива, в ней слишком вольготно живется дуракам и перестраховщикам, она слишком много сил тратит на хозяйственные работы. Если бойцы хорошо обучены, это личная заслуга их командиров, а не системы в целом. А про моральный дух и говорить-то неприлично. Большинство украинцев из ББМ уверено, что в случае войны Украина моментально выйдет из СССР. То же самое говорят наши грузины и абхазцы: мы не собираемся воевать за русских, нам давно пора отделиться и вступить в НАТО. Вряд ли это собственные мысли девятнадцатилетних мальчишек — они повторяют то, что слышали от родителей. Вот вам и Советский Союз. Хорошо, казахов и узбеков никто не спрашивает, а то удавиться впору. "Союз нерушимых республик свободный — и так далее…"
Я и раньше удивлялся, какого черта у нас одинаковые паспорта, а в армии окончательно перестал это понимать. Живут в СССР люди, которые откровенно презирают русских, считают полными дураками, но пользуются с ними одинаковыми правами. Живут по сравнению с русскими богато — отчего дополнительно презирают их. Ну и чудненько, пускай отделяются. А мы останемся в России — сообразим как-нибудь на троих с татарами и евреями. И поглядим, чем все кончится.
А с кем лично подружились — будем друг к другу в гости ездить…
Косяк прожевал и сказал:
— Думаю я, Украина воевать не станет. Она сразу отделится, вот увидишь. Выйдет из СССР. Не веришь?..
— Нас с тобой это вообще не касается.
— Почему?!
— Главное в профессии самоходчика — вовремя смыться, — непомнил я. — Мы "по войне" уходим в лес и там ждем личный состав. Пока бригада развернется, либо боевые действия закончатся, либо будет уже ясно, кто кого. Если НАТО выиграет, нас прямо в

лесу возьмут тепленькими. Потом ты домой отправишься, а я в концлагерь. А коли наша возьмет, фиг Украина отделится, придется воевать заодно.
Косяк подумал и решил:
— Да и хрен с ним!

***

Майор Афанасьев и капитан Дима Пикулин появились через час после обеда, розовощекие и оживленные. Залезли в кунг, покопались в бумажках, позвенели стеклянным, вышли — капитан нес туго набитый портфель, — и направились к нам. Афанасьев достал нож, раскрыл его, полюбовался лезвием, закрыл и со вздохом протянул Косяку.
— Понял?
— Так точно, товарищ майор!
— Тогда вперед!
Косяк мигом преобразился. Он едва не подпрыгивал от возбуждения.
— Ты ведь умеешь не только веники вязать?
— Конечно, — сказал я, принимая нож.
Косяк сунулся в кунг за картошкой и громко присвистнул.
— Во дают! Гляди!
На столе появилась, откуда ни возьмись, стопка алюминиевых мисок. Четыре штуки. Не иначе, из столовой увели.
Я сел чистить картошку. Косяк ушел за водой. Вернувшись, он достал из кунга нашу канистру, опорожнил ее под дерево, понюхал горловину, выругался и ушел снова. Когда набралось достаточно картошки, мы понюхали свежую воду из канистры, по очереди выругались, и я стал мыть картошку водой из чайника.
— Теперь гуляй, а я сделаю нам поджарочку, — сказал Косяк, забирая нож. — Или не гуляй, смотри и учись.
Я взял из кабины приемник и, объяснив, что сверху лучше видно, полез на крышу кунга.
Смеркалось. Косяк внизу колдовал над сковородкой, временами ахая и охая от наслаждения. "Нет, ты погляди! — кричал он мне. — Да ты спустись и понюхай!". "Верю, верю", — отвечал я. На крыше было слишком хорошо, чтобы разделять его кулинарные восторги. Привольно было.
Очень твердо ступая, пришли офицеры. Портфель капитана Димы Пикулина стал заметно тоньше. Афанасьев, поддавшись уговорам Косяка, посмотрел на еду и понюхал ее. Выразил одобрение. По тому, как медленно и вдумчиво он выговаривал слова, я понял: ББМ отстрелялась успешно и уже минимум дважды обмыла результат. Сейчас остальные, кому мы обеспечили прорыв, тоже отстреляются — и начнется.
Оставив портфель, офицеры удалились в лес и пропали. Вместо них явился посредник. Тоже посмотрел на еду и понюхал ее. И тоже исчез.
В темноте бачок на треноге, под которой билось пламя, выглядел фантастически — будто летающая тарелка на старте. Рядом нервничал Косяк: уже пора было раскладывать ужин по мискам.
Офицеры вышли к машине, ступая еще тверже, чем раньше, едва не строевым шагом.
— Готово? Давай! — скомандовал Афанасьев и полез в кунг.
Косяк снял с треноги бачок и поставил чайник, я принес миски.
На какое-то время в полевом штабе самоходно-минометного дивизиона воцарилась абсолютная тишина. Только в кунге через одинаковые промежутки времени негромко бурчали и звонко чокались.
На свежем воздухе любая еда вкуснее, но Косяк и вправду сумел из обычной картошки с тушенкой сделать нечто особенное.
Я жевал, подсматривая, как и чем живет лес. Почти однородный при свете дня, теперь он стал чересполосицей темноты и света, тишины и звука. Светлые полосы тарахтели дизелями на холостых оборотах, шумели музыкой, иногда взрывались хохотом. А полосы отчуждения были темны кромешно, и я думать не хотел, как товарищи офицеры их преодолевают, гуляя из штаба в штаб.
Из-за деревьев возник посредник. Траектория его движения напоминала противолодочный маневр, который вот-вот перейдет в противозенитный.
— Прятного п-петита, — сказал посредник и постучался в кунг.
— Угу, — отозвались мы, жуя.
Посредник скрылся в кунге. Там начали бурчать громче и чокаться звонче. Потом высунулся капитан Дима Пикулин и спросил:

— А ничего не осталось?..
— Осталось-осталось! — заверил Косяк.
— Тогда сполосните вот тарелочку и положите…
Когда миска с едой отправилась на стол, Косяк заглянул в бачок и сказал:
— Давай-ка еще рубанем. Пока они добавки не захотели.
И мы еще рубанули.
— А теперь чайку!
Дверь кунга распахнулась, вниз спрыгнули наши и встали у лесенки, раскинув руки.
— Готов! — доложил майор Афанасьев.
— Ура! — крикнул посредник и выпал из двери.
Странно, как они умудрились его не поймать. Наверное, чересчур старались. Впрочем, он не особенно расстроился.
Посредника отряхнули, надели фуражку на голову, взяли под руки и куда-то повели.
— А чай?! — воскликнул Косяк почти обиженно.
Афанасьев, не глядя, отмахнулся, из-за чего вся троица чуть не рухнула.
— Ну и ладно, — сказал Косяк. — Нам больше достанется!
Афанасьев оглянулся, погрозил пальцем — и троица скрылась во тьме.
Мы напились чаю, вымыли посуду, Косяк забрался в кабину, а я опять на крышу. Косяк наконец-то был счастлив. А мне и раньше было хорошо.
Офицеры вернулись заполночь — я как раз успел прослушать любимую передачу.
— Штаб! Стройся! — рявкнул Афанасьев.
Косяк выскочил из кабины, я кубарем скатился с крыши. В официальных ситуациях — когда начальник требует построения — докладывать полагалось мне: несмотря на равные звания, я был старше Косяка по должности. Мы с ним на пару составляли минимально необходимый экипаж боевой машины. Косяк давно не водил миномет, а я ни разу толком из него не выстрелил. Но шутки шутками, а мы и правда могли выгнать "Тюльпан" на огневую, развернуть, зарядить — и шарахнуть по клятым натовцам. Вдвоем это просто дольше, чем вшестером.
— Равняйсь! — скомандовал я.
Мы изобразили подобие строя. Афанасьев, конечно, валял дурака, но мы не имели ничего против свалять дурака в ответ.
За спиной майора капитан Дима Пикулин мелко хихикал и широко пошатывался.
— Смирно! Товарищ майор, за время вашего отсутствия…
— Вольно. Товарищи сержанты. В связи с успешным окончанием командно-штабных учений… Хм… М-да…
Тут Афанасьева заклинило. То ли он забыл, чего хотел, то ли передумал, то ли стоя задремал.
Капитан разрядил обстановку. Он просто обнял Афанасьева за талию и потащил в кунг. Майор сразу очнулся.
— Вольно! Разойдись! Отбой! — провозгласил он. — Всем отбой! Всем спасибо, молодцы!
Мы с Косяком переглянулись.
— Ты Афоню и Диму дольше знаешь. Как думаешь, ББМ четыре балла поставили или все-таки пять? — спросил я.
— Это пять! — убежденно сказал Косяк.

***

Утром спали долго. Полевая кухня уже готовилась сворачиваться, когда Косяк до нее добрался, но кашки пару котелков он там раздобыл. Позавтракали, выпили чаю, начали не спеша упаковываться. Я грустил. Мне страсть как не хотелось возвращаться в казарму. Все-таки находиться круглосуточно в компании ста с лишним человек — тяжкое испытание для психики. Надышавшись лесом, я это понял еще лучше. С другой стороны, и на том спасибо, некоторые всю службу в казарме сидят.
Я курил, глядя в лес, когда подошел Афанасьев и сказал:
— Значит так, товарищ младший сержант.
— Да, товарищ майор.
— У Косяка неподалеку родители живут. Получится небольшой крючок, но заехать в гости можно. Переночевать. Рассказывать про это в бригаде не надо. Понял? — Афанасьев сделал очень страшные глаза.
— Мне болтать об этом просто невыгодно, товарищ майор, — честно сказал я. — А то старший призыв от зависти на стенку полезет.
— Тебя ведь больше не трогают. Ты их… Утихомирил.

— Ну, вот я их и не провоцирую лишний раз.
— Значит, договорились?
— Слово.
— Тогда поехали. Косяк! Заводи!
Косяк завел, и мы поехали из леса.
Я уложил стопкой в углу кунга четыре матраса, упал на них, замотался в четыре одеяла и сладко заснул на четырех подушках. Проснулся от голода. Похоже, я в лесу разъелся, и теперь жевать хотелось постоянно.
Еды было много. Для начала следовало прикончить остатки утренней каши. Я насыпал себе полную миску, сел за стол и принялся наворачивать за обе щеки, поглядывая в окошко. Машина катилась по шоссе, вокруг были поля, за ними — то лесок, то деревенька. Идиллия.
И тут долбануло в распределительном щите.
У двери кунга, в самой его корме, за вещевым шкафом, был еще шкафчик, битком набитый хитросплетенными проводами. Сейчас там, по идее, не было нагрузки, но распределительному щиту забыли об этом доложить — и в нем со страшной силой замкнуло. Раздался громкий хлопок. В кунг выплеснулось облако черного дыма с отвратительным запахом горелой пластмассы. Дым был настолько плотный, что я ослеп. Защипало глаза.
Понятия не имею, почему я не бросил миску с кашей. Видимо, инстинктивно подхватил ее со стола. Так или иначе, я прыгнул к двери, крепко сжимая миску в левой руке. Растопырился в проеме, чтобы не выпасть наружу — рефлекс самоходчика, — и правой толкнул дверную ручку, вниз и от себя.
Прочихался, прозрел — и обомлел.
Дорога была узкая, и наш "Урал" собрал за собой порядочный хвост гражданских легковушек. Теперь представьте реакцию их водителей.
Нет, вы представьте. Едет перед вами простой военный грузовик с железной будкой вместо кузова. Неожиданно в корме будки распахивается дверь. Из двери вырывается черный-пречерный дым. А в этом черном-пречерном дыму стоит парень в черном-пречерном комбинезоне. И в одной руке у парня алюминиевая миска.
Вы бы видели, какие глаза были у водителя передней машины в колонне. Мне показалось, они заняли все лобовое стекло.
Смущенный, я убрался назад, поставил миску на стол и осторожно сунулся к шкафчику. Там вроде не горело. Дым из кунга вытянуло вмиг. Я приоткрыл дверцу шкафичка, полюбовался на оплавленные провода, стал искать предохранитель и вроде бы нашел его. Вроде бы предохранитель вроде бы сработал штатно. Развития пожара можно было не опасаться. Доложить об инциденте — успеется. Я с облегчением выдохнул. Обернулся, помахал гражданским водителям, захлопнул дверь. Стараясь не думать о том, что мне здорово повезло. Кунг это "кузов универсальный несгораемый герметичный", в данном случае битком набитый горючими материалами. Включая мою куртку на вате. Задымление было такое, что либо распахивай дверь настежь, либо отдавай концы. В случае настоящего пожара я бы, открыв дверь, только поддал огню кислорода — и полыхнуло бы прямо на меня. Следующей фазой поездки в гости к Косяку стало бы катапультирование вашего покорного слуги на дорогу. Какой там, к черту, огнетушитель. Тем более, он сто раз просрочен.
Пожарный норматив покидания кашээмки: за пятнадцать секунд пролезть сквозь весь МТ-ЛБу — войдя через люк механика-водителя, выйти через кормовой. На первый взгляд, для этого требуется грация ленточного глиста. Но когда привыкнешь к машине, запомнишь все острые углы, то и за десять секунд управишься.
Я снова уселся за стол и занялся остатками каши.
Кто бы мог подумать, что назавтра кунг попытается убить меня другим способом, куда более коварным.
Впрочем, он, сволочь, не на того напал.

***

До деревни Косяка добрались уже в сумерках. Остановились возле типичной хаты-мазанки, и наш водитель скрылся в ней. Скрылся надолго.
Мы с офицерами бродили у машины. Я доложил Афанасьеву об инциденте с распределительным щитом. Майор поглядел на меня так, будто я это нарочно устроил. Он слазал оценить разрушения и сказал: да, предохранитель сработал штатно, но электропитание кунга теперь отрублено напрочь, а провода в таком состоянии, что и думать нечего все наладить по-быстрому.

— Ну вот, оставил ты нас без отопителя.
— Почему — я?!
— Потому что!
— …И не "нас", а только себя. У вас в кабине печка.
— А спать где будем?!
— Там будем, — сказал капитан Дима Пикулин, показывая в сторону хаты. — Чего ты пристал к парню, в самом деле. Он же не нарочно замыкание устроил.
— Это мы еще разберемся! — пообещал Афанасьев.
Судя по интонации, он не был особенно сердит. Просто решил лишний раз напомнить мне, кто тут главный, а кто временно оказался в Вооруженных Силах и теперь своим присутствием в них ставит под вопрос обороноспособность страны.
Косяк все пропадал в хате.
— Погудеть ему, что ли? — спросил я.
Это было не от душевной черствости, просто хотелось залезть в кабину, сесть за руль и гуднуть слегка. Раз уж рулить не приходится. Я очень давно не водил машину. А ведь умел когда-то.
— Имей совесть, — пристыдил меня Афанасьев. — Человек полтора года не видел маму с папой.
Совести хватило еще на пару минут.
— Ну-ка, погуди ему, — скомандовал Афанасьев. — Только негромко.
— Как получится. Это ж "Урал", он тихо не умеет.
— Дай лучше я, — решил Афанасьев. — А то ты еще чего-нибудь замкнешь. Нажмешь на кнопку, и машина взорвется.
Но я уже сидел в кабине и тихо гудел.
Мой сигнал не возымел никакого эффекта.
— Кто ж так гудит? — презрительно сказал Афанасьев. — Дай, я.
— Сами просили негромко…
Капитан Дима Пикулин топтался на обочине. Темнело. Холодало.
— Гляди, как надо! — объявил Афанасьев и погудел как надо.
Машина издала унылый, но оглушительный стон. Так, наверное, вздыхал голодный тиранозавр-рекс.
Из хаты выскочил Косяк и обеими руками замахал нам, приглашая внутрь.
— Извините, — сказал он смущенно.
— Да мы понимаем, — заверил его Афанасьев.
В хате оказалось жарко натоплено и крепко накрыто на стол. Отец Косяка, кряжистый дядька, рано постаревший лицом от крестьянской работы, но в остальном форменный богатырь, уверенно выставил перед товарищами офицерами зеленоватую бутылку. Пузырь был как раз такой, чтобы папаше удобно взять в могучую руку — литра полтора.
— Ну, — объявил Афанасьев, — со свиданьицем!
— Хлопчикам-то нальем маленько… — папаша едва заметно подмигнул.
— Только маленько, — согласился майор.
Ох, какой там был стол. И все домашнее, с этой вот благодатной украинской земли. Плотное такое, сочное, убедительное. И сало, разумеется. Я к салу всегда был равнодушен, но тут уж сам Бог велел. Специалисты нынче уверяют, что это пища бедных, и с дальнейшим врастанием Украины в Европу доля сала в местном рационе будет неукоснительно снижаться. Не верю. Скорее русаки перестанут занюхивать водку хлебной корочкой — этот ритуал уже утратил культовый статус, и его адепты вымирают. А жаль. Попробуйте вместо закуски водку занюхать хлебом. Очень интересный эффект. Вот так и сало. Оно неспроста. Даже перестав его непосредственно поедать, на нем будут готовить. И это — надолго…
Майор Афанасьев внимательно пригляделся, как у сержантов проскочила первая рюмка и, похоже, остался доволен. Мы, конечно, малость осоловели с отвычки, но под стол не сползли.
— После третьей — стоп, — сказал нам Афанасьев. — Тебе завтра за руль, а тебе… Просто ни к чему.
Естественно, надо ему больно, чтобы я на всю казарму дышал самогонным перегаром. Завязался ни к чему не обязывающий застольный разговор. Третья рюмка наступила как-то очень быстро. Потом у капитана Димы Пикулина изъяли пистолет. Косяк попросился сходить на танцы в клуб. Афанасьев строго наказал ему, чтобы больше — ни капли. Косяк пообещал и тут же исчез. Стало окончательно вольготно. Куда-то пропали хозяева. А мы с офицерами сидели и просто болтали обо всем на свете. Почти как равные. И ни слова про армию.

Дальнейшее помню смутно. Афанасьев вроде бы сказал мне, что после следующей (не понять, седьмой или десятой) — точно стоп, и я согласился. Разобрать приказ майора на слух мне удалось с трудом, из чего я сделал вывод, что действительно, всем пора закругляться. Капитан Дима Пикулин широко улыбался и невнятно булькал. Ему было хорошо. Афанасьев обнял его и повел на двор. Там оказалось по щиколотку снега. И наш "Урал" стоял весь белый. И с неба падали огромные хлопья. Я запрокинул голову и ловил их лицом.

Капитан Дима Пикулин увлеченно блевал себе под ноги, Майор Афанасьев на всякий случай придерживал его за пояс. Отстрелявшись, капитан не пожелал уходить со двора просто так. Он принялся собирать с капота машины снег и забрасывать им следы своей жизнедеятельности. Майор бродил за капитаном, как привязанный, крепко вцепившись в его поясной ремень.

Я стоял под снегом и думал — помню, как сейчас, — что вернусь в бригаду совершенно другим. Что-то произошло со мной на этих учениях. Несколько дней относительной свободы вытолкнули меня в другое измерение.

Придя в армию с искренним желанием понять ее, я уже через неделю оказался совершенно раздавлен бессмысленным ужасом открывшегося мне. Армия жила ради себя. Это был изношенный организм, тратящий две трети сил, чтобы стоять на ногах. Еще треть уходила на имитацию деятельности. Честно говоря, я испугался тогда. И сбежал в штаб учебной дивизии — туда, где руководили имитацией. Убедился: да, учебка это несерьезно. Понадеялся увидеть что-то другое в войсках. И угодил в ББМ, ха-ха-ха. И испугался окончательно. Впервые в жизни мне стало по-настоящему страшно за свою страну. Вменяемое государство просто не могло допустить такого безобразия. Я искал признаки того, что наша армия жива, повсюду. Она же сейчас воевала, как-никак. Оглядывался на соседей по "площадке", присматривался к коллегам-артиллеристам на полигоне. Но везде так или иначе проглядывало одно и то же. И рассказы офицеров-"афганцев" подтверждали мое горькое открытие. Армия утратила внутренний смысл. Она не понимала, зачем она есть.

…Есть. Можно пойти еще чего-нибудь съесть!

И вдруг я перестал бояться армии. И переживать за нее. Я увидел армию в гробу — и мне стало все равно, что с ней. А значит, нужно просто выдержать здесь еще год. Обустроить свою жизнь по возможности комфортнее. И сделать так, чтобы ребятам было повеселее.

Потому что мы тут не служим Родине, а отбываем повинность перед государством. Отдаем ему должок за бесплатное образование и медицинскую помощь. Советская власть нас выучила-вылечила, а теперь забирает назад толику здоровья и ума. Чтоб мы покрепче осознали, кому всем обязаны.

Ну, так тому и быть.

…Ноги слегка заплетались. Крепкая рука ухватила меня за ремень — и майор Афанасьев двинулся к хате, как коренник между пристяжными. Говорить он, похоже, не мог, и теперь осуществлял руководство невербально. Получалось — вполне.

— Баиньки хочу, — совершенно трезвым голосом сказал капитан Дима Пикулин.

Еды на столе, казалось, не убавилось вовсе. Я тоскливо поглядел на это великолепие, понял, что кусок уже не лезет в горло, и упал на лавку.

Бдительный Афанасьев лег только после нас. Последнее, что я запомнил — как майор заботливо поправлял куртку, которой я был укрыт.

***

Похмелья не было. Было опьянение. Я кое-как продрал глаза и осторожно, чтобы не взбалтывать организм, сменил положение "лежа на лавке" на положение "сидя на лавке", отчего сразу оказался за столом. Напротив меня Косяк что-то пил из кружки, держа ее обеими руками. Физиономия у Косяка была сиреневая, но довольная. Офицеры выглядели примерно так же: помятые, зато одухотворенные. Если бы не форма — почти как люди.

Собирались молча, потому что говорить было трудно, не шли слова на ум. Потом майор Афанасьев взял капитана Диму Пикулина под руку и отвел к машине. Кое-как усадил в кабину. Кое-как забрался сам.

— Ы?.. — спросил меня Косяк.

Я предъявил в ответ большой палец.

— У… — сказал Косяк, указывая на кунг.

Он проследил, как я гружусь в эту будку, и на всякий случай перезахлопнул за мной дверь. Потом громыхнул правой дверцей кабины. Ушибленный майор Афанасьев что-то недовольно буркнул.
Наконец мы поехали.
Я не стал долго раздумывать: четыре матраса, четыре одеяла, четыре подушки — чего еще желать усталому сержанту, возвращающемуся на зимние квартиры? Степень моей неадекватности отражало лишь то, что если вчера я спал на полу, то сегодня зачем-то улегся на столе.
И мгновенно уснул.
А когда разбудили, ничего не понял.
Надо мной стоял Косяк, осторожно тряс за плечо и тихо матерился. Причем матерился — радостно.
— Чего? — спросил я. — Приехали?!
— Ага, — сказал Косяк. — Чуть не приехали, трам-тарарам. Ну, ты даешь. Погляди-ка туда.
Я поглядел. В стене кунга, где полагалось быть окну, зияла дыра.
Окно откидывалось на петлях наружу и вниз. То ли я в последний раз, когда проветривал, не до конца затянул стопор, то ли он сам от тряски сдвинулся. Так или иначе, окно распахнулось. И, судя по ледяному холоду в кунге, давно. Это я понял, высунув руку из-под четырех одеял.
— Трам-тарарам, — сказал Косяк. — Мы когда от деревни отъехали, на повороте что-то громыхнуло. Я прислушался — вроде больше не стучит. Ну, и еду дальше. А это окно, трам-тарарам, хлобысь наружу! И застопорилось в открытом положении, трам-тарарам, поэтому не стучало больше. Ну, я и не стал тормозить, проверять, в чем дело. А сейчас остановился на минуту, выхожу, оглядываюсь на кунг — ТРАМ-ТАРАРАМ!!! — окно настежь!
— Давно?.. — только и спросил я.
— Часа три, не меньше. У меня первая мысль: всё, трам-тарарам, убил Олежку. Заморозил. Я тихонечко так, бочком, к кунгу подползаю, зову тебя — Оле-еж-ка, ты живо-ой… Страшно, аж жуть. И тут слышу, как ты храпишь! Ну, думаю, силен москвич. А ты вон как тут устроился. Везучий, черт!
Я выбрался из-под одеял и почувствовал, что сон на свежем воздухе пошел мне на пользу.
— Пожалуй Афоне об этом лучше не знать.
— Ха! — согласился Косяк.
— Как они там?
— Дрыхнут. Всю кабину задышали, окна протирать замучился.
— Ладно, я тоже на минуту выйду, с твоего позволения. И — спасибо.
— Да хрен с ним, — отмахнулся Косяк. — Главное, ты живой.
— Слушай… Ты не голодный? А то провианта осталось полно.
Я уже не мог не думать про еду. Точнее — куда ее, проклятую, девать.
— Спасибо, не надо. Мне домашнего собрали малость, я теперь это военное дерьмо и видеть не хочу. Пару банок тушенки возьму, остальное забирай. Есть, куда заныкать?
— Конечно. Шнейдеру отдам. Заодно подкормится, а то он на узле связи так присиделся, что обедать ходит через силу.
— Я бы в штабе не смог, — убежденно сказал Косяк.
Я бы смог. Мне очень помогло выжить в ББМ то, что каждый месяц хотя бы два-три дня я работал в штабе. Так я отдыхал от своего "болота". Набирался сил терпеть третий дивизион, где можно было прямо в строю получить кулаком в почку лишь потому, что дедушка захотел проверить, хорошо ли у него поставлен удар. А неделя за машинкой на летнем полигоне меня просто спасла. Параллельно я своими отлучками повышал личный статус — сам того не зная. Все, оказывается, ждали, что москвич застрянет в штабе навсегда, спрячется там. Но москвич упорно возвращался к своему призыву и вместе с ним огребал по полной программе… Были дни, когда я действительно очень хотел уйти из дивизиона. А теперь радовался, что не было возможности. Ну, застрял бы я в штабе — и чего? Еще целый год чаи гонять со Шнейдером?
Я пропустил бы самое интересное — то, что ждало впереди.
Много веселья и много вкусной еды, будь она неладна.
И самогон неоднократно.
И никогда больше не драться.

***

Первым делом в Белой Церкви мы провернули операцию по отгрузке капитана Димы Пикулина на квартиру. Капитан уже мог ориентироваться в пространстве, но ему все еще было слишком хорошо, чтобы заниматься прямохождением. Помогая капитану, майор Афанасьев так утомился, что опять заснул, едва сев в кабину.
В парк ББМ мы въехали, когда уже вечерело. Я напихал полный вещмешок провианта и, сгибаясь под тяжестью трофеев, полез из кунга.
— Ну и рожа у тебя! — сказал Афанасьев.
Я легко прочел его мысли. Провел ладонью по щеке. Да-а… Посмотрел на часы.
— В штабе уже никого нет. Зайду к Шнейдеру, возьму у него бритву, умоюсь заодно… Появлюсь в казарме чистый и свежий.
— Правильно мыслите, товарищ младший сержант. Не забудь хорошенько почистить зубы! — напутствовал Афанасьев.
Я простился с Косяком, подхватил пишущую машинку и направился в штаб. Знакомая дорога через территорию ракетчиков. Сколько еще мне по ней ходить. Иногда во главе дивизиона. Чего только по ней не таскать. Начиная с огнетушителя и заканчивая телевизором.
Месяцев через пять это будет: иду из парка в штаб, несу на плече здоровенный телевизор. Навстречу мне незнакомый подполковник-ракетчик. Когда у военного руки заняты, он отдает честь поворотом головы. Ну, и я этому подполковнику головой четко так: чик-чик. Тот мне в ответ козыряет. И вдруг останавливается.
— Погоди, — говорит.
Ну, могу и погодить, телевизор удобно лежит на плече.
— Ты откуда, — спрашивает подполковник, — такое взялось?
— Я такое взялось, — отвечаю, — из Бригады Большой Мощности.
— Это понятно. Мне интересно — чего ты такое волосатое?
— А-а… Да я, товарищ подполковник, такое волосатое потому что ровно час назад с полигона приехало.
Посмеемся вместе, разойдемся. Всегда бы так. А то пристанут с ножом к горлу: чего небрежно честь отдаешь. А я тебя знаю?! Скажи спасибо, что вообще заметил. Ишь ты, целый капитан. Да у меня своих капитанов три штуки, не считая двух майоров. И козыряем мы друг другу строго два раза в день, утром и вечером, иначе получится у нас не служба, а одно безостановочное отдание чести…
…В штабе было пустынно. Я постучался на узел связи.
— Гена, держи, это полный вещмешок еды.
— Ну и рожа у тебя!
— Спасибо, тоже очень рад встрече.
Взгляд в зеркало многое объяснил. Рожа была мало того, что зверски ощетинившаяся, так еще нагло опухшая и заметно пьяная. Деду, а то и дембелю впору. Да уж, идти в казарму сейчас не стоило. Там бы сразу забыли о моем особом статусе почти-черпака. Побили бы просто из зависти.
Шнейдер сделал мне кружку кофе и дал бритву. Позвонил в казарму, отыскал Михайлова и Ракшу, сказал, чтобы после ужина приходили… Ужинать.
Они потом этот вещмешок несколько дней втроем подъедали. А я даже не притрагивался. Не хотел. И только на последней банке тушенки сломался — отнял уже открытую и слопал половину. Из принципа.
Столкнулся в парке с Косяком, а тот мне:
— Эх, хорошо съездили. Как вкусно было, помнишь?
— Не в жратве счастье, — говорю. — В свободе. Вот что было вкусно! Уж ты-то, гордый сын вольнолюбивого украинского народа, должен это понимать.
Косяк подумал и сказал очень серьезно:
— Конечно. Как же без свободы. Без свободы это не жизнь получится, а какая-то сплошная армия.
Еще подумал и добавил:
— Но кушать — надо!

ГЛАВА 11.

— Пойди найди Суслика, — сказали мне, — в казарму его позови.

В будке КПП сидел на подоконнике боец с характерной внешностью — тощий, мордочка острая, зубы мелкие.
— Ты, что ли, Суслик? — спросил я.
Парень замахнулся на меня табуреткой.
А Сусликом оказался двухметровый плечистый детина по фамилии Сысоев.

ФАМИЛИЯ!!!

список личного состава выборочно

в выборке — офицеры, солдаты и сержанты разных частей

В штабе учебной артиллерийской дивизии, где я трудился писарем-машинистом, сидели в одном кабинете друг напротив друга майор Федоров и майор Федькин.
Еще там имелся подполковник Кривополенов. Я мог бы для красного словца наврать, будто помощником у него был старлей Безуглый, но это неправда. Безуглый служил в первой батарее артполка. А к Кривополенову частенько захаживал в гости прапорщик Убийволк.
Когда в штаб прибыл на стажировку майор Антипят (с ударением на "я"), начальник строевой части подполковник Монахов заявил — вот это я понимаю. Это да. Будет, о чем рассказать внукам.
Через несколько дней Монахов заорал на кого-то в коридоре "Пиндюра!!!", и я еще подумал — ни фига себе ругательство.
Ага, щас. Просто Монахову прислали в помощники прапорщика Пиндюру.
Как сказали по этому поводу мои приятели из первой батареи Мосягин и Салдан — ну и террариум там у вас.
Позже, отправившись служить из России на Украину, я был готов столкнуться со множеством заковыристых фамилий. Действительно, попав в Бригаду Большой Мощности, я познакомился с Косяком, Флинтюком, Кагамлыком и Заплюсвичкой. Но куда большее впечатление на меня произвели украинец Ракша и русский Болмат. Прямо по Лермонтову — "я знал одного Иванова, который был немец"…
Нормальная для ББМ ситуация — идут по делам Молнар, Пидус и Йокало. А навстречу Верчич, Ивчик и Ващик. А из курилки им приветственно машет минометный экипаж в составе: Скляренко, Кравченко, Максимченко, Голиней, Драгой и выпадающий из контекста Юлдашев. Честно говоря, Драгой тоже выпадает из контекста, потому что он молдаванин по кличке Коля-Гагауз. Или, когда ему надоедает корчить из себя умного, Коля-Пенёк. Который на самом деле совсем не пенек, а просто низко срубленное дерево.
Кстати, занятен был в ББМ механизм присвоения кличек. Отдавал он первобытно-общинным строем. Молодой боец получал имя фактически с потолка, а дальше — как себя покажет. Обычно процесс именования завершался на стадии черпака, т.е. отслужившего год. Причем многое зависело от интонации. Обращение к черпаку по фамилии могло выражать и крайнюю степень презрения, и честно заслуженное признание. Смешная, на первый взгляд, кликуха тоже зачастую гордо звучала. Одного Васю называли Васей будто плюясь, другого — словно былинного богатыря.
Я, единственный москвич в бригаде (а точнее, единственный москвич на целую "площадку", где служило несколько тысяч человек), поначалу был, сами понимаете, Москва. Хотя чаще "Эй, Москва!". Через полгода я обнаружил, что мое имя — Олег. А потом вообще Олежка. Или все-таки Олег, если ко мне обращается младший по сроку службы. И никак иначе.
А вот Тхя с самого начала был Тхя. Крайне редко — "Тх". Говорят (я сам не видел, не застал) его по молодости лет даже ногами били с каким-то внутренним уважением.
Генку Шнейдера в бригаде называли просто Генкой, Вадика Рабиновича просто Рабиновичем. Воху Ходоровского, как правило, Жидом. Шнейдер пытался эту некрасивую тенденцию переломить, но вскоре пришел к выводу, что Ходоровский действительно Жид с большой буквы Ж — и плюнул. Народ заметил, что Шнейдер все равно морщится, и деликатно перекрестил Воху в Мандавоху.
У грузин была переходящая почетная кличка Швили. Ее не давали кому попало, а только людям достойным, за этим следила грузино-абхазская диаспора. При мне такое

прозвище носил Дато Мгалоблишвили и собирался оставить его в наследство Зазе Растиашвили.
Тихонова звали "Фаза" потому что он был такой же огненно-рыжий, как один электрик, служивший в бригаде задолго до. Йонелюнаса прозвали Сабонисом еще и за высокий рост. Ухо сам обкорнал себе фамилию Карнаухов. Пидус выглядел намного старше своих лет и стал поэтому Батей (сколько капитан Мужецкий ни обзывал его "Спидусом" — не прижилось). Заплюй, когда пребывал в хорошем настроении, отзывался на кличку Заплюй. А когда в плохом — он и на Заплюсвичку не реагировал. Ну, а Седой был Седой потому что был седой.
Орынбасара Кортабаевича Арынова старались никак не называть. Чтобы не пришел. Дурная примета — помянешь Алика, и он сразу тут как тут, урод неуправляемый.
Прозвища офицеров тоже были по большей части усеченными или слегка модифицированными фамилиями. Принцип такой же, как при именовании солдат и сержантов — чтобы носить особенную кличку, офицер должен был, соответственно, нечто особенное собой представлять. Например подполковника Миронова, харизматического военачальника, верхушка его дивизиона, вся такая просвещенная, сплошь из студентов, именовала "патрон". В смысле — "patron". А наш Минотавр, добрый и симпатичный дядька, имел манеру вдруг терять самообладание, тупеть, набычиваться и переть вперед рогами.
Замполита называли Замполит. Большего он не заслуживал.
Капитана Диму Пикулина так и звали — капитан Дима Пикулин. Даже офицеры, до начальника штаба включительно. Даже в присутствии всего личного состава ББМ. "А где этот бездельник капитан Дима Пикулин? Куда он спрятался? Что-то я не вижу его в строю…".
Капитану Масякину прозвище успешно заменяла фамилия.
А с майором Кротом заочно произошла смешная история. Как я уже упоминал, у связиста Генки Шнейдера была манера прослушивать разговоры, идущие по нашей телефонной сети. И вот, в один прекрасный день забило канализацию в казарме. Полкан приказал соединить его с коммунальщиками.
— Сейчас пришлем слесаря, — пообещали те. — Он вам прочистит.
— А это долгая история? — спросил полкан. — Солдатикам, извините, срать некуда.
— Не волнуйтесь, слесарь подойдет через полчаса. А сама работа вообще плевая. У слесаря есть такое устройство, называется "крот", оно засорившиеся очки пробивает моментально.
— Какое-какое устройство? — заинтересовался полкан.
— "Крот"!
— Гы! — сказал полкан в трубку.
— Простите?..
— Крот! — брякнул полкан. — Гы-гы-гы!!! Крот! Ой, не могу… Гы-гы-гы!!!
И бросил трубку — от смущения, наверное.
А Шнейдер подумал-подумал и решил майору Кроту ничего не рассказывать.
И все-таки, все-таки… Сама по себе даже самая странная фамилия не очень смешна. И шокирующие сочетания фамилии с именем и отчеством — тоже, в общем, не насмерть уморительны. "Вас обслуживает горничная Мания Венера Гавриловна". Сам видел. Ну, улыбнулся. А Блюма Вульфовна Зейгарник — это не круче? Или, скажем, подпись такая — "Е.Бут.". Забавнее, конечно, случайно складывающиеся тандемы наподобие Федоров-Федькин. Думаю, вся советская атомная отрасль помнит сочетание Миленький-Беленький-Хвостик.
Но по-настоящему концептуальны, на мой взгляд, случаи иного порядка.
Однажды теплым летом 1989 года подходит ко мне Вася Голиней. И задает странный вопрос.
— А что такое Робин Гуд?
— Ну как же, — говорю, — был, если верить легенде, такой благородный разбойник…
— Спасибо, объяснил! Сам знаю. А вот что такое Робин Гуд вообще? В принципе? Что это значит?
— Скорее всего "robin hood", малиновый капюшон.
— Хм, — Вася мрачнеет. — Ну тогда я совсем дурак наверное.
— Э-э?..
— Песню слышал Криса Кельми? Что это может означать — "Ночной Робин Гуд на бульваре Роз"?!

ГЛАВА 12.

— Сегодня будем рвать Фазу, — сказал Вася и радостно потер руки. — Фаза увольняется.
— Что значит "рвать"? — спросил я.
— Увидишь, — пообещал Вася и многозначительно надулся.
На вечернюю поверку наш старшина по кличке Фаза вышел почему-то не в зимней полушерстяной форме, а в застиранной хабэшке. Глаза у Фазы заплыли, физиономия опухла. Последние дни Фаза спал по двадцать часов ежесуточно. Как он сам объяснял — из спортивного интереса.
В строю третьего дивизиона оказалось неожиданно много народу. Появились вечно отсутствующие связисты Крумов и Шнейдер. И механик дежурного тягача пришел из парка. И каптерщик Сабонис, который так исступленно готовился к дембелю в своей каптерке, что мы уже забыли, как он выглядит. И хронически откомандированный водитель самосвала, избегавший жить в казарме, потому что его тошнило от одного вида Орынбасара Кортабаевича Арынова.
И даже сам Орынбасар Кортабаевич Арынов соизволил встать с кровати.
Фаза вполголоса зачитал список личного состава дивизиона и лениво оглянулся на дежурного офицера.
Дежурный вопросительно шевельнул нижней челюстью.
— В первом все!
— Во втором все!
— В третьем все… — то ли буркнул, то ли хрюкнул Фаза.
— В четвертом все!
— Во взводе обслуживания и хранения техники незаконно отсутствующих нет!
— Отбой, — скомандовал дежурный. — И если через пятнадцать минут я кого-нибудь увижу… Вы меня поняли.
Фаза повернулся к дивизиону.
— Отбой, — сказал он.
— Товарищи солдаты и сержанты!!! — рявкнул Сабонис. — Сегодня уволился в запас старшина третьего дивизиона сержант Тихонов!!!
— АААААААА!!! — заорал третий дивизион.
И бросился рвать Фазу.
Точнее, дембеля, стоя на месте, аплодировали. А забитые духи, затурканные молодые, свежепроизведенные черпаки и деды во главе с Васей — кинулись вперед и принялись рвать на Фазе форму. Фаза был парень крупный, но все-таки упал. Образовалась куча-мала, из которой летели клочья. Потом вылетел Вася — с сержантским погоном в зубах.
Когда из-под кучи выбрался хохочущий Фаза — в одном сапоге и остатках трусов, — там, внутри, еще что-то рвали.
Оказывается, третий дивизион Бригады Большой Мощности вот так провожал своих на дембель.

ПЕСНИ И ПЛЯСКИ

этнографический очерк советских папуасов

в ролях аборигенов-каннибалов — солдаты и сержанты ББМ

— А сегодня будем рвать Колю! — сказал Вася.
Увольнялся наш Коля-Гагауз, тот самый, что едва не угробил метким выстрелом из миномета все управление бригады.
Коля был добрейший парень, большой специалист по молдавскому национальному юмору. "Знаешь, как молдаване убивают мух? — спрашивал он. И сам же гордо отвечал: — Они ловят муху ртом и колотятся головой о стену, пока у мухи не сделается сотрясение мозга!".

Знаток традиций третьего дивизиона, Коля не только надел "на разрыв" старую хабэшку, но и слегка подпорол швы.
— В первом все!
— Во втором все!
— В третьем все! — крикнул Тхя, новоназначенный старшина.
— В четвертом все!
— Во взводе обслуживания и хранения техники незаконно отсутствующих нет!
— А законно?!
— Э-э…
— Ладно, отбой.
— Товарищи солдаты и сержанты!!! — провозгласил Сабонис. — Сегодня уволился в запас младший сержант Драгой!!!
— АААААА!!!
Колю порвали напрочь. Он убежал даже без трусов, в одних сапогах, из которых свисали остатки брюк.
Назавтра выяснилось: младший сержант Драгой уволиться-то уволился, но не уехал. Что-то не складывалось с проездными документами. Похмельный Коля весь день неприкаянно болтался по казарме. Вечером его попросили встать в строй. Так, на всякий случай.
— Отбой третьему дивизиону.
— Товарищи солдаты и сержанты!!!
— Сабонис, падла! — взвизгнул Коля. — Не смей!
— КОЛЯ УВОЛИЛСЯ!!! — заорал весь дивизион.
Коля пытался отмахаться, но сорвавшийся с цепи молодняк задавил дембеля числом. Так ему разорвали "пэша" — любо-дорого смотреть. Ничего не осталось ни от штанов, ни от куртки.
Это отдает дурным анекдотом, но Коля не уехал и на следующий день. Свалить от греха подальше из казармы он тоже не имел права. А вот уклониться от вечерней поверки мог вполне. Но не тут-то было.
— Традицию надо соблюдать, — сказал ему Сабонис, едва ворочая языком после вторичной "отходной". — Ты где-нибудь видел такую традицию?.. И я не видел. Молодые имеют право отвести душу. Ведь ты их дрючил? Вот пускай они тебя рвут сколько влезет. Значит, встанешь в строй как миленький. Ясно?!
— Мне не в чем, — пожаловался Коля, зябко кутаясь в больничный халат. — Только "парадка" осталась. Дай хабэшку какую-нибудь.
— Лучше я налью тебе сто грамм для храбрости.
— Лучше по сто грамм за каждый раз.
На поверку Коля вышел, глупо улыбаясь. В халате.
Бригада выла и стонала.
Коле порвали даже сапоги.
Когда увольнялся Сабонис, то он, пижон, так поработал над своей формой, что едва его ухватили за бока, мгновенно треснул ровно напополам, одна пилотка осталась. Вынырнул из ошметков и величественно удалился в каптерку.
А Орынбасар Кортабаевич Арынов до того всех достал, что начальство оказалось вынуждено отправить его от греха подальше на гауптвахту. Прошла информация, будто дивизион намерен разорвать Арынова на прощанье как Сабониса — пополам, — только вместе с организмом. Прожил Арынов на "губе" аж до самых холодов, вернулся оттуда очень маленький, вежливый и совершенно потерянный. И уволился, когда дивизион стоял в наряде.
И больше у нас никого не рвали.

***

Разумеется, в Вооруженных Силах СССР были некие единые правила общежития, равно исполняющиеся что на территориии ГДР, что в монгольских степях. Но количество вариаций на тему и частных случаев не поддавалось описанию. Например, в знаменитой артиллерийской Мулинской учебке батарея управления соревновалась, кто дольше не почистит сапоги. А в такой же Черниговской учебке матерый дед из такой же батареи управления был у меня на глазах бит прапорщиком за курение в туалете.
В одном полку дух — общая собственность. Кто его припахал, тот и молодец. В другом все духи окажутся строго расписаны по дедушкам, и попробуй чужого тронь. В третьем полку общему пользованию подлежат исключительно русские духи. В четвертом

национальный вопрос не стоит, потому что власть забрали московские гопники, а они интернационалисты — ни своих, ни чужих не жалеют.
Где-то по казарме ходят исключительно в тапочках.
А я после армии полгода отучался стряхивать пепел на пол.
Где-то офицеры встают в строй пьяные до синевы.
А у нас только замполит.
Где-то перевод в черпаки действительно осуществляется двенадцатью ударами по голой заднице кухонным черпаком.
А в ББМ — пряжкой ремня, да со всего размаху!
Но не каждого выдерут, а того, кому захотят напоследок всыпать.
А кому не захотят, тому просто скажут. Как мне Сабонис буркнул в затылок на вечерней поверке — чего у тебя погон криво пришит, непорядок, черпак все-таки.
Громко буркнул.
Забыл, как "переводили" Вову Тхя. Сам не застал, только слышал. То ли ему просто руку пожали, то ли перед отходом ко сну побили подушками.
По общевойсковым меркам это, конечно, профанация и порнография. Но ББМ плевать хотела на то, что о ней думают другие. Бригада Большой Мощности недаром считалась самой "неуставной" частью в Белой Церкви.
Вообще, этикет и мода могут разниться в пределах одной войсковой части. Даже такой маленькой, как наша.
Вот, в первом дивизионе ББМ тельняшка и кожаный ремень — знаки принадлежности к касте избранных.
А буквально через стенку уже не котируются тельняшки и кожаные ремни. Потому что сержант Андрецов напялил офигенные семейные трусы ярко-желтого цвета. И все сразу поняли, кто действительно крут. Вы можете себе представить какого-нибудь американского морпеха в таких трусах?!
Уязвленная верхушка первого дивизиона спешно переодевается в цивильные трусы типа "плавки".
И тут я прохожу по казарме в белоснежной нижней рубахе, а поперек плеч у меня натрафаречено фломастером: "КЛУБ ОХОТНИКОВ НА БИЗОНОВ".
В ББМ, видите ли, офицеров почему-то "бизонами" зовут.
А меня как раз собрались разжаловать за грубость и нетактичное поведение.
И целую неделю те деды, что поддерживают мою инициативу, пишут на исподнем всякие провокационные глупости. Когда дружно намалевали "Спасибо товарищу Брежневу за наше счастливое детство!" (поясняющий рисунок: ухмыляющееся солнышко с высунутым языком), и так продефилировали перед дежуркой, то сами немного испугались. Время было еще хмурое, перестройка за забором ощущалась, а в казарме — ничуть.
Впрочем, дежурный тоже, нашу демонстрацию увидев, образно говоря, зассал.
Потом деды начинают вечерами фланировать по казарме в мягких домашних тапочках и больничных халатах.
И всем очень весело.
И с утра до ночи на заднем плане кого-то бьют, бьют, бьют. Ты просыпаешься и засыпаешь под звуки ударов по живому. Под оплеухи, пинки, шлепки, затрещины, иногда грохот падающих тел.
Ты вспоминаешь, как били тебя, и клянешься никогда не поднимать руку на невиновного. Увы, далеко не все экс-битые приходят к таким же выводам. Значит, надо вести среди сопризывников разъяснительную работу. Нарываться на неприятности. Мобилизовать друзей из других подразделений.
Потом ты гордишься тем, что в твоем дивизионе не колотят молодых без причины, для удовольствия.
Потом выясняется, что ты два года просидел в форменном зверинце, а где-то молодых нормально считать за людей.
Слушая мемуары рядовых пограничников, все люто завидуют и далеко не все им верят. Хотя один друг, служивший в аэродромном обслуживании, задвигал красивые сказки, которым не поверил пограничник.
А я им обоим такого нагнал, что они меня попросили заткнуться. Решили, я вру.
Потому что подобные ужасы им в кошмарах не снились.
Потому что ничего подобного не могло быть в Советской Армии.
Хотя я припомнил всего-навсего как меня "запускали в космос". И про "ночное вождение" ещё (сам не участвовал, только видел). А также про отработку команды "воздух" и игру в немецко-фашистский концлагерь.

Это, в принципе, забавные истории (кроме концлагеря). Все веселее, чем про то, как вашего покорного слугу пытались втроем ногами замесить, или как стригли маникюрными ножницами.
Ой, да ну.
Зато у Бригады Большой Мощности была неповторимая манера приветствовать начальников.
Нет, дело не в тексте. Ну, подумаешь, орет младшая половина бригады "Здра-жла-тарщ-ковник!", а старшая в том же ритме скандирует "Па-шел-на-хуй!"… Это, можно сказать, в порядке вещей. Это еще не стиль.
Теперь представьте картину. "Здрасте, тарищи!" — рявкает полкан, поднося руку к виску. По всем правилам бригада должна глубоко вдохнуть и на счет "три" ответно заявить, что, мол, тоже рада его видеть. А фиг там.
В первый раз я просто обалдел. В ответ на приветствие командира, ББМ, нарушая все мыслимые и немыслимые правила, начала с жутким сипом, хрипом и свистом засасывать в себя воздух. Секунд пять. Потом бойцы застыли, раздувшись, словно токующие тетерева. Наконец один из дивизионов прорвало — в чем и заключалась игра, — и остальные подхватили его нечленораздельный рев.
Однажды на полигоне мы чуть не облажались. Назначили общее построение ракетных войск и артиллерии окружного подчинения, на полторы тысячи человек. Генерал выкрикнул свою реплику, ББМ начала по привычке раздуваться… И тут остальные тысяча триста пятьдесят рыл как положено грохнули. В наступившей тишине раздалось шумное "П-ф-ф-ф!": сконфуженная ББМ стравливала избыточное давление.
Нам даже за этот фортель ничего не было — так все ржали.
А уже на закате моей службы случился конфуз иного рода. Прибыл новый командир бригады, который нам сразу активно не понравился. И вот, первое построение с его участием, комбриг четко произносит: "Здравствуйте, товарищи!", ББМ набирает полную грудь воздуха… И стоит. Дивизионы косятся друг на друга, ожидая, как обычно, кого первым прорвет. А никого. Не хотим мы с этим деятелем здороваться. Он только пришел, буквально час назад, а уже успел пообещать, что меня разжалует и посадит. Потому что у меня, понимаете ли, шли в строю люди с расстегнутыми крючками на воротниках.
Короче, ББМ стоит навытяжку и ни фига не дышит. У комбрига глаза лезут на лоб от изумления. Наши офицеры тихо рычат. Секунд через десять — пшшшшшш… — общий выдох.
"Что-то я не понял, — сказал комбриг. — Давайте попробуем еще раз".
Со второго раза вроде получилось. Что, впрочем, никого ни в чем не убедило и ни от чего не спасло. Эта нормальная человеческая реакция ("Попробуем еще раз") оказалась первой из двух нормальных человеческих реакций, проявленных новым комбригом за недолгий период его владычества в ББМ.
Второй нормальной человеческой реакцией было то, что этот завязавший алкоголик через пару месяцев сорвался и капитально запил. Прямо в разгар проверки ББМ окружной комиссией.
Мы даже знали, кто, где и когда ему налил первый стакан. В нужное время и в нужном месте. Это была конечная фаза сложной многоходовой операции, спланированной по всем правилам артиллерийского искусства. С предварительной разведкой, выявлением уязвимых сторон и привязкой к местности. А потом из засады — хрясь! Комбрига мастерски взяли в "клещи" на марше, подбили и столкнули в канаву, заметая следы. После чего, как положено самоходчикам, мгновенно свернулись и дали дёру.
Недаром наш начальник штаба готовился поступать в Академию. Я бы ему после такого финта сразу диплом выдал. И послал бы вражеских генералов нейтрализовывать. Силами тех же двух прапорщиков, которых он на комбрига навел.
И вот, при таком, казалось бы, здоровом прагматизме, начальство объявило меня подрывным элементом за внедрение в массы истинно артиллерийской строевой песни. Из мультфильма "Бременские музыканты". Ну, той, где "…Если близко воробей, мы готовим пушку!".
За разрешение дивизиону спеть "Распрягайте, хлопцы, коней" я едва не схлопотал клеймо украинского националиста.
А знаете, что мы должны были петь? Мы несколько месяцев бились за право исполнять "День Победы". Песня хорошая, но когда проорешь ее раз сто, несколько вязнет в зубах. Однако все лучше, чем нижеследующий текст.

За этот мир платили мы в боях.

Ценой немалою, большой ценою.
Четыре страшных года на плечах
Пронес не кто-нибудь, а мы с тобою!

И припев.

Неда-аром, неда-аром во все времена
Победа приходит в сраженье.
Родная Отчизна, родная страна.
Мы славим твое возрожденье,
Родная страна!

Патриотично. Но немного, э-э… Утомляет. К сожалению, мне таланта не хватит передать на бумаге, как исполнял эту, с позволения сказать, композицию третий дивизион Бригады Большой Мощности. Скажу лишь, что впервые услышав белоцерковскую кавер-версию песни "За этот мир", я разобрал только три слова — "за этот мир". Остальные сливались в нечленораздельный унылый вой.
Не сразу до меня дошло, что в устах третьего дивизиона это была песня протеста. Много позже, случайно раскрыв советский песенник, я узнал оригинальное название шедевра — "Песня из телефильма "Возрождение"". Чур меня, чур. Трудно представить то кошмарное преступление, за которое третий дивизион приговорили к этой пытке.
Естественно, мы готовы были драться за "День Победы". Тем более, что в дивизионе имелись отличные певцы. Даже с соответствующим образованием. Поначалу они на радостях заливались просто молодыми кобзонами. И все-таки, все-таки… Можете представить, что такое песня царской охраны из "Бременских музыкантов" с грамотной раскладкой голосов на двадцать пять? Да под строевой шаг? Фразу "Ох, рано встает охрана!" неповторимым отвратительным тенором выпевал наш дирижер. Его сразу хотелось уволить в запас по инвалидности. Потому что слышно было: хреново человеку. Не может он больше.
А вот ночью в казарме по углам четыре приемника играют наутилусовскую "Я хочу быть с тобой". И из угла в угол мечется дежурный офицер, затыкая музыку. Но стоит заглохнуть одному приемнику, три остальных прибавляют звук.
И вся казарма шмыгает носами.
Потому что это песня про нас. И про того, кого уже на "гражданке" забыли, и про того, кого только собираются забыть, и про женатого, и про ни разу не целованного.
И всех хочется уволить к чертовой матери. Потому что никто уже больше не может. Ведь чем дольше служишь, тем меньше понимаешь, зачем ты это делаешь, и тем яснее тебе, что ты не нужен тут совершенно. Ни командирам, ни стране ты на фиг не сдался…
И вдруг из первого дивизиона доносится оглушительный всхрап. А вслед за ним истерический визг, и храпящего начинают лупить по морде тапочком.
Утром ты куришь возле казармы, внутренне весь перевернутый. Рядом стоит капитан Черемисин (орден за Афганистан), жует сигарету, и вдруг говорит:
— У меня одноклассник в Киеве уже директор кооператива. На черной "Волге" ездит. А я… Эх.
— Как вас вообще в армию занесло, тарщ ктан?
Черемисин безнадежно машет рукой.
— А-а… Тр-р-радиция!
Становится окончательно тошно. Ты возвращаешься в казарму и видишь: лежит, уютно замотавшись в одеяло, и сопит носом связист Генка Шнейдер, друг сердечный, умаявшийся после ночного дежурства. Повесил на спинку кровати свежие портянки. А рядом присел художник Витя Михайлов и на эти два девственно чистых холста недобро смотрит.
Вешать портянки на спинку кровати — странный поступок. Чувствуется в нем некий вызов общественности. Поэтому ты уверенно берешь портянки и протягиваешь их Вите.
— Думаешь? — спрашивает Витя. — Мне вот тоже кажется — зря он их на спинку повесил. Давай его обрадуем. Чисто по-дружески. Сообразишь текст?
Через пять минут на портянках нарисованы гуашью огромные магендовиды и написано: "Kiss me, I'm Jew!". Шнейдер формально твой подчиненный, и ты хочешь

поднять ему настроение, чтобы лучше служил. Пусть хоть кому-то в дивизионе будет весело. А то застрелиться впору.
Шнейдер так и понял: ему хотели поднять настроение.
Жаль, конечно, что это были его единственные портянки.

ГЛАВА 13.

Стояло лето, было тепло, время к обеду. Подполковник Миронов пришел в парк техники. Подкрался к своей командно-штабной машине. Тихонько открыл кормовой люк. Просочился внутрь, добрался до башни. И увидел, что там, уткнувшись мордой в лазерный дальномер, сладко дрыхнет Витя Михайлов.
В свободное от рисования время Витя был у Миронова то ли механиком, то ли вычислителем — они, кажется, сами не помнили оба. Короче, чего-то Вите полагалось в кашээмке делать полезное. Или он там вовсе не должен был находиться. История умалчивает.
— Спишь, уебанец? — ласково спросил Миронов, потирая руки.
Витя отлип от дальномера и сипло произнес:
— Я не сплю, товарищ подполковник. Я потерял сознание.
— Чего-чего?!
— Я вылезти через башню хотел, и тут люк расстопорился. Как даст мне по башке! Я сознание и потерял. Вот, если бы не вы, не знаю, когда бы очнулся…
С тех пор в Бригаде Большой Мощности никто не говорил "я собираюсь нагло и цинично уснуть на боевом посту". Выражения "защемить" или "втопить на массу" были забыты. Зато появились две роскошных самоходно-артиллерийских формулы: "пойду сознание потеряю" или "а давайте-ка дружно ударимся люком".

МАСКИРОВКА

самоучитель начинающего саботажника

на поясняющих картинках — солдаты и сержанты ББМ

Умение бесследно раствориться приравнивалось в ББМ к боевому искусству. Однажды на полигоне нам хотели устроить кросс — десять километров с полной выкладкой. Но случилась утечка информации. В результате оргкомитет мероприятия во главе с полканом кое-как отловил тридцать человек, едва четверть личного состава. Больше просто не нашел.
На зарядку выбегаем зимой, провожаемые строгим взглядом дежурного по части. Снег валит стеной, мы уже не видны от казармы, бац — нас нету. Вообще нету на поверхности Земли. Только голова молодого бойца торчит из сугроба. На самом деле из люка теплотрассы. А там внизу, на разогретых трубах — старые шинели, одеяла, подушки. Самоходчики клаустрофобией не страдают. Наоборот, для них любой закрытый объем как дом родной. Они обожают спать в шинельных шкафах. Осенним промозглым утром в кашээмку, где штатно работали вчетвером, а полный экипаж был шестеро, запросто набилось двадцать наших.
Где и как мы только ни прятались. Высшим пилотажем считалось продинамить зарядку прямо в собственной постели. Если у койки провисла панцирная сетка, можно было плоско размазаться между матрасом и подматрасником. Или забраться в трубу, образующуюся после "отброски одеял". Поясняю для неслуживших: одеяла с утра полагается откидывать на ту спинку кровати, что в ногах. А стоят койки по две, впритык. Заползаешь — и вполне себе ничего.
Про каптерки и канцелярии я молчу, это банально и не смешно. Смешно — когда командир ракетчиков въезжает на свою территорию, ему отдает честь наряд по КПП… И знать не знает командир, что в это время на его родном КПП, в комнате для встреч с

родственниками, человек пятьдесят десантников и самоходчиков по полу вдоль стен расселось. Кто спит, кто радио тихонько слушает.
Из бойлерной нас гражданские кочегары ломами и лопатами гоняли.
Понимаете, мы, в общем, были не такие уж и сволочи. Просто каждый из нас хотя бы раз бегал три километра на время в двадцатипятиградусный мороз. Я достаточно сумасшедший, чтобы сделать это по доброй воле. Но только не из-под палки. На фиг, на фиг, летом, летом… Поэтому уже при нулевой температуре ББМ от зарядки уворачивалсь как могла.
Военный-призывник из своих служебных обязанностей уважает только боевую учебу и обслуживание техники. Остальные виды деятельности он находит малоосмысленными и даже унижающими его достоинство. Поэтому схизнуть и зашхериться — высшая доблесть солдата. Где люди? Все ушли работать. Охвачены бурной деятельностью. Загружены по самое не могу. Эти тама, эти тута. Эти то, эти сё. "Ты уверен? — Да за кого вы меня принимаете, товарищ майор! — А почему я их не видел, проходя мимо? — Очень странно, товарищ майор. Они должны быть на местах. Я немедленно проконтролирую, разрешите идти?". И меня тоже нет. И хрен найдешь. Хотя я прямо под носом, в густой траве у казармы валяюсь.
Причем, случись нечто серьезное, бригада мгновенно собиралась. Даже на полгоне, когда лес кругом — все, кому надо, знали, где кто лежит. Если нет прямых сведений о местонахождении воина, то действует, выражаясь современным языком, система гиперссылок, причем весьма надежная. У меня на старости лет было двадцать восемь человек, и за каждого я мог отчитаться в любую секунду. На словах одно, в уме, конечно, другое.
Иногда это выручало не только солдат. Какой-то окружной чин в ходе комплексной проверки возмутился, почему ББМ не носит комсомольские значки. Ему ответили — еще как носит! Тот не поверил и приказал строить бригаду. А дежурили по части мы с Минотавром. Минотавр, предчувствуя скандал, налился кровью и заявил: делай что хочешь, но чтобы ни одной сволочи без значка на плацу не было! Я ему: спокойно, товарищ майор, сейчас предъявим… Комсомольцев-добровольцев! И точно, прибежало сорок рыл. Зато все как один со значками. Проверяющий вылупил глаза — а где остальные?! Сержанты обижено надулись и доложили железные, не подкопаться, отмазки по отсутствующим бойцам: этот там-то, этот сям-то, все очень заняты, а если хотите видеть бригаду целиком, объявляйте тревогу! Проверяющий только рукой махнул. Он понял, что его дурачат, но крыть ему нечем. Минотавр похлопал меня по плечу и сказал: ловко сработано, парень.
Всюду, буквально всюду спали наши люди! Как-то Ракша выгнал свою пушку из бокса, расстелил под ее брюхом матрас, сунул на гусеницу часы с будильником и продрых до обеда. По сигналу будильника выполз из-под машины, завел ее, загнал обратно… И тут вспомнил, что где-то забыл часы. Нашел их размазанными по катку — симпатичный такой получился блинчик.
Помню умника, который откидывал капот своего ЗИЛа-самосвала, вставал на бампер, ложился грудью на двигатель и так засыпал. Ежедневно. Офицер идет, видит — торчит солдатская задница из движка, знать старается боец… Дед идет — хлобысь по жопе чем придется. Жалобный вопль: "Я не спал!". Угу, как же.
Знавал я деятеля, умевшего спать стоймя. Ему только нужна была точка опоры. Если он мог хотя бы одним пальцем за что-то зацепиться, то лошадь изображал отменно.
Механика-водителя дежурного тягача из оного дежурного тягача вышибали кувалдой. С точки зрения акустики все машины с легким бронированием — кастрюли. Хорошие кастрюли, прочные, кулаком не достучишься, сапогом тоже. А вот ка-ак дашь по борту кувалдометром!..
Содержимое кастрюли наружу так и прыгнет.
Я научился этому трюку у подполковника Миронова. Думаете, как еще он выколотил из запертой кашээмки те двадцать человек?
Сам я регулярно отрубался, стоя (точнее, сидя) помощником дежурного по части. Исключительно после обеда, когда до передачи дежурства оставалось несколько часов. Сижу за пультом, никого не трогаю, бац! — нету меня. Как утюгом по голове. И почему-то обязательно я должен был напустить слюней на пульт! Стыдоба. Когда я понял, что с проблемой внезапного отруба мне не справиться никак, то внес рационализацию. На пульте лежало несколько пухлых тетрадей и амбарных книг. Я из них сооружал стопочку, и… Заходят как-то два наших офицера, один меня о чем-то спрашивает. Я, полусонный, мучительно пытаюсь сообразить, чего ему надо. А второй говорит — да ладно, оставь парня в покое, видишь, он уже подушку себе приготовил!

Спали экипажами, батареями и дивизионами. Падали в самый неожиданный момент. Помню, очнулся на политзанятиях, конспектируя какую-то мутатень, которую нам вслух задвигали. Очнулся, потому что выписывал каракули уже на парте, а не в тетради… Собрания всяческие плодотворно у нас шли — передние ряды сидят прямо, делая вид, что внимательно слушают, а задние головами им в спины уткнулись и тихо сопят.
Но больше всего любили спать на посту. Некоторых молодых и несознательных, конечно, на этом деле ловили и наказывали. Мы, соответственно, добавляли им от себя. Опытный боец — не тот, кто может заснуть где угодно и когда угодно, а тот, которого не "спалят". И тот, который не допустит "палева" своих товарищей. Стоило дежурному по части отлучиться — тут же где надо раздавались звонки, и офицера повсюду встречали бодрые веселые лица.
Бывало и наоборот. Однажды, когда дежурный ушел проверять, как несет службу наш художник Витя, сам Витя позвонил в казарму. Представился прапорщиком Хуевым из санэпидстанции и пообещал, что утром явится комиссия проверять наши сортиры на наличие ботулизма.
Вернувшись в казарму, дежурный долго не мог понять, отчего такой страшный шухер и все по уши в хлорке.
Витя тоже удивился — он же по-русски сказал: прапорщик Хуев…
А я как-то летней ночью лежал на теплой бетонке у внутренних ворот парка. Смотрел на звезды, размышляя о множественности обитаемых миров. И услышал за воротами "бух-бух-бух" и "хрр-хрр-хррр". Ну точно, думаю, это крадется в парк толстый и одышливый капитан Мужецкий. Я встал. Топанье и хрюканье утихло. Недоуменно пожав плечами, я лег. Через некоторое время проверяющий выдал себя вновь. Я опять вскочил. Никого. Что еще за галлюцинация?!
И тут из-под ворот появился ёжик. Громко топая и деловито фыркая, он пробежал мимо и скрылся в глубине парка.
Я проводил его умиленным взглядом, и вдруг мне остро, болезненно, почти до слез захотелось домой.

ГЛАВА 14.

Стояли по части с майором Кудиновым.
— У меня требование к помощнику дежурного одно, — сказал Кудинов, заступая на пост. — Чтобы пепельница была очень большая и всегда под рукой.
Я принес ему бачок для проявки фотопленок.
Кудинова в ББМ любили. Он, во-первых, был очень грамотный пушкарь, во-вторых, настоящий офицер, с "афганским" прошлым, а в-третьих, мог под настроение такое отмочить, что на его фоне самые изобретательные деды выглядели бледно.
Когда они с подполковником Мироновым садились играть в нарды, казарма сотрясалась от хохота. Эти двое постоянно мухлевали и громогласно издевались друг над другом. Общались преимущественно афоризмами. Вышли как-то покурить на свежем воздухе. Мирон с задумчивым видом сигарету разминает, Кудинов просит — дай мне тоже. Мирон ему машинально эту и сует, мятую. Кудинов берет, смотрит на нее и говорит: "Чтоб тебе жена такая же досталась!".
Однажды Мирон купил пластиковое ведро для мусора. И тут построение. Ну, стоит героический первый дивизион, Мирон во главе — щуплый, со смешным оттопыренным пузцом, из-под козырька громадной фуражки выглядывает хищная физиономия типичного поджигателя войны. Ведро он пристроил сзади, рядышком. Блаженно щурится, думает, сейчас выслушает порцию ахинеи от полкана и быстренько смоется домой. Команда "Смирно" доносится от дверей, раздаются тяжелые шаги командора, тьфу, командира… И народ обалдевает, потому что за спинами первого дивизиона крадется Кудинов. Хватает ведро и напяливает его Мирону на голову!
Полкан заметно удивился.

НЕПАША ПОПЕЛА

производственная драма

Действующие лица и исполнители:

Командир 2-го дивизиона майор Кудинов в роли майора Кудинова

Подполковник Майоров в роли непаши, которая попела на плотбище

Автор в роли помощника дежурного по части

Вот тут опытный литератор сделал бы "отсечку". Эпизод с ведром не надо дальше расписывать. Ну в самом деле, какая разница, что Кудинову неудобно показалось бежать назад, и он метнулся вперед, прямо на полкана, а за Кудиновым прилетело розовое пластмассовое ведро, а вслед за ведром, с индейским боевым кличем "Смерть уебанцам!!!", в проход выскочил разъяренный Мирон. Уже без щегольской фуражки, потому что та застряла в ведре.
Хотя полкан и не такое видал — он однажды, зайдя ночью в казарму, наступил на дрыхнущую собаку. Та убежала и спряталась под кроватями.
У нас тридцать две собаки в парке жило. Сначала явилась зимой в кочегарку беременная сука. Ее пригрели, она родила шестерых. К ним стали друзья приходить. Образовалась стая. Псы мелкие, зато веселые. Полкан на разводе говорил: "А те, кто заступают по парку — не забудьте взять на кухне для собак каши! Собаки бдительно несут службу войск! В отличие от вас!". Мы, видимо, пахли все одинаково — точнее, присутствовал в индивидуальном запахе каждого из ББМ некий типично самоходческий элемент, — потому что собаки отличали нас от ракетчиков, зенитчиков и десантников запросто. Ни один чужак не мог зайти в парк, чтобы его не облаяли. Весело мы служили, в общем.
Потом один ненормальный убил с десяток собачек. Развлекся, пока наши на полигоне были. Тихий, смирный, доброжелательный молодой человек. Подманивал и рубил лопатой. Его за это до конца службы колотили ежедневно, и спал он в туалете — когда давали поспать, — но собак-то не вернешь. Какие уцелели, те ушли из парка навсегда. Жалко, я уже уволился. До сих пор жалко. Я бы молодому человеку придумал. Епитимью. А бригада взяла бы меня на поруки, если что.
Но это все случилось позже. А пока — стояли мы по части с майором Кудиновым. Дежурка в торце казармы: стеклянное окно, за ним стол с пультом оповещения. Там я и сидел. А Кудинов валялся рядом в комнатке на топчане. Я взял у писарей машинку, портативную, такую же, как у меня дома, поставил на сложенное полотенце, чтобы еле-еле шлепала, и стучал письма.
Ночь, покой, красота. Армейская идиллия.
И тут пульт ожил. Он принялся гудеть, мигать лампочками, и дурным голосом заорал:
— Говорит оперативный дежурный "Легенды" подполковник Майоров!
— Мама, только не это! — простонал Кудинов. — Он нас затрахает!
Я нажал кнопку подтверждения. Майоров продиктовал группу цифр и загадочное слово "НЕПАША". Мне надо было все это записать в журнал и отнести в подвал штаба, кодировщику. Чтобы тот передал кодограмму на "Легенду", то есть в штаб округа, а они там тексты сличили и увидели: мы понимаем их правильно и вообще несем службу, не уснули еще и не померли, и враг нас не разбомбил. А то, что у меня кнопка нажата — это так, мелочи жизни, ничего не значит.
Каменный век просто.
— Ненавижу подполковника Майорова, — сказал Кудинов.
Подумал и добавил мечтательно:
— А представляешь, как над ним издевались, когда он был майором…
Я сунул журнал под мышку и ушел, напутствуемый просьбой дежурного проконтролировать на кухне один жизненно важный процесс. В штабе поболтал со связистами, буквально пять минут. Заглянул на кухню, напомнил, чтобы картошка была поподжаристей. Когда вернулся, за пультом сидел очень злой Кудинов.
— Я же предупреждал! — сообщил он непонятно кому.

Пульт опять мигал лампочками и передавал голосом Майорова судьбоносную информацию. На этот раз группу цифр сопровождало томное слово "ПОПЕЛА". Мы с Кудиновым дружно фыркнули. И не то, чтобы насторожились, но определенное напряжение в дежурке повисло.
Не понравилось нам это слово.
Я снова побрел в штаб. "Майоров, козел… — понимающе вздохнул кодировщик. — Набегаешься ты сегодня. А я не высплюсь".
Какая-то неандертальская система оповещения, черт побери. Хотя это для тех продвинутых, кто не видел нашего баллистического компьютера. Адская машина, больше всего похожа на кассовый аппарат. Помню, вычислитель Саня Вдовин кричал: "Товарищ капитан, не могу я на нем работать, у него второй блок греется, а в четвертом сбой!". Вдовину дали по шее, потом сунули в руки другой железный ящик, только без электроники — Прибор Управления Огнем, — и вытащили из теплого брюха кашээмки на ледяную броню, под пронизывающий ветер.
Чтобы не выпендривался.
Не было в нашем компьютере четвертого блока.
Там и второго-то отродясь не бывало.
Против ожидания, Майоров заглох. Кудинову принесли картошки с грибами — у нас на территории густо росли шампиньоны, — он наелся до отвала, подобрел и рассказал пару забавных армейских баек. Через полтора часа мы решили, что оперативному не до нас. Может, на него там свой проверяющий упал. Кудинов завернулся в одеяло и попросил до утра не беспокоить. Если, конечно, Майоров не нанесет по ББМ учебный ядерный удар.
— Хотя, — пробормотал Кудинов сонно, — полномочия у него, козла, не те…
Пульт взвыл.
— Говорит оперативный дежурный "Легенды" подполковник Майоров!
— Это армия, сынок! — только и сказал Кудинов. — Непаша попела!
Теперь Майоров осчастливил нас словом "ПЛОТБИЩЕ".
Последний салага знал, что это не шизофрения, а просто лежит перед Майоровым бумажка с двумя колонками слогов, которые он произвольно соединяет. Тем не менее, мы с Кудиновым опасливо переглянулись и синхронно, не сговариваясь, покрутили у виска пальцами.
Чертыхаясь, я побрел к кодировщику. До штаба было от силы метров триста, но если мотаться всю ночь туда-сюда… Помню, нужно было мне взбежать на третий этаж, взять у полкана некий документ, спуститься, преодолеть двухметровый бетонный забор, отдать документ начальнику штаба, узнать, что документ не тот… Когда с пятого раза полкан все-таки нашел правильную бумажку, я на заборе так и остался сидеть. А на следующий день ехали мимо танки, очень забавные, почти неразличимые под кучами матрасов, палаток и другого тактически значимого барахла. Один танк легонько занесло, и пятьдесят метров забора — как корова языком. Прямо назавтра! Вот обидно, да?
Вернувшись, я увидел дежурного за пультом. Кудинов нервно курил. Мы просидели еще пару часов как на иголках, объясняя друг другу, что оперативный больше не позвонит. В три я разбудил сменщика и лег. Придя утром, первым делом спросил — ну, как? "Да никак. Кудинов не спал ни фига и мне не дал" — "А Майоров сигналил?" — "Какой Майоров?"
Кудинов, болезненно опухший и с синяками под глазами, так провел утреннее построение, что бригада на зарядку не убежала, а сбежала — только пятки сверкали. Даже те, кто обычно прятался досыпать по каптеркам и канцеляриям, сочли за лучшее умотать от казармы подальше.
— Совсем не отдыхали, товарищ майор? — спросил я.
— Совсем, — процедил Кудинов, глядя в сторону и нещадно жуя сигарету.
Потом неожиданно рассмеялся и сказал:
— Запугал он меня, гад. Непаша попела!

ГЛАВА 15.

Есть такая народная мудрость: "Любой человек может написать хотя бы одну книгу". Как типичная народная мудрость, она вам льстит, замалчивая окончание фразы: "Книгу о себе и для себя".
Я писал "Оружие Возмездия" не для себя, конечно. Начиналось все с элементарного желания развлечь народ смешными историями. Выложил кусок в интернет, получил отклик, написал еще кусок… Увидел: есть смысл работать дальше. И тут оказалось, что получится книга именно "о себе, любимом". Ее просто нельзя сделать иначе. Либо в центре повествования будет автор, со своим личным опытом, либо книга скатится до уровня "сборника армейских баек". Достоверность — вот главное. Или я зуб даю, что "так оно и было", или проект "Оружие Возмездия" теряет смысл.
Разумеется, поверили мне не все. Когда первые главы появились в интернете, среди радостных откликов в Живом Журнале прозвучали и скептические голоса. Мол спасибо, очень весело, хотим еще, но автор местами явно преувеличивает, сгущает краски и привирает. Хотя что с него взять, он за столько лет наверняка многое забыл.
Во-первых, не забыл. В книгу вошла едва половина того, что автор мог бы рассказать о ББМ и Мулинской учебке. Но "Оружие Возмездия" с самого начала делалось как мемуарная проза: если тут чего написано, значит, автор в этом безобразии участвовал лично. Сам все испортил, сломал и развалил, с дуба рухнул и ломом подпоясался. В крайнем случае, прибежал на шум и успел проверить рассказы очевидцев "по горячим следам". Поэтому здесь нет пресловутых "армейских баек". Например, хоть я и упомнаю, что наши пушкари дважды пытались взорваться на собственном снаряде, но как именно — молчок. Уж больно дикая история.
Во-вторых, у автора есть справочный материал. Это мои письма из армии. Не все они одинаково информативны, но почерпнуть отуда удалось многое. Некоторые письма оказались просто кладом — иногда, под настроение, я дотошно фиксировал события одного своего обычного дня. Много глав построено на таких письмах — например, "Музыкальная пауза", "Сто дней до приказа", "Дембель становится ближе".
В-третьих, кое-что подсказали друзья по ББМ — мы до сих пор на контакте.
И наконец, есть особый случай. В феврале 1989 года ББМ на полигоне, что называется, "оторвалась по полной программе". Но мне отчего-то запал в память один день, ничем не примечательный. Совершенно типичный. Может, этим он меня и заинтересовал. И через неделю, когда мы вернулись в Белую Церковь, я взялся тот день описывать — в несколько приемов, на ночных дежурствах. Получился рассказ. Действие его занимает около четырех часов, персонажи списаны с натуры точь-в-точь. Для журналиста двадцати лет от роду, не делавшего раньше художественной прозы, рассказ даже неплох.
Ценность его в том, что все так и было. События, реплики, даже внутренний монолог главного героя мне удалось передать очень точно. Строго говоря, вышла документальная запись, журналистский материал. Но сам метод подачи текста позволяет все-таки называть это — рассказом.
Он никогда не публиковался. Я даже не пробовал его куда-то пристроить. Слишком много там личного. Да и тема избитая. О чем думает — изо дня в день, месяц за месяцем, потихоньку дурея и зверея, — простой военный, лучше Ремарка, Джонса и Хеллера написать трудно. Но в эту книгу (которая на самом деле сборник тематических новелл) рассказ укладывается вполне. Он остался таким же, как восемнадцать лет назад, только прошел минимальную "косметическую" редактуру. Еще я приделал ему подзаголовок в общей стилистике "Оружия Возмездия". Ну, и если лирического героя звали раньше Игорь, пусть он теперь будет Олег. Вы же знаете, что это я. Чего уж прятаться.
Проведите четыре часа с нами на полигоне — в Бригаде Большой Мощности, как она есть. Добро пожаловать.

ЛЕГКАЯ ДЕПРЕССИЯ ОТСЮДА И ДО ОБЕДА

короткометражный малохудожественный фильм

Командир 3-го дивизиона ББМ: майор К.

Командир КШМ на базе МТ-ЛБу: Владимир Тхя

Механик-водитель: Андрей Зозуля

Старший радиотелефонист дивизиона: Автор

Девушка за кадром: Екатерина N

Спецэффекты: Бригада Большой Мощности

Каскадер: Александр Вдовин

февраль 1989 года, Украинская ССР,

полигон Каневского учебного центра

К половине девятого уже рассвело и видно было, как суетятся вокруг машин фигуры в черных комбинезонах. Глухо урчали моторы грузовиков, свистели по-вертолетному двигатели самоходок, из парка несло гарью и соляркой. На плоских, с маленькими круглыми башенками, спинах гусеничных транспортеров вырастали зеленые штыри антенн.
Механик-водитель машины командира 3-го дивизиона рядовой Зозуля был глубокомысленно мрачен. Его левую бровь украшала огромная свежая ссадина.
— Кто это тебя?.. — удивился Олег.
— Люком долбануло, — ответил Зозуля и вдруг улыбнулся. Улыбка вышла так себе.
— Бывает. Фамилия люка?
— Да нет, — Зозуля отрицательно мотнул головой, — ей-богу!
— И как же он тебе бровь так рассадил?
— Да я вылезал, капюшном за стопор зацепился. Люк расстопорился, по затылку меня — шмяк! — я и приложился бровью о триплекс…
— Силен! — уважительно сказал Олег. — Я всегда говорил: придурок в любой ситуации найдет способ застрелиться, утопиться или попасть под машину. Ну-ка, погляди сюда. Есть у меня капюшон?.. Нету. Вот и свой отстегни.
— А мне нравится с капюшоном, — заявил Зозуля. — Тхя тоже носит капюшон.
— Тхя опытный, не зацепится. А зацепится, так будете оба ходить с разбитой бровью, командир и его механик — двое из ларца, одинаковы с лица! Ладно, мое дело предупредить. Дай сюда шапку говорящую и включи питание. И антенну свою поставь. И стопор затяни на люке, чучело!
— А кто вчера чуть с брони не улетел? — буркнул Зозуля, исчезая в недрах машины. — Не я же…
— Ну, знаешь!.. — почти всерьез задохнулся от возмущения Олег. — А с чьей легкой руки?!.. Нет, вы только поглядите на эту наглую побитую морду! Думать же надо, что у тебя на броне люди сидят! Тебе же Минотавр говорил: солдат, не гони. А ты ноль внимания, как рванул штурвал на себя — и готово, опьянел от власти над транспортным средством! У-у, зараза, нет на тебя неуставных отношений и дедушки Сабониса…
— А чего Сабонис? — спросил Зозуля, подавая Олегу шлемофон. — У него Минотавр вообще с ногами из люка выскакивал!
— Ему дай волю, он бы Минотавра под гусеницу уложил, — веско сказал Олег, оглядываясь на вход в парк. Вдали появилась массивная фигура командира дивизиона.
— Ну вот, накликали! Ладно, всё. Питание не забудь и готовься морально. Сейчас тебе Минотавр покажет, где мраки зимуют. Будет спрашивать, чем я тебя бил, скажи — кувалдой. Тебя ж руками бить бесполезно, дубина стоеросовая.
— Сам такое слово. Закурить лучше дай.

— Хамло беспородное, — лениво сказал Олег. — На, держи свою "Приму" и на буграх не газуй больше. Тебе, может, нравится прыгать, а мне это, сидя на корме, совсем не весело. Я по твоей милости однажды катапультируюсь и обе радиостанции за шнур из машины выдерну. То-то смеху будет!
— Ты, главное, свою гармошку не потеряй, когда падать будешь, — съязвил Зозуля, — а то…
— А то кто-то из нас сейчас будет поражен болезнью Дауна! Дух, ты обнаглел! Скоро, скоро пулеметчик Ганс крутанет тебе пару новых дисков. Тебя потом Вдовин вместо перфокарты в свою ЭВМ вставит — будешь весь в мелкую дырочку.
— А у него ЭВМ не работает.
— А у меня уже от тебя шерсть дыбом встает. Всё, к бою!
— Я тебе сегодня покажу полет на Венеру, — заявил Зозуля голосом экскурсовода.
— Не провоцируй черпака на дедовщину, юноша. Мой люк открыт?
— Угу, даже оба.
— Орел! — сказал Олег. — Могучий серый горный орел, опустивший хвост над бездонной пропастью! — продекламировал он, проворно взбираясь на броню. Сверху машина была покрыта инеем, сапоги неприятно скользили. Олег откинул крышку люка, положил рядом шлемофон, бросил в кормовой отсек противогаз и шапку. Лег на живот, перегнулся через край люка и, вися головой вниз, оглядел свое рабочее место. Контрольная лампа показывала, что Зозуля про питание не забыл. Олег протянул руку, подключил пульт старшего радиотелефониста и поставил рацию на прогрев. Вытянул наверх шнур с тангентой на конце — эбонитовым параллелепипедом с клавишами приема и передачи. Шнур был нестандартный, Олег еще перед учениями раздобыл десятиметровую бухту, и теперь мог вести передачу из любой точки машины, а главное, из прохода, где стоял отопитель. Гусеничный транспортер командира дивизиона был семи с лишним метров в длину и почти трех в ширину, сквозняки в нем гуляли те еще, и нагревалась машина зимой очень медленно.
По-прежнему вися головой вниз, Олег достал из чехла секции антенны. Выбрался на крышу, состыковал и воткнул трехметровый штырь на место. Впереди такой же развернул Зозуля. Оставалось только наподдать по антенне ладонью, чтобы верхушка пошла выписывать замысловатые фигуры. "Какие же мы еще мальчишки" — подумал Олег и усмехнулся. Он надел шлемофон, подсоединил тангенту и щелкнул клавишей передачи. Станция в ответ тихонько запела. Олег присел на свернутую в рулон маскировочную сеть.
Командир дивизиона все не шел, застрял на входе в парк — зацепился, наверное, языком. Делать пока нечего. Как бы себя развлечь? Можно вызвать огневую позицию. Передать радиограмму о повышении санитарной готовности и пожарной ответственности, чтобы там все на уши встали от изумления. Но на огневой наверняка еще спят, нехорошо их будить. Можно отправить такую же ахинею Сане Вдовину — этот будет просто счастлив вручить ее начальству и поглядеть, как оно отреагирует. Только Вдовин сейчас на марше и ему неудобно записывать текст.
Еще можно достать знаменитую на весь лагерь губную гармошку и сыграть что-нибудь повеселее, но мимо как раз тянутся гуськом соседи — шумно слишком. А можно просто сидеть на броне и радоваться, что встает теплое ласковое солнышко. Еще лучше — откинуться на спину и зарыться носом в мягкий воротник комбинезона. Так и сделаем… И вообще скоро на зимние квартиры, а там можно писать длинные письма, читать вволю, и рассматривать фотографии, и долго-долго размышлять о том, как все было, и как все будет, и учить себя думать отрешенно, без ненужной конкретики. Как будто паришь над миром, высоко в небесах, где только холод и свет, и душу твою захлестывает зима, и ты рад ей, и ты просто наблюдатель, и ты далеко-далеко.
…Господи, научи меня не сомневаться, не искать компромиссов, а просто отрубать — и все. И не надо твердить "бедная девочка". Да, она совершенно потерялась, оставшись одна — а ты?.. Пожалей сначала себя. Но себя ты жалеть не умеешь, а тебе ведь обязательно надо кого-то жалеть — может, из-за этого ты никак не забудешь ее? Не хочешь понять, что она сама оттолкнула бы тебя рано или поздно. Ведь ты не в силах дать ей все, чего она хочет и чего, откровенно говоря, не особенно заслуживает. Подумай еще и об этом. И согласись, что разумнее — отрезать и забыть. Напиши ей какую-нибудь мерзость, что-нибудь очень гадкое, пусть она решит раз и навсегда: ты — ее ошибка. Ошибка молодости. Пусть всплакнет над истраченной на тебя юностью и ушедшим в песок первым сильным чувством, зато потом двинется по предначертанной ей дорожке с чисто коммерческим взглядом на взаимоотношения полов. Найдет солидного мужа, приличествующего ее положению, и уедет к чертовой матери обратно в свой родной Нью-Йорк — дочь разведполка, шпионами рожденная, шпионами

воспитанная, шпиону же предназначенная в жены, лицемерная, скрытная и лживая насквозь… Вот как я могу думать о тебе. А могу вообще не думать, и ничего страшного не происходит. Только образуется пустота внутри, щемящая пустота… Где ты сейчас, с кем ты? И почему я тебе не пишу, и от этого уже не больно? Ох, как я хотел сделать тебя счастливой, сделать так, чтобы ты никогда не сомневалась, правильно ли поступила, сказав слова любви этому человеку — который сидит сейчас, небритый и прокуренный, с воспаленными от ветра глазами, на холодном железе… Как все было красиво и как все странно повернулось, сквозь пальцы утекло, потеряв остроту и сладость — чувство, казавшееся вечным. Тебе не стоило привязываться ко мне, милая. Иди с миром, пока я в силах гнать тебя и выдержать это. Пока не помню вкуса твоих губ — помню, что он прекрасен, и только. Не помню запаха твоих волос — помню, кружилась голова, и ничего больше. Не помню, что это такое — когда твоя обнаженная грудь прижимается к моей груди. Пока я не помню. Потому что завтра могу вспомнить вновь.

Я страшно устал тут. Я только за вчерашний день, моя дорогая, схлопотал пять суток ареста — это и за губную гармошку пулеметчика Ганса, и за наглость вообще, и за нетактичное поведение с офицером (а что делать, если он не офицер, а дерьма кусок?), и за реплики из строя. И за то, что замполит был пьян, а я зарычал на него в ответ; и за то, что начальник штаба был зол, а я проходил мимо. Но скоро я отдышусь, поэтому забудь обо мне прямо сегодня, прямо сейчас. Пока я опять не расправил плечи. Пока не вернулся к жизни тот парень, в которого ты влюбилась без памяти, и от которого просто не сможешь уйти…

Олег перебросил ноги через край люка и спрыгнул вниз, в кормовой отсек, к своему креслу.

— Это что еще такое?! — загремел за броней командирский голос. — Эй, сержант! Не прячьтесь, я вас видел! А ну, доложите мне, кто Зозуле глаз подбил! Или вы молодых бить начали, товарищ сержант?! Напомните-ка, сколько у вас суток ареста!

***

— Сколько бы у меня ни было суток, — пренебрежительно бросил Олег, высовываясь наверх, — это еще не дает вам повода для подобных обвинений, товарищ майор!

Тут в соседней машине что-то гулко упало, раздался громкий матерный вопль, и майор, стоявший впереди, ничего не расслышал.

— Чего вы там бормочете, сержант? — спросил он, хлопая себя по карманам в поисках сигарет.

— Да не бил его никто!!! — заорал Олег, нервно дергая головой в сторону майора, словно в подтверждение своих слов. — Стопор у него на люке слабый! И вооообще, тормозам — скрипучая жизнь!

Последнее относилось и к командиру, но тот упрека не воспринял. Внимание майора заняла дискуссия в соседней машине — там вовсю драли глотку, а люки были открыты настежь. Кто-то объяснял собеседнику, что такое Прибор Управления Огнем, и почему не стоит ронять на него канистру, пусть даже и не совсем полную. Виновный не смог привести серьезных аргументов в свою защиту и сразу перешел на общедоступный язык, рассказывая, в каких отношениях он состоит как с Прибором, так и с канистрой, а также со всей машиной, включая экипаж. В ответ несколько раз глухо шлепнуло. Неразборчиво забормотали. Шлепнуло еще пару раз, и голоса переключились на родственников друг друга, с которыми у обоих, кажется, отношения сложились более, чем тесные.

— А ну заткнитесь там на хер! — рявкнул майор.

Голоса испуганно притихли. Стало слышно, как негромко бубнит Зозуля — про капюшон, стопор, люк, триплекс и так далее.

— Скажите ему, чтобы капюшон снял, — посоветовал Олег. — Это ведь техника безопасности. Если он в следующий раз на ходу люком прихлопнется, кого-то будут от гусеницы отскребать. Не хочу, чтобы меня.

— Я уже стопор подкрутил, — буркнул Зозуля.

— И чего вы, трактористы, все такие упертые, а?.. Как тракторист, так хоть кол ему на голове теши!

— Сержант, закончили дискуссию! — приказал майор. — Потом разберемся. Ты огневую вызывал?

— Нет еще.

— Так вызывай, чего ждешь.

— Есть, — Олег потянул на себя шнур, нажал клавишу передачи и четко произнес: — "Берег", я "Лагерь".
В эфире шелестело и щелкало. "Берег" не подавал ни малейших признаков жизни. Олег повторил вызов. Безрезультатно. Пришлось опять спуститься вниз.
В кормовом отсеке было тесновато, но и по-своему уютно. Повсюду аппаратура и провода в серебристой оболочке из металлического плетения. Прямо перед Олегом стоял ящик коммутатора, возле колен торчали из ниши полевые телефоны. На уровне лица висела радиостанция, маленькая, простая, удобная в обращении. Олег невольно залюбовался ею — когда-то он научился работать на этой станици за полчаса и теперь относился к ней ласково. Ему нравились вещи, сконструированные рационально и логично и, как правило, легко отдающиеся в его власть. Так он любил пишущие машинки, бытовую технику, автомобили и автомат Калашникова. Самоходных минометов, которыми был оснащен третий дивизион, Олег по той же причине опасался. Он хорошо знал работу заряжающего и оператора, но как командир экипажа — а это была его штатная должность — успел поруководить только покраской машины. Он мог перевести миномет из походного в боевое положение, лихо торчал в башенном люке на марше, мог даже стрельнуть в белый свет, но, извините, с непредсказуемым результатом. А тренироваться не было времени: между учениями Бригада Большой Мощности буквально погрязала в хозяйственных работах. Поначалу это Олега злило. Потом он понял, что, случись война, наверняка окажется на своем нынешнем месте, при ответственном деле — и успокоился. Чего у армии было не отнять, она ценила грамотных людей. Втаптывала их в грязь при любом удобном случае, но потом доставала из грязи, отряхивала и сажала работать с жизненно важной информацией, которую абы кому не доверишь.
Однако, нужно было вызывать "Берег". Олег подозревал, что тамоший радист, как обычно, спит, подключившись к работающей на прием станции. Ну, сейчас будет тебе будильник, соня. Олег поставил мощность на максимум, подумал слегка и отключил динамик громкой связи — нечего майору слышать сонное бормотание в эфире. Нажал клавишу на тангенте и ткнул пальцем в кнопку тонального вызова. По ушам ударил сигнал, высокий и неприятный. Подержав кнопку секунд десять, Олег отпустил ее и громко произнес:
— "Берег", я "Лагерь"!
— "Лагерь", я "Берег" — захрипело в наушниках.
— Доброе утро! Проснись, браток, войну проспишь!
— Не понял! — отозвались с "Берега".
— Много спать вредно! — объяснил Олег.
— "Берег" — да! — издевательски подтвердил абонент.
Олег поднял голову к люку.
— Есть связь с огневой!
— Запроси, готовы ли к работе, — донеслось из-за брони.
— "Берег", я "Лагерь", старший запрашивает, готовы ли к работе.
— Пока нет, я "Берег".
— Говорят, пока нет, товарищ майор.
— Черт с ними, поехали. Зозуля, готов? Тхя!
Непосвященному могло показаться, что майор чихнул. На самом деле он позвал командира машины. Вообще-то, пращуры сержанта носили корейскую фамилию Тхай, но когда его дедушке выписывали советский паспорт, вышла ошибка. Новоявленный Тхя подумал и сказал: а что, хорошая фамилия, вполне корейская и, главное, очень редкая… Если сержанта хотели обидеть, то называли "Тх", а капитан Мужецкий, известный пристрастием к кличкам, обзывал его "Тхмяк". У Тхя были лукавые глаза-щелочки и плоское маловыразительное лицо, умевшее, тем не менее, открыто и заразительно улыбаться.
— Я! — подал голос Тхя откуда-то спереди. Оказывается, он тихо и мирно дрых рядом с Зозулей все это время.
— Садись в башню, поехали!
Рыкнул двигатель, все вокруг затряслось и загрохотало. Олег выбрался на броню и закрепился как следует в открытом люке — свободной осталась лишь рука, сжимающая тангенту рации. Сидеть на броне было и удобнее и безопаснее, чем внутри. Там ты рисковал треснуться головой о какую-нибудь железку или — что недешево встанет — о ценный прибор. Сверху же легко было предугадывать эволюции неуклюжей, но очень резвой машины, а сорвать Олега с брони могла разве что взрывная волна. Вчера он, правда, чуть не упал, но только из-за того, что сбилась настройка, и пришлось на ходу спускаться вниз, к рации. Невовремя отпустил руки. Его сильно ударило локтем о

башню — хорошо, не разогнались еще. Не хотелось бы остаток жизни ходить с неестественно прямой спиной, как командир четвертого дивизиона, однажды улетевший с кашээмки на полном газу.
Путь был неблизкий. Лихач Зозуля на скорости под пятьдесят влетел в сосновый бор, притормозил, но быстро освоился и погнал напропалую по лесной дороге. Олег поймал свою антенну и пригнул ее пониже, чтобы не стукалась о ветки. Щурясь от встречного ветра, он вновь погрузился в размышления. Лес был красив, неплохо бы побродить здесь — в лесу всегда царит ласковый покой, даже на полигоне. Правда, сосны здесь низкорослые и разлапистые. Сразу пришел на память другой лес, корабельный, где деревья, прямые и высокие, стоят неприступно и величественно, тихо подрагивая на ветру. По такому лесу гуляли мы полтора года назад с ней вдвоем, подумал Олег. Боже, полтора года! Ты уже можешь мерить время годами, парень.
…Я вел тебя в чудесное место, где пригорок над тихой рекой порос молодыми деревьями, и виднеется спокойное недвижимое озеро, спящее в лесной своей колыбели. И там мы сидели, обнявшись, глядя на бескрайние просторы, где властвует тишина, особая тишина шелеста ветвей и птичьих голосов. И мы говорили об этом. А еще мы говорили о том, что было и что должно быть… Лес принял нас в свои объятья, словно ждал давно, когда же мы придем — именно сюда. На мягких своих травах он постелил нам ложе. А ты была — как солнечный свет. Господь щедро одарил тебя красотой, но дал тебе и другое, что выше самой изысканной прелести и самого утонченного изящества. Очарование… В сердце лесном я губами раскрыл твои губы. В комнате с зелеными шторами я в холод белых простынь клал твое полупрозрачное, словно пронизанное лучами света, тело. Над берегом моря, на высоком утесе руки твои ложились мне на плечи. Я помню — ты кричала от счастья, и в волосах твоих запутался мой обезумевший взгляд… Как же так вышло, что мне больше не нужно это? И почему лишь об этом я каждый день вспоминаю? За что такое мучение, за что?! Больно как, нехорошо как, у-у…
— "Лагерь", я "Смета"! Олег, что ты сказал, я не понял! — раздался в наушниках голос Вдовина.
— Проверка связи, — с трудом выдавил Олег и попытался разжать пальцы, судорожно сдавившие тангенту. Клавиша передачи оказалась утоплена в гнездо до упора, намертво. Олег стукнул тангентой о броню. Клавиша встала на место. Как же я его услышал, подумал Олег, если клавиша была нажата? Видимо, когда Вдовин меня позвал, я сжимал кулак так сильно, что в тангенте отошел контакт… Ну и ну! Олег с уважением посмотрел на свою руку. Лень снимать перчатку, а то бы проверил, как там кулак — побелел, али нет? Положено ведь ему побелеть. Мама родная, все прямо как в книгах про любовь. Ой-ой-ой. Так и свихнуться недолго.
— Понял, проверка связи! — продекламировал Вдовин. — Я вас слышу хорошо, отлично, за-ме-ча-тель-но! Как вы меня слышите, я "Смета"!
— Прелестно, — ответил Олег. Со Вдовиным, вычислителем и радистом начальника штаба дивизиона, они вели постоянную игру в эфире, передавая безумные радиограммы и выдумывая разухабистые позывные — в рамках выдвинутой Олегом концепции, что служить надо весело, с шуточками и прибауточками, а не то заест тоска.
— Семьдесят три, Саня, отбой, я "Лагерь".
— Семьдесят три, отбой, "Смета" — да, — четко ответил Вдовин и исчез. Волна наползала на волну: слышно было, как он вызывает "Берег" и согласовывает группы цифр. Затем в эфир вышел капитан Мужецкий, шумный и болтливый, потребовал к себе кого-то на расправу и между делом поддел "Смету" — "Света, Света, я Вася!". Вдруг совсем далеко, на грани слышимости, возник и забубнил невнятно "Парад" — первый пушечный дивизион. Потом наступила короткая тишина, и в ней раздался голос командира второго дивизиона:
— "Параду" сменить позывной на "Баран"!
Дальше пошли слабые голоса, переговаривающиеся на плохом английском, и Олег отвлекся, соображая, как бы с этими деятелями связаться при помощи его маломощной станции, и сильно ли его накажут, если он самовольно развернет большую антенну. Тут неожиданно влезло Радьо Франс Антернасьонель, которому Мужецкий немедленно ответил: "Жё пердю, жё пердю!", вызвав дружный одобрительный хохот в эфире.
Солнце стояло уже высоко. Машина выбралась из леса и неслась, поднимая столб песчаной пыли, по широкой приднепровской равнине, оставляя сверкание реки за левым бортом. Здесь, у берега, снега не было совсем, и ничто не напоминало, что на дворе февраль месяц, по-украински — "Лютый". Занималась настоящая ранняя весна. Девять утра, эфир плотно забит, на всех частотах передают целеуказания, кричат

"Огонь!", "За мной!", "Немедленно с докладом ко мне!", "Я вас арестую!", "А идите вы к едрене матери, товарищ капитан!" и так далее. Скоро и война начнется. Опять мы, как всегда, победим, нанеся невосполнимые потери в технике и живой силе восьмому авиадесантному корпусу ФРГ и какими-то полудохлым турецким и итальянским дивизиям. "Видела бы меня сейчас мама, ей бы стало плохо", подумал Олег. Материнское сердце не может понять безопасности сидения на крыше машины, лихо скачущей по пересеченной местности. Ты бы испугалась за меня, мама, я этого не хочу. А вот мою девочку ужаснуло бы другое. Она не обратила бы внимания на скорость и грохот, ее поразила бы ограниченность, ущербность мира, в котором я живу. Сейчас этот мир ярче всего — в день войны. Война это большая радость, истинно мужское развлечение и чисто мужская романтика — при условии, конечно, что тебя могут убить лишь случайно, по ошибке. Обычно учения тяжки, но не для Бригады Большой Мощности. Мы здесь отдыхаем от рутины асфальтовых плацев и бетонных заборов, строительства боксов, рытья канав и покраски бордюров. Мы воюем с наслаждением и страшно гордимся своими Большими Пушками. Они настолько большие, что мы не стесняемся выглядеть придурками и клоунами: нам все по фигу, мы служим весело — вот такие у нас пушки!.. Как объяснить это, чтобы не было мальчишеской бравады? И надо ли вообще? Хорошо, что степень правдивости рассказа зависит только от меня. Хорошо, что я расскажу далеко не все. Хоть это-то в моей власти…

***

Пока Зозуля дергал машину вперед-назад, выравнивая ее по уровню, Олег сидел на краю люка и, плавно покачиваясь в такт рывкам, наблюдал, как метрах в двадцати левее, на крыше машины четвертого дивизиона, молодой сержант Рабинович меланхолично жует сухарь и листает толстенную книгу. Олег знал, что на обложке книги написано "Орнитология". Поэтому никто даже не пытался отобрать у Рабиновича сей толстенный фолиант. На подтирку в бригаде все равно шло Полное Собрание Сочинений В.И.Ленина, томов десять еще осталось.
У Олега тоже была в армии книга, не нужная никому, и потому не пострадавшая даже в период "злой дедовщины". На ее обложке было написано: "Clifford D.Simak. The City". Память о прошлом. О том, что кое-как читал по-английски и любил фантастику. И еще любил одну девушку. И она любила его. "Проклятье, сколько можно об этом? Нет больше той пары, нет. Мы изо всех сил стараемся забыть друг друга. Так правильно. Так разумно".
…Мы сломались. Ты не выдержала испытания свободой, я не вынес лишения свободы. Здесь так мало внешних раздражителей, ангел мой, тут все так убого, что невольно уходишь в себя, строишь мудрую и четкую, на свой взгляд, философскую системку, и по ней живешь. У меня здесь только своя правда, только мои понятия о чести, добре и зле. Быть может, потом все эти понятия будут сломлены реалиями внешнего мира. Но сегодня у меня есть моя маленькая религия, простая, как все самоделки, и надежная. И, видит бог, я не виноват, что в ней нет места для тебя.
И тем не менее, даже здесь я веду себя так, будто ты подсматриваешь издали. Почти разлюбив, все еще люблю, и это помогает мне держаться. Надо бы успокоиться. Сейчас начнется боевая работа, я отвлекусь и к вечеру буду в порядке. Пулеметчик Ганс достанет гармошку и заиграет "Ах, мой милый Августин". А потом отправится гулять по ночному лесу и… И думать о тебе…
К счастью, пришлось отвлечься и раскатать по машине маскировочную сеть. Олег втаптывал сапогом в песок алюминиевые колышки и думал, что накрытая сетью машина должна быть сверху похожа на большую кучу мусора. Еще он думал, что есть некое изящество даже в уродливом кирзовом сапоге — Олег поставил ногу на колышек и некоторое время рассматривал ее, находя, что складки сапога на голени очень опрятны, и выглядит сапог в профиль вытянуто-хищным, а если посмотреть анфас, то появляется вдруг симпатичная тупорылость, округлая и добродушная.
Он бы и дальше предавался размышлениям, но в машине раздался голос Вдовина, зовущего "Лагерь", и пришлось идти на место. На ходу Олег представил, что кто-нибудь из начальства, подслушав его мысли, вполне мог бы предположить у сержанта нервное заболевание. "А действительно, все ли со мной в порядке? Или эта постоянная работа мысли, цепляющейся за любую мелочь и принимающейся ее анализировать, есть просто следствие замкнутости мира, бедных на эмоции обстоятельств, в которых я живу уже пятнадцать месяцев? И я постоянно ищу красоту в окружающем меня — почти бессознательно — дабы не отчаяться, не ожесточиться, не растерять то немногое в душе, что, собственно, и заставляет искать эту красоту, и что накрепко привязывает к

мыслям о былом…". Олег тряхнул головой и шагнул в кормовой люк. Он присел на широкий комингс, свесив одну ногу наружу, подключился к станции и вызвал штаб дивизиона, надеясь, что разговор будет коротким и не помешает ходу мыслей — они в последнее время стали легко рассеиваться от самых пустяковых забот. "Стоит ли этот разговор, скорее всего зряшный, того, чтобы я забыл, о чем думал сейчас? Да или нет? Нет, не стоит".
— Увы, только для меня, — буркнул Олег себе под нос.
Он вызвал "Смету" снова.

***

Через час Олег уже прочно сидел в кресле и, прижимая локтем блокнот, торопливо записывал данные для стрельбы. Одним ухом он слушал через шлемофон, что творится на огневой, другим ухом повернулся к динамику громкой связи, куда вывел станцию, настроенную на волну штаба. Глаза его бегали от блокнота к башне, где противно завывал лазерный дальномер и перебрасывались четырехзначными числами майор и Тхя. Приходилось слушать еще и их разговоры, напоминать майору, чтобы не забывал переключаться со станции на станцию, дублировать передачу данных, давать повторы и быть в курсе всех дел. В секундные промежутки Олег успевал затягиваться "Примой", обзывать майора Минотавром (про себя) и жаловаться на нелегкую судьбу грамотного человека (уже вслух). Два дня назад только дотошность Олега спасла дивизион от позорного выстрела по чужой цели. Он доказал свою правоту, несмотря на яростную ругань майора. Был потом удостоен извинений и принял к сведению, что пижона и балагура пулеметчика Ганса с его губной гармошкой лучше оставлять в лагере, а на стрельбе работать машиной, которая все слышит и быстро соображает, поскольку ошибиться легко, а оправдаться потом невозможно. И он слушал, писал, повторял; ругался с радистами ракетчиков, влезающими в его частоты; глох от грохота станции электропитания за спиной и помех в ушах; волевым решением за две минуты перевел дивизион на запасную частоту, потому что на основной возник какой-то безумный "Днепр", отважно штурмующий высоту сто пять и пять… Но главное, он держал каждое слово майора под контролем и старался не исказить ни одной цифры сам. Кажется, получалось.
В полдень, когда отдувающегося майора вызвали на командный пункт, в наушнике раздался голос Тхя:
— Ты что думаешь насчет принять пищу?
— Мудрое решение, — ответил Олег. — Даже весьма мудрое.
— Тогда всё. Зозуля, тащи!
Через минуту перед Олегом лежал здоровенный ломоть хлеба, шмат сала, аккуратно нарезанные ломтики колбасы и конфетка на сладкое — из личных запасов экипажа, припрятанных в машине. Можно было расслабиться и заглушить чувство голода, которое привычно застигало всю бригаду врасплох в двенадцать дня: удел тех, кто завтракает в полдевятого, а обедает в три. Жевать колбасу было приятно. К салу Олег привык, но относился равнодушно. Как сало поглощает разборчивый в пище Тхя, знаток своей национальной кухни, любитель рассказать за обедом о правильной кулинарной обработке молодой собаки — сколько варить, сколько держать на жаровне, и так далее — Олег не представлял. В башне, одако же, раздавался такой хруст челюстей, будто там грызут огромный кусок сахара.
Он отстегнул тангенту и выбрался из машины. Песок под ногами промерз и слегка поскрипывал. Олег закурил и, повернувшись лицом к солнцу, закрыл глаза. "Надо бросить курить, — пронеслось в голове. — Легкие никуда не годятся после пневмонии. Но как тут бросишь, если самый верный друг — сигарета? Ладно, вернусь домй, переключусь на другие ценности, и станет не так важно сладкое кружение усталой головы от первой затяжки. Переключусь на другие ценности… Ох, дурак ты, дурак. Ты из простой страсти выдумал в свое время очень сильное чувство — и действительно полюбил. Ты слишком хотел любви тогда, глупый мальчишка, слишком желал настоящей романтики — и получил ее выше крыши. Потом романтика надоела, страсть утихла, но осталась привязанность, ответственность за другого человека, привычная нежность… Ты думал, что когда уйдешь в армию, все закончится само собой. Как бы не так. Именно армия показала: в твоей биографии ничего ярче той придуманной любви не было. Вот и живи теперь воспоминаниями! Жри себя поедом. Месяц назад ты отправил ей письмо, в котором настойчиво доказывал, что нужно тебя забыть. Сам все время думаешь о ней. Оказывается, лучшие минуты твоего прошлого — те, когда вы были рядом. Так чего же ты хочешь, парень? Неужели тебе надо, чтобы через девять-

десять месяцев, когда вернешься домой, все закрутилось по новой?.. Хватит, остановись".
Олег выбросил давно потухшую сигарету и снова подставил лицо ласковому солнышку.
Успокойся, парень. Твоя беда в неумении жить для себя, ради себя одного. Вспомни, отчего месяц назад ты пошел вразнос. Пока оставался призрак любви, был и инстинкт самосохранения. А когда ты эту любовь в себе задавил — внутри осталась лишь накопившаяся злоба и желание наплевать всем в глаза. И сегодняшняя твоя гармошка, шесть строгих выговоров, одиннадцать суток ареста (ерунда, сам знаешь, как забита гарнизонная "губа") — это исключительно от злости. Не надо злиться. Ты держись. Хотя бы за призрачную свою любовь. А чем все кончится — совершенно не важно. Ты с каждым днем здесь взрослеешь, и там, за забором, может статься, для тебя окажется ценным что-то совершенно новое. Некоторое время ты будешь просто сильно пьян от свободы. А дальше все образуется.
Только держись.

***

— Олег! — позвал из башни Тхя.
— У? — вопрошающе произнес Олег.
— Сделай чего-нибудь, а то я сейчас засну. Тоска сизая.
— Это, наверное, сало так на тебя действует.
— Ну хоть поговори со мной. А лучше сыграй. От твоей гармошки мертвый проснется.
— Все претензии к Шнейдеру, гармошка вообще-то его, — сказал Олег, забираясь в машину. Он захлопнул кормовой люк, сел в кресло и сложил руки на груди. Солнце пригревало через открытый верхний люк, было уютно и спокойно. Наконец-то.
— Ужасный инструмент эта гармошка, — сказал Тхя. — Ну, сбацай! Я тут спляшу. Сидя. Вставать лень. Ой, мама, засыпаю… Хрррррр… Спасите, разбудите!
— Прости, играть совсем не хочется, — Олег спрятал лицо в поднятый воротник. — Наверное пулеметчик Ганс ушел на базу. Получит там пару новых дисков и прокрутит их личному составу к вечеру поближе.
— Ты только поаккуратнее с новыми дисками, — попросил Тхя. — Хотя бы меня предупреждай, когда тебе опять в голову вступит. Чтобы я знал, когда надо от Минотавра прятаться.
Тхя был старшиной дивизиона и на днях получил за олеговы художества по первое число.
— И на дереве не сиди, пожалуйста. А то все тебе завидуют, потому что у самих кишка тонка — и стучат, будто в третьем дивизионе бардак.
— Ладно, я больше не буду. А как насчет забить трубу в офицерской палатке?..
— Тут Вдовина не переплюнуть. У него теперь навечно первое место и большая дерьмовая медаль.
— Это, Вов, вопрос культуры, — сказал Олег. — Вдовин просто левый экстремист. Он совершает террористический акт — без сомнения, яркий — и на месяц утихомиривается. А я осуществляю грамотное, научно спланированное давление на психику начальства. И буду давить, пока они у меня не станут похожи на людей. Вдовин так не может. Нагадить Минотавру под дверь палатки и убежать — это, конечно, подвиг, но, прямо скажем, не Геракла.
— Скорее даже наоборот! — Тхя рассмеялся. — Собственно, вышло бы совсем не смешно, если бы Вдовина через две минуты не спалили. Подумаешь, куча. Мало ли, чья…
— Слушай, Вов! — воскликнул Олег. — Как же мы раньше не догадались? Вдовин-то у нас — самурай! Он камикадзе!
— То есть? — не понял Тхя. — Я думал, он обычный засранец.
— Это же был его пост! — крикнул из носового отсека Зозуля. — Он у соседней палатки стоял! Поэтому и попался сразу!
— Секундочку! Разве не у оружейной комнаты?
— Нет! Ты просто забыл! Мы с ним дневалили у крайней палатки! Я как раз пришел Вдовина менять, а его уже повязали!
— Точно камикадзе, — мрачно заключил Тхя. — А я все понять не мог, отчего мне кажется, что я ему тогда мало вломил! Ясно мне все теперь, ясненько… Похождения бравого солдата Вдовина во время полевых учений…
— А а у тебя в инфизкульте литературу преподавали? — вдруг спросил Олег.

— Не надо подначек, — заявил Тхя. — Я безо всякой литературы "Швейка" читал, когда ты еще — "Винни-Пуха".
— Я "Винни-Пуха" по сей день перечитываю, — неосторожно признался Олег.
— М-да? … Ну, главное, не расстраивайся, — сказал Тхя. — Говорят, у нас в госпитале очень хороший психиатр. Вот приедем в Белую, я Минотавру доложу, что ты впадаешь в детство, и тобой сразу займутся. Минотавр рад будет до полных штанов. Ты же для него что Бермудский треугольник — загадка природы.
— Сразу не займутся, — встрял Зозуля. — Сначала надо с Токаревым, Аксеновым и Кириенко разобраться, а это до следующего приказа пахать.
— И то верно, — согласился Тхя. — Не быть тебе, Олег, первым в очереди. Ты, пожалуй, недостаточно буйный! А что, мужики, как по-вашему, отчего в ББМ столько психов? У ракетчиков сплошные узбеки, у десантников два самоубийства от несчастной любви, а в нашей бригаде целых трое сумасшедших, причем все ярко выраженные?
— Они сначала послужили, а потом уже ярко выразились, — напомнил Зозуля. — Токарев почти до дембеля дотянул прежде, чем начал за людьми с лопатой гоняться. Это Акс с Кирюхой — Олежкиного призыва. И то уже скоро деды…
— Я раньше думал, — сказал Олег, — что если где-то и сходить с ума, так в ББМ. Но потом я увидел прицепную артиллерию и переменил свое мнение. А потом я увидел пехоту… И понял, что мы служим в весьма комфортных для психики условиях. Мне кажется, Вова, если в ББМ много сумасшедших, это только потому, что в ББМ много сумасшедших. Просто так совпало. Их даже больше, чем заметно на первый взгляд. Уж на что я Саню Вдовина люблю…
— А вдруг это заразное? — подумал вслух Тхя.
Наступила пауза. Олег уже хотел сказать, что Вдовина в таком случае руками лучше не трогать, когда Зозуля, исполнявший функции впередсмотрящего, доложил:
— Внимание, Минотавр на горизонте!
— Кончай курить, — распорядился Тхя. — Бычкуй, мужики. Он если унюхает дым — стрелять начнет. А у меня всего две сигареты осталось.
— Да у нас же под башней целый вещмешок.
— Ты что! — взвился Тхя. — Как я при нем туда полезу? Он тут же половину выпросит! За неделю искурит, потом у нас расстреляет все, что к тому времени останется. Он же, гад такой, нарочно курить бросил. Он свои курить бросил! Он вчера у Кузнечика за сорок пять минут четыре "Космоса" сшиб! Кузнечик бедный чуть не плакал.
— Виноват, начальник. — сказал Олег. — Это я не подумавши. На, держи, тут полпачки, и у меня еще есть.
— Спасибо. Так ты не забыл насчет новых дисков? А медленное и методичное давление — это я всегда за. И насчет Вдовина ты прав. Тоже мне, моджахед!
Зозуля у себя в носу заржал. Видимо, представил вычислителя Саню Вдовина в тюрбане, рубахе навыпуск, жилетке, тапочках на босу ногу и со "Стингером" на плече. Через секунду хохотал уже весь экипаж.
— А нам пятерочку поставили! — радостно провозгласил сверху майор. — Молодцы, всему личному составу объявлю благодарность в приказе. Олег! Где ты там?
— Я!
— Снимаю с тебя один строгий выговор с занесением. Сколько осталось?
— Пять! А замполит вчера трое суток объявил за нетактичное поведение, товарищ майор.
— Ну, это ваши дела, — отмахнулся майор, спускаясь в башню. — Вы с ним то собачитесь, то целуетесь. Ты брал бы пример с Михайлова. Он ему: "Есть, товарищ подполковник!" — и идет спокойно дальше спать. А ты вечно на принцип лезешь… Тхя, а угости-ка сигареточкой! Вот беда — хочу бросить, а не могу… Так ты понял меня, Олег? Тем более, тебе увольняться осенью.
— Так точно, — сказал Олег. — Все будет хорошо, товарищ майор.
Он опять спрятал лицо в воротник, не отводя прищуренных глаз от солнечного блеска в верхнем люке.
— Хорошо… Все будет хорошо, — прошептал он.
Словно говорил это кому-то, видимому лишь ему одному.

ГЛАВА 16.

Первые сутки в армии. Медосмотр. То есть, это называется "медосмотр". Я уже понял, что в Вооруженных Силах СССР многое выглядит совсем не так, как называется. Да и сами Воруженные Силы… Могли бы выглядеть получше.
Казарма. Очередь к столу осмотра. Проводит его похмельный капитан. Методика проста и доведена до автоматизма. Капитан бросает на рекрута короткий взгляд, спрашивает — жалобы есть? И, не слушая ответа, что-то царапает в ведомости. Следующий.
Действительно, какие жалобы, мы ведь признаны годными к строевой. Иначе бы нас тут не стояло. Смысл липового медосмотра — отсеять вопиющий брак, который ловится на глаз. Мало нас, мальчиков 1968 года рождения, служить некому, а военкоматы обязаны выполнять план, и призывают всё, что шевелится. Месяцем раньше в наш полк угодил бедолага с серьезной болезнью позвоночника, нешуточной язвой желудка и тремя пальцами на правой руке. Инвалида послали обратно. Он, вроде, не обиделся.
— Жалобы есть? Нет. Следующий.
— Жалобы есть? Нет. Следующий.
— Жалобы есть?
— Жалоб нет. Но у меня аллергия на пенициллин.
Капитан застывает, пытаясь сообразить, что не так, почему отлаженный механизм дал сбой.
— Чего-чего? — переспрашивает капитан.
— У меня аллергия на пенициллин. Мне в военкомате сказали, чтобы я на медосмотре обязательно об этом заявил. Чтобы вы сделали отметку. А то мало ли…
Капитан через силу оживляется. Вяло манит пальцем. Я наклоняюсь поближе. И капитан очень громко шепчет мне:
— ПОШЕЛ НА ХУЙ!
Отойдя от стола в некоторой задумчивости, я решил заявление военврача интерпретировать так, что пенициллина здесь не дождешься.

МЕДИЦИНА ТУТ БЕССИЛЬНА

либретто циркового представления

весь вечер на арене — Автор

— Нет, это вовсе не рюмка со змеей! — говорил один врач, показывая эмблему на петлице. — В центре эмблемы глобус. Земной шар на ножке. А рядом — спутник выходит на орбиту! То-то. Я служу в космических войсках. Иначе как объяснить, что я решаю задачи такого… Космического идиотизма?! Сам подумай, вот явился ко мне на прием лейтенант, с температурой, простуженный вдребезги. И тут звонит его командир. И требует, чтобы я немедленно вернул в строй этого отпетого симулянта!..
— То есть… У них все то же, что и у нас?
— Хуже, парень, хуже. Вы-то здесь временно. А они — навсегда. И я с ними… Болтаюсь. Зови меня просто: товарищ космонавт-исследователь!..
Солдат попадает в санчасть двумя путями. Когда солдату плохо, он приходит на своих ногах, чтобы получить временное освобождение от физкультуры и тяжелой работы. После чего убирается восвояси. Если солдату очень плохо, его приносят на руках. Дальше варианты: солдат останется лежать в санчасти, будет направлен в госпиталь, или… Его унесут обратно. При любом раскладе, в девяноста процентах случаев парень не загнется. Молодой, сильный — выживет.
Одно из первых и самых ярких моих впечатлений от армии — люди в больничных пижамах, ломами скалывающие лед с дорожки к лазарету. Ну ладно, правду скажу, у некоторых поверх пижам были шинели. Но при температуре воздуха минус пятнадцать это ничего не меняет.
Только не подумайте, будто армейская медицина в повседневных своих проявлениях отличается каким-то особым зверством. Она просто часть армии и живет по ее законам. Первый закон: военный пусть служит и не выпендривается. Таблетку в пасть — и

обратно в строй! Укол — и бегом Родину защищать! Помните — когда я принес в лазарет майора Тяглова, синеющего от сердечного приступа, с ним обошлись предельно демократично. Осмотрели, чего-то вкололи, положили в карман валидол — и сказали, чтобы я тащил синенького на квартиру. Отлежится, не помрет.
Действительно, не помер.
Второй закон — презумпция симуляции. Некоторых солдат хлебом не корми, дай сказаться больными. И даже самого добросовестного бойца временами так достает служба с ее выматывающим душу регламентом, что он говорит — всё, сил моих больше нету, я пошел в санчасть. Боец удаляется черепашьим шагом и пропадает на полдня. Скорее всего, он даже не дойдет до санчасти, а просто рухнет где-нибудь и будет лежать, бессмысленно таращась в небо. Или в чайную отправится и сожрет там полкило сладкого. В любом случае ему немного полегчает.
Это, конечно, если офицер бойца отпустит. Потому что может не отпустить запросто. Если бойца отпускал сержант, офицер может на умника с освобождением от работ критически поглядеть и сказать — засунь эту бумажку в задницу, хватай лопату и дуй копать. А вы, сержант, тоже берите лопату и идите, контролируйте, как он копает. Заодно поможете.
В половине случаев офицер будет совершенно прав.
Отсюда, я подозреваю, растут ноги страшных историй про то, как в санчастях больные солдатские головы мажут зеленкой, и от всех недугов предлагают одну и ту же "дежурную таблетку" аскорбинки. Потому что, объективно, симулянтов хватает.
Третий закон армейской медицины: больной это рабочая сила. Если в санчасти ремонт, хороший плотник и умелый маляр застрянут там надолго. Их могут даже заранее присмотреть и заполучить в "больные" по договоренности с командиром.
Короче говоря, санчасть постоянно держит круговую оборону, ищет, где бы урвать, и много здоровья кладет на то, чтобы не перетрудиться. Санчасть не гнушается угроз и шантажа. Она долго и расчетливо выбирает, кого принять на рядовую должность. Санчасть — натуральная мафия.
Парадоксально, но будучи законченной вещью в себе, санчасть еще и умудряется помогать больным. Да, зачастую она делает это брезгливо. Иногда с такой миной, будто сама вот-вот отдаст концы. Спустя рукава, через силу, левой задней ногой, шепча под нос матерные слова, глядя на больного солдата, как на диверсанта… Помогает. В меру способностей и возможностей.
Возможностей, прямо скажем, немного. Способностей тоже. Но иногда главное не терапия-хирургия, а живое человеческое участие, с которым в армии вообще напряженно. Медики, как правило, это понимают и стараются не быть сволочами.
Я за всю службу обращался к врачу трижды, и ни разу меня не послали к черту. Хотя второй повод был просто анекдотический. Но давайте по порядку.
Кирзовые сапоги и портянки — игрушки не для домашних мальчиков. Даже если умеешь грамотно пользоваться этими великими достижениями цивилизации, все равно за ступнями надо пристально следить. В учебке бойца заставят ежедневно мыть ноги. А вот в войсках его поначалу задрючат — времени не хватит зубы почистить. Меня призвали зимой, и я не знал проблем с сапогами, только холодно было. А летом, уже в Бригаде Большой Мощности, загнанный как лошадь, так сбил ноги, что не мог бегать. Деды сначала хотели отметелить меня, вредителя, не умеющего наматывать портянки, но я очень злобно продемонстрировал старослужащим, что обуваюсь по всем правилам, еще лучше некоторых. Деды устыдились и без единой зуботычины послали меня в санчасть, сказав, что как раз сегодня принимает старый опытный прапорщик, который худого не посоветует. И правда, там сидел улыбчивый толстопузый прапор. Он дал мне мазь и проконсультировал насчет борьбы с потливостью, заметив, что сам предпочитает народный способ — ходить босиком по утренней росе. Я внял его совету, довольно быстро вылечился, и дал себе зарок возиться с ногами несмотря ни на что. Потом я натер себе, извините, конец.
Вам не случалось плавать в ледяной воде на втором этаже? Когда мы дежурили по столовой, я обычно вставал на мойку. Спокойная работа, никто до тебя не докопается, знай надраивай тарелки. Да, вода холодная, и тарелок штук пятьсот, и никакого "Фэйри", но в общем, самое то. Пока не забился слив в полу! И вот сцена. Второй этаж старинного здания, высота от уровня земли метров пять. Щель под дверью заткнута полотенцами, чтобы не хлестало в обеденный зал. Двое военных, которым вода доходит до паха, яростно моют посуду. А еще двое ныряют — кроме шуток! — и ковыряют в сливе проволокой. И смех, и грех. Через час, мокрые насквозь, мы решили эту проблему. Нас даже не очень побили. А назавтра я притопал к врачу. Это был молодой лейтенант. Сначала у него отвисла челюсть. Я объяснил, как было дело.

Лейтенант посмеялся, вручил мне банку с раствором марганцовки, сказал: "Залупи как следует, опускай в раствор и сиди". Я залупил, опустил и сел. И знаете, полегчало! Дальше я при заболеваниях обходился народными средствами, радуясь благодатному украинскому климату. Учебка, откуда я прибыл, стояла на болотах. И там мы очень боялись открытых травм. У меня до сих пор лунка ногтя на одном мизинце больше, чем на другом. Из-за пустяковой царапины я потерял кусочек мяса. А некоторые ребята натурально гнили заживо, покрывались язвами.

На втором году службы меня беспокоили только прыщи, неожиданно вскакивающие в самых неподходящих местах. Гигантские белые прыщи. Этим страдали все. Солдатская пища богата калориями, но бедна витаминами. Культуры приема витаминов в таблетках у нас тогда не было. А она бы и не спасла, поскольку витаминов в таблетках не было тоже. Несколько прыщей я вырезал из себя бритвой. Мешали ходить. Впрочем, по общим меркам, это были мелочи. Регулярно наблюдая вокруг то ревматизм, то ночной энурез, то буйное помешательство, я знал: мне пока везет.

И пенициллином лечить никто не пытался вашего покорного слугу.

И вдруг со мной случился подвиг. Скромный такой подвиг, какие приходится иногда совершать на боевом посту.

В рано наступившую весеннюю жару я чего-то приболел. Температура, слабость, бледность. Ну, бывает. Попросил у Минотавра разрешения не перенапрягаться, тот буркнул: "Ладно". Наш дивизион заступил в наряд, я пошел, как обычно, дежурным по штабу. Так было удобнее всем. Минотавр считал, что из штаба я не смогу оказывать разлагающее воздействие на коллектив. Я сам время от времени нуждался в отдыхе от казармы, иначе зверел и принимался хулиганить. А штабные офицеры знали, что меня не страшно нагрузить заданием, требующим зачатков интеллекта и минимума ответственности. Если же я устрою шоу, то ради общей пользы и сугубо развлечения для. Например, мне хватило наглости погнать взашей майора Рогачкина, особиста ракетчиков, вечно лезущего на наш узел связи, чтобы оттуда бесплатно звонить по межгороду. Рогачкин в итоге добился своего, но едва не сорвал голос, призывая на помощь начальника штаба. Особиста не любили, и мой недружественный выпад произвел сильное впечатление.

Итак, я вяло заступил на пост, кое-как пережил ночь и утро, а днем мне стало плохо. Ну совсем. Я валился с ног, у меня начал дрожать подбородок — верный знак приближающегося обморока. "Плохо дело, — сказал я помощнику. — Надо идти в санчасть". Подышал немного, заставил себя успокоиться и поковылял.

Дежурил в санчасти опять прапорщик, молодой, но с характерными ухватками человека, успевшего слегка повоевать. Это обнадеживало. "Ух, какой ты бледный. Давай-ка тебя померяем". Прапорщик нацепил мне на руку манжету "давленометра" и принялся качать воздух. Стравил. Буркнул: "Не понял". Накачал вновь. Стравил. Удивился. Я тоже. Принцип действия прибора я знал назубок, сам умел пользоваться. Характерных толчков в руке просто не было.

— И куда ты девал свое давление, мужик? — спросил прапорщик, глядя на меня с неподдельным уважением.

— Сколько там?

— Тебе этого лучше не знать.

Понятно. То есть непонятно, как я вобще сюда дошел.

— Что со мной?

— Хватанул инфекцию. Типа ОРЗ. Ты не смотри, что жарко, это случается и летом.

> Прапорщик все разглядывал меня. Он видел, что к нему из ББМ явился не абы кто. Слишком длинные волосы. Зеленый, но радикально неуставной галстук, который надо завязывать
> . Вместо положенного деду кожаного ремня — двуслойный "партизанский". А на кителе я носил один-единственный значок, и тот комсомольский. Прапорщик сделал выводы.

— Значит так, — сказал он. — По-хорошему, надо бы тебе к нам залечь на недельку. Отдохнуть, попить стрептоцид. Но у нас — слышишь грохот? — полы перестилают. Тебе здесь будет… Шумно. Неуютно. Еще тебя наверняка попробуют припахать, а ты, конечно же, откажешься. Будет много ругани. Поэтому думай. Если решишься, оформлю я тебя моментально.

Все было ясно.

— Мне не проблема отлежаться в казарме. Договорюсь.

— Вижу, — прапорщик слегка усмехнулся. — Ладно, сейчас выпишу освобождение от всего на свете и топай, отдыхай.
— Сначала в штаб. Пару часов достою как-нибудь. У меня скоро офицеры по домам расходятся, надо их проводить.
— Ну ты герой, блин! — сказал прапорщик. — Погоди, я тебе кордиамина жахну, чтобы машину активизировать.
Он достал Очень Большой Шприц.
И Очень Длинную Иглу.
Есть мнение, будто все мужчины боятся уколов. Это не совсем корректно. Некоторые мужчины приучаются уколы стоически терпеть, глазом не моргнув. Я из таких. Но прапорщик вооружился действительно Ломовым Шприцем с Нехилой Иглой. Даже сквозь туманящую мозг болезнь я ощутил какое-то, простите за каламбур, нездоровое воодушевление. Захотелось прыгать. В окно. И бегать. Подальше.
— Нихренасебешприц… — сообщил я.
— Ха-ха. СПИДом не болеешь?
— Да вроде нет.
— Подставляй руку.
Ка-ак он мне в правый бицепс… Жахнул!
— Герой, блин, — повторил прапорщик. — Держи справку и береги себя.
Кажется, он еще таблетки дал, не помню уже.
По пути к штабу я почувствовал — кордиамин действует, "машина активизируется". Вползти на третий этаж удалось без перекуров. И помощник сказал, что я уже не так похож на труп сержанта.
Потянулись из штаба офицеры. Мне полагалось стоять у двери и провожать их отданием чести. Но правая рука, уколотая Иглой, отказалась подниматься! Согнуть ее в локте я мог, а задрать к фуражке — никак. До плеча удавалось донести ладонь, максимум. Офицеры шли мимо, кто-то говорил мне "до свидания", с кем-то мы просто обменивались кивками и полуулыбками, затем я обозначал рукой движение вверх… Офицер, уже не глядя, машинально мне козырял и исчезал за дверью.
Помощник сбежал в туалет и там умирал от хохота.
Есть такой чисто солдатский фокус. С пилоткой его показывать не очень удобно, а когда ты в шапке или фуражке, получается легко. Идет тебе навстречу офицер, которого ты не жалуешь, но приветствовать — обязан. Руки взлетают к вискам. Офицер отдает честь. А ты хватаешь свой головной убор и учтиво его приподнимаешь.
Но я-то не хотел ни над кем издеваться! В тот день.
Последним уходил полкан. Ну, думаю, всё. Сейчас с ним распрощаюсь и так засмеюсь… До икоты. Устал сдерживаться.
— Всего доброго, товарищ полковник.
— Угу.
Руку вверх. Полкан козыряет мне. Почти выходит за дверь. И вдруг сдает назад. Увидел.
— Сержант, это как понимать?! — спрашивает он.
Полкан знал нас, как облупленных, и ничего хорошего от такого, с позволения сказать, личного состава, не ждал. Ежедневно он ставил бригаде диагноз: "Служба войск несется архискверно!". Как говорил один персонаж Александра Покровского, флотский офицер: "Матроса куда ни поцелуй, всюду жопа!". Самоходчики из кадрированной бригады БМ, они тоже… Матросы патентованные. Целовать не надо, и так все понятно.
— Виноват, товарищ полковник, у меня рука не гнется.
— Почему?!
Я в двух словах объяснил, ничего не приукрашивая.
— И ты вернулся на пост… — буркнул полкан. — Ну-ну. Ну, до свидания!
Как легко быть героем, когда вокруг раздолбаи, и сам ты раздолбай.
Я же не знал, что за пару месяцев до описываемых событий именно полкан отговорил Минотавра разжаловать меня в солдаты! Мотивируя решение тем, что вычислителя Саню Вдовина разжаловали, так он вообще офонарел, гадит начальникам под ноги, а однажды на головы нагадит, и не спросишь с него, рядового. Поэтому меня, пижона и антисоветчика, не гнобить надо, а грузить ответственностью.
Назавтра ко мне подошел Минотавр и с искренней теплотой поинтересовался, как здоровье. Приказал все бросить, падать в койку и лежать сколько надо. Оказывается, на утреннем совещании полкан долго распинался о том, что если правильно воспитывать сержантов, они вырастают просто душками и лапочками. Вот, например, я. Сволочь был невыносимая! А нынче готов служить, невзирая на тяжкий недуг.

Интересно, как бы полкан с Минотавром запрыгали, узнай они, что в прошлое воскресенье приезжал к нам мучимый ностальгией сержант (теперь запаса) Андрецов. А я опять-таки дежурил по штабу. Мы с Андрецовым и Шнейдером сели в кабинете замполита и выдули без закуски две бутылки "Сумской рябиновой". И я не помнил, как сдал дежурство. Помнил только, меня потом за казармой тошнило.
Выздоровел я быстро. И вдруг медицина вломилась в мою жизнь сама, без приглашения.
Однажды утром нам приказали вместо зарядки "строиться в направлении санчасти". Толком не проснувшись, ББМ побрела на территорию ракетчиков. По пути выдвигались разные версии, одна другой страшнее. Кто боялся прививок, кто проверки на СПИД. У санчасти бригаду ждал замполит. И стал загонять людей внутрь небольшими порциями.
— Кругом! — скомандовал врач, развернув нас таким образом лицом к стене. — Брюки и трусы спустить до колен. Выполнять! Так… Так… Одеться. Свободны!
Мы вышли на улицу, обалдело тараща глаза. И вдруг страшный сержант Тхя принялся хихикать.
— Ну, и что это было? — спросил я.
— Идиоты! Они искали на жопах отпечатки звездочек!
Понятненько. Кто-то настучал, мол, у нас по-прежнему духов в молодые, и молодых в черпаки переводят, нахлестывая со всей дури пряжкой ремня по заднице.
Наглый поклеп. В отношении третьего дивизиона ББМ — точно. Мы полностью изжили старые зверские ритуалы. Особо симпатичных нам деятелей торжественно били подушками, а прочим отвесили символического пинка. И вообще…
Подошел вычислитель Саня Вдовин.
— Звездочки искали. Дураки! — заявил он уверенно. — Все, кто хотел кого-то перевести ремнем, давно это потихоньку сделали.
— Ребята, но время! Время не сходится! Получается, эта дурацкая экспертиза опоздала на неделю!
— Они могут ориентироваться по ракетчикам. Там перевод в самом разгаре.
— Точно искали звездочки, — сказал мудрый Тхя. — Потому что при другом раскладе нас бы заставили нагнуться!
Воцарилось молчание. Общественность, скрипя мозгами, осмысливала намек.
— М-да… Пусть это все-таки будут звездочки! — убедил сам себя Тхя.
Общественность с ним согласилась.

ГЛАВА 17.

Было воскресенье. Я валялся под кустом неподалеку от казармы. Пара наших вышла из клуба и направилась в мою сторону. Судя по часам, меняли бобины на середине фильма, и ребята вторую часть решили не смотреть.
— Чего там? — спросил я.
— Странное кино. Такое… Интересное, но странное.
— А поконкретнее?
— Понимаешь, фильм то ли французский, то ли итальянский… В общих чертах, он про кинорежиссера, от которого бабы тащились со страшной силой. Вот.
— Спасибо.
Я растолкал приятелей, дрыхнущих в кустах.
— Подъем, коллеги. — сказал я. — Пошли в клуб. И не ругайтесь. Каждый воспитанный молодой человек должен посмотреть хотя бы один фильм Феллини.
Подумал и добавил:
— Хотя бы полфильма.

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА ИСКУССТВА

доказательство ленинского тезиса "пока народ неграмотен, важнейшим из искусств для нас является кино"

в ролях живых примеров —

солдаты и сержанты Бригады Большой Мощности

В Советском Союзе заключенным и солдатам положено было смотреть кино. Не знаю, как зеков, а свободных от наряда солдат гоняли в клуб чуть ли не каждое воскресенье. Репертуар сильно разнился в зависимости от того, где находилась часть, и на что годился киномеханик. Например, "Полет над гнездом кукушки" Формана я увидел в учебке буквально через месяц после выхода фильма в советский прокат. Как уже писал — на закрытом ночном просмотре. Потом я сходил на этот фильм в воскресенье. Клуб был набит битком. Незабываемые ощущения.
Неделей позже крутили детскую сказку, и зал стонал от восторга.
Напомню, я служил в 1987-89 годах, когда показывали уже всякое-разное. Политотделы предпринимали отчаянные усилия, чтобы в войска не попал номер журнала "Юность" с повестью Полякова "Сто дней до приказа", признанной "грязным поклепом на Советскую армию". В то же время, вполне антисоветскую картину "Курьер" я в армии смотрел раз пять. Бешеным успехом она не пользовалась. "Человек-амфибия" котировался гораздо выше.
Предсказать, что именно покажут на следующей неделе, было невозможно. После ветхозаветного "Садко" могли зарядить индийскую муть с песнями и плясками, затем вдруг отечественную производственную драму. Фильмов про войну не помню вообще. И конечно, тех, у кого был доступ к телевизору, армейский кинорепертуар не волновал совсем.
В Белой Церкви, где стояла Бригада Большой Мощности, нас мало интересовало, что крутят в солдатском клубе. Мы ходили туда, если лень было перелезть через забор. За забором при заводе стройматериалов орудовал "видеосалон". Вскоре этот салон сам к нам пришел, в тот же клуб — ставили пару телевизоров на сцену и крутили по два фильма подряд то ли за рубль, то ли за пятьдесят копеек.
Кино действовало на солдатские мозги прямолинейно и мощно. После "Греческой смоковницы" народ побежал к женскому общежитию, про которое давно забыли, потому что оно было неудобное — приходилось лазать в окна второго этажа. А после "MadMax-2" наш героический Взвод Обслуживания И Хранения вдруг построился и утопал в парк техники. Бригада провожала ВОХ круглыми глазами. Ребята позже объяснили: "Мы хотели посмотреть, хватит ли у нас железа склепать пару таких же таратаек".
Случались и внеплановые киносеансы. Вот, метелистым зимним утром строит нас Минотавр. И говорит:
— Значит, так. Опять убежал рядовой М. Поэтому всем разбиться на пары, поделить город на сектора и идти искать этого… Рядового. Если до вас докопается патруль, скажите, что вы из Бригады Большой Мощности!
Мы со страшным сержантом Тхя надеваем под шинели подбушлатники, отчего Тхя становится квадратным, а я прямоугольным. И удаляемся в метель на поиски рядового М. Через несколько часов встречаем на улице еще двоих наших.
— Вы где искали?
— В кинотеатре "Родина".
— А что там?
— "Враг мой".
— Хм, надо тоже пойти туда поискать… А мы в клубе Горького искали.
— А там что?..
Понятное дело, рядовой М. через пару дней сам явится. Получит по шее и встанет в строй, делов-то. Искать его нема дурных, мы лучше кино посмотрим и от Вооруженных Сил отдохнем.
Когда я уже "дослуживал", и у нас наладились отношения с офицерами, ББМ откровенно заелась. Окончательно бригаду развратил коллективный просмотр по телевизору "Собачьего сердца". С тех пор мы требовали качественного современного кинематографа. Выписывали в воскресенье увольнительную на все подразделение и строем шли в город на модное кино. Модное кино часто разочаровывало. После "Маленькой Веры" народ плевался.
— Какие претензии? — спросил я.

— Мы в таком говне — живем! — ответил народ. — Не хватало еще про него фильмы смотреть.
Но это было потом. Страна менялась стремительно, по "ящику" крутили репортажи с Первого Съезда Народных Депутатов, за забором все тряслось и сыпалось, мы это слабо, но ощущали. А буквально годом раньше яркое и запоминающееся кино вторгалось в армейские будни крайне редко.
Зато метко.
Перед выходом на летний полигон 1988 года бригаде решили сделать подарок. Всех построили и отвели в город смотреть "Кинг-Конга". Вероятно, офицерам самим захотелось.
"Кинг-Конг" произвел сильное впечатление. Особенно сцена первого появления зверя, в отчаянно яркое полнолуние, когда начинает шевелиться лес, сквозь который гигант идет к беспомощной жертве. Народ после сеанса нервно курил. Деды раздавали молодым подзатыльники чаще обычного.
Как сильно отпечатался у нас в сознании фильм, я понял только через месяц. Зато прочувствовал до самых печенок.
Сначала полигон шел нормально: мы встали на берегу Днепра, отравились консервами, перегрызлись между собой, разорили огневую позицию десантников, вместо извинений погонялись за десантниками на миномете, потеряли в лесах вычислителя Саню Вдовина (я ничего не путаю, это был просто первый раз, когда мы его потеряли). Дальше был мой конфликт с дедами, закончившийся принудительной стрижкой и демонстративным выходом из строя. Потом у меня порвался левый сапог, а у художника Вити правый, и прапорщик Козолуп выдал нам на двоих пару сорок шестого размера. Потом у всего лагеря кончились приличные сигареты. Потом кончились сигареты вообще. Потом лагерь обстреляли противотанкисты.
А потом настал Кинг-Конг.
Нам дали задачу сыграть в войнушку. Бригада должна была свернуться, резко отпрыгнуть от лагеря на несколько километров, там стрельнуть, и мигом назад. Главное в работе "бога войны" — вовремя смыться. Затем и нужна самоходная артиллерия: выкатиться, жахнуть и драпать, пока не накрыли ответным залпом. Настоящий самоходчик не тот, который убил врага и погиб героем, а тот на кого враги извели все боеприпасы и сами от отчаяния застрелились.
Мы свернулись, выкатились, развернулись, жахнули, убежали обратно в лагерь. До конца полигона остались сутки, поэтому оборудование просто свалили в кучи, и на каждую положили сверху охранника. Мне выпало охранять штаб — два грузовика и штабель ящиков, укрытый маскировочной сеткой. Когда есть курево, лучшего занятия для солдата не придумаешь. Курева мы уже достали.
Я лежал на ящиках и глядел в ночное украинское небо. Это поразительное зрелище — черный-черный купол, усыпанный мириадами звезд. В ту ночь зрелище оказалось сильнее обычного: взошла полная луна. Лагерь был залит призрачным светом.
Я смотрел на луну, смотрел на луну, смотрел… Сел на ящиках, чувствуя смутное беспокойство. Лагерь будто вымер, а вокруг тихо шумел на ветру сосновый лес. Что-то было не так. Очень хотелось слезть со штабеля и спрятаться за ним. Мне вдруг стало довольно-таки жутко. Это было иррациональное чувство, разобраться в причинах которого я пока не мог. В полусотне шагов от меня спало по палаткам больше тысячи человек. Чего бояться?
Заставил себя улечься на штабель и принялся размышлять. Полная луна. Шум деревьев. Полная луна, шум деревьев… МАМА!!!
Такого желания добраться до автомата я не испытывал даже когда меня били узбеки и казахи. Так страшно мне не было в армии ни до, ни после.
Полнолуние.
В ПОЛНОЛУНИЕ КИНГ-КОНГ ВЫХОДИТ ЖЕНИТЬСЯ.
Несколько секунд я просто не дышал.
Потом мне показалось, что в поле между линией палаток и линией штабов что-то шевелится. Маленькое.
Я с трудом приподнялся. И увидел, как от наших палаток к штабу движется нечто человекообразное.
Боком, в полуприседе, судорожно вцепившись в рукоятку штык-ножа, по полю крался помощник дежурного по части, неустрашимый чеченский дедушка сержант Чадаев. Глядел он в сторону леса.
Стало веселей. Я дождался, пока сержант подберется к штабу вплотную, и резко сел на ящиках.

— Ы-ы!!! — взвыл Чадаев, отпрыгивая и дергая штык. — Кто?! А?! Москва, ты, что ли?.. Ой… Уффф…
Держась за сердце, он подошел и сел рядом.
— Курить нет совсем, — сказал он. — Дай, пожалуйста.
— Только "Прима".
— Как будто у кого-то сейчас есть "Космос"…
Я щедро отсыпал ему сигарет.
— Спасибо, — сказал Чадаев. Интонации у него были всхлипывающие. — Покурю тут, ты не против?
Еще бы я был против.
Чадаев курил, плечи его расправлялись на глазах, но временами отважный дед-беспредельщик как-то странно озирался. Наконец, не выдержав, он спросил:
— Тебе не страшно?
Я молчал.
— Ну, луна… — объяснил Чадаев. — И все такое.
— Есть маленько, — признался я.
— Грёбаный Кинг-Конг! — сказал Чадаев.
Мы посмеялись. Чадаев встал, затоптал окурок, поправил штык, повязку на рукаве, пилотку. Душераздирающе вздохнул и сказал:
— Ну, ты держись тут.
И пошел обратно к палаткам.
Его хватило метров на двадцать. Потом я увидел, как Чадаев съеживается. Кладет руку на штык. Начинает гнуть колени. Через несколько секунд он опять бочком-бочком, словно краб, выставивший перед собой клешню, полз к линии палаток, готовый в любую секунду принять бой и умереть героем. Или просто задать стрекача. Как настоящий командир самоходной пушки калибра 203 мм.
Утром многие признались, что в ту ночь отойти от палатки пописать было выше человеческих сил. Пару шагов сделал — и сразу вспомнил, куда и зачем идет Кинг-Конг в полнолуние.
К счастью, назавтра мы уехали.
А то еще пара ночей, и кто его знает, чем бы все кончилось.
В новом, 2005-го года, "Кинг-Конге" акцента на полнолунии нет.
Хорошо-то как!

ГЛАВА 18.

Солнечным воскресным днем к казарме, где загнивала и разлагалась Бригада Большой Мощности, подъехала черная "Волга". Из нее вышли два подозрительно ухоженных генерал-майора.
Рядовой боец генерала не боится. Мальчишке-призывнику генерал позволит и простит такое, за что офицеру не сносить головы. А уж наш-то родной генерал Бибко, разгуливавший по полигону в солдатских кирзачах, чтобы щегольские "хромки" попусту не бить… Знатный был полководец. В том смысле, что от него полковники разбегались. Помню, как он при большом стечении народа измерял линейкой расстояние между звездочками на погонах одного капитана. Из УАЗа Бибко высаживался попой вперед, потому что живот застревал в дверном проеме. И честь он отдавал, растопырив пальцы-сардельки. Однако под его руководством все крутилось, вертелось, тужилось, пыжилось и старалось проявить себя наилучшим образом. Разве что "оркестр в количестве трех человек" подкачал. Да еще эти противотанкисты с их манерой стрелять поверх лагеря, когда нормальные люди идут обедать… Но в общем и целом Бригада Большой Мощности претензий к генералитету не имела.
А вот эти генералы одним своим видом предвещали дурное.

У СОЛДАТА ВЫХОДНОЙ

сценарий военно-спортивного праздника

В ролях: те же и призрак маршала Язова

Чем занять солдата в выходной — серьезный аспект боеготовности войск. Если солдата предоставить самому себе, он черт знает чего учудить может. Нажрется, обкурится, повесится, заболеет триппером, застрелится, построит самогонный аппарат, приведет в каптерку бабу, подожжет казарму, утонет, ограбит чайную, отравится консервами, сломает руку (ногу, челюсть, нос, копчик, пишущую машинку, прибор управления огнем, многоцелевой транспортер легко бронированный). Нарисует на заборе двухметровыми буквами слово "хуй". Подерется с русскими, подерется с узбеками, подерется с туркменами, подобьет узбеков подраться с туркменами, пошлет телеграмму академику Сахарову — это я самую малость вспомнил! — да мало ли, что ему в голову придет. Недаром именно воскресным днем состоялся исторический конфликт ББМ и ДШБ, каковую бойню обе стороны еще через три года вспоминали с благоговейным ужасом, передавая леденящие кровь подробности из поколения в поколение.

Солдат и так дурак, а от безделья он дуреет окончательно. "До чего здорово все в армии устроено, — признался мне один сослуживец, весело наглаживая утюгом шинель. — На гражданке я сейчас не знал бы, чем заняться".

Хорошо бы, конечно, солдату выходных не давать вообще. Он на каких-то жалких два года в армию угодил — перетопчется. Собственно, зачем ему выходной? Молодому бойцу все равно старшие призывы расхолаживаться не дают, а у второго года службы каждый день еврейская суббота. Да запретить эти выходные к чертовой матери! И никаких увольнений! От них только алкогольное опьянение, венерические болезни и запрещенная литература вроде журнала "Огонек". А вот поощрение в виде десятидневного отпуска штука полезная. Нет лучшего инструмента шантажа, чем отпуск. Пообещать — и не дать. Или пообещать не дать. Только важно с этим не переусердствовать. Когда военный понимает: отпуска ему не видать ни по какому, — он сразу забивает на службу болт. Прямо начальнику в задницу. Там срывается резьба и потом очень долго болит.

По-моему, я всячески оттягиваю начало рассказа о том, как два генерала угробили бригаде воскресенье, вам не кажется?

И все-таки солдатский выходной нужен. Ведь это, в первую очередь, выходной офицерского состава. А у строевого офицера, честно говоря, жизнь не сахар. Дайте ему хоть в воскресенье побыть относительно свободным человеком. Ну хотя бы два воскресенья в месяц — дайте!

И дают, куда денешься. Офицеры расползаются по домам. А для солдат и сержантов замполит составляет "план выходного дня". План всегда один и тот же. С утра просмотр телепередачи "В гостях у сказки", то есть "Служу Советскому Союзу". Затем политинформация. Дальше гнусное мероприятие под названием "Спортивный праздник" (в программе забег на три километра, полоса препятствий и еще какая-нибудь утомительная гадость). Обед. После обеда просмотр кинофильма. И наконец-то личное время — до ужина.

На спортивный праздник мы традиционно клали. К замполиту подходил один из неформальных лидеров бригады — мол, товарищ подполковник, идите домой отдыхать, а мы уж как-нибудь сами организуем это дело. "Вы же не побежите, — говорил замполит, — ни трешку, ни полосу препятствий, я знаю, вы будете в футбол играть. А потом нормативы не сдадите". Ему обещали, что все будет в лучшем виде. И замполит исчезал. А иногда не исчезал. Тогда бригада выходила из казармы, якобы на построение, вдруг раздавался вопль "Атас!", сотня военных срывалась с места и бежала врассыпную. Вызывая тихую истерику у соседей, которые тоже хотели бы вести себя так нагло, но не обладали достаточной силой воли и сплоченностью.

Принудить ББМ к неинтересным ей действиям могла только сама ББМ, и то через силу. Казалось, не было на свете такого форс-мажора, который заставил бы бригаду свернуть с накатанной колеи. Но два генерала, зашедшие в казарму теплым солнечным воскресным днем, попробовали сделать это и почти что преуспели.

"Завтра на вашу "площадку" прибудет с инспекцией министр обороны маршал Язов, — сказали генералы. — В принципе у вас тут все нормально. Но! Бордюрные камни надо перекрасить в уставной серо-стальной цвет. Вот эти щиты наглядной агитации — ликвидировать. Вон ту калитку в заборе снять, чтобы машина проехала. Да, и забор тоже перекрасьте". И укатили.

Дежурный по части, милейший и добрейший майор Крот — тот самый, что потом устроил лежачую забастовку в штабе, — посмотрел на часы. Время было обедать. Лицо у Крота сделалось как у приговоренного к кастрации.
— Это же не наш забор, — сказал помощник дежурного. — Мы за него не отвечаем. Пусть ракетчики красят. Их много.
— Та сторона, что с нашей стороны, это наша сторона… — пробормотал Крот.
Он был заместителем полкана по технической части, и разбирался во всяких тонких материях.
"Площадка" — это огороженная территория, на которой живет несколько частей. Помимо десанта, мы соседствовали с ракетчиками, зенитчиками и еще кем-то. Чтобы вы оценили высочайший уровень организации всего этого, упомяну только один момент. Хотя в двухстах метрах от нашей казармы стояла баня, мыться ББМ ходила через полгорода, на другую площадку, к летчикам. Мы обожали эти еженедельные прогулки, но убей Бог, не могли понять, за что нам такое везенье.
Впрочем, я, кажется, говорил — у нас в парке кто-то забыл танк.
Как именно строились отношения с соседями на высшем уровне, мы не знали, и знать не хотели. Поэтому если Крот сказал, что с нашей стороны забора — наша сторона забора, оставалость только ему поверить и впасть в меланхолию. Бригаду ожидал цирковой аттракцион. В нее должны были вернуться офицеры, выдернутые из-за воскресного обеденного стола.
— Посыльных ко мне, — распорядился Крот, — остальные бегом в столовую. Водитель дежурной машины сразу из столовой в парк, грузить краску. И поешьте как следует, ребята. Возможно, ужинать вам не придется!
Он сел к городскому телефону, снял трубку и поглядел на нее так, будто держал в руке гадюку.
Поели мы как следует. Переоделись в рабочее. Молодежи приказали отдыхать пока. Сняли с петель "калитку" — решетчатые ворота, закрывавшие проем в заборе между нами и ракетчиками. И набросились на щиты наглядной агитации. Разнесли в пух и прах это ржавое железо, только клочья полетели. Подогнали самосвал, зашвырнули в него бетонное основание и остатки рамы. Особенно усердствовал художник Витя, который год назад щиты расписывал. За последнее время он сильно прибавил в технике рисования и давно уже на щиты косился недобрым глазом.
Начали подходить офицеры. Те из них, кто не успел надраться до поросячьего визга, были пьяны в зюзю, дупель, сосиску и прочие интересные места. Наш Минотавр то строил зверские рожи, то хохотал до слез. А в короткие минуты просветления тяжело вздыхал.
Пявился грузовик с бочками уставной серо-стальной краски и охапками половых щеток. В кузове стоял бухой прапорщик Козолуп.
— Да здравствует Советская Армия, гроза капитализма! — орал он. — Ударим покраской заборов по агрессивным происках блока НАТО! Ура, товарищи!
Старослужащие взяли кисти и начали очень медленно и невероятно тщательно красить бордюрные камни. Понятно было, что до ночи они с задачей справятся, но при этом надорвутся на всю оставшуюся жизнь.
Молодежь похватала щетки, окунула их в бочки и яростно атаковала забор. Энтузиазм подогревался грамотным инструктажем.
— Уясните, что вы сейчас работаете только для себя, — сказал молодым страшный сержант Тхя. — Потому что пока не закончите, спать не ляжете!
Вечерело. Чавкала краска. Мат уже не раздавался — он стоял. Приехал оценить размах бедствия полкан. Из машины не вышел, наверное, трудно ему было. Передал через замполита призыв биться насмерть.
Подполковник Миронов откликнулся на аврал неформально. Позвонил и объяснил, что у него жена неделю не трахана, и если его не перестанут отрывать от дела, он придет и затрахает всю бригаду, а завтра трахнет до кучи самого маршала Язова. А коли вверенный ему пушечный дивизион нуждается, чтобы выкрасить какой-то сраный забор, в мудром руководстве целого подполковника — тогда дивизион придется трахнуть в особо циничной форме… Поэтому командовать фронтом работ первого дивизиона прибыл неженатый капитан Черемисин.
— Слышь, ты, чмо! — говорил он ленивому маляру. — Вот сейчас меня доведешь, и я ка-ак дам тебе в лоб! Ты очухаешься после обморока, побежишь жаловаться. А я предъявлю справку, в которой написано: у капитана Черемисина динамическая невралгия на почве подрывной контузии. И полкан вместо того, чтобы меня отругать, должен будет выбить мне путевку на две недели в пансионат. Так что ты лучше не выпендривайся, уж больно соблазн велик…

Забор домучивали в свете автомобильных фар. Офицеры сгоняли прапорщика за водкой и заливали ею расстройство по бездарно прошедшему выходному. Деды сидели в кустах и поражались идиотизму происходящего. Раньше первое место в хит-параде армейского дебилизма занимал приказ ракетчикам посшибать на газонах все одуванчики. Мы с ними тогда чуть не подрались, когда увидели, как целая рота фигачит прелестные желтые цветочки ремнями. "Да нам самим противно это делать, — объяснили ракетчики. — Но командир сказал — чтобы газоны выглядели однообразно!". Ох, поганое слово "однообразно"! Армия — единственное место, где в него вкладывают положительный смысл.
Не помню, когда покраска закончилась, и кончилась ли она вообще. Помню только, что в понедельник министр приехал не к нам, а на совсем другую "площадку". Огляделся и заявил, что на казармах неправильно висят таблички. Надо их перевесить на уставную высоту в полтора метра.
На следующее воскресенье я попросился в увольнение. Решил напомнить себе, что за забором — чтоб он упал! — должна, по идее, быть какая-то другая жизнь. Хотя бы относительно разумная.
В город мы ходили через квартал частных домов. Первый же гражданский, попавшийся мне на глаза, увлеченно красил штакетник.

ГЛАВА 19.

Солнечным июльским утром по приднепровской степи ехал грузовик "Урал". Машина совершала непонятные эволюции — то притормозит, то ускорится, то примет вправо, то влево. В кузове грузовика стоял офицер с биноклем. Иногда офицера подбрасывало на кочках, и тогда сидящие вокруг солдаты придерживали его.
Наконец машина перестала дергаться и целеустремленно рванула вперед. Затормозила, окутавшись пылью, у неприметного бугорка. Офицер и солдаты уставились вниз, свесившись через борт.
Они нашли то, что искали — большущий окоп, зовущийся в армейском просторечии "капониром" (неправильно), плотно обложенный березовыми бревнышками (а вот это правильно, как окоп ни называй). Здесь была артиллерийская позиция, вырытая по уму и тщательно обустроенная.
— Я же говорил, — удовлетворенно сказал капитан Масякин. — Вот вам и деревяшки. Тут этого добра навалом, главное уметь искать.

БОЕВОЕ БРАТСТВО

опыт взаимодействия видов сухопутных войск на примере Бригады Большой Мощности

— Все из машины — и грузить, — распорядился капитан.
Мы посыпались за борт.
Вблизи позиция выглядела подозрительно свежей. Будто ее вот-вот соорудили.
— Тарщ ктан! — позвал сержант Голиней. — А это точно прошлогодняя огневая?
— Что тебя беспокоит, Вася? — небрежно поинтересовался Масякин.
— Ну, вот мы ее растащим, а тут хозяева приедут.
Масякин перегнулся через борт, вглядываясь.
— Самоходчик! — бросил он. — Ты видишь здесь следы техники? То-то. Все занесло песком с прошлого года.
Вася хотел ответить, что видел здесь следы сапог устрашающего размера. Но у него не было дказательств — минометный экипаж, растаскивающий березовые поленья, успел все затоптать. Деревяшки с грохотом сыпались в кузов "Урала".
— И вообще, — добавил Масякин надменно, — вы физически крепкие молодые люди из Бригады Большой Мощности. С вами офицер. Так что пускай хозяева пеняют на себя. Не фиг щелкать клювом! Тут полигон, а не богадельня.
Тем не менее, капитан выпрямился в кузове и взялся за бинокль — вдруг и правда кто заявится.

Деревяшки нам понадобились, чтобы дооборудовать собственную огневую. Почва на полигоне была песчаная, и стенки окопа могли посыпаться с одного выстрела: миномет не пушка, он отводит в землю всю энергию отдачи без остатка. А отдача у нас ого-го, мы же больше центнера в небо пуляем.
Трудно не полюбить "Тюльпан", познакомившись с ним вплотную — рациональная, компактная и мощная штука. Но, блин, уж больно земля трясется, когда он стреляет, зараза. И звук неприятный. Будто огромной пустой кастрюлей лупят по огромной пустой голове. И голова эта — твоя.
Выкопать "начерно" огневую для "Тюльпана" дело нескольких минут: на носу миномета крепится отвал, превращающий машину в примитивный бульдозер. Но потом надо вручную, лопатами, ровнять стенки и укреплять их деревом. Разумеется, "по атомной войне", когда срок работы огневой измеряется минутами — долбанули натовскую гадину и удрали, — никто такой ерундой заниматься не станет. А вот долговременная огневая позиция оборудуется на несколько дней, если не недель, и тут все делают прочно, иначе так засыплет, что к машине не подойти.
Поэтому, окопавшись, мы с тоской посмотрели в сторону леса. Нам очень не хотелось рубить-пилить.
Капитан Масякин, который прекрасно знал, как быстро и ловко мы рубим-пилим, тоже этого не хотел. Ему надо было сдать огневую уже завтра, а не к дембелю сержанта Васи Голинея. И он сказал: поехали, найдем чего-нибудь.
"Найдем" в армии всегда означает "найдем то, что плохо лежит".
Нынче плохо лежало на этой вот аккуратненькой огневой.
— Интересно, что это за позиция, тарщ ктан? — полюбопытствовал Вася.
— Небольшая какая-то, — Масякин опустил бинокль и закурил. — Противотанковая наверное.
— Прицепная?
— Откуда ж я знаю, Вася. Не обязательно. БРДМ сюда легко заедет. Да и БМД… Может, тут десантники в прошлом году стреляли. Из "Ноны" своей. Хорошая пушечка. У нее есть набор вкладных стволов, так что она, по идее, не зависит от возимого боекомплекта. Что найдет, тем и стреляет, лишь бы в ствол влезло.
— "Нона" маленькая, — сказал Вася пренебрежительно.
— На себя посмотри, — буркнул Масякин.
— Вот именно, — кивнул Вася. — Знаете, как трудно быть маленьким командиром миномета?
— Ты не разглагольствуй, а ускорь погрузку.
— Шевелись! — заорал Вася, привставая на цыпочки, чтобы не выглядеть маленьким командиром миномета.
— Вася, ну не кричи мне в ухо!- зарычал Кузнечик.
Сказано было несправедливо: чтобы крикнуть в ухо Кузнечику, Васе пришлось бы высоко подпрыгнуть.
— Салага! — гавкнул Вася. — Грузи!
Он оглянулся на Масякина и украдкой дал Кузнечику пендаля. Кузнечик в ответ показал Васе кулак.
Сержант Верчич, погрузивший уже два полена и утомившийся настолько, что ему пришлось сесть на бруствер покурить, показал кулак Кузнечику.
Кузнечик показал Верчичу язык.
— Верчич! — позвал Масякин. — Ты тоже шевелись.
— Да я уже нашевелился, тарщ ктан, за полтора-то года.
— Хочешь, чтобы я пошевелил тебя? — спросил Масякин. — Ну-ка, помоги Васе ускорить погрузку!
И отвернулся.
Верчич спрыгнул с бруствера, выплюнул окурок, дал пинка Васе, дал пинка Кузнечику, дал пинка еще кому-то, нашел самое маленькое полено и, делая вид, что вот-вот отдаст концы, понес его к машине. Погрузка действительно ускорилась. Неприлично тормозить, когда Дедушка Советской Армии работает.
Последнее бревнышко легло в кузов, и тут из-за бархана показался грузовик. Масякин схватился за бинокль.
Грузовик ехал к огневой весьма уверенно. Его водитель не искал дорогу, а точно знал, куда рулить.
— Живо в машину! Кузнечик, заводи!
Самоходчики бросились к "Уралу" и облепили его как муравьи. Взревел мотор. Но поздно. Хозяева огневой уже были здесь.

Рядом с "Уралом" затормозил ГАЗ-66, битком набитый хмурыми людьми в голубых беретах. Лица прибывших выражали крайнюю степень озадаченности.
Мы в кузове на всякий случай взялись за поленья. Десантников было втрое больше, чем нас. И каждый размером с Кузнечика. Мы бы им бошки-то пораскалывали, но десантник без головы страшнее, чем Всадник-Без-Головы. Ему без башки воевать только удобнее: мысли о дембеле, водке и бабах не отвлекают. Десантника специально учат быть неукротимым, сногсшибательным и зубодробительным. В армии это знают все и стараются попусту с десантом не цапаться.
Здесь, конечно, была не та отпетая штурмовая десантура, с которой ББМ делила казарму, а всего лишь парашютисты-ариллеристы. Коллеги наши практически. Но уж больно силен численный перевес. Поэтому мы приготовились недешево продать свою жизнь за краденые деревяшки. В том, что нам отсюда прямая дорога в больницу, никто не сомневался.
— Держись, салаги, — сказал Верчич севшим голосом. — ББМ не сдается. За нас отомстят. Как только наши узнают, всю эту десантуру в лагере поубивают на хер.
Зато Масякин гордо расправил плечи и подбоченился. С десантом не приехал офицер. Один лишь сержант, растерявшийся настолько, что челюсть отвисла.
Немая сцена. Десант сидит в кузове, тараща глаза. Мы сидим в кузове, сжимая деревяшки. Масякин торжествует, наслаждаясь моментом… Наконец старший десантников подобрал челюсть и снова открыл рот, собираясь нам что-то сказать.
— Кононенко! — скомандовал Масякин голосом матерого полководца. — Поехали!
И мы уехали.

***

Дооборудовав огневую, мы загнали туда миномет и начали тренировки. Скакать по раскаленной броне при температуре около тридцати градусов было не сахар, черные комбинезоны отяжелели от пота. Механик Юлдашев выбрался из своего отсека и сидел на носу машины голый по пояс. Мы ему завидовали. При сворачивании-разворачивании "Тюльпана" механик отвечает только за стопор на стволе: накинуть железку и закрутить винт, открутить винт и откинуть железку…
— Юлдашев! Стопор! — орал Вася.
— Юлдашев! Ты стопор! — вторил Верчич.
Механик орудовал стопором, широко улыбаясь. Он был настолько любезен, что даже взял на себя установку заглушки на ствол. А то мы совсем запарились.
— Сам ты стопор, Верчич! — иногда кричал Юлдашев.
Он был умелым водителем и добрым парнем. К сожалению, в компании Орынбасара Кортабаевича Арынова Юлдашев вспоминал, что он тоже заслуженный дед, и становился невыносим. Стоило Арынову отбыть на работы (его старались держать подальше от молодых во избежание уголовного дела), Юлдашев через день-два приходил в себя и снова всем улыбался.
А мимо огневой по Днепру шла яхта.
Дальний берег скрывался в жарком мареве.
— Вторая, стой! Машину в боевое положение… Развернуть!
— Юлдашев, стопор! Заряжающие, наверх!
Бум! Бум! Хрясь!
— Взяли!
Бац! Дзынь!
— Прицел сюда!
— Лови!
— Сука-а!..
Хрясь!
— Не кидай в меня прицелом, сука! А если я не поймаю?!
— Младший сержант Драгой, отставить материться на огневой позиции. Младший сержант Мельничук! Не сметь швыряться прицелом! Сержант Вася… Голиней! Что за бардак?!
— Виноват, тарщ ктан. Оператор! Верчич! Не спать!
— Цыц, слага. Внимание! Пошла!
Бзз… Жжж… Хрясь!
— Верчич, ты стопор!
— Задолбал! Не говори мне под руку! Я сейчас не ту кнопку нажму, людям руки отдавит. Ты сидишь там, лыбишься?! Вот и сиди!
— Гы-гы-гы… Сам сидишь, лыбишься.

— Я тут по делу сижу. У меня пульт.
— Сам ты пульт.
Жжж… Хлоп!
— Ускорить готовность!
— Вася, мать твою, ты прямо как сержант в учебке. "Ускорить готовность", сам-то хоть понимаешь, что говоришь?
— Заряжающие, ушли с брони!
Бум-бум-бум.
— Заряжай!
Жжж… Чпок! Хлоп! Бздынь!
…И так мы суетились, пока Масякин не устал на нас смотреть.
— Хватит, — сказал он. — Верчич и Кононенко! Останетесь тут. Вдруг кто-нибудь шибко умный явится грабить нашу огневую. Скажете, что здесь ББМ стреляет. Если это не поможет, в драку не лезьте. Прыгайте в машину, дуйте полным ходом в лагерь, и там доложите. Пока отдыхайте, мы вам обед сюда привезем. Вася! Зачехляйте казенную часть, поехали обедать.
Мы зачехлили миномет и заняли места на броне. Верчич заботливо вручил капитану Масякину подушку, чтобы мягче было сидеть на командирской башенке. Масякин снял фуражку, надел шлемофон, огляделся, проверяя, цепко ли мы держимся, не свалится ли кто на ходу. И сказал: "Поехали".
Манеру ездить на броне наши офицеры привезли из Афганистана. "Тюльпаны" и "Пионы" редко оказывались там, где по ним стреляют, а вот там, где взрываются на минах — частенько. Конечно мы умели ездить по-боевому, нам специально показывали, что это за счастье: трястить в глухой бронированной коробке, света белого не видя, колотясь обо все углы и обалдевая от грохота (с тех пор я очень уважаю шлемофон). Поэтому при малейшей возможности мы выбирались наверх.
Это было просто здорово. Гусеничная машина, когда хорошо разгонится, идет по бездорожью как на лыжах. Главное видеть, что впереди, и предугадывать действия механика — тогда удовольствия море. Мы очень любили кататься на минометах и кашээмках.
Юлдашев плавно тронул миномет, вывел его на дорогу и покатил, набирая скорость. Дорога — просто две колеи — шла сначала по ровной степи, а потом ныряла в барханы, вздымавшиеся метра на два по обе стороны. Длиннющий каньон тянулся до самого лагеря.
В этот каньон и выскочил откуда-то слева ГАЗ-66.
С полным кузовом тех самых десантников.
И началось.

***

Десант, как известно, крут. Круче десанта только морпехи — у них форма черная. Круче морпехов только спецназ, потому что это вообще прирожденные убийцы. Но на самом деле круче всех простой русский матрос: он ходит в ботинках, а мы носим сапоги, как дураки какие-то. Свои понятия о крутизне у "краснопогонников": для них "мазуты", то есть чернопогонники, существа второго сорта. А солдаты и сержанты ВВС? Ты, может, два года дерьмо черпал, зато — в авиации! А "караул спецсопровождения", что охраняет мобильные ракетные комплексы и должен, едва заподозрив неладное, стрелять боевыми?.. А ребята из фельдъегерско-почтовой службы, к машине которых вообще подходить нельзя, иначе они просто обязаны убить тебя на фиг?..
А если ты, скажем, танкист?
Или снайпер?
Или умелый сержант пехоты, силами одного отделения способный насмерть примучить танк во чистом поле, отловить по кустам воображалу-снайпера и утопить в луже самого водоплавающего матроса?
Кто не уважает пограничников? Трудно найти служивого, который не уважал бы пограничников. Но когда все примут на грудь по полбанки, может так оказаться, что подводники круче. А саперы еще круче. А кавалерист из "голицынского полка" вообще гусар летучий. А кто "зону" охранял, тот знает, почем фунт лиха. А слабо два года в стройбате выдержать?!.. И так до бесконечности.
Разобраться в этой путаной табели о рангах невозможно. Все в той или иной степени действительно крутые. Всех с первого дня службы накачивают: вы особенные, вы лучшие, вы никого не боитесь. Если у бойца есть мозги, это пойдет ему на пользу. Он

сопоставит "накачку" с реальностью, увидит, в чем сила его воинской профессии, а где слабые места — и станет взаправду крут.
Если у бойца нет мозгов, дело плохо.
К сожалению, боец без мозгов — весьма распространенное явление.
Как бы вам так объяснить популярно, чтобы не обидеть десантников, танкистов, погранцов, матросов, а особенно моего друга литературоведа Женю Х., который десантник и пограничник одновременно… К слову, возьмем литературу. Мы с Женей публикуемся оба лет с четырнадцати. Успешно зарабатываем этим на жизнь. Но мы не считаем себя лучше вас оттого, что делаем тексты, а вы, менеджеры хреновы (торгаши несчастные, охранники фиговы и прочие системные администраторы), двух слов не можете связать и "значок" пишете через "ё". Мало ли, кто чем занимается. Важна не сама профессия, а то, насколько ты в ней хорош. Тем не менее, мы регулярно встречаем авторов, заявляющих "Я — писатель!" и глядящих такими орлами, будто "писатель" это Человек С Большой Буквы Пэ. Вы, может, удивитесь, но в России писателей как грязи, десятки тысяч (!), и они издают тонны макулатуры. Одних фантастических романов в год выходит до тысячи (из них читать имеет смысл полсотни, не больше). Что теперь, всю эту ораву писателей — в задницу целовать? Нет, конечно, их оценивают по качеству текста. Хорошо пишешь — молодец. Плохо — молчи в тряпочку. Простой дворник куда ценнее для Родины, чем ты, никчемный бумагомарака.
Заявляю ответственно: безмозглых писателей в процентном отношении ровно столько же, сколько безмозглых артиллеристов. Дураки вообще распределяются по миру ровненько, их везде примерно одинаковый процент, от помойки до Кремля. Что характерно, и на помойке, и в Кремле дольше продержится самый хитрый дурак, вот и вся арифметика. Ну, и высшее образование маскирует природную дурость.
Конечно, есть места, где дуракам живется вольготнее, где им легче выбиться в люди, и где они, соответственно, заметнее. Чего греха таить, одно из таких мест — армия. Поэтому в армии выпячивание своих несуществующих достоинств цветет махровым цветом. Только в Вооруженных Силах можно услышать гордое: "Мы — смертники!". Это значит, мы — лучшие. Со "смертничеством" в армии носятся как с писаной торбой. Просто какой-то языческий культ. Чем меньше твое подразделение должно, по штабным расчетам, жить в бою, тем ты круче. Ходишь гордый и всем твердишь: я — смертник, уважайте меня! Не раз, слушая подобную трепологию, я думал: тогда настоящим русским воинам положено кидаться под натовские танки и грызть зубами гусеницы. А мы, значит, со своей фигней массового поражения — лохи и трусы. Никаких шансов помереть героями.
Что еще можно подумать, если наезд десантника на артиллериста обычно подразумевает: я же в натуре камикадзе, а ты кто?..
А я парень из ББМ. Я авианосец утопить могу, если он случайно в Днепр заплывет. Моя мина взлетает так высоко, что пугаются самолеты. Но я уважаю прицепных артиллеристов — знаю, в каких зверских условиях они трудятся на полгоне. И ракетчиков уважаю, у них работа страшная, не дай бог топливо прольется. А еще я однажды случайно видел издали пехоту и запомнил, у кого действительно служба смерти подобна. И я уважаю десантников — хотя бы за то, что прыгают с парашютом, — только пусть будут поскромнее. Мало ли, что их научили убивать людей голыми руками. Это еще не повод задирать нос и гнуть пальцы в сторону Бригады Большой Мощности.
На зимних квартирах ББМ жила с десантом душа в душу. Точнее, мы старательно не мешали друг другу. Три этажа казармы над нами занимал десантно-штурмовой батальон. Отношения с ним были выяснены раз и навсегда. Из поколения в поколение штурмовики передавали завет: с самоходчиками не связываться, лучше их вообще не замечать. То же самое говорили наши деды про ДШБ. Потому что в ходе того выяснения отношений штурмовики самоходчиков отдубасили сурово, но наши уползли с поля побоища сами, а десант своих поединщиков — выносил. Была засчитана боевая ничья. Ко дню моего прихода в ББМ перемирие держалось третий год, и никто не собирался его нарушать.
А вот подружиться мы не смогли. У нас были приятели среди ракетчиков и зенитчиков, но только не в десанте. Мы даже в курилке не общались. Не помню случая, чтобы десантник вообще с кем-то чужим заговорил.
ДШБ здорово мешал нам спать под утро, но тут уж они не виноваты. В ББМ подъем и отбой были на полчаса позже, чем в остальных Вооруженных Силах. Чтобы мы не успевали добежать до женского общежития, которое в одиннадцать вечера баррикадировалось наглухо.

Если глядеть со стороны, десантники производили, конечно, странное впечатление. То в ДШБ застрелится кто, то просто драка такая, что потолок трясется. Еще у них была манера при замене постельного белья скатывать его в огромные тюки и кидать из окон вниз. Каждый раз грохот стоял, как на стрельбах. И еще после десантников на территории валялись патроны. Невозможно подпалить мусорную кучу, обязательно из нее вылетает. Гильза в одну сторону, пуля в другую. А мы, артиллеристы, ценим покой и тишину.
В поле мы лечили от задирания носа десантуру, у которой труба пониже, дым пожиже. Но десантные пушкари тоже были какие-то загадочные. На следующем полигоне, когда мой призыв возьмет власть, мы попробуем наладить контакт с их старослужащими — и не поймем друг друга вообще. Десантные деды для пущей солидности расскажут, как прошлой ночью молодому солдату пару ребер сломали. Мы брезгливо сморщимся. Они, гордо: наш дивизион рассчитан на тридцать минут боя! Мы им открытым текстом: нашли, чем гордиться!
Полное несовпадение идеологий.
…Короче говоря, мы о многом успели передумать за те несколько секунд, пока в сотне метров перед нами вставал в песчаную колею десантный ГАЗ-66.

***

Мне хорошо было видно, как капитан Масякин схватил тангенту переговорного устройства и нажал клавишу. Понятия не имею, что именно он сказал механику, но расстояние между ГАЗ-66 и "Тюльпаном" начало сокращаться. Похоже, Масякин решил показать десантникам, кто тут, на полигоне, в натуре бог войны. И то правда, чего они разъездились? Уже огневую свою прошляпили, а туда же — ездят.
Миномет подбирался к "шишиге" ближе, ближе, ближе…
Водитель десантников наддал.
И мы прибавили.
Он газанул всерьез.
Юлдашев тоже, да так, что уши заложило сквозь шлемофон.
Интересно, каковы ощущения, когда сидишь в продуваемом всеми ветрами открытом кузове, а сзади на тебя надвигается этакая… Вещь. И деваться некуда: ты в узком каньоне, справа и слева барханы. Только вперед.
"Шестьдесят шестой" еще прибавил ходу, но разогнаться толком не мог — из-под его задних колес вздымались фонтаны песка. Миномет неумолимо накатывался на беззащитную машину. Десантники в кузове забеспокоились. "Шишигу" сильно болтало в колее.
А мы сзади — пёрли танком.
Когда между острым носом миномета и кузовом "шишиги" осталось метра три, на десантников было уже больно смотреть. Они так цеплялись за пустые автоматы, что я порадовался — хорошо, патронов сейчас нет у товарищей "голубых беретов".
Миномет, рокоча пятисотсильным дизелем, летел по песочку на своих широченных гусеницах аки птица. Впереди изнывала "шишига", и я представлял, как ругается ее водитель: ему бы передний мост подключить заранее, он бы тогда от нас оторвался.
Вероятно. Мы ведь тоже могли еще прибавить чуток.
И ногу убирать с педали было уже поздно. Сам виноват, что устроил гонки — лидируй теперь и молись. У нас же инерция как у паровоза. Если сейчас твой движок стуканет, все равно в лагерь приедешь. Размазанный по миномету.
Я вам шепну на ухо: инерция, конечно, страшная сила, но тем не менее, гусеничная техника останавливается как вкопанная. Тут другая беда — вздумай Юлдашев дать по тормозам, мы бы с брони улетели стаей сизых журавлей. С громким матерным курлыканьем. Хотя это безопаснее, чем оказаться при экстренном торможении внутри миномета, там, знаете ли, острых углов предостаточно…
Мы их гнали так километра три в полном упоении. Барханы кончались перед самым лагерем. Едва стены каньона расступились, "шишига" прыгнула в сторону и запылила в свой парк. А Юлдашев дал наконец-то полный газ, и миномет пронесся мимо, бразды пушистые вздымая. Десантники что-то кричали нам вслед, но мы не слышали. Не очень-то и хотелось.
В парке мы выдернули Юлдашева из машины и принялись качать. Набежали любопытные, стали помогать. Механик дрыгал ногами в воздухе и радовался.
— Я думаю, — сказал капитан Масякин, надевая фуражку, — теперь у десанта не будет к нам глупых вопросов насчет каких-то несчастных деревяшек.

Как в воду глядел. Вот что значит опытный военный. Мы-то на всякий случай приготовились к худшему. Но за последующие три недели на полигоне ни один десантник к нам близко не подошел. Даже когда у всего лагеря сигареты кончились, и на одного солдата с окурком кидалось десятеро с протянутой рукой.
Нет, "голубые береты" ходили мимо и даже отворачивались.
Будто мы чумные какие.

***

Годом позже, утром на зарядке, мы увидели странное.
ББМ, пробежав три километра, заняла спортивный городок перед казармой и там лениво разминалась. Кто-то курил, сидя на турнике, кто-то учил молодежь правильно штурмовать амбразуру в полосе препятствий. Самые сознательные из дедов построились, выставили перед собой разрядника по легкой атлетике и теперь под его руководством делали растяжку.
Внезапно мимо нас пронеслись, громко пыхтя, несколько молодых людей, остриженных налысо. Судя по мальчишеской комплекции и выпученным глазам — черепа, еще не успевшие присягнуть на верность Родине. Свежее мясо. Молодые люди сходу приняли "упор лежа" и начали яростно отжиматься на кулаках.
На щебенке.
А она тут — это надо знать — была очень злая, остроконечная. На нее старались попусту не падать.
Нет, у нас в ББМ тоже раньше хватало выдумщиков-садистов (особенно запомнилась спортивно-массовая игра в фашистский концлагерь), но поставить молодых голыми руками на щебенку не догадался даже Орынбасар Кортабаевич Арынов. Пожалуй, у него хватило бы мозгов понять, что руки после такой физкультуры окажутся надолго испорчены. А нам руки требуются не только для онанизма и табакокурения. Мы руками, вообще-то, по Уставу воевать должны.
Лысые продолжали отжиматься. Рожи у них были малиновые, оттопыренные уши горели.
Рядом сидел на бревнышке капитан-десантник в щегольской, с иголочки, полевой форме.
И командовал: делай раз, делай два.
ББМ бросила разминку и начала медленно стягиваться к этому цирку. Вся бригада, как один человек.
Впереди шагали старшие призывы. Тут были не очень добрые люди, и откровенно злые люди, и просто дураки, и сволочь бессовестная — за многими приходилось следить, чтобы они не довели молодого бойца до попытки дезертирства. Но вся эта разношерстица шла, будто намагниченная, подивиться на редкое издевательство. И у распоследней нашей гниды лицо было удивленное: ишь ты, надо же!
Лысые выглядели неважно. Отжимались они уже из последних сил. Вероятно, их крепко загнали на пробежке. Кто-то из наших ткнул пальцем: гляди! Бригада недовольно загудела. Я присмотрелся и увидел, что под некоторыми кулаками щебенка стала розовой.
Капитан оглянулся и широко раскрыл глаза.
Перед ним стояли, руки в карманы, молодые люди, одетые с явными отступлениями от формы одежды номер два. Сплошь в кедах и тельняшках, многие с подтяжками и кожаными брючными поясами. Впереди я, голый по пояс, зато в красивых ярких кроссовках.
Лица у нас были мрачные.
— В чем дело? — через губу поинтересовался капитан.
ББМ молчала, не зная, как выразить свое отношение к происходящему.
Лысые перестали отжиматься. Они были уже все в слюнях и пене. Те, что покрепче, глядели на нас снизу вверх с живым интересом, благодарные за передышку.
— Разрешите обратиться? — я вынул руки из карманов.
— Обращайтесь. — процедил капитан.
— Вот это… — я никак не мог найти подходящие слова. — Голыми руками на щебенке… Это такая особая тренировка для десанта?
Капитан подумал и ответил:
— Идите отсюда.
— У них же кровь течет из пальцев, товарищ капитан!
— Молодой человек! — сказал капитан. — Не мешайте заниматься! Кру-гом!
ББМ дружно сплюнула под ноги, даже не думая выполнять команду.

Тогда отвернулся капитан. И сказал своим лысым:
— А вы не обращайте внимания. Из этих… — он ткнул пальцем за спину, — никогда не получатся десантники!
Как бригада принялась ржать — двадцать лет прошло, а помню.
Мы даже лысых перестали жалеть.
Да и чего их жалеть, смертников, если у них самоходные пушкари, и те должны через полчаса боя геройски откинуть сапоги.
У нас-то дивизион "рассчитан" в среднем на целых три часа.
Есть, чем гордиться.

ГЛАВА 20.

Одной холодной армейской зимой в дверь 1-й батареи артполка Мулинской учебки вошел немолодой мужчина.
На голове его была папаха, а на плечах распахнутый бушлат, из-под которого виднелся погон с генеральской звездой.
Следом в батарею зашла небольшая, но внушительная свита.
— Батарея, смирно! — заорал страшным голосом дневальный. — Дежурный по батарее, на выход!
Прибежал сержант. Отдал честь. И заорал страшным голосом:
— Товарищ генерал-майор!!!
Свита генерала вылупила глаза. А тот слегка шевельнул плечами, и из-под бушлата показалась еще звезда.
Сержант от ужаса прервал доклад.
Тут как раз подскочил комбат. Отдал честь. Заорал страшным голосом:
— Товарищ генерал-лейтенант!!!
Про генерала позже в "Красной Звезде" писали: "Владимир Михайлович ценил острое слово, добрую шутку и сам был горазд на это". Так или иначе, командующий Московским военным округом не стал шутить сразу, а для начала повернул голову и недоуменно уставился на свой погон.
Тут, к счастью, подоспел со второго этажа командир дивизиона. Просочился через свиту, заткнул комбата и четко начал доклад:
— Товарищ генерал-полковник!..
— Ну, наконец-то, — перебил его генерал-полковник Архипов. — А то с вами тут, хе-хе, до полковника докатишься…

КАК ХОРОШО БЫТЬ ГЕНЕРАЛОМ

закадровый текст к документальному фильму, который никогда не будет снят

читает Автор

В армии самый непредсказуемый зверь — генерал.
Честно говоря, в Вооруженных Силах полно существ, манеры которых наводят на мысль о внеземном происхождении. Их речь странна, замашки дики, а мотивации не поддаются просчету. От них чего ни жди, они удивят вас рано или поздно по самые печенки.
Уж казалось, в ББМ запас чудачеств был исчерпан, спасибо до ядерного взрыва не додумались. А может, побоялись — вдруг не смешно получится. И тут один капитан, нимало не таясь, спёр из парка техники автомобильный прицеп. И сказал, что не отдаст. И послал всех на фиг. И ничего ему не было. Потому что решили: он же не танк угнал, правда? Хотя танк этот дурацкий стоит без дела, только место занимает, плохо стоит, сам в руки просится. Короче, товарищи офицеры, могло быть и хуже, верно? Да тут всегда может быть хуже, это армия. Вон, у ракетчиков один прапорщик вообще педераст. А наши только по бабам. Есть еще, чем гордиться.

Милые и невинные офицерские причуды, так сказать. Повседневная жизнь войск. Чужие против Хищника, знай успевай прятаться.
Генерал на таком общем фоне — нечто особенное. Пока кругом забивают болт на службу и загибаются от тоски, генерал несет в армейские массы свет разума и сеет вокруг добро. Я серьезно. Именно генерал способен вдруг проявить такую глубокую человечность, чувство юмора и здравый смысл, что залюбуешься. За это генералов уважают солдаты и опасаются полковники.
Случается на гражданке, что генерал, раскрыв рот перед телекамерой или диктофоном, тоже выставляет себя пришельцем из иных миров. Как ляпнет чего, и сразу видно: с Луны свалился. Вспомните хотя бы прогнозы наших генштабистов о том, что войска Хусейна, прекрасно обученные и сплоченные любовью к родной иракщине, дадут прикурить американским интервентам.
По счастью, в отличие от "арбатского военного округа", реальная армия не несет ахинею по телевизору, а грузит уголь, строит дома, собирает картошку, растит свиней и иногда даже стреляет. Думать об американских интервентах ей некогда, своего дерьма навалом. В войсках первая забота и беда генерала — подчиненные ему Чужие и Хищники, которые без присмотра того и гляди поубивают друг друга. И тут генерал просто вынужден шевелить мозгами. В строю и так полно лентяев, тормозов, недоучек, алкоголиков и просто офицеров, уставших служить. Причем все они, вплоть до распоследней пьяни, умелые пройдохи, мастера лепить отмазки, переводить стрелки и прикидываться шлангами. А некоторые еще и воруют. Если при таком, с позволения сказать, "личном составе" генерал откажется соображать — конец войску.
С точки зрения гражданского человека, не любящего армию, генерал это зажравшееся московское штабное мурло, зверски эксплуатирующее солдат на строительстве очередной дачи. То, что в девяти случаях из десяти попасть на такую стройку для солдата большое счастье, сейчас не важно. Ибо не для того солдат генералу вверен.
С точки зрения гражданского, влюбленного в армию, генерал это эпическая фигура военного времени. Вроде лиса пустыни Роммеля или сталинского кризис-менеджера Жукова — вот бы их столкнуть и поглядеть, как Жуков натянет лису глаз на хвост.
Реальный генерал, у которого над головой начальство с дамокловым ломом наперевес, а под рукой стая голодных Чужих и банда скучающих Хищников, плохо вписывается в обе эти схемы.
Ведь генерал в мирное время — просто государственный чиновник. И если "по войне" он еще в состоянии кого-нибудь сгоряча пристрелить за неисполнение приказа, то по жизни на генерала сплошь и рядом — кладут. Несмело, но все равно с прибором.
Генерал может приказать — мы можем не сделать. То есть, мы не имеем права так делать. Но можем делать вид, что все сделали, а на самом деле не делать ничего. И у нас будет миллион оправданий. У нас нет того, нет этого, и ту штуковину нам не подвезли вовремя, а той хреновиной воевать невозможно — мы ее покрасили и воткнули на место чисто для красоты.
И все эти отмазки будут правдой.
Как правило.
Потому что остальные железяки мы промотали, разбазарили, потеряли, или они у нас развалились от старости — кроме тех хреновин, покрашенных в десять слоев, которыми воевать невозможно, и они тут для красоты стоят.
И танк этот дурацкий глаза мозолит, ну заберите его уже кто-нибудь у нас. Не положен нам танк по штатному расписанию! Черт его знает, откуда он тут взялся!
Спасите нас, товарищ генерал. Мы больше не можем.
Иногда генерал спасает. Чаще так: он приходит, берет нас за руки и начинает этими руками сгребать в кучку дерьмо, которое из-под нас рассыпалось. Роет теми же руками яму, спихивает в нее дерьмо, аккуратно присыпает землей и разравнивает. И говорит: учитесь, негодяи, как делать вид, будто дерьма не было. Это "правильный" генерал с точки зрения офицерства, и вслед ему кланяются: спасибо за науку.
Иногда со спасательной миссией прибывает неправильный генерал. Он привозит с собой лопату, собирает ею дерьмо в ведро, а потом надевает ведро на голову командиру части. Перед строем. После чего убывает, не забыв прихватить и лопату, и ведро с остатками дерьма. Ведро он предъявит в штабе округа, как отчет о проделанной работе, а лопата ему нужна для очередной спасательной операции.
И очень редко нас спасает такой генерал, которому и названия нет. Этот ангел, это чудо, этот Человечище просто дает нам лопату и говорит, как ею пользоваться. А дальше мы сами. Мы ж не сволочи какие. Нам, собственно, только лопату и надо было.
Но последний случай — из разряда исключений.
Обычно бывает проще и скучнее.

***

Прибыла однажды в мулинский разведполк проверка. Кто в бумажках роется, зловеще прищурившись; кто по казармам шляется, хищно принюхиваясь. А самый главный генерал двинулся знакомиться с учебным процессом. И заходит он в один класс, а там — о-па! — стоит БРДМ. Как ее туда запихали, история умалчивает, не по частям же, она ведь броневик.
Генерал выражает удовольствие, потом спрашивает: а вы ее тут заводите? Местные: а как же, у нас специально для таких случаев оборудована мощная вытяжка. Генерал: молодцы, молодцы, одобряю, а ну — заводи! Местные: будет сделано. Кто-то лезет за штурвал, поворачивает флажок стартера — никакого эффекта. Блин, жалуется, вот так всегда, закон подлости, когда проверка — непременно аккумулятор разряжается в ноль. Генерал смеется и говорит: а слабо вручную? Ну, местные нашли ручку, сунули и давай крутить. Дохлый номер. Генерал им: ладно, ладно… На сегодня прощаю. И уходит спокойно дальше.
Минут через десять генерала догоняет взмыленный офицер и козыряет: разрешите доложить, завели БРДМ! Генерал радуется, и со словами: "А ну-ка, послушаем, как оно тарахтит…", поворачивает назад. Возвращается в класс. А оно не тарахтит. Местные, с изменившимися лицами, опять крутят ручку. Без толку. Генерал им: ну-ка, покажите мне двигатель, что там за ерунда с ним приключилась.
Местные, уже с нечеловечески изменившимися лицами, рассупонивают моторный отсек. Генерал заглядывает внутрь.
А там пусто.
Поясняю: двигателя нет.
Генерал спокойно так спрашивает: товарищи идиоты… То есть, виноват, товарищи офицеры, вы совсем идиоты? Ну правда, ну скажите. Интересно мне.
Те мнутся-мнутся, потом отвечают: никак нет, мы не совсем еще идиоты. Просто, докладывая вам о запуске двигателя, мы не предполагали, что вы решите вернуться, товарищ генерал.
И генерал им говорит все так же спокойно. Вот потому, говорит, что "вы не предполагали", это я к вам с проверками езжу. А не вы ко мне. Товарищи… офицеры.

***

Генерал всего лишь военный человек. Может устроить истерику на ровном месте. И тут же закрыть глаза на очевидный непорядок. Есть генералы-самодуры и генералы-торгаши. Если генералу до пенсии осталось всего ничего, он способен полностью выпасть из реальности и просуществовать так, не приходя в сознание, несколько лет. Это может быть очень дурно для части, а для кого-то из офицеров вообще обернуться трагедией. Только солдаты и сержанты это все простят. Будут за глаза называть генерала "Папой" и тихо радоваться. Потому что их генерал все равно самый лучший. Потому что он ни разу не повысил голос на солдата или сержанта. А вот как полковников дрючил — все видали многократно. И получили массу удовольствия.
Это такой армейский парадокс, над сутью которого мало кто из рядовых задумывается. Принято по умолчанию: генерал солдата не обидит, у него для этого офицеры есть. И правда, обычно генерал либо вовсе не замечает рядовой и сержантский состав, либо подчеркнуто душевен и ласков с ним.
Тут надо понять: между генералом и солдатом — пропасть. Большой Каньон. У генерала редко есть повод заговорить с солдатом. Он вообще не часто видит солдата вблизи. А случаи, когда генерал с солдатом делают общее дело, просто уникальны. Например, тот самый Архипов мог лично работать в "чертежке". И, оторвавшись от карты, вдруг оглядеть чертежника Пашу Гусева. И сказать:

> — Ну ты, парень, и изгваздался! С ног до головы. Погляди, у тебя даже все кроссовки
> в краске!

За такого генерала, сами понимаете, любой в огонь и воду пойдет. Архипов еще и настоящим танкистом начинал, а это уважаемая в войсках профессия.

***

Нашего мулинского комдива генерал-майора Н. курсанты тоже любили. Хотя он основательно подзапустил учебку — к пенсии готовился. Но могло быть и хуже. Зато курсантам импонировало то, как старик отрывался на офицерах. И даже эпизод с выпадением из машины в сугроб, когда генерал с похмелья испугался глядящих на него гаубичных стволов, трактовался в его пользу. Типа, не задница штабная, помнит еще, зачем бывают пушки.
Вот марширует по плацу оркестр артполка. Играет так себе, под конец сбивается. "Папа" берет микрофон и презрительно допевает за оркестр:
— Ча-ча-ча!
После чего прямо в микрофон спрашивает стоящего рядом командира полка:
— Чем ты их кормишь, Зеленский? Даже прохиндей Малютин играл лучше!
Того Малютина с оркестра сняли, понятное дело, не за хорошую игру. Зеленский от великого ума решает тонко пошутить и говорит в ответ легкомысленно:
— Да их корми-не корми… Им бы спирту, вот они бы тогда…
— Что-о?! — внезапно наливается кровью генерал. — Спирту?! Я вам сейчас дам спирту! ДА Я ВАС ВСЕХ РАЗГОНЮ!!!
Народ инстинктивно бежит с плаца. Бегство возглавляет, громыхая и дребезжа, оркестр. Вслед ему несутся дикие вопли в микрофон. Всем очень весело.

***

Когда ББМ потеряла свеженазначенного комбрига, по территории бригады как раз гуляло несколько генералов. Проверка комиссией округа. И тут, в самый разгар проверки, наш комбриг исчез бесследно. Шутка ли, то у нас солдаты бегали, а теперь целый подполковник удрал. Командир, ёлки-палки. Генералы, мягко говоря, удивились. И даже мы занервничали слегка. Потому что перебор уже. Если сегодня этот придурок сквозь землю провалился, то завтра и впрямь можно ждать ядерного взрыва. Про который трудно сказать заранее, смешно получится, или нет.
Примчался из Киева страшно расстроенный генерал Бибко. Не помню, чем он занимался в штабе округа, но одной из его функций был надзор за Бригадой Большой Мощности. Для солдат и сержантов такое внимание было очень лестным. Может, мы и полные уроды, и самая неуставная часть в Белой Церкви, зато, хоть нас чуть больше сотни, а за нами генерал присматривает! Отдельной доблестью Бибко считалась манера ходить по полигону в солдатских кирзовых сапогах. Это сближало его с простой армейской массой. Вдобавок, Бибко был очень похож на бегемота. А в мультфильмах бегемот — символ дободушия. Такому генералу надо очень постараться, чтобы солдаты его не любили. Бибко у нас даже с дедовщиной однажды боролся, когда родители молодых закидали округ письмами с жалобами. По результатам борьбы с дедовщиной аж на целую неделю был посажен на "губу" Орынбасар Кортабаевич Арынов. Молодым потом вломили. А генерала полюбили еще больше.
И вот, на третьи сутки шоу ужасов "Пропажа командира", стою я дежурным по штабу. Зашел в туалет покурить, гляжу — внизу на улице скучает у машины генеральский водитель. Спустился, угостил его сигаретой, и спрашиваю:
— Слушай, а чего твой шеф по полигону в кирзачах рассекает?

> — Говорит, летом для полигона кирзачи лучше всего. Не знаю… Он вообще приколист тот еще. Ему форма одежды по фигу. Мы прошлой осенью приехали в КУЦ
> [84]
> , и тут подморозило. А у меня в багажнике старая шапка валялась, замызганная вся. Бибко фуражку снял, шапку эту напялил — с солдатской кокардой, представляешь? — и пошел себе, как ни в чем не бывало.

— Силен!
— Не то слово. Он клёвый дядька.
Стою, курю, и думаю, что Бибко вообще-то правильно себя ведет. Настоящий генерал, он и без штанов генерал. И настоящий офицер это не звездочки на погонах. Вот, допустим, капитан Каверин, который угнал автомобильный прицеп из парка… Каверин не виноват, что ему осточертела служба. Он даже в таком осточертевшем состоянии на две головы выше, чем комбриг. Которого, между прочим, десять минут назад отыскали в канаве под забором. Это мне по секрету с узла связи капнули.
Тут в окно третего этажа выглядывает Бибко.
— Как дела? — спрашивает.

— Нормально, товарищ генерал, — отвечаем хором.
— Тебе пакетик передали? — это он водиле.
— Ага.
— Это я тут стирального порошка купил… Ладно, не скучай, домой поедем скоро.
Нашелся их командир. Он к маме уезжал, и у нее приболел слегка. Ничего страшного, могло ведь быть и хуже, правда?..
Я стою и думаю: какая прелесть, черт побери. До чего все уютно и по-домашнему. Стиральный порошок. Командир к маме уехал. Другая жизнь, параллельный мир. Сразу вспомнилось рукопожатие Бибко, крепкое и доброжелательное. Как хорошо быть генералом — человеком, излучающим во все стороны уверенность и спокойствие. Это ж талант врожденный нужен…
Они сразу окно кабинета закрыли, три генерала, когда им надо было комбрига вынуть из обмоченных штанов и засунуть в брюки от парадной формы. Не везти же этого… гондона рваного… мандавошку беременную… и так далее, и тому подобное… в Киев на расправу в мокрых штанах. Они, наверное, давно подполковникам не меняли подгузников, отвыкли — и застеснялись, что их комментарии будет слышно за версту.
А я помощнику сказал, что с меня хватит. И обедать ушел.
Довольно было того, как они этот заблеванный ужас и моральный террор вверх по лестнице волокли — а я стоял и глядел. Впрочем, о том было рассказано еще в первой главе. Только я тогда один момент не отметил.
Они, знаете, с большим достоинством его тащили.
Генералы, что тут скажешь.

ГЛАВА 21.

Сто дней до выхода приказа Министра обороны об увольнении твоего призыва в запас — культовая, знаковая, сакральная дата. Если воинская часть строго чтит традиции, в ней начнется черт-те-что. Деды (с этого дня дембеля) ночью постригутся налысо (утром их вздрючат, но не приклеишь же волосы обратно). На толстых дембельских подворотничках возникнут вышитые цифры — слева 100, справа 99. Приказ будет торжественно зачитан вслух молодым бойцом, стоящим на высоченной пирамиде из тумбочек. И так далее. Пересказывать все это — книги не хватит.
Даже для эстетов и снобов вроде вашего покорного слуги наступление "стодневки" многое значит. Армия, она засасывает, как болото. Помню случай неприятного культурного шока. Нам вдруг объявили, что мы весной переходим на "маскировочную" форму одежды: зеленые погоны, зеленые эмблемы, красные сержантские лычки. И я сильно расстроился. Ведь у меня была готова прекрасная форма с бархатными петлицами, бархатными погонами и металлизированными лычками. И вдруг меня этого великолепия лишили…
Тут и пришло осознание: я наконец-то слился с армией воедино. Привык к ней. Вписался в систему.
Разумеется, я тут же системе ответил. Генка Шнейдер купил мне в подарок на "стодневку" галстук. Зеленый, но чуть ярче армейского уставного цвета. И не на резинке. Настоящий! Я с наслаждением повязал этот галстук и отправился в наряд дежурным по штабу, чувствуя себя преотлично.
Все мне завидовали, включая офицеров. Только Минотавр ни слова ни говорил. Оказывается, просто не приглядывался. А когда пригляделся, аж сам позеленел. Минотавр был модником. В свободное от службы время разгуливал по Белой Церкви в белой куртке. Пошил себе форму с небольшими отступлениями от уставного фасона и цвета. Очень этим гордился. И тут, понимаете, его сержант… Галстук умеет завязывать, сволочь такая!
— Еще раз увижу этот галстук, — сказал Минотавр, — намажу горчицей и заставлю съесть!
Вот какая ранимая психика у военных. Поэтому они крайне чувствительны к ритуалам, церемониалам и знаковым датам.
Поэтому и я, временно военный человек, отнесся внимательно ко дню своей "стодневки". Я его записал. Все события, с утра до ночи.

СТО ДНЕЙ ДО ПРИКАЗА

документальная запись того, как я прожил день 19 июня 1989 года в Бригаде Большой Мощности

Сейчас я вижу, что день получился нетипичный для армии в целом. Во-первых, это день очень маленькой войсковой части, где "батарея" — шесть человек, а "дивизион" — двадцать восемь. Во-вторых, еще только заканчивается пересменка между периодами: не все дембеля ушли, не все молодые пришли. Казалось бы, из-за этого такой упор на хозяйственную и канцелярскую работу. А вот нет. Когда все утрясется, будет то же самое, только я уже не стану лично орудовать лопатой. Но приказы "копать-красить-печатать" по-прежнему будет отдавать майор. Хотя печатать он мне не приказывает. Он просит по-хорошему. У нас в дивизионе никто больше этого не умеет, ни старый штатный писарь не умел, ни новый. А я ведь могу скрыться в парке техники, заснуть там — и ищи меня, свищи.
Служивших может сильно удивить то, что в тексте не отражено шумное отмечание "стодневки". А не было его. Мы так решили. Уж больно дерьмовые воспоминания сохранились от "злой дедовщины" — и мы просто стерли всё это к чертовой матери из повседневной жизни ББМ. Задавили авторитетом. Кто хотел, тот праздновал — тихо. Двое-трое, кажется, побрили головы, не помню уже. Ну, и дружные аплодисменты на вечерней поверке были, когда один из наших крикнул: "Товарищи солдаты и сержанты, до приказа осталось сто дней!". Это уж как водится.
Ну, вот он, мой день.

***

С утра надел кроссовки и выбежал. Обогнал своих, потом чужих, потом вернулся. Размялся чуть-чуть, повисел на перекладине, несколько раз лениво подтянулся. Потом умылся, долго смотрел на свой подворотничок и решил-таки подшить свежий. Выгнал батарею на утренний осмотр и заставил всех перечистить сапоги. Полчаса слушал политинформацию в исполнении майора Афанасьева. Чудом не заснул.
На завтраке, памятуя о старой традиции, отдал свое масло салаге-полугодку — шоб знал! Не видать ему того, что мы видали, не быть биту и унижену, многого не знать, что плохо и гадостно. Ну и слава тебе, господи.
После завтрака потопал со всеми в парк, на развод. Там выслушал пламенную речь комбрига и получил задачу от Афанасьева. Майор рулил дивизионом, пока Минотавр был в отпуске. Капитан Масякин на тот момент руководил строительством нового бокса, и я своего комбата видел раз в три дня, если видел вообще. Так что непосредственно мной руководил Афоня.
Для начала я припер со склада рулон рубероида. Ловко миновал Афанасьева так, что тот меня не заметил. Закинул рулон на броню кашээмки, влез наверх и растянулся на теплом металле, подложив рулон под голову. Лежал полчаса, пока Афанасьев меня не нашел. Получил новую задачу — убрать слегка в боксе и пообрубать траву вдоль бордюра. На вопрос, где я возьму для этого людей, если все мои заняты, получил ответ: вот и ты будешь занят! Логично. Даже в некотором роде справедливо. В боксе я все провернул за пять минут. Потом влез в одну из кашээмок, где мои оболтусы что-то красили. Выставил антенну, настроился на "Маяк" и послушал музыку. При этом я вращался туда-сюда в башне — вел наблюдение за окрестностями, дабы не пропустить подкрадывающееся начальство.
Поболтал с народом, ушел искать лопату. Через полчаса отнял ее у бездельников, которые сидели за боксом, озадаченные тем же делом, что и я. Принялся рубить травку, торчащую из щелей в бетоне. Оставил за собой ровную поверхность и совсем уже было собрался лезть обратно в машину, как из-за угла выскочил Афанасьев и на меня наткнулся. Майор жутко обрадовался и послал в казарму за котелками — их нужно покрасить. Ну, пошел в казарму. По дороге встретил связистов, которые что-то страшное делали со связью, ибо были все в обрывках провода. Светски поболтали.
Пришел в казарму. Каптерщик побросал на плащ-палатку 28 котелков, я одолжил у него молодого бойца, и потащили мы эти сокровища обратно в парк (800 метров). Там долго развлекались с пульверизатором. Он пока чистый, без краски, дает мощную струю воздуха, и лучше, чем запустить эту струю под куртку, по летней жаре ничего не придумаешь. Бойцы начали красить, а я опять залез в башню машины и там вдруг заснул. Спал час, в 14 проснулся. Время было идти в казарму, я сказал, что пойду через

магазин, и вяло уплелся. Купил сигарет, пожевал пряников, пошел в казарму. Там провожали двух последних наших дембелей. Они со слезами на глазах ныли ласковые слова и нежно обнимали провожающих. Досталось и мне за все хорошее. "Ничего, Олежка, потерпи пять месяцев…" — бормотали они растроганно.
Перед самым обедом получил задачу: печатать документы для нового учебного периода. Поэтому сразу после обеда отправился помогать Михайлову и Ракше получить на почте посылку. Неблизкий путь, если считать в оба конца почти километр, так что ходили мы очень долго. На обратном пути к нам прицепился капитан-ракетчик: ему не понравилось, что Михайлов небрежно козырнул. Я пытался объяснить капитану, что мы из ББМ, но он, похоже, был из новеньких, с нашими не сталкивался, поэтому — не осознал. Для начала он попробовал заставить меня научить Михайлова правильно отдавать честь. Я строго заявил, что это не мой человек, и я его гонять не буду. У капитана под фуражкой что-то зашевелилось (видать, заподозрил неладное), но он все-таки еще не понял, на кого напал. В общем, капитан трижды гонял Михайлова мимо себя строевым шагом. Витя ему такое изобразил, что мы с Ракшой чуть не умерли от смеха. Капитан не выдержал и убежал, страшно ругаясь.
Оказался я в казарме уже после четырех, поиграл на гитаре полчаса. Заглянул в канцелярию соседей, забрал у них машинку. Печатал еще полчаса, решил расслабиться, пошел в каптерку, где свежеокрашенные котелки пытались распихать по вещмешкам так, чтобы на котелках осталось хоть немного краски. Принял участие в дискуссии, удобно ли это — котелок, намертво прилипший к вещмешку изнутри. Пошел назад, наткнулся на писаря, уносящего машинку. "Через полчаса отдам". Бог с тобой. Пошел в другую канцелярию в гости. Там начали упрашивать напечатать им один листик, а то дело горит, а способности не те, чтоб за 12 минут листик сделать. Ладно, помог, за это мне на радостях дали пакет молока и два пирожных. Пошел в следующую канцелярию слушать "Аквариум", поделился там добычей. Вернулся к себе — машинка уже стоит, — и присел за нее еще на полчаса. Потом быстро согласовал с Афанасьевым кое-какие вопросы планирования, в которых мы разбирались на равном уровне — такой уж опыт я умудрился накопить. Впрочем, там не было ничего сложного, задачки для старшеклассников. Тут подоспело общее построение в 19 часов на "политико-массовую работу". Лучше бы спортивная, тогда мы поваляли бы дурака на спортгородке, а так целый час слушали Афанасьева. Майор был большой юморист, но я настолько привык к его шуткам, что опять начал проваливаться в дрему. После ужинали. Перед ужином я сказал дежурному по части, что ухожу до отбоя в штаб. Потопал туда, вскрыл кабинет замполита и уселся читать "Огонек". На самом интересном месте налетели Михайлов и Ракша, они пришли на узел связи звонить, и "Огонек" тоже отняли. Потом мы немножко попугали наряд по штабу, случайно заперли Генку Шнейдера в туалете — и очень довольные собой пошли на вечернюю поверку.
На поверке мой Кузнечик оказался под мухой, причем до потери координации движений. Женька не нарочно так нализался — просто две недели назад уволился один друг, который все никак не мог уехать. Он бродил по городу, где у него масса знакомых по былым самоволкам, и при малейшей возможности протаскивал спиртное в бригаду. У него образовалась идея фикс — "не уеду, пока не напою всю ББМ". После вчерашнего визита этого деятеля за казармой валялся его левый ботинок и огромная консервная банка из-под селедки. Мы были дружны, но пить я с ним не рискнул бы — и приносил он гадость, и по такой жаре это чревато.
Кузнечика поставили во вторую шеренгу, спрятав его за плечистым молодым сержантом. Женька тут же задремал, прилег сержанту на спину и принялся распускать по ней слюни. После поверки он собрался еще куда-то идти, но его попросту раздели и уложили спатеньки. А я засел в канцелярии. Немного поиграл на гитаре, поболтал с Ракшой и Михйловым, неприкаянно болтавшимися по казарме — и стал печатать. В расположении человек двадцать во главе с дежурным по части смотрели телевизор. А я тюкал себе по клавишам. Вовсе не документы готовил — письма писал. Обычный день. Рутина. Назавтра, то есть уже сегодня вечером (запись обрывается в 0:10) я должен был "заступить" помощником дежурного по части. До этого полдня работать, потом немного поспать — и в наряд. День прошел — ну и хрен с ним.
Когда укладывали спать Кузнечика, он лез ко мне целоваться и бормотал: "Ничего, Олежка, нам только пять месяцев продержаться, еще пять месяцев — и е…сь оно конём…"
Кто бы мог подумать, что я уволюсь по "студенческой амнистии" — через два месяца и пять дней.

ГЛАВА 22.

Прибежали и кричат: Олежка, Олежка, ты на дембель идешь! Я им: да вы офонарели, июль месяц на дворе. Они: студентов досрочно увольняют! Мы по радио слышали!
И скачут вокруг меня. Все, как один, Дедушки Советской Армии, такие счастливые, будто их увольняют тоже. Это в войсках бывает — чистое и бескорыстное счастье, если кто из своих обманет систему, раньше срока откинется. Хотя, помню, одного досрочно уволили, когда у него отец умер, так вся бригада сказала хором: "На фиг такой дембель" — и провожала человека, чуть не плача в три ручья, искренне, от души.
Сейчас повод радостный, деды едва до потолка не прыгают, руку мне жмут, по плечу хлопают.
А я за последние двадцать месяцев привык к обломам и поклялся никогда не обольщаться, ни на что не надеяться, быть морально готовым к увольнению по первому снегу. Поэтому набычился и говорю: ребята, я ведь сам немножко журналист. Мало ли, что вы по радио слышали. Пока не увижу своими глазами газету "Известия", где соответствующее постановление напечатано, извините, не поверю. А окончательно меня убедит только директива Министерства обороны.
Они надулись, обиделись и ушли. Объяснять студентам-черпакам, что с тех причитается. Полбанки с носа, не меньше, а желательно литр.
А я упал на кровать и глаза закрыл. Лежу себе, исполняю обязанности старшины дивизиона. Вернется через пару недель Игорь Галимов, я сдам ему подразделение и тоже в отпуск пойду.
И не надо сбивать меня с толку.
Я единственный в ББМ студент-дед.
Антисоветчик и негодяй, чудом дослужившийся до отпуска. Человек, который твердо знает, что всегда может быть хуже, и ждет, когда оно наступит, это "хуже".

ДЕМБЕЛЬ СТАНОВИТСЯ БЛИЖЕ

зарисовка с натуры без комментариев и поясняющих надписей

Четырьмя неделями позже я опять лежал средь бела дня на кровати, правда, с понижением в должности: Галимов приехал. Сердечно поблагодарил меня за то, что дивизион разучился строиться. То есть, встать в колонну по три ребята могли не хуже прежнего, но команду "строиться в направлении столовой" выполнить не сумели. Сказали: а вот Олег нам говорил "строиться в направлении туда" — и показывал, куда!
Хорошие ребята. Мало того, что мы пережили вместе первую в истории ББМ внезапную учебную тревогу (судя по результатам — и последнюю). Мы еще умудрились никого за три недели не побить, ничего не сломать и ни во что не влипнуть. Я гордился собой и личным составом.
Поэтому, сменив дивизион на батарею, я лег на дно и старался как можно реже всплывать. Дабы не найти приключений и не лишиться случайно отпуска. По счастью, капитан Масякин все еще руководил строительством нового бокса в парке, и поругаться с комбатом я не мог чисто физически. А батарея в количестве шести человек и сама знала, чем ей заняться.
Судьба распорядилась иначе. Постановление Верховного Совета об увольнении в запас студентов все-таки вышло.
— Нет, это не удар армии под дых, — сказал начальник штаба. — Это прямо сапогом по яйцам!
Уходило домой 174 тысячи бойцов, причем девять из десяти — младшие командиры. Сержанты и старшины.
— Делать нечего, — решил полкан, ознакомившись с директивой Министерства обороны. — Приказ есть приказ. Мы должны уволить студентов двумя партиями, в августе половину и половину в сентябре. Значит, будет так. Первая партия уходит тридцатого августа, а вторая — тридцатого сентября!
Произнеся эти исторические слова, полкан вышел из своего кабинета и покинул город Белая Церковь. Отправился наконец-то на повышение в округ. Взамен нам прислали… То, что прислали. Оно долго не понимало, куда попало, и с кем имеет дело. Даже

угрожало некоторым, и мне в том числе, страшными карами. А потом оно учинило внезапную тревогу. И сразу осознало, какой страшный зверь ББМ. С каким большущим прибором. Один лишь третий самоходно-минометный дивизион сработал четко. Мы той ночью стояли в наряде и просто не могли протормозить так лихо, как остальные. И хотя нового командира сильно удивили мои тапочки, он, тем не менее, сообразил, на кого тут не стоит попусту гавкать. Так я отпуск и заработал.

Тем временем "строевая часть" бригады начала рассылку запросов по ВУЗам — правда ли, что такой-то числится у вас студентом? Я как раз дежурил по штабу и мне удалось подержать в руках несколько конвертов перед отправкой.

На одном я прочел в адресной строке: "Свердловский педагогический университет".

На другом: "Московский Государственный Институт".

Поскольку второй конверт отправлялся по мою душу, пришлось звонить родителям и просить взять на журфаке справку, что я действительно студент.

А то мало ли, чего напишут в ответ из Московского Государственного Института. Вдруг еще матом пошлют.

Минотавр вызвал меня и сказал:

— Я тут подумал и решил. Зачем тебе отпуск теперь? Еще мне возиться с документами на тебя, ставить какого-нибудь раздолбая на замену, потом ты вернешься и тут же уйдешь… Наплюй ты на этот отпуск. Зато уволишься в первую партию. Ага?

Я состроил недовольную мину. Досрочное увольнение ломало все мои планы. Уйти в сентябре — пожалуйста. Но из-за дембеля в августе я не смог бы поехать на полигон. А полигон, ребята, это у-у… Я мечтал о нем полгода, с прошлого раза. Полигон это лучшее, что есть в самоходной артиллерии. Только на стрельбах в нашей службе появляется смысл. И смысла этого — черпай полной ложкой. Гусеницы, броня, стволы, все наконец-то приходит в движение. Столбы разрывов на горизонте. Завывание лазерного дальномера. Громкий мат в эфире. Свист пролетающих над головой снарядов. Атомная мина в оружейной комнате… И бескрайний Днепр под боком, чудный в любую погоду.

— Знаю, ты очень хотел на полигон, — сказал Минотавр. — Но тогда вместо тебя придется оставить здесь другого сержанта. Того, кто примет дивизион в сентябре, когда Галимов уйдет. И как он будет руководить, если не работал на полигоне со всеми? Будь человеком. Ты ведь не хочешь, чтобы ваши с Тхя усилия пошли прахом.

Этими словами он меня купил. А вы, небось, решили, что Минотавр был дураком? Нет, он просто был иногда Минотавром.

— Значит, мы возились не впустую и сделали нечто толковое из третьего дивизиона? — спросил я.

— Конечно, — сказал Минотавр.

И улыбнулся.

Все-таки он был счастлив от меня избавиться как можно скорее. Я его не винил. Я бы сам от себя избавился. Нестабильный я был сержант, у меня сегодня все по струночке ходят и сапоги чистят, а завтра вместо строевой песни распевают "Если близко воробей, мы готовим пушку!". Нам-то весело, а с Минотавра комбриг сдирает три шкуры.

— Хорошо, — говорю, — я уже забыл про отпуск.

Пожали друг другу руки и пошли дальше служить.

Назавтра в третьем дивизионе произошло краткое, но эмоционально насыщенное совещание. Минотавр усадил перед собой сержантов, окинул их суровым командирским взглядом и заявил:

— По поводу увольнения в запас студентов. Я принял решение. Первым уволится тот, кто дольше прослужил. Всё. Вопросов нет.

Какие уж тут вопросы.

— Бляха-муха, — сказали Ракша и Михайлов. — Что теперь делать с сигаретами?!

Мы к полигону хорошо запаслись консервами и прочими расходными материалами. Пошли с Ракшой в магазин за куревом, взяли шестьдесят пачек "Космоса", подумали, деньги посчитали, добавили еще тридцать "Примы". Идем довольные с вещмешком, навстречу Михайлов топает. Тоже с вещмешком. Это нас сразу насторожило: на площадке было два магазина. А Михайлов говорит — ребята, я сигарет купил на полигон. "Примы" полсотни пачек.

Так они и отправились без меня — курить, здоровью вредить…

А пока что я лежал на кровати и смотрел телевизор.

Кровать была выдвинута в проход. По обе стороны от меня народ, разоблаченный до брюк и тапочек, скреб пол битым стеклом.

Подошел молодой штабной телефонист, фамилию которого я никак не мог запомнить.

— Шнейдер из отпуска вернулся. Передает тебе привет и говорит, что начальник связи может подписать твой обходной лист. Хочешь, пойдем сейчас со мной, я только возьму портупею для замполита…
Я поднялся, вытащил из шинельного шкафа сапоги. Забросил в тумбочку тапочки с эмблемой, натрафаречнной белым — серп и молот со звездой, — и стал обуваться. Тапочки достались мне в наследство от сержанта Верчича, и я пока не решил, кому их передать дальше.
На выходе из казармы дневальный копался в свежей почте.
— Тебе есть, Олежка.
Я взял конверт, посмотрел на обратный адрес и сунул письмо во внутренний карман.
В штабе первое, что я увидел — кучу фанерных щитов из переносной ленинской комнаты. Витя Михайлов, грязный, рваный, без подворотничка, с колоритно заляпанными красной краской сапогами — настоящий армейский художник, они все так выглядят, — таскал щиты в кабинет замполита.
С коммутатора доносилась обычная деловая ругань: "Неделю связи с городом нет, трам-тарарам, да я ему, скотине, глаз на жопу натяну…". Пахло канифолью и почему-то чесноком. Высунулся Шнейдер.
— Ко мне, сержант!
Он попытался меня расцеловать, я не сопротивлялся.
— Погоди, Ген, я сначала к шефу твоему зайду.
— Три рубля гони, негодяй, за межгород!
— Получка восьмого.
Разворачивая обходной лист, на котором из пятнадцати нужных для увольнения подписей было пока только пять (одна моя), я двинулся по коридору. Дробной рысцой проскакал мимо пухлый замполит с диссидентской фамлией Замятин. Ослепительно улыбнулась Танька, машинистка на секретной переписке. Мелькнул в дверях топосклада изможденный непосильными трудами секретчик сержант Гизятов. Всё как всегда.
Начальник связи Бригады Большой Мощности майор Ф.З.Билалов полулежал, откинувшись в роскошном кресле, из-за которого год назад подрался с начальником штаба. Глаза майора были зажмурены. Командир батареи управления капитан Петровский, синюшный и одышливый после вчерашнего, заливал из пипетки в правую ноздрю майора лошадиную дозу нафтизина.
Вслед за мной ввалился, цепляясь бедрами за косяки справа и слева, Шнейдер, почтительно неся в вытянутых руках обширную бумагу, коряво исписанную от руки.
— Мирза письмо опять прислал, товарищ майор.
— А-а, Крумов, — Билалов принял вертикальное положение, заткнул ноздрю пальцем, громко фыркнул и зажмурился, как кот на солнцепеке. — Небось опять меня бычьим х… называет?
— Нет, теперь меня только.
— Моими словечками выражаются, — объяснил Билалов Петровскому.
Тот нечленораздельно посипел горлом и ушел.
Пару лет назад Петровского выгнали из рядов КПСС с формулировкой "за алкоголизм". Такой степени крутизны не достиг даже наш капитан Каверин, исключенный из партии вообще за пофигизм, но с какой-то обтекаемой записью в протоколе.
Оба капитана пользовались среди личного состава большим авторитетом. Их всегда слушались беспрекословно…
— А у тебя чего? — спросил Билалов.
— А у меня то, — сказал я, протягивая майору обходной, — что вам давно уже пора подписать.
— Он должен? — обратился Билалов к Шнейдеру, видимо, надеясь, что я задолжал приличную сумму, на которую можно будет подлечиться от насморка.
— Должен!
— Что должен?
— Уволиться, товарищ майор!
— Да ити ты на х…, Гена, — сказал Билалов, подмахивая бумагу. — Так, число сегодня пятое августа… Чья это ручка? Моя?
— Моя.
— Да нет же, — сказал Билалов, уставившись на ручку красными глазами. — По-моему, она моя.
— В общем-то да, но раз вы не уверены…
— И ты иди туда же, юморист, твою мать, — сказал Билалов, сунул ручку в карман и начал копаться в столе.

— Спасибо, — сказал я на прощанье и ушел в кабинет замполита.
Там сидел Михайлов и читал свежий "Ровесник". Играло радио, кругом была разбросана бумага, под сейфом красовалась батарея лимонадных бутылок. Я присел рядом. За стол замполита уселся Шнейдер, подпер щеку кулаком и уставился на меня тоскливым взором.
— Ну, что Харьков? — спросил я, раскрывая "Трезвость и культуру".
— Примерно как у "ДДТ" — помнишь "Предчувствие гражданской войны"?.. И во всем городе нет муки.
— Ах, еще и муки… Ну, в грядущих социальных землетрясениях все будет зависить от того, чью сторону примут войска, а ты сам знаешь… Так что, слава богу, ничего не получится. А конкретно если?..
— Да ну его, — сказал Шнейдер. — Хочешь "Космоса" харьковского?
— "Явы явской" хочу.
— Ну-у… Ты-то как?
— Почти по "Аквариуму": дембель становится ближе с каждым днем. Ладно, Ген, хорошо, что ты приехал, мы слегка тут скучали. Поговорим в другой раз? Я пошел.
Я вышел из штаба, свернул с асфальта на траву, уселся в небольшую кучу сена у волейбольной площадки ракетчиков. Который час? Два, нет, уже полтретьего. Дул холодный, очень августовский ветер. Я расстегнул куртку, сунул за пазуху руку с зажигалкой, прикурил. Достал письмо, посмотрел на просвет, где можно рвать.
В конверте была ксерокопия статьи из "Франкфуртер Рундшау" с фотографией моего отца. На обороте — письмо. Отец возил по Европе выставку Кандинского.
Я глядел на фотографию и думал, как необратимо изменился мир за те два года, что меня не было. Отца раньше не выпускали в капстраны, он считался недостаточно благонадежным для этого. А художник Кандинский упоминался только в специализированной литературе. Я читал о нем в книге "Философия и искусство модернизма", изданной микроскопическим тиражом.

> По ту сторону забора творилось черт-те что. Там бушевал Съезд народных депутатов. Академик Сахаров рассказывал с трибуны, как наши "расстреливали своих в Афганистане, чтобы те не попали в плен", чем рассмешил всю армию до колик. На собрании армейского партийно-комсомольского актива в Белой Церкви выступал какой-то Кравчук
> [85]
> . Один капитан встал и ему говорит: если вы прикажете вывести мое подразделение на улицы гасить народные волнения, сразу заявляю — хрен вам! Я видел это своими глазами и не понял, из-за чего столько эмоций. А теперь Шнейдер сказал: предчувствие гражданской войны…

А в журнале "Огонек" опубликовали рассказы удивительного писателя Пьецуха. В "Технике-молодежи" я прочел "Звездных королей" Гамильтона, классическую "спейсоперу", еще не зная, что этот жанр так называется. И "Планету Роканнона" Урсулы Ле Гуин — там же… А в Москве выступают рок-группы, еще недавно бывшие под запретом. Их даже показывают по телевизору. А мои друзья открывают собственную газету. Частную. Зовут работать. Уму непостижимо. Поистине, за забором творится что-то сверхъестественное.
Очень хотелось жить.
Было немножко страшно. Они-то там, на воле, все это приняли не сразу, постепенно. Успели привыкнуть. А я приду, и меня — как утюгом по голове: свобода!
Ладно, справлюсь. Я встал, отряхнулся от сена и пошел к казарме.
Пора было строиться на обед.

ГЛАВА 23.

Бригада уехала на полигон, а я остался. И хотя я точно знал дату своего увольнения в запас — 30 августа 1989 года — на душе скребли кошки. По совсем другой причине. Впервые в жизни (нет, не армейской, в жизни вообще) я страдал от одиночества. Армия научила меня дружить, и теперь мне стало худо без ребят.

Из закадычных моих приятелей под боком был только Шнейдер, но он не высовывался с узла связи. Так исторически сложилось: Генка друг, да хата у него с краю, далеко ходить в гости. А вот у троих, обретавшихся в казарме — Ракши, Михайлова и меня, — постоянная взаимная забота стала образом мысли и смыслом выживания в ББМ. Мы превратились в семью. Теперь семья распалась.
Надо было просто досуществовать месяц — и уйти. Я болтался по части, стараясь никому не попадаться на глаза. Часами валялся где-нибудь в кустах. В нарядах, которые мы несли по схеме "через день на ремень", тупо спал за пультом дежурного. Почти не разговаривал. Наконец это надоело Шнейдеру.
— Может, тебе взять дембельский аккорд? — спросил он. — Хочешь, намекну Петровскому?
Я задумался. А почему бы действительно не взять аккорд?

ДВА АККОРДА

инструментальная композиция для лопаты, швабры, ведра с известкой, малярного валика и неисправного пульверизатора

исполняют три Олега из ББМ

Понятие "дембельский аккорд" ведет свою родословную от "аккордной оплаты труда", смысл которой прост: выполнил работу — получи деньги. В случае дембельского аккорда сделка похитрее: выполнил работу — уехал домой. Человеку, которому армия уже окончательно поперек горла, предлагают уволиться раньше запланированного на пару недель, а то и на месяц. Заманчиво, не правда ли?
Дембель, согласившийся на аккорд, становится шелковым. Его не видно и не слышно, он вламывает круглые сутки, и больше всего боится, что сделанную работу забракуют. Или примут, но заставят что-то достроить-докрасить. А то вообще перестроить-перекрасить заново. Офицеры — специалисты по мелким придиркам. И если дембель успел им попортить крови, он оказывается перед суровой дилеммой. Что лучше, гарантированно бить баклуши, тихо сходя с ума от безделья, еще пару месяцев, или месяц вкалывать с непредсказуемым результатом? Знаменитое "быть или не быть" — задачка попроще, уверяю.
По идее, настоящий матёрый дембель, у которого не осталось ни мозгов, ни совести, ни человеческого облика, а есть только заплывшая от спанья рожа неимоверной ширины — просто обязан кого-то заставить отпахать аккорд за него. Иногда это подразумевается условиями сделки: дембеля ставят старшим на некий вялотекущий объект. Работа на объекте мгновенно вскипает. Темпы подскакивают так, что позавидовал бы шахтер Стаханов.
Качество работ обычно падает, но это уже другая история. В армии вопрос всегда стоит ребром: либо у нас появится объект, построенный на песке и склеенный соплями, либо не будет никакого вообще. Главное так объект покрасить, чтобы он выглядел хорошо покрашенным.
Не раз и не два мне показывали вполне исправные на вид сооружения и советовали ходить мимо, не дыша: они возводились в режиме дембельского аккорда.

***

Шнейдер ждал моего ответа, я размышлял.
За старшего в бригаде остался майор Сиротин, заместитель начальника штаба. У этого офицера я аккорд не взял бы. Сиротин боялся ответственности. Отдать приказ у него пороху хватало, но когда ты докладывал о проделанной работе, Сиротин вдруг терялся. Не мог принять работу лично. Обычно он бежал к НШ, чтобы тот сам посмотрел, хорошо ли сделано. Вся ББМ мучилась вопросом: то ли Сиротин вообще дурак, то ли это у него такая гипертрофированная военная хитрость.
А вот с Петровским можно иметь дело.
Капитан Петровский, командир батареи управления, был человеком, у которого все под контролем. Помню, однажды мы с ним дежурили по части. Состоялся такой разговор:
— Если позвонит моя жена, скажи, я ушел проверять караулы.

— Позвольте напомнить вам, товарищ капитан, что у нас нет караула.
— А она об этом знает?…
Даже если Петровский всю ночь проверял несуществующие караулы, происшествий в бригаде не случалось. Никто не хотел портить отношения с командиром БУ. Он, образно говоря, держал руку на трубке телефона. Начальник связи, конечно, был еще круче, но зато в подчинении Петровского состояли телефонисты. И если капитан скажет: этого урода по "межгороду" не соединять — всё, будешь до самого дембеля с мамой-папой по канализационной трубе перестукиваться…
— Почему нет? — решил я наконец. — Особенно если найдется работа на одного, чтобы я сам за себя отвечал.
Шнейдер ушел, а я забрался с ногами на кровать и принялся играть на гитаре. Разучил от нечего делать аккордов то ли пять, то ли шесть. Пальцы меня плохо слушались, гитара оказалась тонким инструментом по сравнению с пишущей машинкой.
Через год-другой на гражданке я в одной пьяной компании схвачу гитару и обнаружу, что помню лишь три аккорда. Ну, "цыганочку" сбацаю кое-как. А еще через пару лет окажется, что я помню только один аккорд.
И вот после попытки сыграть на одном аккорде я крепко зауважаю панков…
На следующий день я стоял перед капитаном Петровским.
— Он устал, вы же видите, — сказал Шнейдер. — Ему домой бы.
— Да, вижу, совсем закис парень, — согласился Петровский. — Ну что, товарищ сержант… Работа есть. Но она совершенно непрестижная. А ты водил целый дивизион, я помню.
— Дайте мне работу, и я сделаю ее престижной.
— М-да? А канаву в парке рыть будешь? Тебя не засмеют?
Мы со Шнейдером дружно прыснули.
— Попробовали бы они, — сказал Шнейдер.
— Это же круто, товарищ капитан, — объяснил я. — Дед, который может позволить себе рыть канаву… Это чистый панк.
— Не понимаю, но уважаю, — сказал Петровский. — Тогда приступай.
Канава была под кабель, узкая и не очень глубокая. Я взялся за нее с энтузиазмом, но расчетливо, так, чтобы управиться за неделю, не слишком надрываясь.
Как и следовало ожидать, студенты-черпаки, занимавшиеся малярными работами в казарме, мне обзавидовались. Они ходили с больными головами и в краске по уши, а я на свежем воздухе играл мышцами.
Увы, идиллия продолжалась недолго. Уже на второй день моих физических упражнений появился капитан Петровский и сказал:
— Бросай лопату.
— Это как понимать?
— Два безруких придурка не могут покрасить коридор в штабе. Работы на три дня, по такой жаре краска сохнет моментально, а они тормозят. Иди, возглавь их, организуй, и как покрасите, сразу уедете. У них тоже аккорд.
Я грустно оглядел свою канаву.
— Вообще-то мне и тут хорошо.
— Ты матерый сержантище, вздрючь этих чмошников, что тебе, сложно?! — почти взмолился Петровский. — Они такой срач в штабе развели, пройти невозможно. Если это продлится неделю, я помру. А они ведь могут и дольше проваландаться, студенты-интеллигенты, мля…
Ругаться с Петровским я не хотел, да и чисто по-человечески у нас отношения не те были. Не заслужил он, чтобы его посылали.
— Кто работу принимать будет?
— Сиротин.
— У-у… — я снова взял лопату.
— Понял, — кивнул Петровский и, не говоря больше ни слова, ушел.
Только я собрался обедать, в парк семенящей походкой вбежал майор Сиротин, сам маленький, фуражка большая, мухомор эдакий. И сразу направился ко мне.
— Как служба войск? — поинтересовался он.
— Мои люди ремонтируют казарму, сам занят прокладкой коммуникаций связи, — хмуро доложил я.
— Отставить прокладку, товарищ сержант. После обеда приходите в штаб. Там надо организовать покраску. Сразу по окончании — увольнение в запас.
Я состроил такую кислую мину, что даже Сиротина проняло.

— Двое безруких не могут починить пульверизатор, — объяснил он. — Размыли потолок и застряли. В штабе все развалено, невозможно нести службу. Заставьте их работать, и как только покрасите, я вас уволю. Давайте, сержант, давайте быстренько!
Я тяжело вздохнул.
— Что конкретно надо сделать?
— Побелить потолок, выкрасить стены, двери и пол. Работы на три дня. Краска есть. Известку для побелки возьмете на заводе.
— Украдем на заводе, — поправил я, оглядываясь на домостроительный комбинат, виднеющийся из-за забора.
— Нет, возьмете! — Сиротин гордо напыжился. — Я договорился.
— Спасибо, товарищ майор. Разрешите вопрос? Если эти двое, как вы говорите, безрукие, нельзя ли их заменить? Я бы взял Лычева с Рабиновичем из четвертого дивизиона. И будет вам не штаб, а конфетка.
Майор так замотал головой, что едва не свалилась фуражка.
— У них свой фронт работ в казарме, — сказал Сиротин твердо. — Они бы и сами в штабе справились, без вашего руководства.
Нет, он все-таки не совсем дурак, подумал я.
— Хорошо, товарищ майор, приду после обеда. Только скажите, пожалуйста, этим деятелям, кто у них теперь старший. Чтобы мне времени не тратить на внушение.
— Им уже Шнейдер сказал, — обрадовал меня Сиротин. — Они уже это… Уже осознали. Давайте, организуйте их!
Я вылез из канавы, думая, что армия никого не отпускает без издевательства напоследок. Мне предстояло возглавить двоих оболтусов-студентов, на которых, едва они прослужили год, свалилось невероятное счастье: увольнение в запас. Судя по тому, как они работают, спустя рукава, эти красавцы еще не сыты армией до отрыжки. Или просто по жизни охламоны. Что там у них за трудности с пульверизатором?.. Хотя, возможно, никакие они не безрукие, просто растерялись. Ладно, посмотрим. Я не знал этих студентов, даже не помнил, как они выглядят — нужна больно всякая мелюзга. Из младших призывов мне западали в память только бойцы, ярко проявившие силу духа и интеллект — те, кому суждено "держать" ББМ, когда уволимся мы. Что ж, будем надеяться, Шнейдер эту парочку уже превентивно запугал… И тут приду я, очень добрый.
В штабе разгром начинался с лестницы, она была изгваздана вся. А на этаже…
— Ой, мама, — сказал я.
Тут будто взорвалась бочка с побелкой.
Нет, несколько бочек.
Посреди коридора стоял огромный ручной пульверизатор, а над ним грустили два белых человека, большой и маленький.
— Вот так и живем, — откомментировал Шнейдер, высовываясь с узла связи. — Придурки, мать их, салаги драные, засрали мне весь штаб. Петровский вообще сбежал.
Я поглядел вверх, и мне захотелось обратно в канаву. Потолок не был размыт. Его, похоже, раз десять халтурно белили поверх старой побелки. Когда сейчас по многолетним наслоениям прошлись швабрами, все, что могло течь, потекло на стены и на пол, а остальное… Это надо не смывать, а стесывать.
Ни о каких "трех днях работы" не могло быть и речи. Разве что мне дадут человек десять, которые очень хотят домой. А так минимум неделя кропотливого труда.
Если делать хорошо.
Белые люди косились на меня с опаской. Физиономии у них были основательно затравленные. Сейчас я уже видел, что они не "большой и маленький", как показалось издали, а просто длинный и щуплый. Длинный, правда, ладно скроен, и кулаки у него тяжелые. Сильный. Это пригодится. Будет, если надо, поднимать маленького к потолку.
Я молча пошел на них.
Не возвращаться же в канаву — Сиротин обозлится, начнет пакостить. И я уже настроился на дембель через неделю. Значит, теперь надо уволиться через три дня, или напрасно меня зовут сержантом самоходной артиллерии большой мощности.
— Ну что, салаги, мать вашу, по ошибке произведенные в черпаки… — процедил я. — Вы привели в негодность любимый штаб Заслуженного Деда Советской Армии Геннадия Семеновича Шнейдера. Надеюсь, вам очень стыдно. Теперь внимание. Меня попросили заставить вас работать. Но я терпеть не могу кого-то заставлять. Я просто буду работать с вами. Если у вас есть совесть, тогда мы трое бстро уйдем на дембель. А если нет совести… Если вы сами не хотите на дембель, и мне помешаете уйти… Уверяю, я вас пальцем не трону.

Они глядели на меня во все глаза. Кто знает, что они слышали обо мне раньше. Им точно было известно одно: я водил знаменитый неуправляемый третий дивизион ББМ. И сам я неуправляемый. И Минотавр опасался ставить меня старшиной: кому нужен старшина, которого люди — любят? Уважать должны, бояться могут, а любить незачем. Случайно брошенная Минотавром фраза: "А вдруг он их завтра выведет на демонстрацию протеста под какими-нибудь дурацкими и нецензурными лозунгами?!" облетела всю бригаду.

Два белых человека видели перед собой недосягаемый образец: вроде тоже сержант, а попробуй так себя поставь в ББМ.

Возможно, они даже сообразили, что в случае неповиновения я их действительно не трону.

— Если вы не в курсе, меня зовут Олег.

— И меня — Олег, — сказал большой.

— И меня, — сказал маленький.

— Ну, тогда вам вообще деваться некуда. Будете пахать, как миленькие. Из солидарности. Теперь рассказывайте и показывайте.

Пульверизатор не качал. Не создавал давления. С этим можно было разобраться потом. Куда больше меня волновали расходные материалы. Тут-то и началось.

Им выдали достаточно красно-коричневой половой краски. Некоторое количество серо-стальной краски. Чуть побольше белой. И всё. Я оглядел батарею банок, выстроившуюся вдоль стены туалета, и невольно почесал в затылке.

Винни-Пух, мой любимый герой, сказал бы: "У меня в парке есть канава, и я чувствую, как она меня зовет".

Прежде, чем в штабе взорвалось несколько бочек побелки, пол тут был коричневый с довольно высоким "сапожком", двери кабинетов серые. Потолок, естественно, белый. Но стены-то зеленые!

— А Сиротин что-то сказал про цвет стен?

— Не-а. Красьте, сказал, чем есть.

— Шнейдер!!! — рявкнул я.

Олеги инстинктивно съежились. Шнейдер их пугал. Вероятно, их сбивала с толку его манера ходить головой вперед и при этом страшно топать. А Генка еще отъелся на втором году службы. И понимай, как знаешь: несется на тебя здоровый рыжий еврей, черт его разберет, что у него на уме. Вдруг он у себя на коммутаторе не чай пьет.

— Шнейдер!!!

— Я, товарищ сержант!

— Подойди, будь другом, оцени палитру.

Притопал Гена, уставился на банки, и спросил:

— Ну?

— Что с этим можно сделать, как ты думаешь?

— Тщательно перемешать и ровным слоем размазать по всему коридору, — предположил Шнейдер. — А потом широко улыбнуться — и в сумасшедший дом.

— У начальства были какие-то пожелания по цвету стен?

— Петровскому точно по фигу. А Сиротин ничего не говорил.

— Найди мне этого идиота.

Шнейдер ушел обзванивать бригаду, я мучительно соображал. Краски явно не хватало. Мало серой. Белой тоже мало. Половой много. А дальше что? Тщательно перемешать и широко улыбнуться?

Сиротина поймали в парке, он уже направлялся домой.

— Красьте, чем есть, — повторил он строго и повесил трубку.

Я закурил и присел на подоконник в туалете. Вот вам и дембельский аккорд, Олег Игоревич. Будь бригада на зимних квартирах, я бы постучался к начальнику штаба и выпросил краски хоть бочку. С доставкой. Но сегодня не у кого одолжить даже полбанки — в казарме тоже краски мало, я-то знаю, да и цвет у нее, прямо скажем, не штабной, а поносный… Напрячь Петровского? Без толку, "материально ответственные" прапорщики сейчас на полигоне, склады опечатаны. Вот она, Советская Армия: когда чего-то надо, этого нет. Только атомные мины без дела валяются. Не дай бог война со Швецией — а у нас не крашено ни фига.

Я вышел в коридор и принялся осматриваться. Забабахать, что ли, красно-коричневый потолок? И пускай Сиротин покончит с собой… Ну, потолок мы выбелим. Пол выкрасим и "сапожок" нарисуем. Но стены? Не понимаю, их что, красить в белый? И как мне накрыть стены таким мизерным количеством краски, чтобы сквозь нее зеленый не просвечивал? Никак. А двери, значит, будут серые? Омерзительное сочетание: белые стены, красно-коричневый пол и серые двери. Уже тошнит. Сиротина тоже

стошнит, и накроется мой аккорд. Ладно, а батареи отопления чем красить?.. Бред какой-то. Во что я вляпался?! Ну, Шнейдер! Ну, Петровский! Удружили, нечего сказать.
Решения не было. Но я должен был его найти.
— Эй, Олеги! — позвал я. — Берите посуду, идем за известкой.

***

Известь лежала на задворках стройкомбината. Ребята бросили ведра и носилки рядом с кучей и взялись за лопаты. Сначала все шло хорошо. А потом я нагнулся, чтобы поправить ведро, и Олег-Маленький надел полную лопату известки мне на голову.
Что я сказал, вы наверняка догадываетесь.
Судя по расшифровкам "черных ящиков" погибших авиалайнеров, именно это говорят русские пилоты перед столкновением с землей.
Мою физиономию спасла плотная челка длиной до кончика носа — вся известь осталась на волосах.
— Ё-моё, — сказал Большой упавшим голосом.
— Извини… — сказал Маленький так хрипло, будто у него начинался сердечный приступ.
Я быстро стряхнул кучу извести с головы, засек боковым зрением водоразборную колонку, бросился к ней, подставил челку под струю ледяной воды и принялся яростно промывать волосы.
Позади Большой отвесил Маленькому подзатыльник.
— Вы грузите, грузите, — посоветовал я зловеще.
Они принялись грузить. Большой тяжело вздыхал, Маленький переживал молча.
— Ну, пойдем, — только и сказал я, когда емкости наполнились.
И мы пошли.
В штабе я одолжил у Шнейдера расческу, зашел в туалет и вычесал из челки приличный клок волос. Поглядел на носилки с известью. Она начинала меня беспокоить.
Олеги возились с пульверизатором. Я молча отобрал его у них, развинтил и спросил:
— И что?
— Манжета сильно травит, — объяснил Большой. — Надо менять.
— И что? — повторил я.
— У нас резины нет.
От изумления я зажмурился. А затем выдал такое, чего не бывает даже на расшифровках "черных ящиков". Немного отдышался и резюмировал:
— Это из-за того, что вы, никчемные уроды, не знаете, где взять кусок резины, я тут с вами пропадаю?!
У меня в руке был железный прут — шток пульверизатора — и ребятам оставалось только внимать.
— Олежка! — позвал из своей комнаты Шнейдер. — Если ты их убьешь, некому будет работать.
Я немного еще поплевался и сказал:
— Ладно, сволочи, будем пропадать вместе. Значит, так. Я пошел в казарму решать наши проблемы. А вы пока сделайте водный раствор этого дерьма и опробуйте его на потолке. Найдите правильную консистенцию. Знаете такое слово, товарищи студенты?.. Ну, я горжусь вами. Отыщите тот предел плотности раствора, на котором пульверизатор еще сможет его распылять. У меня есть идея. Молитесь, вдруг сработает. Тогда, считайте, вам повезло, сукины дети!
— Я прослежу, чтобы они не сачковали! — пообещал из-за стены Шнейдер.
Олеги переглянулись, и мне стало их жалко.

***

В казарме я моментально добыл кусок хорошей резины. Потом объяснил третьему дивизиону, точнее, его жалким ошметкам, в какую угодил передрягу. Сказал, чтобы меня не искали. Подошел к дежурному по части — как раз стоял наш капитан Мужецкий, — и договорился: с этого момента мы с Олегами заступаем в бессрочный несменяемый наряд по штабу. Так я убивал двух зайцев: мы будем вместе и не потратим времени на бесцельное стояние где-нибудь в парке при воротах.
— Спать-то когда будете? — посочувствовал Мужецкий.

— Не будем, — отрезал я. — Вы бы видели, что я там должен сделать голыми руками, вам бы тоже спать расхотелось. От ужаса.
— Давай-давай, — усмехнулся капитан. — Не прибедняйся, ты же красил наши кашээмки.
— Не кашээмки, а миномет, — в тысячный раз напомнил я. — И не целиком, а одну гусеницу. При этом мы чуть не обрушили бокс и раздавили бочку с растворителем. А если у меня теперь штаб упадет?..
— Тебе многие скажут большое спасибо, — меланхолично ответил Мужецкий.
Из туалета вышел сержант Рабинович. Сапоги у него были в крапинку цвета детской неожиданности.
— Это не те, — сказал он на всякий случай.
— Да вижу, вижу.
Я выпросил у него на дембель кожаные курсантские сапоги. Они мне очень нравились — в отличие от офицерских, у них были голенища раструбами. И выглядит забавно, и полезная в хозяйстве вещь.
— Вы когда закончите? — спросил я.
— Дня за три, наверное. Если не нанюхаемся вусмерть. Голова болит, сил нет.
— Ну-ну. Возможно, я вас догоню.
В штабе я осчастливил Олегов тем, что они теперь отсюда никуда не денутся. Парни новость приняли стоически. Поняли уже, кого им навязали в старшие. Все-таки хорошо быть опытным сержантом — можно о многом договориться с офицерами, и многое тебе позволят. Были бы офицеры вменяемые. Эх, Минотавр, как мне тебя не хватает! Жаль, что мы с тобой подружились так поздно.
Пульверизатор я починил за четверть часа, и он начал качать лучше нового. Олеги предъявили результаты экспериментов с известкой, и мы начали вместе соображать, что нам больше подходит.
Тут распахнулась дверь одного из кабинетов, и в коридор выглянул заспанный сержант.
— Друг мой! — обрадовался я. — То-то думаю, кого тут нет?! Дежурного по штабу нет! А он, оказывается, есть! Ты чего за телефон хватаешься? Ты положи трубочку, положи.
— Я хотел узнать, где смена… — буркнул сержант, усиленно протирая глаза.
— А туточки смена! И ей очень интересно знать, почему разбито окно на лестнице, не горят три лампы дневного света, не работает сушилка в туалете, а на двери пятой комнаты нацарапан косой крестик!
Сержант глядел на меня, слегка пошатываясь спросонья, и не мог понять, в чем дело. Я перечислил ему стандартный "набор недостатков" штаба, который не менялся на моей памяти больше года. Все, кто ходил дежурными по штабу, знали его наизусть. Главное было сдать-принять эту лабуду в прежнем виде.
— Могу еще спросить, отчего полы не вымыты, — добавил я.
Сержант посмотрел под ноги и переменился в лице. Вымыть это было нереально. Тут он наконец-то проснулся окончательно. От испуга, вероятно.
— Ты, что ли, меня сменяешь? — догадался он.
— Да. Журнал заполнил? Ну и вали отсюда к чертовой матери, воин. Не видишь, мы тут… Живописью занимаемся. Доисторической.
— А расписаться?..
— А все на месте? На двери пятой комнаты по-прежнему нацарапан мой любимый косой крестик? Или к нему уже пририсовали еще две буквы?
— Да там он, там, можешь сходить посмотреть.
Я расписался в журнале и с удовольствием пожелал сержанту попутного ветра. Мне больше не нужны тут были чужие люди. Я собирался учинить над штабом надругательство, равного которому в ББМ еще не случалось.

***

Последующие дни и ночи в моей памяти спрессовались. Это была безумная гонка с короткими передышками. Олеги пахали, как проклятые. Иногда нам помогал Шнейдер. Сиротин, придя в штаб, очень удивился, когда я встретил его со штык-ножом на поясе и повязкой дежурного.
— Теперь эти двое у меня вот где, — объяснил я, показывая сжатый кулак. — Постоянный контроль.
— Нормально, — оценил Сиротин, — вижу службу войск! А это что?..

Он заметил "тестовые" участки стены, на которых мы пробовали мое изобретение — разные смеси белой краски с известкой.
— Если все получится, у вас будет ослепительно белый штаб.
— Как в больнице? — насторожился майор.
— Ничего общего. Это будет похоже скорее на зал электронно-вычислительных машин, — вдохновенно наврал я. — Конструкторское бюро. Каждый раз, проходя по коридору, вы будете ощущать чистоту и свежесть — то, что нужно для плодотворной службы.
— А-а! — впечатлился майор. — Ну-ну.
Я тут же забросил штык в тумбочку и отправился красить.
Пульверизатор качал, как зверь, но распылял плохо. Мы долго с ним мучились, кое-как забелив потолок, а стены уже проходили валиками. Результат мне показался занятным: наша адская смесь давала на стенах едва заметную шероховатую фактуру. Исконный зеленый цвет стен под этой фактурой исчезал напрочь с одного прохода. А главное, эта гадость не пачкалась и не осыпалась, когда высыхала. Хотя должна бы. А может, так и продержится? Почему нет? Если не мыть. Плесни водички — тут она себя точно покажет. Или не покажет. Черт ее знает. Выдумали фигню какую-то.
Коридор приобретал футуристический вид. Тогда мало где красили стены заподлицо с потолком, выглядело наше творчество весьма лихо. Я и сам поверил, что теперь Сиротин будет ощущать чистоту и свежесть. Глядишь, поумнеет.
— Авангард, — оценил Шнейдер. — Кто, ты говорил, твоя мама?
— Заведующая отделом выставок Третьяковки.
— М-да… Нарисуй в сортире "Черный квадрат".
— Не смогу, углы не помню.
— То есть?..
— Гена, — сказал я строго. — Как ты думаешь, если художник назвал картину "Черный квадрат", неужели она квадратная? И стали бы искусствоведы столько носиться с каким-то квадратом, пусть и черным? В том-то и прикол, что это очень сложный объект.
— Наши-то не знают. Можешь нарисовать именно черный квадрат.
— К счастью, мы не красим сортир. Ген, у тебя есть пластырь? Не хочу бежать за ним в казарму.
— А что такое?
— А вот что.
— Ой, ёлки-палки…

***

Известь разъедала руки. Мы столкнулись с этим в первые же сутки. Сначала было терпимо, потом начала слезать кожа на пальцах.
Стало неудобно работать. Я взял пластырь и заклеил изувеченные кончики пальцев себе и Олегам. Сразу вспомнилось Мулино — там в штабе у меня зимой шла кровь из-под ногтей, когда я печатал. Только пластырем и спасался.
— Представляешь, как бы я сейчас выглядел, если бы ты надел ту лопату мне на физиономию? — спросил я Маленького. — И как бы выглядел ты, хе-хе…
— Извини, я же не нарочно, — в который раз сказал он.
— Забудь.
— Дальше-то что? — спросил Большой. — Нам еще с этой дрянью возиться и возиться. А как мы потом кистями будем работать, если пальцы совсем облезут? Нам же кистями подводить "сапожок" и батареи красить.
Дело было где-то на середине коридора.
— А дальше очень просто, — сказал я. — Очень просто… М-да. Идите со мной. Мало ли, как оно выйдет. А вы уже достаточно злые, чтобы кому-нибудь свернуть челюсть.
И мы отправились в казарму.
— Это правда, что ты никого не бил? — вдруг спросил Большой по дороге.
— Конечно. Тут все битые, до них кулаком не достучишься. С ними говорить надо, тогда будет результат… О, вспомнил! Однажды я ударил Никонова. Но он долго меня доводил. И я его… Даже не стукнул — пихнул.
— И?..
— Он упал с таким грохотом, что из канцелярии выскочил капитан Масякин. И давай орать: ага, сержант, дедовщину разводишь, трое суток ареста! Обрадовался. Тут Ник отдышался немного и прямо лежа на полу как начнет ржать… Я говорю: товарищ капитан, имейте совесть, мы же с Ником из одного призыва, вместе дерьма наелись

полной ложкой, какая между нами дедовщина?.. Масякин подумал-подумал, и говорит: ну тогда просто неуставные отношения!.. Я Ника поднять хочу, а тот на четвереньках от меня отползает, не переставая хохотать. Масякин плюнул и ушел. А Ник, болтун, всем рассказал, как было весело. И кто хорошо меня знал, тот тоже посмеялся, а кто плохо знал, тот призадумался, стоит ли меня злить…
Мы вошли в казарму и зашагали к каптерке третьего дивизиона.
Дверь была, естественно, заперта. Я пнул ее сапогом и рявкнул:
— Сова, открывай! Медведь пришел!
Щелкнул замок, показалось заспанное лицо каптерщика Мулдашева, только-только назначенного на эту уважаемую материально ответственную должность.
Я отодвинул Мулдашева вместе с дверью, и мы с Олегами вошли в комнату-пенал, забранную по стенам высоченными шкафами.
— А я тут… — начал каптерщик.
— Шинели пересчитываешь. Хорошее дело. Гляди сюда.
Я сунул ему под нос руку в пластыре.
— Мне нужны перчатки от ОЗК. Три пары. Выручай, или я останусь без рук, и накроется мой дембельский аккорд.
— Понимаю… Но ты же их испортишь.
Я посмотрел на Мулдашева очень выразительно. Олеги тоже. Каптерщик вздохнул. Он уже основательно забурел — как все каптерщики — но мне перечить не осмелился. Трудно возражать хорошему человеку, когда у того дембель под вопросом. Во-первых, я и правда хороший. Во-вторых, у дедов иногда случаются припадки бешенства.
— Давай, военный, шевелись, время дорого. Ищи комплекты, которыми не будут пользоваться в ближайшие месяцы. Мой, Галимова… Кто еще у нас студент? Гулюшов. Давай их сюда.
Я хватал один за другим брезентовые цилиндры ОЗК, дергал петлю открывания и бесцеремонно перетряхивал резиновые потроха в поисках защитных перчаток. Есть три пары!
— Спасибо! — я хлопнул Мулдашева по плечу. — Верну. Они, конечно, будут так себе, но ты потом найдешь замену, служба долгая. И вообще, у нормального каптёрщика должно иметься барахло про запас. Всего по два — по три. Сколько портянок ты мне подарил, а?
— Ага… — грустно согласился Мулдашев. — Так то портянки…

***

С перчатками работа пошла веселее. Коридор стал белым. Пол тоже. И двери. И три Олега. Насколько мы побелели, я сообразил лишь когда нас отказались пустить в столовую.
— Стой! Куда?! Кто такие?! — заорал капитан-ракетчик с красной повязкой на рукаве.
— Бригада Большой Мощности! — привычно суровым голосом объявил я.
— А мне насрать, — сказал капитан. — Хоть спецназ. Вы на себя посмотрите. Шагом марш переодеваться. Иначе не пущу.
Мы с Олегами переглянулись и начали смеяться. Действительно, наша рабочая одежда была покрыта краской сплошь, от сапог до пилоток. Я поманил ребят в сторону.
— Можем зайти через кухню, но это чревато. Если прямо на кухне с узбеками не подеремся, так дежурный по залу все равно нас выгонит. Будем переодеваться?
— Времени жалко, — сказали Олеги.
Они устали, осунулись, но в их глазах был нездоровый блеск людей, готовых работать до упаду. Втянулись. Аврал, он мобилизует. Если не терять темпа, можно горы своротить.
— Тогда пойдем в чайной перекусим, — решил я. — Деньги есть. А на внешний вид там не смотрят.
И действительно, в чайной мы никого своим обликом не смутили.

***

На окраине города Белая Церковь, в белом-белом здании, в белом-белом коридоре сидели три белых-белых человека.
Они перемешивали серую краску.
Дай мне волю, я бы покрыл и двери белым, но краска вышла вся, до капли. И Шнейдер заметил, что офицеры такой белизны не вынесут. Будет действительно слишком похоже на больницу.

— А теперь представь, — сказал я. — Все белое. Пол красно-коричневый. А двери-то серые! Это же форменное безумие! Такие цвета не сочетаются. Стой, подожди… А если нарисовать серый "сапожок", чтобы двери не были чужеродными элементами? Серый "сапожок" их завяжет в единую систему…
Шнейдер представил себе эту картину. И произнес одно слово из лексикона разбившихся пилотов.
Но произнес его с восхищенной интонацией.
— Тут такого еще не видели, — объяснил он.
— Мне придется мобилизовать все свое красноречие, чтобы убедить Сиротина принять такую цветовую гамму.
— А он оставил тебе выбор? Дал тебе другие цвета? Ты сделал что мог. Пускай этот кретин тебе в ножки поклонится за белый коридор, который ты из воздуха родил.
— Мы родили, — поправил я, кивая в сторону Олегов. — Парни молодцы. Ну что, молодцы, следующий рывок?
И мы пошли на следующий рывок.
Как ни странно, идея связать двери серым "сапожком" на практике выглядела неплохо. Мы не опустили "сапожок" до самого пола — тот был еще некрашен, — но картина, как минимум, не пугала. Она сворачивала мозги набекрень. Тут такого и правда еще не видели. Что-то будет, когда сделаем пол. Одно радует: не у всех в этом штабе есть мозги. Кто-то выживет, и ББМ не развалится окончательно.
— А батареи? — напомнил Шнейдер.
— Жизнь подсказала нам офигенное решение. На батареи серой краски не хватит. Поэтому — половой краской их! Представляешь — от пола на белые стены лезут батареи одного цвета с полом? Красотища. У нас получаются три связки: стены-потолок, двери-"сапожок", пол-батареи. Все они чуть-чуть накладываются друг на друга. Таким образом мы решаем проблему несочетаемости цветов. Ее просто нет. Шнейдер! Я дизайнер!
— Не знал, что мы соплеменники, товарищ Дизайнер!
— Слушай, Ген, помоги отмыть пол. Как еврей еврею. Ребята совсем никакие, да и я тоже, честно говоря.
— Лучше я тебе помогу как еврей русскому. А то знаю я этих евреев, им помогаешь-помогаешь, а они тебя в благодарность подсиживают…
— Ну, тогда совсем хорошо что я не еврей.
На рассвете четвертого дня штаб выглядел как новенький. Правда, такой агрессивный модерн я раньше видел только в депозитарии Третьяковской галереи: там были оранжевые стены, коричневый пол, а вместо потолка — серебристые гофрированные трубы коммуникаций.
Мы Третьяковку переплюнули, сами того не желая. Ровно за три дня, как и говорил Петровский.

***

Жарища стояла адова, пол высох очень быстро, по нему можно было ходить без опаски. Три Олега наконец-то переоделись в чистое и теперь ждали приемочную комиссию в лице Сиротина.
Шнейдер то и дело выглядывалл в коридор и восхищенно цокал языком.
Я думал, не потечет ли зимой краска с батарей, когда они нагреются.
— А тебе не по фиг? — спросил Шнейдер.
— Знаешь, не по фиг. Мама с папой учили меня все делать на совесть. И даже эти грёбаные Вооруженные Силы не отучили. Хотя я теперь, конечно, раздолбай страшный. Если хочешь приобрести отвращение к труду — послужи в армии.
Шнейдер придирчиво обнюхал батарею и заверил:
— Не потечет. А помнишь Витину краску? То-то было весело…
Да, Витину краску я помнил. Здесь, в штабе, была когда-то своя комната у нашего Витальки Михайлова, художника, которого все звали "Витя". Витя тут рисовал наглядную агитацию и штамповал по трафарету дембельские альбомы. Однажды он позаимствовал где-то в парке баночку очень симпатичной краски — и забацал себе стол под карельскую березу. Позвал нас полюбоваться. Предупредил, чтобы не трогали, не высохло еще.
Стол не высох ни завтра, ни послезавтра. Через неделю Витя ходил сам весь под карельскую березу и страшно ругался. Наконец терпение его лопнуло, и он отчистил стол, вернув ему первоначальный унылый цвет.

Потом выяснилось, что Витя свистнул какую-то особенную краску, засыхающую только при температуре в полторы сотни градусов…
Тут меня позвали. Напрочь убитым голосом, от которого мне чуть не стало дурно.
Мои Олеги глядели на потолок. Лица у них были мертвые.
Потолок трескался.
Под свежей побелкой отставал кусок старой — я же говорил, обтесывать ее надо было, а мы такой роскоши позволить себе не могли. И вот, поплатились за чужие ошибки и свою надежду на авось. Ошибки, знаете ли, имеют свойство накапливаться, а потом — бабах! Как Чернобыль.
Олеги выглядели худо. Работа выжала парней досуха, этим утром они наконец-то расслабились, и тут — такой подарочек. Трещина, как назло, была над дверью в кабинет Сиротина. Удар под дых. Он мог бы деморализовать и ребят покрепче, чем загнанные сержанты-черпаки.
Я не почувствовал вообще ничего. В отличие от Большого с Маленьким, Олег Старший не имел права расслабляться — ему предстояло запудрить мозги приемщику. Олег Старший все еще пребывал в боевом настрое.
— Спокойно, ребята, — сказал я. — Гена! Где Сиротин?
— Идет через парк.
— Пятнадцать минут. В самый раз. Большой! Посмотри в тазике, у нас вроде бы осталось еще на донышке краски с известью. Малой! Выбери перчатку почище. Лучше правую. Работаем, товарищи сержанты. Все будет зашибись.
Я говорил это на ходу — шел к кабинету замполита. Привычным движением распечатал дверь, вскрыл замок, нырнул в книжный шкаф, нашарил в глубине величайшую штабную ценность — нетронутый баллон с клеем ПВА. Достал из кармана нож, срезал носик баллона, побежал назад к трещине. Меня уже ждали Большой с тазиком и Маленький с перчаткой.
— Табуретку!
Черт побери, не достать.
— Большой! Подними меня.
Большой присел, схватил меня под колени, громко крякнул, и я вознесся к потолку. Вот она, трещина.
— Не надо перчатку.
Пожертвую, так и быть, одним из уцелевших пальцев. А то у нас получился такой гладкий потолок, что если возюкать по нему перчаткой, будет заметно.
Я выдавил ПВА на палец и надежно залепил трещину. Как и следовало ожидать, полоса клея выделялась на потолке.
— Маленький, краску! Большой, жив еще?
— А ты легкий, — сдавленным голосом сообщил Большой.
Я набрал на палец нашей импровизированной краски и аккуратнейшим образом замаскировал следы клея.
— Отбой тревоги.
Большой осторожно поставил меня на пол, и мы все трое уставились наверх.
— Как так и было, — уверенно сказал Маленький.
— Гена, посмотри от себя.
— Ничего не вижу.
— Учитесь, молодые люди, — сказал я и побежал отмывать палец. Надо было успеть еще закрыть и опечатать кабинет замполита. А то мы с ним месяц назад рассорились, и он отнял у меня ключ. Лучше бы замок сменил.
Сиротина мы встретили, красиво выстроившись во фрунт.
— Штаб, смирно! Товарищ майор, за время вашего отсутствия происшествий не случилось!..
— Вольно, вольно.
Сиротин огляделся и сказал:
— Да-а…
Я махнул Олегам, чтобы убрались в туалет, а сам принялся нести околесицу про три цветовых системы, уникальное сочетание несочетаемого и ощущение свежести.
Сиротин кивал и говорил: "да, неплохо, неплохо". Физиономия у него была довольная. Он наверняка гордился собой. Сиротин не мог не понимать с самого начала, что краски мало. Хрен с ним, что цвета несочетаемые. Мы не могли покрасить штаб в принципе тем, что нам дали! Ну никак. Но глядите, майор приказал, а сержант — сделал. Из ничего. Значит, майор выше всех похвал.
Я его ненавидел.

Сиротин провел по стене пальцем — не мажется и не осыпается. Оглядел потолок: гладенький. А как красиво смотрятся батареи на белом фоне! Действительно находка ведь. Если бы не этот серый, который мне активно не нравится, потому что он тут лишний, было бы вообще супер. Ну прими ты у меня работу, майор, и отпусти домой.
— Ну что же, — сказал Сиротин. — Ну что же…
Мы прошли коридор из конца в конец, и майору не к чему было придраться. Я сам поражался, до чего хорошо все выглядит. За три дня, мать-перемать! Да мы герои! Может, завтра наше художество поплывет и обвалится. Но сегодня — конфетка. А завтра нас тут не будет. А если мы, по прихоти товарища майора, задержимся в ББМ, и потолок рухнет, и Сиротин прибежит с воплями… Да я его при всем честном народе пошлю туда, где ему место! На косой крестик пошлю… Очень мне хотелось оставить нетронутым косой крестик на двери пятой комнаты — кабинета начальника штаба подполковника Мамина. Но Шнейдер сказал, что Сиротин этот крестик хорошо знает. Слишком мощно крестик отражен в журнале передачи дежурств по штабу. Я согласился, и Олеги крестик закрасили.
— Хорошая работа, — сказал Сиротин. — Думаю…
Мы уже были у двери его кабинета. И тут майор неожиданно сдал назад. И направился в сортир. Я проводил его недоуменным взглядом. Туалет-то мы не делали, был такой уговор с самого начала.
Из сортира донесся визг.
Визжал майор Сиротин.
— Что это, что это?! — кричал он фальцетом, нависая над раковиной.
Про раковину я забыл, честно говоря, Просто забыл. А она была основательно уделана краской всех цветов радуги.
Раковину две недели как изгваздал Витя, когда делал наглядную агитацию. Потом Витя поссорился с замполитом, послал его на косой крестик и убыл из штаба, демонстративно отказавшись убирать за собой.
Офицеры посмеялись — Витю все любили, а замполита никто, — и солдату Михайлову за эту неуставную выходку ничего не было. А раковина осталась, и никто ее отчистить даже не пытался.
— Безобразие! — кричал Сиротин. — Какая грязь! Почему не убрали за собой? Я не могу принять вашу работу, если вы оставляете за собой такой бардак! Не вижу службы войск, не вижу совершенно!
— Товарищ майор! — у Олега Большого вдруг прорезался командный бас. — Эта раковина была в таком виде еще месяц назад. Да она всегда такая была!
— Никогда!!!
— Две недели, — подсказал я очень спокойным тоном, заходя в туалет. — Две недели назад ее испачкали. И вы, товарищ майор, прекрасно знаете это.
— Я ничего не знаю! — заорал Сиротин. — Я не принимаю вашу работу! Всё!!! Идите отсюда! И несите службу!
Я стоял у Сиротина за спиной, а кричал он на Олега Большого, нависавшего над майором с фронта. И тут я увидел, как страшно у Большого дрожат губы. Мелко и страшно.
Он, похоже, на полном серьезе боролся с желанием треснуть Сиротина по фуражке. А колотушка у Большого была что надо. Майор бы провалился в туалет к ракетчикам. Жуя фуражку на лету.
То-то смеху было бы.
— Я ничего не знаю! Раковина была чистой! Работа не принимается, не принимается, ясно вам?!
— Това-арищ ма-ай-ор-р!!!
— Стой, раз-два! — скомандовал я голосом, которым прапорщик из анекдота останавливал поезд: вроде негромко, а слышно. Ввинтился между Сиротиным и Большим. Поймать взгляд майора мне не удалось — его глазки так и бегали. Ну да ладно. Я ж не гипнотизер.
— Товарищ майор, раковина будет приведена в надлежащий вид. Мы займемся этим немедленно и по исполнении доложим вам.
Сиротин опешил — так я был спокоен. От изумления он даже посмотрел мне в глаза. А что мне еще оставалось?
— Товарищ майор… когда мы отчистим раковину… вы сочтете нашу работу в штабе… выполненной?
Не знаю, что в тот момент случилось. Я говорил очень низким голосом и давил, конечно, изо всех сил — руки уперты в бока, голова едва заметно раскачивается, — но истерика у Сиротина еще не могла пройти. Он не должен был подчиниться мне. Да я и

не пытался сломить его волю. Я просто демонстрировал угрозу такого уровня, с которой нельзя не считаться.
— Товарищ майор. Мы отчистим раковину. Доложим вам об исполнении. Тогда вы примете нашу работу?
Он должен был ответить: "Посмотрим". Или: "Кому вы ставите условия, товарищ сержант?!". Или еще что-то в этом роде.
— Да! — пискнул Сиротин и пулей вылетел из туалета.
За спиной у меня тяжело дышал Большой.
Я крепко обнял его, отвел в угол и прислонил к стене. Рядом с Маленьким, который уже стоял там, чуть не плача. Большой тоже был на грани, его всего колотило, вот-вот слезы потекут.
— Спокойно. Теперь спокойно, товарищи Олеги. Теперь глядите, что я буду делать.
Я достал из кармана нож. Раскрыл его, встал к раковине и начал соскребать с нее краску. Не спеша.
— Я буду делать это очень долго. Очень медленно. Очень тщательно.
— Как… Как ты это вынесешь… — еле слышно произнес Большой.
— Я ничего не вынесу. Я просто буду очень спокойно чистить раковину. И вас к ней не подпущу. Сам буду чистить. Очень долго и очень спокойно. А где-то за час до обеда я зайду к этому… Товарищу майору. И скажу, что все готово. И поглядим. А вы пока отдыхайте. Можете даже уйти в казарму. Наверное так будет лучше. Хотя я не настаиваю.
Большой повернулся носом в угол. Маленький глядел на меня со смесью восхищения и ужаса.
А я чистил раковину. Потом я закурил и продолжал скрести раковину ножом, жуя сигарету. Краска понемногу отставала. Я думал, разумно ли заходить к Сиротину именно в названное мной время. Но таков был первый импульс, и я доверился ему. Ведь говоря с майором, я тоже действовал инстинктивно. Глядишь, сработает.

***

Я постучался к Сиротину за час до обеда.
— Товарищ майор, разрешите доложить, раковина отчищена.
— Чисто? — спросил майор, не глядя на меня.
— Как новая.
Сиротин молчал, перебирая бумаги на столе.
— Можете пойти оценить качество.
Сиротин молчал.
— Мы закончили работу по покраске штаба, товарищ майор.
Сиротин пожевал губу и процедил:
— Да.
— Вы принимаете нашу работу?
— Да.
— Каковы наши дальнейшие действия, товарищ майор?
Сиротин поглядел в окно. Опять пошевелил бумагами. Потом обернулся ко мне и, старательно избегая взгляда в глаза, сказал:
— Сдайте мне военные билеты и приходите сразу после обеда. Форма одежды парадная.
Я достал из кармана три военных билета и положил их на стол.
— Разрешите идти, товарищ майор?
— Да.
Я ушел.
Олеги ждали меня, сидя на лестнице. Я мог бы над ними подшутить, но в такой ситуации это сделала бы только последняя сволочь. И плевать, что они черпаки, а Олег Старший прослужил день-в-день двадцать один месяц. Пахали-то на равных.
Я тяжело облокотился о перила, чувствуя, как отпускает, отпускает, отпускает напряжение…
— Идите гладить "парадки", молодые люди. Мы отыграли наш дембельский аккорд. Кончилась музыка. Кто хочет танцевать от радости — пляшите так.
Не стали они плясать.
Да я и не ждал.

***

Новый дизайн штаба произвел сильнейшее впечатление на управление бригады. Некоторые сомневались поначалу, что это круто, но когда привыкли, стали даже хвастаться нашим штабом перед ракетчиками.
Но при первом же серьезном перепаде температуры сразу треснул потолок. Сразу и весь.
А стены начали пачкаться и осыпаться.
Шнейдер позвонил мне в Москву и сказал: Олежка, ты отмщен, я накапал Петровскому, а тот шепнул начальнику штаба про эту историю с краской. А НШ как раз изгваздал мундир об стену. На ближайшем совещании он поставил Сиротина смирно и при всем честном народе орал на него так, что звенели стекла.
А крестик, спросил я, косой крестик?
На месте, сказал Шнейдер, куда он денется, как же без него.
Это очень трогательно, сказал я. Слушай, Гена, только не бери дембельский аккорд. А то потом будет стыдно. Мне вот стыдно, что я сделал плохую работу, пусть и не по своей вине.
Наплюй, сказал Шнейдер, тебя никто не ругает, все считают, что ты натянул Сиротина по самые гланды, и очень радуются. Пока не испачкают мундир об стену — тут о тебе говорят пару слов. Но дело того стоило, уверяю.
Тем не менее, Шнейдер отказался брать дембельский аккорд.
Сказал, он же не я.
В смысле, не дизайнер.

ЭПИЛОГ.

После обеда нас встретил совершенно другой майор Сиротин. Он лучился добродушием и при этом был исполнен такой важности, будто совершал некое таинство. Майор сказал напутственное слово: мол, надеюсь, служба не прошла для вас даром, вы ее не забудете, и прочее, и прочее. При этом наши военные билеты он сжимал так, будто ему очень хотелось спрятать их в стол и заорать: "А теперь убирайтесь нести службу, негодяи!". Он, видимо, чувствовал, но осознать не мог, что сейчас на самом деле происходит таинство: майор отдает билеты — и мы ему больше не принадлежим.
Заканчивался ритуал пафосно: майор, крепко вцепившись в билет, интересовался, каковы планы товарища сержанта на гражданскую жизнь. Выслушав ответ, глубокомысленно кивал, пожимал сержанту руку и осчастливливал его "военником" с отметкой об увольнении в запас.
Олеги сказали, что продолжат учебу.
— А я буду работать в газете.
— Ну, это после института, — подсказал мне Сиротин.
— Я печатался и до института.
Сиротин захлопал глазенками. Мало кто из офицеров понимал, как это можно — работать в газете, не имея образования. Им-то погоны дали после училища, а я чем лучше? Начальник штаба, с которым я однажды разоткровенничался, посоветовал мне врать, да не завираться. Зато мне верил Минотавр. Такой страшный, такой могучий, бешеный и… Такой по-детски беззащитный. Он верил.
Если я о чем и жалел, пожимая вялую руку Сиротина, так о том, что это не крепкая лапа Минотавра. Которого мне не увидеть больше никогда.
Выйдя из кабинета, я сунул "военник" в карман и направился вдаль по коридору.
— Ждем внизу! — сказал Большой.
Я, не оборачиваясь, кивнул и достал нож. Подошел к двери пятой комнаты. Присмотрелся. И нацарапал косой крестик точно на том месте, где он раньше был.
Не я его тут первым вырезал — не мне и закрашивать.
Мы с Олегами вышли из штаба, и я прямо у дверей рванул с шеи форменный галстук.
Армия кончилась.

***

Примерно за месяц до увольнения в запас я встретил у вещевых складов подполковника Миронова. Командир пушечного дивизиона, способного пару раз стрельнуть и уйти с огневой раньше, чем первый его снаряд поразит цель в пятидесяти километрах впереди —

нес под мышкой газетный сверток, из которого торчали новенькие половые щетки.
Миронов посмотрел на меня и вдруг сказал печально:
— Знаешь, парень, вот я целый подполковник, комдив и все такое. Но если бы мне двадцать лет назад объяснили, что я стану ходить со щетками и буду ответственным за туалет… Я бы сказал — ну его на хер, ребята!
Он знал, что мне на дембель уже скоро. А ему — нет.
Кажется, он мне завидовал.
А собственно, почему бы не сказать это сейчас? Да, прошло еще почти двадцать лет. Но такие слова никогда не вредно произнести вслух. Хотя бы как эпитафию нашей ББМ. И всем несчастным Вооруженным Силам СССР. И я скажу:
— Ну его на хер, ребята!

23 февраля 2007 года

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

— Шагом марш, — вяло скомандовал капитан.
Призывники так же вяло, не в ногу, пошли. Уже по-солдатски похожие в своих телогрейках, вязаных шапках и стоптанных зимних сапогах — так модно было "забриваться" из Москвы, — они старались выглядеть бодрыми и независимыми.
Я шел правее колонны, чуть сзади, в распахнутой куртке, пьяный и злой. Беспрестанно матерясь, без особой цели, просто выплевывая ругательства сквозь зубы.
Капитан старался не глядеть в мою сторону. Поставить меня в строй он даже не пытался.
Я был единственным на свете человеком, которому предстояло, по какой-то невероятной причине, еще раз отслужить в армии.

МУЖСКОЙ КОШМАР

что он, откуда, куда он ведет

Этот сон встречается во множестве вариаций. Есть только два общих правила. Во-первых, он тягостен. И во-вторых, хотя бы раз он посетит каждого, кто служил в армии и способен видеть (точнее, запоминать) сны.

***

Феноменом кошмара "снова в армию забрали" я заинтересовался в начале 1990-х, когда узнал, что это не моя личная проблема, а широко распространенное явление. Начал опрашивать людей, консультировался с психологами — результатом стала большая статья, датированная 95-м годом, которую в журнале "Men's Health" обозвали "Кошмар цвета хаки". С тех пор многое переменилось в моей жизни и моих снах.
Та статья утеряна, но основные тезисы я помню, они справедливы и для этого текста. И по-прежнему справедлив основной принцип дешифровки сновидений: "что ты чувствовал там, и как те ощущения соотносятся с реалиями твоей жизни?"
Об этом я и просил рассказать своих респондентов. Огрубляя и округляя, картину я получил однозначную. Все опрошенные утверждали: во сне их угнетала дикая, чудовищная несправедливость происходящего.
На вопрос: "А что тогда происходило в твоей жизни?" ответы были разные, от "ничего особенного" до "полная задница". Если отношения с респондентом допускали откровенный разговор, то вскоре выяснялось, что "ничего особенного" на поверку тоже задница, просто не самая уродливая. Или еще не усевшаяся человеку на лицо.
В общем, подтверждалась старая истина: во сне твое бессознательное сообщает, что оно думает о твоей жизненной ситуации.
Почему бессознательное выбирает именно такую систему образов, понятно. Для большинства граждан "действительная срочная служба в Вооруженных Силах СССР"

оказывалась, как ни крути, опытом тягостным. Сравнимым, по моему личному определению, с "отсидеть два года по ложному обвинению".
Ни степень раскованности мышления, ни уровень культуры не влияют на глубинную, "нутряную" оценку службы. Кошмар "снова в армию забрали" равно привычен для сельского и городского жителя, работника и босса, интеллектуала и недалекого.
Резонен вопрос: какие сны видит человек, ушедший в армию охотно и сохранивший о службе только светлые воспоминания. Резонен, но ошибочен, потому что и "охотно", и "воспоминания" — термины, которые для бессознательного не значат ничего. Ты мог хотеть уйти в армию по сотне замечательных причин. И запомнить только хорошее, а дурное вытеснить — как вытесняет каждый индивидуум, близкий к клинической норме. Но об истинных причинах и истинных воспоминаниях расскажет только настоящий ты, просыпающийся во сне. Тот, который всё знает и всё помнит.
Про армию он всегда говорит два слова: "За что?!"
Надо учесть еще один момент. Ты мог быть натуральной "солдатской косточкой". Но ведь ты свое уже отслужил! Все долги отдал. И когда тебя во сне призывают по новой, разрешения не спросив, хвать за шкирку и — в ряды, слов может раздаться целых три: "За что, суки?!"
И что делать, проснувшись?
Во-первых, уяснить: главное в любом сне — что ты чувствовал. Сон рассказывает, каково твое истинное отношение к происходящему. Очнувшись с тяжелой головой после экскурсии по казарме, имеет смысл задуматься, на что "в реале" могло так окрыситься бессознательное.
Ключи: "принуждение" и "несправедливость". В зависимости от тягостности сна, это может оказаться как вполне себе ерунда, так и общая неудовлетворенность всем-всем-всем, происходящим с тобой много лет кряду.
Как с этим разбираться, каждый решает сам.

***

Мой первый армейский кошмар был предельно реалистичным. Я ровно три месяца недослужил, уволившись по "студенческой амнистии". Кое-где это стало поводом для дикого "неуставняка", когда ребят, едва оттрубивших полгода-год и вдруг получивших дембель, били смертным боем, даже сопризывники. А надо мной хихикала вся ББМ — я был единственным студентом-дедом, мне и так до увольнения в запас оставалось всего ничего.
Сон оказался такой: я стою перед воротами части. Ворота открываются, за ними — наш начальник штаба подполковник Мамин.
— Я так и знал, Олег, — говорит он, — что ты вернешься дослуживать. Ну, пойдем!
Ваш покорный слуга проснулся в шоке. Меньше всего мне хотелось дослуживать (последние три месяца в некотором смысле тяжелее, чем первые три), однако совесть моя была самую малость нечиста. Я уходил в армию по целому ряду причин, но основной была — расквитаться с государством. Отслужив, я ему ничего не был должен. И вот какая ерунда вышла: три месяца прикарманил.
А что было в реальности? На самом деле, мне страсть как не хотелось доучиваться два с половиной года на факультете журналистики! Вскоре я это осознал до глубины души, но тогда еще не вполне понимал.
Дальше "армейские кошмары" пошли однообразные — снова забрали, снова казарма. Сослуживцы и командиры относились ко мне с должным пиететом, но легче от этого не было. Иногда я болтался в части совсем неприкаянный, иногда встречал старых друзей, временами обстановка складывалась очень комфортно в материальном плане, но на душе все равно лежал кирпич.
Запомнился тот сон, которым я открыл этот текст. Мне уже было тридцать.
Сон за сном все четче проступал момент: меня забрали по второму разу, и все это знают. Офицеры сочувствовали и советовали написать в Министерство обороны. А один комбат сам послал запрос. Но ответа надо было ждать неопределенное время. Я просыпался несчастный и злой.
Потом я ушел от жены. Поначалу меня раздражал статус "воскресного папы", не такого я хотел для своего сына, но если знать историю моих взаимоотношений с собственным отцом, это в чем-то лучше.
И через год-полтора случился качественный прорыв.
Я во сне отслужил второй срок и уволился!!!
Сказать "проснулся счастливым" значит ничего не сказать. Я освободился от того, что угнетало. Меня временами преследуют дурные повторяющиеся сны, связанные со

школой и институтом, корни их понятны, они в отношениях с родителями. Но армия — это моё сугубо личное. И вот, разобрался с личным! Ура.
Прошло еще некоторое время — и приснилось черт-те что.
Вы будете смеяться, но меня забрали в третий раз.
Я видел свой военный билет, в котором были отметки о прохождении двух двухлетних сроков. Первый срок был обозначен реальными записями, как в моем настоящем "военнике". Где я служил второй раз, прочел, но не запомнил. Ладно, не очень-то и хотелось.
И вот, меня загребли опять.
Замуровали, демоны.
А в жизни я рвался между несколькими большими книгами, писать каждую из которых было очень выгодно и очень боязно. Под "выгодно" имеется в виду не немедленное вознаграждение, а перспективы. Под "боязно" — всякое. И во сне неожиданно прорезался литературный акцент!
Я снова оказался в Белой Церкви, где трубил свой первый армейский срок. Но в штабе лежал запрос: местная военная газета забирала меня к себе. Так распорядился их редактор, по каким-то своим каналам выяснивший, что я загремел в войска. Увы, редактор только через два месяца возвращался из командировки — и тогда я шел в газету. Я, конечно, был признателен благодетелю. Не ошиваться же в ББМ еще два года, тихо сходя с ума. Но Белая Церковь… Надоела она мне. Правда, моя любимая женщина уже собирала вещи, чтобы ехать туда…
Я проснулся в легком раздрызге, попил водички, лег и увидел вторую серию.
Как я мог забыть — у меня же были контакты с одной московской военной газетой, с редакцией в черте города. Что мешает связаться с тамошними ребятами и устроить перевод в столицу. Они бы меня взяли с распростертыми объятьями. На фиг эту Белую, вернусь в Москву.
И тут… Со смешанным чувством разочарования и гордости я понял, что не смогу подвести редактора белоцерковской газеты, человека, который постарался облегчить мне очередные два поганых года.
Боюсь, однажды совестливость меня погубит — уже не во сне.
А пока что я в реальной жизни заставил себя перестать бояться — и написал обе книги. Одну из них вы держите в руках. Надеюсь, не очень жалеете об этом.

***

Обычно в моих снах все объекты чуть ярче, четче и объемнее, чем в жизни. Если сон и по сюжету красивый — так бы и остался в нем навсегда.
Когда мне снится армия, такого эффекта нет.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Даже в самой раздемократической стране армия — закрытая структура. Информация просачивается наружу скупо и в искаженном виде. Так образуются мифы. Часто в их основе — армейский сленг, истолкованный буквально. Еще чаще — умозрительные представления о конкретных предметах. Наконец, многие стереотипы, справедливые для армии вчерашнего дня, безнадежно устарели, но все равно живут в массовом сознании.
Попробуем разобраться, что правда, а что нет.

ЛЕГЕНДА О ДИНОЗАВРЕ

мифы о Вооруженных Силах СССР с комментариями пострадавших экспертов

"Танки не моют"

Этот лозунг обычно написан пальцем на грязном автомобиле. Такая ему и цена. Танки очень даже моют. Видите ли, в армии моют всё. Иногда даже то, что мыть нежелательно. Раз в неделю полагается вымыть и самого солдата.
"Танки грязи не боятся" — вот как выглядит истинная народная мудрость. Это не значит, что танк нельзя утопить в грязи по самую башню. Но когда танк вытащат, его вымоют. Снаружи и изнутри. Гигиена танка, если можно так выразиться, напрямую завязана на его боеспособость. Даже на современных машинах, где хорошо продумана самоочистка ходовой части, сильное ее загрязнение в зимний период чревато срывом гусеницы. Про то, что надо мыть оптику и следить за состоянием всего, чем стреляют, я просто молчу.
Танки — моют! Иначе кирдык.

"Русское оружие самое лучшее"

Для стран "третьего мира" наверняка. Русское оружие, с которым приходилось сталкиваться мне, было скроено по одному принципу: хорошая задумка, хорошее "железо" и больше ничего хорошего. А воевать могло — ух! Но это как уникальная проходимость машин "Кэмел Трофи", которая объяснялась не столько внедорожными качествами "Лендровера-Дискавери", сколько готовностью команд таскать джипы на себе по болотам.
Типичное русское оружие спекулирует на умении пользователя изворачиваться. Если ты вот туда не дотянешься, и вот это изо всех сил не дернешь, оно не поедет. Если не воткнешь пимпочку единственно верным из десяти вариантов, оно не зарядится. Эту штуку пинай сапогом, за это тяни нежно, а вон то лучше вообще не трогай… И вот когда ты все правильно сделаешь, тогда твое русское оружие поедет, зарядится и стрельнет. Догонит и перегонит еврейское, задавит американское и даст прикурить немецкому. Исключительно за счет твоих нервов и здоровья. Оно традиционно крепкое в основе своей, русское оружие. Но ты должен быть еще крепче.
Отопитель не включай, угоришь. Последнюю секцию антенны не присоединяй, отвалится. Капюшон отстегни, иначе будешь регулярно получать по затылку люком. Сиденье жесткое, найди себе подушку. В перчатках эту штуку не повернешь. У нас пассатижами открывается всё. Оторвите это, но не выбрасывайте, вдруг проверка, тогда приделаем обратно. Неудобно? Неудобно срать в почтовый ящик! Пардон май фрэнч!
Ты должен гордиться тем, что в нормальном шведском танке есть кофеварка и биотуалет. Потому что ты русский воин, потомок викингов, и тебе это барахло без надобности. Из кофеварки все равно не получится самогонный аппарат. А гадить ты будешь с радиоактивной брони — на выжженную шведскую землю! И гордо подотрешься газетой "Красная Звезда".
На "Тюльпане" в системе заряжания один узел — я его просто укусить готов был. Его точно проектировал вражеский диверсант. И ведь пока как надо не воткнешь, машина мертвая. А поди воткни как надо в суете, да когда броня скользкая. Нет, ты поди и воткни! Чмо безрукое!
Кто ездил на ГАЗ-66 и приноравливался к легендарному рычагу коробки передач "шишиги", тот меня поймет.
Единственный известный мне образец русского оружия, отличающийся приличной эргономикой — "Калашников". Мой АКС-74 был просто игрушка.
Ну и лопата тоже удобная вещь.

"Упал-отжался!"

Эта хлесткая формула стала популярна на "гражданке" благодаря кукле покойного генерала Лебедя из покойной телепрограммы "Куклы". На самом деле ее реальное применение в армии крайне ограничено. "Упал-отжался" скорее экзотика, чем повседневная жизнь войск.
Все строевые приемы выполняются по двухфазной схеме. Сначала тебе объяснят, что делать, затем прикажут это сделать. Команды делятся на предварительные и

исполнительные. Команда "Шагом" — предварительная, по ней подразделение дружно наклоняет корпус вперед, не сходя с места. Команда "Марш" — исполнительная, по ней делается первый шаг. Даже команды, состоящие из одного слова, дробятся на предварительную и исполнительную фазы — "Кру-гом" или "Напра-во".
Сакральный смысл армии — тотальный контроль. Поэтому и отжимания производятся не абы как. Сначала дается команда "упор лежа принять" — по ней ты принимаешь этот самый упор лежа, на вытянутых руках. Затем команда "Делай раз!". По ней ты сгибаешь руки и зависаешь в таком положении. С прямой спиной. И ждешь команды "Делай два!", по которой руки можно разогнуть, вернувшись в положение упор лежа.
А команды — нет!
Попробуйте на полусогнутых руках простоять хотя бы минуту. На любое движение вверх-вниз тебе кричат: "Команды два не было!" (иногда крик сопровождается крепким пинком в бок или под брюхо). Наконец доносится "Делай два!" Уффф, руки можно разогнуть. "Делай раз! Делай два!". И так пока старший не устанет командовать.
Теперь представьте — как "задрочить" бойца с помощью неконкретного приказа "упал-отжался"? Ну, упал, ну, отжался. Вариант только один: если по команде "упал-отжался" боец выполняет заранее оговоренное, количество отжиманий. Обычно десять (в армии меньше не бывает). Собственно, так "упал-отжался" и применяется. Еще говорят: "дрессировка методом упал-отжался". Но все же это самодеятельность, начисто лишенная здорового армейского духа. То ли дело "команды два не было!". И пыхти себе.
Ты, чмо! Упор лежа принять!

"Бывают военные, бывают штатские"

Как бы не так. Если вы услышали от военного слово "штатский", перед вами фальшивый военный. Американский шпион, наверное, да и тот недоучка. Настоящий военный говорит: "гражданский". И никак иначе. "Гражданский" — общее определение для всех невоенных.

"С демобилизацией вас!"

Для демобилизации нужна сначала мобилизация. Которая производится по войне. В мирное время военный, что кадровый, что призывной, подлежит исключительно увольнению в запас. "Только сон приблизит нас к увольнению в запас!" — слыхали? Солдатский термин "дембель" уходит корнями в эпоху Великой Отечественной. Все знают, что он некорректен, но все им пользуются — уж больно он смачный. "Что, сынок, дембельнулся?". А вот самого слова "демобилизация" знающие люди стараются избегать.
Эй, полковник! Дембель давай!

"Младший лейтенант, мальчик молодой…"

Встретить "младлея" в войсках почти нереально. А если таковой вам попадется на глаза, то, скорее всего, окажется прапорщиком, которому дали звездочку, потому что он занимает офицерскую должность. В позднесоветское время, чтобы "выпуститься" из училища младшим лейтенантом, надо было крепко насолить преподавательскому составу. Впрочем, имелась пара училищ, готовивших "младлеев"-техников (полученное ими образование считалось средним). Тем не менее, число "младлеев" в армии исчезающе мало. И они далеко не мальчики. Кстати, в старые добрые времена у младших лейтенантов было общее прозвище "ночной майор" — из-за того, что их вечно ставили на ночные дежурства.

"А я люблю военных, красивых, здоровенных!"

Строевая служба быстро изнашивает офицеров. В тридцать лет они выглядят на сорок, а сорокалетний дядька, тянущий на верные шестьдесят, нормальное дело. А чего вы хотели — у них то дикая нервотрепка, то отупляющее однообразие, лопают они что дают, а пьют что достанут. Нюхают пороховые газы и ракетное топливо, ездят на технике с превышением всех разумных норм по шумности, вибрации и температурам. Зачастую офицер по общим физическим показателям еще хоть куда мужчина, но "морда лица" у него именно что морда лица. На страх агрессору. Обычно смотрятся на свой календарный возраст штабные офицеры. Да и то, честно говоря, не все.

"На нём защитна гимнастёрка…"

Слово "гимнастерка" попадается мне на глаза в самых разных современных текстах, что журналистских, что художественных. Щеголяют им офицеры запаса, получившие звание на военных кафедрах и толком не нюхавшие портянки. "Гимнастеркой" они обзывают солдатскую куртку о пяти пуговицах с воротником-стойкой.
На самом деле гимнастерка (в комплекте с "шароварами") — русская солдатская полевая форма периода Мировых войн. Через некоторое время после Великой Отечественной ее заменили на куртку и полугалифе. Однажды ребята из ББМ раскопали на вещевом складе гимнастерки и шаровары. Для летнего времени одежда удобная, со своей особенной мешковатой эстетикой. Гимнастерка надевается через голову и застегивается, кажется, на три пуговицы, как рубашка "поло". А шаровары они и есть шаровары, вот такие вот штаны необъятной ширины.
Ничего подобного русскому солдату не положено носить уже много десятилетий. Увидите в тексте слово "гимнастерка" без соответствующих оговорок — смело рисуйте автору незачёт.
Куртки о пяти пуговицах и брюки-полугалифе тоже канули в Лету, хотя, кое-где их еще донашивают. Это форма довольно неудобная и не слишком практичная. Справедливости ради отмечу, что офицерская форма тоже была дрянь порядочная. Вся ББМ от мала до велика при каждом удобном случае переодевалась в черные "комбинезоны" (на самом деле тоже куртки и штаны), радующие организм и глаз. До современной формы, которую в 80-е называли "афганкой", мы не дослужились, хотя на складе она уже была, и я прикупил по знакомству комплект на дембель. Толковая одежда, недаром гражданские любят в ней выезжать на природу и делать грязную работу.
А про гимнастерки — забудьте. Остатки есть на складах, но в них одевают разве что "партизан", да и то изредка. В гимнастерках может ходить дисбат, их могут использовать как рабочую одежду, но это частные случаи. Русский солдат гимнастерку больше не носит.

"Сапоги дрянь, портянки гадость"

Солдатские кирзовые сапоги пропускают воду. И феноменально собирают грязь. На какие только ухищрения ни шел Дедушка Советской Армии, пытаясь сделать сапоги комфортнее (руками молодых бойцов, конечно). Лучше всего зарекомендовали себя обработка парафином (чтобы не протекало) и обточка рантов (чтобы грязь не налипала). Замечали скошенные каблуки на ковбойских сапогах? Это не пижонство, а здравый смысл: такой каблук меньше пачкается. У типичных "дедовских сапог" все выступающие части подошвы срезаны и зализаны, каблуки скошены. Некоторые офицеры за такой "рестайлинг" драли солдат со страшной силой, некоторые не обращали внимания.
И все же, не так дурны кирзовые сапоги. Основной плюс кирзы — она "дышит". Промокает, жидкую грязь впитывает, но все-таки "дышит". Теперь представьте, что вы в сапогах шестнадцать часов кряду. А иногда двадцать. И бегаете. По жаре, по

морозу… Тут какие-то шансы дает только "дышащая" обувь. Зимой в сапогах обморозиться сложнее, чем в равноценных по качеству ботинках.
Та же история с портянками. Грамотно намотанная портянка во многом заметно превосходит носок. У нее большая площадь впитывания, и она поразительно быстро сохнет, даже не болтаясь на ветру, а просто расстеленная по земле. Когда нет возможности "постираться" это серьезный плюс. В пропотевших осклизлых носках особо не побегаешь. К тому же портянка, в отличие от носка, не сползает с ноги в сапоге. И медленно изнашивается.
Наконец, если бросить портянку на раструб голенища и вбить туда ногу, сапоги будут обуты за две секунды. Иногда это критично.
В общем, сапоги и портянки это каменный век.
Но грубые ботинки с дешевыми носками — еще хуже.

"Всюду дедовщина"

Возникновение дедовщины обычно связывают с двумя событиями хрущевских времен. Сокращение срока службы на год — раз (до того служили три года в сухопутных войсках и аж четыре на флоте). Призыв на срочную людей с тюремным опытом — два (раньше судимых призывали только "по войне"). От себя добавлю еще два фактора, многими не учитываемые. Итак, в-третьих: "курс на озеленение армии". В те годы из армии повыдавливали офицеров-фронтовиков, заменив их на молодежь в погонах. В-четвертых, был упразднен профессиональный сержантский состав. И все эти сомнительные нововведения случились на довольно коротком временном отрезке.
Что получили? Конфликт между теми, кому осталось еще два года, и новобранцами, которым столько же служить; активное внедрение уголовных порядков; неопытность офицерского корпуса; недостаточный авторитет сержантов-"срочников".
И началось.
Но отнюдь не везде.
Традиционно считается, что дедовщины нет в пограничных войсках. Точнее, она есть, но в самой, наверное, разумной форме, как безоговорочное подчинение малоопытного опытному. А дальше все зависит от конкретного деда и общих порядков на заставе.
Дедовщины не бывает в учебных ротах и батареях. Там "уставщина", она же "сержантщина". Лишнего не спросят, положенное дадут, личного не отнимут. Побить могут, но для этого надо сильно постараться. При мне в учебной батарее (образцово-показательной) сержанты отметелили туркмена, который не знал русского языка и из-за этого не понимал команд. Заговорил как миленький. Сразу. И довольно бегло.
Мне рассказывали про вполне идиллическую атмосферу в аэродромной обслуге. Но там народ не фигней страдал, а много и тяжело работал.
У наших соседей-ракетчиков, которые жили в состоянии перманентной войны русских с узбеками и учиняли групповые драки даже в столовой за обедом, был ненормальный метеовзвод. Этот взвод ходил по казарме только в тапочках, разводил на окнах цветы и не ругался матом.
Есть мнение (ошибочное), будто отсутствие дедовщины напрямую связано с наличием оружия на руках. Казалось бы, как чморить солдатика, если он, доведенный до крайности, тебя пристрелит. Ничего, чморят за милую душу. Дедовщина это ведь не только подонский образ мыслей, но еще и набор приемов психологического воздействия, передаваемый из поколения в поколение. Особо мощный воспитательный эффект дают угнетенные лица молодых, которые встречают тебя в части. Сразу понимаешь: тут дедами все схвачено.
Факты зверской дедовщины были отмечены даже во время афганской войны.
На самом деле все просто — дедовщины нет там, где ее пресекают офицеры. Не словом, а делом. Где офицер и солдатам пример, и из распоясавшегося деда вынет душу, потому что он, офицер, самый зубастый волчара в стае. Но такой офицер должен не просто торчать в казарме круглосуточно (в ББМ это никому не мешало), а еще и реально быть тем самым волчарой. Все про всех знать. За всеми следить. Немедленно вмешиваться, если что не так. И гнуть свою линию до победного конца.

Дедовщина резко пошла на убыль в третьем дивизионе ББМ, когда мой призыв взял власть. И офицеры тут были совершенно ни при чем. Наоборот, они растерялись. Потому что вместо привычной аморфной массы ощутили под собой неслабую силу, которая в любой момент могла забить на них громадный болт. Забавной была реакция — офицеры начали давить сержантов-лидеров. За малейший выкрутас спрашивали так, как никогда раньше. Потом ничего, попривыкли, что небитый солдат требует к себе уважения.
Есть ли оправдание дедовщине? Представьте, да. У дедовщины только один плюс, но серьезный — неусыпное бдение старшего за младшим. При командной работе, как в самоходных экипажах, некоторые оттенки дедовщины просто необходимы. Люди все разные, попадаются безрукие, несобранные, просто глупые. Ленивые, наконец. Взбираясь на железо, такой горе-специалист сам оказывается потенциальным трупом, да и тебя погубит не за понюх табаку. Тупой механик-водитель на тридцатитонной самоходке (это вес Т-34, между прочим) — страх и ужас. Недотепа-заряжающий взорвет огневую позицию к чертовой матери. Увы и ах, к некоторым индивидуумам применим только один метод обучения: дрессура. Тогда их дрессируют, а что поделаешь? Иначе они кого-нибудь угробят. Это армия, ребята. Она бряцает железом. А железо имеет свойство мимоходом давить.
Дедовщина бывает "злая" и "веселая". "Злая" — когда просто бьют и заставляют делать чужую работу, "веселая" — когда при этом еще исполняются всякие папуасские ритуалы. Я прошел "злую". Прошел довольно красиво. В некотором роде горжусь собой.
Но я страшно завидую тем, кто служил в частях, где дедовщины не было.

"Учись драться, всех дедов поколотишь"

Покажите мне прием айкидо (каратэ, самбо, капоэйры, нужное подчеркнуть), который защитит вас от удара табуреткой по черепу во сне. Этот удар красноречиво называется "дураком сделать". Вот я и всё сказал по данному вопросу.
Ну ладно, развернем. В типичной армейской драке "младший отбивается от старшего" наиболее ценно умение блокироваться и уводить из-под удара голову. Серия хороших блоков еще и внушает уважение. Меньше будут лезть потом. "Поставленный" боксерский удар тоже пригодится. Если драка один на один (редкий, очень редкий случай), можно вломить деду от души. Главное — дать ему понять, что вы об этом не расскажете. Иначе он вернется с целой кодлой, и тут уж пеняйте на себя.
Мне известны случаи, когда молодой "рукопашник" в одиночку выколачивал себе персональное место под солнцем. Но, как правило, герой не мог остановиться и продолжал войну. Бросался на дедов при каждом удобном случае и отказывался выполнять типичные духовские задачи типа выравнивания кроватей и уборки расположения. Потом добивался полноценных дедовских прав. Казарма мстит таким выскочкам, загоняя их в эмоциональный вакуум. Человек вдруг обнаруживает, что от него все отворачиваются, стараются не замечать, он никому не нужен, а сопризывники его тихо ненавидят. А человек, даже самый глупый, он, знаете ли, такое забавное существо — хочет, чтобы его любили…
ББМ неукоснительно исполняла правила собачьей стаи, поэтому герой-одиночка в бригаде не выжил бы. Те, кто мог постоять за себя, обычно вступали с дедами в соглашение. Допускался разумный компромисс: боец объяснял на кулаках, что трогать его попусту не надо, а на словах — что не намерен взламывать существующий порядок. Тогда его предупреждали: оборзеешь, военный, пожалеешь! — и отставали. Пытались иногда припахать не по делу, но на такие случаи у молодых есть свои методы. "На, подшей хабэшку". Да не вопрос! Подшивает. Дед оценивает результат, зеленеет, матерится, но больше не подходит с дурацкими просьбами. Тут важно отметить, что в ББМ из-за малочисленности личного состава не было работ типа "полное западло", на которые один раз согласился — и потом всю жизнь чмо.
Кстати, что можно и чего нельзя — серьезный момент. Везде дневальные моют туалеты, и ничего такого. Но кое-где, если солдат не гнушается мыть сортир, он так и будет его мыть ежедневно, пока не станет черпаком. А кое-где станет черпаком, "ответственным за сортир". А есть места, где мытье сортира окажется его задачей

до конца службы… Молодым сержантам проще: им многое по статусу не положено. Сержант не стоит дневальным и не убирает отхожее место. Если увидели такого сержанта, значит, и сам он чудак уникальный, и всю часть можно смело расформировывать, она сгнила напрочь. Но скорее уж "на тумбочке" окажется молодой лейтенант с расквашенной мордой или пьяная голая баба со штык-ножом на ремне. Это не такой экстрим, как сержант-дневальный.
В ББМ крайней степенью падения считалась только стирка чужих портянок, но за это сами деды смотрели на сопризывника косо — какой ты дед, если не можешь обеспечить себя бельем типа "поносил-выбросил"? Могли запрезирать.
Ох, многолика ты была, Советская Армия, гроза империализма.

"В армии секса нет"

Кстати, о голой бабе. ББМ стояла на окраине Белой Церкви, и у нас отбой-подъем были смещены на полчаса, чтобы народ не успевал залезть в женское общежитие. Народ все равно лез, по оконным решеткам. Его отлавливали — я видел в штабе ворох нарочито малограмотных объяснительных записок, которые с явным наслаждением строчили братья Хашиги, два красавца с высшим образованием, юрист и врач.
У соседей-ракетчиков был прапорщик-гомосексуалист. Как он так устроился, не знаю, но солдаты в него издали тыкали пальцами. Однажды наши послали Сеньку на склад за консервами, тот возвращается с пустыми руками и выпученными глазами. Захожу, говорит, а там у этого прапора какой-то солдат отсасывает — я испугался и убежал. Деды посмеялись и на Сеньку не обиделись.
Тихий и скромный отец семейства (19 лет) пошел в увольнение в город. Там к нему привязался некий ласковый мужик. Отец семейства вернулся в недоумении и всем рассказал, какой с ним случился казус — я, говорит, у мужика вкусно пообедал, водочки выпил, а он передо мной на колени и давай упрашивать. Ну, я пару раз ему в рот дал… А чего? Он так умолял… Казарма билась в истерике.
Женщина в казарме появлялась на моей памяти один раз, когда все крепко напились, я ее видел мельком, сидела в каптерке, болтала с ребятами. О романах со штабными девчонками слышал, но, как говорится, свечку не держал. И какие-то грязноватые малолетки постоянно крутились возле КПП ракетчиков, офицеры их гоняли.
В учебке, затерянной среди нижегородских болот, с этим было сложнее. Постоянный состав бегал пить самогон и трахаться к загадочной "Верке-разведчице". А так все мастурбировали, кто где мог. Некоторые из-за онанизма переживали, считая его малопочтенным занятием, остальные нет. Попадались уникумы, усмирявшие плоть качанием железа. Случались периоды, когда плоть о себе просто не напоминала — зубы было почистить некогда, какой уж тут секс.
Гомосексуальные контакты среди солдат если и были, то тщательно маскировались. Не считая анекдотического случая с отцом семейства, такой секс не одобрялся. Простите невольный расизм, но в мое время отсутствие заметных гомосексуальных тенденций было, как правило, обусловлено решающим численным перевесом "белой расы". Если, конечно, эта часть не дисбат, для которого ничто не слишком, и где могут трахнуть всё, что шевелится.
Ужасов про "опетушенных" солдат, "черный" сексуальный беспредел и дисбатовские порядки я слышал немало, но, своими глазами ничего подобного не видел. Хотя, в принципе, верю. Кто в армии служил, того удивить нечем.

"Солдат ребенка не обидит"

Ребенка — возможно. А вот ограбить и случайно при этом убить взрослого, "подломать" магазин, изнасиловать одинокую женщину, советский воин мог запросто. И делал это регулярно.
Опытный водитель на дороге старается держаться подальше от машины с армейскими номерами. Потому что там за рулем сопляк, который хочет одновременно спать, есть и трахаться. Или это бухой прапорщик за добавкой едет — хрен редьки не слаще.

Правда, мне известен из первых уст редкий случай, когда вооруженные и моторизованные бойцы сами не знали, куда деваться. Влипли двое из ФПС — это фельдъегерско-почтовая служба, к их машине близко подходить нельзя, парни обязаны стрелять. Они неправильно прочли карту, заблудились и въехали в легендарное Иваново, "город невест". Притормозили на первой же площади, у кинотеатра, дорогу спросить. И тут из кино валом повалили женщины, женщины, женщины… Парни залегли в машине и боялись лишний раз вздохнуть. "Ощущение было жуткое. Мы на полном серьезе поняли, что если сейчас высунемся — из города не выберемся", — говорили потом они.

"Держись подальше от начальства и поближе к кухне"

Рядом с начальством происходит все самое интересное. А на кухне невыносимо скучно.
Другой разговор, что если ты через неделю службы пристроился в штаб, то, вполне возможно, придется в штабе прятаться полгода-год. А то и все два года.
Работая на кухне, ты просто будешь постоянно воровать. Сначала для других, потом для себя, чтобы делиться с другими.
Как любое место заключения, армия предлагает некоторый выбор "придурочных" должностей, которые хотя бы временно освобождают тебя от общих работ. Некоторые из этих должностей отражены в штатном расписании, некоторые нет. Художник, как правило, обычный боец, просто он не копает канавы, а рисует "наглядную агитацию" и параллельно штампует по трафарету "дембельские альбомы". В штате оркестра может числиться каким-нибудь третьим горнистом полковой фотограф, которого никто не видит месяцами, но он — есть. "Строитель дачи генерала" тоже военная профессия. Еще интересная специальность "машинист особого отдела". Это такой боец с пишущей машинкой, которого никто не любит, но все побаиваются. Совершенно отдельной жизнью живут пожарная часть, узел связи и свинарник.
Выбирай, не хочу.
При Советской власти можно было по комсомольской линии устроиться. "Освобожденный секретарь комитета комсомола". Загадочная фигура, чем занимается, непонятно, но как увидел сержанта с во-от такой мордой — будь уверен, комсомольский секретарь. Освободившийся от всего.
Ремарка: в казарме обычно теплее, чем в штабе, а на кухне теплее, чем в казарме. Это важно. Именно в штабе я перенес на ногах тяжелейшее ОРЗ. Падал в обморок мордой на клавиши пишущей машинки. И в относительно "высоких" штабах, уровня дивизии, всегда работы вагон, чертежники и машинисты пашут как бобики. Зато там весело.
Но это смотря, на чей вкус.

"Армия выбьет из тебя дурь!"

Армия вобьет в тебя столько дури, что хватит на всю оставшуюся жизнь. Иногда это бывает та самая "дурь" — именно в армии многие приучаются курить траву. А если в переносном смысле, то отвращение к физическому труду, зверский национализм, привычка мимоходом воровать плохо лежащее и глубокое осознание того, что миром правит грубая сила — вот минимум дури, который можно подцепить в армии.
И дисциплине армия учит не военной, а тюремной.
Если, конечно, это та несчастная больная насквозь армия, в которой служил я.

"Нормальному человеку в армии делать нечего"

А где ты еще такое увидишь и такое переживешь? Нигде. Где полностью раскроешься во всей своей гнусности и всем своем благородстве? Где познаешь беспросветное отчаяние и научишься радоваться малому? Где найдешь верных

товарищей, способных за тебя подставить лицо под удар, и врагов, которых готов будешь убить? Станешь настоящим интернационалистом, ненавидящим уродов любой национальности? И все это за пару лет.
Армия расширяет кругозор. Но портит характер. Выбирай сам.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Закончив книгу, я понял: натуральная вышла трагикомедия. Нашлось в ней место и для весьма мрачных эпизодов, но общий тон, надеюсь, удалось выдержать светлый. Ведь это текст в первую очередь о людях, даже о мальчишках, неважно, двадцать им лет или тридцать. Подумать только, я сейчас старше, чем большинство персонажей "Оружия Возмездия", за исключением некоторых комдивов, "полкана" и начальника штаба ББМ!
Это рассказ о больших мальчишках, волею судьбы управляющих артиллерией большой мощности. "Тюльпаны", "Пионы" и кашээмки, конечно, не такие выпуклые герои, как Минотавр или капитан Каверин. Но в моей памяти эти железяки тоже остались почти живыми существами, регулярно наносившими ущерб живой силе и технике Вооруженных Сил СССР (не брезговали и гражданскими). Потому я и обозвал их Оружием Возмездия. Как говорится, "нам врагов не надо, сами справимся".
А самое страшное Оружие Возмездия это, конечно же, русский солдат, несгибаемый и непобедимый.
Но когда главы этой книги выкладывались в Живом Журнале, прозвучал отличный вопрос. Меня спросили: а зачем оно, собственно, надо? Каково место артиллерии БМ в современной войне?
Я задумался. А действительно. За что я проливал кровь, пот, слезы и сопли?
К чему мои шестнадцать суток ареста (не сидел ни дня), шесть строгих выговоров и попытка разжалования, причем всё — за грубость и нетактичное поведение со старшими по званию?
Зачем моя единственная "благодарность с занесением" (за оптимизацию работ по погрузке-разгрузке спецбоеприпасов)?
На фига меня били казахи? А казахи при поддержке узбеков? А украинцы? А русские — сукины дети! — зачем меня били?!
ЧЕГО РАДИ Я ПОРТИЛ КРОВЬ БЕДНОМУ КАПИТАНУ МАСЯКИНУ?!
Ну, попробую объяснить себе и вам, что служил не зря. Итак, почему артиллерия БМ еще жива? Ведь система "Малка", например, считается "полностью удовлетворяющей перспективным задачам" вплоть до 2010 года.

ОРУЖИЕ ВОЗМЕЗДИЯ: ТТХ

всё о тактико-технических характеристиках артиллерии БМ и немного — о нашей грядущей победе

Я не военный эксперт. Мое мнение строится лишь на анализе открытых источников и того, что удалось вытянуть из командиров двадцать лет назад. Многие наши служили в Афганистане ("Тюльпаны" и "Пионы" активно работали там). Служили тоже по-нашему, по-ББМовски. Майор Кудинов любил вспоминать, как он, в результате ошибки вышестоящего командования, заехал со своим дивизионом черт знает, куда. Занял там резиденцию какого-то местного набоба, окопался, и целый месяц жил в настоящем дворце, иногда из него постреливая. "Какой там был бассейн…" — вздыхал Кудинов. Потом наши поняли свою ошибку и попросили Кудинова свалить из дворца поскорее, потому что дивизион и вправду залез черт знает, куда.
А Минотавр начинал служить на китайской границе, и от него я узнал реальную историю конфликта на острове Даманский. Сейчас она известна всем, а в 88-м году рассказ о безумной танковой атаке полковника Леонова, и том, что конфликт был прихлопнут самовольным (!) залпом реактивных минометов — впечатлял. "…И когда шестьдесят четыре плюхи туда улетело, — говорил Минотавр, сладко жмурясь, — всякое шевеление на острове прекратилось навсегда".

Итак, что у нас с Большими Пушками?
Еще в середине 50-х советское партийное руководство приняло решение, что ствольная артиллерия изжила себя, и ее должны заменить управляемые ракеты различной дальности. Хрущев, как известно, обожал ракеты. Но к началу 70-х годов начальники передумали. Был нащупан баланс между РВ и А, вроде бы, достаточно разумный. Надежность. Простота. Живучесть. Высокая скорострельность. Высокая точность. Большой возимый боекомплект. Дешевизна выстрела. Вот, наверное, основные плюсы артиллерии по сравнению с ракетными комплексами. На дистанциях до 40 км пушки, гаубицы и минометы дешево и вкусно решают любые задачи, за исключением мгновенного выжигания больших открытых площадей (это разумнее делать системами залпового огня).
Кроме того, самоходные пушки, гаубицы и комбинированные орудия гораздо лучше защищены, чем сопоставимые по мощности ракетные комплексы. И могут худо-бедно обороняться без привлечения дополнительных противотанковых средств.
На показе в Абу-Даби самоходка "Мста-С" засадила корректируемый снаряд в движущийся танк с дистанции 12 км. Не знаю, насколько это было похоже на войну, но собственно танк мне жаль. Схлопотать пятьдесят кило железа (столько весит снаряд "Краснополь") даже без взрывчатки не подарок, будь ты хоть "Абрамс", хоть "Леопард". Вы представьте, как оно летит, и как оно долбит, когда долетает.
Опытные люди уверяют, что этот показ был именно показ, то есть наглая и циничная показуха, но танк жалко все равно.
152-мм "Мста-С" оружие хоть и продвинутое, но все еще нормальное, не БМ. Это самоходная гаубица, задача которой уничтожать тактические ядерные средства, пункты управления войсками, полевую фортификацию, бить чужую артиллерию и средства ПВО и ПРО на дистанциях до 30 км. Скорострельность до 8 выстрелов в минуту. Очень солидный угол возвышения, аж до 65 градусов, это для гаубицы почти предел. Как все гаубицы, установленное на этой машине орудие предназначено для навесной стрельбы по целям, расположенным за укрытием. На прямой наводке гаубица заметно слабее пушки из-за меньшей начальной скорости снаряда. Хотя, когда речь идет о калибре больше пятнадцати сантиметров, я не советовал бы врагу переть в лобовую атаку на нашу огневую. "Мста-С" сделана так, чтобы колотить все, что подвернется, и тут уж она своего не упустит.
Теперь давайте разберемся. А зачем нам, собственно, пушки еще большей мощности? Батарея из восьми старых добрых "Гиацинтов" за минуту доставит больше двух тонн железа и взрывчатки на дистанцию в 15-17 км. Для "Гиацинта" есть спецбоеприпасы от 0,1 до 2 килотонн. И к чему городить огород с крупнокалиберными монстрами? "Гиацинты", развернутые в окраинном московском районе Ясенево, легко достанут Кремль — привет горячий бывшим комсомольцам от бывших неформалов. "Мста-С" с ее активно-реактивными снарядами уже позволит нам, ясеневцам, разнести Медведково, лежащее на другом конце столицы.
Тогда пушки и минометы БМ — для чего? Все их задачи вроде бы можно решать ракетами? По идее, номенклатура современных ракет такова, что они и сквозь несколько метров бетона пробьются, и в землю забурятся, и чуть ли не за бутылкой сбегают.
Все дело, как говорил один киногерой, "в маленьких различиях".
Во-первых, вряд ли можно сбить в полете снаряд "Пиона". Зенитная ракета его догонит, но снаряд, по сравнению с любой ракетой, штука маленькая, куда более устойчивая и с менее выраженным тепловым следом. А вот для борьбы с малоразмерными управляемыми ракетами оптимизировано большинство современных ЗРК. Я сужу хотя бы по спецификации на наш "Панцирь С1".
Во-вторых, по сравнению с сопоставимым ракетным комплексом, "Пион" машина очень мобильная, с отменной проходимостью, быстро разворачиваемая/сворачиваемая, с приличным боекомплектом и какой-никакой бронезащитой. Кроме того, она относительно небольшая и легко маскируется. А "Тюльпан", тот вообще кроха (в "свернутом" состоянии 6,5х3,2х3,2м.). Если рядом постоять, ощущения довольно серьезные, а по военным меркам — за ним по кустам гоняться замучаешься.
И засечь целую батарею БМ при залпе сложнее, чем одиночный ракетный комплекс.
Наконец, "Пион" по умолчанию гораздо крепче к внешним воздействиям, чем ракетный комплекс, его трудно повредить. И снаряды у него тоже крепкие, запросто выдерживают падение с высоты два метра, да взрывателем об землю (никому не говорите, это военная тайна, мы сами случайно узнали, когда уронили). Боеприпас производится по вполне себе допотопной технологии, то есть он относительно дешев, несмотря на солидный калибр.

Задачи пушки 2С7 "Пион" (поступила на вооружение в середине 70-х): уничтожение отдельных удаленных особо важных объектов, разрушение фортификационных сооружений и нанесение ударов спецбоеприпасами. "Пион" бьет активно-реактивным снарядом на 47,5 км — это мировой рекорд для полевых орудий. Скорострельность модели 1983 года 2С7М "Малка" доведена до 2,5 выстр/мин.

Наши офицеры любили говорить про "Пион", что он с двадцати километров гарантированно попадает в футбольное поле. Несчастные футболисты.

Миномет "Тюльпан" (постановка на вооружение в 1971) делает на дистанциях до 20 км всё, что недоступно настильному огню. Угол возвышения у него до 80 градусов. Мина буквально валится с неба врагу на голову. Идеальный вариант для швыряния зарядов через горы. "Тюльпан" возит на себе до 40 фугасок, делает примерно 1 выстрел в минуту и может стрелять буквально до посинения — стволы оперативно меняются в полевых условиях.

Итак, что мы имеем в сухом остатке? Да то же, что я отметил в самом начале. Надежность. Эффективность. Простота. Дешевизна. Скорострельность. Мобильность. И возможность стрельбы с использованием средств наведения образца Второй мировой войны. Без электроники вообще.

Так может, оно и правда Оружие Возмездия в чистом виде? После того, как нас закидают ракетами с ядерными боеголовками, и все компьютеры накроются, мы вылезем из канализации, взнуздаем своих железных коней, выщелим противника с помощью теодолита, какой-то матери и панорамного прицела МП-46М… И начнем долбать супостата маленькими, но злыми спецбоеприпасами мощностью 0,1-2 килотонны.

И победа будет за нами.

Бонус-трек

Несколько глав в «Оружие Возмездия» не вошли по формату. Плохо монтировались с остальным текстом. Поэтому они остались у меня в виде заготовок, недописанные. По случаю 23 февраля я одну все-таки доделал. Она и правда не очень ложится в общую канву книги. Но сама история… Достойна того, чтобы быть рассказанной.

*****

Стояла поздняя весна 1987 года. Столица нашей социалистической родины зеленела и расцветала. А мы с одногруппником по прозвищу Билли шли, нетвердо ступая, по московским изогнутым улицам.

Нетвердо мы ступали, поскольку кроме весны на дворе стоял весенний призыв, и нас могли со дня на день забрать в армию.

Навстречу шел наш одногруппник по прозвищу Бенни. Его тоже вот-вот должны были призвать, и Бенни так этим проникся, что вообще ноги переставлял по-собачьи: левая передняя, правая задняя…

– Здорово! – сказали мы. – Тебя еще не забрали?

Бенни попытался встать прямо и поднять глаза повыше, при этом у него из-за пазухи выпала небольшая книжка. Я подхватил ее.

– А-а, привет, ребята… – пробормотал Бенни. – Вас еще не забрали…

Больше он ничего членораздельного выговорить не смог и побрел себе дальше. Книжка осталась у меня в руках. Будь я трезвее – догнал бы человека и вернул потерю. Но в тот момент одного взгляда на обложку мне хватило, чтобы упрятать добычу в карман. Бенни все равно никакой – рассудил я, – и книг таких у него много, перетопчется недельку, потом отдам, он еще и обрадуется.

Книжка была «пингвиновским» пейпербэком (в отличие от большинства граждан СССР, я такие слова знал), и на ее обложке некий космический штурмовик атаковал какую-то башню. Картинка не имела ничего общего с содержанием, но меня это не удивило – в отличие от большинства граждан СССР… и так далее.

На обложке было написано: «Clifford D.Simak. The City».

ИСТОРИЯ ОДНОГО «ГОРОДА»

сказка странствий

Миф об СССР, как «самой читающей стране в мире», возник из-за статистического казуса. Помимо газет и журналов, пользующихся реальным спросом, в Союзе печатали кучу

макулатуры, тиражи которой поддерживались искусственно. Член КПСС был обязан подписаться на «Правду». А какой ты железнодорожник, если не выписал «Гудок»? Трудишься в лесной промышленности – получай газету «Лесная промышленность»! Был даже журнал для прапорщиков. Так и назывался: «Знаменосец». Прапорщики его, как правило, не читали, но все равно подписывались. А то какие же они прапорщики.
Поделите эту массу периодики на число граждан СССР. Вы получите бешеные цифры ежедневного чтения, имеющие мало общего с суровой действительностью: вся газетная бумага заканчивала свою жизнь в канализации и выгребных ямах, и кто ее перед этим читал, а кто нет, попробуй выясни.
«Виртуальная периодика» могла приносить некоторую пользу – в таких же виртуальных областях деятельности. Благодаря «Правде» член КПСС всегда знал, куда рулит партия, а попутно следил за драматическими перипетиями конфликта между Гватемалой и Гондурасом. Статьи из журнала «Коммунист Вооруженных Сил» служили армейским пропагандистам основой для лекций – их переписывали от руки и зачитывали вслух.
Нечто подобное творилось и с книгами. Были отличные издания зарубежных авторов, в прекрасных переводах, о которых теперь ностальгически вздыхают ценители; иногда печатали советских писателей, за книгами которых гонялась интеллигенция. Ни того, ни другого никогда не хватало на всех, и иметь «своего человека» на «книжной базе» было большим везением. Хорошие книги, как и почти все хорошее в СССР, не столько покупали, сколько «доставали».
А параллельно издавался – чтобы осесть мертвым грузом на полках магазинов и библиотек, – колоссальный вал «соцреалистической прозы» разной степени нудности, и совсем уж кошмарный поток сильно специальной литературы для сильно специальных нужд. В каждой армейской «ленинской комнате» должно было стоять ПСС. То есть, на каждый этаж каждой казармы – одно ПСС. Если вы забыли, что такое ПСС, я вам напомню дикий вопль, однажды вырвавшийся у нашего замполита:
– Как может комсомолец вытирать жопу Полным Собранием Сочинений Ленина?!
Еще как может. Так может, что от могучего тридцатитомника одни корешки останутся. Массовый советский спрос на Пушкина, Толстого, Гоголя, Достоевского тоже легко объяснялся. Их покупали немногим меньше, чем училось детей в старших классах. Включение этих авторов в школьную программу нанесло по русской классике сильнейший удар, о последствиях которого говорить не мне, и не здесь…
Ваш покорный слуга книги любил очень, но от иллюзий на тему «самой читающей страны» избавился рано. Две трети моих сверстников читали строго по принуждению, и дай им волю, не читали бы вообще. Уверен, ребята с удовольствием листали бы комиксы, но комиксов советская издательская машина не производила. Комиксы – это было «не наше», их выдумали американские капиталисты для своих американских дебилов. Запредельные тиражи комиксов часто упоминались в прессе, как признак полного отупения трудящихся масс США.
Советские трудящиеся массы не читали тупых комиксов, они одухотворенно пили водочку под селедочку, выпотрошенную на газете «Правда». Когда напротив завода, где я проходил практику, закрылся на учет винный магазин, бригада такелажников, передовиков социалистического труда, вдруг не смогла после обеда набросить петлю троса на крюк подъемного крана. Обвязать-то деталь они обвязали, а подвесить ее на монорельс – никак. Кидают, кидают петлю – не могут попасть, хоть ты тресни. Сказалась многолетняя привычка одухотворенно тяпнуть по стакану в обед.
Но «Правду» они выписывали. Коммунисты!
Интерес к печатному слову подскочил во второй половине восьмидесятых, когда газеты начали писать если не правду, то хотя бы полуправду. А потом еще и «всякое интересное». В тот день, когда из-за пазухи Бенни выпала англоязычная книжка, тираж газеты «Труд» зашкаливал за двадцать миллионов, и на летучках в «Комсомолке», делавшей всего восемнадцать, безуспешно пытались анализировать этот феномен. Редакция «Комсомолки» еще не поняла тогда, что если информация о летающих тарелках не поддается проверке, так не делай умное лицо, а сдавай материал в набор, и будет тебе счастье… В те дни Советский Союз действительно много и с охотой читал.
Нынешняя Россия тоже читает, в общем, немало. Просто она скатилась на нормальные общемировые позиции – когда книги покупает не больше тридцати процентов граждан. А остальные не покупают. За отсутствием интереса. И никак их не заставишь.
Можно только заинтересовать.
Чем именно народ интересуется, можете сами отследить по тиражам.
На этой высокой ноте я и закончу лирическое отступление.
*****

Я не успел вернуть книгу Бенни, потому что его призвали. Саймак остался со мной. Я любил «Город», знал этот роман едва не наизусть в переводе, и прочесть книгу на языке оригинала имело прямой смысл: хоть так подтянуть свой безобразный английский.
Но какой тут, извините за выражение, «язык оригинала», когда тебя тоже вот-вот забреют!
Короче говоря, поздней осенью, когда меня и правда забрили, «The City» оставался не только непрочитанным, но даже ни разу толком не раскрытым.
Естественным решением было взять книжку с собой в армию. Она занимала мало места, почти ничего не весила, но зато весомо напоминала, что у меня до призыва была осмысленная жизнь. Может, я сам звезд с неба не хватал, но хотя бы из моих приятелей, когда нажрутся, вот такое сыпалось, а не как обычно.
Так Саймак угодил в мою солдатскую тумбочку.
Через пару недель, пережив обморок в строю, провал сквозь вагон со щебенкой и еще кое-какие приключения, я оказался за пишущей машинкой в штабе дивизии. Там было не до книжек на английском. Саймак по-прежнему жил в казарме, и забрать его из тумбочки в штаб я даже не думал. С ним ничего не могло случиться.
Он оказался никому не нужен.
Он был на непонятном языке и без картинок.
А то, что книгой можно вытирать задницу, я тогда не подозревал.
По счастью, в «учебке» такой традиции не водилось, да и газет хватало. И воровать личные вещи было не принято, крали в казарме только деньги.
Поэтому Саймак безопасно перезимовал в тумбочке, а я в свободное время ностальгически читал Бунина из полковой библиотеки…
Однажды весной, зайдя в казарму, я увидел, что по ней бродят какие-то странные военные.
– Это проездом ребята, – объяснил дневальный. – Везут их куда-то, переночуют у нас.
«Ребята проездом» оказались, как на подбор, здоровы, мордасты, наглы и выглядели прослужившими минимум год. Черт его знает, куда их везли, и кто они были такие.
Курсанты поглядывали на них с опаской.
Ну, штабной салага из «учебки» это тоже солдат, оборзевший дальше некуда. Поэтому, застав одного из гостей сидящим на корточках перед моей тумбочкой, я и ухом не повел. Я просто остановился у него за спиной, руки в карманы, и ждал развития событий.
Парень с интересом листал Саймака.
Посмотрит на страницу, перелистнет, на следующую посмотрит, опять перелистнет…
– Твоя? – спросил он, полуобернувшись в мою сторону.
– Угу.
Парень вернулся к книге, просмотрел еще несколько страниц.
– А ты что, нерусский, что ли? – осенило его.
– Русский.
Он молча закрыл книгу, положил ее на место, захлопнул тумбочку и ушел, не сказав больше ни слова.
*****
В Бригаде Большой Мощности мне тоже поначалу было не до Саймака. Там поначалу было ни до чего, выжить бы. А Саймак лежал в тумбочке.
Из этой тумбочки крали все, что можно. То есть, зубную пасту. И изредка зубную щетку. Я другого в тумбочке не держал.
А Саймака не трогали.
У меня и не было ничего больше своего, не казенного. Только огрызок бумажника, в котором хранилась пара фотографий и несколько писем – я его носил во внутреннем кармане. Никаких других личных вещей. Ничего материального, за что тебя можно ухватить и встряхнуть; чем тебя можно шантажировать.
Я сохранил эту армейскую привычку навсегда. Сейчас все, что мне нужно, чтобы начать жизнь с нуля, прячется на крошечной флэшке. А если подумать, можно и без нее обойтись.
Я нигде не живу и ничего не стою.
У меня ничего нет, и с меня нечего взять, кроме моей шкуры.
Очень люблю хорошие вещи, но не привязан к ним.
Ревниво и даже злобно охраняю свою территорию, но помню: новое место полностью обживается за месяц-полтора.
Это школа ББМ, чтоб ей ни дна, ни покрышки.
Но даже Бригада Большой Мощности, где у человека виртуозно изымали все до последнего, включая человеческое достоинство, не придумала, что сделать с «Городом».
Он и там оказался никому не нужен – лежал себе в тумбочке.
Его могли бы украсть и просто выкинуть, чтобы причинить мне боль, но на это у моих недругов банально не хватило ума.
А для вытирания задницы гораздо лучше подходило ПСС.

Узнав, что в ББМ подтираются книгами, я был крепко шокирован.
– Но это же книги! – возмутился я.
– Какие это книги, это же Ленин! – объяснили мне комсомольцы.
Не любили они дедушку.
– Все равно нехорошо, – сказал я. – Сегодня ты Лениным подтираешься, а завтра?..
Комсомольцы не вняли. Я был в ББМ еще никто, просто парень со странностями. Москвич, ёптыть.
Через месяц-другой, когда у меня ночью спёрли бляху с ремня, я подумал, что так и до Саймака однажды доберутся – и отнес его на узел связи, к Генке Шнейдеру.
Там Саймак провалялся до осени, все еще нечитанный. На ночных дежурствах я иногда читал журнал «Огонек» – наш художник Михайлов тырил его из кабинета замполита.
По первому снегу Саймак вернулся в казарму и зажил себе в укромном углу каптерки вместе с барахлом, которым я начал полегоньку обрастать.
Потом нам с Саймаком невероятно повезло.
Между канцелярией и кабинетом командира нашего дивизиона была узкая комнатка-пенал, метра полтора на три. Она считалась фотолабораторией, там даже был раздолбанный увеличитель. Еще там хранились три ободранных электрогитары «Урал», останки усилителя, и лежали на боку две большущих колонки. Из-за этого комнату звали «музыкалкой».
Спасти комнатушку от потока и разграбления можно было лишь одним способом: назначить ответственного, крайне желательно – человека в авторитете. Раньше за помещением следил сержант Верчич. Он даже печатал там снимки изредка.
Фотографирование в ББМ не поощрялось категорически – наша техника считалась адски секретной.
Верчич относился к своему богатству равнодушно. Ну, хранил личные вещи. Ну, когда бригада убегала на зарядку, уходил в комнатушку спать на колонках. Больше ни на что этот пенал не годился. Там впритирку помещались трое, и то чокаться было неудобно.
Уходя на дембель, Верчич принес ключ от «музыкалки» майору Афанасьеву.
– И что мне с ним делать? – спросил Афанасьев.
– Да вон хотя бы Москве отдайте, – кивнул в мою сторону Верчич. – У него же мафия.
– Ага, и вся его мафия будет сидеть у меня за стенкой?!
– Зато другие не влезут. А если и влезут – эти найдут, кто.
Афанасьев только фыркнул.
Через пару ночей «музыкалку» взломали и перевернули там все вверх дном.
Это вычислитель Саня Вдовин, попив одеколону, вспомнил, что он великий музыкант, и решил поиграть на усилителе с колонками.
Или на гитаре с увеличителем, черт его знает, все равно ничего не работало.
Честное слово, я Вдовина не провоцировал.
Решили отдать «музыкалку» под комитет комсомола. Вручили ключ бригадному комсоргу капитану Сергиенко, которому только этого и не хватало для полного счастья.
– Почему я?! – возмущался Сергиенко. – На хрена мне эта душегубка? Ее ночью разграбят, а я – отвечай?! Давайте… Давайте вон вашего москвича в комитет комсомола выберем, и пускай он отвечает.
– Ой, бля… – только и сказал Минотавр.
Он своего москвича уже неплохо изучил.
Следующей ночью «музыкалку» опять грубо вскрыли. Поскольку комната была на нашей территории, это очень не понравилось старшине дивизиона сержанту Тхя, и он на всякий случай настучал по шапке вычислителю Сане Вдовину.
А я оказался в комитете комсомола – и с ключом.
– Отвечаешь за помещение, – сказал Минотавр. – Можешь пускать туда свою мафию, но чтобы больше – никого.
– Даже замполита не пущу, – пообещал я.
«Музыкалка» тут же превратилась в образцовый комитет комсомола. В простенке между двух стеллажей я повесил портреты трех членов Политбюро ЦК КПСС – товарищей Рашидова, Кунаева и Алиева.
Художник Михайлов нашел на помойке виниловую пластинку «Целина» – автор Л.И.Брежнев, исполняет Е.Копелян.
– Сделаю золотой диск!
Он выкрасил пластинку бронзянкой и привинтил изнутри на дверь.
А на самом видном месте лежал Саймак.
Минотавр заглянул в комнатушку – и потерял дар речи.

Только сейчас могу оценить, сколько у мужика было такта – другой бы просто разнес помещение в клочья. А этот лишь попытался отодрать Золотой Диск от двери, и то передумал, когда я жалобно взвыл.
– Замполит тебя убьет, – сказал Минотавр.
– А мы его в ответ по политической линии пропесочим!
Минотавр натянул фуражку по самые зубы и поспешно ретировался.
Он еще не знал, какая у меня комсомольская закалка. Вашего покорного слугу выгнали с шумом и треском из школьного комитета, с должности зама по идеологии – за полный развал идеологической работы. В Универе наше комсомольское бюро провело ровно два собрания: на первом упразднило «личные комплексные планы», а на втором едва не самораспустилось, да побоялось репрессий и решило просто втихаря забить болт.
Комсорг Сергиенко заглянул в «музыкалку» ровно один раз.
Оглядел портреты Рашидова, Алиева и Кунаева и сказал:
– Ну и рожи! А это чей золотой диск? Ух ты! Лёлик Брежнев! Прикольно. Ну ладно, я пошел.
Я не слишком обрадовался «музыкалке» поначалу. Мне тогда было вполне комфортно в казарме, среди людей. Только к исходу третьего «периода» службы я начал прятаться в свою конуру все чаще и чаще. Когда подкатывало желание придушить кого-нибудь.
Помимо Саймака, который все еще не был ни разу открыт моей рукой, в «музыкалке» постепенно скопилось много книг и периодики. Ко мне за ними бегали те, кто любил читать. А потом и те, кто раньше не любил. Я горжусь тем, что приучил к чтению несколько человек. Да, не сто, и не двадцать, всего несколько. Зато каких. Когда дежурный по бригаде обнаружил среди ночи в «ленинской комнате» отпетого самовольщика негодяя Максакова, уткнувшегося носом в авантюрный роман, то первым делом рванул ко мне. Спросить, чего негодяй Максаков замышляет, и не сошел ли солдат, паче чаяния, с ума. И Лениным подтираться стало у нас не модно. Не потому что он Ленин, а потому что он – книга.
А я читал переводную фантастику в журнале «Техника-Молодежи», рассказы Пьецуха в «Огоньке», Стругацких в «Неве»…
Идиллия была нарушена грубым вмешательством замполита. Не помню, отчего ему в тот раз вожжа попала под хвост – мы регулярно ссорились, – но перед «весенней проверкой» он потребовал, чтобы я привел комитет комсомола в надлежащий вид. Я пообещал. Ничего не сделал, разумеется. А назавтра, когда наш дивизион стоял в наряде, и я пропадал в парке техники, замполит приказал дневальным взломать «музыкалку». И все, что показалось ему неуставным, оттуда вышвырнул. Потребовал отнести на помойку и там сжечь. Под его личным надзором.
Я вернулся в казарму через сутки – к зверски разоренному гнезду. Голые стены, три облезлых электрогитары, останки усилителя, перекошенный фотоувеличитель и две колонки. Даже Золотой Диск погиб.
Подошли только что сменившиеся дневальные, вычислитель Саня Вдовин и негодяй Максаков.
В руках у Вдовина был Саймак.
– Из огня вынул, – сказал он, протягивая мне книгу.
– Прости, Олежка, – сказал Максаков. – Замполит просто озверел, мы ничего не могли сделать. Мы только знали, что тебе эта книга дорога, и постарались хотя бы ее спасти.
– Спасибо, ребята… – пробормотал я растроганно, принимая Саймака.
Он ничуть не пострадал.
«Музыкалку» мы восстановили. За протретами Алиева, Рашидова и Кунаева пришлось побегать, но мы это сделали. Жаль, второго диска, достойного стать золотым, не нашлось. «The City» занял прежнее место. Я больше не боялся за эту книгу после ее чудесного спасения из огня. Был уверен, что она вернется к хозяину.
Я уволился в «афганке», купленной за четвертной на вещевом складе, и кожаных сапогах, реквизированных у сержанта Рабиновича. На плече у меня висела небольшая спортивная сумка. В ней лежали мои личные вещи.
Отвертка от миномета – размером с предплечье взрослого мужчины, еле в сумку запихал.
Кусок пулеметной ленты от ПКТ, без патронов, конечно.
Фляга из нержавейки, тоже от миномета, с надписью по трафарету «СПИРТ ЭТИЛОВЫЙ».
Книга на английском языке с надписью на обложке «Clifford D.Simak. The City».
*****
Осенью 1989 года мы в Москве с сокурсниками отмечали возвращение из армии последних наших. Пока язык еще не заплетался, я отозвал в уголок Бенни и показал ему книгу.
– Ничего не напоминает?
– Ух ты! Это же моя! А я думал, что потерял ее.

– Теперь слушай, как было дело.
И я рассказал ему эту невероятную историю.
Бенни вцепился в Саймака обеими руками и горячо меня благодарил. Непонятно, в общем, за что, но горячо.
Подошел Билли, посмотрел на книгу и спросил, откуда у него ощущение, будто он ее где-то раньше видел. Пришлось все повторять на бис.
– Помню, как ты ей тогда обрадовался. Но взять ее в армию… Ну ты… Эстет! – оценил Билли. – Ты ее хоть прочитал?
– Не-а! – сказал я.
«Город» – очень грустная и добрая книга о долгом закате человечества. За почти двадцать лет, прошедших со дня увольнения из армии, я сменил много квартир и много раз собирал заново библиотеку. Рано или поздно в ней обязательно появлялся «Город». Без него было чувство, что в доме чего-то не хватает.
А с «Городом» – сразу порядок.
Upd. Виноват, не "пингвиновская" была книжка. "Магнум" 1982-го года. Знаю даже, почему ошибся. Брал потом у Бенни "пингвинов" такого же формата: выработался стереотип.

Руслан Михайлов
Беседы

Глава 1

Холодное время года я предпочитаю проводить в тепле. Особенно позднюю дождливую осень, снежную зиму и зябкое начало весны. Своего дома у меня нет, но старик Фрилор, владелец постоялого двора на окраине Элибура, всегда рад сдать мне небольшую угловую комнату на несколько месяцев по божеской цене. Добра ко мне и его жена Салия, милая улыбчивая старушка. Родных детей у них хватает — пятерых принесли они в этот мир и ни один не умер в детстве, все благополучно выросли, а затем женились и повыходили замуж. Лишь двое остались в Элибуре, а остальные разъехались в иные городки и села. Но чуть что — вмиг примчатся по первому зову отца! Да и внуков постоянно к деду отсылают. Семья большая и дружная, забот хватает, без переживаний не обходится. Однако и на меня старикам хватает душевного тепла. Да и общего у нас предостаточно, хоть и гораздо младше я буду.
Мы с Фрилором любим читать хорошие книги, а также играть в вардокс на его старой потертой доске.
С хозяйкой мы одинаковы в умении готовить. Ну и помогаю я им вечерами, когда большой зал полон гостями и постояльцами. Ко мне-то у Фрилора доверие полное, часто оставляет меня хозяйничать за стойкой, а сам отправляется посидеть за столом со старыми знакомыми и опустошить пару кружек свежего эля.
Из своих разъездов часто привожу старые книги и свитки, новости, сплетни. Порой привожу встреченного в пути менестреля или же двух-трех музыкантов. Но не всегда получается договориться — стоит подобной публике завидеть меня, и они стремятся избежать разговора, а то и вовсе уходят от дороги подальше.
Почему? Ну. Тут все просто. Меня зовут Рург. И я палач.
Это сразу заметно по вышитому на левой части моей груди красному отпечатку большой ладони. За много шагов видна кровавая метка, коей отмечены люди моей профессии. На поясе топор с красным топорищем, за плечами полуторный меч с красной рукоятью. Вокруг правого предплечья обмотана красная веревка для удушения женщин — им кровь пускать нельзя. Для женщин только три участи — удушение веревкой, утопление и сожжение. Для мужчин уготовано куда больше, и мужская кровь всегда течет рекой. Но я предпочитаю кончать дело быстро. Поэтому чаще всего отрубаю головы. Мечом или топором. Тут уж зависит от благородства крови приговоренного к смерти. Коли из простолюдинов — пользуюсь топором. Коли из сословия повыше — мечом. И если придирчиво сосчитать — топору работать приходится куда чаще меча.
Таких как я немного. Платят нам щедро. Очень щедро. Но по вере нашей умерщвление преступников за деньги ничто иное как наемное убийство, а стало быть, ничем не оправдано кроме низменной жажды наживы. То бишь палач лишь преумножает грехи свои — и грехи не абы какие, а крайне тяжкие, непростительные. И посему профессия сия не

богоугодна, грязна и темна. Никто не хочет страдать после смерти в огненной тьме Раффадулла, где грешников истязают денно и нощно. После смерти туда мне и отправляться — в огненную тьму Раффадулла. Таким как я закрыта дорога в светлые храмы Лоссы. Мне никогда не получить благословение священника. А простой люд и мыслит просто — раз ему в храм нельзя, то он нелюдь темная и поганая. Посему и приют в чужом доме мне получить почти невозможно. Да и в сарай не пустят.
Вот поэтому я и не люблю путешествовать в холодные и слякотные времена года. Одно дело зимовать под кустом летней ночью и совсем другое трястись на ветру в зимнюю пору. Я люблю тепло. Сидеть у пылающего камина, прихлебывать из большого бокала горячее вино со специями и читать хорошую книгу — разве может быть что-то лучшего этого? Глубоко сомневаюсь. И потому, едва начинаются затяжные осенние дожди, я возвращаюсь в город Элибур, где и провожу почти шесть месяцев, ничего не делая и проживая накопленные за теплую пору деньги. —
В летнее время трактир старика Фрилора обворовывали несколько раз. Хозяйство большое. Пойди уследи. В зимнее время не обокрали ни разу. Боятся. Что глупо. Если я и поймаю кого на воровстве, то отдам его страже, а те передадут судье, который и вынесет приговор. А за кражу курицы к смерти не приговаривают, так что меня бояться нечего. Но тут доводы разума не работают. К тому же Фрилору и лучше, что ворье мимо его трактира проходит. Опять же никакое отребье сюда не суется, к людям мирным не пристает, денег не вымогает и никаких темных делишек не проворачивает. Мелкие и обычно столь заносчивые дворяне резко притихают, стоит им увидеть меня сидящим в трактирном зале. Одна польза от моего здесь присутствия. Гости сплошь порядочные и обычные. Это ли не радость трактирщику?
Но этим прекрасным утром одного из последних летних дней на постоялом дворе появилась та, кого никак нельзя назвать «обычной».
Сильга. Вот кто пожаловал в гости. Говорящая с призраками. Бесноватая.
Но начнем по порядку.
Этим утром я собирался в последнее путешествие года, что должно занять не больше шести-семи недель. Я объеду несколько десятков мелких и крупных поселений к западу отсюда, в предгорьях Трорна. Местность там лесистая, чрезмерно холмистая, сплошь изрезанная сеткой речушек и ручьев сбегающих с седого горного хребта Трорна и спустя десятки лиг собирающихся вместе и дающих начало великой реке Телее.
Встал я засветло, собрался, спустился в конюшню и проверил двух лошадей, что уже три года путешествуют со мной. Животные спокойные и хорошо обученные, выносливые и неспешные. Проверил и седельные сумки, убедившись, что вчера при сборах ничего не упустил. Скормил каждой лошади по яблоку и вернулся в трактирный зал, где ждал обильный завтрак состоящий из яичницы с беконом и блинов с медом. Сытное блюдо.
Я уселся за стол, пододвинул тарелку, успел подцепить на вилку кусок яичницы. Вот тогда-то в зал и вошла сильга. В том, что это именно сильга можно было не сомневаться — других женщин разгуливающих в мужских штанах поди поищи. Только сильги на такое и способны — одеться в мужской костюм, повесить на пояс меч с тонким длинным лезвием и свободно распустить волосы с вплетенными в них красными нитями. Сильга и есть.
Бросив на вошедшую девушку короткий взгляд, я отвернулся и продолжил наслаждаться вкусным завтраком. Желток лопнул на языке и растекся по языку, даря восхитительный вкус. В меру поперчен, в меру посолен. Да. В этом трактире умеют готовить правильную яичницу. В каждом деле есть свои тонкости. Мало просто раскалить на огне сковороду, растопить в ней кусок масла и разбить в нее яйца!
Громыхнул отодвинутый стул, звякнул положенный на стол меч в зелено-красных ножнах, передо мной уселась его владелица сильга, уставившаяся на меня поверх упертых локтями в столешницу рук.
— Я слышала ты отправляешься к предгорьям Трорна, палач.
— Возможно — ответил я, старательно сдерживая недовольную гримасу рвущуюся наружу. Завтрак почти испорчен… яичница стремительно остывает.
— Позволь отправиться с тобой вместе.
Удивленно моргнув, я оторвал глаза от тарелки и взглянул на сильгу. Совсем молодая, ей чуть за двадцать. Лицо решительное, распущенные темные волосы бросают на ее глаза густую тень, отчего она кажется еще более усталой. Свободная белая рубашка и темная кожаная куртка не могут скрыть того, что она тоща как бродячая кошка. Темно-зеленые глаза не отрываются от моей тарелки.
— Позволь угостить тебя завтраком, госпожа — принял я решение.
— У меня есть деньги.
— Это лишь добрый жест — повел я плечом и едва не уронил с вилки очередной кусок — Здесь готовят лучшую яичницу.
— Но денег у меня мало — тихо и смущенно кашлянула девушка.

Ясно. Повернув голову, я нащупал взглядом сонного трактирного служку и, показав ему на свою тарелку, дал знак принести еще порцию. Тот отправился на кухню, а я вновь взглянул на сильгу.
— Если добрая госпожа еще не заметила — я палач.
— Только слепой не увидит этого — парировала та, указывая глазами на красную пятипалую метку на левой стороне груди моей куртки, еще одну на левом плече и на красную веревку обвивающую правое предплечье.
— Путешествие в компании с наемным убийцей не может пойти на пользу юной деве.
— Пф — фыркнула девушка, с полным пренебрежением отнесясь к моим словам — Я сильга! Если чей-то репутации и может повредить совместное путешествие, то только твоей, палач Рург.
— Ты знаешь мое имя.
— Все знают твое имя. И не только в этом городе. В других тоже. Палач Рург, проливший столько крови, что его ждет наполненная ужасной болью вечность в огненной тьме Раффадулла. И должна сказать — многие желают дожить до того дня, когда смогут прийти на твою могилу, плюнуть на надгробие и пожелать тебе вечных страданий. Видимо их родственники или друзья успели познать остроту твоего меча или топора.
— Ты перехваливаешь меня, безымянная сильга.
— Мое имя Анутта. С двумя «т» в окончании. И моей репутации не повредит путешествие бок о бок с палачом. Ты знаешь, как говорят о нас в народе.
— Блудливые распутницы, шлюхи, шарлатанки, любительницы чужих мужей… да, о вас говорят многое. Но не человеку с моей профессией судить о вас. Итак, сильга Анутта с двумя «т» в окончании. Почему ты желаешь путешествовать именно со мной? С кем ты путешествовала до того как прибыла в славный город Элибур? И почему не хочешь продолжить путь вместе с торговцами, стражей или же наемным сопровождением? У меня есть право задать эти вопросы и получить ответы. Если ты так не считаешь, то я буду рад позавтракать с тобой, затем мы распрощаемся.
— Ты назвал меня шарлатанкой и шлюхой, а теперь требуешь ответов?
— Я лишь поведал тебе о том, какая молва ходит о сильгах. Итак, Анутта, ты ответишь?
— Я прибыла в Элибур с востока, следуя по большому торговому тракту начинающемуся от портового города Трумора, куда прибыла на корабле. На всем протяжении пути по тракту я путешествовала вместе с большим торговым обозом следующим в Элибур. И каждый вечер мне приходилось отражать похотливые атаки главного торгаша Люпона. Начал он с сальных намеков о том, как мягка его походная шелковая постель и как прохладен воздух в его шатре. Затем он перешел от намеков к действию, попытавшись как-то схватить меня за руку и затащить в свой шатер. Мне пришлось проткнуть ему руку и разбить лицо рукоятью меча, дабы доказать — я не желаю проводить ночи вместе с ним. Это случилось минувшей ночью. Три часа назад вышедший в дорогу затемно обоз достиг Элибура. По пути я случайно услышала о том, что в сем славном городе квартирует палач, счет чьих жертв давно перевалил за несколько сотен и продолжает прирастать. И что сегодня палач Рург Нагой Убийца отправляется в очередной кровавый поход. Не попрощавшись с похотливым торговцем, я отправилась прямиком на постоялый двор.
— Люпон — поморщился я. Яичница сразу потеряла часть вкуса.
— Знаешь о нем? Твой друг? — два быстрых вопроса последовали один за другим. Зеленые глаза сильги смотрели настороженно.
— Многие знают о нем — ответил я, стараясь придерживаться нейтрального тона — Он считает себя благодетелем и радетелем Элибура. Жертвует порой небольшие суммы в храм и городскую казну. О его неутолимой жажде ночных забав ходит много слухов. И нет — торговец Люпон не мой друг. Должен предупредить — он этого просто так не оставит, сильга. Ты унизила его перед всеми. Отвергла ухаживания, разбила лицо и нанесла рану. Он обязательно отомстит. Не сам, разумеется. И вряд ли станет нанимать убийц. Но судья Элибура его давний приятель. Мой тебе совет — покинь город немедленно. И скачи во весь опор. Местные стражи не станут преследовать тебя на расстояние больше пяти лиг.
— Даже так… От всего сердца благодарю за добрый совет — Анутта церемонно наклонила голову, задумчиво уставилась на столешницу.
Тут ей принесли такой же завтрак как у меня и пока расставляли тарелки, над столом висело молчание. Я воспользовался этим, быстро расправившись с яичницей, прежде чем она окончательно остыла. Перейдя к десерту, я обмакнул ложку в плошку с медом и, намазывая гречишную сладость на блин, напомнил:
— Так куда же ты держишь путь? И почему хочешь отправиться со мной?
— Насчет тебя, палач Рург — твоя репутация скачет впереди тебя. Намного впереди. Мне понадобилось совсем немного времени дабы узнать о тебе многое. Что ты жесткий, но не рубишь сгоряча. Что раньше был в солдатах, но отслужив всего несколько лет, внезапно

выбрал самую страшную жизненную стезю и стал палачом, в первый же год казнив сорок преступников. И никто не знает, что сподвигло тебя выбрать такую судьбу… Но ты продолжаешь лишать людей жизни уже много лет. Сколько тебе сейчас? Тридцать пять?
— Тридцать два.
— И сколько лет ты смотришь сверху вниз на прижатые к плахе головы преступников?
— Десять. И не всегда я смотрю на жертв сверху-вниз. Бывает и наоборот — если кого-то требуется повесть в назидание прочим на самой высокой ветви самого высокого дерева окрест.
— Но всегда их жизни в твоих руках.
— Только потому, что они сами от них отказались, пойдя на страшное преступление. Но этот философский диспут можно продолжать до бесконечности. Так почему именно я?
— Ты умеешь пользоваться оружием, не боишься драки и ты надежен.
— Давно никто не отзывался так о палаче. И почему же ты не хочешь нанять пару воинов сопровождения? У нас спокойные места. Давно уж повывелись разбойники благодаря отрядам егерей. Почти не осталось крупных хищников могущих напасть на человека.
— С деньгами плохо — коротко ответила сильга.
М-да…
Я всегда считал себя человеком серьезным и сдержанным. Старался принимать только обдуманные решения. И честно говоря, если начистоту, мне совсем не хотелось путешествовать вместе с сильгой. Слишком уж они непостоянные создания, моя полная противоположность во всем. Я лишал жизней. А сильги жизни старались сохранить. Мы были схожи только в одном — и о палачах и о сильгах ходила плохая молва.
Пережевывая последний блин, я как раз думал о том, как бы помягче отказать. Но ведущая с улицы дверь распахнулась слишком уж широко и быстро, прервав мои мысли. Кто-то сильно проголодался и мучается от жажды?
Нет. Тут если кто и голоден до чего, так это до мести.
Опухшее лицо торговца Люпона и раньше не могло похвастаться красотой, сейчас же, со сломанным носом и черными тенями под щелочками распухших глаз, он походил на смертельно больного или же запойного пьяницу подравшегося вчера из-за пустяка. Лишь дорогая одежда противоречила сему образу. Вместе с Люпоном явились два городских стража. Молодые совсем парни. Явно смущены. Они знают кого им придется арестовать и по чьему свидетельству. А из Люпона плохая жертва — его лицо лучится мстительной радостью и самодовольством. Хотя то и дело он морщится и хватается за перевязанную руку.
Сидящая сильга напряглась, ее ладонь упала на ножны меча. Вот дуреха. С оружием против стражи? Это серьезнейшее преступление. Пришлось ткнуть ее ногой под столом и сделать выразительные глаза. Девчонка вроде поняла и притихла, хотя ее глаза так и метали сердитые зеленые молнии.
— Кхм… — начал один из стражников, но короткий взмах моей руки заставил его снова закрыть рот и выжидательно на меня уставиться. Стража зовут Вольх. Хороший парнишка, простой, недалекий, но честный.
— Люпон — открыто улыбнулся я — Тебе бы лекарю показаться. Нос придется вправлять.
— Вот упеку эту шлюху в каземат и сразу же пойду к лекарю — зло ответил Люпон, бесстрашно буравя меня глазами щелками.
— Ты упечешь? — уточнил я, делая упор на слово «ты».
— Городской судья — кашлянул торговец, слегка сбавив обороты — А я лишь поведал ему о совершенном на меня покушении.
— Даже так? Покушении на жизнь? Ведь не может же идти речь о покушении на твою честь или невинность…
Второй страж судорожно закашлялся, стараясь унять подступивший хохот.
— Это не твое дело, палач Рург — побагровел Люпон — Я в своем праве…
— Эй — оборвал я его — Не доходила ли до тебя весточка от твоего троюродного кузена Люфена? Того, что живет в небольшом городке Буллерейл в сорока лигах с небольшим к западу отсюда.
— Н-нет… кузен Люфен? Что с ним?
— Он допрыгался — жестко ответил я — Неужто еще не дошла весть? В моем путешествии, что начнется сегодня, я загляну и в городскую тюрьму Буллерейла, где повстречаюсь с твоим кузеном Люфеном закованным в цепи и ожидающим моего прибытия. Затем я возьму большой нож и для начала оскоплю его. Отрежу его поганую мошонку и гнилой стручок, после чего брошу их в сточную яму, где им самое место. Туда же отправится и его голова, но только после того, как я разрублю твоего кузена на части, начав при этом с ног. Люфен оказался насильником! Да каким! Успел надругаться над тремя, прежде чем сумели его изловить ночною порой и опознать. Так вот, торговец

Люпон, я верю, что преступников надо наказывать при жизни, а не после смерти. Я не сторонник того, чтобы топить чьи-то останки в нечистотах. И если вот прямо сейчас ты признаешь, что совершил ошибку в отношении доброй госпожи сильги Анутты, если ты извинишься перед ней за свою невольную клевету и обвинение, а затем вручишь ей несколько полновесных золотых монет,… тогда я передам твоим родственникам все части мертвого тела Люфена. И передам их сразу, без окунания в выгребную яму.
— Я… н-но… что?! Люфена казнят?! — кажется, торговец впал в ступор.
Для него новость полностью неожиданная, что понятно — он много дней был в торговом путешествии, вернулся в Элибур только этим утром и, похоже, не заходя домой, поспешил поднять с постели городского судью. Боялся, что обидевшая его сильга упорхнет из города и потом ищи-свищи ее… дорог и тропинок много…
— Дважды предлагать не стану.
— Рукоятью меча по лицу — прогундосил Люпон — Пробила руку насквозь! И ведь ни за что… я всего лишь ухаживал!
— Твой кузен тоже так сказал — он лишь пытался ухаживать. Но его отвергли, и тогда он разозлился,… а теперь я разрежу его живьем на части. Итак?
Я не оставил ему выбора. Никакого выбора. Люпен и его родственники родом с тех селений, где надругательства над мертвыми останками — пусть даже заслуженные — неприемлемы. Бросить голову в нечистоты? Нет.
— Добрая госпожа сильга Анутта — торговца словно переломили, и он согнулся в глубочайшем поклоне, едва не коснувшись лбом чисто вымытого пола — Я приношу глубочайшие извинения. Злость затмила мой разум. Не ведал я что творю. Но сейчас ко мне вернулась чистота мышления и я пребываю в полном ужасе от того, что едва не совершил непоправимую ошибку. Торжественно заявляю, что госпожа Анутта ни в чем не повинна передо мной. И прошу снисхождения своему поступку — в злости люди часто делают то, о чем потом горько сожалеют.
«Насколько велеречиво» — удивленно подумалось мне. Похоже, торговец мечтает однажды стать дворянином и не брезгует чтением книг во время долгих путешествий.
— Готов предстать пред судом, чистосердечно раскаяться и заплатить виру. Если же госпожа снизойдет к моим извинениям, то прошу принять этот скромный дар — на лавку опустился небольшой тяжелый мешочек.
— Я принимаю извинения — после небольшой паузы ответила сильга и все облегченно выдохнули. Дело решено благополучно.
Встав, я кивнул на прощение стоящему за трактирной стойкой старому Фрилору. Слова ни к чему. Мы успели попрощаться прошлым вечером, а говорить слова прощания перед самым отбытием… плохая это примета.
Стражи уже покинули постоялый двор. Уверен, вскоре по городу разнесется весть о случившемся. Но Люпон от этого не пострадает. Наоборот. Ради дальнего родича он смирил собственную гордыню и унял жажду мести. Осудят его несдержанность и жажду постельных утех, но похвалят его верность семье.
Проходя мимо торговца, я приостановился и тихо сказал:
— Смотри, Люпон. Сначала хватаешь за руку, затем тащишь силком в шатер,… а потом приду я и сожму гордость твоих чресл в раскаленных клещах. Чуть охолони. Тебе ведь уже далеко за сорок.
— Тьма попутала… — хрипло отозвался тот — Я бы сам никогда…
— Тьму не наказать. А вот тебя… помни о Люфене. Он будет уже второй из вашего рода, чью жизнь я прерву. И первый, твой двоюродный дядька Луцон, был мною сам знаешь за что подвергнут пыткам и казнен. Как посмотрят на вас люди, если каждый десятый из рода вашего был казнен за надругательства над женщинами… и мужчинами…
— Луцон позор рода нашего. И Люфен.
— Смотри, чтобы однажды так не сказали о тебе самом. Уймись.
— Рург… прояви милосердие к кузену моему Люфену — торговец шептал едва слышно, судорожно вцепившись в рукав моей куртки — Может нажмешь на нож чуть посильнее? Хлынет кровь,… он умрет быстро… к чему пытать приговоренного к смерти? Светлая Лосса… пощади душу Люфена…
Высвободив рукав, я молча шагнул мимо и вышел на солнечный двор. Двери расположенной слева конюшни распахнуты настежь, мальчишки выгребают навес и таскают на вилах пучки соломы. Две моих лошади стоят там же.
Первым делом я повернулся к зданию постоялого двора и глубоко поклонился, благодаря за столь добрый приют. Прошептал положенные слова молитвы. И вновь повернувшись, зашагал к лошадям. Меня обогнала стройная сильга, спешащая чуть правее — там нетерпеливо переступала рыжая кобыла неплохих кровей.
— Я поеду с тобой — на ходу бросила девушка.

Я промолчал. Не из согласия. Пусть проедет со мной десяток лиг. Вдруг Люпон не настолько рассудителен как мне показалось? Каждого может настолько ослепить ярость и месть, что в голове не останется места для трезвого мышления. Каждый день на лесных и горных дорогах пропадают люди,… а затем в чащах или среди холмов находят растерзанные диким зверьем останки… В каждом из нас есть что-то от бешеного лютого зверя…

Глава 2

Беспрепятственно пройдя через западные врата Элибура, мы оказались на широкой дороге находящейся в прекрасном состоянии. В ведении городского губернатора находились десятки лиг дорог, шестнадцать мостов и две дюжины дозорных башен и досмотровых постов. И как человек часто и много путешествующий могу твердо заявить — за ними следили отменно. Городская казна не тратится впустую и не тратится на личные нужды кого-либо. За тем как используется каждый государственный медяк пристально наблюдают, а где возможно вообще стараются обходиться бесплатной рабочей силой взятой с любой их трех местных тюрем и одной каменоломни. Это еще одна причина, по которой мне столь нравится Элибур. Не из-за тюрем, само собой, а из-за умелого хозяйствования губернатора. В годы его затяжного правления не случалось потопов на улицах, не воняло нечистотами, бегущая через город река давшая городу название, была настолько чистой, что из нее без опаски брали воду для кухонь. И рыба в ней не переводилась. Славно жить в таком городе. Жаль, что не везде так.
Поэтому мне всегда было радостно возвращаться в городок ставший почти родным за прошедшие годы. Но сейчас рано об этом думать — ведь я удалялся от Элибура, а не возвращался к нему.
Да и мысли мои были заняты едущей чуть позади сильгой. Совместно мы преодолели пять лиг, и пока за нами не наблюдалось погони. Торговец Люпон внял голосу разума. Вскоре на нашем пути встретится деревня Лунора, выстроенная по обе стороны Западного Тракта. Там я намеревался плотно пообедать, выпить немного кофе, а затем распрощаться с нежданной спутницей. Если встречу знакомых торговцев едущих на запад, попрошу их взять сильгу с собой и при этом не распускать руки и не давать волю похабному воображению.
— Рург… — Анутта захлопнула книгу в мягкой кожаной обложке, закрыла крышечку медной походной чернильницы, висящей на луке седла, убрала перо в специальный костяной пенал и после столь долгой паузы, наконец-то продолжила — А почему тебя прозвали так странно? Рург Нагой Убийца…
— Тут нет тайны — я невольно сморщился, почесал пальцем щеку — Да и случилось давно.
— И все же?
— Что ты записываешь в ту книгу с чистыми листами? Походный дневник?
— Каждая сильга обязана вести хронику своих деяний — ответила Анутта, опуская ладонь на закрытую книгу — Описывать путь и земли, упоминать название городов и деревень. А так же давать описание внешних черт и записывать имена тех, кто помог нам, обидел нас или же еще как оставил свой след.
— То есть мое имя ты уже записала?
— Да. Только что — девушка открыла книгу и прочла вслух — Палач Рург Нагой Убийца. Тридцать два года от роду, но выглядит старше. Широкоплечий, высокий, темноволосый. Серые глаза с желтыми искорками — глаза волка. Его знают очень многие в местности к западу от портового города Трумора. Уже десять лет справляет службу походного палача. Пользуется уважением жителей города Элибур.
— Кратко и емко — был вынужден признать я — Если я расскажу тебе историю возникновения моего прозвища — ты запишешь ее в свою книгу?
— Да.
— Давай поступим так — я рассказываю тебе историю, но ты ее не станешь записывать в свои хроники.
— М-м-м… — Анутта действительно задумалась, наморщила лоб, зеленые глаза чуть потускнели. Неужели это столь важное решение? — Нет — вынесла она вердикт — Сознательное утаивание приведет к искажению и неполноте сведений.

— Неполноте сведений? — удивился я столь интересному сочетанию слов — Не слишком ли ты молода для подобных фраз и знаний? Уж не на государственную ли стражу работаешь?
— И потому у меня нет денег — парировала сильга — Нет, палач Рург, за моей спиной никого кроме несколько сестер и бескрайних просторов мира.
— Хорошо сказано.
— Так ты расскажешь? Почему тебя прозвали Нагим Убийцей? Прозвище само заявляет о себе достаточно громко и ясно, но я не смею подумать, что одним прекрасным деньком ты вдруг сорвал с себя одежды и принялся убивать людей.
— Но так оно и случилось — улыбнулся я — Сильга Анутта, ты любишь моршанские яблоки? Это ранний сорт. Их только-только сорвали в одном из богатых плодовых садов Морши, что к югу отсюда. Затем бережно переложили яблоки соломой и на одной из повозок отправили в Элибур. Я купил их вчера на рынке…
— После столь красочного описания мне захотелось отправиться на юг к Морше и навестить тот самый сад. Да, я люблю яблоки.
Чуть придержав коня, я передал едущей рядом девушке пару налитых соком больших яблок, а в еще одно с хрустом вонзил зубы. Прожевав, утер губы тыльной стороной ладони и начал рассказывать:
— В истории с моим прозвищем нет ничего особенного. Случилось это лет шесть назад. Одним прекрасным летним утром. Так же как и сегодня, я следовал от Элибура по Западному Тракту. Ехал уже третий день. И после ночлега в деревне Норвилл, что совсем рядом со старым лесом Урумор, я собирался свернуть к северу, чтобы к вечеру оказаться в небольшом городке Винорье. Городок хоть и маленький, но старый и красивый, с очень интересными каменными зданиями возведенными в незапамятные времена. Там же очень красивый парк с трехсотлетними дубами.
Но в тот раз я ехал туда не ради любования деревьями и домами. Я отправился в Винорье дабы жестоко пытать, а затем отрубить голову некоему Генралу Густобровому, лесному разбойнику изрядно пролившему людской крови на узких лесных тропинках леса Урумор. Генрал был главарем. И ночью пробрался в Винорье, откуда он родом, чтобы повидаться с престарелой мамой и оставить ей немного деньжат. Ему и невдомек было, что за домом следят денно и нощно. Там его и повязали.
Суд долго не думал. Для разбойника одна судьба уготована — дыба, агония, отсечение головы и насаживание ее на кол, где она будет торчать до тех пор, пока мертвое лицо окончательно не станет неузнаваемым. Таким приговор и оказался. Подельники Генрала прознали об этом и решили главаря освободить. Но сил у них было маловато — одно дело редких путешественников и малые обозы и совсем иное нападать на городскую тюрьму охраняемую умелой стражей. Поэтому они решили поднакопить силенок и злости. А чтобы не допустить смерти Генрала, для начала собрались покончить с палачом.
Разослали на восток соглядатаев по всем дорогам. Те засели в трактирах, на постоялых дворах. И вскоре один из них меня и увидел — трудно не опознать палача в его рабочем облаченье. Посланец разбойников поспешил вернуться в Урумор, где рассказал, что я остановился на ночлег в деревне Норвилл, а затем продолжу путь по Западному Тракту. На нем они мне и устроили засаду. Место выбрали с умом — старую вязовую рощу стоящую особняком прямо посреди большой и длинной зеленой долины Фимоф Дол. На мою беду день выдался жарким. А за час до этого я помогал насадить слетевшее колесо на сельскую повозку и изрядно вспотел. А в роще, чуть в стороне от разрезающей ее дороги, есть небольшое безымянное озерцо с чистой и приятной на вкус водой. И я решил сойти с тракта и искупаться. Там меня разбойники и застали. Нагим и беззаботно плещущимся в озерце. Там же на берегу состоялась и наша схватка. Большую часть противников пришлось убить, они как остервенели и не желали сдаваться. Троих я сумел обезоружить и оглушить.
— Так тебя застали голым и безоружным? — уточнила Анутта.
— Да. Во время купания это обычное дело — оставлять одежду и оружие на берегу. Хотя не возьмусь утверждать, что так поступают все.
— Ты был один. А число разбойников?
— Тринадцать. Несчастливое число. Потому им наверно и не повезло в тот день.
— Тебя застали голым и без оружия. Ты дал им бой и вышел победителем против тринадцати врагов.
— Нет — качнул я головой — Победителем против одного бойца. Остальные двенадцать были обычным сбродом никогда не обучавшимся обращению с оружием. Овечье стадо многочисленно, но хватит одного волка, чтобы обратить овец в бегство.
— А ты волк?
— Это лишь горская поговорка. Ее испокон веков повторяют в предгорьях Трорна.

— Как ты поступил с теми, кого удалось взять в плен?
— Отвез в ближайший городок, сдал судье. А на обратном пути в Элибур заскочил туда на часик и казнил всех. К тому времени они уже признались во всех своих грехах и успели исповедаться сестре Лоссы.
— Сестры Лоссы — неопределенно хмыкнула Анутта.
— Ты запишешь все это?
— Да. Эта история интересна. Так это выжившие после боя разбойники прозвали тебя Нагим Убийцей?
— Нет — вновь улыбнулся я, и на этот раз в моей улыбке было много смущения — Так уж случилось, что в той старой вязовой роще в то время был кое-кто еще — юная девица и ее воздыхатель, ускользнувшие с расположенного неподалеку хутора и пасеки. Они как раз решились перейти от жарких поцелуев к еще более жарким занятиям. Уютно расположились среди корней древнего вяза, парень едва взялся за завязки на блузке девицы, но тут их уединение нарушил вспотевший палач решивший освежиться. Сначала им пришлось лицезреть его наготу, а затем стать свидетелям кровавого действа.
— Вот как… А тебе откуда знать о том, что там была девица с парнем?
— Когда появилось прозвище Нагой Убийца я стал доискиваться до источника сплетен — пожал я плечами — И постепенно добрался до хутора. Что ж, я рассказал все как есть. Теперь твоя очередь, сильга Анутта. Куда ты держишь путь?
— Это не тайна. Две луны назад ушей старших среди нас достиг слух о том, что где-то в предгорьях Трорна нескольких жителей внезапно настиг сильный душевный недуг. Название того селения в слухе не приводилось. И все слишком уж сильно напоминает выдумку. Я знаю лишь примерное направление. Когда углублюсь в предгорья — начну задавать вопросы. А ответы на них поведут меня дальше.
— Нескольких жителей внезапно настиг сильный душевный недуг… — повторил я, покатав слова на языке так же, как впервые пробуют незнакомое питье — И что же необычного в сумасшествии?
— Я забыла упомянуть о крохотной детали, палач Рург — душевный недуг поразил всех троих в один и тот же день. В один и тот же час. И случилось все в одном и том же селении.
— Я понял — медленно кивнул я.
Любой может спятить. По разным причинам. Сильное потрясение, врожденный порок. Но этого никогда не случается с несколькими людьми разом. Да еще в одном селении. Хотя…
— Не было ли там пожара? — осведомился я — Мне доводилось слышать об одном случае, когда полыхнул большой пожар и целая деревня сгорела дотла. Многие погибли в тот черный день. А двое — две женщины потерявшие детей в безжалостном огне — разом сошли с ума. Их отдали позднее в храмовую лечебницу под покровительством Лоссы. Там они находятся и по сей день.
— Большое и ужасное переживание способно сокрушить даже самый сильный разум — подтвердила сильга — Бывает, что ужас потрясения одерживает победу над двумя или тремя людьми сразу. Потому я и говорю об этом так осторожно, палач Рург. Поэтому и называю это душевным недугом. А не одержимостью или же чем иным.
— Похвальная осторожность в суждениях — заметил я — До тех пор, пока нам по пути, ты можешь путешествовать вместе со мной, сильга Анутта. Но учти — быть может, тебе самой этого не захочется.
— Почему же?
— Причин много. Первая вот она — я легким кивком указал на десяток деревенских повозок груженных мешками, медленно тянущихся навстречу и мимо нас.
Везут овощи и фрукты в Элибур. К вечеру будут там. Завтра, с первыми лучами рассвета, все ими привезенное уже окажется на прилавках и начнется битва между продавцами и крикливыми домохозяйками старающимися сберечь каждый медяк. Разумно и бережливо вести хозяйство это вам не шутка.
Но я имел в виду не пучки зелени укрытые мешковиной. И уж точно не задорно красную редиску.
Возницы. В них дело. На каждой повозке по одному два седока. И все они старательно смотрят куда угодно, но только не на меня. Можно ли не заметить рослого всадника с обилием красных пятен на одежде и оружия? Можно, если сильно этого захотеть.
— И это самая малая неприятность — тихо усмехнулся я, прекратив смотреть на крестьян к их безмерному облегчению — В незнакомых трактирах и постоялых дворах есть приходится так быстро, что едва не давишься. А иначе никак — стоит мне туда зайти, как посетителей словно ураганом сносит с мест. Если же и остаются, то в воздухе повисает напряженное гнетущее молчание. Никто не пьет и не ест. Все смотрят в пол. Поэтому я предпочитаю заходить с черного входа и заказывать еду там, чтобы съесть ее на вольном воздухе, что не так уж и плохо, коли нет дождя и холодного ветра. Но тогда можно

укрыться в сарае. А затем наступает вечер. Вот-вот окончательно стемнеет. Но никто не желает тебя приютить на ночь. Разве что снова в сарае. Да и то с великой неохотой. Не отказывают лишь из боязни ко мне — мало кто смеет глядеть в глаза палачу. Поэтому, сильга Анутта, предупреждаю — в путешествии со мной тебе уготовано много неприятного. Люди станут коситься и избегать, завтракать, обедать и ужинать придется под открытым небом, да и спать там же. Поэтому я предпочитаю путешествовать только в теплые времена года. Или хотя бы не морозные.
— Знаешь, палач Рург. Если бы ты не упоминал постоянно свое имя, то я бы подумала, что описываешь один из дней моей жизни. Хотя нет. Тут не хватает кое-чего. Вот если бы ты добавил презрительных и ревнивых женских взглядов, попыток домогательств от мужчин, а так же частых угроз и грязных обещаний — вот тогда ты бы описал день из моей жизни.
— Тебе приходится куда хуже меня — вынужден был я признать — Меня избегают. Но не проклинают — разве что родственники тех, кого я должен пытать и казнить по долгу своей работы. И уж точно никто меня не домогается, не бросает сальных взглядов и не делает грязных намеков.
— Хм… Палач Рург… отрезать людям носы и уши, выкорчевывать с мясом и кровью гордость мужских чресл, вспарывать животы, ломать хребты, отрубать конечности и делать многое другое… каково это?
— Тяжело — ответил я — Однажды мне пришлось заниматься этим делом целую весеннюю неделю без продыху. Я казнил и казнил, пытал и пытал, калечил и калечил. Спустя семь дней хотелось самому положить свою голову на плаху и попросить кого-нибудь опустить на мою шею топор.
— И почему не положил?
— Помог бочонок недурного эля — усмехнулся я — Хмель часто спасает. Но еще чаще я казню приговорённых из-за того, что хмель пробуждает в людях скрытые пороки, что с глумливым хохотом вырываются наружу и завладевают рассудком бедняг. Наутро он просыпается в тюремной камере и с ужасом видит, что его одежда и руки в крови и что из-за решетки на него со страхом смотрят люди… А затем прихожу я и завершаю его жизненную историю ударом топора.
— И почему же ты продолжаешь убивать? — сильга, будто и не услышала прочих моих слов — Деньги? Привык? Не умеешь ничего другого? Или тебе нравится обрывать чужие жизненные нити?
— Или все это вместе взятое… Нет, сильга. Причина проста — кто-то должен этим заниматься. Иначе жди беды.
— Беды? Что-то случилось? В прошлом? И это заставило тебя стать палачом?
— Хватит обо мне — устало ответил я, тщательно скрывая подступившее раздражение от чересчур назойливых расспросов. Сильгам неведома учтивость и деликатность? Они ко всем в душу лезут напролом? — Давай лучше о тебе. Почему ты решила стать сильгой?
— В отличие от тебя, палач, нам не дано выбирать собственную судьбу — зеленые темные глаза взглянули на меня и сползли на дорогу — Не нам решать. Коли ты родился с этим даром — тебе уготовано лишь три дороги. Одна ведет к становлению сильгой. Другая прямиком на кладбище, где просто появится еще одна крохотная детская могилка. И третий путь — в лечебницу для душевнобольных. Навсегда. Ведь нельзя излечиться от того, что болезнью не является. Это дар. Самый ненавистный дар из возможных. Такой, что уже называется проклятьем.
— Видимо и я невзначай угодил в больное место — вздохнул я, снимая с пояса вместительную кожаную флягу — Выпей.
— Эль в такое время дня?
— Это не эль.
— Вино?
— Можно и так сказать. Слабенькое крыжовое вино. Сладкое.
— Сладкое — это хорошо — на этот раз в зеленых глазах плеснулась детская радость. И легкий испуг таящийся в самой глубине — а вдруг не дадут? Вдруг посмеются и заберут… Флягу я отдал. Некоторое время мы ехали молча. Анутта распробовала на самом деле очень слабое вино и жадно припала к горлышку фляги. Крыжовое вино не пьянит. Надо выпить очень много, чтобы услышать шум в голове. А вот бодрит оно отменно. Стряхивает сонливость. Дарит благодушие и терпеливость.
Убирая изрядно полегчавшую флягу обратно на пояс, я спросил:
— Поэтому ты и спрашиваешь других людей о том, что заставило их выбрать ту или иную жизненную дорожку?
— Да. А ты умный, палач Рург. Все верно. Мне очень интересно как люди делают выбор. Ведь у меня самой выбора никогда не было.

— Могу тебя утешить, сильга — на этот раз я не улыбался — Большая часть людей не выбирает. Они просто плывут по течению жизни как бревна на лесосплаве.
— Ты и правда умный.
И вновь я не отреагировал на добрые слова. Я промолчал. А затем раздался голос сильги:
— Я все же запишу твою историю про старую вязовую рощу и безымянное озерцо. И про двух юных свидетелей.
— Дело твое — вздохнул я, глядя, как Анутта вновь открывает колпачок медной чернильницы и костяной пенал для перьев. Ей явно нравится делать записи в толстой книге. Интересно, разрешит ли она мне прочесть свои хроники? Вряд ли…
Оставшись без собеседника, я невольно задумался о сильгах и их сестринстве Сильгалла. Закрытая строгая женская община, живущая по своим уставам и порядкам. Никто им не указ кроме короля — до тех пор, пока они не нарушают мирские законы. Тогда их судят по общим законам. Сумей торговец Люпон добиться своего и огульно обвинить сильгу — ее бы ждало суровое наказание. Тюрьма, может быть публичная порка. Большой денежный штраф.
Анутта не солгала про свой дар и про свое проклятье. Я слышал об этом раньше, но не знал, правдивы ли слухи. Оказалось — да, правдивы. Сильги не имеют выбора. Их судьба предрешена при рождении. Очень и очень редко рождаются девочки с особым врожденным даром. Там все окутано туманом, непосвященным людям мало что известно, а сами сильги про это распространяться не желают. Поэтому я и не стал расспрашивать. Но поговаривают, что сильги могут видеть духов и даже разговаривать с ними. Могут призывать их и прогонять их.
Я достоверно знаю о случае, когда одна из сильг прибывшая в Элибур сумела разбудить человека, проспавшего семь месяцев. Его никто не мог добудиться. Что с ним только не делали несчастные родичи — били по щекам, кололи иголками, растирали водой горячей и ледяной, оставляли на морозе, обжигали пятки головней. Ему вливали в горло бульоны и настойки, давали различные лекарства, мыли его, брили ему лицо и убирали за ним. А он продолжал спать. Если это можно назвать сном — лицо его было искажено дикой гримасой ужаса, будто он увидел нечто кошмарное. А затем в комнату зашла сильга, занавесила окна и зеркала, закрыла плотно двери. Провела там час и вышла обратно. Вся побелевшая, с черными тенями под глазами, шатаясь и придерживаясь рукой за стену. А за ее спиной слышался слабый мужской голос, недоуменно спрашивающий о том, что происходит. Сильга получила положенную плату и ушла. На вопросы отвечать не стала. Тут же нашлись злые языки утверждавшие, что она либо знала лекарство могущее пробудить от мертвого сна, либо больной и сам бы проснулся, а она просто угадала нужный момент. Ну или же что она изначально и навела на него темные сонные чары, и сама же от них избавила.
Как на самом деле все было, не знал и до сих пор не знает никто. А пробудившийся от семимесячного сна бедолага ничего не помнил. Его память окутана туманом.
В этом суть жизни сильг. Туман. Все окутано непроницаемым туманом. Они внезапными и незваными гостями прибывают к тому или иному дому. Излечивают людей. Иногда у них не получается. Им платят по-разному. Часть денег они вроде бы оставляют себе, остальное доставляют в сестринство Сильгаллы.
Все остальное — слухи ничем не подтвержденные. Даже свидетельствами надежных людей.
Мы миновали старый дубовый столб, глубоко врытый на обочине тракта. Указатель говорил, что мы в ста больших шагах от околицы придорожной деревни Лунора, где всегда рады проезжим гостям.
— Пообедаем в трактире, сильга Анутта?
— Угощаешь? — зеленые глаза смотрели пытливо и спокойно.
— Угощаю — согласился я, пряча невольную улыбку.
Но моя попытка не удалась и щеки Анутты явственно покраснели, налились румянцем смущения. Ее рука коснулась пояса — за него, ничуть не пытаясь скрыть, в самом начале пути она переложила полученные от Люпона золотые монеты. Это очень большая сумма для наших мест. Отличную удойную корову можно купить за одну серебряную монету, а в самой отдаленной от Элибура западной деревне в придачу добавят молодую козу. Люпон явно выложил кошелек не глядя, пребывая в смятенных чувствах от боли в ранах, моего вмешательства и душевного потрясения при получении известия о том, что его кузена оскопят и четвертуют. Сейчас он, небось, опомнился и зубами скрежещет, жалея, что потерял такие деньжища. А может и нет — Люпон не настолько уж и скуп. Сиротский городской дом не зря считает его своим благодетелем. Вот ведь закавыка какая с душами людскими. О сиротках торговец Люпон заботится не жалея средств, а одинокую девчонку-путешественницу попытался затащить в свой шатер и распустил руки…

В любом случае Анутта в один миг стала довольно обеспеченной девушкой. У деревенских девушек приданое в пять-шесть раз меньше. Но она явно не желала тратить деньги.
— Буду рад угостить — повторил я — Прибереги деньги на черный день. Я слышал, многие из вас пребывают на грани если не нищеты, то бедности.
— Деньги редко падают в наши протянутые ладони — вздохнула девушка, глядя на меня благодарным взглядом — Спасибо за понимание. Из этих монет мне достанется немного. Как только смогу попасть в ближайшее представительство Королевского банка, внесу большую часть золота на счет сестринства. Остаток разделю на три части. Одну часть оставлю себе, а оставшиеся две отправятся на общий счет шести сильг. Я одна из них.
— Вы помогаете друг-другу….
— Да. Скоро зима. Мы тоже не очень-то любим ночевать на улице в холодное время года. Нам нравится теплая одежда, сытная еда, надежное и уютное место для сна. Для всего этого нужны деньги. И мы стараемся как можем, чтобы во время дождей и холодов не познать горестей из-за безденежья. Но за последний десяток недель я не положила на общий счет ни единой медной монеты…
— Черная полоса?
— Скорее черное болото невезения — понурила голову девчонка — Мои пять подружек сестер не скажут плохого слова. Но…
— Но на душе кошки скребут — кивнул я — Я понимаю, сильга Анутта. На самом деле понимаю. В этом мне повезло куда больше тебя — всегда найдутся преступившие закон и заслужившие пытки и смерть. Надобность в моих услугах не пропадет до скончания веков и почитай в каждом селении всегда найдется для меня работа. Поэтому я могу себе позволить угостить тебя несколько раз без ущерба для кошелька. И еще. Хочу, чтобы ты внимательно выслушала следующие мои слова и не сомневалась в их искренности и правдивости. Хорошо?
— Я выслушаю тебя, палач Рург — склонила голову Анутта.
— Все что я делаю — не накладывает на тебя ни малейших обязательств — медленно и четко проговорил я — Ты ничего не должна мне. И я не стану пытаться забраться тебе под юбку… — тут я запнулся, наткнувшись взглядом на ее ладно сидящие штаны и поправился — не стану пытаться забраться тебе в штаны, сильга. Все что я делаю — я делаю просто так. Ты мне не должна.
— Я поняла и поверила, палач Рург — ее церемонность в некоторых случаях казалась частью некоего этикета сильг. Вежливого, но холодного. Я не возражал.
Взглянув на меня в упор, девушка добавила:
— Спасибо. На самом деле спасибо.
— Не за что, сильга Анутта — ответил я, останавливая лошадь перед гостеприимно распахнутыми воротами постоялого двора Щуков Суп — Советую заказать рыбацкую уху с красноперками и улитками. Ее здесь готовят просто божественно. Но перед ней стоит отведать щавелевой похлебки — она замечательно разжигает аппетит, не занимает много места в желудке и не тяготит его.
— Сколько познаний…
— Уже долгие годы я путешествую этими дорогами. Поверь — я знаю, где в этих местах вкусно кормят, а где просто зря переводят продукты.
— А разве щавель не для лечения от слабости живота пользуют?
— Щавель многим хорош. А в правильной похлебке он просто превосходен.
— Что ж. Положусь на твой опыт, палач Рург.
— Весьма польщен доверием.
— Ох… — вышедший из дверей бревенчатого приземистого здания невысокий крепыш при виде меня неловко ступил и сверзился со ступенек, тяжело рухнув на утоптанную землю. Охнув еще раз, он приподнялся, утер кровь с разбитой при падании брови и сокрушенно простонал — Прибыл уже… значит, сегодня Феникла и отпоем.
В воздухе повис отчетливый запах крепкого перегара. Не рановато ли для возлияний? Солнце в зените…
— Ого — удивилась сильга, успевшая спешиться — Так ты не просто проездом?
— Похоже, что так — с не меньшим удивлением отозвался я, спускаясь с седла — Видать сыскалась работа. Но не слышал о том, что в деревне меня ожидает приговоренный…

Глава 3

Страж Лавр заслуженно гордился многим.

Ухоженными усами, обрамляющими рот и спускающимися ниже подбородка. Густой, несмотря на возраст седой шевелюрой, горшком вздымающейся над головой и длинной гривой, ниспадающей на загривок. Тихим местом службы в придорожной деревне, где умелый страж никогда не останется голодным, да и домочадцы его будут накормлены, напоены и одеты. А семья у Лавра немаленькая — дюжина детей, старшие давно уж оженились. И всем помогать надо.

Но Лавр закон чтил. Посему хоть и брал порой невеликую мзду с проезжающих торговцев, но меру знал, не зарывался, за порядком в селении следил строго и нарушителей спокойствия карал жестко. Причем карать предпочитал самостоятельно — благо рука по-прежнему крепка, а палок в округе хватало. Местные Лавра уважали. Серьезных случаев тут хватало. Чаще всего драки и смертоубийства. Кражи редкость великая. Свой у своего не украдет. Разве что заезжий какой вор стянет чего со двора или скотину уведет.

А вот убийства — часто. Больших драк — не счесть. Деревня то придорожная, одних постоялых дворов целых четыре и пятый уже строится. Шесть харчевен. В каждом заведении вино и эль не переводятся. Пей вволю — коли денежная мошна не пуста. А чем больше пьешь, тем большим задирой становишься, вспыхнуть можешь от малейшего пустяка, на словесный упрек ответишь ударом кулака или выхваченным из-за голенища ножом. Потому стражники покоя вечерами не знали. И почти всегда успевали задавить драку в зародыше, не допустив ее разрастания в кровавую битву, когда о пьяные лихие головы разбиваются бутылки, лавки и прочая утварь трактирная. Утром же проспавшиеся зачинщики обнаруживали себя прикованными к большому круглому камню на обочине дороги недалеко от околицы Луноры. В камень вделаны толстые железные кольца, к ним хмельных удальцов и приковывали. Там они и отсыпались на ночном холодке — а он знатно хмель из дурных голов выгоняет. По пробуждении отпускались, уплатив немалую деньгу за учиненный беспорядок и доставленные стражам хлопоты. Платили с благодарностью — понимали забияки поостывшие, что быть может об большой беды местные блюстители порядка их уберегли. Никому не хотелось становиться убийцей по пьяному делу.

В общем — Лавр свое дело знал отменно. У такого не забалуешь.

Он и сейчас был полностью спокоен, сидя за столом под придорожным навесом, задумчиво поглядывая на стоящую поодаль сильгу, осматривающую свою рыжую верховую кобылу.

— Кончить надо голубчика — развел руками Лавр — Чего тянуть? Хотел его отправить в Элибур, чтобы прямо в твои руки и попал поганец. А тут ты и сам в гости явился. Так что уж извини — обед мы тебе чуток подпортим.

— Не в этом дело — ответил я — Судил его кто?

— Проезжий высокородный. Он как раз ужинал, когда мы Феникла повязали. А сегодня утром задержался он на часок, выслушал все как есть и вынес решение. Приговорил не раздумывая. Как по мне — все верно он решил. Таких сразу давить надо.

Я молча кивнул и протянул руку. Лавр вытащил из-под локтя толстый лист серой бумаги и протянул его мне. Вердикт. Бегло пробежав текст глазами и внимательнейшим образом изучив восковой оттиск печатки от перстня и витиеватую подпись, я кивнул. Все верно. Все по всем правилам.

По-военному четким и лаконичным почерком удостоверено, что проживающий в деревне Лунора горшечник Феникл был уличен, а затем чистосердечно и полностью признал свою вину в том, что лишил жизни больше десятка ни в чем неповинных людей. Засим приговорен к смертной казни посредством усекновения головы. Столь милостивая смерть дарована по причине того, что суд сомневается в полной душевной здравости Феникла горшечника из деревни Лунора.

— Больше десяти человек — с легким изумлением проговорил я вслух — Как так?

— Исподтишка и не один год — сокрушенно пробормотал Лавр, впервые на моей памяти теряя самоуверенность.

Ну да — на доверенной ему земле не один год убивали людей, а он про то и не ведал. Есть отчего схватиться за голову. Особенно для столь опытного стража служившего много лет.

— Как не замечали пропажу людей? — спросил я, зная, что мне ответят. Не из обязанности. Просто Лавр знал меня, а я знал его. К чему кобениться?

— Пропажу? Хе! — покрутил головой страж — Куда там! Каждого несчастного тотчас же находили — лежащим на грязном полу трактира после очередной общей драки. Он ох и хитер! Исподтишка убивал — всем чем под руку попадется, но только не ножом. Кровь старался не пускать. Ты только послушай, что творил стервец…

Все оказалось просто и умно. Феникл, местный уроженец, убивал часто и с удовольствием. Убивал не кого-то особенного, а того кто удачно под руку подвернется. Почитай каждый вечер горшечник вместе с друзьями усаживался в углу трактирного зала и вволю веселился,

выпивая несколько кружек эля, обсуждая с приятелями проезжих гостей, масть лошадей, загруженность торговых повозок и прочее.
При этом Феникл с большим нетерпением и надеждой ждал, когда вспыхнет очередная бессмысленная пьяная драка. И когда схватка разгоряченных выпивкой мужчин вовлекала в себя весь зал, вот тогда-то Феникл потихоньку и заползал на четвереньках в гущу событий, действуя как хитрая и мерзкая змея. Чаще всего он натыкался на уже выбывшего из драки удальца, подбирающего с полу выбитые зубы или с мычанием зажимающего разбитый нос. Вокруг все носятся, кричат, машут кулаками и ничего не видят кроме искаженных лиц противников и дыма от жировых светильников и камина. Никто не смотрит под ноги. Тогда-то и наносился один смертельный удар. Редко два. Чем-нибудь твердым и увесистым. Иногда острым. Оторванная ножка стула, вилка, целая или разбитая бутылка. Последним орудием — разбитой бутылкой — Фениклу нравилось работать больше всего. Коротким сильным ударом горшечник вбивал скалящуюся остриями битого стекла бутылку прямо в загривок пьяного гостя. Бил чуть ниже затылка, стараясь вонзить поглубже, да так, чтобы крови поменьше было. А затем Феникл быстро возвращался обратно к друзьям, выпрямлялся во весь рост, после чего начинал с громкими воплями всех унимать, растаскивать обессилевших израненных драчунов и выводить их во двор охолонуть и успокоить. Еще и подоспевшим стражникам помогал. Достойный муж, что всегда пьет в меру и всегда готов помочь в благом деле.

> Попался Феникл случайно. Один из его друзей в тот вечер захватил с собой малолетнего сына. Тот забрался под стол, и все вечерние часы просидел там, играя с грубо выструганными деревянными фигурками коней и воинов. Когда началась драка малек остался там же. И вот он то и
> увидел,
> как дядька Феникл сначала отбил от подобранной с пола бутылки донышко, а затем вонзил стеклянные зубья в затылок упавшего на пол дядю извозчика держащегося за окровавленное лицо.

Позже рассказал об увиденном отцу. А у того брат в стражниках. Так дошло до Лавра. А тот прекрасно помнил, что в минувший вечер не обошлось без смертоубийства. И убийцу не нашли — а как найти? В трактирном зале почитай под сотню народу сошлось в драке лихой. Переломанные руки и ноги, выбитые челюсти, зияющие проломы в зубных рядах, вырванные клочья волос и свернутые носы. Половина из драчунов вовсе ничего не помнит. В подобных случаях всем назначается денежная вира. Собранные немалые деньги собираются в особый крепкий мешок, что отправляется к родственникам убиенного. А что делать? Не всех же драчунов казнить? Те же всем скопом отправляются в храм — возможный страшный грех замаливать.
А тут на тебе подробность какая мерзкая и страшная — дядя Феникл бутылкой разбитой ударил. Подбежал аки зверь лютый на четвереньках и ударил без раздумий. Глаза сверкают, рот в слюнявой ухмылке кривится,… мальчонка ведь живо все описал и показал в лицах. Очень уж был он потрясен увиденным…
Феникла взяли тотчас. Начали спрашивать, да само собой без нескольких тычков и пощечин дело не обошлось. Взялись за него круто. Тот молчал. Пришлось надавить сильнее… и вот тогда-то горшечник и начал говорить. Все думали, он кого-то из мести порешил — застарелая обида или еще что. А оказалось, что он стольких подобным образом на тот свет отправил, что и сосчитать уж не может. Но больше десятка точно… ведь не меньше трех-четырех раз в год он вот так вот душу свою гнилую тешил…
— Тьма… — покачал я пораженно головой, выслушав рассказ Лавра.
— Кромешная! — подтвердил тот — А ведь я каждый день с ним за руку здоровался. Вся посуда в доме моем из-под его рук вышла — горшечник ведь знатный он! Жена как узнала — все разбила. В овраг отнесла и о камни, о камни! В осколки мелкие. Все до последней миски. Сегодня с корыта деревянного есть станем.
— Да лучше уж с корыта…
— И то верно… И вот ведь что забавно — он не ради выгоды людишек жизни лишал! Карманы не обирал, пуговиц серебряных не срезал, амулетов и медальонов с шей не срывал. Ради чего убивал? Как по мне — потехи ради. Зверь лютый, до крови жадный.
— Я хочу поговорить с ним.
Мы с Лавром удивленно повернулись и воззрились на неслышно подошедшую Анутту. Сильга и не думала скрывать, что услышала каждое слово из нашего разговора. Лавр видел, как мы вместе с ней шли бок о бок. Стало быть, понимал, что она со мной. Потому не стал сразу возвышать голос и посылать неподобающим образом одетую девку куда подальше.

Лишь прошелся взглядом по стройным ногам не скрытым подолом длинной юбки, крякнул неодобрительно, после чего спросил:
— Для чего? Хотя… лучше и не спрашивать. Хочешь поговорить с убийцей — дело твое. Но для него разницы не будет. Палач без работы не останется.
— Феникл будет казнен — подтвердил я — Причем незамедлительно.
— Это не займет много времени.
— Тем лучше — пожал плечами Лавр и встал — Пойдемте. Провожу вас до места. Но зря время потратишь, сильга. Тут и так все ясно — зверь внутри него сидит до крови жадный. Душевного покоя не дает, требует и требует убийства вершить. Такое не лечится. Один лишь путь — на тот свет. А там уже светлая Лосса рассудит куда его определить, хотя как по мне, не избежать ему вечного копчения в огненной тьме Раффадулла.
— Звери разные бывают — ровным тоном ответила Анутта, шагая чуть позади нас — Некоторые рождаются в душах. А некоторые приходят туда позже…
— Сказки все это — отмахнулся Лавр, не скрывая пренебрежения.
Я промолчал. Лишь снял с пояса перчатки из толстой кожи окрашенной в красный цвет, с нашитыми бляшками из красной меди. И на ходу принялся их надевать. Топор править нужды не было — он у меня всегда острый, за инструментом слежу добросовестно, ибо нет ничего более позорного для палача, чем не суметь отсечь голову одним ударом — конечно, если не было указания намеренно лишь надрубить позвонки, но не перерубать горло. Дабы у приговоренного тело навсегда омертвело, слушаться перестало к ужасу его дикому…
Феникл был прикован к тому самому круглому камню у обочины. Цепями к «похмельному» валуну, как любя называли сей немалый булыжник в деревне. В десяти шагах стояло два стража, старательно не глядя на прикованного. Еще бы — они ведь не раз с ним выпивали, смеялись, сидели бок о бок на скамьях во время деревенских праздников, принимали у него помощь и покупали глиняную посуду вышедшую из его рук. А тут вона как все обернулось…
Когда мы подошли, горшечник лежал на боку в скрюченной позе. Словно больной зверь почувствовавший скорую смерть. Заслышав наши шаги, приподнял голову и повел глазами. И первым делом увидел меня. Его глаза намертво приковало к красной метке на моей груди. Нижняя челюсть мелкими дрожащими рывками поползла вниз, послышался прерывистый свистящий вздох, тут же сменившийся долгим и протяжным скулением. Феникл неловко вскочил, но короткая цепь рванула его вниз, и он рухнул на колени. Подойдя еще на шаг, я с громким хлопком свел ладони перед его носом. Скулеж резко прервался, горшечник покорно замер.
— Уже поздно бояться — громко и четко произнес я — Теперь поздно. Тебя ждет лишь одна судьба и поверь — учитывая твои мерзкие деяния, она к тебе слишком добра.
— Не хочу умирать — Феникл взглянул на меня снизу-вверх — Возьмите в солдаты! Всю жизнь служить буду! В каменоломни возьмите! В рудники! Я сильный! Выносливый! Отработаю! Искуплю!
Подступила сильга.
— Посмотри сюда — перед лицом дрожащего мужчины мелькнула длинная цепочка с нанизанным на нее округлым медальоном, сейчас раскрытым. Я не увидел, что находится внутри. А вот горшечник увидел,… но бросил лишь короткий взгляд и вновь сосредоточился на мне, вкладывая в голос — свое единственное оружие и средство спасения — все имеющиеся у него силы:
— Я сильный! Работящий!
Я заметил лежащий среди травинок округлый белый камешек и не поленился нагнуться и подобрать его. Стряхнул с камня налипшую почву. Бережно погладил. Рассмотрел матовую поверхность с редкими бурыми вкраплениями. Обычный камешек, разве что слишком уж округлый для этого места — далековато от ближайшей реки или ручья. Как сюда попал?
— Все — Анутта развернулась, защелкнула медальон и пошла обратно к деревне — Палач Рург, буду ждать тебя на постоялом дворе
Вздохнув, я неловко дернул ладонью и уронил на землю находку. Уронил прямо перед Фениклом. Указав пальцем, велел:
— Подай.
— Конечно, господин Рург! Конечно! — горшечник дернул головой вниз, зашарил взглядом по траве, ища белый камешек. Уронив ладонь на пояс, я шагнул вперед и чуть в сторону. Резко развернулся.
Спустя миг голова Феникла слетела с плеч и с глухим стуком ударилась о землю. Хлынул поток крови.
— Приговор исполнен — произнес я, встретившись взором с Лавром.
— И я свидетель тому — совершенно ровным голосом ответил старший страж, досадливо косясь на одного из помощников, вцепившегося рукой в захрустевшее деревце.

— Загляну за платой после обеда — добавил я и неспешно пошел вслед за сильгой, бережно протирая лезвие топора вынутой из кармана тряпкой.
— Буду ждать. Удар у тебя мастерский.
— А камешек ваш, господин палач — захлебывающимся булькающим голосом донеслось мне вслед. Тот самый молодой страж, кому поплохело при виде свершения казни.
— Зачем он мне? — не оборачиваясь, ответил я.
— Луфс! — с досадой проворчал Лавр — Ты совсем дурак? Для отвлеченья тот камень был, дурная твоя голова! Палач проявил милость. Казнил в один миг. Феникл и не понял, что уже умер. Ш-шах! И он уже там, у ног Светлой Лоссы, готовится ответ давать за деяния свои. Да разве сумеет он достойный ответ дать? У, мерзость! Прямиком во Тьму его! У кого ключ от кандалов? И притащите рогожу какую-нибудь, чтобы тело прикрыть. А затем дуйте за телегой. Свезем его до родного дома.
— Так семья его еще утром собралась и прочь подалась. Пустой двор… вещи бросили, скотину и птицу оставили. Убежали…
— А ты бы не убежал? Муж и отец убийцей кровавым оказался. Как людям в глаза смотреть? Ох,… ну и денек. Тащите уже рогожу… Так… погоди, а кто ж тогда отпевание оплатит, коли его родные сбегли? Не мы же…
Голоса стражников затихли, я же убрал топор на пояс, сложил и спрятал тряпку, стянул перчатки.
Дело сделано.
Теперь можно и отобедать.
* * *
— Так ты и живешь?
Вопрос был мягкий, но неожиданный. Анутта умела делать это в совершенстве — долгое время пребывать в молчании, находиться в объятьях собственных раздумий, а затем вдруг повернуть к тебе голову и задать тихий, но отчетливый вопрос.
— Так и живу — согласился я.
— Путешествуешь от селения к селению и обрываешь жизни…
— Да. Я палач. Кто-то сажает редьку, кто-то подковывает лошадей, выписывает указы, собирает налоги или строит дома. А я казню преступников.
Я был рад поддержать беседу. Не скрою — меня никогда не тяготило молчаливое одиночество. У палача редко бывают попутчики — разве что вынужденные. Так и с теми не поговорить. Трудно разговаривать с трясущимся от страха старым крестьянином или же мелким торговцем, когда их заметно «екает» от страха при малейшем моем движении.
А однажды, когда я слишком резко повернулся в седле к идущему рядом бродячему седому кузнецу, так тот бухнулся на колени и внезапно признался в совершенном десятки лет назад убийстве по неосторожности. Вырвался молоток из потной юношеской ладони и, вылетев в дверь, угодил прямо в висок семенящей куда-то старушке. Много ли надо старой? Дунь разок и преставится. А тут молоток…. Сердешная померла на месте, а паренек ринулся бежать. Да так и бегает с тех пор, бродя от селения к селению, за гроши выполняя кузнечную работу или помогая тамошним кузнецам как молотобоец.
Но все же я не молчун по своей натуре. Если беседа интересна — я буду рад поддержать ее в меру сил.
— У каждого своя работа — повторила Анутта — Расскажи мне о своей, палач Рург.
— Ты уже сама все сказала — езжу от селения к селению и казню людей. Другие не могут — грех смертный. Никто не хочет после смерти оказаться в огненной тьме. Все мечтают о прохладе горных лугов Лоссы.
— А ты? Не боишься? Скольких ты убил?
— Казнил — поправил я.
— Одно и то же…
— Нет — не согласился я — Я не выношу приговор. Это делает судья. Он решает судьбу преступника, он держит его жизнь на ладони. И если его вердикт смерть,… то уже не изменить ничего. Если не я — придет другой палач. И выполнит приговор.
— На Высшем Суде такие отговорки не примут.
— Откуда тебе знать? — парировал я.
— Жизнь священна. Прервавший ее — грешен. Великий грех, что не смыть никаким покаянием.
— Я не силен в диспутах о вере и грехах — прикрыл я глаза, ощущая сонливость, что вполне понятно — после столь сытного обеда и большого кубка вина, что я осушил стоя и в несколько больших глотков.
Вино мне преподнесли жители Луноры. В благодарность за быстроту, неожиданность и правильность моего удара. Давняя традиция таким образом благодарить палача за хорошо

проделанную работу. И за милосердие. Ведь можно и придержать руку, дать жертве ощутить всю полноту чудовищной боли.
Феникл умер слишком легко. Не ощутил почти ничего. Краткая вспышка боли, быстро приближающаяся к лицу земля, а затем милосердная темнота и все. Он не заслужил такой легкой смерти. Но раз уж были подозрения на душевный недуг — я сделал поблажку и дал ему умереть легко. И жители меня отблагодарили. Да, он убийца, подлый и жестокий убийца. Но он здесь свой. Один из них. Они преломляли вместе хлеб, пили пиво, радовались успешным родам и скорбели о умерших. Он здесь свой…
— Прости — вздохнула Анутта.
Я тихо рассмеялся и покачал головой. Заглянув в ее недоумевающие зеленые глаза, пояснил:
— Не подумай, что я не хочу об этом говорить, потому что меня страшат беседы о неминуемой смерти и о том, что я предстану пред Высшим Судом, что незамедлительно упечет меня в огненную тьму Раффадулла. Вовсе нет. Просто эта тема немного скушна… и давно уже нещадно избита.
— Ладно… тогда просто расскажи о работе странствующего палача…
— Ну… тогда меняем мою историю на твою. Я расскажу тебе о жизни палача, а ты мне о жизни сильги. Мы оба странники и оба понимаем ценность дорожной беседы. Это будет почти честно.
— Почти?
— Ну, услышанную от меня историю ты запишешь в свою толстую книгу и в ней еще немало чистых листов, как я успел заметить. Затем, когда передаешь книгу сестринству, другие сильги, а может и еще кто-то, смогут прочесть историю про палача. Ведь так?
— Да — после краткого раздумья, кивнула сильга — Смогут. Но ведь и ты можешь кому-то рассказать историю услышанную от меня. Рассказы чаще всего передаются устами, а не при помощи гусиного пера испачканного в чернилах.
— Со временем устная повесть обрастает множеством придуманных деталей и перестает быть достоверной — парировал я удар.
— А книга может сгореть в огне или размокнуть в реке еще до того как я доставлю ее в сестринство. Тогда как людская молва и дальше будет носить над реками и полями мою историю.
— Хорошо — покорился я, решив не продолжать спор, могущий оказаться бесконечным — при равных по уму спорщиках так обычно и случается — Тогда слушай. Хотя должен сразу разочаровать — нет в нашей работе ни капли того мрачного очарования, что обычно ей приписывается. И палачи не купаются в крови своей сотой жертвы, не вымачивают в ней инструменты, не совершают прочих диковинных и порой мерзких обрядов, что приписывает нам столь восхваляемая тобою людская молва. И нет, не имеем мы дарованного королем права возлегать с приговоренной к смерти женщиной. Мы просто выполняем свою работу на совесть, а возложена она нас лишь по одной причине — никто ее делать ни за какие деньги не намерен. Боятся. Мало кто решится пресечь чужую жизнь вот так…
Странствующие палачи это издержки веры в Светлую Лоссу, что не приемлет убийства — за редким исключением, где каждый муж будет прощен, если обороняет родной дом от убийц, насильников и прочих. Каждый будет прощен, если защищает собственную жизнь, ибо жизнь есть великая ценность дарованной Лоссой и защищать ее надобно, ибо таким даром пренебрегать никак нельзя. Борись за жизнь! Борись на смертном ложе, борись на ратном поле, борись, борись!..
Всегда будет прощен и солдат, что не имеет собственной воли, что вынужден покоряться приказу старших и разить врагов насмерть. Убийство по случайности — тут уж никто не виноват. Как обвинить того же бродячего кузнеца из чьей усталой мокрой руки ненароком выскользнул молоток убивший старушку? Такое может случиться даже с праведником — каждому известна история про восходящего к храму праведника, оскользнувшегося, сорвавшегося с узкой горной тропы, упавшего и убившего своим падением другого праведника. Праведник от горя хотел разбить голову о камень, но снизошедшая Светлая Лосса утешила его и пояснила — нет в случившемся его вины…
Можно смело прервать жизнь человека заболевшего узороморьем — страшной заразной напастью, при которой на коже больных проявляются очень необычные красивые узоры. Когда узоры накрывают большую часть тела заболевший резко слабеет, а затем начинается столь страшная боль, что от нее нет спасения. Лекарства от узороморья не существует. Болезнь известна долгие века и за прошедшие столетья не удалось спасти ни единого зараженного. Мучительная агония длится днями. И поистине куда милосерднее убить, чем позволять безвинной душе корчится в страшных муках.

И все. Лишь в этих случаях Светлая Лосса дает послабление. Лишь в этих случаях причинение смерти не является великим грехом наказываемым отправкой в огненную тьму. А огненная тьма Раффадулла… как говорят сестры Лоссы страшней того места во вселенной не существует.
Поэтому лишь некоторые безумцы решаются на то, чтобы убить. Наемные убийцы, отпетые разбойники, верящие лишь в золото наемники, просто безумцы или же ревнивые мужья и жены. А еще палачи. Причем именно последние грешат больше всего.
Пусть они получают плату за пролитие крови, что приравнивает их к наемникам. Но убивают изо дня в день, убивают постоянно, убивают до глубокой старости, в то время как уцелевшие в боях наемники рано уходят на покой. Хотя и тем не замолить страшный грех смертоубийства ради корысти.
Но…
Палачи совсем другое дело. Они не просто убивают. Зачастую они причиняют приговорённым столь страшные страдания, что те от боли сходят с ума. И это возводит грех палачей истязателей на еще более высокую ступень.
Но и смерть жертвы еще не конец. Часто палачи «оскверняют» останки — отрубают головы, конечности, разрубают торс, вспарывают животы и крючьями вытаскивают внутренности, обрубают уши и носы, дробят ребра и сдирают кожу. И это лишь малая часть…
Чем страшнее преступление — тем страшнее наказание. В назидание!
Дабы другим неповадно было!
Но сестры Лоссы воспринимают это иначе — ведь над мертвыми телами издеваться нельзя. Мертвое тело надлежит омыть, завернуть в чистый белый саван, положить в деревянный гроб, отпеть в храме, а затем похоронить в светлое время дня. После смерти с тела нельзя остричь ни волоска, ни ногтя. Ибо оно уже не принадлежит живым. Такова наша священная вера. А палачу плевать — он будет кромсать труп беспощадно, а затем насадит отрубленную голову на кол и оставит так гнить на долгие дни… Грех! Ужасный грех! Великий грех! На такую гнусность способны лишь… да никто кроме палачей и безумных преступников не могущих жить без проливания чужой крови.
И потому палачи редкость.
Бывает на сотни лиг вокруг лишь один палач. И палач всегда нарасхват — людишек много, они грешат и заслуживают наказания. И потому надобность в палаче не отпадает. Ведь только он согласится оборвать чужую жизнь. Стражи преступника могут найти, могут его немного прижать, доказать его вину, отдать дело судье, а тот уже вынесет приговор. Но жизни они никого лишать не станут. Никто не хочет обрекать бессмертную душу на вечные страдания.
Этим и кормятся такие как я. Палачи схожи с бродячими лудильщиками и кузнецами. Только те починяют, а мы избирательно пропалываем людской род. Бродим и бродим мы меж деревнями и городками. Стоит проехать по главной улице или дороге, а там уж все просто — навстречу выскакивает парочка стражей и сразу становится ясно, что здесь есть работа. Вездесущие детишки тотчас опознают в чужаке палача — порой еще раньше стражей прознают о госте востроглазые — и мчатся оповещать о прибывшем законном убивце и страшном грешнике, чья душа отправится в ад. И вскоре раздается дикий вой приговоренного к смерти заключенного, понявшего что дни его сочтены и жизнь его оборвется уже сегодня. Некоторые тотчас кончают жизнь самоубийством, тем самым лишая палача заработка. Но это случается редко — отнятие даже собственной жизни приравнивается к убийству. Грех.
Поначалу, в первые годы, подобное отношение к нему не оставляет палача равнодушным. Кого-то злит или раздражает, кому-то даже тешит самолюбие общий страх, но и это со временем приедается. Я помню, как к концу первого года своей палаческой жизни постоянно глядел в небо, надеясь увидеть густые дождевые тучи — ведь тогда придется накинуть плащ, а он хоть и носит на себе метки палача, все же не так приметен, как остальная моя одежда. А затем приходит тусклое равнодушие и тебя перестает заботить отношение окружающих. Опять же рано или поздно любому палачу повезет отыскать тех, кто не станет относиться к нему как к прокаженному. И вот этот крохотный круг светлых знакомцев и даже друзей и будет спасать отнимающего жизни от полного одиночества.
Повисшую после моей размеренно лившейся истории тишину нарушили несколько удивленные и даже разочарованные слова сильги:
— И… все? Из этого и складывается жизнь палача? Равнодушие, привычное одиночество, долгие молчаливые путешествия…
— Все так.
— И больше ничего?

— Ну почему же — улыбнулся я — Со временем узнаешь в каких харчевнях и постоялых дворах готовят самые вкусные блюда…
— Уж прости, что перебиваю… но я спрашивала не об этом! Ты описываешь жизнь обычного…
— Человека?
— Да!
— Но я и есть человек.
— Ты хитришь, палач Рург!
— Нисколько…
— Ты описываешь свою жизнь так мирно… но ведь ты не бродячий лекарь и не паломник. Ты палач!
— Да. И что?
— Что может быть мирного в твоем деле? — сильга возмущенно выпрямилась в седле, уперла кулаки в обтянутые штанами бедра и я поспешно отвел взгляд от ее приподнявшей рубаху груди — Я… я ожидала услышать что угодно, но только не описание твоей безмятежной дорожной скуки!
— Ты как все. Ждешь от меня историй о том, как я кромсаю и убиваю — понимающе кивнул я — Ты ждешь от меня страшилок. Ты хочешь услышать морозящие кожу и кровь рабочие палаческие истории.
— И это тоже!
— Но моя жизнь складывается не из этого — пожал я плечами — Моя жизнь — это стелящийся и стелящийся бесконечный узор дорог и тропинок. Не зря палачей порой называют пауками, ведь переплетенья дорог — наши паутины, а мы, услышав дрожанье нити, спешим на этот зов, чтобы оборвать жизнь попавшейся мошки и получить за это свои кровавые деньги.
— Ух! Вот это уже звучит лучше! Куда лучше! Прямо просится на страницы моей книги.
— К чему подыскивать звучные слова, сильга? Пиши, как есть. Без приукрас.
— Так ты так и говоришь — удивительно звонко рассмеялась сильга и тут же смущенно кашлянула, отворачиваясь и нарочито внимательно глядя на тянущиеся по обочине дороги красные турмосы — удивительно неприхотливые цветы, что первыми просыпались весной и последними засыпали осенью.
Кашлянув еще пару раз, сильга убрала выбившуюся прядь волос обратно за ухо, потеребила одну из свисающих вдоль щек красных нитей и все же не сдержалась:
— Ну все же почему ты стал палачом, Рург? Может ты с юности хотел вызывать страх и уважение у простых смертных?
Настала моя очередь фыркать и смеяться, но в отличие от сильги я этого не скрывал и рдеющими турмосами любоваться не стал. Сумев справиться с приступом смеха, я утер глаза и покачал головой:
— Глупости… меньше всего я желаю чьего-то там страха и уважения. Хотя… отчасти это ложь. Иногда я испытываю злость и намеренно причиняю особую боль тем из перепуганных приговоренных, кто совершил особо мерзкое деяние.
— И никакие деньги его родичей, что всегда видят в звере любимое чадо, тебя не остановят, палач? Не смягчат твою руку?
— Не остановят. Не смягчат — ответил я, легко выдержав испытующей взгляд девчонки — Ты умна, сильга.
— Ого… какие неожиданно приятные слова…
Я опять качнул головой:
— Это не в радость тебе, сильга Анутта. Порой ум и пытливость только во вред. Куда проще жить… проще…
— Проще жить проще? Ха!
— Отвык от долгих разговоров — усмехнулся я и, глянув на начавшее пасмурно темнеть небо, поправил плащ и ткнул пятками сапог в лошадиные бока — Поторопимся. Есть тут неподалеку вместительный придорожный амбар с навесами…
— Ты мастерски ускользаешь от ответов, палач.
— А ты мастерски задаешь их снова и снова.
— Хлеб для сильги — дорога, соль для сильги — беседы.
Я промолчал, привычно скользя взором по зажавшим дорогу оберегаемым хвойным лесам. Места здесь мирные, но осторожность никогда не бывает лишней. Даже для палача с красными метками на одежде. И уж точно не для тощей как бродячая кошка сильги.
Амбар был построен на совесть. Бревенчатая крепкая постройка с островерхой дерновой крышей, что по здешнему обычаю установлена на высокие дубовые чурбаны, была окружена широкими навесами, под которые легко могли укрыться лошади и повозки. Ну и путники, конечно, коих застала на дороге непогода или ночь. Я был давно знаком с

приглядывающим за амбаром крепким дедком, что и в зимнюю стужу, и в летний зной не снимал старенького овечьего полушубка и облезлой шапки. Он, как и оберегаемый им амбар, что стоял на границе обширных полей, был родом из селения Торбачи. Раз в год, после жатвы и обмолота в примыкающей сзади риге, когда амбар был полон, сюда ненадолго съезжались местные скупщики, что после быстрых торгов со старостой селения заключали сделки, грузились и убывали. А старик оставался. Как и его две собаки. Крупный полудикий пес Злой и мелкая пятнистая собачонка Шалая, что вечно путалась под ногами.

Как раз Шалая и отлетела с визгом в сторону от небрежного пинка по-городскому одетого парня в модной нынче широкополой шляпе с полосатым пером, что никак не годилась для защиты от дождя из-за частых дыр в полях.

— Не тронь собачку! — заспешивший на шум старик Бутрос торопливо замахал руками, призывая скулящую собаку.

— Да сама под ноги лезет! — рыкнул в ответ горожанин — Тварь шелудивая!

Подведя лошадь ближе, я спешился, приземлившись правым сапогом аккурат на его опрометчиво отставленную туфлю с загнутым носком.

— Ай! — совсем по-бабьи взвизгнул парень и, выдернув отдавленную ногу, запрыгал на другой.

— Не лезь под ноги — буркнул я, берясь за поводья и шагая к навесу.

Не выдержав моего взгляда, горожанин опустил побагровевшее лицо и… вздрогнул, только сейчас разглядев красную метку на моем плаще. Ну да… испугался крупного мужика, а затем вдвойне испугался, опознав во мне палача. Но с чего бояться, если не совершил ничего дурного?

— Как здоровье, Бутрос? — спросил я у заулыбавшегося мне старика.

— Да пока кряхчу помаленьку! И собачки живы, хотя Шалая совсем уж дурная стала по старости лет…

— Ну и славно — улыбнулся я в ответ — Приютишь? Дождь вот-вот…

— Ливанет как следует — закивал старик, указывая на боковой навес, чья крыша сплошь поросла турмосами — Располагайся, Рург. Ох ты… — только сейчас он разглядел спешившуюся рядом со мной девушку и понял кто она, судя по округлившимся от изумления глаза — Не иначе как дорожная блудница? Ой… — закашлявшись, захлопав себя по тощим ляжкам, он согнулся и поспешил прочь, явно изнемогая от невероятной силы смущения.

— Правы те люди, кто говорит, что старики с годами как дети становятся — вздохнула сильга, поправляя ножны меча — Что на уме — то на языке.

— Поспешим — сказал я, коротко глянув на совсем уж потемневшее небо — Не хочется промокнуть. А Бутрос… он старик душевный, простой и с судьбой надломленной. Его жену и детей убил обезумевший бродячий торговец, что напросился к ним на постой. Сам Бутрос получил три удара топором в спину и один в голову. Упал замертво… и только поэтому и выжил. Выхаживали его всем селением, а как поправился — в старом доме жить больше не захотел и ушел жить сюда — в придорожный амбар.

— Святая Лосса… — зеленые глаза остановившейся сильги скользнули по суетливо бегающему вокруг прибывшей тяжелой повозки старику — Я знаю немало подобных историй и все же каждый раз царапает по сердцу. Бедный старик…

— Годы прошли — пожал я плечами — Душевные раны немного затянулись. Но знаю, что в родные Торбачи он наведывается лишь четыре раза в год — на дни рождения погибших родных, чтобы посидеть у их могил. И на праздник общего поминовения, когда под осенней красной опадающей листвой засыпающих кленов выставляют столы и в больших котлах готовят особую густую мясную похлебку. Я пробовал. Очень вкусно…

— Мне надо с ним поговорить.

— Зачем бередить почти зажившее? — поморщился я, разом пожалев о своей болтливости.

— Я не сказала что хочу — на этот раз зеленые кошачьи глаза смотрели с укором — Я сказала «надо». Ты ведь понимаешь разницу, палач Рург?

— Тебя интересует тот бродячий торговец?

— Да. Знаешь что-нибудь?

— После совершения столь страшного деяния он ненадолго пришел в себя и, обливаясь слезами, окровавленный, побежал к дому старосты. Добудился, признался в содеянном, сдался им на руки, позволил себя связать и, перепуганный, трясущийся, выл весь остаток ночи напролет. Серым рассветным утром его поспешно погрузили на повозку и отправили в город — дабы деревенские не осквернили себя самосудом и смертным грехом. Еще через день торговец покаялся в убийстве, отбыл неделю в городской тюрьме и был подвергнут калечащим пыткам, после чего обезглавлен. Тело похоронено в неуказанном месте. Но я догадываюсь, где искалеченный убийца нашел свой последний покой. Все имущество

убийцы было продано, деньги пошли в пользу Бутроса, но ему они без надобности — он довольствуется крайне малым.
— Мне надо с ним поговорить — повторила Анутта — Но я не хочу бередить его душу, не хочу пугать… Помоги мне, Рург. Попроси его просто рассказать, как все было.
— Как убивали его родных? Еще раз провернуть нож в сердечной ране?
— Нет же! До этого! Я хочу знать обо всем, что случилось до того, как бродячий торговец вдруг обезумел и взялся за топор.
Ненадолго задумавшись, я неспешно снимал с лошади седло, в то время как другая, вьючная, нетерпеливо тыкала мне в затылок мордой, требуя поторопиться. У старого Бутроса всегда находилось для них что-нибудь вкусное и лощади это помнили.
— Хорошо — наконец кивнул я — Я попрошу. Но не сейчас. Пусть начнется и закончится дождь. Пусть уедут все, кто собрался переждать ненастье. Потом я помогу Бутросу навести порядок, угощу его остатками вина из своих запасов и попрошу рассказать ту давнюю историю. Но…
— Но?
— Но я сделаю это все только в том случае, если ты скажешь мне, что все это не забавы ради. Что все это не ради того, чтобы потешить свои чувства мрачной былью и не ради того, чтобы записать очередную историю в твой дорожный дневник.
— Палач Рург… — ладонями проведя себя по волосам, сильга тряхнула ими, будто сбрасывала брызги еще не начавшегося дождя и медленно произнеся — Я бы никогда не стала бередить плохо зажившую душу этого старика ради забавы. Поверь мне.
Выдержав паузу, я кивнул:
— Хорошо. А теперь поторопимся. Не хочется намокнуть уже в самом начале путешествия.
Отвернувшись друг от друга, мы занялись ремнями и пряжками, а поднявшийся ветер прижимал к земле траву, срывал красные лепестки турмосов и гнал их прочь по пыльной дороге. Вместе с ветром пришел запах приближающегося ливня, и мы заспешили сильнее, но все же не успели и втащили седельную поклажу и сами седла уже под теплым дождем, оставив на время радостно фыркающих лошадей трясти пыльными гривами и стремительно намокать. Дождь надолго — я знал это благодаря большому опыту путешествий и потому, оказавшись в сухости, торопиться перестал совершенно, начав основательно располагаться под боковым навесом, где имелась невеликая глиняная печурка и запас хвороста. Разложив свое одеяло, вытащил из седельной сумки тяжелый чугунный чайничек с едва различимым затейливым узором. По привычке бережно проведя ладонью по выпуклому узору, тяжело вздохнул, вспоминая заплаканные глаза его прежней владелицы, чей сын по глупости, безотцовщине и пьянству сполна заслужил всю ниспосланную ему кару. Жизнь его пощадить я не мог, но умер паренек безболезненно. Чайник мне подарили уже позднее — заплаканная мать передала через подружку в качестве благодарности за мое понимание. Тем же вечером безутешная мать совершила страшный грех, наложив на себя руки. Ее нашли повешенной и чайник я так и не сумел вернуть. Оставил себе, чтобы во время бескровных ночлегов заваривать в нем чай и не забывать…
Растопив печь, убедившись, что вещи в сухости, я накинул на голову капюшон плаща и вышел под дождь. Нилла далась легко, а вот озорную Нарлу пришлось поуговаривать, прежде чем она согласилась наконец войти под навес. Хорошенько растерев лошадей пучками сена, привязал к мордам торбы, сыпанул туда овса и поспешил к закипевшему чайничку. Люблю я эту мирную рутину, что приносит успокоение разуму… Вот я уже и почти забыл глаза того трактирного убийцы с перепуганным темным взглядом запавших глаз.
Обиходившая свою лошадь сильга опустилась на соломенный сноп напротив, накинула на колени одеяло, с наслаждением зарыла босые омытые из деревянного ковшика ступни в сухое сено и затихла, с намеком глядя на чайник и помахивая у колена небольшим тканевым мешочком.
— Что там?
— Сухой шиповник. Дикий. Лесной.
— Пара ягод будет в самый раз — одобрительно улыбнулся я, протягивая руку — Позволь угостить тебя чаем, сильга Анутта.
— Приму с благодарностью — девушка церемонно склонила голову — Может все же расскажешь почему ты решил стать палачом? Погляди — даже погода дала нам передышку в пути.
— Нет у меня особых причин. Разве что… — разливая дымящийся чай по медным чашкам, каждая из которых имела свою собственную историю и была найдена мной в разных местах и с разными историями, хотя обе они вышли из рук одного мастера медника…
— Разве что? — тихое, но настойчивое напоминание сильги заставило меня оторваться от не слишком приятных воспоминаний о далеком прошлом и окунуться в куда более темные

и еще более отдаленные от сегодняшнего дня омуты памяти — Несправедливость… глумление… жестокая смерть солдат…
— Я… я не понимаю… — с лица девушки исчезла улыбка, а во взгляде возникла тревожность — Но я чувствую твою боль… всплеск душевной боли… Послушай, Рург… хоть про сильг и говорят, что мы питаемся праздным любопытством, если это слишком личное для тебя…
— Нет — я успокаивающе улыбнулся и сам уселся поудобней, прижавшись спиной к старым потемнелым чурбакам, что бережно хранились под навесом — Нет… Это было давно. Не знаю приходилось ли тебе ее слышать, но есть одна старая горская поговорка… — помедлив, я убедился, что помню ее правильно и неспешно проговорил вслух — В землях без смерти на плахе все больше и больше голодных сирот.
— В землях без смерти на плахе все больше и больше сирот — медленно повторила сильга и на ее прикрытых одеялом коленях словно сама собой возникла раскрытая книга в кожаном переплете — Не слышала… и мне не нравится это присловье… веет от него каким-то холодом…
— Страшное присловье — согласился я и, сделав небольшой глоток обжигающего чая, глядя на перекусывающих овсом лошадей, я начал вспоминать — Впервые я столкнулся с людской гибелью на поле брани. Я был солдатом. Новобранцем. В солдаты я не рвался, но выбора мне не оставили… и пришлось надевать бело-синие цвета. Семнадцатилетняя война Рубинового Венца и Сапфировой Короны…
— Она унесла так много жизней…
Я горько усмехнулся:
— О да… все мои друзья детства оказались в числе погибших. Мы вместе оказались в армии, где нас наспех обучили кое-как владеть тяжелыми боевыми копьями и… бросили в самое пекло Рандуноцвета.
— Поле Рандуноцвета… Святая Лосса… там погибли тысячи…
— Да — кивнул я — Тысячи с обоих сторон. Битва началась затемно и закончилась с закатом. Рубиновый Венец умылся кровью и позорно отступил. Сапфировая Корона победила.
— Ты оказался в числе победителей.
— Нет. Я пал от вражеских стрел в самом начале сражения. Даже не успел направить свое дрожащее копье на несущуюся на нас кавалерию. Меня завалило другими телами и все почернело перед глазами. Очнулся я уже ночью. Очнулся от боли в груди и от тяжести давящих на меня тел. Тогда я еще не знал, что трупы упавших на меня друзей спасли мне жизнь. Стоило мне с трудом приоткрыть один глаз — другой был залит засохшей кровью — и сквозь пальцы чьей-то свисающей у меня перед лицом мертвой руки я увидел их…
— Их? — сильга перешла на шепот, ее рука с пером замерла над страницей походного дневника.
— Приговоренные — чтобы скрыть обуявшие меня чувства, я наклонился над чайником и потратил некоторое время на то, чтобы подбросить хвороста в угасающий огонь и добавить воды в опустевший чайник — Понимаешь, сильга Анутта… палачи — великая редкость.
— Вас очень мало.
— А когда палач умирает или по старости или болезни уже не в силах продолжать свое дело… ему не сразу находится замена. Порой на это уходят долгие месяцы. А люди продолжают вершить страшные дела. Их ловят, приговаривают к пытками и казни, заключают в тюрьму и… кормят их месяц, два, три… иногда полгода… Но это в городах. А вот в затерянных среди долин и лесов селениях никто не станет долго кормить дармоеда. Но и убивать его не будут — ибо грех. Никто не хочет угодить в огненную тьму Раффадулла. Поэтому, обычно в конце осени, когда сытые деньки подходят к концу и пора надеяться только на загодя сделанные припасы, этих приговоренных попросту изгоняют за околицу.
— Погоди… я слышала о таком. Их еще называют живыми мертвецами. Но они редкость.
— Обычно — редкость. Но в те темные дни разом исчезло сразу три палача. Какая-то странная история с пожаром, что разом унес три палаческие жизни. Одному-то палачу замену трудно сыскать. А когда исчезают сразу трое… — покачав головой, я продолжил уже куда спокойней — Когда я открыл глаз и взглянул на погруженное в темноту заваленное мертвыми телами поле брани, я увидел цепочку плывущих в ночи факелов, а под ними их — Приговоренных. Они обыскивали тела, забирая все ценное. Как оказалось, им просто повезло… Проигравшие отступили, позорно бросив своих умирающих и еще не успев заключить договор о перемирии, дабы спасти раненых и похоронить павших. Победители же были заняты тем же — переговорами. И пока две отошедшие от поля Рандуноцвета армии зализывали раны и переговаривались, Приговоренные решили урвать свое.

— Мародеры.
— И убийцы — добавил я — Придавленный телами, я лежал и глядел, как они убивали еще живых солдат. Но убивали не быстро… нет… они жгли их раны факелами, вытягивали и поджаривали на глазах несчастных их собственные внутренности…
— Ох…
— Да — мрачно кивнул я — А что им терять? Они приговорены к смерти. И приговора им не избежать — ибо выгнать их выгнали из родных селений, но по одному старинному и строго соблюдаемому закону они были обязаны пометить их знаками Четырех Ран.
— Правый глаз, нос, правое ухо и правая ладонь.
— С такими метками куда подашься? Не примут ни в одно из селений. Убить не убьют, но попробуй приблизиться к домам — изобьют страшно, отобьют все внутренности. Поэтому приговоренные калеки сбиваются в шайки, что затем становятся жестокими разбойничьими бандами. И пока не выйдет приказ о их поиске, пленении или изничтожении солдатами… они остаются безнаказанными. И в тот, и без того черный день банда Приговоренных явилась на стонущее поле боя, чтобы поживиться и… позабавиться. Мне повезло и не повезло — меня они не заметили, но зато заметили других израненных бедолаг так близко от меня, что я увидел, услышал и унюхал все самое страшное — помолчав, я отставил опустевшую кружку и улыбнулся — Лежа под мертвыми телами я поклялся, что если выживу, то стану палачом. Так и случилось. Меня отыскали с рассветом, когда Приговоренные уже скрылись в сырой чаще. Мои раны залечили, война закончилась в том последнем побоище, как и моя армейская служба. Я мог вернуться домой и жить обычной жизнью. Но своего решения я не изменил. Все было решено еще тогда. Мой палаческий путь начался посреди ночи на поле брани Рандуноцвета и продолжается по сию пору.
— Те жестокие твари…
— Я нашел каждого. Не все пали от моей руки, но все они давно мертвы.
— Ты пытал их?
— Да. Они умерли от пыток — спокойно произнес я и взглянул на свои ладони — Они умерли страшной смертью. Мужчины, женщины и даже старики. Осуждаешь?
— Осуждаю…
— Почему?
— Разве не может быть такого, что среди тех Приговоренных были сошедшие с ума? Душевная болезнь меняет людей, делает их жестокими, страшными…
— Может и так… может сегодня я бы решил иначе. Но тогда я был молод, я потерял всех своих друзей в бессмысленной войне… и я был очень зол.
— Скорее твой страх смерти выродился в злобу… а ты не мог не бояться — если бы тебя нашли…
— Я был совсем мальчишкой — улыбнулся я — Конечно я боялся. Я был полумертв от сковавшего меня страха.
— И ты вот так стал палачом? А как же умения?
— В этом мне помог ныне покойный престарелый палач пребывающий на заслуженном покое. Я нашел его на лесной пасеке — я прикрыл глаза, вспоминая тот пронизывающий испытывающий взор и сердитый голос — Он жил отшельником и сразу прогнал меня прочь. Я умолил его выслушать мою историю. Просто выслушать и, если он повторит свой приказ уйти — я уйду.
— Но он не повторил?
— Нет. Он сказал мне бросить пожитки в дальнем сарае и заняться починкой его прохудившейся крыши — улыбнулся я — Еще чаю, сильга Анутта?

Глава 4

Со старым Бутросом, что жил почти отшельником, сильга говорила не слишком долго. Но обычным этот разговор было не назвать. Уже на втором ответе старик заплакал, стащил с головы старую шапку, скомкал, и утирая ей слезы, быстро и сбивчиво заговорил, не сводя затуманенного влагой и воспоминаниями взгляда с мерцающего на ладони сильги крупного сероватого кристалла. А тот, будто тоже слушая, то и дело начинал мерцать ярче, словно в костер подбросили охапку сухих веток, что горят быстро, жарко и недолго. Молодая девчонка со ставшим удивительно старым лицо, задавала вопросы и внимательно выслушивала ответы. А закончив, подалась вперед и вдруг крепко обняла старого Бутроса, сдавила ему плечи, что-то зашептала на ухо. И старик заплакал в голос, навзрыд,

всхлипывая, он обхватил сильгу за плечи и заревел как умирающее больное животное, исходя дрожью, выкрикивая имена давно умерших членов семьи.
Ливень давно закончился, все разъехались и под навесом кроме нас не осталось никого. Судя по сильге ей было привычно подобное проявление чувств от уже седых стариков. Да и для меня тут не было ничего нового — сколько уже раз приходилось мне смотреть в почерневшие от горя глаза седых бабушек, что били меня сучковатыми клюками по плечам и выли в голос, стараясь не подпустить палача-убийцу к порогу за которым ждут своей участи их приговоренные к смертной казни внуки. Но я никогда не оставался равнодушным и еще многие дни спустя казни мне приходили перед сном взгляды на твоих глазах умирающих от горя людей. Сейчас же я испытал… облегчение. Большое и сильное облегчение. И я почему-то был готов поспорить, что старый Бутрос испытал то же самое чувство — но в разы сильнее.
В дни своих странствий по лесным тропам, мне довелось видеть, как от сильного порыва осеннего ветра только что багровевшие деревья вдруг разом теряют всю листву. Вот и Бутрос, как изогнутое ветрами и вечной погоней за солнечным светом старое усталое дерево наконец-то сбросил такую тяжелую умершую листву со своих стонущих ветвей…
Я уже седлал лошадь, когда бесшумно подошедшая сильга остановилась рядом и, вытянув руку, поймала в ладонь несколько искрящихся в лучах заходящего солнца сорвавшихся с навеса капель.
— Теперь ему станет легче — заметила она, с преувеличенным вниманием разглядывая три медленно стекающиеся воедино капли — Может он даже вернется в родное селение. Поздновато для начала новой жизни с новой семьей, но добрая поддержка старых друзей пойдет ему на пользу.
— Лучше сидеть на солнечной завалинке с кем-то, чем одному — согласился я, выводя лошадь из-под навеса и оглядывая мрачноватый старый амбар с примыкающей к нему ригой — Ты сделала доброе дело.
— Так ты понял?
— Что вместе со слезами он потерял и немного старого горя? — улыбнулся я — Не видел, но… почувствовал. Ты словно вскрыла старый нарыв с заскорузлой коркой и выпустила больную кровь.
Сильга с облегчением улыбнулась в ответ:
— Рада что ты понял правильно. Мы сильги часто заставляем людей плакать и многие думают, что мы злые насмешницы, что любят забавы ради ворошить давно остывшую золу на пепелищах горя…
— Я не из таких.
— Тот бродячий торговец, что убил несчастную семью Бутроса — где он?
— Как я и говорил — казнен.
— Казнен — с кивком повторила девушка и, поймав несколько красных нитей в руку, начала задумчиво наматывать их на палец — Это я помню. Но где он?
— Он? Останки?
— Да. Тело казненного. Ты говорил, что догадываешься, где могло упокоиться его тело. Подскажешь?
Кивнув, я развернулся и взглянул на неподвижно сидящего на старом бревне Бутроса, пододвинувшего ноги к остывающей глиняной печурке. Подставив морщинистое лицо затухающему свету, старик едва заметно улыбался.
— Подскажу — ответил я наконец и одним мягким движением поднял себя в седло — Если пойму, что это действительно необходимо.
Поднявшись следом за мной в седло, сильга первой ткнула лошадь в бок и двинулась к покрытой лужами дороге, неспешно поправляя длинную накидку, что скрыла ее ноги до голеней. Я последовал ее примеру и расправил плащ. Будет жарковато, зато уберегу одежду от пятен грязи, что летит ошметками из-под колес встречных повозок.
— Мне надо осмотреть тело казненного бродячего торговца, палач Рург.
— Это я и так понял. Но для чего?
— Возможно убивал не сам торговец.
— А кто же? Он сам признался. А старый Бутрос — выживший свидетель.
— Нет-нет, я не говорю, что другие руки держали топор. Но душа торговца… его разум… возможно они были порабощены.
От ставшего более низким и хрипловатым голоса сильги меня не пробрала дрожь, но вот ленивая сонная дрема от меня ушла мгновенно. Подобравшись в седле, подавшись вперед и заставив коня двигаться чуть быстрее, с плеском окуная копыта в мутные лужи, я спросил:
— Порабощены кем?
— Кхтуном — доверительно сообщила мне девушка.

Я пытался сдержаться. Но не получилось и, скрючившись, зажав рот ладонью, я испустил приглушенный хрюкающий смешок.
— Ты нашел в моих словах что-то смешное, палач Рург? — голос сильги резко похолодел, сама же она негодующе выпрямилась, уставилась на меня сердитыми глазами — Что так развеселило тебя в моих словах, Нагой Убийца?
Как назло, навстречу нам трясся в седле почтовый курьер в длинном кожаном плаще, что услышал окончание последней фразы и изумленно уставился на меня, уже открывая рот для насмешки или вопроса. Но тут с его сонных глаз спала пелена, он увидел красные отметины на моем плаще, зацепился взглядом за красную рукоять топора и… со щелчком зубов захлопнув рот, поспешно пришпорил лошадь и разминулся с нами в гробовом молчании.
— Прошу не называй меня так — мягко улыбнулся я.
— Прошу не смейся надо мной! — парировала сильга Анутта.
— Я смеялся не над тобой — возразил я — Но… кхтун?
— Кхтун!
— Они существуют на самом деле?
— Еще как существуют! И поверь — в них нет ничего смешного!
— М-да — осторожно произнес я, стараясь не рассердить вспыхнувшую девушку еще сильнее — Вот так детские сказки становятся былью.
— Скорее детские страшилки… — уже не столь зло пробурчала девушка — Прошу прощения за мое негодования, палач Рург. Ты имеешь право смеяться.
— Кхтун… — повторил я — Первый раз я услышал о нем в самом юном возрасте. Меня стращал ими отец, говоря, что после заката не стоит выходить за дверь, если я не хочу стать добычей кхтуна.
— И он был прав! А еще нельзя долго любоваться отблеском закатного света в оконном стекле. Ну и уж точно нельзя вглядываться в свое отражение во льду. Кхтуны слабы. Взрослого им не одолеть. А вот детские открытые души — лакомый для них кусочек. Не сосчитать сколько несчастных детей сошли с ума только потому, что излишне долго вглядывались в темный лед, что сковал за ночь бочку с дождевой водой. Еще кхтуна можно случайно пронести через порог внутри гнилого полена или снежка…
— Глядя на твою серьезность… я понимаю, что ты говоришь это не забавы ради. Но… сильга Анутта, я прожил немало зим и ни разу не слышал, чтобы кто-то был порабощен… кхтуном.
— Я слышу нотки веселья в твоем голосе! — девушка снова начинала злиться.
— Все так — я с трудом сдерживаю глупый смех — признался я — Но представь себя на моем месте! Кхтун? Порабощенные души? Почему об этом никто никогда не слышал?
— Еще как слышали! Просто с тех страшных времен, когда кхтуны покоряли своей злой воле целые людские селения миновали тысячи лет! Мы научились бороться. Ты ведь знаешь о приходящих раз в год служительницах Лоссы?
— Ритуал Чистовета.
— Он самый.
— Кто не знает о нем? Сестры Лоссы с песнопениями проходят по селениям, неся над собой огромные глэвсы. Это красиво — я прикрыл глаза, погружаясь в детские воспоминания — Очень красиво и загадочно. Мы с друзьями делали все, чтобы только поймать лицом или хотя бы кончиком пальца цветной солнечный зайчик глэвса…
— А был ли кто-то из твоих друзей, кто избегал принимать участие в празднике Чистовенья? — прищурилась сильга, повернувшись в седле — Кто-то не хотевший бегать за цветными солнечными зайчиками…
— Все мы носились как оглашенные, стремясь поспеть за медленно плывущими по улицам глэвсами, что поднимались на шестах над головами торжественной процессии — рассмеялся я — Мы так старались опередить соседских детишек… сколько раз мы разбивали себе носы и колени о стены или лошадиные стремена, когда задрав головы, мчались по улицам… Мы с друзьями изнемогали от желания быть первыми, кто дотянется до… — осекшись, я уставился перед собой в пустоту, потянул за поводья, останавливая Нарлу — Киврил.
— Киврил? Южное долинное имя.
— Они и были родом с южных долин — кивнул я — Он был младше меня на полгода. И мы были очень похожи — так похожи, что нас часто путали. Мы не знали устали в наших проказах. Но в день Чистосвета Киврил всегда держался подальше от процессий, музыки и солнечных зайчиков. Чаще всего он вообще не выходил из своей комнаты и прямо сейчас я вспомнил, что однажды видел его в один из таких дней. В погоне за большим зеленым солнечным пятнышком я забрался на высокое дерево, пришлепнул ладонью ползущий по коре отблеск, повернул голову и увидел его…
— Что он делал?

— Я увидел его через окно — ответил я, проговаривая каждое слово очень медленно, заново осмысливая свои воспоминания — Он, закутанный в содранную с постели простыню, был в своей комнате и вжимался лицом в угол задней стены. Подо мной треснула ветка и он обернулся. Я увидел его лицо — очень испуганное искаженное лицо с раскрытым в ужасе ртом. Тут мальчишки снизу завопили, и я поспешил к ним.
— Кхтун! — сильга произнесла это слово с абсолютной убежденностью — Никаких сомнений!
— Погоди… я ведь тогда не забыл увиденного. И в тот же вечер, когда сестры Лоссы покинули наш городок, отыскал Киврила и спросил для чего он кутался в простыню и вжимался в угол. Киврил сказал, что они с отцом играли в «затаись-ка». И я поверил. Его отец был там же и все подтвердил. Они как раз вскрывали с соседями праздничный бочонок пива по случаю очищения городка…
— Еще один кхтун! Малое гнездо тварей! Они всегда покрывают друг-друга. Вспомни — видел ли ты хоть раз отца Киврила в толпе рядом с процессией в честь Чистосвета.
— Нет — уверенно произнес я — Но я никогда и не искал лица взрослых. Для нас они были мрачными громадинами пахнущими пивом и табаком.
— Где сейчас семья Киврила?
— На следующий год после того события они вдруг уехали — отозвался я, опять погружаясь в воспоминания — За неделю до Чистосвета.
— Что-то особенное должно было случиться в тот год?
— О да — к нам проездом пожаловала одна из святых стариц Лоссы, причем уроженку нашего городка. Все знали об этом загодя. Мэр с ног сбился, стремясь не ударить лицом в грязь. Столы ломились от еды!
— Вот и ответ… любая из старших сестер, а уж тем более из святых стариц, сразу почуяла бы темный запашок кхтунов!
— Кхтуны? — повторил я.
— Кхтуны — подтвердила сильга.
Я ненадолго замолчал, освежая в памяти все, что когда-то слышал о кхтунах. Зыбкие безголосые тени, что обитали на болотах, в темных сырых чащах и стоячих гниловатых водах. Дай им шанс — и они совьют гнездо у тебя в сердце. А затем станут тебе нашептывать всякое разное, одновременно оскверняя твою чистую душу и тем самым закрывая ей путь в светлое посмертье. Но это ведь всего лишь сказка…
— Зачем тебе тело казненного торговца, сильга Анутта?
— Кхтун всегда оставляет след — ответила девушка — Или еще хуже.
— Еще хуже?
— Кхтуны любят влажную гнилость — тихо пояснила Анутта — Очень любят. А еще они любят поспать.
Я сразу понял ее намек.
— Кхтун все еще может оставаться внутри искалеченного мертвого тела?
— Может. Если уже не нашел себе нового раба… Так ты знаешь, где мертвое тело?
— Его казнили в Буллерейле — ответил я — Мы будем там завтра к вечеру, если погода опять не испортятся, а в дороге не встретится помех. К северу от этого городка находятся Скотные Ямы. Там со всех окрестностей захоранивают павший скот, домашних любимцев и тела особо мерзких преступников.
— Вместе со скотом?!
— Нет… — я качнул головой — Насколько я слышал, там на склоне есть небольшая отдельная пещерка, которую отвели под общий могильный склеп для казненных. Безымянные ниши заложенные кусками скрепленного известью природного камня.
— Безымянные?
— Нам надо будет поговорить с Нимродом — вздохнул я — Он подскажет кто где лежит, если захочет с нами поговорить.
— А кто он?
— Еще один одиночка — мрачный и нелюдимый. Он приглядывает за Скотными Ямами Буллерейла.
— А почему он может не захотеть с нами поговорить?
— Потому как затаил на меня давнюю обиду — испустив еще один вздох, я почесал лоб и опять уронил руку на луку седла — Будем надеяться, что обида уже не столь глубока…
К вечеру нам повезло остановиться у достаточно радушного селянина, что позволил нам разместиться в пустующем сарае. Приземистое крепкое строение с выложенной зеленым дерном сараем удивительно сильно напоминало возведшего его хозяина — невысокого, плечистого, с крупными мозолистыми руками нестарого еще мужчины, чьи предки некогда пришли в эти земли с плодородной, но каменистой землей, могущей похвастаться не только богатыми урожаями, но и страшными снежными бурями.

Сменились поколения, появились и разрослись деревенские кладбища, а работы не убавилось — здешняя землица каждую весну выталкивает на поверхность все новые и новые камни, а порой и немалых размеров глыбы, которые приходилось окапывать, раскалывать и вывозить кусками. Одно хорошо — хватало материала для искусно сложенных каменных стен, что тянулись вдоль дорог, отгораживая пастбища и поля. Здешний люд ценит каждую пядь с таким трудом возделываемой земли и бдительно следит как за исправностью стен, так и затем, чтобы по их полям не шлялся абы кто. Стоило нам задержаться у жердяных ворот, и хозяин крепким основательным грибом вдруг вырос по другую их сторону. Молча выслушал, коротко кивнул, ткнул рукой в сарай и ушел, пробурчав почти невнятно о том, что лошадей можно без боязни пустить пастись — в нынешнем году это огороженное поле отдыхает незасеянным.
Вскоре немного испуганный паренек, что был чуть менее крупной и бородатой копией своего отца, принес нам большой кувшин с молоком и стопку завернутых в чистое полотенце сладковатых тонких ржаных лепешек. Он же показал, как пробраться к бегущему меж двух межевых стен ручью с небольшой запрудой, после чего ушел, то и дело оглядываясь. И должен признаться, я не был удивлен, видя, что пугливый любопытный взгляд паренька был направлен только на сильгу, что как раз стащила куртку и выхлопывала ее об угол сарая. Юношу можно понять — судя по отчаянно полыхающим ушам и щекам, по стыдливо метнувшимся к штанам ладоням и ускорившейся походке, он впервые в жизни увидел девку в мужской и местами облегающей одежде. А тут еще девушка молода, красива и качает гибким станом из стороны в сторону, колотя пыльной курткой по торцам бревен… как тут не смутиться… Усмехнувшись, я занялся тем же самым — выколачиванием мелкой дорожной пыли. Я не торопился, по опыту зная, что еще долго буду возиться с лошадьми и пожитками, в то время как над разведенным костерком начнет тихонько булькать вечерняя каша, первая ложкой которой отправится в рот, когда над головой развернется волшебное звездное покрывало…
* * *
Скотные Ямы лежали в туманных низинах к востоку от Буллерейла. Отходя от восточного тракта, к Ямам вела одноколейная каменистая тропа, что вполне подходила для повозок с высокими крепкими колесами, чьи обода были окованы железом. Дощатые борта скрывали содержимое, но не могли скрыть запаха разложения, поэтому перевозящие павший скот и отходы повозки отправлялись из города только с приходом ночной темноты, оставляя за собой незримый длинный шлейф вони. Покидая Буллерейл, держась обочины, освещаемые шестами с масляными фонарями, они добирались до идущей вниз пологой тропы и тут же тонули во влажном густом тумане, что, казалось, был здесь всегда.
Я был в Ямах лишь однажды. Около трех лет назад. Дело было ясным днем, но стоило мне углубиться в больное редколесье, где невольно чудилось, что из-за каждого дерева с черной отслаивающейся лохмами корой за тобой кто-то наблюдает, меня окутал густой холодный туман. Я хорошо запомнил то место и посему сделал все, чтобы ускорить обычно размеренный свой палаческий путь, а кое-где даже срезал узкими лесными тропами. Благодаря этому мы оказались на каменистой тропе задолго до заката, но даже это не спасло нас от потянувшихся навстречу языков удивительно холодного лесного тумана, что пугливо стелился над высокой травой. А я надеялся, что в эти еще теплые сухие деньки тумана здесь не будет…
Поежившаяся сильга Анутта невольно придержала лошадь и, приподнявшись в седле, попыталась что-то разглядеть в серо-черном мареве. Белесый туман облизывал лошадиные копыта, словно пробуя их на вкус, заодно пытаясь дотянуться до стремян. И дернувшаяся нога Анутты на миг поджалась, пугливо уходя от тянущихся к ней дымных языков. Девушка сердито зашипела, упрямо выпрямилась и, бросив на меня быстрый взгляд, отвернулась, преувеличено внимательно разглядывая удивительно ровные ряды умерших деревьев.
— Деревья были посажены? — ее голос едва заметно дрогнул.
— Еще есть время передумать — спокойно произнес я, проигнорировав ее вопрос — Так мы избежим несущего болезнь тумана и вони разложения.
— Почему я вдруг должна передумать? — на этот раз ей удалось сохранить голос ровным, но я не обманулся.
— Это место мало кому придется по душе — ответил я, милосердно отворачиваясь и опуская взгляд на выпирающие из земли толстые змеящиеся корни — Здесь скользко, мрачно и туманно…
— Туман пугает меня — призналась Анутта и, испустив долгий выдох, уже куда спокойней спросила — А чего боишься ты, палач Рург? Ты ведь тоже не хочешь спускаться туда… в туман.

— Уж точно не тумана — улыбнулся я — И я не боюсь. Просто… не хочу встречаться с Нимродом Вороном. Совсем не хочу.
— Почему?
— У него большая обида на меня. Справедливая обида — вздохнул я и, по лицу сильги поняв, что она все равно не отступит от своего решения, принялся затягивать потуже горловую пряжку плаща — Я пытался искупить свою вину, но у меня не получилось. Последний раз я был здесь три года назад и ушел ни с чем, стряхивая с одежды куски брошенных в меня чьих-то гнилых кишок. Год назад я намеревался попробовать еще раз. Но… проехал мимо, так и не решившись последовать этой тропе. И, честно говоря, узнав, что ты хочешь спуститься сюда, в Скотные Ямы Нимрода, понял, что от судьбы не убежать…
— Ты веришь в судьбу?
— Иногда — усмехнулся я — Выбирай же, сильга Анутта. Мы спускаемся к Ямам? Или же возвращаемся к тракту?
— Выбирать? Порой ты слушаешь невнимательно, палач Рург. Ведь я уже говорила — сильги лишены такой роскоши, как право выбора. Если есть даже зыбкое подозрение, что тот убийца торговец был одержим кхтуном… то мой путь лежит в Скотные Ямы.
— Но подозрений пока нет — возразил я, втягивая носом воздух и убеждаясь, что даже спустя годы здешние ароматы остались прежними. Влажный воздух напитан запахом гниющих трав, мокрой коры и едва заметной вонью гниющей плоти — Ты знаешь эти историю с моих слов.
— Не думаю, что ты солгал хотя бы в слове.
— Я не лгал. Но в свою очередь я услышал эту историю от других. А те от третьих… Истина искажена. И поверь, я как палач могу тебя уверить — мне часто приходится обрывать жизни обычных мирных людей, что выпили лишнего и сотворили страшное… кто знает — быть может торговца обуяла похоть, а может он решил, что его обокрали… Знаю я и того, кто убил товарища, решив, что тот специально привязал его лошадь под яблоней.
— Ох… она объелась паданцами?
— Подмела все подчистую вместе с гнилью — кивнул я — И умерла в мучениях. А владелец взялся за нож…
— Понимаю твои доводы, палач Рург. Но тебе не удалось скрыть свое любопытство. Признайся — ведь тебе интересно?
Помедлив, я кивнул и широко улыбнулся:
— Кхтуны? Одержимость? Я был бы лжецом, скажи, что меня не гложет любопытство. Мне любопытно настолько, что я готов выдержать еще одну встречу с Нимродом. Но…
— Еще одно «но», палач Рург?
— Нимрод ненавидит меня — вздохнул я — И ему действительно есть в чем меня обвинить. Если ты явишься одна и попросишь — он не откажет в помощи. Но если ты в компании со мной, его обидчиком…
— Обидчиком?
— Давняя история, что случилась чуть больше трех лет назад. Боюсь, что Нимрод Стальной Клюв не станет помогать той, кто путешествует с палачом.
— Так он не любит тебя или всех палачей?
— Кто любит палачей?
— Это не ответ.
— Нимрод Клюв не любит всех палачей. А меня он ненавидит.
— Сколько прозвищ и ни одно не могу назвать лестным. За что его так?
— Внешность — коротко ответил я и с очередным вздохом добавил — У него много обидных прозвищ. Люди любят клеймить даже невиновных ни в чем, кроме своей горестной участи.
— Какие глубокие слова для убийцы… хм…
Чуть подумав, сильга решительно кивнула, убрала волосы под капюшон и ткнула лошадь пятками:
— Я все же рискну.
— Что ж — усмехнулся я — Я предупреждал…
Осторожно продвигаясь, мы углубились в мрачное редколесье и начали спускаться по узкой каменистой тропе, что то и дело сворачивала, оббегая вздымающиеся из земли поросшие травой валуны, от которых вверх тянулись почти заросшие уже глубокие борозды. Видя, что сильга то и дело вздрагивает, когда к ее ногам словно живые тянутся плети тумана, я медленно и спокойно заговорил так, как палаческая жизнь научила меня разговаривать с теми из приговоренных, кто хотел достойно встретить свою участь и взойти на эшафот своими ногами и лично положить голову на плаху. Разум хочет… а перепуганное тело подчиняться не желает. Ноги подгибаются, с губ срывается позорный

визг, пальцы сами собой цепляются за решетку или ноги пришедшего за твоей жизнью палача…
С такими, видя их старания, я не спешу. Бывает усаживаюсь, без нужды неспешно осматриваю или точу топор, давая жертве привыкнуть к виду инструмента, что отсечет остаток отпущенных ему дней. Но главное — я разговариваю. Мерно роняю слова, спрашиваю о рецептах его родины, как скоро там приходит осень и охотно ли отступает зима. Хотя чаще всего я просто рассказываю какую-нибудь историю или вспоминаю о прошлом того или иного городка. Сейчас вот для сильгиного успокоения я вспоминал все мне известное о Скотных Ямах Буллерейла.
Сам же я узнал об Ямах несколько лет назад — после своего последнего неудачного визита. Более чем впечатленный увиденным, я вернулся в город и пока работница постоялого двора Медный Шиповник за немалые деньги отстирывала от моего плаща воняющие пятна, я за кружкой пива успел выслушать немало о Ямах. Вот ведь удивительно — люди обычно боятся разговаривать с палачом и держаться подальше от грешников, что осквернили себя грехом смертоубийства. Но стоило мне спросить о Ямах, как я оказался в тесном кольце подвыпивших местных, что нарассказывали такого…
Еще триста лет назад здесь был здоровый прекрасный лес, что был частью обширных владений тнектора Тарадия Фонр, что первым из своего рода стал губернатором Буллерейла. Лес был полон живности, тщательно оберегался егерями, что никогда не лютовали на простой люд, позволяя грамотно прореживать лес, забирать хворост, корчевать пни и собирать грибы, ягоды и травы. Охотиться — уже нет. Только для дворян. Всегда успешные охоты проводились здесь регулярно, имелись и охотничьи домики, где по слухам представители рода Фонр предавались похоти с молоденькими селянками. В общем все как всегда и есть чему позавидовать. Но это лишь прелюдия. И единственное, что я узнал из нее важного — в ту пору лес находился пусть на небольшой, но все же возвышенности.
И что с того?
А ничего. Вот только потом лес вдруг оказался долинным, а еще через столетие все уже говорили о лесе низинном и куда более влажном и… не слишком уж и здоровом. Тут появилась гниль. Многие травы исчезли, зато поперли грибы. Люди приспособились, охот стало меньше — крупная живность предпочла уйти в более сухие места. Лес же продолжал… опускаться. И наконец еще через век лес окончательно захирел, большая часть деревьев погибла и была вырублена, а на их место род Фонр принялся высаживать тополя и вязы, в надежде, что они осушат почву. Тогда же начали было копать сеть отводных канав, но вскоре забросили это дело — вода вверх по склону не потечет. Высаженные деревья не принялись, местность давно уже никто не называл лесом, охоты исчезли вместе с егерями, а редкие грибники порой возвращались перепуганными. Все дело в том, что земля начала обрушиваться целыми длинными пластами, вместе с деревьями и вылезающими из толщи валунами медленно сдвигаясь вниз. И куда все девалось? Там давно должна была образоваться гора, но до самой середки вся сползшая почва так и не дошла, исчезнув где-то на полпути. Зато туда доходила пока еще целая каменистая тропа — видать потому и уцелела, что камней здесь больше, чем земли — и упиралась в то, что назвали Скотными Ямами. Ими они и являлись — несколько наполовину заполненных жидкой грязью провалов в земле. Туда и скидывали павший скот, сливали помои. Неподалеку был участок посуше и его использовали под чудное место — кладбище для домашних любимцев, но никто не знает почему появилась у окрестного люда вдруг такая причуда. Сами они сюда обычно не тащились, передавая сверток с помершим любимцем золотарям и те добросовестно выполняли поручение.
Землями по-прежнему владел род Фонр, они же и платили тому, кто обитал здесь постоянно и приглядывал как за порядком, так и затем, чтобы повозки приходили каждую ночь и не отправляли в провалы вместе с помоями убиенные человеческие тела или нежеланных младенцев — было уже такое дело не раз. Род Фонр платил присматривающему не доброхотства ради — им в свою очередь платила казна за такое вот использование их родовых земель. Был лес — приносил деньги и немалые. Превратился в Ямы с грязью — опять же приносит какую-никакую монету.
Почему все так произошло? Тут мнения сходятся — под бывшим лесом жадное подземное болото. Оно то и проглатывает потихоньку то, что осталось от низины. Скоро и этого не останется — все будет пожрано болотом, что жаждет вырваться из-под давящей его землицы. Так если дело пойдет может однажды и сам Буллерейл скатится по склону в болото…
Почему меня так заинтересовало это место? Да потому что никогда прежде не приходилось мне бывать в месте столь неприветливом и угрюмом. И не каждый день услышишь о том, как гора превращается в яму, а светлый верховой лес в темную сырую низину. Есть над чем подумать во время долгих одиноких путешествий. Есть на что отвлечься.

Вот и сильга, глубоко погрузившись в историю, перестала пугливо вздрагивать и жадно ловила каждое мое слово, в то время как ее рука то и дело касалась кожаной промасленной сумки, где, похоже, хранились главные ее сокровища, включая книгу для записей. Мне было стоило продолжить свою почти убаюкивающую речь, но я замолк и мягко взялся за рукоять меча, что свисал с седла, выставляя напоказ красные ножны палача. Мое движение не укрылось от взора девушки и она мгновенно последовала моему примеру, взявшись за оружие, но пока не став доставать его из ножен.
— Что? — короткий правильный вопрос выдавал в ней опытную путешественницу, что не раз встречалась с дорожными опасностями, будь то оголодалые звери или разбойники.
Я отозвался не сразу, медленно скользя взором по то появляющимся, то снова скрывающимся в зыбком тумане мокрым деревьям. На их почернелой подгнившей коре мне чудились искаженные в ухмылках рожи с глазами дырами. Но это лишь обман зрения и я легко отмахнулся от иллюзий порождаемых собственных страхом. Да. Я испугался. Испугался разом, так же разом взопрев под курткой и плащом. По моей спине скатывались тяжелые капли пота, а я, убирая руку от меча, уже тихо успокаивающе улыбался:
— Почудилось.
— Почудилось что? — напряжение из голоса сильги не исчезло, равно как и колкие льдинки страха, что поселились на дне ее зеленых глаз, что сверлили мне переносицу.
Меня вдруг окатило еще одной горячей волной — смешением стыда и первых всплесков праведного негодования:
— Не подумала ли ты, что я взялся за меч…
Рассмеявшись, она тряхнула головой:
— Дабы вонзить его мне в спину? Жизнью больше, жизнью меньше — разве палач ведет счет? Нет, палач Рург. Я доверяю тебе достаточно, чтобы спать подле тебя ночью и не бояться за девичью честь или жизнь.
— Что ж… благодарю…
— Но ты не ответил. Что насторожило тебя?
— Испугало — поправил я ее, тычком колена заставляя лошадь двинуться дальше по тропе.
— Не каждый муж признается в обуявшем его страхе, а лишь сильнейший.
— Глупая долинная поговорка — рассмеялся я, чувствуя, что страх окончательно рассеялся, а спина медленно высыхает — И я не знаю, чего испугался. Словно… укол… ледяной укол…
— Нехорошо — лицо сильги помрачнело, а вот ее глаза напротив налились светом.
— Брось — фыркнул я, хотя внутренняя сторожкость никуда не делась — Туман, вечерняя пора, зябкость… вот и чудится всякое.
— Так что почудилось?
— А сам не знаю. Просто… я будто ощутил на себя ледяной взгляд — медленно проговорил я, отодвигая рукой мокрую ветку с побуревшими листьями — Тяжелый недобрый взгляд.
— Нехорошо — повторила сильга — Ничего больше не ощутил?
— Нет.
— Головная боль?
— Нет.
— Болезненная вялость на мгновение? Отяжелевшие руки? Неожиданная сонливость. Сонное безразличие?
— Ого… нет, ничего такого.
— Ощущение, будто тебя сейчас вывернет наизнанку?
— Да нет… это-то откуда? По голове меня не били, вина выпил немного.
— Ну… может и почудилось.
— А если бы я ощутил что-то из тобой перечисленного?
— Кхтун.
— О… — я невольно закатил глаза под лоб, но удержался от смешка — Опять они.
Сильга не обиделась. Усмехнувшись, она убрала руки под плащ, втянув туда же поводья и, чуть сгорбившись, чтобы сохранить тепло, заговорила, покачиваясь в седле:
— Кхтун овладевает твоим телом двумя путями, палач. Либо медленно и неслышно втекает будто сладкая патока в кувшин с узким горлышком, напевая неслышимые никому кроме тебя убаюкивающие разум песни-заклинания….
— Песни-заклинания?
— Либо же кхтун врывается в твой разум как бандит в мирный дом, ударом ноги выбивая дверь и впрыгивая внутрь! Но там его ждет зубастый злой пес, что всегда готов защитить свой дом.
— Постой… где ждет злой зубастый пес?

Выпростав одну руку из-под плаща, девушка трижды стукнула себя указательным пальцем в лоб:
— Там. В твоей голове. Ее надежно охраняют, палач. И потому кхтунам не так уж и легко украсть чужое тело.
— Какой еще пес?
— Ты — улыбнулась Анутта — Ты сам, Рург. Твой характер, твоя душа, твои страхи, твоя ярость. Все то, что составляет тебя из таких разных разноцветных ледяных и раскаленных кусочков, дает вторгшемуся кхтуну яростный отпор! По нашим знаниям, детский разум еще не вырастил себе подобного защитника, а вот разум взрослого уже под надежной охраной. Переступив порог чертогов твоего разума и души кхтун подвергает себя страшной опасности. Ведь коли он не справится с терзающим его охранником… ему конец!
— Погоди… верно ли я понял, что…
— Кхтун погибнет — кивнула сильга и с ее капюшона сорвались тяжелые капли осевшего тумана — А ты свалишься с тяжелой лихорадкой на день или два. Иногда дольше. Тут все зависит от силы твоего разума, палач.
— Никогда не слышал ничего подобного.
— Потому как не любопытствовал.
— Твоя правда. Всегда считал кхтунов просто страшилками для детей. Чтобы маленькие озорники и непоседы не выходили одни из домов, не совались в лес, не убегали купаться.
— К великому горю, кхтуны не просто страшилки, Рург…
— Но зачем тогда им медленно заморачивать детей, раз у них нет злого пса защитника? — я даже обрадовался, отыскав слабое место в словах сильги — Ведь они легко могут ворваться силой!
— Могут — согласилась Анутта — Может даже завладеют детским тельцем ненадолго. Но вскоре ребенок погибнет.
— Почему?
— Тело и душа ребенка подобны утлой хрупкой лодчонке и неумелому рулевому. Представь, что ты обитающее в бурной реке чудище, что желает захватить этот утлый хрупкий челн… но одно неверное движение и…
— Челн перевернется и потонет…
— Или же просто сломается. Моя наставница сравнивала детские чертоги разума с яичной скорлупой, лодчонкой из древесной коры… или же дорогой к далекому острову по только что вставшему тонкому речному льду. Поэтому с детьми кхтуны не спешат. Зачем? Ведь все дети мечтают о тайном друге, что сначала живет в мутном льду дождевой бочки за домом, следом переселяется тихим соседом в твою голову, чтобы не расставаться с тобой даже ночью и тихо шептаться под одеялом…
Я передернул плечами от охватившего меня отвращения.
— А чуть попозже поселившийся в голове дитя кхтун робко попросит разрешения разочек самому подвигать твоей рукой — ну чтобы помочь нарисовать рисунок, который обрадует маму. И не обманет — рисунок получится красивый, но необычный и чем-то пугающий. Кхтуны не могут рисовать иначе — они видят мир иначе. И посему мы всегда рассматриваем детские рисунки и не пропускаем мимо ушей слова радостной матери, что во всеуслышание объявляет о проснувшемся у ее сына или дочери удивительных умениях рисовальщика… Еще через неделю, а может и через две кхтун попросит себе и вторую руку. На время. Потом ногу. Или шею. Так он изучает тело… так он примеряет свой будущий костюм. Вживается в него. Делает тело ребенка своим… и под конец останется самое легкое — подчинить детскую душу свое воле и запереть ее где-нибудь в самом дальнем и темном мысленном чулане, где никто не услышит ее перепуганный вой…
— Проклятье… если все это правда…
— Никто не заставляет тебя верить, палач Рург. У тебя свое дело. У меня свое. Долго нам еще следовать этой тропой?
— Мы почти в самом низу — ответил я и, втянув ноздрями воздух, поморщился — Чувствуешь?
— Вонь…
— Вонь — подтвердил я — Нам осталось спуститься еще немного. Если есть чем замотать нос и рот, то самое время это сделать. Запах станет гораздо сильнее.
— Как же он здесь живет?
— Не знаю. Хотя… — пожав плечами, я замолчал.
— Ты так и не рассказал про Нимрода Ворона — напомнила сильга.
— Тут все просто — вздохнул я — Чуть больше трех лет тому назад я жестоко избил Нимрода, связал ему руки, заткнул рот кляпом, после чего привязал к своей лошади и более двух лиг тащил его за собой по тракту, порой волоча по камням и лужам. Так я дотащил его

до главной площади Буллерейла, рядом с коей располагается городская тюрьма. И… там же я освободил стонущего Нимрода Ворона.
— Ох… — зеленые глаза испытующе вгляделись мне в лицо — Ты ведь не шутишь…
— Какие уж шутки — горько вздохнул я — Моя вина. Со мной сыграла злую шутку моя ненависть к тем, кто выглядит как он.
— Как кто?
— Как я — этот голос исходил от чуть ранее замеченной мной фигуре в сером рваном плаще, что неподвижно сидела на упавшем в непогоду дереве и держала в руке взведенный арбалет, что лежал на запястье другой руки и был направлен точнехонько мне в грудь — Смерти ищешь, палач?
Вскрикнув скорее удивленно, чем испуганно, сильга схватилась было за рукоять меча, но опомнилась и, держа руки на виду, вопросительно воззрилась сначала на меня, а затем на сидящего на нашем пути незнакомца.
— Нимрод — проворчал я — Надо же… на этот раз не станешь швырять в меня гнилыми кишками?
— Как же он выглядит? — не выдержала сильга Анутта, внутренним чутьем понявшая, что схватки не состоится и пытающаяся заглянуть под серый рваный капюшон — Как?
— Вот так — отозвался Нимрод и откинул капюшон на спину — Любуйся.
— О… — только и произнесла девушка, не сводя взгляда с перекошенного злой ухмылкой бледного лица с уродливой стальной нашлепкой над губами, которую он сердито стащил вместе с лопнувшей тесемкой.
Нимрод был одноглаз и безнос. А еще у него не было большей части правого уха, хотя грязные спутанные волосы надежно скрывали этот недостаток. В довершении всех бед он не имел всех пальцев на правой руки, равно как и части ладони.
— Он…
— Нет — ответил я за угрюмо молчащего нелюдима, что не сводил с меня злого взгляда — Он не приговоренный к смерти. И да — три года назад я принял его именно за такового, когда случайно заметил блеск металла под его капюшоном. Остановив Нимрода на тракте неподалеку отсюда, я сдернул капюшон, снял стальной клюв, убрал волосы с правой стороны, глянул на правую руку и… узрел прячущегося под плащом смертника прошедшего варварский ритуал Четырех Ран.
— И потому….
— Да — подтвердил я — И потому я, невзирая на его крики о невиновности, привязал его к лошади и протащил по осенней дорожной грязи две лиги.
— Под насмешки… — хрипло добавил Нимрод, возвращая стальной клюв обратно и ловко придерживая тесемку искалеченной ладонью. Арбалет лежал на его коленях, но жало болта сместилось в сторону, указывая на умирающий дуб — Я тащился по лужам, а в меня с проклятьями и смехом швыряли грязью и камнями!
— Да — кивнул я — И только в Буллерейле мне сказали, что он не преступник, а такой же ветеран, как и я. И ранен он был в той же битве, что и я. Но ему не повезло куда сильнее. Вражеский всадник ударил его мечом и одним взмахом перерубил ему поднятую в защите правую ладонь и лишил уха. Вскинувшаяся лошадь ударила копытами в грудь и…
— И свет померк — ухмыльнулся Нимрод — Уходи, палач. Я не простил. И не прощу. И девку с собой забирай.
— Но глаз и нос? — девушка словно и не услышала его оскорбительных слов.
— Постарались те ублюдки — мрачно процедил я — Свора приговоренных. Они наткнулись на Нимрода. Но не убили.
— Лучше бы убили!
— Ох… они сделали его таким же как и они сами — поняла сильга и машинально коснулась своего носа — Они…
— Они отрезали мне нос и вывернули острием кинжала глаз! И они глумились! — рявкнул вставший Нимрод — Да! Глумились! Изуродовали меня! Ну что? Посмеялись? А теперь убирайтесь, пока я…
— Пока ты что, Нимрод Ворон? — звенящим голосом спросила сильга, откидывая капюшон.
Упали на плечи распущенные волосы с красными прядями, распахнувшийся плащ больше не скрывал обтянувшие женские бедра штаны, кожаную куртку и белую рубаху.
— Сильга! — потрясенно прохрипел Нимрод — Чтоб мне сдохнуть… всамделишняя сильга! Меч! Красные нити! Настоящая?! Настоящая шлюха восьми дорог и трех перекрестков?!
Сильга подавилась глотком воздуха, а я, поспешно отвернувшись, облегченно вздохнул — похоже, мне все же наконец-то удастся принести свои более чем запоздалые извинения…

Глава 5

Обиталище Нимрода Ворона походило на птичье неряшливое гнездо. Сложенная из подгнивших бревен одинокая хижина, крытая дранкой и дерном, засыпанная умершая листвой и переплетениями отпавших веток, что падали со склонившихся над жилищем больных гигантов. Опасность грозила этому жалкому пристанищу сразу со многих сторон. Упади одно такое дерево на хижину — верная смерть. А вот огня можно не бояться — слишком уж здесь влажно. Казалось, что мы не вдыхали, а вливали в грудь тяжелый мокрый воздух, что оседал в глотке и медленно стекал куда-то в дальше.
Спешившись, я удивленно моргнул, медленно огляделся, сверяясь с памятью. Да… ошибки быть не может…
— Что-то не так, палач? — в голосе сильги все еще слышались отголоски той вспышки ярости, кою она обрушила на косматую голову Нимрода после его опрометчивого восклицания о «шлюхе восьми дорог и трех перекрестков».
— Что-то не так — подтвердил я и указал рукой на хижину — Когда я был здесь в последний раз, то собственными глазами видел высокий жердяной забор и пару мелких хозяйственных построек. А сама хижина нижними венцами стояла на грубо отесанных валунах в мой рост и к ней вела достаточно крутая лестница в семь ступеней.
— Какой приметливый — брюзгливо проворчал прошедший мимо Нимрод, опять спрятавший голову и свое уродство под капюшоном старого серого плаща — Земля… земля все забрала себе. Утянула подчистую за три года и забор и сараи. Следом втянула в себя и валуны. А чего вы хотели от болота? Тут все увязнет и потопнет…
Я невольно бросил взгляд на свои сапоги, переступил, задумчиво взглянул на заполнившиеся водой глубокие отметины моих следов. Болото… а ведь когда-то здесь была поросшая прекрасным лесом вершина горы…
Скрючившаяся в седле сильга, что в сумраке пыталась разобраться в своих походных записях, выглядела такой несчастной, что вставший в дверях Нимрод не выдержал:
— К-хм… к-хм… госпожа может войти и обогреться. Я зажгу и масляный светильник.
— Благодарю тебя, Нимрод Стальной Клюв, если мне позволено тебя так называть — с некой даже церемонностью произнесла Анутта, начиная спешиваться.
— Да чего уж… просто Нимрод. Но войти дозволяю только тебе. Не ему.
Уже спустившаяся с седла, но не убравшая ногу из левого стремени сильга на мгновение замерла и, пожав плечами, опять поднялась на спишу недовольно всхрапнувшей лошади.
— Что ж… тогда я останусь здесь. Палач Рург… ты можешь сделать факел? Или зажечь костер?
— Сделаю — кивнул я, стараясь отвечать немногословно и удержать рвущийся наружу не слишком веселый смешок.
Пройдя несколько шагов, я поднял с земли толстую ветвь с остатками листьев и удивленно хмыкнул, обнаружив, что она тяжела и легка одновременно. Не ветка, а сгнившая пустышка, вот только набрякшая водой и оттого тяжелая. Попробовав ветку на излом, я сложил хрупнувшие обломки и продолжил поиски.
— Чтоб вас! — не выдержал Нимрод и косматой птицей качнулся у входа в свое гнездо — Он волок меня на привязи по грязи!
— Да — согласилась сильга, не отрывая взгляда от едва различимых в сгущающейся темноте страниц раскрытой книги — И прямо сейчас я вписываю ошибочные деяния палача Рурга в хроники сестринства Сильгаллы. Палач Рург был ослеплен старой ненавистью к отмеченным Четырьмя Ранами смертникам и потому не услышал твоих слов, Нимрод Ворон. Но разве Светлая Лосса не учит нас прощать?
— Такое не прощается! — рявкнул отшельник и ударил беспалой ладонью по влажной стене хижины — И я не прощу!
— Я пытался искупить свою вину — тихо произнес я.
— Ты…
— А ведь я мог убить тебя прямо там — добавил я прежде, чем он снова разразился гневными словами — Прямо на той поросшей красными турмосами дорожной обочине. А убив, погрузил бы твои останки на волокушу, притащил сюда — к булькающим грязевым провалам — и утопил бы в вонючей жиже. Но я сдержал топор, Нимрод.
— В яме?! Да туда только скот уходит! А ты меня бы туда швырнул?! Тьфу! Да и тебя самого осудили бы на смерть за убийство невиновного!
— Осудили бы? — еще тише переспросил я — Ты сам веришь в это? Я палач.
— И ты над законом?

— Нет. Но таких как я в округе нет уже долгие годы, и кто знает когда мне сыщется замена… Мой грех остался бы безнаказанным. Ведь зарубил я кого? Грязного бродягу с изуродованным лицом как у смертника лицом. Кто бы меня осудил за такую ошибку?
— Будь ты проклят!
— Был бы — убей тебя ни за что — усмехнулся я — Я не из тех, кто легко отнимает жизнь безвинного, а затем спокойно цедит вино в ближайшем трактире, уже позабыв в еще не просохшей крови на сапогах. Я бы сожрал сам себя за такое и потому я по сию пору благодарю Лоссу за то, что удержала мою руку от удара.
— Удержала? Ты бил меня как мешок с соломой!
— Ты первым пнул меня, Нимрод.
— Когда ты сдернул с меня капюшон и оторвал мне нос! Кто бы не пнул?!
— А затем ты прокусил мне руку и плюнул мне в лицо моей же собственной кровью…
— В то время как ты связывал мне ноги будто свинье! А перед этим ты ткнул меня кулаком в… — тут Нимрод вспомнил про внимательно слушающую нашу перепалку сильгу и, закашлявшись, прохрипел — По особо уязвимому месту!
— После того как ты попытался огреть меня палкой — кивнул я — А до этого мне пришлось выбить у тебя из руки нож.
— Справился с калекой!
— Справился.
— Ублюдок!
— Такое в моем роду замечено не было…
— Я матушку твою оскорбил, а ты спокоен?! Баба!
— Я приношу свои извинения, Нимрод. Я был неправ. И стараюсь искупить свою вину.
— Да ты уже… — вдруг сдувшись, калека взмахнул изувеченной рукой и, ударом плеча открыв перекошенную дверь, ввалился в темноту и пробурчал уже оттуда — Это ведь ты выбил мне денежное содержание у бургомистра Буллерейла?
— Это меньшее из того что ты заслуживаешь — отозвался я.
— Заходите… заходите оба… — внутри хижины вспыхнуло зыбкий желтый свет, что быстро стал ровнее и ярче. В этом свете показались отсырелые бревенчатые стены, какие-то полки с глиняной посудой. Глухой голос шагающего внутри жилища Нимрода пробухтел:
— Но лучше я, пожалуй, вынесу светильник наружу. Я здесь больше не живу и все пришло в запустение.
— С чего так? — тут же поинтересовалась вернувшаяся к беседе сильга, но, оглядев уже едва различимые деревья и прислушивавшись к звукам льющейся и хлюпающей воды, тут же сама и ответила — В таком месте жить нельзя… сырость и болезни ходят рука об руку…
— Тут жить нельзя — согласился отшельник — Но не в сырости беда… не в сырости… идите вон к тем дубкам. Недавно я соорудил там высокий помост из камней и бревен, но и его скоро проглотит земляная утроба. Я принесу туда свет, а лавка и стол там найдутся. Помедлив, я кивнул и, повернувшись к Нимроду и его арбалету спиной, повел лошадей к указанным деревьям. Спешившаяся сильга поравнялась со мной, повернуло ко мне бледное пятно уже неразличимого лица. Не дожидаясь неизбежных вопросов, я заговорил:
— Когда прояснилась моя ошибка, я стал расспрашивать о Нимроде, стараясь найти лучшую возможность для извинений. Так я выяснил, что Нимрод Ворон, он же Стальной Клюв, Вонючка, Падальщик и обладатель еще десятка прозвищ, обитает в Скотных Ямах Буллерейла. Там у него старая хижина, а питается он тем, что сумеет добыть в умирающем лесу, изредка выбираясь на ближайшие хутора и пасеки, принося для обмена на муку и бекон рваные шкурки, коренья, травы и грибы. Заодно он помогал золотарям с разгрузкой их повозок. Пару раз он спасал детские жизни — ребятня неугомонна, а у здешних есть еще и испытания храбрости. Спуститься после полуночи в Скотные Ямы и оставить тайный знак у входа в Пещеры Мертвых…
— Так прозвали здешнюю усыпальницу для приговоренных?
— Да. Вот только Скотные Ямы опасны даже днем, а уж ночью… Так что Нимрода хоть и не любили особо, но терпели. Его не гнали отсюда и владельцы земель. Стража же и вовсе радовалась отшельнику — гонит прочь ребятню криками и рыками, а порой и жгучими ударами прутьев по озорным задницам. Никому не в радость, когда гибнут дети. Ну и еще Нимрод приглядывает за тем, что выгружается из повозок с мусором.
— И что же там может быть кроме мусора?
— Мертвые тела — ответил я, останавливаясь у пахнущей сыростью и гнилью преграды, оказавшейся тем самым чуть перекошенным помостом. Оглянувшись, я увидел медленно приближающийся желтый огонек светильника, что высвечивал раскачивающуюся за ним фигуру Нимрода — Убийства случаются, сильга Анутта. Но в городе тайно избавиться от

мертвого тела куда хлопотней. Однако стоит заплатить пару серебряных монет золотарю, чтобы тот отвернулся, когда в его повозку забрасывают подозрительно большой и тяжелый мешок…
— Тешу себя надеждой, что ты не ждешь от меня большого удивления, палач Рург.
— Не жду — улыбнулся я, но моя улыбка осталась незамеченной.
— И закатывать глаза в притворном ужасе я не стану.
— Надеюсь на это.
— И ты выбил для Нимрода Ворона денежное содержание?
— Ну… принимать мои извинения он отказался.
— И ты решил оглушить его праведную ярость ударом кошелька с деньгами…
— Для этого кошель оказался слишком бы легок — усмехнулся я — Город не станет платить много. Но все же платит. И платит исправно. Нимроду больше не приходится беспокоиться о пропитании зимой. А Буллерейл спокоен, зная, что в Скотных Ямах приглядят за провалами, пещерой с покойниками, повозками золотарей и непоседливой детворой, что вечно занята выяснением кто из них сильнейший и храбрейший.
— И ты успокоил свою совесть…
— Верно — кивнул я.
— Нет у него совести! — буркнул проходящий мимо отшельник и, тяжело бухая ногами, начал подниматься по короткой лестнице — Вот и свет…
— Но он все же уже не так яро пышет злостью — заметила девушка — Прошедшие годы успокоили его?
— Нет — со смешком ответил я — Его успокоило иное. Нечто куда более могущественное, чем несколько медяков и пролетевшие годы.
— И что же? — удивилась поднимающаяся передо мной Анутта — Что я проглядела?
— О чем это вы? — подозрительно прищурился Нимрод, сметающий со стола листву и ветки — А?
— Тут повсюду болотная вонь — ответил я и, коротко осмотревшись, опустился на скрипнувшую подо мной лавку. Всхрапнули привязанные у края помоста лошади, выражая свое недовольство вечерним постоем — Повсюду сырость. Но я уже дважды уловил исходящий от Нимрода запах теплого чистого дома. А еще от него пахнет свежевыпеченным хлебом и мясной похлебкой. Но главное, что от него больше не пахнет одиноким грязным мужчиной, что обитает в болоте — а ведь раньше пахло сильно.
— Ха! — фыркнувший Нимрод опустился на другую лавку, опустил руки на столешницу — Ну вымылся я разок. Чтоб не слишком свербило в… к-хм….
— Еще я заметил, что его одежда под распахнувшимся плащом чиста и аккуратно зашита. А на левом запястье у него браслет из алых и белых нитей.
— Женщина — поняла сильга и взглянула на Нимрода уже без прежней затаенной жалости — В его жизни появилась женщина. Любящая и заботливая женщина.
— Не так уж давно — кивнул я — Нимрод по-прежнему косматый и бородатый, хрипит и рычит… но он уже не тот звероватый нелюдим что прежде. Еще пара лун и…
— Эй! Эй вы! — подскочивший отшельник бухнул ладонями по хрустнувшему столу и, смущенно кашлянув, повторил уже без прежней запальчивости — Эй вы… вы это…
— Не наше это дело — согласился я — Рад, что ты принял мои извинения, Нимрод Ворон. Я виноват перед тобой. Прости меня.
— В тьму Раффадулла твои извинения, палач! — опять было вскинувшийся Нимрод попытался рассердиться, но у него ничего не вышло и он устало махнул рукой — Проклятье… я все равно ненавижу тебя, Рург.
— Пусть так.
— И никогда не прощу!
— Пусть так — с улыбкой кивнул я.
— Так с чем пожаловали? — этим вопросом отшельник — бывший отшельник, судя по всему — дал понять, что желает сменить направление беседы.
Я перевел взгляд на сильгу и она без колебаний ответила:
— Проведи нас в пещеру с могилами казненных, Нимрод Ворон. И укажи нужную могилу.
— О как… — вздохнул Нимрод и поскреб бороду, что несла на себе не только гнилую труху, но и следы недавного тщательного и долгого расчесывания, если меня не подводят сделанные зимними вечерами трактирные наблюдения. Помолчав еще чуток, он, понизив голос, спросил таким голосом, что не осталось и сомнения в терзающем его страхе — А зачем?
— Ты не удивлен… но ты испуган… — голос сильги притих и стал похожим на тихий шелестящий ветер, что приносит тревожные думы и мертвые листья осени — Редко что может испугать бывшего солдата, прошедшего через столько жизненных невзгод. Такого как ты не испугать смертью или болью… но ты боишься, Нимрод Ворон.

— Глупости! Чего мне бояться?
— Ты и скажи…
— Ха! Я уже свое отбоялся…
— Я палач — мой голос стал другим, куда более жестким, даже неприятным и тоже немного похожим на стылый зимний ветер, что опасно прикасается к коже, грозя скорым морозным ожогом — И не люблю, когда от меня таят ответы. Я не угрожаю, Нимрод. И я только что принес свои искренние извинения. Но пойми и ты меня… вечер уже поздний, мы рядом с почему-то пугающими тебя могилами казненных, а я то и дело ощущаю на себе чужой взгляд, что царапает мне шею… мое терпение на исходе, Нимрод. И я в своем праве злиться — ведь ты, похоже, утаиваешь что-то нехорошее и опасное от нас…
— Сны! — выпалил отшельник и опять пристукнул обкорнанной ладонью по столу — Мне приходят плохие сны, палач! Приходили. Но с тех пор, как я ночую не здесь мои ночи стали спокойными, и я больше не просыпаюсь с подобающим лишь женщинам испуганным криком.
— И это все? — я не пытался скрыть своего разочарования и это взъярило захрипевшего раненым вепрем Нимрода:
— Не все! Та пещера… в ней поселился особый тяжелый запах. И это не вонь мертвечины, палач! Уж с ней-то я знаком хорошо! Это и запахом не назвать! Просто… стоит заглянуть в скопившиеся на каменном полу лужи и мне чудится чужой неприятный взгляд. В углах порой мелькают смутные тени, а в ушах раздается чей-то шепоток или же ехидные смешки, что леденят кровь. И это не страх перед покойниками! Я прожил здесь долго! И лишь в последние два года стал… ощущать… стал бояться… Я… я скажу прямо, а вы уж понимайте как хотите! — поочередно глянув на нас, Нимрод дважды оглянулся, причем сделал это странно, ведь так оглядываются, когда кажется, что сзади кто-то прячется и ты пытаешься подловить этого пройдоху неожиданным взглядом, он продолжил — В Ямах поселилось зло!
Я скривился так, будто отведал прокисшего эля:
— Тьфу…
— Погоди, Рург — остановила меня сильга и, мягко положив ладонь на левое плечо Нимрода, столь же мягко попросила — Загляни мне в глаза… если осмелишься…
— Худого за мной нет — проворчал Нимрод, медленно поднимая лицо — Чего мне бояться женских глаз? Я… — осекшись, он замолк, не сводя взгляда с лица девушки.
Я изумленно подался вперед и с шумом выдохнул. Мне ведь не чудится? Не только глаза, но и само лицо сильги Анутты мягко засветились изнутри перламутровым светом. Чуть мерцающий, но ровный свет ничего не освещал, но все же я видел его и видел, как темным узором под кожей девушки проступили переплетенья вен. Светлая Лосса… если это не чародейство и не колдовство, то как это назвать?
Свет потух так же внезапно, как и зажегся. Нимрод с хрипом сделал вдох, и я понял, что все это время он не дышал. Дрожащей рукой проведя по глазам, он тряхнул головой, неожиданно зевнул с протяжным стоном, отчего пораженно выпучился на меня, будто изумляясь собственному зевку.
— Я… что это было такое? Вся жизнь перед глазами… впервые за долгие годы я узрел лицо смеющейся матери… что ты сделала со мной?
— Я всего лишь взглянула — улыбнулась девушка — И чуть подмела чужой мысленный сор в твоей усталой голове, Нимрод Ворон. У тебя ведь больше не болит голова?
Прислушавшись к себе, Нимрод повторил свой медленный кивок, а на его едва видимых в бороде губах вдруг показалась улыбка:
— Не болит… совсем не болит! А ведь даже те отвары не смогли снять боль полностью. Что ты сделала, ведьм… к-хм… добрая сильга.
— Мое имя Анутта. С двумя «Т».
— Я запомню это имя — пообещал косматый — Но что же ты сделала?
— Чужие мысли причиняют боль, когда приходят в голову потаенным темным путем — произнесла девушка, встряхивая ладонями — Тебя пытались заворожить, Нимрод Ворон. Шептали, уговаривали, напевали в твои уши древние и давно забытые колдовские песни, где каждое слово будто нанизанная на паутинку звенящая игла, пронзающая твой разум и делающая стежок. Чем больше стежков, тем крепче связывающие вас узы. Чем больше паутинок, тем легче втянуть себя в твой мозг и поселиться в этом теплом сытном месте…
— Ох… но кто? Кто? — вздрогнув, Нимрод выставил перед собой ладони — Постой! Я не хочу знать! Ведь это что-то темное и незримое, да?
— Да…
— Тогда оставьте эти знания при себе! Скажите лишь одно — оно вернется?
— Оно…

— Зло! — Нимрод почти выкрикнул это слово, и я почувствовал скорее легкую досаду, чем удивление.
Зло? Слишком уж многое вмещается в это маленькое слово, чтобы вот так вольно выкрикивать его без всяких пояснений. Разве кровопролитные войны не зло? А разгуливающие на свободе убийцы? А разве я сам не был злом, когда волок осыпаемого насмешками и камнями Нимрода по дорожной грязи?
— Тебе больше здесь не место, Нимрод Ворон — тихо-тихо произнесла сильга Анутта и ее слова звучали не приказом, не просьбой, а скорее… просто проговариванием того, что отшельник уже знал и сам — Не держись за денежное место. Покажи нам могилы казненных и уходи из Скотных Ям сегодня же. Уходи навсегда, если не хочешь, чтобы однажды напевающее струнные песни зло не прорвалось в твой разум. Уходи! Ты услышал меня?
— Да…
— И понял?
— Я уйду. И больше не вернусь сюда — ухватив растущую на левом виске прядь своих косм, Нимрод полоснул по ней коротким ножом и бросил отрезанные волосы на пляшущий огонек масляной лампы, для чего ему пришлось приподнять мутноватое стекло — Не вернусь никогда! Я… я мечтал о приходе одно из сестер-сильг, но они великая редкость в этих краях. Когда я был ребенком в небольшом селении у подножия Трорна, сильги приходили каждую весну. Я просил наших забытых богов ниспослать мне сильгу, дабы я мог рассказать ей обо всем творящемся здесь… ужасе… Но вот пришла ты и… я не вижу на твоем слишком уж молодом лице вопросов…
— Уходи — мягко повторила девушка — Теперь тебе есть ради кого жить. Я почувствовала. Ты счастлив. Так не губи же свое счастье. Забирай новую семью и уходите домой. На поклон к седому Трорну…
— Решено! — коротко кивнув, Нимрод решительно поднялся и вот на этот раз я удивился — с его заросшего бородой лица будто сбежал десяток тяжких лет, вернув молодость чертам и сгладив угрюмые морщины одиночки — Дом ждет! И если однажды дорога приведет вас к селению Хишаль — я буду рад зарезать в вашу честь самую жирную овцу!
— А они у тебя есть? — не удержался я — Овцы…
— Будут! — отрубил отшельник — уже бывший отшельник, судя по всему — и указал рукой во тьму — Пещера там. Идите за мной след в след, если не хотите сгинуть в грязевой трясине. Скотные Ямы уже не что прежде…
Схватив лампу за длинную железную ручку, он поднял ее над головой, спустился с помоста и, еще раз махнув рукой, повел нас за собой, что-то бормоча про припрятанные в дырявом бочонке отменно просмоленные факелы, что трещат, чадят, но свое дело делают.
— Струнные песни? — тихо спросил я, шагая за сильгой.
— Кхтуны поют. И поют красиво — отозвалась Анутта — Но что толку в красивой песне, если она не трогает струны твоей души?
— И что за струны такие?
— У каждого человека они разные, палач Рург. Тебе ли не знать. Почему люди совершают страшные преступления? Кто-то от вечной нужды, кто-то из похоти, а кто-то… втайне мечтает свершить страшную месть всем своим обидчикам.
Правильно поняв ее тон, я глянул в спину продолжающего бормотать Нимрода:
— Он…
— Приди ты сюда парой лун позже…
— Как я и собирался заставить себя на обратном пути…
— Он бы встретил тебя отточенной сталью — глухо произнесла девушка — Слов извинений порой недостаточно, чтобы унять горькую обиду. Разумом он понимал, что ты ошибся. А вот ярость в сердце унять не мог. И то, что поселилось здесь в почернелой мокрой чаще… оно прекрасно поняло какое обещание надо пропеть вечно что-то бормочущему отшельнику, чтобы струны его души с готовностью зазвенели в ответ…. Но не тревожься, Рург. Я очистила затопленные тьмой мысленные подвалы его разума.
— Он… здоров?
— Пока что — да. Но здесь ему оставаться нельзя. Мы, сильги, говорим, что лучше жить вечной бродягой, чем жить где попало и с кем попало. Вечная дорога прочищает разум, успокаивает мысли, дарит новые встречи и уводит от старых обидчиков и неприятных душе мест. Нимроду пора пуститься в долгий путь, что приведет его домой.
— Ты слишком молода для столь мудрых речей.
— Ты тоже не слишком стар, но слишком уж рассудителен для палача.
— Было время подумать — пожал я плечами.
— Как и у меня — эхом отозвалась девушка и затихла.

Ночной лес вокруг нас болезненно постанывал, покряхтывал, надламывался и жадно чавкал невидимыми ртами. Мертвые листья, убитые скорее гнилью, чем широко шагающей осенью, липли к лицу и одежде, а под ногами беззвучно сминались и лопались змеящиеся длинные корни.
— Без факелов туда никак нельзя — прохрипел Нимрод Ворон, снимая крышку с зажатого в развилке дерева бочонка — Вот ведь оно как… а раньше туда было и без света хаживал, чтоб прогнать очередного глупого мальчишку, решившего доказать, что он не трус… Берите факелы. Берите каждый по два. Так оно спокойней будет…
* * *
Пещера встретила нас не зияющим темным зевом, чего я подспудно ожидал, а каменной кладкой, что заложила неровности входа, обрамляя деревянную дверь. К двери вела каменистая дорожка, что оказалась удивительно сухой в этом влажном и чавкающим грязью под ногами месте. Хрустнув мелкими камнями, что застряли в покрывшей подошвы моих сапог корке грязи, я с большой задумчивостью обвел взглядом то, чего уж точно никак не ожидал — дверь была подперта двумя толстыми бревнами, а внизу укреплена булыжниками. При свете запаленных факелов и масляной лампы, выхваченные из темноты укрепления вызывали странную тревожность.
Для чего все это?
Неужели стремящиеся доказать свою храбрость мальчишки могут навредить пещерным захоронениям? Или там внутри стало так опасно, что Нимрод Ворон приложил немалые усилия, дабы не допустить подобного?
Взглянув на напряженное лицо сильги, что повернулась боком к заложенному входу и держала ладонь на рукояти меча — я и не заметил, что она взяла его с собой, отвязав от седельной сумки — я вдруг осознал, что и бормочущий что-то Нимрод и Анутта боятся совсем иного. Если я глядел на могильную пещеру с недоумением и накопившейся за день усталостью, то они смотрели с великой настороженностью и… страхом.
И этот страх был мне очень хорошо знаком. С таким вот закаменелым выражением лица на меня смотрят забившиеся в угол смертники, когда я вхожу в их камеру, неся с собой свернутую красную веревку. И они смотрят так на меня по простой и веской причине — я несу с собой боль и смерть.
Оживший Нимрод, поставив звякнувшую лампу на мокрый каменный выступ, принялся откидывать камни и оттаскивать бревна, продолжая что-то сердито бормотать. Вроде как он ругал самого себя за трусость и малодушие, костеря последними словами и называя глупой трусливой овцой. Мы с сильгой остались стоять на месте — работы тут немного, и мы предпочли поднять факелы повыше, что явно принесло Нимроду облегчение. Наконец последний камень был отброшен и, немного помедлив, отшельник взялся за вырезанную из дерева ручку, набрал полную грудь воздуха…
— Теперь я вижу, что тебе нельзя туда, Нимрод Ворон — удивительно спокойный, звучный и чистый голос сильги заставил Нимрода застыть нельзя.
— По… почему же?
— Окажи милость своему израненному разуму… не входи боле внутрь этой пещеры — ответила ему девушка, отводя факел в сторону и с шелестящим звуком извлекая из ножен меч — Покинь Скотные Ямы Буллерейла и не возвращайся даже за забытой вещью, какой бы важной для тебя она ни была. Уходи прямо сейчас.
— Но…
— Не волнуйся за нас, друг мой — улыбнулась девушка и вновь она показалась мне гораздо старше своих лет — Но бойся за себя. Ты не чувствуешь, но охраняющий твой разум злой остервенелый пес слишком устал оборонять свои владения. Я поняла это лишь сейчас…
— Мне страшно — вдруг признался калека, проводя по лицу изуродованной рукой — Но я не настолько малодушен, чтобы оставить вас на пороге этого… проклятого места. А оно проклято! Поверьте!
— Я знаю — кивнула сильга — Знаю. И ты не малодушен, Нимрод. Ты изранен, но не видишь своих ран, что открылись зияющими дырами, как только ты взялся за ручку этой двери. Хватит же пререкаться. Ночь уже началась, а мы все устали. Скажи, как нам отыскать нужную могилу — и уходи.
Замерший Нимрод взглянул сначала на меня, стоящего позади всех и держащего над головой трескучий факел, затем перевел взгляд на сильгу, на ее меч с тонким и слишком уж легким обоюдоострым лезвием и, коротко кивнул, торопливо заговорил, от спешки глотая окончания слов. Не по-мужски спешно протараторив необходимое, он хрипло откашлялся, сцапал с выступа светильник, склонил непокрытую голову в коротком поклоне сильге и, зыркнув на меня, забухал облепленными грязью ногами по тропе, уходя прочь. Он скрылся за искривленными больными деревцами и влажный воздух принес его каркающие слова:

— Будьте осторожны! Там зло! Защити вас Лосса!
Эти слова остались мной почти незамеченными — все мое внимание было сосредоточено на опущенном к земле клинке сильги. Такого меча мне видеть не приходилось. Узкое тонкое лезвие из серебристого металла вышло из рук мастера. Не могу и представить себе сколько стоит подобный меч, что хранился в столь невзрачных старых ножнах. Еще сильнее меня поразили сквозные отверстия в клинке со вставленными в них прозрачными продолговатыми пластинами. Цветными пластинами. Трепещущий свет факелов проходил сквозь эти пластины и бросал на камни и грязь причудливые цветные всполохи. По земле бежали яркие разноцветные зайчики, чей бег замедлялся и ускорялся в зависимости от покачивая клинка в руке сильги.
С моих губ сорвалось, казалось, давно забытые слова:
— Чистосвет, Чистосвет подари ты нам конфет…
— Мальчишки сбегаются к праздничным процессиям Чистосвета — улыбнулась девушка, приподнимая меч выше и заставляя цветные зайчики перебежать на отсырелую дверь.
— И добрые сестры Лоссы раздают им пригоршни разноцветных леденцов — отозвался я, невольно погружаясь в воспоминания детства — Я любил кислые зеленые и красные фруктовые. От зеленых немилосердно сводило скулы… А еще были желтые медовые.
— Вкусное лакомство — лучшая приманка — кивнула сильга — Приманка настолько сильная, что не полностью порабощенный волей кхтуна ребенок может кинуться к звенящей шумной процессии за своей толикой вкусности. Там на него упадет разноцветный свет глэвсов… и слабый кхтун погибнет на месте, а тот, что посильнее, покинет свою жертву и бросится бежать…
— Погоди… так веселая раздача леденцов, звон бубенцов, громкие песни, танцующие сестры Лоссы… весь этот праздник света и радости…
— У сестер Лоссы много уловок — улыбка сильги потускнела, а затем вовсе исчезла, сменившись печальной усмешкой — И они хорошо знают свое дело. А ты знал, что в этих леденцах не только безобидные патока и мед? Там еще и толика особого отвара…
— Отвара?
— Если кхтуну удастся удержать свою жертву от того, чтобы ринуться на звон колокольчиков, ему не удастся избежать своих друзей, что обязательно притащат полные карманы липких леденцов…
— Да — подтвердил я, делая шаг к двери — Мы грызли их с хрустом! Куда там белкам с их желудями! И щедро одаривали своей добычей опоздавших и приболевших друзей.
— Твой друг Киврил наслаждался леденцами, как и вы?
— Конечно! Он говорил… — запнувшись, я замолк, замерев у двери, как недавно замер Нимрод — Если подумать… я всегда приносил ему хотя бы десяток желтых или синих леденцов… но он всегда отказывался, говоря, что съел их уже столько, что у него разболелись зубы и живот. Его родители смеялись и подтверждали… Проклятье… я будто в ином мире оказался… в темном мире странностей и лжи…
— Добро пожаловать в мой мир, палач Рург — усмехнулась сильга.
— А ты не любишь леденцы?
— Люблю — на ее губы вернулась улыбка — Хотя не могу сказать, что они доставались мне частенько. Мы входим?
Вместо ответа я потянул дверь на себя, и она со скрипом поддалась. По лицу прошелся язык холодного затхлого воздуха, а в ноздри толкнулась тяжелая волна сладковатой трупной вони. Этот запах ни с чем не спутать…
— Хоронили недавно — заметил я.
— Брось факел внутрь и отступи — попросила сильга, продолжая стоять на месте.
— Зачем?
— Порой мертвые тела выделяют особый газ…. Горючий газ.
— Как в глубоких рудниках? — отодвинувшись от входа, я швырнул факел и он, прочертив пологую дугу, упал между двумя лужами и зашипел — Не думаю, что здесь возможно наткнуться на подобное. Хотя я слышал о ужасных огненных потоках, что сжигали несчастных заживо.
— Не особо верю, что этой вони могло скопиться слишком много, но она ядовита. И если пламя изменит цвет…
— Нимрод оповестил бы о таком — возразил я, не сводя глаз с рвущегося вверх шипящего пламени.
— Оповестил бы — согласилась девушка и, шагнув вперед, приняла странную боевую стойку, выставив перед собой меч, а руку с факелом отведя чуть в сторону, но так, что его свет попадал на медленно покачивающийся и поворачивающийся клинок — Но он мог забыть… или нечто темное в его истерзанном атаками кхтуна разуме могло намеренно промолчать… Подобным бедолагам нельзя верить, Рург.

— Да уж — проворчал я, стоя на пороге и глядя на ползающие по мокрым каменным стенам разноцветные световые зайчики — Ну и поездочка у нас получилась… Признаюсь чистосердечно — подобного никак не ожидал. Думал, что мы преспокойно доберемся до Буллерейла, где и распрощаемся навеки, успев обогатить друг друга несколькими рассказанными по пути бывальщинами. А тут такое…
— Ты не рад? — поинтересовалась сильга, выпрямляясь и делая шаг ко мне. Она протянула руку, я взял ее факел и удивленно моргнул, когда она провела освободившейся рукой по клинку от гарды к наконечнику, одновременно с этим нажимая большим пальцем другой руки на рукоять. Что-то тихо зашипело, скользящая по клинку ладонь сильги намокла, по металлу заскользили частые красноватые капли.
— Что это?
— Особое средство — пожала плечами девушка и потянулась мокрой рукой к моему лицу. Я невольно отступил на шаг, насторожено взглянул на ее мокрые пальцы.
— Для чего? И как эта жидкость вышла из рукояти?
— В рукояти меча скрывается механизм, придуманный нашими сестрами многие века назад — спокойно пояснила Анутта — Он разбрызгивает на клинок тинлросу.
— Яд?
— Яд. Но не для нас. И ты уже пробовал тинлросу и не раз, если ел в детстве красные фруктовые леденцы. Правда там ее совсем мало, а на моих пальцах ее побольше. Чуть присядь и запрокинь голову, палач. И позволь мне закапать тинлросу тебе в глаза. Я бы воспользовалась бутылочкой, но она осталась в седельной сумке.
Я медлил и зеленые глаза сильги сверкнули злостью:
— Или уходи, палач! Я чувствую зло в этом склепе и не могу слишком долго медлить на пороге. Решай! Остаешься или уходишь?
Не знаю как, но я понял, что если сейчас развернусь и вернусь к лошадям, то это будет последний вечер, что мы проведем месте. К полуночи мы доберемся до Буллерейла и там расстанемся навсегда — как я и планировал с самого начала. К чему мне путешествовать с бродячей тощей зеленоглазой кошкой?
Тяжело вздохнув, я опустился на одно колено и запрокинул голову. Над моим лицом нависла рука, тонкие пальцы вздрогнули, с их кончиков сорвались тяжелые капли, и я заморгал, ощущая, как по глазам растекается что-то льдистое и не слишком приятное. Проморгавшись, я поднялся и изумленно вытаращился на ладони Анутты, что умело закапывала себе глаза. На каждом пальце ее рук и на запястьях появились отчетливо видимые даже в сумраке зеленоватые рисунки. Тонкие замысловато переплетенные нити, что смешивались в странные клубки и сливались на запястьях в два цветочных бутона, одновременно напоминающих искусно нарисованные солнца с толстыми угловатыми лучами. От солнц тянулись пучки нитей, что уходили куда-то к локтям, скрываясь под рукавами кожаной куртки.
— Что за…
— Тинлроса позволяет увидеть кое-что из запретного — тихо молвила сильга, часто моргая. По ее щекам скатились красноватые слезинки — По-настоящему страшного и сильного не увидеть, а вот всякую мелочь разглядеть можно. Возьми вот это… — она нащупала что-то за спиной и вложила мне в руку рукоять небольшого ножа.
— Я про твои руки…
— Плетения сильги… их накалывают начиная с первого дня после прибытия послушницы в обитель… Рург… послушай…
Заглянув в ее серьезные глаза, я медленно кивнул, видя ее убийственную серьезность.
— Я вижу, что и тебя проняло увиденное. Но вижу и легкомыслие… неверие…
— Трудно поверить в небывальщину.
— Понимаю… но коли ты не отнесешься со всей серьезностью…
— Поверь мне, сильга Анутта — я мало к чему отношусь с легкомыслием. Я палач.
— Хорошо… тинлороса не будет действовать долго, поэтому медлить нельзя. Я вхожу первой. Ты идешь за мной и держишь поднятый факел. Справишься?
— Звучит несложно.
— Факел должен оставаться поднятым и горящим, Рург.
— Звучит несложно — повторил я, бросив взгляд на дымный источник света.
— Нет времени пояснять, но я отвечу на твои вопросы позже — если ты захочешь спрашивать.
— Я готов.
Вглядевшись мне в глаза, девушка кивнула и, выставив перед собой меч:
— Открой же дверь, палач Рург. Мы входим…
Я толкнул успевшую прикрыться дверь и чуть посторонился, придерживая створку. Мой меч оставался в ножнах, а мой взгляд уже успел обшарить видимую в зыбком свете факелов

часть пещеры. Тут нет никого. Во всяком случае никого живого. Я вижу грубо стесанный камень, что тянется извилистой тропкой под низковатым пещерным сводом. В пяти шагах от двери, по обе стороны от выложенной мелкими округлыми камнями тропки, расположились первые могилы. С отрывистых слов Нимрода мы уже знали, что по большей части здешние захоронения представляли собой жалкие подобия настоящей доброй могилы. Чаще всего одноглазый безносый отшельник загодя выбивал в мягком здешнем камне неглубокое ложе, куда и укладывались затем красные от крови нераскрытые рогожные мешки, перевязанные старыми веревками. Столь же жалкое подобие погребального савана, как и сами могилы. Следом тела заливались полужидкой грязью, кою Нимрод черпал прямо перед пещерой. И наконец сверху укладывались крупные и мелкие камни. Он обронил, что занимался этим понемногу, но почти каждый день. И сейчас, медленно шагая за почти крадущейся сильгой, разглядывая сие скорбное место, я понимал, что Нимрод Ворон сильно преуменьшил свои заслуги…
— И это все он?! — не скрывая изумления, пробормотала Анутта, замирая на мгновение и глядя на высокую каменную насыпь, где каждый камень был подогнан к другому так плотно, что и щели не найти — Да он проводил здесь дни напролет!
— Да — подтвердил я, медленно поводя головой — Похоже, что он чуть ли не жил здесь… Чем дальше мы продвигались от входа, тем отчетливее понимали, что Нимрод потратил немыслимые силы и уйму дней на то, чтобы навести здесь такую частоту и… красоту, как, наверное, ему казалось. Подогнанные друг к другу камни, стесанная тропа, правильно расположенные могильные насыпи, выровненные кое-где стены, заложенные битым камнем трещины в полу и стенах. Убрать отсюда разливы луж и потеки грязи… и получится почти храм. Вот только храм какому божеству? В таких местах не станут славить Светлую Лоссу… А для огненной бездны Раффадулла слишком уж тут холодно и мокро…
— А я еще удивлялась и сомневалась…
— Удивлялась чему?
— Как спрятавшийся в мертвом теле кхтун сумел докричаться до живущего поодаль в лесу отшельника? Обычный кхтун медлителен… он чем-то схож с гонимым ветром невидимым облачком и ему не поспеть за быстро шагающим взрослым.
— Правда?
— Правда что?
— Про медлительность кхтуна?
— Я бы не стала лгать, палач. О таком не лгут.
— Тогда мне стала ясна старая поговорка… — тихо усмехнулся я, подбирая шипящий в луже первый факел, продолжая держать другой высоко поднятым — Силки кхтуна на ленивых поставлены, лапы кхтуна бездельников ловят…
— Поговорка истинна. Человек при деле головой и телом занят, ему некогда бесцельно мыслью блуждать — столь же тихо проговорила сильга, медленно опуская меч к одной из насыпей, заставляя световые пятна пробежаться по мокрым камням — Человека дельного не заворожить, не заставить утро или день напролет глядеть в тускло мерцающий кусочек льда. Некогда ему сиднем на одном месте сидеть. Женщине готовить надо, за детьми приглядывать, скотину обихаживать. Мужчины на работе полевой или в мастерских спешат успеть побольше наработать. В потемках домой возвращаются, перекусят наспех — и спать до рассвета. А с утра все по новой…
— А дворяне? — эти слова сорвались с моих губ сами собой и я, сделав еще пару небольших шагов, решил добавить — Я ни о ком худо не думаю. Но им уж точно в полях от зари до заката горбатиться не приходится…
— Дворяне тоже без дела не сидят — отозвалась Анутта — За землями приглядывать надо, урожаи проверять нужно, ко двору королевскому поспешать нужно. Их дни в разговорах с нужными людьми проходят, ведь не все по из щелку пальцев делается. Я знаю — я видела. Потому дельные люди собственными делами защищены. Кхтуну немало времени требуется чтобы даже слабенький детский разум поработить. А уж до взрослого закоснелого, вечно усталого и всегда занятого, что сегодня уже про завтра думает… попробуй достучаться…
— Вот как…
— Есть большая опасность для тех, кто все время один — остановившись, Анутта прочертила мечом дугу, внимательно вглядываясь в стены пещеры. Не удовольствовавшись этим, она поднесла серебристое лезвие к глазам и посмотрела сквозь вставленные в него разноцветные прозрачные пластины. Что-то явно увидела, вздрогнув, опустив меч и посмотрев вглубь пещеры, невольно сделала крохотный шаг назад.
— Что ты ищешь? — я заговорил, чтобы нарушить тягостную тишину, что в подобном месте начинала давить сразу же, как только под сводом затихало последнее произнесенное слово.

— Уже будто бы сыскала… Дымные следы кхтуна… у них свои плетения, а у нас свои… — произнеся эти не слишком понятные мне слова, Анутта качнулась вперед и опять двинулась по узкой тропе, миновав еще четыре могильные насыпи.
— Ты говорила про одиночек.
— Они уязвимы сильней других. Особенно если в прошлом бывали часто обижены, если затаили злобу, если мечтают об отмщении обидчикам… Веселый и быстро прощающий обиды общительный семейный человек — сущее горе для кхтуна. К такому не подступиться — вглядевшись в испещренную пятнами белесой плесени стену, сильга пробормотала что-то неразборчивое, но очень уж походящее на проклятье.
— Вот почему ты расспрашивала меня и вглядывалась в мои глаза…
— Да — спокойно подтвердила девушка и вдруг сделала короткий режущий взмах, не разрезав ничего кроме воздуха у одной из стен. Развернувшись, она взмахнула мечом еще раз, опять разрезая пустоту — И поэтому тоже, Рург.
— Потому что я одиночка?
— Ты одинок, ты палач, ты изгой. Неприкасаемый по собственной воле. Носитель не искупаемых и преумножаемых грехов. Часто ли ты думаешь о веселье, палач Рург?
— Случается.
— Веселись чаще. Смейся громче. Найди настоящих друзей. И лапы кхтуна минуют тебя, Рург.
— Что ты разрезала? — подавшись вперед, я поочередно вгляделся в стены и… вроде бы что-то увидел…
Дважды моргнув, морщась от льдистых уколов в глазах, я вгляделся пристальней. Да… тут что-то есть, но…
— В тебе нет дара, Рург — тихо сказала повернувшаяся сильга и, высоко подняв свой меч, направив его плоской стороной на стену, велела — Взгляни сквозь клинок.
Не раздумывая, я повиновался и, чуть пригнувшись, взглянул. Отпрянув в удивлении, выругался и взглянул еще раз.
Да…
Я вижу это…
По каменной стене тянулась тонкая, с мой палец толщиной, и словно бы мохнатая черная дымная нить. В том месте, где ее пересек клинок сильги, нить была перерезана и ее отрубленные концы бессильно извивались, в тщетном старании восстановить связь.
— Я была слишком беспечно и задела одну из стелющихся над полом нитей. Другие нити тут же попытались сомкнуться и чуть коснулись нас… Теперь он знает, что мы здесь — прошептала девушка и ее мокрая рука опять потянулась к моему лицу — Этот кхтун стар и силен… зря я сюда сунулась… зря тебя потянула за собой…
Мой ответ последовал тут же и нес в себе не страх, а лишь рассудительность:
— Уходим.
— Поздно… — пройдясь по моим векам, сильга прошлась пальцами мне по переносице, что-то начертила на лбу, бесцеремонно засунула палец в ухо, затем в другое, что-то при этом бормоча. И каждое ее прикосновение было ледяным.
— Почему поздно?
— Тебя одного он бы отпустил… но теперь он знает, что здесь сильга и постарается меня убить, а тебя захватить. Без двуногого коня ему не покинуть этих мест, а после убийства сильги он не сможет здесь остаться — посмертный танец моих плетеней выжжет и убьет здесь все темное… — потеплевшая ладонь сильги прижалась к моей левой щеке — Ты не убежишь, Рург? Не бросишь меня? Факел не должен упасть… факел не должен угаснуть…
— Я следую за тобой, добрая госпожа Анутта — улыбнулся я, выпрямляясь — Факел упадет только вместе со мной.
— Если я упаду…
— Я защищу.
— Ты не сможешь — ее голос окреп, она выпрямилась, зло свела брови — Моя вина. Недооценила… Если мне не удастся, если не успею — беги, Рург! Или ослепнешь!
— Что?!
— Танец плетений тебя не убьет, но ослепит! Навсегда! Ты услышал меня, Рург? Если я упаду, то…
Вместо ответа я сшиб ее с ног и упал рядом. Перекатившись, подскочил, отмахнулся факелом, в то время как другая рука уже тянула из ножен длинный поясной нож. Для моего меча здесь тесновато…
Вскочившая кошкой сильга зыркнула на меня, затем в сторону и с криком ударила. То, что мне как оказалось не померещилось, изогнулось едва-едва заметной дымной лапой и ушло от выпада. Но зато попало под цветные отблески полупрозрачного клинка и… тут же

истаяло, а у меня в ушах льдисто закололо, будто зимний ветер зашвыривал туда ледяные иголки.
— Как ты увидел?!
— Даже не увидел — ответил я, пытаясь как можно шире открыть глаза — Просто… что метнулось к тебя из-за той могилы… Это опасно?
— У такой сильной твари как эта — да.
— Насколько? Я должен знать — спросил я, медленно крутясь и пытаясь разглядеть хоть что-то. Впору забрать у девчонки ее меч.
Будто услышав мои мысли, он ткнула меня чем-то твердым в руку. Взглянув вниз, я толчком вбил свой нож обратно в ножны и выхватил из ее ладони нож с широким лезвием в мою ладонь. И лезвие точно не было из железа — полностью прозрачное, дымчатое, с тончайшими серебряными узорами, оно скорее походило на стеклянное… или хрустальное.
— Прижми к глазам! Он идет! Быстрый!
Едва я успел прижать прохладное лезвие к глазам, мне в грудь врезалась тощая сильга и я, послушно сделав шаг назад, обхватил рукой с факелом ее за плечи и дернул на себя. Так мы почти пробежали несколько шагов к выходу, прежде чем остановились.
— Не туда! — крикнула Анутта, пытаясь высвободиться.
Толкнув ее в сторону, я рубанул ножом почти наугад, держа в памяти то место, где только что увидел метнувшуюся к нам дымную когтистую лапу, выросшую из темноты. Уколы в ушах… боль в переносице… лезвие опять у глаз и я вижу как распадается клочками дыма одна лапа, но из тьмы пещеры уже тянется вторая. Ее встретил меч рванувшейся вперед девчонки. Два быстрых взмаха, по стенам пробежались световые цветные пятна… дикая по силе колота в ушах и я, схватив сильгу за ворот куртки, рванул на себя, поднял, прижал к боку и прыжками понесся к двери, куда я только что швырнул пылающий факел.
— Стой! Рург!
Не обратив внимания, я пригнулся, продолжая глядеть сквозь прозрачное лезвие и с ужасом увидел как в дверь перед нами уперлось сразу две дымные черные лапы, что на глазах утолщались, сливались вместе, а дверь начала закрываться. Чуть повернувшись, дернув вперед продолжающую что-то кричать мне в ухо сильгу, я дал ей увидеть происходящее и это мгновенно оборвало ее крик ярости. Поджав ноги, чтобы не мешать мне, она перехватила меч обеими руками и ударила, перерубая толстую мохнатую лапу. Закричав от вспыхнувшей в ушах боли, выплевывая ругательства, я ударом ноги заставил дверь открыться и вывалился в ночь. Оказавшись снаружи, я не остановился. Я продолжил бежать по каменистой тропе, что едва-едва различалась. И бежал до тех пор, пока не споткнулся и мы оба не рухнули в грязь. Перевернувшись, перевалив на себя придавленную Анутту, я выругался еще разок и почувствовал — полегчало…
— Что ты наделал, палач?! Струсил?! — крикнула лежащая на мне девчонка и ударила меня кулаком в грудь — Мы почти…
— Твоя щека. Левая — отозвался я, с хрипом поднимаясь.
— Щека? — она коснулась щеки и замерла. Мне на плащ упало несколько тяжелых темных капель.
— Он ударил сверху — пояснил я — Ударил быстро. Очень быстро.
— Это когда ты…
— Когда я рванул тебя на себя. Но даже это не уберегло тебя… Проклятье! Что там такое?! Я ведь видел!
— Кхтун… старый матерый кхтун… и он ранил меня… нам надо быстрее к лошадям.
— Он погонится за нами?
— Нет… возможно… сразу ему не уйти — надо стянуть свои плетения, вобрать в себя. Они часть его. Но где-то в этой больной чаще найдутся его темные дымные тропинки…
Когда надо, решения я мог принимать быстро. Вскочив, подхватил сильгу, поставил на ноги и, с трудом разжав намертво стиснутый кулак с тем позабытым и едва тлеющим факелом, перехватив его поудобней и что есть сил начал раздувать едва заметные огоньки, в то время как мы шагали по тропе, спотыкаясь о змеящиеся корни.
— Мой нож?
— Я не потерял. Что это такое?
— Дымный хрусталь. Очень редко встречается в гнездах обычного горного хрусталя — шагающая передо мной сильга пошатывалась, все время прижимая ладонь к щеке.
— Я пока оставлю у себя?
— Пригляди за ним. И за моим мечом… Какой же он сильный… какой злой…
— Погоди… а ты… — шагнув вперед, я успех подхватить упавшую сильгу на руку, чуть не проткнув ей бок ее же ножом.
— Проклятье! — рявкнул я, вскидывая обмякшую девушку на руки и устремляясь вперед по поднимающейся тропе…

— К лошадям… — ее голос показался мне не слабым, а скорее… пьяным… да и бессильно мотающаяся голова, глухое утробное икание… мне на миг почудилось, что нам все это пригрезилось и на самом-то деле мы только недавно покинули деревенский трактир, где вусмерть упились дешевым молодым вином.
Отогнав от себя безумную мысль, я необдуманно ускорил шаг и… опять упал, тяжело придавив собой девушку. Локти я подставить успел, но удар это смягчило мало.
Поднявшись — даже не чувствуя веса ноши — я продолжил подниматься, стараясь поднимать ноги выше.
«Но где-то в этой больной чаще найдутся его темные дымные тропинки…»… Так ведь она сказала?
Оглядевшись, я не увидел ровным счетом ничего кроме замерших в темноте кривых и мокрых деревьев с отслаивающейся корой. Где могут висеть эти страшные дымные веревки, что быстро превращаются в когтистые лапы?
Погоди, Рург… а где бы проложил свои тропы ты, будь ты кхтуном обитающим в сыром пещерном могильнике посреди умирающего леса?
Светлая Лосса… да мне-то откуда знать? Я ведь не по чащам темным брожу. Я хожу по дорогам и тропам…
Дорогам и тропам…
Подкинув обмякшее тело что-то невнятно бормочущей сильги, я, не сбавляя шага, взмахнув пылающим факелом, обрушил его удар на покрытую темной слизью удивительно большую паутину, обрывая ее и тут же устремляясь в открывшееся пространство. Под сапогами заскрежетали камни, зачавкала грязь, но я удержался и продолжил уходить от каменистой старой тропы, одновременно поднимаясь по склону.
По тропам и дорогам ходят люди — а ведь на них и охотится кхтун. Как андорманская рысь держится звериных троп, устраивая засады на нависающих над ними ветвях, чтобы обрушиться на ни о чем не подозревающего оленя, пришедшего на водопой, так и кхтун должен держаться поблизости от дорог…
И раз так — то и свои невидимые нити-тропки он должен был проложить не посреди нехоженых дебрей, а рядом с единственной обихоженной тропой! Хищник крадется там, где бродит его добыча…
Протискиваясь между тонких мертвых стволов, ломая их, выворачивая и опрокидывая вместе с корнями, оскальзываясь на их отлетающей лохмами тонкой коре, роняя искры с факела, неся на плече продолжающую бормотать что-то сильгу, я с влажным треском прокладывал себе путь двигаясь вдоль покинутой тропы. Шипящий от влаги факел тусклым желтым дымным шаром висел у меня перед глазами, толком уже не разгоняя тьму.
Правильно ли я иду?
— ХЭЙ! — мой крик взлетел… и затих среди сплотившихся деревьев — ХЭЙ!
Неожиданно близкое лошадиное ржание заставило меня вздрогнуть, чуть сменить направление и, что казалось невозможным, начать ступать быстрее. Я торопился изо всех сил, всей мокрой заледенелой спиной ощущая приближающуюся угрозу. Что-то страшное преследовало нас. Что-то безмолвное и чудовищное таилось в этом больном лесу, поджидая шанса ударить дымными когтями…
— Неспешная теплая поездка — бормотал я, с остервенением ломая факелом преграждающие путь тонкие гнилые ветви — Вкусная трактирная еда… заросшие последними цветами заливные луга… танцующие в полях деревенские девушки и долгие закатные песни… Да… вот чего я хотел… вот чего!
Ударив плечом, я повалил вставшее на пути дерево и оказался в нескольких шагах от помоста, где встревоженно ржали лошади. Эти животные куда чувствительней толстокожих людей. Лишь бы не понесли…
Опустив девушку в грязь, я бросился к лошадям. Путаясь в поводьях, отвязал их, отпустил на всю длину и зацепил за переднюю луку своего седла. Подхватив сильгу, закинул ее на лошадиный круп, взлетел следом и, едва утвердившись в седле, ударил сапогами.
— Ха! ХА! — мой крик заставил животных рвануться вперед, а я, держа над головой уже начинающий затухать факел, глядел только вперед и вверх — на узкую каменистую тропу, что вела к краю этой проклятой чаши, что почти сожрала нас — ХА! ХА!
От неожиданного укола в ушах я подался вперед, поднял плечи, съежился, но не бросил поводья и факел.
— Ха! Ха!
Пролетая мимо накрененного дерева, я с ужасом заметил в свете факела, как несколько ветвей вдруг упали, словно срубленные невидимым мечом.
— ХА!
Ломота в ушах стала невыносимой. Запрокинув голову, я закричал, чувствуя, как в переполненной красным туманом боли голове что-то лопается. Мой крик, хриплый,

надрывный, погнал лошадей вверх куда лучше понукания. Еще несколько мгновений… и мне в уши словно влили по кувшину ледяной ключевой воды, что немедленно принесла облегчение. Хрипло дыша, я опал в седле, скрючился, зарываясь мокрым лицом в густую лошадиную гриву.
Мы вырвались из темной ловушки.
Не знаю как, но я понял — мы вырвались.
Что ж… теперь я знаю, что чувствую приговоренные, когда я подвергаю их мучительным пыткам…
* * *
За оставшиеся до Буллерейла две лиги я остановился лишь однажды — ненадолго пришедшая в себя сильга схватила меня за ногу, прошептала несколько слов и снова обвисла. Но сказанного хватило. Спешившись, огладив лошадей, немного успокоив их ворчливыми похвалами, я забрался в указанный наружный карман одной из сумок и достал из него деревянную шкатулку. Открыв, увидел заткнутые пробками горлышки нескольких флаконов и выбрал первый. Откупорив, принюхался и, уловив запах мяты — как и требовалось — влил четыре капли в приоткрытый рот Анутты. Убрав все обратно, вскочил в седло, и мы помчались по дороге, обгоняя испуганно вскрикивающих спросонья редких деревенских возчиков, что спешили доставить к утру свежую зелень и овощи на рынок.
В моей голове была пустота. Я не думал вообще ни о чем, сосредоточившись на бездумной скачке к разливающемуся впереди сначала зыбкому, а затем становящемуся все ярче световому мареву.
Буллерейл городок не слишком большой, но в ночную пору на его улицах и остатках защитной стены горят яркие масляные фонари. Их свет и стал для меня путеводной звездой, чье мерцание помогло прогнать все ненужные пока мысли. И лишь когда копыта лошадей загремели по брусчатке, я пришел в себя и натянул поводья, замедляя лошадиный бег.
Пошатываясь в седле, я огляделся и тут же углядел то, что видит большая часть въезжающих в город — три зеленых огонька у дороги. Я в нескольких шагах от самого подходящего для нас сейчас места. И если я сознательно вел сюда лошадей — я этого не помню. Морщась от пульсирующей в голове боли, я спешился, потянул лошадей за собой и… чуть не наткнулся на подступившего ко мне незнакомца, чей подозрительный взор не отрывался от свисающей с лошадиной спины девушки.
— А что это у нас… — тут он увидел мое лицо, затем красную отметину ладони на моем покрытом грязью плаще и… отпрыгнув спиной назад, он согнулся в глубоком поклоне — Прошу прощения, господин!
В следующий миг он уже убегал прочь, на бегу придерживая болтающиеся на поясе ножны. Судя по его почти форменному серому плащу, он из добровольного ночного патруля. Один из тех, кто бродит ночью по городским улицам и приглядывает за порядком. А значит очень скоро о явившемся посреди ночи в город окровавленном палаче узнает городская стража, что не замедлит явиться. Да и плевать… мне сейчас на все плевать.
Три зеленых фонаря высились над главными воротами постоялого двора Щедрая Лосса. За воротами обрамленный хозяйственными постройками большой двор, что упирается в каменную двухэтажную крепкую постройку, чей просторный трактирный зал никогда не пустует. Да… Но я двинулся вдоль стены, дважды свернул и вскоре оказался у куда меньших по размеру задних черных ворот. Как и положено, в такое время они были закрыты, но хватило двух ударов кулаком, чтобы за ними послышался недовольный старческий голос, после чего лязгнула запором калитка и передо мной появился старый Маквор, бессменный старший заднего трактирного двора.
— Кого тут… ох! — вздрогнув, он подался назад, приподнимая фонарь — Рург?!
— Те комнаты свободны? — выдохнул я.
Свет фонаря осветил покрытых грязью лошадей, задержался на сильге, и старик скрылся за калиткой. Что-то снова лязгнуло и одна из воротин плавно и бесшумно приоткрылась, позволяя нам войти.
— Входите! Что нужно?! Куда ранен? Она? Костоправа звать? — короткие и важные приказы и вопросы без ненужной шелухи.
Когда того требовалось Маквор умел быть лаконичным.
— Только комнаты — тихо произнес я, вводя лошадей и глядя как за нами закрываются ворота.
Увидев куда направлен мой взгляд, старик щелкнул запором и с деловитостью много чего повидавшего на своем веку человека поинтересовался:
— Следом идет кто?
Я мотнул головой:
— Нет…

— Давай за мной…
Дальнейшие хлопоты остались в моей голове смутным и почти бессвязным воспоминанием. На заднем дворе трактира имелся крепкий старый каменный сарай, что был разделен дощатой перегородкой на две комнаты. Каждая с отдельным входом. Каждая с видом на наваленную и пока еще не сложенную гору доставленных дров — скоро зима и самое время позаботиться о том, чтобы многочисленные очаги трактира не угасли в долгие снежные вечера. В этих комнатах мы и расположились. Я помню, как уложил девушку на постель, как затащил в другую комнату все сумки и седла, как передал лошадей подбежавшему пареньку, велев позаботиться о них хорошенько. Тот лишь испуганно кивал, не в силах отвести взгляда от красной отметины на моей груди. Получив затрещину от Маквора, паренек с благодарностью кивнул и ушел, уводя устало шагающих лошадей. Позже я загляну к ним в конюшню… позже…
Еще помню, как склонившись над сильгой, сумел разобрать ее слова, как влил ей в рот еще несколько капель из другого стеклянного флакона, после чего вложил его ей в руку и плотно прикрыл дверь, устало опустился на стоящую у стены скамью, со стоном вытягивая ноги. Подошедший Маквор без особого удивления узнал от меня, что девушка просила к ней никого не впускать до самого рассвета. Он ничего не стал спрашивать — несомненно успел увидеть красные нити в ее волосах, да и сама ее почти мужская одежда говорила о многом.
Но в его глазах читался безмолвный вопрос — палач и сильга?
Как так?
Что свело их на дороге?
И чем была омрачена эта дорога, раз они явились посреди ночи все в грязи и крови?
Но он сумел удержать себя от лишних вопросов. А я, сидя кулем на скамье, растирая ладонями зудящее от царапин лицо, попросил о главном — привести сюда старшую сестру Лоссы. Да прямо сейчас. Да посреди ночи. И без лишнего шума… А пока они не пришли — мне бы большую лохань горячей воды… нестерпимо горячей… И благодарю за терпение и гостеприимство…
* * *
Я мало что знал о храмах Светлой Лоссы и еще меньше о тех, кто ей служит. Все мы то и дело поминали Светлую Лоссу в трудные времена, прося защитить, пособить, подсказать. Все мы с детства помним посвященные Лоссе истовые слезливые и бормотливые молитвы бабушек и матерей, что сидят у постели мечущегося в простудной лихорадке ребенка. Спаси и защити, добрая Лосса…
Раньше и я поминал Светлую Лоссу чуть ли не через каждое слово. Но после того страшного дня на поле боя… и после той страшной ночи… я перестал произносить ее имя и просить ее защиты.
Нет… не так… порой с моих губ срывалось ее имя, но… это были остатки прежней въевшейся привычки. В моих словах больше не было веры. Почему я перестал верить? Не знаю. Однако считал, что такому как я — палачу, платному расчленителю и убийце — вполне подходит неверие в небесные силы. Ведь даже если где-то там над облаками высится священная небесная гора на чьих склонах раскинули прохладные зеленые горные луга для праведников… мне туда точно никогда не попасть. Путь моей души после смерти бренного тела лежит вниз — под каменные корни великой горы. Прямиков в огненную тьму Раффадулла… И я давно свыкся с этой мыслью. И давно перестал проводить ночи напролет в раздумьях о судьбе своей души. Я выбрал свой путь. И с него уже не свернуть.
А раз так — к чему думать о неизбежном?
Когда я последний раз был в храме Светлой Лоссы?
Давно…
А когда последний раз встречался с кем-нибудь из сестринства Лоссы?
Пожалуй, пару лун назад… на главной улице Элибура. Молодая еще женщина в светлых одеяниях прошла мимо, наградив меня настолько укоризненным взглядом, что я на миг почувствовал себя не взрослым мужчиной, а нашкодившим ребенком, кого ждет заслуженная порка…
Смешно…
И вот я снова выдерживаю не менее укоризненный взгляд куда дольше прожившей женщины, что еще не вошла в ту пору, когда ее назовут старухой, но уже ступила на порог того проходного зала нашей жизни, что именуется Старость. Впрочем, блеск ее внимательных цепких глаз, прямой и живой, куда сильнее подошел бы полной жизни молодухе, что выискивает среди танцующих того, кто зацепил ее сердце. Здесь же почтенная женщина смотрела не на суженного, а на успевшего немного вздремнуть грязного палача с окровавленными руками.
Я невольно улыбнулся…

— Смешно тебе? — вопросила она, упирая ладони в бока.
— Смешно — признался я, продолжая сидеть на лавке, что стояла у стены меж двух закрытых дверей. За одной лежащая в постели сильга, а за другой все наши вещи. Я же сторож при всем этом, причем сторож простой, раз меня свалила столь крепкая дремота, что я проснулся лишь за пару мгновений до того, как она ткнула меня в плечо коротким деревянным жезлом, что сейчас свисал на петле с ее правого запястья.
Сестра Лоссы, прямая, худая, с туго стянутыми мышиными волосами, продолжала неспешно изучала меня своими удивительно живыми глазами, что оживляли ее узкое лицо и помогали не заметить осуждающе сжатых тонких губ и слегка раздвоенного подбородка.
— Я Ксаллопа. Одна из трех старших сестер главного храма Буллерейла.
«Одна из старших, но уж точно не главная» — мелькнуло у меня в голове, но вслух я произнес совсем иное:
— Я Рург.
— Палач! — это слово она выплюнула с нескрываемым презрением — Истязатель и убийца!
— Все верно — столь же спокойно подтвердил я.
— Окровавленный палач и раненая сильга явились среди ночи в Буллерейл. Вижу, что по крайней мере половина из этого правда… как насчет второй половины?
— Тоже правда — подтвердил я.
— Тебя я вижу. Где же сильга?
— Спит — улыбнулся я.
— Где? — спрашивая это, сестра Лоссы уже делала шаг и шаг этот был безошибочен — она направлялась к двери Анутты.
Неужто старшая сестра Ксаллопа обладает даром видеть сквозь стены или хотя бы двери? Может она может и мысли читать? Что ж… в таком случае ей не стоит копаться в не слишком добрых мыслях усталого и, откровенно говоря, изрядно испуганного палача.
Стоило подумать об этом и меня обуял приступ глупого смеха, что не помешало мне вытянуть руку и преградить по-хозяйски шагающей сестре дорогу.
— Ты смеешь мешать мне? — в едва не налетевшей животом на выставленную руку голосе старшей сестры Ксаллопы не было удивления, а вот нотки гнева я услышал отчетливо.
Выдержав не по-женски прямой и суровый взгляд глаз, я медленно и устало кивнул:
— Я получил четкие указания, госпожа Ксаллопа.
— Сестра Ксаллопа!
— С двумя Л — улыбнулся я — Я помню. Я получил ясные указания, сестра Ксаллопа. Одним из них была просьба известить ближайший храм Светлой Лоссы и призвать сюда любую из сестер. Была еще одна просьба… в ней сильга Анутта просила никого не допускать в ее комнату пока ей… нездоровится.
— Мне передали что она ранена!
— Я этого не говорил — возразил я — Я лишь просил гонца сказать, что просьбу передала сильга и дело срочное… Вы выслушаете меня, старшая сестра Ксаллопа?
Моя рука продолжала преграждать ей путь. А с той стороны двора за нашим противостоянием, чтобы было освещено светом двух масляных ламп, наблюдало несколько слуг, что уселись перекусить за столом у задней стены постоялого двора. Там же сидел Маквор, ерзая на краю лавке и явно борясь с почти нестерпимым желанием подойти поближе и послушать… Но благоразумность победила, и старик сдался, засунув ноги в старых сапогах за столбики вкопанной скамьи, чтобы стреножить себя и удержать от глупого поступка.
Никто не ищет и не желает ссоры с сестрами Светлой Лоссы.
Никто кроме тех, кто уже настолько осквернил себя, что им нечего терять… и кому больше ни к чему слушать суровые наставления о благочестивой жизни.
И я как раз один из них…
Понявшая это сестра Ксаллопа плотнее сжала губы, что превратило их в тонкую ниточку, некрасиво прочертившую ее лицо и… сделала шаг назад, отступая от двери. Я с удивлением глянул на ее свободно повисшую вдоль бедра правую ладонь, с такой силой сжавшуюся в кулак, что ногти наверняка впились в кожу. Удивительно, что даже сестрам Светлой Лоссы приходится бороться со столь разрушительным чувством как гневом…
— Что за срочное дело заставило тебя, палач… нарушить и без того недолгий и зыбкий ночной покой сестер Лоссы? Я бы не спешила так, зная, что раненой не требуется моя помощь…
— Будь раны серьезны и касайся дело только их… я бы призвал костоправа Ремвара Тоджвуса, человека опытного и знающего.

— Штопальщик! — с презрением фыркнула сестра, медленно разжимая побелевший кулак. Вторая ее рука опустилась на сшитую из плотной белой материи сумку с зеленым листвяным узором.
— Штопальщик — мирно согласился я, хотя во мне всколыхнулось подпитанное усталостью и недавними событиями раздражение.
Как смеет она вот так отзываться о Ремваре Тоджвусе, тихом неприметном человеке на чьем счету сотни спасенных жизней… Сколько раз в ненастные ночи я встречал его на одной из близлежащих дорог, когда он, съежившись под своим старым зеленым плащом, понуро трясся в седле столь же понурой лошади, спеша на очередной призыв о помощи из какой-нибудь крохотной деревушки, где уплатой за помощь будут не деньги, а всего лишь туесок с медом, горшок топленого сала или связка копченых колбасок…
Штопальщик… он может и штопальщик, вот только никто не смеет говорить таким тоном о том, кто долгие годы спасает людские жизни! И сейчас я выскажу все что думаю этой удивительно заносчивой….
Нет… Нет, Рург. Оно того просто не стоит.
Прервав злые мысли, я сделал вдох поглубже и опять улыбнулся, глядя в лицо сестре Ксаллопе. Это решило дело.
— Ты так и будешь молчать? — вопрос был задан куда более спокойным и почти мирным тоном.
— Я лишь жду разрешения доброй госпожи перейти к делу…
— И ты его получил…
Кивнув, я перевел взгляд на мерцающий в одном из светильнике огонек и заговорил. Перед моим мысленным проходили недавние воспоминания, и я описывал их таким равнодушным голосом, словно это случилось не со мной. Я пересказал наш разговор с Нимродом Вороном, описал спуск по скользкой каменистой тропе и то, как мы отпустили беспричинно дрожащего проводника. Добравшись до главного, я подробнейшим образом рассказал о том с чем нам пришлось столкнуться в пещерном могильнике, чувствуя, как в висках и ушах начинает пульсировать легкая боль. Закончив нашим побегом, я перевел взгляд на внимательно слушающую меня сестру Лоссы, давая понять, что рассказ закончен и… невольно зажмурился, когда мне в лицо ударил яркий луч.
— Смотри на свет, палач! — суровый голос сестры не напугал меня, но я не видел причин воспротивиться и открыл глаза, силясь не щуриться от разноцветного мельтешения и странного хаотичного изменения замысловатого рисунка на торце небольшого продолговатого предмета в вытянутой ко мне руке сестры Лоссы.
— Что это?
— Колейдос — сухо соизволила ответить сестра Ксоллопа и, чем-то звякнув, сильно дунула и разноцветный свет угас.
Убрав странную вещицу в белую сумку, сестра бросила последний взгляд на дверь комнаты сильги и, зло фыркнув, круто развернула и пошла прочь, удерживая спину идеально ровной. Ее путь лежал к запряженной двумя лошадьми легкой повозке и надо сказать шаг у служительницы Лоссы был быстр. На миг мне показалось, что она силилась не перейти на тревожный бег.
— Так ведь колейдос просто игрушка! Нет? — с некоторым даже возмущением поинтересовался я ей в спину, но вряд ли она меня услышала. Зато услыхал удивительно проворно для своих лет подбежавший Маквор, принесший с собой еще одну лампу и большую глиняную кружку.
— Изопьешь эля, дружище? — в подсвеченных светом лампы глазах Маквора светилось участие и едва заметный и уже привычный легкий страх.
— Когда ты прекратишь меня бояться? — вздохнул я, беря протянутый дар — Мне бы большое корыто с горячей водой…
— Принесем — кивнул старик — И воды погорячее с кухни натаскаем. Эй! Полрос! Тулк! А ну живо за корытом! Да велите принести пару свежих полотенец! Да не серых, а окрашенных и помягче! — раздав указания неохотно поднявшихся из-за стола парням, Маквор пожал плечами — Бояться есть чего… ты ведь ведаешь о моем грехе. Ответить за него придется…
— Там и ответишь — буркнул я, ткнув пальцем в небо — Но не передо мной.
— Это если не прознают, не осудят и к тебе на убой не пошлют как свинью осеннюю, что жирка нагуляла…
— Не узнают — рассмеялся я и сделал большой глоток осеннего пенистого эля — Ох хорош…
— Еще бы! Сам варил! Чего я только в него не добавил…
— Вереск и мед точно есть…

— И немало! — просиял Маквор и, подавшись вперед, доверительно прошептал мне в грязное ухо — Есть там и толика полыни… и еще кой чего — но в самую меру. Если и привидится что после пары кружечек — то только во сне. Может чудеса какие привидятся незлобивые… ты уж мне верь…
— Да верю — вздохнул я и опять опустил лицо в кружку — И совсем не против чудес незлобивых… лишь бы другое во сне не явилось…
— А что? — тихо прошептал Маквор — Кто с вами так? Что видели? Зверь какой? Да еще и в Скотных Ямах?
— А ты откуда знаешь про Ямы? — оторвавшись от почти пустой кружки, удивился я.
— Так ведь грязь эта серая только там встречается! — старик ткнул пальцем в подсохшее уже пятно у меня на штанах.
— Ну да — кивнул я и ткнул ладонью дверь своей комнаты, чтобы тащащие корыто парни могли войти — Осторожней — там сумки у входа свалены.
— Да мы проворные! — осклабился первый из них, входя в дверь.
Еще через миг оттуда послышался шум, затем грохот, несущий корыто сзади светловолосый коротышка выпучил глаза и ускорил бег, стремясь поспеть за ринувшейся вперед ношей, влетев в комнату и добавив там шума.
— Вот недотепы! — сердито рявкнул Маквор и, забрав у меня кружку, заревел в темнеющий проем — Сказано же вам было, дурни — вещи у входа! А вы чего?!
— Да козни это все темные… кхтун подножку поставил — жалобно проскулили из комнатного сумрака.
Я вздрогнул, подхватился с лавки и… с шумным долгим выдохом опустился обратно, запоздало поняв, что это обычная здешняя присказка после мелких житейских неудач.
— Посветил бы там нам, дядька Маквор на раны наши скорбные…
— Преумножу я сейчас раны ваши — зарычал смеривший меня задумчиво взглядом старик и, подхватив лампу, шагнул к двери.
Парни мигом выскочили оттуда бочком и, прихрамывая, но в голос хохоча, помчались к задним дверям кухни, откуда ароматной волной попер запах только что испеченного хлеба. А ведь утро уже совсем скоро…
Заметив, как я внюхиваюсь и сглатываю набежавшую слюну, Маквор понимающе хмыкнул и обнадежил:
— Будет тебе сейчас гороховая каша с мясом, а к ней ломоть свежего хлеба и еще кружечка эля. Перекусим вместе. И успеешь еще урвать чутка сна до рассвета…
— Прекрасное завершение тяжелого дня — признался я.
— А чего это сестра у тебя перед глазами игрушкой детской крутила? Видел я мозаику разноцветную, что по стене пробежала — точь в точь любимые детские узоры. Детишки ведь постоянно в такие глядят и крутят там что-то… только в этой огонек откуда-то…
— Колейдос — кивнул я и развел руками — Вот и я удивился…
— А отчего при упоминании кхтуна дергаешься?
— А потому что повстречали его ночью этой — просто ответил я — И едва живы остались после встречи той. Насилу ноги унесли.
— Вот как…
— Так-так, все так — ответил я на манер родных для Маквора мест, не забыв дважды кивнуть.
— Поведаешь?
— Тайны делать не стану — пожал я плечами — А если будет еще одно корыто для стирки…
— Все будет — обрадованно кивнул старик — Здесь и перекусим? Велю стол и еще одну лавку притащить.
Окинув взглядом небольшой навес, высящуюся поленницу, пару ламп на столбе и стену переделанного под комнаты сарая, я кивнул:
— Лучшего места для усталого палача не сыскать.
— Вот и славно.
— Не позабудь про корыта.
— Не позабуду.
Скрипнувшая дверь приоткрылась, в косяк вцепились тонкие пальцы и наконец на пороге появилась Анутта. Раненная щека прикрыта мокрой тканью, волосы распущены, частично скрывая повязку и подчеркивая, насколько сильно исхудало лицо. Да она выглядит настолько изможденной словно неделю в лихорадке тряслась…
— И мне каши… с горячим хлебом — прошептала сильга, вытягивая перед собой руку.
Заглянув в ее расширенные и уставленные перед собой глаза, я вдруг понял, что она…
— Ты не видишь?!

— Временно слепа — легко призналась сильга и по ее лицу пробежала болезненная судорога — Заслуженная кара для меня… тебя чуть не сгубила, и сама едва не погибла… ты спас нас, Рург.
Проворчав что-то невразумительное, я вытянул руку и осторожно сжал ее пальцы, потянул на себя:
— Насколько все плохо?
Послушно сделав пару мелких шагов, девушка нащупала ногой нагретую моим задом скамью и медленно опустилась на нее:
— К утру зрение вернется, а рана прекратит кровоточить.
— Чую разговор будет шибко интересным — сипло произнес позабытый мной старик — К-хм… уже несу!
— Я бы не отказалась от ванны — тихо заметила Анутта и зябко поежилась — Горячей ванны… но мне нужна женская помощь…
— Призову Хризару! — кивнул Маквор — Она в таких делах сведуща. Привыкла помогать остановившимся на постой госпожам из не шибко родовитых и личных служанок не имеющих. Она все сделает за невеликую награду.
— Призови — выдохнула сильга — Но сначала еда… от запаха хлеба я сейчас сойду с ума.
— Бегу!
— Колейдос? — не выдержал я, выходя из-под навеса и берясь за один из наваленных чурбанов — Зачем? То же самое что и…
— Чистосвет… да… сестра проверяла не поселился ли в тебе кхтун.
— А тебя не проверила… — заметил я, усаживаясь на чурбан.
— Я сильга. У меня дар. И потому даже самому сильному кхтуну никогда не овладеть моим разумом.
— А убить?
Выдержав крохотную паузу, сильга медленно кивнула:
— О да… старый кхтун силен и даже из своего туманного местобытия может дотянуться своими дымными лапами до живой плоти и не только… Если бы не ты — он бы меня убил. Я еще раз…
— Я не выпрашиваю у тебя благодарность, сильга Анутта, равно как и не желаю слушать сладкозвучные восхваления — сердито мотнув головой, я уронил вскинутые в сердитом жесте руки обратно на колени — Я… я ощущаю себя так будто попал в… даже не знаю, как описать. Не хватает слов.
— Добро пожаловать в мир сестринства Сильгаллы, палач Рург. И видит Светлая Лосса — наш мир мрачен и страшен.
— Пожалуй… подобные места страшны даже для закаленных войнами мужей, а уж для юной девушки… — согласился я, невольно опять вспоминая ту едва освещенную факелами пещеру и дымные страшные веревки-тропинки на ее стенах… — О… твое оружие.
Вытащив из-за ремня кинжал, я крутнул его на ладони и протянул рукоятью вперед и только затем спохватился, что она ничего не видит. Застыв как последний дуралей, я прикинул как бы указать ослепшей сильге на протянутое оружие, но она качнула головой:
— Пока я не приду в себя и не верну зрение… пусть все мои вещи побудут у тебя. Так сохранней.
— Откуда столько доверия?
— Ты не бросил меня там — просто ответила она — А ведь мог скинуть меня как лишнюю ношу и…
— Я не из таких.
— Вижу… Посему пусть мои вещи пока побудут под твоим присмотром… понимаю, что и так задолжала тебе немало…
— Ты ничего не должна мне — ответил я, убирая оружие обратно под рубаху.
Снявшая еще в комнате куртку сильга подалась вперед, и я поспешно отвел глаза, когда в расстегнутом вороте ее потемневшей рубахи качнулись тяжелые белые груди. Она же, не замечая этого по причине незрячести, нагнулась еще ниже, тянясь к пряжкам сапог.
— Сиди уж — поспешно произнес я, вставая с чурбана — Я помогу снять обувь.
— Благодарю…
Пока я возился с туговатыми пряжками, она, к моему облегчению откинувшись обратно на стену сарая, тихо улыбнулась:
— Удивительно какой ты… настоящий, а не тот, кто прячется под вечно суровой личиной безжалостного палача. А ведь я узнала лишь малую толику о тебе…
— Уж какой есть — проворчал я, стягивая последний сапог и начиная осторожно разматывать мягкие портянки, отметив про себя, что намотаны они по западному обычаю. Простой и хорошо сберегающий ноги способ, что особенно важно в долгих путешес…

Я невольно застыл, глядя на открывшиеся моему взгляду покрытые тонкими частыми шрамами ступни. Я знал, что оставляет подобные следы. И я как никто умел наносить подобные раны… Анутту секли и секли беспощадно, вспарывая кожу верхней части стопы. После такого еще долго не сумеешь надеть башмаки, а каждый шаг будет доставлять сильную боль…
— Рург?
Опомнившись, я выпустил маленькую стопу из ладоней и смущенно поднялся, успев подцепить голенища ее сапог:
— Прошу прощения, госпожа. Уберу обувь за порог. И я не хотел сделать ничего неподо…
— Ты увидел шрамы — по губам сильги пробежала горькая усмешка и она поджала босые ноги под скамью.
— Да…
— Дети с даром… в народе их не зря считают отмеченными проклятьем. То, что сидит в нас… заставляет нас порой вести себя подобно бешеным животным. Неугомонные, не слышащие, шумные, визгливые, корчащие рожи, чуть что заходящиеся в истерике, разбивающие вещи, рвущие книги, не желающие подчиняться ни доброму слову, ни тяжелому удару… Мы приносим горе родителям своим непослушанием, глупыми поступками, непоседливостью… Меня в раннем детстве забрали в сестринство сильг. Но… Я не желала подчиняться и там. Не желала учиться. Но по малолетству я не могла понять главного — что теперь я среди таких же как я сама и что меня быстро заставят подчиниться раз и навсегда…
Кашлянув, я вернулся на чурбан и, помолчав, глядя на мерцающую лампу, тихо произнес:
— Раньше не приходилось слышать о таком.
— Ну да… ты как и все слышал про таких как я лишь грязные пересуды и наговоры. Как сказал про меня Нимрод Стальной Клюв? Шлюха семи дорог и трех перекрестков? Это что-то новенькое… надо записать. Но другие говорят слова похлеще… ты и сам не так давно перечислил мне самые расхожие прозвища сильг…
— Я мало верю досужим сплетням, сильга Анутта. Но увидев нечто необычное и страшное… не могу не расспросить. Позволишь? Я спрошу лишь о главном…
— Спрашивай, палач Рург. Думаю, настала пора мне отвечать на твои вопросы…

Глава 6

Спрашивай…
Не так-то и легко порой что-то спросить, особенно если не желаешь при этом задеть за живое. Вот чем хороши болтуны — их и спрашивать не надо, сами все расскажут, а если их что тревожит, то они превращаются в изливающийся словами родник, хотя порой водица в том роднике мутновата и горька… Еще хороши те, кто не хочет принимать на себя груз даже заслуженной вины и начинает спешно тараторить, пространно поясняя почему так случилось и что во все виноваты злые духи, роковая судьба, скверное трактирное вино, а может и его родители — но только не он сам. Таких понукать не надо. Они будут говорить до тех пор, пока я не заткну им рты кляпом.
Сильга Анутта, несмотря на молодость, молчать умела. А порой может и любила хранить долгое молчание — уж не знаю почему мне так подумалось.
Мысленно перебрав немало слов, я решил спросить напрямую:
— Как ты могла так скосить удар?
— Скосить удар?
— Знаю, что не видел и тысячной доли того, что происходило там на самом деле, но… моего разумения хватило дабы понять — ты совершила ошибку…
— Кхтун запутал меня — сильга уронила голову, сжала пальцами край скамьи — Запутал…
— Он там был…
— Был… да не тот!
— Поясни — я подался вперед, утвердил локти на коленях, почти сложившись ножницами — Пусть видел я мало, но кое-что для себя все же уяснил. Если говорить просто, то мы вошли в пещеру следуя отпечаткам молодого кабана, но там в подземной тьме нарвались на… медведя? Как такое могло случиться?
— Кхтун запутал меня — повторила девушка, медленно поднимая лицо и наводя слепые глаза на одну из ламп — Запутал хитрейшей и простейшей уловкой — он просто ничего не делал все эти годы! Ничего! И потому нигде не оставил ни единого следа своего присутствия, ни единого клочка своей сущности…

— Не понимаю…
— Кхтуны разумны, палач.
— О… вот в этом я больше не сомневаюсь — как и в существовании самих кхтунов — заверил я сильгу и оглянулся через плечо, с некоторой тревожностью осмотрев двор и заодно глянув не несут ли нам ужин.
— Еще они очень хотят продолжить свое существование.
— Продолжить жить?
— Может и так — кивнула сильга — Но в сестринстве осуждают подобные мысли. Кхтуны лишь мрачная нечисть, что стремится к живому теплу. Вот это знание меня и подвело… подвело впервые…
— Я опять утрачиваю нить…
— Одна из наших мудрейших хронистов, что умерла несколько лет назад, в одной из своих путевых книг сравнила неприкаянных кхтунов с бессмертным человеком в проруби. Или же с бессмертным человеком, подвешенным над слабым огнем.
Я изумленно моргнул, потянулся вперед и почти в неосознанном порыве мягко коснулся плеча сильги, прерывая ее до того, как она продолжила говорить.
— Дай мгновение… — попросил я.
Помедлив, сильга кивнула и съежилась на краю лавки. Заметив легкую дрожь ее плеч, я встал, наведался в свою комнату и вернулся с одеялом, накинув его на плечи девушки. Эти несколько мгновений позволили мне обдумать ее слова и кое-что понять:
— Бессмертный человек не может умереть…
— Верно.
— Но все же он человек.
— И снова верно.
— Он как и мы должен чувствовать все то, что почувствует угодивший в прорубь или на огонь обычный мирянин.
— Но кхтун в проруби не на мгновения. И ощутит он куда… больше…
— Хм… Пусть прорубь… Сначала он ощутит краткий ожог, а затем стремительно проникающую под кожу, следом в мясо и наконец достающую до самых костей убийственную ледяную стылость. Чуть позже руки и ноги скрутит, в голове зашумит, за лбом поселится тупая боль… Тут самое время тихо уйти на дно и умереть, но…
— Ты бывал в проруби?
— Я топил в проруби — спокойно ответил я — Связанную по рукам и ногам девушку твоих лет. Таков был древний обычай ее племени. Прорубь вместо висельной веревки. Но перед тем, как она умерла я трижды доставал ее из проруби, когда она уже почти не дышала. В стоящем прямо на речном льду шатре ее отогревали нагие тела соплеменниц, горячее питье и медвежьи шкуры. Когда она приходила в себя… я опять погружал ее в прорубь. Она, погруженная по шею, а временами окунаемая мной с головой, все время говорила, описывая свою жизнь, свои ощущения от воды, рассказывала о любви к мужу и родителям…
— Светлая Лосса… за что ее так?
Я покачал головой:
— Это не было жестокостью. Она умерла счастливой, зная, что умирает прощенной родным племенем.
— Прощенной?!
— Она совершила ужасное деяние. Ревнивая женщина страшна в своем гневе… Но племя простило ее, доказав это тем, что отогрела ее озябшее тело своими телами, забрав часть холода. А ее душу согрели плачем и слезами прощающихся с ней….
— Да уж… после каждой такой истории я понимаю, что многим пришлось в этой жизни куда хуже меня — тихо обронила сильга — Что ж. Тогда ты понимаешь, что чувствует кхтун. Без человеческого тела ему приходится все время испытывать боль. И чем древнее кхтун — тем мучительней эта боль.
— Откуда такие знания о том, что чувствуют кхтуны?
— Мы охотимся за ними века… — без малейшей гордости ответила девушка и пожала скрытыми под одеялом плечами — Мы наблюдаем, мы записываем. Чем старее кхтун, тем поспешней и опрометчивей он действует, оказавшись без теплого живого убежища. Изгнанный из людского тела, но не пойманный и не уничтоженный кхтун долгое время может жить вполне привольно — он похож на вынутый из печи медленно остывающий камень. Но с каждым новым днем тепло улетучивается, просыпается боль и… как ты думаешь, палач… насколько разумно может действовать пронзенный десятками игл пытаемый, чьи руки погружены в жаровню с пылающими углями? Он сможет неспешно придумать изощренный план по покорению очередной души и начать столь же неспешно приводить его в исполнение?

— Нет.
— Вот и я так думала… И так нас обучали — сильга взглянула в мою сторону широко раскрытыми слепыми глазами — И оказалось, что моя вера в знания сильг слишком уж слепа… Когда мы спустились к Ямам Буллерейла, я сразу ощутила присутствие кхтуна. Его зыбкие воздушные тропинки были повсюду. Тварь сновала по редколесью, принюхиваясь и приглядываясь, стараясь опутать призрачной паутиной очередную жертву. Все как всегда.
— Мы пошли по следу к пещере… и вошли под ее своды…
— И первые шаги от входа вглубь были столь же обычными — я уверенно шла по следу слабого кхтуна. Поверь мне, Рург — я не настолько безумна, чтобы пытаться в одиночку меряться силами со столь сильной и быстрой тварью как древний кхтун! Я бы не подвергла нас такой угрозе! Но я осознала с кем мы столкнулись лишь в тот миг, когда обрубила одну из дымных троп и вдруг поняла, что она слишком уж прочна и толста… Муравей не может протоптать тропы для жука. Кабан не может оставить за собой след медведя… Но медведь не покидал пещеры! — она взмахнула рукой, ударила пальцами о мою ладонь, крепко ее сжала, встряхнула — Понимаешь?! Медведь не покидал пещеры и потому остался незамеченным!
— Получается медведь остался в… проруби?
— Или в пылающей печи! Пребывая в страшных муках кхтун предпочел ничего не делать, чтобы никак не выдать своего присутствия…
— Но почему?
На меня снова взглянули начавшие проясняться глаза сильги:
— Не знаю — покачала она головой, медленно выпуская мою руку — Я не знаю, Рург… Но я испугана. И потому призвала сестер Лоссы, хотя мы стараемся держаться от них подальше. Но я так испугана, что…
— Ты потрясена схваткой — понимающе кивнул я.
— Нет! Я испугана! И не минувшей схваткой, а тем, что пусть не так быстро, но эта тварь явится за нами, Рург! Мы раскрыли его логово, и он пустился в преследование. Ты ведь видел?
— Да… я видел… я ощущал погоню всей шкурой — отозвался я и встал, увидев приближающихся трактирных служек — Вот и воистину заслуженный нами ужин.
— Я голодна…
— А тот кхтун, кого ты почувствовала там в Ямах… он куда делся?
— И кхтун голоден — ответила Анутта — Последнее что я почувствовала, так это обрыв нити…
— Обрыв нити?
— След слабого кхтуна резко оборвался. И тут же ему на смену пришла вонь матерой старой твари… Помоги мне…
— Сиди — остановил я ее — Принесу стол сюда.
— Благодарю.
— Что сделают сестры Лоссы?
— Ритуал очищения — сильга выплюнула эти слова с нескрываемой брезгливостью — Я устала от разговоров, Рург…
— Значит самое время молча предаться насыщению — улыбнулся я, ставя перед сильгой пока еще пустой стол.
— Твой друг с грехами захочет узнать эту историю.
— Маквору я расскажу все сам. Лишь мной увиденное…
— Мало ведающим снятся хорошие добрые сны, палач. Помни об этом…
— И порой слишком уж безмятежно почивающих убивают прямо во сне — ответил я — Так не лучше ли терпеть бессонницу и кошмары, госпожа Анутта?
Смерив меня долгим усталым взглядом, показавшим, что зрение медленно возвращается к ней, сильга пообещала, опуская дрожащие ладони на стол и ведя пальцами по выступающим древесным узорам:
— Мы поговорим, палач… мы поговорим… но не сегодня…
* * *
После быстрого ужина я оставил сильгу заботам пришедшей Хризары, а сам, перед тем как позволить себе погрузиться в горячую ванну, сначала решил наведаться в конюшню, не забыв прихватить с собой три крупных ломтя круто посоленного хлеба и столько же желтых спелых яблок.
Убедившись, что мальчишка, помощник конюха, хорошо сделал свое дело, как положено обиходив лошадей, наградил его парой медяков и, добавив еще один, послал за кружкой эля. Обычно много хмельного я не употребляю, но сегодня… сегодня можно. Скормив лошадям угощение, я взялся за щетку и неспешно принялся за, пожалуй, лишнюю, но так нравящуюся лошадям чистку. Я знал, что на чурбане у поленницы меня дожидается старый

Маквор, что уж точно не забыл прихватить туда еще один кувшин эля. Но это позже… сначала мне надо окончательно успокоиться и для этого нет ничего лучше, чем простая мерная работа. Начав с уже расчесанной гривы, я принялся работать щеткой, стараясь выгнать из себя взбудораженность и вернуть спокойствие. Но мысли будто сами собой все время возвращались к недавним словам сильги.
Слишком мало она рассказала. Я толком и не понял ничего. Но… вроде как и не об этом я собирался спросить. Что-то туманное и цепкое засело у меня в голове, терзая разум, но никак не желая обретать отчетливые формы.
Видать я забыл про щетку и лошадь недовольно фыркнула, мягко ткнула меня плечом. Мол раз начал — продолжай. Я продолжил чистку, медленно продвигаясь сверху вниз.
Что тревожит меня?
Пережитое?
Нет… пусть я и испуган, но в жизни мне не раз приходилось сталкиваться с куда большей опасностью. Это не страх. Да и взбудораженность мне не в новинку. Все привычно. Еще немного эля, немного спокойной беседы, тихий чуткий сон до рассвета и от волнения не останется и следа.
Тогда что тревожит меня?
Что?
Продолжая равномерно работать щеткой, я прикрыл глаза и позволил мыслям свободно течь, больше ни о чем себя не спрашивая и просто наблюдая со стороны.
Мы с сильгой распрощались с Нимродом. Он, скользя в грязи, спешно поднимается по тонущей во тьме тропе. Мы же неспешно входим внутрь, освещая путь трескучими чадными факелами. Над нами скользит как живой влажный и бугристый свод погребальной пещеры. С тихим плеском где-то льется вода. Вот и первые могильные холмы. Выложены камнями — камешек к камешку поверх глины, что проглядывает в щелях. А вон та могила еще не выложена камнями, но пара небольших совсем корзинок уже стоит рядом, и я мельком замечаю в них светлые камни. Глиняная основа уже нанесена и тщательно выглажена, хотя кое-где глины не хватило на то, чтобы закрыть глубокие щели между кусками породы, из коей сложены эти возвышения над мертвыми телами приговоренных. На вершине могилы еще более скорбный крохотный увядающий желто-синий букетик полевых цветов…
Вот оно!
Выронив щетку, я замер в ошеломлении, слепо уставившись на тускло горящую на столбе масляную лампу.
Вот оно!
Вот что терзало мои мысли и не давало покоя все это время!
С самого начала я удивился тому насколько красиво это каменное обрамление могил! И за мгновение до первой атаки матерого кхтуна я углядел ту могилу и следы отпечатавшихся в глине пальцев, когда чьи-то руки старательно уминали податливый материал. Десять четко отпечатанных в глине тонких длинных пальцев. И столь же мелкий и неглубокий след деревянного башмачка в грязи у той могилы…
Я помню брыкающиеся ноги хрипящего Нимрода, помню какие следы он оставил своими сапогами на моем плаще и штанах — большие следы! Следы взрослого мужа! И я помню, что у него нет пальцев на одной ладони, а те что остались не слишком длинны и очень толсты.
— Женщина — выдохнул я, делая крупный шаг и сдергивая со стены уздечку — Там была женщина!
— Это не ваша, добрый господин — торопливо произнес вернувшийся в конюшню мальчишка, едва не выронив кувшин с молоком — А вашу упряжь я еще и не видал, но коли надо… господин?!
Накидывая уздечку на морду лошади, я мотнул головой и все понявший по выражению моего искаженного застывшего лица служка прыгнул в стойло, уходя с прохода и все же роняя кувшин. Сердито мяукнула явно рассчитывавшая на угощения серая кошка, поспешно ринувшись к белой луже, пока она не впиталась в солому. Все это я видел мельком, заученными движениями затягивая ремни. Мальчишка что-то еще кричал, но я уже не слышал ни единого слова. Накинул седло, затянул пряжки, вскочил и послал коня в проход. Из-под копыт с воем покатилась сунувшаяся дурная дворовая собачонка.
— Что такое?! — с чурбана подхватился Маквор.
— Нимрод! — я почти выкрикнул это имя — Где он обитает сейчас? Не в Ямах! С женщиной! Но не в Буллерейле… он не сунется в людное место.
— Так на хуторе он обретается теперича! — выпалил Маквор, понявший, что дело явно спешное — Сошелся со вдовушкой одной.
— Что за хутор?!

— Так Звонкий Перекат… там еще мельницу поставили у запруды…
— Где он?!
— По той же дороге от Ям. Если от Буллерейла двинуться, то поворот налево. Там еще столб врыт с деревянным указателем… А что такое-то?!
На это я уже не ответил, спешившись и бросившись в комнату. Грохнув дверью, схватил меч, проверил кинжал с прозрачным лезвием и, снова взлетев в седло, ударил лошадь пятками. Прости, милая… прости…
Двор прыгнул назад, подбежавший к воротам слуга едва успел распахнуть одну из створок, и я вылетел в ночь, прижимаясь к лошадиной шее…
Как сказала Анутта? Обрыв нити? След молодого кхтуна резко оборвался, словно более сильная тварь пожрала его. Или же оборвался как обрывается человечий след, когда его владелец вскакивает на стоящего рядом коня…
* * *
Еще не спешившись, я увидел настежь распахнутую дверь и сердце оборвалось…
Пригнувшись, чтобы не врезаться лбом в слишком низкую притолоку, я вошел в дверь и замер посреди небольшой единственной комнатушки крохотного бревенчатого домика. Каменный очаг, низкий потолок, опрокинутый набок стол, раздавленный хлеб, побитые глиняные миски и… тянущийся из-за стола красный ручеек, что в свете затухающей на потолочном крюке лампы кажется черным.
Нет…
Шагнув, я глянул за опрокинутый стол и поспешно присел, почти упал на колено, вцепившись в подрагивающее плечо лежащего на полу Нимрода с окровавленным лицом. Резко дернувшись, он приоткрыл глаз, фыркнул дырой на месте носа, выдувая кровяные сгустки…
— Палач…
— Куда? — спросил я, осторожно переваливая его на спину — Куда тебя?
Голова вроде цела, разбитое лицо не в счет, но столько крови… и… Увидев торчащую в груди Нимрода костяную рукоять ножа, я замер, вслушиваясь в свистящее неглубокое дыхание. Слишком много крови… слишком в плохом месте засел нож. Прошел между ребер и наверняка… а тут что? Осторожно приподняв край рубахи, я увидел еще одну резанную глубокую рану на два пальца ниже пупка.
Проклятье…
— Д-думал она любила меня… — красные от крови пальцы Нимрода Ворона вцепились мне в запястье.
— Тише… тише, Нимрод — пробормотал я, дотягиваясь до широкой низкой кровати и сдирая с нее простыню — Я зажму тебе раны и…
— Она ведь люб-била меня, палач… такого как я — и любила! Пела мне вечерами… целовала меня в затылок и шептала на ухо… такое ласковое шептала… я…
— Тише… тише…
— Я вернулся… омылся… сел к ужину… она нарезала свежеиспеченный хлеб… на ужин печеная рыба… вкусно… так вкусно…
— Не дергайся, Нимрод. Не тянись к ножу! — велел я, но все же пришлось перехватить его руку — Нет!
— И тут я ей сказал. Про тебя… она улыбнулась… потом я сказал ей про зеленоглазую сильгу… и то, что вы вошли в пещеру… А она… Рург… она…
— Она?
— Она вдруг побелела и кинулась к дверям… я подхватился за ней, схватил за плечо… а она ударила меня ножом… мы упали… покатились… опрокинули стол…
— Тише…
— И она ударила еще раз… я уже не чувствую ног, Рург…
— Ты выживешь. Потерял многовато крови, но ты и не через такое проходил, Нимрод. Ты справишься.
— Трорн…
— Что?
— Она что-то кричала… про Ямы… и про Трорн…
— Хребет Трорна?
— Да…
— Что она кричала, Нимрод?
— Я…
— Нимрод?
— Я думал она любила меня… думал меня хоть кто-то в этой проклятой жизни полюбил… но…

— Это была не она, Нимрод! — я наклонился к умирающему, крича ему в будто оседающее лицо — Не она! Кхтун овладел ею!
— Никчемная жизнь… никому не сгодившегося…
— Нимрод! Она любила тебя!
— Рург… Рург… возьми меня за руку…
Схватив его мокрую руку, я крепче сжал пальцы:
— Она любила тебя, Нимрод! Любила! Очень любила!
— Любила… — слабо улыбнулся Ворон и медленно опустил голову на пол — Любила меня…
Еще через мгновение он умер. А я остался сидеть рядом с ними на покрытом осколками полу, глядя на угасающую лампу. Вспышка… вздрагивающий огонек набирает силу и… окончательно потух, погружая комнату в кромешную тьму…

Конец первой части.

Часть вторая, глава 1

Тюрьма Буллерейла являлась живым и печальным доказательством старческих брюзжаний о том, что в прежние времена все было иначе. Люди были добрее, щедрее и куда менее склонны к совершению греховных деяний. И с ними было трудно спорить. Прежде и одного подвала было достаточно для размещения городских преступников всех мастей, а теперь же едва-едва хватало недавно выстроенной каменной длинной постройки с двадцатью тюремными камерами, двумя тесными пыточными комнатами и экзекуционного дворика окруженного высокими каменными стенами. А ведь городок не то чтобы сильно разросся за последние годы — если опять же верить слова седых как лунь стариков с их высокими посохами.
Место казни скрывалось от посторонних глаз далеко не везде. Живы еще были порой крайне причудливые и порой никому кроме одного старого племени неизвестные традиции по наказанию совершивших преступление. Но традиции эти исчезали. Сестры Светлой Лоссы из года в год настойчиво повторяли одно и то же, говоря, что даже лицезрение чужих мук приравнивается к греху требующему очищения. При этом не уточнялось считается ли за грех случайно брошенный взгляд и потому, дабы избежать даже малейшего шанса на подобное согрешение, места казни начали ограждаться высокими стенами, что не только скрывали от чужих глаз происходящее в них, но и надежно гасили перепуганные вопли не желающих умирать преступников. Понятно, что стенами не приглушить вопли пытаемых, но для этого имелись безоконные пыточные с толстыми стенами и плотно прикрывающимися дверьми. Ничто не смущает умы и души горожан. А палачу приходится исходить потом в душных казематах…
Хорошо, что меня толкнули в обычную камеру, где кроме меня уже томилось двое и где над заполненным соломой углом имелось зарешеченное небольшое оконце. Ступив внутрь, я повернулся к молодому безусому стражу и поднял связанные руки:
— Развяжи.
— Пусть собратья твои по греху развязывают! — ответил страж, но внушительно не получилось по причине сорвавшегося в самый неподходящий миг голоса. Побурев, страж хлопнул решеткой, лязгнул замком и поспешно удалился, стараясь держать спину как можно прямее. Второй стражник, постарше и смутно мне знакомый, смерил меня долгим задумчивым взглядом, но явно не преуспел в воспоминаниях и, опустив алебарду, тоже ушел.
— Давай развяжем, братишка — хрипло позвал меня уже немолодой заключенный из угла, неспешно поднимаясь — Убил? Других в эту камеру не бросят.
Окинув взглядом прекрасно знакомые мне стены, сложенные из лишь слегка отесанного серого камня, покрытого многочисленными надписями и знаками, я спокойно ответил:
— Верно… других в эту камеру не бросят.
В руке шагнувшего ко мне мужика с седой щетиной, что вот-вот грозила стать бородой, мелькнул небольшой нож с лезвием в палец длиной. Ловко двинув запястьем, он одним движением разрезал стягивающую мои запястья веревку.
— А чего не в кандалах? — поинтересовался продолжающий полулежать второй.
— Так уж у них вышло — пожал я плечами, осторожно разминая затекшие запястья и вглядываясь в двух обитателей камеры.

Все они выглядели спокойными. Но… я уже видел в них ту самую особую и так хорошо мне знакомую надломленность смертников. Они уже умерли несколько раз — мысленно. Сами себя отвели в разуме в пыточную, подвергнув себя мучениям, а затем, подталкивая себя суровыми тычками, повели спотыкающихся на казнь и дождались, когда на их шеи опустится топор палача. И уже не раз они задались тем вопросом, коим мы все хоть раз да задавались — что же ждет нас после смерти? И если обычно мы быстро забываем об этом вопросе, ведь смерть еще так далека, то тем, кто сидит в камере приговоренных и ждет своего последнего часа, от этого вопроса отмахнуться куда тяжелей…
— Кого убил-то? — продолжал расспрашивать седой, столь же неспешно возвращаясь в устланный соломой угол — Мы ведь слышали — ты собрат наш…
— Ты рубаху его не видишь что ли? От крови колом стоит… весь улился… не иначе глотку перехватил кому-то. Тут его и взяли.
— Да вижу… Одного ли убил? — жадно спросил тот, что помоложе — Мужика спровадил в могилу какого? Или на бабу нож поднял?
— Многих убил — ответил я, оставаясь у двери — Очень многих… и женщин и мужчин.
Услышав мои слова, они насторожились. Замерли. Каким-то обостренным внутренним чутьем обреченных на смерть поняли, что я говорю чистую правду о многих убитых. И почти догадались… но отмели эту догадку как невозможную. Ведь что делать в камере смерти залитому кровью законному убийце?
— На дорогах промышлял? — седой подумал, что разгадал эту загадку и на его сжавшихся было тревожно губах опять появилась расслабленная улыбка — Богатых путников резал?
— А может это он те смертоубийства у храма Лоссы учинил? — возразил молодой, глядя на меня с удивительной по силе надеждой — Расскажи! Кого жизни лишал?
— Рассказывай — поддержал сокамерника седой, подбрасывая на ладони ножичек, что тут же словно сам по себе исчез в рукаве его рубашки. Поймав мой взгляд, он подмигнул — Все одно помирать… но палача порадовать успею! А если я первым пойду — то может мы еще одну передышку заработаем. Пока они найдут второго с красным топором…
— Ты не видал его?! — голос молодого напрягся, говорящий подался вперед, все еще пытаясь сохранить внешнюю невозмутимость, но рыскающие тревожно глаза выдавали его.
— Палача? — дождавшись кивков, я продолжил — Видел. Палач прибыл в город вчера вечером.
— Ах ты ж! Чтоб ему шею свернуть! — тонко вскрикнул молодой и саданул кулаком о стену — Проклятье!
— А точно он был? — седой еще на что-то надеялся — Плащ с красной ладонью? Топор с красной рукоятью.
— Конечно — кивнул я — Без красных палаческих отметин мне путешествовать никак нельзя. Таков закон.
В камере воцарилась мертвая тишина. Молодой с отвисшей челюстью глядел на меня. Седой, наклонив голову, медленно поднимался, мелко встряхивая рукой со спрятанным в рукаве ножом.
— Ты шутки такие не шути — хрипло посоветовал мне седой — Думай, что говоришь…
— Никаких шуток — я устало качнул головой — Я палач. Палач Рург. И сегодня я предам пыткам, а затем убью каждого из вас.
Молодой истерично крикнул, вжимаясь в угол спиной:
— Врешь! Врешь, собака!
Седой заглянул мне в глаза и… понял. Застонав, он хлестнул себя по щеке и, набычившись, решительно прыгнул вперед, одновременно снизу-вверх нанося удар ножом, другой рукой при этом показывая ложный удар. Шагнув в сторону, я перехватил жилистое запястье, вывернул и тут же пнул в колено. Ахнув, седой упал на колени, подался лицом вниз, а я, продолжая выворачивать руку, забрал нож и резко отступил, вжавшись спиной в решетку.
— А-а-а-а… — выдохнул согбенный противник, медленно отползая назад — А-а-а-а… шлюхин сын… грешник…
— Гореть тебе во тьме огненной! — взвизгнул молодой, продолжая вжиматься в угол.
— Гореть — согласился я и повернулся на звук открывающейся двери.
Внутрь ворвалась знакомая кряжистая фигура, что некогда поражала шириной плеч, а теперь могла потрясти любого необхватностью пуза. Фигура хрипло рокотала:
— Сказал что он палач?!
— Да мало ли что он говорит…
— И ты его к приговоренным?!
— Так во второй такой места уж не было…
— Рург! — рявкнул кряжистый, увидев меня за решетчатой дверью — Чтоб мне мяса больше не жрать! Рург!
— Утро доброе, страж Магарий — вежливо склонил я голову.

Сплюнув, тот рявкнул на молодого стражника:
— Открывай! Живо!
Тот зазвенел ключами, выронил связку, поспешно наклонился за ней…
— А-а-а-а… — простонал седой узник, колотя себя кулаками по голове.
Молодой глядел на меня как волк в капкане на охотника. Равнодушно отвернувшись, я шагнул из камеры и попросил:
— Вина.
— Налью — пропыхтел Магарий — Да только ты ответь сначала — Нимрода ты?
— Нет.
— На нет и приговора нет — посветлел Магарий и повернул к выходу свою тушу — Сам он зарезался небось?
Услышав невысказанный вопрос отнюдь не глупого и мало кому верящего на слово многоопытного стража, я усмехнулся:
— Нет. Его дважды ударила ножом женщина. Та, что приютила его.
— Вдова Ромма? — удивленно крякнул страж, показав похвальную осведомленность — Да ну! У нее двое взрослых сыновей. Пятеро внуков! Родила она первый раз ох раненько… и муж у нее славный был… Хмельного в рот не брала. Подальше от всех держалась. И чтобы она да за нож взялась?
Шагая за стражем по коридору, на ходу сдирая ставшую жесткой от высохшей крови рубахи, я мрачно подтвердил:
— Взялась.
— Видел?
— Нимрода застал еще живым. Он и сказал.
— Все одно не верю.
— Кхтун ею завладел — вздохнул я и поспешно остановился, чтобы не налететь на споткнувшегося гиганта Магария.
— Как ты сказал?!
— Мне бы вина — напомнил я.
— Да будет тебе вино! — зло рявкнул страж — Голова у меня от вас болит! Кхтун?!
— Кхтун…
— И ведь рассмеялся бы тебе прямо в окровавленное лицо… тебя мои не зашибли, часом?
— Нет — улыбнулся я, шагая за стражем — Видать не хотели испачкать кулаки моей греховной рожей. Но лица их были красноречиво злы и брезгливы…
— Верующие они шибко — Магарий зло сплюнул и покачал головой — Пачкаться бояться. И чего тогда в стражи подались? А я тебе скажу, чего ради они тут — выслуга лет, пенсия, опять же платят нам неплохо, одевают и кормят даром. Каждый трактирщики задарма пиво поднесет, каждая торговка орешками калеными или рыбкой вяленой угостит… Опять же детишек наших даром в школах обучают… чем не радость для верного служаки? Кто осудит?
— Трудно осуждать — я на ходу пожал плечами, про себя уже в какой раз удивляясь быстроте шагов непомерно раздобревшего стража Магария, что год от года становился все толще, оставаясь при этом выносливым и сильным.
— Трудно осуждать — уже куда мягче пробормотал Магарий — Эх… новое семя не радует, Рург. Не радует. Мой старший еще с понятием, а вот младший… давно уж бороду бреет, а из книжек все носа не показывает. Запрется у себя в комнате и днями его не видим! Я тебе так скажу — от книг добра не жди! Научат они ненужному! Ведь так?
— Я читать люблю…
— Любит он… ну ты-то понятно — за чтением забываешься, а тебе грешному как раз оно и надо, чтобы истерзанные мертвые тела не мерещились…
— Хм… Когда я упомянул кхтуна, ты не рассмеялся мне в лицо, страж Магарий. И ты не особо расспрашиваешь меня о смерти Нимрода Ворона.
Круто остановившись, Магарий толкнул ничем не примечательную крепкую дверь и, переступая порог, буркнул:
— Не рассмеялся. И не расспрашивал. Слушай… ну ясно что Нимрода не ты. Ты убивец. Кровь тебя не пугает, убивать тебе тоже не страшно. Убей ты Нимрода — мы б тебя у его тела ни за что б не застали. Не такой ты глупец. И ты уж точно догадался бы сбить масляную лампу на пол или головешки из очага выгрести и на кровать бросить, а перед этим нож из тела Нимрода достать. Сам не хуже моего знаешь, что пожар следы пеплом кроет.
— Того убийцу-поджигателя я распнул позапрошлым летом — кивнул я, бросая рубаху на пол, а сам опускаясь на высокий табурет напротив крепкого широкого стола, украшенного лишь закрытой армейской чернильницей — А вы его поймали.

Табурет подо мной был слишком уж высок и слишком неудобен, но для того его и делали — преступников притащенных на него сажать пред суровым старшим стражем — а я помнил как можно половчее примоститься на его краю. Не пачкать же грязью и кровью накрытое плащом кресло в углу.
— После шестого пожара поймали мы того поджигателя — пропыхтел Магарий, доставая из небольшого шкафа в углу пару стаканов и уже открытую бутылку вина — Убивец клятый… но ты его хорошо прижег. Помню, как печень его дымилась в твоих клещах и как он на нее смотрел рот свой, проклятый в крике разинув…
— Было дело…
— И следы свои от собак скрыть ты тоже умеешь.
— Умею — согласился я — Грешно, конечно, от преступников науку получать…
— Но тем лучше повадки их знаем и тем легче их ловить! — припечатал страж и, с бульканьем налив вина в оба стакана, подал один мне, а сам взгромоздился на застонавший от такой тяжести стол и выжидательно на меня уставился.
Я его ожидания не оправдал, не став пока ничего рассказывать, но задав вопрос:
— Почему не рассмеялся про кхтуна услышав? Детская страшилка…
— Чистосвет, Чистосвет, подари ты нам конфет — рассмеялся Магарий и, сделав большой глоток, утирая намокшие усы, прикрыл глаза — Помню ведь… сколько уж лет минуло… ты какие особо любил? Я зеленые. Обожал их…
— Зеленые и красные.
— Зеленые кислющие! Ух…
— Но вкусные — кивнул я и ненадолго припал к стакану.
Страж же, поставив стакан на стол, достал из кармана куртки короткую трубку носогрейку, выудил кисет и занялся привычным делом, тихо при этом говоря:
— Почему, по-твоему, на тот хутор двое молодых да зеленых стражей сунулись? Они ведь прямо так в дом и ввалились сходу, сапожищами грохоча?
— Да — рассмеялся я — Даже в окно не глянули. И с лошадей спешились прямо перед дверью.
— Ух я им задам сегодня… ведь учил их! А они будто сами под арбалетный болт подставляются… Сам я с пятеркой самых бывалых не в городе был этой ночью. Догадаешься куда меня слова твои занесли?
Чуть помедлив, обдумывая, я медленно кивнул:
— Старшая сестра Ксаллопа…
— Она самая! Заявилась сюда целым шествием факельным и потребовала их сопровождать к самым значит проклятым Ямам Нимрода, упокой Лосса его бедную душу… Легко ли он умер? Тела я еще не видал.
— Нелегко — покачал я головой — Мучился перед смертью. Но больше от предательства любимой.
— Может он… ну… захотел ласки телесной, она отказала… а он под хмельком был и…
— Нет — уверенно ответил я — Нимрод был трезв и спокоен.
— Видал я его недавно в городе. Перебросились парой слов. И ты уж поверь моему опыту, Рург — спокойным Нимрод Ворон не был. Я потому его и подозвал — очень уж пугать он начал детишек. Заорет вдруг ни с того ни с сего посреди пустой улицы, на выходе из трактира мнется подолгу на пороге, если во дворе уже темно. На золотарей вдруг хрипло кричать принялся… прогонять их начал из Ям. Вот я и подозвал Нимрода в тот день. Что говорю не так с тобой, дружище? А он на меня… ну не волком затравленным, а скорее собакой побитой и злющей глядит, губу до крови кусает… Ничего он мне толком не ответил, крики свои на выпивку списал и ушел торопливо… Нет… — сползая со стола, Магарий покачал головой — Не был он спокойным. Трезвым — может быть. Но спокойным…
— В последние часы перед смертью Нимрод успокоился — тихо сказал я, вспоминая слова сильги про очищенные от тьмы мысленные подвалы Нимрода Ворона — И он был радостен.
— Радостен то с чего?
— Он не собирался более возвращаться в Ямы никогда — ответил я столь же тихо — И в ближайшие дни хотел пуститься в долгий путь к отчим краям. На север. К Трорну.
— О как… а деньги? Он ведь невеликое, но все же жалование получал из городской казны.
Я пожал плечами и протянул опустевший стакан стражнику.
— Еще пару глотков?
— Еще пару больших глотков — бледно улыбнулся я — У тебя найдется старая рубаха?
— Мою не жалко, но тебе она скорее ночной рубашкой придется — хохотнул Магарий — В одном сундуке у нас одежа казненных тобой. Так и хранится с прошлых разов. Люди боятся

греха и не берут даже даром. А выкидывать тоже грех. Все ждем какого-нибудь пришлого нищего оборванца, что не побоится срам прикрыть одежой убивцев…
— Вот вы и дождались — усмехнулся я — Рубаху приму.
— Снабдим — пообещал страж — Кхтун ею овладел, говоришь? Вдовой Ромма…
— Расскажи, что там у вас стряслось ночью — попросил я — А потом я обскажу как у меня все случилось. Так и сложим все воедино.
— Дело говоришь… вот только старшая сестра Ксаллопа мне столько раз повторила никому ничего не рассказывать, что я даже и не знаю. Ссориться с храмом Лоссы мне не с руки, Рург. И по службе с ними дело иметь приходится и внуков скоро в храм нести…
— Ритуал Священного ПервоСвета?
— Он самый — удивительно тепло улыбнулся старший страж — Буду держать внучку под разноцветным светом главного храмового витража… свечи пахучие… сестры певучие… благодать!
— Красиво и благодатно — согласился я.
Опять наклоняя бутылку над стаканами, Магарий цепко глянул на меня:
— Что ж… Можно и рассказать. Ты мне, я тебе. Но…
— Но?
— Сойдемся на кое-чем еще… для тебя мелочь, а мне прибыток и добрые отношения с одной важной семьей города. И тебе прибыток небольшой… рубаху ведь все равно новую покупать…
— Без лишних мук? — вздохнул я.
— Так и попросили слово в слово — кивнул стражник, бухая сапогами по скрипучему полу — Меня попросили. Чтобы я тебе за узников пару слов замолвил.
— Замолвил за кого?
— Ну с теми двумя ты уже повидался, Рург. Чуть там их и не кончил…
— Старый и молодой. За обоих просили?
— Только за молодого — качнул головой Магарий, на этот раз усаживаясь на крепчайший из мной виденных деревянный стул с высокой спинкой и выдвигая один из ящиков старого стола — Он той семье дальним родичем приходится. К ним на поклон и прибыл — не захотел прозябать в родной глуши и вот… накосорезил такого по пьяному молодому делу, что наш судья без раздумий смертный приговор объявил. У мальчишки ноги и подкосились… в голос зарыдал… куда только гонор делся…
— Он до последнего верил, что богатая семья вытащит его?
— Ну да… хотя бы на каменоломнях королевских — но жить! Не сложилось…
— Он насиловал? Дети? Их убивал? Касался?
— Ничего такого. И у старого тоже — за которого Лоссы ради попросить решили. Чтобы за милосердие в жизни этой проявленной…
— Зачлось в жизни той — усмехнулся я — Старый чем отличился?
— Этот конченый… — поморщился страж — Но тоже без насилия над женщинами. Грабил на окраинах. Свинцовую гирьку в чулок старый сунул — и по голове с размаху… Трое выжили, одному не повезло — проломил голову, да еще и в канаву с водой сточной сбросил. А там крысы…
— И такому — милосердие палача? Заслужил ли?
— Не заслужил — согласился Магарий, доставая из ящика один за другим два коричневых кожаных денежных кисета — А я твое понимание заслужил, раз всю ночь в мои то годы промотался по Ямам зловонным, а по возвращению тебя из камеры тюремной вытащил и вином угостил… Да еще и наказ сестры Лоссы ради тебя нарушить собираюсь… еще и судье городскому немало пояснить придется по твоему делу. Как не крути, а тебя среди ночи у тела мертвого зарезанного застали…
— Да понял — поморщился я — Судья знает о…
— О том, что одно богатое почтенное семейство взывает к твоему палаческому милосердию? Знает — кивнул Магарий — И тем проще мне будет с судьей, коли ты пойдешь навстречу… Учитывая, что судья давно породнился через свой младшую дочь с тем влиятельным и радеющем о городе семейством…
— Хорошо. Все будет быстро. И без мучений.
— Вот и славно — широко улыбнулся Магарий, пододвигая денежные кисеты ко мне — Тут за каждого. Из первых двух…
— Первых двух? — насторожился я — Меня вызвали в Буллерейл не ради них… весточка пришла о…
— Люфене — тяжко вздохнул страж, и улыбка исчезла с его лица — Проклятье… я ведь с ним не раз за одним столом сиживал, один хлеб преломляли перед тем, как макнуть в общую тарелку с пряным мясным соусом…

— А так всегда и бывает — пожал я плечами и встал, чтобы поставить на стол пустой стакан — На днях такое уже слышал и тоже от стража. Человеку в душу не заглянешь. Видишь лишь лицо его улыбающееся… а что прячется за тем лицом?
— Так всегда и бывает — согласился Магарий и небрежным движением руки поместил на стол тяжело звякнувший мешочек, а следом и еще один — Не поверишь… но сначала семья его прислала немало… а затем примчался гонец с письмом от троюродного его кузена Люпона. Гонец мчался от самого Элибура. Почти загнал двух лошадей. И все ради мольбы о проявлении незаслуженного милосердия к приговоренному к пыткам и казни Люфену. Но… я тебя знаю, Рург. И потому даже и не прошу… как не крути, а Люфен натворил дел страшных.
Подумав, я сгреб со стола два денежных кисета, а мешочки толкнул обратно к чуть помрачневшему стражу, что удивленно вскинул брови после моих следующих слов:
— Люфен получит мое милосердие. Не полное… я заставлю его помучиться… но все же умрет он быстро и умрет… целым. И родичи смогут забрать его мертвое тело сразу же. Без окунания в нечистоты. Деньги эти забери, добрый Магарий и поступи с ними как пожелаешь. Мне они не нужны. А страже пригодятся…
— С чего вдруг такая доброта? — посветлевший Магарий охотно уронил мешочки в ящик, поднялся из-за стола и поднял даже руку, чтобы хлопнуть меня по плечу, но вовремя увидел засохшую кровь и остановился — Пойдем, добрый палач… сыщем тебе рубаху. Так откуда такая доброта к Люфену? Или кузен его из Элибура успел тебя умолить?
— Он пытался. Но я не слушал — равнодушно ответил я, пряча денежные кисеты поглубже в карман штанов — У Люфена здесь больная мать. Она ведь еще жива?
— Страдает, но жива, несчастная. Сейчас слегла, как про дела сына любимого и про судьбу его грядущую прознала.
— Она всегда была добра ко всем несчастным. Всегда одаривала чем могла. Даже до Элибура дошла слава о доброй Лифаре из Буллерейла.
— Что ж…
— Пусть получит сыновье тело единым куском — вздохнул я и удивленно взглянул на передернувшего плечищами стража — Магарий?
— Единым куском — пробормотал он — Вот скажешь же… одно слово — палач! Хотя есть в тебе доброта… вон как о матери Люфена печешься…
— Ну еще и потому, что понимаю — жалованье у стражи не слишком велико, а нужд семейных много.
— За то всегда тебе благодарны, Рург.
— Как и я вам — улыбнулся я — А еще так сильно хочется услышать рассказ о том, что творилось ночью в Ямах Нимрода…
— Мрак там творился! — бухнул страж и, остановившись у узкой двери в конце коридора, загремел ключами, подбирая нужный.
Я молчал, понимая, что старший страж Буллерейла — бывалый, повидавший ой как немало за долгую жизнь вояки и служаки — молчит не для того, чтобы я поторапливал его вопросами. Нет. Нарочито медленно подбирающий ключ из жиденькой связки толстых ключей с помеченными разной краской головками страж Магарий собирался с мыслями, чтобы поточнее описать нечто, что… напугало его. Он умело скрывал это. Очень умело. Но скрыть такое от опытного палача невозможно. Уж кто-кто, а я давно навострился различать за напускной небрежностью, показным равнодушием и холодным выражением мужественных лиц дикий животный страх, не хотящих боли и смерти людей…
— Шестеро сонных стражников — заговорил наконец Магарий и с щелчком вставил длинный ключ в узкую замочную скважину — Четыре сестры Лоссы, два храмовых прислужника и два кучера. И клятая повозка! Ох… прости меня Лосса за такие слова… Но… Рург… ты мог помыслить, что большеколесная праздничная повозка с ритуала Чистосвета, запряженная четверкой лошадей, спустится однажды по той проклятой тропе к самым Ямам Буллерейла? Прямо на дно!
— Со святым фонарем? — я и не пытался скрыть охватившего меня изумления — Вы спустили Глэвдолл в Ямы?!
Немыслимо!
Далеко не в каждом даже крупном городе при храме Лоссы сыщется большая и богато изукрашенная повозка, больше похожая на пришедшую прямиком из сказок карету, над чьей крышей ярко переливается разноцветный стеклянный шар. Тончайшая работа! Эти шары делаются лишь в одном городе и стоят баснословно дорого — для оплаты их стоимости желающим такую повозку в храм сестрам Лоссы приходится порой годами бродить по городу и близлежащим селениям, собирая пожертвования. Днем установленный на повозке шар с хитрыми зеркальцами внутри посылает во все стороны цветные лучи, что ползут по стенам домов и радуют детишек. Вечерами же внутри шара зажигают особую

ярчайшую лампу, а сам шар с механическим стрекотом начинает медленно крутиться… диковинка и только… Глэвдолл. Глэвсы на шестах то в каждом храме сыщутся — бывает и дорогие, старинные, с дарственными надписями от родовитых семейств. Но витражный Глэвдолл — редкость великая. В Буллерейле повозка с драгоценным Глэвдоллом имелась. Шар хрупкий. Повозка несуразная, узкая, короткая… хлипкая… ее колеса пусть и большие, но никак не предназначены для езды по бездорожью. Только для медленного торжественного продвижения по тесным городским улочкам с их порой неоправданно крутыми поворотами и внезапными сужениями. Во время дня Чистосвета повозка катается по городу от рассвета до рассвета, наполняя улицы разноцветным свечением и трогательными храмовыми песнопениями. В Элибуре за время праздника сменяют друг друга шесть певчих хоров, чтобы пение не прерывалось ни на миг…
Тряхнув головой, я провел по волосам пятерней, роняя на пол комочки засохшей грязи:
— Спустить в Ямы… да как шар не разбился?
— Разбился! — уже из комнаты рявкнул стражник и сердито там чем-то грохнул.
— Полностью? — ахнул я, представляя всю величину горя, что вскоре охватит все население Буллерейла и расположенных поблизости селений, куда праздничная повозка Чистосвета обязательно наведывалась хотя бы раз в год.
— Слава Лоссе — нет — пробурчал Магарий — Пара стеклышек разбилась. И вроде как одно большое зеркальце. Соберем уж как-нибудь на починку… Так ты будешь слушать?
— О… конечно. Продолжай
— Нас сдернули ничего не пояснив. Беда… Тьма… быстрее! В Ямы! Пока я своих собрал, пока мы лошадей оседлали и к храму прибыли — они уже повозку выкатили! Мы так и онемели разом. Мы ведь еще и не понимали ничего, я как раз собирался спросить, но тут принесли весточку от бургомистра… и его подняли с постели!
— А в записке?
— Коротко и ясно изложено следующее: «Беспрекословно следовать указаниям старшей сестры Ксаллопы и вопросами ненужными не досаждать!».
— О как — крякнул я — Беспрекословно… сурово…
— Мы тихо прошли город почитай насквозь. А как на тракт вышли, так лошадей и хлестнули. Повозка трещит, шар дребезжит, сестры причитают, служки шар этот стеклянный обняли, на крыше повозки стоят и молитвы воют… Светлая Лосса! Цирк бродячий да и только! Но кое-как добрались до начала спуска… Рург… ты поверь — я думал мы там все сгинем — отвернувшись от уже раскрытого сундука, Магарий сжал мне руку повыше локтя и легонько встряхнул — Тропа крутая… скользкая… золотари паскуды такие поналяпали там… и ведь темнота! Лошади упираются, мы их как можем понукаем, моя правая рука Тизор их тащит, так ему ногу копытом отдавило так, что сегодня будут ему ступню резать…
Я молча покачал головой, мысленно возвращаясь к той коварной тропе. Но мы спускались налегке и было еще светло. Поднимался я уже в темноте, но вверх — не вниз. А что пришлось пережить стражам я и представить себе не берусь. Священный стеклянный шар, он же городской Светоч Лоссы… разбей они его целиком и… со службы можно сразу уходить. А заодно лучше и город покинуть. Но ладно разноцветное стекло… в ту пору на тропе действительно можно было сгинуть…
— И тут вдруг внутри повозки зазвенело и… шар разом заполыхал! Да так ярко! — стиснув зубы, Магарий явно с огромным трудом удержался от свойственных ему ругательств, помня, что говорит о сестрах Лоссы — Лошади обезумели! Мы висим на поводья, двоих скинуло, они покатились вниз по проклятым камням и помоям… Коллас руку сломал… кость наружу. Брат его Коллус лоб разодрал до кости… Так что твое денежное вспоможение нам как сама Лосса ниспослала — выпустив мою руку, чуть успокоившийся страж вернулся к изучению содержимого сундука — Сам понимаешь каких трудов мне стоило не… не задеть резким словом старшую сестру Ксаллопу, что из благих побуждений решила осветить наш путь, позабыв нас об этом предупредить…
— Да-а-а… — протянул я — Спустились? До самого дна?
— Куда там!
— Вот и я про тоже — кивнул я — После Ям тропа сужается. Повозке там никак не…
— Не пройти! — ткнув мне в грудь комом сероватой в сумраке одежды, Магарий хлопнул крышкой сундука и шагнул к выходу — Добрались до сужения — и дальше никак! Разве что лошадей за хлипкие тамошние деревца веревками цеплять и выдирать их с корнями… Но ведь не посреди ночи! Посему повозку мы оставили там, а при ней двух младших сестер, одного служку и всех моих покалечившихся за эту дорогу. Тизор зубами скрипит, но боевое прошлое памятуя еще держится кое-как. А вот молодежь наша… Коллус шипит от боли, Коллас сомлел чуток… Эх! Мне сегодня к их матери идти — рассказывать, как я

двух ее сыновей за одну ночь покалечил… и ладно бы дни осенних хмельных ярмарок, когда упившиеся селяне да возчики беснуются… так ведь до первой ярмарки еще далече!
— Да скоро уже — возразил я.
— И то верно…
— Дальше пошли пешими?
— Хотели на лошадях — буркнул Магарий, запирая дверь — Но они воспротивились. Уперлись всеми копытами, головами машут, хрипят, зубы скалят… Сестра Ксаллопа из повозки три лампы особые достала, запалила их. Видел хоть раз лампы витражные?
— Витражные? — удивился я — Такие как в храмовых исповедальнях?
— Они самые. Стеклянные колпачки на них из стеклышек разноцветных. Помню еще мальчишкой на них глядел, потихоньку в дрему проваливался и все свои шалости суровой сестре Лоссы пересказывал…
— Тропа… — тихо напомнил я.
— Тропа клятая… — пробухтел Магарий — Еще вина?
— Мне, пожалуй, хватит — улыбнулся я.
— А мне вот еще глоток лишним не будет. Вон кувшин в углу, там же ведро. Умойся хотя бы. И плечи омой.
Кивнув, я направился в угол, а старший страж, усевшись за стол, бухнув о стол почти пустую бутылку, продолжил рассказ:
— С этими лампами мы далеко не ушли, Рург. Нас всех разом скрутило.
— Скрутило? — выпрямившись, я пристально уставился на Магария.
— Скрутило — подтвердил он и горлышком бутылки коснулся лба — Вот тут как лопнуло что-то. Боль дикая! Я в крик! Рург… когда на войне мне топор в бедро всадили и в ране провернув вырвали его вместе с куском мяса… я так не кричал, как этой ночью на темной ночной тропе. Боль! Я в голос реву! Рядом выгибает старшую сестру Ксаллопу! Она катается в грязи, бьется головой о корни… Рядом со мной кричит страж Бунжий, тыча себе в лицо горящим факелом… запах горящей бороды…
— Светлая Лосса…
— Словами не передать, Рург. Наш рев многоголосый, быть может, и до тракта донесся, ночных путников перепугав.
— Темное дело — невольно вырвалось у меня.
Медленно кивнув, Магарий почти прошептал:
— Темное дело… нечистое… Меня корчило от боли, Рург, но… я прямо чуял как ко мне тянется что-то страшное из мокрой больной чащи… И я знал — если дотянется, то… и тут звякнуло! Звонко так! И до-олгий понесся звон над тропой. Боль разом прошла, то, что незримо ко мне тянулось будто отпрянуло. Я приподнялся. Грязь с лица утер, отплевался, глянул… а старшая сестра Ксаллопа стоит посреди тропы прямо-прямо, как мачта на корабле. Руки воздеты. На одной ладони лампа витражная утверждена. А в другой сестра сжимала штуку одну странную…
— Какую?
— Да знать бы… Видел ее едва-едва, но кажись на мальчишескую рогатку похожа. А над чащей все звенит и звенит… Меня трясет, еле поднялся, воздел других на ноги, гляжу — сестра Ксаллопа падает. И…
— И?
— Подхватил я ее. На ногах не удержался и мы в грязь упали. Кое-как поднялся, она что-то бормочет, а я даже и слушать не стал, Рург — старший страж уставился на меня удивительно чистым или даже просветленным взглядом — Я попросту взвалил почтенную Ксаллопу на плечо, подопнул стонущего Бунжия и погнал всех вверх — прочь оттуда! Прочь! И гнал я их до самой повозки! Там так орать начал, что повозку мигом распрягли, на руках приподняв развернули, лошадей кругом обвели, впрягли и… погнали мы вверх по тропе! Шар звенит, дребезжит, служки его облапили, на нем висят, что-то кричат, раненые воют от боли, а я знай лошадей нахлестываю и сам ору что есть мочи, остальных подгоняя. Не помню, как на тракте очутились… Но там уже я лошадей придержал… там уже и страх отступил.
— Вы… убежали — произнес я, мягко вынимая из руки стража бутылку вина. Запрокинув голову, я вылил последний глоток в рот, поморщился от винной гущи, но все же проглотил и повторил — Вы убежали… малый отряд стражей, несколько сестер Лоссы, храмовые служки…
— Да, Рург. Мы убежали. Это и отступлением то не назвать. Бегство позорное. Сестру Ксаллопу и остальных мы в храм доставили. Там нам всем помощь оказали. Там и продержали в главном зале почти до рассвета, со всех сторон нас витражными лампами окружив и спать никому не позволяя. Еще и выпить дали что-то — по сию пору сна ни в одном глазу и чувствую себя бодро. Велели хмельного не принимать, но…

— Вы убежали…
— Да что ты все заладил? — побурел Магарий — Убежали! А ты чего ждал? Сам ведь там уже бывал? Рассказывай давай!
— Ты не сочти мои слова за грубость — я примиряюще улыбнулся — Просто в изумлении некоем пребываю…
— Стало быть кхтун там?
— А сестра Ксаллопа?
— Она больше повторяла про то, что никому из нас никогда нельзя и слова проронить о том, что случилось той ночью и что мы пережили. Все утирала льющую из носа кровь — которая все не унималась — и все повторяла свой суровый наказ, комкая в руке пропитанный кровью платок и прижимая ко лбу стеклянную монету с золотой каймой.
— Стеклянную монету?
— Да нет… нет ведь таких. Но похожа на большую монету. Или на…
— Хрусталь… — обронил я глухо, нагибаясь над ведром и плеская в лицо теплую воду.
— Во-во. Мне тут что-то говорили о кинжале со странным лезвием…
— Это не мое.
— Ведьмино?
— Она не ведьма — возразил я.
— Очаровала и заплела уже душу твою? — хохотнул начавший приходить в себя Магарий — Палач и сильга путешествуют вместе… где ж такое видано?
Я пожал плечами и, вытерев лицо висящим в углу полотенцем, уселся на залитый утренним солнцем скрипнувший подоконник:
— И все?
— Куда там. Тогда же отослали сестры двух конных гонцов. А к ведущей в Ямы тропе отправили пятерых стражей, двух сестер и двух послушниц Лоссы, а с ними еще троих служек с факелами и витражными лампами. Покосившаяся повозка уже в храме и починка ее дешево не обойдется. Мне же было велено разослать всем золотарям весточку, чтобы в Ямы никто не совался, потому как там бешеный медведь объявился, что уже троих прикончил. С рассветом меня домой отпустили. Только я успел штаны чистые натянуть, как пришла весть об убийстве Нимрода Ворона и что убийцу рядом с телом застали и убийца тот удивительно спокоен, себя кличет Ругом и требует позвать к нему старшего стража Магария… Вот теперь все кажись рассказал…
— Мой черед?
— Твой — стражник повернулся ко мне всем грузным телом, хлопнул ладонью по столу — Давай… рассказывай. Может твоя история будет не столь позорная…
— Не будет — вздохнул я и, не выдержав, тихо рассмеялся — Вот ведь дела…
— Давай-давай — поощрил меня Магарий — Рассказывай без утайки. А потом угощу тебя яичницей с жареными колбасками в трактире напротив.
— Поесть не помешает — признался я, натягивая рубаху, что некогда принадлежала казненному мной преступнику. Лица уж и не упомнить — Попрошу тебя кое о чем еще, добрый Магарий.
— Проси.
— Раз уж я в тюрьме вдруг оказался и приговоренные рядом… так чего ж попусту ноги бить? Сразу и кончу дело.
— Погоди… никак ты хочешь…
Я кивнул:
— Ну да. Расскажу, как было дело ночью, а затем прихвачу какой-нибудь топорик и…
— Не по традиции так — качнул головой Магарий — Уж прости, Рург. Но все должно быть как заведено. Ты уж будь добр позавтракай со мной, следом переоденься во что положено, а я дам знать сестрам Лоссы, что приговоренные желают душу излить напоследок. А там уже можешь и приступать…
— Ладно — вздохнул я — Будет все как заведено…
— А пока рассказывай. Может не только я труса спраздновал этой ночью…
* * *
Ведя в поводу лошадь, я неспешно шагал по главной улице Буллерейла, повторяя недавний свой путь — в обратную сторону. Рассказав все старшему стражи, я вернулся на постоялый двор, тихо вошел в свою комнату, переоделся, взял необходимое и вышел, направившись в конюшню. Там в пахнущей навозом и цветами сумрачной тени отдыхало несколько слуг, передавая по кругу кувшин с квасом, но стоило им увидеть меня, и они тут же исчезли, не пытаясь скрыть страх. Все как всегда…
И это подтвердилось, как только я вышел через задние ворота, переулком срезал до начала главной улице, вышел на середину и мерно зашагал. Привычная к этому нехитрому ритуалу лошадь шагала степенно, не пыталась хватать зубами красная веревку на моем правом

предплечье, хотя ей и хотелось. На лошадиной спине тихо колыхалась уже порядком выцветшая легкая попона некогда алого, а теперь скорее красно-бурого цвета с частыми белыми пятнами. Сколько уж лет прошло с того дня, когда мне ее сшил, окрасил и подарил позднее казненный мною умелец, что отомстил за поругание чести и смерть дочери, а затем сдался страже.

На мне наспех вычищенная куртка с кровавым отпечатком ладони. На рукаве красная веревка с болтающимися концами. За спиной топор. А к седлу привязан меч в красных ножнах, чья красная рукоять торчит вверх и видна издалека. За моей шеей свисает красный тканевый капюшон, и я рад, что пока нет такого закона, что обязует нас палачей натягивать на голову душный мешок. На руках тоже уже старые красные перчатки. Как все же сложно в больших городах вершить приговор. В деревнях куда проще. Прямо за околицей, без исполнения этих ненужных старинных обрядов, что лишь внушают лишний ужас.

Да… Шагающий по главной улице города палач внушает горожанам страх и отвращение. А это должно заставить их получше обдумывать свои будущие деяния — дабы однажды не оказаться тем, по чью душу явится грешный убийца.

— Гореть тебе во тьме, палач! — прерывающийся от волнения писклявый мальчишеский голос вырвался из приоткрытого окна второго этажа древней каменной постройки.

Неровные толстые стены в ту давнюю пору были единственной защитой от того, что порой приходило из ныне исчезнувших густых чащоб — Гореть во тьме! Ай!

Звонкий звук затрещины, грохнула рама захлопнутого окна, дробно зазвенело стекло, а я с огромным трудом удержался от смешка. Палач не вправе быть веселым, шагая убивать. Вообще негласные законы предписывали мне шагать тяжело и медленно, держать спину прямой, а голову гордо поднятой, при этом подбородок надлежало выдвигать вперед, а брови грозно сводить у переносицы. А перед этим обязательно надлежало привести себя в полный порядок, ибо палач выглядеть должен как карающая рука, а не как бродяга с большой дороги. Но уж увольте… сегодня я и пытаться не стану насупливать брови и тянуть вперед подбородок.

Что же до крика мальчишки — он сейчас бледен, испуган и счастлив. Да он потирает затылок или щеку, что горят от сердитой материнской или отцовской затрещины, но все же он счастлив. С сегодняшнего дня он первый городской храбрец. Тот, кто дерзнул напомнить палачу его неизбежную судьбу. Будет ему почет от сверстников… А вот мать храброго озорника сегодня же вечером будет в храме и там, упав на колени пред священным глэвсом, будет молить за своего сына. Ведь не зря в старой примете указано, что тот, кто желает палачу такого, сам однажды станет палачом.

И я сам тому подтверждение…

Я невольно хмыкнул, опять вспомнив тот уже столь далекий весенний солнечный день, когда, цепляясь за край круглого чердачного окна, я набираю в грудь побольше воздуха и, дождавшись, когда мрачная фигура поравняется с нашим домом, во все горло кричу «Палач! Гореть тебе во тьме-е-е-е!»… Как же меня тогда выпороли…

Моя улыбка гаснет, когда я вижу у дороги скорбную фигуру с опущенной к земле зеленой ветвью. Ветвь плакучей ивы. Знак нижайшей просьбы просящего… Такие обычно выходят на дорогу, когда по ней едут дворянские кортежи… ивы. Побелевшие листья уже в пыли, ветвь часто подрагивает в старой руке.

— Грешна твоя рука, но вершит правосудие! — выговорив ритуальные слова, стоящая у обочины фигуры маленькая фигурка в платке низко кланяется, по морщинистым запыленным щекам текут слезы, оставляя грязные дорожки.

Проклятье… потому и не люблю я этот старый ритуал с медленным шествием по главной улице…

— Тверда твоя рука, но милосердна, милый… — бабушка склоняется еще ниже. Не удержав равновесие падает лицом вперед. Шагнув вперед, я успеваю подхватить невесомое тело. Из ослабшей руки падает ветка, а из другой несколько жалких медяков, что тонут в дорожной пыли.

— Внучка моего… — шепчет бабушка сереющими губами, запрокинув лицо и глядя на меня сквозь пелену слез — Хороший он… хороший… ты его не мучь, милый… ты уж…

— Хорошо — тихо обещаю я, нарушая запрет — Будет быстро и без боли…

— Милый… вот… — тянущаяся ко мне рука опадает и… я почти роняя на землю ее тело, нагибаюсь щекой к ее губам…

Неимоверно слабый выдох почти неощутим щекой…

Тьма!

Обернувшись, рявкаю на шедшего все это время за мной одинокого старого стражника.

— Лекаря! Ле…

Ощутив легкую дрожь, я опустил взгляд вниз и… медленно выпрямился. Подбежавший страж с кряхтеньем наклонился над телом и… тоже выпрямился.

— Как же так… она же только сегодня с деревни кажись примчалась, вести прознав про внука. И зачем ей только сказали?
Последний раз взглянув на умершую, я взялся за повод и зашагал дальше по улице, не сказав больше ни слова. А что тут скажешь…
Пусть в следующий раз страж Магарий потребует от меня соблюсти традицию и прошагать по главной улице до самой тюрьмы. Пусть потребует…
* * *
Когда дверь темницы отворилась, приговоренные, замерев в странных любому другому, но привычных для меня позах, стояли в углах. Мы все замираем вот так неподвижно, приподняв руки, сведя лопатки, когда ожидаем неизбежного удара, за которым последует сильная боль. И одновременно боимся шевельнуться — чтобы еще даже не случившаяся боль вдруг не стала сильнее…
На меня они не глядели, предпочитая буровить взглядами каменные стены.
— Связывать? — обронил я, стоя на пороге камеры — Или сами пойдете?
Молодой вздрогнул как от удара, со свистом выпустил, буквально выдавил воздух из груди сквозь стиснутые зубы и… съежился:
— Я сам… сам пойду…
— И я сам… — глухо обронил старый. Надтреснутый голос звучал глухо и покорно. Но я заметил мелькнувший в его глазах опасный огонек. Этот попытается найти любую лазейку для побега.
Кивнув, я продолжил, неспешно поправляя перчатки:
— Побега не будет. За любую глупость заплатите зряшными муками. Ты — мой палец уперся в грудь молодого — Идем.
— Я первый?! — выдохнул он и на этот раз ему пришлось опереться рукой о стену, чтобы не упасть — Почему я первый?! Почему не он?!
Еще немного пожить… сделать еще хотя бы пять вдохов ставшего вдруг таким сладким воздуха… попытаться насладиться последними мигами отнимаемой жизни…
— Назвали тебя! — крикнул седой, вжимаясь спиной в угол — Тебя назвали! Судьба! Твоя судьба! Не перечь!
— Я не хочу!
Говоря это, молодой, с трудом переставляя одеревеневшие ноги, уже шагал ко мне. Я одобрительно кивнул.
— Прояви достоинство — положив ладонь на дрожащее напряженное плечо, я заглянул ему в глаза — Хватит уже бояться. О том, как ты вел себя в последние мгновения, уже сегодня узнает весь Буллерейл. Шагай смело, парень. И успокойся… Идем мы пока не в пыточную и не на казнь. Тебя ждет светлая сестра Лоссы. Поговори с ней. Она облегчит твои душевные страдания. Поможет примириться с неизбежным.
— Да… да… — обмякнув, он кивнул и покорно шагнул за порог. Вяло глянув в покинутую камеру, он махнул рукой опускающемуся на солому старому, что получил отсрочку неизбежного.
Пройдя темным коридором мимо пыточных, мы миновали стоящего у загодя открытых дверей стража Магария и окунулись в яркий солнечный свет погожего летнего дня.
— Хорошо то как… — вырвалось у обрекшего себя на смерть молодого дурня, поднявшего лицо к небу — Хорошо то…
Я ударил ножом с красною рукоятью, вбивая лезвие под левую лопатку, задирая острие чуть вверх. Резко дернув в сторону, провернул и подхватил обмякшее тело парня, мягко положив его на бок. Оставив нож в ране, повернулся и зашагал обратно, тихо обронив по пути:
— Единым куском? Его приговорили к усекновению головы…
— Без топора, Рург. Я улажу.
— Да… — кивнул я, бесшумно шагая по коридору — Откройте пыточную.
— Может все же без…
— Он заживо скормил умирающего крысам — бросил я через плечо, снимая с пояса тонкую веревку — Он не получит смерть столь же легкую, как молодой глупец… И я хочу, чтобы он кричал…
— Люфен — понял меня Магарий.
— Люфен — кивнул я — Пусть он услышит чужие крики… и пусть подготовит глотку и душу к такому же…
— Этот шум — с легкой досадой поморщился Магарий, явно успевший хлебнуть еще вина и окончательно пришедший в сонное благодушное настроение — Люди боятся, Рург. Стены тюрьмы толсты, но крик пытаемого громок…
Остановившись, я обернулся и произнес, не сводя взгляда с лица стража:

— Да. Крик пытаемого громок. И этот крик — предупреждение остальным, кто подумывает начать убивать или насильничать! Когда они услышат звериное завывание пытаемого — это угасит их темный пыл! За легкие кровавые деньги и бесчинную потеху — неизбежная страшная кровавая плата! Заплатят вдвойне! Как те, кто будет кричать сегодня!
— А если темный пыл услышавших не угаснет? Вера в собственные дурные силу и удачливость порой слишком велика…
— Тогда однажды мы встретимся с ними здесь — я кивнул на дверь пыточной и, отвернувшись, зашагал дальше — Я дал обещание и сдержу его, Магарий. Но не удивятся ли жители Буллерейла удивительно мирной тишине в тюрьме, куда вошел палач, что явился не разговаривать, а пытать и расчленять? Как думаешь? Не осудят ли разгневанные родичи убиенных жертв такую тишину?
— Да услышал я тебя… услышал…
— Расчленять говоришь… — прохрипел вставший мне навстречу седой и на этот раз в его взгляде не было покорности и смиренности. Об этом же говорили сжатые кулаки и злобно оскаленные зубы.
— Сопротивляйся — поощрительно улыбнулся я, делая широкий шаг в камеру — Сражайся…
— Порешу! — взвизгнул старый и прыгнул вперед, стараясь зайти сбоку и по наивности своей считая, что я этого не пойму.
Отступив, я коротко ударил, глубоко погружая кулак в дряблый живот. Охнув, он разинул рот и согнулся. Перехватив его правую руку, я резко вывернул ее, с влажным хрустом ломая в локте.
— А-А-А-А-А-А-А! Моя рука! Моя рука-а-а-а!
— Кричи — поощрил я со все той же застывшей улыбкой, перекручивая искалеченный сустав — Кричи громче….
— А-А-А-А-А-А-А! — дрожащий вой вырвался из камеры и полетел по коридору, торопясь вырваться в залитый солнцем мирный летний двор…
* * *
Вернувшись на задний трактирный двор, я потратил немало времени на лишнюю, но такую нужную для меня чистку лошадей. Мерные и скупые движения щеткой успокаивают, позволяют мыслям потерять багровый окрас и вернуться в привычное неспешное русло. Почувствовав полное успокоение, я прихватил тяжелую седельную сумку и понес ее к комнатам. На столпившихся у дальней стены трактирных слуг я не смотрел. И так знал, как они смотрят на меня — с особым испуганным уважением. Вглядываются с жадным любопытством, одновременно вспоминая трижды преувеличенные слухи о зверских пытках, кои я учинил приговоренным, прежде чем казнить их. Я не собирался никого переубеждать. Такие слухи я одобрял. Пусть сплетни расходятся и разбегаются, разлетаются и расползаются по дорогам и тропинкам, пусть проникнут в каждое отдаленное поселение и в каждое могущее слышать ухо. Порой сущей малости хватает, чтобы привести в себя задумавшего недоброе человека.
Зайдя в комнату, я с железным лязгом опустил сумку на пол, бросил взгляд на застланную постель и вышел, прихватив с собой загодя приготовленный сверток. Сделав шаг за дверь, я на мгновение замер, взглянул сверху-вниз на оседлавшую давешний высокий чурбан фигурку.
— Ты выглядишь куда лучше, сильга Анутта с двумя «Т» — улыбнулся я, внимательней оглядывая девушку.
— Ты льстишь мне, палач Рург — ответила она, легко выдержав мой взгляд и заодно показав, что зрение полностью вернулось к ее зеленым глазам. Лицо чуть осунулось, глубокие царапины на левой щеке покрыты зеленоватой мазью и почти скрыты свободно распущенными волосами с вплетенными в пряди красными нитями — Свершил свое кровавое дело?
Молча кивнув, я уселся на лавку, уложил рядом сверток, неспешно развязал кожаные тесемки и вытащил нужную вещь — еще одну щетку с удобной колодкой и короткой жесткой щетиной. Глянув вниз, убедился, что памятное мне потемнелое треснутое деревянное ведерце уже стоит рядом со скамьей и наполнено чистой водой. Старик постарался… помнит ведь. А сам сегодня не сразу мне на глаза покажется — если вообще решится. В такие дни его страх обостряется особо сильно.
— Щетка? — не выдержала сильга.
— Обувная щетка — кивнул я.
— Ты только что казнил трех человек, палач Рург. И собрался почистить сапоги?
Я недоуменно приподнял брови:
— А что я должен делать?
— Ну… потребовать бутылку вина!

— И?
— И выпить ее одним махом!
— Бутылку вина одним махом — повторил я и улыбнулся — А затем, обняв за плечи обмирающих от страха заезжих селян, начать им жаловаться на горькую палаческую участь, не забывая продолжать возлияния и порой вставлять страшные подробности о моем кровавом ремесле…
— Вот видишь — девушка улыбнулась в ответ и поморщилась, когда глубокие царапины отозвались болью — Ты и сам все знаешь…
— Глупости это — отрезал я — После такого пить нельзя. А вот после пережитого нами вчера — можно…
Моя попытка вернуться к интересующему меня делу успехом не увенчалось. Сердито тряхнув головой и снова поморщившись, сильга ткнула пальцем в щетку:
— Но не сапоги же начищать!
— Напротив — возразил я — Как раз это и надо сделать первым делом. Так, во всяком случае, поступаю я.
— Отчего же?
— Однажды, исполнив упомянутое тобой кровавое дело и казнив особо мерзкую парочку жестоких убийц, что убивали ради забавы…
— Им не поздоровилось в твоих руках?
— Я выпотрошил их заживо — спокойно ответил я и наклонил голову, наблюдая, как сильгу встряхнуло от моих слов как кошку после вылитой на нее воды — Зачем же ты спрашиваешь, если не готова слышать те самые страшные откровения о палачах и пытках?
— Да уж… — вздохнула Анутта и замолкла, глядя, как я аккуратно стаскиваю сапоги, разматываю портянки и медленно опускаю босые ноги на дощатый настил — Ты что-то говорил про «однажды»…
— В тот день я испытал немалую тягу напиться — признался я — Но удержался. Пошел по мокрой после дождя улице, ведя за собой лошадь и размышляя о том, что сегодня желаю на ужин. И тут моих ноздрей коснулся дивный аромат свежеиспеченной сдобы. Что-то с яблоками, корицей и медом…
Сильга понимающе закивала, одновременно тянясь к лежащей на столе книге в кожаном переплете.
— Звякнув дверным колокольчиком, я вошел и сразу увидел его — нарезанный большими и даже небрежными кусками исходящий паром яблочный пирог. Его только достали из печи, тут же нарезали, выпуская на улицу манящий запах… Там была молодая владелица. Улыбчивая, с русой толстой косой, краснощекая от здоровья и жары у печки. Она улыбнулась мне, сразу поняв, зачем я пришел. Я улыбнулся в ответ, поднял руку с зажатыми монетами… и увидел как она падает на поднос с нарезанным яблочным пирогом — тяжело вздохнув, я покачал головой и, подняв правый сапог, зачерпнул пригоршней воды из ведерка и вылил ее на носок — Подхватить ее я не успел, грохот был изрядный, ушиблась она тоже здорово, а куски пирога разлетелись по полу. Из задней комнаты выскочил ее муж, по пути сдирая со стены старый топор — даже старинный, не иначе дедовский… нынче таких не выковывают уже…
— Погоди ты с топором дедовским… Упала? Но…
— Почему? Обморок — я тихо рассмеялся и кивнул на зажатый в руке сапог — Шагнув к упавшей, я случайно бросил взгляд вниз и понял, что оставляю за собой кровавые следы на навощенном паркетном полу.
— Ох…
— Как ты и сказала — дела я вершу кровавые — я пожал плечами и, взявшись за щетку, принялся обхаживать сапоги жесткой щетиной — В тот день я постарался особо. И был слишком устал и зол, чтобы пристально оглядывать себя. Знал, что подошвы в крови, но был уверен, что пока миную задний двор тюрьмы, пока пройду по мокрой улице, прошагав по лужам…
— Кровь не смылась?
— Не вся. Большая ее часть осталась на голенищах и медленно стекала вниз, подбадриваемая водой из луж… Что ж… я извлек из этой истории два урока. После каждого исполненного дела я чищу сапоги — я кивнул на обувь, отставляя вычищенный сапог в сторону и берясь за второй.
— А второй урок?
— Я никогда не захожу в ближайшую к городской тюрьме пекарню — абсолютно серьезно ответил я — Даже если она лучшая в городе, а я умираю от голода.
— Что ж… — задумчиво произнесла сильга, закрывая крышку чернильницы — Не каждый день услышишь такое…

Хмыкнув, я потратил еще некоторое время на молчаливую чистку сапога, а закончив, промыв щетку и отложив на край лавки, покосился на пузырек с маслом, пошевелил пальцами ног и предложил:
— Поговорим? Я расскажу тебе о том, что происходило ночью в Ямах Буллейрела и со мной, а ты…
— Я уже знаю — вздохнула девушка, осторожно касаясь раненой щеки — Незадолго до тебя приходила старшая сестра Ксаллопа… или вернее бледная тень ее… Она рассказал мне все, что случилось. Рассказала и о тебе… и о Нимроде… Как же я глупа…
— Ты не глупа — возразил я и, вдавив спину в стену, поерзал лопатками, устраиваясь поудобней — Ты… ты кажешься мне цыпленком, сильга Анутта. А старшая сестра Ксаллопа видится мне важно кудахтающей несушкой, но… никак не боевой соколицей…
— Что?
— Сравнения мне не особо удаются — признался я — Но зато я всегда могу оценить опытность даже незнакомого человека. Не будем пока о здешних сестрах Лоссы. И пусть я мало что понимаю — как оказалось — в пугающих делах сильг и сестер Лоссы, но… как давно ты путешествуешь одна, сильга Анутта?
— Ты… ты решил…
— Я решил — кивнул я, спокойно глядя на тощую девчонку — Ты обманула меня своей уверенностью, сильга. Ты действовала решительно, принимала решения быстро, мечом владела ловко. Но затем я понял — ты вела себя скорее как уже бывавший на поле боя воин, но не как привыкший командовать и умело оценивать события генерал…
— Это…
— Да?
— Это мое седьмое путешествие в одиночку — сильга опустила голову — Но первое настолько дальнее. И первое, когда я встретила действительно сильную тварь…
— А до этого?
— Я путешествовала со своей наставницей — призналась Анутта — Но мы прошли с ней через многое! И я никогда…
— Ты привыкла полагаться на чужие приказы и чужую оценку, госпожа — примиряюще улыбнулся я и взялся за пузырек с маслом — Старшая же сестра Ксаллопа… я не видел ее в деле лично, но верю словам старшего стража Магария. Он тоже человек опытный и редко ошибается в своей оценке. Быть может, в прошлом сестра Ксаллопа прошла через многое… но это было давно и с тех пор она многое растеряла.
— Да… то же самое сказала мне она сама незадолго до твоего возвращения. Меня спас ты. А ее спасла и остальных спасла решительность старшего стража и витражного Глэвдолла. Ах если бы им удалось подтащить его ближе к той проклятой пещере…
— Вот о ней и о той твари, что засела в ней, я и хочу поговорить — кивнул я — У меня много вопросов. И если ты ответишь мне на них честно и без утаек, то…
— То?
— То будь на то твое желание, госпожа Анутта — подняв лицо, я взглянул в зеленые глаза сильги — Мы продолжим путь на север вместе — к предгорьям Трорна…

Часть вторая. Глава 2

Решение она приняла сразу — это я понял и без слов — но еще достаточно долго она обдумывала мое предложение, медленно наматывая красную нить на указательный палец и глядя, как я умащиваю маслом свои старые, но такие удобные дорожные сапоги. И умащивал я их не блеска, а непромокаемости ради.
— Спрашивай — сильга обронила сие разрешающее слово и потянулась за глиняной кружкой, что все это время стояла на краю стола, будто терпеливо дожидаясь своего часа. Поймав мой взгляд, Анутта пояснила — Особый травяной настой.
— Целительный?
— Ну… наверное да — тихо улыбнулась девушка, но в ее словах я уловил глубокое сомнение.
Наклонившись и принюхавшись, я не уловил знакомого запаха, хотя неплохо умел различать запахи брусники, подорожника, мяты, малины, чабреца и других полевых и лесных даров, что отменно помогали при многих недомоганиях. Пахло чем-то… не слишком приятным. От того, что забралось мне в ноздри при глубоком вдохе, невольно захотелось чихнуть, а затем сморщить нос и прикрыть его рукавом. Что ж… не всякое лекарство должно хорошо пахнуть или быть приятным на вкус…

— Спрашивай — повторила сильга.
Этот вопрос я однажды уже задавал — своему седому прадеду, что последние годы жизни предпочитал проводить на кухне, сидя в углу у выходящего на задний двор заставленного кухонной утварью окна, глядя, как кухарка отправляет в печь пироги и хлебы и тихонько прихлебывая щедро разведенное водой белое вино. В тот раз жесткая ладонь прадеда потрепала меня по вихрам, следом я получил глоток из его стакана и от доставленной чести настолько раздулся от самодовольства, что забыл про спрошенное…
Пришла пора повторить давний вопрос:
— Кто такие кхтуны? Или что они такое? — спросил я.
Анутта улыбнулась так, что я понял — этот вопрос она и ожидала получить от любопытного провинциального палача. Что ж… я он и есть.
Любопытный палач. Из провинции.
— А что ты сам слышал о кхтунах?
— Последние лет двадцать — да ничего — улыбнулся я — Хотя… порой зимними вечерами, когда за стенами трактира завывала вьюга, а в окнах мелькали странные тени, многие постояльцы, особенно из тех, кого непогода застала на дороге, согревшись парой стаканов горячего вина с пряностями, начинали беседу о кхтунах…
— И что они говорили?
— Да то же, что и остальные — развернув сухую тряпку, я принялся вытирать с сапог остатки влаги — Говорят, что кхтуны — это души великих грешников, что сумели избежать…
— Попадания в огненную тьму Раффадулла — кивнула девушка — Им нет хода на светлые горные луга Лоссы, а вниз во тьму они и сами не желают спускаться. И потому кхтуны скитаются по миру, незримые для обычного взора.
— Так это правда?
— Вот тебе самый честный из ответов, Рург — никто не знает — тихо зашипев от боли, сильга осторожно прикоснулась к царапинам — Не верь тому, кто скажет, что ведает о истинной природе кхтунов ибо это будет наглой ложью.
— Как же так? Вы ведь сражаетесь с кхтунами. Я видел…
— Сражаемся с почти неведомом врагом и… продолжаем изучать их — кивнула Анутта — Мы сильги вели и ведем с пойманными кхтунами долгие беседы, пытаясь вызнать о них побольше. Не я сама, но те из сильг, кто куда мудрее и сильнее меня — они продолжают пытаться. Но кхтуны лишь смеются чужими губами и насмешливо смотрят на нас чужими глазами обманутых и покоренных ими людей…
— И никто не знает?
— Ну… есть осторожные предположения…
— Расскажи — попросил я, опуская лицо, чтобы не сверлить девушку излишне настойчивым взглядом и начиная втирать в носок левого сапога масло.
— К чему тебе столь… заумные как по мне предположения, палач?
— Не расскажешь?
— Почему же… тебе — расскажу. Хотя обычно мы ни с кем не беседуем о таком. Если честно, мнения сильг давно разделились и в сестринстве идет тихая и ожесточенная многовековая борьба… Пока побеждают те, кто уверенно заявляет, что кхтуны являются исключительно зловредными, редкими, но вполне обычными сущностями из многих, что издревле населяли эти земли до прихода сюда людей.
— Обычными сущностями из многих — повторил я.
— Созданиями, существами, сущностями… в лесах, в долинах, в реках, ручьях, на возделанных полях и на солнечных или сумрачных склонах холмов обитает множество сущностей. Они вполне безобидны, хотя некоторые очень проказливы. Взять того же мавника… он любит напугать, но порой и предостережет от беды…
— Так мавники…
— Конечно они есть! — девушка сердито сверкнула глазами — Они почти исчезли, но многие из них все еще живут. Как и лешие, овинники, полевые…
— Нечисть существует… — пробормотал я, тихо качая головой.
— Глупости! — на этот раз сердитости в голосе сильги было куда больше — Не повторяй таких глупостей, Рург! С чего вдруг мавник или обычный ржанник полевой вдруг нечист? Чем они тебе не угодили? Тем, что не посещают храмов Лоссы и не спят в чистых постелях? Так и мы с тобой такие же!
— Хм… я лишь не сдержал удивления, госпожа Анутта — примирительно произнес я — Ведь мне ни разу не приходилось увидеть никого из этих… созданий. А я тот еще путешественник…

— Их не увидеть простому смертному — в голосе сильги не звучало ничего, кроме толики горького сожаления — Дровосек рубит многовековой дуб и не видит рыдающей навзрыд лешачки, обнимающей искалеченный ствол своего старого друга…
— Они… призрачны? Раз их никто не видит…
— Нет. И да. Они иные, Рург. Этого не объяснить… Видишь раны на моей щеке? Разве их нанесло создание из плоти и крови? Ты видел когти кхтуна?
— Нет…
— Но он располосовал мне щеку и отравил рану… так разве он призрак?
— Я начинаю понимать.
— Некоторые их этих созданий столь же материальны, как и мы с тобой. Поэтому им приходится прятаться, а остальные им помогают оставаться незримыми для человеческих глаз. Или они сами учатся быть незаметными, оставаясь при этом на виду. Но мы говорили о кхтунах…
— Да…
— Большая часть сильг считает кхтунов обычной… нечистой силой как ты их называешь. В это же верит и большая часть сестер Лоссы. Но этим высокомерным ханжам свойственно всех равнять под одну гребенку! Многие из них и нас сильг считают нечистой силой! Ха! — сверкнув зелеными глазами, сильга схватилась за глиняную кружку и сделала несколько мелких глотков и сморщилась как от великой горечи — Ох… И раз сестры Лоссы верят, что кхтуны это обычная нечистая сила, многие сильги в пику витражным святошами…
— Витражные святоши — пробормотал я и не удержался от смешка.
— Ладанницы, сестры ламп и фонарей — фыркнула девушка — Да… мы называем их по-разному. Но никто не называет их шлюхами семи дорог…
— К-хм…
— Многие сильги в пику сестрам Лоссы предпочитает верить, что кхтуны — иные. Совсем иные.
— А это…
— Есть древнее верование, что наш людской мир соприкасается с другими мирами, откуда иногда через некие трещины и разломы в наш мир вольно и невольно попадают те, кого мы назвали кхтунами — попыталась пояснить сильга и заметив смятение в моем взгляде, поспешно предложила — Если хочешь, то я могу дать тебе прочесть один малый трактат. Он писан несложным языком и… хотя не думаю, что тебя заинтересует…
— Я буду рад прочесть этот трактат — отставив один сапог, я взялся за другой, утвердил его на колене и опять заглянул в глаза сильги — Буду рад прочесть.
— Что ж… но это, между нами, да, палач?
— Конечно, госпожа сильга — улыбнулся я — Никто не узнает.
— Тут нет особой тайны, но старшие из сестринства Сильгаллы враждебно относятся к любому намеку на вмешательство в дела сильг…
— А ты?
— Я же считаю, что надо больше рассказывать мирянам о жизни сильг — тихо произнесла Анутта — И быть может тогда мы станем чаще получать кров над головой, к нам станут реже приставать похотливые торговцы и может однажды нас перестанут считать шлюхами…
— Что ж… — помедлив, я кивнул — Считаю это честным. Особенно после того, что я видел там в Ямах покойного Нимрода, да примет Светлая Лосса его душу на свои горные луга…
— Благодарю.
— Блуждающие души грешников, обычная нечистая сила и совсем иные — дай мне Лосса сила уяснить это своим скудным умом — явившиеся из других миров. Да как это вообще возможно?
— Веер миров…
— Что?
— Прочтешь в трактате. Там есть над чем поразмыслить.
— Кем же кхтунов считаешь ты, госпожа Анутта? Кем из трех?
— Из четырех — обронила девушка и опять припала к кружке. Допив, она вытерла губы тыльной стороной ладонью и облегченно выдохнула — Наконец-то…
— Что же ты такое пьешь? — не выдержал я.
— Я говорила тебе о даре сильг.
— Да.
— Дар непростой и… очень неприятный. Чтобы не сойти с ума или просто не казаться всем блаженной бормотуньей, что завороженно пялится в пустоту перед собой, мы почти каждый день пьем особый отвар по древнему рецепту. И это позволяет нам сильгам быть

почти… обычными. Кому-то приходится пить прямо каждый день. Тем кто послабее — они пьют не чаще раза в десять дней.
— А ты?
— Почти каждый день — вздохнула девушка — Мерзкая штука. И чем дальше мы в дороге — тем сильнее и чаще в нем нужда. Только в стенах главной обители сестринства Сильгаллы нам не требуется мучить себя этим отваром.
— Я проникаюсь все большим сочувствием ко всем сильгам…
— Мы не ждем жалости, Рург. Мы просим лишь сдержанности в суждениях.
— Ты что-то еще хотела рассказать о кхтунах.
— Тебе не понравится — предупредила сильга.
— Почему? — искренне удивился я.
— Ну… понимаешь… многие сильги верят в то, что кхтуны раньше были людьми. Они верят, что кхтуны — это переродившиеся в темную сущность человеческие души.
— Души грешников — кивнул я.
— Да нет же… с чего бы?
— Ну… души грешников не желают отправляться в огненную тьму Раффадулла, где их ждут муки и потому…
— И кто бы им разрешил? — сильга скептически приподняла левую бровь — Ведь кара неминуема, Рург. Есть тяжкий грех? Что ж, тогда лежит твоя дорога во тьму — если не получится искупить греха при жизни. Так нас всех учат. Но как все обстоит нам до мига смерти узнать не дано. Вот ты великий грешник. Ты веришь, что после смерти твоя душа, то есть ты сам, твоя духовная сущность, сможет избежать отправки во тьму Раффадулла и остаться здесь в мире живых — пусть и бледной призрачной тенью. Веришь?
— Я стараюсь не думать об этом. Но как-то решил, что приму свою судьбу стоически — что уготовано, то уготовано.
— Но предположим ты против! Ты ведь не убийца дорожный, а тот, кто всю жизнь карал настоящих злодеев. За что тебя во тьму?
— Ну…
— И вот ты умер. И тебя потянуло с неудержимой силой вниз… что ты сделаешь?
— Да мне-то откуда знать?
— Никто не знает — кивнула девушка — Но если ли тебя ждет Лосса или Раффадулл… не думаю, что они дадут тебе выбор.
— Согласен. И не понимаю как тогда…
— Когда за тобой приходят посланцы Лоссы или Раффадулла?
— В миг смерти, конечно — уверенно ответил я, живо припомнив все те аляповатые трактирные копии комнатных картин, что изображают смерть старика в постели и стоящую у изголовья фигуру в светлому, а у изножья скрюченную и зловещую темную тень… Как только испустишь последний вздох — за тобой явятся.
— Вот!
— Что? Я все еще не понимаю.
— Многие сильги верят, что кхтуны это души тех, кто сбежал из своих тел еще при их жизни. Возможно за мгновение до смерти, но все же сбежали до того, как за душой явились суровые судьи.
— Да как это возможно?!
— Мучения — тихо сказала девушка и отвела от меня взгляд.
Почувствовав что-то недоброе, я подался вперед, одновременно ставя второй сапог на землю:
— Какие мучения?
— Невыносимые и долгие мучения при жизни — голос сильги стал почти неслышимым.
— Постой… ты говоришь, о…
— Пытках — кивнула Анутта — Я говорю о долгих страшнейших пытках, палач Рург. Мы не созданы для той боли, что порой нам приходится претерпевать. Даже дикий пожирающий тебя заживо зверь не может доставить человеку столько боли, сколько ему доставит другой человек. И если боль слишком сильна — душа пытается убежать от нее. Когда от боли теряют сознание — это один из путей души защитить рассудок. И это разумно. К чему лишние страдания и страх, когда один волк уже порвал тебе глотку, а второй погружает морду в твой разорванный живот? Уж лучше спасительная тьма. Так говорят старые сильги… От страшной боли бегут в спасительное забытье. Уж тебе ли не знать…
— Я знаю — медленно кивнул я — Потому я и окатываю обеспамятевших приговоренных ледяной водой, вырываю им ногти или прижигаю им пятки — чтобы они пришли в себя.
— И когда они приходят в себя ты снова погружаешь их в пучину боли — боли, что кажется им бесконечной. Не так ли?

— Да…
— Верящие в это сильги говорят, что душа стремится избежать страданий любой ценой — даже ценой гибели тела, что не может долго прожить без вдыхающей в него жизнь души. Тело без души живет недолго, а как умирает и тем самым оповещает, что за душой можно уже являться… душа к тому мигу уже давно покинула свою обитель из плоти и крови и витает где-нибудь над потной головой палача, начиная понимать, что хоть эти мучения и закончились, но уже начинаются другие — куда более страшные. Ведь кхтун без теплого тела как бессмертный в проруби…
— Погоди…
— И пусть душа вырвалась… она уже не та, что прежде — все воспоминания, вся любовь и ненависть остались в теле, в голове и…
— Погоди!
— Что?
— Многие из казненных погибли у меня в руках от пыток. Таков был приговор — запытать до смерти и самым мучительным способом. И я считал и считаю это справедливым наказанием. При жизни эти твари творили страшное и заслужили свою кару сполна! Но теперь ты говоришь, что…
— Не каждой душе суждено суметь вырваться из телесной оболочки, Рург… может одна из… даже и не знаю…
— Ты веришь в это? — опустив локти на колени, я не сводил глаз с лица девушки — Во что ты веришь сама, сильга Анутта?
— Не знаю… я не знаю, Рург. Но именно по этой причине мы сильги и сестры Лоссы находим согласие в одном — пытать людей нельзя. Даже по приговору самого справедливого суда. Даже за самые страшные деяния. Нельзя. Не из милосердия. А из страха, что слишком рано вырвавшаяся из еще живого тела душа превратится в кхтуна, что тут же начнет опять страдать и отправится искать беззащитную детскую слабую душу, кою ему удастся потеснить, загнав в самые темные закоулки разума… а самому занять ее место…
— Так — медленно и неспешно произнес я.
— Тебе нужно время, чтобы обдумать все это, Рург. Хочешь вина? У меня есть немного.
— Хочу — кивнул я — Последние дни я пью слишком много хмельного, но… я бы выпил еще немного.
— Принесу.
— Есть ли хоть какое-нибудь… свидетельство в пользу того, что…
— Что сбежавшие из живых тел души становятся кхтунами?
— Да.
— Есть — уже из своей комнаты ответила Анутта — Не самое убедительное, но…
— Расскажи — попросил я, медленно сворачивая сверток — Расскажи мне…
— Послушай, Рург… не стоит принимать слишком близко к…
— Сердцу? — закончил я за нее и успокаивающе улыбнулся — У палачей нет сердца. Нет милосердия. И нет сожалений.
— Не стоит так говорить. Даже если ты попытаешься убедить себя…
— Расскажи — повторил я.
— Что ж… — вернувшаяся девушка опустилась на прежнее место и протянула мне наполовину наполненный бокал вина — Приходилось ли тебе слышать о мятежных землях под серым флагом с красной горой?
— Мы не так далеко от них — кивнул я, принимая угощение — Это было давно. Чуть больше трех веков назад гордые горцы с суровых склонов сурового Трорна воспротивились пришедшим к ним с новой верой и новыми законами посланцам короны. В то время королевством правил Аршах Четвертый, что получил прозвище Алый Король…
— Из-за моря пролитой им крови…
— И прямого родства с землями Ниоссии, чей южный берег омывается водами Багрянца…
— Да… Аршах Алый Король, он же Аршах Безжалостный. А ты много знаешь…
— Долгие и спокойные зимние вечера у трактирного камина — ответил я — Не счесть сколько вечеров я провел у огня, одной рукой поворачивая вертел с подрумянивающимся поросенком, а другой перелистывая страницы лежащей на коленях книги.
— Ты читал о том, как Аршах поступил с гордыми горцами Трорна?
— Он подчинил их. Трорн покорился стальной воле Аршаха Безжалостного.
— Нет — возразила сильга — Хотя… да, Трорн покорился. Но не воле Аршаха Безжалостного. И не его войскам. О таком не пишут в исторических книгах, но мы ведем собственные хроники и потому знаем о том, что происходило в те времена. Первым делом Аршах Безжалостный действительно бросил в предгорья войска. Конные отряды тяжелых рыцарей вошли в иссеченные крутыми тропами неизведанные им земли и… больше

никогда не вернулись назад. Эта же участь постигла и пешие отряды. В то время король вел войну с соседней державой и, поняв, что не может позволить себе и дальше терять будто проглатываемые горой войска… поступил иначе, доказав, что его не зря нарекли Алым Королем. Он отправил клич на юг… в иссушенные вечной засухой прибрежные земли Ниоссии, омываемые слишком солеными водами Багрянца.
— Почти мертвое море… я мечтал побывать там. Говорят, что с вершин песчаных желтых дюн открывается поразительные вид на багровые воды, что несут по себе пенные алые волны… а на горизонты виднеются черные громады никем еще не исследованных островов…
— Много путников отправились туда… и еще никто не вернулся. Аршах Безжалостный хорошо знал, что южные земли вечно голодны… Он знал это благодаря своей матери — наложницы его отца, захваченной в одном из боевых походов Аршаха Великого. С помощью своей закутанной в красные ткани матери новый король отправил в южные земли гонцов и их не убили, а выслушали. И вскоре южные варвары, почти нагие, покачивающие на спинах боевых зверей, прошли через открытые для них королевские земли и вошли в предгорья Трорна… Они не особо торопились — ведь Аршах Безжалостный отдал эти земли им в полное владение сроком на три зимы.
— Ох… я многое слышал об обычаях южан…
— Они по сию пору поклоняются своим богам и приносят обильные кровавые жертвы — кивнула Анутта — Но там у себя они так забавляются с несчастными овцами. А на севере они поступали так с людьми… За три года варвары полностью опустошили отданные им земли, попутно вырезав почти треть населения, а остальных лишив воли к сопротивлению и наполнив ужасом их сердца. То, что они творили с несчастными, пытая их от зари до зари… я содрогалась, читая бесстрастные и все же неимоверно страшные описания… Казалось, что эти строки написаны запекшейся кровью. Сотни смертей каждый день… Тогда и началось то, о чем сестры Лоссы молчат по сию пору, а мы сильги тоже помалкиваем, но про себя называем Кровавой Зарей. Как ты думаешь, Рург… откуда у нас столь подробные записи обо всем, что происходило в тех землях и в те времена?
— Сильги были там.
— О да. Там побывали десятки моих сестер и пусть далеко не все из них вернулись назад, почти никто из сильг не погиб от руки варвара. А те из южан, кто поспел пролить кровь или отнять жизнь сильги тут же подвергались пыткам, а затем лишались жизни. Так повелел повелитель Ниоссии — сам Ордр сын Нилогба
— Откуда такая доброта?
— Эта доброта была порождена суеверным ужасом, Рург — ответила сильга и ее глаза таинственно блеснули — О да… Варвары были в ужасе. Спустя десяток лун после их прибытия в предгорья Трорна там началось невообразимое. Один за другим многие из варваров вдруг сходили с ума, принимаясь убивать всех вокруг, а затем либо падали замертво, либо же с воем бились головами о стены или камни до тех пор, пока не разбивали себе черепа и не умирали. То же самое настигало и многих из местных. Повальное буйное помешательство захлестнуло те земли. Люди сходили с ума прямо во время пиршеств! Только что сытый и всем довольный варвар обгладывал баранью кость и вдруг хватал нож и принимался убивать, а затем втыкал лезвие себе в глаз и тоже погибал… Идущий по солнечной улице селянин с вязанкой дров на плечах взмахивал топором и обезглавливал улыбнувшуюся ему старушку, после чего с криком несся на варварский уличный патруль. Те насаживали его на свои знаменитые копья, но он, протискивая древки сквозь свое тел, все же добирался до них и успевал отрубить хотя бы одну руку… Это случалось повсеместно. И вскоре варвары, что еще не до конца выгребли сокровища отданных им гордых земель, отправили удивительно смиренных посланцев в ближайшее сестринство сильг. Другие гонцы отправились в храмы Лоссы, но там они получили решительный отказ. Сестры Лоссы отказались помочь. А сильги… они собрались в небольшие отряды и отправились к высящемуся у горизонта седому хребту Трорна…
— И не все из них вернулись назад…
— Да… войдя в первые же селения сильги были… устрашены… как видом насаженных на обугленные колья еще живых людей, так и буйством кхтунов… Они были повсюду, Рург! Столь редкое и осторожное создание как кхтун… там их было что комаров в затопленных низинах. Они кишели! Обезумев от собственных мучений, они набрасывались на все живое… в своих записях сестры описывали охваченные массовым безумием целые селения, где рев безумца и крики ужаса доносились из каждого дома, из каждого угла, из-за каждого каменистого холма! Кровь повсюду! Боль везде! Побелевшие от пережитого дети в темных ямах, куда их успели спрятать родители, прежде чем пасть жертвами…
— Светлая Лосса…

— Сильги принялись за дело… и порой ценой собственных жизней они начали очищать от темной заразы селение за селение. Земли там тяжелые, трудно пройти, приходится следовать узкими горными тропами и это помогло. Сильги очистили те земли от скверны… а следом они стали свидетелями ухода оттуда южных варваров, что вывозили оттуда последние обозы с награбленным и спешили убраться сами. Вместо дарованных им трех лет варвары Юга пробыли в своих охотничьих угодьях лишь одну зиму… и не собирались больше оставаться там ни единого дня. Сильги заканчивали зачистку последних селений, когда к Трорну подошли новые обозы — на этот раз с мукой, соленой рыбой и другими съестными припасами. Там же были теплые одеяла, еще прибыли лекари, учителя, строители… То были щедрые дары Алого Короля Аршаха Безжалостного. Шедшие следом войска вели себя смирно и ограничились постройкой редких форпостов и дорог. Они же занялись похоронами, отправляя изувеченные тела в глубокие скальные расщелины и навеки скрывая общие могилы под обломками и завалами. И вот уже три века предгорья Трорна не независимый и гордый горный край, а лишь одна из окраинных провинций королевства Дуверния… Узкие горные тропы сменились широкими дорогами, в селениях поднялись храмы Лоссы, на скальных склонах, как и раньше бродят сытые овечьи отары… Мирные земли…
— Да… и мир длится уже давно…
— Опираясь на ту страшную историю из далекого прошлого многие сильги убеждены, что если подвергнуть человека слишком страшным пыткам, если не подарить ему быструю милосердную гибель от топора палача… тем самым можно вырвать душу из еще живого бренного тела и обратить ее в темного кхтуна…
— Проклятье… — я невольно сжал кулаки — Почему никто и никогда…
— Не рассказал бы тебе об этом? — усмехнулась Анутта — Ха… кто бы тогда захотел стать палачом? Кто бы согласился подвергать приговоренных пыткам, а затем и смерти?
— Скольких кхтунов я породил?
— Возможно нисколько — девушка успокаивающе качнула головой и улыбнулась — Это лишь… одна из возможностей, Рург. Если спросишь верю ли в это я…
— Ты веришь? Но ответь чистосердечно…
— Я… я сомневаюсь… несмотря на молодость и не слишком великую опытность, я все же полевая сильга, покрытая желтой дорожной пылью… Я выследила многих кхтунов. Знаешь, что в них общего, Рург? Во всех этих темных созданиях, встречавшихся мне на разных дорогах и в разных городах?
— Что?
— Они… хм… я проголодалась…
— Я накормлю тебя до отвала, госпожа Анутта — пообещал я — Всем, что подает этот трактир и всем, что придется тебе по вкусу.
— Да будет так — улыбнулась девушка — И пройдешься со мной до ближайшего Королевского банка? В Буллерейле должно быть хоть одно его…
— На главной площади. Между ратушей и ювелирной лавкой семьи Мертолло. Я буду рад пройтись вместе с тобой. Боишься утратить золото?
— Боюсь — призналась сильга — Глупости… но я верю, что внезапности случаются внезапно…
— Внезапности случаются внезапно — повторил я — Да уж… лучше и не скажешь.
— Глупо даже и думать, что среди бела дня и на светлых улицах мирного городка меня ограбят… но раз я рождена с даром сильги, то, стало быть, отмечена клеймом неудачи с самого своего рождения… и посему лучше не рисковать. К тому же, если я дам отпор и полосну мечом по чьей-нибудь наглой роже…
— Я пройдусь с тобой, госпожа Анутта.
— Благодарю.
— Кхтуны… что у них всех общего?
— Они знают, Рург — ответила сильга и, подавшись вперед, заговорила быстро и сбивчиво — Вот что не дает мне покоя! Другие сильги, что верят в происхождение кхтуна из измученной при жизни человеческой души, никак не могут объяснить главного — откуда молодые кхтуны знают, как тайком заползать в детский разум? Откуда они знают, как плясать в ледяном осколке, чтобы привлечь внимание детских глаз? Откуда они знают тихие завораживающие песенки? Откуда знают, как играть с ребенком, сидя при это уже в его голове и медленно подчиняя его тело своей полной воле? Пойми, Рург… одно дело ворваться в чужой дом с мечом наголо и, убив хозяев, завладеть их добром… на это много ума не надо. Достаточно грубой силы. Но кхтуны действуют иначе! Они вползают в детские головы с ласковыми песенками и причудливыми сказками… они не торопятся… они готовы ждать и ждать… и при этом каждый миг они подвергаются мучениями — помнишь?

— Бессмертный в проруби или огне…
— Да. Они мучительно страдают, но продолжают свое неспешное темное дело… они, держа доверчивое дитя за руку, ведут его по лабиринту его собственного разума прямиком к далекому темному чулану… они читают ему сказки, поют песенки, подсказывают ему верные ответы при ссоре с родителями… Понимаешь? Откуда они знают? Не каждой даже самой доброй мачехе удастся покорить своей лаской капризное и обидчивое детское сердце… а кхтунам это удается!
— Хм… я начинаю понимать… Погоди… но три века назад варвары разом сходили с ума…
— Кхтуны вламывались в их разумы силой — кивнула сильга — О да… и поэтому я не готова отринуть слова убежденных старых сильг. Но я продолжаю сомневаться. Продолжаю размышлять… Не забывай, Рург — кхтуны могли прийти в предгорья Трорна сами. Они могли слететься как мухи слетаются на павшую лошадь. Представляешь какие возможности перед кхтунами открывает любая война? Сколько детей остаются беспризорными сиротами? Какой лакомый кусочек для каждого кхтуна, мечтающего о новом доме… Там, где творится беззаконие, где грабят и убивают, где осиротевшие дети жмутся по темным углам и в страхе скулят, не зная, что делать дальше… там истинное раздолье для темных кхтунов. Вот они и слетелись в залитые кровью предгорья Трорна… так я думаю… но это лишь думы и не более…
— Хорошо — я медленно кивнул, чувствуя, как с души чуть сдвинулся тяжелый камень — Хорошо…
— Готов пройтись с усталой сильгой?
— Я хотел спросить еще о многом…
— Поговорим по дороге? А в затем продолжив в трактире, где ты щедро угостишь уставшую девушку…
— Прекрасная мысль — поднявшись, я как был босым шагнул к своей комнате — Позволь мне сменить одежду, и я весь в твоем распоряжении, госпожа Анутта.
* * *
Отделения Королевского банка — отнюдь не редкость в наших просторных землях. Порой их можно встретить даже в крупном селе, что находится близ оживленного торгового тракта. И уж точно ни один из городов не обойдется без разместившегося в наилучшем месте отделения Королевского банка. Буллерейл не был исключением. И для нас, несколько опрометчиво решивших прогуляться пешком по тенистым улочкам, это оказалось своего рода испытанием. Сам я давно привык к чужим взглядам — гневным, испуганным, брезгливым, но только не равнодушным. Уверен, что каждая бывалая сестра сильга тоже испытала это в полной мере. Но в этот раз все оказалось иначе.
Вот мы вынырнули из-под покрытого цветущим плющом узкого прохода между двух старинных подворий на солнечный свет и шагающая навстречу степенная горожанка, едва-едва приподняв над мостовой подол длинной юбки, увидев сильгу, морщит лицо в сердитой гримасе, а следом кривятся и готовые выплюнуть нехорошее словцо губы, но тут ее взор натыкается на меня, идущего рядом и… сердитость сменяется откровенным испугом, под стук зубов рот захлопывается и она жмется к стене, торопясь пропустить нас — это на широкой то улице…
Инстинктивно, не сговариваясь, мы с Ануттой доказываем имеющееся между палачами, сильгами и, вероятно гулящими девицами и преступниками родство тем, что старательно избегаем оживленных в этот час улиц. Мы выходим из тени лишь вынужденно и будто серые мыши двигаемся у самых стен и тотчас ныряя в ближайший переулок, если он ведет в нужном направлении. Но получается далеко не всегда — нам к самому сердцу Буллерейла.
Делаем пару шагов… и шагнувший к сильге здоровяк в потрепанной блузе рабочего, уже опуская ей на плечо лапищу, видит красную отметку на моей груди и… с испуганным взревыванием, становясь похожим на глупого телка, шарахается прочь и падает на задницу, переворачивая кадку с мусором. Выглянувший на шум хозяин дома сначала видит меня и подается назад, но тут его взгляд падает на не скрытые юбкой ноги девушки, и он делает шаг вперед, облокачивается плечом о косяк и долго смотрит сильге вслед, не замечая расплывающейся на масляной физиономии широкой улыбки. Зато ее замечает неслышно вышедшая следом хозяйка и перед тем, как свернуть в очередную узкую улочку, я успеваю заметить, как свершается подсудное преступление — на лысую голову сладострастца опускается крепкий женский кулак…
— Что тут скажешь… — бормочу я, покачивая головой и украдкой бросая взгляд на широко шагающие стройные ноги девушки — И не осудить… такое не каждый день увидишь…
— О да — соглашается смотрящая лишь вперед сильга — Не каждый день узришь на улице палача…

— К-хм…
— Ты хотел продолжить нашу беседу, палач Рург… — в глазах Анутты я замечаю смешливую искорку и понимаю, что она все видела и все прекрасно поняла.
— Да…
— Что ты хотел узнать?
— Все — без малейшего промедления отвечаю я — Все связанное с сильгами…
После небольшой паузы девушка удивленно покачала головой:
— На это требуется немало времени.
— В дороге времени хватает — улыбнулся я — Проведем его с пользой — за беседами.
— Беседы палача и сильги?
— Конечно — кивнул я — Дорожные беседы помогают коротать дорогу.
— Даже если это беседы грешного убийцы-палача и беспутной сильги?
— Особенно в этом случае — моя улыбка стала шире — Таким как ты точно есть о чем рассказать в неспешном путешествии и долгих посиделках у придорожных костров…
— Звучит почти заманчиво. Что ж… Спрашивай, палач…
— Не знаю и с чего начать…
— А я говорила…
— Начни с прочих созданий…
— Прочих?
— Ты мельком упомянула многих… созданий.
— Всех не перечислить и за сто бесед. На то, чтобы просто запомнить их названия у молодых сильг-послушниц уходят годы, посвященные зубрежке толстых книг… Хотя многие страницы давно помечены желтыми или красными печатями…
— Что за печать?
— Бестиарии сильг создавались сотнями лет. И многие из тех созданий, чьи описания можно найти на страницах, встречались лишь однажды и более никогда и под тому отмечены желтыми метками. Красные же обозначают…
— Смерть… — сорвалось с моих губ мрачное слово и наклонившаяся в мою сторону молодка, с которой мы как раз поравнялись, услышав меня и увидев красную веревку на моем предплечье, выронила деревянное ведро с постиранным бельем и с тонким перепуганным визгом бросилась бежать прочь, прикрывая голову руками.
Поспешно вытянув вслед ей руку, я сделал шаг и… замер…
— Ах ты ж…
Давящаяся от беззвучно смеха сильга оперлась рукой о старую стену, прикрытую пышными ветвями величественных деревьев.
— Нехорошо вышло — признал я, наклоняясь.
Несколько суетливо собрав испачканное белье обратно в ведро, я поставил его у стены, и мы пошли дальше.
— Смерть — согласилась с моим предположением Анутта — Красными чернилами отмечены страницы тех существ, что уже давно считаются изведенными.
— Изведенными? То есть умершими? Исчезнувшими?
— Изведенными! — сердито возразила Анутта и явно с трудом удержалась, чтобы не топнуть ногой.
Ого… да ее это задело прямо за живое.
— Люди! — зло выплюнула девушка и я окончательно убедился, что для нее это не слишком приятная тема беседы — Все люди!
— Хочешь сказать…
— Мы люди живем недолго, а плодимся быстро. Мы неприхотливы и жить можем везде. У них в точности наоборот, Рург… живут по нашим меркам почти бесконечно долго, приплода у них почитай и нет, а к месту жизни прикипают намертво, никогда его не покидая… Вот этот самый город Буллерейл… его воздвигли не в пустоши. Он построен на месте прежних лесов и лугов, что были безжалостно разорены и переиначены… Лес на постройку, луга под поля, ручьи в капканы запруд, реки перекрыты сетями… а через их никогда прежде не соприкасавшиеся берега перекинулись многочисленные губительные мосты…
— Губительные? — я с нескрываемым изумлением взглянул на девушку — Мосты-то чем не угодили?
— Среди этих созданий есть и опасные… Но опасные прежде всего для себе подобных. Бродячие хищные твари, что не знают покоя и медленно движутся поодиночке или стаями по самым глухим местам, выискивая добычу. Человека не тронут, пройдут мимо, а тот и не заметит. А вот безобидного лешака разорвут на куски…
— А мосты-то…

— Плавать они не умеют, воды боятся — просто пояснила сильга — Уперевшись в широкую реку кхдары…
— Кхдары? — поспешно перебил я.
— Кхтунов и кхдаров нарекали на ныне мертвом языке. Сейчас он в ходу только у сильг, сестер Лоссы, знающих лекарей и порой у философов и книжников.
— Понял…
— Уперевшись в широкую реку кхдары сворачивают и двигаются вверх или вниз по течению. В южных краях, где не бывает зимы, опаснейшие твари веками блуждали в своего рода просторных, но все же ловушках и потому не могли добраться до привольно живущих потаенных…
— Еще одно словечко.
— Тайные, потаенные, тихие, скрытые, невидимые, незримые, старшие, другие, нечистая сила, нечисть… Раньше их было не счесть. Но люди навели мосты… и открыли дорогу незримым для них убийцам… Знаешь старую поговорку про мосты?
— Какую?
— Первой на новый мост смерть шагнет… — тихо произнесла девушка и мягко отвела преградившую ей путь пышную ветвь, спустившуюся до самой земли.
— Погоди… я слышал эти присказку. Так ведь она про палачей. И звучит она иначе… Первой на зимний мост смерть шагнет… Это про северно-восточные обширные болотистые земли, куда никак не попасть в теплое время года. Палачи идут туда вместе с приходом настоящей зимы и, торопливо исполнив все дела, возвращаются назад до наступления тепла, дабы не остаться там почти на год… Потому там в ходу еще одна присказка: желая упиться местью, старого врага убивай юной весной…
— Нет… и да… сейчас так говорят про палачей, а раньше так говорили о кхдарах. Зимний мост — реки вставшие под лед. Только с приходом зимы тварям удавалось покинуть уже выжранные ими почти полностью земли и перейти к новым. И пока кхдары пересекали по еще трескучему льду реку выше по течению, ниже ее спешили перебежать и переползти те из потаенных, кто поумнее. Убийца в дверь — а они из окна. Кхдары далеко не так умны. Они скорее, как волки-одиночки, реже небольшая волчья стая — так легче охотиться, легче загонять добычу. Но так было раньше. Сейчас нет нужды держаться стаей — благодаря наведенным людям мостам, пробитым насквозь скалам и осушенным болотам кхдары могут блуждать и охотиться везде, где им заблагорассудится. Изменился многовековой порядок… безопасность для потаенных исчезла навеки… Чтобы выжить, они стали жаться ближе к людским поселениям — не страдающий от голода кхдар не станет приближаться к смрадным для его обоняния людям. Чем больше людей в одном месте — тем смраднее вонь и тем дальше будет держаться от этого места все равно не могущий почуять добычи почти ничего не видящий кхдар. Людская вонь спасительна для потаенных…
— Вот спасибо…
— Знаешь, чем пахнет большинство привольных потаенных?
— Откуда?
— Цветами — просто ответила девушка — Различными луговыми цветами. Даже после смерти. Даже будучи разорванными на куски. Еще они пахнут древесной корой, лишайником и мхами, молодой и палой листвой. Иногда они пахнут приближающимся дождем или отгремевшей грозой.
— Вот как… мы люди этим похвастаться не можем. Разве что особая розовая вода… слыхал про такую…
— Но те из скрытых созданий, кто выбирает жизнь рядом с людьми… они начинают пахнуть так же, как и мы, Рург. И как наша домашняя скотина. Вот почему потаенные забиваются в наши овины и сараи, коровники и конюшни, подполы и чердаки, бани и даже колодцы… Они ищут убежища от выпущенных нами кхдаров. Потаенные не любят оставаться в долгу даже перед приговорившим их к неминуемой погибели людьми и посему начинают понемногу помогать… Расчешут гриву коню, выковыряют камешек из копыта, подметут двор, вытащат из бани угоревшего хозяина, помогут потушить пожар, спасут упавшего в колодец ребенка… Начавшие это подмечать люди ставят в благодарность миски с молоко, кладут рядом хлеб и сладости. Так начал зарождаться новый мировой порядок…
— Я не раз видел оставленные в укромных уголках хозяйственных построек миски с молоком. Порой лежали рядом и куски черного хлеба — кивнул я и, чуть помолчав, добавил с легким сожалением — Вот только не могу припомнить, чтобы хоть раз заметил, чтобы эти дары принимались кем-то… необычным. Нельзя же посчитать же за диковинку лакающих молоко кошек и ворующих хлебные крошки мышей…
— Не посчитать — признала девушка и, мягко коснувшись пораненной щеки, произнесла — Поздно приглядываться к мискам и хлебным крошкам, Рург. В те далекие времена

робкая заря мирного сосуществования нас и потаенных успела лишь заалеть на горизонте… но все это было безжалостно выжжено по нашим же настойчивым мольбам. Мы сами еще и приплатили за это… и щедро!
— Мы?
— Люди. Вечно испуганные и вздрагивающие от любой тени и любого шороха люди… наши прародители. Те, кто всем сердцем желал отвадить от себя темное зло…
— Вот как… что ж… какой из отцов не захочет навеки отвадить кхтуна от своего порога и своего ребенка?
— Да… и их мольбы не остались без ответа. Под мелодичный перезвон и окутанные всполохами яркого разноцветного света они пришли и даровали покой боязливым сердцам… Сестры Светлой Лоссы… губительницы и спасительницы… мы ненавидим их… и принимаем их как неизбежное, но порой необходимое зло… Лишь кхдары и кхтуны носят столь мерзкие названия… Но все же между ними и прочими потаенными есть немало общего. Одна из этих общностей — непереносимость ритуалов во славу Светлой Лоссы. И один из самых для них страшных священных ритуалов — праздник Чистосвета. Самый слабый отблеск цветного света от глэвса или глэвдолла вызовет у любого потаенного страшные корчи и почти незаживающие ожоги… Да и другие даже самые малые ритуалы сестер Лоссы не обходятся без малых глэвсов, ритуальных малых зеркалец и крохотных серебряных колокольчиков… Даже похороны! Даже при погребении и поминании приглашенные сестры обходят каждый уголок двора с клятыми колокольчиками, чей перезвон вызывает головную боль даже у самой слабой сильги, не говоря уже о потаенных… У всех тайных созданий есть только один путь — бежать обратно в леса… прямо навстречу поджидающим их кхдарам…
— Клятые колокольчики — пробормотал я, поднимая глаза к небу и пытаясь припомнить нечто смутное, старое и звонкое — Однажды…
— Такой колокольчик звенит над головой каждого новорожденного — подтвердила сильга
— Но лишь однажды. Дабы привлечь милосердное внимание Светлой Лоссы к новой светлой душе, что появилась в нашем грешном мире… Но лишь один раз и не более серебряный колокольчик звенит над младенцем — ибо грешно требовать еще и еще божественного внимания. Немалый грех…
— Так говорят — согласился я — А злые языки добавляют, что порой, за большое пожертвование, сестры Лоссы могут и повторить сей ритуал…
— Ха! И не сомневаюсь!
— Просто пришло в голову… но что, если встряхнуть серебряный священный колокольчик над головой одержимого кхтуном ребенка?
— Если он недавний мерзкий гость… то может и выдать себя.
— Хорошо — кивнул я — Значит в тех дорожных байках есть толика истины…
— О корчащихся в пыли одержимых детишках, чьих грешных ушей достиг перезвон сестринских колокольчиков?
— И о трясущихся в припадке нищих бродягах, что вдруг отращивали еще две ноги и уносились прочь галопом, стуча копытами…
— Кентаурусы давно вымерли и могли лишь навести морок, что есть обман, но никак не одержимость — вздохнула сильга и, глянув вперед, заметила — Ну наконец-то…
— О да — улыбнулся я — Королевский банк… его трудно не узнать…
Все здания Королевского банка строятся из крепкого камня либо кирпича, причем стены весьма толсты, что может заметить каждый входящий. Ниже двух этажей такие постройки не бывают, а чаще всего есть еще и третий, что отдан под жилые нужды охраны и служащих. Помимо собственной весьма надежной охраны, набранной из отставных бывалых вояк, банк не обделен бдящими взорами городской стражи. Входя в просторный зал, сразу обратишь внимание на богатую деревяную отделку, которая, если верить настойчивым слухам, пропитана неким особым зельем и потому совсем не боится огня. Большая вывеска украшена изящной короной, что нависает над изящно прописанными буквами названия. И эта корона говорит о многом. Банк не зря наречен Королевским — за ним стоит фигура и слово самого короля. И потому банку полное доверие от каждого, будь он молодым крестьянином, что спешит принести сюда горстку полученных как свадебные подарки монет или же величественного лорда, доверившего банку свое огромное состояние. Слово короля — не пустой звук.
Все началось с Аршаха Первого, он же Аршах Серебряный Король, прозванный так по причине своего немалого возраста, когда он по праву старшего наследника занял еще не остывший после смерти отца трон. Король был убелен благородной сединой, а его внуки давно уже охотились в одиночку, когда их дед взял в руки бразды правления. Но это не помешало ему издать немало мудрых указов и проследить за их выполнением. Он правил недолго, но навеки вошел в людскую память как мудрый правитель, что впервые принес в

королевство истинный достаток… Один из его указов основал Королевский банк. И король Аршах Серебряный публично пообещал, что никогда и никто из доверивших банку свои деньги не потеряет ни единого медяка. Века прошли… и его слово продолжает оставаться нерушимым.
За десяток шагов от здания, что, несомненно, внушала уважение честным горожанам и злой трепет ворам, я, пытаясь получше уложить в голове неудобные, громоздкие и очень колючие новые знания, поспешно спросил:
— Но раз сестры Лоссы… крушат все вокруг…
— Отменное сравнение, Рург… так и есть…
— То почему вы не замените их? — еще тише изрек я, быть может, крамольную, если не святотатственную мысль — Ведь вы действуете иначе… у сестер Лоссы яркий свет, громкий перезвон и особые песни… а вы входите в темные чащи и пещеры с мечом и кинжалом… Вы действуете… не могу подобрать верное словцо…
— С умом и без замаха — вздохнула девушка, останавливаясь на полушаге — Вот правильные слова. Сестры Лоссы подобны степному пожару, что уничтожает не одни лишь сорняки, но и все живое, собирая страшный, но незаметный беглому взгляду урожай. Проезжая мимо с высоты лошадиного седла ты видишь лишь черное пепелище, что вскоре опять зазеленеет. Но ты не замечаешь лежащие под слоем пепла скрюченные тельца мышей и птенцов, лопнувшие яйца, целиком погибшее семейство ежей и похожие на обугленные корни десятки змей… Их просто невидно, Рург. Вот что такое веселый праздник Чистосвет… сейчас от него куда меньше бед — все потаенные давно уж покинули места подобные Буллерейлу.
— Но ты так и не пояснила почему…
— Мы не можем — просто ответила Анутта — Чтобы стать сестрой Лоссы достаточно желания посвятить этому свою жизнь. Чтобы быть сильгой… надо родиться с даром, не умереть во младенчестве, пережить все тяготы обучения, а затем еще и продержаться так долго, чтобы набраться достаточно опыта… Ты же был там, Рург — в могильных пещерах Ям Нимрода. Ты все видел. И не будь тебя там — я бы не стояла сейчас здесь живой… Я снова у тебя в долгу, Рург.
— Ты мне ничего не должна — улыбнулся я и несколько даже церемонно указал рукой на охраняемые двери банка — Прошу, госпожа Анутта. Самое время поместить деньги в банк…
— И отправляться в дорогу — добавила девушка, переступая порог — Время не ждет… Ты со мной, палач Рург?
— Да — без колебаний ответил я, хотя и взглянул на стоящее в зените солнце, что вскоре начнется опускаться — Я с тобой, сильга Анутта с двумя «Т». Но попрошу ненадолго задержаться…
— Остались дела?
— Да — кивнул я — Надо бы наведаться на хутор, где на моих руках испустил дух Нимрод Стальной Клюв.
— И узнать приметы той, кто убил его — почти шепотом произнесла сильга, понимающе кивая и в то же время не слишком умело улыбаясь стоящему за высокой дубовой стойкой прилизанному и удивительно узкоплечему мужчине в красивой жилетке поверх белой рубахе с пышными рукавами.
— Добро пожаловать в Королевский банк — ответная улыбка клерка показала, как надо улыбаться и заодно доказала, что он в силах сохранить невозмутимость при виде сильги и палача.
Что ж… невозмутимость невозмутимостью, но могу поклясться своим топором, что уже сегодня в одном из трактиров Буллерейла родится невероятная и полностью выдуманная история, что будет начинаться со слов «Палач и сильга заходят в банк…».

Часть вторая. Глава 3

Трактир мы покинули ко всеобщему облегчению и удивлению. Все были рады уходу палача, но и удивились все изрядно, поняв, что мы выходим в дорогу в столь поздний час. Еще немного и на нагретую за солнечный день сонную долину опустятся густые сумерки, что быстро сгустятся в ночную темень. В какую сторону не направься — до следующего постоялого двора далеко и ночевать придется в дороге. Так стоит ли зря седлать лошадей? Не лучше ли переночевать на мягкой постели?

Сильга решила иначе, а я возражать не стал, охотно принявшись собираться. И от сборов меня отвлекли лишь раз — неведомым женским путем прознав, что сегодня я уеду, на порог моей комнаты явилась Хризара. Еще молодая, пышнотелая, почти перезрелая, но сохранившая точеные черты красивого чернобрового лица, она уперлась округлым плечом в дверной косяк и некоторое время молча наблюдала за тем, как я собираю сумку со сменной одеждой. Я молчал, понимая причину ее недоброй нахмуренности.
— Уже сегодня в дорогу пускаешься? — обронила она наконец, теребя конец расшитого широкого пояса.
— Сегодня — признал я и начал затягивать ремни старой сумки, отметив, что левый ремень давно пора подшить.
— Вот как…
— Так уж вышло… — вздохнул я — Не серчай.
— Все из-за нее? — имени названо не было, но и так было ясно о ком идет речь.
— Что? Нет! Вовсе нет.
— И чем прельстился-то? — губы Хризары сжались плотнее, скривились в недоброй усмешке — Выставленными напоказ тощими ляжками? Аль рубахой с вырезом до пупа? Красными нитками в грязных волосах? Тоже мне!
— Прекрати, Хризи. Прошу тебя. Она тут вовсе не…
— Не зови меня так больше!
— Как скажешь — покорно кивнул я, опуская сумку рядом с кроватью и обращая взор к висящей на колышке вычищенной дорожной куртке. Не выношу злой и жестокой надрывности в женских голосах…
— Я ждала! Вчера весь вечер… а ты ночь провел в беседах с этой… Мне так ни единого словечка… ни взгляда ласкового…
— Дело не в ней. Тут человек погиб… странные и темные дела творятся…
— Думала может сегодня позовешь… пусть и среди бела дня. А ты вон как?
— На обратном пути я…
— Аль плохо я тебе перину взбивала и согревала?
— Послушай…
— На обратном пути лучше бы тебе поискать другой постоялый двор, палач! Иначе чесаться тебя от клопов! — выплюнула Хризара и шагнула за порог — Знать тебя больше не знаю! Тьфу!
— Хризи!
— Знать тебя больше не хочу! Чтоб тебе пусто было, душегуб! — звенящие медленные слова будто не сразу растаяли в сонном дворе.
— Да что за день такой — выдохнул я, до хруста сжимая ворот куртки — Чтоб мне…
Увидев качнувшуюся в двери тень, я осекся, шагнул вперед и замер, увидев смотрящую на меня сильгу. Пару мгновений мы молча смотрели друг на друга, пока наконец Анутта безразлично не обронила:
— Если у тебя остались важные… дела…
— Дела?
— Ну…
— И если дела есть, то..? — вздохнул я, уже догадываясь, что она собирается предложить.
— Догонишь меня в пути — она пожала плечами — Я двинусь по западному тракту и не стану спешить…
Я решительно оборвал ее:
— Нет. Ведь у тебя есть причина торопиться покинуть город?
— Вот-вот сюда прибудет немало старших сестер Лоссы… а я одна… Одинокая сильга среди стаи надменных сестер… как оса среди злых пчел… Я не хочу пропасть на следующие несколько лун, оказавшись в какой-нибудь крохотной внутренней комнатушке храма без окон, где меня денно и нощно начнут расспрашивать служительницы храма…
— А они могут?
— Они могут многое, Рург… и им многое прощается… порой слишком многое…
— Тогда поторопимся — улыбнулся я…
* * *
Тихо цокая подкованными копытами по земле твердоватой, но все же не столько жесткой как нагретая пыльная брусчатка улиц, мы покинули Буллерейл и, срезав через вырубаемую рощу, вдыхая аромат древесного сока и огибая павшие вязы, мы поднялись по наискось пересекающей травянистый склон тропинке и оказались на дороге, проследовав коей, вскоре оказались на злополучном хуторе, где испустил свой последний вздох несчастный Нимрод Ворон.
Там мы задержались недолго. Расспросив пугливую и откровенно чудаковатую девушку и ее куда более смышленого чумазого сына, мы побеседовали с молчаливым стариком, после

чего попрощались и отправились дальше. Обойдя несколько холмов и по узким дорожках миновав несколько больших полей и тенистых садов, мы вскоре добрались до дороги, что вела в нужную нам сторону света.
Не в пример уже главного тракта, эта дорога все же вызывала уважение своей широтой, прямотой и обихоженностью. Стесанный камень, убитая земля, подсыпанный, где надо щебень, очищенные от зелени широкие дренажные канавы по обочинам — весь ведущий на северо-запад торговый путь громко заявлял, насколько он важен для королевства. На каменистом обрыве, что высокой стеной нависал над дорогой, висело несколько человеческих фигурах, что размеренно работали молотками, выбивая и обрубая опасно выпирающие камни. Внизу, чуть в стороне, тройка стражников следили за тем, чтобы под обрыв никто не сунулся и заодно пристально вглядывались в лица путешественников, порой требуя стянуть с головы капюшон, повернуться боком, показать зубы или открыть указанные части тела — нет ли приметного шрама, что указан в розыскном листке. Нас они пропустили без единого слова, одарив короткими приветственными кивками и легкой волной удивления — не глупо ли пускаться в путь так поздно?
Чуть пришпорив лошадей, мы начали, казалось, бесконечный подъем по зеленой холмистой долине, глядя на обманчиво близкие седые гордые вершины Трорна. И как бы не были красивы величавые вершины, я порой все же оглядывался и смотрел на деревья, за которыми скрывалась болотистая низина Ям Буллейрела. То зло… то страшное и вызывающее потусторонний ужас зло так и осталось в могильной пещере…
Мои не слишком светлые мысли прервал дробный звук копыт, а следом мимо нас пролетел одинокий всадник. Я успел разглядеть попону и мелькающие на упряжи алые и желтые флажки. Куда-то на север во весь опор спешил королевский гонец, что в своей сумке вез срочные указы. Таких гонцов не каждый день встретишь на окраинных дорогах королевства…
— Случилось что? — со вздохом обронил я, прекрасно зная, что в наши столь недавно ставшие мирными времена надо бояться любых перемен.
— Все может быть — отозвалась сильга и, тряхнув распущенными волосами, выпутала из прядей увядающий вязовый лист и пустила его по ветру.
Подброшенный ветром лист взлетел к небесам, но следующий порыв ударил им о дорогу и, протащив по пыльной земле, смел в глубокую сырую канаву. Проследив за полетом листка, сильга вдруг тихо запела:
— Холод в сердце уколол…
Не опустел ли вдруг престол?
И коль тень варвара пропала,
То не начать ли нам сначала?
Ведь трон пустой — совсем не дело!
А мы не хуже прочих сделок…
Дворянским родам заплатим мы сполна,
А чернь утрется как всегда…
— Хэй! — оборвав тихо поющую незамысловатую, но такую страшную песенку девушку, я привстал в стременах и тревожно огляделся по сторонам — Прекрати!
— Да я уже молчу, о палач… — фыркнула Анутта.
— Спятила? Или хочешь однажды испытать на шее крепость моей веревки? Такое петь нельзя!
— Ха! А баллада ведь хороша!
— И строжайше запрещена — добавил я, медленно опускаясь в седло и ласково хлопнув по шее недоуменно заржавшей лошади, не понявшей мои странные выкрутасы — Хула на священный престол.
— Где ж хула? Срединная королевская кровь щедро разбавлена тягучим южным варварским вином… все об этом знают! Я же тебе рассказывала про наложницу из ниоссийских земель? Варварская кровь сильна. И королевскому роду уже никогда не избавиться от нее…
— Даже если и так — не наше это дело, госпожа — проворчал я, с прежней ленцой глядя на завораживающие снежные вершины впереди — Но станет нашим, если услышит кто…
— Доносчик?
Я молча кивнул и, оглянувшись на вьючную лошадь, признался:
— Я никогда не слышал балладу полностью. Однажды один из приговоренных запел ее вдруг прямо на плахе, но старший стражник попросил меня поскорее опустить топор на певучую шею…
Хитро прищурившись, девушка наклонилась в мою сторону и прошептала:
— Я знаю каждую строку… что дашь, если спою ее тебе, палач?
— Хулительную балладу, что может навлечь беду на наши головы? Нет уж… не сегодня.

— Что ж… что дашь, если я не буду ее петь?
— Как хитро…
— Осталось ли у тебя немного того сладкого крыжового вина, палач? — в кошачьих глазах сильги вспыхнул и потух огонек надежды.
— Осталось — с улыбкой кивнул я, откидывая клапан седельной сумки и доставая флягу, а следом и вместительный тканевый мешочек — Найдется и кое-что еще.
— Что?
— Сладкие медовые сухари — моя улыбка стала шире — Сытные и вкусные. Не откажешься?
— Уж точно не откажусь! — воскликнула сильга, выхватывая у меня флягу и мешочек.
— Но придется делиться и с лошадьми — вздохнул я, доставая второй мешочек — Иначе обидятся…
Уже принявшаяся за большой хрусткий сухарь девушка ничего не ответила, полностью сосредоточившись на сытном лакомстве. Но я и не настаивал на продолжении беседы, предпочтя сосредоточиться на своих мыслях и невысказанных вопросов. Я все еще много не знал и не понимал — из того темного и жутковатого мира, куда меня вот так мимоходом, но так глубоко погрузила тощая сильга. Но так со мной уже бывало — когда я только стал палачом. В моем ремесле немало ритуального, порой непонятного и даже странного. Но я разобрался досконально в каждой мелочи своего кровавого ремесла. Разберусь и в новом деле — было бы время помозговать неспешно. И что как не дорога дарит путнику время для долгих и неспешных размышлений?
Пока моя спутница покачивалась в седле и похрустывала сухарями, я скользил взглядом по полям, рощицам и холмам, продолжая думать и продолжая раз за разом вызывать из памяти то столкновение со злом в мрачной и сырой могильной пещере. Что я там видел? Что я упустил? Как мог поступить иначе? Где я промедлил, а где поспешил?
Ну а к ночи, когда мы обиходим лошадей и отужинаем, я опять начну спрашивать…
* * *
— Знаешь, сестры Светлой Лоссы говорят, что кхтуны явились в наказание за грехи наши тяжкие — это было первым, что произнесла Анутта за все то время, что мы провели на дороге, а затем, остановившись в глубоких сумерках, привычно — но каждый по-своему — обустраивались на ночлег в древнем придорожном приюте. Единственное, что я сделал за нас двоих, так это постелью и хворостом для костра.
Под постель я выбрал расположенную ближе к ельнику глубокую нишу в боку лежащего у изгиба дороги огромного валуна. Этот поросший мхом гигант на своем долгом веку защитил от ветра немало путников, а они за прошедшие столетия вырубили в его боках глубокие выемки, чьи нижние края были выше земли. Я нарубил свежего лапника, в то время как старый, пожелтевший и ломкий, уже догорал в дымном костре — вместе с кровососами как я надеялся. Воздух пах приближающимся дождем, но я не переживал — обихоженные лошади хрустели овсом под крепким и постоянно подновляемым навесом, что был искусно выстлан живым мхом. Поговаривают, что таких умельцев становится все меньше…
Нас самих укроет от непогоды выбранная мною выемка в теле валуна. Все хорошо. Лишь бы успеть доготовить кашу до прихода дождя. Ну и пусть уж дождь будет недолгим, чтобы за ночь успела подсохнуть земля — хуже крутого подъема по еще скользким после дождя камням и грязи, пожалуй, может быть только спуск…
У меня было время подумать над первыми за вечер словами сильги, пока я плотнее укладывал лапник, а затем стелил сверху одеяла — спать мы будем одетыми и ногами к друг-другу. Так безопасней. Мы и лошадей, хоть и почистили, но к их неудовольствию, опять оседлали. Так спокойней. Не знаю кого опасалась сильга, а я сам все никак не мог изгнать из памяти леденящее воспоминание о первой атаке кхтуна и о том, как он гнался за мной по ночному умирающему лесу. Рассудком понимал, что подобные страхи глупы… но я так не боялся даже в тот день, когда сговорившиеся смертники тайком перепилили общую цепь и разом набросились на меня в камере для приговоренных, зная, что терять им нечего, а коли убьют палача то отсрочат смерть еще на несколько лун…
— И ты согласна с их словами? — наконец спросил я, опускаясь на одеяло и с удовольствием ощущая мягкость. Люблю все эти сказы про неприхотливых как дикие звери никогда не устающих путников, но я сам предпочитаю спать в тепле и на мягком. И почему-то уверен, что в старости — коли доживу — мои кости и суставы отблагодарят меня сторицей за такую заботу.
— С их уверениями, что кхтуны — это кара ниспосланная на людей?
— Ну да…

— Не согласна! — отрезала сильга и, подойдя, уселась на свое одеяло, пару раз подпрыгнула и по ее лицу разлилась тихая удовлетворенная улыбка. Узнаю бывалую путешественницу, узнаю…
— Но тогда к чему ты…
— Вспомнила о служительницах Лоссы и их утверждениях?
— Да…
— Потому что я еще молода. А молодые сильги хуже лесного пожара, как о нас говорят старые и уже успокоившиеся наставницы. Я продолжаю задавать вопросы и искать ответы. И я злюсь… злюсь на сестер Лоссы… и все из-за их утаиваний! Но… сильги мало чем краше, Рург.
— Что утаивают сестры? Истинную суть кхтунов?
— Есть такие подозрения у многих… почти невысказанные подозрения.
— Но в чем правда?
— Никто не знает правды, Рург — вздохнула Анутта — Не подумай, что я ухожу от ответа. И в мыслях не было. Не поверишь, но одна из весомых причин застарелой вражды, между сильгами и сестрами Лоссы как раз заключается в этом.
— В вопросе?
— В ответе на него. Сестринство Лоссы и сестринство Сильгаллы подозревают друг друга в знании главной тайны, но утаивании правды. Одни обвиняют других. Почему, по-твоему, я вот так спешно покинула гостеприимный сытный Буллерейл и тебя почти силком утащила за собой?
— Ты уже говорила. Сестры.
— Страх! — добавила сильга и ее голос зазвенел встревоженным колокольчиком, чей звон быстро затерялся среди окружающих приютный валун молодых и старых елей — С первого дня моего обучения как сильги мне денно и нощно вдалбливали в голову — бойся могущественных сестер Лоссы! Остерегайся их внимания! Среди молодых учениц ходят подлинно жуткие истории о пропавших прямо с дорог сильгах, чья судьба неизвестна по сию пору.
— На дороге может случиться всякое…
— Согласна. Но всегда проводится расследование, Рург. Мы не оставляем так просто загадочные исчезновения или смерти сильг. И во многих случаях оказывалось, что в тот день, когда с дороги исчезла одна или две путешествующие вместе сильги, в тех местах проезжали сестры Лоссы, сопровождаемые такими сильными и такими послушными сестринской воле воинами. Но подозрения… это лишь подозрения…
— Понимаю — медленно кивнул я — Но никто не станет похищать с дороги проезжую сильгу лишь по причине застарелой вражды. Это глупо. Проще убить… как бы страшно это ни звучало. Мало ли кто убил? Встречный бывший каторжник ткнул ножом, забрал лошадь и двинулся себе дальше… Похищение же… надо еще суметь тайно и тихо довезти пленницу до нужного места, а это дело никогда не было простым…
Я произнес эти слова — похищение, убийство — и невольно хмыкнул, а затем пораженно покрутил головой. Еще два дня назад я никогда бы не помыслил о сестрах Лоссы подобное. Да я считал их порой слишком уж заносчивыми, слишком уж суровыми в своих суждениях и порой слишком уж жестокими в обличении не таких уж и серьезных прегрешений среди мирян… но убийства? Похищения? Это же настоящее безумие…
Признаюсь чистосердечно — всегда немного недолюбливал сестер. Даже в юношестве. Почему? На сей вопрос у меня нет внятного ответа. Хотя скорей всего из-за их постоянного и порой навязчивого присутствия в жизни каждого ребенка. Еженедельные обязательные посещения храма Лоссы, долгие нудные службы, частые вынужденные беседы с суровой седой сестрой, что уже откуда-то прознала про все мои проказы и теперь сердито пеняет мне, а порой не стесняется отвесить подзатыльник или заставляет вымести метлой часть храмового двора…
Плохо ли это?
Нет. Неплохо. Даже хорошо. Мы все боялись сестер и поэтому наши проказы никогда не заходили слишком далеко. И мы искренне верили, что Светлая Лосса видит каждое наше деяние — сестры не уставали напоминать об этом. Я вырос богобоязненным и по сию пору все мое естество наполнено глубоким уважением к сестрам.
И вот тощая озирающаяся сильга, ежащаяся, фыркающая как сердитый еж… рассказывает мне такое. И ведь я верю. И почему? А потому как я все же не совсем глуп. Я видел кхтуна, я слышал сердитые речи старшей сестры и… я отчетливо разглядел искренний глубокий страх в глазах сильги Анутты с двумя Т.
Какая великая странность…
С самого рождения и по сию пору я жил бок о бок с сестрами Лоссы и никогда и не думал… да я вообще о них ничего не думал…

А сколько раз за свою жизнь я встречал сильг на дорогах? От силы раз пять… или того меньше. И вот про них я думал многое — но всегда с легкой насмешкой, разом вспоминая все те грязные слухи, что ходят о бродящих по дорогам девушках в мужской одежде, с мечами на поясах и вплетенными в волосы красными нитями…
Слухи бродят, сильги бродят, а вот сестры Лоссы величаво шествуют и потому грязь дорог не липнет к их белым одеяниям… да?
К чему это я?
Сам не знаю. Голова гудит и… не стану я, пожалуй, задавать сегодня вопросы. Да и поздно уже спрашивать — помрачневшая после моих последних слов Анутта накинула на себя одеяло, умело подоткнула его по краям, свернулась в плотный клубок и затихла.
Разгорающийся костер облизнул закопченные бока котелка, и я пододвинулся поближе к пламени — пора готовить сытнй ужин. За сильгу я не беспокоился, зная, что аромат мясной похлебки разбудит даже мертвого.
Плотно поужинаем — и спать. Завтра вставать спозаранку…
Эти убаюкивающие привычные мысли клубились у меня в голове светлым облачком все то время, пока я занимался столь же привычным размеренным делом. Несколько раз я отходил от приятного согревающего костра и углублялся в еще сухие заросли ельника, торопясь собрать побольше хвороста. Нам самим дров более чем достаточно, я ведь не собирался всю ночь напролет поддерживать издалека видимое пламя, но во время обустраивания у приютного валуна заметил, что обычно забитая дровами глубокая выемка почти пуста. И это уже плохо — ежели грядущий дождь окажется затяжным и завтра сюда явятся продрогшие путешественники, то им придется несладко без сухого хвороста…
Пробудился я разом.
Распахнул глаза и уставился в темноту застывшим взглядом, весь обратившись в слух. Я еще не осознал почему именно пробудился от неглубокого сна, но ладонь уже очутилась на рукояти спрятанного в ножны длинного ножа. По хвое и редкой здесь листве с шелестом стучал дождь, чей шум заглушал все прочие звуки. Но я что-то услышал и это пробудило меня.
Под навесом сонно всхрапнули лошади, одна вскинула голову и повернула ее в сторону подступающего к валуну ельника. И это убедило меня — нет, мне не почудилось. В этот же миг я понял, что именно меня пробудило — глухой звук покатившегося вниз камня. Ельник покрывал собой каменистые склоны здешних холмов, а толстый слой хвои надежно скрывал камни. С непривычки немудрено запнуться и выворотить камень из глубокого ложа, отправив его в короткое шумное путешествие… И этот звук только что повторился… не понять откуда именно донесся шум, но это мне — но мне помогла едва-едва различимая на сером фоне черная голова самой чуткой лошади, что опять взглянула в беспокоящую ее сторону. Я медленно повернул голову чуть набок, искоса посмотрел. Похоже, лошадь глядела вон на те три плотно растущие ели… Кто там? Зверь? Я знал водящееся здесь зверье. И видать его приходилось. Тут хватало волков и кабанов, нередки были и медведи, а порой проскальзывали неслышной тенью серые большие рыси.
Густые дождевые тучи ненадолго разошлись и лунный свет пробился вниз, осветив широкую ложбину с прилегшим у ее окончания приютным валуном. И в этом зыбком свете, глядя на будто нависшие над нами ели, я увидел, как качнулась одна из пышных еловых лап. Рывком откинув одеяло, в следующий миг я уже бежал к трем елям, прыгая из стороны в сторону. Ветвь качнулась слишком высоко… разве что медведь встал на задние лапы… или же недобрый человек стоял по ту сторону ели и вглядывался в мирно спящих. Или того хуже — на толстую еловую лапу так хорошо уложить… Короткий резкий свист слева… ухо резануло болью, за моей спиной послышался треск и хруст, а мне в лицо ударило хриплое стонущее проклятье. Прыгнув, я ударил правым плечом в еловые ветви, заставляя их поддаться, согнуться, пропустить меня, одновременно хлестнув колючими иглами по лицу того, кто… Дернувшись, я перехватил крепкое широкое запястье, не позволив блеснувшему лезвию добраться до моей груди. В ответ ударил кулаком, но промахнулся и вместо горла ударил в белеющее лицо, сбив противника с ног. Перехваченную руку я не выпустил и меня потянуло следом — чего я и хотел, вовремя согнув ногу и вбив колено в удивительно мягкий живот.
— К-ХА! — сиплое вяканье пришлось прямо мне в лицо, наградив меня запахом кислого капустного супа и свиных сосисок.
Откатившись, я избежал вялого удара его второй рукой. Подхватился на ноги, шагнул к лежащему незнакомцу и… опоздал. Пробормотав что-то плаксивое и невнятное, он дважды ударил себя по горлу и тут же с бульканьем забился на хвое, стуча сапогами по мокрому еловому стволу.
Проклятье…

Я невольно застыл на несколько мгновений, но, вовремя опомнившись, подхватил с земли разряженный арбалет и прижался спиной к соседней ели — на тот случай, если несостоявшийся убийца был тут не один и прямо сейчас меня выцеливал его сообщник.
— Рург! — испуганный непонимающий крик сильги захлебнулся в ровном шуме дождя.
— К деревьям! — крикнул я, выдавая свое убежище, но не особо переживая по этому поводу.
Убийца был один. Иначе второй уже вмешался бы. Выждав еще немного, я шагнул навстречу бегущей девушке, что уже успела обнажить меч.
— Что?! Кто?!
— Нас хотели убить — ответил я — Был один стрелок.
— Кто?
— Лихих людей хватает — успокаивающе произнес я — Вернемся в сухость.
— Светлая Лосса… ты цел?
— Цел — кивнул я, удивительно сильно обрадовавшись этому искренне обеспокоенному голосу и вопросу — Все хорошо, госпожа.
С шумом выдохнув, сильга послушно вернулась на одеяло. Я ненадолго уселся рядом, жестом показав, что надо помолчать. Луна, будто выполнив свое доброе дело, опять медленно скрылась за тучами, погружая ложбину во мрак.
— Разбойник? — в голосе девушки читалось отчетливое сомнение — Одиночка? Убивающий ради наживы…
— Не думаю — признался я, медленно ощупывая лежащий на моем колене арбалет, заодно вспоминая внешний вид несостоявшегося убийцы, то, откуда он выхватил поочередно два ножа и понимая, что все намного хуже, чем мне показалось вначале — Не думаю…
— Если не разбойник — то кто?
— Узнаем с рассветом — отозвался я, откладывая арбалет и нарочито неспешно поднимаясь — Оставайся здесь. Не вздумай никуда уходить — еще не хватало потерять друг друга или принять за врага.
— А ты?
— Сделаю небольшой круг… и подтащу поближе тело, чтобы его не обглодало зверье — ответил я.
— Побуду с лошадьми — удивительно, но не пожелавшая оставаться в стороне от забот девушка приняла самое верное решение — Отвяжу их, поводья буду держать в руках.
— Мудро — согласился я, перехватывая нож чуть иначе и устремляясь к темным елям…
* * *
— Нас хотел порешить обычнейший и вполне достопочтенный горожанин Буллерейла — уперев руки в бока, мрачно произнес я, стоя над лежащим навзничь телом.
— Достопочтенный? Кто? Вот он — бродящий в ночи с арбалетом и кинжалами? — Анутта и не пыталась скрыть задумчивой иронии.
— Да — кивнул я и буднично добавил — Он из городских с рождения. Бывший и хорошо обученный ополченец. Думаю, он недавно разменял шестой десяток лет. Семьянин. Аккуратен и бережлив. Любил и умел охотиться. Умелый рыбак. Я его не знал, но уверен, что в Буллерейле у него была хорошая репутация… В последнее время он совсем уж распустил себя, позволяя лишнее в еде и выпивке. Но силы еще оставались. Где-то неподалеку должна быть привязана его лошадь. Надо найти и отвязать, если она еще жива…
— Постой — стоящая рядом девушка, без страха глядя на мертвое тело, сердито махнула рукой — Ты все это по мертвому телу понял?
— Все так — подтвердил я и, опустившись на колено рядом с мертвым телом, опять распахнул полу его длинной и видавшей виды грубой кожаной куртки — Взгляни. Он собирался наспех. И поэтому не успел сменить будничной одежды. Остался в белой рубахе с чересчур узкими новомодными рукавами. Слишком же узкий поясной ремень с серебряной пряжкой. Вот сапоги удобные для хождения по лесу и хорошо растоптаны. Куртка и сапоги не раз чинились, кое-где швы бережно просмолены, но никакого резкого запаха дегтя. В вороте куртки видишь?
— Крючки? — неуверенно предположила девушка — Да… они…
— Они — кивнул я, проводя пальцем по засаженным в кожу рыболовным крючкам и блеснам — Он явно любил подолгу сиживать на тенистом речном бережку, глядя на поплавок и делая редкие глотки из фляжки…
— Ничего не понимаю — призналась Анутта — Но зачем? Зачем обычному горожанину отправляться за нами и пытаться свершить страшный грех смертоубийства? Он точно из Буллерейла?
— Можно даже не сомневаться — вздохнул я, щелкнув пальцем по серебряной ременной пряжке — Это городской герб. И если мне не изменяет память ими награждали особо

достопочтимых и полезных Буллерейлу горожан семь лет назад. Пряжки были бронзовые, серебряные и золотые. Разве что перед нами все же разбойник, что не далее чем вчера убил путешественника, оказавшегося горожанином и переоделся в его одежду, что до сих пор без единого пятнышка, не считая пятен крови у горла. Но в кармане штанов я обнаружил вот это — подхватив лежащую на теле промокший развернутый лист плотной бумаги, я протянул его сильге.
Вглядевшись в убористые буквы, девушка медленно прочитала:
— Приглашение на семейный званый вечер в трактире Хмельной Мед…
— Один из лучших трактиров Буллейрейла — вздохнул я.
— Бумага могла остаться в кармане незамеченной…
— Не разбойник это! — уверенно произнес я и поднялся на ноги — Перед нами чуток обросший жирком уже стареющий горожанин, что давно отвык от ночлегов под открытым небом и прочим невзгодам походной жизни.
— Как ты можешь быть уверен?
— Его одежда, обувь… взгляни на его ухоженные чистые ногти — только под парой ногтей свежая грязь, но он зацепил ее пока крался к нам в ночи. Потом посмотри на эту недавно и более чем умело подстриженную бороду. А его волосы? От них пахнет чем-то сладким и цветочным… с каких пор лесные ручьи стали так пахнуть? Кожа на лице и руках чиста, а еще на нем чистейшее исподнее… Перед нами горожанин.
— А с чего ты решил, что он хорошо обученный ополченец?
— Каждый город обучает гражданское ополчение — напомнил я — Таков королевский указ, что касается даже крупных сел.
— Но почему умелый?
— То как он стрелял, как и откуда выхватывал кинжалы — ответил я, носком сапога указывая на закрепленные на правом рукаве ножны. Вторые ножны находились на ложе арбалета, там же было закреплено еще два болта с плоскими листвяными наконечниками — Он знал, что на нас нет вздетой брони. Знал, что главное нанести глубокую рану и пустить побольше крови. Понимал, что нет нужды тащить с собой колчан болтов — после первого выстрела хватит времени лишь на еще один, может два, а потом придется браться за ножи…
— Не лучший выбор оружия… Ножи? Против вооруженных мечами путников? А твой топор?
— Особенно крепко ополченцев обучают умению обращаться с длинными копьями — проворчал я — Такими копьями, что способны свалить лошадь и вышибить тяжелого кирасира из седла.
— Но такое копье сюда не потащишь — поняла девушка — И в густом ельнике его не развернуть…
— Не только поэтому — добавил я и, кивнул на длинную куртку мертвеца, пояснил — Кинжалы и арбалет он спрятал под курткой или в седельную сумку. Их особо отличившимся ополченцам позволяют хранить дома на тот случай, если придется хватать оружие и выскакивать на полную врагов улицу. Копья же держатся в городских арсеналах. Опять же — куда спрячешь боевое копье пока покидаешь город? Прохожие заметят и не преминут спросить — а куда это ты? Опять же стража непременно заинтересуется.
— А так он будто собрался на охоту или рыбалку…
— Рыбалку в ночь — кивнул я — В конце лета — самое милое дело на ночную рыбалку сходить. Надо отыскать его лошадь… и я уверен, что мы найдем удилища и прочую рыболовную снасть.
— Хорошо… убедил… нас пытался убедить обычный горожанин. Почему?
— Потому что ему приказали — с той же уверенностью ответил я, вспоминая плаксивый голос и удивительную решимость этого убийцы — Ему приказал тот, чей приказ нарушить было немыслимо. И едва получив приказ, он сгреб верхнюю одежду с вешалки, сорвал оружие со стены и бросился в конюшню… Кто ему приказал — того мы не знаем и скорей всего никогда не узнаем. К тому же меня больше интересует другой вопрос, госпожа Анутта.
— Какой?
Повернувшись к ней всем телом, я спросил:
— Кого он хотел убить? Меня? Или тебя?
— Не знаю — с запинкой отозвалась сильга — Видит Лосса — не знаю…
* * *
Три последовавших за ночным происшествием дня были неотличимы друг от друга. Закутавшись в безликие дорожные плащи из грубой неокрашенной шерсти, радуясь вернувшемуся солнцу и совсем не радуясь все усиливающемся ветру, что грозно нисходил с морозных вершин Трорна, мы неспешно преодолевали лига за лигой.

Сильга и палач исчезли. Вместо них появились два обычных путника. Сильга закуталась с головой, пряча приметные волосы, я же лица не скрывал, понимая, что не следует привлекать к себе внимание такой диковинкой как безликие и таящиеся путешественники. Такое сразу привлечет чужие взгляды. Следом от селения к селению потянутся шепчущие слухи, а затем мы встретимся со стражей. Или того хуже — с конным быстрым отрядом какого-нибудь местного дворянина. И он будет в своем праве — кто знает с какой бедой на его земли прибыли скрывающие лица чужаки? И тех и других мы не боялись — с чего бы? — но это шло вразрез с нашим замыслом на время исчезнуть с дороги. Чтобы не вызывать лишних подозрений, когда мы встречались с кем-нибудь на дороге, Анутта приглушенно кашляла, порой пригибалась к луке седла и сквозь кашель бормотала приглушенные проклятья встречному ветру. Этого хватало, чтобы вызвать одновременно сочувствие и легкое неодобрение — местные считали царящие над этой местностью горы священным и потому принимали все от них исходящее с почтительной покорностью.
Каждое утро мы вставали еще до рассвета и разводили костер. Позавтракав и убрав за собой, поднимались в седла и продолжали путь до позднего обеда. Найдя подходящее местечко, устраивали привал, давая себе и лошадям отдохнуть и перекусить. И привал был долгим — я помнил тот откровенно необычный рисунок движений ногами и телом, взмахов и выпадов мечом, что Анутта показала в пещере во время боя с кхтуном. И у меня было достаточно опыта, чтобы понять — этот рисунок боя не рассчитан против противника из плоти и крови. Ни один даже самый искусный воие не сможет так быстро перемещаться, да еще и с земли на стены или даже потолок. Эти резкие размашистые движений были… опасными для самой сильги. Во время каждого такого рубящего взмаха с чрезмерным задиранием рук и слишком широким шагов в ее защите открывались огромные дыры… Но она сражалась против почти призрачных созданий и увидев это разок я не стану смеяться над ее стилем боя, а попробую перенять хоть что-то. Этим мы и занимались на привале, пока в котелке побулькивала готовящаяся каша. Неплохая разминка для затекших от долгой езды тел и новые знания для меня. Однако вслепую я ничего не перенимал, не забывая дотошно расспрашивать и, раз за разом повторяя выпад или необычный разворот, что приводил к неустойчивости и угрозе запутаться в собственных ногах, постоянно прикидывал про себя действительно ли так уж это необходимо или же можно вот здесь сократить шаг до шажка, а руку не вытягивать так сильно, словно мечтаю отдать ее врагу на отрубание… Сильге пришлось не по душе мои своенравие и медлительность. То и дело в ярости топая ногой, она переходила на разъяренный крик, обрушивая на мою голову потоки справедливой ярости и крича, что передает мне то, над чем веками мыслили поколения и поколения опытных старших сестер. Не забывала она с язвительностью напомнить и о том, что сильги никогда не гнушались обратиться за советом к опытным и порой знаменитейшим мечникам прошлого. Те имена, что называла девушка… я знал их и как каждый мужчина относился к ним с уважением.
Кунрар Серый Дым.
Фоукул Пятирукий.
Габриен Служитель.
Адалида Ярочинная…
Да… я не скрывал своего уважения к произносимым сильгой именам, но даже они не могли заставить меня слепо повторять показываемые ей движения. Я не мнил себя мастером клинка. О нет. Но меня столько раз пытались зарезать, зарубить, оглушить и даже сжечь, причем всегда внезапно, исподтишка, из темной подворотни, что я давно убедился — не верь ни одному даже самому восхваляемому приему боя, пока не проверил его в деле. И каждая отметина на моем шкуре буквально вопиет о том же самом — не верь! До сих пор меня пробирает огнем стыда за ту стычку у трактира Хмельной Пес, когда я решил воспользоваться намедни выученным верхним ударом с потрясающим названием Головоломный Пэт. Сам Пэт, к слову, говоря, с тех самых пор избегает со мной встреч, загодя переходя улицу и скрываясь в ближайшей подворотне…
Палач никогда не должен забывать — его постоянно кто-то хочет убить или хотя бы тяжело ранить. Родственники приговоренных, близкие друзья, подельники… И чаще всего на нас нападают со спины…
После чрезмерно громких наших упражнений, мы сытно обедали и, выпив кофе, продолжали путь, стараясь не заснуть. К вечеру, когда сумерки становились такими густыми, что сливались с длинными тенями от скал и сосен, мы останавливались на ночлег. И это всегда был постоялый двор. За последние три ночи мы больше не разбивали лагерь у дороги. Я понимал, что в прошлый раз нам сильно повезло и не собирался полагаться на свою палаческую удачу еще раз.
К тому же те, кто послал за нами не слишком умелого убийцу, уже знали, что он провалился — я не стал оставлять или хоронить мертвое тело в лесу. Мы довезли труп до

ближайшего крохотного селения, где и оставили его на попечение совсем недовольного этим старосты, коему теперь предстояло хоронить на деревенском кладбище незнакомца. А что с ним еще поделать? Погоды нынче теплые, пока до города довезешь… посему в Буллерейл отправятся лишь личные вещи покойного и его же описание внешности — для передачи страже. А она уж разберется кто он таков и почему мог оказаться мертвым у обочины идущей к предгорьям дороги.
Да… пришлось солгать.
Вернее умолчать. Я полностью опустил историю о ночной стычке. Назвавшись, я рассказал, как нашел мертвое тело на обочине и привез сюда на его же собственной лошади. История вроде как темная, но разбираться мне некогда и посему прощевайте. Кто станет задерживать у себя палача для разбирательства? Попробовать могут, но я тут же попрошусь к ним же на постой… и вряд ли найдутся желающие приютить меня и сильгу даже в дальнем сарае. Здесь живут люди глубоко верующие. И немудрено — попробуй иначе, когда каждое утро видишь грозную снежную стену Трорна… Горный угрюмый хребет будто смотрит на тебя — холодно, пронизывающе и требовательно…
Горы смотрели и на нас… и это заставляло нас меньше говорить и больше думать о своем…
Пока мне хватит уже услышанного и увиденного.
Лучше больше молчать и почаще оглядываться, не забывая всматриваться в тянущиеся вдоль дороги ельники и частые изумрудные луга прочерченные блестящими линиями ручьев и речушек.
К концу четвертого дня мы добрались до небольшого городка Сноувэрг.
Задолго до того, как показалась вершина опоясывающей город стены, мы сняли и убрали плащи, выставляя напоказ свои красные метки. Покачиваясь в седле и с привычным безразличием, не замечая удивленные и испуганные взгляды встречных, я негромко рассказывал все то, что мне было известно об этом месте.
Сноувэрг — горский город.
Раньше у него было совсем другое название и не было тут никаких стен и высоких каменных домов. На этой возвышенности с будто стесанной ровной вершиной испокон веков было селение гордых горцев, что спустились сюда со снежных склонов, следуя за вечно голодными стадами овец и коз. Здесь они встретили в избытке сочные травы, погоды тут были мягче, ветер слабее и опять же совсем рукой подать до равнинных жителей, что всегда не против поторговать. Горцы народ неторопливый и спешки не любят. Они живут по древним традициям и крайне неохотно принимают что-то новое. Потому и дома здесь строились по их обычаям — припавшие к земле, почти землянки, с покатыми крышами, низкими узкими дверями и коротенькими дымовыми трубами крохотных печурок, чьего тепла едва хватало суровыми зимами. Теперь от этих по-своему красивых построек не осталось и следа…
Едва я прервал рассказ, в беседу вступила молчавшая сильга и щедро добавила почерпнутых из их хроник сведений. И ее повествование было куда мрачнее — как оказалось здесь призванные королем варвары нанесли свой первый страшный удар. Тут как и сейчас проходила граница. Тут раньше кончались земли королевства и начинались владения горских племен, что никогда и никому прежде не подчинялись — и впредь не собирались. Явившиеся варвары залили это место кровью невинных… они не оставили камня на камне, превратив стесанную вершину в место казни. Тут всюду высились сосны с обрубленными верхушками и с приколоченными к стволам еще живыми людьми. А у подножия деревьев медленно тлели подожженные сырые ветви, окутывая все едким дымом…
Варвары прозвали это место Скруэнде Рукхайсом.
Кричащая коптильня…
Так прибывшие из далекой южной Ниоссии передали здешним гордецам послание разъяренного короля — берегитесь!
С тех пор много крови и воды утекло.
Вместе с воцарившимся здесь миром и пробившимся сюда королевством возродилось и селение, что благодаря своему положению быстро превратилось в крепкий город. Вот только строения тут ныне совсем другие. Да и жители удивляют пестротой своих одеяний и разноликостью. Но воздух напоен запахом горных трав и наполнен блеянием бродящих по придорожным лугам овец. А вон и сытые большие коровы, что удивляют своей статью и размерами…
Я и раньше собирался сюда заглянуть — в Элибур пришло коротенькое письмецо от главы здешней стражи. Но я не намеревался заглядывать сюда так рано — потому как знал, что до наступления зимы сюда прибудут с товарами жители отдаленных горных селений и заодно доставят сюда осужденных. Зимой им в Сноувэрг не пробиться. Да и в долину спуститься

не удастся — снега заметут все тропы и дороги. Вот как раз с первым снегом я и собирался наведаться в этот город, чтобы за один день решить судьбы всех собранных в одном месте приговоренных.
Что ж…
Насколько я знаю из письма, пока что меня здесь ждет лишь один приговоренный к пыткам и казни.
Не люблю я городские ворота…
Вечно их держат едва-едва приоткрытыми и в эту узкую щель с великой неспешностью и даже неохотой пропускают ручеек приезжих, принимая въездную плату и препираясь с ними по надобности и без. Как я помню плата невелика — медяк с каждого взрослого, дети даром. Все собранные деньги пойдут на ремонт защитной стены, ворот и, что самое главное — дорог и мостов. Дело нужное. Особенно в столь пресеченной местности. В Элибуре губернатор изредка устраивает подобное и ворчащий народ достаточно охотно расстается с медяками — всем нравятся хорошие дорогие и надежные мосты.
Вернуть бы шерстяной плащ на плечи, поглубже натянуть капюшон и въехать потихоньку…
Но нельзя.
Никак нельзя.
Здесь в предгорьях особо чтят традиции — и чем выше, тем сильнее.
Палача здесь ждут ранним утром. Явиться он должен открыто, а следом ему надлежит отправиться в ближайший к тюрьме трактир, где ему подадут достаточно сытный завтрак, но не нальют ни капли хмельного — правосудие должна вершить твердая рука и трезвый ум. А вот после пыток и казней палача уже ждет бутылка лучшего красного сладкого вина и распить ее необходимо на месте, не забыв несколько капель вылить на пол. А следом… следом будь добры пожаловать на выход — в городе оставаться не надо. Не место палачу там, где пронзительно голосят осиротевшие дети, безутешные матеря и жены или мужья казненных…
Своим появлением поздним вечером я нарушил немало обычаев. Но ночевать за городскими стенами не собирался. Заставив многих расступиться, я подвел лошадь к воротам и стоящий ко мне спиной плотный невысокий страж, услышав топот копыт, не поворачиваясь, сердито рявкнул:
— Обожди!
— Нет — ровно ответил я.
— А?! — уже с сердитостью в голосе тот неспешно обернулся и… замер, прилипнув взглядом к красной отметине пятипалой ладони у меня на груди — Ох…
Кивнув ему, я мягко ткнул лошадь ногой, и мы беспрепятственно въехали в Сноувэрг, провожаемые тревожным перешептыванием остальных путников.
Платить мы не стали — палачи, сильги, сестры Лоссы, шуты, циркачи и барды не платят за въезд…

Часть вторая. Глава 4

В городе все стало хуже.
Взгляды, взгляды, отовсюду пристальные взгляды… В долинном городе вроде Буллерейла меня такое навязчивое внимание не удивило бы. Но здесь? В Сноувэрге, где две трети населения горцы или столь же кипуче гордые полукровки?
В моем ежегодном предосеннем путешествии я не зря оставлял протяженные предгорья Трорна напоследок, хотя любой опытный путник тут же скажет, что это великая ошибка — ближе к осени тут особо часты дожди, а бывают и снегопады. Спуски и восхождения опасны, ночевать холодно, встречных людей мало… Сюда надо ехать в середине лета. Но уж точно не в зябкие осенние дни. Я же, невзирая на свой опыт, поступал ровно наоборот — и все из-за здешнего люда. Внешне суровые, порой даже надменные, молчаливые, они умели вести себя достойно. Умели сдерживать свой интерес, умели отвернуться и не быть навязчивыми. В горских селениях я чувствовал себя почти обычным человеком — не хуже и не лучше других. И для палача это великая передышка… особенно после тяжкого путешествия по долинным эшафотам…

Однако сегодня меня этим ценным даром невнимания обделили. Столько взглядов… и ведь смотрят не на нас, а на
меня

. Обычно Анутта, сама того не желая, умудрялась перетянуть на себя куда больше внимания — помимо того, что она загадочная сильга, она еще и красивая девушка в мужских штанах, что прекрасно подчеркивают стройность и длину ее ног. Но сейчас, едя бок о бок рядом со мной по широким окраинным улицам, она словно стала невидимкой. Все глядели только на меня…

— Ты заметил, Рург? — тихо спросила она.
— Трудно не заметить — усмехнулся я — Еще немного и я буду весь в дырках от их взоров…
— Смотрят тяжело… даже мрачно…
— Да.
— Ты уже бывал здесь прежде?
— И не раз — кивнул я — В Сноувэрг свозят приговоренных со всех окрестностей. Обычное дело. Это позволяет мне не углубляться дальше в горы — чему я только рад. И нет, госпожа Анутта… упреждая твой вопрос, отвечу сразу — я не натворил здесь ничего плохого в последний свой визит.
— Ты ведь палач…
— И никого не казнил — припомнил я прошлый год — Лишь немного пыток…
— Немного пыток — повторила девушка и саркастически закатила глаза — Какая мелочь…
— Никто не осиротел — заметил я — Мной были взяты лишь кровь, плоть и несколько костей, но не жизнь.
— Что ж… трудно поспорить… Но раз дело не в твоем прошлом визите, то…
— То дело в нынешнем — кивнул я, скользя взором по ничего не выражающим лицам трех стоящих у дороги белобородых стариков в черных одеждах.
И вот еще одна великая разница между горцами и долинными. Потребовались десятилетия, чтобы заставить хотя бы стражников носить положенную им одежду. Тут все предпочитали одеваться одинаково — в прочно сшитую кожаную и шерстяную одежду. Невзирая на родовитость, положение в общине, богатство, все они одевались одинаково и поэтому всем нездешним приходилось разговаривать со всеми одинаково уважительно. Как понять кто стоит перед тобой? Обычный пастух или староста? Гончар или писец из городской управы? Даже женщины одевались в неокрашенные одежды — хотя под серой шерстью и грубой кожей могли носить яркие шелка, кои мог узреть лишь муж. Мужчины же… единственные изменения, что они себе позволяли за проходящие годы их жизни так это все темнеющая и темнеющая со временем одежда.
— Ты знаешь кого тебе…
— Кто-то обычный — ответил я, оборачиваясь и бросая еще один взгляд на стариков — Я так думаю.
— Думаешь?
— В письме не было ничего кроме просьбы прибыть и исполнить приговор — отозвался я, направляя лошадь в боковую улочку — Обычное послание палачу. Было указано имя приговоренного и ничего более.
— Никакого титула?
— Верно — кивнул я и, чуть помолчав, задумчиво добавил — Но была жирная чернильная клякса. Красная. Прямо рядом с именем приговоренного. Тогда я не придал этому значению, а вот сейчас вдруг вспомнил. Ведь письмо было написано черными чернилами.
— Кляксу могли посадить и до этого — заметила сильга — Не выбрасывать же чистый лист? Писчая бумага недешева.
— Да — согласился я.
— Но ты так не думаешь?
— После всех этих пронзающих взглядов? — хмыкнул я, поворачивая голову и с высоты седла глядя на тянущиеся мимо узкие окна с темными фигурами за мутноватыми стеклами — Что-то не так…
— На постоялом дворе узнаем больше — Анутта пожала плечами и ободряюще мне улыбнулась.
Я покачал головой:
— Узнаем, но не там. Мы остановимся на постой у одного из моих редких друзей.
— У тебя есть друзья? — фыркнула сильга, что явно успела уловить витающий в воздухе пряный запах готовящихся на городских кухнях ужина и пришедшая в хорошее расположение духа.
— Порой и мне улыбается удача — вздохнул я — Но, чтобы пересчитать их, пожалуй, хватит пальцев одной руки.
— И кто он? Еще один дворовый слуга? А может бродячий торговец, спасенный тобой от разбойников? Или очередная пышнотелая красотка, что уже закрашивает седину и потуже

затягивает корсет? — бросив на меня косой взгляд, Анутта отвернулась, решив уделить внимание причудливому узору на каменной кладке соседнего дома.
— Нет — ответил я, спешиваясь у вмурованных в стену ничем не примечательных деревянных ворот — Прежде он был одним из здешних стражей. Служил на королевство, что не добавило ему любви у горских глупцов и гордецов. За эту службу ему предрекали великую кару от почти забытых древних богов.
— Но он жив…
— Он — да — кивнул я, поднимая руку к висящему высоко от земли концу выцветшей веревки.
Дети те еще озорники. И лучше не давать им соблазна, свешивая веревку от привратного колокольчика слишком низко. Впрочем, вряд ли бы кто из всегда и обо всем знающих детей осмелился бы тревожить покой старого вдовца.
Когда по ту сторону ворот затих дребезжащий звон колокольчика, тоже спешившаяся Анутта задала ожидаемый вопрос:
— А кто тогда мертв?
— Первой от неизвестной болезни умерла его жена. Следующим на тот свет отправился младший сын — любимец. А следом я казнил его старшего сына — опору рода. Упреждая твои расспросы — я казнил его за убийство собственной дочери. Он сам признался.
— Светлая Лосса… но почему? Трагичный случай?
— Нет. Он убил намеренно, осознавая, что творит. И… прежде я думал, что он спятил… так думал и его отец, к кому мы сейчас попросимся на постой.
— Прежде?
— Путешествие с тобой вернуло мне веру в старые сказки, госпожа Анутта — тяжело произнес я — И веру в кхтунов… Видишь ли… перед пытками и смертью он, странно умиротворенный, печально улыбаясь, уверял меня, что он убил не дочь, а какую-то злобную тварь, что заняла ее место. Он считал, что его настоящая дочь была пожрана этой тварью и потому задушил ее собственным поясом, чтобы она не успела пожрать остальных его детей… Как есть умалишенный… и стоило мне понять, что он сошел с ума, я не стал его пытать и не стал отрубать ему голову, предпочтя нанести один быстрый удар ножом в сердце.
— И ты ударил не в спину, а в грудь, палач Рург, а затем оповестил весь город о охватившем моего сына безумии… это очистило имя моей семьи от злого клейма детоубийц — донеслось с той стороны ворот, после чего стукнул снятый засов и ворота начали открываться — Ты проявил великую доброту к моему бедному роду. Входите же, путники! Добро пожаловать в дом старого Часира! Сегодня я приготовлю большое угощение!
* * *
За радость встречи друзей овцы платят жизнью…
Дабы подчеркнуть свою радость нашим прибытием, старый Часир приказал зарезать лучшего барана. Но сначала его привели, потом подвесили за задние ноги и только затем вскрыли ему горло на наших глазах — свежее мяса не найти во всем Сноувэрге! Еще не успели стечь на землю последние капли крови, а под большим закоптелым котлом уже разгоралось фыркающее пламя, с аппетитом вгрызающееся в сухие ветви. Вскоре в зашипевшее масло отправились первые куски мяса и в то же время на невысокий дворовый топчан подали чай, мед, масло и сегодняшние тонкие лепешки, что еще сохранили хрусткость и аромат. В выложенный камнем небольшой водоем в дальнем углу квадратного дворика бережно опустили запечатанный глиняный кувшин — вино должно немного остудиться. Следом туда же отправились в плавание два небольших полосатых арбуза. Вино и арбузы подадут после ужина — по здешним традициям нет ничего хорошего в том, чтобы поить друзей хмельным напитком на пустой желудок.
Вино? Потом!
Зачем пьянить голодный ум?
Подай ты чаю! Затем еды!
И на бок гостя уложи.
И лишь затем подай вина!…
Хорошо зная здешние обычаи, я неспешно приступил к их исполнению, в то время как старый хозяин приглядывал за внуками, что резали барана и умело кололи мелкие поленца. Анутту увела на вторую половину двора закутанная в черное женская фигура — вторая жена Часира, что уже родила ему двух сынов. Я бывал здесь никак не меньше трех раз, но все еще не знал ее имени. Род Часира был древним и потому они особо рьяно чтили все столь же древние традиции. Про таких здесь говорили, что вершинный лед не тает на солнце перемен…

Сняв верхнюю пыльную одежду, омыв руки и ноги, с нарочито громкими плеском и фырканьем умывшись, я заглянул в небольшую конюшню и убедился, что все три лошади уже расседланы и неспешно хрумкают овсом. Шевеля пальцами в просторных гостевых тапочках на деревянной громкой подошве — ни к чему таить шаг в чужом доме — я сделал еще одну нарочитую задержку, не спеша покидать конюшню и глядя как один из внуков Часира занимается чисткой лошадей. Никого оскорбить этим я не боялся. Напротив. Что я за мужчина, если позволяю себе небрежность по отношению к своей женщине, детям, коню и оружию? У мужчины все важное должно быть под неусыпным приглядом.
А вот на наши сложенные в углу и прикрытые попонами седельные сумки я не взглянул ни разу. Великий грех явиться к кому-нибудь в гости, и при этом трястись за свои пожитки, оскорбляя тем самым хозяина дома и домочадцев. Брось все в угол и забудь! Заберешь перед тем, как покинуть приютивший тебя дом — и заберешь в целости и сохранности.
Вернувшись к старому просторному топчану, я коротко поклонился трепещущему красноватому огоньку масляного светильника, что теплился в глубокой стенной нише. Это еще от старых и ныне забытых богов. Замогильный светоч, что служит путеводным огоньком для душ умерших, что могут захотеть навестить еще живых родичей.
Присоединившись наконец к восседающему на топчане Часиру, что из-за своего носа с горбинкой, черных бровей и холодно поблескивающего взгляда темных глаз походил на старого орла, первым делом я принял из его все еще твердых рук пиалу чуть остывшего чая и неспешно выпил ее до дна. Еще один обычай и еще одно мастерство подать первую пиалу чая так, чтобы его можно было выпить мелкими глотками, но при этом не обварить рот. Не прикоснуться к первой чашке и не допить ее до конца — оскорбление дома, что дал тебе приют. И еще хорошо, что здешние жители снисходительно относятся к долинным неучам и всегда готовы пояснить в чем состоял их обычно непростительный промах.
Часир молчал. И зная, что за этим молчанием скрывается огромное нетерпение, я тихо заговорил, начав пересказ с моего последнего дня в Элибуре, когда в трактир вошла зеленоглазая сильга с вплетенными в волосы красными нитями…
На повествование у меня ушло немало времени — я старался не упустить каждую мелочь. И я знал, что если ошибусь, меня будет кому поправить — Анутта с остальными женщинами находилась совсем рядом, скрытая невысокой красивой стеной женской половины двора. Небольшие искусно замаскированные отверстия в уставленной горшками с цветущими растениями стене позволяли женщинам услышать каждое слово, оставаясь при этом невидимыми. Но в первую очередь я говорил для самого Часира — он, гордый и чтящий священные традиции человек, растил своих сыновей так, как некогда воспитывали его самого. Почтение к предкам, уважение старших, любовь и трепетное оберегание младших. И тут такое… убить собственную дочь…
Мои вполне обоснованные сомнения в здравомыслии приговоренного помогли обелить имя рода, вот только это никак не пояснило причину произошедшего.
Бывает ли вообще такое?
Чтобы любящий отец вдруг задушил собственного ребенка?
И ведь до этого не было никаких признаков — я знал это от самого Часира, что в мельчайших подробностях перебрал последние дни жизни сына и внучки и потому мог с уверенностью утверждать — не было ничего даже отдаленно странного в те дни. Все как всегда. Все как положено. Кроме последних двух дней — в это время старый Часир отсутствовал, отправившись на дальние склоны, чтобы проведать друга-пастуха и провести время на бодрящих кровь альпийских лугах. Пожалуй, он бы задержался еще на один денек, но тут примчался верховой гонец, что не сразу осмелился поведать уважаемому всеми Часиру страшную весть…
И зная, насколько сильно до сих пор болит сердце возложившего на себя часть тяжкой вины Часира, особый упор в своем рассказе я сделал на ужасную внезапность, подробно обсказав что и как произошло с несчастным Нимродом Вороном. О том как он получил удар ножом от той, в ком никогда не видел угрозы…
Когда я завершил рассказ, Часир неспешно подал мне еще одну чашку чая и вдруг порывисто подскочил, спрыгнул с топчана и как был босой зашагал по родному двору. Дошел до стены, круто развернулся, пошел обратно… Лица он не поднимал, смотря лишь себе под ноги и что-то бормоча. Это повторилось еще несколько раз, прежде чем он столь же резко остановился, поднял на меня преисполненный нескрываемой болью взгляд и сказал:
— Как хотелось бы!
Эти, казалось бы, мало что значащие слова многое пояснили о творящемся в сердце несчастного отца детоубийцы. И мне пришлось напомнить о нехорошем:
— Как бы то ни было — он убил — тихо обронил я, медленно опуская опустевшую чашку — Убил свою дочь. Прости меня, добрый Часир. Прости что мои слова ранят тебе душу. Но

я не мог не напомнить… Даже если разум твоей маленькой внучки поработил засевший там кхтун… она сама ведь тоже была там… запертая в темный чулан…
С шумом выдохнув, Часир с силой провел ладонями по лицу и со слабой улыбкой кивнул:
— Да… да…
— Но его можно понять! — звенящий голос сильги, чья голова и плечи показались над разделяющей двор стеной, попрал все традиции и заставил нас повернуться — Если поработивший ее кхтун был молод и неумел и, добившись власти над ее телом и поступками, не сумел сдержать себя, не был осторожен, то он мог выдать себя присущей им темной скверностью. Издевательство над животными… игры с огнем… причинение себе боли иглами, огнем, порезами или щипками. Выдирание волос. Странные пляски, сбрасывание одежды, беспричинные и пугающе ликующие вопли, нападение на других детей и даже взрослых. Смакование своей крови… внезапная тяга к хмельному — часты случаи, когда одержимые темным духом дети выпивали до кувшина крепкого вина и умирали… а иногда одержимые дети погибают от обжорства обычной едой, хотя чаще всего их просто выворачивает, а затем они опять принимаются уписывать медовые коржи и куски жареного мяса…
— Но зачем? — я удивленно моргнул — Это ведь…
— Глупо? Ужасно? — усмехнулась сильга и сердито шикнула на пытающуюся утянуть ее вниз женщину в темном — Не сейчас, добрая Сальчара!
Вот я и узнал имя второй жены старого Часира…
— И нет. Это не глупо — покачала головой Анутта — Это телесное ликование. Мы то привыкли ко всем чудесным ощущениям, что дарят нам собственные тела. Дующий в лицо теплый ласковый ветер, ощущение крепости мышц, возможность прыгать и кувыркаться, наслаждаться вкусной пищей, хмельным вином, просто бежать до тех пор, пока грудь и ноги не обожжет огнем… Представь, что ты долгие годы просидел в темном и холодном каменном мешке… и тут вдруг тебя выпускают на свободу — твори что хочешь.
— Понимаю… — медленно кивнул я.
— А еще у них пропадает боль — добавила сильга — Там самая вечная боль, что бесконечно терзает их. Трудно не сойти на время с ума от столь щедрых даров судьбы…
— Да уж…
— А еще… — начав, сильга не закончила и глянув на Часира, пожала плечами — Ну…
— Не щади меня, добрая госпожа — хрипло попросил стоящий посреди двора Часир — Говори, как есть.
Заглянув ему в лицо, девушка медленно кивнула и продолжила:
— Многие кхтуны особо мерзкие… а некоторые еще и безумны. Быть может, вечные мучения крушат их разум. Крушат их инстинкты. В наших хрониках отмечены невероятные безумства. Самоубийственные безумства. И боюсь, что вашей семьей не повезло особо сильно… Ведь если обычно послушный и благоразумный ребенок начинать вести себя отвратительно, родители винят во всем свой недосмотр, списывают все на недостатки воспитания, плохое влияние сверстников и на взросление… Со временем мол пройдет. Кто в детстве не чудил? Поймай кто своего семилетнего ребенка за распиванием хмельного… что сделает? Ответ прост — накажет. Выпорет ремнем, лишит игрушек, начнет беседовать… и эта родительская строгость играет на руку кхтуну. Позволяет ему прийти в себя, помогает унять свои порывы и начать вести жизнь послушного милого дитятки… Это знаем не только мы, но и сестры Лоссы. Посему они всегда повторяют — если ваше дитя непослушно и свершает что непотребное — ведите к нам, мы вразумим.
— А на самом деле они… — поняв, произнес я.
— О да — улыбнулась сильга — Одержимый кхтуном не осмелится войти в храм Светлой Лоссы, где столь мозаичных окон и где звенят проклятые колокольчики…
— И как часто так ловят детей, что…
Анутта покачала головой:
— Это великая редкость. Ведь кхтуны не хотят терять приобретенное. Поняв, куда их ведут, разбушевавшиеся отродья быстро приходят в себя и начинают вести себя как положено. Виснут на руках тащащих их к храму родителей и в голос рыдают: «Прости, мамочка, я больше так не буду! Я боюсь злых сестер! Я буду тебя слушаться! Буду хорошим! Буду слушаться!». Какая мать устоит, видя искривленную ужасом и залитую слезами любимую мордашку чада? Скажет еще пару строгих слов и пойдет обратно, не дойдя до храма нескольких шагов. Да еще и купит злой твари сладкую ватрушку с вареньем… Вот только так бывает если в душе ребенка засел кхтун умный и злой, что способен взять себя в руки. И если выпитое вино не слишком развязало язык. Ведь пьяные порой страшны в своей откровенности… Теперь представьте, что будет, когда отец вернется домой и застанет там погром, мертвых и разорванных на куски домашних питомцев, разбросанные святыни, а посреди этого приплясывающего пьяного ребенка с

окровавленными руками… И ребенок вдруг начинает говорить совсем не своим голосом… и говорить такие страшные вещи, о коих дети и знать то не могут по причине своего малолетства…
— Отец решит, что это не его дочь… — ответил я — И решит справедливо… Ведь кхтун может говорить о чем угодно…
— О давным-давно минувших войнах, о кровопролитной резне… может начать проклинать тебя на древнем языке или же начнет чертить на стенах руны темной волшбы… Одним словом дитя творит то, что обычному ребенку не сотворить, ибо он этого и знать не может.
Качнувшись, ухватившись за ветвь старого дерева, отчего на землю упало пару плодов, Часир хрипло сказал:
— Тут ничего не трогали до моего возвращения. Но там, где это свершилось… пол был покрыт странными и почти размытыми разводами. Как и низ стен. Все тело моей внучки было покрыто кровоподтеками. Вырванные с мясом ногти и пряди волос… глубокие царапины на щеках… Стоило мне это увидеть и еще раньше твоих слов я решил, что мой сын сошел с ума… А ты лишь подтвердил мою догадку. Но… Ветер приносит овцам запах свежей травы, но не дотянувшись губами до сочной зелени они не поверят…
— Как теперь убедиться? — я с сожалением развел руками.
— На кладбищах проводят ритуалы в честь Светлой Лоссы — со вздохом согласилась сильга — Поздно искать давно выжженные следы…
— Ритуалы? — медленно повторил Часир и качнул головой — Ну нет. Мы чтим древние традиции, добрая госпожа. Мои предки, а теперь и мои потомки спят вечным сном в родовой гробнице, что бок о бок с ей подобными стоит под сенью высокой скалы в полудне пути отсюда. Туда же однажды отправится и мое мертвое тело.
Опять гробницы… мое лицо невольно помрачнело. И я уже догадывался о последующем вопросе Анутты. И не ошибся.
— Там бывали сестры Лоссы? — поинтересовалась сильга, вопросительно склонив голову.
— Никогда — отрезал старик и в его голосе прозвучала почти болезненная гордость — Мы многим поступились… но все же не всем!
— Коли все так… то я могу развеять твои сомнения, попади я в вашу родовую гробницу — решительно заявила сильга — И… честно говоря… теперь я жажду туда попасть… Полдня пути?
— Можно и быстрее — первый раз заговорила Сальчара — Если двинуться крутыми тропами верхом на правильно обученных лошадях…
Мы все взглянули на старого Часира. А он, постояв неподвижно какое-то время, явно пребывая в напряженном обдумывание, вдруг согнулся в низком поклоне перед сильгой:
— Моя благодарность будет велика, добрая госпожа, коли завтра с рассветом ты отправишься со мной к скале Гурргклихт. Клянусь своей жизнью, что моя семья проследит за твоей безопасностью. Волос не упадет с твоей головы.
— Завтра с рассветом — кивнула девушка и, одарив меня долгим взглядом, медленно опустилась обратно за разделяющую двор стену.
— Я с вами — вздохнул я, тянясь к остывшему чайнику — Приговоренный подождет еще день. Говоря о нем… господин Часир, ты не знаешь, почему…
— Сначала ужин! — отрезал старик, глядя, как от котла несут огромное блюдо с горой жареного мяса, украшенного снежно белой шапкой мелко нарезанного лука — Остальное пока подождет!
— Я не против подождать — улыбнулся я, с шумом втягивая ноздрями невероятно аппетитный запах — Совсем не против…
* * *
Голова болела.
Вот вроде и совсем немного вчера выпил я вина, но некую незримую черту все же переступил и за эту глупость был награжден легкой, но неприятной головной болью.
Морщась, я покачивался в седле чужого гнедого мерина и неспешно разжевывал сорванный по пути горький длинный стебелек с красной метелкой на конце. Вскоре боль уймется.
Зря я не вспомнил как высоко мы успели подняться за минувшие дни. Там, где нет крутых склонов, где тебя окружают вековые ели, даже оглянувшись, не осознаешь, как далеко ты уже от нижних долин. Здесь куда сильнее надо ограничивать себя во всем, чтобы не страдать вот так с утра…
Хотя можно ли назвать это утром?
Было темно, когда мы поднялись с только-только нагревшихся постелей, наспех перекусили холодным мясом и лепешками, запили все горячим чаем и поднялись в седла чужих лошадей. Наши собственные вместе с пожитками остались в доме достопочтимого Часира. По здешним почти неразличимым узеньким тропам пройдут только особо

обученные лошади и редкие здесь яки, что встречались тем чаще, тем выше ты поднимался по склонам Трорна.
Нас шестеро. Я и сильга. И сам Часир с тремя старшими внуками — похожими друг на друга, еще очень молодыми, с редкими бородками на юных лицах. Но они твердо держали в руках поводья, зорко посматривали по сторонам, и я знал, что в случае чего они без колебаний возьмутся за оружие. И посему я испытывал невольную и возможно глупую настороженность — двое из внуков Часира были первыми сыновьями его старшего сына. Я убил отца и родного дядю этих молодых парней. А передо мной покачивалась прикрытая черным шерстяным плащом спина старого Часира, что уже бросил пару коротких взглядов на мой длинный нож с красной рукоятью. Нож, что отнял жизнь его первенца…
Воистину неисповедимы дорожки судьбы…
И далеко не редки те случаи, когда путешествующий палач и не подозревает, что дорога свела его с молодыми и горячими родичами его недавней жертвы. Вспышка ярости, желание отомстить и вот уже льется кровь… И счет всегда не в пользу палачей — чаще всего стреляют в спину. Есть у меня один памятный шрам чуть выше поясницы…
Но сегодня я знал, что мне ничего не грозит и усилием воли прогнал нехорошие мысли, предпочтя почаще крутить головой по сторонам, чтобы сполна насладиться входящими в короткую здесь осени горными склонами.
Предгорья Трорна славились своими предосенними яркими красками. А здесь, вдалеке от хоженых дорог, среди глуши, где бывают лишь пастухи да охотники, было на что посмотреть. Зеленые и разноцветные от многоцветья склоны чередовались с редкими охряными холмами без единого росточка. На их склонах следы неглубоких раскопок — охру отсюда берут для изготовления краски. Говорливые ручьи то и дело пересекали нам путь и лошади вздрагивали, когда копыта погружались в стылую воду. Шесть лошадей и два груженых яка уверенно следуют узкой тропкой, что извивается настолько причудливо, что ни за что не угадать, куда она свернет в следующий раз. Я все же пытался, но раз за разом ошибался. Стоило мне предположить, что тропа поведет нас по столь пологому склону вниз, как она вдруг резко сворачивала и шла вверх через топорщащуюся острыми каменными шипами вершину высокого холма. Едва я думал, что мы последуем дальше по его длинному гребню, как мы начинали столь крутой спуск, что я покрепче упирался в луку седла и с тревогой поглядывал на сильгу. Впрочем, делал я это зря — Анутта прекрасно держалась в седле с той уверенностью, что громко заявляла о хорошей верховой школе и долгой дорожной практике.
Вскоре спуски закончились и, обогнув высокую скалу, что казалась головой великана с надменным длинноносым лицом и стоящими дыбом волосами из елей, мы начались почти прямой и, казалось, бесконечный подъем. Привычные к подобной нагрузке лошади и яки свободно несли нашу тяжесть, но внуки старого Часира то и дело соскакивали, чтобы облегчить животным ношу, а заодно осмотреть их ноги и проверить ладонью насколько скользки поросшие мхом камни и глина. Сильга порывалась последовать их примеру, но каждый раз я жестом останавливал ее и молча качал головой. Не надо. Тут надо уметь. Надо знать.
Девушка еще не поняла, но мы движемся особым рваным как путем, так и способом. Чередуются долгие спуски, выматывающие подъемы и становятся все реже ровные места. Мы то ускоряемся, то наоборот замедляемся… Опытные проводники делают все, чтобы животные не устали слишком сильно. Ведь нам еще возвращаться и пусть обратный путь будет лежать к подножию Трорна, нам все же встретится немало подъемов… Не зря этот народ называет подобные тропки и пути судьбинными — иди по ним что жизнь проживать. Все как в жизни… где-то бежишь быстрее, где-то приходится выжидать, проявляя осторожность, а когда-то придется и побегать, избегая сошедшей далеко вверху лавины… И потому не грех и продумать все хорошенько да неспешно, чтобы не сгинуть бесславно в самом начале пути и подальше прошагать по узкой опасной тропе жизни…
Привал нас ждал у верхней границы поредевшего и почти лежащего вершинами вниз смешанного хвойного леса. Но пусть согнувшиеся деревья не могли похвастаться высотой, было трудно не поразиться их неохватности и древности. Сколько веков этим соснам и елям? Согнутые еще в юности жестокими ветрами и снегами стволы так и остались не распрямленными, но деревья упорно цеплялись вылезшими толстенными корнями за почву и скалы и продолжали жить несмотря ни на что. Пройдя путанным проходом, чтобы был отмечен пометом и клочками овечьей шерсти, мы добрались до почти окруженного корнями небольшого пространства. Меж этих корней мы и расположились на отдых.
Спрыгнув с седла, я поморщился, а спешившаяся сильга не смогла сдержать сдержанного оханья. Перенапряженные бедра горели огнем, спина ныла, живот тоже прихватывало болью. Болели даже руки. Тут все дело в этих самых клятых спусках и подъемах. Порой лошади спускались по столь крутому склону, что приходилось упираться в луку обеими

руками и покрепче сжимать ноги, чтобы не вылететь из седла. Затем тут же следует подъем и порой я ощущал как мое тело отклоняется назад, будто некто невидимый с силой давит мне в грудь. Еще хорошо, что такие места были редки… Ну и поговаривают что на усталость и перенапряжение тела влияют здешние высоты. Высокогорье. Настоящее высокогорье начинается именно здесь… Как и горные луга — с места, где я уселся на расстеленное одеяло прекрасно видно начало бескрайнего зеленого волнистого склона…
На меня пахнуло сладким цветочным ароматом и рядом опустилась сильга, принесшая с собой знакомую мне сумку. Скрестив ноги, она поерзала спиной по тулову старого корня, наконец устроилась поудобней, после чего ненадолго зарылась в сумке, поочередно достав дорожную чернильницу, пенал для перьев и ту самую книгу с исписанными листами.
— Опять будешь записывать все услышанное — обреченно вздохнул я.
— Ты умрешь, я умру, а память о нас останется…
— Истлеют твои записи в одной из кладовок Сильгаллы — хмыкнул я — Истлеют непрочитанными…
— Ну тогда тебе нечего терять! — изящно парировала девушка и тихо поинтересовалась, кивнув на Часира, что уселся на соседнем корне и наблюдал за хлопочущими внуками — Нам точно не надо им помочь?
— Первое время и я пытался — хмыкнул я — Но у нас не общее путешествие. Мы приглашены. И потому все дорожные хлопоты ложатся на их плечи. Так тут заведено.
— Эх… вот бы по этим же законам жили бы и там…
— Там в долинах?
— Угу… Вот почему там не так?
Чуть подумав, я пожал плечами:
— Везде свои обычаи, госпожа Анутта. Может и хорошо, что всюду они разные? Есть чему порадоваться или над чем задуматься во время долгого путешествия по незнакомым краям. И не это ли самый весомый повод для нового путешествия? На мир поглядеть… и к людям приглядеться… задуматься над их поступками, провести бесчисленные вечера в беседах у придорожного костра с новыми собеседниками… Будь везде все одинаково… не было бы и дорог, что соединяют эти края…
— Хо-о-о… — неожиданно по горски гортанно произнесла сильга — Эту мысль я пожалуй запишу… Ты точно палач?
— Я палач — кивнул я.
— Палач с вечно грязным страшным топором как в детских страшилках…
— Самый чистый топор — у палача — возразил я — Мы не свиней закалываем. И не овцам глотки пластаем. Мой топор всегда чист. Как и остальной инструмент. И я не приведу в исполнение приговор на грязном эшафоте или внутреннем дворе.
— Рург… я лишь вспомнила детские пугалки… придет палач с почернелым топором и ка-а-а-ак… и тут все начинали визжать.
— Запиши мои слова — попросил я — Про топор и чистоту. Мы не слишком гордимся нашим делом, но мы уважаем его. Запиши.
Заглянув мне в глаза, сильга кивнула и взялась за перо. А я продолжил:
— Кровь на топоре — да, бывает. Особенно если казнишь сразу нескольких. Но кровь — не грязь. И все мы против поругания над останками. Топить в нечистотах, насаживать останки тел на колья — сие придумано не нами! Не палачами!
— А кем?
— Не палачами — повторил я — Запиши.
— Уже записала… не похож ты на палача.
— Как раз на палача я и похож — успокоившись, улыбнулся я — Пойми, госпожа Анутта… мы не ради денег и не ради убийств становимся палачами. Мы лишь не хотим чтобы по мирным землям шагали изуродованные и озлобленные приговоренные отмеченные Четырьмя Ранами.
— Правый глаз, нос, правое ухо и правая ладонь.
— Да…
— Не знаю зачем, но я дважды записала это в свои хроники…
— Четыре Раны — великая глупость! — отрезал я — Великая ошибка, что привела ко множеству смертей и страданий!
— Страданий приговоренных?
— Нет! К страданиям их жертв! Негоже, когда изуродованным страшными метинами людям отрезают пути к отступлению! Изгнанные, они не могут уйти в далекие края и начать жить заново…
— Жизнь с чистого листа…
— Верно. За палаческую жизнь мне приходилось встречать немало невольных убийц, что бежали, не дожидаясь суда. И многие начали жизнь новую, правильную. Многие встретили

безоблачную долгую старость, что была омрачена лишь уже усталым страхом пред неизбежной огненной бездной Раффадулла…
— Разве они заслужили столь счастливую жизнь?
— Не знаю. Не берусь судить. Но разве не лучше прожить так, чем изуродованным чудовищем бродить в лесу у дорог и охотиться на одиноких путников?
— Да уж…
Вздохнув, я опять пожал плечами и повернул лицо к подошедшему Часиру. Тот, старательно скрывая усталость дряхлеющего тела, бросил одеяло передо мной и уселся.
— Скоро будет горячий чай…
— Великое дело — признался я, массируя лоб.
— Чай особый. Он снимет усталость и головную боль. В нем редкие травы, что произрастают лишь здесь — на горных лугах Тропна. Еще в нем будет совсем немного меда и горной крови.
Сильга округлила глаза:
— Горной крови?!
Снисходительно улыбнувшись, старый Часир заверил:
— Будет крепко и сладко.
Дальше он мог и не продолжать — при одном только слове «сладко» сильга на мгновение зажмурилась, после чего на разгорающийся костер смотрела уже не настороженно, а скорее ожидающе и с какой-то детской наивной радостью.
Приняв приход Часира как знак к его готовности продолжать беседу, я вытащил из-за голенища сапога небольшой нож, вынул его из ножен и занялся перемоткой кожаной оплетки на его рукояти. Разговор между делом. Так здесь принято задавать возможно неприятные вопросы. Занимаясь чем-то еще, не глядя на собеседника, ты как бы даешь понять, что можно и не отвечать, если твои вопросы слишком уж неприятны или нежелательны. Ну а коли ты смотришь собеседнику в глаза и задавая вопрос ничем более не занимаешься, то разговор серьезен и ответить придется, если не собираешься нанести оскорбление. Так заведено у горцев. И мне такое по душе. Не стоит без нужды загонять кого-то в угол — словами или Четырьмя Ранами.
Я размотал часть оплетки, чуть расправил кожаную ленту и лишь затем спросил терпеливо ждущего старика:
— Может ты слышал что-нибудь о том, кто ждет моего прибытия в тюрьме Сноувэрга?
После небольшого промедления старый Часир медленно кивнул:
— Слышал. Как и каждый горец. Но не мне говорить о нем, Рург. Не по моему уму и чину такая беседа.
— Вот как… — я не сдержал удивления.
Это уже странно. И может даже нехорошо.
Старый Часир не из знатных, но насколько мне известно своей родовитостью он может поспорить с очень многими. Встречались в его роду и те, кого ныне величают легендарными воинами. Среди горцев это многое значит. И сам Часир, что опять же мне известно из надежного источника — стражи здешние проболтались — многими почитается как человек сдержанный, мудрый и всегда могущий дать взвешенный совет, за коим к нему частенько обращались. Еще он выступал судией в чужих спорах — горцы предпочитали решать все тихо и редко доводили дело до городского суда. Вдобавок ко всему прочему он изредка ручался за того или иного знакомца в делах денежных — и его поручительству всегда доверяли.
И тут вдруг такие слова…
Не по моему уму и чину такая беседа…
Мое удивление не осталось им незамеченным, и старик успокаивающе улыбнулся:
— Тут ты сам виноват.
Мое удивление возросло:
— Это в чем же?
— Рановато ты в этом году в наших краях — пояснил Часир и многое сразу встало на свои места.
— Меня не ждали — понял я.
— Не так рано — кивнул горец — Ты же вдруг явился неожиданно, как северный ветер. Дней десять назад меня навещал один старый друг. Он спрашивал о тебе. Хотел узнать, когда тебя ждать. И я ответил, что обычно ты являешься незадолго до первого снега. Еще он расспрашивал о тебе. И ему была интересна каждая мелочь…
— Нехорошо — медленно произнес я — Даже пугающе…
Сильга с недоумением переводила взгляд с меня на старика, но молчала, предпочитая слушать.

— Пугаться тут нечему — возразил Часир — Тебе ничего не грозило, Рург. Мой старый друг человек могущественный. Его слово многое решает. Немало горцев с великой радостью выполнят любой его приказ. Но еще он чтит старые традиции и без великой нужды никогда не запятнает себя греховным деянием. Наша боги куда суровей вашей Лоссы и Раффадулла. И за каждый грех спросят с великой строгостью. А ему, как и мне, не так уж долго осталось бродить по зеленым лугам Трорна и последний суд уж близок.
— Ты крепок телом и бодр духом, добрый Часир — улыбнулся я — Нужно ли уже задумываться о последнем суде?
Оставив мою лесть без внимания, старик провел ладонями по бороде, наморщил лоб и наконец продолжил:
— Что ж… раз уж мы заговорили об этом… Насколько мне известно, тебя бы встретили еще на подходе к предгорьям. Один, может двое горцев. Уже взрослые мужи с сединой в бородах.
— И они?
— Поговорили бы — успокаивающе улыбнулся старик — Для начала…
— Для начала — тихо повторила Анутта.
— Для начала — кивнул Часир — Они бы воззвали к твоим великодушию и благоразумности. А уж я, поверь мне, уверил старого друга в том, что тебе свойственны эти душевные украшения. Еще я написал письмо. Его бы передали тебе до беседы. В том послании я прошу тебя проявить немного терпения и позволить встречающим угостить тебя ужином в любом из придорожных трактиров.
— О чем бы они попросили меня за ужином?
Ответ я уже знал. Вздохнув, Часир ответил и я убедился в своей правоте:
— Не приезжать в Сноувэрг этой осенью.
— Дабы некому было казнить приговоренного — обронил я, сквозь просвет между деревьями глядя на залитый солнцем горный луг.
— Воистину так — согласился старый горец.
— Но я в Сноувэрге…
— Да… Прошу тебя, Рург… не спрашивай меня об этом деле. По возвращению в город ты встретишься с тем, кто расскажет тебе все честь по чести. А я… я просто старик, что отправился проведать родовую гробницу на мирном склоне родной горы…
— Да будет так — кивнул я, переводя взгляд на согнувшуюся над страницами девушку — Госпожа Анутта… прошу тебя — не записывай услышанное.
— Но…
— Это была беседа тайная — мирно улыбнулся я сильге — А путешествие у нас опасное. Ведаешь ли ты в чьи руки может попасть твоя книга с записями? Кто может прочесть эти строки? И что за беда может обрушиться на ни в чем неповинную семью приютившего нас Часира? Не все услышанное следует доверять бумаге…
Окинув меня задумчивым взглядом, девушка глянула на непроницаемое лицо старого горца и… отвела перо от страницы. Едва заметно тряхнула запястьем и с кончика пеоа сорвалась на землю тягучая капля чернил. Что ж… ответ получен. Благодарно кивнув, я запрокинул голову, взглянул в шелестящие кроны склонившихся над нами вековых деревьев и пробормотал:
— Что ж за путешествие у меня такое… а ведь дорога едва началась…
* * *
Удивленный и испуганный вскрик едущего впереди молодого горца заставил меня пришпорить лошадь и, обогнув нагромождение камней, она вынесла меня на край пологого каменистого склона. Подавшись вперед, уже вытаскивая оружие, я глянул… и пораженно выпрямился в седле.
Громкий горестный крик юноши повторился. Почти упав с лошади, он рухнул на колени и застыл в неподвижности, глядя перед собой.
— Светлая Лосса — пробормотал я и имя светлого долинного божества прозвучало в этой высоте удивительно хрипло и неуверенно.
Предки ныне живущих на склонах Трорна горцев сделали мудрый выбор, решив расположить древнее кладбище в этом месте. Над горным лугом, на высоте, где частые пятна белоснежного снега и льда перемежались с упрямой сероватой травой, где никогда не утихавший холодный ветер тоскливо завывал среди камней, а далеко внизу клубился пройденный нами пояс белесого стылого тумана, почти впритык друг к другу разместилось немало высоких каменных курганов. Сложенные из массивных камней, обросшие черным лишайником, могильные курганы неровными рядами вытянулись поперек горного склона и казалось, что это укутавшиеся в меховые одеяния древние старики великаны мрачно смотрят на раскинувшее внизу разноцветье лесов и долин.

Я впервые здесь. Но мне хватило одного взгляда и вот я уже знал где находится родовая гробница Часира…
В теле каждого кургана имелась испещренная рунами большая квадратная плита. Старый и возможно забытый уже самими горцами язык. В третьем от нас холме эта плита была разбита беспощадными ударами. Она устояла, но в ее середке зияла большая дыра, а куски плиты лежали среди камней жалкими обломками. А еще там же лежали сломанные кости, расплющенные реберные остовы… Стыдливо прикрывшиеся снежной порошею раздавленные черепа глядели на нас сквозь покачивающиеся стебли травы с немым вопросом…
Древняя гробница была осквернена.
Услышав торопливый стук лошадей, я не стал оборачиваться и невольно съежился, понимая, что предстоит испытать сейчас старому горцу, что помимо предков похоронил здесь и жену с сыновьями…
— О-о-о-о-о… — старый горец не закричал. Он завыл, падая с седла и закрывая лицо ладонями — О-о-о-о…
Даже удар о каменистую землю не прервал этого преисполненного яростью и горем крика. А насмешливый ветер подхватил хриплый крик и унес его к подножию бесстрастного Трорна…
— Проклятье — выдохнул я, высвобождая сапоги из стремян и спрыгивая — Проклятье… Я сделал шаг… и замер.
Спешиться спешился, а что делать дальше — не знаю.
Выбросив руку, поймал и притянул к себе заспешившую к разоренной гробнице сильгу. Она негодующе рванулась, стараясь высвободить руку, но я сжал пальцы чуть сильнее и торопливо пробормотал:
— Обожди… могилы священны и запретны для чужаков. Подожди!
— Там может обретаться…
— Нет там никого — убежденно выдохнул я и невольно вздрогнул, когда опровергая мои слова из темного зева варварски вскрытой гробницы вдруг порскнула испуганная шумом птица.
Переведя дух, я отступил назад, скрежеща мелким камнем под подошвами сапог и тяня за собой уже не столь сильно упирающуюся девушку.
— Нет там никого — повторил я, бросая еще один взгляд на разбитую рунную плиту — Видишь следы ударов на камне?
— И что с того?
— Я слышал, что у горцев своя хитроумная система запирания гробниц — спокойно и ровно заговорил я, зная, что мое спокойствие передадутся и сильге — Они так ставят плиту меж камней, что любому чужаку покажется будто она вмурована в камни. Но на самом деле достаточно чуть нажать в верном месте, чуть приподнять — и плита легко поддастся.
— И что с того? — как и ожидалось, голос Анутты утих, она заговорила куда спокойней и, мягко освободив руку, шагнула к лошади, потянувшись к седельной сумке.
— Тут побывали чужаки — ответил я, чуть подаваясь вперед и вглядываясь в скорбные осколки перед гробницей — Я узнаю следы на камне. Не раз видел такие же в каторжных каменоломнях, куда меня порой призывали свершить приговор. Кто бы не пришел сюда… он принес с собой тяжелый молот. Может он был один… но, думаю, их было несколько — сюда опасно соваться в одиночку. Горцы не простят осквернения могил и… а проклятье!
Часир! Часир! Нет! — я рявкнул так зычно, что подхватившийся с земли и с юношеской легкостью впрыгнувший в седло старик качнулся и замер, повернул ко мне посеревшее от горя и ярости лицо.
— Часир! Уже поздно! Не догнать! — торопливо заговорил я, намеренно понижая голос и делая его глуше и монотоннее — Погляди на осколки плиты и на вход — намело снег! Трава уже распрямилась, а вон проросшие в чужих следах молодые высокие ростки! Кто бы не совершил подобное злодеяния — его вот так наскоком не догнать!
— Не тебе решать, палач! — впервые подал голос старший из внуков Часира, что стоял на коленях у гробницы, бережно держа в ладонях разбитый череп своего предка — Кто ты такой, чтобы указывать моему деду?! Убийца моего отца! — молодой горец уложил кости на землю и начал подниматься, тянясь к ножу на поясе — Кто ты такой, чтобы вот так вольно кричать на моего деда? А?!
— Хирар! — старик крикнул пронзительно и яростно как падающий с небес ястреб — Итван дун до дараар! Бу самчар!
И столько силы было в его надтреснутом голосе, что казалось затих в испуге весь горный луг и даже сам Трорн притих на мгновение, изумленно щурясь из-под облаков на столь гневную букашку. Что уж тут говорить о внуке старого горца — он невольно присел, поспешно убрав руку от оружия и низко склонил голову. Следом за ним присели и

остальные внуки Часира. А сам старик, продолжая сидеть в седле, выглядел сейчас уже далеко не таким старым и немощным. Гневный властный горец казался воплощением седой могучей горы… и это почувствовали мы все.
Сделав несколько глубоких вдохов, Часир неспешно спешился, ласково провел по лошадиной шее чуть дрожащей рукой, будто споткнувшись, качнулся вперед и уткнулся лицом в гриву. Когда он снова выпрямился и повернулся к нам, на его осушенном лице уже не было слез. Сложив руки у живота, он медленно опустился на колени и глубоко поклонился разоренной гробнице. Его примеру тут же последовали и внуки. Поклонился и я. А затем сделал еще десять шагов назад, возвращаясь к концу тропы, что привела нас сюда. Притихшая сильга последовала за мной, но ее взгляд не отрывался от темного входа в гробницу.
— Там нет кхтуна — произнес я, опускаясь на одно колено и вглядываясь в землю.
— Откуда тебе знать, Рург?
— Кто бы не пришел сюда — он пришел за темной тварью и забрал ее — уверенно ответил я и, упреждая вопросы, пояснил свою догадку — Другой причины я не вижу. Все знают, что гробницы горцев хоть и древнее многих королевских долинных, но в них нечем поживиться. Горцев хоронят с их обычными вещами — и вещами неновыми. Источенный за годы нож, от силы пара медных монет, может старое копьецо с железным наконечником… Но никаких сокровищ. И ради чего подниматься в такую высоту? Ради чего рисковать всем и входить в запретное для чужаков горное кладбище? Случайного заплутавшего не убьют, а отведут к подножию… А вот если горцам даже просто почудится, что чужак вознамерился покуситься на святое…
Говоря все это, я не сводил глаз с земли и медленно идя по тропе. Пройдя так десяток шагов, я разочарованно выпрямился. Земля здесь влажная. Копыта наших лошадей оставили глубокие следы. А там, где мы спрыгнули с седел, остались отпечатки наших сапог. Но это все наши следы — а вот чужих я не нашел. Обернувшись, я увидел выжидательно смотрящего на меня Часира, что уже поднялся с колен. В ответ на его взгляд я отрицательно покачал головой. Этого хватило, чтобы старый горец повернулся к внукам и сказал несколько слов, после чего они поспешно бросились в разные стороны, на бегу так низко наклоняясь к земле, почти стелясь над ней, как могут только истинные дети гор. Кто бы ни явился сюда — он пришел не этой мало кому известной почти неприметной тропой.
— Пусть следы будут очень старыми — истово попросил я сам не зная у кого.
— Они ведь пойдут по следу? — сильга поняла все правильно.
— По следу осквернителей родовой гробницы? — грустно усмехнувшись, я кивнул — Не сомневайся — пойдут. Если след свеж — полетят! Госпожа Анутта! Прошу тебя! — мой взгляд стал чуть злее — Не доставай ты свою книгу!
— Хроники сильг бесстрастны и…
— Начни ты сейчас записывать что-то в десяти шагах от разоренного склепа… как поймут сие и без того разъяренные горцы? Прояви каплю уважения… и сострадания к чужому горю.
Чуть помедлив, сильга кивнула и с долгим протяжным шипящим выдохом убрала руку от клапана принесенной с собой седельной сумки.
— Да… ты прав, Рург. Сестринство Сильгаллы закрыто от чужаков, а то, как нас воспитывают за высокими стенами… мы часто сталкиваемся с непониманием и гневом обычных людей, что порой считают нас бесчувственными и равнодушными… Но это не так! — в кошачьих глазах девушки мелькнули искорки гнева — Мы сострадательны! Но… просто порой не замечаем той грани, за которую не следует заступать… И я благодарю тебя за мудрые советы, палач Рург.
Улыбнувшись в ответ — едва заметно, чтобы бредущий к гробнице Часир даже если и оглянется, то не принял бы это за насмешку — я неслышно сходил к лошадям, вытащил скатки одеял и понес их на один из длинных гребней, что тянулись по склону. Раз уж я поднялся так высоко, то грех не взглянуть на необъятный мир с непривычного угла… Как говорят в моих родных краях — бойся не слепоты, а взора на мир лишь из одного оконца…
Раскатав одеяла, я нарочито уселся так, чтобы сидеть к гробнице боком. Так смогу поглядывать на нее, но опять же не вызову ни у кого злости своим неуместным любопытством. Мы у самого Трорна. Да, до него еще лиги и лиги крутых горных троп и самая высокая гора хребта так далеко, а подходы к ней так неприступны, что по слухам там еще никогда не бывал житель долин. Но пусть Трорн далеко — здесь живут по его суровым обычаям, в которых мужчин судят особенно строго и не только по их делам, но и по словам и даже взглядам.
Скрестив ноги, я начал вытаскивать пробку фляги, но случайно глянул вниз и… от открывшегося вида у меня перехватило дух. Рядом ахнула и замерла сильга, что и сесть не успела. Налетевший ветер ненадолго разорвал и оттеснил густой стелющийся туман и

нашим взглядам внезапно открылся… весь мир? Да… почудилось что я вижу весь мир от края до края… Необъятный, будто бы чуть вогнутый, пестрящий разноцветьем, с темными столпами сумрака, что перемежались тяжело сверкающими золотым солнечными столпами, высвечивающими и заставляющими играть яркими красками озера и леса… Тут не было ничего постоянного… все ползло, все куда-то стремилось, а в воздухе тяжело заворачивались величественные колонны из бело-серых туч, упирающиеся в тяжелые облачные поля, что шли высоко над такими далекими холмами, но при этом были гораздо ниже нас… в этот миг стало ясно — то, что все это время я принимал за туман, на самом деле было зацепившимися за камень облаками. Свистящий ветер дохнул еще раз… и все затянулось молочной пеленой. Лишь на несколько мгновений открылся передо мной этот невероятный вид… и этих мгновений мне хватило, чтобы почувствовать себя отрешенным созерцателем мирской суеты… и ничтожной пылинкой на ладони мироздания…
Анутта медленно разжала пальцы, перестав стискивать мое плечо. Уселась рядом. И затихла, позабыв про книгу и задумчиво глядя в непроницаемую облачную стену, чья полупрозрачные щупальца осторожно подползли к нам совсем близко и почти касались моих грязных сапог. На некоторое время замолк и я, изредка посматривая по сторонам и терпеливо ожидая оклика от Часира. Но старый горец не спешил нас звать и, не выдержав, я заговорил о главном:
— Люди с молотом пришли за запертым в гробнице кхтуном — тихо произнес я — Люди…
— Да… — согласилась сильга и в ее голосе слышалось усталое удивление и… легкий страх
— Это… это пугает… ты ведь понимаешь, Рург?
— В меру своих способностей — кивнул я — Они знали куда шли. Твердо знали. И они знали какой склеп им придется разорить и то, что им придется воспользоваться тяжелым молотом. А когда молот сделал свое дело… посмотри туда, госпожа Анутта.
Девушка глянула через плечо. Ее глаза сузились, губы напряглись в понимающей мрачной усмешке. Я оборачиваться не стал, но знал, что она увидела — один из парней поднялся на склон, неся в опущенной руке тяжелый кузнечный молот на длинной рукояти. Не оружие — инструмент. Такой не мог оказаться с собой по воле случая. И когда молот расколол древнюю плиту, что перекрывала вход, его просто швырнули в сторону обрывистого склона. Никто не пошел бы туда, чтобы выбросить молот. Зачем? Лишняя морока. Его швырнули прямо от склепа — и пролетев самое малое десяток больших шагов, он улетел вниз. Не каждый мужчина способен на такой бросок. Тут нужна могучая сила…
— Они насмешничали — продолжил я — Зло глумились над останками почивших. Выбросили и растоптали черепа и грудные клетки, пинками расшвыряли остальное… Что за нелюди способны на такое?
Сильга молчала, неотрывно глядя на склеп. А я продолжал размышлять вслух:
— Там в Скотных Ямах Буллерейла… там я все списал на слепое невезение Нимрода. Так я решил, когда одержимая кхтуном женщина совершила убийство и ударилась в бега.
— Да… — обронила девушка.
— Следом нападение на нас у приютного валуна. Обычный горожанин вдруг обратился в ночного разбойника. Мыслимо ли? И теперь вот… такое… И что же получается, госпожа Анутта с двумя «Т»? Ты прибыла в наши края заслышав слухи о нескольких разом сошедших с ума жителях селений в предгорьях Трорна. Сбежавшая убийца направилась сюда же… А теперь это… кто-то забрался по крутым склонам и освободил кхтуна…
— Это нам неведомо! — возразила сильга — Я должна войти в этот склеп, Рург.
— Дождемся соизволения — проворчал я — Тут все непросто… И не станешь же ты вламываться в чужой родовой склеп, переступая разметанные кости спавших там? Кощунство…
Тяжело вздохнув, девушка кивнула и поглубже натянула трепещущий на ветру капюшон:
— Да… я разделяю их горе и гнев. И я подожду сколько придется. Продолжай говорить, Рург…
— По отдельности все произошедшее кажется лишь случайностями… но если взглянуть на все вместе, то… я вижу пугающую цепь событий… — мрачно произнес я — Кто мог прийти за кхтуном?
— Другой кхтун — мгновенно отозвалась Анутта — Или обычный человек, что готов на любую мерзость ради денег…
— Да — кивнул я и, чуть приподнявшись, крикнул сошедшимся у гробницы горцам — Что там?
— Следы! — отозвался старый Часир и я испытал облегчением — старик говорил почти прежним голосом. Потихоньку приходит в себя после потрясения — Их было двое! Один — большой мужчина. Тяжелый! Шаг широкий…
— А второй?

Горцы переглянулись. А затем тот, что недавно кричал на меня, прерывающимся и удивленным голосом сказал:
— Ребенок… я нашел лишь три уцелевших следа под вон тем склоном … там же и лошадиные копыта. Легкие долинные подковы с шипами.
— Ребенок — беззвучно повторил я.
— Да… Здесь был ребенок… Маленький ребенок… след ножки в половину моей ладони. И… и он уходил от гробницы…
— Светлая Лосса — невольно вырвалось у меня, когда мне средь бела дня померещилась маленькая посинелая фигурка восставшей из мертвых девочки, что, шатаясь сходит по склону горы…
Правильно прочитав выражение моего лица, старик будто крыльями взмахнул широкими черными рукавами:
— Не она! Моя внучка здесь! Нетронута…
Я испытал суеверное облегчением. Проклятье…
С шумом выдохнув, я глянул на чуть ли не подпрыгивающую сильгу и поинтересовался у Часира:
— Можно нам приблизиться к гробнице?
— Да — старик ответил без колебаний и согнулся в легком поклоне — Прошу тебя, добрая сильга. Войди в сумрак осквернённой могилы моих предков… и открой мне истину…
Ему не пришлось повторять. Упруго подскочившая девушка заторопилась к гробнице. Я чуть отстал, решив скатать одеяла — иначе ветер вмиг утащит — и поспешил за ней. Анутта миновала стоящего чуть в стороне от входа Часира и даже не взглянула в его лицо. А я взглянул. И понял, что сильно заблуждался, когда сам себя успокоил оказавшимися лживыми словами «он почти оправился». Старый горец не оправился. Замерев над собранными на уже мокром от грязи и тумана одеяле мелкими и крупными осколками костей, он встал над этим скорбным месивом и замер. Как мудрый человек, он опустил лицо пониже, чтобы никто не мог прочесть его истинных чувств.
А чувства были… и такого яростного накала, что Часир вот-вот начнет шипеть от касаний редких капель приносимой ветром воды.
Закаменевшее лицо, вздутые челюстные желваки, сощуренных глаз не видно в темных ямах под бровями, а морщины кажутся глубокими ущельями. Старый горец разъярен. Судя по очертаниям спрятанных под черным плащом чуть подрагивающих рук, его пальцы сжаты на рукояти кинжала. Ноги широко расставлены, он дышит нарочито глубоко и размеренно… Да… лишь разоренная родовая гробница и груз прожитых лет удержали его от необдуманных поступков. Будь он лет на пятнадцать моложе… они уже мчались бы верхами по давно остывающему следу, пригнувшись к лошадиным шеям и походя на атакующих дрэнков — черных горных ястребов. Воистину правы те, кто глаголет, что старость приносит не только лишь дряхлость со слабостью, но и мудрость со сдержанностью…
Сильга пробыла в гробнице недолго. Поначалу я сунулся было следом, сделал глубокий вдох и, поперхнувшись невыносимым смрадом, отступил, как только различил в сумраке склепа успокаивающий кивок девушки. Удивительно, но она, прижавшая к нижней части лица едко пахнущий платок, осталась равнодушна к разбросанным останкам и к вони гниющей плоти. С облегчением вывалившись на свежий воздух, я отступил от зловонной гробницы и замер в ожидании, задумчиво подбрасывая на ладони опять одолженный сильгой необычный кинжал. Мои глаза не отрывались от черного зева входа, а в голове крутилась удивленная мысль — откуда у нее такая выдержка? Откуда такая стойкость?
Когда она вышла, я шагнул было к ней, но вовремя остановился. Анутта же, перешагнув обломки у входа, осторожно обойдя одеяло с собранными костьми, удивительно светло улыбнулась напряженно ожидающему вердикта старому горцу:
— Пусть твоя душа найдет успокоение, добрый Часир — твой сын не сошел с ума и не был обычным злодеем детоубийцей. Твой сын убивал мерзкого кхтуна…
— Ауххум танаар… — гортанно выдохнув эти слова, Часир пошатнулся, прижал сухую ладонь к глазам и ненадолго замер так.
— Все же кхтун — медленно произнес я.
— Да — подтвердила Анутта — Тут нет ни малейшего сомнения. Девочкой завладел темный дух, а судя по все еще сильным тошнотворным следам его присутствия в склепе… кхтун особо зловреден… из тех, кто вредит самому себе, когда не в силах совладать с собственными чувствами. Злой… очень злой… мерзкий… — она передернула плечами и уже с печалью продолжила, обращая к старику — Я ведаю на что способны такие твари. Они умеют обжигать словами… умеют пугать… Не каждый человек выдержит такое. А уж коли такое происходит с твоим собственным ребенком, что вдруг превратился в явившееся прямиком из Огненной Бездны исчадие… Услышав ту жуть, что изливалась из невинных

губ несчастной одержимой девочки, твой сын ненадолго потерять разум и поддаться испугу и ярости…
— Кхтун… — тихо-тихо произнес Часир, медленно убирая руку от лица — Темный дух…
— Быть может твой сын и не хотел убивать — добавил я, припоминая случаи из своего палаческого прошлого — Детские кости хрупки, а жизнь не слишком крепко держится в их крохотных тельцах. Быть может, твой сын просто хотел закрыть ей рот… сжал слишком сильно, продержал излишне долго и… случилось то, что случилось.
— Такое случается — согласилась Анутта — Прошлого уже не изменить… но теперь мы знаем, что у твоего сына есть возможность искупить свои грехи и попасть на горные луга Светлой Лоссы. Она мудра и справедлива. Она поймет, что душа твоего сына чиста, добрый Часир…
— Но он все же убил… — не выдержав и не переборов голоса своего призвания, тихо добавил я — Приговор и не мог быть иным…
Поочередно смерив меня и сильгу долгим, очень долгим пронизывающим взглядом, старик согнулся в земном поклоне, а выпрямившись, склонил голову и глухо произнес:
— Мой род обязан вам. Вам обоим. И… я прошу не за себя… но за всех, кого породили мои чресла…
Сильга поняла сразу и склонила голову в ответ:
— Я поведаю всем о том, что случилось с твоей внучкой и твоим сыном, добрый Часир. Можешь не сомневаться.
— Благодарю…
— Я помогу ей — добавил я.
— Благодарю — повторил старый горец.
— Но мало кто внимает словам палача о казненной им жертве — вздохнул я — Стоит завести речь о казненном и все начинают думать, что меня терзают муки раскаяния…
— И мало кто прислушается к той, кого в глаза называют гулящей девкой — Анутта вздохнула еще горше — Но я расскажу всем, кто захочет слушать.
Коротко кивнув, Часир повернулся к своим внукам и заговорил на родном языке, что был удивителен по звучанию — то звенел как полноводная горная речушка, то гремел как сходящая с крутых склонов лавина. Его внуки торопливо отвечали, яростно топали, взмахивали руками, а то и крутились на месте, отчего их почти черные плащи с хлопаньем заворачивались вокруг тел.
— Собаки… — неожиданно произнесла Анутта и, увидев мой изумленный взгляд, пояснила — Они говорят о собаках…
— Откуда ты…
— Нас готовят к дорожной жизни — напомнила мне терпеливо чего-то ждущая девушка — И никто не ведает куда забросит нас судьба. Посему нас обучают различным языкам и наречиям. Сильга должна уметь объясниться с каждым и неважно откуда он родом. Но… должна признаться, что с изучением других языков у меня все плохо…
— Собаки — с досадой подтвердил Часир, в то время как двое из его внуков уже бежали к лошадям — Мы не взяли с собой собак. Порой старые обычаи вредят… По нашим обычаям нельзя размещать кладбища слишком близко к селениям. Нельзя пригонять сюда отары и приводить собак… Лишь лошадям и якам дозволено приходить на подобные луга. Да и то мы привязываем их поодаль…
— Почему? — невольно удивился я — Чем не угодили мертвым овцы да собаки? Не они ли важная часть жизни горцев?
— Важная! — подтвердил старший внук за что получил суровый взгляд от деда и смущенно отвел взгляд. Но отвел точнехонько на ноги сильги и, смутившись еще сильнее, резко отвернулся, уставившись на плывущие под нами облака.
— Никто не знает — вздохнул Часир и приставил ладонь ко лбу, из-под нее глядя как два его внука скачут вниз, уже исчезая в густом облачном тумане — Но есть одна короткая легенда. В ней говорится, что однажды один из великих и многодетных предков, каплю чьей крови почти наверняка несет в себе каждый горец Трорна, решил заглянуть к почивающему в гробнице прадеду. Он был проездом и спешил вниз, ведя с собой десяток отобранных для пиршества упитанных овец и несколько пастушьих собак. И так случилось, что одна из собак, еще щенок, игривая и веселая без меры, забежала в отпертую гробницу следом за хозяином. В те времена многих хоронили лишь в белом или черном саване. Материя истлевала… одним словом — пес схватил одну из костей и выбежал с ней наружу. Наш предок ринулся за ней. Испугавшись, собака выронила кость и бросилась бежать, заодно испугав понесшихся вниз овец. Одна из них с испуга обронила помет и угодила прямиком на…
— Ох — вырвалось у меня.

Сильга поспешно зажала обеими ладонями рот и, замерев, словно от острой боли в пояснице, молчала, уставившись на Часира расширенными глазами, отчего стала еще сильнее походить на кошку.
— Да — тяжко вздохнул старик.
— И что случилось потом? — осторожно поинтересовался я.
— Предок очистил и вернул кость на место, после чего зарезал и закопал всех овец, ибо не был уверен какая из них совершила страшный грех. После чего он убил и щенка… — повернувшись к гробнице, старый гробниц взглянул в темноту осквернённого склепа и продолжил рассказ — Предок вернулся в родное селение и рассказал все как было. Старики выслушали его… и сурово осудили его деяния. Весьма сурово. И пояснили свои мысли в трех свитках, что сохранились до наших времен и были не раз переписаны. Хранятся такие и в моем доме. В свое время мне прочел их мой дед, что сейчас покоится в сем последнем приюте — рука старика указала на гробницу — Он же и пояснил мне смысл. Он повторял мне эту легенду так много раз, что она намертво въелась мне в память и с тех пор я возненавидел ее и все эти поучения. Я поклялся, что своих сыновей и внуков я не стану мучить чуть ли не ежедневными пересказам из пыльных свитков. И сдержал слово. И вот она и пришла кара божья… за мою безмерную глупость я наказан сполна, заплатив жизнью старшего сына и любимой внучки. Да… я наказан сполна…
— Я не…
— Ты не понимаешь — кивнул Часир и на его губах появилась слабая улыбка — Легенду ты услышал. Она на самом деле коротка. Но самое важное заключается в трех заветах, что оставили нам мудрые предки.
Завет первый — не убивай сгоряча! Никогда! Ибо не ведаешь что творишь!
Завет второй — не мсти глупым овцам, ибо не ведают они что творят!
Завет третий — не убивай юнцов за оплошность малую аль большую коли не воспитал их должно и оттого не ведают они что творят!
Еще чуть помолчав, горец вытянул руку, опустил ее на плечо внимательно слушающему внуку и, встряхнув его, повернул голову ко мне:
— Похоронив здесь сына и внучку, по возвращению домой я вытащил из старого сундука свитки, стряхнул с них пыль, обрамил в собственноручно вырезанные рамки и повесил в главной комнате моего дома. И с того дня я не забываю рассказывать своим потомкам легенду. Почти каждый день… Ибо я помню — это все моя вина. Заставь я своего первенца всегда следовать этим заветам… он бы не поднял руку на дитя. Даже на обезумевшее… даже обезумь он сам… не поднял бы! Я знаю!
Еще раз встряхнув плечо внука, другой ладонью он с силой прошелся по лицу и заговорил уже прежним голосом:
— Мои внуки спешат к одному из наших горных пастбищ. Там немало правильно обученных псов. Есть и те, кто хорошо идет даже по старому следу. И пусть след давнишний… мы будем идти по нему пока можем. Там, где не найдет следа собака — отыщем мы! В этих местах мало проходимых троп, а путь чужаков ведет вниз — они уходят к долинам.
— Они уже там — возразил я — Если след старый…
— Может и так — не стал спорить горец — А может что случилось с их лошадьми или ими самими. И они вынужденно остановились на несколько дней в укрытии… Это горы, Рург. Здесь все может случиться.
— Я пойду с ними! — тут же заявила сильга и я тяжко вздохнул, а затем покорно кивнул, зная, что она не изменит своего решения, а я отправлюсь с ней. При этом я ощутил прилив азарта… Погоня!
Молодой горец что-то произнес, махнул рукой в сторону и вниз. Туда, где серо-белый туман был почему-то темнее. Или мне так кажется…
Часир сначала отмахнулся, но внук настаивал и наконец старик с неохотой перевел:
— Мой внук говорит, что следы ведут в ту сторону и скрываются за Пхэуг Долр.
— А это?
— Большой бурый пик с чуть раздвоенной вершиной. С нашего языка его название переводится как вырванный зуб.
— И что с ним не так? — поинтересовался я, пытаясь разглядеть хоть что-то в темной облачной мути, но без особого успеха. Там что-то завихрялось, вздымалось, опадало…
— Скруэнде Рукхайс — мрачно изрек Часир и передернул плечами — Вы слышали это…
— Кричащая коптильня — часто закивала сильга — Ужасно…
— Они погребены у основания того пика. С одной стороны его подпирает малый хребет — и он непроходим. Не для лошадей. И не для ребенка. Надо быть истинным горцем, чтобы суметь взобраться на вершину хребта… и обладать девятью жизнями, чтобы хотя бы с одной оставшейся суметь спуститься оттуда живым… С той стороны им не пройти. И если

мой внук не ошибся, и они двинулись в ту сторону… то они обойдут гору с северной стороны и двигаться им придется по узким тропам и карнизам. Троп несколько, но все они сойдутся в одном месте — у входа в запечатанную гробницу, где почивают все замученные в те страшные дни. Затем их ждут ноголомные склоны, где закончило свою жизнь немало лошадей и яков. Там находят свой конец даже горные козы, что способны пастись на отвесных скальных стенах… А еще там всегда лежит снег, что позволит снова подхватить след…
— Мы с вами — кивнул я, опуская руку на рукоять ножа — Как скоро вернутся посланные за собаками?
— Скоро — глухо обронил Часир — Скоро… и до их возвращения я должен успеть собрать останки родичей и попросить у них прощения. Покиньте этот луг… сейчас вам здесь не место.
— Хорошо — опять кивнул я и, ухватив сильгу за локоть, потащил ее прочь, не обращая внимания на ее возмущенное сопение.
Вырвав руку, он возмущенно сверкнула на меня зелеными глазами:
— Хватит обращаться со мной как с вздорным ребенком!
— А ты бы пошла со мной без споров и лишних вопросов? — спросил я.
— Нет!
— То-то и оно — тяжко вздохнул я и направился к седельным сумкам — Надо успеть плотно перекусить, напиться горячего чая и хоть немного поспать. Боюсь нас ждет долгая и опасная дорога…
Глянув на подступившие к самым ногам зыбкие облачные щупальца, Анутта зашагала за мной, не сводя взгляда с сумки, где хранилась ее книга для записей. Могу спорить на что угодно, что еще до того как закипит вода в чайнике, она успеет записать на ее страницы ту историю о овцах, собаках и гробницах…

Часть вторая. Глава 5.

Засветло добраться до бурого пика Долра мы не успели.
Мрачная и чуть скошенная сверху громада, о которую разбивалось поле припавших к склонам облаков, показалось вдалеке одновременно с упавшими на землю последними лучами сегодняшнего солнца. Усталое светило медленно погружалось в пуховую облачную перину и это было столь невероятное зрелище, что я почти не услышал недовольного приказа ведущего нас Часира, приказавшего внукам готовить ночлег.
Оранжевые, багровые и темные зеленые лучи тонущего в облаках солнца породили возможно удивительнейший в моей жизни закат. Замерев как один из лежащих вокруг валунов, я погрузился в созерцание и простоял так долго… так долго, что за моей спиной уже успех вспыхнуть костерок, а на вечернем ветру затрепетал плотный шерстяной полог, что не пропускал ни капли воды. Очнувшись, я чуть смущенно растер лицо ладонями, повернулся и… удивленно моргнул, увидев стоящую рядом сильгу, что не сводила глаза с уже потемневшего неба.
— Красиво… — обронила она, когда угас последний изумрудный луч уснувшего солнца — И страшно… что, если однажды солнце не проснется снова?
— Однажды случится и такое, если верить мрачным сумасшедшим предвестникам, что с приходом первых морозов начинают бродить по дорогам — тихо ответил я — Они безумны… но от их слов порой бросает в дрожь…
— Страшно — повторила Анутта.
— Да — согласился я — Страшно. И потому восходы всегда прекрасней закатов.
— Так же как рождение новой жизни всегда прекрасней смерти старой? — умело поддержала она эту игру.
— И как помилование куда прекрасней последнего удара палача — не остался я в долгу и, не желая продолжать эту излишне сложную беседу, предложил — Выпьем чая? Я прихватил с собой долинный травяной сбор. Там немного, но хватит на всех.
— Выпьем…
— А вот сытного ужина не предвидится — сокрушенно вздохнул я — Мы должны были вернуться в дом Часира еще засветло…
— Дорога сильги редко бывает сытной и теплой, палач Рург. Я привыкшая.
— Что ж, сильга Анутта с двумя «Т» — улыбнулся я — Кое-что нам все же перепадет — внуки Часира помимо псов не забыли прихватить немного съестного… Ты когда-нибудь пробовала мясо, запеченное по горским обычаям?

— Нет… но почему-то очень хочется попробовать…
— Его надо есть горячим и запивать мелкими глотками красного сладкого вина… но даже без сладкого вина, уже вчерашнее и небрежно подогретое над пламенем костра оно не оставит равнодушным даже самого искушенного едока — пообещал я.
— Прекрасный закат, удивительное по мрачности и гордости место, плывущие у ног облака и разогретое на пламени костра вчерашнее мясо… Порой я ненавижу свою жизнь, палач Рург. А порой восторгаюсь ею… — ее искренняя улыбка заставила меня чуть пристальней вглядеться в ее лицо. Опомнившись, я отвел взгляд и, кашлянув, спросил:
— Насколько ты вымотана нелегкой дорогой?
— Не настолько, чтобы в очередной раз отказаться от нарушения всех обычаев и запретов сестринства сильг — рассмеялась девушка — Опять попросишь показать тебе пару наших движений с мечом?
— Да… Завтра нас ждет изнурительный путь и посему не попрошу о многом. И…
— И?
— Не доверишь ли ты мне свой кинжал на весь завтрашний день? — спросил я — Не знаю по чьему следу мы идем, но самое малое один кхтун там есть… и судя по твоим словам это кхтун не простой…
— Мерзкая зловредная тварь! — выплюнула девушка.
— Обычное оружие против этих существ…
— Можешь не продолжать, палач Рург. Я доверю тебе свой кинжал — ее рука коснулась моей — И я благодарна, что ты продолжаешь шагать со мной по этой тропе. Что ж! Ужин ждет!
Убрав руку, она зашагала на свет костра, а я, чуть постояв в темноте, последовал за ней, вглядываясь в стройный темный силуэт.
* * *
Пик Долра встретил нас равнодушно. Даже в почти полуденное время он казался погруженным в ночную темень и трудно было понять откуда берутся подобные мысли — быть может мне это чудится по той причине, что мы оказались в его укоротившей стылой тени?
Осторожно следуя за проводниками, ведя лошадей в поводу, мы медленно двигались по каменному хаосу, коим был окружен гордый заснеженный пик. Хрустел снег и под ногами, изредка коварно взблескивал синеватый подлый лед и тогда я делал шаг пошире, переступая опасность. Как и водится в горах, казалось, что мы шагаем на месте, но с каждым новым десятком шагов громада скалы становилась чуть ближе, превращаясь в высокую стену. Дух захватывают даже у проходящего мимо… а если кто вздумает взобраться на вершину? Покорялась ли эта гора человеку?
Вскоре льда стало так много, что пришлось изрядно петлять, дабы не искалечить лошадей на этих страшных ледяных проплешинах с каменными острыми шипами. Страшно даже не упасть — страшно быть насаженным на такую вот каменную длинную иглу… Насмешливо взвывающий ветер швырялся пригоршнями снегами в наши лица, что не добавляло радости. Но мы продолжали упорно шагать. Лишь раз я оглянулся на идущую за мной девушку, но стоило мне увидеть ее нахмуренные брови и упрямо сжатые губы, вопрос о том не устала ли она застыл у меня на губах и остался невысказанным. Да… она действительно умеет преодолевать трудности походной жизни. Она будет шагать пока не упадет или пока эта погоня наконец не закончится…
Погоня…
Погоня ли?
Нет. Не думаю. Да и никто из нас так не думает. Родовую гробницу осквернили много дней назад. За утро мы не наткнулись на новые следы и продолжили путь лишь благодаря скупому вескому слову Часира — когда бы они здесь не прошли им придется пройти Йоknукхуром. Искренне говоря, я не был уверен, что расслышал правильно, но мне хватило той уверенности, что звучала в словах старого горца.
А еще через пол лиги извилистого выматывающего пути, мы уперлись в то, что бесстрашно вставший на самом краю Часир назвал удивительно просто — река Жамгр. Вслушавшись в очень далекий, но все же знакомый рокот, я сделал осторожный шаг и встал бок о бок со стариком, чьего сына я убил. У носков моих мокрых сапог начиналась рокочущая бездна…
Ущелье? Нет. И да. Но вернее назвать это старым руслом. Изогнутое длинной дугой узкое русло, чья глубина была неимоверна. До противоположного края вроде как рукой подать, но это впечатление обманчиво — тут никак не меньше двадцати локтей. Не перепрыгнуть. Не спуститься и не взобраться по обледенелым и будто бы вылизанным гладким скальным стенам.
— Жамгр — повторил Часир и указал вниз — Голодная река.

На далеком дне узкого русла шумела узкая быстрая река. Мелькали тащимые ей камни и куски льда, что разбивались о выступающие бугры. То и дело река раздваивалась, а то и расстраивалась, чтобы оббежать особо крупные препятствия на своем пути, что несли на своих каменных боках глубокие трещины и сколы — речные воды безжалостны. Рано или поздно они проточат себе путь. Как вон там, где над водой виднелись каменные уродливые арки. Река пробила себе путь сквозь них…
— По нашим легендам раньше это была вечно голодная змея Жамгр, что никак не могла насытиться. В те времена день был короток, а ночи длинны. Змея охотилась лишь ночью, преследуя последних выживших жалких людишек. Последнее племя беглецов… Жамгр настигала… и каждую ночью пожирала еще нескольких беглецов. Сюда, к подножию Трорна добрались жалкие десятки из некогда великого племени. И это спасло их — Жамгр не понравился здешний холод, что замедлил ее движения. Но она продолжила преследование пока особо лютый мороз не сковал ее гигантское серебристое тело… Она замерла в неподвижности, уставив перед собой поблескивающие черные глаза… в них и вонзились копья отважных воинов, что ослепили злобную тварь. Вскинувшись, изогнувшись, ударив, она убила храбрецов, но умерли с улыбками радости, зная, что ослепшей змее будет нелегко отыскать свои жертвы. Они не ошиблись. Жамгр так страдала от страшных ран, что попыталась найти укрытие в кане. Ударив всем телом, она выбила себе глубокое ложе и затихла в нем. Ложе оказалось ее могилой… последовавшие зимние морозы убили чудовище и превратили его тело в огромный кусок льда, что растаял с приходом последнего месяца следующего лета…
— Я запишу эту легенду — сильга не решилась подойти к самому краю, оставшись позади меня и, смешно вытянув шею, пытаясь заглянуть в глубину русла — Но разве это не сказка?
— Для нас — не сказка — беззлобно ответил Часир, взглянув на девушку с неожиданной симпатией — Я часто рассказывал ее сыновьям и внукам. Наши предания гласят, что прежде Жамгр была человеком. Женщиной. Той, кому всего было мало. Той, что никак не могла насытиться. Из-за своей ненасытности она обратилась в огромную злобную змею, что принялась преследовать и пожирать собственный народ. Горы спасли наших предков. И мы, их потомки, остались в этих горах и пронесли сквозь поколения мудрость о том, чем опасна ненасытность.
— Вот! — неожиданно воскликнула сильга — Я вспомнила! Я уже слышала это имя — Жамгр! Слышала?… Нет! Я читала о нем в старых хрониках!
— Расскажешь? — попросил я, глядя в пенящуюся вокруг темных камней воду внизу.
— Расскажу. Но история… не из приятных.
— Другого и не ожидал — вздохнул я и повернулся к внимательно слушавшему Часиру — Спасибо за историю, добрый Часир. И за мудрость.
— Есть и еще одна мудрость, в которую неистово верил мой дед… ей же во многом придерживался и мой отец…
— А ты?
— Я? Что ж… времена меняются, Рург. Меняются и люди. Я… я не знаю. Но у меня есть причины верить в эту мудрость… Старая горская мудрость гласит — из долин внизу приходит лишь ненасытное зло.
Мысленно повторив эти нелестные слова, я пожал плечами, отчего с плеч куртки сорвались снежные хлопья и признался:
— Не ожидал…
— Не обижайся, Рург. Как я и говорил — времена меняются. Отныне к Трорну ведут не узкие тропки, а широкие торговые пути… люди гор и долин отныне живут бок о бок…
— Алый Король Аршах Безжалостный — тихо произнесла сильга, сделав крохотный шажок вперед.
Тревожно глянув на окаменевшее лицо Часира — вот уж какого долинного короля не следовало поминать в этом месте — я пробормотал:
— Горцы не любят вспоминать о…
— Пусть продолжит! — оборвал меня старый горец.
— Отродье Жамгр — вот как называли его горцы в те времена — ответила Анутта — Так записано в сестринских хрониках тех лет.
Часир тяжело кивнул:
— Да. Проклятый отпрыск Жамгр… кровь от крови ее…
— Нам надо идти дальше — напомнил я, отступая от края глубокого ущелья — Эта река тянется до самого пика?
— И уходит выше — неохотно ответил мне один из молодых горцев, упорно не глядя мне в лицо — Реку Жамгр можно пройти только Йокнукхуром — повернувшись, он вытянул руку и уставил ее в сторону нависшего над нами пика.

Вглядевшись, я невольно ахнул и подался вперед всем телом. Глаза обманывают меня? Да нет же… рядом раздалось потрясенное оханье сильги, ее пальцы с силой стиснули мое запястье:
— Ледяной сказочный мост! — выдохнула она — Настоящий!
— Да уж — невольно признал я — Сказочный мост…
Почти у самой скалы глубокое русло пересекал белоснежный арочный мост. Ледяные шипы, колонны и огромные сосульки служили ему лучшим украшением, а сам он был настолько высок, что выглядел слишком крутым даже для пеших путников. Да… вот такие мосты рисуются умелыми художниками в старых сказках… а еще в этих сказках говорится, что пересекшие такой мост окажутся в другом мире и никогда боле не вернутся назад…
По въевшейся привычке я то и дело оглядывался и заметил потрясенные лица молодых горцев. Они здесь впервые. И увиденное поразило их столь сильно, что они не сумели сдержать рвущегося наружу восторга и… суеверного ужаса. Заметив страх в глазах самого молодого, я сразу вспомнил, что этот мост ведет к бурому скальному пику, в чьем чреве погребены те, кто был жестоко замучен назад. Многие боятся гнева мертвых, забывая, что бояться следует подлости живых…
Жестоко замученные… эти слова опять всплыли в моем разуме, и я тревожно повернулся к стоящей рядом сильге, но с моих губ не сорвалось ни звука — я снова прочел в чужих глазах все ответы. Она помнила, знала и боялась. Ее пальцы нервно стиснули рукоять меча, она сделала крохотный шажок в сторону моста, в то же время подаваясь назад верхней частью тела назад.
Если верно утверждение, что души жестоко пытаемых до самой смерти несчастных обращаются в нечто злобное и потустороннее… то сколько же кхтунов может оказаться в той уже древней гробнице?
* * *
Они придержали лошадей и отстали.
Сначала я не понял. Перестав слышать стук копыт, я в недоумении оглянулся и увидел всех своих спутников в десятке шагов позади меня. Все они такие разные, жители гор и долинная сильга, смотрели на меня с удивительно одинаковым выражением лиц. Легкое ожидание, снова немного суеверного страха, беспокойство и… какое-то детское нетерпение.
Удивленно моргнув, я глянул вперед, но не увидел ничего нового. Моя лошадь в шаге от того, чтобы ступить на покрытый снегом высеченный и украшенный самой природой великолепный арочный мост. Вблизи пересекающая глубокое ущелье путеводная нить оказалась куда шире и прочнее, чем казалось издалека. Тут пройдет и солидная повозка, а проглядывающий сквозь снег и лед мрачный камень выглядел прочным и нерушимым. И… проклятье…
— Да быть не может! — вырвалось у меня, и я рывком обернулся — Быть не может!
Сильга поспешно отвернулась, но продолжила смотреть на меня искоса. Старый Часир поднял глаза к проплывающему над самой головой серому плотному облаку, глядя на него с таким удивлением, словно видел в первый раз. Его внуки уставились вниз, с предельным вниманием изучая оставленные моей лошадью следы, будто надеясь прочесть в них что-то сокровенное…
— Быть не может! — повторил я и… громко рассмеялся.
Перекаты моего смеха отразились от моста и стена ущелья, дробным эхом разлетевшись в разные стороны. Отсмеявшись, я глянул на смущенную сильгу, что прятала лицо в капюшоне и укоризненно покачал головой:
— Даже ты? Веришь в эту глупую байку?
Кашлянув, девушка в еще большем смущении взглянула прямо на меня:
— Ну… обыкновенно я не верю… но мост такой сказочный, как и все вокруг…
— Ну да — буркнул я, отворачиваясь и пришпоривая коня — Ну люди…
Неискоренимое глупое суеверие! А ведь в юности и я верил в эту глупость…
Палачи и мосты.
Мы, палачи, чем больше пытаем и убиваем, тем тяжелее становятся наши грехи. Этот незримый груз тянет палачей вниз — в огненную тьму Раффадулла. И если милосердная земля нас еще как-то держит — хотя по слухам особо матерые палачи порой вязнут и в ней. А вот мосты… мосты тяжести грехов мерзких не выдерживаю и рушатся. И коли верить этой байке, то за минувшие века палачи порушили чуть ли не сотни мостов, рухнув вместе с ними на дно ущелий или в речные воды, заодно утянув с собой на тот свет тех несчастных бедолаг, кого угораздило оказаться на мосту в то же время…
Темные крестьяне верят в эту историю всей душой. Не переубедишь — а я пытался. Помню, как несколько лет назад дурным зайцем прыгал посреди одного из подгнивших мостов, что вел через узкую речушку. Устал прыгать, а переубедить не сумел. И

поторопился прочь, когда услышал под собой влажный хруст. Потом уже, дней через восемь, сидя на заднем дворе одного из трактиров, услышал, что тот мост рухнул спустя полдня после моего ухода. Что только укрепило веру в старую байку…
Но ведь все знают откуда эта дурацкая легенда берет свой исток — древним королевским указом палачам запрещено ступать на любой из трех знаменитых мостов, что ведут к королевскому дворцу. Сам дворец высится на расположенном посреди столицы озере и попасть в него можно только с помощью одного из мостов — по еще более древнему указу никто не смеет осквернять чистейшие озерные воды ни собой, ни лодкой али плотом. Так королевская династия избавила себя от угрозы посещения таких грешников как палачи. Благодаря тому указу родилась еще одна легенда, что гласит о некоем приговоренном узнике королевских кровей, что заключен в глубоких дворцовых подвалах…
— Оф! — на горский манер выдохнул я и одновременно с этим уставший конь сделал первый шаг на звоном отозвавшийся мост.
Еще шаг… и еще…
Тяжелый нерукотворный мост даже не заметил такой мелкой песчинки как замерший палач на усталой лошади. Подкованные должным образом копыта не скользили на льду, и я неспешно пересекал мост, вскоре оказавшись на его середине и над бездной. Здесь я ненадолго замер, вглядываясь в далекую воду, что злобно ревела глубоко внизу. Сапогом я задел несколько вздымающихся ледяных шипов и… они со звоном и треском завалились, полетев вниз и увлекая за собой лес сосулек. Затрещавший раскалывающимся льдом мост окутался белым облаком снежной искристой пыли, накрывая меня морозным колким выдохом…
— Рург! — испуганный крик сильги резанул уши, я в испуге оглянулся и… рассмеялся, увидев ужас на ее лице.
Вытаращенные глаза, округленный в крике рот, сдернутый на плечи капюшон и взметнувшиеся на ветру вплетенные в волосы красные нити. Опомнившись, Анутта сердито сжала губы, послала лошадь вперед и мрачно заявила:
— Глупая детская шутка!
— Да я и не…
— Не пристало взрослому мужу такое!
— Да я и не — попытался я снова, но… понял, что это столь же бессмысленно, как пытаться разуверить темных селян в том, что под грешными палачами рушатся мосты и обреченно махнул рукой.
Зло фыркавшая сильга — как есть разозленная кошка — поравнялась со мной и чуть подала лошадь в сторону, пропуская спешащих обогнать нас молодых горцев. Ох уж эти гордые мужчины, что не позволят женщине хоть в чем-то превзойти их — особенно в храбрости…
Опять рассмеявшись — неужто я когда-то был таким же юнцом, стремящимся что-то доказать? — я подбодрил лошадь мягким толчком пятки в бок, обгоняя сильгу и пристраиваясь за горцами.
— Какова красота — выдохнул я, с высоты моста глядя на пугающее, но все же невероятное горное приволье.
Все выглядит так, будто райские горные луга Светлой Лоссы совсем рядом — может во за той светлой облачной стеной, что клубится на краю каменистого плато? И попав туда волей случая еще при жизни — не удастся ли там задержаться? Или светлая облачная муть не пропустит такого грешника как я? Мягко оттолкнет или даже жестоко отшвырнет грязного палача прочь и…
— Кто?! — звонкий перепуганный крик сильги ударил меня в спину, и я сам не понял, как меч с красной рукоятью оказался у меня в руке. Не передать сколько силы и испуганной ярости звучало в ее голосе, что тут же повторил требовательный окрик — Кто?! Явись! А вы — назад! Назад!
Молодые горцы натянули поводья, обернулись в удивлении… и крайний левый вдруг упал. И то, как он упал, обмякнув, соскользнув бесшумно и гибельно как лед с края крыши, головой вниз, заставило меня сначала пригнуться и пришпорить лошадь и лишь затем тревожно и хрипло закричать — вдруг испугаю или собью с шага невидимого врага. А враг был. И через миг я увидел ее.
Она будто вытекла на мост, настолько бесшумной и грациозной она была. Белоснежная огромная кошка с пышной сероватой гривой и мерцающими янтарными глазами с кровавым отливом. Приоткрыв пасть, она явила нашим оторопелым взглядам десятки прозрачных длинных клыков и черный зев. Вырвавшийся из пасти тихий презрительный рык говорил о многом — пред нами стоял грозный сильный хищник, что не привык бояться.
Что это за тварь?
Никогда в жизни я не видывал ничего подобного…

А через мгновение стало ясно, что я вообще ничего не видел в этой жизни — когда густая грива вдруг шевельнулась и среди серой шерсти мелькнуло что-то юркое… Я завалился в сторону, успев выпростать ногу из стремени. И отмахнулся мечом. Лезвие с гулом разрезало стылый воздух и коротко прозвенело, когда столь же холодный металл столкнулся с чем-то… полетевшим в мою сторону. Извернувшись, я спрыгнул и с криком рванулся вперед.
— Рург! Не мечом! — крикнула сильга, что успела, как и я упасть с лошади и теперь пряталась за ее крупом — Глаза! Прикрой себе глаза рукой! Смотри меж пальцев! А вы — назад!
Что за чушь?!
Но я послушался. Перепрыгнув что-то вяло ворочающееся на льду, оскальзываясь, чудом не падая, я швырнул вперед меч и высвободившейся ладонью прикрыл глаза так, как их прикрывают от слишком яркого света. Выхватывая тот особенный кинжал, я весь сжался, ожидая, что сейчас в меня с силой вонзится нечто… незнамо что… что могло прыгнуть из гривы невиданной кошки с янтарными глазами? Но злобный недовольный рык был единственным, что ударил в меня, пока я, прыгая из стороны в сторону, бежал на врага.
Кошка не отступила. В два раза крупнее андорманской рыси, кошка даже не двинулась с места, а у ее левой передней лапы лежал мой меч с красной рукоятью. Я не промахнулся, но на густой белой шерсти ни кровинки…
— Не смотри на нее долго! Украдкой!
Судя по крику, сильга была уже куда ближе. А я… я просто прыгнул вперед, выставив перед собой выхваченный из ножен обычный нож, а кинжал держа у бока. Обычная обманная трактирная и почти разбойничья уловка. Такую используют против подвыпивших дуралеев, но никак не против обычного зверя.
Кошка не шелохнулась, приняв удар ножом словно бы насмешливо подставленной шеей. И моя рука натолкнулась будто бы на каменную стену! Запястье ожгло болью. Нож едва не вывернуло из рук. А тварь даже не двинулась! И зарычала мне прямо в лицо, сверкнув янтарными глазищами… Смутное движение ее правой лапы я заметил лишь краем глаза. Дернулся. Но оскользнулся и правое плечо пронзило огненной болью. Выскочивший откуда-то Часир, тоже замеченный мной лишь мельком, с утробным воем потерявшего все человека опустил на голову кошки короткий топорик с изогнутой рукоятью. Удар был сильным. Но лезвие отскочило от головы зверя и лишь ухо с кисточкой недовольно дернулось. Шевельнулось мохнатое плечо, скрежетнули когти задних лап, приоткрылась шире черная пасть и… я не успевал… я знал, что не успею. Но тварь вдруг вздрогнула, жалобно мяукнув, припала ко льду, прижав уши… и я коротким ударом вбил кинжал по самую рукоять в правый чуть прищуренный глаз. Вбил и… уже ничего не понял, просто куда-то летя, смотря в сереющее небо и чувствуя, как по груди расползается смертный холод. Удара о лед я уже не почувствовал. Как и прикосновения льда к щеке. Сквозь пар собственного дыхания я, безвольно распластавшись на мосту, смотрел на три распростертых черных силуэта на мосту, сбившихся в кучу лошадей и бегущую мимо меня сильгу с развевающимися волосами и с мечом в руках. Звук удара металла о плоть — обычный и мерзкий звук, когда отточенная сталь, как ей и положено, плоть все же разрезает, а не отскакивает — удивительным образом успокоил меня. Равно как и прерывистый жалобный кошачий вой, что последовал за этим ударом. Успокоено улыбнувшись, я прекратил попытки шевельнуться и спокойно затих, мысленно отмечая, что все еще слышу частые удары, а где-то совсем уж далеко по-бабьи причитает старый Часир, склонившийся над своими внуками.
— Да живы они! — несмотря на затухающее сознание, я на миг очнулся, удивленно моргнул, скосив глаз на медленно краснеющий подо мной снег. Кричала сильга и судя по крику она была вне себя от злости — Помоги Ругу! Уйми ему кровь, старый ты дурак! Внуки очнутся от яда!
Яда… какого яда?…
Темнота, будто смилостивившись наконец, махнула вороньим крылом и забрала у меня зрение, а затем и остатки потухших углей сознания…
Что ж… вот, похоже и все… но я ни о чем не…
* * *
— Рург! — к моему пылающему лбу прижалась до блаженства прохладная тонкая ладонь
— Рург…
Все еще витая в медленно светлеющей темноте, я вяло шевельнул губами, попытался выговорить пару слов, но изо рта не вырвалось ни звука.
— Все хорошо… ты жив… яд уже покидает твое тело, Рург. Все будет хорошо.
Я попытался еще раз. И на этот раз преуспел, сумев выдавить жалкий хрип. Зато перед глазами посветлело настолько, что я смог разглядеть склонившийся надо мной серый

силуэт. Это послужило толчком и зрение начало стремительно возвращаться. И вот ведь что удивительно — сначала все стало четче и лишь затем ко мне вернулись цвета. Посему я сначала увидел скорбный черный силуэт Анутты надо мной и лишь сплошную белизну вокруг, запоздало поняв, что все еще лежу на мосту, но уже на чем-то мягком.
— Горцы… — выдохнул я — Часир…
— Все живы — успокоено улыбнулась Анутта и убрала скользнувшую по моей щеке руку
— И ты жив, Рург… Светлая Лосса… нам повстречался шанор… всамделишний шанор…
— Кошка… белая кошка…
— Выпей еще хотя бы один глоток… — девушка помогла мне приподнять голову.
К моим губам прижался край деревянной чашки. Я сделал глоток и меня перекривило от разлившейся во рту ужасной горечи. Скосив глаза, я глянул на густую черную жижу на дне чашки и, пересилив себя, сделал еще один большой глоток. Заполнившая рот горечь вяжущим комом с трудом прошла через глотку дальше и колючим шаром упало во встревоженно заворочавшийся желудок. И… я почувствовал, как к ногам возвращается тепло, их будто покалывало и вскоре это ощущение перебралось на спину и вгрызлось в мой хребет.
— Белая кошка — упрямо повторил я.
— Шанор мертв. Как и его тмеллы.
— Ты…
— Ты нанес смертельный удар.
— Она бы достала меня до удара… — возразил я, с радостью чувствуя, как ко мне возвращаются все остальные чувства — включая жгучую боль в груди и плече.
— Я успела сказать слово и поймать мечом луч солнца — отозвалась Анутта и, приподняв лежащий рядом с ней меч с черными брызгами на лезвии, добавила — Если бы он повстречался нам ночью… нас бы ничто не спасло… Но шаноров не существует! Уже несколько веков они лишь легенда! Мертвая страшилка из древних книг… нас заставляли заучивать каждую страницу и только потому я поняла кто встретился нам…
— Черное на твоем мече…
— Кровь шанора.
— А в чаше… горькое, кислое и соленое разом…
— Кровь шанора — безмятежно повторила Анутта и, пожав плечами, развела руками — Лучшего противоядия от укусов тмеллов не существует. Ведь эти крылатые кровососы денно и нощно пьют его кровь…
Опустив одну руку, она повела ей над льдом и снова приподняла. В ее пальцах покачивалась зажатая серая… змея? Может и змея, если только эти гады успели научиться отращивать кожистые крылья…
— Ты кричала про глаза… — вспомнил я.
— Шанора называют ловцом чужих взглядов. Стоит ему поймать глазами и ненадолго удержать твой взгляд… этого достаточно, чтобы тмеллы знали куда лететь и кого жалить. Они жадны до крови.
— Такой красивый… — выдохнул я, вытягиваясь на одеяле — И такой мерзкий…
— Главное мы живы. Все живы… Полежи спокойно, Рург. Я должна заняться твоими ранами.
— Расскажи о шаноре — попросил я, прикрывая глаза.
— Полежи спокойно!
— Прошу… расскажи…
— Позже — воспротивилась сильга — Позже. Все равно тебя сейчас сморит. Ведь кровь шанора тоже ядовита… а я не уверена сколько ее можно было тебе испить… Уже вижу черный румянец на твоих щеках…
— Проклятье…
— Спи, Рург… спи…

Часть вторая. Глава шестая.

Проснувшись, еще не открыв глаза, первое что я почувствовал так это голодный холод. Одно из самых ненавидимых мной ощущений. А теперь ко всему этому еще добавилась ноющая боль.
Любому зимнему путешественнику, идет он пешим или же покачивается в седле, и без того приходится несладко. Особенно его злая зима вдруг решит усилить свою убийственную стужу. Но даже мороз можно преодолеть, когда живот полон сытной доброй едой. А вот

если ты проголодался, а седельная сумка с припасами пуста… тогда начинается голодный холод, что сначала обжигает и колотит как снаружи так и изнутри, тычет тебе под и без того подламывающиеся колени, толкает в спину на спусках, а затем, коли ты не сдаешься, начнет нашептывать в побелевшие от мороза уши — остановись ненадолго, привались во к тому дереву, соберись с силами… И коли прислушаешься к сему шепотку… то найдут твое мертвое тело лишь с приходом тепла, когда растает снег и подсохшими тропами вновь двинутся люди. Я уже сталкивался с подобным… Мне приходилось и самому преодолевать такое и находить тех, кому преодолеть не удалось, и они сдались, навеки скрючившись под еловыми стволами. Наученный горьким опытом с тех пор всегда вожу в собой солидный запас съестного. Вот только в этот раз та седельная сумка осталась в доме старого Часира… Да уж… насколько бы великой ни была усвоенная жизненная мудрость, однажды все найдется причина не следовать ей… и сразу же придется пожалеть о столь глупом поступке. Я бы не отказался сейчас похрустеть подсоленным ржаным сухарем…
Выдохнув, стиснув зубы, с силой прижав язык к зубам — дабы не возопить позорно в случае чего — я медленно и осторожно шевельнул рукой. Боль тут же усилилась и… снова успокоилась. Она как бы предупреждала — не играй со мной, глупец. Лежи смирно, коли не хочешь познать моего гнева… Но я смирно лежать не стал. Шевельнулся еще раз, оперся о локти и ме-е-е-едленно начал садиться. Задумка удалась, а боль осталась терпимой.
Здоровой рукой придержав укутывающий меня плащ, я неспешно огляделся, в то время как рука искала оружие и не находила. Накатило недовольство, но тут пальцы наткнулись на рукоять меча, а следом и на убранный в ножны кинжал.
Умна… она умна и опытна несмотря на молодость. В ее годы я был побеспечней и поглупей, хотя не стану в сем признаваться.
И она… где?
Ведя головой, я по очереди углядел сначала порознь привязанных к валунам лошадей, что жадно поедали брошенные перед ними охапочки синеватой диковинной травы. Чуть поодаль, под одеялом и плащом, лежали три прижавшиеся друг к другу тела. Лиц я не видел, но вспомнив недавнее, решил, что это, как и я познавшие яд шанура молодые горцы. Как же быстро все случилось… если бы не сильга с ее знаниями…
Сама Анутта, закутанная в плащ и одеяло, сидя клевала носом рядом со спящими.
А где же Часир?
Я не сразу разглядел крохотную черную фигурку на белом склоне внизу. Обходя камни, Часир то и дело нагибался, тыкал и рыл посохом, что-то с силой выдергивал. Ясно. Вот откуда те жалкие на вид, но столь необходимые охапки травы. В здешних местах даже привычные к холоду лошади быстро обессилят без еды. А им еще нести нас через мост и дальше… или мы уже по ту сторону пробитого рекой Жамгр ущелья?
Голодная река… и меня терзает волчий голод. Быть может, те горские сказки не выдумка? И вечный голод Жамгра передался и мне?
Подобрав ноги, я поднялся. Ноги слушались. Опять усевшись, я убрал кинжал за пояс, подобрал меч и снова поднялся. Глаза скользнули по светлеющему небу. Похоже, мы переночевали и сейчас раннее утро. Принюхавшись к всколыхнутому порывом ветра плащу, я недоуменно моргнул — от него исходил чужой запах. Легкий аромат цветов, хвои и еще чего-то травяного… и я знал, кому принадлежит этот запах… но почему он исходит от изнанки прикрывавшего меня ночью плаща?
Сделав первый неуверенный шаг, я взбодрился успехом и двинулся дальше. Снег громко хрустел под сапогами. Сильга вздрогнула, но не пробудилась. Решила, что вернулся Часир.
— Как все плохо? — мягко и тихо спросил я еще издали, чтобы не напугать.
Не помогло…
— Ох! — подскочив, сильга не удержала равновесия и упала на бок. Завозив руками под плащом, попыталась что-то нащупать, не преуспела, перевалилась на спину и… очнувшись, открыла глаза и уставилась на меня перепуганными сонными глазищами.
— Доброе утро, госпожа Анутта — улыбнулся я.
Злость. Радость. Еще больше злости… и невероятной силы облегчение. Все эти чувства промелькнули на ее лице, прежде чем она подскочила и качнулась ко мне. Упал на снег соскользнувший плащ, а она остановилась лишь в шаге.
— Проснулся!
— Проснулся — согласился я, делая шаг вперед и медленно нагибаясь. Подняв плащ, выпрямился и накинул его ей на плечи, одновременно ощущая, как сжались тугие повязки на моих ранах. А еще я ощутил поплывший по воздуху все тот же травяной и цветочный аромат, что исходил от сильги — Ты справилась, госпожа Анутта… ты справилась…
— Если бы не ты…
— Я хотел сказать ровно то же самое — широко улыбнулся я, поправляя плащ на ее плечах
— Холодно…

— Холодно — признала она и с трудом уняла побежавшую по лицу дрожь озноба — Ночь была нелегкой…
Черные тени под ее глазами говорили о многом. Как и жесткая складка между бровей. Отступив, она плотнее закуталась в плащ, вернула лицу непроницаемое выражение и шагнула к лежащим горцам:
— А они еще в забытье. Ты удивителен, палач Рург…
— Почему же?
— Вчера у меня было время вспомнить все, что я знала о мифических шанурах. И первое что вспомнилось — их яд не так-то просто извести. Сонная отрава бродит и бродит по крови несчастных. Чтобы перебороть яд требуется не меньше двух дней. Обычно же укушенные мечутся в сонном бреду не меньше трех, а то и четырех дней. Некоторые спят неделю… другие не пробуждаются никогда — сильга бросила тревожный взгляд на недвижимые тела юнцов.
— Но противоядие…
— Нет всесильных эликсиров, Рург… — испустив тяжелый вздох, он грустно покачала головой — Такова жизнь. Они молоды и сильны. Я верю, что они пробудятся. А пока продолжаю давать им по капле крови шанура.
— Кровь не замерзла?
— Замерзла — она перевела взгляд на мост за моей спиной — Но я успела собрать достаточно и держу склянку под одеждой.
Кивнув, я успокаивающе улыбнулся девушке, буквально ощущая, насколько сильны исходящие от нее тревога и страх. Анутта боялась не за себя — хотя тоже была юна. Она взвалила на себя переживания за чужие жизни. В том числе и за мою. И хорошо, что я проснулся и этим хоть немного облегчил груз на ее душе.
Наклонившись над юношами, приподняв плащ, я глянул на их лица и задумчиво нахмурился. Мне пришлось за свою жизнь увидеть немало умирающих лиц. Я научился загодя подмечать проступающую на челе печать смерти. Обычно первая черта наплывающей на лицо маски смерти — усталая безразличность ко всему. И здесь она была… у всех троих. Отрешенные застывшие лица… нет и шевеления глаз под веками. Но они дышат и это главное.
— Здесь они умрут — произнес я, поворачиваясь к сильге и одновременно приподнимая руку в приветственном жесте — для торопливо взбирающегося по склону Часира — Почему мы все еще здесь?
В моем голосе не было и капли укора. Я лишь спрашивал. И уловив это, сильга благодарно улыбнулась мне, хотя за миг до этого съежилась, будто ожидая словесного удара. Что же за жизнь у тебя, бродячая зеленоглазая кошка, раз ты вечно боишься внезапного удара?
— Я так и хотела — тихо произнесла она и сделала шажок ко мне, чтобы еще сильнее понизить голос и не позволить гуляющему ветру унести ее слова куда не надо — Поднять вас на лошадей. Привязать к седлам и потихоньку двинуться вниз мимо той гробницы…
— Но?
— Ты большой и тяжелый, Рург. Я одна не смогла поднять тебя на седло. Ни одна лошадь меня не послушалась и не улеглась… Я успела найти высокий камень и решила втащить тебя на него, а затем перетащить на вставшую рядом лошадь. Твои раны нельзя было сильно бередить — я с трудом уняла кровь. Но с остальными было бы проще — втащить веревками… и церемониться я бы особо не стала… Но пока я занималась ранами и одеялами, пока ловила лошадей, а затем разгребала снег… уже наступил вечер.
Я в недоумении качнул головой:
— Погоди… почему ты говоришь лишь про себя? Часир тоже был ранен?
— Нет… Не был.
— Он знает здешние места, и эти лошади подчиняются его воле… он бы…
Сделав еще крохотный шажок ко мне, она подалась вперед и почти коснулась губами моего уха, торопливо и смущенно зашептав:
— Вчера он… после того, как я дала им противоядие, он помог уложить их на одеяло, а затем сел рядом и… просто затих… я пыталась растормошить его, но…
— Но не отвечал и был ко всему безразличен — разом все поняв, вздохнул я — Проклятье…
Да. Такое случается со всеми. Даже с самыми сильными и повидавшими жизнь мужами. А он уже старик, что и так перенес немало горя. Вчерашнее душевное потрясение обездвижило старика. И его можно понять — вчера на его глазах разом упали с седел три внука. А до этого он увидел разграбленную гробницу и разбросанные останки любимой внучки…
— Он просидел так до самой ночи. Я с трудом заставила его улечься рядом с внуками… Но с утра он пришел в себя и… я так обрадовалась этому. Так обрадовалась…

Светлая Лосса…
Эта тощая девчонка оказалась одна-одинешенька высоко в горах, среди снега и льда. А на ее руках очутилось четверо раненых, впавший в горестный ступор старик, а к ним в придачу могущие разбежаться лошади и яки. Не говоря уже о завывающем ветре, трупе шанура на ледяном мосту, страхе за чужие жизни и пробирающимся сквозь одежду морозе…
Быть может, эта ночь была самой тяжелой в ее жизни…
Церемонно сложив руки у живота, я отступил и медленно поклонился удивленно заморгавшей сильге:
— Мой долг велик перед тобой, госпожа Анутта. Ты спасла мою жизнь. И жизни других тоже.
— До этого ты спас мою. Мы квиты, палач Рург — улыбнулась девушка и в ее глаза вернулись прежние искорки.
— Мой долг велик — упрямо повторил я, говоря чистую правду.
Поворачиваясь к почти подоспевшему Часиру, я тихо обронил:
— Выступаем немедленно. Если не спустимся в места потеплее и не раздобудем еды — умрем.
— Да…
— Дай им еще кр… лекарства — поправился я и провел языком по губам, что все еще несли на себе остатки черной горечи — А я сейчас…
— Ты…
— Хочу рассмотреть тут тварь — признался я, нащупывая рукоять кинжала — Она почти убила меня… Ее когти тоже ядовиты?
— О да. Весь шанур — это смертельный яд, Рург. От кончиков ушей и до самого хвоста. Как бы я хотела доставить тушу до обители сестринства… но туша разложится за считанные дни.
— Оставить здесь и закопать в снегу — предложил я.
— Плоть таких существ иная. Вся их природа иная. И мороз не остановит разложения этой плоти.
— Никак и ничто?
— Есть особые… жидкости… что помогают сохранить различных мелких существ. А в обители Сильгаллы есть пара особых страшных залов, где на полках расставлены стеклянные банки с ужасающим содержимым… В одной из таких я видела черное сердце шанура… Там же, в дубовой шкатулке, имелась россыпь прозрачных клыков белой кошки и несколько серых прядей с гривы…
— Они не…
— Они не подвержены разложению — кивнула девушка — И прежде они были весьма ценны…
— Чем? — удивленно хмыкнул я и кивнул вставшему рядом мрачному как смерть старику — Хотя их прозрачность…
— Деньгами, Рург — фыркнула еще чуть повеселевшая сильга — За клыки и шерсть шанура заплатят большие деньги. А за его сердце и другие внутренние органы отвалят полновесным золотом…
— Кто готов платить золото за внутренности мертвого зверя?
— Алхимики — ответила сильга, отходя и опускаясь рядом со смирно лежащими горцами — И те, кто пытается постигнуть волшебные материи… Но это запрещено сестринство сильг. Наказание сурово. Нам вдалбливали это с самых первых дней в обители.
— Наказание даже для меня? — уточнил я и сам удивился прозвучавшей в моем голосе деловитости.
На самом деле разговор я затягивал ради Часира, замечая, как с каждым пройденным мигом старик дышит все спокойней.
— Сильги наказывают сильг — тяжко вздохнула Анутта.
— Ну… я палач, а не сильга — улыбнулся я.
— Мне нужно еще немного времени. Я дам им по капле крови шанура и растертую травяную кашицу…
Кивнув, я вытянул руку и мягко положил ладонь на плечо старика:
— Мы пережили вчерашний день, добрый Часир. Да?
— Как же… как же сильно я подвел вас… — часто заморгавший Часир прижал ладонь к глазам и застыл.
Чуть сильнее сжав его плечо, я убрал руку и повторил:
— Мы пережили вчерашний день, добрый Часир. И лишь это важно. Пройдешься со мной до моста?

— Да… — бросив быстрый взгляд на внуков, старик решительно развернулся — Да… А затем мы отправимся вниз.
Мертвый зверь лежал там же. Тяжелая туша распласталась посреди маслянисто поблескивающего черного пятна на ослепительно белом льду. Сказочный ледяной мост опоганен этой мерзкой страшной кляксой и растерял изрядную часть своего невинного великолепия…
Первые странности я увидел еще за десяток шагов. Говорят, что у страха глаза велики. А я был испуган, когда понял, что обычное оружие не причиняет твари никакого вреда. Но не настолько же, чтобы мое воображение увеличило шанура больше, чем вдвое. А то, что лежало посреди черного пятна уже никак не выглядело огромной величавой рысью… Но подойдя ближе, я понял, что шанур… попросту растекается. Белая шерсть исчезла равно как и кожа. Обнажилась бурая плоть и угольно-черные кости хребта и ребер.
Распластавшаяся рысь — уж не знаю почему продолжаю так называть шанура — словно сплющилась и продолжала оседать как сугроб снега, что вдруг оказался под палящими солнечными лучами. Осела и голова, потеряв свою форму. Проступил черный череп, а вместо прекрасных янтарных глаз зияла пустота. Шанур разлагался прямо у меня на глазах и стали ясны слова сильги о трудностях с сохранением внутренних органов. Судя по вон той глубокой дыре в груди вместо внутренностей уже сплошной кисель…
Зловония не было. Ни намека на трупную вонь. Вместо этого я с изумлением ощущал густой цветочный аромат, запах палой листвы и тяжелый дух только что вспаханной плодородной земли на краю болота… Цветочный луг, осенний лес и подсыхающее болото… как необычно…
Ступать на черное пятно не хотелось. Вынув меч, я рукоятью ударил по паре ледяных колонн, с сожалением ломая природную красоту. Когда лед с грохотом обрушился, а сверху осел снег, я осторожно ступил на него и медленно присел, стараясь не шипеть от боли. Клыки…
Прозрачные страшные клыки остались нетронуты разложением. Черный череп провалился еще сильнее за считанные мгновения, часть клыков выпала, остальные медленно выпучивались из недавно столь несокрушимых челюстей. Кончиком ножа я принялся подхватывать клыки и бросать их на снег чуть поодаль, где они оставляли черные ядовитые кляксы.
Поняв, что там, где моя тень закрыла часть мертвой плоти, гниение словно чуть замедлилось, я, прищурившись, задумчиво глянул на солнце и вернулся к своему странному делу.
— Я подвел… — обронил стоящий за мной Часир — Старый глупец… я стал как женщина… нет мне прощения и…
— Нет — возразил я, достаточно невежливо перебивая и не давая старому горцу договорить — Тут не за что прощать. Дети… это дети, Часир. Кровь от крови, плоть от плоти. Да даже усыновленный и воспитанный — уже родной. Болезнь у одного уже вызывает тревогу… а тут трое почти разом упали замертво с седел. Я видел — и у меня у самого застыла кровь в жилах. Мне не понять того, что ощутил ты в тот миг…
— Жизнь кончилась — коротко ответил старик и медленно провел по лицу ладонью, глубоко вжимая кончики пальцев в кожу и оставляя глубокие белые полосы — В тот миг моя жизнь кончилась… Я побежал убивать убийцу моих внуков, зная, что следом и сам отправлюсь за ними… А потом… потом мне сказали… живы… я не поверил… проверил — да… живы… и дальше лишь серый сумрак перед глазами… Кто-то толкает, кричит в ухо, трясет… а я сижу и… и просто сижу… голова пуста…
— Да — кивнул я, продолжая цеплять ножом будто из стекла выточенные клыки и бросать их в снег — Тебе не в чем каяться, добрый Часир. Поверь мне — так случается… Тяжко быть отцом или дедом…
— У тебя есть дети?
— Нет — качнул я головой — Но я палач. Я убил много чужих детей и внуков. И каждый раз после казни я заглядывал в осиротевшие родительские глаза и… содрогался. Пусть приговоренный к смерти и заслужил такую участь… но отцу или матери от этого не легче.
— Когда ты упал… я думал не о тебе… не о госпоже сильге… нет… я думал о том, как возвращаюсь домой, ведя в поводу лошадей с привязанными к ним телам внуков… и как мне безмерно стыдно, что опять не уберег… как я не могу взглянуть в глаза встречающих… Почему я думал лишь о себе, Рург?
— Мы думаем обо всем разом — рассмеялся я — Мне так думается. Однажды меня пронзила стрела. Я упал и сначала подумал — кто?! А потом вдруг о своей первой любви, следом о недоеденной медовой булочке и наконец о новых неношеных сапогах — зачем покупал их, дурень? Еще через год меня подстрелили снова. На этот раз я был настороже и пытался подумать о чем-нибудь вечном… но на ум лишь лезло тревожное понимание, что я

уже шесть дней был в пути и с тех пор ни разу не мылся и не менял исподнее… так меня и найдут… не глупо ли? Ведь я уже буду мертв…
— Да уж…
— Но я выжил. И пришлось буреть от стыда, когда молодая дворовая служанка в одном из трактиров раздевала и омывала меня… По сию пору обхожу тот трактир за пять лиг… а жаль! Там готовят такую вкусную гороховую похлебку со свиными шкварками… очень дешево и так вкусно…
Часир неожиданно улыбнулся. Покачав головой, он коротко поклонился мне.
— Благодарю, Рург. Ты истинный друг.
— Я друг — согласился я — И всегда готов поделиться добычей. Поделим на три равные части? — мой нож указал на лежащие в почерневшему снегу клыки шанура.
— Ни я и никто из моего рода ни прикоснется ни к чему такому! — неожиданно сурово изрек Часир и с шумом сдул нечто невидимое с приставленных ко рту ладоней — Вандуарх! От некоторых вещей лучше держаться подальше…
— Трудно поспорить — вздохнул я, снимая с пояса почти пустой кошель. Вытряхнув в ладонь монеты, я ссыпал медь и серебро в карман куртки, а в кошель принялся перекидывать клыки, не забывая убедиться, что на ни на одном из них не осталось черной ядовитой скверны. Закончив, я поднялся, отступил назад и взглянул на расширившееся и посеревшее пятно — Шанур, а?… Иное существо… Ты когда-нибудь…
— Ничего такого на склонах Трорна отродясь не водилось… белая огромная рысь с янтарными глазами? Чудо из чудес… пока она не пошлет по твою душу убийц…
— Да — согласился я и, с неким сожалением оценив взглядом почему-то уцелевшую серую гриву, что превратилась в подобие залитого черной грязью мочало, решительно отвернулся — Думаю и я бы слыхал о таком диве…
— Она… оно… этот шанур… он показался мне не зверем, Рург. Я успел заглянуть в его глаза и увидел там не голод хищника, а… Не хочу и продолжать. Ты, пожалуй, решишь, что старик растерял последние крохи ума…
— Насмешка? — тихо-тихо спросил я и осекшийся Часир впился в меня пронзительным взором. Ветер взметнул его черный плащ, и старый горец опять стал похожим на хищную горную птицу.
— Насмешку — столь же тихо ответил он и торопливо оглянулся, будто боялся, что кто-то может услышать эти слова и поднять его на смех — Это невиданное порожденье тьмы… оно не вело себя как дикий зверь. Рычание — да. Но оно даже не двинулось с места, когда ты метнул меч! И не шелохнулось, видя мой удар… Этот шанур… он знал, что…
— Что мы ничего не можем ему сделать — завершил я его мысль — Да… я подумал о том же самом. Он словно тот глумливый мальчишка с моей улицы… Глупое сравнение, но сегодня я не способен на большее. Но тот мальчишка, что давно вырос, обзавелся немалой семьей, сварливейшей тещей, солидным пузом и нравом записного добряка, всегда любил поизмываться над нами… мы были меньше и слабее. А он толкал нас в грязь, а затем позволял ударить себя в живот или грудь, зная, что неумелый детский кулак не причинит вреда… и в его глазах светилась точно такая же насмешка… но Светлая Лосса мне свидетель — не пойму, почему мне привиделись детские годы и обиды…
— Что ж… если я и выжил из ума… то я не одинок — слабо улыбнулся Часир. Оглядев мост, он некоторое время вглядывался в серый туман внизу — нам предстояло в него окунуться и наконец кивнул с прежней уверенностью еще крепкого горца — Пора в путь… я хорошо знаю эти места и проведу нас самыми короткими тропами.
— И тайными — попросил я, следом пояснив — Пришло время задуматься о самом важном, добрый Часир… что такое невиданное существо как шанур делает высоко в безлюдных горах? На какую добычу он может здесь рассчитывать? Мифическая это тварь или нет — ему нужна добыча для пропитания. Что он добудет здесь?
— Здесь? — старик нарочито неспешно оглядел засыпанные снегом неприветливые склоны, глянул сквозь ажурную ледяную ограду моста на ревущее русло Голодной реки и уверенно ответил — Никакой добычи здесь быть не может, Рург. Изредка здесь проходят стада диких коз, а за ними следуют снежные барсы, но это случается в другое время года. А уж перед самым приходом зимы сюда не приходит никто…
— Я так и подумал — выдохнув зыбкий пар, я поежился, представив насколько холодно здесь будет зимой — Но шанур был здесь…
— И ждал нас в месте, которого не миновать — глухо отозвался Часир и зашагал вниз по мосту — Да, Рург. Ты прав… это не может быть случайностью…
* * *
Про поиск следов того негодяя, что разорил семейную гробницу и вызволил злого кхтуна не было и речи. Каждый из нас троих, кто мог сидеть в седле, вел в поводу лошадь с надежно привязанным к ней закутанным безвольным телом. Молодые горцы так и не

пришли в себя. Даже к полудню, когда мы, миновав мост, с выматывающей медлительностью спустились до подножия обледенелого склона и сумели не переломать ноги лошадям и якам. Спуск был длинным… и мы преодолели его молча, не сводя глаз с едущего впереди Часира, что то и дело спешивался, проверял ногой что-то невидимое под снегом, опять поднимался в седло… и так десятки раз. Потемневшее лицо старика пугало своей мрачной сосредоточенностью. Он хорошо понимал, что если мы угробим лошадей… то все станет в разы хуже.

После спуска стало ненадолго еще тяжелее — пришлось пробираться среди съехавших с горного склона камней и ледяных глыб. Это упокоившееся навеки месиво обросло ледяными шипами, под ногами то и дело встречались коварные скользкие наплывы, но мы справились. И уже выходя на пологую узкую долину, что упиралась в бурый пик впереди, один из яков все же угодил передним копытом в коварную щель. Бедное животное рухнуло и закричало совсем как человек, приподняв искалеченную ногу. Я молча спешился, вытаскивая нож. Но Часир опередил меня, ловко проскользнув мимо. Опустившись на колени, он ласково произнес пару гортанных слов и як затих, доверчиво опустив голову в снег. Прикрыв ладонью его слезящиеся глаза, старик помедлил и резко надавил на нож, вгоняя его в мохнатую шею. Животное дернулось, но горец сердито закричал и… як затих. Струя алой крови ударила в снег, затем забила частыми толчками… вскоре все было кончено. Но мы задержались еще ненадолго — я помог Часиру вырезать из туши солидный кусок мяса и завернуть его в обрывок шкуру. Затем мы продолжили путь и на этот раз я возглавил отряд, двигаясь почти по пояс в снегу, уминая, топча его. Сил хватило ненадолго и меня, взмокшего, с хрипом хватающего стылый воздух, сменил Часир, а я вернулся в седло, чувствуя, как по плечу и груди струится кровь из открывшихся ран. Ничего… ничего… Тревожно поглядывающей на меня сильге я ободряюще улыбнулся, надеясь, что моя улыбка не выглядит жалобным оскалом… Кровь — это пустяк. Главное, что я не лежу в беспамятстве…

Достигнув пика Пхэуг Долр мы не испытали никакой радости. Разве что тихое облегчение, что можно наконец ненадолго остановиться и отдохнуть. Первый добредший до пика Часир уперся ладонями в заиндевелый камень и надолго застыл так, опустив голову между вытянутых рук и что-то бормоча. Я постарался не заметить его трясущихся от обессиливания коленей. Часир уже стар и события последних дней изрядно подвычерпали его запас сил.

Выбравшись к месту, где некая могучая сила — ветер, конечно — вымела подчистую весь снег, обнажив истресканный камень, я вывел сюда же лошадей. Уморившиеся лошади — за полдня пути-то… опустили головы к самой земли и застыли покачиваясь. Поглядев на них, я принялся развязывать веревки — выбора нет. Нам придется здесь задержаться. Но без тепла и еды…

— Там… — оторвав одну ладонь от камня, Часир указал ею в сторону — Там, Рург… посмотри там… у белого камня.

Ничего не поняв, я кивнул и побрел в ту сторону. Шаг… другой… я свернул, обходя изгиб мрачного пика и… замер, поняв, на что указывал старый горец.

Пещера. Некогда пещера, а теперь общая могила для запытанных до смерти. Здешний народ чтил суровость и неприветливость гор. Явившиеся сюда мастера не стали менять облик скалы, а лишь едва-едва поработали резцами. Но результат был удивителен — наметки на резные колонны, что наполовину выступали из скалы, высокий порог… Единственное что сразу приковывало взор и поражало до глубины души — каменная массивная плита, что перегораживала вход. Камень был обработан так искусно, что даже измотанный палач застыл ненадолго, рассматривая узоры… Очнувшись, я повел взглядом в сторону и сразу наткнулся на приметный белый валун в стороне от входа. Знакомые очертания и впадины…

Приютный валун…

А за ним образованный скалой и валуном закут, где легко поместится с десяток лошадей. И даже отсюда я вижу громоздящиеся до потолка кривые валежины и охапки сухой травы… Светлая Лосса… мы спасены.

Почти не помню, как я возвращался и вел сюда лошадей, как мы втроем бережно стаскивали с лошадей беспамятных, как вспыхнул жаркий костер, что погнал тепло во все стороны и выгнал раздосадовано шипящую влагу из приподнятых над землей одеял и попон. Только ощутив первый жар на лице и руках, я немного пришел в себя и позволил скованному холодом телу чуть расслабиться. Ох огонь… как опасен и как любим ты, что убивает и согревает…

Даже и не знаю почему с моих губ машинально сорвалось начало древней поучительной байки:

— Нашел как-то гуляющий зимний дух замерзающего под дубом человека и с насмешкой спросил его — куда бы ты хотел сейчас, смертный? В холод горных лугов Светлой Лоссы или в раскаленную огненную тьму Раффадулла?…
Сильга, поднося ладони почти к самому пламени костра, завершила историю:
— Пробормотал замерзающий — туда, где меня ждут сильнее всего. Зимний дух рассмеялся… а затем вернул несчастного домой — к пылающему домашнему очагу. К ждущей его семье…
— Да… — пробормотал я, пряча кривую усмешку.
Никто не ждет одинокого палача.
Заставив себя подняться, я подтащил еще немного дров, после чего полез в чужие седельные сумки и добыл оттуда котелок и старую треногу с цепью. Вскоре в котелке быстро таял набитый снег, а я уже срезал крупные стружки с подмерзшего куска мяса. Нам нужен бульон. Крепкий бульон, что поддержит силы и согреет. Анутта, подобно тому самому зимнему духу склонялась над недвижимыми телами, поднося к губам каждого ложечку с каплей отогретой крови шанура. Судя по ее закушенной губе и сведенным бровям, сильга не была уверена в целительной силе крови белой рыси и потому перед тем, как влить очередную каплю в рот больного, она бросала быстрый взгляд на меня — живое свидетельство действенности сего средства. Она что-то пробормотала… проходя мимо с охапкой душистой травы, я приостановился и вслушался. Уловив обрывки слов, я заглянул в застывшие лица молодых парней, что сломанными куклами лежали у ворот древней гробницы и решительно произнес:
— Сделай это.
Вздрогнув, Анутта тряхнула головой, подняла лицо ко мне, убирая с него пряди спутанных волос.
— Я не уверена, Рург… и я боюсь убить их.
Бросив охапку трав нетерпеливо ждущим лошадям, я повернулся к сильге:
— Вливаемая им в рот кровь помогает?
— Ну…
— Говори, как есть.
Несущий траву Часир замер, впился темными глазами в сильгу. Она же, сжавшись под слишком прямыми и требовательными глазами двух мужчин, сердито выпалила:
— Нет! Да! Не знаю! Не дай я им крови шанура сразу же после укусов тмеллов — они были бы уже мертвы. Так говорится во всех старых записях, что я читала. Сейчас же они дышат сами… но не пробуждаются. И…
— И?
— И в тех же записях сказано, что человеку нельзя слишком долго пребывать в таком сне. Чем дольше он спит мертвым сном — тем меньше хочет пробуждаться.
— И? — повторил я, после чего пошел дальше, чтобы не давить на девушку — Я услышал. Ты говорила что-то…
— Однажды нами особо почитаемой сильге-наставнице в бытность ее простой путешествующей сестрой удалось кое-что подметить — тот, кого сначала укусил и отравил тмелл, попал под удар залитой собственной кровью лапы шанура. После чего ему влили в рот ложку крови… и через полдня пришел в себя. В их отряде были еще укушенные тмеллами… всего семеро воинов.
— Что с ними произошло? — хрипло спросил Часир.
— Трое очнулись. Четверо умерли — тусклым голосом ответила Анутта — На той же странице сильга-наставница пишет, что одному из самых плохих она вспорола кожу кончиком ножа испачканного в крови шанура. И вскоре он очнулся…
— Сделай это — твердым голосом повторил я.
— А если…
— Сделай это, госпожа сильга — старый горец не глядя швырнул траву лошадям и, уронив руки, застыл черной скорбной статуей — Мои внуки сильны как барсы! Они выдержат!
Заглянув ему в глаза, сильга медленно кивнула:
— Хорошо…
— А горячий бульон поддержит их силы — я постарался улыбнуться с ободрением, но не был уверен, что у меня получилось.
Вернувшись к костру, я добавил снега в котелок, высыпал туда мяса и полез за солью. Когда девушка протянула мне свой нож, я понял ее без слов и подольше подержал кончик лезвия в очищающем огне, после чего вернул владелице.
Взглянув на темнеющее небо, я понял, что сегодня мы останемся здесь. Что ж… пусть мы не в самом добром месте, но я давно привык бояться не мертвых, а живых. Зато здесь есть запас дров, а вон тот добытый Часиром кожаный сверток выглядит очень многообещающе. Как и глиняный кувшин в его другой руке.

— Дары тем, кто приходит почтить погибших предков но не имеет даже капли вина или куска мяса, чтобы одарить — пояснил старый горец, делая вид, что происходящее сейчас с его внуками не так уже и важно — Тут немного. Красное кисловатое вино, сухари и мед.
— Лучше ужина и не сыскать — заверил я Часира, с удивлением прислушиваясь к своим ощущением — впервые за два дня во мне проснулся голод. Да еще какой голод! Придется приложить усилия, чтобы не слишком часто макать сухари в горный сладчайший мед…
Вскоре закутанные в просохшие одеяла молодые горцы получили по несколько глотков смешанного с медом крепкого бульона, а мы втроем, такие разные и такие одинаковые среди величественных и насмешливых заснеженных гор, подсели поближе к костру и взялись за остатки пищи. Я и Часир ели мало, жуя подолгу каждое волоконце, растирая зубами каждую хлебную крошку. Сгорбившаяся над своей долей Анутта глотала еду жадно как голодная кошка, порой давясь, но все же проталкивая толком непрожеванную пищу в горло. Так едят те, кто боится, что еду могут отнять. Когда у меня оставалась треть моей доли, я мысленно шикнул на звучащие в голове голодный вой и протянул остатки мяса и лепешки сильге. Ей нужнее. Не могу и представить, как же трудно поддерживать тепло в столько худом голодном теле…
После обеда мы подбросили еще хвороста в костер и занялись приободрившимися животными. Они, чуть утолившие голод и вернувшие себе часть сил, радостно ластились к столь суровым хозяевам, что беспощадно гнали их сквозь мороз и голод… Закончив с чисткой и осмотром, мы позволили себе немного тревожного, но все же спасительного сна…

Часть вторая. Глава седьмая

Покачивающаяся в седле сильга улыбалась. А мы улыбались ей в ответ с тем же радостным неверующим облегчением. Двое из трех еще не очнулись, но явно начали приходить в себя. Медленно и осторожно они возвращались к жизни, уже что-то бормоча, с кем-то споря и порой шевеля руками. Третий пока лежал тихо, но стал дышать явственно глубже и спокойней. А вместе с пробуждающимися внуками к жизни вернулся и старый Часир — из его запавших глаз исчезла больная муть безнадежности и страха. Вернув себе неутомимость, он то и дело спешивался, хватал лошадей за поводья и вел по особо опасным местам, где потрескавшийся камень разошелся под напором жесткой желтой и колючей травы. Яки хватали эти стебли на ходу, доказывая, что куда менее привередливы к предложенному угощению…
Я двигался вперед. Но мыслями все еще был там — у входа в древнюю братскую гробницу. После короткого сна, что немного восстановил наши силы и опять вернул в животы бурчащий голод, мы, давая еще немного времени больным, занялись осмотром бурого пика. И первое, что нам сообщил Часир — входную резную плиту осквернили. Он показал нам неглубокие борозды и пару сколов на краях, после чего шаркнул сапогом под плитой, сгреб пальцами немного мертвой почвы, принюхался и протянул мне. Пригнувшись, я вдохнул запах и поморщился. Моча… Уже исчезающий запах мочи. Кто бы не явился сюда, он мимоходом нанес несколько сильных ударов по резной плите, а затем справил на нее нужду…
Удивительно…
Да, мерзко, кощунственно, но сильней всего я чувствовал удивление.
Опять осквернение могил. А ведь это великий грех. И за него грядет не менее великое наказание после смерти. Подобное деяние придется искупать собственными мучениями в огненной тьме Раффадулла.
Нам это внушают сызмальства. И с самого детства я был приучен к частому посещению кладбищ, где прибранные могилы предков высились цветочными холмиками, для меня казавшимися величественными горами. Увитые вдовьим виноградом тяжелые каменные плиты высились у изголовий, давая каждому желающему прочесть имена и время жизни…
Я часами бродил по широким светлым дорожкам, вчитываясь в имена и задаваясь слишком ранними для мальчишки вопросами о жизни и смерти. Почему вон тот прожил сто два года, а лежащий рядом его праправнук не осилил и двенадцати? Почему кому-то был отмерен полный срок, а кто-то не успел сделать и глотка из протянутой к устам чаши, что полна благоуханными годами счастливой жизни? Кладбище учит задумчивой смиренности и навеки вплетает в мысли струнку фатализма…
Старые кладбища чем-то схожи с высокими заснеженными горами — и там и там особо сильно начинаешь ценить каждый час и день отведенной тебе жизни… За это мы и уважаем

такие места… места, что заставляют задуматься. А глубокое уважение невозможно без почитания…
Осквернить могилы?
А тут сразу две гробницы одна за другой…
Но мое удивление выросло в стократ, когда брезгливо отряхнувший ладони и зачерпнувший чистого песка чуть поодаль Часир вдруг глухо обронил:
— Он горец.
У меня вырвался нелепый вопрос:
— Как?
Правильно поняв мое изумление, старик кивнул и подтвердил:
— Он горец.
— Откуда такая уверенность, добрый Часир? — спросила внимательно слушающая сильга и снова я удивился тому насколько быстро она перенимает чужие обычаи в речи и поведении. Она даже стояла так, как недавно стояла во дворе вторая жена Часира.
— Тут — темный палец старика бережно коснулся изуродованного ударом места на плите и скользнул ниже — Тут… и тут. Он ударил здесь.
— Да…
— Это пожелания — пояснил горец, проводя ладонями по впавшим щекам — Напутственные пожелания ко всем здесь погребенным. Добрые пожелания, госпожа Анутта. Тут желают забыть о испытанных мучениях, а вот тут получить справедливый приговор. Здесь внизу главное пожелание — рано или поздно, но встретиться по ту сторону с уже умершими или еще живущими родичами.
— А в середине? — я взглянул на густую вязь в центре плиты.
— Обещание — мрачно изрек Часир и его глаза потемнели — Обещание от живущих к мертвым. Все роды поклялись, что никогда не забудут причиненных нам боли и оскорблений. Сколько бы не прошло столетий — однажды мы отомстим!
— Южным варварам? — удивленно моргнула сильга — Ведь минуло столько…
— Не надо — попросил я Анутту, сразу поняв, о ком именно говорил старик и кому поклялись отомстить горцы.
— Но…
— Не надо — просяще улыбнулся я и вздохнувшая сильга кивнула.
Повернувшись к горцу, я уточнил:
— Он понимает старые горские письмена? Тот, кто осквернил…
— Или знает где и что начертано — кивнул Часир — Да. Но то, что он горец, я понял давно. По тем редким следам, что встречались нам. Он выбирал тропу так, как это делал бы горец. Он ступал среди камней и ледяных наплывов так, как это делал бы горец. А на том длинном крутом спуске он, спешившись, взявшись за поводья, спустился так, как не сумел бы я… Так преодолевают спуски самые лихие и сильные горцы, что не боятся бежать впереди несущейся вниз испуганной лошади и готовые в случае чего придержать ее бег собственным телом, зная, что в любой миг могут оказаться под копытами… Я когда-то мог также… но те годы давно миновали.
— Опытный среди гор, сильный и много знающий горец — медленно произнес я.
— Так я вижу и читаю оставленные следы…
— Но он явился сюда с лошадью подкованной долинными подковами — напомнил я.
— Да…
— И с ребенком…
— Да… — повторил старый горец.
— И с ним как-то связана та страшная белая рысь с янтарными насмешливыми глазами…
— Верно…
— Что ж… — пробормотал я, отходя от мрачной гробницы — Тут есть над чем подумать…
Ежась, я вышел из длинной стылой тени бурого пика и оказался на солнце, разом ощутив тепло в теле и светлость в голове. Вот так-то лучше… Обернувшись, я глянул на продолжающих стоять в густой тени старика и молодую сильгу. Он молился, опираясь ладонями в изуродованную плиту, а она, сев на ледяной камень, старательно делала записи в своей книге. Усмехнувшись, я укоризненно покачал головой и отвернулся, подставляя лицо ласковому свету…
* * *
Ведущий нас старый Часир остановил наш отряд у края обрыва. Виляющей широкой ниспадающей лентой горная тропа тянулась вдоль склона столь высокой горы, что хотелось держаться подальше от края — но старик подвел нас прямо к нему, разрывая ногами облачную муть. Встав там, он взглянул вниз и поманил меня. Я без колебаний подошел, а следом заторопилась и нежелающая ничего упустить сильга.

Часир молчал и я понял, что обнаружить что-то там внизу мне предстоит самостоятельно. И первые мгновения это казалось невозможным — там внизу все было затянуто поредевшей, но все же достаточно густой пеленой падающих к подножию Трорна облаков. Мы все еще высоко. Очень высоко по меркам долинного жителя вроде меня. Ничего не увидев, я уже было отчаялся и хотел признать поражение, но тут нам в спины ударил порыв ветра, опасно шатнув нас в бездну. Не слишком вежливо я толкнул в плечо сильгу, останавливая ее невольный шаг вперед. Она благодарно кивнула, а в ее глазах медленно таял запоздалый страх. Как в детстве на качелях, раскачанных излишне беспечным отцом — мах… и вот ты в пугающем поднебесье у верхних ветвей, а затем несешься спиной вперед вниз и из горла начинает рваться испуганный кри… и тут качели остановлены железной отцовской рукой, над тобой склонилось его улыбающееся лицо и… страх медленно и разочарованно уходит…
— Вижу — сорвалось у меня с губ и стоящий рядом Часир медленно кивнул.
— Вижу — произнесла и Анутта, опять подаваясь вперед.
Далеко под нами, высоко на склоне соседней горы, что вместе с нашей образовывали исполинское ущелье с поросшим невысоким лесом дном, я увидел нечто еще непонятое, но уже отмеченное взглядом как «рукотворное». Чем бы это ни было — его создали человеческие руки. Это понимается сразу. А затем уже начинаешь вглядываться и по мелким подробностям узнавать истинное предназначение увиденного…
Сложенная из крупных обломков неотесанного камня стена. Пара вздымающихся над стеной крепких башен под круглыми черепичными крышами. Под стеной в горном склоне зияет черная дыра, а еще ниже тянется широкая полоса каменного крошева. Внутри дугообразной стены, что обеими концами примыкает к склону, находится несколько солидных на вид зданий и около десятка тесно стоящих длинных построек. Мерцает пара десятков крохотных отсюда искорок костров… Вижу дымы и у самого дна ущелья — они поднимаются над краем редколесья, что словно бы отпрянуло от подползающей к нему полосы каменного крошева. Бегущая по лесу река, чьи тонкие и серые отсюда притоки сбегают с обоих питающих реку склонов, впадает в овальное мерцающее озерцо. В него впадает еще несколько нисходящих потоков, а вниз уходит лишь один — уже настоящая горная своенравная река… К озеру тянется еще кое-что — сбегающая по склону достаточно крутая дорога.
— Рудник — понял я, когда все увиденное сложилось в единое целое — Там рудник.
— Да…
— На склоне отменно охраняемый рудник. Значит, добывают не простое железо…
— Серебро — прошелестел Часир — Они добывают серебро.
— На дне ущелья невысокий, но старый лес.
— Лес Мормалор. Священный для многих горцев. Река, что питает его и рождается здесь же — Морманна. Ее воды почитаются нами за особую чистоту и целительные свойства. Почитались… ныне ее воды отравлены на много лиг вниз по течению — ибо она перегорожена выстроенной дамбой, а рядом промывают каменную руду, выбирая из нее куски серебряных жил…
— Лес вырубают — бесстрастно заметил я, поняв, почему мне показалось, что редколесье «отпрянуло» от ползущего к нему каменного хаоса — А полоска камня — пустая выброшенная руда. Сам рудники гораздо ниже той стены и построек… и раз там башни… а вон те узкие длинные постройки отгорожены от основного двора еще одной внутренней стеной, то это…
— Каторжный рудник — пробормотала сильга — Это каторга, Рург. Королевская каторга. Я слышала о ней. Сюда отправляют самых отпетых. И ее название… не могу вспомнить…
— Чернодуб — ответил я, окончательно вспомнив — Так вот где он находится…
Богатейший серебряный рудник Чернодуб. Но так его называют каторжники. Настоящее название — королевский серебряный рудник Виколассы Разумной. Назван в честь королевы Виколассы, что почила больше двухсот лет тому назад…
— Дети Жамгр — выдохнул Часир и, обличающе ткнув рукой в опять затягивающийся облачной мутью рудник далеко внизу, почти выкрикнул те же слова — Дети Жамгр!
— Я не понимаю…
— Помнишь легенду о вечной голодной Жамгр?
— Каждое слово.
— Мы верили, что это чудовище мертво. Но оказалось, что вслед за ней сюда явились ее дети! Долинные…
— Я из долины — заметил я.
— Ты не такой! — уверенно произнес Часир — Иначе я бы не произносил сейчас столь неосторожных слов, Рург. И она не такая!

Удивленная сильга кивнула, принимая неожиданную похвалу. А старик продолжал говорить, а вернее кричать, пытаясь переселить насмешливо воющий ветер, что продолжал подталкивать нас к бездне и тихо шептать в уши «а ты попробуй шагни! Вдруг полетишь? А я подтолкну и поддержу…».

— Когда триста лет тому назад сюда явились сладкоречивые посланцы короля и предложили нам стать частью королевства — наши предки решительно отказались! И посланцы короля ушли… Но следом за ними пришли другие — якобы торговцы. Вот только что торговым караванам делать там, где нет селений? Зачем им собирать камни с горных склонов, зачем проверять дно отдаленных рек? Горцы видят все! Но… но наши предки оказались слишком… не глупы… нет… они просто не понимали той угрозы, что несут эти деловитые долинные жители, что привозят удивительные товары, которые так быстро пленяют женские и детские сердца. Торговля закончилась быстро. И в следующий раз сюда явился вооруженный отряд, что предложил иное — либо подчинитесь и станьте частью королевства, либо отдайте часть своих земель. И тут же показали на принесенной удивительно подробной карте — вот чем еще занимались те проклятые торговцы! — те земли, что были ими желаемы. И опять наши предки не поняли ничего… и опять они отказались. А затем началась война! Когда врагу не удалось преуспеть, сюда явились кровожадные варвары… и они заставили нас покориться чужой воле — ради сохранения всего горского рода… Мы, обожженные, израненные, обесчещенные и ошеломленные подобной жестокостью, отступили и склонились. И тут же вернулись торговцы… нам опять начали лить мед в уши, что еще слышали крики умирающих в муках жен и детей… А другие… прежде нам невиданные… вдруг ушли в дикие горы, куда не заходили даже пастухи с козьими стадами… и когда горцы заглянули туда спустя зиму… они поняли, зачем королевству были нужны эти и другие земли… Им было нужно то, что скрывал в себе камень…

— Серебро… драгоценные камни… медь — начал я вспоминать все, что слышал о горных богатейших рудниках, что тянулись по предгорьям великого хребта Трорна — Золото и рубины…

— Все это сокрыто в священных для нас горах — подтвердил Часир — Не верьте тем, кто говорит, что посланцы явились сюда с предложением дружбы. Нет! Их сюда привела неуемная жадность — ибо они дети самой Жамгр!

Старик замолчал, а я опять устремил взор на жадно прильнувший к горному телу рудник, что внезапно стал казаться мне пиявкой кровососом…

Мы бы простояли так еще долго, поглощенные созерцанием и мыслями. Но тут один из горцев тихо застонал, дернулся и Часир заспешил к нему. Мы пошли следом, отвернувшись от пока еще далекого рудника. Но дорога тут одна и судя по увиденному мной, она ведет к лесу Мормалор и озеру.

Вскоре мы двинулись вниз по тропе, стараясь сдерживать шаг и помня, что все плохое нередко случается в конце выматывающего путешествия, когда уже видишь конец пути… Обернувшись, я взглянул на удаляющуюся гробницу и кое-что понял — вход в гробницу обращен своим скорбным ликом прямиком на рудник на противоположном горном склоне. Запытанные до смерти в Скруэнде Рукхайс и те, кто приходит к ним с визитом, в ясный день видят, как рудник Чернодуб выгрызает из их родовых земель драгоценные крупицы серебра — то во что и были оценены их прерванные жизни.

Устало обмякшая в седле сильга что-то пробормотала. Вслушавшись и уловив обрывки слов вымотанной девушки, я наклонился в седле, мягко коснулся ее плеча и пообещал:

— Дай только спуститься до того леса — и я обещаю тебе сытный ужин и теплый ночлег.

— Ловлю тебя на слове, палач Рург — бледно улыбнулась девушка и чуть выпрямилась — Обещание данное сильге свято.

— И я его выполню, госпожа Анутта с двумя «Т» — улыбнулся я в ответ — Я его выполню…

Примечания

1

А. Ахматова.

2

А. Ахматова.

3

С. Есенин. «Страна негодяев».

4

A trancas y barrancas (
исп
.) – С горем пополам.

5

В. Высоцкий. «Баллада о борьбе».

6

И. Бродский, «Письма римскому другу».

7

Я требую немедленно освободить меня. Вы нарушаете соглашение наших народов (
нем
.).

8

Иосиф Бродский, «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку…»

9

Иосиф Бродский, «Прощай».

10

Mayday («мэйдэй») – международный сигнал бедствия в радиотелефонной связи. –

Здесь и далее примечания автора
.

11

Добрый вечер, господин. Чем могу служить?
(фр.)

12

Шампанское дамам, мартини с водкой мне. Взболтать, а не смешивать
(нем.).

13

SOR – Special Operations Regiment, подразделение разведки сил специальных операций Бельгии.

14

Николай Заболоцкий, «Во многом знании немалая печаль…».

15

Kāhāhā – удивляешь
(гавайск.)
.

16

Иосиф Бродский, «Назидание».

17

Кто ты?
(фин.)

18

Почти сингулярная личность
(фин.)
.

19

Дмитрий Мережковский, «Двойная бездна».

20

Арсений Тарковский, «Жизнь, жизнь…».

21

Арсений Тарковский, «Стань самим собой».

22

Рабиндранат Тагор (Тхакур), «О, всеединство разума, духа и бренной плоти…».

23

Пятигуз – ненадежный человек, буквально – «пятижоп», человек, пытающийся угодить и нашим, и вашим.

24

Негораздок – недалекий человек.

25

Рабиндранат Тагор (Тхакур), «О, всеединство разума, духа и бренной плоти…».

26

Отрывок из песни группы «Queen».

27

Отрывок из песни на слова М. Танича.

28

Песня из фильма «Кин-дза-дза!».

29

Кому интересно, как это должно было выглядеть, обратитесь по ссылке.

30

Отрывок из песни на слова Владимира Высоцкого.

31

Симбиоз стихов из предложенных читателями версий с никами Эривел Ди Рен и Георгеус. Да простит их группа «Руки вверх!».

32

Песня Ромы Жукова «Мои девчонки».

33

Песня из кинофильма «Приключения Электроника».

34

Стихи Канцлера Ги.

35

Слова из песни группы «Иванушки International». Далее переделанные автором.

36

Слова из песни Игоря Саруханова «Скрип колеса».

37

Олег Газманов «Свежий ветер».

38

Песня «Непогода» из фильма «Мэри Поппинс, до свидания».

39

Песня Арины Краймер.

40

Цитата из Э. Асадова.

41

Стихи Иннокентия Анненского.

42

Урезанная цитата из Э. Асадова.

43

Хайль-баши — командир хайля, т. е. — тысячи; полковник.

44

Мушериф — сотрудник полиции.

45

Висак-баши — командир сотни, лейтенант.

46

Мушериф-эмир — офицер полиции.

47

Все эпиграфы (кроме эпиграфов к книгам, где указаны фамилии авторов) принадлежат Ниру Бобовай, двенадцатилетней девочке по прозвищу Сколопендра.

48

Хабиб — лекарь.

49

Шахрадар — мэр.

50

Азат — солдат.

51

Атабек — в данном случае дословно: «отец-господин», почтительное обращение к старшему по званию, должности или возрасту; аналогично «сэр».

52

Курбаши — командир «двойной сотни», капитан.

53

Хаким — учитель.

54

Мектеб — привилегированная светская школа, лицей.

55

Падающий Орел — звезда Ан-наср-аль-Ваки (Вега).

56

«Аламут» — клан организованной преступности. Название организации ведет свое происхождение от легендарного Орлиного Гнезда, резиденции Гасана ас-Саббаха, возглавлявшего секту асассинов в период ее расцвета.

57

Пайгансалар — начальник полиции города.

58

Сахиб-хабар — начальник почтового ведомства.

59

Надим — чиновник департамента образования, реже — культуры.

60

Альмукабала — раздел математики; в первоначальном значении — сокращение разных слагаемых в разных частях равенства.

61

Канаранг — начальник военного округа.

62

Дабир — секретарь, делопроизводитель.

63

Вазирг — советник.

64

Кейван — Сатурн; дословно: «Князь князей».

65

Фарсанг — примерно пять с половиной километров.

66

Он-баши — десятник, сержант.

67

Гулям — охранник.

68

Гулям-эмир — в данном случае: начальник охраны.

69

Аракчи — пьяница. (Шулмусское слово, прижившееся в Кабирском Эмирате.)

70

Сарраф — меняла, ростовщик.

71

Соллаб — астролябия.

72

Сохейль — звезда Канопус; Шабаханг — Сириус (дословно «Утренняя Звезда»); Миррих-Воитель — Марс.

73

Сарханг — генерал.

74

Рустак — округ; имеется в виду окружная больница.

75

Дакма — кладбище; дословно: «Башня Молчания».

76

Дей — с 22 декабря по 22 января; Бахман — с 22 января по 22 февраля.

77

Сепахдар-факих — окружной юрист, ведающий актами записи гражданского состояния.

78

Коммандер (здесь) — капитан третьего ранга.

79

Крыло (здесь) — дивизион, усиленный дивизион, реже — малая эскадра.

80

МЭЙДЭЙ — международный голосовой сигнал бедствия.

81

КУНГ: "кузов универсальный нормального габарита", он же "кузов универсальный несгораемый герметичный" — металлическая будка, устанавливаемая на самоходном или буксируемом шасси; используется как жилое и служебное помещение в полевых условиях; в специализированных кунгах монтируется оборудование связи и т.п. (здесь и далее примечания автора).

82

Здесь и далее обозначения "черпак", "дед", "дембель" и т.п. намеренно даются без кавычек. Это самые распространенные в сухопутных войсках неформальные обозначения призывного состава по срокам службы. Младшие призывы: "череп" — солдат, еще не принявший присягу; "дух" — от присяги до полугода; от полугода до года — "молодой". Старшие призывы: "черпак" отслужил год; "дед" — полтора года; "дембелем" становится дед после опубликования приказа Министра обороны об увольнении его призыва в запас. Известны экзотические обозначения младших призывов — "слоны ", "бобры" и т.п., но в ББМ была принята стандартная схема.

83

Ничего страшного, это просто позывной ББМ.

84

Каневский учебный центр (Украина).

85

Украинцы наверняка догадались, о ком речь: это их первый президент.

/9j/4AAQSkZJRgABAQEASABIAAD/4QDcRXhpZgAATU0AKgAAAAgACAESAAMAAAABAAEAAAEa
AAUAAAABAAAAbgEbAAUAAAABAAAAdgEoAAMAAAABAAIAAAExAAIAAAAVAAAAfgEyAAIAAAAU
AAAAlAITAAMAAAABAAEAAIdpAAQAAAABAAAAqAAAAAAAAABIAAAAAQAAAEgAAAABQUNEU2Vl
IFVsdGltYXRlIDIwMTkAADIwMjE6MDg6MjcgMTc6NTk6NDgAAAOSkAACAAAABDc4OACgAgAE
AAAAAQAAAu6gAwAEAAAAAQAAA9QAAAAAAD/4gxYSUNDX1BST0ZJTEUAAQEAAAxITGlubwIQ
AABtbnRyUkdCIFhZWiAHzgACAAkABgAxAABhY3NwTVNGVAAAAABJRUMgc1JHQgAAAAAAAAAA
AA

AAAAAAAA9tYAAQAAAADTLUhQICAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA
AAAAAAAA
AAAAAAAAAAAAAAAAABFjcHJ0AAABUAAAADNkZXNjAAABhAAAAGx3dHB0AAAB8AAAABRi
a3B0
AAACBAAAABRyWFlaAAACGAAAABRnWFlaAAACLAAAABRiWFlaAAACQAAAABRkbW5kAAAC
VAAA
AHBkbWRkAAACxAAAAIh2dWVkAAADTAAAAIZ2aWV3AAAD1AAAACRsdW1pAAAD+AAAABRtZ
WFz
AAAEDAAAACR0ZWNoAAAEMAAAAAxyVFJDAAAEPAAACAxnVFJDAAAEPAAACAxiVFJDAAAE
PAAA
CAx0ZXh0AAAAAENvcHlyaWdodCAoYykgMTk5OCBIZXdsZXR0LVBhY2thcmQgQ29tcGFueQAA
ZGVzYwAAAAAAAASc1JHQiBJRUM2MTk2Ni0yLjEAAAAAAAAAAAAAAABJzUkdCIElFQzYxOTY2
LTIuMQAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA
AAAAAAAAA
WFlaIAAAAAAAAPNRAAEAAAABFsxYWVogAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAFhZWiAAAAAAAA
BvogAA
OPUAAAOQWFlaIAAAAAAAAGKZAAC3hQAAGNpYWVogAAAAAAAAJKAAAA+EAAC2z2Rlc2MA
AAAA AAAAFklFQyBodHRwOi8vd3d3LmllYy5jaAAAAAAAAAAAAAAAFklFQyBodHRwOi8vd3d3Lmll
Yy5jaAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA
AAABkZXNj
AAAAAAAAAC5JRUMgNjE5NjYtMi4xIERlZmF1bHQgUkdCIGNvbG91ciBzcGFjZSAtIHNSR0IA
AAAAAAAAAAAAAC5JRUMgNjE5NjYtMi4xIERlZmF1bHQgUkdCIGNvbG91ciBzcGFjZSAtIHNS
R0IAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAZGVzYwAAAAAAAAAsUmVmZXJlbmNlIFZpZXdp
bmcg
Q29uZGl0aW9uIGluIElFQzYxOTY2LTIuMQAAAAAAAAAAAAALFJlZmVyZW5jZSBWaWV3aW5n
IENvbmRpdGlvbiBpbiBJRUM2MTk2Ni0yLjEAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAH
Zp
ZXcAAAAABOk/gAUXy4AEM8UAAPtzAAEEwsAA1yeAAAAAVhZWiAAAAAAAEwJVgBQAAAAVx
/n
bWVhcwAAAAAAAAABAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAo8AAAACc2lnIAAAAABDUlQgY3V
ydgAA
AAAAAAQAAAAABQAKAA8AFAAZAB4AIwAoAC0AMgA3ADsAQABFAEoATwBUAFkAXgBjAGgA
bQBy
AHcAfACBAIYAiwCQAJUAmgCfAKQAqQCuALIAtwC8AMEAxgDLANAA1QDbAOAA5QDrAPAA9gD
7
AQEBBwENARMBGQEfASUBKwEyATgBPgFFAUwBUgFZAWABZwFuAXUBfAGDAYsBkgGaAaEBq
QGx
AbkBwQHJAdEB2QHhAekB8gH6AgMCDAIUAh0CJgIvAjgCQQJLAlQCXQJnAnECegKEAo4CmAKi
AqwCtgLBAssC1QLgAusC9QMAAwsDFgMhAy0DOANDA08DWgNmA3IDfgOKA5YDogOuA7oDxwPT
A+AD7AP5BAYEEwQgBC0EOwRIBFUEYwRxBH4EjASaBKgEtgTEBNME4QTwBP4FDQUcBSsFOgVJ
BVgFZwV3BYYFlgWmBbUFxQXVBeUF9gYGBhYGJwY3BkgGWQZqBnsGjAadBq8GwAbRBuMG9QcH
BxkHKwc9B08HYQd0B4YHmQesB78H0gflB/gICwgfCDIIRghaCG4IggiWCKoIvgjSCOcI+wkQ
CSUJOglPCWQJeQmPCaQJugnPCeUJ+woRCicKPQpUCmoKgQqYCq4KxQrcCvMLCwsiCzkLUQtp
C4ALmAuwC8gL4Qv5DBIMKgxDDFwMdQyODKcMwAzZDPMNDQ0mDUANWg10DY4NqQ3DDd4N+
A4T Di4OSQ5kDn8Omw62DtIO7g8JDyUPQQ9eD3oPlg+zD88P7BAJECYQQxBhEH4QmxC5ENcQ9RET
ETERTxFtEYwRqhHJEegSBxImEkUSZBKEEqMSwxLjEwMTIxNDE2MTgxOkE8UT5RQGFCcUSRRq
FIsUrRTOFPAVEhU0FVYVeBWbFb0V4BYDFiYWSRZsFo8WshbWFvoXHRdBF2UXiReuF9IX9xgb
GEAYZRiKGK8Y1Rj6GSAZRRlrGZEZtxndGgQaKhpRGncanhrFGuwbFBs7G2MbihuyG9ocAhwq
HFIcexyjHMwc9R0eHUcdcB2ZHcMd7B4WHkAeah6UHr4e6R8THz4faR+UH78f6iAVIEEgbCCY
IMQg8CEcIUghdSGhIc4h+yInIlUigiKvIt0jCiM4I2YjlCPCI/AkHyRNJHwkqyTaJQklOCVo
JZclxyX3JicmVyaHJrcm6CcYJ0kneierJ9woDSg/KHEooijUKQYpOClrKZ0p0CoCKjUqaCqb
Ks8rAis2K2krnSvRLAUsOSxuLKIs1y0MLUEtdi2rLeEuFi5MLoIuty7uLyQvWi+RL8cv/jA1
MGwwpDDbMRIxSjGCMbox8jIqMmMymzLUMw0zRjN/M7gz8TQrNGU0njTYNRM1TTWHNcI1/TY3
NnI2rjbpNyQ3YDecN9c4FDhQOIw4yDkFOUI5fzm8Ofk6Njp0OrI67zstO2s7qjvoPCc8ZTyk
POM9Ij1hPaE94D4gPmA+oD7gPyE/YT+iP+JAI0BkQKZA50EpQWpBrEHuQjBCckK1QvdDOkN9
Q8BEA0RHRIpEzkUSRVVFmkXeRiJGZ0arRvBHNUd7R8BIBUhLSJFI10kdSWNJqUnwSjdKfUrE
SwxLU0uaS+JMKkxyTLpNAk1KTZNN3E4lTm5Ot08AT0lPk0/dUCdQcVC7UQZRUFGbUeZSMVJ8
UsdTE1NfU6pT9lRCVI9U21UoVXVVwlYPVlxWqVb3V0RXklfgWC9YfVjLWRpZaVm4WgdaVlqm
WvVbRVuVW+VcNVyGXNZdJ114XcleGl5sXr1fD19hX7NgBWBXYKpg/GFPYaJh9WJJYpxi8GND
Y5dj62RAZJRk6WU9ZZJl52Y9ZpJm6Gc9Z5Nn6Wg/aJZo7GlDaZpp8WpIap9q92tPa6dr/2xX
bK9tCG1gbbluEm5rbsRvHm94b9FwK3CGcOBxOnGVcfByS3KmcwFzXXO4dBR0cHTMdSh1hXXh
dj52m3b4d1Z3s3gReG54zHkqeYl553pGeqV7BHtje8J8IXyBfOF9QX2hfgF+Yn7CfyN/hH/l
gEeAqIEKgWuBzYIwgpKC9INXg7qEHYSAhOOFR4Wrhg6GcobXhzuHn4gEiGmIzokziZmJ/opk

isqLMIuWi/yMY4zKjTGNmI3/jmaOzo82j56QBpBukNaRP5GokhGSepLjk02TtpQglIqU9JVf
lcmWNJaflwqXdZfgmEyYuJkkmZCZ/JpomtWbQpuvnByciZz3nWSd0p5Anq6fHZ+Ln/qgaaDY
oUehtqImopajBqN2o+akVqTHpTilqaYapoum/adup+CoUqjEqTepqaocqo+rAqt1q+msXKzQ
rUStuK4trqGvFq+LsACwdbDqsWCx1rJLssKzOLOutCW0nLUTtYq2AbZ5tvC3aLfguFm40blK
ucK6O7q1uy67p7whvJu9Fb2Pvgq+hL7/v3q/9cBwwOzBZ8Hjwl/C28NYw9TEUcTOxUvFyMZG
xsPHQce/yD3IvMk6ybnKOMq3yzbLtsw1zLXNNc21zjbOts83z7jQOdC60TzRvtI/0sHTRNPG
1EnUy9VO1dHWVdbY11zX4Nhk2OjZbNnx2nba+9uA3AXcit0Q3ZbeHN6i3ynfr+A24L3hROHM
4lPi2+Nj4+vkc+T85YTmDeaW5x/nqegy6LzpRunQ6lvq5etw6/vshu0R7ZzuKO6070DvzPBY
8OXxcvH/8ozzGfOn9DT0wvVQ9d72bfb794r4Gfio+Tj5x/pX+uf7d/wH/Jj9Kf26/kv+3P9t
////2wBDAAIBAQIBAQICAgICAgICAwUDAwMDAwYEBAMFBwYHBwcGBwcICQsJCAgKCAcHCg0K
CgsMDAwMBwkODw0MDgsMDAz/2wBDAQICAgMDAwYDAwYMCAcIDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMD
AwMDAwM
DAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAz/wAARCAPUAu4DASIAAhE
BAxEB/8QA
HwAAAQUBAQEBAQEAAAAAAAAAAAECAwQFBgcICQoL/8QAtRAAAgEDAwIEAwUFBAQAAAF9
AQID AAQRBRIhMUEGE1FhByJxFDKBkaEII0KxwRVS0fAkM2JyggkKFhcYGRolJicoKSo0NTY3ODk6
Q0RFRkdISUpTVFVWV1hZWmNkZWZnaGlqc3R1dnd4eXqDhIWGh4iJipKTlJWWl5iZmqKjpKWm
p6ipqrKztLW2t7i5usLDxMXGx8jJytLT1NXW19jZ2uHi4+Tl5ufo6erx8vP09fb3+Pn6/8QA
HwEAAwEBAQEBAQEBAQAAAAAAAAECAwQFBgcICQoL/8QAtREAAgECBAQDBAcFBAQAAQJ3A
AEC AxEEBSExBhBJBUQdhcRMiMoEIFEKRobHBCSMzUvAVYnLRChYkNOEl8RcYGRomJygpKjU2Nzg5
OkNERUZHSElKU1RVVldYWVpjZGVmZ2hpanN0dXZ3eHl6goOEhYaHiImKkpOUlZaXmJmaoqOk
paanqKmqsrO0tba3uLm6wsPExcbHyMnK0tPU1dbX2Nna4uPk5ebn6Onq8vP09fb3+Pn6/9oA
DAMBAAIRAxEAPwD8xNa1S4uvDsf2q8muNq48uIkoB1259PevX/gQ19H8P/ixeR6xfWOpWena
Mv2nT3NrJ5Ut5CjMqpjcwRscnnJ9a8LsLO4tvDFrbxtI0d8SA+Dgc+vpXs3wGsJPF3w1+MzT
Wa6fNDo+kEuj4S1Ed9B+8b2wNx+lfluMinBrZaPvtZrQ/uLD1p8q5V0s76dO59HWXxY+DPwi
8YX3hvVv2jv2gNF1DS7r7NcNHcSmOFsAHcVXLAEnnHbiu80uXwbqjNeWP/BQLxJZ2Kt5gjlg
vRcIh6A/vBuYd8D8BW54a/Zx8Qaj4n1Txdotn8BfiZ/wlV1b31vLfyRLNHBHF5bA7sjd0+YE
8565AHZeH/2TfiRceH9QtYfhv+zbY3Uf2JXVAn7xo5w5OAPlX2PTtu6V4NXG0U72cnone1r6
XsraWPgc2k5Sk5TUVe1kle3qzF8P2Xw5tysetf8ABQjx5NcTAGP7DcTxRgHnkksPzxitxfFv
wNs7pZLj9ur4tXkcZETx/brlndv7ykQ/d98H610XhX9iv4wYjtbzw3+zvffaNRur2Axx7fsM
UkDxhFAQFgCwYkZJAwcZzXReG/2WPiNoOheTrE37MdveW6w29tfS22XlCMSrEbMcDI2/XFce
MzCMI25FJaap2/Q+NrRoxd41Hf0T/JHB6z8cf2d/AWn3F1J+2J8aNe6D7PZ3V358mTj5R5Iz
jqfYVwesftRfs1yXs0i/Fr9pzXlt081ri2ncxvEGw0oLICEVuCTjn1r3K3+EPiTR/EdrV98
Uv2ZdJtdL1Ka+eS3VWMLSQiKSPkD69Qc9+1cqv7P8On+GP7Pt/2kvgLb/wDEervHKCAhUupx
Mzgb8AjGBxgehzmvPjLD1deVx72dl+RjRqUub95KUn3S/wAkjy/EdrV98
Uv2d

h4qtyo9OPOwMdar6jTSs0vuWxzxye7umn6L/AIJ97ajbft5WA+zw6t8EdIkkj2iKJoA6e4BB
5/SsefRv+CiF4u2Px58L17FlWyGP/IX9K+Ib/wD4JN/tDWsKtN4HXUpuplj8S2zM34edVe3/
AOCQ37RF8WZfA80ce4gK/iK2HP8A38rP2FJbJL1SZ3Sy18tna/o1+p90RW3/AAUM06JppPil
8KbGDZh5ZTZKkWO+fIqvqXiX9va0uY5Lr9oL4N2a3AHkgz2Ijlz/AHf9G5r4dvf+CRX7QyxM
zeA9ysPlDeIrbn8PN5qxY/8ABIT9oCOzkj/4V/ZtI2xopP8AhI7ceSAfmAHnYOf0ranHlVqc
orySX+ZnLIac3edvuf5n2B4gtf24Lq6a6vv2mvg/bw7v3jDVLWONWxjbgW3WuJuNa/a28NX8
011+1p8JVmuPvJLr9vIoHqqG3wv1Ar53/wCHOP7QBnkkbwPo/lsT+5bxHbHYe5P77PHvUI/4
JCfHLY0f/CN+FdycmT+24cJj+A/vanlX2mr+i/4J6GFyGlHTSSXbQ+otP8R/tZXax+d+118H
YY5B8hbVbVt/4fZ6DqH7V0qM7ftbfBlvMbAX+1LUpjp/z7Yr5rvP+CQfxn1DSFaSy+H9n5Y5
VNaRZvxIYjt61ny/8EkfjQYI5G0Xwja7W+7/AG3BuI7Mf3h4NZypx6uP3I7qeS07+6l/wT6o
1GT9pbSWkjuv2xvhPZrIVcFLy1y+PT9zkD+dZvjO6/aA1rQljb9s74V3HmLtlVdQtrVkz1xI
se7p34r51i/4JEfGBIm3N4B/fHdtOtq3kY7de/40Wn/BIL4tXFzD5Z+H837wEINaVRJ/snnp
VU4xvZNeSSX+RUcngnzPp1vb8j2DQvAHxy0OOSSH9sjwGt0x/dpL4k85HHrucHH5V1lrcftB
W8Vio/bG+F8KxqWlH2y0Yx/Q+XmT6nFeHj/gj78Zr0NbzX3wzsYV3FB/ae7yj127gpPtyTWX
B/wSe+KzPDDeTfDOzuIWZAk2rAlxnhyVyCD2/lUyou9219y/yO5ZfSqaRbel9X/Wh75deLP2
hrZYWm/bI+FqwqzbpVu7RvLboox5XOf096z/ABLovxc8YSfaLr9tzwK14wVZIrfVFtI1Uddp
jwCR7DmvH1/4JP8AxGtCrW+ufCW+WQESD+1GYRnsOV6/Smyf8Ev/AB9paQs2tfBeS4hIkeBt
Sfcw6/NxjH0o9ndbr7l/kVTyWimmr38mv8z1i00f4laTOsK/tyeGYZpDtjH9plwfq2+trRY/
jBpUlwsn7dXgtWUKWVrxbg8nsGPH4de9eH6n/wAEsfiVe6e11J4i+EMkdw7SrCt6FMG7/lmr
eX90duTVHTf+CUnxEurVZpte+Ftv5kgWFZdV3NO3cDapqeWKWrXnov8AIqtkdKp72u9tWrn1
ENQ+Mn2Tav7d3gNY2UqQyW24Aj69feuVtfD/AMToxNcf8N7eG/M27Y1OpsVcZ5z+94PvgmvF
f+HUXxIS/Wb+3vhO0kjnEP259oGOuNnSph/wSV+Kk8awtq3wlht25E5vW2/+gZqoxitE0vkv
8jj/ANXaUE3rr5o+gdI134keHIprX/hvbwf5czCYNNDBdSEHj7zuSoz2BxVm5vfiZLdxyXH7
e3g+H938vl2tuVK+6iQDP61862v/AASN8eaeGhm8bfBnzOTte+kZgn97iLp+tU0/4JS+LLqZ
po/HXwbkt4XKGSG9lZc9DkeX2+tEqcVq2vml/kVR4doTWnN96/PU+mJLH4iai4jb9v7weu3B
BaK3Gf8AyLVW68NeLIZ7qab/AIKDaHJccPIlui+WD0G0CfaB/uivm/XP+CWniK2jt4br4ifB
212/6hjdvGbgd85TnH41Xf8A4JxwlWjk+L3wThbasoK3jM+NwByQuMZ4qYxjaya+SX+QS4Zi
mnFyt20/Kx9EaZceJg/7v/goRp8O7dgzW2eAcHrP6mtqa18aJFtk/wCCiXh3djf8tumfzE1f
Kuo/8E87HVtPXy/jN8C7eNXKNMt68bbs9CdpFWZv+CXtrJZDzPj18E4ZZFDLi/IB/wCBbf6V
XLHq180v8jjrcO01K75l8l/kz6VFn4mvS3mf8FFLZV7hYWXH4C4qjqWi37llk/4KMNuhHQRz
Dj6i55r5z/4dwabHqCx/8L8+B+1hjEd+WfgckLt9vWhf+CenhsT7pP2hvg6se07trBu/Zcfr
WMVGD3XyS/REx4fpPrJeiX+SPfhZSQqvnf8ABRS4uNuG2C2uHU59R9o5FU5fDXhmWaa41b9v
iZs5+WHTbktn2X7R/IV4qv8AwT6+Hs87Rt+0V8L127d7eSAFH/fWP8806T/gnN8PZnmm/wCG
lPhezRthAIx8y+pUN/LNV7kndv8ABI6EAFH/fWP8806T/gnN8PZnmm/wCGlPhezRthAIx8y+pU
N/LNV7kndv8ABI6EAFH/fWP8806T/gnN8PZnmm/wCGlPhezRthAIx8y+pUN/LNV7kndv8ABI6
xXH94edgH2wM1Ti0H4etO00n7dnipYVPPl6TqPmnPTH738+K4m3/AOCcfw7XCw3W4
aQRxAWyNFluoZvM4/Kpn/wCCCdfwnMq2837THw5jb5vtW23QmNxyAn7zkE9elL3Fs/uS0/A2l
Tly2lKX3b+mh3Eui/DOzuVW6/bm8eXDbgR5NjqBAX67yM1e/4Q74R6wV3ft5eOrf5sn7RZX5
4+pcc15bJ/wTz+D6FvN/ac8Dsy9BDYB/5SVpN/wTq+D13br5n7T3gFdyBkElgmce483IpRlF
PVt/Jaemhz1MHFxvzSi+9r/od1f+EvgjC8cMf7dHjybzDtZhYX7L9Sd3Aptz4L+CdtIslv8A
t0eNlkX92+NPv3JY+EvgjC8cMf7dHjybzDtZhYX7L9Sd3Aptz4L+CdtIslv8A
iZs5+WHTbktn2X7R/IV4qv8AwT6+Hs87Rt+0V8L127d7eSAFH/fWP8806T/gnN8PZnmm/wCG
lPhezRthAIx8y+pUN/LNV7kndv8ABI6EAFH/fWP8806T/gnN8PZnmm/wCGlPhezRthAIx8y+pU
N/LNV7kndv8ABI6xXH94edgH2wM1Ti0H4etO00n7dnipYVPPl6TqPmnPTH738+K4m3/AOCcfw7XCw3W4
aQRxAWyNFluoZvM4/Kpn/wCCCdfwnMq2837THw5jb5vtW23QmNxyAn7zkE9elL3Fs/uS0/A2l
Tly2lKX3b+mh3Eui/DOzuVW6/bm8eXDbgR5NjqBAX67yM1e/4Q74R6wV3ft5eOrf5sn7RZX5
4+pcc15bJ/wTz+D6FvN/ac8Dsy9BDYB/5SVpN/wTq+D13br5n7T3gFdyBkElgmce483IpRlF
PVt/Jaemhz1MHFxvzSi+9r/od1f+EvgjC8cMf7dHjybzDtZhYX7L9Sd3Aptz4L+CdtIslv8A
Jh6riLp9ay9V8L/sc3xWSb4/fHS4GjurX9p
jwC0kjFZN9miEAjk4MlX7SK7/d/wDH6jVvHn1tXWSn7Ev/AB9wsfHSwsPcNrbQ8Ayl6JN/pcNc
xv7L8xx+OaB8fHi/ePcPcPcP

8UrH91sWG3uVmTOc7yZH3ZPp0q5pB/Y1Wxt7i88N/Fya3sX/ANKeJ12yqeAJGEmF5xjbjmrG
i/B39k+7kkaT4rfEDTbxfmjma3R1K+mRF1/GpLX4Vfsu6MZrG4+Mnju60+6+e4hgtRGtxjkZ
Pllc555rP6x5y+53/KxMsDBqVPlXqk9O25Y1fxV+wvc2yx6X4F+KizLgl5rzC/T/AF5/lWff
+Lv2MYnbd8P/AB83lhcNFqEjBv8AezMNv61qWHw0/YpjhaOb4hfFhbjGB5O3bn0GIMGodT+H
X7IOmWci2/jD4oX3mR7ioeFWJz0IaIDd04NEqiup80vTVGODwcbuKjdrq7v5FX/hLv2NZ0ma
H4b+Opo1TBK6jMWTj7x/fYxVFfEf7I8li0jfDX4gNCoyLhNQkZR6A5lx7V0Fv8JP2OU03zpv
H3xKt/O2jyyY5GzgEhlWD179Kh1T4f8A7GoZo7fx98SI4WwTCIdyk56kmHFHtuzl+J2Rw9NP
lcEn5p/8Eo2/xF/Y/OkrDffCvxppuqM+WjTVZnjVexBMuSSMHGOp60WXxG/Y5NozXXwn8cSL
CQiyrrEqhwe7fvuD6D0q5qHws/Y1nVZpPih8TIW2gMjWJkzx2byKqJ8O/wBjWaOa3j+IHxQj
kaQEM1urJKuOSR5HGPfmqjJNXTl+Jjy07uLj180/LtoM1L4n/sarGvk/Cnxl5eeQ+qzMc+gA
mrPfxl+xybdZl8C+Po47iRh5SagxaIg9GBlxz25JroLL4N/sd3d1+7+LnxAhkj+YxPa+Wrju
qt5PWmz/AAT/AGPYIdPRfil8RJFvHaWWMKvyMvTcvk/K3oT1rSMVbWUu+7MZU439yKttqnv6
6sLLWv2IY/tC33hfxx+8jSWBorybD5AygO/7wPBzxkHmuZ+IHg79m/xx8OvGGseA9F8YabN4
Zt7eeG4kvjIyyTMERBEzHK7uHbOR2q98aP2e/gnZ/CfxB4k+DfjbxJrF94dWEalb6vGjReXP
IAPLJiHzE55GeRXI/Afw8+vfsp/Gq1t4ftWseXpV6s8ER+WFJizjI4HHOPY1MZJLnpyk3dJp
tq2q6eh0YPLYp89SKtJN7PS2itd7jfif4KtdJ/Yd+EetWmmrptrqGp6gmpXsozNc3QY7GB6l
NiH8hXkqTm2RW/eGOQZDMP8AWH+9zX0B8X/Ecerf8EwPg3ZyeZN9i8SXxljX723MuQPwr57u
r9BCrK3lqzEx/N91Oy/hU1I3p3e9359T6bKeVxccTskrb7dCnAszQyQK0iTafIpVN2FHf8BX
sn7JXxx8K/Cmf4jal4m8M6l4q8O6tpUFnLYJcGE3Dm4jOHYc4yCc9fzrx8WS393qUfm/Y7yY
xxraNEzMhJ6FvbrmtTwlrGm3819E2l3UlxrE8VuJYb5Y0KoVLfIeckjOa9LEYenXi4SbSla9
m09GtmtV958tKtUhBcqu9fy8j620X9sD9nUR3H2r9l3xVGqMqs1rrVyAMjvjG3PpW3of7XP7
JYeNZv2b/iQrTSKjpHq9ySwJHQeYMn0HevlaOXw/oupXGm6l/wAJRpe6WSeb7J4iiGPRZlb7
rcfKPetjwlqXwnF411qFx8RNLhjBlUQeIIJJZcd0xzvOOB615dTJ8HFXak+1m3f1uz5TEYGW
Ik3K6Xa7R9peHP2zP2I9JlZbr9n34uW9xCSuA1yzA9McXoxWhp37fX7E+kxNb6b+zn8TLy4k
J3QyxOzKPXJuyea+StO8d/AO6X5fHnxw0OTJz9suFuSAexCA81dtPGHwFstKkuP+FmfGKbVt
zILiO5WISrn5R5bDK4HfvS/s3DJfC/nrf10Z4MsjpKd5dfNr9T6U1b/gpj+zf4Atvtnh39kX
VrpbUGJ21uV/IG/j50dZUYntuGfSqd//AMFd/hrc2sjW/wCx/wCF449pBMgTbj3xZ9K+X9V+
NXw50WSNdD8TfGK4mmU+Zu163VXPdiWGFIxwMVi/8NJXFrZzfY/H3xAXcGWOGXULfcP94ng/
WsJZVh5awj1vq2vwsd2HyXCw3187t/qfU2q/8FN/AcGmx3En7GfhGOGb95GxgBjf0JH2Xp9a
529/4Kb+CVaSZf2QfANv5YxKVskVtp6f8uwP86+U9Y+L11rFxDJfeJNe1KHywzRDWY0YuO7Y
GP8A9VXI/jbIVSaFpo7yE/u5JtYSRSuPusMc1X1GjtyvXfVr/I+gp5bhFTvTbT9W/wA2fTTf
8FKPB93dQwt+yH4Ba4lA8gfY4+h9Sbf+eKop/wAFBFxEmuRj/hknwnHfNutBEExGWXk4U2+3
d79cd6+Vbrxnb3sHzTX3k3km64h/tVWmyDnCueEU1qDxX4Rs9PuGbwnbzSXEomt/+KjRpYH/
AIix75FbfUaCVrP5N/5hHB8uyv8AN/5n01Zf8FIfhizx7v2R/Bs33t4OyJiR1wPs+cD+ddV4
X/4KlfBuwjW6s/2OfCN2fcP+C0nwb0+dyqwt+yH4Ba4lA8gfY4+h9Sbf+eKop/wAFBFxEmuRj
y4duDGzDjdnJz71raf8AF/4R6XFZySfBu1uGtwWvFbxMTHcqegVRzn2FH9m4e3M079rt/m7H
PiMDTrK1S/3tfkz7c03/AILI/COBLiH/AIY/8Lu5uLOP9kfw6upQnyykotCgPufsxr5h0X9qv8AZv02dri4/ZzmuGks/s7BNfJ/e/39ueP97rTd
Q/al/Z3023kji/Z5mjmkt/8ASRJ4kLBOOPLOTz69DU/2fSvaMd/Nf5nh/wBk4Rzs7pd7t/qe
6/ED/gqN4T1GC1jj/Zh+F9rNqCZ2sLZ18ruSBFwfr0r58/aY/avuvjd4Jm8B2Pg3wX6KizLgl5rzC/T/AF5/lWff
+Lv2MYnbd8P/AB83lhcNFqEjBv8AezMNv61qWHw0/YpjhaOb4hfFhbjGB5O3bn0GIMGodT+H
X7IOmWci2/jD4oX3mR7ioeFWJz0IaIDd04NEqiup80vTVGODwcbuKjdrq7v5FX/hLv2NZ0ma
H4b+Opo1TBK6jMWTj7x/fYxVFfEf7I8li0jfDX4gNCoyLhNQkZR6A5lx7V0Fv8JP2OU03zpv
H3xKt/O2jyyY5GzgEhlWD179Kh1T4f8A7GoZo7fx98SI4WwTCIdyk56kmHFHtuzl+J2Rw9NP
lcEn5p/8Eo2/xF/Y/OkrDffCvxppuqM+WjTVZnjVexBMuSSMHGOp60WXxG/Y5NozXXwn8cSL
CQiyrrEqhwe7fvuD6D0q5qHws/Y1nVZpPih8TIW2gMjWJkzx2byKqJ8O/wBjWaOa3j+IHxQj
kaQEM1urJKuOSR5HGPfmqjJNXTl+Jjy07uLj180/LtoM1L4n/sarGvk/Cnxl5eeQ+qzMc+gA
mrPfxl+xybdZl8C+Po47iRh5SagxaIg9GBlxz25JroLL4N/sd3d1+7+LnxAhkj+YxPa+Wrju
qt5PWmz/AAT/AGPYIdPRfil8RJFvHaWWMKvyMvTcvk/K3oT1rSMVbWUu+7MZU439yKttqnv6
6sLLWv2IY/tC33hfxx+8jSWBorybD5AygO/7wPBzxkHmuZ+IHg79m/xx8OvGGseA9F8YabN4
Zt7eeG4kvjIyyTMERBEzHK7uHbOR2q98aP2e/gnZ/CfxB4k+DfjbxJrF94dWEalb6vGjReXP
IAPLJiHzE55GeRXI/Afw8+vfsp/Gq1t4ftWseXpV6s8ER+WFJizjI4HHOPY1MZJLnpyk3dJp
tq2q6eh0YPLYp89SKtJN7PS2itd7jfif4KtdJ/Yd+EetWmmrptrqGp6gmpXsozNc3QY7GB6l
NiH8hXkqTm2RW/eGOQZDMP8AWH+9zX0B8X/Ecerf8EwPg3ZyeZN9i8SXxljX723MuQPwr57u
r9BCrK3lqzEx/N91Oy/hU1I3p3e9359T6bKeVxccTskrb7dCnAszQyQK0iTafIpVN2FHf8BX
sn7JXxx8K/Cmf4jal4m8M6l4q8O6tpUFnLYJcGE3Dm4jOHYc4yCc9fzrx8WS393qUfm/Y7yY
xxraNEzMhJ6FvbrmtTwlrGm3819E2l3UlxrE8VuJYb5Y0KoVLfIeckjOa9LEYenXi4SbSla9
m09GtmtV958tKtUhBcqu9fy8j620X9sD9nUR3H2r9l3xVGqMqs1rrVyAMjvjG3PpW3of7XP7
JYeNZv2b/iQrTSKjpHq9ySwJHQeYMn0HevlaOXw/oupXGm6l/wAJRpe6WSeb7J4iiGPRZlb7
rcfKPetjwlqXwnF411qFx8RNLhjBlUQeIIJJZcd0xzvOOB615dTJ8HFXak+1m3f1uz5TEYGW
Ik3K6Xa7R9peHP2zP2I9JlZbr9n34uW9xCSuA1yzA9McXoxWhp37fX7E+kxNb6b+zn8TLy4k
J3QyxOzKPXJuyea+StO8d/AO6X5fHnxw0OTJz9suFuSAexCA81dtPGHwFstKkuP+FmfGKbVt
zILiO5WISrn5R5bDK4HfvS/s3DJfC/nrf10Z4MsjpKd5dfNr9T6U1b/gpj+zf4Atvtnh39kX
VrpbUGJ21uV/IG/j50dZUYntuGfSqd//AMFd/hrc2sjW/wCx/wCF449pBMgTbj3xZ9K+X9V+
NXw50WSNdD8TfGK4mmU+Zu163VXPdiWGFIxwMVi/8NJXFrZzfY/H3xAXcGWOGXULfcP94ng/
WsJZVh5awj1vq2vwsd2HyXCw3187t/qfU2q/8FN/AcGmx3En7GfhGOGb95GxgBjf0JH2Xp9a
RbuKaz8YeKIKJ2ZDHuyOwKPXJuyea+StO8d/AO6X5fHnxw0OTJz9suFuSAexCA81dtPGHwFs
tKkuP+FmfGKbVtzILiO5WISrn5R5bDK4HfvS/s3DJfC/nrf10Z4MsjpKd5dfNr9T6U1b/gpj
+zf4Atvtnh39kXVrpbUGJ21uV/IG/j50dZUYntuGfSqd//AMFd/hrc2sjW/wCx/wCF449pBMgT
bj3xZ9K+X9V+NXw50WSNdD8TfGK4mmU+Zu163VXPdiWGFIxwMVi/8NJXFrZzfY/H3xAXcGWO
GXULfcP94ng/WsJZVh5awj1vq2vwsd2HyXCw3187t/qfU2q/8FN/AcGmx3En7GfhGOGb95Gx
gBjf0JH2Xp9aRbuKaz8YeKIKJ2ZDHuyOwKPXJuyea+StO8d/AO6X5fHnxw0OTJz9suFuSAex
CA81dtPGHwFst

y9rMSgG49Qat2NhHfapDtmiWOTILuCVjyuef5UTooslhhXdJHOzbgcK49vyo9i/kEcHTvdRX
yW+2xHOlpPfr/o/l7ZEOzkAr3yPwp1otvHqUzG3h2qzMdwzweg9KmhjWZLiPyZGvMIYTu6KC
S2frx+VRi3W0h3zSFvtWFUAY8vB7+vFHKkg+qpP4VvvZadNfMjgtfI0WS4jWORWm2kMM7eeM
U+bSo7DU4Y28vdIocj7yqT7YpHjhM32NflVXJBwcPSO8b6pHub7vynOeRUexRt9Tglst0vn1
Eh0xV0++ZWj+VwoBI3Lz1FRRabC7NG821VXrnuP0q3bWizzXCsu5pOQd+Bnr+NQ+UrWf8OZW
KZA6fjT9nG9wlg4LWy0THw6VHAbNfLjkaRWIG0c54XNRLYNELiNodzK+4AegHOafc3StNZqr
PG0IwCBlBznOfWrOmyNc3mofaF/d+Sd5D7WXJ4ZV/i+lHs4tXOOUaSW1tbaenXtqVlmaxsoW
mhWXzMqm878ZPQVZuVs7B4UuLWzbzgcmJpDJD/vKflz3wOK6T4Y/BDxF8b2t7fwjoera5NDK
RdyqpjtbIdjJMwCJnGTk9q9W1H9nb4W/AK9kvfih48j1q8aPzYtA8M/NI74HyPJztGe5wD1z
XLUlCHdvokm2/u2+ZMsRCEbq3u21drLve+9/I+f45LW6naSMxt/Z8TZWaDasvOAAqgkuSf4v
0r0b4cfsZfE74rWLahoPw91a8sZgm641LbYx56lk3uhKHI5GRX0F4O8W+KtUitZPgn+z7Y+D
YZtPzF4i11NzuhYfOss+2JieCM5J69BXN/GnwL428T3tm3xg/aA0OGzjPmyaVp05mlhyAAEi
hVU46ZPTnGamNZON7KL10bu/uV/zPGqSlUa5It730SV31u3tY5/4Rf8ABN7xF8TPiBrXg3VP
FnhHwz/wjd3ENWedVkkghePzBJFKygsB90jeMY57Z4X9rD9l3Uv2SvjHD4d1i4t9Q0+6iW+0
fWbS1Qpq9sEAwkYyhO4855IwTnIr6I/Zcl8N+L/hP4k+Hen7fFH/AAru+/4SnTNSjtXFtrUb
Y3Wt4MZJ5OMHkLj+Hn6Q8MaTo/irVrf4xal/YutWuk6a0s9xqFhLbaT4Oit0G63soJMFzMPl
JIJBG4cV5NTNp0a7ptOStpFKzbdrO7PGzD2tGqnBcq0ur3V/Jq58Q/CT/gnR44+IGkWOseIp
tF+Hen6tCXhfUlE11fIRu3Q2wyRngBRtI54r1DWP+CJ3iiSwmh0H4neBb7x9b2/2i08JyiKG
8u4uoOC2Vcrzgp14JHWvVNK/aE8Sal+zz4i+M2n6XJdePPFjzad4Ts3PnR+HtKWQRedDER80
kZR23KDwVJGM1n/Fv4EfCHUfgneWfh/WNYb4uaHaf8JJJ44tL1rq4vbtYRNMZSjEwwchRkj5
gQMkHM4fMKsq372Sir25Uk7PS92zw8yxGJty001pdta3trfpofNN3+xTovgL9nPxxefEDxBc
eCfjJpN1Amj+ELm1LTXqsQoVEHMvm7sq6cJgHOKveGv+CezaN4Utde+KnxG8E/B06tGGg0bU
LcXuqeUejPB99C3B9Ru5wRivrr4d/tAa9+0Z+zn4B8XeLND8D6b+0JHZHTvBGta7KJl1yAHm
6WIA4uADhd2RvOcDOK+d/wBnvRIdSu5vHXxG8O2PxG+KHizV761uLrxWx/sHQxaDMsc55Hml
V/dheANoGADn1KmMahK7Ss3eyTb9L6JGeX1MTXjZqSdrvVNaWtbTruVdU/4Jo+BfE95pPh3w
T8dPD+veJNQj8/TLK60f7LZ6oztgRC8U53HGMHJ9AK8F8XfsreMPDv7Rem/DXxJ4Zbwv4q1T
VBZWKTrtsXjY43hznzIwOQ2STj14r7A8SRaf4i+NniDwLYyaDofhXxdpVrLoUFg4+xaHrBIK
y2EgAJi3glivRyRXda142vP2l/2RdHuNU0O88deOPAOtNoPiiwguMatptzbsVivIJ/vR7toZ
mztJJHrXLRx04x5370e+iaTWl9LbndKpWU403eKdrpq7b+Wln0Pn3xj/AME2vh/rkE3g34e/
EqPXvi14ZJbUbe5s1g02/BJ3xQZUs0kSnJY7hhe3bz34gf8ABLr47eBIZN3wxvvEVncN50d/
oUi3itGEPRULFR3wwBJGPSvqST4l/DXw54J1r4meMtR8TNa6lpy+HNMurKx8nXNClAIlgd8B
POZSczt94Zwa89+F/wAUPhD8OGjj/AOFV/tMfE74W3WoCEvZ6zp017YiU4GZtoCAc5JwQAT2F
aYHGTqXlq4p21V9euq7CxU8RQTVL4ut9dLaaJWPjXWtFX4b6rb6XrHh/WNB1L7K6XUWsWDxy
BmPDKjAFcYwDWfqEFnNpkMax2q3TSZWG3xI7DHBZx0z/AHa/XLULj45eL/APneLvD/wr/ae8
G3llJE2q+H7u3tNSdG7qcAZXjiNc8dc187/ED4A/syfHDA/syfgdMD5i2D84HUOPXGc56PrS5rTi97XTul6rR2NcDnjh/Gin3srpbdLXufC955McMPmWtr5luV
ARVCu5LLkPj71SDTrZ/EMxkS1hVpmBUoCVXAxgdhX0J8c/8AgmH8ZvgdoljrvhmT7cJU3Ahiqjc2fpjnrXz2FtdT8XXkMcM15fLK5KMDatGT1VlbnIIxiu6jOL1TUl5Pb
tdf5n0mFzbC4ppRta6te2632W5TtUjMTWcdrD/pU29JWXLKM4wPbitBJtNOvRxTR28EcLGNi
qA9j279arSXsk2nRR+ZFb/YS0fmD5t3JOB61ZFnDa6Pa3arG19qEpjCSHd+6AyX9jmr5Uz6C
M4U7KCT2eqT07Jb3uNSwt0S6ulNrPHHlCrKO/Q49azZ4I7XTcTW+2RVznbjBJ4q4IITZstxI
sEl05kVV5EeOxNIyrJpsPnP8zNtU46YPBq/Z9UXKMamtknZ/ffqug+68nTtTktY7WzmjvY40
LtHvMRwOVPY1E0Udtfrb+TbrHDNyyRjLoR61b1U2+lXsMkNnN5NxAOJG3FnAxvB9Kdo22JdS
+2LHcMtsoQK21ldj8rj/AHe9V7NLQ5vq65rT3v0Stbe17X1KUXlpczRQwwwyb98chjAkHsGF
NgeSW0ul8m1aPYDK5jHmMe5BqeG1W+voZo9q8bWQnBz3/CoYbbyZbhlk3NGSBFggNntip5GX
LDxsm+72t5dLDniS4X/Q4bdmjRNqsMqB3Ld81HFDbrHcO0NuZFQnIUBfwqRW+yWk2Y90N1tL
qpwYyDwRUK2raebiHzFLMoGc/e3dv1qo0zKVGKd2vysn0srE0aeVNH9os7X95CNmI1+ZSOG+
tVrW0jLeStqrSTNyWXdsC+g4/GpHVZL5YWmPmQxqN+ThccbcVIkrT3/7tSrRrIBlj+847Uex
JcY72626fMZJbpb6bM0ka/u5GAAAwARgZHpk1Y1K5gvm02RrO3hjjRYDtiAD4P3iB1J96zbe
BUiul2tuCgFGbkMOc/SrDbZLW3j6yMpl2c5kJPGD+v4UezVrCjUWui2W9u/oSXV7FdXcljHZ
wrG0+9WSIbQMYwM1NqOlW892/ktCrwRqNvQE+gwaLuFdP1aGFWVri3OLibOFkcjO0D2BxVO8
Ec63Eka/Z1aUBmL7sD1xWkaaSK9tBRs0m7+Ssuydt0WriK3tfsrLZrayY5MiZ3nPaoVdpNQu
iY/NXbt3Z3bxj17/AEqSe6ms7iMbY7iGP5WeZs+Yc9F9Dim6jZRwa3Naxq0bSfKiFj8gKqeT
3HNZypkSlz/CrarSyV9PxuQG222KqsMf74j7qglTnuDVtRHLqkTSmG3ihXBxGAGwOORVVNP+
waddWzSGSaHI3LwAc9M1JZjzUt7ebZO0wxndgJwetTKNzSnGKtzLWy9L32diVLqLU0aRmmiu
dwaM8hH9qZf3UksrTSSNHIzrkLk7xjGQP5iq+9YCsbYkjteh3bQTnsauWfmXLr9oVhuUiDYc
mc/7PuKnltoFSNOXxWv6aX6X9Og0QwwTbVtbeRZlwH8oN5ZPfpwffpUdsGW3mVbW1muFY7QY
kZ8eu/ru/GpLaNLM+dcSXUjK26CMMd0mOqsOqj3qOKeG0vJLxZgJHUOgz1BP3c+vrWkorlT8
7HPywlLWy+S089tz2j4IaCuo/sTfGtNiHwG7QyH8oN5ZPpwffpUdsGW3mVbW1muFY7QY
/s+zvNP0lUEa/vFlZiu3I6K2cH61n/BjU4YyylotrL8kQvqy65qGqXCtfRNNIHWIqd5D
5/wry+3sl165kX5lj4KoPvLjjnj3rSnrFvzf5m0YylotrL8kQvqy65qGqXCtfRNNIHWIqd5D

8Lg/1r1j9lfTfAvi7xbfWvxL0/VL7RbfSnnsrjSrcR3yyIRwFThiBu+9kcZNeZxajrVpeXEx
uipuZBMAigh/8PpXoP7IGkTD4nMWuN0k/hXWLmXa2d3+jzjB9ORmuzFR5qbUbx03TafyZ4uD
ppS5ZptNtXskvxufWfhX9nX9n/xTp1ncTeF/jV9jurcuZrrQ4t0mfusXC5Yns2eexrd0T9l7
9k/xNqSaT/Yvxikuo3AEcOlrHI7dlzt3E/U1xHhH9qX46ab4j+GPhf4X+LtLt7rxB4DtrhLK
+tYpUnkthInyl0OHIQ45wcHNfRnw41D/AIKERafp9/peoeCbqTUIlnkuLmytFktjnHlOoQZx
7A/WvmfqeJvb2lm72V3e3dnx+fSr0nNU3ZLZtpJuy8jmx+w1+yx4du1lvvhr8erhomO5JNJ4
J77ua9C8A/Cb9lnSbBbXS/2efixrnls0ge48JC6kJOMjc75IGOnQV1Vndf8ABQq5tI7pvFnw
3j85XeSB9NgElsV/hUeXls9qzdJ8e/8ABRbXody3Xw90lZCUHnWECMMH72CCRn3rSnh68dHN
u3e5+cyqY6quZyV/W34WNDT/AAL+z2tlNHY/sg/FDUGZsvu8Borr7BvM4+grQ0/wh8KcMtn+
w34umt1PMl34Rt45W/Bsnp79frWDqfwy/wCChHxcT7HqHxa8H+F7WY5luLGwghkhK8jaUj3E
MeuDWPrn7D37YyS+ZrH7WFrY7gMiMSRgH0wNo/KuiVOsnfnXzT/yMYyxd+SUtfJt/k0bGp/D
PwnDJJJZ/sGrNDMxeJ7iezt3ZD0LIy/I3+z2rldb8HWNxEy2v7BOkx9cB9csYvzIj61yfiL9
gz9ozUbRpNW/a8WGZpWWQPq8yoF/gIKyAjPPHFcXqH/BM34qC4jm/wCGrrGa83MbmQ6nOdrk
cbT52ScY64ro5atvekvuf6I+iy/DzavOUr+Tb/U9G/4Qv7Qq+T+wXoKtGTkHxDZ5P4mPmqM/
wRmvZFkm/YN0tueBH4otlA+oC4rzu4/4Jl/Fq3jWO4/ao09Y5nDFW1e4we+f9bycc1pRf8E2
PjpqkLfY/wBqzSZrHzB5Jk1+6XI7EqGIB9s1nyyt8S+5o9apJ04pqUred3+p6dbfBy1jg8y6
/YNs1XAyYdet3P5LHmum0j4R6K86s37Asc21RtB1G2wfr+7x+deV6L/wTR/aQ0iOaSz/AGur
W18sgqV1y58st75k4rtPCn/BPX9rldSWT/hsKO3jkUCN11S4lEv0TODUxwtSevOvlf8AVHzO
YYyprySf3tfk2z1Dw18EfDqOrN+wTDat1AF5aHn8Y6m8SfBrR4isln+wPpt1NMpEnn31gv5k
x4rF0H/gm/8AtmXLSed+2JcBVkzCYreSTfx35HHtzWX8QP8Agn5+2B4V0qa4uP2yljuFjYRR
3avbxsT1BYnA+uCa0jha23Ord7NfjY+bjiMRKovefpd/5nL+KNN8QW4uodP/AOCevheza1co
kk+s2NuFB64byRnP+ycV8c/tgaroPjv9n7xhIvwb0X4V+JPBfiGztruOwlS4mJlJ3oZQoI7H
glTkYrc/bm+Ff7QnwP0LR4fiF8fm+Imm6xf28C6Ta6xLN58zOpGVz9wD+L1xxXO/tLeIVvfh
98aNy3kN9ceM9MtFtVbKyeSDtbce7BSfrito02pRd1JXWqbWqaTTT3P2ThjAz9lKrUbfu6K7
ad1urt6ny7paWi/E+1jbVJtJ0+ZPISZNxadccq2OuTwSe9ReIW1K18UMtvbiNrctDApIC+V3
b8eKl8arY3HjyG3hj8mS31I2ygtuCqcZB9we9ZN7ZTW/iHUl8lplkuGgeTefkQEDr7/0r2t4
Js9qjFrRLruumnU3PhmjW3xM8LyaayrdTavbhip3bZDJj+tfVnja/hj+OX7T2l3zTWKyaJGZ
HTI/eIkYUEY/jJ/U18sfCq4Xwz8XdDWwbdcWfiCzeDPKgg9/xFfVd/c/bfjd+1lPcN5lwvh5
VDcYHyKP6CvNxUVJ3t0XruvyPQo1pRVnblcmmu2nQ8p/4J5eI7jRfjDq1x9ja+26LJbZUH9y
pTg4x3x1rxczLYR+XId0c0roQOqfNx+Ga9s/4J23k1t488bXEl9dWbW/gm9lSWIBmTAQDAx1
GcivBYbhV0e4uF8yTyHRPMPBALsTx75qaNPlqym+qS+49T20YUoqCs1d3fa+1iZVa0kktS22
ZuVGCevTn8a6rwF8HfF3xU0DUtY8M6NJqVv4X2pqMiOFETvkKckjPQ1z1nqUOlRzLb7WW9/d
kt94A+9ez/scftT2v7NfiHVtF8VaHb+JPhv4yVLfxHpKJmaDbxHPGcDkbgcZ5+or0IyTjY5M
ViKsIqau12X4Hj+q3ONajs4Y/sq2K+S8ZUg+smTjkZNRyOzahNIsjCKFQPvZ/c9Oa+gvj3+z
Hb+IdE8UeMPg54uh8Z+AA/DMMeoNazxEalpouSVaFgRmRYUUE+g7cV5X8J/2bfEnxY8ayabYW
raFpdrpZ1PUtZ1bMNpBYjk3OxgMoWztAz+hxj7SDW68/K3fqKOOqxikoyeqe3fbbbzucbFqM
Y0i48vdHtl+/tOR7cdKktrySKOMR2/mNJEzM7Ny2RXpXxy/ZX174LfD618Wf8JNo/iTwv4id
EtNSscqdQlOd0OzqFTaef/1Di/FHh/UPDNjpd5eaTcWcOsWTnTzKhEk8eSkk7+mMH/PNHtoO
yTun8v8AgnoRx02m5XTStbTv5XM+8EmiXUZs49s0kKl+dwwRzyKitAt9aNHHu+X5hJ0UGp9B
8Oy+I7O4/sOy1bUlV0jxawu3lccs7YwNzDPPatbxZ8F/G3fTI9Y1/wb4m0XtJ0GCp2Un2
Z2688YCHHWq9pC6SaT7X1COZW+JaPte3ydtPMzJ9K26V9qmm2zQv5T89T2/SmKVNxJJGjNH5
W8EHp0GaoyzWs6SW7YwNzDPPatbxZ8F/G3fTI9Y1/wb4m0XtJ0GCp2Un2Z2688YCHHWq9pC6SaT7X1COZW+JaPte3ydtPMzJ9K26V9qmm2zQv5T89T2/SmKVNxJJGjNH5
milbTrd3/wAu42K8ki09pF+XzH24J9aW4nWOyjVZG2yR+Y2Tx5me1RwCFrOb93u29Ofeo14i
jbaFVgM8+hzWii3uaVK0rKz6f8OS3rKj2sMbN8iBlyP4j97+VOQeRqSxszL53yE/X19qW5uf
Kkmj+7HN91QepI7U2dVSGH5mW+jO0j1U01BXuzPmaWndfLy9bDr0ra6c0cf+u+0Fcg9RVeSc
vLGY/v4UsakubpFFxDuO6Yhcjtxz/SnNbSG0jtYYW+0Wu5rmXdwUPIBpO70FKprdbabd/wDP
qTWkr3Ut5NJN5Hkx7SwOCc9qryBtwbKNrU+cqvj3zTVjhH2hYV85WQHJbkYqBJ820KqfLjZ/
mIJrGUGy5Vla0t+6eu/3fgTsy21wrM375huA9DSu0K2LMzr9oaQg/hTL65zeL+8b5VjUMB2A
FT2EMp8Tb/Oz5yyISR0AWp5NbEyxE1pFX1t9/wCpCp80WxWZW3cA88/lVqWwkNzdSdFhAY4Pr
3AxVS0t1s4I/3iyMFOBnoc5zXSfDDwf4m7Z8pPsRPE6948LjweWNTK0
I3m7L8l5mVbEqCXPu+isYumpHqv2nT4Y7i+vrgKtpbwZYux+nJPsK948Lfsv+G/gr8Txb6Dbx
cLq45a0kdrDZW4+
06fo8u4bmkCj5nB5HIIxklRWV4qvfDf7PHiBvEHxmfwAdmlXpzK2hrfCSz0WEqdqS7QY/Mw
ciMLhRjAHU+fKpKqrRTUb6W0b9Oy8zw5Y5zm4pXdmrvZdtOrXQuL4h+IH7VngP7Dbx6X8B/g
/pMfMfmfF40axhu4pRxvb939pdsE8bVO/kk4rhdN+MPwd/kK8rhdWrWRXVGjGLvol2SSRX
s1Fcu7ul19ertY7j4OftGeNf2dLO8h8F6suk/wBpERerXweWk0N8FJIA3rkQSPerXeWk0N8FJIA
HzR20/xV4mvvvl2ZI/hmZZJV
3bR0kxxzUfVYTnzuK5ls7K6+A/A/2dCDWrjBD4p4mPmqM/wRmvZFkm/YN0tueBH4otlA+oC4rzu4/4Jl/Fq3jWO4/ao09Y5nDFW1e4we+f9bycc1pRf8E2
PjpqkLfY/wBqzSZrHzB5Jk1+6XI7EqGIB9s1nyyt8S+5o9apJ04pqUred3+p6dbfBy1jg8y6
/YNs1XAyYdet3P5LHmum0j4R6K86s37Asc21RtB1G2wfr+7x+deV6L/wTR/aQ0iOaSz/AGur
W18sgqV1y58st75k4rtPCn/BPX9rldSWT/hsKO3jkUCN11S4lEv0TODUxwtSevOvlf8AVHzO
YYyprySf3tfk2z1Dw18EfDqOrN+wTDat1AF5aHn8Y6m8SfBrR4isln+wPpt1NMpEnn31gv5k
x4rF0H/gm/8AtmXLSed+2JcBVkzCYreSTfx35HHtzWX8QP8Agn5+2B4V0qa4uP2yljuFjYRR
3avbxsT1BYnA+uCa0jha23Ord7NfjY+bjiMRKovefpd/5nL+KNN8QW4uodP/AOCevheza1co
kk+s2NuFB64byRnP+ycV8c/tgaroPjv9n7xhIvwb0X4V+JPBfiGztruOwlS4mJlJ3oZQoI7H
glTkYrc/bm+Ff7QnwP0LR4fiF8fm+Imm6xf28C6Ta6xLN58zOpGVz9wD+L1xxXO/tLeIVvfh
98aNy3kN9ceM9MtFtVbKyeSDtbce7BSfrito02pRd1JXWqbWqaTTT3P2ThjAz9lKrUbfu6K7
ad1urt6ny7paWi/E+1jbVJtJ0+ZPISZNxadccq2OuTwSe9ReIW1K18UMtvbiNrctDApIC+V3
b8eKl8arY3HjyG3hj8mS31I2ygtuCqcZB9we9ZN7ZTW/iHUl8lplkuGgeTefkQEDr7/0r2t4
Js9qjFrRLruumnU3PhmjW3xM8LyaayrdTavbhip3bZDJj+tfVnja/hj+OX7T2l3zTWKyaJGZ
HTI/eIkYUEY/jJ/U18sfCq4Xwz8XdDWwbdcWfiCzeDPKgg9/xFfVd/c/bfjd+1lPcN5lwvh5
VDcYHyKP6CvNxUVJ3t0XruvyPQo1pRVnblcmmu2nQ8p/4J5eI7jRfjDq1x9ja+26LJbZUH9y
pTg4x3x1rxczLYR+XId0c0roQOqfNx+Ga9s/4J23k1t488bXEl9dWbW/gm9lSWIBmTAQDAx1
GcivBYbhV0e4uF8yTyHRPMPBALsTx75qaNPlqym+qS+49T20YUoqCs1d3fa+1iZVa0kktS22
ZuVGCevTn8a6rwF8HfF3xU0DUtY8M6NJqVv4X2pqMiOFETvkKckjPQ1z1nqUOlRzLb7WW9/d
kt94A+9ez/scftT2v7NfiHVtF8VaHb+JPhv4yVLfxHpKJmaDbxHPGcDkbgcZ5+or0IyTjY5M
ViKsIqau12X4Hj+q3ONajs4Y/sq2K+S8ZUg+smTjkZNRyOzahNIsjCKFQPvZ/c9Oa+gvj3+z
Hb+IdE8UeMPg54uh8Z+AA/DMMeoNazxEalpouSVaFgRmRYUUE+g7cV5X8J/2bfEnxY8ayabYW
raFpdrpZ1PUtZ1bMNpBYjk3OxgMoWztAz+hxj7SDW68/K3fqKOOqxikoyeqe3fbbbzucbFqM
Y0i48vdHtl+/tOR7cdKktrySKOMR2/mNJEzM7Ny2RXpXxy/ZX174LfD618Wf8JNo/iTwv4id
EtNSscqdQlOd0OzqFTaef/1Di/FHh/UPDNjpd5eaTcWcOsWTnTzKhEk8eSkk7+mMH/PNHtoO
yTun8v8AgnoRx02m5XTStbTv5XM+8EmiXUZs49s0kKl+dwwRzyKitAt9aNHHu+X5hJ0UGp9B
8Oy+I7O4/sOy1bUlV0jxawu3lccs7YwNzDPPatbxZ8F/G3fTI9Y1/wb4m0XtJ0GCp2Un2Z2688YCHHWq9pC6SaT7X1COZW+JaPte3ydtPMzJ9K26V9qmm2zQv5T89T2/SmKVNxJJGjNH5
milbTrd3/wAu42K8ki09pF+XzH24J9aW4nWOyjVZG2yR+Y2Tx5me1RwCFrOb93u29Ofeo14i
jbaFVgM8+hzWii3uaVK0rKz6f8OS3rKj2sMbN8iBlyP4j97+VOQeRqSxszL53yE/X19qW5uf
Kkmj+7HN91QepI7U2dVSGH5mW+jO0j1U01BXuzPmaWndfLy9bDr0ra6c0cf+u+0Fcg9RVeSc
vLGY/v4UsakubpFFxDuO6Yhcjtxz/SnNbSG0jtYYW+0Wu5rmXdwUPIBpO70FKprdbabd/wDP
qTWkr3Ut5NJN5Hkx7SwOCc9qryBtwbKNrU+cqvj3zTVjhH2hYV85WQHJbkYqBJ820KqfLjZ/
mIJrGUGy5Vla0t+6eu/3fgTsy21wrM375huA9DSu0K2LMzr9oaQg/hTL65zeL+8b5VjUMB2A
FT2EMp8Tb/Oz5yyISR0AWp5NbEyxE1pFX1t9/wCpCp80WxWZW3cA88/lVqWwkNzdSdFhAY4Pr
3AxVS0t1s4I/3iyMFOBnoc5zXSfDDwf4m7Z8pPsRPE6948LjweWNTK0
I3m7L8l5mVbEqCXPu+isYumpHqv2nT4Y7i+vrgKtpbwZYux+nJPsK948Lfsv+G/gr8Txb6Dbx
cLq45a0kdrDZW4+
06fo8u4bmkCj5nB5HIIxklRWV4qvfDf7PHiBvEHxmfwAdmlXpzK2hrfCSz0WEqdqS7QY/Mw
ciMLhRjAHU+fKpKqrRTUb6W0b9Oy8zw5Y5zm4pXdmrvZdtOrXQuL4h+IH7VngP7Dbx6X8B/g
/pMfMfmfF40axhu4pRxvb939pdsE8bVO/kk4rhdN+MPwd/kK8rhdWrWRXVGjGLvol2SSRX
s1Fcu7ul19ertY7j4OftGeNf2dLO8h8F6suk/wBpERerXweWk0N8FJIA3rkQSPerXeWk0N8FJIA
HzR20/xV4mvvvl2ZI/hmZZJV
3bR0kxxzUfVYTnzuK5ls7K6+A/A/2dCDWrjBD4p4mPmqM/wRmvZFkm/YN0tueBH4otlA+oC4rzu4/4Jl/Fq3jWO4/ao09Y5nDFW1e4we+f9bycc1pRf8E2
PjpqkLfY/wBqzSZrHzB5Jk1+6XI7EqGIB9s1nyyt8S+5o9apJ04pqUred3+p6dbfBy1jg8y6
/YNs1XAyYdet3P5LHmum0j4R6K86s37Asc21RtB1G2wfr+7x+deV6L/wTR/aQ0iOaSz/AGur
W18sgqV1y58st75k4rtPCn/BPX9rldSWT/hsKO3jkUCN11S4lEv0TODUxwtSevOvlf8AVHzO
YYyprySf3tfk2z1Dw18EfDqOrN+wTDat1AF5aHn8Y6m8SfBrR4isln+wPpt1NMpEnn31gv5k
x4rF0H/gm/8AtmXLSed+2JcBVkzCYreSTfx35HHtzWX8QP8Agn5+2B4V0qa4uP2yljuFjYRR
3avbxsT1BYnA+uCa0jha23Ord7NfjY+bjiMRKovefpd/5nL+KNN8QW4uodP/AOCevheza1co
kk+s2NuFB64byRnP+ycV8c/tgaroPjv9n7xhIvwb0X4V+JPBfiGztruOwlS4mJlJ3oZQoI7H
glTkYrc/bm+Ff7QnwP0LR4fiF8fm+Imm6xf28C6Ta6xLN58zOpGVz9wD+L1xxXO/tLeIVvfh
98aNy3kN9ceM9MtFtVbKyeSDtbce7BSfrito02pRd1JXWqbWqaTTT3P2ThjAz9lKrUbfu6K7
ad1urt6ny7paWi/E+1jbVJtJ0+ZPISZNxadccq2OuTwSe9ReIW1K18UMtvbiNrctDApIC+V3
b8eKl8arY3HjyG3hj8mS31I2ygtuCqcZB9we9ZN7ZTW/iHUl8lplkuGgeTefkQEDr7/0r2t4
Js9qjFrRLruumnU3PhmjW3xM8LyaayrdTavbhip3bZDJj+tfVnja/hj+OX7T2l3zTWKyaJGZ
HTI/eIkYUEY/jJ/U18sfCq4Xwz8XdDWwbdcWfiCzeDPKgg9/xFfVd/c/bfjd+1lPcN5lwvh5
VDcYHyKP6CvNxUVJ3t0XruvyPQo1pRVnblcmmu2nQ8p/4J5eI7jRfjDq1x9ja+26LJbZUH9y
pTg4x3x1rxczLYR+XId0c0roQOqfNx+Ga9s/4J23k1t488bXEl9dWbW/gm9lSWIBmTAQDAx1
GcivBYbhV0e4uF8yTyHRPMPBALsTx75qaNPlqym+qS+49T20YUoqCs1d3fa+1iZVa0kktS22
ZuVGCevTn8a6rwF8HfF3xU0DUtY8M6NJqVv4X2pqMiOFETvkKckjPQ1z1nqUOlRzLb7WW9/d
kt94A+9ez/scftT2v7NfiHVtF8VaHb+JPhv4yVLfxHpKJmaDbxHPGcDkbgcZ5+or0IyTjY5M
ViKsIqau12X4Hj+q3ONajs4Y/sq2K+S8ZUg+smTjkZNRyOzahNIsjCKFQPvZ/c9Oa+gvj3+z
Hb+IdE8UeMPg54uh8Z+AA/DMMeoNazxEalpouSVaFgRmRYUUE+g7cV5X8J/2bfEnxY8ayabYW
raFpdrpZ1PUtZ1bMNpBYjk3OxgMoWztAz+hxj7SDW68/K3fqKOOqxikoyeqe3fbbbzucbFqM
Y0i48vdHtl+/tOR7cdKktrySKOMR2/mNJEzM7Ny2RXpXxy/ZX174LfD618Wf8JNo/iTwv4id
EtNSscqdQlOd0OzqFTaef/1Di/FHh/UPDNjpd5eaTcWcOsWTnTzKhEk8eSkk7+mMH/PNHtoO
yTun8v8AgnoRx02m5XTStbTv5XM+8EmiXUZs49s0kKl+dwwRzyKitAt9aNHHu+X5hJ0UGp9B
8Oy+I7O4/sOy1bUlV0jxawu3lccs7YwNzDPPatbxZ8F/G3fTI9Y1/wb4m0XtJ0GCp2Un2Z2688YCHHWq9pC6SaT7X1COZW+JaPte3ydtPMzJ9K26V9qmm2zQv5T89T2/SmKVNxJJGjNH5

5cKrAmNmCJtVsElRkHcemTXy7bRNJfbm+VYR5hCsSW2+v50M0JuI5FLKzHcvOc81yRymip+0
5byTvdt7+m2h5MslpN8zd3eyu9lpc+wvhB/wUU8P+E/hl4Ft/EXwjh8YeMvh+RZeGNYhvXsb
dIQOW2qCplXqVIIyCcivMfCf7ePjLwbpPifS7XTfDN14V8Va9ca5FYazYi6Ntcudz7PQLwOR
9K8Rjh/tJbpljuWe1HmuU3bYAWVd5/ujcyjJ7sB1IqKFG82PdIu7d0PbitqeBpWd4/Fvdtre
+i6FU8npUp81N9U++q9T6d+DH7cfgvxpBcab8XPBLXGm6bNFdaHP4eg+xtoTlv3sg2kExMcP
tOfmyfTHjtn8X9Y+HXxH8Yal8PPEXiDRbPxBd3UcRZmeW9sHlZla6YknzACCGOWznnvXCyNM
sTLHLuRo8Pg4BG49aaJhAimGRv3mF9zj1qqOBp07qEVyy3T1XyRrLLYyqc8m27p3tr8leyPY
vHP7ZfxG+Jnw11zwf4g1bSv7J8TSwXN9J9l23lwIsFChXACnYoPGa8mgdpNCvlkaRmJ5kjV
mdNu1QT6GnQwNfa5bybm3Kp3FvQDOAPSl0+OaW6hazhmuLiaYwxRxqZHkcn5VVRyck4AHWui
nh4U48sUoxveyVlfQ3/s+mm6lTfVPzVla68i5omq33gLVtK1jwrqGq+HdYtV824udNumt/IY
dCuDnOOozX0d4b/4KseLNZ0SHTfi94P8M/Frw7GShfUrCOPUDEeNiTqvy4IDA7d2RnPp8x3c
66hp1vayLMtx5hbI6HfzzUM00mrWtxas21Wm8/5vvE9OPQUVqMakeXlvqne9mreehy4jI8LN
+7HW2nrbp2P0g/Ze1+H4jRXWofsn/F6+8E6xbj7RdfC/xeTdWbYYFkt5JScIfnJKZYlgCV7c
3+0DN8Mf2p/Etr4T+NHgub9nf4vLPk+IILESaX4ic4DFpVAXB67mOF4G48ivge31y9t9bbUt
NvLnT9Qs0QwXcMphkgIIG4suOcZr7A/Zf/b98Kz+FdU+G/7SFjffET4Y61NDDp+v7d15osmG
LMMfvSuSDuUlht4znA5/q8oyahqu+ia262sz4PMsrqYFurG8muys7dU3fX7jwj9pD9ivx9+x
74jhuPFWk+Z4R1CaSPR/EEBE1reRgEo+YyQCwwfm569cV5xZ6Tc+GxC1xDC39pWrtbB5Awyx
yJAR0IHQH1r9LPiN4c8Vf8E6PBnmWazfHj9jvxhFI1uiTC6utBiuFA+SbG6PBY4IIXOc7WOT
8w/tY/sB6Dovw8vvir8CNeh8afC268k3NjGzXOoaE7AErKP9g8HPIzznGa2jUt7s3ba0tk31
TXQ0yPiLnaVRXTvZ3fdfO68z5j0zTW1We3splVWl3bZC/QDnn06U8Sx6hK0bKWWFtuQcY5PT
1BpLKYjT5LiHy5FuHCkIxD5z0kz92gl9TnZbpfL8nHJ4/wAiuyMVbU/QKOIcopx1v+K6a26E
lqzXyX7Z3LaWxlUMx+TDAYH59KaLjNpJdbmWa4ZUOOqKO5FNj0+TV5TDa3CsrfvHGeRg/wCe
KkkuvP1GS8Rtv3kYnoS3HSiPkdEZTbv07+fdd9Aa08yNtrMvlgOkoOFfP/1qZqF4LmPzI2UX
CqPMK8BscA4+lQGzYxNDG26RxhOeMjk8fjUq3iR6db7lXz/MdnycAjPFaExqNe69L9d1fy7M
RC0igRsZPMXhSevvjtUsto0Vw0lxCY2twj4Lf170sl+jNcRyW4/eEEkHBGPSoWspFsVkjaN0
M3CFjwPT6UpK4+blt9okgks7zUpplbG5d+Cfu+1Oltja2FrdW67zcSOgBJ46iqs37xbiGT5G
Lg4H8qmtZZNLh3WrbbnzSoI5479aXKTGSktUlre6WtyxNYW8WhzXEjN9qa7ZCMkLgKf61CZ7
OVdPhhWRfMAV3J+ZeeoxUlrfM1nHDMxuLcSMXXqS2DVeB1n0iZYF+x7H6FuRzSe4nKMrciV2
nutdH56FqK9tdQ1eMTWjSNs8vKnDSKCfnJP0qvB5O2+s4bORLi4bamWJxgknt6Zpr6kqWEkc
jTfZ5CfOnBI+1PxiIcdR1r2Xw7+zppPgHTNE1T4oeMG8D6f4gg32unWNq91fCAjiSRQDtU+p
BP8ATmxOKhSXvbvZJNtvrZLXQ4/aKpeKtpq3ZK3q3bT0PGpJLeBIhuaSGbO/5vuHj8T0NSLP
YWtn5zXX2m4jl2xpu27V9SSAB9c19VXH7KnwTPgfwK1n4k8QeGdW8bXdxa+G/EU0vmWN9JA4
SSWeI4MAZmCgZ6kds14r8R/gJ47+FXxQtfBWreGP7U8Sa2hS0SFzdQ69DubbNGyHthm3ZBAH
OMVOHx1Otto7N2kmm0tG1f0OeWKcXZ2uuqd7Oytt1uedx2keoJdXEN9Ci7cyRSNtO71GR/h9
afYQQ3etWNvDq2n+c3TGcIcd2K4/Kvb9Y/Zs1X4EweG/GXxesdN8UeD9F1WLTdW0zTtSVr2G
IqcQF143JkHy87uOSAcj3X4/ePvhDo/jex+Hd94L8PaT8MfFXHxjh8YeMvh+RZeGNYhvXsb
jTfZ5CfOnBI+1PxiIcdR1r2Xw7+zppPgHTNE1T4oeMG8D6f4gg32unWNq91fCAjiSRQDtU+p
8ZkcswOcf7Of4qmOMpy1h7yd9VqtLXt5nLWx06dRU5K17N3e935M+Fp7K3tdKka4mja8t5Qs
FnzunO7nGByK+mNF/Zv8B/C/4FL4m+/Zv8B/C/4FL4m+/Zv8B/C/4FL4m+/Zv8B/C/4FL4m+
SSWeI4MAZmCgZ6kds14r8R/gJ47+FXxQtfBWreGP7U8Sa2hS0SFzdQ69DubbNGyHthm3ZBAH
afYQQ3etWNvDq2n+c3TGcIcd2K4/Kvb9Y/Zs1X4EweG/GXxesdN8UeD9F1WLTdW0zTtSVr2G
qHxa+JmqeINa1q61STViwhurjHnPBG2yMOi/Kg2oMoO+c1NGs67cIJxjFq7as2+yvqdFbmnJ
WkrytZJ3Vl1fmY+pR2tvd3CrdNdbN4WeNGQ3ynlJWU/dDDk9+e9U5YWjS1jaPd5KqzkHrzRZ
XLSQ/Z1Vn+fMIx/H/hVgPay6gsckbKseDOAx+8eorqlFpI9SioWs3Z2t/Vz1L4NTR+IP2T/j
NpEa/vlFlqkfbKRzHdz+RxWx+zzpX2n9jb46ecu3zLbS7hSDkBmlLCsv4eabcXH7EfxW1a32
rIuq2FncNn5niEikD8zW9+zRZyTfseftBrY3S2qx6do7srNxJ87mRR7nGPxry6kXZ9PeXn2O
WpKmmpR191rt1f4nO/EZdOt/2RPhX5cjNdfab5px2UeZyM/TFeT7LdbTzGHMkhK9fu9q9g+I
+hrF+wv8Kpkuo5JrjVL5VjU/NHmQ4yfYgfnXj95YrKsP3mO0hmHcg4NVypQevV/mdVOpJpWX
RfkiPR5biG8gC3M00ih1EbINse3nP416d+yBqCxeNtUkt/kmXwZrCMAchz5E2c+nXPFeV2v7
m4WOCaSOOPztsj8ckce2TXpX7LEUkPxC22O9ftHh7VoZBtwci1mJyD1PTivQxFvZteR5eF0t
F6776nrCwfZv2nf2c49PuJoYW8LacjCKVoWjDCUynK9jk5GeehrS+AXhvxB8Y7fYfH2oeHdP
xMtfEmsaleLo62WtzeXYWttlvOuUDbsnGFAIBweRXP20tnL8cv2eV8u4mkm0C0gd4slWlJkV
AD6KxG/05zXVfsqfEL/hHvFax+PvHvFax+PvHvFax+Pv

96pFPX3VrFaN36p9Udn1HC0G4pJqT+Jq9mlrddyz8Xf2VfBPg74GeBfHl1rU1jca9dRSX+hj
UlmuotOd2K3IAGd7RhS38Klj0qp4j/ZOt/j7+0BqUPwb+0L8N5LhLWDUdQupPs8UwiVpliLf
O5DZ25yCe5GDXK/CL4ar+1r8Xo4dW1JbOxZZrrX75pFSPRbGD5sxA/KiMoVFJyPavavDn7RM
Pg/4VyeONPs9Qs/hzHr0HhfS9Es7ho2ns4vnafYDuFyQAd27nJBz96scR7WlTvT96WyT2V7W
XqFPA4eq26tuVJtNaNpb3tpY53W/gX8H/hX8Ro/COoeH/i94o17VpBBpsd0Y9PtNQbO0PERh
2Utn5iMAdq7D4u/s8fs0/BPxbY+GfFnjz4ieDfFjW/nTw6fdnULLQZWQNGrt5Qds5HC8+u3r
VX9sH9o28/bpl8J2Pwj8A+JvEFv4TkF1/bV1bsrM4wWhUgAKvyLn5gSV4A6mb9qL4o/D3U/H
9n40+LX7P/iDTde16KBbqaDWy9rMY0EYO1VCCUhOUYhu561OFlVfK6rcZNO8U03fpo9j5vFZ
fRqq1OEYrfma0tfRJ9SH/hS2ufCXxTp/jxfiV4q+LnwVsXlS71Twt4inbUNJ+QEfaYQ4KIC2
W2HhckkcKY/gL+zx4T+PfwO8efFTxhq3jrXvDvh/VGs9O0warNJ9lt2Yfvg78syhuAdo45zU
f7OWueA9e1e11n4f+CPFXw30uGZrO71u41GTUtFvwcFrW+jxkxEfLuU8FgT0yOs8eab8Hv2W
fiX4ijm+JHi7S/COsRRa1L4Q0oMNP1csQfLUL8vlHGNhwQvfA4nEYpuboxbjNpWsruyet0rp
PzNsNkeHhTjPli1e7bWlk1s2jwHx9+zrovgTwZqjWOoXmqQ2fi/TbGy1LaNz2tzAZUBfGd6g
jIGACBxzXT/td3mm6bovxOjjkuI1uPG8ESKkp+YxxlpGB/vZJ+mRVC58WyeP/wBlPUNes7G3
0nR9W+KNtcW9lagbLMGJiEwAM4BUDHXFO/a3C3nw88WXjbma3+JdwQrLkzZhTIHqRxx710UY
t8vO22nZ+um9tNz6iPJCnL2SXLZWXlZ9Twnxf4cXQ5vD+qNN9ok1R3V0I/49iGADhh1bvz6V
X8RXgnt7q3tc28kCskzx5c3bZBV29DjPSqupWmqadc29vcNHcR6ffeYxhfeIVYg/MRwtR6le
Nc+Jr42rQ7pZNhfzP3JDDqW9sV7kfhseTRqWi+W+vT5d9/xNT4eSw2XxA8I3ilbjdqtrPOuc
sWDjg/rX1T4huV0H40ftWQtD501xoEXlBjgBH8sE/hvB/Cvl74OWNvoXxT8Lx7luJF16x8xg
cxMu87gp6GvqjW3bxT+0P+1UsS/vF8LkRIoydsaxcAfhXn4i/Py9LX/FFRs7X76/ceVf8E9t
CXUfiX4s8vUpre30nwXfX12pXcsyBUUxt6LlwfwrxbQ7yz/sqTda3DXDIUjIOYXcMxJI+jCv
cv8Agnp5I1/4tKrbpLj4b6jCioN0kjnySVX1PHSvA9Miki0axuI4WURyHzWDZO4naPl/4DRG
PvOXWy/I9KnWk0otaK9tL2V0WvJj1HS/LbdHJancxUc7Rznn3NTXl0q6Ra/Z7dZlmDyPJn95
dkEZVv7qqfzpsmlTWOryQyTZkkTbMVfeMMd3Pp1596ZAYyb61sf3kioWRt2VhjGd5H14rSMd
DsrX9nz2Svppu7bWR9J/sgfErXh8J/F2mw2smoaH4Ht38VQ/2fbG3mlvwqqsMrD5ZLdApZlP
zHHGcYrqtI+Fnxu+PH7GGtePte1pbjwvHOfEMOhSfuLzXbOJwbr51IK20YJKpznjAHy1n/Av
QNBuv2AtPm1zxhN4Z8H2+vTt4jtdLnY6l4hlchI7JYxg4ZAOp24+YjjItaTHq3xZ+D2ofD/4
L/FpvDfh2SeazvvA3iy5W3urZZHJaGC4IJeN2ypQEHOck5rjlFc7lFJO6TbTsl117s8vFVqy
UVTaatqrq7bd7WMn4m+JLHwx+1D8HfEnirdD8HZrSxv9DtoVaSz0+BEXzI1GP3jrIAXyNxUj
PYV23iD/AIRv9pvX/iJfXHiJ/Fnhf7WC+tb+4mVI4rMEbRbSKCjnIPGcHknj/FP7
IfibR/2WI/Cc2tWviXe7iuiYPpofzk0G9U4nsxJ/GVILA
kDj6V5bpt/aw3smntD9sW4RkQuSGhYnhl9SPSvoj9prUW8Wfsq+CbzWLfSdB1L4jeMJ9Zg0u
zXyhpFpGrW4KR9QjZDF+5wa+c9Qgj0zWLi1S48ya1lO25B/1xXjaB+Nehg5ylTjKVr6p/lp3
R6VHFJTah8N09d7PdWsPW0j017q33Z8nhih+Y+oNVrmwmaCNV2srYdQG67jjFMt72N9S8x08
uPdiV1bd5vrilhMqyh1aRY1AZT/Cfmz17Gu6UtLHpe2jKNlte2na5NJpsk3lv5bD7CQ0+f4T
2xSXE3m38cjMFa4YbTnIWnTX8zajJumZo7ptkhBwOnFRtaQvC2ZF3QyiNPm5yf4qDTmik+Te
6vfutvwF3LBdNHtVpY5Q6uSfm56fpTk1GSGebbIy/bDslUH5QB0omVrbUtu1h5YBO4cyY6nH
cH1qt5kL3M3zNGGbK7xg/gKDH2ijZ31uSrD9nubrbnyxFtUhuW/Kogv+hxxq7eYfmI2jirOm
6b/aegalffaI91nJCixlhvm3kj5V6nGOaZbzC3aSb5VVVK5Y4G4fqDU86KjKNr9NfuuS3oTd
HJukKyeWg3KMdOeafaW7G/mmYzR2dsT9pliXe0KNwDgkA57c1BdQW954ct7qS4WOT7TJC4LY
CnqMnt7V1nwU+AuvftJfErw4J8NtLNrHia4SJ2YMI7AL1e4ABwABkZrOpJW5k7W/LqcGKzK
nShJtqyV9yH4J/BfXv2hviXD4V8G2f8AbWpXm5ovNwkEMIyXmnOcRhF56n0AJIFfT3gzTbX4
Y+MNS+DX7PcjeJviRRrEIs/FHxFtJfTO53vZW06qv7sMWUvj5c8YIzXLKUqnu231Se1l1a/JHw39uVMVPP90ny3t5
v07GP8Zfi14T/HYIzXLKUqnu231Se1l1a/JHw39uVMVPP90ny3t5
tSjkvJNS3eel1dT77gSMcvJv/wCWjk5+Y81Rt7dbu3tY0aOGFjtCKSf3wPzPuOTtPrnrRa21
xqt5cRr5lxdZ8sCPLs2Om1R978K0o0VCFo3k+re9+t+iXY+wyvDuEU6nvauy0slbW3mgezWW
NpE+WSYli2/P1yMetOZY1ntftEcciQrv2H5d59OKguoJo7dfvRxq3zBgVye/48fWi4tmfUvl
jZlZQVyhJYY64rfRLY96XLa1u3+Z6Pa/sl/FTVtJVrf4X/ERreZg0Zj8PXjI8TEHIby+eO9f
dn7XH/BMHxF4f/4JffeOCb/a9Wsbe3ee8Kan+8nj8uNSXaGUW6dPlRGOTznn/
APgh1/wUD+JHhb9LwLr8Hby4/wCEo8aWlkgs0MmC3lhI2HktleF2lOd37Q
anfbrG6aFlkmVMiMttyewJ7Z9a4sRUmpJJba+p+L8ScRY6jj1TskotNNN6rZJ9tNz+X/AMXf
s8/EL+/L17wH4w7Ce2tXacEnHXqK+i
P+Chv7cHxG/bU+K81j4w3aHp+g38sUPhi3Y/ZdMlV2jJkwf30yjKmVv9raEVitfO89vHEjM2
6RYZSiMh3KRnse9ehTk3G8tz9SyfFVq+HjUrqKbSdk7pfPv3JMtBf3XklY43gK8HcWHHHr610
3gr9nzx58TPL8vXvAfjDsJ7a1dpwSceuor6

v0Fe4fsPft4/EL9iv4mWtx4L1RrjSb6Yz6xod82bHUgBtO4dYpNuMSphgVUHcuVJUvb3dzHO
q1WlQdWilKS2TbSeq0TWx9gf8E+/+CYesePP2CPjZ/wknhvVtJ8UeMAtlolrqlu9pOWsUF1B
JtZRIqyXLhDkciLgYPPwjJ+x/wDFWT5pvhv8SIY8NJI0nhm9Cxbeg3eX+tf0weGfEUl74e02
bUrdbG8uoUeW28zf5LlQWQNgbtpyM4GcZwK/In/gu7+3T8Sk+NGsfBmz2+GfBsNpbyzTWkjf
adeimjDHzZRjZBuLRmJQNxjbczKwUceHnUlNxfXU/MuH8+x9fHOnZWk7u7dklo7dz80bKFpL
a42qq7YSZBkkr8xqa4Maafp/2fbJuJY4/jYdQaa0jW10fLVY1ZNsoJ6DGfyzUcN3Dbw2e23X
5WeQgd93QV6HKfscako6O22+vlsdF8Pfhv4s+K2qTL4X8N694kuLaJmuIdL06W8+zb8gbhGp
2g4OM9cV9of8Ecf2EPGHiL9rvT9Y8aeC/FGg6H4RsbrU1fVtLls4bu5dfs8cOJUG7AleT5eh
iGTzg/Hvwm+Lvib9nz4gWvi7wr4g1Dw/rUMLeRcWzjPzYyjxsCkiHAyjgqcDI4Ff0Mf8E5f2
p9a/bH/Y+8K+PPEWm6bpOpasJ4phZyE29wYJngaZQ3KBnjf5CWxj7xrhxVScNlo9D834wzrF
4WHLSScZaOV3dO3b06n4g/tRf8E/PiV8Hv2h/FXh3Q/hz4y1zQ9J1G5t9LvbHSru6guLQnfb
P5qxkMwiZA3J+YMMnFeF+K/B+peBfEsek6hY32m6tahftllfwvbXFtI2G2MjgMuVIPI6EGv3
E/4Lg/tvfEL9jX4P+G4/A9na2f8AwmVxcWNzrsgEkmmFUUqkSHgSOGYiRtwURMNuSGH4W6nq
t5rtxcaxfXE11f31201xdXFw0s95M5LPIXYkszMSSSSSSaMPKUoe9sehwjnGJxWHjOuko6J
NNtuzs2+iCWBW0+8mZo45POCfZx9xh7/AJUQW00Vnq0fl2s1rcQKsnmR5aBQV+aP0P8ASqqF
vtCyTSRyW8km4oDgMcdM+tKk32m5vGu2aGNYgbdYz/r+eg9TXU4pJH2GJlRmvei+3/BfkfQP
7Hn7ffiz9ji01DT9HmtfE3w3um26z4J11/MtNTWVdrtakg+XIRyVHHqDmvoTS/Clx8MNLm+P
X7HLSat4Pvo3Txl8Pr1/tD6YADJIJImbouCFK5IB4JBxX56m2+0WFx8rNeMQ/ltwET+9n+Fu
1d7+zx+0L4m/ZT+J2m+Lvh/rF1pesWMQSWyaEtb6ymQZLO4TpJuGTu+mMHBGMqbrLons09U1
2/yZ+e5xw/yOVfCpJtXstE9e21/Q97/aQ/Zp8J/tJ/BvUv2jvgyskmgrLEPG3gyzTFzojgZm
kG3kRZAbIXoSc9QPlWxtl1W7t2+1L9h1CJwkkbbjHtUskWfXG0HPOc193ePviZZfBO10v9r7
9nWGEeH/ABFL/ZnxS8ESKZLeyuZCBLHJER8kbszbW4AJQjhiK8N/4KJfs+eEdL0jw38bPhC8
tv8ACX4kN59taqfk0HVASZ7WQdI/mDbV6fKQPlAranaMFDW2yb1aa6P9Dz8hzqtCq6Vfqnbp
qt7tux86xSta6da3Vqscfk71mTecsT6017qFoVuljnWOXEYiUZRmHvWjLcw3Hia61Cx0/Uru
1htzLqMcFu0kdm+SMyEDCr3yfWsrTpnNtJNcXSrCu6aFF+ZGYYwtEZcukj7injoT92LvZ9NU
ttV0JbKXyLeaSONmnZiyknDKMYwKZb20csCvIskZj5kbPzN+FSXTR6i0d59pRZNgygboccgj
60yITXsP2pWab7UzLJFH8zAKcD5e2a2jqdftLWjv206d/W49JN9yrRt/x8ISpPB47Y96hghb
fIu3c0J3Sb22gH04ovpfJkj2xyR7hsRQnzRj0I96IJI5IodrSbmf/SAv3imcHNTzFxqSel9U
WJ7qO4keRVWCWQLsAbIwBwc+9Q26MbdofMk+0MxkBA4OfenXEa+aI5I5o1VykUm0hdo+6N1M
m3JPHErKsi/xE4IH+e9T7RGntNdfnr33JTcfYrXzI2+a1bMi4ypJojvVWP5oI2a4fcwLdUPc
UlsqXDXBbbjaQSx2h36D8c1A12omt5mmjjaMCJgJAuD7ij2iauiZVOV3Tsvl+vkezfsceC/+
E4/aS0OFZIfsfh23uPEjrcS4s4ZLdN6PMCCAjMqhiAWAOa9//a/+OvibRdM8O+OtBXwHH40v
NRTTAbMQ6gnie0eIuzKkq5jhRsRYUgtv6qdu75Y/Z4+JX/CqfifpfiDbJJpujyyw6qsB3TXV
ncL5ciBeN6hSfYda+tLb9iTwv8P9Aj1Dwr8P2+MnhfXpBeXmr2WsLa6posZJeGK2jzvjZPlJ
YnMhypAGAPJxFo141XqrNJNXT73baR59SScJQTSk3o02mlbZNJp/PqeZ/Hz4d+LviH4y+Fvi
D4veK8vH8yFYda+tLb9iTwv8P9Aj1Dwr8P2+MnhfXpBeXmr2WsLa6posZJeGK2jzvjZPlJ
7qscx0ezhIija7VFCwtIsi8EAttz/CRXfWnwz1jQPj74f8K6XoM3hn4X/HnoM3hn4X/HnoM
dXFuTLcrJgCQuePl4HltnGQoxrRdeMaknyuN7JaJ27et9jzcLJUZOCvJNq7vqntq7XaVtWeG
6T+0ZJ+0R4J0n4I2/hDw/pupeKLyLcLJUZOCvJNq7vqntq7XaVtWeG
gn9nb9v/AFzxB4q028j8C+HdwRoVzHB9qk0prNUCLs5do3ZX5wWO5eR82PHf2D7HwPYfEX
WNY1a+03Q/E0KJf+E28TSeTpat5mZpt+ArSxqDszwSM49NT4x/tk+BdT+OGseKrP4d+rB6wfCP4LWfx
o1D4hWPjLT9Ctx/ra6javkfuA2ULooVsRoCuO44Pxlr/iCbXfijqmtXu2tXUl+
LeKTzPJSRi6qxHZQwAPtXRhayldKzUXbRt67a36rudWW03Bxgr2TaV+iMd22SbrdpGEZRlKj
Dbifu+1LDYrJrHl45kIYsjkpn0Jp9vaSLpUkcUyqylHOCOcHpToY5LPT3sfOaSKZg7kDc4Ps
a6JbJLvc96VGTldrS349rbnq3w7ljtv2KPizHNNJHcSavpzrCvMZPmHnPuMn8BXWfs2aC11+
xR+0KsP7yS1g06U4bDFPMcnj0ABrl/AWlRz/ALBvxIuGmgW4j1+xTLuN8irjAA9ef0NdB+yy
8cv7Kn7Qk7Qk7Kn7Qk7Qk7Qk

o/s+z+Jnwdt5rx9YhgKTeI7O1Y5WSPAGQFQh+T8w4xVz9tT9u7wn+034G8B2+i+H9Q0/xR4X
KXV7qV7LsniaIKqwxH7zs20Enj7oOMk4674HeI/BnxA/adX4qWOrRt428TQN9h0OQ/uNOjSy
aOeS6x94bUJUAryR17aRtFc1nF22S0TXq+vU7sDRqOK5mnZttNra/S34BY+CPFnjL9uL4a/F
LSVksPB+qaPa6heXcLfudPgeF0lglb+Jjg9f7w9K8hh+BfwX8Q/tNfFyz8WfESTQfCOixS3W
hXFvMu7UZZAX8oFgd4RsfKoJOevrxereI/iN8LPgquoR2t5Y/DfxRrjy2rbjHDdyRvkxlQc+
SSrYTjJUnPFfQ2pf8E97z9pbUdY+KWqal4b+E/gXUNPtWtptStU8gzMiRsREWXdyCVbPUjit
KNbkmudrlasmt1Zp2fnq7nLmlSmqcnBtSveztZtqytfW10cT+xp8HI/Gv7DHxQurXWtL0/xR
40vLfR9De7IikvI7bEktsrnvKgAC+qimxfBK6g+Cvhv4U6ksek654g1abx1qzHiPwzpSJs/e
H+FyE46YJ2ttqT9pL4N+Lv2Uv2cvBvwpuI/7S1S88VHW/Cet6O+9dYhkARdjqcxy7pEO3nqM
E9ah/ZW8Fap8M/2ifiJpPxRtdak1Cy8Jz/2xa3N19pvLqB40ZwrqeV27eA2R68VtKT96d1KN
7pJa6WSdysvrQlyw3lKNnrdLq1p5mh4X/aPt/FNj4m8QWtxeeFfhX8NbOO08N+HNOu3sf7cu
3ZlVpXjIZnZgZGHJAYdfmLekav8AFL4qfEfwr4N8N/GL4e6DD8N/ifqaWmjyWkot7+wnKqUu
eCzMyhh/rAMkc+lfMfj/AOJfhPQv2cG+Hvglr7WI7zWE8QapqVxCtv8AZGA8tIFU5JAAG47s
Z55zx7N8ff8AgqPo/wAUPhp4R/4t/JD4y8G2rQW1+dX3WWnT4EazrCF2ysdinOBggcnGaxlF
ykpqO7aTejWi173bMcVGpTnGno4J6tWau+i8jnfgP+3Xd/sJaV44+Gdr4d0nxda2t/cLp97e
TSx+QfmDZjVGV+mcNjnPOOmp4a8aXFnffAXxtP4Sn+I2teJNL1nT7zSJ7ZXurxFd9rxDkfIG
OCeqKeBnjmbH43at+w1aaT4X0vRdL1pvFGlxap4ug1aAXS3QuvlWLsVwrdPU855Fe/eMvi58
Jf2Y/wBorwP4Rk1LUvDq/B2ObU7DVvLN4qTXrefNYSoEO9TGxCPnIz3IoqU40qqnCDlKSu2t
W1bXrpqHLZSipLW2l2kmteqa+4+YdDubfwz+yda+Hby1vLHUrr4mwy3Vq8ci/wBmokRTyZMg
bZAwbjrwfQ11H7WWoxj4OeJvJjZWsfizdyxBv+Xgm3X5R9Mfyqx8Q/iZY/GL4e4RfwfqxBv
8RfF6G/jgKeWYkcO4LjJBY5yQOAah/astVuPgvrg8xY7y6+MF3Czsf3cK/Z0wQP5/StMPGU2
pNWd22vuv+B2RvCk10svO99dHofM9+YZ7u+h09po1kb7RKH/AOWgPJX3Ap0msr4gjsZLWztY
Wt0MU0I4+0HsxFWNUsdL0zUNDX7ZNcK0siXzjgJLvxjP93FR6pOfDOpTWzWETXDOfJeMbfkP
Q++a9iNlvsctGL1u9Fb8S58Jrb7R8RfCPlt5Mkmv2yGJjmOImVRn6V9LXkN9bfGv9qjUGaaG
a10Z7UyR5AId0AH4qn5Zr5s8ASKni/w7psip9qbWbWaMxdXjLnI+ucV9Nw3LeJviz+1Vb3W6
3t5tHSRlhbGDEymP88c/U1w15e835fhdD5VeLXe3zSPP/wDgnzPJ4c+JvjSZo1jlXwLeyQ7T
3xGQ31rw3TWkn0SQMzLuj8zPfd5jc5r1T9kiW8t/EfjS6WSOO6s/B15NEedpACAbh34NeVok
Nva2qw6hCsNwgeZWX7p3HK5xRR+J37I9anFKKkttdG0uq8yaG4/s7S9qLukjJLzqeZgf4SPS
rimE6h5ixtZzXEGwpHwsityap6TYfalmjhikWNSTC7n5QPenXUEkhhkMzTXULBUBPygCuj7N
kd/KnHVaaW+W9nuze+CXgaT4jfE7w/4Wdz4Vk0mTxNqsFjHPji33PjPqHJ4XHfvX0B+3l+zd4
J+Heq+G9D+G9+m6lqXiDQ1ng8VHTmkvpYz5gWKW4cjbHO7Fvpn/drwX4VeGtGwfvwo/hq4
+x61ql9HHaagm4SWUiEN54K8jyxknHYZr9Dvg7411q3+HOvwaHoy+IrdLS4tpLyKNGl+I0sJ
aO9nnvMsbfYwYwsxyQRgnpXk5hUqUZRcPe/u3srt7vo/LU8PFUVKTl2tqtLLpZ67X10PA/hZ
4T/ai+Cvw7EdQ0/wAP6xXEN6TrbR215eQAj944m3FlZ14yevarn7BPxB0PWfgP44+Cp
jb4fx69jwDej+EdQ0/wAP6xLNcTrbR215eQAj944m3FlZ14yevarn7BPxB0PWfgP44+CP
jb4fx69qWm3b+IdH027vWs7q4kjYNLbxvgFZAEzlfvDcCMCrHwJ8f/CnS/GOj+PvB/xk/Xk1zwL
ItnKvifwt4ieS8Z4EBVoIJOA+QPkHLcgjBBWud+GH7Sd58Sfib5hAN8LPgquoR2t5Y/DfxRrjy2rbjHDdyRvkxlQc+
kd/KnHVaaW+W9nuze+CXgaT4jfE7w/4Wdz4Vk0mTxNqsFjHPji33PjPqHJ4XHfvX0B+3l+zd4
Heq+G9D+G9+m6lqXiDQ1ng8VHTmkvpYz5gWKW4cjbHO7Fvpn/drwX4VeGtGwfvwo/hq4
+x61ql9HHaagm4SWUiEN54K8jyxknHYZr9Dvg7411q3+HOvwaHoy+IrdLS4tpLyKNGl+I0sJ
aO9nnvMsbfYwYwsxyQRgnpXk5hUqUZRcPe/u3srt7vo/LU8PFUVKTl2tqtLLpZ67X10PA/hZ
4T/ai+Cvw7

1HGopRV9n991/wAA9f8A2PP2r9Y/Yj8a+JPEnhm1tbrxZeaM+m6beXR8y3tlklieSXycDzZN
sYVcsFXcxKv0q18H/wDgoX8YvhD8cP8AhY1n481u617WJw2sNfym5t9UhVy4hmib5fLG5goX
aYw52FK8TtLv7QnmTLtkWMxowyA7E96jeKSax2t5fmZ3IEBFTKnHV23PDxGU4OtN1KijJyVm
2r3StZO/6HZfHD4o2/xb+NHjDxpa6Kvh9vFGpSai1ily06wzSnfMVZgDtaQs4XHyhto4ArjX
/c6cyrM0Y8xWRfr1NOmlWS+jWPDbo8NznB74FTWTxXV0tncRyNbtudCjfOrAcAnpj261UVZW
R6FOVGjSVOG0bJf8PuRxxslxGG+b51xkZxXVfB/xva/Cj4i6D4sutJ/tSbw7q9vqiWv2jyFm
8mUSLGz7WwhZVDYGSuQCCQRysF00MnmRrHttQJWRyScgkbajvmjl/wBKXzo1kO5xyQMn0quV
tWJrYjDVKbhLtZ+j7eZ718df+CiPxg+PHxX0nx5qnjC+0vWNDKzaXBpkz2trpDhWB8iLccZD
MrMxZnVirFhxWP8Ate/tjeIP2zL3wnrXi7TbX/hLtB0v+y9T1i2YxLrUUcjSQu8AASORTJJu
KYDF+FUKFHkM0n2uHdJ+8kVQqOuYy3HemxztdWkca/ejRimCfL24+bIqVTikpJbHl08DgaU4
ypKKcVpZWsnutP1JNQu45L6TyY/LjmRVUHnGe+aa0EdrcXK3D/Mo8sAHuOMio4o4ZmXy/NZV
j3SB26N6rxTrf/SDJIzRyTMeYDWh7X1iEl8/yAxxx+T++WSaPn5hneD2Fe/fGP8Ab/8AiB8W
Pg54Z+GdreSeF/hj4V0u20210ixuD5mqLDCsZkvJQFM5chm2BUjBb7hI3V4Hb6ct1ZtMqqv2
UjzVbO5lY4AFNvH8+48za0dvEw2qTy3qP8KzlFNrQ83FYHDYhqVdKXK7rr5X+R9BfEj/AIKC
+Ovjb+zVN8N/iJt8YWen30GqeH7y6uHXUNIaJHiMMjAf6RG0buB5nzKWzuYBQvz7PZeXpclw
zR+XDIRHEeSp9PbBq46ww28V5fMyxXBJiMZ+eIj+8Krofs6RyXEyyWczHJUY3PVRpxWiOejH
C4VuFO0Yu7srWu7a26X7ENrDJe3NvDb263FxcKSiAZDPjkfXGakS7ksrbT2t4WmurMtvVv4O
e1MW8j0/T18vzPtKznypFYhkHt+FIpjnvfMWZmaaMs4J+8an2c0d0syorZ66dtNvxLGp6lb2
8EdxJG3magv2ibY3VSdoU/Q02+t5NDFnJDNJJd28W7zS3yw55BB/3Rj8qhNzJeWHl3EK/u0I
i28FR/t0WkM0NlH5eyRVfDhm5k5+6TRKSjG9jaUo1Lp9rp2tZ9dNnc9a/Y2/apX9lb4rR6xd
WreIPA/iyNrTxnoDAS2+p2DnazFGO1p49zN06E8gE19TW8Pgn9i34wat8P8AXtvi79kn9pSM
ah4aubf97Fod1MUCSAtzHJD8oJHzYSM9UIHwTpMdxqtzNZw2rXF5JcqdMsrdSZJZmIBG3GWU
g4I75r7Y+BPwe1jwl4Yk/Z/+PmtaP8O9J8seO/AfiKW/32+g6iG5tA7Hbj5ixiB4LMckupGd
apHk916taq9nbo15pn5nnmDjGr7SN1e90ldJrrZK6PpD9kzTdP8A2KfhB4o+EeseFdc/trSZ
btHubHQkuo/GFtcs5tpxMRkBEKjBPt2r869T/wCCdfxy0+xt7GH4Y61MqmS6jZdu6ZH+6CoP
BX+719q+1pfEXiS41iNvG37ZngvUNLj+W3k0ZraKWRNuFLYAK49Oa4m+0jQ/N8qb9tLXpJsH
7N5V9OI9nUqX8zAOTwSa8ejLE0ZtuzUmns3r16aFZbU5IJxk1KW9u2iWj6HzXaf8E3Pj7d3y
2rfC/UI9QWESCRvKWEIR/Exbbv8AbOfanWH/AATa+O1htum+H95DJ5hUp5yLJvHfAb7pxx2r
3i48S+E7fVVs9U/bE8eTTcRXMdpNdtE7H7hVwSmBxuPPQ81n3+o6LZa7Jp9x+194yX7PhJPL
ubuaMk/d2ur7WHPOM4rq9tWfVLS+z/A+ow9ad73vb5a/fv5Hko/4JdftASWLah/whvkxrOh2
S3UO4sTxxu6euamP/BL74+WtvIzeDLNvOixujvINxGc9n616xPN4PMs1hN+1540a+2eYGW4u
mtTjnkhsE47ZzmpPO8BR+K4bGH9rjx1b2rRIrFry7I3nGcSDCBfbGR3Nc/tsQ+q2vs9jb96m
5PvffTb13PH7T/gll8crmz2f8Irp7Kv7wo2pL97vkb8Zq5c/8EuPjXNDYyL4N0OOWSR12JfI
GOB/HlsY+hr1K28T/DVvHDWf/DWXxUt7WMmN5GuLsh2B+8rhcFfz+tbEvw/8F+IPEMvk/tla
9Np+T5Edxqc1tNGx7s7yYb8FH4VpzV762ta+zI+tShrr+f3vozxFf+CWPEx8YvF4zJvs8ngWzuI5g
QHS/h2xseFfiTPynnp2rSk/4JK/GCytpLH+zvDF5JM+6Wb7TuMJ+pUfoDXt1n8KPCbajayH+
2Rqy6axy8f8AwlBEwAHODvwDn/Zqn4i+H/hyzE5JM+6Wb7TuMJ+pUfoDXt1n8KPCbajayH+
ml8mKjjHK7mm29P6ex4/J/wSk+4NOl6LcWtr4b8P6lJcvF5JM+6Wb7TuMJ+pUfoDXt1n8KPCb
BtHubHQkuo/GFtcs5tpxMRkBEKjBPt2r869T/wCCdfxy0+xt7GH4Y61MqmS6jZdu6ZH+6CoP
BX+719q+1pfEXiS41iNvG37ZngvUNLj+W3k0ZraKWRNuFLYAK49Oa4m+0jQ/N8qb9tLXpJsH
7N5V9OI9nUqX8zAOTwSa8ejLE0ZtuzUmns3r16aFZbU5IJxk1KW9u2iWj6HzXaf8E3Pj7d3y
2rfC/UI9QWESCRvKWEIR/Exbbv8AbOfanWH/AATa+O1htum+H95DJ5hUp5yLJvHfAb7pxx2r
3i48S+E7fVVs9U/bE8eTTcRXMdpNdtE7H7hVwSmBxuPPQ81n3+o6LZa7Jp9x+194yX7PhJPL
ubuaMk/d2ur7WHPOM4rq9tWfVLS+z/A+ow9ad73vb5a/fv5Hko/4JdftASWLah/whvkxrOh2
S3UO4sTxxu6euamP/BL74+WtvIzeDLNvOixujvINxGc9n616xPN4PMs1hN+1540a+2eYGW4u
mtTjnkhsE47ZzmpPO8BR+K4bGH9rjx1b2rRIrFry7I3nGcSDCBfbGR3Nc/tsQ+q2vs9jb96m
5PvffTb13PH7T/gll8crmz2f8Irp7Kv7wo2pL97vkb8Zq5c/8EuPjXNDYyL4N0OOWSR12JfI
GOB/HlsY+hr1K28T/DVvHDWf/DWXxUt7WMmN5GuLsh2B+8rhcFfz+tbEvw/8F+IPEMvk/tla
9Np+T5Edxqc1tNGx7s7yYb8FH4VpzV762ta+zI+tShrr+f3vozxFf+CWPEx8YvF4zJvs8ngWzuI5g
QHS/h2xseFfiTPynnp2rSk/4JK/GCytpLH+zvDF5JM+6Wb7TuMJ+pUfoDXt1n8KPCbajayH+

joPGKLoXirxh8FfHF9a6LY+MNbj8VeHtduD5NpZXskZYlyBt8l0cxnHAbt6aXgj4E+KNA+Fs
ngfUtJs4fHXgPWU8SeGxLM8lv4ht87p47THyS/cVto55xgENXSfA/wCFGg/Ev4JfD+4+MV5o
+n6H9tvYtCvNYuVh1C50lLaQEAeiPtK88ADH8JPP/ssar8cvDVhdf8K50nUPFXgO3vpE086z
cxwedAGYQeUJWUopzk7MqSMcc1nWrS9ny07KUWrtuyb7p+Z5PtI06l5L3ZJ2sm2k7Np77dDr
v+Chv2H9oTw18P4/DvhLUtJ+J2rO0l9o/wDZawyQwbdpLygDjchxnBwSTiuJb4VaH+wx8Pby
48UeTrXjrxpp81laW9rN++0WAo6yyyc4BGcEjnhgDjNesfF/4gftOfDn4Yal5ngnw5ot80bG
4i02RbrULdH/AOW8UMbuQq5GT82M5xjOPLfjj4j+Evj39gbwneWcmg2vxMutWt7S8eNQNYQH
cLm4vTv3tC53kHGPmQd+McL7acUpNWu72d3q+r7HNWxlGhG1JOT0abWiv22RH8Fv2N/jV+1z
+z34dbUPEWn6b8K9JvGk0yXVphCsi7mGY+NzgEMAGxjPHGKvf8FUda8SN8QfDfhnWJLj/hDf
DeiLJpkEEnl2Lyk4kkyvLHG0DA3DjgAkmv8A8FTdc8aaF8RNF8M3Wn61ofwp0nTbceHrPTpW
/s25jEa/v02/uy+9m6/MBjsefD/iHqnjrxX8LPDuseNNQ8RXHhXzJrbRb2/h3SKRjepJO5lI
CgMSR8pA6V0U6MvaKo2uXW0UtU31uur6nLh4qtdVrN2vdO9ku92+/Q+mPgDoPjH46f8ABPLR
/Dt5qlvps2j6yNQ0DxVrt4ba38LRRSqFjSVh5h3EELsDAbscYxXP/HPwv8Yv2C/2k9H+LXxI
urP4gaPrAOn32r6fJ5lnfwvFs8j7i7XCjIyMEjqea8Z8bWXxa+JX7O+g+INctfEmrfDPR4mt
dOubYCS30/a3l75VjA5yu0GT1681694Ut/FVx/wSW8fQ+MJL7/hDbHW9Pj8Pfb2ZZFb7SpmE
SNzswRkA4zn0qYxlTk5SkpRlJpxSV1e10nvdHDjLU5p0GouKW7aTatrbz/E4n4tfs4eHdU8R
2fjb4dyap4m+D808V3q0cMYSTRjIw3WzkEyYXqTtwoI5J5r3r9snwb4N1bT/AATocfhddB+G
ulyRapL4lt7VY7O4tvLUm0sZFBeeWR87t/zAgnBAzVP9ov4/eF9X8UeB9L/ZdZrzxRY2X2XV
f7F0prbT3gZECrdKy+XI6sWPmEBVzzggU3/hbP7Rmqrpvh2TQ/hrb6hocEradI0EPnQOeGkj
HmFRIfZcZ6is8RKopxlJpKN7Jtp2eza7+Z6WBvVp89m091Ztadn0dzzXWPBFjrXxb1b45fGT
TdQ8P+D5mWXwz4flAF5rRjXbbwNCckREIpbOFO7OdpzWt4q8RWurfCPXvCnjTS21Lxx42+1e
NPENzGMv4YiSHdZW5zkg4CgISCvmBSOa0Pg94A8O/Ey5vta+LnibWF+Mmk3iyx6R4nHl297a
luEtkdQMkMdqg4B5C4HPI/s6WXji3+N3iy3/ALJsdSvJLZf+EtsPGf8Ax7JCrhoCWPJk2fcO
0qBjAOBXZGoqi13ik1ZtKyeye78+50YXBwa0fxNpp3T1XW/6HF+BbKa6/Yh0mSRZmaT4iW4t
nZ/9Z+4IPHrnjNbX7Vt+YPAfirT5lh3W/wASrmYMxOf9QuR9KkuZPDN/8AY28PyfZdNb4pWs
8Ns5xLDCYjwBk/IvIB68c1N+2VH9q8E+JtsbefcfE+9U46EfZkFFGpzSvrq3ptbbc6pRlT5q
crNJJXTunp0PAb/yfN1K0ZbOfgXCzRnAgZxgD9aovLHc6JHcXjNDcaajQKGyTM2flI+lTXun
Sax4j1L9zlZYEEbIcIpBUDJHBNWJrLzvDmnR3WpLdC4vCsyYwbUrxhj717EYqx5sYt3t5/np
/SLXw2tftnxT8H/NJJfXGoW5K4O/BcHivpLw1LY3/wAYP2otzTfNoE7psJ6Ky7s/jivBPhFp
2mz/ALQXgtYbiRrddZtbaQljlQXGeete2+BpP7M+IH7VkNn80a6LdhZSeQvnEYz75/SuPER9
527L80TGXLFc3f8AQ439g3Trd/HfjKO4hmk87wPfsqOfvkhMAegIFeMaNdRiztY7q2XyWWTP
ONxDHH5GvT/2NrxE+JF9HJcNGt54Vv45SDggbDjn8K8p0ieS/wBLBLt49ytDHk/wC0PnbgfXNT
Ti+d37L9T0KNa/KlvrpZeXqXn1m81XSlbzv9Ht28oxAYfZ6mmwQrDLcXEO6ZI13MMnMcf94+
9NnvG/tORFjVoVYdeM+oPtUkEV099t/dra3E5DjpuTPH1Fbc2h6FT2k4pat3te23p5Hu3/BN
b4f33xH+OmrafomvW/h3xFNoF2+lz3EXmQ/Mh8xnf/lkQnIOP8D3Go/su6x8IviJ4D8F+Gfi
03/Cpfi4ptLzU47421jdT25IubYN/CZHBC5wGL7TuxXkv7F/xm0P9n79pbSdc1qSZfD8jTaT
rSxOd32S4XyzLtAyyoSGIXn5RX1Fr37HdrZW/wAO9PvtPYf2dqH2cM
zfZ0WM56evAr0MVGndJRS+SPLyepWUbtv72d5J+138Unk3L8TPH3AxuGvXS5/wDInNtYt3t5/np
pftLzRkLA0GVyp+8y8HFeXiqnsp81R2jJLdJ6rZpvZp6ng4ijVqT9jGSvHVapXd7tX66dCn8
Wfh58MfbHfib4f8H+Gfi0n/Cpfi4ptLzU47421jdT25IubYN/CZHBC5wGL7TuxXkv7F/xm0P9n79pbSdc1qSZfD8jTaT
8MkUZH+yVQdO9GHjLllG7zd29G7K1ld2e90Z1MVHlVlyyTs9N7bq/VeZ13hrx14y8O/Hv4
9a94H1zUNJTRdQbUrvUrFj84t1mHlFT98bgcjp8tfE91/wAVC/AFC/js83lyfGz4vPj4
/wDIDNtYt3t5/np
/wDIvOPfrX8GftGbHPHQ5zE91/wAVC/AFC/js83lyfGz4vPj4/8AIDNtYt3t5/np
9BkdGDT50nZLdJ9D874srN8sqas9btaX1XY9cvP26fjNfQqs3xg+KUyxt9xvFV6wHc8ebUkX
7VfxQiijuG+I3jpvhe+AL/wB0PCcZ8p8AeC7Nl/Nl0qdsme1dx74oh02z8lZZvme
WVwkNtGBl5ZG6Kirkk9u3OBXbfEbxPZ+KPEGo6rZ+HtP8O2t1cNLFpOlmQ2tmhOAkZkA
+tyRXJFK7622Prsv56k05XtXt6nXWf7TvxEv/hPpfxCtfDOn+HbW6uGli0nSzIbWzQnASMyA
LS4ST/hPPPGcuj6vpnhvxJ4Z+LSf8Kl+Lim0vNTjvjbWN0PMnjzpMyAfW5Irkild7cb2Prsv
1PYB+0Z8c8dDnMT3X/FQvwBQv47PN5cnxs+Lz4+P/IDNtYt3t5/np
9D9K4aOPrsv56k05XtXt6nXWf7TvxEv/hPpfxCtfDOn+HbW6uGli0nSzIbWzQnASMyA
tU32+SMfxnGcuj6vpnhvxJ4Z+LSf8Kl+Lim0vNTjvjbWN0PMnjzpMyAfW5Irkild7cb2Prsv
Y2lZtoyPu9MVm6fr1xqE4aSaSRmIO7PNcCb1gPvZ59a0tH12SGZW984FTWwNo+6j1Mp4gVOq
lJux61aaXNOiiNd7cEkjJBzwPr7H+HbwA8Q+Ofh/8Ofhz4Z+LSf8Kl+Lim0vNTjvjbWN0PMnjzpMyAfW5Irkild7cb2Prsv
eVCzeWNpwSwXlBn+HBHvkitZ9RtbYJuZGY242nkMeuPwA9qK1m2Dw3Ut/Ft5/wBkbxPZ+KPEGo6rZ+HtP8O2t1cNLFpOlmQ2tmhOAkZkA+tyRXJFK7622Prsv56k05XtXt6nXWf7TvxEv/hPpfxCtfDOn+HbW6uGli0nSzIbWzQnASMyA
ZMngzxBc232m1sdQWGPJ4L45/PAP4Ae1FazbB4bqW/i28/7I3iez8UeINR1Wz8Pafodtbq4aWLSdLMhtbNCcBIzIB9bkiuSKV3txvY+uy/U9gH7Rnxzx0OcxPdf8VC/AFC/js83lyfGz4vPj4/8AIDNtYt3t5/np
qDR28b4WDdtOM9h3OMc1rRfJYruOHyY2/M3Anng9c9KiOKx

C21ctCija3tjPpz9R71i2sqatbNbyaW11GqZlZUC4B4yT79h9arD55fVq66rZo+ZzLI8RB/u
pP7zwHUpdc0iNbi4/tK3jYlUmkDqrfQ9Ce/B7Vi3Hi/VLaVWXULqP0xI3y/rX0xb/CxviH4f
urPT7z7RDZuZm0C/ufvkZXdCc5jYKz9MgcZ6V5D8WvgFdeD7JtS0uRtQ0uM5uIGKm80rJYAT
IMkpuRgJAAG2npxX02X42hXdtFLsfnOfYfG4NWm5K+zu7XPMbvx3qyytG2oXXzEHlyc/rTv+
E81aNNq6ldbV7CUgfXr+lN1nTHuLFb6ONja2wit53GMB3EhUH0z5b/l61lkKj7N27vnHf6V9
NRp03G9j87qZpi1Np1Jfe/8AM2l8e6s5+bUL5lbGfnbnHTvVi18eatCvy6leKyjAAkYYB6jr
XNsykrtWnea3mdMVMqNPsdVHNsSndzl97/zOusPE19NMq/bLhmXJH7w4P0+tbVp4omiC/wCk
SLIvyllc5U+oOfmz2B4GK4XT7lln+vX2rUkn2/eZl3DgsO39Bn9K8uph7uyPqsDnFRQ5pSf3
s7T/AITGYW0h+1SSeYF8zLEh9vAyfXvjpVe98ctC7M0nyqckDC5JGMN6Yx0HGea4e915YV+V
tu08sTg5/ln05r2T9kH9hzxt+2Hr3+g29xoPhWzZDf67eQsIYEZiqrCvBmlbayqq5y2RxyRV
HKZSZnjuNFSXJGWvqed6r46mIWOGab9423YHOZD/ALuTzzwe/wCFeqfsz/skfFb9rTVLqz8L
2d1Ha6akbXF3qMr2tja+Y+wDcRtLkbmAGCQjEc8V+pn7Kn/BLH4e/ssaQs39l2PjLxUrk/2x
q9spMBO9QY4juVPlbG0E19AweGzoWkLBceXHDGwYxwxpHGrHAyVUYyMD8AK+8yvhvDxpKpWk
lL+Xq15vofA5hxNja9W1N8sX1bd16I+cvgP/AMEsPhn8ELLSbrWFm+IniCGzeO6k1f8AfadN
MzE+bHbybhhFJUdjgN1r1jV/2Z/hf4f0LUtQPwx+HbTaTp9zeqX8O2e12jid1H+r9QAe1dkz
x/aRE0kir1I4yvuTXLfGbx6un+HdZ01UVYbjTLiDzCykvvicYCkjPU9CM98da+Z4mxmHwNKX
Kop30Wmn6nuZHUxU5qLnKUpb3bt91zxvxdcfCzXNf1rRdU+G/gXwneaXcPc2f2TwnaSfa9LZ
YTBeeYkQVd/mMMdirKcMDjwL9oL4mfCmw02HSfCvgnQZL5biUXN5/YVuiw4YBTHtQ53MGGTg
gYxnPGH8VbTVPihY3WsXUlrY65b6bHY2EFk6wtJBGq8TyKV85jHGwAYlVP3QCRWX8MP2VvGn
xTi0nUNJ1LT9Nt7O7hmlsb2KS188grJ5LTuMfMAV+VWGTjkEmvymjWljKvMpvV6paJPyte6P
0ajinhaf75y93zf+Y74Uava+L/iNodjpfh/S9N1S6uTHYahBYJDcWswVyu2SNCyNuCjIOfmG
SK+xPhv4VX4myv4d8YaV/wAJNHo2kaN9osdWtmvvMv5rZJ5J/LkBUu6yMGkcbztwexMX7Lv7
MGrfs02NrPrHiHT/AAzaw2scn2q2nh1DVLq/lkQzRRQRxsptm3MEDJ5gVG6bjXf+IrnVNN8R
+G/E2pyeGbLxFFo142oWInOn3HlGIqAZ9+ySA3D2p8qQFo8/LkZx95lOS06EI1q/vNvq72Xz
PzfPOJK+KrONGXLFetzH8Wfs2fDPRNe0u3h+E/w1k0+8dDczHw7abrchxvTAjyfky3THyn1r
iPHPwL+FPxR1218M+G/Avg21sofEK6Xea1pWkWVvc6Dc7ZFhM8MsQSa1kkXaRuIZkIBLMoPT
63+0RB4p+F+jL/xLLXWte054tQ0uO1luZorpEEd3CI0cNGys7Fd7qfukBhk14R4q+PM3iKz1
iNtB8J3Xh21lWGOyfTZLFpnhRHmmk2yNuk37owxDjEKEYy271s0xeCw1JtcvdKyu/meTg5Yy
vUtGcl53ZwH7SupeGFk8O6fp/gv4YtrHhszG/wBW0bRrW3g10CWe1xLDGhhRniignChS0bSF
lK768ZvvDOlt4E1CZtF0e8s76Jbm5uobdUuLY4jRI7e4j3JHKkt0PNjbAKouVyAK+gPEvw8s
fEfhyGPxB9jB7Bg5r6RMJhbXUN5LJgs0juAhjDIFVGZgiZPl/7Uf7R/9h+GF8L+
F7PWP+ET0vT7qwSy19FibTZZLkvG6yRt+/lA2Mh5CIQpZiXr899tUxFR1Iq13or2sj9Eyv2l
KlGkpOT3bbb1PAfj/pt9ZatarJpun6fNptnDY3bWNqttHcShTKsrIoC7zFJHuIHJUkcV5iNR
lL/NI6svI2nGPf3ra8SeO9U8X67eX17cSXV1fSCSbI2qxACqcdOgH5Cqukw22qaza215stY7
mdIWm3bVgDMAXPrjr+de5Rp8kUpas+j5pOmlzbb9jn7zW7qFfluJPlOcB8Z+npVGHxHdeY26
4b0POSfp+NbHxC8NzeD5V3GG4tZs+VPBKskb+25SRnGMrmuDlucy/LXtYWjCcb2Pgs4zKrQr
cnO/S7OsXxJMU+a4kZm9CBj8Pf8ASj/hIZnT/XSfL0Abkf4iuTa4bcPvba7D4Z/C/XPijfx2
ei2bXU0hIUswVVIG4/Mf9kE49Aa0rYelBXaRx4bPK83ypv72d98C/hn4m+Kt1ql5ouoTaaug
2Ul1cXKTESYKPtjjUMGZ3KuMZwBuJIFfZFj4k8J+CfCc2l+B/Bvhuz1bS9Tm1K1e50xNW1Z7
UW1tLG/mTq0pd5GKxorKoJb5s8nN07wB4L+F/wACLHw5fL1zXriB76+1OTUrS3uLu5CrDi
7t5pEMMKSysiIC5G12OS2Tk+AvCl1qV1HrGpLpbeIlZo9UsNP1CJZriybb5Dq8bkZVYyMld+
5CT1BPzGaVFGLv8AD5fr5H1GT4idSfNr82dd+zp8T/FHxh+Zv8MvBWpeGtMvPEOqXnhzwzpd
h1eVfJkAtWKf8tjwvAyck8180/BH4ZeJvirdaw+jeJ/DOl2Hh6+0+01Ow1vwzpdh1eVfJkAt
WCf8tjwvAyck8180/BH4ZeJvirdaw+jeJ/DOl2Hh6+0+01Ow1vwzpdh1eVfJkAtWKf8tjwvA
yck8180/BH4ZeJvirdaw+jeJ/DOl2Hh6+0+01Ow1vwzpdh1eVfJkAtWKf8tjwvAyck8180/B
H4ZeJvirdaw+jeJ/DOl2Hh6+0+01Ow1vwzpdh1eVfJkAtWKf8tjwvAyck8180/BH4ZeJvird
aw+jeJ/DOl2Hh6+0+01Ow1vwzpdh1eVfJkAtWKf8tjwvAyck8180/BH4ZeJvirdaw+jeJ/DO
l2Hh6+0+01Ow1vwzpdh1eVfJkAtWKf8tjwvAyck8180/BH4ZeJvirdaw+jeJ/DOl2Hh6+0+0
1Ow1vwzpdh1eVfJkAtWKf8tjwvAyck8180/BH4ZeJvirdaw+jeJ/DOl2Hh6+0+01Ow1vwzpd
h1eVfJkAtWKf8tjwvAyck8180/BH4ZeJvirdaw+jeJ/DOl2Hh6+0+01Ow1vwzpdh1eVfJkAt
WKf8tjwvAyck8180/BH4ZeJvirdaw+jeJ/DOl2Hh6+0+01Ow1vwzpdh1eVfJkAtWKf8tjwv
AyckwPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYu
zEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/B
qR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWE
GWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ct
Cija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3
SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLq
GYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK
+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7Hf
xEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbd
C21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3t
jPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5
wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEn
zASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR
3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGW
TbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctC
ija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3S
ROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqG
YuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+
V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7Hfx
EWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC
21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tj
Ppz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5w
PMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnz
ASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3
X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWT
bNbdC21ctCija3tjPpz3SROvn5wPMLqGYuzEnzASeK+V/BqR3X7HfxEWEGWTbNbdC21ctCi
ja

qU3JtWvZ3dui0u9LvohujaXp/wAetX8afGT4nXljN8O/hjKug6Jp0DGNdSnTGyBF7B1wT67+
wFNvP2m5Pit4Y1T4reINFtbHwf8AD94dD8I+G7N2gt0upF+Uu6gFxEIw5B4OAOO/UeJvgJa+
Iv2VrH4A+HdW0tvH1vqn/CYtdtceTa+KllVhEbaRyN7LAcnjGYz7kcz8Vvgn4dvZtB+Ceg+K
re18K/DvT31zxrrwjEyR38gyygBhv2k7AAMjdjkitOWnUV3d9ErNWSSu7d2zyadaSn76te7W
zbb0SdnaySufRHxv1q8sP+CfOj/GrWPGEOveOrjTLJtIa08uGSzumnw42jiRVjYJIjAgiM5A
r4j8U+LW/bF02RYfCP2P4geH7OW91a60aJIk162ynmNLjowXaRgHnOByANT9rH9ma4+AvgDw
b4p8N+Mr7xt8P9cikFhOu+H+zbsnEi+W2dofHoM7SD2z7l+zp8KvhP4T+Jfg34Z6lrGuaT8Q
msZLi+1Oxh8uOXzommNlOCSSNh6gEe4NY4ONKgm1eTk200mrJbp9l69TPD05OMlVfu3ejSXo
kt79rHmvwc/b5+MnwT+DWj3mpaDH4s8Bwj+zdG1DXrXzI7W3U7DCjLjftJCgnJ+UjoMDqv8A
gpb4l8YeJfFfgP7daTXXhHT9JfVbGaws1Mchk+aSZkUYAj+Qc8YGe9eA/EbxL4s8X/DvUfh/
ZzSax4H8B61c3On74dtxDb+bs3JLj5lJfJXBIJB6YA+kPH37ZnjT9jZm8Ayf2L400+18OWs9
jfagY/tljBKqsbdnCjz06jAAPQk8VtKLUlUppOV2+VO107Weul0Vh6apxenu6WbT762sr/eZ
/wCx78aPGngP9gbxVe+G9Y1i31TwzrMMOi24sxcWWofaJMG18pwQ7MxZsYJXcDXnfxZ+JnxW
/bM+Jtv8N/H8mpWdxpOoNJPokNitva6BFhXe7cDAcbD8u84Ibg/MM9d8Xv2svFniL9mD4U+K
PDOn6D4XtfDviW5vTY6HYeXY2V0jjyDcKucuQXPON27pXN/s/wAfiD48/tE/FTXvHGuX3hnU
Lrw1LqHimVLQR3E+nrHGJkijKHazL5WOM4qcPFLmnNJSu2rK7Tul03CWHnUrR54rl0u3s1bT
pe77GL4s+KtnH4/XwN8Kbu40XwTJewW09zZKtteX+cJLIJ1GSjkH7xx04xxX1t+0pqtr+yr4
o8P+GbqSx1D4e+JoU0B/DC7ZL61gkUE3sM4JfzfMbPJ56Zzhh8W/GfwV4Vl+Elj4y+Gba5Ho
v2ttL1KzvoTmzO7MLNLyuXPzHDcEjpXsHxS/4JvaxZ+AfBMuseNtavPiJ4gsGltNOvoHktd6
IJUtorgkgHy+mMjPcdKzxVOM5QlKTSu1Zq7bt100aO6pWVGapR3tey2to1azXYseMvjBa6/4
ivPgT8XrOz1K18PXf9keH/G0QCX2iO/zW7TNkb4iFQNkjCryT1rn/ilqPiCHS/GXiTxZ/Z95
4q8L6WngjXbclobm4DsPs2p5cASb1C4zz8u4YGMbXiz9k/Xv29dI8J+PPh6tnbstiuieLodS
u1WfSrq0IzcyuQGkLqo5Clunrx6Fqel+Ef2lf2kPC+rWOgza83xW1IWfh3T9VuTFpc6afGsV
5f3CKTulYK6RqQMKMkHIFV7SFKK5E7q7aWtnfVa7XRnh60E5OSSS15m0kk1fa973PnfwBZfa
P2PPBvk+X5cfxJgtrhXQbrpmXKtGwGSoHBz3/Kum/bCNxqXw618QxyfaG+K1+IiAMAC2XK/p
XQftUfBqz/Ztt5vBdi19FZ6f8TrS4sswN5cEbxAmNZckfKeBk5IGa5f9s+2+w/CPxJcRyXGY
/irqHlkP626E49+cVth5RfLOO0m399nqVGXNdXukk00+nkfNurm3sNZ1CGxkkW1hmjgijJ/1
gYgyJ+felubW3k8NyXljZrax6febZYi5YyZ+6ST6c0zWY1069u1WNljjvI7n5vvFCOuOvWrU
sdwNJvtS3Wa2+oSK4TzRt3DOM+hNe1R1Wpyxi22+lm/ReRa+E0Mb/E/w/cSRrZwtr1m2JXIX
bu5ya960qSPQviT+1FHa31jDbzaLN+6ZifO3SD7p9RuI+rCvn3wXqs0fxO8P3TKsf2W+t5XZ
/mhDBgRk+nFe+aLbzeKfjD+0tcL/AGe0n/CN3EzhIv3eN0ZO0evHX15rjxHxvtZfmjllK1OL
a6/jY4n9ie2tf+Fs3jRxxzRx+FLx513ZydnP0PSvJdISFNCjmk3LuZvKcfw/Oa9W/Ylt7i9+
JetLbzRw7fCd3v3Dy2Zdn8K/xn+deYw6M39haTDcX0ccc6SyqEw7J85xuXtkjpVR+KV+yO7C
1Jc0ZJdH27ocLdtWaOOGNpuNz4+XdTr2O6dbcSSblRtpj6FMHpUNpfLbtC0d20jLxIzJswO+
KaX2SfNJuaaYyoMZyp6ZNaRjdXPcWITik73e9mtuxYfUlsr6eaP915cbRpxkbX4dffI49q7v
4XftX/Er4F+Hm03wz8QNW0XRYwyw6WxE9su87mIRsgZJJyB3rhtkctnqW6JdwjSWPB+8c85q
BpI5YVuGhBSVQME8jFZ1KMJRtJKSfR6r8ThrYeFSV2tb36r8VbyPQ/jP+1j8SPjfSPjfpVvZ+NPG
2ralpdm/lDTUItoVPUEpGAG+pGam/Yq8WHwT+1n4LvvN1JgZNuYlViSB3YBche+KxqRjThypKKs
9EklsTHA04yTmk9Vpvvr1O6+FHl+O/Gnx+m1pmuIby0utUvHX92ZG8yRx0+7knpXwremRZG3
NuX+HHTPt9K+5v2btJkbWfjxrUZ/0ez0a786K4/dLJHIZCq89GwvAr4hvYd07bWVlzgds/4Z
r1snla9npp8tD854yox548qtvou11a/mWtJjaGOOXHzRkEZHDH+o9hW8umza1axtGrTTXDhN
udzM54H4knpWNpUmNKlY7d+Rg469fyr0f9n/AF7S/BmuTa5rVrNqFvpdu09nbRsFFxeB0EYY
noqgs5P+zj2rTFSaTkt1t5+Ry5XRhyqLW6MvU4W+HX2zRY2ZdQ3+XqUyPjGD/qFPXarfe/vM
B02jPOz6x5bsec9/f/Cr3i3XZPEmu32oT/LPqFxJcy45+d2LNj8TXO3FtIw74rOnTU/env1P
SrVJ0I8tJEmpa+zw7VHzHgnuB/nvXPnzr2Xua1Dp0lz/AF4rS0rw0wb5wF9cj+ddUalOlHQ8
Opg8Xjaq5r2Mu306SOPbt3bunH8qdbaJJJL8y/mK6630QK21YyzHjAGc13XhT4C6prccdxM9
rp8MmCDMNzAHoSo5x7da4a2aU6a5pNI+kw/CMpJXTdui1PPfDPw8uvE13cTnbNdR2zzBAP
mbGBjHqcgD3NYPiHw68vhbzoIzNeQbpUH4scv4Y1Kw+IXhzxDpOqeHtQ0+/0+8hMNxbTkZ
W2upABBC9ea4f9YFCdoWl3Sauvlv+BjmXC76+7bo/wCrH1/x6XymyeY0beqxBPbHT+da1v4
DVbZZLe1kkRhgMq9a+sND/Z28O3Fi7Xl3qEd0sm5Y4ZFUoR6Y4Ib0rwDxDpOqeHtQ0+/0+8hMNxbTkZ
Wf7Oi1Ftf7iFhtIsiiks1QF9zJIQ8YXk4Pb0rwDxDpOqeHtQ0+/0+8hMNxbTkZ
Wf7OiF

to/uMXx5ov8AwhK6pdabayW+g65GYNT09184ae5yEXc4wwV8PHIMEH5TzmvGWLL8v3tpwpHf
6V9JeKHj1zRr61vv9TqES5IHOFdW4+pUc9SB714Le+GmgvWVW8yFWwr7cbhX32U5h7SnappJ
H4DxBw/PD4lxpary/UyY2xlenr/n2qYFpG/DOSO1SajYfYlXn8P6io7VpLy4WGGNpJHYBURd
zMT2x35xxXscyauj52UXRlyTLEdyLb5lGP1ra8NeHda+IWvW+k6Hpeqa5q12+2Gy0+1e5uJz
3wignjBPsAemK+oP2Z/+CWOqeNtOt9Y+IlxdaHZ3CiSHSbYgXtyhAIaRzkQgggjgk88V+kn7
Kf7G/hr9nh7jUtF0XSdDuNSiRIYbMO8sCqG2yPK7EvN87cgDaHKj1owvJUrKK1XVrZHPjMwq
Km1T3tp6ny3+wn/wRbh8FSW/ir4zW9vea9DJ5lr4ZWUSw2ABIH2kqdrscZ2gnAA45OP0U0ew
a3ljh8pY7ezBMESxjbDkscgdsk5J61e07SobIKAvr8ynoeuVz7+tFxewxsY45OgwAB0PoPfP
6V91To0XGPs47dWfJ4eNSMXOo+aTd2+xauof7RdvOaT98owYyAxHt/s+/WsGey1Hw9NKlhHJ
qMLY+SWTOz/dz06jk8VJrXiC40my328as0Z5LjK7v7uc8tzjHSvJfjh+2rY/ALWtOPiqO8sr
dYYNSuWtLZpWETXQjCsBjkoHbr224yePBx2ZU8PJ88rSvZX2uexh/aVrrl5l5G54k/aZ8O+B
LdbzXre4sbHzo4N7Wzk2wZwhluCBi3GHiba+Hw4O3nFed/G2+0340ePpZo7y6h8J6asdmurw
5Nu0jtkXC8cIxZApOVYFSPvCvlvV/wBpTxt+0T+0Xa2NvoNnrHh+O+uLfQ9P1TTUtdG1uxiR
1ikWVgC95JbRqUkHG3bhVCnP0Z8DEuPjR8E/DNx4wuP7SjbX7m2ighiWK2e5j3okjjb/AAxu
FUcACNTt3FyfxviyWIxM+Wb0vdd32P0bIeSj709JW77eh0Xw3+BnhXwdeWP9gw/bpdJBd9bc
bri5kkVgwRuCqgMQvHzBiP4q9u0LQlvbZra7/efKXzkCQdckH8e3TNYek2Om/CWyg/tS50XQ
7O8byrSMTyzTSS5B4RQwjG3cNxIBZlz1GbniDUdPW1W7W+W1n00yN9sLBPLTZ8ynJGc4H4iu
zhfLY0IxrV7X7PTQ484zieIm8PSu/PuO+KMXiRfEuh33h3T9S1jUIzGI4LXy1LyRTJMPNLAi
OJ0SRDJkYZ4wcgnPjdx4VvPiRHH4o1DUo7zS9Uk1XTNVniO9ZrW8bZDHGxHzNG4towMZLRna
CvzN1c/7UupNps0cCx6TdWqyx2uuTSr+8bYVSVYmJXeAxJySDyOBXivxD+P1v4cg0+yt9b0X
VNN0O90e7XSbOwWE2l3bpDJeTxiP92tq4uJnJcKfNYKO276zHZxh/gg7qz07djxcLlNZvmmr
eYzwraXGtajq00OoW9r9mlsLeVzEl7LJdNY2V9fXUiOAGaRhaRRlmO3Mrn5vmq941sZks9Sv
tM0Gw1bUjMuoXKC0Vp54hA8UscIyCN26Ntu75jFjqQa43Upofhdo+hafrGnx3Wjt9ov11DQy
0PiPVZkZrXykILx3Aj32g2NjKKOHMbCuX+Jf7TmsfCHRYLjS20jxZFqiOmkeIorOXN42GURz
wfKLa5TDFo3A4jJUn5q+LxlR4mytqvK59dgcv5FZPczfjT8QdJ8FaC2rQ3ULWtqsmo6FY2zG
TS/LurkxPNBGc7JEZnVoWB8t8ELjO74b8Z+JF1/Vpvsq3Vvpu/8AcQS3LzeWMYGSxPv9K7D4
u/FfVPF2vyfbb2Jv9KnvZbe1Pl26zz+X5zIvIXc0YZhnG7OABwOLuUWSfcpVVZeSflyOvHsf
5V3ZfhfYxu9Wz6rC4FUqd29TBghklm+VW3dTgdKLl2wv3t31qR5Ps8/mIvy5PHqPb2qOUrIz
fdVfQH5R9M8mvU1epPNZOJn6zJPPpckPzNHnfg9Aema42UMPzxmvQLy4C6fJ/ewQO9cVcW4Z
2+bocjivYwMly8p8DxNhX7SM4u90VoQzN+GQMV9geLPhrpv7KP7PfhG8s5pNQ8aeM9Ih1qS7
aQLHpkMm4GONFyH3LLtLM2MpuCjdx8u+GdAm1nVLeztYWuLi6lWCGNB80juQqgfU4wOpr2z4
s/GKPxRov9h2Mcl5Z2cs8Npc+czeVavceesABAyAxyPQMACVGKxzCpJ2ilpc5clwb51Nnp37
Gk2peOvB15pP9j2OsXVjqUV9a20NykOs6zDKw+1R20RTN0UWBWILrtEadQuK7Cz1zTZfj79l
0/SbXR9Wkux4ajltohHDp1ss5NxeEEBXmCtIQZF2KsWSDwK5G20PWPgx8ZF8ReF/EEOh2vhG
6gg0O6Fn9oa7QhobowBmCSeXIximDMABJklTsDdEvibWPE/wwXR9P0Pwvo83iDV5b2+1DSpJ
/LsrEbhLbOs+Nis7BlEDfcVhjLNu+dx1m+abSVtm/wAH3PvsDaEmoRue9f8ABPDxPY+JfjZc
Xn9tWd02sCdbHTJrtJtQhtFtZ95uI8BkO+KI9Np3rgkbcfMvgbTtUi/Y8+I2oQ3kdro8mrWy
NB5KsblhKRgMeVxlenpX0J+yVr1xpH7TPh+zjvJrj+wdKv0vbW7sIre4jWGygSB4mESyurRy
qArszEKpOcA14H4Zms9P/YS8WTTSTSrqHiCJBEqHbDICWBznAyPrXBTjFQTgrKTVl5fcj7jK
YztzSatrr56Hktpcxtqdqrwcc0d4rL5hG8MgBwu3pnI69abpNnNGLa0jhjk2h5UVvmUN0yVP
B/Gp49VVX0eRlWxjs2lix9/duzt44yPeqkIm0+7t45G8xtkq745M5bPIPHpXq06aa1O6NSMW
r6676bO3lfckvLKRdPh2/Nawy93yFPce3Oakmmt1vGLZmmVRkldhTjuR978aryu0eiyMu638
6RWijDZ3/wB4n0qSa6/tTUjMoVY0gA8wLgEgcg+/tVy0tZHV7RK1lrpvqRyz/aUna6+ZVB8g
DCZb8OuKuQXdxqKzSSfu72xUM0rPwY+y7elU5LMppkvmfvJOZEUcn8asCb+0Lm6uo4zHDJAn
mKzYPT0781jKys2OUpx07q/y6HoXh8R/8MHeKLjdJHeXXiSAN8xxNGFB2++CSap/DjRoPEH7
Ofxe1KX/AFlj/ZaRLyoB87bnH4VueD9Jj1H/AIJ7eLrqaZh/Z/iW2S2TGQxYLuHtwSah+C/l
xfsw/HC6ZfOtVg06IRoDzIZiFf6A81yX0dt7/qjzKkm2pN6JNfcibxqtjP8AsofC+1jj+xwz
apePPMXLqXGOeen0rzG4g8nR42kj+2KszxxtI5AKjuOO9dt45ihb9kH4b/vJG/4mF6HIjbah
Zj36E9K8/vXuTplvDb7mMJIcHsaqn7sG99Xv6nV7RuF12W2/QcnhiTTdVtZLHVLeNbdVkkFx
8wQt13cYxXp37I1vby/tFeFbmPT7ry7qW/gP7/CyuLZ8lf7vLdK4W+07wnP4Q8O/2TJrVxrW
pRLJq09y221iKN+8RVxyuB1zXdfsi30c37SPgiztWjkhhv7t0efJ81DE2cfgCB710Yq/s7eT
/I5ctSVRSskrp73v/kzvPD5hay/ZdjXapXW79H8z5o/+P+PqP73PFa3xC1/x9of7G/xm03Tf
GGk2Pw7uPHzwXWhyIPt15OJoz+7k67P9WxUdkP40/gr4YtfFni39nezmkjtYW1fWbosTtTbD
MJABn3jwBVO0/Z80vxrNeeNNU0nxJ42uPFGu6jeaR4Q0xpIzfWcZ/eXrugYxheRgqGYquMjN
eTTrRpxjGo9btrRO+rslfrbc2zLDe0crJP3k9dltZt26HqHhX9l+P9t/xv8AD3xZDddaloHgn
R/BcVtqWs2iNGbK8hZ4/Ktxjc7biBgAjGfavP/hV8+P3+LXwD+HXxO+Jnwy+Jnwy+Jnwy+Jn
wy+Jnwy+Jnwy+Jnwy+Jnwy+Jnwy+Jnwy+Jnwy+Jnwy+Jnwy+Jnwy+Jnwy+Jnwy+Jnwy+Jnwy+
Jnw

MkQaS/OpbZJigIyY0G3HGflIPWs344/Fr4O237YvxauPFWlya1oOi6MPD/hGyto/OjWZYlQN
k8KUYHk9Oe+KveKfCCfADxl4s+N3izWJo9d0+/n0nwZoeoWzLcXyCMRR3W07WWEIz/KVHT7x
JGfLfgN4Z8M6R8MvG3ibxldWOl3XjjTbmw8NQ3Fu0jG8UZkkAClUi3MqqxPB+ldmFjRi/aQu
9Em1d3d76eS6lYinKvrJvRvRbJW3a01vsd9+xp430XT/ANhzxlqniLSftV58J75NV0cROrQ6
jdXR2L9oiBy4ibB3noDgHgitrw38XtN+KkXw7+JfijRbeNr7VbrwR4teCcQLqDToBC5H3Siq
dzdBkccAY8H/AGS/i1Z/Bf4v29r4ysbX/hHdctG0DxDZSQMg+yS4xO/qQSrZHOB75r2jx9+z
fqHgf4IfEr4Sw2d1e2+i67aeKtIuUja4bUNLlAU3NvtA8zy48b2Hyj5hng0YmnTpTc53Tk07
p6Wejtr03aKwtRwhyJt6Oylo01a3dk2q/s6W/wAINO8bfCfxxJNovg3xVdx6t4T8UQ77ixgu
I+FEzR5XDKApyRtIJ6EGu88v41eJ/Evg3xd8bLjTdH+F/wAI7Q6jp9/bSQrFrBjjAhaIoS0j
MVQ4wOOMAmuf+I3gbxl+xPe+AdD+GWoX3iLS/iMWs4dD1q5TUNL1tWjRhLFBx5ShnO4lgdwH
bOcnx1+zB4d+J/iCTwr8Qv2mNJ0vWPC6s8+gT2Ur6Xo7tyYoHaRYmwTgqo3ADGBjgjUU5Rcm
nBptOzbXRtJLRvvc8/FWn76Sc4u2jutrtJ779Dl/AX7EvxM/aD+CfiT40aDrFnpdr4mu7+6X
Robme3k1W3DP50CbPlbOMBcEnvVrwv4bj+INh+y74T1TxBdeE7qFNXu59UjkFvPYJ5rPEyHs
TsAz1Oa9j/Z++HreGfCGn/Cm3+Nlj4v8N+G7iXxBaw0fJt9GTBaa6vL4lo4oEBkJgPzOWHT
IrzT4v3vwT/aO+K2sXX9g/EDxJocj2+iQeNLdGttC0y4cIglEJ2+TH5jglXc5ySByMlHEOdZ
wkm4xu00rWTVknfc5Y004clWS55bRu2rXWrfRmf4rvbi7/Ze1TT7zXrjxVJa/GiO2sdclkaR
tQiWIL5wYkkhgN3U/eqr+2RZfYfg1qn2iNmt7X4s3wZj/wAtAbeMmudvLOH4V/smWPhG41i3
utS0f4qhCkeXSdIowhlhJxhMn07+9bH7bt7MfD3iiy864khuPiFPLFCD8kTGCMFh33GtI1FG
UVHZt203Wiue9h8OknCzTUU2nrbQ+bfFFxMPG+oTXTQy/bCAyq2PKQ4C5/DtRba3b6dbXWkv
YrLpd1Ik0rnho2GcFT2HNVdStVdtNvmMM1xJePbzJsO98YHzDvVho5X+0WckazNdOXjlcHbC
B/Ca9unpE4uZq6S6+ulv1L3gtP7L8Y+H2h+zzaW2sWxSOQ/K/wA/Ic/3a+jtctWg+Ln7Vnkw
ras3h5WRIBkCMtETjHYjr9a+a/B+m/2Rd6Pa/breTUF1SDyEc7rWJy4IMo7p619HTtcL8Xf2
iodHt5LeSTwsYru058y5Y+WJJIe4izkgc8EVzVpJTuu36o5KkeZJPTXbzaPLf2K0t5vipqkc
Mkkl7/wid2bSeRcLaS+WOT/sgZGfevMdMlt9QtbOGNWhuoY5N0n8Nx85OfevTv2M7hb34q6s
rXkLKvg69jIxgHCcRt6kV5To6rLaxtMreWoZoHB+YfMcgegojF879F+p0YVvTbdr5aEtk32l
J/tEZZ7fO0DpVkXFm0cfHzbASc9PrRaTnVImktWW3b7pLDr6Uf2fdGO1Z4Ym3y4lI/jGe9bx
dj3I3jFcvvLvYbbxrmbdI0fmJ2PLikhW2jNrGzSP94Y9KtXFk+nfaIZofMmuGBiYAts9s1A0
0UrK11J5fktyIlO7jqamUTSNrWkrNd0/XfYLV99wY3jKtboTkEjFdp+yJ4hbwx+0X4JvrVrW
GZtSMbm45Uxt8rf+Okge9cnHFMsTSW8kK290/wAskh+dV9PpXTfs+XUVp+0b4L+zyW8q/wBq
IrRTIWXDMAcD0x096wxFnBrfR/kTUtdSfdLp1a21O68AXumz6v8AHCPWo9UvLqa3uJUW0kPl
NiVtrNjqASpGeMV8f31syXLNt+XOP1/X04r7U17TZvhLqH7QV1o7LJb291Fpcr7MeVHcTMSF
z0x92vi+9HmTyfN977vGN309K7Mpla7Wzt+XY/PeLoxajbdN/mjoPh/4Hm8cWutLbsscmi6X
Nqrqf+WqRsoYfUBif+AmrnheWS9to7OFWm3N5hAIz07frxVP4aeM7j4d6819HDHdR3FtNZXM
DjaJ4JUKuvPIyDnI+laFzbt4Q1GK+0e7kktZB5kEjgCRAcjDD1x36V1YqKd4/d6nk5PWkpXa
0sJdaBcXF4263kXBy42/dzzz6fjSr4ekO39yzenHUdq0tB8bX186xySeYu7ByBk9uvrXolqy
6D4dXUHs828kqxs6gMASMgk9xxwPevDxGKq0fdcdelmfo2W5bh8TT9oeX2/haSNv9TIuTjlc
ZrpvC3w9/tKJpvJkmhhO19g5HGR+gNemaJ480FYvMbbH8mACm4rn7y5HIP6c102mahaeGdFO
pQrFJY6hw6iPODg849iBXk4jNq1uVxaey1PsMp4fo2u4o890jwHJp4861t4du35Wxubngde/
U1c8G6tdajrMdlNdSSW/mEtub73+HrjpU1l4p2aTNbeYyLIzAAHlRn15Ax7Vk6H4msfB+qtN
tkuNoIG7HT0/+uOK82XtakZKSu+n/Dn0lPD06GjtY9++BnxLtvhrPqVxNuhjU7Y5hx5R6c45
HQc/1r3bxd+0NoPh22kvNa0uHxBcXHhyK8iFxYJdWszAzMsbyMp2fLJIVycbWbqSof5V8Ma5
H4x0wzWqwzRtkC3UqzxHBwMHr6YPBzx3qQ6xqk7t4ZvreSG61CIpZPI+47REI1TcckAKOB2H
HevBjgf37nK/N1V7aK3z030KqYPDVqfM0mup7te+NfhPqF9pupa98I/COm6fHt8NfG3w6
NMI1VHijA5IJKyMpC+oZsV4v8W/2dvCcXh+x1Dwvbf8AmfvxV0an7LvxI0w6fHt8NfG3w6
3kk85HntPrmsfEmzuBsXX7ueK+OOB2MACm4rn7y5HIP6c102mahaeGdFO/QrQIpZPI+47REI
MqSfbpXpGseEP+XVNas5rNreOKJ7ZdpijXJwQcYPJzx+91q1/ZGn2PiST+xdjhs+xdcjhs
VIrphGSRwFJzjkA812/2o0lCSUpJa3TWva60/An/AFPp87lTbS80mvxV0an7LvxI0w6fHt8NfG3w6
CP8AxO8AxO8Lx6XKzkmxv0an7LvxI0w6fHt8NfG3w6/ff8A
i33w7s7eC2jn0a7iu1tGig2/6xckTjzfMy+WLSqT1r5/05IdS0TUrjUreG+aG6NuI3UPG4UL
jhsggk54PPOKy/Cck3g3Xl8eWwdIdS0TUrjUreG+aG6NuI3UPG4UL
77rby80fK55wbWlLnpu+m3QP2iv2Vl1G4utY0Wzh8P8AhAhXwzo6hg49jSvHGJrgBI1x+8lwNzM
7Ly2WbnNYvx+/ZluPEXxd8aWui6fOy6boBMfiKB4LcmKGzNpFJEpxhQ7sjxqq5JYng4OPfvBv
7T/hf4k+DLfFWqNeEfwSRAYwQVWOSR1kbYW2MANyEH6A+BXw5ufDGhfZ7+/F7qEzbpnRiSTC
HhDxhDdQxsRYeG7mC4BUm7jXdAy+YhLFV8k/IzHaxfIyzZ+oyfDzxHMql7rVef8AmfkAmfkOeYyW
AtGo7craf4H4t6mmmHjXc3zKG47Zxiq6WzSruX7ueK+vp2n/Y7NbK+stCEt
4szR6tYm8luo0UHiMRQoUwNuNuSTknxnU/h7qGjeJeJrWbJLN03mNTgoyq4fkDjYQ3PavWl
FU9G7Hm0cwhW9n86rrcJW00kbbg6rrcXo4ghsPxdcjhsVIrphGSRwFJzjkA812/2o0lCSUpJa3TWva60/An/AFPp87lTbS80mvxV0an7LvxI0w6fHt8NfG3w6/ff8A
Btvi9+1+Zblpba388mvxV0an7LvxI0w6fHt8NfG3w6/ff8A
OO1gjt1llaQj/7vqQAZG5nCkgHNcyC9xD7Ow4Ue/Io+0hwHJp4861t4du35Wxubngde/
954l8P6D4ibxZdXev+FNH4Ie14Eo8P6D4ibxZdXev+FNH4Ie14Eo8P6D4ibxZdXev+FNH4Ie14Eo

8W3Qvd3Eh8tJ5TwEjXPCKQOT8zEnIAIFcceTDuVR3tv/AMMdEqzxNNza269zhfBHwY1L4ja3
9n/494/NSNmK5JZ+VAHqfb2r71/ZC/Y603waVurfTYVWOcxNNKqvNOQEfDHHT5l+Uce/WsT4
TaF4T+Hnh+11xdLkbVmuXsLe0jUyyLPtjZvLBY8/vFxnpmvqP4a2c3gT4XWusazY3GhzaxK0
6WUwHns5bYo2jjcUEbcEjnnocZ4XPKdWUpVW1GK0S/U/O80wNac70o7u2u52ei6DDpFs0sii
SbjO75snt/vE8jjpXV+GvjPpxjOktMy31rKkMhdNqSllBXbyc4OUwfm3JkgZFeF/E741XD33
2DQ76by7WNfO1Gysm1G3juiyt5DtGNnC7d4DAjf7YrOh+IbfEhrWx1fS9e8Nah4kddHsLeAv
cWutRtFi7u5XiAeOGGOcyIBIDvRt/wDq/k9KjxBRirUV8urPNp8O4pzXO9D6+0251TUbJfL0
XUUt5trmeXZGjjjHVsn3AGO9QvNHpksnzRuz9cn26ewxzkV4JN8NLX4bra6Vp/mKliixRSXN
491MyLkqWkY5bAbHOMLgAYUV0+i+LLxoUhlvLe3mVsOdolAPUjJPP0HGMV9ZlvGmGjD2dSyk
tzujwTWvz83uvpY7/U/GFnDbeY7LeQwguYywCsFG7Bz/AAn39K/KD9vX45+KvjL+1t8QtJuL
W1t7Vb99CMsY/dRQQSgJMxOBu+TefQ5244r6W/4KJ/tDa94I8J3HhnRfstjLfWss95ewI0ck
yIobapU4XPIKnrk5x3/PP4X/AA78aftI/Er+w/Dsd1qmtao0s8hefyolCo0jvJIxCoMKeWIy
cDqQD4ua5lh8bU9pSs1Hd9L/APAPewOQxwN5T6qyPdvgF4Pj+JfjpdcsdFs7HR/CciJYtrd5
c6jp88qlEEbxlmDIId5CRKNrJFnCnB/RL9mr4bW/gX4bSSXV5rX/AAjdvrE9zoVjfaXFZpG7
Dc8loQzSSQMsgKySHJIAAyGz57+y1+z3ovhjwB4T+H7eINN0f4gabamIafqSE6fqL+cGuJIZ
DgzBllkYLGyMDgNt2EVj+PP2hpvAt491d2fir4S2w137Ff3V6h1q01C2WO6UP5RzLHJvhHy5
ACSbvmG018DisRWq4lyklKK0Svvro/8AgGmKjR9ko0m1Lqz2r4jfHRfC1lcHS5pLeednsZLi
0jWW8PQPEhPC4ZoyxP3Qc4yRXhd/+0hqOs3t5pv9lfaPDrwXC297Lqu29hna1BFnIh+9KLgg
guGUJLn70ZI8J/av+Oaap4Z1jytS8VeG47W+tvE1jcX9vDFJdXl0pa6tGMbMIw8bW80UT7mU
LlgNpI+S9c+OGveOPFn9ualb6fqEkc8BmmltlZrlYBGojJPBBSMZHAIJ9a9zD4WtV96b9222
1v8AM4YypxjywS5u9tT6q1L9o+48OzNpeqQ+KpNZh00xSRmZDa6VebRAQ6FsPgoZFkQkFJVw
CataV8SPH1z4PuvE0erW+pWesRTWGtaJdWO1YV+zW0RnxGqM0TNEgEkePL2IrHcSa8Fu9R1S
7srfVJpNJvrG8g/tCzhtJy91YWJkMUSyLj7sewxEAnYEAPy4NO8NfGjVtCjtbmzuJLGHT7y6
X7dEd7xtcwRxIsiHC+WGh3lW3KxABU4546mBnzuCSXnuepg5TqRT3fX+rHr3i79o3WvDNxHc
T69Z+ILG4U282kBfs9qsAlMieU64kWZWUESMzPuG4knmvnPx38Vm1TWtQvNL0+30FtQllLva
3U7zNG0nmBJHkc7zwvz7VLY56kUfEfxxqHjjW5JtQt9LguNixzy2Fv8AZ4791AJkcAhdzk7j
tAALAADIrhb+T5tuW+UED/PpXVgcH7N+++Zvr5H0XLGNK9rMqy321vmZuvT3q8k8l1Du3fIx
AJz19Mj2zXP3b7m/+vWtok7W8kcmN23nDDIPrXrVKaUU0efhcVKdZwex3Xwz+FzeN/EFxFfX
X9m6Hp9jPe3eoMV2Wu2MrFw2C5aZ4U2L8zF+MdRj3+jx3d+VjtW02JgMRTSh5Y1CjO5sKCeM
nCj72OOldJ4F1e81fUFs7Wa4m8yGaK3tEk2xx74XUuTzllViBkdSe1Vbq7vLvRLOOax01tpV
le2tytzJjAILZIHI7D+9jvXL7az5Xa+n4noRotT2bTOL1vS/7Oj/ANZ5kbHAYDAP+TXL6osM
IbaoO49cV13iR1uXkjX+E/exhj3w3v1/EVzNxBHdRGPo/Xp1969DByfLeR87n0E3yRS8huga
rJpd3HdW80lvcW7rLFJG214nUgqwI5BBAII6GvRvhnrbfabybctnHDCGLjACSswAcDoM5PA4
Bx2rzPR7RWvVhkbau7BJ7V2iadJoOmebbuWt7hgjNt+pH6Z9qMZJNcvV7HPkVGT96Wy3PTLW
51qHw7Y6bp95o8lvY3E09nA0REkUk0UUMgDfdyVhjJ/2iSck11HgnWm0vw1a6lrVxb6TJa3M
0d9BJNGs4hZYvKYQ7vNZWdmTKIcYbJXDGvM/AHiW8t9Wjj2+ZZ29xbSyTqgVoFSWN9wOCe34
D24qxrWpvYazrWn+ZD5MyNZNJ5YY8TpKGUg45aJeRnILAcNkeHWwqqXhVt6rf+vkfZYeMtXT
2Pr79gnV9L8dfH6HUNP1SS8/s/RtTvZ1cMJZHjit4o1+frlLkqB/0y9q8303T5G/4JseIrxb
q3jjk8WIDAR+8JwvGfXv9BW9/wAEwIIf+GnNQa18uRdP0KZIeB8oe3zK4wMkh0C8ngMB2rkf
COqLa/sKeMLe486SO88QKYtxxEkq7DvUY+8QMda5/q8YWpx2VnrufUZbzOly+v5o8nEs2otb
rcTW+oRrAZUCJjyVHYn/ABqlbosdrLMySRxoB86jevz+p9fxp8Y3DczQ26xxL+6hyhnfaMhj
3BqaxumsbCO4kjURtJl7MNtinGeNy98V2U9johGV0mv+G8/Ih3RiLyP3i+XzluMD29acs0dv
brGzSfY5uJMfe8z+9Tp0uJ3uJLdoWXeFdfL2eX32jPpVq70yfT4YJmjUQ6gAUWVt+4g9UI6C
ql2R2U4ybv07lVrRooLqOSZpJg4iWQfdIPYe9OtYpLkWvmK0UduF8x5FK7hu7nv0q9b38dvo
WraTDDbySSTJOZpFzJHt6iNuxP0qqmpzX6q1xNcTR3nyCN2yqAf7IrGSbOiUVGSv2fX1R654
Wkx+wr8TLhY1ZpvE1moQL+6iUEfMvbJ6Vn/CAzW37Inxr1j5l8yTTLBraMfJ+8kI3n6ZqPwZ
M0H7CPjyGP7Q1u2v2ZP70BcLjouM+mf/AK1Hws1DT7f9kn4zSQrR2sx0yFB52cv5vG5T796
5dr6faS/FHh4qT5VrbRvf18ibxtdzT/sK/DuS3hEdrp+uXKN5nDTSncwx6jrXmes2cf2hV+0
CPzF81thICseq574r0Lx+bpv2PPhkvnSf8hC6lSGX7knznB6fh75rznVtT/tRJrtriGzumuC
phRGWILjqOOuRzWkdIP1f5m2DxEP+XqsrKxq6xfN4h1aaNnhtbXwvBHb2sMabYZkQ5O8jqXP
U12P7K94rftLfD2ZYo44bi/kJEo+7kchfb+7XmWj3n2LXNQt4Zke21C3ErZP3a9D/ZGhj0T4
9fDfUG+0LZtrzRBpkOwk7RwcYPWtq0bwd+z/ACM8HL3ly99fk1Y9w+CPhC18XeKP2e9Hb9zD
N4i1m9851bd+5lDLGjddh2cjuTXsX7JH7Tvw7/Z4+Jv7Q/hvxZ4Y8Q6pqvxA8Y3Gq2Vzpt1
bRWsTXtyvlSSLdSSMdSSMdSSMdSSMdSSMdSSMdSSMdSSMdSSMdSSMdSSMdSSMdSSMdSSMdSS
MdSSMdSSMdSSM

wfEvhe70+4xpo5Lx2zMuEiQ8AMScHr1rnfjF8T/hz8Q9a1zVL6TX7q61C2S20K3t9NEdvokS
kAoVLAFgo4K8ck9Tx9ueJ/8AgqV+0Jfi4uIf2Z7iz1S8BC3EmjXEiuPdfKBbj/arzPxV+3/+
0pea6234H2awmFS9jN4RmdLd+8gYAHk+v09z3UanLZJJcqaWqWnTY+uwOfVXBxkopO293rom
1ZanzD4q+Mul/Ej4e+BfC+vaTqEMmk362d54ktLVlvL/AEfdzFIxGXeME4XleB3zXuHgL/go
Fpv7M3xQk8H6Deat8SPg7aoqWEt5ayLq2lxNGN6ROyplA5OI3+UgAdue8i/4KD/tAX0UbX3w
JupobPH/AB66LcW6oB2P7tsCtC3/AOCkvxa0yBo7f9ne4jvJmEoNxYzHzEHX5fJGfryKnFVo
zjaSUl2urXfXU6sRiptOfMubSySei9dzx/xP8Tfhj8VfGGg+MNH+KXxA8L+JPBtx5umReI7J
rqBQT0ijhykIxgELhdqj5TyayfjFP+zr488eahr+qa1441bxFdTfaL6DQNOX7Dfzlcu8ZlHm
BS2c7jwSccV9FaR/wU2+M2lWzWuofsv6fNdTS/aLXfosygQDGRsMR3n/AG8jr0ruPhV/wVk+
MRjuLqz/AGQ/7SsZP9XJpmnT26lOhBdbdlPNZ4OPvWleMYqys09H006HyuM4kqUYOMYpu6be
urVktGj4v+G37VPh3xX4u8I+C7zRb74d/B28luTrOieGFuJNS1ZdrKovJyoeZWPBVSRt68gb
fZvgZ+1b8IZf2DPFXwR1vT/GWirY6zLqWhyWdg8154gt0uTNDG37shWBADZ4wBz1x9TeH/8A
gqN8cEa3k/4YX1rcuSHiaVTCnsfsnH6VqP8A8FD/ANp7XYpLrQ/2K5dPmjRzDcXFy0bJbjkq
FaFSzH0HX0NdmIlDl5VZLTZq911bfX5nz+I4kr1KinKNmmmndKzVraLofmTqRvPEv7IPhvxE
zQ2M118R2bUNOeExyJO6gxtDnkRhRgj1PtXQftb6TJL4D8bapJMsa6X8QjiQsc3JeFciP3QA
E179+1joP7UX7ZWh+GZvFX7O6+G/7N8QQXFhcaS6xyWqs4Li4twS5HGTIwUD+flf7fHhWbwV
4J8ReGNf0/VtL1D/AIWK+pLePCfss1vPCEDK+Np2kdM1jTqRlKKTSd3omnpp1TP1bIc0lisO
5zac7K+uqSWr1sfJuu3keo+Pbj7LfQ2zTXhNqs6lVibHVzjoe1UvEmsXWltHHqP2iTUI1fcs
eFXbnhjxyDSeNLZRe28N8vlzWupG21C82/fUY8tuOg21e8cWVwnjDULHXo2kultFkgmVgRHD
gFWJHUYxXuU4vlujP6x70op22Wv3mToca6ZqunwzW6rdLfQTFCx2TKc4XPavrIX8d78ef2iP
tF1NC0nhDzoLlRi5tgqRHyk/2T0PcgCvlXQbPalndR3C3TQ6nbKHHPl53YHv0r6gto49T/aC
/aQa6kUTL4LlKknqfLh/+tXHUjrr2/VBKLVpea/LQ8n/AGTtRtdR8ea9dyabHaw6b4Mu962n
35iqhfN/32zz+Neb6FpUeoaZpc0l8tnCySoTKTtVgxPUdM5r0b9iO8tdP+LV9b3TL5OpeGry
3IJwGOwnH/jlea6Y7DQ4bNlZYbiORwx5y3mMFA/EVcJe/KPkrfM9DCxSUZS8/vTVhsif6JC0
cci+W4UB+PN9x7U90WBpt1wynOY4+eD7U+ynmiWKS6m+Wz+URk8MRUkuoeZaO0kcJmlYmKXj
5F9PatI/DY9any25uv8AXYrw61JbSxzTXHkyQ8eWBlj9fWr2nXkd5deZqUjLb3SscWo/eZxk
ce/eqsDLaPcedGt9cNEvkFOobuakNveahcWatC1rNguQOygdavUKNSfdvytfr16E2pz6frFk
vl2s1utrEQ67sgv6j29q6b9nOe3t/wBor4b3F3byQ28eqQb2hBZpQJBgAY79Pxri4rmNTIsc
yq0nAUk4B/8Ar4r0z9kHxMvhD9rb4Y319GtxFDqJj8qQbkG4FA2PUFs/gK560rJ3XR/kZ4yp
zJNWvdLRJa3R33xF1y38U2X7S0zTX0dnfa3ZmM+UQoZLmQKJOPlHGBXxXf2uBukVdrE/MPmw
PfHH0r7W8X+INSvNY/aCs/LjuNN1bxFHJdXCLiG2Tz5XRmI6DAx9a+K9RLymNd33T8hJ6EdA
D2A962yuWr+X5HwfElP3U2u/6GekTi98vc3y9Oe9dV4P1OD7Vb2d8yrazSBJGI/1fON34fyr
ldrJcK3zfMeOOv09fXNOt77DH68/59fevUrU1NWPlctxXspnWQQf2HqzQySYhkbBdCDlc9Rz
XXeH/Hl14YjmtVaO8s7gjzIJfmjkx0YDsfeuBsLptRt1RmyY/u5boK2DbTWM8lvcK0c0eAyt
29P0rycRRi9Jan6Nk+MlGPLHZ7Hq3g7wloPj+6MNjq39k3zKWS2vEHlvwOFkBx1zwecVufEL
4QeOPh98M49cvLfd4dhuHtTLBOJEib5PmYL0VmfAJ/iDA44z578PJ9FuriS31ZbjbINsbxEB
o2JHJz2r3r4JT+NvhboWpDwL4m8K65ayZu7rQNWthdIXVSFeOOQFfMOcZUqTtXOcCvn8ReFX
dWTWklo+9mtvmmfdfXMRHC81DV+R8/2Gqtq1lcXSySfu3EaIoLFicsxz2wB36k+mcR3GnXxs
2mkjm8mEAs5X5RnA6+5Netar+0XH8WtVuNU8beC9Nkmji8iK40Oy+yRQJl5MSRqdj/M3VvmA
Lck1Yi8VeDfiB4Q1LT5LrVobq6aNLeOOzBZ2EitwdxCkkbeTxuHvVVsVKE0lTdrq7Vmle2zW
unmjlwNbE1Iv2zvLte34HlvhfxrceBdUtdQsZpIbq1kSQYPyvtIYBh3GQMg1vfEf9oPUvilr
NnfXkcNreWmWE1uChLHHzd8YwOlUdW+GVxYQbo49YkaT7olsGVX9cNk5rnbzQLrT3/fW9xCu
cZeMriq9jh6k1UaTktE+tnuepKtiYRSWi7WPSPDX7UF5aK1v4ijk1yFlwlwNq3MeO27+IZ6Z
/wDrU268W6T4utNUvLdZrGaQAp52G3txuAIPXjr715jLZMw+Vfl9PWtKzaS207y2Zl2knHuf
/wBVZ1MHRUueKtLyen3bHoZXisTTqPnfu2fT9TqtN8UX1nbxwxyKixknKfKcn3/rW5pnjiOS
Jo9Qt1uVY4dtuH9uelcTpLSsyrD8zNwPem3WpXVqzRyKy7vfrXn1cHGbtb9GfXUsyUKac7/n
+J7Lo3jfRLH4zeDvDtvqMcmsXmm3Wo3Vmv3oLdJ4Y4Y2P+1JJMP+2Rr0Ovzz+0Z8Ufhx8Ov
2ivhZ4g8Z+JrHQ7Hw/pOsXWpRzRzSNJHJbxxxqqxxsWZmkXaqgDGa9Q/4aq/Zm/6Kjo/8A
4L7z/wCNUAe0UV4X/w1V+zN/0VHR/wDwX3n/AMao/wCGqv2Zv+io6P8A+C+8/wDjVAHt
FFeF/wDDVX7M3/RUdH/8F95/8ao/4aq/Zm/6Kjo//gvvP/jVAHtFFeF/8NVfszf9FR0f/wAF
95/8ao/4aq/Zm/6Kjo//AIL7z/41QB7RRXhf/DVX7M3/AEVHR/8AwX3n/wAao/4aq/Zm/wCi
o6P/AOC+8/8AjVAHtFFeF/8ADVX7M3/RUdH/APBfef8Axqj/AIaq/Zm/6Kjo/wD4L7z/AONU
Ae0UV4X/AMNVfszf9FR0f/wX3n/xqj/hqr9mb/oqOj/+C+8/+NUAe0UV4X/w1V+zN/0VHR//
AAF95/8AGqP+Gqv2Zv8AoqOj/wDgvvP/AI1QB7RRXhf/AA1V+zN/0VHR/wDwX3n/AMao/wCG
qv2Zv+io6P8A+C+8/wDjVAHtFFeF/wDDVX7M3/RUdH/8F95/8ao/4aq/Zm/6Kjo//gvvP/jV
AHtFFeF/8NVfszf9FR0f/wAF95/8ao/4aq/Zm/6Kjo//AIL7z/41QB7RRXhf/DVX7M3/AEVH
R/8AwX3n/wAao/4aq/Zm/wCio6P/AOC+8/8AjVAHtFFeF/8ADVX7M3/RUdH/APBfef8Axqj/
AIaq/Zm/6Kjo/wD4L7z/AONUAe0UV4X/AMNVfszf9FR0f/wX3n/xqj/hqr9mb/oqOj/+C+8/
+NUAe0UV4X/w1V+zN/0VHR//AAF95/8AGqP+Gqv2Zv8AoqOj/wDgvvP/AI1QB7RRXhf/AA1V
+zN/0VHR/wDwX3n/AMao/wCGqv2Zv+io6P8A+C+8/wDjVAHtFFeF/wDDVX7M3/RUdH/8F95/
8ao/4aq/Zm/6Kjo//gvvP/jVAHtFFeF/8NVfszf9FR0f/wAF95/8ao/4aq/Zm/6Kjo//AIL7
z/41QB7RRXhf/DVX7M3/AEVHR/8AwX3n/wAao/4aq/Zm/wCio6P/AOC+8/8AjVAHtFFeF/8A
DVX7M3/RUdH/APBfef8Axqj/AIaq/Zm/6Kjo/wD4L7z/AONUAe0UV4X/AMNVfszf9FR0f/wX
3n/xqj/hqr9mb/oqOj/+C+8/+NUAe0UV4X/w1V+zN/0VHR//AAF95/8AGqP+Gqv2Zv8AoqOj
/wDgvvP/AI1QB7RRXhf/AA

L+Hmg/s//CtVa6tdU8cWsiXa3F1bJLeWEsiRpKdoARCPLUbAGZSo3kk4HiPif4xX013qUN7f
ai8eGhNxIWnvYFLxsWhdiTG5EYUlRwpYYzkjxfSv2otS1HU5plupGuJHaaQCTnnk5LY6tk56
/wAqh/4WJNqms3l5qVnNHY3TEFjKBKG/vYPY5+71r5HFYPESrOVuWPRJ7m2EwMKELVHzSlrq
fUHwB+Hv/C1BDqzWcPhXwfpIlt54NOkkhhvwVBghfa5864VDl5iVLDygVxzWpL4wX4ea5qFr
4Zh8QX2kzWwtZV0X7NIxjW4eVR5cjIy/PdTuWRiG3AHBQmvIfDXxdbSfCkdm08ml6XpcTzOL
di018zkHeTj5WAWNAAONpJ+9gby/ETwuPDbal4L8ZaHqeoSRsZdNu7hLHUIUCmSWTbIRkJs5
2kkDJwQDXH/tcqlqcG1s2rr8VY6KdGjD95J2PVNI8VDw9pjaPdSSXh0uWSO0dB88kIZykeNx
IG0gDJJIIzWL8Q/ihqC6Jc2dqbe3uGi3GG0wz26kcFpB1YggEDpivK4NX1RfFliul3ng/wAW
eIrjUpLB9Ne7N9pKQSWT7rm4mRAhBLiMR7c7x1PSr3w1+BnijxLDZ654V8PX39l6o0d3Yzaf
dR7LWJ4oibcmRsu0b742L8F1Y4BJFdVbLcTGPPKWumis/k9bmlPNKEZX6Luuxx/iz4OeJPjl
pfk6bHfSKoMEl0sLzbA+QQRjvxknBANd98KtC8O/s2/CvVP7N0OaPWtBeBNSa9txFqKXMiPG
rlgxYRyJKxVT8uAyg5BNcXF+2nefCTx39l8O31vZ6Xp4XUL0tfyR2Xilm8uKSzhjMebeRXWT
98m4gqeCu3Hjv7bX/BQbUfjVe6bY6Pp8nhmaCIPqsi3n2qe5cbjGhn6lY1d8cA/vGB6V9Nk+
T4udC05qPVRt+LffyPkc24gjUr8iXu9zqv2p/wBs7VvHGuNp83lx2diqxRQwN/qBh8/P97OZ
HzznBrzO0/bi8feD9JuNP0fXJo9LuoHtrm0vQL6GeJgEZCsuRtKqowBwF68nPgsviua4laSS
Z2kckszNkknrVW41fzPXrX0WFyWnTs5Lmfd9zhqZph/Z8sUjutZ8Y618XdU1Rtc1i81C71Kd
b6Sa7mL751QorEtnaAhC4HZVHRRTfEcl5pWmf2Tq1itnNYoJLIRoB5qMVBbOfmUhcg4zXF6b
fsjs3zfKpH+771qah4quNU023t5HaRLfKxljuKj0BPPau6VN35baL8DzaU0588XZG5Y+OV0a
yhht2ulmt2aRBvBjjZ+H2jGeVABydvH3am0nXZAlxH8qw3wCyxhQykZBHHQMOx6jJ9a5G1tf
OO4sevf/AD1rW0OFYrpd3K7gCDXLWpwSb6n0mTymprTRnWazN5/h61tY2hZYrmW4Tb/rP3kc
SlT7DyhgDP3jWGdMkvtqryzHAX+8e+Petq5slVmRcM2eScDr0yM+n61n65crpDRNJuYsNx6D
cvYj69CevFcNOo27R3PqMVRjCneb0M+58Mslu0ixttXnhT06c/571e0PTyWmjFuzfZ4zI+Rw
o45Pt06dc1pRa/b3BaFdU8xbhTt8yIqy+xIyBkenAFaU/iiS3QbobeaT5IpJVjX/AEgpjaD9
AB7Ee9VUqVLWau/uPNw/Ip89JIveCdH1CRv7ahW60m1tdsK3wtyY3uHBdIgemTGrkdThenSu
ih8M33iO6+0K37yLc4ZF2mT+8FHYDnk4zmtbwN8R9attB1C10/UGtdN1S4ivZYExtMscckWP
QqUfBU5AKg/eUGt621C307Q5po5Gt98ZDsq7/un06knJ+h614eOxUoz9xa7f11PqMDTm9ZI8
P8WeHLjWNbm3RqtxNIxYqu0Mx5P4msW9+FOuaZplxqVxpd0unwkqbrZ+5yCBw3Tqfz+hFeta
gLWzvI7jdNNuQktMu04+982M4ymSMHAIqr4V+KEepXH9h69Gt1oN4rwyKMK0RcYEgbBwRnrX
oYXHVow0Sa697dbHHmmR0sQvaLRr8WeC2YjTU1m+XCnpjrXpXh60j8Z6Zb6Ss32e4kug8TYB
VzgjHX7xydq99uOpqn8Z/grJ8I9btZrW4a+8O6wGl0y94VpVXG5XXOVdSR2Abgjg8V9Ela8+
H2qQwr++ivLW54bDJGqTq5A9Msmfwr1q0o1IxnB6dGfI5fzUuelONnfVeZ33hrTLHTLxV0OS
8kZYZoNTXUZ7Vd+7ywvlqrE7VOc59B7gcbq8qw+IbqPzo5G3lyVG4BurYIzjBBORniubtrz7
LMskaxsynOJFDg/UEYr0LwXBalrG6t5LNbq4jZTAsAYqCDGxZjwF2sTg9TxXLWp+yfPJ3uv+
Dqe9hazV+U9w/wCCXerrZftKsjXULC+0q8hkWHoYxEXPYc5A/Om6bpkd9/wTR1643Ms1n4wB
XJwrIUQbR+LZxUf/AATt0uF/2ufJ/wBHWOzsL1i8SeWjnyefzycDtj3q54Z0Wa7/AOCZ/iq4
8xvLt/FqN5a/w/LGOfb5q8+pFOfMutmfXZfrRv1d/wA0eFTwLFYw3EckCzW8WJF3tvnY8/IK
ADbW1nJtZryRg+3kRjB/iHrU+nxh7ZhIrQxxwqbbP8c2Pu5qlbvI1z9on5WE7Zl3f6s9BkV1
U9jqp2upPqkvu3Ld3qU91JdSeczNdzCWQRjZlAMEKPWmpcx3WlrG67Y4WdosMxmRfTrj8KbB
bxxCz/ebmTc+c9Qeak0vdqAvPLjDSYMsYB5YDrWm+50Ri173e/mRmC4ks7OSGP7TNIjHKnBA
9x3NE6SSnzFkjhWL+CfO9W79KLe6WBNJvFaS1y7qccqDn+tKJJGuZQsZnWRjl89fxrFp2H7k
173l+Wmu+p2dn44jtv2VrrwzHa6fdS3Wqf2jPPHJL5kCLx/pAHGSeFx1HvWp8Fo9Hn/Ze+Mn
2izuptUjgsha/Y2P2ZV8z7zA9QpGc03wHFDoX7LPxLvorOPydYubOzspX/1ilZMyAe3NU/hN
4fvtH/Z++LGsfaljgsY7KxuLfvJ5rEZ49KxVpJ26NffoeFjPiSeis15W9TU+IlpcXf7Knwd1
Jmhmt47q+tOM/IUkBww78D9K801SztbjRole4b7HJO8qoSPOV+h3HuOtes/E6Oa1/Yu+Cd5Y
28gtVu9Te4VRlXfzvvH327hXkdzCt3oNjN5e3zmlYH2yOKIydn6v8zow+FdVezhq7J9bWsti
rYLi+0uT9352oQupzwAM8Zr2T9jORtS/aR8A6XrmpR2fhnS9YmmEd0QojdYi5O49iyjHavNb
fR/t+haDcx6bcaDpdmHVtWb/AEgz5JyfL/pWpo/wl1K5srO6t/EngnWI1kedLS41QW9wd395
Tggkfw54rqxVPng435XJWT0dvNeZy4epODjPlbV76XTvp8/wPtL4S6Pq3w3k1S18G/tTeAfC
ul6prN1efYTHbTsGZuGzJzkgAEDC+mc19GfC/Sfj34ltbr+wf2sPhrcSWsJmIuNKsNsaDne2
FO1fVsHFflzpHwa8ReJfEelrp+m+Ad18WSKzfU428vHeRi+ST7E1rW37JXjyXxt532PwSqxy
bpbaPXUjt9q8lJAHyVOORXi1Mvu03NX6tpNv56HHmlGpiItQi+aT3ab09Gv1P1w+Htr+1RLt
+x/tFfAPXt0QYBooV/EFIuR7mvVNO0j9qowR3DfFb4G27SKF229u8kZPdhmPG498V+Lup/s1
+KtS1KOS60P4R6GuqHyrZTroiRWz95dspz9BVhP2UPHVqZNPtbz4czLa7nuIbbxOwW0QD75b
ze/PAyRXPUwNNauav3VkvuPicRwjiq8rXVl5a/Nn7Ka7YftSWUDSXnxy+COl26nDXAtEPlH0
+ePHPuc1z2vXnx2sotupftVfCvS2bo8WjWcpBPYKwAxX4xXv7NmrJDHds3gnVvMl8hLeDxIZ
JLhmOBhd+eD3p1n8A5NMnmt7zwXpM10u4l28axaomne2T0W8vGd442axRomOpALdvrWcsvVTWNR+mj/NlU+CcUmrtP
0SX+Z+oXjn4/EKOWSO4/bg+GsGxAjn/EKOWO4ww4NVbjSNQtrKOabwr4dt7fVJWtrd/O3tAUw
XcnecgA11RwKfu8yt5pM+uw/DcqME7O68l/kfo5D458Ual80f7bngnbjrJolkmT7jd+tbmne
KfiBp0Md2v7bXw5aGZdny6Np8m0+m3kj68V+X8uiXF9dxWsOg6Cqxp9pNxvx50C8lyu/gN0x
1rSsfCOp67qdjdWOj+D9Hhml+1Ro8guQI8YKsCxyBjOOvNH9mq3xL5pHZUyWpJXSlbtZfqrH
63fDvx/481aOSOH9uL4ciRX2fvvDWl7skdPmI/TivRPhf0Ad4AP4V+NujvL4YolrZ+Fd
IYtjqAd4AP4V+NujfAebVtQW61DxJ4T0W8vGd442sz9iMK9WD5wHP93rXWeEv2T/AA/q

958SLFZNQiLmGLwq4muBjKraqSPNJ746DmsY4FUnfmT9Fb8j5vMOB69duSco38lZetkftVo/
gHxlrH2j7Z+2BZ3ljbEiRrHQNKhkiYf3nDH8q5X4pafpvhvwncXHiD9srXLdZDi6nt4bOJSv
bykiBKcdSuc1+Ttp+whpsdytvqnjzXtL0+KFZr2PSvC8ruN5xEAAx88nI3AZ21pH9knw34St
dQmt/jJ4ij03S9kd7FfeCJRt39FCMcKeR2rOth6ejc09dVZv8rni4fgWrGaUpyv00VvvaZ9U
fEXWPgDpWtND/wANyfFaS4umH2hY9QuZtg67t6x4GPTmvmT9rvxz8DdA+C/iDwD8NfiN4o+K
Gva5q9prOra1rMDJHcRQ8mJJHVWLgdT1PTJ6DibT9mbQfCcU0ei/FDQVXVlYPPrPh0pst84J
3EMVyfQflTPiR+zdeeA73w34bvvGXhnULO3R9Zso7Ox2W8+/7uy4C4mcnnyic9q6MLRw7adN
vRp2tbVWezV/xPuMv4br4Tlk5yejvFpJNeqSbPC/HniiSa21ixs7NbPTfEU39ptDIN0qJECE
AJGQDyab/wAI7N/wpvR/EVnqVrdQ6fdvbG1x/pEO/wDgbuwGOM8e1dN8bPhTeeEfDdj4i1bx
NZ32vXl9JYX2jpAUNjblSUkZuwbA+XHGRXA+FZ47bw9N5KtH9jk8oxF+J3J+/wC22vpKUlyX
udXsv37hONk07d76O9+x0HgHR9Q8L+LfCOo+TYzLJrEcqwbt2XLjarr6da+gLDR2svi1+1BD
qFx5M0fhp5F2n728oyge3IH418v6Np27x1p8f2iSSS8vbdBKCUWMlgM+596+rPHlgulftL/t
KWvmSKz+E1KkAyE7Y4Cfz/rXDWl77j3V/uaM602oxj05tfTueYfsE6XeN8ekhvLVY7dvDN47
K43b4vJYhh6ZOK8y0WKxsNI0W6hvGt7q6S6juDIu9IfmYLtHqRXpH7B0l1J8fbEzXE2668N3
2cjJjjWJwqgdx8leV6Rb293otj5lwtrCpmfey7/mDEhce9Ebqo35L9T0sHKLso6rXffoOg8P
XEbLHbx/bmU+by/UDvjvVhtBvHF1JcaebS3mi3uVbci+h9qhi/09bjUYW+yxxkAwpLyc9SD2
+lNN1LFa/Z5Li5uI7hdo+clUHsO9bRlpY9b2cEr2dvVW/wAy02i2cMknk6svkxwKzEL91vQG
q8jyJpczfaWuoGwysD86t9fT2pq7orDbCsP2eSNVZW+Vpeep/nUmrW//AAj+oR2NvJH9nZAx
lA3KWZcgY9QeKqRXux1tZeTe7262sSJfLHeL+5jiLW5jlYoPl9/r711X7LtzHB+098N/OuFe
3j1eM7mBIALDqK4doo/s8dnJN5d1v/esxLZxz0rtv2fbyG1/aU+H/mLGsMesQxlV+ZtpcDcf
bmuetqnbt+hz1pXivVffdaep7BZ6/eeG/CX7VVvYwwzWN5qUUUrP1jU3koBX3+aviHUoPtF4
q7mVsENkZP419oHw/Je+Hf2nGt9Sa303TtThd3Rd32sG7l2xEdhx1r5HuPCTeU25vmU4XHT3
2+h9j2rTL5Ri3d66fkj4fiazUbPe9/W6MGSIPJt2rHtGOTwB7nv6VVktvJO4su5ueo4/z6Va
urH7Mx3MOPlOD1b0/wDr9Kqlg+75e/BPY+/r9a9qnqtz4upHldrGlo9w0ckbbu/H5/pXYapq
39tCO6b/AFyqqOf7wAwDXE6RHGJCrNt3Z/4D9fX8K3tImw/lt/FgHPavPxdPXmW6PtOH8Q+X
kl1NbR72S0vI7iNtrRsH47HNe1aBrdi9rD4gtY5F3SBJR2jfuh7EEDPPIHNePq8Ok3ckc0fn
WdwuPlxuUdQy+49O/Q13FsNa+Avi2+0PXLHdDMoE0DD93cRN92aJvQ9mH0POQPAzDC+1hdbr
p3XU/RsjzBUaypVNnuepWV/cfDrxH9u8K6g39k60vn/Zd3yROfvIwwVHIOOOQMdhWfe3Ph34
sahDJq1jJ4b1y1Dq99pMccUV0dxYPLBgZkHI3IctkZHyjOTZazbrBDJZzNJbr93nHBPOAepz
61Y8u1vpVZZGW4unHzD5stn8t2T69K+c9tUhJ7p2tfrp36PQ/WqOU4TFUoyil6rR/ed1b/B/
4mWOoLD4RvLrxtZ/ZBcNNKUj8otI6iPbK5y21FY7T1bHQEnPvX8bR6fNdePPh3ry6HZqftGo
DSZIxbZ+QPvYCMjJUdQOetN8NaZqU93cR+XcSW2iwFo5QSuyQDKhT6kjt0zX0h8Dfineazpi
/wDEykksfs1o0tsWyqPiRXRh02kjAByDjmuPGZw6MG5RUkrXaunr6dTjxnD9akuak+ZLo0tu
1z5j8OfBbw78XLuRvDupLbtjeUnQhouMkFfYf3c/jXL/ABH+HFv4Z8Sf2bDIupXFvCHlkiI2
yZ6MvUEHIPU8EV9ReIvAnhv4Ya9rnxW8Fr5cmjx+XeaJ5KPYztPmMlCpBiWMssjIMjjAIGQO
++JfwX8M/Cj4a+Ivi/4Ln8zSPDOlTapqEMvUEHIPU8EV9ReIvAnhv4Ya9rnxW8Fr5cmjx+XeaJ5KPYztPmMlCpBiWMssjIMjjAIGQO
ZRTWqel0/JdzwcRivYSUKkba2sfnmuntpkiyN5kcfy8j364P97/ZrF1XWPtFxt3btvQ+tdF8
T/EMdz4qvoLFv9Fjbyt20AynHJ6nIznBHYD1rP8AC0ENnqfnXi7Y/LyCVBOD1IB/Gvoqd1BV
JLW17GNTGTnHkTsrlG1MifvJFkVWX5WK8dP89KsW88oiVvm8veGHpkVoeKNPs4reO40u6WS1
kIeW3D/6iTHYHkjvnGOcdqz9OkaeBlG1ViVpDuPXA/ziq0lqv+GOjB1Gvdkz0T4a2cd54S1b
VtS2zaHpMkZnhBBkjckeWRyD8xyox754Br1zwxJZ+DPDHhlrH7LJ4m8TR/brqeSBZEjkkQyQ
xHc5O0RJsUeoJBUk58H8P3epeLtL0nw34fhkXUryO4E6wAhr4KHk2nby3ygrgjHSvQpPHuk+
HfFUizNHt0G6tL+yhZdjSbBG6be2GT5cehz04rhrUW972bbsuy0V/JvU09tGpNK+q7+fT7j3
TT/G+teNfhvpK32oWv8AbWpTXr2x8vy7XU47Ypm3lUnHzt5h7AbB6Any34ffFTVP2e/E15ef
CO6t7Oz8RW8F/LpN5H5lvZ3P7xZI4CxxG5Kxk4GGIQZCqFDrvU1uvDvg+S+kmtdLjtXBuIsC
W1klfzfM4AG1WOPcCqvkR/CiD/icSW9xHeXUup2bbsuy0V/JvU09tGpNK+q7+fT7j3
JaOTdorRPX/I58245Xw+LpLmir+a2PSvD3xc8D3Ht+lFQSVIOBXPgq1Wjz
TT/G+teNfhvpK32oWv8AbWpTXr2x8vy7XU47Ypm3lUnHzt5h7AbB6Any34ffFTVP2e/E15ef
5MSCMIWVQzxMRGHJJKhsnDCvC/2y/ijeeO4pFj1CaPSbVGUyTgibUGyTgrxhRjgEdj61g+N/
FOtfF7V9Ht9avrrXPMbyLeOchmiV9gO09QSEU5x2rmdavl0/wnJpOqWv25rW7W0sbvq0YDHM
RzjcuSQCeRkDgCvawMZOcZuWt9Y3ut+jdmflPEHCKwSdalql+B4Ha3z3Orr99lVs4U88Vc13
4j6lrd1I15dSTSZ2/MRwR/nqawfE+sLpnim8+jdbR3egjG3G0Ant1yK5dtWkuTuZmZpCcnN
foFPAqaUmuh+I4iqmP8AqXiiSw88oiVvm8veGHpkVoeKNPs4reO40u6WS1
nGM/55rz/RxcTQedH5nltIIn+b165/z2rtvBWl2Njrkd1q1n/aGm2NxC91btN5IuUB3tF5n8
O5UZQR71z1sDSi25JP5ammF4qqzp33fme5aPrOteMND86xs/7ctYxtFxp88ZXoPkk3XwwwG
DyAR61zd7caetpJJ9nkvrPask1xcWDxSWZYhcSSldmgBTuGTx6CvZtc/Zi8N/Ci/+Ivi/4Ln8zSPDOlTapqEMvUEHIPU8EV9ReIvAnhv4Ya9rnxW8Fr5cmjx+XeaJ5KPYztPmMlCpBiWMssjIMjjAIGQO
U1ix8Ft4cg8RaDcGq2wr42tdUs5gq
SMDb3unX0fLQkhw6EnG7cpBBJHByD5csDClK1OLs/l+Ov6HVRzyrWV5NenQPg/4ssfhn4Ln8zSPDOlTapqEMvUEHIPU8EV9ReIvAnhv4Ya9rnxW8Fr5cmjx+XeaJ5KPYztPmMlCpBiWMssjIMjjAIGQO
7SbyPVLixlS5gtzPm1SUHhXKMA/zHOCcZwea0vGn7Ynib4Ln8zSPDOlTapqEMvUEHIPU8EV9ReIvAnhv4Ya9rnxW8Fr5cmjx+XeaJ5KPYztPmMlCpBiWMssjIMjjAIGQO
LJcmZFKkL+9jQui7cHypUz0wfO/GX7SVx4nZrHULO3s9tvMtnHo1gNNQz+SUinEsbKzINytt
HysoHy52keT3LXdzYLHNeSXEUAYxbpN+0Ng4GfXb+H41WHytKXPU1v0f+ZMswc3a6a9Ttv2m
f2hNY+IPiz4Ln8zSPDOlTapqEMvUEHIPU8EV9ReIvAnhv4Ya9rnxW8Fr5cmjx+XeaJ5KPYztPmMlCpBiWMssjIMjjAIGQO
f2hNY+IPiz4Ln8zSPDOlTapqEMvUEHIPU8EV9ReIvAnhv4Ya9rnxW8Fr5cmjx+XeaJ5KPYztPmMlCpBiWMssjIMjjAIGQO
zMcljV7Xhx975hgEE/dz0/P9Kxwmx255boD2FfSYPDQp00kfG5lin7ZxgSbyX4bcNXH4H5Pp
UVvFg/N+bqv6eWnIeOsfs9+1Ec/j2tvcTQedH5nltIIn+b165/z2rtvBWl2Njrkd1q1n/aGm2NxC91btN5IuUB3tF5n8
UVvFg/N+bqv6eWnIeOsfs9+1Ec/j2tvcTQedH5nltIIn+b165/z2rtvBWl2Njrkd1q1n/aGm2NxC91btN5IuUB3tF5n8
cljV7Xhx975hgEE/dz0/P9Kxwmx255boD2FfSYPDQp00kfG5lin7ZxgSbyX4bcNXH4H5Pp

ddIjureFo2WRVYk53FskbfX7p6158qyUuV9T6yjgZOnzp7GXpsLblX29P88VuafC1rKrbW65
zj0/pWfpKhWVtvzev9fr7VpXmoJFbbFk/edeO/HX8uMVw4i7lyo+sy+MadFTkST+I/sTbgy9
AF9sdxWTquttrTKrNVWfbct97Oep/wAamttOjxu3UU6MIa9Sa2KrYh+zVuUdZ2fPDcdfrV6O
7kjXYGbb0Oe4HNQMfs+fm3Y4HPWoo5md/wCtTKPM9Top8tJJLc7zwQzXthcDzJF2gKuwcjPJ
H0612nhm6/4Q7UIdQVpri6jieJEmP7va6shP4ZHBx0Brznwb4nl0O2eOOTHmMH5UY4H863IN
ZuNTaaSSRmjb5Wc8E5/mTXhYqjJzfY++ymtGpSV9zqPFupx3cemtN5jNNYqgZV3brjaNxH+0
G6+hrkb6zt5TbtDMv76Hc5YY2SDO4foDkcc4qfUL288RX9nbw/NMsiQ2yKoDbjhR9STjn1zT
PFOow61Jb3EMSwzTxb7lVACmTJyQO2fvY7bqdOnyr+tDolJ83LY2tA8QXGveAtW8L3EnmQ3g
WWDfz5Uy8qc9R0xx615no3iA6LZ3kK/6yZCh+nP+ce1d14EuI7LxfYyTTLDGu9mdj8owhI/H
j8zXD/GbR7Xwt47vodNZm0+ZYp4TuBAEkauy8ejFlHsO/WvWy+N5um9rJrt2Z8LxJL6rNVox
30f3GX/aarAy9GX17962tJ8Y/ZIYVX5fLOcg9Dxgj34PBri4H+0Sr/teo6f59asRwyQt909c
fT2r0sRgYWsz5nC51VcrrY+uP+CXU8eo/tkaPcMyqv2S+cgvjH+jOOfXOelXvD8UOp/8E/fH
DeYyzWfiyKUoCQpBCqOPxP5Vh/8ABJHSV1n9q2OSaZoo9P0W+u2H/PQCMLjPb7+c+1dBpVot
n/wTa8RXUe7/AInHjJINvQRhEDAk96+dxVNQq6eS/M/TMlxTqYdS9dPuPGPNmu7AKreRGMMR
07enr7iltLpbmz864kWP7L/qyEByM/xD+L8adDIqafHNIiyeXIYWttu3zdvG7f8Aw/SmxQxz
2t4u1VWZcJHnJgOem7+Kuj7J69Go9O9v+GJEvbcz3Fxb2/kNIigBjyG9cds1DDFJffZ45JPs
s0jN5cgPDL7kdKrzztfRwzNNuji2I2V279tXroTXF75zQNcW6yCNZUPMWR0IHWiMbGntObV6
arbr6/8AAJPIt7lorWOTa1hBJdNIeRMR0AFVoF2zfaN0gaUBsA/IuRzxSwyRya9u8yNoLHIm
eQeWzoe4X1Hp3qEhbW5uJpvM+xzPmKQD7w9NvaplHTQXtE3bs3t6fkeoeBHt4f2GfHbfvIb6
TWrV4XYfLcw5AcLnpg9SPpVb4bXC2f7MHxU0+1mW11a6e0nuop2zFJZg7l2n/npk8d+as+EI
9Ul/Yr8TbreO30tb6P7Pdv8AM9zmQb4gP4eRnNHge0s5P2OPitqi2rNI13pdp843FMP8pDds
HqPpXHGTbafdfhax5OIou109LP8AHexqfFuKOL9iv4E/Z7iH7bHd6kdpY4b98CCR04wAa8v1
qePTY11SPbN9sdo5g0Q2LKOTtAGAK774laguofsafCZlhhhj0/U722kbG55GMm7dx2xnjvXE
+H47aW/vIbjzLzT42zFE0nlLvPVx+oxW0ansYOb3u/xZtg5OGkV0Xd9EXr7Xri68DaPpV1qk
ckdqJLaS1hYFAqHcpyPU9+9evfD79oGPwvpcWk6h8EPBvivVmhH2e/tNPdZkRl43KqNubHPa
vnPRLWGLwjbzLuVmZ1nCDcSB0Pv9K6rwv8R/EHhtvtGk+INW0mb5ZQYLhkIz8oOR7HpWmI57
af19x6uX1KcqaU3ZpJ9OvrY9A1bxBY2KWd9ffCFdHXebi9uJoLyPzkJ+9DwFVRnknIPFb3hy
X4F6RBY3i3Xxgsbi8uTb3y2FtblIo5B91C6nJPOByTiuf0n9pr4pWnh+/W3+ImoX1vMfs91H
fYuvJiH8S+YGCjscV1Ef7ePxejht9LvPEXhW+js7q3vo0u7C3Xe0RDRAkIO4B9cjrXn1Kc5P
Zffb8zrqVlyWj99l+jZ22leM/wBmNW0vzPGHx8kt9PD/AGX7Rp1jIsaJyzD9ycquDn0xzUdz
8TPgPpN3rF1oPjj4xSXUcQe1ZdItP9KZweABCBg443bR1wa46X9un4vaDd3ljHqXhnzpFn8i
0Xw5blZxdHdPj938pB5w33vet3R/29/jFaTX0KyfDvR7qx06HU55JtFihnvorf5Ywy7SA2G4
GBjtiqlhU1ZxT+a/yPBp1pU53Um/VGb4g+L3hPxZ4b8PaT4R1D4gXF5fXP23UzqOiWiwRQRE
mWUNBF5h27SSVJAwckVwvjPxa18Neh/svxFcaHbXIuLG4azEbp53ERmYoflfquSC3avobR/2
iPHmt+FtD1qb4yfA+xvLiOWwEL2EAutLiusNKV2x5yOMgDBxzmtrxhpfxA+Ingy60G8/aO+A
c2j3ljatC7GG3lEVrIHjkyqZQqydyR7CsY03CVoxSXXV9/JWPUjnHsl7/LL0S/JnyFB4e1bT
C1reeFPEdvcectpKGtJo2EzDcse0rw5XkL1I5Ap8Ni0+kx29no2uLcQ+bdzF45HEkC8SMq7T
gKUO5+gxyRX1pqfib4rXtu2rf8NPfBW6s7i6jn8+QwIS0cfl8KYemO3c81538RPGfxIgbw5Y
r8ZPhr4oa8ludMN3pqwytpUNyd0jzSeWCqvjA+go5al7K33v/I7sPxBTklzx/Bdumvc8Fu5L
rSr5ZrnRdSit44EuPLmilUPZvgRk5GdjEjDZwc8GrFlBr0N6rL4L1LbmSwSP7FOV8x13bAMf
6wKQccnHOK7z4gfEXx94T8Vah4T8Vah4T8Vah4T8Vah4T8Vah4T8Vah4T8Vah4T8Vah4T8Vah4T8
xctJ45v+E0tYW8438cbW6ENM0flCLGzpsH3enfrRy1Wrqz9W/wDI0qZxTfdeVlYyNN13xRI2
n61Y+FNVjsbW3YLs0+SSzmSL5ZX5QjP945wD1rq7fX7ibUvC8n/CH+Pla3JW9FpZESOs7boU
s2EY2FlOAcDI6Vz+gftG/Ezw38dWsOn6Tps1pFbbSwmS7cmTty6t0Y/dxx3zYf9rT
4saK2ns3xGazWSKAsY1zs+zfImfl5Bx82Pvd81Xs6r3tb1d/yM5Z5FxcYrXzS/K56tp3jv4A
6fqMMMnwd+MDXjTvHM8lxNF/YwT/AF7RBZMsUOSwbGOckVs3vjX4IteatDb/ALL/AMTdQjhu
IYbbUPtbvUDNfOcHMyFsRseqqCxYHtXkkv7TvxN8N/HVrDp+k6bNqbaeyaxqEfTeh/0Xp/0X
p/0Xp/0Xp/0Xp/0Xp/0Xp/0Xp/0Xp/0Xp/0Xp/0Xp/0Xp/0Xp/0Xp/0Xp/0Xp/0Xp/0Xp/0Xp
yb1vbRfqa3i7XPDevafeXVn+z546t76GJ7bS4Z47x7KzAPMzkLucgnlOR71pR/Ez4kaF8K9Y
8D+EfhZ4Z8Y+Ivh/4Z8Y+Ivh/4Z8Y+Ivh/

FZ297+0J4Fhtd95cf8JOjizRdkqorA79/TaAMkexrGt8L9N/kZ1qnNy2stU/npf7zvrzx/8A
20P2iLixhj0/Q9Sv7eW7jaIpNMnnuAiqfusWyTnpk18q6lNIw3SBmkxh/wAR/UZHHSvqbxb4
h8qT9pAy2c199o1aGITQDatq32qQbm/2eMV8567ok2l3U1vNDJDMrbShTawPUgA9McE/SscP
UUZar+rI+J4mkko37v8ANHE6hC0KFiNwYEbv9nsfpxWa4ZWZu7cBPY102tWf+jFcdCSW7H1P
X8SOgrCmsvKBkZssp5U+nof9qvaw9RSR8VWlrdFZJ8Mu35WXriumsZ4rm1jZT+8GAcDG7/6/
vXNpZNO8jK0fyjO0Hr39fTn61reF1Wa6XcGC96MVFct+x6/D9abrKD6ns3w1+GS/Fvwhq1jH
JFHr2nxi6so5CS1ymT5iZ6Z5B57ntzWP428beIPF9rpun+ILqS8m8PmW2gefmeNSRmNm6sFK
8Z5G4jpgDovBd7HoWg2viLTbhbfVNDc+fC64juI2JAx6ZDbT65GOlU/izpEOo31v4i03b9j1
j97IoK5hmzlgQOnP86+ZjiH7Rp/Dd2utU+q9Huj9e+px92pa7SX/AA5i+HNYm8P3vk3HmCNu
GC/e5HUV3WmXsesaNCsLL50cplDBtuBgZBz+n0PrXRfDD9mSb46eGtF1TT5PstjdTf2Xc3kq
gxW16I2ZImAOf3hCYwDjeudorze90rUPAPia+0u+Hl3FlPJaShWypZGKHB9MqcV5tb2VaTjF
+9Hdfej7Th/NnQmqUneP5HvWieM21W7utLtZPMs4YMkrysmBzjHGD+eQa3vhJ43s/BvhXxFN
u3bbSGWGJ/l+ZWnTAz6kqc+9eJ/DjxnN4Yu5ptvmRzL5LMfU9ifStjQtZjPgjxRukX955ENp
zyQbjcw9cYzXz+Iy9PmTWja+eqP0b+041YJWPZv2bL7VPEHk6Xpckdxq2vXMuIp3xbnbGzye
Z1+TYvPB5bFU/Gngzxp4V8QXXhHXpLjTdD1yOLUvD1nNqzXVmJYCu+yhdiIzIgkI7EGJQODk
9J+wxPDpXxh02a3DbZLK7iWQ54+SMlh2B6c/h3rsP2xfBl18QvBvjqPS5m/tLwTqNl4lsP4p
I2e3LXSRnggeWFkxyMp0Gcjlw+IjTxPsLJRkk22rtO9k10SvY/PeIudV9I6JJ+fmfF/iP4Yz
ReObqNo2ZZHMwTO4jPJUnpuBOMdD610nxi8FtoPhfTdH03TW1LWJbdbvUHt0aRrFMZVSAPvN
yx9gO3NdVqHiXT/iDd6P4ks28ltUt/JuYwhJhuYiu9AQMBcMDk9QQeoqvP4Q1LxB8WLGy0m3
uprhV3yXJDfPkYGWPJyOg7Djsa9j69KNaKl9lNtPRXWmv/APFlyzgp3sj55EX2X943pkAj/6
9Rpqscvy7v4huHbFeyWP7NGueMfC3ibXtPht7jTfDOmTapqTl9jwoElZCq5+bJjIOOnqMivn
0Xewtj5mY9a+iwMo1488X5Hm4zMo0ZKNJ3XU9Y8LSN4CZfEWi64treW9zLBYTmNSwUWkjybk
bOMgonIx82c1xfhXU5vE2rQtcSM24jzHJztUcfyArk576RB5bSN5ed2M8Z9a6PwXbfZ/Dmoa
g0ywrp8kUSqesrybvlH4ITntiuypheWk7at2V7Hl4fOHPGR5nyxW6+49fh1SO8v9QbULxvJ0
9Ilt7f8AhZiOFC9OAG/EitTx9rlx4w8BWNvJ5lxa6eYrXTEK/NA7hd6lu+8oTg8ArxjJz578
NdRXX/FVrHdRtMql5JXPLHCEjPtnbzXfeIrqaTRPsFvHHGum3S3ruONpQNwOxU7ic+q18ziK
Kp1lF7qz8l009T9WwuOjWwzcXe21zB0m+m099a1RlkhuNPiNsHwD5czHaTn1HIyPWuR8S3LW
PhqaONVaRTFOCSRsw4IBIPGTk8c88V1HjK2uLCyj0+QNHJqV9JdyA4QqUX5weccZyPfNc3eQ
SXHw+1rUJOFZBDAMYBYuu4j32/1ruwtlKNTu1b77f5nx/EVaNfBzpu17dD5x+K8X2fxvqCrt
ZZpvPGzoBIA4A7/xYrm7Qb5Pvbflwuf5n2610nxRhkbWvMkk8xrpFfdjrj5f/Za5PbgY+9xX
65gpXpR9Efw3nlGVLG1IvpJmppWqx2cq7t2GAb5Txn/Ir0Twd4+0W3tpIpmkhWRobuSe+iF0
GnVZoztjRlwhWRWwTkFD1FeZwWqyldwwzfkKuWunjrlSF5AxU1qMJbnPh41JJJHrGpftKtLp
X9nst9r1rG8rxwX9yw02NnPAW0LMgRESJVUnAWNQMYqPSf2jrXR/Bs1ra+D9Hj8USTm5/t47
ZHVjMjcQMpjC+UgTHXJL53MTXmMdsuG+983AI7e1TW1g3mfN+GD3rlcYpbHtYfB1G1E9Ob4r
R+KtWtV1rXtavLXXrmxt9bWWGKOOG2hmDZi2j5GUDI27fvNnOTXWfFPxR8L/ABl4Um0vQYbf
w7qFjrzWmmXEds5aSyVGX7TNKOGWRtnGNyehGWrxVdL2Rf3sk5wMgY71XubU8qN3X5wOcVjL
kk1voelLL5QV9itrdgunTrGt1b3yyRrJvizgFlDFecEEZIPHFZO1XHQrzV+6j8k9PvcZz1/w
qG3g+f5h7cV3RqWjY8Gph3KrYmtrTftJ3N+HX6VoQW7bP4hj9RUdlbqT/d3f5FbFvaZH8Tcf
rXDWqn1eV5fzIbaWP7xdvK/5610F3FJD4bkWRdv7xG2nsRuHHpwTVG3ga0WG42/K5OPwPNGs
XbO5+ZtrAcE5A9Oe/wCNeXKTlJH19PDwpUmV9NfJ+arl7psckW7dz1PsPQevrnpWbbXGP6e1
WHlaM5b5l7c1Uoy5roqnOLpcstSjeWv2VsL83PbmpLISk7mUjmrlrBHc3SrJIsa93Zen1FaV
rYxyXqxrM00chABVRuI9cZ4qpVElqZ0cKnU5ouy7FOKykaHd5bFc4zipn0uaNG3Rsuzrx09c
10Qs/s4kj86RobdQwIAOcjOOvOe2enSqOq6q5VY8YVl4I+bdzyVPfOO/171xxrSk/dPWjGKW
pm6dcmD5fet6zl8uH73bGB6+nWuZtvv/AI1vWUn2iNY12rt4GOr555rnxEVue9k9dxfKja0D
V5tG1zT9QhVWksbmO4jBXIJR9wB7dR09Km03SGnZY/3e7oQzhefTk9aj0Sy8y6+VdzRruOfT
+o961La0tT4ns11C4a10+aVRcSoMskeQWYDnt0rzalT3uVH2GFp8i9rLUw/FVpDBNDHHIzSK
g8z2b0zXO/GNY9Y8SXk0O/yY44ki3jkKsarj8xXWfEfXNN1vxdeTaLYtp+k7kjtbeRgzhEjV
MsR/E23c3uTXH6mVmDbm+U8E4/pXqYG8JJvt+dj4viKjTxlOSehxttHsZevHXFa0Nqzxocs3
pk/5xUev6S2k6pcQfKywyFQQQc+h468V0GiX+m2iQ+d/wAfGTv43D2yK9zEVrwTij85y/Cq
NVwn0Ppb/gj7ZrcftR6gshba3hrUM5+kfetwwK3/AASwZZG3f8ACdSblUHj913qv/wSelsY
fj94iZV8uOHwhqLMxI3IP3XJx1z19ulN024mg/4Jf6ltb5ZvGjQKQDnK+Wh59ORXzO6MvKfzX6
n6dksXGCitrN/ijwuKaOWBfJaR2VWkx5RYHJ6nApZHWCW0lVmPnDkAHB+g6/pV201G4KWsen
t5czRbpHGSGXH3Tmm6bcXl1Db/Z7W1kvI5SfMbgn/GuiOx7FOKSUr/g/w13K16FkkmjVvMtV
IYoqkP8Al1wDUqrJdPcSW63H2ONkeTDBNrgcEqetTWyPquli4+1MuqtcGCU/dITP8J6VEjb7
W7uJt8knmi0XBywGPToao0+0pdGr/wBeBZZZl8P3D6lHDHNa3EOpW+S4YZhXrk49vCPnLKfarGnz/2FPZzq3lSKGhdxwW3cYx+PWjZ
MOb5P1Wz2t/wTtgLS1/Zhht7rWpI7i51F5ZNPh/exw4Ybd+3OwkcgN1rW8AWlwn7Dvxg+w3j
XGn2+r6WPIMRyxMn+sJ7Dp+VZ/gW11DSf2aPiEOpW+S4YZhXrk49DUBn+yaa1v
b7dSkjk2BCfvY7juRUFoI7DQl1BZZFu1k+zCPnLKfarGnz/2FPZzq3lSKGhdxwW3cYx+PWjZ
MOb5P1Wz2t/wTtgLS1/Zhht7rWpI7i51F5ZNPh/exw4Ybd+3OwkcgN1rW8AWlwn7Dvxg+w3j
XGn2+r6WPIMRyxMn+sJ7Dp+VZ/gW11DSf2aPiEOpW+S4YZhXrk49DUBn+yaa1v
MK7T5NxqvmJnqfPXk/hXD6b47vIdWh1L7QylrT7KmT8wRWGBwOnFdWHtK9/Nfcwwe972Vl89
EZMFzZ6ZYaLo8OpW8c2JJbuWIF1EjE+XGzHjGMZxVez8E3niHxNp7Np+Lnj3m295pK3GqOw2iSQJbqu
SZJD26Hp6VNpOtx6tNrVxDpljDb300Usalj8rxf8s1P+11ruP2bNW0e3+LWn6mr2jw3On+Mr

yLT55FY+dZRyOA6oR0Y5574qa1R04yko8zSvbT8O5y4ei6sUr8qb3V9tkuxxtnpEKa7Z2+nt
DfXFrDPFeLNchbW9kOceSQdzL3OfSq/h6O3nsY7XULW6ZrzfFEbcxBpCpz5ZLHgDsetfcmp/
DL9lO61W8mm8H/FS10vwrfvp8t3p8Uklpf3Cn50MucqwPIGVOMe1Z/8Awr79hO8sGa+t/jNo
/wC7lj+0vAXWOR/ut1ILL2HQ98146zinLRwkn6J+mzuceMxDwivLma+b9dj5HS78LyXMdxNZ
+LI7GPCXz/aY2md1GEODzhOo+nNaWjXfhO0SW4vNY8WWNvfObe12RQXFw6/xPI7KcqxxlVOO
K+pPDXwE/YLkEK3Hjj40XSyfKuNK2+cwPOMQ4zXeaL8DP2AdN1JrhtY+MWpLGFItBp86iDHU
nbGG+vNaRzCC2jL5q35s+frcUUU0nfTsmfCdvqnhWDWJG1S6166s1nAYWmmWsc0zp/q5MlOM
d171qJ44+Huh21u15HfatqVrM1y62unWgjvDIeDLvjxuTP3V+XjmvuLRPhT+w3oc/wDa2mzf
Gy6b7QJoGTTrjaqfxQj5RlWHc88da1tI8E/sP6E0zf8ACvfjNrHnO9w1xJpVywYP/wAsxyMB
c9f1NT/akb35ZelkvvOWpnkKqvDm+6+nfWx8C634t+Gct9CzW/jqS63rcF49O0yBC+P9wKV/
MHFZOtePfAovB9otPFs1u29b35tPheVSPlwsQAYqeRnIr9CtQ8DfsZ3sSpJ8Kf2gr63t0K27
vZ3pj29to83gdqj07XP2RdM0CPR1/Zb+Llx9nmaT7VNp0puHXtufztzKfQ1tHMqdvgf5fiaR
zKT0hzN+aS/Bs/Om68ZeEbmyks7fRdWZUtmtbUSahBudixYXTkH/AFo6YHy4Fc+dbYmTzLGz
uPLh+SRNQUEuBgNjdkH1xX6IT+Gf2WfGOoyXC/s3/Gi3a3UlYIbe42uByAVRwBmqc2qfsl+L
ra3XUvgX8UNDupAylbS2kIDDjClHXcfwqpZpCF1GDffZ/drqelR+sNJtyX3f5n59qvm6FYrN
Y6HuuMwh/tMpkQE5ycHaCDWt4e0+L+37G6W18LtDanyWtZ7mcQTjbjLc5z3OOM9a+8tM+Dv7
Hd/Lb+d8Lfjky5+bydPn59j8/J+ldlpP7MP7EurFm/4Vt8foW4AVdOvPk9/vVn/a1Nr4XH1X
/BMa2YLDu9Tml5pH5xDwVfP4cuJLf/hG7eOOTLyRTSPPlTkY354+mKS40W8uHt9S1CxsY49c
tSlkbN0jSVlOGkdWOVPHPABr9LtP/Yy/YzubxvJ8D/tEXC4/1P8AZF1x+I5qO/8A2HP2Q7iN
mt/hr+0kvnKRC50i5ZYz6rz/ADzWMs2pWd0/klf8zn/1ohzpRjL53X6HwDrHwo8ReFPAd5eX
i+Fb7Tb6KKXyLe5jNxZbCAJIg3POMMO+a2NO1z4crpWn6prHh+6vJrSWRNRsLSMQpbCUbY2L
EbWbOCOeDX1lrH7DH7O+mBrNfBP7UV5dN+8hT+wjvcZzgDaB+JrxH9qHQvgz4d+A+rTeAdD8
beG9U1DWodLvIvEIfcqwndIApyNysAWBO4dOKmhmUasoxipXbteySSffV/efXYXFQxMeaCaS
V3d31t6LS54P8X/hn4X+HmhySabrx1i4a8TyoHYFIoWG4ElDy46HtWPeeFNNudQs411CS3mk
gaeOS5YlJ+MlCRyOnFVNf8OrpPhaGa402SNbi4E8UzKQksOcBl/2D0xVl9S0tNJ0eaaZWhuj
JHMhyzwMMAMCRwvTgV9BTuoct7+pPsVGUpTSWia37/IveG9AubV9H1a4WzbTZNVhgkgglHmS
ENk7k6jIHXFfTWoWGpW/7XX7Q0Oj3E1vat4OnkuMKC3l+RCQn8xXyvoGlrpXxJ02ETWt4smo
QeTeQyt9lA3DjOOo7+lfW2jan9i/ay/aUmbULO6h/wCEJuFMkTZjJ8mHCfUYIrhqRtNvy/VE
1Kiajbv+SZ5H/wAE5ktbj49XGnzQ/aNP1Lwvf/brdiSs6iNjtJ7DKL0ryOOeGz8N2S/vPKu5
ZZEtxnZDhyAFJ5YfWvWP2DUm0X446b9nVbiS48M6iZyvPko8cmM/TA/OvHdM+1XGi6f8kix2
zSeTJj5ZvnO7bnritPtaeR3ZfUakm97O3pdF6eJpxJ5u55Mb17NF6BasSWFmHWS3voWaS1V5
FVSGV+65Ixmoba1Z9QuprdWuJNu8wpyyqO9VZZlWytfMkVftTEfuz8wXP3WPrmtI3tY9r20I
q7X9euxat7y4tYo4bexjG4ctNtAb/d96c0tnqT3El1ZzrJsbcqvtjUeo9ap20C6tafZ/JuLe
NpT9nuJXIiVv96na1eKli1jtVZLUrGX8w/vT/e/3arlsiY4hby1jbRNbvtsjTkhtbzT7GOPW
lhaGMqiMm3P1/wDr11P7NHh+41b4/wDgG30WS3vNY/tz7WyqdhKxEMVLf3SqGuHlga6vLdZf
J/0FMzeUvC56Zrqv2aQsf7Rfg26W6js3/tpB9oeTy4FXIypcdzyPxrnxEmqcn1s/yM6koTcd
Fuur8r9T3Kw8Nx/ETW/2ltPvJpNDmZxexWayjdJNFJI5ViOChI/8er5pvtKVWKqsartC7QNu
AOBnHTp0FfVnhfS9N0Hxr+1FeXGk3kOoLpcthZaXHulniEuS10c/8s8hX3dg30z8z3VurQup
VtxOU5xu9CP9r1ry5VJJrX+rI+L4mtK1ls389UcT4s02YODt7A5H1/Rf8K4fVbcxS8rgEcf4
j27V6VqlpuaT5t+/IPOVZjwfx4z6Vx+rWfmM33gqvjkcg/7QGTnnPFe5l9bSx8n7C5zIZsf3
uNnA7da2PDjshz7g/U1W+zN57IUPsPStWxs/KRfvDIz17ev09q7K1RONj08pw8oVlNHoHhW5
a5H2NnVYbxfKcn7oJ5B/MA/QYrqvAz29tqN94R1xltYb59kcrAN9nmI+R+vQnbnnGPSuJ8Ka
rY6XfwSah9o+zx5J8kjd35Ga7zx7p1v8SfALeLNLkaZtJeK3us4SSNWzhdueicDd3yfSvmcR
H95y2ai7a9n0P1+jjIqlHVcyW3Wx2H7O/wAV9e/Zf+Jv9l6lNIvhXUr6GLVYZNzQqA6lbgBc
4dQN2ByQMHoCPQP2k/hja2kV81xbxzXklx/a9hfQlTDqlnKzkupzkYLAsDzwOua87+C2l2/7
R/hHVtDmmZfGljZFtMhyWOsIquzoo6eaFUepYc9ia9g/Yl8XQ/Em3h+GPixVi1rQbv7R4flu
QVuFIbE1jkj7hAI2nnJx0HHj45OFT2qVpRtzJdV0fn5nVH3Eq0Nv6ufLOn+IfsF9cC3+aG4+
UqRjcM9evBrQS72zQrHu3SvvYAZ2fh6981Y8ZfDjUvBfiWaOZWh+yohv0u0KtayMciKQEfeY
htoGSVGenNZ8uo/2bq0Fwu5ljTKFxgtkdSPT29K6JRhNKUdbr/hj6bK8y9pHmie8fDbxdqkH
xP0VfDt59jjt7SOzuI1Ay4cPNKOh+Y+SBuA7L9K+ovBWuwz6T4y+ICrHNJdSSanZRSAtH5Nn
bCKLeDg4cKxYcHDDpXwL4H8ZX/hySa+s5vuLupldFbgbAySRkj04kcAD1r6g8T/GiPwv
bVdv9rWi2FgMgbFKnzeOg/d5GM8k8dq+XzjCz9rH2aWtk7aOyabv+Z62OisRTTlvt8mcf8VP
hT8TPDHiUL74UeLNJ8Q2Ek0Ml7C6fMFBKxm
QH/WtsfapKhwBjBIB9w0n46XWtabqnhPxxMsfizd/ZMl7Cu+z12VJJE+chAIrhNhXceJAAQO
RnD+O3iXWPEHwCbwtdNcXFjZ6h5UrFmZrZQqNEpGcHDhgo2lvmxkCvWwNaphmsM9m78ybu1p
s3+R8HTp15O7frc+Q7TwveeIbny7WFpGwHkIX5IELAb3PRUBZfmPHIrrtR8MWbNpOh6XqUd1
DatPc6jfmMx2642/NhjyqrkDOCS3uK7D4feF7671qS30eT7LMsGZryP5cIWU7Gz13FQcDkEY
9a6r4Z/ALxN8YLxN8YLxN8YLxN8YLxN8YLxN8YLxN8YLxN8YLxN8YLxN8YLxN8YLxN8YLxN8
AI6G1TCwpp1nK1rHC+GNBk8N6HourWNrO15qV5LbeVIuGBXYUUDrllYHn17iu81KytbX4s6L

4J+1Q6hJrV5p9rq7Ww3Lb75Mzwhgf4V2DI5z5nQ8DHv7m+0TxY2m3rRt/wAIvrL/AGuQ/M1z
eRuVlYt3UFdo/wB2uVg1hfDvjvxV4k85Wk0ma6+zEEN5k8ryRxsM9QrHfznIWuGNFVKjnLdb
erei+R9RHMpQw0YQktVfQufE7xu2v6v4gvPMjmt49QvLWx2tu4luDIzgdANnAK4zkelZ/imS
PQ/Bdno+7/SGiN1Lk42BumRjB49D29+ONTxHY/Y4bfE3lw5kYkgkv3P44FR3mr3GrX80025Z
LjaFBB4HAXHvgDFdUcK7roou/wA+n6nm1swg6fLe7aPLfibbtM0O7cfLTCH2JLcfiTXEtFsm
+6AcdPu8/jXpXxIsmeeSPb80fDY5Off39vrXnrQhG2tnrzX3mV1r0Uj+Y+MsHbHymluOsjtG
3HbIA7Vtabb71+p/z+NY9vGruvt6966LSE2L1bg5610YipbY58jwvNOz2HS2AQ/MvbHT7tXN
O05p87V3bR3/AIRQ6b34X6f/AFq6TwtpSy6bdXEjbI7fYDx13HgD0Jx17fjXj4jEWjc+8wOX
xc9jLWExmP5eAPUfMP6cdqz7qyXzc7V+Y8dh/wDWrqL/AE2O1JZrjeGOTj19/UejDrWatt9q
ncD+EE9Qzf8A1+fSuenW6noVsDCULHJ6kvloylQd3fHWrB+wy6PHGtrP9uVuZvOHl7fTZtzu
z3yBjtUmoQb5fm9eMf0qO2tsSL1XPGBXpRqLlPja2Xt1rsSxtyXB9617VPKjVvfHtVeCHyyu
35vQevtUb3Wx+jL2wf5Vz1Ly2PewsYUErmpKJABt3bV6e1QynKkNH8zdyKhg1yRV4b2570eI
9fkvrqOTaq+XGqYRdoG0Y/XGfxrGNOV1odlbHUlByuV2k8qUD5cinG8yMt83OP8A61ZpuvNb
dnv61YEPm227ccg966vZ21Z5McY5aQLUd1ll2/L9a1NMu2tJPm3Nt6AHv/hWHbfvG5re0hFl
k8uT7pG0/wB5vpXLWiranrZfUlJ3Zof8JMt8Gjmh3NM2VcHGPwrN1XUptQu5JpGXflQuFG1Q
FGBgD0wK1l0G3sommv7hreKODzYo1X95cMwym0H+E5B3enFc3824/L+X+e361nRpxWsTbEVm
vdf4F6wtZJJF3dM9QOnv9K7LwtpKyRTSNC8i58tSozhsdB79K5PTZmWNf9rt617F4A0f7Jb/
AGHapWRVndzjIVlGCfYcg+mM15OZYh043Z9dkNGPxLU5/RoLi2uVaNVikdwFyvqcYX6e/FWP
HUPlX0MXy+Z5Cv8AKOFzzg+/0+lbHi3S5tI1HbJGsnmD5vmyrDsSeynqSOTis+4iuPFrzXEM
VxN/Z9tiaQn5UQfhx14FeXTqKdqnQ+yjFt2vZHB3sLRQyfSsObdKf+BYrqPEcDWq7W25YZrB
ggVX7Gvaw8ly8x8jnFH97yR2MHxI7tP8zFm6Z71nx6m1t8u77p4P933rY1+0aRDIv8PauZ1B
WJPytX0mDjGcfePyfOpVMPWbifZX/BHvV2ufj14uaRVaOHwVqcr7jhUAMWSR+Nb3h24hl/4J
d618vzQ+Lwqf8CVDu59uK4f/AIJCzeZ+0H4o0/zo4/7Y8G6lZ4cjdJuMTYX3+UH8D7113g3V
WuP+CdXijR12zNa+I4rmRIuZLZTtUGQdlJBweeTXg5lGMKzS8j9A4QrVK+EU5PW7X4o8cjtF
WwVreTdHC/mMWY7yuPurj5f61UtFiisRC3mLNJJulKE5hXPGaEVbZLVbdZlmYjO7lY+ejcd6
0Fv2tta1C1haGGO+tgtx5mMcdNlZ043R9lHS1+9u+6Ib+db75bXdC1iAk0hPMq+pPrTr95pp
7f7OsKw3GGRTkJNtH+sOec+uKink+1aTPtt23MUV5EwVmA46n+dSpGqT+XIyrIsH+jszcRju
h9G9KAjJt6v+ti1b39rbWn2m4j8z7YjxzqU3JAo/jhHXeMdTxVSRYYLP7Q37weas0CTHJYAf
LnHTPeoZ9PaPRrhdskcKyqscjgeWxPX5vapb+ONzC102LiEZij38zD1qeVlStZ37aX733/yP
QvAMdmn7M3xKkvm0+HVpp7NkgYt56DzcgY/u+lWvhjFb3/7I/wAVtSmsbW1kaXT4BcMz+XuR
uI1H949fxrn/AA94ka//AGfvGlr9hs7i6vNVtBLdH/j4tYl6FgBgJkYz6k10HgAx3P7FfxK0
trhmmtdXtL14ofmyF4D4/uZHWuOUeVu99WvzRx1KnNG+9k/v7+pa+JWnY/ZH+Cf7v5ml1Vhx
lW/fZ5rym7kt18M6X5i/u8SbtjfPv3d/bFeufE3Ut37CXwXuvMVWtNU1GE4zlQZWP8hXmej3
1jomo7tQ0mxvo1jZFtrmZ45MlgfNwvGCBiqjdRfq/wAyfrEaEOfyX42MPQW26ezdIY75yc8r
04wPWu+/Zlu/sP7Qfw9kh87zrjXYi6NtdFy6gMoPQ81wtokek291aruLQz77ohh84PZfSu0+
Diy6L8QfCt9awxNFb+I7PybkNhhucZjK9/r7VtiotxduzX4HRltOUVGMujT01tZ6n0J4l/aS
8dfsqeANHuPBniS3ZNe8TazPqa3dosgkuo5EUDbjO3BJ+Xu1XvBf/BaD41eGIY0uLjwD4ghu
laZrbUNHGy1OeGYRhSce2TXmP7RNyq/CTTVaSFbex8f6zBEqf61ATExG7rjJ/lXhtzJ5U0iz
Ws1xbtJ5FuSc7QDnAbqecV5uDwsHG84pu71a130u15HVmmHpV5uLSa003S0X3n21p/8AwXy+
NmjT7V8O/CeZbVi8ZXSJlUsT1X94P05ra1D/AIOIvjx50Lf8Iz8Iz8Iz8Iz8Iz8Iz8Iz8Iz
r4rVWLSoxx/tZiI/75Oa+ZXv8A7TpqtJuhuFl/cnH3BnoD2qTV2ZrpY5ppJm2B2d+Wg/Gp
+qp6WT9Uv8j0I5Xh3G/JFbbWX/BPeb7/AIKTfH7WDvUr/wAF
Lfjtpm2S3+J95J82ADp8LZ/8heteHMIb3UVjjvvM2xiNt+T5w681WitvskFxNJt+0W77YLZR
gYPV/wAKPqME9EvuX+RtKjSS5eX3fXRfcfSK/wDBDVr9oSWKOFfiduZfmfOmQ7o/YkQ9Kltv+
Cs37Q0jedH8XljaEjgaXEFbnof3FfOMSLcahDIsjLJLEPtGf4x6+9QYhlsLi3ZlPltlJBw0j
D+dH1OO9l9y/yOWpltGS96Mba/18z61l/wCC037R0MM1uvxK0dmkAAP9kIWU/wCyfKrDv/8A
grD+0rD+0RdWW7/hc2ufbmlxJbx6daJCi542sV3H/vmvmtkksRDdvGrNJ8hizgL9F7cUWdsv9o3T
W8cMisu4lhnafr6e1EcDBK6ivuT/AEOP7eqvuT6Mspst6Mba/18z61r/wCC037R0MM1uvxK0
4SzXmn/2taGwOspt2dlZWb11207E3w8TTbb4q+H4+Hsp4fvFrx8P8P5P8P5P8P5P8P5P8P5P
BeLqGs2u4lhnafr6e1EcDBK6ivuT/AEOP7eqvuT6Mspst6Mba/18z61r/wCC037R0MM1uvxK
/AjiaEjgaXEFbnof3FfOMSLcahDIsjLJLEPtGf4x6+9QYhlsLi3ZlPltlJBw0j
2rP1DT77VNEjaSO3t7GEgRIqrutlPDbzjv71NqmpX2i3tjqVxcXn2e3uWtku2TOAf9Yme5AJ
xR4m1XTdHu7eUwuWtku2TOAf9Yme5AJ
xR4m1XTdHu7iz0+OspdZlZWb11207E3w8TTbb4q+H4+Hsp4fvFrx8P8P5P8P5P8P5P8P5P8P
4SzXmn/2taGwOspt2dlZWb11207E3w8TTbb4q+H4+Hsp4fvFrx8P8P5P8P5P8P5P8P5P8P5P
+aJ7/AK06arSboZhZf3Jx9wZ6A9qkVd

Kx287G3gbHm7mPJJ9KqN0fQRScfdaVkrd7X3+ZVu7y8mso4VkhkWMjzEJ+VTnrjpirEWq2+l
6juvI42V4drZGc5HQVJbaXGl3Hpt9fRxLdThoipyYpM8lz/dovUjvNVbT5LeSe4t58LeINsJ
gQfNlMfez3rSNzOUmtZb3S1118109WR6LpdjcGNpryS1hunZJ0ZsyEDlcn0Ndd+z1BHp3x68
GzappPmWD322NHGUuAvRtvrnH5Vw+rXX9qzzX00kbfvlhKBNp8sdNo7Gu+/Z58V3GhftP+Ab
qzka4VdTiQRXWJESJiFZdvrtJ59a5cVFyUkuz626GcZQ5k7axaWltbtb/wDAPdPBXjDTf+Gi
/j54g16S+k0ttGlsJZYsloRKojVfoSAAOnFeW3fgmOSBpJLfG4HJP68/3R+td9ruoWd58Xf2
jNUk0m6azhiCqkTfuoWL7V8xOjDIyM9MGpNV8JM1six+Y0i8qg/Ug9z04NfG5xinQlB3av8A
dol/meTm2DdVJpdX+LR4nceDrK7udj7o2b5N+cb1yP0rn/GPwkeYKYfLZcHZsbnHUBfT0559
q9O8T/Du4uLiSFVaGZCTtdduBnGQfw7Vzeo+G9U0WeS3xJMq/MzbePqeeDn07Vpg8yldShPX
szw/7NadmrHk918Lb60iVo286RjhURe/oPeqMvhu+092jaOQcjaNh69uPU/0r16LxHHpt4y3
Ucirx5m1OnPQ/wAz7CrV58X9HW2aOKCaZox82Yscev8Au170cyr/AMvN6HoYfK5Xumea6f4T
vrKOGTVLPybW6gklDs67wqhTvK57bl4I5ya2Pgj4tuPhh4qkOpafNfeHdUiNpqMA/wCW0D8k
oc7S4Ckjns3TkjopPGHhvVJmmaO4hnukMUpYZyrDnuRjgfl7Cu4+E3gGa48NXy6TZ2/jrwTf
RA6lp3nRDV9FZPM2y2sbsGMih3ZSituBZSO9bfXFKLU48t9NdF8n3PS+pVYzjJtu3X9DkdV0
jVP2bviFofirwrqn9oaHNIt3pepwEgLkkG3mIxhwNyuvAYE+pA9a+L+of8JdDoPxa8H7tN1j
zFmv0tgcW93FhmkGBnaeu5iBjIrzHRPEWn+DvEGqeG7z7ZqXgfVJSXhmg2XNhJgqs6oygCZB
1ABHpnArvv2UYLeHx/4g8A65qUbeG9UtmeB5dsyncyBJIy2FEhjcgOB1wcHaBXm46MWlUWri
tdN090/Q+uym6Tp1k3GW1+j/AOCevfGL4dt+2p8KPBfxEWHUNNa4F3/wkNppu24iiNt5imVI
sgm4lwioGPQjPyivl349eHbrwl4pjs20ubSYZoTcQWsrl5YYS7qiuTk7gEAyOvU8k19Afs96
R/wqn4hfEL4V6lNNIurKEtXRD5bSQbpgQP4WeI599g571wv7SXws02ytptQmkuo20eFIjAD8
213ynLcYJcnk/wAVeXhccoYhUZax3jZdHt92x1Sw88Pfleh4n4e8UzG4tbNdqxrKoIAHJJH1
5969o+HXjWHWPHWl2+tTRr4fhVzqcjDdHa2ygtJz0OdqLyvzMwA5OK+e4TeeEtfjkTdDdWpW
VM/w5G4Hn6ipodZuEia38xo45seYgO0Pz+lexWwMKkudW239expRzKtKKhJ7H0leeO7zxB+z
va6fJ5ayfahrGqSuQ8t1c3FyREirnn9385z2PSvXPB3jbT4fi83261a4bxB4gh06NWAlhOnQ
skBUjIVVkYuSMYIB6k18g3HxE/tyz8yNZI/sMfnk5AWW4O1E4H8MaL8o7bT1yc9d8N/jo3w2
1Vrxlm1BtPsylk0j/LHM5jbfxglNyHB6jgda8fEZT7rstW27etnv8j3sPjIVKPJJ7q39M+iP
2srubXP2dYW0uG1j1C88U3b6eyQx70iinlKOrbSMKofDAgjJ5xkH5f1j42+LtE0v+y/EzR6l
p+oXCT3L7V+0uFYZG5cc44BYHsOgrrEv9W8eSW+n3F1NIuk6Q7qpbeoefdctk87j+8yT14Ar
yttKbXL61hkXdNNIsKM7/KC5Cgk5469B6Vpl9Hkj7OpaSTb21V9rO54+OyWlye0g9fwPoz9m
GHwjYXuqR+Lr6S18K+KLe3fT9Vtwyo7xfaS0W/btjkbOAp53BVPWvavgVofw5+CWr+KryGz8
aQ+G9URzJeyapNb6lZxC3J+z3SRZVoGnQsjoN6F8Y+avln9nr4hN+zp4n1Cx8beHYfEngvVI
pbTVdIuE3RxxPLsN/ZqfvFGiYMUwQV6gjK/VHwx+E/g3wP4w/tzSdW8VatoOuQXDW4Go7rW2
t5JoWikjfLPIvEqDc277oIyGatsVTjSmqvN7sml3Tta1+zPyXiDnjzU5XWnR6HzP8RP2S/H3
gLw/4g1jxBJp+nta21zqlzKbmOR7qcZkITa2Nxc9MYHPXpXy7ezzJZW8K3DTf2hGLiWNSf3b
LI6Df74Gc/7dfoh+3l4WXVvhn4g0/Q9Z1KTR9LtoNXmszOGgDMWjYKdpfA643AfvW+U8Y8T+
BX7IEniLwbHfaksel6DY2z674nlCubqPT0QtHGzgqAZzkJCCGbIOcZFe9ltTmvf3tdNLaJbs
+fo55KlQXPLbS3kfMdl4Wknt5LiaOZbeFgHPln7xyAvuSQemcDPpVWXxHb2V/NNukuJlG2MF
l2IegJ/vAegr0j9sX9oBfEt7/wAI3pdrZ6fZ2NyZrhbVdv2eRVdFt9ykqzIsjb2BOS23+Elv
n+O7yfvdetexRwsprnmvkTHPJSWmlzsvhfpem+PPip4d0fXrptP0/WtRitLi9AVvs6yNs3fM
QAASCSTgAk9q5X4xfCaT4a/GHxF4TQ9Snso5nGzzkRyEfGTjeuGx2zVpHkeSGSGRo5o
2DiRWKsjDkHI6YOMEV69+27c2PxJ+Hfwb8eW6eW9v5OreIPDkuk6y+d0l7d6dL5LXMjYy0kispJ
OTgKMkAE+ph63s5qK2kmvRpXX4JnxefYWVSaqSd0z5/uvAGqaQ3761bb/C8ZDq4z1BHGKk06
Pb8p3LxzntVfT7ie3O2OaRVzyobiti1RpjuZQ27n6+uPStK1RrcnJ8G09Ato2lb+Gtq0leHT
5I1ZsTAbhnqBj9P8Kzbe12t/hVxW2Lx+v868urLmPvMHR5FeRCxJPVv8KckrWm5kZlZlwD0N
G0yybVXLfzq5cac0Nm25u+fqf8/nU8yWhpKnfY5+5TDdKjCbZOfoR6e1WrkYf9KrAc7snrXZ
Btqx4NemlO5ZgXdPtyy5OOnX2xVHUo8SM24NzyR0+lOubsxHtwOay5r+SR8/N1ranTk3c83H
YynFcr3LSny/Vsd6JmimVvvBh0FVfte5M88DHTpUM0jeTu59K6o07s8WtjEo2Ww6zbdL6961
Ei84rgN+XWsnSEYy11NjZL5QbnjGfb/P9KxxEuQ9DJcO68SpBaNFj5e/51uWTC70+4j+63DB
gOuM8fTnp9PSpLrRZFtfOWNmjVVJxzjKr1+ufwqjubbsVisec4/r+tefKpzn1VPDql7q2JtR
1q41GSFbhmf7PCkCAfwqgAX+X61mzXYJ+734HpU95G0DKvmK3GT7VUSHz2/2uSTWke5z1OZP
lidR4N0O88UXq2tnbtcXDKSqqOSAC3H4A/lX0ZbeH5NK07SbWGFft0djBHK2OI5ACGx1yRwP
1rD/AGS/CMek6nefaLeT7RGkU3nOg2wyFZ4yoPfKSfQkc8gV2XjLV47TUJPJXcyg7irDgHjL
emfTqK+Dz7MXv3O7rUcUJMuOq5r6inHkjY/LcVUdapzJbkd5bRpaszMrFgcADP/AOrp161y97CJ
UZW9T90V12oQkQsv8PUjH86527t8P/F17/1r1cDWSR8Xn2B5nZo+wv8Agmr480Agmr480Agmr
H7PQ7PSfBkv4fF17/1r1cDWSR8Xn2B5nZo+wv8Agmr480Agmr480Agmr480Agmr480Agmr
b7UIsxkRA8e3FQrcT3DzKsjf6Ym/bHw8YBxg/lRaXa+HbqG8uppp5FGPvk4zxjFFOR9N7TVP
pazfT7yGayjt9AhWSZt3mjgHP5f4VLfWMi6nHIIfOWRVHqc+pHrStaR23nWdxItw0amaMAbf
mPIye/XvRbXM93qVvcyK8P2VDJcBTtX/AGeKNAjKKdrdv+D9xJp2nSO9xb3y3C2tvMJJI93R

O5A9asAafqmtXl9H5jWtqhFurnJ244FVWuZrjVFuJLiRl37LoM+cq3Kgfh1piut7NNHGv+jy
Nh1Q4YDPGDUvRamkZRaaSuvPrbax3Pg/xJNoX7K3jBrO1tWk1jVYoLtz/roYhyB64z/Ol+Bm
q2uh/Bb4otHHdStc6bBamRF3bQ7EY+mep9BT9AttPvv2WvETXGq2+m6lY6tELe28nc2toSAR
kcqV65HWtr4S+HNQh/Zv+LmtWrLptjpqWdoJg4E0cjyAGIgcuGBxuPTNcdaV07d137o44xb+
59F21++xJ8VG8n9g/wCEUa/aCser6hISYvkH7w9Djn/9deU6zI1lqG1o/OuJEEgdj8/lnoCf
6V6V8QvEk1r+x/8ADKxW8u5LH+0LyaSLfnD7+Qp7Dk8e9cLo919kvopTNbzR3VuXUSR72TDA
YJ9aKd3Brzf5lU6cHJdNFp8ijYQR2E+qQ3G5ZLiNRcnG9bdj0+Ydetdd8Cp7XT/i54HuJLO4
WzXxRaF53b9y43qANnY+9cfbTxw2cl1GxtZpLhZZNOALCSNe/wBPrXRfCKxmuPjF4LhmZV+0
eJLJwQ2doMq8V1SinF37P8jSjJKmrbpr8/6uehftC6fDb/CK+8uNvt03xK1RZI3k5YBUxt9B
nAJ9a8p1rw/rHg1LOPWLXVNHjuLf7bYQ3Nu8fmxuDtlXcBujODtYZBwcGv0q/wCCaPwO8A/H
79qDxVZ/ErSdH1rQfBeteJdagh1IA2SbJ7KImZWOxo1Wd3w+VBAJHFfY3/BRn4CfAf42/sYe
NprHSfAt54i8J/DiTxB4autJjt47+x0y3gnmsWt3jAcWReN1VV/dYLgDmvPo1nCSjJf09j5n
NuKo4TGRwzg5XteS2V9v+CfgLYNe291N5NxcfNCJSXj++ByQ3HpRNNZnRfMjjZWkfdMg/jGe
1fY3w2/4Ig/HL42fs+6T8SdBbQY9P1zR11Oz0q71t11S8gZS8ZQLB5OZU2soeVeHXdtOQPPU
/wCCenxAsf2Krf8AaJt9Q8K/8IPYudlgbidtUfGofYP9WIPK5lG7/W/c56/LXZGtF9dL2+Z6
lHiLCvRyV7pd7N9PwPnm3uFuZ2jjaGGHZ8sE+UWQY43Hu3pRFFCo2xw7ftEZR1IMktsFPUdO
tfbnir/giF8aLL4x6T4Zm1j4Z3V94k0fUdeg8i9vGWOKzksopVwbVT5ha/h2DleHyVwN2sv/
AAb3/tBWun6W0mpeB7iS4kEI+z6pMJLJCCT55NuFKjGCUMhyRgGtNEt0TLibDKVuZNPZvT8H
6HwemjLBpKs037u6fmUNxF6A/WnPJH5dwrK0iyIPNnxvPy9Ao/u+te2fHz9hrx1+zZ+0h4d+
EviCz0/XPEHiAWstjHpN1uh1D7VM0EXlvMseCZUZfnCgEcnHNekftS/8Efvip+yJ8K7jx5rX
9h3mh2dxHFdDRb6Se4tklYRxmVJIoVKeYyITGXILg4xkg546K++3mdX9tULL3o+9trq/kfJZ
l86OS6j0+zja4URoofbgAckDsT2qPd/aGnQwzW627fNGtwJNxJz91vavsD4Nf8ERvjp8b/gd
pvxK01fBP9n61YDVbHTrvU5l1K8t2QvDsRYjCpkj2lQ8w4dd205A0vhH/wAEJ/jd8cPht4Z8
QaXqHw5t9D8Vabba9bzz6rdho4p4lljicLbNiQqwyE3KMfe6ZmUrbtHLLiTDQT5pLR2a7P7j
4xudPj0+9t42ufKa3jyp3cTjH8NFz5d3ar+7+zrGzLCSpYTlupdvWvsz4of8EO/jF8HPhl4w
8ZeJI/Ccml+EbS4u/KttTle8khgUs80a+QEKbVLDc6tgdK8xi/4J2eMm/YIk/aEXUvD6+Bci
OTTmu7htSB/tH+zmYR+T5WfO+b/W/c56/LRGon7ya3t8wjn2HtzOScW0lZt6vZHgKoluka3k
jTTKpWMJkLGT0dj3xRHafvZpFuY/J2mORkGSzH+IL3r7W8Uf8ELPit4G+Jmk+GV8TeBY7zVt
Fv8AXraQ3128Rt7GWyjuFk/0UHeWv4dgAIIV8lcAN5/4D/4Jb+NPH/7E958fLfWvC9v4Vt7a
6vDbG5uEvvItp5IJCEEBTcWjZlHmYIIyQeBftIxV7o2jxBQqWvJWuknru9Er28jwH4ayRr8W
/B81mzLIus2gS2JPzFZV+Zs9ya9+/aoW4T4T6t5jbv8Ai7uo7wG6ExAgflXoHwA/4IsfHD4k
/DHwf8UNNm8KtpdwLfXtPtLnUJI9Ums8+ZHt2xGLMke1lV5V4YbtpyB5v+1xNHD8H9a2yNC3
/C19SldRngeSuD9a86pKMqq5bbM9bL8woV1KNOSk4tJ2d7Pz6dGfNPifWby88PNpc11N/Z66
kZxbucFXPBOfXHei41W30LV5tPlm+0WsUBjit5Fz5ZKjG1vfNWPFmlMdC0+ORVS81SUyMepV
MjDHFVNdh+wXVnHcNaxww2x8qVo9xuMdcHBxXoU/hsjz8wjJVHffTXy7fiT/AAg8P3T/ABF8
L2rW7QyXWtWqxsTk8vj+dfV0EzQftu/HyS4h8xV8L3UYtw4zc/uYhwe2cfrXy74H1mPUfib4
Z1JWuIduqWwEaghTh/vL78V9NRafCf22/wBoBoBWZl8vwreTEY+6TDCT9Otctb4/k/zRz6Kmte
q6rs/wADyn/gnxrzeGv2hI2mkS6k1jw9qFjbKx/4932MQp/75P515HYtJB4Sa3ZfJe1unMrg
5MzA5P5V6l+wRHp7fHFprjy2+x+HNQmX5sHzSrgc+uDXlfhqKObRo2bd/pQlDSA4KNk/nkVt
G7lK3ZGeHk/aJR31697XHXF59pZtRjuvJ3DCpsJEhHar72/9j39nN/oc001uspjAIEWex9/a
qm1tM0mGGFfOw5O1uo98e9SXlsziSWS3jjkaEOG3Z2n+laRPcp80fe6/qTJFJdXpjuLePzoW
a4WSM9cj5Vqv9okaGaOaS6kjjUKqIfm3Hkgn2zUhji/sK1kjvPJuI2LRjaf3xz90/SppdJkv
L+FrlYbOMgO7g5LH0PuaqKvsbcs2tPLzv62/UbaaO2qhbizkjuFsfnlVv3ahvYng12n7MWk3
Vr+1l4L+2eT5l1qKSKB8yKDniuJafz2vIWh+z2uDIgXhh7mum/Z186L4/fD2WLdH/wATWPbu
PO0SDJ59s1y4rWDXk/yJpxXOmlqmvTdLY9603xS2meKf2mreFmumvoCAiocsoldWbPYJu/Gv
XNR+GV9p7xmSOFpFOQ0LBgR+fTqP1rxXR7+SP4uftDK0kccc1hOrOPUygKB9c4NfU03wo1DS
ZNunli2OVlfO3t68n9K/NeMsYsPShdpXvv6L7j2sLhVVb02evrc4OPwE3i638u6XdNbjEMu0
BlX+7u9OvJrj/GPw1ulu1tfs+2GMlX8kbmUfTk8DucV7cvhfUbQqt0rLMQclCPxrtPCvi/Wv
Cen/AGOa4hmjVTtMiDeN2c88bvxr8tjxFVpe9C0vK9vmmfQU8oi4+7FN+eh8m3HwdsdE0zy5
tLt9U024YF8N5dxFn+JGzySOOmMA9M1w/wAS/wBkLlyWLwSG8VeG7i48SeEbwMJn8sfatLlyP3c
yqT3yoYcHIPcZ2bpbszXFvCpbLFQowD+f4/TiqY+Jmg+BJL6S30i4fwMLcsOh
2hz+de9lfGVeLtFOT6q+jXz2a8j0P9XaVlyw971/U+L739nXTfHHhuS80eaGHwMLcsOh
vWQbnEY5LybFb0pP9XaXdunVb8Vr5srqvc4OPwE3i638u6XdNbjEMu0
xbRaZ5rX0LEmS3k3RkBHJ55BGABxXpSzRtOHI05aXSdunVbE1srqcybsknpsvvtucn+1Fcap
4V+MOn+IlutP0vxhDdDDdA6dJ9qgDxvIqtvZcfMo5QjBCjdnJp3x917Q/HHj/AFiz1Gz8Ew
LDSbwRxkbVl8jDoQTncGVWGR/FyDXnc+sSeMGsbfTrOO3t7GDyYiEEZIBPLcEcncc9fzrP8A
FvgC4+2/Ea3tfiJ4Ts/7Ut7ZLeaTUJ4Y7Z4ZGZ2Z4oyxYMCAqkBiCMEEEAjnqsSeMGsbfTrOO3t7GDyYiEEZIBPLcEcncc9fzrP8A
4wfC+4+2/Ea3tfiJ4Ts/7Ut7ZLeaTUJ4Y7Z4ZGZ2Z4oyxYMCAqkBiCMEEEAjnqsSeMGsbfTrOO3t7GDyYiEEZIBPLcEcncc9fzrP8A
4wfC+4+2/Ea3tfiJ4Ts/7Ut7ZLeaTUJ4Y7Z4ZGZ2Z4oyxYMCAqkBiCMEEEAjnqsSeMGsbfTrOO3t7GDyYiEEZIBPLcEcncc9fzrP8A

6b4c8XQ6D4BuLzUtavjd2uuvLbPGiSPKjxxwn5lCeWQMBmwMFsEkD2sLmkHalUvFpPVqysnZ
u58rh6jirNfM8R0PRbi+8KXk0MLeTHIv7zGBI52jYD/EeVIUZOT0q1FBC+h2tvceZHJ9odrr
s0cSdQM9CMEY7mvTP2ivh5qHwE+Gng/wzpeqW98txdS6jq7QLmRrwLDsjfI4jVQpVCSCysxA
O0Dl9avbHxh4o2rtVbp47zVdjZWeXarOq8DBZtx44BJGMCuj6xCUFJO6bbTXZaa+vQ7sHWqV
Lq1ktvM7L4MvfXZ8TaleM3mf2Rc6lKwb/VMUHlIc9CFGVH0FcTo2gza3qul2dvJ5MizozOf+
WXyvJuI68BGIPTjr6dZ4vv76y8DNoukxzXGqeJLhVm8hG3PEvRBx06A57LUmifEDw/8AD7Wr
O1uI5tW17xdZahZyRWUsbyafM8ItbCRS3yqGLy5/ixJnpgNz4W83Kolq72Xklu/I9LHZ5Rws
Ep2srLudV8HLyb4s+FLPwn4kt41t7O3udR0nVU+S80wuytIUPRkYvkq3BycmvWP2BVt/h58V
Ne+DvjCa+0+bVJrabwxZojiO5ciWScwSDlIZ44lYkMNjblGGJJ5n4j/C6H9l/wAQ+NIZNUm1
C10PQ9P06xumjWNb1ZZkju3UZwdkkbD5emPmJOTXonxXuNH+OPwi1b4jeH77WLfVPCep2+n+
DL/ToNtxAGSC0uGQbS0ql7gsqrg74xhgcgY4XFQhWiqi5qcmr6aJ3TVk/wAT4HjCjSxWElVw
6tJrpoz6Q8dfAPw/4nvb6PVNJtLiHUUtobi2A8u38qFJBGhiDbSozEQMf8sQc5NeJ/t/a/pf
wY/ZU8QXC28Oj6Xoul2mmaOloUhn1XWGiMEbumV83apDsxyyiNiASK9l/Zo+MNx8ffhJZ6xe
XkN/rGjXt7oOtSxWzWwkuracoJfLbhDLD5chwSAWYcEYr4m/4L3fERrbwl8O/CNvJHKt5eXe
tzlGyF8pfIQHnuZG/wC+a/ZqeU4anhVWpNNNJpNWbvv9x/LP17E/XPq9RO8W7+XY/NO+vprn
c0jM0khLO7HLOSckk96rwTsy87qjO6R9vze1WtPsXml+726V5cuWEbn1lH2lSajG/Y0NNlfs
3zZwBjr/AIj616r4ls7rxF+yZ4NuG2ta+G/EmqaWq9/9JgtblPw3JJXmmm2TQTfvF74Of61v
S+JrmXwn/Y/mN9j+3f2hsJPyy+WY846DjArhlL3rrpr+Fv1PpqeAlKnHm3T6nLtprQSZ7MOO
nNbmiaR9rsJGXClTzn25BPpxnp7VHKWVdrdV+X8P8960tCZbexnZm3Nj5Pb/ADxxXPWrScT1
sLl8YVNDJKeXMR059KtJZrOi7W+Zh09/8MfrUcy75S3qcnFSBN6DardcHg4//Waxu31PQUUr
povaHaxaZqsLXm6OCY/LJtzgZHNTeLNR+2X3kxww29vZgxxrEQRLzkuW9SPw7etR6VqdxoCz
SMyy23KyxPhsZ4BGf4geeKsXPwz1rTfDWn6tdWM1vb60We0EhAaaNSBvxnO0k8HHOCRkVUYr
m5pHHWqJPklocfcJhfw54qjJGyY/hXOCcd69E0b4Lalfu2oasq6L4dtVM15qczKyRxjH3VBy
zsSFVBySQPWuH8SxrbeJL63hP+iw3MscLZ/gDkDqfQDrXdR1V0fN4yvDn5Y7mbfuGiwo5z+X
+NY80RBata7G0/K3/wBb2rIuRk+v416FKJ8xmUtbiqfl657U1k3/AJ/rUSq2dvQdjU8cZzhc
/getdGx5UZOeli1osPmTL/hXYaLZ/agy+YI1xk5GcD/61czotswlX+E112lyyQr80at3HA/E
+31PFeTjpPofecO0VGnqaEmsyaKs1vbsRHMhjkB/iU46+pPB9unauduWwW2jCtxx0qxfTGSd
t3H17+596p3E237rGuOnCx7laouUhlbJ7t25ro/Bnh6PWNWt4ZJFht5CfMk25MagHJxnnHt1
rG0TRbjWbtYYUaSaT7o9a+kvhR4N0XWtQsV0+1aOO6b7ZqHnbdscmDm3TAwI1ZXxk5K4PQgV
z5ljo4ei5PobZPl8q9ZSadj074dQQ6j4Chht7NrO+vJZJJSYVV3TcdhwuM/KBzwPmPvXF+Pr
AaL4ia2Mi7oyC2cEIT1H1HrXtXhTxLptiFkvGW4uCwSOOIBfKiGMn/fwOB0O2vD/AIv3Ml3q
9xqDbVa+nkKKgOFA/UEDrnqTX5jh606+KlJqyevzfbyR/QnDeIp4bDuntp97JtY+H632rSak
2n3lj4bfU10eK4VQ39pTtvKxxD+6VUFnHQcDlgK8h1S5t9G8QSzWu1vstx59mzKrA7XBUOCO
RtA49c17Z8LdT1C8s47nQbeaNdJgjS41O7cfZdMurhzHNPHGzDfLsaFFC8DaWbAya8N8Q6c1
hqdxDJGy/Z5GiIYhsFSR16HpyRxX2GE092+yXU+VzCUq1SbnLm16mDqQW5vJpljjhWZi+xR8
qZOcD0x0ptrY4TdUgt8j/e6f/Woz5SEfxfWvQ5nayPBp0YxlzSRTv1/efyrJ1W0xaq3+1gf/
AFq1Llt7GsnWJfk2+/pXZh73sfN5xyNSZ9Jf8EptJk1b4z+MLOG3+0Sah4L1O3QY6EmEg/p+
tb1rb3g/4JgXG5Y1hXxoVT++w8oZyP8Ae9ad/wAEibNYvjP4inkvJNP/AOKUvws6dV/1X8uv
4UJcfZf+CZ1x5i7mm8akI/P7wCIZbkc88fhXHjKjnVtHo0ehk+HdOhGL0um7+tjxEW9vayxt
a3XmX11cvHMVUjYnXbmm+H2htdemk2/2oqEkxudhPXjJ60+7gj0zW7q4WTes0e4LnO2THQD1
pbdLXUXsb6Flt3hkP2jf0z7iuyMex2Rp+ifbutrsjsZ2tIFuLhWY3TMqEIWJx1T8KdqVpHpc
MasZIo9SUNOSdxUfw8U23uFgvJLia4vo4c7oo8M0ZLEg+3NO1HT208XUl15kb3Sf6Mud5ZB6
Y6fSjrY0jH3L9n9y6tjtPtJtJvLuzuI9sd6gR5AQ2zH3TjtUMDLZaRcLGzN5ZMe4A5yPQe9X
tIdNFttUZpftV1cWwSIbMlW7YH09qZqWtST2EMkNrsuIwqSqqnPucdaDSNOKg+jSbtvv6HX+
DR9h/ZU8VXEljb3UmpX8S+bKRutQrDlAeQTml+G2k3mpfs7fE6S1s9SupoRaSXFwtwFt4oVf
d+8U8s4xxWv4O8J2d9+w54q1zzP9ItdTiQqRzkuv4d6h+DOlX1j+y18ULyFo2hvIrZJWzkqA
+SPx3V59Sp7r/wAS39Uc6jFJW/ld/VrRknxQtprj9ln4SzJH5KteXUSMRgu+4YP0zXC+GLL+
z9QkjuI1t2tVaKYycgSFgcD6gZr1j4z2rW/7CXwQk/dsY9SvS+ecZkjXPtivE9QMzvI0cjKz
SkyKC33vXjn866aP+f5k0Iu/vLovyRDoLNaaJNcSLtt4bg2tzJnLyKw4H4VufDiL+yPiH4fh
VpPNtfElntbnIUuCPxrPtdLtRovlyXLNqX2mS6uYS3+ilCvyYbu2eo9K6T4JRQ6h8efA7agy
yLfeKLWR/IbeoRXQYz9f0reponfomctGUmotdWl+J9rfsRaTdareftJR28c11NqXw98fMERS
7TSl9OVQoHJJzgAete0x2t5qOktdfZ5pLWP9iFYpZth8sSOGKqzdAWCuQOpCt6GvEv8Agn5+
1x4T/Yo+MNx8ffhJZ6xe8Z1DT/jJ8P8A8AgkNceF7f4oeFfH8Agn5+1agjToLgWkbKkgYfaJDOIioXeHk+9yfdv2Vf24P2P7Dwt8H/ABx42M1DT/jJ8P8A8AwpY+FhM9
pqbLZJbQPbtJthDWsiMGlZeGfEiggFfl8J+Pnxs/ZDd4JeKvAPBx42m1DT/jJ8P8A8AwpY+FhM9
dW+UNq7KeXGyrWi7W+Zh09/8MfrUcy75S3qcnFSBN6DardcHg4//Waxu31PQUUr
povaHaxaZqsLXm6OCY/LJtzgZHNTeLNR+2X3kxww29vZgxxrEQRLzkuW9SPw7etR6VqdxoCz
SMyy23KyxPhsZ4BGf4geeKsXPwz1rTfDWn6tdWM1vb60We0EhAaaNSBvxnO0k8HHOCRkVUYr
m5pHHWqJPklocfcJhfw54qjJGyY/hXOCcd69E0b4Lalfu2oasq6L4dtVM15qczKyRxjH3VBy
zsSFVBySQPWuH8SxrbeJL63hP+iw3MscLZ/gDkDqfQDrXdR1V0fN4yvDn5Y7mbfuGiwo5z+X
+NY80RBata7G0/K3/wBb2rIuRk+v416FKJ8xmUtbiqfl657U1k3/AJ/rUSq2dvQdjU8cZzhc
/getdGx5UZOeli1osPmTL/hXYaLZ/agy+YI1xk5GcD/61czotswlX+E112lyyQr80at3HA/E
+31PFeTjpPofecO0VGnqaEmsyaKs1vbsRHMhjkB/iU46+pPB9unauduWwW2jCtxx0qxfTGSd
t3H17+596p3E237rGuOnCx7laouUhlbJ7t25ro/Bnh6PWNWt4ZJFht5CfMk25MagHJxnnHt1
rG0TRbjWbtYYUaSaT7o9a+kvhR4N0XWtQsV0+1aOO6b7ZqHnbdscmDm3TAwI1ZXxk5K4PQgV
z5ljo4ei5PobZPl8q9ZSadj074dQQ6j4Chht7NrO+vJZJJSYVV3TcdhwuM/KBzwPmPvXF+Pr
AaL4ia2Mi7oyC2cEIT1H1HrXtXhTxLptiFkvGW4uCwSOOIBfKiGMn/fwOB0O2vD/AIv3Ml3q
9xqDbVa+nkKKgOFA/UEDrnqTX5jh606+KlJqyevzfbyR/QnDeIp4bDuntp97JtY+H632rSak
2n3lj4bfU10eK4VQ39pTtvKxxD+6VUFnHQcDlgK8h1S5t9G8QSzWu1vstx59mzKrA7XBUOCO
RtA49c17Z8LdT1C8s47nQbeaNdJgjS41O7cfZdMurhzHNPHGzDfLsaFFC8DaWbAya8N8Q6c1
hqdxDJGy/Z5GiIYhsFSR16HpyRxX2GE092+yXU+VzCUq1SbnLm16mDqQW5vJpljjhWZi+xR8
qZOcD0x0ptrY4TdUgt8j/e6f/Woz5SEfxfWvQ5nayPBp0YxlzSRTv1/efyrJ1W0xaq3+1gf/
AFq1Llt7GsnWJfk2+/pXZh73sfN5xyNSZ9Jf8EptJk1b4z+MLOG3+0Sah4L1O3QY6EmEg/p+
tb1rb3g/4JgXG5Y1hXxoVT++w8oZyP8Ae9ad/wAEibNYvjP4inkvJNP/AOKUvws6dV/1X8uv
4UJcfZf+CZ1x5i7mm8akI/P7wCIZbkc88fhXHjKjnVtHo0ehk+HdOhGL0um7+tjxEW9vayxt
a3XmX11cvHMVUjYnXbmm+H2htdemk2/2oqEkxudhPXjJ60+7gj0zW7q4WTes0e4LnO2THQD1
pbdLXUXsb6Flt3hkP2jf0z7iuyMex2Rp+ifbutrsjsZ2tIFuLhWY3TMqEIWJx1T8KdqVpHpc
MasZIo9SUNOSdxUfw8U23uFgvJLia4vo4c7oo8M0ZLEg+3NO1HT208XUl15kb3Sf6Mud5ZB6
Y6fSjrY0jH3L9n9y6tjtPtJtJvLuzuI9sd6gR5AQ2zH3TjtUMDLZaRcLGzN5ZMe4A5yPQe9X
tIdNFttUZpftV1cWwSIbMlW7YH09qZqWtST2EMkNrsuIwqSqqnPucdaDSNOKg+jSbtvv6HX+
DR9h/ZU8VXEljb3UmpX8S+bKRutQrDlAeQTml+G2k3mpfs7fE6S1s9SupoRaSXFwtwFt4oVf
d+8U8s4xxWv4O8J2d9+w54q1zzP9ItdTiQqRzkuv4d6h+DOlX1j+y18ULyFo2hvIrZJWzkqA
+SPx3V59Sp7r/wAS39Uc6jFJW/ld/VrRknxQtprj9ln4SzJH5KteXUSMRgu+4YP0zXC+GLL+
z9QkjuI1t2tVaKYycgSFgcD6gZr1j4z2rW/7CXwQk/dsY9SvS+ecZkjXPtivE9QMzvI0cjKz
SkyKC33vXjn866aP+f5k0Iu/vLovyRDoLNaaJNcSLtt4bg2tzJnLyKw4H4VufDiL+yPiH4fh
VpPNtfElntbnIUuCPxrPtdLtRovlyXLNqX2mS6uYS3+ilCvyYbu2eo9K6T4JRQ6h8efA7agy
yLfeKLWR/IbeoRXQYz9f0reponfomctGUmotdWl+J9rfsRaTdareftJR28c11NqXw98fMERS
7TSl9OVQoHJJzgAete0x2t5qOktdfZ5pLWP9iFYpZth8sSOGKqzdAWCuQOpCt6GvEv8Agn5+
1x4T/Yo+MNx8ffhJZ6xe8Z1DT/jJ8P8A8AgkNceF7f4oeFfH8Agn5+1agjToLgWkbKkgYfaJDOIioXeHk+9yfdv2Vf24P2P7Dwt8H/ABx42M1DT/jJ8P8A8AwpY+FhM9
pqbLZJbQPbtJthDWsiMGlZeGfEiggFfl8J+Pnxs/ZDd4JeKvAPBx42m1DT/jJ8P8A8AwpY+FhM9
dW+UNq7KeXGyrWi7W+Zh09/8MfrUcy75S3qcnFSBN6DardcHg4//Waxu31PQUUr

ojhXytSg29N1ro9fvG/tMeJ9e1j9tL9j3xBJcf8ACVeKrrwX4Omia/vnR9VvBqVw0fnTkOw8
x9oaRgxBYsQxzn1j9ozQfHVt+xj+1hN42+K3hfxw19qOjzW+g6R4vu9c/wCEUY68haB0mijE
CjcIxsA3eSflAUCvLf21f2q/gDe/H39mnxZ8Lby+1r/hVq2cOuQxWt/DL9h0+7tLm1gT7YiK
77mvsMpJJYb2wEx7V8e/2rf2H7z9nr46Wfge81KHxV8VtHnvrqX7LrirfavGZbmyQeYNsRW7
YOQuyI/dYsmQKqRdo2T+7t+RNbD1moOEJWv0V2rPZ9tDgfFf7XnxE/Zn+N/7MbeD4/GHizT7
X4R6Bcjwpp2qXSWestJZTod1rEHV2AIfcY2P7tem0EcX8ZP2nfid8Jv+Ce37LcPhX4neJNB8
638QNNcWWpTQtci01Mw20LENmSKKIeUsTZQKoG3AAHuX7MX7dP7Heh/DP4V+PPFn9rQ/GD4c
+ELTw7ZwfZdUeTNrbPbBVWHNo4fdIVZzuAkGcEYHifxi+Mv7MPif9kD9l3wfY6hNNrnw91rS
V8aQLBqqmw067D3Gu/vCgSTddkN+5ZnHSLC8Vj8Ts09HrpvoVKjKbUXSlo7OVtHo/lo2e4fH
z4/+OvFX7aX7Vng/UvFGtXnhPS/gpfzWmjSXz/YIZH0WxmaRbYHZ5hkmlJkxuxIRnHFfLcvj
TxEP+CJdno/9sak2nt8YTYPaQ3rmE2v9ki6+z7AdojFyTN5eNvmfPjdzX1Ef2w/2OfE37X3x
I8Wahr002h/EDwDZ+H7m7/s/XFN/JJ9ptb6HYsQeP/Q4NOXeFUZBKtvMhrxX/gmx+0p+zHF+
ytr3wn/aG8xrFfFI8UWG61vzG05tIrfEb2X75XTynzuIDLMBk8gaRiktnpbp5dDaOHnGF4U5
e7ZtWs21o2l11PaPhH8QPE3j3/god+yfp994u1i6t9S+DHmX732rzSpdvcWOpPLLKCxEheS1
tnkZsljbQscmNSMn/goP4YX4cf8ABPfTfA/wH+I3hPXPhH8NYIJfFs+j+LDc6xqlze3DQfv4
YQU+yvNMzeWXwzNwgEQJ6hf22P2LbH9rX4U+MNL1K6sbHwD4E1bw5FLPY6y7acN9rDYwMmxy
5Ntc6t85DE78uxYRY8B+E3xv/Zp+H/7K37Ung+bUri11jxxrOqx+C7VodVkN5plqFuNDw+wr
Htusn98yucYlyvFYyu2pWeltLeZjTo1pS51CSStaLWjd3dvzS2Por9jmz+JWt/Gr9m3UNQ+J
3hXwX4XsfAWnWkXw+i8a3Ul94itV06dYbxrAQJCXkG2QoWbYIc7yUGPgX9qmNbL4QeIJLiSb
bN8VdTSZDnO0QDHPr8or7s/ZS/bc/Y7Xwd8F/GHjCbUrf4zeAdA07wfG0ttqbNZNbwNaeaUh
3W0iMskrKxDNiVchSvy/Hf7ecFjL8MfFFxpO2TS7r40a3JYLz81v5f7sEN833cfe59eamNnV
u1bQ+g4b9tSrzThKN7K7VldPXXrvoz5Uu4ri4s7648mOH+zdrbnY8KekXvkU+C+mutJvtHmZ
bRWWO7tY2G77NuBLoM8jPHFN1W6ktrWZTcf6LcP57nqXkTopH90VVv8AT7i5P9pTeddRXkSz
sbYeZJbEHG1gegNehRWh9djuZS/Nf10L/wAPBNq3ijQVa6aHVP7ZtreKTo8GW4fHTg/yr6ls
rJY/2+PjVa6tqUlq1x4Xu1d4Rn7SPs8XB/DB/Cvlv4ewyT/Ejw5eLG0azaxaIqznb0cdfavq
7XbyHTP2/PjVdeX58cfhS5OCMkf6PDnA79K5a0n7Sy7fimjn5U6aTWl0/wAGeJ/8E/NIjk+P
CW9xp9reQ6h4c1Hf5zkCHCSYl+uVA+hryvTYZG0CGGSRYbWOV5I5Ryd+8jNepfsNIZfj/pNq
803mahouoxZDDaqGGUqB/wB8nP4V5TYo17ocdqyySSRyuECHgHfyW/OuhXbfovzIwsUnt3+W
xcuY7WXyY2vJGmj+fzZhtjapksbi81LasKx280ZkZpMiOf0Ye30qGa1IuY7O7WG4t7WMGMIx
2tx0JqQazcapewW99M0ln9nMVsiniBVJwgP933qox0PdjJWtLZ227+fZeYW1vDbaI0kyx3c0
beXbksQsb99vr2psn2icRSNdf6RwTCeVUD0qC1kjey+zx/6gSFjuP+qz3q3bWkMd2sM2PLih
LGROT04/GnzWVuprrfTTTp3Xd9WSWt9/aMt9cedILqQBVkk42gdselb3wCTd+0N4FjupI5Fj
1SAEZ4wXHp61ylukd82nxwyNNcKGeTd8q7Qe9dv8ATDdfHDwmtnY+def2ukyO7EbkQ5PHoMZ
/CubFS/dt+T/ACFRtKai+6/T8T1jT/D0k3jn9oK6hXbHYtlo88MhuScf+O5r740uDVNUlVvL
sZmVQT5F9DJw3KkgPnB7etfnzb3kmu+M/jl9lvJljuGYyW68tcA3BGAP9k/pX1trmjaatxtk
tYdvDAooDA465Xrgdh3r8p48w8a1CEZOz16X6I9jD1p4eT5Ho3+N9T0Txl4hj8MCGO+tbq3E
hIV5ISI2xjv0xzjmsU69a603lxyKpYfK2enXp6j361wtx4lutE2rDe3jwqD+5uJnuIfxVyRj
pxise5+LMdlKzTeF7e+VVI3Wt+9jKp/vcKwBz0AHSvyfD5OpaU9X6pfg2vzPaoZ84u0kdZrk
bW9w6xt90HBPv0+pPPFc3bQfYdVt/MkVvOYFg+D/AJ4yKuab8RPDPiGGGOb+vcA3BGAP9k/pX1tr
iK809CexnADrngZZRjOScVfb4a6pPHFeR6fLcQxqHBtJo7kDHPHlsc/WvQjgalFW26dNfnt+
J9Jl+eUKr1djlPil4Bs4b+HWrVY4eFjnVeFl5yGJ6buxFcD4h0G31GVfMhWRWOeQvz4GTnsP
QDrxXpHj7xDa6iPscckjeW22SMqyvGw46cEHPqPWuRmhSyvFX+GY4+Yfd55/75617GBxFWMV
zt3W3oex9ahP4Xc4XXvA1nDqkNrd+WtnqjiOKYKNplxyrN23YwD3q34N0uz+BurySLpOl6to
OqTW41Vr6zNxNp8SMymeDBOFAkYtkHO0Y6Vo+N7NL6BrZlZoZOWH9xh0/EHkema0PhLqsc9/
dW+oQtM2nqftSXEfmK6sCAGB4ZTk57c9O1fTUcwnGlzO7X2l3XR+TOHERUtyP4iaNaybW0W1
jvIZIvNhuLLa0RQ88EcYBz83tXH6RqNmmlSR6hZx3Vtu8nU9Ocjy9QtzwV3kgpMmA8b5HzYH
Q13WlXH/AAru61aS3WZfDN85k8pk3JpzMckrtH+rPZVwF3V574l8LR22vyXEN011pN9GJYWh
AJjfoUYdh0x+Fd2BxMXJyi9FZp9X3T7NHl4ykq9P2bJPAOoTabqs03h/w7qk3hXR7RzLp+oX
MLCxjZ1mklh3SBnkPlsu0ZJyCTgAV75N/wAID50u0ktjJEylrrUbB3QnH2dAD
vV2Uld3BUgetfPvhG9kutZ+wyx3FjJbhjE7ZTIPXnsOOp9a7LUfDOufCeu0ZJyCTgAV75N/w
fa5pckSKt5AWdfOt8ruby1TEm3IG5DjkivQxEvrE1b3ZLZ30fq9U7nz+Iy/2ceyNrwh8A/C
xCht/wC2ZJ5Df/rr0sRL6xNW92S2d9H6vVO58/iMv9nHsja8IfAPwsQobf8AtmSeQ3/669LE
S+sTVvdktnfR+r1TufP4jL/Zx7I2vCHwD8LEKG3/ALZknkN/+uvSxEvrE1b3ZLZ30fq9U7nz
+Iy/2ceyNrwh8A/CxCht/wC2ZJ5Df/rr0sRL6xNW92S2d9H6vVO58/iMv9nHsja8IfAPwsQo
bf8AtmSeQ3/669LES+sTVvdktnfR+r1TufP4jL/Zx7I2vCHwD8LEKG3/ALZknkN/+uvSxEvr
E1b3ZLZ30fq9U7nz+Iy/2ceyNrwh8A/CxCht/wC2ZJ5Df/rr0sRL6xNW92S2d9H6vVO58/iM
v9nHsja8IfAPwsQobf8AtmSeQ3/669LES+sTVvdktnfR+r1TufP4jL/Zx7I2vCHwD8LEKG3/
ALZknkN/+uvSxEvrE1b3ZLZ30fq9U7nz+Iy/2ceyNrwh8A/CxCht/wC2ZJ5Df/rr0sRL6xNW
92S2d9H6vVO58/iMv9nHsja8IfAPwsQobf8AtmSeQ3/669LES+sTVvdktnfR+r1TufP4jL/Z
x7I2vCHwD8LEKG3/ALZknkN/+uvSxEvrE1b3ZLZ30fq9U7nz+Iy/2ceyNrwh8A/CxCht/wC2
ZJ5Df/rr0sRL6xNW92S2d9H6vVO58/iMv9nHsja8IfAPwsQobf8AtmSeQ3/669LES+sTVvdk
tnfR+r1TufP4jL/Zx7I2vCHwD8LEKG3/ALZknkN/+uvSxEvrE1b3ZLZ30fq9U7nz+Iy/2ceyN
rwh8A/CxCht/wC2ZJ5Df/rr0sRL6xNW92S2d9H6vVO58/iMv9nHsja8IfAPwsQobf8AtmSe
Q3/669LES+sTVvdktnfR+r1TufP4jL/Zx7I2vCHwD8LEKG3/ALZknkN/+uvSxEvrE1b3ZLZ3
0fq9U7nz+Iy/2ceyNrwh8A/CxCht/wC2ZJ5Df/rr0sRL6xNW92S2d9H6vVO58/iMv9nHsja8
IfAPwsQobf8AtmSeQ3/669LES+sTVvdktnfR+r1TufP4jL/Zx7I2vCHwD8LEKG3/ALZknkN/
+uvSxEvrE1b3ZLZ30fq9U7nz+Iy/2ceyNrwh8A/CxCht/wC2ZJ5Df/rr0sRL6xNW92S2d9H6
vVO58/iMv9nHsja8IfAPwsQobf8AtmSeQ3/669LES+sTVvdktnfR+r1TufP4jL/Zx7I2vCHw
D8LEKG3/ALZknkN/+uvSxEvrE1b3ZLZ30fq9U7nz+Iy/2ceyNrwh8A/CxCht/wC2ZJ5Df/rr
0sRL6xNW92S2d9H6vVO58/iMv9nHsja8IfAPwsQobf8AtmSeQ3/669LES+sTVvdktnfR+r1T
ufP4jL/Zx7I2vCHwD8LEKG3/ALZknkN/+uvS

XsbHXINpVVmWY29tMnYiPfLGSCeJEPTOPnf/AIKYfFzwz4g/aT+NnhvUoZvMtdYabTLmM70m
uY7a1gSLaB8hQpJ8wOCGKkjAz9VkucVa9CMHq4uzXVJJJ387n5DxVwxTw2OlVdkpJu/do+Id
M0drm44Xdzxxn6D8eldpofhhtKVvMWPzsYMfG5fXP+c81R+HGow6R4x0e8mX5LO9hlkVvRZA
SMf410vxLmXRvjF4qSPCpDrV2qADgATOBj6V0YqpOSaR0ZPgaEFGTW5halpskEh4UbuRgdee
o9R9ax7iBlO6u2tbP+2tPkmcqu8ng8biOp+oHbvWL4n0qPSrgRq24MoyQOv19K48PiNeR7nv
YrCQ5boxY2844q5EWWJdx+Xtnp+NVY41R6tQgHH3vl6nH3a2qHPh7rfcJHYtj+6e4/nUlrbt
Myqv3sYAxz+PtUbrg++fX+VXLcKpZVVt3cenuff2rFystDq5bu8ibT76PwxqFvdXEFreRqJP
LW4j8yNX2kKdm4BtrYbDZU4AIYZU+nan8RfD/wAbJdD0HSV8TQ6pcNbQ3dzcgXUD3zBhcSId
+YoDksqgbVVHO1RmvPXuY9Ft/wDSpES6+8vyb9p4IJ+mOPXNXPiL+074m8e/B7SfBOrTW91p
+h3MM9hcCFIp7dIYWhSHKqMgBycnJyAa6qMVNWkvmfJ5tz8ynBnC+KdZk1662/appLOMhgry
MysRkAkf3uT+dYssqq6qv8P6+lEgaCPjPTFQxJ9d31r0qcLRsuh4NTSWi1e424Xcq/iD6ms+
W1Zh+OOnWr08mwf3h6U2JN/3vXFdUZOKueXiKMas+UqxWbN/LgdTVy0smb/HFWltFzt+761p
afYb0/2eaxqYjQ9DA5P71i14S0Jb/UYYWO3zCRwORgH/ADmuk1rw5DpFnHJHK377IQOOWwSC
fTHoc1R0BIbezLeW32pZP3bg8Be4NdB4/hWQ2ccO3bDaruwPlzliSPTnjHtXi1qzdVK+h+iZ
flvJh+axw9+xf+L8e5+tV4dMa7l2KrM2cYArat9G+0N8zbcjg4616d8KfhZb3UdheLb3GoXU
izme2E5tVSPKJHhwCxY5lJHTheRyCVMdTpQbl0Mf7Hq1ZptaMx/ht4Bkjh/eN9nmvIUkiGNp
MZPLA+nHPoM17NpV7Y+GLC1jt2hWOEGV8Y/fSMMFmI/i4AHqBWfcX0fhm4bTdFht7i1tYxJD
58Qd7EyKTJFvXlz6gZ6sMjBpt5BYxv8AbLfzGt1AaOM/eVtq70cHliGDKOnbGetfJ5hiJYh+
9s9v0P0TLcDDDUYpo6Two7SeJY90u21uMm5lkwotgAcsfTHygemeRXn/AIl1k3N21vebfMim
wGRw8cgOSuGBwwOMenvwRVr4ieKFtfCcMy3Bjt9Si2pGD80m1mUjrkbSuDnuK8tjvZHik2s3
zd89u/8AOscDlujqS0e33Hq4fMFB6an0d8J/E8Ot6dr2g/aobPQbWyf7LO4YZujayR4XHDMZ
iWUdc9DjJHifxH8a2PjK+aa10+XT5JHMj75vMLs3JJOByfWstfEd4ulx2rSM1rGoQJj5cBnY
Z9SDK3PvWO9x5z5X6Zx+lephcGoTc/u+7Vvvc4sRWjbmWjluiSa28u2+b72ef8KrzhYbba31
zjrTluMD5tzcYqvqGo/u1X+FefpXZHmbPPxFSnGF9tLFVwsSszKrbuhNU9H0W81zU1jhVm3N
gVoCwkvXWNdzMxAFezfD/wCG+k+H/D9i1xcXC3lwQ9xOkIdbdOflVcjeehJyOeBkc1tjMZDD
U7v4nsjzct4frZhXSs1COsmvyPVv2BvAa+HvGmuWMdxHFfXHhy+jD9m+QfKOfx5GeK5vVmki
/wCCadr5k0l0v/CVuttEThbQBGJxxzk5P41237NQ0uD4y+KIdJ1C6vobPwtftZ3M0It/Nfyl
3OUBJjUEsAST0/AcvrV4tz/wTC0eFvs8LTeKplifPzOPmJzxxz+gFeXh5TlFVJbyaPpM0w9O
lL2VNWjGKS76JJnz/GrWEdrJNMyutw0zKTu68D6/So7az+0XN1ZyL5fmEys4JHmDOfwqWS2U
W1i10zScscQnc7HdwAD24pU+13FxDGqjzmcJJIudqIf7x7GvYjc+d9nFJJoLbV5G0ZreORlW
1cF2PIKjoM1HLfR2txcyRqtw0wV4pN24Qt3NWFuYZL64t47fZDO21TnA44Jb0BqOOCG2lmjs
45JGyNwcARqO+Gz/AEraJprZa3t94uoPJLqMm+4WSZrZc3O7adx9/XtVrT9ck0HWZm0yT7K0
cGzeg3lmI5ODVa3tLW5srqz3XCyXUwFvI64i3em7/AVNpul/2ld2mn200Ec0zkO0zFYhtznL
jnHFSEeZ3a3t+Hb1PSFkXQv2JFjt9SuftWuahK97YhcoAsoCueOM4FN+AMkM/wCyl8aLW5hb
bDa2MsdzuI2yCX5Ux71T8P6NeXP7MXiDUFaG4W3kHnmRyTEglCjZ9TUXw/ul8I/s3fEOOa4V
rPxMYLa3RMlvPgfeS4/hX0JrzdZXT3uvzT/IzxFPkS5P5dfS25t/EDUVvf2OPhbbq0nl/wBt
TqS3RRzkDjpk15nb2n9qu0cN19nuI2bzmZv9cQcbq9S+L11Jf/sw/B3S4W03zEmuJ8wyZ6H+
Ljrjr715DfaY2oabHMskZmjmkjm3usa5zkbSeSOtbR/h7dX+YYWpJO9ui0+S2Dw0wuLtpHjV
lCAsByB710n7NXl3Hxq+Htr5n+kR+JYWKj+FPMQ/0rkPDEi3el2q2e6O6sw7vubCS9+fUV2/
7LFgviP9ozwLbzRrG114iW53x8FRHhto9siuytL3XfZL8kcOHqOUo+q/Fo6L406h/Y4029W3
XUGXxPr7raSKzxSNvjwxA646/hXA6zoNrpeo/ZfLt76SHFxNcWch8lg43BAMcAHjFd5+0Dqs
bfDPw7Isk1vJda/rtyk0TkMi70G0+5OO/SuF1LQrq1j8u30u8t1s7SIXERQxeQ7L96XPQN1G
TXLh9YJ+f6nrVI3rtbqy29EVftUMsFxHNZ3G3arIqn/j35659Pag6NIuls32gMtxJmKU9B9f
7tSaj/xKJVV7Vd1xbBE/0xGHPQ8fe6+1Nigt4fstjdSSNbs3+ksmW8sdyOcCuyJXuPSS6WXS
z8wmhjj3RyMzzNGFac/ci284HrmqdxOrtb+TMzNM2GVckkHgn/61fp1/wRS/4JnfCf8AaO+A
ni/4ofGnxZ8QtJ1Dwz4ttdE0ZfCOqWNnbyQyaZZXJkaS4sbqUzNUvjwxA646/hXA6zoNrpeo/ZfLt76SHFxNcWch8lg43BAMcAHjFd5+0Dqs
ni7xp48sdQ1yzsdbfQrDThfz2luES3gmaVvJdXZmFwo+9j5TxXnv/BZn9gwf+wN8Bv8AhKPB
7yN8bPHFvJ/wjMLMWGlWqZVb+vJ1Ab7YyAMZ70U8RCSk1fQ58PxXHNZ3G3arIqn/j35659Pag6NIuls32gMtxJmKU9B9f
7WZfBfjyG7c6ZLIZrjSJrQ24cw3DkyNG4uEIVyxVlf5iGVV56eKgp8nU+NxGdYP27oO6lHrb
RtK7Se58I3tnIupxw3M0aQ28e1A7bXbjOSOxo2XQsI/s9xbzQ+fhFEnzg985r93NA/4N+P2d
1+Ga6LfaLrl14iks/Kk17+27r7YsxXmVY9/2fhuQpiK8DINfnj/wT2/4JweEvgP4Ii+Jnxp8
WfELSdQ8M+LbXRNGXwjqljZ28kMmmWVyZGkuLG6lTUzNUvjwxA646/hXA6zoNrpeo/ZfLt76SHFxNcWch8lg43BAMcAHjFd5+0Dqs
n8fXVxqWl+A11WW6SzJsxqgtL2KzUgqd0au0oc7WyAMZ70U8RCSk1fQ58PxBhpKbje0Vd3Wr
Xdanx1ZpJJqcbQtD9osVLh2YeU3tzWcoYpeRr5y7fnkRyctz6d6/Wr/grf8A8GrfCf8AaO+A
ni/4ofGnxZ8QtJ1Dwz4ttdE0ZfCOqWNnbyQyaZZXJkaS4sbqUzNUvjwxA646/hXA6zoNrpeo/ZfLt76SHFxNcWch8lg43BAMcAHjFd5+0Dqs
U+JHw5Ew5Se58I3tnIupxw3M0aQ28e1A7bXbjOSOxo2XQsI/s9xbzQ+fhFEnzg985r93NA/4
/WLC+y9o7qN7Wtd3t622Pyf+0STG3kjXyfJj8zM+WB8sHs
p9a+nP8AgrH+xP8AsHfAb/hKPB7yN8bPHFvJ/wjMLMWGlWqZVb+vJ1Ab7YyAMZ70U8RCSk1fQ58PxXHNZ3G3arIqn/j35659Pag6NIuls32gMtxJmKU9B9f
vmNYpLplt911cTNId0kbfKxxxtPoPSuqNRSSScdmfWZfiKeIhGpTu4tXV0tRt3E1josn7tvs9
04kW4xhsDjYadDdw/abN5tu3yiYwc4YY6E9qbHDNp2mwySLcSxtKYWidtytg54GODVi8uf8A
S2ktbOSZNnQ/8ux9eaOW63dvHf6tbLGD97aZvdTQdxQzNn9ahy8+tr8+WPXtKWvsn7tvs9
04kW4xhsDjYadDdw/abN5tu3yiYwc4YY6E9qbHDNp2mwySLcSxtKYWidtytg54GODVi8uf8A
PSbuFoQ/8ux9eaOW63dvHf6tbLGD97aZvdTQdxQzNn9ahy8+tr8+WPXtKWvsn7tvs9
37X+nuP8AgrH+xP8AsHfAb/hKPB7yN8bPHFvJ/wjMLMWGlWqZVb+vJ1Ab7YyAMZ70U8RCSk1fQ58PxBhpKbje0Vd3Wr
rPxMYLa3RMlvPgfeS4/hX0JrzdZXT3uvzT/IzxFPkS5P5dfS25t/EDUVvf2OPhbbq0nl/wBt
TqS3RRzkDjpk15nb2n9qu0cN19nuI2bzmZv9cQcbq9S+L11Jf/sw/B3S4W03zEmuJ8wyZ6H+
Ljrjr715DfaY2oabHMskZmjmkjm3usa5zkbSeSOtbR/h7dX+YYWpJO9ui0+S2Dw0wuLtpHjV
lCAsByB710n7NXl3Hxq+Htr5n+kR+JYWKj+FPMQ/0rkPDEi3el2q2e6O6sw7vubCS9+fUV2/
7LFgviP9ozwLbzRrG114iW53x8FRHhto9siuytL3XfZL8kcOHqOUo+q/Fo6L406h/Y4029W3
XUGXxPr7raSKzxSNvjwxA646/hXA6zoNrpeo/ZfLt76SHFxNcWch8lg43BAMcAHjFd5+0Dqs
bfDPw7Isk1vJda/rtyk0TkMi70G0+5OO/SuF1LQrq1j8u30u8t1s7SIXERQxeQ7L96XPQN1G
TXLh9YJ+f6nrVI3rtbqy29EVftUMsFxHNZ3G3arIqn/j35659Pag6NIuls32gMtxJmKU9B9f
7WZfBfjyG7c6ZLIZrjSJrQ24cw3DkyNG4uEIVyxVlf5iGVV56eKgp8nU+NxGdYP27oO6lHrb
RtK7Se58I3tnIupxw3M0aQ28e1A7bXbjOSOxo2XQsI/s9xbzQ+fhFEnzg985r93NA/4N+P2d
1+Ga6LfaLrl14iks/Kk17+27r7YsxXmVY9/2fhuQpiK8DINfnj/wT2/4JweEvgP4Ii+Jnxp8
WfELSdQ8M+LbXRNGXwjqljZ28kMmmWVyZGkuLG6lTUzNUvjwxA646/hXA6zoNrpeo/ZfLt76SHFxNcWch8lg43BAMcAHjFd5+0Dqs
ni7xp48sdQ1yzsdbfQrDThfz2luES3gmaVvJdXZmFwo+9j5TxXnv/BZn9gwf+wN8Bv8AhKPB
7yN8bPHFvJ/wjMLMWGlWqZVb+vJ1Ab7YyAMZ70U8RCSk1fQ58PxXHNZ3G3arIqn/j35659Pag6NIuls32gMtxJmKU9B9f
vVhcodsqoe/

r/x4yataqHHVn3H/AOvX19cWrS/8FEfjIsNwtuy+ELnDHt/o0GcVx1pWq3XZ/mjnjTbpqMtr
r8j5/wD2DBDqfx+0WHUJpLePRdN1C5sPIX57iQxyAo59OWP4e9eY6PcLp3h+O8k+WRpp0j8s
dc5+/wD0r079iOwm0348eG9Qt7f+2Gaz1ItaQNtkgVYZQWc+hJ4rzHSLvbaLcW7L9qjaYmMp
uRFJJJI9cdDXRTqPnfovzMadNxaa8/u0/LoLpgmt9JaP5VkYH5pTgoD3NSuyx2dpDGwkkglW
Nipzjce3sajtbf7Xo6zXV0xhU7lJTGfY+oqTS7OOfUrOSS38u3Ul3ZX2q3o30rY9SM3ZW6q3
y8xdWEcOoXVp/qZCVQA8M2OcAfjUTiOJLqNmUNGo25bktjgfWtCPULG/0S6tZLWErDd/aJb1
333DR9Ait6cUG90+6lvY7Ox8mGRFEL3GSwI6HPqaqMbm0b7yaV9l1+7Yrrpv9mXVvDcTQxNJ
ETNsb5k+uK679mm//sb9ovwPcLM03/E1EBA5zExCnn/gRriXmku45JmjjW6j4ZCnLD/Cu4/Z
uuYdC/aD8F3VxGrTSS7/AC2/1ce5WCkD1B5/CuPEW5W/J6fIqnG00ltdO9/Nfj5Hrl1Jp+l+
OPj5b29u00LKGju4AS1s32jOAewLHB+lfW3im1WVmdVb5RjIG4/r+Wa+X/DEdwnxD/aIt2ur
eNm0tJWjjTic5zwPxOfc19eeJPBfiCPRZJrXS21KNcFktSHkAxnhep7cAd6/LeOJWpwWmt93
bdI9D2ibb7Ox5j4idmRWZf3inheuPb3+p9q5e8t5HdVVflYg42g4I6D3P1q94v8AEq6fqLW9
9a6hYzKyq3nwNCOcHq2Bj09vpWPe+NbOGBfLmhmbgfIy/qc4HPTHavzrC4WtGKfLuedWxEW9
Crq9vG1rtbG0EAKSMe3+8a5mKCTQtQ+0afNcWcisGWSCUxyA9MnbjDH2rW8Q6x58W7d5bSHj
A6HofoOhya5++1fAWNX/AIsjHP8Annoete/g6dRRt0e5lTx04S91nQXP7QPiZ4UXxF9h8UWd
udoS7gWC8RScYFwnzA4/vBs1veH/AIh+AfiXpi6WG8QeE/EDENBNeeXPbLKpwuJFxkbc5BAy
BjPTPA20EV7at5jr3Cc5xzjHv61zep+HZLO5/d/NCrAggj5cdMZ64r1o08PPSStJbNaL5rZn
uYHNqtN3k/uPpzwb8PtF+J+ktHZ30N5dWf7nUFgIWS3lXgyKh+bynZWZGOcrweQQM/TPhVee
G7241Ro1/suEC2unGOokKow65yzY6nhvxrxfwVo015etNa6pqWkzLj/SbSZoZk4wo3KQeOeD
xzXrl18f/EjaTcaT4ma18UaDdKFu3hs1sbwLuBDAq20uGCnBABwAetebiqMot+xmmpPWL0aX
W3R/Ox9RHMpVIqS/FljXLu4uH1DR9Ngs2i+e3uBNggj+Jcc9f0ryXVvD83wx1qTSZJI/JmXz
7GYfdKElWQ/7QIII7/L9K9Wu5JPFsl1rVjY6feWt5LKdgmeG4JUBmOzuQuCQD3znFZ/jr4S2
fjj4VNqVjYzWeqWYNzaygkl8EbkPsy5GazwOKjTkqU9IyaT20fd6noYfEKTujjYdIm+K99ca
fD/yGLOxa6jYH5mwcHJHbOzPHeqPwU8eNrWtX3h/ULy80ttFiN9aamq7rnRboSxws7jjfb7W
PnRsdvlozdVzWP8ADnXv7I0zUPEU0d1bstrLZNLHOYjC4dW25HJPygjnkDFdxb+ELq3+JOh+
MtB8O65rkk0ENzd/2bGjw3JZVJR2JAUsOCeeuetfXUeWlPlktLaNtJJrpd9GdWMownRfMR+P
tU0HwR8GNchjs1s/ES+ITealYWzRTQwXFwI3E0DAfJZvbIDGxK8tgZwccL4L0DwzqqapP4u0
u11TT9QtEjWCQcjEqMXVuGQ7Vxx8w3nmp18X+E28NapDNpurW/jTw7Lc6Ndi5bzl1TSXmfYz
JkrHLa7UXg42gYLcBaFtbL9n3eYslvHGGU549Qffj0rqxEXS9+Dak3dyvr00T7dj87xWH5oz
puOj09T51/ad+ErfCj4jSR2drND4X1wHUdBZwTGbeQhjErFiSYmJjOTuO0MQN4z5vAvmv933
r9GNR/Zm1T9pP9hPxppOjw/bda8H6ho2uaHam4WNQ9x5kd0rMcDBhJbaW4KDuefgXxT4WuPB
nirUdJvFj+2aXdzWVx5b708yNyjbTxldynBwMiv0LK8w+tYWM3utH306/M/LfhxM6C+y16Wa
vv5bHqHwL8N6Obe18QeLLxdWsdHt3j0rQFud1xqc3mkiDbnMUCySmV2Aw25tu5i+2Pxr4+1L
xt4wvdU1KZpLq+dpZMfKNxztGD/COBj0Fea6BPNp+oW88LbZI3DKwPIP1rvrC0/tjUY5rj7s
jAyCPGSOM4HqffvXn46MYz5pu+mnkfrHC9OUqbjBWd191j6U+F3jFtQ/Za1jR1kZrrT7Ga+T
kgy/Z7xbpnDHHHy4BGCTXlPi/wAF6Xf/AB48bePNRaPULy68RSi0tWwwszI6t9qdc8s25hGC
MEqW5wtfQX7Nfw8t/GGjSeGZrdbHWvGkT6XbWsMaySWtrtLyu2RtUbQSD/e9D0+c/GokGkal
dTfJJq13aW+wsWkxZJ9mkkJ/2pPXuQK83K8RyynCk3Ft3fndrVP5HLxFleGr14+2jzOOtr72
OF/an8K2aazb6tp9tZ6fcbFtr2CIbWunJeRboDJyHQqpIwCye5rynUNbuPEOs3V9dSeZdXkz
zTvgfO7Hcx44GSTXvUPgO+uvg9HrWsR3UdxprGCxM0TRrJbECZCMgblYvJhuQQyjoFx4j8Qv
D0fhnW7Wa1k3WeoW63caZ+aHLMrIfoyNj1GD3r6jA1uePs5O7jpfufnucYFYWar0U1CT1XYv
WWoG5sljXcu3GcfxH3pupxNdou5ct2J7/SqPhgecrMremPf9a2o7dS/z/MOn3v1PtWNS1OZ7
2BprE4dSa3OdayYP/FUiK0Py/d5/iH861L2X7LMvl/KyHg9T9fx/Ssu4uWvJ90jZ+g/l61tG
UpLU8vEUYUp8qGzfJ/8AXH86tWE62qvN/wAtOq46gd/8M9aoyPt9h+lQzXDKnl54Jzj3/wAa
05bqxx1qi3Y7WtQa8kVm3fLwOc/gDWDf3TBx+QzWldx+YOh3d62PEnwr1DRvCej6pJHhdaaf
yYgMybI/L+cj0JfjP9013UXCFkz5vHU6tSMvZrY4mW4aRPxxUcW4VcudEuLPb5kZXcM4YYJH
r9KvWmjSeV80eN3K8dQfT/PeuyVaEVdHz9HB16tSzTuYphY9verlpabui1qW2gsSu7jd90Y6
1cgs/sUn8O4cEEZ/Guepilsj1cLkk780ivZ2saOrMrN6YX7x9quNaSI7K0bR7SVII7jt9akt
yyTbkmWFvVRir1oJLhG3eZI205OM/r6Y6/WvPqVep9LhcCk7Gx4J0uFtEvjJb+bcNErW755R
hKhY4/3A4/GmyNNKJF+75w2yAfxcg4/MA/UVa8MP/wAS7j73T39ufT1FdV4V8Gfa2WS4by4/
4SBnPrj6YII614+IxHI5Sl30P0LL8pboxa2aK/w4+HjahqUc11a+dbrywbnPfpnJJ7djmvSN
d1G08I6W1lbrtuJgCkkZG1MfK3fjg9B6e9c3rvjOO1t/sej+YvlnYNoPTpjHUEkjHoAfWuRv
9Xupgv2h3baMDceBnv8AWvJlGriJqdTRdF/me5h8HSitVax3nhW5b/iZWty0MbLZyaqsq4V2
YZyuP73GR6Yrn9d1z+wvJaNxGZIFljCfMCpw2D6HI5aubmu5AG2SN++ADLu5bB4yP1pyraya
Ltm+a6+0p5caqC5UhtwHrn5QAPXNdVPDx5uZ/cc+Mrezg3f9DJ17X7jWb2SaaRpJGdnIz8qb
nLkKP4RuYnjuTWeszKPu9RWh4iaCKNYVs47NlwdqyGSRwRnJY8ddvA9TWTvZtv8AD/D+FepG
N4qy0Pm44j3m0TT3DSfKxbr0qGN9tRg7Zfm+bmnRoXbpjNVy6B7ZylcnM+04b61WByPLj+8x
7CnXga3KtIrLuHGeOP6133wB8G2G2er399r2pRrcW+l7Eit2G5J5nDbN3T5F2FiM84A6GqlUVG
m6ktl+fQxwtQeLxMaEnXJ29F1Z0Hwa8Dv3wa2Wv4Yy/AHD/D+FepLeOwlnoW0pbUEkjHoAfWuRv
1rS2f7yRVXLZIUYH0A9KsapqjXFz1XfIe2EUHt7AVyfjnUVQLHHJ5m0srMV24xjjHtz9a+Vl
KpiavPLr07I/ZsPg6XWtaw2tq
+Gpvt37GviqFv9Xb63bvCXGVDMCG2ejEAZ9hXvU6ahFRXkfnOMqe3rSqd76d9UefWtnaw2tq

s11u/dyFZlORG2eOaZd3cdpOqr5iyW8Iinyf9e5PGP8AGoI0haHa0fzRpgqFAUjPXH1q3Gkd
zqbW8kkm5owyvn5o8c8GvQj8J5cbuy0RBBZ/Zbi6iaZZG2goS2ccdD9KSwDXWnTeXMsOpRkq
ULcyj1FSedHqEsOpNcLHJu2SJGNgwvGW9cimy3UmnTSXHkqkN4BHbS7OQCeSPpW0JdzGV4xu
trv7n1I9Ol+2aTHHJDJIscgCSocgSf59avXt3ptjbrHDDIsdxC0YlP3on7nP1qvfW/8AZkc1
jHfLJdW7vJhDsVjjgkY5NSW0a3F1ao21do3eUR8uSOTiplZRstwpytFxe9rX077ep3XwntWs
v2aPiIzahH51xDbxvY5+eICcEOV/2vUUvw6hh1n9lbxtDdW750+dZzcgZAkbAVc+5H60vgfS
Wl/Za+IWuLJDHNHe21pNKy5eVDIMIvoOlO+H8d5J+zb8RrPT5FhSOeKa4jkbImiHJ257jrXm
zpu7fVyT+6yZnzcqS391r5dCv46NqnwT+F/2VWtWZb1nnkb7rZ+Yj0Gea4W909rzT44YVkma
NtxYJ5m8HPzZ969M+KlnHB+zL8M1t5I5pHuJC0TDLZPOPoa4XQ9W/wCEdspIZo5tzSlisQ2+
Wf7ufT2rsw9bkXtPVfidGFw6qvk8k/wRkrp8w8Of2d9ot7W8t5mh+zlcPdBujBj2rsP2alks
v2lPB8FnIiyQ+JYhGxBwo43r9O1cZp8l5qC3zeXHdNat5S3M5AeNs5zXov7ME1vN+0p8P5vm
xN4mj3nGPmAQHA9M1tU+F+j/ACPHw9m48umq/M0Pinplvr+h+FbG4aSO1m13xAT5eA6OroVI
OOBnHFcDr3jfVPFd1cahrV9cSXmqAJeuvy/bPLwqKVUADaAPrXcfGCdYLPw/NG3zf8JFr75/
hx5kVcedRkttEkht2jhi1N2jlcx5ZSpyu1sfLnvjrXPhYrkuu7/PU972N6rl1svyRnjTvskN
u3mW/wC7KtHFPEyyMrn7w4xj3p0uj/Ytd8maS3ka8UxKUmwuSR1anTQ6kyRtcx3F4tuwiaRZ
Djk/KCOpqvNpXl3lwt1HJZrIjEGWLLBsjt2/nXVpcqUYqN7a+Z9ufsU/tseIPgz+yN4g+CPw
ttfEn/C3PGHjJLrQrjTzbtCqPHZRPGZJHyrMtvLyEKBWBLAbiO4/4L++LJIbT4E/DvVvEzeK
vHngXQ7mbxNqJjMfmzXS2gWRgPlDO1tK23PCsvQEZ67/AIN//wBlCG/0Txt8bLXT7HxV4q8O
tP4f8LWN2/2aKK6FtHLJKZTnyw4uI49+0sqmXAO7afOf+C137Ki/AjTvhP4k1hfs/wASPiRF
qN9481AajNd29zeRCxJEKyMQkStNIqLGAAoUAYUY8+UqftLLz+bt+R+P5lUoyxrjTVmrt2s2
207/ACSPtD40/tVfEjwX/wAFp/hT8M9P8SXEPw/8QaCJb7SRawNHPMYb9t5kKGQHMUZ4YfcH
vn4n+B37Z+j/ALF3/BV39obxNrWl+ItUXUL3xHpsK6b5Mk0M76uswcrNJGvl4gPQkg4G0gnH
6BfFz9gjx540/wCCr/w3+NWnto//AAhPhfRBZ3okvCt0sgivV+WLbhsmePnI4z6V8D/sxfsl
aL+2P/wW0+KGk+JpIbjQ/Dfi3xB4h1DTpQWGoQQamYkgOCBsaWaMsDkFFYY5ojKNn2trb1PP
o1KVpPRpR1tvdO9vmepftRfF34gaB/wQ0vF+PHiy+vvH3xg1WxfRbG9tlW4tLSK7trkB1jGB
mG3aUlgpUzxoQG4rif2NP20vit8Wf2T/AAL+z3+zfHrWn/ErwjLf6vrWpl9OgsX017ydvlNy
xPyveW+4BNx2tgEDn37/AILD/s3ap42/ZV+L3xQ+IGi2NjrHhW/sNP8AA8drqss0NjpLX1nC
XliXEQnmaWZmwp2gxruYRqa8l/Ze/wCCCbeuftE/8E6fhfRBvg3dWvgv4ra1e6lFrmtQ67faa
L6wjvLyBYVEZIHzQ2xOFGfLzyaI8jp303+Sf/DGlGWHlhrysm5X1SaTa0Ts1ol+J5f8A8F9t
XbWf23vD63Gof6ZpfhCwsb/Y20C5+0XkrKeAPuyo2Rx82O1fC4uNLshZzRw3VxJGWW5V3Kwx
MTwY9uDgjnmvub/g4Y0hdP8A21/B9vfNJNdL4CsEkkXLec63t+Cdx7nHUjPSvhXy4YbppGZp
l2bItrZVJO2/1FdFO1lbsfpnDMk8JFRSC3EaS3Elu0f7nJi3SM2ST94g9CBU2j6heW9tcSQt
NIt4WhuUCjAUdCD2pkWrQSTLNNZ2LBgYWCkqpOfvHrz705ZVfXRa2reXG0gLHdhd7fwg9MfW
tuayufTUYx5k3LrbQ2vBN5dRePfDcdyWab+2LOdSqhQMSDZu4yTX0L+2nri3Xwz1aaWFpluv
i7qhnUNgSBbdBj8RXzr4Cl3eN9Dk2/K2t2yjcecLIODmvfP2xwIPgReM3zeX8WdX3KByf3K1
5dSXPXV+z+7Q2rU+WLlB63WvW3mfPOhLo8Opx3WsQ3kmgz3BtZo1mxJGCflccHITrjvism60
vS9N12+s47o6xY6TMwt7hFKfa0/3TyMVd1uxk8MRmS8jWZobgbJB80QJGQMVma9oraFrjWN1
5a3U0IZJI+lz54DA8cYHTrXfR+E8PNLxqq++n4mx8OLhta8c+HdMVWtY7zWLcwyOcrGC20Zx
1619Taj4qh8Mf8FDvi9JfW7L53hq4s13MCM/ZocP9CF6e9fLHgkSDxVoMke6NdJ1C3hkccEN
u6/pX1X438HQ6j/wUp+J1nebZlbw9NNFl9oJ+xRYyegP1rkrStUt5P8ANE83NBJ9/wBDwf8A
YdvGT9ofw/JbrdbobW/Ny1s/lsUaGQDcT1UZHH0riNJ1IHTJNLmjjs9Phmdbi7jj/fz/ADMQ
AfxxXY/slQLN8bfDMLec32eO+knWJWDQIYnwxPcV57O+b+4aaRprCyllERHGBuJ5HvW1OTdR
27L8zWnHkgpLu0/SyuXJF0t7aRfOvpNPj+VYww3Qv6t6iquqWyzW6rJNDJbxwjynUHdtB71V
lmjh0T7RHHtjvpdjZJ+XNSMskLtDbRrdRtHiTOSYxXYotmsq0WuWy6bX67fItWi/aYVtfs7N
ZvGCpRsEH61DDK17atHHJMq274DycoSOi1auPDeoJB9qjZo0t4VbZvG07uOlSaxq32a3t9Pj
tfJjmAeZ+uWHOc+3ej2dlqbRjf3p6Wt037WttbzJ75Jbe0VVkj/taT/XRCPAVexNbPwKluNe
+OXhO3aaNZPtjxmTacKcEsoH06e5rlbuVjfySfa/9IusAS8lTjoM9q6j4Fvcan8ZvC9naqsd
9b3EqI68b3KnDZ9a48R8L9H+QU6jlJJaapfivxPdNDkt7X9oP4zXElvJDHHpTq4OS0I2KN3u
Cea/R7X/ANnfxB4bmjvPD7ao3/PQWcqzHgd13Zz79Olfm94ZvVuv2hvjBY6Htvb6ppL299K
esMaxDcw/wCBAfnX1rb+ILjR7Zi3kZZozlWDFCpI68dD7DmvzXjDKauLhCdHVxTurXTulb8
j5PiTiqGX1FF2s2/PZq7Z7BqWlafrnh9Yf2Pf+CjHwz8Q6Ppt1Ho/wAQ/Dfi3xB4h1DTpQWGoQQamYkgOCBsaWaMsDkFFYY5ojKNn2trb1PP
Atv4Lh1jRf8AiT7eHurNmLbNsiEl1O44/TtXQeHf24ta0LUra18TWMOuaLuIuYZwsjF
COSGbOMZyM9c4rx//gqV+0zZw/s8aHdfDe61jw3D4m8QvaapDuVPOW3hFypHLbVDyq2VwCV5
6Cvi8j4fx0q8aEuaKk7t3drJXd00eTheNMJileDTemi/pWPAfiBHceFdaHceFdaHceFdaHceFdaR
jjd74yMdq5c66sj4/E845+v9OlcTo/xTbxFp9xqfhfRBvg3dWvgv4ra1e6lFrmtQ67faa
ztHf6da+4/smdL3ZbrTtc9L+0ouV47Hp2kXYkhXd/CMkEfdGMc/3eD0rWexdwqbvlbqoFcL4
Q1VnZVZixU/I33sH2/vE9s9K9Q8LWf21lbb93o3Yfj3NfM5hH2Ern0mBrKskbXgHwuolwF+V
c9PT/Dpz610eq6THPaTxmTxmDA9j7+w9K0DbvJvZSv97a3G
QPx4x6DrXxuIxkpVua59hRk4wUUYvwy+Ml18GFdpH+Vuv2hvjBY6Htvb6ppL299K
uhwSDXq3gjxX4R+Ovgvxb4R+Ovgvxb4R+Ovgvxb

ijVLfwzrWoPdWBaaKUWN9Dd24VVSUA+SY7iJCUl7SAhyQRWL+01+zxN8PNUuvE1jqSyXlxdw
QTylcw28aWiO5kbAAYs+FGR+7TPJ3GvroycuWjiFZ2vG92m1po7W6+p72DzKNT93PfzPP/jn
rmk/EDx7a+IvDumtb+LNHt1l1LT2Vf8ATUw6SRjjadsSbt4yzLMowGUiuD8HeOLPTbySFbhr
jSdQjIs5pNqywHktHIoztYdu2Fzk1sfEPUtUGjaLeaxbxx301sLzTru0i+yzKjMVRnBPIfbu
Ukcoyt3IrnfF+h2+sW+oeIIoZl8lkOv2UaBZbbc37u8iUkB+Tlk45znAO4fRYejTnSVOe2y1
va3S+++xz5phVGLqLbqe9eNvhX8QvjH+y1b+G/A+ueF/DPh/xJYwX/iK61G5cXF6YC0qW0ax
o7KkYBkdhgtvVRwrBvjv9pH9k7x9+yF4htdH8faDJpa6hvbTNRhYS2OrRKQPMikBPJBBKsAw
B5A6V92fsAeENU+I3jaz8H32tXUOn3nhy88QSCCQLHeROvlRkb0barkAnABUORweK9E/bYWx
/al/Zg8RfDvw/qFnZ6t4X0dNVjBR3tr24+1y3LRQzTHcwlMK/PhVwVO4rkD1snzD6vehW5Yx
v7r2ers22+x/P+eRq4bHKph25KT95NaW6W8z8o/A2hSeIr1mj2rDCu+Vm6IM/wD6vzr3r4GW
k1t4i024t7Nr64abZa2kbBWu5f4VJJ4RTyxPAXrXh/wyt7jRPibZ6HfQzW80l8lndwZw+PMC
up/I8+wNe/eMZ779n/wfDqGn28ja14kimt9JPG6xjjCmWYDJ/eFWUYwOufUV1ZpeUlTja8tv
Pvr2tqfqHDOdUsPhnUer6+vY+pv2LfG/g/4S/HixhvvElj4g8Ua15ln9n0+NphDKzRlhn+FF
G/JbHCN34r4n8JftPal8NPF/jC8sYdLvm1rUJY7ix1KzS7tLm28+WR4GDjeEcthgjoWGM5IB
qn+zT4kuPDXxw8Dw3TNb3F5qwvp2cjzPkRtmQenUkfWvN9ehmBtdUkbzF1pJLkyBdqiTznV1
PbcCucDoGBoy/KYYfmldyckrt23Tey7Hk5hnVPF4pVUrPVNX9Gj2r46/tYW/xxlmuLXwToPh
m8vLLT7a6ezlMkZFpFJGoiQgCKNt6fJk4ESDJwK8N8c27X/h+1vFX5tPYwyED7qt8y5/4Fu/
MCuq1jxVous+EtNtbXwvY6TqVqEFxqMF3NI18Fj25eJ2KKzN8xKAD0HWtT4b6LpuqeFfEVnq
isqatpc1tYu52xm6UiSLB7tvQAD0LV2UZKjVUkuv/A/IMww/1rBuNrWTa9VseR+EtQC2ki7u
pHHrW9JqCnbtX7oB6ZxXLvps2g381rNG0M0LFXRhhgRV6Gdn/i+76V3YijGU+ZddTwcnzCdO
iqUt1oTalctLnpjNZZm2Plfl5q60wlLf5xVKV1B/wqacbaE4ypzy57jZH81l5/8ArU1trQ7s
/vN2AuO2KaiNPPtjUszdh3rWt/DzW7/vuJjwFHOT9exrolJQWp5Gs3ZGt8MdP0m+8XWLaxDN
cWKuGNrFKYWumJAWMyYJRCSNzAFgu7aM4rqPEemXVrc2rLeQw+WWWGGW53C1TOcFmOcfXnr7
VyNgywzw7v3ce7LSAfwg8kjqMfrVjxD4i0++13bH515bj78kjENL6kelcdTnnNW2R7uD+r06
Em7OUrJGH4l09r/XpLezmk1JmIxIik+a2MnA64z7dq6LwkbX/hE5ofJW41LY8s1xcPths4VG
0KBnmQsFwenKgc5xn2Hi2Xw7c3C6XI1nHcDaZODIF9M/1HNOga1Hh24m+0L5kj+QkCk75OjF
z/s9OPWuipKTio200PJo4eMaznfUoy3Si5dvmZW7kcuPf3qrIqzlm+6fQdvYVvHStLPw7W9+
1M2vLqQh+x4wr2piyJM+vmArj3qjeW26GOTbt844BxxgcZPoR0Pr1qVaJ1cyk+Uh0/TlupFX
bn1I/n/jXTeDtLt57nUoVmXbDp9zOpfAEmyJycDPJOP0rFWVbGD5fmLD5h/LNVUkkR2ZWZeC
pIOMgjBH0I4rHWW70PQ9nGC91anpHw08Gt4i0FZoYfM+zuBIzAhcnnaR68jB6EHmrni/VWEz
WrSS7V+SRXwHOCRyOg9R+FXvhD4z0/QfBlvZ/aGt7qQsXwnOCWHXvkYAB6Vk+K9FklvWmt9z
R3BJLeYMFznvn2I/CvBqc0q8lLRJ6H3GV1nGjHm7ELpDZadMrRt9omQ4bI6DqSc47jp/hWdp
9tJqD/d+0eWM7S2AB3/CqiSRo224kuFYjK8HkfT8xiprnWbOILDZ7hISd0xJ5PY/Xt9ea6vZ
taLV9yquOV7WDV90K/LHHGyjBIfj2/T9art4gurZllWZrebbtEqHa2AMHBAyG55PQiowIBbt
5zSedu5UcjHPv0ziqesziQ/Ksi7ucHuOg56np3rSjFfC0ebjJOcL3M2RWkl3NuZs5Yt6/wBa
d8qcd/pTYgX/ALy49KlW0YhWb7vvXZ0seTTpveKERNjf7x71DfztbIGVh8o3A9gKq396sBZ2
YhRXM6j4p+0Hy19cZ9fc12YXCyqPTY+bzbPKeGTi3Z9DptR8Q3WrTQwt/q4f3caj+EZr3DwJ
bTeCfBv9jzKsbNOLmYEfMsgXG0/T+deK/DDT/wC2dbtfOVmjVjM4K5yiDe2OeeAa9lk8QNqS
STM3zSMXYD1PNeTnl7KjDZav9D7zw5jGdR4qpq2rRv07iavq7W8m6Nl3LjBIrkfE0rRjd5nm
bgGLZ6+34VqajdrL8zN9K5vWbrz1Zf4ewrycDRs0ff8AEGO5oS19D079hbTZNf8Ai3r1qti1
81x4a1Abd2BH8q/Ofbt/wKr2g6d9n/YH1y8aZW+0eJY7dYREQ0ZRNxJboQd34Uf8E9pvJ+Nu
qf6R9nWbw9foXztz8qnGffFWPDdvdXH7BPii4tbqRobXxFA91bj7sQYbQR6g8flXsVpO6XTQ
/NKcnFNt9/xseOwS/wBpWrSLa3CssAjzuwJGyOnHWnyWDXcF1MzSQfZQkTAnJ9eoqzH515bN
JYzNItntuPLIwq5XrmquoboNPtYWkUBs3VwRnOPQ4716FOOmpi/d1i7pJN/MsanBa3GuxtDb
+Rpc0YWTachiByc+pNOgv4Y55oZreRo4IS9lGzZEbA/ePr0qNbN4o5bOS3aO1lUTW7tz79f6
U1X+0rdTSSbdrCINsxsGOn1qtVsVzacyW/8AX3F6W4sfEel/bry3k03VpGYrcKv7mfPRdo5H
1qvqdj9h1W1aVm+ZApkj+ZWb0xVextJNQf7HJJHIqwmRn53IP72emadpmpMNGmhtLpYdrY/e
DJlx/d9/pUyloiYzjZxktWr303X6nrHwo0u6b9kT4uW82nvtjezuHuXYNEp84YVQOjc5rB8B
C3t/2P8Axgy38a301/FG9tJE3msoAwVfpjrkGtzwjoeaQ/ePr0qNbN4o5bOS3aO1lUTW7tz79f6
Yb2PJILH1Aqv8N7RYv2SviZcTeY0en3tvFHGy4AeYhc/UVv8N7Zcm

2JjnmQJGPLkAy7MMqOeSPj2G3aQSNHN5MiuhSWRmVipHr6cVow2y2Wj3F3J9luY7phAhErBo
JBzuVR1+p4qYxjFNW3K/1RoQUopNKW7v07I/Tv8A4KM/8Fw/hX+2P+xr4y+G/hnw/wDECx1j
xEbHyLnUrKzjtIvIvre5fe0d07jKQsBhD8xGcDJHO/8ABMf/AILmeFf2Pv2Z7f4f+NvDPiLU
rfQby5k0m50KGCRvs80jTskwmnj+YTSSkMpxtZRtypLfnLaaBbyJMzaxYqsiFwZB+8j9tvrV
W50G4g0yOaFrXULeQ4aHzMSxe+0dM9an2MOT2fS9yY8F4eNN07Nwbvvd3ta6t0Pev+Ch/wC2
3eft2ftL3HjxtPj8O6TbaeukaHZOfNuI7NJJHEkzAY81nlkYheFDBQW2728Dsby6tYL6NpI2
jYq8yeXgyL357Ghre3isri4kvobOa3kSM26je0i9mUnjA6Ee1PvLiS7uFW3urxre8jXO+MKN
o6hsfzrop8sY8sdj6TB4WlhIRpU9IxVkr/0xjx6b/ZsO1t0LNulCg+Yje3t7062vWnt7hY/J
a3VA3l52OzdnPcke1Ns/EK6fqkd19mhaO0A/cv8AMZAeOnTipP7Rt7os01vGqqpaOZGKMCeQ
Md6rRRuelT5JWtZP0f5lzweWg8a6CsjbmXVLXBGQcbx+Ga+l/wBsWSQ/Au4Zo/L2/FnWDll6
/uV/OvnDwrafYfF3hlvOVmuNTt5wUO4r84FfR37akQn+D2vWs1w26x+KmoKqgFjiaBCWx6js
K8epJKtFd0zqlFqMu109+yPlO/f7LokzRx/LIT5YfLbj0OQeKtT39lJ4CtY9Nhkg1rTSftk8
jZG0nIxnp0PSpPFccsD6lJbx3E1nGDbwyyJjcyLy2MdRWfb3lreeFLOOazaMTPsuL2FyZZwT
/Ev+z098161H4bnzeOqL2unVf1bsWPCJafxjpOoTXVvfSNe26jDEDO7OGAr648b22nn9vz4t
R6x5l9HceE5VVLUncp+ywnaCOnT9a+WfBUWk2fi3S30u3uI7iPVbVIba5+aGY7j8znsc9vQ1
9PeMdNuH/b++Lkf2qazurPwrNcebFHwWFrD8pHZT6/SvPrXdXTs/zRpTcI04qbV21td6tdzx
X9hGa8k/am8PxrM0fmWl3Cu4Zyghl+U+3HevK5A1tczW7LcfNeSRsFHLDo3Fepfsbu3g/wDa
H8H6hNqG6S6W6klQJuEEbxuitu7knJx2wPWuPutcm8KeItaaORZ3s7y5t0umjy04diNxX1PX
2rSn/Fduy/U0p/w03dK73V+3Yj8F2+m6Pq09rPJJcbhusrN03RzSn7qsT0Gah8S65J9s+zWN
mum3kc7/AGgIfljcHDKPb0rPW1aI3EV5JI1vbqJkO3Ejk9g3ahGjukhW12xyRsJvvljtJ6E+
uK9SMvdsHtGocsfdXlv/AJkNxPHBHfXy7roqQmNzKUYnk/pWhbxXVvpN9GyqI7FRKEY5JVvv
UW+mrq7ag1rNa2+n2qJNcLvw2QeNo/iJNRrLHcR3F9qEc1vZzRqyIrf670HsDWejNqctbp9P
ldbv0LEGh2+plprO8t7XT0ALC4JVpz3xmum+CdvNP8afB9rZ3FvND/apngiiODFIuDyevbp0
rj9R1CTVrtYZFXy25jt1G1Lb0AP8WBXUfs3WjR/tHeCbOzkaOZtTHmXPOXyfmIH0BrnrSUou
2mj/ACM/aJtOK0urvzutvI9q0TTJNT+PXxihjj+06pJayoCOUhGw72J9Pavej4zV9Pkk8z5V
J5DDqOePfsGrxHw3KuhfHP4+SQ3C2txb2EqpJI2VfIOS3866KO4aRWj8xvLYfMpPv3/nivvu
DeE4Zkmpxva1vmj+R/HXiCvgZXp2XNe9r9GjpNV8YxXhVd/3j8rdQzZxjr8xzk1X8V6PoPxJ
8B6PovibS5NWs9B8Sx6/9nF0Yvttu9v5M9uz/eX7kbHaMkZAx1HG6ldtCGXd1OOOP/1UeF9V
utY8SWekWsm241SeKygYsQpaRlQZx2BbOfrXpcTeHLwlB1aacZRu00ultUfivAvHlaOKjCfv
c1kvVs5P9uxodc+Lnw/1jTdD0Xw7deKvDtrcXlnotqLe28z7bLErhM8sYgg5JPyDt08t8UeK
9N0HVri3a4jk+yymJuQoVgcHqQR34OBnjpXRfF/xla/EH9qjxNrGnwquk6HdfYbIE8JHbIsC
kdMZ8rd+NekfsTfCjSfDXw11z4meJPDui+ItQ1zXJNB8P2WqwGa3iSCMy3d4EY7ZR5jwxZA4
+fB5Ir8dxlOFGlz1k24paJ6tt6K78j+sMHmklRVSdlfXyON/Z88QWfxG8Uw2OnrNdXUyuTbx
IDJhVLsQBx90En0A+tfWk37M/ijwhocOqR6XdLb4BmhCbpY1wSTt9MDkj1rD0Dwba6J+2H4b
+Imk6Hoek29n4Qe71OCxtPJsbi9lWW1ijWMNhSYwpKgYxCx7mvuj4a+L9P8AHnhqHUtHVYZF
Oy4sSd32dgFYquQNy4YYIGO30/FeOcwWGqxnQV4yinJN3s29nY/SOG86oVaajdc/a58g6M8d
/bp8ysuShx1JxyPY9Bz3p2oTeX8sa7twBA9e/A+nNe2ftA/AOHxQ914g8O2v2fWOXvLKP5Y7
1hyXVe0nqO/+8cnwl0a5RpGby7qMkPG52sDnkHntjNfA0cVSxMVVg9Oq6p/11P0bC1uePZmD
qsfMgkX7vX/az2/Hr7Yri/GNhxJ8ytC53FWOQevPXr7V1fiaaWJ1jUMXZtw5xmsB1WIeZeeY
sanKJ1Zh9P0/HNfSZfzRtJHXTqRvys8l+J3hWZtOn8yOOSPALo2AGGc5P4446cV0HwW/aYj8
S+GtN+HPxEZbjw/GstvpuuTMXm0rf5fkJIOjW4KHIbJAZcFQmKteP/EcdzYXDWsKrDIuyNCR
njj8fTmvD9e0DzEK3H3mb92QR8z9cZ655xjGK/TMrlHEUfZ11s7xfVO1rrtYdStCnVuz2z9p
vSfEFl481T/hLGjtdUvm82N43/0W5g+YI1u5OPJC8gnkYwea8zsPEF9BY6HfW6rdXFnc3dnM
HX5Li0xFsjfplSWl688+1dV8GP2mZtH8KTfD3x1JJr3w9vreW0kdYll1LQFkMZWe3kbLbY3j
VzF06kKelU/GHhdvghdx2NxdWWsWOqBp9E1mzkEtjrERbYCrjgSLkB4+q49ME/QUcLUpw0s3
0ts1be3TzOinnUai9lW07eZ69Y+FI9W8D6pb6bNqmm6h8MYzDLPaXkkI1TRbndOgkIIBEUcM
luykMD1PzdPVtK8bt4s1DVtUW3uGk1Dw1Y31xcLCIo5JVIZljRW5VY5kyflXIJCgAV8n+Gvi
xqHg/wAON4gvpJJLia51TwpqShtn2izu7XKq5wT+7mIcDjlcfT79+Hfwstfgz+0s3/AIK4+G
0ts1be3TzOinnUai9lW07eZ69Y+FI9W8D6pb6bNqmm6h8MYzDLPaXkkI1TRbndOgkIIBEUcM
qxHg/wAON4gvpJJLia51TwpqShtn2izu7XKq5wT+7mIcDjlcfT79+Hfwstfgz+0s3/AIK4+G
0Prtc1be3TzOinnUai9lW07eZ69Y+FI9W8D6pb6bNqmm6h8MYzDLPaXkkI1TRbndOgkIIBEUcM
HX5Li0xFsjfplSWl688+1dV8GP2mZtH8KTfD3x1JJr3w9vreW0kdYll1LQFkMZWe3kbLbY3j
VzF06kKelU/GHhdvghdx2NxdWWsWOqBp9E1mzkEtjrERbYCrjgSLkB4+q49ME/QUcLUpw0s3
0ts1be3TzOinnUai9lW07eZ69Y+FI9W8D6pb6bNqmm6h8MYzDLPaXkkI1TRbndOgkIIBEUcM
luykMD1PzdPVtK8bt4s1DVtUW3uGk1Dw1Y31xcLCIo5JVIZljRW5VY5kyflXIJCgAV8n+Gvi
xqHg/wAON4gvpJJLia51TwpqShtn2izu7XKq5wT+7mIcDjlcfT79+Hfwstfgz+0s3/AIK4+G
0ts

v+BD9SD61xYikt4dvl/e4yfu+2D69fyr6K8baJC3w706wVWjma3iKsmTufaN3I4DZJIz1HPW
vI/FPw8u9Pfz1x9nUYYysNxbJPI7d+euKxlF0ZuE2r7/AHnn5NxBDEycZaO7RxLRsW+b1/Wn
2qZdtqnr/nPPFaL2fkqzfL8rEEddnc/UVatLaOKykuJl+7+7hj7OTjdk+i9vcij2isfeU6Lb
UolWKSERN50dxNJjpuG1QOuR1H1q5bDzLCOVZSzIdpQ8tt6YBPGMY61T8tpJ1x80mcjPOT/j
7dK6LwtoCaxewrI0zSSSjbheAc8lvQjBPoQMVjUqKMbszxFqT5jFFqXuPLVd0jH+EHr7e1bN
/wCCP7P0Frya6hhdV4hP3mPYfX/Cp7KzjstVZtu5dxwcfeUdGb+6OCcj6Ve8RaVJq9tuWfMK
fMq5ySPYHH3efeuOWIfNFXsj3qPLKipIp/C21WXxTp8kyrJDDOjyoxGGTPOc9j0z2rpPiZe2
8Tp5bDT2VVUWcLmRQQOXY929axfAUsnh7W/M3LIqxlfkG4Lz2z2PX61m/EXWrWfV0mt2aRZI
wTk52nJGB+GKxlTdTEJ9Ejop4qVN6vRFG4vWuLRo/M+828At0Pc5p1hZtBY/bPMZnVwgUMOe
/wCVZcNx+7UtHI3OOOg/+vXVeG9CW9jmkbzI7fILRv644z6k9sV01JKmtdjGVWdaXuFzw9o0
niPVF/d+THa27XMhAwAgP8I9dzDr6/nh66GN0zbQq5wOMZFdoup2OmaTcCG4aS+uVEMqFR9w
HP3s4wcc+tcvexLcXjfN6gbelcVOs3LmtZH1GHws5YdX3MtbT91+v4VR1e9ZIdqt8qjnmta4
j8jO3pniud8aSNp2kNN83759qnPcD/69ehhY+0moni55U+qYaVTay1OV8Ta3tDKrfL9etc35
/nPU+os13L975mPPrVZB5e35fl9vWvtqNFUqdkfzrmmYVMTiXKWx6J8MtTbTZpGX5WaMxgj3
4P6ZH416Faa0yRr83tXlfg+52be3p711kWq7U+9Xx+aYfnrNs/buC84WHw0Ypm9dag1w1Ub2
bzSvG2qdtqm7/GrAuPNb/PNeeqPKfcTzBYiN77nr37EJkg+L94sdqt5HJo17FOjHGI2QAnPb
sPxrS8FabbxfsH+NpLqEs0mtW32OUEgB1OD068E9fWj9g2eO3+IPjCRo2kZfB2o+WV6o37rD
D3FSabcXkX/BOO6UwyeTJ4vDI5HyuoiGV9cbv1qqkW2n5o82XKly26Pb5Hi6LHc6P/orD/Sv
kMW45jYdz6inPewppkK3G6T7O4VgfmAI+mOKtXBW3ns9Qgs4Vkut0kkRmx949abZQt5zWrLH
cLcNu/eSbWj69F79K9OMfdueXGo/wt1t5DbnyYobWQK3zPmNHdu/fPYVoR3FvdanJayfaLWP
ynM5iAbzXA4bvjis+wvWvbWRbqaOZY1JiduGUjjFOtU+1aZHOrb9QZ9rRFtqmM/xE/0reKsr
o6Yyuvlf7v66DbmS1n8L6fCsl4rLOzZZflC+vHJ+lXNOlYa7ptzJfRyQxy/KpGF59KqyTTad
YYEnl/ZcqIo23rNnuT1AFTafZwq0MN832iRj5qmRvKHPUcVjUlojCNm5XXTf0sdz4dTUtL/Z
l8cWcOnzNo91qMDm8Xd5XyyfdHYYPXvTPAmjR2/7LvjXVtQuJVtReJbLHglvtBHyZ7HnueRi
uk8P6/qGn/sA+ItPkuvJ03UNXSW2syN3lKr/ADAN1OWGefSqPwl1C68S/sf/ABQs1hhaOOaG
/wDOfBLfPlxj1AGQa8uVSTu3a3Mlp2uvxHKK5IpKz5W19/y0IfGM66v8CPhTDpeqLrWrW8t0
osbiDakZ3AhCT94Dbjk4rhLea1uNSvLzVFjhkmk2sgG1I3H3lVewFd38SL+G4/Z9+Fd1Nbxw
xm6uVmv4/wB3KQrKNnH48+1eYandTWFlHJb263Ec0rmON8sUTPBz3z61tTpylB27v8yKklF8
1m0klZeiI7bQZtC8MWt9dWt8tjNOTbzK37qWXOPLZsYDDZkjqK9L/Y7u45f2sfh3cTrHHYtq
TsNjfefBH4jOK870i6aXw9JHeXF1cWNndJfR6c7Hy5JJPlJA9fWvSP2P3uI/2rvhrYySWttp
9rr4jFxkbESUBirE+nSuzFawfS6f5Hn4Oo1KK1tdbavRrfyOi/aamjg+BXw3uI41a3t9V19Y
eOWj+0x8n8c14rp91ZzSWsbXHlq07uXkXbGoPrmv0o8C/C/4zfCrS77wv4Zk+CHjTTbHV7uS
DT9SmR7p455C4A3EBAcn5d2ee9ds3wV+NWs6g0lx+yn8G9Wt5I13rb6jbeXKV+jnHI6Yrw6e
KnRXs1FSV7p3Ser7NHoY7NY0puTaWmmna3do/KeHULe6/tCSO8W1kjBMYY7Fk5/hPfPpWhNq
8NudH0+31KGEQwNLJP5oC73GdpbpxjoT3r9btG/Zy+JHiSws21r9iz4XzKsZO2PX7WNl2/dG
MnH05rSH7Kd9qVxJcTfsM+GVmaBRIIfEtqV+ioOAfcc9Kz/tSz9+Lv5NP8UfN1OLoxdn9+nf
rrofj1ZX8eq6fDb/ANpW8TTTEKspCRRgc5YkdCfWpLa+ZdREcd8u23csGEm6HPfGcAcZ7Gv1
/wBM/Y61azsbj+x/2L/Btm0hU7NU8Twuz4PT5s4GcVNH8APipY6O1n/wyP8ACOO3ZiVhj1uz
Cn/e9az/ALUbXuQe9rt2/M7MPxZTf/Dr/M/HjUdQjj0pbozW8s1xK5ybhTKijG3KdfXsKzlj
hktlmkmhb7RhlRZxmFs9SCMiv2Euf2O/G0js0n7Jfwft2VVdR/b0XLenSo7f9lT4heHLmaaH
9ln4Nw+ZxubWYWJPcDjpXV9eaWsdu7SX3nZ/rFCo1JteSun+p+P7TLCrTR3Fv5m3HMylh+gq
0L+1t7qFVvm8uRPMlIfd5reh44/Hmv1u1r9nrxVYzrcap+zD8KWjxhjY3tu7k9j92qafA7xF
ZRrHa/sw/DW4W6ffIDe25WPB4YjbkGs5Zok7cuvqjujnDnG8Xp6frc/I+fVMxq0lxJNuOEyN
zRp/cPrVi3vdHlVf+PiGSHDF9+FkXuoXjB/Ov2AT4I+INSm8xf2W/hnJNHwjS6nbRZf+9jby
K67wh+zf461C1haH9kX4NzfMGKz6taMok/vkY5FFPNNbqN/Rp2+R4uOz5YWHO1f1t+bZ+Jg8
QabZTzGzuLzdJgEuofocg59Kfqeu2bWclvb3Ul5NJINzCLaGB/ujrX74WHwz+MWi2DQ2f7L/
AMCbGPHKNqsOG9+Erm/Enhr9obTdcVo/gb+zzpMbHejteL5g2854GfyFbSx07c0Yu1r6tJfk
eHheLqlSfJCKS82vwsfij4EtTL4t8OtDFceTDqlsPPaM7V/eAnn29K+jP22tYs7Lw54uWGSO
aaP4oXFx5e8DKiBOfYZBGelfo8nir4/ab4U+ztdfs3+C7ySZrhnEskzRjOeU6Fv9rrXxn/wU
J+DOueFf2e9c8ZeLPiV4Vc8XaNqUIUWOMtlJBgDLdQcHOAvU9uGnWqV6kZyio2drJ3
3ataysz7DK8+jiJOnXXLo0mm3d+iSS+bPi3406QwPhvW77SfDviK+1q2ZtYwyOI90c05xJKqM
OqgArn+dcPpmiXH+yoPhvW77SfDviK+1q2ZtYwyOI90c05xJKqM
g+hGelY8mqf8+iXreBni1/SfDviK+1q2ZtYwyOI90c05xJKqM
sa6jcL5l08nlptVkO5T/AHcetWm02O2Pl/2h6VXgvpItF/tCVmk1LU
pvkbdyDngk/Wh/sp1U3E3ktNCp85v70ndsfXvXoRlG11uVGUYpJ2el9e353LVzb6BpXhxZLG
a61CaQMl3HJF5fkY+6wPfJP6VVhlil0yO1uJpJppIVMUTjCjPp9KbZapI0txeNIosZl8slui
n3/GnpeLrk4ja0m1SbyxFGLfO5F68YHanKPMaU60Wrpra1mna3yu9Rs0O2OTbujex/5aMcK3
sDXa/sxu0P7SXgW4ZvJLXhZ1Y/dODx+NYMEHht9UsbW4m1KTSYUM1z5f+vZ8dMH3rsP2ZtT0

+7+PfhOO1s2bSVvLl4I3w1x5giJG5v7owp/OsJe7r5P8iZRXKleyunpr1X5HfeHp5tT+Lfxs
vo4ftUi6fJN9nC+Ys/8AssO4x1rojqkm35c9eBnOfTH+NYvw+1FvBXxL+OV1qkN0mpf2S6Ws
lup8mB5EJDSe2MfjTri68y12q23b79R/ntX9YeCeW06+tRXUUrfNH8T+Pv72XLbRN7+qJr25
wu5ty7uB3BP19a2PhPrkfh/xRf8AiCRY2t/Beh3/AIjdT0le3iPlJn18x1I9SuBXL6h5k9pt
3bm/Uj1+lcr8efEv/CF/ss6rZrJH/aXxI1qDSbdTEdwtLLFxcOr9Nplkt1I9m9Dj73xTwdDD
YGVlaUmkltvv+B+AcEZe5YuDX2Xd/I8lg1//AIRn4c3l9HI32i+bCMRkuzEFmyeuc5I9TX3F
NobfDDwl4B+H8n2iGTwT4che+hnG14tT1Bvtt1n3HmRL7bMdq+Yf2KPhna/Gz9uL4W+B7iS3
bR7G4i1LURKgeN4rSF7uVHGQCGERXPTD5welfQXiD4i3HxV8b6x4omh8m48QajNqUkQbf5Cy
OSsQb+IJGVVTgcDtX8YYzI3ipumk2rXfz0SZ/Q/EHFCwWChHmSb087LVnpmixPJbKvm7jtXA
xyQM4z6LnP4Gu28HatcaFfxzW91cWNwgUxz27lHC5yNuOoz1zXnegeJ4SqSM0e1cBjv4HufU
j0rqk8SRE/NIpP8AEu4fKeg3e/oBxX5TxV4d1JJ8kbPz2Z8zw74kONZSjU2t/wAMfR3w++OU
fimWGx8QSWsN5JtEGoRjZDcnrtdf4W77vun26HD+O3wHbULm4vLOOJbyT99HLHgednnDdi3J
OfUivD21uXZJ/FCwIw3YZ6H+n416N8JPjcukQW+h65qH2ezY4sNRumLR2jsw/czHtbknhjzG
W5+Xp+G5hwvisFUc6a5Wt42dn6H9UcF+JGGxrjTqtRb08n/keM+PYLO0kazuvOs9SUZ8uSMg
N2yD3z154FeY+JhcWVw0jzNKoYhskc49fcivrr9p74HTePPBs19p9q0OvaUn2z7Mro32iE/f
aMjO9cYPB6e5FfJPkSazbeXNHtbHyMDuxg9vYf0r1MnqJ01J7p2kuz8vI/cKNSnV1ps4PxNI
2pNuYbVBLbRwo9QfT14rj/EGkyXMzQr+8kYFTvPIXrz7dCK9KuPBs1zeNGqtHGWABXB2+gHP
J4NcL8W9c0/4U28zNtur6QBYIc9WPO7nsOcjt+NfomVy9pJQo6yeyM8dT9nH2k9jy/4nuvgi
BrhZP9MuBiEZBbPGCBn2OcDqBX0V+zt4e8B/BO38P/Dv4yeItQvNQ8TX0GsPpVrc77PwhMgL
QmUqSyzzhjG6oQNsoJ+6rH5n8PeN/wCwPEs3ia+hW+8RW5UaR56BrbTpc83DKThnTHyKfl3f
Mc7QKm0P4i6bZeDtc0288I6XrniC+Z5bfX76eT7ZZGVQshIDATMTuZC2SrPnnGK/RqeFX1f2
Tb5mtWtGn5PyPgcRiMRPFe1Xwxeivv5s961L4WX3jL4x+NPhdDY3lrNqmoX91pz3Ubw+Wybp
YJCGXcqusafMecOeK+/P2UNQ0HXPg74H8deIr6OHVtSt7D7Zcx2uyGSWxt7kYcAlmmVzchmO
c7U4GBn5T/ZV/aqh/aPudIbxIsP/AAszwnayQLepCFfXLDYB8xB5ljwSwwMqSw6Nt9x+C/jG
+1H4c+NvAuj6h9l8XeDfE174g0MbMmWy1DzIoZY9xO7ypJ5GYbT/AA8neK+ZzKUlGVCas4pP
un0bT+4x4ioutSjXj6Myv2ZfCGoXcHhXxJqGpahb6ZJrMt5ZaU5eO3tsXbpLNJHvKecUBXkf
Kpx94Fq8R/4LKeNNN8UfETwbZwtHt0fSrlSsYHyl7hcbhjOCF/Ht7/X2m2beAvgdHe+KLr/i
aaHb6lrF87XKXEzRb5J97uh2F35YkH+MdK/K/wDbF+IE3j/4wyXFw37xbWN2XhVTzP3oVRk4
wrqvPcGuLh/BznifbbRinb56W+VzzcjjTnrJ6o8T1qDzJvMX5dwzj19cZ/lXoHhbVbO58MaL
ZrIkNxDE4kbPIJkfv24Hf+9Xn+sXSD5c7m7n/Pf3qnDdvEmFZh7A1+h1KPtaai3ax6ka0KOJ
clqdJ40u2XUri3jZWTf/AA9M9xXOxSta3SyRs0ciEMrodrIR3yO9WIJfLgfd8xYc/wCB/n+F
V0G+X9Mgjr2x6VVGHJHlROMrOvJTlqzotV1qTxak15LHELxUH2h40Cecef3hUdWJ6kcnJNcr
q6NJJHdeY0jSKA245IIGP6VpWUzWCSfw7uPTnoRntwe9VbKz/tS8W1U/vJiQgP8Ae7DHqTx+
NbYf3W+x5uMvNJS6bDYGZYsfe3Y6elfT1l4Am8J/DK1+y29jfNdeVBe2M+V3l0D59hnIyDxx
Xy/ZSeWyMP4ecH1HNffnhD4ez6x48hjVW+zzM0mM9FIAyM9jkEH29K8/MG/dt5hJ3gk2fN/x
d8Fab4Z1exsdWsbPS2t7Jbny4XlO9piMZMhPCqmAP9pqx/h/oH9teLrDS7C1863uJeQnO1B9
48AngAnI5HavQv2nPhd/wm3jLxj4g1DVFt5tN1F9NsLb+KSOMy5cg9gwQcdmY9BXnPwDubrw
1qEl7GqyTKDEiyKWRQynfn/gJPA57UYXEU0o1JybUWrrseTnWDnPCSUFrZ6nvmkaLP4X+W+M
lrC2Aj3Fus1g5BB/eSB90fAOXI2gE5IAxXl/7QGsW+rXE1jb2P8AZ8NxJHPDNFKs1vcuEwyx
yLwQGk5weRjoeK9o1zV8aHJaafB80iv8x4TYHVW6+u4DnvxjivL/ABJetaQSR2KNax3B3TRw
qjRykHcW2suFIPcYJ3fer0M2zHDNR9iru12/M/L8jw+IhiZSqaJPRfr8zx3QfAN1eXK2flTT
SMdxEYzgdznHDDrnpis3VRJHctH8vkxnn0GBx+nFe1eK9AtXgWaxj3STNFFLLkMDuCk4z1wC
OB6964/TPh1HrGvtZySRxuxOwknaeeef4ueme1eLRxnN78vuP1LB5s6Mr1WlEy/AHhFfE2pt
H5i28kIEmZUZlljU/Mh2glSVyQQMZAHQ5rs3s207TVXR2t1j+1GJJ2OxLmMrI0QDthg2FA56
NnPtb8J+HJvDD3kKxqGgfykYYwxON2PzPHvUcXhv+0o7PRZpmgsZLpcIq4VZG+UZ9ME8egJ9
a56mMU58stuhnis2jWk3CWhwuo61MNbWxvNOls7iD94ISOcdmXHbPPvjg0W9yzNJbrG0i5aU
kKSDjq2OzDjHauq03w9eauzadcSQ+ZpczpKlycSWzD5Gw3UxttyF6Ajr1rB8exv4E0fWI5vl
1aSRLBFbOJLaVHYyp7fIFBPq1dVOKnJKKsdWU8RKT9kmn5HKp4o+zG6bzNzSdD2B5+Y++cD0
5qG11nyXWb7Lb3DdxIm7gnnI/DisbTtKuNYvVt44pJJuSVUfNXttv8JrfRvhfps1zZyWerM7
bklQq6rnCkhv733gem11x1GdcZWpYZJy3bsfSfWpVE7rT8TiZfDV1dxreLEsKt8xKDAA4z9e
Ow5zXXWHhKa28P2s10zxyXFwQzAH91Ft+bjockgjHTmvRPhL4E03xBbR03xDbR0aMgP7tg
Mrz7fqazfjh4fs/BvhmPTo5LyW6mlWTdKw2NGC43AAcc8ZJ9eM8jwJZp7WqqS3v26H1GR4eV
RKTR4/I6m9m2ttTcdtQod034/wCRCTiPn3fxdf/r062jLz/7R/wA/lXobI+sjG1oruNumy25v
1HWuJ+LGsfab6GxhVl+xptcFed55bOPTp+FeIwHhM0+8PA4vdyBxnOCef
rXlNt4Z1rxYAz1Yt4Z1rxYAz1Yt4Z1rxYAz1Y

2PEbXw5JbtcSQ2N4z2qJtdW8xOR1OBwKbe+Z5vnSL5OqR8JFuwcdOn0OaLbTvs9x9ht9SvFh
1a3wyr0Mgb7hA6j+tacXiJY4F+0WsM1vpJELuwH2iUdOCfzr0qaujzaPK3yv3Uuu/X87GTcz
w2MzxwlZI1lXG18lsj5sfjWjNp1wuuR/8s7eRVhwj5ZSVzzjoc1DdWbaQI5oY4Zvtu54DG2d
g+vYjoR7VDDJ5U+mzO0izSS/vcn5AezH/aro5bbm3Mov3tvLt/l5DblbXS7a4trWVmk3iECT
hn3Hqo9qmubdbq/aS6WQKsfyFASMjqP/AK1Xje79JX7RDDJb6begxXqpuJZjnYx6kVXtY7O9
1CNm024LSXJdJhKVQNn7xUiueUbpeoSulK1rW21279TuvANvJqP7Kvi6aaRptP024ijt4w3z
RvJJyWHbNHwx1mbQv2ePiJbKsjWvkpGZ1/1RaQ4CFum72rS8OvJ4e/Y98S28eoSTTaxqQ/tJ
Y4FkiUxyfIN/UZ61H4H17T7j9ib4haXJf3E2qTaxZ3K2flhVCBhmbI/HP0FeT1kkvtL81dmk
pOdJaWfK0HxUv7o/Af4U6PdafHb6Vbs87z4+Ry7KWDN0zgkkGvNdXvFspLqzWaOOG3u3EAfC
/u+2PavSvi9oq+Ff2dPhTZrDNPZ61Bc6pcDziWLK23p2HOa89txa6lpUMjQrNIpKqHOSifwi
uiN1B27vVepz6NrvZemy8iv4D8O32vWUlyu63bL6ja3TuBFuh5O4f3SRhR61u6HoPiS+guG/
4QnWrvT74/a4JNPtZHYTbfvq4HTrwKreHNbk8OeCG0lY7O8XWpoZsPIzPbQq3yxZ7Dd1xXtX
w38c/B298E2On+IvEHxg8I6tprFYotAnSS3k56ru5H0r0JVI2s+py4fA1VTjKDtLrtv0PJZf
AupNZL5Pw78bLdfaEPmpb3O50X74PynDHtWp4Y8UfEPwWmoXHhuH4qeHbG1nWENYX1xBJGzk
Ah1GNzHoNuOcV6pean4JvZpG034q/FybQdNliiSOcpHdNcS5KkEMMp8vORXTaB+zL8RrrxDf
f8XW8O2t9Btu5l1DxE0UKQ9VWYr91m4+YdOea56dOG1k/XU0xGU1Zx56jVvkcXb/ABo/aQ8F
XdrD/aH7RlrpupQiWFU1K7uLi4x0I+X92D3Ugmt7Tf2yP2o/CelzNF4o/aCtbVkL39zJbz3M
dshI6M6/KVHXBHJ7V714X/ZA/aIhgmvtN8UfD++VgqZfx3qEkibvuom6TC54xnrUni39nP44
eB9Kmk1jXPhzZ6f9nzd2S+PdSWMrn5xKvmbSzFgSenHPWiWHpW5pQXrY+djltCdTkjZybtZp
P9D5b179sL40KbiRvip8eo7e4uFgRb6W6Rpy2MgP5mFYA5xwTkfWuf1b9oX4jC9t4YPil8Yo
rtpH+1ma/vOUB4KKJM59j6V3Hxqu9e1bQdc/tLxNpsml6LfpY3kdjq9xdRXV9t3I9sXJbaqk
AknHyGvO9J8I3nj5NWmj1RfM0Wy+3OJrmRWdVI3Fc9+envXPKNJPRL7l/kfXYPg+E4JtR/Bf
kUb/APaQ8a3CNJN8ZviVJK0hBjlv7rcoHTJ83r7U27+P+u2l1Dt+KnxG1Cx81TceXfzo67hy
w3SfhVWWytr941huNNkabDECM7gzfwkkcnipjosLxSRzT2PlzlI3KxAhQGO0tgdzxU+5fo/K
y/yPQjwbG3u8qXe//BKMvxr1QzXm3xd48uLdp9kB/tJy7D3+bBNSaV8afEUF03la98SI5JoS
kZg1ORTIT2J/u1r2fgOxvkvrW41W3sVhuAP3gIDOOdo2qfm471Ei2tyVb+2fs8kcimNI12sw
PcHpmjlpdUvuX+R3LhN8qScV81892Zdp8QPHV7BDGt146vGaMwr/AKVcuyyDkCPHAHqDmu48
GeNPjpdajpcuh2/xiXULORRmHVrmNSu0ZKB1+Vj68j2rBuriaO9/0fxVqSyeco/dzlCrHjJx
j869S8A2GueKdc0/TYfHFrp9xNcPBZT6l4mure2vpA2NhaNtyKByOmTxRy0U9l9y/Q83MOE/
cbm48qt1T2+86CXUv2ovGmjSLNoPx2vLW4neLzG8WNC554H+rH5kY9MVzeq/s1fHTxL4q0uP
WPAvjCa6FrLGLnWPExaYK2RxMXCAgHhQvPoa968J/s9fELULr/hH/DvxE+FOrKt83mxnx/qs
Yt505CMrS5J46DpW14z/AGFvjVrzXFxqXjL4R64rfNaQHxlqciacnTCEv0z655rHEU3GKcIq
z82fJ/U8FRqKE7KT6WS077Hxvqv7Lvj6+Wxhuvh7Z28djqcdjK8WoPNPJkZzOVlYbfV1VQPQ
Vl6t+zf480U/2pN4FuFhsbo3fm2lx5hcqeEjQsxKZHTaT719Fa1+zND8M9SZvE3xe8I6Dqis
o1O08P67LMUtf4nDM2Wb271Nrmnfs82VhY3F98eviN4sW3ukW20uGNrcJkgEltgIUA9cjiqw
sXa8rfJtW+8+go4OiuX2d2pW139L2R8j/ET4SeJvhrp8etapoF5a2E0ju8iyq4BddwRsDK84
z6dK5XTLLR9V0WHUF1CbT5oSXuorgEm7lJypjxxge9eweMPFcOgSePPD9rqkMmiLP/xLTJcN
OLh/MXaqnkFyhJLdOK8Xs9PbWGuFXUI5poLhdtuU2ysOclO2B3r1qEvd0OPNMP7GulfT9f8A
I6LwKmmjxJpN0t1dReIF1m18q1CYikXd97J/iyB+dfUXiC9s9d/4KMeKprdWjhbQ3ikhD4ki
Ywqrop6ZJOT7E18p/DkR698UdF868+xwyaxaQG5cYNv833s+2K+rNN02+0r9urxdfalb+Zb+
GdDuZpfLwZrhTGVTef77FgR7Yry8TpO99bPyvqtjow9pxTstGtvT1t+B5T+wAdL8P/th+HW1
Sby7eZdSt444m+W2kFvJy2eoIJx+FeazeHFtbjVJpptumtczPYxqw829wxAJPZRjJz1r0j9j
C90/w1+054Djjh0/UrqaO/laRydonkgkAikz/EgUf99ivKdRvPs+s38l4sLedcTRS28bYZGJ
ORB6KMjNaUef2t11ilr11CXLGPM19p7PROy0ZY1WTT0W31S81Cxa6kj2rb28X7mJem4D+99K
k0j4Waq+vW4b7HDJqdv9qsnuJRtkjP8AFjsCB36VjzX2n6TJZ2sNnbyXkPLvdjKDvg1I13Jd
a3JqGoM0nlqRCiMVRycgrGP7vpj3r0ItdURKUU9VfVbd+rbNzTvCuk6D4d1DUNUMmqNLIsGm
QWUoaE3KHMglX+5gjB71n3Xj+4GmotnHp+gt5pmc2sTJMpztC/7u0dKy7RL6y0tvLt5I5I5v
PhbPMLNgMGU9sAVf1XWJrnULq1kjt724uFj8uWFcqzbRxxwOaJSVrIdOXk4/Lv57kF/d2KXL
Rx3H2dZIlmN0QS8zegHYe1egfsmeG9Qvf2j/AASvk/2Wt9ezxwXWCUnfy2BwP6e9cj4wVfCz
Rx6tpqjVvs6bSAHhK4HPHAOK6T4A6lNbftA/DW8vLySHS11lI0BfEVpIXA3AemSCT3AqFG+j
7P8AImtaKT5ru6VlpbVbnrmg+JJNB8d/Hi6kkXUGjsxYS2xH7udlPl7nXrtGw/nUN6jYX+Hj
PTkehqrbXuoaR+0D8dpJLPddLpd6ZIIjmNo9wxMSOPukN6/NXV23h37VLHHt+WPv0/Gv6r8H
MypYSDcn0X4I/jXx0qRdTW3X8LficxLaMLeSTbu+Q/KOmccc+59PWvF/2ydTb/hpWPwX9oX+
yfh3aR2DeW2+JrxkE15Jjn5jM+0jPSIV9ofDDwVp+neM9L1HVWW30jRPM1rUJihcRW9pE875
ABO1vLVcYJ+avzV8e+O7r4j+KvFHjLUF8ahdanKF+6rTyO5Uc9t2BmurxQ4kjjq8aPNe
MVdpd3ovnY/I+BMPzRlXcdFon003PrX/AIJkWn/gzxXXAdJfOUoSfoew6Pzew23Eej2/gzSVdCwuptQlBnK
P03x29uxx6Pzjv18V8sEpWNWXODgcdD+n0rUtvhlJ+zl+zn8N/hqsqklvfXWnL448TRSRiOX+
075NsUbqfmVoLb5OCM7gSBXMwKElZt33m5A5z9PU18Pwtw26t6rWknp6LRf5ny/iDnUqlf2c
ZPlirW6Xe5tWGry28e5ZH+boCf5eneug0bxoYJVX7vHDen0/vH3PpXGR3RaRWVvXOSODj+fS
rO4rG3zbcnkD+H/61fbZhwXCvSalT36o/J8PmFfDzUoSfoew6P4qhuplKzR78ADnJOfun6jk
81uLq1vcFlk8t1kHAYBlY8du7Y7HjJrxrwvqqqvOWC5GecH16YHTrXTWHiZWiY7t
7MNpIKjePXGflXoOPTNfhudeF8J1Zp0215o/Wsh46rYdQldJ+T/M+gPgV8a4fDIs/DGvvN
6G1yv9h6w8gZtCuGwq20uSf3D9ADwpbaeCCMH9qz9nq68C60vi7R7FY9D89hqdrANw02V/vN

14iJO5cDA3gcDFeeadrK6nZTWtx5dxZ3EZikiONhRgQwHoM8buor2n4c/tGaHoHwxtdL8TPq
0mvaev2GzuGH2tPEVo0hYW8rOpUFARGS2CygEMckV/N/F3BNXJ63tqUXySdpK19+vl6n9xeF
PiVHMKUaFaS5lt5r17nzfquqWmmaRNeTMy27KSrthcr6Z6fTua+T9Xkk8ZeKLzXNYt5JvMLG
CBzhYAeFyOpwoBHvX1F+0x8LvEHhTXrzVLrSZtJ8I6pqDnTLYyBxDmNHKFcBsZLH5hwMgdDX
jOveF2kga4t49uQOO4J6t9cdqrJakKCvCz5ktU1p3Xr3P6AxlapXjp8KPGfEuntaW0ZkX5lH
ygjgD0+h/SofBWo6f4f8Xabfatpf9taPHLi808SmI3cByHVXU5VtvIP94A9BWt45tWV2Xdt2
n51I+Xv19+OfwrJ8G2Sat4h23C7l2MdrDgkDgH8OK+3wtb91zs8unhPaQ5UtTqvH8el/Bf4q
abr3w38TX2paWqw6hp91NA0N3prt832ScgeW8kYIVyhKnkcdK+yvgB+1Xb2umab8WPDOm6fc
al4VjW28U+HSgha8ttjEtby4YRxrM5lC9CQFz91T8M+N2mi0fb5e233ZAx8wHbd/jXSfsk/G
y1+CvxVt5tcW4m8J69G2k+IIIcB5LOUgsV4JDIypIMYLbNuQCTUYrDxxNL2kVeUdvNdU/wBD
nxVFqlKjPVSX3PofZn7enib/AIQH9jlbO3k2yeItdsNLjkAP+k2sduL52POSjB4vl7++TX52
/E7V7i98SLNNI7STW0RLMd24BQBz3AA7+lfbH/BRXTLqx/Zr0vQY9WXxBZ+AfE8k0F7HP5zS
6Tc2kH2CTfgIy7ZFi44+TA4r4V8dbjrUatt8xYUXIb5W46it8nwsKdKPL1bv66HyOFjKjGUd
mnYwnDStupUgZY91NVtv93/Gj7QSzcfd9e3+Ne3rbQ25o3u9yRLtk+X9e31psdx5cn86jaZQ
P9r/ADzUM8xH8+KqNO5jLEci3NqK7jMPlsqqvPOeB9fX8KbcaO1v++hb5o/mH94e9Y8V1t+9
+Oe9aWl2GoeI7yOx0u1ur66uPkSGCMyO/PoBz25qfYyTutCZYpSjZ/5sjgX7Vdt/CzHc3bIz
+lfbXhf9pzUPFGnaxJFNaqYXgYXkUeZyrrIArlnIwqxIAQFwDznNfI/jv4MeLvgxfaTJ4o0W
80uPXLRL2yeZPllRgCRz0dcgMrYZcgkYIJ3vh944vG0e5tUuPJhVQ8o2BvMPUZyfXmvPzSi5
U7p6d1/wDqy/lqtKatJPZ6HqXi7w3q3xQsLW+t5mOmzvLI6xyFpJJA7gFs45OGOc4wQaPBvw
6t9K1aNbqaSG3jPZcN64APU57+1bHwpg0250218zVrjTyq/cijEpkJ/gAyOCT9Rmmw3j6l4o
m/0j7O0MjbWkIBAB7+n0718TWxVXWnF2jG/TX/gnvYjBurSlB6I7610SHWdFh0W1julW6l/e
EE+Y8bOXYbhnK9Dz6V5/8YtDtvBnjW+sbJg0bPmOJXycjjr2wwPHTmvUl+KOoaL4fijs5reT
UmyGuFQblUHkjj5SOueh965G2+H8mueKG1bUDJcXUgLMx7k8s2M9Pf61tlsquKqxpt+SPy3N
o0cBGVR/eZfhLQ/t3g+aF1ZvLuPtP7xhncyqp57Z2cAc8V2HhrSrFtLcNbxsVI3MYwJc9cHu
pyRgjrRP4OuNMtwwk+yrjLcgAj0Cn8Of1rMF5JpsFz8zMrEhR2Jznr65/Sv6G4P8L8RjKXtp
xuul+/kfzzxZ4kUaFb2UKmq6L9TnfGGr7dZkjhWEwwgMAq/fJHOPbv8AhiqFno9xqqR3V06+
WzCRdqDcxH8+QOtTNpN5qOofvo4mWY5Ysevufb2rSvdOuNNeD95ujXgjdtwDj8gPQe9e9iPB
/EU3KpOnaKu13b8jwafihSUY01N80rX3Vjm/Hqabbx3mqW8yrNJM0siFRuLM29jn+LJJIJ4A
OK8n1q6h+IfiOS8mW6khsbaK3j3MSFSNcAD/AOv616x8Wvhqmq+A7uS3vFW+VhJFGqldg3AN
8o7AE9etZPhv4d29skzL+7RoSCG7nHXr65/OvyXiDL3l1Rpx5WtLfdc/cOBcyp1pe25ua/X1
OT/Z28OtrXja8uGhY7UIOFysRLDqT09vbNetfFrxBDq2tXUKSRxpHJu3bfuBVAJP+z0I78ms
P4Y2L6JorW8e6FmYEsPvORx17/jUn2D7bNNNJnMbZjcjPPbHvwcj3r85xmKjXruUtoqyP3DA
1IzmkzW8CrZw+E5IZrXxFqV1HKXR9OuYLe2jUY4JlBZ+eSVwOgzkGuf+JN5J4w1izvpvtEka
xiAu5DMqx8Fdw+Vj1PHrXRaN4Xk1VrW1kjZYboggRtt3FiSMnsSSR9DzWP8AGzVl03Uo7eGD
ybGzgit4VA3CHbkAZByTwee/foK58PUhOpaC97X7j9Iy2pCjH3epyeueDvs9nNNDGqqvzqQR
847454weuao+D/C02s6/DH5atHJIE5zgkkAD8zxng1oWmt3129vHD5c3mEKyv8yuc8bvqf4e
xAroPH/jqT9n/wAIfarW1X/hINWieDT3cZFhHgBpsdN4DBVB6bjnpg+1R9pKSorVy0Wv4v0J
zDMlhsPKrPpseS/HfX7HUvihHpaq39n6TJ9luiBtMrIzbsjOOPu54/lXp37I/wAIvF37Tnj2
z0XRY7XR7GZpbq5lnkENjpFhAIhI+XYBtiyxnaDuYuTwMmsH9iT9ijWv2s/iIs9w7af4V01v
P1PVJEJGMttjjzwzuykY6DOT6V+pHwv+DPgf4e+H7XEKKz2yyuC2MsxIyxbauW
z/CPSvWzTEQw2HVBLmVrNvZPv6n4rLDyzCvKtWb5m9PQ+JfD37BV94h8XahceOJrW38N6bPL
BHJp5Mp1PG9VaJ8DdGflkDAAMrDANeoeCv2MfCOoTbZtSuJNqbLe3aMI0PzAkKQBgjAwM9GI
717Z8VvFEdx4qmsTdQsLeKMiBQJPL3KCPl6NxgcdMVyb/EtPhrdWmoLpq3Uy5EJln2xkcck4
ycEHPv8ASvzHOs6xLqKlTk7JWSWi/wAz7bKclpKmoqClLzLl/wDsr+D/AAULOOS41m1vLhXE
4s/LZoyx/iaTJyD39MVxvxL/AGbdN1fyToPiKRplUCQaqsUZUj+IPGuD0Ax171Nf/H+bxaLi
8mtZo5Ldx5qxs0yKvlyuTuA6DygMdSWFUbr4w6Pcyxt/aENu2CrpOPLkVh/CyEA57HjtXj06
mL5uaz/P73qfYYPhPDzs6kF6WuvuPFfi/wDsk

WjU+ZCvkkgYYMnOPy711ng2Tw7qli1jfeH9SvLm3/ema21FImK9x8yEVx+l6tHqOiTW8kUlv
dW8wEMbOQLYscO3PLZHr0qnf3N1o919jj1BVik+bYCSyoOeWAretRc1ZFZbmnsIJyV00lsv1
PaLG7+E9/q1nNfeDfGlvotvC63n2HVo2kmlzhGAdcHAz0I69K0JNS/Z5gv7WOHwn8VLhvtkM
lxHc39uEa1DDzFwi5OR2yOQPmFeIx6/cXlmtm2qafDHCpKb3cZTuM456fWtAeJ5C/wBoh1zS
7eOFBCqsZWZvQfd/WuWnh5RfX8T0K2bUZK0kvPRP9T1fSL39nuO5tY5NL+JVrZ+Rei7Y3Mcj
zyM+LJyqkAmNSxIGBkD73Oepm8Dfs/8AizxFZ2vhXUvijqix3dp/au23kkzYlXN5c4WNm3CQ
Qg8AZxgNXitr4rm0+CG3h8YeFY0sUaeCXc3m5brHu2ZJ+tSSeM/EReO6s/GkO6S1MUZsr57d
ptpBMR+70OOvXipqYWre/NJfPT8mcccdg3JSjy6dElf8z26D4F/D3WPDlzH4Z0n44X159ivJ
AW0tmt7e+Rm+xwyqsBzvTbkqeNy8rzg1P9m3R9K0q+uLXwr8bL64OkadLBE2jzwrd3zP/wAT
CAv9nJCIhBQkYyj8n5c8J4b1X4gXWprHpPiLxBMuqQ/aZBZ+Jjb/AGW5wAXc+YASQAOa6UQ/
HC+jP2HXfHVrNjbFJL463DB9R5vHNZ+zS91vXzf9fkdn+slGnaPa/R7Py1Oiv/gD8O7TWI4Z
PCP7QUdq2piNGl0nazWHlnfKo8jPyy7Bg87T0zxWDp/wt8D2Oj2NrfeFfipp+qW9rfPeSNZy
7ZrncTZoo8sEYQKSdoGWGfaC28T/ABdWS6bUPEXiia3s41QwS+NDv+1LkeYrebwnPKjg8Z6C
ucnt/iJqFpNJeeLLxdQaMm1kl8TmRpST88WN5zgUfVeZ2vr5PU0jxNRjq2mvP/h0Xje/Cm20
eT7Z/wAJrb3x0iGGTzY+uqbh504Ykfux8yFWXOOhzzViY/BNtbaSG18efYY9TZpoGdcRWYjB
DEBdw3yHAyc7R1Brz3Un1CcibzIWsbSZUvLX+1jIZZOhbeWyAQenSpPEfgy+0O9uGme3a1vC
q2rnVAWhVfuZYH5sfSsfqLu9ZfJ7emh0U+LKTStZ27r/AIJ2DX3wVi0+PdpvxEkuGspTcr9p
hAt7knEK/cGV759COCcim2utfBMyXTalonj6O1WSyFt5FxGGSMRKLguWBHzSbmUDrkfdrzu2
sLvVIry6k17w/wCdazCO5jmvJFYkciYbR0/wovfDE1xHbsvjLw/Ja3UpiRkmmbLdSCCufxrT
6i1u397/AMjGtxNCcbWV/Rd/U9s0TUf2Z9R0yS0k+H/xEvrxRNHBKNSSPz2k/wCPdnPAU9MY
XHPIeuot9a/ZFvba6uofhL8Wvs940bQpBd7orcKNrhG805BfruJ56Y6V4np+hWt3dW8uleMf
Da3lih/1sspBPryOMdves/W7C+0OwbTYfEGl2bXWFnNvqMghQBtwVFI+UkjJpRw6g7KUtXs2
39x4+K+rV7VGve9LL8z37W/iP+zfo1vZrof7Pviq81CSVrYJq2rXEKSE9DuDtl/bH41hxftE
/Cnwlp19bx/s76Ot1G+J1u9cmm8r/dZwWH0WvAXv76+muI4/ElnG1nEJvtE2pSskrA4whPRs
V1Xw8/Z18SfFbxPqFpoenf2pcW9tFe28r3o8vEuChJY/MOp59Kv6mrXk382/8zuwuYUaa5IR
17p/8OHxw8aeG/ilq8jeFfBOn+DV8lXCR3bSszYycA8AYHYA153pkUJ1u4mkma2a4WMRyFTi
QgYfn64rpPG/hK++F+t/2lNfWt3h3g+0IoEkFyg/eKUI7YI9KwdL1CSHw6tvqUf2fS9UnaS2
lZRuyT9/PVVGOR0OR6V6GHi4wstjycdjIVcQnNbFrwwmm2/jDTbFdzXS6jbtGVJKu27uO/av
qjwroc3iP/gol42s5lkW3vtCkaXMhIKiKM5+mVwB7V8s+DLa10/xvorSWcd5HHqlrF5yyuv2
wFuqgdO1fU3gGC4j/wCCgWrQtfNM15oEyTGQbDbRn5dhI7hRwfcVx4iPv38n8tVsV7aDVo2W
qel1p2fc8n/YosTrX7S/hHS/strJZzXGorCzyBJhuhYMzdwRtXH41xPizTPDOlJqGl3Gh6p/
a2l6ldiW6F2HhKrgBcAew6Guu/YxsNPsv2rPBvk2v2hW1HU4hLGSzzKsBCAj1XOfo1ec+JrC
RPF+rQ3CyNbtq88bxxnEzkEdB6Y61VONqt76WW/r6nRTrN0ldJ+810a2XkSR6c3i7UtPtfD9
n9svri3LNAyfOeOgJ6iq8mnXiNdXlxdQrqGlqtvDYuMTQyg8qid8H+dah+J+tNdyLoupf2Xa
6bbNaRDykR0hxgoXxkn3rEfxEksljHodv9huhGGkuG/eyvJ/E+49MmvQjZqzM5csne+vlp6W
XX5l/WfC2uTWllrmsfZ9H/tYfZvMmOyQFOpKdgRjnFVZtVk08Lptkt1pdjcIdzpl2u+PmKtj
gYobVL6fxM0eo339oN5WZHuR5oc+gz938KLW81CRZmkulZYAY4Bt/wBWM/dAx0qZWtcqnGLf
LG93vfVvvfX8inZtJPNdWcMbNDcIqpNMxLRx969C/Zx8K6brn7SXgPQbW6+0apea6lqzXH/H
o0PGEAP8Z5H1Irz+81KaWJvtV00MbKItsKBmiHdWrtP2V4VH7V3wxjs57hvL8QW/349pVxID
nPr7VjLVPXo/yMaklFe6rtNWbWyulbfU9o8JWeoaf8Uf2krjS7e1ht9B0+4jvbSQ+bFIqF06
nkj5WO33rvrWy8htwYbRyeK8r8KaVqHiP4g/tNLHHI0dvZ6hfXFwJTGqNHcMdhUcPuG7g8cV
9DS+DZYY2haPduZSCMAt75/hU8niv0bhPij6lTspKKla9+yR/JnjFktbGVYqKu7u9lpq0cD+
1L8TF+E37FfjbUI1b+0vGXleD7JuOBOWkuGz/wBcYSpA6F198/HP7HfwTX9ov9qr4c+A2gWb
S9U1eGTU0aQRr9gt/wB9c5Y9vKR/xAr07/gpT4wt9f8AH3g34e2eMatN4Dsp9R1J03fPdXxjl
VSMdEtktySO7uO1aX/BMb4c7fCPxo+ITLG39j6LD4U0nzINwln1F9s7RsTjzI7eOTOOglPQc
V3VMU8wxLqNu8paX87JW+Wp8JhctWW4K2zjFt+btdnrXxr+JEnxr+N3irNzdulW11zUpHso5Q
qSQ2iYitlYA4UiJEBHJ61zKRrFltvzdwRz+Pp9a0FsI7KUCNVVfurj7o7H6/U1VkjVLfax2r
kk98e/19q/qbgXJYLDwpy2UUk7a7LfzZ/M3EWOdfEzb3cm/ve3yCOdVVd33m5H+7+fH161Is
mzdtXdx8vHze34d81TbG9v8AZ5O4/wA6bcXHlQnp83JBP8v8Otfqksnj GnyJXPmPZt7Fxb/b
tb5T7DoD7c8mrtpqRV1GV2tk49/f3rGhb7S3zKBtHPv7D0x+tWo762ildgv73oMEfNjrj2zx
9K+TxmRQVSzhdPqethcnrVdfhR1nh2eSK4VlT95u+bJ+9xxz3x1wOK9U+HHxDv8TwmWm2zXx
3UcF3prDqGRTLEkm0lWRshgVB2M3vXhNnrU9vKNsmFk4G3nI7qPx6N1xXU+HNantplbzFXAwpz
u2duP73pk/Wv538UOA6dShuU5Y6STX4H7d4b5hicqxMJJ35ZXs9T6p+P/AMPDLpdnqU
2myX2y/0ya5ka4hlf5lQksS3lncUfjdGSMg4GfhnxH4X1DwV4ivNH1ezuNP1Gzk8u4tbhCkk
OBnqCQyNkMrDqDkZr6k/Zy+JBg8aW/hu+mhl2wnisHLK8Pz7CO9Vf29
Pg9cat4TXxdZ2rNqXh+L7PeFfvTWYJ5PY+WT17KTnjFfwnisHLK8VLC1Phb91vu3ZfJn+k3C
ucU80wNOtF62SkuzPiXxF4DfxC4fDfxC4fDfxC4fDfxC4fDfxC4fDfxC4fDfxC4fDfxC4fDf
3zwfbifwzNNDKrM/zfN356/zH4V578TNMW90+GaKSPy8kv0HPbdjoMDoPWvYy3MJ8zoy22Ps
vq8KK50eY+O9UY6d5LfvN0mdwbcDjoCf73tXJrGpLK2F29M9vTNa3iCGS51FlVJOmQrDlV75
x/8ArrP1a0W1PzSfNgZXP6g9MV9hhYqMFFdT5PEVHUnKTZ9Var8Q9N+KP/BPzTbNdQa41zRb
C50fVYZE3SRRxXYu7MeuzylkAboNhHavkHxDeSajPX5e3TsK90/Y0nsdVt/iFouo
My2t94cmuY08wJvkQ7Me52zMcD+7+FfP5VpNu70/M/4114PDqnKUY7Xuvnq7fM+ZxErzsVZO
49eR9KbFwfwqw9rgdV+U4P8An1qGZ1jXn5cfr9a9GOqPPlFr3mNkO8+tVbgeKk8Ht+Vbg
eKk8Ht+Vbg

Pm/LH97px3Nd58Nfhstref2x4mtZGs7WPz47F/la8J+5u6FY8kEnqQCBycjSVRUo803p+Zy0
aNTFVVRpLmb69F5tknw3+Dzazp8eteIJJNP0VmxCgX/Sb44J+RT/AMswRgydOwycgejeG9St
fh9JcL4btf7H+1KInnEhkumTOdvmdVB4yFxnFZOo+LrjXdTa6uplmkkPJGFCjsqjooHYDgVW
GsR79o9OlfN4zFVaknb4e19Pn5n61kPDeGw9OLq2lLq3rr5eRr/GPW7zx38JrWGaSS8m8P3z
XMTv8zrDMoEmOc4DomfrntXmPhKRo9chhZvlmPlnDbcc+vv0/GvYvhZb2eveLFs7yT9zdQyI
sO9FF3IV4hJYhRu6ckDJAPFeN+JdBuPAnjG+sGk/fabdPFuHco5GR+Wa2wdTmpyoy6ar5/5H
ncRZfTw+JVamvdla9tk1/me+fCyB9Hvre8mXzIYyQoCDvwCB/XpzXtXhTwjpOl6h9surOG+u
PvrFIoZd3UZHG7Brif2XLmHXxpd19nW+kmQYtYm3sz8ZUY78Zx2xX1T4K+Htj4m1ubT4rGK1
1yKF7iezEiyeQMxg5cZHWVDgd2x1BFfC5lTq1MQ4U0+baydr67HzGZZt7KDnL4bfgcR4G8C6
P45Mm62j0zULf94yLb7lnQjHH91ge3OQeK6DUvAOnaBbM3lRvuU7VIwXPfd6egA+tel6B8FJ
/CupHdJDI03LlVAA/Xvjn0pfiT4YtLOytrf5WkY7yRyqAdMev164r9w8LuEVXxFP6xBpp6t3
tbc/j3xU46lQp1Fh5pK2ieru+yvueC6r4WbVrtml3SNt24zgEeh9Pp1rnde8Cx20e3y/lYHo
Ov4dhXuH/CGr5jNtVuMbcDniqOseDIZl/ve/ua/vrIY5fg6UYKyjFWSsfxVis4xeJxDk25Nu
7b3ueCr4NbzF3LuZeV24yR/s+2PWq9z4ZF+3lsir14A3Z/A8nNewXvghTIdqnp24/wD1fSsX
U/BjeZuVvL2jggdT6Adq+mlisur0+SVrPyLo4rFt3Z43rvhB9NwrQkKjZyVLc+p9Se3pWZN4
ZnljzCd0atyerH6/3mx2HFew3XheSd2jZtysOP8AD27Vj2fhqTRJ/nRmhZtxCj5gR0I9vU1/
P/iRwJgMdRnVw/xrWytqfunh/wAZV8DVhSrSvDTW70ONt/BMa2LNGo8xANy8ZB64PPU9cdR0
rPuvh3cXZhjVlihaRUmLHaTuIXPPQjd3x0r2bSPCwu4vOh2sv3Q2R948nAzyexz6VNb+GbM3
Uf2j99Csgdki+USsOQueuc/y6V/B/F2RV8vqySWsXrc/tThPjCjXhGTkpKVrNPQ87vvB954A
1ZrW8a1a8tZTBAyN5kScfMRnHHX8R61yfiG00uTxFqS3moWckOoR7WjY5G4jqFBB64zj8698
l8GW+tu3nTxx3DMX8tsc57ZP5Y6V4r8ZbXw+trqF9eWrLp9jM9q15HC0fnyjBZFONpYZGeeC
wJGCM/G5TjHVrWV72s2l1vpuftWDxyqR919O5R1X4O6Lo+irr010un2fh/TY4fLOd11dqrO7
Ej5cvMWVQGIGMZNQ+BP2TLX9qzxvJqTatJd6StlbsyFGD2MguFDxswUfuzEJgMNuLEHkLxyt
p4v1b9sLxvpem2ek/bLf+2oLSLQLWYwiRZWaWW5ml6E7EmBYhRGoJGOSfuCNvD/7O3h238L+
CdHgtPDulrtM0zK1zqsxADXMrjgswGMHAUcD0r7qMZ4Re1qy97sraLR29fM8PHYirj6qoU7u
Ed+zZe8EHQvg74Zt/D9h5cNraoI1ijOY4DjG0dzkgnDcjmty2+JEemRMP7P8zf33BWUe/OcZ
7ehrwrxb8cIY/EMcJFrbzKvmuX+YruBP54459q5j4jftJRuunw6bMtxaxyfaZmtxsWQKcAZP
45yPSvBx2ZTxL5FFuKfp+J7VHIfYxUrbo9t+It9p/hXwHJrmpNCt5JKcwxBmlm3SkRqoA3Eg
bOMfwgdDXjEui3nxT1FdUuodW0vS7W9vYLh7ieNvtzCT9xBbxqWwIY2CzHJAdiATXM+IvjZp
fjq8+2f2fq01w0h2ub0FLdmCg7YyPlxncMHI9a2Ne+OzeLIbj7D4dm8Mw2umrZaJaTNHcWen
AMCWJU72JRWwqxks7/MSSXrljRU01yJN6XbV16dT2Mtpzw9m36s3NW8S2XhXR5ngW3s7WLLs
8jhVUjjucgjIOepFfPfib4t6HJ4kkZYf7SuLi4mlndVDeYzyMcAdyMgZyd2K7TVPBzfEbxxa
/wDCVahqWk6Zb/aJtT0qKPz5bG4t8MbeAkbJJJtjqpkwq7yuX2ru+iPh54r8I/AaSOPwH8Md
H8M6xZ2v2RdZ1SNLrVsBVVmZslRI20MxVcZJ+ldFPA0MHSdSrJyb6J9u73PU/titKp7KhH1k
3Y8Z8DfBDxV438Hx6tdeHY/BPh++j8+01DUwYzeoThTFCMSENw2SFXacgnINSQ/BDT9GU7dW
uLy8UEsYRtik/wBnHJx1wD2zXoF74ovPHXiu6utS1q+1C6kaW4uZbiULHEoGXY9AqhVHH+zg
Z6VyvibxjHoUN1qVvH9sjjUNbIvzC7c5289wSOq9ACa8mpiJV52pLli9l5+bep9dgcVOjTUp
y5pb6aItfCqDTbG78XW9jdXEmsSeE9Qdgh3ERhUABxnHLDg+leE+G7i1P/BP3xFHIvzSa7Dv
OcZdSSPrwa7j9mjxHrEet+Pob6186bWNGma6nbCSRkCXOHHIUhzkKMHavTAFcz4Qt7y9/wCC
fvii38yO3sY9TS9KYVmu1EqqxJPKkED/AL596+wyej7Ciqd+bVa+p8fxFip4jEOcraR67dDx
OzsHvbua+izIqucoTwI2G7+ZqTT7fEtxGqqjXVqdhZvl+lQ2Np9pt5pIZLq4t2jSFAMK28jK
K23naFPJPBNWLizbUNOjW5mWzuLKPyo1JOAoPevpoxTWm58zh5XXT5NEMNrJq9mu63ureTT0
ALKxG/8A8dqO2t2uLWbhofs6bNkhwzhuT+tXNQium16NWaSxkaFWZftDSBtg5bPJ5XHFR3ur
Sa3rW2OZmtU2ZQ9duAcbjUlRjTtd73+99GN+0RW0Fnqc2f3Mf2URg8jbxkiorMNZJJdSZumm
YMkYJ288/wAquwPHrBkhmiWPTY5iZMt0HVm+tR6ZNY/2kv2i3a3iVWEMwJwWHCHHQ8etG9vU
mpTUb9rX67/ceiaN4dk1L9hzVLq1mjjuLHxIr38DNh5U2YT64J/nVXwlfRx/speOriHy4Zbz
VbVGQL/BkkgcVYbT1m/ZGm8RatJcSal4i18JEyviKVIF27ZFGAvU4PtTvDWmW5/Yf8batayf
K2vW0JgZcLAckrtb+IkH8MVy1LO681990aRqJRUl2e+9kt0iT9oPRfK+CXwj8u4hs5rjRpm+
y8hpWMgBbIGPmU964PST5csLfalt1WDy/nfJyCOPwrsvjdaw6Bp3wtkkvrjVo49Ga4If5ZIs
fNgDHQY4HtXFjUln0+OS+kaRWYmJRJ5TKDzzjrVSoupT5PNv8ScLJTm772X5Ig02/PiTw/a2
7Q266hamaWe4MoSWeNf4Wz0b0Xqa6P4I6DceIPidp9nDqWk6T/wlAk0+B7lPPjR3QoocDlcl
gN3bNczpV1by3Ud1Mv2hpI/OumJ/4+Z5eAR7JnJx712n7LtnJL+1D8OdPZre4260sEkbJg5Y
jP146V1VIuz5dGlf5rVHDhZQUE6ivql8tEe8eHf+CTF94k0tZ7H4wfDe4tbNBZyyxhZXt5h/
rYmHYqTgEnJ7gVvf8OLviRHP9n0nxR4Hu9NmKvHcTMY5Sx6bU2nk9hmvOfCN/wDC/wCE3h3U
Lzxd+9xd+Ikvf8Ha6uGbANzq
Lzxd8i14Ota14tHTrdrXXbjTUsY4WBjNd1pnx9/ZB8KZF8fSfDn4Ha6uaLq
lmyFE07W2uvsbryNr/aRyP0rya1TE8z5W2tbWSav+ejOPGVv4Ln/wD1f8i+JbS/ZB8KZF8fSfDn4Ha6uaLq
tHZ6D4f8jJLSpJ1MbI7TuTsoupT5PNv8ScLJTm772X5Ig02/PiTw/a2
JqKxrZysPuryOQf5IkbU+ejOPGVv4Ln/wD1f8i+JbS/ZB8KZF8fSfDn4Ha6uaLq
37T3nRl8SNqiEgN2z5+B+aHvgfveh9Kuap/wQw4D1WTVLeRjH
h+11T4a+H7f7Kk26fveh9Kuap/wQw4D1WTVLeRjHCkx6XuAkx4rEpix3tq29Oi9Ryf8ELvjb6
tHZ6D4f8jJLSpJ1MbI7TuTsoupT5PNv8ScLJTm772X5Ig02/PiTw/a2
Pm8zHas+5/ad/Yp0uz+2SX37TF82/PlSagnOT/szg/rVfUP2s/2dHdS0e4vG8K/Ha6uGbANzq
cmT6c/a/515kpYpvm97fotL38zljjsTKdrL5qzS76vYz9c/4IR+OtM0OxuG8I+CY76SY/aLU
+K2XyEPYktg49iTXH+L/APgix480zQ7G4bwj4JjvpJj9otT4rZfIQ9iS2Dj2JNcf4v8A

XXwn+L141wnmCR9Sdi5PU8XdZdp8W/2J9bv5o7H4Q/E6NYYvNYya0VOOg4e6Hf0Oa7qdbERX
Mubrurr8z2KMnKSjUS+5L9WcrN/wRc+IkC+cul+B/wB6pLRr4lDeWD+OOPYms3Rf+CPXxa0+
Vmj0/wAFyRqC0E1xrcUwm5427W/LIFa1/wDHj9knSoljX4PeNri6WXDrPrzoCmecMtwecdBj
8e9WLf4//sdrJdrP8IfiNbsvFsqazIy9M5b/AEgYP/fQrb6xiWrq/wA0n+p7lONJJOyv5aFe
3/4I0/GzVLOO4jXwPpckh3GJdVTMp9GxuU/niu28J/8ABBD4wanZC4h8VfD2xvroEG3e6Yra
A9WRgpG4e1cuPjz+xuulQ3sfw8+KwmU+XKg1E+Tk9fm+0biQPTGa6bwV+0/+wr4fkWa8+Gfx
W1BpOSTqUka25/2VFzk1Mq2KatFNa9lb06nn5hWjCN479ld6eSuk/vOg03/g31+N2j6RMtr4
6+E7ecR5obUnVgAcgljF61j61/wQh8c3+o3EOqfGb4H2t8xEl+k2tkTWbAdCNnp9K7jS/wBu
D/gnXo+ls1v8D/iZdXHeOa/uFyfr9tI/SuV13/gpL+xXpuqf8Sf9lXxBqUbHAkuvEE8bt35X
zG/nRTeKetnf0Sf46HxtTPsY26cb8q2urfqzmdU/4I+Q+E9L8m8/aA/Z7jhVxEZZdXCqJPQH
u1ec/tJfsrab8BfhDN4g0f4waT4wX7cmhyx6JbkWxaNd6p5ivgqAM56V61Y/t8fs56rqdrqH
h/8AZP0e3tbi7itGutU1SW8t4y5A5UoUL8ZA6kVxv7WkNrB8D9ShsbPS9L0qT4taokOnRQrB
a28UUI2oUUZ2gfkOKIyrOaUm9Hd3SSff7j9G4b9rVpuVXsrXtu9PU+f/AIra7qnjvTLWTVJr
O+ktY0sYJrMeWXm2Y2uv+6Tl+5rndN1u3s/h7d6fa2tr9uVhFqBvJBJuQE7ZICcbQuMED1FO
1m3mn0tb5W/fXV677Y8/LGFOGAxwPSqOmHTbjS5tFWS3NxqGJ2vJlz9jYHpntkda9ijJ7I7s
wounLnW9ra9fQ3LK9W98U6LqWhXVvdW/h2a1Eayxi33Sb8ghT985HQc19EaN4ma8/bj1xY7e
+uLq+8LyQzE25ikEu3exA9wMZ9a+ZdHsWstcjjvPEFrmx1C1aGSNAUB3dTgDAGP0r6i0q71C
X9vTxRq1vrUc91o/hiW5RxjbL+44X0IywNcuKsm7dn33ujhouU5Lm01XVdux5f8AsHQ3Gpft
T+AVs45tNZL2/Mk8gPlt+5YnB7nAwfwrB1DwNH4g1jxR4gm1z7PHoupyyXl2OXHmttUxp1cs
Rz6VsfsSeMdQ0z9qTwDdXk3l6bLfXkiSSjMZd42WUBR3Py/mK4f4lNZ6l8XPFWpTQyNocmsX
HNsdkZy5KLt9Of1rOnzKrdrSy8+p7mH9nGlZe97z30Sdt1boVX0/wnDoTTNdaxqGoTSj5PL8
qPb0Bz6mm6hcafbanHDatNDEsawvlM+S390t/EcmqME1tp+lW8kckzbZ2aeA8lUP3akhhXzr
d2huGt5JmM0Tg7lmb7p6dOlehotSoystIr5ahfaEqJcXy3kMsayGBC8u2QSAZJ291IPBqTR9
MvrrwrJqHnaatusuxw90Bcrk/fEfUheucU7T9Ih0y6WTWLiONYYyJsDe0hySqqOxH8qbe6u2
qPHeO1msmNtuZI9ryKOMMo7EcZrLlVyo07Lnbs+19Tsvhf8As/L8ZviVZ+GfDviBYWYy3+oa
3eJ5FtbWUfL3DBuSBgkc8nHIzkeyaX+yla/A/wDaQ+/Hfi7TfHFx4i8J23iezF7Ld2D2d3aF5
BsuHjb/l3lxhZcgHPevJ/wBlz4x6H8Evi9Bqf4ua0VOOg4e6Hf0Oa7qdbERX
f4a+krnxxJ+0f8N7zSfAMPiDUvhz4Nihm8Q+Mdat1in/ALPtZBNBYwkLh5ExkZ+YnrgVwYip
XpzUYL3WtW0rWe+vczpxw1SVqr5ZXTSTerT0sr/ecj4dff8AEj9qbSbW3muL26t7u4hFq26L
ykncuCR/FtYHb3wwr6o8F2Om/EDwnoPiSzmb/hH9Yja8We4jELJBGzq8jAnAwEY8nGOe9fJ/
wV8W69rfjn46eLLHR9c03Tx4TuUvJYbUGRGuMNCbgoMJIQc5GCADnvXeftn/APBRXwL4
qXhF2vD9+OOPYms3Rf+CPXxa0+
qPHeO1msmNtuZI9ryKOMMo7EcZrLlVyo07Lnbs+19Tsvhf8As/L8ZviVZ+GfDviBYWYy3+oa
F2V0K8LtKUk3bum7HwT8dfiM3xL+dSeZ4q1G7ubaGY/vYYTM6xIT/ALCKijHQADtX
6IfAz4e2fxO+dSeZ4q1G7ubaGY/vYYTM6xIT/ALCKijHQADtX
fhT8PrP4nfOpPM8VajcXNtDGP/vYYTM6xIT/ALCKijHQADtX
g8YOPXHYfw89aw76zmtlO6HduOBtHPJOPoPWvYNaVGs5AyoFbnJG7Huf7zDrXF63BDBCqlgp
yS38W0H+eevtX9acL8YYelGKbWiXU/nXGeHdSU+aNzz25tJFlVVXa3UDHI9h/jWZeqxWNV3M
7NwPQDuP1/Kuy1KNQpZm+bbtOCOPf3HTgVgXdqg5+ZiCWKlh8w9/QZ/TNfplPjrCSjZyuY4X
w5qw1mtTNjunjyxX5idrLgHBHIHX5jjPTv8AlUl5qEiKrOhVZARlh94+repK9hxTbsmU/Lu3
Ak5Pylvpn7qg5+oqubiWQLHvk8tecFgoAHb8OOe4zXm1uJqNWf7vY+sw/DcadPlqLYuJdyFF
IG4Dq3HzHHB9x3wPpW5oWqvt2GQbOo5A+Xt9Fx2HeuVE+y05kIDHHrg8Zx9D1NaNlquBHu+V
V+UZ55+nfHTj618rnlRYynytHoUcrpUneG56HYeIbhIw0TbZowGikAwwcdCvoOOvWvsj4N/E
m3+NXwkbSPMg4M8D1/wANSW9y
dMxC4GRyeOOjc/lX15/wUD+HM3iv4Z3Wp2Fv5l7pP7+4ZF5ZmvP9f8Nvb+FZs/
Amrw+MvhvJDNCFkWMxvx904z+A6DnvmvyrB1nOlGvvK6Tt3XX5rU/qSNPmg4M8D1/wANSW9y
0iovyruXPPzeuf73fB4rhfEa5vmWRtsm4lvXPvjuK968R+FLjU7Bo90dnatxLK6Dft6EY6f7
Oeted+JZLXwPLbx/2TDqC3AIBYZbGeceufbpxX2uV4znWmr7L/N6HwuaUfq8mrXOb+GF1NoP
iia8j+ZYbC9Z1YYVx9mkIDemcA/hXLsVWLb95tg6j5scfXjvXcal4utZ7HbbaXHp6zRtHJI8
gPykFSB3zgkfjXym68X+1/Rq+wVqTWqaX4XsNH0tGWS
DzL2dG65lJyAw3Ak9QSfStJYynB8kPeffovn1OOjg8TilzSXLD8WvQ5Hwjpej/Cr4SNpHmQcGeB6/4GpLe48HGVHoK+
iFtyTsC1lp7c42A482QHnJG0ZGM4zVO/1m+1bU5rq+u2mmuMb3J+8OAAR7YH5Vhldrfe+Vea
J7zzNo3N7f8A1q46nNUd27v+tj7DL6NDCU0oK1vPf1Nh9V8qLasnbFQy6t5Crt+n1rDa4Z/u
5/Cr2g2kmsalHCv3s55PAxWP1eMUP5SPUp5xVqTVOG7skdPpF21wi/My8butWfjT4amS10XxU
0xtxU
0it/wkj3AfaAu2aFkDng8bt4PPqabo9mr3EMO7aqnBbHb1r1bw78M4/iJ4a/4SDwzqlvqmm
lsq7ngu7cGQqquD92aESIeuCUbHy4rz44inqdXxf4Pt/hV8JG0jzIODPA9f8DUlvceDjKj0FfRC25
sq7ngu7cGQqquD92aESIeuCUbHy4rz44inqdXxf4Pt/hV8JG0jzIODPA9f8DUlvceDjKj0FfRC25
ufA1sNuNuNuNuOoyTwPLbx/2TDqC3AIBYZbGeceufbpxX2uV4znWmr7L/N6HwuaUfq8mrXOb+GF1NoP
ahbrp90sYJrMeWXm2Y2uv+6Tl+5rndN1u3s/h7d6fa2tr9uVhFqBvJBJuQE7ZICcbQuMED1FO
d2huGt5JmM0Tg7lmb7p6dOlehotSoystIr5ahfaEqJcXy3kMsayGBC8u2QSAZJ291IPBqTR9
qPb0Bz6mm6hcafbanHDatNDEsawvlM+S390t/EcmqME1tp+lW8kckzbZ2aeA8lUP3akhhXzr
lsq7ngu7cGQquD92aESIeuCUbHy4rz44inqdXxf4Pt/hV8JG0jzIODPA9f8DUlvceDjKj0FfRC25
ufA1sNuNuNuNuOoyTwPLbx/2TDqC3AIBYZbGeceufbpxX2uV4znWmr7L/N6HwuaUfq8mrXOb+GF1NoP
CfgF8Nbb4nfOpPM8VajcXNtDGP/vYYTM6xIT/ALCKijHQADtX
ufA1sNuNuNuNuOoyTwPLbx/2TDqC3AIBYZbGeceufbpxX2uV4znWmr7L/N6HwuaUfq8mrXOb+GF1NoP
ufA1sNuNuNuNuOoyTwPLbx/2TDqC3AIBYZbGeceufbpxX2uV4znWmr7L/N6HwuaUfq8mrXOb+GF1NoP

mmx0Ea14ivtP8O6Szqg1DVblLS3kYg4VC5G7jsmT7Vj+NfH8Nkk0Xh+OG4vIcxTaxfsBCrcq
3kwtjcy8EM3HJ9BXhfjPWtYg1G4utUh/4SDUI43nXV7y9+2SWMZBDlRuYRqc87QoO7FftGD8
QsJgafJhUpSWjey+Xc/nHG+GOMzKr7bFuUYt3Ub3bW93fZnaeOf2mdFi1630LwO1rr2q3kyR
jUtXZtN0OA7d5G8/v5N2PLX92g3sDlhwfGfGf/BQTxZdavcWeh6f8OYY/LjZL+1tLq82tsUs
QJpNrBnDgZQHaelZvh/wfqHx58WJoeh2raxrGpB5Et4pVVnRBuchmIBwCeCfpXzr8c/FX/Cs
/Es2k29muk/2eWikiSVnMkgOHPzAEHnG0AfpWsvErGYupyqcoytstEk/Tc7sP4XYLBpXhGW2
r1d/0Povw5+198RrnVo28SeModL0GEs9/d6d4Msrj7PHjKscKzAFsLnHBPpVbRf2r9e1ZLGa
48XWbX1wiNPBceFLUQpJ5YLqJVZN6hgw3KBnGR1rhZ/+CnOjwfse3HgOx8Jwt4i1DSP7Hu9T
nt1+6znc24DkiPgDsSD2rw/TfEk+u6NHvUSLt8uTBxv4xyeqjjPFfRZLxNm2JTfPKLi2lre6
XW19meJmnB+CpVFFwjZvokvxSPtLwT+1La3HjGPS/F2oeE7G1vbeQw6hHDJbRwSKFdTNjzMI
yLIPlUkPsHTNdtZfFPwLr+oWtvHr0du10JWt7iSL/QL1YxljDcKxB6DiQIy5AZQ2QPzVsvir
ceDNdkuNHvPsWoW8h8mZwrLGxBU5DDHRiOO1d94e+KM0fxA8SNDqDXi6bp+oPPM0UcKTMqRQ
P5apheURRnBDEbsZJxvLjbH0Z8tSfMle6avd+b6F/wCo2EqRXsotNrdNq3yP0TTRVhsI7yxk
iurG6GFlgdXhuQOu1wcHBHJFZk2ltLK11p5J8sEFAArj256L79a+QfhT+15rVhe3F5ovjPVP
DJvLt7nUDFapJvL7VLLGFKMMIvy7Ou4n71fS3w2/al8O+Kb/AOx+JtSsLGS6Km28Q2Nu1tp9
2SP9Xc27DdCw45UlOTkAgmvznjDMMJmulSPLNq11s3bqfQ5TlOOypc1GTlBauL3S8l1Za1Ca
HUw/2793tGFlA7Dn5fQHrn04r5J/aY8eafruuWfhnR7p5vMuRgNIywxSPhNwU8fMMEnrjA7V
9qfEiwhtfD18tzb5m2FlmjYMknGQSV4IPYrkYwea+E9E/ZS8Ra98VtL0m3WSbVri/VlMLbpJ
gCX3KcjBChjn0BPQZr8/wfCf1CqqsruMknFpNp363P2HhfjKWJ/d8yi46NPRryafU+kP2HfD
1n+z14D1a+jhuLjXPFF5Hbm7IwsljFGrFoeA3lySySqTkhhCPSuw+PHxMkbwbffZ42+1MyqU
H3uG+bP88dOtek/GH4bR/CmaxtreSGPQvBOkWWhRSsVVrkpEHLbR3dpGOcZJOc9K8w+JXjPS
bLwlGbZrWa8uCGKHH7sYxk+xzj29q8fOsRBNxbvLsf0NwzTUqUakI35t/M8DurbUr+/uL6RW
X7UGaZcnosbnk9M/KMD3qv4q1drDR9Fjjjj+aCWMgpt3MT97HPRuPQ5zXSS699q1SSFpl8xk
OFCjchI4IHQqQcZ6DNcH4z1X7Roka/KvkuPLZGJXPByjd8ITkHoa8/B805R5o/1Y+0xEZSVl
HboN+HniG+8R69p+jrY/ZbeYCI4y8k0wjG5mPuynAAyAQOcZr1A3l94K0qa6t5P9OhhcWc6n
csM4wA3IIyOSM9wR0NcvoPh3T0vdD+wzSfaJdSt4iSrM0sjuqn5ezANnHTjFdt4y8HR+FfEe
qaZdrN9n0NZYpkiIEjyRlgx92ODg9/1rPHS56sZRVl2tvZ/8E82VoR5JbnlviXRbjxFZ2tvd
Rx/ZZHeR7uR9nksfmaRmOdpJ7+hOa6rR/F2ua/rN5rVjeR3Vi2r3cd08OFjsZVE85ZoizM0L
xq0g2nICOi7mC7+N8TahrENtcTWcjfZ9N0yCbUrF0aWOeT7UIGyDx8wKtj5SA2AMAmsfw/pd
5pGqTWum299fSXV+1xb6aqhvNkhMohmkAUcIsx46HOenT36eFhOlarZrot157nj061WFROC6
9j6C8Jais8Mi3moeH7q+urhopItP1CK7WaHClZAqMT5bBgBuCsCSCARVr4seGNN+IHgjy9Du
JtB1q3upGNjIq/Yb6WLCmSGXO+NpknRtv3BJHJyCxevJfAPiCz+Edvql01rceJtemeNdQuo7
rOn2sHmJLJAsvV5m2BS+WUA4Abk10Hif4p+INGsvLvvCsmiwyTkobqNtr56rHkAHp95eOnrX
jVMtlRq81FadLvT0t2/E+0y2SrxSqaO56V8J/gBDonwf8Tbdc87xFr1jPE13blmgsYI9wVWk
YL80px8oyFVRk5bA5X9lL9nST44fstyaba2M11Dca7JLrV0L1LVrG0g2Fyiv/rDjnGOp9q7L
9ly7j+M2o3WkreR6TfXmh3M9gLu5W3t7y5YvBEm87S4ysnC5GVOTuHGx+zX4+8H/ALOfwzh+
CfxmbxB4D8caf4gbUdA1lbRGs7FpArLPMzHbLCzblJwy47jkjswcq6oy5/i5r2S1sv6R8zn1
aGHxLt7ytZ9dXaxyPjX9iHwr4b+G3iC60u18ReA9e03QJvEfm3F2l/BrujrgD5VIMMjHacEc
c9e3yTftHfaBb2rKvnbFnkEcomJjJ4O7PDf7PWvrT/gpt8Vfiv4W8S3HhPxhPxhp+k6KniC3Bi1
zQ0mkt/E1vhNsIkdiY4+5hTC5b7uCCfkvV9MksNJt4biFbG6hi2oInDG5QngtgnHXpXvYONV
0lKo7t66O+nqeDLEQqVLUbJW1SVld76fqJpuqzWU15qFnJ9nuLWBYfJcbs7vlIHr8oz+NLd2
1vHHYzRqyw3C/O8fJLDgZXtxUmqaRNaNZrbsslzaoDJEG3NIWHHy9fzot4Li3sbqaY+XdSS4
mhbhgdvCgdeRiuyN2jSMZc1nrb/L8x1vY8XAdvL01mEkcivkTHuufU1C5Y6Zcbpm8rzozCGT
jywecr1qSw0938JTWd9efZfJkM0FqRiUN/ewecVJpthDfXlvbR3CNnAYu2C5PWtJRVl9/wAz
Tp5WfXr2PQk0vWNH/ZRv9WW6VvC994jWG0t5ePtZAzJ5akEpggZrQ8ERw3X/AATx+I0dxcSG
Wx8TWUkFqBkW28gFmfo2RkY9V96mnsJpv+CdOgXDTR3X2XxbKkSD7tsGXkOf9o8/QipNGaz0
L/gnb8SlvFmj1rVvF1naqFU+S4iJdgrYxxl/0rz+bmvor8yX3Na+pnirxjFxu/dbt6rU5/8A
aHW4dfh3N5nmSf8ACN/6OREY1BEbdiOuea4FJIZ/D9rJN8rHhjt6tzmvRv2odE1CC1+Hdw1j
eQ2v/CNW1zZOc/6R8yB+fUV53OI5bSVpl8uOS6d1QN9zPb+ddlGLcF8/zKwN3NyejsvyRDo8
tu+n3Ni0dxHmDybRun2fBzJt9d/OfrXR/s76iw/ag8A6o1w3mf8ACRWSLNjDDEiL/KuaU3Vt
PpqtDdLcW6PvjcbmmbHJXGcjHr3roPgPb/2n8nmeJ7JYYf5cYlQnI960lZ39H+Rwyt
GC06q33q33HonxZsW8SfD+zhbd5N58T9TtnZMhyHZM4bscV9IfDb4r/DHxv4Ifw/4Z8Ka
vJ4Ysf9Ea3vPEEMMkkf8AzzkkjtvMkj/6Z+ZXzXRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRR
RRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRR
R

mvFfiyPTPhnY+IrjQ9U8F+B9OJ8I6pYo8cet2q+UMEZLJOpRBIjFSpzx0J6dfHHij9qWzm1j
wTq15Y/FiG3+zapZ2MzRx39juyjW5c/KYwRu5B6kH16MRyuKk72b3TaS7XtZ+p7mByOm01Le
Kdlrdrrvv5HV+MPjf8LfhV4LutW1b9lDTdPtbq/e1hku795IFuozteANt+VQUPA64JrP1T9q
n4J+GLdbnxF+y/Y6XrOqWCT2dp/aDQWcsMuNk6uwBGQOCFPOa4v9pb9p+W8+COn/AAJ0Gxtb
7R9PuIpL7UYp5LqbXdQJSRjEzKSHM7tkAkHHbkV7V4N+BFt4w8YyeKPj1r1vrnirw7osPm6f
/Z6NpOjIc+Vb3TRKd05zv2Kvc4LDFY1pRw9JTrX1baSbba6WV/zKp4FVqkoQSXKltdpO+t2l
+Rzugftsfs86trlra2P7Jun6pcNgSwW+pNcOxVfmMWxTu6ZzWxpf/BSz9nfw1rDXl5+yL4XW
SOTFluuFUbFO07w0WN4I7A8iuZ/bDm8ffC7Vvhref8Jtb3HgPxcoks5dC0uGwOm/NskgiUhZ
TtjAwz4znHaug+OHxu+I3wl+KX/CI6D8J/8AhJvhvoqpH9iudHmvBrduyqzSSzmNlDByTlBw
x53YrTD1ozUZQTaknu3otuvW5w4jJ6EouUpNtNJ2T/Czv8z0bwh/wVK+D/xH8R6bofgf9i/w
frnia4nb7NbFrdwyLyzBltyQR3J4HUmtzw//AMFO9F+IWr6pDoP7D/h+8utBSa01GBpo0NhP
HnfER9m6rg5XAavne88L+H9S8QaD4s8F+EdY/Z7+N1lcNd2um6s1zFo/iGPBDpDJIqiMleNu
FU79vOdw7b9ib9om3+BnwN+JHgHxtpviJfjB4g1OW70Ffs7SPq9zdx+XkzH5SFf53d2xt6En
IratUjCm5QtKSto27762tpY8eXDNJSTlGSTdk03Z3tZO70fVnK/tOftX+H/2qP2arVvC/wAK
fDvwts7HxjZJ9i0m4BEty0Lh3ZfLUhgVABxjB9RXL/tXQta/BjULxrfdIvxS1iDkZ37rZeCK
xfHNiuifDzxFawyQ2raL4t0ixeNEVY11KK3ZLt8gAsnmhsHvjPetT9sXWJLjwPrlvJI0LWPx
O1Gd2Xo5Nup+UfpXPTjdp7LV2u32PuMPh6eEhGjS97Ra3u7re7d2eARPb2+vabNNI1jZzMXu
RAfktlI2hce5NYXiO8lh0Fm09bdm+0yQ3uxfmdVPybvYjNaWqWEM3w9W8a6hb+0L8rPbAn7R
GB90/Qmsd1/s7Vl8m4aZ5lLShB+7kZRhQv5817GGvynm5tzOemzSe+3oUU+xz/vVVo4JLqIT
xKc7VHXHv1r688IWq2X7dOqJo+mw2unzeD3M0UylfJg+zYD4Pfhfzr5JsJGs4fMk+zreSX0c
sUbHbhg3/LQHgLX194j1LUPEH7c2qXniCH+x7jWPALtOlq26O2UWxUlsfw/IcfUVnWi3K19L
P810PHjUdOz3d0eO/se6Ja+Nfjv4N0mTVriOTzrt4ltIz5tkVRpN+TkHeFP0C1xvjtYdS8Ra
5q0en311p99qUot2YEQx5OMsB/Ga6L9jC8/sf9oLwfcaaqyXlqLp5Apw8ybZQR9dpOK5liLX
xJrH/Ezj023t7qZ4rSZ2YEnPBXpkcc9eK54xtXau2rLT56n0FGpJ0Vzpbu1raaLfuVYtV33s
0dnHbqrQC3n3L8xboCT7cUR6xew23266uGuLqxIidCc+YoPD/wD16m8NappCyrcalZzf2bIP
LuHtuLlmx99CeMfWquoaHHYXCSW95F5MzM8fnNnfCT8ocf3sV2cztY2jGSXNF39HZa7aEize
VqEdwrTSSSKbo+aAd28ADP0xUE15NZxrLdeXcC4dgs23PkkjGPTb7VZubO8lmurqNbSO2W32
iRifkAHCjtuYniuk+D3wYuvjf4/0PwT4PE2pa5rzKJVZT5NqrKGllkOOEiXOT6qetTK0buWi
Sv8ALqZ1pSS109f0XW50P7F/7MVx+1X8YJtPm1ybwv4J8O2zT+JvEiDFtp1oFO5AxwoMhUhc
n1OCAa+jdcXUP28dcHwn+Bsi/D/9m/4Vr5usa/cYt7dQMma/uXODM7hXKRk5J5OOoo3egzfH
/wAeab+y38Cbq30/4d6H/pfi/wAT7/L/ALbKEG4up5BgNDGflRejEDBxtxwP7YXxyhufAVj8
H/hbb/2b8D/CepS2MmpRP5cnjbUF+/d3LpjfCGX5QMjof7oTGMnVtpbqr6pLu13fRHyOKjVq
VrUm+e9tnt5dj3T4BfGD4c/ET4z6H8G/h3rU3w/+Dul29yZr69cRXXxO1BWwRdTMAVibkBey
kjA4Cfm/44+HfiLwDZwx/ZWvbPUopJIruzBljlCJvkxjkFF5YnjAJ5HNdReaVdXny/Z/7Wtb
G3+zBoHYQ2rbsho/QdPrWh8NfjJ4q/Z18X6TI3l6hp+mySTPpd2D5F7G6NEy7gODsdgDnCnB
5PB6Kd4VW42d0tHpe3VPuY5pl9WNOKbd9f0L37Gv7Stp+zj+0r4D8aXy3Uml6TYtY3htcedH
FLHJE0ig8EqXLY77OetfW3hz9sDwP8QvGMng/wAH6hrniS6vIpJU1ObS3s7fTbG2ha5kZlaQ
u8ztGsRYhUALYHK5+afiV+zN4d+IZs/Fnw11rd4d1oDbpRTfd6FdsrYt7iNcmKNmjlAm5Utt
AGDuHWfseeHtA+H3wbvPEGn6g2oeNPFkcmmaqkb/ALvw/p4m4tyA2ftFw0Ab5shY+MAnJ2rU
acqntm2pWSaTst7q6Xn1Pl8ZhYygk4p27rysz3WfxSJ9ODr/ABDO3p8uO3oO3NctqmqeaVON
zZOzAxnnqP7ueeD7VXl1pbjTgFwdpI4Pfr07nJ36ZrLvL8yBt7J+7GG3c547n2r7zKc2fJFKW
yXU+LxGVQT+Emv8AUJEiUULtaOQ/Jj+L/ACO/rWTqKxiFWjkVvMGBt43N7c/hmprq+819p3bt
vz7u/fn1HcAcnmqN1JvZlZgWC5Y+o9fZQewr7LD8QKMdWePVytFF5sTMW9O4Pp39fSo0jMrK
zM2eTnHbHU+vHGKdFPn5T94jIwcZ56D+7zzzUsZMkW5RtwQBj+H/AA+p9a9bD8TRg00zzcRk
83pYh+zKIFC7ccnLfxfX0z6e1K0TCbKu33c5IwCO5PoCKtvaIkHyo3zdB6H1/wB736VM1qr2
uFG1gwGOvPbP97PqOlfXYPjCjZc587XyOqroTTLhjMv7v72M9h9PbI5571tWep3mmSx3mnyS
Q6hYyrPazRjLI68qQMdCRyemKz7PTz56fNuKqCRn7vf8cHtWlaRkQ+cv97nnls/4enSvxnxG
lRx1CbSWt99T7bg2NXBYqnNfZdz7q8F32k/tCfBucHtWlqCRn7vf8cHtWlaRkQ+cv97nnls/4
Q6hYyrPazRjLI68qQMdCRyemKz7PTz56fNuKqCRn7vf8cHtWlaRkQ+cv97nnls/4enSvxnxG
bRgrGgliRe5+VSFAJPzVzv8AwUK+DM3xD0dSz+JlbKyhmtvmMkgwM7k3EsCeF
GeCvP8n4GLoYqeFqe7GT91vZPp/kf2ZlOYOrh41nrom/I+cfilqDahAsa/LbtJnnu2e+eo6H
HSvMfiC1n4esobjVGVYYydhxlnZupHfnGcDineL/AIsTQ7dH0+0k1DUpABsVDIFb0wOTx3qv
4W8IaT4d1tde+Vp8Xo0pEqvlRXNUdl0S3fouh8
vxFmXtpctBc0vyOT+H/wU8ZFH/wU6Zy4fMLqNobZ3fP
tK3vS/L0JvEvjPUPEeqXwU1NGmt7GK6uriO3tZDujy2XkHfaP
8cVRe2yc/wC1g5/rVe7k3dvu8DNbRpxsox0XoepLmhHV+hHqGoG5uGZWKr0HPWqouMr607yc
/wB7/wC1g5/rVe7k3dvu8DNbRpxsox0XoepLmhHV+hHqGoG5uGZWKr0HPWqouMr607yc
tUOi6bcGyjiO3tZDujy2XkHfaP
tUOi6bcGyjhXc0auzj2JAyQffaPyroPEv+wU6Zy4fMLqNobZ3fP
Na/kaHh3SJtRu4VjVm8w8beuPz9R+tfTX7PvhRx/6dPHcf4f4U
/C+61cWrLD5kNufLBVd28j72PU9/wr7E+AXwxuvhHpOqWV1qkd+dqeoLcRSRxeWFjEaqVON
/wB7/wC1g5/rVe7k3dvu8DNbRpxsox0XoepLmhHV+hHqGoG5uGZWKr0HPWqouMr607yc
4yR0xX5nxBn1CbSWt99T7bg2NXBYqnNfZdz7q8F32k/tCfBucHtWlqCRn7vf8cHtWlaRkQ+cv97nnls/4enSvxnxG
lRx1CbSWt99T7bg2NXBYqnNfZdz7q8F32k/tCfBucHtWlqCRn7vf8cHtWlaRkQ+cv97nnls/4enSvxnxG
bRgrGgliRe5+VSFAJPzVzv8AwUK+DM3xD0dSz+JlbKyhmtvmMkgwM7k3EsCeF
GeCvP8n4GLoYqeFqe7GT91vZPp/kf2ZlOYOrh41nrom/I+cfilqDahAsa/LbtJnnu2e+eo6H
HSvMfiC1n4esobjVGVYYydhxlnZupHfnGcDineL/AIsTQ7dH0+0k1DUpABsVDIFb0wOTx3qv
4W8IaT4d1tde+Vp8Xo0pEqvlRXNUdl0S3fouh8
vxFmXtpctBc0vyOT+H/wU8ZFH/wU6Zy4fMLqNobZ3fP
tK3vS/L0JvEvjPUPEeqXwU1NGmt7GK6uriO3tZDujy2XkHfaP
8cVRe2yc/wC1g5/rVe7k3dvu8DNbRpxsox0XoepLmhHV+hHqGoG5uGZWKr0HPWqouMr607yc
tUOi6bcGyjiO3tZDujy2XkHfaP
tUOi6bcGyjhXc0auzj2JAyQffaPyroPEv+wU6Zy4fMLqNobZ3fP
Na/kaHh3SJtRu4VjVm8w8beuPz9R+tfTX7PvhRx/6dPHcf4f4U
/C+61cWrLD5kNufLBVd28j72PU9/wr7E+AXwxuvhHpOqWV1qkd+dqeoLcRSRxeWFjEaqVON
/wB7/wC1g5/rVe7k3dvu8DNbRpxsox0XoepLmhHV+hHqGoG5uGZWKr0HPWqouMr607yc
4yR0xX5nxBn1CbSWt99T7bg2NXBYqnNfZdz7q8F32k/tCfBucHtWlqCRn7vf8cHtWlaRkQ+cv97nnls/4enSvxnxG
lRx1CbSWt99T7bg2NXBYqnNfZdz7q8F32k/tCfBucHtWlqCRn7vf8cHtWlaRkQ+cv97nnls/4enSvxnxG
bRgrGgliRe5+VSFAJPzVzv8AwUK+DM3xD0dSz+JlbKyhmtvmMkgwM7k3EsCeF
GeCvP8n4GLoYqeFqe7GT91vZPp/kf2ZlOYOrh41nrom/I+cfilqDahAsa/LbtJnnu2e+eo6H
HSvMfiC1n4esobjVGVYYydhxlnZupHfnGcDineL/AIsTQ7dH0+0k1DUpABsVDIFb0wOTx3qv
4W8IaT4d1tde+Vp8Xo0pEqvlRXNUdl0S3fouh8

6gLzz+eTXkusftGQ/FXXbfTdBkmXR9Luo4dG0mJGaS/mJEYndSAuW3dS3y5B4zz1Xx31jXPi
cZo475dF0eGB7HUQ0PnR2ce6LyLS2O5PMuCRIZXztJfJICg18t/HP9oHWrz7Hb2upXGn2fh+
xttOsLeznMaxi3RV80lSN0zMC+8jg4A6Ctspo/W0nonays3onvfTVn5jWyP2DdfEK8pO+uy7
JLodJ8ZfjnayanHb3X2pdSjfc8UwHlKuOh5IycjrjGRXj/i34hXmvXd5HYstm10WRkgHlxyK
cHaQuAyttBx1zXlpuNU17Udtnb315tbIMEbSycsBwq7m3FiF4znJxX0Z8NvA1jFczX0itJps
N2LXBhdpWDHC/usb2LPtAUAsN3APSv07I+G5VJRhBJvq3svM+F4gzSlh4vl1l0Xc8d+HPxY8
W/AX4z2OpaPrP9l+ItJlhntZ/NHkuWCSBJDnGxgUVh7nNcX+0lc+JvFXxEvNT8SXWi3Wsa4z
alIdKm8y1TzpZDtH9w7gx2jOFK816n8eE0nwH4haxm06+SSb/ThcXqFHKMAqARnDqRtfhwr9
AVAALeV6pa6X4gdPsf3QeAEx+J+vP0/Gv07L+GYU5e+48ystLXPyHNs6q1fejGSVrvscNYeG
mkbazfNnIUDOPTj+vWvWvhX8OptQ024+Vljs034BzuJ7f596j8LfCKTVZY2hm+0TMCxjxzj/
AAr6u/Y7/ZwuPE2n6o15ZzfZ1jAXCYzIM/Kcc8ZB464r9e4fyvDYVXq2aad/u0PyXiDiRq7T
+G2nXdH5/wDxR0GfTPE/kvb7TltwK7ucgn+fOab4SljjvZvOETRxwN8rH7/HA9lxz9a+lP2h
P2W9Wn+I11GtreXzST7E8iLzJJuwAHPPToMknHPFeM/FT4IXXwnvrq31Jo4763HlvZx3Edw8
TZIZZDGSqEEY2kk57CvheIsDCdaUqa927tp5n1XD/E8a1OFpK9lf1sYvh3xA1te7lZY1GMbz
+WTnr7V6l4Q+IUc8KrJtKyJht3JwRjkehH6g5614ZaeLbjREZfslnM3UGaIN/XrWrZ/Ey4F5
/pUNvDxwIYggGee3Xtn8a/L8wyuS96KP1DL8dHEQtU2PsT4GfHa+8DFtLurq31DwvHbz3S2N
67NNbhI3kMVq4zgtziMgqSQMqWzX2l+yN4c8Nx3sXj7Q57TWrO+im0/RHWJgbRZPLaeSVyP3
bKAYwgJZmkkyAqk1+Yfwf1ZfGviLTdLWRRJeSFVcHhSMng++DX0x8GfEXjj/AIJ6eO5rrXNL
1KbwD4iuBFqds8ewTHGftNqxP31UlsDGVx/eU1n/AGxVwsPYVWpJr3U9WvRl0+HVOvHEYdOM
lq7NpNdmtmz279pVIfE3xFvJtS+0QwyXGyyugWZVZfl8qQE4wyqvzAZyi+pr5p+Kerf2JqMw
80stvJ1zxjgEnvzgfL0xX1Z8VbKHxX4SbVtFuIdZ0LWLB59OuoWbayupVXK8FSu77vUMBXxj
8WNLuG1e9tlZtsLKw+U8ehA9MZ5r8lrXqYyUqj3bfybP6d4HxjqUIU17rikmvMwfC+oLq/jq
OaaRY0jlaR03HaiZy4PfGe1Y+ryLd3Hl2bTSNJJIjxkbgyhsqQ2e446Dlc9+Lnh/RZPPvriN
lhW3spnz3LLGx2j2OMVm+DhfC6N9p8cjSWrgb0G7YWDYH1wDXsU4xTck9EkfqUYxjLkb1IbX
xVfWQhaG6kj+zypNHg42OrblbPrnv14rQ/4Wlrlx4guNWutQvrqa8na5uZZB8kjPJucnoqqz
tgngfMOlYfinSrrwtbJNcQtH5g3IW7jr/wDWrP0n4469olt5Frql1DDHIkyRBhtWRCrI2MYy
Cqn6qD1Ar0KOFVWN4pNf15Hg5xmFOg/Z6czR3Xivx/ZtPqFi2n3QvoZri0nL7UQRrcxsiYI3
ZHlEkk5BZuMdOXX4gTXWoMbzzJo5OJY4X8kypnOwkAkDOOg9a5PU/GE2veIb3ULpla61K4ku
ZiowC7sWJx9Sa0PDOkN4q1qO1jkjhlkjldWkYKpKRu4XPbdtCj3NdX1OMFtovwPFo5hCVJJb
31Oy1w3GoeDrfVNPXULfSprh9O+yAho4LiMI2xWX/WBo5N+SAxO4chdxz9Y1W8udTs7XUr5l
mul8wTXExk2ZOw5yT/zzA46YA6CsXWbmx8O6g1rbzTedHGqSXKS5R5SvzduVBJAI6gZqG90h
vE+j6XbWLW9xrCy3IkV7lIi8R8loh+8cDdvabgc98Ec1tTwsZtLZdH1/r1OPEZ1PC0/cd3+K
Ny28WRvHqmj3Emk6pJb6Y+nWF40xjitWW7W486Jjt3NgyqM9pDweBX058IPjT4V/by8DaX8L
fjZqVvY+KLGL7F4T+Ibp5bRnHyWV6SAHboBk8gjnd8zfIOmWP/CCePr63b+y/EC6WmXNuwnt
LwYU5DY5X5gdw67fetibUo7TSpobiSS4sZlbUltYZmQvLJwhcjo0Z5z6Yro+qwTs/VPs/wDg
ng1K08XT9tHfX5/8E+xPB3i5vBmv337KP7UX2q38OrMv/CJeLZ932jQHPEEsUjDDWr9A3Rfm
U8cJ84/Hf9n/AFr9mD4+33g3xZZwtfafiG0ubeApbX9gSfL1FGGQ2QMn3yDgqa+qvhKtn/wV
a+A1j8GfGmsWdv8AHjwDZNP4W1+5x5Wu6fsR0tWcEM8qgYJ2E4QN8x3ZzPh9oa/tm/DrUP2d
filNp/h343fCkNB4N1u7bD6xDErhtMmfbuaMKBjadxG07SVbcR9y6tbXVLbpqvXqeLhcRKE9
Xrfa+qd9n38j4i0zzovE9xIskkbYcx3UYIL4+64+uM/jVpdQuNRtLpVm3agtyl1PdS/68sF6
g/Wp9ZgvNH1ddNvLOazvLGc219buSskEkTlWGCBheMAEZBB5NVNq6lc6oY1VGkjJQMCrRDOR
u49KE2z62nK6TV766dSxqOtQz6zY6pceZeSNEizSOd3muOG3+oPSpJbeSwgjkW1t7q41LMgX
Yd1ue0a+gPFZXksvhuP955cdxM4jDHJbPTOB61rtfrY39rI0mJmKyTt8xUSAfLt9BW0o/lc6
Vblafa/ozurRpLL9hnVLVbry/M8Sobi2HB3bMDP0x2rQ0bUNW1T/AIJ3+MLBmjn0/wAN+KYZ
JWYfMHmwoYHrnP8AOjXPAjQf8E9dH8TQwyeZq3ieaO8Mjf62RchGQf3cAqfeptD17T/D/wDw
Tr8fW80jfbvFni20eCCJSTbLB8ziY9EJGdo71wx5Xf1X3ppP9Tix1aceVpactvk1/mSftT30
0vw++CcM2oagzL4Y2Kgf/VEsvT2I/kK8q8NRw6gLz7R51xDHNtjDkkLxz+Nem/tSQx2etCu
azula1m8KxS24nHzQ5RvvgcYz6e9eT2t1Np+ntJA2pN9qlLlrA/KSMg9R0z0row8fdW/V7d2
RzP2dn5fkip4QuZre7Ev2q602aKNmjYqXB9Otdv+zLtv/wBpj4bq26Rm8T25LOCC+ZUyce55
ridNupBo2pSfaPs/nSZZWGdgz29M+1d1+yNNJZfte/D2ORVx/wAJLbbifmABK84+nNVK6T9H
+RNOScYxfdfmrHqUVpZzeLPhnDHNtQkkLxz+Nem/tSQx2etCuqi5WpJNJq7T
bWr8jqqYidVqLg4xjfVbtre6emqO0/ao+BvxC8R61p1v8VPipOl3cU9hMPDEg0eKfOQ
jXCoEVTgDng96sfF/wDag+Fv7Ovhm+8Q+PfFtvpdvZ2rXMkMcsb3Mqr/AAxRbgXb2HA9
RgFTgbqq/Ff9nnUP2Gv2gvvh/wCMrfS7ezvWuZIY5Y3uZVX/AIYotwLt7DgepwfsfA+Jnw/+
PPwy8Q+Ffh/4ytdLt7O1a5khjlje5lVf4YotwLt7DgepwfsfA+Jnw/+PPwy8Q+Ffh/4ytdLt
x/wa8CeKNa+6UDbjycV4wfAGO4nvLfwD5YStaTa2RlS+8MoDfuyMjv
x/wa8CeKNa1H4wfAGO4nvLfwD5vivwtGdMftWnXFncKQkbkLtM0L54+UbiQAWNaU6No3m1Ky
bVkkkm7O1uzJjiqVVxlBOMrpc121f0XRrTyGnw5fwA+Jnxa+UbiQAWNaU6No3m1Ky
GEj2cXoskaDHQDBJycV5P+zx+0XJ+zx+0XJ+zx+0XJ+zx+0XJ+zx+0XJ+zx+0XJ+zx+0XJ+Ae

Afjx8J4fjrpnxtt9Q0/RfGXiCxuYf7G1N3nh0/VgEgFy4iBZICpk5fGck8dB5rH8eZv2Hf2j
fjBot54R0vxOvjCyNlNvfyYbB7iHzXnhUIx8rMpIXjhV5zWlGpGbdNp3sm09E7NJ2Z1YjEVK
MVNNNXaund2eyfkZv7HVrD8PPCvjD41apDa6ra/C+NY9HhnT/j81W9+VWkPVvLJBPORweK7D
TvjP4m8Cf8E9/Cvi6xuJrjxBqHxOfVtTkuQZP7VukBYISvWI7F3LzlgaufAXXPCvw+/4J8aT
4T8aafZyaT8WtXupF1N5D5mmTwMI47rGRuVdv3SR79cVa8CfEbw34kkW+8C6HrE3gP4D6DPe
6Ta6hsaS91e4ZsXcy5KMgO5xghlIyoH3azqVo1G1KLtGVru1mlovvZWFw9Vx520uZOyT1u0n
d269ij8Z/hD4o+OXxXt7X4yfEaO38YSQeZpvhDQtGk1CSxiceZ5aqmI7fKgHcSTjknAr0T4j
/C740eA/hDN4i+Ffxm8SeILfw3bMmu+H/wC14b680KFV+baysVkdSpG1QGGMV88+EPidrHgT
9mjxB4wh1qNfiJ8RNcGjyanc3DHUhaAZk2O/3ATtUupwAQMggY+gIP2Pbj9hz4v/AA58QaHq
ni7y7iBr3xZqFxIo0X7CIQ0gZ0XAy24YcnnBBBANaaRmtVbVJNKzaV2lZaeQVo2gqNuWTSbd
3dJ7X6+pe/Yr0L4qftX/AAnXxZq3j6x8eabJJLDq+i+IgJLPTooixVnbrDKdoZXGAMjOa878
SfFf4xeJ/id4f0HwbrWi6hcePLa6fQ3EUUy6SkDOsqwXRXJ+SJhuGevrzXH/AAT/AGWPHnxO
8Gax4o8J+IrHwH4V8aX11FpWlX+ty27eItrPtsym4C4UnKfNknJ61sfDz4WeNPHGofs4+GdL
vtS8C+Ipo9cs4tTa2x9kKyyGRVjJGWIDBgcffFYxp0lW9rKSerVmlZWV7fIr2lVUvY291JO6
vd62erbPM/CtncSfskax9uhhuG07xzaA3AuBJM0jRsHz/eBwMN3yfSu6/ab0uTxl4LvLO1XZ
cap8Vb+3UucDd5KLzXP694M1L4NfAvxd4Rvo45tV8J/EK1iuJYR+7uiEkVeepBKZA7bq6D9o
OSbT/gnDqVqGk1z/AIWlq48oEnLmFcH69MV0RtKfNdWu7W2s0tfQ296MVbst97ep4D4qWxi1
WOZoVjt1vTbzIT8qsnyk/wBabfxxeHru+uLGNvIb5tOJXmTj5sD2OKqXzRwRTQ3Ua3W5mLqF
+YSE/MMj0Peoxp1rrmmyW8PnWkkNo9187ls7WA+U9h7CvUwcrRaOXMKjb0Svp99iheztrEEN
xfSLDdXE6xuNu0mMty34V9feL4vI/bZk8zctjffD5CZYW80i2SDBk/75Q/pXx7a2v2tpVXy5
LfMMjEnnrggZ6ZPavt6XSrfUf+CiPhuzvpJIzL4JVHjDFEZvs0jKm0fwnC5XoaxrTjGTT7N/
keW6LaU5LW+ny3PAf2H0sYP2mPDrKzbZI72OBnXBKBH2MR/31zXmfiSGzfxzrEl5IzRW905d
o+QWLnHHfpXo37FOkr4h/a58H291cfZd2pXXmADYkZVGYxqOgU9MD1Ncj8SPDM1x458ZXkMM
cml6brNzHLMhwrBnwox6DGR9axpx/euSfRb+p6FOX7lRstW+noc7c30d/ZXFwuoSvDv2JGE2
4PYfSp7i5hUWtvKvmSSRI7EtjaOnNLc6/p+nnT7XRo9yrj7Q8yZ3PnqKr39xC0qssHmRrNLG
sgb5pXPXj044rq6GlOsoxtdX9H+BNPqcVpF/Z95JNNArhobZMhpXJxtz35Ir62tvB2ufsefC
bS/hz4UsZL/9oD47JCtzNGhW40DTXK+XZIx+7I+CZG4wM5+6rVxv7DfhTT/BHg3XPjx4w0Vd
S8O/DmVU0OzkO3+09Vf5Yd2fvpCdrt6cdeRXWeCviF4g+EPw6Px88Tax53xm+Jk09h4GtplA
OkwudlxqThuETYxWMYKhSvBVvl5ZVpTnyLVRdn5vol5LqceIqc93fWycd7pdW337FP41eMfD
/wCxz4A1L4A+Bde+1+ILx0/4WZ4s0/IlvJB00ezI58tTlXPQndnqy18z+Xc6bdzLDNe2eh2u
9rWxnkLi1VmPyt2znqepqS5aYabcQ6fqC3Ukc0k17JkefKzHlw/Vieeap6x5h0Wxkt42ktYx
5TozElpM5IcdzXVpFWW/Xzf9bE4HCuL556ys3dXVvxC1udQmuv7MW+jt21AKIxG2yNhnPzEd
K9g8U+GNH8cWK2t/GzRs37uYcNE3Tr0yO46GvJbaK40CzW8kazmuL2NVgiwGePnpjtxXtEdl
HfSKke1WXnI6Ee3qMd+uRXg5tiHTcJptNX1XyPosLlcsZFqWrVvkmeW+N/hn42/ZO1jRfEWn
6hJHpetWyzafrOnS/uLoHDSW0rIcb0cbXiY9V78VYm+Ox1b4j/8ACaaXo9rpdxNpyx+IbC1X
y7XU5TJJvlRcnZuTyjkc7w3qSfbPDt7/AMI/ompaDqFiuveD/EHzanokz/LIwxtuLZv+WVyo
53rjdj5geo8F+O3wUvPgrPGr1r1vqWlXkmseD/ECSHTb2QfPGr1r1vvtdf5nxubZHUwlVqom4dGe2eHPHun+MdGj1DSbhprbdtZSu2W3frtcdFOR07jkZqa
TVA20qDlj+7wcfTb/XNeS/BLRrjwx4q8M3lrcWd14V8ZPHqNcR6fdMoJSUYOyWKRiU3D5
48ncFZivrmteH7zQ7+5sdQt2guLYfvATuV88qQR94YwQRxzj6d1PEPD1OW++3+R8visvjP3o
q8SubnG3ZIoWQ/IAcZPt/d+pqN5leXcrdPbqT0z/ALXXJOBxUYtGhZfMDEk5bnoO+f8AZonJ
EzL82PvNt+9j2IzxyP1ru/tKdzh/seG6HLL8xk+8GHGQTz/XgdvWpYrovgfvMKD9454PTPrj
0FVIX2qWG0ZI6cfXGT0zj8qsQjywueWYgqAO/oB1DZ/iPGKqWcNLVgsmjvY00TzEVQW3e57e
pP8Ad9utW4j5rn+5g5AGNw74/u9utZJuSQ37znkYA4Ldh+f8XTFTR3TROpZpN2CDu5A9m/vc
+nauijnzS1f4nDWyGLldI1rKPazFZFVlJI4x25wOqgever9pBHIJAzYDIThe+Rzj/HpxWNa3
QaUhhIflB5O75R0zj7wzx9K1NNVpn3M2No4/iwPXjtyfk/2qxxGde2i4SegUcjUJKVhsF/qn
hnWNP1bR7prHWNLuRPb3CpnZIvYj+JecHPUZHSvpjxl4M179qL4DafqUZHSvpjxl4M179qL4
kkmBLJJHGd2BGXVjzywYdMMrfOk0G+yZj97qvONuPfoo68Gvo/8Hf5vjsvjP3o
q8SubnG3ZIoWQ/IAcZPt/d+pqN5leXcrdPbqT0z/ALXxJOBxUYtGhZfMDEk5bnoO+f8AZonJ
EzL82PvNt+9j2IzxyP1ru/tKdzh/seG6HLL8xk+8GHGQTz/XgdvWpYrovgfvMKD9454PTPrj
0FVIX2qWG0ZI6cfXGT0zj8qsQjywueWYgqAO/oB1DZ/iPGKqWcNLVgsmjvY00TzEVQW3e57e
pP8Ad9utW4j5rn+5g5AGNw74/u9utZJuSQ37znkYA4Ldh+f8XTFTR3TROpZpN2CDu5A9m/vc
+nauijnzS1f4nDWyGLldI1rKPazFZFVlJI4x25wOqgever9pBHIJAzYDIThe+Rzj/HpxWNa3
QaUhhIflB5O75R0zj7wzx9K1NNVpn3M2No4/iwPXjtyfk/2qxxGde2i4SegUcjUJKVhsF/qn
hnWNP1bR7prHWNLuRPb3CpnZIvYj+JecHPUZHSvpjxl4M179qL4

zJSQeQAHtiCRhg/cCufvvjzeaZpTw2V1cQTyukhkiba4kRgyEHsVdQwP3gQDmuBl1S8v9ZaV
fOk84/vm7ncMDJJznAyM/ewB2re1P4B6tqjS2LTR2moSQzTBZQQMojPg4BZWIXAAB5bGK/WM
lqVaC5oP1P5pz7Bxp1Gqju7nB+JviTe+KNfW6u7prj7PMXZpSXaVzn5nJ5YgcAntirWhaz5U
/wC7VWUuSwBxjPUE+tb2qfD9fiD43uP7B0NluNYvyttptou5bcuxwi8DCoB94gKMEnaMkZvh
fwpLFMsihnZlBAHzY4/X1xX6FkdGpia0VFNyb0XmfD5tWpUMO5NK33n09+x3BpesXtnLNdO2
pXxl0ya1axcxqRIZBMJM7W/dhV8tRuBcEkA1+6H7AXwe8Pz/AAP03UE0+3XzN6Dad6hUdkGC
eOVX86/DX9kfwbNPqX2q4vI9Ns7QCa4uZpPKSJOM5b1JVcd/yr9Sv2Tv+Cn3hf4eeHrfw1Ip
j0uzUrHqBhYRzsWJLBhxgEnI7YPYV9dxRhMXl+DdWLbla9l0Pxmj7HG4103Fcvez/PY2P+Cn
nwH0Pw9oF5q1ml5punyRSDWG0fyo76WExvhIy4KklsZU4zk8qckfiz8cvBFroN1La3F1p9xq
FrNGj/YLgXds8DW6OZBMvDNuLg++etfqJ+1p/wAFFPD3xL0nULKGZXMzbH3MPLHykjJ9B+uR
61+bvxo8QaJ4q+0mzYQRw20UEDuw3yMhbc2Tz/EMdztGa/I8j4hxOKcvrN01KyTVtD66XDca
E4vDpKLV3bufKvj3RG0i7ZrfiPdkAfwd+vrXHXl9JKWLsc/w+2etekfEeD5QW3KuSDxnB9K8
2ezae6+XtznPTmvezBQ5uZbM+wyf2ns4wlutDrvhh8RbrwLrtnfW+7zrOVZE+bpg9Py4r7I8
f/tOa1+0Z4X0P+2ryRbXTbJIYonfqwAUHjC5C7QSeoA718N6e0aSKu5t27qewz+pr9VP+Cen
7M2g/Fn9nP7c1rY3F1fWRGbqQ+WHRxG/OCQ4AYjAPboCTX5jxTKFGEatru9k+quftnCtGeIp
yhfZI85/Y3+Ntv4N1CbwDqzLHoPiS4H2GVsiK2vCMKD32uOAOzYr0r4n/s0LrPi64vGZYY7g
CORGO35uMZ+voORmvkn48+Hm+H/xC1TQZppGXT7kwFlyr4U8MAcHHJ+b6V91fAb4kN8d/wBn
vSdW1CO8bUrdDp93cTqpbU3g2o12mDyJGBBP8LrIOdua+HzLL6k6KxFJvmtd+a3uvM+iw+bS
yyvdaRk7PyfQ+a/iR8No/h5omvbl8trWzuN6vwSxXaAR6bmGPrXnPw2vpLD4Ua5eQzTQ3Vvq
dpHOoH+tieGdlBz2BV/zHWvrb9pX4bR+L/hZ4gZpFF5NFCsefm8wCeLP14B/KvmFfDn/AAiH
w+1LT8xsby6juGAPy7kjKoAepJDHg9CTRlNa+Haq35m1o100/A++y/iaOJn7s7vQ8p+J/jK4
8UXe6aRtscYjjX0Ufzz6nmuBXcsv+f0rrvFmlTWe1m+6zHDAYyff0NczJBtZvve/H86+wwPL
GCUdjnzjmrVvaG14X8MNrq3knnLGLO1e5IP8QUdPr2981oaX4vn0TRJbO12wrcPvlkVR5jgY
wN2MjBGflx1rHbWGs7SS3h/dxzIqynoZACDg/iB+VZ8l4xjxWkqbm/e2MaNaFKOi1C8uTOzN
+lUSVddrbvwNSNJuNNW33H733v8AOK6IRUUeXiJSqyvubHw/a4h1nbbhljmQpKcZ/dkjOfbp
XYWQjaS4h0+3W6W8P2J4m+Z2YEncnoPeuT8IXUmna3H5cix+ZiN2I+6pIBJH0rqlt4/Mm0fT
biS4Xz3lgmAwzAAHIPUc1NRXd2eplseSlZ7fr0sangvxivw08Vw6po+pXul+LLJkudN1iKV0
udOvYmI2HHJRxhT1619cftDS2/7dvwqk/aI8Eyf2D8avhylqvi/Q7NRHKJISf+JlFj5iCFye
o2rjqvPxZcXG/Rbe6ktY/JiBt7jGDI2T155znnNei/st/tD6x+zJ8ddN8aabuuo9DAt9ctdw
WPVLKT5GQgcOdhyN2cMoPOK560XKN18UdvNdU/kcuMwcFUdSD3VtF31vr18z2z9s/wAO6D+2
V+z9o/7QXg2O4s/Ei+Xp3jXTLOPMMEqLh7naORuIBOeCGUnBzXyyPEHma3eXFuzXK3Sx2/lq
n76ZCBuK4HUetfXzweH/ANh79qOw8RaTd3Gqfs3/ABwsD9oCws0McMyNmBlwNrxOxwMbghI5
INeB/tRfBFv2fvjzrmiw3C/8I/5ZvNFZWzJNaSfPEFcDn0PPbrXPh6nI+Rt2aum90r6p+af4
HZgYynG9mpKyf+e+zR5/Fo+n6fqbQw3E3kwwG78qYcxOB6dc1FompNeiSaOzWSONiSHOQe+K
o6ZKbmZrhmaSaNWQAuWZc55YnnFW4JJNS0J2hbbMr/OqEoPxA612xvJHpRnyx7b7HdSeIm1f
9iNrX/TFk0nxQGhUMfs/72MsQB2OUrorS71Af8E7fGlvJZ2clq3jKIyT/wDLaN8Lx+eB+Jqj
qHh5Zf2B9L1D/R187xPIrCOXEr4Qj5l7kdj6Va8OaRHH/wAE1fGV8txdNcf8JVbRsjA+U4IX
5snq1cHtI291faS+d1c58TTt+8vdWf8AVi9+2BotvoelfBW4tl+1XVx4OiLxdz8hwMfia8Vn
jm0rw5b+XM1v5shZ8D+LnI/CvVv20LC40mT4SxmZtsng6xKurEbM56HtXnejafJqXiG+jj3N
HGkZwGJwSOa9DB35d77/AJnPUtKn16bLXZGLotxNrMU1h5itHeT+XA8kXT3zXoH7LiZ/ax8B
ySMrNH4tt7cgDG4KVA/OuF/tNrvUpvJm+z2McPm2z4+6R/XNdl+yhPj9qH4fs7NJ/wAVdbux
PUncvNEtYv0f5HLzbRXdfmepaDdRx+Pfh7uhWFYfi3fbbktloVMsOU+h6/hVz4ffGbxxxR3xR
8TfBPQfDvHcM27yG+KOoyOn
ODie3AP4U74aeH/EUvjn47at4sm7aXvZ
Nu1/kaYeLdR2k466tWvZbnUftLfEbxJ8Sv2R/ANxeNcNeWbaTrV/onjhkuDCX1RdsdpPdMBztQ
bsnK8BeKyfH3xs8beJvB/wAKiv8/wAKfrTxbNurG3eMQySqRtO7cAxPTAPYVoT/
ABK03wg95460b64J/COrTxbNurG3eMQySqRtO7cAxPTAPYVoT/
ABK03wg95460HS/+E6+EvxMhsGGgTuy3FjqMcXmN0+YShg0iyqMdeR8rV2nwP+BfhHx/8A
DbxXN1cNdl+yhPj9qH4fs7NJ/wAVdbuxx
PUncvNEtYv0f5HLzbRXdfmepaDdRx+Pfh7uhWFYfi3fbbktloVMsOU+h6/hVz4ffGbxxxR3xR
8TfBPQfDvHcM27yG+KOoyOn
ODie3AP4U74aeH/EUvjn47at4sm7aXvZ
Nu1/kaYeLdR2k466tWvZbnUftLfEbxJ8Sv2R/ANxeNcNeWbaTrV/onjhkuDCX1RdsdpPdMBztQ
bsnK8BeKyfH3xs8beJvB/wAKiv8/wAKfrTxbNurG3eMQySqRtO7cAxPTAPYVoT/
ABK03wg95460b64J/COrTxbNurG3eMQySqRtO7cAxPTAPYVoT/
ABK03wg95460HS/+E6+EvxMhsGGgTuy3FjqMcXmN0+YShg0iyqMdeR8rV2nwP+BfhHx/8A
DbxXN1cNdl+yhPj9qH4fs7NJ/wAVdbuxx
PUncvNEtYv0f5HLzbRXdfmepaDdRx+Pfh7uhWFYfi3fbbktloVMsOU+h6/hVz4ffGbxxxR3xR
8TfBPQfDvHcM27yG+KOoyOn
ODie3AP4U74aeH/EUvjn47at4sm7aXvZ
Nu1/kaYeLdR2k466tWvZbnUftLfEbxJ8Sv2R/ANxeNcNeWbaTrV/onjhkuDCX1RdsdpPdMBztQ
bsnK8BeKyfH3xs8beJvB/wAKiv8/wAKfrTxbNurG3eMQySqRtO7cAxPTAPYVoT/
ABK03wg95460b64J/COrTxbNurG3eMQySqRtO7cAxPTAPYVoT/
ABK03wg95460HS/+E6+EvxMhsGGgTuy3FjqMcXmN0+YShg0iyqMdeR8rV2nwP+BfhHx/8A
DbxXN1cNdl+yhPj9qH4fs7NJ/wAVdbuxx
PUncvNEtYv0f5HLzbRXdfmepaDdRx+Pfh7uhWFYfi3fbbktloVMsOU+h6/hVz4ffGbxxxR3xR
8TfBPQfDvHcM27yG+KOoyOn
ODie3AP4U74aeH/EUvjn47at4sm7aXvZ
Nu1/kaYeLdR2k466tWvZbnUftLfEbxJ8Sv2R/ANxeNcNeWbaTrV/onjhkuDCX1RdsdpPdMBztQ
bsnK8BeKyfH3xs8beJvB/wAKiv8/wAKfrTxbNurG3eMQySqRtO7cAxPTAPYVoT/
ABK03wg95460b64J/COrTxbNurG3eMQySqRtO7cAxPTAPYVoT/
ABK03wg95460HS/+E6+EvxMhsGGgTuy3FjqMcXmN0+YShg0iyqMdeR8rV2nwP+BfhHx/8A
DbxXN1cNdl+yhPj9qH4fs7NJ/wAVdbuxx
PUncvNEtYv0f5HLzbRXdfmepaDdRx+Pfh7uhWFYfi3fbbktloVMsOU+h6/hVz4ffGbxxxR3xR
8TfBPQfDvHcM27yG+KOoyOn
ODie3AP4U74aeH/EUvjn47at4sm7aXvZ
Nu1/kaYeLdR2k466tWvZbnUftLfEbxJ8Sv2R/ANxeNcNeWbaTrV/onjhkuDCX1RdsdpPdMBztQ
bsnK8BeKyfH3xs8beJvB/wAKiv8/wAKfrTxbNurG3eMQySqRtO7cAxPTAPYVoT/
ABK03wg95460b64J/COrTxbNurG3eMQySqRtO7cAxPTAPYVoT/
ABK03wg95460HS/+E6+EvxMhsGGgTuy3FjqMcXmN0+YShg0iyqMdeR8rV2nwP+BfhHx/8A
DbxXN1cNdl+yhPj9qH4fs7NJ/wAVdbuxx
PUncvNEtYv0f5HLzbRXdfmepaDdRx+Pfh7uhWFYfi3fbbktloVMsOU+h6/hVz4ffGbxxxR3xR
8TfBPQfDvHcM27yG+KOoyOn
ODie3AP4U74aeH/EUvjn47at4sm7aXvZ
Nu1/kaYeLdR2k466tWvZbnUftLfEbxJ8Sv2R/ANxeNcNeWbaTrV/onjhkuDCX1RdsdpPdMBztQ
bsnK8BeKyfH3xs8beJvB/wAKiv8/wAKfrTxbNurG3eMQySqRtO7cAxPTAPYVoT/
ABK03wg95460b64J/COrTxbNurG3eMQySqRtO7cAxPTAPYVoT/
ABK03wg95460HS/+E6+EvxMhsGGgTuy3FjqMcXmN0+YShg0iyqMdeR8rV2nwP+BfhHx/8A
DbxXN1cNdl+yhPj9qH4fs7NJ/wAVdbuxx
PUncvNEtYv0f5HLzbRXdfmepaDdRx+Pfh7uhWFYfi3fbbktloVMsOU+h6/hVz4ffGbxxxR3xR
8TfBPQfDvHcM27yG+KOoyOn
ODie3AP4U74aeH/EUvjn47at4sm7aXvZ
Nu1/kaYeLdR2k466tWvZbnUftLfEbxJ8Sv2R/ANxeNcNeWbaTrV/onjhkuDCX1RdsdpPdMBztQ
bsnK8BeKyfH3xs8beJvB/wAKiv8/wAKfrTxbNurG3eMQySqRtO7cAxPTAPYVoT/
ABK03wg95460b64J/COrTxbNurG3eMQySqRtO7cAxPTAPYVoT/
ABK03wg95460HS/+E6+EvxMhsGGgTuy3FjqMcXmN0+YShg0iyqMdeR8rV2nwP+BfhHx/8A
DbxXN1cNdl+yhPj9qH4fs7NJ/wAVdbuxx
PUncvNEtYv0f5HLzbRXdfmepaDdRx+Pfh7uhWFYfi3fbbktloVMsOU+h6/hVz4ffGbxxxR3xR
8TfBPQfDvHcM27yG+KOoyOn

8RaKfKsJ/EF3axaX4QRxmSe3W3ZxcPyFTzlU5Cls4ArOtW5akYq3Lruru+ys9j0KlNV26zl1
Wt7XVlo1v3PmH45aRq3jz9uDw/8ADPwfNqDXngOTTtA0RmJ+z6c8IR7i9kQDBUYyW4yBnsK9
Q1r4569qfx4+L3iTwtodj4u8F+EdQgnhsUujbTabcW0Y86+sZhwuZI3MipzIr89efK7v4rQ+
GfDPibw/8BYPEnjfxJ4kRo/F/ji6sJDcTpJyY4Aw3QqzF8l8MSOC2FIh8I+EIfCnjvw78MfD
OqDVNc0mHUn1iRLtYbPWLue2OyGJi2DsB2NuxyDx1qpRpzSi0tFs1Z2vdt9VfoaYOnKTk7+7
fVra72S72OX1b4iX3xO+DHjbxNqU002oa543sr+WRVMMUjMJWzs7D0/Cug/aUlMHwIuryGRr
e6j+KOrTrJkkJthU4x74rl5Phtr3w2/Zy8caXr1nJpesaP4m06C6sp5MSQgLJsYckMjZG1hl
SOQSK3P2mb5Y/g7qlvNuby/iNqkrLjJbdAvP4d6KNRRlyq1rtLqrWWx3SoqWjXRXe1n5rc8K
1CzY6PNdJdeTGylgQu4zO3UH+7zUumaV4dsfD+j3Ul9cateXUUsF3pyAxm2Oflw/Q7qd4psr
zSkXzliZriJVkgjbekcZGQ3y98c+tQ+GtEa4tZrONlaONDe2cz4AlVfvDPrz0r1MHszzMdGH
tVFroU5LXRdN0ZLqOOaO5ur0bbUkstqiHozHqWzX3x4tsFtv+CoXhm4kZYd3gd7veF3LLttp
QoA7YwP++a/P3Vr261CwvFvI7cK3lyRfOCY/mHQD2zmv0G1qMWX/AAUW8BrcK0MbfDQIofJb
/j3nbn1PH41z4qKdTmv0a/BHmSloow2uraa76nx3+yxrt1dftD+DWNjNeTTandyp5PElwZFw
fptIJrlfHsd14S8deJtNtbySQtqUtu0eCVu/mOSR2K4H512f7Efi5fAv7U/gvVJI/tEen3Vw
kkbdQHVl4HdhuzgVy3xMvDF8SfFFxCyzfZdauJjIGG0rIxAwcdeOaqn/ABH2svvvoaRlL2ag
1tJtP5K5k3Goz2t2trbxwQ/ZYtxl253tir2nabpvjbV4bPR7G6XUtSaK0tbHznfFxIQGlDY5
BJ4Wsm21CW0ma3mVnmunXGAQXPTHPSvbv2Z/B9v8N/hX44+KV5C11H4RMdr4bZz5Ucmoytte
UA/6zyQQdvPXNFapyRbe+iXm3ojqw9FTmr7a37pLX7j074meF4fi38VfCfwR0+9tdH+HPwZ0
s3HiTVY38u3mnKLJd3TYJG9idgByQd/bNeI/tHfGNfjp4+1bxFNcLpeg2tmmj+HNLS1x5WlQ
nbGF/uE43H3Y44xXSa/PN8GP2Rm0XVmWPxh8aLmPWbtpJCZYtKgcyQsx/haaQuRngqecGvIY
ovsuixyTR/6G12WuEXlrXAxFGAOcYwfSjC0bavppfv1f3smpFN8sFpq35PomuyRGkFvdywx2
+m32mXiwqkcaAv8Aacd8461oXevabbwtCtheaSPP864M8u4vIRghVxwKzbW1mtH0+RW1j7RM
u63/AHgIIz69qqtJ9svtShvvO+0KxcNJ87gjp0610baG0ZOnZaXfkuyLmn2+jyahdSXE15p8
20m0eSPdG0mfXsK9gt9UkjbzI9vms30Ut1+b0wTgjoa8hbTGuPDlu2patDHb3REcSFN0ilee
QOQPc16pIFgn2x7tw44UHv0I6Ed818zn1nyr1/Q+kyHFSoyle3T+mdZoF3JeTDe3QA5Pyk4P
Vh25z07V0Vxoem+KdA1bwzrChdA16FfOkXl9PnU/u7hfcNw2OCvHSuJ8P6qsDbZGZSwBTbzn
H931x156dqvXPjJYrVlSTdGRjH3h79e5XnB4r5ejzQqXjdNaprv0OzOKkMTRcWr3PnO48D6p
8L/Hl94b1i6bR1huitwXXdGJo43MDkDONxfCt/dkJ6ZNeifC/wCJtxZO2j6tJcTXQuNsNxPJ
mSLhYxEPToDt77m9TVz47Q3XxL8I2M0NutxfaLE9vcOgZp7m3G0xb8fe8n58cHCOOygV5v4W
8TnUb7T7j/mIaXJFLKSTi4ETBlYnk5OADx7+1foFHFe3oRrfa2fl5/M/LaeBkpujLrt6n0Ne
7YXVg7Yb5UGP0A9frWfcSKp8qNsLkDJHy5PTjruPr0GPei21KPU7Szviyqup2xmZCf8AUsss
kbIx6f8ALMMB1w6ngnFZ91csLuba3zYPQ8qM8gex/lXz9bMKvM4H0GB4dhON3uWHv44Xl3Nw
QCQf4eOM+uR+XSo5vEEaxr8u3avJYdsYy34dh61yt/4ia1k+Zt6ZODHjgBv4fQbuDnrniuf1
jX5WKqrMu05GBxn29OT19Kmm683uelLh2EXZnoX/AAlsUQxlmIGffb6/7vt96m3Hiw7lYExr
2CnsOuP7vbiuD0PUmvBt+827ow4Le/o3vW1CglCbupOCrD+f1OefQ0VqlSPuykcMshoxldo7
LQ/EK+fH+8VlGRnptYcHA/hA469ea6zR9TW6t22rJtY7hgc57/456V5zpFv9nP3W39PmHI9A
f73PbqBXUaNdM9rH5bMBGc5JHTsT7DniuGWOqUnq20cuIyFN2gjtop4ntWHmbvXBBBPqf734
V2X7LniP/hGP2hNHZW3W+tW8ulTZf+KV4yhz/F86dOvNeXWOop5f3vmHC4PJHbB/hFX7bxJN
4av7PVLWb/StLuIpoDjHzRuHXAPQ8Yya8XMsU68XC3xJq/qrHtZHlNXDVFKJ9vfH74W2fj74
d6xpd5uZfssrswUEkKBJj6bkQ8dxX5O+LtAuPDevzafeRyW8sMmGRht2nOc+y/Sv2E1uePXZ
5LdpP9H1ixdUkU7wdy4OD3wD+tfnL+3f4ObwH8UIbWZVW6a1DzlcNl9zYY56hlCt+Nc/COJn
Rqyw8nvql2tu0fVZlh3OKn1sfN95YtA0y7WbgAkjr9fT6+3vVW20m4vhmGF5tvoM4z0z6j0r
pL65hMc38XmjYoJy2PQH+W70rN0fU7zTLiGOFhF/FwRzn/PSv0qnWlyNrfzPmalFyd0in/wi
GqSD/kH3W7O0AxHJPoOKz9R0O60xlFxC0O7O3cOv0r0JtT1C+VtuobW2873C46cnsOvSq81o
bxfLvv8ATJMZyv3gB2P93/e9qmnjJp+8l8r3M/qU5L3jz+OzYnle449a67wV4Ej1ieGTVL6P
R9LU4luGAaT6Kmc7s+uODnpWl4X8I2OqeJFt1vbe1ZlJi+0Hajt1C7ui+mTxxUfjLSmhmjX7
20kDacr+B/i7c++O1VUxnO+WOj72/Loehh8raehra78RLOzik0/wzY/2bpv3WnkAe8uumfMf
0zngcc1vfCSe41jxFZ28cjedNKCz8Z45BJPHGDz7157p1n5gX5eldh4d8QTeCLKaazkaO8vB
9nRw2DGpIDfiQSPbrXl46MZwcOr763fdn2mX4V0aEpvax9EWrXHifXZPEl9qS6bpbW7W+nTS
PvVRbxvFvbywW2s8DHhWJ3/dPab4+eIf+Ep8SWtpZ3UmoeFtPgtnBtmbbEkkGYt3IZZCx+4R
uAXJAzzw/hjwHqXxH1nT9L0mOS4WCJZZ13Hy4IlI5b0AyMfXvXsmvaf4f+FWjW+tXStcahp6
THR7R402tdv/AKy9f++3EYBbgCPjk18bWlh6WIV9Z2aikttkv+HPWy/DudLlhrzPW3+Z8y/G
rw9J8O7HTbWzsdW0uGSHy5jfYE810m0zuMdIyzrs7FcE8saq6J4s1j4tac1veQ6p4ivPD+kf
YrGBV/0XTLOJWZi7cLGo2sSzEc9yKd8avFV9431ub7RfXF5Z2dxObPzXMjqjvn7zZZvlC8se
igdqb8Lbfxdovw415fDviqz8P2fiSUW+qzgeX2SlNpSv
v0u/M+R4mwMsPFpR06+h2n7Pn7MOn67pcl1falqENxqTJJLbWbQi3ubdXKopbDSFf9aNyspO
QRnaucP9sfwK3wc8QW3iTwfHa174OjxR
cXGuSeIIdcsLUaf4iS0a2gaSS3W4SNYmAUFoZhtCNmMISRzivnrxj8QptL1t1tXbdtnbsmbcs
mTkj8eoPccGv0ThmsqkJUaivK+/ddLeh/JHHWFg6zq02/Q8csNXurWa3VJpoWVo5YirmNkdT
uR1I6EEf72QK9L0FY7ueGSGS3soYZIRLLcPthiDOqZZudqqG5PJ9jXKXeni816e7mhjtUb59
iDZED3x+PI965fxl49aCKW0t7iTyZTmQBh+85BBb6EA49hX7FwvmlDA1VOpG7jsfi2cUKmKo
qnB9Vf06o9S+I37TSroNvotjbx2traorytys2oSlI8tKRxtyrbF/g3tnJJrhdP8A2htSs9ah
khkaO3hPy26M2xB0AAJxnBxn3rym+1hr6ZmZpPm5yW9T/k1DDNJINyt8yn5dp5FdXEnEf12T

5naPSPS3mc+W5DRw+sYq73fmexeJvjez6tOqyTeTkYVj97j7pz+I/Cucn+JXm3EuJG+b5VPY
+n0GevsK4iadZWVvM3Z69B/+qptA0+68R6rb2OnwzXVzdSCKGJBlpXY4xj3/AEye1fnMpUo3
cYpa30R9RRwqbUEdTrOqTeLraO3hVpp5NqIi9WP90eh7Y/GsDxIY9AmaxheOSa3bZJJHyNw6
4P1yMdOK67xpqFj8HrVtD0u4jvPEEa7dSv4mzHby9DDEeh2fdLjgnOK8vk3GT+Ld3OazqVZV
XrsdEqcKCtDVlq0vGS4SQfwnjFfWH7Ef7e2qfs+pNpckjXWl3HzJDJLhYHAPK/XOMV8gwSeS
38W3PNXLPUPIO5WPX1rzcyyuniqbjUSa7HvcP8QVMJO6e+59HfHT4s/8LH+IF9rGY42vHMrh
WyqkjJAJPPsOlfWngT486B+yZr/wr+Ft1pN9Dca5pNve6/ql5OyTafdX6u8dv5RKqqRTuuWb
JVZJMgtlj+ccWtNJZ7fMb5ux53Y7fh696+hv2qfHWnx/GTwf4shX7Vpepadour20SEN5MUEM
cb2+TxlXiZSD6gVw5bk9L2kKdSPNFPa9k7WST7rXY9rO8w+tYeSg7Skmk+zezv0sfeHj/wAQ
/wBr+F9Ys22rcRwl19GAPOB1GOue+a+dfF3hG1la3MbSNHeQ72Xqw59PTpz1rr774lWuu6DD
qVjdNJb6nZLfRbsDMUiZ556gkrj1U1jaJrOn6/oFhJ5ZW7tsxys5ypGcg9euCQR617HFnBaw
9FYijDlUoppJWWq/Q+X4H4jxFHEvD1puUoyabe7S0WvU8h+M3gOGLTLWG3DCRiXLEdBjt6iv
H9UsP7OmaNvvL0I7f4/4V9DfGWRtW1VxbjIhIRd3A47n3Pb1rxH4g6c1lqZVtvzDd+fb8K/M
8vlONqc2f0thcUq9K73OOLNJP609oi46fpToE2XPzdM8jP8AnitB5Y1fcvRuFOOn+fevXlKx
lRpc6dzFkVlbB/WmyttWrVw+zdVG7nZ9v8XsK3p3Z52KtTvqdB8PhDJrTNMzDyoy8e1C3zAr
jPtXUadqGdbjuvLW1mt4W81Sdnnk55X0GK4fwDIsup3DN9oWOOAk+WfmPzKP61211I00Wnx3
StIquEgkVl3xDjhiByfrRWjaVj0Mnqe0o3XdjfDbR2uq2dxbyLNNfXLW7W0ycLu6N7gZFTWW
nf2Jr11ZXEa6hefvCojbYhkPHzk/eX2pupRyaNFfSRbbiaGcQx3an/VqeeB6+9Gm2zahcWkk
DNcTLn7YzHa/47uSPeue2up6UqKvaX9dz6Y/Yn1y1/aN+AXib9nHxVqVva3F48mteDL65dlW
11VMFrBQQRhsluMY3ydciqOteF7r9oX9lCbwxqENwvxW+B801pdLNJ5kl5pvmNujz/0xIwOv
CcferwHwlrN94A8UaLr2h6lDcX2j6iur2fylf9KidWZTnHG1F4zz2r6++JHj+x8D/Hz4f/tL
aTbrb+C/ixm18T2VvKGWC6wIriJhwMFk3891auXFR5dt29O10tV8/wAznwd6U3f4Vo9ej2a7
2PjeZzeXF1qFmzfZZLX/AE4+Xs2NjkD1NTW8NnpMWm3SyNHHcRbrhVfJtweFJ/vevFehftXf
DWf4N/H/AMYeGbqG203SPPbW9LjglDJcwTfPCqnqwwQMDoVNec/ZLa1i0OPVJm+yzIr3pQ/N
5RfKjHUEfSuqnUvBW2aR2KUeaXK76PyV7q7R6x9sh1n9gS10mOSGG70nxeY4zsIN8Jk3K5Y/
cxnv2FR6Ii6X/wAE/fH2m3F1N9ssfFVtE9uvMO/IG4N3+6fyFXP+EMhb/gnrfeIIZGkt7z4h
R21pas21rmFLchR7dSPwrJhufs/7Dvixt0nmX3iuPfalG/0LHPL4wSen4Vwypq2n8yfz0uKf
vPljokn56WNr9sFYdT8NfBuRZMfaPBUSHP8AyxKDG78SK8sj1mHwtq00jbb77RDFnD+XtIXn
j3r0n9sSBbLw/wDB3/SI/wDkSoWwvzbCQ3UDv/hXknltLdKZJmVmgjbL8E8V1YOK6ef5l+77
LVa6fkilDBNM7Luihk07Bji7Ke/HvXefsdaUuoftX/DUSSeSv/CVRooOeQCrZ/MY/GuF0rTo
X1W6t7hfmhtzceYWO+Q4+634/wAq6z9mGaaH9o/4a3DKyzf8JNbkA5BILxitpaxfo/yPJqRd
lLs1+DVz17w1Bb3Xxi+GsSrJJfT/ABS1OJCeQYGmgD598kVzsvw08MeJfDfxgtb6PULHXvh/
qs93aXgkEsE0DyskVq6nggyYPvn610nhqDyfF3w6vIWmW6T4tahACPuoplhzz1z/AEzVX4L+
Brh/2ivFVxqHhHVNf+HNx4llsdbuLQyMoMcjOp45dIzhnBB4+tcuIlaF1pZLW6Wt9V8ysPJO
o7vSTtazejW+i79T0r9nbXL79juw8C29n4T03xp8WPHGsPrseg2qiOaws3tpEVC+0iMNncVP
QBvTNZemfsteCdY+M2uab44abUviN4i1A3l7oHh2ZrXTfCaTNvme4nKsiCIEZ5IyQMHhqm1b
xnqnwP8A2XNQ+LltNcWfir4xeJLnSdM1+Ql5tF0q2Yq4iBHyOQm0AY+XGCCoxweteJJPhN+w
XoNxZvdW+vfGTW5ZdVuvP/fX9haOysryN8yGR2BIGQefUg8vs5VIuUXbmdm09W+vyXkdEa0Y
T91KSitE9bLbTu35nUfF/wDY+8At4/Og2vjaHTZNWuo4vDuqLrceraPcrHjek7BFMcmcbVLE
Etj6637aH7WHjAaN8O/BPjjwDH4b1jwPqNtqt7rP2gyy64kB8tJLRCNkaFCSYlOMgdORVX9r
j9ubwP8AHr9mfwz8OPAfhFfFtDun2fkz+ILoWccc1msGBCsR4LZbJd+uPXOBzvw78Ma18c/hNb
+A/G1rqS6ssFzrPgXxPcFj9qSFC8lrI0gJNudoKkY5C9sVnh6Mkk6vdpJvVLa6em/ZhUjHEN
tRcXpqno2ujXRWPWvjt+xx4B/aV8B4QSfET4d/GLwa3mzMO0nG0gk
evQD55/bK/Z88N/s2Xfhfw7/wAJ3qPjTxHqWqXmqXmqXmqXmqXmqXmqXmqXmqXmqXmqXmqXm
qXmqXmqXmqXmqXmqXmqXmqXmqXmqXmqXmqXm

bgxL98cAcCvvrW/FMy/8FCfhzDcS/wBn6po/w9jtbxrvlGl+zTMu098Fxk/7Jr4Lh1HS757y
O0jurPzNqBFbdFIdwIDE8gcV96XfgZr/AP4KZ+F7XxNJZm2XwEJSwckKBbSLnJ7hgx57Vx17
N2eyT9dlsebU5acVNa3aWnrqfMf7Eentrn7Z3gKa6khvvtut3bSxnH3xGSzY98gj6VwvxQt7
NPjx4s0+RZobWPXLpRbBvkAEjdT7Yrqv2MrKSH9rbwXdWU0f7vV7gR3AJDSoqnkjtwT+dc38
SLqFvHHjSO4ha4vtQ1m68u4QZbKuSefQlqqnK1a/91afMKcXKPP0bfzsjnzpN9qep3zXEnnf
ZWjjghBw0jv8kZGOeBg19WeNPhTdeLviv8G/gDG27SfCtiNV8QlGCrFLNie4Yt7LhRnu9eN/
shfD+1+Knxw8MtcW7R6fosE2sa1I7nZ5VuGKt9NyqCPeu8tPi3cD4QfFr4rTRrb+IviNcDw5
pAO7y/s5I+0GL+IsqKgz0Bx9KzxUpTqpdl9zei+5XZ0UYqMG03q7vq2lZu1+j2OD/ao8UXXx
0+MHiTxZayWseg3V8uh6PEHH7q1tlCgomOEIXdx3Y1yOl6pb+E9fuI9DjkW6jj2K9x919wwy
88cjpWTpkywhbqPy5FjjMVnHLkByAA7rjq2aPPmlsLWST5mt3aRxIdruByc/QdK6qekeVdkl
8jfCyjFcy3bbb308u25aupZHsrW3a4+wtY7yI93r60Wv2fSfD1n5jTQ6tJK08czc7Yj2Hrnm
p7DwpdX8EmuLarNpKBjHNdzhWlb+6ef6VSle51XT4be8s2mkZSbd7fLsq9ouOBVWaN5VI3cu
XVqydvT+kC2U1/qtxeTTLdbUzIV+9KvoBXoUuvwof9YvzHGSeP8AgR/hPbBxXC6DpUlpYRyX
ytY2qyiKaOAH7QQegXPfPWrUm6VtzNubGOf5V4uZUVO3P5/ofQZLhVUTUk9k/vOm1LxftI8t
l2sdrbu4/wBsfw89MdRWPd+J5LuVlXO3AXLcZGe/49+DWWRj72dzd6jZMgV59PD047I+i/s+
CVjqvD/xEfwrrmm6osYkbT7iOcxP92ZVYMY/oeQSfWsHxH4SsfhX8WtPmt5LxvCuqeVc2t3c
RndLaSbQ+Now0kJLoxXPzxnjtVcDM25vTHPT9K9CsbGz+K/7MHiLQ5heyeIPh+8niHRyDuj+
wyvBFeQnJ6A7JgAOquc4JFelg+WD5fsy0fz2fyPkc+yn2cFWpLWLI1GpQeOZvDNrD9oj1CD+
0dMaLLJPGIDKWi4G4Mi5/wB5cdSaw4tbJRpFZpI3GRkjH14/i/DFHwK8TXltrfhPWI5GkvPB
OoBJAzhmaxcPIVG44wuJl7D94Kk8Q+FpPBYjtZNzRtaw3cMmD/pFtKgkjcDH3ShGc4OcjjFY
4jBwjOy3svz3fyJyXETlK7W/9P8AEzbi7ZYWb5vvKxLLx/s7vYrk+1UdSiF6/CkMBkBvvFT0
zzzxjGKcbvZL8v3cYXBzt/3fbOOtTR3IdY/urtbd8uOuckgdj6ZrnjHl1R9d9XdSXNYteH7L
+y2ZpGXaVDe+3B5/3cZ984rajuGEcIj5kOcbW28Y52+ny4PPXmudlaS4kK++dpP8Xr/vZqYS
sW+X5dxy3+0fc/4Vz1IqTu9zSOSynK7Okkv/AOzW27l2sBgAY3AjnHoeRzVyz8Vx29uq7v3b
PliAPmOOu3PX/arlY0kldizMWbhvf61aht2YfxfnXDUowatI97B8MwaTludJL4yK3Tjbu3H5
sjIzznPr2IxVuXxX5ltNG2794jAtu79Tk9CD6DkVzUFtt27vp9KtRW5yv6Vyyo0k07H02H4b
oqOi1P0i+D/iNvFX7PXwx1ZZGmkaH7JI+7r5cbxsD6kNH+Yr5n/4KceCZofiLp+uSRs1rqVs
0SsXG3dEkYHuOv0OD+Hp37C/jNdV/Z1vNJkmWS48J6sXihPBignTev5yed+tXP299FXX/wBm
P7c0O64t9Qt3WTj92rtgk89D8owOelfNYWTwmYpdJNr5N6fmfA47CunCdOW8ZNfjf8j86Taq
sjKsYY5yDj/WYHA9qm0/wpPHZST/AHgw3A45cevsAe/evQNL+Hf9pxfbPLaWNCYySQ2Tgfex
169+laEfglbONwZi27nk/f8A7vPT2Ar7WpmkI+6nqeD9X5PePNRpjtOr/eYc7lw34qP4gODW
jb6ULYM6eXhR/eyM9Mj+99OmT1rtx4ctxMf3e5mHzkjnnqR/drH13QfsttI3lsrKNvykKG4P
r7cA96zjmCqPlRFO0nZnIXunxvcmTyZNshxhmHzHrgn+E8dOvFRNpbCPO7crHJY/xZ5GfTnN
aQi+yNukaQ7udrAKxHXPOMnjHH/671rozas3mblSPBOE53DPRQM7j0/Ku72zVux7uW+ycuWT
KOgeHJtVvobezhkmuJmCqoA5JwB39T14xXceN/h5H4T1zwzp8kNxdSRxfadTaCIO2Xl2eWgY
jeyhGHplsZ9NT4AR29lqWoXC+XNcWMb7NpDZJU7iCOcYx+VfVnw5+E9rcftDXmuatDJHoPwp
0uG3zHEq/wBoXzBblYlLnDEEsScgr8ucbs14eOzb2FSTktIxb9XokvxOzNsQoUfZ0tm1tuXP
Cvwy0/4FeHLjw3psfneKPEE3nalLNN5n9nwZdo7bevysyJjfswu7J6YqHxP4Q0vx9rDQtcbo
dghwhB2KMjj06n86dE8mr+IfOaZpNYkV7272OdsTS5O044yd3TPau2+CfwqmuBfXEitIqsNp
/h79Py/zmvyPOM4lGbrOTUt792+3klsj1splTwmF9pUlZ/jdny78ZP2b/COkeKmWbXF0PTbe
wRokSAyPPIqyNIGLSEmQkAgKoGGC43YL/MPi83Emr32n6L5d1Y32oPbafDMdkgEjlY+WIAyN
oOTjpnGK/Tb43/BWz17TpLO6sVk3EkfJ8xOOue1fnH+0zouk+DfFC2/h+6uJmhcTNK3ymFiN
yoME8rnBbPUH0r9K4Fz5Y+KhJuUklulbTrot2eLxVKliMG6kJO6X5h8dPHt5CvgvR5tak1y4
0fRItPniNtLZwWgg+WKILJ/rHT9/GZgOcMAAQQfN/E8VxqtpfXEKr9qggLpxtL+mAeq5/TNO
vbzVPEGhSaxqEYVYYZTHeMVUuwYtsx1J3H/x8nvXK+IviLbtpcd9Z+db6hG6RTRZ/dum1tzd
eSG28DoDzX7ZkdR0qynbydn1vc/j3jLDtxlC93v2Os/aeGh+HNQhh8J6hcXXh9ofNsJ7lSl4
wLMHSYFV+ZZEcjA4jaLvkV883su+Lc0m7ccggj/Guw8X+J5PE0UbXN40kcOSsRGRlhyOPXaO
OgqP4g+D/Dug/DHwdq2l64uoa1rTX7app2V3aSIpUSBXGScyDe/OMgjA4yfvJYpSfMvyPx/2
Ps1bzOHI56t0zjPb/Patrwj4J1T4heK9N0PQ7G61TWtWuVtLOzt03zXErttVVA7k4+n0rHjO
Dt+b7wIz619tf8E2fiFD+yZ8FPHnxktdJh1DxpNd2/g7wrcOvmHSp5oJZp5wh43bY4lDdRlh
0LZ8fHYp0qbnu1su7ey9D2Mry94qoqcd3/Vzyn4lf8Ey/jt8JPDvgzxlrPhzxDpOkeKmWbXF
2LTZ7zRvH1rqmreIN3jzxVfSlJ7q6xDYSTbi88pJ5bJO1TgM3sOfmn4r6JqmlL802rNzJ9st
Znh3MqfMiSF+rDOF45PABNc7r5T9mzSZtNs5P+K41K38u7uo2BGiwuPmhT0uGHDN/ADhcEkj
2LTZ7zRvH1rqmreIN3jzxVfSlJ7q6xDYSTbi88pJ5bJO1TgM3sOfmn4r6JqmlL802rNzJ9st
ka38dyZBIbuOQlhJnJOTg5B5BznHSvNweMq4r6Jqmlj802rNzJ9stZXx4DFmZT93uGFRqdjf73GCoP9aFOC207Vbrg01pWi2tuOc171rI+LlJt6jiVJPH3eAMj8v/
AK9LDuBzt4B4z3FNkX58szDdxgDPFMjkbHzN+RHNG5MXZmhbXPlI33t2M817R8evB03w28E/
DfTZrz+0GvvC9rr9uwj8tYBeyzyNECR823EfOfvF8dePTsYBeyyyNECR823EfOfvF8dePTsYBeyyyNECR823EfOfvF8dePTsYBeyy

dNQ96K2d9LdD+mOCcVPFUI37I+eb6wms7jbIpVupBHT/AOvTZrjefw5/+vXZfELw9daLKs11
HMrzFgXfnd9D34Irh9rTyN/Cq816GHrKtBTR9pjMP7CXLF3uV7tsJWXdTeW+Vbmti+i2J91v
m6ZHX6Vhzx7mr1MNFPc+VzaUk7I6b4c7bi51JZrpbXzLGT52z8xDIQv44x+NdhaTrpeqab9n
VrVri3HnhRnr35z1x9a5X4Y2f2nxB5clvDcLJGVKysVVckfNkcjHbHfFdxq6/bJFurW+t2bT
U8mS3uyFLEDqmOtZ4rSVkexkcZKjzPuZmm6l/Z+o+ZIzNp8NyxkQ9GyOOO/NWYnuri7nuJpJ
FmsYmWWEj5nhPKgevWqMunMdMjuJrpI4bi8V7iHGXiH9/Hp1q0LqNrq48t/Nka7QxXlwxxOu
OY2IyMYHauWUXa563tHdpkL3Fre+EYftUn/H1eFmXHKL2/Cvev2btFX4rfs+/ED4P3FjJNq1
xB/wlvhiSJ8hprf5ZYz6FkXjPXJ6cV4jcT6bqWiapqFxCtv+9CWdlBnyX5+Zt3X8q6z4EfGu
++BXxV0HxtY3G640W5jjms+sMlpKvlyo56jgkYweeazrRc47arVeqswlUSs+lknpunpZ/oem
eINek+P3/BP3S/ER0ezm8ZfCfUrfSLvU1TbcppQGLcD+9h2wc9ME9zXhLxSR6/DJDNHdQ3xM
0jty8RYZyeOD7V9NaP8AD7Qfh1+1N8QPBN1dalb+CfiBoraro62WXmuCUE0AhXo7KxdVB/u8
18xyyx2oksng1BdYaSQM4GySILkAOp4BPf0rHD1G2+2jXppdfJmnsYqmpJu+qfrfS/qj16KC
x1n/AIJeN5O631DRfHqq8pPyOJLfgg+wx+VNsrGQ/sN/EOWTUGvobHxLZxIF5hLOeXBHfp+V
ZdlfXC/sJXWjNdWN1DceMoJPs8bMZoWMBz2xzj1NbXhd5LX/AIJrePoVs/sqSeMLYuxzxsC4
Q/Q1NSFl/wBvJ/e0ZyqNX5d7W+5arsVf2uvDBsYPhXb7V8zUvClq/lpyGOOBn0ry+1mmZGm+
bzo3a3ba/lthTxkV7N+3Sltp0fwVvNN8wXTeB7SSdcZEY24BHvy35CvFdPZbnUGtY5JJozH5
5kVvmZied3vzXRg4+7f1/M6qeI9n+86WS/BGRZyR6jqb3Tea0cjeSXAIWu4/Zvuo7X9pj4e3
FxN5dvb+JIFaV8iOP94uATjqa47Sr+GVrx5IZPJvph9miRsAH1wK6n4A2Mf/AAuj4ewyMJlb
xPbtPlsjIlTAI9a2+y79U/yPMd3TVtdf1R7r4V0xpPE3w3a3kUSXHxd1Tvk53xYOPpTh+1F4
H+Hf7GvxB8CTTa9Z/FTT/iBcarolxY+Zb7ULLG7yyDgLtEgK9en1F74fiTT/ABl8LbqZV+wt
8W9VXAHPnFoghz7GuH8W/EjwDb/s0/F7wTdaDNffFjUvGkl5a6j9lLNZ2Ucyu5MmMKMJICuf
4vy46kY1IqM02k09Nt3q/wBTgrRqJ8ybTvZW3drabo9s/aK/aT8Ez+N1+HvxZt47zwP/AGPZ
axpVtosbW8Wl3/kfOsaIMr5pkLEkkdM5zx5y/wAVNH/aB8K+PvH3iDw7Zt4b+H+jW3h7w74d
SX/kGm5cL9qJI+8Nmd45P4Zr6K/Zu0/wXrPw58D/ABx8ZeF9P8XaDNpR8HeJYPszPD4biVvL
W4MJTfLvB+ZxkKCQCe/y7N4g+HfwU/af+IHg20kh8VfA/XL2NLmG2ZpJbOIgMl1bOAS5gZtv
3jnuD1HLGVJ8yp3UktUm7aNXSV7Js6/aT5o8yVr6NJKz7Pq0nuekftu+Bfh/8WfEHwFj8Mrp
bXmvadbW2sWPh24W5ljsUWNjLMqLlZcF/vDop64ONb4UftF6f8Vf2ifGV9rmk3Fv8M/hX4Zm
stADxGH+xWEaRxM/Vi0uxlAOScjitr4e/DP4TeDtGkX4O+NvCdCd3iArOpCJlRiNXYHHHv1
JPPTqRqQsot2vZyTTV3q/XsejTouL96STk9bPdW0Suk+pxvhr9k/WPEfgPR9WtdDvLjVJJId
Wu/JPm6gbKWQgSLbA5MICj94OSTyAMmj9qX4e6x4r/aY+Jn/AAjek6W4P8M2l0NX8Sak6xq873RHlqQDI/
JwoC45I61rfBDSdc/Zz+GHxm0vS4dJuPFmmwabr2lyRFLiFLRGLS3Vr5gIf93INxA46dcCsf
w5deIPi7/wAEzlzbjw/o91Jq1n8PfFLaleaGsxW5WwdSRLIq8lFd2Oeg+Y9qvXXxauvhh8Ov2
/GV1DDrDW9jqtheWkoAW6tEk2CAvj5/kbCqcgEDjms6l37krON2rJW21V9epth6kdOZWkkmp
K7tsnurXRy/xD1C3+NvwL+HvjL8Z/Ef7Ovxb+Hvjb4Z/Ef7Ovxb+Hvjb4Z/Ef7Ovxb+Hvjb4

W8umM3/6q8PMpJNN+f6H3XCtGVVNJXtYzXgJJ4/IUeRuFakemE/wn/GpIdM9q8f2yPvY5XNv
YxZrPC/1xXQfDvVYfDXjCGa8eRdNvoLjTb7Y5XdBcQvCxOOuA+/B7oKryadkVVns/wB2ynuO
1aU8QedmWT89KUWtGiP4X6bfeCvibrWg3S+XfNY6jp8yBsFZo4ZCAD0zvjAB9/et7xU91rfw
v8K6hcRytJp4k0V3bpsRY7m3+h2XLKPUITW1+1Lbx6f8WfBvi6OTdN4o8O6brOoGPgNOVNvc
YA6bmiYtnux55rNs08vw1468PSXEjNo9/Y3luuCwdIPNs2PAwCVmiJPGdo44r2K0lKHtOtl9
+zPzXL6M6OLVL+9Y437K3vVi3t2PXvxzVpLZcfhUkUOyvFlVufq2Hy9RZHDbZP6Vais84/wp
9smH7VaiUGuWdRnvYXBxtqJBa7R2qzbW2fekRtwb/ZBNWLL51HvXLOTtc97C0YOaih0UJL96
tRQ4k9qaq4GcVYDL97H41yykz3qFGKPoL9g7VGi8QeLtHVflvrGG9Zuw+zybCPx8/wDSvqb4
2+GY/H37N3irT449019axiIeknmoVx/wLFfGP7IvjmbwX8XFW3sZtUbVrGeyaKH/AF2AFmyg
6Egwjg9s9+K+iNX/AGlvEXhDT7zS5PhzrWoWs2NouCbRFUFZOZAG6bSSe2M5xXz2YUaksRCc
LXVnq0r2dup+U8TYWXt5qKW6a1SutL/kfKfg7wtdaJLdafdLJHNDcvDKh+6skbFWH1Urn6cV
uXuiRl9rR8scghffPT1BxzWtB4W+I3xt8Va1qnhvw3ouk291cXF5cXuo6iptbXzZJJNowA2c
koPlIyvpTV/Z7+JVwG+0fEbwDpasPuW8bTDHTj9x+ma9eVGM3zzqRi+qvdr5K58DjMRKzpqD
k/JP8zm9T06G3Yske1gOpw2w9Oeea53xGEubWSNl8uRVLDJDYHv689QK9GvP2XvEUn/IY+L1
j5LAfu9M03M24cELnaBhfcZqvf8A7Ingu5tZLjWvFXjTUI1G+UtDHCrqO+AWPSurCywlNpzq
c3+FN/mjw6dPFSdqcJfPQ8H074k6XpaeXcWdrcKo4YyLle/HJ574zWDqvxDtb3UmWxhZvtGN
qR/NuY9MKOjcnjrXsE2k/C+LxBb6T4d+Ht1qk0jrCtxqupuGkOTliiEgA/oK7yTxT4B+H1ku
l6X/AGb4d163IZtQ07QI7/yDt5UEkMDkDkk9B7170cRQi1yRk2+7W3dpXaR6lHL8XFqWkb97
t/8AAPKf2c7fVrX40eG7W80PWNN0vWNSttPvXuoWWPyp5FT+JRj72R35r9CrWaPRf2fNc1hd
0P8AwkF1qGtyK7CP5XZ0jzn1jVK+a/A9x4q8XeJvBcdxt1SzuNcsZJ7qTIuFL3En2OVoM/uU
YQg5JPGBwcZ+rPjjp0PhD4fw6bNI0dja6adPL7B8vCKrE9BjGfwr4Pi7HxjKCcUnJ6pNu6T+
+/yPSwtOqqsYVJKTvfa34Hkf7NOjSav4LmvLi3kj1Bublpgyu53OUxnquzaARkZJGcggfcHw
a+EdrpHg+GSSPbJMu5sj8a+a/Ceo2r+THZr5dm0UMEWMYkTaAO/cV9neH7mHTvC1qrMv+q7/
AEr8E4vx1SdZKF4qTvbslbT/AIB4/F2OxEIxhT91Sey8kjwH9oHR4dK1WSPb8uD271+VP7Zv
hqxufFOpeXH5d5al2lIUL5mQGBA7AZxjqa/Vj9pHUIYTdXUkixxq+MkgDB4/CvzJ/b+OgzfE
iabRbqGb7VpqteBJfuzh2Qj/AGsRhDgducV+qeF0qnPHfbfppbf7zowsubAS9qnrHfpdI+Ud
Ts/+Ek8PafZw3U0dxbpIrQ87G3O+D7fKQMntXF+NvhldeGNJ+1SXFvMWZfMiQ5khDfdJ9VJy
MjI4r1zwv4fhgDfd3KNw7c46k/3l546Hiud8X7vE/iG40iPbC2qPEk0jx4UhXDDPoAVz+frX
9M5XiJyrci29D+b+LsRQhzKT97Wx43o/hTVPGutW2n6PY3epalcZjitbSEzTykAkhUXLHABO
cdAaw79JIJ5FkVlkjcxurJhg3OQR6jGK9H8I+LvEH7NXxTsfEmh3UNrrGjyyPayuBMoVleMk
j+IMrsMDj3rioT/amtSXWoSSXDXEryTzMSzSO2SWJ6kk859a+05kkfkEqcqsvdKOjWLahLtV
d27AGe1fXXwnlvPhX+yu1nrUEK2reIYdbEDfeSQ2k0casCMcqpbAOQMZxnjz39m34Ex63HN4
k1SNfsduJDZRXB2xHYMvczHtDEOT/efCjPIrn/jf8Yl+IV8un2PmQ6DpbMLdWx5szN9+VyOC
zNyFzhRgDPJPg4qpLE1PZ0/hT95/ovM+5yfDxy6h9Zqq8pXUU+vm1ukuh7l+yh8UNJl8Wax4
q8TWfhuTR/Ct9/beqXd9AskxV4JbaK0iX77+a0uQCSqGMHAJwfk/4heM28Yz6Xuj2rpdktjG
Scs6iWRwSM8Y37ceiiqOqS2r/Lb+Z8q/MznOT6/T29qo28DPJtVdzLzk16GDwsKTc1fVJJdk
j5fNsdVxVV95O7K5bDbf4e4xRJDu+bd9cDrXrH7OP7HfxC/at8YrofgHw3qHiK+yPOkhTbb2
wJA3SSn5FGc8k89s19deGf8AgiP4f0LTo5viJ8atOtG8WdoLi307S5b2KOQOy7BOSqk/Ke2M
9MjBOeMzzDYd2qSSfZK7+5ao58Lw/iq6vCMpei0+b2Pzv8ne6/4etD2bKFb+HPP+z9a/Tz4t
/wDBIL4f0LTo5viJ8atOtG8WdoLi307S5b2KOQOy7BOSqk/Ke2M9MjBOeMzzDYd2qSSfZK7+
/wDBIL4K4C/CE2seofEtcwsKs7T1Psrx54FsfBHiu40tTg24tpbt
WdvW2p8USOHh2tu69M9K+nf2YfiJ4f8YJ4f0Lwb4Ah8Bx+HtMuLaTUIbzzvtEzRyeZ5pYkjd
yWGSRIw4A5+cdb0W40W8ktbq3ltbqFiksUqFZI2HUEEDGP0r2r/gm7o1r4p/ay0jwbeeJ9Q0
fjKx1DRLq1klMa3Sy2cpjj3D7pMqxYPY4NetWtKHNHbR/dqfO+zcZckkcf8Asj6otn+0V4P3
bfJuL77G6sAyukqtGQQeuQ2K679m34761+zt8Q9L1L5b1LiziuJLiz0W/OLdpiMwGXE9uSAf3UqAhl
IxzuAzWL49+F1x+1Z+0Z4P8AhzpPiTUNH4ysdQ0S5ttNgvPO+0TNHJ5nmlSSHzrgjPmZ+0Hz
WwJf7w+O+tzcrDrXrH7fy0y/arNdShWaHy+Bxv
yWGSRIw4A5+cdb0W40W8ktbq3ltbqFiksUqFZI2HUEEDGP0r2r/gm7o1r4p/ay0jwbeeJ9Q0
fjKx1DRLq1klMa3Sy2cpjj3D7pMqxYPY4NetWtKHNHbR/dqfO+zcZckkcf8Asj6otn+0V4P3
bfJuL77G6sAyukqtGQQeuQ2K679m34761+zt8Q9L1L5b1LiziuJLiz0W/OLdpiMwGXE9uSAf3UqAhl
IxzuAzWL49+F1x+1Z+0Z4P8AhzpPiTUNH4ysdQ0S5ttNgvPO+0TNHJ5nmlSSHzrgjPmZ+0Hz
WwJf7w+O+tzcrDrXrH7fy0y/arNdShWaHy+Bxv
WI7Zl+z3Fw10qgj5PNPmbfTCkkAVz4yp7SHL0kj2MpwsKs7T1Psrx54FsfBHiu40tTg24tpbt
qFvbazoT3QAeSyuo1kQkD721i6ZOPuZ61y/iDxPaG/iiXwH8Ao/Bcfh7TLi2k1CG887bRM0cnmeaVJIfOuCM+Zn7QfNbAl/vD476/NysOtesftvLTG/CLdpiMwGXE9uSAf3UqAhl
IxzuAzWL49+F1x+1Z+0Z4P8AhzpPiTUNH4ysdQ0S5ttNgvPO+0TNHJ5nmlSSHzrgjPmZ+0Hz
WwJf7w+O+tzcrDrXrH7fy0y/arNdShWaHy+Bxv
AMJf+wt4J8TNHJ5nmlSSHzrgjPmZ+0Hz
Jjlm6Z9OPYfnX5cDcL7OLUE9Hsi98vPirUN8RNSk/crb2MMreRC
APlUkgEnruwe5P6VwqRebOvRVyASRwB71YWyYDH8XvU1hpLTXax+ZHHuP32+6B/hXpUYwpQU
IaJH31SjVqNcyKvjC9j1PXZvssax2cJ8uBOBhBwCefvEDJPqawW0/D+tdB4r0S68N63cWdwu
rNbttbadwIIzkHrwcjqawW0/D+tdB4r0S68N63cWdwu
rNbttbadwIIzkH3BBqPStCk1W42rtVlBJJOOnX8a7o1lCN+h8/LPy9sdvO8rIyMGRhkEHIIr
VWLPy9sdvO8rIyMGRhkEHIIr+0g2srdYWm8m3UyxDoZJDwc0WsTUqOSadvu7aH0p488aTeH
Zv5Bw4fwp8uD266vlrG231a2h1TTbmyG5dQWU
AtsI467s/Srn7Oaal44/Y++NXgP7v9k2tr4tjEHwj4fhgDfd3KNw7c46k/3l546Hiud8X7vE/iG40iPbC2qPEk0jx4UhXDDPoAVz+frX
9M5XiJyrci29D+b+LsRQhzKT97Wx43o/hTVPGutW2n6PY3epalcZjitbSEzTykAkhUXLHABO
cdAaw79JIJ5FkVlkjcxurJhg3OQR6jGK9H8I+LvEH7NXxTsfEmh3UNrrGjyyPayuBMoVleMk
j+IMrsMDj3rioT/amtSXWoSSXDXEryTzMSzSO2SWJ6kk859a+05kkfkEqcqsvdKOjWLahLtV
d27AGe1fXXwnlvPhX+yu1nrUEK2reIYdbEDfeSQ2k0casCMcqpbAOQMZxnjz39m34Ex63HN4
k1SNfsduJDZRXB2xHYMvczHtDEOT/efCjPIrn/jf8Yl+IV8un2PmQ6DpbMLdWx5szN9+VyOC
zNyFzhRgDPJPg4qpLE1PZ0/hT95/ovM+5yfDxy6h9Zqq8pXUU+vm1ukuh7l+yh8UNJl8Wax4
q8TWfhuTR/Ct9/beqXd9AskxV4JbaK0iX77+a0uQCSqGMHAJwfk/4heM28Yz6Xuj2rpdktjG
Scs6iWRwSM8Y37ceiiqOqS2r/Lb+Z8q/MznOT6/T29qo28DPJtVdzLzk16GDwsKTc1fVJJdk
j5fNsdVxVV95O7K5bDbf4e4xRJDu+bd9c

uo7i60vxnPp9pbpxJbxTKXdW92Izj0IqS2uptI/4JXa1aw2Mki3njtIry4B+WARxKVDD3IUf
jVSjJ7919yen4HPKo2rdbX+Zc/bNtpJNQ+DqsvmQ3HgO0VH5wAFbc2fbvXlnhoeH5dQmWO3u
Jo4027mb7xzyR7GvV/23tUyvwZuI/lt18AW6BQeGwjhh/KvFPCrGGa4+8qskZAz93g8VthZW
X3/mepRqNUryt06eSMfwlJDHG063TR29u3mGMj+LuPpXW/CERw/HTwqJGZYW8TWbfu2IbDSJ
yD2rkdO0ma9sLxY4VZku9rAER4j65ye1dr8FoJLn44eEWjt5N0viaxmRZRsV081Bu57Zqq2q
/A8/BycopefY+gfC87WP/Cvpo2mvPsvxg1O5S2jXMjrGI2JHvx075rY+Ang7XviRqlj8P/DO
teHdN1D44anqetXGuLY/brmySNS32DDbQsnynzFP3Q3B55q/Dq3eTXPANvGsa3U3xtvbpJW4
jSJRGHUt0Gew74r3L4T/ALEX7UXw0u/EWvfDvR/AusabceJL3XNPjvLqN7nSbgsQJIzkZMiH
G3JA9smuGVS0eWLSbu0ns2n1/M0xFSNFSnU72TbtZ2VuzfqeW/BH9qPXPBVz44+G/wAUNQ8U
afpek6mNIsvG+noVsfDFxCdsSSWyL5fkyMihlY8hsH+8L3xH8QeMPhJozaX4m+APhvxJod9C
80PiXwrYgW+sMCDBc/uQRGrEKXViN2emODc0/wD4JfftleKfBPjLSbzwr4fa3+KGpHVtelur
+386OXzfMP3XIUFhkBQSO2K7j9mX/gnj+2l8D4bpvDuraDo+mxlIItJ1bUheW8qKD80SMreW
pPb5Sc89q5a1GCTnGzbabV2k2raprVa9Dx6eaU0uVy6907X6O/TzPl39sj4bWq/s7eEfGniT
wfp/gH4maxqctvLothF9kS8sAnyXb25J8s7sLu4yTn0x9jeGfEHgf9pL9nP4Jt4fsfEmqaf8
M2jn1CztdCKx2d+qhYmlvGZAEjchyF3hgOeK1vGPhb9t6LR7htW+Hvw/1jVNLjQx6ulrbTXE
sTuMW8Qzt+U8ngcd89eT+Mn7Bf7Zn7Qmmf2brmseH/Dul6x5MV5oenX4tbJogM+ZMIx82Dww
BJNcNT2lSChJqLTbTTbsn0S3+86JZhTdRVFJNq2l1ZtKzu/Rnz38evjVa6Npd58HfhzeN421
bxVq0ms+N9fs7co+u3LOXFrEi9IgAgJjIUnpjJzR8L6n/wAMReGtUsdeja08cfEjGna1psZ8
xfC+judkTqFBVZDuyAzcDZx1z9PeM/8Aglr8ZT8T/BviDTbf4R/DvWvhnp4s7Ce2uJHs/EbD
OAyMNyHDMCX5yx5PBGX4t/YA+PUsusbtB+CviJvHlwJdbupdQk+1BmYHyC7PkJGeR5foMciu
6nJcqp3TTV3d2baas29ttbHdRzSi3d2Uk9Ho1ZrdW3Pmfw94U8bf8E6vi/ceONQ0Gz8VeAZg
2k6ldC7iuIdasp+ikkblkUFeduMrjpXq1h8HNB0vw34T8UeF9Sk+I3w38A60+saJDpEKahda
XbTETT2uowFlaMqRlJCCw5JA4A7KP/gnV8ZHvtB0u40n4Tt4L+G+qpqcWgQaq4tPE8n32Ls7
M+8ABQJcDPUFevJ67/wTx/aEHxq1zx94H1Twv4G/4Sq5/tAadpusiJLMBvltpUUbJM8bsgqT
knrRWlzx1ajK2r2TWyT87PdG1HGRhNyglKN1o2r3erau1ocDD4/8B/ttft+2eoSaLJa+H7PT
5bi30++T/SfEM8UZZLaWTJBAYHDH+BNprN0D9rXTfFviq68L65+zT4B1C8+eIWOg6IbHUIXB
yvKqzHAGGwB6+1fS1n+x/wDtJaterdaxZ/BPXtYjG+21C5EMdxpfH8BjC4IPPfmt7xP+xJ+1
p8QpI7CT4gfC3TftEKwNqlp5UV0YyOdrrCHDLngjB75qfbN+6mrWXV6NdbpXKrZlhqUb31bu
9Fe2llq3qu54zJ8Tp/2dfD02m6X8N9C0Hxxrw36T4Q0SRr7UlARmebU3Q/PEobekGAOecYJF
X4IfAi+8b/su2vx0t9W17WvixeeLILVb21v5PJVjMqy2N3AMeXCIRk9sYAIXAr3T4Q/8Eb/j
t8KvidJ44h+M3gXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXT
p8QpI7CT4gfC3TftEKwNqlp5UV0YyOdrrCHDLngjB75qfbN+6mrWXV6NdbpXKrZlhqUb31bu
9Fe2llq3qu54zJ8Tp/2dfD02m6X8N9C0Hxxrw36T4Q0SRr7UlARmebU3Q/PEobekGAOecYJF
X4IfAi+8b/su2vx0t9W17WvixeeLILVb21v5PJVjMqy2N3AMeXCIRk9sYAIXAr3T4Q/8Eb/j
t8KvidJ44h+M3gXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXTfgXT
SGeJgQ1oqNhfOH8e4Hj0r2sPH3bng5hUcayg3b8e3/DlW6W31bwpa3U0bR3iyCPzPN+W4G4A
DZj5T159q/Qi+8J3En/BTfwLp+oQWf2qP4fIrqDlH/0eb7/r0x9MV8C+Ir/Q7q0htbfT5LS6
ivUJufOLwzJ6Bf4R3r9APENourf8FevCcct1Hb+Z4VVIQuSsy/Y5eFI7Yyc+1ceMlyyt5N/g
jnlFbpppNa+fzPlP/gnrKt3+3P4TkkWOzWO6v3j2MdhkEEpKqOy9ABXluu6LceMvHt5ZRs7X
mpeIWgWAE7HeR+w9c8fjXrH7D1is3/BQDwrDDCq2sGqahDEiZ24WGTnPfr+lcn4Ijht/23dL
tdyyfZfHEbM3qFuRxj3xWkZXk1/dT9DOnKPKurcrdrppbH1ZZw6Pq3/BSfxVeSTR2uh/B3wP
I1mYG8sQPHaICjH+I755fyHpXwn4f1NtUvIZoV/4miiSVJz1Yl2JLf3j719NeLJJNPuv2qvF
kMkixyXy6PHJECd3m3Z3KQOQMIMk8V8++GfAWreJ7e31ax0+S10myiFrNesVjj3KuW4bBY89
qMLG97dEl+r/ADCVO0l1u22vyf4GeupalF4dvhdXUMkdxcea25ttwJB/Erf0qxp+galc+H49
QazmbTVJhZ44gGkc9CR/GPetjSdF8M263Uy6la3CWKecUu1ZRqTE8JF6Ed6ml+IHiG08Ww6o
0yw3UKhLEwxr9jgjxgqU24zj9a6lHldj1I4dRtJu6fZ3t69jLvbCx0bw5G2rW9xeXEjYXym8
lMdt4xyRVV/EkOl6ldLYw/2barbbfJkm84tIRyyt2JFNt72SW0u2uFkvo2mwolJAVj1PtUkx
bVUCWVna2kNqQl2sjbtjDq5J6j6VMv7ppUqJysvd2t1b9WtS1pFxayafb+Z9okaRz5Ts5LI3
8R46ivSF06IJ93r7Vxej63DfXUlnJ/Z8ljYrhJIYdruO233zXqZ0Bls2k3lmxkccH1r5POqn
JZd7/oft3hzh41Lt2e3TY5ybTlTp/Kq72S4/+tWhdRkiqbD8K+dpydj9axWHhF/CVJrVVB/S
qEtsu6tSRMZrPuvvH+XpXZRlrqfP46lFLYvfGXUW1j9n74e/udq6PqOraaZePmDNb3Kj/wAj
P+ZrU+H3hf8AtfH3tf8AtvH3hf8AtvH3hf8AtvH3hf8AtvH3hf8AtvH3hf8AtvH3hf8AtvH3
lxXH6XrTWjhlP4Zo+qqUXBbp6/g/yMaPEkYYiM4y91rX7z0SKX/a96sC43pjNYOna5HeRK3n
Rrx0zg1oJephcSc/nivLlh5KVmfeYPOKc4c0Xo/M9a/ZE12Pw9+0Z4XuLhv3bXEkHH96SGSN
R+bCv0K8afv/AALq3k7WaSymVgeuPLavhP4RwXH4vJhlP4Zo+qqUXBbp6/g/yMaPEkYYiM4y
ZaG3hUKkwixuIZgWG4rvGVHfeEf+Cismm2q2/iTwvDHqjmv

EzLLalWrGrTT93RptJtXuml16nwOeYqOJrOcVZx0s2tUvmcn8N/jtN4d8DSaPHbws10QssrS
YbIZiAR68/gDzVoajb3O3dJHFuH3s8e+33zzXjp1qzh1zWIbdfMh+1SfZ5ePljPRjz0xxXaW
Hh2+tvDsN5cRssV5HmHkfKP7pOeMd/SvOxmWxpu691yd/Vv/ACPJwuIVR8ij1Oym8ZabpL+V
aK81192SZzwT2wDjJB9PWsnxP/a3iSKaSHWNJsbdV3ytcSfJGDkBmYY49+3XmuZl8JNqEKrJ
dNaw4+aRPkKjvj0yPX0rttGvPCPhLwI1rJJb6fpuqB0N3fz7JbksgBfJycd8DjqO9b4PDxpS
Uopyle21z2JShSheS1PnvxPqcngnU5I7fUrHUNQmTH2izk8yODOR8rjq2MdOmax9BS1a13SS
XU2pSTL9mt0jEiyE5+8D1ycDHfNV7ubSbLxheQreQzafbszmeI5RlAJwpPJz0z19q968R/sL
eMvBvwY034paXqGk6gtvDaave6PYziTUNDgnXzoJZ1YghihifbjIDHqF3H7OUVTim9L21el3
0R4NbOsLGShUklKWiR2H7J/hVrb9pH4Y/wBpXF1cap4qujqepLcsrNC8KT+SuMDZnLHbngbR
hStfdX7R/g218QaTNp8yt5N1G0MgX5ThhjP4V+f/AOwN47bxB+074Bur66kmul1uBVZm3BUe
GVGBz0yStfpF+0FH9ttUkt1+7973H+TX5fxhOrHEwktHZ+iad/ysfNyxU1mcYxellr01Pm/R
r5fCvhHR7OSTzJLNxYA7vmkaL5AeccnaD7Zr3TT/AI87dFjtWbayxBOOecYr5B8deO11m11L
7DdR/aNFulnMDHkJIwBb02liCT05FZ8f7Xel2FysMzLuGNzxP5kZ46g+n+ea+HxHDNbGWquD
lK7b7q9n+R+hS4dpYyK9ouaS1+87j9s/40NqGkSaPC0jXWoTRom1SzOC2eADk5wR09K/Pn4t
+JYfH/jyTb/otq5SNVD7giqoUcn1IHPvXvHjL4533jj4vWOoWKqsdq5WASDhU/jYjqMgZ9Rj
PUV8t/FLxHa3/jbVtS03dDZzahLPaJtAKRlyU47EAjjpX7XwPkMcLQUUrSSu/Jvp+B8vxZRh
gcKqFNWb1evkfQXhT9mK4tv2SLXxvcNpq6Zq17dGzmErNdyhQsYiZPLCBfMik+YydWHHJx4D
8WPAUmg/EbULWOSHybJtiXRYJ5q7QSy89wSMf/qr6c1f41WY/ZV8D+B7eS3uLVrc61aXcQwS
zSSx3Fq2VwzRSkNkE539MAE8j+0B8L/Dvjn4O+F9Y8OXE0muX8ltpV9pUgTzdQvJMjzoG35b
D4jKADaSGIANfr+U1IxlGmouUpdezt1+4/jfi6nOdWVRyVk9vI+MfiARd6jG3ysuMfLyoPOS
PX2+tanwZ+Ec3xK8VwwrHM1qsiIViGZJmY4SKP1djwOuOTggGr3jf4bTaF49vtBmXdfaTey2
Ewjyyh4pGjbBODtJQkcA8DpXsHjOX/hk74f2Oj2My2/xA16D/VxufM0K3lVMu3GY7uUccHKR
9gzDHpYzEVYP2UPid16Luysky+lKj7ap8MbPzb6JHN/tU/Ei38F6Fb/DXw/dQzfYQn9u31tJ
+6uZlA2WsZBOYYD8uf45NzY4BPzXqVz8/wArbtpPOOlb3iZJrPV7qG4X99bzNFKN2fnUkHn2
x171zs0vnNt/hXg+3PWurA4WNKCS33b7t7s8fOsdOrUdtFsl0SWyQ5E+0J+p/wBnH8//ANdf
TP8AwTy/YMuv2u/FWoaprmof8Iv8MfCaLceJPEEmFjhTqsERbAaV+AAPug5PUBvPvBn7MGqa
78OtL1jzGj1TxJffZNG0lgq3GoRtJDEssakhmV5JiowB/q3PI6fqx8Qv2eL79mr9lrwz8LfD
K29n4R0X/id61qcll9pXxbrNsfMntZ1Dri3IT5d4yVtsDdtBPk8QZ5DB0lTi0pSdk30Stdrz
OzhfI5Yyr7SpF8sd/N9Fc2F/aT034Q/DTwzD4P8AD/ir4X/ANbj7BpGsaA9ul3eXEZkMlzdL
h55Idqyu2UIYpnoQT5H8aPF3wX8Ga7ceJo/FXiTx1qnqV2yWNzM2XQmNI0Xy95VsK
QMKnBU4PnPxW8BafZ+MdNt/G3jKTWLjSZbzW9S0jSYZ4o4tNngectBIzrHmUlVdEG7D9wpJ+
M/jp8cL74p+NdY7qTdb/ANoSl1gVsrDGoCIucDIVVVc4HSvm8Dlv1yoqt3qrt33u9L33uj9G
rYzD5fScZRVraJabfmemeMv+Cg3xIuL/AFBv+EqvPs+QsSCPzGJ2IrBsKM4x6DFecx
ftXeKNL1hdStdQaG+WQyiaONFcNu3E5A9efxNeR32tSSM33t1VzqG0f4kfn/APWr7LD5PSpw
sorzsrH5zmHFDlNqm3FeR9AeJvjFo/7WenNb+LmtdN8cRhm0/wAQbEhjvyORBeYA4wMJIBwS
M8Zzyf7I/iWx+GX7W3gHVNaWaGz0nXoHulHDACQDBzwRnGemQT0615O9yzDr7/TpXp37OPwy
uvjZ8VrGz/tCHSbHSY31fVNUnUyR6ZaW+Hkl2j5nYnaqqOSzqOMkj0o01Si0vhtt0XofM4jF
fWZc1lzdWla/rYvftXa1r3i74zatHrzXknirTtQu9MvI5Gy8Usd5MVjXk4RFZUVQSoCqFOAK
1P2tZre8/ag8dTWf/Hu2rPwpyA2xd4/BtwruPiIy/Er/AIKOOAK9rTpBta82pRvpfnyvy00Ttj5Wq0LB
aZCZEigkuIpQVSWUBZTG24BTkjDba8z8b+GtW8GtvW8SfEnxXZ6Dc3Ft4Z8Q6Ppl1Ja3Ml1
AB546VzyklaD7X+/oehlMff9o9LaPsfQn7FPh5vGP7FZh5vGP5FZhzVe3
lSQcdjXkaXXnPubv/n8fxr6K/wCCN49KgH89rB40+KGm37Mm8ZabpL+V
vnWeDdJIsbFo97bCepGcCvj8dWTrypW+Gzv3uv8AgH71wTpTpBta82pRvpfnyvy00Ttj5Wq0LB
mHAIxygHP1NOaW3j+W6jaGQhDhtrDngr71Je2v/ABUMlnNDeTSJCqQKJFWbbtyd7dOK7sH/
AAzwc6u67l6f1Yj02+3JdWslv++tYvJvJs3UlvJkJyTu/GoobkyXtnD9jhumt2b7QFjAS49d55
ywp9roNxFDeW/mRra3i5w8ivIj9cdce1O0/TZ7zwbdeSxd4RFZUVQSoCqFOAK
HxX0d/orWNNQmTH2izk8yODOR8rjq2MdOmax9BS1a13SS
XU2pSTL9mt0jEiyE5+8D1ycDHfNV7ubSbLxheQreQzafbszmeI5RlAJwpPJz0z19q968R/sL
eMvBvwY034paXqGk6gtvDaave6PYziTUNDgnXzoJZ1YghihifbjIDHqF3H7OUVTim9L21el3
0R4NbOsLGShUklKWiR2H7J/hVrb9pH4Y/wBpXF1cap4qujqepLcsrNC8KT+SuMDZnLHbngbR
hStfdX7R/g218QaTNp8yt5N1G0MgX5ThhjP4V+f/AOwN47bxB+074Bur66kmul1uBVZm3BUe
GVGBz0yStfpF+0FH9ttUkt1+7973H+TX5fxhOrHEwktHZ+iad/ysfNyxU1mcYxellr01Pm/R
r5fCvhHR7OSTzJLNxYA7vmkaL5AeccnaD7Zr3TT/AI87dFjtWbayxBOOecYr5B8deO11m11L
7DdR/aNFulnMDHkJIwBb02liCT05FZ8f7Xel2FysMzLuGNzxP5kZ46g+n+ea+HxHDNbGWquD
lK7b7q9n+R+hS4dpYyK9ouaS1+87j9s/40NqGkSaPC0jXWoTRom1SzOC2eADk5wR09K/Pn4t
+JYfH/jyTb/otq5SNVD7giqoUcn1IHPvXvHjL4533jj4vWOoWKqsdq5WASDhU/jYjqMgZ9Rj
PUV8t/FLxHa3/jbVtS03dDZzahLPaJtAKRlyU47EAjjpX7XwPkMcLQUUrSSu/Jvp+B8vxZRh
gcKqFNWb1evkfQXhT9mK4tv2SLXxvcNpq6Zq17dGzmErNdyhQsYiZPLCBfMik+YydWHHJx4D
8WPAUmg/EbULWOSHybJtiXRYJ5q7QSy89wSMf/qr6c1f41WY/ZV8D+B7eS3uLVrc61aXcQwS
zSSx3Fq2VwzRSkNkE539MAE8j+0B8L/Dvjn4O+F9Y8OXE0muX8ltpV9pUgTzdQvJMjzoG35b
D4jKADaSGIANfr+U1IxlGmouUpdezt1+4/jfi6nOdWVRyVk9vI+MfiARd6jG3ysuMfLyoPOS
PX2+tanwZ+Ec3xK8VwwrHM1qsiIViGZJmY4SKP1djwOuOTggGr3jf4bTaF49vtBmXdfaTey2
Ewjyyh4pGjbBODtJQkcA8DpXsHjOX/hk74f2Oj2My2/xA16D/VxufM0K3lVMu3GY7uUccHKR
9gzDHpYzEVYP2UPid16Luysky+lKj7ap8MbPzb6JHN/tU/Ei38F6Fb/DXw/dQzfYQn9u31tJ
+6uZlA2WsZBOYYD8uf45NzY4BPzXqVz8/wArbtpPOOlb3iZJrPV7qG4X99bzNFKN2fnUkHn2
x171zs0vnNt/hXg+3PWurA4WNKCS33b7t7s8fOsdOrUdtFsl0SWyQ5E+0J+p/wBnH8//ANdf
TP8AwTy/YMuv2u/FWoaprmof8Iv8MfCaLceJPEEmFjhTqsERbAaV+AAPug5PUBvPvBn7MGqa
78OtL1jzGj1TxJffZNG0lgq3GoRtJDEssakhmV5JiowB/q3PI6fqx8Qv2eL79mr9lrwz8LfD
K29n4R0X/id61qcll9pXxbrNsfMntZ1Dri3IT5d4yVtsDdtBPk8QZ5DB0lTi0pSdk30Stdrz
OzhfI5Yyr7SpF8sd/N9Fc2F/aT034Q/DTwzD4P8AD/ir4X/ANbj7BpGsaA9ul3eXEZkMlzdL
h55Idqyu2UIYpnoQT5H8aPF3wX8Ga7ceJo/FXiTx1qnqV2yWNzM2XQmNI0Xy95VsK
QMKnBU4PnPxW8BafZ+MdNt/G3jKTWLjSZbzW9S0jSYZ4o4tNngectBIzrHmUlVdEG7D9wpJ+
M/jp8cL74p+NdY7qTdb/ANoSl1gVsrDGoCIucDIVVVc4HSvm8Dlv1yoqt3qrt33u9L33uj9G
rYzD5fScZRVraJabfmemeMv+Cg3xIuL/AFBv+EqvPs+QsSCPzGJ2IrBsKM4x6DFecx
ftXeKNL1hdStdQaG+WQyiaONFcNu3E5A9efxNeR32tSSM33t1VzqG0f4kfn/APWr7LD5PSpw
sorzsrH5zmHFDlNqm3FeR9AeJvjFo/7WenNb+LmtdN8cRhm0/wAQbEhjvyORBeYA4wMJIBwS
M8Zzyf7I/iWx+GX7W3gHVNaWaGz0nXoHulHDACQDBzwRnGemQT0615O9yzDr7/TpXp37OPwy
uvjZ8VrGz/tCHSbHSY31fVNUnUyR6ZaW+Hkl2j5nYnaqqOSzqOMkj0o01Si0vhtt0XofM4jF
fWZc1lzdWla/rYvftXa1r3i74zatHrzXknirTtQu9MvI5Gy8Usd5MVjXk4RFZUVQSoCqFOAK
1P2tZre8/ag8dTWf/Hu2rPwpyA2xd4/BtwruPiIy/Er/AIKOOAK9rTpBta82pRvpfnyvy00Ttj5Wq0LB
aZCZEigkuIpQVSWUBZTG24BTkjDba8z8b+GtW8GtvW8SfEnxXZ6Dc3Ft4Z8Q6Ppl1Ja3Ml1
AB546VzyklaD7X+/oehlMff9o9LaPsfQn7FPh5vGP7FZh5vGP5FZhzVe3
lSQcdjXkaXXnPubv/n8fxr6K/wCCN49KgH89rB40+KGm37Mm8ZabpL+VvnWeDdJIsbFo97bCepGcCvj8dWTrypW+Gzv3uv8AgH71wTp

W3SOecfxMEIJz7mvBrU8RduCav0TTV+trq6PLzaVWpJuWqWyWlktr3seyJ+wv4ivbRptL/b0
0O0TdysnjiVgE+onHP4VHa/sO+Pl1bc37eng+603biKY/EO4hmJ7jy97Af8AfVcfoP8AwWX+
DKXm26/ZV+GM2j3jbFRBbi6Mfof3eAfwFdpqH/BU/wDZL1bwvDfL+yXo7WasYnXNokiuv3sA
KGI+orOnRxFvffW2qTf3pHxvLilNyhF+qStb5s0tG/Yx8TC3mbUP+CgWi2m1SmYfFkt4m09v
mul/Os3Xf2LbzUZPOh/b60nUJIe8uvMpXaO3+mHP4VRvf+Cov7JMsVr9n/ZHt1+0RtJHva38
s4687cVRT/gpX+zHqFnDNB+yHp0zKhlhHnwqp9ziPkfWpqUK0dnfzSX6nZRp4io+bkl6WS9e
pj69+wlNLYzah/w3B4GutUumJKXXiRkWT1LN57EH22/jXDyfsGXltdx+d+1h8KZGs5jLaPF4
mLkSNwzFiRjgdefwrsPE3/BSf4NvBY3Vv+x34LtVmLbi4jIcdsYh/nWPrH/BTD4NwXF1HqX7
I/gmxsWgVoCpHmM+e5EQAH054/LSNOta2772V36HvYejOKTcJWfRtK3rZnNr/wAE6tNXUmjt
/wBqb4b+TqUrJfudZ2vJ3DbRIfMyf7xHrk1ai/4J9WNrHb2837Vnw1WGE4CLrxYIM/wrvwK0
Jf8Agp78Gftkca/sr+AftDAJCuArMp9vK6+9aVt/wU7/AGfQ7Wt5+yz4VVox/pLI0JMf0/df
1qZRr21TfyR6kack/gf3r/MzbT9gTwu0Vx537Wnw7hupmAUrrfyun+0fMzXTeGP+CbHwzkuo
7rW/20vBtvNCmVks9QWSSH/d/f5P04rJT/gph+zzpsn/ACan4VmWQ74HmmhDSJ/ew0R/ma6z
QP8AgrX+zjolzJI37JPg+RreNS2WsdxJ9F8g5/DJqaNOtvqvJpfojysdha04OMYy07Wv97NG
b/gmb+yzLN53ib9sjUNdVRuYW1r5jEem4NJWZffsdfsE+F7VY/8AhcnxG8VahGzbo9Ospm3/
AFX7OOB6g13Hgf8A4Lw/CPw15cPhH9m/QdPZl/ew2+mRNNJ7Bo0GPxBr0q2/4OH/AA2tlDZ+
EfgH4jm8RRwH7RYppoj+y3BPYqhJUj1UGtKlOtLq0vLS3r0PjqmDxkJ/BJ66Xt+iZ8t6T+y5
+yL/AG2zaD4V/aa8aLZutyyaVpYaPy1OSzAgNtPQng+mK81/aFmXxT+zd488VafoeveG/Cup
ePxPplvqNs0M0YaIqyk/3uOecAjFfZniL/gtd+0dL4jtdPsfgHovh268RIBZ3d3bXCrag8B5
2HA2nnBx9K+b/wBpn9q345ftWaTH4f8AH2h282i65fJpllpcdtFa/bNTt9rPdsdodYOD0O0i
pjTnopy5tU7t3dr9F5n6JwzisdRk+eKjCSs029+9kkfF/jzXob7w3Y3FnZrDYaTAbe3Zh88s
pcEyue+DVXxJqkOp6PZ+Kvs7faNQD2d/GiYjM6jCSR9jkdcGt7xJoPjC18Faprmqae1x4V0x
ptMZNoW3Exfb5cZXsjEMG/2ay9T8Va9ofww8FzXl1b3Gh5mOl2qED7LPEwHmtgZLZPQ19Jhr
ch3ZhUUsRrpot+j6NeRyAsphpE0nktHJGy+epGDgtx16V+itzqFvqX/BTj4a3mlx/amj8FW7
/Z5Dta2BtJgFz3OCP++q+C/FXi+81G1mXUlVta1CdLuW+J+e6UY2qQOOM56dq+1Lm/k17/go
r8K5pF+z6ldeEYTdXCqQZ2NrPyVHHtXn4ym3K3k/xS/A2oxXLdapNKz/AK36niv7Bms3mqft
6+E7eNobNbHUdVlaHblrbdBIXDHv0wCfSqP7NXiDQ7z9tzwnJcWdndSTeMLiWaViT5m/YIRw
OnmdO2TW9/wTZv4E/wCCjvh2xWNo2mutVtNQ2ksJlMExByfdc/8AAa9A/wCCWfhrwy37RPxg
0vS7q1j+Imm2dy3gu7uSgVnjkkWZYxJ8nmNHtAJ5A3Y4zWeI9yEpqL0ilo7fe/xOP61GP7t2
+Ju/b0/UzfjpY+IPg7+zv8fNQ17QdQ8J6x468aolq17E0L31qJjJshU8OFGSWHBDdTXy34z+
JGrfECK00/VrzzrHQ022YWH7K1wrc+Yy9Nx4/Kv0y1DXZPiJ4muI/idpOl+MLXwHpHpLajoGmw
339oWtlqT8MupzrwWaQZ2HjH4V8I/tM6neftA/tH6pcQ+H1uNYms4xf2OlxG3trK4RQr+Xn+
BcDk8E5rHK8d7SbpyilK15NNNLRJebNpU5SftIt8qdktbN3u/TueVxwte+H40VZGbT5G82In
aYgej9M4q5FdzaS1uy3Crb7QWBGRke9aHiHQ49Btr7TW1zS7iZ3ybiJmaWc7R+5lI4Cqe/rV
XSrOPSrfSbi8VtWtcyfaLW1l3FyB8hbHYHH5V6nNqehTqTUbLTuU57T7Vov2y3kZbea8GUc4
yfSrGpaI1hqC6XuVY9SczOQ3KOP4ff6VDbXtxrAZb5jHZwsZVgUbFz2waEuI9Z86ZvMWa2X9
3uY/ul7OPU1Wj2Oj921ove0/4PyLnhewWHUdsc3lwrM0LyuuTt7nFe4PL5ce3cfUex/+tXjv
hTTftFvJdNcf6H9pQ72H7yVj97ivYJ1yefqeK+NzzRpPz/Q/oDwxo3Tduxk3EH+RVOW2+atK
aDJ/xqvJA2K+bpz0P2bFYa/Qy5k471TuLbc5/vVqXMOeffGMVTkgYu30rspyPmcZh+lj0j4q
+GpLb/gmhps21m87xw94dq8Iv2V4ef8AgS4/GvF7i9tfE/wrs/D7brPXvBr3FzHG7jF0jyB5
lHTDxhVO3rw3fp9IfF9Fm/4JpeFYWZVjk8VrBNuPAjJumP8Au8qCTXzXqWrw634jhupNtjY6
PeXF3Lcw/wCscTSl0iQ5+Zm5AA6Deeik19NlNb2lBuW6btby/wAz+Z+KKbjj5WXk7+bPQPDf
xm8O+Dc+Ddc+Ddc+Ddc+Ddc+Ddc+Ddc+Ddc+Ddc+Ddc+Ddc+Ddc+Ddc+Ddc+Ddc+Ddc+Ddc+
D4YzRqu8A600bEdvlaMHJ9O1cf4x8XeH9I0yOOz8K6bYyTRh1SSZ5WjX3+bIbsM/WuR03xVY
ieRrjS/OjYYAim8vYc575raVGU1z8rXk7a+e5tgcwlhY8kZ2vrZK56qdqv7PkgEi/8J18N5N
7srred3sPk61l2P7JuueI3uGsfFnw3dqvqK+RVOW2+atK2Z2vrZK56qdqv7PkgEi/8J18N5N
d3XXp2xUbeIbhWQWSRcZ/GuAcu8qCTXzXqWrw634jhupNtjY6PeXF3Lcw/wCscTSl0iQ5+Zm
na3fH9asDWbW5t9rRqzL3C/NWko1G/dtHu2r/qjjoxioKMZ6rzX+R7cP+CdnXceD23H6/vWP
aNviO14P/fValn+wF8TqUPOFjgtkdWP
+8XBH0wTVyPxJo5dfsN2qpTldVLP1X5H0R8/hPefs2
eJG8Pefs2ZpTdVLP1X5H0R8/hPefs2ZpTdVLP1X5H0R8/hPefs2ZpTdVLP1X5H0R8/hPefs2
eJG8Pefs2ZpTdVLP1X5H0R8/hPefs2ZpTdVLP1X5H0R8/hPefs2ZpTdVLP1X5H0R8/hPefs2
cdKzwOBvO9rRW3RndmGMck+bY7j4d+HNL+PX7NwlbPUM
Yyw554Ffa2uftFa9+zt4ss7y+/tbULfx9qHiXVp7LzvNjuLmHbbaZay+X8726RqieXuxukHQ
ACvj3/gnzH9s/bK8rhf+P2BrgtcmvpVDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vev
mJivAKqHdr+P2BrgtcmvpVDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6B
hDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6BhDKR
+vevoD3/RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vev
oD3/RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vevoD3/
RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6
BhDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6BhDKR+vevoD3/RgW6BhDK
R

d6qcH6ZIIr884ppxnVpt6uLav3TSab/I+kyWpLFSjWfxRVvVI/N+08bQ6d428UaffTeTJeRz
W6knAkO7ofyPHrWJ8P8AwBZ+NvEFrpq65Hb3V5OVWKW3IUIEkYsXzjI2KNvq/sawv2sopNI+
N3iBY93kx6hMm8gKpbeScdMDn881i+G/jJrWh6NcSRra3FnZpmRbiBJAFlbyyQSM8njIPrX1
OBy1yoKpS0cor5O2h+tYPiKjSjaUuVq1/uOi/aV0qP4P6ovh+1uma6jEiXUybczpIkMiDIYn
btI4IHUjnJNeP6B4AuPFp1Bbfbt02zkvbg4B8uJWCsxBIIwXX863vj/8S4/H/jK11KPb81nb
wyhYwq+YsahgME5AIwCecAeldV+zt4YmPw7+KWpRruuJPDn2aHptZZJ0L7SeuBGhGOefcV9N
gabwtBOpKzaV33bf+Z+U8ecRe155LV6JejSu7HM/tSax/wAIrL8PbOzdo4dN8PqsYG0FnLBJ
QOcYEkXPPXNdt+xD8T9FvfEusaT4i1TT9KXVLOO9tWv7o21rc3NrIHjiyARubcCDtJOwjBzi
vPf26Lmxfx5Y29jJC0On22PKiIzaSSfvXjcYwrrKzuQrEYkUcEMox/2QPhdD8WvjLp8erefH
oemxT6hduqArBHDE0jSOcgIDjGTwCR619pltb2NBVPikk2vP0P5zrZbLGVlCekZPV9le7Z9F
fBbwDp+s+KNQ+KXixdJ0+bWtRaTTo7yNxbyX0m55LqTCk7Qyvsj5EkrKuQDmvjH46ReLLXxj
NeeMLfVLXWtYX+0HXUI2Sd0ZnUOQ3IyUYYPoPcD079r/APaB8QeNfiHZ6etrJ4d03w20Vzpm
mMm0W7FFeOV1JOGKlWAOQA2Bkklqvxb8OX37Tj6T4g0PRdL8OreW+oyqst3c3Ml3LF+8aKW7
mLCa4kZJWjQBcDjJG2tsHd81eu/ek7vXRLornLmlb2DjhsP8MdNN2+/meB22l3Gt/aPLVVjh
jM0ksjfKoHqe/PbqSfwr6W8XfAP4Y6rrXgnUPAfh/wAfSeH7q2kOtX+q6fN9ltEspAbm7kKq
RIJEIyI2RI8rlSWKV9EfsQf8Ev8Aw78Ovhy3xU+Pl8mk+F9LAvH0yVgvnMA2yNwCWeY4GI1+
6DyMkCuZ/aU/4Kw6b+0B4l8UaHa2s3gnwPfacvhPS7fT7ZZJLHSZpXmvp2TBQ3Fx5MEZx9xZ
Cw3FDuqjmSrVHToq8Ve8r6J9Eu7PDrZNUhS9tVlZvZPV99ir/wAE2vBWqfEr9t/xZ448VMt4
vwt0ybUoISB5EdwdsFnCidF25DDAIDRjvgn7W1X4h6H8bvir4g+HNxqFvo8cnhmCCDXnIWSy
1iO6EYlhLFR8szlDyGY8AgEbvmH/AIIua/pfws+FXj7xNq2630XVvEujaY00x3RwQxSSSkFj
jICsgPTgDpW94v1fw/d/HPUtY8K6XrU2h6tr2o6Pba1MVWxmE9tNdR20SMQ3mJcqGUhTjnJy
wUfE55ReIxj9rFuMUlFrbRJv536H6RkcZYbL0ovllK7vpu9EfOP/AAUI1bxh8Hfj5daH4sh8
vxJpejDTHut5aLUbeWB4hcIcDAdJCSP4WJB6V8Y6jqDTSbm3fMc/l/k1+0X/AAW18M+Hf2rv
2Qrf4habayf2t4Z0ux8R6ZcIFUm3vWSO9t2GfuqwV+cnMZxjJz+KcpWV/wCWPwr7jh/2UsPz
QVrWTTVmtE9ux+X8QZ5WxEvZzteLadtm07NjHJOeeMYNI4Y/N1Gcj8aaQArDdn8K9ouvgl4V
8Jfs1+C/emzTTVmtE9ux+X8QZ5WxEvZzteLadtm07NjHJOeeMYNI4Y/N1Gcj8aaQArDdn8K9ouvgl4V
8Jfs1+C/EmvalfLrnxCvb2azNuPMj0mysmeBvNj+87SzEbcDAWM8jDBvoOZRPk9X0PH7aEMO
fu+47Yr6E/4JuaTb6l+0Sq6lrj+G/Dtnpsmoa3qqKrNYW1vJFcKwDArlpooEGQwJf7rZAPlP
g34H+IvibrmoWng3R9W8ZLpqLJPLpVhLMsMbHCs425QE8c4xz6Gv0U+Dnwc0/wD4J8+HfD4w
t1TQ21D4rfGjTrTXNdvtShU2PhFElzYWkke18s12UWTdt+8q8ZG3HFWlTbXbbqTHFKlJW3Pi
3QfiPcfFb9pXWPHE02qW+pTX82qWlxbQRTyWk29Utnl34RVRmTLHqRgDJGP1k/4J2/BDwz4K
v/E1+cs88mGupI8xqSANinLyP8gHLd9or8/wDxhC3wh+Lsfw7vLzS7jxF431qL
xD48MEJWOzuN5uItLjOSNqMxZivVnVd2FNfdn7L3xk1bxZcW8Z1Rbbw9Z20Go/Zgq5kM22Yh
m6jO5gBkYzXzeOx0KM4ynpG1vl5n3GDwsquFcoaSaevZ9DU/ak/ZI8G/s+/Efxd4i8M2cfhW
D4mfCvXLW10+zjMcJ1KwaG63IFOELRLkqMDMbHq5FflLFcKbddvoM1+6Hx11FviP4J+Adv2
kdxqtzJrVvNGfveXcWpjweeMwup7nKj1r8LdY0648O6xcabdRtHdafPJazoRyjoxRh+BBrwY
1PbOVRfC3o+6Wh+jcD4qdJeyk7yilfW7LH9riSz8tV2sTyQetQ2+5mqOCLA5qxA2386zlFJW
R+zUZTnaU2aFjtC+3eo522MMetVxcbKgvtQCrXPGm2z1KmMhGlZ9C3dmO7TyZJvJ5BVjyAcj
r+tbGo6jHpGsPYzwreM0AWK4QZMo2jmuPW9+0Cfcu5tmE/2WyADXUXN8ugeMbGYquoXE1kqX
YcHEcuMZ47gAV6lCm4wsfI4zHe0quUV218ttihaQWOkmG+ZpLj5tsSA42y9efar+sXK3a3C6
tbrGyr5yiLIBB6dOM1Vm06HT4rpVaS/0+4XbvYYEU2eAcd/pTtPttSt2vIw1vJHJCqb5mBRV
7itJWOeNaUU1bR/1qGsRQrpWn+ZbtHHKE8qUH58Z5yaZqdy1pqVwtruksViYoFyfL5wxI9ev
WtGCSzv/ALPeQtNDpunARpbyncIHI5IPf5SuearxaRdJrEi7be8XUIZI5JpGJUMwyJSOxHbFT
ys0qc1uaK7f16G18ENRuPC/xk8K/2fDb9Z1r9phri1jjbW
NHup7T7QdqSy+czZUngnJyMfpXq37J/wg8Ma1+wg8Ma1+wg8Ma1+wg8Ma1+wg8Ma1+wg8M
d6g6RAjOSTwvQDr7J+1f8M/E3xL4vLr4dXQ9Fsm1Rtcs/Ijh0YuSba20t0AN0vCpKsj
FvRs4rzY5heo6cYta2bbTd090r3sebWjDltKSurtapK1rW23ufEtxZR2/wDwTl8DzR3H2jVP
+E1l+xWrL8vQ7gT6bgv/AH1UMenjU/2DPH19Iy291D4whFxbrnYCeMj8Sa1ruxbV/wDgl94
vI7drf8XAH1UMenjU/2DPH19Iy291D4whFxbrnYCeMj8Sa1ruxbV/wDgl94vI7drf8XAH1UM
z/UqjUVuZbcttvI3v25JFs/D3wD3wPVZrxYCeMj8Sa1ruxbV/wDgl94vI7drf8XAH1UMenjU
ftn6gran8IVWH95p/wAO7QMoGRuCuc15r4N1a10rUZrxVjt5LiFMqFM3Xk/TkVWHk/Z8ndt/
izuwtNzg3DRafkiTwl4jX/hEoFvrq+u9Fjkt7VtMRygnt1bdIu/HykkV6p4L8C32taTdaXqE
jzuwtNzg3DRafkiTwl4jX/hEoFvrq+u9Fjkt7VtMRygnt1bdIu/HykkV6p4L8C32taTdaXqE
jzw54N0yBfkt7VtMRygnt1bdIu/HykkV6p4L8C32taTdaXqE
EPhfXrUu0lvNYzX0dx3RiynC57isK1Rx816Nn0GU4OhiKKjJKL01bt9z2v8AM7mb9vxlqSL
Da618M9Ts47U3ltMbeO1Oowr1KYQFj6+laFx4P8AFHgQ2+CL2uNf+GQ2+CL2uNf+GQ2+
NyE7eO5rnPC3hlvBfwq8Q+Ibi3ZtS8Q3Ftp1rIvzSRwRyNNMB/dMjRRn/rnXzx+0Z+0Z
P8Ofjx4Z8Ka1qGqaf4Ts9Ot9Ut7ZZ5Ps+qXEsjRxSeWpwzRxxSMMjIEwPWvzvMMPUxFWM
KUeZ3Wp+qZbiKWGoSqVpcsbPTqfpZ4Y8Q6Z4y0Gz1jRdQtdU0u8jEtvdWsqyRTIe4ZTyK0K
/Ij4Y/tJ+Ofgb4Ut/DPhzxDJZ6Ha3Mt1FbyQRzbJJSC4DOpIBIzjOK9Q/4eZfGz/oZ
rP/wAFFv/8AGq+Ux3DeKqVnTSkvJ3P0PLeNcDRpKNZOMvJWP1Ior8tf+HmXxs/6Gaz/8FFv
/APGq+Ux3DeKqVnTSkvJ3PqMt41wNGko1k4y8lY/Uiivy1/4eZfGz/oZrP/wUW/8A8ar5
THcN4qpWdNKS8nc+oy3jXA0aSjWTjLyVj9SKK/LX/h5l8bP+hms//BRb/wDxqvlMdw3iqlZ0
0pLydz6jLeNcDRpKNZOMvJWP1Ior8tf+HmXxs/6Gaz/8FFv/APGq+Ux3DeKqVnTSkvJ3PqMt
41wNGko1k4y8lY/Uiivy1/4eZfGz/oZrP/wUW/8A8ar5THcN4qpWdNKS8nc+oy3jXA0aSjWT
j

waj1jwnp8ltb+TpuqW8cK4nkS+89CTzsUFQM8jPNe9eDfhF4q8ZaRrUi/EzwDocN54ku9OvY
7nUo4k1CWJdzXEbYy8Ln7o4GSDXM3XwI17WtJ0m3j8aeA5luNPm1ZIZdXit1twkpjMRc8NK+
3jJ6L1FdH1i3XX1Oqnl+Bcfhf3L8zy+08JQ/Z/M+w6hJPtKQD7RhEUj+LIyG7gZINSWHhGzX
TIrC80iSNbMmTzolPnXhY/KjDsfTmvatQ/Zh8VpqU1n/AMJZ4Dha3urSBp21WCKMieLdvyWJ
zH93GNx6jNUT8CPFOuzxafD4o8DeZcXdzZJJLrUSCP7McLLncWzKc7eCcYzgGs/rDtq/6+89
ajlOW2vZ3Svsn0POfD3hO8tJr2FdH0WZbMLPHFcwLdzy5xiKE4+cjPK9Bg16N4Ds/EmgaVou
sWfgDSVuF1ANBdL4WE/nxn/lpbjIEwUjDY+6cc02H4N+LrXxHdXEnjDwLa6tp9hFqcXk6lBs
d5pDH5IbITzF2ktjOMjk5r0DwhdfFDwPJNY6b8cfBOnpo95DpaFrq2mjgidRI88W9cHazbTg
ZODzxWcqku6fq3+KR5uIwuEjDmpJ+jSX4nT+Cfib8aNG1K6m0HSfFkeqeabVo7D4XQogl6hf
N35BI55Fa9x49+P2uahY3GsQ/HG1vrMt8uleCorW4VO+ecSpnuRx6Vc0D41/F/Sdcvrdf2tv
Aen3i2Md9HJ9gtGiknztEQby8BeOoyT3TnNSeIfih8YNU8SKurftbeCVmaZodPntILbF1iMy
N5ojQCNcjHzEj8SBUy5rXTXpZ2t9x8bWpuVZqMFa299b9uxn2Wq/Fi18Hs1v4T+LV9Nqs8kW
of27fCNrgAgqZgVH2ZCehHYEV3enW/xGZ7XXNY8QfBm+1jYwmXU9QaaS1hZSHtoUC43Bf4s8
n1rxq88Da9rPg6S81T9sDRWsfESn+0YZ5ZWaR8/OoTdu2jt8q5HYCvM7f9lX4M29z/xNP2iN
HbzgRG9p4du5Sfdjn9Kmnh5Sldta9k/zZ6WHoxcLSi013X+RVv8A4peHbzxNrHhG83XXw61K
0uCsJJR47iLMiugAzy4x9DXhfhfwhpfjPxRJHo63lxpOn6ZLq1zbs2XtnQ/MqDuB8v1Fdv8A
G/wH4N+Hs+jL4R8dN40WZJo52NlJbLAAPlxvHQjt7V5x4ev7rwxrDfZW+wtd2LW4e3bO9Gzu
8zHc+9e9gbQp8vQ8nOKKVWMuXtfyVtF6dyGdbfxNpuoX13IyTWMayWzKuRKC4UI3oa+1rXXJ
Nd/4KNfC9brdb3X/AAiEEeMYjMn2OVuv93nr6ivi+bwu3/CG3GsRt9nsY2SFbdmILy7h84Hc
da+1NDs7HTv+CjPwnm1S6m1S6uvB9tI0ZGzbM1pMoXnsRz9TWeKtzX62drei+RwqDUdNHdP1
81+SPFP2Bb+PSf2+PD8e6NfsN7qyLdW43faXa3lU7z12eh96848L+FdW+IfxNt/Cfh2G8fxl
qmvzQ6fJbyGEL5hwXWUYIC7ST2xkmu8/ZY0O40/9ufQbOSxm8OyJrV95whb51jCsfL3H5SBy
vFejfsPaTfePf2tviFpui3UOn/8AHxarr982J9CsGlc3E6bcKJCgwDwckYOM1NTEShe1vhW/
fZX+bOWphYSh77s22np0trbs0fQXgyz0H9ljQ7X4Q/CPwzrHxy+LWhu9xrb2MT2+j2l2wyJL
yXlZREWwqltuVIJBr4z/AGj/AIQfFXw14p8XeLvG2j3klq14sOr6lZ4tbWC7mAPkROvEijIU
gZ56+p+5Pht+0dqFpoNvdfCvVvCvw9+GelvdaV4dt5rN7rWvHEkSFLi6uzH86ICHdXbABxuH
Svkv9sT4x+KvH3gPwn4d0WP7D8L7q8nvLF57lBd65eo2Li7unY8uH3be3TrwB5OXy5MRKEYq
71k2223fVdl5InB4es4uUpNxVlFLRWXVrqfOcdtDpl601rNHHZ28MbSx7PMZ3frEWI+9ToLJ
fDNpNqnzR+dKYrbyZOM9TuHbitTxbpvkstrbxtHpPlmUJckC6mA5NzJjqScgewFZ+laba+It
1jpcjKscTXLG5OAQBzj3r6DmvI9KjRlfl69P+AZ90+yGdr6S4huLhBJBCnKlT03Gr0GlXCWl
vDNJZwzRtHKsZY+ZOOp3cdMdqks7G102XR5rO6+2XFwWjlRx8oAObqNhNf3kl99ohuNQknw
saMCFUcbR7+1EZXNvYyWr1+fobFnqS3/AIhmkkt44VmLYQDbHGv8Lqe5Nezyw14hZWfk3+6a
SZbyYKWRh0z2r3Z13Cvi8+la3z/Q/pDwnot3UvIzZYFBqvJDvrSlhLNULWjFa+RjUP6CrYVv
ZGLLb5FV3tNu7+9W08O0VVnh2BmOcKM/QV2U6j6HzeYYFKN2dd8fNbk039i/4b6LtVota1S/
1Itn7rWsjQqB9fPP5V4vDIun+M/C+j+TDJDMbeSVZQdqzXGMS4B++IyuM5Ax06k+qftDaI13
a+A/DMd00n9j6JDLLA3DW9xeSvPIpHY7Wi644A9ap+CJNNufh38QLzUNNW4j16+03SrSaNgs
0EcG+R3hbPDKI4T3GSucjIr6zLq1OjR97u27eb/yP5pz7J8RjMU/YxUpSk7eaRm+DtB8O+AP
hHY+LNa0uz8ZeKPGklwLOz1BHbT9KtoJ9jyvtZWeZ3QBQDgITnrg1Z/iBY3E25fAvgWGPdu8
uOxkC+neTOK1NPt9PPhK60nULjULr7HctdaPdhPmhEmTNFKu7bywRhs6MWOSDisePQ1K/KN3
fpXLWzL3nq3q7au1ulvRW+Z9NkPAf7nmqx95733/AFKerazZ6xBtXwj4ZtW3bvMt4pom+gxL
/SptA8Pab4o8Q6bpa+E/D802oXUdujy3N7HhpGVRkrLwMkdFIHOAasDSVRfu/pXYfA/wjDr3
xHt2laSOPS4jqGFHJMbKQP8Avog/hXP/AGlLV3dkm92e5iuDaMKL5or7l/kcj8XtL8C/Djxx
q2g/8ILY339mz/ZTe2us3q7nTHmbQ+QcNuXOMHGRxWP4t+Hug+B7UvHEjVuyejF/wC2
fFdjY/LD9quEg3EfKm4gZP51veI/D1rofiB7UkXkO5o76+uJ1yOTvlZhx9CK6b4m+JP8AhIfg
GtZLgxsORsVdiMuVOCePUg13VMQo2SvtffQ8
nD5K605c2lnbS533wo/Z08E/tG+MY/C3g7WL6/uJ1ykso0VtZ
7feee6G3w5mDLqmn+NFbn/jz1G26ds74v5VrRQfB2aL/AI8fidD/ALS31i36GMVyejF/wC2
fFdjY/LD9quEg3EfKm4gZP51veI/D1rofiB7UkXkO5o76+uJ1yOTvlZhx9CK6b4m+JP8AhIfg
P4P8xkN8bBRYVjALFfKdzuO0AlecB65vwV+xn46+MnjqG61LQb7T4/El59qlu5ysaxR
Sl5mkIPIyquQfXA/iGeGpnFOjJuo0lZWbaWvVLvYzp5S1inTu1GKu229fvPnF9Dm0jU1jk2+
Y3OFOfp+Ndh4autL0nTr6S+t/tV5IFS2i/5Zrz8zt9McfWtz9oXwvZ+F/wiQ1jZ2rWcNmjWyx
jHzeVI8e7PfOzdk+tcfdQsbiFvm+cY3D24GP0/GiWIjXipdGr9n+B9NgcKqMGvMb4lmhv5I2
tbP7P8o3KnzBicnP1Pp2rl7tpnl27X8zoFx835V6FZ+Prrw9ZLb2dxHGsYwXCDJPovpgdc16
98MyvxO8OahcW91JodvpdoHudfULAsEq/MIh1LEqrEhcnAyevJTrTpWXLePe7/HQ8vNIyesX
9x5H+zdNqXw6+NXhPxJdR32m6XZ61aRT3GHhYxSORIEPB5jEmSuCAQRg4r6g/wCCk+rx/C/4
o2tcHSXGm654sYsoeJOkcJdR32m6XZ61aRT3GHhYxSORIEPB5jEmSuCAQRg4r6g/wCCk+rx/C/4
o2t01vM1roN41oLcsEjvbNYkgeJOSdyLPu5yBv6kZC+F/GPwEzXkC+xGm654sYsoeJOkcJdR
ZuIZgwbBBBPDKcjHBBz9fQP+CiHgPxJ8Q/2ZfEHhvwrpNzrWsXV7YSQ2dqu6SRUuo3ZsDuAA
UJwBk9fQP+CiHgPxJ8Q/2ZfEHhvwrpNzrWsXV7YSQ2dqu6SRUuo3ZsDuAAUJwBk9fQP+CiHgP
IBGQ2K+rPhZ8HiHgPxJ8Q/2ZfEHhvwrpNzrWsXV7YSQ2dqu6SRUuo3ZsDuAAUJwBk9fQP+CiHgP
448nifKsNWgpQ0nGzslo1tfztuHC+bKjiPZTi4pp6vZu/wCZ8s/tKfEbTq/wCCk+rx/C/4
o2tcHSXGm654sYsoeJOkcJdR32m6XZ61aRT3GHhYxSORIEPB5jEmSuCAQRg4r6g/wCCk+rx/C/4

l3jjUXRDG27zrTynK71YMyykkZO0FMbTXkfxN8TaL408e/Z/A63Fn4ZhtoLKxhvNqXBVQrv5
pGQSZ2c5HXjNejftteELg6TptxdQ7r6xg+zXbD+Ldh429hu8wY+lfK9+8mmv95l5zx/OvoMl
w8amHi4vWKS30dtnbudGe4yvQqSkvhlqn5M+ltF+Bmk2q6W1/f6bJqF5bw3U2ZUENmHAwrkn
buHt157CvsT9h/4eeDfGugahpohj1HR4VSF1huGVbmbeSzNtxvUEEAElec4r8+9D+JmrfBz4
VR3mm69GuueJGinf7HIHa0s41IjjkHTcWLMRzjapPIFe/fsDftMXnhLwDrFxtSS41zX5GE80
6xiF9qFySAWYk3AxkADZ9ccOeZPialFypybaask7ddfu6Hw/9sU51U6rvHVa9zD/AOCmvw4s
7D9oC4sbex0+G3tXuZ3vEt9txd+bJlFmfeTIIwvlqdq7Rxz1rqPHXwut/wBkb9ljwv4Lj0/T
5PF3xMk/tbxLLfXWwW2lWrpJHbMYdzpFMcLuGdxD5HOFh8KatH+2Z+1n4R/tLy449Ydrm9KN
twkOJlU5JPzfdx1GfYGu8+Kf7L3xC/bI/ak8WeJl0u48O+B7FhbQavrqm3toLa0j2fIj/Mys
yO20KQC+WI5rowOMrUYQo1Xbljd3e7T0XdvyOiOX0vYSr095NpeS6v7j4Jtvhh4m/aL+Jt02
i6PcM19crHDboGlWxjPywQBsZKpGERRjO1BwMCv0E+CX7NXwp/YN8GaHqHxa1KTWPF1jOlxa
6Na3XmyaZHIjtIZoshYEYyRsZH+b5cKelcz8X/21/hr+xZ4a1Dwz8HYYdY8SQx+Td+MblfMh
MjqxlNt8x/eA7AD9z7wOQMn4P+Lf7UGvfFTT/s+pahNeNJeT3txczSmS4vJJfLyZWJ+bHloA
OB8o9K+ijRxGOilK8Ydlo2rdfI+LxkcHhF7Sq1Ke6V9j1D9vv/gov4o/a71lbGa4Wx8N6XJI
lhp1snk20EfmOUbYM/MIyqlsknA9efltrthN975s8MD1qnPf/amZmZtzE8AZ4pqnbMvmfeU4
PfivqsLl8KFJRgkklsv63Pz3FZxUxOI5m9Nktkl6H6cf8ExvBdv8Tv2G9Q8P3Uklrb6p46lW
a4iOHttmmb0dc9GV1UjPcdD0rxf9mvxr4w8eeN/D9nNqV9J4T+G93bXLWqh/snmTXggRioO3
zT9okIYjLKjL0qT9gf45ah4H/Zg+K0NjdeXJot3purRRK5VisjSW0xBUg/deP2GK9O/ZJ8Gr
4Q/ZU8WWduf+Ki+I0Vhr00lwuxbCxtdZhgtOG+U+bIbqTduHyxoOhzXyuOoyoynVna0mlHrZ
vd+WjP0zLantsJBQd3qn8nue+eGdQXxZ+yr4B8GzNC1n8QNL1zw3JI7f6t8yLCQM5/1jdenP
GK/GvxHoU2ga7eWN1G0N1YyvDLGw+ZXVtrD6gg/lX64/C7WvK0L9nfS9zLeW9xeanKMAYE2t
LFHnvgojkfT8vzG/aujVP2mfiBt+7/wkuoYIHQfaZOa7uH60uaabuml+Glz4fibKaeFtKC+J
tv1bu/zPNQ37zpx9ccV9oXPwM8J+Kv8Agmf8N/FniLx1p/h/xFoZ1Y6VYNpcr/2jZPqaRurz
DIZ4n89wq84njGBkk/Nfw++BGueOJfD99cWd1p/hnWtQWzbVTGGWKISIk86pkM8cW8bnUbFO
FJB4r0D9qf44eH9bfTfAPgS1mh8B+AbrUbfRbm4uPtE9/wDaZlMs27gbHMQKAchWOSecfUS5
pcsYPrdnxNPVXZ9GfsJ/t5a14c8QW/g3QbXTdF+Heg6eiXlxPClnaajMiBftmszcyNCwjZVi
VlV2MUTMoY16BB4j8c/8FAfi7J4rsW1jwzZa1pVtp3h/V9XuA8uk6JY3iXl5q9yful5J0jCx
5QfvVVTsUV8U/sneC9c8b6prmj6DptxqWpeILJLDTrZbbdb3lwk8UjRysTsEMcW6R2YhV2IS
cYB+yv2kPhcv7Pv7Hvw7+GPg3VLrVLjx1qVrJ4n1aCSb7V4pjitd223xkjT7VXVBuAJdScDa
xbSpRhBOpJO9rK+zbPLxGIjOpGlBpSvq1vbqfKs3xBh8dftmW+qRyRzWcfiq7dLtFWJ71HvH
czPgdWUgAHJCqqjOBX39+y54B1LWP2ZPDd5bzqvl/wCj3qg8lIXBjA45O04J6Y4r4F/Zp+Bk
3xO/aI8UaD5i6ddeG7G+updrK+17Y7XRMZ8xi2UUqCed2CARX6ZfsmXLD9kHw7dak3k2epTa
MYXDKq7JoJo5lyBjhrVzjggnBbPT4vOKaq1owa91Wv8AM+4qYyWFwLdP4n/lY+ivjxq4h1nw
T9mZGmtfHekpGw5KxzSGNsD3AAr8X/2rRGf2sficsa+XGvi/VVVf7o+2S1+tXxUvb1xp4i8t
rnSruz1e2BxummRRNGc/3fmUE+4x3x+UP7aVh/Yn7Y3xUt2Xy9viu/kCsc8PM0gP0IfOfeva
xmVxo4OM4xtFqya2drbB4c8Quvj5UpSvKOrT3SuefmIkf55pSvl/560iXfmsv07UTPn+Lt37
18br1P6wwdSDp80SOWcIvNZt9d066uMD8az523g11UaS3PHzDHO3KjW8MStNcTRrtPmQsCSf
ujIJI9+K3rO8hsrizvvmaSPKzq3LSKTgEjsawfBMscN7MsjeW0kLJG2Oj5GK6iazuEtdSsdU
heC7t7YToChBbBzux9O9dEtHY48L70Lsrxlk0vUtPkaS3tYblbxcIS6EjA47cYqG50+OO3ut
rNdwyFI/ODkYc9Nw7CrAvo9Vlj+ytIzSW4F0jcosa9T9asWthp93Jb6XuntbXUv3yzsDjj2P
XpUm3u2IrazkW7k0ua4eSORAbpFTBBHTZx83areg6feeL7qHQdP03UL7XnOzSobJGnuJiOTE
Y1BJOOelRx6XZ3NvdRtfNNY2SkxTpzcZHYL6V0HwD8da54W+OfgXwA6eWb4vW/KYvEz/ZR+Gfijwb8j4vC
UZywUmYngoQdp6cE1nKVoN+TevkFSpKMeWO7t80+h9nf8E7Pi546/wb8Tvh8Xw38Tvh8
Xr0qXsWtR+HZv+KYvE+/cbWXDW54385wpwMk1wP/AAVI+BWpfBnxP4Y8Q+GPEPhjxD4Y8Q+GPEPhjxD4Y8Q+GPEPhjxD

fizXNej0sC9hl07w+0iIW7OFjG0+zcCp9jhdOWX4v/I0p8XYrS6S+Sv+DORHjjS1ubeSPT9H
ZpI3Xyp9Pk8tmIwDzJyR2NY97eW9lp8EM2i30cyrhmEDFnJJOc7vy46V1niXwt8RtVjsZr7x
B4uuPtikl18PTxrAcfdY7RuJ6fLmuXk+DvxEvfLkk0vx1cCNsF00qdVX6fL3rSNGi18S+9r/
ACNv9Z8U3e2vyf4FfSdasZPM/wCJTcXDKcBTkKp9ME9fWr1hqkZWPb4TW4bzMncjAN/sD5un
vVN/gD8Rnk3XHhnxxJJM/lwoNOmiLL16bDz9BW5pH7JHxYu7mxtY/AfxEW41KXyrNGsp0+0S
egYxjH51py4eK1lH7yZcSVpfFZetiNdZktZm3eBdLj3Hnzg+1PQA7+tNt9SvHZZG8H6S0c2S
oCN0/wC++B+tdRZ/8E7vjpqMvlR/Cn4oH7PnKvC4CnPOCYgKbJ+wH8YNH1CE6t8F/iJdfbDl
GNhdSM/OAGZEwOfXFYyrYd+7zRfo1f8AM56fEHPNJtK/fT8jm08brpKyRyeFNFWSQHMlxAXx
/sKN2B9etN0T41atb2Vvp+k6TpcLWLzSkfZI2bLjplgTx2NekXP/AATa+Llu80dx8E/GEMlq
odzb3OxuRkAbwwP0HNN8UfskeL/hD8HNc1zxNos3hP8AtK6s7CwtLyVZLt3ZvmJKYKqAvO4A
1MalC1lJNtpJJptv5M+gwuMr1JNQkrWvdf5s8ftobi6jN5eTRweWzyJp5O2RiykFlB6DNZOg
2V8bbWNSs/LX+xfLnnhdsMVJ6Nnr+FbHjlLeSCTT1aOa4sbxbP8AtHkNOwPJA7AAd65/bDa3
t1H9okZp51RlXOb6POCM9AR/Wu6jTXLdnn5lWqOoknp1fm1YkWVnsprjUpmjhvojd2i7iyiR
W4THTByR+VfdmkeX4h/bt+CeoXFjcQw/8IHFcOkwxJc/6NPynvnp9K+E9a0+4sp7yG8huLOy
tR59nDc4YoAw/dt9c19qat4u1D4lftv/AAjkks7yxuH8BxpapagKIt1rOdyD+4MnrzWeKiuZ
cuis7v5I5cPUlZwfdb6O93r6HhP7KvieTVf2xvBMKw3VxYw+JrlrW0uX+aKKTGdz9yBgkeo9
66r9nrXfD/hz9vDxB4f8RXF1pngTxhrV94e1loWZIIRMZFg3SjG0eYRzkYAPbNcP+xJ4YXUP
2wvAsNxeNZq2sTEzzfNbztECxRFGCGbhcnuRXsHwr+Ouo+Nbb4qfs56B8PdN1TWvi940lax1
DUX40QIwZ24G7MIj3gg8cnnGDnKnFu3Syu9rK+/y3OHGYqpGhdb81rvXolb5o9Y+GGt6t+zX
e+IP2b/EnwRufF3iTQbqZ9L1zTNSXS5rrSZZjI32y4AIit3Uj5sjO4KcHk+A/tyah40k/aI0
dfEXg/w/pun6Tp8a+G9B01/tGlz2AU/IjrxK45JbqSOmMV9KfEn9r7SbfxXD8DdJtfFXxc0H
RdI/sb4meNNG01pNa11YN3l28Mq8raxSYQuxLOAef4m+Wf2if2lPC/i/wH4V+G/g+x8QaP4d
8D3k97aapr+2bVrO4kZiLfKfdg6fL1yOenPPh8PGOI5oxs2rt9PV66N9rGOV15SptJtpPS7d
76XSXZM8Zmj+z6gtxZs14uoBknibJMCZ/wBT7Y6fhTlmXRX+y2flw27cS3dwuSuf4B6Crlzo
2seEJb6G6hjTUtYt1ugIznCHnzB6bqx7ORrfTpI/+PqGZgbgygnymPfn0r0vU+noxfIrKz6+
X669Rs9zDpdzbw7vmt5Xl3xg8A1JZyWbXMfmbo5FjZkmVzHvYnuP73ParWpTJYwLbrGZmkVU
F4p/dZ9/bFSTXEeoapa28kNvcRsOZeV2sPTt+FTqXJJPdfc9y14X1GHVLVV1C6uPtlvJm2DI
WaYE9C1e8V4fpeqNdSrceZH5drd4WHb909N7HuD6CvpzXPhNqGlSttj3KvPQ18LxVWhTced2
ve34H9EeEeMp05ONSSTdrX3djk6K3P8AhBNQ2q3l98frTZ/Bt5Ay7o/vZ69sd+3Hevh44mm9
FJH9Lf2hQ/mRg3Fv5g/+tV/wt4T/AOEt8Safpvzbb6dY5GQDKx9XYf7qBjS3OnSWbsrdVJ44
yAO59K6T4f6A19aalqC7lmW2ktbZgdu15UZGk99iE/n611RxCjG8nbzPDzypD6rKUd2rL1ex
x/xD8Tr42+IeveMIY1jh3p9niIHyxxosMWR7iMZXpk1z/hmxaDwrY2v8KyyXPTnc+xcfTEa1
2WseDH0+wbTY13CY/NwDyBliMdtoznpWWNM/s5/s/wB3yRtxiu6OYc1O0dtEvRKyPi8hyGHt
nUmtErL5mX9gUH7tOFl6CtLyhTSMD5uB34rj9s2fcf2fSoooyWnH867r9nWbT9G8Ya5daozR
6fb6LK1w5UtsQzwKxwvOQv5da5M8yKsatIzHChRncT0x+lehaj8IdU8MfDe6tbe6t7XxR4sa
HS7gyybI9LsZBJLNuYNgblg+ckEhdygZJz6mFkm7SdubT5dX8j4XirFUY0GoO8nsl5WueA/D
LwpefEnx/Z6bprQ/amEt1GZjtjzDE82GPYHZjJ4Gak+Inh288EeKbzw7cXFrfTaLM1nJJZSe
dDLIrfN5ZwCcMccgZI6DpTdW1SH4e+MNSh8K6lcXEKxNYJfeX5T3CtGElZVySqs2/bnnay9D
W5+y/wCHbzW/2iPBNjYxtNcNrFrcOgIH7qGQTSscnoscbsf931r6jm5Y3VrJXs126s/IZVJR
cqjeltS5rXwo034MeCY77WGW88balGrRWOf3ejxsDmRscmdQAMNgKzdyua81EfmnczdTk89a
7j4/ND/wsnxM2mzNfWP9r3KQ3m7ctxiU/MrZO4ehzyCDXD/ZZrjau1u2a56cpShzSd29e1l2
S7HdRw9Omk4Jyuk9t2z68/4Ja/CHQ/GWreLte1rT7PUo9FsoIIUu4EmjjeaQnzAGBwwWIgEd
nYdxX2QNXhgv7i+jm8xbGByzE9OCW/lXzX/wT6lXw58BPEU3l7bjUtSFv5g+8I4o0bOPTMh4
98dq9g8QalD4R/Z41zUs7pmsZ5WLcZZwcD9QK/Mc6xU6mO9nd25kkt1ayv8AifO1sK3WnN39
6SSXTVK/43Pzf+OuoXGtfEa8+1eY00crhWZRuMbyPIuMfxHePoPyrlb+6+x2kkZCmRUyeQcc
/XnB54rsPisIdQ+JmrSK0jCGcWYaZArHykWMkgcckdB7dOa8/wBZvJLe6mXdlcAgjg4OOnp7
nYdxX2QNXhgv7i+jm8xbGBzyzE9OCW/lXzX/wT6lXw58BPEU3l7bjUtSFv5g+8I4o0bOPTMh4
98dq9g8QalD4R/Z41zUs7pmsZ5WLcZZwcD9QK/Mc6xU6mO9nd25kkt1ayv8AifO1sK3WnN39
6SSXTVK/43Pzf+OuoXGtfEa8+1eY00crhWZRuMbyPIuMfxHePoPyrlb+6+x2kkZCmRUyeQcc
/XnB54rsPisIdQ+JmrSK0jCGcWYaZArHykWMkgcckdB7dOa8/wBZvJLe6mXdlcAgjg4OOnp7
vdQVGG6Y4/Ksm/8AlBZf4TXtU6alZM+Tx2IdO7RsT65casI1muLiZYV2Rq7lhGo6AA9B7Cv0
6/YXtf8AhM/AuMH/2iZbqHytv8fAhM/2Z/AutN9hvpBupX0LX2ix6hcWOoWJPyXt
vdwCKQMDwVGAQpyMqPTFaVMPLEYeM09eVO6XVLVfoebisHTdN1IrllFvbve6Z9GfE34R+1P1
1TwT48tZtLEYeM09eVO6XVLVfoebisHTdN1IrllFvbve6Z9GfE34R+1P1TwT48tZtLEYeM09
9YtoGazuwM8CT7qyDaweMkMpVgelfo18RNKXW9E13K
B95bSba4bIdAZRuw2D47P8cbj4KzeJJvEWjx6g39oW0OueHXkMtjq8VwzJeeTGx2r56vBKrh
QVZepDMpMkrVcLLlaupWdm7b7NfLofP5tjKmIw9npKK1v1Pz/wDDDnhnDw6hJptm01vY2z3
F1LuEaQxKCzEknn5VY7V+Y7TgHFeteWctCwOy6s/Deh6xq7Z9GfE34R+1P1TwT48tZtLEYeM
kd8zL/Bt5Ay7o/vZ69sd+3Hevh44mm9FJH9Lf2hQ/mRg3Fv5g/+tV/wt4T/AOEt8Safpvzbb
b4NftftZ3gi1JjgeZIob541KEZzw2QOd1fKrXe/cvzLH2IHANN1PU7rRUo9FsoIIUu4EmjjeaQnzAGBwwWIgEd
egxoxtNLtZ3gi1JjgeZIob541KEZzw2QOd1fKrXe/cvzLH2IHANN1PU7rUo4VklaRbVBCgJ+

6vUKPxY/nVSyWhUqKcoJtbNrVen3m3+tteFH2Sk+XttqdB4y8U3XiqKG8uoWtbFme3tY0H7p
WUIXAHsJEPuWFcq1uws1uNreTI5QHPIwAf8A2YfpUbSyIyqzN8pLBd2Rnjnj6D8hSxh0Xb8z
LnO3PG7+9ivWp0YwShDY+LxGNqV6jnN3ZE5ztwehyDkU0Ix/h+bvxTijFPvd+eOtTRQ54+9+
HXt61sc9OnJs9+/YC0m88Y/HBvAdvbx3Fv8AEKxl0OYlyv2RflmFyMHBMTRB8HhgGH8WR9bW
/wAVND8eXHxiXw/eTL4P8Pw+HPC3hqSUqriwtJnOVZgMh2hkk+fJIk59K8X/AGaPg5rX7Jn7
NfjH4veIrP8AsvxB4g0uHRfBsV1hLkJes6T3yJkSRsIIpRE4IzlzgqQT137CXgyz8fWuh+Ed
SaT+z/FGqvPOscpTzTH5axrJ/slRcA45+bIIIBr4nPqkZxlKD00WmuqabF6H7Vwnl9WFCLqJ
rdpPonse3fD29juv2pPAOg+XJHN4H0rw9pdwCVYSXBSa+mPX1k69tp9K/MP476u2v/GDxZqG
7c2oavdThvd5mbP61+jHwf8AiDZ+NP25te8VWP8AyCZL7VdWt2lHlFbS0sZFiLlsAABkByQA
e4zXxP8As3/scfEr9tf4lx6L4B8M6lrE15ckXWoeQyWOnqWy0k05wiKBzgkk4wAScHTIbQTm
9FZX9ep4/HEkuWHWzf32O++NPhHVPE3/AATp+D/jzS76x/4Rvw/BeeD5dNjUefYahNeTT3Fw
zdvOj8njPR8cZOfBfgj8HtU+PnxZ8P8Ag3RYZJNU169itA6xF1so3cK8zgfwICWJyMCv0k+N
n7EPwx8Kfs9eCfhrovxIurHQ/D8Ooax4u8XSJHdabdapiBZIbKMmN7lY5LccQq2BJGdxORXF
/Da5s/gR4a1Twf8ACvw2vhvUPEmmS6NqWteJLdG1y4tcebcX1zIG8uxt41mGEVWdgqgkMqkf
RUcypzfuJt3stGj8lxUnCF/I0vGXiu+8DR2vw9+Gui6r4Z8I6foj6LoVyulNZSeMRc28ZutR
up5IyJB5kKlDGqMQ6ncFJFSfH/U/EFp8PPEHxc8YaT4f/wCEZ+GdjZeCfCvhryGuNPuzcKAU
iuGILTxgM8uULbDt4zmvZPgh4Cuvjh41sZLf7ZfalrCW1lbXF4jRn7BFbwxJN9nGBbQSOkki
pwzeYDgZ4+ef+C//AMc7dPiJ4N+CPh1mj8J/DXThfzPv3f2pqd1l5J2wzbtq/KM/dLSDkYJ+
2x2WU6eDhVqyfNLWMey7s+Ly3HVsRjmklyx0k0t7dL+Z8s/shwWN/wDF7QbW4vG02aZLmOzu
45zDJbXywM1oyMDw32gRLzwd2OhNfoh+xJ8RbXUPF0Nr4kvNvgn4ka3FrJhS0uI7fRNYktI1
Z1uVDp5MkskivE+1kHlsMg/N+ZPwF1ix0nxrY3V9eTafJautxZXSJuFvdo6vC7qAd0YZcEAZ
IJAx1H68fBbbe+AbqO4+HvjLwfca9cyy31l4burTVdDuJpItkk8SRuJgHVSzIMBR0IOK/OcZ
GCrqUruOiate6vqfqWMqReCdOS+JaNdND6w+Gfw08CfEH4g6hd6h4m0nVri3t1xZafcOxjji
hVecopOFVePqfavxh/4Kg31mn7cvjRbORpZNtol2+R884t0VjgE4JCrkeua/Xb4cXGt+Mfir
bt4gumVJrS4Fuv8AYU2ks00irEAWkkff+7mlOExggHkV+aX/AAW48B2Ph/8AAaY8P6hp9rHby
apps8F0yptFxLBdOplY55YhwpJ4wqjoBXuZhioVcGlTbcYtJRatZW6I+e4FoxwuZO6SlJPVN
tvW+r7nyRaTMw/2vWplm/vVVguFX5TxgfnUM95hv8818H7Ntn9Z4HGKNBXY2+kDM2M1WR1I6
96rXN2S5qGO9w369K7KdPQ8vEY+LqHWeA1i/to+cqyRrGxIIz6dPetiS9vmjs7q4kmkhlk8u
OVpC0rx5+4zd19qwfAkDalJqCx7WkW0ZgM453IOPzrpNKspLqfS7X7VHb/uy7G5O+PIPQAc/
lWdSLTsz1MDUUqfOiRTJcy6hNaxiG3aH7MT90xrnk+1M02JdOmme3ma7h0+AkGRt6rkc+X6e
9RQapcjS9WlM0McO/YMqcyNnov4euasWGmNJYt/ZgWRZIQZ7ctiV898njj0FZnbLlk047lcW
jWT6LJGqs15mZ2TjjPQ1YvZPtsd1qljujuFmijiSCL7jhvlk3D7jZ6DvTrBZFuo7HS5Rd/Zd
xJdCPs4A53Z65ORwcVqeB/Ea/CL4m+GfFWmpepwakkTA+T5qsGNvnu3A56Cpldp6a9F
37Dldx8rq77dHbvY/Sab46+M/wBnP4wBnP4UXnxA+F3hsGPwr8NdOF/Pv3f2pqd1l5J2wzbtq
JAG5ufTFfIvivRbzwT+wZ4UvNrRbORpZNtol2+R884t0VjgE4JCrkeua/Xb4cXGt+Mfir
sF/+0r4WdOF/Pv3f2pqd1l5J2wzbtq/+lHRTqclO7sm1+Y7
9vXT7HTND+BLRrNGt14EtwSG24BXqP8Avo14v4SmG6ZI5JN0eFEgb5nXtmvdv26zDr9j8AbG
S8t7NY/h7bq00gJSLdGeSBz2614T4at8X00cckTJbxrErrnEwH8Yz2NbYX/P8z2Ic3srtdvy
Rz+h28lzrWo7d1wu6MBbf5SeeAP5V6x+xN51p+2H4Dms7iTRbq41a5t2kh4MD+UwEWOnOf8A
x6vKdGKre6gtrNI1utygtH5y5zyM/T1r0f8AZEjJ/bT7vmIy2OT6596zrRXs3G
WzTX4HPRjJqPJ3W/r+R9c/CHx3sde8Lvw6HPC3qEnw9sde8sneKTk
1d7apppWu7ep8/jJWre43s/Sy0uvM8L8W2qw/wDBJT4eW4zeP/AMzL4Vn8Ka/wCHvEOnXGm
+H7Bbi/ZeZ2Tx3cuyoNs0fyyDb9Zd4m/H3D7jvhlk3D7jZ6DvTrBZFuo7HS5Rd/Zd
xJdCPs4A53Z65ORwcVqeB/Ea/CL4m+GfFWmpepwakkTA+T5qsGNvnu3A56Cpldp6a9F
37Dldx8rq77dHbvY/Sab46+M/wBnP4wBnP4UXnxA+F3hsGPwr8NdOF/Pv3f2pqd1l5J2wzbtq
+H7Bbr/7lT40ureLrW5JwaaNtA+T5qsGNvnu3A56Cpldp6a9F
37Dldx8rq77dHbvY/Sab46+M/wBnP4wBnP4UXnxA+F3hsGPwr8NdOF/Pv3f2pqd1l5J2wzbtq
JAG5ufTFfIvivRbzwT+wZ4UvNrRbORpZNtol2+R884t0VjgE4JCrkeua/Xb4cXGt+Mfir
sF/+0r4WdOF/Pv3f2pqd1l5J2wzbtq/+lHRTqclO7sm1+Y7
9vXT7HTND+BLRrNGt14EtwSG24BXqP8Avo14v4SmG6ZI5JN0eFEgb5nXtmvdv26zDr9j8AbG
S8t7NY/h7bq00gJSLdGeSBz2614T4at8X00cckTJbxrErrnEwH8Yz2NbYX/P8z2Ic3srtdvy
Rz+h28lzrWo7d1wu6MBbf5SeeAP5V6x+xN51p+2H4Dms7iTRbq41a5t2kh4MD+UwEWOnOf8A
x6vKdGKre6gtrNI1utygtH5y5zyM/T1r0f8AZEjJ/bT7vmIy2OT6596zrRXs3G
WzTX4HPRjJqPJ3W/r+R9c/CHx3sde8Lvw6HPC3qEnw9sde8sneKTk
1d7apppWu7ep8/jJWre43s/Sy0uvM8L8W2qw/wDBJT4eW4zeP/AMzL4Vn8Ka/wCHvEOnXGm
+H7Bbi/ZeZ2Tx3cuyoNs0fyyDb9Zd4m/H3D7jvhlk3D7jZ6DvTrBZFuo7HS5Rd/Zd
xJdCPs4A53Z65ORwcVqeB/Ea/CL4m+GfFWmpepwakkTA+T5qsGNvnu3A56Cpldp6a9F
37Dldx8rq77dHbvY/Sab46+M/wBnP4wBnP4UXnxA+F3hsGPwr8NdOF/Pv3f2pqd1l5J2wzbtq
JAG5ufTFfIvivRbzwT+wZ4UvNrRbORpZNtol2+R884t0VjgE4JCrkeua/Xb4cXGt+Mfir
sF/+0r4WdOF/Pv3f2pqd1l5J2wzbtq/+lHRTqclO7sm1+Y7
9vXT7HTND+BLRrNGt14EtwSG24BXqP8Avo14v4SmG6ZI5JN0eFEgb5nXtmvdv26zDr9j8AbG
S8t7NY/h7bq00gJSLdGeSBz2614T4at8X00cckTJbxrErrnEwH8Yz2NbYX/P8z2Ic3srtdvy
Rz+h28lzrWo7d1wu6MBbf5SeeAP5V6x+xN51p+2H4Dms7iTRbq41a5t2kh4MD+UwEWOnOf8A
x6vKdGKre6gtrNI1utygtH5y5zyM/T1r0f8AZEjJ/bT7vmIy2OT6596zrRXs3G
WzTX4HPRjJqPJ3W/r+R9c/CHx3sde8Lvw6HPC3qEnw9sde8sneKTk

ttW82FRyd2AoGO5FWNS+Lf8AwTj8P6fqVxovwV8ceKtLsZVjfU7e1umtckZ+/LOrL34cDpWN
HL6cJaxkvVL/ADZ41PB1ZTXIpS72SVu+rSND4geOPgrLHHqmoft6fFTxBJcOuLPTRPHIGY8E
hQQuO/HFfLvx1m/sf4C/EKNvEXiTxJotv8Q44I7rUZTcXWoQoh+aaXH7sng5HU4GK7r9qfxr
8Cfjn8E9B8SfBP4e2/gmzbxpZaXqT3+nxreXo+Vl8t0LLGnTcFIJ79eeL/bfgW2+B2qW6/ZV
+2fFS+G1M4GIAPmxW1OjFSi4JrV3TSTVrPokfqvDuHdCg51XLmsrXatZ6JWWh81+K9JmsG1i
1vvL06axuPtexfmLB8FACOvBHNZOleJLrQfCusaf/ZdjeXE0sVx9ukXc9oDz8h7Z71oXV4y+
H4bi6ZWjZJVbI3buNoI9Rz3rP0bS9BtNAuI7yHUrzUtQRJNOS2kxGwXO8Sjrn07V9Bh43Vmd
WZSlCSafRP7/ANSj/wAJUt7Z3X9pXH9pTXUHk8nLQDcvz9O2K+8vEZm8N/tf/Am+0EfbDD8M
YpYmztEirbXGP/r18E3NzbW2mzSR2NrY3MeEaJ8vJKCR2PA/KvvCW/j0r9sf9nmzu5m8mP4f
qtyifegZ7W43AgdBwOPapxUbySXZ6fJHm0amjc3qmtk72u9W+p81/sRWt9r/AO2R4Duo5lhk
utQurxFYEoGRZHkAHbcFxXtH/BMTRJvHf7f3i7xVqnl6P9jj1Oa2nnYeXY3d2WhiJ55BO5fT
3rxX9irxzcfD79rfwLqSzNNa2+r3FlGrLuJgmDRtgYznDmvRP2MvH3h34af8FCNWs9cuIdP8
B+M73UPCupyTb2ktoLgnymTHKv5gjAY5AwfrXHiI1LSdO13Gy69dVbzM604qlz1E7Jt2Vu2j
trqj6q/Yx8R+F/gJ+yP46+G+pat4i8I/GjS9Wuri403T7Nm1HWbrIazktpQv7y3xt3L0IOcg
EFvk3/goa+raR8c/D+reLtJtV8eeINDS58U6UkIjWO5wRA7oOElMYjLKBx+Nfod4p/ai8Qf8
E0LddN+MXgvVvFnhfRZTpHh74m6FBayanPZ8SQ2F6HTfEQG+8WUttGN3LH4L/wCCn37Wnwp/
bM8YWPjDwTpPjDQvHTOtpq32tQsc9sEwJHxk7wAoGO3Xotefl/t3Wc2vdd7tO6btZryV+hw5
XiHeVNJb3Tur9GrLR6rc+X9MvZtRZZIb6ZtYk+X96TsKf88wT6VJPeXF7HJYwr5cir/pTYwB
j731p97o103kuLqO4tYjsjVsKxjx97I71Fe2V5rUCzeTDarD8qHdgkjpk969zU+qp86VtSCS
5/tG4XT7Xd9lm/1TZxgDrwfcVZN35KR6e0ckunrP5TbeJWmHU59Kk1e3jE+mrcbY7yQ/vAPl
Cfl61Deab5mu+XcL9qmafYoRioEQ78UcxT51LfX9O3oaxs474R30MnmQxusEUSk5STIyW9eK
/T7xl4et/I3Dbt74xwPWvzL8NNJo0H9pNcW80jXDW62gxt/FcYz79a/RDxZ48W4g2rIvzH1/
PNfmPHkZyhFQ8/0P1zw9w9WVW8NNrmXeWMNq21VXqeg4z9K53xHdW8EXzNt/LOeuP881Hqni
bzH27vm5wN3Xjp7/AIVwXjPW2un278N9xiCPmH+f5V+a5fgZykuZn9HZbgKk5rmZd1OWPWys
cO1m3cnA+UE+vb8SK6rQrePTdNhtVZNseX/2d2ck+3rXD+FGXR9HuNSmVm3OIYQDgu3sfb3r
Ws9Rk0mz+0S+XJdXhwEyCCxyRtHoRya9rEYeTXInovxf/AOrHSj/AAr6J/iTeLCtpHNcLIrb
UKLkjIHX8+2On61yuneGbzxHJuh8ndIc/O+3P5/0p3i65YzRw7lCqvIU5Gev+BrFjfY33tvv
XVhaMo0tHr6HoYGm6dG0Wk3re1/1Oq/4V9qBmjVpLVmkIACPuPOOfpzVy8m8J/DEXn9oQ/2/
rlquyG3aMGzgmIPEnzDzCmAGUcZ4HIbGLaa9daDpsl4sys0Kq0Qkw48xpB26ZADHB/u/nY8I
+FZvG6WesTTWej6XocEdoJhbBzcSq27IiH3ny4JODk9jkgd1GFk5VXou2l3+Z8/n1bESjyyn
7uzto2+i01sd18NPAV98RZbPxJ4qTT/D/hW3cT2WlWFuluNUlB3AeXj50+QZLZOM4wCSeJ1n
UptZ8SeIm2sy7tQvAZASjAQXhXIPXIKBc9AD+PbfD/WtS1v4lx2upXVxfQ6HosNuqO4ZbabE
IYLg8MdrbmPzEgjpiuJtPM1Hxr4+j2ttsdN1RiQNq7Qjpyfbdx9TXZh6k3WabTSSsktEm/vb
fU+Hp4WTjKVZ9NF0S7K/V9WeL+ANDhvfHFv9s3fY7Pfd3BC7spEpbbzgfMQF57sK+kP2K9D0
P4XeHtP1qZbi88YeNIb9LaZF/daTZQBkbGMYmklUcgn5AANpPzeC+FWhOja5Cy/6RqUEcSTF
seWiyrIwI9DsXk9MV7F+yhoElj8XvD7XEjTW9poMl6gb5BGswYFV9Ruc9e+TXtYis502rtJL
VLS9le1+zdrnh4rI0488r2V2l3tbc83+Nehf2JrNvo8mmx6TcWZkea0WTzGt2dtwjZ+rsF2/
MeDnjiuNMG1uVP4Cuw+JXiGbxz421TWJmbzNQupJtpbdsDMSFB7gDAH0qv4G8E3HxL+IOi+G
7FvLudavYLWNxH5nleY6qXIHJCgljjsp6Vz06zUFd2srvey6vfofQSw9PDYP21W0bJN9tEfZ
3wh8N/8ACL/ADwTbwsvlzQTyykdSZGV8/huI98V23xAsYdc+EOsWdxJ5NnJZOZZePkRFL5Pb
tjH1rn9Z8BeJvhdZR+HY5IdQ0uxwlsxG1/LGcBgAACFA+prz/wDaJ+NOraR8c/D+reLtJtV8
b6pYyx2t66tKt42IlIwgJjB85eWIHIGc5WvgqNOVbHqUGpe9e6avZvez3sux8HiK1OUVOEk0
5Np3S0butHrdXPjPxFLJqVk19NIyyXV1LcyZGBuc549z+nNcfr1ys0z7VbzG6qRyM9Vx3PQ5
9sV13jKSz0zTtPjhuIZJGto5G2yBvLYryjc9R6EZB6iuH1a7Cz7S21Y1wgTt3/z71+s4Gm93
5nj5lK0eZNNeRk30nG3n3+vv61l37K/3dy/jVy5lWR/l49Bn+X+e1Z9w/wAv9a9qjGx8PjKi
kmV4k+bb83zdPevuD/gjD8VLfwx8wfwx8Wf2Z/hP4Z+Gfhn4Z+Gfhn4Z+Gfhn4Z+Gfhn4Z+
M8enEnJQXMt+Lf8Bq+vVy5lWR/l49Bn+X+e1Z9w/wAv9a9qjGx8PjKiSz0zTtPjhuIZJGto5G2yB
At54J+I+oeHZFaS60/UJLFl+7vdJCn6kfhXh5HWfsZUJ3Uotp37NnqVOVxjNfDJa+TXRn3F8
D00bxl+0fq3i7xBqVnpcmufCZ2tGWRvMMKMuAsYmxztyfbviF4c8H/Gj4b8
WW98zQrOLLxFEm6800vMWhaSMkb/AJCVmQdPK45PHyb8cf2YbiuT8uI7dFutM1zS
MtDeW7EhZEdTxu5BU8jOOnJ+kyXOKcoOMmozu7ro2tLpdb/I/Nc8y+lVl7anLR6prseY/GL9
l3xp8Ef2Ofhn4Z+Gfhn4Z+Gfhn4Z+Gfhn4Z+Gfhn4Z+Gfhn4Z+Gfhn4Z+Gfhn4Z+Gfhn4Z+
2YA9wcY71m2ixv8AdjkZs8bF9a/Ub9kDRDv2Uf2irzQdP1z4lfGGz4Z+Gfhn4Z+Gfhn4Z+Gfhn4Z
2A9wcY71m2ixv8AdjkZs8bF9a/Ub9kDRDv2Uf2irzQdP1z4lfGGz4Z+Gfhn4Z+Gfhn4Z+Gfhn4Z

x2bRK8Z3L8i4fAyu3IB4GD+07+y/8NfGXiu1tfgn4gk1ixjiX7Tf69qdl5F00kyJCYPIUyHG
JfMDopTCkgDNZ1s4VOfK4tee39feZRwNRay0Pzz8J+A9W+Ieqrpvh/RdW1rUmVpFtLC0e4m2
r1bagJwO/GPfivsT9gz9jBvh3D4o+Lnxm8A6tD4X8B2azaRpGtWr2cOv6nI+IYiHUeZCm1mc
Dj7ucjIPsnwx/wCCaf7WXw5v2j8C+CdDm0ea+tW1XVdP1q38m7NncM3ltNvV0QMzBgqq5xgn
qtXv+ChnjPxN4G+AXw9+HOrTSHxBNpz3lzpOnahLqVuLu5mEdvHExZ+Fh3hVjJXLtt6gnjxm
cObhTp2vJ2bTu0lvt3P0DhXIY1JutVacYptqzs7bas+Zf2rfj54g+Lt5p9xrmpSTN4qiGvX1
uURUjnE1zbwKmOVjS2SMKmcYYnGTXq3/AAS806xj+I2p65qw1KbT/Aug3mtxLaxiTymWKVTI
690G4gcg72jx1NfPf7Vvhe18K/tCeJNHsdq2+izw6eqrjCmKCOMjAJ6MrD619cfsLeMrf9l3
9m3x146a1urPXNW0mDR7C5XYzLJNK80E3lsNrQMyIhkJI3RspT5G3eTmnLClyx6tJJebR+iY
XFNQk4pdEvJdl5I434DXTeEfBvxS8ULpLXFx4d02w0YaXOhR9RutRvoWa2dM5G6GB0fBGA7c
dRX6IW37NX7U3x6/Z1k0/wAV2Pw/+GujavdwnRPBej3i6fZ29pGJZHbU57cF5Y2iCoYoX+ck
NhAhr4f/AGGdX/4SL9nW4hkZbrXNY8Ya3f77giT7Qtr4dmxu3Z3DzLgZ7/NXYeNf+CgPwJ0L
4ZWvgX4c6f8AEXxxGto13qd5Fq01rHbSG0jUw3d04x9nkG6NvLA2+WygHcAfQy3BzcH7totp
Xu+iVz8j4uzSpKu4rWSsrWTsn5s8x8YTePv2lPi+vh34Ttoa2Pw9kv4b7x5NbfYvDWko2fOt
tOG0oIow5bzDummPzEhMbtz4VfDX4ap4ct/hv8K9W1j4peItWtPO8TeJJLZo7K+uvtCNbYSX
dKywKHYRxZ8w7GfeqnHlPirX/Hn/AAUU8T2Oj2N1dfD3w7Zollpmj2NrJa6BJDiTfIJNqxny
oYi7M+SwO1AOFr2D9oL9vbQf2JPBkPw9+C9xDqHiqS2iiOspFH/ZXh2PyZI2m05N7Os0xlkf
zpMsUfglCpr6bC06VFxnJe7F3suttrnwOIweKxf7mi0pS0u1ok93p1XQ9c/aw/av0/8A4Jy/
DpfB/hi6XUPjx4tR5r24aYXUnh6FyStxO+3BnYDCRdF5zxgH82/2wPDEdl4U+HeqMzNfX2lT
W9yQwbesc25CcdWxKck9SPrXMjVbvVtfvNUvry41DVNUna5vbyeXzJrqVjlmdu5J59qm+PGo
3F1JoVjNdSXEOn6chjVn3LGZWaQ8duCo+ir6CtMwz6tjK0XKVoxTSXRK1kkfVZPwPHL8K3a8
pNNyerbe7b/Q4HQdHkuYmk2s3ljJAOCO34Yr6c/ZZ8Y/FT4eeeP8AQdY034U32vxWaTxma302
4gbUI3t5YSsk0fDcuCcjO5AODXk/7Op0H/hJ/L1bUo9DuoYVk026uIzNYy3XmxbIrlcEeSVM
hZjgLjPI4P6ZfBLwloNv8JdOutY0fxT4Njkt/Mk8T+D/ABXPd6HesQrGVIoS3lb3L5QKqgg8
nJI8HFYicZJJKXM7K+ljozfkpYK71cdbW3+8tfCL47fHr4iWOvW+h/DfUvCd5qEySXt1rtzP
Z6fa2KxLE6Ws0hDQXLSS+b8gy25ySdu2vnn/AILK654g1rxv8Oda1hdPRdS0S7DGykLRLdC7
Z7iFc8sIg9uvmdJCcjgV9xabNe3HgqwVvFOreK7HT4RFBqd7JIGuowuEJjYjb+625bALMu48
k1+bP/BV74lzeKf2bVfBwC8i0/wXoVnbRRmTcjS3Km7klAx8pPnIvqfLHsK9yplcqWEVScr
uTTstfxPzThXOJ4jNOSC5Yxu22rPokfNbXjElvm6/r/T6ULd59fequ+Nu/aoxdcV837G7P6a
y/GNU7Nkl1Kp5quXVj8ufTj+VEkm/wDPvUiRs4Xj5fYdq3jGyFUqOpPQ6D6aeXNqt1bzMyx3
FuyM65+TBVs/+O11R0mT+y9NX+z5trSfu7josy55I/8Ar1zvwyvZNP8AEDmPH76IxsxGfLUs
p3fhiuosA0mpTWd1dLNZ3DtOGWQhZSeAQB71wYj4j6zJY2pJPu/uLEtvZ2uoR6dMyqvm+cVx
1fHc9Kz5XkWC4hjtpFkvpRFEUblsNxx2FSLY3FtDa29xHtktbrOSOkZ5OTjOKlN7cafNql5b
+W1vMBCGxkHJxx/9auc9qV+1vkaviTVZr7xheaW0cNu11FBbTS2wwFMSgseO/HNVbnTbeO1k
sTqFvCsNwIoXcljJFJyQVAO3r9/r2qqmmNbalJo9xdNeWbQ74UU4y5AOM9ep/Sum+COs+Fbb
xt4fs/HVrqX/AAiiyiiAOqwANyNyryOhIwcnpms5aRfLuTGT2kvvdtt1o9rdT7m/Zh+
OfiD4B3mn6/kwkHwt4f03BSbiZc9HI+Yk15L8StC0+D9nf8A8PXiyiiAOqwANyNyryOhIwcnpms5aRfLuTGT2kvvdtt1o9rdT7m/Zh+
aM8aW8lxY+E/GVrqX/AAiiyiiAOqwANyNyryOhIwcnpms5aRfLuTGT2kvvdtt1o9rdT7m/Zh+

JPDcF3Lfa54mdwu+WNZCvlREDCluRyccivPfgZF/a0nxA/aQ+IUdvqEPhO8ENjZMf3Gq6vJ8
sEaZBUxwrtOBuK8HnHPpGsftG6h8Afh98BfGHiqa+8Za5r1zfeIdWsJrqbdcGZ1+yyROSER4
kwBF93OflGc1nWjUhBRoN819bttJtXaXkvPY82n9Xq1HKdrJJ7Nu2iV+zb6HM/Bfwv4Z8U/t
M6P8K4fhfovgexju31bVxqcratqCrbxGRoEZ+zoB8mCQWJ7Vm+N/2if2X/GHjKSO8+Bupab4
fjvZYft+m+IHivHBPyyfZRtAz125wOgp2u6b8XviT+163xf0XT7H4Z6tr1zJNpNpqT+VcTxQ
w7XUWrBppSyAbiiYJbI6g1ufHb44fEb4BRaT4p8RfBP4U3mn+MFa8g19/Dz+XeXAJdjvcq0c
3cK4DE5IzXRyuUo3bcrLROzT63fXyOeth4xTnJcqu7XV007WVlroV/DHh5fgF4Y8ZfEz4G61
/wALC8J3ehSaLrlhrNki694REmQs7QY/eRqRneOODn7pI9A/Z/8AjV4Z0z9ib4U+F/BOuWtx
481DWLix1DRYFEmYppWaSe+jx88Yj6ZI29jxXefs22HxC16Oz+LHijS/Dcln4q0fzrjV9BhN
nLaWTbcpdSOn2a5wAqmIb5hjjGK8h8S+OfHltrXxQ8E/D3wD8PND1rwzpklzqPiHSdOezu4L
Bk3eXFlQwmdSDuHHXvg1xyxDr1XStrFpt3sn0101t5GmDw9Kivap3V9rXbfVat6M4WLT20T9
na60uz8mbT9L+MEMVoIRuhAEZHynup7Ve/bH1KTUvgHeXCwxrJD8V9TYYXcHIhB5HfgVxvwg
eS6/YtsZI7ho1h+JVhuB6yEw9fqK6b9q/TZm/Z9uv9I3LcfFLVVU5O1D5IAz6ZFdFOPved2v
yPe5oSV7aNL0S3sj52uHhm1u1s7pd1vcWmGAz+453FlXoenSsKys7ifW5oLORmiXdJFNJIYl
KL13Y6dK0NQgurt2vo9rLo5SNwrEmQdMAU2a8a7OsXFvbxyWmqCMCAPgxEdQT/Cc/nXsYX4W
eDmEnKVvP8LaGXqk1rcyXU1nG0NvJEEYyfvCZQyk7SeQDjrX25oGt33jT9u34P6xY6LZ6fNq
PgpX+yS3HmCZI7abcWOPlJA4+gr5DuvDuhyeGLe10u6upPFF9+6nsXUfZ4RkEbH7yHAwPevq
y98F2fxB/bA+DP8AZI1LSb668HJc6nbCdoriCW1gkygB5QP5YBXuCfWsa0VKavvZ/JWRwxvC
N/Na7q99vU8R/YzcXf7YPgW8m09lhvtUvJIPMbbAflbIX/c9++K9Y/ZA/Y40X9rj4y+PNY8c
ax4gj8O2utT2MCaREBeaheZZt/ZY1jBV/m4P4EV4v+y54s2/tY+E9UWH7DJea9O6rM++GGJy
Q0aJ1WTnA9SRXsn7Hn7Unir4F/tU+LPAek6XoOpeHfidr/8AZ2q6dq0jCNIxIxDRzIf3crK5
Bxk5C8Vz4ynN05ex0lZWd1dWetuhy+0bSvqm3ddHe2+jV0fdnwM8R2fxy+Dvxo+DN5qDfErS
fD+jsk/iuSDD+IEhTdAQGz/pFtgRh1JJ2gkk4NfjjLezTWN1cXl5cLfTfuVDNmSaNTtCt3yM
V+hFv+1D4y0eT4ufETwjJpPg+P8AZ/mXRdA8P2SZsbqC4laK4F0n3587QyuSPm55wa+D9f12
z8UeIW8RSNJfa5qUralcJbw4tlnlYsyADoATXm5Tg6lBSc9pNO172b1fZK97ux2YOjFVfdtq
r7Wb830uraGHPpMJ0nT2mb7J51wUI8wlkj7sQelXrqaHUNSt4dpjt4xhI1kO1kA4l+vtVy58
UTW82pTXen2c1xqkIthCv/LJf76r61Hb23/CS6pDJHb2tisMPkeXNL5RO0ZDAH16V7D01R7U
e6fb+uxRuZFv9Ma+uv8ASmWTyo5AdrY/vFf5Va0XU4/B2+6W6aa8mt8Qo0eQkTfxk+vtVONb
i4srqRbe4+1XEw3RiIiLA/u+pqTWNKmubRVWRWmkIOzPO7uqDv8ASjVFRk3qt/zNTw/BGJ2t
5I/30yh1md8DcDkt7elfU154ukvjIqszMwxgnqfp17dfevlzw9ax2uuWM15ItxCqKsyJLtPT
/V+ze1fROi6dJeXMe1ZNrdCB976V8HxVGLUXLpf9D+gPC+ULSlUtpY6K0u5j8zK/mYyCeuOf
19sVTHhe81q/+60MOC8sr8RxoM5cn+6Bkk+/rXYeHPhzeXN5CqxzMsx5wvTjv1Hr9K534z/E
S11CL/hFdBaNtPtXDaheoeLpwf8AVIe6A9/4mGRwuT8PgffqWgvV9Ev8z9kx3EFOguWlZyfX
su5h6t4ktbieO4h/d6PpatHahm2mYhuZT7tjG3rjbW98GNC03xibjxRrmvR6XBDcPb2NrJGX
Mj7QS5I4wA+OOp69OfO9P0fVPij4qs/DPh2386a4O3KjEcKdWkdv4UVTkk8jae559i8U/DTT
/A2kx2tmyyaXo8IiMqg/6ZNgeZKQSfvkE4z8owBxXqYz2dGmoN2lLa1m0vn3Pl8PmSxlf2PO
1bW6te99tb6s1NI+HXg/xMWWHxI1xdSEN5SxkEgsAOw74Ht7Vn+L/AHhtfAHiC40W4kk1DRZ
Eg815kKvKJIxMqLu3HyxLGGO0LmRRknp5vrzXGk6Ba3TXWqLcXCOzok5RIzvYKOPUBWxnNd1
qOkf2Npnii8tbWa10+bR9LNjFLjdDbyzQthhnhyyOzYOC24k85rlp4Vr33JvVWWiV01o7Wum
bYqtiqVSMIVJWclo7LS6TWnqYHjXwha+E/B1msLNI0kheaVv+Wj44+gAJA969F8GeELrS/hH
b27Qrb6lZwvq13FMo3QqzlYgQSMfuwGOTkY4B6VD4dubXVrq3vJoY7yHS/8ASYUlziWVQfL3
gdV3YbHt9a0g+oad4L8ZTapceZrmrQxXbxEM3k27SlWAbOMBA2AOgxXPiMVJwVPqpJvzu7fc
gzTFVuaMVpytPXVtt2tbsl1M/wAFahfW+ralrWqfZ2ja2jiQW6Y3qm7BPXc3JAOeePasXwH4
dk034R+R4q+H2vxXtvqkNvqkNvqkNvqkNvqkNvqkNvqkNvqkNvqkNvqkNvqkNvqkNvqkNvqk
t1sbdy+xdqog27c/TP64qP4C2ELJrkyqu6aNIm7qEZmJXHfJX8vxr6aOZRlT57aS6ersexKj
Grh+e3ZL0uvzPErybLN27V9A/wDBDBNnwjb+IPjx4Z0Z9Ya4O3KjEcKdWkdv4UVTkk8jae559i8U
WTUJo/4Y3ZfYc19tfsC+B28L/CCTVo9Ugvb38KK8/ZdHEU5QkrdmtH+BwVz
8LvEU0M11b6auoQxqXeS2lSQkZ67clvwxXJXRwWWTdGy9Qy7WB+lesTa2ui6hHdWf+jyR4Kl
eOfUf57VuaN8XdJ1DVP+Ku8L6vqcVtqkNvqkNvqkNvqkNvqkNvqkNvqkNvqkNvqkNvqkNvqk
UU/ZTUn/ACv/ADX6+Lj8PPEH/CLeJ/7Ut9Ut9Ut9Ut9Ut9Ut9Ut9Ut9Ut9Ut9Ut9Ut9Ut
11Dak5basoIO0cAZGQOtc741/Zz1zwvozatZ3ml+JtHjyZbvS5i/kYAPzqwBHX9O1etRxFGp
s7Ps018r7HwOMo4qh7s4P1VmvvWv4H3d/wAEfPjSvizwfqfwy1K+1S81TwzcfbtNkvrjzo4t
8jb4kB+6qMxIUcAMSOpr5Y8Ra1qPiXWrzWNUuGuL69maaaRurMxyTXqH7Ovxo/4Uf4+/4SS4
8Pw+IrOa1ktLqxmuDCzRuVJ2sAcMCoIOOhr0T9pb4Y+Ffhx4ZsbjQ/Ddvp+oXV4Y/tUd1LIz
RhSSCGJHUV8/eIta1HxLrV5rGqXDXF9ezNNNI3VmY5Jr1D9nX40f8KP8ff8JJceH4fEVnNay
Wl1YzXBhZo3Kk7WAOGBUEHHQ16J+0t8MfCvw48M2Nxofhu30/ULq8Mf2qO6lkZowpJBDEjqK
+fvEWtaj4l1q81jVLhri+vZmmmkbqzMck16h+zr8aP8AhR/j7/hJLjw/D4is5rWS0urGa4ML
NG5UnawBwwKgg46GvRP2lvhj4V+HHhmxuND8N2+n6hdXhj+1R3UsjNGFJIIYkdRXz94i1rUf
EutXmsapcNcX17M000jdWZjkmvUP2dfjR/wo/wAff8JJceH4fEVnNayWl1YzXBhZo3Kk7WAO
GBUEHHQ16J+0t8MfCvw48M2Nxofhu30/ULq8Mf2qO6lkZowpJBDEjqK+fvEWtaj4l1q81jVL
hri+vZmmmkbqzMck16h+zr8aP+FH+Pv+EkuPD8PiKzmtZLS6sZrgws0blSdrAHDAqCDjoa9E
/aW+GPhX4ceGbG40Pw3b6fqF1eGP7VHdSyM0YUkghiR1FfP3iLWtR8S61eaxqlw1xfXszTTS
N1ZmOSa9Q/Z1+NH/AAo/x9/wklx4fh8RWc1rJaXVjNcGFmjcqTtYA4YFQQcdDXon7S3wx8K/
DjwzY3Gh+G7fT9QurwxfaY7qWRmjCkkEMSOor5+8Ra1qPiXWrzWNUuGuL69maaaRurMxyTXq
H7Ovxo/4Uf4+/wCEkuPD8PiKzmtZLS6sZrgws0blSdrAHDAqCDjoa9E/aW+GPhX4ceGbG40P
w3b6fqF1eGP7VHdSyM0YUkghiR1FfP3iLWtR8S61eaxqlw1xfXszTTSN1ZmOSa9Q/Z1+NH/C
j/H3/CSXHh+HxFZzWslpdWM1wYWaNypO1gDhgVBBx0NeiftLfDHwr8OPDNjcaH4bt9P1C6vD
H9qjupZGaMKSQQxI6ivn7xFrWo+JdavNY1S4a4vr2ZpppG6szHJNeofs6/Gj/hR/j7/hJLjw
/D4is5rWS0urGa4MLNG5UnawBwwKgg46GvRP2lvhj4V+HHhmxuND8N2+n6hdXhj+1R3UsjNG
FJIIYkdRXz94i1rUfEutXmsapcNcX17M000jdWZjkmvUP2dfjR/wo/x9/wAJ

WFxUp4aVG2t7r1W/4H4S3XxY1rSdS1C8sbry7rVrMWN65RW8+LKHBB6cxocjkbeK/SH9lr47
XnxT0bw34g8K3HizSbW81e6u7nUvFDxy3E96LaNXexjT900aLGy7nQqm0YwRtr85PjH4Tj8A
fFzWtJVdNb+z72SMJYzNNarzkpHIx3Oq52hickAGvfv2W/ihqXhu68Kx6PJq2peNJpbmHS9O
FyzWFubiRzJvt/mURsu1n2BSQGbKsA9fZU6mHVOMqsW4taNbpNXv2sfkPFmR4jGwk6UuWUXe
2ttOl1tc+nv2lLfw74P/AGp/+Ef1a6/sOH4safF4l8M6hOxXT7W/k8wXtnJJITjzZfmGPumZ
F6MMZPjaD4ifA7xK3hdte/4RuNgDa26RQ3Onzh+FKiRSCCWx0GCPcV1X7f3gaH9q/wD4J6+I
pl09Ztc+D9wdZsbh7QWtw8AlH29RvlZliEUqSAE5byUPJOK8x/4Jx/tO2f7WfhW6+DPxS1az
m1RbPHhTWNQmSKe5ZiiCyaVuWl+YNEeSxUgnGM+LjsDSdP6zhr2TbaaT0XX/ADPicPgsbCko
VLOUbJxWt13VzF+IPh/wb8VvC8cni7wDq1jMssrXF34W1HMtvcuER2ME4X9220FYkZlyp+YZ
ryP4of8ABOLVtdSHXvhvrF58TNH2m0uXtdO+y6hp0sY2iKa0OGUGNV2njcew4z9aX/7J/jrw
yLrybGO+a1u7iyuJhcIVuBDgI+VzsfBKmNsHehJOGXODoXwR8SeAvFdrq2qXy+CdNuykV5fW
+pQyTXDDJSJIgRtlxkiRyEQb8tkqDOT4zEyj7q5o7p3bVvm9PkfJ51ipUavJ8LW61Tv5rqfF
qfsneLPDGh6hZ3XhPxla6hqjLBdtNo8wZrVW81ol4IVjJHF8xxgKR0Nfen/BPvxb+1F8Pvgn
qHw38A28mm+FbO3uL+XWrfwnuutEMKuz2FtPKVS4maZfJxhyDIWDYXje+DY+OGmfEP8AtfT/
AIpNqnhOa9ke0sGjbXM2zSsI4592xRtjZN7LJwEYj0rJ+I37b2mx+FbjQ9S8SX3xi8SeLNQk
uNL0HTA1rpWhrcqIGt2aNyySNFJJtTe6rhwcMxZujMMViW3CSVlruv1PZ4fozxjS3b0Wj39W
UfgP8IPjt4p8d6tp/wAUPihb/wDCIyvD4h8cWunX7yXV3I27y9OmkjYBTL+8DxxnYqrnGSuf
nH9pT4jw+J/+CjvhVt0cOm6b4t0y1iiBVY7eCG7jCoAOFVQDwOBX3FrHhC1/ZZ/Z1tfDtxca
fJqm8XOq3VrELe3urwrtCIg/uqEjyAC5Ukjcxr8u4NSm8d/tQeG7iaTdJeeIbMO/A3M9ymT6
Dr+FeTkOOqYrFynK3LFWVkkt9X5n7zhchWBy5yV3KVk79lZs0PiX+z/40+PX7cHxK0nwnoN9
r2oXXi/UziFf3cObuYr5jnCoCFOCxAOOPSveP2ivgj8XvgH+xp4T8P8AijwjrVpb5Nhe3TT2
sunWX+ls9sC8bnazb1G6QhBjA+bca7L9mX4GeG/jn4n8QeKrfxh4i8N65D421G4tm0qL7bb6
v/pU8kYmt/uuVQYXqWExBG0AV7P40/Zr+Kk/ghtD+JnibRfDfgFgPUpgl5beEtOlu9Z8Vuu5vs
iR8hOBNh8bVJBYHPH0laMsRWgqaTjGXvNuzTWmiPz/MM2WG/dq8ZL7LTd79mj56+C3gCP4D/
ALIPirxBdTR3U2m6XrMxZujMMViW3CSVlruv1PZ4fozxjS3b0Wj39WtodIbw/YWK2ul3kYJCXF3Kcq+35pSSfvnIA+bd9lf8ABQPxNb3n7K3jLUrOzj0nSdN0W10L
TNOin81bGFbyKCOIOTlyAuS3Vsk8DFfmqmua5qOnSeXNcW9jNmNlhfb5oxypKkZXkdfWv0it
HD4fCwpws243bbW73dl1tsfl+Hp4nH4qpUafxWS1aSVtD3T46+NtW1nw/Y6boN1Jfahr01tp
Wh2entueSMNJbfuwp3E+dCYgMZ+b0bnzf4qfAXWv2dviNqXhfxIrR69pMNsb9C4Z4pJraOfy
yc87BIFz3K5HBFejf8E19D0Pw5+0XpeveJFG7S45f7HtztUyXshCCYklQqQxtJIXZgFKKQc4
Fenf8FZfgzJ4P8SeB/iJCrMvxA0eG21c/N+61O1t4Q5ORj95E0bggknDkgYyfma2MUp+xp9E
nc+uyfDrDYqPtlZNOzfc+T7G5WK//nXSftJfD+TwhrfhlmmM+0f294b0/Vkz/AMs0eHbt/DZ+
NcrYW7SNu/iY+lfUn/BTL4Aax8NNF+C+jeJ/Ed/4ivfEHiPxBqOqXmoXUtzcXMzXMkMjuzSZ
AG1ONZKUkm7pJvdpdD9BrxlUwrilpe/yPJ/2Wvh14bt14b1+LXtY1TxR4f0GPQbKOWXTtTXddauC
/wC8htVJCsWhRxyD87IuMNur7A+DXxF8AWF8A/ACWp4f0GPQbKOWXTtTXddauC
ZVkkKOkkbDHylgMHI/PnwZDZ3niGzh1S3urq1mkVJo7c/vyrYGY/V+flB4JwDxmvvj/gn34f
uPBPjO70/vv4Kalw13Z3Ea6bbljcn7s
eB8rdeecE5r8qv2nvgfp/wAaNF+C+jeJ/Ed/4ivfEHiPxBqOqXmoXUtzcXMzXMkMjuzSZ
7p6633SaPzfg/J54vHylSSStZaW1Ts1e1/vPiu3u2kb+7/WnAsp+9+VfS3jb9g6416Oe
9n4cvDOOw3J
9n4cvDcyZXjGMMfX5sn1A45ry3Wf2VfBHiu3uLzwZ4i8N65D421G4tm0qL7bb6
xhK79ySv2bSf4n7pUynF4aPvwk0qBoFneXEnh+++tTtqGG5/+E+cwCRxjGbwBoEb
ivK+BbPjoBoFeXENh++tTtqGG5/+E+cwCRxjGbwBoEb
ivUlRbiefh8yUHaW56F8O0efW2aGTy1WFt46l1yAV/HIrft7SG2kvJlt5PJjOyKNnZTDznO4
c1w3w7Zr+9mh8xY90ZyzNtAwVNeiatqsl7pcMNvIzLYjZNJt5mPc14uMjadj9K4frQr4ZTa6
v7+w3StQktbVrqaNrr7c6wB2YqYzjsO9Sa1py2ul/Y/tGLdZhliPmfJzjHbFR6jcTXUMbLLC
tnIVjGxwwSTr16A4qNrx9GurzYoum81CGcFvqOP51ynuX0s9i5YQQ3+qXTNebbezjyl2kYLZ
x/EOlRi7WLQJGjkuId0jyvMh2/aFHTd3Uk9hxzVi81HT7DVrix+xyXa6ZTa6
v7+w3StQktbVrqaNrr7c6wB2YqYzjsO9Sa1py2ul/Y/tGLdZhliPmfJzjHbFR6jcTXUMbLLC
j6TdWN1YyX3lzSWhForyKse8NnDns/oKqUU9tiuW0Xs3Zre2vRH3V+xb6TaTXUMbLLC
lm/ctyy9AT3xVrw5P5H/AAS58H/AAS58H/AIJiJjCM9//rVY3gW9tNQ8Ka1qWnXmoXUtzcXMzXMkMjuzSZ
JceOWEt6RtyBE4CkdjgD8wMbcmwcDRxj7sXyoCM9//rVY3gW9tNQ8Ka1qWnXmoXUtzcXMzXMkMjuzSZ
DulypX+1bvpeys/gXkfwAy5sHwAIJiJjCM9//rVY3gW9tNQ8Ka1qWnXmoXUtzcXMzXMkMjuzSZ
JceOWEt6RtyBE4CkdjgD8wMbcmwcDRxj7sXyoCM9//rVY3gW9tNQ8Ka1qWnXmoXUtzcXMzXMkMjuzSZ
9cACuQZm07xZcJqUkkLXlqkqSykB0K9Bxx1FdZ+zTcJo/wC098P7uRuSApI9D
xRUvZ6dGcOFjdK2lmvzR3muaBdalqnw3hsbiKG61LxzqYt5GPCSfaYArH2zipvF3wwt
/jl4n8QeKrfxh4i8N65D421G4tm0qL7bb6/sjZV/wCEgJJLkfwA25sHwAIJiJjCM
xRUvZ6dGcOFjdK2lmvzR3muaBdalqnw3hsbiKG61LxzqYt5GPCSfaYArH2zipvF3wwt
/jl4o8KtfPf4Fe4+tTtqGG5/+E+cwCRxjGbwBoEb
le4t2LMP72RwR2rY8F/GC1t4Ql+HPiO/8RXviDxH4g1HVLzULqW5uLmZrmSGR3ZpZpGdmlmk
zXnaqFkrvd310v8Ap0fHfg28+Hvwp0X4L6N4n8R3viK98QeI/EGo6peahdS3NxczNcyQyO7N
LNIzs0s0jOzSzSM7NLNIzs0s0jOzSzSM7NLNIzs0s0jOzSzSM7NL

twJVVmyN5Jz8hPzZPpmtb4U/EXx5P4X+PnjrVLNpviZoen6fpmTBifSIpHMctwij7pCpliow
MZ6Vl/GrxF4k1L9lrwjtabw/ceGdWuPBnid7WUwmyEDKbWGbDYfAH+szt3E881n3Pxc8SaJ8
Nfh38VvDcyt4osbi48K+KneNpU1cqV8iO6Q/8fBePqRk8LzlQRySpyqQfMlvZXvfR3s32Z1V
pKPu05PpfZLtdddDqvjB4A8cfs3zeE9J8ceMP+FjfDf4hRQz3lwu6a1sriRMqYpnyyONwcFS
pYKcisHToNQ8W6v4u+BfiCGbVte0OGWbwjezrm+t5YQLhYFY/cSSJOmQAB9MH7dfxg+L3j7X
PC/hP4meH7HwXHocZvNM0+ztvs9jeybQyPjJUkDCkZyNxHHSuw+D37QHhfxR8ZrXx5Y+H9Sm
+JjaRNPrt9fSldJ0Tybcw+eqqu4BoxzuOMsMdc0U4uMFKSTb7bXT0d1bobYOtWlFwbW+7b1V
tdWvmQ6D8NF+LPxw8D/Gqz1bSYfDtja2d34tupLlbdtJvbVPJltxGSJCXCIBwdxI5xjPnY8W
/DHwD8YPjZd+LPCutapcaxZXM3hC1uYHDwy3AZt7r0VQGRg55Cj14rj7/wDZ1kh/Y5vPipJ4
itfLvteXTbbSUJ37S5LTHDDL7hwCD8vP0+uPjj+z58G7KfQfiF8WPiB4i0GHxhoNlaadpGmI
i6ksYiQSSTAq2Iz3JUDrycitvrSoyTk3JO6SSd001955OK9jUhKnblle7d7pt72scjqP7O91
8Uf+CPnwl8H2V9Y2vi7UteutVsNKubhIJNWhaWQGRAxGdiuGJ9AfaodR0bw/4egutUvrq28S
aL+y34cttPa2aPzbfV9ZutyfKf8AnlHIFHPzApVP9rn9mfWD41+BvgPS/FUd54H1SSWHwt4o
luAfstrM6MIpCpCmRBt27Su7IAAqb9kXR7X4U+CP2nPBOoLH44sdHSC1uY7WRYpdRVJZQ88K
OGIkUAsT82COM8VNOpN03VvzJybSSs0m7PfyOGjRp0/3cbOWiUndrTW1jhfBHi3xEPg3Y+NL
zUJNU+LXxe1dtD8OX1y+/wDsmzDbJWhY/wCpYsxQbcYBGO9eoSeB/EHw31Lxh8Kfid48uPHX
w9uvCNxrDXN7G7yeHL6LIUgPlom3J8oyA25eD3+Y/jF8adP+JXiLwvZ+DtF1TS9L8J2y2fhu
CJlkv7i63BjJMV4MgfnCjpj1r079pD4r/Gz41fEDwn4P8eaHp+h6h42ext7v7DZmGTxAqbAk
tw65DMowCqkYJOQOK6KnMpRaSXNdtNq6Ss011KlK8nCbbUbWau027Kz0t3+4wfh344+PUX7A
3iDRdP024vvhHNdI6T3KZktJRNuza4O4rvxu4IHPTmvVNV+DWsftEftHfBXQdF8Zal4Z1D4i
fDyBPEOoRzmN7rZC5ZXbP71iYwGU5IAyayz8efFnjL/go34d8G+E76ax8H+G/E1taWejW+U0
20tbQL9o3xDG7ARySeCM47VpeOv2uLjwJ8ZfH3xE0vwNZ+JPhfpfjCT+w5Y5ys2j6osQBmhk
XkW87AFoz8h3DAzwc5RqKfNFRTabVt9dr30bMZUYNOK5krq7tomt3Za2PNfE3gX/AIUj+zzr
ngW4vI77UfCvxPht55bc5hvYljZUkQgnG7bnHUZq9+1Cnm/s6axaLHJG8fxSvZCN3ygtbrgD
86yfF3iO68X/AAG8Ra9rFj9h8Qah8SIL3VLSJfLtITKkj4iXJYA7j1OcYrc/awuG/wCFVeII
1ij+yr8ULuQPuJLN9nTj6VMZSjJc293f10v+J72Dpp05JaqytfTS2m587asFM90zTJZstwBs
jbB4A79yapXNzazeBorr7DNF9guHilkThbwseGb6Y/WtHVtE+0XN3J9nzcNebsIeIx7VQ0i6
1jVX/wCEf8xv7N1iZpVE3zyJsz36CvWpbHk43mjNLurbX3fXsYfmST2kd1ajyY4WDId3zowY
fOCOetfebxQwft3fB2bd527wCJ2uyTvv5DazZcnuc96+GrnwjqUugXl55lvHa2UywuquFcgt
j7vfnHFfe2gRLrf/AAUB+B+hzSQxw+GfAEckciKR9r/0SU7Pc/4VniJPmUuyf3WX6nmyhywa
lo7r569EfG/7LBm039q/wfqF5YtNZyeINq4GcyM2OPocflXQaVfSD9uJrfzFg0uHx8k7XLcL
ETc4JJ+gqn+x7qa6l+2l4L+3NL/Z83iKaR7VF/1LHOMDsckfTFcz8ZJptF+JnxCsbeT/AEeH
X5pG80/vyqzkLhvXmqlFuTXVxS+TZy4WUE07OybfTsfV1hoEejW/7a3hn7P/AMTJki1G1j5y
0AuZJCwHcbJFP4ivjuz1K1aO1kh8ywtfsKRylWx9plAwx/Ovt6BoYv8AgoD4i0eThfil8Nxb
xI8oLeYbJCu4/wATfuT+dfB7yzW0VorbfOtYmtJ42XiHEjD5h60UYpXXWy/K36HRGp+9XJ3a
fppb5lrSNDa0W8mW62tb2/nQtnG/PcA1c0bT59d1NW1Ro7iFrMuHfngDI/4FVG7u1vEj01JF
utzqkJPEkbHGcnuta2uaBNZ39rax/wCj7YOXZxgRjhz/AL2QapabnrU9U+XaO63T9UGiaot1
aadDZ3F5HceY4Bkb69KqJJdWF9c3F5cf6RYxGa3Knjczczn60xNMk1GWdtLvo47bS2MiySptM
meua1hrtj4cs7OS2hh1i4Z/tErTpug3ngxlf7tVua8znFc2nLs+j9Fvv5EOkvH9vhuPtDTbl
E6ryQ838X4iv2El+HXhfRrbd/ZtrRexX7RcTme6lKD9xk4Ah9Fr7
E/aj/ak1D4mPJp+m+dpfh2OTYzMdst8wz1A6R/XGe/oPg+KsDUxEoRi3FK93f0tofofB8qsp
NRk4x05mm16epuftPfGiG+uG8M+Cbrbasv8Apl9bjDMpxiONhyE9SPvZxnGc+J+HNC1Dxfqu
m+F/DNjyZJCfulOWLHjaM/Sv4SsNY8Apl9bjDMpxiONhyE9SPvZxnGc+J+HNC1Dxfqu
JJxs2jJdjhcHkDNfb37JPwT8M/Azw/Azw/Azw/Azw/Azw/Azw/Azw/Azw/Azw/Azw/Azw/Azw
43MMZRyjC80veluo9W+78j7bMsytTdGheTW76+rNT4CfsxaP8CPAkmi2si6hql8gOragq7Wv
XznYnOVhXOAB94ZJ5NeV/HTw9fa74zk0u3tYbPRdLKmExgbriYojFnJH3VyUAHcMTnIFfTk8
32uNoreGRWY/eOOBXH+PNChisLiRWVZI4nmZz0VQCSc+gAr81wvFFWvi5Sb5nLv0btstlpoj
Ph/HLDYhVamr8+/d/ofHPxFsY/sS6WqxrIzKgBIyOePp/ifapviHNfeDPDEdjqVxDcal4ojT
Ur3y4tkghURrbRu2ATgI524wpOBzknpNP8L/APCTeKbrUFXzPMA2Fh8oHXPPXPJ+nFYfx68M
XnneGTdeZRwbW7
btdfJFH4PXEj69Y2fzNHdShWAYc+/wCmD9a9Y0KlLWlZf8AVwzWAYgZ5yhx/P3qn8L9
TXw24P

kvNLdlHwj4BuIPCdxrl40lurOFtIQP3k7c5bHXaMde5xVWy8IahqngzXvEky+TpukyJAZZGC
/aLl5EXyUHUsqMztgYUKM43Ln0b44XjaF4kmm3fNdZljhwQIk42gjspOVyORXmfxG12a+s9P
0WG+87R9KtYGt4N/yieWFZbhgP4iZmkHPrgcV+iYOTqrmdveafol0XmY4zEVcMkqbOL1TVJN
UO5V27Rjim2s7Iu2ZZFXHUDt/kmnaJaTaxqlvY2MfmXF1IEQA5+n0x3NdR8Q73T/AA9Yw6PD
cR315GQ08w2skR/uAg/eyOc8V3S0koxW/wCC7ngyxnPL2kpa9TjJXUty3er9jr91ZaZcWMdx
JHb3gxLGD8rj6e9ZesadNbaet5uj8mQ4yrrweeMZ9qxYtckik4b867I4fmWmv+Z4+IzSkpct
RHqnwc8D6f4l1O+jumjjjsbGS8LAqrLtZBw2Djlgcn+7X6WeBvjbpPx+/Yv0O11rUrzS5tS0
06Ne6nZv++s3jeO3EvzZyG3Rl/8AYkcZBxX5I6d4uvtMjulhmkt/tkJtpijFWkjJUlT7HaOO
9faH/BIb4y2t54v1b4W65tuNN8TW0lzp0ckm1Vuo1DOgHq8aAg5yPKGOWrx86y2dSkqzu3Fp
pK17Le1zz5YrC1H8NvNaPsfMPxV0L/hG/j/4g8M6hb7rpfEkKyyOS2URpVcZB6N5gOPQVtfB
e/vvDXxFs/Emm2t0reHdRjRvs27e8Tbo5YxgjGYy3p16969O/wCCrHwguPgt+0VpPiKzhWG3
1S0gkifBLSzW4RWd+Ov3ecnp2rmfgvdLb63JNpviy10fT9eH2xoiqPcI5Kkrj6kr+FexHFc2
EjKGzS7vZWadj5WtRhCU4y6u/qnsfb37CV1qnxN+CvxC8K+JpobrS9Qsr/SbC3ZG+0x29zEX
McjtkMv7xEiDZYbGTkba/Lm/8P61+zj8b9Q0u8k/s/xR4H1drdpIiR5dzbS4EibgCRuTcCQM
gjiv0g/Yt8PNf+LdYuLG6vPGV5YS2N55qSJZpYSAzqN4zhw0ZkyGxhVA6sCvG/8ABbj4AR+I
fhn4V+LWn2MK6to86aB4slt41PnJJ/x6XErDqVZGiLEZPmIDyBnoyytOrTlBx02bs0teln3P
z/FYjC0MUoOzcunY+xvhr8TNS/aR/Z98I+NNNu9Ns/EHiLR45555bYTWbXSko8csf8a70dOu
QCcYIFfP/wAS/wBqjxt8I/FFxpfjD4F6fb6fCrM2p6S4vo5k3ttkV3VlAJRuHKsFIOBxnkf+
COn7bGk6h8PYfg/r1xHY6pZyyy+HbiZwsNysrB3tCT/H5jOy/wB4PtHIGey/bt0248D6XqHi
S4vPEl1daxN9iSCHVxp+k2TiEJG8seS0vK5PTcQFOMgH5ONSvgcVKhdpSbcVd2s306bH0GF4
PweaTU5wjJ2tdpN28na+h89/tB/tGf8AC5bmZvD+qTrpKxJjRCv2SSIBVL7ljwsjFyxO0EZP
Wuy/4JqfCZvih8VV8WaxpMn9j/DcGSySbhJNRk2i3Xb3EUYeT/ZbYehr5T8eeJ9S8RBbOOHT
YY7GUuZrONVXI+XJlH3vbt9a/Sj9gzw+3w9/Y78N3UklxdX3iKe71W7kkYt5n7zyIimQG2mG
GI4PPJPA4qc8xkqGEc7tyk7Jt3autdj6DA8E4fBVY+zhZJ2jfY8v/wCCg/xGmuPDGtabDcMu
oeHbi31KY5IaQPkBSR6blbt0FfnPp/8AxLJpNa+1TW95ptyk1vJHgusoJZGwf9oZyfSvqz/g
otq63Xjq+1yO42w+Lo8JCesaW6QpnOeQ5XuBXzX4MsbHT30/UNQ0e81zT45Vu5LOG6jgjn8p
mGxyUY4bBBx0VmNd3C+HVPDKSfxWfbXqtfM+oz6MYUFTivhjdq+zdro+lP2RNJ8Vfs++O5NF
0SzvLjWLrVRJ4fa6D29vcrHbs0s8M+DFIyEgeWAW3NyODj2z4zftVahq3gC+kutY8YJrX2Ge
e5kaWSO9nRYi4gt3jZTHbBlEk75DMqRgYBJHnvhqRfAP7Oc2qfDnxZ4k0W11bWNupaX4hjin
1XQb8xzGSaKdcNCZFjdcupypYkgkim6hfeH7zQvCvii68QWuoRwhdFt/DNhdGTU9RuYtkYtZ
5WHl+TOW3yyEAhHEY3Fi1dGIxTdZ+yk1rqtVdrq+n3H4rmmX0cTJTlH3ls+voevXv7K1v8Wf
2NfDt94rvdWh03TbZtT1DStLto2uvENwsTSwDzDuxtaU4UBgzN0BUV8Q/Gv4K3UmuQ3mqeF7
XwbZwhPJ8O6SnmaiLZ1eRZnjyzBshEaSUA5ZAQMAV+r3wv8AD6+IP2evMuJpPJ1DVNRvITA5
jkSMXjKmxxjb/qyQwyRuBzX5y/teT2/hD4i6haw+JNN8J/bJTNcW+myTapeGYvIJGu7lsP52
4sTFnCgrxkZPn5DxDWxVedKrNycZNK92kk2klY+ky3hfD08G6kYKMnq2rK7e71OR/ZW+B3ij
4wfE7yfDHgu10uxjsri0muHaUrYiWMhHuZcN8zFCFX5SxJxjFfRH/BVrwZb67+xUxh3xt4R8
T2V+5KD9/wCZbrYkcnPZXycn+deP/BD9qf8AA4VppPh2P4Y6Xq2reINJD6h4qTVtSMa+JIxG5
uf3JYRbYgV8sqTKAA207WNeuf8FXtUXw3+ylDb2tw01v4u8WPE52rZ
No3cu4UYHfr0FfZX/Bbh7NfFeg6XpOpa5qi6fDHYSw3Hz2tv9nhVVWABQA/70mXHUvFjGDXn
P/BKvwGE9KtYGt4N/yieWFZbhgP4iZmkHPrgcV+iYOTqrmdveafol0XmY4zEVcMkqbOL1TVJN
4sTFnCgrxkZPn5DxDWxVedKrNycZNK92kk2klY+ky3hfD08G6kYKMnq2rK7e71OR/ZW+B3ij
+mZbGDoTqTT51ZLta+j1d9T8qzynWWPhTg0o82qtq7avbTY+Afhv4Pk8YeK9L0uHUNSuLtuH5pNSu4rZ
LvPTPNfpMGwMV+bf7Qfj6xc/2ufiNY28LW8Nvq2Vi4YqxhjaUHHr
LvPTPNfpN8BfDg2fiNY28LW8Nvq2Vi4YqxhjaUHHr
LvPTPNfpN8BfDg2fiNY28LW8Nvq2Vi4YqxhjaUHHr
2rWf7anxIh8va3/CRSjbIu4KGiiKkHrk5yPY15eeVo1MPZy5pJK77NJJo8fw+wKo429Zcsdb
Lum739T0Tw58RIbqFbdPL8xU3bQQGc/T+nHX2rD8Ua+yvJdRx/2fJ/FLv4Bxjd65HBwa8t+K
dvceApNNuGkby/MCyKMc5DYPUFj3xXGa18Q28QCRHvtQkg/hVyu5vrj2Hv2r43L8HJSVVPR/
5n9Y4HA4epSSfvRfddDiPjv8K7PVrK61bSbOGz1KGRjdW9uQIJl5/eIuflYdwMg7uMdK8Ne2
Yzbdu5l457AV9HPr/wBlbbHJ8qn5SeDXifbQ28PeKLhY/uswZMejDI/pX6VkuLqSh7Kq722
fl2Pyjjbhuhhqqx GHjyxbtJLZPuvU0Pg5Muk61dTNbx3i/YZMxueOq11lojSadGumxt9omDv
OoztRf7o/CuJ+FV+qa5eLN9o2yWrR/uPvjJWu6Bj0rS7WSG+mjkjBjZbfAZSSfvetdGYRtVt
5I5eGai9jZbXfqFxpiv4a0++mB6uB18iDkPL6j14x1qa9v49O8QWqhTtkh98E+mB6VDcX7
RW1rZyTN9j5LpKpB5OS444fnrUjz2MOpwytJcMsabYGRgQR/tcVwn2UbWtHTbf8AEba3wbT5
o43uJJlJ/wBLpBLkYhR7A+1F6rHQbWuUjz2MOwxj70pjHvgs9702Ftd0bW118phbb5k/D
0qSz0vOirpPkyeZqDaj/3fcVUdryDlaWuuj4B7+Np0GufHeAhK/u
LmSQ4C/usfllu5rN+JfiFtJ6+Yf8Y8+4B7Ov/Y9+Jv2eaiE/Y6+Jv2eaiE/Y6+Jv2eaiE/Y6
xNJa3Vnoq/iFtJ6+Yf8Y8+4B7Ov/Y9+Jv2eaiE/Y6+Jv2eaiE/Y6+Jv2eaiE/Y6+Jv2eaiE/Y
rnRsOz06Naei/wCCcMac78+9032t00+R0lxd6h/w7WsFtd0eknxyRctcDCzXJgyCh6YAxn6G
rnhm80+T/glT48tE48tE48tE

MSR6YJK8+hpugRrY/wDBJLxdJG0LXEnj21EsZ+/EqxJgE9wT/Wtvd/FffdbnPWqSndPZLS3R
WL3/AAUu1q41H4pfD2TdH5lj8PNOyWOS2d36814Vcy+fpNqrybV2htsj+WASOcCvY/8Agop4
hHjj4x+Bb6G3jtY/+EF06WaNBtTABOAPTOK8dtVhvNSuobhmWG127NnykFhkj6cVrGLtt0Wn
Y9DA4j2VN1el7fgjFubW4866utQt/MurwCC2hlI3gdiK7b9ma7jb9qfwLcXlqssdxrMNs6bf
9VIMKF+oJB/CuFtRp6yzzeTcwyQyp5U87Mw69MV2H7PWrro/7R/gu+k2yQw+LLZzGo4JMijO
K1qWlCz7P8jho80bctt159dT0rwj/wASfx/4BuFZo7hfibdJErH5XjE0AZz9DgV0XwL0zUtL
/a9+J3i6xhm1RfAw1PXLK4hQvaveR7ikbZxnOSMLzxxxzWPdaTdS+KfBt19nVre4+Kl/FGzn
LK3nQHYB3B5J9wKr+JNe0/WW+J2i3Gq32g6lputXeu25hQmG7C5RYHC4+8SBn3715NSK2tpJ
We+zeux7eDimnK/wyvbTX7+vU67x58ZtN8K/E6+8fWujR658J/i1Zwt4p0eOQyRWl+y5mjRi
Ri6jkzIDheGOMcMO0+EvwZsfEfgvXvh34N8QQ+LPCOqTxeKvDOp2TRSX/hu9jGVivYXK7Q/3
Mjn5SdoyQOX/AGYviD4P/ZF0jQ9e+IGk6b4mt/GEsl3aeH1szNc6SApBk2PgAyHYF46cg9a4
/Vf2U9eh1i88aatG3wf8KeItRuLnT3vSzXsEbSHy4IbNCJpc5B6YCgtwBk89SWjgvdSSSb1T
t5b38zfliq9mua6u0mlZvV79D6Y/a+j+I37YngLwP4NvvAd9/wAJZaznUfEOsiJE0/T41HlC
O2mdsAlQHdc8dg3OPCfjX4q8H/s+/BrUPh34D8Qaf4h8VeLg7eKfFEG8WxhTc0dlAxyCzDKn
aSDyO/y2v2lPgp8dvDzW+g3Xji98XSa9p39oNpNhevZtJbsFCExNsMrFRzGoJUjBHNd98av2
p/hP4t/4JueE/Bumx2vhnx54R1ezg/sWe18u6tLiOT97PM5ALqRvJYjGWwfm4rlwsZRjFK0l
d3SvZO97u+u/yOXHYp0v3dKLipdW1s10a0sZPwy/4JueEfhP8GvD/wARVjd480fwHda41rf+
GtDcSSzTR5Bb7VEEMiggjOBxuyWGcDmf+Cq3g680b9rJfF13dW+teFfGWipNpd05SSykVIEB
jt2Tdjb8rDIB+bv39E/4KHfsTfFT41/tB3HxE0HR7v4ieE9csrGbSr6xu1khiiFugZI0DHER
Kt0GPm9TXzj8e/2aPHX7N/w90aTxpZro7eLp55LHSvONxNp8EIBbauSE35wQOwGcdK7sPWhK
tzuScrNct1pfey3ujycPGcoNTaave6SW1vm9D6C8OfDPwvYf8E0/Afh34wePI/B+m+JNYfWd
KRbAXt8luWIVkC5KxkMHLcEBwO+D5R8Zf2ffFX/BNj4p+FPH2l61a+KPBHiKDzNK8R6fEGt9
QjdPmilByPM2sTgnkDI6EDE8LfspfEbxJ8AtP8dWfgu+8caT4mQ2ul/2fdy3V5oaRSsrosWG
2hsHGAQO+M4rtvjHoWufs+/8E1fD/hH4gQ31jrWreNzr+j+G76ctdjTBEu7zAP8AVgsSSMKc
nOBmqo2U3GMlJNtNabvey6WCpUnCpFqyaV72votr+bLn7K/wsuG/aw0n4oeAdNuPGnhvTbxr
m40xVjg1KMzQlZpY7eTaHQF+GXI4AyK+pPjp+zj4ktfE0nxKht9HuptJs5dO8I2lxcrFp/hZ
J/8AXX9/M7bvMAZjsVWxtwD0I+d/2ivifH+19r/hPxR8N1vPhrpPhnPhTs3njLU5ZLGGAlNjWF
sIlHmIpyMAMSzEdD83n/AIw/ZT8XajdxyXX3xUt9Ss9SltzZ3mt2t/a6bqskkYdAZWUptK8Zf
HIxXPiKMpVozc1FpNWabdr7X2V0d1OMqkHyRdm020la9tbX1WvYbHN4f+Cej3Hw9+G99F46+
LXjZm0rXfFiO502zjn4eC2cn5iM/NLj1Oc/Kt7RvA15beG/iZ8Z8f+Bej3Hw9+G99F46+LXjZm0rXfFiO502zjn4eC2cn5iM/NLj1Oc/Kt7RvA15beG/DvhHwj4R8I+EfCPhHwj4R8I+EfCPhHwj4R8I+EfCP

t/tBQ6BZx6XDos11cXV8q3129w/mTZlRWXceu4g5IPTj8fsj4+eHdP8Aij4KvNFuPOhsbFPt
SmIlT5io20f7Q7EH6cHGPlPw18Krr44ftDR2cNrtt5rgNLtXC21rEqKOOMfKoXjua97I8dS+
r89STjyJtpvSyR7WS4rkjKtVfKoq716dE/8AI9k/Y4+FMPgL4cza5ebvt2tBJNrYxHEufLx9
c5z7j0r0SHUrjW/EjMsytaw9FC8+uSeg6VtXei/YYZLXbtjhxGuPQcdelc78RL+48LeCpI9P
ZYbq6bYsgToT3/LNfI1sa8djH1cnZX2S6fgcssQsRVlUW8np2Sf+SPnf9sT4hWupeEfGDW7N
dSRyW9iNzYECCRNzAfxZYADH9/PTivlvwdFeaVDDPb3klnucsX7MTweP4uAO1egfG/WLrV9L
sbex/wBF0nXpXWCP7pnEToGmfPOXfgHjOwcVj3ugeTDHaxszLHGFw3rjncOx7ZHrX7BlNFYP
CRpPq/wSS1+dzPGVFGaUXpFWX6mP4+vpPF18sNnNcX0kMJF3dzHaXkJG4IOyjAAUdeT3rh/F
WgSeH0k3GTa3ylf73rk/w+vvyK9u8IfDu3tQsckkirNGVDKQGHB+b8Bxjvis34ieE7Vru1s5
I932fEowOWUZxx/F3yO1ethc2pxqqnFaL+vQ+bzapKULxPAzJNpw85WkjkmB+dWwcHg/TP8A
KsmaRm+b5vQ816xrPg2x1m9aZm8mFFwmfuufXHBY8GsXTPhVa6zc/NqKww7ujL8zfU9j1HSv
oqOOpNcz0+R8rUpykjzmUySJ95vzrNeJkkNeneLfA9j4ekaFW+bHyl/l3Hnk57fTvXHz2cLX
GI45G9iM89q7sPioyjeOx5uMy2TSk3qZKRMY8bj9a7j4OfEO++EnxJ0HxNpbL/aWg38F/b+Z
lkLxOHCsAclSRgjIyCadefBHxJZeD21y40ma301VV/OkZQcMQF+XO7ByMcU34beG7G51CSXU
JvJjjido1A5kfadq/nRiMRSlSck1Jappa/IMNltTmUbbrd9j9Uv22/2dfDP7ZXwpsdet9Q02
1vv7O+06NfahI9rZiO5iEilz1XOVYblbGMYBJI+D/g5+zf4ig1nVNF1jUPC/gfwz4fctrvii
HUI5754YyuY7ZN+/5zJEN20KC/J/hP6NfEbwPpvjz9lDwvpbeH7rXLW+tNNW3s7K/NkRiFdr
GZekaqDngjkHjGR+TP7Sk+i2Xxb1ix0HRf8AhGdF02T7BcWi6i15PqMkTjzd85OXjMiDbgBQ
EjIXdk15PD2I9qp03flTdk1e2uljx+IsL+7UqbcZXs7PdI/Qb9jTxt4XS71DT/CdvqX/AAju
tRR6ofsRkvr18NtjNzKS0joqyMrKD8jAjHLEe9eNPAei/tO/C3xV8K7y8tWh8VaRNb74gJWt
J1OYJtuRylzGhxx8ysOxx+VfwF+IP/Ct/wCx/EXiSbUofDtvqMc3hnwhow8q61y6BjiMx2/O
yKEB+Zsu4GD2b7d8H/tL+JfDnxv8O+Avhz4Dj8QeI7exSaWxt9VjvtQtZTdNLNNqd6y+XG7S
MzlM7Iy3ByefrMvwc6TfM+aPRve72XnY/nfiTEKjilOCble177W3bPzA8DaprHwe+IVrdK1x
pfiLwvqYDKV2y2V1BL3DDhgy9COowRwRX7JftY/APwj8XNBtfHnjbUrqPwz4ZsxexWtvIAty
sgWRlz6y4RBsIJ+XDc18N/8ABUT9mG38B6Z/wmn9sW+sa1D4ii0TUr21s2t01qOW0L/bXOdr
OLuK7iDjlwBknAJ+0vBFt/wuX/gnb4Dt9akZrO88NxRXOwLuKQjajDeGG8CNSGwcMM18vxdh
1TcKiumm02rXSdr2foftXhznTxMYwg7O6Un182vU/O34v+J7f4keJNQvNN0yz0Hw7auXsrG2
hWNVyqIC23qzBNzEk85Ga/UL9nm5t7T9mf4e2skK/vvD9lt4GAzRA/zavyv+JOkR6Xf30fnL
pqrcMYbB93mIhJKgg5OApH3jk++c1+mHwl1m3n/ZK8E6k0knl2vh21IeJtrqYoiG2/K3Qr/d
OfSvk80p+1w8F0urb/L1uft2OjG8IxW3W6ve22h+ef7des/2rqPh21WTbNp+mMs2RtZJvPlj
kj9jmPp6k15b8EvAMPxC1qGHWvG2n+AfDscU9zNqd8S6uY2RWhijHzPMwlBCDkqGPODU37SX
jlfE/wAV9e1L92v9rXkl46RbvLV5DuYLnkrk4GQDjsK6b9mXxNb+Etf8B+IJNP1TxE1je32m
w+H7XRlvTerLGweQSMNu5pJYo9g+YCMnkPX3OT4VUsLCDWyv82r+m5+b8VY53bTtLZq9j7q/
Zy+PF5c+D/8AiZax8Hfilqw0EZgmDKVJBznmdI+OnxC0
bxPNN4s+DvgO/wDhDhzcMb4WttDZxWl1C9sZmSCRRiaSNIl52szC3xnGTXl/h7xH8MfDvwJ034
b/8ACh4f+FnW9g1hqN3qi3MN9NdSTvEwgEUbGZ9k3mKSQFAUANsUD0L9nXwjrHwG+Nfh3R/B
umyaTofirURZmS7sJry88PWUcptpL1muCVtp71hJEuYgApxgHivEzKjCEKkkrvV3eistbqz3
XTQ/O8Dio1a6hdczdrNpn1lZ+I9N8BfAnwax7PMLx+YWyeeS5JJ559a+E/2q
fH+g+KrC40nT/h/Z+JNakkeSRxp0kJtd4+eUzrh5HdkLb9xDDJycCvsT44yL4kF439qWtjaw
q3DMqrbIB74AAx37V+c/x/03WPD3iq48O65byTaxYxiG3ZZNxaNssm1sDejb8gHkdCAcqPju
F8PzYiVa7u3e12uu7tufuODy2nHL5NtKTWzV/uT0MP4NfBjxBjxB4N+K3tqFhi5gP
nxWUk0sirbysoyrh45IpIyByNp+9mvWP+C02saef+FR6PZsqt9i1LWXiAI2xzPbxRHn2gcD6
Vm/8E0tc1bwJ8TfFGm+JLWZvCciwfb9P1GI5tL+Z1a3u0RxlZBGrMHUZIKEHgGs3/grv4Uk8
W/tCeHtCjuPs0bxT2bt1
rpV1aESSNbRzchyAUlADhgccBhgmvg44qpUx7qUE+WKs5NXTV+nkfrVPD0pYBU61o3S62bt1
Pj3QPH+vfCWO60260nSdQs5C8M1tqll5iK2CCAchlbns2Ole4fsJ/tXXnwj+Nekt4V8K2upQ
6pdl7rwmt15VnrL+ROnmRTTBhGV3sfKkJVhgD5sE19J+HMnxB0jWPC814sfxA0wRprazv0U2
uu2QjhKxJk5M0eXfA+Yqw67cC14G/Zm0/wCNJw603WvhLJNp/jrwybGw8S+/sIA3T
zayHhPMkcjZuHQ8ev2UcRGpS95JPTXWzvs38z8jz6nRoylFPmi9Lvex+qn7D3w0+D3jvwHo
8XwZ+Ivi/wAJ+Ivh/wCIdQ8Q+HtJ8Q6Ra6rbWOoXMMcV1bxXVvLDJ5bxRxsqSSMpZGYEgA
B++wn164qvJ5kf3vl/HtU1jfMjfK3/167KcnSkpQeqPNzSMMXSlSqxupK3mvNeaOU+GFvdaL
41umby4WtYW81pgdqAMo575zgfjXb6dDHeXNxZ/s91dfvR5vIOeQV9R37VYvtH0+XTJtS8
7yb68jMNwCNyuSQ4f/yHz9apulxo+i283mNHcakvmrO5/gQ44Pb6V6VTFKt769H6o+Jy/Jfq
ScG+ra9HsRR6fNcFry6mhkt7OUx/IB8zelP+1vbx3Fu1qsclwP3AYLlFJ5PH40zV7S3fToWt
5GkaSULNIH+Qs3OcdKn0+TytZFrfWq/6nEHUnGD/ABdazlI9jb+v+bzFtnZtWs+xx/xc/cAuPihrEu
uu2QjhKxJk5M0eXfA+Yqw67cC14G/Zm0/wCNJw603WvhLJNp/jrwybGw8S+/sIA3T
rebR7zWPGV7cXvwZ+Ivi/wAJ+Ivh/wCIdQ8Q+HtJ8Q6Ra6rbWOoXMMcV1bxXVvLDJ5bxRxsqSSMpZGYEgA
B++wn164qvJ5kf3vl/HtU1jfMjfK3/167KcnSkpQeqPNzSMMXSlSqxupK3mvNeaOU+GFvdaL
41umby4WtYW81pgdqAMo575zgfjXb6dDHeXNxZ/s91dfvR5vIOeQV9R37VYvtH0+XTJtS8
7yb68jMNwCNyuSQ4f/yHz9apulxo+i283mNHcakvmrO5/gQ44Pb6V6VTFKt769H6o+Jy/Jfq
ScG+ra9HsRR6fNcFry6mhkt7OUx/IB8zelP+1vbx3Fu1qsclwP3AYLlFJ5PH40zV7S3fToWt
5GkaSULNIH+Qs3OcdKn0+TytZFrfWq/6nEHUnGD/ABdazlI9jb+v+bzFtnZtWs+xx/xc/cAuPihrEu

Ox2A+bnHPNTW5fUNU+eSSaHzC1osAws0gHIX6U3TYWSyl1C3mjkjhUwxxMMYJPTb6+9VW+0T
eGZrUW81tdW86SKBncWf5fl9M+goCUpW+Tsj17wiuoaJ+xfcWdra/aL74leJo9NhfG6SSOEg
jae+X4rY/wCCjY0PRfib4b8I6Tb3FvL4J8PW2m37MuHEmwMob14Yc89a6zTfBQvPj58A/hgs
baZD4Xs49Z1WCQk5unX7VIGHZiEx7bq8Z/aM8Ral8a/jN438aNCrW/8AaItIyD1Cnai/7R2o
tcMY/vlNbWbaXW7SV/uFKUo09NdUtt7K7t956Jdv/aH/AASi0u3khkhtdN+IeJJJM/Put2JM
R/HBx3FR+Hri1u/+CR3jCP8A0WG/03x1bMY8lbh42RADIMc/xY+h9K2Jpmv/APgkPoP9qTRz
Wdj8SNltbKcP5TQsZAxxkncxP0IrDsrhr3/gmF48t1jXy7HxxblXCje6SKuNx6nGOPrWlPbR
L4u/nq/U86tdt393R7emnQ1P+CjNtaz/ABP+Hf2WSPyZPh/YeY0X3SpztP0JwK8F0O0uNVsr
qOxh87UGmWQQup3NCFI3/TcQPxr3T/goT4Yt/Bviv4X6dNO11Jpfw9sJbiVf+W29tqr7hc5r
zL4fa7Cnii1mhj2/8Sx4mcNtaQiVOSe9dUZWdt1bf5nThtaGjtr69EcRZ6jJJLHaySfKCJvt
TrlViHYr3+tdV+z/AG8et/tP+D7G4dprW48SWbOFOzcd64Oa4nTtZW+H26ZdqR4tngQZBU12
n7PUkZ/aU8ETwrti/wCEntArN94YkTgr2olJpP0f5EUZKSV+6PYNIjZ/iN4FjxIZIfjBexRo
hz8png3YHfkDmsfSLm1T9rn4mafrEOrXGk6hq9zZX93ptuJo7WN52BeTIKoi9Sw5GDjNXtJS
bUPjJ8ObeS3uJFb4ragUlhlCbT9qt8pnsx6/QV758JP2kvCvwJ/Zc/aGt/8AhJrPw74+h8dz
3Omwm1W4ur5PMAWFgw5icq6kjpyTxXHjJSjSvCPNJ2SV2uvdBRxTpVN9pJ7X066eR5/4d8U2
Pwm8K/8AC5LyPTdc8a+ItQbw38NrG4RvJsLS3Jt31B8jMhXcFHmDOSD04FPwb8ePE3g34Z33
xY1q8j8UfErxtqk+haBrGo/v7fQIYs/abmBGXanDkKAoCrnjBKt337SVlpf7QekaP8PvEFx4
b8E+MNPgstf0qCEJBa6dZzxBbyxjYYAfcfO2c7gMA965X4k6V4N/aM8STaH4f1SbQ/hf8HdK
Sx0Nl2wHWdRlI80mRgBvkYN15O3I6mvPlWUqa9pGz3b3SS2Sa3u9z3PYyU+aLUlJ6NPq7Nt7
tWR3n7Z2ueCfBH7B3gu88K69Dr3iLxBeQrb6o199oudNuIW8y4u0nbMsPmOu1o1ICkk18+6t
4ft/2rPh34u8YTap9n+J3h+3+26pZ+SlvY63pakKWjKfO7KEDFj1GBz22P2zf2IdP/Z9+K/g
vS/Cd9cata+OFSO30rVlaO4025Jj3p2DRsXA3gevPevRvh5pvgfxZ8QPFmizeGbjw742+HPh
i6vL2c6j9s0W8toohHLB5QwQhEvbkHOeRVYeUKcFKneV23dLVK6TTv09DGnTdRSVSWjdrPvu
rO10cb8DvjJ+0N8FPgnceMvCviLxZH8FdH1CC1lnvUiKKjOiMtusoLeUGO0CPaoJ6DDY77/g
qj8MPHHjT4+2vjaTS9U8QeANe0Nl2Sa3u9z3PYyU+aLUlJ6NPq7Nt7
aV4J/wCEmvG8I2erI9rolyjPb7iflPmAfcQMcKx9fQY9Wj/ae+K3/BPL4l+JPBvgrxBPL4l+JP
bgt91tqlub6zsZpohIrQIc7AWkIBPHPOTip9jCVb20ElPVWta6utXpucMsLVovZcrtbfVtd/
+Ad14Xt/ip+yR/wT30nQYW1bQ/HXxG8VRxeHtMe4a2vbGLcMsik5VXPBDhQN5J68+XxfCLxN
41/ad8aX37QGsXmqN8NdNW/1wT3u9Zyyh7ezjPy7A5fOxMAnI4JrN+Ofibxp8ZPGXw8a32s
eIvGwiqN8NdNW/1wT3u9Zyyh7ezjPy7A5fOxMAnI4JrN+Ofibxp8ZPGXw8a32s
eIvGXijWLCa+dYCzSaXNE52mBI+I1QqG4GOCa1PhF4v02H4Z/FDxJ8TrNfDxJ8TrfWPFGrXl3p0w+0X7
pNrZJb7OkqkbliG0NvPBAAHTFbU4qlGUopOUnq0tb3tZeR2UcvlKUZVL8q3bTa0Wnm9TmfDn
x9X4vftO+D5viZqUmm+DV1OGOTS1XGnaPabQIT5P3do43AjJUHNfQn7UHxS8C+A/3bTmfDn
GVn4q8P+JnfFbBloM9k6kZyum01ZK6Vur87nRTp1VNwhJWTT1drrR2V1fVdDj/DPxH1D
wrrmsfAX4jX114g8KyaidLhtnbzLjSLk4+zXNpKRu2ZCfuz8oBPynJBk+K/jPRm/Zl8I6KrX
158WP7Om8O63Yx2r7rbTYLkvDHIMfu5AEQ5AyRnd2o0bxX8N/HPjwfwf8VNY8TLwrbWeR3e
uaDNCy3OqX1mB5LQyFdjCUohcZyBx1PHt/7Ofxqjuv2o/Atxr3gDXvD+nXmsfUPi1bwrrWeR3e
cxKJPs1pCrD9wojjGW6sSOT3Kt4q8E772WibS79nbodFowhKU3FdmrttPpZXsz5c8OafdD9j
rW/3kNxpf/Cb2SySeY26RjC57gcYI59c1137T+n28Xw4+JzbhysoByArQmm/HLVdF1n
4V/FS68Mw+T4ZuPiLEMmRhwqov7/AA6p2BXGPb6VqftewLpOmfGDT925o/EmmXRRh/z1hYg5
9/Ttiq9pJuN1Zyd7fNXNqPK6crSTSS6Ptp9x80azA1/qKzK3mGRWlyzYDFcbePrVK91lmS61
BvJ+2KyJInlBUlPZivYgUahCqat5disk2yFzKM7Wx3wPanDRvs+iXF80LLZqEinQtuZ3IO3J
7HvXsR1Vj5upepO66X1+RHqcC6Z4UuI7yNZprq4UwSJMWWMcHAH519yW8sfiD/goD8M1M1uoWv
tPtfAlu/+kPtkCpbSFW3ddwfGfWvifxcpWPhrwzYWdnat3l5axyTzM+4JLv3fKfoK+vL+ePV
P2+/hrC0099N/mjBtdbpfj1Z8+/sx61C37YHhe4u45
rhl1u4nbyGI3St0IHoK5X4jQ/wBqfG3x1HJHMtv8A8TG5XvL519yGQ4XvW9+yjp+oa1+0oa1+0z4Rt9
HurWx6vFKfuP5j9ycpbSFW3ddwfGfWvifpcaS79nbodFowhKU3FdmrttPpZXsz5c8OafdD9j
HurWx6vFKfuP5j9ycpbSFW3ddwfGfWvifpcaS79nbodFowhKU3FdmrttPpZXsz5c8OafdD9j
cxKJPs1pCrD9wojjGW6sSOT3Kt4q8E772WibS79nbodFowhKU3FdmrttPpZXsz5c8OafdD9j
rW/3kNxpf/Cb2SySeY26RjC57gcYI59c1137T+n28Xw4+JzbhysoByArQmm/HLVdF1n
4V/FS68Mw+T4ZuPiLEMmRhwqov7/AA6p2BXGPb6VqftewLpOmfGDT925o/EmmXRRh/z1hYg5
9/Ttiq9pJuN1Zyd7fNXNqPK6crSTSS6Ptp9x80azA1/qKzK3mGRWlyzYDFcbePrVK91lmS61
BvJ+2KyJInlBUlPZivYgUahCqat5disk2yFzKM7Wx3wPanDRvs+iXF80LLZqEinQtuZ3IO3J
7HvXsR1Vj5upepO66X1+RHqcC6Z4UuI7yNZprq4UwSJMWWMcHAH519yW8sfiD/goD8M1M1uoWv
tPtfAlu/+kPtkC

7jX/AIySabYyeToumt9iMSgKs04JMjHHOSTt5/uV+qcN8KxWHlVlrJLmbf5ep+jZHkMKVLmm
uabTbb6WPpz4eXS3MkbSLuwe9egXWu2s1n9lbb2GD9a8r8N339mQKy/LxWb8QvF95oXhDXtS
t5GW4sdPuLmFv7rhCFP5kVpl+V+0xii+rSXzZx47LVUq3vbt6nxb+1d8d1+JHi64m02Ty9P8
2Ty9jHDhifmPTOcEemB9K+hPg7Z/Zvht4JVvmjXTraQ/98hhXyH8exay/EDxJHp9nHY6fZ6j
LZxwxE7I1hCxfLk5HK5Of71fXHgS4/s34feG7ON1m+z6VaIrJ0bEKgEfjzX7NnmDp4bLYU6a
sk9nvt1fdXPtKNDloRhayt+li14h+IFxPr+pWMkLfY97Auf4htx+uP6V6B+zt8GbPwdoVx4g
a326lrBHk5A3RW47L/dLnLH2I6c1y/hjwDceINSuJo41+5uJZcqzA9K9c8J+K18M6fZ6TrC/
Z7q1iVFVR8jqvAIP025GOK/M8dmEoxdKlu7XSe6S/wA9z53OsQ+RUqHlzJPV28u1zN8RaesO
oXW75uSFFfOP7Wfxoh8G63pOh26tJeRg3MwUglMqQAeeoUlvwr6C+I/jW18L2Wpa1cMv2O3T
coz80kh4Cj6/pX5y/EXxXdfEr4papqk0is003PPygZ4VjjPGAuMZwPTmvrODctdWo6017sV+
L6fI7Mp0hz1Nor8bfoQ+P4v+Eg8Q6PNCscdvpOnw2MCZztRd5Z2HqxYtnp/WSxsGvJG8xVVY
8cqRgAehz+P1q9beELy7VZo/mLD+LoG7/Qdua1ND8JXDhbeNv9dx5jkc56D8s54r9CxGOXIk
3sctSUp7dyvoczHcvltNGuSDnI46ZP8ACR+tY+u+HZvEuqyMJDCMgHnbgDrnI+UZx07GvWNF
8Cw6ZpsNtCY5p5Mbnx97nj8vao9K+E/9t+IY7H7PcXDMOfKGWUerH0PQ14tPOKcJuV7W6+Xe
xw4qMnHU8H8daBN4WhtbWRoZprznCfMyjv06LVr4Ifs3ePv2h/Hy6P4XsbeSTT0E11d3RK2t
kg5TzZQDyWyFUDcS3Q819neGP+CZPiLxfdQtbyabocM0yRSXEym4uIEZVdpFB2g4U7ByTvHT
GWHUftbeOvD/AOxH+z0vw5+GPmaXrV8G+069I4xpzqY2muZpiP3l0wYLGq8qWG3G0CvpMr4i
oYiUKFBqU5Oz7JdW/Q+LxmYfvFRoe9L8j8w/j5fSaJ8XrrS2Xc2hv9guFBx++jYrKPwfI/D0
qHQ/FNn4S3Np+lw3moXTtIZZxlIhxtVR7EE+/TpXP+JY7O/1WT+z1m+yx8CSc5mmbu78/eYk
n8hTtCvzbzSSfxLGQufp0r9A9nFRjDeySfS/qexg6M3Fqo/e6Pt3LXj74x6141O7Um8uGTJ8
qMbUIzngHsDXLxeKsSfu18tc9N3b3qPxTql1qWobriTzNqhEHAVFHQAdAPYVn6fZ/a7hY41Z
mkOAoGSTXZRwdONKySS7I8Otjq6rezi9tNT9gv8Agnr+0Hof7Qn7Jdjo99Nb3WpeEbAabrtr
LCwRbfdKkLEnhg8K4JB4IbpX57/to/DPw38IfidqWn6bZ319qFxPNPHEzeXawJ5nBWLYCFDB
lCFm+UcnNerf8Erv2qvCP7OXiLxpo/jK4uNLh8UR2kVtfJCZoraWB5TiRV5APmDkDA2nOOtN
/wCCon7N03wz8Q3Xj6bUms/+Eovjb2eiyognih8p5PNBTARVYBdoLnEiliD8teLgcOsNjZRT
cYy1Sezejdn5X2PPzL2k8M+WN5p/h1e5wf7P/wAP7jwZ4s1TVvG2rX3h3T/7Jnlu9T0W4iOo
bFZDHDHLPiKFA0e7CZfAVVUAsR6l4R/af1TW/A+g/Bv9nHSdP+1Q3MOqeJfEsVtLHY2kkcqy
+deXMnzzbTGWLMEBAUBMAJXxTo0OqeMNVtdL1TVtcuNHaWMzwQSmSQxKwLBFYhAwXdgsQo6k
gc17d8PPjtrhFx4H+EvgNtN0O4gb7ettb/2prF7BkK00kgBUP82VcgqjyLgjrX3GD5OaM6kn
Lld1FaJ9r9z8D4wyPEzjKpCFnZvma0XnofY3wL/Z7+HOv+DPHHwv1jUPEfiLVviNot3fN4gv
pna38QXsM8ss81nbqdsMtvOwlEa7mZCxKjPPVfsMeGtYsv2RNa+HPiS4aPxN8Pdbu9Ev4/M3
bYchonUH5vKcbijEDcF4rh/A3wY18ePdJ8ReEovC+kapp942/WvEHiKcXl3LLFLbec4bYu6V
1hDeWuSWUH5SwHUarrXhfwT4z+3ePPjZptn4qmlj0m6i8MalDfSXLQ+dLCL0y7CWWOUxh2LA
gKCwYZPl8QYOWPhy04qMrppN6JrTdvqtzzuCM2rZVXTqOTi1dtJtt3vdLsfKf7ZGm2+mW6zW
scNvZ6XqFzpYZU8vz5AqMXPZmOCCfYYzjNfUngHxVJH/AME/fhz9lbzmvrC5sZh5u3IEksZ7
H7uepxjvitzxr+y58L/iR8NNS8S8XOYXH/Cct/dtJtt3vdLsfKf7ZGm2+mW6zW6xW
WenXnxw+LnhnwSunfbLq+1fwp4Ddv8AGuWAuWwQQxJLcqey/Zk8OXGuKutaXpNn
oPwr00Pc6Ask5bWvE97kIdR1Bycy4bzym7aoLqUUgBqw/jbo+l/tO6d4Pm1BvE2raprWg3eh
WVvrVwk0GgTpDGs1/wDZc7lkDEoWnfeXKkK2FFN8GeHdY/Y4k177P4V8QeLLLbQLKbUr3ur2TUT
JHqOpwGTyrCrw3AUkYPyudYiVXDypUpJTdlrZXTeqT0S0Pzfh2pR+uqrWdnd
tLS2hN+154gXw18Lda3abJ9lvLSa2N/G237HM+1EEvT93JuZd3GG254Ysvxb4q+IOhr8A/7N
1bXI/EXiyy20CyrU2V730e35nyfG1qdSSe6bt+a+9H1V4O1XxV478OiaHwbqvgzxtpbZ
WenXnxw+LnhnwSunfbLq+1fwp4Ddv8AGuWAuWwQQxJLcqey/Zk8OXGuKutaXpNn
oPwr00Pc6Ask5bWvE97kIdR1Bycy4bzym7aoLqUUgBqw/jbo+l/tO6d4Pm1BvE2raprWg3eh
WVvrVwk0GgTpDGs1/wDZc7lkDEoWnfeXKkK2FFN8GeHdY/Y4k177P4V8QeLLLbQLKbUr3ur2TUT
JHqOpwGTyrCrw3AUkYPyudYiVXDypUpJTdlrZXTeqT0S0Pzfh2pR+uqrWdnd
tLS2hN+154gXw18Lda3abJ9lvLSa2N/G237HM+1EEvT93JuZd3GG254Ysvxb4q+IOhr8A/7N
1bXI/EXiyy20CyrU2V730e35nyfG1qdSSe6bt+a+9H1V4O1XxV478OiaHwbqvgzxtpbZ
WenXnxw+LnhnwSunfbLq+1fwp4Ddv8AGuWAuWwQQxJLcqey/Zk8OXGuKutaXpNn
oPwr00Pc6Ask5bWvE97kIdR1Bycy4bzym7aoLqUUgBqw/jbo+l/tO6d4Pm1BvE2raprWg3eh
WVvrVwk0GgTpDGs1/wDZc7lkDEoWnfeXKkK2FFN8GeHdY/Y4k177P4V8QeLLLbQLKbUr3ur2TUT
JHqOpwGTyrCrw3AUkYPyudYiVXDypUpJTdlrZXTeqT0S0Pzfh2pR+uqrWdnd
tLS2hN+154gXw18Lda3abJ9lvLSa2N/G237HM+1EEvT93JuZd3GG254Ysvxb4q+IOhr8A/7N
1bXI/EXiyy20CyrU2V730e35nyfG1qdSSe6bt+a+9H1V4O1XxV478OiaHwbqvgzxtpbZ
WenXnxw+LnhnwSunfbLq+1fwp4Ddv8AGuWAuWwQQxJLcqey/Zk8OXGuKutaXpNn
oPwr00Pc6Ask5bWvE97kIdR1Bycy4bzym7aoLqUUgBqw/jbo+l/tO6d4Pm1BvE2raprWg3eh
WVvrVwk0GgTpDGs1/wDZc7lkDEoWnfeXKkK2FFN8GeHdY/Y4k177P4V8QeLLLbQLKbUr3ur2TUT
JHqOpwGTyrCrw3AUkYPyudYiVXDypUpJTdlrZXTeqT0S0Pzfh2pR+uqrWdnd

yMcEAN3XJ/KnwP8AFVm0q4u9Y8y8vIzKn2cliNSNz5plMm0q2Q/zZVw2TgEV72ZSvh4wpXjr
dqy0ult5s9zw/wAHiHi3W0lG1k+6Tv8AgesfF7S/DnhPSF0fSbFvLs11fR/Mn2PNPcQQxTee
c/NneCBjaEDgex+eY7qST5m3fN8xY9yf613HiL49apr2p+H5ria4vl0MvL/pOzdI8qqs6jao
2q2CAOSCxOTXD6X5Yl8y4YMtuBlS331Hb6H7vHSvBo4dwp2er33u27n9LYfFVIpc7Ni08Irq
dpHJdTLaxzAsJJOw6fr1/Cs3WPDKaHLH9lu47yOYsrMinClcE89+CDkV1EHxY09vEFjqF5pd
veWtnNFIdPYhI54kKlombB4ZQyhsZBY+laXxk+Knh/xJHpd5oNvpem3V1pv2W9sbSxe3XTsS
btgYnbK75bLqANu0YBzU0faqWqdnftZfqbVMRh5yV1Z9zhYjZ2kG26t/tyzfIiea0Qjc/wAZ
I6gDPHvRdlreW4tXvI5/sMWLdfKBCq3UDGM9e9U4rpdQ+VZlgkYfK2M89MfiCajtLeTSmvri
bbCYQqKu7exr0MNFqGp4eZVIut7uqsi1Hqenjw/qFvb2skIjMZ3b2Ybum7afcVKpmsvENit9
qHnxyx5XaoQrxwMiq1yJrfQprqMR/ZdQuVh3s4BHygnK9h7mnaUPNsJppo1maOAta5bDlQeS
R2Hua6I+Z5cm9E+n5dynHLcXdtNaqVVoXMhRYwnlYJIOQMn8q9Q/Zr8KL8dfjH4d8PzWkl5Z
312NT1+9DmJzYwfeAA/1artPIOSSOleevPZz21m1ivkzTDibduN3zgpIB9wD1PavoD9lu/tf
g3+yh8YPilcSbdY1aFPBHhmGMcCSchpmjP8AFtUg8f3T61NSPut7N6L1ehjKtZpp3S3s+i/r
U67wx8VLjUdI/aB+N0M0MkMcK+FtAkkAWSNJnEcbxnuVQIT35618qaFM2nXMcN9DM1jYst1e
QmVgZnYfe4/zxXt/7Y2iWvwS+B/wv+F6325l0v8A4SDX9sBjlt72cF44JF9QGx83OMGvC38w
S7ZHkjOpHZeMmZFRP4cHvxXPh6bUXJ7Sdl6KyX32Zt7Vymor7K133etj3zxof7U/4JYeGW2+
X9h8bTwwMpxlJI2Yh/7xBPB9qz/D+6L/AIJmeNI/mbzvGNnGrEcsAo6+prU1t5Jf+CWPhGFY
fM+0ePJSuDy4WNgMj14xXN2N3qEH/BM3Xljh/wBFbxtCJZehDCJSo/Os6MXa2nxP8ycRJxvK
WzWh1X/BQ3R7rwj4y+HNuytDJa/DyxyH/eH72CDnrXhOla7qGjLpy6e21vssmSV6gup/nXvH
7furTD4l/D2S8mbVL6P4e6cLiFwVXIbcQD3yMmvG9H0e18VT2K6bdMt41tLPLD5ZZYFMigKG
74NdmH0jZ723+YUYp0bt2d9vkjk9IuLfSiTD8yfbBvVmB2jOAPwrsPgZb/2H+0R4HaZlkuf+
EmtXyrZTaZE4+tcrrZk1BftUenaXa2tq43C2HzSMeASfXJrp/gekNj8ZvAP7wSLJ4ms2Z3OW
UmRAeR6VpLb5P8jno35VLs1+aPZ473/hFz4P8QNHJJDp/wAaLmWdF6uwkjZQv4A1T+JfhT4f
63oX7RGqa1qlvZ+OrXxVA+hWPn7GuInumLlE6udjMTjONvbve1mJte8H6HoMO/7cfjRdRR3I
fy9gcx/xdFOcHn0rc0T4X+Hda+Lnjq/1Dw7ceOvHWueML7w34b0macRWYkhTL3UzdGCqw4Pp
+I4cVUSp3d9NdHZ2TW99LefY0w9FynJxaSur38/1PUvBP7N3w/8A2oPH+l+LPiNfX15pPxG0
e20jw1c6fJ5J0zUYrfbK9w2Qu4PHhQSwJYgrxx4j8FfAPhfw544nwR+JXiBvDN5qF6sOma
41zi30u8s2kMbTqCIysqEc7s/Q4I9y+H3xGk1m11D4b614T0fwT48+HuE0fwmmo/ZdL8RTM3
mM8Wcsl0AoaOYPyzLz1ryvxJ41/ZzubvUF8ZaL8WLXxQzST6rpN/fuzzX3O5pZWwzSLztYge
4zxXk4etUTlzpyjpayTt1TWtrdz1PYxTTozSet020n0avbc9MX4DfFDwTq/hXxRR40mvPi544
0ndpXgzTrVc21qowqXlzcgAbBwwEhyflJYckcHN8D7j4IzyeCZvEVlrnxw+MWqjS9Zi0+USx
aPZSsJZhIyqNsjbgWA+Ur0B25OL8cbDWPh58AvCOt/Df4iePNN+FDwTbu11O6O7T234ZV
RcFk4kzt4O3qc19HeIv+Cc3gf4CfFf4e+OPDOj/tDOsatp/hfwnYjVNZ1p9S+0T6zdCINEkCLkqXf
5XQAAq2BzR9ahTgpVZK0m0klbVapPotd7BUqKNaMIRfMktb3Vna7XfTZs5H9nj4yWeqftoN8
JdS8I6DqHw18LP7PmW2kso2b7UzEbnkLjr/ALXrkn55sf2vJ9B1P41W9j4Z0/WI/WI/ixL
NaW2qahIfN023UuoUjaeisuBkYK9TXoPxXgX9nT4E+Z0V

qxxEp65+or6+Pwxf9j39p7UvhDq7f258IfjBEk+jzcNa3BlUGGeNhkB45CEJB6BW/u18u/Ef
4d6h8E/ifqHhPXpHt9S8L3TWo2H7yycrID6bWDD2IqadZuXK9rXXmn+qKw9NqmnG172fk1bb
5GCG2TTWdqrSMyLHASfuuPvke/Wr09nHYeG9SkmW3XckcEcaNnc4PMn1rQj8LyaTdu1xqENv
9lLPp8kgwLxj1LVjzKNK17dcNb+ZMjSMsfMMJIOOO5zzRzHbGKW61ZqafDa6q/maTDtsdNiW
a6WV8NO+Melft5/wTI8ftrvwC/seO68yPwrqc9mEUj5YpAsyD3ALuoPt7V+G+kz2rXca3Ei+
T9pBuJIgVGNuMt7bq/Vb9l7xDdfDv4u+NrfS5ls7PxxoaeJtJQYxuQ79iheDhHI7nb+Nfk/i
pl/1zLvZpaq7V9rq1/wuzvw+DVehOK3un6d/wP0etrnzLPd/DUN1fR+Ruri/gn4vvPGfhRpL
qFoZIwBuAwJOB0ra1m7kgtm+8voK/gvNMC4YhxlumfP/AFT966b3TKuteIFiZlVV6bRivPfG
OhW/iq1khZZLdmORIp3FW9SO4rcvr3htv3qyzNJK391f5VplsXRfNHc+ry/Dui1OGjXU8J+M
vgb/AIV9pEmqSXUd1b248xwE8tx1x39SBXzT8HrqTXfib9smWSOS+uZbogsAPnOfXrivpL9s
u6ZPgv4iZW+VUg27u376PJ/nXzr+zxcRp8SdHjuo5GhWdmYBeWGxj+Bb5cdvwr+iOG5TllEq
ktW7r5JX6H6zkuKn9VlOfvNJ+T2ufVlhbwzaZH97pjmsPx9arP4P1CORd0N01vbPz1WW4iRv
0Nd8/h+z1TS5LjT2mVYxlopFAZf1rzv4wTTWfhFrW1j8y4kmSXHciHMwUY7l0QfjXj5LW/2y
Nv5le+lle7PNwuIVeVo3vzLR7rVH57+N9QbV7nULyZmVr6aW6Ztu0F3dn5545JFfX37Mmkzf
EP4VeF7ry18xbf7KQvORDI0IPX+6oPtXy/L4Lulvm0GRWmvt5t1jiXzGdwTldq5PBPUdjnrX
6Bfsw/Cpvhh8HfD9nIu26W3GxGUK0ZbLEkfVjjNfoXG2a0qWXqN/eb93zVtWe9nWYRw2HUU1
zN6fd+R22g+HYfDtqtvbrukwN7gdMd6o+OtGtda0qSFYWa4UlhLj5lP1rpJJms7GaP8A5bMf
mb+dcH8TPF1xaaHcQ6f8twqkNKcERgck/wCPpX4vl8p1sQnfW+/+fkfD4WU6tZTb1vvf8X5H
z38cL3VPGd7N4LhuFs9chsxd6faTzLGuqEvICI2zjcojOAcEE+mTXymls2h3F1NJuW8kkYSx
zoRKkg4dWU9HBGee+eDX0x4n+EnxC+OPgK+vLORrXS1uo5rG+mLLJDcRsSZoSuXO0b48jaMO
Tn5cV5b8Xvgb4uvvG9xqXiBbqa8vI4hLfJZvbxXZihji3DPdtg3dmLkgDcAP6ByPFYGhh/ZK
cVLrFO7TVr/f2PcqZhTX7tSjZdu/U53w14pkuUt7dvvdGYNkgHnGf4vWvQPCfh6O81PvJuB3
hfTvg+nQe3avOfCngu80fWJP3LYtfkcH5XTuAPbPWvsj9hX4G/8ACXXM2sahYyNZyKstv5qb
Y2KnjGeqknseduOleZxJmVLDUnVi9Evvb6GOIzCjh6TqPZI3vhP+zhJceG4brULfbNcDzI7c
8Nsbuw6jPX1HevYPh/8ABjQfhvplxeTWq+ZM3nMiruZsfwgcnGecYwM13GqRW/g/Q5ri6VYV
jBZpiOB3z/Ovmn4h/Gmb4oa5NotneXGn6TdSGGe6dxG8sCk7xEnBy+Mc4JyBwCa/K8PisRja
r5W4xvq+iX6+h8bUzStjIuKdo36bvyPdPFnxvtfDejecscit5D3PlpjMcKgnzHOQFXAxyckj
joa/LP8Abl/aJ1T47aTcSX0cNrYwtILC1iIbaHlEjlyPvMdiZPTC+ua+1vi/8RZNC8D32mqt
vcahrm6K8uECyLawmMqLdGB/eSKuSz8quSoJ5I/K/wCNviuTVPEt1Zq37m1mZACQC21iFz6d
zX7B4e5S1VlUaV4tWe+nl6ndleX04RdRxa7N9Tz/AH7j+Pb+Qq15P2aBW3Y3DPFQpZSShmUN
tyFJ+vT8+ePapvsKj/XTHb6Cv2aVm9z2sPzpOVrmLqdn9ouGb5m2rubHYVe8LWOoT6tD/ZNv
cNdLyjqn3CR1z0Hsa6C3v9Bt7b7P9luvlJJkMgzOf9oDoPYE13V5qOqXvgK8t9Yu9trp9obS
ws1jRFTanyHKgFsDjJ5zjOa2+vci5X1016nlf2TOpN1E13dtWeQ6NDdX+orHGrNNksQBkkAZ
JP6nPav0++I95o/7Xf7O/gXxd4it47WHS7ZppzcIrI8kaSQSnvlfMjDjJ6Yz3FfFvwsFr8Nv
gxqXiCG3s7jxJrU4srWSaKOf7FbEFXZVcHBdhIhyCCMAV9pfG34R6lp/7OvgvwDYtDY3UejW
8161xKdscg8p3yVzn5i/TIAHHavBzrFRk4WlytNpPqlbW34HTlOBpuqoVY3bb310W+h8mfFb
xlpfjG/XRfBfh3T9IhuCYftEMaxyXEec4O0YRRwT3wOeCQfKtR1O8n8bL/wgevap4dtdFtTH
q/ia0nks3uFZlZ8BNp2Fl2xx5y5UE4/h9O+IWjab8PdIvNL/ALSt7ezkQLqutIokub2QLu+y
2gzkREMoLEDdgljjah8l8XeIm8Vad/Zti1v4b8J28uYLRWLzXGSP3kzZy7HBbPQdB0Fe1ksp
RpqV3ZbN3fz9TweMMtoVP3MI2j1S/C/Y3vhf4OvvH3ieRvCOm+ONUms7YxXM2ny/2nqCQywy
QbSTujj3IXQZxtIGOQCv0J4Q/wCCbGj6z8F/EXj7xl4T1zQbXR7fFvputXSLql+0UyxhEMaA
LG0YCoW3EuVUfKu5/Mf2Wf2mZPghrt9pPg3wrqXiRtWSG3W2t2McU915i7ZZZOWx95ByAPMc
54r16X4heJvjV8R4003QfC/n215KHkdIbuVJMebjBOWLFVBHPNehjMVP
2cp3cWldatt/JPr5n4bmGQzjXiqEUls/JeR574RF1+wp4s+LHhmSz1aPRfGWj3+hLostxF/o
guoYntJZlydzxLIuSGLDJ/2sfWn7TV9Z/CTwR4Z8Z8LtcNNb+H7K30K7LsEklsJLMWxnZcgBBO
Iwx6AsB1Iz5b+yv8B9S/aq/aRuNU8P2s1x4L8N6xBqPiPW9VLXK6gbZw9ppcBctuRI1jQ5OS
AXbjYrVf+ChPjCbxhYXF9GqxtpOu6lp7hV+byJJIp4Q3fhozjsM18rjMZCtXhCUuaSV2uqbS
tddGfsHBuBhRWmskrya8tr/I+O/HHh6TXfY2tQzQzbvDb/v5IjvMO47SdhIyPk56Y4+lfY3/
AAS8+LE3jn4vaf4Ut5Ps+m+GrZ5ZIVbiS6uMMzfRkYRIqfgAAAAASUVORK5CYII=
xDZ6hrH9pf2HrkiPqf2Vgsl5a+eUmVWzgMfLcDJHPHSvoD4H/wDCA+FfjldaLrmnXGm6
c3kreFLGwbzxrS3WXhs7hch3eGbygdm5QVYFTxn6bDyVOjaVmlrtfTS6+8+X8QqY9pEmqSXUd1b248xwE8tx1x39SBXzT8HrqTXfib9smWSOS+uZbogsAPnOfXrivpL9s
u6ZPgv4iZW+VUg27u376PJ/nXzr+zxcRp8SdHjuo5GhWdmYBeWGxj+Bb5cdvwr+iOG5TllEq
ktW7r5JX6H6zkuKn9VlOfvNJ+T2ufVlhbwzaZH97pjmsPx9arP4P1CORd0N01vbPz1WW4iRv
0Nd8/h+z1TS5LjT2mVYxlopFAZf1rzv4wTTWfhFrW1j8y4kmSXHciHMwUY7l0QfjXj5LW/2y
Nv5le+lle7PNwuIVeVo3vzLR7rVH57+N9QbV7nULyZmVr6aW6Ztu0F3dn5545JFfX37Mmkzf
EP4VeF7ry18xbf7KQvORDI0IPX+6oPtXy/L4Lulvm0GRWmvt5t1jiXzGdwTldq5PBPUdjnrX
6Bfsw/Cpvhh8HfD9nIu26W3GxGUK0ZbLEkfVjjNfoXG2a0qWXqN/eb93zVtWe9nWYRw2HUU1
zN6fd+R22g+HYfDtqtvbrukwN7gdMd6o+OtGtda0qSFYWa4UlhLj5lP1rpJJms7GaP8A5bMf
mb+dcH8TPF1xaaHcQ6f8twqkNKcERgck/wCPpX4vl8p1sQnfW+/+fkfD4WU6tZTb1vvf8X5H
z38cL3VPGd7N4LhuFs9chsxd6faTzLGuqEvICI2zjcojOAcEE+mTXymls2h3F1NJuW8kkYSx
zoRKkg4dWU9HBGee+eDX0x4n+EnxC+OPgK+vLORrXS1uo5rG+mLLJDcRsSZoSuXO0b48jaMO
Tn5cV5b8Xvgb4uvvG9xqXiBbqa8vI4hLfJZvbxXZihji3DPdtg3dmLkgDcAP6ByPFYGhh/ZK
cVLrFO7TVr/f2PcqZhTX7tSjZdu/U53w14pkuUt7dvvdGYNkgHnGf4vWvQPCfh6O81PvJuB3
hfTvg+nQe3avOfCngu80fWJP3LYtfkcH5XTuAPbPWvsj9hX4G/8ACXXM2sahYyNZyKstv5qb
Y2KnjGeqknseduOleZxJmVLDUnVi9Evvb6GOIzCjh6TqPZI3vhP+zhJceG4brULfbNcDzI7c
8Nsbuw6jPX1HevYPh/8ABjQfhvplxeTWq+ZM3nMiruZsfwgcnGecYwM13GqRW/g/Q5ri6VYV
jBZpiOB3z/Ovmn4h/Gmb4oa5NotneXGn6TdSGGe6dxG8sCk7xEnBy+Mc4JyBwCa/K8PisRja
r5W4xvq+iX6+h8bUzStjIuKdo36bvyPdPFnxvtfDejecscit5D3PlpjMcKgnzHOQFXAxyckj
joa/LP8Abl/aJ1T47aTcSX0cNrYwtILC1iIbaHlEjlyPvMdiZPTC+ua+1vi/8RZNC8D32mqt
vcahrm6K8uECyLawmMqLdGB/eSKuSz8quSoJ5I/K/wCNviuTVPEt1Zq37m1mZACQC21iFz6d
zX7B4e5S1VlUaV4tWe+nl6ndleX04RdRxa7N9Tz/AH7j+Pb+Qq15P2aBW3Y3DPFQpZSShmUN
tyFJ+vT8+ePapvsKj/XTHb6Cv2aVm9z2sPzpOVrmLqdn9ouGb5m2rubHYVe8LWOoT6tD/ZNv
cNdLyjqn3CR1z0Hsa6C3v9Bt7b7P9luvlJJkMgzOf9oDoPYE13V5qOqXvgK8t9Yu9trp9obS
ws1jRFTanyHKgFsDjJ5zjOa2+vci5X1016nlf2TOpN1E13dtWeQ6NDdX+orHGrNNksQBkkAZ
JP6nPav0++I95o/7Xf7O/gXxd4it47WHS7ppzcIrI8kaSQSnvlfMjDjJ6Yz3FfFvwsFr8Nv
gxqXiCG3s7jxJrU4srWSaKOf7FbEFXZVcHBdhIhyCCMAV9pfG34R6lp/7OvgvwDYtDY3UejW
8161xKdscg8p3yVzn5i/TIAHHavBzrFRk4WlytNpPqlbW34HTlOBpuqoVY3bb310W+h8mfFb
xlpfjG/XRfBfh3T9IhuCYftEMaxyXEec4O0YRRwT3wOeCQfKtR1O8n8bL/wgevap4dtdFtTH
q/ia0nks3uFZlZ8BNp2Fl2xx5y5UE4/h9O+IWjab8PdIvNL/ALSt7ezkQLqutIokub2QLu+y
2gzkREMoLEDdgljjah8l8XeIm8Vad/Zti1v4b8J28uYLRWLzXGSP3kzZy7HBbPQdB0Fe1ksp
RpqV3ZbN3fz9TweMMtoVP3MI2j1S/C/Y3vhf4OvvH3ieRvCOm+ONUms7YxXM2ny/2nqCQywy
QbSTujj3IXQZxtIGOQCv0J4Q/wCCbGj6z8F/EXj7xl4T1zQbXR7fFvputXSLql+0UyxhEMaA
LG0YCoW3EuVUfKu5/Mf2Wf2mZPghrt9pPg3wrqXiRtWSG3W2t2McU915i7ZZZOWx95ByAPMc
54r16X4heJvjV8R4003QfC/n215KHkdIbuVJMebjBOWLFVBHPNehjMVP
2cp3cWldatt/JPr5n4bmGQzjXiqEUls/JeR574RF1+wp4s+LHhmSz1aPRfGWj3+hLostxF/o
guoYntJZlydzxLIuSGLDJ/2sfWn7TV9Z/CTwR4Z8Z8LtcNNb+H7K30K7LsEklsJLMWxnZcgBBO
Iwx6AsB1Iz5b+yv8B9S/aq/aRuNU8P2s1x4L8N6xBqPiPW9VLXK6gbZw9ppcBctuRI1jQ5OS
AXbjYrVf+ChPjCbxhYXF9GqxtpOu6lp7hV+byJJIp4Q3fhozjsM18rjMZCtXhCUuaSV2uqbS
tddGfsHBuBhRWmskrya8tr/I+O/HHh6TXfY2tQzQzbvDb/v5IjvMO47SdhIyPk56Y4+lfY3/
AAS8+LE3jn4vaf4Ut5Ps+m+GrZ5ZIVbiS6uMMzfRkYRIqfgAAAAASUVORK5CYII=

AIY28F6v8TW0PUNPtfh/4m1q2tH0HWtCvpFifUZZXZGgRsPb7gsg8phtJVVVlYAtX0SHxF4O
+PmleDfixp+l3Hja8RbXT9We5+xaP8QtPYCGJmuFHF3FvVldBuZUKYD7a9O1/wCH9n4X8KeG
7bUdU1Sx8C+JJor/AMBeKL3K6r4N1Eqtytnc7vmaBmBKn5ipXOcYavYPiJ8OdB/ak+C9t4T+
JUcN42oQRM91bhIrjR9T2DfdWxHEf70kkD5HB5Bya+wyfCyrc9Kq7tJNJ6v5X1XoflvFHEE6
EVKmuaN7Nr7jm/CWqeJhN8LbjVlt7HVNL8T3+i+KYbK5Mtstnb2VxOIy6lt6IvlMA5zvQZO5
an+G/h/V7Xw9oejiOCa+8N6zpviqzkO4tEZPtI2MemWhKggj6gYrF8Y6db/B34W+PNZuG1Sf
UNG8Ox+GdT1Ke6KLrGqXFva2MDLCrEtlGmctIMb5OCcccF/wVW/aluv2SPBmsaVoPPib4lzJ
p9tKGIOn2dpYNbTSKVbKy77pCmcj5SeCBj3K2FqSjGUdotL5K10/uPj8jp1cdX5YrWTenq9z
54/bo/ass/2mvGMfgn4f+H5NY+Gvgm5m+yrZ3QtYbm/kaQz3e3JEgO9xGcKoEhC9RXyZr4+w
am0axzWvlf8ALJ/lZD79s+vSoZLWx0bR9Dhs12zNYZv9snSUTyADKn+4sbYPdqz55vOlZvm+
Ykjcc5Nc+Ik6lRu/5n9TcK5LDB4eKjHl019epHPqJnkZmZvWqr32On3v5USOxb5voeOn1qEj
g/Kv49azjBLQ+kqYib6g1xmozJjqzfn0+tDqYzTPLZq0jY4ZykaOiRrdTtumWPyV8xd7YDEE
cVuazc/aJrXVLhlaOQYWFf4+xIHccVi+Ep47bUn86zhvlkiZNkgP7vod4x3AB/OtjUUW38P2
V1a3Ek023aiscvAuT8ox2rTYmMnLcNOvbe21HzbrdJoc24zxA528cDHUHOKuaReXltq7XUjR
7bfTpHdd4CT2+OEX39R14qrAi2MlruaZ5pE81oFXJdm4LEew/lVix1e0SCZrO2kvI9LBigEz
ZEauTulBHoex4xVR7mdSVtW1/X6FfQtCm1FLO10uBpNQ8RXJjtokXlFZtoUH1z6CvszSvh74
d1j48+CPhv8AaN3w3+Aulya74nu948ia/OZ5C5C/e34XaeQEYcYNeY/sV+HNF+F3w18dfGjx
Fa2+qWfhdl0zwdaXCn7LqGsSgnMcfUmPCtx6kjlci58cNd1D4DfsZ6b4Z1CSRvFnxkuH8T+I
Z5f3VxDGrKY7eRT821jzzjnPrXPiJOU1HVX0Vu7Wr+S/ExpxhNcq7a9mk9En5nlvx9+MN18f
PjprXjzUoWmj17UT/Ztgw2xyW0fyRlvooXj1zXGz6S2mQNcPdeQ8kpYWiHJxngAdaYs/n2Ly
XEJt9LaJURIzmOPP8QHrnn61Z/tVtN8P3EX2CG4hkmEkGpSEtcQpt4VD0Az611RjFR5UtErL
/P1OujH2cVfVvW/9dD17xBbrZ/8ABPHwrNbreeZeeM5dq7zsUiMg49CcD8c1JYTWa/8ABLLW
lZm+3f8ACcQkjfww8pc8fTNXvHN3Gv8AwTA+Gc0fnRrD4tu/tHljbvfMhyx7nbjB/Cs3w5Y2
sv8AwTP8cTNGrXDeM7JYJMY8vKDIH4Z/OvPo+98m/wAB4upzK72skvK66fM6b/gpZFb3Pxx+
HsdrzDp/gTTpl5wZeGwM9+1eL/C6fzPEMMxk2rJZTY9v3ycV6b+3sG0rxx8L1kka6kt/B9ss
srcl1UHAOOwrzr4VGHVPG7N5MMdvJpzSpEx+RCZV6e5rblbiuXa36k0ZR9m773/RHH6JrGm+
GbeG1WaG4t5LqKe5cKWleNW+ZV4wM+9dN8LLRYv2l/CenrI0cLeKrKWPzhjajyoQWx0OMVy/
hTX5tPt766iks2kt1ykJgGF5xuOR6dq6T4b2flfF/wAN6pZmRY/+El06IMfnXzN6sw3+ue1d
FTX7n+Rz0ZLkVtrp/K/qe5eJYr3RNM03ULdbcyt8a52tWLGTEiMgwyD7y5x7/nXrXgSbWPg7
+1n4+1y8+CfxM8XeH9P1641bRZ7LTJ/3F5PHtnV+AvkyZOGGWAVeDnjF0D9nrVPjT4d1PRdL
8cfDnwPrGi/FPUtSh1PV9WS3uo3XysNApHzAMASCRkqtfYnw5+GH7dnh/TIbfwv8XPhPfwJ
uGOWuYrZhCV5PKxgnp6mvLxElOHK7O6aabauna1mkcebYx0Z+7ZXad7pLzvu/wAD411XxfN8
cf2rPip448UfA4vxE/hH42E/hH42AYfNLZojeZ
/vfvk/lWHpfxH/a00dW+z/sZ/DGNpHLv5MMUW8+pxN1rjlWlyeztFJJJJOzslbe6PJ/t5UUl
unfZp7vrdHzv8bta+HH7RGs2s3iL4a/tFE/hH42AYfNLZojeZ
xJ8JfA15Z/A+HtnV+AvkyZOGGWAVeDnjF0D9nrVPjT4d1PRdL
bz40XUckdlFqU9sftdoLcncjukbO7fMBlsbiDnNfeHiXXf25vAMjf2l8E/hH42AYfNLZojeZ
/vfvk/lWHpfxH/a00dW+z/sZ/DGNpHLv5MMUW8+pxN1rjlWlyeztFJJJJOzslbe6PJ/t5UUl
unfZp7vrdHzv8bta+HH7RGs2s3iL4a/tFE/hH42AYfNLZojeZ
cf2rPip448UfA4vxE/hH42AYfNLZojeZ
/vfvk/lWHpfxH/a00dW+z/sZ/DGNpHLv5MMUW8+pxN1rjlWlyeztFJJJJOzslbe6PJ/t5UUl
unfZp7vrdHzv8bta+HH7RGs2s3iL4a/tFE/hH42AYfNLZojeZ

Ddav9jmjt/sq2pthKiAl4B/Evq3TFU4tfD21wlm0djYyKyhT1kJp2iaZHcT7rZZvtlnAJXUn
gDHIrTmurG0oxtyq2v3H3F+zZe2//BST9hm4+FurXEi/FD4Tq154IulCxXV7aDkQBs5Ypsw2
PugRnk1xPjHwov7bn7H1n460XTreb4sfCGR7Tx1ZyEfbtas1wqXIUffKquDuGch8dAD4D8Av
j34g/Z9+M/gvx54bjVb7wvqBvoraJyn2+HgXMDeodMg+x4r7r+PnjbR/2bvjx4Z/bG+Een2+
rfBX4sIln4v0hMM2nXLAR3NvLEvCuSCwJJHmBs/eGc/q/InNa3d0uz6peq6HzeKx0sLW9nZ8
r3d1r1TPzmF9H4hS8jjjm1CGGE3MZibH2RO4IPcVah1VfDMGj3V5BDNDJh0tsArNbhsFn/2y
RX0Z/wAFHP2KdB/Zz8VaP8Qvhzqn9rfBr4oRm90jUYGzHps5y5s5Meh6BsHGQeUJr5n1qRLu
Py2Vri6k/eybVIEB/wCeaj0xz6VpTlGSur2ffo+qfmj1sDinVgp8yuXLrUv7W1qSGx0+3s4b
6UsYEYlSAd6oT9BX6Ffs5ePW03wd8L/F1xNG03hHWR4S1CR8BHtZcqjDBxgRTDk91P4/nf4Z
s5tS1q1ks7WSSa3LM0cYycbf6V9mfs/Xcmk6R8SPA98o+0Lm8B4xHPbzCJyOSP4+vtXxfF2H
VTDWtdJu68no/wAD7rJ6fPTkkvit91tT9UP2aNd1K+0fxFpeqafJY/2LqMlrbXJXat1BwUbr
nIUjkAKQy8kgmuq8UavHGWjaTc2MVxP7NXxb/wCEz+Cmg6xtVpr60EdwGAOZYmMMgyOPvIfz
rptUih1OJpI9qsvJFfwvxZh1HGztHltJqy2TWj37nzscO44qUpKyv+PU5y8vvMdtp/UVWLN9
naTJ9zTp4DFOysu3tmnRj9x5fzd6+bpxS2PqY2SVj53/AGyrpv8AhVmpW67Va6mgUMeqfvkI
Yj0yMH614H+zZbtZ+PNFjk/1i3BVVBxjg7sc84zyTXsH7c+otpWm29j+8X+0G3ErxsWGRHJ+
hLDPtXhvwJ19R8X9F8uTy9sy2yqFz5hY7SPbHJyK/orh3Dy/sS3e7/C36H6LlNFfVHNPdP8A
I+9rO+8rS/3fRl5r5/8A2nvipD4Fg0+NbeSa41CWXyyqlsCPy8j/AHiZFC+/Ne2aZfNZ2zf3
VGMYrjx8F7f4o/ExtS16zWbSdJUR2MTjiRn2PK3rksFU+gQHvx8nltTD4XFOriPhim7X1b6J
d9bfI+bp1o4Wq6j2Wvr2Rwf7I/wWae+vvG2tWf8AxMNYkaaFp0G+3jZ2by145yT8zj7xxjtn
6UtVYXTzM27soPYelOltmtYvLjVVhX5QqjCgdgB0rPutR/s21kZui5I96+Z4gzyrmVdyfol0
S6Jehw4rGVMZU55ddEuy7EfiTUvs1pI33ZJPfpWX4E+FrfEC/wDJuo2a36zjOPMGeFz7/wAq
zTHceLtZjjWRvLkmVSM9s19JfD/wbb6Ppe7b++ZQ7k4yAPu/T6V4dbESwdK8H7z/AAPDzrMF
gqPJF+9L8DHi8I2fhmxjjWOGGOFFRYxHtVFXhQqjgD2Fcb47sLfV7SSOTS9P1SNlZViuFXnP
YE/zrqPin4rhsJJo2mVVjJ4HevEfEnxdtRfLGt0uxiF2MD9K9LJ8dipTVa7b36/ocOU4atWg
q0tb972/A8d+InwA/t/xpb6b4dsWt5tWlezaOflrNiNxEj5O4KrZDdSoA56V9xeA/hxZ/D7w
9a2NmrR2tnbxWkWSOI44wgB/Lr9TXC/B3wnHrOvXmtSQrH5kiFZCBmRhGqcc9FC8/j712XxD
s774ibfCNjdfY1uhF9unVwj29kSTKVBByzKBGAOQZQeAM17uYZ1Wxrjhm+WMdZN/K7fe3Q8/
PMc3NUU7KK97r2+843xT4Q/4X/fzXX2q6/4RPTd9tGsZEMd3cKzCSUPglowCFXHBKt615f8A
FLwJp9jZ3Gm6LriwwzcSQSWyHIHLEyqAzZyDgHB5HQkD1j9oj4j6b8K/CEljDNDpOi6TbrCM
N5ce1V4jz9MADqea/P8A8V/Hm1e61C+t49QvFwX81pT86c4+UnoOw619DkuT4iv71O6grcqs
tfNu1rs9bhnAzqRVabtHovLu/MsfHv4h2vgfwtqFvYrcXENjC0ME0g2mWduN5GOACeMdAOa+
A/FsLfb5JJN25jls8nceSD65Pf39q+nPjb8QbObwJp+sapM1rpsgMsEAGZ7+RlyqAdAuMli2
OfrXzPJr2k6zfyX2qbu5jhjOWkA6LnovpzX9BcG5XPC4e7i7t6vzXQ+wxWIpw0RN4mudJg/s
mPS9yrHpkH2rc+4/aSD5pA4PJPAPQVzN5cxuPlY+ozUMy/2heTTRx+RG7HZGDnavYZqMWjF9
v8u9fbRppPV6mNGtUdO0Y6M0bHTZNUuI4YV8xpDgYHT6+nrXR+LvFUmpazeQrMrwtMSoGNv3
if5msPS9Vm0qCSO3+WSaMxPIBlih4IHsRxW58IPhlqHxi+Jei+GdNLfbNYuo7ZX2FlhDkBpG
CgnYi5Zj2Ck1jUjGznNq0U3r08zqo1vYr3d3uesfsifs8658fvGcdnYssel2bRXWp38y7re0
jV8hWGRvkfbhUBBwc8ckfSH/AAUR+O7Jpk0emx6hJMxCtdRwMlvEithQZOjElSu0Z4zkjGK9
Y1bxH4V/Y5+GFj4T8N6TJ/Ztu3lryGuL+4K/PNM/QsQNxJwqqMAKAFr4V/aT/bB1T4las2m/
6PDpdu5EdpEqtGzBs7mzkM2QMHpj6nPx9GVTH4tTUPcje13a+12/uPSy+jUpL6zXtBNNRb1e
vlvdng+t31x4hn3XE0km3hAc4UewqnDo63gXdJI248r2/Oty/wDF66syrJptmrZOXjiWPOfU
LgYFWPDvhi41nxXa6fJJb6bHdAs1wcTLEgUuWATJY7VOFHLHA719pHmhCz92yv8AI8PHRpT5
ptuT6uzu/vNrwNpmuam8PhnwXa3l1r10wnAtSYvsyrgmWRsjZjA6nHPuAfcPgv8Asc3RvdPh
vrNvF3jrxNMRpunyoT5h24ll+Y48tSrbp3wmFOM10XwA8JtH4j0nwT4F8Ox6lrXiRWWO2u9v
n6mmz5576UEGC3XmTy0bJxszzx9+fDP4Q8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxs
cBFxcuUwnCkELAA5P39/wTH/AGwdU+JWrNpvjaa3XUPG1+Y9HaGPy4Ibq3hMrxsvRVeOOSQE
fKSYeMAAAV+gfxM/Z5+GFj4T8N6TJ/Ztu3lryGuL+4K/PNM/QsQNxJwqqMAKAFr4V/aT/bB1
T4las2m/6PDpdu5EdpEqtGzBs7mzkM2QMHpj6nPx9GVTH4tTUPcje13a+12/uPSy+jUpL6zX
tBNNRb1evlvdng+t31x4hn3XE0km3hAc4UewqnDo63gXdJI248r2/Oty/wDF66syrJptmrZO
XjiWPOfULgYFWPDvhi41nxXa6fJJb6bHdAs1wcTLEgUuWATJY7VOFHLHA719pHmhCz92yv8A
I8PHRpT5ptuT6uzu/vNrwNpmuam8PhnwXa3l1r10wnAtSYvsyrgmWRsjZjA6nHPuAfcPgv8A
sc3RvdPhvrNvF3jrxNMRpunyoT5h24ll+Y48tSrbp3wmFOM10XwA8JtH4j0nwT4F8Ox6lrXi
RWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxszzx9+fDP4Q8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3X
mTy0bJxscBFxcuUwnCkELAA5P39/wTH/AGwdU+JWrNpvjaa3XUPG1+Y9HaGPy4Ibq3hMrxsv
RVeOOSQEfKSYeMAAAV+gfxM/Z5+GFj4T8N6TJ/Ztu3lryGuL+4K/PNM/QsQNxJwqqMAKAFr4V/a
T/bB1T4las2m/6PDpdu5EdpEqtGzBs7mzkM2QMHpj6nPx9GVTH4tTUPcje13a+12/uPSy+jU
pL6zXtBNNRb1evlvdng+t31x4hn3XE0km3hAc4UewqnDo63gXdJI248r2/Oty/wDF66syrJp
tmrZOXjiWPOfULgYFWPDvhi41nxXa6fJJb6bHdAs1wcTLEgUuWATJY7VOFHLHA719pHmhCz9
2yv8AI8PHRpT5ptuT6uzu/vNrwNpmuam8PhnwXa3l1r10wnAtSYvsyrgmWRsjZjA6nHPuAfc
Pgv8Asc3RvdPhvrNvF3jrxNMRpunyoT5h24ll+Y48tSrbp3wmFOM10XwA8JtH4j0nwT4F8Ox
6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxszzx9+fDP4Q8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576U
EGC3XmTy0bJxscBFxcuUwnCkELAA5P39/wTH/AGwdU+JWrNpvjaa3XUPG1+Y9HaGPy4Ibq3h
MrxsvRVeOOSQEfKSYeMAAAV+gfxM/Z5+GFj4T8N6TJ/Ztu3lryGuL+4K/PNM/QsQNxJwqqMA
KAFr4V/aT/bB1T4las2m/6PDpdu5EdpEqtGzBs7mzkM2QMHpj6nPx9GVTH4tTUPcje13a+12
/uPSy+jUpL6zXtBNNRb1evlvdng+t31x4hn3XE0km3hAc4UewqnDo63gXdJI248r2/Oty/wD
F66syrJptmrZOXjiWPOfULgYFWPDvhi41nxXa6fJJb6bHdAs1wcTLEgUuWATJY7VOFHLHA71
9pHmhCz92yv8AI8PHRpT5ptuT6uzu/vNrwNpmuam8PhnwXa3l1r10wnAtSYvsyrgmWRsjZjA
6nHPuAfcPgv8Asc3RvdPhvrNvF3jrxNMRpunyoT5h24ll+Y48tSrbp3wmFOM10XwA8JtH4j0
nwT4F8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxszzx9+fDP4Q8Ox6lrXiRWWO2u9vn6
mnz5576UEGC3XmTy0bJxscBFxcuUwnCkELAA5P39/wTH/AGwdU+JWrNpvjaa3XUPG1+Y9HaG
Py4Ibq3hMrxsvRVeOOSQEfKSYeMAAAV+gfxM/Z5+GFj4T8N6TJ/Ztu3lryGuL+4K/PNM/QsQ
NxJwqqMAKAFr4V/aT/bB1T4las2m/6PDpdu5EdpEqtGzBs7mzkM2QMHpj6nPx9GVTH4tTUPc
je13a+12/uPSy+jUpL6zXtBNNRb1evlvdng+t31x4hn3XE0km3hAc4UewqnDo63gXdJI248r
2/Oty/wDF66syrJptmrZOXjiWPOfULgYFWPDvhi41nxXa6fJJb6bHdAs1wcTLEgUuWATJY7V
OFHLHA719pHmhCz92yv8AI8PHRpT5ptuT6uzu/vNrwNpmuam8PhnwXa3l1r10wnAtSYvsyrg
mWRsjZjA6nHPuAfcPgv8Asc3RvdPhvrNvF3jrxNMRpunyoT5h24ll+Y48tSrbp3wmFOM10Xw
A8JtH4j0nwT4F8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxszzx9+fDP4Q8Ox6lrXiRW
WO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxscBFxcuUwnCkELAA5P39/wTH/AGwdU+JWrNpvjaa3XUP
G1+Y9HaGPy4Ibq3hMrxsvRVeOOSQEfKSYeMAAAV+gfxM/Z5+GFj4T8N6TJ/Ztu3lryGuL+4K
/PNM/QsQNxJwqqMAKAFr4V/aT/bB1T4las2m/6PDpdu5EdpEqtGzBs7mzkM2QMHpj6nPx9GV
TH4tTUPcje13a+12/uPSy+jUpL6zXtBNNRb1evlvdng+t31x4hn3XE0km3hAc4UewqnDo63g
XdJI248r2/Oty/wDF66syrJptmrZOXjiWPOfULgYFWPDvhi41nxXa6fJJb6bHdAs1wcTLEgU
uWATJY7VOFHLHA719pHmhCz92yv8AI8PHRpT5ptuT6uzu/vNrwNpmuam8PhnwXa3l1r10wnA
tSYvsyrgmWRsjZjA6nHPuAfcPgv8Asc3RvdPhvrNvF3jrxNMRpunyoT5h24ll+Y48tSrbp3w
mFOM10XwA8JtH4j0nwT4F8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxszzx9+fDP4Q8O
x6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxscBFxcuUwnCkELAA5P39/wTH/AGwdU+JWrNp
vjaa3XUPG1+Y9HaGPy4Ibq3hMrxsvRVeOOSQEfKSYeMAAAV+gfxM/Z5+GFj4T8N6TJ/Ztu3l
ryGuL+4K/PNM/QsQNxJwqqMAKAFr4V/aT/bB1T4las2m/6PDpdu5EdpEqtGzBs7mzkM2QMHp
j6nPx9GVTH4tTUPcje13a+12/uPSy+jUpL6zXtBNNRb1evlvdng+t31x4hn3XE0km3hAc4Ue
wqnDo63gXdJI248r2/Oty/wDF66syrJptmrZOXjiWPOfULgYFWPDvhi41nxXa6fJJb6bHdAs
1wcTLEgUuWATJY7VOFHLHA719pHmhCz92yv8AI8PHRpT5ptuT6uzu/vNrwNpmuam8PhnwXa3
l1r10wnAtSYvsyrgmWRsjZjA6nHPuAfcPgv8Asc3RvdPhvrNvF3jrxNMRpunyoT5h24ll+Y4
8tSrbp3wmFOM10XwA8JtH4j0nwT4F8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxszzx9
+fDP4Q8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxscBFxcuUwnCkELAA5P39/wTH/AGw
dU+JWrNpvjaa3XUPG1+Y9HaGPy4Ibq3hMrxsvRVeOOSQEfKSYeMAAAV+gfxM/Z5+GFj4T8N6
TJ/Ztu3lryGuL+4K/PNM/QsQNxJwqqMAKAFr4V/aT/bB1T4las2m/6PDpdu5EdpEqtGzBs7m
zkM2QMHpj6nPx9GVTH4tTUPcje13a+12/uPSy+jUpL6zXtBNNRb1evlvdng+t31x4hn3XE0
km3hAc4UewqnDo63gXdJI248r2/Oty/wDF66syrJptmrZOXjiWPOfULgYFWPDvhi41nxXa
6fJJb6bHdAs1wcTLEgUuWATJY7VOFHLHA719pHmhCz92yv8AI8PHRpT5ptuT6uzu/vNrwNp
muam8PhnwXa3l1r10wnAtSYvsyrgmWRsjZjA6nHPuAfcPgv8Asc3RvdPhvrNvF3jrxNMRpun
yoT5h24ll+Y48tSrbp3wmFOM10XwA8JtH4j0nwT4F8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3X
mTy0bJxszzx9+fDP4Q8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxscBFxcuUwnCkELAA
5P39/wTH/AGwdU+JWrNpvjaa3XUPG1+Y9HaGPy4Ibq3hMrxsvRVeOOSQEfKSYeMAAAV+gfx
M/Z5+GFj4T8N6TJ/Ztu3lryGuL+4K/PNM/QsQNxJwqqMAKAFr4V/aT/bB1T4las2m/6PDpdu
5EdpEqtGzBs7mzkM2QMHpj6nPx9GVTH4tTUPcje13a+12/uPSy+jUpL6zXtBNNRb1evlvdng
+t31x4hn3XE0km3hAc4UewqnDo63gXdJI248r2/Oty/wDF66syrJptmrZOXjiWPOfULgYFW
PDvhi41nxXa6fJJb6bHdAs1wcTLEgUuWATJY7VOFHLHA719pHmhCz92yv8AI8PHRpT5ptuT
6uzu/vNrwNpmuam8PhnwXa3l1r10wnAtSYvsyrgmWRsjZjA6nHPuAfcPgv8Asc3RvdPhvrN
vF3jrxNMRpunyoT5h24ll+Y48tSrbp3wmFOM10XwA8JtH4j0nwT4F8Ox6lrXiRWWO2u9vn6
mnz5576UEGC3XmTy0bJxszzx9+fDP4Q8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxs
cBFxcuUwnCkELAA5P39/wTH/AGwdU+JWrNpvjaa3XUPG1+Y9HaGPy4Ibq3hMrxsvRVeOOS
QEfKSYeMAAAV+gfxM/Z5+GFj4T8N6TJ/Ztu3lryGuL+4K/PNM/QsQNxJwqqMAKAFr4V/aT/
bB1T4las2m/6PDpdu5EdpEqtGzBs7mzkM2QMHpj6nPx9GVTH4tTUPcje13a+12/uPSy+jU
pL6zXtBNNRb1evlvdng+t31x4hn3XE0km3hAc4UewqnDo63gXdJI248r2/Oty/wDF66sy
rJptmrZOXjiWPOfULgYFWPDvhi41nxXa6fJJb6bHdAs1wcTLEgUuWATJY7VOFHLHA719pHm
hCz92yv8AI8PHRpT5ptuT6uzu/vNrwNpmuam8PhnwXa3l1r10wnAtSYvsyrgmWRsjZjA6nH
PuAfcPgv8Asc3RvdPhvrNvF3jrxNMRpunyoT5h24ll+Y48tSrbp3wmFOM10XwA8JtH4j0nw
T4F8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxszzx9+fDP4Q8Ox6lrXiRWWO2u9vn6
mnz5576UEGC3XmTy0bJxscBFxcuUwnCkELAA5P39/wTH/AGwdU+JWrNpvjaa3XUPG1+Y9H
aGPy4Ibq3hMrxsvRVeOOSQEfKSYeMAAAV+gfxM/Z5+GFj4T8N6TJ/Ztu3lryGuL+4K/PNM/
QsQNxJwqqMAKAFr4V/aT/bB1T4las2m/6PDpdu5EdpEqtGzBs7mzkM2QMHpj6nPx9GVTH4
tTUPcje13a+12/uPSy+jUpL6zXtBNNRb1evlvdng+t31x4hn3XE0km3hAc4UewqnDo63g
XdJI248r2/Oty/wDF66syrJptmrZOXjiWPOfULgYFWPDvhi41nxXa6fJJb6bHdAs1wcTL
EgUuWATJY7VOFHLHA719pHmhCz92yv8AI8PHRpT5ptuT6uzu/vNrwNpmuam8PhnwXa3l1r
10wnAtSYvsyrgmWRsjZjA6nHPuAfcPgv8Asc3RvdPhvrNvF3jrxNMRpunyoT5h24ll+Y48
tSrbp3wmFOM10XwA8JtH4j0nwT4F8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxszzx
9+fDP4Q8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxscBFxcuUwnCkELAA5P39/wTH/
AGwdU+JWrNpvjaa3XUPG1+Y9HaGPy4Ibq3hMrxsvRVeOOSQEfKSYeMAAAV+gfxM/Z5+GF
j4T8N6TJ/Ztu3lryGuL+4K/PNM/QsQNxJwqqMAKAFr4V/aT/bB1T4las2m/6PDpdu5EdpE
qtGzBs7mzkM2QMHpj6nPx9GVTH4tTUPcje13a+12/uPSy+jUpL6zXtBNNRb1evlvdng+t31
x4hn3XE0km3hAc4UewqnDo63gXdJI248r2/Oty/wDF66syrJptmrZOXjiWPOfULgYFWPD
vhi41nxXa6fJJb6bHdAs1wcTLEgUuWATJY7VOFHLHA719pHmhCz92yv8AI8PHRpT5ptuT6
uzu/vNrwNpmuam8PhnwXa3l1r10wnAtSYvsyrgmWRsjZjA6nHPuAfcPgv8Asc3RvdPhvrN
vF3jrxNMRpunyoT5h24ll+Y48tSrbp3wmFOM10XwA8JtH4j0nwT4F8Ox6lrXiRWWO2u9vn
6mnz5576UEGC3XmTy0bJxszzx9+fDP4Q8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJx
scBFxcuUwnCkELAA5P39/wTH/AGwdU+JWrNpvjaa3XUPG1+Y9HaGPy4Ibq3hMrxsvRVeO
OSQEfKSYeMAAAV+gfxM/Z5+GFj4T8N6TJ/Ztu3lryGuL+4K/PNM/QsQNxJwqqMAKAFr4V/
aT/bB1T4las2m/6PDpdu5EdpEqtGzBs7mzkM2QMHpj6nPx9GVTH4tTUPcje13a+12/uPS
y+jUpL6zXtBNNRb1evlvdng+t31x4hn3XE0km3hAc4UewqnDo63gXdJI248r2/Oty/wDF
66syrJptmrZOXjiWPOfULgYFWPDvhi41nxXa6fJJb6bHdAs1wcTLEgUuWATJY7VOFHLHA
719pHmhCz92yv8AI8PHRpT5ptuT6uzu/vNrwNpmuam8PhnwXa3l1r10wnAtSYvsyrgmWRs
jZjA6nHPuAfcPgv8Asc3RvdPhvrNvF3jrxNMRpunyoT5h24ll+Y48tSrbp3wmFOM10XwA8
JtH4j0nwT4F8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxszzx9+fDP4Q8Ox6lrXiR
WWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxscBFxcuUwnCkELAA5P39/wTH/AGwdU+JWrNpvja
a3XUPG1+Y9HaGPy4Ibq3hMrxsvRVeOOSQEfKSYeMAAAV+gfxM/Z5+GFj4T8N6TJ/Ztu3
lryGuL+4K/PNM/QsQNxJwqqMAKAFr4V/aT/bB1T4las2m/6PDpdu5EdpEqtGzBs7mzkM2
QMHpj6nPx9GVTH4tTUPcje13a+12/uPSy+jUpL6zXtBNNRb1evlvdng+t31x4hn3XE0k
m3hAc4UewqnDo63gXdJI248r2/Oty/wDF66syrJptmrZOXjiWPOfULgYFWPDvhi41nxX
a6fJJb6bHdAs1wcTLEgUuWATJY7VOFHLHA719pHmhCz92yv8AI8PHRpT5ptuT6uzu/vNr
wNpmuam8PhnwXa3l1r10wnAtSYvsyrgmWRsjZjA6nHPuAfcPgv8Asc3RvdPhvrNvF3jrx
NMRpunyoT5h24ll+Y48tSrbp3wmFOM10XwA8JtH4j0nwT4F8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5
576UEGC3XmTy0bJxszzx9+fDP4Q8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxscB
FxcuUwnCkELAA5P39/wTH/AGwdU+JWrNpvjaa3XUPG1+Y9HaGPy4Ibq3hMrxsvRVeOOS
QEfKSYeMAAAV+gfxM/Z5+GFj4T8N6TJ/Ztu3lryGuL+4K/PNM/QsQNxJwqqMAKAFr4V/a
T/bB1T4las2m/6PDpdu5EdpEqtGzBs7mzkM2QMHpj6nPx9GVTH4tTUPcje13a+12/uPS
y+jUpL6zXtBNNRb1evlvdng+t31x4hn3XE0km3hAc4UewqnDo63gXdJI248r2/Oty/wD
F66syrJptmrZOXjiWPOfULgYFWPDvhi41nxXa6fJJb6bHdAs1wcTLEgUuWATJY7VOFHL
HA719pHmhCz92yv8AI8PHRpT5ptuT6uzu/vNrwNpmuam8PhnwXa3l1r10wnAtSYvsyrgm
WRsjZjA6nHPuAfcPgv8Asc3RvdPhvrNvF3jrxNMRpunyoT5h24ll+Y48tSrbp3wmFOM10Xw
A8JtH4j0nwT4F8Ox6lrXiRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxszzx9+fDP4Q8Ox6lrX
iRWWO2u9vn6mnz5576UEGC3XmTy0bJxscBFxcuUwnCkELAA5P39/wTH/AGwdU+JWrNpv
jaa3XUPG1+Y9HaGPy4Ibq3hMrxsvRVeOOSQEfKSYeMAAAV+gfxM/Z5+GFj4T8N6TJ/Zt
u3

8khjAOWVGVtp2V5za/spNofgzSrfXfjN8N/E2m6Gp02BNLu1m1C/tnZJXgLnhXijUyQL2c7R
guCfbvDf7Pl9pvj/AE3WvEepaX4x1i60C40HxFp+r2v2q11TyIJJLWSIt9xhLFbhwduWDtkk
k15NHJ68akrRfLrr2v66s9ipmymlS53KN72d1c5/4Wa/4y/aHttY8R+OrCHR7XxJZxR6HaLN
HcLCyBo5rhEcNJFK0B2bmw+GBBwAV6z4hePF8I/DnxpfJa+ZeeFWspl3Efv7WYMpkwMEyK0c
g7EgDHPW94f8RL4l1XT75njWa6szq0loCcH7VDC7hQ3ChZldSoJxkcAGs3VonvdM8VQ28zNf
X8elSRNC5VoI7e8fkHGQR9oDZBOCPwPtYWnTpOPK/fSab6u60R83m2FVWM1NWi1oum5T/bN8
YsPiB4f8Mt5dvp82q2/jPxNezBlt7fTtHiV52kAyS0khjAxwSvY/NX5j/tc/HW6/a2+PXij4
gXUyyaXNdNp2g25kZZLewh4R9jL0lLbmOch2cYGK+jP+C6H7R194W+MUXgPSbpbeTWNBgl1a
4jkHnLbPNN/ou4crHIURnGfm2x5GAM/BcPiFrqVWZV+Vdi4UKQOw+grqqRrQpyi72b27WPsv
D3J6EHGvLfoaF07Ryfe/z71XuG85OPTniiK4W4+Zvl9OakBV1+Xb9P65rydUfv1OScd9GVVO
yM7i26jHmDj+VTPD5hwdq81Yt4Y4Q275to9P0/8Ar1pKVgp0W3boZrh91AXDHOc+46fWr095
boPu5/Cq908LMu3+IAbR/MURbe5y14wg7KVx2kS3Fpe/uWZZGUoSADwevX2rft9QjsNQt7W3
gJhWPrcrtJPUnj+tZXhIbr24Cp5jfZ22jHU5FSoJJby1X5/O2EOCuG69BW0bvQ5+bl1Rtqi3
/nXs11b2N9ExWF9+IjxypJ4Hy9Pet74G/BHXvjZ8TtD8G+E5FkufFEZiMj/djtzlpp5AM7FR
VJyefSuP0wQi9vv7QVp7WIDzLcHDzPnCImO+4847Zr668H+Ete/ZR8B2fg/Sf3Px++PCJZyx
uojbwjpDSFQgPJSSZRk9wE6BkBYlLkhvrra/bq/kctaXPKyWnXvd7I6Dw14W8H/GH4j2ui6X
eXEP7Ov7NcEmqXepRcv4hv8A78hVvuuWlU4x/DkjAdcfMv7Q/wAZtQ/ag+Ner+Ntes20uLxZ
c/6H5abYYbe3AjTGSSCFQbvfOK9o/a9k074J+CdC+AvgvUlW10HdqPjTbuX+1L8BD5bHq2cZ
CA45X+7x8r6tf/aUljWOS3j3NHZ2buzC1Vm+ZFB6ZOeazwvLUjzyTS1Sve9r7v1evoZ08PKn
PV3e7ts9rIsajptva291p66lG32N/NjjfO2X/ZHr+NK8Ctcx6dDMsce2JZ4pDhFlLZO0dxUl
roTajqaxxtBu0+zJmJHVgO/qaq28xndZo085mXzJZmH3dtV0PV3V7W/yPe9c8Sx+IP8AgmPp
ulqyrN4Z8ZSL+8+WFt6s+I2H3vvc5x39qy7W7m8S/wDBOzXofOj3af4rtHmJIjUCVAFxt+9g
9SelR22uWum/8E9LG3mhZo4fHqzmT+GZPs/zDp2o8M+Hbi6/4J3fEK+ghaOFvF2nFFI6rIPk
A/MVy06KW/8ANderscmNrRjGy3skzS/bf01rb4jfD2xjmhvJLPwfbLM8bZSQFTnYe5615P4J
1C10nXZJLr7P5dvb/Zwk4O7lgwzjuACDXpn7atp/Zvjf4b2O2a1urHwZapdO55B2Nzn2rzXw
1HJb3Fy0bMy7YwZF/wCWhIPPP0rqj7sUt9P1NsPT5oOy0v8AojN8K+JY9MtNBtdSmtbextTL
dx+VCGmw33RLx86k9AegrS+GPju38N+QalpFjrWn6TeLeT6WLprUXWw8cL0PcH2qH4Ze
JrHSdF1bVtT0231q41xRZgGbZ9gCkbnx3LDgelesePv2e9N0xdNms9Fb4jN9iRriTw7BJbrD
vG5A4TdlgOM4rapyu8ZuyZjgMPXnS5qSvby6d9mj2zwt+0t+zf8AEvxBNrXij9l/xI0d83mL
Lo2rTSRz4++7puRUYnn5eveuo0r43/sMz3LWtxZ/HD4Y3H2gJ5VvfyhIg3DPtUvwB1HX618j
3ngPwLp03mXGi/EzwP5yrsijfzYzt4aRiyhuvGBWZZ+CvDen6zdK3iPWWtZBh7u+0t3Mcg5Z
CuclgOc968mtgaD+1JJbWb/W55+KyWvWbU4OLe7TbuvNaL8D9JPAXxo/YtbTmt7H4/fHTSbe
3fZ5Uup3q+d6OoEXA9q6+78Tfs8yrCdL/bu+JGk+Yn2lVn1Ge4xGvSMkgYcehOfavzf8C/Af
wv8AE7UvOs/ivrn9oRskENwujTKqhyBhVBzgDPArpbD/AIJ/6LNps1jb/FjXJmjupF8p/h5f
XCu/G5kk5Az35rljgMNzPmk2/NN/oeDV4ZrX9zm9dP1R953PjX4R61f29vcf8FCvHUtvxKkY
EqKpbgbpAcZHoelN1bxh8KdO+1WK/wDBQTxxMskiugtYZLj5scfvFyG/MCvz98Yfsk6f8Nvs
9jdfFBbGOeNt1zN4Dns0jXH3JJmA6/jz+FcSPDFn4XmpkwMEyK0c
g7EgDHPW94f8RL4l1XT75njWa6szq0loCcH7VDC7hQ3ChZldSoJxkcAGs3VonvdM8VQ28zNf
X8elSRNC5VoI7e8fkHGQR9oDZBOCPwPtYWnTpOPK/fSab6u60R83m2FVWM1NWi1oum5T/bN8
YsPiB4f8Mt5dvp82q2/jPxNezBlt7fTtHiV52kAyS0khjAxwSvY/NX5j/tc/HW6/a2+PXij4
gXUyyaXNdNp2g25kZZLewh4R9jL0lLbmOch2cYGK+jP+C6H7R194W+MUXgPSbpbeTWNBgl1a
4jkHnLbPNN/ou4crHIURnGfm2x5GAM/BcPiFrqVWZV+Vdi4UKQOw+grqqRrQpyi72b27WPsv
D3J6EHGvLfoaF07Ryfe/z71XuG85OPTniiK4W4+Zvl9OakBV1+Xb9P65rydUfv1OScd9GVVO
yM7i26jHmDj+VTPD5hwdq81Yt4Y4Q275to9P0/8Ar1pKVgp0W3boZrh91AXDHOc+46fWr095
boPu5/Cq908LMu3+IAbR/MURbe5y14wg7KVx2kS3Fpe/uWZZGUoSADwevX2rft9QjsNQt7W3
gJhWPrcrtJPUnj+tZXhIbr24Cp5jfZ22jHU5FSoJJby1X5/O2EOCuG69BW0bvQ5+bl1Rtqi3
/nXs11b2N9ExWF9+IjxypJ4Hy9Pet74G/BHXvjZ8TtD8G+E5FkufFEZiMj/djtzlpp5AM7FR
VJyefSuP0wQi9vv7QVp7WIDzLcHDzPnCImO+4847Zr668H+Ete/ZR8B2fg/Sf3Px++PCJZyx
uojbwjpDSFQgPJSSZRk9wE6BkBYlLkhvrra/bq/kctaXPKyWnXvd7I6Dw14W8H/GH4j2ui6X
eXEP7Ov7NcEmqXepRcv4hv8A78hVvuuWlU4x/DkjAdcfMv7Q/wAZtQ/ag+Ner+Ntes20uLxZ
c/6H5abYYbe3AjTGSSCFQbvfOK9o/a9k074J+CdC+AvgvUlW10HdqPjTbuX+1L8BD5bHq2cZ
CA45X+7x8r6tf/aUljWOS3j3NHZ2buzC1Vm+ZFB6ZOeazwvLUjzyTS1Sve9r7v1evoZ08PKn
PV3e7ts9rIsajptva291p66lG32N/NjjfO2X/ZHr+NK8Ctcx6dDMsce2JZ4pDhFlLZO0dxUl
roTajqaxxtBu0+zJmJHVgO/qaq28xndZo085mXzJZmH3dtV0PV3V7W/yPe9c8Sx+IP8AgmPp
ulqyrN4Z8ZSL+8+WFt6s+I2H3vvc5x39qy7W7m8S/wDBOzXofOj3af4rtHmJIjUCVAFxt+9g
9SelR22uWum/8E9LG3mhZo4fHqzmT+GZPs/zDp2o8M+Hbi6/4J3fEK+ghaOFvF2nFFI6rIPk
A/MVy06KW/8ANderscmNrRjGy3skzS/bf01rb4jfD2xjmhvJLPwfbLM8bZSQFTnYe5615P4J
1C10nXZJLr7P5dvb/Zwk4O7lgwzjuACDXpn7atp/Zvjf4b2O2a1urHwZapdO55B2Nzn2rzXw
1HJb3Fy0bMy7YwZF/wCWhIPPP0rqj7sUt9P1NsPT5oOy0v8AojN8K+JY9MtNBtdSmtbextTL
dx+VCGmw33RLx86k9AegrS+GPju38N+QalpFjrWn6TeLeT6WLprUXWw8cL0PcH2qH4Ze
JrHSdF1bVtT0231q41xRZgGbZ9gCkbnx3LDgelesePv2e9N0xdNms9Fb4jN9iRriTw7BJbrD
vG5A4TdlgOM4rapyu8ZuyZjgMPXnS5qSvby6d9mj2zwt+0t+zf8AEvxBNrXij9l/xI0d83mL
Lo2rTSRz4++7puRUYnn5eveuo0r43/sMz3LWtxZ/HD4Y3H2gJ5VvfyhIg3DPtUvwB1HX618j
3ngPwLp03mXGi/EzwP5yrsijfzYzt4aRiyhuvGBWZZ+CvDen6zdK3iPWWtZBh7u+0t3Mcg5Z
CuclgOc968mtgaD+1JJbWb/W55+KyWvWbU4OLe7TbuvNaL8D9JPAXxo/YtbTmt7H4/fHTSbe
3fZ5Uup3q+d6OoEXA9q6+78Tfs8yrCdL/bu+JGk+Yn2lVn1Ge4xGvSMkgYcehOfavzf8C/Af
wv8AE7UvOs/ivrn9oRskENwujTKqhyBhVBzgDPArpbD/AIJ/6LNps1jb/FjXJmjupF8p/h5f
XCu/G5kk5Az35rljgMNzPmk2/NN/oeDV4ZrX9zm9dP1R953PjX4R61f29vcf8FCvHUtvxKkY
EqKpbgbpAcZHoelN1bxh8KdO+1WK/wDBQTxxMskiugtYZLj5scfvFyG/MCvz98Yfsk6f8Nvs
9jdfFBbGOeNt1zN4Dns0jXH3JJmA6/jz+FcSPDFn4XmpkwMEyK0c
g7EgDHPW94f8RL4l1XT75njWa6szq0loCcH7VDC7hQ3ChZldSoJxkcAGs3VonvdM8VQ28zNf
X8elSRNC5VoI7e8fkHGQR9oDZBOCPwPtYWnTpOPK/fSab6u60R83m2FVWM1NWi1oum5T/bN8
YsPiB4f8Mt5dvp82q2/jPxNezBlt7fTtHiV52kAyS0khjAxwSvY/NX5j/tc/HW6/a2+PXij4
gXUyyaXNdNp2g25kZZLewh4R9jL0lLbmOch2cYGK+jP+C6H7R194W+MUXgPSbpbeTWNBgl1a
4jkHnLbPNN/ou4crHIURnGfm2x5GAM/BcPiFrqVWZV+Vdi4UKQOw+grqqRrQpyi72b27WPsv
D3J6EHGvLfoaF07Ryfe/z71XuG85OPTniiK4W4+Zvl9OakBV1+Xb9P65rydUfv1OScd9GVVO
yM7i26jHmDj+VTPD5hwdq81Yt4Y4Q275to9P0/8Ar1pKVgp0W3boZrh91AXDHOc+46fWr095
boPu5/Cq908LMu3+IAbR/MURbe5y14wg7KVx2kS3Fpe/uWZZGUoSADwevX2rft9QjsNQt7W3
gJhWPrcrtJPUnj+tZXhIbr24Cp5jfZ22jHU5FSoJJby1X5/O2EOCuG69BW0bvQ5+bl1Rtqi3
/nXs11b2N9ExWF9+IjxypJ4Hy9Pet74G/BHXvjZ8TtD8G+E5FkufFEZiMj/djtzlpp5AM7FR
VJyefSuP0wQi9vv7QVp7WIDzLcHDzPnCImO+4847Zr668H+Ete/ZR8B2fg/Sf3Px++PCJZyx
uojbwjpDSFQgPJSSZRk9wE6BkBYlLkhvrra/bq/kctaXPKyWnXvd7I6Dw14W8H/GH4j2ui6X
eXEP7Ov7NcEmqXepRcv4hv8A78hVvuuWlU4x/DkjAdcfMv7Q/wAZtQ/ag+Ner+Ntes20uLxZ
c/6H5abYYbe3AjTGSSCFQbvfOK9o/a9k074J+CdC+AvgvUlW10HdqPjTbuX+1L8BD5bHq2cZ
CA45X+7x8r6tf/aUljWOS3j3NHZ2buzC1Vm+ZFB6ZOeazwvLUjzyTS1Sve9r7v1evoZ08PKn
PV3e7ts9rIsajptva291p66lG32N/NjjfO2X/ZHr+NK8Ctcx6dDMsce2JZ4pDhFlLZO0dxUl
roTajqaxxtBu0+zJmJHVgO/qaq28xndZo085mXzJZmH3dtV0PV3V7W/yPe9c8Sx+IP8AgmPp
ulqyrN4Z8ZSL+8+WFt6s+I2H3vvc5x39qy7W7m8S/wDBOzXofOj3af4rtHmJIjUCVAFxt+9g
9SelR22uWum/8E9LG3mhZo4fHqzmT+GZPs/zDp2o8M+Hbi6/4J3fEK+ghaOFvF2nFFI6rIPk
A/MVy06KW/8ANderscmNrRjGy3skzS/bf01rb4jfD2xjmhvJLPwfbLM8bZSQFTnYe5615P4J
1C10nXZJLr7P5dvb/Zwk4O7lgwzjuACDXpn7atp/Zvjf4b2O2a1urHwZapdO55B2Nzn2rzXw
1HJb3Fy0bMy7YwZF/wCWhIPPP0rqj7sUt9P1NsPT5oOy0v8AojN8K+JY9MtNBtdSmtbextTL
dx+VCGmw33RLx86k9AegrS+GPju38N+QalpFjrWn6TeLeT6WLprUXWw8cL0PcH2qH4Ze
JrHSdF1bVtT0231q41xRZgGbZ9gCkbnx3LDgelesePv2e9N0xdNms9Fb4jN9iRriTw7BJbrD
vG5A4TdlgOM4rapyu8ZuyZjgMPXnS5qSvby6d9mj2zwt+0t+zf8AEvxBNrXij9l/xI0d83mL
Lo2rTSRz4++7puRUYnn5eveuo0r43/sMz3LWtxZ/HD4Y3H2gJ5VvfyhIg3DPtUvwB1HX618j
3ngPwLp03mXGi/EzwP5yrsijfzYzt4aRiyhuvGBWZZ+CvDen6zdK3iPWWtZBh7u+0t3Mcg5Z
CuclgOc968mtgaD+1JJbWb/W55+KyWvWbU4OLe7TbuvNaL8D9JPAXxo/YtbTmt7H4/fHTSbe
3fZ5Uup3q+d6OoEXA9q6+78Tfs8yrCdL/bu+JGk+Yn2lVn1Ge4xGvSMkgYcehOfavzf8C/Af
wv8AE7UvOs/ivrn9oRskENwujTKqhyBhVBzgDPArpbD/AIJ/6LNps1jb/FjXJmjupF8p/h5f
XCu/G5kk5Az35rljgMNzPmk2/NN/oeDV4ZrX9zm9dP1R953PjX4R61f29vcf8FCvHUtvxKkY
EqKpbgbpAcZHoelN1bxh8KdO+1WK/wBBQTxxMskiugtYZLj5scfvFyG/MCvz98Yfsk6f8Nvs
9jdfFBbGOeNt1zN4Dns0jXH3JJmA6/jz+FcSPDFn4XmpkwMEyK0c
g7EgDHPW94f8RL4l1XT75njWa6szq0loCcH7VDC7hQ3ChZldSoJxkcAGs3VonvdM8VQ28zNf
X8elSRNC5VoI7e8fkHGQR9oDZBOCPwPtYWnTpOPK/fSab6u60R83m2FVWM1NWi1oum5T/bN8
YsPiB4f8Mt5dvp82q2/jPxNezBlt7fTtHiV52kAyS0khjAxwSvY/NX5j/tc/HW6/a2+PXij4
gXUyyaXNdNp2g25kZZLewh4R9jL0lLbmOch2cYGK+jP+C6H7R194W+MUXgPSbpbeTWNBgl1a
4jkHnLbPNN/ou4crHIURnGfm2x5GAM/BcPiFrqVWZV+Vdi4UKQOw+grqqRrQpyi72b27WPsv
D3J6EHGvLfoaF07Ryfe/z71XuG85OPTniiK4W4+Zvl9OakBV1+Xb9P65rydUfv1OScd9GVVO
yM7i26jHmDj+VTPD5hwdq81Yt4Y4Q275to9P0/8Ar1pKVgp0W3boZrh91AXDHOc+46fWr095
boPu5/Cq908LMu3+IAbR/MURbe5y14wg7KVx2kS3Fpe/uWZZGUoSADwevX2rft9QjsNQt7W3
gJhWPrcrtJPUnj+tZXhIbr24Cp5jfZ22jHU5FSoJJby1X5/O2EOCuG69BW0bvQ5+bl1Rtqi3
/nXs11b2N9ExWF9+IjxypJ4Hy9Pet74G/BHXvjZ8TtD8G+E5FkufFEZiMj/djtzlpp5AM7FR
VJyefSuP0wQi9vv7QVp7WIDzLcHDzPnCImO+4847Zr668H+Ete/ZR8B2fg/Sf3Px++PCJZyx
uojbwjpDSFQgPJSSZRk9wE6BkBYlLkhvrra/bq/kctaXPKyWnXvd7I6Dw14W8H/GH4j2ui6X
eXEP7Ov7NcEmqXepRcv4hv8A78hVvuuWlU4x/DkjAdcfMv7Q/wAZtQ/ag+Ner+Ntes20uLxZ
c/6H5abYYbe3AjTGSSCFQbvfOK9o/a9k074J+CdC+AvgvUlW10HdqPjTbuX+1L8BD5bHq2cZ
CA45X+7x8r6tf/aUljWOS3j3NHZ2buzC1Vm+ZFB6ZOeazwvLUjzyTS1Sve9r7v1evoZ08PKn
PV3e7ts9rIsajptva291p66lG32N/NjjfO2X/ZHr+NK8Ctcx6dDMsce2JZ4pDhFlLZO0dxUl
roTajqaxxtBu0+zJmJHVgO/qaq28xndZo085mXzJZmH3dtV0PV3V7W/yPe9c8Sx+IP8AgmPp
ulqyrN4Z8ZSL+8+WFt6s+I2H3vvc5x39qy7W7m8S/wDBOzXofOj3af4rtHmJIjUCVAFxt+9g
9SelR22uWum/8E9LG3mhZo4fHqzmT+GZPs/zDp2o8M+Hbi6/4J3fEK+ghaOFvF2nFFI6rIPk
A/MVy06KW/8ANderscmNrRjGy3skzS/bf01rb4jfD2xjmhvJLPwfbLM8bZSQFTnYe5615P4J
1C10nXZJLr7P5dvb/Zwk4O7lgwzjuACDXpn7atp/Zvjf4b2O2a1urHwZapdO55B2Nzn2rzXw
1HJb3Fy0bMy7YwZF/wCWhIPPP0rqj7sUt9P1NsPT5oOy0v8AojN8K+JY9MtNBtdSmtbextTL
dx+VCGmw33RLx86k9AegrS+GPju38N+QalpFjrWn6TeLeT6WLprUXWw8cL0PcH2qH4Ze
JrHSdF1bVtT0231q41xRZgGbZ9gCkbnx3LDgelesePv2e9N0xdNms9Fb4jN9iRriTw7BJbrD
vG5A4TdlgOM4rapyu8ZuyZjgMPXnS5qSvby6d9mj2zwt+0t+zf8AEvxBNrXij9l/xI0d83mL
Lo2rTSRz4++7puRUYnn5eveuo0r43/sMz3LWtxZ/HD4Y3H2gJ5VvfyhIg3DPtUvwB1HX618j
3ngPwLp03mXGi/EzwP5yrsijfzYzt4aRiyhuvGBWZZ+CvDen6zdK3iPWWtZBh7u+0t3Mcg5Z
CuclgOc968mtgaD+1JJbWb/W55+KyWvWbU4OLe7TbuvNaL8D9JPAXxo/YtbTmt7H4/fHTSbe
3fZ5Uup3q+d6OoEXA9q6+78Tfs8yrCdL/bu+JGk+Yn2lVn1Ge4xGvSMkgYcehOfavzf8C/Af
wv8AE7UvOs/ivrn9oRskENwujTKqhyBhVBzgDPArpbD/AIJ/6LNps1jb/FjXJmjupF8p/h5f
XCu/G5kk5Az35rljgMNzPmk2/NN/oeDV4ZrX9zm9dP1R953PjX4R61f29vcf8FCvHUtvxKkY
EqKpbgbpAcZHoelN1bxh8KdO+1WK/wBBQTxxMskiugtYZLj5scfvFyG/MCvz98Yfsk6f8Nvs
9jdfFBbGOeNt1zN4Dns0jXH3JJmA6/jz+FcSPDFn4XmpkwMEyK0c

SvcA54qxoksF5qqWsemrrCzQM0y7yhdyMmRT/CQKqUueHK1p5aNPo0edjMFSxMbK6fyf6H6D
fCS60P8AYj+J3jj9lH48Wq3XwR+IF0954U1+8k8yO2SRt0Nykv3U/hLFcbZASeDkfJv7WP7G
Wofsr/FbWPCuuagY7Iq174W8RPJiz8Qafx5aBlGDJgrnng+2Cfev2NPiT4S/bk+BOi/s3/Gq
4uLGS4mkl+G3iuaRfOspgSDZu7D/AFeflVTwRhRghK9I0TwV/bPg/wD4Yx/aijbw3rWgvPc/
DDx1PP5Nm77W8uF5WGGjbooJ7hSAwXLpyUJ2b1tdq2j8159z5H2jwNa0ldettOl19x+dtrqL
B7GaGO60+zhmESwxSYuGmxyxPXBr9BPj3pek+A/23dDvNNVreH4iaO+pXsLHeguLoSIUHfyz
JCrgHIDu54UgD5H1r9iL4heA/wBpzT/hn4+tY/DeveILv7PFqmoyA2v2dOftEbD5WVlGF5ye
nBNfd3/BRn4CzfB7Qfh/4+s9Sm1K48P6gunF3TaVjP8ApEKnaTkBopASDzvxXynE+IpJqDbT
kmkltt1877H6hwrmEZSvJ25rJeen4a2PVP8Agnb43/t3QPFXhuaTzP8AhH9QWa1LPuKx3AJc
AenmIx+r+9fS0fypuVmXscV8T/sseLLPwT8frO+hZodN8daSHCl/kSVykqL7kcjJ/v19rW03
nQ+X92RfWv458SMC6WKdSK0kk/ns/nfVnrZphXSrt9JWf4a/iYuuKVvWZW5xyDUMA/ikXaq8
5zVrW2zIw3fNgVk3EnmRtt3ehz0r81wcXJ2Z0UYuVNI+Pf28tVWfxm3l/M1rAlsoIzt3sJDn
ttOAPbbXj/wC1qHRPi7otxeL/ocd5G27b3Kskff+8wG5iOeecc+1ftP6Hcar4k8QLHbteXGq
ajYWdrBGN0khjiaRwi9STuiBA616J+yl/wAE/wCbStaXWPG0MO2xdJLexicN5z8MHl9ADj5R
3X2Gf6Kw+bYXLsniq8tHGyS3d0tl6s+mlxFSwWF5G9eW1urv2PbvDXw8n1GTdcK0can5s966
qfTIbCzW3j2xrGPlUDvXVajYtbwbY1VWb04rk/El1HpURPfv7V+C47MJ4jEXht0R8PHMKmMm
m/kkYuotHp+6RmG3GcH1ri/Eepteu27Hl9MCrXifxH9pO1Xb6Vyc+pSN5gb0yOelaYHByS55
bn2mW5fJR55bnqXwK0Rda1uRWhVo7MpKcgcAhjn81r0z4d+Jbiz+FN54guJpJLjVru5kt0c/
6iNZGjjRR/dCpn8a83+BmoNY+E9SvFbbJcQNCcH7rrnb/wChV6F9kWb4XaDbwqq28NrCSB67
QT+pNc+YSTvTktHJL5JXf3s/M+IIzrZhyz+HmS+S1a+bPEfiX4ouNUupPs8a+duJ3SjKAZ5O
MgmvN7+x+06pbrIkYkjkUsyLxuJHGO+cjHpXoXxW16Tw+v2XS7OPUNUuAzRxv8scKjq7n0B/
OvI/gp/bnjH4k2/9sXHmLDIbhmCbQzBuMf8AAjjHoK+yynC8uE9orRUVffV/L/M+0wfLHCtx
VoxX9aH2Z4D0ZU021t1k8lbcb+uBtU8k9u2ataLqdrpGial4sm8vdqTOYJpQy7LSNmEIweQG
5fAGSZBnpXPahbXSWtr4ZsbqO11DWI2V5mTzGtbYDM0hHqV+QZ6s45Fc58fPjPa2MclnYoy2
unoIIYYhtDOowFHoP5Vx4fCzq1tPtP8ABP7tT8/jgauPx/s4ax3bXa/6nzD+1tZr481W3a8v
tc1q309pRK19J5Vs05fO+O3UBU2HeF3bjggfwjPiI+Et5pUd1eR2bta2sM1xcu0irlVVmdRu
IGSBxllHOcgV6B8RviG2oWF2t1qjed5hkSC1BkkDE5yepxyc+9eC/Gbxnq1z4B8QXE1xfW/m
2ti4QTvta6LcAbcj5CxC5PPP4V+5cJ4XES5KbaUU0tb21fRKy6n6Z9VWDw3JHSyPHf2wNFvt
H8SQ2OuatpcN5psX2e30iyuTdjTIgAVjlcAKJRu+baMHaMZHNeFwyRiU/MzdgT6U7xBLfWt/
JHeeaszfMyv156c96bYQfavmCr6noP61/QGHw/saKV7+isvkfM08Q51bbvzNKxuWlX5f4eg9
PpUjIzNurQt/Dcllp6zMv+sUMgxj5T0b6HPB74qrnafx4GOtcvMpS90+uw8X7JczHQQtO+1f
4uPrX3V/wTf/AGf/APhDfC2+U

mTOkWUFok89xMFyI97RlQZFCnJ6jks+HPwjWC08Qa/qDW/27xNqz6rYC4TzILNFcR2khjONx
SNd6gnblx6V85f8ABWz4qw/s+fsi65pOj3002tfFjUINFvb15ljubq2i824uWC8lovnERA+U
efjPHP5VluHr1MRKUopRve73TXRX7n6BLNKFXloxbcm7PtZrVt+R+df7X3x2tf2qf2rfGnj6
zhuLfTdcu0FhFcNmQW0MUcMRbphnWMMVHQtgZrg7KbaPlb9ay9OZQiqo6AYGO3+FaFkuxB97
8ufwr2MZ7zbZ+qcN0/YU4xhskakdx2qZLorWbDnd16VajfcP5V4cqdj9Cw+Kky0902fxpovW
cbdx20G3kdSyq3yjkgdOe9NjtmVuQenPHSs7I7PaVGxvmfN8xpwXnj6fWnLB5nT73tR5bBcf
3jxjvQZ9dTU8N3EkT3Sxw/aPMtyjqSRtXcpzxzwQOlXriwhs5Y47yZrOG4jEsd42ctGOu1er
MScYre+Cnwsj+IemeN7j+2bXSZ/Cvh2TW7YzziFbx0u7WLyQ2D87JO5Ve7KBX0t+zv8As7eF
/gD8Orf42fHzzm0OH9/4I8JXjqdS8S3G0ESyrjIgztxu+XHJGCN57SMXq/RdWznxFZqNkte/
Rf5mT+zj8N9I/Zi+Esfx6+JGn27XCo0Hw58PXK/vNYvRnZeXEQGTGnysCepGe6E9pp/j3Uv2
O/A+tfFDxsq65+0F8TrZr/TLO6QXDeHLCTdi+cbSYOCVWMHGAq4GGA2ofGUfifRm/am/aCZZ
JobjyPhr4Hhn2QXHlk7SFAOIkcBixGGKkkEFBXyD8S/jVr3x3+MV54u8U6gs3iTWp2ffjFta
xkYSNU5GxQMKAfckmsad6j1s11ael76JenVhhZSXT0vo0+rd+r6HIzatJ4j1GS81CaaS4mZp
prvc32i4kdixkZzyTuJ61fh1eS70cSfZ45obC4UO7rukYddxb1qvtW3upLeWaRls8v5XlHMx
6k57Ckja11OyuFhhma4vJFWGFZNohwOp/vZrbb3T0qNPlXm9/MsPpun38s11DMbSaRhLEJSV
WQ+mfQ1Y8SiaDWU85raCNYkXZYDKEnrhe9VLzTVuF0+Ftu23RDcgnARW4yT/ALNGjRRwa9ew
wssiswMc9s2VHPHy1PQ0nJJ2St6eh6XHJs/YP02GZfluPG+fm7KIBkAelaHhHVbqH/gmz42t
VWRrVvF9gVkXPLKoAAP0AxU2qzC4/wCCd3h26kvPMuIfGzrLGwIeP90SOe/XP41X0i6vIf8A
gmvq1uqwpZyeMYBK3mZaZgingY4A4rO90vVfgzy8c+3YP24dZj1X4jaFJItwrR+ErIEMxLMc
jqf51zVh4Ybxd42aXT9scMenxqylvKw3y54rrf25JP8AhI/iHodx5K6bHdeE7TylZ/M8woc4
B7ZIrh/C0+fEUMkEOVuNOB8hZjui2sq8nvmuzB350l2PQppvDuD62ZxujwWZ01po4pYY2uWU
8ltgx2/CvaPgh4M+I2tK2seD/wC3Le2Yi2Y6ZfpBI2Bx8rMCRx1xXnPhmztdY0fWreHzI74s
Lywj5wyxgmZwf9vGAKfp3jax1G+j1C+mWxmVVUPasVkULxnAPWvPxlOpJ+5v6N/hoe5kNajQ
glUdk/O3r8z6P0sftGeFrq4iXS/FGpLcXUUGyeyhvvNcjIDsc7Rjqw4z1NO8RfFy6ubq4j8f
fAm41aOa8j1GWaW3uLW4gtJG8tWwo+ZywIBPB6e9eY+H/j3NoMN1caJ8TfGWm32obYXSS9df
NGOHLdMLjGRyOgrsNC/b9+Lmha0lxo/xYuLq8uMIY7nTY5VPlD5QcxkYPQkde+a8+pRrpq6T
fq1+Vz2MVjqEoy9k9PVPX7jpbf4yfAW+0iFfEH7PHi7So/Nk8m70rUJoy4XnGSVzjqRzirN7
+0D+zvaWtx/xbb4tQtNCslvbS67NHHg8B+JehIHzc5wK2NO/4Kt/G2zt9t54k8Datukae3Sf
Qn/eoy7ZApVVwFyTj7xx6VY8Of8ABRz4nfEXU1t7e6+FunwyLHpEN2NCkQMDulXAbIGNh4+6
OeKKntlryqy6pv8AyPn6dScndtJN212PMfEvxw+F+t3Fi2h/DPxNHdW6yLOmp63PexSjb1aM
53ED6Y69q46Lx14fvNV+0N4HtbfT2jKQxgynae7bu/ufcV9E2n7dvji98S2OrXXiL4S27Sb7
77c+kybbMyA2xVWzk7hGec59TjArSk/bO1ZY7GST4jfBZmht5LKMHRZflaSRc5weF+QHdgL6
g4yOf2mIjtFfe3+h9VgcZTopax+bW/z6Hyfc3Wmy2V41xoc0N02PsmC4VVJ47c8etV7XV7ew
tJGmsZFk2CPlXJcN2zjAxivq7xF+2XqCma1/4XN4J0yRiIG/s/wvJJG+3nKuQwK8Yz0rlbr9
ubxRfTxqvjrwLq0kkq3UMV5oJghvDH8gaZ2A2GIx+YgHJJ69BWcamIqP4V97X6Hrf2xTgubm
j+D+9dzwnTfF1no0O1dNhm+0QGBi1ux285zyvJ6UWnj5YJPMXS4W2u04zExCluPT/wCtXrU/
/BRDx9YxSTWfjrw3qFvb7opZ5dEjjms5JGOLmJduXb+HIyAOqd6xdQ/4KB/EyCwkkj+JGmzX
lwu14YrKAImzhhuMeMvwcjg84raMcQ9opfN/5B/rFTS3jZeSOV0jX9UudFjhj8GtqEMMy2Ik
+ySf61yWEZIH3z6da9I0PxrC9pcapcfs73OvW9uy3D3S/aUtoRbHycEohAXMZDAnkg5zXI3v
7bnxIk1Bmsfipb3VxCxm2yWsUW5zGAyqChUqBx6ZyRzzWCn7Z/j5fD8Nn/wsTVvs8lu1hcRB
VxJDLKZCdxX7wJ+994DgHHFbRo17e8lf1b/Q8/FcSUq65IS230S9dT6I8H+MrzVH1Cx/4Y90
fUFutYSKU3l3OiRXcv3FLOmEj5GcEIMjpkV139paxbeH21CP9i3wPZ6ezwov2vUEErST3At4
0KMgbd5rDII+VeTgYNfKGp/tXeKNT1i6hm+Jni66S41USy/Zrkwq8i8eepUYEYH8AAHfFYl7
+0Fqksqx6fr3xGbS/MkMW/xEVLMzZkbaFwCW5P51UqddpXSt6P8AO6Pna3sJz53Nq/n/AJH2
5pNp8ZhZfZfC/wCzN8K/CflzSx20k1xaOttcI3zSgO4yDj5T36g4rh/iZ4T/AGlNRnaDxd4+
8N/DebVEmnS3i1mGzW6KIWkObctj5Rk84r5Bm8fXXiGCa3hj8VajI03mvFLq32hH/vMyKoOf
9rPFUdTe803TPObwzY29vIM+ZcXLPIcfVxj8qmnharld2+5v82zqo4qhSdpS5la2zv8Aebvx
08CR+A/G9vGbwzXx

y60aOHVbXH3ojbyhpGH/AGzMnXjrX5t/B/TLe2/aV+IkPh/T7jT5tP06RLaxvHZ1kgWHBtCz
ZxubDKT2FfrR8QfDkfj/AMEa5oNxJ5cOtWFxYM2MhRNGUzj2zmviOKMV7OvTbvvd/hfQ9bJs
GsPpH7LTv6M/N/4e/Ei4vPAmk6paxzLeaCnkD5uUktdjg5HQBcYAr9MvDfia18SaPa6tZ/vL
XULaK7gcfxJIgcfoRX5k/Djw42hWPibQ7yNVk02/LSIQRht0lvJx6ZhXn396+xP2efjBY+Ev
2XdPvtYmuGXwvFNY3JjhM0ixQSBYyFHJCwvESewBJ4Ga/IuPMp+uUk6UW5KVklrdNJ/gz7bN
KbqQhV36ffZntl5ItzIzbm6d6oylnb7PZxyXFwwyqrxknpk9qy9M1OPWrW31K3vLO60u6USw
XFvMJI7mM9GVgcY7HJyMV0mm6rb2a7beONd2FZh95xnpmvwuthamBqWmtV07PzPPleEP3ev5
fMzfhj+zlp+meMbjxR4iuF1TXprmSW1GN1rp8bHaoiVhzIUVAznrtGOma9W1K7W1vVuFj77X
4rlbPxJu2/Nt45q14u+IVraeH5I2ZfMZSdxPI4rjx2MxeNkuZuT2S2SXZLZJHztbC4mtXXNe
TenovLyNbXNWhhg87d5a9enWvF/iX4/jnlkjjbvgY71zfiT4+NDJcae0jSTQjI+b7y9q8/vv
E/8AaU7SSSd+mc49a7sr4fqU3z1l6H6Jw7wrUpP2tZeh0U2rSSM25qhF1uLfN97oaxIdSFwM
qR68d6uxEFs/Myjr7/Wve+rqC2PuJYdQVj1r4Q6g1rotxC3+rkJcegOK9SF0tj8PNLb/AJaN
bJt9wABXkfwwG7wnq23LSW6/J0yQVP8AWvUr0rb+DbFZpPlsbSNTk9MIAf5V8nmFNOr/ANvL
56H47nlNPHKy+1r9y/zPHfiLeNZ21wsP7u6uvvvn5iPTPXFWvgN4Iazs1vrrbb7ZmkklfAIR
eScn2z1rFjE3jzxfJJ8qxrJhEz/AD/Wu88Q6RcP4Ms/C9n5n2zxRdxabJ5Qy9vaOc3EgHtEr
8++a+iw8mlGg2le3M+y6v5I7s2xX1bCKlHeWr8lY2vhlrl1qlrr3xC1b/R7XVoo4NJgkXDWt
hEXKSN/tSlt5AyMBcHFfK/7Q3je81/XWuPO+x2sm+eCDftd4ySDJj0J6Efyr6U+OHiW18IaV
Z+G7O3W30uzt1jEajCwxRgKi575AwBnPFfmv+1r8RNU1T4o6p5M1ws1n+6jjDhY1i2KyJhD6
NxzxnpnNfpHC+TrGYlyVrW93ySslp38zThXL3Tg8RJfFt5JbHM/EL482vhLUpF0dmaXLeZNw
FVs87fRh97B4Oa8O8dfGS68T6FqlnqF5/wAhAqzIvLth1c/7p4BOePSuY8d+IbjUNRbdJJ+8
++pOSDnvz7cmsGCws1i868vli3HATG5z+HpwQfTjrX9FZPkVDDU4yavLTXd3R1ZxmnM3S0Xq
dFp0cPi3wlNHqkm5tPKrb3AP7yJW4wfVQQOOvWuZ1nTtS+Huuwx3kbKrYmtrlDvhuF7MjdGH
Y+hBBwQRXbaX4w8P+FfD01tpcNxfahfJtkmulASHpgKvIYjnk9O2ateG/iCtzpsek61odrrG
msu0xElHUZPKN/Cee1e9TxE4t3i3FvZ6P1SPFrYX2kFVpPlkvK6fk+1zlx4tm8RTtNJN5jNz
gHCqPYe3b0p0cTXGpxwqrSNIwXCjczEnHA6k+3erHjD4TSeEkh1zw3cXGseGbwn940eJ7FgT
mKZR3Awd/CntivpL/glj8GY/iJ8c5PGWpQ2tx4f8A232y5WYLIr3UiyJbLtxyQytJkdDCD1I
BxzCpDD0ZVr3jFN22d+i9bnZgcdOdPknFxlF2a79rd7n09+yp+zza/spfDpda8QNCvizULcO
0WQY9FjkA+Rc/wDLd1wZJOgChB8o5+Uf2u/iXoPinxrq0eh2cdxNM4+06lLK8klw4xwmTgKu
NoK9fccn6M/bH8X6t4n8Fa1q14zWtnGN8NkJMSMjSKm+T2y449QPevg/VJGvLnzPevh8p/2m
vLFTbbelk9Fs0vkfpWV5WqWG9o3ect7dPL5GPvmWLazdfxrrPBGi+fGs0m1YY8EszfcyRg88
Nlu3audFuzzfdJVTk+/0r1L4S2sl54l0myjW3a41C8htLRWQPsnmZUyEIIB+YYAByea+gxFR
8lo7nPmlOUKLktbaan0V+yV8GdF+JGt+GdD1qzkhs9QvJNSguUuNlxqEtvExKBc7ltkjlctx
lpHiXgBiPvTxbqsPgn4cw2OntHZ2djDHawIp+WGNAERR/uqAOa8F/Z5g0uPx7q3iJtzW/hmA
eH9GujIjQyuFD3sqBSQxz5KFwR/EMDkDW/aB+JC6T8M7iGSbzri3UT70bjyw6tnPqV6DvX4z
xYquJxKowbajZWe1222196Ph8vymeNxUXJXvJf8AB+4wf2lfjbH4P8HW9w0i3HlrGhG4bpHx
zgHGTxnHpkdq+AfH3jZvF8WsXG3yft17c3uwY48wghfwxXpn7TPi9tduty3zTWigeVEkmY1+
Xr6E9ec14PJqHmWsir64+lfV8J5OsJh7fabu3+h+3YfJ6WXYP2f2pRfrqZ/wr+Idx4YTxlpM
Nu1x/wAJXpJ0wqD8w/fRy/l8h7d6+xv+Cenh/Uvh98GfD9xq15psmi6x4f1vQHj/AHSXGlXt
zduttG5Z90nmmFyiouVy5xhia+KdL8M3Fj400+Zm8uGS9htjIFLY37Wzgf7LZx1zX6DfD9PD
v7Omlal4m8UaTN/wiGl3cPiBElst5vpLrSPKto7ZGXZLL58s3JyE8hixGBX6DjMQ4QjCC1lZ
+rWiR/M/GVOMK+vxXfz1Pn39m/wpbap+2x488AyW9rJpPiCaRr+GUbUS12s8jqR0kQyK6kD5
XQMOVAr6U8OjxD4Qmk8GeGdcs9D1RbmfQr/xBc6Ml1JfNZtbx295EkjhI5GsbxVkOCWEchB6
NXi/7Svw7tfhX4ib4uaXHwaTwbx5PJ8HXc7VNU9fQ8XHgnUF0aH
V7rRZLzUNY8ReHrrR7+K9KpbTRXNrbfYp4w2A5jlldN2QyO5zlK9J8Y+G4rL4r+Jm1j4nCbw
/wCB5JtbvdPa1t44dCdonFmgXAa6eOSSHMYYj7ocgttPHfHzXdW8EfERdN0f+1tesfA+qaO+
qQQ2Mfn+ItXsdn+jNj9mm5+zfDn+xYVh1u68Jr9h1+31TyLhmntrq4LRsEQOsUMiqYXfA
KOMBSGFdAdQ08+LdBsbHVJry1kuLjVtOtnDtJZPDbXIkR5gcSOC5C4yQqqT97Jw7TwpbarqP
gf4nW6yaTqHiDS5G8Safb7BbataLb3M8glBGGfKI2dpYHkFcA1qeO761u9f02402NvtmoeMY
bhSU8zdFdecZFBBICsJQD0Az0r4fMsZCtiI+wfvWadtNFt8z

F1Fuz3f9gu48P6T8QvF2ueJtDsfEVr4V8KXur2lneIZLU3cckCxGRBw65cjaePm9cV73pen6
x430bw78cvitMvxC8beLLz7N4G8HRkNZqkQw0sqD5EgTg7B9WyS2355/YqlmmtPi4tqqtM3w
91ADgfKBcWhYjPQ7Qea9O+E3jPS/hT+yH8N/E2tW66pZ2viXWNJl0tAUa9tbqCJZpQ/O2WPa
CpA5yB2zXLjIveK1ul6rtfodGDjCppUfu6va6vpa5m/ts6H48+M2lD4ka94i8M+IdNt786Mm
m6G8gsfDblRtEasANjbP9YMqW7nivA57yHTdQsY7q33vbvG87FeuzI2j1HOTivrD45ftYeDd
Q+HF5a+GbzVvFWual4ci8IvLc6Q2n2vhvSFYERsrMxmvH2Z3qQpySAMYr5hbT1huv7SstSmu
tN0y4kMTsP3i5Ax9arB86hyySio7KyWh0VqNJTvRfNe123fb1K51W4t764jMMbahN8yk8rtJ
yMn6HpUKazJGtq00KxXVnOsowP8AWITgn3OahtU8i6jupJtsVw+7ry7E559OtWLC+j0vWmkk
3Tx2P7+FQ3Y8EVtb7T3Noyd9WSahazSa3rEfyGS5VpCN+VCrzkn39Kq+HLeVr68aGSPcqqT9
lwAfYUf2J/xL7y4W9ks7cuoiQktvz97NSt9njht9P0//AEeZyryXOeJPYGjlu7GEt3dd/n6H
rc+oLJ/wTw0+0k8tf+K7Plb1PmMvkZO4gepqHR5m1L/gnLrSzRRwrbeNIArjgkMg3Z+lSa3q
zS/8E7fDdraszNo/iuefUI+mxiD5efwI/OptJuFm/YB8cLJGscMni+ycfNlgWUb8VzxlZW68
39fgcOIi5O+2hV/bFSOL4g+FUknZbWTwvbC1YH7vHDH0BPeub+B+it4j1e3UzRr9nsJl/wBY
Ez++Tv3rrv2wCtp8WNH+wqt1ar4MsI9p6tEQAQPQ1w3wydZ/EluyKu2PTpI1UTfcAlTAz3ru
weI9lNT7L8xVozeHb6X/AMjIstbmsfE6tZx/Z7rS4g1sICXV0H3UbPb19ajv/C2jatLqTQyN
/oumf2hKbRCV+0swHlEnpGC3GKp6V5mna4ZtQmVZLqPDbfuxgdScegrovg0dQtPiJpNvbXEL
R61qtpYOjRjzJV89GUbccgkD61jUqON5R33OynRp1VGMtr+tk9ranLpo3kWIht5mVmg8xRPZ
ys27+IRnB4X1ptvbQpDGsMcLNMoWW4m82NrZum5QOWH0ya/Tr4Q/Hv4ra/rGuXC+LP2fbHR9
L16+0bTX8YQi1kTyyqtFA2BlSCMjJJ7k8V7R4Y+BPxA8TeXqWtfB/wCCvjy6tQZ4k0DUobPL
9VI3g4DdeteXiMynS+wpPyev5WOPGU40ZSTmopbW6/Js/GOx1CPwxfNPHdae32NCbXy4Lt45
2IwyHcOAe9aGnXd1e6fa/wDEn/tizmmJjNrcNbxCY8lArYbK9Mnj5q/bSH4e+JtQuo4NQ/Yx
s9Q480mLxZaCHd6FtuKq67+ylZ+NL9db1f8AYRtZL5mVD5fjKIAqowpKrhf09Otc8c4Uo2qU
7ed7/lY+XxGZOD5Yzf3pfm9/kfjbaXMKyNu8A3kLYERgivhMrlm4Xa+eMjPTrmugi+I+g6Gb
q11D4Tqt1n/R43li2GUIVAfpgZ5wK/Vi0/YY0ee++1R/sH2/nKhdEk+IKopIOcHJx+dGn/sv
3HhbUJL6H9gPwzJJcTBlFx42tbjYQe6uCAPwxXRTzSElpDRd9NfW+xz/ANoNv3ZSv6r/ADPy
dh8YXWi6Ut5efCfR4Y1Ch7iKQhjIOcjJIAwegrL1P4s3Nukk03gHwhptjqDAvFcMdtwEO5VX
B+XBJJxjOea/WCX9mLxAdfuNUj/YN8GyLJIXeJvHNose4/3UPyqPYAD2rO8QfBLxFo1/cXi/
sD+AVa7UJtbxdYTIAPRcYU+4Az3qqeZJu8oL77HdLEVZxSjKV/VP8E73PyUu/jXrl1a7m03w
itxayFrKdI41eyyfuqvR1A4+YGpp/jH4uhgjtxqnhNYVlEq28NlAIx6DcEzgemc1+pGoeGPE
Gnxssn7CPw4tV7Z12w6/9803w/4K8XXU6/Z/2I/hX5jcDzNXsCvPTg1v/akbaQX3oqOHxLXN
zyt5/wDDn5Qt401zVDPI2qaPazPKP3sVniWM5zhCq8qe+auHxRqyXH2yHXrP7crh41i0+T5C
BjaMrtwR9a/ZHwz8GPiYL1JLf9j34J2ascyK+pWJ59eMAGvWfDnwu+MM72McP7PP7Pul2ykE
xvPAzpjpjb0P0BrCpm09o0/uaZx1sQ6D96bffW33an4X6f4h8car9ls45rzVrW1HCR6WqF0P
VMhc7c9+takfwq1q/vpr7+x/Fs2n+U/2pRpr7rK5O7ZDvC4KHj0OK/eiy+HX7SGqJdXE3g39
nfw2q/JEbr7RM4QdGLISMfXn2qvqtn+0loGjQyXHxU/Zp8O6bG/n3TRQS4Cj1LDBHqeD71yx
zTETbUocqt1f+SM48QRpuKWrv1bf5Jn4a+GP2ZviBdabDqEfw5+Jkf2xysk2madKsTwdSqZQ
nk8kk4rQtv2Q/F2h+H9Y8Wat4F8WWPh/QbYXMlzrCGFZsvgK6kAnP+z06mv04+MHxW1bR7zU
tU8SftwfDfSV3lptN8LaRa6g0S9BHGQTJnP+ySK+QvF3xG+Ik/wr+OGl+KPG2veMAf7qI
aipsUOnyzKfPRGBWOTaVG3GTk/eNVRx1eSWijqu97Oy0urXPuMlrPF/vEnZK+rsvkmk2fKUf
ia40+21C1uLHT7N7jQ2hiRyVAWRgQw/2gpJH0rh7yazeG1jaNbdtJjMTTng3LucqcegGa2pp
21G5mXcupXC4giJOSIlQ7TnGOOATTfBkei6V4HvtU1RLXVDDILeeymlKTQs2dpVe6jB5Fe9h
Y6NrvczziSc462dr/cYtwkd5aXF9I1r9p24WOLIUDIAYHux54r7Q8Auupft6WbMt5Jb3Xw8X
95KMPagWBOW/FcfVq+P9H8T2/hSbT5tPsbe4kt9Sgvkdxvjcq2REfUHuK+0tHvmn/wCCoWrX
GoTSLDfeDZruW3gG8BWsSTEgHYckfSs60Zc9raWb3810OONRRgm3fVfe13PAf+CfGnWOsfti
eBbbezaZppPtb3LyDCwOsMrZT1AAB/GuH8TaxNJ8Q/El1fbtchk1WePcZCunztk/OzdjjBWuu
/YHS70X9qf4f3kNr+41KW+ig3HakkZikVgT6jnPtiuJ8W6UNL1jxJbzXHl6XZ6rIfItCZLWd
icYVxx8oH8qzjFe1ckui/B6nVRqTqU1ba7222RX8KxW93a6k1jC1ncW8RO0tuRzzgA+tZ11r
t7N4ahs1kVbe3cGRQCHdyeQ/tVpLSaTT1ht5mkht2Jtjajc5OeN/tmkbwxq+vWt1cGOGx+zA
tcPM4jMzdyAeufatDq5Zcqsn8ijqM1rbHy2tfJWRt8ToSZLdh1O30PH5Vval4n1TUbKzvbyS
3vljTyvs626iNVx9/d3NZKxWWmWHl3DXH2y7ZVnEiEFEB4deOQadfRx6Zqd5b2sz7dimJQpO
/udgquYPZ8qbutel/wAynFrNxtnurjUrqbcfLSHBVJ16EEdhXVfs++HV1H4zeE4/Ma3vL7W0
tYti8wjcoEijuQT39K5mx02OBZNQmVo41k/dWpJV5PUBe9dP8LBNdfHPwjeWata3FxqkZti/
yiHbIOT9Dz9KmSvFryf5E4eLUTPWeUata3FxqkZtiyiHbIOT9Dz9KmSvFryf5E4eLUTPWeUa
tYti8wjcoEijuQT39K5mx02OBZNQmVo41k/dWpJV5PUBe9dP8LBNdfHPwjeWata3FxqkZtiyiHbIOT9Dz9KmSvFryf5E4eLUTPWeUa
7bwrbx+KLJY8Jn5LqeI3YbPT/WrjAPIbjIrYi/atX9nv4X+JNLm8N/20utWEv2O5R41NncyR
CKRZt/SFlVCAmSTEcjBBHhfhH4g3Wj/FxfG0evSeNPE1rK7wXt6GaCaQxvGkjjAbCq2VUDA2
BeB0d4r8ct4vntf7Y0mxmZLlGurO1lkhtbxVYFo85LICoC5GcV859RpxnBTXMopJ6tNtdd0+
259LUqKrTVNq608tj7K/Y98QSaf8BNPtbyTy/stwgghOcxCWytriRRkkj95NIfQFsAKABXr2
n+MIwWaTpXxb8Iv2sJrjxHeabqmh29v9o1C81KG5iuz5KG6lMjLIdoZ9sYjjQqD8sa8DBr0S
7/aWjuZPLt/3zZCl0XaoJ6YH8hnNfkvGHCsq2LlUjDSTvdNW166frqfQ5TkftqVna78z6C8Q
/FJdLhZlf7o6Zryvxj8d77WG8uN2jjZipfdk49v5Y6151rnj28u2Vnl3eZ94Z6D29PXntxWJ

Hqskdx5jOpDZ9OD378DpjFeHlvC9OiueaTZ9hgeHcNRXNJJvua3ivXZrfUEulfcyja5J4Psa
2IPFUQtI5EZ2aQBsFuTjof0PHtXA65q+ZQrZKseSD29j6dOfr1rLj8STWdw0Ug+UNvXBwobp
+Oeo9K+gjlaqU0ux6VaPJp0PWtJ8TYPD/dGSemP8Bj07iuu0fWvtMce30Bx6DGcj27V4jD4j
CnJ2qefxP/6wOa7Twf4rWSFAw27nOc+v+17j+tePmGV2jzJHl4h3PpLwHqy6Z4N1KZv9XDsD
e+WAx+tekeNJWHhKS3ZvLXy9hIPbAzXi/hfUVf4NattZtzX0EXP3sGWH/E16Z8UdU+z6aq7m
VZvftivznMsDarGXXmf4Jf5n5XjqMqmOSt9p/gkcf8G7Jr7x1M21lhjHX8a9M8MxRyeOtU1i
Tay6PGtnabv4ZGUPK31wVGfrXH/CeOHRtC1TVGX5VYov/AeT+px+FWrzWG0jwp9njWT7VqEr
3ExHVd3TP4ACpqScqrS7Jflf8DhzCnLEVvZrbSP6v/I4v42eJF1bxHdNGysrMWkbOQx6c/hi
vz//AGp9bjX4g33k3E11JfSZiiDmTykxyqqcgAn5sLjkmvsb4p69pvhnS5JtUuvLhVdxiQ5k
f0VfryPaq/7MP7EGl/EHxdH401zwzcaTpO1JrezvpjcTXrMpIbkgxIvBx/ESOwGf1zhDMKeX
0Hia1+VKy21fRK7v22R7ksdSy7C8suisvNniP7Gf/BJ7Wv2i9BtfFGvLH4X8NyCVoDMjHUtR
OFxKqkYjhJY4bkt5Z4AYNX0p45/4JlfAv4d/CrVNLtWs/wDhItYjXTpdVeNbi8t/tEywO0RZ
sLJtdwD+fANe+ePfHX/CKaVeXHnSaf4X00GOZ4AFuNSkXjy4z0ihX7pbjJDcgDdX5k/tf/8A
BQPTdX1xfD9v4Bj8N+KtD1czTva3630NwEy8GZY2B8wOy7tpOMEdCVH6hkubYrM6inh5SjFW
bSa0163ep+ayqVMXWdSs3GLbtZL7m3r9xw/7c3/BKib9nTwY3izwP4muvGGk6eEbWYLiBIbz
TRK5WJwEysi8YYA7l4JAU5Hx/b6nJPAsayMZG4AB5+mK+wv2Vvjnr3ijxfqFrfXklnoOpeJb
e3h04Ntt7gys8bBGYlpAgYMUGQmQQADx8l/FiaHTPjT4ojsfLW3tdWukt/KA2KqzMF2jpjAF
fqWWuraVKu1KUUmpWte/RpaaHpU8TDD2hTm5KXR3uj0L4bareeCtLuLHUNunyTI8zxXSDcYw
OS0Z5IwGGCBniv0G/ZU+GUnwG/ZTt7680+x03WviJd/27NDbxqjQWkgJtYjj+ERkuF42+awx
nNfnX+yx4Vt/ir8f/BPh3VluL6HxB4g0+0vmMhMklu86LIu7qPkzz2H0r9YP2qfFFusWoXjN
Hb6fpaGCFV+7GqcfIOmQAAF6E4FfL8WYqdOEaMPtO780rJL5tn1HD8XicXGLWkVd9XfSyPjP
9tj433l7b/8ACL27LHG2Jr5VHzSbcNGC3XHfHrtr5j8/zH/H867T43eKl8a+PtQ1JVaOOYqE
V2DMFVFUbiONxC5OOhOK4uNvN/i/+vRleFhQw8YxVna79Xufr2kfdjou3puWLeFiPM5+Xn6d
Of1r3D9jfV7Pwf4w1rxpqzR/8U7pMzWO7BVZ3jcDA3Z3bQ4GOee3FeKLPGsSqPl7N/n6frX0
/wDsvfB6P4t+M9PsVhjXwn4LuLTUtaaVVkj1O5I3wwhWB+XCYdegUtnBINaY6sqFN1JOySu3
2Wmi82eXnXJ7HlT1f5n0V4Rtrj4V/s1+GfDd95kOpaTZo9ysh+eKa6kE0ytg53K0hBPqtec/
GLx/HD4V1bTZPMWSGzNrukHynaNmRnn5iDg9M8+1d98XdXbULnUG+b95cMxK/wC8T/h+VfPf
xo8Q/wBoalJGsiq1wpEgHct/ET2z9Ox9a/L8HGOKxTqJauTb9W7n1HBfD8WoSku7fk9H+Z47
4qu9+k7WbdIw6k1wq3Sm1uI2ZlkzlT24zkH9K6zxAc2snX5cjP0/z1rhdWnX7NHHHuWbzpC5
7bTt24P/AH1X6VldC8LLuehxdinTkkuzR1nj/SofDuu+D7pbhljvtM07VJwxxsdWMR2gcgbI
wcgE5r6M/aq8cLrX7J3w/W8vo4YdQ1iwgVUc7TDFbkM443EBJIyc9z3r5Z+JesSeKPA3hm6m
ZhcabZfYGUD5WhRiEwc+x/Hmvbvh/o9j+0X8I/CvhvULWPUpvD/hfUxpck10YgmrXV2kcAJH
BZVjjVUY4ywHavUxFODlCrN2UW0/LTT8UfzDxdTvP2srndf8FJmXxL498O2NrqVxpeh6hpqQ
AwMFWWSFpYijbQNw23BBXoQfzd+yZ4fvtO+G2qWurXFxDH4f1WH7LNEzf6RmPchPzAMyjCg4
4DNjAJFcP+11PqXjnTryS6hjt7zQwixiPd9/bH9oJJ67nU47EAY7k9Z8B/Hq6F4N0yG4kWON
tPs55JMYUSCPkH05Y89cGvDzSUq2E5KXva2sld3ve6t3W5+d46pQp0vfaSd229ku7Z9QXvje
Z/h/oek2MmntqmpW15FP9rLK1mrQeRLbwIp2vNskZvmwFVScEg7fNfF0uoW3iizmj0+61zxV
p8EcfhzTBv8As9lJGiBZ5gp5+ZRt7Ejnoar+Ah4uvvil4b1BfC+qX0jahBd6e0s0cMW25WVf
MfcxYKUhmYjbnbH2yBXrV34ot/gT4X/tLxBG1vr2oXjWl9cx7bmWNn8xlRSu7AVEBOOPmr8/
rc+FqxklzSt8Ket7+Tva255OFo4dx5aTUubZrs+ptJbaL+yx8MNHuNYWTWNb01pZVunhEup6
3rd4A11JGQAGO9vK38kRoFDHJzi2t940+IVxovhPxZq1vC2uCX7dp+mxpGLXyoFlmhmZQoLK
swyBkA7lJJBFcP4a1Sx8RfEm61qOTUJrfRbFJLUXxAlt5HY+YcZO3Dl2HdQfpVf4n/FG80fx
Ho8fhe3jhul0+/hubqRwsenJKiiSYk5HyojkZOMgZJHFe5hc0xGKxMKfKk7XdlZKyuk1/Vzl
lkKpRkuZy5rttu9vR9Eib9sz47Q2PgjUPCvgW3uNPhtVs7O616zmh+z6SJ7jyhG+4hlVlyCw
YEAg4wDjxP8AYR+B3xK8e+G9uK8e+G9ea4sdNX4YyXbXF5pmoRRy3mtvDE0M62cgyckhR5i45KAMATX
pnwH+CGn/AAz0+4ubm4/tTxBqCeVqOsSfLHEvXyYQ3Ll2Ll3aS3bu2+rb7s1Uk/i6Vbjl8w/N69z0qOKBWTJG3HB
Poamt4l+YV8vUaP1rAxlsiWI4Hpt60jzsFPzfh6019qtjd3/ACq9Y29rqGm3CtJ5N9CPMhLc
LcKPvqSThWA+Yf3sEdSAeXl6s9KVZxVkURcMwqaOZpB97gelQrB/s/N/EPSrCL5Kr8o6ZOe/
f/62aJRVjSnUlfUmUtkbmUhc7ecZqO6lbLZ/HjGPr/8AWqOeYkcfQ8dPr6/WqrSZP9PT/Gpj
T6lVsRpyo90/Yiuvs8vxTbzJIVb4fakuUHJ3S2y4/WtjUG2fsH+Flm+0SW8njO68xTkIB5EP
Cn355HfNY/7Etv50nxS+Vty/D/USMDoRNben411Xim5huf8Agnl8P7OPy/O/4/4Su5ILNjHC5z
7fMK5cRL30vNHqZepOhdef5roeWz+IJtY0O1jurxvsVtcvJbRxjcYedoBY8uMY+Y8im6asen
aH9ouJpJoVufJe22YjZcnLZ7nvVPxJpUmm6vdQqsbxWrL+9jyyOG5LD8+1SXcdkPELRwyRzW
4KuV3fK5wQcfpWnKm7ONDdjkjfr5liRNLu7K8DNNDDZ4ez2jcLv2kP8ADxjpRdrNpdhdXX2X
d9sQb4woKIPY9cVnx6W2peXl6sd+AgnlBNjHC5z7fMK5cRL30vNHqZepOhdef5roeWz+IJtY0O1jurxvsVtcvJbRxjcYedoBY8uMY+Y8im6asen
TKNnY0jUvFyf9f8ADFhGW+0eG31tCT+6o7EVU0nTZkaZrpmjWxYARp99yP
QelPv7zzL6aZRjYR1C9t+elW9D1SbOkNGC3XHfHrtr5j8/wC/EjelHM1ldXim5huf8Agnl8P7OPy/O/4/4Su5ILNjHC5z
cW9z+wpY2+nzL5zeKidQQggk+UfLBPqxW9Y2uD5SbVfGX2XkpLHMiudRzqTeNGC3XHfHrtr5j8/
rPiudLn5kfVzLGlHM1ldXim5huf8Agnl8P7OPy/O/4/4Su5ILNjHC5z7fMK5cRL30vNHqZepOhdef5roeWz+IJtY0O1jurxvsVtcvJbRxjcYedoBY8uMY+Y8im6asen
rPiudLn5kfVzLGlHM1ldXim5huf8Agnl8P7OPy/O/4/4Su5ILNjHC5z7fMK5cRL30vNHqZepOhdef5roeWz+IJtY0O1jurxvsVtcvJbRxjcYedoBY8uMY+Y8im6asen

r9cf0rHVJdNVvu7s48VJX73XTY0f2zdSWy+Mfhy48mEMvgvT3kiHCOdvP+fauN+B1lGfFa+Y
ynzdPllVS3yoDMnArr/25NMWy8e+C5PJkmW48EWLNgHLDpn8q4v4SX7ad4tt5POmjj/slkDR
g4J81Dj8K006dkVKT+rNJaX/AMjh7K4kXXWmkt42uLqBEht/4WLcFSP1rpPhDG2j/HLwmtw3
mSab4n0+MODn5fOU7c+22uV0zUd19+8tbj+0mkaWSTdwuf7g7YFdR8NR9j+K2gxbmkz4k0+Z
ueWO/Jx+daPRP0Kw8XKKku5738Sfh3pfxH+HXhjR9S3afJrXxg1LS5bzBaS3glaISYHfnafq
or33wj/wTg/Zrtbi6tf+GrpND1K1v0sby2uJkt2jdWx5YGVz6bvug/SvGbSRfFkHgnT5YZla
4+ONwWKsVZQzRfKp7Ve8TeD/AALpX7bfxy8WeMPDel+ItH8N31pBaafM7Rw/a7grHHJIVdR5
QbLSbs5ry68bK6bikm7JJ3batuc+aYOWIX7u3NdK+iskru90z6e0f9gqx0uwvtB0X9uLWLO8
t3We3SLXXFjBbZG0viYZf6ED2rptH/4J2/F6/tPtGk/8FALia3YYif8At2co4+v2kj/9VfH/
AO2l+zj8Mf2Pv20vhjfalod5/wAKz8WW6alrOiQ3D3H2VzxJHCy/MYgzIyrknGfYVi+Mf2Ab
PxF4t1TxReahovwZ+HuuavJL4e0/xFfNHq09mSoB8stmJR1w/I3emCao00oc8mmpJtXSb03V
l1Pk8Rks6z5E2pJq+1r7322PtTxX/wAEzP2kp7NYYf24LO6tbghj5uv3MbkjpjEuT+Brg9V/
4JqftDb5I7j9s7S5t3Xd4pvCx+v7yvmbxl+xH8N/Dvw21bxDo/xCt9etdJ1uPTrm9tpGu7TT
4nUGOWUI2WWRzs3ghVOeuK888TfshXH/AAjOoax4Xm8O+M20G4VLuPRL+W/aeJl3iRYlbcqr
jaSTyeaqjKE1pZK9tUlrobYfhvEQ1lJSt2etv1PrjVv+CaHxUXTHs9a/a60drWSYl4n8QXTR
u3ckGbBNZtr/AME+dc0zU2s/+GwtBsmhjBiKa3MGZj1XHn8CvjvXP2fY9M/Zj8N/EyPWtN1a
bxFrE+lT+GreRlutMcFvL6OzNkJkggHDp65rqPE37Mmk/BK80XR/HU01neeJrMXEGpS2sq6b
ZM65SMv5i/Op5c8jDDjjJzlh5N3Ulu9El0PosHlakuXVbat2189GfRXir9hrTbRVj1b9tLRZ
rheNv22V8evW4rm2/YZ8EzS/6T+2B4Zby+VJmkb8v3/Wvnvxd8D9JX4J694i0u3uGk0W7hij
v2WU6frETN5UrwMW52SAt/u4rW8dfsLeIvA3jTRdB0/+yfFV5rGkf2t9osJHWwtLVz+6upZm
O0L1yh4GBgnIqeSNvely6tbJLTr10Oypl8oPks5Oyd73Vntpbc+mPCn/AATY+D/jKzVv+GtN
BkmztkMlwqqX9MNNkfma76w/4JR/s86ND9o1j9rzT4/s4DyNbahAhIPHGZSev1r5B0/9lf4V
6HrsNn4m+JFxrmqMy2kem+GNEmnju7pgMJDcZ2Pt3jjgn2r1Lxx/wTL+E9jLY6HpPxo8N6X4
yjshNc6d4iQ25eR2JAYb8xSKpAMZBORk8GsYygpqHM3e+ttLLd3VtDxcZkNWSumlHonZu+js
7p2fY+lJP+CQH7Kuk6dD/an7VEir5Jnn267ZqbhTzkLk4H5mud1L9jP/AIJ4/D7TWj1b4+X3
iK4tTvZLbU3laUf3SIoyufYYPrXzX4b+Dlx/wTe+E9jLY6HpPxo8N6X4yjshNc6d4iQ25eR2
TOy/JMwZtu5g2PnAGOVyQc9d8G/hp4D0j/gnrcfFiPwz4T1LWrPX3i163ux9oa0We6EItYIC
cqFhcMNzEg4POaK3upPmcotpJxdtet9Xax4dPh2dSovaS5WnqrJW7apIyf2sfhz+yyfhH4k1
L4Gw61qWoeH3s0n1G6eeSHZNKBlfM438MMgZqP8AazP2e8+Lk2ntMlnD4c8OWbKzElA5gZQT
9FP5muRm8IWXwY+CP7ShvS7r7VZ2Oo6NFHuTcghe43oA/8Az0XdtYe1bH7Q+qXE3hz41SSN
mS6tPCySDsFESYx6fdqZUZQ5bttXVm3d2bW5+pZHRVOm6cUvdTvbS77+bR80XeqR2Wh6ktnY
H7YyxxRzpklVI+YAD/PFYXiBbXS9M0WefTcTSQt5+TxcE/xN7j0rXuX8mz1izWaYNCu6Bt/z
bup3HvWBZ63Inhu4hWQSr5qh2kG88j5tvpX0WBtZo8XOre0S628u+o3xSk1vHGsdvHa2cxUx
oowQ3HNfZFlbfY/+CkupwwySf6P4IYIQxz/yDuefxNfGsF7uspvtTSXFnbuPKBbbIGyMc44F
faXhW1urb/gpTcedEqtN4FkdFVt5dG00457n/CpraSfo/wBD5+E/I163/4JxQ27/tS+
E5rzzGjhttRe0ErnymlEUnIHYfMc/SvNdb0SRNS166a4t5NJs7+QmKCXdGXc4G1e4GBz9K7b
9gjVzp37VPgXzFWaO3F9D5LISAGilDH3yG/MV5rr8EOnalrlxY+YtrDfyQLGzHOwk7c/Ss4x
vUer2X5npYOso0EmtU318l0IbjWo7eBf7NZ4AoIk8slWY+9aGpteeMP7N8u4a4WGBElAbJiI
9RWSmj/aUhhhG77YQsNwp2rxw+7171pJfQ2t59lj2tpPEH2iBNsj443FsdzVKmehTxErcr2f
YvLr914hRZNS+zz2vh3d5cYIMhB4AJ6lRiqtt4tuL0yNb6YslwpHkyjrEuO5+lU54bfSDdQy
StcLcRiKGaJiEkA/vY644z9Kc+hSaILWOTUkkhufmjSA4K7vU+go5dbMrmqN6fN6aepavrv7
b4dtby8/eeZM4iAblRnt9K1vg3cWth8T/BMm03W693SI8mMFn2gZ9uvvUOh3dj4F8UWI0u3X
VtQsW81JJmEtqXI7p3Wu2+BfjGTxH8b/AATp+uW+j3Wk3XiQ3l1HYw+XcRk4DqGHRAOQo9Km
t7sZej/IdOSbTlvdLTXW69D1bQFurrxN+0J+7EarpsJZPM4GOB9eK+6P27lhk/Z51Czmjkvr
jVLyOG1mkJK2kxinxKo/vbN6+wbPYV8O/D6303/D6303xv8V/4K9Lh/wbfjF4+0jVtG8Ja
D617V8bfjF4i+Jui2sN9fedDby+bFFDHsj34IDADq20kc9Mn1r894ljU54VItJRd3rrqlb8V
qfS5X7NqWvbR+TPGNJ8JN4M0ySW6uFaTH3M9uv8APtXOatr3my+YysnOQfu4GT+WD1z1Bre8
RSSudzSfJnhe319z7jvXH62m2V/mZtp5zhsYHIPrwOvrXiJFSbbZG0xuPOFbuc+meoOKsaf42
GCe31FeD/Y9tFn22nKdlJ4wECybmUmT7qk5D9wv5EjmsuXxE17G0+4b1bHJ6jpz6ce9nca
9Cksm/5eT8uPT8R+tbRyORnJ9PelsNRWcttVW3MRgDsPT8R+tbRyVHf2viNtQkj2r6YB7
8cfn0967Tw54aJaJ+1wR+tbRyVHf2viNtQkj2r6YB7/8AaAq+WvHeyYHIPrwOvrXiJFSbbZG0
zei9On868vGZbFvkOPljKPMz6s8BePaK+uiyRscheM+oH+tbRyVHf2viNtQkj2r6YB7/8AaA
su2M4ds9T/8Aq/WvlHwV0PjHwHwHwHwHwHwHwHwHwHwHwHwHwHwHwHwHwHwHwHwHwHwHwHwK
1O3wt/Za/geNLJ6UqyrpaqJ3ux9OeD5Y5/Ael2K/wDLxKzD++++u9jzUnjcf2fYXDR/6zHyn
+7jNcv8ADjU2fTbeSSQt9ltwoDdQSTmofG/i972VdrFY+gOetfn8sLJYhrpdv5t3PkaeXz+
NLa7b++/5HmegfCDVfhJ+wp+0pb6xqGm6hJ4g8Ka5qEUmnyO8aRyaVJGFYuqnOVPIGPrXzX4
b+Dlx/wTe+E9jLY6HpPxo8N6X4yjshNc6d4iQ25eR2

fnyH3TQqIvKZ5yAuCzupWM5QgAntXwHf3irOsm2GOGEY2BO3PXP3vc9elf0B4d5HPCYaNabu
5aqN7pevmZxyv2WHtLWVtfLyPUPg940/4U58ONU8WasrW99p8KQeH0cFXup5jN5hAB4+6hYk
cgnHSvnOykkub1pZmaSSZizux3MzE5JJ9Se9bHjfX7rxXqMc1xNJN9nQRQqT8sajsv145qro
trHDLHJcKrRqQxQEZYDt+NfrVGnGnFzt70rXt5bI+Zw+Bkq7lPdu/l0Pob/gmXo7ah+3D8Ob
f+KO9a4xt6bIZZMfmtfeH7YM+oWwn0+zhtZI7iCa8uLm4UGKH95tDe7Yzt6DI5r49/4JJPDr
/wC294buGhVZLe31GZVC5CkWsgGO4xuNfbH7aemXVwslnH5i2bOkNyyjkogEige2XYkj0+tf
mvFmIX1uEGtlfXbfc/RuE5f7XaFtbfgfmT41mWz8Q3UarIvlyFcOfmGDWDFcYuflb7vJ9q7D
45RL/wAJpfXEbLturiVtgO4oA2PyPOD7GuFmLQPtVvvdcV9FgbSoxl5I++xmKmqjXZm9oP2W
4u2kvGZYYxuAX7zkdhX6efs8fC+T4KfBCx0XbG15aqbjVGUhjJeyqGkBIJDeWCsQPdYge9fn
f+z3oFt4o+K3hXT5rWO8VtWtZpoJIhJFLbxuXmVh3BUAEEYIzkiv0evvHkOj/Dj7R5ytJrGv
pYOcY+d3CsD/AN8gZ9K+d4mqTnSVKP2ndr8F/mcdeM5ThN6q6Xze/wByPE/jd8RZtP8ADcNx
b+WfOunjJzwTgk/l6fhXgvibxE+sXrTSN+8ZRx74rpvi+txouu6tayXjXFrJPLcwxuu1YJGk
YMqAntgg49K8vlvmUMzN838q8PJ8thRinHXz9f8AI/csh5MNg46K8ru/l2K63P8ApEkbruWR
HTseSpA6++K4lvDTNfXkN1uhuIegI7kHGfY8HNdRqOoqk27d+IrN1fVoW1K4vbxlVpYVVMLj
cEULx6nAHB719lgeaF1Hr+Z+f8aS9ovaRd+W5m+IlW68J2tvJuW4s02jnLEHJHHTbgn5u3T2
r0r9hjxdCdbvvD80yxr9rtNYaZowxggs/Mmk2k/dLSeQCcg4yO5FeM3zyaoV2rJJuYjap4Iz
n8CeOnrVXw34kvPAHiiWaBvs8k0T20pcYyhwSPbkDmvalhVVoypvV7/Pf8z8B4ojKtQahu18
z6q+I3iiHWfCenu0KtcaxOXcc/uSg4B7fN5gIJOcLXSfCjQdLXx5axrZ3F1cx25e3jkdf7Pt
pEiba0qsCWAUSHqBujGciud+HfhHS/HfhrUrrwzqHmWOm30L3t/qM0KrDI6sEQKZA7PIWXbh
cHa2emK9j+Gvwj0vw3HNca1Zx+LryQRZiuowun2OW3BW+ZS87bMqpyqqrZzuzXy1SlUpSVON
4yvpbe72t0Pw/OKlKVJurflimpJq17bu3U9j+HPxWHg/wHpsNrNeeINYvJ7uKxKweXHqUrzS
zNMjEbntlaVl3nOGRwODxi6x4x02XVI9NvpIbyS3tr63kSNwN80qKplHfMahwD2LgjkVRu/G
/jHxx8UfC66HoulwrDFcPcySX6rGmfLBZ3QFERIY4yqKFAyQBkjNb4pW1joHg21sfC9v/aWu
XF5Dp+paqyBRLbgXEzbnIOwecVOF5YYBztxXzWMyGpCspt3nK7fk+yb0+4+Vy3iCgr+z92Mb
WberXmuiOC8SaTL4C0nVL621S6mjvvLijikbEBUMSGdSfnI5Ck5OGb+8c63wR+BOrfGPxlay
eIpNSuNHmlS7ubWWPEd9ax4ctLiRGjiJ8srgEuUwMrmvRvhF8FIfE8MOoeImXUIdNMdyqyLs
s2mAG1QpPzqGGTk5OcAYqv8A8FNP+Cjmh/sEfB60s9Jt4dQ+JXjazZ9PtyqNHYRJgC4nGQ23
5z5a45KMOgr7rg7hWvVrxr1oPli9ZNWTSton1YZtxnD2ToUZKU5J2s9Uu7XY8Z/4KG/t/WP7
I/gKTwL4XuI7/wAXTrIFPyuNOEhPmTSr/C7BmCIACoOTyAK/JPW/EFx4o1WS8vLqS6vLh980
sjbmkJ47+np0o8aeONS+IfibUNY1i+uNQ1LUpTNczzPveVyckk/XgD0rPjVpJPl3ehH+fwr+
gK2IUacYU0oxirJL82fn+X4Fuo5zfM5O8m92272XkjQ0ezWKbc2G4781qCFVf0/XFUdL+SL9
KvNtwOT7e/8AhXzlaUmz9Sy2jCnTVkOEnl/xd8Y9KuQShx+HHHX/AArPUMuPc1Yjbax/X2ri
nE9zD1mmWQiluv3vTt7Uoj5+9909aiWb5f8ACl8zduZW24rGSZ3RlGxMZVHTd8o5z/nmo/tT
R5VW+XofQ0RAFx83b8/8KuWWizahdR29rbzTXVw4SGKNC8kjMQFUAcknsAMmj3bahzTesTPn
lxJ/MHtXXfC74R+IPivrkOn+H9JvNQuJpUjZooj5MG44DSP92Ne5ZuAAT2r174P/ALLPh3Td
Vh1LxpJqniybS3We68J+FLOS+uNu51C3d0uI4BvTDIGZ9p4wTXXa3ol94t0u+0nR410/S9Fd
JL6y01xb+H9ADsqOs90SWuZVxBu+8xbzSpbBrhxWMUVanq+reiX+Z7GS5LPE1n9YfLHSz6u/
ZdzW+BP7NNx8GPAPxBu+Ao8

a+Wlumh2YfklKMoSV1olZpXWrWt3dnXftH/A2z+Kni74mX3h+GG18XfD9bfV4haFUj1bSJY1
cPtwB50SMN7Ac9OSRWD+yfp91+0jBq3wi1zUPMs/EFl/aui3F/MJLi0uYQsjyoTnAkXKYJ6K
eBzWnbX+oeBv2tfhz4g0H7RNJ4g07SINOtrpiz3VncwPDOLpwDvKOBz0xt44rI8MfsISePP2
qPiZ4Hh8YWfh+88EW1zqcVwo2fasrvMcYBG1cOFOD6cV2U+Rrkvsk092mnY2xkqkH7VRSu2m
trq3Vd/Mw7PRdS/a6/aM0Pw/um0Pw7ocP2Rgksbx6TaWi4uLlwqiNdxUgHGC2BzxX0Z+zt+1
Vp/wW+Gmvah4Tks/CPwxj1+z0vRbzVopbxnfDfa72XhpJHZQMRLtjA/hyCa8x/Za+Gv2D/gm
l8VvHWj6TcXHiDVr+PQ7iOIlWt9LQRtJLH3PzMd56fLz0q54B+C//Ccfs0fB34VzQ3Gm6h4m
1i68ZeIL2UFbjRtKiZlSYAjhZY8FJCNpbiufEUqeITpvZNJrT1b06nLHEVIUnJJyclfbrokl
fZLc0P25fjh8OfGn7QPw91z4W6fb+Nm8MxDUNbj8PafPp+n3DibcCqKvmJLkszOePmUZPSo/
jD4n/Zt+I/xd/wCEs8fWvxc8P6l4kdNRv7G6s4Y7c/KPkifYJREduN6ncR3Bre+FH7QOi+Br
LxB4i8I26+D/AIH/AAxnW1khtfL/ALa8b3p/1UU8+CxV3O5uwVyMd09S0748al+2Hqvh34d/
tAfCWHTdN+IUU0/gnWLQ7lsZTHvjVmX5uF25yc9Mrgkjnlh+RxhBNRircyaTs9Xe66eRzxxD
9nq1KVr2a0T/AKVtzH/ZT1bwfoWs6XJ8Ob7x5Z/DvxB9ttltfGFv9o8OsUU7jEy7mjkyMgty
eQTXkvxqsPhn+xJ8VNe0m38J69rXj7RYQLG51ObzNL1F5vnN+0Sfe8oEhQgI4BPzfMNj9k//
AIKB6D+yf8H9Y+G/j7R9U8Qah4F1HULfw9NZMn2BrpmdD9sQkEoHOVJ7HpxU3xD+PniDUtb/
AGb/AI1Q6HD4m8WX1hq2m2+jxQk/2hMjyQxsIwpwoEgJ9ccCpwtGpCu1UvyapO+73Temt0tS
Y4j2sedJRaS00ats2tW00zw3wZdsv7GPxkj/ALQXUvM1vSZHuFLHz2kk3GTceDk/wn5hjmuw
+PEkk/h/4sL8zeZZ+GpySedgiQZ/NhXNtd60n7G/xesdas103WJvGlncalZtF9nktZpGLMpi
/gQMuB2roPi0F8SeCvipfbmVrHTfDSANx5i7EB/XFdWLto1tdfmrW8j6TI72lzLp+h83eJNz
zbY5CI7iFpGf0QLnOKoQaddDwlYxyWckNncT7ftfmYBLH5Tt681p6jp8a6lb7YtyuGhwT3eM
4H05rnNTK3OnWS7JG2wNbbc8iUN8vHrzXrYPRaHzeeXVYvax4MXSrm60231KGaRXRxGrH94S
QNu7oetfX0F/q03/AAUys5LW1+ySQ+EBABHIOIV05gzAn0OR+FfG+sRro1rb2fzNeSESTSE5
KEkYya+tFs49W/4KJRW8c0zLD4OIMhYgvjTm3Y9jzxRUu277Wf6Hi1owVpW1TSt5nkP7AtkX
/a78M+XG10y/bJUUsF3x+U+D+YbiuA1u5WDV9YuWt5GhXV5d8bRlVO7OBnoCOeDXWfsnQN4o
+M/gnT9Hj/s3WrXUJHe98zBngO4sp+gBH4muc+KJm0zx74ksxNfXOn2utztIGybdssQpY+uc
0RiudyvrZK3o/wDgnRRlyQUvN7ei7kN1qK2Mtra28AitYW/dhmy05fhiPTGTUMGhwSNeTG4W
HSYpWhO4nLkdCB3PNZr/APIQgaVpCFdQQWwR071pTQSRSTahdNb+XHIwitbobfNXsVX+taxi
0elTrRlEuWNzJbeHfs8bRtp+nzNLDJMpxdM/GxeOvFUdG028vdektY/LkZgXk9IkxyAT7VH/
AGxcXWhrcSwSNDHIWtYg22BWHXA9f8K0pbxtY0GGSaaPT7q6UhCDgsvpx61PLbU6qfLPRPZX
t36Wb2+RXE9va6YzaW0lr9qmAhifmSRRwSD2rtv2W5LHSv2ofBM237uovHdo55Q7TlvTHP6V
5vqUkj2Fv5cLLLanBxnK/wD1q7D9nY2b/tC+D5N0kolvGEoA6k5BrKtG8G/J/kc8tJKHmvLq
r2Poz4UeEI9c+Kf7RGgxzR2umzWXnPelgsVko3OHYdwTxgV3WpmO6tWXd8wUh8fmc89Mjha8
x8G6fYp8WPj82oXU1vpcenKLlY5NryKeQB6nIrtDq4hi/dtkscYbo45/X36V+f8AFVNyULf1
oj3Mri0pW6v9Tl/E3lxR5+b+IDn0649ge3fNed+IpmS3VlZtzfdIfC+2D275HpXdeLZmmuJA
zbVYcnHcDjPqcdxxXn+tMq2EwZvvHa5YZ2Z6E/3gR0A/HFeTlNPZs+kwcveSMW3upoLlGjKr
uIYtjHOeCB2Geh6YrrNCvFukhmaRdysMjqVxn8+gAP41xtr+41HlmZWP3d+/GccA/wAQwc4/
Dsa6DSDGt98u35RkgdGB6jr/AHcHHXrXsYymnE/Rcpiox5mdQZJEdpAqq27oSDjgEEn+IjpV
WO6XazLtj5Hlkc89snODgZ/wrUFjHL+83blVCWCcHB6Edx2IB9KhjtbNdPW4kVtvnFSQvl59
cf3e31rxYyPfjio35WyjbWbTwfeZUyBnIbjrye3HGP8AJ17PQbi62t5itkAgMSA7Htnnt+eO
aXTbaHVriURsqxkgnbj94f7qjrnPO761rW2rqQ7N5bLHkAr8271I/vdjWVapPaKMcdjlCmWN
J0O40XX7G6kZWW8xBIM7WGc7ep6DOCfUVpeINXbS9R+yttXyX2OMbcHpnB56YFc/f+IvtFnu
3blz8oHPXv8AXParXj+4/tPTodSDbWmTbNk4yegJ/HnH1rglTlOa5+un+R8z9emmeiabOz/D
rXvs6/voYLeSNQe73EaNgdT8rn6Yra0HxLJpJg3FsryrLnbz79d39a8n03xJdXdvpatNJHCt
usYRG+V/m3EsM/3gCK9It7j+1bhfLkKyLgFiuNp9PQbT69a8PMsCoR5Za3bf5I+mwcuaKb6n
0p8IPFr3/hCRpd0cjyMuB2XA59+v5mm6rex2pCq0nlsxZ1Y/z/wrh/AfildODW7fu1jjwqn7
pbqcD2OfpWkmtNrxba3cnjtnvx1r8nxGX8uIlO1otnDUwqpzlNdT2DwXb3U/g/SY7NvLuNQk
eC1k25MaMxBkx6KuWHrj3qx8ZfFtv4R8PtvZ+Pw6Hp8FpPl
/d0O0lTHOA7IET2zw/5GvEf2z/iVHZ/D3UIftTR318pIRcFpORnJPsWH4Cu3J8rlVxUKb2cm
7er0b9EfCxwcpYt1ay0jdr1b3+SPj/8AbR+N+seLvEdvDgqTWc0DLJBA+2Jm3uOuTngt19B
6Cvm+5mk8llLKMfw91+nvXbePYpr/V/LkjWPyUJKKBgA84OOvUAY7ivP9RlWGaZWZvYg/wCc
iv6tyPCwoYeFKFrJdFueTmWKTlK2xVuJ/JXaFXnnp0oEDOvmNIrdyB2+tV7yRQu2P5v55osi
3m/N+GP6V7nK+W58z7SPtLH1x/wRruGsf25PDce3as1nqSg/3cWcjZ/8dr7+/ax0qS/0zUo1
bat1ISrD+EZ4/kBXxL/wRM8GxEDzP2sY4+Yh4i7o1/fgY4cskdsAP+/8A19q/Rz4ueEI9H8
+0

7Y+INc1KS+1D+zY49iwsE3bjzz7rngn8aNS8e32pKvnTMzZ3Hnqf/ZR7Cse71Ge5ufOkYSbW
wFPC/THUZ9q6MLTqKbnUdm+3RX6H57m1Fypycfis7foeqfC34Yat8CfGdvfeJtDs7zT4ZiFL
yRzwrcbJFiMiZzgOQQDgFkA6Zr6WtPGepeIPgxp897e3En9m3txHbkr966aRpzMccltsm1T2
24GBXD/CWTw7rPj3w54b1vSdS1jxZq1/a3LrC0cdrbwqgmfdlgSSyqpXnCksuThK+nrL4WyW
UCyXkmnwzSXBuY7KJNy2m5Nu5j2LKBgd+a+ny/B4OvV9pWfuxSau0m2t9Ox/GviNmOOprlop
qTbUktVa9k79GzN+DXgm++ME99r268tNGjtoBdOQYYWuiP3oQZO8CQZJB4bI6jA+hPA/gezt
fAdvatYRx2Mf7zMqjfI2AAxOc9AB+FYXhDx5ovg3SYYL/UYVjjykcbSD983ykgAd8nOB6+5r
s4PiGvjHUfstsY5FhwJUGF8vjPzdh0zjriuSphaVXEe0UeaHM0m0kkk7WStrfufmOHqYmcFS
jLllZOSvdttLVvp6Hhf7VfxHk+DXwm8WeMNW1C+s/DfhmOIvDZsFkunllSKOJAcjczPyTkKA
T2r8Qfjj8ZPEH7QXxJ1LxR4kvri+1K8fepdyy26ZysaAn5EXJAUcDsK+mv8Agrx+2qv7Snxq
j8I+G9SvpPA/gt5bRocKltqOprNIstyu0nzECeWqMx/hYgKHNfH8SeWm0H735V+lRrReHjSh
FRjFKySSV+rfdnuZDkcqNR1qrcpSbu3q0uiXZFXyfN2ruwMHAz0q7ZwquPu/gc0wxqp9W/nU
1sVVfxx24rhqSuj9EwdFRndmhZtiTr9KveRhPm9cn29//rVRh2pLnc3ABGBUj33ybe47eleb
UUmfYYWtBQ94tKhLe2P09KHjKJ147e9R2EyyhtzHIGc+n/16tPFgbdrbuOCP8/jXLLQ9KlKM
43iQDgd8elIz7Pm6g+1SG3/dhhnd6Ecj2rU0/wAG3UwVpoZI1ZQ6ZGNwPQj2/nWMqsIq8mbU
6NWpJQprVmp8OfAesfEPxPZ6LodjJqmqalIIba3iUFpGOOTnAC9TubgAEnABI+kvDfwM8F/A
TV9L1rxBqVxr1jp8qRXrabc/Z21a9SbM8OnyqQRBAhXzLgld7oUQruJXpv2J/g14s8baFN4b
+GPg+W61q+0+VdW8STXxtbe081TtXzFGcIBjyySGbdlCAGr2jRv+Cd3g34ORR+Mvjx42bXrH
T7CKG08O2cckHz7cCCSWPONjE/u4eS3zFgN2flcdxBhoTdLmtLolq38ltfzPuMlymSsnFzlt
Za2v5/qfOfwOu2+PnxUbQfMvvDPg+4jDDw7oQcW80EWwGO4k3KWHleY0k0rFmK9iVAuftJ/E
WO7bSfD8ehroeg6P8ugeDLZ8/Y9y7ReXzr80t1L94KckBjkgEh+8+Nn7VN9qHgO6/wCEF0/S
Phj4H0vFjpWlWdkgm1iUsgd5Xx87Iqh2kJ4bYDuZ8j5n0G/1i38Sw6lp/wBsuNejm+2JOE86
YSL85kOck4xuyffPFY4fEOs3UkrRtZJvVPq3Y+6/slUeW6tJK7627fM9o+Afj/xN4i8N/Erw
v4gsYbO3tfA2oTRWp06K2uA8bRBVLBA+AGY4Jxx64rnfifc/2f8A8E8vg3cfZ2hWHX9TO48i
bEindx+X4V0n7HXgPVrXTvit4ourG6m8P2PhLUNKur5m/dNeyxLMsG4nl9kbswGduBnGRnn/
AIjPJa/8E4/g+syrJb3HibU5AMn5QHAxnt3r1sPFRgrW32R8rnEm6r1u7Wvp5djwm6MN1blm
j8m6upZWmXcF2qfmGT75qW7tGOhacsRF5ut900cTY2M33Q3vgfpU+mT6ebm6a8hkudswXaAS
UXGAf6UabPY2jXUlu8lsyttRXOR8np3712VNkcNOm9NVtbQjkmhjtv7NW6hmWRkee/JYCH/Z
IPJIxjim3TW9xexRyXUzW7yDfcuGKzMBjK8dKkayWRpptWt2huFQSARnBcdjgcCoodYurxrO
G3/czRqUV1bjyz1yMdaz1ZrFSWr/AC/r8SzcafJqmu2/2fbJcTXccNt8+UkB6+wFF7byJ4pb
7T9nuPsrmKUxDYsDA42++PanabHHDFeW0drNdW8hK2cina0N1/C2fSoJNGkgv4ftUXk/KRcu
rclsc5x3zzmiMklqRKnO99T0/RoJNU/YPvGMjM1v41iijG/iRmg+77eua1tPTUov+CaeuW9v
pbSWMnjiNby48wfuZBGuxMdTk4Gfes3QdTs7T9h7VrXc0lvH46t3R8fM6+Rz+gq5pmrPF/wT
y8WR2bN9nXx1bz43EjaI/lz75xXLKPb+ZP8AIxrVL+69XZkn7aGvx618UfC52yQ28Pg+0tzl
CpJ2ncMfXiuN+FOgw3+sJJqkjWnk2JiXn7w3qV6e2a9H/bMvLzWfiR4L+1eTDHfeCoLmIxrg
n92WJJxzyleZfB03Et5Mvmbv3AbczZzlq0jdxV9NPXqFTl+rO766+uhw+iazJp93HdR3iW95
b3LC3kUFfJGOygY5969C/Ztv2h+Mnw/uFm/0pfEsQB2AgKZFz9cmuQtNYks/EkLNptr9l+0N
NxDuyCMAmus/Z7mjtvjh4EhmhVVh8V24kZOR88ibQo9OK2ra39GvwNMvahaz0uu/dHo/xY0+
Sw+DGl31xa2sca/FG/ZXZjvIHl7kAH8ORz34Fesa/wDtIeEfhl4n+Onw+8Vat4i0XUvEWsJJJ
dajo9rHcS6vYPCB/ZoRlKo212Ak4JLZJ4wfLdbgkv9M8P6fNcW9x5fxeuoBZ3XywvuaPJZuy
9j9a2vi7a6X4E/4KLfE4KLfETxRq15DFb+RqUbVLuybV
t7prb5m3POeIap2XM0tdVbz1R3Xjv46eDdF/Zd8P/E7NnrXiLRdS8RazEkjuraTHBYZGeCMfNzPjnx54HHs2m+GZBsvmrWrAu0ZIygR
8MuDj73AG0DJ8PaZpth8Q/G3Hs2m+GZBsvmrWrAu0ZIygR8MuDj73AG0DJ8PaZpth8Q/G3Hs2m+GZBsvmrWrAu0ZIygR
XS8P/s8eLtT+DPiz2m+GZBsvmrWrAu0ZIygR8MuDj73AG0DJ8PaZpth8Q/G3Hs2m+GZBsvmrWrAu0ZIygR
t6W0ittaSWXaHBYZGeCMfNzPjnx54J+HQs/H2m+GZLr4Y/GgsvTpgZ+
8MuDj73AG0DJ8Pa/G3wl8TpbLpmrWrAu0ZIygR8MuDj73AG0DJ8PaZpth8Q/G3wl8TpbLpmrWrAu0ZIygR
XS8P/s8eLtT+DPiz4U6pY3U3jzwrr8MWsJml1LzGsjZvCYAvzHzWy
2c/KMirn/BU74P8Awz0Hwr4U74P8Awz0Hwr4U74P8Awz0Hwr4U

mdABhYyEVWI/GvL28JL4M+LfiL9oT4uedo+ntqM+seDvC9+Wh1DWLmNitkXt8EpEihPmPoCf
lPzc7e+EdY+IGlx3XizTbO68afHBr3Xz9q+7Y6dbwPJAyZ5iYsPk6jYADVVMPTm+bmeqabTd
m/JXtojowtOXNyaJbpNdPN2vqbH7XfxK0v4x2fx88XeG7qO60HXtZ0K2+0QwlY7yWFdsjqCM
hS65B7596xfiXdxn4W/FqRflkax8MRbh/GNiEj9B+VeZ6JN9t/ZD8YzLMqrJrOlwFU/dxsEj
YYEY4yCBl++K7z4x6bJpvg34nxM25VHh0Hb0YmAf5/CsalNU4Rgm7JpK+9tD6/K4xfM7Je6n
p3seEXF9Hp0y7dtuYwso7kt93P4g1z3h7Rbi8v5r5Y2a3sbtnaRs7UJBIz+IrW8SBWW4uG3N
5KBcBe+9QBVG21YzQXWi3UjafA0mZfJTebiU42bvQYzXtYO/Lc+SzrldVX3/AK/yK40661Nv
7aaGOGFZomlbduYnPL4Pb2r7O0nTF1v/AIKK3E3mQ/ufh/NcQSAbNxNmw3cd/mNfGOreHpNI
sJIZJt0kN4IQFfcm04wc19qz6bDpn/BQixt1mVfL+HXl7x/q3Y2jr1/u8jmqqWUuZPo/0PDx
FPRRe7aZ81fsQ6S2sftKeA7OSFlW4e7iDINpmGyTuOvJxXIeJ9OvtF17xJprx3NvpseqmG5i
8zcFdWIXLHqR6+9en/sCMui/tR/DubzG8yF9RSRWXIhIjkGVPfrXmPjZrqfxp4gtvtEl1eX2
szLJGwxHLls789jmp3qvtZffcMPaMVfv+Fl+ZDqumaTp+v28KzeZcRsrNOW+Vvb0p3iCzvoN
UW6k8u4upnItoJPn/dfwkL2qjrNnbxvNbwww/wDEtP7yVn2l2/2fUZq0+rL4cnW4yt5eTQCS
Rmf5IQ3ZfetOZ2selGUZXdkl5DJbUaQjR6pN53mZ8i1jfCQOerY/SmzXNvp0ulTXE00jW5be
mOIfTH+e1JC1iLK1mumk+1eb55kX5vtAJ5Qe471pTeGWubibVLiG4k09gTbpCMzBwMqWXqFz
1NVG7CNknGHe/wA99SbSLu+1u4Vr7VIrfSbi4Mc00gWOSSP6YrqP2cdW0PSv2lfAdvY6f5ka
655csjszGZGIU8egU1534m1L+3nhuryVvtkhUtAq7I0x1+ma9G+AMq6N+1P8PbgLYvbyX6yx
gHhM8YfHcH+lZ1LcrvtZ6fIn2j/FavV6tXt2PYPAvhC1+IvxP/aM+0W63nl2U8djFvMYWZXP
lH/gIQda3Hmw29V+bn8P8V9utN8B3ljafGb9pra11HCujT3MNxEhaOF++fQkt8v0NVtPu1dO
v3eU/wA+v/1q/P8AijmfI+nT5pH0WU63v3/Vmd4jTbb7mwGwcAHqO+PTnsea46z8LyeKJP7P
hhmur68k8izhiG5ppnYBEjA53FyBjqc8cdez8RLJPCzbdq/3ivQd8juSO4rqv2LdChu/2iI9
cvvLax8E2VxrsyySLEks8SAQRM7EKGLPuHI+6T0Brycvk1Tcluk3bzWy+Z9DGSim10Nb9ov9
hubwr8X7Pwj4Hs7q6kt/DVtrOotczR+XZykSRsCy8q0jxJhcNgyNgqg48p0T9m34kSvI0fhP
ULyOFirNbskm8qSM43gnDd8V9jfsdeHtS134Fa58QNcaa48RfEbW5NRuZ3jCgwQu0cSjn7oY
y4xjAYAAgZOH8SPg54kv9YmuF0O+vlkyC9nknBxnoQQCecGscVnzpVXSfK+Wybd9XbXquuh7
eW4yp7JNy/A+Ydb+F3jjRLvybzwzq2mxyEITdRbQTkDdxnd1xleMEelYfiC61HTdPXTbjSbi
3jhbeZHOd393noSeR7V9KarpTeGI2/tLTdatWywMZt5nYMoA2gBTya4vxf4UX4g6etnp9jqV
1qDSAQxJZzq7t2C5T27+h9a58Pm3tJXnBcvdXt67nqf2kmtWtDwuO11CeVrqO1urWxtwPNkD
EBRkLz9M4+p9K6q8tbeGBYWm3bj94EDGcYwewI/PtX0l+z5+zXrk2jzaTrHhTVLOHVLZobqa
8h8tVBC4BPJA2h8kc5IGM14T43/Zs8ZfB/4b2eseIo7O1ZrxtNuLMTpNdWWIxIhkCk48xAzg
H7o2k/eFdmHxlLFylCLSlFpJJp3v2326mMsc5y5G7lGbSoY9A+0Rt918kf3jnA49vXvWb4q1
mSx0XzJo90Plk7QenHTHuM/N1FWPDWvWqwPb3DY3fKw3ZC45PI/A/pXUfAH4K3X7R/xvtdBW
4aLQbfzJNSvEQGOCPDMYhuODK+MKoyVAZtpVGop03TblPaN22+y7eZ1VIxjSc5PRI6rwj8Mr
ey+H+n61a2+sSX3hGFYPGOlXV2txNYJKiy2+oW4C827RbmZM5QDoSpZq/hvVLfU/iVDa2dxG
9vcXj+U6sOYkheTceecqn5mvdx4K8B+MfA+ueKFur6G6vrE6BA9hePFHDZQ5H2VpHOyXCxb5
ppNyKB1wOfDPGHwA8SfCQeHfEHhm3uNetWiuJze2mmzw2sUPlgZV5DhhIjuyuCAxPy5HXnxF
TD4u6d4vVK6aV7XtfbQ0yPGKLcKk7O+iZ6RrM8dpEsyyAZPIz+Iz/P8ACtr4fa/5ku1mbcWO
Mnbz3/E14f4j+JEksNjG3yrcIHUBumecf8B67vfHpXZfB7xQsutxxyPtMYDYzuzkdPfBx0/v
Gvgcdks4wcn5n0WKqNK0j6I8I3kllpuqTfxbxHn7pO1ScjP1zXz7+0Np9xrLTKzfvJhtD5GQ
c8/TPWvctDu4z4VjaNvlmeW4LHkENI2w+/yha8P+PcrCa4hjZWEoyDuzg9P06dK8nIabhirr
e/5aHzGZS5aLkup8m/EPQ1sbto1ZXmhYqGRhgH0Q+pPJrynxHbq1yysv3XIGPu/Qe/r6V7B4
0tFguJGmb0yX7jOPmA6Y7YqS2+EXg2fR9Nvta1TxNHcapaJdNHp9nHNGiFpF5ct28s8HHJ/L
9+yvGRp01Kd36Jv8j4KVGpX0jG54OLRU/ven+f8APSnN5LLu3Nubr6fSvoSy+C/wp063W4vr
rx9dRsAdkEltC5Ujj7yn6YqvLpfw/wBKv1XSfAtxeLnbE2r6vI7Oe25I9q/8BNex/a1J/Dd/
JL82iqOQ4l6qFl5s96/4IG3SyftQeLJPveT4WnTPoWvbTv34r9KviVaqbK4j2srMPlA9M1+f
n/BNfxdp+m/tJx6hpuh6LodnrGkXGgrFprbI5Z4gL1nKklmIjRULeozwMCvv/wAd6nHcSrJH
8y4BOD1yK/A/FCtN4pVIJpWXys/8zHC4Oph8UlPd66fgfDf7SHwa0/VvG62eGtYZlcAJgBd0
ZQN9AC2B3Jr4TvtOVJJF/iyelfrJ8UPBlvrWo/2osO6GGKOFyBnazE9fxx9BX51/tG+FNH8G
/Eq60nTY5G+yttaQyb/NLYbaOn3Q231yK9zgHOHWo+yk22kvlbc/ZMDjKeJw6UviirO/9bnJ
+GdOhv8Aw5DfR6pNp+oeGbuGYmOVY5ljedFEsODu3ISCTkbflr7g17Xdel0W80fUtLa+vNBu
ZbHxPbWcY0281ExSxzWerWm3nzCv70jeAXHAxgj4b8DQTWHiVZrWGS6ulJQWz23nRyqRhgy+
w5BxlWCkYIyP1GTwB4f/AGnfg94b4/DiZ4/iAGnfg94b4/DiZ4/iAGnfg94b4/DiZ4/iAGnf
59m0MNGPOrpt666N2tsfH5hjKdHFR5tY3s2tbdr2PgX9prwUt/4k0fXNBdhtt
5oneQ5AH7t2VvMdTz5vnNxkAeE+OXW/it5GVVusFZwOjEYG76nv7gnvX1R8ddIuPB+oeILjx
BJrWgx3032WWCGJP9KkjCiUqDgEMyFyQQDkHkYJ+U/iPcaS2vRx6Wt95KxYk+1Y3mQZycL2x
ivXyPEOvCL3SWj/4Plse5mUqUMInGV1K3Xuc3bzNG7fN8xPJzVqO4VW3dR3GP51nyP5EpU4/
woW5+Za+glTvqfJ08UorlOk0iDS9TiaO6mW13Nwx52/T1+vWvTPgB8MNDtDNTDvHEOoeKP8A
rA9xbSRI01rc3augjgn2Kx2gM5KnaDtxnBrxMz7ZNq/N2x6+1e9C1vNK1nTfhn4RvriHVmka
K8ufNEJklKEzscEbVRQNnYhByTjONWMoq0G/evfyVtX5WPmeIMV7OlKUN7fI76HQNW8DePov
GWnwx3DePov
GWnwx3Gp3WoST6Ykbgea8m/oWHCqGGcgBcD2rttS+MOqeMxjim1mSzl3RmbnC
q5AJyhAwQdhdlycZPL+D/gPJDZ/2LqnjqHwr4tXcJ9rRcBOA8cQ3dhdlycZPL+D/gPJDZ/2L
kEHW+F/wYtbxeq6DeQ3dvG9zej/Ry8n75jgNJ5CqAOAcEA
N6O62XVeVz+R+Ms1pTU/atKzdmmlf/Ox2EsOuN4n0a4WRpNevD5en2fLrYqRgMAONwAJY9Oc

8ACqv/BSv9qv/hh/9l2x+Hvhu+3fEL4hRXH2y9ilTfY2zqqzTOQdwZ1kCRDAIG9gcqoPbaT4
u8M/sg/CHVvit8Tpo42jU21hZo/+majMV+W2thu/iOC7dFUk9ASPyL/ak/aH1r9q34++IviB
4gjt7XUvEUyN9mtsiG0hjjWOKJQTn5URAfcE8Zr9G+q0+SMLK0Ur22T6JbbdT8r4dy+rUxMs
TJvlk/dT3a7tfkcFbweXcKq7v7uM9qt+R5vyp/Dkcd6qoFVFO4bt3PH+eKsRoNv3Wb3yK0lK
ysz9awcVblQW8B84f3WOB6U6aGNG+X165qQPtX7uWXqfapGVXT7rbs+tY+001PUjh10IoJmB
Hy9sc9qniiWYdG3dT71raf4UvJ4YrhbdvJmyI2PfBx/Pj/69b3hv4eTahKsbLtZuBzyc9vzr
zcRmFOmrylsfUZXw/i8S1yQbXoYujW4hVm2/N1HH3f8AH6Hjir1vaZZTt3ZXDdPzr1LwT8BW
1TW44bhoY42wWwQ3tzznk9+ozXsmkfsuaXYWbTSNDHbqpkmlmA3Ip7MPQHPqelfI5hxRhqMu
Vu7fY/SsDwXXjBc8bHz3Y/D+41PRbOZbdtsgZ920DzFG7OOuDhTz0r72/Yy/4JMat4rutL8e
fGbd4b8FxxLJBos+YtS1RYztSN4yA0KOBndncVIAAzkelfsifs2eG/gyNB8WeINLs77Uri3k
j0rSL2Lz1s4JVXFxKjEruPz7VK/Ks3J3cL9KeKde1D4mXzXWsXTR2Nu3zEdieiovUsfXtX5L
xZ4lezi8Ph9G7py6rW1l5+Z6mH4Rq+0U6j5YLqt35Iz9Y8Z6P4B+GUnhvwLosPhnwvY25gs7
ezhEJlYAfvJHGGdmAwc5JzknNfDv7Qnii6uopJppmvNYk3QW8rn5Uynz7N3CKEBaSQ8Yxk4I
r6w+JHiOO9t5NNh8mx02CNsSS/MIQAMswHLH/ZHJ6V5P8Hv2crf9oL4zx3mtWNxD4N8PgzCK
Q/NqTbk2JIeoDEMzYyAECZ5zXxuQ50oyeLxUtFdtt3b7K73b7H6FgaOHy7D3jGz37t9r+bPm
HQfgXZ+H/g3eeOviBJNHpLRy6f4Q0xY3WTVrvbvF0qMF/wBEQfOzEYYnkEkBof2fZo/h/qfi
q68RW/8AZ/8AwkmiS232q4gaP7HbXkTSm5hOMSSskZjhjUhmaZjwEev0Q/aV/Zw8C/GXxBoa
68t99j0GylhtI7S4W3s9MiTmSVgQVUFSgB4/1Kj0B+c9U8I+Iv2kvi9/pGkroelx3i3hEUiy
XF1MAYreXjGIY48IoUgoCWILNmv0LL+MMNXpuok0rNu7SS7JdW310M8PWliXKU7JvVt6WXSx
h6PbeIvGv7N/ia+uLO38I+A9L8N6jp3hfw7BbNHmJw8r305ZmMk7bEUuThizkAZJb5r+LMlr
F/wT7+DcMiyQ7td1OV0OcXA8xQz/AIcDj1r9Ev2m/C9un7Nfjy3s4fl0/RLoXNwuFSI/Z3by
l7lj146DGeSK/Pf46zzW/wDwT++DbNDHJbx6vqGyUk70Ik+6B6H/ANlFfZcL5lUxlF1Zq15O
y7JberPgeIKNOniXGHw2/HS54AIpbrUbmOGHy/s5Nw8bEjKqeD+WKv6VqUk26/j8m0+y7iSF
DEeZ908/SnahbS3WsSXEKzXEN5IpUp/rdmPmDL1C59fSqtskOmwXVnMtxGt1ymwhhtUkpk9u
a+ujc8ejdehNY6syXv2q8aS6tVO25jkGPMbtnHQdMVMZ5DbX0fnR2ccN3GyAD5QpHA3delR2
2m3itb295/q5/wB5Kytk4HK596hu7uPUNNmtdrQyzSho1wSWKjHz+g4pSvex0SlJR5rv0JrX
xKza2Jo4TZ2WQ9zGGOJlB5PfB+lReHppH19rdri6sbe+cskhUMfLzkE59qaYIdQtVmuLpoZP
KaPEC+YCo65x70W32qWwtb5pppGtXxEHh42e571Bz+0curPT5LqNP2EfMtR8sfjLddyFf+Ps
iIlGI/hwOMCtLw/atP8A8E5PGlxu/wBH/wCEvtNiAcZKjJz9KbplgqfsC3ckzQxw6x4uQWQV
8iNlTDed/cGBketWvD1nJa/8EyfGDSeWsP8AwmlpHC6nIlYIN209xjvWcv1X5o58RFXTvfT8
vUk/bO1O4sPiH4ChhjYKvgmxt7KMknyg6kEZ75yR+Ncj8G/DkepeIdSh1COOaKziWKMSEgIc
8gYrqv299T+2/EDwPdQyYt4/BenyQOv3vYkduSK8/wDCPnX2oNDub7VJbrNIVXcrDOM59eaq
nFtWe9v1OqjJcjv3/RHH6fq9xdN5LTsJAPlI5K/X1rtvgnbbPjP4TMLeWw8W2KAHqD5ic/nX
C2UcVy2oXCSBfJcRW5Q7Wmbriu4+Bojk+NXg+FpGkkbxXYklm7mRM8/Wtqisvk/yM8FK6jG/
Xd+p7JHax3Gp+F45rWG6W4+Nc6zKTl5PnjwmP7p710nxuh1DSI/jRrnhW38M61q0mvalY6/L
qgX+1tPtmG0mzBYEwhdyljzwAFxzWLb3CrrPhG3jVvtEfxpumV+ww8XBPqTWf4y0HT/i9+3P
8UvC+qapY+Hr7xFriW9vNcxs0hAfDQxHoryjAyeDnHevPqWVpLaKbel7q6vpubU7QqSi95Ss
ndK2mljqvgD8JNL/AGgvA3w3m+MHiC103w5Z3N9pOiyOfsl9f2UcLMsu8nmOKRQoOOOAc5rj
/gd+2X8Uvhs1hpOg/wDFfWehzT2mmRPbNc6jpcfKqIHUF/LZQv8AeUBQOOM7Fl8PF/ae+Muv
eKvHSzeFfgv8I9ul3awzFVtI4gIks7bA5lkk2k4/vdfu56z4cfHWH4gaXrU2i6XH8K/g/wDD
2F7h7vRrVV8QXCFwILV7ljuWe4Y5yPxJ6makeaDulJO109Er7JPe/kdEZxnVSi3FxT1WrsrJ
uzVrHG/En9sPxJpd3H4kPwxs/CPjhoWjn8RaxHeXTzsM48gTAxpIRkEn0xntXTftV/CD4d6v
+wR4H+LEfiy81b4jeJNSS3vpZ7ppJL4sGE8It84hWEoQGVcfKBzuBr0r9pDXfE3xQ/ZIX4qa
todvpOi6XDBNpNrcay2pWd7bzsIvs9xCwH+lEEOHHPPY18g/EHwFofiDw3qXjDwjp14o8G/AS38O+Jvhro
brq9hkpcaHdSME3YPVMjGR/F16VnhVCcVyLl5W07O6v2uTiItSajPmbV2rW072Wlz6U/b/8A
2jvG3w20zwv8I/ibqXjDwjp14o8G/AS38O+Jvhro
2jvG3w20zwv8I/BuoSeC/hnoejQxHoryjAyeDnHevPqWVpLaKbel7q6vpubU7QqSi95Ss
+wR4H+LEfiy81b4jeJNSS3vpZ7ppJL4sGE8It84hWEoQGVcfKBzuBr0r9pDXfE3xQ/ZIX4qa
fCTw/p/jIR6hF4DE1rFrkLeZd3EUqqFge45ViO+GLEYyMjNe6fBn/go74o8G/AS38O+Jvhro
/wAQvC+qapY+Hr7xFriW9vNcxs0hAfDQxHoryjAyeDnHevPqWVpLaKbel7q6vpubU7QqSi95Ss
brq9hkpcaHdSME3YPVMjGR/F16VnhVCcVyLl5W07O6v2uTiItSajPmbV2rW072Wlz6U/b/8A
2jvG3w20zwv8I/BuoSeC/hnoejQxHoryjAyeDnHevPqWVpLaKbel7q6vpubU7QqSi95Ss
ndK2mljqvgD8JNL/AGgvA3w3m+MHiC103w5Z3N9pOiyOfsl9f2UcLMsu8nmOKRQoOOOAc5rj
/gd+2X8Uvhs1hpOg/wDFfWehzT2mmRPbNc6jpcfKqIHUF/LZQv8AeUBQOOM7Fl8PF/ae+Muv
eKvHSzeFfgv8I9ul3awzFVtI4gIks7bA5lkk2k4/vdfu56z4cfHWH4gaXrU2i6XH8K/g/wDD
2F7h7vRrVV8QXCFwILV7ljuWe4Y5yPxJ6makeaDulJO109Er7JPe/kdEZxnVSi3FxT1WrsrJ
uzVrHG/En9sPxJpd3H4kPwxs/CPjhoWjn8RaxHeXTzsM48gTAxpIRkEn0xntXTftV/CD4d6v
+wR4H+LEfiy81b4jeJNSS3vpZ7ppJL4sGE8It84hWEoQGVcfKBzuBr0r9pDXfE3xQ/ZIX4qa
todvpOi6XDBNpNrcay2pWd7bzsIvs9xCwH+lEEOHHPPY18g/EHwFofiDw3qXjDwjp14o8G/AS38O+Jvhro

UjOE5QSWi29Oh4n4mX7ab5o28uGS6doc/dlKDO36ZFUx4qs/EWo6lrU1v9lkmhhtljQ4WWYL
gt9eBWn4o0aOOfXNtxH9l0pWSPghUkbH3R65rnodJuL7SYbP7Rp+y32NAjHmdm5JDDuO9e5h
ZWgz4/NIylWUl2v89jHe5kdPs8zKrJcLuB/iPPJr7qhht9E/4KPTRwtHdrD4AKhJTmKFvsed
q/7Pf8TXxlqnhG+fTb64VoZr5nX7Tbwpl7eMc7zjoOnNfY/9lLq3/BQvSY9gj+x/Dolh5nM5
FhIMk9z8w/75qZat2fR/oeLiOZtRkuqdz5x/Ynmtbn9qLwRa311JYwtPdmSZjtSPcj4Ck9sr
+tcn4pik1LxDrlnb+ZJCurTG0vACYpG3H5d/QkgAiu+/YG8Naf4r/am+H9vrEM32WE3UuXG+
O4dBMwXH90FRmuB8Z6jJ4h8Yata280lnpsmsXMiw252Wlvggggduvfvo6lo7pK/bcMPaMVK+
8mrd1ZFGLR49Lg+0XkLXk0LbLmNSSAff3ouNa095re6uYY/tFuwWCzA/dtH/AA7/AEPrTbd5
dQtJLNZGRGfImVuZ3/2j3Oe9V7CHLzSXSw5hzFKrg/vHB6sfWqjTbPQ0VuXReepoXEcOi29v
fXlvDHfX1wWgts7YrSMYIcDvk/yqHXtY1C98QzXU1xNa3EiBEkjBCSei5HUGskzLq1rMpaSa
SEL9nQ5YhM/dH+z7VsQ6ha6TpF1a3bXE808arHDISyxfQdiO1abe6KneSavp3IbbUY9Vvrq7
utMlurleGSNSyx9skDp0rvv2QIVs/wBpT4e31rHbysupSNcxXBxGIwuWTn+LZnHviuLvNZkV
49Ns7W6sJJE+a4Viss5x/G3cV137LR/4SH9pj4a6fDHCzQ6wiToM4mxIC8jepK/yrOtrGXo/
yI5kpJS11X33R7Z8EdfkuPjF8fLfRfJbTdasrmJ7e7+5GMOQ7Z7A5A+tb3h2O1ttkkm1mYAn
2GR+gI59BWD8GrHT4P2j/wBpCS6t5r7RbPQtUjm8k4YAvhQvuMYFbl54G8SeD5POvtDvo7de
WlC70+bgOSucZHfoM/SvgeKqOkbu11orpX0W3c9/J6y1Xn+pteK47a68H3lx5KrJChK/w49h
znGa8j8MfHjVvg1a31vY6d4b1iz1S4FxNb6vp4uo2YcLtGV2rjjnHOTXrHjRWt/h/bxqwX7Q
dxLHqMDr6kjPToa+efHc62gmjWNZGU9CeV55B9cj06GvD4ditYyXMm9n5f8ABPpY1l7RU3sz
3Lwz/wAFI/FngwWP2jwzoMNrZwmGyt9MlNrbxRHdujMW6RdhYggYGCowQK9Q8Of8FXdDnsVk
uvD/AIi03UFOHWyureW3x6gyAH9Pxr4Lv7lvtDbZG27Rj5s/5FQxS7Pvf/qr6DEcP4TES9pU
gubum196ue9TjC3J0+X+R+iVt/wV/wBF06L93pPii6k24CSSWsasSfVBXeeAv+CgmufFDTo2
t/hb8QLqO4AEL2S7reRjzzKVUAc9c9DX5dxOzv8Aeb5ueK9K8AfG/wAaeF9Dj0nT/F3iCx02
OQuLe3v5IlBwg/hYHACKMdBzjqa462R4eMXGCV/Nu35nZRylYiShC1292v8AI+1vit+0b8WP
B8DahY/DPT/DPGWvNa8SR3TKjZIOxpUCn5T1B6dK+b/2otU8efEBvB+va54i8O61deMLdrmz
03QACtqwMVuEl2D5pHb93uJf5oWQHC4rzPxn4m1DxjfrcatqWoapcRxiFZbu5e4ZUBJCguSd
oLE46ZJ9a0vBOr/afHvw9tY/lm0+7tbbcAcrnUGmHHf/AFg4q8Hl9DD2lCEVLZtJ3tbu3fc9
bFZDPCw5003FO7+Xmd9+z/8AsSfEL4wat/Zs2lw6Losd1PbXuq3EyPFbtA4SWJQjHMgY4A74
JGQpI+1vEnwN0f4Hfsw69ofg1po20vSb65e6+Vri9mNvIC7kDkgMQOOBgDpUnwq8SWtjoetW
rRyL5fifWidvCndfy9ecZxium8Va1o8/gnVl1TUI9N0m+t2sJp3Td5ZmHlLhRyWy4wB19uTX
wmbZ3WqYxUYq0Yy2SbvZ2u+9z521ZxVWptulbT/gnxH+zb8ENe/aG8J61pcOqXXhfwjGY/7f
1plGH2MzpbRgsNy/MzMARlim7O1c/dGsS+H9K+HVnb6lqSyRwg6Z5mpSwWc1+ltIU8zBEa7o
8b/lUBTx1rwOf4nSfEDSdQ0nwzZzeC/hP4L3WdzqLgNIHbBMVunPnahKzfKDkQl9xy5WuP8A
iV4/mtvHV1rXjiOGPwz4Zjt4rKxn23L21xscy2LMwBnu5llSS4kUFQ2VZsIGHuVsHXxajK/K
ou6irX2S19evkebGU62I9pHR9uyWy9Ty39sLwZefBn4ySaTcQzfY7fY1jcMvy3lu4VgwPAO1
mZCOmUPNHhPUJLXxBDN/yza3k3luFf8AdsxyO3Ctx14P4fRFnoeh/t5/s7W+irqENv4msVkv
NHkmJZrbcS32XcfnkRBiNpMc7AwHavnPwB4i/tvR5pmha31Kxt54TGVw6v5EiFQOmfnPX+9j
rVU4qtD2c42lF2l+jXkz7LC5g50nSqr347+a7nuXhv4mrP4F8PruZWk0u1Zm9T5S5x7enf8A
pyviXyddnkZnkZXJAAUZPckfX9K5Hwl4q8jwVpcSsu7+z7VSQe4iX+ua3NC1KG/1PczfubKI
3MpbjKrgD/dOeOeua+RxGWqjiZTpq2r/ADPPzKonSu/kcvp3gzwzqd54uh1jS4dQk0XSzqFm
XkdcssmwjKsN2d6EgjsaxYPhtfapoWh/Y1jtYY7Bgzsv7uJGuJZV59lkHXrW1a2rNPrl0zMv
9rW5tnQ4xtLq2D+Kim+PfCOoeEwpuPXjiuB8TW0iWXneW0ce8oMcDpyD
7n71dB8T/D0nw7uLfTbm6Zbq4tI7xAj7iqsXAXjuFTv/AHhzWH4l1hp/h7o9v8z+ZPJlyB8+
Pu9/Q459K+kwdOaUZN83M99tLbn1mHrRavuj1T9hDxVdeDPj54FuFIVZreTxBDaygDjN4jWxJ
/BuPrX6vWvhC61mxjtVZVmjXy3LdOOK/IH9nG+uNF8XeIfTvZ1dNC1KG/1PczfubKI
pwa/a7w0fI1W+mmXb9ondIunyony/qc1+Y+Jvu01U0vqr97NNfmfnfEmMlSxF6a6afL/AIc8
V+NPgu8Ic8
V+NPgu68B+Cbyza4jmk1C5YIyKUVWkiEaLz6Nzmvz7TwTpeinS9S8S8XeIrHQbjYu5c3
F5aeRMi+VbxDPzuD/rCuEHOfug/rB4x8A2/xXeIrHQbjVr6+tdYu5c3
s/2CdS+JPj/XI9e1a30PQ7W/ufsVxqJK/wqBpv9qkVzCiuuPlRA5JyCVGDnji8P8ANMO6MlUl
yyVm2lq000kl1ae5tkOeJ03QqNqWjbXW/wCp9DfB/wDaJ8DfBzwbcaRqPiXxJ4ivtRvo
apBI4eeQIT5jiDGHIYknjg17t4G1vTRqtxpOoOeJnZ3l9hjHEoZXAGFJ4AyP5AV8x+Afhr8
2VfBGQfCPgzTvgXpHxA+Jvi/xJ4ivtRvo

nx7uvhR+wF4V8F6CsOnr8UtV1A6lOEPn3FlZTRlYlYnKxmQx7sYyFIOQTX6lTwOEw+HbouN2
krrfzZ/Gc6eLxuYKNfmsm209lfsj5d/4KJ/tz6l+3L8T7O4s7P8AsnwV4XEtr4e004MiRvsD
zyHqZJfLT2XaB6k/PbWMn8Ssrenrn/H9KsaVI0MsbKvyqfkA5x3z9OOlaAsZNWuGZY++AFPC
ivHrVIxtqfruT5S2lCC0S2Ra+GXwp174weOdJ8L+GdPk1TxBrlwtpZWqsqedI3IyzEKqgZJZ
iAApJIAr7m+OX/BEKb9nz4SwyX3jyPWvG2l2A1/xNbaVCLiw03TW3LGtvwJJ5mcZMnyxoqOX
KgqX8n/4JcfCfTfFP7a/g288SQyL4V8I/aPEuu3XzCHTre0t5JkmnI+6nnLECDgNuwcg19Qf
DX9o/Q/jHY+LLG40u3m+H/gNDqlhDqF2LXVf7PkuEN1EqxEeeHRZiAXVUe6SMDDKR87mWaVa
bSppNbvba9rLzPu8p4TqYmb+L3e23zPn/wCA/wDwR++Kn7RHirVP7H0e38E+HdJuLS0mv/GF
6lqyvcLG0abFBPmssiP5XJG8Lu3EZ9C+NX/BPT4A/sxeFtDsfFnxa8TeIvGHiLQV161l8P6a
r6asTS4hTY43h5Yw+0O6gGNixGQDn/F//goT4++KmjeIPD9jNHoPhnXNdi10xwSSPfq8KRxw
hrl3Z+FhiY7SMMnG1flrwtdPjjdm29gPU4HTmvH/ALWqzvzyUV0S3+bP07I+A1JxqVm7J7G5
4mk03xh4kmvbHSYdHsPLit7OxSZpls7eKNIo03NyzYXczHG52Y8ZIq54P0CH+0PmjWRcYx6+
meelYOm+Y42r94H5V/vfT3r1r4KeAptS1Bbib7qNgL/Dkds/X9DXyubY506UpzkftWV5bh8P
SSjC1jtPh58PZLwx+TH5cedrSZGBn72Pb3+tfSXwR+CNjKI9e1azmvNJsZANOt7gf8hS6HRt
neJeCxztLDnOGBr/ALPXwNm+IWqR6bH51vpdugkvp4yu5IsnCDOfmdgVHoATyAa+oJdGt45I
Y7WGOG3tYlhhiRQqRRjgKvoK/AeKuLPZNwg/ee9t0v8AgmeKxkZVXSht19Oxytl4VXUtY+3X
X77UG5MjfwHpwOwrtIdJWHStqqu2PIwR0p3h7ww7XS/nkiuutvCjTr5KhtxxwPevxjMM8553
k9Eefjsypwainojx/T/gV/ws3xAsNwzWtireZcTL98DOVCnoCSAeeleuQ+DbXwpokel6Tbx2
9nbgiONOByckn3JySe+a7bw54Lj0HTvJWP8AeSHc7HqWrQbQFEP3eFzkmvKlxVUnJU7+4tl0
v39T5PGZ86tbmv7q2XT1Pl/4taJfa5a/8I7pem2+oX2uDytswz5aoytvGOykKxLfKCBkHIBu
Wnw/j+Deix2cOn6lrF9cB11CTQrGPzI1bnyYAAFjjVupxljk8EivaD4Ks9B1C8utPt5pNUvl
KtLNL5jKuSfLTONiZJ49Wrk9U8K3klysN14b1qxkmPl/bbTXnt1YEgZZEOBn0AzX3mV8RQcY
0l8K1eqTb+/ZFSzSVVe7ou10m33eq0XSx8/ftGanb3X7PfxEZdP1bQ1h0i7srfSb1FhaNJre
4k80xgsx3NG4DEgAIwxxX52fFIrffsPfBfTbX/j4uNa1J2WU4UsJFGee3NfpZ+2h4O8O/Cj9
nnx5b6Doskd5qGi3V1qOoT38txJPIsEiLuMhOSVlkO4Y6e/H5y/H3w9Gv/BOn4J6l53nXEep
ahAIozhlDSkkfX5B+df1R4d4iFXAc8L8rlpffzZ5OYSc6nNJbrS/ZW13e58/6da/Ytdm/tC8
urFo5Ximnt1Yq4A+6GFGiXqxXbWdlJ5sc8L7ZJzsOcnHBHJyKit5Wl0OaNr6S38uWRzEZPmP
OAT39qisgttb29pcTRpFdKSJf44h/s+gP61+oR2R5fM1ZoJ73zSsl9dTrJMxe6WEDbCV4QHH
QnAq8ut3F7dw6h5VruupBC6EEFQBgZ+o5zWbp3nQW17CWaOGRD5hU4EmOh+tQwRXGrpawwws
zKNzyk8yHsCehwMe9TKF9gp1Jprm1ubUem6XaahZ3FvMs1xMzmSGI7h06YHaqcWo6pq1zMkZ
jjs4ZcFSOEAPSpEjmHiGRbe1t4UkXyPNQbfJz1kB7NTdKW6t9Wa2mbzo4mOdrYDf7TVMYsqU
lJ6K3oesXMnn/wDBPLTY444Vkk8XlYtpGbk+WcmUexOBntitLQ5IZ/8Aglx4qhVt1xD41tnl
if7kWUABjPcnocdqz3b7f/wTrX7PCv8AofixmmdFO7mPjce3Xt7VDpdosf8AwTx8WX0ayeTd
eLLSGOJmzHAyoCWUf3mHB9q4/wD5JfmjlxW12+n3+huft0zx2XxF8I2f2dW8vwPYwt5ZJzxu
z+GK8/8ABV1H/wAJJH8rN/xLU6TeX/EO1dh+21NJovxB8GyMVZ18G2PMZ2546HPbHGK4LwHp
0w8VLIt1LbyXGn+aQDwoLrhR7CuyjHzMala2Gae9/wDI4zT7qHTbfTbUL9qe3vBK0sZ+Rhn7
vI612XwevtvxzxzKuqfN/wllnKAwwcecuAe1cZ4XuIZjBFta1t/tG55Cc4Pauz+EUC23xs8Jq
GZlXxPZ/ePJ/fJzVVvhOrL4twXqvwPfLG/W117wb5jRq8nxquJjv+5w8QyT6c17d8O/2c/h7
47g/aO+NHjDS9Y1i88D+MXtZIbCcxXmlW28r9riJIUsudwB6CPORjNeC6rqFxomnaHeR6b/a
32X43TzLbqfnuHBjIhHpu/wrqviH8F/HnirWf2rrXwn42uNH8J+D5l8Qa3pyXrouq+YHmaFw
CAwUK4IOckKDnt5uIw/tYqEZNN9U2na6v+hOIxShJ3SvdNXV9eq17rS5veK/g82ufskap8G/
Bv27WvEl1q8PxHsWuGI/4SnR5gY42TOD5qAgyI2MlTtLcVwfxJ+DfirwN4A0v4LrxNp4x8Z
Tr4s8QXYHv

jN4TEBWR7UyYW4iUED5QQ3yjgZ5HSuo+C/we+K1z+01Ho/w/8TWfh/xZ8MfDMck+pznyWjt3
hEgtnT5lJAcrjB6ZJJxXRGpGpHli1JptX1VrWsn6PqY06jjH2iiouzab1Um97J+mxj/FHwbZ
/C/9mT4xaDp/nSabpPxPTToZ5G3AmPzFGe+QE5PfNWPj7PHeeGvHyw3CxzQt4dQyMuF3+T99
R1xz3rl9K8RXnjH9gr4ialqEzXF9rnjy0nuGyBHJO6lnZRjqSfyr0j9r7w9b6F4a+K1gskcl
1pbeG1d04Mn7kZ/xrjxEuWUU7t81r/d+B7WX1JckpaapaLTf0PmDxZqFrpV9rNrfM11YtqOZ
1tzteUj+IE9ATXNaXJFdaPNo9rassb3AmuLiQAyxL/AqenH3vWt7xjeR3Ka5Hdskc0l1EBt9
Bg546/KDWDILG21Kaaa8aOKGPfaLGPmlRh0PHGMd+a9qh8J4OZSvVUui0+XUhjmm0B2s7eSS
a8mmWOVo5SGuVZh+6J98V92Xek+d/wAFPdHihtfsklx4G/e27PgWT/YZF2ufQYHT1r4d8I2l
m+s6PfXEc628mqwI7hskx5O7A9a+5vEsEV//AMFQtYj10zfZ18GTHTmgfbIyfZGxvPrgv19q
mpK1TkS3Td/uPHlvzX0TSS38zwn/AIJx6tfaV+158PWXT/7Sjt01OCKBcPvOyYuyjr/EOT6V
5T44XS7rxF4gvrqaa3uLjWJmbTYAUbYTyNp/u/pXpn/BMHVY/Dn7a/gnUFZla1h1JWVQWf8A
1FwEJUd8t+leQ6+Y9auJLq4k/wBLtdQuZL93bbO7ORtOOp75+lbR0m/RfmVTl+7V4/abTfyu
QxaBpsstq0esfY7eaVdsExJeL/aJ6VH4g0/+ztUktfs93PNJMSGDYiulzw68dD1zVCw8k6nc
3FypkVEwiAHnjtWnYeKNQ1W6h86ZZfJt9kCDGY0HRSe1VurnVTqK1tvQsWvhvUNJij1ax0e5
8ixUm5WSTLPnhWAHYVDptvrEl9Ddvp7T3EgJDlhkKeOnqKr6Nc3UN9dXVxqFxDHa4klgLHMo
z90L6VctpW8SX9xq1rcXFvDBGzeSH5UgfyqpR6mlOUb6X72uvv8A+AVb1ptC1W6jvGvP9HRh
ESflkPsfxruP2UNUsfCH7Svwv1BW+13E2qAzRwk7oVdtgVuOq5yfauR0PxJJoVjHLcbby+mj
P2WOYFup7k16J+y94outX/aY+F8LWtvpv2jVDZyNDEMMzttd8f3sHr2rGpfkel9H18jGo05r
3uq3V92vxPdvhvoun+Cdb/bEumumuI4dLazs/s52mWWeRyCCf7p61yPg74peJvhNf2+pabqV
wsdnIJXsZX3Wd6gyWikQ/LsYMRgc4YmtDxJ4da28IftWWunzXF02m6rp7+ZnGY1un35x6AH8
qsaR+0f/AMJFc/ZfG3hPQda0m4kKXVxptqLG+t0YbS8YU7HYfe2nkYOOtfM51Tc1C0VJa3Ta
vstrnqZfL2d7Pd/qdx8Ytb8P+Jk8P6h4Vjmh0nUNPkvltnYlrIltpjHGWAdXxnqpBr5d8USt
Nb3DdY2Ysv0J/h9D6+1eua8bPwja31jo99JqGitHmwunBUyxOuRkYGGBJBHtXjPirzI7OZoZ
GPlryCOcdDn2xXzuV4X2dS0b20tfe176+ep7VPFWrRbOZujtmZV+X1FRiTK/w/lW94G8FTfE
bXG0+0uI7e8Wyluk8/7soijMjDI9VU445qaL4a3kreF2jkhZfFXFmScKr+cYSremHH5GvqPd
j7rev9f5M+sp4jm0iYtojOf979a6LQj5Un3v/r1pQfBnULJGZrnT2Md9LpzIsvziWNtrADGe
OvuCPWuo8Dfs96t4g8AeIPEzapoum6X4buHtbr7VJIsk0iqW2xAIVLN91dzICxAzzXDiqkba
tbpfPt8z6rJ8RCjJTkczeXrLwzfn3rc+BP8AxMPjj4FjXLM3iGwUDPc3Mddx8Zf2U5Phx8Mr
fxVH4msdWW+trS/FrBp80QS0udyxSmRvkDFlI2HBOGPQVg/s8eHfsfxk+EN98zf2p4ogDArw
fLuoV4Pfqfzrjp1IODnB3Wq6qzSu1qepmWcRrUZcuq1R+gXhzTrHwx4A1jXNSmmt4ZPFGsNH
FCu64vpX1CVIYol6vI5XAA557cmvOfEep6h8TJtSmuNUs/CfhfwqzRa1rk0gkj0KRgwktbVh
kXN86FFLLkQ5IUlmBNz4kfEb/hVPwy/4uFcTeFbWzMlvYQWoE2rapdO7vdNZrwsamOZoRcnK
qGJBBcV8e/HL9ofXPiWuhwta2Ph3wr4dB/sjw3pzt9ltMOx3vk/vbjDfNKQCx3HAyc+Dgchj
KrLEVF7zbae6Setl39T4f21erH2MHpffsvLzPsi1+N3w/wDhX4D0HXtWaHS/B+hwmTwZ4atX
WW8u2OR9unVThriQlvmfAiLNzvJJwT+zrJ+0hrU3jT4tNfWLapGV0bwzptx9n/sK3dtxluJC
pAkYDcQRliQWA+6niv7Pmm2tt8RofFHjLQ7fUrfQ4kvl0SEKZbG0fzN940LD99scKzKDlfM3
EDGK+q/GXxC8Nx6XqWrTaxb3nh1rIamL+GTzI53S4CGNHB5O4xoQuNpYA4yMzmHtsM0qCblL
d72V9l2NKGWxU7SbS8ur9Twz4afDXxF+zV8dLHRfOHvvADP
BLIvlsOjghlxyBuftJeAWvb+H4qaPp80Oj+LJYrLxBbxDbNoOqxHyt0wBAEMvyqxbackMeWw
eu1LU9L+N/gu8jjs7jVtJmWObVdEjCw6xocuzMd5bLgOWzggEYcDjcCRWf8ACP4sw6df6poe
uXln4uOx3vk/vbjDfNKQCx3HAyc+Dgchj
8e/VdU2+vVHyno3iz+zrLT1k+eNLCFl+TAO2NevsPXvXZaD4lj0r4YXlw0nl3XiC/ito0K/O
beLLyN16Ftgz7/Ssv9ov4VXHwA1+TR9SuI7iOzijls7sEKl7aMSsUowfRGBX+8hx2rzPWviJ
/bF7atZ/8eumwiODDcD+IsOflkPp7VpHBxxS54bPW/R9V+gYzERlTXXQ+jNBsodR0q1X5fLY
huB8rYP8++a2JbCFLtljHyxcdcliOT9ePWud+DesL4j+HPh+6VvvahNaSsVHYI6g+nDge4rp
HjWOOa4k3KGYoCeNqg9D6Z6Zr4nGU50qzi+ja/ExwsrI8H/aLim1vxZJqDK7Q7Ibbdxj92CA
SfxJ/GvO9YuobbT47ZnVljk3EHsT/ewfxBH/AOr2b4wapH/Zyq0W6NpAAhXrwcAe2O/0rxHV
1bV7/wDd2bbVX5MnaABByFz3x0OelfoGQ1JVaEVNaR2Pao4yEIcrsetfs8XFvrnijwTo8beHV
at4hsreMJ96Qi4iJyAeVye2eSOnNftRr8y2jRww/ehZ3Ix6kk1+NP7Dfw41dWt47
WTR7fWLS5gtoS0jwwRXMql2+XAAeAsSWz+9jxnOB+yWvqzz3EjLt2yPtzwWBzX5b4r+zjCNF
PWzk1fZtpfofnOcYpYjGJLZJ/joZNx8Q/wC6EvC2UWGxkzZ3EjLt2yPtzwWBzX5b4r+zjCNF
NkvtShs/D+mwXht7Xht2cjaxGe9eW+P9a1jQre
O60uOTULyMmRbTOd47rgV+XcR7C4Kgk85QcV7B4n1C30C30Ce+Qy6Pa+Rp8Y/wCWEvC2UWGxkzZ3EjLt2yPtzwWBzX5b4r+zjCNF
tSahJbw+G7pruWLT7W9ne1mmjQKTNsDEbeRlRuHHsCfavhN+z3qXhndxdp99rniy3/s2O8N5c
2NsjNvlAG0+cSdxykangcL69ef1T4tE1q31TS/NWOX+0YLWNN4jDEeY+7qvpj
jvk113g34161qnk6fq2lx28kysIXW+huJGK4+95Y6Yxz6iv0zMq2KlR5tNVZpNNpeWr9T6TE
YXESpcuiTuna1/VPXoUf27PFcfhn4XTzpNNnpeWr9T6TE
mRV+SWQ7BjduPqobHSuVPh3wNxZh4nmBZd7Y6lQDyenOMjIz+UNxdw
pq8M0l5b2fltnMsRmU47FR2PTFfd37fvjKxh+B+pR3OcGxuQt/MbmX513jGJzcMcdwK+D
de0qx8MXUMPiSx1yFptsmyLZCSnOcFg3J47V+j+H+D5MJzO95N9NXZLVJ9Dxc2ksLg/Yyer1
26bL1OquIfD+txR+XrXwtddpZhc2M1lJ1/iwfvdqq+K9b0HSPdnOb6Q
mRV+SWQ7BjduPqobHSuVPh3wNxZh4nmBZd7Y6lQDyenOMjIz+UNxdw
vKu+LRZNOna3uDuPys0akqMFSMd1I7g1+mYeUJPlk36NJH8+55jXHojR6iqSbSv2OHsfi9HojyR
2Nu2pTMc7XkIjGOuexBHft04qTSfBmqeCtRPWNe1TRPDtjJ9yCLa1yY1UY2IMnBOBlj1yevB

9U8Pf8E9vGnje80/7Y3gvwnpN8N0j20dzc31uGQOqmAfMXJKgpkYJPoa9Y8Afsh/Bf4efE2T
T9Yj+I3iLUtSgktbS68S2lvb6ZbcCYzKVkVvMEcbhARtZn2nAJI2qYWnhk5q0eZbuzfy1sj5
/FZ1CquWKcn1SWi9W1Y2vg98SdBsfBfhnwvdX0i6StpawwW9hMbjU9XZ4/LWzjiJ+SMSQsWk
LYxtQAZBPyv/AMFlPFtnr/7Vej6TpM0n9l+HfC9nHDAdyfZmuC9wQyE5RikseQeeg7CvtT4W
ftXeCdf+JOm6L4b8Nx+F4Y57e3tbzUfDjy6xqlrF5s88a3GfKt4NqxgoM7ELYOa/K34n/EK7
+M/xX17xZqy2/wBu8QXr3TxwLtit1J+WNFycKqhVUHkBRnpXoZLUnFS5pOS31vuz4eplcK+M
VWMFF/L9BvgL4b33iuykvFXydNtZBHNeSsEjjYgkLk/xH09SM9RXWaXolnax/Z9JjuLqRThp
fL3NIc8YxkY7e9Z9z4qvNftNN09maHS7FfKtrSIbY40LbiSB95ickseSeeK+9j45+E/w20DQ
dPvLrVPA9q1lDNFNYaWlwLqPL4/fAM7EMWJ38/P0IOa5c4zSdNxjFOTleyXRK25+5cH5DSac
puMVFK8mr77WR4Tp2u+MtJ/ZwbwHo/g+68O2urXzX/iTVgsi3fiLBxbwOWA2wRqcCIEhm+bA
JbOX8Lfgj8RPHx1Sz8I6Dq18txai3vFtkG2SHzI5NhJwDl40bAOfl9M19beBf2gv2ZfAusQ3
154q8QN4gty0bPqdpdSSWzsDG6unKZCswwQcZPcV6VoH7SngHxq91p/gPxU2uXFnbPdyw29v
9nMSRxM/GVQZ2x4A6jAHWvlcRmGKbdqb8m00j77Dyy3DJ06ckru7k2ld+nY+JZf2KPitoGia
lqWqeE7zSdP0e0kvbq5vJI4kVERnIT5iXYhSAqgnPoOR5TFLJIvzfQ1+hHij4t32veI10O68
QJHD9mt/EFlq2pSwx2NhazWsjxRXvTypCyOMYYlJE9zXxD8cNKt9A8cSSWscNva6wranbxwg
COKGaWRolUDjAQLjBIweOMVphZVaift4qL0asnbVdb9T6LL80wrn7OnNS9P61MnRE8i5Xcu5
eNxHYeh9M9M9q+lPgrYQrplvNM3l7uW4wsakDAA/u4I5POa+YfDN60Grw/M33hjafmznjA78
9jX3B+wP8Lrj4q/FLR7H7Otxouiumo6lKy5iWNH/AHcJB4JllXbsz91ZP7vHyfFkvZ4aU5O0
YptvyX69j1sRm0aMJWWiX9I+3v2XvhR/whXw6XVJpJJNS8RW8NzMp+5bwgMYY1U8ggSEtnnJ
x0AroLvSIRPthXcynaMDrXXa54mtfC2iyNNukkvHEcUYPT6fT+lVfDNnC0XmN/Dwobv+tfxv
xBmU61edV3956ei0t9x8TRxlVc1ad9X9/wDwxc8K+DVjjVm+6orrvDfhpZ7rzB91R/nj8Kdo
MexIfl3K5wcfTrXUaHFHbzBVULuGCelfl+Ox03c+XzLMqknIkXRo1T5l+brn3qhqekMVZW2r
/n/P510Yb+L7uD3rmfEeq4jZd0cbZPUg+teTh6k5TPBwtSpOdkchf6TZSX3/AB8Tbl52I39a
5jxRpCzahH9o1C4mtbd96QtFhg3u+fm/LvXSXtzJ5itb3EbMp+fYw/WuH8feObfTHkaSaPzF
H+rUhnPYAAfyr9E4fp1Z1VHfT7j67LcPOpUSV3/XpofP/wC3BftdeGNYs4dzQ3XhbW7iVM8t
HFFEoOO+DIefevzb+Nmqxz/sJ/B+OObzPsOpag83lqwK5myBkgDcAPWvuD9qf4y2o1n4lWcl
rJNqWk+CpYIZVUtb2sU0Mj3ETYOPMZvs5HGdsR5618V/HG7vl/4J0fCPzI7e3t47+9aNVP7y
5HnOQ3A/Cv7u8N8C8PlkIPe9/W92vwsdGdU5U6ijLpFP8jwM6f8A8JBqEjWsXEMLTTPIfmmU
n7vpmoLDTftt5DdXWlXjaXHlNiyKH6HHJA4zUl9qt5Jexq0P2Hd+8lEZA/dnv9KbAs11dafp
63xh024kPJJAxnkmv1CMtDxPdkk9fuRLHYXVj4da8vvs8duz7IrSTK3FyhP31wMYX19qp+Ib
+TT5VWxk/wBHihDGRSQsuTyV9xnH4U7Vb/zLpV+0TTJp+6CyTr5qZIbBxRc3cc2hRxyQq1vp
amNDnDSeYcsT9DVddTKSdnFPbqQaZH9na+LXVxGn2YNIM4bLc1b0ue1trRbqGSaaSQmMwKSZ
lI/iJ6YNF1pkfivV3j0+JtzLEijoOOpbtWppcDalrFxd2bQrCq/ZmBAX5gOuKqPX0CjTnHd7
npGmGPT/APgnNqE0MjR3Fx41QmNvuSxrB0UfXrn0qTQ9Vz/wTd8VW7QzKsnjO2njbgRj5BlP
rUzx2Wn/APBM2Nbj5tU1Dxox07nl4VixIR/wL1qrHqscX/BP7xRZ2+77G3i22ltw3UOEAfnp
jiuPf71+aOfFU3JeaV7eXkbn/BRKWHUviz4JaNVsWn8F2L4bJ8s4JAOB2xXlPhi9ks/FMa+c
rM2nBjJHnD/OPWvWf2+5prz40+BmtY/L+2eBrBbcScjlDj6fjXnvwosWTxvtm+Vo9K2MXwQW
Ei5xXoYSneat2OGtJzoN+f8AkefwzW9/shi4srMZm4ySe2MV0/wTnWP4heBZJf8ASBH4js1J
7485fl965jU9TsVvtUjtbeazhYKqRnP71j3Pp611vw6tYYvjF4VWOT5Y9f0wCJUCqSXXPzet
Zy1WvZ/kehhZPluv61R7l4m8Lt4q0DT9PWSRV1D42zWREblZIt5QfKRyG56jmrX7RPg3S/Ef
7W3xg1rWta1SPw9Z6zaaXdaLpLutz4nlKhVt0VTtdkK5YEHGexNVfFniBvC3j+8m8z7Pa+Hf
jQbsXDcrArMuSV7/AHK7o+LPC/wd/bE8bLqWtaXpNx4d8fweIYri/G8X0F2o+0RxqQdroGyJ
O2B0615tSThHmV72dkt3do6FRhObdRrV21220O6/Z08XeD9Z+CnibBvC+qeHvEGqeHvEGqeH
Szz4m0CzZl3x2oXiW2EigzIDuVAeMkZ4H4ofstfE79qj4vzfETT/AB18L7Xw5dXEdzqGqeE7
stMFsAI1+Yecj4QFwV4OQcYrP+JPjfTf2f79qj4vzfETT/AB18L7Xw5dXEdzqGqeE7stMFsAI
SeHDjhkUYIkCtnndx+qa98XdB8XdB8Zab4Z1Dw9qnh7xBqnh7xBqnh7xBqnh7xBqnh7xBqnh
SeHDjhkUYIkCtnndx+qa98XdB8XdB8Zab4Z1Dw9qnh7xBqnh7xBqnh7xBqnh7xBqnh7xBqnh
ibxHZ6P4Z8C6Rbrb2sasRiaQA4xhOC2/Geozipr79nTS/DP7CN18O/BfjwA8ba1pem2/
9qWux6enh2SNkZI1iyS+Sp5B78qa9K8P/tF6T8/wC20fUU8feAdU17wzpy34GK3mrIh
wHRIwirFMyDYHXG3OeKxrVJQpp0oqUuZ3STTt3Sd7Dp1lUqa3jGKWjaaT6pPRs8w8R+AbPVv
27fit8ZNejuJPAvjwA8ba1pem2/WXkfzJrK5uZ0cycNkYPAJ61wf7W+h+7CdA0LT/sN9DpvxOmuvTfv
27fit8ZNejuJPAvwnlic61aQxw29oG4ZmEufu8ZC5yGAPlP7On7GK3mrIh
clLiKY/6o7WUlFJAzjjGT9EeLv2lZv2WPHNr4R8dfC+18OXVxHc6hqnhO7tMFsAI1+Yecj4QF
lb1Y12lTIc9cZ6DPFe1cOairttuz0d7atd1Y9TCyw9Kb9o1okk09LX0Tvs0ZfxutPi1+z1+1
HoPwt8K+rv8nniCwgujjnz/wCKXwd/bE8bLqWtaXpNx4d8fweIYri/G8X0F2o+0RxqQdroGyJ
5asSr2kZdxthwSAMELwRTvjD4O702eNeL/wc0nxd0HxdpvhnUPD2qeHvEGqeHvEGqeHvEGqe
D+vatopZsVtHigzIDuVAeMkZ4H4ofstfE79qj4vzfETT/AB18L7Xw5dXEdzqGqeE7stMFsAI
x7cVz07QknZqRtBigzIDuVAeMkZ4H4ofstfE79qj4vzfETT/AB18L7Xw5dXEdzqGqeE7stMFsAI

TxK1p9n0bwvYMgWeK0dRuu70pjYBuUZHU15iPhl8JvFE11N4X1b4veF28VPLpdh431jMejan
PyWimkXaxV8FMHp3HBqr4b1Tw3+1p4u1zwt4g8WaP8IfA/gvSptQ0DQNOulEUl+vRncptkl+
8WP3ueMfMa7j4LftL/CXxv8A8E7dF8H+IvF0nhfxh8PdV+13WnXdnLfWPia0jlaaOGOIHYrO
2wF8bhtOcg1UaMoP2kL3bV0tLJ7N2Wvmebis4pNRocq5U3Z2vrpezb0R5ONCXw1+wJ8QLW8h
tW1Cy+IVpprPat/o8nkQ7SEGBweTuxk55rsv2pZF8SeEPixqFxA2l30b+HFW13ZUqYQOTjtk
9fSuZi8SW/xB/YR+MGqWdnHC1x4ystZlskmLJpsU7/IyjGCc5QnA9+lehftQeCdU/wCFbfEG
G7l8y81SXw40EKrvYRGEDdu6n5geO2KMTWi5we2rTv30Z7mU+9CSWraVrHyte6Jef2fc6Qum
hNSsJH1Mzsem0A4OeCMVyV3er4hiuvOHk6lfSR3CsFAjmOecf3celd/8Wtfm1f4jag2lySW+
jzxi1ikZMmVYUCshPuc5rhvDXh68LSLcfZ7ext8uzOf3hDc/uh1OMV7WF2Z4ebfxI2WmzCK1
kfWGkaOO3WPUbdQYz8qnJ5r728QGGx/4Kz+K49Ub5rjwsUtHU8A/2epB/JXr4TsPFWn2Nobe
Gxkure81O3klnmcrIqIeYx/vevavu7xBpFrq/wDwVR8XXDSfbIbfwabqD+EwA2aLt9zhj19a
xrfFd6aP80efHlura6q/3f5HgP8AwSS0xdZ/b78CW/mRxyeTqTFm/iHkXG0H8c14T4+ts+Md
e0+SPztQt9VuQk0bYyd5zkjqOOK98/4JQXen/wDDc3w/3Wsliywaostykh Y3BFvOQ23tgEiv
IZJdJfXNTkWSbT4bG/uSmqKDNJOHPyKUPfHetlfnfojGjTUlZvS7/Q5+50prrRrZZJlkmtfm
uo4/vCPPUn2FOm+zat4g+x6bD9htpU4lP3nXGdxPpml0fVtNtp7pWa6vG1BPJ87y9hQnjG3o
aWfSLG11D7LZ6lLcTFPLMphZPs4ByV2960jKVrI9KNNWXKVUEekaJcfaF/tCS6kMCk5Gzac5
Dd6bJcWNxYxLCvl3LMm4K2FJz0OK3tIn0O3sLq11C4utch02Pz7aKOL7MPMJwwZupFVfDsdj
qF3JrS6Tbw6bat5TxNcE/O3CEZ9DRKPQ2VkrRt6dfPX/AIJDfX+pav4im0+W2W4jjcDyWXyx
HgdQ3BFegfso6O3/AA1z8N4dH1Lz5P7S2zq67VtVz+8RSevyZ+Yd6871C+votYa31qaST7Pw
wU7fOJHGXFdd+y1ot5fftCeA7mGJY92r7bXY3/Hw8ZDeVkevTd71z1NIN9LP8jmjZtLrzJ/i
j3KG0htNX/ai0u1kks7eOMz+W8hJYrMxIPrk1g+Obaz1nw3Z+J9KaO3Wacadf2a/8u8213R0
H91kQnPqD612lho2k3nxW/aqa+vvsqw6K728kn3Rck5ERPru+XNeHyau32KS3WZfLuJkmYBv
vMm4L+IDn8zXz+ZU+bka6fimludftLrTSzt+J3Hg+7/tPwHfQyOzNo+ZV2sDiNm7f7IY/wDj
1eX67MtxJMnmeXDyAATnPX5f5Y967DwPq66d4N8cXEjfLcaV9hhUk8yPNEQenGAMkDjiuD8V
r/pMaph/lw4PdfwPf26Vw4PDqNRu+7+7RMzljOSakaXhDW18A3lr4g0e/s5NRt4p7WS1mwh/
exPGXXPDDDn5eDkYqnH471CDQtFs2kh8nRZ3lsm3HzIGZ9zDPpkA9K5u+0pb3R9QuF3rdWJR
mXPDITj8exz7msm4tJLdlVrjczKOOVwD7njFe9HDwlq3d+a8vL1PosLnEou6V/uPUtW+Ndxq
T3kjW6xzXWtya1BItwD5Er9QR/EBgcn0PrXrXwA8R+NPiFoGpaXpbeBbGzurtr6/vNY1iGGN
nlBHKs+7J8tuAP4uQOtfJYW4C/NJndgjn1/rXpHwI/Z41L44eKFsV1jR/D9mum3Oqtf6nKUg
8m3CmULgcsu7JztACsc8czWy2nODV0ut2m0reWlzolxBVirxTX3H2B+0d4bvNE8Px6H4k+L3
w/0nwD/ZttZ2FloskurNut3RsbM+YHDMcyBjlcDAGceA+Ivjx4f+Hev+CV+Hs1xeTeCZ5ryP
VNTto2F5PKyPkQMpCrGVwpPzZ+YbTgjm/jF+zPqXwy+Gmk69da14fkk1CwsdTOmW80huYrW7
VvKmO4YIyhBCE43AnAIrzPxJYro17HDG0kjLGjuzDGSy5x17AiscPl9NQV3fV6JJJu1m2t9U
bR4gk7J6279bnpXjf4l658UPEEmteJta1DXtSZSqXF5O0jIu5mCqCcIoLNhUwq54FQ+Db+HS
ddgvr63W8jtyZY7d2wsjqMrv6ZA4+uMd65Hw1qq6paND/wAtoctnP3hWwvmT7Vj+9jCqDyf8
+lcdamovlasttNLLyPuMvrU6tOM4LTy7nfaN4t8Ra34vbxRpuoSWevaLG9+ksC/MqowzwM5H
z4wRtIyDnmvdPB0PhHxtceIPEFvH9h+Er7MmmvfFhLcT24O4NN5beYLRuY5QQQQ
vyeK/AnxJcfCf4L4/cKTsPD3ijwb4Ssfi5qXxA8Ra34vbxRpuoSWevaLG9+ksC/MqowzwM5H
RY5JZBaQu1xbzxA4+5lg3nbVDA53MvTisamHU24rRJKzTWvdM6MRKM23L3eWz9T7S+B2l31l
F4o1rRdQ1rTf7Q1yCI6jforNctZxqgjul3CSPfL5zPuEZbKAnDFap+MP2fbj4WeFtU+IT3H2
yNtYf/hJbfT0SG3fT55TIZ0RiWE1vO67ec7QAfl3CvIfB3xX8aJrd5qV1pOoaL4i1gmbUtNv
LWWxtPF8SMZW8tAo2XQAVRsOZAxwdxIk+gvif8T5vH37PWtafoNr9puviEn9k6Vpkk3lXAvZ
rhY2iw38UQYlh0GzqAS1fN4vC4ilXio2cJNKWi20Wr30Rw4zERnRclbTW/e3Q4/9pvwBffGL
4AalpvmafrV14bhW90XW9PkWSK/tshngUqdpU7dxIJIdcdOa+A47ybQtRmt5lmhaFjG8bqVZ
GHXKnuPzFfox8GtFjuPD3ijwDpfiK30nwH8KuNuNzPF8SMZW8tAo2XQAVRsOZAxwdxIk+gvif8T5vH37PWtafoNr9puviEn9k6Vpkk3lXAvZ
JJ3hj8l/tTfDn7Vptv4qs7OGG4jVINaSELt8xiSlzlOCr5+8CQcjrXtZTehKVCduW946NWvt
e/V9j5utiFVjz0v+3jqv2f8Axe1l8ElaP/V2/iKQqcb8FreDgeudrH/9Vez+N40gu7q3hdj5
NxIFAOONzFf95j2HTFfKXwT8a/Z/hLqfxA8Ra34vbxRpuoSWevaLG9+ksC/MqowzwM5H
6pDJG0kyAzDGdkhXkH9Rn0r5niTB8lf2qWl/xsrXPSwMZToc0Tzf4v6wtvocOn3mkxtdQsbp
LxnCAodyKCD94lgzY7BR1ryXTwp1Jm8zzvNBLZPUHkgjqpr1T4ks3iKC8vrzzrqSMeTGucKk
eTgY6EcnBJHJ615b4Q+HeveP/P/HGn6Ho9nNcXmqTkwJHgbQBl2LHoFUHdkYx+FehlMoqjvy2V
3rp3fyCjHdzPs7/gkt8Kk7gkt8XyIWg6999uaiR+82h7X7Fkoqg4ZRPJC+CDtIJBBzn9FviHq
Si1a4hbb5LYbB5bNfMv/AAS6+Gdj4/8A2ePiXpOpeJ9Y8Ow2/iPTbiO40m4+z3Ekb2Ekb7JP
LkCMVkZSSUyMMM

YQI0eT9/YPvEEEjua8VllZTzTYwrrtb7vQj19q+m9nZuXXvbX1PznMsto4nSUU35n054/wBR
X4Q+OptB01vESyxsGlu3vZZLqaQ5ILSA+hwMeua7D9mPwz408Z/GjS73wbNrVrrmkq8kN7qU
q3aWwdTGMpISCuJCPYnNeY/Dz4o6knhC8jvJrrUNQ1JovKkmi8yZzGgjXBxnkDqfmJGSa+pv
2NdR8aeENe03R/EGsW+g+F9S+1XOp6ndW4hldzCFSFp3IEcIbDBVJYuCP4sV4OIrTc+SUutr
ttt+aR8jjsnhSpv2UVdaWR037ZHiTx0P2dfH2oeI7VrNvD/h5Vg1KIpaQpNKWV4rUgFpGljU
tI5ORlUAC1+Qfh3TZLx41VWZnGFH1r9Jv+CwfxG0/wCIf7MOh6poOm3Wk6GfEp0u1ub6Bo7z
xBELYyfbFLfMluHEyBRneGUsQV21+e/w4RjrVr5f3t425Gf09K+kyuXsMFKa1u3q+tup8zle
Bc8UlUVvLsekfDf9nXXPFlhJNDp9x5cI3MwT7vBIz6dD27V7d+0L4LW9+DXwz1a4hVrWHQNT
SclflSWK0ZYgxGD80seB2zx9ftz9lD4aaO3wdja3hhaS4dt27D7yQO/cckc+9eP/APBTX4TW
/wAMv2cbzwn4TtfEHk+G9XigvUuNszT2lyPtEc2Y/uxGeJVUHqWG4bgAPmMDnEsXjPZWs4vr
2ejZ+sOjDD4SSbs5LTpsfl7rGp3DapcSXEjNcSMzSMzZLE9c+uc17t+x3+1Tqnwb1jQ9L1K4
s18DySz29+ro0MkUV0Yy8oljUvvHllFcqzBZJlUjIK+A+J9NuLa8Zri1vIdxyC8LIHOe2R3/
AJ8V7d+w38aPDPws+ILX3iq1la1/siTT7e6XRm1JtLnaYSC+WBgqu0ahgMtxnOCBg/o9PCxn
FKVraXPx3Ms0cXNKzettT62+Md/4TT4+a54w8Y+FdbXxV4VTSrrULO0dtQ03xFdXNiyWdgtu
cBPKYxssgDgOHBOWTPxr40v1g8W6pb27agtrYXc9vbRX0itcQRCVyEfaSu8ZO7adpYsRxX3B
+0X4G0P41+NdP/4UD4T1bWfEWmtbXN/4x16QWun6bCLx715Skvln7Q05ZX2qcRx4UZLV8a/t
LeEofhz8VJNFXUNP1i+0+zgGqalp9yLi01G7cea80b4+YESLz/eBrx8dh0pW9beiPqOCMyd2
/tWXXYw9L1ORWWbd93Pfr/hx3r9qv+CY/wADF+HH7O2k6xqn2iHxN4ytotQ1ESkfuYA0htIl
GAQBC4Yg5O525xivyH/ZC+DU37Rf7Rvg/wAG7pI7XWNQSO8eKRUkhs0zLcupbjckCSMAc5Kg
YOcV+0Xxc+Ma+Dbu6XQVWSS4ijt4I0iaZoxFkZCDrlTjnG3HU8A/jfiVUl9TWGhvJ3fotk/J
s/XI+3xkvZQT2u3/AJv8Ta+KF79o8Tx/vlZbM70hXkDnjPvx+lR23j1nv4Y5pI4VVgPLjOMc
Zx9e9eI6b4u8TWd7fapfaD4u1S6uEIQw6YjYH8OF39vSq+heLdY1DXVa68N+MNPhjORPfWOU
O7HO2Ills54zjpX864rhOpVhzuzSXRr52V7s+mo5fD2apzafKrbrrufZXgTxzHq9w1vCu5YUz
k12llrOC2W+b+HJ96+d/h38VtD8KLJNcXTW7bcH7RDJCT0HQrn9K9G074qaH4g+az1CzZmzu
CzANnrjBwf0r8pzThusqrUYS5e9mfA5tk7VZqMXy97M9IvtfWGE/N3zgHrXFav4qWS78xmjZ
SSCC3Sq0/iT7X8sbblbjI+Yc/jXI+JNe/s7UYbVm+0TXSPKqQwfMAhUNufPH3hxjJ56d1geF
6sXqtf0OfC5aqfxLU6LXtTt9GtrjUFjW3jkwZGH8Z4A49T09+tfOvjnxX9l1y8vo1jjWRnla
4kXe1uo6ydDz/Co6ZxXv1vqq+ItD/s+SzvFkuC8fH7uSNQi/vAc8HLcEdCvrxXz38UvAOueK
NHht9N0mPSdQvpzb2tqkySQWgQEb7uRh8ozkhVG5yEHXr+lcK5OnV5dE9E22rW/M+oyDEUqN
SUaunS77Hl3xGhWz+EHxC1a102CD7boN5DORHvclbadgXYn52y3JPP3R2r4e+JzNrP8AwTF+
G95tXbp/iS7tixbLcs7fgK+1viR4huPB2heMvCt5pt5Y2sfhXxIkkN0SkkwQokNyRgZEq72B
x0JGTtNfEvxT0VdA/wCCbPwzZbi6ZtU8RXkzQNDtiJDMud/0/PJ9K/rvgei6eCUZu75tNb3W
y1Rx8VVI+354/DKKtbtpY8PvQsmuXCwnzYUmF1ID93OOFyefwNQ6Tfrp1xcSSWqyLMSVPDBf
YA8D8KczfZNO1GG5ums5vNMyxCPcR2C7/QjHSmWEc13pNmyxx7ZJNpLuc5B4Oa/Qo/EfL09U
hlvFc2Wh3vltDZw3RDFGALcHPDdR9Kk0/S21u1tbibyVjVCSLgFd5A+8uOCPrUk2lJd6stjN
eNJNMf3jsSqWoHPA71H4h+263Kscciy2diDawsoysS+m31NZy3NvZ2V7adu5G12V8MWdrbtG
st1MwYLkMFz1+lQ6u8ZsPtnlr524QKifKAQeW4A5q4ms2uny2Kx2sbR2MTRTDqWVusmeoPPS
pNJ0FbTUbNr64jhs7hjLANvm+ap5BPpWlOSv5WOfm0t16eXoeoRRrq//AAT01tl8ySHSfFkE
VmGHMbSx5cD0JqvotzcW/wCwF4q0+33Nb6f4ttnuWZOrFdq8/UdK1vD1hNp//BOfxdcR7ZLP
/hN7d4yy7SSsQ/8ArcVY0yzk/wCHXiNiDVmmj2+IPHcMUyhOYtsYbIPf6VzuyVl3X42Zy4i7l
zS0dtEaP/BQa6mtfjr4RvLizn5SnAxOcelePeRhX476NbyNLjJpvtjN
eNJNMf3jsSqWoHPA71H4h+263Kscciy2diDawsoysS+m31NZy3NvZ2V7adu5G12V8MWdrbtG
st1MwYLkMFz1+lQ6u8ZsPtnlr524QKifKAQeW4A5q4ms2uny2Kx2sbR2MTRTDqWVusmeoPPS
pNJ0FbTUbNr64jhs7hjLANvm+ap5BPpWlOSv5WOfm0t16eXoeoRRrq//AAT01tl8ySHSfFkE
VmGHMbSx5cD0JqvotzcW/wCwF4q0+33Nb6f4ttnuWZOrFdq8/UdK1vD1hNp//BOfxdcR7ZLP
/hN7d4yy7SSsQ/8ArcVY0yzk/wCHXiNiDVmmj2+IPHcMUyhOYtsYbIPf6VzuyVl3X42Zy4i7l
zS0dtEaP/BQa6mtfjr4RvLizn5SnAxOcelePeRhX476NbyNLjJpvtjN
eNJNMf3jsSqWoHPA71H4h+263Kscciy2diDawsoysS+m31NZy3NvZ2V7adu5G12V8MWdrbtG
st1MwYLkMFz1+lQ6u8ZsPtnlr524QKifKAQeW4A5q4ms2uny2Kx2sbR2MTRTDqWVusmeoPPS
pNJ0FbTUbNr64jhs7hjLANvm+ap5BPpWlOSv5WOfm0t16eXoeoRRrq//AAT01tl8ySHSfFkE
VmGHMbSx5cD0JqvotzcW/wCwF4q0+33Nb6f4ttnuWZOrFdq8/UdK1vD1hNp//BOfxdcR7ZLP
/hN7d4yy7SSsQ/8ArcVY0yzk/wCHXiNiDVmmj2+IPHcMUyhOYtsYbIPf6VzuyVl3X42Zy4i7l
zS0dtEaP/BQa6mtfjr4RvLizn5SnAxOcelePeRhX476NbyNLjJpvtjN

58Nf2J/Emsatbj/RJDoytb7RwSxUSFR/wE9a+5vD/gr9o7wpBCzeFf2Y/CtjaqFhkRLlPsyj
sDtwB9Kp654u+NFxNcW+pftFfDvwjqEcf9oXVlpXhq3v4bG16DDyncy98sM+9cv9qOm/glZt
btNa7bJHg06lebtH3mnfRv8AJXPzB/aJ+Inxk/ac+DeveA/Af7Kcfwz0vxFcQ32orp+jXQvr
9BKHD7miRNgKjPXrxWX+2ZoN14X8OfE63ure8ttQ8M+G/DNjKrsynzSy5OPVc4/A198ftCeJ
9D8TCz8O/Ej9uCOzW8/e28HhjTLbSb52I+XfJbsxWPHZ8A8V8OftIfEP9mfwP4F8deE/Bfin
4ufGrxV4kgg+1ahfXHmQ74G3KftBQMFBPJ2uMcZraNSdZq8dE00km7p2vdt26H6Rwvmk6bcZ
xlFtWu02r27tI+I77S/N+HN9cXF95J0dAsEO4CWSaXkkr1x71la9JNpng/w/NdRx3kzWrGGa
OXm0Vj92QDv6ZrY13w8YvBs3l2f9qalqEsVtFcJcZMDAf6vgYJGME964+0tVsLq4s7yObT2h
wl3bySbxcOOnGOMda+qwsbwud2dSl7RKz2Xp9/cteHrSSTWdF01fJvpJtStyvljKOWbhC3Tn
NfoF4ysGm/4KwfESGHy7SSDwUflHQn7HFxj8f0r4Q+H+sW8PxK8Lw2cLQ2NvrtlI+3PzMJBn
jvX3jLqkd/8A8Fafi1cWqxr5fhJ9nn8AMLSD9K5cR8fyf5o82nUcbeq/I+c/+CV4aP8Abm+H
sir5jNDqqlQM4xBOefzrw3xXfyXuv6hE1v8AuZNVuJJIYTh2JxwPZa98/wCCQ3iLT/Cv7dOg
X2rK100mnakLRITnZMYZfvgdiN36V4jqEc9lb32tR29xb3t9qdwLcqTtVGOHVh+Yqo/G35Jf
iaUYzcbW05m7/JGHdW0Vs0KxwzN9mPnExy7wAOTkjoaseIY4bSeHUGuFWbUI/O8lAS0at3Y1
DeQafpN5/o8rNGAPtEKtyw/iHvU1vdR6po+qQQW+6R2QifdgQwA8J+VdEZaHXG6vtcjRZra7
t7eHbItr++ndBnfGedpP8XFTa5eafeXY+xrNHo6gGeNWIYuf4tvsaj1G8+wXX9nabJustyqs
oHEkuBk7v6U24vP7IuVWGRpLyQFGk7YPFGr1Rcfhd/67fLuXIdGvNW0RYZJrf+z924Tu482T
0GM5r0f9iWW31P8AbC+G9u03l29vfukC5580KSCR6scV5RFa/Z9dt7dVaS4s8EtHzH6/1r1j
9kK3m1n9sD4Zx7bW3v4dY+1GaA8Oijfhh/e+Uis60eaDi9NH+KMZSk2pLuvwaPcjr9jpPjD9
ra3vNNt9S+1W8aRQPJsxMJGBbd/sE7seor51sfC7POpWRmZQDj8R19h69a9q8M6pa6x4Z/a2
1K6tVuGkKiJj1jc3TgH8Dg/hXz7beLC0r/vmjZs4AbBPY/iOuO9eLi6dRpRh00/BGlSorJrf
U6zV47jRtNVWheGFV5/rj1HTr61y+rusoVt3YuMEnn2/LOPeug0L4nLosfl6xbtrWiyDbdW7
uFkZG/utnIfuB0+Wsv4reE4fh54nt7NdQ/tLS9SsYdU029KshuLSYExs6kAqxwQQB1Fc+Fws
1q1811OOUndHN2GpQ2lpdKdzLMu3ocHn2988HtVHXrqG4uGaP5WXCnPYju3v24+tbllr0o0m
SFdPjeGNeJtw3qO2PQfWuffU1uVmWSGP5EJQr90+uPrxxXoUYvmbt+J7FGq7WehXYxmX5ZNq
qvRgcn0z7f0r0jwHrmj23hXVNLvLy3W8XSJRpaXG1Fa4uVxKm4ghTiNCpYrg5+bkZ8xZmEKy
eSqq3zA4zu/z7123wk1nT9R8WyW19pN1rS3Wl3lsNPtYUMly/kOybGb/AFbKyK+5QzZXhWJx
XVKN1re2+nT+tmZ4ip7uj/E9E+PXxD8B+PPglWOseLLzVtLitrTSbLUo1aTTVUt9ohM+0C
S3VQvlgElGxwAWz4Tr+tSavexySfwoqJ2+UdB+Rr379oL4j6tH+zH4B024/4SbRf7S0OG3l0
W7s4f7Lu7OIL5V7byoA6s0kaMyud2ZFP3CA3h/jyFYtStVRY1WHTrPcBnnNvExYg+u7qKMPR
5I283bW+l+9kc9Os9X3sZun6q2mXiTK2GU44P6V21hqv222SZWK98g9681mOD/F7D/P8q6jw
RrSkfZ5W2rJ9wk/KG7Z9BXPjsKpR5lufYcM546NZ0KjtGX5nUXdy8cfnJ533uS3c1rXvxr8U
S+IdQ1hNc1K31LVHV57m3naGV9owoDqQyqBgYBxwPQVg3V5mx8vdtbdn2OPT0/rWW1wf73yr
+lefRo31su2p9ljsVzaX0PrC+i8J+NPH/gW81rx54o0vSbhE1nUzrmvy6gUtmk/d29s0e1ld
jHskJJMRC4JKNn2r4cLeTXGi2/gXQ9H8O+OvFGm/ZvB2nl2uz4J0d5He81W8kfIE0wZkUsA2
NqgMSyn4W+Dclm3iy1muNN/4SDVPOittI0qVgLa8uncLGZySB5KseVyN5IGQNxHvnxy+Mun/
AAy+H2veCfD/AIo1DxB8TPGlzFL448RWSf6KlvtkDadBISGEaExjCgKykgkD92uOIw+q3frs
u780fL4iUpv2VPZ9L7vsj2Hw7qngHUZo/BulrDqnwX+DMU+patq12US28W68/wAqtKf+Wibm
ZUA3ZAA+ZSgPnXiDUPDsXjW+8P6LcWOoeHdasxeaPDHefbEhtZE3S6fISMiSF8kKx3KhUE+v
d+DfA1vdfAH/AIV3JDb2Nrb6A+r6dCJt1xqknm/aHZlwC0iOqpx94KcEAlV8RsPhXp+rfs7W
/jK31a6t9Wj8SR6RBChVUSQQCRZNwG7crFs4JBQKBjbmvHjUU5yetk0lfVN3unp5n0GDyeNG
h+8fvdV0af8AkcLrvwwb4VeMlht5JJPDfiJhFDOxybeZSf3UhHAblsZ4IPscd5pmp6D4C/eW
vizSxNIrR3enyT/M2D19A4PbjIq8fDrfEbwy1rq0lvGt4JLbUIFA3293G7APEG+6ShRxnkhu
w6/LfjvwxffDfxbda7TqEatcW7ZVxys6HlZFPcHr+hxjFdlPCxxzcKrtJLVK2q76nl4zFTwS5
Y6wb0f6H1QfDF/418z+zfN8mQFyV5UDqSSOnrTdI/sP4NadqUmpeMrVr68iaxltrCVXl2Myl
0YRktgsqk9MgEdK+e/EP7QWteJ/EP7QWwC3VArSSYJMhPPoAMcdaz/h7
py6j4qs7XbukvJ41TBzy7BRg57ZwQTWdTI/ZU3zStFdEldpd2zhlnUW1bbqftF+xVb/8IN+y
34Zk2zRyeJpZdVYSLsxG5Kxehw0aq3P97jjAruNe1Jry5vLpm2x28QJz0/nVjxVbx+DtO0fR
YVWO30Wzis0AGPuoo/nmuXeRrjQbxW3f6Y3zD0GRxX8scTSUsZK/8zffS+i+SPSyzC88VWtZ
yd/k3/kSeGZY9J8L/aNSvIdNjkuJJnmlbYsYY5G4546GvMfGut2NiWuLfxVp/iC6Bnpjr0zjJHWvL/E/iHw3fWU
eUMJajqe4XjyvqnMk90k0m022la/o9T3s4xTp0bUd7pd92kz84f
jmfK+I+qRqrKtncS22OMZDsMDPavKdQgML8etelfEzdc+K9SZpnZpUK7CzE9uAc+n6V
5/f2u081/QGV+5SjHskfC5xRlNXlq+5ltbM1dN8OtL09PFVrcaleWtrY2soeYSq0nmeihVDF
vfjGAeeaxRGyHjnaP8/WtDw/dNbXW1rq4tYZuJjEcMVr2JSvF+n9WPlXg0/U9Mv/ANqfDVPDU
WoWfh9Wh7Bqnh6Y5/i21rq4tYZuJjEcMVr2JSvF+n9WPlXg0/U9Mv/ANqfDVPDUW

DQ7t8gOyIJkYUBa858UfsYfGj9kX42aLNrHgfXPEWl6bexXltPoEksljrVqCGZYrmHLKskRZ
c43AMeK+iy+UPq0aVRpSavZu1/JX38z8xxVSrh8Q60Yuze9m0vWx9Afs/wDxV+MHgj4RR6pZ
+C/F02kiJZFvH010jdJPkjMZYAurNICNobgZ6AkdZ+2bomm6l8GvDvxI1rwjr2n6p4i8Pm71
aXSbmTT9QsruG4it5ZrhXOxo5S/GUyN54+bdXM+Nv2jvDfxq126kvvCv7RXhePMUMXhzQ7lY
9M0oRoEEMSMyhVBRWHyrjHQDFdV4x+MMlr/wT+8I33ibQ9Q1yPWp9U8OHT77VZYby2hi1Bnl
W5udrGXChUL4i2FRxySvh1MrjQrRr04qMnJJ2dm09bXvqe9Wzj6zh5Up6tJNNaI+DT+03428
BawraH4s8SWdvazia3ivrlLwxkH5dwddpwAARgAHPFd14E/4KK/ErxZ4rsdP8ZfE6+0XwzdO
YdQu7PRrPz4o9jEbdsLMcsoU/KeGPrW1dfBa38dQ69qWn+H/AId6To/h37LNcW8OovdXNvHP
I0MYLg7XIZeQ2GHykjLc+e+D/FPhfwd4smm0fwzofiCCJGhu5tXtBPbxq235okYsPMADAEgj
nkEdftMPjIfDyu6Svtpfu9j8zzDBxqJ8ttfPqfQH7Xv7L8nw8/Zf+E+uL4s+IXji+8faDZ65
dQa3rqx6bpLzBPLaOFcNIQS6c/d3qc5JFeb/ALd3hCTwV+11400WOxt7H+zWsYvslqAILX/Q
bc+XHgKNq/dXC9BX0V+2h471qP8A4JifAnzryGOx1jw5olrPB5KMz+RdyMp3Mu5MBUztYZzg
hhjHjf8AwVJeO4/4KKfFKaNmVVubDBU5/wCYbag/qPyNZ46L1nJ6LRLrZ2fodnBtaUcWqEVo
0236O36HVf8ABNT4Gah488drrn2680W3tb2DSbe9tGaO5S4lIeUIRwv+jJMjE9DMvBzkfoNp
vxLs9B+Gdv4mjh+0NJYPexwx/NNduHKCNeM7mfCjjgsOO1fP/wDwT88Mf8IL8D/h/eTXFnpa
6heT67KLgus11+9kjZ1427RbRqfmK8EkZzWHr51jxb+xd4dhjuI5LO6TUbNF3kMWNxeSBX65
AWKMqOMFjncCK/FOIMGsxxjjN2jGSj8uuq9D+oMlpuFNa6NXf3HtniT9vLwH4T8Tala6l4mu
NNbT7h7dpPsM1xA7KkTSASRKy5jaXY4z8rDHQqW6TQ/2gdH8daPqGpaH4y0PVrHS4DdXxtLp
riW1iI++0Sbnx24XjB9OPyt8Y/tJTaJ8JYfC+h2a291cafdWOq38gXe8U1xG5jhC4Cho4YQ7
vuZySBjGW8V0fx9qXha7+1abqWoabcbShmtLhoZNp6ruUg4PHFe1R8PcJWpJxbi9ujTS6/NH
yuacZPBV5QUVK2iuftdB8YpvEHy2fg/xZ4sVtp2jTRbx46k5mYe3bnjrVEa74m8S+JofDdn8
E/EFjrWsJOthKXtTHlIwWk3lwhCF48ndjnGdwKj8nfi/8Z9S+JmtaPrl9rmoalqWpaWj3crz
OnlzLNMCoAbAAH5/e6sc/Un7D3xLk1jxP4HmvtW0XUvDfhucf2hp3iPxH9n02FjG7uWjlY7i
zEyhVQq7KQcqrkedW8N8JRp7Ob+at9zt+B5eK44ryp+1UYxXazZ9KXfg/wCKGjfFnS/B+nx6
4vibVI3uPtS6kq6PpixN++8+4iAUNERhlUnl1GSWCn7E8Bm+8C/Dr7H4i8UW/iLxBazSxy3R
svszDAR2hXPMqxeZguOMtjjFfmrr3x0j8U+ALjxR4m+JHizUrfVtVOoX/h5YU0qGEESta3CQ
D/j4tzcImZIyNw2HAdQB9xfEmaPS/FXhG8kutSvJtJ8NWvnWTfLJJdam8txPPOZMMNiws5Ug
MWwAARtPy+fcFxdGMKcVGzSbS3fRX6eZy5Hm1bMMXGM2rO7SS7GD49/aZ8WacZI9Fkt4by8s
JbgRkJJLagkrDt2sQzFWWTacY6Z+Y4+d/iP+3p4o0bxXbyatp95CtrIG1K0EYtbiWQRq9urz
HJQtt3llAYr0A5rD0LxJffFrVfCupQ+INL8P2d5ql7c6mdQult45IobmJxGvGDM0U2AvAIXk
jDY8n+LGkax4g8F32sTXGvf8I3NcTX+n/wBqbJby7eP7HbNLJMPmbcJh8vIQJtBODTyHhfDU
Fy1Yxvqttb3ta5+3ZfgcPGnacIuVrN2s9fM9A8B/tGa58fNe+MWta9dNdXFx8O9TEVrCCYbc
J5YRUUk8KHfkknLMe9eM/Gqa+g/4JsfC2G8vlkWTWrqewVOkSF3BDN2IJ71037DV+tjrvxMm
ZmVv+Fe6sUIbaSf3XQ/56Vyvxe0hV/4JmfB/y5Fmh1DxFqPnyDrbv5rAJ+WTX6xlOHhRpqnB
JJNJJbJWPg+LOVVuVJJJJLZW2PDTp0OjalrkOpsupSKiujh8g5Gd2fQVTVodc8P28cOLVY5
T959q59cn+Zot3jj06406Nh5sdwYIrh8gPH3j/Oqv2S4Nj9hkjWRo8lXJ4Az29K+hjsfK072
Vtuvr67lq3s2sxuWMzakQyuzyYQg9CCeDx6GiOxu00FZI2js/JVtyyS7WuM/xAHvUOo3EL3O
lxK8zRqgGDnA+n4in6jqdvqts1v5czSQjEby/eUZ5x7VFtbm0ZRvyrcjt3t7Tw0zeSzXVx+6
+ZTzSrajU7SCKFbhtUhOW3grHGg9qdrcVxYNeW3mSMu2LA3buKdqEl9PqERW4dNsKhl3fdq6
e9jGtte3keu6Jp81z/wTa8VXSs62tv40tkEeTlWMHJPp25NS6ReSXP8AwS31S1WRmOm+PYXV
McMWgA49ea0PBH2qP/gmd8RLdrPzobrxbZL9rV+Gkwpz7gcf99VT0+waX/gmt40vmjjjh8b
2qRjzNwEvlje341z817+UkvwR5+IlNPVfZaOo/4KKxXV1+0Dok91bxw3y+B7KdUUZDOEbr+t
eL+HLmJPtTXjMrXCW82YpTDklGztx1X+terf8FGdtbm0ZRvyrcjt3t7Tw0zeSzXVx+6
+1vGP2VZN62umna2OoMi1tH3d+yOrB1LR5+yt+Ry/wAONKs7iDVNSa3xBaakrKRcXGB
kT+qAZI/CukTw94bhbGUWzG7sCyKXXE2COGC5+Ue1czo+p2umna2OoMi1tH3d+yOrB1LR5+yt+Ry
4bTzCzNI55mz7V7Z4T/ae8Tf9HdXnxbZL9rV+Gkwpz7gcf99VT0+waX/gmt40vmjjjh8b
OHcthXpJTkr+a8/kczq3wu8NjTbGbSfid4Z1Ty1eJtXvJtJLW0EE1hEpww
k/s3xl4dvo4+DdbRfgLn1PFeoP+LR4R8Qak+ZnuYzh
LBfmJ7Y75zRo2i/s3/ELUbxdQ1LxR4HXHXzVWOQRG4jZc/eVVV+ncNivLjjKkX1t6J/lZnuYzh
XDVI80mrrpdr8HczfAPwm+O3gD7RN4d8d3Ff4dhbeF+Y8DBPPXFFOpzWcoR
1DS/GHj6A2ktZ+NrzGzC2eC9aZc6Bb
2/2e3m1y++y7/miLuFtpSMgEdNx9QKIxhf4I/cj2qPCdJQtdpabtFtfiJ8TNK8QzWf8Awlnx
QhmZB5KLqzmUyH1+fGKs+I/D/wAcra4tTUPEniq6Wds/Wds1m2HhlZDb3n264u
bhpmtjE0xM2ccLnIPTpxiiz8PRXMUf8AxMNQXdcfZpEV2JQnO1W5A59s0S9Ip+iOr/UujZXl
p2v/AEup11x4e+4rmQ3XiTwVdLO2fqzaOcHxqOcEc9aZcK3cH5uKqeEvD/xytri1NQ8SeKrp
Z2z9Wds1m2HhlZDb3n264ubhpmtjE0xM2ccLnIPTpxiiz8PRXMUf8AxMNQXdcfZpEV2JQnO1W5A59s0S9Ip+iOr/UujZXl
k+GZMI1CoAbAxMNQXdcfZpEV2JQnO1W5A59s0S9Ip+iOr/UujZXl

+Byy4LwsPem9LPrfc1tY/Z81LwZqP2fWv2lvBN9G0Ak8qRr/AFURqw/hCqy/TmqOj/C7wHpF
1NJ4m/aEult9Si2bNB0S+Zpos/cfcBtXj7uK928J/Bn4S+FbiRZP2sPDOgtNJ/Z/kaZ4ctgF
jHUF1bG0f3zx7mtLXdA+Duibob79ta+vFtx5UC2/hn7S8a+8iBt/+8KqdOTXNOyXSyTbfmra
ep4ccvwOEbjFPmbs3ZtfI8F0PwF8E4viNoK/8J58TvEGk2MizSB9KEIhC8I298FUBxnjp6Vr
/ET4NeB/hBqeuaDffE6GyuvFED6ndNp1h9ojmtixaK1hCcrKf4t2Aa9Fn1/9m/wXo2qWM37Q
njDx9/byJa30U2l3UEKwbwxaPMRxIMevIzxXL+Lf2+fBHhjUPFc3wx8B+HdP1W+ih0jT9XvI
XmujaoCn2iGJosK5ABILA5wSGxisacZqV23bzS1/BH0WBp0Zw5adn66P7nrseP3mgaDpPwib
Q7Xw+uh+JNPvU1ayOuMy3F8gH3mXgAEfwjj+deDxzrLe6tNJDa3VxJG928jA7UlVuVj/ANnm
vZv2gtV8aeP9W0/xp480XVvsq28dhZ3ZtTbw3WFOCPVm5PHFeLyWP2GfXtP8sw/uVlgMzYKI
xBI/z6V7GDleLd7ng8QU4qok1ZLRW72NX4d2f9reLNFkaSGxnj1iwiXyRjaHY/Nj1Ffbfj3T
IdJ/4Ko/Fyz3NeWs3g6ZZ5Hb541NnEflI/AfjXw/oEC2XjexWKSTULj+0LF4vs55lbP3Bnof
SvuLT44/En/BUH46NHMu3/hCblZAzYEcn2SAFCT3HtRUvz38n+aPBqSUIx5lpdfkfO//AASr
0nP7Xmk3H2yOxmt9NvbiJiRtY+VKmGz7En8BXjtxrl/BeXsfnzXVrHeTOVz+6kYsctn9a9m/
4JkWuk69+1R4b0u8s7ySa60zUYI/LfHmy+VMwx9E3fjivHtOtTZat9hWG4kkmu7mKa3IPmRk
cDI7Ed6I39q35L7r7nZhZL2aS7v8bWKmjaJ/b8182lR3T3AjbzGmI8v3wfX0qxpdkkXh9lvL
q1sVmiWER2/yvIVP8fv61Dc3smkK2j2si2sjP+8uGbHmZ7GjT7KPxIkP2i3aOHSQIric8xMQ
f4j2BrTdXNo8sZ2t71n5IbBYSQ+FoLxUVWhnYAPxHIAB8yju1QnRruCOG4WF2muBnM7Agg+g
rUTWYtfijivJlh060kZreOE/6s/3m/2Tis+Dzr9pLy4upI47chrZHJAfByMf7NVzE1Iq/KtU
FxpkPh2IqNSkkmf5WggGHBPvXon7F0P239rL4W2PmR2PmauZRcKf3zZz8jH3xj8a8/1eePX9
T/tKX7LYXlwwdVyfKcYxkYr0T9imwtG/bB+FrNHNqHk6wXuoYhl42HO88fcB5+gNFS3LL0f5
HPW5rJxXVfmj2Lw9bXHhy0/a40uG3hmh4UREHcW+1P8AMv0BJrx/xrf6Dod/ceGdH0nTdQs4
dg/t+YFry7lCKWZPmwsYYhejZ29fm49e8J6O3jLwl+1lqlxfNY3FrdRzIyyfO+LqRguR1DBM
fjXzLBcXPlq8jfu1BxkDax9Ovy/QcV5so30+XzstfkE4Xipa9S95kLK0Rk3YJXKkZI44A74O
CPxq18S3WbwJ4BuGkaSe3s7qz3B9xVI7uRowpP8AdDkYPGAK5nT9RyZGZm/e9zwH+vpj9ak8
YasxTTbUszx2sLEBjwQzbjn05zz1qqNOUWl/WxyqStdmxZwW8vhOGRWLTTXU0ckYY4UKkRVg
exLM4+oweK5vWbaO0g/dzMqs2GJHOR1DehGeMDsa0LTxQ2hx7WhaVZBzkdu3HQ9c7h9KzdU1
G3n0Lcq+XM1wSoyDhMZ+X1Gc9fetKNOam+x3xqRUSnKtwFjYSHy85+bsfU/49K774deF7jTr
W18XQ+Kl0PUNJu3Fqx057gK8aI5+ZcjpIgwRzu9jXnY1+GKCGNt3+jtuwOx/P6cV1GmfHzXN
A8BXnh7SdQuNPsdQv2v7ryD5bTsY1jALDkKAG46Et7CuiVOpKNo/ktuu6ZhUrUmrX/E+tv2g
P2YLLS/hL4D8QeLvi74k+I3hHUE1K4tm8PeHVmXTVRkF3IbguxWBZihyV27VYDBNfEOs61Jq
cnmM275UXH8ICqqLjuMKoHPpXvXx2+NWl6r+xX8JfBek+JJJtc8KjUE1e1tWdYXgv5I7tEd+
N5RlCugDAOpBIIXd87tpsjQMzNGq45DMAT35Gc/T1owMWoP2jbldpXSWidlokt0cdSTjJ8l2
rLd36d2dp4gtfC978INDvNNuLiPxRa3E1tq9rNjy5kLF4JosdgvyMSeoXgAgtqfFP4LzfBrw
T4L1S+17RdQuvG2nHV4rGym8ybT7dgnlGfgYd9zDGMAxtgtg48lvLlmfdu9sbvxp1q8cibmV
t2Rls/r9R6V3fVXa3zOGWecs1JaNaM7nR9S+2wruZvMXjnnIpZ28qX725evWuX0/V2tLqGTd
8vRl7gjqT9K6K4mW4hWSNvlkFeLWw7pz8mfomU55DF0LfaiaGla/caTeRyWs0ltcblZJo2Ky
RsGBDIw5BBAORzkV03hS8ht7KGx+WGOSfzbiT+KTpgtn+7ycVwMabG/Hn2rc0a9VBtLfe49a
58VTvCyPoslxEfbKc0rra/Q+sPE/iu80Hwj/AG54++z6xrFvCbPwvDY3LWM1qyEBzK0MQLQq
rqy5kBJ4XIkZxJ8RNK1L4YfDjTfA+oLa6HrGl3/9tPYpHnzr8W0fkRoVdg4a2G6RtuPOmVQe
SK8v8N2+n3Hh6S18UN4s1C6t7VH0kWFzA0MUTIxIYSHdjIwAmc4I4IGfRvhR8VLxtDXUPGSt
4qk0nU7a51BdRVrq8XTRbzfZZX3tult1nuA+EBKBDnIKhfDjhZRV1Z2u7LRPtp03Ppsdjoys
k9b6r/Ik8Q+EoYPh7fa1Dq0Lf8Ifc2ml647RurXUMmFt72IEEvJFIZYHwSJEgBAUcVj/AB6+
ENr8VvCM11Yxw/21pdt59rJCQY7uM/NsU5wyPksp/vHORk16B8evD994N+BHw98w98YalHpd9q3
iDTkOsPa3CFbqzdfJjjZgdylkK79uV8wMR0OON+Hup6b4eguLVtUkh0+3jS702X7OxZLd5Ss
sDAk8RvIjBiMkbue1c8cU01Wh8UW1pqnZpNaHj4rCwqUJKTunez7M+M5bporhvMX5t2GDHb3
5z6cjpX1F/wSe+HMnxQ/bi8C2/lyXVrpuoDWLsiMssEdorTB5OygyRxrz1LgDtn0K+/4JUeI
v2ufjjpum/D+TT7fWtcaG4vImUf2eLR92/UopA2PKVfLLJ94u5C56V9rfsgfs6/D39ivxD4d
8N/D3WJvEjeKNR1PTvEniGR8rrM2mWJYpAo4jt/PnlIUFtxjVtxGAOniTPKMMtnUhdzlFpKz
0dur6WPx+WYKnjHhW/e6+ndHr3xVmkvtTuLiRty7zj161ytzrMel6bH5iq24cqSO5x/UV03j
SI3ImZfu8EDPtXnPiOFpo5mmkaG3VVXe3C5zngexA+tfyDjPaVsRzTP2zJ6N8PFLZf1Yz/Gn
iP8AsDUrizuJFj024hzcSSAAMsgYMrE9gO3vXjunfE/wX8M5Nc1Nc1RbiGxt768a0fyuZrowoXD
pH/EP3xBYEAfKO9eyfEK4sfGun2OnwxxxxX+ZqBYZgSAfu4cZBb+7u4A/HBFfK/xt+FsPhj4
ouoEN3hXwzqEc1ncXD3h5UnD3
04u2um9nvsdF8ZfG2pePrazbwT4u8F2+lzIGaLULqOG6WQMSzOkqngDZjjPX1FUbHwj4g8Ef
s1fEDxFtbiGxt768a0fyuZrowoXD
DM3h+S4DyS31pq0N3bxIuxmaVQvy/K+VGcscDgZIj/bonXwn+zJ4B0G1js7W3a8e4txPMg1D
7OsR2vsGCY5ZGeR3ChS6xnqRX6ll9OnTccPTte6bdk2ktdWu9jz8yxEG406cr3eqtrb1W58d
6vdNdTTM33uQB6D2rldRb52/pWvqt0wdvSuevLjef519tg6dkfP5tiIJcqKpOTVizhwy/NTV
jL/Nj0zx/OtbRbmOwmWSSFZtvO1h1H+FdlSbS0Pn8PR55XZ3l54mt/EPjrT9aj0+8mZQkkwI
xvdVwD9D2PUV7N8O9WW40KNW8M2+oXGpExR44OY2TLFigdQQDzjuK8V8N+MrjxZ4Z0+8uLeO
02u8GCY5ZGeR3ChS6xnqRX6ll9OnTccPTte6bdk2ktdWu9jz8yxEG406cr3eqtrb1W58d
02G1g8tcCMQRY+UAfw/59a+gtP0DVJvFtvqcdvHHZ2+ZrowoXD
K1rQhJW26va+x8/xFWhh6UpStornkfxX8Y3Y8Y3XgvSbyaxvNQtZtQ1C+hjWSaxsYXRHzuJ
DgfIyswHA3HAwQK7zR77XvEvwF8F6Xb+IPDOqXGqXGqXG

bf4eK+a/2oWhHx/1ZYZJJI4YrFI2Z9zFFsoADuJyeAOT+tfSWgfEe1+GXwhutNm1KGzvNWF9
okUc6y+clrqEVlK8sZjDI0kQYkBiq/ODnoD9FisO4zpyjuraeX9M+XweIpYnDyVk+azXzR8k
/FPx7q3if4m+INUbWtSuPtl5M4la7kYuhO1AWJyQECgD0UCvp640jVPiJ/wS9+EGl6O0dxru
qeJda0m1WbDGa4uZokC5Y4DEMPnJ+X73GK+W7uwj8S3cek6TG0kkl7dPEHbEkkRVSoY89FjP
4mvrr9lLUdU/4d5x3WjrcNrnhnxlq8Wn+Sm6aN5tElOI8c7gw3cA84xzgH1MZrShOy92SfRb
aanyeKw/I5qGjs/0KPxT8DaXZ/DLT/hXpcl94Z8O6bPdTX2r21oZ5tensP3OpalcMpYpD/rY
oow23c2WIG3byOk+B1/4R9pvA+m6bceE4dRtvDsFnHpi6pq15Ibaae4u2DlV3AMAWYBccDaF
2tueBNDk8IfDPwvr2vXkfkw22kW+pDSwCsWgXYuS8UgIZXmlny8qFQTtQZ5JHmfxq8K6P4MN
jrXhnXpNW1Sz1Fo5rqCNI7aTMsr22yNVXY3lxZdSGG5jjgDONOtaq4KTabelrq979r/ec+Hy
Pnw7rydrLv8A1ufRn7Y2j6l4t/4Jyfs26CtndQ6p/ZM5azMBWZXs7gRMNuN2QpbIxzjPGCR4
f+33d/2/+3x8Qrhf3bXF1bIinuVtYEz9Ttr274peN2k/4Ju/s6yahcaxb+OJLnW9UtdS+0NE
ZIhcfaJg/G4s4eORScIVQ9crXl/x+8JTeLP+Ckv9msrXtxrGq6UmEOTcGVLZOpxkn+tZ4rET
jzRltZv5q23kc/D+HhTq+1irO7S+/U++viR8Arrwn8L/AIY+FdPhkkvo9B1HSpCmFaNn0wxI
M54zIPpljXluv+Gf+FdfsmXWsX101j4f0XVZr20iktLnzLlkskjjgSbGEDXQdCGQA5Yg9M/f
Wqpp/iL4u3GmyLHGunmPawAJ3P5mR7fKq/n71yf7Y37PHiz41eGda0nw/Hb+Jo7rRz9l0t9Q
gtbi3lVmjZo45NqOCk4bcWG1oV+ZSUNfh9HPpPM1h7XvK7d9Xd620tsfslbNlhMNFSdk1dt3
07bI/AH4i+Hbzw/bWc14sateBpEh3ZlRcDDFewbPH0rzcxfaJ22+ua+pviv/AME5/wBoDwtJ
Jda98OdWj+0H5mF9azMT1+6spbtwAPbvXlt1+xz8VrF18z4f68qyMiqVCfOXO1QOepOAB1yc
dSBX9DZfJRpatferfmfjPEGZQxFb2kXdX7P/ACODsZ2Dx/Nt+YAkkDHYE/1r6E/Z5+FFxpl1
qmsalrWg6Lpf9nSRXl3qlo8kdzpMw23M9lKqspvIwRsjzvYuQQRkGjY/8Exv2hJdKhuP+FT+
JmhmUSRukttwCMjIMmRnK8Hpz9K+kP2Pv+CbXxg8B6J4u0X4ofC+bUPBPjK1tF/s0eLLC0aS
6guI5oQzmb92jsux2T5gpOASBXVUpqSu7Jddnc8fGZ1TjS5FLXTTXocDoNtJ4t+NXgXw74Fh
h1rWdU1TSNYgeYyXFra2lsrra3F2DkxqYJo3kjUAJ5T4PzfL9ofHTwJ4m+Kvxv1jWr+aS88O
6baWXhG21m4mzbza7bhNstxbggvJmZyhaMxNkHO1q8B/ak0bw1+zylnot94m+CvwjtbV1trv
QvCM8mq65aSvG6PJcmMbplCPLGY3IULOTklRu+mtIlm079i++t/+EZuPCP8Ab2m6b4qtPE/i
vxLFe6z4ne0mFyA0KE/vDAsqou5TgKGx0X43iTCy9i3D3Une72+XS/Y97gXPLYyNlq9Nnpd6
tOxyOo6f4Tj1nwfb+E4dLk8M6EuoaRPcCJo5rnUp0Hns/wAoVlKDgp8o3MowAgrB/a6j/t74
aNoLSaXb6xcC3uY7QkCWWITNGsdum3G1drM3PQZzwa9i8FfD3Uv+EY8G33ii6tV0fR7Am2sV
td01xcXMcmIJCf8AlnbWxTL7VzhienHjv7WPxnhittHs7W1sdJ0u4mk8nUQha6VIkKMIiuR8
5nZASxHySEdjX5Lh60qmKUI3fLd3vdXTvq7as/qbK6zqwUIpuzd23fd33Zl+GP2a7XwFqXii
80FluvDcnw91W0aeSRXmEzM04LbfUHCk87FwTkV80+MdOkP/AASi8L3El0reT43uHgiX7yAx
uDn3yCfxr6Y8J+LtQ/A2oLK0MJ8q02WyJGGYnGWUcAgk7CcgZB+c/jTDZ6
J/wS0+GMcPmNca14mu7iRz91HVpFI/LFfpnD9SrOgvaavm36tdGz4njCj7Oq79EvxPm2eXz9
Oj+y29w1vp7GSVpOrSk8k1bhX7VPDHGsyxyR7mkc4kUnsvtUus6vqA027kjkgtoYyoaFxl2B
6SdOc0XEd1eWcNwt5awwrDh2DfJn8utfVRPk6Mko27JPZFd4bi11uK3kkaPyeUE2GPP9aa9q
ym4t3tZ2mnYGF3PzRjqTmpLa8lh0yGaG3muppGOyeUZIx1298VIlzGLOO+lvrqZnbY0SnHzf
3fSplvzHRGUGibSPL0FLz7cz3FzfRGOBXOUEnZjVW51ix1PT7hrua5g1Dd5MaW5xAwHd/wD6
1VfLjkT7UsyeZC2BHKTuLZ6AevtVxrOTxDqNrJ5cZsY/mlkToj45VjShe+hy1qnupR2vseke
Hnmsv2C/Fyw6t+7m1+1E9kx+RQBlXT/bJx+C1veHVkH/AATL8dW7Rp5Nj44tFSXJ8xn2AHd2
PH86r+FtKkt/+Cc/jU+xnA3RlQp4z+H51c0bUrjUf+CZFXHdTM7h
cBHMY461G33r9DlxVRSnpa1rbstft5It5+0Losc0i28a+DtPSKQHDYKdee/Jrh/gldfZfF0j
bfOkXTRER9n3ZAdfmz7123/BR4RzftBeHJrhWhs5PCumyhcn7mzoPxrz/wCE0Cz+KGWPds+w
blGc4BdcVVSS3fZHVh43pv8ArscLPbSaQ+uQ3ELSSXSQeRJnP8Q6f57V6h8Jv2jPF3wuu7ez
8N+RrO1+rzjOpJDJ5WRyqlwSAPSvK76wj0/WTDNqBkuILZLu3uuW8sLyI2X+I+9Oh0KCSa98
5cyTXMWSqZtQhG6QmbqhIzxjitq2HU1aR5uX5lUoL92r/Ox9GaN+2R8SGjW4bWPC+pNYylpb
e4tLdvtz7twgQBc8gZOMfWrE/wC1C1XbqKxlaVWnXZKYtrZG0cNj
86+Z4YbGDUVaGOSNmmk+ztbNvEcWMD5jjew9eta1pfyWQh+zaH4bWpNaS41FbqKxlaVWnXZKYtrZG0cNj

+0efQivl+PxXdXh/4l/iiSRZXDmRtP8AL3Hufo38XQHvmodZmtzcSWOoeItYk8ltoSOPzILk
HnbEwPEY9OgrOOW2d7/e2/wuZz4ip1Uly39LL9D7Auv21b3Tbm4kX4U/s+6LdR3tvfkug3Wc
0SbYtwDcnHKkcDJqr4m/4KkfEB5LG0k1bwboNvYxS2mozaBYW8zXTSElXiDKcMBx8pA618l6
HYQ6pMsNnJodvcKBHDHqESHfk4LM7dWx0yMV0GnfAXzvEEeht4i0fRb7y55pLi6jRbZYAM58
1S2DxwTg1t7GnFWla/o/82aUcyqc3PShe3dp/oi98XPjtqv7QvjzTRqVxMtrDGvkWiyHYWU4
Mrp90O45bFeXzalFqHifXv8AlnG1vIAeWztIHFd5oFn4P8I/BHxNqEYvL7xtY3SwWFz5xSGO
GQbC4T+IHJwTXG3ml32i6TYaXDZ263EtizS5k8ya7DnLBAOmO1d2FoxjH3dEeDnGZVqlVe0W
r1/4HqWvCBaPxNYzQt5a/wBpWXlyKeYzkc/WvubxBpEPiT/gqX8cLeOb7Mi+DLhi8R272FjB
ycfWviLRNDbTYtF+z2N1bzf2nbiRbz5ZLlgw2qg9K+37y0s2/wCCl/xwt4bWS3jm8CzTzhZP
m837HDlt38Oc9K560bTuuz/NGMqjlGLltdL5tHgv/BODSr7TP2wPh/JLG37nTb+7tEjbkZhu
AHf2JFeI6hrgmOsSSbm1TUtQdpJwSv2cl8kZ/wBr+le1f8Ez9buIf2l9JmVpJmj0TUlO3LPF
GI5SB9M9PrXhMdq2sW6rHDJIqzSvM4Urg5JAdu5xU07+1d+yX5ndT+CPIurf5C3Uf2Sx+wyR
x/bFbzlnPJbHRQTWne6bNpWm6fpNxef2f/axN1cux+XaemfyqmdOvdX0iwa8b5YpzGp2bXEY
6896j1PXrO91C68+xW4aJdkbtcMDtHTArTlaZ2dPeVr9/wDgDbGzX7W1xpdlJcJazEF5G/dO
g4Bx+taGnmG4t5rzxIslxGFbyLeJtrgno3H8Iqj5CyW9vdT3xtbFyQkUeSdw7cdvc0XWpyve
fbmmhmWEYiGMbM9MrjnNTIVP3X/w1vuNOw1TSbPwzDb2sP268mJ5lXJg/wAK9H/Y+uY/GP7T
Hwt0nT2j0fWodUlS5vg237TFyxjx3ZlDKPdq8q0uRpLi6uI0jjm2lbm1QYM6nrtH8P4V6P8A
sKagmnftn/DedrXzLZdUZY0Y5MYKsOv95c5/AUSsot+T/Icq0mlHTdLbzX4nrMvhC31XwT+1
ZcafHfWen6Xe24jtWciSNluXyznuCVPHoa+Xru8a/t1h2tGzE5Xvj6d/XcPpX1h4a0xbz4bf
tWQXGsSabFb6xbzXNyVMrTI13JhSOpz0/Gvl261GGKRdqiSbGRs4Dj2PYe3euPW+39WRz4q6
ive7/mUbnTpNLkSS4jWNVXGfvEf7QH8Xb8/asi5nk1G5eZm8sqflCncQc8gep9unNWdTuW1S
eTzJJHbPyg8b/wAOo+g4qvDpypcFWU52457Y6fQ/SuqjTsrvc+fqVJRdkzsvhN4s0vw680eu
eHY/ElrNGwgQz+U0EoBI5/u5xn2Fc3cWtjqF1umh+zL1KoefQgj1Hb1xUNvHINqnPzYG0jJI
7cd8cjjmrkW3HCtvXg4IYnPOBnt3qZe7K60b/r0PoMLKNSCbRraZ4H8B3VuzXHiLxBp94sef
LbSEmTeO2RKDz0BIGDya9aX9i34W6LqNw2qfHzwrJZ2+W/4lWmz3VxPjB2qudu4jOPmIBxzj
JHh6tG0nTtwByBjoFPT65q5pUcMjYl29MAgVz4ipVlG0ZOPok3+KZ7WX5LRxM0tI/wBdz6I+
Knwg/Zt+F/w1t7rR/F3jLx9f3TTJbQQWMWnw+Ygjz5rum9Vy4Ixk4OMcc4fiz4q+DdS/YN8a
aN4b8C6X4ZuIdb0e1fUXcXeo3qNFNNKskzLux51sGATau04wOc+N67cvdWdpC00klvZho4V7
RgsWIH1LE/jWpDDNffsw+PFXcsdnrmizv7AxX0eT+JH51ng6LuueUm007t21uraKyDPMvhQo
y5UrJNd+nc8X2rJGqnd8ud2P600w7UZvmVl/X1PU/wCeadDhHV2VtyuD+Ga92+KP7TOg/Ev9
njRfB7eBPDel69pMtqqa9p9oIbu6t4YWj2TE5LuxKsWyASOgr6KtiJ05RUU5KT1tZWXc/M8N
lqrxnOclFx1SfXsjyfwt4M1TxrbTNp+m3l99lTfM8ULOsIAJ+cjoMAnPsad4T1dpHWzmdVVm
wjN0B9/au4+GH7Vni74H/B7xt4L8O3Fnb6X48ijh1KRoA8wRAysI2zxuVmUgg4B42nmvJWla
EL/dz1Pb/wCvWfs3UclJJLS1m23pq3fbU7sPivqjg6d27Xl216HcS6fJDK0Um5WjONp611Xw
8S4tNca8s5LFbjS4HvQt0iusoTGVRWBDPgkjjsTxjNcvoWpt4hsYy3zXUa7WOMlwOh+vrVpl
xOsisvoRkcf414daOrhL0P1LL6kalGNVfase5eJ9Akl1vwzcWdvYrcalocV4dimG0bNzcRrI
VGNhMaRswXA3eZjg1c8EyaenxFsV1jWriG41K9Ft/aiOoaw81kWa8nc4V1JUKIjlFiDfxcnx
3w/49uvDk0LLcSSLDCbdUc7lWMkttGeg3MxwPU+prpPCd+usTtcNCsi24MpDYOcdPwzjj0ry
cRTqU722tbTc+qwMaNeSVSXvLZL9T72TxD4N8A/s5WfgnVPCralD4T8Q2NlrcupFLlLKKR3k
82F4wDJvWaQxo2CPPI5IxXhOqHwLP8bLO4uLq30vS7XUtZuJtOk037X9htTMIbWGSPdtVwgd
1AJKFE4ORVH4R6Rq3hPwF4f8Ta1HcapNrWq3Go+C/DQdkt9Tv4vLWTU751I22ltsXCEguQwG
1CxbD+F2r6f428eap4TuvEkeqa54o8Q6fbW1+0Yxc3l5dwx3TgjpGEVsHGQDj6+fRytUablB
tuTberer0b7I+dzzMFh4ThC9o3bdz9Nr7Srj9lb/AIJeX3irwPo6+CfGHxK8640aw
u5chUkzlSIi020DCtK3AI4+S/wBl749eINK+CWveBY7zb428H3z+KPh9LeRFptUjWeWHVbSF
tuJfMxKfKXJJmyRhMr9+f8FI/DHjr9oK8sfgr8WfAAA

MNjGEVSwO1/Nbd8uCQhycAg/Mf7QLx6h8e/FW1pl26hJDtcjduQCM5/FT+FfQnhKCLVPgdrG
oTf2fNDp9ho1uLS6s2maYtDHAZ4WLBUkiLkE7WyJFxg819NmEuaMJPdtfe7bHVw3h3Cjy20S
S+4+a/Hekx+HdcVbWaTzI/NS42P8scqzSIQp94whz/tGvrT9ly2mh/4JceML7Tbz+zdY0X4g
QX1hchtpSaOC1+oOUaUY6fN718i680k73XmNukWUszhvvZPX3HXp619dfs4Ryah/wSg8XW6x
tI198R4rNWGFEbNaWzJk9gShT/gY5oxjk8NpumvPquhz5hh0qj87/iaXxx0bVvgx8S/EGm+C
bi18P2dq9uzWtnYQ+W832aJ3LbgW272fALELuIB2nFfMd5fXXizWLq8uNQur66kuZL6RXcLG
zMzOZMdACWJ44GTnFekfGfxJqXxX+J+ntY+ZdaH4ulsrqNkGxkjkGwwy4yqzAwSDAP8ADkZB
FeT+LpJPDOoatotjKjNjyfPiYbWV1VyM5+X8+vHtWeBo1IO0muZpNuyvpa7b7mdT3aDpxem9
j274/wDi2z/4Ze/Zt0uxkt1tdJ07VpLhFcIwuJUWSfOMgFt6sM8sHBxhgTtfFuabwT+258K9
c8xvtkeleG9Ud5yCTIPKOWHReEyQfeuR/aA0nVtW/ZX+Bdv9hmtZtL0DV7kkquGg8uNvMzub
G4bxztOT93GCdL9rzUZNQ+JvgXWo2X/TvAug3sbIfu/JsBweeGU10ZlTUqblfWzX3nk5PTf1
jlkrKV3+Gh+sWvXE2pfH/wCIEkbNGtveWy27DhmJtwePxU/rW14h03TfjTpmk6L4y8Pr4itW
uUgMsepTafdWSPIu6RJI+WXABK9DtGCMU7X7Xyviz4im2rtuJLUnCj5mW3IYn3+bFaB26fbR
3C7VaJ9/HHSv5nx2BxVLNPb04fC1byasmfr1bA0sVhFRqLeKSfVad+h+QP7fumfCG1+JuoSf
D/SfHXhv+zb6WyAvNRe4Wcxbh9oR2YsjB4wNmOj7sjGK+aW8T+IoGVbXxF4iWO3KvFt1GbEZ
UhlYYbgggEY6EZr9Bvjh/wAE5PGH7SXiW6vPCraHo9j9omnurzxBONPtnkZywER3MzZyckKq
jI5zuxwdx/wRF+Mk0Mn2HxN8F9UZQT5Nv4mO5u+eU28Z9RX9DcO5l7TDQbavbVSeqPzPNsnw
+GkqLTk/JN/ikfK/gjxT42+JPjHR9Bl8beNLj+2NRtrHy5NZuDGxllSI53OAMAgkkgDHJAFf
pp4S/wCCZHwz+FWgT6Jq2vaP44m8yfS9ZuoLeS+vtPv3tV3wwTSTKiGIbZFJjdg3mEqPur4f
8D/+CV/xW/Z6+KWl+JvGC6Pbw6VL5+nDQfE9j9ovbocpG/nSKPs7J5iuoKuwIFfTX7F37O/i
rwP8PdGi8VxwLfR+LPE97KEv47xn+0aKDCzOjMN5I6E5zg4wQa/RMlxmGrTcKqUkleyfY/Ie
KMpxM05Yf3WrJNrz13Rl6b+z1+zj+ytYeFbfTfha3jr4lap5Gm6fqN5KZFu9RaEo8zwyMyhg
xRyThFLZ3Apzwv7YPiO40/8AbGn+HNra2en+FfhjpkOgaPa2yNHbQxmz+13kx3OArSA4JLdF
GW6s3pHx5v8AVvA/7TP7My26tHqmpXDi8iA+aNG061huSegOEaTOOAR74rzH9um0hb9tL4ga
ktvp95NeeJrbT44by1S4jbGnWjfvFdWwvysBt5G6vl+Kq0K0JQhHljdpLsrH23h5lMsO4Tqt
yk1dt63d0m/ItfE3406l4m8Qaa15qXi7whdWdrcQW98+motuTcOqOjDq6mFGCMwVkKKxLdvI
/iR4k0vxJ4st7q4vptUW3kSWV5+WeGBMLCCexA4zkncSxJNXPiN8M1n+IGpapNNJcLNoZ1mO
ZJyo+3T20R8oDhkiWa7hKq5I2oA2fmzz/wAVfCtv4V1HVIY2ZbG1nn0+M43NILad4C55ADsY
nY47cd6/KY5eqNnHa1tElu777n9acO4qhGPvaHYfs6a5da5/wtRW23EmpeCNXvb0qmGkdkQr
GGxngZwO2Wryr4yaUtz/AMEpvhTdKzMtn4mvB8xypMkkuVx3xsFez/s1+HdQ8Mx/Eaxjhjjj
0/wFqd9c3OQXlm8pAATgNhBIwweN26vH/jFA1p/wSV+EM25l/wCKpv5ox1G4ySZJHfpwK+0y
P+EvU+J43rU6ld8m1kfMes6eumfaIzcExw3RibBz5qnkEfQcVcQ6a/jK1jkhkl08RDeifxcH
kj61W1CC3jtk8uZoWEzRqZMSCQOckEAcGn+KR/Z+pXHlhoWgWOOORHztHfKjpn3r6SUfdufE
03pbtb8itcafCYvs8dncQ3SykwNz86E9D9B3q7rGnTTx/Y4ZooUtYg0ceATO56ke/vU2iODL
eSNcPcXVjDut9+RtyOcjv9Kq6dfqbiO9uJPLuIUaOHKbt0vUEgdOvQ1zXZ28sUrLqOn06HRr
axVoftDSKXuGxkwt6n3FWNK02WS2tY49Qt7Pzp25fGSD39KboGrz3X9pSR/u47y3aK9eXo0h
zgrx8tVY9s+sWtnqUn2q2tY9sQRfKIPoWrajF3OSrGyTW1/613PoCws7dv8Aglz480lty3Xh
3xvbTNdK+YdQEihNoPquMn8Kx9NRrb/gl74iaO3kmjuPHcQN2HIQbYRgY75H86d4L1fd/wAE
4/Hml/ZZFhk8ZWci3Bb93bfIPvDv93H41c8N3lxf/wDBDKPxJ5zRtb2fjmF7dY12jc0a7mOOv
B4Brm5rX/wAS/FL9TlqU0526Wf4f5Dv2/b+G6+Jfw/u/L3wzeCdPyHG44UE1598O1jl8U3Db
tqzWaSr24LV3f7acDWvjL4YyLqS3lrceCbZba6MW0TEI3BXtzjiuF+GEDXnjTyS0m3+y1kK4
/i3qM0Vo81O39bm1StGjQlNdGvxSOBj8MMZJtDaSO4mMZntJFHzFx1iz26d67b4OeLV0345e
E1uI4dQ0++1S1gv9O8sizeNmWORSD1JUnmuHjvLe1vdJukknOoujFyVJLnnHFamiXC2PxO8K
t5n7u11C0klYtlU/eAnPpXZW1TXdP8vvPPw8VG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8Y
Q+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr81
8vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/
2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG
7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr
460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4b
nS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDX
wx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9
U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvP
urWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY
8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr
818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460H
Q/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7Z
VG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1L
xr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy
4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWP
DXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+
B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818v
vPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2U
dY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7X
Rr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr46
0HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS
7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx
1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+
wy4bnS7ZVG7XRr818vvPurWPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZVG7XRr818vvPur
WPDXwx1Lxr460HQ/2UdY8YQ+B9U+wy4bnS7ZV

9xQ0zDH0FcspYiSfPJRT2d1q/lc82nXcXaHzu0v0R5LH+zz8B9QhhutB/Zb/AGgPHluwYJqG
r38+n/aFXq3ynA/rXivx9/4RPwp8Pvixpeg/CMfCvWNMh02zks77Vm1K8WGeQEjJyFJGM7eu
eeRXoH7aEf7Yn7Pfwl1DxB8UPjN5Md1c29q+j6Rer9qjldgQsvlogiQDqQxzwORXmv7YEs17
efGbUtr6hPZxeGrd9RlJaRpvLiJ7cltvP0rnp06imlUlzJtWabdmmr3vZPfsfpHDtN+zlUd9
I9XdNPW613uj5rbUtW8YHxBHdWdq2nraQR6k8cYia0jgACOAeSeOg61l+E/EK29n4ks9P023
vIb60QfbLg/6bEV6eQ/8AI6g1J42lju/HXiKO1kkW3uLfdJuOwI5Ck7voc1hixXS3t1uJvsX
+ipLbPEeLxR1LflxX1FG8YWPJzKKnV8r76G9oS6Cdf0WXR77Vrh/7VsluI7/AGmcHcd3l468
/jX2EmpyWH/BSX48LHu+1XXgy4jhVyRvb7LAQM9ulfGfgu4s9f8AF/hXVPLW1ki12zilPTan
mZL/AEr7WSKNv+Cnf7QCzTRt53hK68hmOAw+yQYArnxFk2+tn+aPL9p9jopJr0t0PDf+CZUc
I/af0mSO98uSPw5qEroY8iVlWb5P65/2a8TuvEeqQ+FJmjvobezN27CJeJLlyxySPavWP+CZ
MU9r+0rbzLDu26BqTjnnaEmBxXj9jbxppTXTQs10ZHayQgkSgOd5HriiMV7VvySPXwtS9NST
5dX38jSl1i4gvtLbUpo1tY4nXco3ckHBKjkc4rPvLu4tIpLX+zIUuJYwd33mZM/eqGFWa+td
QikjmOoS+WYjyVJ4wavajp9raX+oR2s8gmjQq6uDwwPIB9K0jHS56KqOS0ZYTXI9P0VYbi20
+9tdgI8oYazkPVsH7xNU7y00HQrm3mkjlupJFEvkbigTuDnv9KoS2klxZtLJGsbQKrNz/ree
BUq3Fvf6vcSahazO8cQWOJcnGBwanlszOVWXwpJ+qNS2S3tNXGt3Nvtvw3nRWRYkTL6k9q77
9ka9t2/au+F11a3DLLfeIvOntNp2w5YAkN3yB0ryuDTvN0yO4urwreSy5EZfGYvYV6V+x1f2
uofti/DeFv8Aj3tfEUfluBgNlxtQD64FFS3K77Wf5GPM5WWzbT873V/vR7Z4y1C10Xwv+19c
J+7WTVbS2gi25Vi966/hXymyf2FYbZm87VFkDXEc3zBVwCpDdDjPNfXHiHwpZ3nhn9sDQ7i4
+z29jrFrfx3JOTvF5I6x++Tx+Nd9/wAEb/8AgjZZ/t7xah468Ya1rGn/AA70e6GnxQ2y+Vc6
5coqtIqyMCEhQMFZlBJZioKlSRxxrQp03Ob2a+5pGOYYqlhYe0qPS1uj1v0R8h/C39nnx18f
ILzT/Bfw78UeKbqzuY5L++0PSbjUEsY5Q3l7xCjeVu2PtDYzsbHQ1yvjnw7N4D8TzaLdR3Vt
LpN7JZXYu4Ht7yCSNissUkbAOhRgQQcEEEYzX9QX7Iv7Afwq/YXttaj+Gfh240NvEgthqck2
qXd8939n83ys+fI4XHnS/cC5385wMeGftMf8EEPgH+0FrPiDxBaaXrXhHxp4gvZ9TudZsNWu
Z/NuZpDJKzwTu8e12ZiVQJjPylcCuWnnFLnaaduj6/M+Tp8RUJVXGcWo6Wdlfzurn87KRRvL
fXGx47SP5oUD5LsT3bqPWr+n/Z1hhurpmbaoZY4vmE8nZWA6fWvQP2jP2StY/Zd/aB8XeCfF
jQ2914b1FrIQwyjN2jKskM0YBPySxPHIAfmAcAgEEDg9F1eTS1naOx+xw8rG0hxuPQHnqa9S
UVKPOj7jCyhyxqR2lquuj9P1GjTZNfl1C+3R6Ta26KzLInVv7qr3zVqLUdPjsoX/AOP68Z1R
4ViMQLH7oBrHK3mrxTG4mZlhXg7iBjPp3qZLOS4v7pvmjt7eFXSQD5UIxtb3rLltuelTrSg7
we5e+xSaxauWkWxW3L+dubcVPZc1vXWgX3gfwrbx3F1Def8ACRBZG06K6BhmSPJjkkQfKWUs
xGQSMnHWubvnj0a1cSSNfXGqRCQ4PTPOfzqOOCO50qW3kj8vUo9rW7l8KyDqPypcqNqlRSVp
O/8AX3Bp3hb+27WaNtNtVbY0iSHZGEVfvBuOT6Uad4ctbvS7W6uBa2Nq04t3uDb+ZsT/AJ6F
R1wewq1o91b6/e/ZdUvvsNr5Zbeq8O69E+hPeptV8VSeN47eFrW10mz02IGKzViq3WPXOMk+
tbRlJ7s4/q9Ba8qu/Jfj6Eep2Wg3Vx9j0W3hxC32f7fchStyegkCOvy7uuOoqno/hy3XxK0U
0NndWtuSJZvs4jjU916c9utN17RroyxyNaxKLzBgEL7jEF6rx1OK0Nb1FYRptq3/AB4sqyyk
HBbs4NS6jvozOOFpzd5RSttorW/Io2MBsfEcklvDbssf7xUhIRTHnqCO/tU1ta+d4c1CZY0h
jFwAk7rlkTPZetNtR5eoSQ2rNBY/aTINzDPldufemq8mLr7Y3+irNtmWPsD06VO+p2Rk0uWL
siOE2tnBJJJcLIJcQxN5XDoD/rAf4Wz681rWOsXXgvRmhVma41jCQSlywhjJHO31NQw6Ha+N
NcXT9Nj8lpIRsjmbbHjrnPY1pCzs9IibR9PaPWLyYeXNNIebFgeTH69+RUyjFqzR00fawvKM
rdmn16+Zai8f+KIDp+m3WoSedpsDWxZ7h2S2sWO5ofvY8tmZiY14JYnHNZ/hjx1N4c8SSahD
MtvJ9ujmtLiwY2hsJY23RywYwyMG5DIQQec1jW0DaW2qNM3nQt0mXoDngZ96l0l7WO8W6W3a
8k8jMcTL8kEv8IPTPrRGMVokvuOKtCU3ao2/J/r3O88dftJ/FDW/EOqTal8QvHUkmrRpbXc1
14guXmvFQqUjlkeQu6AojBWJAKKeoFEH7S3xS8U6lDe6j8QvG11Ho6j/AEu6168lktQAwHlF
5Cy4BI+XHU1xdw8eqWU15qXmTatZ/O9uRhWjzjJx9am1U6hBpun3uoLYzW+pfLBbxS/PEO29
R/Wto1J6NPZWXkl2Pn5cP4VybcYvm1eis/XQ1NH+LuuLHrVnZ6xrWl2figCLWAl7Iv8Aa5JJ
T7Sq/wCsyxJy+eSTVfS/iz4i8vlHFdy+VM4b5VGD8o9qwYbiFNTkuNQja
aGOaMFoxheD90+tXIdPvrzSdS1LTGhhs7jUPs5RyNxY8qFPfrXPUowm25JO+rulq9rn0WFqS
w0OSg+XS1o6adtDe1L47+LobOZbjxVrH9oSSkOsd/Nuj7hBhvu55x0zTn+LPiaeZJvFHiK
xt15xNw91Nukl6kcN+Oa5lOTfq9fU69PjRr2qeNLPUI/EmvHkUrNveW3bt+0kA
qOmM1jHB0ukV9yOj+0Ky0lOTfq9fU69PjRr2qeNLPUI/EmsW8mRiBRJvM3bt+0kA
54BIFc3Fql1dJqzbri8uI5IEDdksUx1zitXVNTa3hh
0+zWONbVBFPckbBgjkEn1raOHhH4Ul8kTHGVnrKTVvN9SG9iayWORWW6k1CPzIombcsS9ck9
jUfh9I9ZmVmRESOFxmQ+WjynpzUh0yOyntdJsd1xdTMHNwoyEQ9fy9atapOurs2j6fHHJpen
y75Gb5WkI64PXFVyIz9tKTvJv0v19TPNtJFbrYr+71LzFUsSArZbja3Q1rR+KdQ8E63b2vh/
VJNP1C1Xy2v4pWtnSQjDYYEEH3FUzqtr4kg8uaNrWz0ld8EQO5i2fmGe471Vs9Pa5TVLqGP+
0lgUTAzEqQDxvx3IqvZp6NGcqk2mr3/y66dzQ03xdq0+oTW9j4gvLeHafna5fMhP3j16W
Na+J95fXNuun6hqmnW9jEouZWvXee4PQtnPQ/wB2sOe1t9GsCS4W9rH5NveNSaOC/
+2SWFyxkxTwYwOGIPTNZ+xhe9l9yOWWHg0Ul8kTHGVnrKTVvN9SG9iayWORWW6k1CPzIombcsS9ck9
fvdz3q1o2u681s2j2eoXUMd5hliWdlSVQdysxzjgqpGf7o9Kjh028n8I3l411DH50qgWh/10
0ZIAC8dB7VM13b+C7trO1s1uLiSLbM7MSU3Dp04xWkrSlOPIrGui0vx54aNrWkrS0krmlOFpb
YWHh/U4/llvDaj/SCgyoY8jnpiJS5rexsbjVFh3SMxiWJ/urnuD+lvGdmxok3iLU
pG1CxvZrGPRSEVLe8MI09QW2tHz8uDJIflx99vU1VkGn6BdjzJIdcvJgsrxyHAU9Pm/iOef
rWTb/JbyXe4t+0kA54ZIFc3Fql1dJqzbri8uI5IEDdksUx1zitXVNTa3hh
0ZIAC8dB7VM13b+C7trO1s1uLiSLbM7MSU3Dp04xWkrSlOPIrGui0vx54aNrWkrS0krmlOFpb
YWHh/U4/llvDaj/SCgyoY8jnpiJS5rexsbjVFh3SMxiWJ/urnuD+lvGdmxok3iLU
pG1CxvZrGPRSEVLe8MI09QW2tHz8uDJIflx99vU1VkGn6BdjzJIdcvJgsrxyHAU9Pm/iOef
rWTb/JbyXe4t+0kA54ZIFc3Fql1dJqzbri8uI5IEDdksUx1zitXVNTa3hh

r/H5nSa9rmsReH1sdc8RawtxpFvJb6RptxNI8MdlKuHQHOFVlAGwcEDBFY/iDxleeJdA02S8
1C6kfT4I7C1WSRpPLt4ySkUfPyxqxJVeACeAK6T4K/DLxR+0h8RbPwvoukf294g8XahBodvc
yM3l2crttHKglY1GXdsYVFZjwDX7j/s9/wDBuf8AAH4d/DjTdP8AHWm6r8RPEEMI+130+qXW
n2/mFQHWGG2kj2x7gSN5d+TlsYA5cRiaVFe/uzwcdm2GwNnNavZJK5+LVv8AtjfE7Td02qfE
zxxcao2HEJ1u7XeMZy0nmcnHY1en/be+JmovNdL4w8bLp9wiQxw/8JBc7Y2AAYhTJzk1+sX7
an/BuN8MfE/w5uNU+DFvqHhPxdo8LzWemXWpT32n6uVGfIdp3eSJmxhXD7QT8ykcj8g/2dP2
bte/aj/aJ8O/C+xszousahqYsWhuUZXtdxJmeRWKn9yiu7Lw2IyBzxXHTwuGrJzUVpvdI9DA
8TQr0ueMmlHdPRpefSxDfftLePNag+x3HizxZcfZzsHn69Pttug8tWZ8YOBwPQVXl/aC8Tad
c+ZqXjzxJqjMSstgL+5Plg9Qrl8Aiv6Hv2bf+CO37Pv7Ovw4t9DX4b+GfGF18sl7qnifTodW
ur+YKqtIfPVljB25CRqqAkkDJJPnv7dX/BDb4Q/tB/Dq+vPAPhHw/wDD/wCIGm28suj3GlW6
WGn3k4Q7ILqGNdnlM2MuqB06gkZRqo1sPzciiku9keL/AK0UqtezultzfrbsfhHqnxP8VeHN
Naa88ZeKIWuALi0shf3Hm+U33JN+7Cn1Bq1p/wC1r8SdC8EabFp/jn4gWrC7kM8kPiW7jW7Z
gFUFBIOgAG70GKh+Gfwf8W+PP2grX4Y2+hLqnjLWNaOgGzuSzJY3fm+XIGZQ21IiGZ2BIVUZ
ugr9uv2dv+DdH9n/AOGvgSztfHGm6t8QvEW3fdXtxq11YW8cjIA6QRW0ke2PIJG8u/Jy2MAe
h9chh3eNot9lZ2+RpmWOwkKa9ouZyWisn89T8PfE37S/xK8ceLtHutS8aeKG1XQ5WNheXOsX
Et1ZOVAfy5S5aPcoAJUjIAB6Vm6v8cfF2q+JL6+1bxV4mkvJrj7YklzqU9xLJNtEXmhy2S+x
Qu/rtAGcDFftJ+2r/wAG5fw18WfC/Wr74Lpf+D/GENi621hdajNfafqZGGETNOzyxu23aHD7
Ru+ZT1H45/s7fs+6x8dfj14c+Gugw3X/AAlmtammmlN9tj8ltHO8iZyjc/ulV2YHBwhHXiiOK
o4iDk9e9zPLc0o+zcqT5eVa6WaW/TpoYsvxt8Xa3bQ2//CWeIJ7pQIoxNfzgRIBGApUtt4EM
Q/7ZJ/dGJPEHi/xkwhW+1zUr6a4aSb5795lDsS8jbSSMuxLE9ySTya/ou/Zz/wCCCPHwE+APg
u1sbr4f+Ev+Ed8Ug5Pjtvg8tWZ8cjIA6QRW0ke2PIJG8u/Jy2MAe
h9chh3eNot9lZ2+RpmWOwkKa9ouZyWisn89T8PfE37S/xK8ceLtHutS8aeKG1XQ5WNheXOsX
Et1ZOVAfy5S5aPcoAJUjIAB6Vm6v8cfF2q+JL6+1bxV4mkvJrj7YklzqU9xLJNtEXmhy2S+x
Qu/rtAGcDFftJ+2r/wAG5fw18WfC/Wr74Lpf+D/GENi621hdajNfafqZGGETNOzyxu23aHD7
Ru+ZT1H45/s7fs+6x8dfj14c+Gugw3X/AAlmtammmlN9tj8ltHO8iZyjc/ulV2YHBwhHXiiOK
o4iDk9e9zPLc0o+zcqT5eVa6WaW/TpoYsvxt8Xa3bQ2//CWeIJ7pQIoxNfzgRIBGApUtt4EM
Q/7ZJ/dGJPEHi/xkwhW+1zUr6a4aSb5795lDsS8jbSSMuxLE9y

skk9FvZ20v5nPRyWKtOSVm7Nuy0vqn1enY85+L2oaprn7PXxE1TxZrWpeKPGUPja1tL/AFe9
kkaS+t0RvLb5uzYz9NvtXZftP+II7nw38dI7eeS3t75fDF/BbscbSUjG4d8jivP/ABTLD4o/
Zu+KWoNZ3FhNfeKNOure2uJfMa2glDNEGboTsbkdRXcftcXRvLD40bobdf7Ns/DVmXj4+cKh
+X26/kKmUUnG+mvl1a/XsfWYemqcZJfDZW32S0R88+NfB62PhnXNXmvNL1a1huU0/ZFIP7QL
qofzHAGQhIwTXMvLlNHj1C1iaPTbQucglZhL9wAf7IFO1mO1t7PVrDa0LY+0TXYfdNOnB8sr
0HNSar4ph0/w7pLwrPMuqW5M6zKNkbrwgRvT1Fe9R+Gx8jjNaln2v+JX+Fz/ANtfEbwy1xuh
s7rxFZQsOgCGQZr7W8RSRt/wUU/aSmk0+NbrT/B119iAJGB9ngG/6kGvifwLq15B8RPCdjNH
btNDrtlJFEvG/wDed/bkV9ufER4x+3F+1F5dzDarN4JkM0102BG3k2+QpHbtWdZXe26a/FHj
/bTb0TV/zPn3/gmzb30X7UOjzWskdusOj38s5uSRHOnlTZVfxI/KvH4NVuPL09o7i4haG/nS
AjlYYmI37PUcnOa92/4Jx+LGf9obRV1y1a80vT/DOobIYxhooykmX9y2MfjXhOl2t5c3Nr9j
8u4jk+0iGFjjyVLHcT+GKmP8Rp9l+p7VGnzQSi3a7/QbpOkQza3etY3Xk29tGZBMGzkjnPNQ
ec1xZzXF1NJ58hy3y4+0L65x+tbNl4N/sy3kW41DT/sOPnMMuXyfw7VHFql5NGscMNrNZ24M
ETSjG5R61pGWlj1I4dpa6feZosbjWkWS3aGFZto8pmxsx0IrQPiCSOS8kX/j6tIxEZouS3bp
0xTRp1rY6WPJX7TqF4TGxZf9HgT2PXNR6ToV1DfXUMMljbyTR4KSOcsuP4fXNEtXYI05xZXt
o/7Vja5vZI2kjH+td+AOwAFen/sOsrfte/C3dD51uviTEYzgMdykN+Bwfwrzix0mzjszJfbY
bWZykS7jvRv9odq9S/Ya1WOD9sj4RwyWKtbw65sjfkLMWOAVPfBwfrWNS/I/R/kZ8tmk+6/N
HtCW0Y039saa+XzrVrmNTbueDcfbHKSZ9VbBFfrp/wAEBdKXS/8Agk58LTs2y3TatNKe7MdW
vACffaqj8K/IXxH4ek8SeDv2wlhWGzutP1q1vHjmcq3kreyswB7kheB6kV+m3/BPvx9q3w0/
4N2G8TaLeNZ61ovg3xXqVhcxEF7WaO71KSJxnI3owU8jGVrx8ZFuko92vyPmeKqfNCMY9ZJf
efoZRX5E/wDBrVrH9t6v+0FfTXl9falfTaDc30t3IZJXldtUZizHlmLFiSSSSa4P/gnF8dtY
8B/8F8/HXg3S77VG8N+MPFvi611O1e4ZLQ3Mb3d0sgjHys6/ZQoJwQGPPY8MsvalJJ/Cr+ul
z4mpk7jKUVK7ik9t9Lvr0ON/4OY4JNK/4KC+G761jjhkj8F2UiyqPnmmN5eqM9jhUWqf7Dn/
AAQW+JX7bXwXs/GXjLxZY+C9B8QQrfaH59o+oXs8T5ImMIeNUjddrKS5LBs7QMZ0P+DmbSZL
7/goZ4XkVo2SHwNZExF8Nn7bf4IHf/61fsN+0Z+1j8Mf2DPhzot1431j/hHtHkK6bpsUFlNd
PJ5cf3VjhRiFVAMkgKMgZyQD6NTEVKdGEae8l67H0Us0r0cNThQT5pJra+1tlsflX8fv+DYb
xt4D+GmoXXgH4jaX441i3gMi6Xf6UdKlvdoz5cUpnlRXPRRJtUnGXUcj8z/FGj6x4PuLfw7q
lpeaPeQs0F/a30RgkikQlWR0bDKVYEEEAggiv6Uv2Vv+CrXwL/bP+JMnhH4f+LptU8RR2kl8
LS40q6szJFGVDlWljVSRvU7Qd2MkAgEj8V/+C4OhWtl/wVT+K0lzJbro9vNppMEThblGm0qz
kkZExhsu7Hn1p4XEVZt06i1tfax6WU5tiajlSrJ8yjdO1mtUtUuh13wL/wCDfr41ftD/AAV8
O+MtF174Vw6b4qsINT0173VNQjuoLeRQyo4SzZd2DyAxHua8p+Jf/BKrx58HiwdcPeSiF/wB
bwfdeK/FFvb3VhcQ3l02mxJJ5+RI7QCQH/R36Rnqvvj9xP8Agkv8Bgkv8xP8Agkv8xP8Agkv
xqHg/wAMaZaatP+II7nw38dI7eeS3t75fDF/BbscbSUjG4d8jivP/ABTLD4o/

/C+kXE62kMssUs8tzKeiRxRI8khAySFU4AJOACa4Y47ERlaS1eyt+R5Ec8xsJNyTbktE1a3m
u5+WfxM/4NhPFGgfDxpPB/xa0fVNasbdni0278PvZQ30oH3TcC5k2FumfLwM88c1+XPi3QdU
8BeINU8J6wt5DqFjcy2Ws2dyA0+nXVu7I6cEgbWUjjI4r+mz9mr/AIKLfBX9rbxZdaL8PfHm
n69rFvEZ5LB7W5sboxjbl0juI42dRuXLKCBn61+H/wDwW+stP8Of8FTfi1Dbqy3GqNpkvmRL
g2rNpdm7+xZ2JP8AwKvQwuKqybjU7X2serluaYqpKUat7qN1dWfTS3zPXPDf/Btx+0B4dsLq
ax8VfCtmvoEjjkl1TUQyIeWHFietfM9v/wAE0fHFz+3bdfs4trXhO18dQy+XDeR3dx/Zbk2H
2/Bk8jzSPJ4P7r7wx0+av6MPg78f/A/xf+HVx4g8K+KtD8RaHo5a2vr7T7tLiC1ljiSSRHZS
QGVHRiDyAwPevyHl+Mvwx0j/AIOH5Pi5qXjrQY/B95dj+z9YS+j/ALOwPDot3eSUnaF8zKA5
+/gVph8VObkn0Te3UMLm2LqSnGVvdTa0tZ6W+Zx+t/8ABtZ8erHRlkvPE3wjXTdNjaZo4NT1
EyBVBLHJsRknHcivn/8AYP8A+CbHj7/gotL4otfhzq3hPSdN8HtaG+bxBc3Fv9sWZptix+TB
KWA8hs7tuMrjPOP6Fvi9+0h8P/BnwOh8Vax4y8N6X4b8TWgTSNUur6OO11Np7Z5oRDIThy8a
s6hc5UEjivyf/wCDZr43+FfhX43+LGk+JPFWl6XdeJLjQdO0SK9uFg/tK4Ml6ght9x+dy0ka
7Rzl1Heqo4qpKEpPdWtp56mdDNsXKhOb+KNrad3r62R8W/t5/sk+NP2G/j/Y+EfHV94d1zV9
W0iHWrWfS7qaa3toJJ54FXMsUTB91u5wFIwV5zkD6mk/4Ntv2irjU2kvPGXwpZZOHZNT1EyS
IOiHNiOKj/4OZ4JLn/gol4Ptd223uvh7aK5A/u6jqbEZx6V+2HjL4seFfh14BbXl4Bbxl4g8QaXof
hmOOOZtTv7hbe2VJCqxku+ANxZQPUsPWqrYqUVG28v8AgBUzrEJQlF6yTurbtWtofyv/ABy8
G33w0+NWu+G7q8j/ALU8F6pdaLfXFsWa3imtZnhZ49yqxjZkJBKgkYyB0r6m/wCCCev8AwRP+
JH7fugeJ/F

xqV54o8I/s+3Uus63Lpsata+IHvZMRR27EhgiyAKSwwV3dOKo+FNQ8E6HLa/HD4f+FZNCj8I
6gLHxd4QupDdNHa3qsiXNuzLlV2txwMN7dc6nJOUZWaabs9lrsmt+vY2wvPBOMmmpWuk7u6t
ez26dynot1+zn4M1/wD4Q+PUpm1iGWXT9U8Wa5pUmoaXqDFiN6QxzhovmxtkXGBkknrWprHg
TUpviPqngHwDa3ngX4g2+mNBPY6Fqy2+j+NLBULCWLdu3SPExYBi3AJJyDjvPGOp/DnwP/wT
Q8Taa3jjwn4qsZrpoPDen2djGurLLLJ5qmZiA2+MsSxx0B68CuDT4SeK/j/8J/gH448H3HmX
nhdZND1bUbIbrjw88E6sk0o6sohycH5ecfxDJRtaU6l4q7V27ptbOzS3OqtKbfJT5ZKy2TTS
b2vd3aOH8d61q3wy/ZI+BvizQdWkt7rQdb1g20afLNp04nRijnA3dOeMENjvXXfEz9nvVPjt
+158OZvBN5N4buvi5py+KLSS5l+yrp9+kbGaWNgDubMZfavPzduDWx8a/jv4P+G3xg+I3hCb
w9ceNvhzqV9b+KbKPDRS2+pGFN8rMqgpFM27KEAYxjGeeB+JvjLXv2zL3wVr1j/bl54st7m4
tLfwx4ajZW0WwQLskhxzGWPUk4I9MVpRqSclJrli0/ebVrNXSa9TPFUYqk4wleV17qT0eib0
2ud5+xd4OuvhP4m+PHxM8QapJ4g8VfCmyk0/TtaCCdTqM7yQ/aP3n33VhjL54P0rN+Gk+pP+
w/8AFrWNYvtY1zxV8WtestI0+18hzJrM0Uu8TxsVJkG524UcFAOCRWD8I/i9dfse+AZtP1DT
Liz8TXGvPb+IPC+rq/nXNhLEBuMLAeYcNkMc889DXrH7BvjiT9oX9p7w/wCEdJWPQ9N+HOja
zdeEGvAWX7TcAkNdZwSvLdMY2iuOt7VzbaTjdNO62VtF5NnZhadGNFK95Wd1Z3Ta6t7uxm+H
/hJ4b8IfEDwzoPiTS9U+OXxW0ux+1a1Bda21xovhyFd2I55GznyRjdG+FycZ5ArctP2evgD+
094r1jRfBPxI0Xw38Rr5z/YVvoun3um6fdXABZw/nM6beMKsJTpkA14/r3gTxp+yh+zZ40Xx
I02n+IviVqZ063trUCS41K3t5S1zN5oyfs7btox94EHo2a+lPF/wz+Hd/wDAb4A/EqHUvBOi
+F9DYatrd3aGO3vEe3RB9iVV/eTSySK+c85Hr1xrazUot2u0mndN2vqnpa+hXuxh7NWjJpN3
WtuuvRpHP/8ABLf4G+D/AIr+PXhG8Tw/4i/Z0/aP7wD/wCEdJWPQ9N+HOja
pwRX/bW+MPw18QftAfBP4za1oNr4u8H6smoW2sW8UCC81prdjDGZo22rJtbbyQM7e4wK4HwT
+zl4Z+OfjvViB8TvGUPw/1T4kT3epeFtPu28maaKXIglZ1OQuCoUHAPXPNejeAPhA3we8f/
AAF+H9xH4fsfiR4DuLrXL+z1idfserwXN1lY42IKmURJuAOB3BOKxlTp08R7e7ckmnHVKzWt
u9n2MadGrNcsrSWlm2k1qrX82tzwHWfFem+MP2WPi5qmn2sen6bq3je2m0u3+6LaAs7RwIvb
ZHxjoAOK7L9ohVl+GHxwmEcjOr+FwxPYeUvf1z/Ouk/4KA+LdD1HxHp+jWfiOzvNQ0+Hzbyx
jRlfey8/8z5j8ZXWmw/Cq6mkWQ65q2pliGHMdsgAH61i6/pTaToOk6WeWkWzecWgkvEAOWi3cr+f
pWnr1laP4b1O3V2b/S1m81h8yrgFgKXVr538JafNdTR3U1m23TDFgExD7yv69utfTUJe7Y+F
xlOTqt+X/Dh4At4dW8Y+C9QaVf7UbxDZQGMddokHX06Cvs7xzYyaf+3H+1ZHZ/Z5o18F3DTG
/wDuKTDB0J7elfG3wTR9Q+Lng+Mv5YXGMyDtX27regXV1/wUF/au0Ty4bxtW8HX
Uh8z59gEEJA/Xp9KzrSUdeyf5q55Ps3KV/NflofO/wDwTa1dtM+N2oXH2VpvJ8F3zBH7AK3P
0Pb614jaapeaXpen3FvcR27TSTJnPI3Mcn2xivcv+CXEUevftcvftSWs0jLH/wi9btljtbCPwf
bB6e1eCxzR2l7ZrPC01nb3E6k7cjJPH/AOqpjyuq11smelh5T9in/ea/FGhFdQ6RpyxxL9uj
YlpnHT3o8T2kMenLNpaXDWMyiSVmHETE/dqvDbtptzNNNfR2n2yPbsEZwAePu+1R2WpLaSrH
JcTSaerbJSrExvz12+9VGKvc9SNZ25ZaEiqZEt9sl1DprZHmc4ZvSnJJIIDqk8k++1kVbYlP
lcryoNO1WCHULtmtZJl0nK+eRnZAe2B2odGvbuWCGZVW3jAgVm+R48fNj396fKmuYPaSV0Xv
Ed3D4p1IahuRdXvrn/S4GQLbrnptr0L9jqSeD9tf4XxySSR/ZfEaIkQ5CZcfOv8Asn+leTkK
LE29uY5IN4Ku/Ueua9m/YUSa9/ar+GMMjq2oW+ryTWwPIcBcqC3pleKwrS5YN+T/ACD43G2m
q+9NHtHiWa1uLD9syPURybzv7Rtnjlxt81lu5CiH8Qq496+tL93H1X5Hg8Se7GDk/tJni/8A
dcjvD/wD2BLdSRrdXvrn/S4GQLbrnptr0L9jqSeD9tf4XxySSR/ZfEaIkQ5CZcfOv8Asn+le
C2A2QL2+4xX35+1r+1l8Of8AghJ8rtc/w78Ov2vPiZ4Z+Ofjvwb4Z+Ofjvwb4Z+Ofjvwb4Z
Kw+RsndkqAMqnJRpxajzSs7K9vU6qNaMFCSXNKz5Vey2V73Pyr/4IO2vA+Ofjvwb4Z+Ofjvwb
fyWC5HwC2vA+Ofjvwb4Z+Ofjvwb4Z+Ofjvwb4Z+Ofjvwb4Z+Ofjvwb4Z+Ofjvwb4Z+Ofjvwb
OY/hWup3ske8v5G37y43Z5xg/m7/AMFwdOaH/gqt8UpNvmQ2
tzossu8b1jQaPY5OO30qqMpSqXmuV22vfqdGDrVJ4nmkuV8u107q+90fWX/BqfPJfWeI4
49zaB93u3/Ezzn9K/Im6mk0q3t1sWhmaNHbzh1fJ6D6V+u3/AAA4XLX2o/H6T9nPJct8rtc
TcM6nzj8qdq//B09NpWm2stx8EbEbVbq4yTbDxed0a9mz9j71MpThUlyx5tutuhnKpUjXnyR5r
2vqlay037jv+CrMl1/w4CfFKTb5kNjoUmfQ/8JVpXNf0Ofs6fHLwJ+0x8EvCvx2+GOqfbPDv
ibSY7yxkkZTJHkfNFIFJAkjcMjqSQGVgcEgiv5Ff2Ofjl4E/aY+CXhX47fDHVPtnh3xNpMd5
YySMpkjyPmikCkgSRuGR1JIDKwOCQRX6Ef8EHf+C2Hwo/4JZ+Ffi18Ofjf8Ass+IPiFpPxI1
Ow1Hw/qXhfxFZ2MlrJbQSwzRzLdSqwIaVSpUKQVPXIIA+ZxuDqYqtzQ0Xa2ttfvPqMHiKeHp
8s3dXvfXb8T9Ff+Cnv/BOb4Y/8FPf2Y9Q/Zm+KPjPVvDtrcapa6lpuuaLHHLcWV1bvuQmKQ
T2sqSRuyOpEiuAyqSpIIB/Ij/gqT/wAG+Hxo/wCCZ/wZ1L9pb4ZfGzSfiR4P0G4hXxNJ
Y6HLpd9pcMsgiS5aOSa4jmiVyqSbXRlDuCVIBI/Xb/gqT/wAG+Hxo/wCCZ/wZ1L9pb4ZfGzSf
iR4P0G4hXxNJY6HLpd9pcMsgiS5aOSa4jmiVyqSbXRlDuCVIBI/Xb/gqT/wAG+Hxo/wCCZ/wZ1
L9pb4ZfGzSfiR4P0G4hXxNJY6HLpd9pcMsgiS5aOSa4jmiVyqSbXRlDuCVIBI/Xb/gqT/wAG+
Hxo/wCCZ/wZ1L9pb4ZfGzSfiR4P0G4hXxNJY6HLpd9pcMsgiS5aOSa4jmiVyqSbXRlDuCVIBI/
Xb/gqT/wAG+Hxo/wCCZ/wZ1L9pb4ZfGzSfiR4P0G4hXxNJY6HLpd9pcMsgiS5aOSa4jmiVyqS
bXRlDuCVIBI/Xb/gqT/wAG+Hxo/wCCZ/wZ1L9pb4ZfGzSfiR4P0G4hXxNJY6HLpd9pcMsgiS5
aOSa4jmiVyqSbXRlDuCVIBI/Xb/gqT/wAG+Hxo/wCCZ/wZ1L9pb4ZfGzSfiR4P0G4hXxNJY6

xB4Z+GfhH4OtrFquhxaoI7O9j0jTtPtDJNAihlhlZ5d0DZBQcMDuYkgTUqcslaPNKz620DEV
o05QlGLlNp2V0kl13Pif/g2i1m4uv25vFjTb1jbwNdeQGGMhb/Tg2PxI/OvkX9um1bVv27fj
ZZWrf6Q3j3X2mmwQbZBqM/6fjX7Sf8E3f+Cya/8ABRf416p4J/4Vu3g/+zfD0mv/AGttf+3t
IEuLeHyvL+zRYz5+7duONuMc5H41/wDBQzxLDo37Ynxm0mGx8y3uvH2t3M86ptnaZr+f5N+M
7P8AZqaMnKbclZ2Xmc+DqVKlaUpLldtVdPTpqj7+/wCCsSLb/wDBB79mNVZpLWOTwsGdf4kG
gXWCfbOOtfmL+zv8UrH4KfH7wX8QNQWbULPwf4sstZW1icCa4jt7iOZkQnjJVMDPGcV+n3/B
Vi5vF/4IQ/s0w28KrNef8IvbvFs3BAdAuiQB7EAV+X/grSNc+Ofxg8J+AdLTw/DqmvahaaLp
7zQCOBLieRYkLsASAWcZIBIGeDW1K3K792dmX06cqUlPbmd+1j3b/gp1+3x4Z/b8/aO8P+PN
F0HWNFt9P8ORaKLe9KPKZI7i6mZwUJG3/SFHrlTX2V/wR2uryw/4IXftGXFjeTafffavE0kF
2khja2k/sG02yKw5UqQDkcgivzt/bR/ZD8cfsA/FnS/BfiptDfXNQ0yDxFatpc73UY3zzQhA
7Ih5aB8rjoRzzX6Of8Eyiupf8EJ/2nJodv8AaF1b+J2vIkhESwXJ8PWwZFUcY4U/jRKMVFdr
q33meYRoqjGNN3ipK3Zq5+RfiDU103ztF0WaaSzt5xM0zp+/llHHbB2g1+sH/B1W63LfAeRo
90jDXyjk4WLnS+TX5Mvo+pSXVrZNai6mkTaqRHD3LHohbrX61f8AB0wqvcfAmNrhbWFl15lc
qSpYf2YVU+xPrU1Iv2kfn+RniIr28PR77WtsfJ//AARE09rP/gq98I2muluLxjrBlCfdUHR7
7aeOOlVf+C5V3JF/wV1+KiwwtcTSLpKxoD0c6NY449a3P+CH/hO40f8A4KufDltYjj0HUFh1
F49PdctfE6Regup/hG0lse1R/wDBb2+1K1/4KhfF6+t4/Oh0ldItvNjQb7RZdHssk8ck5OD2
NVy2qa9v1J3xGl17vz3PuD/g39tZtM/4JafFhZGaS6XxPq7Sqwzsf+yLDC/lj86/FNy1zrM1
000Nw0am5NvN0Rz/AAY9q/ab/g38iUf8Esvi95f2jy28U6wymb5XbOj6fyT9c81+K9vatDDq
U15ax3TWMYhG1sfe6MT/ABfWpo/HL1Rz4eVpSb7n67f8FWbNbj/ghF+zDHJJ/Z8cJ8LPM/8A
zwH/AAjt2P0JAr86f2Cddmb9uj4I6fZ7odLj+IegS+UWw11jUbf94R3xjNfoV/wVhW4g/wCC
BX7L628e7zE8KLIrLuGz/hHbo4Oe24LzX58/sG2jWP7dPwb0+Hy5LX/hPfDzmYr88THUbYlE
bsM8EVtH4H6sMPL9zNa2bd2ft1+0B/wTfX9qX/grR4X+Jniix87wH4D8EWEcIaTA1TVF1G/l
SArj5o41ZZJMkZ3xLhgzgfB//Bwx+2N4++KPjr/hB7Xw74u8M/Cvw5dpDBfajo9zYWviTU13
l5FkkULJEiqREB97Ekg3AoV+vv8Agqh/wWa8Qf8Q8Qf+Cya/aD+0XwLo/iqPWNBh1hp7u/kt3i
aS4uYduFUjAEAOevzGuo/wCCc3/BQLTf+CvXwLo/iqPWNBh1hp7u/kt3tveJOEH
zqDvU28mQRgZQg5zjjpxnzqc43ilprt5nDhfaU5qrOPNGKSWq0Tdr273P584tFUeHp7zVJBY
x6pIskAHWRFOCUHevuD9uj/gqH4F/aD/AOCvwd+CvwD+CvwD+CvwD+CvwD+CvwD+CvwD+Kn
s5PJkWZ5G3SSIV3RrlQScHAPwpq11/aurrqH2dYdLjYxRRS5KgLyVVex46Cv3X+Hvx8+H/8A
wR5/4JN/8Ehf2Ov2Ov2Ov2Ov2Ov2Ov2Ov2Ov2Ov2Ov2Ov2Ov2Ov2Ov2Ov2Ov2Ov2Ov2Ov2Ov2Ov
wR5/4JN/C34nWvgdvEGrePrHS55RayJbzX1/f2L3v764cMyQokbIAqvtAUBOSa7K0kkna7vp
0PezDEU1ySs5ST91J21trds/IX9geVbP9t34EwxyRt9s+ImgTsqNnyf+Jjb/AC19ef8ABzyL
eL9vnwhcTTMy/wDCCWUckA6vGdR1LJHv0r6U/Zz/AODkWb46fGzwT4PuPgn/AGDH4016w0OK
9fxh57QfariOHzRF9iTft3527lzjGR1r5p/4OcrO1b9vfwy01vNNN/wgNkxKsVVE/tHUuf8A
61Z05TlVXOuXR9bnLh8RUq42EqseV2dldO5+dVlpkem6lNJNG32OEefBaSMd1wD0IHp3p+oL
/bt3/al01xDDG6x3CRMAynHyiIeg7/jTby5s30y3aSZr+JWOUbKygY6buwHpVWKazit/Oj+0
tHZNgc8Hcf8A69dkbrU+8lFWS6Gk+q3mpavb6hJH5duIWjDkYgYLwNuO/r75r6o/4I+/sAat
/wAAAP2CPhr8Ddb8Y2+vXnhuzuJ7ie3tmiSYyXNzJIGVuCMDHHFfQ1FfOv/AAcz/AAAAP2+P
98E2NxfaprPbwHJH5duIWjDkYgYLwNuO/r75r6o/4I+/sAat/wAAAP2CPhr8Ddb8Y2+vXnhu
/AAFCP2kmOqWs0fwz8Mstz4hvI5GgaXqY7WJ1GfNlIwSCCsYdtwbYD87/B34J65+wN/wTf
98E2NxfaprPbwHJH5duIWjDkYgYLwNuO/r75r6o/4I+/sAat/wAAAP2CPhr8Ddb8Y2+vXnhu
TeLtdlj6n7zE8EyiupfEJ/2nJodv8AaF1b+J2vIkhESwXJ8PWwZFUcY4U/jRKMVFdr
FFfPf7LP7OPgXxAXZ/wXd1D4d6t4X0nVPBNx418W2sbnTtT1/TDcweaz3nnx2jyghVQCFNiE7FSNeA
SnGModYq7ffQ2yvEUKMZRtdxjzSemrtey9Dnf+CMnwP/CMwP/AGPxo/4I+/sAat/wAAAP2CPh
oX9p+I5GgaXqY7WJ1GfNlIwSCCsYdtwbYD87/B34J65+wN/wTf98E2NxfaprPbwHJH5duIW
NmmHjKx8NarDrt4+wNHetI/nxuYxsBaRHzt+X5eOK4f4w6Q1h/wS7+DNw0bNJca3qjR5PQeb
0A98V7FaT3A/b8/bYj27Vhg8YOyr8sMgGoSFd69GbB4J5615j+0Jpax/8Evv2f1jbd9q1bVt
/JGGM3StN2vVP8D7rL6jlRjJaXj/AJHzfHpV1a6RNO0zW9zKiMUYbR5eKqQQxziOaa3kmEgP
zKudx+oH9Kt2qTKdUmaTdJbx+URKd4ZfTn6U3WPTY9Os186zW9yiMUYbR5eKqQQxziOaa3kmEgP
pC1o089pD/hT3/BMb/gnz+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z
+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z+0Z
pC1o089pG0n2izbJ3H7o9t2OMVY0VVt9V/eQPCsaMYQwwJV7kev1zUkzW3hO90lf3dw1uGaZ
dm5STyMr3PNVbzVZrfUVvLpt0V0r+UCSRGpPQDoKxlqXbk12fVBY3t5rKzXEc3y2r73B/hT3

OOlSW1/NodlNdRtC32x/+AgE9On+FNsbKe3vI7OOaFY74kI/8K5659RUyWdpf38ZhZfs9r/x
9RsfkkYcZRemDipWrJ5m9ep654T0WS7/AOCefxHuGbatj4jsCFx3Y4P06irmiwrP/wAEq9Y/
ef6RD44ieaPuoMQAJH1zU3gC/hg/4JtfFZY/Mb7R4osUjOc4TKkE/kak8Nauzf8ABMDxdp8b
QtpsPjS08ghAJpGKAsGb+IcDH0rnk3a3aS/JE1Penf8AutFr/gpUsNv8cPBc0i+Zat4KsXEQ
PA+UggV4r4d0abWLm4hWNvL2Ryxh+qqQcD9a96/4KQQR3fxC+GOoeT/yFvA0G6Nvujy1bBA/
Cvn3wxJeB7WSG6vLdprZi0kTHe+HAAPsO1bc3NBen6mdGXKmvP8ARGXZeHbhNQ1TRVm/tLZZ
tJAVYqMgZ4z/AJ4qx8Odp8ZeC4YZvO87U7UoTlfIIlUMmO/J61RbSI0tdL1KbVJGW6eSGXYx
3ovPGByAfetj4f2KzeLPAvkx/aJv7SgXcrbRjz1wGHY+9dlX4fv/ACPDw9NuTt6fij3j9oy+
jnm+NE7fKq+P9OLRMxJcD7QCOOvSr3x88JReOP8Ago74uurpbe80nwz5XiC+trpcLcwWttGz
xherZXIx6djWf+0XfMnhP4wD7LGszfES3a4nP+sgUedtx6gkH867jXPFPizTP2oPix4k8F6f
ofibxg0Ysbyx1IbTb6c1qgeaNSy7jwAevHbmuGOsdHbS13pa9up3KKU7z2i07Wvda7LucaPE
vhP4E/tZa9cXX+mfBX4xWwtttvG0du1tKAd6rkbWtZ9uQcMBnA5re+Dn7OWrfDH4xfEj4Y+I
NTZbjx94Slt/C+pySh7XxC0ZV7Z4n+6AY0xsJJBHXpXnf7P/AIXsfjj4I0Xw34oj1CHSbfxb
BpenX8ZUW9iLtv8ASYizdBtywweoFdJqPxuj/Z1+Kmt/DfVo1+LXgHwPrbwaL59+bfUtO8tt
ytaXCfOq5XDKvynbwBUyk1GUYrmlFK601StZpvS5UaMItO9oybaa1s3un5anVeBP2Ifh/wDE
H9hHxJ4wjmm0f4neGYZm1r7XM1tFor2zFTA1uSH8yWNT82CN2ehBFeP/ALMGheJvEWo3DaDr
WqaJ4V0OGDVvEH2W+NnGYoznewdgJmPToBkjivp79p39v39nv48eHtLmuvBfjK4uJFa+1HS7
eKLT4riRVCIs88ZDTLkf6w5P8q5n9q/4OePrj/gnT4Z+IkfiTRf+Fb+fDHB4Zs7eO3js4ZDt
ijFwpEty8bBdyueoz2rhwuKqyXLWi4uUrJSs0l5W/A7akadKKq3Vktlo279fzPLT+2l448T+
MvjBNoOh2usf8LYshY39vJYSXV1p9nCmyOVNgAHyMSeCMgH6+ieI/jyv7BnwY8I+E/hboum2
/iTxxoK6jqvi2/QnUIi24MkKH5odpzjPB9Dya6yb9qO2/wCCcPwW8H+D/iNHa+MPiZ4Z0+Ss
Na8aapGsi2kUmcQKpBzsxgZ3DgfKSTjwX48fteal+018L/D7eKNFtW+IXhlpp4PEESxxxaxY
uW3xyxgKUxuBXjB54GTnu9jKo4pxXJfW71elk2uxxRxUG52b5rLVLo+h6Zc/tHt+1x+zDqni
zx1dWen/ABU+Dslm3hvxTbosdxr6SOSLSeEgGU/LwwGPmyQBu38H8Gv2g5tR/bN1LXviBDD4
Zh8YWcmi61GsT2clhFLb7FkjDnchBCEt6EkDmqvwp/awtfgd+zhofhfwT4Ls18LeDtNaw0+w
msN4mufIK3VyLn7PFD/rr0yw/JHC2OQ6EjB9MD0bXNMsf2Xfg38E774xDmaldeINFuraLUNLub
dYY/E3gu72rIPLH/AC8WuTgxyA4AX+6q1pfG39rf9nHW9E1qTR/FXjqHUPFltFH4nutJ0YQy
a/sGPKLSAC2VsneIsKxJByDXHWxFWNWMYJuNmm0rpvv5HV7OLk5tr3npd6ryb/A8h8R6Av7d
n/BQqXUrOOzX4Z/Ddra2vb/ds02z0myHz/vB8v7wo+3HUHPQEjc+L/i3Rfj58b/id8R6Cf4v
qngvxRqEXhHQHQJdPlLPbSxoognhkztRFSMSMvOS2MHkGb4N+Kf+G6/EN58GfhPZ+Kb/SNL
ugDypLj5xsy29uFBx250u5S992aSSTtdLRtvzbOjC4empW0ld3bV7Xemnkc/J4ei0b9kr4gf
vI7ybT/GNlYi8iJMd2I1lHmDOcs3UnvmvRP2m7q2uvBPxyZZGeSafw5tQqf3Y2ev+e9Y/jTQ
l0z9mz4xR/Y/7Jkt/GtoGZNH81ZP7KJLnh1O1hklRj+7Wh+0hdPa/Db4uRyX0MzNN4c/dpjK4
hHJIHPp+FZyknOLXf87M96NFxpS16fgtGfMut3jDVWs1tfLt5LRhjflGUj/X7v7vqKppNptj
4IvNNtbeSa+tZ47iW/3fuQp6Kq9cH1rY1wR65rtyI1a1sNPtTJ9jU4kktsAsQ31HSsHSb+TU
bHXFt5l0+Ga0WSONhlmijOFBavoqN+U+DxDXtdHff7rHTfDa8tdd+LXg24WTTWj8S6YHieU
u7Zk5kHHHSvtJdRm0j/gpb+09MJlt2XwfdKHZSwINtAQ2Pwr4f8Agjbwxb426GbXtO
dwOBtEgzX3VYX9r4l/4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL
FYLqv7WNrDNJ9njj0PUSMqczZjkzj+fP92vBra7uES5WGSP7Ot3IHiZclgOd+favff8AglFq
m79r3w/HHbxyOukajG5zguPKmIHueMfQ14X/AGlvnWcDLIM9Px6UU/4svRHV
SinTjG+l2/noSf26tzZtdahJZ38MWRCuzaS34/yqrqms29xY2zQ2f2eB2G+3znz27kHHAqO6
tI4bVpLFWuNPjbMfmAhvM+npToRHa3C3FxNhXXPlj5vLl9OK6Ix0OiM5Ws/yNbdcXun/ANmM
v2W3ZPOuYduHt0U5Uk/xZrPsbSz16VYLe3ks5JCMXMrfu4EXqtcx/ANmZrXyCgod/fvNOu9O+wz2c2rXTNfSS4k
Kv8AciP3bHt0xfhkuvhKWSwINtAQ2Pwr4f8Agjbwxb426GbXtOdwOBtEgzX3VYX9r4l/4KdftL4KdftL
D3ULsXltcWQ8660SdwqyMsbMA0LBQzIuGDBmUMWIPl4iM6tG0N01+R4vEmDq16SVNXcXe3fp
of0ARwRxOzKiq0hyxAwW+tEcCQs22NV3nc2BjcfU14/+yV+3p8LP24/hrpfxA+Gmm+JtJ0rU
ANpsb8PBbW4Tz2JuPJLuYwABgAgsyfOv8AwaXxE4Kd/4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL
fdaLp+lXFuUuoJDFJG086JEFVwQWUvkAlQ3GeGOHqylZJ3PzmngcROq6Vpcy3Vnpfa5+fv8A
wcr/AGE/hZ+3H8NdL+IHw003xNpOlagBtNjfh4La3Ceexdx5JdzGAAMAEFmT51/4NL4icFO/
8FOv2l8FOv2l8FOv2l8FOv2l8FOv2l8FOv2l8FOv2l8FOv2l8FOv2l8FOv2l8FOv2l8FOv2l
/gnV/wAEIv2Y/hZ+3H8NdL+IHw003xNpOlagBtNjfh4La3Ceexdx5JdzGAAMAEFmT51/4NL4
icFO/8FOv2l8FOv2l8FOv2l8FOv2l8FOv2l8FOv2l8FOv2l8FOv2l8FOv2l8FOv2l8FOv2l/
gnV/wQi/Zj+Fn7cfw10v4gfDTTfE2k6VqAG02N+HgtrcJ57F3HklzMYAAwAQWZPnX/g0viJw
U7/wU6/aXwU6/aXwU6/aXwU6/aXwU6/aXwU6/aXwU6/aXwU6/aXwU6/aXwU6/aXwU6/aXwU6
/aX+CdX/AAQi/Zj+Fn7cfw10v4gfDTTfE2k6VqAG02N+HgtrcJ57F3HklzMYAAwAQWZPnX/g
0viJwU7/AIKdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4Kd
ftL/AATq/wCCEX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ86/
8Gl8ROCnf+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+Cn
X7S+CnX7S/wTq/4IRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppvibSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILM
nzr/AMGl8ROCnf8Agp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp
1+0vgp1+0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jA
AGACCzJ86/8ABpfETgp3/gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1
+0vgp1+0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAA
GACCzJ86/8Gl8ROCnf8Agp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+
0vgp1+0vgp1+0v8ABOr/AIIRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppvibSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mM
AAYAILMnzr/waXxE4Kd/4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4Kdf
tL4KdftL4KdftL/BOr/ghF+zH8LP24/hrpfxA+Gmm+JtJ0rUANpsb8PBbW4Tz2LuPJLuYwAB
gAgsyfOv/BpfETgp3/gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v
gp1+0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGAC
CzJ86/8Gl8ROCnf+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+Cn
X7S+CnX7S/wTq/4IRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppvibSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILM
nzr/AMGl8ROCnf8Agp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp
1+0vgp1+0v8ABOr/AIIRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppvibSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYA
ILMnzr/waXxE4Kd/4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4K
dftL4KdftL/BOr/ghF+zH8LP24/hrpfxA+Gmm+JtJ0rUANpsb8PBbW4Tz2LuPJLuYwABgAgs
yfOv/BpfETgp3/gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+
0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ8
6/8Gl8ROCnf+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+
CnX7S/wTq/4IRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppvibSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/
waXxE4Kd/wCCnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+C
nX7S/wTq/wCCEX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ86/
8Gl8ROCnf+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+Cn
X7S/wTq/4IRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppvibSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/wa
XxE4Kd/4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL/BO
r/ghF+zH8LP24/hrpfxA+Gmm+JtJ0rUANpsb8PBbW4Tz2LuPJLuYwABgAgsyfOv/BpfETgp3
/gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8E6v+
CEX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ86/8Gl8ROCnf+C
nX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S/wTq/wCC
EX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ86/8Gl8ROCnf+Cn
X7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S/wTq/4IRfsx/Cz9
uP4a6X8QPhppvibSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/AMGl8ROCnf8Agp1+0vgp
1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8ABOr/AIIRfsx/
Cz9uP4a6X8QPhppvibSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/waXxE4Kd/4KdftL4K
dftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL/BOr/ghF+zH8LP
24/hrpfxA+Gmm+JtJ0rUANpsb8PBbW4Tz2LuPJLuYwABgAgsyfOv/BpfETgp3/gp1+0vgp1+
0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfws/bj
+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ86/8Gl8ROCnf+CnX7S+CnX7S+
CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S/wTq/4IRfsx/Cz9uP4a
6X8QPhppvibSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/AMGl8ROCnf8Agp1+0vgp1+0v
gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8ABOr/AIIRfsx/Cz9u
P4a6X8QPhppvibSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/waXxE4Kd/4KdftL4KdftL
4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL/BOr/ghF+zH8LP24/h
rpfxA+Gmm+JtJ0rUANpsb8PBbW4Tz2LuPJLuYwABgAgsyfOv/BpfETgp3/gp1+0vgp1+0vgp
1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfws/bj+Gul
/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ86/8Gl8ROCnf+CnX7S+CnX7S+CnX7
S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S/wTq/4IRfsx/Cz9uP4a6X8Q
PhppvibSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/AMGl8ROCnf8Agp1+0vgp1+0vgp1+
0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8ABOr/AIIRfsx/Cz9uP4a6
X8QPhppvibSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/waXxE4Kd/4KdftL4KdftL4Kdf
tL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL/BOr/ghF+zH8LP24/hrpfx
A+Gmm+JtJ0rUANpsb8PBbW4Tz2LuPJLuYwABgAgsyfOv/BpfETgp3/gp1+0vgp1+0vgp1+0v
gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfws/bj+Gul/ED4
aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ86/8Gl8ROCnf+CnX7S+CnX7S+CnX7S+Cn
X7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S/wTq/4IRfsx/Cz9uP4a6X8QPhpp
viXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/AMGl8ROCnf8Agp1+0vgp1+0vgp1+0vgp
1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8ABOr/AIIRfsx/Cz9uP4a6X8QP
hppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/waXxE4Kd/4KdftL4KdftL4KdftL4K
dftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL/BOr/ghF+zH8LP24/hrpfxA+Gm
m+JtJ0rUANpsb8PBbW4Tz2LuPJLuYwABgAgsyfOv/BpfETgp3/gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+
0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4
m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ86/8Gl8ROCnf+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+
CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S/wTq/4IRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXS
dK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/AMGl8ROCnf8Agp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v
gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8ABOr/AIIRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppv
iXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/waXxE4Kd/4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL
4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL/BOr/ghF+zH8LP24/hrpfxA+Gmm+Jt
J0rUANpsb8PBbW4Tz2LuPJLuYwABgAgsyfOv/BpfETgp3/gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp
1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nS
tQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ86/8Gl8ROCnf+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7
S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S/wTq/4IRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1A
DabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/AMGl8ROCnf8Agp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+
0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8ABOr/AIIRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSd
K1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/waXxE4Kd/4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4Kdf
tL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL/BOr/ghF+zH8LP24/hrpfxA+Gmm+JtJ0rU
ANpsb8PBbW4Tz2LuPJLuYwABgAgsyfOv/BpfETgp3/gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v
gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2
mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ86/8Gl8ROCnf+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+Cn
X7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S/wTq/4IRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG
/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/AMGl8ROCnf8Agp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp
1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8ABOr/AIIRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1AD
abG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/waXxE4Kd/4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4K
dftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL/BOr/ghF+zH8LP24/hrpfxA+Gmm+JtJ0rUANps
b8PBbW4Tz2LuPJLuYwABgAgsyfOv/BpfETgp3/gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+
0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw
8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ86/8Gl8ROCnf+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+
CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S/wTq/4IRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW
1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/AMGl8ROCnf8Agp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v
gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8ABOr/AIIRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/
DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/waXxE4Kd/4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL
4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL/BOr/ghF+zH8LP24/hrpfxA+Gmm+JtJ0rUANpsb8PB
bW4Tz2LuPJLuYwABgAgsyfOv/BpfETgp3/gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp
1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPY
u48ku5jAAGACCzJ86/8Gl8ROCnf+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+Cn
X7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S/wTq/4IRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7j
yS7mMAAYAILMnzr/AMGl8ROCnf8Agp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp
1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8ABOr/AIIRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89
i7jyS7mMAAYAILMnzr/waXxE4Kd/4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4K
dftL4KdftL4KdftL4KdftL/BOr/ghF+zH8LP24/hrpfxA+Gmm+JtJ0rUANpsb8PBbW4Tz2Lu
PJLuYwABgAgsyfOv/BpfETgp3/gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+
0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48k
u5jAAGACCzJ86/8Gl8ROCnf+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+
CnX7S+CnX7S+CnX7S/wTq/4IRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7m
MAAYAILMnzr/AMGl8ROCnf8Agp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v
gp1+0vgp1+0vgp1+0v8ABOr/AIIRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jy
S7mMAAYAILMnzr/waXxE4Kd/4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL
4KdftL4KdftL4KdftL/BOr/ghF+zH8LP24/hrpfxA+Gmm+JtJ0rUANpsb8PBbW4Tz2LuPJLu
YwABgAgsyfOv/BpfETgp3/gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp
1+0vgp1+0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jA
AGACCzJ86/8Gl8ROCnf+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7
S+CnX7S+CnX7S/wTq/4IRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAY
AILMnzr/AMGl8ROCnf8Agp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+
0vgp1+0vgp1+0v8ABOr/AIIRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mM
AAYAILMnzr/waXxE4Kd/4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4Kdf
tL4KdftL4KdftL/BOr/ghF+zH8LP24/hrpfxA+Gmm+JtJ0rUANpsb8PBbW4Tz2LuPJLuYwAB
gAgsyfOv/BpfETgp3/gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v
gp1+0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGAC
CzJ86/8Gl8ROCnf+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+Cn
X7S+CnX7S/wTq/4IRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILM
nzr/AMGl8ROCnf8Agp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp
1+0vgp1+0v8ABOr/AIIRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYA
ILMnzr/waXxE4Kd/4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4K
dftL4KdftL/BOr/ghF+zH8LP24/hrpfxA+Gmm+JtJ0rUANpsb8PBbW4Tz2LuPJLuYwABgAgs
yfOv/BpfETgp3/gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+
0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ8
6/8Gl8ROCnf+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+
CnX7S/wTq/4IRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/
waXxE4Kd/wCCnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+C
nX7S/wTq/wCCEX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ86/
8Gl8ROCnf+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S/wT
q/4IRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/AMGl8ROC
nf8Agp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8A
BOr/AIIRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/waXxE
4Kd/4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL/B
Or/ghF+zH8LP24/hrpfxA+Gmm+JtJ0rUANpsb8PBbW4Tz2LuPJLuYwABgAgsyfOv/BpfETgp
3/gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8E6v
+CEX7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ86/8Gl8ROCnf+
CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S/wTq/4I
Rfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/AMGl8ROCnf8A
gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8ABOr/
AIIRfsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/waXxE4Kd/
4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL/BOr/g
hF+zH8LP24/hrpfxA+Gmm+JtJ0rUANpsb8PBbW4Tz2LuPJLuYwABgAgsyfOv/BpfETgp3/gp
1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8E6v+CEX
7Mfws/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ86/8Gl8ROCnf+CnX7
S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S/wTq/4IRfsx
/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/AMGl8ROCnf8Agp1+
0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8ABOr/AIIR
fsx/Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/waXxE4Kd/4Kdf
tL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL/BOr/ghF+z
H8LP24/hrpfxA+Gmm+JtJ0rUANpsb8PBbW4Tz2LuPJLuYwABgAgsyfOv/BpfETgp3/gp1+0v
gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfw
s/bj+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ86/8Gl8ROCnf+CnX7S+Cn
X7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S/wTq/4IRfsx/Cz9
uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/AMGl8ROCnf8Agp1+0vgp
1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8ABOr/AIIRfsx/
Cz9uP4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/waXxE4Kd/4KdftL4K
dftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL/BOr/ghF+zH8LP
24/hrpfxA+Gmm+JtJ0rUANpsb8PBbW4Tz2LuPJLuYwABgAgsyfOv/BpfETgp3/gp1+0vgp1+
0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfws/bj
+Gul/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ86/8Gl8ROCnf+CnX7S+CnX7S+
CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S+CnX7S/wTq/4IRfsx/Cz9uP4a
6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/AMGl8ROCnf8Agp1+0vgp1+0v
gp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8ABOr/AIIRfsx/Cz9u
P4a6X8QPhppviXSdK1ADabG/DwW1uE89i7jyS7mMAAYAILMnzr/waXxE4Kd/4KdftL4KdftL
4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL4KdftL/BOr/ghF+zH8LP24/h
rpfxA+Gmm+JtJ0rUANpsb8PBbW4Tz2LuPJLuYwABgAgsyfOv/BpfETgp3/gp1+0vgp1+0vgp
1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0vgp1+0v8E6v+CEX7Mfws/bj+Gul
/ED4aab4m0nStQA2mxvw8FtbhPPYu48ku5jAAGACCzJ

4KafB39tb9lbwz4T+Fvi5vEGuW/iWLVLqB9KvLNY7NbO7jd980SLnfJGNoO7npgGufD/AFn2
0ZzT1Vtun6HLgaeMhXjUnF+8rN20Svs9NNT6m/4IJfsMXH7MPwFvvG03iaHXIfi5oui6jDaR
2JgbTBDHcvsZy7eZn7UBnC42dOePzR+NX/BIW4+G3/BQjwT8Dbr4hWd9rHi6CG4TWDpTrFAk
guNsfkGUlgogI4cfe9q/RL9hP/gtJ+zT8F/2NfhX4T8SfEhdN17QfCllaXts2gapL5MkMISR
d6WzIxDKR8rEHHGa+W/2m/8AgoT8I/iB/wAFo/hL8YNJ8TNefDPw/pEAvtcOl30QgkQ3gYCB
oRM23zI/uofvexxpT+sKpKTT1T6dtjooyrqvUlKL1Ttpu0rK2h9xftv/APBMK4/aA/4Jx/Df
4Ox+NIdHuPhbDplxLqo05pF1H+z9LnsyFj8wGPeZN4yzbQuOetfjH/wTw/Yiuv8AgoH+0HN8
PbPWrPwe0ehTaw982nNcPmN4k2EBk5JlznP8PTmv2o8Y/wDBdb9leXwxdQx/E7dNqVlL9mH/
AAjerjzMqQOtrxz64r8nf+CJn7Vngv8AZW/a41j4hfFDxFN4f8O3Gg3WlRXRsri7QzSTW7og
jgjkfkRtyFwMcnpXRhZT9nLmTvutOppgaeIjQmpQae6utbveysfpd/wXt/YKm/ax+AOm+PIf
E1vocfwZ0fWtVktJLE3B1PzUtXCKwdfLx9kIyQ2d/Tjnx/8A4Nxv2IW8PeHJvj1J4gW8XxBp
eoeGV0z7IyPDi9t5GlMpfDDNtjG0fe68c+mftz/8Fmf2a/jH+xz8UPCPh34lNeeIvEHhm+sb
C2/4R/VIDLNJCyou+S2VFJJH3mAHfFeU/wDBGr/gqz8Af2Sv2EtD8H+PfH0uha5b6pfyfZX0
LUbohJJiynfBbuhyDnhsjvisY+39m9HvtboccY4qNCScZL3kkrO9nq+nc+Y/+C2P/BO66/Zu
/aO/4SyTxNZ6tJ8Xtb13X442tjbx6PEtzHN5bEs3mNi7A3AL9wnHPH6efsgf8Errj9nD/gnx
8Svgm3jC31a4+JEGqgauuntFHZm+02KzBMPmEts8vdgMMg4461+ev/Be39t74R/tgeIvhH/w
gfiSTxZb+G4NXOpxw2N3aGDz/sZj/wBdEm4kRScLnG3nGRn9FrD/AILq/sr2ukWdxJ8UGWGQ
LEjHw1q+WbGMAfZcms6nt3TiknfW+nZ6G2Jo4p4eCipN6tq2qs1a6tpofj/oP7MH/DEn/BX7
4d/DO88QR+Jr7QfiB4YQ3drCbKArJcWU+WhLNggS4+8c4z3xX6tf8FQP+CNK/wDBBR34xeH/F
1r8RrrwXdaLpS6TPaSaSNQtbqNJ5Zo3AE0RVt00gbJYEBMBcHd+Rv/BR79rDR/id/wAFLfG
xG+FOvLqFvqWoaZd6TqpspLc201raWqBxHOisCssLffTB29CCM/rF+z5/wAHCP7P/jz4e6fN
428RXXg3xZHEsWoaedIvbyFrgDDGGSCJwyEgkbsEA4IqsVGtaM4J3trp+htjKeJUYVaSbko2
dldptK90bn/BMz/gjpa/8E9vjD4m8cXXXjj/hMNV1rSV0Szji0k6fFp9sZUllBzPL5jO0MOD8
u0I3Xdx+bf8AwWx/YBm/ZI/aGm8aXnib/hKtN+LWu654lGnxWP2KTRG+0RyBfM8x/OA+0gFs
J9zOOcD7i03/AIOKfhPE/AcO/aG/4Sf/AIKWfGjwz4Y8Q+Ffh/4Z8Q+Ffh/4Z8Q+Ffh/4Z8
Q+Ffh/4Z8Q+Ffh/4Z8Q+Ffh/4Z8Q+Ffh/4Z8Q+Ffh/4Z8Q+Ffh/4Z8Q+Ffh/4Z8Q+Ffh
/4Z8

f+Csv/BXv4E/tAfsPeNvAvgHxs2teNtX+wtp9g+i30Al2XsErnzJYVjUiNHbBYE4wOcVx0fr
PPGc0+23S+p5uDji5YmFSonuk3bZXV7q2h+Msmi3C6G0upQw6TpofD+X+8mZu3HpWTe6kpt7
e30+4hmWR8HEeGlOeNw7dqt+HruaXV1kt2+0apJIVktrlCYWbBzkngEAE81Z0C4T+2Lr7HFD
ayqjea5OUn/vRp2Uk8A5r3PU/TOZS91P9X9+x9ef8EKb3+zf+CqXwl0ttv2xW1iW7kRtySH+
x77avA6jrn2r+iyv5lf+CS3x98B/stf8FBPAvjrxxqUmg+H9JfUjd3Btp7r+zvM027gXcsSP
I+6SVF+VTjdk4AJH7X/8P3v2U/sX2j/haTCE8Bz4Y1gBvp/onP4V4OaUakqicE3p0Xmfm/Em
Dr1cSpU4ykkkrpN9fI+uyMivwj/Y5udPsP8Ag5W1JoTMsP8Awn3i9GdmxH5zw6orDn/abH1r
9Gof+C+P7JtxcLDH8VmaSTG1R4X1nnPT/l0r8Of2iPj1qWg/t/8Ajb4rfDu5kt4dN8e33ibS
b3DwtOsl/LcQyNGwWQJIjLuRwCQxVgORWmDw9TlkpJq6tqicrwNZRlCcZLmi0m00rvTqf1EU
V+f/AOzv/wAHFXwJ8f8Aw8028+Il1q3w58RSxqLmzm0u51C3lkCAs8ElqkrGPcSB5iowxyMY
J5X9uH/g4r+G/g74T3UPwX+3eOPFWpQvFZ6hNp81npulk4HnSiYRyyEAkqipglfmZeh5fqdT
n5Nf0+882nk+K9t7Jxl620+/Y+X/ANirXbW8/wCDi3Uo4d2oSXHxC8ZMbx+lugtdVIiT25GT
X7lV/M7/AMEtv2j/AAv+zb/wUf8AAPxA8eeKJrfw7avql1rGq3ENxezma4067iDusavK7PNK
mSFJy2Txkj9oE/4L4/smSBiPix/q/vZ8MayMf+SlbZlh6jlHlTdkloj0M2y+vzxUIykoxSuk
2rr0R9hV+Ev7EEn2T/g5I8QSNHcQrJ8QvGSEmceWd0eqhTt68kj86/SCX/gu7+ynHpv2xvio
v2foWHhvVzj8Psua/Cv4xftL/wDCNft7eLPjB8P/ABFub/hYGo+JtBuxHLGJoXv5Z4S8bBJP
LkjYBo2Ckq7KwGSKMvoz5Zxkmrq2qKynL6/LP2kZLmi0rprf1R/UdRXwH+z5/wAHFvwD+Ivg
aK48calqXw/1+1gRr+1l0251C13lVJaGW2jkLJuJA3qrcdMcnhf26v8Ag44+Gvgr4YXlj8G5
NU8XeKNWtJEtNWm0+Wy0/SyRgSsJ1SWRxnKoEAJXlh35Y4Otz8tn+n3nn08rxTq+z5ZLza0+
/Y+IdL1a3/4eA/tnNCxmt7qDxduiD/NPuv5DvU44UZ6e4/Dyf45rdQf8Ex/gbuZZFbXNVaFl
JwgEx+U++Wqv/wAE+fO1z4hfFG9urq4urqb4d6rd3U87lpJpGCbmZjyc7sknkk1sfHuOSH/g
lT8BWZfmk17VmhweSPNP9a9jlcZpPuvyP1TC+7ShDqlb5Kx8y3IW4gmZo33LcqsqiTJnz+NG
hJbWrak8ce5rNN6MXPPPK0Xkc2jW0nmMGkW8WVxuOWBXp71JKF0czWv3vMj+0SYbO7PbP9K9
CO2h1a3Vw0rNob6aSFplZA4z/DkZ6/jUek3cOpSbrpZFsYEwUds7n7AHHpRftdafY28bXHzX
HTHBwe2Kc2ibbiPT/M8yPyjcyEfKRjsP8KmMV1KqN6W6b+pcXw9Dq+r27NIBp8nLuG/1YHRP
amLeRx+IEWbbbTRMUtXC5RF7ZHeqmmSL9juLeFpY2mPnxseMqKninWTSbHUrwNIlvIYwFPXm
pjotCvdcdD234Y2a6x/wTg+MDKyrdWOvafcSAJhWjMirwP4eSaboN2g/4Jh+Io/s8aqvjm3W
E5+aH9wpLHjkHH61e+EBj/4d8/HRvLVJpNQ00O5bG9TcAhQPYnP41T0tZrj/AIJs+Krras1v
/wAJrbRm4DcHbEoyB37fnXLKV7/4l+SMZRcZ79Gvx1N7/gpjrskvxs8FxwtHJDpPgq0WJRwv
zA7sfXNfPenoxsbeSOSO18pDGQ4JJyc/0r3L/go+sN98VfCdxZSM0Mnguxck5DMvPOP1rxOz
VrDR49vzLI25erZGOuO1dFG0qaRUocqdu/6Iy9Se6sp9L863+0R6lJ505s8NJesD90Af0qbw
87T+K4fMuJGWa9tRIAcGNfMGEOOhHt3qHTbybw5q2m3WkPJDcW10Jbad23GzOeVVTwQfU1Y0
uOOfxKsP2qSaS51O3ieZl27XaTc749SR0rsqR91o8HD3522e7ftGJcW8/wAWoYZFuLW18ZaZ
I+44ZsiYAY+uBXafF28uLv8A4KQ/FnSbWz0+PUPFWgy6LZiScRpFJNZxKJA397AJ/OuD/aD0
rb4Z+J11cXHmRjxzYwXTI3MMapLiQep5x7V6tJ+xlN+01+2B8dNc8P3GoXk3wzt7DVrS2tXV
ri+kNurBgWBzs2E7ccnArzXaFJzk7WTV7X1dktPU6qlSMqqWl7rd2W2t3tsea/GbwlqXxP8A
ir4N+gtzVzCcW93f+VvudQnKjOQMqMk4xjvUPg/TvAfh2+1Twb4Vs18beIvJ
dNZ8Z3se+2020QhpJLODOSyhcBySTzjIPHqHgf4TaD4c/Zy+Nmse EdauvEXiT4aVEYP
TUprWKdRqUTBVAVgzbWRSdygda8T8BeF9S+HXwcCurxtDurXxZ8VHj8N+HbeRDCTaKV86YAAM
WZ9o3Hg7u4rOMo1I2u7Kyts23q2+tt/I6I81KautdXfRpJaJLpd6H1Zqtho/7Uf7OGsXGh+C
RdalNpX9paZrOoW62tm6WLBZoFwFKxbVLKGYjfIcnivk3xvrk3xL/ZugtfDeuapJ4X0N+HbeRDCTaKV86YAAM
/wCCCV3yQ6PM8bBkZOa4WbxJ4B+EXwcCurxtDurXxZ8VHj8N+HbeRDCTaKV86YAAM
+EiTxTrE0dzqOoWQVTE8EqFQg7eWVBGBkZOa4Wbxj4B+EXw++Knw98VCubUPGd1qDjQdVuZ
I2k8PQMq4ildSxUx/e+UnOcHAr074YfGb1zX/AAj4B+EXw++Knw98VCubUPGd1qDjQdVuZ
6jp5b/Ur8rDcuQCCOijBGSKK1NxnGrHm5U7uKd07q6aS10e6PP8AbTUZU5Wt0lazSWjTfW/m
c3+xVpfwn8ffs2fE63+JPiXwzqmrSeGvEEkNvoOqSXkcLf2Ld7ZGZ4Y9rbSVIXcQ2CMHGa+Y
+D//AAAr9nnxx8Ofhz4+1Lxl8RLe+8ZeDdD8RXVvZ6xpqwQ3GoWMF3JHCGsWYRK8zBdxLBQ
SSSTXqfwf/4JV/s8eOPhz8OfH2peMviJb33jLwbofiK6t7PWNNWCG41Cxgu5I4Q1izCJXmYL
uJYKCSSSa9T+D/8AwSr/AGePHHw5+HPj7UvGXxEt77xl4N0PxFdW9nrGmrBDcahYwXckcIax
ZhErzMF3EsFBJJJNep/B/wD4JV/s8eOPhz8OfH2peMviJb33jLwbofiK6t7PWNNWCG41Cxgu
5I4Q1izCJXmYLuJYKCSSSa9T+D/8AwSr/AGePHHw5+HPj7UvGXxEt77xl4N0PxFdW9nrGmrBDcahYwXckcIaxZhErzMF3EsFBJJJNep/B/wD4JV/s8eOPhz8OfH2peMviJb33jLwbofiK6t7PWNNWCG41Cxgu

59Parmt6HZ+E/Ddi3y3TXUDwXG1s+U6kcZ6jOelWPFOlzaZdXTXTW800kEdxcLC2WstrqwVf
qBzUPhZY9esNQs5IVjtbqZtTFy4/eqq8FMf3STyfavoKXwHw9SP76yXQn+A1h/aXxl8Ezfdj
j8QafCFJ6ZlBxj8K+89J1CNP+Cnn7RTW0TP/AMUXdqRnkMLaEGviD4NwAfF7wjNEtutq3iXT
yrocuh83gY7ivtnwBNJbf8FR/wBoiPaslvceFLtbqU8SW6fZ4TlB3PArlrSd2+y/VHLWppuM
fNfkfM3/AASf1CPSf2x/D9xdbpltbHUJIUHGD9nm3Z9eM141HDDE018sm1ZppvPjzu2/Odpx
7V7N/wAEwLNW/bI8Nsqx7rez1J4Vbj7Vm3nADHt3/wC+a8f1C1htdPa+aZmXUL24hntUGfsp
DZXZ653VpGS52/JfmbUaMoQWml3+hl6be3DW5+0TMsPmZyO49eKm0yxhjjvtRhVVt4WMaKTk
7+zc9qdZaA0KLa3bLDDN0eLmRyeg2025ma0ZbKFLHbu8powxzLj+JvRq6IysjbZq5HJbSXdm
0lwzR30zkhHJ/wBKQfw/hSyTW1ssNxDC0lrD/rrUuQyydmPcjNaMmmR2NxHKb4yXEewYwWdA
3H7gD75XvntUIS30WaPa0kmoTeYr5ZRC8eSu4Hs2BnBqeYPZtNt6f1pcrLqknh+DzFZftWsc
SEYwgP8AI817H+wFc3Ph/wDbR+F8d03nbdTl8oHsrIw4Pf1ryWHTdNjvJFvNUt2+xuwgBBlW
ZeoZyucZ9a9U/YDvPK/bg+E815YMv2zUpGjEXRwyMFYL2RTz+BrOpHmi/R7+n5GcaihNNtbr
T1svvPYvB1zZ6h4V/a+hmmaHUJJBNBF0BC3Upbj16D8a+PkvLrR/DNntk3fvvtAX07Dmvsn4
A2cdhb/tlNrVv8tvp12onxmSOczT+Wo9mOM/QV8d2lhHex2sNxJ5MdvD5t2ccxRMQQY/7zEH
oe9cuHi1Jpd1+SOqpWjyp631X4nqX7Pn7bnxW/Y1ttQm+GfjO58Kv4oSBtY8qCC4F00PmeUT
50b7dolk+7jO7nOBjz3xr4/vvit4z1TXNcvHvtS1u+lv7++KrH9puJXaSRiFAGXZicAAc8Cs
fVHju71WulmVWcIpQYhZMfKR7kdfepJI11CdrONlhs7dw+YjufHriuyNNc14x1OOMoRm6iiu
Z7u2r9XuTatrlw+tq1uu6302IEIMDHv61c+2/wDCPXX27UP9IvL5AQNxO1WHH6VlyyTCw2+T
CtvK/wBnkETbpmGR8+PU+lSTvazrqG6+umt7cIIpGTDuRxjHaiUXF2Z1Uazbb876/wDBLXg6
4/sbxPa3DxiVVR5oVzuCDnOQajj8QyW+iah/otvJDqFx5jFjztyeB3FN8PxNeSQtCqtGyNbN
LIxXG7vn1FNl0/S9Ag23klxfXCSbfLjbbHt+v1xRyvextzSte+nyJf7H+02lwsMkdxDbj7Sk
LHaEJ7g9/p0pNXikubeG4km+1Swwh7iKYbVgyRjaBgc0/Xb2STw9pdrcRRwtHMQkKjDGLsWb
rV+103/hNdSSa62x2ukjF5Nbndui6qFB+8RjGKmSfUKcYvproN0/RpNZlVrybZpczNI4l/ds
pVRtT2B7YqG41z+34ZLW8Eq2OmwlraBTtNueOeBzTfFXiGHxGZLy8Zlt8slnFENuMcb3x36V
VuNcU6XH9lVo5ptyzzbtzzr6MvQUcumxtzRUuWP+d/l2Lmprdtc6TeXn+lW8kSiIqBk+hIHf
61JottJc+Lbr7dJ5clqGviykAqyDKKTjp04xUMn26HULGONZApgVrS3X5i+Rwzeg960NUk03
THm0/Urhr6+uMPcXVsS2x1+7AOgIY8EnpU8rW5PMt+3fuY8mqNFOt5KxaS4ke9YI2AHJwQRj
0NaVn4fk13QY9zJDK04WwMriNnGfTgUkPh238LJb3t1ZKdQjm+2HTnYqBFn5VPO7Hes7W73U
vEs02qSybY1k81AR5fk85+VRxj36nFVHXYn2nKveW/RfqXNWs9N0mf7DHdX11JGPNvz0Qy55
AOM496m8Pva28t3q9rYSwWtiFaOQOf3THjJH8XWq76Wvi+1hkslmurhuLubaUYAdeB149c1D
ebdSsZrfTLe6jtYW2jEzGOXB5Lg8Y4qpWRUbrotro0NV8SXmlXt1arfLq19cAETr0hB5z0x3
o8b6va6VfXENuy3GqW8KRXF4rZ+0scEuPoOKybjVLO00bGm27LNdAx3EhYl1PZVHoajtre3t
4hIzLHMqBWg3cZznLE9DU77FR5paX/4HpfqTajdLI8hkn3SSSIzxcqB8vcDt9OKsa3JcaLbR
rHJHHbOoEggILDPfHYGmwabJ4g1kXFvI3l+R580ki/LGBwUU4qTS7mzTxBLHptmLhZoy264Y
9R2x9aJBG7jZ73tcbJpf2jTZLq9mjsLNSGWydiJJABwcYzzVg+JodMsLebR7G30/7LEZTJcD
c07Z/hz14NZ9tO3iq5aTUP3t1krBk/6w/wB0j0FXNK8PXGoag39reZ/ZOlkee6oMRkjKxD2O
KnTqacztdLyv1v3fkWpBa2WmLdasf+JdrEEl1HbRNyLlcAH1AOf1r7k+Gn/Bur+0R42+E1pr
Fq3gTwrJqcIuTpGtapOmoQg8hSsVvLGpYYOGkBGcMFOQPl79hD/ir/28fg3BJbx3Fo3xB0KP
yAm6OGD+0YQwB9DwDX9MnjT9p34b/Df4g2PhPxD4+8HaH4o1IRG00i/1i3t765ErmOLZC7h2
3uCq4HJGBXl4/F1aTUaaPjeJs9xWEnClhI7pt6Xen6dz+ZTUv2YfH2n/ALRWi/Aa/wBHh8O+
PrjW7bTbhb2Zcfabl41hLyJuUp+9Q5XcCvIzXvnib/ggF+1Z4de8XTPBdpqbtI0cj2viLTVh
u1YcuhlnRgO2GVTx0r6l/wCCssVvpv8AwcBfs2+Tbxi4vx4Uklc8byPENypb3baij6KK/WbW
Pij4Z8PanNZah4i0KxvLfb5sFxfxRSx7hldyswIyCCM9RWNbMKsIwlFLVHn5lxRi6VKhUoxT
543aabtrbSzTsfzEftp/sIeMP2HPiRoPgPxba6fNq2paVFrt0bG6+0Itu888K5baNp3W8nC5
4xzzx5LqsajV20+ZW0+zY7YY4huSZM/Lub1PrX6E/wDBDBx58RdD8aft5aI2h+JdLvI7TwLZ2V
3Lp93HciKb7dfy+RKVJCN5ckb4ODtkU4wQT+fnh+y1P+xbq1dobezlBaWS5/1gjH8UYPb6V6
mHqzqU1Ke59ZldaVfCU69VNSkrvTTTbzKLy3Et7DpNnN+7jm324jk3Rhj1Y1auDfJrd1fTXH
2N7eHy5zCdzdMbcds1c1DydI8I2smg+XMtxI5munH+koR/AF6Be4NYtrLdaXbNdW/myfaMmc
TD5WxyTW3oehy2V/+G+Q60kW+ht7e4mm1JZHzBAhJZCe5br+FXJPDNmFu764nXybWTyBGW+f
zAM4A7ioYpYfD3hltShmWK+upP3aKufITuVz/Os97dpNGW6mZmmubgy/vW2rLH/fI+tVHuTd
R0au7X+Rd0rxHdXuut5gaW18ve9qzbY5wvKgntyAfwq2Ndmv9Wa81CY6l9ni+0w25OY45M4C
H1wKhF7JqN3qFuzWtutxaDBUjyo9pBGW98frVCwmurTww7QssK3Fx8wP3XXptJPaq91mMpNa
avW5q6ZrPkXa69JJ9nvLGYxi3VcqgIJwB6c1lqkg1TT7q4j8yG6uDclQ2GJ3cjd1qTXtPh02
3s7e3t2vNq+ZM6ZMbynsjDqAKksrH7ekaxw3ElvZx+fcSFdrw85KL2z7VPS5XKm7Pf56+oX9
3dXEuvfZ1kjtJpl3g4OAW4yex96kv7KPQPDElm1wsn2i5QqEGR90Z+hqbUYbqW3uPJhmt7HV
Jw0RlYCdsDpjuKjitrTSdMsluvtEd99qF3LtIaNYAcZ/3siiMXLbY05VBdb92V5Nct49Ok05
7iS4t5JQ8hdMPFjpg9T0q1Fpsy3fkxzN/Zfk7nXOQYx1HsfepoNNstb1K+1DULy4h02NC6uI
huV2yURR3UjGT2o0W8t9fs/sbN/ZtrHE8puUyztjs3+yTU+hVGOnvLe+z1tff0Kq6i1p9lmZ
5I9JV9g2dRj9c03TLm3hnm1G6mmlmVw0aOxLMv8ADnv/AEqax0q8trW1aT7HcWO8AwhspJ6M
T61D4ltWSZVka6/tTcNeuPEOrHc1MkdxDbj7Sk
7iS4t5JQ8hdMPFjpg9T0q1Fpsy3fkxzN/Zfk7nXOQYx1HsfepoNNstb1K+1DULy4h02NC6uI
huV2yURR3UjGT2o0W8t9fs/sbN/ZtrHE8puUyztjs3+yTU+hVGOnvLe+z1tff0Kq6i1p9lmZ
5I9JV9g2dRj9c03TLm3hnm1G6mmlmVw0aOxLMv8ADnv/AEqax0q8trW1aT7HcWO8AwhspJ6M
T61D4ltWSZVka6/tTcNeuPEOrHc1MkdxDbj7Sk

0HUIbPV41t1XUftSEFCMDzFHycEY64p12brVtQf+0Ftbe+jzvAxn8QOMVWiuo9KsprizkktZ
pmCtGFysRHYN702+Nq0LXl0s0dxdHqsm7YfWgIyktXt26W/Mkv4GtLT7Db2IlZXW7Z1JOCTj
b0+7TBEup2mpSXG1ZlbCRbjljjgAe1WNJ1O40S0m1CT955gNukQbDEryWYdhimyQ2At7ySRZ
la+Aktbh0J+XkNtA6ndx9KNWTolf8PI+hP8AgmpZ/wBr+JvjI1yv/Hr8LNSC/lD6Ve+Md4t9
/wAEp/gvbwSbm/4SPUQwMwCo29uOenX8M+9Tf8EyrKaFfjpdC3W4t7P4Z39qbiN9sSu6qVVm
OOW2H/vk1T+J3iiGX/glH8I47W3kuI9N8WX630rIqPbzcuI1x95WVs5PpXLUjzTVujXXbTqc
d3GSTvazd/mj56hs1tYrhrll+0W8jQB1nWV8c8FQDx71W0mPT5msWkvNoSUggH7vf5iRVh4Y
9Mmvrq6kjhmvJA4ilVmYq3I4XndyOKddeFZ9F8JtNNp+oeXdSboJ1iYRXABy24MN4Ix1AxXZ
KpGyv19Ff0O5Xv02u927dL9iHRdOuLm7num8kzLuMBuGwcZ4bFENsb2Zry5DboAYrnJ3Eseh
AHaptVs28TapcXlusmpQ/Zo59+4K1oh+UhgDgMCOBTtW1S2sY7G18u4khjjO93RQ0hJ9B1A9
6i3fQ0o2kr9O/cqaHfWcF0/mW+6GZyARn5j3+n0qXR7OE2l5eNHJcWMchUxgElDnrjFM1DTx
YWC/Y2uH24kzJGoCDPJHHJqxFdzaVqEtrYtN9mMIkuEIwbgkfxenWpi1a4eznBO/9X2+49r+
E+gLrv8AwT8+L+tbpJJItR04AGQ/IiygAkdDw2KcLKOL/glVcXC27R7viB5bc8bhbgjP4cVq
fB2VbH/glv8AGBoYVaRtYsIJXclT5ZlRgQPUEHj3qS3Vrf8A4I3alcSMu7UviCskajpH+6UH
H/fBrkjJtu/8yS+5Gdap83b83qU/+Cj0ckfxm8FyXTbmk8CWBURn+La2QP1ryb4VWTDxXN5c
jQ/6Am7n5idw65r2P/go/p39h/FH4c+XNunbwJZZL87SA+Pxrxv4a6otvrX2qaPzpLqzIPXj
a4FdUYtxVvT7ifZ3p79f0RxFpezay7WUMc0MzMHjypDle5x6e9X9NtvtPiu3hXbHJ/alquS+
DknG786o6J4r+y+Nbe+jiuGWOyfarfeI5/DFafhSOOD4meHZplVo77VLK8P/AEzjMuCpr0JR
0+T/ACPn8PU0+dvyPYfjE1vb+GPiNbtHcTM3juziuthJjkiPmnYW/vZFeseMNA+KWn/t9/Ga
3+EuqSeH7zRfCslzqf2YEteadHaxF1UAHdMd67T6jrXmv7RsMMfwq+K0dvb3C3n/AAssuzxs
dqx7XEYxnls5xV74y3niSw/a88RN4X8R3XhFpNFgg1rVXuGURWskCCUXRGSxI2gAc5CY55rh
jblilZ6PfVaWeqNq1GbbXXRr8t/Qo6LfeMvEf7P3wDtvA/2ibWtJ1bV7O1h09x9pN5LKJQH/
ANnaCWzwFzmui8G+JfHl3+3RG3xSvlm+I2j6TcxaHDdFVsRf+SRBAgUbFxuYkr1fHfr037JP
h7RZ/BOpeG7Hxtpdxa6bqMviG1vPDv2mPWvDxEDxNcR+eEMkJBBkVCXAJwCSMVf2lvg58bP2
6fEvhHxFoPhnwj4g03SdK/s+z1fQNV2w3bg8yyNcyLMk4IGVcBt27Oc4HL7aPtnDRRs7t6O7
eiT7bnZKnUjTjU1lK60WqsrJu3ddDB1H9p7Tfix+xOvwHj8N65bfEK88Qpe3+pXsxnhml89n
lndjkxgAYY46DPPJqHxvfWfxg/bD0u609Yf+EZ+Fum2kuuahpsDi3ufsieZLc4HGCw2gk5IH
Ga6z4lfE/wAYeFvg7Db/ABu+GOqSXUMf9jjxDp80cK30cbZjtLx4+UUuDllZdw7HmuZ+MGne
MvGX7Itx4w+H/wAMY/hX8Kd4i1Oe11N5rzXJXYxbpHkKu9tlgoTBGScZHQo1IxesVGN2k7pp
t21Wt7vsVUslzqTlK6bTTTstbNbfM4/xroOl694zm8aeJvEi+FZvidqtzc6fbra/aFSwlYql
xMucqpJHr3OOuOw139kbSY/2hvB/wX8ZfETw/wCCV8P6NPqM2s3EYFrPNKxkjhUOVG5oyDuY
884HSj4jfAS3+Mvxr+GPheaRrPQfBfgvTj4uvQCLfSogrTuJHONpcbAuSOW9jXL3vhC+/wCC
hP7Y/iBfDtri1uLaWS0S7CyyW1hawrFAMsOHYIpHP8Y5NdVOyfPKVkk76Ky6L8DOXtasXTjF
Wk1a99bWbv5Gx8MvhFdfFD9ljXrP/hIIYvDfwu8VTT6hqwmHl6faYOxrdPvO0rg7cZ5POK7L
9nzTtO+F8WtWPhvxbeXnhP8AaA8NXWl6Zqd8ggl0/V4gyx2t044DcuoZR8xb5Qetee/sWaXa
+MT41+D2r6pcaLZ/EjTQNOLHy431WybfHFJ0ByQRjHJwOtZNv8M9Y0b9izxVcTWt5Dq3hXxd
BBqaSzMraVKfkEiIDhSWKqZAMknHIGazl8TTejaaWlrPr95th4+7ZpXinrre6t521WxrfC7T
tS+MP7K3iP4eqtw3xC+F+tjXdGsrpz5xt87bm1t4z8zMHQyFcdx3r3oftmXX7Vfxf+E9np/h
PXPDt14Dilu/Gd9fSlY3tVhAmRlHSI7TgMBksBjnNee/GuXxt8AU8O618XPt/Cv4Z+Ivh7qd
8UaNqU1jctld3kztDjdLtIwSAfQtzXYW/wAL/jt+0J8AL/jt+0J8AL/jt+0J8AL/jt+0J8AL
GsxuxkLTyn9/tyTgDb1wcisanLOauly3dm2rJvR2sbUYpR57ty0Vkmm0tU3fRfqeP/Cz4P8A
xM8UfCrwZ4Z8Q/tCfEDwzqmg6Ra6dqmiaXqmlpZ6jbwxRXFzbzWtzLJHLIzSSMzMzMzMzMz
afOPuMIhx9SQK5jXPDF54F/aA8NXWl6Zqd8ggl0/V4gyx2t044DcuoZR8xb5Qetee/sWaXa
sNO0O6Y/NY71+VUAO0BSo7tg8Vy+0XtOWVrXbTSburaN6HsU6MpYe70cnZptW/4Bh/F7xVq3
xB+A/wAdPEmA/wAdPEmA/wAdPEmA/wAdPEmA/wAdPEmA/wAdPEmA/wAdPEmA/wAdPEmA/wAd

LrUbe53/ANp3MECrJOz/AMTbhg467azws3G8YvmjZvVt2dlrr3OfHcsqanUSUnJWsktN1otb
rTUs/C/VLW8sP2zNFtTqUlrcW817E00e2dDFcykh+OOTgj0Bry/4T/Db4W6/+zx4f8Vaxa6t
NNournSfHEcd7sfyZiy2V1b87SiEKGA5PPGOa9i+Heoxv8Rf23rNbplkurHUvswjj3NM32ic
AAYzyWC/8CrjfD/hL4Vr+zb4L8N6xY/ErWtQhea5v9O0LTAtxb3pI3pcF1wYzg+VjLYznHSs
5VuS61vJrbe1k7m2DtO3NZKKerva7a02ueI/tI/BXxV8BPGcmk6/altFhkA065jxJbXFuQGT
y5QMMdpG4HkHrXG2WnWNxY395a+dZrJFiOWUbY3YnlVPrX0t8Y/jX8P7z9iqb4f6H4V8SfD/
AF5tVivJNJ1OKe8+2DcB58MzjMa7VyygDJGBnrXzLrN+18tot5JeSRxho45Y7cpDhcBVjQgD
GM5OM13YOtJq791pve21t7Xe4VvZp/u7STS+++qTtdJDrCPTfBmow3EN99q1ONRLHJwbdWI6
Gm22pS3Oi3U19aW7RXE25ZD8gZieee9VzDaw6VJD52pENj90tttRvfpU18litpHC2rTXDxsG
RvsjeQgx90oV6itPaX1uc/M1skvn+dx2uXl9qdtHYw/Z/ssjBozafMq47EjvTVlVNCmjs7WS
S6uJBbN5q7pWY9do67sjpUYls4rFo/tTTQ3EgkuI/JeJ2cZ2mMAY2885q54Y1O3tPtF0slrH
qEJDQzSrMylQP+WY2/60diar2luoRxDcm9NVbfb0LE+nQjUfs63nmXUlv5MstwQI7ZgOd5P3
TxiobnxL5N7p9to8bLY6e43b2BE8h++zH+6e3tWfHcQw6TfN9svvOvmy6SW5bdznk9CeaJks
bq2itWvpFSIF3P2V1LnsoUDAo9zuV7Z6dPmXNQayazuF8tbia+nLmOPBeDnPA9DSXGgme50y
2tbi3/0hwm13AK8/ePoMdaZd6nZ6hBp4jt7y1mVtl3JCh84qPukdj71Y0P7LBYyzSTXy6ksp
+z7rXeCp7k4NZyqQS0OinUTvddtS5fGz0nVLlY775bWdkW8Rt7Oe8cS9096p6ToTeIX1aGHT
5rx/sovVNoTMbRUOXd8Z28D5s9Kp6XY3Vze3ENrZ3V5cMWaN47cs8bf3gNvA/wA8V99f8E3v
i94A8J/AjSfhvY6hY+F/iVq2sveeJJNe0xfs+u2ZJAso5JFPJj2jb8uSWx941y4zGexpOpFc
zSTt5ddlcmMuaootWTf49Nz5Z8efs1eOv+FFaD8YPE1jDp/h/WrtbC2Yybb2eNRhJgh6ocYz
3GD0xXl9tdxavcXlxcXAaHIcxmQKrd+a+7v+Cznhe3sLn4c+JLG417Q4dWaSwsvCt3EiafpM
ESom62gACgScHPfPbAr4f1LS4b/V9R1C1hjs/JYibT3Pynt+vWqy3GfWKMauylfSzTVntrqw
qRcZOEdX1vbtvdFXT9flj8E3x0+OO18uciR0baGQ9ge5qGOOS/02xj02aRFbiY4Pko5H8TAd
frUejaLJ4mtbpmbybCNPOcR/dQj+AD1xVyC6jHhyRbeRYdPuGPnZzvTaMA4HWuiW9iqanb3n
pb+rdkXNQu4/CugRNZafa3CzFYpZVw8aSIR1bsSTnBqjfpp+pyLM0d1PrT8XSAfIZCeigeg9
Kg0yCL/hH9Ot5rhlt7q6Yz9gMdKfZpHqes28lj/o/wBj5lkDEb8H72foKqGjsadddtNO3p5m
p40huk0jT7FWhhsWj86RIyPMgbH3ZB/D9DWXY3ayalb/AGWGSNbWAhlRCHcnoPcmm+eyXd5H
cTNcXWpIPKYsTuO4YDH8K0rGxuNEttQvLzbb6pE8cNtGV4OAc4IolG7sVzOUvz8kh2iNZ+Dx
a3moWYuLq6WRI42bBt2zwWXscnNUdTuriHRY7e8uGhkmn3S26fekXsX9D6VRv7u41Wzj1C4k
Z287C7h82QecmreuMtnrDXlwzHzirFFHJ4rM0lUXL7u35+p2fwW+JMvwi+P3hbxX4bjtrS/8
H6laaxbx3SNLa3U9vNHMiSKrKxVmQBgrKSM4IPNfoF+zf8CPi7/wW5/aVh+Pd9qXw38M6b4N
1uw0bUoLeK9hnkFmY7nMUDecG3CQLlp15zxxz8G/sUfDzS/i5+1V8OfD/iK3e60XxR4z0rSb
+1814Wntbi9hilQOhDLlGYblIIzkEHmv0n/aD/4In+L/AIV/8FFvAOsfAPwBfaF8N9FudNvb
nVbfxGnmQyCYi6BNxcG5IMf3gAQVYgZyRXn4qUIyte0rPV/lufN5zjaMZqF1Cq4u02la3VWb
WrM7/gqt4+0LV/8Agut8Hdd1a6n8O6N8OJvDdvfX+rwPp9qxi1iW6mlSWYKHhSOZSZFJQ7Xw
xANe3/8ABS//AIJOeFv27f2tbHxJcfHbwn4L1jxdo9vY6DoM9pFeXOsLArO0sIN1E0gw+f3a
PgAHPNeH/wDBcX4c2P2Pxg/wCC2Pg2Pxg/wCC2Pg2Pxg/wCC2Pg2Pxg/wCC2Pg2Pxg/wCC2
IIGMEYFXf2oP+CLvjD4a/wDBDRL4ay/A3wDd2/wAKbS60e8nv/wC2fPj0R4b55boH7TOZlAGJ
QEGCXO0FsiuWPKo02pcr5X2/U+Zo1acaeGlGr7KSpy1aTT18/Py2Pzv/AG1/2JvEH7CHx51
wL44b7ZJaol5Y6jak/ZtRspCwjlTPzKSUZSjcqyMOQAx8v8AEWtHxjZWq3NxIslnAYbQsAqJ
br9xHI7mv0Q/4Og9Umh/b58F20e6Qf8ACCWU3kbdyORqOpdR+FfnBqot1uZAkrLNeS/vYgMC
Js8qR6A16WGqSnSjN7tH2uVYqpiMFTrTteSu/wDgD7qK4srG3uN0divlEQQo+XlI6kj3qxHc
MmmrcapNut3Q7Yg21i23oRTrnUtNe4+y3ySSPbRKsTLkMW79PSqp8LyeIdd+z28bCIxGXax+
YqvLfTiujdJM7+WSvyu/l2fmaFprH9t3Md1cafbw2a232WKAHDSHHVR3qvpti3iizaGaxaa3
09fKSd5fKEYHOw9s1A1jJ4hT7RGrWmn6ehELtknA96n8Say11o9va2bM0Vwgln2fdlk6F2/2
qPQUVeN56/r/AMC5oaNHp8t9Mq6UselxRmO6kefIAB4Ib13YqjpHh2HU7y786626fYkymLdg
EdgD7is25u4YbG3s1aRY8EXGBw3GR+taGrWotNE0XT/JVbi5/fSnP+sGcKD+FVG6HzRta2i/
Pt6DovFdxNfWsOn+Xb2duTJawyPkqM/c3HqSQfzonuLr+wrnzWjlt7+682QRSANE/wDd92/2
aasgutJvbea3hsbNrxc3ITL2zKOEHfn/ABp1lpC2PhW7vJNQVZLW6Vre2ERkN8zd/YY7/wBa
I7GcpSb8krk2maGuo6to2k6pcFbW8mRTehj/AKMvGuo6tZ2ajqK3VtNW7WstrHAaxa/Zm/s+3kkZrfAQxNv8899uOvOYjMvMinW2mIKd8Lsqv/qv2z5GvD2Eaml/Ji3cBqG103w2ERKN96Oq6vpP
XpXk43HVcPVgRTehj/AKMvGuo6tZ2ajqK3VtNW7WstrHAaxa/Zm/s+3kkZrfAQxNv8899uOvOYjMvMinW2mIKd8Lsqv/qv2z5GvD2Eaml/Ji3cBqG103w2ERKN96Oq6vpP
eH9J8Uaq2ajqK3VtNW7WstrHAaxa/Zm/s+3kkZrfAQxNv8899uOvOYjMvMinW2mIKd8Lsqv/qv2z5GvD2Eaml/Ji3cBqG103w2ERKN96Oq6vpP
HFel9apSS1XNZXSabT6p6nLh5TnebjK3VtNW7WstrHAaxa/Zm/s+3kkZrfAQxNv8899uOvOYjMvMinW2mIKd8Lsqv/qv2z5GvD2Eaml/Ji3cBqG103w2ERKN96Oq6vpP
reIv+ESsprhW+3ahqEMcZLruNsQOh9G9q2LT4MeLrzR7OI8BeLY9SRvMinW2mIKd8Lsqrff
B/xlp98yr4V8X28mQ7qbKRiz9znb61McRC9rq/qv8zs1UeZXs7W0ZinSbW71LT2sVmS68t3v
hMSCG68g9BUcWmzT3M0eobobdRkyIhO76Yrcuvhx4Ecuvhx4Ecuvhx4Ecuvhx4Ecuvhx4Ecu
bbBbBb1p6nLh5TnebjK3VtNW7WstrHAaxa/Zm/s+3kkZrfAQxNv8899uOvOYjMvMinW2mIKd8Lsqv/qv2z5GvD2Eaml/Ji3cBqG103w2ERKN96Oq6vpP
q+VJNa5+TaCVY+gIH3c5GfVW9K4P4YQWfiW7vJNQVZLW6Vre2ERkN8zd/YY7/wBa
4sgutJvbea3hsbNrxc3ITL2zKOEHfn/ABp1lpC2PhW7vJNQVZLW6Vre2ERkN8zd/YY7/wBa
aasgutJvbea3hsbNrxc3ITL2zKOEHfn/ABp1lpC2PhW7vJNQVZLW6Vre2ERkN8zd/YY7/wBa
I7GcpSb8krk2maGuo6to2k6pcFbW8mRTehj/AKMvGuo6tZ2ajqK3VtNW7WstrHAaxa/Zm/s+3kkZrfAQxNv8899uOvOYjMvMinW2mIKd8Lsqv/qv2z5GvD2Eaml/Ji3cBqG103w2ERKN96Oq6vpP
B/xlp98yr4V8X28mQ7qbKRiz9znb61McRC9rq/qv8zs1UeZXs7W0ZinSbW71LT2sVmS68t3v
hMSCG68g9BUcWmzT3M0eobobdRkyIhO76Yrcuvhx4Ecuvhx4Ecuvhx4Ecuvhx4Ecuvhx4Ecu
bbBbBb1p6nLh5TnebjK3VtNW7WstrHAaxa/Zm/s+3kkZrfAQxNv8899uOvOYjMvMinW2mIKd8Lsqv/qv2z5GvD2Eaml/Ji3cBqG103w2ERKN96Oq6vpP
q+VJNa5+TaCVY+gIH3c5GfVW9K4P4YQWfiW7vJNQVZLW6Vre2ERkN8zd/YY7/wBa
4sgutJvbea3hsbNrxc3ITL2zKOEHfn/ABp1lpC2PhW7vJNQVZLW6Vre2ERkN8zd/YY7/wBa
aasgutJvbea3hsbNrxc3ITL2zKOEHfn/ABp1lpC2PhW7vJNQVZLW6Vre2ERkN8zd/YY7/wBa
I7GcpSb8krk2maGuo6to2k6pcFbW8mRTehj/AKMvGuo6tZ2ajqK3VtNW7WstrHAaxa/Zm/s+3kkZrfAQxNv8899uOvOYjMvMinW2mIKd8Lsqv/qv2z5GvD2Eaml/Ji3cBqG103w2ERKN96Oq6vpP
B/xlp98yr4V8X28mQ7qbKRiz9znb61McRC9rq/qv8zs1UeZXs7W0ZinSbW71LT2sVmS68t3v
hMSCG68g9BUcWmzT3M0eobobdRkyIhO76Yrcuvhx4Ecuvhx4Ecuvhx4Ecuvhx4Ecuvhx4Ecu
bbBbBb1p6nLh5TnebjK3VtNW7WstrHAaxa/Zm/s+3kkZrfAQxNv8899uOvOYjMvMinW2mIKd8Lsqv/qv2z5GvD2Eaml/Ji3cBqG103w2ERKN96Oq6vpP
q+VJNa5+TaCVY+gIH3c5GfVW9K4P4YQWfiW7vJNQVZLW6Vre2ERkN8zd/YY7/wBa
4sgutJvbea3hsbNrxc3ITL2zKOEHfn/ABp1lpC2PhW7vJNQVZLW6Vre2ERkN8zd/YY7/wBa
aasgutJvbea3hsbNrxc3ITL2zKOEHfn/ABp1lpC2PhW7vJNQVZLW6Vre2ERkN8zd/YY7/wBa
I7GcpSb8krk2maGuo6to2k6pcFbW8mRTehj/AKMvGuo6tZ2ajqK3VtNW7WstrHAaxa/Zm/s+3kkZrfAQxNv8899uOvOYjMvMinW2mIKd8Lsqv/qv2z5GvD2Eaml/Ji3cBqG103w2ERKN96Oq6vpP
B/xlp98yr4V8X28mQ7qbKRiz9znb61McRC9rq/qv8zs1UeZXs7W0ZinSbW71LT2sVmS68t3v
hMSCG68g9BUcWmzT3M0eobobdRkyIhO76Yrcuvhx4Ecuvhx4Ecuvhx4Ecuvhx4Ecuvhx4Ecu

DbW/hfXPGHi68ul1/UdVkjuLfw+kEUgWCMHhWlfABzznvxXzP+yb4/vPgF8a9P8AGE3hnVtc
0PTTLZ6gsVvK6S+ZGw8vcy/KeRwcGuysfj/oPiDWdPXUvgvpem+G4b43lpcaLbTNq1kiS7y0
jzBoroAAhkcbcZ+7gY4a0pSdtXG3RpNv5s7IypeztJ2lfezdl020t5no37Kfje48e/D79rLx
xfaTpsMMmhJaPpdnF9nhg3mVEcDouNgPqTmvM/iM39lf8EyvhX8rQ6ZdeKr+4ugHybiQErux
7KMfhXtng7xvo+u/Dn9qDVNH0/xN4X8D+KtGtL6E6nYFTJcNvH3lU4jZzhV3FQG4xXl/xy0d
n/4I+fBWbzIY5JPFGprGjZLThpGBK+gUjn6iijKTkraJtK3ZW29Tx8RU9nJqT5tNH81r/wAA
j+G3wB8RfC39nHT/AB14ds/DOqeMPFSXNzZ22qTxPeWenx5/0y3gkI3OMNlhuIG3AOTXrnwQ
+PHgHXv2W/AtxrWtTeIvid4m8Upo19ObiN9V0aGR2CiKMqcRNtAzjncfoOL+FGrWPx5+BWmz
eG77T5vGnhfwVdeENUsr29SCSBDMzQ3dpuIUqUYxsQQfm/Ob9shvh/8AAbQfgX/wgfhaxs/i
p4VtYtU8RWWnp56xLGqti4kjBEjuwLByWKjJyM5JUw6rXhUbum9tGktk/Lsd0qzpuNWG1lpe
6v3sjzH9qj4a6bc6TrnxA8J+GW8N+G7fVW8O69pEl0ftFlqSMWEmzHEbKVxjADbhivEdXsf7
O1Ka3jiaFsxeXCWDTYZQenU9a+svFPxs8K/GD9kr44XPg3wbeeG/7Sm0/VNd1PUrxp5NSnku
yxgjU5CbXLEYJPPIFfK95M0Gn2fmtJdXVvHmR0UpJp285Csw5ckdyeK6MLzKHLJNcrsrtN2s
rX11NKlaLleDTUkm7J2u97EejGaTWZoz9oMluplWCRdhLDuw7DFM1iSaS7WaeYZvGEbLafvC
gHUcd/ap7ZxqVtNJdTfZbNkcQ3zIWmuXHRC3XnvUOl4tLiNbeZpmt5PMYL8pJNaPV3ZtyuUe
W5798Pp2tv8AglJ8VLWPC26+KrIBmG2RyfL4I/4CKuW4h/4c03C/e3fEBfLQ8tH+75B98VT8
G+Y3/BLL4qSbV/feMLEtnO5fuGtLR7Sab/gjHrl1NDtaH4iJn8UTOfxJFc/TT+Zfkjz8VJQm
7/ytfiN/4KprHp/xx8LQw/vvs/gTThGE+Yodzcn8K8R+Ftu1x4lC2u6Rf7P3SBRu2OXXII7G
vcP+CoVxDp37RWhTY2LeeA9PAVTjb97H8q8h+F/gyG4aPbMqytbb3JPXLCu7AaSXXQ0jH91q
/wCtDh9NthrHirzILdYW0eyd5ELYWR8ZCj25q58N7eT/AITvQfOjj8u512xkkjIxMCZcFVPZ
f/rVTmS3vfGOiwxrNDDcXcSSbX4miJG45HoKvfDl45viVpO2TzjH4htT9oyQFhWYKp56cmum
d0rvs/yPnaPLF8vW6t+B7Z+0TD9t8AfFZo/LWOH4lEsS+x4B843t/eHOAO3Jrvp9J0fx3/wU
Q8QaXq2qaTpOh3V9o97PBqSKlprNlAkUk5lduCNqscH72MV53+05q9vp8XxG026bZeR/Ej7V
NHjKywbZMH3xjoPxr2LUNR/Yp/aS1bVtc8XeJPil4F8QapJBJPDc2ayQh1TZ+58tJMR9yHPp
ivGrS9xRSdmnqldpu2trnqVqjpT9o7X00d0n0fR7Fr45eA/Dvx0/4KTxr8DfHHgvvwy2g6A2r
z67YosentKg2mPYPlZirBWzkbS2c9K890DXPhX+16Wkt/H3/AAof4jXUhi1eFTJ/wjOuXCEh
LuN1IEJYg5z3ORk5ZvQNG/Yi/ZB8daha2/hX9p5dDtVR2vV1XS3tbi4ypGEmlSMKvPKfNnmj
w5/wS2+BfiHUGH/DZHw1m8O2sAt5vOtYorwopJCIsk2Bjs68nJqqLpOny6ppJJtO++t73T9D
yZY6pFtLVNtu199LWtaxpL+w/wCMvgP+zt4w0bxJYfGS68fPFDZ6TousmW3ikV939oyhjuw
CF5GP9rjkWPhzF4w+DP7MUfwv+OEfgRfBnxBsfwv+OEfgRfBnxBsfwv+OEfgRfBnxBsfwv+O
/BJn4X6JryXnhX9rTwy0JLRST2F3FZzTQdSuROOV6t1BGOKzW/4JF+C7vWZry8/ai+G80LNm
3lF1FcXDyZyoYNLjpznNc9SnSknGb5tU27NNNaK1tF9x6GFx1kpNNNJpK97p901c8p+MPxq1
b4wfCrxdJ4B8P6lovw91LUbOXxl4hnjaWTULgMFQnBylupAbyFztyOgODcuvgnr3wk07UI/h
JrjatDp8dvf3fi03A0mGSXYzfZbdCf3isjKCoJHQHtXpl3/wT58N6Z4M1rwnD+1l4Nt9F1C+
jub7TAkMdtcTcYaQrOBu+UcAEcCuf8Rf8EyPCKJ9nm/ag8AtZ20oEUMt2OHCgBtvnEA8Y454
raNSKiopvlvezTd1pv1bO6jWa5pyi25JJNNJrXW26seP+O/BGi3fwcb4jf29feFfGVjqKyXn
he4g+z3FxdO/y3Vg5+ZIxuyy44KnnpXr3w58UaXq1m2m/FS41L4e/EjxJbr/AG1H4ttntttB8
Z2KsRFIw2gw3EaouyYY+Ze+44o65/wAE6PBUNlHcXn7UHgC4vreRUiDSCcwgHccbpSc7u2AK
6L4v/sxaH8dvFWm6x48/a68A69Nawi0tJ57KGT7JCB90QI/l5PckZ4GTVVJQqLlbdu6TulpZ
LS1jP2zpy5qcfVNqzfVvW97eRR/aO8QePvjL4q8J8Da6Da6x4H8UfDXwcHwb+OEfgRfBnxBsfwv+OEfgRfBnxBsfwv+OEfgRfBnxBsfwv

Zv2VvEXwV/bb0HWFbR/+EZ+Ft/b6jqGv6k5sbO4tZgrRgI4BNwyv90ZO7GfWm/B7VpvG+pN4
88C/szw6xNoNt9qluNQ8SSajbQkDEbqkx+fZjOwZYYHTg1137P3xi+Jn/BR34pa54i8ZR6X4
m0n4c2X9q2+ghk0/SFunBSN7ljjcse0sQ27hSOhIMylUUXyWSs1JaaN6LRXd/mYyowlU5ZRb
u04t3TaXrZWPYPA/7IP7SHwF/aM+Injr4Z3Xw1sdN+IWozXsUusX9vJJHaPI8qTFG5UfNyCD
z2PWuu8RaX+3pcPfXFrdfDeSS+VUe803UdPi3FejLuI+Y+pFfnv+038NviFN8R7HUtX1i38d
ap8SN82j6loNzJNb33lOI5baNABhUJwABjgVteFP2M9DvdUh8N658Zrfw/44uJo7VdFGlXl2
sN1IQEga4T93uBYBiPunOampTUYqU5K9l0bdlZX01sTTo1pOXsU9G07pXV9lvZn3hqP/AA3w
baxtdQ8C/DXVmhiK/bbxrGaSQY6lxJwfpXGyeGP2yliZdS+HPw9umjmPk3F4bLy1B6xxgSgc
+vWvhP48fDL4hfsneNbrwv4o1TxF50L+Xp91aX0i2F7HtzvicnHGcFeoPBArlb74kahJoVvY
/wDCUeNNUs5G86K2N44hEy8bwjH7yk9cfjXRToynFSjZro0nrf5mcfaU5ckm4vqkkv0P0asN
L/a+tjtX4ZfCu47bQLVsD0/1vSnXvh39qbSre4a4+C/whkW4XcpH2Uqp7nb53J+tfmpb+PdS
0yNmh8Ra9b3MbHMf2p1dffINM0fxl4i1eSO3bWvEM2qXGFtbYXLgShj1yTwMDNT9VqXey+9f
qdUqyi1dt330X52P0y0Nf2pree3ax+AvwbmkgA8uUwWzBCeoH77jPpW1eS/tYX22G8/Z9+D9
xb4LmKOK1UFhyHB83givzHu/HGueGr2Sw0nxJ4kj+yqDeiO+Kh5MHlQGGdp471J4M+KHi7X/
ABRYx2/i7xYqqrPdSJfSLJBCOWIO7pij6vUas7W+a/Uzqcspc8b/AHL/ACP0k1O7/aq8SxL5
37O/w1kjtzhcrb/L6/8ALaofEWhftLeInhmk/Zt+F7R26KI0cWzSJIOjFvNGR/s4/GvzrPx2
8X2k95Ha+PvGn9h+e0YuBqcwRz2ygbnIxzTtN+O/ixtU/wBM8ceOrduJXZdTlLqFX5WJ3dx0
9Kn6rNPSyt6/5mlOSdtX5aI/QrxaP2uNSvbe4tfg38NfD6qoQCH7GSW7ksZuKbph/a4t/Lk/
4QH4ceZaj5VkFr85J7fvepr8+9Q+L3jD/hCod3iTxYq3V6XSR7+XbIrdwu7ljjk1Qb4x+J0Z
dPsfFHi9o/P3BPtshMjL1KAHG4Y6ms5Yeu1bT7m9PW56Ea0KEbTu9L7Lr5H6F+Ifjb+1B4Kv
mmuPCfwj0G6t4zlftNpE8yn7x/13BHXJxXO+Kv2gdQ+MWs3HwQ+PWg+Ff7U8WW8TeGfF2iQq
iw3Tf6qRWAGct8pYEZxtIwSa5P8A4Jg/tMfA/wAA+CfiB/wu7VJF8Qa9cCGO61Wxl1CW6s9j
ACNlRysu7O5icfd64rB+Emg+G/27P2VNW+Hek332Hx58M7661TwQLkbL7UdOnlMnkPtO0yk4
OV4X5PqeWOHmm3UStFrVJprs731V90ZyrUKq0vzWWjsrp9LJXueE/HHx/wCOofix/Y/xI8Ra
5r3jbwTcHSLGTUpfPtLSJThXjUgEhlwwc9eDzXnd0tjpd9ql1fXX27UFcG2lh+WOb/ade4Pt
X1Z8QvBcn7dv7Pi+IobO4tfjx8JrRtL8U6OwEF3r2nx5X7TtbB82NfvcZyGXH3K+QJLZWs4Z
IXh2R24Zwp3fMxwFIxndntnj0Fe1h5KUeiasmlZJPo15M8+naOiXVtXvdrbW5t6rHJ4hmsF0
W3aG3+yrcX0UTbN0jHDyD0GDx6Vn32nQzvGsdrNJY+WYYfJba3B5LnoSTVjXoLzSNHtZLdpr
O8j/ANAv1ztEY6qGHuOc1WQ3EbrpOn7pGt1aaTBwJjjPr0rSV27nTHku3Jf15eRFqlm1jex6
etr++8wSqnIKnsp9qL+9a21VrqaGO2hmm+zXKRRfu0AHO092xz9a2LC91BPDUupXl5ayNckw
xozjz9o6kEDAGKop4as4LqxktbybVtPmufNkWNGUQqo+cMGHUD8xRzWHKKVuXr+CCy0a1F3f
SWd5C0liyi2N3GVBjOTkn+/nGKbC02sW15ayfaLy+juUeCVG+QHnOc9qd4wupNbnuLpi1rps
9wptAyBA+OM44IGOa+yv2nv+Ccl58Gf+CYHwT+KWkxxx6h4uvZ7jxDcRB2xb3aiXT5S+Mogg
gAIAA3zjGScmalSMbJ9XY5a2OoUJxhL7TsvN2vsfFMO4S2NnCvmL5u+Hdyqtn5ww7jPStzW7
LSW8WW7TXkepLfbRcrbJ5KwTAYVeeq+tN02/tY9L1DWPsM0zQj7PFJG22OPjBfb3znP41n2u
nN4fsZHb/SGvohIGiYlrYN/GwxVHdypw0239F0O6/Zo+Klj8Mf2r/hz4y1pPs+neC/FmnapQ
CW64Lpb3UUuQv0jOR3r+pTwJ8V/DPxO8CWvijw/TcxahbXKSW5jIzksDgYHUHBH
IOK/ksgsrfR7q4e6VboNbYhwSy3Of+WhI5GPeooT9v8ABKxw2arJHfmRnDEhhsA79s5rhxeC
WIs72sfK55w/HMZQm58rV1tdW+9H6If8FT/28fAvxE/FT/OuNPljm
tta+yX738pt2DbZBibywxIBZDg7cMf3A+Fvxq8J/GdvDeoRGWHULO5WSEgE
hgzA/KykFWVsFSpBAIIr+f39iH/gmy37TH7CXx4+I8lrDcax4MsLeDQHjSS4d5Lbbe30YjA5
drbyo1Iy2ZGGOcN8bm2vte1Jk0mFp4LFGEe04jCt97risKmCp1oqEXbl0PPxWQ4bHU6eGpVH
F0vdva900ntdH27/AMHBH7QWgftN/t5xt4L1K31XT/CPh+20GfUbR98Mt1HcXUzhHHDKv2gK
SMjcrc8V8Uf2ImrJtX9zHY7DJcucM8x++xb+6T0qG3nWz8Pwx2d0v2zdkqxPJ67adqFneDQW
09ZluJr24E9yIjnygf4T9DXpYen7OCguh9hg8HSwtCFCN5KMbX8y9Z3eg2viL7PNb3kul2ok
kuLlTmQvtO057LuwPejS7yGOW11DXPOj0uRG8qGzPlzT4+63P8IbBPsKy7pJNO0e40mNVVfN
DbiTvvgThVXjovWvqT/gkv8AsiWv8gkv8AsiWv7cfhXyb8Kwb4wiWHVvDmg6Tcapq0ALKILeFQiRsB97M8sA
IJAKls56FyqKMW3sicRjPZRcp6K13ptY+X9dnvPEOoSNJJbyLcESWt6
2tq01vHCot2iBGPZyOproPj78JdW/Zz+KXijwqDfZ9U8Kapc6HchlMbT+XIy+aoPPluAGU9
1cHJBzWDrssmmf2ba2MzfZ2tkllUnYjE8k/4VVOTaujSnWhUgpLrbz32JtHMfhyT+1Lxo/t
lupe2tZE3JvPHzjHzdc/hVG11idtF1K4VlkmZov3jjcUDZLBB2xWgs1v4l1OGxfy7qGMqDeK
rJ5Y6nINQ3CrqnnQ2P8Apj/vFdIVKKoyAG56k80R8zpqUYyj7j/zb6lW11C1Nndb5JJoY5C0
CSH5ZnYYLv8A3j6elHh3Umju5o5Jms4dSj8q5mC/LCi8ggY4BIxU2qyx3sqaLZ+XP9nIiicJ
tMoAyxOfQ5/KnajuuLn7GzLJbtGokKkKFIOQpPfJXpV0/M46m26uvzJ7vS7ix8PLp9w8Mbas
fNitmGJFQHKzSP1CkZPvivqf9hu3tf2Nfg/qP7Zv7Pi+IobO4tfjx8JrRtL8U6OwEF3r2nx5X7TtbB82NfvcZyGXH3K+QJLZWs4Z
a8bcn5o26EAHyv8AZp/5uv2q/iPqGoNpXgPRBVdQ8a64yf6Po1nCOI0b+J2C5/6Q/vE7Jv5
wa928KaLo/9hu6ntnCOI0b+J2C5/6Q/vE7Jv5wa928KaLo/9hu6ntnCOI0b+J2C5/6Q/vE7Jv5
zM8H3VUBht+QjGORXWat8OP2lPfCmYapMttBEzwqtxM3SJCYDljjpXG/s9/tZ/
Af4s/GHx144+K2q/iPqVxqNpNXgPRBVdQ8a64yf6Po1nCOI0b+J2C5/6Q/vE7Jv5wa928KaLo/9hu6ntnCOI0b+J2C5/6Q/vE7Jv5
7gI3RuIc81+Wq61pcPhpobi315Zrpg32j7ZmMN/ud/x5qbSIdDn8USNcXmvW+jwwxFppW3Oz

bRwccgegFV9RlZu6+5G0akuZRabi91d/ifqJdeHP2wtTt1m/4Wp8N7toQSsQggXzB3yxhwKx
Yof2ulGyPxB8N5Gd8CTdbZPPUfJ0r8z8LquqXEdrqmoQ6SoaRJZGYRjb0B75qnp9z9tlVo7j
ULextQWMq3THJH91cZBojl9Rq90/kv0sdVPERp3jytJ7Xb/W+h+m2oaB+1xa2S+Z/wAKpvFk
mwV3WXmSnr5hPHX8/asvWrP9qjxRc3EP/CL/AAl8yZRGwMlm2dg6/NIevvX5tppz+INWjh02
8vLyG4ZHIeZhJB/eY54P1rS8WzW9pqatoPy6fFIY/tj3c265kUZbOcYJ9hj3o/s+UWmrX9P+
CTTr6NSuvR3+7Q/RTT9N/aut7Dy7fwP8KzbqQUQS2AWHHXA83vjvW5pMX7Z2oW00dn4R+F9v
JKpZZFubDzY1/wBkmUjn3r8ydP1FdOa8t5Jpm+3L5SLDeTAWwOGLtj7w46HNNsPE11pt032W
+1SaRc28IivZUMq9CwwAQvtXRDAtq7Sfqn/mY1KnNom/nZ/ofp9H/wANvaTo8ln/AGP8PYZJ
JUla5F7pw+X+6V37Dk9SRmrlxpf7bWvXTKbn4V6WqoUAjmsSqZ7gfMeenPrX5Yrqd00Uyy3U
knkybvIfUJFmIXrg42N16D5q9k0H9kHUv+FYyeOvHmtf8Kz8KveR2UE18bm9vbyd4zIqJHEp
ZQUBJLj0rOtRjSte0buyVrtvyV7mdPnqRdrvl67L5u1kj7K+LXwf/bC+KngvxB4V8UeOvh3Y
6Jr1ktpPYwz26iWMKcqjRxkqTjkk9+K8T/aW+BPizwP+xf8As7/C/WP+Efj8QSeJtUezD3Sy
wSB3jK/vUJVkbcAcdyB1r5v+In7PereBvh3b+LtN1SPxV4JuLiSz/tiwa5hSKXoFnhlRXXOc
ZAK89c8H6M8M/ADTfEfwY1D4T+MvHXmeJtN8Np4w8NRyRmSPQXJaSS1ilzucOmxmC4AzkDIN
FOm01K6tfZK1nazb1/Mx+rrmtNPmSvq3Z3s1ZW+44XwR+zP4b+G/w91zxV8bND8W6fpdjrre
G9P0/RwFmsJCplkn3sBvh5+Qcg84zXafsMeF9B8A/GLUtW8C+KLrx5pd5psxu9LtdDmbXBbK
21Io9wwvzMpc5AIQccjDf2Tfi3+1R8U/hZqWpeA/EUPiTTdDh+x3VjqEFvIxjReXBkXLsBkn
JyRycmvKfEH7bfxGutC1Czs9Y0fwrY6hNC1/P4d0mPSptTQS4Yi4CJKdh6hTzznIzWdSNWXM
lJXvbR3SXmrXv8zsw9amrOUfhV1pq36rRq3Q1P2q9R0/4Y6bN8LdDvJJLjUtWbxJ4pkm05rS
FZiFaK3ii6iONDllPVumOg8PiiXWr6SaG6+1PI7y4jjMMG0HgMpGTn+VfVn7efhbwT8OfhDa
2ul/EW1+JGpf25HeaPqQnjvLuWM28RuIppo88KzD73JwPw+X7q2m15WuLG4/4mEZ23UZCxxu
r8oYlHG1RwfXGa6MDUvSSldtN6tWba0urrbsaSjF1OeL0aTstLdr+a6majx6ncx7flVJwnkM
xMBOf4AOhqSO4vJ5b7y4reNnbyncJj5R6e9NM9ra280dvE0n2ZTK06j/AFbjgHnrzURjuJ9O
MZt7iORSJMmTlwec1ts7m0rLbc9/8GWUlx/wSf8AiGzTeXHH4us2KE/MzYUYP+e1aWjXy6b/
AMEdNUtVkaZrr4jRkg/dfbChHHodtN8Ax7/+CSfxYj3bWt/FthKEY84OwVJPdLa/8Ek7Xzl8
ldS+IfmWr/8APyqxncw7rjBHP92uWUr7fzL8kcuIs5tSWqjb8Sx/wVOuZH/aZ09pI7fd/wAI
NYDZt+SPOe3tXgfwth8vxHMu5m/0MHFxD538Q5HpX0B/wVn23P7U9isbbs+CNPCkZ+bjtXg/
gsXFtrPmRxtJG1mqlwwK7gRx9a6qMrR26I5a1NVKDSWz7+hxJ8vxFF4fbyWjmmufLZlyMDd0
H1rpPh9qVuvxY0e3nt/9Iutas45ZdwEUcaTqSQemeOc1h6dqdxpGoaS2oMqsoM8SPhVSVfuP
x7YyDxUOlQXF5ZMv9liRWZmZnlIYknr6j8K7q2qv5WPFw9rr1T6dD9LPCf7PXxt8M/EHxZqm
i+Afhf9rcab8Sv2ZfjZ4Z+Ivwx+Jvwy+Jvwy+Jvwy

cgjpk1137Lvxw+Kn7B3wX+Jn9ufCnWo9DutRF8NaS6fR0sNRceXCVCbRcW+7adiZXB9CK8+p
TXNJc7eqaV7J36Prp2W5VTnkoy5eXpe12mtbrpY9Q+GP7Y/hn4U/sva58VPD/wAN9P0XxXZ6
mfDtxoErtDpVvqEwG65EefuqDyhxjp/tV4H+z3u8ZfsrfGDw3pepQ2+ta54g0X7TPBL5cdxa
3Nz5b/MOPKV2IPbB5ra+P9xY+G/Hfwj+E/iiRY/COuX9r4p8Vaz9oKx63cXrKZplkACiFAWR
SMcDJ5FeyftJ/Dz4S/sWfFbxt4ksdH0m4+GmtaZY6OfDFrq4abVrrzI3a4jdfmRY1+cYxkjt
1rH2KoxajFuUndat3s1pdmkZSnXSlJtRVnJ2Vrrpf16HI+K7+4+E/wC2p8O9WvNFvPCPwN8F
3F74W8Ka1ewZt4Z/JaGa+lP8Qe4O7ecAqueoaof2gdL8Zfsr6t8PdF8C+NNB1Txh8QLmYajZ
T3VvqUaaiZFVdRSRwTCJhIGAOMe5zVj9rrxh8Tvjn+z1qWj+EbfR/iB8MZLq1uYL/R5BNqGn
Wq7fJtJbcHeHQlSSFz8uW74k/wCGSdP+Db+EZtL/AGd/GnjKaS0j1Wz1m61OWGe7uCqu0d3C
oIgWJm27TjOwdck1nKsuXnqxXPquVNNWWqvdqzu9Tup4eULwpSfLJpuV2nrva109DJ+Lnwd8
VeEP2XvjF4F8aeKNJ8ZL4fj0/wAY6Vr0bFv380wS4iiY54JJBCkc5OPmwPjk2V54ShS+aGOa
+1RFK+U2UhidclSP4WJA619gf8FJ/wBp7TdH+A3hv4O6aukrrTSLqPieLSX3WukkNvTTY3GS
4RjubJ4ZR618cmfU7uS8m+0SfaJkF6znB86FeB8vQba7Mr9t7NuolFtt2W2ys1bRXOXFey9t
aF3ypK7d3dPrczbv5/OmuFbzLg7Qq9WHsK0LC1m0nQ7jVrjctxcKIbUhiSPp6YxVq08Q3Gl2
H27ZsvlHE5UNjPop4qHU9YudKtLWG7dpNkXni2cDa7u2c8ex6V3cyT1RcqcG73/BaGbYaK2q
RSNH5iyblMru205PUD1zWp4f1hRql1eeZ9lh+ztaBY/4twwAT6HFF/BZ65Jbxoy2qpBvgtFJ
ARz1y/UkkVVt7e4Hhhra3kW48ucPLAUAIx79etVzQ7CjTktlf06/IrLps1vpnkyRt/o0wkCk
HbJ61pRaK2oXqyXFw9ut2R5MYbJPHII9Ku3nhm+GqWcep3FrbxxQCZrYy7X8vGccdTVGx1CZ
r++1E3nmQ2cRigfYMLn7oA/Gs3KL6GkYxi9Y/l/nf8B2s622r6u1vNI00el4FtFGcrhT8341
CIZtR1S6t7W38llRnVy2NgfnOfxqP7d9mk/0OxWGSGANctvLs5bknnp24rWa7t7fwCupSBvt
VzdC3dlfDTQL/Dt7cDrRGXKrRDlVT433v6FHTNN/sjUJLeSRkhjtE8wDBBYcZ57Zq58PPG/i
D4Z+ObHxJ4c1CbS9W8OkT2EiEO+5jg8FcMNvG08VnzadHLdXmqeUBp8LEJDJKxLqOnPU0+20
mbUxa3n2hrCxuCyxBOQ3ljOM5HNVKXMnzWs1Zq2jXW5jLD09LJ+67qz18n6H3342eb9p/QNJ
/aS+B9w1n8VvA9tHH4v0FUCy6htj/fSmMHLqU3Kf7yjA+YV5T+0p8DPDP7UPw3j+Onwf83
3VQfHfhi1JWbw/e4y17Cg6xE5Y4GOM4+9s8V+A37R3iL4BfF238WeDVkjhVRDfWtxJ+71GIH
MkcnPRgPwwK+3tO8GWfxHvz8bv2T/EGneH/FFvafbfFHgO5kDLcgA+ZF5IBBLkMMYAOcoykZ
rzakpUOyWlm9knsnbZdmTWUW+azt1SXXun59T859N0Ge41SO6aRb6HY1xJIG/wDQ/wDb9Qak
uNMsYtNbUr28k+1XE22S2iOGMWeMGvtzxx+yt4K/b48Iax44/Z3sbXQfiJa2jN4x+GepXDwk
SknfNZZK5IfOFyEwQMIfkPxa+iyeE9Vhtb6GaTUtNaS3v9K1GBrV9NmQldkoODwRwOoxziuy
jWjUjfVPqn0f+XZk0cRCUuRr7+/T5mfr0+n3ktvo+m+YtrZkzSyTNgyk4J/wqvbPdandy6fp
u62tml+0Rh2K7VYbOT75q5rlrdXmpbbqS3g861+0PJEciU9RyPYYwKkmuJvEWqSNbs1nDawK
CyDBmiTkA5H3sitFJWszSUZb2627XR+oH/BJT9or9nv9ovxPoPwj+K3wTT+HM3jySMaZp2t2v
huGSPV5I1Zis8ap+6cqhbev7skNkR4G79eviD8GvBvjv1WN4T8ReG9H1bwnbwxJ/ZV1ZrPar
HDgxgRkEfJtXAA4wMV/OX/wSx/ak+Hv7fnwU8Q/sv/tJ+Dv+Ek8Z+DNPuNb8Ha5Z3Ulx
EaIkLXBZnPG5SqOwGPqb4Sf8HlSNPDmvaz+2V+zJ4Z1vxlpdzbeqeB9UlSNPDmnxiC60WESkeZDM3zTS
lG+ZZMK5Rdvk5Jrx8ZhakqnNHZefXyPh8yyfFVcS6lJPlik9X18r+R4P/wAFH/2xvg/4Z/4
fuv/Bn/8AAKP/AIIAfsSfEH9v34KeIf2X/ik/B3g7T7fW/B2uWd1JcRGoSFEkLXBZnPG5SqOwGPqb
fBvwN+9/4Ig/sSfEH9v34KeIf2X/ik/B3g7T7fW/B2uWd1JcRGoSFEkLXBZnPG5SqOwGPqb4Sf8HlSNP
jWjUjfVPqn0f+XZk0cRCUuRr7+/T5mfr0+n3ktvo+m+YtrZkzSyTNgyk4J/wqvbPdandy6fp
u62tml+0Rh2K7VYbOT75q5rlrdXmpbbqS3g861+0PJEciU9RyPYYwKkmuJvEWqSNbs1nDawK
CyDBmiTkA5H3sitFJWszSUZb2627XR+oH/BJT9or9nv9ovxPoPwj+K3wTT+HM3jyTJ/wAN9P0XxXZ6
huGSPV5I1Zis8ap+6cqhbev7skNkR4G79eviD8GvBvjv1WN4T8ReG9H1bwnbwxJ/ZV1ZrPar
HDgxgRkEfJtXAA4wMV/OX/wSx/ak+Hv7fnwU8Q/sv/tJ+Dv+Ek8Z+DNPuNb8Ha5Z3Ulx
EaIkLXBZnPG5SqOwGPqb4Sf8HlSNPDmvaz+2V+zJ4Z1vxlpdzbeqeB9UlSNPDmnxiC60WESkeZDM3zTS
lG+ZZMK5Rdvk5Jrx8ZhakqnNHZefXyPh8yyfFVcS6lJPlik9X18r+R4P/wAFH/2xvg/4Z/4
fuv/Bn/8AAKP/AIIAfsSfEH9v34KeIf2X/ik/B3g7T7fW/B2uWd1JcRGoSFEkLXBZnPG5SqOwGPqb
EaIkLXBZnPG5SqOwGPqb4Sf8HlSNPDmvaz+2V+zJ4Z1vxlpdzbeqeB9UlSNPDmnxiC60WESkeZDM3zTS
lG+ZZMK5Rdvk5Jrx8ZhakqnNHZefXyPh8yyfFVcS6lJPlik9X18r+R4P/wAFH/2xvg/4Z/4
fuv/Bn/8AAKP/AIIAfsSfEH9v34KeIf2X/ik/B3g7T7fW/B2uWd1JcRGoSFEkLXBZnPG5SqOwGPqb
fBvwN+9/4Ig/sSfEH9v34KeIf2X/ik/B3g7T7fW/B2uWd1JcRGoSFEkLXBZnPG5SqOwGPqb4Sf8HlSNP
jWjUjfVPqn0f+XZk0cRCUuRr7+/T5mfr0+n3ktvo+m+YtrZkzSyTNgyk4J/wqvbPdandy6fp
u62tml+0Rh2K7VYbOT75q5rlrdXmpbbqS3g861+0PJEciU9RyPYYwKkmuJvEWqSNbs1nDawK
CyDBmiTkA5H3sitFJWszSUZb2627XR+oH/BJT9or9nv9ovxPoPwj+K3wTT+HM3jyTJ/wAN9P0XxXZ6
huGSPV5I1Zis8ap+6cqhbev7skNkR4G79eviD8GvBvjv1WN4T8ReG9H1bwnbwxJ/ZV1ZrPar
HDgxgRkEfJtXAA4wMV/OX/wSx/ak+Hv7fnwU8Q/sv/tJ+Dv+Ek8Z+DNPuNb8Ha5Z3Ulx
EaIkLXBZnPG5SqOwGPqb4Sf8HlSNPDmvaz+2V+zJ4Z1vxlpdzbeqeB9UlSNPDmnxiC60WESkeZDM3zTS
lG+ZZMK5Rdvk5Jrx8ZhakqnNHZefXyPh8yyfFVcS6lJPlik9X18r+R4P/wAFH/2xvg/4Z/4
fuv/Bn/8AAKP/AIIAfsSfEH9v34KeIf2X/ik/B3g7T7fW/B2uWd1JcRGoSFEkLXBZnPG5SqOwGPqb
EaIkLXBZnPG5SqOwGPqb4Sf8HlSNPDmvaz+2V+zJ4Z1vxlpdzbeqeB9UlSNPDmnxiC60WESkeZDM3zTS
lG+ZZMK5Rdvk5Jrx8ZhakqnNHZefXyPh8yyfFVcS6lJPlik9X18r+R4P/wAFH/2xvg/4Z/4
fuv/Bn/8AAKP/AIIAfsSfEH9v34KeIf2X/ik/B3g7T7fW/B2uWd1JcRGoSFEkLXBZnPG5SqOwGPqb

5kB3EyN1J9ACfmfR1hezXUtUWG3t7Ev9kwoaO85/1e3oRjAz7U8PKbjzyuluk915vrqceHy1
V5KV1fq1s0v61IfDdlDcz7tekkh0mzjk8yDau6OSX5v3fHIY8+wrHmt/tc8y2sclvpccbPEW
43OB8u71q9PHY+IrZY1vpI9rMba0b7tqSc/ePLD0oubC11yy/s23vJpNU83dKzLtQ4/QAVt7
S6PolhbQUYL0d1dvt6GTdmzTQ4f3k11qDEMwydie31rav7i8stCaaaa1KyNGlxZKP3ka4G0l
vcVHBa3WkJ/Zdutm0jjc10hDH6Y9abHC1noWoNcSNcXzPGk1ttI2heFbd7+1UqiWhMaLpvd3
6+TIY9V/s5Jv3f2WxnlSZIN2WbBzgeop1zY2IT+0lEkdveAxtEvBTPU/SiHTLjVPLm1A/Y44
YyIUb7sSnod3f8atSWljLpkcd5qTyRyHFvsTG89Np9B71nKo72RtRp+0V52t0vp99+hVfSm0
xbi6XJXyVSzKN2P070ljpl1qGiyQ3W2C3sx55JGJHZjzjNS6pcx6Nfw29j8vlnd5e/zPKkPX
6496mstV1DU9RVb2Rpo4dzyHYFEJPQkDr9DR7RoqNCje2t/Lb7ymiXHlR/ZVYWKsqoW4YncO
p+taE9j/AGfqEkkjW7asx5AOUX0ZR3PbFNt1utXiuJLO8Wa3jODG6+WAPr61D/ZLSSrJ9ujk
aFflJbrz0yfyzUxrSsbRo01sj0T9jzwTo/xK/a6+Geh61NJDot5rkIvvOG+Fpg27ygv8PmFV
U9vm9q96/aM0743fBTQPFXxAvpNDuvD6+ObnUY9E1SBLm70sjfbW1y8R4RNjKFHbajDivlnw
nr+reGtf0vUNNjj0/XNNu1vbC8RlV1miIcbwx2sBjIOOTxz2+4PiL428O/ti+DPDPiTQ/h7p
fxIh02yf/hK9Dh1G4s/EkN+TueaRFcefblgpTAfuAFwQOHFVqkakZqKkut1d28r2SfmZ08On
GUOZxbu1bRXt1tq0cb+0/c2fw2/Zn0OGf4hXHxAvPiBpn72207U0uLq11BijeWCowttzt2Y6
4A61i2Pw+8VeDPEPwt8L+MvDMPhn4ieCZra90u+lnHlavo7Fnkhkbkb48n5fQkY9aPxa/YG8
SHTvBOveG/hHJ4b8QahdP/aXh19ZaSF4Th7abzGkDRghH3DcCpQZAyM9Jf8AipfiB+0d4L0f
x94w0X4jeMtQmuo7m10+9ZdH0JUg2W9ssoUMzuyFXG449CTuJTqLl56KVrtyV7tP0Tatv1Oe
nGUp8ld9Ek7Oz7atJ3MX9iX9pjWPA3xo+IXgfQbq1/s34qT6nHZyL8sml3CmVxJGeMM0fyjH
cr6Yqx8Dvivr3x/bxV4DsfgzdfEr4e6TbLcnT5rgRap4aEYIkdLvaC0jEOyocscYHcVx/wAZ
/gvp/wAAvgx4F+JGh6lqXhv4iQ+Ip2vfD17bJC1i8crOklqjJvkhUBRuYupz1ByK9Q8PfFzX
vh/+1Drv/Ct9Bt/FzfFzQbLxLc6Pb6vLpr6VfCMu5lkjcEgszu0bEBvNX0GSpGDbnTS5pLdt
pXTV3ps7Gkac0uSK0jJN2V7q2is9Wk0cL8GNI+C3h34yXGn+D7PxR4wm8VMdLis9Ssmg/wCE
YtXGLiS54xOwLFcjAQISScDPz3490yDw7421LStN1CO+sbe/lgWaGTzIWhicrEqSLxJlAPmF
fW3wJ8G/GbWvhJ8dJIdDWbxF4kgGpvpccaI0KTyOlzcRzZyAqIR5Zfnb0J6/I8lvDdSWscn2
W48uExR3MamJboLwflAG1k+7njdgnJqsPUcm+vLZXbv0vfpt3NJU0rJ+7J3dkrWTasrXumyu
j/21LNa6asaweQ0bO/CsT71SFnNd3lrDdfJJCdspycMg6Vd0jSmu4pod3lrGT5cedgB9Sw5N
SjT1SSfzJv7TmZQs0YO3YPb3rqUbo0qUXZN7nuvgCTH/AATC+JzNH5k2reNLHTojuwsZAR8n
2wMVYurZo/8Agkfbx+Z5n2H4gtC2PusfLPKH0Oe1Hw8t45P+CSHxUmjjk8tvGViqfKpA+WP1
5B+lWLrS5tQ/4I+2e3dGuh+P3hlRhhptyHGT7Fh+VcdS1v8At5fkjhrRcptPs9S1/wAFXxHB
+1BoM0DeUYfAmnSeuSN3Br550PUrPRg8qtNMbj52/feXgnnpX0N/wVplm0H9p/QfLj8ho/A+
lHB+fg5Jznr6V4r8NPDVn4h1iSOS1WaFoDO6n7zOWUZ9gBkY966KctNeyOepH9w7d/8AI85v
Yfs1tfyTL/a0l4iqkspMbwAdfl7Yrovhr8M9R+K3xqEoPQ9DubW4vPEDCCwtzcFI3kVeVkb+H
jv3Nc207X99fW9x/o818AZlbgwKOD16evvXrX7HF3HD+1H8PWmurG4uNOW8jltHhMSIFt5Cv
zADlh/F2PNelWlKMJNNXSutL6paXXU8HCxftFppddbbvXqekP/wTJ/aU8Po39i+DMQw/NNLp
euxMLrPTePN5I+lcnL+z9+0V4HuppNS8A+NlitySxl0Q3kYYcZbAIZOefWuy+DWo/C/4d/DT
wT4i8i8i8tvTeHhMSIFt5CvwT4i8XePiZ4Jm8WTamt6fDV08sZ8mfbGz/NlQu4ABVYtySR3+gvh78fAOknTdP8H/twePN
HN6yof7Y8NT3kULscDfJKAqKM8kkAdTjFeP9cxEVzJJq7u7NLTR7X6ndiKMYuzbbetk03Z99
Lo+R7n4sfEzwqXUvhv4b1hoySV1bwBxn6hRTtS/bKvtOtG/tz4C/BG8nkQKJZPB0trJH6c8
A1+jngb4nfEkEnhf9tL4M+XKta+JLe0tY5OwyYwxPsQRXpWsWf7WXjfTriaxvv2Y/i
JayRhkitt7R3JB5VS21c+uTiqjmVTbkXybX33SPHqU4+15W0la+r2+9H442n7R/hu+0q6W4+
D/gO3lupNyzWhNtJbY5wgwSAenWs208X+HdYuPMXwT4VsZgSsuouo+n3eBX6veLvgB+0d4n
tYftn7Pv7NNrMv3y8UDFj/wGXj8zXmnin4YfH7N5zfs3/ALP+pMozutEsQufYNLmj+0Jy
WsUvVpfiexg8LSaXvp+SV/yPzK1Y2P8Aa19/ouhpbH7V/uf62PzV8Pf2ihbxfxPgHxPpPxC
Nm6cctjvha4s9wl5HfGK6C0+G3xy+Ffw0+E+ofDvwZ4Z8Q+IfDPhnxDpPxC8Ra3qMtnqOqXF
Nm2u3yC6aLqAASdvSv0UuvAnikuvxPgHxPpPxCNm6cctjvha4s9wl5HfGK6C0+G3xy+Ffw0+E+ofDvwZ4Z8Q+IfDPhnxDpPxC8Ra3qMtnqOqXF
L/f2HyHKtwE4M+LPsKtaXvp+SV/yPzK1Y2P8Aa19/ouhpbH7V/uf62PzV8Pf2ihbxfxPgHxPpPxCNm6cctjvha4s9wl5HfGK6C0+G3xy+Ffw0+E+ofDvwZ4Z8Q+IfDPhnxDpPxC8Ra3qMtnqOqXF
Jjs7WRdH0/7wwkeos7n/AHl29v5S45JvmhtvCOiw30zRkfKzfZ1Ei5H
PTHua551qtveS8lZv/I8v+1pqfLSil97/JHxzov/AASg/aG8Po39i+DMQw/NNLp
J4DA+Zy2eTnP4VyPxD/YU8vfs8F3DaPaiDV9OsL9bi4s7abCpIABhmYngZ9Pw9
4+JHj39mfWtJm1DxN+0x8vbPiRdC/EPhLwj/FBwj4I8I8I8

fwDqW7zJL6LVwVJ+4yWlxnHvzXgt8u2ykummjW4WZpkiJGX3OysSPQba0jZTduqVzqo8ypq/
d/owbWPsukWvnzSNJsJAUZJXoOa7b4HfA7xn+1P49h8K+FdFutY166VXMoby47KAdJJW6BAD
1P6muN1GW41PVreW3S3jjhi/dKGADEDg/TpXWfCb9p3xh+zk+pX/AIF8QT6XfeJrT7Bqk5hU
yLnJKoSDgDPUVpKMnB+ztzdL7fMmVaz8vTc+oPG/xQtf+Cd3h7/hUPgeHwz428Xapp8//Ca3
zzLLatI4xHEj5GXhy3HXp3Jry34F/tteMvBFlcaH41WT4yeB9QtDZ3fh7Vp3PkBUwJLZzkoy
H+L0HY4I8FurD7JrcNvI1vdXlwTM12k/mbmYc5/H1qO3lutGEMdjeSfbpXP7yM7lUd8H6dax
p4OEU+ZJyk023u2uz6W8i5SnVV22uVWSTsl026t+Z75+0p+2Ta/Hn4CeC/hzZ/Dm18M6T4R/
49NYvLo6hqSkknyVfAIgOQNvPAHoK+f5I7XTWj8u0vI7qGRPLmllMiRsD83ykcqak1C6kuIY
fLlb9ycYiO7aK0JYpN8NxpKzXcn2dVneVeVkzyAPSuiMeVWirL1/zFHBppt3b7tflbQueEvi
Dq3wuubzUvDnibWPD+qX0gIk064aBLhGOSzqD8uDwBXaH9pH4mSaBJH/AMLS8fSahqDYfThq
E7STqOD84b5FI6jHNeez22n6JtkubVb68kJdow37tCe5oa3ktdXtZk1LybmYZaZT8mzuoqZR
puXvRTemrSd/wubU6MlFpXt2Ta33stEUbpLWCxNmrSeZuE0kjjc0lxnBjZuygE89zVi0nj0i
zvJfOZfOT7PHvByAeXXHdQQKSCa1uT/Zu7dH5mRO/DPznBrR1VLfWtWt1xGWt0EHljjCAZ3+
5o9ok7o0o4NpOyRg6hcXE+h26tJG1vxGzI25yfTFXryxXV5BZtcSM1rhlu3XgJjoWqZfDkcd
xb/YpIZHjn3bSwO6iKxeNZpPMkmsWdkeEnLFs9h9aOdFfUanUrWWirr99E0d026EETTFfLCr
njb68ZqzeXdnpEVxb6aslx+6KPcSMIiDxggd6kubSGz0lrWNZozfOJkBUgwBeCPoc1Re0hvJ
XjhW4kAQxb1BYhvf2o5kzaNNwVuvkWluBqF5ZtqmnteTMoR5mmydoGASO+AKdBpcLeGmab9z
Ytes25BmTaOB8vpUN7DHpjW8lndFpgmJAeWz67ew9avatYNb6rHJM0n2GSMeTEV273YDIA+v
NTpfQIx6tX+7/hyjZ2MmsG8t7eTdNcNnJO1PLH3QT2PtViKCxu9HjhvJJFj09syqq5yx7Z71
ci0ldOht9Ns7hYbq6YyXYb78YHIXn61Db6ImmWOoTSZvG8zJ2qSM9QDQVGm2tvUpXFjJfSRy
K3/Erb96TGclFHUEetXbG8hfU4YbeS4ays1d7HMZCvIR8+RTXubPQrCNWYyR6hG8kkI6pu7D
6VIdLtY9AsWjupN91lLKIthoWz+8Z8diDgUExp30031G2elsfCa61dSQ/LcbIYo5f324HOSg
7Z7mtr4W/FHU/gX490fxdoN1dWXii1u/t26RD9lvAGDLA6KRlGxhu2DWbq9u2r6ysfkw2Nrp
cQE9xApMZfHG4+5qjbTNqdxJfax5kk0b+VCmNqtnrgY5qnGE1yzV01Zro/UKtGL0W+yfbu15
n6KWevfDn/gqlfaF4o8NeJG+CP7S2mwMWFm729nqckYITy5ARkMB94HcASDuAFZvx5j8K/tG
fEm1+Hf7TnhiH4U/F5YxBb+P9N2jTdeKqRE9yv3MMAv7zJ5yB5edtfANto7WxuNQuJLq3/s0
4WaCTbcWcg5QbcgiMnp/OvqT4X/8FL5viD4cm8O/HDwrD8XPDVvaKUmEQtb3TQpC5LqFzxj5
gc+5rzcRh50481NtxT0SaTXp3XkzyqeXuM73s7WV9b+q2Rxf7V37AfxG/ZNsFvJNLt/EXg+8
tNll4h0UG+tJVB4Luv8AqyRzzwM8E814baz+RMszMtxeXiqTBbJ5hjjAxtYdVb25r9Kvg/4C
17wX4Xh179lf4saX4v8ACOrWrXOofDfxRdpNcxbeXjiB+6fmIx8mOCWfIrxj4geI/g78dfE8
Og/FLwLqHwC8bLcyeXqenWTR28Rb7vngqpZSxznbjAzvAJqaeOlD3ZLm7tLVeq39bHdhfaVE
+Zq8dk9F8vM+SzYQ6Ba3OoahcR2reR5dnbbMszNz86/wnjmqWkx3l1OuufM80JykKpvR+MD+
dfRnjj/gnT44sryXVvBbeEfjNouXhGoaXfq05xggvGXxvAxwpY814b4w8CTeA9T+y+JrTXvC
+rKu5rHVrOaCNhg9Nqg7SRgHHauyOIg1a6b6pbr5bm8ube1krb3Su/M52LSm/ti1urcxyecj
yxxCTeQ3fdj7vJP5VIphk0pbyGGSbUJJWhumkTbDCxPyIG7kgGvRPhD8Nrj40ePvDvguz1zw
zo8msGUDUY2/0dV2FtjgjzA+R3A/GvRPiJ/wTU+IXwi8L3WuW82g+OPDemgXEn9k3XDIFO+V
lIByuO+etZ1MwoU6ipTklJpWT0vd2WuxXK5Lngnb5b26a3PniSwWC3s5l1ho9QmRjNaPE26N
QcFQD/EeMDvS6qkMOl3FuzTR/ZdktwyrhiX6Kffnmvrb9kX9mrw78ff2NdUh8UMvhu/8ReL7
e30DX5oPMmXOAyluP3aqrjOQMk+la3jX/gm5psnieGz+HvijWBdQyXMemQeMNK8vT9eWEHzz
DPGn7xgclQy56dMZrj/tbD+29jJuMou17Nrp1St5GMac/VtXtfW3pf5nxbrlkt+Ws7eNlt7W
NHjUMWZnbBZfdyT0q1qCzQtJD9lkdlxbyRyx7Nkh/wCejfwn0A619Mfsz/s1fDPW/BPgW6vi
LD4ybUPiJq174ds/7MMa2enXAlCR3BY4YOpYcHOcMSDiofBH/BNTxF8Xv2/BeP/wr/wP/w/
BeqPaza3cO3/ABNrg5MEWM8yHIBA4HJ9K6qmZUaUZSm7KKbba0te2jKlTlt/MvS1u58zxaLd
aZ4Rt7i3a3Ed1K0UspfDWrBsYl/uc9D3FTPo15od7DJNDeNraqE+yMuPNjIyJFbupHev0W+E
n7BfwH8PfGbU9N8Xf8Jdb614Xa0h1jw1ckTabrd1MNsRWVcnYshycn+oPx/e/AvxN8Rf2qPf
Xg3w34Hv/g/wDdXxD4Y+H+kfCvwzpHwr8M6R8K/DOkfCvwzpHwr8M6R8K/DOkfCvwzpHwr8M
6R8K/DOkfCvwzpHwr8M6R8K/DOkfCvwzpHwr8M6R8K/DOkfCvwzpHwr8M6R8K/DOkfCvwzpH
wr8M6R8K/DOkfCvwzpHwr8M6R8K/DOkfCvwzpHwr8M6R8K/DOkfCvwzpHwr8M6R8K/DOkfCv
wzpHwr8M6R8K/DOkfCvwzpHwr8M6R8K/DOkfCvwzpHwr8M6R8K/DOkfCvwzpHwr8M6R8K/DO
kfCvwzpHwr8M6R8K/DOkfCvwzpHwr8M6R8K/DOkfCvwzpHwr8M6R8K/DOkfCvwzpHwr8M6R8K
/DOkfCvwzpHwr8M6R8K/DOk

Q/bLVrybDxXBfDSrj5d3pgVnx6VZ297G9xI1xG3y/OcZP09akt9N+32E00lta2tvyqFovnAH
cmgmntZLT5le7hjhkT+2L1robCUSFsrJjoC31qvbyxpczXQjWJrX5re2cbdp7Njuc1oW9zZ2
kccc14t0sLB0WNNgZx935unHpU2qrJZv9suoTNfXA2jC4WIep9KDGVO6uv69Si8d1/Zy6isc
EnmNvmfdmTe3X5akCXVrFeXkcnlx3aou1+N3sfSmJDHFaNGlw7Fm3yMF3ZPXIPcVo22mR3at
HNdLNDMB5MbHBbHJx6mg0o0rvXf1M0QWiQrbSQzQyXByWgk8wM3+ecVM+mr4YhkjaFmubgbI
SrbyR7jt9KUJJDJNJbW8dvtBijc8ZJ4GPcGlttONi0LzTXFxMg2mPYfz9R9TRp1CNOXNawyz
TyN32iNZpHTayuxVrJu0ynvj07Gtnwp431Dw5r03iJdU8SafqlijmLWbG/aO8ZiuwKWzlVIO
3jsayjpL3VubhVKrI53llIb6c9qZ/otku6O+YSRkfuyvmR591xzQo/ZeqfoFSit+v9fPfzN7
xF8T/E3xI0S1XWPHXibVLizSUPBe6pI8brKVLRxIeUBCAuTwcCsWUx6fYrp9neSRw2dwbyC4
s2+eWfA+cOeQBwox0K571YkntbS92yXFnNeSDL3HkHaVx0HHoMVUm02zuX8y1kV1bLrhNu3t
93+HpVcqgrJJLskkZywe17Nvzbf33/I3dT+OXjLVvHnhrVtU8Tal4q1TQZ1ksl1mV5/soBDG
IuxwyNjn6dq9K+MH7WjfFjX9RvNP8G6T8O9Y1qGODWtZ0q5eeaeJR91EUjaH2KGx1A5ryGe5
V4JrMW6ySzRBEDDO1gc7uaj/ALPzDbw2/wBnjaFf9KZeCM9R0rOpGnKz5dVt2t5paMqnh5Qd
lJpXvo3vtu7u56l+yR+2J48/ZU8S6pdaTI/irQ/EkDW2u6Nclljv7MAhtk3WKQIThlzjIyDj
FdV8T/gB4J8ffCW7+LnwZ+0f8IbYwpb674furgvq/hW8J4Vc/wDHzA+Qd5zgE9MED5/tVuo7
S3V7iS0hs9ybFBCygnPX3zVqwu7jwnp95JpNxqWk3Vxb7pntbhhHIpb7ki5/+tUxpxTulZvt
1t3Xkc8sPUUueLdut3dt+T3KltNHfQSR+dJ5lxhMlcBmb7qgjo3qKksLNVl8qBfsM0bYc7tx
fn+Kr2p6iqtdSRyWu5pbd3tY4i0aucZl3jhW/GqsFvMmqec2S0kmSGGD1q3o7m8aiekj3Xwr
aXFv/wAEifiFt3K3/CdWpkO/arDy4xgL357V0zXEx/4I3Wcav+8ufiHIspxkNxkbm+oFZegp
/aP/AARg8fN5OZJviPaOXwcQL5MeST2GT+ta1sk2of8ABFfUpre6Vf8AhHfiLtk5yLlnxtP0
G4H8KwrRvDSz95fLRHkYqslWle6SVlrv6En/AAWUs5E/a402ONf3lr4E0rzhu6k8fL6/eFeF
/CK0ktNb+0TqPLmtHCeWdzcSLncOxr3b/grrcXD/ALUOgzTfu7zUvh7o5iPQSP5nb8B+leB/
CsXFprKq0jKzW8zOemW81M1pTjpt0RpHXCvmfX/I8vtFh13VrP7dcyRSatdBL2Qg5RMjhfav
Vv2ObmCz/aj+H7MvmM11cwzAjBmGx0DN6kg4rzGwlm1HXdLhjh8zyZQbOPjzE5yRMf1r0L9k
pGn/AGnvh/GsnmXE2p3Cb48+WjFeOT1APJr0K0U4u/Z3+48HB1LSWnVfmd5beHZte8BfB/Sb
O+j0n+2r7xAqzsm+HzBKAkTRngliAoz/AHhXaeCrDwf4W/YPt/sbR2Pxk0vxgLO/8K3BaSfx
IJZQgt5Lbg+SyNyMYO0gHJrH8G/DqP4lzfAXwY1rcX0d9q/iCO9hivUsfNZJ+ZopXIVZFUZX
dxlQO9XPjP8AEe4+DXxs8UaT4TWGTUPCsqW7eKPFS29zrOmysuDGskWUmPyEI4BYZPQV5N3K
Kit7t2vZWu0r+vU92MW5OS6aaJPdLZbvbqWNT/ZO8L+LvGXxY0Pwr4dt/GHiDwXBFql69lfP
Zx2TSspntra3X/WLbjf3424OTgHY+Ef7DPw90uLxh4f8TSa9fXmoaQ2qeD/GFq8sWkzBY9zR
yBSVDxvkNvJztPCnGfBfgd8dPGn7Itc8M6hHa+IvEFrqUkf4vi4xM+5vJzwzuVB3H
NNb4meOP+FYWvglfFV5pnhWTUGElu82I7WSQ/vzOFBlByQzIqlcZ2hiSKPYzu7S9123bvole
3ZX+8fs6U2vaxXNZ7JLromu9jz82kd1Gtu0twsn7zZcNcN5cxX+FeOnHB96baQKLC3muJriG
3kkMfmGVi7nbzgeinHbvX6sfsJ/8EOW+KH7OPxM1y+8ZfDnxevejjww2l+Dbjw/qc9xpdlexz
pOkszmBZIyk9vCjhdzbWmVkJwD+f/wC2B+ypd2+ypdfsr/E268J61408X+Q+xpdlexz
kExTSPDGFkPXapYgD5tuRnSnyTbjfVHLl+MoVKsqULc0dNv18ttTymCNpkhWRr6FZI23uJic
EchiuOM+mahZ5tke77R50iALFGxDEA8M2c9avWWi+fZ2k0NxNI1xE/nFIydgBx5X1I5z71+m
X/BJz/gjRp4/R/8LA17xp4J8WeA5tHv/Iuo5LeNo2ijneQfMrh1i
IyuTRUlSpxvI6sZjIYOm6tRtL832PzHgu5poY4bpb5riTKKzXv8Aqdv+zt/rRDY29vDG1xM0
k0zqojdnDIO5OD9K96/bf/4J5a9+wjrdvo3irxd4j8Q6a5/4mHhbxDqMd5pmoRkcjnDIO5OD9K96
+4W3HOQCASPC/wCcJxdzsytcX1u0cbtsU/6QxXsf4dh4P0qoo8ktYHZhcR7Wmqi96L2ZVubNfPZ
fLW6aPaF8h5DuB5yxd8Xx4J8Qa2eNWp5t3D4aubi5j0+Q
kExTSPDGFkPXapYgD5tuRnSnyTbjfVHLl+MoVKsqULc0dNv18ttTymCNpkhWRr6FZI23uJic
EchiuOM+mahZ5tke77R50iALFGxDEA8M2c9avWWi+fZ2k0NxNI1xE/nFIydgBx5X1I5z71+m
X/BJz/gjRp4/R/8LA17xp4J8WeA5tHv/Iuo5LeNo2ijneQfMrh1i
IyuTRUlSpxvI6sZjIYOm6tRtL832PzHgu5poY4bpb5riTKKzXv8Aqdv+zt/rRDY29vDG1xM0
k0zqojdnDIO5OD9K96/bf/4J5a9+wjrdvo3irxd4j8Q6a5/4mHhbxDqMd5pmoRkcjnDIO5OD9K96
+4W3HOQCASPC/wCcJxdzsytcX1u0cbtsU/6QxXsf4dh4P0qoo8ktYHZhcR7Wmqi96L2ZVubNfPZ
fLW6aPaF8h5DuB5yxd8Xx4J8Qa2eNWp5t3D4aubi5j0+Q
kExTSPDGFkPXapYgD5tuRnSnyTbjfVHLl+MoVKsqULc0dNv18ttTymCNpkhWRr6FZI23uJic
EchiuOM+mahZ5tke77R50iALFGxDEA8M2c9avWWi+fZ2k0NxNI1xE/nFIydgBx5X1I5z71+m
X/BJz/gjRp4/R/8LA17xp4J8WeA5tHv/Iuo5LeNo2ijneQfMrh1i
IyuTRUlSpxvI6sZjIYOm6tRtL832PzHgu5poY4bpb5riTKKzXv8Aqdv+zt/rRDY29vDG1xM0
k0zqojdnDIO5OD9K96/bf/4J5a9+wjrdvo3irxd4j8Q6a5/4mHhbxDqMd5pmoRkcjnDIO5OD9K96
+4W3HOQCASPC/wCcJxdzsytcX1u0cbtsU/6QxXsf4dh4P0qoo8ktYHZhcR7Wmqi96L2ZVubNfPZ
fLW6aPaF8h5DuB5yxd8Xx4J8Qa2eNWp5t3D4aubi5j0+Q
kExTSPDGFkPXapYgD5tuRnSnyTbjfVHLl+MoVKsqULc0dNv18ttTymCNpkhWRr6FZI23uJic
EchiuOM+mahZ5tke77R50iALFGxDEA8M2c9avWWi+fZ2k0NxNI1xE/nFIydgBx5X1I5z71+m
X/BJz/gjRp4/R/8LA17xp4J8WeA5tHv/Iuo5LeNo2ijneQfMrh1i
IyuTRUlSpxvI6sZjIYOm6tRtL832PzHgu5poY4bpb5riTKKzXv8Aqdv+zt/rRDY29vDG1xM0
k0zqojdnDIO5OD9K96/bf/4J5a9+wjrdvo3irxd4j8Q6a5/4mHhbxDqMd5pmoRkcjnDIO5OD9K96
+4W3HOQCASPC/wCcJxdzsytcX1u0cbtsU/6QxXsf4dh4P0qoo8ktYHZhcR7Wmqi96L2ZVubNfPZ
fLW6aPaF8h5DuB5yxd8Xx4J8Qa2eNWp5t3D4aubi5j0+Q

L2qxa/sN/GyULJH8G/G0kcAxHuglBQEd/lo+sRa95r71/mEpKErxTt6P/I8nstTt45VfTbFm
ZTjDnr7/AJ1p/bbi5SNby3a3illK+ZAdrdOleky/sO/Gy4Kx/wDCm/HSyKOTHZSKp/Hbiq83
7EPxicrbt8HfiR53meZtNlMYyD/tbMCj61CUbJr71/mbUcQk/ev9z/yPLWsobISMv2hlmm2s
7nJAPbP9aSHSZba0+x+TDMwUyK7jlO+Aa9Xk/Yr+MUOmNHffB/x8scbbiy2UpxzwCNtRwfsY
fGaR1aH4U+Nvm6GSzlzt9Pu8Vn9ahHdr71/mbcsJ6wT+5/5HlcO5w00lnDNJcRebnBDR4OOK
cJre9063a34vzhZWyeU7/rgV7JL+xL8Xobv7TD8H/HXksnlhHjYMTjrt28CseX9jL4rQlmm+
DvxEj8sGM+VYzMGzzj7nT3FEa0JPdfJp/qHwpJJ/c/8AI8ys5rjTXaSO1tYwpwHx0/GtCxna
xddQWOOORozshH3R7gfrXfj9if4qXH7pfhD8SNsmBFusJsZz3+XArQvv2GPjdY6jHcah8I/G
0ixjyI1trSSQbiPlJ2g8ep6VPtoJ2bX3r/M0jiuVWd/uf+R5TBqt4ifabhhcTTMVG7rGD+HS
p7+VrOL7Pbx7ZLhCC68GPJGW4r0nSv2FvjZbWzf8Wh8aSSZYSyPbtGpIPYEdP51NB+xL8anV
ZP8AhUvjiRurN5LFTGDyBx1o+sRvrJfev8y41qfLZp/c/wDI8ladjP8AZ7e3jZlKA3A/1jKA
M/NjvipdQc6nrvl3EjN5OGiZn5API2/T+leo6V+xZ8YIZo2/4VL468mOORGUWMhY7slTnb2q
vb/sV/Fq0s1hk+EPxGZozuVxp8oG/uc7OlOOKg/tL71/mZVKkUrWevk/8rnmKweTbaleO8l1
JuUJI7HzSDxnPUYqxDf3AtbeOG1kt96lm2N/rD6kd69Dk/Y2+NElvNt+Evj75eMnTpct+G3n
HtT5v2OPjNi1uJPhL8SFjhXBEWnStvx32hM496uOIj3X3r/My9pGOiT+5/5HmkEElnNZi+t4
bhpOF3jLfSn6cu/zZLqzVZIywsgBtEj91b1wPWvQtM/ZM+Ims63bfY/hb8UL6aNj5iyaZLGF
fuoYrgAepqTXf2OPi9p1+u74V/Ei13SnyfM0+RwrHrhguPxrR4iCWjV/Vbd99hRknPlafpZ/
5Hmdrp1xcx3VjHJdRtdfvJwsmIGC84P9K0YdftrS8WO1tpbuSOPciXLF9hHHAPRq9B1z9k/4
vWVusMfwp+IUMLDbJK2mStI7j0wuMVTT9kz4rRWSyWPwr+Jn9qSKqSvNpUxh57j5M1Ma0LaN
fev8yvbOnqov1s9vuODa9+32NxqWoRtJNNIbeXeciUryN3qRj9KnOpXtxp/2do7eRbwBXvgm
+eBV5wrAZAwMYr023/ZV+KV3YaPpq/Bv4lNDCvnX2dOlUS3BOC6kpgD6mpbf9hX4wTaprE1n
8JviItrs8mGOW0ZWQn1GAGXryuamVaFtZL71/mTLFRaSs/N2a+/TU8q8FXmqeG9Xtbjw3cSa
XrSzedY6vY3T2s1rwVK+YpG3Izn6mvo7wN/wVX+I9ppc3hf4jaP4P+L3hiOVDcWetWMct0ET
A+SVQNz8Z3MHO4ZrhdE/Yq+KEKtJqXwb+KX2e1UiKG1sJAsjn++CmdufTtWPZ/sg/E601e3u
Lz4M+OpPLUh4v7PuYoc54KsE6fU9azlUo/aak+jurp+Tucsoxk1GF736J2+a7nvGm+NP2U/i
J4gbUvBviD4kfAHxIImb7XFJLcWRlY8x7VZmAB52qUGK9u8F+H/j1e+HGj0n4jfAv9oTwFCi
7F8UtDI2w9GnQjepB4+eRj7enw/afsn/ABTur4zQ/DH4hNC1zme3n0uTyTD0ITcufM9DVqP9
iz4gWfiiOax+DvxGbS5j/pNnMZoVuV5IDMq8YIBHuBWfs6fNzcy8k2n9z0f4k1KdZLlina7X
VLXy11Pu+xurz4H+A5PH3jD9m/wb8K/FK6jBp8vjDRbWO803T7VpCrXMFmjNtk2sRvGdwbns
KxNb+P3g/wDZ1+K/h/Wr7xFa614H+IwvDYanJov2M2W11jkiv4gq+dA/mDEuMocEcZr5x+B5
/a0+C97JD4H8O/FqG3tZjJJo2q2D3ekyxDICsswwcKAAF5OODWX+0Tb/ALSX7XmrWetfEL4f
+OL640Mm1s4rHw99kt7O3f8A1saRbP3u4qvByAM15dTKYVcR7WpNNNNOzV0ulr7Weu5y0a1e
lF0oRk3e92nb5qz0t2sfTi/sz33hLT/E3w90/WJrXwD8REXVPh/qttcfatLtNTJ8wWRuB0ik
JAXcMMCerZrn7L47t8PvGklj4w8O/GrXvih4ft/3HhSNGutD0a/EQjjuYVVuYickDJX5z1rw
H4e/DD9pL4RaRdaT4O8I/EzTdB1SKOW50i8tPtFvuRi26PcP3JGcqUAbP0rrtZ8W/ttajJb3
Eem/FSzXT4xEZbXRfMmmjI43SFcysAcZOcY9c1pHA041LXjJPq2k29Fra/Y0qVJpe0knGVrN
JN37WbO6+Cfg2P8AYc+H03jT48eLNPmuNeunaw8CxBLi+0u5uZCW1BFDYt5FBZsrjg4znC1p
fBrwj8TP2T/Gfiaz8H+AdW+H03jT48eLNPmuNeunaw8CxBLi+0u5uZCW1BFDYt5FBZsrjg4znC1p
fBrwj8TP2T/Gfiaz8H+AdW+O3wr8QaNeLcPmuNeunaw8CxBLi+0u5uZCW1BFDYt5FBZsrjg4znC1p
AI0aF8Kfih4dm/Z/8YeLtQ+I1oIpfEmu6fLLq1lJgBmOUICZBKgEEHByeAOd+Evwp/aa+DWi
tY/D3w38tgBmOUICZBKgEEHByeAOd+Evwp/aa+DWiJb3
Eem/FSzXT4xEZbXRfMmmjI43SFcysAcZOcY9c1pHA041LXjJPq2k29Fra/Y0qVJpe0knGVrN
H4e/DD9pL4RaRdaT4O8I/EzTdB1SKOW50i8tPtFvuRi26PcP3JGcqUAbP0rrtZ8W/ttajJb3
AXcMMCerZrn7L47t8PvGklj4w8O/GrXvih4ft/3HhSNGutD0a/EQjjuYVVuYickDJX5z1rw
H4e/DD9pL4RaRdaT4O8I/EzTdB1SKOW50i8tPtFvuRi26PcP3JGcqUAbP0rrtZ8W/ttajJb3
Eem/FSzXT4xEZbXRfMmmjI43SFcysAcZOcY9c1pHA041LXjJPq2k29Fra/Y0qVJpe0knGVrN
JN37WbO6+Cfg2P8AYc+H03jT48eLNPmuNeunaw8CxBLi+0u5uZCW1BFDYt5FBZsrjg4znC1p
fBrwj8TP2T/Gfiaz8H+AdW+H03jT48eLNPmuNeunaw8CxBLi+0u5uZCW1BFDYt5FBZsrjg4znC1p
AI0aF8Kfih4dm/Z/8YeLtQ+I1oIpfEmu6fLLq1lJgBmOUICZBKgEEHByeAOd+Evwp/aa+DWi
tY/D3w38tgBmOUICZBKgEEHByeAOd+Evwp/aa+DWiJb3
Eem/FSzXT4xEZbXRfMmmjI43SFcysAcZOcY9c1pHA041LXjJPq2k29Fra/Y0qVJpe0knGVrN
JN37WbO6+Cfg2P8AYc+H03jT48eLNPmuNeunaw8CxBLi+0u5uZCW1BFDYt5FBZsrjg4znC1p
fBrwj8TP2T/Gfiaz8H+AdW+H03jT48eLNPmuNeunaw8CxBLi+0u5uZCW1BFDYt5FBZsrjg4znC1p
AI0aF8Kfih4dm/Z/8YeLtQ+I1oIpfEmu6fLLq1lJgBmOUICZBKgEEHByeAOd+Evwp/aa+DWi
tY/D3w38tgBmOUICZBKgEEHByeAOd+Evwp/aa+DWiJb3

ECSaQAFX06fA/wDHOBWf1in1aXzX+Y42tdp/c/8AI4A6aqFbpVaKMoXEYPQHsPSo1ja4maSG
NsQDMWGwEz1wO1eiWX7PvxIvQyx/C/4hzKrFZBFpc+FcdV+52NW5/wBln4mNp6mx+FvxAVbX
LXSS6dKrBW+6QNuWz9OKJYiC3a+9f5idRWvFP7n/AJHnJv7ieMRrawyRqQ3z/wAOOp+vvTd0
2oR+ZGzR7hgz7vmk56k13g/ZF+LUlt5y/C/x9HGpQuVspcurnG0DZnJz+FWLv9kX4oJK0f8A
wqnx4tnG2Ckdu5YdPlyFPNH1qns2vvX+ZEcRN6KL+5/5HnYvbqZh5ymNl4KAjaw/vUEqsUki
xqHHCunFd5f/ALLfxAsb1ref4Y/EKObCsUNhNKcdhwuKuJ+yv8SJYcw/Cf4hSSNzGTpc2E+v
y8fjT+tUtEmvW6/zL9+S5mn9z/yPOkv7jY0bXV00an5EB78f1pUlJutxyszn55McscdTXew/
sufE6X98vwn+IDRr1P8AZ82Mj22Vqt+x78Urizjki+Efj6P7RFvY+S3POPu7cqfY4NOpiIpb
r71/mEZN6OL+5/5HlodWkZtqTSKoCyFBv+oNVksWljkZo/LWbhiEwz85616npn7Gvxc1KNpL
f4U+NNoOxfNjMUgb2VgDj9K04f2FfjVB5i3Xwp8WTxRLucQyKTt9BjOT9KyliIdWk+11/mDk
lun9z/yPILW5899yzSyIAMq5yqn6dKsTSwySN8scjMoSQuPvDrg+tegQfsdfFhQ0dr8I/iB9
48PaSKSvp939akj/AGM/i5tZY/hD8QvOP+s32jqM+2V5pe2Xdfev8ylWglaz+5nnMG2BWhhY
wWzuGeGP5Y3YdCR3qxZW629zZzMySB5MFXGSwzXocv7EfxonVY4fg/4+8uZhHC32R/lJ6b/l
4HucVpR/8E+/j5aT2KyfBvxtItq+cxIH8ytPbQ7p6d1/mY1MRQtr7vyf+R2/h8XHhz/gjHqT
R/6nxt8Qo7CTcMgRoqtke+6PrWshtfDn/BDXWLWGFZpNU+I2fM3cxLHt2/mFx+NdF8ZPhr4k
+BH/AASD+H+i+MPDuseH9Qb4jPLLZ3kDQzeWQ7q/zdscA9zXP+KVj0X/AIIW6LqX2eSa18Vf
EO4MHOTaJETxIfVvLI49RXPG7jdbOV7p3uun4HzOMrUpu8nrZpb7/wBIr/8ABa64a7/aU8HK
v3V+G+jeTj/llmUkkenevFfgPdx23jm8jvIWkX7GzJljz+8Tn8a9u/4LJSre/tKeCZI9tuq/
DXSJArNzIGdgFHuN36V4l8BtHbV/iBdW9w26SPTicrL5eAJEGCPXmvWwNrq/Y9bK6XtKVn0P
GLazhl+INrb2rTW8Mcq75V6biOv9K7z9nTV7XT/j54N1CKZLdbPVXLFQeAeAen8XtXA6Fd27
eNY7i+jma4s7pd6IeGT0P19a9g/ZYuW1L47+CdJtdSmMdvfXjhIbdQkIMLkeWxHztjPBziqx
UrU/k7rurbM8HJacaklKW10l69PuOyuvDOj+M/Cnwbs/El8tr4fuJ/EWo387sclUl3YQjkE7
RjHc55r0T4AeBtS1X9mDxV8Wrfwr8N7r4c+Hbx7Z/DGs2KSXl1CCvnXEV8+JftBBZUPzDPAX
IAPE+B/hLoP7QXg3wvp/iX4veqFfhzBZvqC6RdajE01zqUcsx86W72NsgII2rk5b5sdAa9r8N
fsHeOvCPwqs/C/hPVvg38vaNypInYqc5569vBliIqCinaV7NNa
Wu72e19j6KpKNGs1dxVt7X100a087HAfDH9jnwP4t/a1/wCEb8Xa54k8K/DXWPDI8VeGpb2U
fbXgMPmYTAb/AFQWX5T82I84Ncj4h/YP8TXCeJNe8Ix6T4v0GxL3dhbXNyP7cuNOLEQ3skCg
YDgEjdgnaeO1fSng39iz9ryw0+6kuvBvgPxZcX1613ps1xrFtcTaVI+NyQMZPkh2jHlA7fbq
CfD39mL9rD9kTSPiczfCHTfE2vfE6AWk+r2epQzzWCPnMcao/CLngDABC8kAYqVSam5Raasr
JtNNrd+Wh58cVSi0+a7k27Oysr6936Hm/wCzF/wWP8UfsU/HbWPDI8VeGpb2U
fzJdenkkdVhbCho1SEQIHU790Cc7FKN8x/tCfEPT/jL8XtcrRdBuNJs9e1a41yTTpphN9ha
7bzHh8xVUMkbs6o20EoFyAc16Fr/APwTj+O2Tf8AwUf8Ow2Ug/aWs+Nttw3mSodNmKls9QNnFXNN/Z
JOa52P8AY++0g3MdnqHwp8bR6haws0klrDHJDIDyT5i5BPPT
H+KmtcN/xL/hj+2/Mg3Mdnq8bR6haws0klrDHJDIDyT5i5BPPT
31PNbrVWtb+GSzt1tbPeLYLBMhMhxgvj+p4r6c/Yp/4KieLf2Ofjtq3xk0H4Y6Z4ovtU0ZtLNtqeu3Fp
qa9fqk63NlCkYgsYweCGkNxubdlVmbZtdt6+Ev8As1/EZ7Y7f4a+LlaJtY8SLqO
CfD39mL9rD9kTSPiczfCHTfE2vfE6AWk+r2epQzzWCPnMcao/CLngDABC8kAYqVSam5Raasr
JtNNrd+Wh58cVSi0+a7k27Oysr6936Hm/wCzF/wWP8UfsU/HbWPDI8VeGpb2U
fbXgMPmYTAb/AFQWX5T82I84Ncj4h/YP8TXCeJNe8Ix6T4v0GxL3dhbXNyP7cuNOLEQ3skCg
YDgEjdgnaeO1fSng39iz9ryw0+6kuvBvgPxZcX1613ps1xrFtcTaVI+NyQMZPkh2jHlA7fbq
CfD39mL9rD9kTSPiczfCHTfE2vfE6AWk+r2epQzzWCPnMcao/CLngDABC8kAYqVSam5Raasr
JtNNrd+Wh58cVSi0+a7k27Oysr6936Hm/wCzF/wWP8UfsU/HbWPDI8VeGpb2U
fzJdenkkdVhbCho1SEQIHU790Cc7FKN8x/tCfEPT/jL8XtcrRdBuNJs9e1a41yTTpphN9ha
7bzHh8xVUMkbs6o20EoFyAc16Fr/APwTj+O2Tf8AwUf8Ow2Ug/aWs+Nttw3mSodNmKls9QNnFXNN/Z
JOa52P8AY++0g3MdnqHwp8bR6haws0klrDHJDIDyT5i5BPPT
JOa52P8AY++0g3MdnqHwp8bR6haws0klrDHJDIDyT5i5BPPT
31PNbrVWtb+GSzt1tbPeLYLBMhMhxgvj+p4r6c/Yp/4KieLf2Ofjtq3xk0H4Y6Z4ovtU0ZtLNtqeu3Fp
qa9fqk63NlCkYgsYweCGkNxubdlVmbZtdt6+Ev8As1/EZ7Y7f4a+LlaJtY8SLqO

XDtwQpv7MD8vIrOVuqj87v8AQ9SOObh7ybXk0v1Pk0/tEftYeR5i658dPQMNFuCp/Wmz/H39
qq82xya98fGjZcHbo9wrFvQEN0r7ItPAf7bEsvmf8NIfC9f7/wDptnhPw+z0268DftrIbhm/
aU+Ga+ZGANt/aYPPb9x8p9xVR5Fsl9z/AMjjljKjdkvxR8YwfFX9paM7m8TftFeRISG8zTrt
t/sMuRUL/Ez9phbSGObXvj9GyncAmm3Y/XcCfxr7QbwF+2VdXnnN+018M1VbYAsNQtdi/wDA
fI6/7VZtz4d/asgnkWb9qz4Wx3EfJiN/bf8AxmplKG3LH7n/AJG1HGV0rJP5Nf5nxr/wsD9p
p3aZtW+O376Xdv8As178wHtu4+g4rQsPj7+0pb3Mi2fir43STbfKKHSZpB9MF+D74zX1tbeH
f2kr2+Zbj9r74X2epSLma1N/bt5ZHYDy8e+cCnQ+Dv2kL0zeV+198KWuo22eTFfWy598+UMV
n7vZfc/8jT69V+GSl96t+Z8kyftCftPNuhvPFHxyh8sfIsekzq34/MKueAv2mf2olsJv7P8A
FnxoksbgljMuhSXuW6HDMxx+Br6s0nwH+1FaXFxCv7V/wvbccymS/tXZPzi4H41pf8Ij+1Ja
Q+Sv7XHwntY15wl3bLj34hqpOPZfc/8AIxqVqvZvyuv0bPjPUviZ+1JNHdLH4g+Olxb3BLzv
Jpl3EUJ9BuOAfYiq9j8Rv2pLGa3ht9a+OW2MiRsWF5I6gdwCfm+hOK+zL61/aG06aFbz9tj4
T27YJQPeW+JB3/5Z4P41m3vjP46Rxt5n7b3wdVYQWYx3VvnH4Rc1Oj6Ra9P+AVTxldx5bP7z
5Vf4m/tUFpJY/EPx8WNiTldFusY98Pimx/HP9pyGyZbjxd8do/OJChtIuOv+8ZMj8K+nl8af
GqK4W4X9uj4Ur5nzBTeQBT/wHZ0qO68Z/GzUZlkm/ba+EMnknAP2m3xn6eXVe5b3VH7mv0NI
1q/NeUXb1/4J8v23xm/aUtisy+MPjssiqVJfTbnylU9SR5hBPocZFWNF/aa/aM0PUljsfHHx
huWji3SpPpElxtHujyNke5r6Sn1v4tazatHeftyfCeFZsP8Au7iDdkH1CDAqn/bHxStEX/jN
74T/AO8Gt8n2+5k1XLGS1UfSzt+RpTxD1UlK/qv8z531T48ftPavYNM3iT41eXJI0heHSprV
TnuGQ5x7dBWfpnxz/aQ1LTmsV8YfHK6kaTMUcen3NwwPf5y+78BX0tDqXxc0+5WWL9t74XzK
x3hJLiHZ+K7CPwq9e+K/ipcotxJ+2x8L7duiG3aBMnv0QVKtF7Rt5J/5Gkqk5K6Ur97r9GfN
Y+OH7T0sS6a3iL45SNC/mBf7Cm81cdy2/cR6gnFTJ+0/+01Git/wl3xcjVnj5/4R5go7Y+92
9O9fR2neIPilPH+8/bm+G8e05IM0Jbr67c1am1n4sX12skf7bXwtuLjnCKbcJ5f97GzGfbH4
0c0Ur8q+5/5BTlNrllf73/nY+WT+1P8AtGGVrWbx98Xo2mBfC6VIrnbzxhwwH0q5pX7Qv7TH
ihYbrSfG3xsulVdrPBo8zxqy+u19p/U+tfTFpqvxonuWt7H9r74S3kLKZFkMlssjDuMeWSB+
NXorn9oK4tP9H/a0+FMK25z+5kt1B+u2Lms/bRva0V8n+VipUZuGil82k/zPk/Vv2vv2jtOv
5I9a+I3xY0u43COONtKeIzN2G3evJrSP7Tn7TF5PbrJ4u+LUkkcZ3x/8I2wZM9iAfmyOcmvp
LUfEHx2j0uaST9q74SzNC2CzNbNg/wC8YuKptqXxul06G4uv2vvhjaxzJujaKa3ww9j5YzRz
RfSO9tn/AJBRp1IapS+9f5nzDcfFn9ozWvMmk8SfGpY4ZPOkaHSrhVTHc7XAx/sniqunfGL9
oK7uZLWx8YfGy6a8OURLC5dn/wB0eYSvf7uK+sLa5+P1xArR/tgfC/yY8EsbmBVb2P7vmrSW
Px4umWSP9rb4XtuPylJrfIP4R8VXNGOmlvR/5Gka1baSf3r/ADPlWL44ftDarJdaXb+KvjpI
+mruEUNrcrPG2Bnztr7tuQeCTTbT45/tHX9vDHp/ib4yX011n7WBp9xJ5TKcDy+SfrjGa+sL
O1/aCnE0a/tafC1Y8ESP9otzJtz1J8rP606Nv2jLe1ZtP/aw+FdxBG23zDdWykn3/dHmseeP
ZW9H/kV9aq7crT9Uv1PkXTfH/wC0Clf3FxLJ4m+NX2eyBaeZLO6LRAdQV3jB/Gprf9pj9oy7Z
o18afGz7LI4SIrp87bx2Aw/H0FfWWo6B+0sYY7r/AIas+FdKM/vLm1bp7mCpn1L9q7Vrvz
Lj9qT4T2sdxCHjCXVrt2/wB5V8jj61pGUeqVvR/5EyliHD3Yuz80/u1PkN/il+0p4cjjkm8W
ftCftPNuhvPFHxyh8sfIsekzq34/MKueAv2mf2olsJv7P8AF

r9s7T2a4t/iR8J1b7pk8mx3KPr5HSuv92425V5f1Yx9tVhLmTle/f/g2Pj1P25fjNa6cq3nx
M8XWtvG7Ja3Umm5juFHUlyNxYHgg5+tV7X9sH43W6XFvD8TPiUt1qWFFuLF5DOp/iiy2U9fl
ANfc2n+Cv2vLjUPs83xe+C8k0iBlhuIrVthPoPI4NWr/AOG37bVnp80MPxU+Es0vGzyks1mX
n+EtCAPxrKnyp/DG/wA/8jOpmFSTtNy8tV/mfA837Rvxi0yVtPX4mfF4f8tGVre4MgPXBLTb
/wClWLT47/G52s7618bfGiZriTartZzyRyHoNi+aVP0r7avPAH7bSKrTfFT4a+YueR/Z+4+x
Pk1mv4M/bSvpG/4u98PYWhOGhSWwURn6CDFTzLrGP46/gdVHFVGrpv71/mfIdh4u/aA1+eRr
PxF8fLq8W4Jf7NZXuwR45O0SYBz26VNeeJv2hrWeOSz179ojzpCUlWWzvWX3wPMwfpj8a+rr
/wAB/tmam8f/ABerwLDIrBSsN5aRj6nbDzUMHws/bSaK8hX4yeCZMsMl9Ttcn/dJi+UflVR1
ekY+mv8AkaSxDesr/ev8z5Vl8TfHaM/6P4o/aQ2r1Y2t8Qp78edRH4q/aGa887+3v2ljbxpm
RxbXwIPYgeZjFfVkfwV/bSt55F/4XV4Lj3KDn+1rX9P3VDfBH9s678uO4+O3guHy22oG1aD5
x6/LDyPrWkYpaPl/H/Ix9s29G7eq/wAz5Rg+MP7RBxFb+LP2iGVnCnEd4zYz2Hm8H8asXvxO
/aYjZVh8XftLYUdHs77j/wAi19NXP7L37XUn2qSb4+eC1WYYkA1eJdi+q4i+U/SqNx+z/wDt
dPLCsfxw8IzR24BV01qEA545Hl/N+OaqMV2X9fImpTjU7/en+TPln4pTftCfFfR7Oz8WL8av
FWnwzmext9W0q4nVrgKeTExOMDPPPc165+0BoF14Q/4Ik/Bfwrq1jqGl+INQ8aXssVlcq1uw
DPL8zxkZwcrgnHXP19aj8EftWaTbRxyftEfDm15IVn1SJ5Dj38mvAf2p/wBm74keLUvvFnxI
+OHw58TSaOFCW8erlpMZG6OGJYwqFsclRk0Rlz2TtFRd0le7eyVrHm4rAubUop+6na7VtVr1
ubH/AAWH8N3Uf7Tvh/TWbzLrwr8ONJnmJI/5ZyAsc9+D2ryD9nyVbz4yX0yyfLdaS06kOY9w
M0eD/wDWrr/+ClPxf0P9pv8AaZk1zwitvfaLZeF9L0KS7t5yUEqFTnnqB0PsK8/+HsX2XX5v
MuF+aBgZEJUMVZQcbex/LivQw9oxtPsr36M2oyjKk6U3yvT8PQ8j8F6VDeaZ4su5F3XFu58t
88pyele3fsoa83hb9ubSZIbe1mjt4rt4YJkLQwt9hk5VcjBooozDr6M8zh7p6o9w/wCCeXxo
0v4zePNO8AeJvhj8K9W0uS2u0mvZNB26hPtRnDNMsg+YdMgA49+a/RLwN/wST/Z3+JXhm1a7
+G1nZySbsvZarfwt+J885/HNFFfN1fj+4786epgz/wDBFj4V+EviDGnhzxF8T/C8cduZo10v
xF5flv8A3gzRswP41ieIP2CZPDOq3ENl8cP2hoY9u7A8aN1/79UUVj1OPD7r0Oa8dfsSXUHz
N8b/ANoKZmAz5vjEt/7Sr5v8VfDHxB4X8UNp9r8Wfi99nZ9p3+JGZsY9dlFFdmG2PpMFsjhf
iRZ+LPBieXa/FL4pSL5YbEuvuefwUV4fD+1F8TtDaPyfiJ4xb7QPm87Unmx9N+cfhRRXRZXP
ovsIuXn7cvxg0e8+xw/ETxJ5PK/NMrNj6lc1c0/9oj4keKtfWO6+InjRdxHMGqPDj6BcD9KK
KicVYxpn0Z8FvAPiL4h+/yFRRXFiOp4ewOxU19RfC7/AIJ9WvijXrezvvi98dpr
eT7yHxacH/yFRRXFiOp4eafD959BeH/+CRXgfXfD1v8A2l8QPjV9WvijXrezvvi98dpr
r/wQr/Zx8OpeTX3hXVvEskkQUHV9auZfL56rsZMGiivNw/X1Py/FP94/X9TzP9qL4BfCf9lv
wdrUPhv4N/C26XS4g0Lavog1CQn/AGnkYs34mvzR+Nn/AAUc+IGsaJL4T0Wz8I+B9BWaWBrX
w3o6WSyIc5U5LYH+7iiiuuj8R93wr+qPnfxa/wDwDwkV/rU10qtI2qW4yBjAJ5A9q8/wDihNIn
xI1bEkn+izx20fP3Yz1X6UUV9flf8P8ArsjzOKPj+f6nRS2KzWsk26RZIbk7CrkY+Va6rXfC
el+H9HutNj0+3uFvtZ06H7RcbpLiBHUFlR88An1zRRRH4vn+p5P2V6GTa2Wk6dpthMug6TJJ
Nqpt3MiyNlBtwPv10Wk/Dbw/4h8f4h8f6dYSaTDDa3dlJK6RTzDDBMgjLnHNFFVLp8zswvwmRo3g
DR9T8QQ2cln+6UDlZpAxyRnJ3Vu6z8JdBsvi3HpcdnItm00ilPtMvQDjndmiisf8mdkNhb74
IaHa6vcQx/bljW68oAXB+76VKPgt4f3N/os3yqMf6Q/+NFFZ9Do+wXNV+DXhnQ7KGcehX1v4YaPZau0McMyxzY
wPPf93z25/nmtjwh8F/D/iE/PvAOj+HdQ+sPvAOj+HdQ+sPvAOj+HdQ+sPvAOj+HdQ+sPvAOj
HmkZ257/ADY/SrOt/D/QvD3gubUI9LimuFl2r5s8xVR7AOKKK0j8JnIrX3hjRYdb0ONdFs1X
UpCswE0/T2/ecVTvPC2k2HilbaPTYfJ8wrtM0x4z/v0UVMvgDD7m58OPA2dHha5r2sQ3Wj2skd
rKqxqZJcKOf9urd18NfDsEeoTro9Tpo2cln+6UDlZpAxyRnJ3Vu6z8JdBsvi3HpcdnItm00ilPtMvQDjndmiisf8mdkNhb74
IxxvoorOQfbOLs76xh1yxb+w9HZZY9zI
ySFSfpvrdh0jSbrRJdSbRdPWZpWXy1MoiAHTC76KKzl0PQjsZfh/VrHWPEskM3h/Q/LWCVgF
hccjp/HVfw9qtjea1Y2snh/Q2jlmCsfKk3EZHffRRW1MznubkXh3RbvX9Q3aHpyrDK6oimUK
ABxxvqnpJ0vVrTVo5PD+ir/Z6lomSORWz7nfzRRVR2KHPp2kzfD4Xf8AYYfHvAYelrcbfvqJAeh/26
TWdK03SPhvZ30OlWP2qTVns2dg7Ex88ct+tTVns2dg7Ex88ct+CPMYSF8YH
H38Y/CrFzaad9o//iU2P7wnd80vP/j9FFc/X7z0ozqtuysnhbSf7a1qH
+zYfL09ZGiHnTdRjGfn5rJ8N+FtM1zXLOLOxcJ82Y7ZLi6kKlZJJGjQY
PRd3881g3uo2sWmaeq6TpqyalU82UCTevP8AD8+F/AUUVUdvmYy+P5FhtB0/VdNs5PsMNu0x
VXMTuMj8WNdJ4Z8AaD/F/AUUVUdvmYy+P5FhtB0/VdNs5PsMNu0xH+zYfL09ZGiHnTdRjGfn5rJ8N+FtM1zXLOLOxcJ82Y7ZLi6kKlZJJGjQY
9dQrpsPlxxblBmm4P/fdTeGvGzJE0JE0gzz/vUUVUh0/hIf+PTE+ET0yDxDHD9jVo/R
pZD/AOzVcuPAmj/xfwFFFVHb5mMvj+RYbQdP1XTbOT7DDbtMZGe/
zc1g6b9l1bW1tZNPs1jz1Terfnuooo7Y7nR0L12bS00pZF02x3N1JDn1/2qDJaz3GnQf2bqr
zbWZQ4Zh7ndRRUy2Oep8J2+k+BtFvfiXqXhy4+Ifw+0+xtdMtbqDUrzxBbxWd1JLNcI8Ec7M
4Ziq2zkAgkGVcgEkCvQ/+FZ/Cb/oqHwv/APCqtf8A4qiiuqnGMoXaT+Z5tSUoytdr7jzb4ueE
fhx4Y+Ffi7XPDXjvwXrWtaXpU1zY6bpfiK1uLm6mUfLFFGjlnc9lUEk8AE1+Ln/BQ/8A4KJ/
tJ/Cb4ueEfhx4Y+Ffi7XPDXjvwXrWtaXpU1zY6bpfiK1uLm6mUfLFFGjlnc9lUEk8AE1+Ln/BQ/
8A4KJ/

596KK6IhH4y1N4D0uw0Oxm+ztNJNqIt3Mkr8pjpwRVv/AIVfot98WG0v7K0NnNIihEmf92D1
wSSfzzRRRTNCu/gPSNNuP+PPzv3hX95NJ0z7MKu+H/Auj+Itd8m40+NY1criOWRcj3+aiipe
7D7Jjr4M0sNN/on+rvRCP30nK+h+apNX8CaPbRNssVX/AE14f9bJ90JkD73rRRW0NjnluGja
HperaxqllJpdqqafEGidJJVfJAzn58H8qz9INnP4caT+y9P86HVrWESFXcsj/eUhmIIP0ooq
Y/EY4jY3tQvFXRdLure3tbFtc8QfYrtLaIRxvF02heg49K9D+BWhR6jfNMsklvsgkiVIwpUK
JFx94E/rRRVVv4HzPNqfDL5H/9k=
/9j/4QDbRXhpZgAASUkqAAgAAAAIABIBAwABAAAAAQAAABoBBQABAAAAbgAAABsBBQABAA
AA
dgAAACgBAwABAAAAAgAAADEBAgATAAAAfgAAADIBAgAUAAAAkQAAABMCAwABAAAAAQ
AAAGmH
BAABAAAApQAAAAAAAABIAAAAAQAAAEgAAAABAAAAQUNEU2VlIFVsdGltYXRlIDEwADIwMj
A6
MDM6MDQgMjI6MDA6MzAAAwCQkgIAAwAAADQwAAACoAQAAQAAAJMAAAADoAQAAQAAA
GQAAAAA
AAAAAGMAOf/iDFhJQ0NfUFJPRklMRQABAQAADEhMaW5vAhAAAG1udHJSR0IgWFlaIAfOAAIA
CQAGADEAAGFjc3BNU0ZUAAAAAElFQyBzUkdCAAAAAAAAAAAAAAAAAAAD21gABAAAANMt
SFAg
IAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA
AAEWNwcnQA
AAFQAAAAM2Rlc2MAAAGEAAAAbHd0cHQAAAHwAAAAFGJrcHQAAAIEAAAAFHJYWVoAAAIY
AAAA
FGdYWVoAAAIsAAAAFGJYWVoAAAJAAAAAFGRtbmQAAAJUAAAAcGRtZGQAAALEAAAAiHZ1Z
WQA
AANMAAAAhnZpZXcAAAPUAAAAJGx1bWkAAAP4AAAAFG1lYXMAAAQMAAAAJHRlY2gAAAQw
AAAA
DHJUUkMAAAQ8AAAIDGdUUkMAAAQ8AAAIDGJUUkMAAAQ8AAAIDHRleHQAAAAAQ29weXJpZ
2h0 IChjKSAxOTk4IEhld2xldHQtUGFja2FyZCBDb21wYW55AABkZXNjAAAAAAAAABJzUkdCIElF
QzYxOTY2LTIuMQAAAAAAAAAAAAAAEnNSR0IgSUVDNjE5NjYtMi4xAAAAAAAAAAAAAAAAAA
AAA
AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAABYWVogAAAAAAAA81E
AAQAAAAEW
zFhZWiAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAWFlaIAAAAAAAAG+iAAA49QAAA5BYWVogAAAAAAA
AYpkA
ALeFAAAY2lhZWiAAAAAAAAkoAAAD4QAALbPZGVzYwAAAAAAAAWSUVDIGh0dHA6Ly93d3
cu
aWVjLmNoAAAAAAAAAAAAAAAWSUVDIGh0dHA6Ly93d3cuaWVjLmNoAAAAAAAAAAAAAAAA
AAAA
AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAGRlc2MAAAAAAAALklFQyA2M
Tk2Ni0y
LjEgRGVmYXVsdCBSR0IgY29sb3VyIHNwYWNlIC0gc1JHQgAAAAAAAAAAAAALklFQyA2MTk2
Ni0yLjEgRGVmYXVsdCBSR0IgY29sb3VyIHNwYWNlIC0gc1JHQgAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA
AAAAAABkZXNjAAAAAAAAACxSZWZlcmVuY2UgVmlld2luZyBDb25kaXRpb24gaW4gSUVDNjE5
NjYtMi4xAAAAAAAAAAAAAAAsUmVmZXJlbmNlIFZpZXdpbmcgQ29uZGl0aW9uIGluIElFQzYx
OTY2LTIuMQAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAdmlldwAAAAAAE6T+ABRfLgA
QzxQA
A+3MAAQTCwADXJ4AAAABWFlaIAAAAAAATAlWAFAAAABXH+dtZWFzAAAAAAAAAAEAAAA
AAAAA
AAAAAAAAAAAAAAACjwAAAAJzaWcgAAAAAENSVCBjdXJ2AAAAAAAABAAAAAAFAAoADwA
UABkA
HgAjACgALQAyADcAOwBAAEUASgBPAFQAWQBeAGMAaABtAHIAdwB8AIEAhgCLAJAAlQCaAJ8
A
pACpAK4AsgC3ALwAwQDGAMsA0ADVANsA4ADlAOsA8AD2APsBAQEHAQ0BEwEZAR8BJQErATI
B
OAE+AUUBTAFSAVkBYAFnAW4BdQF8AYMBiwGSAZoBoQGpAbEBuQHBAckB0QHZAeEB6QHyAfo
C AwIMAhQCHQImAi8COAJBAksCVAJdAmcCcQJ6AoQCjgKYAqICrAK2AsECywLVAuAC6wL1AwAD
CwMWAyEDLQM4A0MDTwNaA2YDcgN+A4oDlgOiA64DugPHA9MD4APsA/kEBgQTBCAELQQ7BEgE
VQRjBHEEfgSMBJoEqAS2BMQE0wThBPAE/gUNBRwFKwU6BUkFWAVnBXcFhgWWBaYFtQXFBdUF
5QX2BgYGFgYnBjcGSAZZBmoGewaMBp0GrwbABtEG4wb1BwcHGQcrBz0HTwdhB3QHhgeZB6wH
vwfSB+UH+AgLCB8IMghGCFoIbgiCCJYIqgi+CNII5wj7CRAJJQk6CU8JZAl5CY8JpAm6Cc8J
5Qn7ChEKJwo9ClQKagqBCpgKrgrFCtwK8wsLCyILOQtRC2kLgAuYC7ALyAvhC/kMEgwqDEMM
XAx1DI4MpwzADNkM8w0NDSYNQA1aDXQNjg2pDcMN3g34DhMOLg5JDmQOfw6bDrYO0g7uDwkP
JQ9BD14Peg+WD7MPzw/sEAkQJhBDEGEQfhCbELkQ1xD1ERMRMRFPEW0RjBGqEckR6BIHEiYS
RRJkEoQSoxLDEuMTAxMjE0MTYxODE6QTxRPlFAYUJxRJFGoUixStFM4U8BUSFTQVVhV4FZsV

vRXgFgMWJhZJFmwWjxayFtYW+hcdF0EXZReJF64X0hf3GBsYQBhlGIoYrxjVGPoZIBlFGWsZ
kRm3Gd0aBBoqGlEadxqeGsUa7BsUGzsbYxuKG7Ib2hwCHCocUhx7HKMczBz1HR4dRx1wHZkd
wx3sHhYeQB5qHpQevh7pHxMfPh9pH5Qfvx/qIBUgQSBsIJggxCDwIRwhSCF1IaEhziH7Iici
VSKCIq8i3SMKIzgjZiOUI8Ij8CQfJE0kfCSrJNolCSU4JWgllyXHJfcmJyZXJocmtyboJxgn
SSd6J6sn3CgNKD8ocSiiKNQpBik4KWspnSnQKgIqNSpoKpsqzysCKzYraSudK9EsBSw5LG4s
oizXLQwtQS12Last4S4WLkwugi63Lu4vJC9aL5Evxy/+MDUwbDCkMNsxEjFKMYIxujHyMioy
YzKbMtQzDTNGM38zuDPxNCs0ZTSeNNg1EzVNNYc1wjX9Njc2cjauNuk3JDdgN5w31zgUOFA4
jDjIOQU5Qjl/Obw5+To2OnQ6sjrvOy07azuqO+g8JzxlPKQ84z0iPWE9oT3gPiA+YD6gPuA/
IT9hP6I/4kAjQGRApkDnQSlBakGsQe5CMEJyQrVC90M6Q31DwEQDREdEikTORRJFVUWaRd5G
IkZnRqtG8Ec1R3tHwEgFSEtIkUjXSR1JY0mpSfBKN0p9SsRLDEtTS5pL4kwqTHJMuk0CTUpN
k03cTiVObk63TwBPSU+TT91QJ1BxULtRBlFQUZtR5lIxUnxSx1MTU19TqlP2VEJUj1TbVShV
dVXCVg9WXFapVvdXRFeSV+BYL1h9WMtZGllpWbhaB1pWWqZa9VtFW5Vb5Vw1XIZc1l0nXXhd
yV4aXmxevV8PX2Ffs2AFYFdgqmD8YU9homH1YklinGLwY0Njl2PrZEBklGTpZT1lkmXnZj1m
kmboZz1nk2fpaD9olmjsaUNpmmnxakhqn2r3a09rp2v/bFdsr20IbWBtuW4SbmtuxG8eb3hv
0XArcIZw4HE6cZVx8HJLcqZzAXNdc7h0FHRwdMx1KHWFdeF2Pnabdvh3VnezeBF4bnjMeSp5
iXnnekZ6pXsEe2N7wnwhfIF84X1BfaF+AX5ifsJ/I3+Ef+WAR4CogQqBa4HNgjCCkoL0g1eD
uoQdhICE44VHhauGDoZyhteHO4efiASIaYjOiTOJmYn+imSKyoswi5aL/IxjjMqNMY2Yjf+O
Zo7OjzaPnpAGkG6Q1pE/kaiSEZJ6kuOTTZO2lCCUipT0lV+VyZY0lp+XCpd1l+CYTJi4mSSZ
kJn8mmia1ZtCm6+cHJyJnPedZJ3SnkCerp8dn4uf+qBpoNihR6G2oiailqMGo3aj5qRWpMel
OKWpphqmi6b9p26n4KhSqMSpN6mpqhyqj6sCq3Wr6axcrNCtRK24ri2uoa8Wr4uwALB1sOqx
YLHWskuywrM4s660JbSctRO1irYBtnm28Ldot+C4WbjRuUq5wro7urW7LrunvCG8m70VvY++
Cr6Evv+/er/1wHDA7MFnwePCX8Lbw1jD1MRRxM7FS8XIxkbGw8dBx7/IPci8yTrJuco4yrfL
Nsu2zDXMtc01zbXONs62zzfPuNA50LrRPNG+0j/SwdNE08bUSdTL1U7V0dZV1tjXXNfg2GTY
6Nls2fHadtr724DcBdyK3RDdlt4c3qLfKd+v4DbgveFE4cziU+Lb42Pj6+Rz5PzlhOYN5pbn
H+ep6DLovOlG6dDqW+rl63Dr++yG7RHtnO4o7rTvQO/M8Fjw5fFy8f/yjPMZ86f0NPTC9VD1
3vZt9vv3ivgZ+Kj5OPnH+lf65/t3/Af8mP0p/br+S/7c/23////AABEIAGQAkwMBIQACEQED
EQH/2wCEAAIBAQEBAQIBAQECAgICAwUDAwICAwYEBAMFBwYHBwcGBwYICQsJCAgKCAYHCg
0K
CgsMDA0MBwkODw4MDwsMDAwBAwMDBAMECAQECBIMCgwSEhISEhISEhISEhISEhISEhIS
EhISEhISEhISEhISEhISEhISEhISEv/EAJYAAAIBBQEBAAAAAAAAAAAAAAcIAAID
BAUGCQEQAAIBAwMDAgQDBQcDBQAAAAECAwQFBgcREgAIIQkTFCIxQTJRcRUjQmGRFhckJVK
B
8Aqh0SYzkrLBAQEBAQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAAQIDEQEBAAECBAQFBAMAAAAAAAAARE
CITFB
wfASUWGhInGx0eEDE4GRMkLx/9oADAMBAAIRAxEAPwD386nQpdBOrNXTuxuGyvgUuA/
9Tztbv8Tv8xuiPiA+YD6gPuA/Tv8zuiPwA/Tv8zuiPwA/Tv8zuiPwA/Tv8zuiPwA/Tv8
IT9hP6I/4kAjQGRApkDnQSlBakGsQe5CMEJyQrVC90M6Q31DwEQDREdEikTORRJFVUWaRd5G
IkZnRqtG8Ec1R3tHwEgFSEtIkUjXSR1JY0mpSfBKN0p9SsRLDEtTS5pL4kwqTHJMuk0CTUpN
k03cTiVObk63TwBPSU+TT91QJ1BxULtRBlFQUZtR5lIxUnxSx1MTU19TqlP2VEJUj1TbVShV
dVXCVg9WXFapVvdXRFeSV+BYL1h9WMtZGllpWbhaB1pWWqZa9VtFW5Vb5Vw1XIZc1l0nXXhd
yV4aXmxevV8PX2Ffs2AFYFdgqmD8YU9homH1YklinGLwY0Njl2PrZEBklGTpZT1lkmXnZj1m
kmboZz1nk2fpaD9olmjsaUNpmmnxakhqn2r3a09rp2v/bFdsr20IbWBtuW4SbmtuxG8eb3hv
0XArcIZw4HE6cZVx8HJLcqZzAXNdc7h0FHRwdMx1KHWFdeF2P

UnmoBX05OwfTfKf7aWDW3BKTKskxPI6inqLnepJK+OQF5eDs9QWedlaJgHnMj8OA8EElg+4z
VXtd7LMZpK7XLU+CxxPGfgrFjdG1XWThd9/biX8I8NudlA2O5G3RY8/KTVHuU70dS/7xO07s
QvGoUBnmaiv2p91gtcFMpiPD2YS0jyxKpI2JVRxI8tI/Wjrrf3S41SSRd9WC6g6brcuVOtdZ
7FaainjCSs6JFNcl9tplbbcrLEjhUZV3+pB00vu17oeFDa/UFymopK9EqF/vFxi7Y1KOY2CJ
LRRewzbKASjeQqFfG3W8y1u1GLKrTZ9fu5iyZpdamlSphsdplynNZUpjIAs8lMZvZjhJU/vJ
Ywp87b9A0fa9p76f+q9DW4ZpRkWE5DU23YV1gt2PUFtkgA5Lu1GacScOQYBjyXcHY7jrb6n+
lD2eaj2p6SHTiitQdzMGtlPHGA7H5mHFR5O53+x3+x2PQADWf0vNXtKLjR6idvFxN5ey1EdW
lNbpmpbnCYxwDUsjEtHIqeAFdww3VlKs27L+nx3bSdz2ntxs2ZVtKc2wyrFtv9PTxmD3Cyc6
eqEB+aITR7kofwSLKn8I6BhH9sHYuB+vV1dttj0FXgfQdToJ1OgxLm1M1MfipOEe27PvsFA+
5P2HQuyjXnt2x2SrlmzmOokp9/iKi0Us9wMOwO4Z4Y3VSFH3Pjyfz6APX/1JOxq2XX9mz5Fm
N5q05GOmxzFbjczGTtuP8PFIFfzuSxDfzGw6C2qXrqdpOO3KewaUaEau51ktGW/9N2qzxU+7
Dc7SzSzbQfQbhl5eD8vnfoE/0I7gPUt1fy7UHCtPc+xTAbDJc6q8Z3ebPwne1zzSvL8M9ymR
g7wwbMwhQKhdvO6nrf8AaB2tdvWq9vverNotF2y6ww1jUst6uMDNU5lUfj2WpkLSmn2bnLxK
okfEEcpCUD0s7IdJbbSVM2p96Mc9fPH8JSwiNVpaCFNlEVLHx2SMDZd02B22222JYy52qgu1
BNa663w1FNUIY5qedA0cqnwVZSCGBH1BBHnoFc1Y7OuyfStnNnqsjwuW5TNVJientwqP8zcH
5litaiRCCzeRHGqAsCxHghU9PfTH1vjvOZak6rZjYdM8Vya5NdJqfM7sldXPFDCsdN8QkTx0
5kWJV5tLMwDNJsmwDEBVqp3D9gXb9dkoJ/UWrs3zWhcKuO6E4gl1qaeQLugE6TPw+UgcviR+
FwGUbjplcL9crR7RSHEbL3N4VrJjFiyycW+zZlqdi628Vk4UMUNRDI8Uvg+SRG4IIPLYnoH5
081GwTVXEaPPNP8AJKS92e4xLNS3K3t7sM6EAgq30PgjpedasDsejPqB6ady+I1NLZZM5p67
EMx9xlhhudKsPxFBUyE7L7sNUixK58kVRTySo6DYd+2u2Y6Q3fTqq06rZhX0t0qr/dKSMtxn
stDTH9oK6fQj/FU6gn8MhjYeemTSeJBxLE7bgfcnboLsMqTRiSM7gjcdV9BOp0HDa/43m+T4
GbXp3bsfnuhqYjHLk0Uk9LSrueU3w6be86gkrGWVS227ADfpWNT9AsVslBRZJ3Y5rkmpF4Zi
tuxW4yRmkqXH19i0R8aOFV/illSQgeN2+pBYe4Klz3Vms/uiFDQWy1QFVq8bsaNDarbG26qp
4hfiJN2T6r8zELFEST1w2eaPUXajp3YNGtFktq6qarzzW2xn4dT+wqKPitbdTEgMfKBZEjjB
JT3pF/E0blQt6/aE1k2nmlXpbdvAXH7VqNeILXeLtNKXmqYU2qKn3G8PJIYRLUSb/iJjHgMT
06GS6C0mmlgpNLdPMHltGNY5Rx2+yW6lbijwjYg7HZZZnaQyM5/dxbhmDy8FUOvwfPbh202G
ozXVO/UmMY5SlIai7XwOkc/liVp4D87vy+UIg+/Ji2/hX+8P/qMrrp1LJjvbDoPTXK8VUjw0
i5lPIJZWDcOfwkOxVR9SGffwARuQCKTS3erL62mrNbcNQ8TyjCcaq51MU9Xb7BToZUXcRAbp
IxWP3Q3B5iDt+ZJBZwrvV9QzJNMIcS7uMRwnWq2s/wAVVx1MFKHp5BO8alYaqFqdm2iJKKys
FJA/PoNZgWVdieYZ5BLpPgGO6V59JVe+cfuFLLZZKpy+z/5TUconUsPIpZFUgfMR0z1HjORa
0XvR3PNZdN8bzKHRmtuF1s9msd4npaC4XJ1SCCqqIpqV2Jp4w4jRZCjF+RJ4gMCg5LZMi0c7
9mteindWLPesur5YW0f01vVdS2OhmneVhXXF45Y1jdGlJ9qONfkiBJO5Aff0wNW7BrdWaiYD
qdDUZNa8hvde+P5LkSs813saycab5pJHJgcxSSRpuNlkj35N56AsatdgOSWyxZrV9uueRvdM
ux+bGhS6gPNXxWygkUg01FVgmWkiBJcR8ZELhSw+VSuv7wtbpNT9NabsdsVFl2G6m6nyR2Gg
pIjJDU0NICr1lygr4SY2igpopW9xH5c2jUqrOAQOvZ5qPfdWu1/AtRMpQpdLrZKWWtDAjecI
EkIB+xdWI/Xom9BOp0FupVmTdNt/5nboTZ9pvj9lF61MzGeSqrXg4moRVcovkRQRqw2WIMQS
Po7Hd9wNugVvEsCmuuTIbhd/YVZXqK6Q8uRJHzuXPkswbcv+PiT9OZJDunljvOed4mqfcTmF
J7tPHUrguIUVOnBqSgod4ZIYY/4Vao+JdiCfnI35ERqS+i9LoxXZXr3p7rfT3SKe+41k3vSS
RuYoKmGrWWCSKF+LMeEbR8dv/edSCwDBy0Xcn3yWjsw02oLf/ZeTKs9yeVqXFcBt8v8AiK6V
VBkmlk2/d0sakPLLt4HhQWZV6I84+6DUnuQ1AnTM9TMmmvOfV1LI9PDbIiXtoklWnjpqOLys
AknliiRl3dj535Enpoe2T0IrRaMcpco7hb/R3LKpBTmpiihUR06RDYUqt5JiVhyHndvbUsSW
AjAi5b6OeL3SsqFsWbfsul4ikpbaHYRzxpGpDnb8Lu8Y3VPCJy23J3HD6tel/qzi9VLa9MBF
dbQKR4qalSQ0zOxeQqkr/TigcED5N99uS7F3BYe5rtN1CutOto1w7fblVUVNy/wl/wAZeqhV
v3ZQ+6kbxKheSRVWIoBwdmJBAcHZL2m4rhUdtxrDtGshnrruj0htdmrLxNRwCQMVmljhcoPq
ojgReW8XkD6dAdOyz0btcMzziHMdeNJ58MxO1QS0NBp7bJ4qWsukTALJPVyRb+x7yqFdmKyF
Xffl4RvQ299rNRgtvp8pobVRwXGGojSFLXH8PDTxcZQRHGB8kYMyRooG4SKPfY79AecA1ToK
+3RUmQ1nCpLcBKyni/kAbn6A7nbzsDt/Pq1rNoxZtZcQNplvFTbLlSsKi05BQEGps9YocR1U
O/jmvNgfsyM6HcN0HAdnue23S3TLH+2jVGupLNkuI0EFqigrmFOLtDCojSqgZtlmV+O5MZJB
bZgrbjo/QzB/ABG3136Cvcfn1N1/PoIQG8EdBzu5ydLNi1JZfdO9wnA4KhYniNxuB9fmZdl/
jbiPpv0A47U8Atdyyh73eC06UzlAjETrPMhPJfc22aNP9XkPLybcKqbh3+z0WnNuv2H1Te1V
0GQ30V0iSEc46m51c6cR9BJMlUu+30jLn6sejXNYuurlm7eKC301FhtNk2fZPPNFj1hqS8VL
RiGE+9W1LKC0VHTK6qxQcmklSJNiQRzvZPpXlPcfqbrLr7qDqXVZ3mUN9ocOhvJpo6aC0UcV
rirZ6ehgTcU8Bqa1zx3Z2KRl3dgT0Ss7WPQu66c6o2fVC726RhYrhar5Uxr/AA0tvuCOQPvv
zaSQj7+wn18dPHrpqVFp9gEt0s1QfjKs/D0QpgGaR2HylTsQPB3BII8g+R0Ql/c73Tenb2M5
HbLP3va5XGrzaoCyXCS1U9RcHtQl2kCs67vEh33A3MrA8tghA6L3at3D9rOuNifUrsi1eo8m
oYyRV2ukZopVUKNhJSyKsqncgjZQf16A8YXrrpblFDHNQ5jQtMABJHHJt7bDdSGH8PkEbE7+
Pv1ubpqNhVpheqrMlh4ICzFZSQoH3O3238fzJAHQZdpyHG6+gaspaiNYT8zcvl4/c8h9j9z1
kTQ2260fxUcaOrr4bb7fbb7/AJdAqPdnYL9YK6ps+HVlQJp3RYkRjyZtlIjBH0B8bnY/iCj5
mG+Vj3qVdpeg0kOg3cv3c4VHndrBiuNFQVDTJbpBx3hqJEUpHMvL5kJ5AbEjbc9AWr/lmlme
R0GNVdJZ8qtVyijqqZ6hYq2kqY334yI55I5IV23U+Av1HJetFpJdK7RnX+t7e5L1X1WO5Dbp
cixmS5VbVJoxFMsdZRJK+7GNPfgljQklFkdVPFRxA7btsPmP06m7f6z0Fzpee9i31D19iraI
uJ2WWKAxsQVlJXZx9t1Uvsdjw5l/BVegzO1+GRENTSRGloVUQCFflCqu/FeP18eP5/Qfbzyv
d/ZMKxPMrRd6muoqWuyat401C7qJLjUxxIBxUj5iAkZIG5IX+fReZD9SqjUTWPvFyHTDTa9Q

R3L9jU1kr8ipqtKiOz0EcqSzQwuFYe9PUTbl9uXGJfG7Kymnsl0+ruxTUe45PglPdL5YMmp4
GyWzxo0tXIY0kEdbAhLSzzoUmV1d2eSIBU3eKONxxNZ3O5zglz0Mm1UxOGC+LcLeTRXK3hah
XjKl42CswV1LlTsxA3+vnx0meId/Vrx7HMS027hrNV2i3UFxjix7KqySIU80KtutNJIjEJIq
IFHM7lFjcE7MOiMHL/Tw0I7pPUzuHcZX1dkyXGcvWGpuFBUyla6yXOnpoIvcj5M0UsM0UfJT
GPkmY8w20fHptZvRot2iWb/3w9nV/vWM1FtpUmpGs0pjqYJ1k+YkndGUoRurLs3kMCNtgwaf
vP1R09sn7B7tOzJMmV53STNNNqyO1VtdKhMjyNRSMitK/tb7xyksCPCq6g38Z7zuzjJK002N
Uuu61lvR5f2ZJj0VSRIrnido5GMhXj7ShGO7NuCT5AFXDe8THZWqLXBolqVdVjmHtfG09Jaq
dVBPFPb5s2zHzuRudxuNwet9mHqx6S6CYe2X616J55YbHQLDHUXaligua0ys/ASSJE/MIGYB
mCnYtv8AQEgCrRZbov3XWqDP9Ic8obvJYKpRV0sBdJ6aRCr+xUQMolgkGwPGRVb8J/Lrxvu3
oxaodn/fAcyo9HNTtQtL7peq65nMNO0hq7zbUmkaSnppY2PvptKR70qIS6sWBG7AB6c4fp1N
2yLhuqd2jqKax3icWG+U94hFPJbJqmQJR1wUKFjLyrFFUIAEcypLsGVyxP1xoam16qaGZHTw
lJ48ont8pPhhFNbKsMv6Fok8fy+/QHVPwL5+w6+9BWSB0ufe3qPi2LZLh2M3+G5Tvc6iZVit
lrqK8wgICZHWBGdQVUrvx8/QHfx0HI6Vdz1lu+e2bRfRXTzJL3c7o8ktZcLrQz2qhssMcMUk
kjtOiSyshqIFMcce3OdV5jY7JJ3wWnL+6/vNzbIcru897tGklsekw6gid6WB62GaN66oaNG2
dZJEaJeW49umfb679AYsJosay3USHuAwDH2tsWd1tS8cEUKx/CKpWOKleMABGQ0Cpx28FfBI
PlwtGtG7S1QMyvVDI3NmenDMV3DssmzAfVQwDD7AgMPO56LsWj1BLnen0sv+QdldNJcqaW60
sV4qayFlxeKpqKuOFpYpkIlaYSujyJTJLEzL8/BmZiuWjvpia9d510j0b147kKS24vYrR+06
ijxHGYwj1TTexTFnqJZGbxDVHxx2CAgfOD0R0eW/9P13r6PfEXTs49RES+4m0dozu2uqQbL8
qpKpnQBWLMo9rwzeSwGxzdPfSo9c21Y/BYrn6kuJ2iBKlJy1B8dW1EfAsyBXeFY9wzEk+3ux
Y8t+KbB2es/ZZ6y2EVEOQ6TdymN5pBDGwlttZvFWyO5T3JVFRxhZyA+wDRgLsg2HQ0wzVb1K
MArYLPqt8FQUlKZ/jqeoFNj9fTlgEAVvZYlDwj8KzI4AAfxuAZ3RPuhlw3BbZS6iaTW2tnWJ
4p6hrva5KkyIvFyGjk3cEFh9OXzD6b9BLvq1o0t120uv+jl6slXhyZbb/wBnz5PdLVLWWmih
kdI5pHp4PncLCzAceKg77ugLElwGdv7TdSsXvuVd2ulHcte7lepaSoyB9UrdWRRVVavsmSOE
08De1HCVp40SBg6iN41JO2/XbH1N+9ulyS6WzB9ZcIu+E2pIlOoOW45HSGrm9mNqoU8yVEVP
PDBKzxfErEI3ZG48gpfoirG+0fvc9UuW16k513UZfjmAQAPS34L8Gco3b8VFbVVIoaLZTtUy
oZJgwMY2CyFvNOMjyXW/INEbNmkvuX7E3u12yIyyFi1bb0e0k7qoUh6moeRfA8J0DQjwAAep
ufz6CVP0G38uh3p7El0zzLtTK+fknuJbadwfEdPApdtv1dyx/QdAOezSzVGZZpnOv15Mjvcr
gLZQvKpDLBGxqJSD+TSzhf0p1/LpQtEtFL+NUqusvQkk+Lq7zY6n3xuokglEHJj5/ieXffzu
T0Bt7B9KrXYtTs/0jzK3StDR1dJkdtglXYxNMgWZVH1BSWCInbwSzfmeitaJrP3tzT1GO5ND
Po3baqWjVrFORHmVTBK0U6GVdv8ALopY2jKof8RIjgn2l2lAt5vpPh+eaXXHSq5UJprTcaFr
eYaD9waaMrsvtbDZCh2ZdtuJUEdCDtrsWX6WauXjCtR8ZqKWur7Nb4aa+wxc6C8mkNSssiSA
fu5GEySmFwrDk3HmqFugYWOWBtoi3z8QSn8QH5kf7dVFYt9irH9Af/HQQrARwI8f7+f+3Vqe
ht9ZF7FVSiRP9Eq7j+hG3QWobDYqV/iKW0wRSbcfchhCPt+oAPXH9wGnml+daZXRdUMYjuVB
bqWWs9yVmjmpjGhfnHOvzwuOPhlIP6/ToPKm/em/mGV57bcB0HujtVXqkjfI79ebY9H79ZKi
F6SMUElOJooize9LVrJxFMUAd/HTfaT+i5252q42fJe4a9XTU25WiSOpShvymO0+9H+BzRku
ZAreVSV3UbD5fHQOXFb6Sng+WMKD5PnwP/AHQq7ZtK57BeMo1Nu6KtRf7hOaOLYfuaU1M0+4
/IyyzySH+XDoC97afdtup7cf+voMPJqmakstTPTkCQRngT/qPgf9yOuKsVtktuhNSEHtyT0N
VUFt/O7iRgf6Ef0HQZOhWLrimmcNlSmSBlmqZHVf9TTyH/68eh72x4PjsuXao1tRb1mehzq5
JCzpvsJo6WpcAH67ySn/AHXoBj3j6X4f3k36q0m0Gut/myiFhbr9kVhuho7NaKbcGSlr5UU/
FFiqMaGM82KL7jQqzMzKdvuiOH9uukGO6LYFHIlqxyiWkgMoUPJt5aRgoChncsxCgAFiAAAO
g7KQDc+PH69IV6p3bR3U61912j2Z9sWAZVEmO2m+Je88s99WlS0JJEnsimomqY0qLiQtQlOZ
ojCklSjyOBHsJqzyWWTiT3Vj04e9PMe2bS6gw7tX13x3U/HsH/YcV6ocztldGty+MqahjcS9
zhnh3qHjljqopqsLFJIBTIyhSd7z6c+a9xHfrn9ZqzoDq9hdsuWP2aS16r2zN5ZLRTX+lkkk
r6qGkW5h2iqENLEgkplU+w7MkfLd+s1aZfXNc8fDJ6RTh/ZJ3w5drtVWfL8d1MxTJr1c8kp8
612kz1a3H8nsVZT1sVBTW60CoLRTQ+/RNGvw1N8OaNv3svL5uB0J9Nzu3x7HdZMh0O0u1x0v
yyC3z2rGIs2zqKaPKLbOtrWSOOoW41vwNd/gbiY5vbAQ3JWD/uwqcdO298vxj67/ACdLc6sz
z76e7D7hexnvEzTt4yLEdDu0zXHEsQuGaY5W4zp1XZ3T3e/Y2kAn/blezyXdYzTVMTRxJRvX
SBpVaXaDnuuqsvYb6m9fh2kuIUWlOo9smxVMyppcxvGUQi42y01JWShVrelzmpnuZ5VkNNE8
k1PEtRTu8o4FVWbXfvEntv8AyXVnGJ3v19nF3/05u8vU3taw+y2z089XrBlemumFVZY6+TUS
KCpyK/1dbRSrUxJFcxx9h2uruZ2AZJl2UkIi+3OnNHTW/A7JQUmPVdoigt8EcdquMvuz0SiN
QIZH5uGdAOLHm25BPJvqemrVpsuNs236sSYknP8AE/Le8BLGVO2xG3Xyko4qRBDAiqijYKo2
AG306y0u7D/h6mw/4egsXKlFZTNTsnIMNtv+f88dWKa10tFZktghAjji9rifuAu3/wCdANLh
rfh+mdvyFMvuMqVVHeZKens1KjT19xaUK8EdPTr88rPz2UKNtwxJUKxAysHaVrzqzcK676t6
p1+HYVkV1lvdbpZisgWsqnl47wV15jcO8TBF5w0yovkxmWVRyIMXg+B4ngGNUmIYditBaLXQ
L7dNbrdAkMECb77IiAKo3+uw8/U7nz1u+C/l0E4Jvvx6oanh+vtr/v0C++pz2xZL3U9meXab
6fXO50eVUUS3mwNarrVW5qiupT7sdNJLTyRv7U4DwOOX4ZuQ2ZVYeeestNact7GNdu/nOL1q
3pbc9eJp7fhmndba63IHnpKShMcdBV2mpp6yGBa+qppZJG9qLZBCBInJ+Wbw1ek+vL2a0yeL
Tvz9pvkXu+XVSg7h+3Hto7rtL+5PVHC8Ow/NYY8lv+FYjK1Ra2Nqq6dqx6Cqt0s5Mc7LAu0D
RbVbEq2yOmo7lu9Hu7sWQR1WnGs+s1hWHDrXW6XWFtLGrpNXLsfdFTFeSaPejZnjhQxI1EY4
6j3wSCFXpf8AO4336bMaZnRpzf8AXrv/AE6m4T+ppL3oQ9nMvchqbb6TIMgpM7izumstpnoL
Piq0My11l+INF7bVC3L2YULAytFJHJueL8r/AGEVGQ6I+oTrLo3qZ3Ha2Xa95Fn1zulFgVdi
cclgqbfPQ0jw3ea5Q29VjUGMwKBVKu6Rq0ZdmY40+GatucvtdM6Wll8O/LF/vN9syPRKGnhY
EmNd/v46vLBEv0QdVVQAH06+9BOp0E6plUGMr9Og1VTiePT3iG+VFpp5K+BWjir5IlM8St+I

LJtyUH7gHY9bSGMRoE3J4jbc9BX1OgnXw/ToKZlDAg/fq0sSnce4/wD8juf9+kFJiBXzI/jz
vzO/9evgiHAnm389ifP69QVGFfpzbYfbf9Ovipybcu36b+P6dD0XY0Crtuf69XB9OqPvU6Cd ToP/2Q==
iVBORw0KGgoAAAANSUhEUgAAA/wAAAYXCAAAAADwcS7BAALgoUlEQVR42ux9B1Bc1733MuzA
IEbFltzixI7j5Iud5iTvJc9pduKXl16cnuc8x3Esy7J6F0gC1CVUBvXeuwYJ9cZIQkiABgkh
kGZB1Fn6Dixb5m6de+853z3nlr197y4LLNKel2ctu/eeW3/n339/E0yMxEiMJ3KYErcgMRIj
Af7ESIzESIA/MRIjMRLgT4zESIwE+BMjMRIjAf7ESIzESIA/MRIjMRLgT4zESIwE+BMjMRJj
yIAfKH+1ZOb1CH/4vepT+K0BCAEN61qh18V/V1gl2cZ7yQphoDvgQpt6A/rnRJPA2MkD2HnC
DaH9XiDspv5Oqr9vJU3HekbK6I1IjHgYgAZA9MBowKNK9DUA7B/MtgrAcT+h7wE70Afht9BE
+EA0jf8f0jTNbyN6A9lvFa8PJTmqTPL7/ZI/743/Z4HwR09xN/+RdJCyWT37H2zYCC0bOPRb
p4y3iX92TJ0Z2iNAhgO/4fvdW+yW/N3j05ozGHMcNVv6G/yxnzEx+hf+PDoB4DFMA2HwmKbZ
TVT3l4IfCF+KgY2XFQbdNBK56Hv+N4qSLUOKg9BAR+23tqJjUy0E+2ftqmIfFI7aVsPvCvzy
15KsbPX1Qn9rkPvz2twSye9Fi/za9yxIytdKYdoI5XX+hf56rpRbviT1tCfe9sTQAj8v30UD
f4Heb5EioD6LSPRDtH4IEwsbABoPAFjwAyhZULjVANDyo4AwNj9NQbj/EAu6IIdlT4DfNdBp
QCyjQ7i7pPjW08xtTjH4RasT8CqOZq3QO7JLpG+QrvDC3ukw/GCryxI6eGKEB78A3dAXYjEu
BmXog+pUIijIRbig9nNLgIaABwpY6oCf5LDmbJKAjrrXyn8kakg/+xvp0Tpz0uKM7J4Fjev5
sLvJ6JakG4Rdo3rthg9s33wn8XYnRjjwC3IbCkq7CPsyGGqCn92BlfkaG4jAr+J80Fg0NMHP
zFG4X92p5/aH5oUVrLprWXS6R/0QVIefVdflSjsIaq909o4IbzS7UAFXMOpH1euJaPPaxsTb
nRhhwA9Djjxabstj0Euhymn2avoD4NcNVanFSXy00FBAiUJgyGskAn8PAR9e9nL7EV5tmPog
9bANNkz+32vauLp41aki0e8dbuOhS8CuwhuCe66hfOea6gc2XVNIboTjlYVu80T9qLzBxOua
GLEGfxirgBY54jjhLvXm8Z4C9mcRqoFEq2c24lxkPPhD4l60rVHwE9jL52at4NZONbTwCoB/
1REIz+wWedrpHi/nL2A3WPjvTYTY0dCFJ2/Mq+S+CDhh/oRZD7idHyybm5G9ZsFWV+RmAJXw
iCdGfAwahJFboiCAJO4nF9BSaQ9oAJRuO8EjIIBfY3fjST6Aj+aTJBdwE5+XP8CdgWfbTVnY
4M6skxB2XTnewP19ZvouiTP86BV2BpGwLfx0djX7qTgjY152zoKs2XsJcciisrKfYvMJz11i
9IvYD/ONEKwXOQONTSzdjubyBFinIOcm5zz/ctshAvB7CeGjtdir9EnQGLxU8V6XDEzlnyyj
4OZP5yy9zmoHVEWPZOKWZqXRfqciiHQCDzw8MWfpwmWrV+VMLxVvcGV+gbdfHlPZxqoo9rLX
BxJveGJEsApgQU/LYCzK29FfP8T5ALTEj8BCHnv8ccwP/cj5/UM700D8txHwkwjcRDfax16j
YhIDLIvvfJJtlf9iqYLWObm543OdIQvBSJIKuNUMj4xbu2Hx8tUrM2cVi38iMv9R1S9Pp2H+
JEfke52cUZt4sRMjQvBLpLHEE6+igYp/DEULROgXOQtY8OMcPyCYB6JkP6DwJBjK7S9a7NO/
urqsAjWr3L5sydKpR1nd4W6VUdvdQ8JNY1fkLlq8esnGdfvFwrUjZ527fx6P7QoR+U73D7Ul
XuyBGRQ5dJEvz9aRQVtsv0uz8ICq5RBy24tThGnOe8i7/LnpQ6Ief08rTgZogd/l5M7r3gkS
+iv5JJ2jh0LPhOB2diuUgu7bPgiLJ2TcbjnWHYoWsJuTtTbd+1WVW39w9tJVK9ec3pEjjrsT
nQFjEcGmliHzblw96U5gO+wgXUPVjStXdoGqUs856aR2uWq+Lx1K0qNDGEeagJDdLxLpoY+A
VlH6gSz2LgJ/1gYs8CmMuI5bvGxcvZ/foHdvoaaFQjqZecms8TZYrEC6/yo2+Hu1VG1rMwys
W7xh6ZrcmUvCpQc11ah8eeXSoCTPu5wR79Iz9cNTCWw/djEcGmjAQpJgyyrrIc+fkMsjlfH8
n2iFEINf6vMTlQ3QatoCUDP4ZbdVBP57D0XKFkmL1HIIuxFw6846BL+A+lrVuWHhJULLzDi5
EUBYWKiqKxFr5ixfOn/Cp6fksXtD7lBSzy9I9vRXOP/Y1oh38exbfiMBbSOPlB5qmX0KUS62
+Gkg3VDpkgeSTQTvgJZaENL5tU0FGKN6/vJjzb38+7tzb4OmSeY+cZ+rHFSC39UGICw6r3Zq
N6YtnPfp+Ll5pWzWXhvBX4N91cO+PpiySSf76ZG33I/ipU5EDB7DYmZR4S0AstRaqQc/FJzD
4JCDFy0WCjQDFRkO+BQ/oO3RV58HRE7mUTjtLu/32lCy7EGYexEIE6CvlXnxbcXWmuuFNaRC
l+qddyZUqBj5qN9UCzuWH5Tfg0HJHCi9lMD00AvVG3nsIQQDlTR+NeCGkCjZNVTQpx3ox269
UB6gAH6FP0+p97OehsjAjxdhjzXI6S6Naw8vKQ23DyGOF5A+SZERDeHuWUYD+PfuwspHUT9M
64KbEHpcsuvx9YPRd6UgnEgvK0yA6zEbfOWsDvg1E21oWbkttyENFLaBVGIBoZSHt/h5o19P
CVAPP4QHP20PSsXboX+ut1RWaIpj0GyDsE3s9aN9tMycs1zyR+Ak6xWJ8jIqonVZjQ+gPyQ/
LF+lU/ZTV+KMrU8pMeJCL6C56nygavOLIvJQ1TYXdHy+DFhFxZcweoR2BKF1gBZK4elYcPhx
Vfzdt7DIBCLfiwcZ4+0322B9labZ711/o/84aK7kGreZ9WoIYz86tUN43csn7PYmWH0eG/BL
3fkSrg7xRyEHH9BQUM8lPF8y8MsNSDZBUIfyR1gxZFODPoC/fCNWjFuP2eS/nDqrNoeUqIO4
7xJSAcUVQzEZzgjYc5QVD4M03Ps+mmtLYOexEfy0OvhDlbhSKh5JZp+Iig+EvHvqefj8NILx
LsreBTpOJ1p8okCuP9L64K/99zEIe9soCNyyetmH9Wp3JaASS6u6J9IFPE/4a+MqrEwo7XGZ
g9c3w0uQ7lLohyCuYWGGKL0kybrCqckq80XsXLJyPxFphzhrmFtQsEkAJBEDIKH+ULX5T61q
hr2tNATNOKHV161modO9cg28I+8Ub1NTlY0GbiPnCawrjMbTOvCj/UJnojRw0DzrMZsNRLce
6NThSLi7JOAHOqcg8HRxybohYNAa+f9K8NPC4kHLlH4gFPqAyMAPPRabiC3nwifFKtvcXSRP
dX8w/5ix5/CAC5DfOojXj7Mfob8DRLzD6ca/jyds8HgEP+gnL24UYX7F9zQtcQTKK/dFKweE
Iq4P4ZJ063KBKC1IrpgIpT1CaJD9Miz4pRTelYurIfSWYFnuEHLrr0ziM+p7uepdMkRwW3mL
XUTaVJ9JHZcn8PAGNhhKZ5aJA4KwX5IuBQeFI+qEv7qM/f0cM0iMaLE3qHqjVikey9QjYfFT
sx1E1oLgJQi5A/TrckNag6xrAJcEKEruAUJhQCRJPpjWo3nGDqz63gNc6qXPxkPd3S1MSAfY
4++diFSH7uWLw/LeEYcfQAclJAVqjrYtkcbJW/cIjkayWfjYefh+1A/Z6UpwiCSGASVALdKv
KcJl7TkUCcO0LlmYeMGg5QEDZeRfspQYbtd1d/FtlLkDaPjgNKn6WpM3W2BlPvvb/Wwk3Gun
TM7rDhO08hZi16BrT73+8Q98Mr88sufQcUVQX3pyBcTTbYPleE/oCkPbrWBoMZeCnwZQmsyn
SN0L5fTIwa+Vp6fQNUJFAYJdD9TYe4G8q48xyU9QEDps0E/CIIOnfRkaiTabdsLuGm5urFw3
zFs4/YRweD8BYOsVl4q1DAD0HnnEqhMac8N9497PQ3PShH6tt2qbD9LmHcJu5sQY1NwITa+d
GiyFQwJRXQ/r2eP5eNXBDwCIIpcLSGoBhExftQsHXElfhOAnW/3824tYFjrKSEWXD3a7ellU
oHn6koWr7Xxy/qMiCjatbghTn8dfie8uKu33eOH5Ktzgizi9Hdf4EDfdkRj6HRUJit7EiK0+
IHfraagAKgIdSES6bAWQgl+pJdCqBzd8McbA77hHw2oRTVcV36yiNVdoW+HvDQlYYpcWhXdw

4/T52W3wwRm8KASR1dCNjW/L5lYdgYgvs2764i6cH5R3CTq2rRMoAClPRMt582Xf0H5VSTIB
1yhgHAMtC+jF6JStNzV2o4EGYgGtVwEgdNsLteEEatqMtiNB49w1bP7NdbC5CEn2g154cXUQ
2mqwjO2YuJLDT1cOKkwLoL+I1tA7SV+7rvWCNmXO3NAGey1y6bvrzXydRDz8vrcvnrCqDq8Z
Adg1+2fHDD+zgJOKQQfQeBkVS3cn0D8oKc+qCaI0F4ILX0OjrODT8P4AaWMukQuf5qL1igo/
Awug1vlp2fxz1tNtyyu5JeJSCbw0bj0BQdu5Szi1xd5Cs3m811aWh6NcCN22kmln1M6iaWN4
l/vlqdPO8Z/vbm+S0hHpPPUgQT8+LjdwZeURKoHyQXPRxMxlKEr9UbUPZGx/ojohxQonTeZj
J9XgAlVRKDTAf7uAgJ18BZ2twGY5uPA87DzOOcedHexe5IZ/LhZeR/F7WXyTn5ayCu41st7O
5vl7vbIbS4WzxX1bplZo6FK+asMt9gA5xLFD+GHwjicBxaEdLwC8yiDGoywECJQEIKp5/WL8
coy9tNznxzJ6A2UfP61QX6gWBwDot/qhJ2+BDRJyZaLwg4NqylfF5Cm8RuBzSA/Zva8JdtpU
pLBXt7DXVtilGX4gI7rrGipCd3AQ4kPRmP21vgQMB5efy5ANouuCAHzeHlCpwQEaXP6irF3R
e4wBJ8F7yE3Iw50WCP5AdHF+7+pxUsoe+kI1hM5b3WqOkQeZ8/iKO78Mmu6TFvUDdKuUuROo
XQDwkWEpHUFfRXrARibC8YkRy+7c4ewIIAnqAzkdvy4HCIDydGYAlW0+5bQiCuEHwnL4cUg7
d5aSAuLMVe1Lu1EYsfKkxtFamlPtV3Mm0FKiYAi9u/KpoRSOpxJh/idcSwAynz3X0FeUlytO
7VHp3qNQGYBWAxBMA8B7DEBkBJ5c0wRajF7HtU6uWxf2mwN1/6JRsUlpResLP5m5SwJqwiqb
s+0CNoHJ7TPbh9CrQRQ5EvjQMGuCQ17jMth2T1p5B8RApaFeAw8gYFir15dac0+2YZdKG6BI
03th94ptovBekJ+ku14MVU8n/wg7r5KiJYekofNhyMRuO3ZFy4dly5soZQxxVMsEvLuF/cJZ
5+/7U3M0DVAkjahIeO20nC+BIZ/QECn4+Qi+oAxwJTiqsTkgIt8DKsXCQE4zJHALsB4AcSfg
KMEPu8rUGHkab4kfWsDNT95bTgKh4D+4uwxac4WCQHLH2Awb7GpXlYVeO6lQ+Hts/eXKdTYk
uLTh4x+0719DD9AAgAgSc1WS/cUKPI7w0you6xBTr4T6QxxE4JIQOCIRCWeY8gRN0VeohDdi
hQvw7L4Pg42haN+BaQt2nlyx/ECXwRt2PVfckCvgAkOh7iMxhorY7is5KleUG/EBRegXh+/w
QgLUunxJ9xPCeiGqP3YLHvwgAvCrW10yx7vbhd2MzMw+rH2Du6EGWi5VQ572UDAgPfDFSVnz
P541Z/ZegxK9K0PceKN9xUXhc02RM/H2JsYgu3hBhHQiYvovVX+djvtQqASQJvtwLjcxmyAd
7hzF4KcD7G/24mbR+XRhZd/jIj0Y7HumtoYcELZGCI6GTPS1a1XB71V45X1b9ziOZmXNu230
bhVfEi1B9IULwufNf7qaeHkTY7CXAMFlF1FoQK1fT/ikfVGrX0ALkp8WyXyNHn56XXr5n6hN
f81wCoE47kufmyQwhhsKRWH+I8sh9AcgZWXTccoroPEel8XTMpb09LkWvrPENlRIfGGisudx
Vf5BZDa/Vs2fZDFQSwaS0XyLzH6aljGJAgOLkYrNT6yePvZGmKUQANDQhih+8V8ln2q0wyNt
2km8lVmLsrKKwr351BNfRn+vOAHMgfHX9w39ETmUhO69AMjafoWt0xFJflrO4yshEqfDpiCK
wC+04iyfPWtWu2w/0dGtTugJAFAXqsq9v+CaevptywLcoK77ipozoDBr0axMi+49pTvcT0wb
WNKtfkauBOX/QAXrBrAoQIXwRw/8GsRfobIfGsoFv1LyKzL9ReBfvg1n5gLoc1Yub5ExBIl2
qXeShajcH3S4pDl3/KACCPy0h4RN0zaj43ke8cnpLlFkbe+03JxPcpqcghlB9cpjiSAg0XnJ
DrLPUp+0s2dwZk2MYnzeBn9M5nFXEAkIxnrQcd0PTZHJD7SS/MOCH6qCH+hX/4rAX3gDQh/X
jhPomkF0J47aEU71O8cx9wQpSB/fKnmjrRumhxg9HyyZvv7i8axZi69wtkHngj36N6tr1b1I
xancbABn5+3BJYEV+2ME/sYplti8CcgvKqiDZKLCYICTB0DsBLwK56aqixAoKT3EZoAq5kXt
uVSiBEC0ANDS3IFwNr/G9d+9I72ZQQxoOqBLoMH6qTzSwrz8TedESmzRwW4I9s6Ym8195z1+
Uf9WByq5PCHSS0f58P0bJ828GlMdjjxYGruXleQCLgnwxwj8VFxUAmt57qXcGmG0flEfQEX2
j4rkl+cT6oPf3xGEsLlVea5rZ/ZKSnH82BAvWlIl9ajTvSQI9eMNMf+LCAadfrEi5kfLh+34
yXpZSQE3HPVBrbvm6Y4aGyVz/nUq0n0Iux76fd5+cDkn8o/iI3+nH5magfIxA51IojIjUIW5
U9QmUF7up3IEEfhrLjLgr7Lw8ARCZe61nRx3BiXqtd274J+XpIo+6Gi7qBLru32oXadFOIQP
5ZSetdWcf6BRE/x9KAIhK081RbpPUNRMKBF5G0pDafYNzGpgwG+nwD5Ny2j+FYUAYqtAlZxf
3DJQXhioL/m7LBQW7SDogyiDTwA/6VWU8zBf3rkSMudJlx3Z7c5bSvoNate6HvkiJikJlFf/
k2snEcoFS+A0qG5XLwXWGZQthg5zv1E5TyXot+LB5gcx8Ov1y3qhSLhTAX9I0NMiem8g6b4r
8ROEVH52tYi8RfedEwDI8nHlNFzy0bRHq7wWeGShfjpA45NyKpzkVjZ4eO8AoWa7cxlIC5e4
oNsf0ZLbnbcjUiBSQdBXp7CbjVIG/AkIxtVyAAYhSVAjiQBISbwkrD5AlYIv9F9xg95QNh7f
9ps7XpiLVQN/y32giJF0dKva5YJVrMY05VdNu+fkPqhUiONTp/VIULgzur7NoRejb29T7Nrd
ftcS6RMnPZHsQTV1qtgK7KJXV9UXF3R3sSuB16EDfi3005ocXwL4aUX3Ta7TBwhzHcLCQgOB
BkTqGdQ8P5NBASoosYINoG13uzn/mA/p+y33NAjoPNwqQgpCtqW17/5bl0JroC6UyK7NH2tN
z5W3ulvrN4etLwm7no0LOhKAjTOeJm1tOvI8IaAU/axeDziObu1IPZC5wEJGgQj+Et5eIGv+
pQ9+wdIOhuPFBVYs/HBq3+X1os0PLNZJ0vM76RCaY7Imo8p/moStoqYj9k7pxBU7Cx/G2GtX
PudkrC38zhPl6CRt+Qnwx5uOEFPmAcDTb9KhnDygKvLDZf+Gmv5wlN+0snAAaIHfoSizobg0
Xdu61Yigz9YuVfslJ1KJ1Fv64B4vhJZzohSAkr0yQet+GBLOLSdFEjPQGoMUt+tHSEj64aX5
B/fVqG9B7Jw+Y0pEHX/Bxe1HrPqb1JX6Y0wksO+jmeUwIZQH0TUfG/kOwtcD8M2zoaReB8ht
BW3wA0mNoDp1Z8geUAV/qDC/pStknvdYkPgpLmVAffUyUnHb9SKbDZfkNipN0LBGnAPXedYm
rFakk6T9tHour5zzL7Tcei3Nmre0F596y8G502YsUHM5kOdXTJ28clmGPYLnF1z477wdtQP8
lp8dNzEB/sfajaBs8yVl26OBFP2KBECgKOQTcXipNwDTBH8IegtyQ0Zn1vs1kgWPJmHv+W6y
2RvBM6ur075lPIlAmNG74rLwuWDijBL9rY9NXpadNe2C2k/nZ167sWjG5IhK5Q6PzV+7y2uk
v0aMChHRjS+vSmQUeL1DoOBZ3lMHRF1KJG/jRQP16hopjCSlfNx+6usRTWva/KG39viZkNTb
96f98tWNKCPc5YKEp64+MHClLfmcxtBb3q57m0i7KngCBwRNvTdn/4Y59fIN3FUiQW9fNnHp
inGqK0SQ2aw3f8GqSNR035aPZm8N7408h0/Raklk5sZq2FvCYBv4CCqW1T2xKOcFhrt3hUnm
5dJ0FG09FW1CFcIe6DGBqKf3qgfxbrRDtx1fkq+dVIvmNbZrJjDZfdCKpH7H0ewZs1ndvyzU
cBfa25XPpfxf4exxZ/bSBcsVxyyZsE1Ej9u0fnbeUZ3KHe+ClRWlPcYr7s6tzw9fXNyLfZ7t
hYZcF4nsfSOS3+oLl8QTDAt+Ol7vdBjfgYzaA8hD/ZyXj5YIfb2gADRC5uGS3yyPw0fCTjvd
o3D6e3toaVhbcmV0hw8Wry0KwqrJk5fMesiKcNHj9KkwcVZNPBzuphXmHlauN0XTZpeJ4Wqx
aggN1s7o2DFz0sZ64w/Kra+AcleFLjrQbEyp8Ca0+rCD7A6ETcigI7DJhxarE1Apy5Nm98kt

fKCSGqTjkVCCn1i6jFCjvuh2qC9Vng689tbXqIp/z77Z2bUQNudNWWUTxQ80IMT8CGyOcCEV
VTdB2+LpNYZuaeAWq3pYN310MmbPycYaBb5ggjs4lqO3IxjTbKzBAz8wYhMArZceSMFPq4Kf
9xii3n1imyIS8HsLy+WaFOnXOefee35IB4C7V2leI2nZsmsW8gn0Lp9epmyxGcrYKUS9wc8f
cCnhYTRH/uykfEPqHWjjPP29pbHLniMD8UkPNMRHZzMZ2yUUxHO7X2zX07ShHuE0rbD5uU7d
tBDjVy8QBRHy9reedWivoH4CQPUVlcAxvea12Ne/PUcRebMV7t7ERdDsH+xD9v4+m/Juhblt
Xt7SJ9Z+qgjGB30Q+hMtbofs8DhBPEUPddvwhiksBuo5QkCOfmn7PbHVL8m+E9z28gJ+1k3I
gx+IlQ5Fyq/JyMV5awmpuBbX5VXXsxO2SeUoXe9k1RNfF16916+XTVp7cvWCufvyWV3dfeZh
RI8h1CvQWs3fy+a5J2Rb+U4d98Gbx4Px/Yb7uhP1f/3WSyc+zkYSrtfszCWqzBOb+qHgPhCD
Xq06iK1j5NJ5RHRB4Qk8aUh0GlBbHeKmc/ZaqrMHmxlti6TuM+qONI/mzlGJ1Q7hhX/PXLHq
yKLd4o3sFoMN7TxH+JiAr5fm4yDNzfKt7lX54L2zcd6Qy18vCST4nlAqv8fZByIuz+WTcDWT
hGmpow+Kgv1y5h8j4Ke5dCGorO8Xh/qk3hM2wUIplG5Xiw2CpXz427bitG50lRa7y/3IFV+c
kZUzbeJ18bqSN2tzs6HllywolPgkdGJocf5SURSUFkrWb7A+keAn2wOPNTUwUAj16EjAgD5R
OJ/bS/P5/aEvFOQGJjXOC7xNVwekq88faYBEIZvtC3AirrcyACHNewBbDgrKvq0W6jL2SFYC
NBV5KDdn2nme/xcBoGn+1Clrwwg+ryeMPka2xUJ0KgMK/ZRLprhH/tK2JxL8tttaIVLaTT3R
/ODyZt0A6GzCd+kE4n/4sj5au10X4RZnGZI0LJ85/aON0La1Q9R2i/2xZf/+7Zf9EHZ2aTki
ZU1Cmfk65Q/X526o5Ot6XWjupnk5y2Y0aPX/4MgxAvqFvRTpiQVKC5a16oQ8uh2xeReoRHRA
GB2PNHUCG/mYYDlUeGcsLgj0qbtpVYYQLPVpcTo/zW0st/p1vf2VC+ZuXndPLT3y0cfvv7dA
DHxLqHanR730xz5nf1jrd+uMpTM0GPaItRKnQVALNt0RyH1/l+ZbVbrgjs6OhDdh5w6gbw8M
BUeFkZUglIsDjLwKOlm6auAHoRphFu9S8HN/auT2t0scT4h/6vJ7O/12CJq65A/D++BMvvhL
IiNL+OxxqQe8L4enzHbunHZIQ6bTTVYpFZDGCEYgJWxnuwegow+dcOY/pg5FOTV+9CU9UI3n
S3WNoIF6ca/kGxGfT8jk123aUbpOYmza7RD2nMhHJvYxJpVebAQrLzJ4ATXcpVo8uKmv90D2
phadi2+52qmltOMkIL8L6CZBxeox0kRM9UmyxdMvwerEiAXSI6fgiFyn78PMqsqA0j2I9fmw
4OcUfpG7T54vIAe/VTPV3VvtBtgjh6Zg83lu7QmKyPf5t785CLcXQOjb/H9zGrWVtdsZ/5pT
q6fPOdvBYCjKdFnfeu9QjdLiH2tF7IlfEiPWnXr0FPkBXKtU/fchdUDI6KM1tQyJTKTFTn+J
WmEsw0+IQIm6gQLoa8JfN94k2XkeNUr3sjYACFv2WGGbTXbegiJ9Y9KKOQtOW+Us6gDAxiIj
CTlAvf6Qu3oQ/YM/vbI3lo/U3pAQ+UPOBBiUpVopyUOyGqj2HQDQAPhDur+6siwBf23+A463
67IbwkcbO3l11huiyqeDDt6lduW4Xyr52eI2ioQN5RB6eKeYrUt2x6vnLl82ayaSsoFeUvJE
Hp31GXla+GSUMbL8sj62ZQg0e+Li3ayqSOBziLL7gqjWHaleDvSdfVrfyLt80OKAHwwD/qvH
8j6dVYhBXv2nfRDaS5y8IQ7J/F1Can5dBcn2qFr/1/0iNiEhFk76oc+n186qckZ2zuQ8hDPK
b3CddSlEMiDlDn/v6tVRP7OO854+9wKK3di9PQFCIzjtcQ2xfGQQiQcQxGKx4p194cC/bnr2
8pIb25A63pa1X9je2Ywi9qeEVD4YdJAQnjsNYeUK5OWDXfmt0Mfx7wAiGN5UcuVN3bg42xZJ
vzO2Ogeop/fzwxZ9apxlLGfuk+ESSgZCkycSzbrDO1hazq7cUveYgD86FUTwCugVHOlgXwx+
265xix2e3CqMYVLIz/XYEBwC3dJa3Ae1ELrZ9aBoQqGQGFwky02tV83csC3Jnb+Ke4Ylx2qB
Tpls0CkqcfT0WwKov6SX02BI/XvuMd75q9KSgGi/jI7CsweXfviv8bst/kGxz+m+egSN7acW
/IsmGKmdUSy2+Zs35+61ukgJF4+UIo0mVc6kIuu28F3BPonV7N40WxUBnXvzuBz+shnjc+7o
xMfdlqCU7KP/iq+Ct9vDb+Qzntt38FwCpzEdge6uml2zpv31zc+MNJl+eK2TGpTuulLrPKp3
zaBKL/U90tIs3mg8DDStV9LbWyWzopoOe8Q3hUQE2iSXtU9eacRn5G8i2670QugDkJblqzYv
WNioR34B4dbs87NO6N0A1DQw4I7EEq++HF0NL/mwK6YvkjtBJBDD0XD5wAdffm6M2cSOTNeg
ddcFfU7WlwYUaW03oEbPURDlYYGs4E4e6qORJhVypXWVkTjixzWuBMznhj35rOpLHb7Dz1Q/
9xiEl1sUNYDO/eGotSr33Vm+9FG4JZ+I5FKvHEyw4z1eA9gLJ7yRZAqN/zw7pCt1lGT9RvzM
giIANNt3GDkbWj/OT3dxctmDfOz3jpCSkzv4+9k+GOz0ibm+QU01hLV2hfJES42yh5Wh1QGw
H6nd02d+cDKmD8TrT7SQfIyGp2rd259PFyHfNCI7EC+ePEVTHaNWJwiXWgC0a3qBBvq1A/rQ
IIdfsNojpOP4UMZa99S7kg2Kt9y2wZ5jGp51vAtQ91SQKPuPH1QQs/N59+07d5BbNWihKAcE
qSeuA0w4V+OTOSrm/2YUC/mUZA773yyKHze+oimWrIOmId+Cak0Pren5o1XBD7Q7gRsDP4Cw
bsuMjcVI3UeM6e2It8M6rkyyh58KPnDRWpzKlkLp0cmg6KZ0ERICDmT4UwQN+esk77SGyeGL
sGA2IfmH9AhU5f3sKQ7xKUkprN7/1SNeOFRCe3QUnH+cGiBr3KUu+QX8Y56eyI0Qk8y9fvTD
2fOuUMVZs3NyimEXkvnnZtRAm9doCiRhM1rVolLboJT3gHwCe78lBh6FP+RkPUJ9Mmfyz/AP
obrkMDF4VQ8fTSuMd7UaHgkZp1A3GqEDwiTD9NGJC9rhgYlrFmdnZ7JtuHw2mmz2QN+Rm4Nw
My9sVO0FBsouxDErZ9CVKOLt62jN+w3n2E8ypyclcdD/XUV8L+5q1Xp0mIVCtA8N1D136ujX
Tfk1dJ+kNn8wf/wn0/ZfHD/v8IbcXTmra0QcnPTR/GhuhxdX50ZLgdWQ8Um2WvVvYNn/3oPh
6pEGazhWrqxP2O99Gt7VWN1PZlBvNqekP5WCof/69YiD8nHMD8BbpYqrkHBghSQ8oEXaBPpa
z0yUuAwAMAR+14oVt06dLju/KGPdiqU7Fn2wR2U5QX25XEGleyqoKoudNnQadpv83ChDQXDb
0vkz9qj9UJnXoLXP7W3Ng/vmUlvHZuVZEwiOetzP/qKJl/opw8zpaWak/6fnEDDm4I+HNRro
8nyL+1cAgb4XXbqKJyBE0Mt7BMR0n3oEnljUtuA0uqMzVuVuWL9g/kOhho7zw1EQ2mv80Ecq
jXFpZ50r+X4d8kuapPxk47X7eBf3PY1aOmcPPDF97jbV4IeP1orrnf4oj69BIt0RawEdB6/2
WXMInl103p9g9opy3PrbcM7QT0lJN5vMnKPvnfuDKb4Hrc8Xra7AK736vCOABrIeACKlIQyH
HwAQ9crryZ28aN2c8YiMG0l4K5eqQyEfP91tN5BHcHBmS7jVznZ8PqYOapqjIarb66Er9/1d
/J9ES5syxFCq6OnbszCH1zPI1oiT7G59NK68769UAMBAayLBL/JhP/rBSFbom5PTRqSbzUnY
3Wd6fmP/uFGMhsZAf4ZiRJNzrnRgPG+XVwWAXPaLhD13AJqWyX4R+LtEnbo7DyzMWXvFDyGF
GHzO57kf1YUOSYdTmx6UQ581vEfOYyHYf/zaS0T31uPChbRvP6h8W5Q81631IProWema2z0x
eaLBh70JLEc42pb8Bxb6ySbk4Uszm4axyT0ps+sGuyUQiJF6oZ6dAxW1/CDC2SWcfZp9foEm
+Hf28LkmNAkpW7tTKJw9m7tz9mkIAwoKZY1QuvVBDH0/Imqskn0RqeT2KAzvq7tgpz02pn+C
vSuyQez6GmfpJ5mSGZGfMoKx+ZEO8LvSIX1dkppavQpbrRUC0Aayd4Ec/WKFH6pnH4rAn7P+

TLkDUlYPpKTqdbCz8/qFJgiDSv50FT5NWr0BoS5OiH5hU7q3KXLN27KrrTeYAOLAj57Db2DY
JyUlMx5+U9LI5ORU7PH/w4W46v4XbaUgUKfl0qkYkCcKAt16HoXg12kJqAL++XPnTy6EALfm
sB2pVN+eVCJDSM3xHq9WOCpoygD4vVed0NEiWllI662uvvtzibrIDUVgSxBpDMYo+xEXyk9/
KjnZnJw0LJX9+0tHAkO9JSA+Ih2ZJq9KzauLfjH4ATB2oSLwr6zsXXgMQgJZ4G3Zc289QFpz
MDQFZXkEofUq/sJS7hcQLghp26YSxT2mjES8yXoCFs+6GzIlbkzPsyWS9J6cUf6XdJM5DUt+
89OpSea0lKdwis/LK7vh49SoS1OYSTRoAEA4nV5f6ze6zojA30jDu40Q1vZAEsK2G6czCnD5
TWj+PStc0H8atd6g921wKeMfJKq9h8bT8msaRJfeerGJ/UCUe+HNsdNrEpAQbnzB/cf6+m5N
+QyD+5Sk5DRzWjrzf+akVJzVkzrp0eNDFcyCn9Jh5QQxBD8wVPivLOkN0BTmzqA7eiGsFJPb
OFD0qnMH+sphV/Got95g9ms/LveX+bUU6dv3ZT1tbMhB7qvxQ7og25IolhHsqoyTjzH0LR+k
YS/fMEblH5bKqPtJbB6/+a3Lj8naTeuz8CkiiUAX2kYcfmLw09plxib9BNkapcM84NciB2hA
JkHhDLGmBryQ2LfVrvR+iJpuiox0Idsn6IoJakHwcQA/sDoeW+i3LHiG9fCnjExKTh2ZYuKx
/9pe8rFvEoDBwOXrapD5aHjzwkp+IAW/uklhMnCWBrLlW67xjvVHVyWI9kNizfsb2gXyLhb8
nPbj7Xfn2iCH2zAJmUbL70SGHzNOv8BV7JrN5rTnRjKRfbZ6/6VtzifBnqMNhsS0oQ+AnuIf
+qDKPCSR/NdvqTakDxN2Q6Rf9YdwOB604WfWxpPhEWhJqNl0nYQNJwIQBrwgJiq5krUbxGdQ
PQT+vfsTVf1Ku+/PySaUt5/0wpi01BFj0pNwgo/J9Jk1RKJRqKroV9gFkhQC9Vi/Nu2YBPwP
J1+AMNBCifviyFD16JScOfHRQdEivWknhLBxNk/Kf/YI/0PTLkIihs+c7oOMU2YbBTriXEms
3GKDiSEZznGsbZ9mShozetRTw3luzrRljiHUqTfiY+tm6vSldaAC/EqhDXTAD5uryM4z86xq
gX2aNZ9P/M+lS60iK73A5WkU4c7WBCC97f293JtubWb7eLBKvhifZ0/0RaAqJD/toyHZv/jv
qAgMTuvIx3Rc/SKu2TWNfCZ5+LCUpCSOuePZxS3x2L+zP8sJaBCbDKTw4NeT/MxozZxX6OOM
ZW8wBHroZ6Vtx2lfsx1Cvl9f+V+vcCftKyqoYtEHyk+LtbauVbxTn2jsV5ILq6Vfc7/s51sS
iI3ZaGPFvik52ZT+3Ggmly8J5/MN+8Q6eP10BktR6MNhpPjWjghijgAgbTmiQt1dg+W6rxPU
3XFye/hpmma9fjSANlT0Ru5fyYr/8omrXexNfThu4hRFROrmlkr/jUmn7D1sW+9ZXH1GsF9o
2HT6acSEzo8MJDAbo9G79XVWwzebUoajwD6n8f+8eCg13+oXZANF7Z3xKKKhPB91yS9xxvmg
5RzBC/XmIwe7IPRgCN/HhD6WQ41cHu5dLvJ3ceKi2RnyQrZ7kyYtWbd08fIVHeivDX/n6m99
2s1waaulJRjzRxLoSSjd8TOI49/HNbuMtE9KGTMimSvbNb1TTCX8fOFLf7TdAJHm+InAz7fb
oWmIO+QhAm8aA/HOxHGnIfSzjFwajthHWfNzFiuqWBu2TVu6ImfaDOz+v5hdFdbs6lyZmXNU
F/00cEfsC6b9YCCsQV+iW4iBUfrfGOrDnkKZPSOYZF6WruOZneRj4Z+PzvCXlvH1oQQgkvxe
k7I5LBmE/h5uDT6HK+gfzZxTHroVfiupIogbV+Wsmf8IQm+bRKcna5dPyZqZi0MEuCpQBWUP
q0KfG+dkZs5WkntQPkEoUCDQd/2bJtUaA/Z1nDkHB6V93FAarhUvsFLfPILB/zAmmR9D/6W1
DXEYhgcDtrBoinugzQCs0bcjOvDzHPsglCGT9zGy7VtnTLkDPbdvsogJoPo7W5eIXpvZ0LNi
7opVk3ZDWD5ttzQY+GjVtPOKJnjdRSIAlxwInWv7kuxZN5HjHvjEcARCBzEjvS16SnrD3PZA
qwT91ti4mW59dDM+Dc+4Gb7zv2A5upLSk83pIz+Xxmr8I8Y/fLK1IUADOfpFaTpaGbpAjeg3
An1F5vDrsUmZKGp2IVhQZ2ech/Asg1EBkYUXBP8XBj88PW3OnE+2IM7NcVtqYHdHaM7aS6Qi
7c6y0B3SNjw2fL5erG4cnzDxDooKYr5AVcNAM/eL4pN5e0+Xay8TWJJS0u7DD+/F5BFS+bdi
0LjnMXZPOD5ic3nTzUnpw0alJ6XjAh7zn28M9QUOxAL8tDIAKJLjtJFugeqZQAbB7+plCT89
JBd9JAEkGknY2gWhPwDJWyhRt6suAK0t8rM5uWjjsYcPHsDynCnnYfFOJadnqE8ogEEHt7cn
1IOT6ESLxKNlqxcf1TtxQjNUcCnnGrcwBFqDENKh3r4SFgLQf819YvAO067Hl0tkz0sI6gxT
R3LyiPRhvI//q4VDfiXsu4Egb/qnIckVRrOCtyucraAFfiey+T13CNh+R8wMfG9qG3Szqjzo
RIJ6/ZQbEHo7ufNwcRE2wkog7r9GWDK3EV5eheBUd9Raf43Q7E+ofna29tKqiO9doPABhLv+
MnM7DWHtdb+UcbX38gXXQLwC7jJvfBuagzuq/mTGUn/ECLN5+Ggmmx9D/4VMPWPf1QOGSrl+
LB87iBb8kfmJxKG+jl6agNYjPmiVdEfoPt0DO9tDIvJSxryMRthrwRw9gc69C0+I6vw6rLD1
qPV+5joAYcWBqUuXTdgdqukLeACA3m6/OvhJP622TJC9RtoXHzkCoGXphE0AwsYiWd1hXcb5
AXkDro5rgomhNcpe5EL7Sc89k55iTkrG4P+tvrEf6PDCJ0T2h11WNHk5gUAXACKz/KVqf32V
otmeS+I78/fC3lljD+aX8Ody7NOPxl6QGySnPv7wOoTVE1flzM7K+Piq8H15QRDC1pXHNR60
U6x89zZwnoKO+Ua8cZQPQOi83KU6sZ0ckHStkkm1CYxrjIaM501pw1DpbnIqIuROx0X8yYvD
2Fu4FfwQL9qPvV9BFfx05IqIBPz0DqWI3DPHJb1G79WF12DwyinWNG1eNK0EwqD0Ee3/APXi
PjEla2nutl3Tj7CGfo8f2pooCOmd46oNnJiH5/QL3umVqUPR8eL2/+PpGl+RaMGhPjZhNv5k
JrSfMvqpJFSzjwz+35aF28/nfmxvoPFXQy7H1bl9o3jVpJJ/5wlFIX/h4g45avwB2DFzBcYm
gK4OlAqEFvD6I73Qh5vy9lT5IKS3z89euybv0LJZbM79Fl4D8G6+GO0Na3sA+9D5r79RSV5r
iZdGL3H2nuclmZ5iqLnMT5uGj0KCn43vHUvcGeMFO1GF88JsJwG/9aZbkvbCpsIgV7m7MQCp
iqKKRp5rqx55/oquuUXW+/G/W6HdQvFH7V2wbP7sjMy8RatZQ6Kpue94JDpUvmwvdEfufE+I
5IEb7e/ggF76qFTT08NNSaNwCc/oOY2PdSF+rMEPItHqgdgTYAz87dmrQzKVDz1QAALWHg8s
/fWkIgg7+La5lxas5Yt7fcgGIDpDsXUArUtmLlq9dt/F1VmaJrtA5GM95jJK9KsyarZ3xyhn
N54XhKGrQ9iYNjxJw81Jaekj0p9OY2t3k8e3DpnAvTyBfmD5foE41m/wFIQ9wugIYvB7Cybt
8ENbp+QAhA92cFZ/+b4SsX/meoHPUsuSDrcoW1x1503MccGSvJxbKtX87AjwngLLhxV9cJiG
7YAeAcL88rlq2uLjZaQJ/v6RVUOL5sbxSxTgGzncbGbYOVOScVrPt84OoawdAAZcEQAyrn4Q
Weq/KpdnOLX/7pTxRbCxXNJwiiIh4Yca+Fq4QdKh129ntmsoZTcO3lt3ldhxlFf2e3XctmSN
xvtcITQCsNnluTj9EVshnXLvc21rvEl+x9LmIQX+dagTRwrzPzNfuvvShkRxdNi4IQ1k6I/A
HhG37wBA3rdLA/zVuZ/k+KBQAdd6taGzV3ex6eqRnIX1nB/C+us8gNxbcu4oco98kSTTPRDA
39QgbxEa1JmIrqgdjIAN6RT2d1j6K1GP7BpStYPd30S+PYaOP5kz9k2/r32883U0EvgMKxts
p64QbLWwr23VihYMnbVD7u2/sewa92bR7S7ov7Ro9kpR2L/+akmbKi82H+kLCvk4PhICGrac
9Ujd3mSQLrgW+Z2j1KruUJKwT2sBzN81GKXh3nNCQpP9WqLtFx4zcDL/yGGmVMbJz0j+lw9Q
Kott/JCcSZvcDyj4gYaPXwvAwFBwUKeVjwT8/oJKPsRHXnkIoXP5xH9dFSJrga0fT97QTAh3

JiQmRcjkTveaBVJ+sdLajTU9WyO8eyHscyY8Bil0buY81AA/YR0M8NMtQj4a7U3Qh+DxJu65
nWrGXbdNSb+3qGpaVHyBP/bCP5oZgYK1P6rMAIPg9zRhnHflV0HoYhDoyZs59x4Mcgps1Zz5
a2fPfCRaFpVPjOQ89pYO/sGyZJuctu92shwhYcBPGFTGHy0pS6Arzgci7WHab7Hm/it7QZzH
WYyAbBBif7wK32dez3Ade8g1fy5gP9UtmbXZIiDx1oSVh7cuapZS5soaZNAUBaVHoAKSPwOW
cOpw0MqrDHePhEsFJLwJdMX5+KFJGMMzWoZKR834a63Aeu+iWZAiAj8sG5/ZgbF8fPqSnXkC
O01z9ozs8nuYg7POAtDvksA8bWWpPIkNxRBQtMaiTjaFA3/vTN7Ld27u+f7tyteHaoxEkpCB
4XFDuIyHvvnDhiFQiB+Rdj1wS0RYvV/iHpCchQ6xnxz8ACn+5zf2Qr+Ngta92S1Xjgq/lU/P
2nUNb1J+ipTq/Ghd6mZNddfB+1JsWMOEyi3SLCB/Pt+gl/KKPOZUGCPeGeL4oNpF5QiACDyB
5bNxMYKlNgj9f2QZ+/54bEgU40VmWuuz8ILYkUKEBT8N1DczCv4AghdF0GzqHemmUBYvCFYQ
Quep0owphxFjbxAQQMr+RQPNO2HLxY+dvqWl8+XNYZN2QUAvhmU7wkbc26/6oFMljOYL5REE
7neKzq6qM84x4vI8puAvw1TuxPmM9/+WV0UNnTz6GPUAiaVkMQZ+WmUzvb1E4N/8CAZI5Snv
3IgvsbeGhNS5ch+AgEuDa7KQQo2/joe0uxazfdCbizWSVe9PXIIlNf2gXm3h494ax6bb+N8j
mS5oZU19kjKwdgJPvDPjeGTpT/7uoaiPUI4OuYrl9Aw9GsLIlH4wwI5IoMP3rRHUNwj+OYXV
OTeUV3fxT2vRUw0S8hK1fe8W61Ng+UoIkcOeFL3jnkYWkSTy7XVn/mMfKwLdvPUiWlH9PNVm
gGX+amkR7rk3Alh73YPfs9foqVqHGgO4ffsHv/jpt7740+lTt3mfqDodAAattE9VYQGKQKXu
XiLw5y2dugab35Z9vL+9qAhCeOtyEPppqbjGhbv5bfjDXYvaLaEBdP87P8TSI96AsHPtenEU
kcid16G9otI+EPW6Gyy/TwqHhNC+QvBfgB5/wiaPzWh970svhDz6z+54osA/ECdhvGAfKMBv
uKpv2Yz5dojA0niFDGLQtF7kAnvuer/4SjvLffy0hAd2d8BQN+8uL2cKoXD+lbvqtykoiDYC
UXaU3umnhhq3p04+gEl8XPiA9MlTIcoyTwK2MRj03dVjWNQn8y23jsUQJnFuLui8mCD6ZUbZ
isO491Ku9utDRwT+dfN38m4ZfycSyXWbagXBLTmBjnpB1WdhHyChY8dp6D69Ii+ymg3nhmU1
PLeupoMk6oz7snFLl+FL6EcSWPJJzuSz/i2dgXuK2cSm7qLxzTqNbonRIIEeYoXM4hB39OCn
Y+gWBHo+DRH4T58kTxVA6A3wotltpaWYdNQ6VHN6URafe9c24Jg07orRE+Wk/7E/nIdhUzyj
Tf7s2tvgRTxQ/ZkLRDy5LbrsJ3/ECnxzqoD9jyLmSbbfPFXsflwaloBBnSR8ErBmi+7rd2GP
BcIbfElvryUgXb/urZy6+K4AWzmZFh2A4I4ij4PLDQaytTBIBVkVwVHeHb6trgB+PhhIGgwc
+Rz+AIDk0S3u+H7ceFjuDK115OZ32eY7KHuXzdw3/ff1iGex/YHZb+xj2KHTAABB/5kiwIjX
UAR+L+uOb0N1fA8KCdheIMVl49zJmf86AB+d8QgwDpScrgsDPyR0u4+vP4Tr8YUFIxjmPb++
9VZQpxOmYRY/ogNdVOESa/y/E+TqLPtQeocbvs7m7JrNI5NZqf/aWqf25qVrr6kqBSvxrpuf
SEo+uh9EDZ/qFyH4IWwQ8nDKJp6HMEBDcc8sIm969qTtZB5iYaF7Eaht62d8ukOToAcITg/r
vFlTV1PsKbUUdikv2i9n+rj2yTrhVSFswGNxkf6o1kl8KLptKPj2S0rAEMoo9vwFozY1LSWJ
7b7xH1t0NH6QxzgHvmODCqa2mpfZ1h3VjwUBr5FHpKGZ66YE8R6TCJg7gQGPgBj8wQKcVX+p
DMKmhWxKTlWHkFwLHq2Zcbz8lKsUBfhoHGMv+nB19uIDl72iKlzKX7nztEfmaaTrGyy3OWFd
sboR0lB2bjUbBSXDg1NcqJIq6OHShTdvzt+dvflCYf4D+EQPOq5ci5dYaZ+SykL/2+tselsX
jUAbvat04F3nfAUTh2JfUwXCDD2iaMAPIk0/VDsCTeuAnyaQgCQzZzmZJFovPh1HsNsK6fam
4/kPdubMy+2Ee3eQoYu8MOHAmuzJ0ywQVjyC1LUCAsIb25Z+NPGU9KitXHK/t4uC0HbseD2E
fikfO7Et956Nix0Ky4C1A7p7ICz7aF7m/Jkbmmz5ayvjFJbu+vL2/n9l+yz5gz2dDXcv7Lt4
asPh4pIrN+os9baop6T+xYX3sLH/uQP6kVPyXyzE7yp+OWpipxjTEBMw0gMI/qhrgNT3AgPQ
ekJP7Wcl7bK/YLId79liEnpcuzZBYuWseRlZyzbM3Ql9K0Rh3OCOGYvnZk5d0wuh0wupnX9/
BOn1n6xfsuImLbmmnctZb/vV7DoIHYveO6KoBmYEyeSFbUofv80KHSvnLFy2YjbyQhYtjE/2
OmLngu2t/dPwhXDE6F2myvJWj/v5T74xgoWs2Wwa/uVXv/6TOesLOqKarxU13zKnsJj+U7gG
263PsRt+oPhlD+rghei9tsQEjhQ1YJlBEfJrxGI97/PyD6AO+LHuUTYdSVhQ9tGUVkh01rdC
/4ppi7NmFxSO3whBZxBCH8EG+oJdDxauX5d9Gcm+Dhp2l/sgPLO5q9Mh4uOgAhDWVbAqf9VC
pLhf3clV2pBCdVBXNST3ZqsTc3RnTstetGTu6hYI735SYdBHEnBSA9iCyZW7vqef1pUbp2LQ
rsrbUTT7B0+b1If5tQ9XrLkVcTTk4nAksochsT98T/il4nkcFjCNVlhuecwZpCGH4f/FRvIP
XNggavAbS8ADA+DiEYHfx+XnBJDiTdqt26bxfSfPzchasPnwiq1rNpeiZnj7C3gtxVPu8ViR
xudqRUDp9kHr1h5Jhw5ccODx+ItR7+8ALYaUx8p/up3ZDimvX9X0CWZl5+UsXbF13U1fz+Wi
LWdtRq7Kft0NB3B0dvXXC0Y4+qrpUQ8XvvOM2aQ/kr86/nRknIPnkRGfhPh50g2QLrQ9j1yD
zB5r5b9kM+DHuQLP22KxWgfp+Ac/HDweUW3wt1mlLdE9NbwhRxZMnVTRsrqzdl8pA+rgFUWv
FTZHj77ngsSpUFTNeplbTkoLwT2XqnVjw7AJ1gY1/R70Q9vt2fNvwruzqiBsnD15yXUD5Ty0
q99C5rTuzFVHyuPKIrHO/eFzJkMj6WvzeiOY+OGz/I550Bj401Ay4BL5L1nIaZiO0B8LTl9A
xkRtNlaKHw780aIXgFiBHxhv10VWVFr9kBblq5KFVeyH+gzGo0NQlB8CCArqxcwZaDTnlarg
wr1yHSdNPE4tl+itmzB8ueve/5vfDasPIseB27loTcw0uxPR9Ax03Nd7wVa/l1MXN8i3Hftd
uimC8fwC4+l5NhyiY/T1Z5uNgh9Z9r8NqIT504YjzWTaADB30MYIXEBswE8PMvjDaiYi8BfN
GVuAX2xrvoM9B8/iHJZ0N1cEE9oSsE7YJJ6jYP55tFm3THGryJfcAXs3JMSLQHurotpPxeZF
7of7184VEqWcSG3rjfAWuG43adybk2eiqlvXW3zcCzO6YJxQwFV+QQXgaa9+7fWf/P57b3zz
i2qmwGtVhmfPwTa/yfR9I684cvil4abccsfOOST0k9G68Ga/3xAs0GPH3hSl2h82HMhCJjaC
3zD4J661QlBvhfDW5E7uHDqzT2Npd7wVBlpDOO3Yeotv5YkAfAzLfXh5LJ8j1FNms5OQrLKL
VfzaZugIpQx2e7p02RzpNruYD8IVvd+rdeNAUvzaoo75BXpi6qxyzZVI/eQXvvCHQ+UlN6ps
9m4Seh0u270bpaV7fvniU4Lej2D43D6jJ2H5f4y+zuD5c0YuuPd7jM2PQwMbZb+UmE1msxl5
D1+yQTj0cvX6g8IfRHc00Be1P7MA+vdPm3kf0qFkustnYN2x1l5H0LZ30lESQkmaHUkCsQrc
xbvxYfmni677YceUVd2ax71Wr38D/CcE49lN9NFIH5zMuAcR6v9BRyzBX/otrtAWJ9GYf3+A
oNWlTOOib7J5Nlyi3o8fGjzCQtaBbzKSzh8cy2ycjg7wK9kvp5IY8LNKwRU49FP8Yrti0CAS
OR55vqEI/HOPw555/zsPKcmUD/oIwOb7WyYcqOuBgYsZ0wsgtO6Src+N5w+1wUAvV3rDttcA
5YX1JAQ7xk7LuSwkf8gg6KE0zrGLrSgAroAWjf8QGe1dg3jwY2lszU0yEuijF+t6IYnCw//H

Rv0wmEfvNnaIPcnsDieNbIwiei+icxpeJC3OuIimSBuJ/rvscazQi80ZAAMsfrBP3v7MCgjL
8yzQ1YnYOin+8YBqK4Q2P8j7x1YS2v9ZAGFvtyBFaufNzEXu/XsbsClev6xb6OPlLjy3cs7s
PF6QHDyq+aLyDgXc37tzp6pOAHrVc8hAR3UErFdPClvv9lECmJNMn78RfoeiH/OKPzN2GjrG
qVFsPW+ukY3zUdseMxL94/HfznouZrMb6yej0S9/jS5drt9K/uPnXcGJi/0L/gecMLapOMg8
dG3eGeQGPDu2rGjZcn6L9vnjMgopWNfYknkcP9PD4n3p/JWLp+RyTr5bR2TnTfEd+G5WYNO8
EcKah5o3HbSqmxCd2dkL8kMuZOAjtd+SeOoK1Z/DNZ3V41lNfmShkX3InS+Gon7bjexR9UUE
aJPpG0aYFM/xPD+mv3ORJTafM/gzJPjTRqETfSmq0ks6APolEzbOrAnQz+BXMbwdoQfbXAuh
KwA7Ljfs/GQfksLWKhJezlk1YVkPLL0Kb5+GsL4MUl58di6MVHpzxvKsmZxcBwTllmTe9DB/
ddwUVPoypuCnpZKMdCGumLJs7txQyrj/fKt+gd/gCJEBHZ73OR/f02mMN970PYO7VWMvQTKC
YfllA9sHfsTm96YbcdRZvsZbFW9jFZFuxpTO8M7ziNN/+AjsDCyNCfP+0GQBiagmD8Qe/BfE
yKtDQZ/CraHYHOmDLQfwc6ZvHmO+9u88DKEn2HWsHDf2ROR/x7L4GdotXAXfvHkzCoXTPbCg
0Cml8nE9EvrseittUkZvLbEmNaUbZ83Kzjgs4JqyhSHt0Uv+BoGB5ZSguzz9kcA9n5OxT7+D
Y31vGHWZ9H6MnAQ43+5rRvZ5h0vuNxIwDfyFcw+a0q+JwZmBy4LTR2CP3+Shh9J+ScEH+uCP
nQYgZu/lwmlUcR0EW1E9fd2D0DHoIHQ+IjG2AuUMAOk6RUWItToUB/Db0a72IzPPAJT8g+ep
u7DilOrti+RSqi/zqwBLNHQpKzPzquh3X5d26kDABuJJHSSvKgyspiO5k8ZmLJizrDTqWQ9w
1Bqmr/zjLWz5nzJ8PnMET4GBtD36bQ78S4zMPUUIKIh9BOQv0AFHjRg2Ah30Vd8QM9y1tA46
NoJfwb/P83PD2IN/bQVnO++bAxvnTNpvs932s0640Bk8tKuz6HB3oXUHX5npYZVB59LbElW/
Q65lO1wR3i8Pn+QTPHkSlwq0FhSJrU7SQQCtl8DXHOYwtIKGPKSoEJpqAVEYXXAfOCVvu9uy
7iev8Kk36X8qiq7ZSAOXd/vFdWXZr2CX3HuGmUzICUgJRxk3nwtfqQR+zqAZ1eT8ExrMCWI2
Z/7zZ0ISBDCZn3853Yzd/a/6+ymxp79WBQ0M9lnCgFBCogo3P60t+SNcE0TgXz+pkM3QvbsZ
di39dNLJ9hvdkLYHZVy1avx5/BLYlFUuu62lG+/qrpscY4dw1sb88UHkWnCUeww/Vtrm45cY
vcIvkH9Qi32Y9Gg+UeKApe8vUm3uz4ZJi21+1xjNPB+xO0+3QngtBavaT982vDPxN+TEQzst
DL/xOK6y50dGxG5BKn9dXw55ZepRck/qi8+mmdORuvJ8Y+zBT5ED3xQ8Vl45KRZCFr8a+DmD
IGrJv+ZUd90FlFd3yALho2XbO1k7mIaQqBGLqKZuCHu4Vl0y/i3aTkJKyrd1cPyu49suUio3
HKg9lyBl5NkEPdzvhEPDwSQrUgXOgKFH47NHs2iTfS4j6pqpUn/zlSjWlFrWX4+r53o+y85z
2fjuzZ9nXfim74W/D+OR2Ga2fcZiwMV6iykpHj2MyfQxpYWiD8twfDF9+GisbZiSjjzWAbtY
JetqgD+KMLbY5g/AzYchAe3jDyAYYInvxv4zWx6brdbcBCEFL5yG0GmltBJwMPFui+ACLpg8
9YN559mtA07xK9V7ndAmLMJ5w/Wd4SomLmxQ3eJ+zozlTX23yQMD9OZ0TRsZgvywr3yG1/3f
wHex82Sxw7js/gaz34+4Kls2y8+0OEJvIY73nw276USUs5NqaFMI219hcoefYVYLk2mRIJXR
+SWNeuX/vT6aveIZMDFUMnxoqR9QVesPfRNaBEC4ziEi8NddP5S98cCamsYZHwn1HYXsYtxJ
kKhrFgr3+UmXVVUqdFwXyb8qlKljY2zh1vU3rbd4VlrSK97T14htPP9lrehc++SMMEV/sOWB
KrP/uY8XT+ZSVcoPtkWtMgYHBvxHQiH2Lyzccqnzwb VL/2T/zEI/335vylLjee+db5pW8J9X
cX00IkiRfDCaUcSR/bEv7Ka7kk0pzyKP3y4jE3+TmZdV/X/NP6sN2AX4/978wWvc1b/3mNHx
h4AXuYdOFNjjbX8B1gDoJATwETOhf4+xOH/pp5lZUydt8VvXCg11nS2qtlPdpZvl/Bt1jm3X
CfdPJGSLT/uHhyDJOvSoLk33FVnnhJRt90mlKe5e+bdlXH9wmyei1D3vqU17uJSRExlqheLB
vPtRPtGYJwnu+08+ASZ93gOhZLHqT+jbX6C/O5fMWx4Bw53wyCAsZZ33rzqN723/DbPLcEaZ
fzds2PPaMK4eYJyRiX+NzwX5Ez7PUTF2v4xMjOTX/vvHr6ebhqMypJ944rURjyHKbAXOKAGI
kUfnVHYBikVFz7PIg99oks/JqWuXzDmhAhWLW0KVQGycmf3JLm7aUhTgI3bvqXwAgxVOCHwM
9tgNnWuETN2m90qE2QLKdYBa/rfxIcu06j4vxQpquGUgI7c1ysVa3b9Hnm40wghG8wxk/QZ+
1ye80H9Dxn97gpGT38DmtKs2Sp9CBbIizKYRVyPYZwtm12CAejfclvdHoKJeBv5vdBqYl8k6
NL+SgoqATVvZb1bgyx715t/++GIyV/B7Eg41yQ/04C39EUTiJ9RO6ANGY2NcVoAx8NPEzVVL
snMWKAtSrJ/iFaG3jHPvOTZnZsypgLBmSxPqVgUgeWDWI7Td+FII3Q38+n1+mSByiLIQeHG4
AMDgGRGhW/mqii7hio6vU6w+O6ZeGww3Dsif4+jXAxz7Kg/9owrdfK3JNKFvs9/nJh8XwT7X
nkasesxOR8P6FkchHg5GSUg1QsJzgpl2pDkpLYm/qiCiAzGbkt+a8H9fS0NhQOaXlUPXNNfB
t8HUXFmfP41dMPs5iI2SKgK/pz5w/8DVuYeVtsSVqbPXP4Qw2M1LoPxPZy0tIWDdjm1sQ3b6
8IJOshv6qhmoWJcs40yCuunrvXKw4lTsbmQLgMMXRNcqDvGSShvVXipJ7W/ac7pzQB6tqzHi
aDthnA7H/b+8X/+AKl5yXX07e8SbicZLEaQMlX2WA7+KJU+3Xdm5f97H2289RO+pjSkGSjOj
aGK+gXkbPoc1CjOjVLyGV/39bP1B8q+Wzv5PFF9AWX5jyaHtjO8T+IE4sK8t+EF/5fbnF8Dq
HhZ/JIS9nGcvuOKTjEkXxEvd+W2N1Zkoab+Hs6xbFi/ffJoTZhNnT9nHPsS1Hx26WofnaOG1
ftpLw66lxeHZ8HSXtJ0Tp2c/6o9HGAPq54Yao4/H8mMWm69u6Cf1wv8Wl1S7z/g+D7/EgV9e
Yes4u+Hfr3PR+uEZTpZ8MzkdbfpXA/PafmhKGcHVGiFGj44vskXHL326Kud7qPYYJfr82DFU
KvZBBLQ5wGhVjjirR7xDf3F5SsHfdqA8hFFI2NiTofM33qp0Qhho9nPRvetlEFpaxZSWx8ZO
4/B9eOayzEUW6Ge2bdp5JGMWXh4IsaA++t5GhTy1XfNCGGxXycxvO69klr875YOc5pi1vvGG
NI1H+X1+/fxGk1RPv8S6+aZqV7P5nX177H/gUmojUKeJtznw/1laOb39+xJmIBRM3IHOHn37
Yn34eT1/4NyDDOD/4oVwNpfu+/qcvIyfj0SpRYxrckz1UOHq6RfwSxJ1xIH7AQE/juSLDRmJ
U9G/Hz3yQAACmxiPF04B1I5vQjGLqlvz5+XsrIW32YiB5YRdkQfz8PhZhf/ZsYsBs3P5JqU2
cP1vmxTfBYqOW2IHTzG7WIlroN6rvDRW7CtTcGr41YA8vLhvTYpmIwIdRqf+rvFQYc/3OPD/
QPRlydjnOKYvvuYf0e6cNnOcvCa+BthbceH05Qp1lsVsbiFiHP7PV8K6X6Sw6UQvf3xu469f
NiUh54HJtC3OZH5sSmgiqcbtd8SHK+kNlNhUj196mFJpon1wH9qs4dxt6EIilLyzftEVEnZY
RYsYpNuYn8gOHaGI+/aeX6YUvI0zIyTZxbm//azb932w3WlNY1XE/h1+YbNmjd/VpzTxjUhF
Z5CcZjzD9+7LcvCThz54hrPPkziwm/6JnlbDt5lgQhqzHJjf2O8E5P3dU3//2vDUp778y38d
VvGUnEVGArb507+yqSv3zc+yNUTmCYGqd9JNw9JNKclcYkM8Kfwx4fsUFeTFlV4jA3+wHHlu
yQfqyi9qv0OzbkRw+Sjvo/Ny3v2rZZDilFUM8oBNaMgdgKibgnv1Dk03HW1DCwflUuIScGV6

xvpUtt8kzq+OUnr3Wn0DddvJWWwK/hxdO9OaOXZvnw5TYOJYcxcZ38XMgf9nvB6CvZLJKWaE
8hQzcsqb3mSL8pFVgVgCn/76f7/3we8+mxSyCv6ipF6pfdGUlGJKYXIZX353Qt7Eb/GsgXug
923MI5CqUyQUDMaNzU9H15oHxCFjhEnaj6Lm460iee9lweDpFmkiFLuAOZZ9hH22VEhPt9ZI
A5CiZpwugvJBCErXVWqxdXctlLe7k90m4oKhso/Wfc2WQm909+LAtIHqA0xOYlvcbtDfLHD5
SN+6ANw0c51y3jKc5LcVrRcoGv8/uGayfMEr7DI1LIUp4UtnTZVfNQnZ/Qzrdpop9Ve/+Zas
HdgqxcS+b3MTmcb8ZkrWxzyv+AsPIZyL9Yo0xhD4L43zjBceRz7MBqIr+I1jyU+S0L7rNoQ9
DykInR0wUMBm2xQu56wAD19PE/QFzm+2KrhxQVkLZIB3f8c9IL1BhCuIAUkEIXS3qWndTeM/
kTW8k9064rqxNB9NHi8+jNpwQAtQhRusA4T9CeyLv6K/D9T4ApLZiJL7mlF/H8O6kcKU65hf
+UkFJC69P4qz9c1pDMcuJuEzvbyHF8NLMXd/atJTX//q659NRw4BZrDrg0pV4M+4zgEpz7w1
dsG7Zo7c47d2CItRt19cJPRShbpblqbihEwPDC6I+5fGC2Xg9NQD2LmvCAarWe2/7hR22rmE
9l2w8WQQkkop7c9vgT4IL/97Fibjo9H2nVbZ/VKn0g7kfbglpnEeUqaetRRcZW2Owk83uvup
AzKMiGvn6R39v8r8J4MqpE4b9vcXjURYTzI988e/LT/8DzaylzLKnDbCPHIUC95vhdSjo2bs
7h81LG30U0+PGZGUnDJsFJuq97ZKWdW/sJHA+A3Sv/23T95OSmV9h7MhhA/QQZNR6u/zN7Vi
MiCewB8HHQBAzMH/SIjZ1K9WuNPvrXHx0HXK6Cvc7LJAufADa1u1rB36SWhDinr+ZgBR3BDA
YJue4WYr7za0sFEGrb+ATAPYOW01W6TUuG5WzeC+QrvZvNarEa3pgdZo0iJ+yRjwuJXu+8a2
p37PVfU99/G4P/30NZZhYFTasFHpbJm/adhWkQLe9TJSE1JGp7DKAeMVSE7DPoGxalwgR5lz
STUzU6Z863fvfpdp0YX9+8ip0fpdZA+gA6Sfhk/kiBj8gI7BOiQFv52Ny1lvA66kV0SdTfjt
iP+WrdZvvdZIaxe0E25U+murRFO4XDxnv+2Uw7Bag/9R7bnaLg5+BXyGCXlbMuewIiuwbuzg
RpOPYYf5iyXSb3ds0K9qIbZtiaIRwE9RCi3C4+vGSoPODGNr9FO++Zf3f/2Dr7+IWP1eGMaA
lnPmvSkJG5D/g+g8RjM/PoXUgqQ0tjLXPF917ltm7mSSvvbjn/8XwwGUynzxLIoIg3E4vReh
f8eTCv6B6RUWLtQHALTeUOj09C0pYqy3VP12AlwJHyxnKfv9/IYBRcaK5aZeVRKkfCqWXlAk
efwbDxn3vlp4EgnLhcFspwH3sz107si+vrS9W3+/utlRcF38BbvYkgwW3ePyG0zN9cL3/usH
b3+e5dp4ivmbtfa/sFIaDqFQs4+kZ4elp40YlZaeljQGy/LvaqRg1KNFzzwszfzMy2+8+epw
xhPJTPoKXsvvP430/hHM33OeLAz3KXjYZ+EvAj/wcsLeLvWW09B14KFKLR4QOkDZbHzc//gq
VuG7f5XkqHo8BepKNuGHrmVTtvSpMbMr89AA3GifM5alYNWfwy603ZHP5wzDq0c25+/Y+O7r
//XD733nnZlH2S4MJxHucZe8vxpxmV1/hmPu/+IPv/rFL4xh8oPMT6WgGDzW/peq1R4x6Tlm
M1Ot9+yIEax2oOWwh8TXsTth+IgxX3jjOy+lJCUjyf9NtgD5bT4mOY4acmS94vJ6VfTLv6TB
YDUJ1QF/JacaXrwHe31i3rpgzjTZE0W4buaaZThsjVYIi7FgrTzkR6sFfb8FQqIYGXA0oW6k
M9/uO0ocnnJeH3gVdsOFUP01Ggqj2k393AJ/wvGuYzE+R9qSv/itFEmw7W2koXd/hkfVMwaC
Ja1fQ2BmODeefuNbzzNLhtlsNmMPPhLZY1V8eEVci8+kJPMwlofvqS0BzeknI5MiZXjKmGdf
+carz47A+34oOAOxuWH6KI5Le7C7DyiNdME1GQ78HOrpAWjAG7Ha7/VB4OkAMMC4xm2S3pGW
YtkjBYQPOrgA4PUC9N9rc5CAbLsgQJ1e+Vv9+NKF94ph/Zzjuts0T6g2nKjfXzoXFUuKiU/x
K69mFPfURCv0yLKNvxvBd9sJoT/pKITEN3EKPQOrkQaS/D7EBslw84jPP29m2PZMyYyTn6X0
M/32vtoOxfg4yWiwBx6u120T1/GlDjc/NebZ0enPsg4CLnX7GkotQpP8ujvOJT/b51sieYHq
K6gW5Y/dGxpz8ENo27D8Oku8rfsiOppJkantxmqxbRGy3h4eFlYJKn+dfmZG/db91UdnqOfV
AM550F0ZRhIQW3bzdmiXNKe853wcNvisHI1bVqllIT2ILo/f03Dlf0eFEJ8mQv/7EAZ+gr9M
NUSvj7p7JpkZf/zT33zeNGoMwimL6aTvHlVXsSyf58DP5fz/QteKK8fgH2U2v/jsmNGpaSOY
lSq1gP2p+/PI3c+sB99tgDD+/fLRtc7SDxQOQu6AFPzuvMndYYwdZNtf3+ZTmkBntysZeX02
Vez67OxWriubLqu/VUFbINyZNx1HKTnEvJ2Ueivv3lWtcffmEL9C7/9XO9R4ooClLPLVij71
m1CxHQJgCPufGYuQiPtw4C64vwk3V+EYNo83LWX4K88/MzItPd1swhm46Wu0dgn8kVUsuDUi
TDIB+R20UXpayrOjR7+Qmj6cOdnRlhCvP+4U9mbTUPDpRdo5j9MN+gJv0L/gR9MTRytwBr/i
yEKK1elLELajctpgJZcP579wGP3deUFp3Ps7VQ1+L8/aQxHQ38zR9BFO0bZ0gFYN8d8/KPgA
Lv55IRL17ZqJ/F3euHtzZmDZp7B0aNY/EIi0aUV7ydRUHvdJKWwXXDzGfPH7OxrxuluIg/PP
MeD8dhi/5f1XOd3h2eeeHZNuNjNyn7X2362Cer04UI0+C/514c4XdwJPG844/JOGpSPfvukz
NlEbXxSV+BsxdJg7IpDVMbDy+xf8GN6kH57hiVkCuPcNiUh0fLe58Jj3JN9z217ohqQDqfpz
P9yKXt5yq/wkOXtchWhYBNF9TZAs6oQNufPDscb53d5NH63G6Lc5oPXQ0V44tMY5/PIfjhHv
f9f855DUT0lF2E9mwM93w/v93EohxalyBP4V1c/pt+2yvo4N/vSnk9OfeeEzZnPa8BQs9lNX
6TlVj7G6BvLbp+0Je8af8OBPTU1Lx0163uGxbmM4RFKYbz4MDgXirv5omavPOdEvZoK8np/B
+Il5d9hXp6cVg//wXQiunSFhRzPPN4A12FofdFxG3B9dl69Y0KlW5spXbU5dkDITym4k2eWD
5EUb3Dcr80DYmBrdUFaIlHnHun1YSgK/IXc/2RAX8qQZOdNNn8ZmMu+u77KSesRnEPT5OvsX
puy4JMZP93cwpscw6FyjOx2ejcnfH5lk/uyopGGMZMaOvmFbdM/iLvJhsGr/2vDnvAeDfwQz
efqwYRj844Xn9wFb3v9u/C/oqKa1v7E/GOD3btwOIGwocrC4ZNcAS86m9VN2E7Aw24cT+gFK
m3fuzjl7afEScZa89f1dUXRXpyHV0ADho5kLlmVcMbpb3cSp9/kOQTLTwHLthCLJhOoJxkPC
xrvo3X/FEoup2sa9lsJZ+eZhyTzyX/7N7jYVPg9GpqLEnWl6BgSOQKYi1t5nP/cCU6k3kqEB
QKzfF8K4G7/KsoMnmV4xkLHhfAEtJyNS09NTh6WPSpY0BD3EXs27vUOHsm/QakP6x+FnW5BF
8O+9p5MD1sMPJ6w6nl0Im84Hegm+ovnaB7O2NxVJXPWOa4tKw3GJkhQdlH9LrM3wQfrEtIkr
qzV7YbmuSgxPx4UrvZCqvqGs0KmaPyerKEZRXY0fuqNUI45igObF4NR6j77NcemlmJIFF9/X
V6oZ5zsZZCanoNTZH2n7UEtew26Dkcjd/9oPR5vMpuHPMNwdpvR8AymE7NLzumqtpKwa7wdY
T0hiGECYBSBJ0t7b+Rl8ERPhEE3miz+qjkjBf3HCGdSTB3/2tflZ4FEbsnqIE9igJ/02DrtN
R64dLJQn4JzgWJi61RpxISKA9nMn9m+9IZPW1KVDzDe+wj31mo3wyH0z1ik74ZavVLxwwc2Z
WRtPqgpXFIiIRVHWw0V5UaX8OVEjLdO7fU9icWR/lQW8OSXNzAv956cWqncmuv4C8rCjCp3n
NFsX3UY1++ZnkXrAJAQ8hZXz0Wji18O2H76KAgQoiehl1Zv+8AatMPpRaR9H1D+iHEqbeBvr
9x1PST+xS9ujwaCCv3PbnAKOXVvsibq0CQbs7OnRQkov7D1+XB6y8nGVO125D1T15p4Nc+ZP

2mDxaxAmCXfhtlyE2eYd2LRX6Qv3B+WrBDg+K2vRNNXOlMFmEvpjkDx6c+zSqGqPJ2Nk9bmm
qGvXf7L+fZx+xyH/l9maEbKuN3AAD1Hk3dDY5ASO8SWNwsW438r6KQYonvvpsLq8lbE+hqPl
Iv2O2s8VeZIZ8nD5D0oJMj+F4hSvin6tHnLgl5ahDZm6AFXwBy8V9rQ0Q+i6hyHiE8BWeo5b
lyRk23oWzoVC1c48ddkzp6xhxWbDUW0EkdMWy4AOTs1ZFJaqG5Pw+vIzZpwSH1igGqKJiCR/
qxbnJfUgKrO0B+XDmGb18XEFN36JU/KZCplkLjY36W4YBl+m7hbl02Wob7AJqQVJKWzG3VtN
kJ7LBgiYv0aHpeWtNyM4I3/BLdWVMlcyQwl2QKQw4E9/Cc3/DTF7ynumiPjG4ofmLzauPwAG
U/I7s1gmhSrWyWMX0OlmoOiu8wkr3KPTIr2XVjjcbTssmKlbJbl999TFG3zQa6Vh3SotWVV2
DFrl6jxNdqmr2pRbsXS2PJLcxMYFpVHdmMYYpwhlYcPY1rdJev+b6+pnTuNze76wNYxqvh4F
8HAKwDtqP9f9ArfOTUrHlQHv4fu5z8Q16g4PfuIHaOFISmVZORTjinRJsD6Ply2UDjwCSf6x
EomB4v63h1wP7lh5/gcX/PUn2KyYjlaxRWNja8mCLpI/vdbp42r0wO85f1LLtXT+ljdvdfE2
3YbxJ1QqV4Vj1Mmygc+uD2shHyjXVjHswZibgVprCea4y+/b7IVfwTKfMZifH85q/F/fGdaQ
KU/DHFzMxl9S+XXfs3ieVFbuz4MCzTabtRe+uzfW5NG2b6iUQNCyG+x7iwc/a/PPlqcBvAOf
WPALesSggL9DEEuWrpADwu7kzkjIRGk5ZeXeOGsxJecaB2osOqGMfei/tjezXPeMSACdDq1w
p1Wa+u1fmdHSh8fvt3oHCvyZMQjx72L1fCYBF9NcMwS7lw3UHNUOx0k4zB6pCqP/+ndY9SEV
u95DdkHwdRObOfDDsFnWB0wcef+3jVAf5+BEImT0Yy7QqZIfXf9h+i2EQ7NP15AL88kdfoD3
9C1ZJylVYjGtYi9v+5gSegfqEPQBkXTqJWB4f3cFMmI9iPUr3Dp4M+sRG0eI8+H8MgKXauWO
9UyjseLC1Wm8uc9+eG2voev2/B4rC0jxnyxbZrOxtc843bENkbRLygCExPnXw57bnRSubc9n
y6GxcCdT/c+Df6n01xu/KRqy4IdDG/x0kOAuobJCwoSJ1wGgYsPX3wQyQnOgSqJpbcYhBNqH
/6Yu5qsJXNInDTJUbzHQi7NpbcuQuM1rTVo8era8iVuDENYdVL0QQvBpNPycK9hlqLiRiv70
BqPdCfLwgoES9n4lWY9WfQu7C9NTnhqOF5MC0Y/voGwcBtYjwhsq6LywSyHbwLm0I/5u1K03
Can9KechfBIJ+DRd/GDQwG8HqieFshkhJL2Ux69rdlFuWsrjH+o6au+AdBDwdbqFf1/DbUSL
82UqCqQpO+5WAwZ50DYk+rp6fsn3t1MK/gVTUblC+apOXfDf/TpfuIdJ9U1fLjZ88J1Ysf8M
AptI9ejAUQBmIUlJfxpB9yvX5VbKsFRDRv+/0exo0/FGTua32MhIThqOruKZB/AJH1KzdqAV
CBH4AwAGLU7HnVoXQFY7PhFKk3Bb9GegzMoZ6xBcKoGdV1jPvE9lsairAPDI3/mcUe92kapo
q+t/HNODyder7syiL8w7C8Kmhha8iK19hh2XbXPz6whoCPMZCc7E1hE+MwXrq4AN/wtFAX+U
6hF3kxDBPvP9x2Gnv4zmQQSf7xrJfPw9ogpiAolPI23jVccQIeoamOMNuPkgzfB7kL1x87TL
XSRakfCiRIcKzkgb8ujQHSjK7XUK72rZVQrcR/EBSzuE3hOZ65quTr8prlXjL8iD3o3KMz7Y
UcF7Fsl6UQCP7P/iG9x7eBBG8Hc6IWxfQ/hK3uVJXGocA0jk6vt+JN1FLG9gjx/K2hnN2XNX
f4omZNp5JLFlwGnzZEGDrjSO9ffNsEdyMFQiKSj48NWH0FDLApRCYH4Wgf8rVBwW7Qyy92DQ
wF85f3ZGxuQi8aJ0VdAUe/ej6HvTcpRsQ1hagwCizno9mWPZ7BtQxDz7jjlz5y1elCd5C1x3
2PW9ugxpErLAYKBByJhxd1D9nfoEyMF5tvWox+2YTtinxn5JjKOMqd/FVLyXI9r/3yzNHpLO
v673kvUXp7LUP8lMugBO5PtBmXyXblQJzJB5mEaHDbz7mcZbKcPQkrRbLXIj9w+iQzNsQWOQ
IvI1mBhxovZD2LZi+pJls8TNJMDDDl6E+5qQZmi/jYM/HpsHQNIWhL6yfVUCYSV5el52VubM
G2SHcBEAEhbWbnWrcQR137SpR8lENgMZHMKFU3gs0OLtMzSIf7A+fozT9BdR093yyA+flswE
+0a99sdZ897giX+S2TS+EVOUNkTwTbQL+vVU2Ok/QM4D5E/8aciPC2wXlqzInfpBdr4sn9mB
KxxGPYVjiz9P4H1Q4S9l8rHmTJx3Xb7J+VxUs9FzTyXk60ONt9H3bosXQvemj2Yu2rVx3q4z
wsvpOtYkkbwBGXuFVg82/86NdrVIYWghcNX5h8oTdfwYvfB3ot37n6yjj22Y8+oo9G9kfMIL
cVIgCsd949dvff+VVJOEe+sXqrJ9HaoZTBfl/UDd8F0aIgxIYisWfV1nFrz/LS4DMenz4y5J
khFmcSEG5GWcl0B7f/ByRkvjdXOj8lW4cRjJbE8rGVQgtbeLcwreX2OD0H/uxLlVe/csyshg
1ciKBui+0hkypQDJg15CXUPcl1n7NAnt48Ypjc0uCxnykNzf2BMXjytQ3hZuk9MICP+Icv6b
L7MFfBhKw/7rZyhTMPlGRFOswtW/z6AmXK+99T9jklFHzTQuRXD0RnU36xk2qMiEB8Pm7txm
OXlNz3z1C5vrKvIz//ClZGnH3jcrZP5BFHlMN9xIJN4a9j0+KQMy8FM6Hnfq8Bm5bwTT/jlo
CN0NnEjeMXfpooz599DH1kmLeX2SgmSVW+XZuSoPlvgO/put7SIuc1WhlBeCk8e4l+6KwPBB
bd0iWn3cbfER5LOOuxRuk1xJ9lxkw/KlEB/3sGlXjr+FP12MaI6dCIzDhiEtftjnX2LibGlp
6RwNwO+0nHRn0RqDDI0fhfXDur/DqibpP/zBWz9+mQV+6jDk1eerDl8RpYP3voMvBZv+dREW
zgIaJMDff+CH0FYrk++XT2BkemDw8DG2OY/EMUq6xSBsWLFg/qyceZtRj+7/z951ADdxbuvV
SCONtKPiCoSUm3rTe7m5qTfJS7m9JLnJTU8I3b0XVfc2AmNjML3DmF4MeADTGdPLGDDGHoML
GnePbFkelX3/+Vdl1eWCsSH75r0XrNU27fef9p3vrJ6VusQWBeo3OeW7kFggZd6eGJaaH6Gm
k36a5ZfsV2JjFJWW2MB/9dYY/MF6r/hCR/PbEFjvGppfAQo7Qlql86EKK03YH8ksyonlwyP4
JF8ogkkcLFJIQ/TJMo/p9svBkMaDs/pucErAYQTyJx59JgC8f9Dghy0wiB70SbD3O/OdCP/X
Q7PRdDfi3N06dgfBj7e29DK6HG6LxoumIMz15VvSgC0OGD5XSV/06YM0Aroy4qSLNh/dOTty
JzWQE5W6QGuL0s1WUoPl5rrArb+ckpI4Y7fn4N3cZ9SPNP2+58ooq/qeAu/5XWqovYB8AU3k
/xmj8Cg2plMGUyMzfU8jEMoFPNqZxweZHOZNI//fNKAJzgqfJ8jCjjzS4X4iRBLEo2MAFjgX
ZACtJ/wZswnaGGbB/pO6e8qnHwfg19ZaWndto7D7L6OgVrv1OtXX4XJZSyyikHsLcSrftDJa
kbL/xiHqWEz8EaqhKA+9r523rN86VNhDaW5R/fQ6YTSYug3Xk2OTy7y8yKZqpl6IQevjndce
uuDzyemKfzw1ur+zCt706CF9dS8MzeUx5b9uPAH/eKtnMAcJItgEF4bgsgiOgM78wfA+r4PQ
qBjrnK8wnyc4EEQzfEUi4YMhXC6LDOEBdYjksehMxWeOAZr5Z1pq1Fn6p8f3omzwRPqsk2Vf
+y3bP/wpvZ6RiH7Dfttq3deKkLgJUjl11dafpGxKsjIzX5167XRW4/o9lKnbIVd/tKgTMn3o
9mg/rjNuXcO8r22Cz6Yr1sb07gt9bkWtraMPbItms1NT24qpUp9CG4a9Zd1DeE6mIVME9H8E
GJ0ZSk9g86tWD/kla/3EgNX7QgcRADU/zxUjVX8+DNZh8YTWMNxXsm0BxCrAxPmzzzN0voxC
fi6J/hfnFfiBIi6HI+JyabPPlzojti35tQlB77jIfhmMQwW/IV+MVp+54wfiY0TPhwF+jwvv
AEZgPyDNDv7+TjN1Nq1sSze1cOoyzQkoZDWmJKXKMhSJ0kxZxrFVcoY3f2Y787U2mo1dZauo
gQ0Xqa4qW0hpPGntIDud3uHPszObNdZLHqCFvNXT828XTdCoH2rk2QsIlvg1iMbo9PrPtGL/

b/ZnSfvwC/0+/eG3UIkfOeV4op5V8e+ldT5lCE8BMQnw+6hv4h7S4GETLKEIwZ/DFcKgH4Ij
towT+Z07P8tQW2seuTy/+b/EiGmjUneeRzh6WU0G+C2Gt60Bdd33MZ/52bWdV672bXfVc7sW
9cv0GqoqRZE7cyF6by8kZKblKtLTFTKlMiZ/iS3FpV8dFXecQdrppLQ3l5d4XuV0fplm3Vp7
5dwSW9Qf6KXGHOu76iGXxnU/t0rLwGziP4yTZ+K/vMMQU/F2ZbpILozUYdPTNFl4aB/BTvZj
iTS9aR2cW+hz32SaOYDsPk8YMBGxgnnW7uNHVo3Mamx2bNt2pIfkWU72+CVqjEn6DmkNcCvZ
b77N4AeV3Etnj8ujGqwDeM1HKrDe9tp0aWbpCiDoNO/dWke17mm2yPEemLIJkf6ysvK2Q9H9
xPQU9dJslTpLnjU/RxaTZA1MjybESePUtAPfcriZ0jvcifbwLnf9HWbEH2ZoBro+qL59dZ4U
om/vD9w3uBrjUgDc6qGcKcnyUv/MvLtC/KcH0HNHSgBzsiK+/Nsv4fINHuL3G5/gip1tki7M
xCEe9k9PKBsH8jBHw+eLl0YnFFl8SaAYmg7ZlkL/ferW24Mqh3+esq40wbvGQqluxOyJ46wb
822P+TsyZyROnXUKTtVUhxag6mPwopu2hifJY9SNhobN+dGzDlDLfz5lwaPhWi+lXR0TXozx
cOa7GNW8bHlOrlyVnSRfFoP6eww3tdTA/MiE+MhcGjLl/52HrfNVW8nw3OwZrnwefXkpKmzt
m29T7WzTjpXeLeMt3aD2x6Mylw/hRFcexK8015EHNw9Tc579LEXxyyu2GZ3sP7qt/A+8TffQ
sQDFaMN195f97KM9zbaQi+7zWezbCtE9Or5QAhGGRclf9OWK+lGBHA6EoCLCWTa+wH/H5Xwd
wW84uySptEAGwNydADkqcwd6068qklRZSllWflpMgjJhw57ZBR20sBfdnp+bnbQe/9fVlUcy
c3KVCpVCnlRaT11aieKHM2jtPxRfuDvD8sqdW1SBQ4orNvDXRsa72q1u5c8orF06xda1rvNX
ba/fH7vc1DCMR2ZwdMtMPoSEZgwV/IdxgP7QPqe/gp0Lef3DNwIwB49lmZlBuvMtEsEbFwL6
WRDz0y18WX6e/hIX1+/8ISbXCrGXwEFn4lgHBn5eMUqIawqFLgTITnCW3FXgH/1sv75ad3Ua
5vKXrhywzL3WrYqTpcYnq+TJqiy1KjVMaYHOMdy0Ud/WfLkVbrl/4SXqIFolMrMU8fPBUK+r
R7GaodtgvHiLajIYym+4Nbr9mypcg5yWhBmovtxUpRv0DbX74yK0Dp8uNDDgX6/RNdCuefDE
EM5wHcbmPu8s9H8MD+d85vXXfiemnWvc7UcQX1Nu5fXoUXrQFASTMtCOYn9B2fupFfw+5bQ1
j9LaAFYqYkjs6r260XqDcWsB7hN68Bh1j7XljRz4bahZtgDeZ327LdSsjo4vXJWVmJCszs6d
nyq7btH4uOZIEqlW76fqUxJVOQVp8Tj6KoPSa++8TRa0bKB9eH2nyVffJ1pz5i7RDM1vN4xS
+N/hodR+scrxAjYCGj4aUuy76t13fnSpEuDslvCxhx8IQmaWDVO0OQL3abmah6xRAVbsYPEC
gHAX5LcEUKGVWPxHyh9dTuvGeTXs7Ch20Js/sVCMWMTHhrtKDMQ8muBfshfjTU81lttT83og
7evKkiupi2vLihSK9LzErHZnz9eCbupU6eL8DIVSpUzBrYEbIebTrzzgGMN0g/avucGzJthZ
6JTp7Bpj0038XWRWLnIMUJbBu/knzYj9/v/D+rd8Nl/I4ws5olA6I0+86Vod3cJAJLLKiN0L
ZHv2Ssp/+S86Q/i4z/7Ju+tJ+LPWN81qpHtHg5WOIKAJpKi7qZmvlGN+dfJcHCnMzDPvTYM
N63t3QKk34vh4bFZOVE0YcXanstkXhzLWFEoTUnPiS2H4XtHKEqnN7XqnJxjOO7l5EJPI3s0
UzePwPD6O7ZpnHAejTluXSN1+G7oxufTzDkul+AF0KnuRypdd6170aLLLbr/CWTzuWKCBwP4
/O6j3SmiBfkJ0rd8QE/qo+hCBC/LTo32rwXj/wJ40E/AKh3v4HeE+6iC36Q1uNZS1SqM3ao0
8BZ7Nq1OP9O6rc3RfWcO8epeKU+OTlZGJ1fVqcvQ52fm36LMbiLjnd8V7oO/9LZ2ap3usT09
5ubgJpU7b21jqAGoEyvjTx2x422lDbkkkMfmCmwF9Q/czsqq/fXL7/76H/mardVduQAOQgQj
smf7e6rW90Gcj/BTl7dr07Spu/Sj/nyb0RwTbjCWHxaeG9/tfKPdze+U8Gs47PLrXccszIPJ
ipIejGJNN8j7XPMYk9TJdl6oOnZwa5oax76dB9yLV7UeoVeMi+qN1mqeYVc57bq2VHhzkq9u
92lbNE2j1Zzhe58GPKln+kjVeVr/QINfQAaEgMoWF3yAiaWe/XJrS1w4LfiPDPm7fs8hm4UW
DAH40z+MXdhASoUvxjVPcc1v4B8G+I/udkvop/qKI+LDVvQgBxycAxO1OmntwhNGqttAOY7k
Q2iol9LZHq1/dfneBo11vdkxNS7viG84XTlxW56D/mDdoL/T5sfMgJshQ7H8R7I9eNqfW+S3
WDD3hhbyJd687McRz8IkXizjR2zy9yqWg+wvGNX3R+dddJ385vtn+5RuJ4a8x+d949ztv8Pq
vVT1IWizv+5UVF8ZJVu6LnIrvMuIoXNo2XJZRNrxNouyD+N60X/t/CW6atCSmeaqBqQfKE2L
lde5TXiZbn9H97L/Dp4b2u/HAnczdCjgVyvcOz+bcO5eCIQdrmVA91N+inn+D4AsYg2GAt8w
GXR50TcmNIzKu9h9bdDKbOfh8ngi3EO0iKLGeTcfalm7g+Av/ym5ra2sNHyr44q8ODbqAHWw
hqIT3GVT1PvS9zNFf2AiB7UP6/z0H4ycdQGDde9GuqevFb85vRYiz41jbtg6pkut1A3UDRS9
0iGFrt3fOORyUN/g6sym6kuMMSUjGLqelwxlSF+v+zpi+wfgiPPEHDbLYvWJH/xlPiKZzUAe
1gWZ7e9S2vk4JAogVKgalXfR0Dfo3xm6Cnhc/gMighCXj//y3p2b2GOkriTGKZSyyOikeEfe
TX1MWtne89TlXJwAaJinUC/S4Au18Nwh+D0XHk2T+E7kJK5AvUHU2vX4nx2KLRAaDCCXofpE
P9VywhOyKmbPTHG0vp1V7pPk+gYrsvUe+9qrrw/6UTRdstQfyhaOTLyP7wqL2XxlHrlsHwta
9OihusT7u/3+bj6u9wPH7x2/xQCUeLYWAv/WMWow219C1UjkAQG590v9HRXiGN6sHupOk3wM
1L4IuSo5Upmhip7TzVyI9Oc12urGPeFKOnu3OzoyFZX7TJv31dlpPhXhEZkI4MjOt805SZVj
Htn5GqpNPW0H1b4UMoRdyVO9CS4Yz1R65oIbmM1AA81W93BziZFqcdv/qxt8yWl1uKXF/MKl
kStP05b/jRFhuRs+x+0zJCLSYvBzsgbx5fNBuEkPITnwgr/f2Qn1RBgUsH2Mgr+UXg2x5NCc
UbOzIwL+scAFdHD7T8elVGkWxKQlyWuo9usGasDhAqtPWFzMY7HLTuSjUFP97Vx7kHZJcfQm
AtzVEkNn0WVqZwwqDe781zzqWuys+VpdBRTfBo6f8EjQ1ztTZnQdjJWxZ0P+UTiAsytvPoz8
0YpzI/TYW6pvg+2gE36Pnfbjsm459CN33bzp3J+sfQL3zAi4AiGm7BUN5kKMfwIeHBdF/f5/
r+FNWprT/xzh6G69/8XkPm4wMvyTL1O/bcMB/56wjCZKWzQtDtn1A9I2WBqxBe064xBZmsvP
UueQj9+5mkGm7qC9AuP6si1S9aYl2VGXqCNFCLJLo/1QzdIvc+7GPJjMSDLti44Fx9NBzu/W
VpwQMJjczA/17lL1jWY1uhr6b4j7jvjhB95kuuM3clNTFjvRoPR/sXJ1cYJrkImEXAvTjyB+
HNx30JY9NqPlKiHMFSIlUE59svc3MA8D/LtX58nT1uqoA0sBd60XAVSX54L/rr2kdfip+vVu
fzwcB1eFJSqkKQppFG7zNVON10zuyMAOHfin5sVGnXKsDlwptdfRjqerc1SbnMz+lcKbnhoD
wLYbOo13mv2Pt3NiXIL2s5vG2G+9tiOzlelJVyk3g75ZISF0Aa5scFdyCNf5wY7/y+/v1D9N
g18+NsG/nJYcwGSHqebfwDwM8M+bo1Qrk29QlfYgujpy1iyrhGb1eV9xinbrFaorO1aerkZi
PkkyAKcBGevORUdc6bqHSxm9LoumpU0pcyoNMlaM+b+mJc9Y4BQyGHRezbvuxhhgBaNaYEMw
Ro+fYh6GbutVaxRRSSudFY0u4lYdthDL4vsxSMth63wVgx/ShP4Px/2UBn/e2Hx5f6SvLpDv
bXzh2F0UzGMI/Ffq87LSsjqpWjtsNDkxBb3UcVx9r75GtWPXynCxvbnFXQBt2l/QejFu7vy8

PKVSFp9nDRUG1A7Zczo+qMlnDIfcER0d7do0bqy0BAwtq5Pk6wbXF2fsHQsdAShOabmf8NbP
PzDg6X04nbHMNZN55BFCICAsZb5BWn5qtnXyz+T9fn9nLX2qBWMSPNX304EMiW7q7ebbmZ27
PdsdT/gzwL9hlUKVnrLJ6Fxtq/l2Kf1emvvwq3owYunKBufOePoRr5OlJRSX5KikOUuktKfb
1mik6htcOIO0A6C3ILQuOQdj33yFWaDTr95nM+NNhmGWjPvv0GJw62HcF5vu4eOTHoUyzB3u
CGuNB6suKELpLNzaQV4KFO7YHJJPkINYNnBf0hhN+KHqJY/ksfHDUA27KHsntPvHDvjTkpRp
6bHFLgtlS5mjdOfR8Jl2MnlPD93c31J9BjmpO36NTJOnpaQmZ1fk4LJevzqFyVW7fKj5ehf2
7M3XLmgtssDUreVzaQPYrtjqWbQR+wv1TIdjMNWS7jvE/dQ8hsH/oQcuTtNQ5nbvnogRmTrI
ry3GGQMR8pGL/f9SM2iRENvGJHimEIRQwEOypGyCWDUe5/uZ7/ClMsCvzlFnyORORWAzLrCb
6bI5jTbTqsJmF0Z275EUBMzm1UdbjqSr81WZivCycxt7KEPpSoN9iauLly9KL14J5fTO1HAr
lVe/8H+Wn65x4XXK1GeyOUSnljh5vsevDlUH4o6VVWdjoEpGtOkkGx/z6UGKBJiethTuiMHw
AyrQYvH7jrEInbrX6cYm4Dy8Pm5GNo8lT4AB/pxsdVpirrOJ2rK7BZWgHAb06hi1MrO1D9jY
BiN0ER4HGnqu1Wkrc8Lifl4JzKH2fbWW1n/D/NmZmalRkQD+/nmxtnf34A9LrFQeurFYu4Cm
25xapx3+0nhki857lvLIbX3ma+ikVMRIvhM76AG7g21Fgkk5mB00czDfWvXMuwfHjNq1kyfD
Qk4/6BgS+dRv4B8W+LNSpcoUlKYzOUzFOvq/6GpvcjbMOl75FTtIdQujIyHR1z9/ap6lBGtY
GpGUlpSwGR/+eEwF1XIML9hNiXAKk53o07H85ojdYO2vRQYvxb7eBV+pvUUEN4arTnH2EYzU
t4eRF3IpTRr+ikVzBuuMV1jB/8WgYiDtbY2YDF0DQ/ti2wvQ4Eiw+KAUfJX6bRsW+HPzcuSx
0/dQhjodY1E2nLvu+PqbtCYPJNrD8t6+5cUVWsoABvtQeBTQZHXFs9dY9zKsnPmrzELIW/i/
+N6aCvSJZnNZ9tQqOsQ3G4a9+Jnq2xz+3Vnd73KpcJb+bmxyLs3I9Uq9Xfe/ZcPkBOFOeuKJ
ayMtX+OHsKbTds0q5/eBZuy8gGadYcgMChZBwrxxghDX/6bbO0zLv2CDPHvtghuUNdFmOOmO
5F4be6hP61pCQdn76iZq01dTflxIW6q+EnoMX/dlu9vdtm6ltRvgpHIdvV/VjNg4NT6W0UCD
X9Phf1TfVenk/Oo2u509a7ru1CRUGo79ka4L3tvibs5JGWbAm3QbZkn9ig/5/WC/9g0U+5Cn
PPEiNf43BUHw0EomkQyha/I38LuAX65QnaZqGe2bF5Mq6Xie6ZmdmJ6onE/r8jmw9E6Ct99c
nCNfbvlz5UGP4Tr8wzb4Rv3DzHmWwb30HwqSrDKCel9WoSfviwzHkH6Aaaj15SetUt4Djs5z
T66fpLv+4crvHbuPHko7kj3xi3Er/0eDdZh3YTUfgmAfHf/Y175Hi/ZygLG8YSxgf/yhn1nq
S4jPu2k6ZqXjGZC7XEsH8S1XUR7v3CmdtftnejLuzp/DVNps66D2ZukpnbbDako3xTFS3JXH
3IlL4V9RPT/FMXqtWGR0sPxXHZy6jpuMh1wXn1jp8MyNDFpvf93ymYlHPVj2gZEh+Wobff3k
/W/Qpl86km/+63BE0ZbBfu0ZBHyYxXF8/IN/DY9WGOTyWcQzfhVMDZrzR45VLY2fs3Lp7qqz
Db0jD37zOCv1M8Cfd7pp/pw5hQtyaBtVa5e36NeaqR7ZtGuUYd1WqjpKOrMIx9E7HBW1DAcP
MO++Oe6bfLt3UF2HAnp3F9CSVEIt826JCjcyzyKXMmFbX+dBtA696kVhsgRVa3/D7eT31Pg2
ovMtQ7F7RvC0qfiQUwb7NRV9KdwTYxTRXuHj8KHhX3TdEot2/+zH77Q4/l/PcRnTBR74KLK0
eYTRP96iBQb4a6imrJiDuq6UFVb6jgOoSuZpKW00Cl0XRiy0ubD6pq7qQ9gU45ofMzHdNUd9
ljnXfmCds6HCjn+1ooa65RRWH1rnkGBuo8UFaJJe71K3b+7FtS7Y2jJDplLlLVVvv52rq96Z
n+vqUFyZPPJRfzn2+x8bbLFP8zit/zlG3X6vVFzHDy9PAq4yj8ATyHyIr/Q2bpryJOGwYTFD
4tmYcs0dB//YsPwnKxUzgfh53b0eUhvyrcw1iM17fL6eaj/bACN+epYoc7LyFdBUcVhVRXVs
WsPItmH+nu3m9NoDZ5ywXwJht3V1YD4FVUSrK/fJ2NnvpdZfscLZva+PzlOnLtuUMKVkNFt4
jTrX60uhXzjxCKbZTtCjuhx/Kd25stWbD57xlqSgp1mzj4xDw+/iTrEEJEnwEPgf90rkqFvw
RiCPVkDigJYRF5c8LIPFuJNTtWN2uRvdmF8lXY4MWT8DeS2NKIt/+qiZmbTTnKJMi2YpL1E3
qcb4hCRFbkLqaUon/y6rekNs+H57wsBHBEZ1JqZcwBk9E9h0PQOi1VeMbkIjr2ahzyX5dXJ2
drp0bnF69MrRpPW7sfzUHgn9pn04chdSjXVBGZLgnYfkv3z5e2hxe/yT5Z4f/o0nMPiPUeN8
638X0MzjEzCvaJq3NEfRcxZjLwoNDpUICDKAILg8PofD4yNRM5Qw+Pd27b063I8B/hJFRq50
161apqHcJJ9XtEQ6G3fY6I5vqzbQU+oMhd9nNAJ+U1OUSqkyoZSiFkYnpcgTsjU0SHs0Dkbb
zR0WVVKbs1adRu6EaXvycfeDedo08MVbTUOi9tUnJmWmxS6qXVd1x1/V/1jev5Frjuv7HLcM
BIOnpmu5uv3rp0IYTm0M5a1ANobB7/fPvEcAit0c2nv3WLcxXVajqUVc2A3tLBSIhWwOn0dK
EPB5PC74AeA48N5YOjA+3J3bOa6rQC6LT1HMZS6EZdNS4qMTw5bCglARmyDVWH6hm7uq66oG
qEuJMnmmOiMF9eM0n9sUlxx7GIZvHDQyoIyMtqmfvr9rexkR1q5zSIizBQz2QHGW+8yLrmAu
nHd1CVpMznYP+tZW/VSwLHYvVbXnjr/TO+m5OsSD/o0SMhr9kq1FL/4Dn83fLv32/YksG+6x
gj3Hc9vexcfHMvj9doIj4Vb5JB/c9yc8yRO0pmD/iAX1TR6e44tCBYEgMIALqUIOjC7k0/rn
Ub0jOWRvhFJ+ozqoM1shlyoTdzmkQLb9mqwoyJJlLkCt9ftnz9rMkM7ZJu+mquKksrTSgiQc
Q7ZETMlCC0dfSlQjk0Bru4f2gnD37S1tHqLU3iKcIqxH32pYcHPQdqNxgWxuRum24jGQ3Zpq
geZf2vzs877lKxGFg3fW4//34cO2SbzwvwJ6mXmjzruK7yFqfMf8DQ+D706I8N0meYgrd75K
PxgU6/P5iA4gEApJPo8LA0vR/5ABQcF8IoCkV4ePBlv/sI6qMw8vavdWIhxV8GekJ21r2OMI
xGuFmanyNFlMzvIrlLEsp5Uhm9WJPPbySGVm5hxlxBodKrFpF8rAAetNDW9wXMJ1p46DIzBw
tNrNrXmpdJrtS4gB+g2ue0eEbke940MzVSmUWbMSrt/5t7r6MQtEp/n5hZPnfeywBpetyDfe
DiBILMjNIbmEIFAchE0Z6VnSu/f/CEJ4ZpyH/FDp5PHZfEj1h7hnT536iMAZPkJEoiWRIwwM
DBKJSQKEftHz4pBigVjE4YhIy5Rj1rTuIa1Tw7T8d5YdxAD/sQMJF1wWX237vpiE2HkdfSgL
2HPJrLPW4AbaERprYpNTpbKokrO3KOMu9cmBVuTEG45XXMJZAyz92wh43zktrtH1zEfOmKzJ
PsvWtLfBedgtM1tQ+ZMXUl7ryepl369x/usVmTRurmYMWK2lVrfcz0myA64ZEGP1xjL7EMLd
EwiCz+ZPIEkUtgoC+FySQ4/wwhN8H/aS5zgyiQgb59jvfALba1IE4P+3212OPkoPGiT5gmAW
XyAK4AvgwfD5BJ7mjaf68gNICZsl4tGVk+ShZerMw2zKv5PVPgb49TtTF7jJfBir9x2hId9V
ZbTZaSOSymmdF6PITwwrguqAJvJ/h+nXFovnNe5YXKhCvSzHgbu3flaUq9NuWJ5WhryMni5b
61pD9qxUm29wAYtdt62pt48PXl/qJTI7lZMQluViAxpkqYlqt4H2gDuHo+tE1+0KV3+m3UuC
dCY7GLr8qwHsf1PCsoIanerggyjdF0wQ5GSIezkSEsZ2sgSWhn1vDobpRlXXOAf/TlSnJ0mC
xLmOErfBDd/SxMQPESIXn8ujB3uwJGJ68DCO+dE6wBcJuRwBXflT35kE3h0k+THA33vp2iFr

su/mRZPrgtbtUIFr2JgUPUN+61wlXhkGViy3f2jYJ41MiP12LyqyFiNA3jpRMaDb4awSYtbA
aDZrZnBlJVLyk0busC05+O9VORAkm3oMPpdUg/bEJpeMQkNyUoYswW153W37YPfJrttKRYd3
LGin4weavX41Dq2hOwRe11gyghWT6IbWwEA8sYLF44ELYNmCz45jZBt8j3f8leCzkMvPCoKI
3V0Ik2h5EAIU4iNrz6GL+448HyJACMPIAoV8LleMH90uirqHdfvtoDi22uS2B97QqLfK5x/+
ZlrY3h6bp2O0VwjPZ0dKM+XZ8gwttfZbOrHcm/9VrNdk14UW6lBscpyTY78qblgEnUNTVZlJ
88ZG/+o5jsX2Bzreo77bj5X/8CvWNzbOYlw2YNMmIS2JPhYX0VfYVupq2Xh+I3s7tT58IQ0I
d5JBXFza+Jvr49N/h+UOhBx+SDApJtkcnBSh6U08UhwYRP8LZQBZyG3iitj8YBIeY+jNexf8
NaeRQO8pS1jZ1sJ8qAajSaOjTLUdxqpuajPyj27VGqkjBR4UXrZPlSWnpuapojRU9TH6MA3T
oqeepLx1+Zmo7sLphVagaq4ZwL4dXW3VAfGzElvnYLqPzZIpo9xU+vRNd6CwK7fid/LuwX71
gNBmrr6wZmcxP00sDhCSXILDYtvMGu/93Lpx/UYOtGs6vKN/FVrfBFxSgMuabha6KYQkgM3B
FX0WQYbwrI8m6M2so2cvN2l7j+fG/oeOC5BXQAgnkpYHmHBn79x0B8GfEzVldo2pmnaeNfus
AbYZFHaMuxWXkE4GbuZbNWtTWerscnvVT1tr4QQa2rF7cCtz9opNKeG/MtQ4TfvTN1kB19d0
rscV/Mj/L5danQNj0ddzGvSd8DTaO+Fjf8F/o8cx5I8My2t33ev6au0dUFD+1tZUonDmlPU0
eLmGK+Fg3y3wtgSmbR/AcUK4BFfIDeLbivz/WrTsjJEa35upt7vVaw+U7m1060K2iOQgWD/r
mkqeiaw+wRaK2WQQD+dFaDWVzH3XmQ/5RPrTdIUUOQMSISnEcoAx1D2l488A/0Ll/LzV1I2L
1JkGVGWzDuXZWVCCnIH2bWesef6GtGWpYUlxcSdoZA4cPXcsK2tHM+zfvYm23JU7DdT50o3M
9ZvW+tNdbIKRnlntbq+lTGmLDKrU82rpVL9WTzWtrR3i3d3cbU1uOTxYXRdj+tCBkoKdfr6W
+iG0btgj2FZ7c8nHTqnJXi+hyYpJFocV0P+GZdm4ABOq2IicygrI0jL+vBdiDtb1UXfD5mPo
QhmO3/kSvB5+5/KxlB5LxpKECJFPJMYl0YDwo66vXNf+H+llkyMOmMAnSPQYA05T1D0q46Wo
0qhQWq4n+hq1o9V0Gr+gFyJiyh1TmA2HqMpIafxM5Ly2x62g9kcol+QlJqSW7q6hzDBwRnPF
xfb0NVgM99VIJLvQsKu5p9JNVbWjKLLwohsL2B0n63aaZzNyfdMDy2crUyJP+nWQfs3gz29g
iJ5dfcqG/kcz/WMfmA78E6vtE3TYKrF28tQ9STBTWNwvZDtM98orm0QQwvtYAhLf+WLn5x2J
Mysolg/ks4LxrDTiNZkn7eTjmH+BKgHBpDDEsVlinA3fGS74M1PUSxIQk2/X9KvXEurqVIoV
BzT12THJrkFzS25EUlET1a6ekbNemS3PLlKmpiRG5NOL62ZZnXN7SyMU9VBPLtV9nDZ5LRt7
XKsi7YVJcUkHzQ5TvTAAzlmC2GsFTcNyqRyK51W0jmh1UlJaRuxh/5BoGILld2AqCGjpfMDx
Y5V+fLnyu0CCHQq9aDiVzy9lqvjZsM///oCBume2VuSuC0MJXkAguv/n292MMxSSyCkCaT8e
WPYARbvng137gi76c4NEuGpy/6lxO297mLr9KmmkbJ921+yEuYUy5ZI1qi31W+ITlEmy3Y7y
iNdrqPMqaPVZGyGXyYpXLSlOV6RlpEsj8AiZs8pNfRZD22pttRzA8jpm7QCj9w3tgl3iJtvB
j0uVOanJJRae/8mrLk+2fj2wuLvO6YZ4r8zeIeMqeub8scQ0aYRaN0pPezeQcaFKhbYJ8p1e
lb0MF1d+D+2AwErnTIKviJfZP91gTWOx3s25dPch3HSi/IKHBW09FDYJHgc68oh5ztkcoP+I
SHZIII9N5/Q/9jHBPYVm/AhEHBFECN+YhgZ+0zgHf7YyNeuM7pJKqlAXpyfPy0V51E51THq6
9Nf12HzvrqAxUrmT0h3Vt1+hVoShmZzLN23Ik+XlqLLSokAERJMyc6U14w6amZ27D3eZ3LlH
oAsIxJj91lFQJ1Ok6tJ5srAl9I+uabfaWY1jjbAiuXsE7ttguarmwtgk2ehFelc+JRj++suL
L3hKbVWvmvaALY9Hv+iv7GXuUEy7vU8v0t590KcMqSTx4Ey3VQszapHkCYkAHjxFkROHY+Df
KEYieDyWkENPI5cs8uUTmabirB+bL+FC9UB85PZ2JI1V8MtT4wHlO2IVmdmqjOxoGC65fdqq
9clp+2/2UuaV4eF0+r5XS11Zf2pRBbUvOjYpNmHu8oKcbFVadmoqrLFteTFF1h49hN72+ZHw
74GDt1y63S2PqxegrO3UH41PUBcvXFmUHm95/P0dlp17HdNYVftGFo7FK0ZT9L0jisfgmXAe
/Xde1a0OLd32bGzt1HV23jxSlvjPz5+1+vRsq/LEX5yE6k7P+frVLwobqLtxi6WNtjv60zZY
DFkCCVD8iC+doJ1F5++FQhbNeHrOD5VW3bcop4L6+4QCAWvIUf+4d/uz4mKhaLpGmi5V5mYp
k9OqqOassMKCjM7GHY2UcX58PLid5itt1MDS8EREh+o7oc7dtzYua2OJIk2VElmEbVDbafST
1dHpLO2J4jhVrLoLUf481p6N8K3u7blxCaqsnLyCBWXSAr37WRXmLq2X+GrIYZdhlOPltYEO
PDMW+dQn/07JTQ6LUYR//PfvPvv0Wb6NqQe4t5T4xKldI5KDGBfbEcsCWejmswg8mFc4CXfz
LnH8rOYhungfJKRbdd/2q4X6wv00X0oUALm/dzQUdS+SfBYmqc72roifk5YxR42AKE9bU7Cm
9pwcyWcCDvfNzgfb01XRQTXl/hp7k0J+u6aFMq2OWLRInhCdVcYwQjcxV6qrJDolQ5l0wN3S
2Gch43Yur6B6LlCV2bX7FHKVLFW9LCWzk9K7K1abe/ocZH8Z+NVTLeuWnx8nj/zsLL69B5dw
3TgsPIUGFfK4bMsOrE+PUPfQlml5Eu+7zmXv+hAnTQIDOK7gNk6j06kBQj6EScRbjf6dDoqD
LC7qAsAnXX1v0nsNZeGKvPgMxMvNz0nLzk9PnlmC2PdaiPSv11LasguWmfPGLdKMvcYeC2ei
fXV09CzFZjf+55Zf0vPykhZbGAOGhqud9lFZa3/MxxoMmxf3Ukeiatcuo6pVGbnKDFVGTBll
7HdeK3T0fB3TgAeny7AkcsaKcfPQK56ziExgs07rSRDkBDqKZ8GLi5rzEGPXytt7fs+9BH3K
+Is15Nnu8tkO5BSwxKIQ/GwUjp/Nw6WPIEEQhj7xnL8hUcsf8WOfRBcG4+9Rbn9FZEp8Wumy
YpUyPS0zN0smtxnT/XsYttiwJBV58Qac/jt7CDXx7tlb5y4EWjVblZGeYhGO6N8aP3MdLB4G
qntfRfH01JlwcHOzluqbOztRql6UrShQZ+TmqGXL3FxmewM+f7+nJpg2xexkv/QYfM8BGY2t
LWOCi8HHrzMWmEQlfT7JtX0QLLu7AvvOeh90zfb3CMuaGOfyWTxeFIJJWDolTo3Ln9H85kA+
Vu0J8p9FPQ8//oAJONp4q+neBH9lWLIqNUaWE6XMRq5/zmyZhqpps5HUDFr8/1u6qYq4DqqP
pv/Oj3fTetOnwzi9GBGbJk/AjXotCzIj09PST2LkVf8UlScLU1jbKJpi0kqyCxYqw5Jzi/PS
i4tizntMqJg8IdewOcO/gpdJqx8TAqptpb9nM5GPs3oI+aQYUVPZhC0cYL2y5u4KQi9+/UDo
c0u9MrCuCGEWB09EEJ87f/vmCwSPIAXBeGn8xjE4XIe7G9mBpABA/FCl/9fU/Ar4YeKJOByb
VH1vgr9v1c9TlNvXrVygnDc3S5Wg3tZHNXRYkWdekgXQM55uoq5t0Vpna91qcIZO/ZLt8Lpe
X2+kdqdGzPp1OrT/1M6IVOYvzopXQaTfd7CFurK1nTq3CgO2XZE0L3teXvzC7FlJkbOU+T/t
p0ZzvHH3ZT87B3XHbo3oo1/8xZsu1t8pC/DazzvusvftGCYrsxzq8yYngdeTMIxHAnnPl5wJ
GIuQZRdwBAG4g3G9w0dNb4PfJBIG0kTonMFc1f9gkhE/QITjhcJ7tKVXX30WnJ7e7PS5yqiF
AxSjCn1IvryB6t7v4LFZrH/Hhkp7O3Cj6oepgHADtOXculB94SA4rX1FSelphZkpaQz7rE37
hxwf7shPsbKEGXuo9orys7tTfs7rc9DxHjbSDZ4O1g+CAlR/p59HWy9rHuGH378/7aNgDuF2

Y5OvpVbcdcS9GoueGafcy07nkAXGujvO7c9ULxDyEG2XZKH4/NnLjhkmC1GXPwG5DMRPg+pv
yiMINpslJuGbxHemexD8Zlsq/YQ0MSUiq4PSMx7D3oUGyrx6msMDv0EL+t/KW4J27F0rW4ZM
49Hp0+a5snB0C+MzC7JjMruofpOtwle9oJz+x46IBMUBq+OwDpUJN3ofPW8cFCh6Wj349Yci
VnnSBuppOHXshtMY4nO3bsPzN3TUrvjf+x88xMS94I33v1lSrdHfha9bjnNrsrutmsTye5AD
yXD8pJKPifsTQKPDqQHX8DX+EinmQMT/ftugLqv5foLHJoQkHyz/9/ck+K16mdU/zsorTlll
NOPXr7pywJqkPx/1vUNKvR8l7OtKb+Lcn3nVlITZmWeP5MmOuOOc7Z4qzUyPi68yWYMIqwsB
5XzztWrHTN41RgKxSztMzoVHP6E6ZboH7ueJvPi4sMxR5M7d2LYiNx+2vIKV2471j/OX6vq6
pbkylaq0vLKecmlrxl34xFNevKiLdK89ZPxinC00yo3whYGQDRQ5EB6pxvth/DhLwgYRQ9bm
wV1wz8NAGeYEYPLAm/p7VckHtoaMso7uZiscl8Qg5/+yej4C+sUfkx2YsOUok386qcbalqNS
xWUros4zx2W2N1qnba+cGhMlq6xzobP22Y1vbyMIgLYZHVFce2PQN2Ua8G/xvrwUH7v3olNo
uTc6WS6Ny+mmftsGv7WuirJ2LwonPPWduoqxEmvfhKwm252WoZPbz+VyuAiI0Y7+44fgDvAC
ueAUvOSI0TJYMXgCPq6U/nOweR8sgM4JIWHFeU13L4PfJm8xAMTaxsMIv4d+SEKEixurHYF4
5AJo7BgO4EB+bbg0RqWpOWTn2zXWnU+Ptkr3DezZsO6ixSYbGtwWe/qxohWTtmZu09IMPOvf
Lq/tH8nsH33YgXrH96ghRp6erozL0o6lcSzjpHHsSsErLA7BCXzEXsyIZbSDh4IwAXau51pD
uH0LVjjl16sDQGaXBwj/3OE3uBCCCXwT2NC0863jl2bDsoI8fvgaWT7Y4Os/KOHH5oVIYHF5
vf9edPtdPtRrrfzXm7troAvPAitjVTnDghvPwZJwLT9GmXOZSZZtzczIjsy+7ub4+6PpCB9s
fL9XJ0vr9EMcGg3+VU24VKlUxC2wnlunGXLirbphpPBu0I8D9B+e+QC2vyTJF7MJC/x/sj+9
Y5hLh1lNkRabGysgiEeVDg5h0zM4fIc14h2H5xeN6Y+BwXgqkRPx6XMYvhXAZoWgdSF80Bce
iwiVBCdUDCmFV7T3MPidye5mhn7+tePYL0uZtstxsTCUy9KqrmocXtyT3yeHLXTnOg8U/5Uu
pzTUUq1zqgYh0Uf1jVQ81unlF9bPnZUqTUiw0Q3Orewbqrtxs5UaofHfprEvz9WRRFqYi/T/
pf/jWwbJdgndqQTgtXjmCfQCkeQ8jwdl+/nICj/HZG+cRaPGhCxykgAi8/uvOYb8b+OGHx6O
2jdRQxAIQetJsAjoFvek5be+ZRc6vYRjGyFGnpeIHHxmG6Nhe3T4Vmer1RAfne+eXV23ggZW
z579i6dDnNA66kSWY95ULjV7ihLTym2Ib7/hj9HtaR3pazSMLzm+XTRtAfpjQQ6btvtPFjGh
lIvZyziV9zZefassTEcJc6baZQFU3ghozhEw7ftiqIRwhcFYt2y641q7j5Yy54FcyscDQ1JX
FfAlWP78lR7qrlHpGxT40ftmvOlu5TtPS8E3AAFHq45LTsFxWo0lW14vi4tf7Xyf5pqdbhBm
1Grtj+B60oyYxTAVfKiLbf2JoQHE3O7dmLdfvTnYgk9fD3Uvbz1x2OzzOFh3iM3nYLrS7x0F
tFbSwwYgmn+tw9KjR2+/MPa6KsaKhaDFQ2y0a9rq/olrAELcf3P/FcfTz6HVzvC8oiE0eaih
kQqBH5hFj1wYZfCbTGMA/Dq9h645tB0o1tob8k/HxcZhrt5GS+fFlfjEZKVNLamrvc/oySPu
3JanYuR3Liunp1t7VTXHznQO9vIrs3qp37YxsDX8lyBIEcFBFFk2nouFl4I/nHPR3qRbl1jE
i1CJ7/sI/gmMvEmMomDbW+hYbC6m+ZTYMx97sJIhNxC3Ozmz/lU4oGCD9NFLHYO//J3I6UfZ
fhHv9oJ/jOVymeDXHGUEwtpbDgC+qGIk+vs3qQ+ug5xdN1RFzI09+hWzIzfaDlOyZeuOAReO
naYG1Pm3xsTMVp07tckK87o9VtvQVBQfP7dlkJevvW74DXi3653cOnulvymWDoxi1JsgQOJ6
EkJAYr3Rt51X5mLrGHE28Si8TzdgkC4XaxoqGbmObwCK2IgTU2y/b9M7WNRIjKT7EJHPuWsn
C4f8OCBYNIR73UywSUj4gbvyau+9GPN3Lz9E9dcMYOekJ1tKN95YPPJurH1sOEonYAy9jBED
htV7qP6y7fSvpDMYS2ZnpMY1uFj+BggcuhYnK5RhGWoVvFU1DhSQdZEZ8rDK8S6OcvdsfT9C
+HzQv53T8fQrjpBg8UOD2ORk7Jr/6qKcuRzMPhsP0ROAIJP2Yxzdw/aefRXv/4qAKVvBkBr4
1GaPVuBGR3ICH9aVyU4JloGvLbP5kA8xlLk7aXBh/BARHPsP+nsy5m8+bdIeRcGwqZXSp/+I
1a0MaxaW2W3+if/MdVMPaGak9frNfZmxspRVHoL43kXR8pTEswMY9uccuMJLZ6dJExke1+VN
v5Fsbvt2sSD3gIePomhRcL9GfxVDRxIPqWvxBWQQh4sL+WSR637VXNyqi1E6HxYY1IWLOD9g
sAPtTp/pFyzMHwrgf9TGqf4FZfMCCUkgQfIJItHpwHWIHy0QYHfj2yE8BiMsdFxeiAhi/pdv
23tnHmNkDceEX0c1ptmsS2ugtJdOwc9ROzV8Wp5N5K66BC+r/Uj90uhadzY0QRSgz5+VGu7u
lTHDkrE7Om6Ke7+sOWdKjHKPfcSF+qcljmuM/krnb2gd2W2lxNHhZmybLJm4Z/2YXdqIc/Ys
EYsn5os59BCRIHdy6E0PENxAFFwD/T4PLP8nWNAE1/4YyeEMSAQIAnAZwDpSoQbN3A4OIvgk
JBNYzpKrjUjPm0tOADmOiCE8B8OXUJjkhGLwP9dC3Ub0m8cs+LVQ1DLM/zIXQvaDYSijasif
mvx1msGN34L/s72G8Zey7/DE1PqC6FJw8Zsg8dJxcF8n8xu6yxUrPVTZNCsrNKdtC/3W6Oj5
jvlzQ8sYYF+01XSMhZ+tr30kjkIbd6LA3WdTrXn4PN/HKSAIki8Q8FgciZhL4PL+84fc7XiZ
hxTyuQQ3AO2zEv278wOaEQAme7lTXlAQhP2HnXYGH+QRxSyBuzk97e9iER8gF5QPoRPc8C36
MoAfLuT20XvNYxj8Fm/eOOcrPByi+zhKyB7Yc7lm7U5XMZZ9KDovX7c1ewqj6XLPHBrn3Zfx
gRA1l9JkhYdl2wBdW97uKxiy/cexiHUeq3jahUfuTKDVGPcQ+dBPQyQlGEesotOZ/uL9M4ZP
jaiwUvCr3Hz4L1rPHkHKp1py13MES8xjS6AuL6FTeh5WjIsAag6qqKP//yM4+P/EeTr8hw/t
u1WJYT0Qslhc23BCfK0slkQMKuY8F9Gm3n8AR0dADJ7WTwer7xEcAWb4wRj0/ttt+MfKGsAA
f6/JQLUvRS9Cg8pGuegvu+kOPWUzFcirK/lqpjwMIruGxRc9dNoejUzPmH2Sun4cjnFMNm2j
3xfWtN7z292dX0n5K5/etrn4wkiRZcroztvHXbJgWvcJ4v5LDN/latFIOS4Nb8NVfFA/3OP8
xTpC4CvXx3bzEZAUwEY839dxjk0E0i7MCZdwIKInOMs87Nn8EE7wScB1fx/ell+gOs8C5BF/
sO92ABX1SFQQhFzgP81W0V4QOkLqB+iaXnB90p/DgfihLJcxHn5tLfdD9MEJwfTer43UbQ76
xyD4NcgyXQiDGkqPe4pUhc2VO7UZND+M2xMTlZeoZqolwVOPVr0sIiy3lSoHV6I/Mz4t9SKl
rTd4luL0rznHbO5uMPhn5M+oEuKTqkbmWe0RWUxlyGWnT/a6F9zRpTB80LrKkbL8f6av4r1h
LibXcOcsB8rmrlmYS2IANKbp/cfXgVYANTaIZLF4wRwxh0uwPQ4+7f8QLzcSCUFKntbSmEaL
BgcK/0/YF9AbiMdLCgQ4b/gYZpedDUYMHg6bVttwJ7A7A99LIN+RKOzvdlAEDCFBKD7857ef
WDlGZnwwwH8IPX1dgzvmW78Bs5AqjzrnSa5D48qho2cyc9av237RWiLpP2JX4TuZlYeQ0gVZ
I2PpjNjMWmpbvtaa/TNfv6od2mPorHcD/l5XNLTI45QpUQdGJtwHS0nr7nzrdHZNo/vbaLgd
tOVd1umcm4d3nGx6zi+f4y5DfjkInYDN4pBsIrjet/Q1Iuxz2KjZDpP35ntetf+NrxyYAIIX
IbSW4eAC833ZjPDiU0jf0Ugn8dF+RGEASRJiLLEZ4KaYtwh+G8g1ThjKSl8hJLgsTnAIXm7+

a7z7hnH7BH++NRHXff70TeblmW71Uh19+mYP9U/zxfS45Pi4hIQ5tO5px8JZtN4sANzcZ4+g
Whctq6MapTYodqydk5lybLh3YFfpKlK7fHgoRpZdlFAxIo9qLUIJSjfBVHjWzjv4k/3VmooL
H95xUI5MMJEm2oe5fHjrSUzVxXPCyvwokqMnAz4Em08QM7zsOg1TfDBx96lOi7IPLBhwEQzV
PUi+I4FuyEeE/tCPybs8LirE45Yet/e9J5gg+EK42tlDeBR5BEEiYoEkAIRAFlDUvUfySbAI
IhqXR0bkaJxcFINR1+zJU9cti89S5ymV0QuwQdStjI3DUXGfxmmlGzBQnUvjrY1autK1TTUZ
i4fEejTYlf2h75iOpI4fd9ltbnReSYn85Ig8qgg6K41rTWHD1O4aGPqX6bZY7J8O6yKqUW6c
S9IU/A9diqg3H8WnwQQctS+nORhrDsKhEM3nAW/S1wvoNCKckw95oiU8gsXm0Dyf2Q7g5/FJ
Eu3Kfvnro1TTp4GhgYgWGCABdE+85ubAJx5FSccJsKh8P4Rn8RX6ablEEAlJDv6JuxjuZk/g
V8np6ml9VGpSDOBI22qi9++/cbPHDHacFtYwOAevG6UlheqsuZkRdA+WtuESpu8bdA4LyGF0
zP61cakWB4FaAUtsQ8kND/0Nuor5iDzUVK33AX4Y9+u0TJg6LDwN0560xOTUrQMj8dx6XsYq
j7S87pOdlHHovpu+QTe8+hx44wTxybCSCDLiTZJgC3EGzVVP8woAmoXMLfp0io8jaYGki4Jm
esbIW9523UAT8WBPPrwjO2l5DoGTrN8XmCtMcvgE+cbfw8oy//IER4SuJgCzeL5yd+ALqOIg
CISPfxqCq/0lWoJ4LDTsA11YwMW7GPyOyQYG+OfGZWBT3VeUGJcCKa3DltHVmiXSxG1Uf6OR
Bn//DaeIt71YWpitSlcjM6t396QtqF6PNABaMhOV4dgtGNg+awOkDmMtC23HnnIH82M+XCI/
QXXnzvDfZ7f1BjbI19oyjmVlZ0cmhtsKlFW2OBiLu4sPUANDh555GAtH2yQrj5X403Ayfvuf
5D85CaXZadNf7PxxI1h+QiCCT++r9204EZi59FDsf3gNnXDCD+IJFhdIIRdB/IOF3HUhm3hF
49Cmgww9YgLzn/7X1KRpfwsBgT6RxLPw7+EH0Q4cwovytrck25cE+lUR+CH8eKzmXrT8pcrE
jfBCm5DM9mbAd9NZGuUrwpJjdpsoHfYD+im9s9Z1dUpaZk7anLJFKbFnPLUsIsHOXlDoK4uI
3wIYNa+PSsoqb7+gmm5J3Vb+GleNGvx3Wd8As0ZbtYVqiZ5uSRGc3ufTWvZZ96grODbyzy0Z
vFVBoEiC+WmJd+rnWwvvPz3O5+OhezTXYwP4XOF9rAAhjf45Lq7VBxj8YlC19cnzqeRbRDpA
ni/CF/iB0gddOyAAUfcodjz4rAkIuPZUXTkHhLwCJCgweervEbKIt6DkT4bidfdNt+/BBo5F
O+QfhsFb/q73sSgwffyPNeMe1EOI+UtUCSjU76uvWlavYz7BFkWiKn2umv5p6qRXXI5xLiaj
IFel3rVQGrHdQ8x+Y1M+LQjQt5UG87IwVXpahjolJS0Ju1knklNiCk8uC4tOt1v6pvByqsq6
nGybddh/58Z6+e2HRu6XjIMMGApEkTOKXs2v79TP/AM9jBIP7R7yQcrw6AxSjEy7iAfgV7ns
8gvAVBDAAgH9H30cbuAf9LRBEoJ3r0HCgQBM7ucBTQ+8jQFI7XFQlQCWM5u7Rp0hodYgRNGA
5IWPf4749j6CDGBJArCT4j4f94vFH5IMxW4fnQTgF0/EtQT5vaO6yAD/GnVyYRt1/Rep09Ja
HZEiVxSrFDg415S5+oAXI+Ly8tPS1PIYuaUArm81OHB+DAWzwuOYX1w7XZ4hy65YJ1XkSVXQ
F3RVGa5YWpiYLItIH6C01+jMYQVjoRk4eX3w697WaSM2utf4PXZQkT6sgCC5xKd3iGrc/SrY
WDFIZnh3sL1tamziOCSXz+WLMB/3bZfbicSN96FYKP8/fgy7Y8O8DNj5Z287Nr6ImXocG8pU
cB20y0BE2XZrCIL745IEwX/0nb9+/gnML+QGCKAH4Hm3mt+neRb9sLihPI9VeO0S0eAvuifB
r85JmYdm8C2289e62nG4vGFqWFRWWvZZT8cwHJLHZaalRsrXYTur76G053rpmzeeWpiOsoAX
U5IzpzKmcFXNkmYrFfN2rlXK5i2KXoA7fldfpeoSEpUpipO92k4/wnSTNedn0Lr39PqN1K0b
I9buf/5JZLI4wTBLAnnKjuJyo7jRGTOSDTj47xCPMdsyGYxDCIUCEQ4hftfkZkw2m8+WkDAu
/GlfIkXbcZsun0UKfBQg9R/ikklIIEGXBE0/0ZR9LqwH/7GhRfcU+B3cIJQbmPjsR397aSIX
rVRBPBe1P9uWQBDcABj0UzmUBzIX5XLYhHASXhNXUtQ9WOrLlCbkNdkWLCPCX960BmrnEUq3
c+P6uAXeTN2tub+GT5nfgr9E7ZU3UAaLls+2OYULi69Sh2amxicxluy5s5S5CsWSpSqZLGeh
Kty63PQVTE9NS5OG45pjt4/mKoPWZHXy3S6x5s4R7cuuICEBHcJlsQkRclo5ZbfxRzFes7Pd
zE16J70piMXZ4OL+OjSDpKTxhqAkRGq3fLyQPOwC/i0CoOwKQ7CR9kWcqQyC1YTHg7S9V3J9
33sY/BJEpCf+DhczBTsYfByxv2FievFkMDeAJ+RMfOnd955+jM0jg3G67xG3i67+DVxrJIjP
hhrRcXisQDw5bdJ+auTsvtk0XsCfo4hX25d4wPG1k73USVy1G8hzQ+A9Y4/C+w+vPYvST3Mh
bDtR1kuZu+lk1IVdpceulu7dKFPImS/QuoiFS5SqnBylCg3xyo9bY3P3CvLUqsKipHllN7p2
VHvx682jroOGqvwCgs1D9SwuB+m7D5dh43VZ+4p4YZntTq8zOZcDQJETkQQX3tOMoSYuAftC
IbTWCki+BDn/BMulCU/zDLAZRcFcmJ1R6uOYRyaA0DaJ52d6LfUZP6S7+MTI0j8AghxbIY/P
54uwDEc9U/KHy+NKULFf8vBjT7xFEjwhuhKOJ2/n3O8sWVDlUJ5I24d4BZqE537/WXcXq3d4
Bn+2NKLc4/WedUOUaW12vs2NTnW55vmJCSkq5Xl9X48Dj7cmsXiBMm/e3HRl5oIi2Q9AG67F
arlG3YbMZWpVzIykXCZ/vqycMjQyLOCR3PWOnbX9p29zp23zJKiJo/GwKD7FdepXbBzT7hEO
/3V/B3RK3X52CRhGgSQLyo7ctUM5epXIUlkHJT3Uh0vSilsu1Qvj6wAFEW35fVX6Tz8CtTJS
BN15f/C6539xJ08I7tWHBWffBCzZFQz9QKSd4LsGlAA5YkTzEUyYHPgoKsCLxUBE5mz1pL+J
CViPDGmUahXWG+QHYxLHt9T4zuAPEfyySGiiHdE0Rd/e5NTUWbtdSisF8emZ6uJFa1dlywvy
kpYB7A+sxFV6Q2nGppzUOfPlEbvwrh19VO3uLcnyXQsj7P6YNnfWrIJbzMdkaL7NYutNEyEF
xSIxex08zECrYzIwN39k1R8sXfZuGcRFWL2aoJti6Yq2Rh2bV+v3wfWf4bCBxw0WPSgGTAmF
LKjPR7u4H6/gJBiAn00848McHruPrh4AAJ/zGm0lgocN8p4CNgHvxfZHgE3EDwTcMcC/F1Yo
rphkCyY9MElCBvJ4qMDB9jhE82d0kYgpQLw+JPk9OaZMogUIyppfUHd7dd8t+At3jAgTjrpc
Ym+86J8zNWa+y3RbXXG4PEutTlPvXJ2embyKTu3TSYKqqJJ9C5PzlqtTUsH0DxxrN6l+jqy5
HBUlVR6x/vLHZXJF9L5RXSRXAc8da9Ijvx+RTwiBlUtcM+2nXSN5pr6XaPC7JatEE0QQG2W+
YeoNZx385QrIWDzo9yCj1YhPyyd5BPnEa/94mYeWMcTjgUjdRR4DjcCBJEcgOAoExwfl9fhk
DH4clT/Y4GNML8I5jwss6Xj076UPCC3gRx+soxhzvTgiNipF8CYFBzwURPBIwLaD4gfzffqY
lgUg3hwS+L/AuU1+CDQX+3RyxiX4zT7BP1LBzvE0OnbTAAe7ZmOFm1SxRh2mSE9Pz5yblxgZ
w+y5M8xLWru0JDtnWa4iEtBt0lGXf8lXnDgjKywKU1m1Ag9GJ8Unnh/V54e1LaB5BYGfZIOF
y7aubxtLGkbyTMstbTsfuIsm/g+RWBFg+VAnvx/WWA098J67x7+D3wDinkCIvv3EP6f8RwwU
egEbcn8Pu9jrObiuEIj1dHzRfE49TIMfICzwqvm5HiqLKOKAc76G3ozFL0+Adn7I6xN4NbAE
He9iGT8RygaI+XweD+gV8Ezc0zZqHrEoE3w1JDLnn3BnYTAJHpBoPzUGeLcjHSOY/ZHxMlwZ
xHvc62GuhaGLrq9VrPP83VvzEqIjY+ITlQWqdcxFZyA/ZeHKncuWb52bGWsJ79rzZIl5eVHS

pPmXrT9tz+LkpO2jq9mNB0bw+GwMflCoJr6wjTcb2Ygj3QJ+0k0jMjS6o6yjCCfHP+ph7P2P
fn/b1yzk4PemhP38OIeHeAskpOkmuuRM9sFerKBAbHFjvR+2+jmL5Yfent3e9rw6ASh+Qi5a
PoW/RxWTDV+8CIsBUgMIdGAG48QgIiGSLJLPQtjHGUFPWdZjQM5lsYem30fVPoG/HYrFB9/Q
ji3jPGqz+jRa6sReo/sL01a55FKOzDe5XboGumlcdnnT29QfWbxk6aLKDi1dkGu1SDEP5ETK
Fx48eGBt5pzUPMsZG5fs7K5esno343C6s2dGF/vNb+BQmYvdfjHJF7OIl0ecBmroNdHqlSjT
7d7aLofUODeQJIDiF4We+K2nwGX1Rml32A6FwMHBu5W8O2f31E+AVEsGQJuN8JzzvhfB1LLE
Abiq+In341590QJ+oPit97anFmbqsUTQyRP48t8PXVBNeR9xBPgBAnAFXrzJrL6haADVAVho
fQJhD+ikFnpYV0DzjwMB+8yhPHYFvdZOwGynmaa7eISyNxmv/IWdlMHDbfTuu+r8p8bTZrfg
77xoi7x6jiCOnr7FDtSOir033By9X5Vv+c7aiIz09bsWLUyTx88ZQyTrxdhiIolKAD+fBHFq
8caRPknlijbLzEgB5J9dKbemKcCHIwKFwDHkgfzOkQBrf++X/pxhOjQm0pO0Jh6mEt9AWQyO
gMRNdsuc973Awc4O4tTyWMR9V72neZ63uP3QW1Pg1b39EecQeAjr5Kdf52T+8vNniCPACxaA
+/GQvaFuHfQUcnCOhSPkoMUW6H5/HvDM0OPgdt4hgBCJd4KGVwBNHl54x+z2HVhAGOC/FvNd
smc2x4DBn1myOF4bsN1G9+km6taabHu6aPvMiHynaUhX9hqoW0lFlmp2fVL23HWrlTm5MQrn
FLZ+3REP8YtJ06XZUaHBn3R4Ul3vbBvGY/oeB9YSXOVj8YQYLtkj7fmdOYxWQAOcCovcuSTg
qY6/IFY8h4sEZxDGHoaM41zc/gZX854fJYeGB2giPUGz+ZeAVBcp4OF+erlLZPYcNDOAKiaA
wvvg28vY7ecH8QDC//P2Fpt/wcxiMVoluC9/Gxkf/f27aP3iTxTiIoY9b1kdjD0aCLOgOoBF
fYIrPNMe6Vjm8yH4gzWvQpWQEyrE97n7TgHXfGfB37VrVRED/P1+EuTame64zcjbulbRAJ/Z
KygjzVMzlEYkyLdY96G7/qtWDFDmHhuTZWdU/nx1anJa7A7nbEVfEba1LVdcPLP2PFQwTKbl
CCpOeTLeK4b+U7a9hl/uQJTpgx53CY5Ap9+WH6QbmmRCAPx/dsXYo/CSC2lchA3YmLoclP8j
t/o+dgrYOLrz9QX0q50JhcmawgAcNnxKuRHvRmLcSNcOFgvvUUXb/+FuvUASpuSGVHuzs99g
8IcKAazP/vObb//5yRNcghtI85YY6x2qeSBHHsDPtjb8f+Upr7HSIkRK/HUI9SpUfASC0gRM
Hn63mboz2zBUvYe+ahBuak1bIAA3XGn2PUDa0GGyc+t6rlPdF/QuYcC2ZMVRSn+Zdut3Jajs
c3Uv4b4do87h4nUbZfExSWnJa/udJa/NHbhuoEENPlWO71dzQlhidnp01g2aGOB+O3/Nz0fS
X17mnPW5/hCe/yziCQRcsYgQCQEPf/GW0zDphqgi0IdoMMREKJq90OhGB4ctIEgSVcEIAksg
heHXnsXzqyFFQ/fykRyr2NXXWJpgIkbW75rd8OXZBDcU8ZqIib4kfH/C4JeQMLCLWEp5r/UB
FVcMscqEN9/+4KM3XwxAdyXBK9CPdoPzAoT8NPjRgsWBYZ4KT8cswTE/Wjw+GTyju+tZrFcm
kbBAJSiGupPgN49yoYAJ/tbLLXCcA/8Fo2vq9v4gTc3o3TfANE9rtrtmRT/l5o3Xn6+2m2rd
TY/ZVLPGEva3bS051t4+4HZlo0cLGJY6ZsLXxaQWLChRz1o6MqH31+EaitLccCx7IfYoVyQA
RhzJIkWou4d4xKHY2O8YbpiHqvVh+tkK/olH3cyVIYMIAYcfwCLE2EGNx5p4QpHHjhenvBgo
afARkMhKykIZIlgB2LEnL7mhzaHoPDAUGmt9RdO4o5YIELJJIpj/sdmH/CjETvyQUELyyAOT
nvv9AwGhfA7tfnxpr9O/T4/0pDfErGAR91/woiBK8EkE/rf7Bv28d5KgLsBGw34Q39mL9uht
ZuKZ78RADwb4r2THSjchbO6OSPVHAVVnXRysrbu6Vr/sqifP7ETqYt9D0mjwm/scYjtDcVx2
cU5a2qziEXkk9WWA6nnMzp2/46CSj7LO9EaSbGfB66q86yNydhhRS9wXhAAq2eumfQWV+QRc
iKzxlFtIirOEtFf8k894N5ZOotnldraIYOkQSbD+lssclGUIUQKYjIkbaup8ZRKRnZYAH/D+
+yYc9D4MG2sDIq1vACwn4L4AYYiET1v+Z1ocQhSr209CfwHxC+WNooc5178bfF5nFiEB/lYQ
JhxPOj/mwH87e4MY4M+KS0kJK+qllqRKZwD6uz1i0eSfS+tulEW5nM7hmzfkOlIKdsfGhS8a
Wv3OMDe1pLCoQJ5YMXLPxXCG8R5Vg3QWWyxBJWcBm0sKSE4ABOX/ZV7uDeWhQZ7i2jd//PCd
SGdihe4rqPThhLwzbW8/1tIng/GHP1nxjHxzPoQBL/gMV1+ixbbAzNOq35d/B0kAMhSvCC4r
Z+0rkAlD4IcMA+usL/CjixKJQbz/vpef/mZJSWHpmn2rdmpc3MfthCVHicw5PaQPrapcrkQg
dJwOVISPSBt+vGA96ZnDvIRem7nutT29e/3voIifJRSROOR/jbqTbv+oU/wZ4EdaXDnpMXnF
CbGZisStt3r6Ke3lczYGjlZjn8m98rTbq2x1Ssi0drpe++E1BprJWxjmENL2F0RlxyuG2J2z
KTmzYEleckLbbXpIW8A1RPRyviQoRByACHYiLGz5XLtbT8jP7SCeDUUEVVKu6tY8rrtROYm4
5BCEB9SztlrF7pAbwEaeCMH1NU27AiDEZQlC2cSzdPBlBK0uNieA51aBp+Mj8PvJEAGubXhf
2pJws54Q5xNEr74weQLbIhnwTK5TwfbUZIs7j3SC2LT0lmQSm0eKYDllr2LW+mxuP35QOZ7P
vp5eeoIJ8cHBZsqW0UV+cQBuYCqjqDHHwR2llt6i0tys5Jmz0tVxGalRiXPaOtVhhTQcB4xU
ywUDvj7khuhPOVfgTV0o2DoYme1MAb/aSm12GS1BO+1aPP3VcMCanL+cMDvSNWFdUWpxxFr3
4LWioey8u7Bhw8yoyIikwTIzD63z09PIR7YYIk9OCDnpMZKDOD4cbih6W4oMjUN+8Ht5Fm7e
87UuKvjEZDz2Nsvxg5b3MPgnkJB/mEynPHeD1h3BknA89gE6HhgV1GA0lnUuxXJMKArk8pHZ
fcQlf/k5WGYyUMQD3TLvBN9cqAygRCifIEX3P/HOC/fzrcMFiC8dX+ral6ygxgl6tHSRD04M
FnLwcsFeywQ03UqBC5kEITpNeWVEI8uPzjnYYV1tL2CGACdgMvD7/tBD3VMbA/wZ6jnpGdLi
4mrD0ulJSmlyZtrsxab+q1TnNdzcb6bMBqMHN8TU0U8dD89P+dlJwHPnFeqoh/zBAHYTmsIS
rSOgT+Rvdynl1EX/FAmRb3Xp2nkQUh+Jm5midjMz2lxZVLx60DF39QnmvWg9zqI2v497XNjc
0IncBx5mC4R8kuSCiud/z28Z6nPve5ZgW9Dxq4uEDkFLZic7frAZGyfRBNC0In6l163r94Es
By1b64vmA8kElDeHfRczCuQCnkgMjEJhrZt0P/K7xRKeWOJLyiuf1ghARcfQgODgiZASsQoD
f+yIqIbXLeDnYI4y+fQrb74oYLH4QaCRxCifXhLaLD/LSdjbdSGFNUwE+/15kD/DEjiJhM8N
AKmWO6fKSt2ZjgAG+KUJqTHQfmumDAdzEpTKuNQ89fGKhL3LY2hYmU1Wz8TtKfdMW5IRddXv
wbQ0+A1VZTe8XF1rZngkuMX1+7AHUp2QoEidfe72PIq5HoEM4yWRa80LCr7v8deDUZ2NJKE1
hkW8fnPIZ1uDEmQsmpd2f6Mzt59NsuCF/7bXhfTPIoQS7Ctb6u7NT9I0WPjT2979mDag4CLN
HJIgbE16h0iYtMPFzTssF7+rmAV8QkkIdryZ4fDNkoL8BQ5XvZCNLwOxd1DAEiQmQ5EEz6O4
ls9xGmOo/acF1FyYycGZ/OpnX3wUjHwZUSDc3bO2J9r5nIOH4JU3eO1R61TRB68ODjx/hbCH
ww+k5ZDLxxn2nfMEg40cGODfnJut2mx5gepzk2RydVlxQlRaanzCXsdDd6xa5mYqS+/8sJTB
TI/rb2gd8JnQqN3OrEAdDk9XF8Xv8LRzy3CaMoznPVLkqjiQJxNwgiUTn3n28VAJwSNJbI/4
293trjl/y/dbB/UD4JYgKEocXZYsLIMNcH7HYW3RvEZAjCzAvPhJFm2Vdkyq52PT/6L301bB

UoOcWwTTD6zJEc0LWH4rkA2jeVzGbJ0KxVM1g7AFf7LbKf54kZmPPDzZ4qXzSD4pQZcvDOQJ
sUZGtpuJXRaLDkmBVyLDvvrzQ5AvwOn2B2wULc3DNvDDB496I1X0foT5vbAArRnUj15Ki4CI
UJEfHgs1zsFvGjr4TVqUoUO1NHyEw4kZi+blqdPjs+bIo5xswqpZU91V1PtONVNdbgqtRr3b
a9ofq7w6yJvVZswsLoo87vHj29TsoyIIlOdHmX5h8Euv/uERBEASydWxXKNy2PRZDwkfnuMr
eDyHfHf09gdOhNf+rGv2CqfBX3MQSt6HR0pwRBJozrFp1X2LS9xYfpv02lFDFWCdXExlkVv/
1vMxhPXcUGw133f+Rjvgjy0h+ZASENmoFd1/osMVDoNW1PMZzu+BmeYK8eg9Fk26e6XLTW4Q
V/pJAP99i/vbM56/nyDEJM4SBNvyNppHHcD/rNffdgr+LkkMknN9EegUXDaSHYa2otGT7hzV
Ib1eTubM8GsE63n9eN/utGVlc5IV6rl50gglUwu96hS1Kyrcg4nvq+px1dMzuQd/2ZSFg1YQ
OKqQR68a9O3f8loFMPb7+CmgvI449WwQkX/n3RdDgCSHsmQwNPJLt6Mo0fZ/PhIQOdjdJIQg
YsF15M1v4wA04JV/3qFw9R3u5kX8eS5zViDwdLh8Or2m8molvgC80uC3rVm6f2EUB2PFjkec
q47dL4KGgQip/QmZ/DqpNZU3yU61MvzLAn7U9jSBDYPu6UT+Q64Z0WVw/SzsgogehDGA534P
PEMR1v22Fxy1f3AA/4dey92QnWBBWpL48yDK4n1/JEiCEPLFYo6ERRBvGe7KvL7ZL8uPB+ng
cR2rZxdmqhfOkUZHz1khjVzL9IerZ6oNpp1lPbrrzn6Y/srWBamlPX6Laa6MHLwGhrmrevAj
d81nr3j51LAl7xpqpvXyiBrZkE4Cs/LAW3945TEJSsYJBBysND/BhcZ+KZQGxp+9hyBTIc3N
EmF2Dm+HM/jhjYSjMylttU8RPIIlIXF8zt/DSHRDPzw2s145fqY/Yb18yPcJNtgSL18C9ieH
4oRhsPO4JQMaEMJHtUUxDkKmUvbpvhaR/L/YKi+Gf9vAz+Gz+BNIaAUk3M7LPno/LT8CA3Ef
BS9fi0MgjgSXPxJs4P+jA/i9D0lZwoblhOWP0DBjSwY5MQ4LyQRjfvTmu0ecb/Bu/z7bRe0I
j81WSxOydh2dO0t+yMGBqPhegcOyPVFO/LO6ZfHTinaVLa/z98xnZA7I6fdz3V2r2lY1SI/B
4I2TdDImfCXiKntZryqhFM0HCv2El99547lADgFNvRwuy10XvVWHh4jw9hOb3gJ7zQoUAPgF
jqOIDoEvykcdRASbKeNXimJzFksSgj30FzvsiUNwCPjIJfA8opJ2ox8keGJcWiM+tAUlBmD3
s4Mh047w79KjrEDnYnNDAtjg9//Nspzpn7dVDQTbmbMAWNb8HAul/XHcErjPXXD2V5wdEOHl
7axVfpOFlHTA3XnD+v50vuAAfu9iJQ1P41iJ46AG5Gsrh9gEJXNCMM+ReHf8hPqmkQd/oc66
KNXLUubIl1c3m6nLpVftwtgAov7iMByWlcdddky4yiMjlqLPD2T5TbLaf2Tw4B84USqNj145
cvXYG3lJubK9XqOwNOylgn/+wBuf/Om1R0kYIMsXI/BzXP3+dSwr+r012uyH+RJC5E4gPVBC
7Miqb8EJfLFTAKt5E1tb0UScl06z/f0sUIWQOAa89++0eznlTh4uaION/8FeAXgDa+9IhGxo
Ek5z/s58XIgnJ5IEDxUTLEnelodhtUEEPRZzjpfKzslBGoc4aiGE7vuA90KrLh8XNDiYlLOL
hFtD4Ed/eshazq8nHcDPW+I1MnudTpQgDE/yd17XFVjE0I2IQ2h/KGfUMTzEca0j1wTAJPnU
WAdhNCik0iQa3AZGlIIRom3Evl7PUoe2k+6iuNQi2NegLvMwqtPzRD1Hb6jVW9L61C+K9auS
Z68fqR/gjFKaWyCNvkL1upALbWXKr2EaDASFnCffe//9j17ic1DqHyteB/IfcjZIVx+k++yQ
nT7j+bTFwCqDuX9Qx5I4RSXgVrOxZDZj9tQ2hCWEcxEtqcdQ7IOAmQjAEncPeuulxZJ8Isjq
2x146gDyYjh8AZ8lBL/3J2cPaRNecEDQHtnpAAt7ru0xWiMffIi/mJiHt4KfLcDhtydhjKZn
6UcEl7LNOsCPBcsdSAtaV8Janh38EHWEnvTm231IW35cIPXvlz8B9Qm+hCWYIMQxzBt944bS
dzvArziIyHf4sOtjU6YuN1EGb93R54vBzhiO7MKoORefm4lzNR0qPCD33HZsnAfq8SNtXOlj
am6vnTLYlDHPsw/Qr47IKF2fFz1vhH6pOmlUXlGubHoFdc25hmDUWM6hfQJkKsDtF7/9/juf
fwPdNSweyePwUYncNVB8FfNmeCKvjDspToaTQiGYNYlT0eN98LVxUDHNzJS1EgTwOWIBwOp3
DO/qKTxgVoDrXF5EE7E6GEj1s5gWPhG+LAjmEAEAtfedE6NVk7GoPrL8JJewsef+gC0xjC4i
nrWtW5vthpqHiEhw2EwPV9L+MZ00YFlXsRpYMFEYBMuJwFpZavs9E/ycEOJv3vwa8FEIywjv
i/788t1/JPgEK0jACpLQvtpqihrvYrzDAX+u1eTu/UF+ch2i0nRpnM7Sx8himW6hKEG/JCpq
aT2qAO9U52bIIcKrjcVZqkXf4p+gARMCzOumxK5au9hLpXZLUre1IljxU5TnHpLW2IVrkwpL
EtT+KXz5yjzqSyKVmaVqaVQZ8nmcv9trsYMV2PxxEZofev0f2zf+3zMPiDgEXyhkAyON+J5y
VbxGyAB9iPvOeJuWh5T0hEJYUoiAehfLz8aDOImPbcug9mXcDCcU4+5d5tTc39Mzrvm+CL6/
4i45aAbm2fJ9x+/DixBKXoog/gh29hza8fgQfgAX1+GmWR7IH7GvIYRbZNvSBBeetGGVJilM
9liR7QetIh4NuVJLBoSFJIQDsIieNWbXfcBk+JHotl+/5DlpVhMCpRChABz/f/hB9+j+knj8
fhjKzQsVYy/lr9Q9uDHBr6O6m+GhbvmyAj9dg+3d664+DXDbWeL07e1TpIrYhHNUs3Jufro8
YsX166o03Nh7ZWOrXdmnLzesvOLbX295Tn6eLDdQAzjkaCxOSM3xmDRsT1LvzF20MFYNv297
rf0NaL3kzksZ8CHscjM1OVVVlK+Yucp7lZ9PsrkCFjGZF07pfxSEoLeRFPJA/C7IlfW6ma6B
g+X+k6dDav8B+EZ0HUzNcyL5UP/BCTUgEtj7aC8EwUgcNKgWB+1MJstb+HQ8MRLdIT7WeyX3
QiyC7JzEBsuv6DMhdwAsu5u+lhhY9wQk1B5YxGc6KzEZFT5BWRNde7rNh3rFwvLBWTe0rfIq
KAQdCZBj/A6/Yv9ECwlXRNccZpkZF2cV8yBwWeRhe47Z1G90HbfH4YSGipGr8rnPt77qfYL3
EKzogSKcQCX4lfc4+HebqE7Mte1xFsqqyIidpkDrbtNVE2XS2T/sSI3PSY1EpMi1kcn79iem
xkaEFTGa+q0JDW3KTznnmukXWW/w6sXclEVkZcXMgAqDUefGbldMnZNbop6JY/4ahd3Ba67o
cxOwM4884CZJ2JKSvzVPXiKLq/f8gPo+FnDEodgSsz5EXs1mFtDAuWI+B42ReZIIdWmkhXo8
5z6xY17O6S64eLqVWBAAa8SkGy66NBwuDqkD9jDEMpDIHFfMgTL9Y/3Ok6q4Qi449N6G0/+D
XpRQLkFYaW/Yx7kH0NLG/DoXjp8MUmFsIQQFHCKYzvL0PY0uns0SYai+bX2qLTB+F0fn2Gsh
F1PeJ2JzSAKlEog/9lgbk3kh9LDwf+mZ7QKMtj60uLGn2x6VzmldXwOBBuJN8dD6RvzoXce8
+gtYSjhADAgQ4XbmoU0+u5vA7zGOLg/LSEuNldJV5wGNHb5a2ZTMmNkN1NkYeebRE3NzVAkp
aMa39fOamdaVeqdcRr/G+vVJhXaP3ehKyds0Kz13Xs5MMG2d1e7YgquTYqf/aiHQtTW6devN
A9rmawN+TRlYHbsmPzE+bIeXB1QDXHouTLUU4cmYbQ+BC8oiSY4wAKbNuFi4689B1E9CcE5q
PLJKEYgFYoEYIB7U4CKiAT4/iuJ5qxja1IgVg8SuIDZ3sGz7cIMA+jsCndBzwGT6FKe1eADj
ZZZ8+u8wujD4+SKCxSVcTOZqjEeRUIRzBZYpmK8QMFwzkAcHfMy69vV8AWEJD/wIgnUf6VUO
azuJ9cahhf73OBZcisEt5hIoX/C4lUZc+5gd/QQOkCCY8DScpBWCJbRkkhxCzCLe8aIroyu8
D109jD4QSwTotsGpyKbudfBTrduPmZ2MNk2qVa1Kl6tilro60a0rZqw6b+pSJ83NSE4tW5qa
kbZ5m00Ar3a2tZZn6EQob1hfQ1XMTphZZKvSGzpdjrgl+v/Zuw7gJq6tvGpqE0luSGTW/p

kISQnpDe65/2Ul6SRzodY2wDprpgOmN6D72O6T0eQi9jehmbYvAYXNC4e+Q6av85dyV5Je2u
imUjw73z/3mJvFptud+9p3znO0nTpk+fOXqPUDbTMGZu5hHRTN+5ZXOmjjrm2d1XH508Mm5u
jlgAZTXuSkxYpD1t3ZfpTGi2CjkRwP/RwmMrIwkQzclZ/OdchAdAMyqlFqPvz5a4qtAjkjh1
fWjUqrB3HbFRV3CPviFDlX9FCJYJSNaJ9qTCLU7dKNuBtgCYysRWB5oALEdvOH8p/2kSSFOB
xhUg9X1SXp0bHqQB+SC1AtGoucHpYkxiHVEg0iPViIXmLbuQ/xdEVjj1SWvSAQOLqIzOdC3i
CA/ZvX4FpvHQ+Q8X4uBOIk8NlE/lmDV44rjAYXmJXVgZBRVwopWsRJA7RlazpOpN5oACv2Hl
XwOPOxOCzTWW6wmJE5KnJI1a4kzT1pdCdQ5YaUeGp00aP2HS4rSxU+eO6ptgrwCpdNjYZ34W
M2t80vzxM+5ChpPHFjuOR2+Nn5Y4LmXy0BQh7/Xk7+LeWf2uUdHDRiSkLV9um0Qlp8RSA1V3
7ujdFcJCix4swGHersxZUWc5GwnzBttbk1Q809EljnkQi1GDSFg++JQAvw/+JJMHswUCvzjZ
P5cUrHsOf/u61hb5lkjC1LCtIWAedQh7658h6Tgtcdu/FL6P7wn4SeU/29r7aJC9DQkQ7SOQ
bvuQs6XS0Ifs/CqtFHpZ9Xz+B0z/TlF0A6V9zFTg31ZzCcvIXgjF7GVHUfLm9d7kWkicIY04
bS+hKaRQAX/KJlQA42ybRrtfEqRl6b+M/DV+eeaCjqzAMtYWAndKPY6v4rJ0SRdGEw4BBljK
wkLkajVJOYRltDjssELWHFDgXz00zmXHzJq2edm45Akzpk9KWePkSRWmjZqPT7hmzsipKRMm
TZo8MzFl0fSYKQJgOrd8w/rk2PETUwG9da67euZWnOiboqdNmZQ2aYiQfHpO9K9iNrrFuHHs
uClp81bNGD6IzXvl/Zs2qkmt9N5By1hJMsi/mG8dNFn0z6KTrZAroIG8lC9UZMJQlTyc0HGe
5stP1T9NqDWaYFKq49KDKg8UcMGoxj89wyJhN9MWTiYPkUsxND3R4tJITCEjooJMH+H7+IG1
JxRMeLevcm3heQYaYrDwArNaykQ65yfqMZwInOIQ1Px8/dPXxmbp1rz72hsaiFcA4x998WRO
pEIVLpFFyHAJeEtczvEPtsoAL2AsWWN+Rt9FhXfIRDVew1DGLuiBtCopkhng7M/z63kNI0dr
g9XSkHCQ5WIenuF4nPnSoj96y5h2j0a2hxgJaCBAHFNLBIeWtTj9Djd+B/Cbm2QIeLaOuP4E
1+wv35rh4oTP6z9u9OgRU7cumTDWeX3c/ldMX3RKK5JHTZ897+/UsYkpCxanxCcJYQ2aAeVv
nHvmztUGYcLz2RGjF62a0n+5ECH36rh40WW6InFUyvz1e3amJcaRzMSVcdFxI+YXepUAdBh3
oQektg26knbOXgIDO3Aw4E0hDYcJHONqWrIq/wqhDpf5ndGDD4Z29qTMxrkP3p22LJ0Y/tSO
LMZ1fRArACwVFuPLMl18COzEIQdXl3lYWMevL+bCkMwe0v1xUB6teFqqxbVAawU/sTSUzgur
meT6QrVSZPWEvPFRzz4/f/bZ2y90ZdRtWAXwRkrxtmA05TVtpaih/Xm56EOdh9R+CYlp/mCz
8KUgjRYEMnzBjdeQ1ZENdVjrfxUyzGfCj0byelMXUHVBEholxyAlBhCYx7//Zsz+ixcOHjl+
cNnU0d93Z0OeQJOEqGB4iFbLEqYUcywtz71t1MbwYlKaLU2qFjCLV/XxCHOePnhn9qx541dO
HZDmTAHZGH9g+CK07idOWLZ43qJJE8YlLV81KWWEmLqNgaUQ1wqJ9Zk2xKSkjVgoKB1quJsv
KpV3B5p6zk9L/3dRYjySx4omxqdMSozexLnv+tMbtnvh4v0D4SClUoLNKDpaOfj7mTAM+SmD
wdQGA/hZA7//KVGhVd+ZB44XI1ETW6uAKJbKboVz1pvHrbEz+I1VLB+W8HjAosbt/QXnNZg4
CQoViniGCEf8pmBCkHQf6PbKLxl3lka+DiLgaiv0reB3VcwYRJYpJfEpZE+//mSvdz54t3fv
riDTKWUb/9ivZheuJdAEANYJhepFcTHRXSrENPHh3zNYVcBUSmvXHU6K5LdG8MPCALqpAGpC
/EsT9PqVKCUGkRRkH0MgI6jt6z3Dotq3QStMhmxG4FRjESQYEgqWEMizeN8TvU73+PUlTCBu
EzBuv183+aJh9Zipu120LlZMtCzCZTonadLSmcmpU5LGjE5bOmn6CA/0FG4LMkBqzqQNne0K
zpuHDh044wH7/0TC+DlzJsw7sH7UdIwKHo2fsGRVagxX+St79poEfjZXwe5s1w+T2KgTKmh8
Yr2simdQ4l2qgc6xJKft6ofk9CRfInm5z1wj/oe0SPFRgBwYinAodjg/gk8Qp6SYgPk/9IW+
YSA+LVWFKwk4FjmHGBAO0lCiQyXQv57szCQ1B436GNVHX3/x65e928NOr5DYwB9ChMP+67z6
L5CgNLgMBIPB5mjXo8fDXR7voopQoKyIlBQ2Pmwz8I93YmSA/AhSnhOSJfqWbrZn6Ybwzydv
2joK4DqI8bevGl/zeqwCwCcBlQAgmK4OkzGhSjRCmO+u8AT8n2KFgTWYaQGKpTSsLVsGxWY0
8UNtaFtQYoXchlIezNY5MIOrWksZny9BAq/BX+0IsoplOkvNLR6Zm+NAikU8XB6XMjMlccKC
9bOnLk4bP23cMpeiO/0VJx+wVsQsvNXfJXtWv21CXPyohN0ONgBvLjc7dszc+UmTV88bRiCp
SxqRtiAxeg/naaRvKt2cyvvCj/bbxeeeQqGKHFtyN5rnSSg8L4NwEW5+IXwVIUQhRkLA31h6
b+F0/ZRgIAF2VEDcY+d5mLiScLZE/xXI3P8jBRZqECjqSJAW09P52vOxbXdwsJxU2iQJPtar
EaQHB8jyhL/+xYefvt8JLV6NtR1WkKSDBvfxHs7U2GMqa2tylMeUgNKdKkwDygawNmHnMlQi
sdX05z0HsJMyYRF4z9pL4kkWoj9EypZDiBeX3QG8dZT9gy9/2iheVv0W6b6LCyWkMyFCqpUx
chUWAzM9eWyc7XhCUFkC0h5EZJAXoAySIg0ZFmpI7iGVH9t9ylWhoQpJGOEnt4hsH7tlB2An
X1fw62ZvcwiPmxoE+nXaTJfixITJU5Knr8u+vmPRzNkLkkY4h2MNq/vt8eJRuW7AmUNHTJiY
ljyas58Y9/GqNBsWR0+amTp1WlwqG2nLGB07ZtwqzuZr2DJv/63NvKQeXaZrdE7/LuzgwaQC
LXifbQnfpST1q8EqqSwSdsQvXCuM638gR4TgmqE6xtM8A9PasPOj7dzzEl/HaZUco+bSD7Y0
6P6I7Izx/DDWTnVNSWMpPexmRHleWGazrhfLwlGoO/R+84O3HlXASgLMRRJMg6ifUsXALql2
FkDOxKoX0hBDrpFibWMotMwNBclLsBiIooG9eqeStNgJCtECE4lRuelhgGo+cM2QbJdutQn2
SbDEDm7w9QKHRkDw4LVQ7I9rE3CRNPDTUmLk9NrlCqbpmM+ATiAgPhSCNZfablIlhPYkQfJw
uToE6JFKsPdDwzW4MBArqs2cFpHSwXCe2WTyJSfQrPaFK/g39B+6Tvg8etcNVz89dkzKjEWz
M3JXjYPOOXEjnZO8hpVjrvv02Krz2O5c85OnpsxJS4rjyIkZMvlPWb1k1MiRY0fNsBJjTSeW
Ltzt4EXkpS7PXFjk6RVg7a1EJkOTtHepLV5ax2bIoWpd1RaJ9TwtMq90I7OZzLBXnNjK1Z8y
Uhb8hKz7vEsN9F50UEnBX9j/jVk16pXXu2Fj7RAp5PMYlWuiK5qUHGuV2HKui3DRA3a8h0YZ
wAbq/NDDj4cRTgwx+qUq2AWlWsJIdq5Tutmd2OKsSAfAjnjc4DQT+V0C/tm2Qz/BeoUgtUoB
ITfJIvHHupMV88FqJLbt0cekIzBpGtiRI2+wGnZvMNaVkkjw0SGJD1FS4EdISdZP8ZerStB/
STIQVik1IVnJwqFeH9wTUviAzYqg40JYBMgSBbG66T1PWwIc/KZmdQtcwH97dFJiYpVgJJPv
Bw5O3bsgaUZy8oyk5Ikjxqy+5hI2rPOJRGEq+Hv4HjyXLn7iwg3pUyYkLPKgmK/6/K61m440
RgwNNY6XU78186jnmi2riJssRdfxPzX2m9+JlbBSsAhIFNy1uMdileEMIh01mf86pjcqPgQ2
nkSiAQlgXBw+cYlu7icBA1w92nwTHf3zN8+FYE4umOhnfGHhb30JOyJk4xmlsHzYQVbqSilj
YDeM0qqCwcgmCtoKrFCUhyn52P261+xrBOQCFSBAIIc1QNJYZ98YrowllCFoeImLgpsOxges
JYZ2uxsLKCD9Tj7hxIwuhaABpZUpNKqHu2vhxDJ84iFRDLHZ33VprlWJZVWwKkEX9ZDwEFg/

YbXCaGioAi4XLK0w2PTh2llqj+RznaWFwG8OFFqPG/DnjhsfM7/BK8vi5j7LufipqckpyUkj
hnH4l8aKJt1uyYyYpBi0Q+vmjJ62ZtO0xGi/NFQpv37TcyWgWMxeyzmzlA0tPYmSWtDMJkgW
yS9UZzEQhWqo+Ed5fsf2ssXYCQcKWVTBBD2jXb6b24kNfUHw/O0/4gZ9jQRjZRihFPGR0LdI
WfCT/S1N+F5YzWxlaBhxtoODZTKS4Fcivw9y6MiwYWKc3tjdPnaFHlwoIOIOzW3kGHy3gd9e
DrcWlytpaBhJArwm3r4opxcr4omtwUk46JS1yYfEUQbgLsYzGChaUmmfeOspJcZQ5O2CZCEK
9kjFWJd95lOSzsMwhiI4PFwbBlwqOYRsQsI0waARKg0JBeke9so/2NxCYGR3/iam8pul6N8F
/HmxIxK9VdUt2z1pUHRcWtqA6IncMK+xvEm3a1yauH4k2aQzh4xMmj5jzNic5n1e1Qec410g
LwduaRApYlnCeZ0sYwbk3qVtYA2Q8uU3rhOVDQAk0mBXcf9y9iGSPwtmwS/nKX/7CjVlcQ4H
9/l5yLevoYmu1WrQiHiFJ+Nxqz2EyoPkpOk1003YyNrFJiDVSJWBUKMqhOT5FAqgKkIpglKB
C84bTizOole4zXJxxYKFQh6qkuJ/kB980vaDp0PR4obQBOL46dvijzoaaxckGN97iRypC0G2
IVvUwHmadf9lW/oyss4vffXhY+QHIeinwDImImQ6xmX6PmddRTBQIZOqIjRyVVioRgHXrEB9
X6mCtfjbrWoxGJpMZNNvnp1fCOPwa+59BhfwV20/ofdaaOjW3q0bpvaftGpnmQWq8m+tc9s8
h2UUmI2i13ct+pdl5FrM24ZGRw8efLSZxQ8v9XMmFub3QAErCckJcT37xaxXrlABK4XpyHzP
d7ZDmKeSBIWSYlRubHoz2XhUBPzgfi5x/epPrEMuA/mQ//vw9c5QjQPdOeXISVnBF+T8Gpnx
0hDSBIcZbhHr0ovlyTIg2AB8Qa6asOYVUd2UUgB/MC4uzzgRMEo/5IAfaXZhbRSMvG0bqAaS
sCymjraUfvlLuFxB1XF72Fk7nbK4Uy9GfwO+/xoxm8qAbygD9MucOoYuJEUN8Jgi3/zvnx+S
9yBFm1+NLj167h+4MAq2d2LhD0ESrHeQRgIdQyohEQbWOMK1KfZKy3J5Lc0FfhM/hMy44ngP
foe9t9oTYT2rHFcl6eC3L+6mZfuHqz0MToibJuYrJ6zBB9OlrWu2X3F7M4aMpUvP+v4ga7Oc
Yx0ZSqsaPcT7uAHGaxCdVkQp5cA7kTNtgrTHBOQzIJXVnuw0L3Ac+03YF1Zi2/mV6fw8fOyP
Kwnr9c6bL3RAOwHq/yBQJeNLoRm/IZgIgymu6hr+kEhAg+XLYvxLpugUFkSqZVShWk1IpEIO
rTbA2mhzkydMaKuukWoUDJbeQZoSTgDyG2jYhOY09gBARx7XBXhe08Qf9VpSiIzF9E+xvzgc
HmgbltP8Va1zC05wncK7/nBKf+QdlqIH5CSVXM12K4506dBYN5WELzCVqA6WhgRL2R4CEpkt
599l871wsJtr5xeMFbr/PcYNrj0IN1bc4CwR/yzUWXL2lN+bAMbO/kMGjCn04wlRmQ7mOML0
6zqnDhiQ60P1OwhGCVTvFT7KknxJxODFRtLzNAb76iqtO3/Hy/xVfxD7hkq7J999o2dHgJpK
QxryvVEhQJWH+CPRo2r37v8989bYZTuv8Ve0T7O51ipZeCQkvCHIpmkbHvZIR2iepUHzWuLc
6XKFHfyQEAAxAIk8HMNykDsPAQVjAKLCdv3maFKxAA2N8Ib/Ix7jvdoRPRsFhPtVp20qxGjM
Y5zzeU4cLiOEKA0hm+p3IyZv3mJ9etQuQn4xiqu5Snte7B9lM/6lUjvNh2X3PhF3vOKeTM6W
9flNTQe/R8Og5/2VahGFbcPdeq9/5Wyu21UocfT4xOH+7LvyBW5zGNx27mB9uzMJ5mtUhG/O
EvFchv4xtjCFTL8eNnZ0PapYQc5ehboAWmkPHpRkIkaDUNaq65M9ugLI5IrgUMyLLee9yg0s
fScYE/FdHlGTSMIrM3ldr3NWlxhK6oJCoduoEgJ+7buFR6hkSk0Q4uQ3C48UObvzq5Bfy4R1
D3usV2g4CBFBo3KGS3CcSgJ2qjACt2fcxI2+JX2ywPKQH7eLpTHBaGgxj3OW75svM9b0P/MT
O2XmsOsXBP3B77Bq+rvapwUp3RnX0fnbMfvuWci9ZcHvUdEg02w/X5tlyxnU3rpty9GZq8mH
hgIO+K9ur/YkGrf2nLtDdOMSd0yPho3AUOmn5ivvYtc81lwcTZY5myFU+w4G2UCPAzrEAfyj
+J0NIlIR1EZFFKu+ssUReoGrgHpzyiBVUIiiB8/NF4YTFpBUodE+/HhUGKhnq5A9x/Tht2pO
a3AHBFUwCE227xpmnekd/sfnI+j+iekRKgt65OkIWRs1CnlIQx7vqVRHglAI3gjzs9Px/6i4
alrQ3AcCEU+8+UqURKWQa4nUx3jb6jyDBDmUUcTojnLTPGMDm3iERYvtjpkFlx1MvHsmhLNu
1H/Lhk1hlbBJ810bFSqxrkghrKII8ztPdqpoc/Jnndu2bQcF2O26devyxAefjz+QZ7BYWr/s
pqUZGX5+uM16hwyMfllCyhIrbctw07WkZ+HPnjT6MDcY3R3SMG/IkoT4qwhSl2ONDT7cyOXu
rMwVzC8N0lgbKu1e0FxW1VoLwW/ETD/+E3xOpjikmDSNjTD3qZDMItcAXx0YBAzfzm/oQHS2
FdIOnbtpFG2ATqTAphy8JYK4Ln5C2m2qtCp5SBjG/djKd6DB8BZI1WXvHfru+xGkCgasmk69
n+yhIqLgWKH8qdm1oyi79UN+gJH1fvWNgVuWv/fcw7DpW53u/9oOPYE0PVD5V3jS8fYGqY2S
2AtqzW+gkaTArKp0j3NnP40GMguf2gMy5QMkbDxfGRpOapWYL3n1IY36Wzm5V//9N09fVVVj
MFnoaImd3zECeXd2zPA/bGEtm4afrjG2dv2Yv4RUytYkzDrN/rb+iOMqU5HvQRMFi2tvSzns
R8QWrXFMNZxti2VwkCZDtpmUeZm/HWA9Uc4D+55YD78QS3xDBHa8QKsZ24Axz/J4DIZubCeO
oLZh6PnLlcHEdW0rlOocwrasAMFwKduzTs4qBTBfCvQQz/3oGTBH4MKCZNqHXnrhuShYjMKk
mOl/3tm5Ip35gkihgkzT7uHemLdIi4xiM534ZOyJ/uK3Cc0nTEl6BrsplivuzZLxQLHTFgkh
ugSwcgVx665WExID/uOzxhljPPgNKcRHNTUZe6MVFMotB35vbJjiA4uW5Tp+Nyfao36blQWF
3M2rzJF8X+aCm5p82yTQrXOk8Da4JQfWrV7sFOyv74tRKQnR7H/D6YZrfwR/HRRskZ8PJb7t
BMjsNR+wfFg2udwbEkxVwzt1RqRCzx/YIsNDvjXwe8QAfmCoaxWhoZBTkBOp3B9MwlR53EOB
YiNBUxo75bLyI0wX/vpq4w+gXAd9B8DPV3d46c0+nSD5EIzRdubh03zVMsDbxdCFumMYoSRd
6UpWGwhKwK/YW2iafyOueKhSi657pBt6fwrbLwcSIaxNdrcNES1AW2IG57B/UVmUtBr5nPt2
DDuftoqdAYcH//pz+YOI3iY27vIR/AVnHCJ2dVVmzwX0a46XWq79tcv9j5Qfnj12wuzdjcHf
fQ4s+lMT/y4WbMVnMnjrYt2NHu1kPFb/lyGNHOV8FF5QzYXZj8U5aqyKEeqQe64DhvxA8wfS
ayGS9zL0S958tTvrC2iCMVo9jO9bI4jPr1Ip1CD5oVBiowBomXNU6NKhj5+97B36+kApAshu
IbUQVLF4SyCMiFMlZDHgi1Gvf9gnCopflIS00M45c3azHSsoCIsKsGWtjXk/ZruFkxrjnrWc
EAc64iCIy6jaKQeL23NYwCDFJ/uMdSZ1I9+WOEkblT5KPC9cOR3fTulwq6QvyIhj4HHwfdlK
0y333+RX8Btuwxpa5vigTS59L3WXDU7k/ZK928o8jASeKbfU57j3wbNnxMXGj0wYPtkeTSvk
WrFn4uJHLsJoWaV/KrIbLjsXJRS+xYQCPIOlfJ33TnUgdf6gQREBLD/mSaEWhekk+i5BWUlF
h5f/N/p///fhI0jVV6q0pFd1HN+Xkkg6DsTxgXinBEot2REHCF76vgj0l2WkszfYCDKsZ5VI
Wamdb/gwaPgf0c0KhWSjtOtbH73SRYlatmQvdU6cVWPcI0jJaNFUsLXiGEnoD1g6BwQmu8eT
TnrlattgGF71zOcD0q/fPLB24ayZk5ftz3fpg17/PFHxBFBbZ8K71tSc40Jrfg+zAPAamEcL
nO5h63vWwB9ZnYNW3fsuevcgiOj2Sk1mz8Ffmz5y5u3cWcncSLGhzAHpvKGTnOnx/Ti+2o2s
Jt/YreSY8RMnjpsycVgcb5Jv/ZCly/446a4Jb1PGYSxzlUgiMOB90OWvX6AiB+pgkT55zEKh

syyQWJ1mwMuTX//w60/vPYp1O0CvJX7rFKG2FrgPQo5PpYCUAtbKqIX1y85ijEBK2LpsYzuE
EYTj2SpfHvRX9sFDlJEoo/vQR1++0QFuU60h8hbO7BzDZySzho07IHARwdKZMlgtTRJ2f9jO
YDikQfBrgkEhj5G+8t4zfd58DK5egcr/7Z/6zbl/cz+2/6kd/KtZARQsdeIeNgF/HRMID7tE
bQzbP1M05vHC9/hvnze3mq3f3JQkgzP4M6Jj45IThg7ew9e5yh4927fPOcCydkhS9BR2jajI
NlhWTGhqVqVhcdzE1HlpqbOmTImfy7d7nY0dN2ZqWXM+2nlEZFdCjFNX6aG5TGh3iLGr1XIS
XP9a8IbHsZNTi6WxL/3y23dPI0kuDNitZD3g7WQ7h7GiH4IKkPAjpNS3hc3okucZW0KOBMFZ
aIKjQb7Io1dRFIVU+qA2mCPs+eV/Pn0ManuCIfMHtshI52MXkoIijVrBYDSRbZGaF9UIfpWd
yat/Ed1z8CYgDCcJ7fVeLwx1SOVWSi3TzlFA6bySre2xgf+q1EaK6MOdbmSdwf/vwKMNaU5/
oxH9n9UEgpHfssV7Zr/6/OnDk8aPSEsZmSsSDzdtihngHBw7FjNkGJvarZ4fu8NcnmPDQk6W
mFtSpxe6/DNjxkMh76JVm9ctnjyAj4ltWpu6rVmxTzadYFY762FXq/6KFtW8QH0fiHggBf2w
sEbAdCutBtzm7m988H5PcLBloQh+VN3jLSk/zIbYScUteAxoIsgOiFzpl9YO1cRlbvsQm22T
WCtlZK5Zt+J22N9GGobrUc/vhvz6AjYQYsWD/nC2o7CsVi1VhOPuq5WyhkoJtiMFs59s1Bu4
hGZ0kqDjPXQFfOjJdlJ7kQ35X7Vj/OFD9q+9rT5/fR90L/BeP+DOiTMyltLLKHkjiPrLcWor
+D+stljuferebGolVgMP+G+MGR2/3XJlP+8+dnL5tasQcNclzJ062MmuN+yab7WM7478dRrn
NcxPFLMBrh0V+mv6sPGpi9dtTV84f+WUcRf4axqa9zGbwDFWwWTm1+Ky6L8gkA6FfL0czXIR
NntfVjYWymHb9ujx4gttgR+glgah3C7zBm8K8hRCJkRF4CxVkxLcX8QudSwp1pUSHzqo1/ez
0scj1UeOle3YM9Al3Z8Tjra0jOzcD/2eNOItrV057Evng8vfwGZFCsLdkTC/mRt1shWhhGG3
wCFOqYJWAGCqgDwuFg/KYAkDHj6L/i5lrhQohullYyKPwqwCGiufcbeLasx8hKNqsRBzIDN2
MPQuYB490+LYNxgslvsq1ffvn9sFDi1cOXhYyhCMqxyYNGaJcGL1n3TbhDZWGCx518QgWi1Y
9bs6YfqktL8PLY9PmJU2fhVGlE2+8PZ8994KTzwC+3oQ6X3NzLEUuZxoHW5p4JSrsGhXynwo
bHWWfMKSbsByfrTTY090VSuxryZq8TN9eGtfryPSlERsAwx/hE6EaBnaIbb5HMGi5D1MxV98
zlbYDv/j0ix7NSrhRAJ4Ya14LT4x9pO22LuCCOQ8lcunFARHK4nU9nNl9uoDMPudwE8qHuAu
5QplaGQkpCjC5FD+o+oQRUyAECfhtdMs+P+yzxuZVcaz+xVngjEuCfL9wvdfvH/brmJflOub
NoytZpM3ewb+67ECGdPcpKEzFidFD0TX60amR7ycutw6ny93Y2L60sVrty6dP3dmYiyxjXWr
b7Uk+E/MwCSXgmXLLrAUuJyo8HlCUA1RQVAOuCkakYYCVZjuZ5QQHWjfuUuoDNcLkPHCz17j
peHcVJNSVpK8C8aQGfO76LXmhFnj3uio/Ew8ssvdrCr1MLo7s48nkixZKIJX/fnIhJG/giQA
pCNlsPdHXOQR/QZbXhsmxYzb8+X2iicJQ/qFc2rqT0rxJjHpIFXIIOMnJdJBUpYgrcjgYzMw
ksZ6hffY+l3mYQfwX8GqRkGz3ysfuBVZ5C3CB3ABf4kAKcxyIGHS4hnDppzg4bLp73i6J5v0
ntJsD49KW7B06/a/1yydOXgFfLHWUjQvuzmfz3HnUpR0DQE/AiryokVAhlIqkwNdV4XyvoNE
zn7naRaJqqiu7aK6K1C9DmWrhOR2ze9gRT+78ZOuMqqjohd/F7sIBQVpCBg/Zxfmq5ijC9ES
obyZPFp3EHREhYC2X/y4OO2rLkRtFO1+yR4eKWJQzVNHkO27V6md3Qx8AkL8/86+EZS+QlhR
bF9dpUoNYp7tpGz5DxPlWvZ8LRQfyl4HrwG/+ZrjbHoPaQYgB37z/knQtzqG37H4sSkD43mK
tRrqaoqNvtH+nZeGksZgQf3CfuPW712zZkbSmEGXoaxnxGFLLvy1frebFcCJ9qC74WH9oGHf
NVdyL2bMUKjrOd7FbT2q7WAbKZjwMDu7ixUTX3sczxauDoroGqYOgUR4kBobW0kFlMlGkZJh
2ESBKx8MPkUnN5bWYACbQhqlRsP9Q7tbgo49yZz/4fhQal/HQKAqEuS+Ge0zw6szP4tgS+qw
qHejiw2GmJSoI0D4Q85EsG7KPyHIQlIQ6t3D9u2i9kuO9AeY6ooOIBrAVuuo9gjoCyjPOZAJ
MUHwutH5WaBJos2haL1n4L+bNmDMGjborXeYig21/rqYy2PQXW1g4Vo6td+sRZPmTowdCHtD
efLXbG+L6i23PLDzzXaF8cxTRm9TNRzww9xWYAXMV7yH6vuwzXIw3q91FPpyHRfUbPpNGQ7Q
Bz8BxCghLqbdI6JtjSK5IJsnlXXX9HZjMM0nO3Ek2fnftHmkbxAaDZYEhTgGw/SvIfFADd0E
4QY7wuNdDFs4eNtS3PpdSqLzOhI5QWiAgfIdbEonuwc2LpeRgEjUNYcOpHbdH6BHAY9JSZjN
D/3Ld9X1QOwZ1jh77oSzUYAXHGOOVzWEChhCwe9q5Zhbit5bevwqC6SatDSC/lq3JZLXL3p1
dcf+An3em6sWsxNMt3B4THzckCRS8H3rQLE3CLbVDZm9Zvk2ukdjiEYGtnlwYJtzxibC3cO2
W1q1RGvfcgVujjDoSJ8uiIADf0cKbkU3gf5ao0mCTIqamUyUulN4XzdXvYQ4+BEE/I/d5Gz9
DKnVc8r138CGYBJ1JEQeZMy78GCPh5FlTI33muhy8pcYlO6JCCO5hI2NCpzYkgi1dK7aj5xm
76yJAmEhKlsKvo8A56tgwz5OmNT4H/bolxxzdlW92SVBR/HerDu/tfAVdj8xdT393PkE/DV5
DW7Qf2CtVwH6ir8Tps9LHh4/kt0Paw+tXjRnld2obLhZInA9LpkHc52hyXHBGqzIk7G1tAJV
SDWow6vA0jK5TKJkHtOJFhmcZNWloESPyEcToL4mYM5vJssEeP0QLwOCQJtX3FStbSaF7Wqi
oqOyR9ZGkkADxgtfdsDTetIfW40C+1KyLpS8RC6tTVs49DUXQ+5/pM9dWAjpbzWnsVOIRMK2
E/3HfmQGYdtblb5lMquMjnqWh7bhPhb8b5pcIo4wvq+xBHDg/N7V8JuMbvj9wgxYhk+Ozwxp
NTFXud5mhJbvFH+tFd7WWqUPHjVu2oyxw22duaptkxYuLOP3jbzfKZ81/lJT36LB9XYv9kCe
DOmrIdgCL5FtNI/RfpzmyeKFwrsI+oNUhIcrIwp+nwj5WI+R1CCa/eBUMO3kc8XvJetpVLZU
OdHzM61cIdCwcdDWgEUBSgq1JM0vWWMvJgCuMvzWk1U8wp+QM7SCf67dEYeOZUQVn8NwuNXB
bvdjKz+2G17Pw56+kUJWZ8hZD/UCsSDiAgP7XrFLjMYWuCA39HYzQavJ6LnZb27wrFxoXWOs
1lBe2nTOw7bYianpGTPGjHZWtoPWG3v+nFVuzF62R+f0MyULEv714aeKZ58XyYWYz47E5nZt
UTOfkWcKLBuHoKi1HVS8qbSkLZ/EjXroqc72jvMSFP8Vbq9leNEGfokmBNJlTNdD4qf+AQMU
wWxE3u6kFEKwUqohLT+5y1ftL3BLUHurxmWhLTnxVrJKkJzaMy7GyFJyKeEhZJu3NulYjGRc
Jdsye5pjbwCr9IdEQZa30PF3PX8nLBP6F56bs7X2CQD0mwNr53fr2ZIYmjfg9zgKeMGGmpKN
qeO3N/VGimaOmzV59c71s2OtcK45m29/jIYry2emjY+JH73cidVrqDL48C6yYsV0wa7PHYr6
mhrC7lU7xvGNVqEgg97yGSOJlDNyjN/LGaVd0kpo7JbZSPuQ6osAUz1e6MjXSakOokgJXftQ
Gy/dnRC+RC6PJMIjjToa31m1shzzkHeJCG5wGGmC8QExzrLCSfERHtnDxXnJIhk4dQghEVmR
uSeYzclLHLuDrrPVJNjkch876c37v9MDvz+Mr/afSbfQ4dMQ5iF6CP7j4tzJ7BzLpn4j44b+
28TrzB43ce7E5MlLJidYI0S6uBSO57D/r9gl2+fHDVzgI4u7gWvc1+SKLRl3l7JpK9KaItiR
g2uqZ1c8Yz3pqQkkdw3I50mZjiFvubsCMo0VSN9ho2vjhA78P45qLibLQO9L1LeZjMU3QIPF

zfxbPbdlvQxb/DJvcnRQLhCJwJAQUrEUZ+90g6picGSECxknj5QKAuFA0rgtn4tgZGFSFvw/
NO4qFSQ4h7qHZCHp9KeXvKyB+G2XDur5YMH0yKMwbrFUn4MtUb9ws7BYF+yntwqLU8akpk12
r5wr7qDcmjhm+uQJ45JjZtqogacW37RrfxWkJs5ddXz9hFEjfOj7abhayCPUJTzOoOENPZ4x
8fy0YOhC/yR2sJYq0TFnoDmsuwurfAE7a2lINylUwF4hdOCkRvDLIlkdoK5iS2tmBGnyQYDe
zU6F2MM6D6iKyfFcjsshKwilOoxWbvcRtrErHcA5xEVmJU9BRDNYs/876428QuR3GVwQPqlx
FORHUhDxP74s8vYtXYSohco1NfA7b3VFM2rcPMjgd/YiTHd5os02OT6SIjgaO3X6zL/Xu7Xr
N4pq6RnWD0yYmJyUMOgQ9y1WLmcjC1vilv4zZWLq+IREnpRvqZtM0MHfpnnHRxgE01DD9uj8
RDj6OR7NbeC6KRWoJc9EuzvrAHAigPcKPe2wPZVKsFQvXdLYLEOBJYDIprkqfN6aZ2DnBlUb
CVbRZnI1wGWsNc8pi9kKhb9tpPLwIFUj+S8PCUFKLAbu6GLk3W2POQ2Q7kBZ/WfYlIu5P+H9
EXHCzzgP9hJBvQRZOcw3ld7PR3jqSlfwV3QIzbovtXgCCfw29yDnZL0XkQ/835IpQ6YmDNjr
7juHBolTNSpXj42Jjk92tDzn/9JvOhBJ6mfGpq2fPjopafwEHl3obDdFXbtj53jVK6DsZaTv
BZE0/8/Ch50jpi/2uYToANBk3Lm48ajZD2RgTagUZPm0gj2iTyo4dBkQqgINUCXz3GXhZfM/
rFAw+vxB9vB6xUOk1FfiKEU0Fpm5AGb8PMoa+Kh8HOJ3RJYkwnVB+g/p86OF6IGS6Zlvz78h
wjFs8LNL/bIM14QXSnyYjzeeZLoXuH6cl0Wh6v8goxP4rTm84jNee9VFqQMS1rry0PL2OSz/
uYfdZWsLt63a7qjTadkwJX0+QvvkqHFjUufMmTR68E4eJ8Rd0O9GqVf3c56tiY9S8VXFccb7
AFGonYU+14wMhH5HWtzGsyXBUaD9KUePu41gP8tcAmOU5SKFeVaBnpcE/Q9Tf9JciNXx2MCJ
+FkDfhyz2fQRxOBDpCBTAuGMT22P7WfCQcDCurl8kQoI3ocTAYKnrKY8iXaEaBDlHzu80xfY
+kVBZpSbsVk5/oES0Wxt6r38wmGlGXyVFxnJ7Pqvz/P9GdVZYZs3fMay9AtX1gzZUNv8D2Y5
oaSD0+8m0DwIdz/o2gdqliHBkZpubrY7Uk8XrFFqUaSaeVQwDXa3E/GnJXIl8HMV0B+AlNw1
1r9aeARFsYCfXPVYB5lRKAqGv/W1P3/dY7iWREZBV02G+dUWBlmNNTko5SNxkStkxXyAn4Ce
/LPWVMtZuEBpVAikOJjXHbIv26ysvo6Zvj34W8WW1kezfYCku7243Tpr5C47vdpjdf5agSNN
W4fPWbI9c0GiMHXI4Lc3MQGT3lK2H5QY+M+CWq5EI5cGYwVrWFu2wbTgVRh+IE64GqT/sMff
/wk+k9p32QAciSYo1NDXTxGGG2+S0BeOyLF0QEKCA1+YOF3/oDYJyxN+sn92Igpj9NpI4p3/
ZgN/aVfc3fnNflTahbb2ChUk9nvYGJex+GEo6mZ/4mAmlj7Cgv8PaoEHei8gAfCX3xE8oVDn
nOuZ4sX7Z6Z7vV+bnEx50/oBQ4aPGDrqAL8VUZznR3mFRNJgWxKMZv8mi7iKDuBZhVp+QYoo
lrMneBnlTwBE5Qj+IBXw6b8U9K7MPxKdIGgGKNVESKGjHtTPYjA+aK3AF0o+QudARgzuvhYO
+BUyRYSEKwiwIxiD9wj+Rs4OjF+xNQ4q97tm56oexVQGlvBKmbaZHBtG0QbLnj+vdWkzCqc6
SlHZYoJCfHgwNPjYorth+UihrLK5ijdupls5Om7+WrFcbMVNg7cWkgs9wXB537Gi7DH9+GVt
air9+Eh/Rv6qlEhuqC+LHZgVjDrW0LsHZLnUaiYiS2yBLunGyBlIsUP0DMvd+goX6420BhJV
yvBHNKjhr2KF8GRLhVPkEEmQIPj72J/b37DWKEhvjC8bOK4AsJZDNFjSpz5h4RD+ia/+FE9i
5wvslwfgB0OovS2werwDqoujPGd/p6Pn4pX21FNYtkz4wNTAux8bDT526S2KHXVdyMLnoTde
PHR99dCECbGDRt0Qv0ruzTV2vfR2nFt729fHW7X/tMGjlUb/EspRsIbwI+Je6PcooSOVqmF/
DQ9lBNt3GFbBklX6EANZAY1WyUoDTrWISgdj+4027buirI9GhjVy+B31FeGkI0YJwKR/2sDR
wJKBSjDA/O1STtIcUnEhKvQQnmgsxy17lM3cP6XnbwIug6uB8F5n265gftuaXyA9TB3e83jo
MLKFYrmZ6gbMfqsg4Ae/Mctq+9VervGg+n3P0PjEGdMTJ8wZs8YO6OzVq3g1geptdSMVOc0n
f2ioFHgeB4YlCOzMd9eu4DIFcp8g0XMk7jEvGtyV0+J+q42QKME2ZnoIKM4Yj8HzKCSNrkCT
U4VC2MwO4bMewiidLFjaQd2uZyctxOYUbVSsDmZP/u7XSxmWyA9Af9weFFnBkNpA+N7nNsJN
dm9S5xuiwSz/o1lOyw0wmvS8lCMg60pRrTDiGFfLhHQGcIlDmI/OP0ZJNoEfO3QT8DMUiKtI
ZKzAxaF27/iU5MnJyzLXxtnMyOKk6ZMW8IGm8IgVl4Zas9+01vJO1Fmq7jbOt5IDAjHBM4lz
bnOfstnOONz1++DjnANvPkG46SRQ/rX4j9/sRbpPKMOwYS9kwsU0Pf7F3jPAH1CjLDDD7BY+
8vazpJkdaOU8/NZbD2NdnSpCEURE8HvxGj4HQFwHZHZxteqUxQ34YREhcPhtDKEjGO9TaoJJ
N4DX8h0lfXnr+YEhhasOGDfYXtje/a/qQ6tG4CyKWssDEu3nIrN6+BDi5t+ekDAjbXr6saVD
bHvZycFZp8fy+eCZW7hmDv/S53X4ct/4csv5tMadu0EnsGaZb+ksdUdPZK4+7ywclpc6h5t3
OwJdeMMx3A77o6tqdoVDoA7aVMmxc5cCdLekKi7VnRU64twNFMNBxzsZhO+ZMDlXv841gPcG
q8UP8psfvN87EpvRKiCpQLoDvc0XWi15mmXao7xGJkddA4x1TFf+x6bKu5249lpSruhYJzue
aOzyyaQbXsGVSI4kZtlWi0NrEXA0/r0fgeEPsc9ASQKajfz+hCD4s1Y6++/XWVOOqx1wI2UX
QVlWwuKMrXNnzBk7hewkppo7SxdtTJ5ax5MkOMLJJOkrnK7JrPdN7leXZbCUXfAwxHQ2JjZx
aBLrx5vr7dbJbYec+wLY1SLlylApbP2uHbVKHGrey3qyxSwqFTbMYbo4hj2vnzU5ZuOlIVCk
r8Idur1YXeE31ny5ovvnP//wqgId+uAQ0NhlhLpSfs+w6IdfWM3RvwsiXQWUw21XNQNOGYKl
/9gOwCGnX/YWfPdT3qeYSkp+sYQ3uFG6418t2fofKbFQCzyQ6T9mQ22t0VPwYzzfsPgnB/ma
unpL1l6D81MpLmXvr2z2nPRFaWMS+rNbmS55wfWKScO4VS6mK9Ygcr09WdBgMLjsz7V1zf4o
TH8PS104y12XYGCvSoFZQwpUlrs75WjSSRY7axKNfUczuIIbSpjK2vLQG0uDIvh3LKJEYAmm
7SVdvho59OPuYPBDA9xg1oa36ek4xx5Ihx/48whLY86CZfdGTbWC2vAbaQIaIpG2B0HBfQ5n
uPEWo+Ivy/4X15TgSPhpLYd6HUPsjD4PmLFsaDAH/vJk5mQATLXVeoOn4M+Gpbxy0nAuQ8uY
cVx0gTs5ZGT8mKkjxrAuZEX6NYvxtEOFm7nYBegN96bfiSFteMrctKFuVOBhq9NqGKUUTeZt
7k6JVFdYJoKxSR1YCs/miZesgu4X+PyAydfF9syFaMKjtE7wF4Pi/3ilHWQUlRLwLaDTBmj2
8Jjad0gwkQhm2jIORaTvNe78baZZJ0PVu6gmIgtnVO2hUNApOHl7rkAUoqA7CT9CFIQrw3uj
I64J/3nQwF8TEDs65s7MghJexjrOEmWo5r9kPvDXmiw5S1IdpCVNNwQntHn1duzWlTx+/spt
PAcZbb9bV+QD2Ovr/f/U0ofEJQydK/gC2TUJWLvgwYP6rIQJdVtJnk+kN6B5j5ZRY9Y/TejA
0lcRQyFqIAOjTfGuGDGBZMsR/JqPB2SfJ04AFBGAXihpyvW6q9Ggh5p8uQbrhZjF1o8uaVCw
C3MR3RZbn35+BNM5lJGGYRmSF7gdQlr1QulACHfZWYNXte4+5sAFcO8PFIe0eq08F2SsrzO6
LXzh9/nzJg/xPE97mJgIBVmGYj4KX0O59YcvDr3r9Q0WLFjpf9lGfcaM6EX5bphF32GViyoE
hLOZDu4XrRmkfUeQJjhIo2KimB/rhGvWUBE4GHZ+5MV+LTaLtmoInx6SjRFQLVTwP4J+cC/U

CqKN19f1G1PRpUD9AWaC7RxYfCNHmHdbbf0tXXdG1UUrxU5dTi6/6NiiwJPDwvIQt664Adab
J+sDH/wtoaV3byJ5JgFCqbmm2uhjtL9g8uA93oUU+ORqHUf5aX0VMf1rV6LJbSh3j6n65f0H
n2yGZ1Zx1V1ssBK2aOzBJQXX/DX3J8TuODJwo1Va9MyZcCGfQteHFLurVMGol8f0Eztn+VOY
XSMCGr9b+cYouhvcXskogniBi901iK3A/GR98TMwGE/adnSxOXHnQGMTggdh+KnigsePrOZV
LEgCGsPrDq+tcvpfOZYHbedvxmiC/7z/hjqzj+Avm760ygvRwLtbp+zlxBcEDRVQ4YTvFQ7A
CFr+tAK3F5efOmpYxj15DTkdGGmonKW8ve3B8UTjH8Jz6mDSHutPoUWiFymcVSnVCEr+oL19
JnxFdLAxK0DkbI1Ivg9ChpBSRZIKLsgtR/EhDRYj/MdqLyWRumBcP+zUo9kMEozUIZg7fMqL
OP1vbFzDo6dBh7/V9iwtmOev14nHNIxcyUzDupiY+Oj9HvfDMeUg07Qu3/0yZ7qyZkfVPXkN
N9oyyjYy7Kol8Wi6Z2KH24gwqRJXDIbpIKAsso7kBJXBymCJXCJSomex5ugx3A/Q/Yl9Kb+x
uT9Q3cZOPMxbNTwsXCT0gaoe+2wb3sTDsfbGyu4F3y8atTthTcE+ez97MdkOs1pi9n5AdFge
QJKPbXc3VlsXiD39xyQmDV92L6kWJfxbWPEtT+Ky5UXOsYrcfevCACISVTD2rP/OkzX7V9Tl
DJKrgiUgiCETEuZcRgKDsPMHk8azaaLnPIhpRsz1MR9Yf2QQYdNDPo8hmoHj+bS/SGbvOzbo
cBOPCo/Anf/LOutr+5pVECWMgI3evIphLPjpzv/Agx9dg0x25zHPTZ43aljcyXt5F6f4hSN2
uBcUtZRuS4xe7xigq0+L70tEtJggqNNlpntyBRtJyhv0fJSw0YYxvfkzBP+oMV+nwJ0fgS2e
Q8xDyp4CvYjeNm8rDcU2lGqZRE1KfHbwCH5LiR43S2E6x7RDchAuBwNsK91r6EsAtxc+61bg
zTPeRfhDEj/H9g1ldRSEAQ9+s1DxzKmR02cuzrhs8mdWxJBb7C5yc3Y5R5ZLz18XX+K+xte0
7o8x+3c7osiYd2cMy5Yj832NJ1dc+ynK4wSD5g7blZZfw2qPgoHFAcCvwb6YYWfc6v0xIdjV
q7eFW70jD4VAJCk6eNwZvVtIAQ54BGwyIw1ox0oZadaXZH14m0n3G3UwCIgyj3gFfhJzYIJv
+hn8xRT8gQ5+09bVAjm3spRR41OFknieNv5xsXiHzyzgbTtkJzWYFo8s88f93xo/fO6Fxct4
RHZlUiDGonG80qMTbUEd6yBw51VEJKM3ryOymLTGUAAbSAKpvohL7hOIpO3Ns43vgfSyBLFw
KSpuMZOdvlEQxdbafEwWxhIU0Q+WK/DIaVZtFCLtw2jUkk5awV5hAqMGOxm810AxI0boDfC0
gtlB98ND8NfNXiigw3M1dvSwCbf9y2w+Ezd1hKsbQbZ3+8PN908Th/yJw6el/HbQ+ePvsAOf
PJIQ6Q96tjz+DzX3gOMnJ723pbzm8WwCXWWwWooY7e6m++ZaqXUjf4az1r6HMX8ZKPtgAK5N
hmvjHhw/m2zyHNaWPWy7LjMbRZRJ4CKDmMjNXubAihcMGnXzgcTMfaPnZ9RV+mD2C1rQhaOH
Tk2esea4S+D41k6fL3HdtJVrCpvoQtR5KBp2ZNzwocv0PNI1wIENw5A8c9azE+0g6hvyEBTy
lDj2x7JwyoWwbS6CH3jDPdzcUD7pG6IOYjpyHkbl99bG24Si19PpMf3Dgn+QjZUH7fRIsy97
v5u/iF4PIQoMEtMba9G5ff+AP+BHZbX/evXBOJ1Rva//7wkudNNb//g8F2obipuqz1u6eK6Q
/k7+cYdi/+s7Txl4GvFgRgzFKzwGf/5zZJtVKKHBFsToIw5ZeLN3oKmF4Ec9vufM7kX+GQVU
02i5KX3jB6Rwj5zBVQvoDwJ+kkOsfBklQNm+Wd/abgy/DHJcSPdP9bLlLB0PcrRfJ6Saq980
bo6DKr7+kM6/24TZ2yqg7X/+KiQdvXa4W1KaLgLFMFWYC2ek2R7+5L8klqYEk1qKHWv46Ht/
EtQC+GV8rahrnFe8i2GQj4cFKNKhRqoQs/dY3Y/niHCKjWRjgLALucHtDPTYYSmCUlutXuFT
hKNP+m3soo1tKPg9BmAGL5yKD10wmMscuTi3FtnqWMsO3fDDVep2zEw76VUMIWvFdqGqgKtX
3LKeS6IAwKC6gXnyjoWe/uZwxGSkWq5WI+Cedg35mb4lmXtYVZBfx6RAkoAbPyt2/kYJyGlD
IQ/TzjG+cfcZUucfihQAl7b1e0Jsuv1xuMlr0TlolBi4QAhCGvLNI3T2U/B77NeVO7rG1WTi
ls+NGeZSX2qw72Gnf59janIEpWb20Li45MNefdHQlJ89qSTt6pWkQ57HTSSyQkA5H6T2gegT
KnHojmcd9Z+yopwatjJvAdTQlomVn5gGENYwoz7LU0UIq4gSbQ3nCqzj41hqth4rCKVKR8Ge
02gGhGpwRVBk09nfeoapOUQEOODf1iBMzef75UpEuGHhkMSRU3DLKuHNGhcfv9n0zhq7Riam
poxIrfD+9vI23uDyA0ounPCIzr6KBR0hzLzqeV3hUKwFwBp8DbS24umuU/0OhgQVcth5ZayC
X524N7OTBAgZqXNQv+Q7EvVTYcj/S4HvZiiY8CCpHBW/u9sJBSfYuASS9D+jiGpFo1bfvOAf
d8aH7+tTE5LHjsVoX5F4FqigGlQQyA3kr8r18kc2Jcxdkhoz3/vq3jtpialEdP8cyRw2pMbM
8+i3V6IQrpSlyr7sedvC21FYeBcSFKSGIDvT1mVrvdOJ1AoGqxWYwXvMPcem4hNCHJQfcv5D
QzwJ7AWhhXJBsI9YKDTeBR6/bAtXoAh3fW2waPdROgJuGOqb1+yflelLPmb30MHR67lXZq41
8ChzWhZlgLoIOcOu/2z18iIz/xw7aeTgY94HqI6OmRFPJIhyCBAbjl31LIuwmJTzkfIZ5gkv
St/mwneAORvEUgNdeMGXyEYuU6uJz91L5/6EownGtectvE3/2KrDBItQB1GgAoEcCfNV44cY
B1BEhmDpXz+KKOrz20eh2Ss5QjMrClizfNIRhy+a9fV8BJ8ye6qgPFPn7VXuHhWTsAJAuGK/
d98zrEs86MtTmc2my0mW7AcvvlfVBoxqUNsD/p4qlPmvS1AgCNl5WpVaLtV61sJ6C0kLdCzi
+dMylfUKVcf4vnn9YVhngkGnj1FxGmf1Z4KZ4N6PhMCFrKKTn4Lf3RDqzVd7pNSNQXK7zhPx
D49GYeY1+IrpsLdt2msrfdJ1SLCCH33+Kd78XjSJ5stAfwe0ccPzXMGvAPFeJZj9StdMH+9A
ng/Tnlfo81yYVd+Xdw8/EgJXosDEXwxnMXyX6SAPVSu6qZjHaVeNgDLra00B0bTDCR63BeJs
JndSPHm/CJb5Fmf6IFvQ4BdaudkTXsunGE2D4jfETrQ3Z8/Cb0BNPdvNYr3TX09DvA8oe8Fs
271JnpwQK3mYbvyvICOSBf9TfJbUQQ3cAv7OS5y/1j4PMYLOHdqEuvbYouOeDra7QwsrDjHi
eiLmylqjr1tExVpBKbA6nSmgdRO/BH8ZRPi1asbDDdo+dkoYOchkqXDtYJ53og0vJ1oeapDu
RXN9rSfny3as6nMcug9Y9PP17lxBumpDdS+XmXW1jSJK+/BrL4IUEE300eFm5zdXN3gj8NEC
K6R3UU/9lj2+SCNFsw1rSX/uEd599RPY3KVtoWqPcQ3EjyLsf9z5g+DP+yyeFtIKgd9y520C
/m948iCzgFCAVoFDwWXxc9Jnnu/R9dUeTI8qOvcp+P12Jt21ltiZa7ybtNd/SvVF/vczrJxj
GE2khC2bNXmu/krUrBVaKSmknefMA5CgSYHgB3quZ/InZ0NEwG8xTSXCXjwsyjkkSfiyo0dg
fJd59o1Xu/Z6hIb76BAGf403jBoT6npUFFkCr2iy4sB1X37kTdz55Yw63FPXnGNrvME2sAPN
72BOIT4ZMRidD9JoZFhX087DmuQ4MfBbLKsV/NL5WdDCg3nH6S1Wdg39+Ktv3n+IGWCkU58O
AfCbdi70XGXfkDHtwP0VO8YmmVDVI0XbPdXL7555BCm8IJsph94Yjvz5n0gKITSUuPwveni+
vA7Mj2J/P/4ygJzn8x29XlvmnEw0fs88+uWnnZn3S+jMp0MI/BVTxt7x+Byn4oaMuhiwd1h+
+FKtt+oir7C0Wqx980zCjzs2A3lXo4qSYYsNR31e9NAlQaGhJNj/P0/Pl/6EOPtKP07bnS8F
WsMTHvn3WSZYJv/sPJ34dAjv/Nc8MkpL1+FhO2NGxp1oNuw2kddY//fgEatJ1P1GpsdfepXl
zwSjhpbXssR6LJuVqKFRjpx5hxvvN/W2gR9pw396er6GfHcxyzNpRz08190pP//+1cTbdN7f

n8PLVKGQz19djl7hrd3irW2uDsB4dtbkpHWVzeTT62by2xTmKkK5L73uDhiVqfFjh5L69jtZ
Xu38AH4lBNuYFV7fwlIJqbdXoOHgUI/3Dgv+EGJRJPvxpRsLPAzR6I/eKi0yUJTcrxKC/gn4
ZaxHcG3uR4rZ6y6VCmyrhZgJrMu75b+yAycOTtV+fi6w6dItPHjWn1nuVAqv7di2U+/lRfRm
q/rkoZ6m4x236h+IqkeEDIrnuE6D8VnSPic0lBQOuPTCNhT5LmTbUOPZmm9vtkAHHYLgryIh
oYJLBNWG2x6jx1xf3eSFYM9sD/J5tfgzhiULeNSFjI6awYZqr3OQAP5IkNhuo5G40vQ8GDcf
Jy0zgR7MPMP57fzOpA43TEHEdVz8KkMJVcal496B39zk6Vc6ecSEpvr/6WM8TuYbmiVlZYB2
Ge0jYeNXShhmgw8nWEPcBikoenXh6ABlRWHqXRsRJAXanlJHJx8dgQT+LTOsU9LkK6jq0zet
ONDEazK5r6Av2JPXjA+lpBtb9h7Elb/jCaoIxlcaviCVuG0gbMDR4Sh5FBUCNOFSOYD/Wdqs
go5AAn996jBrIFiX0wIskLzNPqebN3+7QtCtFfFqa1bO9oSKlN8OWXpyRqmViIHfXCroDZW8
jHt/27YMM5Dz6esAfkV4mBTZg9/TuUdHQO381237qaklIsL5m301fQ2bE074QgG81Tf6tmdi
fBDtkzIo4ClJ98npOKfFrV/DME80VtDkd8N4H+z8WPKXQOceHYEZ8PPYly4nJkLDtsVVPBBk
cViR7ZSHylpS3tTLrirwqZCg5lyOB0dVxCqAoAM2P7Jww475doVLsKse8gQau3HuJsoc6nDs
o+FM+6eDjkABv77Okt+YQq8TdsLvkMr86pnxpTxV8+QfebPi1zjaERdX6gP6mejiAfrA8JNE
KRmm3WkfzxKPcQMpt8/nPjkG/AD8uAYspHOPjsABP7deHv41few1uwebbxHjFBX9U1Gaw+cZ
kxOeih86saB1PZRM3KKVchmIXzLdsnw9C2b7QafzB7ts4G6pdefH/9lL5x4dgQN+p9j1mTGn
bYwbg3gGMCtJzJgumBa/w+QfaqK+hSLkl7ASXqmUIVGvy2Vfz1LyDqmqbWdfOReS/9aQlh7d
Cq2xFdozh47Aq+evOllu0Xvk+jfk6cWCBHmZDR5g22xys0KUna+sbCF34SzSb4MB/KDD28n3
kiX947jFt8nlCO5CqA+Vc0Fcq9a6rFLw0xGQYh5mz/s4uoOuJTePn8dr9nTn3zFkS0s9lKNQ
jy+XqlRBEJl7/FYT3AfU8Q8+6NA/O0ipwmD/65RgT0drVPLxSUyv1Kk8wPD3ZjiN6bKnZJ36
VbH7WuqhHCHCvbD1Q7i/t64J+iLXPga4z7Bw2mODuKccIwrf0alHxwMDfuehG4YVM4Ysj2OB
+WdbjPp+Igg79siRksP0utsUq6dhTgjzsS1X0h+Sf0HA8cOdP5FOPTruHw0/L4ehsL4lfsbU
4EMZ2ymIx0sikOEjZbpmNU1Z7OzTsozGBt0hAHzU8VFn0KlHR0CBv+yfIy2ega/XN2vIy6j3
gaeci4L4KgXitAmpPpvj/3Ka9d++xmp+CWkCFnWWTj06Agn8d6f177/S7Ks2iKHWpwsou0W2
5pKigBD8ZMfttrjpyzHmz/RocgXR9X+t7Mf3WYkQBTB/H6I1fXQEEvjL50RPXjxugwMX15jx
t6eedvFFn3Qi2CoCXerc3cvu3IsHULBPz5fqk6iCoJMuQPXJfL8tQF9BJEErJfWCL1H1XDoC
Cfy5E4anLJkyMIYbls8c0tfTftqGRjGZMxtPeZfJqhgfM2HkoKP34gGUX3JlDp1XAhtHJsXa
HqZtpt9+6nOs9VFKFJTcS0fAmf37o/8YuOFuHhcM5fN2e3/Og4OHDtvu1TduDU6dlhLH7WJx
/cY9fCh3sKRXJZMhEVe20z/nzFijf5UUCuPGz1CXn47AAr/h5NoMvbikniesnxsxcWlJKV75
8PpJMVPHD+VW6ZaUNFGZtCkDfX5GJZepITSn8k9cvqD/IsNrKOIlx5I+RRadeXS0slSfuc7o
7K3zbOOjRqbEzfaurdbWQdGxyypFw3QmS/WRwpZ5KDewU4+CNNzyvarPcdRnXLFgW00F6Zz7
RiWdeXS0HvDXXdc78Xv2zhaI7x8fMTD+pJfYOLjmRLW7qFnh1NMt0y/0HInzyxTY5dZfZr8J
e3giwQ/BP4xOPDpaEfj1Z5wVOM4JKmKf332+OajrRl21B8uIzvmny73OQV7HnZ8JYotvF/jt
+j8l9gTDUCUPOh5shl9zDYMzq8ewabq3vehzIhD7jKKtkmGY5X67tI8wkhACO3/wDjrx6Ljv
wG8qLfZhzzcXNqMPfDv5j8NefuVqKIIf6Dio4LvVb1fyGZr9wBtkHjpDJx4d9xv4yzYumLfu
qvfgP5/ffHdYcymz1MuvXAsDmIapSZ5f4r9C4l8Q/BBGYN6qoBOPjvsN/JsGjk4YPFOAulqh
t9SWGluw94alKbr9TGQIhOb9ysfph/pACkD/L3Te0RFY4C9r8skqkxISkxLjjwiYBXpL3tEA
1LCoq3RJLD6HezQy/MD2n+m3H/rKFvCbTOcdHYEF/vm5TYbR5OFJieNE2nXXVXnL1GkobPbl
ouK280VVP86W4Eg1ANUlfvuhbxH8QB4IWkTnHR2BBf7RCyqaqtdxql/Kkti/a/x4ffV5zV72
b3b1OV5EmMLOHy5nmFV++6H+KOUP4A+myr10BBj4x6eVeNTzSmzsnbL9RJX3XzMEmDfwHAnL
B2nUDMNM8yv4kdzb/g6dd3QEFvhj/ZGA0nMYNXkrF5yGfbtKII9n0turhfU1gfVU3gOUyqQK
GRJ8h/oT/KSq50VK7qUjwMB/zIOQ+9FDnp/65uCBwwctNliqBYiApsKAbdwzHnZ+RiqXyCWO
nTabNn4i0t0M80MDnXd0tL5U3z/pnh97ZNDiaeOHnWrOqzfpmgdHQzDeJyXcfmaC3876O7En
GGYinXZ0tELwe9a911xwA47bOmDa5AXJk4ua8er3jfQrXSb/bqPZL5UGQStt2Kj7WfyZ58du
PdvptKMjwMFfsd8h91fnea8s/eR4IA3oksYlTJkce8npjzlbqv129Vcy/Vrkf8BWi/gb7NEo
tYlm/wt+c04GMWQ8colOOzoCHPxVxxw27TzPKbg1W3aihVCet3nc8FXOwf/zy2sD6QGU5TUm
NqptV5ZszfNjeK5Xha8lvM4jgQX/QDrr6GhlZn+tL10yrx7TN5Mij7+2/BuupENzaT+CUkkw
pPmZj8Synuf2CDUd4dE8GsCCfxSddXQEJvhLN1xtDdddc7bYPydqcLVDTs/7jAW/Fkt6PxFb
Zhb8uMJzRsQk9qx/01lHR2CC//rPU5u83Rq8j8HX5XiX6q/PLm+uR1I+ceKnrNmvxcKe18Us
nrzNXiyVmwn4e5fQWUdHYIK/er0D+TTPIejX4BkTr957r16XFDCalqdip36P2JdoiN7ee35j
H64l4O9LJx0dgerzOwD8ckrSap134r18Pr3bBt4Ww42AqXG/MzrxL4z0yyNw4/dj/e1S0qV3
NZ10dAQi+A16R5TmJY1d9GdarVeBOj6gm1vVM9k79i8pkvGkCiTkjfbbeQ/hYqK+TCcdHYEI
/mtzHDrTXZsak5oWu5il/eYsuOVw7NVDBv5939zan4mxIAMreiQqKYI/1m/nLUCNkJ636aSj
IxDBrzsIYTS9zc43zB+SMmHkKSuYry1mi9HKWdGPnPGDVtd6XJ93t6yZ8nomfXMUBNb2RgO9
bQSm+tyBX5/jaYQjrzMV8qAjsPP8WQdsk3XUoJT+zi6qITWV0HYWDBwTm+Wpd18bP93bC9Mf
4eTy9gqK5xtLm6Xefyh20w7B/Z+Z66bE+exv1z1ctm52AKv/Xzrn6Ahc8NsTdfoV44bEN85s
0x2EY+3MPawhMGGA5xx149x13l5Y3UVOLu/GlRZ+LItJbE4DUrtdyE/XC9sXtXfqPST6GZ6C
Xj2ldM7REdAMv6oi4uebq/ZxeuRUz9/PFfnJ2u9FNt8cEIEAz6/iAPr8Co2MYd714/VDy56f
6JSjI4DBX7Vt3cx4HrEZc2FV67kvM5+dXu1xOlH/CoIfqf0/+vGigDg4i045OgIY/Jt/GxI7
D4N+Dbdq/Eavv3gpAMDf4Hl5wh5My0GsX7KZ//QGX0yBX5iO1OqnI5DBX7g47hj5l/ps0WpW
Yym/I2yyAuPS8Ua/4NKfceWt6rmYP2KrcN7mX/8q9vrSMDiG6VVDpxwdgezzV14zebS1N/CH
wA215HtlCf0bSQO3ZqYbWteDOYF5OeYdAdJx5TFfdPj+YsbTGUfH/dCxp0ZgFzOz0bH6lcs4
hoPB1HL31HDymh/Okjv6pbdm631weUz5QqGF7xia6KPjfgB/ydyN4gfo75U+Z3nK/iZ9//w6
luZU5FvV8NGkJQIBjrRvCumMo+M+AH9+WnqA3pNB54tnXZdlZTZmDvv+aFN+fvuEEQv4fZw6

6vHTcV+A39zgaXfN6lbh7ucOPcj+y6UxM5skOmrIO3XBRGcWHQ9Yl17expc30zID4EYvZ7s5
oOaCzcovoHIbdFDw+zSuZzhS//LTrwfAjZ7Ppi+bDjqaGfx6HTV66aDjvgO/Ib9elENnaVqf
TzrooCNQwX/p24M2F3n1ARH/ue4eCXG30DBXGejUoeMBA39FRo7133Rj/xEwDmoaK/88HZtX
NflGDHUtuICY66hpQ8cDAf78O04JcZTlMQpJ6BjrvUfhxk1NvpGGCiN9m3TQ0VTwO3JxCwel
1Fj3dALr8rlnA9IUt7RoxT8ddNyX4D/oUM6S9VMyq8BnqCbQMOqqW/YaBZ0Io98972rKwaPj
wQZ/jgMF3XT8/L3d0gW7BdT6XV3EQAN5dFCfvzWYwKamQbX8JoU6HRT8/GI497kDnLWqwpvO
I3TQQRl+nNFQ34rvXX+rQajsjoKfDgp+kTB6WXX1gZlu2mt6r+FRVnwPn0aNns4IOij43YP/
yJoFI/ueE8f+kbveXtDOZc15uyXZ1M2ng44mg1+/amhqzGZx8F/1uvfuneYsASyfEp9L3zkd
dIiD31RUK5xmN5El4Vj8mL/2tqq7zRqxxFlEuKGBTgI6KPgdx8p0UWMA/q8iZfC22lZ1t8ZC
Z6e+csEKGtujg4Lfcayb5NY9Ls/301UYiivv0f1Xb90rktDM/3sXjRHQ8eCBP2t3XYtdxeZf
d4j9mU28VbV4t5uTwwcN3EANAzoevICfe46PIds//FrjkhF57km3JS2te12UOiw5OqWCThI6
KMnHZeiW5fjnKvRFgVhrd3vs4Pg/1tM5QgcFvysUzTX3t02cuyn9EO2sSceDCX7eLdfrbbiJ
+7a5+J7V2dIiPzrozu/3btmeDJNVm6e0mr4nOuholeA3B2rVkJEqf9FBwd908Sy0kI13/QrX
ppbWuVt1bqWdoBOADgr+JlrmLPgNRfX3VtfLu8OylmQ1o71TTwkCdDyYZv/tw4YAdCT8FIzw
xKNYN72Mzi46Hizw60nlTPnk364E3s0a9S1WitCwegOtGKLjAQP/XcL31yUOvOac5rt27h7f
a+6GxfP2UkjSQUfzmv1lOhINaChqLBDIunlvb7VqfEJawp976Tung46WSPWZqgOHJrM3btr0
ScPS6Tungw4x8N84c/+lwNNip8aPG7aOvnM66BAD/4pxbovZ9HWt7FYvxo2anBxziL5zOugQ
A/+xne4CY+Y7Ja3sVs2Zf1+8lUWb8dFBhyj4PSC+GlqfY1BH6bx00NGkgB/dPOmg40EEf/2/
W3WBdxt5Ovoq6aCjCeD3xJK/PvVAs0X6ig75iuHdxy201o8OOnwGv7nKA/ZrZVHzXUzWVO8q
bYx2cr4/o4+VlJRPx4MHfq9ieHXX/S6w06DzriqwqlmKCBvq6LSg48H1+U0N7gveas7d866W
9jagNARJBx1+Ar/+akvK5hkqTP6SFKGDDjqaBn6DviWDXsZaMwUwHXTchxp+no3Dq2/Rt0EH
HQ8g+Ivi+i+/91dhzC6iU4IOCn52XNrnkc9tbKrRXr/or9X3/mnUH7hBpwQdFPzsyD3vyVkq
LzU58l96ppi+DTrouMfgL97vLZQNVQHEiqNtduigw1fw6w5wwW/UBy7dtZLHWjBuT6fop4MO
fwT8Ahn8WzbybPz7j9LXSgcdzR/tN9Y2gaDT0EQp3UMjo09aKOOHDjruCfgbqpoA/tqm8Qir
UuPGj7hA3yEddPgD/F4Hy5rUPKepnXfW9R/110ahc1fU0rdLBx0eg1+3Kd3TivrLl8zed8/z
5zDUWCq3Ld2RJ/Dnur/Pe3EyfT2dCnQ80OAvnDU0dnqeR987Fhu/3+wM/haV9dOdaoCIg/Da
cN4Lsp555xU6Feh4oMGfPnBSyl//evK1opQJY0ded/60oLLJbbW9iDaUefNTJZWify6opFOB
jgca/FuGpIyI8UhM5+KExIRoF3e7uqFZO982ZRSWOpgFVK+DDjocwH926G8j93jyrVv/3Ngy
80zrRZCJ0oDooMMx4Hd681ULZdDSQQfN89tG/Q03mpb12445fmAusS8Pxjq7J1B1uvheZQXp
oIMOX8B/Y19mlegBtWsznEyDSrNNBbvyrL3tn1Gnp0+cDjoCD/wmg9Dumn0444pZlDnLbsy2
7dl0eHqm3T0w6u9zH+HyceoE0dHawW9X5DASzq7RZNaxGbC6m1eI3W+oMHhkm9et+mUWnKGu
/EGw1Yt+HUbbBdFxP5j9BL/603kmFMY2XyuwmK5esyPe1OAhmmvOZcM/K3IDG/z+ubqKlf/Q
nZ+O+wH8hKTTcGx9ltFqthsO7yzyOPrm6DmYjYEdsctxQ2YsO5fryWlMNBZJx30U8LuWfsZO
ebt7Re+8X1ZiCM+U5xoENAqbBt5Q/8yGFqEKFdwV/3teZp6XZzRU0BlFR2vX7c+7ake8E2fP
WGVgS3Hr/z7hVtbTx4syFgdEnY0Zbt1c7c1NNNA2f3S0+lRfTYEQ/Ez11sXA5LYttgjVVyiz
wH5qrg8YkrCJsBSoYU/H/Q5+o8Huw5p9j4yZatwHwAw1Ji+Xi3tqAtjyIIFauUAHHU0Ff3lu
PSeAZSq2mf6cKc/+a8NNO1WvZuemcsdTZs685SsNOEB5fPbLouCn434Fv+5cFseUN1wvtjiD
t6aYTP+GI5m2v2T9/tM+R/vgcpo9TmY00idMBx2tAfzV104XOVj7DXqnrbjOagxUV1iKjpCw
gH7j6tvko9JCO+Q93L8b6qgvTQcdARLwMzjD0SyYoytL+m6Vw45f7QFv39jADSPUVd2nVnTd
7QY6s+i4Dwp7ivl5erqUgbu9/rXyOyauG32/bvy6PVQYiI77Afw1R7muQE2WbYMvzTN6nZEz
1PszBO/rN8vzmjkUYa6n/gwdrRf8ZxcW2P71TgHn8/2/Ni4Ft3bdy4oWnyPv+cnRVOyfDjqE
wG+e9wf0wqndc9U5/5a9szEBUHmjprkA6uswnDjsVlwsd8bigub6fZoKpKP17/yHhp2CwNXu
7IAonPN85PWf4NbdNlXWt3BhIHUC6GhN4C9feb013k7FjmzLPXQ9CnlNIWMDRT8drQj8pmqD
Z2x8X7CSe5P43rmt//E5PZOCmlZEWqaDgt9D47Q2z3liu5PncqX36S7nExzkXm1J8JsNdOOl
g44mgN9Q7Nwa62ChODXfhahvvHb8WEnLO8ECOUETpR7TQcEv4KbyI7TYRgI0HC/zti6n8OS+
vEC4abIclN2ib58OCn7XbhyGGjO/PFXV2hLrv2UsFJTzNlbzrwLGO1nwHbMIpb9lTAL9HiAo
1Ff79uU6qthHx/0IflORrnEPt+3jdkCa642WyvXW/b501OAbAufMXT13v53c7qrIVbzgtHBE
0J3twKUV6bJ9XCuqNuf7/sRo7wE67s+dv7bYICxQaTgHTTxrWVe5Yc+kiRCzN+h58Jc+ODb6
uPXf67NuO/+5fP5hh//OmpGm4+78YojO5Z5tf6yPOCRrjHFTyiWL5fZ5b2tw/K8vaKbRB28H
FU1tBvBXLdgpImaRl22bpsb0lG0pO2ANqOK8hRprSPBAUsKQvdZv1uncaVqapvzw678+mf7X
0rD1ri790FW+/LrDaUy6rIObHLk9R4f8bzGA/7SfkFd/yTeGwY0Z0T8uu48mVNmp5uZ8F6WO
+DnNj75Xzfk7fjmPoeD0wSNHjhzK1LVS8FfM3eeRJ142Z9yskWOdQmb11jdye9boqSyB1pjn
gZzt3zFTfHxctfiDR+VMeJceL77zxbjkmWtWrMw4fQpH5pFly9et3fD3xAkpsR+/+3Kv7uFM
V3J5d7LK2MvMnJy8KOvc6XOZJzIL+CjBuuPHTxVad/m7p08cvyI63w4+KUnw6R4SGIb5UOTv
FZknjmeyWklm3YUTJ0/ySQ7fPHHyRJZ1Acw7dfL4pVrB81XfPHnyxCUdN+BRlyfSjM109djx
M9b3Y8jPPHH0hujtTJVHnXL44Mqxk6dy2UdnuHL01NEsnsdYfBKG9TcqLpw4cVx01myAJ9ax
VOSAvBPwSm2nPnXyWJbom9vSLXSNo2t5sajSxDPnzRZjZVluJj+l/eL8/z7ZUSWRSqUSZadX
Rh81tNqmHR6MjKHDB6SU83wXAoVgVttM42qYhbc5KcHyvDIXbm3D3SZ50buCGdtQfdsV/ikh
g3EZz5LDpzOKl77uP2jAwAHfffsU+4cgyUN957t4J0vgL+o+fwweMKj/O/gTbzncrdOyVvAC
w8z26fK/xisrEf77ATkc0P7j/gMH/fG2Bq92Cc9Bg+Bz6SNfDRw4+Lc38KCXbvIvlttjP2nH
PplOb347dACOQf0/76g5Jvz7xm/wwX4Az2vw7y+r4d9/ELubAwwTes7hkz7wFfnzfQcNHPz9
o/jDH/CAZw3+QfPun4MGDfisHf67aLH4aHwxZ0UOiCdXDO940F/vh+DaKvJ4LbkPMUGrHF+8
hAl758O3fxoygDMG9/3gvQ/fbKdguvMsvpVL3pI7TbbnF1bcJ406eUblvJhpzu288/MIm+1u

Trme6xdfvta4PORdOHO61L+O36JGnIcMe4gRHn3Jl6YJ/FXzg+OktSxyOuB1bmbTsOS75dyD
h8EBK3y5h9zncfU5LbLKypyuYxHPQf2cpx7f9qxLflTg3lWHRYzZL50O/lbMFOsF4HfE5StO
X3+fZ6Vf5XxBO8Ue2ae4wG8UOWC480+K9IY2/ggrSbrji5eITCLmdZfrL0/rhH9o8/aAxNmL
k4a8EsQe2H15/X0BfrOLwi/s6UUuqTI9Wo/m+vwLWdnX+Txps+5G9pWbWVwrrCmBG3MNidWN
sgL/8Y9iYpOHDxke+wz5z99HDoMRE/vzS4+p2SN+Zy3k3et/tr6eFyav278/fdp3ndi3HTzF
4WLydu8eE2J75W+s2XOS+y7rl0y5zPnPbSo4ZrkvN3GgLZ5+rfABun17JnewXYZ85N49fEyJ
y3s3f2efnq9u2HeMB2GbHiN/lfYZuWzvvv0bZ3xgPfyp6dszRNZj05ldW763nVr64+bd591s
ym0uO3x0cs/Gj+2X9umG3Zk8BvGdvXsmRtmOaZu0b6eYG6gjT2ysyBFZe7b9rrKd7u3NezNF
Cj1Xwlzo6Lj25e3bNkzBflmiDg/DEa6x38LvzvHejCfxwDcXXLfOj9qT0W3YQ7/Ka73gzzls
NZcabjXOpdp8B+2ta4dclrfbWTk3rp3jnU55mQV3rmRdaDSITPXGJovqkp3p4SkX7VH7EfjB
I43xCP3piZ3xo/H2TxayLyfRtnQvfNr6Yp0n3QqYBKpH5czLFaJ8prwX8Nt/+3IPC8gPuwkX
HLUalcrFIlvYQBvAeB34hmHkj7L+R2xP/HYk+eSTIg+u8ifruePED/sXMfKQC3Ir/2P9+n9F
vrvfut+G73PncBJgfujmqNnWn/xRfHe5hjOjy3GXz2ex337xwJUzOM6d2pnyLPvReKcQSowU
Pnx5h8OSltMPP2SYHhmtSsOPA+WbqQPXsjg35DWWyR5YlMXdVXZOQFgYazmPWH/pwo1rp3lb
1zSAsVCVczrPnymbKrQrv7nmbPU9lMM9KLMnfJTWeJv/R97NGPsHpYPZN/urU95P/znDaMEw
Txe/hqHky5t98Vz+Il/92M1j+JO9vK/Flsor7djNaj/fH+vZS+yxlbNikf1JfdSTyzyvJV9/
5Kq4K/gyHvSYq7N7wLqtnxT79jfsMX+5u5bJ5LBebmLEuhc8+EmL5Tc8prNryMPYi33gnPdS
Mp5YkI7OXSExuIa7BBWWhbHm6NpWBP69cxt37IyhQ6bWOpv9OcOGJmVx0aEjTNlL3O2jNOta
bq5ItFOflVdb67fUdhas3e9XOPvfTHdHr3epo229zGW/ncPOlVSns09BODGdi0UvYRvZiyKP
+HD1Ra+Sn+3oZirvJtuiZKHFnS8MqODVM2B9o17ch3IzgljFdR5d50fk+7+IcyImkoMeLXdd
oN9k91HRby9n34BbuLC3GZbp5rAhbJBXXG5mKSMAfusD+8zBtU3C33V4y9n4+mTzeM78Tw/W
T1rRasBfP/OXg41vbFvCNhczd+HI1L9cozElZy9zzYF6x4CfS/Sg4tqVS/n+yoXslzJdHCcC
H/ivdWQYjg12WuZibI8lLyvqkOPZ15NPvxHl9eS9xPqqR324+qPslir7R/ywK8RvCTsmelAK
OdXnfH/aRVzgxxw2bhb8/TwzvYbwLo1O8z1MCPxWy6Wf6NcvkgUu3B2o859gFwl3qJpPjvpe
9Jib7QTBz3qGXzmsdjchl/QM9xnmvy+8JJ/oRs6gzWwt4DfMHzizca1rOFfozLvNjV07feA5
l5NUZ2XXevRrRrYM2FR6zW9MiEUuHjMf+IufZeQcdZIbnV3A3/A165Y6xjCOEXAOEL2CQexs
jPJl509jVM9KHFwSfiOWOJwdxckoaySNYU0n++JtcoWOEXIW/CM9u06ysASJ7soV7zOC4E8m
f5kqfo+YpmWecachsx8imu3hwBFujltNflL8qC8YQfCvYlwfpgFiF59zIipVPxCbX+DkO9ho
ce/braWk99DA2YKWHaK/ct6IGJhCzja7OT+r2MMAvXXDr7vrrzzIUCbirGOrED7wN7zLPFLs
aAg4LxonwknW66DDh2fa8wR5HKUKdkmZsDAfwW/qyzydhiSC/4kfp8dsOdNVPEm6Vya0vS7j
swm8Aj85Q+gusUMmMExEWwHwzyfr0mrRn6ghEYN3C91cSTITtPJFDFS6aYicTn5ytJt9Q9tW
APx7yCPr7/jhGIaJcV4R3xSc+VOsIcdWAX6Y0MWzzziGss1OcjSl/xyv4QnX1V+9cq8oTd8w
H7DG96wMEfCD0/oyx7u9/RhPjL0fz16RSUJV01wil41LVx44d9/94CP47zzJ9PkX7dgnxR+f
noQG3hSvQ/yH5AT+5In2sfHNrU0A/woSvhID/4FIRj70HQHwr8Tot2yHuFVIco8fu7EIq79k
Ohx6mucFuzhUJOC+QOSIW/Buf/xSAPxH+BwVAP/Sxv/ah7uFRjigr//MwyhGgAT8zCKBOB7n
sM6+EFRkOS/EJh1QoYpLmvv6K3swU1g8zzsgBv6Pmf/j/Ff5yzzg306ogs9XuIJ/ikiiD+LF
kft/8RH8W5TMgMtI81FniYOfUGW+FbeWLqoEwH+ZZMafKmsC+P8m/qsI9+YOLE9vHeshAP4V
iETpNtGfMLxHUnhuwH+jA9NbRzLrW8UPPEHAv108vfDY0Q8EwH+I4DbZ8Qr7MhGNlIC7b7hL
TpyxBkFutgLwe7p3Gwr1Lt23LHrnXcmo05ktRQXNff3XGekBi3ufv+xFh1W8/BUe8OuIbd0m
0wPwc6xLTBkWv+Mj+IHYP6uQhMI3eQD+L8Uj8zc1AuBfS0yC3yzNCX4kV2zNkjQ7+DeCnWUh
IYwU8QOPuwP/PKRmlLYTBb8jrwLCQj0ajfw0kuIRjfLGsFv/qFYAfixn8Chqd5v7eh1b+Zlb
WpzjkPSpQg/An/8mM9Pdzs+GtOWrvAF/AdjsDxXffMQ38Os/ZIIyLN+6p894BP4bQuCfQKbg
3OYE/zawmr6w7GOaHfwD8W0MdUcztoNf+CcvQDyupyWbEQW/YyC/rDvztf0/CnuSixCFzPUu
5CwRFwMf/Hfzy91gla9npwPVzVTf0kK1FdkurQT5wG/Iu1LmFvxsWCrNG/D/l3whs71v4L/Q
BW3CWPyJ94zNB/6+hCSwvBnBnwteeMRJspk2L/irezPS7Wwa79HCpoDf9DVJf2wXB79jyKAm
9vtGD3+mJ2n8OI+IkYEA/jJdYYMn4Bcp/AsIoVxen99x8IN/CyHrDPYC/KtYoul2H1N9wGv5
vIINpsmvNzP4VQeaEfz/Y9n2E5sd/MfCmKgCSwbhJu5rCvjRGvrOyuMQBv88wdOXEXJHVzfs
/QtsicGTeQEP/pLiAoGIUtX1ao4dbzYKIdzgBW+v+cRzfQY/y7j5wXPwZ0NqWnqMOKI+gf93
QjE+FopfT28+8GM4knEp2/Uj+DGn/kqhNffVrOAHR/szg6WwrXvagDj4D8M6r82xOu6C4A9a
I3h6lv31vbs4mZX7sDzwd/7CMgFUr+97gduMTnB3/3/2rgMoirvtHyOjAwy9l4Oj997Bmqgx
5U0vb96U731TTTWJppuqiTWDaWqMqUaNY42iKEOxIAwKIjKH9Dn6DfWY67Pt++/u3XFl927v
OOAO9klihFvult39Pf35PbAZTr9yDLE18NcSKHyaMfgV+K39DPzlmGXgH4zkLDwOyqdxJl3D
qYEft8scx4PTBv4bQAc6HycD8ukFvwyEWV+rD/23wmLwD+Gl012YSl3Rgt/lPO3bEwrVVG+W
qkQKUgMSWwc/uZOHar1M47edVidPQ6YtQrAY/JUEet5mDH58cixRills+c85chJa1HOJ2dMH
/hemN+EH3a1uj3huusHfBBgJzqtTs+ktFoN/g3pK6mvj4D9L9+7CeEKhnjN13TrJNj9es32M
9MKQve+btBj8B4mS2E6m4L8IxuKcz2uSP+aDHwyPPISpm1+9+dMG/i2UnfVWAz8e6Wf2a7TM
dIL/dxA/48TLf3FMvp8x8B8B83mBjdgUwE+mBCIaTV44soPYYb+tg59cJ4maINU36tqjqD0n
/Igh7kV/MgT/MO70f4FpHiGzwQ8tV43KHDPZCDY18B8lEpmZE9MD/ioQLHmXYDMBfvR1VVRW
70PZdc0Q/J3JmkS+peAn+aBWmGaAJycd9fuEbQ/8UpSBwSeyfYYHIqNEVIMgiB2DnwhZfZk2
+eDMm8vFk13cZoO/1keVgm8PM9UrNjXwtxMjMw5npwX8ypzJ3Nt0g388U5WAFxHT+ivEFoFf
sRa88Aw0JfCTkdQTpsknz6lYQWR2uqvPcOEmiiB6B8PN7Xbv9g8SHX7LxMzAfwZEc6EN2BTA
v5PDSSC8ZQnRe58/PF3gx16hGm+1EvjxUeh7pTMDfsAUFHRxckbY55ZF4P/ecZLk0FLwLyGJ
R0xXrLpJSq/wRjvl8EMYgB+bENk9+M8Slb4dGCPwdwDb47Abmwr4QTj4AqShvuM4XJoi+Ntp

wX+BKGPoceJaB/zFIKSIuYlZAfywafCD5IiKUO0nB1MtNrTgvwZuqY86U2ch+IeDmTbvEI4R
mIk6a0fgJ9x37cQ/aj87UiwFPzGXz+MzAr/yGfDtV7GpgL/TW0PDTeSvOFtMgf8x41XlLg86
8CNkk3lWn9XB35uuzathHPyLThu3MXebAr8YHPEmpm72AfKCBeAfvleLvdFS8PO9GZCbYBpq
djDReMCOwE8k7mCtZl10ZqJ5RIrMFvgbvCgUAh348QbTJf1TAj9AfICKF6WJ8A0fgE2Af43x
EfZrznTgxwbJZpMHldYG/4s6yQrj4Of8gZkuZxoDf004Z8Fh8q8jBMdeVqf54MdJ/Z8YmyL4
y0l2368xphxIxjS7bbr9hLU3D/TiiamdjlIIzRb4CYbarG5G4L8IWsyCLmNTAj9AyipVfgEm
ekUDmk0AwylqzRtbfiuubx0YlCrkpCjGB3tvVp/88bMXloc40IIf672TeATv7LAu+HHu4WUi
puD3WfHyZ3uOXmrqGxzTnL5EONhx/ezv29Y/Fu9oCvy7tPpiaDf6W+zwQ+oV7TZgiwE/z8O
jC3/Hhtu7zcZ85sH/sGBqZ0OfevwdIOf4Hp21X9YqME/nKG7OccS8CsStJ4IkuPuFxPg1zDb
Z+Xc/8jDpDx6R1byAu0XqcGP9ZHkuLz9YiuC/wYYiF1wFWMKfpU4pWSt0Jz+fblZIdqnbwT8
EFDPj8p0yIk2mAv+DtAl5KQ1Pm0h+IsdGYNfpSfen0sbe6zQ4MvUmRDNBPhP4I6cw48YI/C/
rFe5tQT8lxZwHDVgOmaCbVJcwGEqL9LdmaMZxOvxHx+7MTAsHMK6pgz+Qdxh+REzF/xGxQj4
BZFa/fwNRIIjd9A88MMr9Jz16Qf/ZRe7Ar9VUntmv4d4gMbhP1E6/eBH3idaxgywTw1+nOa7
YHCK4AefGKl50NuJRzmpwzj4s99//N78/AxuWLi/08JFpDg6c3mhkdl5S+59db2zMfADX+Pk
/8UQsaqjiwvHUSieMvjX6n+ciWz/82vvXZGbFRnK4zo7LlKfv094aFhyXsE9j32YbAL8xxdw
fDXPwsgyExUSSvDj5NuPQFMH/xnS2drKRMnbFfit4XlTTggYF1ErzZxG39g0gh9tb+zqqNpE
rPiLqsAYgb8CfCekCZsi+AvVywMJ+ZfxJj8S/OT2Gah/UNhVf72OlGsN/cL+EeKFAR/j4Aci
5Zf8/hmxsW+5YmSq4McD/oxx5uB3Ilqh0VFwwg3X6tTn3y4cGCRLmPebAD949xWDegv5PjUL
/DjtUqJOQ4qF4D/ryDiQr3GfN26/uct+sdku9X3o7BdImEPfd6mIsSnAP4xXbn/Gpgj+Bied
rAHZfr8OnZ4mH53U3zfAe76vcuoxfwX4+aBqzAzLP7UmH2GGTqD2h6PxnSMU4O8BKQon3Q0J
FoKfDDo4zylNXzkB0b7Jede+wI+Kx6kdcal0ek9pfGIGwf8FcWuCV2+iplenAP8ThrfSAvDv
AI+WVoPaRZLqsXO6wV/9IOD3dvkGnXrCD19V4vAHNnPgP+bCcdGi5GshogTPC8zBL7/fkIjZ
QvCTq844DzNYw90fQUEFavPgVw70jlA674IW5XSe0cDmH6CZA7+w5uje30qb6Zq0DcFfNNnS
PxXwA+K+NVpYniD20DgenWbw78UBv+AnK2T78dS7wbqfaQU/aFTiaTtnTxoHlSH48bzOgwqr
gF9ObjxewYCf9rqn7a7tMgJ+oXCQEhOjAlpwSoamzs/TtfMQNDuDPUzAXwYcPp/L2FTB3w76
QzdjuqQ+RoJIK4GfdHPewiwEv/s/um+1WojNHPhHQTv9U7Ae+y44HmIK/j9BzS1SP7SztLef
7NvjMWDmvEgk/NxP2xP4URQbFwpHqWvxtIH9UOMgOuWigUiOzRL4DX8hffALkgwCfovAvw8Y
4IuG66Fyh6cT/OT6unyBpeDXWtpxEtizkKvYDIK/zFGPSfs6EXd7XWMI/gYe1c4gS8H/Hjmm
f5Ip+LnX7An8EARMf5+mxA5T8e7IDeYUFa2dGs0AIfY20ktRnyTBr+nNlD5GCS/zwQ84NeN0
3Cqy2Od2ZhrBX+Wi00pkPvgjatRfNgO31+F7bCbBD4Z6Qup0bMRK4tfZxQz8gyspHStLwX+Q
w2D7ICHHiQNThfYEftxuK0YneTuhMcMQAFIYSwbO2iSQ9d1+TVvIVzgpxsDUwT8QZbCeb42x
0pU1wC8nO3wLxiwGf+wNtQuO77l5FZpJ8MvBRz4wRrGO4F8wE/ArX8Kbm+VWA38zqUifMh2g
krQfT6B2V+rTHuYdN6/cjkAYNmfAr2ZwPgbonxaWYlMH/3HDHT27yBB2aNrA/z1prPZiFoM/
pk6L9aSgD5tJ8ON5M73hmGICgJ4tTMC/F3TlBFC43paCX0HuPY7vwRiMcHD08jt2WOc3T3eJ
h+YQ+FU4refRjGeZDX4wPeymx+V+jWga8708XeDHF4oCuXt86uA/jFMOXsZmFPyADstDrwlL
QPY8/24M/MfJL0pBhd+R6kBLwU9wmAAKx2Mmrxzh0TmV2wv4VdE6OqWYHZLNIfCTFbgJnGX3
QbkVwN8H+oTu1fuebKkRMmgrgP9d0vAfncJUX/R1cu9nkD7N6QyAH4zyZ4xRrsJ7zAj4F5Ck
Hb34LtTXMGuCv5Kk5X3d1IUbjSYas/vsBPyywXG7Iuu1BPyixRZYfrxOnNyFWQH8xeDw7ygy
WkDuk08P+OvJtpRHpjLSm0wQnSjwcZ5n0ZkFfyNgz3gFo9ywFDJED34vwleB8KHJJUKrgh8i
GRKSWkxcuDrisHcwOwA/TqYvFQwimD0LA/ALM5mCPzAAdMwT9uMv8DS5FGPWAD+wwo71+t88
t4h+qH/q4F9LPISOFVMB/2Khakk9J2EIm1nwg6K+o4GL3UNMKdBs4iXA73NDnU7h1WJWBb96
Tn+fiQv3HVHEKbV58OPMHTh998QgNNfB3xLKEPzVEWsyOR64xbsVa9gcaiH4x0A7X65Bl6So
kCgd/0QJ/jyOn8NUwF+60GDe10Lw/44n2aqxGQY/yPVHCajWndH58yT4vetUq7kW0PROEuAP
vUQHfiPrAMeyiA9fYoLAl5jYulNuD+DXbeKZosxWrY8Af7RRNuGWEKaWP9jNg+MOwC9bQ7Hi
3kLwX/LQYpHDdLjAaXjpxBnuyxynAH74YZJG8rbW97r8zQb/oOqnvsNmGPwdILH/PExTbU+X
0oKfBxSGMM/IXA0Bft5VGvA7nzFyvntJ02885ddIRCYHMAybR1N9s5kzIMAfwjdt+T9i2OHn
dotc6rZi2Drgf1893qorFQR4429SW34Xk25/Bz34D5Pz559of4/vYS7474XJ4ZhX6Y56kQ78
vzMG/71CGr5DKgZAQSrxa12k9NlwXydpjKRne0Zm7M6lUhiKS8Q7G1u0I1xOHLLYaAn8U2IE
QDZnwI/ahdvPMQrFVmLO8lXTvgoB/rBe7DxI7oZdxawC/hHQbJZCQU8kJrKQDlRD/RLipUeN
bqbEbrvRgX+cpAuI0FFeFx0oFaAR8D9KDCNy7qD1dNfSgX8Xhyn4l/XQjEFxKZIh6Cv0wz2X
cH0TP0rwfWXSEn0SpOlZFJ95knjn3cZO+KiLyWWdQ5H4EYexuQJ+w+6d6Vu5aZmQNA9lRsHP
JfqzFMyy/fGYBBTJXekdvG1mgf+ci2a4BqNoWaPa7DScTbjExmepSUrZlyle+dORgivkEgH+
V1FzwF8HLkdIu/GaNhX4iYmihf8Y/Qj4LsIK36Z4qR/EGv/CaHtnCyC6HdoZmAD0ZvjT59te
ogM/8QtzfsRME/N63jI6uK3mYJkT4Dcs/+PfQW3oFyS2bnH+Nhp1kz2XMmbgz4BBS4fDV0az
94AToIrh+eGuIOWQ10VXwu+nqAm3EBYkzvj4+DkiqfcEnergPKz7XXKU6DGIOfg/n1hjtK8F
TaEDPzEH42D0lmBSoqIR1Ui9n5M619pNLMt1q6f5Gc5d+AZkh98wYzMW4IpTwPdnBhQcqi6j
e2gv4U3cxvjyMWzuxvwoOQdkKyJ/gmO4eUffYyOJrEeZgX/VfhBN/x/9inXoGeIRPM/Q6wcu
fEw/pZO4gqPVlaYt14gqfajxVpFDhClfiVCuEges181UfQXLmCWiCSh9vhmkDr6lP2g8hg78
ZL7xW+PXhSjcOZZRe/0eDfRZBtW6VArdds8fxvO6UC5dwo+I5PTnLwySimFGq/jIv/FXf8Xm
MvhNLfaeYadglBxged7YMYSfTuSCmYA/LMT4QtaJxcb6TPWl0pn25Ei///8oEnbEC95XMNMj
JHEGeoVPNPY6/EnZdB7agzEkHuI48EBx8HUjd7OJ6IgKMaQhHSIv0JtGP6LViY6/XADSs0uo
H7DDhMLLk9KA3xug8xEjxbh+grwxgCIseJY4mTtMNKkf9zKm1Yin7GPMTsCPwNMAVBSeWfS3
knvU4oYwE94ex+GCyTe7FkgWdOLqjBzUFmAOU9M68ME0tZ9SovoW2kBTBVz4l9E3JqveDvrR

B/ICZSOqhKxTuzLrPyHn18FowIiRg04QqYWFlYYqlKSyWspg9pWKz+RH+uU4/QlUC4gnoxrQ
j2RMw5cRTboOFEn9dOKH/a+auC6/kjw9lEm/73E25ccUdgJ+eGJcbMILtGBl30xv+fuJvOkO
h+gP6Ykmj3mPYXsvx8UoRMgFEpzVxvNxCP82fnHLQWd8Js0DCd1LvBHRxwqNNd1S3wwxGbTT
tLOopI+kljLQQfuI796rny8o4TC9Brh8QB6c1mTsILLXngKnReQLrkaj35fJg7K0an2CBjyE
aAMFvQXXjJZ2HsADOFjSUSvTB79fjbHP/Ig8yDBJep10Q6jaMfQUXhBx3NsGSlG+A+/Y/M8Y
Zifgh8bGR0cgY347isK23vo7tFz1VC+ld/e2qg6JvG3q3f7hmF7KJlyi2kRzwvh7rec9/PK7
b+JUQAVlV5oEnR0T4HqqBVN0dHVdI4JEzqKn3n9n7RN3h74h09VnHO4lk14/aG/Sje3/IDzT
ZfoNj9ATqsPjbjIHf4BRHXidR75jqv78gyBT9VnG8me3vFUHaXGEFAWvfnHDejwujz5ztVHQ
2SbEMK0r1tMhaCHB77hmw/pXnnwg+V6RHvgXGC2zdXHJj/SvoNmwxwk1ZfqxSoJIlFOo50W2
PYsHJC9KMLsBv1gyIaMw1mbhnegQniWB+oTNT2mWvzzYMTRg2BUmGugs8lIfsvhcf/+gMcfs
AEmpTZ/rEAqvrla/m9+uroEhxESsQXjGXu6BvLDQ+NQUjaQlgl0W3i4O2ttr1hNWv7//exf1
d5LODA5QlShGBru2+KkPuvOiUIg3Dyv6+oVX/o94xzt0XA10bLD5Jc2nLC/tH5QzAr8bvTMl
F/ad1mwVWl3cNaBmYIYGhdX/Ur/g8HkH5RYGxUBfaYr6IP9ve/pVP71pcsWXlyt+xaImL1hK
amJ4WFigm86+n7thnb4gY1Q7qHCwarH65xL/6p5krZoY6N2oecfon9oHe4eNXZrB14ihDMeH
T2qWCigbP8JbSL13GVpSpdhGwY/KRCIIX85H66kzWNwHTShnjbhfuCrWU+tR8Iu807CX5rd4
X61DHCJj7m030sFEVIvvpv+tZc+Eam/K8+e9Q98bfR/HTCFs4CEuT/t73CyqCZVN8X5axzhz
n8LBfntFUgrZ0v+cHvnQ1jDta+DIW3zd1JUl/OPt9K/fXhOsvZHLN1td0xc+wF2k9YJXwCcU
P30zI0Rb6/lFq5KTG8y9Ymv1CAufoX8K4Qf9tM/YL0DDt3EkTfvqcHxSoz414fqTCQKHlBd3
n68orzy48UHCi7mXagLi9HcDNprwU46OjMtQi7Z2ykbVkyoo3vMzOwx+3UTCzCkgPDIymAja
AkaoWCE4Dq7BcQ+viiK3dYQ0GGlXwtPsmcZWxuML8Bb5hWQ+khFAvNuDtGUPaImZT7LzaU1z
3KIQ3sr7ovwJGFENm+C1Rge3kNhHC7jEI52Cu/51KquYdQilaIxz8AjOfDzNn8zRlTLIUnLW
Gnkyav2IC89bfQ/XZ6H2tJsAT78u8OItfjQzjGg/fobip6tw6DsGRt91f2IgsXNsE6ZVkDBD
Nut2U6w04nVDeGVxkW/4igdTfBbplIeIK+4UFH3/v+JDSQXxHxNXR3r8LlWOwGGhI6lSHJYd
oXgSBNvW/z1hq6U+CFKYX7BH5eBnhgVC3Moqge4gjL7ad0BlkplTA6Ift+zYvqeiUyyX9pTt
37Zz8x5DH7lm69btf9UMKzFYKSj9dfuOLfuERhqYfgVtJ0Y6uDDlH19t/bn09hgEQo6KAzt3
bDpJa/knVEFtzAs7inbSyzdF7+eSBwYQlb36z3du33ehX4ZgCsH5X3dsLaJKFpZs3VZ0sHZI
gcGS2ye/3/7Vn7jSG3snIzcnf+1xAwSgZZu27zpaNw5jsKB4/44dW7/tNnVlV6uSarS+756v
d/5eIZCiqIR/7ted275R9+pM/PLVth/+aRQjGCSpPVC0/fNzVLnKb7Zu23umDwSMUF/lH9u3
fU2m96TkZmEO7+Evdxm5Yju/+6xQ5V38rqOu6Lt6ccv/yxfbf77Qgl/X1vPgxD7RNBjU7diy
49eKPiWGKkTNZ/dv3/H1WdPBbsPWVaEaT8Il8c2LlDi6/V0Lhtl4nd9Ml30EZJKlAz04iBQS
vZ9V9I5jdixV20qtxbvaRUTuSccYaNffiKREssBmLgN6sOjyzE+njBLd/l67GWTNLhEtkM5a
jnbpztIZZswdrTuy8+OPN3607XSrwj6ebo7R/n14AmLa7g+JISPdP3bKCmTN076KG4YcAfNy
5Sp7pVKylvTgrQjBFYyOLcG3lCZ2YqxMFfyafj1UDusBwcJEHsJe6VN4cM2wBXgs3miNYZ7I
TRzQexge/D+cxlvKPmbT095Ltu8jiD2N9tuS4K1A/2Z68DNmPPZzVvBd6IuZRo17bJcqbw6A
n3QH9Cw/RFvVZ/GOGfS/LWTM5QaI8lwq5/sV+1VrZYJJOeJEQ4HGynQN9ijFiI3M89h86A/G
1VeiZoA/vne+P5ufA4quVqYHgw2qARdYPJsQqcyK4Kdv3J9L2NeU/7VzIOaqyUwTxDD64H9Y
Ns8fVARM1r3B+OhzbpyUrjl/TeApjs5LpYzAj0KwjhHXseTzzKfXeDeKTosR2RrE8WZe5AXt
tB/MeytVwHE9x/jovxdxHkJY8FvJ7Yc09o5QA9oNMMYH9SB47l57scW/W6UD53HmR4PetoPz
HfxtYZyUEcZHA66hz1i33roxP27wDcJ34/G8SMReVoyKw/I75kc/QFLOz2s54WR6GxamTcJ9
hH3KpgZ+lCn5vmICplEDkJK9rIbyP47jdcYHi5M4ucL5fsU+Movw/mmOSz37lE0N/PpgpzXy
cqGMvXrMZeLVkMeZT3MOP8j9cN5fso0Rd7cxV5evhz0zwj5mUwK/BuqQ0lT2BGG79szJFijN
ITRCIGTe90kgCnPyKxDENpZMdVGnWO2yS0fM2C+GsheeFVbsHfxS5aTtMYOiU+tYHbpOViuw
wop9d/jBClQzvkeFZ60IANEOF1CljYcGtk9JyAorswt+REL2FkjGMQwyMd2H2sKiXuaBpR74
UZh9JFhhwa/N46/CCD7Yh84KH/eMKQMlG6iwwoKfktbKjAZfu2z0Y5MUrNieRZIjs9fhZ5Eo
RkcV7H1jhZUpCyyFZwn8liod2ZBogs2msWIL7hz7HFqY8LPU8sNiCGZ9aFZswW1mG4AsBL8m
s6ch42Z4Je0qfGbnEea06bfz8xd1TtV3QQTjzMAPKRCKC6fJ7zPO89tTQaBbwBqHeSpK29L7
Op0nfS0NVRCGnvn05lTBf3uEGfiVY7J5FzGNjLIomKfSK7Cp09EpktV8tPdgGzb65cv7psX5
4RgegsqUap8dVciUcrEMUsrnec6ELQHOWZFLbZc9Snqq5OgBTLLtjS3CaY/5J408jBBfQBNi
sVQihiCJGGLBzworMwd+FMPkghs73m/AsNq31l6cwYQfiqEwjKFSqVyukOEqQS5h6yWssDKz
JueXV17+GQ8D/tnQMuPZflgsVcjkEilQQkrRvDP9vd2suWdlVj3Jzh/PEZP1EGOvv/qy1dp7
pWKZXCmTyGEMUkAyZvCH50pVVSphwc+KnYWRAvp1hRN7LplV54dgpVgKAb4+PP4XTUgZre1k
e3tYYWV25XqDYZQ+9vZmiDn4cRBDExK88k+O9onZRYissDIVGe3q658B4/jlB8MUtf52xpYf
z/jhPB4KSLWjU68BgRVWWDFXWr4+VzI0/R9zqUxpacxP9OZNtvTN/Q09LIcHKzMi0oNnRsv4
1ns/OWTtbD+qhOyxRVdLIIQFPyvaIhbZxIDB8MdVgh/409QPODXwq8efJiFvp/zcEBufsKIj
x07M8gkIrxMWtfXbTw/M4MILSIwwBT8sQyhLErSFCZZdnhX7kKrq6XlfkYChnRk8Qqbgmssm
ZtIK1rYydvupUY4i1CBHZDIJxD5XrMxfEf34N8OaPlJm0TYxxLC7BjIHc0P9U2XvpbH8kFgh
lmm9xHImsDLPZOKKkAF6CFz0dRk10UPU6XlEbhDVy5XWGu3jTKEvCRLLFNqKya4qgWxWgBUb
kqE/uqefmqTzhNhy8MNqpCOEOkIVYqnOtJ89pQdlbMDCytRFzLdO4xs0rLLnI3VWbANAlTp+
g7B4eAqWH9ErBkK6LghqR+iH2OreHIFfz2x++vA/VqaB6d90xIrgl8NT3thj6Pvj0ztshM+K
DYhwfTs22+V7a0JhxMxhUujGMGaFOj+jwh2qCfxRluGCFRuQ60Oz99kTYgYGdnpFcbR1Wnf1
UTP6zYeV6IoRMZsZZIXe7Riw5+wxHfgRmUltpk7/zWUVMFR9vY1NDrCCWcK9a+XNI+iMgR+V
ieXYnN7JyUgk/PoGGftMs8JQBAPWfLcLZbCx2jR6scK64Nfk6xF1lQCVzufNtXKRgs1ssMJU
pHIrvRERUpdfoTBHQo0WGHp/p3XBb9g7iErErOPLCiszydc1XCGheeXMJ30aTVPdYIYVG4VN

gp8iha+36gyx4ZE5tv7AirWjeGhqYaPEsp8T0H1s6Q+0xY3+bsi8+T7z6/wKiVyBzMk7xQor
BjI6aJ67Pqbz1bW/rZ0xQmjdcPGRT8qsWepDKcg4IYlEhrCWn5X5IXKxWYePX9QxzOeOauuR
6e1GEmx5dceIpeCnsJoQ1ciuQm7vOQD6wGWSxAgdFMjZR58VM6V/Z5uONdb2+sendyug+NcN
p2FLwa+gcKOl0FxdhUQDfrHaTZM03Ohnn2VWzA3WG2fPZNRsabPY7UdYqh6twGGitraHfZbn
9K2eE7+FYBLwVe+fRKzf3ovMQ5oOpOu2mAXIXBalcnYfMKVVMmf865q/lr+9rtwK4NfDOsIS
YrKCsUU864LfWM1M/ut1873+7774qXSM4QcwBz8rrNgSau3r8bSkP176pcmd3AbcGWfe/HTv
AYE5HNaceRgmma+k2fYBjCVmt7GNMLD+28oPrnvl03GrxPwog9h/ruiCERMsjMomAQt/Vmw9
Fy7Z/0WNWaENxyRnB833UGju4GHIFPn6UFk3+7SzYnvgH9HZ+mkIyeHzw1al8dLQg80nYyhi
M/+2J2O37eQRhKdtMrS4yOiDifz+ucqpRUakZoHfeKKCJfFiZbbNXr0tgb+5jPZsRL3T1RN7
5tkLxl6+8V2TWg0IxWaBH1HOm1FeRMlCCWN3K09Jbhyi7e2D5NNlKOu+LKdlzIdhrGHA0mw/
bKq1Ryvst/NOQHmPgsUSK5OPvsT8ggI8G7QXshElhiqoP3hUAJuf7Ve7+0bwjBClVkSmmCMx
ACKSsEEMKxrpLRJidtJqDNNaXoUYtaDUhxrzsogXIanS7vZzzRbzIiv2J2OlEzPcB2TpT0IS
RioF1w+GH8I02w9su1JF5gf+gJVzptuftfis2KdAxX/LNc8vJJQbacsRHh2imtDhMAcJoiRH
ESC24YUVjJ0InG2p/Oyda5OBykclRsp1I5fEVCdtfnsvIlOirM1kxf6lvdWewY/ufeG9Ws1X
klM1mLU39qCGqXyS7AZG2Do/K/YtN+un+xOGb1k/cQipy9KC/ZXI9Czt0KK2gBSGfj4KKVns
s8KKcek+2YbZ8CQyx+SkICKHqaJ8FvuszI/wfgqUle0nW5geKvilZjrOXnJu8whj8E8yWGqN
CyjZOhgr80+UE/hzj3RYvoKr8xTjtELVuu3TUV6seOpQlxxrEjAAPwqjFL2CdO17rPFnZS6L
oJxoYpNJLX6HrhMdTA8VbSmCrUZZPzl1N3oDa9jx09d1DMBP4d9Ptgboq4X5yOzHyjwS6fBU
Pd6h672Mjx0bwawGfugnrS1/0v37Wpm4/aixvRf6DoCSXWHJCiuYWVxbM9Rs8O0h7dY+MxN+
KIMPg+zf8ivZHaQ2LmjvsJ2caf+1GR4NhY0U3DoPCyl8gr5LCuPgJ46GmWACtXvwQ8MC3NdS
jkOMSNJYmQXwC8fspLevpdRM8ENXeqevzXCUiuRDUCZlUOdHmBCkonZfA5D3C3CaBXEvFfhR
iAU/K/oy3AJNBQ6ixskfH//w8tTPZ+LoTazvmD5tJ1LbiVlracecNSsjnUPoNAdmrMwpEQun
5O72/TzpyEAD0qmfj/LMDWzw9359j2DbYRb8Jj0vKYt7zNxV0KxMAaujljxw5M8oFQyT/eCr
htss+FmxWBRzltvI7vZPwSIiVlDoDe2i+rH52ISVB3tYyzhPRTqHwW9niWqUWltV/TOhewD/
5tTBj2qluamr/uxA39wXGev227jwa9WuACKBMVSJQnJMeEJgfPuM1BT4TU7swbaiO1ktNF0C
jbPgt0yqVPZXpJy5DaOoOjFw8IkL1HkblMB08auXjNf5J5t8tfv8dRp/bQVziJglFZomkQtt
/NISXSbtHbZ3YuXkft3eLw5Mk/qU/3iW9rUTL2gt6Zb/9ZcGqLIGvPD/5cPfowwJPFEtC2+T
5bBpbzOav46FbNzGf3clrp36e2z2/ITf7pmmLU9wDZ9eMfRq+/VnvtXkCGGika27qp/pxh7W
q56/v79IhNmB5bdp30m/ii9snrIBRSUKc5xvPF0vuC6kTeBwGG7rYqPr+aX1htjlhNa5kDIN
4s+9MeVrikqVZrZhdG5YW1RdXYcwI/NAGOKdVQZzWeARNptiHenUtPTxf5NiM57qHv3uzY3v
vtdBjVqOpUXQueYKUDKWwPNVxUGjSnb3n1VkYHh2YyH097c/eu8Cszo/s8QeiqDzIbyH5u3E
r3x8HoJfyGcWlLd2zMgyHkss2LBha1bv+rfe2Qtbsb0XnR8mcf5yFUkm5qHbL+phdrt/PWJX
5CFVRYdGe1UFAgHf5KJO3K5rTfWibHfNfBMx20FBL4LeGSLyMbeigXRTrgkA97JmJ5l64Nea
7PDDJ9m1KHtZoM83gcUSdqhjmtNyDPL15oJ/ZOtucNu6KdoABEWtFJktKvArlTA75D6vRTkh
Zy+C5SJvlZhOLUlGrf65isv4DqKmS4avQEevMRzsgWDW1s9z8Iul7EWwXAaLWkwXFATHLCz7
m8q2U7oblGxoHKofZLE/302XlLX8U7HA/TKabdZawOw7Ywb4tVfp0IF/XI/7u69KYdZIL8tb
xwqx80E8JfBDCgSZy4vcR/qZHGVFAlhFEYMCw/Vzupe845SM6rBaI+BnrT4riGxKbr+CX32r
hX9LMGe9B5lkhj8Q2nWCwWUXk9iFBEp1fkGB658WXZ7QFlq33zhtL8vrNj8EkkqmYLdHrl+4
cPFq7a2bt4Ts82KhiM8PmVXi044gTj97GoMlqKZDte86bA0OP2Q+uAWjAsl8f/QUcst7fMZu
ll8oraytqe1sr+GzzQIWiqTUHPCPvHp18gt50XNnDYuEozLj4DegAJ2fLi//uj2x1yHwNJRk
ZXJLe3ygvsricyWllVWXL1XVXLkhgiZEbMl42kX0bZvWV92NBpZe3l0qNAP8KDJf0a+wI3MF
K2QymdVvFCqVSix704Gq0pKSC+WVFy9WElLb2dYkYsFpDZFbEkKhqmf56ufbBBjC2O1H2b3c
th+ay+QQgkrEE2OjQ0IgIxMy3Nubst6GpVKxZW/Rf/VGfYtwqK2u7nptzdUrVTXtfTc65Kzz
bwWFPEE5aaUkVAIkHNXcr1YBBfibXtt/+59blsT8uk0DLPhthspGqoSU482Vxf+cPH78xLFj
x4srq6prb7Z1dgvHJUpkKkpFJrXkNiPj7WUnjp4rKys+VXKp+mZHe9PNW/zahtaWATbxN02k
UmRpvuSDIjWLd89nn1Hw94q2X8P4A4zAr/s5CILOfcDrMqOjCtsf50Mhpaj7WvWlf85frrt1
u0NASBu/9krZ+fOltbf7hsQWw18pk5k/0CtrPf9b0fZtX+8o+mHfb4cO/vnn0YraKzU3bly7
1Xatlk37W3or+H3gjzHjl29oxxfrm1R/7934zgHDnBXSI2Ka7deZZEUgCNE3/3NulQeqE1Ep
mq/XC2z7cUXkoy115cWXmnrGdfUUAokHmq8Unym70dU/orCoPoPKpeb2+Cjbzvywrej3s1f5
3cJRMZCRnpbrl4qPHC2prOaL+ur484UUTDhhXcves36zBBOWG68/TWx+5xe1WYf2XoDbFFPY
2KMNfhRGDBPKdrfwiFFoo/mlhVf5Ny5P2LLRl/RdO3u8gj+oCukQGAi4TbCqSwMSNpX+U9nQ
3D44IVWYrcUQqURkVsEDbf51+88XWvT5fpFxQdP14kMXBhHxuGJeQB+9/kOFpXkW6ts0euS8
EpMPmsiaXPlu0qU/ure1AaZTKqhuFYdjQvngD5Vhzy86p1e4SW42NjTbLpMNDMm6z/5ZKoDI
7UoIIShK/g+oahg398qeqtKq6w0dQvN3R4B8n8icHF3ngR9OdND8ACq+ffF87Zi1wGWFEpTs
0OnpSkCi9Vt//ctCH2dKFVtE6x5Xv7H2Z5yGTa1uh7V/2/EtTQwSfhrHHsWNyvxI8k1e/v7K
m5Dtmn2FvL+6vFNJ/lUJE4jH0Q/wT/yLkh4ALOTX1tbzzaeQg+QKMXONIS756ZzQ6AkLa8/V
WcfyI4qpBmNI59E3XrswTbdGVvrLL8dm22iIv375IwEm+LKR/HKwVhu8yuOdDOr8Wjxd85C0
B5XaLPZhuVJ6+9JtBbFSRQGcehXygcWHIAjB/4KrARS3JKiotba2adjc+wfJZRKmIIMbfj89
YvKo0drqoeljWTVHKl9b/+XHH7WTX1ytpTpEWm7xJhBl82XzdO3Yz50m+H5Qs8s2+995+ywm
+PAG+dVvH44zivlRdi+e7af4ZdBEXbWQ4FqDCcYlwtaDP6GJIaEIwYgvcOuPv45A3TfqG8x1
uhVSCdNKwUjl+W5GBw5Ut9pEmuiPlz/88pOtKk/l6IftVPb77yYL7G3duCWnM/BZkylkma3v
rm1YdxxDVVmWlnffKxqmBbgu+FEjQzwIC/5ZF0iKii/XyXFjQdh7eo1N+AJKJdLbwO+WmQl+
iYQha3FfbRtTSEvqG20hi3Lrl21fvFWq+uL8G4cp0xQWnKislSrWt/pYM1TfQmuUZaUkqfDY

Rx9v0/hZ+9/4oEg+uajT+Dz/pBPC0njZnLuDQkoMKr2K62HCstMkiWAZBuMZAQSPA6CBvhHz
Am5UKZMwUhdof4s5g789N2e/gIIUl3639nfVbzfw2drGqYfYxoqiYguzf9AEDfgGX3lJoE/x
p07PiXdVkX85vuHNM+o4ZMv7a4+O/LBHiN3adplBqQ9hLbyNdjTg2JdXnJMTbVcoopuHVY71
tDbdFnQPyqSCm7cHxiEMxQk1gH6QmNntg8jlEiagRgd7zDNsAzdmv9o/1F1+XK2DoJa2qb/h
uHgaTMdgKU1hX37u8Jj2A4EYPKvgExs3bPmoilRw0I6io/vWrd/diVU/+6bASrz97KrOWcE+
Kq8oU5DY1yxQxvP6I7dL933y2vMvvPD0fx/ZUFZ1o6auc1SmkEEohMPfzN56VCFnYvmRgV5z
U+/DfJYZkFngNYJMRZMc/OrLDb+SLX1/FUmxg7/hfyvfJ5pCwo+VWd4lBcHwzcsyIsOn7fKj
gvIf3/xXZoS/u+siDoez6KVjl29cr+8YFonEUogQ824sLJdLGUS9QiZ2H9V9Ysd62TZfi0Xa
x1SJCzZ8+vJe4hZClXwMk9WMETrdWuu6WJkF7EPIYJMM05T1VS+MnP704VjXBRyNLFrzw+WG
uvrWAeHgoAzYfqUSNsv9hGRyseksgXiA/lGExvsFzaCrv+pyaUnlxetaYz0Tw7b7eE2IMVhE
mz8VznrIounwh00pAeSXDT+TPj5C3MhBAWbZrj52pM92sC9qF+N2Xwf7/C0PRjtydCXp0xOV
tddvdw/0DROeP2RWNzYo85sGv3KE2jmQCbtqD25759W3Xnj00Ucef/7dTbt2FB2+Nuntj9nu
dP+AEMMa2+le7RqZ2bMR0ScSIZN3Z6JNc8XHj4ow6aiFNF66ygBm+T1nR/DxKmnbCIYik0U+
8J/85FOpnhwDcb3327Kaen5X/4AEgwn049qDoQaAFHKTPD6omCorMHT10I+bnr8jlscNCQUS
FZ+Yfd/L697bcmByASY8ZlbYj0xM51CA7sPcdFTQc+qA9u/Vdlk5U/uaZXpYH/rqD8RkGgqm
vjiQtv8yflak175nDPx6LqLul2wpYNbAD0PN7ar6vqbCL/19Zagzh0IW5G+p4jfyu3pHEFiu
gCAYFg8JGeIIUsgmYJPHGD4HY9d2Pnnvysww/+DQiIjwqJjIiMjwsIjEvHuf+fz8JOIVI+ak
H5GR6eRTHNc5le7NBw9/c1AbhNU7x2bq/t4+paMUJ/5c9w59q5Gygqj2Nx/5+QZ1E7SUUsPC
xJiHUfBTB/0s5mcb/FhfjRgjR3fIm4Fi4t1pfo4cakn7ppbfxG/vGZfI5BBAv7hXwLDzVCkT
myoOwhQdI6O7n1mZlRgaFBoBcB8VFRMTHRUTFRnmw1uy8oGv6lDLat+oEp4xEgfs+qc/3a7X
PjvF0Ix1ed/6VKfs2P/FO69/T4vIjo/euYozeLz1zh/UF1PQSuldXOjEnxqUueVnxSYEhhUt
Qhz7MKoJ+KXfJbnSYZ/Dyd6Jo79T0DOqwMEPjwm6mFHyKuUSUwx+VJ1rZ1anpfL8AnhRkVHR
UeAPXCIiwgK4S+9fdd9rJzUWFZbY6NyErOLDvSVnZom5eahKF8ZHXvnfL+ro/2SpHvqPv/7k
3xj2y6tbdm48RflucspSLTIuw8EPMY75WU1gE4JCWK8AgyHwjwr5KIYcL/R0oMU+x/P/Dt1s
4ncIbneMSJQQhMp62vokDMv8Jhj8KDqfhk8+mRobGuAfwI2MigTIj4iMjomJ5IXxwkLiVt+d
nrD6uFZC0UbBv/u7Q1/V28jJiMtLiF4kqFXS/dJGvYDt6oYtwE8Q7vxw0/pifUJX1IzhVXrw
E84GOu8qf7ZJUgRjktp+YHAhJaL2zKDSx0Lp7T6Q/E2VTY29w21NrX1S3PQPtwvGGehyxHSP
j2Fb8fDhB1LjwrhhXG5oBLD80dEA+9GxsVER4QD9SUvzo+NfaKdmTbIhkYjHmcT44/wZrFjI
z7ZhlfoEIQiZNRV8/doOvWFqUY+xa1vDZ5rtJ+4w0aSBIvMJ+yhmk1vm2v7phPAxPg32b74e
yDEqjvcc4d/qHu/mNzYP4fl+aVc7EyJNFLj9clP5Bz0RbrsrEiT5wsJ44ZGRkTGxAP0x4N/Y
mJiIsNDQ8MTc3Jic3ZCtm36GDvr3b//Ya33FQ8OGYjTpUbvxun48pqR5F/ypKX95D8K295qQ
4XHbOyfxubM9MrxZT93Ue+tzHseELHq9vrllYLC1saFdAithZKCti0GdDTENfn1jAO1M4vIA
+HncUBDvR0RHAZcfRz5I+kXyeJERvJj00ICX2+2ALYGBnPnozMY/rPmG/N0lQmzwnAXJBmgU
MaeoefXDV/rMZe+dm5SdzJPANiG3D14TKRWTTr9gfQDHpIQfaG3pHOxrunFLiC/NHW9vG2LS
3WtqUZ9+uzD056rQ8KjI6AguNzouKiI0PDIqNhZU+mJjgBYg8n/hoX6eK89pfkBqxy3+deu2
7H+72IqTI7JfXl/3SZOxrZg3L1rngez4fJ9CdyUNVW8/+YSpCNPQ+b2/x1ZWt50QyJQKGFXd
JMUHC0xjn+P76c32jm5hx80bnQoYQpQ9t/sQJkuAjIPfIOL//c7MCLy0x+NFRMfHhodxeTHx
CbGRYWG45w9CAOABRAR7Ru2Y7PSR2K8pEf2y7qXNo9Z7v5Gtb3/91bsbtWtzSnD527Woxo5t
1M3BTPzxN6X2xNmbaGDaAwIV5fd7wd8GWhgN9miDn836W4dp0VLpPXG2F5LLEfWoTEsSA+w7
eL58tUPQOTjQfKNJqIBgdLh1EGHU4Aeb4xj1vbo0JiomNio8LDo2Ji6GB5J+kXGJCXGRoeGx
sbj1B+iP4vm6PT/p2Iqny+8fGJ32VjR58c99VqQZG9vx5ZZNX7xXrfV44TknUSeqzeCiVgt4
Awb0w5OvC2jAT0f6JQKZzCvPF4kwDBYjTMDPjvjYDr3HrSNnBEqt0dyj7gzA7xL6xLnmrq6+
4c6Ghg4RBMGKviGUSWu/1NidN9j/evHt/HDg2keGcqMA+OPDQrjciPi4hIQYHg9og1g89geF
f67L8n6MrpnVanL+wOzGqOY/G/I/N27fsm63lBH5jwKvwYpr61uVGAYNK4zX8fDrrJ1IuPjW
elDIHBCbY/lZsYEsxOXDZQLtLUIfM8A+xy/x3oM327t6hgSNjXwhhEDoGIOhOkhmnP1Df6ZM
/Pe6RNDMGxUeEhQWDeAfGsIN4cXHxyfER4PYnwQ/kDD3yMtanzE9j5Zi6/e2ccOUjEcSbr6z
Yft7WwbM35UNMaBX1wI/jMk6myTDyJV24wk/ROM2sd1+tiHis0evC7XK4+K7mYDfO+/ub+ta
OwVDA7cbb3WJ8fEA06P9OImXUfDrmyb54QdBVT86mhcUzI2IiI4OCeGGhgPDn5AYH4Un/vB/
ge8fGejy9eQTJpse2yyraLeRG8a4FUB8ZvMb39BSnyNWaolAICKPg3SLYcgM8LP4twEZOlHa
NqrFWV/lzwT8Tkse+uzK7Y4u4ajg1s2mHgWiZHAvUdztR429rv88nl0Viif1w4K43JDwaCLm
j4qPi4sDST8Q7eNhP3D7I6Oj/B+q09qFOLdvmDkhc2epEGtuNRVjVh6RUPoDSPcIo/YVyqlE
E0w+KBv524D0H28ZHVea6fVzOMnPri/mt3UKRQP8+ppbExgTCnhEIRdPGAO/vgYZ+m0NF2/l
DQ4MCPANiYqOjeBFxMQDzMclxMXigsf8+JRP7OIfdBLadsrXNg2zvXDl+6UmDhl///HJGd92
rYy9sli3TCij8xVkZLDfP04DftSIDmM9gFmUwWKheEyNOhjrzmIG/qD/rfvz1u2uMbGwufZS
rRBlAjlYLjc6d6cPfvTK5mU8vJrH9fX18QmIAGF+ZCwpcfi/RLNPFEj5RyWs+GsyOLe53X3S
Dob6qLfeAF6KMRpwoMxaRrp2njY16oiWbrqg+ly0cpPWBAI6LNbO8jXsuk3zDgO9BEHI9//Q
gF9j5SlSfWQGldUAsyJ9l6TiUfVSThG2m8NQHnnvu2vNnePi4dvVly53IRDMqMdHJDWjt3f4
xCf5ETEgyx8KsM8LD+RFRseSFj82Pi42Dv9rdDRR7Yu79+JkomDC1iy6rIsh+Ed/OKH/LQld
BVXJbGWCfMj0jYE07tiNl18/Sfsr/vTsZZo3AJq/HPgXdR10ll9dI6G9YChLwDgrlr8RUqiT
u9C46AGm4F/+yY5Lt9vHJCNtNZXlfCWToQVIrhgTmwF+wemiZeExMYlJoT6+wSmJ/gG88OhY
NfgJ9MdF43m/mKiIf/N1a1YzFH5b+ZP4m35mrGDg6WhoaPvg+a00OkV24hzfyN7EG6dQ+pgf
NYzwURb8NiDiYbLDh+yxqXBlCn7vt3aVtrYOQTJBbfn5OinCBPwKpciYudLPP/ddO/OviOi4
1MQwP7+o1LTUIP/QsPAYwuLHEtCPBx2/eFgQxX2uHTHGBjLbpfdeZix9l7YLrHh2SqHS7KC6

5zLdMsHuT64bz+dgxsCPzt/0ng1nNlEIgdTTXTAm/ozDWHK/vdzZ0ivDhq5XlFwZY6K6IaV8
RG4G+MXjzS8mxaZmxgf6+Ean5xTwPPwDuaTvD4Z6QdI/KpwHZv1Axi/spQ7Y2iUsa97/A592
Mltgbk29BZGdzoyvhxH9jQLz8Pdm9VhfXz8DbciC3/YZjIjdG6o2awjrWsUc/Jznbva1dI1j
o9fLz1cMYExifkgmlJuhIxGsZ2N+YlZeaoCHT0RadmGkl69/YHBQMHD+o6PiYiND/AOCg8Ii
IiIjuG8LYRvWtLLtj5+dJb/u0iBj/6Ridw8dopFh5dABzd7h0su0zoZZ4GezfLO/q0c9UYCg
aHGoGeDnloj7BaOYqL703Pl2BlUqVAFJhLAZlh/DhAfuTszNz+R6+oUm5SyO8/INCAj09w0I
BbO83OAAH18/vwAQCYSH+b0zpmXArPJQKaxJutVyZZZKENdf/YZC3XaWUkRfyP6nztOacxST
TtbxiOSuWGsCSdIPWWL5WfDbAPg192J8s7sZ4OdsUioGRzBJw4UzZ5tM9NXhvs/EKDJhdPTP
0O9UNPwnqTAvO9rLJywpJz/a2y8oKMDX29ffPyjAjxR/0PEbHBT4+WSKXz5mFdM/0jUXns2+
D98ZNsyr1Xw2QHHs4FURTaeBGG/4x8P6W9WTfsIL1yZfF0BGm3zmt99vw+BXQJM569svu5gD
/rVieGwCG6kpKT5Tb3xUF18JgA6PoGNC40GnwaM3/FIcAH+8tzcvPic3wsfP39/H09fP08fX
Vw3+gAB/f/9lFZMfLx62yoWxYuqg7+K0pyEGaaoo40WTpTt0SKyCIDLEWLE1D+JhC7FCSdqs
GJjkAR6qFjCN+REW/DYKfjkMi2FimhcaK7vH0Rzw/58IGpNA3RfPFZ+uNb54ngS/CBsZNK6I
DJ/JPWm5uekJAYHRKXm5Eb6+3p4e7p5e7t4A9Sr0BwT4eYV+oZVNHx+2tWvcf3raycWGaIIU
Re/kRyP79mirCERv2WE/QSCGNOu0SaB/8bHyI+SPIZJJHTYsQKkqnTRuP74OgoWaLVp+RCHC
iRpgVNH19wpzsM95XISMiqVdF0uKT1eLEJPgH5MiPT1Gj6KIHTqfzcpKSk1IyiooTAv29XVz
dXN3d/fwUBt+P79Afx+XFbVaj92Q0OYustw2Hv2Wawod8Cu1FfbE1rfwIQBYF/yiFgyrrVQY
4PvsVwrdOSxhmZSexgslpnjZRl4bLPXJRmFilF524+BdZoH/sQlkbHSkHVj+M1XjJoY/gJ2Z
UEJNRsGPyShih4PLMjOyMzPylyxOBHYfgN/Nw8vbWwP+wMBAb++NYi3wC0fZu4oxHyXovkV+
MfrDh80GR0B/1xkSrSFDCqz7u3YVmm9VEb6F4NNuUxx+Op7//FUENvSbA9BL+6Qgt60ATA6H
7jEL/PeL0PHezqaKYgB+kUnwI2IYqhYwnRHXSM3dmTm5Wem5iwtjvb0A+N09PH19tQx/oL9n
xjmt45V9Mtu74bNMXzF8VUHVT0uwnbap83bjVI3E3/9q8IMNv3/cAPJ9NaoMy1cvVxEuwvfX
jIEfZdf32CL4YUzeLhQPiCBMVL1/OWPg4ys97hmRtTXyG8oA+K/qJZxQkQ5fFwF+GaK42Gt2
ee3iyuy8vJz0rCX5oR4eHu4uAPygxAdqfqpkf7CP7/MDWldU3gezN1xPGt43cMxuV6MYPKZe
sAfTXTPhN4eIKEpZpx7q6fn07fU76jFMrU5+/YDgOeh6f5/YUupuNhk4WwLcfv5NfuuYBJbU
7spgBnwH/F8O576G5opLt+ouFBcXV+uBf/h6i0IP/JAUG7lgPDpAKDJ+5ctzCvJyMnKWZ/oD
w+8BoO8HvP6AoECQ8vP1CwkN9o7/UxtdYiEbWuqX9iTdBvFU722yBEfFyT9cLtCQdpU++S2u
keVnLwHHDL+ljRu+2fHa9smk6gT51/NvvK27epTDXBXOX/DDszx+rpSN3ygtax4fU8pqvkpg
An1HR5ze19HD+8GyqguXGqvPFRefq9W12aKG2kFU7/6CMl/3aROdMxREHJdW5C7Oz8tbvCQl
wNcXN/rcCF5wYGgYNyAwOCA4IjzU/wG+lheJ9ovs+GEYOqsVOcNTzxOOlFDHWYpOpY73reuF
73mVr0Fo6X8+Iib8cd9Ajkf39R9u3vz1Vf3hzGuffPDWs+3s0g4mObbpqSdbBv7xoWslJfzx
MYX06qZEzkJTyF/g6OSycIFLUEJG5CPlV85XNVw6W3ymtEEn0JY21gkNlLuwF2srMdHopjCc
+K1ZmbN0ceHiJXlJgd5+Pn5BwRGJibGA1DMUX94Vn5LAiwZzaJMxNdRvxzt7ene/vXlyfEbM
p59/1pmglh8/TXPYeC116aPxgz/pMyPtr701OYlw5fP1ZEYFHeIPEfXCNze+ewTTDxX2vLjx
mw+useC3UYZuWlU0Lqw9XVxT3ySW1HyRGxsfEeztvHCBw6SQjj7u6eN/ODm7uXv48uLTszKj
/l15ubT2WtnZ4uIKvrbJVrTW9Rt6dsJB7Galid8cMaT4a3ogZ8mSJYsL81MDfUBVnxsWnZyW
CGj8YmMSU7Nyc7NiV1RqJ9QkE/b7XECnN/z42XpNKwQspbULqM7iI9n+Q2Z9jqJq07pX91K3
BcFyTPjefxu1nJF6lQpqPkTwfFR9/eG7RfjtrfhNiG9iIH2EU298q+RfYsFvbyIW3jx95kLZ
xUF57bs5ufnZOZkJ4b4uTouAd++w0NGB0AO4NliwcOEiAH0PL5+g6NS09Kys6BerKirrq0qK
i0uutmv5jaigupMipyMcwq5XmToZiYGx6346Z+nSxYsXF6aFAD6foHBeVFJGeho4gdSsQqAS
cpPva9CKIqERpf3eibqPPv5h27pO81OIMuah4/iVUaz5v29t/vzlC5S06bAS5l+q0oT0SkPa
tZKNO9bhnsa5/345jslGUKyjHO443jSKSUdRFvx2JsoR/rnTJVcudUhvvgtsaU52ZnJ8VLCP
u5uLo6PjQlwFODo6AXF2dXb1DQgM4kUmZuTk5uVnJ2+uKb1SVwG8/vIb2r3iwroWJQVdo3AE
u1Jt6mRkffoP28hLmUsI8KfyQIKPG86LTMrMBpKTvxj/bm7SGm1vU2THRX649NPPP3/jV0vd
Bmbho6xLijW//eV7bx5V3SNFU5eKzkfldPHLtN9VmxmFjFCF9ade2g9+WPb9c134jR0TdmPl
X0qB2sBYy293MsIvPX3h8sX6Af72nKy8vOyM5MSkJMCRExkWHMgNDgoC9JnBodxgLticERcf
n5SWkZ0LWm4Wp6w4WgUchlIA/prbw9rJvhtiCsMPDcqhfxpMh736zbnQxlQC5vkZMf4+QSER
UdGJ6Vl5hYWFIBOwZAkA/wNaPqqyT2G/90FydONHH37dY6kON2H9oWGNdpj4Z/uezX+q/Idj
z/B1fQmlnCYXJdmtctz6a4morvhFvPwHD4MPltf0mMney4qNPHQdZafPlVWUt7YVLV26JCcj
PSUpMSk5OSU1OSUlOTkpKRl8mZKUBP6eCr5KSkrNyskrLMiLefNqKZCSs8XnqpsnvXXl7etC
qkquYgCSHWtmYJn0vYaS5VkA5IX5Oak8fy7g745JSs/OXwyyAHgasDA/5VGtNxWO2PONaPv+
k297pjp51FNLncqr//gkDAtJDXHmM2zg3Voi+4T2tcMMu5TEv9/ScVR2PXpVS/cgjMDPtvja
lCBSkeDyiTMXLpfdEHy3dGkhAH96WlJCIpCkJPw/UhKTE0lJSEhOz8rOzk8tPFJzobQMGP6z
pVVaBaXB650IJfiHUfHxVtPnM6Bv+vv+mw7AX5CXl5cYDTyP2Pi0zJyCxYWELFlSkPLYJNl0
X6d9V4yVg5IpM8Q07aEenjr6wE/YWBsJ/vafJ7CinyEzdvhQHXX+e2NdG5TgRxF2VZdNgb/j
alV98ckL1bVX6nffmZ2Xm52ZmZaihroK8LgmUGOfQH9WVtzHdWXA8J8Dhr+0cdJaS/m3JJQ9
XJAYGzjaa/p85Pqz4UhRbj4w/Llgui85FWil5LSs3EIV+MH/U+7SxPzCynH2fqIaYk9dmI2A
TB+iXovS20U1gw8NMumMho7e0KdfoOLmpQE/ytp+WxJh+fGy8pPFlXWXL/20Ij0nNycLZNOT
cMTje7E04McFxAOJgDQ7HpBphq04W3O+tPzCWSAXJg0/2tfQR93AqRRjnX8OMDifHn0NcXF1
VkFBPjivuPjUpMSUxJTsPA34C/PS0r9Vlb2g0pvs3dS77mNqTUzuZFIUqz33Dgr/ADFVNcAr
AvLGP/X9N1U3kmBXt6mEHwt9W3tAWk/tP1XyT8mVixX7l6fkZAOfPiOZNPJaxp+IAJKTAGV2
TERkbFRQ5Paa0tKKivPnzp07WTFZdJbwm+XU4JeCEtMBJt13yhY9x3/ghfT8gvzs9MTgqNSU
tPTklOz8wsV40F9QCKKBnPjCXaRO+aNoRvt7qHqRbW0YAG4b1tlcDrep8zG1k4pScJ4ArYBv

etmiDMGuFY3RnO3NfSOmwc/izbZEXPP3riPFZy6Ulv+1JrkgOzO3IDNZy+ITPn9KSmpickpi
QhzYjxUeHu7n9Vxp+bnKytKSkpKzf04ueUH7b/TTjG6MjmC1RxmF5KIbulkveHNGbmFBZlIM
Lz41PR3kI7PyQbCfl5qaA1RCVkZySM4nV1AMK15+ZkYvm2waJ4jkQ1Zq+mZywUuf+fgCuH4t
ewRMlNKYlmPW2Khz0krTpT4W/LYmo7eLPjh15uTZ8uJnkpfkZuYXZGhCftL6J6ekZ2SmJicn
4pzZMVEhAZ5L/6o4VV594Wzx+dJftey5rJmyJVVV5i85zOx8Bo+WyrWfleI7MvNyU3Hsp2aA
yCMlK6ewMB2s601evLQgMy0jLjxpxY+iU6mfzXCyZBotPySescylkP/bC29VU6ZaafmV0Qni
/owUNWFMEn6s2HSO6OL/vrxw6lRZ6dtpuXk5uZkgtMZRn6ACf1IawH5menpqEliPFx0REuCf
/FV58bmq0lP/nC//bQtfqxf0Vh/1SlYUFYqxE0xNM//Db8Y14Iex9hdTM9Ki/L1iE2OSkmLA
n2GRMSGeAZExaXkgHsjPz07lxT296qFZZ/ChH9OQ9lvsJSgHp6oHjA/NXVq78+JtM8MRqJgg
7+6pQlnw273Aol13FF04Vnz6i5U5uRnAwsfju/Bi41UZ/mTgbGdlZmRkpCXGRof6ebsHvXS6
tKTy7F9HS8r2vq3FpAF33hJTP34o0quAfitnekLXH1+rLuAN/ba56Lk716zOA+0G4WERkeGh
QS6L3Dw9PL1CIsMjIqKTUkGFIgvs9vhcTj+WbvULRrUVCNp3nM5Z7602AsCb3cY+StGj/qUG
THYvNraZA35UjNvv8do+rUW7TLXzTdXvL2hhwT/5kNspn1Pvc8lfHT76z7bH7iyM5OHr74iF
eAnxcfHA9qekpqbnZAPjn5aVHu7j7uUQvq/mwpmThw+dP7/x/p8Vk3Ph4sZWiGasHBJgsh2M
wY81/mf1oa6ONv7VP5+L4yXnLrnznn899ODS6DAuNyTQx8Xdy9MLt/yx0WFhUWBdV/KKh+9e
/tDX9RKpDJm9OWxo3yk68CuN1dCuMDS8XSZrJd8dMOeXEP2kWsPRDGp3Fd/0MY5JhieD+7Kz
dMvF5x34ETlsp0PGWENO9NqPDu55OCvYyY8bFoVDKoZQAXFx8ckpSWnZ2VnA709NCXN3duK4
rr9cevjw0dKjLyS+K8bpGRGyeUN4o5eOU0LRh41tvcb8lAT/Dsq9c0lmbKCLuzeg6w/mxix7
5P4sXjA30BfM9HsAHr9QkHyMj4uJT46PSHvgsRUg7b/mp15oNrWv0pIsHQRZb+/ThVJzUmyS
U6qQvRYo5br1k63XJi6iqGpU89YoefZot1ghZQJ+hPgl5mTFz24pSYAl+zs5MeeZdUvABO9C
P7/gsHAeSOpH4TuwY+JAy08aMPtxkUGBoeEhId4OHJ/ntn2379ed94W+IcTvJwF+FEO6+eN0
4Jf1Y13bOs04pZEHOY6LXFzdwX4O/8CAwADPyPv+c09yaLC/h5evt7urJwB/XCxwS4Bmii+8
f1VCRETQIteHv7vQ0ts/AtnRlf/tJ/l0Jh2YPpJw/6TfD9wnpZHhSHhyR8NEFwL1QBikECtK
bjIBP+kkasDPJv9t4hnExj5a9mSiT4i3f1CYn6OTfyg3NCw0jBcWFBQSHgcq/AnRYT7OIQUr
73no0QeWRLk4hyUvf2B5/sZxDIEJ7OPgl7a0KWiJAsewig39zO92xy/3+Hj5hocGBOISFAqG
jDLue3BZfLCft5uTm6urp7tXRDzIRoLxg8w777svOySS6x/o5xKYcueqVY9t2HGs104u/Mim
5/6xNR5A8En9/Vp6Q5d9RgN84CqceboEA40dchlu+2nBj+g09YK/aww/ArPwtwGfRSTufP+h
5dFZd91315okzgJPLy//QB83Tx9PL7+w6KgIbpCfq3v6ky/977F/3XfP3XevyMpbvTKp8MVq
bWpubKypG6Z8VoFFUiqwvz5g2rkur3w3xc030N8vKCwIDBGH4AJsfvKaNXnhvv4uHBcf/4jY
xOwC0OoDZNW9d6+M8wkO8A2LS82I44WGhYWFcFduONJmD9j/+cP/FqFm0PERMsooOyeZArUB
pNS+hdrYFfeq7P5ELSYXHHv2MoPefnJfD0oRvbBdPzYg8p6Ojp25eUuysjLz/rXcGSfnXeji
tMDd18fbxxdsyPL3cgpZ/fzzj+YBtz8kPDwkMqPgjmUrHnzl2zrlZN/mwK1hakMFw9i4HNu3
k9m5KI49xnX2DgK+PvgXTBRz8SwfNzSUG5h198rshPiY6PTFy1auuuuuVatXrVq15p771qxa
lhQR5A98lASc5CM1JSUpLiw4OGeb0PrmFLJuVufkAcGBflMHTTTpas3q975ioNjEm48aC9wv
tTI8Reltmbbtb9k/ruUvHnpxMo8zcqKPHvwo6+PbrEjrfn3jTn8O4OpZ6JJ4V5yapXeh00IH
R2dnVz8Xp8THX3y8gOsbyAXltoiwUF5Y4tIlhcv/9cLOs60qOwR38sXUsEIQbEih/HgLo1MR
fxHv4hPKCwUrOQOCuEG+fkH+wPjzwiIjgiJW3L169Zp77lm9Yine1Z8AJo2TM3KWrF6dn5gE
eP2iQWoyBUCfkOTEiKD7AeOMfNRIBgAdGJ9VCjZIwMSGDxXraLHGjzZt+M60Dqp98riRV/9c
u7HfIJ0oGTPUjOhPX4gwRDG5AV2HVrT8GqBkJs9OsevJbxT0W3rZcT6dJXk2lB2EKj59JM1b
zdKZfFegmpsfsHc5Obt4LHLKevbplUlhYTF46T8hNjYtryAX9NnlFqx+4rl1X50imrrRwT6I
BvwoJpAMvfELk1Pp2pIJgvxgXgge64dyXRZ4BQAukfDo6GhQ5c+7a/WqZfk5aQm8sOiIWDzb
jxcjlt6dB0hG8LnjxBRtSY5I24cJ/z4jNeIaTyP5h9hq763rHFe+semDH/Rc+mFDJdL8jZES
IvLjU58LDT6jqxHDxsd0b6G8VKfrd8LAm5K3kAoU+vXpbyC6RZ1EVhhl53rUV2TMdnLSooPP
FgQt0FD0ui1b7kH+zRFAf9FCZye/1c8/kRkBGmpxSAGUgcG63NycvAIwWLPi0f/7z1OfE11+
kJY+Q/U6zAVQ69MnGZxK+eurAjwDggODgKsPFnK4OLoHh0VExOCthTxewpK7lmfGR0eGgVRA
RFQMPnWIp/vz71qWnJCcmppEDCFMSmpqZGKR4KfnTsyOdm/qtwrWDaXs/U9r9e+guSWD/sO3
VHdJfGVEu31hFGdAvXaB4hRu1oD7WL+/v5369MS/vN9Ju6uP3NKNsvG+zc04dHxzb4STNkF3
4N3LPbV5+kPue+GhFG5kQhpo9MsErX6Z2TlgvB7gH7TXFiy5/z9PPvmJwBgvBIIp27Ga5cWm
T6X0xX9Hufr7g5x+SJC3v7e7mx9RcMTbjqJ5UXmrl6eB3sNoHjc4BLT4xOHYB5xDmXesysRt
Ppg8SkxOStbGf3TG1v0vrWuclVsllk9TxRju6LLOw4PiyXbBV7cMXjhRRJxC764KrW8efP4W
vgD9731aH65VBxB39CEoDfhJq69j+dX6gHUDZlMkpW9luuru4VqY8/BdiSEh3NCoWMDRnb/8
oWceTA2KTszMAdDPxPGflZ2Tk5OXh2uA/Ny8Fff8d+MfQl2I6H0h68VO3m8ag5eeeSnbBZD0
+nl7+vl4eft4BvBwCx8Hug0AS3/GymVp8fGJgF6QFxgaBQgF8dEDgPnUvBX5gG8sBacdw/nG
1HYf/JcWn/bU+lc2903tEt1usNF7R4KJwoSizBKX+GFKIWRgjOUkb+fw79o9mQOn8QCg/0t8
s4CMbFmU7T5F17CkD35MF/zqej8L/tmUvsPPRgGPH6foxq2800JHDscv/6Fnnnz0308//ex/
//fc/57/738euCM1HvB8ZIH+ftDnn4Hb/uxctQAi3bu3nL6ioH/6YHxdz3cPmxwZ7Vr70lp3
V38vLz8/X2+fwAA/bz9uZFxifGxsFOjjT1y6PA1vN46LAeDnRUfEE3NHwPInp+UuSU/CcZ+M
f6WCfnoaEfcn5z/33kv7JVO6RvxaW4sZVXQ95JSdofmEbo1imEIgN1HLM1AZw6a3HgxcVmIT
Vw6SfRTirX9jDHr7ETLqNwA/grLwn02Z+P2RIGDrFzi7uLi4eXh6e7i7L3BOLSxYnJO9eMUS
QJpdULD8ziVLV965JD87Iy01FZD44OjPxOmzczTwT3n88uVOHcDr3FIIGxnG1j1kqjcd+XzV
xrsWBPh7ePr5+/sGhAQHBHgHAYjHg0HiyIjorKVZsbixj42J5AbwosNjEuJJqsGUpNTCfEA7
CsZ9iaQE/gfAPon+nPw733hrfcN0rFSDpbP14JZ+UmfUwkMdYgxTdJti5YL1eyG1d4FAkFb4
gaqrHL0grhfuefOQ6gfF+EdI+SBrMDEI68Qr+uDX8/v1v2Zl5kVx9GE/PLHn5gU2XwcGAoPr

5eaVmB3pqnIGHBYscPQKS8hbfteaJQkxgM8HH+8lwA/gr7H9eWmxP928qUvTqgv+CYX8vmdN
md/KO5/6LNuB6+Hk6RcYEBDK5QYF+obibGKgiz8mMqEwF+/nJcAfEhgWHgZGD9QMY0nZi7PS
EkEuUivbl5KWiocEuYXpD338Wel0ZFdlQsSM6QkrClR1zJDlV2gc6uTIE9Ss7X51f1NGdaiA
aNdortPh8FH9Aj+D7OnI7o91CgnCTaUYdvH9KvxGMwU/xob8sx7vH7jHF6B8kZuPDxiV8fbz
9vBydU/MjvBUp/7Bei6XgPicgoLCO1ZmhkYRA76ATgef78/IIix/DvgzZ3H6a3VgeSPNvUQh
TIyNFbxiojYtemXVR58VuPg6gN6igMCQ8AheCJcXQTj6eMIvozAxGsd+AtAE3KDQkKBoAvy4
cgAlvty8jCRt7KekpIG1PqD3t2BxRu76/Vcl2LTMQ4HwmBGsJwTT/phXD9LiHkRkyqtkCe+Y
9krj2xv269+T5h8HsKO7cfS3NKiUeHu7ljK/hL80zteZLoZawUcPbXx71JjbP18tveCGjU6a
iH5a4cbhAEPrC8Dv4e7h4+nm5hGbHuzu4kis6AMbe1y8eHGgbQ78s3hlgm9YNDHmnwz8/4z0
TBL7AP35K5ctP1k+aAT8UkxQ8K6pCtaqV17517JQR46jq09AcFgkiPMjo3gg5wjAHx2ZWJAR
Ew/oQ3Hwg9Fe0AcAygDE1wTvSHpeTrpWpp9w/8FZZhUsWZ6X/E7NtLH7Tfx2jon5V4qn/WZK
6R4yWRXAJjJA5mSkfTA2udiwEa/aD92ajP+Rnx+4gnXXy7WdtwNFWm82TkvD2HdGSAd+1Aj4
57o2aK+HbBT7hVwnjjMw+F6eniDY93T3dHWJSgsGi/oW4Pk/B2d3by//+LgQXx6wtmmZ6aFe
wVFxMdFxgMsTmP9MYPpzcLbf/DtXZMUWXWinu5MohMixiozdJnzZrx75IN0pIWkBSDs6+4Xy
wiNBpB8ZwQOhPQ7+1Nz4aFwPxAO3Pyo8nMflhvKiAa1YbDwB/oTsvMxkNfqJrF9qanIq6EMq
WLo4+QP+tI1an3j3szps9hP+RkO7PkW1Fi5FegSckm+/1OqCOrcTb9mBRrUumEC7FNize1Qb
uMQcISyGjSf88Gw/QmP4Wc9/Vp4ZuGyZY2y8g48/oMUBFh+g393NOTQ50MUZNPaA5XwLOAvc
/H39ubxAjxCQYQ/34saFh0aAlTm4tU3G836g7Ae4fgvuXJ6bnfzUDwI1xZvhpCkkxvaEmGDw
a39+7WMu7sFxAXj+0SM4PCISdPNEhHMjcVqB6JjMNPC/OAB+oAnCwIBBYEBoaHhUdKwK/PHJ
udnparsP8n5g4VBqRv6SvLTU/BXpL5ePTENlX3luAGvd/MPWE7bfLlKiNeTY26GLOTHpw6tw
SdKOCC9LMenAYD9QBG1E8768UjWxu1tbU0jlBHc/qlDddwVNzE8O9lE7/WzKb+YF3DXpN74c
3xRvL2D3Ae7dPYDxdwpMDXRydnZ2cQX/OTtwFrq7AYz5uQfF8Hy9PV39kxPDgB8OMJiAh9c4
tV965uKVS4H5TyxY30839YIgCiH2deBZEw/ok2tTXIL8giNBJOLgGhQWAZL6IWBED3gAOFlP
elwUsPKAXSwuNjwE3x/o7Q8URARp+RMS4uOzC7PJ4h5e8sN5xrMKl+SmJCRk3pH72N8t08DK
ojjZj11+ae32XouhOs1WDzFyDjDZnjO5WVc8RB4uqIZwclIM2rvu/Ve3yzByPKju+Q+ISwiV
9eg1CwgP11O2NXGoBvlZsQ3ww1jLGrCAOzXWxcObAL+7h7uLXxIX38fr4ubu5ubmDhzwBc5+
wUHeHn4BXm7eXi4uwYBHD4A/HgCOAH96WuayVYtzcvIzwjPeogU/hIp74eezjbNVwfue+w+o
7IFlnEFgqNDdPzCEF+QTHBoSAkgFIqITc5PD8T19OLVQFCgB+gX6evoGRYAVAkAbgP7+hOSk
jIK8DLzMB3z/JLz5Jyc/NzMtOSExfeniNb+1Q9MzvwPVlQxNfnV6v4kfu7FDZ4d97SUjxw4N
TtEV6C8qMaa6iEC/rwUi+HhQDFLVLQ/+m1TS8h3vF334yTg2RNzTlncfOaZLL6y+1cLNROPm
hIgl8LSn5uKffRa5ePAivN1BmQ+HvpuTd1y4M4C+sxv4EkQBoN1ngYt3YKCnh5+fm6uXu4uT
FzchJQ642jEAbYDOOy0pY+mKzHTA+JvmH/jaIJ0LB6GSAeHK/A6jJyT88qVVnv5ght/Nzddx
gQvQN/6AzSM4IDA0DKznTM1LAH9GA/c/LpYXHOTvG+jpBpyECIJrEBh/0N6XUVCQl5lKBPzA
7QeqIA1UJvB9o/lLCv6YkWsq3U67XxttIBr9jzz9xknhWQ3d8YixmePSvTIzP5805pqO25sP
bjWZI0CVjQMYJq3C8wBQNwBwwztPbiePaN286+tNB/eqTvHmbzpTxIp+pa6yqT6OsOC3Hxle
6wNG4wK4/q6uwOx7eru7uETFuC9ycXF1dSM9AeD3O7l7Bvp7APC74kc5eQWGJafFR8XEAUcb
BNUA+4VJCVkA+ynenKeGaAJQYFfEos6UPOPg569/Ptk9wA+oGUffQBcnVy9f0OMLNE9gSFhY
aGRWbnhAMC8yJjImLpobBA7zdXHxCIkCXggB/7ik1JR0fHtnQX5eNt6CkFeYiZt//CyTc5en
vzsjGVflCL3hP4lzaw7u3bb5423rmakiimV6WjLYYPgqyaaviSWU9Xwj1PuqOB0dAyoGFuI/
Kd5XhilrqyvbVXDf+PW3X7z72tdNJgue+AfKR7AJMQt+exH+6uCk7ChvPz9PDzc3Ty/g9PvH
Bzm5uDgDclwfIhBwcnRY6OIJuDw8Pb09XZyB5ffmRkUnZ8XHAL8f9NUmZS7JjY1MyMxJTo52
5jzUSw/+YajS7T7jQ26XXn2M6+FPFh0Dg1wdnT0ARa9PQIB/EDc0JCovJcAvIIQXERYZF8UN
8vfzd1vo7BYG8n0k9mPjwMkUFoBJg8X4Fr+CxQWp0URwgnf8Zi/NXDH7zfn4IsG6wy2/bNz7
xempv1vHlvUnp5Q4h0UGygMZHCH5gsgNnI0f7v1z0xdfv/e2eiRjlJr7YHzPTa1uPybg1+rz
Y1N+syMXMsPS0kP9vDyCYoNwL9/NNykSWHc3YPfxeTp3D1dHxwULFrqB+r+Hi6c3MP1OLr7h
IPeWmpMYGZOQFJ+QtaIgPDA8JjoqMtbfgXMXn+Y+Ikp0CNvv+JJR2nnoj2dX+nj5A8sf4OPi
5BvitsgVpCB9wdfB3OCwtPwYwNkbEhYazIsJD/IFvf8uTk5ekVGk1x+bgEf+2UtzQXEvPStv
MVAAKYABIAb0A+IhQN7i3JQts365j32FYKNnjnyzq+J7mlBcXNpNkxxUV1EgOX6BoeImrPb9
ja81mXkGkJzy3Q3vmZjoAuS/vX3P9s93Hvn03SPX8BYl6Zc/UL7txJaPr2Pm8PZr0v7q/7HV
vhmX32MicpID/LxcvSISeC7Ork5RuQGL8HI/iAF8vNxBow/A/gKHBQtd3F2cQf8PaP5zCiT4
vDPzksE0bXLusqUJ3r7cYB+fYK9Fjg4h5ymGUfFFXbASE8JfLdxgdEtn66sP5bv7AKwDb9/F
cVFESri7M2AQ9PbzCeCGJ+XlRYFpn+Bg/0BeeGigt7u3B6hFekZEqsCPt/8m5hakA7CDDoTs
gvys6BAeyBCAGmByfOrSJZnJKy7N9uX+63vcYH/18bHOX2h4DcZ/rDZRy4ch3DIrvy3FGt77
5HUS/ArGlCHCVpSKJ9xwgBgh4vmeLa9/9MW7357Y/eWG1w+AY+CffsHkfxiWTQaObtpO+AQ1
p5hbfnTyt2LLALMgeyJ4mYk+OA22a0g819PTJysFcPa4A/iDPzzdnJ0I7IPu/oWOTm64C+7r
6hKCoy0mNmtpYV5u4bIVmYE+vv/P3nUAR1G+773JTTKXm+u9994vvQKhiAV77+Vnp4OAVOl9
onQQK4o6iFgBMyiKAhNARJxIZ0LPpJHMpd1c2f/77d5d9pILgijG/+QTQ7jc7W127/ne9rzP
y2azeEIWnUHH3kjheaL6LjSQNbW/RF9wJZJb60LvID8bkC+GMwKrLvAWmzPT2bAN8eRmD7CJ
9BwBdPnxZVqtUsLncBk0WgZHEc/1W81WszvP60ANvg67Jy/PqVVpkeVHo4WzS/PcbssztX9P
omR/3V985T4i5VE55fUTyw/0kH1r67iqRG0UlDkvLRuxmvSy62qufqzApY+q/nSHOPxtTQfZ
AV2zaf6MNW+vXbd65YQPCS5PBx5YS2E0tVWdRn+1By5XtaHz+u77qwV/pG9s97+7wm+5NH6H
UgKmns1Q5vptvmItnQMuvxBV/nicTGYGAB+KfXQ6jcHhA8J5LKEGku3QX+vsN6Agy+fPy9Hw
GHQGTykG1wATLA7hXWk+hKp3sCPa0DgUW9mzmlakdVO+rtjOR+BHlj+TwZDlFpnYTC5LqDbb

zHpXvhGBXyRSqlSg3M9mpdNpGTyZHs7GaiPJ/94cyPA50YRRGDNuJOh/NiQ5Bh2KLicMGV33
t1y1L5+quL6rXnVo67jqv6HQX7v70hUHBCZaDqjEm0tvfJeyMBg7jZPfN0VWvvD024e+jrEE
tn/QfmDWkjXvzp95AA8equ1CVKiZ/tIvPXMYrj7h1+f13/DVvGWY1mkzKSDYz+QZLFatp78F
An2g/BBcPy4LGH5Eiz9Yf0gDMvk8Nl+hR16/2Zmb63GAr60xWtkYkye3KSBJiLnX1HcrJBGK
/h3B8KWafNr7PfLro+0/361zuNXg9YsQ/NkMKDgaivKtWq3aZNUrpGJ9rl0klALdEARGpCIu
E1QH0tK4BPjJfJ/Z4vPbUX7P7oBchEcFLUEI/CDslV2cZXc7vLYhv/wdV+2zhWev9xAXq/6Z
0kPtHsqBozXN3bV28PZVn/YYVgSb8D0vfI9XvDJhV4Dw4s+cwS9W46FFi9fPmrGjDr/02qSt
eKQpGrfc8F6bX4hlL/7YE+gD/39p1e56mgvsWT0XgK3T87lsVW6Oiifg81FLPwzDYzFoJPhh
0WF2DmwSMpUOYd+WlQUNNRabikXnyjIFOqtbD8fAirccTw3+1o6WhuMm0Zc9fuZDR0dAf55F
QYT8IrGIg4hG0uwCUAuz62VCoUSqdLnk8FMhyHMrJQIupCPoaTSeyoCQb0Mtf2aL140qEET/
r88GFQI1pPtB18udXwgbgt3lN7/S+DdctUCg197QL4ZPPpdSX4vid6xa1iN34OdFOys/h2b9
6j/iXj3y1AKfT1vxzrxpkF44M+GJ5eHW/Ymb2NqG18fqN8F3RqKKQFvwr4G/D/s3fNXs/h9d
qQd5XAZbaRFzhAKmMlfHg75eAD8U/rgI/ISmFw21+DAy2WyBGsAPEb8322axWx0aJvyUKUVi
+RY+h43dU7W7KRX4wy3BmpZtGbbverzJ9UuddovOjOAtQpP4gErIYgrcBfn5VjG0HIkkEpnG
YoBsgBB0/GUSIQ+aDtNodK7aYATsA98Xuv3Nbieh7QHxv9FplEJ4ADJfoO7hL8wlev79jrwv
/n/f0PP7fm35s86fLza0JWsBQf0g9sCnL49a0L0DombcmOmLPl2yrB0/vnHvx/V4ezJmyZgj
cuFgYywd0Vfn/y+saM3uZ+kKo1qamcHymJg8hZiRYbQC+FGdHeE/AX600jIy2FyVGmXYoM7v
AIKfRcshfswxqHRuh9UmxeZUb6rpnuuHfF9z6ExgJVa4u0druqHIahcrLXLk8gvQDoB2IJED
GgZAWYQPbB9g+0F3AXj9ciD9AO8gA2E/kynRaM1g9wmhHwvi90OIb7UYTDaNRAbgt9kg959T
5CP0Pjx+y0uN/99uYuvZP2chR+opzkpnaSBW5++czL15+CuvHkTefnJcs/eVNz/fvGzyZ8e3
1TS+d4bqpR8GP+PMuR6NeB/4ezH4L+x+ni41qKVMOjdbRWdw+Uws06FgAfC4UNfjcVkZtE5V
TzTLg69Vgak1OLKcJpvTyCfDAhpToXN6PLn5Ctt3VevPdxXujIH/XNMSbHCPMfeOIRangqcw
y4Rg+EFRhHD9+QJzjk3MhjgEFfulIp7aLBejAT4SiEugEAH0I5jqg/QFoMsPxD1tTpuFUPwy
aQ0WpVSi0IBXAKDPKvASHb8OkPbY/P9tBOxXE/+cARy9oohw5+2qfPUFIp/RUXckBGM7405E
9fiPv1s8a9nkFyd9sA/SCO3nw/EGjrVrO6MgeCx4NNBH7/2PrMiZ3SMyhDqtVpQuMLBAuBNS
7JjQjlT8eGB4RSIWBfsYPZ2RCRM0NGqlyes0WZxaJnj86WD5mSKZ1e/x52e77ttUseJsKsvf
0Rw6f2k4Nqwnkt3xR21+vUAgNan4AkTwI2R7Ie2oy1ajEgOy/CKQ8pTo1UKpXCJBhEQI+cHy
M3gykPdEtUco6cOELiAewUagg2FCaLSn1kxk+7MLvajlF6L+HNPz9f+pOxRJHniWYp2oDF/D
iO/4akv9ios/kRW+iy8cwiPnSCRXnWqcMXX1nGVTFlRtnIP8urqvE6HFL68HYpM2o2g/CP10
4Qrgv1JSr6/Ud6NX+HjlxAwhkOVlmQwJg8YTcliZdMxoyGTzOEKpWChmxiZ2EV/TaBlinUoN
6lkuwL5dAWV2GKANPxCqLF6nOzffP+jJF1a8dSYV+NubQxeqbsIe64mQNs/qt8BAQIVDL0AB
P0wHRO4/n6dxSyHvKIBSP+EKCNRmCTQXCkQ8VF5E3EMmXyiW66DEb7EabC7Q9wP8W41qGPEF
UYJSBUUAh91dmOckwO9w+FzZn3cTrb/udaHhH5rSc2VMdP4weM3grw1ccbD3mTunJzR8A414
9fSxE0aNOIAHiNJipCPxxu0Ll8ETkARoNBjtfr7YVf8yfeC/0Su4f+er6Ty9UQfIFzEylBoh
m5GexnIq0tJFQJ2HxhkaFfxpTJVWpVGKjU5I+YkR9wfcARqdqbZ5/e6s/JyCB568edy7Vd2M
F6y2QOvlE3n0yT3MlvwByvByoZCvchvRTFA0GFSE/uKrrUIWlws6I1w4IdgApFatQAw1BzaP
kQYzBaEgwIXnyTRGaOzV26wmq9NqMILhB7MPv4BERcgOZBXnEHYfaQ/6zS+1/O1Z5svJ7IVj
v/0Dn+RPP7tSyzExA7Pq0rU0dHZJyxLgP5bQOP326UWnDp66CLPXWr+HNuz1o2a+cyq5iNBy
rA0/8tqrz8GkliAeOBrBT30fvKKSzxW7+fvovTd6tX2xfrQEan1mrZDOy6Dz5AJGBp1BU0Ll
no0sp4JLcfuh1seBAVpqmcqsVBkkgHpyT0jnO/xuT1Z+XvaQJx4Y8OyqA6nA3xq43LpXKFmc
ukBe+z+7T4sMu9xth1IeBBxiwL8QIg+1hig5Eul+MeQBpUYDH0b4ZLKYkO2D2iKUKcBJkKv1
Buj0d0AF0qrT6LRKtQy6gURAO0blf2dBiZ+0+7C8jsIf/unL+uuWv830d5r0D6+kgbRvHnTh
1a87eu29v8m7yRtjEz5M5Uvrt7z+2oyFv+JHt9Re3HuxIwmcFxrxUBOMXd64bPSb6AcHXjmE
X9jW8Kfg7xH+fZb/Rmt41bzy1PNersFk1MsYvHQsQyGEnD4jI1Oj5tA5UrlCySFAT+4AUOln
ckVKGJAnzmBnpkMQgB4H5p8hB9p6Qbe/9IEnBuc9tfSHSArwt7TUBzZimuWpaajvZHmsEuTn
S+12MdoExGIBuRRKLjT2wf98cEQgDyjR2OVAQWBm0mlocnBmJoBfDD1/WoMeVIWhDKHVqJDa
txAme8KR5BDz273FJd4Y+O0Oj8f82j/d2lt7/m+7R1cRQZwBV+urWdVIWyNyZdWmP90EKp+d
2Ynfn37Ft42cOvo1cNZCJy6GCD3/5jPoKDX1eFUitj/8I7g9hya8tAA2/famvwz+PvTf6LXH
n/tIPl8POriCDFDtYCiFhIGnCQ1K6OGTKSWZ4NpnMGLmH2Z1MzgimUEOsTaq/NHJKZ5Sn9fl
hnb+/Nufuicv9+HXvuroDv5wS6A59CZm/TAlPebSQw6HWiFD4Le6pIjlQxT6BJDwk4lBVwQ6
+/gcsPyI+Sd3GVFiArCfRoKfA02AEoVKqzW5HBDsq5QKpVIKsmQiSPfpDA672ZZdWuKzx9Hv
9NuH7vuXLndLt4El4W+X/3SN3JeuEonVE2HucUt97ImNn5zr4Ug1H6YelxKp64xZao+fi1DH
+VSOn/H6WORxhN59Y/f219dVrFmCdu9zceTXfRnz5I5NHTvmjUuoHAFlhWiPI7r7BnT0ohGh
a0W2ewZzhTqhkJ4uAfCLM0k6DwM6ZzhMvlTCRMw+JoFyEPZHun5cs4eJpdHIBCB8zeRaC/1O
f35e7pDHHumflXvPlI8vd2/cDgVaAsFyzP9FSvPzodttVhPiHFKLTyMQSUSiGPg5cg68TzoD
4C+GOASEu8RGGzs9HTEOk8Gv1lrcDpNapgDhD4UIdguBGMoA7rxcrz+/X3Hc8qNav8e5+F+6
5LUHuprm0Prn55+6toM0dRmm9eH9VGW0L2//qofXtVb0MCgtGE4l8U+m+taPmz8J9TGcHffy
xMmTp08ZOfscyuzFAXxxdHnshm6bNGI6IghE11T0YPn7wN+7wN/xMtt62x2yNAHk7lT6NIzO
Jcf00mliq1rGZbG4LJTQZ5Dgh4AAmvxUBVJifyCeBl94cs+AfG9Ofk7x/U/eAvL9wya+XZNs
sEjwtzbWvIANSknwO/ewza1TInsvFFv9amEc+gIBSHhlpkE5n8aCDKAUGvrEUoHSxSXYxjQY
J4DAz0Xt/zKVUufxGZSI/yOVocG+HAFKG6ihyldcHAc/8QVEiB448+9c8kh3H75i2vhPro39
2t7lIHs7GcvQx7Px7jd78v07jnf0XEyM1QqjLejvquN47WeEj3bpzbk/IhbBpxPWrtu4ZsXG
OZNXHEKE/kNfEbyB4N59sXe7XLX2HbQr1Yyf03Fl8Pchr3es6ltY1sH3GjEBk6uzy2kJ8MM2

YIZeP1Y6lkYye9FCOp4MOivXH88B0tLRdxyDr38JzOzKv+2JewphiuegUW9UpwJ/S+CUH3sw
5azLjx0es1REOPsSu18lQLsAAX0hIvKAmEAajQllf5kU6vsSgdSjIN8+jZ6BNIY56IXA+jNk
OyViyPGjPYIPEmRowi9Pota5ikr7FXvs8ak+MGrMlf91b7kDofXjZiTnHwOnUkE00t4jaIIN
gL8gMY3j3Dn8923v9zgGmaTzRVO21MTA/8O8/WRMf3486Se0NRPPXz1pd9XWxd8fXTpx5AcI
7l8lhpSESCmOENkFgH/+xGd4H/j/C+vHPJax5D4/TWIqtDG5AHkeO45shq/Uq4PcPyqmwfCO
DGjw48tBLNs7UN/J+UFfOY6sogFFeXllDz00IBsy/qXPzT+WrBeN7ngw0Nq2X4o9/0eKs2ib
oHcoBQT4hVK3X4XIfITpF7LT4htPOlLygwq/WCIUOawMMv1Ip0M+gMkWSUDmSyyzeE1iCWwQ
8DTQJgHpYREQBEVypdpV3L/EB2N+bCT4HVl+15J//SMY4xdEd8zcRNjQ0K5YKrRuX+tfmPJ3
ZhbqWWhtb2jEa2uuSA9s6CJp0HqZci1qx7+EarE1tXjHUXQax84jYlHN+cpZUz797cMlrUfm
vzb3PNnUTz0xyhF+fv7kX0z49a0ba3aWKaU6/31D1Ob+JUwakPloXF6itKcuyi/0KUC6B2Z3
oIFdgDKFUaf2lmnjTH8yGmB7cnNKywoK73r81tzc/Pzcgoen/97N8kc6Am3N+5jY+FRh5/4y
jV5CZPnEQoXXpwTBEBGy/EJ+etzHAPAD+w+MOnj0PKsbpSXBT0lHSQgWgB/V9PVOlxE8ACT3
i5qCGAwQIYS0H5L/8vfrn22zF2ZbSPD7sx3P9VwQj7aFbiD4gUIbC+G/XErmziKhvwKPc/M+
JLBdVdVDEj2Kd5BvFEAJ+WjnRIITP1I8jdZ1a1GpPt4JfHn2ZvDx6xaPHz1m/My1i+Z9vnrW
0oWnyR0bggEQaEiccugyWeOPHGzskeTTB/1etJqeZer1zmF3DLmpvwZLR1Q9tpAeB78iy5fr
5tKo9F4atOwyS6xxw88hnpvhyskqHDzwpofvK8rJz8/Py7tr7E8pgt1AR9OXGDYrVcJ5hV5D
BPywBEq/WwYFPdLw8+MnQwMuARobgFx6Ad/k0hCmn5AYAJEBITT8SdTA4jUiGRAx0vaD/sIM
8AugO1EBy1g4oMBhv2+IPhb0+xy39jxcK9rQ/u/sxDPevp5sQiPpL7S195AsgFE5oc5HQoeI
GxEEnz6QNGQYRvVQmMKBH5CGb/s3r3/5zfuLJk2bPnHKlHkTCdXhi5Phr8DqJe1xrlHFDIK7
GTwfuSLDL9pX4Osl6/hNbIPBMvCOu8rMvJizL8iI23VHkVWYgSUvKO6l+T0x0l+agDDMDHdO
Tt6Am+95ZHBWHgJ/7q0vfhlNAf5Q60osc0WKlrqGF5RqOWn3BQJtll3MF0oQ+EViTmLngc5d
ARB8wcRDIdDoNIjAGwG/P4PNZrK5UoVcrgEpAIcBUQSAGQwv53Kg54AGLcoypVKh8veHQn9h
jjU2ydvnKvzqmrgvN2SdPHwtOGhuvlZ5jERSH3EBa4iCfHsg1ST1RDSPNJlIzi78VzNv0szy
VcuXT9+FzMb6cSA+HFo9FbacZoIweWA7EU4EvmsLB3tu7IlE+9r4e8mq0HLNRsOA+4eYFPzY
KG5e3NOWFpsYWNdFS0/DJHpGDPykV850grZe0ZAH7yUMP/j9Q57e2NE9XxUItkzA1O+l6DWv
7A+6PAT4gdRvzDKCzy8WEgTfTAq5EJg+qKNfJhNLDA6zQSeTSKQqvQFmeGqQljD07dpdRhHq
BEbHEUDygsagM8ELkCtUKmdpabbTaiVifvjjcWe9+58JzZpT70V7KnqETpwIkEAaaV2PnIwT
9TuzLZeoQI0EqCN+IwT4686GjpL37PSi1z/4aEPFpuloYOem7wiT34Dq/T8SEzxbO+JMoqSK
Yl9XX29da5liq0Fb9mCeSBWz/Bmxkj7G9ptpZDU/Gf3wSAYr9n1mGgF+R3Zufl7Zg3cCy4cA
f9n9q7pZpXB7INTyGObeFOx+Fu851Uok34FMv8iepRZISHafsDMEAbcfeowh6JdJgbdncDgt
cj5XqlQDrU8rF0NOT2sEHWG3QcCHQ0DMD2l+VhqWnp7OFYikcrXakN8v22GP8XzQCA93+Y27
yuGa60kiXPioJqWZrNrfI/hDHdFUrnUTaeard3Wm6NoPUJOD5xYu2gDCpLX7O7eHSDAU2kP8
c+PjMz/aXPH2ujde3Qn79SbKyy4RTsRXi87DYE94asWEhqsBf1/4/y8nnCfSFTajrniYQ6Jk
xsCfQQJO4JTS4tX8bovFiFlj4sc8mNWTl1v2wO15BPjz8krLpnXLN4fa20KXb8OKv+luxi5P
Bi0RYO0LUPu+wuUgv0nCn0i0usnz4EO7H4BhPaQ8NN43To+2pfQOAEWi4mof5DjUzvcEPOj
ooEAtIi5TEJ1lCMQgIOgUfv6+UncE19dHsfCG3eZKydT8t9nDl5jUPHZyvZr8JFJdk6Umt9v
7bLfhloiKXqEQ/DCQ088+9gOPLzmgU9CyOh/Xb67c9eqXnhk38Rpb5VPnbz4HB7e1p0nseKu
H/Fdo0/ia5eduZp+/r68/7+8Gu9P09lM2ryhdoUy5mHHmLwiHxfreTFEdCxB8MMk1iyAfP8H
bs7NIyx/XlH+C9Xdwd/RfqEIG5xCN/+3u/VqCVLrFcJgLkOWAVL9ZJVfxKRsMXQO1B1AZEDM
k7u98gzQEEHvng6cf4EcOvjEPJ5U77BIhUj1GxqDAPzopTDuCx4BCQLr0AezrXHwO5xu28y/
etHOX7zWV5z5kuJofzI9fG0b9MHTf1o2oPxj5eTLXbt0a5qv5n0CNUG8ZfvBPQ14tGLshCWL
Fu9ZOWbUiBXN8Z0Edolj//u0as5zE3am1hT5tvw4YvZ3bD6L94H/P0DwO+5lWKwmTcFQi0oV
j+/TEKa4XgF2pcXjdIKfrnFCoi+v9J6bc2KWvyj30aPdqtTtwfYjDuyuFENdKsrUCqD0oTy9
UOJ2S/nieKGPpjEQvQPEm7FEMEEEOnnFTq8sA3i96EShBoCYvTCuF+YHCoUqu4aPKgYE+NEv
xMhMZ/Fh2JdKbRw6ZagR1L0S4J/2Vy/bp9c37fPD15KAA3OLr/c+tlZTDvHOEzG9hN++6My7
tP38adUVk4J1u5spA3ZDC554YezE4a8uW7HghTUUzsEH74Xw6tdGkiNFmnZdxjtaomjX6Gkj
6nP7e/PaIci02fW6/kN1SkUivKbTMZaNnRzodwV/ujgjAf4MvSMb+fp3Dc0hLX9+UfbdXQtp
0WB7uHmXFnuqe8tp+wqfSsxHPj94/jq/QYi6+Ylkf7p8dH+CTkC8PwPmCEAbP1fvVkFtn5FB
Un/QliERSsQMiO75YrMdNQWBChCMHIAzpGekQbUfyn0ytaFg5IM2K9T4yOUyD/+rPbfHj1/X
Nb94LAn8Hc3XB4FIOx5upRwiUBfz1A9t63TZz097YkMoQcaLtlNSENHm6rN4aOmTBzrThIGP
y5e/8Wto14x1a1YumNhJyiI1eiKf/Y9oz2h5/zS+czN810GVEDt8Eu8b0f3fWCvoAodNpy0b
otMoOotqGM0ox/5ksXkJhQ+GGrn9+SV33hR3+wv9t/7UDfxt0fqPWRmvdOf4XBhtVoCxRrpd
wN3zyIhtgPD6sbxP+hEZxQwy6Ed8fZFMp4TyHnTx09DekyEmG/8FTBYXhD4UDjNR6gPwg7Iv
jZMOxAQWlAkECnHRaw84Ld5Sd6y/x/Ro3f+LW1i54FBXQfHQsW5+/pcvEpLFkVaE78j5JqoY
SOUHQfyTaZRNubqiFZH3z4+bX7517fwLnWlLMl947LPqPz6GpwdgXhDh4bf80Nmo2dzaB/7/
yBpHVzitOsPAMr1entaJbKEp7c/AT+OBV02G/OlSow9gX3rnYLLSl59X4Buyo1uZvz0UKMcU
87uP6N13r1aG9LkQaDV+E2wDZCu/kImNPn4n8Q5kMpLBBzEfOeQF2DBjgJtJZCMzoPgvAsce
JnchdV+x0qSBHgGJCOX7aHQ+nZYJGUH4mVRUNHWYD+S8HLGEv+X2VK104fB/7RbuenBjZy4Q
rvGHO/HL07op/pybVtHJ743G6/1RwtqHGsN4+6Vw3AlP0Bvb5z+3YMuszknCwfNB4gDwp2PJ
zOOdCcg190Bs0N6ThGgf+Hvn6rgnTee0aM2DCzV6cQLvdL5Kgv3pyuDGpDwwpkLryc7LK77j
ptwY+PN9g77plu8LtgcWYLpl3ZReIl8OUIGvTjTyiZweEO0XEE6/QIzxdwcfJd6MS6CfzuYJ
ZRAgcNlonAgDOR7Q7sPhiXh8EfyFSEEisUKvg0PwiZCfy8PoTPAS2GzgBpqLi0p8DrLMDzU/
84BU3S9XP/DuL0tOBYNdt8XrohQFv94XC7YJXt7Oh16HaC5JreAMouK/s6pTXzex01HPJNQQ

oj4BbQVVO3aN3wiPhhtDcaAHNhIB/+XmwxO+jwuNRD4buTwQa+rpA/9/Zl0uTTM7LWr70Fy1
QRx3+5kapYT55+DHGNDyQ3zD10ErbW5ewZ3D8mIxf76n/5bu4G+rGYlZ1nfzSJvKfRoJOPzg
9PO1KNWPYn8RSvdhD4XwieT+oiG2Jp4SRnTxYZAIm8tjpSOvP40j5HDQdCEg9PEFBFFAqtaC
rDebTcfo8HvQobkPTD+bD+wgZ2m+i0Q+An9eqvkBrS1Xe+1CfzVl0FVlNxr8W/iEoctEPH+i
ojKaXBL8Y+psSPbV7ospFu94L0rp8+nU4URzu8kTaakJx+P/wC9oy2jYkShWBFfAqJ/QtvIa
fPFSdIQOYqeork8uQ7afCfWBv7evczkMq92kz701T6uXxMGvhKY6+lWAnxYjBGA8tdrhglzf
HdDPGwO/s+jDLv5zqC0YOPcQ5tzYzTusHm3VABtXJJIIhG63DDH0COk+UQYLHNq1hBOSYUXF
B4ZGA7OAoVMXEn8CHoPoMeZCBUDAA90OmByOwA/hP+rsF/GhSYkDGxpDzeehGgFXopRrckvc
thj4bWbP9TX1RsL/dq46WWyXZOEmINh5dh8//uJ8ClHg89nUzSccoB6EBH/TkS73KFwfSuxa
jVBZ2PfgS034mnhVAY+0ka87u3Zv7JH6nW194O/t67CXZbfp7INuzdcnwJ+m8CkYselcKRg+
lMfS+UwWIgew5XK9GTS8bnmwX04c/Hkru0xsDLWFmo7dgxVu68Z12/ewhSj0iURcfbYW6PtE
iR+l+7IgrnxHTbyXxkTDMjVKARobDHaex+bx0bQe6EOCh/hcvhAeAWcBkYIRSxAKAIK0DCkQ
EQWFZh6kCTkcoVwps5bmEjwfmOdlt1jexnudoOJ1uRA9EOaPTHn2rQTCGzpCDZGUz+t8NJrc
2kDM8/r9QBA/8mFsDzmx8e0mfFtn6raJdJc+eWJ0ZQrpgT7w96b2kc61Tc2wWfX5N99aZtCI
Y4hmq20olZeWAY0xqcCfltgUmDqrxwQcPKFSojKCjs/Qx2+Og9+RtSA5eI52tIVa9rixu3Z1
+8R+ORTN5wLA8iQeB+TuSXIfSveNged+aiLeS+TIZFpUDBYxPhjIPhwY2EEUGjOJcaKCBPiJ
6b4imDSWmcaSQvQif3QQZAhYbC5fIpcoc/t5CbOPhnmbFvSyz8PFc9e2Q6TcK6IXKYF8ZAtC
43cL46ykyMkDnZc/kkQBjlxIllZsS9ju4KdrKj6fPHrLqdUv7yQdAdhD2vHWbi3Rv4177MPA
kdauBKA+8Ke6TR3/OvinYAyr0XFTYf6d2SpRrISnFitQgZxOZ3PpKYv8neBn86DAzsAkCqHa
kp2ff9MT9xXE/H6ne9LpLtXollD7N2LsqW7CmcFlxaDhAwabL7RDIz/K2ZHsPkyKPrm/ErU+
jGPSOXV0GhMcfpDwhtHcDFTpQ44Kk8NE2Xyk7isgpP6RGJCQy6RhND4fw9izxgMrEMDPEUpk
cmu/XAA+zPMCy2+Y2ks4JtFY+37g8lU8uQHlTM4e6/kJTZTdNfwWKrqEgqGzpM0O7EukW6NN
7UmuQ7SREhp0VDe0d+4FxzcuHj15wfRJkxe+8gnUCE+t7GHeWnjryvO/Q0L30G994O/9E4lD
jwOojAWDTMpBZcoYm1eiofPZqHmPGMNFQJ3eA8M/9nNMIOfByI780oH3PjaI6OcHy+8Ynwz+
cGsg1PYeAxtzuOtJBGYVmSVQmOdzLYV2RPMRxtx+7CFkwy7cSzYTGD22dCydg4Z3cBkgLYIE
xGKcfzYLhgvxiOFiKN8PnoNYwEXxSKYAnrHhRy2Llwn7Awj+K5TZ/X3I6sMcD6N25FV227S0
Xu+MrT95ajB89bP5AuhkTv9+xQMGfm1Lptu17G/u/HcsJ3Au2Lihp8Fp+1/+Iqnqd3ba5LcX
L3tzxisvvANJg6c+6foxjr1PFHS9q6OhSR/1gb/3r9YnMKnJNdCt1JjzjLFGXrkSY8rA5Gcy
0xhMpNwJRpaOpQoAMFZGvA+QpnA4SwYUDHrsHqKvryDfLn0w+fMZCgRCgflY2mvdbNaZ8QOt
yNrz5Tl5Kh7R1EugmIGtRT+uuYN8L6tbDhsNA/J9XPBI0mCoUKLhkIVGd0EWkMA+sAMB/nyS
2ytKwxi/4g8zoPeHhwT/pUJDvxKX1W6FDmCT9qmrzOzXVfY4BTPcI8SbLv97JqL1WAc144dW
M6mwQQYNNR8QAcblA/GRhTXHk/fB/dORgxbBL8TIQMH1o2e+++uny96d/dzXeONvREQXJD2F
SF1bUsIAbvWUuT/V9oG/t6+WRzCdo7SfRmPUubyxPj2Dhc4EBW9wp+mIw8OCzDp42Ax6qmx/
jBlAS0+32t1lJblF9zzWLxuBv8CV4fk26cPX0RwInx2LMZd2I/hVPj7IDjrdAoUz34YC/pjd
F2KlRFDZ/gLpZThsPKTZxwL089lp6fQ0egL96SDVxSeS/YTXj1oC+Vy0MdH5DMzRhq9hMGDg
MMz7AVlPadaAfJsVgd+sua/+ajtrGq+92N/R/g/i/GoKDcnbUqidkiNs2bVnd9KvtI9CEoye
2Hn8xw/Q08ORxN72+4uTPvx885efzZ1UmTQABJTBLnXzn/aOemp2bR/4ezv4H6YZ8272qWDe
ti5XSBbvLaYMTCSPj+jI4AIYuYIMRkZ38KfFN4R0mqCfN78kLy930JO3ZxOlfifD/XnSh6Lt
clPol4cwxbpuaaIdTw6yy4RCuTvXryRGcZKqvXR6bJjmeyzk3vNcBg4aHgJZfkjug6YowD8t
TktiCiEBSBh+pPaPZvvyyV5gqFoMh+R0KZ3PQXJ+Ypjtay3pl+OEab5mk7rsxNVdpuNvBf6R
y/97+ffJD2z6sDO0P36lsKHtijzE0009bCqB+vg9ObvuNJViQGUanBz/9JSZ07tyIHaOHz3v
QNXq0WuieNPn1Igu/MPBRMIvHusHlt2+sA/8vXxdHMaxDRhkUuuNBpmNLKlxtLJMjGOJdfjB
bC7wpPl8wFoKil+ntqZxgA+5+7kF9z9egqL+AhvT/g7V9EUDdQ2h7wdijg1dCfWht+8bYJMJ
1B7YMRBsUWc+EfEPiL3+gBmBX+Qy8CC7TwcXHyp3ICcMFJ+E6YfcJA8S/qTIPxT7wPAT00WR
ICmMssFnpbN4LOjrF8FAIFt+SXGuw2gwmTUlB6/uMp3/pgX/J/z3PS9MSM4mnBn9RWJfvhT9
yy5CdZeII1BLPr92+bJ6vJHMB0SiwBKA2aloF6lvwH/+BQ/GzuXYuNWb573cqcdAjP/E8e3P
LPlp33tTxn+HV085TJ3ycXJJ/DJuj8/qCK59e1kf+Hv5Oneb2De0WKMBKSyJUEHYUYVRCYqd
ihjDL53JBmsKVXVmd8tP68wDMJx5vhxw9vNzyp64Kwu2gQIr07SMSuULNdbUt3+eixV91jUU
rpk3rNSmNvvhRW4Jst6E3y+h0z+OP+FODFwMlc3IR2UGJtB5uAIGHTn99LS4oACdJ4SQH8RA
iFejrCHJVGBjapRg/DULBMmhFAhVALGrsLhfv3ynwWDUZW29kdnc7h3wP7+8vutufPjaDkpU
5MPNIfyKPbXB2N4VqLoQxn9+5FQiXREz+DUg9V+VkOI+/cqqN6eOWFBNmRRInPqyeXvKy1cP
34CHzneQ4I+dzSmY7RELf8JEfb9j5jQ80Af+Xr4aH5bn3eJXaWE+t4jOQ4AXuA1qPlTuWWRN
D7SvUXstFM5iiX8qu5eVMPyqnBy/L7ewqCAv5+Yn+iMcm9NN5Y2Uj2uovqaxbZMdu62iS+Y8
dGj5s4P8WYVFRaWlBXouct3RBiDAHk9kr6ak0zLSYYMSoBNgQuwOZh7yfagKgcWMP40FxX70
WoIhhP4QmxWA/16i6r1axISeIPhFRApfUVFxSUmBTa0z6tf9g5f28J/H/HU7a6/toEkKPAmN
8foVnV20rb/WpqYM7V9OBOuRSOB0x5UdiNa1L740ZdvlX451YaNUT/lo5ZtfzKKMFzmxM1ZA
7IirArcQPsZXL7/0dV/Cr7ev+vuUA4faAPwmNQ9jIQKtY6BGDuEykwR/eiYgRoK0MZhpiNvD
yKSAn5MQ90y3uPNyTD4Af35uzt2PFGfnFTpp4nl1lM9XsK6mqWmVCHv8hy6Y6Pjtk/FDC0r7
9etfNqCfV8wnoSvCOAk+QPR9PTAKhDy9HAaC05lEsY9HJiBptJjlxxgcBpNwGhDNB6IHVvzh
N2K/aAbUA+DgIltBbpbblVOQZTMY5a/+c5e29fw/IP0fTtLzb28lER482BlK1Y7pYYj3nufm
Ike+oan7jnKAIkxUDYWNmm++/iNKavsnrU9Gla8rn0zRMjj/elUXWQ7oiQw3VU0ZP6IP/L1+
nRmivmmACdlAGQu69AAtOfeaZGw0pZOI56GsziGFcQQQY9PoHEq/T4awswtQqS/OU9gLAPww
ru+xh0uyC/x0bNxFCvjba2taamYysZf2dsFER9X6EbcWZHs8ntx+ZcVWIWH4QbN3IiUVPQDL

FAnStXo4R+jk5aH23djGQ4uH/XQ2g41cFLR3CPksdnxj0sY6iz/VZIrRjG+Bs8hv0qmNrqw8
v1N5/9+ZyAvfaMpW/YUULX77T/aQIvz6B+QDBUPErECqV7DzwQ2U7Ou0cz3yCusmv/zq3Jnf
dT4YqU5Rzmw/G/h+xIjTfeDv7evsraYhBTqNzqQR0DEah46lDX3JLUGDOJh8lGUDYSweF9Fm
BFKg+mZw2JRyv6BT4o+hdA3OEylyCxHBJ3vAU4/2y/PRsZHUj1FLbW3b+VlM2vhfk13NaEP1
xv/1s6hEAr7EUlyWq+ALUbkPK6RIQJ68h85UizChXkDLAGEOaOLhcdlpyRJDNGYmnxT8FaCm
v7gAMa0wFrpefgrjCsFpELkL7TK5SqZA8iMO37d/48VsC/4jBP6ePfRwqIaoVbZXpd7DKG4C
sPnidFIifqc2JR14/efOtETgXHvXNEUtUXeIwntUrdpa09gAvb+Rlm1UPaZgVWd2MIRSDhXv
X+phVl/fiI5eswKPWm7O1Wh1RiWPhtGAs8N6cHqJAorjGF2RCbjKlMqRHB4U3xRsGJHNZjLo
cfTTlQmvn8FT5w32S0SeAqKXP7sM0O9KwyZQDFM0UFvbcWxEGndOlx76tkvHlrhBjAO15Qn0
BSVW1J0rpDOpKnkXn8pg6jgYQy4EOU4Gh8cH48/tWn2gM4hsPx/9z2IzY3tD+nPxAPcrBU0C
9UBFVpZGIFXJpQqNJSvfdWfF33cxr5LS99dkAJo2pxIN/YI4/fPjU8vz/VYR97Ii249S4Nzz
GYQIBbBQE95wJBTfqMJvvoJefHpJgrQVrMV/f3IOZZPYPaEc3etgTRSv/D58pX7+aGrlz771
L6yOJ403Z2s0Bp0Y+fPg6ssfL79JJkBlMrEMozH4IIwpISZgqPhM4PowUJadhBVfltgGeHzZ
0DuzNCIbqeORnzXwmQedGDbxUqfFijbV1IUO3onJyo926RX9ZbKFxkKae6DeyzGU5Cl4Qujo
eYBaW+uYK8rUwV7El9BhQDibRzT0d2MdoblcBPh5HHo6I14DfCNxkOkMhoTPU+c6ZQKJQqmU
yZUGT4791r035kp3Ai7aBX3hnufyRQ8lGFHNn6eaLHixJqXlj5IdOxc3x73yyLmm7p0E5DiQ
aFdnoaEx1IxXrgvgsXT+vhcfRTvx78+TpZHWelTEOfpyeYgc5d1xOnRm+uJFCyA9GNjbiu9O
IcyO9Qn29sbV/pRjqBe8fiUxpAdy566n3/+fjMUAo84wgoqnSK5SKCUimKWjlEPlPI2enqDV
KRLivnwICSbOyDGJnQWklkde1s0v3EzjTDmXBP6G0J7+mHNtMsGvofIlJk0gQW09sHgCV4kN
PA3MsCvpWRVOTAWpRqaYBfReIPEDxoXMru0GMMCbyBby2Zlx0j+GqTsj1Nqn02AMgDbLBh2E
EqVKIVdpTO5c59Pnb8iVTkoIJPkIV7CEka8r/1qIgMBftb0J/1Mje2hxt6j97Q+QQ3YqHNhD
Ok1H1k5HFzF4DPaP6pN4xdS5B6J46NezqDsAMo4dR4N7x25d8fBbqK0/jOqMoarz+KWansHf
B7vesVpfLhti1Rp1QnLeJsbMHffTcgMzA/wAupMH1HiZRq1SwpAMgVIJepnQ6kcjW+kwpiHu
9dNNagFjw8Ysk9hRmAdyPojrk3XvhGz1rPMU8Afqm0Pf+rGiDUmS7h0HRzDpMHNbSAr4ibni
rHwV1OS6jNM4UoxJUCjCF9DSMlnA4ofYgJXWZZZQphi1+QvEPCaj8wc3Ufaak/mYgKNzm2Tg
y0jkShj0ZbH4cxyLerEbSt0YrtVdXv/kN3/+pFM7kiqvu9dexI+ej+5CYURgaYxzEDif8OS3
TTr87oujx78Vo0WHyMzBhaXr5j73VmJXC7xRgR+vOdsT+PtQ10tWw8RHBhr0BgkzFkELCmee
2a6mEbxdowMkssQqNQzCgr5drRr8fiD50ukZRNJPqY/jS+5TMEU/fGVUC3SEZD+y/dm5Y8fm
T6omQryYUlVzR+RTGzZoU1Jl+9fRTLqU1N5A+ltCIUdZkK1RzezSR9P4P5KEwBKCDDeTaN/j
czJo9CT0M2RwAA78lElJB4ykHuYtGl2is2mlaCigTKFUA/jtWVn5m28EdK8/zdV2jY1C3z75
2ZUDkf0Vx8LJ6cTonKchJRPeMuLV8orGM1PKg92a9zaPLH9n+fA1KMw4+3sk9iueXzh5yk9n
2+LBTaShFVyOPvD39nV22oiBWr2SGUeRbOCCuiN+0mnm5groIr0F5lp53a6s3Jxsr9du0WlM
VpOEmcmz8uNZdotdQdceOFQo5Qr84Pcj8Bfke2+e8cLE35DbGftYhaCbf60au/cr6ke4ZoEG
kyLpDWJIH9Lh4POMeVlju0l8LoUSH5FZZGVy2Dyk5MEH7d6MJIVhOnEAbiaTkg2gvZ6U3nwY
GoPNEqlcJoFZv8BusJht7nzn3Wd6iTAP/rdKBrbvJgOaSD1KzXX83uWiRr8YO3xsIgFzZDs6
euRwHb57+/JR0xZNfWXOnPHP7Ie7d2nf4T2HyV0gdChU90l1pGYvkUDYPDZIdg9Vlb8y7ukr
zRTC+ubx9sb1x9QxpVq9II6WNPOwta31w2OqHt6h+bl5paWlRfnAi/G7XBadQibXu9wupze7
2J4RG6GltilUmL+67k4Yj6GHFwD6wfPPM93x9jvftST6TyKh9vDlmXzs8QpKbir85WCGAHEI
gJhH2H6io09T9l2389zOwBDrKA0UuzMFZjUoeUHaL5F7jAf9EmLkDyfOQ4SvyuTRYNUeUAMD
pQ8ZeP4Spc5gtdk9WfneReH/z/c4fBxhteXj4/jeUxQGcPWY0TNHrCXBGMIrx8c6+2tGTlg4
Y+4n3yycsmjVrhbA9rdPjho+4gB+HDz9vWOoVYWG6hiSFz25sOL1mDIj8gQ6TkG2NlrXB/5e
vvaOecZv1nPi4Ge6b/2w/ZdJpEfPLLw51+Jx28wms1UvBS18kM1KlyvB+EJvjTYvKzbVgyfn
yZkDazoexdIwlh/cfsL4F1us5ZW7qpvi1ioMzd91Y2nYM7sormTTHFWGBLHxyZAfCXpAK79o
0L7u4clgjIuQzhbzMgQOHUhyQdzPpKclm36oSULeQMqlEcBPA1lxT/LQOPwnNaZTQuOAXAo5
P70RVD382bn+/K34/3/JGKDeVV2igD+8bdrs8e9E8ZYAcITxs2PKyWdufOH9LxZNX7DunfKZ
m4g9sbn8uTFPbMMrDuPhPy6kxO6W51aHcLK94NDit4Hm/81mlOHtI/n08vXT2Pv9NlmiYM/3
Pbj1YsUIgtpLL/Iz0sU2jUqn05tMGqNGJOEKVBarDHj1wJvnZZWqCGeBKZELxHdcwifS4TD6
AjD92fB/Qa7qvt+OHKqPc9EjwQ78wjMYfdweyrvvHwadAwT0kWCvgGjFF/Ezh6VotF2Kco2o
nMeTSPkclPHn8pk0as4P7D1PgkIIiSidAL+AjWGKrjmvz/Q8qYgvAtMvVepNNhjhkZ2V63jg
7A241h2h3nXvL855GTH7tnxKbA17D5PgXzhq4bJ5U6bNXLNs7JLLROnv5PIvK2u7CAUnreDK
mdVkMaNh4uit8LzQmWCfkk/vX98/f7tTJUiAX1EwfteJiseRPaXZi1gwiUeh0puh/81kNuhA
CEMFQy4tcrFMCOm3NGuZlUZjM1l+I5N7dwM+kw2SWQxPQV6+H+b25Rfocr+uPngxEOoE/5Hb
MO50ilUPL9RyEB+PlN0TIykO9Ffa4ynGZvxmx4iz5EgEGXRozkU0H3ZGl4Q/U4Km9kl4REaS
KYMtKn1kVwGudwUY1AnFMplUqTPaHFabPysny/P+DbjWVedvUBL3yhN5W38neDwXa3+dNx6s
OX42mQ78wciVq1a/Xz5j2berxhwlQvqEInhPq+aX6k3vNaEMR8vJ+l/q+oZ2/EfWd7cVGUQE
+Am82AfM23/+sxwEJEOpCJS5ZQq1Edx+ELwzaxUqg8nhdTjMMoWC6JmTl1hojAx2tpbBfyaE
z9KoweLK8r2+vBzk+XuNY49Wnbwcm/QSCQXxAwMwxWKKttfJ2wUcZO6R7BZh9FEEIObSXkyR
1g49kcaE7H4aU8iAtB809SKmT2Zacq0/gxjZKeYgH4Euk0A5gDm4a4ts8GV4vQCF/QB+i81t
d2ZlZzufqv7nr3Vz6425p6e7UwFbz3bWHZr3olDs0Csvbqr9I4S3dDXo7Ytnrdv2/aLRy4K/
zNz0RQ+XJbCTAvHopp2JnmG8Y/7X3UP7PvD3yrVzgENKB8ErIkdGM2YNW3eidhmwd+jaEh0U
zuVytd4A0DebbFat3my1OH1Ou9Os0irYCHVCtyQN5LWkLME4PDjLqgEeTrrWYM0rhHHd+UV6
86bqI/GBsRGQj/rejZlWUFz6TU6wwRI0YVeAvH4JuQlwaXencsJfl5tBjIfFYPKYQAHkIQ6w
kEVL1hWm8yGJDxN9oHiRxgUXgMsUe77seqD9CqADSRD49UaTYcCdLk9Wli/vnf98Wi90hYC/

bn+oCyA/H/3SJvLHXV+4e/jSNauWLl350W/4tpe+CafUDNs380KnTFjl5J2UbebbC+iNkgcK
9IG/V66KHAObxqUTjbE0tdf/5Nb6sy+mMw3+IlsmQ6KSi1V6vQkJ3tnsVpvN5nD5PE6Xx6zV
yQknnGk0iMQmjpj/Cl4zwS5F/b5MhcqS4/P5/EUuxqjqI3EN+Qg0hW+RY543O21JxzQFsvRI
rFcYS/Wjgj8fG5RKlnp3VoFNCGE+DRQ+pVIhQeUFHc8k8NPYqIYnhDFeNCaHniZQijW2N7qh
5AnwEGQymVxjMJg0Q0f6nD4oZTx3TY31gQ68NxQDWygOfnsswdaxP8X4cOi2wZtOAh83PqYv
tHbkS2taCfA3VCYH6M2LJs98be2mFcM/rT3b1tCW4iwjkbNHouFIlJQEOzdn4tJD9dRfKNJ1
2mkf+Hvl+jZHQaexSPBr+nk8ow8HD9zC0WVlWRhpIjkQ+1R6o9kCQtd2YrKt0+3zumADMOm0
YiKwlhnEah1TwXsaPzkmR0BQhBl0psZs0OjcWdysipPV7Yn0cnQtE8v7oJOh3jQchfmEWC8x
YwfU+8AFEAlot6WqGQce9xcBoQB2F5VappAT+r78rupCTDn4KipOGkuYDnmLdLnCaJ7ULVH1
MStNBPk+mdZsNOuLb3e7PH6fp+Sza7lsFxr/rjzAx9fTUxwIdCcUdWzqgddH8PQSvOJtEyZu
J0ftRE53YVTtHD121qLFi8vnEjJDoXOV36IcTE1NYi7X+R3NhJBPayu6tj+MmjFr/S/x/oVo
KhekD/x4bywBVWTTMXoGOYTDepPXubIh9KkXquksOZ0uQ7ZYDUKXZhC7ddptTofL7fF5PG6P
1wkpQBViB8hkNK6cK9TcderUhDJxnFmXqdRI5TqXmv3qHwkpSaCDz6Fht23q1Ms994gkVt8n
R3WJCaoPgH9YKvC3jjP2L0YSo3SdWytVQQuwgMdnxnr66UjPEyJ8vlxndTgMSpOcjSqDLLla
2l2du8qBiSQSqVQDHo3F7nA6XT6/zz31WrR2Q38TMSDywZM//913tf2qfpFQ9ZmOVBMJIGsf
+mHhlBmvzV++ahkIqO5fNe+VFz+EBzdvIzImZ0H3r/FAM+Uy7Js2cto7jQlJseq1S2B/b00S
IOwDf68E/xc6jOTrg+kX51pKv8cbZqsJhLGZQJZV6EwWs9kCuCfmW7m9Pr/b5Xb7fA6jyQRq
X3SzAiQ+GQxjv7d/H1+mIsEPAQRDKJOL5cq04i3Ha+Nd5HjHqxj2zBednmrVbWC/wdwjq0+U
+ci8Hw+7M1XM/93tIoOOOLzU59TojCoI7kVCJvT5gHYnl83IyGDAXA6e1AgFCZdHLuEQpUtF
Zt657s1M0IoES2W1WawolIEtzed84PC/cAciO9ZfVwkg5SZUG7iOTmLCNWj/cfqEMVNR+HBg
/Jgl08a+CtyeI9WE+nc7HqUO+UGphF2L9yLibyx4OLxoLTz7mzE/hPvAj/fuppG3uEiDF826
hT8CxUsn8F+fROY1zagA1V6h2u2ASN9KzLUFp9/jcbkcDrfH4/Pb9Sa9jsn0ysiSet7wDSPz
4oM+6RlQ/ZdKWOmYcnxFTSI8DvwPyxi9vdMu/XGTjCDlEKxcMuiHb8Uc7LmmFGe7ysMkA3w6
z+h2Oq0mo9lsNOrkcoj/UZCPti/o9udIVVqNyWsnNyI6j87a1u1QHwgyIDUglZusMK4Tghm3
y+Vx5L31b9yDjutSEorWpxAVDv989srphfrDeNMHlNigvQm89WYkvk/W8sOt+OVpozcS/L3A
jjnLZo8bFxMY3/RGIEHXJp7a+Duq6qN53nhHDdITa4sGG8IXQ/UTnhv9ex/4e/WkwDD+Og2B
n5DnQ4Nw1wbwTWUINnSHli2AllcvmmZPIB9sv8NJjLd1eSBB7rcZTVaJPJsXIwgMGT7Wx4u5
/TQGHJAhhvRf2sA3OiPKY6UY79UdnQbhYH+FkJyqSXT0wbcoCpAwafNToWSGmhlv21c6PQ6b
gzgvHT+Tkd5J8wN1T6Fcq5KYcp3xiAAb3e1YJwdlCKVSicRAYh8yGS630zGipvfPXKv5pv7P
LX9rp2kOp0pM/rYUr5m1iQL+yxG8Yf4cKBAGAwTgKw9/trkqjNes/uhIEN8xedGUpeRu/NVd
T55L9iCq90eoTsCp8jlH4MGNLecnT5tU3gf+XrzCzWF8DhK7gbl3aRmI4cv7AA8stBLDOv1q
tlhvcftcTqfDabc7bRYI/i3AiLNZXR6n25/lgwnXOkdODPxYpv3pHAEzoakF2UCC+q8b+WNb
YuZLDiaZRQlxd+fIxSTBJ2b9kfqmSMJIX5viZOtelMbAz5TrvDaVSqdRKmQyYRdFDyaIAUCz
rtTqjp0YDSvu1iWEzxdxkOnX2Mg0psPtdjttt/30F7F/of0fv1WBE+QWevy5X/7kmckzwi5t
ONX9KQ1H8QhIeITbKCi+NOKRrfF0YCh48rN2/NedK0eNGrMBr1t5qmI94dI3TV9ZRb6krj5m
+UOkr9/27ebtSIDh2yeeAmmUL2Ec+Ddj5k7sA38vXkH4nIxH+IB5vOkMgtU3Ez/6HOrWY0gc
ar7GZPf5wcVH1t9pM+p1RjNh/J0uAL/P73dZbLn2BDkQs3lEzLTkJls40E2rEkF+VSGmWnyg
8/2/sSuJ6RzklA2RkEz6C+jmHSlO9uwjcZyzVVaHEor4hFaniNOltwdVDaUyoUgvIs8EeAjd
ifuVrkzYbiDoj4EfHH+Ho+idv0a/jTb8c7TduBFvOUqGB6EznX5++GIb3lbT9b23rqbm7mvW
/oGn1Am6dKl50/voWJFWAvBNy1/5tNObiHbgDTOenrq2fM6oXbvebfmD7P2LXIr7EY2X8XCA
4nRsf3HESy9DpN+6/DmY+lUDn6s9w6du7wN/bwZ/Ax58irCOdFDmQ1hJf7xmxxBAE50jthvl
Vijs+f1g453gGdtMUPA325zgH0OOzA2P+31Of56yE+x06LShddHXwDDHi4hQFkEB575SzLeK
MhX2E61ahvCLfH+U5ifmawpEWGEKa4UfH5Co5ascalSnR1Re6AViJqGfAQQAqQx0yLgCVryz
79ZuB2t+jAmqYVIZlDFI9DtdDk/OjJped4tarrCvhGZU4HtGd01nVn9zNElEIDai7+SeaFKI
cn7D9OdXILN9ajbJt26oQUTeM62JJ307at6sSXMmLZ44depHCb8ev3Au3qcJxJ9w9ByxJ9XP
eXXGqokr0Nt8S25SFZ/9PKu+D/y9OeQP4Odzyex8rAVWe99P79vhb65Q6vHb3Iiqk5Xl94Lj
77AYjUYTsGHRsloJ8Pt9+X4VVUYzE3XadAG/9qaXfkUFJPhA7b+fNuAtSk/oZqVcIQLBXVRR
RI6/AIUAAP6yulRsJEm865ir1csA30DOl6I+Hm4mxfNPgz4hsUwi4zNoaWTHAvxq7P3djraM
ywHfQaS1W2wk+KHYn/3I/v/WDTx5CW880D1heKm+a1GvA7nsie6FjlMIvsG3XyU4/ccee/S3
RP43HLz8xkowCch5aF0xed/n414PHHvpf+RmHAJHoWrEhFmfkcN+8ermwNK3ibe/NGXsorfn
bToU33UCb967G5/+Ux/4ezH424P4T5IknznnljWzINfPEMt03gJAvo/AuAfS/A6j3mQ0WiA6
9nj9XgL8WT5fcZaBRSXYEUXDZPBrcgs+QdxT+GDsf4hx27sUsvgWiUrHV6JKP/qDoI8ifyY2
J8XJRp5NzAcRqVQk+BH+xSIeq5PpQ4cx3FK5BKZxgj/AikX9dMXr3Q63XcOUQKlfZSMTh4B+
u2/AzZ/8f+rgxVv/ID2Z1grEq9qVmAjauIVAbNNB0onfOucMhR+896nHFjSRB2k4hO8ZBWTs
ip2RrUdj1YLzUx59H47aild8jFfXh7eSfkfjghcXvvE9/lvcczr4VHn58JWhPvD34nwfOHAf
M6lAFZUMmvAA4tApTHZvLjL7AHG/DwphXphqCyOtEfi9bo/f6/WhmN9f4tclHQBNzuxi+pV2
7dIWEKEB8H/twh7dSFHz/lKsd/AlJMlHiEJ/lPETYa6jKbLckxO5BUTNFUsVcfSLBNyEYh/M
FUTNuigkYGbS6aLYa5gPdWsUOl2WIZJKdQaj0xaL+m15Dwya3HajAfqnw/z+fB39pYdqQ2BB
rHgZ2BfEt1D0UWJ++0lSVoWYs41f/IbgG1RO/G3x1Da8civ5nBrS5rcdTgREF1CTQN2KXR88
f4TyVrUrn51WfSKB9gPzQ9ueOdVH8unN4IdgcHISUBWlZU/4wVRKDDaHL8eDXH7w7b0+j9vt
sqF59lYgxIDtB5cAwO91FhS79Iwk8NO6g7+f9ckf8FZIDwXf1mPPbqa49F+LpG4RIviSDT0o
9BeIWdhrKez+HDZlTpBSJQV+L5DzEczFINIf8/vTkLifRA5ugVTMZbPpfPJFNLrqh27x8gg6
TyySKYDkFwO/w1tW+GD1Dbv4qRk3kb+QOtwyKZEDrE/uiaiPQTbaGI0cQt9Xrqb+gm3nKVWK

A48SkkcNu7Yug2+2jjiB96wnjn/39Ket68pb8SYS4DAALPDZ0vLniFwuGh3YWo+31fXRe3s5
+GuGJAFV32/wYD5GY+vMdoc3D4EfRfxenxdE/KyI6QcpQFheBH0w/M6SIpue1WVwb1fwq+/w
lL3e1tIYwhuXZ9FHfEVhpWyVMJ1y0tkng36o+fExQ4r5E1vlGbyE2y/RaZUKkBUlwS8Dmi+5
AdGgU1cAffogNg7+gJBLY5LjxMAveLhbMW4Ni4XeD3g+VhL7dmdh4eAf/17JziuutnPtV+cQ
XKH3J7T/An7wvQRBN5Bq0FbN7x2xYzQtfPT1njhF9R/HKNXnLqItqHLpm2+RjcEHvwh0PYtL
rz/zBX5yxK94KICaeEJvj4FNJ1o97eVzsbmhRIJ2TUMf+Ht1D2iFjVomTzP3H6DHMJrYZHfY
XTm+rGwEfj+AH0i9VujrNQP4gdkP1T9Av8fuHVBgUiW5/enQItSlxV52m6Vk4rEWaAC7VD5I
PX47hXWyXZbmMQpQkZ+Q7yQ2AUycIvBuH0mTJEw/Q2nSwMgNtUJKBv7QfETM5KTBSFHAvlyh
1qllIpFMREuTJeaJje6ayP/ZkoHeUqKDlqU4+PvlXt3M3uM/9GSg9+747dPfrvLyH5vx/XVz
iJoX7Y/NxO7i8Sfs7ukPFk96B3n0yFsvHzOOpFm0HGrtemzI9l2M7QwR2JV+27z4C+IfGzdF
8EB7bFc78elP3370yaIRo7/HvxpFehGQHKwc9za6ILuXU3eWgy8e6AN/LwZ/GP/AJacCVTUg
C5L36QoDVPacOTnZyOvPQi6+z+NyAskXQn6vD/r63CgYsNtzB+dreGkYBexyNwujJZf7hDer
fc99fgna+k/Ovit/OnWW03YZ5ssVkPJ9yAGALQCjr05xpr+4M9SZnZU+Axh+lUoJDXwy+B/E
AEDfg5bG4HC4KOBXqqHrD5ICSgZNo0qcyayu9vDOdDHq/VeZ7XHwF5S5R11Np+6hqRt6wuO7
o7/asOQqC4Znllz/mMBwfUfKreLEa3Gzu2/ShPHPAvHmdPlv+IlXXx6zm/QY3tlNsHRCrdFO
9yJanUQLvrTqEDHQJxypPxWIgf+PUeOnzxw+tnxWBb5pYkOC5ltLfBtMOpfwuUAf+Hs1+Nd4
jRSPHRP1Q8qdHLUWCH2uvPxshP0cAD/Yfoj6XVDuJ2y+1wvugMvuKh3qE2QgS5+Av2wI8hyS
wM8fqlDfu+hwXRA/NOn+wXN3U05gtwbLGqTmkRI+BMePkTYjldu8nMlVxlP6dI5Kq4SlQksB
24BCLBCBbhcjk8kRSIH0pyB+AKL8fEygifONMV/XYOIdNah9QFHQ4EiAf6DvDkpMXHOg0743
76GEsJUzT/V0SQ/O3vjhlD+u0qBfbv/HRgUEvoshr33T8oWEXT4NnJuWN8dNiiko1hyPttZH
KOzfjjrU7A+l+4sdxDFAb/Dk2fZK5CAcXl8d21UCH0+c9N7W11bX7111uYYqslp7mLxtLU3R
P5Pu7lu9BfxL7NYEUIEFL86DyDpdpkFa/b68grxsH8jbIbMPLD/4giS7UfUPBfwel907ZKiJ
heZ20hNozxw2CIUPVJof/za7YuBL22ra8R9H3Hf7Emop/bAFy7/VB7LdyN9H3D4mfVwqQLQ/
i8nlMfCnMaHjQIGgr1YQ9h/gDjUCZiaLkSmAcB8ehY1Bo1GrAfzpis6gpGu/wOnBTKkYtfbF
KL7g9g8qzKbkxKtmd6phnVlKyW1f2nSxhysa/GX+skUzTv67t7W9MQ7ASAsemDdyxigUiERq
gdHTfL460L4lFm2EqOxe6Mkj4bv7jTbUERAllHiqx6EM4qWfLhPNe1G8durzM5av//1ETfAX
shexfTN5XY7FkiX154ijNFdH+sDf62P+eRYX1UpL7JAC4GuNdrvLn5NbUpCTk5uTAyk/D0rx
QdLfA9/4iQoARPy2glsG6vk8JrTSdw7LLnhBhtFoQglGiz8mvrvUVHL7irPt0c1PPvDQst+p
RSo7Vjy4nwUG9KFkvwCmbD2ZMh914SZMKSKTEzQGR6xQkXYfZu0RX+WQ8eexQcwb6n9ygL5C
pdVqYInpNGFnkSC7SwEx+rpSIIKsgdQQA7+raGCpaQUl/z250w0I1VE2pQube3Lsm1ZPWzf/
1aP//K0L1ESvAvzA5ol8OGnmu0SONfzrGWK/rx37Yk+Df6rP4NG3qLFI8JvlZCQQgGk8KOP3
x2cLxk7ave3t1lgXQOtsJJLW3BSXCIn9Xf1Fax/4ez34Z1iyqRk/qQrDMtUWF/j12dk5N5Vl
56DAn4z6EeUnzvqBiN/p8Pa/tZ9BIoLZOew40NMz9FNuQ95/sTgxSUt570324gETjnWE3rv/
wadXUs3iaTfWL8fq92phPDePzxMKhqU2mt9J0lRksp+WnsmFqF6VvNQw6o/JBs4OWfpXamHp
tDroAuQIE9sSaxMebaUapOODuSJAv1RJFvvsnpKy/gbKcK+9a4Opr1vLhR4LcpVrd7y+tPbf
BX/nioBtrzt2lMR66+TN+Jnlm1rxj9YmuvDa2hL6fK0A1z+qYn0KQeQmRM4BU/BADX4C9Wac
idcR1o5ZNvv5xbE9ugM/i37ZALCCmmtDZHM/8cZN+KkvA33g78UrEolONBVShLCQocwUa+0Q
2Puzc7IHDistzM/NBeNP7AHwH8r+k8vnzioZPLTELkUTsVlxtz+Nw39uHmwgvKICYbzP1nnX
sJz+pY9UhgLlwx54cR01p1RThPUzshTuLKdGrtRZNAMPpD7R9+mMWEcfPZMpkksB/OqY9SeW
XKkAugAavweGXKIAo6/TAfx1AhAVSAT92KRQtIHaABudAXsGgF9mdMQs/4ABlps7kdv6Vzrt
d81ddOzG3cHQxeDV5wKq6/BPnobJO4GYWEJoQwXBz28KXgT+77GvKIcK1wTw1lpSpzB0BD0/
FLhE/LzmtZf31K0haBPQ+38EMbaa6xDgL8z7HoG/Gb3mcg1eNXfVmqN94O92w3rNSFi4e5N0
/TMp2rc8GsaTqcwI/P7srIJbht1UUlSYn0OubHD4icI/qgB43L6skptKvAoeXyjITCT8hJxB
qx/AMK6hfzYjnRTPL7j9zrLSgrJNwfopQ+4f+S7VY758N6OfAgi5CrvL5c0yOz7qwUMZj2XG
SvkZGUwZDAuHUJ9i+BUwbluKpn5A/k4iUcTsvlarl7PShNyE6R9yoUvR7MAgiZSQ7ydMv91T
PKDM5b1Oev/lRcv/1u7+tivKhbUeIPryAle7BZybPRvx/uvI5OdPseRrw5ip9XjHxjfJRGX1
d7XERyNQl/SLdPxOEjQqxmxqIj2fpvd+x1EwdPFXBPjQ/vray7VkoPTHd3jlazunv9kH/m4e
W2tvOZNoMDxGPoBL7YqhYVywwXYU2Gd5C24eUkR4/cjP93m8XpebdP59PrfDCmLepWVZeqmI
qp/N55tfm2/AmGzrIBkNtdvRzP7ie4aV5eUsCZwfOeC+8Z9Q4836e2QlEi509kCFTsFhzO4J
UPdgLD6py8NksGQimBsMZT4w/rGlVAKxR4q8fpjEo4RwX6tRw/9anYaFseLiQjTMtbfrgT80
KMUoVDAQfn9Wcf8B2br3rguqbWAH/85b1LHyo6sI32oorORQUmjz87uBhKIu2kbqCMfrAnhY
JyoTL4p+Pw8y9wdeIRtx1t/9dooPSmdGoXzqEsjuQXowMmUu/Ah6jsOxd6wLwC9/8QLBHgst
mvb9/j7wd7tVkV6U7h8u6C+i9sOCLrZcozO5s1BOr2xQthfBnmzucbq8IN3pJvk9oOZptRg8
ZQV6qURAIfhmCtUjNj0MhFpBaVY6GuTJzpcK7rjnlgL3uJo/Hit7aOrnVNmplhGuHGD0S1Gp
no0NvtTDaR5yYjxiijANVPp4UqFYpYzn/NAGoFSolQol2HC5VCBSAuxhIfzDVwaWLk6cnbzb
IO7WZ2VqlCiAyiZM7covKi0r0k68ngt69u8e+nXhmdnX+oo9hHEJEAnK+tceKb8Yy8O1VyUV
UvbOOhXz/mBtfHl9I04mMvaOe5Gy3wR3I08tuIMiBr7tu+ZYaNRwFIKGJduT3v7MSJIaVDt8
erAv5u/NKxoZzxlkorj9EAJkinQwsx6l9IsGQKWPTO9Bvt+NiL3A8vWif7uhNm6zmbXeQpNA
LKGAny6Q/m/XWhNGY1n6adNhTqYpi45577t7oPuhP/bdW/bIa9upubLg3AIrD5g9MFtXSDP0
qGL7FReExkjDn54ukAgkCPio0CdXQkEPSvqQ9pfLlEiJHwg+KNVP7gB6LRM1J8czj4xV3Y58
sECmgQ4htRk2M39xv/4DSm3DLvaqW7TsrWukAIYChHFpJ6BXPW70M9tjKb1o3VkqFbDjQjjx
2sMTRz22Pvb48gfnUgQUW94/i0T4L8T8tXbwFv7YEqa+59o1xB09TnYGduzfHXvqwVkb+rr6
ejf6JzFuyqJAF5J/NJ4enGCP359fBNgny3rQ2APiPS4XVAChzg9dfSB7Y7eaNBK126mW8ijF

QqDT3/Hzj/fBNxx3niSNzs3VQKA+8KFhuYO37rhj8KOzk8nzK/OVPBEp50F7sKdwKDINI0mE
aQwmA1S6BBIg9ykB+WD9EfihuI9ofVqg9xCRALj7KgL7ej2EMQwYLRw7uend/a51Sq0atg69
zeEpKCrp16+/v+hA7woS266ySSjp92quICh3keZfJr4I8T10VG4B0vRXsxaRY7TjwvodMYrP
loeXfr6IjPjDs59O0gkL4dRDn5p7Dj88Gp4Z2rg6drsuLEUJhIb1EFO11kYjcXN/sTF0PtgH
/l7d0D+FMaRfXI2DTmcz0JRrrQVw7skvyvIR3F5U13MTApd2ZO6dUPB3wwwPs0mnkIrVDoco
eVieot+W8wuUcBxpXg4zw+ZCR9fc+2BZ0dIP77j1yXnJs7ffzBLyxEKY2CVkCub3dJY/F8eP
zWRkgkwHX4xgLyMZPiq1mgwAdGoiCNCogeADfwjTbxQC1ZgnIqb6wJ8R4PdeSJ5h2XSHRAMv
1xvsBaV5Hm/xwDzv5//NW5mUnWt5k0jphTrw7w+Sj6z+CA+UjxgNkzeByRcOknFBXP3z9PCF
B+bFtM7Wbep27JaD8Sxt6IeLeGU5ZDU+efjBr4i4ovGXifNX/BSuRG8TqG2Jk4pbR3+I99X5
e3nycQZj0O2yuOKuTIWY82KN2Wp3eotzUaxPtO+hjl6kcYdS4hazw+uxW0yg261Vg+q+2qFO
T2rqUxQubz9wP5hptrI0V2EmMgr0fg/f2m/UjGG3Pjg7mWT7vpMtlCDTL2awy3s4x4blrtih
OcxMkP6Amh7YeQL2Kkj7Ac5V6FtAvlqD/sgVGhTzI+dfJ82EQR58FhCO0A71CGS6a7rU7750
mKHMqDV6iwv9NkvWgBL9wt5+05KagY9d6HFuX6QG5VeC59B2F4VBHuH3RwyfVhetIL36NmpI
vvHxN06QGYFIbHcMo8G8oVriSdFK6l07dwmvOzBr2lJCju3Y3Bmzp04Y80mI9Kkuo2xA6Mcf
Q1vv+LgP/L18tS9g9bsrL8adS9driAnYahjT4czL9cXA7/O5HCDWjyS7LcCEhfYeG4ztNRrA
uZYJ+Ty5mZvcFVw8vQVfq4VdJNPS3x3j5WnuvTPrlqEGyy1zk1g8wTfsLIEY6XaKuOxnKlLz
5n4ab4jnE7gCjRFSBFKI8lGaDxX8AOJg63VaZPPRQt4A7AAxjp9MCA1/LBkS+8jgpN9xljKt
Kr4maX0aud5dUJTrBEmvkgHmFzp63W26nDT9porSfxBatr3nnX3up8Dx2fBB4umn31gK/MpD
lV0/BE0wXHNvLPsXbqcUDdrXbemiMoDY/3jw291n6wmnoWX/wrlr5r2xaC7sDjtg3Nl5aAtu
+nLiq9Pf7NLb2Af+3rfC71oKh9yii4HLKMDoSiFPBVN5vVkwv45w+ZFmB5LrhhkZFqvFCp19
ZjS01wg0GiW0xLK4elnSrEx9yZga/PwIOsYWMtUuLskASB9wj9mox+gDy5My+uem5os5YiTh
J1B4c2+ZkkpKo3HDs8pYwk4k1riMMGNPCo38cgXJ7VNr1BDuA9SVGlDyVsQJAPCQWgteAIzr
ZjOlCk6GQC7ALKlq+NXFhiyzq7AkFzIadkvWQO/NN4ik0/zTpat96h8/Uqv91Scp+bbqGPOu
+pPt3bIDX2/swGuOxNBce5nQ3AUrvwxN12ntSOwngW1n4tvAoS56AGcPkm9cdyQG/xCh/0Hk
Cjog6D8/7403l0yZs3rKnPP4TpDtulxxAf92xIwFI14P9dF7e/36Ircwt2QQqcfB0tOxDL8q
Q6IDxW4nUukjivpu6O23Gg1mg8FoNRuQlpfZZLIY9Aa9lCfks9lSY1JHv7T4CTADVbdgoJ/J
Ugpj0rqu+1xcEUYvKqd63aEDI0q0bAmS7OXZbtama+emOMPD5Y/H4hKmTG33qKWIvi+XSuMs
Hw2Z2kfFfQXS8SDjAeQQgP2Xw04hZIslHLlGQMcEKQdYviX3FeSVFHhs6Pd0lRTlf3NjLn3l
CxVX+9Tag9RkKDEQj3Bgwp01/a+e/9/+runBjuZON6dm0eJ1hNd1etRw1Itz5kRiP4leIjz9
aEckXNd5e4LUsKCtLvbsSEvsm5aOALj4LZNfXjz9lXUbXntlBzEJAG9sw98d+e7XOzbW9YG/
1ws9/pxf5NPe6iMt6/+xdx3ATVzrWhpprJF21HuXLPde6T0JKS/9pt6USxoECL13Qq9jaiC0
hB7GBAgtwECA0MZAqGM6jAFje1ywPbItaVT2/Wd3VS0Zy0CizOi8+wKo7K60+s7fvw9AzIiN
FYnUxsxMELBE6M8BEo8ESO6BMJ8JuuaAvxeB32QyAfudTiTkY/B/cQrfmD+u+7tH4dC78mlM
NluuFpNegfGdbEzNZLVf4vuTur/h1e6pPJTqF0vyOwArf/rt5oHJ+pFvSKiQX5WYn6JUAFmH
xre9n4juwfMHF0AJ8QAx8KeH9B8KAVQK0AOTG3h8FRs6kNN+CRr6fCXt2LVzHtLuAUmi/G7Z
BU+qjz6bFr6Hu1rtYoRq4XN5mbbODPwcRDNuugVO7RUl/lf5+1dff03UUncM+O4n9AKi7PfY
J55w1vmexGVugCRiyG5Ux15S4XfN+gkFJxz4ij5LLSi9iHac06ftzcmHouCPQPBf694JdLRf
ltKoahoNU+glwrj2aRD3p8AoX1ZWSpwpDox+QrwpFrLoJqTXnZhg0kH7rFIgZAP4YxQG72wQ
25jb9fUtyFgt0tPYArWOTz4u7N1VaOSx2630q0d9kfpqjgjpdQhVKSoeKO7OaXaJxRM+6Sgi
wc/V53WIlwN/FxTnNGiUn3Twkc1HHT2AdcgEKInGfz3V/YdYPmWaZImEUBLqsDZo3excorF7
x2wAP6zUtE65A+tb/NJs9RHRpVVfb7vr07XTuHolWO0GdwtV+aKx/rSFh2ZMWIU+l/3m1eu3
XXg9acDvXSBG+Tybmndfg3/B/6jCqPtRO5ImenwIrLrz/Ckkxm2vs/6J9ptbE9c4cdsfF0Ne
bRT8EQj+qv91aMfBuuS74cvA2DKVJLdLvCkRpLlggh/o+mMNoGJvNBljkYmNjQPoQ6bfaFRD
Tz8DwM/gGNwpvxhthlGc9X+LmsArLR/CpEkMGqoJgJ73gsIki8nc4nPyCxNM/E7tYRoX9DWU
SiFHpKSlNTOGmz7oZmChfYku1uV0yTHIVcjCawhck24/yvEbUdoPmn6hx0dNNv6T6EcM33J9
eiyH2NpyFj0O+jWMl+Z3ziKwD8Y/t8NbXjKOxiAW12nzWjVLue2fund/HXbCHJ3TEdRNh87l
/31T4lsYsJsf+2wVTUeIb8IOjB1Nc/rfCabh6PbOrp6+eWQb5VBc71cCVcS1nozoXep22fF7
u6CGcPVqFPz/ouW0z+vaHqMpu1E5NTpHwGbosrpkakGZGxaAISUZNoJ4VDuDKBpS7EbYBgwG
U6xRKeLR6SwMYzGVJIMvXZiaA/o9ca+B8A2YjGu9aFhygpya7YvrHRero5l8WOsqFvUwYsoc
tYAk7MdiJNCG/3Ngxrq/lAMEXWymQJfVvmPnHD0Ydg1K9hH9fFTOT0uYfQR+NUnxQ/kEOtgg
YGrPmB7HJur8WTOCk/Pe6BjfJZOQIUQipJ267vU8U9PwhGD8hPmfunV1RI9tfQ1uqQ7iidhL
N88GfD/c9iB45ELU8BzHIPFvHjvkUWAJ0VHh3igejRk+YcKYQeNJjhPzooP4lYlXPb7AvbMu
omHg5gG7w7u1lJyzR8H/bwA/vueVLAj1E/KoiVmRhEdXde+uk5ggpw/RfQoq7UNVH0x9LGBJ
DnMwUBU36GMNermEBWE9hmH0mGwTag5KzIhFR1G/PuIq8etYT6fltpNRToH4xVxDEs3k4xge
/L/0TI1Ir5fAjK5MIeMDaTebNjbgAguJMX5Q3lZk5rfv0CHfCFQdBIGPViH3Bv4U9sEnoJZW
T/T9A8+HAnS4Uw1E8MHMGlYc/GtYnNghKz4uCYE/Ja197nxHK3hzKeUD599N7h0Qg1iAnSfI
4F+j1Ya2pZJJRSi3F9AF7FH2vQrdjM5SMu5vavS+yuVAIT+R5i8YPG3hlImjFkH3TtlV0P5x
WqqJ58lvBv2n9KTZfNSrEWSp2bukthnnaBT8kQj+65+YwCZyEsRkc64MIC1o10sHqh3xRG4P
vOGEWBRVw5AcNNUokVetQ4Zfr5CxaGw2JuDRaYnteYKkdCNZNBC8PIDs4X38KU2R6Sbcpud3
kCbSEr3VX/u0tNx0lUgGoj0yEZD4yVUCuoDW3t8xr+7sSSSKUjsA+OOAs1eF6Dthrk+hJH17
z3Sfngr13ZP+qPlPLVMlJ+mUyP/gpH5SFPxrqOiTk2GMTUB+Tmpqu4x+NU9nk49VPoemvbYd
4nEjbp20NOCAQdN4dk9jLoL99YXuO7Vh8Jypo3+vha+kHijAXVY3ZQ/QfFGHW7aa7AIm18XC
R4+dzfjLo+CPRPBXjE4hBDoJ0Rs6m83hczimrslsnsaEpPkg0W8yQYAP2IdmegMCFMqwoTq/

SioCzlx6DAt0sTqkGAzugh+r56AdJI/krZdomMzdAxDbXqCjdfKa3ruvxOWlKYUykQLYgJRi
oQxItwQ0zH+6Z7CvlFhu5w7t4jVqFeHboyA/kNCH7PRDu4CGzAdAByD0IiTE63RoX+Jnv7k7
xPewq2OyPjaeJPTJy37l6Wb6K38t/+fuqP3gig2lVGsQabzt1x743XG8NERCs+E06rLaTbQ3
F8+/QrFyPZw0fNhXm9yzPi4bbkNZP7vDVg8yXsRjRUcoCVDCDTLX+pwqCv4AvDU6Iwn8jQXt
iGQfwcVDZ3AwFl8UY8gUxPBURJY/zoRK6AZEhysDfSsFYsoByx8XB3M0KkIzm44cap0PfXfn
0T/Wk+xQ23g0j5KWLF/KY39b4jERJ7LTstPQWI9EJlGpCYk+tojO8WOzPs3zkxPKbtcxGTX0
gj+vJYb2/ZGP+nypPQByExCkqFEvkFQB6clYFWIkz3l7dQj+rUcfJRp1pmSSzSuvQ+HfDNhq
x7O7o2u+/Gw5acQtcFTLrWbtv3u+DwF+81Q08/wLyfBRcZdS42y6fOvUT0NmNnoCh6otD4hi
gBOvqkTW4z5F343XDd2LPzrkTYJcuhIFf2CYaHZG1F60o4dXYYctFHLZAhiCN2o4fAHYfpPR
GGvSKxGM5Aq1HMlqAfOVFtFkKbV6mYDPJli7Y5J9SQEyJsxC2WGQeLcO9XKEsdMlnNdW3vP8
NlbFtktP1qOBXolSrVADPBkiuZA2yvfi+tJ8mgcZbGV6hywjMvzI1dfr/Q0/tPp4/go+gV4H
yQkVEvWLNUJdUoVkPSQdZ4ZK4G1rp9UYk9MQ+FPzcxb/vfeg6cozlAjcOGTgEsrkN7jwh2ML
GgNGf/90T+013Qs47dFNkPw/QPledt998lax+0fb0Gg/6CYut6GXVCC/woXSCFsnFGycMMTb
o131IAr+CGcWOfmB219ngMQtX8AHN54mNEm4QrEyNj5eD+k9GLcH3MuROhZIYkPOD+ELNgIR
H6h7CY88XugDfnG/788SPwg7fq6zF/0mmfS/G266we+apO2YmGIUAmW3XC2XStSJch6chvaS
D9PPRSHNhwOczcOkGfnxJDG/xu3hu5FPNPR7/gmNABpUDFBKYV7fCOReQmKuVzwoFG9tVR+R
SpdIWP6UnLyCv90Be1rf4Vypx1ua+j01lGw+CYF6Xbk1lPSPvc6D710EA0fDLWgHnjI1JNMU
6ilqMhPCAI56O2oU8mZNIFdz5QZ+dII7YnKUVURj/ojn8Lw2UOkO1vkYly8UETzcIgmdCzr3
GkOsHqADc3cweScSipGULhB2ypC0PWCfhxGM/XSVn8437Y0pRIcsGhxd5GUIVKu5Hccscsf0
DQM1neITDUI4lgJ2FJr03TzwAuS0F6t8I36RkO1lChBgbFVehp7o8NEZEPq9+PePAKAOqEBS
nipQGleqTWIBn89Ds4f0N0OqbczkSXQmSrwjY1jtv+w22k96i5iV7ot31TnqT1W36v17dnj+
eg8dqYE8hgVF92YXKdnpwq3eoK3pbiPQeXs3Eyv5jMMjBVA/8+tDUfBH9nLV3Z6Q5Nbs4Ap4
fD6fg9BP53MYPJiglal0Khkw6gtFQK0PaOdhPB5gngcPCIQcsMvI68c0LD/wp4382UKA344X
53se5eqY2SNe6UlNoZV/pO9mVIBKJ+wtMimNu3B/V7ZIyqdleTtsirRMjdztlqCOAh6bY8pP
Iip9KLGvIWt+zRfRAwCFCcC+Xi3W6cRc+FwED1jCsVBfRIEIUxlT0wj0J39Z+m8e5sevnHUb
+Ttjg9Q3SlYHG590njpKmfybmw6tJlN5SH8LCvilx63EZJ+TiFiJk0FzkXOLH73goz2EH+Bu
OG6YO644Cv4I/9lUlK/uTLboMEDkVijicrEYJhLhESDFzRhw/hE3N+wIGFTlRIAh2AB4bBbo
47DYhNWH/xeI/XV5sa+XIC4sB5iD+qFemg8dK2XQq6r3SZqsGy8m9dICkYdaD4EEjVmA/5VC
h82FluItBg6lQRaQSiSCGBdqJWYJU9J0qNBHNfQExb4OyXigqoBcoVGJRRq5AONT4Gf8GOqL
WK1nC3RE0J+ekfrGc2XzuXrK8YyPaIVGQ4fHKhePH3OX2g/Mdz1hvcXzfMnSm263z1lBAr6x
Fq/fNHYWAde7E/qO6L+8HmZ47FR3785juPkwqVJku93oog50aTwZ018/Q7yqcmOVT6Kg8sIt
c9Ttj/RV13jqPyYm0UfDxoD9WsrnM+kclBvHCGCz+LAdsDEMtPD4YqkYQR/MP4sZw2SwKTle
hpTnD35ar/lXCfDb8MZ1eg/44/ipH7czpmwkznsuPa2XElr74nQSYPuaYsdv59HkYgWtvWeo
9IKepsQoXmDE3MnBMAzjQuGOHOQle/s1buPvuw8A9tHoH8z9y6Wg4sPFQL6XR5YdvgrVjnu0
QwxdkZKRlpKWngFBv+U5fuWLhlU/dVt2gNdvdhDgJxF/dezXZ5q/p9HRWB/w/svFeA35Qa/B
G+zr3kOlFtfasYtHDZ9wFzQBGkkiQMfea7h5br9Coinwvicj8PAKaed/G/OIGBVAPUml60uI
BEbJhLnROn/kL4u1YkS3BGT7WWKg05IppQJ2DIcD2wGbhdAP7jYHeHCAiTeGzeEKBQIMEwCS
GMwYegyTZNYTqVgB4NeOQO61E9rNmwrTPASBcYasV/RY/DjCJByLz+opF0p1cXIZRhsNDzmG
0jgKMe0Tj1VcRuMD8y5l+JksDofDZgOINemo1g8FfFKxi0j+wSgfZAF1ag2p3EssBUh4yGVC
gU6JYagViQR/fKgS/s3/gKZPSmYa2P60nIyXDz3Hr/zKiadM8Lll9ZrfTBLKf+0JWj04MOu6
/wP3S90bgRntC2UL/kSv6rPiRuHgH+pQeg82Ewf17PFBc4LkS6Cca714xY7/9GsdMUVYWXCK
aBYq7j/gahT8/wbJrg298w0ocgdKDSkE4GIuk8NikehH8EdBAGCQzoZ4gAVdQBj6D5NwCwg8
CbVcWuB6cxfVNGbdmuR5UNk1Oy5WoHqToIX/Lb1LT6kACPTEYto7REfdnc/gnImeoLz6PbpU
6EkX0jkYmH6uSCKQJKbqZXIFNO5q0CZA+v9QjFSixl8VJPqAixuyfaDhoYRZYZ7YKOJwIV/A
ZpEVzfEhvofaMfBp9dnpyPZnZGd8ccgcwTct5KBt8HjCVYu88aZp/U63PJ9MdPiWTRhRhy8u
oLKGLjfh78MND1s457bhP/+FN8FZwNlzoLds6H8Ld9yJgj/iJ/uK3s7UIwMOFT2kWisVIRvL
RIV1hh87HysGiXEzUTqQ6X2GpxHTm4E/dWUTCX77L/Fs98Sg/g0DTZvCoWUiEvhdXV9uLxDJ
VXIZXUMp45ZN6dXXK+C9R8aRct1vpTPA8oMCN1Qb+MrkBJkU+fVaBHlw8mGKl+j4B44PJVGV
BNkemVCulYklQr7eiEaP2OCqkJecE+I3jK+BVgVeZjbwlKYigYJX5t/89/N4utfpDRuO4I6z
F6xB5bwD3ndrbWHxscKmwM3h6C08tP6U7dwhG07xAVjvw58VqMHnWhT8Eb6c+P1vTBji6wfN
G8JygsHlkCl/DtcP/mDtGQxSls+Dd65B0hz7NPrwagL8LnxHmtqN4ORuGA3Lhxkg1Gt+6aOX
kvkS0NcS0d50Z4mcNd7GkuqPaHIu5lH/ZaLGYwGqOIqEmkS9HM0XacHVhwtWIqkeFfD6AfIl
MCQAjQNABqwwKuC1fFWchI0KkgwmGaPQOBtDfA/ngNGEmZRLVPsyQJQ859P9z+PrttfYg5fQ
wwwFwhISPNZv6MiTLWcPfDYN+48rypu7EMdW25snG7yO03aygvDwIe4Ey19WH+CgRMEfkZbC
gVuX5mM0hhAa9yCORmCS8DgYESIzZaIAZNPpdH+mbp2SSQuyOt0iwO90/WaMIacGmDRhEsz9
p/YS05AS7uGPumhEUqUWGD571wW5sD2yGBnH0xsMlh8Cfj7RbiAQxybrZEDoAxy+Og0M9ymI
3iO5Qi7gQkaQy+UJ+JhYL+eJRTxpnIqNCTksSFC4tUT/L0S2rfZj1IuADD9E/SBLlpnUdd1z
6MV0VAflB3XanOHZ9/vXw5j92Trr0qgtLTxfXeRX2ywP9hXVFvvlSh0lgPbSwr3XSo4cq8Yr
po8kh6HqiD3p9IjT0cGeiPf4wa2zO11/9oE+Hy706yKBS7VSIYV2GjaLQL9UwqK1sNhaET3o
E/w9RLrfad8qZCXq4kRM0NpjJkJ0IeuVT+sJ/DFLXssTSGRqA0o1jg6SW58DBUTMVwoI42BQ
c5SIhQKhIiFJKYf4Ho3swqwBdB4C9qVCLkQrUBWASiVNkCzABEKByKDjczABh8lkeC5T9Fvw
L8M6GeUvEtKg1g9sxYi6ODl1+T94c+zNdold83wgam3C7a2Wfqu4sn8sGcW47twL9vyshe4N
2IFXeYoCjsfgAJi3+abuSHCjqwNecPuC94YuWzuizx94+SwqdCslLnFjnyXmKPgjHvzI32y6

NhK6c9kq1DKLxmVUMqj2c8lQnSGRM0Njn6GS00M8NQsd22q3F6o5CUYtD/nvzLREGoaZXhIL
QQxz69spfKlEo2fSGDRR806U2q+ZEPH7nBqqjWw+QJ/HB/QrE40KIqOPjD4EKjKlQsyFwACV
A9mQn+SnSekYtCKB+icmwCB6oHvBTxsRAmzLIPbhm4hSf2o60inOTU7Z/nfejoYKX2e7sTiQ
dqjglSt+jn9pC254wHr4+Tzqbyf/CLZfVFx0ByNmM7TpW0qteMO164XzAMJ3P/eZdLB/v9gj
8AzVgvcmPrI1lp2swt21f/zMCpQsMM8tAHWPOksU/BGs1Ac/HqfDUXdrOEKXGsb3EPyR5DW0
72ExZGCP8WPooRAuVYR6hvYlcitsdvvxLJLgCzoHWNlpTC6d01OXB5mgrb1hll+qA/o/KB1s
bnZt1zsKNExfSnA6lBp5EtRqKBHyBOoknVxJlfTkkDlQCMkyBMZB4qCy9lLUGYDJQPkXrRgi
QcmKIQ/XkeCsczUEVPwdW1Vwmcp4UCZLy0hPzybQ3+X603/LjtYitKG8xeafvwb5OyJOa0sn
DXjg0FJ7yBfXnidf7URVeyJ5X/mXFb8w4IuvCV6Gecu9vCJbvxrkQ4ZkOxxY/bPZqtB5riwo
rTrU2BgFf0RnhqGO63DVFX+N7LICtO2Qti2Q4mlkQpGQCy1/yGDzleygEKdDZ0Bor6A36tG3
2+1/ZJATeeDBY+06SOGPnLwRNty1rD3Q90jVKiZQCbCaj9Du14jVgekGNlcA2BeBRRdBf4CK
KOlBehLy+xIMmX2MFcMGB5/Gy5ajzYIr0UnRvxnQJAB7D3AVEOlDlup3dALLxqX+Ta6uY+3R
tyBJygY9UkKONCcn3zj+qRk2rHeeSdGwYvPS285wnDq7H/5dDaHf3FQauE2hP+9934+4LTUL
Curd4DcXjBx8MmjBgBQFxq+jraG8oP8WT7d/FPyR7PU77PUX3kLYkumNwM+DHH+jTgkze9BM
y4HGPjpPpwiKfo6AGdLu02jZyGY6bM4iwvLTia6hvF5oACilG6LU2NgBpm2BuQ91ERibEz8W
8NWywM0GY8fwxdCuB7wfEqkxDgQ50IyhTCEhPX5AP+pIpgkzpDRAPFy3HEPFCTo5FsDEiOwF
U8Ymp4bvTPeXDcTL3iNcFH5idk5eu/y8PERcnpK2O1Rx7MnLTPjtTrP9WdyspeMfP/E1QL1h
qaLO5ly3NmhRs3I/Yhpxmf0ijKvBGhqLBkLe5tGm8R+v8Eb8s/r3X+8NEIgOIMLJcJXVeGsG
dQv+u7IpmvD7V4T89voT3dCvXq7TIcoepH8ByrdQKYc+XgH42LJYBY8RLNnHaSkVqDxCyjwd
MZC02wj8HV9EDPyqd1GX+Lk35FJI0zGgi7j9L82sqflLZnzAwACk/Jhgw9k8mAMEyk9lYpwU
HYCHwhJw94kFZp4WoxMTvUlspZqNSpN0GgwsiUBdRIDSh3RtGq0jkdwq+z6wgX8xHXEScmRQ
6MvKyMnPRUplsf993Obv1/z4Gd6s0rLWjGji91ZRZrxp0jfHg4L/F2ScaxcU+vwMqscFcBuW
IT0/1wNgIyuaV7wN9V1Z64l7dHb58ltU8d914wHu8J3pI3wi89Ytj3Hr7pEzdjRGwf8vAL+t
bhdyzXmoVx7QTzDh6qD5RsKDBBswa2p0QjadFu5iriEKveYx5L+EsH2IX0L6ADGCSejkjz6X
K6QKKZ0RQxva/NJutKcnBoI/hoPqjGw0XwitiDJtWiyMBApJJiEOBX6Ar4gsETCVEK2QLQkc
4AsBXRCZEJIIstxspozoJLq/O7CgVTmIw+SDDokYeInFmrgcQD9Ilvz6rL7qv2XVFzdQwtpF
xS287PKAwscN7gE9GKMI4Pgt3+EmIrPCl1QGEVxjjcvbz0d4PyS9N+r+r6ggXXz08MG+gy7B
6dd+Otdut0XBH+EbAAL/WhOKyBEhNvj8KO2HeuQBMDDHB320GilGTu4GFPwJ+o+QuwJjBplc
fpEEIEq2SV96VQVmOIlonin7iAuteMDqj9Fym1efTiYxm4GfiaYIGTyuQALwh2YeU4ZWSvCI
QRcAk0jzxzBoTD6pGcyQqtnUNWICEdn6IxPxNJm52VLashDcuA073xJzYxigXQB5AsyUh+TK
TF8Gt99W+99BxflXcZvedm6FtfnZXT5ZAPMNe0M99R2Qzzb9foPYABuab1bWFqacthbhxROJ
JMojxOlVPXPUxA0ghNy4eB4eBT8e+a39NvMCkTCGxlOqgBvLADG/jpiWA8dfqgA6HIMaYd/T
z8tClhXcaQL2DD43FPrZw9Hvz7G+k5fjh5X/phGc9zeIRFvpWzQxgJ/GUDJ1zWfQ1or5scLA
7YSJwnc2B8h/oIVXLNJmp/I9PUBMZPZhNEdGKQ6LjUpy12EDNxGcCFIDKpU+NS8vLz+d1j/U
t1G3uStkBsVatUIErKRpeaBYlJYxNyizzcPqv8Pwr2yb33F6qS/wLGQA7qy1BtuUqCSGZRdK
vFydQ9B82xzokp3A1FvX1OKnKh05teD7ZeUou3jqKCoqjJg4efx0uJ97FkVj/ohfdrvLVjuG
xuXRxTAkQ4jdw/9ADQ+IcMDsw9SMQcEi4MWgK9KzsjM790zCUN2NBD0mx0KAX/AuCj7N45GA
t3vniHszmcbCxpGWZiKTDQk7No3P0Jxq9rMaz9YaBc18DRgjZtLZYjEK9mFOPzVF5un9h/5f
yE3KU8gZI4Zcb4hD72eLhXyeECjIVBqjyZSUk6xNa98Ryw7Orms+MOSL99QMnjE1OS0NAhRp
dm52VnZq+k9PbfnbHunXtUkf0N/TsNkDdABqQ5ryrQvqqRY/eG3jPYdjzkG82aEaiuvd4C8e
Mmn9aReaDSXIf45OnDZ12oxRa+7fLfgpCv5/AYefy17+PxpdKpAgzjvU4ofAr1bDcBzU4hBj
loRI7NGVKd9s2H/qjxVj+rwipsVQcKYLpYzghl+SfgmZ0iFQ3JNmUvP+6tfymUzmEvLMxZlg
+kE3mxnE7bcPiTElBfQNg3WHnmMGHZOgJl8Q3hUaElITNe6sIx1mEDnxJI9ojFAqxNR6FvxF
JuILQL5TD2KDIDWoUbCx+I5xsgtBv4tt/9e1Z+8MXRxAPy0jAYMZZAB/Vk7c+2f/8dv0eG/J
MzwaBX5zVWDlwllClj9tTShCsJvxq8N92XrubVm7Zf1V3HLbQ4Nav6zQRTF4OMz4vVHDZv+4
etmisdNnj550CW+oi4I/khdwubjwO72hr1UP8rdQ54N8nx7pYamh2KcQyFRKo1xAlsiS3t9y
E+jcHCXHZ+cyPO03DAUvaA+AlM0hRK9WyRjchBdJpU2a4tWXZTS6u3g2g86G/SWGxl7b3AZ/
SdekJmAB4Gcj7MdIpJDwk0hFcEUZEMEnydlu4y9Uk5REHB76kwFEAUA9IpYb4kBoEMkNQWVR
waYxY3P024J9FyVjur70Uo/slDRCuiMd2o9kmVlZWdnp7SZW/NP3qelC8EuwB/M/apppjjz2
Jy2mlPjONQu3rLUg4YkgW2/Gz++34o03K6242fPmDd9OGDFwul8aAkZ48W3E/HbNoq1LJs9f
8NP6JYu//35tQd8d+K2zUfBHNvgh5LvSHklsgiYH0uMgOPpBlwd07aUiSKdrReRoHSPt+ytU
o8jht+UeUV8aXxWs0UeiJWf38Eu5LI0ikYrNBS++Hid9y/0zvpFLAzQKaEnNM2olvekiU7rC
H/yoI4DB4AKPKKTvINfAyukYL5NoTDoRg0j5KzuQ0l4xVG2CozMqgcAzPinBSMz5o/EfJWwo
7Az98CBfRdmWQS+/8FK3dIK9G/h8QNyTl5yTBbY//eWDkXr/ao8GSUgcOkJlGSg//8qlO43B
wN9gCcxKoEB/+S5yUPfP3TYifKhevtmGioiQDJw1efGUCYPWBYYVO5YSh/+9/+gVP61buGDe
7OnzV88cuN+X3DcK/ohs8gPwn04GRBj0Kp1GS6AfGPFhWl6JLCwf2vzJ9Dmtd6GbFbZ6TLqc
7Y7jGQpRc+xjGoi9hxP3frbU2yPEbP9aeqednpNvkNPEcgVN2JxU81wcTaBMS/JvJCATeDyB
QCzhopQDLz+ei1KRmEaBLlHcReZRHiIjD0VyakZWeoJBSyCfIPeRC+GdUu3bzfW4rPumfvRC
r16dkpPTwfSnZRr5bCbHmAuWPysja0w1HmlpWsqkb6tvnlesqnFVmL3gvzxyYtWTco/nl5Ft
BDaHq7DI0zRArIqR751Ab3PhV0dOmDdl/iLw6EpPNPgc7texhDNgL/hu9s/r5i6YOWXqgoIZ
w5c5ojF/xLf3w5YNJpZjilWABJYW9fcCOyYQYMJ0PNBrKhCJF1qqYX96xNl2907gYzEejLGb
BfxCHoQKrxFaMbdeUKZ4BgPjend6yae15nt4s1xG69OMV++4lC4QG1P0zUsJMUAuLiYBbkiH
7B/SDWChkoOoV3p87zRJrEGBUVEAJk7Kz4yDyT8S+WjJ5WJIC7Llve80n48/NKjXC716djbo

U9JT07Ji2UwWk6XKQp0+Wemvn/l7s7AWZ8vt+ja3JXdU+/r9191OVbWPdmfTqm+G7vFrBHK/
6Oh1Cr6WPye+TzRauR4GUSm8PPc4+Trbii8Wz9tQuKoRr71OGfWzv8Jfzmx7RPgCi6YsXTJ7
2o+rpk6+UbqgYNIvUfD/C9r7CyEvzo5LAHF7A2T8UNCvQ+TXchEoXSkxis6nw9w7HnKGW19l
S7AYNzJFAZN9DCZQZgHffhphQhzLu2o9DcGZL3b3tUInFDQYw6cZ/wq8rF9FoACqS0rhNwM/
l88XkHEGO1UCdUMo7tPpwAIo+eGP30qsBTqjSUddTgxXkpZtgOMrfZeYHcPEJMlB/HjH5l7d
4f9SeTJjWro2hglkAmxRSj4Cf1aX5a6/866Yy4JM+NibnngN96uDlSIujhnbn0S/m8HTcqO4
0VFT0GfM1j8KUSPm9r5FRUsfhKxhkHPDkF4w/z5q0oGNX2yAq6svPIwenDfMkxCwbv+poXbO
qBnL100fU/pgfjk+Y0sU/JHP+rQEjDg7IRmIcHVoqg9F/TrEiCURJSSAIBdJ1vXmT/Ue8NfP
6GEg5/0JlKkwb1zOIBpqwcMX0AxEM0/j1UPdKZedaXpr4nZfB9q5SUmXq+jyZqW+dcAQihnj
UxID0c8AWh4q3lAa6cAwTGcJxe3fjH+H9FUv9pDHGcmMP53LFZnilXKl2+enJgAR34eYvyTI
d1E+rEP37r26SWOEWhUWg2EsBkcUn5cFtB55XUbU/a2ZGEcoJ61NfsSqwqkLib/tHUZ+TXeH
fjZ2waThc2cO/24wIjS9Cv09Nqet3tHMO/DdkZC38cckB75nPewhRTNhwKfJWX7bu0WUV+H2
JePnTJ08ecrC6Ytt+PR3b0fBH+ngd41FdjQtXycDFjzQuNOgTh8tOMtCRTsjV4iQDXHy58d8
WJlWd03z6fiVqokQADpvxXymuxWQxVSiLL6roRwfRoFfOqgwcAR0CWwJtM+ajb1t4LMZwniM
m5Iq9K8ksjB3CCGIZRFJQL4w451XprkZ5xZo9YlkcxAdE4o1BJGvQuUFvwzAD+we7EHBKt1b
enfu0f2FDmI2hnEQ9pkxfE12XnZOdm731za5IrZDO9QOUun+jE2nJ9+rh7C8bPynh6kQf9+R
m2uHzpo9apgPVVljJQX+hv0VoQ5vWVMD1P1mcitw1QV0DZVsnb14ccHcmZMG9R+9Y8Hya9GE
X2SH/KiX4wtCRrNLXiKStDSQ4reow0eb3U7G5ZMoV4677fNT2Ns7V+QdthcYZXRooIdSGuYX
AIx1kYJ90ynwD2w+22qe0E7fp7k8zgYQDFTEwai/VKURMXyx7+4nZsQS3b8MldbYvmOBpw3t
4gsiE5kmhAuSq6C5R05IDHqCfjEf1D+EzNcrg3wbNbM7de3e/cVcdgzGBl4AFpMpEMcDo092
bu8en96OtHvn9Kjn4EE7gFz1bhf+yA/38Broa6rdV2T3Juqb1n337dr7wY5sexi8gcleWbtl
ISj1mM0Oc1A9sxt9RhYULJ09fMLq1dO/mtYUjfkj3+uveRlZ5ZwOHTu0y8lA/S3wn9TE+Pik
vG6pfLeXnbay1gf8Vz7I0HgxydKbdPpYJRZY8+v7mDQeGylakKVB49TzQcbd1/PoDAORKmCK
42M9rX50kSe3KNWSTCOGuHZ5E7w/M/s8eZyCIvrnQoQP1P1y35BfoYBsAldCz7wR7Fq2denS
vXvPF6AHOQYNELLYYpE6LTs3J/fVF986F2n3rshDf+SyBQkTGjzVPee0zW5tDn8rfvyI59Gr
RX54L7+Gin63/dW9b/70bf8hxXh9A/Qd2sghP9/wwHH1Mf7X2JGjx8xYCDnd/WNLox1+/4Jk
f0knAJExOSEhKSUlOQnaW3Lz2nXo0KF9+85djBSRJ4320kHfX0dVv2STt6ufbUxMilXGNJv3
/+YhCf6dGNERyFjV6uvawKXx4qh4H9MnqKmaH+ZJLrB1xF+ZmCj//6b5pBDx4s/zdWQMwuAo
ZUKZb8RPKPjJhQKxlM3dGxz8nXoA+rvKaEACwmJAgoErS83Ny+nwxsuv7I2wcSy85H6Lzn8j
tSM6mhx3yyE6D32wiu01+JFF9bjlKpnYeFiM/4A68x2Ff/q97sdR+06CMkdjA5EBdO0mRRcf
ezaQG3AfdhUemUFwd/5Z4PJye0XBH7GW/0oGjcnly5HWjVoLjT6QMY9Pze3QsX2XPClS5yCM
+7d+xTHHnNQksaeAJ4hDojjNynK8L26RP8xdGE0MWwNvW6uvaxOXJte5HQmmQGcim/i9M4QS
kumDg0lfX+bnwVu2vquiun1hahDagJX+2X6ITYAMgEcLKsJd1je3G6C/VwcxjcGCmJ/D5khg
Fiir41uv9PoxkoJ+J8FBBo32tQ+flAZsKH4SkdDld09Ab6697uI+stvq9x/O7bhLxA3+rUFV
fmVA5+5NtX5zAjY4TxMkdc4fQd/UNaD/waPgj/iR/j9NYOg4ch0oX2hUGvK/OmNCVvvO6QIO
QeNJp4nn1Pu9b3tuqsod4NMlsqBsXqLPLpEv3gg1d3it7kCrL2slxpD5DPUxREa1iMfxnkWg
J3YeOleYOSegP/DGaBL8MUweGgKQBmAfwC+Vifkx04Ked32Hzt26d+/eo50ICpYwS8BhSzLa
5WZ1evulDrNsERXwoxt3ZhV+cpH1Ca90NATGBPaApsDavajBx36G2t43/9ZQ52xNjtFlt1Iz
/gRXUTUQMx4bWIT/MW4FbB1Hp0Xd/n8D+HepAV4CJRh9LRK/REo4Kq1GrsvvmooRsl2IlOtX
/xzQmRfTDW7THyMKzuTH/5ian5lLtgJnnGr1Zc1lYlLfg9K5QPKt04qp0IJpVJFnxgxjA7mq
7L+9SI35CcTCIOCHQWWpVMDsF3RU9cyrnXsC9rt3yxehQSJQCTLk5eVmdX63V9bIxxF38y5O
a6y/3uqqoCfTt2M97jgV8GnMtQ4z+Sb7iQfNe458w4kb6F/WWvRq5HfAURu2X6FeVVG4cM28
uaNnFx0srCqpiII/8tdPkDdn8oEHHyb4kGqHCqlfauTSjJ6pGJvK4r0bMAf36Lu8JB2VfcOC
jvbA459SIyDDKB2P1utez2HyAyr8dLZAlZAcp+SA+AZLlUQ9yx/6qNl7q+byyflfgQAp/ASC
H9oXgNiH9lLQQZmG1e/07kqAX0xnQc8Ck5eUn5ub0fW97ul970fezm0NEYrYKywtgP/X2U2O
Px77bxXnC92bCMiBBNZjGyp9zmN5gFwg+2MEfvOMSwj8juvkXYApwMczBsz5pWD02IGH8KNX
o+CP/LUYI8CvRfP8agR+YhdQSeK7Z3LZZLKfOTrAwDYseiHZQPXRCkKM9DM/JnUizG+T/+7R
alYa5/gYSXOCQDpHDHq8INBlSImlXID+wQbzi18iaH9A4EcgFEvkgW4/ovuVMdOvBj2zecar
3bt179krgY6IgOkMSUZebk5Gz/e7pH16HW+4ZI3Ue+h4bPPBchDaDp/V5F/Je3AQYvfaew7k
xxMg3z4C0F9y1uJpKnbaAzYZp4U6wt7zeCN5Yke57UxN8fnyOWNmrvjxhzkTF63aEXX7I3/Z
R9AItx8p3QNnP2rsReLXaqkirz2fRbr26p/qA35sv3yYYSC5cphSdgjwUx3xrnHkv7u22nba
hmOy4EJBQMyjS09NlJP/+m/weZt1XNQRAHriQr5E1izmJxh/udoQCYiLn7/QrXuPntDDxERK
AfpcyPdlvPxBx/QPz3v06P6Z1XC5hcyd/WSJR/DPY+IrGn3CO99BPFup9x8VPx5wq/taywgg
1y2bffXA5nvBBIGd4GuArtiDuQc88wZ3ayhno3FPdc2s2ZOnzJhfePLX+eP/WxgFf+Svxx8i
oEK2HyCvA78fdcQhrXulML6TgJrdyzsQaErOju4ZbyQAiklCMHkxX9lPGojy9uRYYKujZssg
njAkOSCWnplAev3/qwr+9so3EPgxvkgskfqDX0WF/TKxdG2Ic//wcq9uPXokcRH2Y8QpOXl5
6Zmv/ycr7WMo9Nf9k3F/9a6Wth5iYt+fJdxZ5Hu5jQ+82YHSnx0eNgDzHTt+8sdTaDdwUCPb
VePHg9tOuQnUERtQqA/abvjj32rw6n0XqT3H5bb85J6zZ8CkmUuX/nJw1azvR1+Mgj/y16NX
UepMIAWle2T4FTLS9KuVEnW+lILgm1cC31W2/MMME0rI06X8UDDttIv65Rwn2nQGtfqSaj9k
8ULzAutyUoiYoH1IS3hIAOpeYjVQ/SmahfxotE8mk8YMD0HDdefzl3v06KYHpx9IwU2Zufk5
6sR33ozP+BgyFvbrZvwfre23KMrTjL7LUUWZfjt+61TtY5dnGriJipasjeRjP/Y+4nH60a6x
fsTIxZRAeYOdfE/jDycJaj+8rshnmjdwDqhm4rAZE0Yt+nn25LEbozRe/4J19wWilq5Qo2w/
8HhAkKxGMb9KJk6kZmoZg5qRxlv2jeyaooHQmykPSd/fYbf7t/FrezYt/nCrL+l2RxoWGvyS

TBMxOrQ1dFT7f0DeF5uskMqDYB+p/MjkzDdDuA34sl49e3bRgQQQJjCk5GRn6OV573VVZr57
FpHa2f+JO1QS1OTbq1q+GJfl/iJSbOzOhnUT+rub+M1k9u78aV8CgDVwhnsHEaobq+GxP7/u
P9FXPrEUYoCi9Vb/NmJXRb038VhbDgIt8NfDE6atXze7YPGMEX9Ewf8vWOezCfArCehDll8O
FF5A66NUyXkSE1nlFxY0/539Ne+tvDiQ6GVLGCFFe3Z5ks71O5ZfbD2J7eUsWgvqoNwkooG3
TwsH2ECjq7Ky1QF1PhU554OUPRXsnFDEfLc/7PRCBwUGfQLSuKz0eFVcr3deiZW177T2n7pB
5jEFznBy/VSh7/e5k4cR4LcVDFkzY/AZX+Ivx96BzWgMq2+iZ5oQouv3rnL79UcQhQtqFXau
X+z/I3A1AM0XsZNAJ9+d2ftWz0Vu0SnQBFw2ataUMUVR8P8L1mENQb+hUOsI+KPQHzkAAH4O
hvj8AfyGIKrWjzb974VUKLxzhSFRatrU2Db2+kuZNEZo8GNxaKbHeKWl5NhbNFNOhkkhDwJ+
0vhzJSGbjXd+8F5nDHUOy3Txal3u62+8nCMz9U7NuvAP3SDn1j0tJgIDNuaqWSRXUkG/yWOW
ITw+nrAa39dngm9549ZnK28H9RtsAY/eH/jBcniortyJNx2obkYldH6LO/bYP2DwewSV390L
v40YNXn0qDL8VpS3P+LXVmRk2WKVTk+CX43+R4KfY0QUXQxa5qXmb7Me7f9iZ6DEE4Z20FUb
GgMnCFu3/kyktSARJCKm/Ge0eIQdbE1WqkkbxOsnon6k6jshZO5s6gcvpwphMEgokia9/G6P
lCSDKvf1BNqbTZF4+yzLNlF/O0f2UZgPFRONteuHzZs6iWh9XjF2z/yNy32z7xVX8U2zQVrD
aq9otgecBWqVomNOlMAHZG+cXATu26Vj/gmGB4vXlPgoAqDd4EHJ+fm/wF7jOr/vwIKhozY7
8F/2R8Ef6WstMrJsEeH2A4ePWgWUdyDZAe4xn6lCLfQs2mtBdOJc579/uXeigCVghzbRa7zg
t1vDYJ4/ZGxJCEyeCFmGHvdaPEJdL2ZGfqw8OPah3V8hZn9WE+K998Z9/NEbXRKlulhl2su9
M9UybXJ+T6Q9sjBi7lnDHQ/qGguWE7TZDWs+94bZFT9V4jNHTBo2q8SO3P7hQwtw88MG+MB1
NW69XvPZetzqrPijMZA95Ajo7yydAfG/7SfwOH5dT4p3+3iKQLl4+Zt396CaX4DbcJiae664
9QCur/bBE8HvCuxYjq6/dy2mkZYfmX3YADSo0o/AL5fyaEIlygfEjAnmIj7Y8Omb7UEzM7SD
zlph9vw+nPYwbu5+VUuWX53EomE7n3CIn5nGzsmKEJYflgzrEipuuDnz88/7fPjhh93yur7a
VS+NTcvr8XJnLfhHitP4c56xCtC6D/niigNV7qmZs3MfoMK9o3aNT+dC/eEGfN+kcWPHXLhe
9Nf+YXvqL1hceBGguuhQ5W+z93hLgA6Ly3P2pguPSBUX2B8aiFnv1YuPTiwKPPcitB2c/rWu
eh9V+rjnaTEmicSbgpVEaM9P0iy62r5mkRobSLKD0OnSqBQqyPcB7wVG4xpiEAH++qDh4dEh
b75i0ElCo5Qx97Hdlye41Ze0QdSC4afHxwFPiOMJhyjLwzrmakOZfnBrsJDVB8fdjUM+/ODb
2Z/KEzqmped37piTkR5HlB571uHPK93vqG7WkXv9iDN02Q90NYjMS+Hk6TU+mT74ki011DVu
+f3BJbvzxLBvRxzBreUO6OxrwpssJbP7zgveMFC3+wbJ2O/1gUavvNnggeUFch8opV5gvkfd
g+1D/Hqt7Dunn3T/NSy3Pwr+v39NI/l2FRoS/EB2q1AiwlsZSF9wTBDR8178K+gb7xa8/06y
tgXw06ZV2dq0s8+LaeGgWJKI9kr5E48xh5nWOU4WEvwyvnJzSPvj+GvxyGE/bv9Sb8rt1Ckz
ySQXUPzl04PT64Vc9iZnq4d07XjAa8sv259oKK/M+6PM8yo7wa9vp9yt2rXkrPPFjX+Wky8n
lTMfLPQY81M/37h11eHGndPioGR4PeX7RycB6fYNZDyxfZsXopAYdLjv57WNdT48n7j5h0HE
Ccy3fX29aMwfkWssAX6RTE3k+9QKcgBeIRVxQCNDyaHR1UOCN7bVFX71bju9soW8/Jgya5vA
P6alkF+moykPPfkYD/KUXdOUwf1+pN8hkixuwfm0PTh9w1G26D/tE6XyV2f/MCGOPLfwcPNI
tyWilMYaZ5iOv9MWlgF0mF2hvuHKImfwMb/7AOi/9iLO79O7fx419hrKcdY3y/nfK0IW/jpE
Oo+GDSXmMeuJzYTcWx7/tut+KL/9zkli79jyyYVowi/Cl30ACX6pgjD8oNahIEpiUqR1jXiz
+Nk/hHjnseHv9IiXtwD+Qb4jJK0Hv/ObFrAfo2Oy57cGUgWKdvnqoH4/uDZymYQ/6gntenWn
90x8qV1m18VQ6f4BsYXSGbQXy/DWohM1vYTnJxBfavXzCCxsxEe9Vey59NM/Hycm8SoW9F3p
oJh5/de18dNP4S4z7N41Vy7fod645xcH+fnLx355u7mQCJIbIIuFRWduTBx9KAr+CF/1X1Dg
lxEdfigcBq8fwEHQ4ws5tHgk2BJ0lUx7t3eqtAUX/ct7jraAv+mDFsAvVdC+qm/NUR69l9rF
ENLvl8mw/7U8pmM9vGR6/4/e+89HC87U47YhkL/kACn5cBdudbWeIq0NTbzPI/R1Eh5Y0RFP
H77D3tBIDAIeGneo+QYF7Tt4/YRJqEWowo/scO8Kqrf3wOBfAqc9zDVNqPO3gdhnLkz+Zrtf
fiQK/khc1f0I8AukxCwfSPTJpMTsi1hIgh/LGfEolJXa2Of1XHnoUh/to+uutoAfkQqGTPfJ
2b2ute4w+zt3Sg4210M1+GNvP2zx7Q1Hlo394qMP337rw0lQQC95g8bhs8EP2gGh89Ph88zV
Z3HfKII8l8viD16XxR4ql2YnU/vOW4T/7qhAKcM7CyvqNtTjTRU+n8mxEzoFqpYQE9g/j/It
w3k8mbvnGppTfthK7eSeV1GLXx/yOx7t8Iv0dbMfaplh8mUI/BqNHDjuVIjyVkrM1fE4si4/
hnREr477Tzd9TOiq3DsX2pTMvZIaGvwcvmFfaz3oqR2yQgX9CpmMk/8EDa6my5unjRk/sM+A
FWi3KUqk8YQYm9buOuTDngr9+34PerVhRgiP/yLLA5aSJj/BXlejvYVEegMoerlueFwemBW6
XNm4ogK/OOe+V+vHeQ12h6s7bWim7wCiXHZVeiKkwI3P+rCh+bdRCtXHiqoo+CN+nfhMjapy
fIlSh1SsZVKxTCWXgboFAX5MGPvu0dCe8ZaveqfxQ4P/zT9dbQH/CW3oMj9XOKHVQfHZN3O9
fT6+u4BCBnGNQLPiSQdoLLlfcWH9nlLijMsEMQIg9aN9afHMuYa9CN5NV1CY19TjYeUGLVRv
ntNKhRelAZNKtmAHPPvtGpdPe67HG3v0O/XuM24hs4fQwudYt5pwMLwbysNlF927BnXZ24nC
i/mGxVdPoGTTHTza2x/56/D/DITllyDqXqVCAiRX4PTLxWLCnWeqsoe24B2XzHo3Xx7aTL+2
r01x7zpWSPDHsF9tPZ2WY363NJkP8BWeP8GzUciwbxpblRRxz8UOomECAT8G+wlaY1oy0zUl
oZ6lxHOD+ylP3lBcsOnYzz7y5BM8pbRjyMNqtPq25jedWDtnH/U8FOXMFDarVhB+k30nECs7
6vxPSeTxH1z12aQfjfgloD/7z48WoI9QsriQ+iQOcrSgePkj3/CurN/2KPj/BevgF0kE+MVK
mOlVKiXAcQVmUSqSkHN1hpfXtPCrtO0f3NUUYgAP1LN7b2sT5e1QGj0k+HW7wjjQ1f9la+Tk
IA9l/cG3gVoGOP0w1M/pWhzWZZV1pIlEEgmnQxFutbawq9WX2J9PF5ur3obXLw0SrOw+TO0E
Fs/3XT9z2NDx5LZlv2i2j13qJ8NXg1Jzjnr/67RU+in+HnqM1x7x3ayctU3Q7198xYbbNgz8
eq+fN9dY5bfhmQuuRMH/L1jH+qAaNlMoVqhh7E0tl0hVSpkUlC0ITNPjPzvZYm5u9bvp3FDg
Z/Re1xbyC9tnIQ0/kzYwPB+iq45IX7pNvlINH1EDhh8ekQuU68K7sCINA6h/JcLPavEmq/Of
uV1OZJ4t7vaBxoaQ+8qqPoPnk1uBs8yC790dNKypDVaaIA5UM3JcTSCNV5OFfKCkYOhQYmTX
95z1R2568b+/H7gMlooo+CN8/f6ejuDGRhQeSq1aJkUesYSHEaz8dF77KS0201lPD0iXhLT8
LyyvbsMVXe/KoIc6ZOblsA5V8rUJ8v3uUV452cAEVAUaxPMh4/UNk5brR6YI9g15LGj8Ntmc
/9w9OzSeEg8zB00UVNwFUNYt/3wWXGJdSUVoz+3geKhjHESdjpaCw34agHjjWnjA2kRuBWVL

i5BrQeX6nQvf/2465TQd8pB11Q/4D2QJGtFcH16+7IeJUytthVVR8Ef22vVuLFHrA4zo1BrE
bgkhv4jDJA2//NUNLXuqD5b20gaHKkh4d17WFvAfUjJDUnnMCvNYv3bwavWBuVeo1IR/A54/
/I2XWxTm4QYwJPBGRbsDMKVo/3t1lXzN8skRZ1t6fTmZpTmFKpTzBg/fGvIOXp0ArXubvoZ2
nWsjj/l6BGQNv3E59f2ULjvj4+I7/9o2wx17HPIqeh1Z+xh37r1CVQRLfrqHP6qPgj+y16H3
idZVtkwO4IdgWCqTS8VCDCN6d1gZfc62/PaG4/1DNPiyGLSUgraAfw07JhT4dcVhHqtmhErq
AT8k+mBsSQ30hARdoU4umRLm4SpeYqHWYOUH93GL1YE/Y8ndkInLwCetj1q585QtGjFl3IiQ
fRH2CggM9o6GFOptQp+rEtDqetxEpQ5sq6fW+AcFJyvvkttBFRnOOawBk7gXjuGWh/jjErwN
U33R9Q/E/G/rKfBDQAzYl6JsH49NTLLQ+e0mPAG+rodLjcEtP5hv+cw2gN/xLZMdKub/Nuyj
FfXkK9zt/DIFEBUqNTq1GuQIDTqNGut+N9xvK5kLR1LEzYRe1mfp+Dc1Pfth17ry6wumLJ89
YSS1Y1orCGLvRkKc9aLnmA/PuLOEToKVr4G8lHrLnXmUykq9OzVwrOriHN8szsbNBPgdnq3o
l1NIuaO6xBUF/78D/G8QzBlsKRK0lYog2S8TC9hMLjK+TO1LG570oaD3YPn5hlMmnBCZfgX
VPsKixcC/Iwd4R9uiU7kbucH8APyIeOn1RlijXqNRqrdHPqN1Y/QT9ge0MW6TsOHo6naFyLH
39l2aeRwLH8bnYmfJk8fPW3+jDHj7pPhwr6xKHd7i6DlPbEyZDmSesLcYKnCK66R34T36Ydk
zfD+VXTB29ZQXUFEldDpuLEgJMUK7flwHkTXU61z/yHc/hixFFJZYj6q8wsxEKemI4WM/MFP
lNhy3f0ueFkesnbY0NLwL6g4IYYXotSX+Sj8wz36FEO2GpX34E+1GmiJYYhBZ0B+v57/v9Ct
NY+JjaupNsBTHiWSwPiD7u0bUFRvY6ff35MqLB81Ytr0qZMmLHa3WRZ+uAW+jpVEiq4RpTpt
5MS11eo7VnB5q9Pl2fCO/OohYCOA50HfyQmrypFiH2oCdDW5mh7AFvBo3ZihXk/qxomo5Y/4
de0TAymFIwSaexEIXEllvBh6DKHHIXpt4ZP7zsxrDEHBjwD8eRvAf0DCCQX+L9vyAbdJBUTE
j8oYAH8VRP06rV4PUb/OJEn580l7W6CFfPghVwqzT3EjGhD6n+ONcVQ3PtX762aNXzx/5ayZ
nqao+sOwd96b5gXl7WW3iBtIhRzOqyhWv3saP7HkHLU//eJVVa+paTpVhVdTX4f9/GZP+sX2
+01iP3swdsDXUDx9SOb4r8BMnzkK/shedz7TUkp4bAxjiwQimQTEOYl8O8P0xqZWHOF4j+B1
OQDwW20A/zKuMJQSwMq2fMCSXmwFKdODJDw0alAh1WsNeoNRb4hVywrCPt6pHEwul+qz1kNT
nt3RJl3kVi3z8dKn84G3jPl+8ZGVC8gtxOYkz2y/7S1v1l6udafuyP5DMkNzf3zfUVRzR4k3
dWe2VK287TOo590VHcVlRILfteS7kX/gtTPRfmq1oP2g5BmAP+rqP8dV8qmCwiosGibii4Qs
0LdG+T6sw8eXWnGE0sExocD/4p3wL+gbmizEoKD4Wps+YYFEitr5ZQj9kOfXoAkmY6zBYIyN
Ncj7hW9e1xt5SrnK0O0ioN/meG43xlHXhvbICh+q1RMjZyz5beVshO6a0ga8+KcGC6Xag191
uwOuKn/XDpF4nek7cEwwfkNnowM3nw7e7G39FQz9wvnFTfidRcWwRdiseG0jbouCP7JX2eci
nyYatoAvhEF+tA8AZ073ya35/dmWqYOCHyqAXYrDvh7zqyHB365tXnZxF66KsvxyAL8KFAr0
xli9wWSKNShfvx328azjBWKFRG/6GrpdbfbI+m2e98nRHBo6d9biuQtQE2AZfMqLozdvWnqB
HCJY+v3poN9l5TpgbGvc8a1fHvTmSa+zcPa/G72Y9MFlybBJDfhC1EZobcQrzqOfTWUjXht1
+yN7Pe7jW1RnYnwBJPrJkDvtnd9adYhjXYOm5sEf6HAl7Ou5ms1UhAB/37Z9QvsgDuruJyy/
mgC/VmswGgD8JoOy3W/hH7DiPUwmVSQYloLv+5zRb9u95Ho4phDl3i21ZMR+fcTgabPGeuaH
awoGjh41+Tpi8nPM+GxhIPhRUu/6GFJpYftynxrHjZHfzfG4XHW7r/twnd31oLtizvhafAWV
Tmh0kwPsjII/spe5j78EtgC6+6i/dx5e0qpDPPgmmFYnEyCcdS7s69knwUKBv628+auhZ1mu
IGJ+aO0F8Ov1esLrNxq0GfPaIMVxOoetkqiNWWehyPV80X9gSN+ZdU+uCtp8qH9dO7dSrzgy
ZszQhR5u34p5w7+fPnIDEaesGRDIyepEQcbl5WRptqQQBQMOkrJoe795I0f5dVW7J3xdlVUu
d93ywS28fPxcVOkr+qUOryLTFRui4I/sZfvSH/x8FPITf2f3aCXarAvigrn90KqTcCz8iJoh
VLKCV/k3t/EjXkjgyQnLj5L90NkLbr8BCv1g/fW6+AF323DELQq+XBSr/E8jcvwdz/Hu7B04
cH8rNpcGn8jdeskjllG2e4N3uMa1fsqMyVN2ELi9+e2vvtlHaOrzmQauv00C2kEOL+0etnxV
v0I/xhFPg4PvpTl+GvHNSAgQtvZf9+uUAsInKA8BfqcjiruIWI4v/BDL5IEyPUWT+9qe1v5E
uwXLz8NxxDvDvp4ZbKEweHcvdrCtkc3bXDTCi8YWFNDDLEduP1rg+ut1b51syyEnYEKpPFG9
EElrhN3r42ps9Y/ftbuwDY7F0e2uICHC1nEFhT+QUUD9vG9QEe/CdjKnU21psnnfsGW03ylP
Dpw8dRDJxekKOtBQR9K0Nsz7dgzaWmqvXV/52ayalpp8okm8CFn2z/3NtZDtBr/mq/JWHqOk
jzhIYZ7NpMX86AxTjaHhHXYI7NNSi9v6GRez+VIi2w9dPhqtGtX5SfQD/NtvaMsRa/4boxBp
jel/oARa2I7/saLne08LvyjBz18LrDDuHLDrTsFewsZXzx71dRFeMtpdyXW5JUPQRnYCnvFp
y748oN9ggrrDbgl6sqrZ3669VQe+w/U/7kK9DzGE2I5fi7b3/htW9eu+Tjadw+cwqUEd2bJW
26fFyiBuP4wHMOZbwryckiS2IERz75uVbf2MZ7N4MmJkCWp90OIHtT49YffB8zfGTWtoyyGL
s1kycbzmrQrobA/b8T+x8Pk2+TUA8dhB/1Zo4OCuKSjYPO48MSdUNmTgF0X4xmHudILl6H3f
PdpV7PtVn9pA8rA6gxYISmZPXTl4FFUzsUBF8aDH6B8+HQV/ZK9rrwr9sv0Yyz1Nn3I5jMaX
IGBlA/iJOZBwDONxhSCU7O+wNiPGtuJFhRj6lokOPyUhTKbX6o3I8Bu1nz9sm3VVcCSqeNUs
FzL9YV7ZrrEBe6LlGQgABzJ3lu5rCuAHLRrWfwlVtTu3FmR2rp3xxO7l9SS2rUduBNywFm7e
zZuPTuIPR0/fOsbdCHr/Au4oJ9uGrOdt14uj4I/sdfNt33l8No/NIr1uBu3j1ve/1H6JMYKB
nz65JswIbzVfEQL8rLltjxTvDlSIJGLk9qNsP3T56fQaLXL79bGGdm2U35zFlYiNhpy9ePjo
X7864KOUrS4LP5Nx0p8myeVLyWeHDpsTgSOVtnXTSn0kNpoRB0O17+rM63i9X7z+mPDgHX8W
km896gPoipp9Q8zQS/TdUGLuG2IF4qgEvam98PPbUbc/0lfJO0YmjWznRfk+dgyDiPnpbPGc
MI6yKAh9PwL/+MowBRhH0A0haMFU257CKhbECqQSAD8i8lICQ7keBEr0aMUm6Ta0TSKy/mOm
UGlSvlsCEzFhor++WaTx856wz39u7IMWopIt3ppgxZEKapyousInCiDi9Yv363DnD2s8o7tm
yNLv9KuqVBQQb9r6XzLnN20rXnHKszvUl8NXd2rRQYC7+fAd2IwqoDhsRuCvGPn+8TaA3+WM
IvJvXGWfg+I1jUVil86ARTgCdLoqHIa74zni5qaaSWOMfhSePq/rE1oSL0R/39NoXfzRkUj5
IR4vlQp6+wldQp1Oa4hNVcywtolmFL+Rw5SqTIYpDc+g2v/b9rDfYr7cQj6lwtuXXbWk3w+N
gcIAFnMdXvfHwZXjx/2EWzZQulrU+PL1W7jzwkUrFebbrhM7VekWYhT44sSHeNHgW/iFksDI
oPEiwvw2N7+q9a9Fo+60AfxRQP6d6+EnOXyamy6XAj/xr7TfwzhKzUeqZt56DJrpvRse+Gte
YyTyg4P/O/NTfMrHX/LEQFQC4AemQpUW6ZNoke0H8KuH11radtBfVZg0zpC5FW9L0i9gc7r+

1Dey6VgFHkzH07ru0/EV/vW1K6eBfRy/NOCLQRNGj7lHtOA7/O7RvYljCXTb6lwUJCkZsaXD
YXT3l4abg0Mop/yFlIWRG+TCbXN+ibr9Eb7uvZEp9x3JRW39dMAt+/WwKmsLdbrAJD2DxpR/
Uxwe+G914CQGd/tlW5/qY27VSSDdT3L4qinww1yvwZSq+6rM0sbR3BkcnjJW89oVZCLtT+Ow
hlToa/aw/eAFz8N3/IL6fX1ONXu7vQ7N1s1YFXCY84TmdnXhph8njp1EoPzOmqO+rCUVc2dB
GYP0wl2PHeT56g+V4ecW1aJwomRnhfsi6m4+vOaVUnA11LlcTeRGWP4gDPBHS///CPh7GDVM
xLvji102myn9uiKcwxTlJ8qace3ydH0uhOfKnYnnJgZnA37p5lN9zPLeArWSVO6DDj8dafh1
OkN8evJbV+1tTLbXfcAWauKMI2sBvc+8zdfe4CKUfv1Xw5SfwchXoZ3GvuiozxPW2f85HioG
aN6lXbyrAmUBHhd8u45I657rN6HCp8kfv1uCl6MHmg7U4L9TBcHan6EScHvNVUobiJrpLZkx
bcyyOj+aEmobtP5+qPXgd0bB/08k/LKlKONHZ9DpXgoNOqaUjQnLHJr7xMdz/W0/kyHQfnzK
HhZxzSYWP0UXlBpk6lMSZ8znyuINKlTsI4i8EPih1yc2IatD50J7QxvD0OLuLJnJkLSWcPyf
MfpLCitxhyOwm991EyJpy2Oid8o38Hbe2bvRr2LgfPCohU/182tE+xV+Zu/JeSjd4NgDQznE
ByhasJpM05tRmFW1sgLfS3G4utD8csXgCSsmEeqNlK02F3w1ZAgx0XO7DkekpuYaQj6krObs
qFFRtz/CwR/Lj6UHGH5Q59VJFoV3nB+yEuT+YT/GjJH854g1rE19OE2UlhKMDVi18yk/583O
MZq4eKMKtfkQkqSQ8jfojKlZue2mN7SE2xavfqeOrUrUv1SMRK+fcZN/7cWGMAj+KrcHNNRe
mTSVitvqj0NCwXoDORH2OrjGOnjlndnuXunaQnep01EPTz6cMvC7qXf9uvBPLfCZHNg6YPL0
cSPPep11++1Fw9eiXch1upzYEMwQjFT9tWXy1IlTZkfBH9nrtpafwKJxeGxfyLEMAkOYxaez
rySKpD4t/nSWgEETvgOdJmGEc6VZdFFidrBBgS7XnvaDruGzlQlp8VqFDORJ9Bp9bGxCUmJq
TlZy3ld3wssynzvqfflMIS82RT/OgtDvYfZwHt5u+Ztvo63SYfGz9D+/P4gKxe+Ogymenyej
9h7zarir61eg2NzVfIdrPFeKXxg0bcKgo37PWe75BB9zhi9cvvA76B60oE94GxUVHt+yEjGA
z30+Nei7aYsWzpofBX9krytKbjIHynKowuf2++maeFbWX+Edp/KbZD7mtf0MFmoW4r2wpioc
8O8Xs4SanGDSnx9UPu0Hrf5CIFLHJiUZNGp9QmJSekZqWlZe+3a5SemvHQov3XRomjf/UP0V
W5JkzPgNJe3sbir/xoVfP3EY2nzsKT5R0Ms9MMMX/WvHTDvlTh7YcOtW0lifhFTfaSoU98nT
Oe+gqL1yxUXcvHjo0MEtEJwsHzZn0ui5MPRRjbKNB0f6zhvfRz5EJaT5XNtGTF61c9G0KPgj
fJ2VYslUZZ1O+v4MripRR3+pIjxz6JqTpaJxVWSqns4j1L5ozJxpt0jy19atZRhXKMmMbxb0
01XDn96UlrzGBDaP2JT0jPSsjPSU+Li4pLT07Lzs7FdW1od1oKrZPsy0NzrR1cmyDx+gjL+t
iXTQG66uemJ6smzAqWd8JyuP+ybsr5SWXrY32FvYPR74ZHTRUC9urYeHK2YubImB5fG6AUPG
XHDHIpvfnUnSdRLJiUpUr7z4iwuvWTj8+2kF06fMiYI/stcpCSudyNPT6WweV6JNSkvQ6Uw6
zpdNYXZc7O+iY9IESsTnx1EIKfwmDD0fTiZ3Posn4ia3b0YLJu8w5xkE1Ns0XMj4JWRl5eak
xULgrzfGxycmZmT2nB1ee7/5B1+Okj1x7HiTboEdlfuaKPidGX7vSQexV3hLDAfOPZ97W3+u
PrinEMBJXHrOZ9swtzzoVLHmp1vk35rq8VPDFhLuw80Zx/HaU8QHsoEvUDNv2NIts2bNnRsF
f2Sv4yIsI5bLAuZuhTE+OT3ZoDeJWHKFcLgtTPDfegXYO2LUcoyjUlN2n03X9T/uCAP8M1l8
ATOufb6ejgIHRCeMWo9jZOnt5j+Dvs/K78TAua9Lz85MAsUOGO6JTU5KiItLiP8qrISCc/8C
P17S5UJhurwL2uTsVsrUnp0Xli9x4i/8b1H7u37C3xOo2UFy+ldubYnRBGVD755r7kOUAVNn
NXngq5vK8crN1XgTFQUcGT599aw5C6Nuf4SvgypNWkpKXGJirEGvUkqhzZfNp2Ni4XB7mOC3
jEWIFxiBG49i80UH6rWittW1PlfV90AhyDTlZuXGSiUaJB3I59DoYn1WTs6CZ1BHa9r/mliu
0GVmmQD6Go1OH5eampwYl2RMXR8WkjZ870eqbR3ANKRyh9Yi9Dc0EDbVbvnH7qfLp1fPfJxM
+FspJ+NcoV/fwJl5Q0fv9XwK30s+5IlrIGYrhk6Ak/s9N7EKeEsv3Qo4E7UKvyYVPO0/Dxgy
fM6KhVHwR/Zao8/OzMxO1Yv5QN3JZkLNjx5Dw1TqcWE3vG9GWXpMG6fDvOTddMEnN1tt+a0X
+7L5AnZKfmZ2ZqIOBAOJ1gN6DEeSkr/4GXzUputLMoTy+KwEAvsw05+QmpKUmJCUqvxveTjH
uXHIvynoTm92stB4AGDvsJibnrzVPVsWq6Ydflqqzibv0a99uZQM1CuaJQrBnJeMG7xo6vCL
7p6+2Y+8/f97j3h7D2Hex4V7a6HOEiu+4+t5TQ3XiVABTQLBZrGATHAemv4HeZYaIA0auHpp
FPyRvWYbOmaZZJwYJiZAXjYweYABx3SmMbfDbXs7jAQAOHHJ/oM5nY+12oOwnniZKeCJstuZ
+DBc6HsQftaSZ/BRnVXHPxUqMpOAxkunVmoMhvjUpITExMTUuNSNT5VsP5mAJTHfAHlKl62x
wfY3j67Zdx8LdZUNRX4jAz6NCEiu88a4CQvmDKUquncGDYfY59LaILugnWADvvPbRk9wcmb0
bryoP9He39iI19ktyz+GgR4XMcuLOx6jb+ByrXXzxHlR8Efwgi19SEI7VQyNyRXIpHw+n01O
9TDEcSNOVYR5sKuJCKYJKnIq0I1bzfpW27na33syRTx9x4TmXT7KKc9CGct6bag0NtugQj0+
So1RH5+cmJCQmJCYYnwnVHbe2dAapC4XyrXstQAoh6XR8ndPpTpCbDfmWwFPlOys9W2nvT9y
2OSJo6An2FxRhzvOX4Hrrlw+bHuIyz8weMRuzxkhWVk6bh51S0Ct79zJBqAb3Ed0CtfctlPt
ujtGRsEf0avklXgNDOCJ5CqdjIthHCaTidDP1I44VBym41+BZLsEKhaqGTI9+GXPamxtFb1i
xytsgTgzJxibx7tlz+LTHn9ZkZaoAsEuLcr3GePB6Qf0Jyal6GaG2FzqfrjXml1lFCsO63oJ
8uT2pibbPz2T/oicqLGuDuAmNa/z4w60rRo8eewvANj9o+a4yw31m35zBHdvKosqGnw1Ru1L
VvndO1vZALIKYPP8bKqjHX6RvQ5l6GHsniXR6XVyDOPxeXwhkaqXDdp1pCa8QzV+gsDPhzEB
VoyP0mb/qtb6/VU73uJg6o6mYHM9ic+kKr4pVZOmV6sJ0w9qffFJCP0A/jRdt7PB33G+740Q
xzJv9VWu7s0xsKZUQqOftclq/2fRf2/uTLJj9/rNAI3xklv+33fx5YtmIk3X70eHm93H5c30
BfEULW6hTgt+/4GbwhvyAnW7q8uHHsGvl3gyGkgYqDQK/oheq+LlTC6XLY2L1etUIiEfhDql
iNVH2venneXhHco6GDwGKd93QAitntdbC/763R9iWHwnUVDxr9nP4MM2bHrJFAc6vWodGug1
GBMA/AD9pOTUZNWY4H7OuZ2hUh/1631z/icTBaKkQzBBa7dYnpeOR33r6ofHJg9e47mAmtWL
n+i6HOo77Dc0sv/bKnMLiQ0XovFHaH90EzoG0aC/q8Ls6RowO/F9g+cX/FCK1+79Bc7otDie
NXtvdPDvWa9JcXJMIhIbEuONcUmxUoFIIicEcySfL95YEuaxFktobGkzOi/t/taCv2H/Jxxe
enZQ2U9az5Kn/7Dmws8SDSDboTJoSfAD9BOTk5NTktO1WX8+3bFXi1XCvvfqnC5bk+05mf66
ula97NLSiVPdfpJ1Td+hK0KzoDRWIIhW/nEabSs3Rw26EgB+V9HPVYG7gWPFoBNEMsSOexoI
bx+1IIHP/rNHH8UdF3bfQ4ofeCjwtxHDVD4xup6dMfnIoBUL+ApIeyVDt7tJAezWKtSex/94
/upwZ2l2ZNI43GatucyZrb1p1v2fY4JcY3AiH+6mp/+0tn1DstQw0a9F4NcZjITZR4Y/JS1Z

/LQNxGMwaezPtcDpZbWGwezhDHufOPOk23Lz+yHz3a+pmDZs7NTKkMwZtnqn9xLujRkXyApo
W/Dh+cA3Hx7Ud7E9gCz40FDgWDvQb8rEwQT9k9PiCoS4D/jbuDO67FGdn2e7LndVySQikTYp
KSUjOzMjw6TWKFUKyPlj785YcT7MPXpnDg0LMpH3fkkrM4fOQ59xVfm+ZIAMIvlIkot+/fT3
3nlqajs5UPhq9Fqk0h1LWP7E5JSU5OQMTY/ipzt4zYscUa/LYJ5AvNMedL9zBWEMCp/BZv2W
J7zFduWgNxtxZfKwIyFPSlL42puof/75u5+5vgc7yJFVzaD6+zf9Vrk/xy1qBKjiD3Adjnw9
fiKp6wXUJi78GVn+KMXPc1t70kQCqVgal5qSnp2TnZmeYtLp9Gqo+GH/N+2HU2H6WTvzaVgQ
jc30A7Wt3OxPf4xpUr1tAnQ6kxHDYkHzAXInEi49/ce9sbSLSKFSKw0Gjc4UZ0pAIX9iUnJS
cmJaUty8p/yZFaXwuaOr6u2IzDco+l0t04UF6ZjzWvMTntTDo5Al2GDfsuvONYsvQV/JXfcY
DvrT0tJH3jSmqnFrwJDPsau49frZQ7U4OcC4jmqNPPUTuE3mS2vHrSaTxHZEDeDn1dCe6QBj
dD2LtVotFUkk6pSM1MycnNys1NSUxFi9Ri5gYr2n/Xg8TMrMIz1pnCBEHNi0e63cRYr/i8kN
Ag4zhkEnJowZbC7UHzgYhtAvfAZNfg/XvQRFTY06NlZviItPSExGyAfXPzElJU372r2nPPoG
cUxcIRDgOO32tlD6NfxVFfK5lcNKnowNAuPBtp0/vKznD9AgjsPn4moJIkBzZXOQ3Zo4YeZA
T58vedydQ1Hxw+aw3iXGfxqoIaD9fQlqZVu11XtZLr+Li2b7I29Nx/QKqcSQnp2VkwvgT0lJ
TQIdG7WCJ3l57A+/V4V3sBO9aexgFFwv7WnlmMv9TzGdmsfjChDgY5h0FiaCrmO+gI+Eg9nf
3nnqj1ux+UPg71ZrkVZXPFniR9hPRuCPS9nwtIcfFkN75X5DI1jWEI5/i8teFnKeznn0pL2V
hrHB2vzxkoU+hZtG//JFTTUOh94+vflG71z25aC1nuJgE5ESeTh0UIl3o/GspqvNcpGll6Ja
fZG9zN/GIPXqeOjuz4GVCYkvA8jY6bQ87IVxS3Y/Cu9oxe/Tg2bq435oZdGw9ivMJMUA7tBu
wOfxoOdALBEJBEIJlwEexf9ttD315/19cCxQ+KpBqMeYQICfqPSlgP1PTdYOqHnKw9d8RGNO
rTbbnE5E6hU5DmtdgQ8BQZnnrlpKiH3gGPju5XeDbC41D0qtgY/NmfAEi0DwCVVvKnHUVlRF
wR/Jq+wdKM7JNElZBPZzM9MyEpFwvU7DZfcavXhXmCmwh99JggrsMie2cl7ePhTTC2GwD4y9
SIgWX0wsiZgDYUCX8cVP+3mdZ77/f/auA6apvYuXSDTQsFfZG5kqouLeezzfczzn87kVBUWG
MkUEFBzBjRP3CiJuhYgigqRMgZQNKbspoyWlpU3Xd25boOxCW8T39QgFau/63/s7eziq6Rro
Gprx43y8MD94/BC938Z4Uba4+891gsFC1GZoVs5iSDfVh9PtV9zz9sF7zT1ZGPaYUEpCu8EP
WjqBx02LcgZxXPxASd8kBPKtafBaUSMD/0imikUoRW1tQ1vAvhPyNW6czdixFiaGBirohd5X
4waZVUc4btL7dO2togYNQ1UMVZRVebjX0EQyjjQE6FcBl/8k31diX3DhlXkqugYGJmZm5qD2
W1vz/f3AAwD85uOeir3/Z/qouTgaBXzUTJbkklJ6RrlYQm/AlC1u6/kdAYLRikmncN0DiORS
Zh9udA61c0eE6M+ixCTfPBLeGeI+qOzKENi9FTbKwD/iKGcSCq2jbWQ33hHBvpPjhHFQ5GoJ
kl8FvdTnSsyXwUXXaNE2vU/Xtn8vIg6ua2JA4+/APIh8wU+10fIoS9dIsrgXTHiyWg2jCy27
TSHO16748wx/W3B1BoodTWRHyKM8CQ2Q5sthsyWG/oqoyn4CYEyQ35QTnu0MlvL2Ylz0HaII
GQZIeEEoGbEyILzTrqLUsfsA//3jJKF3b0MgMUVQ7seoLEecO4xahgz8vwF9s0OpaGGMwdXv
hNDEieOgu4WVKXjdlJZ6nIt73zLIQoFJvSfoqJ1pFm0HMTrKqiqqamDr80mt/Rd1RXmU5j+e
Yuv9jIQdOloQ5zflZfh0mP2I19/WxmR9rdgr2rwTpXqJ0ACKP6BfUmY/8fuAXC9ZaNbwx0Me
R67Rua0UEUcFtc8LImS3dvj2sKFVXE5jS/dYAmLUNwibHJ+CU9ptkKLbgR6R9Z0Vy0SKDPwj
md6PRanr6JvZOToJwD/e3t4GJL+eispi1/CEFzWD213+n6N6BT/atUi0HSQZyCupIC6+7uDX
UFFAjV7rmiD2Fed56GvAqE4LUxNLBPxj+ZLfBjH8bc2npYi/pD9noxySm5uRwhj2L/L5vT8Y
FOaWj0zkEzAkJLaf0LNomUbmS/4uCQZQlFcK3b5aPn2gcMnUPrNtOroAvmm/J/jj7v4+hyM7
+UUlSSLg7zXLp5UmA6+4FGuFUgck2CPgnzQJ0D9+nIOdlYmRror68v1hGS+KBrc74pHeqnHB
FFiNFW0HWUZyaGXAfrver6XVDn5VZXn5VS7iG+Wks0bqevqGFmYAfh70kRcbG0Ttt7Ua91AC
a/rWGLW1EhR/UKs5Uq9FKe1NV3np4uN+lsKltuMw6RZY6X49A5n1uG6uAHImGRH7bfV0JN3y
W3/FNZAfxC/dafdrNpw9HBoeHOj+o/co5NDBz+gtxtNClYFXbPDbojSMTcY6CCQ/gH/8OHtL
IwOMstryXUFFiXmD2x0lrNcJu3Koae9FNG6d5JQB/AK1X1NDq93o11BTQist33NFfA96jJky
hPrMzU354OcJfxD8vCRfqxMSqB3hhMvLR1HqEaBw2GzJO/e7Xs2XXt6szH54Qrh4tzgeZHBi
hzevtt2BwOqehEu4LaQetDZ2St52w6BaqM1w1bUubUfx/kfDz4T4H3nEYVM4krP5OUwyiSnL
+5MS+LWMjYXAPwHAb2Gsr62ktGiPf0XB4GxsNuOeZe8eP+so0dQ00ip5wD5Qh7uvHf3qaEX1
hbtCm8W+5NzJaIweNO41sbDhi35rgepva2Nvua9GAovavAtl9ZnYxEWMftaQ0N9Rv9auXPfZ
9Y9M7pVd0Rq6NAzEYpHmou3vPLgC0GH1hiYOhd4HV7/FU91Y14U6hsVvey38kbZwz1PhYYEe
WG5FEl9W190pFB/8LAq5mSwr55MCcV44o9RA8o+b2AF+UPstAfzKSgtdfIophEFxWBb3tbWS
ck/BL4fS8xOtEQ9tC/QTU9Nol/wdch/R+9FqC3YGig9O6k60NkYPxnObC5R+gd0P0t9h7BqJ
NNAvmIZaVkpAFH/RU3266AgdBXNMgRDtu7qFQRroeptBI++SbVcAhXq4m/kiF8vDkF/GF54Y
SHcVMt8+7/3WRQR/9PQLOul5gcxtbeBfy0XhlOQhS/4mIqmeIsv8l3yGCCt2oRzaRAj8jo7j
HGwsTPR0VNAL3H0GqfSDlzdp/CiMQi9qv/xuEb0HAXKQ3tfu5dPU6sS+mgqAf8cx8TN8uVGq
mtra0MXLrB381tYCBcDBZvE7tiQW95MByrOOwOSwkEw/kZ5PDr1X6cZmDtQItPsnmmu7XQF0
8mnC9jCbS06n9V5VVPqev0N6p+5ew7t3DNDd3kSWd5j8XHoc4uqj87MEoY9gxZGzAR4ROE77
sagZBEnY/PSmRlJfq8BuZcjAPGTwv56NUjUzt+6U/BMdJ9qZm+nrqCgsCjqeM0ivLJtbsBKl
oCrXU/LLbRZRpJ4Hb3+Hr1+rU+vXUFdBq8zZ4VUq/sXnjlfQ1tI1NDAVGPxWAr3fBqqbZlyn
iL1/GviiIlGKTxsIIM4B/axBt6nhiJFukN8tN6Mv1tMXnhKi+cyj7mu3QoNiuIMIh4KBpFx2
0QMY8suG7j3c/AjEwmDFveXWfCF8v9HEfRDT636HBn5eDzK2rL+H5Oe3IPdsgRwC/vG8FB8+
+B1tLc0NtFVGzT1/cXDNPNjg9yXshOGc6F7c/cveiaagxaopqKqrqGqoC9R+zQ7pr6akNHO3
jwTAz/UZpaGtA628+Pq+QOvng98pgiD27pGcG8Z2lE0aaKsI+hmDhjKrUMT8ig4p25nxRxWP
e3HIbe2pv916mzQ3dDYLLj4Y0q7RN5VzSzK5zNAo3l8/qrlxnyQI/sFNOGCxZdgeROT07Rq0
srm5tQOS2M+P9U10tLEy19HSQE1OJDAGDX5mAAT11eV6gt/5gWh9cnBO8khqPz++jwBfS7sD
/KrOu/wk0MuL+10braENHXwtrcd2EC/B18F2+qUyySxx3XTUnxWN0NiDX+IzyKcy97kwhMv7
dHRk+KUMZhQAh8EZWlChsVu+YEO6sOO1AcKNzTzXA+VRe7SAQSAPf4YfQ9bqZzDgj9+kqGxp

bm2P5PZP4oN/gs1YM10dVdTs8kEHZeABvA2tgDV7aehhcEk0Yda6EqUulNMvRGoqKuPWexEk
cPmUJSgtbX3Q+3nePiu+px+p7bOznX0bR5fMGieiURFNRMSUhupe1iAzfYv3CvUS5lT0WUeX
vffN4CZ59bSoBab9T1wPxyKjnNyucufwgnr17x8PwHtrOlhn2rZYWXrvCAf/h81KylYWY+0m
ODo6TeLp/U4TbKxMMBg0at2ghSzi2X4NU3vQSr104PMXEbZ7UUh+n1pP8GuoKE3eGkyWxPXH
oNE6uvoGiMsPsfqtrGxseYW9tmOn386lSGiRr6KUYmspsCgwuZs5SPC3Fop2Fswi2iBjsUKn
8TmeibTcEXjmd/UY+8OCoXwCNyCvOQH75j6vY0KxX0Zbp/Ov22nRuE2pSBV3mwz8Ixr8asow
ptbGHmp6eegH8FtbGuti5Ee5DFrIIiktiVYwpkO7Z7Bf8ZCIvOQOWkFNQ0jwd4T7VJXVZrtE
ScTBQ/0TpYnRNzIUuPw6c3ytplzPaJTQIjO3o6anEJlIYw8E/CPCHGVSOk+jcKN3S6czrcjl
0kAqT+slnzOu37nQqYjf0x8nyOWrfhgS39U5SM5uae/nLwP/yAV/wlZVZQvLsXYAfseJ7eC3
MsLooBR8SUMBf54zlO9jeib5jv5XxHyhNMxoDWXVXsCvpqoxc+s9ySzAYw1lDCT4m1h0OvwQ
yW9jOfFmTrWkVhk/A7W7EEZYw+DugUU/iTqsYR4Esy9y4eVeDD8Rh503cAbFnUOHrgOyKQIP
QwufTXKuH/E5eK0L+lktTFlV30ilTjGUsltZ1RLAb2vvwC/sg4YeYy0N9bRQGlGDN37hmShf
ghTx9ZLku07EWF/NBDlVJSGbv+M3dVX1iaufS2YBGuaN1tLBGPDmdbV7/KB/sa3l+AtppRJb
5q86oy7gqSD/2uiI0d8f+jkk2vBzfqBvnod8K3um+/VKVaeCv3RViyjvsHUt3Kc+JwOOYXs9
gqyH3wiU/B3gz96vBKE+K1trazsHRPNHwG9lZqCrhnJMH9J+iTuQYZ0aPcE/XcSCPNaOUUpq
6h2iv7OyByr8HFd9ltAKhKuq6GB0jUzMhYJ91khlz5mUfMmt8015i5g6iIrT25gSLO6XJPi/
e7t5VnBxt/opZS4VuBtb7+y5AWO5hGX6492BAXHZkcGnTp8QbtTGpnN6thOWgX+kSP4OTp+7
D60K8s8Wotx248ZNQNz9Dtamevpo1CbiELDP5rYGyPcW7IN+Hi9E3Mup0UrqnfJeWxj8zv8U
SmgFimcraIPPD6b1dQH/2PGR6dmSAynDHbU4vZEFE7wYA0h+qal2fRMhHSwN4q0wqAz6ChHU
3sK65Z9B+yMIwjTMN36vucxyIQ2FctYr9GhAYEhkyLFDp+sGmEAuA/+IA3+hu5IyyD9LcPpZ
240bj4T6HKxN9PTlUb7cIYGfeU0NjH6Nnn087R6J+PDfQ6PV1XtY/PCLqpqTa4ukluCSlqqO
rp6RmbDVD638JpxL+yHBpLHaeSj/EujpxQDRzxpG0S8Ko/kZgVj5bUioDyoIEMB2NB0EyU1H
QI7ziRPagAn5PxzeBGJmE4sNgz4okd7nTpwMjzxx8uHdlIFcDDLwjzibH++tiDYyMTE1AwUY
xnUhzbwcrIwNdFGj7w1tkiL7MQz8ltPqGeyzuy8iqN5ixqh3oF9TkN+rCeBHq885L7ElqFig
pKmja2BmbtGZ5QP9fMaH//jaKsGV/mak9bCWCrEvBhT4jawiFFJRtwgdu0Xg5aG8KOU2VSPc
IPM1g1bU87TpNay2OhAg344cDQ4+c/FYOKW714DSjPQRYlH7Az/ntzeaf0tideCwzkte3sDU
xMLcxAzifXYOUNbnMNbIWAOSU4cocOJtkc493YJ9kN1vf11EUGEnKCCR/nb8a7Zn+Wso6y36
ILk1uKqvCg38Tc3NLCw72vjZWNsHJ39qkuRS35VzSiCw2FT6iAN/Dwxy2iU/JaESkur5Nb5c
UkFvk7qRHF9gF1HBoV7nz7uG8bMSqB0uYvqNizRGc5eio57gZ3F+d735Nwc/0WuUnIGJibm5
iYXVWDs7yPSzt7UyMkSj/qwZIvizpiEj9rTHdAe/ZbiI+Tl508Yg/foB/B0qP+9LXXXsXxJ0
xhU5o8HqN4ThHaYWAvTbwtCuwO8JdZJcauZB1I58Chdmd/bj8mP+wvKUnLRBSOJ2eLPK+F7A
GkLBeT/30FyBLtHB3lmfPnEGtPlZsnLcXwL+Dt5FDZFDAfhNzIzNLSxs7RzGOzrYgLNfXil4
qLWSVX8gaFftFuyTQ1mHiTj+B79MQQkS/ASdvDQ1+dU9WlDWZ+NNkSAqj6pqwcxOxOYx5/fz
QGx+Bz/sl2qJrnX9fNTZahq7X3//z/e/7lnACoJ0uGsELlVYprF55j3C0Bux7YouUeBzYdV0
cHL8zVt9p2/JknxGtNVyRR6lZwYAgNY25tZ29vYTHKyNMZpjpsQNdd+UPQjYVbS72/w2fpWi
7aBp42hlNSGNn+fzQ9R+JctrklyEdGdVXYyOvjFMKBJE+21sbOw9Uz6VSxhd2obP6rlURj/9
/LCffv0zkfeAzOXDncGHLK2YLAA/ncjpaxIo/G93tYVWw+RSyllIExEuRQb+EWznce+NRqmb
QFsbQxNLC0tbG1vo4wMN/FS2FQ51v8wziLmvpNkd/GYHRAQVebciWoUn9rWEXP2gCijafJTk
GrTuUtLR0cbwrp0n+iHDz9r2UPKnUgkv9r1Rs7BsSHrr21QcpNrfSORKMyAoGL7Zc1BIG7vf
LgTtm+PZ3FuHKdwmvMzbP8IpZgwKbWRsYmQEU7osrCHP185cV1PJ+BRlyEzlGeLpV+4h+R0O
iTgDl3xIQ0FZRV040Mf7qS4/s0yilx5rpaYNA4oN9XQxhuYW1kh+71irvdi0CkmvsT/qYAWX
Ljm7niZ+PIIT84Y5KH976+f31/36nZFenNBhxxd7J8ni/L8BvVFAjdEzNjQwMjYEs98MEl3M
dDSVJovhVk82QyQ/pjv4Jx0qFm37Fj8DNIAf8fZrdinpRW2QbAosYamiHkZDS1cbnApw8TaI
5Lfaml1UJek1bl2qeIEwwu77maO9tkKtzO+DIbAaiYm3e72D7X6770gHH8RwaPlw/Tv3vw9+
Vutv77D8rI0apaUPc2sNDWA6ryno/gB+te1iKJZlq5FYn073HL+Je0ScgsmMtEajVcDfp66u
2dnHB/x9KD8JX3u4traehooOEkmAod02dlDPb/YXrrlB4je10Fz3QbPE9kaN+S7+Tqp698Dc
69a7HJvQNFAaUXfNn3ln8xnW/wH4KaW/feuQHDt5lBoG8tyhyM3Q0MTcxNIcgzYRZ1A92QOZ
y6vafXSP834R53Zwbzkpo/l1fZr8JB9+Mx8l5WgJX/sPB7QhRkUT9q6uA3a/rZ2drensLC5F
8hz9FWraZ4k9Km3PkqTmC6rsalnVnTwU0ivPxsfczuOmp3XjBEyeJzn3QpzE0nuHnhMt9Wg8
TC353cFft1gepayH0dHFaOkZIA2tTcx0Ry0qESOvlH4VwnxySt3BP+HfZBH38WiOOppv9POh
LyjuUTRNkPC1k/ahdfTUVTQQJUPX0AJEv63FVCyXLoWbehy1K5szcsK8op7KTy9/78Nd0f8T
URkoEQc9/KOeQ5U2s1bIFqNxOqYOkL+8rZQE+IeaTccozm/jymgAHXLHGJSSHgajqwtfMMDS
yMhUS/U0Z6i5lwB+1qfxgPUx3dV+h82i+upfLNVWVBZE+/hDexDFXGX0uEyJOzyMlfS0kaQC
FVXw+VkD+q0cP0gl7ZS5dFQYfthvLju7Z7UeksxPFzWJoz7c33d/15lAz5HS7Mbj3gEBTxCn
ML24FSlI7u4fpkW7uVyhS0nt59BoA94jSh6ubRiaIvzm5KuEUgR/N0K6GH1jI2Nj9XEx5DYx
KkoK/+Dn9HUlJ9d3Iu4jYb2+IlpJEOrXUue7/NWVxiwskfS11/ylpIOBkcAwIUhL1wQZ2GVr
GSaSxVw/2EOVGulHtQz3vWW8rehVljJFlafsqH+vCHn5KFR+925u2x1vjxedopl27iKC/vbY
IDwE2cd8Th/MkRL46QWlA+KPTWdxZeAfiC5hUAo8ya+DiH49AyNdnVVHTxWKAX6iT28juxxd
4kRctNTtZmi0kiq/j0dHWZ+S2j81kr52Vpi2OswnUYWxwJo6BlaQ5mBnvkWUBkZJUYMOhb4Y
M+UTe9iTuVorxZN/KWHCToC8jhSIzMN7LraX+rK57NinyGGyX3+jClKBko8Ghx/IkhL4mTXN
v6wBAvzZxh78eJURSs8toe2WHuAeo62tg8Ho62kYbF61X5zIVMtDi17Ab7vlmYjPPnaHDRr8
/YLSPgH41ZU09jVI/OI/OKtidDWQscCa2rrmkONjZz1XlDFFxKtZgz5WsNyfP4f97qbfahTL
yGZ1SSmgdFTp1T28mcoXrWxck6BYpOWM+8F2y4wQ6uVzivzfSPLpDn4K8z9T7hNvDZJfFyEd

LSTjDaM+fv+aK2JZZLkuvQzqtt36UETemLfPHo1WbG/dz0M+kLKGS6PEL57kBQaPNjgY1NS1
tAyRsj5rm5ei2AvXcIM+FmXDaK+G4b67RNwgn0l2XsXgdF9OU7tpn+UV0DnKr/icd8lwZvhx
hq9bwn+oHum7PTj8EMEPyOeR+oqjf78Qi0223LLtBfz/PBHxOaz0cETDPG4VYfBraKB13EmS
v/pXE6FZqbqykqqKhhbGAknyNTotwmbl34dQ91Q+Dh014sUDO/aDqEKQ1kiqErZ+Ury9IzsL
+DPvcIYzzs9hy2oEB09pjii0Ll/r55GWyhaf9fFiKUmMhAU9wW+3M0ZEtb/puLOKspKymnqn
0q+pqa5sHCiFBrf4v0yNIKMR8omhYZgxNPK2NlxDkdZSv9YY/3XEPw91xH5EW5uQz7L1XlDo
TWGPwFPPg8+EDAYau8uI0l+j9jNk8b7+KMNZDkZWg+DXhNm1WkjprHv4hi/isGAWC7e/p94/
7sArEXlzy4nJagD+Lha/moqSxXlpiM0gE3OMlpqCgoqGjo6+BXT0MnTIktpaR6IW4CWmcrY2
cYfHxhXi2Uwh/lvq4+b5Ex/f+eHPB/d10RpYFPavBD+zmSncueL/VrXvj7KnyENhu64OAB/A
r62jZXv29PpUcZ4dJot0UasH+CccFjXURwufoqEMjfw60/rBG6+KtomWxuUnORqZYLQV5NBq
4O40s7KwMNe7IrW1Zp8zdhFLr2ALZZVhT3bxgbQxhqdxTfO5a9BSpQFLST52KfjqtdOdOT6c
eCy7bwQJgX8gDbBLkeOQHWn0WjGkfhvz/wL8Wc7yqtDUQhux+LV0jU30p0R5H6oRD/zs1+Y9
RnWKDn7udWcttJKSepc5feoqDrHSuHzSFh0rPS21MWhVDQzG0MLcwkrzHyne+C/LznHEWtvO
rWtTupwnVfoKbuvXGi7z0T5f3zwu5cKRkJBrIT6HH3acELW0X1CjRBerXfhYZQFHHC2JUAH+
SGrrELpR/l9I/pkoeTSkuUA+DSS6mJpp2VyLeMMVD/zc/FU9HX7bX4m6hyez1NAqKsKSX1lZ
02hBolSu/462kTFY/aPRauD4NwXwG0+RZkQOH/Z2BOWqMwn9FEpyuky8ZlK49e4/uK93Bd4I
iGjiNoXtP3H6ZGjQt06VIIV/hqTIN2K27u5idxCKmf2d4gAgbcjPgjYSDXWy2d29S/5ZCnLy
Y+SVNTV0DIzNjM2UnT8kNorbIbDerYfkH7tNZJbyeYGKYlfwqyprWmzKkMr1Z1hpmGE0leUU
VLUwOoaW5pZmJtHSXO+mb0PrEfj5BoU3KUuilOfxdSDRycHxKzwJqXQuhcHNc/MOdfMEz0Xz
XY+jgUfu99yKcqbXmO6Qbf7+8M2kDYDq+tQv+TKM9w3+mYpyo0aNUtbUMYSOHgamKn8T6OLx
Sch1aj2j2BX8o1A2LiKHEFIXqimghad0QxKOttGOEqlcP2XdGBNDTVX50SqaujoGFuZWVppu
7HbNlCUFC4A9JOO8KfLAey5R0l0BKu8NnK+Abxb4+vhrknL6uC9vQicrPsDfzz8htaNlf/sA
cHpbb62CUJLTVtpED/Cxi1LFCRDTWf9t8GfMUECNklNQ09QzgppeQwuVA+IOqGcz2Zx3dj3A
7yqy2p65WFVRGPxqysqq2kYHq6SzABEKGDM9dYVRaDUY4WNqbmmjuaJyJLTV7UppkX4PpOCE
Zg2Cz7fyuBanoVBQLcRuaLjtVoI95XsLuTMcbn2xiDa/eEW91FzScC160cvS/zb4U+aoQhXO
aC2MnoGhoYG5hcYJtgQ6g+MWdwW/PMpi71dRty9YqayAFlL71VRUlLVNPOqkswDplspmpppK
8gqq2np6RhZmVhjLjyPuLnFeHT82UOZVLUW6IazWnioLHgcNeq/vuMZAAoL9xx5RkkreYVOH
Sxxzkh9U/rfB/2WeNoBfURuy/PRhap+VzXXxFVsml7BXvpvkt9ifIrJTbJ2SopJKx5BedcC+
Ito4oEE6kezWtfKGJhi10aPQ6rp6+kgXc52LI+82pfsHDOSHLB643AV6c/ZpQg+tb8b7qB+X
PQNFSHZGcYe5m8cgH9nejkOj/Med/u9m6aDk0JoYSOs3MrV2GDf1jSTAz4zEdHP4WbiK7LAj
bEaDzc/P7VfXVFdRQqPl5U0jyJK6ZGJXfn5xjLaRnhZabjRM79PRMzIy097a+ItvSk8vdtaR
CNoQPWNC+KFzGLHvughOekv7/1L6Vxyodb0I3PrngV4BQSc8n0oN/MNEzNb/y+zguJkY1Bgt
bejkZWRmZus8YVG62LtkARt94yjXDfyeeaJuT9qhBGq/Kh/86gB+RQU5OZubkgpkU551LVjO
H4s2MNRRhYiHBgYpajbRnvjzF98UwcAMIfrhfokxxKBgF+HJvOnR5eppxI7pnPR+hW8zrhf/
R9KBE2dDgoLdH/zu4Of+f8YCX8zURiloQmofNO+2nzxt3I56CXSKYnFzVyt1Bb/pMZGHYdAO
oMcIbH5NNVXQ+tFgQ0yMkdT9SXrW7eHeqaCjj9FEy4PXUwfpaaCt/3DkDFbgU82506IHO/AF
3ZaKI2SuN2JrB6lWU3hcl9Ob7xPv7Xcq5KS/T18WHUPWuntE073xOnKqkOCjZ2JqP3Xm9Aln
xd8lC5zkRHc9uS7gNw8W3WF3VGGMsiC3X01NTQWNgH+yxHJ8erQpuq8G1r62kry8opo20tFE
V9mTMcLuUtGFXNE/nBrczfXGofYVteA0UweUiP1MHGDfcA04GXgorC+LLE0G/hFNV+zMlQFk
usamVk4zZjjPlwDG2AwWl33eWqkr+C+KnqESqAB9vPjeflUVEPxjoBvo/EKpLUGJM1oXjH4F
EP062ojoV1g6/P32+je5meRB2KT4JyLX/HAo9H6zWvtLoUP+qynhpKfv5R99fQj7O4Of8993
A0Q424GGralvZGztPGPG5J3VknCdgtX50lmrC/gNroiutgcrqSopC4p5VVWU5EeBEvGn9Jxw
7H1ojB4GrSivoKIF9Q26esqmscN+Hxold31FMX0xEkR35xD67CXIJojqVGUyuLWveB/GvcDS
RbFeJAJ+SuEwumJZ/3k/ADtomgVaU0vX0MDSafqMmc4+Esgghex+Djdjjt5oYfAb3RF9B6fV
NJSV2jN7VZR5nYB3MqVnXN9Q1tYx01WQl0erQrdgXV01+WMc0Uacj0gqSmb1Id+bPxG4BL8L
fesB/UQUaN9ru9TJN2KpvclJFrUdMwyKxOv5SanVXBlJjOiudpZQy26gb+w4fcb8edPPSgJQ
TGjqiN9sjBaO8xsPYu5vpIq6qqIar5ZfWQWtzNuPj3Sun9fI9qeDhraZnZLcKAU0NAvWwWiN
ntVvahed9nvdZNrjrwI8VlO5rfcfDkmfrY0UGF7MXiV9s8DUoDe2c542Ekc2q29EE2GGzng1
TQNDE/up02cuXjznvkQQBZCiHDfXEc7wM/8q+vYX1DVUFfh6P1j8CojgV7kmxUWgb0DrYKwM
R8nJw5wwVQ0dDFr76X+q10MNYehDezv+u1kAego/vZbBHNSkYRn4Rx7hDDScNTVMTMZPnzFj
9tLlCz9KBvwsLu3iWKMxQuC3H4S7+jpU2Csoq6qD7FdVUuCBH/NMmqtwUwdC/OZqqFGKYGXA
AC/10bub/t+eBMKDCzG8i+YQRCp/Zw6cZctokYF/JBNWQ2O6vrqxxcQZM2bOXbliFVYSO4XS
Hi7jgaOZihD4pw7CgX7HREMNEnwhz0dVWVmRx0JM3ktzFQonKUFJn548ahQi+tW0teScPv5W
qZ3ie6YZ9zxcj/IUBA65M9DJbulPoDNy+F1fGpO7+OGY7QN1Kj7KwD+SKUlRbZo1TKsZN33m
rAV/rNyJlwz4IdYXP8cUIwT+RYMoR31oqaoO7Xuhpl9NSWE0T/I7pEhzFQi7VKCZkSGUOI1R
UlFV0dJUMDpd0vK73tOW7k7bfBFYOv2Op+ejHkinnE3rZ5uCHTG8n2+3dmnUQsILlAIGRQb+
kUzv5VWcJlmZ206eMXvOopXLj0qkXJLn7k9fYWgq3+nwWzUIPfq+pZqaIhppp6+hpiSPRPlR
C3KluAh0SrSBhq62kZG8nLyiggr4/JXR29NrJebTR+zhYdMjmISM7rVo6fEidKv6GXG1J+dv
PdNfL9fmVF46KD48uEvTU2Zv82tl4B95FI1SmTh1qqPTzJmz5y1Z9Uc4RTJ1KeA8yl+DsezI
85GTWz0Iyf/UBmx+6OQFer+y0hgkyo/aUC7FRWBzCxeowMgyI2hBIo9GKyhpqo2e+75CYqKf
kiml8HRvPrqUoBxiOkskByWrQSjZkUOi9tYjWIR+6a+O1fz2uf3/j8T2Rmk6Os+ZO3fRokXL
V69dd0dC0g66utRuV7LQ6AD/oJLmYuw1NRQQ9KsqKyrK82Z+7iFK12YOgPi+poE6cqYK0DZc
U8HqssQSSkjUjATpnHZjL2XO7w5G370gGqdl9T55SmgsV0/vSC+lH1VpdBn4f0OibUYZTpgy

a86iJUtW/LVxyz9PJQV+Jrft2BjjjiQ/OcW5g0jPfe6grjFaDvr4QUGforw8An43snQX4qO1
ii7UNcsB+Mcog8tPWWVnsqT0fkLj1yfSOeve2tIm+AR6RFQNMeNhgAI/Ljn8fOvQ+oXIwD/i
iLIGZTXBacq0uQsWLlm1fuue55Kyc1kc5gUVHUxHcQ967iDKZJ/aa0G+HRj9UM+nwAO/nGer
dBeCtEddB4YVgpMChoQC+DWVFkaXSmox8CHfJMNRRXEcfDv9+mJggbTmVEQfJgztJGXgH3FU
v2D02AmOE2fOA/CvWLt5f4ykiubZLM4jNXXjjgxf9MxB9Al4YK1rpjyGZ/XzlX6U/HFpZ9TG
mqjqauiqolBjNBSVYWivip1bqqRq+8i4/paV3UzjR0cHopo3ojQzwl5tid8f2bfvhgQnM5Ss
dVwKkteY6MWQSf7/CJXPUrZwdJo6Z/78hctXguR/SJFYOwpOvJ6CZUekX3HaD9E3vmupZ62I
go7iCoqj+JuPPivtlShbicaoa+mPQckpo2Fmt5a6/tLbwxPsSw4GJb0xfmCnRgtOFNZcdTUl
1uUqo88aBOL3ViZV1BhFJzEi3ZAgQnkkWbSEQBn4RzzlTlW3cnKaPm/+vIUrVq7dtuOypMAP
3XywNiirjgxftPMg0ofumWlboflBAkFZkNI1qS/FDV0VDTUzEP0KKoqQ5aeOdvAelsJedtZX
8M1T8iTGaXCRhyPr+065ZbVxemMK+C/dCxbaur6R/xk5Q1a1YFtOx0QrNlMG/t+Skmw1bJwm
Oc9eMH/R8lVrt+3ykVi7UjYHNwVladTu8BvjmCb6tg9NNayQQAEMFOCHCuQwj6S+FLUrFDRU
DA1GoUarKoC7QWOUzqYU7m9ZMN4YN4TeB1mD1XP4OQIcAjbqTLoIbgNU76M/ZfTr6L6ujt3k
KYjav2jZn39v2+dZLLnYOX4uytRSoLbLjbb/Kvq2URrq/CghX/KPVhxl+U76a3FJSxWtZoSG
dqbQS0RBdczo6S/+i7e8j/Ycg9DicUK85burr/8Rz2Q+K2thiQR+ZpsM/SOBwtWNJkyeMmPe
3HmLlv+5cfs+L0n1y+Gw2RWrUbo2gjQfebWJn0TfOEReyUKtPTsINlaUm50j/Ry5G7rKFpaG
WkikX1VbU0MFZRiMWM4txBGV5M+hi3c6HPEH0BIEDn9iTDP34u6IyLO+R3N5mkB/0QgUV/Q5
OzIaDqLvQjs4TZ48fe7cuQuWr964Y697juQa0JbslFO3NOJl5qPQ6uNF7w/GOiynZCoAP6T3
jVJQUVg+DKNTTmui53pM01Y0Gj/eUEtdWQWltQExglqbh7KzFqyUYpPsNo5ke4MOncqPN9PD
goOPB4W432CIZ/OzZbrAsBPxDxWI8k+ZCeBfCEk+2/e4pknqqWG3Fe8bhTYZa6WpAKo/WmuC
6KFuwiY5ZSOByjAKBLGKrsYfZdJfjEgdBZOT+/XNJjkYoscooVVGa84YekPDmouE/9rc97b4
hK7JP6xWLs4r9NyFS2d8HzEGMuX7BT+H0CQD43BT8WRtJ6cpzrNmz563aMWfG3fsc+HVcdCp
DDYHcUdxeATdeBn0NuYgwU/Jd1NQMdXWRiO5+XKYaV9E3rRwhTwaA7Y3X/KPUdQy1Fo+DLNW
XxihDf+eP9ZCGQp7oXuwEhozfuije1jNvdq/jN948mOVz56ek3kuHz7zKOaUZypccUzk4wzO
EMFPaZOBcbjpi7Gxk+OkKdNmzUZs/k079rt8QBwyJem5eAKxobGpmUQmt1BaWsjkpsZBtq5i
t+R5qWB0O0J9U0WfS5+xYLSCjjo/yjcGraisY4SZny79xSiYOlpHScVKG5wM0C1cUUHJ2Pbv
mt/xrlIbe5XBZPFqFeiJJw70DNcmuJ1+fN3TG6zFxLOPjnjEMmWhvt+F7unZOE2c5Ow8feZc
qOvZsG3PAcQt15b5JTm7sLQcX1VXj/CA5mZScwNhkDYsh5Ljrqmv1lHRb3ZP5E0TZ49WBPDz
0K+ghIZxIrqzvkt/MRjHVVXlR6lD7xA5wD5MDMMYj42W0rGk2gI0/1ZvMKdduShWEgcrzu1a
ExdGCeV+F8oRYt06/+zkqRwml3LuHu5YyLFYEcEvC/f9aqKHGjo4TQS9H8C/cOnyv7bs2PuZ
S2ku+5aYnJFXUFJRWV1HIDQ0AjUQiYOV/LSfB6ADfgf4tSNEHv0dPRs9RlNTAH60lpGxmcmM
t8OwHEXzFUbzjQ2o6ldAw4hAk21S6hYbH9XSZ29tsanxR29VUOTTkeI1ayDGw9gVKrd0/1Hh
ZJB8v3PHsnnNQI6dORHqdV808Ldii2Tw+7VE9DS1d5oI6J8+c87cRcv+2rht53fmq8cvX3/6
kpqVV1CGr6ypJxCICPobWwfJqlltuJ06WqM6wK8TKKrWSQ2Zo6agidTYIDJYXd/Q2Npx7jMp
zsLqMDcmoJXbK5AVkLp+OZ05H7oNIpPQKXwPq+xrxqnUiFAnEUd/zfWvwieJO3rMD3HIUG8d
Djwbcrhr+WJ9X+Anvs2Rwe/XUtFuMwT8k5ycZ8ycvXDZ6nWbdmeSIs/fi3mTkIzNzi8E9FfX
1pLaaAwGc7APDpOJW6TU2cQPpXdU1OTBhu0WaAUVTT74tQyNDIwdZy+5y5T6UEaGz2h1Vb7k
l1NQBtEP5QUTz7ZfN6e1pjDpmaQSflktv73a21DG44T5Pn6e18FdR7nidvKc37GujQvwfYGf
SWHI4PdrKW2zlb0jAv5JM2bOmrd41bq/9/wkREbee/ryQ2IKNhtXWFpRga+iDmnfNHq8BcCn
U+13E3XS5F09kLqaBryCQDldU0Mj86nzl9+kc2lSDpNlTJBTATOF1z5AXnGMggIMC5ngg+gr
bYS8LzE3L1y6cLfu/+wJYXXHKCM7NbuY9+ZXF172c4X3kaPvEA6ZE+znGfiTS8BzuJTSNulM
7JGR5CTgx112CPidxjtMmzl77qIVf63Zm01LuHjp7pOXH7+kZuYXFJdXEklDwxyVGKWD7uzd
jRqzWrQR3YRgDEpRSVnPmlfZI48xMjS1nrbor2uEqlgpx/r95NGKwHFUEY41SgGhUSi7nU9y
3t2L8PX0O3f3fWZhGX0k3T9K5dBMntS37WoHrWWAm8voPrc+/cARj2MvEfQ3nH3K7+B77RN/
J+S73nBCnx9D0NQDK/P2j3BqfLrH3n6ik9M423HO0MNv4dKVK/fncNnJjz6l40rxdY2kFgqF
MVQ7kVx1ywotLzSuz16kQH/lcpS8qpKSstpYa8RZqGBgaGRhP33p1sgbp64QpLoaZeNQCojU
V0HsfrnRiorg8EepTVy2adWfBy68yWloJRIK80ZUjk7lu4H9GhlZ9Nqabu8/us7/X3ri+fBb
6f26Mbo75clhnsfDgtx5fJwuEO+M9s/ERSAcCZyN8ZEFMvCPbGKWPtg/zmaCk5PtWAenGTNn
Lli6dMmBYhaX2SyBaVScxtrnEwRav5wc4rk3uiSC2IyxRalqQ+s+tKrNRF1oqKVvY2FhYzd1
2YaT/ltfS3c5noGJj+QjjeJxLHmo6VdVHYXSmnzozlekjJVDb2klkEbUDWT0XYdHI/IR2fbg
bMzT7l5+Gv/+Um4f8jzm5f1uAPZeKBzwKDsYefJOnEd0D49F2aeU3EBfASNh0WVx/pFN1PrC
D4ETrcc7OtlY2k2cjhj9i+e54pkSEm7NhFgbPu5HjRqFoArjMqCDt/qgKgpjoKOurqZmZqGt
pqZt6eBob2s/YebKrd7u7jipLkfrNl7jgHZuJa+mDcPCRqO0tmXxhg8OweX5S/lC+8iRIu/j
b6J6d1NiPYJCg8N8jwxgjkW6lXXWEuXuDb//8ZpnT5Xj2nr/6oRLLFk9/+9AHEplRUVm5JSx
4xzszM3M7abOmD5r4aI5hyqQdlIchti+aE4T4aUZiod8HsmhzLe9GQA+r6ah0Eb6GB1AnZ6R
wugxcgqaZpYW1qCWLD8c4vNAul383qgj0JcbJThnObSuthqAX33fDwaTzmQyf9PBPSlnT1y/
3ns7z4ozASERZ08fje9/n+XPPQM6/JyNoW73nh/15zsbqjI7D5cYjus/nCoD/0ghFu5VERGP
z7wwZ+z4cTbGRsbGMKdzxtwF010hMsskU8R+1DmsFuKrsWBEt4MfpeC4+W6/GWY1niooHUOM
np6Wupq2oQoiflGKJmbG1lB6tCDg5alAqab350xBkA9zeuGMQe7LK6hg9LS11Maglr6jjMAb
2Nh73jGjh75dcNP7QB8N/YiRvhGXLpw7+nSgg32NoXEZArd/oddhLzfBFK7UO50Q57Rxm+u5
FLpM8o94wr98jiMTqtLOLba2tTE3NjUzsXSaNn3G7OmeFZmx0ecTaBxWG4lYVdY81AOwmbX5
N8zkVNFjFPiE0pu1+mxtP5al3yx5tLGxvg7GUEcTY4RRQY9WGCOvaWVhYjcRKo8C3wdsCa/v
mAkgcSpbAj4+/rmOkVcYrYRWVscYGehjVFGTPo0s8JOQVaBcPkMYwD8n4AP0L48e95GcUBvs

ff7cxbBDGaLoEx/auxphr9xtL9/ppg7Vl3OLiDLwi+OFow+DadmEzcn8ko4nYS+tsbEfZ6Zv
YWVpaec8Y5rzjKPXtm7ctTc89mXMk+exsbFDNbPZXFbOk42KaDVIkUWjleBVXn/WipN9Rvrx
N2dAJoCxni5GV1tPT8fMRF1ZDa2goGJuY2Ux3sl5+qyAGO/9ruHfCnDVeFw6TuIBt9czYLIA
j+BclWFQL8wL0TE0MdFVH6X/cWQ9IHHHIe+ClHrlk8gt/fs04T65+/t7HHkskolXJlKGA4st
A78YRKwYBuGR+KUq+9XblJ/v7++yHT/B3His9Vhra6fp06bP3Ljzj/Vbd7h4+PgGRN65/6Bg
yOBnJl9fqqChra2qrgrjNjU0lHRnrPLqw+NXfWmmmgIiaQ0NdA10jYzA2aepoammjNYca2Mz
1hHyD2cfifY+6O0Xcenyo+cv4n7QJLwgZ9UVFdA8AtiraSAORzVVHRMLS2OMqsLzkfWAlCcg
ETZacpn4PTqYH8+ERiYAk6DhmVLv/SED/8DURpX6IWB4VAkB++LcUb+IOF8zQwMdVXVDE1Mj
03HO02csXLNi4/a9rkeOBQSdunT7IZY+VPAz3l/5U1NbV1dHW0tbR1sHo2HgtNK1NwWTWf1w
oSpaR1ff2NTExBjIxMTSBKOro6OjrY0xt7O2nTR5+py5Ox+e3XvEPzgi6sW3nxUNdBabSSU3
kiX0YL6QG62vDqSmqqquraWlhZyvjo6h5VgbKxPMqMh+tsRlcEZI5l1bg6jGEONnp/+vpZr3
uNU+6XMeErups0kvR0jZ58jA/zsSvSyvsgmf+GD3sj+CMs5jFJDBGJp6GB1NsylTp87/Y80/
u1wOexz1Dwo5e+PB/cKhls5Qbget1DcwMtLTNdDX09fV1zMaO2dHci/Y/+TqoIixNDcytrS0
MLewsLA0N7cwNTXS1dfX0zMeO87Wwdl55tx566/fCLj8JDathNBErMPjivClBfnFtZIx/tvm
oswx2hgt4FJauiaGerr6hkbGRmaWNvb2421MFPz7kYQfro2IKACTwmIiqXhMUQIi5Ds9eDCT
0PdKUlndwM+LKHRrw0ctJMnA/zsQraYgsyb308X1q9dcijlgCJPpVMYog6DVs3Kc4rTl1e2d
O/cf8jjqFxAUfvHyubfsIYKfdmf7THMzS0vTdjIzGfd3Qk+Jkb5rkr6ZjbWVpZW1tQ1ifcCL
lZWlOaIGGFlMcHRwnDpt9vwFKyLy6lpaiDXF6Umf4xMSk9OwObhaCSlJufraZvpGRgZ6RibG
ZuYmZmamFpZWVja2DhMmTplgo7W3K77pwn/SmkdE8D/zPF+Yt4nioGU1i67ONZazetf9u4G/
+LSwlGCRWTLwj0xiUT9H3H4R77dq1YFXhycaqqqpqyopKmvoGhqaT3E80PJ+y67d+w66e/sF
hkSej4gsGGrR7M+Dk23G2lhbjwWyGmtlOdbSftVLavdMGdKZBdNBwtrZW9s6OEDKgb2Dvb29
ra21JagAFuZjJ02eOHna9LkLFy0LraXkJMbeuRH9KPb95x8/i2uaaGwQRnQJNMW7hzE1Mwd9
w8LS0hLOFdiPtY0dnM24ic5TJ0/WW9JVqDFZI68Pd/UXklQGAbQ9PFogUrvd5ixBsiEpA0uF
kkWmDPwjj6i45MQPLwP/3eh3acuyZe5nlk8w1NTS1FRXVlbX1tM3m+y4453H+l07d+zef8jT
Jyzm0YXLsUON9jVFLnCa6DgegbKdnS28ODjMvd9I7aZJZO9bN3/cBMcJE+zHTZw40dHREfl2
nMDfyMZ+ivOUKdNnzVu0ZEVY4q2TF67fvP/k3besIjyRwWXTW6C9UH29+Kk/d3XH2loD5uGY
9nZ2DuMnjJ8wwdFp0iSnydNmTJ9mMb1s5N5PZComR3rKB/XhydxBef0KzvgcuUeVqf0jkfC3
vA7u2/PPX3+u3LBp1Yq/tiyeZGcM1i5GS1NDQ0fXxGrcxDWuq//etnvX9l17D7gFfMx6cvde
yuAKr9mCgQzspovLZ05zngyInoAAesLEiRNm3SBQuon+7FC3hY6TJ02a7Og0ZfJk+Jo8CV4n
AdsAhjBh8rSpU6fOnLNg8dJlwUl3H+VWVhZ+x2b9/Jn5E19ekJ+Dq6giNIkf9sPPMXMc5+Aw
fiIUOEKZE7QynzxlyhRnOPSM2bOmT574ivubZfX1oLKhBkdrCgbFWZpCDwWe8LyeVihT+0ca
tX322bZt68b1f/31x8qVq1b9sXaxo72lqZGegYGuDgYcbEYWDpPmrlm/ftNBzwP79rq4+Vz+
8Ozm3Sci9VtiC5rSUWqJTEROsNsIYYvnz5o2fSrgaAoCpinOTjMuV5MZXTVI/H3fpZMAZtOc
p0wDmgpfztOcnZ2BDQBHgFrDmbPmzF24ZNlSz7yGuvrML+9inz2NefUhIek7Nh2bVVQpaGLP
Eis74rKJIxyMd5JT4NjOU5FTgbjnrFlz586ePSlkhKb2inzJ2GPHEnt1E7IlfEY/vQNCIyO8
Al7LwD+SiMkgFbw8vnP7v/9s27Jxw6a1f65fs3rxjImgj5uZgGvNECJsYPTaTVm6ccP6DXsP
e/ge8z1+IjTyamTk7V6nT1BqCfU1NXXVlRUlBXk5GWlJnz+XMSlUbk0avo0J5QFMWkPokiVz
Z82cPp2P6WnTZk5deA9f3w1IrY+CdgPMZsycMX0GnyDbgAe96VOnToeuwnPmzl+wZPnKP3Ze
eHA5xC/o7LW7T1++T/iamp6JTc/IrUYeXxalrjC7nMoccm+Y+jVWzryjTp+OnAVwnNlzZs+Z
M3fevPkLF8ybu/lxKX0k3tP2jBpmQ+/ciSY4bda9I4Fne2mNjbvVNeOyvFy882Fz6wMDT4X7
XamSqf0jiNikgrKK7++f+O7es2ePV3joiZtfkk6vnjd3KijW9uBhB3+chYW1nd3Yaev+XvP3
pn+2uRw9furMxYuXLl0+cvGAI

WLpw3pI/N2zcsHIOWNozea62mbNnL1wIw7rnLVm1duOWHbv+2fTvzr1u3j4+/meu374dHR2T
kfI65vHtqKtXEG/A1WtXr167dhXQfyEy8vyZU6HBgX4+Rz3cDx34d4v7wb83rl237q8/gVb/
gRC8rlm35q+tew/6vqrt3hcuLen90bWr4bMgbf/kbcSj1X+s3rRj5759u3f8u2P3vt23KF0L
SSux2DRsem5JVVMrQ+xQN+nl/XuXz3pu/3fXngNuLm5HvA5u27p10+YtCG3YHxF+/nk5z0HA
YdFpFCqjuaGVQR95zbef7z957mVksMjOD3rrYBeO1q2+mdHdg9vnPmXgH1YdgEFtqSvNeRbs
7e3l7eXpccTd7eD+/Xv37NqxY+Oa1SuWLl6yauuef1Yh9vj8uTxH14IFoGgvXLB8y649YPQf
cIE8P//jwSdPhp69fOP2o5iXiRl4Smt9ZWHygytR12/cvHHzVtTFCxdA8b9yOTI87GSgn6+P
l+eRQwdd92zfu2vzho1/r1+/ft26tUBr1q4DZrB2/TbXo+FJ5J6oKd+3HKQs8vH1QrR2/U4X
V5e9YKvs3b/fxfd1V2OS3pj3s6q5TTLxMuKLRw+uP7zhs8/lkKvbkSPuXu57d+7euX379h1A
/3oG+vicjMGzkYKaNgpML6soqa+rH1md59mQP/XjsEdgqMdtKWopN2515hf1zvwSLrfJwD9S
iJ5w4piPr8/Ro14e7u6HXA/u37t39+Z1a1aBYr36n39WL18MZvUSxMReAr8sW750+ar1u/fv
cznodviIt29AYODx4PDLt+7DGI+U76k5VbznivHjZXxC/JdUbFZK3NP7t6OirkFDmNATx/19
j3l7gY7h4Q5MZvvWf7Zs2bp1y+bNmzYj31s2b9y6zzP0yvOMnpGphoubNsCHkM9uAlELv2za
vGnjpk2bd7gdgXNxcXE96ObhGZrcbUOq5CJwdU+i71yPvvX4wzVvLx9fb2+fY+6uB1327N4L
bHDvnn2e/seP+px/VcXi9fNjMdvaKEQiWZqif9Cz7BiNLC77S+jRIxe69+6gN3ZhU2xx1KS4
V51ZAr3zmMxYugz8I4aST/gFBgb4+/se9fb2OHLYzfXA/i3rQQX/88+1G9aCmb1q1aoVK1fy
0n7+WL3u70079h0A5B8+csTD/chRn6CIqJdfU9ILKqphbhdJkL7XVAPjexEGz6E2lPyIu38j
MhL0fjD7QfEHHgPg3wP2xc4dO0Bybv/3338RAbr9n33HIqJiEn7geoKfELiBJ2S3b/932z+b
EfRv2bTl3137Dx72DnA76Lb/wJHD7r5BYXeqpLZI9TEPH9y+e/9r6dPzl0KC/AMCAvxAYTrs
4nIA6KDLYT+fY0HHfc++LYMUJhYCHzaT1izN6P+gIcrnFoT7PfOx6x7iJQZ+Nqsnd+qaYij0
F40mA/8vVQZbSmNOBgWfCDp+PMDfDySzp6eH+17woG3auOHvv0HL5inliFbO+2X9zgMuru6H
3d3dXA8dOXr8zM3YpDw8idKfUc2mlcReu3AhMhwc/qBgeHl6eft67Nu9a9fuPbt37961h0e7
9+3dffj87ZgEbEZOac+aL8q5rbv4nGLbtu2793v7BEVeuv/82cu3oF8kJtwL9Pf39A46ffbc
V0l1m2jtXoHalpH44cUnHDHratzz0IjTwSdOnAgICPTzOOx+GFbj8GEff18//wD/gHPvKuh8
+HOY9BHoBOR0d3zWELl0vHQbkfWh/7Owl5Jl4P91xGopSox7ei0iNDT05Ek+A/D3OXZkD08c
b/tn65atiEtrM6JxI9J288ZN+709QeN1c/c7Hx33LRffLMrz3Zb84P6DR5dPR5yPjIq+cf5S
9KObEcf9jnm4uR1yO+RxyNXV9SD4HL2f43DldY2NLbSezwrnwbZd+8HLFnDm5pNX39LSUrC4
cgKljcHnEqX3os6HwjVcuPqk61PMYbPZzCG11E6K7B6MrvyWnlnI4FKKiuJv37kcFhoaEnzi
eOCxQ+7eoAF4AiM8EejrH+jndeLBt2oOSE8OcvSRedeZ+M75mJwvOUMxOYSX9F3egHlSvd2B
xtue+59hZeD/VRVfpDJs3OPnMY8unjwZdupUWOhJkGcnjgd4urjsA0MWkcu7d/JpB6joyM89
Xv4+IWfCrr/Pqxd9Ki+rKCktIzc7CwezvchN5RUEUlNZdn7u41PBiAA95uEJ5Bd0pb9MmZzH
LxLSM1KxOCLyHFX/zPuZj6uA6cDNFFobt+R59NWo+5dOXX38tqrjeWMxmAgx2nrkDIpCb3bG
dXunqagBX4scnE0ilDwKDQ07HXHm/IWoC0ch2gEOE++AsJATQSD6j5+5/jJXkCTHZo/IVv6N
oRcRfZuZlQJB1TbGEFygLKHrIh+6JUKWJKuMn73Brm5PIHy2PzA4JFQG/l+j8FMqUj++jYuN
i70TERIaFhYOmXihwSeCg48jlv+hQ26urvB1EDFpD4Bpux+8+65e/iEhIffSSloGdygahcHq
AQM29g7EAM+GBfr6+vn6hpyJow1gsHKo+PzickQfL03PzsrMzM79mZGW9u1b2sv792/cfvrw
4rWErGIqGNswQINObSE2U1rpDHobnckcvAR+cOhHjwe4rbxdYHJy38d/Sc7EleCJTXGefgGB
AX5+/ieBeYLuFBQQdvvpZ0RvAOk/DOCn9KOyp/XeZ4mJxYLCVnvD60jAQ5LYVYLfDhwSIXTI
rmjgn9LJ6/xOn3k+/hGngiJl4P8VYp9a//Pz23fv3r6LvX3h/Hl+Jm7EqeCgkyeP+/ocA98/
nzw9vbw8EHL3gGflyuVHP3IbJXMG9LQXN69fvRwZFhQUHBx0+lLiQCKIVJn7FZuPq2G24r5+
iv/45kXMswfRSCjhXNSDu9GPnj15lIQrJ9GAqDQqhUxqaaUxWUh67hAE8NVeynRZZJhyw6bz
wvedO2y77R10HEIeweFnwXSCCoYTgSej7r0q5vWyYvV9YEn1F2f0Y3h962+SQdaOiycDD/4Q
+wQqPL0QVkdrEoXFMi+5HYzh/ZZw9Oq9+1FPZeD/FeneuKTYmNcvY17F3rocFXX1MsTjIRUn
HCpwQuAJBuOfT/5+iF/bD1yB/uANOP3k8XeJnQIp4d2T6Kir1yJPnToVfiriSuoACGW3Umoy
83E/Pn748PLBteu3bgDso6KuX79x+/LlBw8fPHryMuZTdUtLC7WtrY2n8fOc7mBvDgH8HHxf
ug3lZ1p+ZbMwcAuPB506GXw64uztqNMhAP+TJ4PCop7HpNP7L6Vn0X+xSfD98MXgEL8b4vv6
Unn6RRtJJP3qvodvGu+XFN+rcXfPxcjAL9VwMLO7bODQagrT42Me33/0IubpozuQmnfnVtQ1
oCsXL0AqLlKKcxrq8MCnFRYaEgI/Q5Bf4K+Q0zff/pBY8+Dy2BeP70RH37gaeR5KAS7dyGX1
PwMMqa7DZ366Bed59QbkD0Xfv3fv/v179xHn94cNHj+4/fJYA3TtbaG1UGmLvg+5P51n9
TCZDcm73pqSPCd+wPyuaOvH/5tT1i6dOnY+MSXqApDKFhZ2KuHDv2ZNvNCn0zRqcbtUvsD+4
hF84EeCLH95zIlULuqrmuIa+v+53TQZ+qVXrgb+LClO0hd9rJZRmJryOjYl59vTFu9fPHj56
/Ojvbt37y5fR3EKKTmXr6I5OMCnT/Ho/Ptr+fPRdwpIEgK/Ezc69gXT5/FPgLhf+Xq9Vv3
M/GV/cfFmUUJL6KvXb1240bU9aiom/cePXr44O7de/eXe3I6KBh5w//G7nEYilY5ccSvyDV90
6OHXhnABifXVIyR9SU75nvwdW0hoX1ZGXGTUxTM3P+a21ny4CslMp85eunTlWdwzpMURi8YU
y5PemwbEFv3+9/e/+MM+EZ5br7UN5xPZ3KlQtV12uxYdeUYGfolLexbYukx48GlUBAKdzx+z
pToPm5KUmJgQn/Dp9esPb2NfxMa+eP7eP7k6dMngKT79+/fjb5z+9aN68AFQKWG5PwrSIY+8oNH
lx8WSix61ZL/6e3ruNhXcfdv3bl1687xSvtvt0f6eP3G3XugptyGcwROdQNYwLW7D+OS
M+MfP3r0MP3Tql9Rp1yV++pKS9uNHGjYLVyeAf93t6fVrVy9f
xr6IAQfaM/Ca8bjAvbt3o6OjgRXAv7vwKINpABT94FWFpCa0EAo+f4CDv38f8+Dx44cP6P96P
+YjrF/zMhqxnj54+efxnefzobvRdIIRjRN97+CajqIpS9DLm+ZP40ooGSn0TMLvWVpD2AqOfg5CE
xspw6BQKsbykMBf74wc2Oyerozd4ViqhPVRR9y7m/bNbT2OfPXmd8BEPs46bhreZ72AiG/Qh

z1tl3UkQ/vOp5weRFjhj/05o9tuQx1+S3CBPv2My8Eta2e8kBP6CQDdEy+iE8qKigvxc6G+B
TUtJTf6a9C0x4dOn+E/v379/C/QqLg7hAjHPnz17CsrAE4Da4yePkZcn8PL4MfydRJRM4lpb
dfHXhM/xnxIS3gDXQQ75Lj6jXxuVTa//8PD585jY2JiniKryPObFi7hX8fklZU3l71/FPf+U
j6exqHREzPPK8NlswfQIPokNfxqxqqquEdGSmU3ledAlNL+0mtjWpUAVOQitnEj49DDu/etX
iXk1TA6d1DoM95zyGi/d3OD+tSH/g8cqRfpk0hd4dhgkwdGbL55IkoFf0i4+YQLRzwc/m8qk
E/HlZcWFuLwcpM497UdKyvdvX78kfgH6/PkzsAHwpH949/bN69fABuKQb6CXL1/yXpCfL1/F
F4MmIYnHtaYs5Vty0tdvyfFv3r558/bV64TEpGJSv3yFnvbmEzKQIynh08f3b969f/fu/fsE
qNbH5XyO//j2cxFUjwLmOTzYCxDfAX1xn3Y2CZeegyurqieSaRxk+FVFfnEVobaikdmZQ8xX
MqBVHQ0b+y4hMauRyebQm8jDkOfXcCpzML5FRiFJYi4IhOJc3g+ppSiZwJGBX8J6fxfwg/Dn
F5azKc0NtVX48tKSAlzeT2hxk5EOBe+pKUA/0r6npIAhAIwg8XNCQjwoA/EfPyKcgP/64f17
/svH+K8F7cU7YhGjEl+GHP4HFpuUwKOP8V++ppb1635i12akpyZ/T01NSU1JRtjVl8RvwL7S
4M2kzwlfM6BbJ0/E80EvgKKEHO7kYuyP9Izsn1mZ2Hyeis+iEAmk+qyc4qaO0XSdB2Lnf8RW
IpyMWY/Dt3LE678porY/CGnOItAG19p7IHr2uq+2sB2/1r9NY8rGdQ2Du68r+ul8PZ1Jaayv
ranGV5SXFhXicPm5P38iLCAzIyMzE3nBpkHO/Pfv35L5XOBL4udEhD5/RvgB8gXfiSl5+Cbx
m1SwuZS8/Py09JyszJys1KRvSV++fvn8BSCN7/85pBVmpaeCvZ2W+j3529ekpOSkb6C8/AAT
PDUJKgvxXD74eUZ+t1Iy8fPh09LS07Oy0rHfsQLrhENva/yZlY3DU3iGNkf4kAx8DYM3lAz3
JbduiMV9zGGqC6KIH+rHn7jxvr4Xs0Jo11XBTzn9liXLwC8R8CPOfpaw/EeqzBk0KplIqK+r
qcSD7l9WUlRYWIDD4fLycn/mAf3MyUZ6XqUjzS5//PiB6APACeALKPlb8vfkZOAL3zMK8bVN
Yj+TjIZWSmFhHjY9Oz8fl5cJx0NkeSr2Ryqu/+eQhc/Py8jIzk6HDeCMkLNKSUlNz0rPzPqR
klXWIDydpquXT3zpxqzISk/PAC6JTavu2FkrLic/D1dTW41IeTY/rUhoThab01pTXt9MYY/o
B4YhvhmXGBjkeb62c+Xb10EoysJqauvfDJCBXzLg51FX+Q+OP2pLUwPAv7amCvBfUV5eWlpS
XFxYUFiAEKgC+fl5oAwAF8hGNAGgdAFhBZSeXwJV+83igp/TXE2sLSnBwaHyCkqKcnlHA2Bl
QMvdkn6tfjaVVJWXg8vLQM4mjXdKWTnZubg8XEF2+k98d8c6Rwj64qu2bFJZXk4OaEs5ZR25
DsxK0KEKS4txRVWwLLDkXZwLYC8zofKQ2Uqlcf7Tj1xdwLlbx4+8Em+ciAz8kkS/sNmPJLy3
traQmhH419XUVCMMAKHy8vIy4ALABooKi4sKEHUgH5cPqkBuLmIXwLPOYwdAWdmFoDJUNjSJ
26m2rbaupqykuADYDq6gtLwgN1dwrJyc3LzSAfZObaorys+F88vPLwDgwQkX4goLSoqhzK8I
X99IY3V7xjgcyaXZsVrqK8tK8QRKZ8MKZnNNRXFRUWFRcVkNvM0Rjio0Ufg3g8OiUkY0+Adz
cr025yIGBV64HfJE5Afg5ROaDPzSms0mcHKzhHx+kO/Dy38hNTU0NBAIhDpAYG11dXVVVSUQ
nqcKIFRaXAJ4EigDQgR6QRF8qpJAorLEfJKbq+qqyoHdlAAHKC4uKxY+UGHJgAYoo6qkBLhV
OXLKJTzTBdgI8AFgXiUllbzgmwDwPKVTkugHUU/upppwYNRRFVxKWTm+lszsgiQCicsRxBtG
ttrfMAhdruVrQy9p1zc8LjwLjRV1H7SbZyky8EuPeHFuNqsT/hDupyDoB/g3A/6JRAJCdbW1
tTU8quYxgUp8RQU4BPlUXIwoBCDXQLDBV1ktsZHcJv4Aak5LA7EKOQ4cqQzUjhLBsRAjpBgS
dQZCSnMNvhj5JB5fWg5pC0WwJewD8WEUw86qyZwOvPMwz5G60G1tbKoBtlhVT2pl9fS+8OKM
zJHc2JvZMoh7Su3hlmHB1plQ9Xm+RuSdNFZxZOCXLvyFhD8v1Y9GRYQ/hUImNzc3NTU2EAUs
oL6+rq6utp7HCKoRe0BgESDohO8yhMrLqlqYbEk1DSbXVVVXCoh3JBDiPBOkoqKaOICKzIR4
ZWlJWXlFJc9kgVMrx/PPshR+rWgZfgU7NR3ifoSaukYKrWvTIH6CAcJ9Ul4w/7MPGo+7fr9+
v1LM/cjAL3HLXyD8eZm+9LZWvvQH+U9uagQG0NiIKAFAhHoeG0C4AKgCiDVQhRgE+A6qllib
Nw6N0kKsB5MDjsPTORClo6oSjoeIz7qGAWZqM1saQM4iZ9dxbu0cBPmVzBp29Dc283yR5BYa
s2usvTOzuOJ723/hkWqVZjNyGfglypHZ3S3/NqpA+PPMf+h3QWpubm7ksYAGHhdoIPI0AZ4W
UNthEsC03Tqy5DBFp1KaiLzDQG975KWutgZcEHXI0WqJTeT+M86ZLc3Emmr4OHCNat43slkN
wq6qkb+IjS1QKc9kDL8GwGT2kmfDZAnH/9mskfmsMETiTezG/lKV6U+fU8XJVJKBXwrCvzPk
x9P8WwXEK3ltdwI0NZNITWAMIGyA0JOIRIoEn1oOg0JCeA1vz/zj1de3H6qxkdTab2CMDWwL
dGxko9qaWuBS9cjGoEoAC6gDZoJMBieSyS2MEeA2h2RDaN8tBH781xEyyIMhrF6xym+cTB2E
QVlA7HWXYYd7TuBkPHrCkYH/Fyr+Qj5/xOnfQTwWIPACwhf8RNgA4L9dExCYBA1NzZLEPpJr
yFM3kMM0NjfDC+84cDx4u7mZTO2/cogJ59nI4x082APwG5tAX2gh8UwXYCZ1tVXVtQSpNs0X
zY3IEZQYdX6YUs0cgYk9uMPevofzRAd/YUOv79cKiovKnnaYiLVXQxJk4P+F4f4O/CPgp/OK
fBEVgEbr4AA8HtCKNMAAQ4BHTYg1QG4BXgBKAVTHSzZWxaHyjwG8phn0DuQnwgqaGsEMIbe0
Mlj91+AxeAwLLAciwp4amkgtZCKxkURuQlhIYzPwAHBd1NcRaCMB/J2fHLmh/rJQ/9MBTyS2
u9zADg2gqbKTyfy82drvvCEZ+CUU5m+P9HdBP1Lfz8c//5XGJ4QBUKHxHQ14AN8XiHyTyRQq
hURC1AIKVcKWKoO3fx4hSgdP5QAWQG4mIX+10gcAP5dJQ8APGkMjMClkL008TaWhEdEfGvlB
THAlEMgMVmsb51e6wfnIZ7PYIzvDL26fz3GstDlj8Wtav+2IZOCXqMDvpA7NnyHgAG1CRG2l
IuwAWt8JYgE8HkBF/gP4AZXRJmHsc2jIERDgw6H41MkLeNyAOoCmwWa0kkBVaObxDjIkLgms
CCLiQ2jkRzCRCEajZE1/ditJiA8OiGfBByDK38Zkj2j4V0YGxUvs/FhV5B7c+itepvb/EuDz
wC9c5sNv8EMXaAEg8vl/ID1/KB2xACqUA0BaOh0RwxIfFkJDPI08U4N3MPhBJgv4AA/+A1fC
UJvAJCG1IC27QGNoFIC/sYN4DgsCgSxRE7uxpKi0slFQ0fy/9s4DuIlr6+OHCZOMw7z0kB7S
X9pL8tJ7z0cS3kvyUkgngZCEUI1tsMHghgFjzJgaem9mTG8GD6aXscGmjY37yF3jKs2qzpb7
sUXSqhdLtsr5T4JVdlfa1f7uPffcc89xRTMnLSbg+OXFrFGtMvovyk+pCsCNQzX5+PVoe8+K
YeuiZpuXdGeU7mcBEH5/BPY4lNUyH5P9LzJvdgXoLBOBWn4zlmPpgBSeoMXP0Wi1lOBu0FJq
ykrumKVFW4EfMfD4dwlzlqJ4L4U4gdmm9G9IvVHBRzzW1os1bTl3fT4n+ftYfXODjjZo6SCG
342OnnXyhmr93yV2LWFeco0vQwOEP2Dws9YpPuT485aAThoBiDBqKJpjaDZgobGsXm/UUqK/
UWhqNNbs24bK2XsMKUpwTFqsBV6C54D/n28MrvoB1P61WQyNNdWKpjpFfauW9ebHMCoVaoNG
rWNCdmlf7iEn6QV2/z4irYmQ2hVnZcOrgzs8jWiiGlmEv+fhN2X4FBJdmpN+mJ2ARi6Qg1SO
oRnOqDPqdeLMo0an02i0Gq1FBjfVNWmd1EoIObr5oIWrB9DrZQ0B77H0d0SNsb2+1UC1qzo9

S3wpuV0ZQ0djJ6VW6azOyQ9Xt7yQ7bH7ijc57APy6fkpmeNPELJ5woJzviQIbLyAabz87egX
JpbdwU8b6avks5yVTNtyAV0Pw/ETPSzD8jlHhOGIOCZhLN/VbdsjBC4LOUv4/8QFNBxhpWBm
4bAB6Gg5vvoHQxgPDm329nEsY9SLraxst9aW7n+b4r09GjSgtQ/yZJZv3x19kZCcxJUl3c5V
hPAH0vdnBz9Ns6G6rNwqS4dl0a656etRaUuUbqf8+P9lDVpXZw/FGgRW5zaszyOEXZO5psAL
M0vVzKK3v4f9/qYlPtI/Rp8K1wfrOMdy2pw/kvV6paLRp111/ua1fVxwXW/K1TSoyqNyrOzl
8/yVr7zY4Gn11sJyQs7M7kD4e3jKj7E1/MPlVGWdvXiObM9Oq7dX6kLiWrFKq4m5464W4Ouc
reFhuxc2nXuWEHWtEeHv6el+xtzz80Y/EzYnK182J7gsDcHhWA/UXEmpj2MGRfQRj3t+p7q8
uCMw1wThDxz6jCyvD98EcGF0wrJzoflJy+CZVPOgUhjnbTNc+dNm375MS8L+7p9R62WnZg7n
OKm7IV8e30flSw6Sujn5CH+PWPyMzTQ/Ha7pZDmDgeZCqkunO7xM9KEravbxo7SBHenRtQ7H
ClvHNMk3Ukqnu/f1bIS/ZwJ8zQm9hBn9sGXfmwrWQWfPh/61d3hhLjmOD1QW1CD8PRTlI5vg
o2m8e1HBJoQ/QN2+LKNHsM3uoxwbE50lVBA4KB2t7GDbWIQ/SHP2sTYFak3wi9G8BiON7Aeh
7CZei6at660RE2vgHDQIRlNB4pMphwPR1iD83c3Ub0GfszP6RfoZvFTBKLslrtTCrF5Jwn1V
+lZHjkGdUnp19w+zjNjzB6/Jb4O+NOIXIszxUgVLIXU3G1ys7r0vR1002NblsKi9oNxm61Ot
PnxGqxLh96Onj3PKvtnXb0SbP0ikbg3iL2dQWPXtilrXzdSQHT58xqG9CL//nfycA/bNAT7o
5/dbkSvWv4P8IBbl2vfYsvGcDwft6ET4/e/pczDjx9CMtNgVL5e/gNhXFqxdgRfRm4aSw40E
p/rCpt+3Gv5zNvW60er321VXNAfpN6td6XH0vWZj4oTpu1UIf3hM7tu8YJu8H63+8FfbKY8X
GeYOX7Z9yohd3fs8RorX1Z5RIvy9x76waNzKCrBx+DMIf4SODB2/vnr0soL5idndgpZoJBNI
m1+P8Pce+8RFvy/0/Gj1o+QqSZyUOXf2+KNej3lO5mllKRnR7O9t9u3Rlz8TPX7Y8ff8Sh+m
K3j9+kfjJ09JGTvd64SCNSP/3IBjfhI8rj6X7EuL+RH+wPwOrgqaGRuDN89PwchJSWNHHfJ6
Pyr7F4Q/eEx+By9wdlE+ONEXqFzkXGguAKYOFZ9dccqHHRvz9fJVvFQLi/D3Wr/vgH0HIX44
5EfZyWwOcl7dHqxYCk289XRdpK0V4e8V9jl3/T5O9GF6D2tV7q7vTnAQIQWJm7rkz0uveLpo
wcksBMLvk9nPOTIEOPvofpzoIz21Ji94s5yJRcMLZif8bbS7n9z0NvJR47GYhNRNakeLf2r3
6Hyq84nw+0K/Pfuco8weDA75e3wePegMktbsfKFj3pa8NdrbIjsNl2Wtw7qRmctnXnS0Wes5
oxd3MMLfHcufc8y+I7sfL1jEj0YujksQMuqpV0yZ2+llA9ZeJ0P1clJCyrRSgt7+Xu36iRP2
EX50GNirZs6My8ID5YEGm7f2bfbmG7PbJo7ZYkT4g+C2YRlb9G3hZxj09QdtC96Dn6ZsczZT
uWOBF1ObhDCFB3Q4zx8UWWHs2beZ62Nwoi/AupinDFGHAavnvUEGledZuTlc1Rc87PNz+Iys
YKVdA8DQaPUHWLnDJh0IW3cl56yyCL+EvL6Rc+fNQ/gDyb5Y3p5zNhvIYHhfoFU2bvhfx3rh
c5nA/bBlV8zH1tNOJzn1iTkO39KrOYQ/4LGlZvg5p9OB5jxeONUfKOn3zvgjo+fNq67F85V+
PNyBI5bHdNYK2pNihJUqJ52S7GZTUQh/ING3pedzGMNj7vuF8rxGhD+AatlU2vMfqkv41Y+J
uNg1ebJ7h/KbS+90YtLKdoQ/AHP9Ljt1Tl6rE31+4afGbrQ41LGeKQukmRE3ZeQ+hD8AU/2M
S4PevLSXwbzdKGsfX+5IZ3P1Oq0/wxY0WQlp4zdJT9raEX4/Rvi67dT5zTgG2UdZV+ZaMSLR
icNA6Wt6UsPW/Y5cCUnjM0yflLUS4fdrfL87sPlc/jjcR9moelqev4MPav6Y4KBnp2svmdMF
VSgQfv8W6wnZtSeo3uw61LS/bw1u737CXTzp2Jeg0eOY3++dP4KN8l00xfo3aE81fWKdwzca
2xF+v9OP1wDVDfj1nL9S8BLStI0iJH+DxuGbpjqxjhJ+IPwoVGirakGL++6Ib24QflTkSa/x
dcdQWJ7BqBjPZhptPQ0IPyqkzGWfdqs+7ZuJzZTWhVFKQXpnPsKPClkZKJ8g06p8ZFOjD5wT
iG1S9+zFo7YcRfhRqCAQp2gjWKUXhUIJuniERfhRqEisArAn12+H0rQi/ChUJIpeEXsM4Ueh
IhH+pb9tRfhRqEgcf1AKPcKPQvWoWD8s/CWkXY0OPxQqkvpu8857zzrszjUIPwplr7YLhvA5
mYYOBy8a18xTIfwolJ2UJYYwP0P2RK4a4UehcExhK7pdh/CjUKEt5nLBkXqv92rMOOOVhwDh
R4WpQjlr+tHx8bEpCm/30hZa1xNwV7YD4UeFaed5rNavx1N19mAFv+1j09LHbPLTYXXOlkIi
/KhwXTTX7tfjXTge+PbKDOnFpNTpE5bRhLQUVHb7sEYtwo9CdUN6qgd7/qLx4+NH7CFENXN4
0hWCQT4oVMSoa0bcrNlKQvQbUuMOO96EamLcxwki/ChUsEhX4tlEfWutWgjN161Y7SREX6Vg
ulsxAuFHoXpOtNLo3Q6UlqDZj0KhEH4UKiR7fQ7hR6GCG1JVQLL1M+W6IDi5qvMIPwrlLBRQ
czkgs3pcZxBUAOFWJCD8KJSJB4MN/AzF9Ow3YJVdgf4IU8k+cmIawo9CBU3mXv3MBUZ/Hk+r
Yw02J3Wx3NQKlCL8KFQQNDuiicEdzfPriEBRT2zhr1Wgww+F8n/HbexWpXdaoSKEKC/7b6yh
N6C3HxVpYrW9sYyX7h621N/HCWHXjlcRnOpDoXyHnwnBL93cQQhbVNiNQ2w/j/CjUBJQlDGS
TnfvBYQfhfIz/GwIpwMiFGbyQaF8h58JtphcovJ4qY+iwcGLOoQfhQpRbT/Qrd2VCD8K1Sti
uj2OUCqJn0KaEH4Uqge1Z4t3C/SZmrbufFz7aRrH/ChUUGjDz97N6XGtdql/1BevuA4I1FqS
/1ClCD8KFRwqX1PXzSM0ZidP3+AyIog2eraKAeFHoUJJxsWjU1PG7Pap2Vh3CeFHoUio5vI5
Hzc1LT0xw73nwNhuG+54YvBOhB+F6hX2j/lh3f656EkLF8U7gr+p2Mo9QFXZDvdVeU0IPyrU
xXGhs1pfBn+ZpvsHoeaPnpk88oSDdw7GnbVbMkgwwg8VZvI86pbzS4heU1PwnLti1bxJex29
0Xm+DWP7UZh8x889f1VNMJ091cDhkl4UCuWZ9CzCj0JFogrTt9IIPwoVwsMdH1cGcOuGjypF
+FGo0KWdNvg42j8evbAL4UehQkftyy75pecnmnNKHPOjUCEk5Y5mErj5UIQfhQqHYCZ766Cs
hLRe1iP8KFRIF/fgfGgw6msbZ/++E+FHoUJYNatbfdpPMeuvWAbhR6FCeOifr/ZpP33O3B3Y
86NQoTlD3y3R5Q1GhB8VsdK3B8U6BNajUTutontwcSLCjwpvqRZdCAWPPUMYAyGM2gn8HM0h
/CiUl8o55J15zvXGCkSOMnAuiwx5+7VoNY3wo3CerHfh90yeTuZ5+vV0NVqEH4UKabWsWVvn
y9ifQ7MfhQpWaes9ANQwd9ykpO5l+6Zlpg/dxiL8qMgVywTH9ygZUul+I/X0yVmj5HU+6G0H
vT1fWRtTOqsL4UdhwHxvH7lrwTn3G+mz/hofK28k6M3uC3VqTzmzFag6GuFHoXq9WTHQHmx0
IWPyMW+/x/ERhwlO9aFQ/paRskLc6M9BhK7B/mjt9V4HBzafUyP8KJTfRRus7XLaf4duXjhx
A0U0+7x38LFKnfiAoTHIB4UKPV0YPSa2lBQO3+71nnXxudKgnkL4UajQU2HcsUtlZO8PS7y2
JhRJ0vI9Gnt+FMqkzosaEiL1OM9NOFJ8gpzOSLrs7Z5cl55gbD8KZa2y1R09+4FMm69ugJKx
k+IOk4YNk0+TnkgHhPCjwlwGqoc/kNP7una/adGoaUrSkTH6SgC+ljJ7PY3wo1C9Ktrp+r2u
vHJCNLP+rAjAp1aOyED4Uajelc71gjtmyYjyAHyq6nwnmv0oFAnqGsMXJliX6mD1gckBhvCj
UEGmxgnWyYeYTmP3DmikEX4UKhRkVBr8uhSJ0xgQfhSql9VLeYLQ7EehIhZ+Vssi/ChUJI4k

diQeQfhRKD+KU9Mh8T0r5s5Mrkb4USjfjWfbFwyHG0Lii1Mn5kyuRPgjTV1KA14EP4mhbHNt
sI2+Bw8rqwPbUBnkTZVyyzEW4Y8o1U59+7XX3/49cUaWqNlzN/+dPfeq5i1aum7zxnVrVi5d
unT5yrUbNm9atXh+9sqcNXOiJ6ZlzRG3zliRuzGnGq9igOrmFC0M6JCBbpcfnqXR2x9Rosfd
/Z+1ZxrG3vQ4mHXNt8O+GfzN8Im/vdaXf3rdXQPuvrEP/6j/f6KnPgP9Ph72omxjgH++9m0r
XsnuSn+23v7FzoqAFu9kaRan+iLX4H/9mYv83/nDSckLZqD/FrqwnUM/+jZpxxWVnmEZo675
zJIRn7437/ig1fybDYOkTZO/ff2/u/RfPVkXedeO8e+UnDJ5TxCeJMIfvnrxK/HvrF8J4T42
07+NKKKff3+BwtZMOPkX3JYjPv5S2DAr5WXVn6sI+fPNiAuwZ6v9uw6YrmwMlvNWI/wRoEmv
Sg9m/UwIaTeb/o+kvPrNKUc7LPnu6HuPL+cfFV4DAC+PfklJflhJiOapPeE4fHf5dkfYekm1
CH/4q+5fp+Twk92WofxRx3t8toiQbU+/XEwI+TcA9HmjjQjwk5TfwhB+Fm8RhD9cNf0/xAp+
/Stm+OMd7zGwgP938m0zCPkAAF7nl38L8K/8H17OkJdGi/BHjL6fZQ0/SbZ0/Ysd7vEfMftz
8aNfkM8BYCkxwZ/9FV7OUJZBSRNSXovwR4w+OGAD/woL/Nc6rOY0dIT4V//lx08DwJeMCf4v
MvFyhrL0zbSQ05vtNCD8kSDujWM28G8GuPNJif6Hmx3scuyhGmLx9v/v62wJ/l0PKvF6+iBj
gxc5OGqqAv+Fjo3ch/BHhP6bYwP/PIDBlTdL9H/kaJeJA8T5v939rrkGhpbdmEvI0A3k+M1L
8Wr6IuWWds833rUw8F9o39ebEP6I0O/jbOAfAfAhyTVZ/omO9om+NWb/idwh8PbKvvA/svPu
L7cO/GP0nYvwYvokutOLGp6dDYFf6a/NuYTwR4RyXrOGv7YfwAeETDfRn+top8JfPvri1+te
JmUAAwlpnvLJnU9OVuC1JDjVhwop/XuBFfyfP/kY8LN/30vw3+wsN/yUZztIbV+ADfyTwSvD
/joxLMKPCjMdueWCDP70e4/fLcBvfF+i/8Uuh7vFPVJHSE1fuPt5fvefVoX9ddIZEX5UuGn6
zeeFv5m/ErL3uuOKKBCCdRrvlOj/ydFOk+7hs1NU94VRs94n0lQfwbR6EQk/VYcQhawW3hbD
/3x/D6n5HWJISRR8J7xc0EeiP8N+lzH3CT/4VfgHk0c3RAT8PTjAoEML/vYSDn+0kNX5Qc99
/lfS6zd+8urj7eRUX/hWahRMTr/9dv3+vWJjfxX+L8iSZxB+v0pPhZjZzyH8oaza5ZOnvfUf
Mm4MISeugSGmcb0E/x02C03H3CNlpBPgJ2+uRvj9OsBgcMyP6lnNn6R6vIKQo31gmOmlLyT6
P7HaMOF+0yBPhH/mBwh/eKmmjEP4I0qZ8QuHEkLyAcxLc9X/kuiPkW03/i6zISDC3/7vopEI
fxipKvqnfIQ/opT90+fbCCEHAUaZX7v4D4n+dcQ2uNcCP/lpUuIqvH7BKMVGx5kVWb1saEHb
DjOujP1lN8IfUVr0yGBazOYx2vJijgT/PwpNfoA7mogt/Dvf+nkzXr+gtN9XOw68ZDSWkCWO
0tu+ffYEjvkjS2tgDP9nF0C0fDAg0f9Yp/B0yl3yHN0S/K2vPLkLrx8JyzSFCH+EwC9031sB
JspfHibRL2TqSLrVKre0BD/5EXbj9XOHmJHFCD9UkGoVVEuGvhX8rCnON42QxLvLiSP4k2A7
Xj938OuYEM0oiPCHv5aCiv+zCWCq1ev1d0j0n1za3ybHkwn+HMjB6+e7dU3rEH5Ur2rBY8Lt
uQYgxfqNgutE+Pu+YpvYxwT/6WvX4/XzXZdmB0W6fqaZQvgjVNlvC39WA6TavLPCWV4fE/w1
t67G6+e7KpJKg+FrVM2/RKi95xH+CNTsz4U/SwDsEnFOkugf5gT+jnsjLchHR/kxnp2jgmIp
T8uxLtKQIHh9q9sR/ohSprieZ7ED+MnXEv2LHMOve3BFhF0spYINy3rB2vPCso0z9Qh/ZMEv
ruSdD5Btf6/fL9XjLUD4BdGhkdojZ6UfCpACVjYKe2V9JvyZY9e/8/6AZ24X6X+w3RH8nfdh
bH9Qat+eHvL2szRe7FBW9ntiGwBglx560i2aY5Lh/6Uj+BW3r8brRyI6jRcu6Q9pzX9M+DMD
wNaGz+h/mZDZDpJ5m+AvjMKpvojP4UdpsSUIWS25lpLgt+nG028UQv/+kujfag//NgiehT2G
Mw34W/YG/I2tCH/IaiUoxFBdWGP1+sz+Yg0H+i0R/luK7eBPD6LwXmNJM/6WvQE/JvMKYa0B
YWneVIAt8pdn3GjK3K+4R6T/WZ0t/L8G28IeLlxy7QbDiUAoLkVEeQl/HP8nAawC9af3t9Ru
Ot5PpH+IDfyqVx4KNvgNDImM9bbhD7/jK8AgsP7U4ru+5//EgtyGn3mTfB3fWmnYn20N/8HX
Budgh4lFO9yKbfIhMfGVEwz2/IFW9refHSCExABYKjSn3W5ds3GqRP8xK/j/iJmMabwQfg/a
5C6d9zspqzGAKOCaHTeTT+UzCsAcGTLzljKbjb4U4X+4UQa/9vlDYzDIB+FHha5mxdU9XkfI
SABT6tbk22zZJ9QzIv3vMxb4F7xJfkT4Q04Mwo8yw/8r+XIyIcMBDosvZPa7YL/VeSnON9YC
/0fZmLc/9FS6VoXwoywluvf/W0eGmuBP63fZ0WaHpGH/MhP8uY/oEf7Q06phLQg/ygI/eTeJ
/AIgJG6ef3Ox4+2yRfijiqRCnc8sxlp9IaiKQ8buwq9TWXzubNAUM6Y7GaJR4FSg1/BfvKd+
PMBJ3ub/h9PsMlKc75MqHv4Ry18kCD+JSIcf1c7ZTb0xHCFcYVXAv1SD0in8XQwp2IQ/m1fK
5GN3Jr33A8BpQubfetbphswbIv0/EkVfeOKlAoQ/KGWke8vbzx2/4nV3fczLXYpcZj47ewV/
f6+U/Qv/7/sAUESWDih3sWXdoyL9C+koKe0Pwh90Ksjgu1/GyAUc/u58AqOR7POis+6zEmGU
T4CknP70nYNndZCa2wCqjsNrfwz63rnpVBgl1vCaeye8QxD+oNSWJfyYnjZwQT3Pz1CMpzDL
S4yh/Kl194364v82/d8DJeRzuCG67xNztm1Pf+rDLmebbxC7/n7XiAt7EH4M8rFT22kVXrtQ
0Obr88n83wlZe3fJMAD4Q2yGv31O72yHJGnCD+FH+J2oo0iN1y4E1Hb/LtHbT7JfGQTQ11Sk
9a04p7t8hvAj/KgwUNrXRIKffAQAQ57ZKb5+4nmnjbfqHYQf4ZeLa7pYUV1Zp8cLFlr6bpYZ
/lEAUF14g5ipT//WUaf77Eb4Q0bdS6ztIfxl6ZNTkqZMWXfgAPIfShq8ygT/mr4AUEjKX35F
iOv/cK+zXRY8N+wOhD8iUoJ4CH/OmEkJEyfFT54wBks2h5KGTpbgX/rYKwBwlBA27o6JFGl7
3cns69m3Ht0rxvki/Gj2i8odNysrNTVjRsbUZHTzh5A2vCGu6ltwb/FbALCAf63i00dWZX3j
cPP8zwak6KUhAsKP8Itq3Tx9dnZ6ZuqadZPK8KKFkP49kZDZiXsf7Jp7XxRAf/HHq/wYnttr
14jXz3nn3xM7RGNyIMKP8FsG/XEpS6YnpWVnTSrHixZCquj/E9l83QvHEq+9FwDg9jz+xarX
49a/8dyXMwuaxCgsTlexbcrAf/9vrdmh0/ovCf6vluI1jHj4u3ZMnrEwJXnKn7iqJsToH/jG
i/D4C3At7/AD6Pv6wA/fi4oaNuWnhwD63v7ke19/+9Wg1x64sQ/0eWFk3I9ffSPqjzfhrl+/
+Wbw/+7cgpcQ5/nJ9rln5o/4y4OirSxG6gaVChctXp+bd+BgPq/d62dOW7UzP3fD9oP5+7dv
2SRqc+6uvPz9uRulp5s2btp7eO/6qw/W7WrHC4jwE+3pY/uW5aixwAcKFXkRfsEBtaoJGxcU
KiLDe3UWN3UzhhyhUP6An+rOcZje6I7bdnXgL4hCdR/+ru4cZ/8+vJYoVKjC362++2yGAi8m
ChWJY366sKHHvzvXrMEfEIWKxPX8nNqAPyAKFTD4Gy7jRUKhIhL+/XG8Pa83VeCl7cL3Wik3
gT6cyojXGYUKPfirft1ACGHE1Npt+fNzjhW2yd+vzqhymIpbRr8RK+ygUKE45l+yzPywLiN2
4sT4idlNlnephdOUwRsNiEKhvIa/tVUv8aucX6ejhMeGxdFJaUkJk8Yus1j6F8ckYgEdFCqM
4FflNxdKNdyrJ6dkZh/kca9LWbgqOSl9QcbEneaOXbM6phivIgoVPvBXZZ/bvV4k/O+Y+NiJ
49dRhFRlzF+RkpqevTAx1WLqa6pxvg2FCiP42bzYSVKBh8UTEqevy4wtJKQ5fdKsadNTklMT

plWQrrnH8OqhUGE45mdPn5Ym9eaNmzpn8bSEXJqQHcNTZ06dlpGaOquZUCuO4NVDocLa279v
xPTM9JkxufzjTX8lz5g9fdWabEzhi0JFQHjviiFziTJNcP/p141JS0udNmYvXjgUKgLg126c
WXS0VHqSlzApZvphz5f+a8spvMgoVKgu7OGUCrN3n649XeQ0p2OXfbyPsUGHF9kbGRvCZfZE
WWYf6aW9cmjj2rWbTtTTQtRo62Wldd/AdTaXYjB4SK7qayjFC+qxprwycmZ60qcvXbJ++Y03
w+T82Df62a64Lhp5o1gEtA888M1/R6pJMtzZ794HX/jgkx9+GPTuO48+eO8dd99yB/qTehV+
KZLf+9+bxgvqsdb80BcAXphgnQQlFb4Kk/OrAjhk9ULjtwA3/rG9orOzI/+PKIAHdeQHgHsG
/Tr4x1cBnvvpy++HDBoAcD/mZexV+Et3s6FVbjQ0lQzwqE0Swm0A34TJ2WUDRMuf5/8Dbltj
flb5L3iBkGdAmEQiOwCWiK/nwpsIZa/Crzje8104G3n0nwEYaf1K+U3hA/8XAK/Lnq4FeLZF
9vwSvExqIY3YwM/+axBC2Rvwe11tw3Cx/Pxlr9sJjsaSPib4J1m9oH/ujg/DBf76p+4AOGV+
WtwXXrN2B7/zMNnWT2kLP3lnON4YvZHAk/Z23X3dlEmp2fm6kEjzHQrwD4XcH8MF/oW3bo2C
LNMz3fNwS631BtHPk7ShxA7+z5fgjRESPf/RURNS1s+qwqvoH/inwxjmsXCB/z9PkDfhXZON
NxVMFr5Zh9JJG2UPfwf6+0Jiqk//d+ycOZkpF/Aq+gX+HfAyae0bJvA3QBKZBH3KxGfqh+B2
VxU/ZfCjggd+w6Fcp5P3bTNT52QkxC7DCT5/wF96HVwmDX0s8OsOZ8dMPigLeVmQa72/YtPU
1L18SJCyUasy/whadadYTbVk3sTxa70osssWL4jP2KkmhFJQKvNYzqiiOh1bhC0bkqIzjjsJ
4FwPp8hZ8/ltduPHRPiDEv4tP06Ir3M25I9LTkubOnau1yFZxkAFsRnb9KEKv+ZhOEBIvRl+
es5tH0/7/XZ41nz1lfCGfO/S0eNTngN4uoKQJTc+cO2d77zF6/kBt9/9aCEhpPCr8bMTnoV+
c2WNxTubpEet3z31/bjRg/6ZITve3u/Hx9wJ8MAuUvrgnTdc/xp/vLdffvS2+29eRNa88e3I
kUM/efXhDzNNYQnav254Z+ibfWHAfIdNw3MDWGL8N7wqPhsDMBvhDzX4ufz0P5KbnLx5IWli
UkZq3FmvP1TnabEN1Rnvwr2OxbeFKvzfwwIig//kw/AlT9Ub8LNpiz1wnawwylJhmjAN4D+E
zAd4OG7lspvgty1p39wAN9QTsuC6FeJWEG/e5Xf4zNRIHs+6CeCl/TKjbvZzh0VKb+5s6Ac3
/TR/zyvw9qa5wx8EyCF1ux4B+Gjjiribod9+YfPKW2ErIaTzS4BPHJRtr4A/CCFZJn//JwB7
EP7QG/Ori5VO3jmyYGlCatqoHQH8dqoi/sZiDZ56IvesCFWzfxRMIHL4c+G/wt9dAI3SJkMB
LN34HPgHb3C33AdwmfwNMfxlugf4gokNtw8gZDXME7dLs8TZUY/CzZaZ9kSIuij7Lhl3Cs0m
/a9rcskVeII/9o9iu/E18K37UeANE1J1F/yTb49r+1932dyp/9f+1KbCSULI+T7iCaqfAshD
+EMFfm1hs7s99UviZmSkj8kJ/Lxd1xkPZxPPT24KUfiz4UdiBT/JyhetKwCpu6e/eB3MATD0
UxAlzLIMAjhLUgdQIvx8Z0x+fIc0RT0sXTLFbfCltM/fHwyEv80fvg3ukYVblMJE8cGmAkLO
3Cx00z/COP7Pytv4W0F1Iwhd/mQQWpgfINtkRLwAsMj2zJin7hb+vgeP899MeTfCH0Lw61Pc
9qHlUxOTM+Nze+A70h2eBSAwSUPPhCb86+A12gZ+Savg/6RHOW9vhahK6UlZn6jdwkX5DfpV
k1EC3yb4B48mY2Gy6QDvwvX14qNPNiw1H4yQ7Vbw/whllicHn6Rk8M9/Tbghboa9UtBuHv/N
ry83e4UAXrI9s0KYJvydDsJe7Q8CrEL4Q8bsL5Iy+BkLnFn9LdkJqXEZWh8/t7k2AHME26ee
DEn4j8Jtkq/CFn7jADgnPfzzd/JPWGky4eNLxAexcG8L2bZODv+KcvI4fDrht28/+OijD7+4
HWC72LlHtV7hxwiStsrhb+rTX96sZ9Ey+A9ukcMfD4908mOGZ81bGx6FqBKbM4uG8+Lp/AN+
4b/ZhyC1Bgh/8MJvMuFpM5mG1TVOB9gxyQnniY/r+w6NLPDbOeiqpPkmQzsJRfgL+9xk8rzJ
4e/Yt3vuy1+ZfHxdt24j38L7tpHRsfCyaYLDBD8hpwESCretnjFr1qwZyw4eFR30iR8T8gJk
WOC/YdLQj3+YL0wm5MN99l9Pgl8yBUX4S6699iAh5G14x/LWXwBrrPfkHoFnBr733nsfvHMt
3KsUNxmE8IcI/KzlHtM4nTwriB7rNJ0X1enmc6n9/rPQDaVtJITn+RVRYDZY5PDvf+W/D9y1
xjTi2XNrHVkLUG4H/9uMHfyb7XC8qsfTCImBfxrN8EdlrxlzN1ybKRjz99Ju4T9Z8denUd9V
8B6h2+XwzwVhosKK5X/9eNc99957x1ufi99kPcBNSoQ/jCL8WpanOP1B3WcE4JhOv6Vs4dhQ
hT+dkNZnZKTK4W+nhLVwktv+3YGEdNwCqZbdtXnzRv18H7xmdAT/LNsP2/VgDSGHLVNuktn/
E8B8QqZBvytu4T9eOzH6qzdfzzQQza3wvOWt3QBLrff8zvwprQ8I/kbqEYAshD+cwnvVdd36
6J37dREf4beG94jLQLVz+E2R/OTKAbwH9jN4xfRGw6jXfk7P2vqGo55/D8AXth/2zcNimO23
1vDX3ATPa0kmwGqPzH6yJYr/go9Af4Uc/oNWO9bCfebWeBgA36xMA3jGiPCHD/xUR/c+urpE
H/HwbyLfQwxxAX9JXxHXubfwLeUqgMPi6wtggFAm7QfL9hb4y/pBVIX1Zyn6CjECk+CWGmuH
3+f8UOIEmCcE3cBPkgG2kK/B9FHCkR6yDsX6G8YTWXYSfkUP9YT9yp76dUaEP1Th1wSDe43R
sqEM/5mNlgg+gVFb+Klb4F3+7/vC6tfy66U5vGWmWb/34AcZ/Lukh28DjJENsAghS0CAPg9g
mfVU3zAe/o5HACwTJYx4SX+EWAfwVwB8S9YA/GV+axIMsT6vl6HI/Li9PzzF/y3qC2AzLfz2
5/KePxtZDMUEnsaOXlyfb1CGMvx3xsJAq5dOmlbAqBLEHpq6CYYRQq5IcbKD4H6+yW29RwoK
utKXf8AIayV0d8J66TCrAGCduWfmoXtInIunn4ZXaIk3E/wPtBEyA+CFVmn7omRxIPGNEKIr
qamfFKZT1wcGE+X9cJ1pgoJ+FKwDvNfCvTKb8P8AcgjhQxngeqvRwQxZ3M9KAMzh0avwN1Uw
Ph2iYE1172Vb5tiQNvtt03VmAbwodPEvwmbhhRyA03wv/K65i8wRk2OKvW200FjME/rUY9dY
4vgHAvRJFyhX/PbYYT5aOEV84w/T6D4Z7uUvnf5Z+JNvY54BeFact113v3gU3VPwlsVtmwuS
WbFBCDLeKKwpEDTdZs2O5mmrCcmRAK8IbVPeHQDTLN1EusVkESKXH+tCGHsR/rTUap8OkT1z
wx7xR6VrNaHC3ZbggP85qwvWkNcfACZXdZL9AP/kp1KoB2E6ubRoBnx2Jnfr1q17lveD55Yv
bKUfg5t4yyDr50/hgXNTX64kRNv1CUD/o10ir60DAOChuEXTBj03RkV0OTfC/5oZfpXEfwH6
bTIS1b5boS9faXU+3CZk2Cm8EwA+mbdiyosDDwjoG2cAQLZKdMsYm14E+JV/1Hwv3MvHUE8E
GCx81Az54ICQxtNvA8DSKmlI2FJwHwB8dJwPRa4fcg3cN6eGv1U6tz4DL5rmZ2nFUgCA7y63
II69Bv/i7HrLk9YrLmx51spEKE2fJHmhmHPKEDnt8qNB8CVy4U1rt8lP8OjHn7z4j+t3EFL1
f3Dr5PXJ996cIwTJ9rnpphuv6obbowDgziaS1weu+2NeTAbvar/+T94XOPa+AR9++szN/yeV
AWj4UsyQ/y0fJPR7v1cHPfFgPiElL9/88mdPQDz32S0vDnz9x01rf5H8hoTUvS9sH7VQGjg8
dt+bH7/Z/2lxEfCqO+4f+PZtY3Yu+/laeFT8hNwBcMt30yY8+8A2q1NIirpz4EdvP3iX9Gp6
1D8HfvDRXVEfC3fTxeHXQ5/bH3ron/3htinmZq/these//jDd/vdtgxx7DX4WbkFrZWidDoK
i+yBpq2X2amaA297q043hN2Y4dxSm1Cotlb+ulKNwhTo8dGffT16Pf9wIUBKu051VWqqdEaU
YC8XjXzz87n8sDv7P6LfvVlBE8K11ptTJZxJ+nbYQvG3U3YSwjRThOjq+HDsdiXbwBvZ7Qu+

/HqpZbr1ROLgH/42IdlVQxFCKIW4XLezgSakY0vy4Pe/22bawrj9j3e/+H2ZzXpetZK3B6gm
6bCU4JJhW033kPbA1K9effWzjOPyrqRZOIa+RYs4BonDT+rd5yUviS/39GBsU8DM/o5puQGo
B8BpQiEL0QKrDN8xwrI6FCqA8Au9IjMzMTs63VNfDNcVuDpz7b5FFbjOBcBWd4VAxZAM0+S+
oPlQh7ctqiem+hb+lZI6qTCET9C1ZS+WEGDbgro4ZtJtctv66/fwrkX5P3W3g/fLJ02Mi7kY
7pNyVFBXhv3rfvllFFP+oFB+dfiZLGQrz1/16plrXIXh6ko9tMeNqmCfkmeC9AsWbpQ90a5S
4F2L8nvFHtO9376rXVbGw9Dscv3N7ui95ad13R59uyju1VMDck6HOchREQq/mWBqrakIT3GO
Ox60M2My0ybaOAW4Lv/N2tDLNzE9VMeXxTJiqAiF35KyR2vyfxUtKjzn2hemmpuYPCV2sXVg
MF3hx2CtnYuklkRjcF/uU3kZi4CiUF7D7yD5Dq3dOazO5bT5kXGJ09OiNwfQgDanFNNZwc86
nKI/sRJNdxTKx6k+2poe3alOl5bx5dVp48fM7fD792Ip8ye1lXR6XOtX0xnpP2jFL7vsXtv7
UzXe6Sj38Ot0XsbLVe3ZGoAVGaVz8qvLhcGEevaf2/F38lhzYDCx1YtwBS8MyoMgHyu+NaU2
xTu4nnGKsWtGxU/KEhLENP8Vt9fW70Ab8ZdzookAtmWTj8MNNXhhUN5G+OUOO9srs/XM6rik
qcnHhMfnxs06ZfP2yc0a/OkcazjATJuXhppK5qFQXsC/yza7EmvsRtdfeNDjdCFVySPjR+SI
j4snHrZ5t/Y8dv1O9DPAo9aGUnk/gHy8MChv4ae708PaNRQn13mesrN25excKaSd0zL4Q3mq
jwFgpdUrcdAXduOFQQUih58L+D3aqtlxA8Mh8T6Ie3fYffCu/BXlXf97W1agE4XqCfg9k353
Ff4MflP77UtjAOS5MrLg1AsIP8oX+Lsd81qrcBSwL3vc0Xvp++mwCwlSXrflNMAIywvauz5T
PwGZssbWLumC9ylNjAYkB+F3L9W82Y0+DggCry4q3H7Pcsgnz8N1lpIdGyGPPGTJ4r9j0LvP
Xv+vCaWyBnDdxA/69v+cTw9UuvhIXbVi516WkMISTcPxNeXk6LZqRe2lnVv2l1l+srKs0Xf1
/b+dCE84LekVR9oOYS/Jtwudo/UeNQvKaeMzj3iXXMuHfFzeHks6mDHsev5SOEpmgqwK0FP9
if4BU+2d+vdhxNHiNc8AjDZ5VE4NjM6/OBGAr8Kx69MH+tzU5+Z4mpAFd9ze59438sjcF66L
inry7af6wiPS0EE7/NWcS5vvs6vOiQpl+LXOQ+ZJbnSx7UuUh2k78+ImHvdLLhA/0s8Yw3UB
Xx6cJF394XbTWGsvJJPOh4Xc/IRU39hXTL37J8CnouV+6cFVRMwR+jl/SU4APNoszRr8IqY4
+0UozUX9JBXVUTwCJwghBQCPdiA+YQM/7XyxHGku5qPtzixReNrzs7QpPwB9rojxO/y0plux
Rk7smzDQGqggJBVgivT8rb4dhLwCnwkX7UXYL738pWQcqG6aJL7w2kTxwrwuGQnbzPWzjop1
/9SPw918GPdncAs/VjK+BFCC+ESQt3/9Vx6nVu/KLSUBnKuj1TgR6FDLoZKQxjvhJnExZiEk
EB7+//FPsuFj02ZVNwLwRsBQkLwDDZLB9wlMJ1e1z1J1uwKuFcyF3wHKCFHcBq/zRTvIFwCl
eLkjCP62Iw6zeGs19j5Cesk2vLi9oORreOMsHiBRePoZ3xZcJVqomPU0ZJi3+wNgDiHN8LTN
/p/ADMKvBkgxv1Jphv+2RkKqbhkuGk2joH8jXu4In+c3ErKv2EHKf52lRdBWBnE5hrLwSoQd
O4C/7o3/gAF8KrZTYq3NH+HBTkJOXiMrjbkL+BKh2yy2gKSPefgLolYQW/i7HoJkclVXpFm+
cfA4VtcLU/jl8XVqFxPxbAtNL56347Krz2jf1xa8F+BybVj9nl89IPxYY0Rn/FdiYe4f4Qk1
X6Vblv9f0R8e4Ktrf2oH/0xy5IblxAr+UtJVNvgW62Ue4+BdTJoUrj0/5wp+dXtnp7QBzZHa
ecl5bE/N0qFc6q17hHwMpVHwLEUKQSyiOQTubRfKcBdYNnwa7uc9+W/Zwb+APA//O2cFf3PO
C7f2i5MlcO8sv/QhvI1ul4g0+y9MHrtFRjTH+bDMH1uEQOj+O8WW+jeAg+RbECOnpwFvAWRY
Tc2/CC8Q8h3cp7SFP4OcvR+i8qx6frqmdu+/4SXR49Oy4Ndf/u/zu+ENzJgWGfCzNq38gUUN
gS2l42cxhshoa6gb79KY1vH+0CWO+IU+v4aQDQBD5fCPEByDexyM+YtuhuvO2zr8lA/DExQh
mnFRX2yrpsm3MAjpiQz4i21LWoeYycceaYiIn/M0PCO1ciPh9RFRleLj6QCFhFTfCg+afzbD
o3zozg4QJwGJjbc/B+AVygZ+Mg9gBal7HMSIgE/hJ6QnMuCvD0QGyPbKnjMc6yIjs+c8+ER6
VNYXYLT0eBYAH8f3X/GPoCNwn4oQzeMA5urHXWUsD/8o/vF4IdxX0BW4VnTnngCYSb6CN8VR
/2MIfzjDzwbaMC/OVuIP4F8NghdNC3CGwzWmKJw4EAYA+QDPmZrbn2AT/2c2wI1F4iv0pzGE
0C/BEGH48KJ5XfBuiBKPcxBgswFgmPAkD+BnQtoxK3AYwc/Sbitr+ifIXlFBSNcVnX9Phot0
J+IyADhr7rF/ML38CkB/PvYnHWC4+EoWxIsPPgPoF32RI52LXv5WSUhpX3hSmL4/2xcGiBEQ
v4IUHvAF3NyuBPhQsATfiYL3SfNrO5Cg8IG/bk0FqTzhsstnjf6wCDaO96HXZ2i2F+pthUyT
MuulPgDQ7yNxiE4WnxT/Jg8AALjx+0qB/g8vsGzpLzBZ2of6AACiHrrl2jeubt2w5W0AePZv
/iqvAHhs39rCowMB4GkFIV2/AKQR8jVAOtt54KdD8dB38FvzEKAwgr9j/UWy85djbmFgG+q4
bhXarFrvVeAPPwRhDy2en0P1PKZsqASzLPl1zrbcnMnf2yTpz/x5yc5tG8ZG833/ue/6wYDX
nxoky8m86pUogLuF9brF49O35W6JnSWYf3vuBnineecvC3fljvh97Ns3wIu8d0A1GOCh4cmV
RPEQPHsR+QmrMT9HSPvcPPf75S525azr7HRrKHBe19AsmxodN27pFU8XAeJv61DU+QOHrY0u
Y01RqaP467ZCc/Cj+uTe43XiFeUqC08K44EGzKAcjg4/rdEKUIf9aWM156Jb7OoKQC3uHTGp
yZMnpHhSnp7LX34Of1sUyuepPppxb0z7zyZmdG4OdWby5MyszCRPMoNwc7+fiWnmUCif4e+h
wS7n4UBAO3vUtNmjsz2BWpG2uOp8Lf66KFRQp+4mGk8n/DrPL07/2+kicnrLRvPj/KGbmqMP
etLwUGggoBB+s0qP1ARr/mxa7dw8YPM3mw+k3jIqboMnmXlZNcKPQvjNWjgktSIQdn3FNrrn
kutV1+Nvi0J5AT91REGIurq1meYr5Bm76Z63wK/c3UFI/T738OuVAQ/3938kEINrW1GhD39r
XKJ5AM4Z3NzTLO0xRu1HrNfVdDob5jN6v6NZa2PG+D9xL4sxBagwMPvzMyi3U39S3ymfAaS9
vP237wnU+XBq26+ibMBfGYVyDz/tKtVmq0oOv8x85rR2RkLDBVef2tEkd+K5bzm8CBo6fwZ/
VBTK31N93hS3aq3x3IPPuvUXtnm+EEA5HyPOUSif4XcxmFc1EV8m8jiV74Hg7RqvNr+Ia8xR
KJ/hL95gWvpBU0RZcMI8F64oWZNRcbnVm8U5jOAoYOt9r4eLcTgoVODhZzsEN3zVNGlJODF0
kM1/xUoZYdjS2QkTp86dvFTrdXQOR6NHHIUKZviZbYfEoFfzuj6O7P99nOS8OzklYfLUlMTJ
sRu1sk6dlJQGOOgfhUIF3uxX2Pvp6JOnjISwbUayZWxSekp6ZmZKTKF8gz1T9gemHNeZlb40
K101uM4chfKjt58+0UByR2fNS52RmZkYe0L+lmri0PMB+W7lE6N9KAG/LbYCf1YUyo9TfRRL
lg+fkZmWNjt1QdZGuQ+uMWG+KjBfruGA2vudzq3CqB4Uyjv46fJWl5teyD6/MS59VkbmniWp
8h5ZVW9vZ3e2ODhAbehQeWSbFu8NVOTArztY4zKaTqEgdFbSotSsWTEz3XX1tY5S7e3eR3pj
LQ7l/Sxj58ghO/HeQEWc2b+HL8V8sMDRxpx+TuzM9Cmj/twlINlEeeeZN7qikO6gA+T2z1nl
9S7aZamH8d5ARRz8XbUcIXm7HG18LCFlyogRCXOOCZyyDWoTmcrFl7v7Rc6MDlRfW1PifYwB
TeGtgYpAh59luV51mfU7TYerS/PzLhntbHJlyi67Qr7e4DmvgjQkr7NdKNsr8/x2JUlRqAhw

+OmsrGyWkPWpnq6mKy4hpZU+f4n6mKvEddiU0jTqA3C6eXvcBQEUor2Pijz4GR1ns7rn8kEv
rN+2dllXfp72KpBPR/dQiowjmS7S/lcXUd2u+sNiWCIqsrP3HpjrxUxZT4b9s/XOIwfaMsZs
0AVfkjAUKvDwUxq/HbW9jg09XlQrhiZizXBURMKvifS4lo79xbj2EIVmv3x6nRGDeWtOsSGx
1K4hH/tvFKp78JdJi+qOrhFm8XYLS3sNVLDjn//7dg4z66JQ3YG/XErpUXxAcMYfS+AX89Ga
HoGfVvucDL80dq2joAUUCuWTt1+VW0a6PAjjaVp83Mtv0LTJvEqIbjBPLTavu+DzObV34e+K
QnUDfs7KYKbyioU/S92kx1w3YmqJd9+gOd9MvDLznNlcV/TawB0HCqhIhd+oIaThIEU41kHc
r36ZEPGrVTojZOkfP2XzQXSclvG+OifdrAmCS4IDBVTEwS/5xqoPcUQx3XXafVprIkRfpCKE
aPV0wUVCDDRR5SwSPAXUSde2t81YvOUc1rtDoXoN/kv7hWh6A9/7iqt1r6xTuOgQhcaiYvT0
NkIorXHxXqJdnN1gWRbnlfVcu1sf2teRwcECKoThV162XfSyYuAWF8WzBcu9ceqI2bXCMz3p
jH431+MPNqicmtds6FkBJZnrMW0oKpy8/eWLi9yOjXePit5veuV0VpXHNbwNaqdvckyoXUXm
4MyNOG5BhS78/DBcZ219M5zbwhza7HHFTrpsw/mOiCnqQekIfV6N9xMqRM3+jQqiVDoY2Gtd
1stq3ONsUo5Ve2wKu+js6VbaA49hMHT/5Zj+BxWi8KtyrzhGStnpoKer4ZG0X4dv5xno9syZ
sdkx/Lh4FoXy25jfmceadtAtn5xVaiTEyDiPkGHE0tvU2n0BGQ0HqufHeGAUOvykHt4JCwdH
JayyGg1QDTZNR+NOwX+gX5RYF0LXQ3WqE28KVERW6eWI6oqlo27adciZD6t+9phtVi90XLLp
4FVVYrvRXuaHsL1ORQ/NpKmKceCOikT49RuLiGJms+mpduWIBCVRNjtsACil0S4hT4cyUIZ4
Z4UefysUKnDwq9eUEGOFpaPeEDtl5d6ZM9a3e3iwgmly+mk1h6NwFCoU4NdynNGas/3jJif8
FjsxbqWHPbpytHwooEzKMz+uPI7WNAoVvLX67Jz9qiXLlbmJyRNPeXq0/N3yZ7mWpuDv/xzE
a41ChZC3X68mhaOmpnjsAGecxeo0FrS4jfELbeueZvBmQoVZJp8LE9KSpp7sgdT7IT6yv1iI
NxMqdOFvOeKo8va+hLS4yeWuO/yWgI3omWBrE2i144auC1MGo0IYfnW5KXO/usYyab9i1OyU
39PrVWbbn+m0TfDPGa3m+I1KutvdPt0lziQenO+nCX59lX8OpCtE1yUqjM3+hsUxtRa7Pzkm
e++mlEkZh6WIvpbEja6P2bDwUrcHzHuT1gmpgEpW+2mCX/FnhX8ORDGy/IY05vBAhRf86+du
l/nnDi5tJfTS2NjpUvSPdu0+18fUFktb0jrOR+Nenz0m5qhfAwKYJcf9d9VovQg9Z0T4UWGx
nt/8qJWSp7CleCu/IWdrmek1o1VQf1c17cxZRyl9ZuNY7JDdXvfJLoORKD+utjevQMb4I1RY
wN9uOwq36klLbWpbc9Vl4tudFbSDTL8Osn9717cW5lZ7u488ORCDiXVQKJ/hZ61m3m2X7uvm
xqrsmglzc8GUN3ud1JJr6/Dfeem13Q1NQKEidZ6f1TNCugyVXRofRaOAauFa+4lBc2U844wk
NVF5V+2+bc4Kb7trxqkH3+MafWpxNGAw4L2AQvhN+fhEfIpabL1pm7e76r4l6PLnt7sKequ3
W+PPdTSduujtMMHo3bRbrdJp9ZDyc763H4Qoz2jwVkKFXYSfKQ8fbV70U13rwYy9mwy8nXYl
Pdidp2zjff0dFqjLyFQ5e6+9yT7e2PMBgSo7vQHvJVQ4FurUU7KxsV+KXne2Cbl+G2Qzii02
+BWvPlzpZ6/d8bG7/T01154rmAyNOXV4L6HCBX71FYslq9gsc8UZFX4IcTu0jBDaQPalrN/k
JPZGsyI2evxhb47J5a/aVO96k8vH9H5OJLDu5/Fn8S5ChTz8V+Qc1u9sNSXoIXQHzRpMfSZn
cGEO07LJdG2p896wTXAa1m+cED02xZGPn96bMW5MRlpSqxenok8bkr2kgvRsxc7dQ/9E+FGh
D3+Zo+U7UoZsRu/RCLhzWoH58c7hMW5Wuq0fPz15Smyeo7d2RecfTIuJOeXNueQM2Zm52O1I
gdMY/bgEV3v4HM4VosLC7G/Y1yg+UBUrXfaAdJfDe96wLN/0kJq8btFEhe0GqlKZX7w5fey0
tNEOw251rYQoN01doPXiXDQLhsYvanK72YFjgtVxCX98FMJvgTE3PW7KZeHh6XkWbtsb7fc7
He0u9J6aNCM5zS6Fx/Hx62Qug/LsCbM3u4gG6Eqdc77Qc9NfvT17k/s5tzahfVDmedau4NId
VATAryfF48emTCgRe1EZoloHmXzORbstyHsgbb19q1EQkyg35Tsv1TiJ02GFqUXF0rgxixWe
n06b6wB+o87syaMrPQpB4nRYfRcV/vArCHdlTvRsHliWcjV05uv00I1t7oJhaEcHqU1PKPXo
i+lOCTPnbNWCn3f47WyV4myA3oi5g1EoGfx87E5TZvwJByU2zXgf4ivy7suh7J3ink7/7xy/
1aMt2TppFqA9X+W3szXqu5NvD9sBVLjCLwyF105rtt2ko2DtoippHP/z34SQEyvb7IFwQ4bO
NMLuzIi2mwGk9aERXI/wo8IUfsFIX7bQZoOqXdlT41blVgpP1FuLfVv3TurPmx5dSbJdG6Db
udFIjuYG+SJcXTu6/lBhHeF3dgtnHV5/8MfYGRm5yavlnZ/HxbM0G01zAro2zrTop9p2ob62
sFBPCncYgrvT11ZZDXYMWD8MFWbwcxpZ/6ar1xNyKDY5bdxf8kDbzjkJy+o9Ojq98YD8mc5F
nn42uPtVhiG0lWlStlSBdw8qfBf2sHyqOmbl9JSxUkotWsXb8TXx40YvdJMUS0u5SexD12kC
UiojQCl87Ib71MlGvHtQ4QU/3WpLj6arolDClu7i36yKT0tLqHLSQ7ZpZVax8+6cYSh/TKDv
TGlx4Dw0Sdnpn4vE4GgfFQnwt09e7W4fbfYEp/BrZubaReo4ktKLdJo653lAj49xtXxARaGX
H4XyGH4ub5/bnVoXjd7opN/mymuJJ+k8DF5Y58rcLucBeKzfM/KiUDjmbzjR6qTnY4Sxv17t
sq9k/dVhsmq/juPpJofeBqoLO3gUwi/qzJTfU8tcmb1dzlNXsYEE6Uz3Fu0ba6xDBhsuYrJv
FBbtsPJuFUSnxqfsUdi66TmOVJ30yFnnck0M5/vc3o6MLn9ego4a9OehIhz+ThsbvyQxPX1C
LB+ZZ+hgrSbsLu/WeRL9TrOE2Ef9UvvOdhN+fXlw5MotL8X7BxUe8NsCXRw/NWl8Fm8iM3rW
M/+3yr5gFm1bzk41f77P2LccorpdC8h/2rQa7x9UeI7527Nj5qanNnmz1k1v3yWztG1Doaz1
2SFwaeQF03LhIKBf1YX3DypMvf11M2elzhInwJjTO6ucIEvzMflGGYycNmCuM80JpbMmxVra
do+PWVqJdwEK4bdVw6o5Uk7PM7Ej050s6GP55kFVbvRtDt97MaebPPA1eh7bt2k/3gUohJ8Q
Z7GyC1N3JOxysSHLB9sYVN7Y8xcO+tZGcMVN/rwAXBdW2kIh/C50Zm3RrDnlxPMS2e61ZxXO
sKFQQQZ/WQlnuxLPuCJ23G+5fv1kShuaVwzjAFFhDP+CXKsVsnzom2bFqq0bTPV628zY6iMw
Kg5zeaPCEn6xV6tXW436jQY+mN9yyxtPmTN5+MOvH2oLajCNJypCxvwcR2xvdk7PoB2NQkWK
w88NvgeWO450PZ0fxOMCWo3NDgrhN+HgI6oVk/9Mb3GEV9IPF5yi19uVcLpmZVfTiD8K4RfU
blMWj2UZj3LUNsyYEr/Z0RuFs6qd7VO4uKl3z5ydPyxtUT3eASiE31FvzNCsnq45fEnoH9Wl
TpJidXaR3AmTVtMOhvAsJT3T2+Xl3vbLItPxGLXXToTGLSe7PaAw5E7do0e3Hwrhdyrl1nih
j65Ic5JDo76StGX+ttb0VF3XYs9l4SHbV9oSkk12Blvn9ZT/sT9GF3W/79cwxNCsw5sAhfA7
kfas0EWrS53EwfJxQI1LtprNBcXyLXbdYpt9kvua0m7k/Tk250SrX85fW9qJNwEK4e+O5Ctp
CtZ55czravTehD6wllN2+OWL05i3E4Xwu82Qweg4l3U4fAzbOb/Y+0DfkpUN7Qb89VCoHoJf
e7yVqBtkGzGNx1q6n1dHfcV73x3TTOFvh0L1mNlPV3WR039dsLQUJ6Oz2jFID4UKW/jLqmST
ePW5NeITqoQiJ38ZU4WX0CQ27wJeBFRowu9szvtooTxnD5FK4GmvUITkjivzDzfhcCn1kzfh

/YQKTfg3U7bDf5FJzmBwVgLP0OaXL8EZwoF+trYN7ydUaMI/dmGDeRmvBL84lqfUAeeml7E1
SE4LzuNgf4zwQ4UT/MsPG0nNfh0hBkp+Z3M+3+j2KHHB2cOb4WfW5nr2DTkW4UeFmcOvcq3K
qhvO39eNPk7fbDuHp28K8pCawmVNeE+gIg9+iUuNPDwvb2t3OlQj5yDJb3dD6ty0RY0lNAb8
oVDewV8n/aUCO31XXxFQ+JW7sO9GobyE/2ibWI+zcIzUDBgDsuBN2+EUX47xw0jaoMdfYXy
Dv6sjLnN/N8F/z3ktPKeeYhQX97s/wxdhnY0ulGoXoB/5thJAvx7xl9wO5XVlDV5Wq7LlTUM
p/a6FI59NWA7N4Ifpgs4IzYxKJQV/NNjZgvrcvV1tEP4r8iSdFYmxMfHVzmu2mVao6/rvv3N
2loXjB+4pfPyCWb0RqFk8CfvabB9t61QBvCJTRYUFdMSEwsIQxNOJ8eRNYfqeTJ8bzvd6QYm
faOVddHgn5R7R8acCAD8WMsDFbrwH2Hswu4uzZBK0FMUIVSLcH9r21hCmM1jYouIhiass7od
zZ1uTfe23ELnUXXCVjRldfTSEv+4FrYe7z7rWLgHFcar+jhC9O3SLU5ZctyrG/lG4vKMjOlb
jD6V4ivIOCLFC+v4AQajNgPOGF1P6bFM0JjotMqINw8q3Jf0Og5k5VoUJ7zvh/VHKghZ8138
coaQ8sNG67w/XfkH1D1xyurzGn8UGcMxPioM4af5gb6uU+qQ+btcfqMzBoe3PU15YAeza3NY
cil19DyGkIp8m9mC8pidPXLKB2Mq8HdHoRzCX7iRI0SRscvJiLlTTnlHhfSsblqNJ9ayhiWk
7UCjwwO3MT2SFehwQin+7iiUHH7BCme7DER5hSOEXjTaE0aoaslq1xa2+WVOPvBec0VsYVgm
E0GhfIZfSK1PrzxgGhovOujrQRuvdKfyX6Bnz3VHFQFyJKJQIQq/Uvi3ssrdGhr3PKocra1p
ztdi6AwKFVoVe0xZuxr38pY9Y/QNyPK5KuKfmN1gbhBwEgAVqvBzOntbXW/qsUtHn+pGEhvW
yPk98475hcrm4LicnDlowXAFKwugQgv+Dhe2OX3ZSYWsEnPRTGW7rc8uED2hscvGVmDLG4Lk
eprDFZVzavDuQoWU2S+Z4JzOG1P8/CnTLV9ZaQM8Z3RxIOZ8tY8RNt0D1BKS0FlOB+jCGpuw
nBgqlOCXTHrawG3zfu0L7zNnaAeRcLTTSNgta3uDEFW+eVZSeRiNcxTCL1DfIcDYXElO7nFr
r2tsRgi0M5BPZZc6cdx31tC9cM50vTm+l9HgFD8K4Rc6b3GNXle7J3U0dJSH4TmlM07ghUah
QmSqT1/qLn+fodG01L9k+xU321IavNAoVIjAb6x0NxZWphyVHu2csJcNbNSO7xUycNYdhfIA
/g7XGFVYT6VT2y6aneeyaXd3ATtdllW7bKNsBS+noQMBPwqF8gD+PB4xulDheEN6TkqLZBW4
ctIpN4lRwspjOtLlYEOtZThhPKe0vM4UNwf3heLUWrxbUOEKfycPv/Hvg0663KKxM8WcXiUV
Dgxqk7evK0sM+Nk8sZNUi0N9ZwmvrB2EVLBnxqFsvCB6zDOOCq95fkLLOjiNQm+ZxGtJHCLW
n+9QmQbvsrZB3yBN9GnFzF+KWlP7wGm9wFqYQQiN1TyaekzkhQqneX6rbNuaDo3YuRl5sLuy
kuqcu9MYHeOz040+e940QKA6CFFl5Jh37cTyOyhUz/T8VqBaBvfqBpqQM8UBSsNRFB29QWhA
VMIHcjkW+JsxAA+F6r0lvbylvyC7ihiNrl3vPlvrhcMzUipdeQcILrVFoXocfqn33/D1AbOR
7pRQxkd2lUuuUHyWf00AbXwKB+golAfwmzt3mjGIfrzWk0r3lr65WTCNFzxN5KVppw0coTev
CFzqbv91/KVFuBwAFXbwt+1atrPLqpKl0Q29x5eedeTn03sJP6Ga+E5/z4y6ELhiM+PRD4EK
O/hrZiZOWWkUk9kqCzvsc9oabdftFYxebA7b17XR2iqKpX3pY8WSXca6UPDtF+RjRDEqghx+
KBQK4UehUAg/CoVC+FEoFMKPQqEQfhQKhfCjUCiEH4VCIfwoFArhR6FQPav/B0/5XrkD5UAA
AAAAAElFTkSuQmCC
iVBORw0KGgoAAAANSUhEUgAAAOAAAAAnCAMAAAAhHrTfAAAAGXRFWHRTb2Z0d2FyZQBBZ
G9i ZSBJbWFnZVJlYWR5ccllPAAAADNQTFRF2dnZdXV19vb2NTU14+Pj7e3tra2tZGRkk5OThYWF
T09PxMTEz8/Pubm5oaGhAAAA////OiuO1wAAAqhJREFUeNrMmtmygyAMhmMAxd33f9pTa9uj
suRXwTGXDpnmg2yE0pRSNM1ipgcJ+b6dstD0xfgRVbcMaBSIaNiAnlFA25/YqB/dh9HKuzQi
QqgFrCwKqKrDp1d7TCvvBbTjqDHAdhwP+minvLZV+kZA81pbYIA1sPlb5w8Zp/R9gEVgsfuJ
XwubI3xD2Lo4YUpAei9uEMB2XonnrmX9KcKUgNWyugUA3/liwEtf3L6GbwH87rJiEZBDZx3f
uqAMdwByE0zdFNgL1EfLCxamA1xZYSTAT0WzaHUVLSzyA5qVFVYANF9nTpBhAnuaHtBGFChU
07okERiNwlSAOuYxFLIY8lFGTGxyA+7a4O3RkN427/8VbPO59iedDrLR5AWk6IbSRHKeCHaV
JWRjlxew2av0Oxc1YiDVjDlHQMqsgG4nvKn25GShI/eeBwD6CtXgJJlYtlfd9GTAUoj6j74O
BmJlpicDGn9MuWWCA7Zanh4NaCUtil/rhOlMDdnY5wMksT9c6beOm6pTAQDbmAAw6EKtr5Nx
toOP1li/cDbATm6fKNY5y3cmoEkYq3ytWiMHPsUiSr7X2wsheB0wFiHfak+xzrmZEvio4lyA
8cuodZOMu0j2UblQDNkuvAPS41M05w/XjzB8gFcBDTRKII+HljXuo2Ip7LMNnWpIlZyUO1+N
frN42Ue5iV9Ess1FCUvftE+IS3rlGvXRSBs7/wZnAwSmJe0GUG1vtsshIvPRCGGU7xogMu6a
4582Hrpui5dD1FcIC872+CJExn+1p5WH7gcT8yFCb6GBq4j0RnUFEOuClfkHVB57XocIvoV2
7obKj88XAFlByq9qTz8Lyf+0ib6Fttugt8C47wKgHUHRX30TCBfmCRXT22IZOA4dpEWI8HnV
9z8+/gQYANzs/CITpH3RAAAAAElFTkSuQmCC
/9j/4QAYRXhpZgAASUkqAAgAAAAAAAAAAAAAAP/sABFEdWNreQABAAQAAAAzAAD/4QMpaHR
0 cDovL25zLmFkb2JlLmNvbS94YXAvMS4wLwA8P3hwYWNrZXQgYmVnaW49Iu+7vyIgaWQ9Ilc1
TTBNcENlaGlIenJlU3pOVGN6a2M5ZCI/PiA8eDp4bXBtZXRhIHhtbG5zOng9ImFkb2JlOm5z
Om1ldGEvIiB4OnhtcHRrPSJBZG9iZSBYTVAgQ29yZSA1LjAtYzA2MCA2MS4xMzQ3NzcsIDIw
MTAvMDIvMTItMTc6MzI6MDAgICAgICAgICI+IDxyZGY6UkRGIHhtbG5zOnJkZj0iaHR0cDov
L3d3dy53My5vcmcvMTk5OS8wMi8yMi1yZGYtc3ludGF4LW5zIyI+IDxyZGY6RGVzY3JpcHRp
b24gcmRmOmFib3V0PSIiIHhtbG5zOnhtcD0iaHR0cDovL25zLmFkb2JlLmNvbS94YXAvMS4w
LyIgeG1sbnM6eG1wTU09Imh0dHA6Ly9ucy5hZG9iZS5jb20veGFwLzEuMC9tbS8iIHhtbG5z
OnN0UmVmPSJodHRwOi8vbnMuYWRvYmUuY29tL3hhcC8xLjAvc1R5cGUvUmVzb3VyY2VSZWYj
IiB4bXA6Q3JlYXRvclRvb2w9IkFkb2JlIFBob3Rvc2hvcCBDUzUgV2luZG93cyIgeG1wTU06
SW5zdGFuY2VJRD0ieG1wLmlpZDo2RjM3Mjg1MTM5NkYxMUUzQTA5RURBREJDRTVFREE4NyIg
eG1wTU06RG9jdW1lbnRJRD0ieG1wLmRpZDo2RjM3Mjg1MjM5NkYxMUUzQTA5RURBREJDRTVF
REE4NyI+IDx4bXBNTTpEZXJpdmVkRnJvbSBzdFJlZjppbnN0YW5jZUlEPSJ4bXAuaWlkOjZG
MzcyODRGMzk2RjExRTNBMDlFREFEQkNFNUVEQTg3IiBzdFJlZjpkb2N1bWVudElEPSJ4bXAu
ZGlkOjZGMzcyODUwMzk2RjExRTNBMDlFREFEQkNFNUVEQTg3Ii8+IDwvcmRmOkRlc2NyaXB0
aW9uPiA8L3JkZjpSREY+IDwveDp4bXBtZXRhPiA8P3hwYWNrZXQgZW5kPSJyIj8+/+4ADkFk

b2JlAGTAAAAAAf/bAIQACAUFBQYFCAYGCAsHBgcLDQoICAoNDwwMDQwMDxEMDQ0NDQwRD
xES ExIRDxcXGRkXFyIhISEiJiYmJiYmJiYmJgEICQkQDhAdFBQdIBoVGiAmJiYmJiYmJiYm
JiYmJiYmJiYmJiYmJiYmJiYmJiYmJiYmJiYmJiYmJiYm/8AAEQgB2QJYAwERAAIRAQMR
Af/EAJIAAAIDAQEBAQAAAAAAAAAAAUGAwQHAgEACAEBAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAB
AAAgIB
AgQDBgQDBAUJBQQLAQIDBAUREgAhEwYxQSJRYTIjFAdxgUIVkVJioXIzJLHBgkMW8NGSslNz
szQ1Y3QlNgjh8aLCg5N1F0S0w1S1JjcRAQAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAD/2gAMAwEAAhEDEQA/
AKpfJXr9TDYW5Za7LWU3bJACxwSEMI0iIYxqvo2c97HQa8xoDj/wrPPNDRo5Cz+72IFgjnLI
Vgoqdkj9NUCkOOSnz08ea8AH7jnxOKvRNjbtv9ppRz1OsJg7vImvXkQMrajcWj105knTl4ho
GF7PpVO3K1S9NceCU9b9vlsNt3trMY5Cm1m583BYr4+XALnbtLH5bv2/ckiqrgsVUDpAiLtY
tqEmlGgHqAkYD2aHgD3a+EpZPJ28raq1mrlY0r144U6KH1ONOWjOI2Xcf5tR5cgr9y9t07dF
KlUQUbtq1EsFkxJvgkX5zzRryB1gR1ZfDUa+3gJe3cJPZxd53aDJW+o0RNiusEc0WxWRWWNV
KNo3xr4+YPkF3E4nH0rjbqkC0pU0nSwoNiGXXUb2OqSR68g4/t8gF/cvs05LHSftSpXtyL1K
rRqFLWIlbSLUeU8RZefLcF4D87HIXUOrTSKy6jaSVK68jy9o04DpMnkJ2Oyd9Cp3auRu28z4
nn+HAcLkLgZn3vu00Hrbl/HgJGyeQIYCVyrHUkHmNNNNG8eXAWaeQuvJIj5E0wN0itKW0LBd
VX0anU+APAcw5i86OstqUandqxJ1Ya6cBtHYfc8XeWDljnaCt3JiNskVjpKFYhfRLKo+KOVf
TIPLnpp6eAPXrtaCAZJqYghvslPIVmCk1bsZAj5qOSyA7Sw/oPmeA67mkgqZjCTrTgmq2bGy
5GFHUE0UDWIWi8BroW118eAtMEirRmatGvWszGOMIvOKF2sRrtA8WgDDgIqORwk2Sk7ZyLrB
kq0gnxc6gAy1ZfVXkhcgglQTEQfHb568Ba+knoXTG6Q12mOsdlQi17Dkc0khcHZJy57G9Xj7
QAtTYMskwatGizD5kcJWWJyfiLQTKqj8VIPAQJXpYpneOCKoxChpFUwxOTyTdHOVQtoNOUmv
v4Cie8+1KlgxWJKkV1SwcV3QyLp4hk5jX3angKGR7rwUwdu13aPLS6vsEBas3LcXsxqCR7Aw
0JPAUbHdaw24aWdxNO3clA6slBtjqHBc7onDbvA66Ofw4CzFksrd6MuPx6XcVNII1htSAyK6
EoxjnjXcm34eevPkdPHgL02L7cjsgz1kS0hEjI1oBy0vrb5UPqLDQ666A+08APv42OTLVbZs
Ry16FdzHhq8iS2Zo4/mHqDQRjewUElgF0HPgI8FkGRsR5mlZe0lt2k6cEPS2FzueEbiu4KO
R3ezXgKHdWW7wHcNKexVjx2CgDPDE69ZZOmNpLsp06w3aRgDTn4nlwB6nkK64gZjuOKpRrAl
jNK7RaR6+AiYFy7A66cAJ7s7slt9s3a/alVIMTRSN7dif5XVic+la689fAM27npy058Ab7Uy
OXdQMjWhjs7QxESK7bCAVZvXzB9q68Acv9u4nM1Sk6LGSP8AzNY9KRSPPcp/08BlLYjMKrSY
qdrcjzPCgjCWUkiVioldWKpFquh5/wAeApNX70xutWvG0l6IrMtdYg8Q56DSVecbf0lvz4Cz
H393FUuB71f6CZgI98rmBZCD4R2togkP9Mo1H8x4CSb7j9u27ctfLw/RZKu202YwkTksObCR
flOdOfPYSPA8ARi7mWHHNPgbsGR6J1jrhA2w+W+oQswB82hY8AwYL7kUXaCDL1hjprB2xTnb
Ypyt7EsR+pTr5MCeAYr2F7Wz0cdi5Wid9QYLsLbWBHMGOxCQw/M8ADsdg5OjaeWhYXJYqYs0
lGwqLPGWHN60w2qSxA3K+gPtB58ADyOIydCvthqfURDWJoVTfIpmBXcEbaTprqyHxHwnXTgB
2Jjlhs1bcSPE1bfXmWDm6F1DOy8vXt+JQw/08AQljKI064yK1skH1VumiGSOwgDJI1QlEljZ
CJFeJlbTlpqDwBnB9y18hQIyoq5GlAN09iNSjRbfCRon+dGf7wGn8x4D7P8AYPaefQNGRLNK
NYnWToWSDofl2FHzOXlIH19vAY53B9ve7sHclhiMtldSY1OqWHTmdVTcVk0Hj0mb8BwCc8tk
ShWZ42TVXVmZWBXx3LqCDwHyvKQpV2UHXUEnQ+7x4DxJpUG3c3wnTRiNSPMcB5DOrQ+pputv
1Z1b0iPT1aj4t2vh5cB29mPqsYppJIdSELEoxX9O4Aka8BPclydeWOC4ZoXijHSgl3KVjb1A
hfY3jr58BXMiCEsZ5Vn3IBGNSCpBLNv3ctp05acB7HLLPIimcQhyFMkjsEUe1tu46flwEAmk
3HV218NCx5n28BJHLIN2jPp46anT8PHgPozOfU0hCnU6bm11HPgOerKw0DsT/eP/AD8B3YDR
MqiwbAYK+6Nn2jXxQ7wp3DwPlwHgeYR83bQHl6m0H568AZ7Bem3d2NiyMsy1jK3OFju6hRhF
5Hlv014DWe3+3ezc3jYMLlqQt5aCus1KUF4LfS2oZEnngI3yKznx/wBR4Abm/sRWOs2Iyluh
IeccWQTqxsT5daDaw/NTwCpkPtT39WjSvGsV+p1tnUqzhkSR+erq2yTnp7OAtYztXG4DtXJ9
w5CWS/lqI6cEKhmgryF+nq2rc9667WYaewa8As9x9u56jtydnVsZkT16VjqKweGTnE7JEfl7
hoOYHPlwFaK39LWSSpfjivUissMqJMs7mb0vFvYlPk+Wo56nQngJKOFzmUxlnKRzk4+rJ052
aQs4YDqkxwKd5VRzYqOXAMX25xKv3TFezjpawGOrWbtubqCeBo4Ijoj8zzBYEKw15cAw9/8A
cY7e6sVHt/GRm2qLDkVAkKLKu/pvWYFU+T6QNeR1bz4BC7Mszz911GsWFhR2IZ5ATHoFbavT
Tx3HQKNDz05HgNk7GwdTGdvw2MfH9ZkMqBNJICN8jtu/3nLRVG5Rz5Es36RwFfM5mwFbCYqX
TLdxTx1LuUi0IhiZjH0YCCDoiB/UOQ00HtADu1MTj7feOGwbubaUKv1XrAPUBl6okm8QPQqH
T2twGj9wZERwZK5NzrwoYIlPgRprKBp5vyX8xwAbtHFxYvBSm3HtyHcNp5pwCT8qqvw/3Qse
3Tw9XAO2HqpVxsUSqqAbmIUBRq7F2J08yTqffwAO9VTJ2hZUMZGjkgpuNB04ZmCWLnuZlO2P
z09xOgUMNlMlje7J8QFFjHTRBq0QGkifTDpsA3wsRH0/i018deAPT1cdfjlh0isV5wwmpWF0
ZTING2q+jLu81PjwCpDnY8XPN2lndY8UxSClcViprEgdFHcHcAGAMcgOq8vx4DK/u92XewHc
M1/aXxuSYywzjTaJm1Mkblf18i+ug1B9uvAIgi2pru03EEezgLdaLHzWKcErSfOlWK1pt9Kv
IF1jOp19B8x48A8fcbB4+fFUs1QSCoaleKGzFAx0aDkld3QqpWbfuU/zacAga7x6ubDTQDU6
n368B0ljRdpA366q/hy08OAYOxsvnMZ3PVtYiFrM53JPSUa9esVLzRaeZ2qSvv04D9AT2cZZ
q2foOT5LEizCWJ3yrGmsTbT5jdox8fDgOmmW1nsRAR6JNMkwPwgJX+nQf3upKpH4cBYuKKnR
s1oHkrRWPqETXRV6haCdVA9z71HnrpwABjUhhmZq8du92yXAiGm6bEWtXgZG5kosfL+8h4Bi
s2cZWoLauZBxjqso1hspum6g5LB6h1GJ3eGhY8AoZ/7g3MXPElfET4unOjmOa7N9KmpHoCxs
+inXmQV93AUkeDNiAZepDk5FC9IrfmvSFdpLF4keuqMCP0qfw4C/Qo4/Exxw1cRaCONWkhis
O66/ypZj9nj6uAYsZTkkha7SWfHbxoqtXhVwAeW5mcgj8eA6sd042tCUtz0rkWpWWWa1WTRv
NCi6r/HgBlutg81AKfb2XnwNmYM+mOcSQFiPUJI01RfHUlCp9/AKFjDS9v5CPH9yPBZinjYv
YlTRJUVwUeGXa+m1mGqsOWvLlz4A7LYhkg2pTjr4yb/LX54WJnaORNWiSTRAi7uRI119vANO
BwpptHBChix8SFkB5Bd2vNQfhfn6vaOAAd35ixl8nDj8HdLQ49JPq5Y5TGkszbSsYmjBAKaa

OR8O/gFaTsv98yJkszWbU8Og1s32kmi3epYiHrEqNQVbaeXv4An3BiBHUi7Zwko/cA8drIxq
24xrHo6pqORdnVfDTReZ8RqE0qz0xBVgwdmzOF1S19RFAFZiWdQdWPJuenhwBWW7nrVeP6ip
OlKVwjx0tsgfadVMkkbSOUbT1Dl7Dy4CSdsJNXH7jVjoWU+UXdDAeZ02xuQhOungOA8+jrNF
JPRuyhdz7iJSyeG3TmWGo8+XAFe1IXu4V61xIr+PYlVSSEIGXTmCu3pv+XAAO95aWCmrUKDU
5Bkj02xt2OOaGAIu5ZQum7by02k8z8PnwASv2/h7oEmQx2GXQhoLOPaWo+7xH+G67faDoeAq
2uyMZHYkNS5ksTLMR1ZEkTJ1Ty/3sRCSHX2kHgLHbvb/AH9hzLZwF2jn6W5t1eu5pyKw/R05
AVHt2vqOAZMf9wbtEiPuTGW8PIHEbSGItFrpqWOzdGy8viRvy4BuifB56ms8LxXIWA0ljbRl
/UPUujqfPgBOUxwxiSXWqSXo1Bd56yhrA019UkI06pAPinqP8vABcZXiyGR6uAv0rFYt0rlE
sYrEUJ9XNfUd8ch3pqo03MvnwHNjsVfVkK6zx5GCRpIgjNHIhYkMsTro3ScjXaeX+yeAEJP3
KmPNgWZVWoGD2KkIGrKNx+oxzeh2HxEwFH8fSeAKUu7p72NjTuKKrbpzMES5COrTZx5SGQBq
8gI+GTbp7eACd0faqDMR/VY/fZj0JFexqLaAc/kWtW6qaHkrluAy6/2FkUtmPHyGdt2z6eyO
hOrDlt0kCqW9ina3u4BdtV7FWc17KPDPBqHhmUo68/NWAI4Dj1HVk+JtRy568B4A3JtNB5cv
+XlwHu+ZgNfXp/NzP4c+A7hmrCJ45q/Vkdl+ZvZTGin1qo+Elh5nw4CN9FG0eBA1P9uvAcxI
ZJUSNGd30VFTmSTyAHt14D3ksx0UqPhIJ8OenP8ADgO9jmB2UqVjIV9WG47idpRddT4cyPDg
IOQ0XTkByP8Ay8eAmlO5YgFSIqix6KCpcaluo3tJ18eAksGEQQxRv1NqN1Pl7CrFj6dwJ6g0
00P5cBZ7bl6OarPvEfT6jFtfIROSeA0LF4PvuabD5RrC4vIwY/qdWdTu2RhPp5/lbi7OJdp3
eW4MOAebeYx13GpbtzX8dceXp5GGBiz1rsShxHLF03+PxjZR6gRpwEFdqckitQyk8lqM9ehF
YllbV0GpjkVwAo01Xl5c/EcAA75yuEt46Ttao7NNVMdvLVo9I0jrQgNI+8tpJJ6kZfW2o9nA
c9s4/r9j3sZmYC9KlZmp420F3TSRxjVhLCOe1NeRB8Dy8AeAzTK9vXMPNNYNdp8a5EUc8muq
GVd0YYDaVlC8+Y08/McB1i7EtLtrJX4JGhm+tpR1mH6ZYlmnL6+0DQfnwEWRORxl6HI1hLj0
ycYsKu1okZWPrQIdA8e/wHgRp5cAZaSC99uJLU00MdmtbMHTYgMzj5y7E9nSYjl+HAUeyIJY
u8cWZttcOzyCSymkIQRuvUIYcx+kH+bgNJzfcmSzFbAdnVEkx1PLQ1YprwCxzWEZTG7Ig0aO
LbG3iBu9w8QJrhHfNmGlCXkx9SZOoCF/ztlUhiBb2wwWAT5DgJftq9efuzufuKEAxV4I6tY6
6jmzAIP9iGL+PAGe8I7aYGpj6oMl2fRiBzYtKfi/EcuAv0WWxfcRDVKcPQgTUEsFbaX9h3NC
v8eAMXZZNaeIWbZPKgaRdNS0aFQVb3Ea68B1KGriZg25jIu9jpyXdoF5eCgLy4AXVp2o822V
A1aJHK1l5mSOVlVn1J+JhEGQe4jgCmSnFyqJKSh9yhorexZEUkblDr8e0+e3mOAQu48lj7yY
i1dqemOaoLwjZHgeKSXYiSa6HRJDu108AQefIA09+dj1u6Kf0SyCrJMAJG01V1XmpA/7SNtG
U+zUefAfmfL4PKYa49LJ1nrzRF1+YjKj9JijNGzAb11/UOAt53AR4KrirqTNPJcDytGUCqrQ
GNhtIJ1DbuAaO70D1LFZ2CwhY2DOfR8qeI7iRz0VbB193AIl5EiuTRR9FlEjL8gl4gAf92za
kof08+AkXpTRvNu6c28bYEUgbTqWKkcht9h4DqtPZq2orUEhilgdZYXQ7SjqdwIOvkRwH6C/
dn7jx/bPd+HQyPUstWydSPmwhsIYrCbF8em21/7vMcBHL3DjqLduXJZSkhjs0m2gsjxVx6tS
R5FEI4Bola1N2vWs1T69I59p5ekncPb8OoP5cAud0WYMZZo924i1C9asRHZrgFp3qWCJHrxx
8t25tHQNps5nXby4BXy9ez3Bl4czezEmJjj1lr1mVY2ihX4YaULgyM7n0tK6qGPwhhpwFo5a
1GvRaxakxUu2WLG2cZZyBZQfmBpbSQhmaTmW/TyA0HAcS5fFPXj6Xac9ypr1XLxxvadS207I
+m2m0+TNrwB7E9KWKKWTDxYedjsqU7TwrYlVj6dsUaMVU+eunAMuNgsRVjSlp1YYV/8A4RSX
G5tf5gg0Ons4D67ipshW+nqpVrMTrI4iWZUZfh27xs3e308An5DtvvqvcaKl3DZewRt6cKg6
ancGZVXZGp9hK/jwBfuTCy5XtyCp3MskE0JjjgyldUeSOQoEklmjGqokjeKgt+OunAB8Vgbm
GgShYyBoOZY99qKQLDKh06c0Jk3BUY/p/SdR4EHgOcx3D21NjZcTNmmvrPIsE9r6gLBVAG4h
XQBWdj/SwGvPkNOAHduNVwGQTCz12kaxEJKIjeNl0fq7t7MBGVlDbQy8jyHlwBurFmckFiq0
ZMfjk/xbAdZbkqjmypLGCiAHkdGMns9vAGcnBh7OLHa9OvEtiYHqBUaWKuC2ryyyqVPU89N+
9j48tTwAyHs/K0aqwVhUuxQltkpRWlI18Cs6nx/7zgOf3GfHwmLLYowxoC4m9cGh5/qRJYf/
AMfAXYO68NPTBDyiJAOpGWinCkeWkUgPLx8OAkih7Xy0RafoSBnK6pvrSerlo+gjfX+PAc06
WGpK9Ojbt49NuzYskhVdwOgUSjXy9/AKOc+2Er2TJTvrebQt07zSxknxUPNCSG0/SWAPv4AN
ZvHtaB4srjL1JmZViiiuTdKUeTRMerE2zT4Q2vAERkO3cizCHuMzRnayCzBVbYCB8uVjGj6b
jybcOA6pdq53G5Dr0bW6WF0d3r2pKxU8wFSG6LEUwYeBDAeR04Bmofcx4bf7blyY7C69VLtZ
oCBrzDTVzPF6feo14Bho1+2b7HJY1RUtOAGuUXX1a8xuMO5HH99eAtLH3AsfUNmO1sDCOSFQ
N6n4TJEx2sR/S6/6uAXczje2s3KR3HjxUvRDlmaZaKSL+UySLtmh/wBsFP6jwAvLf/vK7Tp1
58LZ/wCIsPENTM460hh01BmXXcdBz3xNofNeAI4f7iYXI0EuZeolYzBZHnrMZkBQ6atoqyDY
Dz5HT8jwEl/BY627Z3t6wrwzoVeenNyGvq+aPUkiN4EMpK66+3gBi5FMG1So1J6ru4P1FOLV
lbTV90A0bb4nRfDwA5cAz5ftbtfvDHicuJJXQKuRqsFkOg5BivJ1/pcEcBnXcfZF+rFHQzta
HM01fbXcFopyp/8A7WY7irbRzjZtOXgRz4BGzP2xtJjnyfbksmUowEmzTkjMWSqAf9vXHxgf
zJ+OnAJiuC259ZE9WgVtoLEaA6nXwPAcOWdV0Om3y8hp7eA8SQgncBu9up8/HgOndiQwK6Lp
p7v48BOk9WFJi0YtT2IgYp1Zofp5SwZjsA0k0AK6eHPlwFYarq55k8wPbz56cB6spLNrpyHL
lz4DqeMRlCm1wyh9UJIBI+E8h6h5jgPJCXiWRt7FT0y5OoVf0Kvs8+AknkimDbI0gZV3BgWV
CsaepQp3epyNfHx4C1208f7nqVHy61pgSNfX9PIqAg+RZhrwH6khoV68VelPGJpY4a1cytoN
yRx6KvqBYqH1Y/jz4DPMpl48Tkxma+NkyThpIc4ZDEwtQRyCJJEC6lpYnQyL6PMj8AeYEpxI
uRxUcdunb2TpcVG9SEeO6NGDMB46j3a8ADynbePzku4YuJXkjf6e+kD1xqYtqpK6DqPG6ttO
o9PLTgKWO7Py1KlZxM96uuUsTi/XSISagBBHMkQmj8GVNN68xr+HADcliadiJ6WSrzy/V15Y
U2yPakgjYrJHJtLs7vHpqNQPZ7+AzbubHxYHGw9vpL9ek9o5GK3sKRzRGNIEG3VirA7w6nmp
4B67jhPeFS9j7CCpapz7McT/AIccixqYI9+mvTlhfZ+Kg8AmY+j2/wBrOlnuJf3TLISRhIWB
SFxuQtcfmmo15L468BHg81ezX3ArZWcQmR5WISYaVoY1jYRofACONfDw5+fAaJgaN/J/clPr
UEUuJxsCTxoF+W8cckIRdnh63Denz4DQZ42CtNWRfqrCPKmvpBMhZI9SvMHRo9TwAb7eYRMZ
hMlGq75Lc6WZFU8g8kfW2j3a6cAxSmFe5Xl01FGrLN4a7dFSMf6Dy4Cv2fQESPZl2pBAm1h4

L8EEm78FKtwEmBsS5PuSzdcKYokHRYAkhJEjeNCfDXa5bl7eAOSQwQQzzW2HRUmVyfDYo19X
58+AoY7rTVprUoRZ7MqlVA5xxKP8un4ofH+ongLlJ1EzxHQJKNyeXNfFf+iV4AP3X2125dik
sZWmW5qz2K7GJ2VWB2ybCN+mnwtqD+PAEcPdizOEjmgmBkXVFmGhIePkr6f1DRtPYeAXvuB2
vD3hgjUmCx3kJWs55/T3VB0Qnx6cwO0/7J4DCe4Mi1+pQx1mm9CPArJVsy2HPzJV2hot4UaS
jY20efAHu7ImWPKV21DVoQG8NCrQ1H0Pv1jPAZ4Q4BA9SeZHlr4f83ATDeqbfJfUdfH2Dw4D
0syNtlG7kNF5g8xyPPgNM+yHdcmPlt4eVNaxb69NvxBolVJAB7CnP8RwDH3ZTfKNMMdX+neS
eezXLndFOtmu8ErxaH075oUGn9WvnwDz9uLy5HsHC2Tr66caOG8dyDptr+a8AhybJO4TC0rX
Z8RYsVMbAu8x+o7iZpRrsT3btdVO3RRzAvZnrVZ47aWoKsluQCN5Rtr12C6iw+u0lnbzZtdP
QCOZ4ChP2bksVfsXYe4cnbllO6fbka8I3uOeqOjePl6RoOA4ex3BZmkxkWb51tu+OOY2Z9Av
MsY1hRFHLV30GvAV6mFhr2aU1OGXL5qY9WCexKqV4tNfnaoNXWPb4ty/veHAPcQNeJBLP6pn
2yzvqDI7+CxqPWdfYPUfMqOAD5TN5+bJUcVh67V4LM8kM7tyndIIEnG0rokMer7G2/lz4Bup
QPWlrVddxhgdpiCdC7FQPHmddG5ngJutBbMtGzCVLId0cgBWRDyJRhqGHt8xwGYZlLVtbOCe
CCxPgsr/AJdbEPWiko20JeNoyp02BwdR7tOAD0sJWiyrwVqEGPs66Tx1OUU0Y0bZNUsF4vBj
zUr/AG8A64rtbHjDxphLdrA3YOqkcqLpFukfV4mjk6kem72EH2cuAzrMdw9yYvLZHFZDLTzW
qjsI6c7gxOuqsvqUR6llIZdfLkRwDX2lLkpDEa9tYathBMg266NI3rXpHdptbXw8tOAdqwy7
hd/SX4lUMOe5fSPAgaN5EcBB18hNKfppQJYDtsJsZVLgaab9zae/XgKeT7SpZiFo7+Ogkd21
knrsIZiQPSwMY0J9z68AuSwv2nmkxcksxx1yHqxTCILNA6sU9Zh+WfL1aDUcA6YJcfk6i7Ju
vKIwzMSJQN2o/wB4C2vLmDwH0/b2UWfqRPWsINAFZWgYAfp3Rlhp+XAEwI7UDVcjUEccahju
0MeqjXcjDw2+3keAz/8AcMPmTYjSlRzFGKXZUs3Io5nmj5/MARA5CaFQS2r+Pj4hcghpfSQK
cUBVi06MuOtyRhVPwt0pNgA15EanTz5cBdx0dMSiWGSyjQ6aJer9QxEnXaJ4ByA/q1A4Abb7
YxzomRq02kZH1kkxM56e39QU12SZA3nop0PAG6Gcx7Vd2NuSL0PRLHKwnkj57QJlm+b4j+bn
wBxY4MiEE2yQhdyTIHhkAP6ozru0/BuAET9tWcSz28TckpEsZJiFD139psVfSv4vDsb268AG
zuIxE1lJ7Sjt7J2tDHkEUSY2zK2jKzsNoDE8hv2MRy9XABZIVw00n7lG3bF9SehkK8gWCz4t
yfnE+48wso1Hhpz4C6e+oYJqz9yQC7S6gNPN45CxYFdxFmsu5l5DQlNfDwHAMaVIJq8OS7St
pNWlDFZIJFaJRpuQbR6Smo02+I4D3Gd30MpYlwOerihkNdqRyH5NlfFZIHOmhP8AKfUCOWum
vAc5fFT4/wDzfVSIV9Giyj6ho1B3NHa2bfQ3/aDl/Op8SCL3b2T293hJIsECYbuwjqIEZEhv
jTXdHzCSEjmGX8+AyLuDtvK4Sw624dI4nMbvsZdjjkFlRuaFvLXkf0k8AIlMRIMJZxtXeX0B
DgevTTy18OAluV+iYlMkcvWjSYMh3aCQa7G9jL4FfLgICVC6KfHn7eXAStCBGhLgsw3aKfh8
Ro3sPAeotc79X2OF3eG7cR5e78eA8606RdEysYA/USLX079Nu4D26cBwxZU5H4gPDw14Dx2Y
AjXTyP58AU7ZWVFyV2JQ30NCSU68xq0kaDXn5ltOA/RGEyWZuVpr89ulbe6Gnx+89Mp8teos
LEOekFZeXJjpu19XAUaWUwyZy527LSRJrtKK7LbhRQZVllaO4UOm8bGAOvM668hwFDEWI+0K
+UkJeTtWK7KlurMBJJSWcCSO1BtDMy/NAlTmf1DzBAmmFo1Iqd2ll6+yYFqV1VDdRJCTGN7a
hlVRodW5jXw4CfM1at1oZKslKxex7RyQTJIqzKQd5RFLEEOmoHAD4ZKtjKv0cdAZpkf6SUSS
MhmKeurMEOkTgL8Gp08eAVO8MBTyrJ+205aQqyEqku+EpMNApUSPKpJdebjQNy5efAW+4e9M
bju36WRvQrcs5H5goxRs9cSRhtFkmk2KBz2so1JHu4DGJrE1q1LYmYPNZd5JTyUM7EseQ8Br
wBrs21h8f3Vjp8rF+44lpNlqIqQCkgMYfbrz2Eh9PdwGy9kRI/endl2RdJo2x8QkX9RY9V/4
leAZszM8N3FwJrzheSYDkNsVdWQNp4bnHL8OAI9r1UFjIQsmkStXZF8hrAF0/LTgPIrMl6PM
zwRBQ0csaLH6nl2l4kf2erYdBwFLNS2YcfR7crPultSdK3ZRQqhV+dJGBryJXx9348AX7WhZ
UsTsmzryMw0BA0DtGo/EKg14Ad3FlZMhfixVcyQ1opx9RNpoJHTVwqNrzVCurcvEae3gC9WL
o0oQpAbpMTz8G1Eq6/hwCpev5i5dmsY1xXmpzCeorc4544tYwsp01CzKH0I8NRwDrTs18nR3
tH6X1SevIASjj0vG48NQeABYys+HtvkKsWmCu6tKCR1IAuu2Rv5ovZ+pQfZ8Iefuu+3NTs7Y
7gZYrCblUywlwIbUR8Nya8x5/wAOAX+/+3Kct629uEHE5uOOrmZVIK159duPyAT4kaNztc+G
3Q+R4DN8rDcxtfNrckDXqUaUshDLqXkZ6vRMkenggLKyH2D38Bno3glU56nkfHTnwHvTcpuJ
9LHU6j+HASIm9g/iDt1YnXXgHL7RTUV7ubHZJ0iTJ1ZYK87AaxTHRomjY/Cx0I9/hwGqxCxY
7MiBiJymCf6oouqmRq83UnQKANddpIHny4C125nKXanbWa+rJlqYzJ2FoRQ+uSWO5tu1oo18
yRY0Hu58AuTZLF09zNWbH2pbN63kHjIeGFemPqpA40DmDlDqQPWSBwFOxdpWMLjRZq//ABRh
Giw2OcUD6sYpp01Al2qokWNvjI1Og58BZbtrCXpA1inBNDei6ktqWHqZG1IpYPPED6EX1H5r
aBj8KkBeA4xmKxMEEItBcd2wpeZMdWZkDLCOsJ7Uvxy/KXe+47RuRANTwBzH2Y6nWyFyu0DW
JIa61IxpLYtOoevj6o+ERwow3sDpuDMfPgI68duXvMX7Ekdu1RgarTaFmEEFuWRkkhjjPIBA
mzd8R9THy0Bqx8OPgY52Rt8FSFoajk/ol2byB/WIo/7eAuKt20JLsa6ncFEIbYzoinVN48xI
zePAAcPmcvlc0qXaNlKtedHpy9Mq8JCOkqzuPTodSv4e/gB11LVH7pXcj8dCaCsGbUFUlRG3
KyL6uYVeenmeAYlp43IO9hqaT2HCGSSBwkmgO8H1HTb7CrHgK1PvXBrGY8dFPNK5KdKUCNVd
GMZWRm12lWGh5E8AlQ1cxL3PPB3VHCkmW9Z10avNE3o0ifRhuh0QLroTpzHPmDPF2RPitbuM
iZZDNHIBWn6aBW06sixOGj5eS6eGg4CYd5ZareeG5QFrGrIIYLSAK/U8DG45qraeoeAI8OAv
ZDu7t3ETGe8J6+4DWToO6sBp/vIwyt/p4COD7iYi5QFrEQS2UOq6soiVNAW1fcddNB5cAsw9
2U70rZG9RuGSyg5ssZBUHRY4traqhYHTXn+J4DvB9wpSnkmw/bbRP6iEnyEcLtuOjARyar4+
WvASZP7udy0+oh7QuRvsJgmZ+pCX01GrRIV0/BuAhr9yP3Vjl/fUk+luRkGhC7149df0unrc
ge1z/d4CX/gLMY0w5Pt5myFWRkc0bjLHPEoHPpyKNkmvLk4H48AVqZHD1swad2aLH2Cokmhk
Zo2LlSSyRSJoVKghmB2nTgGPH2O3FVHo2a77h6HSVXJXT+YMdRpwFe7mu1sfP9TrHJcbyqoZ
ZWDHbqwhB5e9uAQu5u47+SyYv1e3ku0hXCsXLrbRdzPrMibdFJHw7j79PDgK573z0kUMNWeA
Y5ISk2NrGSrZhAGiCKWTfIdPaNfw4BZyQzUyy3az2c/QDaXkuyO1muQNfnQq2mzTwdV26+On
AMnbX3Esw0RXug5CjIvTaC0yOmzTmBLppt0IBDf28A0UUrTQzVO2nis1UA+t7XvkNF03Gv8A
lZDuMYP6R6o/L0+PAL8/29jmFmfsqxLjJydcl27eBIRuRBhDH0HVfSysVP6W04BMU53A5aOe

m82Hy/WRLZQCOtt/WtmNv5iuo3Dz5Hw4B+bL4zuPZQ7nrKmWrkbDXXZPKhDHfBu5TJz3aRtv
H8vAMXbUuTg1EV1c128QqRytoZotPQ6v+rUctVYajn7NOAS+/wDsGzhb8eUwDK+GlfbJi5SD
BWmJ1Xoan5SuSdAumjeHiBwBqzFV7kw1Srcr65lFaJTM6iWSJV1ZFl9SSq4589w1+IefAYd3
N2uuHZMjjJPqse0jpIHj2vVmRtHr2I210Yew/wDNwAGsLbtLFAAWMTs4G3XYvqb4vA6Dy58B
4hgFRozCTZZkZLG46Kmh3IU8DuJB18tPfwHokeOq6bUZZSrCQj1rt15K2vINrz4D2KtK41qk
uWjdpUHIhI/Uddfi8N3LgIyit7m8dSfEezgC3aOKq5TuCGlcCCJ4rDaSMVj3RQvKhcqQQu5R
rwFx+3M4sKyTYKBUILACUh25akBRMWJA8tOAtYfA3r9O9h6sENO3lnhgj0LhVijWW5KZCxY8
vpwNPfwD1NlhZ7RwXckMLBsDaqTyyRvvKRuop2oDz3ar6eR9mnAdd65I0e9cLnsbMJJqrftt
qZlNaKRbKiRNskiOiaKzb9fDlpwBil15ch3IlyCKC1KosvGW6ixv0gsaJM4G59hi3HTTXX1c
ByFs9sJlL+GZT29SmNifETTdCIpajS4k1KVuayAOV6WuxyP0ngA8X3aw8phnJlTpu79cHV9E
b5auk0hOjK7A+BB008eAqW/vHi1aUjGy3pZ9NzdUIjbdRGOmYmYNoQNd2vlrwAnKfc61TWxS
/YxSeSGNB1GKlk3Fz1Bt2sCSdvmPb5cBT7kfuLLRJjXWtVs2bAjkqV5Gd5Ds6nVm/Qis2m07
QCddPA8BSgwsd+K5WWU2TZjZsZaiESQvPAvUkjkX0nfs0CbeR8uAByYuShbos5UwWzHPXkDB
/RuA9W3wOvkeA/Qn2yqR5J+4b0Z0r3b0DxSr+oRwqr/2k8AwX6cf1KFVBMhljDnxKwQ9Ia/m
W4Cz2/LVkt30ruHnrlIbYXXRZ+mshX8QHHACcjkT23grN1/lmw0MFaMHQlQS8zgnw2oztr/T
wB+1iEMMQoxpH0YpEi18uov+s+J8eA+WGSKumPoFo68YJnuHmRqSzCP2uxJ5+C/2cAIixddz
EEXpCCuF3aHRNw1LaHnrzb+PASZi28MEOKibWxPGos6tpKkTRdLf+Jbl/E+XAcYimlvJysOa
r0zJIvpBVNNqgeYLBvyPARZG7la8lruDBhZ45WEUOLUKf3Fo9FeZJNRscKrKp8CqgnlpoFnA
52HNdudTH7qz1pZKtiKUAyV5ImI6cyfw19x14AJ3FjDNTiZkSHpSrHbl1bfFCCf8Nl8Cjc0L
cv0nmOYHhNBmMcZHjEthQ1O/WYDSeJhzRvZvU74yfbp5ngEfvTsxZqsVx5pzVrRinmvp1SSx
LjUk31rS9RTr0do6v6tAfZzDPe5vtrk8RS/eKEyZfBDRxdhADpGx9MkkYLAr/UpI9unALEhD
ZUjJGWFmbdOEiAcA+JWFtijdwEEsSSFl5oIzoobQMQD7Pb7eA+BcsrBypUhlKkqdwP6T5Hlw
G7dudx/WduQd0UybNmvAXuwqdCZoT05WZNRyKa6/x4ArYo0RmreRmcVcVi4l6Ui7ijydNWjc
xEc5EjdYxt5kDTgFa53RkMTHayVvFyS06kUVW5A7KJaTOB05Jl+B0mI13A6bjwFSvTlydGl3
Lnowisztg8BEm/dLLt22J1UhpnYLuK8ht0HpXXgHevL+5wzwMFrPHqMpO7q+xY0J+nlljPTV
hqGlWPUBfSTq3AU8VQxKRrn7kpixjwxV6UsjHqSRB+op2MNGlsTMJCqr/KP06cAGzOTzCz2M
5HGadxo5qHbdRx1FpVUYpPkJACVM1iQbI+fn5jXgD/Z+OFKhWibV1grtbsS6a6yWPlxkH2lF
ZvzHt4AtdvxWrH0cRR4sa8UMsKc1WyxXpR6L/KzqPwB4BprwrBAkK8wgA18yfMn8eA9PTX06
hDIfwJOn+ngMtzV6hgMtPXvVhWipPG4vIrMzxEf4rv5u5Pq3agkcAQyv3U7OxePqpg5IchJb
MhRIZF3QyMNSzRtrpqSfTy58uARMbkpqRjFPIRVo2kPVfIVWQMxYyMWes3TOuvMOfw4B6Wzl
e4MZ9PcpYy5jtd0dqpZZNkn84dDJpu108fxXgCuLyObwkZhnpmXHIAsSdfrTaqDvaN2RFZT5
KTr48BYGS7eu5LWOaNZJolNmhaXZ1FHON0L+jVT5jXgLGR7dWWBTUTfXkVEmrudxZQ+qkbuR
27vPyGnALVrsbG3ackddpsJq6hokUtXfnqnVgbTVTp+kjnwAuvh87gJTXy1P66k6lTbrEGBt
x1QlWIkRuXPUaa+fAS13xWY3wxzxO8ZVollZQZOWg3aeDD26c/PgA69xW8VlHx8Vh68DbkkE
emsTnXbuU8gTpp6eAY+3L0N1YJrczzwn0WGfbKRKdE3HqKzDXXU/2cA7QY2zj4yILIFdFG1H
JCoF97FwBp7BwCn333z9vIKpTIGPK5GIbEWofnRF+RK2V06YPub8uACdg5Xtm1iuvZn/AGyR
5gEhljRYUZfTEYp4/ik08WOmvMEacA22e3UvRiZJVsxIVZZar6Mrj42GzxDDTcnn+PAerRvQ
LEbW76znrNHoryIOQkHl1NPjTz4AVle1a9yGOzkEiyUErnQzJt2tu5GGZNskRI8w20/yjgAu
U7FsvLUft3KSwXYS3RSZzFOhPMrHaRdsihR/huujDx4AblewFtxySXWGFzuoBvIhjxt4t4Gx
Au4QOT4uvpPj7uAD4+9N2rl6FPMU7WKy9NjHA6ygV2WQaP0JHG1lbkVGpXdyOnAadV7kpZdE
/cY2S1TQOLdfVZhG3hahK+raf1oQdOeuu08BZy+BiytQ/uki2GUMsGYqIBKieQsw+pXX26DT
3LwGYdzYzJ9tSwwZqquRwBdWq2IgXrnU6gxODrE3mIyf7h4C9NNl8ZJHkqM89+g0YmNqvIq5
apCNNrl3+XfrL4fNBZfAkePADEz/AHTBlMnfCV+48LddJ7ixRyRBCAo3SQowkryekEhgV19Q
J4DSe2xi8vThm+jkWuzDegCspZf8KdeiQ0bjkQ4VfyPAKH3PxmBv2pK1S3u7iEv0tqIxNAts
FNYo7Umiqs3LSGb4X+HgMMmj6cjxlGSRTtkRxoysp0IIPgQRz4D0oGZSrbm05+7gPiQF015H
XU+PLgJI9QA28Ag6hdBt9J1H8eA8nmM9iSeYKrMWZgoCrqT5KvIfhwDP9uIVlzVgsgljjx9w
spB1IaPaeQ/vacBpGf7bTHUaC0rbpYpq1awzMqzTS1k5ORtI3dLTV9vIaeI8AFdrVGfIU7q1
rEbU5bd1wNpKyKy04ln1ROTxwz8tvAMfbnabFb0nVhv4F7Nm7j6qR6B1lYSJM+4AsVZm2eQG
h/l0BnyeFxVzCtWuwmWCaJWtaLvfap2qoJDgb/PgEbu5st2eKFrETGKoYBj5JZ4VtqllhrAV
1kMcS8tvx6Kf08ArY7t+HuHM0F7otWbM9yMTV5GlQY/oRM8BRjEUZOn0zrs8CRroDwBl8BRG
Anw00a1blivpWK1l9SxnpQTSzLu29Z1V/IMNNWPhwGfbJLsmPkrwhchZHSL7iCZ6o2HqGXSM
IVCs34eI4CSerYyNuLGWqq456vOYwq0zt9VIrB2Vn0MfzNRsOm3gLuUglWjUsLItnJK8mImE
Oro0tXRobEcqnR9fQQNPM8AIqWshBap3maUtHZ3KJZAICUKrtAYMEIYkEsNNOAP5taMWFSBJ
Fs3KN9RC+48q0zdVJo9CFeN9dm4A8xy04D9GdsYWngsMqRAIHVZpyOQ3CNVJ0/BRwHMMck09
FJtBD0Z3mVh6jI2w+XkQ54BT+2mV62VzV133C/lJYZdBtRWKiWqfZuaNijH27RwFnvK02X7g
ixaAHHUI3+oYqSpml2r4+BCR7gw/q4ArkZcmmLpUlsgJf+TEVBSbphGkZnkJOm2Jeei8z5jX
gCRzOIXHNHXkYJEqwiNI5HddV9KhEUsTtGo04Crlbzri7lqqgrwRK0YmfRmkdtB6V5jk52+o
+OvLgA+Cr2L0nWaR7KsGWWRyNzSPzIOmn6X/AC4Aj3H06dar29jVaLI59+g0sI9aQRr/AJmw
zeWyPkCf1EcBYkrVxYjigTp1cfH9NUQH0bdNH5D+4F5+w+3gAVvuSt2/3jiMdJDLK+djmS0Y
lDLsVv8ALTSKoLE/FuPkNdfAcAR7iW3QaRoVR4p00jMhIilA03QSPz2uyDap8HH9QGoS4utj
hUivYLe1N1+nnol+pDGPEgjVnTZ5bCRz10058BFkq+S+gtSY2cV79ZGs0xIAw3IAxjY+EsUo
9JK+79Q4AFf7ftdpWLWQhUHtm6nUt46LdL9DPIGRpq6gbjE5OjoB4E+wcBxnOz6HcNB8TeZY
JpkNrG2yAJKtgAPJH/MYJQ2/TU6akeQ4DIr/AGXlauIyeVZ2knwV4UsjVZDuRGQNHZ3/AKkZ

m9nhoeAX2tzS7UkJaKNdkS/ygnfooPvPAaj2wY7mNguVXK1snDPTtwGMDbkIEUh9YxppJGRN
p7VI158Aci7yko3q8uXEjQxu7zSGNdsQ5J1iN2rssoUElfP0/DzBop2KGWrzfT10u1Miv0rb
lVoVV9XkRyPjQgErt3AHly14BfsYQrk3sXZmxrToEjr1T1bzxgFUVtgZoo1U8kRRp4ltTwFi
tkO1scK9GtQNyxozx15ZQIY+nqTNJDq+1Qy/Ew1J8OAF5ChZ7p7i7byGTd64ql7ORVWYqgIg
WKvCunp3vIffpqdeXASXK0l+FFlcNezlh468SrsQQIGaEaDUIsULr+GhPjwDjZtnG0ErY+MW
8k/SEMA12dQoBEWPL0RIOow8fDgLnbmEq1C3SG8RyNLNYIGs9sjZJL79Of8AtE+zgDF2/Uox
Ca3IIYSwTqNrtBbw3N4KPeeXADcxeho0bGYivwQQJ03lmmQzxhR6AB0mVhu3D28Bm/3GzjZC
wuVoQS/R14zWu7SFMsQcSbmjf0OqN6drHzOumvAT/UYhsZFWenj7k06B46dmGKDcJhubZ1CY
y/m2yXX3cBTuYMWqL0cIr4q0Spkxl4NJEGB1MiNJulTUD0srMh9nATdsQQFxJYxpxWZgsNIi
IGiis/0ow0Rjt5ADnyHLnwDvDJ3CzmSpDDkMbL6kQt0J4tee1g4KP7joPfwEtSnRvVVikrmJ
AWZ0C9KVHY+oNGd6nnr8LflwEqdsY9a22k5WJBokYHpVhro2zTTUa+zgBWXgyq1x9RJYq2Yt
FjyWOHU0Qc/nVW3rIvt9Ovs04CljLHdLTtJkMhFdpx6BJ6IgLvqBzkimX06n81Pu58B12umC
7hnyH005rZGu5huV5a9ZZhqNDvHT1ZG9o4Bcz2G7j7Wzwu10SClMwjNmtDpDPCSC0ViX5ksE
h003eHv8uAlbJduR7o2zFntqS4m9K9hhLTaXl6ltxbX0C+kiRgfcDwBGvge4poYprFyTJ0dG
aSGOf6yKWPXbpz5MU13AfqHI8xwASz2fBXkQRVxbqPGWisV9U6W06bW3c2CnwVua8x4cAc7e
7XwE4dIp5aWWEhNhQn0pZiATG8cW2NuXjqp18RwHeU7DvV/85Tu3q9uMEdekUJbQ7hu27f7R
p7eAt4DK90oHqZK5TzVaMDqNKjRTKCfS0hiVl5Eac08eevAMdruPG1gsOZiNJJiFSSVepWcn
mNJUBUf7e3gOzhMTdmjuQsHg0JHTbcpblsdWB5FfdwAfI1b1cz4ySNLuPubikFhd0bBh86EM
fDcvqUfiPZwHVahiszi0w1nHifHRpsSvb1lQbOW2OZ9XVl005+GnABR2LkcKpHbpNmKuzzCC
zI31abiX6cbvrHKhbyLAHnqdSTwF/CZdYYYJlXpwlE0QeMJbTWF1OjDYTtI8dNPPgCmclqVq
quIYrOPvMYrWNlUbJS50Oxn+Wr+5vS3tB58ACH26q0CtjESSNjYmaarBz69N2ABWI8yU01DK
2p05aMOXAS5D7e1ci9e9i5BTmYdMXa7BZI08dy7Toy68umdR+XLgOMJl8r2tN+2dxRRFmfZB
frptjmRjopdVHyz7dPT7hwB/uLtPB910w1mPbZRWSKztG8KeZjceEkZPMr4eY0Oh4D82d9dk
dy4DMWTkF+qQPua3GDoULemSQN6tD/MdR7TrwCwGO1l5aagtppwHxGmunLlpy/HgOmMKqAP8
TQ8/HXgPCoVNT4jTz93AN328gM37/bLmNocU8Q56uXtypAvT1Om/2a8BqKR939wT34q1eGbF
WsfE1O1aLQSy74npvaiEauyNIFV9HGummnjwFLtPJdXKTdqZSCfH5thXLo2iRGrRQAtugPrM
07yNtX9J8eAN9zS5NMbDTwWTFXJuy7bYEbhU3hd8ahJNw2BvTuB0HMcuAY6+Vd6NS3Goknup
HJDuPTdmC7WJSbVlQAFuQ8/b4gN7swtjPduZHENKiSTxnoRyPujDR+tTIW+ElhryXw0PLgMk
7JkyAqYevZszVZKdqJqMqNFMkVTLBk9KerazSx66MGI8doHiGgYyKRMnJkZJpBXmiLNBI1ia
yqKHgDsAWaReoC0W9DoNzezgMcYWUmsrXhKXalhLkCyDWTbNtEkfT00Yksh09nlz4AbamksQ
xRFlbYOmrDRDGinbskU+Xs56DgCuCG4XqCKiBYvqY5OaCN4+XUVue3R9vw8B3NkMHHYSC7Ra
WrkHhnglgkEWwOSliNn2vvUSa/mPfwHmXxHcNSx9HJHZejQZoksPzj+nhkUFS66LtVgOXt4D
9UZAD6NawGv1DJBt/pb4/wCCA8AH7rtvjsDeykZAsRRTwwJ4AyzbYoiG8tpHABftdHSsYaXR
FevkJJ3XUBlYVpFhUndrqwG38+AOW6GNpQWLl8pUxlVJXnk5Iqj9R1GnLaNPz4CsIr+Sja8y
tvvokdauAAa1Uq0hDakeuQMu/n46DwHAd4aOpcv3a1GdpYqzxR3rIPp6iQhOhAR/RzdvfoP6
QJZvESW6talVRI60TqXTQBAigqqgD2a68B5Tq0e3qSRbupLK22KNQA8sjattRSfE89dTyHjy
4CrQrWFuXu4ra9W00X09KMeCxKd5SP3PJpq36tNfDTgJ69YyMNpJkdVDE6HwZQ7ezUjXgFy9
XsZjKvehXpNXt1ocdMgG9a0Du0pH9MrxnUea6cAXh7hgpRKmXCftNs61rSqTDFG50jhs7vh1
5hX+HQc9OWoe2a8+AWXJYuP6um4EkkPUJOwHXZEOerEE9P36Dw4C5NaxVrFy2TJtx86fN11V
ozINA66cwTr5ePlwHmPv18th4r0LrPopid9uu101SUSL47SRzXT38AN7hx9WDGVstHoJsDJ1
EPIusBADw6j4uQUj2gDgOLuGwf7lkIrpP0+ZopSsQaelok3mGRdPNVkZNf6RwH557v7WudtZ
yxibDMUr7TBOw5TIwBWQFdORJ/Lw4Bq+2VnO16MtOOLrREy28Wo03SWgEif1a/AUTbqeXP28
uAMX8XYytiGnViM+ScxR2gJAyo0O4ojuNVUJIS76cy/JdwU8AzR4Y4jGQ1YLViSWzNELVsuY
jJIEMO0MSdkaR+AUa7RqSW4AfJZsVqcNFOePa/LU1geSusiLGZN8nMyysxBLGRzyHhz4CTC1
XfJ2pbpJv2Jfp4R0uikdf0RRLGo3IoWvHI58tW4Algr7ZHKxqylorcVu7IY126U4x0Kykk82
cyh1I4DrG4xo8r9bZUCpjKgpRR6FQ80zF7LR/wB9vRr5KDwBWPJ0RkUotKf3OYO85QHVIm0L
uCoO1iBtUE+AOmu3gGuo1U10FUqYEGxNmm0BfToNPZpwHUsayrsbXTUHQHTXQ68/dwCigqW8
nksdPC9PH46ORcrT+KnNA/zKzR7htXem7eq6aeB8jwCV21ncdlx9HdlWlknaR1oWlaLqVZX3
Qx7X279kR2hl8RoPLgCtDtlq9y7UlrSTYOsv1MKqQCIm12iDzPT8dCPaOAv2cR9BGstSQz0r
J1oWWTqpFu0BrSwjkmv86bT7eY5hYu4bNJDHcqlZFQDSuxaSvIB4pMCHbb/K21tv8wHLgLNN
chaxF2PCN9Hk+hIsdadiyrI4JilhmO/0h/buHl7+AOYe/JceRLPTWZUjEtfQLLHKBpKrrqdV
J0Kt4EcBNkK8qlLMPPo+IBYMAfE6jXcNP0sDwA+LuCk1iSrYISxGQrMNdASAw3p6ivI66jVf
fwF+bF465XdTHHLDONJBtUhv73t/PgF9Pt9UoXEt4mcqVJJrzkyaqR8ENjXrRcxyG4r/AE8B
Jjs3kYbIpX3Mz2HeP6C2qR2VcDeUjmTSGZSnNeQ1GvMkEcAJz/YeNyFtMlho1SzFIJLOJnQB
W5MhdI226MA589reGo4BMxPbGXwFp5+2MlJjizBiJQ6Vw2/Rq08EwXQ6g7WPxD2EcA043vyo
9uzjO56RxdmOWOF8lV1NWaSVRKjbebpvXwbmv9XAMM2FguIlmjOtldu0XYWU/B6kWTZy5Hw0
8Pw4CODuCxRTZekMciNtDlSEYjyk8v8Aa/8Av4BgSClk4EtGJo5WHKRdY5V08g6aEj+w8As/
cd6lbAiKxJJYtiaMU+kAtldTo+1lKAkr4L+rw0Y8uATMX27nMLILOMsftcs2haJWkRURdWaa
SDnExOvNdi8+W0Ny4Agv3FzNbPV8FNYiu5ZE3XFkrEQRPtExhkkjZ2RxyGq7gDy04BpyH3Dp
4q1HSuQf5ueNpYq0GrsVU7SynTSTnrqE1Yfy8BZxnf2ByiwoBIjzkqBpvAYeI3x68x5+Y8wO
A8vx9rS5LrtZVMhtZJYwSvWTY21ZVA58iTG/j7CfDgKtXL9sZ2lJj2djWnASOacK0RkAKlWI
8G0Owq+mo5cB7hpsph5v27LFo66tsx+TZt6lQdq17RPMkeCSNpqNOeviBHLLm6iSXu3q8c91
HD3MXK/TSwp5F4pfBJOXI6aN4N7QFTFd79pdwk1Limlka79ObH5GPoyxynlsG/0sT/STrwBS

thZ8fNux9g/TtrvqzashPkVbxU+/+IPAVe4MPX7nxc2Pm34/JQjfXn0BeGX9Lo3wyRnwYeDD
keAwzJfZzuaxbsV60FaDJV9jWYoHIqyiQsFeAsAY29BJjPIDmNPDgJ6X2XkqNA+Wthkk3llT
WOJApK6OwDM27yK6efs4A9n+3e1sXUw+GbHVnbM2mikdFUbkMTvE8U4Ybt+3aWYbv5dOARc
f9tMzaz0+LLpBXrFXa9MpMZid+nGdkfMuSGDL5EHgHexhO1+2fosLWq2C9+5Xr5KW4NBcQdR
zHy5Kh2HYF89OA1OdasWWo2yuxbG6oSD6Arr1K7at8J1j2qF824BX7sp1Iu6qF9o+q7bUd1G
odWZqc6M4XwH1UTfiPdwEOPv40ZtcVcuCa5FXstNVhrSLGsZJSUNM+shK8gNSu7nwBmouMrT
T1oWWE1oatZ3j0jSNZNyKdY1WMjl4a8j+PAA8H2lUwGNmqmaRuo0Yk6UXR3kDUFuu7OztGVV
22j3ac+Az/EY2Nbd7s+cpSyinI1IlVNjNBNstRSGSRgpRZYuQA3aangHAZbApUjtZB5I0liW
xL815Nhj26gSsN7xyf0ekn2a7uAUO6kx+VtUe4cc/XxuWaWjNY0MBR9xdnniCabRv3IfJVAP
AKWPxZjniaSY11USC3rtDKQdkiLJqSNWB5kcuA9x8qWLMNvHVZE2yPBbqQb2Va8ke0uJGOm7
m2pbTTQcBcr2qa28gsddcrPQql4IMjGxEdggNckEIfRjqPTqSPPTgCGWoz5qP6ybLralRhIk
liRIa4jghWVo4oItq7mJ2KFXXUD28B+kEkksmhKvJGUzuQDpzj2ga+Xx8AkfcHLizkK2OjB+
ipF5bA/RJM6mFVLeaoZOfvPu4Cz29j5qXauDjx0winit2dkhHpaNjYZ12DkRyHL3ePADe/Rl
MriMTBYnc/VZCtC9ULrFIGKGXqgfEELarr5jgC3eN++kstSjY+kiACdRGO9t53TI2vNdFiOh
U8AM7QzP/Ck88WbIgx+WC2qr+p5BNFGsdgOiryDbNy6eQ9/AH07/AFyUkUGDqtKJ5GiW3Y+X
D6PiZVB3vy56cuAh7apTZPuFc5dklezUrmPpuxCA2NrKViHpT0Lrp48xqTwDJkpWR4UHh6mf
8FXcP9HADLduxQxzQI6rkLjfTVAdSVeUuysfbtUlyB5DgB+QifF0Z1oKJJCI4tC2hI1StyHt
0lB/LgCOTqKKZpAbq9h4aqhPBVhRnKy66aoxXaQNeR4BWyV9O1O1571NnWmFqtXx51eLrGRE
2RbvVHqUOgX0+7gGGo+Ot49srRP1vb+WUyyIBueuz/GyIB8O7m6eKtqfbwADDWbnamXZjIb2
AyDAytGQ/S57Y7URTXqIdQrjxXx8BwDleqxdORSBLStxmJkABBDg8vMac/T/AA8xwGd5/K1A
kDiQQtgrkEcc0jNtESyp05Nf5FHofy04CP7j0MZ3B2pJPbYrmMaz/tM8asRInLWDyDhwp2/k
deAH4fIrjs7ZweL2F8XSp0RY03HqoimxHFsBJZ3DanTy58hwFytbuWslGe38elKBY2mrWrbh
YIldisl0xaAuz7dVaVufLlzA4AxJ9Ka1eOpO9qKOWaCKe2TvtTiPqT2gfZ6dg5Acz7uAG9xO
liPHr1XrQipYd52Ab0S74JZCo8m2ahteQPADP3bJ28nlL93UrUrMhhhB0TeB1IQPN5S6RL79
3s4BlowWcPSzOQuyBr4jr1kXkoDRATGJCf09awqcBYy2XhxGHrVJraQ3pnWnXsSAsPqmGkso
XUb+nrp4+P48BkdfJ914DvC1QsF7eQaf50cfzJJUdQN8D6E+qLQqdNOQ5cBsHZ1PvQxO8cUO
Igmk6jrYdbDn2aQQtpGzrpu+Z+XAMtjunFY+Z62WmSlaiTqhW12yxj/eQ+bDyI8Qfy1ATmo7
D9oZe100ht57URxTk7QkqLXiWUrzUmNQW9hOnAZrksQtSqFmWeJUjWvPj8mDepFdFYtDZYGe
D+bcuq/hz0BgwkmShesmKuNjpRpMle6Tbx77tFMUNkt1gGVfJiF/l4A0uQtYC0FuL9NSyTal
J5BJWSVjyWKwoVWVvLdtb2jgGul3DjrWRONR1W0IhKqblO4AlXC6HnsIGv4jgLj1dH6sBEUv
Mkael9f5h/rHAAe7O23zlMXKDGh3FSH+Wso21/a0DuvjG/8AZ48BS7c7iy9bHLJl5PrYC23d
s6dqEBumyTr8Lsjcm2/26jgDU1ajkKwt0mingmUbHUBk0AO08ufpJ/Hx4ABNc7kx1Z7UFTr2
kXnWhcNuO7RkQttVjpzXeBr/ADa8AWxWVp5qvPi54npXFXdLFzSRGb9Q81ZTz/0E8BFl8SuQ
6WPyhE8cRWSK1/hWoJk5rYgmTRdQfcPz8OA7l7mjx2Wixmai2yPGZKmRUBo5VX0vyHqR/Mjw
4DjuSfAx1myIsVzJIArw+iQWydVhjK+O7efSRz8uAHXcfS69Q3uViKN4YhPJthWwPDqhG5rI
SAvLXx/m4BIrd6ZyK/kMWmJiwmZgqyz150aUNNJC3rKq6oku/wBXip8NNOXAMVfu3JZMxRZG
OpJGmMrZWKR4GZzOZDBKmiMo+XJy5e3gIe6O+O9q/asuWoQqyQov1HSiYCMONTIvr3sij4iN
Cp8Rp6gAzBY3ut6FbO5+ZLHWTr06weJCiuQzSSTMdnrHxBt3kdC2nAU873nmFgnbt9Jp7SOo
eyY1lhqxKQvVaUNKGdfiVSxKD1tq3gEfadGjiu3su0eQibuQXBFYeWOSeWaV3Ai6yr61i3Pu
BB1J9TeG3gM/xWbgGVsN3C1q5BYLmaCF1jPXDDRiXDbFG3xj0I9vAM797ZeHIpZsV1xlJ444
6tsI9uw6KoIiDttjsECTwc6rr8XAH8b3pmZ6lnL28fJE2PaP6YWxqWilOshK6KV0UMRt9Pkd
3ABLmSsV+/nx885qVchE00Mq+gr1IGeJZCTrIgkHJSTp+nTgPKf3SyVSREEdvH5FAu6qSZd4
I5K0Mi81/pIH9JXzDV+3e8u4LyRHJ04Me04LQCZijzLGpkdkg9cqaKPUHA2+1uAod61sH3dJ
UrPFJLEhctPA4BEbRdTerLo4YenkfLyOnIAt3vjLYKaCeaygxqQDpUIT1bHR2lI3mMbPr1pQ
Nkij0qNPE6cAYxHdeet0YZJ5Jq94zj6hCsciV4wvVaOzIBsBZFPP08/YeAGQ984/H9y3YMnd
oCndZZfq5bESuzrHsQTLFy9IUAMEBGmjA8m4DjPZfAtNQXDm1lIrfyOpUj2xzzjR44nvW5Fi
TcEPwqeWvmeAX/uSWMmEr9zxNgqKtJLB+3ubbw2WKAvYkdY9Qq+UQPPz4Alh8Z3FLjEkw+Rp
oL7NPc7hYO3WjUosaV6bDQ7VXRieW7z14A12d2ylLJxQ37hzksj2bb2Lx3zQTRRwwhYgDtXb
9QQR5eWnAV+8MxNj+3cLQsX4/wByrZiBLSo2jNBGz+vZtZtpUrz08eA679yc0uJo5wQvRSOa
Spct2JHUQx2W+nFiOuh3PGJgk2h0Pp58AWtVaUW/NxUX/c7CK6SQoizKWVTJtkt+j4+ZH+sc
BXfOx0bsMDW4Vy8yb7ESS6zdGMlmLSSlSygjz0Ojen4eAiis3Dbs2YJmeEiGeKOsspiVA4Vb
CzOF3743O4oxJIKkcuAQO+YbTd8nJ4qN0NGH6pxVUxuHQoLe6V9jr6XbRvUQP08B3YyWTTOz
Y+MF8DcVY7qbRLPXCF96RvG4DSfKBY+7Ty4COGxDLjq+JVklxt+206i2pVUm1bemyPpjVC3q
XqsPUPLgB9XGy2Ks8ssD2KlCNf8AMGFlrwzxqFKMyKqNo7Oh8ddPVrwHrS1Mmorskz9YlqdF
VT5y+DFYmZFURMP1DTxOmgPAdLKP3uhYSqI71+5HFFahRntzkQrXV4nL7dgb1n5Y15a8ASsY
DIf8P3ZMhZTJZGGRkfIM5Mbsi86lXfsG2PazOyj1HQcBq2a7os4mh+17SmQhMaSzAEIK7zRw
9aJiNC2yTw/Sf7QHd6Y6IXXggUoBXRY1UajpLtDD/pbTwBHs9JP+EMOZV2yL9Q/qHMHdLp/p
4AL3Farj7gdsYZSerTaORo1H+8n3SOzNrofTD/bwBsU4583NHOwmLdeXnyGx26SDQ6+Cs3AB
O69Yv3XJkq614Y6tZSPglcFpW3eY2Io5e0+3gBHZ1aSXKwUoJFE1fHzMh1ICvLtgRvPzc6cA
95fPp29msdjK1ZrX7mCZwrKnQjhCQrLzHMFmVdNfw4ApcylOKVQY2sTuViRF2kBidNNWI/m5
ngK9RGsobtlVFnfLBWhQ6pEEZkIRiF1ZtvNtPdwEctL627RQJ8uOT6uyTp6RHr01Pt3yAMP7
vAQWJq9u1DtO41me34+pTOzxQvoPJkD8And0ZjK0O8sI1OFGq4/rP0JX0Ww0oCSgciEMB5Bz
5n8eAc62QrZXHrl8JHoxJMtcqYZtQdG0B2+rXl/K3t4AVL2lbtVpbWAcYxpHdrWLsxf5WeVj

q7jTa8LnU+qPlrz0PABuzu5shh8jL2jlaksaxgdGi5M0qI5//hpUB6yDXXQ6bQCQfLgJe5e0
hkLzUseJITkidYJmTpxTA9UybYy/TVtS5Ujm3gPUeA5jyH29w7UsFmrdnJNV0T66SMrU3DSH
aWi0Xap9Pn7zwBXN2IrN2HE4mMU688imezS2xF6+wyMxkG30aAfCeevAA7eUbJ05Up1TSxlK
QqIgC4tSw6JHt8NyppqFHLXTz12gFl7oDd33adcmcRpHUg1G0Vw6CSZxpqC5fVD/APZwF7J5
K/m8mKuKiMNUV4qtXUAbkQ6yHcR6IdwG9z7NF8dQBfFQVIZvpY0kuviJfqL95vTFPfKlY4lX
9TLuJAPKMeo+rTQLw6VeCvZypDUqR+qkhXVjPbkZnhiRWPMDcW5n+X2cAHysuUykGeGWWAft
2RVcbGgHSQRQGTZrybUvz19vAW+zQLPdGRlOlfEyY+gHDKFk68jP04xL4hdi818DuHANmTFo
ZWjEgeOwzN07kYUI6KvOOVWIUnn4ePmvgw4CTM4KDP1UjuwmKzSnWWF9TodjBiAy8ykq+lh/
zcAN76s3XWrSqwGZ9RLKgdUC7vlpqZNqsB6jt8eXLgB1a/eNKzXztGWBWk0ikmid4/i1ILAN
yB+E+Gh4CtF2bi0gVcTcamJCqyV5f8zWfQbdhU/CefI+On58B9Dh+4MTvS5E02PflarkG1Rk
iUkHSF2aSE6f3l/ujgF9uzKn1aZvs6eWF6OtgYxCpsIG+P6Xf8Y8ipJHkCfDgGfG/cuOxC9D
LBoJ5IHeDJ1kc13C6qzMo3PG0bDR1Ph7uAYe2e7MNm8dWvJPFHcliHXg3jcrKdrgjxIDeB9/
v4AB3VcelnElxulijko3/ckiUS7HjGzqkeW5AVP4eB4CmkuXw9iO1hm61WwxDK50RmH6ZV5K
NQQd/iPH4TyBtw+UpZeJldBUvqAJarH1Iw/lOg3Lr58BXmx09S6ZQ8k292dQ+jFV/ljfTcNP
FQTppyI4D6XKy153xeTkYuo6qWl0QvE3hIh8FKn0sDy/jpwFqTEQZXES464UsQN6oLARQyMP
UjFDyDoefhoeACwRduwXZlx+Phr5fHTKMlWSFQzRsu8TR6I/pkU6qwI/l11B4CuchXYWQ0z3
Mfaj1WIFbEYO5n6y7jIQVQc108v4gQTD0b01KxYmS3Ljx1KxB+dErj1FHUjem3kdR6l08xzB
UHbmQwmUwFcP9XH0r+PuzQyDcte5P16T6yMh1H+nXTXgC1OtPhZ3QNLLUlHUUbT0Szs6AAH0
aBTpJz/q0+LgM4+4f24XHYhszhI3bHIxbIUdQ30jE6lo9FXdFu5cvh/DwDj7ZV8v/wAMZhIc
beyFXLK0NFYh6Wl6UkcrerbGqj0qz7vdz04AksE3b9q9YzGQ+huZJKzzYzDKchdDQxlZmeQB
Yod/M8yfdrpwFmhkshDlaV3sztqpSqX45oZp7zCxNOsr9aWSRIW3KBsPLn4+HhwENiliLEM+
MyuItYjItMstafDaWq8VlXCpJFVc74S66BkHIj38+Ap3sY7WatGx3djaGIssFuqImqXEUq5D
SVrRJ2klgWLaAngC1zIphLIlwOIsZi3WijjXPZVOnGY9yxxrFsQMNS3jtXXxOoPAfYfE5m22
YsWLUkM8k/VsQY5Y60ZL7Yv/ADKr19By9KsNSCT48AV7s+nwrZnIYujXjr4usBJEgEYleXqC
y8xUDcHD6aeJI4DNc93V3Hn8a2RE8eOGIdZK9CgiwwrVn+S0yOhLPtkUIwJ8OfAXewMhlreb
vXMNUrzSwlP21sxZ2x1rE/yuT7dZZJCGITUa+PMjgGOzQv5LuODG9xwXVs0zDNcrSskWOlEr
NE0cUUCiKSMylDubcT4Npz4Cx2tNj5MrPWTD0cdYgsWMaK6wJNH110swSsNN2hCsD+QHAe5n
Id05Dt67cyKGN8bDFfpyuioBLWkE3T27UYK20jz4Dj7nYTD5Tt3C5RHEFbrxm5cjT0xwTAdd
9PVNIVOnny4CHK/dbATTw9t9sY+7knZ46uOjif6KHYAI41RvVLtHmdF9uo8eAGdudyZbDfdC
pirz9XH25nq6r1WimM+5RZT6gysxMvJj5kc/DgNE7uwq5DtjujEWIQ9xYPqIJkj0MxGs0I9O
rEB0AI8OAD4bNydzdhX8ZLTEgr4uK7WZhuSfYWcxbGVDoHhA5DQ68BfwlYQ4YQ1/mQpI0+Pb
ftLVLLi3Giu5cKnq6fsG3gF3MUbsX3QR/pbNxvpkn6qIvUphJnViJZgqdE9TUkEn38A0SyST
COF5ug8kMtn6l5lklr2IwsJfV5WJjVgW5RqvLdr4ngEf7tY6e32vRyJ6MUtKMRJs3O8kbH1d
KZtN6oPj01Gp9/ALlPunHpDFk7dlo703QltKnzC5T5Tbxt0TUD1Fm8DyB14CxU7kzPVmxVGG
nXlxbWDNemT6rxdmMwhYbEGi8tqnn+PADcbm8rk85HHlMlLdsZOnYqSrLuCRbo2aNVRPRoSo
+FfPgDnb8EceGs5CxBEuQloCtkGlJiWtGOUccCxgaO6LvYa6eR8+Am7QoXY5072ztgYvFGq0
eJbehsPGxMSdFCHdWbmxdRu0108RwDh3BiMRjcKkNLANMTWtRYue03OLqoZbNqVLL7t526j0
7h4ajXTgD/fMHVtMysVaLphgNeaTDTfoPHYyA/lwF7NwSW2r3awEk09GQIuhO8lVkU6ewOqf
x4CTsbJVLPaEFoqFgrmUKPi0VXbb+ZUjgFazFK33Kxdu6sgmbISCIDQoqvTfarefLbp+I4Bo
xVQWs/mLDaIFEcMQI5KA0oZvHz4BW7nux5TtqGxEAsNyzLKxB13RQSdBX3D+ZIN358Ba+3FF
JO4svZG1ulHVg3jmdYyWI08vAHgL05gyfc0uSRt607Aprr8ISuQ0n97WVtPy4C1O00NpJSu7
6cTTSKumjOWUQjnz3Ow28vbwBS7bpdvYKNrW6Z6ybljTnJLIil3Kj38yeArQZPdj4naSOKe+
FkuWHbbHDvTd01PntX0jw9vjwAnujNQY3BZDI4Rku26deWZZdw+nUxlPUSoIkkXcNq/D5ctO
AFYeibVqOvO/16Q9vVunPLqGkmlsSSyyE+PrKru4CepXK9pUY/qJajVDZiltiTZLF0mDtqy+
wIddfZwBXtifvJsALPc9hELnSvHWTbanX/d7m12q0nsUa+8cAQxmPMk8020QTkbJrSDkinmY
a8jc3P8A2kp8T+GihQy3cKnFz4rtiuZ8jZ3Q1OmQEKt6ZLPU1+FfVq5Pxe3XgKmN+3+IpvTa
+q5G9WISLq6tCs2m4JHEfTsiUbiTzJA4Ab3xPRwuSxcsMbSLkIbFcxLyVkk2Ro3p00+Lc3u4
ARVyyCOWSsOnRxyvbmrq5bau5o6kO5/1TSKWJ/1HgBkFjH2pbglrphe5AY7Fyw+41ZJq+sYl
MarpsfrFHcDlyJHieAOwyMMbFNfuFYkEXzakYkWafYbHyk1YsIY9CC5I3kEgAacBQwy2b2Sg
nTSjjVr1Uw1FJS5BzDsHnnkbnJYMccjOx14Azm5mt3KNL1MbeSknKnl/kcaVfbqOQEs2wDX+
bgIWxWWtYm1QgcfuGVvTWJJBz6f1AWNth5eCtIV9nLgM57i+4GcefNYqpKtbEX7O3aqAyLFW
VaqKJD6h6IV1I89eA3vse7Nl+0MbNkx1rpgiefqKObjRkkHiDryZWHAMPAJfc+fymNzAyKwC
XttFFS7IQrbpQ/mG/QN+3d/NqDwF7GX6stqWHD23inXm+OthniQ6Dkv64+RHgdvsHAAe7sm7
4STuzFwtWtYySNr8IIKW6WpUPqvJlG4ujEbtNeAI4fvKO4K0Va11YwukjMNX+YflEk+O34G8
9dPfwFuTtnGZKd78Kmvejk1kjjkaNeqOazRMvON2XxK8m8HDeQAMx248Fj/iStE01qizHM01
DAzx7dv1McXgJgnNgvx+/lwHUFCOWY3KOk0EyAdZfBoyFeORNPE8hqeAIWIzYrRzlNEruA7w
6aw7eazx+G5dfiUn3j3gLzUFmg0FlJFhw05RbUcJ9EMhPyJ4H/TG2p2+w+g8iNA4yuqRdO/T
LNTcAXI20Ko45MPBtf6fMfkeAuYbNX6Nj6e1dLumhWGfdIjxtyUpIw3D8df7RpwBy53P2zNZ
TE3Z4qWVZBJVhsFVDq+qqYZD6GVtCvI6+7gAxs5HAZZ6FQs/1MBs1VlYtGvRK7493q9DJqOX
gRqPHgAn3S+rszYnuft6waHcFPqVpYQ6rMYXRpgWUkq6JsYkEaaHgLnZfceMzmKmt3FStk4H
WW3RmdXKWNNhmiSwiqqyDzVtPz4BhrQVLEwijQQpt3cmOxQnr8CZItnmoB5a66aEjgPszjob
sYlQtDIiKHAQyqy7vSdq7l6bDnqPhOh8uAo2EECayWmmqb1aOaHebHWICgsqLJ6tNdfAMNeX
AcwY3ISIa+kay7QJC6noyV9rGOPRlc6Nz3Lr6fAciOAWe56maimx9GHI2oe252SquLp7YoEQ

x7Fh+rhLuVkcqI93IqdNdw4Dn/hyhisbkMfjEMNazegpCQcmYauzNr4nQygj8OAJVojFbaCu
Fjhq4qWUOP8AE616w8ETAjl6UBPLgKrXlxSzUc3IrXMWPpr+QjR0FiF41ZZGCkkt6grMPUsn
PwbgKGdxuK7ox8RsQSx5WhKr08jZjKCYxaS9Kd9BqkiDRmP6vV47tQs3O5z+3tFbgavZmtVI
LcVslGjecPI6aLzLRiIEeR5acuAmpy3FMtxa0v0H7kZ2sSslWJ6oMzrtew0St8yXw93AL/3H
ydOlhMn9LkVyJ7gmKx9EPJHHD1esxewPlejQIoXXgFSjLXsvj55Qq1LUf0NwIAFVLC9Cbl5b
WAl/FTwFyPAxSVrGPUB8X2y/TuAs8UtzJyExy2IunzYQgaJ5qo18+Ab8d3pphkxXfka2MYsk
cVbJ9cLcrkgleuyercAPi5a/qHtC3mhcyo+gjkFQWEis1bix9G/KkO947Fhdfl6lRt/mB+Fd
eArU+389kaEseRq17tpWSK5TuIYIIunqBLCkK6yxORydj466ny4C1Fib9vsabtvLNYoWYUet
OzAvCxB+Ru3BlVeatyIPv4DGYo8jg800omWtkMXMRru1JdG2MF08Qeev9PANF1O6+7srFmJ4
IqMtWGNaZUMAoiD2IOmjNuO5j4+zTgNtoZlrtnAZIIBWzNNQyrptWQL1j8Wq7fEcufAZphMf
DH3JHh7MlrFxY8ZOrlbNSSaFXrtJ9TT+YpPythYenT2cA0fbvF4ehjp8dSeaDKTtY+ogl3OZ
46U5RemJGIC7HCts04AX90e3c1lpMfdxya/Tl2uiZnih0Gz0muEK6Ep4aMzaeHhwBKtiqq9v
Y+ojwW7PXSu1aMh4UEszOsJIK9SSKIbdCp5fEAOAUM99xe38vcq4KXHyLZayIsvfZVTdJtNY
xpGpdivMLqXHtA4ABlcPQxQmioObFPFzRqt+SJQJYL6NGSyHXcsc6Oo3cAJNGefKxx14o5J7
cG0u8giiEtYmGV+pKVU/4YLa+3gDva/ZWQmyj5KaxFZgpyDpZJJA1PqgbnJnkKNIq8lHTDEn
X2cA45jtStRgoY29bkkGQb6xo44Hkr9QrujrBk2cnILHdp6V9RHjwENCGjNOchPI2OqLY6F7
IN01WdaZ3Q1sWgA1Zti7yBoOY58+A4yGa7cp0LV7K5qXJ9xzxzIaX1W8IbABgibZ8o9FGGoR
dC5Ps4DUu6HMN2lI2wV5ZIUkZhzU/URouhH8wlI4DntuQWMXSAlWWxjpZKczLyAZDoysoPL4
QNOATsTffG94XcEolrVI8skixFgY5lmAaLau0kKN3kf0jgLvdlyTEd3NLLGxgLU7kEmnJdkw
jsc/b05HP4a8Ab7xtWMfWnpYqX/4tnDtiUaawxKu2aZR4+eg/qYcApYWHqfbvtxIz03ixssj
gjUehZEYMfL1uPz4Avh7kfavbOYzdsdCa3caKNSh1DhugjkeJUfGSP0jXgGXtXDipRj6ynqw
kopLbgwGg6h9pJHjwHOkMmVaojK8mOH1NrTn46mtEf8AxG/2fbwCTcuZyZe43yNgWpoaLtGF
XpKiuEKrGupPp3sDz58uA67gxbW+w0o6Fknt0IYo9dPgZXbTX+ldeAE5kJX+12XWORxJJXVJ
Q55IJpkVVQ6DxVuAau0QZc5BVKGPTAUyJORU8wNB+angCeLxoM16CZhJjJLrTSLt13zMiq9W
P+Zdy7nI5Hmv83AEJdlnIBrsqwhQyrCW0fpnk3TXkQp/XJ7OQ0HMh7l3lnpipADHBOvSirIC
skqEbDqV5xRrqOfAZ5Ysd04ipSTAWkhsCcNfV4w25ZCkULONDpAjHaVXQ/nwDj2R3RjO6qG4
D6XN01eG9TYndEzv811DcyrsvJvLw4AT94qc6JiMpF6YKMkyWW0B6cMqAPIFOmpjVS2nu4AN
ku17s+MggqNHJD9TUOQcMoFmnAhEDR6aKVc+oMPE668xpwAXA6Z25ftWI9+bhaaGCnYYKJ4b
EkEkL6sQC0LR7XQHXmOALxYvdUbG02B+iktQySQyrIwr3EWIzo+7aWaSJo205pu00HAUe47q
4rHYOpjtY9mzo7QGlVqVYQpzGmjqHY/jwBHIUsvk69DK1JUikpRE38XKenOzSRLalELLyZt+
59h8xwBKjLJY0wGIUm7j6MS2MjOG52LsatG6sOZ1003+Wmg8eAynt3tW1d7+TC5upMJYJJLG
Rqjkx2/M2q38rsy8xyIPAfp6FFSFERRGiqAqAABQB4aDly4AX3Rm48TjywcJYnDLCTzC6DVp
G5j0r/zcAuUu4LMfb1o9FZQOnXWrP603TnYrjTm0XjuB58jwHU7WqPZb38XA7ZOWrLVhoxkO
TPqRJIkjgO21Yi3PxA9vAD7FaVftVmHkLPA2JCwyjUblSN3XaDodArKOAxHE9z5nDzxzUphs
rkMEYl4wCRqNrcvVtHh7OA2ns37tduZCaH9yf9ousg6u8hqsm48gJeRjIPhv/ieA0YRxSulq
FgdwA3qdVdPLXTx9x4BYNHI9uZGUUwLeAlBmhoMNGgYk9dIJfDaxYMsbcvHQqBwBPC5XAZZJ
Y6EmydBsmqyDbLGeYIdG8eevtHAUTiqdCsalt92Oc9GVJPgjaU+3yRyR+DaEefAKzWLGNyNr
CZmYSLXV46rtogmqjR1Q68iyhtV/lbl4HgLOLaTMV9cWyGeojJHvGvVj0HpBPMHTRlP6l9J+
HXgPvpsT3FBZ7Z7npfTMrFq5dissL7fGKQhtG1OqnXaw5eO7gFJ8Rle1czWo5Kee3BBKy7lM
hEmNkBjSfbFz0jZlV0HgeAly+NqK2Kt0VSxNaaBpYkdXldH3Ry+rXU+nqDX3DgIaHbuWx0n7
jirFqhIpVqNx4wBKGgAlqurblZEkjJ2n8uAbsR3JPk3niNSCHuWkoP0CDpJZcab7FSxu9W5P
VtI1GvP3hfuW8xFUivvUeuW2uqOy9RNoAKvHMo2prryMn5+HAVayTZGzY6o6lmXT6uskzFJA
qsosQDfY2+Cc9o28uA4qXbGJEVV43sU5yqQWdzhlB9I3AbiGHho8Q58BRsz1cbdeK50zSyGk
zQyJpFGztrIu1tpXb0t+vT9XxDQ8BQyfRx8lB/r1rYWqtn6d5A7THJWF6QNlVUArHH64m2jd
+PAUIe87dvuHLwYLDz5NJZqmPq2pdYYVWkBsR5HAKF2LMdefPw4CYUO9s1XmsTXalf8AcspO
a2PEJYzyRFmavNY+NYQqlToPA6+7gJKYzeQiLS5XTFCSSpNBchq2hDYRty17Mjx9QB1O1WOu
7QNu9XAQWrmXoXVzlVoWp48/TXK0NJVkWDR3SeOeTrn0MwJCfo5jlrwBjHUsFlLmDvFEyFZa
93I2DLrMHiKMp/xS235nLbpwCP3vma03Z9fHQjpk/RxwhT6Io4K5d1Hn8UmnADsdkMZn8rLi
68C42jNXikhjCKNLUMPTnICfpm27mH4+fAHJcd3HNirM+Pr0rjwKpylK0idSWYKirMkg+JZY
+m+0nTcW8ddOAp43OizZq5zvJJLUwkJxXb8MZEtyxEREjSr6USKN/SPTqxHmBzApNJ3/AG7R
ms5KrQkyViy+UkhCbqsVdYyF60nxLEkwXavhpwADKrV+kOQt95tezkKSJEImmDqpOrbW1BCE
eoAabvy4DrCd05uY0McO8LCrNZSIopnkfpSxgj0yRnUpJqrbuXs5cB729hKuSyNzKZPfLPLN
1Y2dVXcGZgrFVVU5+knaNOfAN2NxHcWUt3Ie268YemwqT3rZ2VYhGWkjMPT3O8gjkQEAaLt9
/ACshne/KWKq9vYdmr3IXlhSKFozrFFGbM7asTsbcG2+1PDnwCbVudz5XHZO+uQmjFWokllC
XHWr7hDt5AD0h9W18RwBz7VZGrRyYyENe1ku5FtdKnDFMussMkD9RWWQjUFvFj8Og4DYe4bs
AwRuTTJiYpVjM2TukoqvI3q6MepdpUBYLyA14BA7l747WxmAx4xOKmV70LTU7YZIIZo1sbmM
kcDNufcgLAqG5+WvAIXfoiTu395xJ3w30hyCyBRsSXluU7NQNHXUg/w4B5ududyd44qvfpQV
61bMwEMVjEihQUkK6xNtjbrR7+fgSeZYkcBNV7a7F7a7fC5uZc2kNd7sVcsdw60iQzS1OYj3
RhdzJoza6c+AJW+76Hzq+EwDZeSmyRJYjd0ToSQCWvYUDTYrNqsqADX28BYtXrQnxUWbkhp2
sxSbHwLtM0deHavWkjVBqJ7DuoRByCgezTgF65LDjYntVrFPuK3j2OHxlaaYyvWZwdZgiqUO
vIPyBOhGvjwBODsW1jMe96OtXK2Kc8z3LGti3FK0epkSERqodxuCnXRAfy4DQO/Q83bstioA
9mlKkig/peNg66j+8qngFfs3K3sb3D3fTrAW4Y7cWVhqyME1hvKJZZI30Y+nX4SOAs954bp5
GLIwnZYsU2YFAB64Zerovny63L8OAu9xw1cvjcNlrQDwsrQW1Oq7knjMcmh9o9WnAGr2NrVa

BtB2sWD0dbUpVpHSL4B6Qo0G7XkPMngBHblrEYnBWMVnNKsdSW86iYER/RvO9lCrjltEbLwE
GbeLuT6m1MpOPoK0MNJtCthJ4lnWZx4erbtTQ66E+HAfYvM3u3eyKSTN1IIogkFs+qbpLyCG
LwMkY9OpOnLXn4cB5YrHFfcHHy1UAp5mCehcnHNpH6aWIJpG/U+7euvAd20pYiOU5bQRZC9V
pTOw1ViSrl9OfpI0B8uAh7zgjwuGwtBi00v1QlkkGupNWu3zOXw6lVH4ngAP3CrLB9sbiwqI
xHaiFjcebR9dSmre5WTT8OAYe1KFxcPiasjiJoa61ZJY2KvO1ZpUMSy/oDIwb2keGmnAE+5O
7sb2vjI78mNtP0WWBa8cenTQ82ZW/wALQAeTc+AF3MH2l35HD3DVdg1lPpltKSk9aZTy8Phb
9P46EePAA8T9x7HbHc+Qw+d6uTxNSWOqe4BF8xH2ghLBTUMqbiN3iPHz4B0iwuMrRT3ce4mq
5SMAPuLoFfc8tgya8xt02jwGnLTXgM871z0vadrt7L46AQ5dZJq98MujzVIumQkpH/aBxJz8
Gb3cBoOTtY/u7sSTJY2UdOWA2qzvp6JYgW6cq/iCjr7NeAVpJKdKPH4UVjXxVmMb25GGpMSi
QooPwK7Ajn+ra3meAAvBO9SfMVtaqwRnF4ZjqoexJuFi5tYnmillUkn1E+zgJ60q46gthwRH
9BOsTxbYmUF4vk+nQnc/9nv4CTvvtWSbIw5TBhrdipI012gmm+Z0jCWjFp/vyh3FD8fivPXU
CnbrwS/ubysDBjuhI04GgZ4YWcyHUeIRdDwAruZc/i8fX72wUxxuVsQxR5SkGWWGYRJ6JEUj
RgygHlp5+/gLOL70o9wZTB9yrWIuh5cdfEZIKGdV2aMObIJAu0f1cBqyTqsAkm+VzC+rlzJC
r/EngETv9rK51LEi61a1cpGV0JDSBm2FSP8AfbSo0PiunAV8fhab0nw1luj9NtaZoJZI+nbm
XSCLqrqQyB2JPgCV1HPgGXBY+fCY9J85diNakH6Esi9FkEralpyWKb9PT6eXj7eAT/uTSvPh
r+U7NyqT0rsUiZXDo6zxyxyDbJNWT1bH013hfHx+LxDC0EIZVckAKPA6jXXw4Bmw9api+0r+
ZuwrZtX2FDFxSeA0YPLMAPFkCt7v48Ac7I+4VjF9GnRumrLJJyq2iZKTKW10XU74m1O0beXA
azD3gMpVWtLjpYcnqC1R22h1GrN9NYHoZ9o3KpI14AVbwsFzp3Y2LB0JqXIN0U6OeZEnIHfy
12sPEaefAXcbmJZcY9TuIrZjVRXsWFXcwLjTWZF5GNlIbcPDXn7eAXe6M72n2/3K03cMQzWH
nx0MDTqi2BHYRmCo6k7d08W0kk/oGviOAY+zO4vt5eqyT4GL6JK7pDOskTwNGVRdm7f+nboN
ddP48AZt9xdvfURhZBbtBnRRXHUdCmquG28wFPJvZ4n28Amfc+C7k+3prkUSwz4uCWxWIDGV
o1ZSzJOnw7VUMUOob8NCAzKrgII6tjuSC0zzwhblVV2iMMw3gSNt9LCXkQOAIP8AuK5PIWor
bxT2ac2T/wAaWKOvLXISaaJV1DvqCiqV+FtdeXAC6GCzt6WZEyEU81QLPC4tEgvJH1SsMmgT
qbV9XMaacBcTI/dmmsjU58o8dV9LBTfZCblDgPu6o0KnXgLCfc77kVK8910r2KVF4o5Tbqqk
iPOD0/h6Uh12fEOXATWfvF+7RdfO9uQ34oNvWnrWJogrONV/mA105KW8RwBmn9z+wp68UVtM
lQTYsDQyN9XE6MNxeRixYlSPi+L2cB9Bn+y2mMVXNwTYyxrFer2fqKnVR/H4QiMR4Byw5cjw
DHizSpdUQS1zgktJkIbS2Enk1KbkSchnYRcl2yEk+0aDdwE1JbMM/wAwaLi8XLYtAAl/rskx
KKFPmEBH8OACR43D9vSCaa3DAoxKP3HWncbsg0pLR+lnDLOg1KMPbp+ALGBluqktinZnyWDr
NpJJWru8jVC++CKUaDmRybl6Cx8jwFqDL3qGVnnwlWC3jngWCeJGFV3rSrqzDkzJIqRaOoXw
G4c9eAAfcKbHY2vVxUGHpVhPXWcTRySz2IFV9iqsrFVO8LzO06jgEuBshQarlYkeEby9Schg
jvAw3hW8DtPJtOA1zEd1duwY9L8FxKVXJAmRpF3mGwg3mFowNdrK8yAf3eAvrgMN2rYlyEUa
3Zst1TDcllCxoVYS9FJdd8baMW5a71Pu4BZ+4poWJ8faicWTFahguWfls5JURMGKksdpi5ek
L+JPAB8hhIZu1KmSSQR36l+StdnsTHbvDybviDBR6V26Dz8DwCjj8hcxlg2qKp1z6o2lUSlA
GWRCjHwfVdNw9/t4Da+y+xJskrXxuXDX2NqokUjBylgAsjSnbshj8Ph3k+HIbuA0ie5BiY8f
QpIsdNwRvjChVRB4rr6fV+Op4DIe6arvk8gkckqVw09bYdEEaprPGI9oH+6Vxz9vARx4vNYy
rPjarb8HLYaGzRsetRHZjMO9dfXoqNGQoOg4AZRsTdgdx2p8ZTgZLTxwV8qSbQqV3XWUxR+n
Vix5l/JdNOApd84nP2u98hhbWSmurAhsR27zkKK+wSblVBt+I7AEUangJ2q4xe26uOy6PkE7
YvxSIkBMRmoZIB3Td4q4kGqndp7+AKnJ5b6ap27kJbNfEqpqN9THFUafRGSONazBrE+0ldZH
IHmBwAE57N0O1Rjq+RlqNhpZ4o1iJUuI7UUqSOQefT0O3l4cAXyBxj2czVEhKRm1HG76SSNY
yFRbW6MINDumjZV56nl58A04X7dXa2JhjtTPBnbtevDdWu7gxVjzWFlRgCzN8bNy8l5AngI5
r0OHykGOxmIkjlq2f2uvNAVFSCzYTqyzJLJtRpTqV0/SB7gCFq/nsFjczLTyWeoiLGIliapF
WVrDSCIpHXhsa+orzZtE5btOATrHefbYw9xrmUyPceatCRY6km6Kgks2g+pXaI9Qg5BfD2Lw
G023sTYrMxhlawiM6jTnqoPiP9ngFKSRKn3NwuVXRcf3HihQtRHkBINdmo9zbU/PgGTKUJj2
1SZmaaxipAkrt8bxgNXl/Mo24e/TgK2PrLJ2Tdq2D1VoSyyREeIRW+oTaT7jovu4AjVma323
RmD+kKUm18fgZBppr4PpwCj3nVt5THUkMRajJWt1Zd2g0IA6LaHnr+ngLXbU7We2cIVAkNuj
9CXXQRvNVYmHX/8AVMuv9XAXBHFlO1b+KZiJqcssTafEEkj60bA+W5G8fbwFbuuRZu1sZkyW
E9UV5TLFydXhbpSNGfbuI4COi/8AxjiMnBdkE96tAIooSugHN4Xmcc/mSbCDp5ezXgBWfzOY
FrAV8jIox+TrjF2BOoWWG+kqMC/q5l2TaSNBpwEvdInufba9SnjJlEcKTI/I9SlOI3G08/Uk
ZbgDHaExl7T7dilkDNdkmhDx8i3TrTKHPnu1jDe3gPKOXmz3bU2HzTKczUgEjOBqLEAOw2BG
Rrr5OunI+7gM0uZPJ9ndxZatjQf27JkBampC7iQFCbTqHR29DAjTgGTEY61Rwl2pedMlk23S
WZHB1lMqJLGsu7x01MZ4CxgMld7VgapVdZIdEL4+Us9dxMdI+lr6ozzAOmo93AJf3F7gmymZ
kuzJFIrllJjZgIiIxH0XUjXdqm4+33acBpP2sxM9ftxKXV/y1+qJJYmVgDLajaUD1HVCi6Dl
4jgAFLJZe3PNSuVSaJlaKZFI68s7M0a09rcnZtpAkB0RQWOmnAH8hSMPbmQuDZat04pQoiB6
COkXSigroeSom/xHj4nmeAAZ+pAO1JaryFLuPjneKKRWVmTWJlAPI+ghTqOXAHsFapLjJJpF
DC6IJYWjfpMsjqJKcisTpudn03E/FyPIcAcJqNDHbqV4ZaeTbXKg6x6Bg0TuU03D4m6iNpod
f1a6gsSYPuqW1LvsVEnSzWeth+ssjVacKmsg2aaHqI7M+nLgM4gydnt7vZoKW0U7dmNJas/O
JRJIU57TqrRnUqw5jgP0PUxkxnj+sm1+mcvFCru6Hl6WJlLH08BJm6ivGZmXfEUMVgcuSEhl
l5/9k3q/DXgAkODaU1qMciNchMkuQn2h4macoXLK2nUdtvgNAvn5Agbmwhsl1vTm3CI3jgiZ
VQKZFKOzFOTNtOgOg0GvAfnHK9+Z5brxxRw07dcfQz20iDWSkAMfTDvuWMBgf8MKfPgFurXs
2J1pwwbpbBWKDTnueRtqeHP4jwGqy0cVQ7qxeAlQWKmLU42InX/zUtOSWy0ajkzeqMbj568B
VwfZEFinHFZhjsHLKpJUHZHsQxxNC+g9Sq2rk/FpwF3t+PuLC4WOzdU5fBwTus2PJInrGrIy
hq8hO47XXXQ+XAP+Ov0O4q8lzGXFn3FWMY0DQuihtJkX9Str6vfpwEdzEZejZhsVYRYV/lyR
ggDY3mw89h9n6dRwFaDsGLJ4nL1MpVSFcwGDxkDbuKjZMqqfQ4bQn3g+R4DKcdm7tfBWahnn

p3MLE0BC6seshMexuROwMDpry05HgCuDvZywEry21GVylBMnjrKxqOm5EiNDLoPUiuo0Hiuv
Lly4D699war0jic0JlyDQzUbNdSNUmZOjIC5IjKOG6itr7j7SALA5SxL219BJAbQLxr0YG1n
2RtGzSNGF9UTKCOR5twBzB5LH2s5iNgZ5rMdulkleMxyh5YHIRww02l11H5cBqUfaNKxbsZG
uEXH5yKJ71QjYCzQvA8kZQeMkUgVh7QDwH2Ehp0pMriKkDV0pSRK8o3oOh090JEg+PaAEOh1
08eABzZOnb7qRrNeFccLEdaJpF1K2dUWKJwoIGxYZDofM6efAXu9MLQrT1pY8RBkK9xPp7tV
UVBM6yRmB3Qbd+zc505+PLgBN7sbsaxFTkp0EqUMiWp20g1Tcr7J15anaR0mGo0PjwCv339t
cRWqZzOYKF1ahJVkjijkH0wg2Ks4026s2qnXQ+J58AZlodjds35Jq1/GYK5ZsM1xp4xZtKsx
3xRQwbvlJsZee3TgBGc+5HbbQ36kubuzyWbTWdMbWWHeqLsjR7DhWJBQHyAX089OAT8j3o+X
ssMDiBDZcxitcl3WrkZTk5Mm0huougbXXQcBRzEneVAw5a3kLC2bTPDHIsrxyaQog5qNmgKs
AOXlwHEHf/c0NVYWmjndQTHZmhjlsIxGnKR11PL+bXgBl2/JkGi1WOstaFY0WIER+nc7Pp6v
VIzEt5a8BayOcNntbHYKSJguKsTy15gy7dtohnQrpqTuGoOvAFOw+6Y8daXHZO41HAzpIsjp
EGKyabo5GMQE3J/Eq+unu4B0q9/4/L1LGDx91MdejLLSWbWSnNLroksE8+jKrkD0SaaA6c+X
ATZPtvN914GanQatBbU9SWnLYmR686yqxrsohWA9PwXXU89QdNOA4n7Hz+WwdjETZPFVIp7P
1c9WnBLNIJmI3brMhRR/hltOAIdjfafBxa70hyxDK31E+qiSPzSNSD0tjc2KbyfDcOA1CeQU
sc08KMFrgiVAoQbIt27RGIAXz9PjwAXGVLOS7jkmsywD6BYpOgm6R4+qm6IBnVFHhr6V9g8u
AT++axpZPJxwQTUYpHS7jsjCqFJZpdBbSRn1kbbsPJQQFbyHAUi9K1j48jRlKg1pgruykNYp
MhgZtCw8YlHj6g3ABsvXNuxWVn0jvR6FdoUdWTWPlr5DRhz4CDOSTfU9t9zuDJSsRLQuSL6y
pdd4iYP56yHb/wDZwHd/FiLGSqBJ9bk8dPFMpAVUlqSB4oig8xC51ZvHTXQcAJxxyOTliNea
OmksCWbc8aj6qbn8pZLEhZmQyqEIBAHAetDj7k2VVo99ib6axEmp12Wd1WdNv4MrcBLXvWsT
jaWdiWGeeWkJHgkXd/m8FZUDqL70fXXXgC9G/wDfPIVpL0UhxyZh3mj1WGGV9V0UetWkRAq+
gtoABrrwAvKdhZ+nj4B3NmG/b1nY0qkO+zNYtzLoorR8izOeW9uZ5nw58BXo/Z7Py2RBft16
HSi698hml+l3aaRylBt6jeSqxJ4C7b+2OErYhZ2muJehPUaIKu/RVL9F1Gqo5GjMNfQNdefL
gN1rOn/ENym55zw7gP6QF1I//WcAi9+R2Y+2q2Zl2tf7euhd0QJYRSsnTOnP19RI9fz4DSou
jdqyqvKKwoZSP5ZUDBv4ngA/b1cLFlKjxABj6jzOu5CjJ+ClTpwEfaoeXtk12O2aozIx+I7k
5Pr4fEdf48BFmoxNCAT8p0imi2+R5rIFP4hTwC19uIJRgJ6Ng6tg8xJEYiCCI5iksarp7JWD
DgGika7Z+9FAgWK5Uil2ldD1YHdGUt/dOmnlwEVylDkO2rmPjCs9dGSI+wOpUfh6gDwCT9vM
hNQ73FdyTTyAaE+AANiJbMTcv6omQf3uAK/dLBXLOPklpxCxaqP9ZDC2vqkroyOuo/U8e4j3
6cASud6YOO5jcVYgmsHNfTymZY96SV5oSyyHb6tSyhW5e/gK1rP4CTL16uL0GL7PVLEhVW26
yKV+WfPZDv19u7gAneKXO3MwncqtFFTp3I467hiDPVvkvOOXxhUJ5a8iNeAXPuBTm/4woPHp
PAGrqyqG1WJHR2fQ/wAw1J93AMv0jsbFaR9DZqlGZfiDxvLAG1Pmd6NwH2ZhP00dssBFJEuh
HLQOoniOunltPAZx3lSeHL2gOSWZ+sV102lwwO5SfMhj+fv4Davt7cMnZuPmdneTHtKil+eo
jgfYNdOQ2EHgAvZ00yYOTO5CNJJ+jLJVrorF1ifcA20c2axJGdfdy8CeAqm6K32+WaVp5bl6
pdvKVbVRPdDrFE4Gnq6bMdNNNddOenAedxiWHtwZWEmT9zoK9mY89kTrHIQCddu7ftH4cB5g
Hlg7Wioz6/ueNijjliVDI09XUgOg/UELleXwtz8GHAOGVuSQ44ZaCFWZI1tSoi7eqpADh1Ph
vQaH36HxXgBF6eZetBZjr5DH1bPTqiZ+hIY5lWas0M7jpmQK+xdWUnT4teAV+7eyK+bxkWeo
SNHbfZHUmuIYLRdm0jhvjQDcm3RJfMfFr48BqOIvSZHFY/JxIUnswxyOjEjbIRpLG20HmrAg
j28AfIDAhhqCNCD5g8ACwtI4rJSUNXdW3yV3fmDCW127vbGSF5+W338Ae4D8tfdLFHF/cDMV
4vTFJOLaITy0mUSnl/eZtOAKfbCvBSOW74ycYko9uwH6WNtPmXZRpGmnmRr/APiHAGY8Xary
Ya7mImr5nGy/uuUnlOoLWbC2jGihvHo793vUDw4BprW5cI0mm+aClNahCEhdqQyHzP8A7Bt3
4LwAXs/vVMhmbuFtRHoZG5NJUmJUBTMum1ue31uoKFf1HgGHJVkit0MjUH7dk1tx07M0SmPf
v1jUMvIMN+06aeHAFq3e1+vjks26azGJpFtCuSAUhk6BkrhvE+BMR0Ps1PAcZz7o1sTAu7GW
5LEscksQVdYdiMqrI8i+CMXHlqPZwGM94LZpz35+s1yWyzyXJlQxL/m2eSNVUH4UkV01PsGo
4AyLuQxQ7QyFXo2bf0suNfr7umvUUSDdtAbXZ4cAh9w4Wxi8nLVkYSsx6kUqFtjo43Lt389R
roeAH6pt2xsV6ZG3mQQT4kcBofbtutTx7WmcG5FbxMoEjje0atEGK7zubkTu4DV8Lke646/S
FZrFWoZoFMTVzJ8iRoU+WzKeYTzPAXcTfnbN5AWOpDMsCPYj2bVV49DuB3OPWjDz8jwClBQt
2vtnavT6V7tq79ZvJI6ZEv0w1b4vQBrqeAXcT90buezdPFZGmYGLuFL2GlVLMEMujbWXcCWA
/XpwGj90YynqMioMkc0kJswKxVVEjdAzKV5b/m+r2j38BgNPM91z5NcfJkJo46kc9acSuwgS
tGrCwjoo8NqHXQa+znwBzN4Kjn8/Bkms7UuY6hMplHTR5EiMMnVeQ+hdYNDqNeAhGKrN0R1K
jE6tGkQVk0UlSeqSnsK+HAFKEkmNgMdaoaok+YJZWf1BlLFh5N6U8T5DgAPfzmzjq9ovY6by
RSLHMDtBnhfV4+ZADCJfy8uATNu5PUjFD6Q4B0108N3ASRpJUsdGwWrSKRrvVgUR11128jzB
/t4CKvFMzRwKp1fRQApYnXkNo8+ALdq1qUncFWO2i2qaGU2YJFdlKJEzHXokSeI8R4ePAFvt
PDhb/fdKDMJC9OdZVSOfa0QmZCIQyyel/VyAPnpwG4js7CwRydKaJBVR2jSspVlMYKyuyIw6
jbTpz8CfcNAGYqp2K9eOyZnr2LkFeWC9aj2SSw5GRlrKDz5M66aeXLgCvbPb9AWchHWkgs/S
zmtYlQypNBLsDSJGTyX41bl4nx4A9Pj68G6a3/8AEJ3hWsiTEBTECQw9Wq73Der+bTgLVeSu
JBDuK2OnuWKXQSCPXTadPFRp48+Ay3uvtDuXCULV6OxT7jx1SZWxde5vFuq0zdExxzKdhTa5
XSQ6afhwC927kcBmpp7cVOSOWKKOOSuH2SpqqATb5BISGKj+k6DgLFis9nB2rc7CvFjbPSkl
kOwlnkWM7IkLkaMgb2DcefAAKzxWcRnO1BNGL8NiS1UTeCS0BNjYh89pZl/LgLOHt0II6dyr
j3vSxirkbNgMRt6/+UvQdPUbkEciAa/AdOenAD4cKa+RqUbMZpWcVkrFK5uPV2rYBsQc19J2
bdPT7eAv1KkUt+pTcaZBlvYt0iI3mwjl6RG47W0CKw/HgNG7Y7HXE0oZsxXr3u5bU1i7UoP/
AINRrRRrG5hu3qh01Y/gvPxC7Ysy4yaXrf8AxDuDJBzWgm0BkCaaMiesQwJ+kH1MdN3s4Cnj
MMtfNvlr9oWu5XDR9R/mQY6OQhmhrxjm87Dly9Xm2nhwF3I2I8NjZlgigw1VHZ0s5OZITJJ4
vb02zSvKfBNRy8fYOAzzMfcrtJcRJiK81i1PMGV5qsSrE8smgLdW0d+3UaaLGPM+PPgNczP+
T7ixGVOnQl1pzsfLr+mJtfD/ABCq/nwFHuvDSZGHPYkMQctU1g5chLGmsf8A+KPgPft1lmud

vYmd/ieE05/6ZINXhB15849eAYq0aRZa0o5GZElHI6Ec1PP3Ea/nwAbC/wCT7qvUlj2Q2AX0
8tyBef5o66fg3AWpaKS4ixTkO6SmzyIV1UgaltBofMa8AAxorV/uXnMEV0r5nG1r6a+Dyxs8
MrD8dVP5cAYysyxti8ixWu1a2EsBtQfnhoivp5E6t58BQgllod6y4+WTbTyAeGKEaAavH11f
nz3axuPz4BCzlWxjr73qjKJ8bJI4hf8AU1Z/rIkXTTTlvRfwHAablJ1tUo8lV+fqEaEjQhkl
2Sxtp/dJHAZ/lYXx1PA5auVkGFsvjZChBX6aKQWqg18/krt/PgLtPEHHZnNRQaObckzRxlgq
osE0ciR7uZ0MNvUeWg4DNEbIydk5rH5GV7A7fmihrRTEuIUV2WZIgNdC5XTX8vDgGbt+LNZn
ue3Dk1keTFVInS2o2K5dOpVaZNW9UgY66HQgcA2X3iimaZBqsmsxB8dshGv9rA6cBLnaMT4m
ehHqPpK42u2p1EDBF008dUB/jwGS91xyzXp8jcQwqklUGFhqZN6vy6q8jtSPUHTwI8+A1b7S
WYrOENCSwzW7cctmNShRdYx9LJ09+u5Rquu3Tn5cAKeSbFYESRlorsFCGLprq7fKRl6QZfNt
hk5+BJ4CPBtSy2mCtSFlWKOidqtFLHNWXpPLC7fLm+Yx3r4c/I+IdZrAZCl2RXxk0zyy4Wwt
GVBqvV+lZrVZiAx1WWEqAp8yOAG5nI3sdLUu1WcjFgWql5QoR0cpvOwciOgzaj3cA3dv5P6t
Wlfo1wJZ6d6tGCYw9karJEG10SRhu0PLUtp48BUzvb30RxliKVq2UiqiCDIqdwX6Tamy3GRs
kikU+rXw8dRwFiOTJXLdqOYIL4SETRMemfVOsiO+mqhR80qV8jr58AVwslunNcqQIcnRqzF/
Q/zhLKSZFjWX0sm4fFuHPgG2hZtWEMk9c1UOnTjdgZNNOe8Lqo/ieA8yWP8ArIkKOYbNdxLX
lHPa4/mHLcrDkw8xwHdSd3XpzjbZQDqDTQMf5k5n0n/7+Axb/wCoHAhu5sPfjUIclEajSHRU
6kTgoZG8vTIf4cBPHjqtfH4/tlVa1j8c4yNyGBB9RPZVOqqTgfCFbmfxRRrz0Dz6iotw0rF9
MnWs7Krz9QSu4s1ulJFLJzG6Mk6fhwFahXzHcdaJ1yktB69aBrwjVWaW7AGpTy7m0Kttj0On
I6HgE3M4yftvPz0YZneXHT74rB0XVPTNDIo8NShB9mvAatne2YlxVu/NkbtyzU3WoZJJN4U6
CVHCoqa8jr7uAExJjsv21drZOokGQh+oafquGkL2YxKtpNTyJLAjTzA4CvD3CL/bN6q8Ur7K
ckkJfaNIJIEeROZ8F1Zhp+nT2cAi5/uYXq8VWKQT27mxp9F2jpz9GbaF10DCwp8Pf7eAae72
ji7VSamgrHHzwT12TmYXUlTp4jkd49nIcAB7vwzfslHuCnas5PHSHptPY0URdUlV0TYhA6iM
pPh4cAnumwE7dYhq2/w938NeA0Lt3A1V7R7jq2YYpsxiiJK9tU6knSeL1dMnnpt5roPfwGq4
OxfPccssVsTYu5DBaiqFBrE08KydWKUHcVkdW3Kfx4Cv9w7c2On+tqAv9dWarKFfYyrodWRQ
pLuEk9Ps58AQgwQj+37YNtAy4soyuCxMkqF9WZv69fTrwGA3dlD7gxzFw0DW61pSOSGOcLIW
X+n1HTgP0PYpSW+2XdyBP9A6FATossaEEouunxqPH2cB+f3HQ+4E21iK+a6jow9JKZOEyKB/
tS6flwBfoWLGIxTRzww2Ynv05WsMEXdFKt8RPIRony5m1PLw4C1X7XzbqKlaCK1OZVN2bZGI
hBJEZ4jCs6o7JsRl1G0Fh6RwF09q5e3Yp4y8YUTJB3qQtV6g2wbWZrCrosaDXQljp5e7gFXv
WCwuJljrMJsakqSpKESuJGjbos8MKeEbdRSpPxLz4AHB3HVHYknbEkM31TZD6+KcMghGsfS2
upG7wJ8PdwFjPZ6LuPvJMrUgevJY+nhMJZNVkjQRDa5BGh2g6sOA8o92nHUsVV+jDXsJkpbs
czMNj79oaFl2lvFOR14BfsNDJNLJFG0cUjsY1Zg7KpOuhYAa6a+OnAeQSvBNFPCWingcSJIP
FWRgytr7mHAMFTvPuyfJzTi9esS3UnjlirOUJacFnKKqtoN3qbQeHmOAtT1+8MyKr35fpP2W
salFrQNNttbbItdF27mmAYMoOh4CalHPisrLblyX7nkOtXMrdaWCuesyOk8s0215irjTbs8P
Vry4D9BR9x9vZXGUchbCtHY2vCrP6RI6tGwXUru8108fdwHOUiy0+ShhpSRLi5oS0NgqrMXB
H+WiZSCoZATqdR5cAPo37Ud29HkXikpzIJNieqFlKmJa6xyANJujA1AJ0f3HgFLJfa2Gh089
21kpo7SK0gq3w8qTQKfkUnQbGRB/hp4/2cAK7enq9xZVa92CPETVmnGRrTqXtMki9OWKvt9R
0CjVm/V4A6ngOO7Zuyu3/uDUwtar0oIS161NqXsfWWIunDDuY7gqpz2sdNz6ngB3ZsdVu5a2
OvU5IKWJ+tyUz2I2jX9u29cgDlubraDXmDpyPAV6aZ7ujJzxYisWu91iDJrMeUNWWF2jsu7n
ltR00Pn6gOA1ftrtmn2fFJAJzmu8cjpLYtyKCQ+zpqwTUbUVR7dW8zp4AVa6aGSjxcMkuYzk
yb5E1VRCreM9lh6Qu74V9nJRr4hTh7fsgXBUv78vK+mQzkgB6IGhdIRyAfb6VVeSeJ9XiC13
rjstgacCdnTx03yQ6EqylVvygHVpq7zMu1n8x4sdDwGeyQdjprczWQNjJlmjeHIPZv2kZCVK
yJW6EanUeBmOnAc0+/cFjBLUw9JpxMrIWaKnVQ712agQxTTEDX/tQT7eA3THQL3T9vKgWbSx
ZpKIrK+MdhANknPzSVAefs4Alj7JylTGZMr05p4tJo25bXK6SIfPVG3DgEf7fyNQymfwwbbN
XsJahgPMsYVUOyajn1FGh94PAP2VmlQ07Ncgo0gjL6agdUaIx/pLaKfx18uABdx5NMbmauRs
wywBYS9mUc40WB9revwY9OZyB4nT28AxkKMgjqw2WEPLyfb/AK9Of4a8Aod7j9q7s7ezsShY
4d1OQa7R02dFI08wI3dtPdwBvO0+tjMjj9rPuiNisEGrbk9YCD27l5cAsZK1Nkqna3eFXTpy
9D6oEHeCDvIOnIaASKffwBHuavRS1aneLcsxhWXXw6LSGN9wP8rFufv4Cp2Ja2dq1qcxeR6f
VxEmg0Ias7/Sk6/0qV18zpwHEi4zJ4m9gWdQMjX+q8NNskbBXcD+lykn4HgIkA30ZbCjryxw
iyviDtVsdaO7lyCsmp944BFs0pli7+irIS4MDSaDU+ppjINOXNihPANf24evZwkU6KPr8kkN
STmSzjHQrBHqSPSSS38OAK28JlLSkNVkgggexBv0OjQtCqrIV8fiQcBRztn6fGKEm1u2IGRC
qsw3uvIHTw2uSSfAjgMpzVxrnbMsigbWyVZFkYAOSlI7k5EjanLbp+PieAY/trlJ6wxtxJZ3
rULzmdOkWCdZVhIjKkkh4zqw2/Fp5HgHX7k0a8OWJgl2nJVHmjro3TMk0EkbFVfUf4i+I/H2
8BU7TuU85gZRkIo1yckyhDoAUyMMXStNs9O0SLGu727jwFwZyQSSUrkLXcbOI4ZbIGsibB1a
08rjXf7Nw5gr/TwArJY6vWyAp2ZUsRSbWiouUjV4vUq/TTcxr6yOk3l4FgBwH2GWvj4RipLA
mqxtFXMi6x2UgkboIZomG8MhWPRvA7dw8+APZzJXBib71tou0aFZ6rkkobQdWk5j2HQe/XgA
FGfNY1JL2TkM+XuaS9CNDpHDEv8AhNG+noQtqefu1BOnAT9qZajFn5ramenEIpYpQ7o0TbnW
SSWUSbWV3k5gqGU+GvAPT9wm3jUGMkT6mSeCFF3KXUGRTIHCAgN09fSPxPLwBj1GunnwEc0K
zIUYlfYynRlPtU+3gE3v/Ax5/Cx4/ISNDZoWoZhajUFui7dEzqp5ekP6x5afhwCzH9hchAZO
l3HJHHLoZVSBl3ka6Fgs3PTceAtdu/Z+TE9VmyNexH1xJEs9WVAkqqUVx85NSVbw8OAKUew3
MdmvUytR42nkkljigZen1HaZovTOTtLMfHy4AfmvtCmcysVifLQx9OskEiRw7nYQjYr+qU/p
IB4Bli7HkWqYGyBkRolhYGMlSqQit8Jk05rzPlrwFWt9rcdHNUmluSTSVKopMTHF86ILsHV3
K+p0A5+4cAHf7DYsRPBWzmTr12QRrGGhbaoV001aPX4ZHH58AGl/+minC6WMdnrK2q+01zYh
jkClDuXUpsPJuApdy9md14+C6ucrvaw08Ts1vEnqSLKebM0MmxgJNWJHNfw4BYjyk0/bFnGU
5bF/tuOo3+JHHBJGILCSFkBaQsyM0YkI8vAefALobGmRP8lYlqloY0V7GiBjoZ0aRI9BuLeX

NffwDjXgz2P7jsYc4xKOR+jY21lvzsn06RqkUgeE+rpR66e3nrwBnF9yUYauDnjvQzft1aql
kdYRSFqDzQsuwrrtkSTz05c+AYsv31hbGMqSx3aiS1RIUefVuogTpSKqt09D6lIYE8B2fuvb
eBxFBXsTMrdCrBFcmaUAH4CIlHL07vZrwGaZbDQd13YDXksiWjRjo2RDj55HE1dWOnTT4NAd
vq56jgH2t9xbxoQyYrGWrFWNxUgnNEu/1J0SSLc03J2fXl7fHgFabtSXIS1LtannLOQxVeJj
0q9WFYfo3eMLtkOrSqyckU67dOAPYnt21gIHsWMbaNy1YfI1UvvVMKWJStdpdIVkeNtJV1Ue
HlzHAXKuTttmr08sMUSLVqSyTz2CKjpWmZZnDrErI0Rser9O3/pcBV7u7xxdKmIqUyX61qeC
tkL6sEild9GWsiqfRWjQayaePJNT6tAzXPxZOKpZe2DcuVpZZnBUOlSG8xVGs6/7yXRemP8A
dqBrz0HAKAJMh1OqnUHTl48BbxLV0y1OSYN0kmjMhUgFhuB0GpUc/Dx/PgDeS7TNftiXOWJe
lP8Au74w1lAaJSo6hbqKSeXP2gjz4Cn3f27/AMNZ63iRYFoVWXS0F2Bg8aOfSS3hu0PPgLmK
rfRduDJ2cfDa/cbq1YGsK2ph6Z6hg0KlSWZdHA4Bi7lvXMfUlodt1Rinrha1g1Vdpp+pGisZ
JXG1NEUL6fUTz4DirkbtvD5qtYinktwR42UkLrLamjndDIQQNVUyqD+HADc1BYhktxTRCWxb
jSWARjmDUPUfdroW/hwGkfb2KS52QJEqtJfEtiWnVf5khiaZgWMTyeklmb1ty5efANmIuZmt
Pjsdaqx14FVgsUu5pnmK71OyIOsaoeW8+n+zgPj2zk5chizLM8BDSy2wpSR9oA0TqsrMqa6a
Kmnv14APl6sWM7dW5fuWJpsbdknlWFjXexVlmMQeQTbTqiv4qQNRoNAeAWMP3n2HWN/JZOK8
5brxdKrEWrrX6oYRtOoUMZNoJI0UfD7dQ9zP3j7a32Mjgu3xYjtyxtat2RHEzSR6EugQGRnX
QDm2nIcB1Lj5vurThnw0VnFLWLxzZa0uiS15W1ngLRlFfay7tqgrry5DgHvs/CYfDdv/ALZ2
hKgqjeHy0zBzYnB0fpkaBtGB1K+keA89AjxqQ4xnirWVfIyszXsvbcIgV29XRDnmpb0r5ezg
OandHYWDnmrU8lVrQ2ZXmyGUlnV5LE7c2VXJLOQOW74UGirz5AOB91PtyQy/uUYqUwWr1lWT
WRl572G3+b4Qf7x8uARsd9wu0M93QuRy7WTk7DrWowJCXSMuwRdH19LMT+S+9m4Ah9ubvasO
JyUd2elWyc2etiv9b090hZ0QdMOGZQR6eQ8eAWPu93picplB29hqVeGljLIE12NF3zWAdrhH
UDRFOo18zwGr/azILFUs9vTun1WOKSRKDoZIJ0WRZVX2anQ6efAGKbvQ7lsYiYkVb+uQxr8u
UgIFyD8mYSD++3s4BL7nH/Dn3HrZdGCrYkWSdOerVWVkmPvKSMW/A6cBoMNeO3jrGOZtFTWN
JBzIRhvhdf7oI0944Admo4u4u37kMDI9mpJLA503KJYtVYEe8HXTgPu17kGc7aqS13Mdik3T
3NozRywehg3P9S8j7jwEPfSSTdqjJGNZJsXJFckjA3ArE22wo1/oLcBeweQjv08deU7TZjMb
LIRuDxgrKn97cnl7OAVcOLL4buftoxkNh70614UIjPQtL9VXMbeXrcjXgLPbV5872xico6B5
mhaC4snM9aH5E2726vGOAjxCMMjm8dWVZDajS9UU+gGxCSkiMfEbnQEn+rgB+VuV62aoTRxp
U6zGORpVBAWxEdG1GnJ5Qq6+RBHAVrFWe9iMzg7RaOzUdmimUhZejMoVX0HPRGEe73jXgKtm
5bp08tJYmkS7cwbXop0VQZJIQkrkaD4gxZCPZ+PAO/Znaz06dK3bZlkgjQwwaKvqMe2SWXTX
V3ZmbTy14BnsVobCBZV3AHUcyND+XAZ73z2zltskdJjBjqlH/KzqSZOsrAbZNRpoABp7efAJ
fZmJgudnU1sQqZsrlZyjkBI1aoi7NB4AMsLqT5k8AN7IylfF9wX8LPaSvRuXV6VkA7oLgDdF
0XUaxk+hvLmp9/AOHcWSrZDBxYzuOBKtuq5iWbdtSvZ0BEYcHUIWCsja+W3x26gEghtJkoKU
esOYhC9baVItK52w2Sv6TzXdp47fZ4B3fzVTG5l8fjpA2MqRxVAWGhZhyLNqdC5fV/VoDr72
4AxhKMHcOPFV1FivIpKMCHsVnU81KP6pI9f9oDkwB9XAW5sPe/4hqUpoZFkpyRmQNrLGYJpF
j6sUp5lQU10f1Lz9nAQY6fKXqeXkpvFBI9i0qddmjkiSyQ9Z1XY+0x7W8dPDgOKvbOfszNVS
vG2NgCwhkuCRhWkXqS6urCQlZV9BJBOp1GnAVs5RoQ4qDHXoJjdJ0qtXhed5UrySEKZ41SVQ
Wbm2zTTx4B7wlDDxCllsXWBNiNWSZkMkqxSas8e99XGh5Hny4BllDSQhk5MNGH5eXPgK9TJQ
zSNA7r1l8QoO3mdANT5n2cBPZqV7MbJKgYOjxk6c9sg0YfnwATtrNvJTWK2TGYWNbqS6KGlh
+XJoQTqN6n4tDwBh7cIXp2CEduW0jXXy1Go4CHEYTH4tZWrIvXtN1LE+1Q8jeW7aByA5DgLo
jjHMKAfcBwFC5XmR2moKesSAyg7VJJ0Jbx8B7uA8+pu0zsst9Qz6bG27V/ugqPHgJK1qw1gd
XWOJwQkbqA5PuKnmB+HAUT3t2881uvVsrbs4+To2ooubRyHkFbXTxPAC8Fe7lz9nIXY7Bq41
SqYvq11KNIrsJt6bg7qu0KDquvMjgEDv/D56DMIseJXGWcmJ0s2qMw+juKI9dvzUHSlfQ7lI
9Q8yRrwGd26PdUOJNG0ZHxsMu96IYsK8xViWkjGu07G13eGnAVFnyuRvQSyzzS27KrEk8juX
K/APU2pZeR105cAyV44q/a9XJSVFvChPkMUS+qqs0hSzWsEEHcF1fkw0I8eAbe7DWnoV+1cD
hPqPr8TFbxSqpdk+t9EyljyjKiMyBmbm3LgDF3KfcynLD0KVKrJRqLPYnnbqRSziHpOYmjkX
5ZVVJJA2t4+XALVPO/cyg161WFMXM9YjliaHZsgsyIi7tsuvKYJ0tCf8QHgL8+G7zmlnFfOx
UWnnjvGnViDxSXyhkcV5mKnewj6pGmmp005cAMuwd0NItZM3bSOnkb0F2ysphSUdSOVZZmib
QFhMFG0e/wAOAjTtjvOpcurkpp8ji8pjblWhc67zqrunXrlnBIUs0IUEcj4a8Aq/bjrW+4Ux
xk1iy1S5QeNjrynrtsA3Hl60XTgIMPFFS7evZClKbd2ma80lF4ikVaXcYVnk369Zo3f0heWp
1b2cAZywx1LtvuVKc31UNp64Wxu6hmVb+5nMnPdqdeAQuoN+wL58wfZpwBKv2xkJKn1S7EjM
Uk6xSusUrxIAWkSOTTcvq5aHU+XANuGwXfGf7du46GSnHjsjY+udH3SzvMiKQkKwq+hbYDoO
fLy58BaxMnbGXuHJZOpa/eqskcVm2YoK1eCzozBrVd5GLyOEI3FdNf06jgLWey1bK5zAYuw8
U8keXhkkI0PyzoDuYfEvLzA5cAPSWXuXO2Fr3ARJtIjji9JYO6RrFFr03kZF5M/IeOhPAdxd
p4495Y6z+7kY63F1IrEitKwuRFjJUsIWQoPQdGGg8No4B4/4NyJycWQs2QtOAySvcsRCv9LR
iK7oYoW3ejkW3btdTqeAY8F9x/t5av1sViMpBHKQsEaPEymYLyjVJnCg8ySPbwFrPdwY3tzN
NKa9i1Zsxie0yCPZDXX5e9mbadq7dT46fw4C5a7pxESVK8D2bV7MRyS04YI9bPSHNpNJAqoi
bhoX5cAPbDdnW5rgzU9iy8IT6mllLLtHGJfUpEBfpkMy+k6Eaj06acBxmKvaGAwTX8VjobaM
yV1rV/VHIZTt+cF3/LQEu/pJAB5cAlZTFWu7TesmtDWMKsKmQqwFaqTqBG0pkV+uT6Tsdotm
0e3gFrununvmbAR4ulfimxBVKrV6EKQttZdoRmjPqB5L6NNfZwCli8bjLqVoruZeq6MY1hZW
CwPrt6amT0AknU6fnwDBm+0vt3hDCMln7c8ctZJo60CqZHdiQepyKRqm0+PP2cBXx3aXbuQI
yNZLMOKkC9IO24sN7pyYqNdpAJ0J8dOAKUPt/i5O1P8AiKcJFQFj6czTzv1GaO0a7ExKqqq6
DX4teXhwFzC9odv185j2pLttQ5CGVJJeWkShXZnJPMj4lXT8eAD4/t7F5bs5s3ZaR7U2Znjh
dG0Va8nzZCw/mYg6cAp5ivXhy716qCKFDEQgbdoSq7xqT/Nr+fAa9icq+GyNDN2huixtKosr
L4mnKqx2LB08doljcjy2HgNN7qoWLmPgyGNAlyWKmS9SGvKTapWSLX/2sLug95B4Ba+41KLJ

VsJ3RU9cVZmVieWsNxAF1DDl8wKDrwBbsfJ9fEw7mBlqaVpxrzEXNq7HXn6Qdh9+vs4ChXtH
t/7rWMc7kUO7a4t11PJVu1VEcoX3yRAE/hwBnH1o8N3PPTijEVDMRmzBt5KLMJ0nT8XVlcfg
3s4AqYIZlt0JlDQzKSynwKTAqw/iG4BE+2czyTKYSw5jvduZFgHI1PpOoc+e1yra+48Aw2o
oK3cK3FjLpnq/QlXT0l4VLLu95T0jgFv7fn9pyWb7dbc1ShKLVYyEb2SwNrSDy03KD+Z4DrK
y38T3BHlY0aCpHZja2+gKtBtEVpvHkDpGf8AZPAcd749rNOajZ2CWKd46M+uhZnT6mD+xSP7
y68BWXI15JMH3SjMadqDoZBxzTpTha8wkHguyTZJ/sN7+AI9t9j2b1sWMxJ1cVj7E746NXLd
ZZtGcOQB8hW12r+rXn6dNQ0LgPuAV/uIZXw6VYS4lsTRgFTtVBHIkjSM3uC6Aa89eAVezfps
ZUxeIUm0lmA5evOw2k6Tp4D4R1Ff+J9/AAPuV2HPFbGdxBH1OO0LRrHzcB3aMsCfWyxgIR56
fhwDR2nNhe8sFDasV45I3Tp5OGQgINgB9QHNnCqpR/YAfFSCCBkZ8iLlq7hYGXP5AS9GyjAp
UowOAhBbcVPSCKD/AFe3gKdPF3MRnK86ZCxFcsywiSaN+oJ5rLn1FH1DroJG9Q58vbwBjH0r
69y08vi9Klq8pa9VA0rWJlUdOaFTqUV9+0/yN7RwDldzWaFMrcY9StOK9YAdSRppFYOHCnRu
lCHJ/SSwI5cBDiTE/dIgmmMUsFWOGzNXYl5ZgoLxk+xEkj9Z9WvmPMLecs5nDTGubK3KS9I9
acPXmHU3FWM9ciMldPhKLu8NdeXAE7dAWKBjlLVt28R+HTLHY6tt+Hm0q66eLL7zwC39le47
Fyla7bvSB8jjGaWAvod8EhPUUONd2yX2e0cBo1C9HqYmY+4bWUL7vWNeA4t1GgsGzDzErh35
gbSF2jby056eZ0/Hw4Ah1NkRklIXYu6QjwGg1PALlCpYu463FbU17CyzTRsoG0RTkzKup5bt
r8yQCD+GvAedpJPJDJXnklu1ATpJOQzRyDntVl01BVgVOnAGoUSj1g0zS7yHSM8yi6BdNF56
ajXXgOKuTEqAs21joSCjRjn4D1jn+R4CeLcZNqy7VXcGjAXXUnUHw8uAsafnwFTMY5chjbNU
SyVpJoXjSxCdskZZdA6H+YeXAfmPEdzZV0ixNGYplL0jw2LQGsu0nptuUAsSzoGGuunAfpLt
LFSYntrH46VSk1aBVlBbeep4vq2p11YngCFunVu1pKtuJLFaUbZIpAGVh7weAzrM/amX90ks
Rzz5TCzMZZsYZFjsaghlhEzaboG00YMdwA5a8AHz9exn7SV7FeGnZi3LhWRPpgpA2vjJtx9E
m4b4n0A3e48wqfbkyL3XksE4RTbrC1PHYAEsdmMdKeFkdSNWWT1e7wOnAHKeaOG+28OcnRpL
uJpvVZVA3bqllq6oSB/u32H2ePt4Bf7Q7wy2dlqrmuhKLla3LiJ4EaM1LNX44do3bxtKkDQ6
jTx58AeyqRf8N2MgpMiVJDkUsSqI5mahKlho2UqGLPtb4VGmp9p4Cw9msMtVgpV91jKR2IKd
tyAVeNXs1OlzUorqOZI5EDxOvAA8rQfG5DIrFFHYO2nkooJEn0JIbHzRjo7ZTsPS5jX2nXgH
PtPKdvU5P2Z0fETX0MtelNKTDLqxWR6/V9SPu+KM6HwOnnwGdt9s6/aOSlktWZJr0NxbuAdI
yOuldeoI5Zgkm0qfjXT1Aaj3AEy/blVu7crHhcnWheRlvJSsJKYbUc0n1K7W27GQKyek+PAW
O2sTXzWbyHaubeljq5rxWWnxypCi9Gc2NgEgI1Jl00A8BwEGT7H7foYmew7uiQzxmS4dZn6A
1Y9AfLid2+DZ6vHXXQcAw/bjHW8l2PmKmNkFytclir0J5YxNarICu+KSMgouwHeAp2jxHAGu
1uze1ux+4bEEd63kMl0NZiyBViiVkkLIsHqLcx/r5HgFz7h23zWNyH0skMFzI/TzKWiYzzxU
GZVSSSNAvU6ja+ldNfT5cBPFgcZfxFSXtzt2rZx7IleC+yJ9RPaMW6Wb5jCTbu18QR6fZwFz
NdvYpPqHmwdeomPrw2agoj1mSFpGZX6Lovhp8T79dOQ4BewuAy/fGako4WysGLqBLMl14xDJ
EZPh6iRbledufgQPbwGjd44yE9s5LBmZaGRkrxQ1VBazNLShVFl6QPzGZ0V1P9vjrwCvc+0/
adXB1Mhikyc12FBPWs7tjTzbGnQNCFLRmMx66bRz5c/HgC/cv3HNyjhbFOtFLjcjM+PyMtsS
w7TIm2SvIu0NEx9LanXy4CDCXI6ct6GCrbW9bkFLF3ep1YrOPgmZ9lQSMjxiONzyHpfbyJOv
AGTiahu1pszXrSxSyPVoF5gyWl3CVNQWAeTep6SltV3E/p4ADboWY8hiMVgkbDZLMub2UxAC
zvREOsJnhafVIteoR/KfFR7QHZg90dn9pZ3ARZOuMfSrNDWMi62tjlTs6qFBuZJfQxHIe8cB
muAi7gqxY/MyY+W528lrptKsW9GckKY96FTqCNU56bv4cBrGUiyzy2MDk8bWpdlzVNY5ukqt
DeYjbPLOWV0dG9RZ19XgBz4Czle2u3MX3mc5lqdS6MhBFBRE21KwsIjuZtjaiYyIBz8Q2vtB
4CxnuwlyeaqyYaeWuVpzWcqtNzXjlk0jEMUUbgwwGZtxLaa6DX38ADj7dv5b7e3a2OFvG16O
QNdMY8y2oraNKjS9N5U39Qu5KtrprwALGZTCY3u+zgMxXQRV7D7TlgJI6sccBbZXBJ9byaaO
x+EADx4AheQ9+SWa3ZkJxNDCNLav3gCtaVmjkSMQ066tuk2FgGA1I5+OnAIy/brv9aL5uzi5
4aSFXlksFI32EdRn2OwbQAc/fwGsWsXDFkJabfMqVYWrgHmGq2BqoP8ATpZ2fh+HAH/s73W2
Swj4C+xGa7eY1Jlf4pIIyUhl9/pG1vePfwBWezjky9rs++WjizEMljHltNrBv/MRRsPONzvA
P83Lw4DPqXcEnZve8dPLI0VXIlql5yPQQCdLAPku4q+p8mb2cAx/eHGXrHbNXPUG0zPa1qO1
HINTqmqhzy8iNr/lpwDFjsnH3f2pUzGNKJeXSeAEgiK1FqrxMfYfUh/pPAXxk4ZP2/JRqwgt
n6eTUaGMyfCHHtEq7D7CeAUY4W7e+79nYq/Rd11UZgeW2xCCu72aHz97cATzD2o8VINSbGIk
F2LlqWWNixUe3krxn8eACZ+pHU7zx2WhfdjMuzUrRTXlDbi3Rtqv8sqq4Plu4A33HQS1iJ4L
WuwqYrOh1+WR035nzC89favALVnLWLfbeNuWV+bVl+ivysNejdoP01eTl8Eq+rcfAaHgPPtj
g7uVx2UqXIuhgp7c5mgOvqZz64Ij5LzO9h7dBz3cBqiIkaLGgCogCqoGgAHIADgOuA+4BI+6
mWWljoIQHezO3TqQqf8AEsyqyV128idJAPPgESzHPhLnbcySiecxS4e+V1G4hoooUXyIEiD8
OfANs9RZMxC1uaV6tpIw/gfmoBGsu5h6WeLYT/UD58Ar1MXmu2MxbeuZFweUWSrarx7WWtcn
KokjoTyif4k813FfI8Bf7d7birZbOuY2NmQVo0Vxt+TGglddP06MG/IcAvrjJs73pjlqTK2L
VBZilTwGkUMEWnIaaMeX58BZyV+bHdz15KhC42qkMVWsSdVj66CFjz8ZF0Y/jwDJkCe3Wwsk
MrHpWJkttE4JknsTBn/FW6ZHuHAUYZqONzRq1HKtBZv1GLsWWOaWQSx9dm1bczFdGJ+D8DwF
zuOXKPDjskwevVniC3eqOoTPF8qSrNF4aMBzO1g2nMcgeA7u5GvP2tDjHlZnmKBGiYcoJSAO
iynbsVowNAfMe0cBnGYgznavciXIGarcrMtyOQavERLqpKnXnDLtO7UctdDz5kNk7R7sw3eF
U2KDCHJw7f3HHk6aMQAXXX4l9jfx58A4RsjIFDbyumuvj+Y4CpllQ1Fr/CtmaOJgB8Su4Mg/
2l114CZKyo0kr7Vlk0UyDUaqPh5E8uAlhghgj6cKLHGCSFUADUnU8h7+ArWceLU7dck19mmz
kNSfHQjn+PAdw42nAipCnSRBoqKTtA9m08uAjs1SZNRqFPMnyB/LnwHtOedXEEyHbp6JNdQd
PIkn/n4C5wGI/cT7Z0sL31T70QGLtqxaSXN9LUGuxPqk9IJ6Up03aeB9x5BrNfLpkUYUH9SA
HXxUhhqNG8NdD/yHAXUmMNffbdUOunj4a+C8vE/hwHJs00thesqyyD4NQNT5a+/QchwAnu/s
XB91VendDwWlGkV2u2yZPPQkcnX+luAR5u3M9RyFWxe2y93UN0NfKBPk5iiV2vBLz9NpItdu
7mdOW7noEteJc1he48IwinrzTTzVGRm2iLIwNPEhVQG6kc0ZUqR48Bm3ZLX8TQw+VtF4oIs1

FBGA6oxjvVzDKf1FByXUkeGvnwGtgGOSvTjijsQzq8EktbcvREyMw2BU39OZviYA6t56DkAr
tyOO9g8b1LLxXoa0Ec6I41LU5GquyBd2rh4djHmNrEny4DzNSSv3Thndhae6lyi9abcyxtLB
9RFHJKq/EzRJoN3L2cAC7lw1vvFsdijerU81Qd5pkaw04hUrCUCtymLbdvt9Q8hwD/j8tQSh
Y7Y7wswZLJYiCOexNGkjdWLUiOYKoLrMu31bef6vPgMxzXZRtW6k1a9Li8tAnSpwZDbLE0SO
wijSzAWKoYmXlIGYeBPAJbDMw90Xo3rSQZeFjHFFVHV6MyEabW9XpChiDrwDBRwnevd+WnwD
UpYbaxK9u3ceQdGMsOao2g9emirr+fLgCdXtTvfsRdmMysbUcjNEuSETpAUEb/EjTPs12gqx
Rt3kR58A14jKYQZdHWuQliMU0eJFljeWYlpIp3iZ1dEHMhvfofLgFfM9z9wx97Q4atVS5Tpz
PPW2K8CT0GUPYqAIxDqrco2J1VhofZwDlbxOOiw+by1ZEWNWmSrCGeotStMqrPLskI6bP09v
Ll46fEw4DLsp3h3E9ejaq3IcQMVA37fWoKdyQnag6smrbuQAIbgD/Y/3Uz1uK7j5JIYc7dKT
QWkQI9poI1jEO3TppIyp8ZXbpr4acAdm7N7u7g7iTIUJ3hligZ5MrZsCUdWcadKKKDbtjUAe
A56DgAvcbdwdi9Snftu62dJsbbqyFw81UBj1yw1379mi/CF5c+A+xP3uhmrRWc5D184zrHvE
YWnCu4L1iqFpCQhJbT1HTaNNeAZcF3p2/n8pcnwsoqZmlEa9S4tZzHMpCs8r1V3lFZuSHTUe
euunAV6eaX/ji10bwtY/JgWWpOTBFSljRQxIk29KTfqytHqx18DrrwEkOBy2LzNy1g6uSymZ
twqJGyLVyskQbertMJBLGrMPSsnq0GmnLkHnZ1G3Xy2Xzfd+FLdxKUYvMgeCCmBojQhOorv4
67NW5aajgDCduUHy9PIySQU79+RHWrWd467JDM3Un+nDIvW2Mg1ZTtI58+A47kvZTM9v3sRg
uhcST6iCPIxKYljdZV3RttLECNDo7aHdpqBpwAGnh3o9vQzfcu7s7fgLR4/CbFmklHpYvK6h
nOrp6NvPadNeenAQw944fIFmo0Zu340WWWtbLdOCy0UctVZJSxD7VV19LHXl7uAi7279xNHH
YyjZsT5vIYy9VvIHdElVINHJmsVvlbn+EBQ3t14AT2v3hm/uB35Wr2K2Or2ZGlkiyf026zBV
VH6kG7ULLrG2wbxy8eA0DHdtZjtJTiuz69exiMjbb6iSxM/VQNFHFr1wyEbQpYbdzeQHABu9
7vdUvbZTPYvq08YCjZOpZDb26hgWR0kVvhKguCdwPh58BdMCpDi8zLrHQGOgq3ZW1D9JGNeS
RtfAIs8UuvsXgBH3ExWZ7W72xndWFlStay2kcrS8oXspHteGUKQNtgKun9Q14Ah37kl7y+39
Xu7AtJWy2AmWxLEuoli00WZD4EhCA49u3gIsH3Biu/0rxZ2qK3dtWErEjgiKzG3LqQg66g7y
rjy118OAMdgZuK7Lkex8pvksY1GqKsx9c1Fl0XcdTq8O7Zr4ldD468Al9ldxX/tj3ff7azjS
PhjKxeYgkLH4xXAPYy6B9P8A8vAazZirzvLSjnT9t7gjM2PnjIIW2F6hMbDl6golX3qx4AT3
g02S7exPcMChbeNnWSdR4pyMViMajxWRf7OAIX5YpK0GYGjVpV3zppqpQrtsrp5+gdQD+g+3
gFL6OS1galW2wllwErQTbG3ALGGFWUMDqUkrurK3loffwDZNlA0cTsocTxjqnx+EFX0A11YF
Dy/Lz4BTwnb9+/ls3gpGm6M1uOxJbcAKoVen1Y+nordWPaqq38u4gjgNQpU69KrHVrrshiGi
jxJJOpYnzJPMn28BNwH3AA+7u8cR2vjmt35QHJVY4dfUxY7ddPYPE8Bifc0mc7mysOVe08d5
UkmxKorL0mqP/mEZdu5Zl+Lb+nlr48Adz8+OzfYdexDNHRktvXmSQA/KsyMsNlQNd3xaycuf
nwDIwS1m5cVbeZJJopd7oukLggIyx7uavHIOqNdeT+wHgB1aaa3Su9v5qXZn8eI+vZjGz6qh
HIrQ3AzDyH+IP0+I8+Anr5VJpGUSNVuZFisckoJTfGDGERvPqIvIeevLnpqC1jqUPa+YV495
nm2UwsrFegrRzSrqvmrA6qfdwBHM4uNnhs1d0+WT6PJQV50YQyxNIsqQRuitzVYtPcOAuZUX
ofpbzws5kCGXDKTLKhWZ5SxmITcVlOgXb4H06k8ALnoWobF2/ipDUy8sMktqnMu+vko4F67u
d+pimXmRqfHl6deAYKWZivYGOVm+rrPEklZLL7ZQF0YFWYoCV5FWLB9NQTqp4Abdq4evJSsQ
VZpXu3T9XWQbZ69iV1jSX6c9IBddB1F0PgW18eAi7txcHcaUKWNslp8TFZSraBDNZTqBXjDq
dN0YUHmvP3DnwC3jcbm8XmKcqsuJyyyN0rSK7Qux1XSeNAdgOhDEcvaB48BtOG7gilWOTJIm
NvyxqLEBOqNJqArwyj0up/HXgIpc1HLea/Yb6XH0mMdZptFDs3pedlbmANdq+HLU+fAdXcpW
zUkeMrCKzTmkUW3cnaY1JLKmn6iQNOALGxXrr9FWZBLAihY2bXapGibtTrz09vAfLbsKzCVF
8ioXdrp5n2/wHATJbhca6jQHaTqCAfMH2fnwHpnibVV+YfAhefPXTTXw4CtLVnJJrM0TDwD+
tPy0YMP46e7gJK9m8zlbNXooo/xRIrKT+HI/xHASPJTmjeKRo5YyCJEYqwKkcwwPkRwAhcAK
NYR4KZa9VTujqcukmpLfKbQlQSfDw9mnAACMmpeXNragndnCyygPXUEbOTQaxqGAGm7T2e7g
DOMwdC6v1UkzyTAbYwrDYg5bmQAfr8zr4cuXhwBBmytOPYSLC8gjhNAoOgG4as2g4C3bp08h
VataVZ4jpuHsZdGVlI5qwPMEcxwCVf7cvYXNzZelo7XxHHeKLtax0pN8VgBOX1MS7tw0+avh
o3LgMxMBu4LPdu4eQXL9SxPcrRxgLNLHDYinFjQfq9RGmuvLgG89z0HDZOgZ5JI4RCH+lfox
l1FgMOkRHMU2udOZ15aefADrtOnVsb6N61XmL9a9JJ043sLdKGzFjYXQCMqVHU5abddfHgLv
dmBxzqb9SbIz5SOerJPj0tD6syTv0aluLpkRq5PoG8aBdToNOAGYDHY/t+vlamXxc+Av1Iw6
stn6iaeG1vcOZ0UoSrxDTQeR4Cl2hkbuR7s//wBekNvJGaOxlL1yQJVcbWhlDxovJpg23bz0
b4dV4Cbujv8AfB27FGpH9Tdx0n088LwSCKNH0mh36/qjk+WVB0kGjA8AV+1lyPIJfzEONC3L
tg2p5rUasNzDa8leywX0R6khNvntJHjwDDnpLFW9jMpjIrElSSKWHITf+UVpYdRVlHVDevqO
4VSCG18+XAY13dm0u5a/PeV4JlndaNGQAmEL8ovLGwMbFyrbz7fDw5Bqf2iz+HyHZsFF7kWL
mxERivRbViZlIbbN1WO0g/Fu01DA8AEux4u/n3btruTID6yGxJI84WWL6I/LsfStYBYvLYTc
WGiganyHAE8t9uO4riWKad2jJ4+7TMy0b6l5XKoBFIekyahBoytp8WhKngOsn9ucbNnIMnfq
W5o4I3jalCIpa7sEUxyIweBlACa6sOZGnAZtD2Z3zS7ps3sHTmvy4+w831teOOSIOV3sh3Dp
M6htGRNefLgNH7P7jtzdsRZ3uDJTPcyNizUNVT9IIJIB0ggEajboq7z6dd2nASd7dm2M/wBr
1cJh6T2MvTmWV5TKBHVKoIni6r7Q29OftPJjwC52Z9jOvk5a/d1h8fZRf8tSrPGWnjAG6Tre
vl5FQNfy4Avew3an22y1lsZLavfXIgs41SHsKAzeqA+jf481PMe3gL/cvak3dPdVLuLtCxC/
0dRFmeVW6Lyws3RAk2sqzR7jpqG2nTUcAZ7KwuRio3RkRJjMhXsiW6sE/WksqsJ2mWYDdqzE
v6eAF9238rB2zRy+MlexlL09iy8dgFo1r9GRZa+whGMS6jkefn7OAV+yO5pe4M3ju4c/OI56
s89Ngg2U0x7Vyu1I/AbZyrM7NwDPnh3ibUN3AVIIqjMi28rYubI7FRH6rIetu+XIo+NfV7OX
ACO5+8O0rvc7mjRTue/cUIULu+xI1KrDBC1eX2nUofE6n3B5Uyy2IpMU+Gmw7vrLJ21kYUet
lI11MxrStFGwsqi6hgRry19oAvhuy/tvm+1Gr9v1qkUeRTqRZGxCZp0r7tJthlJKzxA7fHkd
GIPAQU4uze08vj+2cbi4ZrFpH6duxGs9h5ZNYl6kzaEJJ/Ty0Hh6uAp9xd24lTPhDPDhxBP9
Rirko/y7RoGhncLGGMW6SN+kfEjn4HgA/wBy7seL7dqYGX6hmvyJarzqzR0+mDq3SWM9NxJq

G2nwJ3cA/mpNLg68F5zLHURa+QTbzarbi+km5/yoWSXX2LwFix2vJ3J9tIsJb0kyNJFSJ3Oh
69Ntsbb/ABG9V8ffwCL9r6UP/EuUxWXLEtE6zQEshlSSTp2Fk2Ea7XZW9nqPAMP7HL2h3BVS
oymCFS0CuwLNXQ7fiIGh2kq3u5+XAd/czBZJrdDuvtqUQZCIiWNgAokGm50dv/aALybx5jz4
AD3jcg7qxGE7yWu1WyFmx+QjeMtGyNqCd2hG1JVOgfQ6HgJeypMovbN2rTsbUxku+SpIOr0j
HKGWzT0O6PYmj9M7gefLnwDXhbplyE+OvAR0e5keSDTnHFk4AUuQxsfKTYJ4/b6jwEfZuZji
LdtXlaC71JlrLKAE60DE7EPiQU009uh4Clm0r4zNwTnWHE5WtLUtHUCOIJziOh5ao2mnuLDg
O6GRtwYeTIR1x9BHMLEDavNLFCw2yjphPmH0o21W5vrwDj21c7faqsGLnWUyfNdtwZ3ZhqS7
LyLaeXkNBoBwBngPuAAZru2CuZqeLCXsnEB1F1Ihg11G6xIOQ0/lHqPAZvGid24SLOXoRNmI
si0OQeY6JCKkuuxU12hGh9BVeZJBPt4CSreON7hvUbZKPl1GSxbnb/iJF0p1Tb5vHGsmn6tC
p5ngFHI0cpiLNgIvU+nYWZaO3qQ6sodeR19PTkb1D+XgNPVBlalbJ46VnGQgj606fCr7RFvG
vwk7gG/BteAzruvuuzXy+Ogn3r3L21e6U9lQOnYqMeZYfzlT6l009TcA84+vi7L5CTpyb6Ms
zNHGgOtSd96zwprp6H3bgOYOvAA7NoZnBV8nGHszwSoEscgxV451i6g9hYhtPBdSOACS3psh
iO35LDypkqzvVjD69HbEEn6NkDnsCybSfFeAPIleSpBh4VMckwWCXbq4YMQBrMhLMJkUBJAd
RLGvmSOAIZ21VkxbuWtIj1XhDTrpaGyTYqsPCZVkVUKLzI8SeAghWS5cfA5OrTa3FXhNhTCo
jZ5o5DNsZD6QjqF2+fP8eAgftepRmjNSzIskxWszPLIx+mQMSK5k1IULoNq66A6a6cBY7PqM
MrbwmZrlpg/UjjI2MyAn1osZXcGj2t6Drz8G05A2Q/b7CWK0308s1ezIxJfcZNrakgssqqx8
fA/keAmx/Z+TxcRhp3BNE+u5LBcxqdddURdNpPn6uAiTse3PL18lk5I5pNwaKBtYmXyGyYFf
Dx0Ua/28AQHZGKFv61JZktAKqSoY1ZAvkjBN2nuJI4C+MDUZkmmPVuxoY1t7UWXaSCRqq+Go
4CeXHo8fT6ssa6hjsbafT7wNR+XARGTBwzrCzwCwQzKhKtJp4sQDq3nwHjZmJ01owS3ddNOk
oVOev65Nq8tOfPgPi+bmC6RRVlZfWDJudWI8AQhXlwHMeHkaTqW7c058Onu2x+z4V93Acp2r
22s8k4oQGaVdkrlQxZfYdeA6ft7A7WjFWKLqKEPT+W20fpBTQ6cABtfbOr6mxuYymPbUtEi2
5JIo2PgVjc+GvkTp7uAr9u4LN1VsPPerzWU1ihyFJSI3Ck6rYrgssbhvEoNPaOAbqF+G5G20
jqxnZKgIOjaA+XiCDqD7OAnCJErFV0HiQOA4kjr3azRyL1IZORU8vA+PtB8x58Bjf3U+2uUr
3ZO4MEXE8h/zPTYo84YbG16e35pHIjwk/vfEC/2P3vnoLktnMW7VvG4eCSSuhKivDLGnQUMC
AddrbEQc9x108eANZT7o4pKWL+njM1L6k/uiV9IntDoklOo2jAbtvUB03Dl4cAW7T76wWcs2
zVqR42jimqyRSyohZpGcxwxwwRlNGY6D4vHXTx4CxnZXp5+r3JVtz9wTdc42THytDHXALySB
1aJQB0im7RvIjU8AVv3c7FEktPAUEszTCKOozoZgxTqTSekKjEb/AIS2v+jgKPcENSnbjqPM
sfdOXigtZy5FB1EjhqaiOd4eeiJIQDt8uZIHATQZXEYrJRQCOKOOtCa9GISFdVYmOxVhOnwo
TE6afpI8OAPw5WC7hLlOZ0kAgdWDusxCyRh0STTUP6WI189NeATO1Y8bl+36VCzisVl1wnWp
P1lO+LozLGiiRkfUBHDMfM68teAUe+8GcF3IZsbSp2LElaebK4WFd1KCqgAjMitoNw+Isunq
8BwAKDumncs03FeGla+nNO0v+HEYioiCwsGOyJFG4ofiOvANfaB7wymePdVOAwVLxhhjuWZR
ArRVk2S+jRt8ZCga7fHTgGHKdw4gY9or163lC0QgkqYtekggRukJmlfVifSV3EjXgKNbEmxh
5V7ZzQiqtbeRGyBeKSvI46paP6YFZU56huWmmup4AYO8O7uzc/bg7nrLk6tho5q15VWJJJo4
hGJ01jbWQxkbxoG5ePAbK9yth69WskM03XYJGyKWDSPq2sjnkCx1JJ4BU75orJlU7ioSF72J
rkBICrN1EbfHE6qx/U3MaeB4BMpS/cbICfM0DjqLWGWAZPISorxtFI4RoU0coXDMvMaMDy4B
zWlchoyTL3BYGaqxSParQrBvc8tqyRbXd15gK4PgddeA5bHY3AxNfjs2sNlM0Uh6k5a9M1p9
yxRgdR1bmD4jTQc9PIBmVt4itbr2u6KWTtSVjLBdyBieGErzRhsDKqwtt3hY+RGmuvAV6Haf
28guSXaEk9rEzRLKYIZQ9OFJ2+QJXO6bqTHcyjXTXRTpy4DrvLPQUu0LtSKs0nbsDR0FGsq9
GeGTpyRrvIkYcgFGv5AA8BNh+12wGPepiqklNJkAsW4ej+637Mm7SpG2rRQKijV2BIA58ufA
DcRl4cd3DP8Avwnot2yqLXxtiybZg60bA2YJjpv6iPt5+Gnv4Av0cznuz7cFM1MfjJ4jZxt2
B+lYlstL84dMAIqyFmTXUEk+HPgA0H24ieGO1ezk8OVZOlHLFECIpDybeJt7O8X+8XVSo1I5
cAnw5nHdq2Je2LnbNG9nI5jUny96RpkYu/okWMo22La4bQN+PAH4r8XdFC92/l6q1JYHknOU
+oaaBI6DNG0lcyEvtVgfPTTQcBq0CV7ywwPoa1/HIHY/C8cibXH8NCOAr9jZJ3ksY2eRZLNa
KPrDUbhPEWr2NQPJjGrr7Q3ABO/MKcPkanftGPb+3zMmbrga9WpKejLKv9wHd7/y4A33ljau
Uw0Fydi8dN1MxQnmhI9Xp56a6N+HAe9s2IcpirOJtsJPoyAv83T5hCfeCpHALSpfq9xX8BJU
SdbkQs4+JpljSzWaNYrGwvy3Bwi7fH9XAddsdiZbG5m7er2RjaM8cUYitI0zoiqVKkt0kkbQ
n1c/z4BgwUH2/aWapBYrZK5RmWOZ7LpK6zSqCvTVvSuobaOmB/L5cAZXFdrzSKqVKTyLq6bY
4iw05FhoNeAq2O2OyryNDNSqSpCw3KNBtbXXntI9vAe5XtTCy1EavWWvPVXSCauAkiAc9Qw8
SCNQTrz4BLmx+VwL/VSj6zNQTvNj7rlo2sVBGJZUlVF9cyKGB1BOzXQ68BokOXpPiVyszitV
6XVlaY7OmAPWH18Cp5HgMu7s+79i7YWlhopa+JlZQ13nDPPGxC6w71+WvPXd4keGnAEO2I60
MT4sxrXikcIV8gX/AMOZidSdXbT37vdwABZRhu6r3b3UNarmgtpX3D5NqBTDKfUNOY2M34cB
W78pTN2fBl0HSuYW9EallNSY+oR7f07lX89OAY+178fcEVTOwVYllvVykkSjXW1CzvaqNu8F
dJHZB/K7ezgBPbl2LsnvCx2zPNJN2/dUZDBvoXIWRSxVefqVkVkKeZAPieACfd6lUyH3CpXK
To1XKV6j9aNxq41b16eOnTA4D6buG7Xu4qmk8sNHNV9bTGVoXrz2JXeKWOVSGQ7J0B15Hz4B
gXFW6GUpU5LaWXFmOPKRRxiJJV8VaWH1ev5g3c/9PAeWsPWxdi+1yaVqVOUzSVowZNIpRYjj
XnoB+hVLf08AJoRWsVkITSyD1L1+v+4pGUMqxdR2UNtPN45iurLpqp2nTgHSqZ8t9LPkRHJd
jsLYkjgZTXMkaDQxn4GUv6wx0kA9PPTgFiTIS1e88csqxCSzI1WaWMMhevpJKZenJ6lchdnP
lyOniOApf8WW7F21PjjIy0ysxisASKskQ2GWA6BY96arJGdPbqeAO/8A7wIL301abGx/uVIb
6NjqOIn0UNHEjMiM3Ildf0kA8+ALYv7nZ63K9STF9JldogZiyyeogRFk05qG1RmHLXn7eAvy
9yWa1hY48S308g2b0klVlkk02/LGmoJYeHPmNOAgr/cK9DFHFZw4azGX59dpA0e7TdFK8fM8
tCjaHUaeI04C5jfuH2zkiTFAispZAkgCOJVOmxldQR/y5cBXf7g4+vc6cuJkjrIC9pozvlj0
Om8JECJU18WjY6efAW6/emLtQb60CWaqaywlJt29PDqDXkw9X5eB04DqXvqOIxJSxEs0kwAh
EewA8tf7PDTx14BhgtZGeGOT6bodRQ22Q+pdRroy+0cBWVu55jLBOkNYNr0bULb9P7ySDxP5

8AFm7N7lW7Lka2adrkiBQHLrGGUaK2xTs/H08BbTB5e6CcvDWF+Nda2QrM6nfpp81AUJH4H+
HARt2nlZ6jVrFpOn6QqHfOhH6ucmkin8H4AJLge+O1olbBCTKRCTc8Qm36R6n09Oy3P8jrwA
43avceUjkkjt9qd4QgqZHElaC1prtikbVNWI+E+P4jlwE3dndUmByWInyBelJkav+eSDphxY
rME5sQdVbqH2eGuvAM1PvSktZJp7CLFKNUkklhZTr5b43K6jTnwF+XMU+msukqHXU9Ab1Ovw
s5UcgfbwF6lPHdqdKfbK20LMNPQxI8t2vAZd90PtdekFvJ4Sz9PWtqv18JJEbbDuV5tPIED5
mmo/VqOYDGLqZLFSyY67B9NOrhpVkX5ilVI1VvJWDa+nk3I8BoeC+1OOmwNGbIG9HkbmyaWe
CxXakkTN6CxQOy8iq+rzPiBwGo43AYmLCvj6sK0K9IxrJYmGkoaAh1aRXBVt2g1YPqw8+AUp
0+4ONmkWV4q9avtlp313S12I1+cyssvUPR89yH+zgFPL93QUvu5jMvYyUNvHxCOKzPXYNsjl
Vlljl2eIBbU+0cA22u2srFn5r9HDjJYitHA9ecSKy2K8Wxpyq6MHmn8F0AXRQPLgJsxmsPlq
64btF4q1arXkSzblZY4IPqF2wRzFuat1tAF8eR0HAR9l9mDt2OKvkzPfkvNI01iJmnoyMzb9
K6RI0vUPTDMWHiOXLgFbuyj3rjM13Iopy5WOeNVlyLRhX+ieP07Y1IcLGvoO0aaht3PgM4xl
BMlfqU4lLtanih2xA73DsA+z37eA/S8t7tLI/tEU0Zp4yrDLLA06GGDZCTX6AY7V3KU37fYu
vhwALJ/azs/J1kr4fK2sY1wvNXnUs8UplIchXfaGU7dQob3jw4DNcVU7xwZuzUIWkqdszst+
xGyL1IUc9T0uwdlaPXUJ4cBpA7Bxvd8lLuDMSvax1qoksFavvrTwpKBKiuA7B9q7uY0Y/lwB
NrHak9iHLXrz3K9itYpiNnlkRbUBRW6Sc9kuiNoVA9o4ARX7o7N7e7eEON+qFiCcwXEcqliN
SG6nzOSHQsDy5nUHnwFrEyxp2tUt3KEKx3kjrVMbPHpFAzERlDH62fVhuWED0+PLgAX3VuDD
z1u4MdKY+5KPQxizRR9OtJC0ck00csZJWRQNBoDoOXnwA/7XZXujubKZLJX8gsl3DVFTHPYR
DHC87EzTpCgXeyxRn/pePPgNWx9vMZBqyrYq3KwUNkWB+Fm9OyLp6jX0tr6uXhwH55ngt4n7
h2MPLA8WMnySyzYxJDHHLUE/WjVhG2nJOa6+Hu4DZu4/uh9squAFZ5DcqWQ8cdCrCdzopaNu
TqqhSdfVr+HABKp7NyXbuM6CXZ48qtZ5XrybXqLA+14xsB1fquxdVXVvP9PADO65sZc7ht4a
vDXq9s0I/pLpEStLZsIGcxxyrtfUNIura8n08fDgE/tp1pZjq9u27OSei5MNA6R2YZGO3rKi
s8E4X1KdNP7eA2CfD4T7hYCFnuW6eQjP/nFAiYyspQpNFGek52tp7dPA8BlHcXaXf3Z2fjze
VpjNVq8g0vSp9XXkjVemvWU6tGQvwlxoD5ngDFr7r1sxnYK8kUMXbbQJ9S8sGtiSRI9XiHRK
qd0gVVJGnLXw4DRO2MpUu9n4DL1omjiqwOhjaQsy/St03G7xb/Db8teAmxtOvS+4fWUKqX6r
LG4JO9o9GT3eqIj814Buv1qtynZo2AGhniZJlPgUcFTwAXsyOMYebEuu1ajvGq66/KbXZzP8
vNR+HALeH+rwneNRLD7zaWSra15a+vaj6e3qBCP6ZOAMd0YCK0MfeMMUsvblwvIko3BqMwKz
AcvFUYOv9ScAr97dvR4+G5cjazL+2yw5COJ7EzKaaS7LkO0udY0BEntAc8Bd7j7Rw89unVxV
KnXtSSpJX0j2D6f/ABPqdY9ugiDOrHzO32jgLeG+2mSwEpsYbMmyXYqVtRRAiJzrJpNGpfdr
z9mvAWaHZOdhiaOWxA8DvqsTM+9VOrf4iqNWVjy5eHAMeBx2UowMl+4tpmOqokexIx/KpJLN
7yf4DgKH3Clx9ftS3bucmrAPUYEhxZJ6cOzTxLM23TwOuh5cBkueyOcgbGrkLK2u36bRtYUa
yREPJ0rEk2zQOV3lkP8ATy4CXM9lzZKeehFbMNiMmrGWG4q0SiWIq2o9LxhWVv6iOAYrFS9l
8WxqKgaxj3gtbdUk+pRenG8ar4bm5+7gFXP5K5lu2sb3t0lfJVDDVyMDaMrdT422eXV26N5j
mOAZMrLibXZ8mJ6nXTPRrPTrEaSQsw6sTO/gSrqGPPmd/AIv257ok7fyNqHquacgSzIhXQr0
dOvtHP1ohZl9uzTz4Ap95Ka1Z4L+PsLPUnl+pqyIxPReb/GWI66hHkTqKAfS2vtHAL9m3Hnc
5iXhVUsWKwhvshOsRAdbE4UabPlAty9vASZaGxnu6YqVGNp/pmQTlF3dMzTAaEeGkYkSM+9e
Abqc/wC3Zqs8cbTz3LEtkSTepmVeppKSx+H/AC/p9w4AplrVyvE0uPjFm3IkUc0U27WWKKBp
lePQab9sZcA+33jgLmTxdGSv9ebjU3ligp14mjRkDmsJoWgfm2qEa+rkdCNOAH9v5YW0uy46
CDrY62EnnUGOK0zMVm6gj+IhX8dPIHgKPddN7MsOfiw1iHIIatmG/pJLrFtIeCVYQ+1hG3r1
5eYJ104BQtYfLR5Gzk6liXHvak1lhkSWMKxJ+VLuX1bh6tvv4Bhx3c/dqVFoZDFw9y06+jIF
0n0BBKHpyq0iDby9KDgLg737DmtpFYxV/EvFKJTNBNNG0JEe5JVj5kat5aAaczwDFje7sfk5
IYcL3dNBMQziK9FBYVx4gM21H5eHjwFzIUfuO9d1pZXGZGtMDvWQdFhqd+9JEU7dp05HX28A
BXE/cOrlns28HBcrWNyTGtYgDyB/hkQSbBuGureGp/HgGCrkIK5f6/DSH4Y55WRonCorDq6g
bXIGmpU6jyJ5cBLQyX2/jBlWpBj3nVbPrPQcmTVTuD7Crnb6vb+fAXhluzbTjozB2jJjkhhk
WQN1WC+pQzBhr7OAKV6E8ULpQybrEwHQSRRKItBoV1b1EajwJ5cBamOSiqbo5YZbAA0DAojH
TmARrpz8OAAydwd0QeiWqvX2+gFGEUjA+ra4PL8D+WvAT/8AEWdSzEJqccVVl3yyMW3Aezao
Pn58+AJQZ0yb1anOGRS+qBZFbadCEKtr/EDgJ0yYMTyPXniCHTRoySfTuOgXXkPDgEWT7mZM
vJVt4KSVjKgVZU6cW1tG0Z5NQCV9S6j3Np48BeylLB9+9ux3reGmkn2yRxsrIlquwGpCSa8/
UPeOACW/slHXiW12zcenZaPbJWvqs6uDpuVmAO3Xz5HgBWSyfePa0ZhyOHelTUj/AD2P1lra
+1k5hdeXxEfjwBPtrvbJ3J1aCzBaklbahijdo40B57mT0sW0PgSeAfa/cVP/AA7jGKVj6Vcb
dfboH2toPw4Bb757OwOW7dnnSql6pVjaVayEJLEoG5/op/8AdNpz2NqhPLQePAK+Fwx7ZpYm
OolKmss8TwZcwSCPK1ZtCteaZC5gsMpIKOhRz8PuB1xWOQwNhadiSK3ijCpYsr/JWTqpXb0n
0qvpRm9Xt94TYfuaz0pKb0HRKLtXWSaaGNrAhJRpYo2IJTl4/jwAHua32TlSwfF1bOfpTQsa
ktcGZo5js5kBdy7W1DbtoPny4CbtjKU8Hclr1ILFbBRlVsxyM0letJITtaBn9W0N6XUagcm5
DxDrJrFibNjJWqxmaszzRSVlVmeefdGj7tBr0kb+Viv8dQzyG39xc3gDiNZq1epfkuw366zz
WpyS0yIhVdNiF/i1Hht04Bu+33b3e2ZAv902PqMR0ttFLiA29JNvVZNNCiyBdurEkjwC68BD
X+y2N7Wuz9wQzS3pa0yz4+OMrWFU7tSzDdtlRd3w6j08vfwBXIy2q0t2/kVmuVK6LZx9YqJE
jkhTQtXpJu3kE7hI8m1deAQL2V75xV233RfwrZDD22jiYzSiGFNp1jZhTcoVOvNymn4cBpWH
y8OXvUrF3J4xKcKAPiaKLYQzuNU32nXwXxUIq6/hwBW3JgYMlDBWu9Ke20zinG6kSyRR7nAB
1ZdEHMKRwGexwZrLdxyZPExpPQszzDIVpWaNdyoqSTxzRNC6yaIq6A6acAK7joLX7fyudyEq
x5DJx6QRw+iKrGItFTo7tCV2Lq4LFjwBrsTu6LJYSFLEmi6RSTxQyEWI5YiYmmbUayCZV3Sh
fhHhqeAJ9w/a/F5fE46hGZ637e8thakDbmmgcqLESTTnRpAyhkYgDQ6e/gBWE7ewOGbJ5PCp
JjqdRJqJa0J3lDxxpN9VMRslj2vJs0XTRfVwHuSmuS4Wgvbt2WXLZCXpyJWP+WEYUMzbmMzG
NJGX1M3PXl7OAEdx/aXvDJSP3BUyUeT7hnEkd+HcFDdHWtKIJAkabTt29MqNB+o8Bl+cbKdZ

Fy0EtebYEhSWMx/L3HTpqQu4ak+ocAy9h4PvqbF2J8XesYfEWi0bzoxCOyEI7FVYMNNdpYfh
wDinYfa0OIFWUWJsgZAII4Jn1iYsXDlNWId1OpXT+HM8As5DtrD4mZ72MM9LJUpepCrSrYrT
xp6jG7oqmJm0I814DW+we5cXkcfSlhk9VjrSbEChW1bVkdRyVo/y/hwD48kOgDsuknIBtNG1
8ufAZd3v2V2hlvrPpoIILNeRgtuqqxvEyRLM3+F6ZFRmUFW/n8tOA++xFn63tC5jiPmYnIu8
QP8ALKBNof725x+B4AqkmSr061yx8yxiMlJUdj4/TLMemxPhygZh+fAPL6C0mvhIjLp7SNCP
7NeAWu2AkHceQqIf8NQOZ5sgOitz5nTw4AD39hLklxJ4bH00la5DPHJpodCdUG7yBbVP/u4B
2lminjguwhXrZCIRNu5jSQboSw9mpKn8eAFSPBY7cNuZA8tRJqlmN9AJAVNZo5Gb4Qx2Mx93
AAuzcjVjxyGFxlDSStibNuUCQ2VWQVgsSq56aeosAUO4c2PAVhgs1hsplE7bkilwMEizV8dY
nkUiZRusR1X2uAqnwUtyOo004BnxPdtmxU60sKDZGk0kTyqtjY67tVQDa2g8NSNeAgrd40cv
lTTx8ksplrNcp2I22x7Yzt27CF3eojcDrprpy4BV7374nh7qjyMWs2G7csrXsQlNY5JJFK2p
N3w7kjYhB7VbgC/cGJgsvPThRJ6ORhWWIH/DYEHpfCPhZWaP3engAHbEH7n2ycLl0K5ihWK1
3Lc7NGKV4YpN6frhaNkPnoAeApdldww43K38Jkn+mnjtTW69s6mNw6hpYnA5+sAunvB4BJij
rw5DI4y/Ky1o5HmRuTP0LDjrhvI7Q6yj2FDwF3FZOShQgx+Rnihjw0shWYgsWaOwo2gjUuki
SOBoNFB14AAHkpZ18nDskrR2XldoGEkeyRirKCD8LqxHAWcnnosh27Fj2ZyYbCMAeTMio8Id
h7TGsWvv14CvissmKqz/AE8RORt6xpPqCiQAA6BW9W/eNfZy8/DgC320jyEcuWyleV1jr1jF
oObT2ZmJhQA/EUKtLoOfp4B6t4yzkc3WijqtVRMeigsdAsdiaOpCu/w3JEjHT368AJznek2L
7vR4n6NKOSWNVQapG8aQqh/qHJQdfDTlwDJkevPbgvySfSwOsj5KvICFisRR7hG456qu7qnb
4AEeDcBUUDHU7lmnVp07NeAJJdx4Ir2ZEeNXnjXT9R1AHM7gRz8eABpk8VmbhsV7UyZyeMNa
RbLxKNhEcSSBPSVSMDc2h/t4Bmq/bjuQY9J8flZLHVZZFaZknQrIN8xHVXfrvHkw18ddeApn
7YZZbKTTSuJZNyGtHUdlYAcm6yzqI+X9WuvmTpwFV+4+8sEIYMzBZAU/Tm3er7+tGSdiNOm4
AudPPTX3cAWh7m7Pt1gmbwlJEjIim/yykMzj0Mh8VQ8wSfhI4Dxu1ft9PaWTCT3qTDZsGPsO
YoxKdpPTl6ige4DxGnAXMXRvQH6XAd0PZbYGRbtdZiqFtq6belru0P5DgO5aHf8AYknmilwd
lEToRzqZY2AjYFoyoRtummhBJ4ChZr97WqxrXe36+Tx84HXjqXessqhzIpJklSTQ6jTly9nl
wF2LK90VKgrL23k5DCCVPWKAqH1UFonJ1CengCVbua8iiMYjMop9KyvErEn4mdvTrpu9PPnz
4CvL3dmWTcmIuzSodZIjUk0UL6lAP6twH8SPYeAqxd6dxDJSmbA5QU9ukamq4bY2uqDpsQSr
cxqfDXgFuh3d94Kl2YxYa3PTeQrCLNYiTZqQCHLek6aciNOANHuD7xS33etJxWmEXokigTp
EEb9gaQbteY5ngLEmQ+9EdmToY6OxGZAVjaxXUiI/wA2jHaTt5eP58Ba+v8AvHMzMuKhgjk0
LRvPWJU/CQhG7UEAE7vPXnppwEP0v3lnikh+lx9Srp8qBbGxlbXXerwIPhI1A/jwFaPsT7ot
ZtTz5KorzoVTpzT7Q2oO4q0fLlyO0jgO5+2vu8EjiOeqVkXVeoscspIB8NHXQ8tBz8eAy+9n
8VMHs2vqa/cJmXW7Sj+hSUdXaxliBC6oN2h2+XPgNGpV+58H17NmevmMarsInSqJVmVhpuY1
vhbTkwfz8+AMz5SfKUbOP7ZqPELESJZltRvWq1o29DEs+0nRB6RHr+XiAC5Nr2Hna+q/X9pQ
1KdCbHsGZrFGHcpyEZB0jkWQ6pp8SjX2cBR7kn76+31Qy4NUyeDtPvqZeUtJJF9Q28C3z9Z1
b0yeB8+fiF3K93R4ixHiLJZ4IYVAs2dWCzMusjWkYFGgkI+JeYY8tvAZlnLmUszNmKmuDrxq
HrK0xS1Lu11dAvq0k8deQOgPxakho3bWWsdpdjY6SFku5rJMsj/XzNGqGVmkkrh5NdhVFX06
ermfYeAmf7qdrQ1pBfMX12PXrxOY4lZ5HJYwx9HepCoSgI8dR+PAXZ797MZOjgIJ556GXatk
xNA4VPotd0hG7a6gmNdyg+kvp7OA0exbrVIwZGVFHJQWROQ/vlRyHADs5mMdDjJzcES1GiJa
a0VapofDrMhbavvI04DNrp7gjyliLt5wwsQmaLIS2w1eMzoytEkh6nUWPbuVTz26eA4AXiM3
35aaDshRBDHa5Xe4Os83y9AS6rIQiNtGirpoT4DgGfLdm9tYHuVcjTsvi3MUYKV3VEZmJSWa
dHSRC8npCIibmbX8gOYTtbH0ZDkCIxk2ZjBLOBYnYN6gW3dMRs/mqBeAyHKVe/MR3lbwmEjy
NTG5KXqQQSRvZ6UUz6SzDp6gqrkkflrz4B9hzXbYxmXpzV479HBx9Atko+s1i+2vULPIuiKi
sqhdB4nQchwEXeGcx/bGJyU3aSQ4ebGtUMkcESBLENotHtMQG5XiKluenL8eAaPtF3Ke4Ox6
diaTqXapetbB03B429OoHhqhUjgL2TlxNrIPCVb6obkngA0aYbHQqh/n6ZOntU6fgGd9sfcq
jjcjF2bd6NWtRtLWhkETQIsMDNJFK/UHgQig7tDqfPx4BixGeJ+v2SLX+hLb50O6FmnLW7Ms
bHyaV1Tn4beXjwA/7o5HAntN8TZEVqxXKIZVHUeq0hMUckc2o2sJU1b3ctOAk7I7ZxeUqwWj
cerUdVXCU4ZOkzwVGZGlkC7eoszeoqR7/HwAs/2+xENxoBm5alm04nsRwtElmSTb0yUdt0iJ
t5enn7+AUe7u1M5jsu8NWVMtjcgplgaclpYSo5r8ocw2mu7b7uAzyhkBjO55qKMMalpelHIJ
XMMM8hGk0nIMEbQq2nwg6+WnAa7U+40MsUeJF+gLEJWKwHl+pdiBrvgRUiVm1Hp3MB7eA4WG
wte7FJDViu9BmwlRZxIsEDEzSXr7qu0dV1ViWHMgKB58AK+xyDE9zW8ep3w5fGw3Vc8ts1eQ
xTR6an/tNeAcstQtnN5/GQyhDmqEdnHhuarbgEiMdPfohPAHO3sj+8du4zJKNsrpG0ieayAd
KZDr5q24cAMzqtiO46mWjXSGVxFZYnQdORXBB5fzhSPfy4D3vbGm1Grqx6VuM1y3MhWk/wAJ
/wDZk2n3DdwHnZmQTM9svWBEc8YOqaaGGUMQykeOsc6Np7tOAD38XN3I2TwfW+liycUOUo2R
4x2VIGhQFSyhkOv4cBXpVMbQuJgZ6ywVHrWrkFfHl1ku2Yl221kb0MHZXBVE005jXTlwHuBl
jqdhjJZK3WFW+/VraOECQudzbt5Grom5QNCddPPXgBn27F7uOxmMsJXSLbK/0sjssa25k9Lc
1GqKBoUb0gjXgBPZByvbXb9qzbEz5OYRRVqzQOIohC26S00p0R1Kr5Dc23Qa68Abt4OPG/uG
JO969gwus0mhWxG5BSwT5upLBj/z8ATwkpv9kWMRWm/zOH9CBHBl+lOuwk+IKFSPxTgFvJ1b
Dw2J6U7RZrtx0vVmj5B6twB33J+oLMkuq/1aefACM3f/AM3kM3BSAtP0IbyK3Kszvz2jTnvG
jxn+U6cAtZiaUZnHWo13yPAEsaaHXeZYnR0/m5uOAX7k3WZCQUZAkJQgj/DRYwxB08QOA5Ky
wOsoAB5aLoCCOWuo8OAsx2MfYdRZhEQI2k11IJGvNtrE8/L2cBxdiprMEqzGeuxT1spRgQg1
Qr7VblwGiDJUezcXBKGi+vj3LVx7bWfayfMadUJCyMX9b+O30Dx4AnHd7ry+OxWdw0T5GF1q
/vCxBNzCs2llRrt9fUTcAT4EaD2gkX4cNmO/mxqWpqWBuXWDy2Su+HeFE286ldd67V5kDlrw
DtjcxFd7hkwMdqGW5UiCYhln+orzHV1nryWXCsZ5E2nU+evPgGLB2FyNOaaGSLDz1isc9OSE
qIm0KyLLF6DGN3qDJ4HnzHiCPmsbnsDJ1M5TVGs2XkhzNd9YI1k3LzmRSyAaj0FQDrwDD2xn
6IqLHHnJsdkrbAlLfzqkjH4ekYCnT8Of9XAMH1n3To62RHXzNHcraUpFZ9vLf6Zth8OYA158

AM+4ElvM9tyKcRd60ek+RpC1JCIgDuEibRJXlIC6lSdASCNeASq+Nx2Qlh6GXsYvISMGFHKR
CRdu/aelJFs6gPmVGnjwBI9jd5wTGbGPQvWoYw/+SsNWt9NidikSKqkBlbxP+gcB1FZ73wvW
uWsbcokxgF5I+orAEOxV4d6hgVGgOmunlryC5S79xb5DqUgvUZlmet1Ol02ZWDxMr6aqVUN4
cvH2cAdg7xxe6F8dG5ILp1Sy7FHxbJNOfoCn8AP4aePd9OL5kccjR9VvqI0IPJ0AEgC/EN+g
PmPzHATjO1nrh69iURMhETNqSNfUhbx8GDIdR7OAp1+68qskjyQ9SAg/T6uAXIGpfkfhAOhH
jwHcHdM96k9ijA0syJ0ukJvma6aPqPAsp/P3cBP+65WVgoVNrg70EpZ1caelQQobwPgdfLTg
K7d04lcm9SaR6zqGk+crJoCdAxX2efI+Hs4Cez3I9W1WEUTSm2vIoqncBqVIcHayjn5+Hs4D
q13PYhhG6KQSEqX3egKNdPQ3ws2vguvqXw58BQq932GI2Fi0jsCDp5HVfQzc/TybaefjpwBS
rlrtottWWBGI6EgIdW2+O/l6NCCvPkfbrwE1y1lnSOOujGSUaMWXVA2moDajw9/+ngMI76wE
tG5bXKsyzLY1jncFihsbnDSbdRsbTn+R8ddQhox383H9XimZu6MbHsv49JGT6+GIbVswhGAe
VFAEifrGjDzHAWMD37ga5rrmse99oH0sxW5pGJlL6lzG7CMKvP4xrrwGh2cx27buPmobjbWT
e1dpQyOxGixlVbaVOg0HLgCuOzKHt3H0uUl6GHpz1ZWQxIhHPrpqNdqkKB5a66cArd7fbG5L
lKWXr9S9gxNFPk8VoZbMIGhYRDm0kb6Dep58vPyBSsSWu9M68N5RcMQeukNeKV7MRZSwL19s
bGNfh3agL+fAX+8+0+5oakFm7h8hmoa0PSFqz0d0aqNnOGq8hSMKo56bvaeAz6jLYpTsxiWa
tdX6eSnrqJIJG5Ip9TIwZdVPiCOAOW71iXL4xTBPBjcBXrUp4etrMK6ydSVrHR26bgfUAB4c
+A0+LuLtbIRXsXDQFyvdmjiguWDAIHrg7lkHq6mituO7Z79eAF5mt9v+4M/WxeMqS5+aAmfI
2I3SHbVgiIjr7kEadPdt10Go/PgHql29iqTJ16ct64iKVrhenVqxOV+VXX0xbEGgbbqW056n
lwBOdu1LExpZCKlHbn2joOYus3kvpHrHlwCfkctJ2r3BZkdZHxcEiSWZJ4JGZkWPb1IHCBQy
BtBt5aa68+AJZOLBXMnVti2zpbTXRLM0QmhYM5jEBYQvIG5+0DxHnwAfH4fMXJq1/C5I4HE3
5lgs41CJLM8KasCWYs0E3S3ageofiOAU7n217LtQWZaGbvYOB5ZIxHl4+lAbOjNFC0jBeS7G
3FiT+fAL3dvYOW7foxGpkWzdbIa/XtXSQRLJWUTKpbVt6iM7lb2DgDn217mztGlTTH1FkhtT
S1i1OqW2NEiypLakiDSFn37dx5BOA0WfuCK/Zrl8I7Z5lR61l0YRBtSI+rsIc8wfTp4c+Q4D
iXs18sUu951692cBlPSTq2GCHVUTYoREBJO3n7OAHZjtb7f5TFyUMNStUcjMOjClFTE8rp8y
MWUOkZQHm3U004CliPsnVCxnuu22SyMgBalBM4ghQtuJC6BiEZidSwHAE8p2RksctaXCXpLE
eDPVx1D0npTLGVWJJPTvDK/wPz9WoJ8OACdsZ3L3e6o2mhp1c9PG8kk52w3L0bKNkCblaNZI
+lqUOgPPkCCeAt/dK1k5snho6cNo5Q1p2lx8fPQjmjyGJtiqNG1bXQa+fAYv3OMw2XsfvEAr
5EhN0aFWUIy74tjIWRlKkHUHTgNW+20mAt9l0xl57C243uL1q7usmyMj5S7CZJNEbQBfAN+f
AWbGZ7bFC3FWmjxGPkHzahAitTyx+nq2ObyFfDTf48+AoYOzJU7n7VyjOFaK0MdY2jQbLEBi
XkfJtF/McBp/eBSnlsDlmYokVs1ZCCANLI0G72jVdPz4DztGk+Ms5/ETnWtBfa7TGvqFe2os
ch7Fm6ij8OAs95Q1Wo1bdhQ0Na1FvJ5qFnPQDtz8EaQN+XATSUXjxtetaKvKI+i4Gu1lHpXy
9+h/E8At4SrDgfuNKA/ye5agkVD+m1WOspHkOqrhj79eAg7mjtYYx5eq4Vu38r1bEfj/APDs
i4624nyVnZvcBwH33AqS03jytSItYwd2HLRFNAzVpWEd1B/s6twFzu/sztvN46wIMdB9UAl6
GVFCGRHYGZlZR8e1T+ZHt4BXvPQxOCqQ1GaDC5K09TJRwsQiWgpj5j4um/pcDdp+R4Cay1hs
VRmlcC1Axq221LAcwgYf0iSOOQa+Wvt4AhDYqZbsouQWm7bnapbUadRYIyPP2pGVP4qeAE9r
fVYvuBcuwj0msfRZFhp8+tOAUnZF5DSTRh7BuHAF88K2Ky/UthI6zpJQnZDoxpH1135H09JW
kGvn0+AUs12zDdoWa7RyNkzVKdaKUmN5qg2hJV19RHp2cjyby04DNbE0ln6SVmXrMyxLEhG4
hNPXJrz3MTy8uALXEgM9qK84tSsqBLDLzVnTf6iSDrGqDYN2niOAAs8j7vVrJpy566ac9eA9
YORvC6MpBY/jz4D4NK/NddRybz105g8B7G84Uso011LNp5Ahif48B1FatRpJGszrHINXiR2V
W/vAcj+fAfRwDchj3OuhIBBUKfEjn46D2cBPFFG1vpyyvRljOrPKrcmVhoT0/WnLnr7eA0Xt
3vnH3JI4+55EgyOpqpm4SGWaMAN0bygDVSp2rJodPP3g59r5SfHxNUygWbF2yzVbTkTVpoGU
BNrqWT4V5j268uA9yXYHYGcVquKSPE5TZ1A9ZNIwza7WePkraFG2+B5HQ8BxHUHbLxrlJreH
jgIK5OCTq0pg3xLMrqdrajX1r7dDwB2rWnryTdKCHLLJIOt9O/SKq58o2chdAQWHgw/tARl6
WDztRZqWPilr2UlE1dp/o7aSuCWMcboyE7YyfiXmOAzuiY8Zn5qUGdkoiKKUqlpY1n3uFCVp
NrFXD/p2n+B4B/7Wm+4GPrfXSywZ6hOFbpI2y0uuq6CN9qgDx0DHXgLNrPdnZqT6XL1IIcrC
pJqZCprq2nLpidEdtV/l4Cnb7R7GlEj1a/0Mpi6qfRSyV15nbIrKpZdQOfweHuHAeL2c46f0
WauVozEUVZq8M6oFbmg6XTJ08TqOangCeM7YyKNLuyFez63ljkiR4HVnBWTcrdVT79fHz58+
AGnD9xU68v0FaPIsygwtXmibaG10CGUgruXmH5nybcBwC1kJe7qMs9yfCZBNWY7kiMg1QhQQ
ISxHUB3H+oew8Ba7W+5WFmk6OftwUpoWdVedbEEpTXRS+5Ao0/vflwBzufvX7b5SCGO3mqM2
g1XZvdzr/VGCU5efAC8LlO0qBU0+5nnx7u3UPR3Qhj8O/qelR+kOADu8TwBWn3z2xDPbW39R
FXgZA0FuIaSI45OAW8Nx8Tr5cAbq9y9kCEbIkjVEVyZI920cym5vUfwPAdp9xO3ksfTmSJUK
kxukqMCV5uhCnUELz9h8jwHR+5HbG7YbUSSAgFHlRPSzbAwLHTmeX48Apd7WcHl6M2RxtytJ
b6QS5AZois0ZO2MEkn1+nRW08RofPgMcuQ/Qzx5TEOYo4ij1ZoX9cUiEa6nUkc+X9nMcyDvQ
yGN7wwtzLQYujZ7yhCDIVrEHVEwAKi1AiaN807Q+3Ta3PXTxAX2n3LLVyQhoVa9S2JQtjB3w
fopWU6fIll1avIH57X5a+flwGu4zu3tLMVtmYpLjLUR0tw2ECCKWPmUdxp4eI18fLgGGSPHU
n69OHdaKBQUBbRTz8CdNz8vefPkOA4mpwz3VsQBa+aRDF9aqhtQBudJF9PUjDactfHw0PAL2
U7k7xjyMOFsV6tWVyJZbSNK0c1bqCNui4Rum4DAkP+A9vAKP3A+3VDCZ7F9w4yVq0+QySizB
6TDErLuZ4ht15bTzIPj/ABC1LWoQ9ariM2+NmZBMtqVH2NsO7cyWURXiOmhZPTz8OAQKcvap
ylwOI+pHZexWuVLhxscscoDiBgY3+WmhA26Ea6cAS+2vcGLxsWfuSwwxStYjUyIWYR15i0aQ
VtfVqzMdrHx08OWoDSMT2l9L3RNkcnYmoxos0EFdZhFC1cFo4ZWk6jyTSsGBLPpp/DgL+G7Y
t4u0GxM6y48W5DaS1KrgQkn0jSLqFxqCC7/mQeAEd3wy5x8tYNuE0Ia1iGJUUyhPp4zOJJVY
qF56jcNQwbTl6TwHPamNli7ZxWTzlZq8CwQyUMHLoIY7iAuLMxYF1LEDpq3JPPn4BFdzPc1+
Kn3rVqPBiKU80lnHRoJLDNEjQ9UiNdzerdG3Pl8XIA8AexXdOMyNerlbSRdC/qYohrM8rSKN
AUAZFZAmnxe0nTgF3KZG93f3Le7bq3Y6WCgrpFHHRiV7Uqu+2QK7+mOMAepgNNNNOASu++0L

PbVa1e7e+uxFen0hkqjTlVkjdikViPovzXdyZdfTy4Bmw1v9q7epPds2rMk8Cy5UVZwbby2X
Vo4UeR1ILoQXfX4Rop5cASzne2LweFxmdqYm3ALkssEVLcusXTQlZyo3KzaaaKW2+PnwDT2/
DXxkZuZGdrGeuLuKSBZLMUTncsbJCP8ApH28hyA4CRaKZG3PWszKkxAMlZm2ySajmXA0O3af
LlwF/J4+CrFFbrqFSsqRWIz8MtUekq+vnHrvU+OvLzPAI/fHY4bPVr0Vx4J5J45asp01jniX
5cmunq2kaEew8/E8BxZ7qx92zFasrNXsZiCCF5K6PLNHLXK2NIBpoUk102n2c1Op4BFudszd
990SZ02Ep4efRZW2b7McMCdKHWGL0mWXYzbF+Eak8AexnYlvH42xXwltcnjLM0cliplq8UVR
+memJBYBk6TsfQUK7yP5fHgK/cHYPbGPhtZjEUpEu1Ee5LQkmEkCiI7SIiwO9VfcdCfUF9/A
WMZTSx2ZNnzKsthzDagQjUpNi+na0HPmXjjcacBqnc+KqdwdvGF21iYw2YpVPgY3WVXUj3Dg
K1eTdmcZebQtaqzUrMgHxvEwZQTr+l1fT+8eAIywQXMJYoykiMrJVZm5kaaxq3L8jrwHFGY5
DCxSPo1mMGOZR/2sWscyfnow4BW7zpztJTt1Sq2aylopz8Uc4PVgJ057JNGB4C7nl689W441
odwUjQuRMQVUyqWibT3MxQ/3uAt4WqLvbtWtk3FqzTibHXnGp37lEZY+9htY8BWw19Ye3YHm
/wDMdvSfRXeY1+nGkTSN7B09sp/DgBFnBtVv2sUGS3VvbJaccg2ql6uplCe9Z6/pB9q6cBQp
Qraw92pHrLYnicRxP8RkTl5cgQAp/HgB/b+blxHeDJN66/dNY1pUI0X9wpBoWLA+cnh+J4AD
NeWS7NjabSI+Vr2KsBfdtMrKr1mMg5ah0aLT+vTgCmJzVTO9v48Zos09aMwGwCRIz006rK3t
YV2aVdfH1DgCl2mMdjpKiSdPJyCOeKSEgs1iDpj5St49SMsoPmNOAyrvjGGj3TcjSNY4rOlq
BdQFEc2rbQ3IDRg3LgKVirkd+96Mkb3XRIY1IIMiIrMAgGuhVwV/Hz4ClJF0piW3QvGee/UM
D4aHXgJGlO0p1GJVtA3t5HzPAQrIqgIxIB8SB4e3gOxoIQWJL6+nny28ATHa2als061WJprO
QiWeGEDptpI2xV0lK689OYPgfceA+6c9BjiMlE0LfUrJtl00Rk3wTN7ddeROunp4DhatWxJG
zTsuojM0u8sQC/SlJJ1PiBIP4ezgPLkKx25oq7CRo36YZtA/Uj+PVF1JVtvjpz/HgHvFZFPo
spf7WkbrBMdL+0poceXmHTtq9V9FVOoNysrag+fAGF7phxVmBbssT2ZSYxNDKDVnCBUmUPrv
gLP61Eo5HcAdG4B3g7kt17S070bS1bojeGaVQ0QWT0dJpF1TUnl46angO4sRjMmz3e3rLYy4
UKSRKPlkqen64xoVaNl2+k/iDwFKO9c3MuboG4In6a5bG9Oz6SoEnVSMbhtK89Y/D38Aj53s
vJ2Mo1zt8x38O2pRpD9bLqfVrN6EkiXTQKCT4ePAeduZ/GRjo2Y7WBmjYAzVHa1UJVlTc1ef
eUO8j4NDz4B7xuXp5WilfJWKPcdGf/ClCBZDvIXa0blgCDyJDeY4CCXs7A9WuMNlJ8Lcbele
vMROpPN2TbY3P79A/Adpiu+ca5lkhgyekrTRyU36QUMV3J0J/JvU3JzofDkSOAtDu1IFllvV
pcZY3MWr202CSNY9x2OCV10GuuvLT38BRxvevb/VECyLFO22NEVl2OG1dAFJ8CjHl+OnPgGO
l3HWaJFjOqhQI013uQDtO8/CCND58Bckt4ywpjuLC5AUuj7W0V/hbRh8J04CF+3O07ykSYyl
MEOhDQR6g/8AR4CjY+2H2+snWTBU9dNuqRhDofem3gIIPtV2ZWlWWrXnrsg0QR27AVQOQCr1
NBpwBCv2Ziq8caRST/JDKjO6ysFc7mT5yv6SeAE90ZHtrtdVkuP1r04JgrrFVErgeknCYV2r
+nU8BSudw46lg4Mvaw1OLHW0Eiv01kMbuS4hsJsBRmPgeY1/LUJY+6O1LUWlepReJwWg+UrL
KNNTs9Om5fNTofHgBHdeawcOBltUcHimq17EUeSWzCrCNZFIZtsS67o2KnzBU6g8AiZrA/s1
Yd49myy0I6OyVo2YSr0bOsfUhc7jtV/S8T6geIJHAImSzGQyuRsZO9KZbt0l5n2gatpp4KAB
yHlwBjHd6vNUr0M7E9tabKaeTrsI8lVVTyRJX9MqL5LJ4eRHLgHyr981xkEdWmtrLyINimVI
6/UI/VK+6dy7nxIHAB3+7XeMuVjtx0JY8VWlQ2YYRMSI1OpjM4UKnI/y8A/YfvvD3mluYkWr
9SfRZJwI0micesJJuaSzO6alUWOMoR7eZ4A33fZxGYNDAMrNlbPStmNk1avBGyys9lQeQZlC
hNfUfcDwCTkGy+M7j6T5KWzJaAb6K5NHPquuzalZmcDUeO0ow9/hwGPWMNkZ802Iq1WF17Tw
JVhBcglz6V9yj+zgHbJ9i5eteGGvy0+3MVG8litE86LZsCMGMWW5uzMNPFiNAeQ4B4q9wVMp
j6PfsyWLcdeBK2SqQnq9BoepFNNDCNpc7nQnU8kbd7eAIdtdx4q/2tk8tRjsRUrLyBJLZeSR
5K5jjjdQWfRWDAbV8DwHvY0skeMV8hDJZs3ZTc+ktzbbHSZykDLWVTvVEj+J+evAGe5M9iRX
MncNC19BHOq145IT9Mxf0RSzyKSFUk+D6aa/DrpwCrd7kiwOVr18bctxYFpGM1MRO4imBTVo
iFNgwsSV2/zH+AQ94VhC0PeDYmfF41pZq+ZhihSGw0Ew+RY3HTYXcKJH8VB9o4BvxEPY3b2C
lsYyNcerQpPctVmM82uq/HYbe8mhb9XIrz8OAzP7q93Sdw5GPt7Ho6WZ5mEwZ9ytAEUQk6ch
vOrMqjTkPPgDOLm7b7Xq0pqVWvMj9Xo3snKHaOUqvylZQVZVjHp1Ybfz4C9e7k7VytnGUJbs
zzR2Gs40265hjMy7pOTOictrEakt/wBLTgLtj/jXt7MYIUlqPSkEVazA9hlmvTWWHWmdGVjv
j2dTdryBI58BLe+5GBp3jg81C+TyVWytdp4EXYk7J1m2SsybHUNoFHPl48AZPdFSHDT3HsC5
iAoSV7CETVXcaKtyPQMY9WGraajxOo9XARdw2q+UsYNDAZ6eQSRksxEstd5IiqyMyfpIYqPf
pwGQVcnes53G3aRajjaFnpC6TvVgjvWg6UZ5GQKdo15HgG3tfA5KhRXFNMP3a9Y+bI+jMkLo
XnkldDzVTGV8tdAPPgHbGT1rivkoo2p1pJ4YjeJWP6sIGj3IshY7Nz6KR6ifD28AG7v242VB
kXbLJeDRrRWLqRzKJFRklCrqzDVNPUPDkBpzBJ+3zta7ByNeIlrNO9MI9QG2dWNZAAD5P8xe
fm3Aat9tMhHf7Jx+3mtRXpczrqKjtXGuvtVBwFYp0aWUgrMTPg8kbSJprok224UHuImYcAfq
tDNNI0Z3VshEk6e8kbG0/wBnbwFClZlrtcrO/UajbWZX05tWsHQs2gA1VuoD/d4Cv3PX6c7K
sTGGzWkBKali8bCRFXT9QJ9PADa6DOdj/T0lKW8SQqxMDq6qu7aw5HWSJ/yb8OAJ9s5WGS0Y
kGwZGMWF18VlVQrow/ugae4cBQNZKXe5ezoMd3JWenYh0+WbMeu0N+KiQA+eoHs4Di9i56la
KuHYzVCK8U55kPDpJTkb2+lAGPnp7+AA5mzWino5+qrQVso6F415dO0X2yRsSPFZAysPy8xw
FHuPGSTxZs1lT6qhND3FjWAJ3RqFjuxL/wBANy8zwArP0a7PPaxhYVHlr36kg5dKrfTek48e
UU4Knl8W3gLOBka3/nJliqQz2ykkaruaOetIQZFU6ekiQq3L4ZBwDjghh5IP2600NbIYjYcf
bmIBapqvS0Zjz2HajDXyXXx4DKvu/kMbZ7ngTFSptq1FinKlmCzRyyMy+oAFV3+kjUEcAN/f
OkuJtpN6q1jqyzLGvq3ACQvs8SwTmNf4c9QDHKWppXtSvumj1Uq43KY9Rou1teRPjwFSdlYF
1BX1aNpy1Lc+XuHAeqpID9PVW0AK6E7vMD8uALY7AZOeM/RV47gyK7IZJmUNCJG3Qyy66LGZ
VU7CW08eAKQWM5fx2Mvx1bRqU2elJeVeoiF9qNsmiJkRl5beXj4HgKvct2OeoziN689e3J0U
eLWWSCwF6jtOORIkGhTy18fLgBNUiG3YlkPRT1FHjICiQHfGNo3eksvh5cAfwlrG1snjMlYe
WGj9TJMTE0bmGwq895so40fk3qJOnAOFnF4HGsn7bkZlp5GaJrOOdY3ElR7KQWmksRqrb3Y8
gDyA4Cjc7Lyl+lllqXojHZZZxAkOkjyliwWWRj6FTTkw5+3lwCjhu6+6O2Y2OPyKxRO3qq9V

Z4nDaakwNvQeQJ5cA44f7y3Kw+qlwtczuV0vJJLXg6rAI7zIeoD6fMHgIMZ3lhmzxziduEZr
qMz28Tdlr1JpGOhLo69Mk+LePtPAUr/fmROXF/HpU7f6yvFaKWpJ5rWj6iSeSNSG2c9p093h
wB82ezu77RaWzJjO4YZg81quXQSgbSmzmA5DDVGK6hQNeAoZCJpiMaKIt2ot62DMUhm6bKJF
PytCzOV1Rjp4AefAG8HlL22O1FfnnqUjJIotbms1ysfTKox5TKAzeI19XLw04AyvcHdmNuQq
9lrtaY9WESbAWSUB4lYgLpo56f4Oh/m4Blg7pFiNYrdMzwPCZS4XXeqj1/JbU6g7fT7/AHHg
B0naX2w7hT6j6GBJYSwaSEmGSNoiGYaxkc13g8BSyH20zkJaXt7NAEAqsVtNw56eMkXxalfU
GUg/jwAHuLA/cWj0sg2P+ss1/CXHTbwNGWRT05Asm0ldHXnqPbwBrE/cjH9Vf3iu9KVyoNZx
tljJGjIUOjNt3ajTxXXxI4BiTvfBHHl0l6cfTYxlD1G0QhWKr4naDr/Z48Bcx2ZeeAPvUuui
yKTrofAEaeTAag+/gL4yMekeo13kgsPDl4+/38BkndEdvLd85XeBLNUlWrWVkMiIiwrMEePQ
nRt+7XzG7zHAFq9OS3G+Nso9uqYBFdgQB26MynpSAf07dfbqOABVOwO7q8IlqQwWLVaxJXtx
wvsVliJKSvGdNruu0jZ7eAlpYXMzieplahhtWFkglrykLFPGoJauzjTcrfFG45xv4EqdOA7w
WPpJBP2blmkjEkHUhYgbpa0w+GRh6RKnUAbyOinzPAZrkOwMvRuXscTBYt49tv04YrO8RO6O
WOM+O9PVpr7vEHgFx12sySBlkj9OxhtZT7DrwGh/bLAU6iT5jIyqsklcyVxu2bE1O9w/m509
Oh8iPHlwDRT7g7p7iyT4rtmsIMbj4IorUsjtFWhKguzNJo2/qKQyjQOP1cuAhk7b7+x2QGZx
ecwtO3egJeWvrK1mNAu+cRCJtxXxLoNdDz14Dn7e9u5O93NkKufgM/cSyC1dytxRKi1PgrtS
XXps8rhirkaKo5DXlwGk5ej2swenYsSrcKdOR4ZJXnAPr0k6W4/q3aH28uAQeyZsdUz7UqVq
i3dt+3ZjsW4YpJ91aD/C3bQqwGRV3NoeZ8fZwDd3j9ue3+4qscFyKJsuY3aCVT05dQQzmORQ
CQrPrtcEf6eAyXtXK/8AB2WyXbWatPWps62aOSETOsc8e6LqPCrBjHNHuicK3l4+fAOWJ79r
X6q5S0wGAqTPVh+qiEbT31jEyGrHvl2BFTTmxJY8tOAjwHf/AGXke5pM/fyc+HbHQPjadcxM
iS1jJ1hLNJsYKzcvQSNNNfPgFbPZ2SbuPK1jmg+JumOWnFekMg9qNJ8K6Iw3hTy0/DgKeM+4
tftIvXwVSK3faTSzeskyuVRdqiCbVl2a815cvz4ByX7hyjDOncUf1E9gi7kqg9fThjlREiCa
eqNVUNIR7T5cAv8A3i+4uA7oxONixkUgsrKzvYAZB0Cu3pjXTcGbxBGnp4BI7KNJO7cdJlZm
r15WZDLKGI0ZGRTp+pRr+HAaFl8l9t8nWpYmRpHgWVZIaqzIu8xKyGOX/sN2u7avj+PARYft
+n3Dm461drseKpTV/VPaMlYiOZdfp/qHc6SMhTRfHby4DVr82Di7m/esjAaNupC1HHZGwxEU
hkb5iCPXQHcBtY8257eXALXZHbVuxfyVme91crFOYLcihkhtVZtZFkUEDdoHZVbTkwI1PAFu
48f27212tPQM0NdbqCm0thmVOj8IEjjesYCn49OAXO2e5L1f7dzPbSOOfB4yV60sb6dWpLGR
RdSNPNdjDx1APnwChBjbt7tvt3F9pQPmLdeWO9lxBsEcJRgVhkkO1QWkLsA3PTnwDJj+4ILF
fLzPEcfax0UNfJ05BsaIAW1fqFjz3dTXUHQ+PANEFVZZ5M3Wdb715BHjMVGdsFfpIYVkl2se
odgJTaOfLTXx4Ab3N9wcV23HZqY6o+TeRoYzREarSqTPt1SWVdd0qnQ9NNW/08Alfb2zjcdl
7uPxtjrQ5jGQXpFchngtVn+fDKB4DUkjT9OnAaP9tmix+Tv4uJm+nyC/uMMbkHbLu6dnaR5H
WPl7deAKNJHT+5T1ZNOh3BitwU+DS0JSr/m0VkfkvAdYMyU6QqyzdWbDXmrudNCa87aRBgPY
kiH/AGeAJzdNMlLXnBMVxRGNBy0kV+Tf7SN/0uAsVlS7REU53PEWilIJB3prG3/SHP8APgF7
tJTS7iy2NLdWGc9eJzp4qdkqaePJm1/PgF+/a/4alZQC74q8HhlAJU1Z2LaSsdefORNeAZ+7
KrXcbNJU0E9cRZCnIdCNyEE/kNqtwHrTHJTK68ocnV2mNzr0rcI6iDUf7YPvXgFChPPkreW7
dlrxiSZ2v4+F/Ur2KzItyDQ+BY7H/ElvPgPMVkCt2llJk6ZqyS1LETj/AHTcpEf2+nmP6hwA
27DBh4sjiZVJiwdh6EvLU/tOYO+CQE/9jOR/DgIMDkollvVt24PBFk4l/UzV1+lyCc9NzGFd
2g8114BihwOPyplxOWRZo1jPS5asFcMnURj/AEv5eeh4DJ8j213QO5pqk8nVyuP3RG1NMwEn
06qyMruCqloWBRdfD38BXs4DMV6YougHQaSyq7hqpjbpSRty1DlmGgbx8uAFVaQtA/OirsGI
EcjEMWbXaNoU6biNOAhepOok6mm6AqGiLLuBY/Dt8dR56eHAR6vEdwJD6kEDkQfxPPgCFK1H
UUTRzgIySCSCI6B+mN8cjhiFZtx/s4BlHcFOjBJHjY4oospR6yV45Oq1aRo/8xIx3+n5i7kX
4uAE28hJkL1GpbjawawCzKx1K9Qgykuu4MN+r7h7fdwFa9CJceZJl1yFKw8Eg+EPGPDcAPiD
LoD+XATWaMEtgx1YemklUXFKk6x6jlqp5sp9vv8AYOAIVMhhRhIq+RoIsU8chx1yV5J3VlQi
RQIHj2qZxuAKnmfdwBSbP4Gjj6ITFGKFZOjeMN2eaMEBJVYOGHVYxsdRy05jgOX7Yy6VYLNO
ixx2QjTbLTaOQyapvBaI7JFIHNjqeAD5TAZarcjltmCGbarjfIWMcRHpISbX+wePAdN25Nly
giNrL3tv+DEjtCAT8YeMO6j26qB7+A4TtvJQK01+rTxcMTPtjvT7yNuhKCNXZ28DoNvnwBqK
zh4qnTsd1QNW1DtRx+Mch2A2rpuEXgD5ngPLeV7fs0g8+SzGTWgUlrW69CvBNW6fLb9WzM6I
PZ4cAWqd8w2YAY6FvJw9MRfUSGIXNTyAWSvEEbRdfjU/jwDdgocCaIWP6mG1PFyo5VOgz79Q
2w/4O59T8P4cAZixy0H6dh3RZTuG/mwc8t6uORY7tH9rerzPABb2EmFp5aTh1sHc41Ijcx+g
PuXwDr8uT2cj4pwFzE2LY6SR2pl+n5SowAYpu5SFR+pXUrIPbu8tvAS1O8cpXuvUyDCbpgSR
yoBpNGwMbeny2S7P9lhwArPd59pXaUVfuLER2I52MUske0mJiNVIdfh5g6+obfHgBAwPY9Td
DhMtNibUyiZamURpVbqbtWTcVk0+WwYgkf6eAsUsP3zh5VyDy/udQbEikoM9gFEfdpLCUD7f
FeQPgDrrrqDJW7kr2JVaVEiaVlFjk0TqdN0cgVzuU+sAqV9vt4Ba+5mEuRJF3ZgJZVaVQuVN
diHCQnRLOzUckUFT7P48BnuO+4edw1uC8ky2Y4QBoylXkAJ8Tr4kDTUajgHTtz714sZeXJ26
k9exkTFHerwkSQyFF2LZjLFdjIORB+Jf7o4B1l+9H23CBpcgdykkxmCUupHtXZqOAy7NfeKG
13VLloqMphQiKr81EOxdyqWXY2vUV23KdfLgGKp3R2B3K9dK7ti+4YI1ipPkohLFKh10pvLE
dzx7vUvMMh5qfLgLgwmLtV3mymCbLHUa1ATcEQbmfpbUK73V9dyhiCPYOAATfZOWxZa4WkwP
bg3GWvZcPa2Bt22GNGkT1aDbvbXXTlwFzLfdLtbBdov2p2VWnF5Y2glEqbDFuHzpXk/XLpqd
dOAUvtv2I2fryZOrnYMPdx0v+Vh37Z9AA0kivuBjG0kAhTz8eXANAzvbPYeUlxl2rdvZiYwx
2cldUzL9MSzieJWchlGpCog01B58B5D91sdHZs2cbhZI+34IHQ5L6eWSWed9rF5ZPSiE6cmZ
tR/ZwDN2X3F293hLk8yuNNGWVYaWbRmCtJE6sYbCvHtddurKx5arz19I4CfPxt29Vqz1rc9h
cPlIJlr2G6k0Mc+sE0Sv8UkbRTFhu1004BEufb3Id9995G1i4Hx2K+psR3sm5D15JI5Su6qg
03ErpqBy3AkngNY7e7L7c7PqJHBNI8cKs8aWpFYdYj506jaPW40B05AeAGp1CXIZvGzYO9Yl
/wAoaal7kRj3uI0HUY9HQM6tGpPIcx4cBkee7MhyNWtajWDH08o8lnFrFs6dKefmtGVIyPRY

RFbw9EnLwPADH7CoftDw46nYs5/1I4nKhI5m0+GRRtkA/SvLTXVuAAVn7klp3qT1bMtOqenZ
tIsjfSNESkhMiA6g+pdmuh4Bs7X+zuVzqjIZdJIqxVGr067xpKI9B00kL6CL0H4QNfPUcBq3
amJwvbmP5Y2OrXq6xSXHjZZ4lQD/AB2mLsV8TvRyv4DgI+7MfWavNFchj/brYfblkiiSSnKe
cUsrabXiYkAnTl+rUcwCljlgxC0q95JZ8tFXhnWtAkaV47C6Sg7IV/xSNWZV1J104Brz0uUv
2YbNCzfx8NuAdO/UjivU1ZSGC2aroZEbcdNy/wARwH3bGbpr1Y7k2uTaDptKrSMrNuY7IXmV
ZCN7NtDDl4eXALfc9bKLQlz0xihiwUpeWpaQzRSuymPWZP1KUfw11B5+XABu/LRft3Dx5CGC
jXykNOxlDWGyVKsjqoq1a2mgVR5cyeA0Xt1LJwpoYSpF21jKw6a2JAHnBA1OteT4H0IJMrE+
4+PAAe58Nj5JXzGNls5LP46sk16zCiNFkKsDqzV5kA6TOUJ2FQOY093AJVXuKxlZLOGw8kcl
bID6yArJyhRdFjQIvqhm3c5G+LaBpprrwGmYP7aYmvh6MbTvalgVGZm2tHqBq6RIBtjDSepm
A3k+LHgM27Txk+Oyfb2QqzQHB2bQSTeuk4ltxitYR5GRdyliu0DXQeHAPUdeTFd24qPb6opb
IVwdN0RjPXiIPmvolX3fjwF37mSjG5LtbuIOEWjlEqzt/wCwvI0L/kDoeAKS15B3bbrsVSHK
0fSdSCZITtUgeGoDH8gOA7z63QmLt/4chdYbKcioeVQ0R/2bEcY/M8ASozRG47R8kuxpZT3k
ARv/AAGzgAeXijx3eFO+XCRzA7l8Pi0hkJ92rIfx4CPu7GwWbstSSP05WvsjfloZ4CZEHP2j
lz/18BJ2dYFrtirD1OvPQ3VLIYerpuPSCP7jIfy4AJ23fuV7jY696JRI0cbMfCxC2se4+QlT
kT5ltPPgKvdlaarlqmUx52zwSLJU15EzoCyIxPlYgLwHX9Q/DgLHd1LFXqlWaFAmP7haKRCr
dIra5yDV+e0uNy/jy4AR3PVFhMTfvbjBk4X7azciDQx2Nf8AJ229mkihvzHAAMTQt0mW9K7j
NYiSWdYGAAb6Q7bUBAJ9Muh0P9Xu4B9hIsS1rtI76ogjs0gNQ71JfQIzt849QG9mnAIX3WrR
1+66dixIw/cKS/UbvUJpKsjJGW1KqCysu48tPz4APmDBQytVa83UeZrcEzudwdZAibrG2VwC
svLavgoBBPhwCXIfU4OglDMzFfh5nkOfPT2a8BbyzfMr21A/zlcSSAAaCVCYZdT/AHk119/A
efWmaxTsTooNVI45CRqHjQ8jJy5nadvAc3bIFuSSgN0bxKnKLTmVUN6dPEFfEfjwDdia4sxr
XyNOVL4JmsNLWifqmVeTbpGU/C29fDn4+4JD2/NkMdjzLSFHICHSxZrPDF1WRz02jEbkDfHt
Vi3LXgFuz16hs4Way3TtOskqyJq5l11RZmPP1DTcVY8/bz4Ar29iJzegrtYiKTFopZ20Zq7r
GzRw759EXTQAqD5+3gKdLC4V61ZXsJ1LE88UxAIaPoq7poxYJtbaAfMbhwAiC1U/cqjzh6ta
Ije8Cq06pzYk9XRXk56a8uAZky2PeqlbH4G7lLMQVa8s09gKo10UrDXOwtt5ctOAmifu+Fev
+343EyqTI9q60RnAA/U9p5ZPdoF4Cks9i/O8mU7ujgSYKs0dcW7DMB+nowpFGAPZrpwEMtfs
WtMRHZyGaB9TukCVw2h9sjM4Hv04C1jMdkblcR4ntJ8hDM7dCzZE0jDU/CCpjj0Xw3EfnwB+
G73hQSWntwWJ2yBZKcxqoEcgDRtpbn58zrwBjH3u4LSrVk7uxlfTfG6Y+GJrO6M6emNtGfw5
ELz8geAH3p+0ecWY7oy2aJISWPpskBcnVflNHtJX+zgDeH7+pY3HJUw8duwaqhTLfl3qSPPp
tqy8vJCOAko/enCTQH92xxjnj3L/AJRgdFPqb0uV/PgC+I7u7OyfQelk1isSDcIbytFMDpt5
yabTqF0Oh58j4jgCOV7fkyEaWqiQ2W3sUeNw0fw7T4fpkBKsPI8/wBJyfbWZMjxSULNlU+bK
V9bxljorlJNqTa7dGAbXT8eAHZfD4++9OLIA2xRQx14ZC8csSFPUjTMNdOQKiRRodfHXgA4l
7zwI1xl+ZqMcodIdxk2MPaPiCnT1EcvIjgC8P3F7tnkkjzeOgylYqFRJIuXI7i3WQ7k0A15+
PlwDjg+4O38hj47mMtPTjnB0juayJHKn+JDK43MGK/zghl9QJ9XALGb+2Xbt6ysw62AklG9z
WjGQxhJ574mhPUgUjUjeFUcAs3/t3n1eWTF1aN2nWXRbMCHa8e3aJtGeVdWJ+EHdr5cANetn
qp2tZq1JIyA0a1drLpyIYCv7tdNeAjaXMzEM2RkSJNTEY4QQ510HgEPPTz4DrsuS1a73xVXJ
2rDwwWTKsZJLh0jd4yqg8juAPAa/lvu3QxOPaVOmklh2jgAUsN6Jq0hCn1b2/gOAy/Nd3Zfu
KGvbtCV8TjS0+Qlnd0jtus29K8TD4d40AC8x+AHAMUPfvZeYb6HG9lQWIyqMyCoJWTQ6Hd9O
rMR/VwBuHs3sSxkIsoatjtC9ErOnTdVh6bArvZJlKKCD4LofbpwBiLFdmd41YYL8LZVMaVEG
VX41Ab4C8fxxkjmDqPbwBiDt7E4+jPXggtNNOGKWgz2kc6ehSkXoWPTl09irpy4BTuyv2tDD
LEn/AMUljjp1obMciAQmcv8ATTttZDBFBIw3bvLUcxwFvBVMX3tYx925JWmr0UmW/DFZMwLE
r9LXZ9IzJsTUs2nh6eZ1PAP1a3g6OMBqtDXxlRAIxEAsSxgenpheRHs28Ahdz9/gJchuY97t
FXEtOatD9Q0Mar8ViEvG6tvDepGGg09/AY7Z7qvgS1a+RazWyEu+CVTJHNVJfRo/XqdjK7DZ
uI56/iGnYftzN4Kxk68kENWndknjvx2ZOqliKSPYlmrCm7YS53vqRpu289BoDhmclZpdsYi3
QjSdbK14jL6QNJ0A3l2I+I+wHgAdXMZDAYq3j7M7W7kteV61aNVVIVQFlG1By9IYk+ennz4B
p7XuLkY5a8x0aAQzVmTWJxA+oCttOvKSJxp4aaDgL/cFOw8UV+qzdeiS7wA6pYgblPA6eDbk
5p7GA8tdQy/OWp4L1ntWINYpSUd1O1u2RxRWyUhh01HUrz6DRf0SDQHaRoHVnuWfIrPi7VJq
F3GyRtkYYwfqRNO2izRy6kMJNF2sp00Ps4CzlGzmHpq+MnkkjkdDbrJIC0TyetmZ4lGoKcvQ
dNdT5cBBSmnnwZvZAf5IEIhsSF3Me7poSsgY7l03F9T4+XAArPczXcP9Pm8mDQgEbSCBULWy
EbYkg3FdEIUlivqGi6E+ID++8kuT7VOQn0qFbENXG1TzmdYF2nrefyE3M5HLqPt/TwGh9nSS
ZOhUtzYhbuMEUc0Fi9dWw+xl3RyydVmAKgeoBdV4Ax/xPBVywrZfNwSC+rR1aGOi3pCrlY0a
Wdd7a+rkTtHAeYPtHtfOYbGXrlaNshBC8UV6s7V5JFUmJpA8BQkPt3D8eAO1O1cVTqpVgays
UQAjH1U+q6HXkep/H28B+br9CwuExNyqu63Sss8s4nkJESOnQd4ZfhUO/J00UeGmvPgNtyo/
4j7ew/ctXbHbryR2HUEkLYjDRPHqv9RaI+3XgJe9ccO5/tjkK9Y7rUVfr1ip0YTVtJ4vwJCg
H8eA8GdjyXbHb3cwTfOqV5SNeYazEYvEf+20XgGqyseUxDdBuVqIPBJprtYgPE/+y2h4AVTv
yS42pfC9MxOk00Y09KS6xWUOvh0pNx/2eArfcrHyzYWLJw6lsRL9RNGP11ipSdT+Cnf/ALPA
T5OMZTtGC+GIsQwpZilVCxDBdSQvidPH8uAGdvVYMRllRJGNPMR7FUncvWYvIQdefIllX3cv
ZwAbvmWfDZWHKOhkrX4+nJDGPULFdSJAD4ncArr714A/mKMOQxDwSNqDGsgm8CFO2QTA8vgb
bJ/0+AC4hYblafB215U51sNAw8Fdt7quo5/NVz/D+bgPakYny2S7buyRmvl491V2bUi9WXqB
9uv6ogrf7B9vADGopkbENqzWVM3H11cow2zz1WSKRHLHwePbqG/mY8Bz2VV6GYu9o2FfdiJX
vYchiN9Of02qvP2bwwH834cAD+8FiGHIYWay66Ri1FKuh1kjkaPl028dw18eWvAJ2SzFvLnG
jGQTwyYQCMyIxlcMNGEimKNRGBt0VQdB7NdTwA6zjck6zXvp3EUu6ZzqDtVvXucAkgE89TyP
AQxUsxaCQmKRogsghVQOak722eG87m104D2ejkq8ZrzRv9OXVxqW26uu0MB/r/LgLcedu4uw
K9eQ2egAJI7EaqFl1G5RtbUhSBodeAisdyZea49ySU7nPNfBFA8NBzAC668AwmjnkyENGXIW

44HGtiSML6EkO9P1AjqLGWAPMbeY4CGbGj9vtJNbrzy9WGvZnmDh0iawGhsrYblJ8R37f0g8
BHefIQ9aWrLHZiFh7lqtVAWOGavK0Mcy9RZNylY1ca+R58AJS3CteKzNK84E85eq+mqvNHq0
qD4WBduZ268uA6pzmlVATKxVzIFZlSJpHLeIDOV5aa+APAW3ymJesyT5PLXbMjAyRQgRR8ht
+KSSQk/gvARRY36po46Hb9tmfcXeVbMzN5LtCrGPHmeZ4C7F2R3i8rQNj4KT9Lq6TvBAwRND
u2yuWBOvmOAIUO3+6PpxLLm8TRhXQIWtVw/McyVgVuYH58BzYyXcdK6O3MTkJMhZtqiWLccr
ujiYdRkg3NsSHZoXYDU8/LgHbtj7D1J5q13N3PqqezdLTiRog768oy5O7YPMgAngCfe/247P
+n29uJVx3c1Ta9auCCJzodkMqMSNzhTsY89eAWsIuDyOKGYz+OsWbU5PRSFzB15UBUxybGIM
yDkDqCw5MN3iF+rl+346P/wrs6SaIlRGbCu5ZmBUMXl3cBXFzNxSM9LDUccwAJiZoFAYfCjL
EC53e/gI8v3T37Yg6NipJCEXWWWtXbpaa8tgG1mGnABKlzuSnIorSSYOtYcndE7RxqzH4mjQ
jX28A3Yq/wDcGpGS3eWNkiZQY/ro42blyBBDofV/Vz4A1SymZtVTPmbvblv9CSyfL3aHntkS
aXl5+HjwFTIUMK5eeLLUacbFHlSO7A8e1Rpsj66K6D/a8eAULUnZsFr6cZ4wJKSSFRr0ZGuv
y5lMgTU+IH9vALd3HPBbvW8Bdmu46GKOxPPErxbCzkKsqDQapJ4eXs4CfOY3JduYLBdyVL1u
PN5hrG90kKBYo2AjVdviT+oN48A6XMvmu3sglLP1znbv0P7hm7mJDULNOItoOpLXaNZlAXX1
AH2cAdHbH27+49YWatuWeSDSKVnbW2qL5MZfmjx5FiRwCR3R/wDT33Djy0vb9gZao3hBJtin
Tz57jscfhofdwCQ/a/cVKWNtqw211kOkoSWNgdPMgg8Bzk6+YSuj2Viiji9bbDGHJJ5lgNfE
+Q/HgLPZ1rtqzm1bvaxbmxSRlokhLOOoWACvs9QQrr8HAbJ2f3MLkcsf29wVPHdt1JClnIXC
ayPIupbYkYZ3IXRiW/DgKne+eweahhwtnO17Tx2XNiu0MXTLReLu5lXaisfQNdSfHdwEmE7h
7U7Ynx9GtbmzGftoIKuMpyJMq7tAqyyKSinluJLflwEXcWe7wn/eTSlqUsjjpa1KGhQd5JJX
kaN9JJGaNVMSy6ahOZ9w4CKv3lepV8HHZSTL3snvexj3YwbbMMe+ZXeUybljTeCoAG/TXl4B
ahu0KkVOlTWSXtydOvTivVVSOuk3zoK8dgK/obmByO0cjqOYBay/3Bq4zSJKNY1a8joIKLGI
kt+mVGkHNQee+DQkcAgZP7gd3ZCw/UyE8NfWREihIgAjcn0uINoblyOvAUMC0kd42o4o5/oY
5bbRyHVAsKbzrqDzHkPbwH6C7u777cevToNeq17uVqwWCZRITHHKVlQK6IU+YV00Zl9vACMN
9xFw+LftvJ4o/T46N6wjllfdthB1BZ1bemg1DjyI4D3I3icVYEdaGncy0BiA3MFppZQvKXlb
VpJjEjEn2AAADxAV2L3VKbV28z7qUeJkji6YYSPMLD2IwiKS7H1uOQ8vfwFaTvfuXAY2DIS3
CbioZnScsysZ29KuhPiF8NPbwHFW1TzXbGX7rhLPJ25Ss1iz+kSO08ORpbEHJVifev4acBzk
lxOa7gtY2/KUiSnUIyPS6UkG9WeCOWxGw9Cgp6W1ViNeXALHecveuGmixF/J/VVZYkMVxAEj
ljB+Dqabio/Vr/bwFSDuLO3ussifuNiL0IoG2tFtAXdo3LT0r6eQPnr4cALhrWaNo2c9Xkki
nJcuT1WlbzjQoxjVm/nPNR4DgLNul3L3BciklhcRMqrUCRmOKKqD6UhU6bY19vn468A04/7Z
UvpjLeuWI4QCCI0JUg8mGyPqk8/aQOA5w3a3aEVqevcpW56k2utvrpFJGqjVXXo79Br5Mfy4
DubujunA504TGWR3LRxqhqUiK0UkMLD0xuYwgQqoGoI2+fAN1D761TYrw35JcbKG6VyvYiMr
KFB2MpUD4j48AlxXcVlMfHXx2Jo2IqkSNnrt2XpWfjaECOWVj6QvP5eunLlqOAfvs93Fi7km
b7NaWOSHqzT0jC5eJoZNEmSJ2Ck7WIbX+rgHXtuNqN63iLI3udGEhGgk5c+XvBB/jwCV2dBZ
jxV/tmflax1i7i19XIMhN/HsD5ek+ngNA7RyMeS7erzRqYfQFMZ5PGSNdjAeBXXTgKGHld83
excwUhtLOzwBhnVobKgHx0sxFj/f9/AGa8f1eMlpTOSyh6sr+Z0G3cfeV0PAK321uW6s2X7S
uHe+ElH0rOfU9ebcV1H9JHj7COAhz2PnGAswVxttYyZLlKRSAylZOouuo8EkG1h7NeAv9y1Y
u4u0zaiQ9WxXXIUV01ZLUSdQLy05kenT3cAv/bvPWsn24gtqrW6ADxANuSajMzLGNxHjEweJ
uXIePjwHGdpW8F3XRzME7HH20atZhHq1KjqRSc9fU0K/9NPfwE2fgnS+1+lErXK8aXKhAAVp
q7KzRbz4CSF+XtU8AQVcbdWvnapC0b0YspzJZXCskvp5+pYtVYDxKLwCd39jsnTyS91YqUQ5
LExiwxU85FVwk395NrKzD2Fj58B9l8/iO6Xxl/FQo1uavtsmZUmatKZ4wlYRPoGGgkbX+Qa+
/gKs0WPp5r9qlgENuxW1jhrrs6ssT6ixLJENnT2s+g057Qu72guV52sUreHi3NLE1yKWRmEa
NBGSse6FxzCvt0AbVfPy4Bfr2V/YZ4ym2WKWNoJULbkBDh42/pIbUH28B1bvzX8fHJYdOvXn
6aqW9bpJHuZ9p8i0Y8OWv48BQvRqchMdphKEjpAhuYPMFuQP48BxGup+WSdQfA+AX+bX/VwD
NFngY8d0I5XuQRxLPHHy6zRu6BWYKWPokGg15e/XgD0Xb7ZK7jrN2Wphr7tZmikZmnJaqV2x
mGMJsX1axnXwXmOfAE1xlXGwTR3b4v2ZjZhr47Gr/nJVvgEDbYUnYHDNy1P5AjgFDt/7e95y
WK918K09CKUI8F2QVlby6b+rqKPboOAJzyZ6OCevWp4DBLEQryJHtlYHw6csodmB8yPHgPMa
e8Faax/xFXx9Wvo0ttYgI0LD0qm9FdtSf0A8Afmx1iWDTM/cXRYZxFIi2Nm5QoYlGWRj4tt+
HgFTuDF9i15lePNR5OzYk0kaOaWcqCPjldo1DaaacAJWbsyvLuanJY1BJRdSWbXTUFmA04Bk
xd3t3Hd843KpGa2HtUNJYWB1rMkJJUE83D7QFP8AVp5cA/4r7h5zIUpsvW2nGY+H623DFsZu
iAC1aHUF3kj09bkKvPRfbwDdJjBmrVDO42/IuOnjEvRifpxSrIoKTMqrukkAC7dzaLp4ePAL
3cvaOUqWbqYSzDTxmQjlvtWdEdjkYvmfJRhrpN4tp8JGo8eAGUML39dp9WTN1a9VdwVK0TSq
hJ3ONOmV1UkrwA2927KZQt/u2X6geAStt5cuWm5df4cBVlw3b20Cxn7o6Z0EfViQsP5tolO0
H2aa8ANj7V7PsyMy5yzYRTr9NsjPM+QYsqr+J4ChlcH9r69R1myU73A4PUZgVCka6KIQ+46+
3gPMXmfsvUlYZHDzWgNvSaLq6kgc2ZpbCePsC8Bbh7p+xlZp0i7dtz9dyydXpkxqf93DrPqB
/bwFuDvP7QmYxQdnPIdpKHk8hY+QAZiP48AwdnQ4XO9rd3QYfDNhHmrLE1V5XlJkWOVo29YB
X1cB9T7bjyuE+3NG6ikpJJZkj16m6skZsalhy0LdPX8dOAh76yC1+zO5u4kk2T90X1xkD8tR
Sqk1toPkH6crfg3AYzQyVvHX/raFt4LiadKxA5Rh7efnwGldt/8A1A9x0JOlnYEytQAASJpD
ZGnIklRsf+A/HgH9c32F9zaBp17rU8oUBRDtiuRHx5K4ZZV9umo4DPe8+we9MPDYL0at2lGp
kTJ1IizaL8IlryMzKx18V1A4BEwFnBz5uKTuYytiw++41QASk6aqNF27V18dvP2cA4d4/cl8
rjjgezce9HAVUOojUI4jYbW2pGTpu3HUkk8z4cBm4DM2jcw3Pd56HgDHZdo1O6aMgjabWRoS
sbdNl6q9PeHCtpt115DwHAaGO4g/3LsdqYShFapvdkWFpbM6BbRiJtWSy7+bEN5HTnp48B13
vFZj61mzilwkqQmjNcrRzT25UlCmeOFSnSJbaV6jTEBdT4seAWLffvdv7Y2Fp0pIaD+mKCxD
9QY68MKwRxrvTRfSSzN5k8tBwCuMT3DZmSWWncsSMQqyvHIzbQNFBdxzGnv8OAv43sjM5KyI
YtsQdxGrbus27zVlr9TafM6kADxOnANVLsDFJjLOLxWTa13Zl67R16cirHGYop065Q+oeoRs

Bubnpy4A12fV7R2ydud9Xa37pi0SJGlMb1J6qASQmOdkX1RdR4/S/wDHTgIe7bn2zt5WkMNn
TDdKGFbcURnr/Tx6dKtaErICwHpjfXwAD+R4CrVx+Tlpy42xaEheVunJvWKRllI3xxaHXdME
HUnb0qvoj114AQveUHbM9mSslWfLkiOpFCN8FREjKAmTkrnVj6dD7z7QTrz354Fv3XeZLTyK
krtu1eMgyL48tN4Onv5cA5YeWzjvtDnpm1iXMz7IUP64YBEjsPdvYJwDPiO3pLhyVi9K0a1R
i6mro0ioYqaTybtgLaBpR4eGvAJufydH/jGjAUhjoUG6kiFhLDu0LSBWBdSrlRt8OfiBwBaj
Vz+WigygSS1ZyUZnexLZWrGyljs0C6g7UG31c+XADczhcZLTmm+qSxeiAKVKz9aVtW0QpPHG
6rz19Jb1cBUwXd2b7dqkWsVLZpxljW+qEqJHz+EybfUq+zgJbf3Q7ry8sNapVrpNMwWJYK5m
ld2PhGku9RqeQ2prwDhift3fnrLP35mbkkr6PN2/Um3MsZGoNrYdFU6c9i8vbwBfNZTG1sOc
Piox25VgG5asUUUsEoQGQtIxAaXTbqQJA3uPAZw/e1CS2lbIYWjOEDobFYDYzuvomSOQMF0O
hZQdPZz4CKLsmrfEFuLKwwU2X509iIjZMVLmGML6XI5LzYHX3cATxlJ+ze7sXmMRYkv4aJ65
t3nj2qvUboWF9PpI2ufDXTz8OA3/AD80eOkizpIWCBSlp+QAiPMFifIH/SOAUs8smJ+4rvFH
rB3HWr2oZR4Lcxz7W8v1xSKpPAM/aDwstllQxSTMJGjOnLmU00XlqNOfADc9KMX3njsnNokJ
c1zJrtXoXAkTq3PmVsRQt+DcA1xVjHcmnVh051Tcn9aaqW/Ndo/LgFTuuuuJ7sxPdEWkMe76
LKP5NXnOxHbT+SUpqfIc/AHgGC/RWSwAf8K0rwyr7Q66MOf4bh+B9vABO0o5qkeS7bkYyWcR
P16jsNC8M5M0Z/8A1m9Tp5cAp5KCp2Z3HXtD0YW/ZdgD8Ir5Jglqtt8gku2UezQjz4BqzOLh
khbEWG3NIRJDIdT0pGJMLa6eG6P+zTz4CrTsx3MfHu0EmPkFexEebKEPymYD+Xmh94HAUu3B
Njs3le0pNIoH2ZjDbtNFilbSaMf0pMNT7QT5cBNQpYzI1rmNvp1ZKUrwwGUaSLEVLRp7W+Sx
TXz2cAm9n2KdMyz5SlEmVx1yyLMyRMqjoasssS6aE7Qx9J056nnpwCz3JkoRkqWYx6x20q2Z
o1kSJnj2ShWhjmkO9Gm5uwTcSPPgKs1fuPC3Z4snUWc22asTNMhRWmbqDrSRkgEAlj+fAUz2
29XLzYexka8nUCqk1RjMs2rxhY4wQvPc24a6A6ePAXbXa2PqmvWZJHtWZFUztPGYY1YEx9Xp
aBeoQ27+UKfHw4BayCJDfsww6PFHM8aOhJj2htE2t5jTz4CsgOuvw6eCjl/o4By7WvQpha8l
hf8AMUMlE1SMr8qdT8xoZiA3oUak8vZpz4BihwVpsotq5XTGCJzf+nsCKSCOCSPo2Ymhj3MX
Rm3Hf4oBu9XAAu7svcwpqyYlkotlKUbSZCqzyNMsEjxp0p39UQIUFkQjbqF8uAq4jB9zAR5W
hSzcEDTLNLciEurOqlnZRGNWJP6mGnv1PAeX89DlsbIc5ce/aXbG87Vh9RC/rcMnwuDHovUB
5NuPs4AmnY326pwwS9wd0SGeVFmjihCauj6aFCosEjx56+XAdx4P7JUyzXO4LeROpIWKGWJQ
NTtB2xanlyPq4CyMj9h8eoAx9vJOCXkawshcRljtjUdaNBtU8jp4ePPgAOe7r7Dsy78VgI6s
cTDokBYWKFdGExR5Opz+H2cBZvZahnu02NyFqU2FVYK80KdQCOT/AAI5nHqCMRsBPu4Bo7D+
5VNu17Hb01Yi7JWMMPMFJSE6ZbT0/o00X3acA09pdy4zFRYntVbcmTylMGEJXSSVa+uiqlkw
Da0aBtofy8+AZu+hfhwxyWMhSfKUVkaBGBLbXjKTdLT1Fgh3ADx04DJamKymUCQX71uJZdwl
FmUK6TDn0Y4Jpg5ZvI7eA4/4KwlWEWbFqwDKR/lJGgil/p+YxZGP6vbpwEUOK7Xxz2ZrE4UJ
H8uJnMuh05PJ008N3hy4AtisDgLdWKzbpJbeco88gZ6XQjPq+Y1jRGG0eXAezt29iozQkp0Z
r6TqkIklUnZLrtZoxJJu9JDagcuAIV+1e3nilWDD/VWki3rOgSSrLJqAI1kdep6gCNAG08eX
LUI8hnMZHVkkqw4yhLFCiVnkmR44SZOidkQhjYlXJ3btfA8AfrXsKbmgtXJ4aUX+aWvWRIpJ
ZgpXpzxQwt6ADqBp4jgLfY5xVnMZcYpp2gaCCG5PK4MnXQOq6gKNj7DqR+HIcATfsuKnEDhL
MlSSGk9CtHKxljjRzu3Iz6ujagcwdOQ5cAo9xYSeTKYPtrGItHHYmqJZmI3yLZlXoR6Mkbxt
KI0b4hod2vASD7c9vTVZWuY+DIyWSTNI3Rjsq/gAOjCjqTr5NwCHm/teYK8cVKjcmvBmFlYk
PSWLQmOfqTDprryBUOdPx4BZyP287rxtqMxQiwNA8c1eeOSROWoOkbBkbz4Br7S+7nenbUYq
911bOTxBPTZ7MZWVAfJZ3G2Tl5Mfz4AllO2uz+9oXvdkSxWbVZTIe3rBNRgW27niK7HPIaaF
insK8BnF6XD1L0tfoT1Z43dJoJFkR005dORTPrwAixLA0rdBQIi3xEFSfd8TacAX7b7b7qy6
tksIyQtSlRDa+pirNHI49JDSOh+HzHAPvZmLqdl1p+4Pqame7jqTot6vVlWy9WrPuRnjPLqy
u/x6HUL4eeoFO8LM/emAzAwyWRkqnTvx0oop45AUkEReORwvULx7jtUDT3ngMUaxMJJYrBfq
7vmxyFg5PgeoG/V+PARh22CMEvt5KNSfE/CP+bgP0XjYsd272rjMPWlWXqRBnxtb12bdlubE
xrz0J+LcQo8CRwCv3Xejy2Rgxi16tLuSAmS5cqu0seNrsFCpybpPccLou0aJ4A+fASjI9ovW
nq1oIVxeLSWWelddOrYdUMjaPICGeZnBIHnwGMzCFlLINm5yxQEgDU/D+XAFYcp20KkENzB7
2VQJrcFuWOaXTlu2OskQPnyHAU8vUw8DRT4q61qvYUt0pk6diFlPwTBdUbx5Mh0Pu4A/2zjq
WU7Sv0rVpKViLIVpcdPLyjM00UiSRuR4b0iGh8NRwB/trtHJz0On3BerxYDGWN8lRZo5TMsR
Z+jEwfQKZNSV08dSfLgKV77kGGpbXEzdabIzT2JpFXaC8km6N3VxrujRVjUAD0gePAd/bz7e
v3LcbPdyy6YtR1Xr7iLVxjoEUKvMI58/E+XjrwGp5rK4+xWx+JxGOx8sNuObWGaurRmrWYQb
0T0gIsraDnz8fDXgEWx3XeSr+w3DDDTrBo7ULxITV6TKvVSMKu+vtZJeY3BGJU+kggvYjK5f
E5GTEzTNkIYZfVWNptUXmzxorekhtdQ8Y18DowJXgHj7e0/t1X7iWa5VjiyM0jzYrISloNsk
X+NWlhVhDDYi11O30yKdy6A6cAxd/UcjEq5bHx6s7gS05SF38yzdNx/hTaDVGVtr+B56HgME
7jzs+YyBL7444yyp1CQ7DU7XlUHb1NPHQcBRo1Z57G2ujSiuOtKANwSOPQu7f0jgNHq4LKQU
q2VXESUYIhBaTJYspKZt/RGtuGw25+TjbGgHMnmeAo5SLC5eHJUcMJ7MWPrdRb1bqRVxA27q
LbjtGSRErllXamv5acBqP2q7+xfcnbFPC5RxNkOm9KcSaFJ+kugXn4tJD6tPPRvZwHOeo26m
GxtqQNKe28kVZ5GJ0pujV3LMeeiq4bn7Pw4Bh7WhliuyiT4WLPC45gxvoRrp7Rp+angKH3bw
k+W7e6MSGRiHVApCkTadSA7vZvQL+fAM+Nls2cDWlV91mSsjB2GmshQfEPx8eAGdz48Z3t9b
ESM8sIaQ1v8AtFKtHYrOv9Sll/vAcB1h5ost2pVaC01h6yxaWVOsjSVyrat/U231D36cBV7j
mbEZ/FdwwgGlcdcfk218IpdTXl/2ZNAfceAi+4fbdDNYSxjLOiS2Elkx0xB0jshCxUkeTaa/
x9nACex+4Je4uzI5LYYZvBH6PIK4PU0AUrI4bQ+AVz+B4D6fK4rGd0V55Y2Sj3GyU7pYD5do
p8iXqDT0S7dp/qH48AYz2GtCvFdoqJct2+WaANzaxTcequW/qQbdf5hrwFD9wqS1q2drMWx1
9VcWCB6GXQb2Og/Vtc+w7vfwCp9wKHblW5JlctDE1XI9BmdxqyTQkQtF6QW0ZfiC/wAmvAUc
/dyBKNIzJFN9LZpRRuheM1LHWlmVQrL6VXZGCddVPIjgFTJ5aWEtkcbF0pZroktFkknaCTes
kVoWGUIpslSwTny3DwOnAR4u69jvN5ZrLxNLM9Vfp4hDqZQU0VAu2NmZV5befAWu5ruMq7I6

ECSEWHmlmed5JI461hgqGN2JViXKncu4ga+Z4APS7dyOakNmtNVWO1NJGDZspC0jLoWKCZl3
6bx4HgLl3sZ8LSW5n7orQ2JDHXmrRCxtmQbxHPETHIm5QSGUFffwBrtmDH47B3oquUF1stHs
srQrO12KNX2rH83b01fd8zlp4ezgJsTj81bzW3s6B7ktMPDkJ7m3XZYCSMLNjV1fmNF09ajl
ppwEF2SOT7p46lfXr4zHPHBHEQoicKjNO6Iw2hHsB2PAbRX78w0mGGRUvHCUHQkmjeGGd9do
SGRl0bc3Jfb5cALudx2k7ihx0+JlqPcGs71RBIzBi6xmy8nLZsU8hqdfHTzBHy2AxuDz+S7d
yFAZPDwxfuVGrIQqCtKzdb6Zxo8U8XMLsO1tACAefAOFLtTsGD6aLHYmjMiQrYjsywGy4jlX
5byg6u28eba6acAVOEwDTK/09YSoBNE09VVjhKEbZgTDHzGvLVufADM5FjLlo42GSG9lIo3k
AjUgw9RW2M5/wtjEaBSPHTnwCfVeb6mzF0YzBDqLb6IakzEdNlkBeRZtpbZoWJ18NOAWu6O2
8GmJ/dcI0cc9SR4rdSKRnOvxiSJg0iqUGvpDeHPy4Br+1Pd+GgxMr53LGrptj6EcaRgka/4j
Qp1WYj2nTTgNPaz9fTFyGGSGuqqlVpdUZusVQv0/iUbToN2h8eXAVu58Zhb2M+vv0ordqvuW
J31RtdSpXemjAcuAFZLE9vCxQgbCUJqrooRpIVdliEW5RuPMnUN4+XAHkxfbl1I0SGKGZYti
iH5MioVB2jZodBuBHAJOW+2ueoXLEmO29wY7IIY7MF+YpLHHqW2AIoSVNfwP48AKixeIlbS7
9PXyeObQCWJerrNoqos03RAZDyAJBUacBSnvYJKKLWtNFcwsxeGe/cgrr15t8bNGYUk3rECR
oNQBwHFruTsVK1a7Su1Y5o6qyWKPSnillta+s9StHH4achvC+3gDlj7tdgzxMXvZOR5Y9Gau
lmFlfyaPWbauns58AZ7Hvi12093DTTzQ27rJHNYEYtTJDGsbdVlAUHcpJfx09/AN0eTNSnC2
QQoWX1SRkzISF3ciPUdfL08BmeCyv3OyL5TN4jt6rZqZm4bNOfJN0nECRrDCBGzBtuxAQfaT
wFC59xPuvjbtzHzYfH0bcCxO+1F6aB9xUrJ1Qrb9p89R7OAqp9yfulPu+qbHpE/oEJikUFgf
0mIOW/I6cBDd7t70yLVnlxOPytlNI/lwsitz+EiZRpp7deAsVJO+pI7MMWGxsNd2KTQrkOjG
CBq25dwDaBj5cAuWuze4Dfgu4eDG4WSqwaNql+UndyG5HlYkc/ZwHl7uWC7d/b/uTiWtWoD0
0y9HbFeVQAPmmI9OdPUPYeAA9x0cDTrwvjejaglLCO/BZdyxXnsnqTKJIn2n8PeeA+7Oz2Fw
V2TI3MP+8XIQslNWmMUELoSRJJEFPU0OhGvAVO4e68jmclPkJ5Fge2xd44AIUDHkfh9Tf7RP
ARYnubP4jfNjMhYpu3qPSkZQxOgO4eB4DrNd39wdwV4lzM6WpIm1W00MSz6AbQHmRVZgAfA8
Bc7Fxtaxclu2ZGSKkmiLH8bySqyjQ6ekKNWJ8fDTgHSXv2hg8fNicfQgwdqJmhl2Dr2+nsDC
SSclgJOfMHmDy5cBJ27cwOH+3ES5aaWta7jlmtFasIltzxGQxfKJ12+hObN4buR1PAJ3fF3C
yrjVxuPkx0TpNIwsA/UMwkEQeRmZ9W+WfPgAVrF3K9OvblGkF1DNGwBIVDI0Sl+Wg3sjbfbw
FKQsANToR4j2eWnAexgDQv4acteY0P4cAapDXsvI6+sfXUOR8vRaXgAs6xHU7tzE6tpyHAHu
yO3f3vuajiTo1eZ+pZcEhehEpmk1Ycxqq7SfbwH6E7Lx9PKVpWURwxVLbB0gCg7oZNUjEg/S
No8PHgPu7O3LqwRQ0a5SlXjMdOxSjDy1CrrJEWrcjJF4o6pzKnw5cAu3u3L/AHRgaCRw1oO9
8A6PL1UKJeropgeJpCu8JLHoCGHL8DrwCV3FH2/VydzHz45qdyFKs8Ebw+uhHtETwSzSB+pD
F/OqsNpBXXbwFmV8VnMWZZnZZMftFsx6SO0UaM1a1Gmu2UxbSuq/4kZK8iAAFjGfcp+3Krdu
9wQvkMJOFehcRyZoa03xLGznVhC3qjPjyHu0DOqOGlyH1Nzq7MbXlZWuunxkklI1Qc2mfUaI
v58uApQXra/5OIdGB5AZgo2u2hGgkYeKj+U8teA0ZO4sXjcHj8XZvC4sphmZIRI1yF5FU75J
omYbYXGxI9mugHLgD3bFWa3ajzWQqwx9xWJGvRW4Q2ktRImrPBZZVKDRBo8fxbtSw1HAQWu1
8vRzUWYiaDHxSdWFyitHEjV5B+3yRDaN0m71HkAdSvLXTgL1LubLSXhVyPVsV7jWKM1aUbmW
R0ZVil0Hq2SRy12bxK9NvfwDX2rk70WSw7TROsOTq2Kto6FlitVXVkRj5f70akc9RwDTnOnN
i70UgI6ERl11I1CqXBBHMfCRwAvtjNxS3UpGVSlqstiqq6bDsPzGTT+YOj/nwByGL6a3KNfk
2j1EX+WTTRwP72m78deAQ6SnsX7itQZjH2z3axenrrshyI5tEPZ1PL8h5cA4ZjGi7ireMKhy
yF64bTQ+YHPw0bl+HAR4WeHN4OETsTYrkRz89HWaMaasPaQd3AIVnM1+0+86uRSRFx2Ql/bs
zHptC6sVgsN/3cnpJ/lb8OAZPuF2lHk8DLXpL03CFoFQ8uohMo2jybxZT7Rp58B12J3U+bwV
a7aIGSx7fQ5lDyIcD0yn3Nyb8CeAE5eSHFZe32m0bJTyqSW8eWX5ReQsbEKMeQO71H+9wFnt
6NO7OwnxrKkGSgiaOKSVFk6c6KUVnRwQ23wbXxX8eAzK5lu3arW6cqybqSzVp6NhIkqiZkVJ
I06cY0jWbd56htGHvBKp3blllhsQveRoxE1dS6a9NSsMjGPxKbtefs04C/SxeR+pahatRwyO
nWeBJo9zmsGfRnU9NJdoO0sSTwEmDpVP32JdWryTTRrHFNtaF6jnZaWZn0fftPL0cyD7uAiz
Nqhlp6uMxcBFekXpU3mkLGeLfrHI+4IsZIOvIfjqeAfvt99m8Tlq8eQy0801GvLtiVZSkcwT
0shjZdyqragaHnwD5lPs92O9dpaaSYO1HGyi/TmaFgpUqxk1Oxhoeeo4Cj2hmsbjstH2dlkg
rX44l/b5qiFKl6ONjpLCvPbL/wBovPXnzPAZf3Nir2F77pwXZ45555zJMuzksckz7Q0X6dY3
12+/gGzuPBYSr2Lkcyk+/J0KsdcV7IPyd5RIlgQnbHqylkbZrr58A00PuJA0cMyQy2pmjWae
1Uh6kEnTiDSLq7CRWZNdFC8tup5HgAH3Uu4HuqPDvi7YFyeremg3fLEsUcS2Y4pCxVlDyRqy
N4ajgGH7f563d+3WEuxUJ7NgxLWZFfpR6Qgx9aRpWG5fT79TwF233b2/V6sS3YnyUckYnhns
wxmTfy0DRq5fb/IvPgE3u77gwVckaN23BNTmTdLXMTNIyltV6sDQr6m5eknQcufABpctjr2G
OUaCdKsk7NSEsTvLLtbTbHWhnIMS6ab5HVQf5uAv5PC5+1UpGC/BisXjys8ePeOSxE0o1Ba1
Yj3Mu5TpptCgH8+A77Ijx9CQ4PLVVpXccwuTNGEZJq5LOkkMoAEiMpC6nnprwGly95dtxslW
3NFDNNIqxwllbcS6+v0+AVjqSeA9yl+lLDNBHLFNXhimmtOCGVFILerTzOv+vgA8ttJq2MEz
7W0A9QG3b0WcjXz9BHj5DgIXlWCaGbq9OeOu7lyAOUUUbDmPH1Hz/DgDGB7uht3Rip233QZA
rrpoUiO0s3Pl5fmeA574+3XbveNNkvRCPIIhSveTlJGdOQbyddf0twGWSfZ6hjLohy0OQFMq
myxCY5ommZhGI1WGMMvM/r09vkeAnT7d9rJOYI6DXVdv8tYexY0mTcAXAjVhpz/5DgLlXA9m
1bjQxY7FNaQsggnilJLLqNXmuTdNVBH8nPy58BoPZkFOpXlw4igrmGRrcEVbQRdGwxY7dhKn
a+5W05e4a8AYyceOjjN29IkEFdT1ZJNgTp+YZnB0H4cAhHuPLdz2jLQyE2Owc4khoVaca9aZ
UbYLDzc2XfodqLtIXmTqeQQ5Hsyyxa3NZEFeGuDLaeWQSu0SlfXUWPWYqvhuY+7gJK3a81HB
lsjkpsn9JFvhNcQxyvEfXHtRgxJ0ICgEezgK2W7X7wWqLFSCtUlZNGitWpZAX03BmZtsa+zQ
DRffwAzuH7b3bVB5rmbqJjJK4eeygjX1o21ogsryBtfAOHHPy4Cl/wANY4ztVu14xLJHtoyQ
wxTNLDGvrkdozJJ8R0CjmfLgAHc/2+r4qaJbN2vgoJInksSuhBCDQIhjEu53c6ELtHn7OApY
L7VZLJ5avHFK8mLkhWybgiMHUjZxGiwrMfF/Jj6dATz04DSu2eyOw8FegomkmayVovH1Zx1Y

wwG5kiZ12uEGm99oA/vengKuX/8A3f4nuBa8nbgOQkgFmcQWWSJI2YqhCcl3Ns1VdBy4ARc7
Q7F7lxD5SpXkxySdZo5oFWGaMwIzSwWaf+G8iMnxKV3KfaOYZrne1Mnhsrcxzxt ZjqFNtiME
IySIJY5ND4bkYHQ8AS7Svti8T3EqL0sitSKzSZCHKlGaKRwyE6bVmDfiBwCoVkI3gku4Omup
JY/6dTwG4DG0IaNGxW2LSjx9aFsnKwEKjpDRIPB533a6eCpz8OZ4BL717ho5pGqwY+O3Qw8J
2XAxjlTX5ZZGjARlDgEqNV4Biy9HthpJ8RbnFShBFVoV3DfHLGDvMZ5c/SQxPtPhwC3Z/wCD
6MUs7mvPNqIa0IXeNFJMhO3crBeQ5nxP48Ap5f8Aa1m20CX0PqdVKwnTl6A/q/M/w4AhjopL
PZWTrQHfYq3K961Evx/TJFLD1APNY5ZBv9muvAAyGO3dohPLcfD3eHAaf9o6UeMwWY7ruAbm
ienVB84ogJbcvl6eSrr+PANGBSqe2cdjce+Yx+SrUY7dvJQtLHCXcCeRWjkPTkGrH9I5eB4D
UsFJenxSvddWmkaTZJGQQYt7CJwdBrqmh4BQqX+2kysNax3FkspZpyLtLS9OMMpZfX9PHEJV
9Wh1LDgK33LwtqxksPksV0bmVjWxC4lKRiWlJEZVUybWXUSRgIdPE+zXgMmx1Ox/wy+UpQAy
0eobsQ10krzMeqQh02dNxsdR8LbGA0PADKduldw8cMyfXvSkl+kWTcIyUUyRwHaVYJJGCNNf
FRwA6buK5ZerNKFENXT6CrXRYoIHLBtUjUeJYDnzY+3gIs7Eydz5CNlEZFyQsBy03SF9B/Hg
L8nc9uKSqMfVgpjGsDB0FZZprA5ieeVR810YbtG9I9h4Atls9HSgjmqWrFyK3ExMottGLN0v
vtWrFXnLGj7jHs1UNzI5cAZ7PyqXe28nkZ+hCPqjXfR321K9mNB8py7vGi6enx0000OvILmO
z+PqWTalyMOdv5TROjSjkeTqMjJ1DG/qEhESBjy2na3mdAN9nZjPw0bdPKV5KFypdTJKsm35
leYtXfZtJ/w22M2nnwGpz2kXIUpdfl2Q1aUfp3MoljH48iB+PAZP3N/xD2n9wcLVrQpNjo2n
tUDEp6rV0V2s1zz8Uj0AA8tvAbJvjuVEmruGSVVkglHMcxuRh7uAA984NO5O1Jap+TcRllqT
89a9uI/Lk1HPRX5Mf5eAm7VzMud7bp5N4zHkYN0VuA8mWzATDYiP+2p0/LgKZWPC95JdiO3H
dwxqky/pWzGflv8A0lg+33/lwAH7xduVrGMltGPVJxpLpqPAerw8Tt9X+zwE32f7vPc/bEuH
utty2FC1pmB9bRgaQTjX9Xp0PvHv4Di+R2p3CuXs+nG2IY6Ob2p8uQHQQWNq+HTLFPD4CPZw
BPvPBWO4+1Jq1F//AI7h3Wzi7APNpI13xMG8xNGdp9/4cAu9v5G5ayOP7vxsRkguUmhvpG2g
EybeoOlrp1I9DuGmvpPt4CPv7Bdt1M3jvuCsH1NK1JEt4RbWXrAgQvo2ir1NOm7E6eGvt4BV
vw1ZciDXDVt1OyZa21Y0ZFZY46hETNFsd9duxvHQDXXXgEnM2KF1I7EUcUFklo7SrtBd0+b9
RooXk7MQOXp0A1PAWq2YlyucgsMqVzUhmtHaFKtPDE0rS6P4NI6ry8B5cBz25VyN+3JZjkil
sWnKyoQSzys2/R9hRlV21b0+Ons4DWpe18/Yeo1wLKn7ga1Cg0jQ16dSsRF14Yarwl5pNpcM
zaLwBtkzNx8r2xdumCNRCaVpSLFgM6mTZtkT1AdP4j4H9RPAcZnsaG723j52ms5C7iJq9mIy
sy2VjG0WIdxJlDMh3FWb4gPAcBlXfeRsdxZm5CmIioZTEXJohcgjlRrMCOY0O9zoWUjd7/I8
BXg76fIYd8PmK72lZOlLZV/nOQHWFnEnJmjZwRz8uAfcFgMHFdo/V3MhkLGMspJSqQxzxx1E
Em2NVqwQqmpQgSs7acz7eAzXvpZ733BmxUKK6ULK4yjCgCl4hKTHGTr46ybd3AQd+M1DOW8J
B1qeMrSAx40SyFI96hz6XcguNT5c+AYcvLgMBHTqT1Q5PzcXaqrGbNXp7WgfR/VIZGbWaKZO
euqnTQcAxvHjc/EKmaSCwGrievPE7NHDEo0+spycpGrb/RIvxwnx1TTgOctmcn280Ek1DXFs
0cExrzorQWQmkULx7HQR7FBjK+lgdRzPAOEEeOu7shiRPTsIglkCASRzfzgLETqy/qXaD+PA
LnfGKymQwy5fF6y3qA3wTU9Awh0b6iKIp8SsdGMbeBB08dOA4+0hwWW7Uv4LKRAdeYSm6kZX
V5vh+aAdHVhqNT58Az9/4W+2AlyWNLRZShF0b6QgD6iuBpqyj4tB6gD5ajgAda/hx2fWvk6p
jpK8uU3M5ZGEfTI8dfT1F193u4BO7671v9t51XrxRW6c1OACq5Ypo6MuugPxK0ZRvbrwF/tj
E5ztfIYyHuiYV7WegllhaElniChH2StoNhD7Nx5jT8OA2utervThyEEglqWEDKQQdzSFdumn
LgB+ZMN+1j45W21SZJpY281iUO2v5Hafcx4AXYxVjvGhBcjvTYq5A7T1YjFG4jjkV4ot6cm9
aeo+rX8OAVMh90M32XZHbudxC270IDRzQTEQTQMfluglVn15c9x5EcBTofeSpY7koTtjf22C
OYx2ZVnMusE4IbWPQL6ZNrkj2cBezNTuTJZV5+8pRNisbNL0MXBExgsIrfJmmXX1715qqbjr
46eHASd6y9wdp42LuDs1FTCWEjNynIhkNWU+E6qz6BZBor+8A+evAIUv3079afT6io5XRNTX
iJ3aa6jgB+W78+5GchmrWrNu1DKA7Q1ovR6CG10iTkFZfHy4A33D379wr2ZlqUpJotqxtGqV
UikCMi/4hsJu11J09vACJ4furfcTGPIXVbconjVZIzodGHUA2+I4DibGfd2ZoW+mzLr0zBDt
EkYVFHNfTtCge/x4C52v2R1UTNd12glN5i0dCV9887oN26wrnUJt/TzZ9QOQPAarXq4/6iXJ
SzSTymGKstyfasIMXpjjSM6odDId0hXbrrpr4cAYncUsctiqoeSbZrLY3mWXdzYIhAk2erbo
F5fpXgA8X2tOSzF/uCXK5HH2L8hEcUfST5SqqAukiOQGYFguvIaa8+AHQ9oZDtOHKLlVfLYy
85mTI00VZomZWWRZq3MEvqFDLy/m004DKO7cZlbeTq1LcbV7FOulQTXU+nEnRGgA6nqIRFUb
vM6+A04Cz2t24+O7jFHIBWiyNKerNGh+Bp498YO7bru6e4e7nwCqtexRzUdaHdJPUsgI0QLM
xjfUMmzcfLUacBqdzvHCYlr0VvEttmkf/N1I0KxSyDe3yJvTFJqys2g0Yk8geAQ+5e6YMorx
RGxZhOnrt9OLQe6Cpti3a89TrwDPkftfncy9bKZHWjLNVpvehf1OkrN9Nq6+CvIqBvx8dOA+
yP2ho0ZRXOSaxOFj5RKvN5ZJNwI1YLtRB5/FwCv3X2PksJXjsJuuU2QvNKF0MTBihDrz5aj4
v+bgJOw5sRhrVbuHLvKakdv6QQwj0sssLddptefTVHHIcAR+4f23o4AC5iLn1VCYqEqPo9iK
Q6AIWQ7SrbgUPmOANYwWTmO0+yxJGmPk3R2io9TOC5nHPUFW6e3n48+A3G9QQfTxmhHd+qeO
G/IFRflICwd9/iqsBy5n2cBZo5CS1NPXkqS1TBJJHrIBtdFIEciMpIKyA6jzGnPgOP8Ah/Fi
R5AjjqqEkTqyGNlA029Mtt00HkOAG94YSe5Xhmoy/SW4FdI7IjWURjlIrMj6gqGjAPuJ4DPO
z8FI+etLXKzpbsu+Qj0EQ0n0ErbRyUMrK4UcjorLyOgDPctQlxVrKxKo20rhYBOaN0z1js5D
4XWRRy/VwAARrTzrQ1lEiJO/TRguhj56A7mUeB9o4A59w+nL3DM5aMzxTCNljZSwQbSN6xgg
c9fFiT7AOAc8X9uex6va1XLZ3N32gtx/VmjX0jXrugDKm1GbdtfZ4jUcBeGD+1OJ+dU7eW8u
jtHPdnaYSNAgkcABpQvIj1FdnlrrwBDv6TDt25NThxdSnTnZ4JJKkMUstfpxPPFKRHt9LjYw
2nUe/XgKWDhxww2PqYGk2LuwoyPYnEa2TLt6hEzrruLLo+nMerZyI4CXN1s5GDfowpWDBlmj
nZVBjcq2p1YdItqy7Qp00589dAasZ3FR7m7XgtQSdBbcXpkkBV4LFRwm8j2pKAT7tOAu5e1B
ewFbuCYNBaxhaSdIwGZZIW1nr8w3i8W3lz8OA87E7ixdma52/TMoTFrDLUaxrumqWUEqSR7g
GMasxQa+QHAMYKpaeF1+XYG5STqGYDa66f3QD7+AS8bcPavfk2JtkR4vuEh6bFtQLaDaA2vn
LGANfMr7TwB/ujCjKYu1QRmjnKmerInxJIp1O38G0PAd0yue7fNay4NpB0pnUfDMgBDgH28j

/ZwGLzHIfbX7jQ5N95xthunaJGm6s7bW5DQeg8wfPT38Bs3cEFPLYVLEIW3SsICzx6NugkXl
JGfauu5TwALtzK3qxWCwwlvY5RHIsZ5W6bMNk6D+ZNddvlqy+zgAedQ9o96G2k7R9s92SJMW
QDbXvKBulDfpDrpuGnqUt7OAZqOJw+QxdjASyrZw99JAyqV2iTmksPPcUZCQ+mu5TwGEZjEd
ydt9wT4qYutjGhIo7umkBqTNsimmlOuxSdFHL2jy4Abj8Ley0Vu+rxVqAkCWrMvpgExVpVTc
oYru2nw5a6cAWxdH9wr48Y2GSKaFZuo8Miq7SywOsDarzAd4ynM+7TnwHP2+yy43N1apgWKd
JZFWdkfqxSsoUgDX0/Dt1I5a8Bu3aOdMw60jO1bIwR2qe/lowjBlj5/qOm48Bz3PZzi0bmbw
MK2cgYq8WOSQxoqGU/Nk3Oy7iob4SeAs9hzdz2seZu5okq5UFo2WJ42WeMbdkzLEzhWXmvI8
/ZwGQ5z7g2cbJk8VZx8VvKwTTQTWZWKQsUlO1hFXCFiV9R3P4+HAKH7TmchFYyTwmFlkQtKU
EVTSXVBqx+EkxkDXxbl48ARk7v77o4cYhEmrLs6c1mIMJZI110R5RroAPMaHQcBb7Q7L7iWV
M3LWhVy0ogF9yijpxSO9g7dSentI2keJ14AbPgr+SpXKd1zJ3HXeKeBGm3zTQSxNNYdmc6v0
o40058vDz4BndYc/3NVlmhnlyVjD0d9c+gM8RAZ47EAbbvXZJDKOStybTwAMmRuY/C10zZmm
ljmCxNcYKOjZVpCfhVkr2BJqk8bKqS7v73AFsGmDLQ0MhSRDahkRajGR16YUPaoumjDSCdt8
OuqhG9DacAtyTVew4YLGPMs9G+5Mv1URrWYuowCNHIybZVib0Oj6kDmCBwFrIfcjE2r/ANPi
bUtLO1AEhsS6PSssAd9Wzz9aMy7Y5PiGvxaa8BU+zfcNVe5L+JNfpY7MI8gr6l1iZdTsPIen
azLr+HAaNLk7cWt2qgkfHMYMhVLgmaoQWgmV20Gu07gTy+Ie/gE3uHs/JY2vet4yhPd7dzFU
/UY5WH1FNzu0eJW+LaG5DxA5eAHAZ3Ttxd2d+9sY5I4d1hK31RQnQdAieVZF5+sNA2n9LAcA
yffuzk//AN4eNrY5Gt2JMY8Qqxq0j7ZpHDlFTVtSq+Q8uAGQfeKagaVQ15YIMaWWXG7l2Dbt
CqpIDoVKnXUefAabge9cFbxtO5ZniquggktxWHCmNbcZrMDv26rvCvr4FefAXftdmocpVyRZ
g9+pZWva2DSP5MaxRtHzPokCFx+PAU/vH2vh8zQxc94vBLHdjri3CpaRIpwd42j4hqo4Beq/
Z/tAVjM0uUuO0WgVomgCuOZZVMaE/gT/AB4Bz7Vvfu3b8lK0JHyeIH07SWUCTPGVDQzMjH/e
x+OvLcDrwFmP9qNSbG3wtqnko3E0bHcrQkbHY+GobXTlp4cvLgB9ahQwsceJE1ejE8Rhxl+T
aJJFIICIpVVM8XvJ1+LTx4CJ8pjKdQ4ixl7M2TJWWexDGz2ZxEQxXYkboFYfHsAGmvhwAm9j
MpdLSSXIq2OuSpYrm3iWsSmdVCEy/ApXYNq6rqOAsN9LLUWkliGJIyYUvxZDowVpFUtGWpTq
iFyzH0bGHt8OAF36OHs3YMXjMzXyeUyM7C3HDPPGXjEZj1Zq0hjcxt8xlO0MdeAtYDH0K1GG
cvKvbxga5fntgC0u/qJXJVfhdtg9KjXnwDnSnxtnIXcRjUjjjqpELLKFIWYjWOMxMNOSpz9/
v4BFyub7sqd1zYm5XE6zF7EFyU6wskI/wmjMMejaH07JBpzOp4DRGyNHC4SO3ddoodF5M7zE
NL4IrP6mGp0GvACl7kylhYd1GPJ4e6Fjms0JG68In9Kmao43qBu9RVyR46cAl4jHWrXY708+
C9jGWrbVMmxIsx0q5MfU6/J+ou7QN5jgE/H17d3oLNdSGeiS4y0zPM1hC4dAHPWB9Y1B0GgO
mvAeyPSwPc+J7hwAlioSF8ZlZU2yCGaQ7JotXGi7Q6GL+ZAOfjwFTvzE3MVbs4WGORqIHXUW
ZIZazHduL152McwbU/CxZhzHMDXgM9I2TbJRqqFSw11BHi3qHt4Ddcbbjy+ExvcLHLXWj3TJ
VE4MIkEjdGuzuFWbbsBJJ5AeHM8BGktmLK1p7zU5bVeua89Y3oVmisRyLNN1FAYAaIB6fZ4c
Bxlu4awpXorFCWxdvRdET1Qs9OKNkJZdu5ZABvk01TmfbwGZ4LEW83jbeBqKEu4+V8iEmJRT
DFGYbO5j4FAEPP3jgCfYtq1nbNXHvuMlMKVld96sNVhrIVdSy9NnDDa+3RfDgDHcNurhO9O3
L8KBIaV5AqHXX6beIkJ//R8/x14DX+7P+L5Miwo2DVw8cMRH0sazWnlZ26rMrSxFY0ULpt11
J4Ah23Y7hjC1MsPq0ZS1fIqnSYqD8FmEk7H000I5N7uAPcAK7uFw9rZZaMbT3DSsCCJDtZpD
GwUKfbrwGO4qvlO1UOUa1ZsXD0a8cCwqsY6j9MPbnUsZ54tz7VQtt5Bj7AWctbls90vBCwMO
RMjHn6fVLGQxJ9uxuAWYcQcr3EakDL00lKzSzHRVhg0Esj8/hCox5cAZgnPdneME0ix1sJPf
eTYqLGfp0IeV5B4sxRVUk+3TgH/c1bs/DxXmsjGQ0zKhhmMcQaZ4xG7zKkaaR6szAMdByOvA
QHtuejlILuPqwY1+gDeuTxs6RySLLXmljpSOHaFmffv26HQnQLwA6zCKPaVht5easRXESAJZ
3KsHTkhVS41STpMPDcCRpry4D3GXu+MBiP3PuXHVng+pjliqSNDFakkn2Ro0MERHTcMF56A/
FrwBHI36kuVWH6mretW7skcMzBZqIlMUbMtmVgzGOIx6eROp5jnqEn2ykm7fkv4LKSR3a0ip
lIHh1MK6v0L8Ss3iFUqfy14B5xpBy2XwsTaRXldoyTr07kCoCfZ82FoZRp5huAT/APiNqPdd
PJ18aK8lJRVsGSwUIp6l5FRX9Lnk40J13RcvZwGuFob1JJq0ivHKqy15VOqnX1IwI8RwC73p
25H3RgN8e6DJVQXgdObxTxnUFfaUkXUe38+AtdtZ6XuDtqvkauxchH8q1E3q2zxELYh3ek+o
jk34HgBCZeLt/vOrWkk0xXcqkVddAI7CHXZr7y+38xwE/wBzu2qGXwzTWysccaNBPMRqUimI
0kX+qOUI4/MefAKX2W7ouY+3a+32eYCzQZ/oWf0hl+JoRr46huon9J93AFu78RbxORr5LEgP
YpPJNHWbXSZJxtmg3fpEqqQPY+h8+ANXsdhu9O1RUSTfQycQs42xoN0MyjXmP5kbXVf7y8Ai
dqdwJi8tYoTsJLVB0jzFOddplECiuMghP+HJDyEpJO6La3AMHfnag7swkd+OCz1Ma2rQRN05
bFVXPVr6E6NJC6bk8j5H1a8Bknc2To1rEzYp4ZIbleMR9NTH0CjPGsToAu6YQ6B2PidTwFfH
y2xh0xlGMz5B4z1iqlfpouoJoWeTUIp11bVjy4Bh7UoZafvZM/FFS+fH07sMlxEWeSaPpT9F
huXe7esLr48A5YfM3u183szWKtUe1o1kaOZk+oWtJosSHWHmkJiHq1TQH3cAzW72IpY4vSrp
mu3721pIgBMiqyqY9it6HTQeGuo4Al25PgDSP/DtSKqW2mRRA1ZAzt6vFF3HxOg4DJ8X2qt3
u/uLJ2NQZbtqCkWGphk6rGKyyFdGUvHtBB8mU+PAF8NfxyQy08rCpxl4PUytRjqYGAEcij+k
Ns0by9DfrJAZhmsXlez8yIXlaxS6xerZVy0NiFG5q3P4tpKSJ4qSeAe+4+447n2vuzYyd2+n
tRyV7A3RvpvSKaPTx9W8+PiOA8bGxWqE1yqTXygWE178a6zfT2Q8CovIqQfhIPk/AKBzbYTP
05Ya7Y/I4h4Iktw6hLNGMMkhevLou6dfVoNATr58+AZsdYu5vOwfTtImAgikvRvC0NlXUPp8
yCTpPLFEW0eOTWVNeTaacAzdj5qlWin7lkVI7d27+2xRKHEFelUdEdIkY6x7tS4B9w8F4DUb
NWjkahhtQx2qky+qOVQ6Mp9qsCOAybvn7D1/mZPtQbWG6SXFSMdrf+7SE6qfYjcvYRwCl9op
4anfmPGQ6lYkzRRlhoeuVKdOQNzXUkj8dOA25a0n7yYCghh6hATaCstYqJBrr/LNu0A8NfYe
AYOAE0u2O3a2XmytbF1K+QJI+sjhRZmLjWQlwoPPgM0+8tKrN372+8WwZEVpWHqMZIilRo+p
InqEZJZT+OvlwDHiJ8P1dVxn7KFmMULOtKM2wh2uRoryMhdvHxPAFr2Op5DGJUt4/H2aKsIj
VuSptjQDRVi6cBCt7uAodrYXF9td5WcbiFWtjsrSS4lTUnbJXfoSsu/1bdGTT8TwBXv/ABYy
eAWBg5SO3VlcxkB1VJk3Mu7lyH9nAVL2LrVFkvLWaxcrxaB5JnV3K+obpDKyrzGvqHAIq/8A

EPZveo7mtvHP27kR9Pl1gkkn+lQHbulDgOqxSc93hoSOAbhisvkrtq1Wcx5Nbh3iSQNTFVAG
gRQF3ssqbXBHg2vs0IQZbuCu5XDZKpIju0Zevo62YpHfYtitJECdVdvS8ev5c+Ao5zNWMXj0
u2Ysr3BjUj1TIY+SNY5EjZtFtqCJU26aOSunt9gDObn3arzZWS/SrX67yJpVhjvtWiiOh9Rj
rr05dSeZZeAEwfcjvL6gXLhTKyqjxrLerLOqI4+aqclVQ+nq9vANH2tkyl63kM/cu/SQLEK0
JhhSKLqQKuzlGEiAiSXRfPU6a8BpU3cuKu1ZorSzNVZVq2arQRiWaaaVIK9rqghF2lfDy1U+
zgLXZscb5O60cEsPTmsTWJJ23PPPLKYFl5AAARwEADlz4BqljikGkqq6qdfUAQCPPnwC3mKv
7pPiauUrNG9a39Yi1maSvsRjXiWSTag3fOV9unLb7BwH2N7YXtqpakrTRusUE7rftFjaLNuk
0szE6NGnly5DgE7Md02afaVSSeZS9yvBYdyPl7IaYsOoGmujzsp/PgMYm7bzt7a4lScMXeOI
yAuup1IK8vz4C/29fyfbolhuQVshgrs0cd/FSyBVdlOscilTvjkQ/C44Aj97aS0O9pkjZ1rW
QJhX1PTjcj1beZHq5sfeffwCKwU8lXU+QJP+rgNtTELkvtViaOPsPTGIRZLTQsyuJpVjleYb
W/SJ9dDy0J93AIF7tupQrpLksvLVNiaZWDKzMx36dTRObFtNWP8Az8AqPNZDuBI4SU+1l3AH
kSNeAYPtzFPZ7yp0zdNJbazwWrQcIRXeF+r631Hq/wBPAMX27qJie387kZkDy/UHHQyBtpDw
qS+w+0q7aflwCl3flLGTy0jSS9R4wFD6nQuAATz8NugUAeQ4D9PYf/h3vTtXH3Z4Eu17ECEi
T41cAdSNmUhtQw0YefAHqtSrUhWCtEsEKABUQBQABoPD3DgBeW717YxEUsl69HH0V3FdfUeZ
XRP5jqPLgEPuH7uZuW1Ubtasj05iphktKdlsMGD7dNHSNCp0fz0J8PEM07vy1q9nVetemlyk
276iRXMUCR9NtVjQNtijCclHjpzY8+Ahx/17fV5+9WSGGjXhNaJfTCqCvJ0otCebszpy8efA
Q9lxE4nM3pijABKwXTR5bFklII1lHNF3kvJppyXx56cB6xTD4GSzXk3TXNlKs4GhMLEkOP8A
vAGlP4pwDJR7ji7bxAa/DfNPIV0L1po3rUrChl2rEfmxtyDbyAC6ePPgG27VrQSR4fNqtO3N
DZNYY2Z4+rAIN41llHyUPzAELflpy4ADdx9KXCMI1yD0JomkyN2ZhYsCdFTpQxSekMRJ0yzr
roB6tCOAKQ9qE3jbgp3Lkt2GGeqckvVcT71aws3+GoXRV0bdz5+K68B3Yxt6kW7lmpVq2KtR
9fI14mjeRvECqYq6EbGaRdZdSw5D4eXAQzDugNRzU+POE7bwEaNYr5GSNGmryxtDPCvNpGbS
Rgm/QMfZ4cA2W/osLcxOUMxkgR0p2rBIOrxRt0JXK6DV4JCPzX2cBR+5mNtfR36WPlEVPJwv
NYj0GuspVDIp012dbZvHlvLHx4Cp9hO8ZbmMl7WyHy7uLGtRG1DGvrtdDu/VE/L8CPZwGl7e
he3DlFaGjD/2qjkf9pR/ZwCzFt7Z7zmjGkeJ7iIlVRqFitKAjtz5DqctdOA9+4GFSzh7O1Ha
SJZLNLpfGJgpMsSe+RdWX+r8uAu9pdw4/vDtnrMA/UVq92E6HmV56jnydSGH48BmH3G7QvY8
QZnGMyZbtsxkuurPLUibdDPz13GDX1f0n3cBoPbedx/fva0NtSgyUAC24FbQxTaepT5hX03L
+XmOAF9t1sph8pNXcl8PesM0agaNUtD0mUINQY3YevmNCT/VwH3f2Etu8WdxxSKaOzX/AHau
qBpHZD0FaNirfFFIyaEHcNOWvAQVO63nq2KDdXGZbHsXx3WR4wUhGrBUY/PjiTkxGm9Oem5e
AzLvPA2azS9xwVhBDasM7QepZK1nqdR2iVeU0T66xv4beA0/7XfbOrisRXn7gRLOWkJtmm+j
JC0nMNIvg8ijQbj8P6fMkNFevXeEwPGjQsNDGVBUj+6eXAZl9w7mZ7MtVrUU8r9r3JNg1HUa
jYYa6eId4JNPg15Hw8l4BdhvLEZMjg6460iPJfxFay8ENyKQqptUtmkRf2+n3Mqt4gdx/cUE
0lfKYa02QxsFSS0uMnk22IXgbbIHjCabozJy9XP36DgJ+5e2x2t28e4oLi0LldlfK1lZ5q1n
qlVndVk+asn+99LfEuunnwAIUsr3DmJJqdNnc6JdkjKRR74tEMu6TVY3CyCZD6gVZomB8gGd
3JBi8RkKF7LYu/ZWvHvw9UPKzWlOwXBM/wDgOiaDbz1XkeWmgLJwHcWJ7Nt5NYGuYLNwQ9O1
A4aOBo5FkZ7MS7ijenavPl5+zgDeB7xpUO3cdZlm3tWhWreqxuEleo7mtJ0gf97E6QzJ+fAW
e/Z6cuKp9zwyxPdWR65U8orNWwGk3oDz1SRhIAPh3afp4BWwOVmuZ2POYlIaGar2+vPHvdIZ
4ZtqsXKHUL1uT6cgHHkOA7td0tTnsz0ILWLyFqZprNGcx2KrSbirspdVkH6l/wBfAPHaX33m
oKtXOVOpST0rNC2sqeYGyQjcAP6uA1nBd3duZ+sbGKux2Ao1ePXbKn9+NtGH8OAVe+e0MP3P
NHfw9uGlnq5DJPoCku3ay9YKN3p3Ahv48uAacYv1UlYZCQPmMWhWbZ6VdpF2GZVP6H26j3/h
wBfgOEjKyO2uqvodvsOmh4D85fe3OXIvvFAa9hYGo1YIEkI3qgm3M/UXzHzOfu4C1Q7s7joQ
WO36GQkqrlWklxv1AjlMV1Dss42Vp1YKrP8AA3tKnwY8BX7Q7q+5Hdfc9bt5M3YxsiLK1mQR
RqIkhGkgMSqmjA+nn58BoHacPaUHcHUw2Xm7o7iWFxYylqYyw06inc/NNqgOxAAGuv4A8A4H
J4PuLCshsAVr8a10tIemGezHu2REn4tp8D+HAYfmvtv3XicbcU3RJYxUE0kIkWVmdwsjRiZ4
Qfhc6czz14B2+2H3Yo5GKDt/uBVW9KBBDdKjpWFHojjmJ/3hHL2H8eAO92wdwdqSL3JgxJkM
VTi6dvDjxjgB3FofNlX+U/B+n0+ngDlmarmsFQ7joR9eaui5GgNeZ3RkPFy82jdk9x5+XAUM
hUr4ic9z42Y/QXTG89Uc4mknZVE0Y8F6u71+06N466hDl+xuzM25MlVaFuRup162iB3KeMij
0ty9o4BVtfZXJ13sXHyFG4UkaeP6qtIkSxKNxjkEUw2jl4gHgK1i5JjKFfE5HG1seZaGSWOG
YyS0XneZbEXSnZujKksQ9IY7xppy4C6e88fj+xsT3G+Pjt15RUktU0j1UyRIm+Xr89HiZByk
5ar7efAOfZNinenymTpzGevJLFXjI06Z6MQkdk0/mlmfXgK33Bi7oE2PuYuJLeLqmRr1M2lp
NJI21YT1ZFZWA9XoOmracBQ7Ty+Ym7mjqpWymOqGOQ3cbkoEaGMAbknq3IRsO5ztKljr46cu
Ap/c3u4Y7AXrdlzDBfWTHYqI8mnM0ZR59D4RpuLEkc9OXiNQXfuLTr4zAU8RVtI71ayJ85mM
xrxVUisHagcOGTZow5KQfyDNrGPnt2VH7lHM8ZaOKQqBqvLk2uh8D7PfwFzCdh2Gy1NksRWY
4rVczoAAGVpFJG9mAbw008eALfeu1HJnJa+1oxHMZFMuo6m4kax6jUqBp5+/2cBnce0Sa7gD
4Lp7+A2H7SPZzOGuSUiY7+KijgnjUbhYX/8Ah3Kt6dQiMjA+Og4BKvxdzRtNHbyaQ0I5JViW
zLr8pn3+iPbI4UtpwCntfQqR6FB0JPIDgIgV2bmB2+w/8vDgNh7Sr0I/t5j6c21upFbzVzy2
RidYlbT3xxHb7+AR8VjaUGEsZ/JxatLr9BC3MEyHk2h5HU+Gvlz4CT7e3cxjcrSuV7U9XG3b
qY+00EpRtbAHzNg3LqituUsNOWnt4B++5HaOcpZRK653N5OvYUMId7EIu4KepJHsTmTtXVfx
4ATj/tph6cti9m0tS4rHFWsySMFWSUN6KVbadXeViodvADX28g7zubvTwxGtFHFmcuRWoxLo
kNWoCqctRtWPUAf3VH8x4BZyFeKiMlhKtoWIks1qNi0nMWrEzGSxK3nomwoo/E+fAc90ZLq9
o066yaSy3ZLNqPTTkWnWvu5fpUH+zgJO1nojtyzBMsq/TymzdlZ3VFZ4nh6SQD0s4iDMrnnu
IA4Ad3ZZttloaVyM1paQTrV9AuyxMFkdP/0abI19y8BpGOPdFv7ZR46nQWaZ5Or/AJ5Wmiet
1THD9KkzN64W2MFVduh5anXgCvZ+UuZJ70N6lHTuJJL++zfBLO8scsUCQyEq0cikEeheSkDg
FrvTujtqpNdrUqt49xVksQXHaZ7CRS7XrvOzIQvIP6W5aa/COAcsH31Wx/bmB/eRF9JkKEcU

nWtIkydFOmzpCvIxsp1Lag+R58uATst3jg5u4Kfb3a8xehbaGE5QsYjXWSVWkjRBGvojgTp+
Hn7uAe+48hTuZC5aletLi5IkgBu7q4WWMnpdGV9Vm39VmG0HUcteAo4Jf+JuyLdJtYbsCfSs
XTpgT1/n4+yi89qsvyzzPgF8uAOOYs52Pj8sYTNaxqazVwQWdDGYbVd9f0yRsdV9uh8uAyHJ
2rXbHdsPceOYtLVmEcu/l1fRuikbw1+pr/F/WrcB+hsRlKHcGFq5Ok26pdjWWJv1KfHT3Mrc
j7+AFdzYWHufA2cdcUx3qrHZImu5G5hZUHmrofD8R4jgOOzs2c5iZcdkF25fEskNoNzDMvqg
so3msm3dr7deATLTD7c98jMx7ou18+xTIxHUrXl3f4ihQf8ADY8/6TwGiZ3F/uMENmo+k0ZV
kkQK2+M+KerkVZTofcTwGIzWMj9ru+0vY4Gbt/JIx+nXmGiQkyV2b/tIGb0n2Ee/gNXt3Ybs
FbuDDSi3hsghMyoNSGYBd6+YbRdrL7eXiTwH2Lt17MlxQoszNFGbiHXWzUO4R2ItP1pqysPM
jyOnAZt3fi5cdn4LdzJyGGqY7iTwEmT6VmKVrqs6tsCMenOiar6hJp6uAl7Rz1buXPV8hBGz
X6EbRJioNNkqKCYIZN40EKSfMV/93zU/p4DW8euMxkctmzaRbFuXWxLNKNOqefSjL6DavkBw
FnJW7leIT11WWDQbzoWZB/2min1L7dOY8efhwAjveomY7EycFiurySVJJFh3g6PGN6yRuAfA
ruU6cB+dO3slar1XnrNGK9WwkydfUJE0pVOqGHq6ZHpmX+Ug8BoFe7FFPLaSiFszI0OSoqxU
WISwaaHxAEnMMHB5to3g54Cx93Icbf7axtntxmeTI2rGWC7iJZZDEIXVd53dUbwoj015bRwD
lku3aFftbH4vLzQw0AiHJWLE30qSyqFIR+mys25xrt3AcuevhwCh3f2ViLOOiejTxNXtxJkk
yWZxRaW5DADq0mzQgqf1nVtBz0OnAc4/C5L7X2jcEozn24ywCXmUb+gsvpWxJGNyldDozLyY
eQ5cAo/dH7bt2tZXLY5Fs9sXH1qyJq3R6g1WJzz9PP0Nr4cvHxAR2LB+8d14XA5Fnlxct1ZW
rOdYyY0d9Ap8A3MH8eAYvvY37b9yRYjhQVxTgDwr8sTRtvSWMlf5l9J4ARmi2VxzTMTYsr1L
VSyfJFRTZibUBRvj2zADnu3fzcAKwPb82ZSeQuK9OmN89gje2m0uUiTUbmIQnmQP7NQ1z7Sf
bzGU4jm7NotanV4q9SSNUkrlzqjSB9fnhF+HTRefjwDbkrsGKlf9whe9jfUvU+lk3QkekuZl
TTadeZB/DlwAXN2jQhg7r7fL3FqdQT72IIrSANo6+Dx7gDv8fPn48A29o92Y7ujELkKZ2SKd
lmufiilA1ZD7R7D58An/AHM+6l7A9bHYir1LMlaZxb1LNCQpCv0gp8/by4D835KS/cyyW78j
T2L8cczTOdWfcum4t5nlwDdki+TwIlb1O9Zboc+c1FhStn/biKP+XAXu3snnsvSvy4qy1TuG
Omf3RolDPkKEfJmHLd9RENA23415+I4DvAZbM4LtjK4iOiag7gjMf7hYDoAsasGSEIu4jafy
J4CxX7w2dq4HBY3HvGmJuw37DqwZbLiXcN23mhZjy8fLgHTGfc2Wtn7cfcdNv2o2Pq6ySptm
qbn9OqELv2/F/NrzGvAXu7vt9DlYpu5+0JYbMF1OrYxiJGY7RU7jJXm03RTHbz9p9nAG/tX3
i3cGMtULbq2RxTrHKnzA4ikXdGsqzAP1E5o+vmOAtdtzHDZ+z2olfoY2JXs49tCFKzOZTGh5
j0szjTloAPbwAWPCWMZY7tw0JPTeJMpiVI1YKzNK8UbE/Ck0emzy1Ht4CTBSJWiiauC0E6rZ
Ztx01lYPprzXTavPTz5eB4Bn/wCIE6UgsoF3cgpOg2tryJPLl4cAn4vJ26NjD18hDE2DzlAp
Yp2trJBfqkR8tRpo/LePaNfbqC3B2nmsRg85X7fb6xMrdigx+PkjDqUnjWZJUfcqqYopXV94
I9IPjwDr9ou285252dNUvtFNdktTzQ7XYxsp0VdXK66Myk66e/gGi1Ph8gGw+RETS2U9dCYg
sy+e0H4tPavACY8ZiOz6ctu3lJIcHAraQ25GcIHGhjRmYkjkNqga6/jwGR5qn3F3X3bW7jy8
MsHb3XH0dLQGzHSi1aKRaZ9ZWRlBc7fPl4cASzWVwdt2Aday41YvpFtsYzHXj16mnUUbmZJH
T0k68BndSHpRqalm9GsirpE+1uf+zy0P6eWvAEO1shlpO8aEa147CJcrxyzonwr1kZzuXauu
nI6j28Aa+5Xa/eWQke1HC+XpO5eDbtNiuR8cShfVIAPEaarwGXlWOoCbHBKtqOYPsOvnwGuf
YOez+19y1KUqpb6deSLXTQECYK5Y+xtAeApfdjM5Knar0zNJBR6SCstYqVKmKMuDIS2qlvUr
KPdwGamSFpCUL7SOYcgksT7VA4DY/sn9rsPkcWO6e44FtRSs/wC31JxrEY4ztaxIh+LVtQoP
LTn58BDn7a3pe4rMOxUyezD0FPpjPWYVoYoUGg2wqN7nT4g3s4AHfhr2BLW2qYMOzLEG0SNn
jVYlMg/li1PATfb1LRwl8Q0d1ezNFlaT6qolrUJBWyEYZjorCOXVd3InXgN0sZ3A3Ki/WQzl
XAb6d60ztr5AdJGD8/NSR58Bm/3e7gE+RpY5Y7FOhXrtKwlXoqS8grlljbQjpw9XmRz1GnAI
+MvC9Ld7gtaokaGSJVIUCOCPWCLafJF6eoHixPAKmNWzNQtTpqbUNmK3z/Uyxyzc/wAdjcAW
7tbH2LF41deg9Wnap8z8MjbpFPv1mPAeyPJV7Yhrli01/bMr/EZJ/TYfczeKRxJEraeZ/HgB
Odp3Dkf3KwjCO7YKgudW6qBGkVgPZvHAOHbv3HiSWPCZKnEKlWvPUq2RKUmVuQX5srbEPpJX
+ojy4AifuF2pQsR0v21IKuNJCSiUXcjNLs3GVplLRMWk2a7mZdAfdwC92fie8M9Vyc9R0o0r
LSSZrOzkruhcatAwGrMhOp0RfHz5cAcxH2owNicPFat5uJBGw6FWWCCUKWaX5y9Q6bInVdvP
dt9vAaMnaHZNTH0/p8JjWqyuoLbFnlKuo6byPNtkU7tQefI/nwFbH9pdp4ztvKTVaqXJ4LVm
amtjfM8UVWTSP6VNWYCNSNNmnjzPAcY7NWYO5LFm0qRY+zViTJOXULFooeC3Cmm5owW0djpt
04Bg7WiSDJ5bA2Ywte2GtV1UaK8UxKTrqP1Ryar/AHdp8+AzrvvGQy1Jq0vpvVzJVl00LusB
6ofby5qx6yc/hdxwH32D78+huN2lk5AsFw9XGsfBZ216kOp/n8V9+vt4DZ8h/lnTIqpIiGyz
tGpMJ566efTPq/DXTgAmYx74q6vcWITcpUi1DHzWWNjv8vHmdVPkfcTwHPeWDg7m7cdIl3fX
RiWrv1XbOU+Xu0+EOp2N79OAWvs13fZCP2Vmt65HGq30TyeMldNB0jr+qPXT8Pw4C9352RTy
FK5VciKKcdaCZgSIZ19KTf3QDskHmp18eAzv7U98WO1M1L2xn9VxNucwOkmmlawTt6n/AHb8
gSOXg3t4DRszHZ7WvRZCAa1qpeTe3wvWlOs0evkwIDafn7RwBLu7H43uDthb9JUlamrPC6qH
Kxsu2eJox8SFPjj/AFDw57TwCf8AajtKviMnbzaeiKfbWqREgvACdZVEr6K8LkLskUauNPPX
gNRyuLjyUQhnYGAc2iaOKVHPLTcsqv4cADh7WzWNu17GGuRwVY3YWsa28VZoyORjQmToSA/y
ek+zgPLtPLzZCOvHjzHQlrSVpZHkjMcSupBIKt1GUAchpzJ8uASLH2x7XvY2G529YtY+tl4B
rQVY7CdNQYnsmKVgzEBuex9RrrpwBjt7tPF3auLaGeWWGKPqRXSwR5KEWscbSqF03SglF8xH
4nco0Bl7S7dwkUAzMVKJLd15J4ZmTV0hkY9Hbu12axbddPE+PAAPuVnftdkS3bfdFoLZgKyR
yxhmNeVzsB6iAhWA5srctvjwGN5rt+z2J3IlG7alfD3lR5LGPJi+soudH2bW27tuo0J/0jgN
bwdaHB4JMn2q0vc/Yt9SbeIk0nnrqw2yNXDc3A59SFufs9nAFu1P2OPHWkxlxcl2luENOnIo
dEksEPJW3yakpHqAqH4dSp8BoAztr7adoy9x0e7cY8lLoSSSLjYzrAXKFUdNfUi9Nt23w/Dg
FL/6kaDR5zD5GMamxWlgceI+Q6upP/608BnmO7nvVo64m0n+gDGgGA0ikLE+oaaOGDspDfpP
uHAbB9q+1a//AAZibCxLJauST5LQnQEwsIaytryKodsn4rwDNDRksSm5kjNk58ZceCjX6cqR
JLIgjFiQv1X+FyN49C667Rz0CeHFZ8LBeq3J3rrFDHVpBlEewRqC08Z0Jbd/LJ4eXAd368WM

tVJYYtT9NNHbRtZF6egKq3uBbTmPDTgEc1P/AN3/AH7TvwE1u3sw22SEE7I+oAHhI+H5TsHX
X9P4cBo+R7O7fuwX1enH9RlIpIrFojWYrKu0jqHVgPYAdOA/NmT7StntrrCOQ3+3Jp1spt+K
mZjGWBA59GUEt7FbgAFzLO2Nq04l0FVp5N+7m6zhNyaDy1j/ALeA1z7eY/tPt5IMhHDJczxt
GhWWJWlt2JDXWSfoLvSOGMdXm7eCjmefINVyVXIFYZoxHWhjDPZUDr7uR2xhGCDTc2pOo8PZ
wC73RhKVnEw2blL6e1ATKmWrqITBMnKJ5E6jNIu8j0tqvAeHBUO7aH7Z3BIYe6a8YZJdUO3b
qqz1ygQSws3q08R4HQjgBHZdjI9g3HxHcMsUFC3a03s5CGWXRY7FfVVXZIRpIupKsdTp5g7X
8Ipygz+ICC86LFaEe0fUIhLR721Guzcfx4Cn3ddbfRkquklypJ1JoEk1AUgbgwTn+Ht4CHru
+Xjybj6SUOG2ONzGvKEinjlAPpDFVZdPAqD+ojgMn7i7g7n7VylqpjLDZHt+lkBWgiYB2iZF
EsVZmA37Cjae8Dx1HAMON7pqZ7FzXox9bFFpXlikISaSeXboBW0b4n000YjzOnhwBbMwRy9r
9vPFIJnf6/pSMddxkSWQMSfeo4AN2L3JYevDkUd7U1OAw0aagtF9RLAjCSUrzAQNs5/gOZ4B
zwkucsmH6+9Ze7bVnsCs8aVoI9zLX6QePm0u0nxJ8/h04BR79oZ/Mx3b+GzlHK/QMU6Uesc0
Tw6Ep1U3JvQOT+nX8uApdv1K9LCvLWygyXeEZZJ/3OOWexSkH6aFN9yHmT84vt8OenLgDOD7
hr7q+L9fcmaUKLMVZPkGVeck02nKUhviklbZu+EDTgH3IUKuSxbnL0asU6pqonKOgKgkatz0
UcBndj7I9sZ2vJNjpzi70fwxQWFs1SdPTuBAmUe0HQ8Bm8mAzfafcsANBGyeCsw2J6cM0si2
1DCSKWNWB9B001A5Hy4Bou95Y/JzLLYpNi8pZJE9aZ3pdeVyAJHjaJopW8PWjI/t4BIzfa+f
g1zF0QrQsEMthJ/qU2kenRo9zNoB4kcBJ9ss1kMP3ZBdpxyzUGcV8gIgW/y8/o3MoB+FtGHs
04DSfu529XtdoBU6ZnwDRshGhkaOXUHdppy08lHiPdwGN4TGT5XLU8VVA+oyc6V42/l3ttLe
fgOfAfo/vXJR9rQYbCYusskEleSpFAG0Ijh6IC6eY5qX9qg+3gM7rwfUTRO8Kx08fM4oykeu
aVWZLFh219Q3aons0cjgBeRrwphcqlU81ewkr6MRGZiJJP4xhm5+HAaF9tK+MpdudryyyCJr
mKyPUsIw2R62YZ211GgKs2h5e7w4CrPg7+HzyntC5Ynx9oFY8fSlcV43haOB2lRfSoZ5AToB
oFPPgM0+6NnuKPMvDlrEclgwLWmjjcydNl2yFXlAVS2pI08tNOA8r2TZ7bXH1pEFq2qLoeY1
mc71Gv8AJFtYn2DgDUtfH18TcngCpAGtwVxtG9hRghiMhI8w28fmeAJR9oYLvLtaGxhBFju5
qVKKlPCrbadt1iVlCMdFWRT46Dx5HXx4BZvZK1jJ6+PyNKWpm8bjnqxV5o+aTTSlHaCLTbJu
iI2NqR58+AFZa0tiCCnFpCmLKtLGH6ms1iVQ43H4iNPU3m2vlpwDR2X279t7GAyma7lW3asx
XZaqVkZ4kG7V42jMWhY+O4kkL7OAbqFf7YU0mq1sHULSK72zanaVII1ryHeJpFZkDAD4fMt5
jgLvb9jsm0R+0SHK4qi3VbGKrvVoyQ9N3eCV1VnQvo6qWK+JA14C7nO5OlYlYW4sfjcaYpJp
2JetEkjTRyLFHCvUmlkQq66nk2n4EKuF7yxcUtibGXZMtDJLEKZshaqMfTBLIJU9cp1lZumy
f3fDgLOXrG9GI8Rka9KxTytqKSS0ryCR1jjlbe2u7myjdqdp8+AF5PGT2O3cgosQ09tQivCq
mBoepXMINgrqAruGdRuGobmpJHAXOzu5rV3GxWpY3Gf7dhilvwlSGsVGHQmkVfH5kcSyBSNR
ImnnwE/3KghgzuKyce1qeTK7W0+W9iAdSMMR49WHXT27NPPgMR7kxy43uBpcaXix87m1jZAd
SiBtdit/NE/p/DQ+fAfof7UfcBO8e3wbRVc1R0jvxL4N4hJlH8rgfx14Bg+lWJJcSSY61lX+
lceC7gd0P5eKj+Xl5cAM7RyaTi523bOtvF6KQ3pd4n12sQeZI/m8+R8+AWPuX2NaOTq9xYGR
6+ZjkV4HUaq1pAWRZByAE2mzX+Y+/gGvtfP0O9e2Y7oQwzkGK5WcEPBYC7ZYmU89Of8ADgMl
+6HYm7fbgSOveoRqssJfak1WMbVdWbmXRR5+K/gOAZftP3lX7qwr9n5065SnFrVklGrSwJyU
6N4vFyDe0fnwFPN5HPfbzLvl6gaTFEpHdx7HWN1UBd8R/QV19J9mgPLTgClXK4aaVZ+2C1h5
9nQqhAUWvMyzfTSAsNhaWR9m4ekBwCOXAO9/uGGHG27dcoy1A0bS8zGs401HluSPXVyDyAPA
S9uZiXJ46KS3GK+QCj6iAMGG4eLpoTqjeX9vAXbziOlYkPgkTsfwCk8AsdnY6ab7bYJI0jNt
aVeaHrl1VXZA3xRaOOTEcuAB9uVszRkzeFzkUWPevj/pqGUPoqy1g0pjKyM24bOqFYeI01Pj
wGfdwd5W6d1q/aHcN67kLEp6ywuHoRIflrDWM6hidx9JXQAaDmeARsXXbIZg1L4+be6ukrs2
5LBDOjsdeZLjQg+3gPbfcmTyNHH4y5KZKONDJRjIXWNZSGI36biOWgBPLgGz7av9zcVbjyHb
eNt3aE7F54GGypYjHJiHkKpv/lYc/wAuA3LKYa9k6FWDGtHiJml+tuQzDqSIZkcEbY22lg7E
+Omo4Cz25jsljQ1W4iSaqCLMJ0jIX0qvTY71OnPzHAZb/wDUq8ytgAo/yzfVDqlgfWxiOm3X
XkAeAxp5W0b1bUCnkPE+fAfpv7b1+mtWuRoMVhcdXCjwEk6tPMfz0TgKmRrd+S5+2PrRVs2A
pxiwrZEESKdVSSQQtXkY/r3+3lpwD3QOQ+hi/cBEL2wdfoFjHv057N4B019vALHdUGZiu1rt
UAxRddrO99kbt0GjhRgNS2rHkAPHTgAt3tRc92ZLhci+y3OsVmlLIWULIsEMQ8dTpuO08Ayf
bzM3Ml25FDkkMGZxTGjkoWOrCeAAb/wkXRwfYeAlk7QxsOdGbqwBrFhpI7isfS0M6gS6Lp5s
isR+PAfnn7g9gW+3e9JcTTj3Urm6xi9zBA0beMQdyBrGfTzPhp7eA2X7XYDtftft2W6ZK/1K
ELdyzvtDqyq6AmQ/K0DKrJy5jgHHF9xYHLFhjL9e6yfEsMquR+SngFTKnML3TYjx9sS0Lbh+
gS2iWYFWOZNdTt1DRswH6SWHwncHVulRzkAiZnx9yurWKNqI6Wazjd8yLb4srRskkWhB0P4c
Bb7Q7ogzqvg87DGO4MeqmxG6horKaDZcrajRo5B6uXw68+AtZuziscqYanrHctv1vpoDtYru
9TEkjauvvH8OACwYXIU8nNcvIa6yqrwVo33gsF829I3L+r9IPqJ0C8BPVspE/VlfbEHCmZ9N
ZJn9AKKwHJPgjHmeenI8Bn/e9hKOazdpaypNicvRyIsLpuavEsUEkUoOpKgS68Bn93A/t3c2
TSvla2KfH3DDBJPI0MhinLESRBAx2LG3q5+B9/AaZ3lkbPb1HsnAY6FrV5KDBIIlDyyNJEkG
0IfAbmLkty5cBz9qu0q2MsvRyt8y38qFqyVajFXqtXT6kRzMTr8xE5PGNPTybnwGrRHtbt6H
6US1senpJSSVQx0XYpPUbcfSNBwCXn+18ZSjvdw9sJVv0bExtZamztJAmyJleSGGBkG8qzFg
xPuHALL47tW8laO9SuYVbgYUs1SklMcKSAElg0s0RgbwOnh5gePAEHkt9o1D2zi6owfWdFky
sbrNYyEkisytWZlcom1dPUCR8Kj9XABshb7DsYqxNNGloEGC7lsk89xzIf0VJS7auD/2XIe0
+HAJ69/fTWJq0NeuYpEEK5GFWglK6qCx5LyOnNdq8A11MzR77x37OjyDujExPLiMjKy6Txov
Ukp2JI212ttOhPs119oL/bk8HcGdWpYc46dFM6WFO0QysVR30/wwwj3MrN5+/gHLuWsmIwdi
KWqtnCwRKQ0xVnjSI7USFmZVk27+W7czHVh5cBldqzRoyyXMBIWou4SWCcAMH5spC67gB4ef
AaH2p3lJl+0LcOwPbotF9TW+J5FQqK84fTXkF6be9V/m4AV9nO3Zf/3tRRToQmMhnuqG8QCO
lFr7/m8BpH3egcxVrMaM7w34IpdCVKw2lVeorL6h64h4cAHs9uZQzYfA4qzHdmq4urBPBNrG
EdWDtMTtPIxyHXz5ae3gF+TtS7eozdu4o9XJZLJTiadyVV0jHQlnfyA9EjaD8OAesNTq4KLK

Vsh6sdh8rYgCld6rSydaKXkmh9PUk8PZrwE0uex2LFrHdvVnbJXEWWe+katJLHDWVmm6cQHN
QUiVdF9TeHAK9XsHHQy1bPeDkz9ON8ZghtksWbCJvmMkUerSbXZtqA6ebnnyBd7iwseJvWL0
9Ba90O9uWpF6mrRbVcRSshKdSQCPeF9I6gA8NeADXwsXZ8InZm2VZd7DnrPbeN38f6pv7OA0
z7e05Mnh4cjCkNOlCHjVI/giQA7pWaTafUQSTrqT5gacB6+SwHdUEsNqOxbx8Vg0a12PaLMB
KCOWWq0K7kiXUA7jtPPXXgMk717SudmZf9olIs0rjRz074UqZYY2OiAeCsrN6x+B8OAbvttj
Hy1HNYmvlWqZBLNmdYkrrPDFGyKetNNJuUI7R7Cq+rUcA0Hs+KrkR+5Sx2FuF5oqiwSRV+sf
LKWgH0idxu00UsW0028uAN1u6I7UNavRorPDJaY2NGCIzRP1TPG+5QqoxXTf8YIAHALHejvB
YjuyxtlaFKw9dKUkCxCxdswxukwg6ektcRepgvgx3ciOAhxldJf89RqR4nGYmfoVLVM1phKy
ruCw9XZI+g/3h58iFGrHQLeM609GtMTeyGafN3NqSyiq5lrqsAkZ31Uw9JAro3xbvw4DiDuv
F0jmjt+omozbr2OhTbbllHyRPI76o2khVlRfhCgnU8AtZz7gJgvuNW7hxOySu8MX7lDGQ7yR
yAJLDLIOUjoqKQdPi/PgNXu4GDuTs+1gqMyrCyR3e37qncEUkT1WB/8AZSDZy/TpwGP2MamQ
hnxOQh+htWHZ6rSclp5KIiGWCRvARSORHr4aNG3AAuw+7bvZHc8WTaJ3iQPXv1SdrtFro4AP
LejLqNeA/UtO5jc9iIbtSQT0bsaywyodDoeasD+llP8AA8Ard6YzKBI87jJFq9x4k7DJpotu
BidqOPBgfHTxB1094MmBzlLP4lL1bVd2qyxN8cUy/EjD2qfA+fIjlwGdZPJjsju89yKWXFZN
kg7hqhdRG+ukd1AByBJ9fv19vAPXcmBqdw42OauyvIVV4J02sHRvUNCeRBHMcBgndmD7o7a7
kfOojxXMfMsyTIeTIuiCRdBzQAhJPx9h4DXMD3F259xu33UiM5Lo9PI45viB00ZkDc2Xn6WH
4Hn4AuUVt4DKGq4Kvi6cdejdEikSQwFj0bMUqru6bNrqBu/1B5jMjXk7UrYvIBf3Lt/IC5di
IdFnp2HkE06IydRgIrDAjTUEA/iF3GdyQ0cxMaVy3YSKU9aQ1N9aRGOv+Pqq/iRpz4Bqyvem
Llw1kRQfVyNEVkhm9FcK4ILTzH0LFp4n2cAiWPvYcFA1SOernrkgBWWHWGlWIATox7U1dOWo
IY/jwGd93d/9xd7X4oclMIqAbWOlANI0A13yEN6nYLrpqeAi/b4cPmKG0kV7jGtJKdR6m2qW
IPhykU+PAWJ6OKXu3HSRTyNlL+ShNip09sccdlkKvG4PqO5yCunALuexc2FzF3FTNvahM0Qf
Veag6K3pJAYjxGvLgGDAfdrvnAY2PHY68jU4BpDFLEkmwHxVSdDprwDT2l96csb1ps/d6Fq3
sEFkVhLAgQELHJHGVkCAsW9OvM8+A0LFfcPLXbsMMFSLJVrcJkq2arNo7bdVVg4Gwk+Ib4fb
ry4AVmOzandFDCVs5JLHYrXLdaaKtyMc1oNPpG8infHCE2kbeY58tNOAwjL4847IXMdMwd6k
8sL7gUYmMlBqvPTUDw4D9Idu5upjcxlobIYSNjquQRAPUyV1krSxovLmnSX/AKXAe2e4u/ZZ
N9avRrVH06SzO31BXUalgAUU6A+eg/jwDPicnNYrJ9dF9Pb27pkGpjX8JNNDwCl3z9w48VHX
kSjFfpymQp1W2t1IyQkkZ0bb4blOngdeA4/dY1xjWnJsVp5Q0TMWIatfrpt3A8wN+q8vPgAf
aPd8lf7jwUZ5urDmYDSDkHc8lNWlrySHw6nTJQn9YKMOR5BrnALP3D7YGcwwlhghs5HGlrFS
KxEJo5NVKyQlD/2iHQextDwFTtvD9o5js2OtjqCPBBJKz0ry9Vor416gso5YM6sfw0028tOA
97c7Wv1vo+vOFem7NLC9KGNCuvoERiLKpH8yn+HhwE/c+PlpzWctFoInatKNPiSwN1SR/wAH
glC/7PADqU8MEnXto7z18gr15Ry2i651/JmRh/tcAh9+fVY3IPmsOHju9sZFJo5CSAaeQAkM
J9qRzts08ArcBrfbeUw/c+KrZ2CugmlXSRXCmWKVOTROw1+E/wDPwAHNZpYbcyZJGisw6bo+
bFkY/K6em3qBjrp4AH+rnwAyrPNYyFa1ZhaRo5dlavGu+Ko6ruJsv5SlOfMaKPL4VIQ/cFcV
Ry1+PI12sVu4oowk0aFm6Zj+nmji2D1MPS+je7T3BmgnwuJzccXdUkqX8IsaRW4q3WjytAJv
jglSYDY+zRFm08OR5qDwGs0cHfzF2r3Pk5hVv5yApVWPRkoUekZgiagbpmB9TMdnM+ngGft7
tbtnDSrJjoo2uSRn/Mna0rRltTtKgKqbj4IAOAAWo86nc0tynBTx+OlaUTTbN0s8sWoj6kmw
D5nhtdhp5a+PAM2F3Wd9u3QSrdKIDOqaCaJ1DA8/WCDyZG5qfaOfAZv2/k6uB7/7h7SsokmB
szPPj6TRgpHKYlszIgHgHV25eHLgCmUmx1yktW9D9bi0jkhkRNBsrWG0Qxa6MGjaP5e3n4cB
mGesWMb3hX7fy+H+uwWFKxy0qQl22InTdDMrKNVLK6vsGgLDmeAMtlPs9VglXN9m28NDCQ1V
2jn+olZyRru1UKFXadHfx8BwFY9m4vH5rF537f5Bb8Tyq0eJtzCOxM5OwxwsqetdrEPu+Ecy
dOAVaWH7n7cv5VLuLO2nHHFlK1gMyLHZk0gbfDIpYFxyKtz5jw14DqKVmkM0ByjUCraQi0I4
kU6aKryHwXTz8gOAgnxmMQE1aUSMfUs9h5rJ2f3U2pr+I4CfAT3MfmorppoaEsMkORgq+kmq
40lcBz8ScnU+0DgNT+yVSZe6M007RW2q1oFiyUXP6mKyzSq5JJPhHqQ3NWJHhpwB3vKjaymC
zUEZM9iG6lV1Y6FN00FmpLy0OkPV8PNSeAbbFSDGwtkkjE1qrV6SDQBnZBog3ePM8uASOzal
rGT38zlfUMSZcZT9O3qyF1ku2tNWOhk0Refgp9vAWhcl7ioZCuUNDL3VjSvZTQKb1WOK3WkA
9XL5yg7v5T5cBVx9TOYaWqu2PK97TQQw3lrBYMfRrkl1ls7NP1asdujSacgFHANfbeGpU+vl
JZxlc7Kmy3kWXaSq6ssMCcxHCv6VU+8kk68Bgv7tev8AbNhLLBZcnbCyykt/5dp2Da6k6lpJ
dzfgPZwHv3Dx8tbH06k8f0d21ZGsbn4InGiKyoOWgIZvPwGnAbZ2lj8VlOy62Gu1mjUwobEP
qhMo8BOvTKna+3Uezw4Dq5isdFTkwmEgk6sTK1mWMxJFHv5aTtIrIdE/QikgaaacuAWO+MZh
4u2Y+2MvFdyC04evUzsUKzpVsEs0aSLEXmRWHIll0Kn4uAzrtXu+HCYLuB6qpDl6VqednKB2
tQyf5aOB+XpiiY729vIe3gOKncnclfHdGaNYruHjm+pnkleoyixoYNDAxWwY22SLy1Gg8tTw
HcGPm7cqS5PuKC09a2IhQpWEJszxoGeOOeWvKPpx1ZgzIw3Ny08NOA+7S7W7tsVYu6pcq2LW
EyRYpp5mLs4XV0jMjaRp094Ynnop5cAWrVseIqlC1lJbwtKtyhJE7LZeWnzDWozo1euqaNGA
vUbU+rgBlvPfS5+9hTVGTliyNm0ZFmeatKZFHRE7OTIIYmIZ26nlz104Cxn+0Jq/bEEIeaA4
+To5SvUhR2k3FQbMk7SRJM29x0wF1CHmeAXfuLg1wuRx9SKkmOieoky1hP8AUOjvp1VeQE66
OCR7jy4B1+x3etlGXt2zIZHgLTYlWPMp42qi+3cvzEH8w4A/9ycDWXNpfRlON7kjKbyT0xcE
W1GbaD6ZIvS481Gvig4DHe7atmvkUWxG4l6ehllOrShGKfM9sqEGNz56a+fAaP8AYX7hR0pj
2tlJQla2+7GyP4LOx9cOvsfxX3/jwG336UN2nLUnVXjmUqQw1GvkeXPkefAZzhr93s7uGeC/
G4xls/PbnIYyvwSl/Fht89OY966cAf78wMN+g1xEWaJ42Swp5oyOugbT2HwbTy/DgFn7X91S
4W3H2ZmJD0GH/wAFsyaDy1NRj/Mv6f8A7uAcO7+2quUoSRypujcHT2Izfhz2trofxP5BgGYx
fcf297kq5PH6o0Tkwyjc6DX468vL1KVI09o9/AbdgMtgO9sMmbrJ0rU46FyAEbknQaqjN+k/
yt+peR4Baz+S7ixZjq3GrTna0leS1T0ChR81ZlTRigA9RiJZPi0dOYBA7i+4vdMM6VbNGnTC
IHgSIu8Lo3wTQsH2umngVPAK+Z7q7iy8IiyFuSaoDuWuNI4QddQemmg/AnnwA8uyoE2gk6Hd

4gcByrMk4kIJCsGJ111I58+Abu7134SnkICrwxrE6Mp18NUP9ug/EcAVpU8PP9we27E9npMZ
HntxMpAjSrLJPXKv+vrfCAOY8OAZ/vH2dPkcNN3DPFYXIQamuoCvuiZt3SkRWYpoDqCDy8+A
xMktq0ihdvpOnjr5668B4S5IVDopBG4+/wA+A1/7d5TG5SpEtDqYefBwRV5t4e1C6FmdrRZT
GYfmal+fwe4HgNFw9P8A4gtjLyXRPFT3QLLXYq0gVtJGQRkrGJSg1KlnYctyjlwGW/ez7bjE
W5O5MZvlxeTkY2gxMhr2ZD8W4nXZIfb4Ny8xwB3O9xSRdt9u9248mKRxWjtM5/xZEZ0niHxa
6hZNR7+A1STBVZLH1IZygX0wAjbrpyOp5/x5cAIt4DKNPLMzSSiVtIYFfRFUgptl8NV05aDk
OZ8zqCd90sRYmy2NqVYAbhqvLtVgodotxKqzabnKg6Lpz4CxTwuRTBvgKU0iwtQaWpNOhEkU
sUn1EXwrzaOT/dHmPUPDTgE+rk4LVGvkYK6/umJvQzqgPrjeEmZqyH+VlEqxa+I2rwG+1bMF
ytDbruJK9hFlideYZHAZSPyPAe2f/LycwvpPqJ2gcvMjw4BDrSrhO4TnoJRFjLzLWytcggOw
G2G3Gg/3iaHqf+z/ALnAaAND4cxwAnvB0Tt6y7jVFMZb3DqLz/Lx4AbFHEapAVXkak8qhtAB
IiRyIST4H1nnwCjkjTHdE8VnbPBaiUWK0yEiSGbfBIBoD6QWrv48An9r/cSt2l3LZsRkDGXG
EV/GxxSoBNGdrWIyyKgkGmjD9Xt4DdsTlMRm6MOYxjx3IJUIinUDdyPqTU81IYcx7eAANHYn
tSb4pKsULkaMDEunxtsZvjLeLP8A7R8FHAUO8MLD3LPBhEcfW4+qbeOmaMrEl4ENCjbSNAYw
QyeO3nwGBZO5m8/k6eNy0cUNqtKMaqKhVoy82xlkLFmOx2PieXAfoXIdzXaeUOKwuHgzUeDj
jhsItyKG2geNdenXlXaw2aeLeenAFuzpe3J6Z/aKjYySruinxsqGKWq0rddo2hJ0XczbgV5E
eHLgDwjjBYhQDIdXOniQNOf5cB0eAxfH4mxa7mHeN6yv1VXJTLYgePYOhL9RSg289Qflg6N7
eAP08Ul/t0ZWCZVS3FLSkbQ6RyM4VJm9hisxKdfLcSeAXs/3r35gOx6mZqNFXP1E1ObrRKx0
DGNS2vqWSKRCFBOm0+7gJ8DJ91Mh2XQaslCtBlWLSzXJpHtWWnOu9g8TpGHUaIPZoPZwDL2v
DhsQXzEvbkGDsvNLSMkQUSKsJKPKw+BFfYNNp9Q5k+HAWbLY/KIuUWVSXiapkpoAhlWqsplr
2NknUDpE4OuoPJmPlwCZ9w/tNXrU4cn2pYrw48MIrUFx+rXjWUgLLE7bwgLn1jTTnr4DgMt7
gl7gwV6TG5iK3jp1A1g3RINi8lZGSIbk1HJlOnAUks2EJtSwy2AUO2Z7Lr6CPiXTTlwG7fYP
GWcf2bZyllTA2WnaWpG5YloYU2q6h+Z3sGb3jnwBXPXKVWK9l8U/WmzUNS88Lj5etXp9M6jm
GdZE5ewcAfzOaijyIxlhNIP8vK8gJ1IaXTTQeWqc+AE93y1KstSnVdN13VpUbc7GOSUNviUa
7i0rgaeeo8uAhr429Uk+o2xydwRQgzysSYcdU2IrJGANpnmWL+PP4VAILPcuO73x+bnxODhe
btuZzKsw1d99qNd/1EhYu/r3MGfy9I8hwD7281OhiFrWbsBmkDoqrKrD5Y2MBtPMr58B+ebU
UfTqxkFoYNqywjwdoJHO0/3pU04AllI4sn3VhsdkbTtDI5nvTsx3iGsOpI5bxBcow14DWcrm
Xv4+C/B1sdAu6pUmgYBgbG1SRHz3CKNSdNOZ08PILvbFe3Uxl6DHNsxkUCSYmY6SB2CN1Hnf
m0kjyeqQ66k8AJs2qt3AN3JeY4/P1opa0ORgjkkMsbBovnxxbTJGW1YA/DyYacBheFylXBd9
Q5WyPqaENyRraRhmGx2fWNgwUMyeOnnpy9vAaPj8/eyOLo5h6A7hmika3HjxOI4UJlNStIa/
PqWTIVLhm8+Q8OAhzEtSe3O/c9OmliGSzJ9FLMFtSmVmXfDOz/TyGFhq8gAKgbQGPAULNS9X
xH7bdysGUjzG9Ocs0MdhFMUu2s0+kETxn9W0Bh58AvdomtelsQT1kNShHNYyV5Nk9xoFZfp0
0n9JWJ1GpTQlNRwDJmOzpPoLncdxJ8xNLCiLlKFtKzRtGiV4glbZrIZXXwBOqDUczwFLuGaW
rjK3bWZsR0s9UasQYJDLDz/xWtyqCTZ3IoCLyVR4ngB33FWSu+JgeYXbkFbovbJkEnSATpRS
LJoF2atoANdp58ApRWJq8yTVJGhsQsGikjJDK6HVSp92mvAfpHtm9S+4HZATcYJ5SBYaLTqU
sjF81bEYPgrNpIvlz08zwChn+zcr3RFeqWYUq5zGdOZ1iAJMu0JP0l11aKdAGXw09I8QeAT6
vay9L6ijj550h02TxhmkDAj5isBpqGI5cBtf247+TP11xeSPSz9evHYZG2gz15BrHYUKWAJB
G9fI/jwBju7CDKY5th2WIwRHJt3FQxH4chprwC52P3Pc+ttdt53bLGrMlSY6FemRoInOgDKw
1MZ9mqnmvAVO8+xEWpaWOAyQMevWuKzdWs6DkzEc/T/N7OALfbbvGfNUGxGZIGdoLtlP6bMI
9IsR+32N7/x4CHujtxJY5orSiaq8ZSSOQlldPJgB4EeenMeP4hieFz+V7E7ksbIiaz6x2ash
9M9fU7NfJjpzVvbwD5kO4LTdtmepIL3bOT0mqzTOzyY6xG+uvU16qRMQRr8UR5+HLgFe1Tgs
xtTsws9N33GoNqOJnG7fVcaxw2m+LZ/g2B6l0PIAk5XEJRs/Lm+oxs+rVrigoH0OhV0PNJE8
GTxB4CB0jDjaWCDTcTzI1H/PwHDcypHweZHnp+PAXLGfyb4qLDs4+irdRult5t1H6h3E8/i8
uAdvt12tb7o70apl78kU2EqRWYbNNopCAHWWBVfa6HaZNTy8RpwGtWqVzJ9udXAZ+XIRzwSR
vDa2N9UwRhtVlWN4ZNw5j4fIrwH57zfaHcNGV5JMdajrFOt1JIXT0hR1W2/EFjY6Enw4AKdq
wqORZiNSPYfLnwGnfZapZfH5+WpO1e1H0J4UUjZIapeYxSa+KSqSjc/A8BruDsV5YaeRxLgY
nKQRyU49QigN6tmnkVHL8BpwEN2vis1OuNuQLfx9guJo23CMaD1uu0jTZ6FH4nz4ADd+1Vmb
tmnhKmQazh8dfa3HTKKkxhYsxgWbykUSNzbkf6eAa5O7hXEUS05bDu7LIIg2leMMFT6lmUBH
05kH2a66c+AKjITyKGgrM6k8pGdFTaR8YYFtRwCx3nQv2Ja+cqVoMi+Ngsq8TL1FDSAdN1B2
htm066HX3cAPxWcqdOC3DYjUrCLKVOoiddWAJYqD6Zo9GX+tdQdeR4DIMnfxkHeXcccMscUa
KI4q6yaRWQj6n1cirhNrKw5q44DWf/p/7nizPZb0FlMr4WxJWj3kdT6Zj1K5fT2Kdv8As8Bp
JAIIPMHx4AFmMdQVoYughjWN1VOXg42v7+a8ifZ+fAeds30qw/s9yQJJUCio7tp1YGHywCxJ
Zo/gPPXwP6uAX+/+4TFI9DKR28dTE8UVaWFerDfSwAnTdwCsW2TXUMQ2g5ePAeXc7G9jHbY2
WvHHPWljBO4FUnrOhHLfzgXTgAObvkW6M9dY1tz0WWN5G0ZgKta2qGQMo59EjgFDva5lIO8M
vRrYz6ukJUdPmME2zxpKo1B08+AY/s73VZxncU/b9+gMRQyaLYqV15xxzqoDMG8lmXT/AGh7
+A121iq9h2f4Wchn/UGZdNu4HyG0enwJ8eASu3LVZO88jJWlF94IY0la04FqOWy7yJWQDkAq
qd5b1Dw8BwFLuD7e4u/9y8D3XW9FWeffkIjoEM8MfUqyf3pSF1HnoDwHfen28wuX7is3cxjL
LrZjVhmqEzK0WzRFV67M+pRVB1VdD7NeAPdp/b98Hdhv2Mzcyz14XgrG0EVxDIQ2yWRVEkgX
b6Q59PPTgG3gIrdqvUrS2rLrFXgRpJZGOgVVG5ieAxCpmKfcVEfSmdOpcWxJMkJki3ESOsTA
EalzY10XUgKTwDz2lcTF4C3jrNXbXrLNNLXI3aCcLKeQ11iYyOddPI8AtZLdfxue7cj2TwXo
EuxpKCSNzLEH156HUxkt7dTwHuHvVO4+2O3IBYuUkwNdh3DNEWgnWGrEE2q6c2AsKjenwCnw
PAMfa9bDZHEp+2SPlbOMvWYDJbmaRlSWbrFpQ2uu6PboWGun5jgGfIYSqpS9RqxnI0y0lfmY
wdUKGMlP0kHw0I156a8BnX3Dzyy4uzSZYoq6qzGnCAoDEEM8rAHTah5gjxKjxPAHe3cvQyXa
OKy2UxyXs3j8QbaNNGrSqyawuoLAspkaPgLebmxNvF1sxZo0p68ShZPqYY36DsAwkjdhyVvh

/HT38BXxcl+zfweSytkTNhhlor0kcZjjEiFUQ7FHICLwPmPx4BV7ohlTuTB9v4ub6ylnLomr
SghkFAPDYniSQN/uukdP6SBwGj9wS4G8Tjrdg1549HFhCF6TD4SzHl+ocjyOvABsZDfRYspa
EWQyrMtLFKBshkeINHJe0b1KpjUnTX4V9PNuAaqWLjq0pK+7qy2Nz2ZmGjSyyDRnP+gDyGg8
uAzb7jvlKdztzuWnYtV0ZHo32pyAFXA6kcjRNqk3TKyfLIJbwHAFMZBSybSSZahVyKz6RwZb
HRGKc9QjeJkQlo5AyeoqfLy4DN8r9vM5WtVVxxNmoMrPVaLdpII474MczMxAYsJf+WvACKds
V++LWaW4taniAVlnVvURqQ8CjX1GQ7gQNfP8eAfHisZWu9oQzQx5Fkgr4+dz1IccwWcxpXjP
xzsCzOfVs01OuvAOEliW7kWxVKMRVIICViVnhiEiKIykbptKqqajl+R8SAGWKeYkDYuWBaks
qsIJ9yTV1VGGnU2HRXDbPTp46KuoXUAg4TF9v5Xt+erbha3ep5eyWx8DiN54tzzSSSSOnxJA
JNihuZ0568AkZGuMbZkw9iWamlC080coYmXbImsDLDqujsgTc27ly8OAO9p2u5cxLOMVRqtC
1cVJsvlS08FOGMBkVZpyUj266qoBJ18+Av2MT9vcZI13uTL2u78hGqj6apG0UDsD04o2mc7t
o009BA04AxhfuRFbgrYbDV07eS0zRCKnFFEEWLcZZJJpvQrbduzdu5+PjpwAm3cvdzdw0Mv+
6fs2PjotkVnjZFFeyh6c7NGjnpvJIw1ZtTp7uXAU8nksVcxW3PoboxVtJa+5GqWZqtpyJgsc
QEej6LIHZ9TodOXPgO/u3JAs+JgE7WbSVVksK0m8L1EjMYBA9WiDbuPM6c+AUsVgcxm5nTGV
nmdFWSRlB6cQZtgLt5ak6cBrHYVCDsK1XvDJNaiydSGS9WCBoipDlmjeIt6onGxP5uY8wQGn
5PGxWshQz1EJI4jaGWePmXrTDcp1X4lDAHl+PlwGT/cbIXKcslbC/wCXxEwKZWZCJkiFnT/N
qE5fN2ldw8GBX2HgM6xvcKYXJ1buEU17FKQSJZYkyS7QVKsPARvrzX+3gP1B2Z3VU7p7erZe
uOm0y6WICdWilXk6H8/D2jgAnd3Zo0kyGMURyepnQ6lOfqIZRz2E8+XNTzHAdfbfvqLPwS4q
6dmYo7hJG3MSRqdu9H/V7+AE959u2cRnKefx7PXqwyN1WhA+UJORkVDyIU/Ev6l1/IGfAdx4
/uRJKVlRBlaZDS1w3Mprok8J843/ALPA8+Ay77jfb9pK81yvI9vKUmkYxBRvkrhtypy8XjXn
/o4BJ7d7tkwWJjruonozWphZgPPdG0cO5k0OoPLgDNv6ZVhME2/H2W20bnxKNfmfRToNBrz3
BeQPxxlW1XgFDuE3BekSZmTedzAtuDN8LN1CBvPLmxAb28+AHgkRui7SPMk/zcgf4HTgOAhi
0RuaDn5eHh/p4CxTSCzbggmljqwTyKklqQErEhOhkcLzIHnwD99tM5D2pksZZYAR5u60E8nJ
VFOPdAsvPmFM0m4a/wAvAE7/AHLRTubPQVD0Y61qSekHGxXB2mV42bTT5oLBtRpy8jwFyjeW
Xt/G5i/OLy2bX7hl5012RNaVqtfHwqxKD4i8y8uWp8xwCT379vbOFVczViP7HO+iyh0KKzkl
RGqkt01HLVvPgLH22v2KOD7sswSlZoMdvhiDEnV90BlEQBJADaM3ly15aEA1/YfvKB4z2VlH
JjkDS4uQnTafGSAN+PrX8xwGsWKUNKZpIoiUkVIgEUb9Szs7M5bmPVz5ctSSfYAGzZnmWy9W
40LzydStNGSqJJGu3dowb0M+4NqOYHAC8R9wJ8fG2Pzkt21ehLJJPThjmXejBJFkUrvjIfUD
dyYaMvI6cAcxWZ7ZvrFK96KvbdtsSSj6ZmaTQ7Zasvo6nhqV8fLTgJczJkchPNhrUqYuvCYJ
Uswv8yUK/UbVGKaRELsYerzHv4C1Vr16ilanXZVJZ2qVo0j1bmSm5fV+Ck8Bnf3n7UoZ/tux
kREr5ejG0tLKRps68cZ1mq2VCjbMqg7Q3n4ac14DOfst3FF2rkjmWmlaGwRWuY+KJpS1fxew
SvIGNiGUDUkbuA/UtazXtV47NdxLXnVZIpFOoZWGqsPxHAU8t09Y1Kku+4K2ui6AakHz9/8A
bwCnmr9aGGc2SrUqFZ5rXUTXqIV0KlWIHq10UfzaDy4AF332/j/qcbgcdasrlLMPWp1Z52ej
NNT2SrBIrMWimZW3IRoOAWcpnJbP1gMVupLUcx3o3G165mmEju3mvTLbg3gw14Ay5y1bC0Bk
L9aCgYKyW4JVRtFSnHGXiMm34mdeY944BX7t7WzNCXE3b2RRTYpQMXKIytLAnS03pIA2q7SV
BI4AW+U7gq5KuZLAlrGtJHcbHxonTqysVKyzMrom4ojePIcuR4DacL9yIrmPrzU6t/KVbaOt
e5BWDFZotEaKeNCBG27mNxAI058Aa7XxGRXH2Je4q9Q5K/K0s6wjeux0QbHZxzI26aeH48AQ
s4iKwr15PXTmB3puYOrAhlaNlOoYMNQ2uq6DTgAHcfedjsuKBs1Xmv42V9n7rCqjpr5Cyg00
f2FeTe48uAiP3c7XkZxTL2thVdwGwF2LegbtOahdzewacAbod39v3aAui5DFFqysHkUaMmu5
dddDpofDgE7L95YrL081HmI2u9mtHG8c8SshQxhTJG4jdXmXqDU7PeDwCv25lUo0ZKna+NfI
1bkhr4prSmKqLMpAlewXYy/Lj2Kq/wAn468AY7Giy+SxMtq7d233lux2rEgCiQAwFU05KFCs
yqPIeHAB6aW073wyWTrI8F+jZdGPTkiFoxePgwIkbT3/AIcAHv5q32/JfzGPEeuSjWlbWVCw
ghyCkmVVUjmtmKXkfHXgBHZs8uJy8Fnt3uxFytpxFNBPXlWGYD4RK0zbX18ueo9vAPuR+/uS
xQ6OTw6OZVIhsVJioLL6dSk8fp3Hw1/t4DPcl39kchkIc1DDHjzWkU71CNPIgYFlVZVKu6kk
hmXlwHFLvhEjvSWFfpzMsQWMhZ5IH9DKdm0M5Qu0jfqcg8A12+45+5+2ZsdC8U1izCyOIT60
6k/1SRD4U1jKxxKfx9nAaP2rWimix+VuSET9wUnW6ofbE1gpCjbUB03t029QH+rgFjCY2Wl3
12/Sssqt2/PYx8QPJ5RNUmlWbaSfiCH8tPbwE93Cdrd/97WqD1bdR8No+RcP/lJ1ZjtRl15O
W57h7Dr4DgHXtaaHMSy56EAY4bqeHRfg+mhba86L4DrOvL+hV4Ah3AbX0GylKsV12Arq77BI
49ewH26AnTgEnLYpst2RnsZlP8rPFba9SZmELbgRaBjZvhLSpIoOnADOzblKtioryWzPJKjs
llY3E1kyEKlqaIghpIF3IXA9R0108g77hydu5Tjgr1DUevaMgkaV0aRR8aldAdCqAbdNSwGm
vAKPaPa897u+KCWKB8NSklyEXUiKmQVYkUF1UKvORk19vPx4A3HLGmINzIWfpIskr/uSCQts
kc6IyPGranapBTlz08NOYPvbcFTJdrLYwzRubWxvqGckvoRu1b1lCNP4/wAeAF2rqxyWKJrN
XFIlDHMu0SlvTGw0J3RuxIGh5/DruZtoIuCpfWY8yLTWD6bLWZpb0cgrPJ0Wd9LM8hRekEBX
lr/YRwCfk/m/cqTIW6kelmX9zekzieJg4NhVLoFDI3I8AWtPBPYvxTyCNprU1rRgETqlWQS9
NBtHOPl7zwAanXN560UrEnSKVyy6jRVEzajUalj5+/gGHEYChalhaWLejzbtFYKWXrInMezg
Fu/YwqYqJrrAXfp4mjrsF3PExliKQyQck57ZH63qI5cA59p9n3u8cGtnO35sf2VJK37ZUWVJ
bss0Xy406kiuWVW37V/gAOADd69n4uHOVv2sOmPtIokaaVmcLHCjiWeSXd02bXbp8PIaePAF
cbYp4PESwUMZEsqBbM8/WMryQxg+t1i0D9GQ7gGHLXX4gNQXL/cGPeyiVUnsX2AG+CUpC4bT
YEKLG8fmdBy158BoH2R7qlxcydq5a5E0dxnOMh6m+SGWPRpK7/yhw2qDXmQ2nANXdnbNOtYl
uPX+px9zWO1CqbiY5WBljUajTfqW8fEAj1Abgxn7s9uY3tzIUIsZsNKzE9mBo2LhoS42EMdf
fr7+Al7Q75s9kd1mZWM+KZI69+BNSHRFGjoNf8RD/HmOA/SWKylHLY+DI0JRYp2kEkMq+DKw
/wCWvAJ/d/ZEdawvcOAiavkYZTPM8DHeo27WeOLQqwP608xr58AQ7V7wxvdNWTGX1jjyix62
KuuqSRnl1YSdCV/tHALndnbOT7atR53ByF1iUK7Po0qeoHkeXpf4T7eAYqk0HcdOvYkjWnlp
I1leHUESoNB1oWHxLz8fYdreWgZB90uxzi8n+5QxdOn11FtNPkq0uh6uo+BW8H9/ATy4Fq1K

wcfj69mtPXEU1MyyoHXcr81ZnG9Du2sNNrfw4BWv9sdwsjxNRmlUyCGpNKyK4LHTZLoxRj7G
118PbpwA3Idp5mlX+pEInrJr15a56giYczHOpAeJl896j3HgBh2yEbFHPUghiR/HgJImgiSf
qxrM7pthJYjY+oIcBfi5AjT38A+dnrQzPfEUc9A2MZTow1oaN4FZCiKqtMi6bd6yF3G7lofb
wGqz9pdvWoOhlknfGxLrFI7rFJ1B6GAEIUgAH28AsWJKNrtPHYSFTCtRxJWgraoIUhkIW3al
g1DWJY9WEQ8GbVuAK0rNM2o61RVloZOQmt9TvnO4r05NOt/ixISd6jz8PbwGcYztm3S+8iYL
t2WStEs50m0GsVVoxLPGyybg2ikrtYHy14DrL4THV701iSCXtTMU7TxQzqynGyTRtviKvGxa
CTTx2Aop9nAaj2b9w5Jqi4zvpFxeRIDV7U21K9mMn0kTKTF1PDUBtD/ZwBmxDgKdia9YvrNF
GrSPEjB2AbTmFQ+waDlqfxPME29l8llcjl5cPLFFgGYW0tR1RacSCFBKk8cUscyk7dQChP8A
o4BDzAsWI2uR5yDIwxnbJAVepOhOvw15wrE6+enAPnbn3BzVyLG4SSilm21ZFjeaZ0lnjcEi
QOPDVU8fPgNBw1ruKzF1p2oGNHKGGt1X0VQOQncgMf8AY04CrlsXHkzcfHytRyDxdO3BYjLQ
zIVIQyxH0sR5SIdfI6jlwH517AsY6t3FZxWQZIakE00ViQOOl0+vGhYMdOS+0fp4Dcvt9k/2
2/P2vJt/b2LWsHOh1jMTsxmqqR6QYZAwUD9PAOt2CvNFpYYxxrzZg2zkOehb2cufAYv333ji
MpmK+LgYUO1KtmO1evKCTbmr/MSLeobQaL6d3nodNNOAgkeHJ4zI5fPTTC3DfxmamES6y01s
ghoVVGDqI4UTcfHT38Azy28V3AuH7knT6aKy0+LlsMCn1XUi3QiTd6ZF6iFAHBGp8OAz3LN3
Rhe60zFCs2bxcbItOGaJzVieyuiVApJCMP5R6dfD2cAx5junB46olexUsVxWk+tofW1po6bT
2RrZrdMpsPT1JXTl48AjZfvq5dilhpNNW+qi6FiTeAGr7Coi2Ko1jYebcAe+xXeZwOcGKuMy
YjNssaOw9CWxokRDeHr+A/lwH6J4D7gK2TxtHKY+fHZCFbFK0hjnibwZW8eAx3J/bmDA56pi
JhLNhL+6Ole9U0oYr6qrpoYkbYBtfTXkG5ldOAdO2ex+2aeVWxHRheeup2PMeq6FdqgJu15o
NBr+kf1M2gD/AL6dwVqPbkOEaToPmJNJZgm7p1oSrzMPDRm1Cr+PAJPYWagxXY92SQvJYENi
1in2qwgkKtyHkNG6bH3jgCXdeZxeCwMOIiVo7UTWbLNt3JrBAiON2v63APPz4CjUtrHkMVVd
GSwuPxoVfJbF219ZYb2kKJ0HAe9y0qzV83j426ks2IsWFRQAQ9SdLsf/AF30/PgETDZCOxA0
EXZ9fK6K6WOhHZ6oLj0MrJvMbDTXgG+lhu0oUMeImnyUk8J/cO2LzSLMG09T03ZIhK6a/CeZ
9o4Af2l25jL8eU7dtg5GjIsGQxTJIIpoJGfoSkzMGVBs27ww0Pp18+AA98fbjuTs9xNfhMmN
kK9C/Ho0Z3fokK6hH/sPkTwE3b3dGFxOH6EG+LK2TsEzruiheQ7GtTP4t01PojRfbqdTwGhT
91drLBDjsNZjvQYeajRrb5RG9lTDsMkBkGibJUViyjmeA+7Z7msZju3GQ5qpHDmaPWCTksJn
SCtIvUfUnezKdoYcvE+Y4A79t6hh7IxwvMkGW70svYsD4WeHa0hVB/VXj/8Axa8Bo9KlToVI
qdKFK1SBQkMEShERR4KqryA4Crn8PDl8casmoeOWKzAysUImryLNGdw/qXQ+7gFbuvJ1sV3H
TyuVklxeBu1DXmthBIn1XVWSGOyjK4TaoOx9vtGo4Aaezu2c1TlwnbXcr6NHLO8URgtRxrYl
LO21AhUsSUHq5LqBpwAnF/bPI2MkKJzjyVKhZbGRjqmFjJqyvHBM8j7pNNdzcwPefALndvak
OIxMl7tzLS3cjTikhv05rCyyT0zq1hI4026SoF3L+HAcdmd9/bvLdvLSvT9JKkJgs1J1SOMx
sdY+nEC28KD8S8+Wrc9OAYZ5c/BkIJe2bkF7DUtIrGLVVEqLoAAigLu8RqzNy9/Ac93dw4V8
bVuZeEpFI2tasQyyySIQNS2gZYweXIc/aAeYY/ksl223b9ujkLE9j6bIWmt1KzMZQWmk+l2t
YYwLHqSW6a7gfLmTwADGSPa7lx5BeeebHbWLsXO/6aReRJPgANBwB/LxxQ5O8iyJMiRIu5AR
tMsjyBSeWum/nwAzFfUfutVFIAECKddeY6Q/Lw4By7dp27UsUUASWxXdugzNsjZzYVxG0nkp
RSQeA+wnZfcWNzOZy0WMpTwwW52JkbUa6GZTCJlCv09wb08m8yCvAXft1LdbtLI46c/ULTvN
dquddki2EXwiGpTpzyK+rekePlwHuc7kSF4VikrGa9Ykx98GQyWCuxobPyjs0CNo0SInrO3Q
668AkdwdwV7Nm1XnaSK9XcCnkBI4jCKzKR0tDIrbNNNzcmBJ0104AGrq1lamEWWeyyrpYJ0L
KF2lVXwUanxPhwDBjoKNPtJchjVK9yY52uz22JEkTxSmJokPqjKtG2o9/PgNx7P78x/dvb/1
cKLPLGrRX6g5sJFGp26+IdPUoPjwCD9ycS+XqmqWRa5siXHWZCAsBfRUGugKRTbgsg/S21tP
i0DHryXIr08d6No7qSMs6SaB1YcmDAcA8/ar7nWu0LX7feL2sJabUxBhrAx/3ke72+a+f48B
+hsHnsRnaC38VYW1WYlSy8irDxV1PNWHsPAA+6e0Ip51zWOTpZOuQ4eP0tyOrFSP5vP/AJah
XxXceO7iRsTkOkuVZHjkrltY7CgetPc4XxX8xqPAFaXE5vt/MiuzzHDu4mqlTvs42eY6CaDx
60G7lKnkCfLXgDGO7pr9y2Je1s/FFj88UZGXTq0chXOqOYHPMhueg13L/EcAEitp9vGMPc2N
lu4MyiHG5OMCSSJFYjo2d5XdtUgI4+Ie/gCKfcr7QXcfNiLELHGTaNLHPA0iNyADaAu/LQc9
OXADzluw6TRWMRma13HY8ky4vISFLUUXKRjSsyhZzoF16UhZX028uAI5f7YdldzWg1eNMeMh
B16dqqnQkEqkdVZoDojgq6nQoD48+ASMJ9rL2N72t42YLchxsCTJYRdoZZ2IjljVy3OJlOvj
zGh5HXgPchZ7ktd3rle2KokgoQy4o2ZCHScR6mYbCVbajcgR48AUEfdOUSHFUs+k5k1azTOM
nj+nlca9OJpCm4N7S4/geApR4Du2XG2rMWWnhmx00axFIo466pqdzSxszy7i2g9nkeAqJN9w
RLJmTlbuqygXjWgiEqQLt3yrEvpEbADTTkT48ArQWpsj3nKWs2LFmxcHTyMcgik6cZ9Uj9PT
1PEpHpI0PAN+f7YyndnbOTzdVilbAWHgp015i0yHW9ONeZfc2iAfynzPAIOIzmYxkZix1kxw
uD1oTo8Mmo00aJwybtPPTXgGHD981aX1Kx0lFW/Mk0qKRvjZUVX6eij0EqNFP58B5h8llsn3
FOvbxkxvXiP1EwcgmNSGeWbaDq3ly5nXTgGHuDD4mtDmrV6SbI5HEnFvctTEiZo7TbZEi2BV
12fzAngC1nBQt26pqHbk8EZoYbEPKZoGJuUz6OejQvyI8CeAJ/ZW/ks1NmZcnkLNt67QJErz
sQoYOdQEIHu4B2yef/ae1L+atnrwUY5njY6K0qJqqM3gNWPs8f7OAyz7IV8KuJx802PqSXLc
lqexZlRWZIYl3SSasCQAzKo/HgDX3Rv3Ejq3niSti4njq5CVXKSJ9WyzoybF1RqvTidn1/UR
wCXN3Lk+3+558VkbFnPG08LU3jlV5mdtFCKHLJtkPwg/jpz4C33jkB3t3xhe1MdCsNOoypfE
IC6T6dS3qAugEIBTX268AUykkq2/uLGqQG0Y6UoklJCogi102+o6R9MHX26e3gLVyxlpu0Mk
81l7IyT0clgbEASEwyyRNKmkT+lP8xXYMAfPUeOnAediZ7EZmhb/AHNepjLtVFvwklkSZ5ki
RvXoVKu+qsfy12nQK/bMmb7tx9/tnMSJPfwmWqQkSogU14rPzhtVdrEpG2oI58A9YG+s5zWW
sSVzjUb6Oi8aR9NUhLIEU7QW5nzOmvLgKMNP6jtJqd2ON6zrbi6JgjjSNopdY5EiVQquu5vU
vu/HgGftHI2LmGSO2WN+kfprTNpq7RgbZeXL5iFX/PTgDHAfcAPz9erax7V7KMySEbXjIDxu
PUsiFtNCumv/ANnAUe07NCRbMUcK1slE4W2igqHH+7liDE6RuOYUfCSQefAZR90Zandf3BGL
itGaHDwO8kWoaONogDIoVeZJZxuJ8NvAKXbeTqDCVcffR441axSsrGQJFDPXjZ11O3/eefs4

Bu7sx0vdeVbHY9Va9ZoPVTqkIj2NY7BZOfp8GHP2HgB2ejyj9z9sRS61LaGkl5td6r9LFEbG
u3X0jojn+HAQd1WzDmL9kH6Z4EYcy56YjgEGjlQT/i3F15eR4CnVxeVytuGd+7YcxWKB7cEU
88D+hdpB6S/hoxA1HAVs/RtY7KPj5sW/7XEY56OQx7O0kLMBsspJqTzcc93n7+AZ/sfFPc7q
zVyIrcljomKQTBo4pppZiZQ+qkjqbd59J014DYocfh2p2KDQmWvbncNUtKzRb9gYpEsg0WPR
dV0GnAI2d+03YmerSTwpPUuUpG+q+ljFedlUeHRlUIx10O/T1e3gFGb7WfbJlVDncjVuPJ0x
WsxxpJ1NQu0q8aga68tTz8uAGf8A7uMp2z3bgRTyde9evW1WpGhkWRodxWWVgy6Kqxbg41/D
gNvrUMXNlXyMyJFR7aUVsc7HakRSIizID4bQriM/3eAYo5I5Y1kjYPG4DI6nUEHmCDwAXIW3
7eMl2QmTCSODMnLfWkkYAyKSQDEWbVgfh8Ry5AFz7hdwpVj6OWqAY+KxWs0bSyaxWIdQllG/
llSN3ZB4Ny4BKznb1Ttzuq5NjbLJkfRkcVZrIokG302K1gDaDGUCtt5BgSeAI08vazZkjNa1
JYx7I9mpFaiixbyTM8kDHb07Dx6Bjsf+7z5DgGeLG9o4a9Jncy9fJ9yVa5MMFOA7oK+0qIqt
KMyONdxBZuZ18QOXAJXdn2bwtmevkO2fqsc9yI3Pp4jHLFCeTts9QI26/CraezgIO0e2O9qS
wXe3+5cNkJMu0j12mebfL0gNxU7dxZQFLIfDz4A5iZPudnLCNJlsH1oiA0YeR5VVXBcFFU6b
mjHn+HAZlksRLdguW8najixmOyFrSCCAG40bzuDo4C7kBDH1Mdvj4eAWe18Ebf3LxdehDJUq
Xqwt1BKTIYq0lVyu9uZZVYEcB44WOrZu5B1jqzTRiF2PrlALn5KabiCVYc9Br48BRgbIu9l6
ka1I8cAZrNpJVfYuob5KjltQ7ivl7efAOXb1Idt2aiZpK+UgeBbNWKaH6pq8hk6cUSCCR1jM
jbNGZCdW9x4A53JlLH0yy24nhoxtYNnAll5xwrJG7bpGj6hZ5PUqE+/U8uAU+x+5aYyvcH1u
SmrxtV3fTuUjisPDuXps6KnTRQVG1dC39nACrH7ZmbVW1PNPF25j0k2GcLHJIzSE9KN00ZgP
Qm9uY9w4DnGfby3bme3dikoYcPK6pYPRsdJRI6mUsNFPo9XmfLy4CqnSrzzLXaOhQZx9NWha
QvLKAFjPXk+YVOpJ8AfMcB9LYkqVsvUJUo8A0BYJr1vWxHP1HcB6R7eAufbzu1+2M/DcoqzV
Hg0vwMdRJENGfZt8JFfcy7vw8+A1vuWaDIbpWVZqMnT3NoTGwsJ8ouP1QWYy0f8ARKP6jwGT
9+YlprL34oX6tVCsm/m0leMhUkPhueEHZIfEjRv5tAV6OJyl2u00MYMKOE6jvHGAToSPWy6n
T2cBoXa+UynY1+rLhi+Wq21L5SqjI6OoICNGY2bSRQT7ffy4DdcDncfncdHfos3Tfk8cilJY
2HikiHmpHALXeH24rZJ5Mjh1jp5UsZmcAozyquiEOhBU6gc/bzGnPUAGD7yOTtx9pd4bq2aj
fTHZTaIy8i+CSAabX1Gmo0Df0twFLu37fZeOR5EUzwySJYlhqHpzQTu3zLuOckbW3ANLCeTE
6jmeAn7Xz/duVD4C80AyEW16WWli6tW2Fba0giYrpJy2zR8iNdfSw5gYodgrbyFi7ayU9eB5
vRQxcEdJFb/edWeFN8o1157l5eI3cA33+3sfkMTLi54gIZIzAJCFmkCFdu7dOr+rTzOvAZxk
/quyq2K+ttp9XgZB0pidDcx6yRwSelydXFaXR9P1RqfDTgKzd4VeyKdyCqhyHcnc2TuS1QwK
hYZLDRQPN6mO3zX+ZfMacA0VO18d2/hKdWVWt2k3CIMAvUl0LuzOg5K58fyPlwHtrHYW4Flm
gkAEiywXK0rrLDLyViu3mjKG96nly58Asd0dlZ/G0KzY2y+Y7crgm7oFlslEYyq0kPoSVEU8
wDqfHTgFfJ944SpO4pXI7UEeyKJqwfSVBtZOjHINEjj80LaFh+XAK/aTOcpdz1lupJTDWZG0
HOWRmlY6Dl8CPwG64ahWxnbWHq2kEjUq5vWVPPdcvh9xP4dWZz7ANeAw3vfsPM9nXWS1FpSs
Sypj5lkVt8KHRNQPUp2svxefAX8XjOy8HNI2clizUVnHfVUvppXjAseAqyBdXBYnUMSPPUcA
6ds00noi5RNaxdssDbmotAsEIjVQldQzowCDnqRp4ny4BbPcNatStzWoBYTOi7FNDu6jI0Do
Kj8/SwjZdQQfA8A5/ai1Fk8TM0nomx8SVrDogZpY0G+sx8SCnqQ+0acBJ2Laq4fJVZt6Piu4
K8dWWdfQVmj6ixq23zjYPEz/ANznrwF77p1M7lJKPamJjethhGs2QtdImKONDsjQSMdrEeIQ
eehPALeG7O7h+3szL0Jc321bVA1yuhexBAhM308lZdW2SSab2TX068uAc6zYzuyrJWqvXytC
YvXuWCSoQOvUtvt+INIWVFXyUae3gMZzPbMnY/dWFlYdfda+pqyyMrfUVVmTpu6sNEbY21gf
x4C5Xya477wS2cTpBBPYmMXTRSGikhaV9o5j1ONeAm+32TymXzXc09ohrWSwtozJGqrzjZdG
HU/Uup8T+PATy5147V6KaZsh2/VpYaWrvTohqtaxDoVG1fOWRdw8eAGxY6zi8P39glkMkWPi
RlKHVdUtIY39v+GBz8uAc6csWMx2f+5UU5iqZWvSmowrt9dwxBHT4vKc6MNNfHgB2FzGR7fp
9jSyXpI6N2e3Bk4NyGLZNIjrIF5hdpl3g/EOA0yLGNT7Kj6jqZsfDYLySuSr+pt8kjtqSW03
bjwArAX58dm7F+1OFpSvVq2VPJQ9hY1gcH+YSvtPub3cBoHAfcBXyFdLFSSJgWBGoAAJ1Hho
rek/7XLgFqBpI7URr6des5MW07ztkb5sDv8A7wylSzN/2nPwQ8B+cO7O5Mk/fOYzFexJVtT2
LEQIGx1h5w9IqfD0LoRwEeLyE163L/lZLFiWbrolKMyESySRySAouvp0j5e/gGqfL/cCTJVr
s+Ft1akUhZnjpT79HBR5DIqq+u1m0AI/18Awju7sqlfhswXLD5kV/pKi2ICFSJiGnnclTq86
x9NE01Gvv4ANLkKHc0q28At2K9e3SZWCFCXrmJ98gXm/omlnaT3Ku08BQuX612YmzTrQ3hIf
89BH9PMoi1TRDGVChl0bQ6j1Dy5cBb7XtvnJbEEbypJVZoUuRsdrmYek9E+nntG9PD/UB/7K
QZ1IsnZq0q1y2uSMVqWey9dj0IvgjjCNu5kka6e/w4At3h3LmUyVO7JjYVt17DtNFHNJXupV
i9LwvoUWTqbvQ4bQcB3lLvfuTsV8MYalKCzDJD9bYZJ1MEyfURwSPGzSK21FXfrtJ58+XAA5
e0/uPBlKFSpYo/usfQttAZ2Zoyuu9pGZRGwjBHgpPhprwBLBw9w9sdzS3cy9OziKeOv3se1P
5xZiYhuDuGmbe0mwDXx4B4+2XWk7PjqZDc91ZJ/rBK252aeR5WLHnrzcr+IPAV1g7i7c7fjw
OBerfyVOR2grXJulJNR3MyrBtJIZQQmraDUezTgI+2/uLQyJGBzsbYjNGAh618ACQoTG/qYK
ja+OnmOAEdxii2BGEzQ+qwEJJe7u1khZmAjgIVSjDRj6wNETn48Al5K6P2jAdwI0c/0Vpsbl
rETmZAa5EUUp1bQo0BVmYj9K68BazGNqp3PFJHmmxdE1h9a7vsW2sLrOkMjkrHHvBPTY89eA
Zu0+4e18VDan7N7ds2JZh9Rk77nZGiEnpdSeXc7kj1bI1Onj7+Anxdy7nMXdx+UjjpX6F92g
sw7khWO4ryqoZ9p3erRl/DgF/F4/HWs13BRw91ZB9N+91jHyjp5asRrLH/fLbW8OQI4Cnkst
Zr/cu92/j8aMhPlhA5iWVkPVlhjmkZ5NFKxoNeXgBwC5mO78BUwWc7davLNkLs0qK56bQRTf
UuWmVnRZUk09JClgfH28BPB2jQ6Olua1WyGLgEFhK7xxy9QJ1ZEWz1DFMG3bY4wdRpp48uAI
UcT2phqkSyr9az2UBs1ityV3mDdGg8zx9KN42Qs7cgdeAI9y0q0GDq18jNLaoYywt+xagEfV
nZxo0c84dgu9Yzs5+rQDTQDgFbpJa7hq5y3l0/cMsRMrwh1npaFdEeuBXd2CnRXU6Of48BRy
mfyZrSYCI/WzWJpAKhg3MhWRiDqzNL1iGIPqIA0GreQVrfatXHdaPNWHM4T5a0YxIkdkqHWG
Qvp/hqR1FXmnAR/v9l+5MVeyQ+qWo9eQrMhRWOoLyOoYAnXzGgbQcA6/czueO7We3UUA5B5K
cskcm5jCg2yKADt5FfLl+R4DOr1mxIYo1YBK6r0GQg6k89Qw8W56HTw8OA6nluUZj9dF1prU

ASPqE7lRxtDcuWo9jc9Rz4AiK+Nxws2FYiETitXd21LlU3TqoXkRu08eAP8AYfetmyh7bvsG
WeST6AM22N0m5zY6RyfSkvjC+uqSaeR4AhdxFq5dZqtlpNrrPDdkVjLE8x6PWkgAYmKUjpWk
09D+r4W4Cy3b+Kx1YRVUWi6SAWoXV5Ola2+td500j05x+WnhwEq4hLny1mEZETsZOjK0LgjV
iEjiZtwAJ13eHs4Cpicr3Lgu5In7UaPOxxV1istXkWWC4glbpbtmgWdo9CF1LD3jlwG39udx
Us/j/q6yvDLGxitVJlKTV5l+OKVDzBH9o58AL727Dx3clcyBRFkEHomGgJ0HL1eR9/5H3Aqd
o/cBqeUl7H73bZegfp0r8oKLKpGsaSFzybQ6K2pDeGuviBfuztvKQpLbxEIkeVgzrGwUSttI
6pU+lJkX4X10f4W/SVAh2p3GLFcfXRS1Lqlhah6fJ5APU/pZyNQA2njz58AyVrcE0jLEJNdA
5LI6rzJHJmAGvLwHACu9uzsZ3dg5MVf9Da761hR64ZQPS6/6GHmOAxXtjG90R9+M2aptlM5g
YxHTS1MleBdhYJZeVxq0ahty7Qx5+7gHiPJ4/wCqmt53uWtczMcpl+ioh5o4oANrV4kjBZhp
od2mu7x4CKv94ezup+30Ybd+zKTGxgh2ur6n1ayFdvLU8xy4C1U71MR3JRastiQB42kDHTXV
y6gaDxBGnMbvYNOAsU+z8Fl6ndFaKvALNxVhrzIgSWJBCOiAV8hICQR4+B8OAxvtuvLU7QzF
0qyvEJBKNDqrExVtvPXwMjjgN0xliHMRx3QValZlUp6tU6YQSyMfLQQxpH7izcAKzXc2EsJe
t3tL6yPHT/bUQTuscuhQyRfg427jpvfn4DgM77j7U7YbICDB7qdtjDEKUhaaKOWR1hZesNzA
hnOrHUeluAUMth7+GsLFciIEyiSCUaGKWJwdjJKvpYMPZwEVVG+A8lby8+Wp08jy4DZvsfRk
/wCHcvYUEJYnjiUH4W6aatoNP6+fAArOIq2IM924xkrGtLLkcNKCWVwU0sVxoNNrbNQvu18u
Aq9qfdvIYivRxXc/XloSQCWnPHo7GqwJ1n5MzBQnp05+3gNk7Z7t7eztGN8XcjnI0Qx6gOG2
79pX2geOnAV+4uz+0JzNmb8JpWYkZ5shVkkrTbQNDueAqX5fza8BhGfv38r3/LPmLLHH4CJz
BaZFRvpYmJrMyxq67nd110Xn7OAE43uyrR76q9wOv1lalOrnkyl0CGLdpKXbkG10P9nAO1TA
x9vfdOiaYEuCzsTJSsqN0braruDrqf5zub3HgBF6FpMBIGG6Nu2LMKu2uhNC+I9QPEaagjXw
4Cx05reZzGNhhcyd29uVrdPpnRnkjijkaMeAYO8bq3ACe1LwyPZ+d7SsBpJy/wBZjah1BW0p
2sV05lhp/h6cydTpoTwDhN21Rvx9p4KzG0Bv3f3NVkBZo6VasDNDu9Xqcoo2a6+Z4DVuzslV
y3bVW/WB+ltCRo43B3KvUcCNg3mvgRwCB95JKOL7RvxRys0+QvQr6dNdwbr7Rp/KE/s4B0+3
+auZLt+CHKbVzNGOOK6ocSbiV1jm3Dx6i8/72o8uAZOA+4BZtVLleeYLDshViRZJ9PTfTUKd
xfew9PuHpTx14BY7jrU+1s9c7hw+Pq3LOYrb3hkRS6NUi3TrXA0+Y0JDGPcN2hPlzBNrd8d5
ZmOPJ46NMXgVZooZhYioQbtQCk3RRmVz+ncwX38Bcv8AcfdeHlWa1YtWFQFnEeQnB2trq0Yk
3RMRrqN3p9nAKOY7g7Y7hmrWLuSuLZFhEDujJYhjY/8AmA3zY3EZ5sAyn2cAyYuWPD5XBZWG
Y1IsnJJiMnbJBWPJ0mKVbjhdAesh0fyZGPnwAH7kzXY8pesWYFivSPH9SyKemXdGikkjHPaT
si5anTgJvtRbjr4zNSSFa7wbJllZAyt8uRdmh0DbGCtp7OAO/bunUpdoV8wl6WLMXHtWWrAP
tdgfksSNRHqF1V2GvkOAd4e6KstTJ28hPWbJVaG2GCZ0kimhVm3ExK+oeRtAwJB5ry4Bar5e
5if2XF9bHJhLbTWpISVdTFOxjYpLGxDrB1W9LAHXQc9NeAj/AHLITWchiu3d0+KwbxwR5WAy
V5w5brNEyRKzSrtUxlwugHlwEH2mxp7i7qs5V7RnqR1w1hElaUK7syJFKzog374+roB5AngH
rt3ECdcvjMpFYWtcUQO5V6/y4dY1EbqQU5MCCp5nU8BBmzewmyLubHSdyduQS9SllIEMt+lt
02/UJHtdtP8AtYuenxDzIRzS9rd30npV7sOagcN0Ii0E1iuxB59K7pOjAf1H/VwACX7Td9S9
Y0u45ts2rSVMlXAj5EapugkdAGHLRF005cAp5XAW8LcOMztjHWK2VRAlfESMjNajO1ZHi0Co
0qsVZ9No9g4ARkMp3PhJLuPjklepzSwJTG7y1GHoRpAhY6r5qfTz8CeAYYPuFmMVjrNHs/Ay
YpZohO7yA213aGQyrsBVpGU+p38lGo5cAuUe6vuFXyP0U9l0sW3My1bqRvFLNMvixcbdZFb4
j5cAZ7dzcna9fJW7taOaxklIzBLskdeBQ3QqKwV+pLO77iE8FHlzIC92j9xO0sAbmZdxc7hy
8x+ovSKzSIhbXpLH+lNoAUKfYD4DgANKnk6Gfytlqkiw Z6XIVqd1a/1Lqkdg9fpREhVJB0Ej
nauhPhrwBWpisnUpjJWabUUwyyPK1icplEgWKOojwRRKFP06N1F3nnu8TwF/F5ntlIb9yzde
hfpNHiprGn1MtiGWUJC0BZlgeNower6OoOZDDlwFDN5nBWMbL2vjEaCvNYhWfJSSuK8EKDae
u2rPuXRo+mdQE5/p4BUzuWtZ3uWyuASeWKU9LH1Y11kSFQNQnQI0UPqQPh0Op58Ae7S7OsU6
tubMVGkQhY3jiZRIIxq0kayeoK7K3h4+8c+A+7lpdpYbH/T1DMl69FDLCOsQs0chZll6h3Dp
lRtlBIO4cvEngEbIT9a18kkoqRoCBp8CgHaG8Brrpr/bwF2fO/UxGKWHbCvTCQQuyjaiMio7
Endpu3aka66+XAMPbi22WHN5OFUqxiSHHzaAxxMxZpJ0XnvdX/S3t/DgKfdDV0mqLOxNUWpC
5b1ybGSLc5/USdPbwATL5F7dhEBDV6gaCtyHNDI0rMdPFmZtdfZwFWvF9RZStEp6svpRD4E8
Btnbtk/sqLPZjmyjqBOY2Vlsajpb3WTRem+4LMPbo3t4BZs4d8dm1TIVqMNHlF9EW6szVEYS
GPqsjKNnMJrzA5eXAQ5OHuO1npe3+24+iTGtpa0SivPFXb4A0kghLDY4108Qfx4Czg+6e5MK
8/bOFx0dtVUGYU0MiyKo0EySaA7fEBxwEUHeWf7azcfcMWMkxUdtpIraSSPLBZ6DlJFbcDpI
rhhuLa+zlwG84XN089QWVUkrTFVeSrMNk0e4aq3vB8VYcjwC13t22L8diOyqB2rzQ1rjRrM0
SSj5rKHH8V8R4r/SC32r3Hlu1Ubt3uJnt4WFdI7UZPVqxKOUqsvN4BqNR8UfnqvANPcWOtZD
BpkO0LIx+QkZGM1cRSiVGBACmQEcweTIQfy5cApUslnxe+kly+XtZAEh60tqhUXRfSSqQmzJ
pr+fAaV27PDDi445bLyzAjqmxKZXV5DyjMh0BIPLlwAH7r9gR92YJpakSnO0AZKTnQGQaHdA
zafC2vL+rTgMh7JudsUu7IhAczVlWAJFbr7XlhlAJn6teNH3wjw02nTTmPYGvXsJisjEuQu0
1upMFlgz+HGywQOamRIiXf8ALep81HACo/tdDkESxiu5bM9ZZCXjkSJt3xbkkeNY5Fb1n38A
z9q9rXsNbkntWEnH0sNNSgbdIIHkdZZWcn1fN26DgM+7+7eTFXspQRUjxWdkpyQQxjSR5LNx
frBr/Tpy/v8AATYnKZIYt6V5oIrUVfamLqqESSzkbLGCodp8FSEdXZyC68BFSr0osxjKdF4x
Wp73nl0B+saOVa0rkLpoJrs3p/7rlwEGOmgpfcxKNaBNtvFsyvOSN1l+rcEiDT49ToAfDgAG
XnuVbPalZJoHo5bFY+Oanc51WaM7NZFZW2ht3J1Gv8OABZSzjxNaqQYyvUtRzMjSxTzyJGI3
59PqNpofh58A7/aPNJUrZmoz7LNtq7Vk1GhPON2jHPnqw4B0tZKlUuU+3GjK1bknoZBuLSRL
u6Pp9QGg13Dw5e3gMUxi5OWW3kJIyo7WjbZFJqVIlkaOnVYHTVd8hJB8RrwHfYkmfwuUuPjK
j5bIUGsNPTrtteJY2EbuqgHcu8gaAagDwPANWb+8FfI4aGCeSZbaEyTjao0dPQsccerFGHiG
kbx9XMgDgJ+y62Gs9kZTI5SnL9T3HuisTiSOKKGtF6a8VeaU7QFA5k+rX8uAybJ4+HH3TDDP
HZVdCGhfeo18i21dT+WnAanUw2Xyf267eFJ2fLYdZcpWViFUBrOsS6sNNoRdefLn7OAJ5C9h

cx2lZydOia8WVjzFeGUagJ8n6nZ/T1pEZ/y4AH2FjMh3Yna2QpdFn7TM9TImWXp7INetUk0G
rH0sR+XAKcGXr4X7hWslXsNZqQ3bHUniIBlidyGZW5jaddfw8PbwB6TuZIM7/wAOWJZcjga1
yJsFcqSJHYoPIdYZYXA0b/E2uj8tPfwGudq51K3btmxJLFZlS9ZintRApXaZRvmmVSdVVnDM
R5HgE7uiqMynbSvYCRy3bVmzaj0LdSCJYomY+3V+Xu4A/wBvkY6KXOYxXOKxxljsGQ6fURF9
ZNrN6nki09PgNQw5luQaHG6SIrodyMAysPAg8B1wArPtEqRl3BYBilfwMh08d2vpVf1NpyHh
wCTYnVxXsyzLBXgt9R5GXXZ/l7EY6KDkZZN7OV/kXT2cBm2Xsw9vZqfI46Qv23k55C0XTOsa
MzJr0zp6GdGBXyP46cAvr3Rcw2QtVq0aSYiw2r48trGgYcjC3+7dddfTy4ABbdGuzTQf4TuS
vJVIVvaE9P8ADgNFXASZHtPHR3XsO2TpfuEKoQiixGRCj6/zONOZ4Cr91cibFXGyWVc5G5Vq
m8xG1BYrIEmP4ltPDlpwAm2lnFdkQ0o32yZGwbFrQ6OI+iAqSIdTodxAPnt4BnbujDYvtWnh
I1aLLVoo1Z7MM0sLSbI5x0+kAummntI04CnlVzdWrLYmweTls14IoxYtUljhiml0Eux13bF8
drqefnwA2l3XnYrkcEWHE1qxLAuRqwL/AOcWImWOLVFZ0JPq9DflwB/tfu3JULtepb7fMEMh
dJZ3eOOwvWJLGEPFu18BopP8eAKr92KXbnes8kGNLYx6I+qSvE1aR2hPyyY5PQ5iBKmRdNQf
6RwDN2992ftzl4itq9Pj8ixLSyWepGw1bl86MtGEBYALrp7uAdIcpgrWLSKtmI2jZFVLaWIz
KdOQbedQSdPZwEf7RSSslhq65+3G5aGeRKvVB8QRJtjUae3x4BI+48f3gyuPnjxyQYqgysFq
1Gks3ZwAdytIkYjQEeWo/HgF6A/aihhan1eNrGSCuEEmSjka41kemZpk1+BNfSh5k8lAA14D
mlisHkIf37syEz3KthalijO4cPBMx9Ekv6FmC6Jt9SsRr6TwHttO3s5Vny9XNZim1pTDYxqJ
XiEB3aPXIdeRB3efhwCpeg7c7euJFXJq3KW5Rbuk2bZdAJFWOtF8qPVjt3t4ewHwCpayR7w7
eoUTWigzOFllaZ4l2iatYYvuWFNF1ic6HTnzGnnwFU9qY6vAliay42sGnZVUrCN3pU89Gfb4
6ct2ijXnwDvHes08fkVsZCSlTq3LkgKEKvWNhpog+g6j/J12LrpqCPxALZzdPuRkiSSxk8jI
rV7Q1CSS1VPW+odim0MdywqhLbdD5HgB8XdMGMaaXQTXIlEOOruiT1o42X4pDMrM0g12g+I8
OAXopnymTgqT/wCTq2JlMkUQWOOMN4siyFV5L8O4/wCngHmpfx0YsduUJ/2rA15knGZ12zLR
RP8AMTB1Xe8lhzt2Lpt5eWvACsv3XRpwbO0vrKkEbubrWZS31AY7I5ZK8u4bmVwAwO4r4jz4
BTyOVt5K0LN6VrE4RYw76DREG1VAAA0UchwECMANS3wjUDxJ9358AWxuDeS5Ct3WENrujbTc
P5S4Pl7R7OAZ7/dENmeNMSI0xdUaLUUlerZ6Wkk5RiCUHJE1H9vABu97EcuRSGMBVA65VWLK
vVVCq7mLeS8ADpRS2rSQRtGhblrK6xoNfAF39vAO1WnLi0iq1HqWDUm6/UG4SWGZen633IRG
FYhQp8OZ58BdjyHd6SawY2GlET0y87l4pEI9SmKSVt0bqPLy4Bor46tkqH7nEoytymrxV8aX
RgHRS2lhpiBshJXbu16g09p4D6bBTJPWlsloDCpWZHhgmlnmMoCOkYkbmAjaquqom3kSOAHS
3sYL/wBdY61a7kK0NcywicCIsdsVZdiqu50Y+kc1PP8Ap4CnKY4FxkEsKX7d4NGlEOwryGrK
6vYuJKxVWAbqBgpV2JPAAp+8ctU7iWbt2eQpj2l6DRIqoYC4fZ0k1HR5+Hv4Dbuxe/8ACd84
sxOFgycOgs1Cee5dD1YdeZXXwPiOAlyuCrrWkqT1wKqj5M0QCGFzrseJ9PQdSfHkOY+FuQID
nN9pXRi5yY8bblIjjREWvYZhuIhViVr2fNoGPTk8UKngPr1OK1KJcTbuKSnVkqRWzTeSE8y8
pPMEkFd7erUEOf1cAV7SrwTwNFWiyCSzNvmoZLrO+qjarbpdytqsY0IP+rgNKxc88tf527cv
m42sQdCp0/DgMS+9HZ97t3Pp3bhXkqU70gNiauzRtXttyL7kIIWb/ra+3gKvbX3bmqqgyU81
S7pq1yqoeGz5/wCYrabRKf50Xn+rgNb7Ry8GckOVq/SWkkRUa3AwSbTx2SxgsdVP823TgGjg
E/7p9jzd3dviGk6x5Wi5mpl+SOSpVonPkGHn7QOAQ82s/b6389PUmrX4R0MaskZ0+ttRRVUZ
H8DsLTHUcufLXgDF3BxYvFS46CVSuJGAoCQqCS6WevISRz9ckgbgFb7k3Jcf3zie4DGxqCRH
doz6X6LiR1Uj06GNmHATYGpksjlEz75Z8fasxx1sNUpQxTSyVI11WCGOcaxtGPjfbsB57tOA
Vu+YJanc1lrAVZ7qpYliicTRrNJqJl6i8iRIra+/gO+08qMPnsfdc9OKBzvcrv0jdTHI2i6k
7d2vAOHesU1iWr3JirckUePWFqczDapaaXakjq20qJAw11Hh48Atdx5euvaN6/CBXs5nuVVk
KHqK8dIKw2MANyhxr+fAEfssvQjv5ayT9VlMkySyg6MIaivdl/IlSDwDZ9xuxcV3Jj3uzwrS
zyfSRfWQId0s8iCSVJYk/wAQBNNvmPbwGR4HuTKdsWrWIlIlqWA9S1A3rRXDA6wlmj2kN5g+
/gKfdq9DKlGXRpYVY6roy7tfiG9xr+fAb5gop5cfVyOMaGSiKcAirJo6tH0kVkYHTVSPRz5a
8+Azy5al7DvSYrM05b1SzKb2NkAEcCNITFaKr4b+idvjy1000OvALX2xsXa/dn02JZzFNDJG
42qyPWDASPYhfnKoiJbYnq3aaefAC+6u2pu38xPjmYPANXiYaFljLaKJQvJH0GuzXlqOA77W
sWLnd+EjtOJI0tVowHGqqkbAiPao+EAc+A3Tsto4+3IY4yqwyuHcbRH8xp7FV9VJOnqReXlw
Eq9tTdzZGqzvJBicVaMwsowUWCE6Zhh26HaGUEv4eznzUDeXaBbVSuFWHEUHiKBNoUzlwiFg
eQSHXcdfPn4gcAB7P7oOArUcVnZSKM++tBlJGLRjIQzSw2q0zknbvZN8ZPLmR5DgNCVlZQyn
VTzBHMHgEvvfMXJbD4jGlPq0jLMwVpAu8aIJiANvq8EUlmOh8tCCl3BNLXxWKwm8TvasyWbD
AAkpBA7aLt1ABbzHlyBOmvAL2GuY/LQDD5CNGq2BYrxO4BMb8zt3n2vt/wBrT2cBmeVxV3GX
Z8bdj2T1G2SD2hgGV/7rqQRwFSNCXWIA6MdB7f4cBrnc/cMPatrA1IK7T4FaMldA4cOAJVdp
YWOm8g6cvDy4BP7trWsr3maU8mkISMndyWKA6Fm0GmpP8TqBwDJZx8ElyTFUpGOUzoSvRVii
rHDGgilkcM2qsqK2wfqJ14Bwuvn8XdxNs5aCGrTiAtYK6F6aGODp9ElEkaNtng246nnoRwHX
bOdv3DfyOFyMX0EFmOCvj+rHL1llZVRGeZtAkYOiqNrcBHcxudr5WvdlCSZ5LUsxgssBCkbj
bHZiSNnaNaxbQ6g6g68BJ3TiqcXYc2SoV98dFZJXW2+5rSVvU11EGpB63Py1XQ8uXADsL2Vv
w1b90Y1O4u4WjOTnjUGavVmQ9PHw9QnZ1FXqTcj6A+v6eAV7PZ1rt2lnYWpyQ4jM1IIaUlgi
Z2aOaORJS0PwJK6nbuGq6oGHPgOrfYeKq/bnKdyVK8tmxOYK8NW7BIJqYaUJKY9Au5uY0bby
58Ai4XubuHBMWxN+zjySGZYpGClh4b4zqp/McA0Q/eXuZiRlVGQQxhSY5pqJ8dd3+VdV1/2e
AIp93+7K0ECZnDm1g7jMGr2Yn2WQ/gsUkqcyB8Omvt4C/wDb7O1cXmlxNjFXMZjs5I8NSeyj
JMYpmVBvYgJ8p2Xa4GpO3Xy4AN35253DR7jdbd/6WtlLkpmsKSIWuIuqyAJzHWTQj2PuH6eA
TUxN7I5CenTb6iSJpGnnkcJGFRjvmklc7Rr4k6/x4ClDLEkik7zybR0Yq2vgpB8hwDPh+8e2
TMFz/bFTJHRUWevJJTlLJoqlxE3SPv0Ue3gKneOXsSX7uN1Kwx37ZlB0O9o7U5i5jn6RKeAq
RXLUipjcPHKqMdzc9Z3Zho2rR6aJyHp92vAWqGIrUryfvesOupMDRsSHU6FXUDUkHnt81568
Bd7ukgtxVejGop0JSk9mNCpWOzsZQysFPpKMFH5cBcyOV7Dt4ynRyEuZSevGnWaGvVKPLGrI

GHVdWGgbQ+3z4AfNkO0pYFqy3s1ZrHaekIqkI1jG1GbWSTcdD48BNCPtL0h1m7iMg+JlWiBz
8vHgB12727UvRWu3I75rR6FGv9HqLKD4jpKyFdv568ATpWILNGKWnCUM7tEsERXUSkKXc7v+
keAX0tvVlsQFUJZmjJ0BZdu5PSx8NdeAkwmGs5i8K1ZeaLukPiNBwDTQ7ewkU6t9BkptB8ua
SJtG/SxEaheWvhqeANR4HEWLJCgliASJkmU8zzPqZjr+fAGIMRko5alvGVCdj9B8mjyTNBGD
/iQwtrGXRdV2sp4BjxsGLwMVj6Qwz1WsTNemTW1K9o/MKyKFG7aGAAA5E7dOXALWW7q7Uhzx
fLMFtfL2xOu+eDp8pOqYoygfVQhB/Tz8eAiyhxGUr1clXr3f2OtOXSYyarLYV+s3yt7KN246
Fl9x14BSvXZe4Lf7HHNXowU1b6aWUEyyMhJKzWZPWnpc6qvp5aacAe7bwOJwcE/1FdMtcXRo
JoixDIwHwh4JFUD268/w4CPNftdeaPOY5Mvj7WPOizxiv0opC3p2RnpH1fq0XTgNQ7L+5lLN
MuGzsLY3NsCohsp00sroDqmvpDMrc01/DXgC+f7eq28fJRuRfVYtwAQQXMarzCyKDudAfhK+
pPLgM7ymJz2JxV2jUZr1jZtxV4bTZAbSaNUnYr10cDQHXXUaMr8AP7f7uhutXiWwI81Fp1Kn
TtK7iP8AxId1do2i6Z8FdW93p00DWMFauzKY2mCzjQvFMkpOntRpRGWGnL8fx4AjmcTQzOLt
Yu+glqXImimXz0YeI9hHiD7eA/KeUw8uD7mu9vzrBK9edqyyTEKpBHypd+o2aqyn8eAI4a3k
8Hk0uQQJC4RJmetZkiZlXQH1qWDbvHQgjgH7AffLN1chJQzdJrsMaGfqgJDYjgA3F5QD020B
HMbeA1zD5rG5nHw5DHzLNXnUFSCNQT+lh5MPZwFiVKlhNsyxzIjBtHAYBkbVW5+asOXADrvb
NKxNbsRO9ezeWLqsNHTfAweGXpuCu5SPHgMz+6nbeaNHD4aBqtsUVM0U5XpzDpAR6OnqTa5c
eenLw04BIYd5QWIat6ozxZWaOr9RXkWr9QSdqo1lV3etm8D6fLTgPO8aDQCitfEzYmCqj1JI
pZfqW6plZ9rygbSSNWAHlrwFPFxC5YkglQlmglWILqC0iodvhr5rzHANNPJQy/amypSSxcsS
yCeWTXRpIucSofPYh3aD3DgFruCOL/gLsnDxoWt27Vy4W0OoDy7VXw57tP7OAFdud4Z3FY2S
jW2Ipls1neRdSslxljZk9rBN3AbBauW7s6vlbZcLPNMGROiigRdAFY9WIcxnTxPjwGZd44JP
2XHdyTzNJ3Bn5bNx6cfOGKjFqiSa6btRovP/AJuAWMllLuSfrWmX5ICwxooSNV8woGv4knme
AsYbL5nGSzmhamrSSRlJOm5UMNCNrAeW1jpwGl5bPd03a3cGJvlch21iaDGxYtRhpVn+nQRp
DN6fmdc7vwH8Qz/7d5Rcd31hLdpA0S2lhcHwAm1rlv8AZ368Bo/3NwmTyeTuULkyRxRyl6ra
6tNIV6gEdWIeQIDMxduXIKDwCP8Ab2m1b7iYyGfRWrtPI+1wy6rXkPKVNwbn7D+fAaP9qs/h
YoMVUabas9vJY14HUGIvLMb1XnzUbl3beZ18PfwGh9y91VsOv00Oj21QSSIo3CGInarOq+cj
emMeZ/DgMqs5H/iHOW6rTzJesrE6iJN0Uaws06RzONAOq8a7B+rTX9Q0CtHZv56vnKsbI8tl
YsvRrsFlgczfLv1potD6TYXXyKtzBHjwFo0MocVTn7MzFnDZQwKbOAksSfSs0Y1nFOWXcDtI
O4AnT3cBcxuUgxLP+5LJg2sSOJZMg72qyykfMdbiB/8AEP6ZQD+I4D3uSlKcaljF2q2TzGZa
enQjpzLKnqru8rmU6aaqn5eGvAKvZdRL2CqW5opjJBLYbITIyoUrFmkF1N2nKNpuft28Aa+5
Hbf/ABBhf3CrCg7iwMbxWEgO4W6ddzE8ijx3xkbwPZqOAyvtmONu4sf1XCxJPHIzFSwKqwZh
oP5vDgND+6v0cTdmUpJCtaGpLaleRhr0mlWQruOvgEIX28BRz2YrYWzZt14Bbz2ZZFgicOZB
TXd0y6eRYpGdumpI9nAGu0O02wVixne+5poLGVqr1mh06taKZwzNacDWMyrFsATmo18DwDbk
pMf3O9jI1LsRw1giplcZlUjgCTQ6dCu/VCyxmTdqpHP38Aj4jGU6Xcs9Oth7MH7hGYxMyx/R
xuxaJJIbNV9FUP4Hf5c+fAH6r9z9lZC1ZvzI162ateCzJMs0U6RsC62PlI6sIydu0+J58ByJ
ZO6svjzHW+px0M3108gtLMjSyyt0cdGI21WGSZA0gcHQJ7OAbe52r1KtiKxYKyRJNGlsAF2y
VqBjLP8A0rXrE6D2HaOYHAXc/RoQ9r4nGusqQyvWq6asJWjl0WWJpF9YaRfHbz1/DgF37vSD
A4bH1a9y88clkTmIzs4jhpqZ3ZpW1lILBF9Tkc+AH9hdsyWKceSzuHpZGvcZlu2LSK0kLktN
N049jFy0kmzxGmzgCB7O+3NDD5TPjA1a5xe6Ws7s0kYZV1RmV5NrbW8V0/DXgGWDuhZIMFFb
2xZTIWoatmMIxjSUVTcdEWT4Tt0U6eBOnlwAP73YqzlcM8daAi7ja75KlcRijKK7qLcRceGs
TBlHmV93AJVKZe7OxbN7J3KtTH14khazZhfp1rCtr8tU0MjADSJVYn1uzcyF4Bc7nDXcJYxv
atFqXbFCFMndmskR2rzbxXjstHqWEZY6xpyHi3AIrjpqvp03rqVOvkfy4D2JULR6j9a6nz8f
DgDuUgqv3hmZLMXUrRXrhk3SdJQxsOoZmAZiF112qNTwA2TK3UBSswqx7QpStrGG2DaHZh6i
x8dSeAIxfXdxVprFm65t041PTcgdQp6E026avp5nnwFO7mZbOMNN2TXeA67SXk2DQM0pPkf0
8AdiuYSmq2bqSWoujEUZ0JlkkkAJjDEAfLEem7w/PgFm9ca7Zls7FiaUkhVHJRy0UeHkOALd
tdv9dDkbi7qyRmVUJBD7G9Sn8uAJRZTHG6cQae1kMiyhdBG213lGxQNwPT9Pv4AXi7FLEdwL
ad9I68kTokfrG0bZWUlfP07dPaefhwA54Hu2WckRtPI0ja6hVDtuJ1HM6a+Q4B5oDC4vtuOK
reUZSR1edI+vExQN69nURV9S8hy4AvinzlyzFexEjVqOiKQZ7NhA5PMOzblRfDd7NOXLgJO6
+7czVopIb8VKxZO10icFg7ssYkVZFdyiAljs/DgGnETdqYbE1ZoJR3XLLK7Xb1eWHYArE/MW
Z+XxeA8dOfAD+4aPao7ujy1qlYjxEIiuSyQLsjjex8tQYNpEu9zrvQ8jr7+A4tR4/FS2K30F
SOutpWWZoys7OfmxpJOpDbumwY7deARu7e4BlL0mPxcXRZ9yyKsiyAhzuMSSlI3C6666/hwF
dsdj6sBrdEzywHVmnjhHrcfqYkSaDy14CqsOSE8s+Pqo0cKEiMPIZkXb6nVoinLly93Ac423
nslC8JypSsSoImdpBoo5aAhjtA9/AMMWDzBxgx8mbhWvrrEbCArz8leY9RNPIr4eXAOvZf3M
yGHePF9z3q9+iG6Ud9Wbqx6D09QuB1F8tfi/HgNJFLFZSj1KUsclawDJDLFtkj1Y6lk8RoT4
gf6efAZt3t2BEbctq3DFK1tUhW7JH1Wi2nVWl27WkjXwLjSRR46ga8BX7ap3/q5lo4oUadGF
a+Qv2slcqVVs67ZjDCJJDImihlPo3ctdNeAb8d3rWyNpafbsEmSrViUu5VPkVA/gI42fcZHJ
9munt4DDvvFJFN9xswwQRyB4klXxG5YI9x1Ht4AYmdv0KAqzUkMkcRhjlnBAEcnrXbppqyqR
tPs4AvQtzZepms3aWNJ7EFbFQ7E2xwxy+qY+8x14Dz9p4A72FgLyZzHf5yyK9mSSJlg+TJEs
kbCKbqbzu0bQ7dpGnAN+O+4OQp2Wr57b+22L1ynSyFZGlsP+3khutVjXxGnxD068yvnwDfge
7aOVrGxRuQy1whYP1RLsUDXdMdfTovqbX8OXLUMf74+5uamzk1qqtcULcY/bxJEHm+mBaNJT
u0C9X1SAEH0ngF492FcimQsw/uFo6kvYkZzExB6fQKnaNgO4EryPhwE+a70zncigXBFshYSO
YIyBv1ba8hJP6pCB+PAe9vSFcpUayVjWeVAxJKiP1bfTs5/iPZwBnsWlP9XmaFhmkholvlMS
VLsGj3omugLD9XAUu54Uq5Tsiu6DoRVRKEUHQxto/pU/3jwEHcdX91y/bkdZVWvdsV4AFGms
hlGvLlu2o/jwB233R9Vn8wpYIlA33nCpp6FCqssaHxOg/s4Cbuyt2497GV5BK2Es16tCnIp2
SDFVovqLMibv1TTMqFjz5HTnwGYZ6GKvmbFeNFhRSnSSN+oqoyKyKJP17VIGvnwEUaBCm1tV

YDeRqORPw8/PgNUn7qa/i8LjcnYjGPz1WfG2Nses6svyIrrPuCatLp4DwBLa+QZPdgvYi3NU
soa9+k+hRhzR4/V4eXkeA2H7k37kfceJuU5XMOfo9SwsQjZ3QQh16e9d20EakA6c/aeASrd+
vD3fibDy9LYBHZeSZXYKRt0l9ciIOfMbyNPFfIgxQYaOlFdhs2rMMOUlbJQRRhFirEhHqZDf
Id6PvVhzOuz4hz4Du93PYhykuKkjny2fySwOjyPEK81pohEsrsm0iKMKwRB5EnxI0Bt7G7Sg
t9lZ6vFLLNmMg7rNfJ6bG0sYdemP92qu238OARLtK1V7hxE92KSg1JxXyJrQM+jMpVpZoIim
pZiPDX+AGoAO7MrLVzk1YrYSsrQT04JiQI2RiXJTQKu8Ftyp58j5gBNms5JkMe+Txkr1pYPS
BFJ6ih03dSMMQFHs5/lwFuwVWhjM/XLF8pJWisrKsYPTGscj9SEJIvqcqJNQT4eXASd/ZHPY
7NT42jHEuDoLvgpxqiqkcTbG3FTvddUKasfVz9vAMlGzZoitmdsduOuyyTRwO0UgR0+Xv3a7
d7SLqTyPPXx4Cpge0qEfemSnxgWfEZfGz28Y6qQI1lb51Nl8FZeaaHy08DwAfuaKbM9/2jFe
hOJ7YirVIbTIJFUKgRYo4V/xZXnL+n28BZsZeLCG5mKtaCS30WeKW786RpQOmZDIrL62126L
6dPSo28yF17ucWpDkMZlL0ByFeMrK4aZSTo50Xp7ZEVtQByHu4CHL92Uo2ay+NWaxNGsU5ij
MNQOW/xTFPA0YbXnqZD6vHUcANwXeD0oZsDma1Mdu5N3d7a15GUAfCmym0G8lhpqQP4cAcrS
0e58UJWaGlicdaFbSVo4xNHGqxIJI/khZNF9KnVvy4Br7LknXuPJ3rFD9vpYGrFHBTCqjvYs
67PSrOATHoFBOvr5+PAGf2OfKZ+rTszq9XGlp8jEAD1bc22xJ6tNQiaxoo/lOnAFL5ku92Qx
7JBFjgnTbQbTLKNzsnvWPkxPgG5cyOASvuplsEe9KeMy6la6V4ppZ212CJGnsvB7NbDwRofd
rwHf23gsXae647W5Lu1kST0xRKQXJjRt2jMzHXl+PvBqo08VbNzHX4ns/tjQXJDLsRBIpdkV
VRiQBs1O7kdfDTgFDt21LmPuHh615emcLFbtvGWDlr+Q1syrqp2hYA2xfPx58Ac+5Wdxktaz
jblhhhaWxsykGvWnkfa1fFRaDm1j4pNDqE8dA2vAZv35T7wl7Vfuu5Yrqlp/pzjK5JTG1nTR
YoQPlmV0b5j6a6cgdOAIdn02v91ftl2eC7iL2DFavYkHQtX8bJExi9QPOWB06b6aHlr5cAl9
9Y/HV8dj7ESItqSSZbO0hyRz2q2h0G3ZuGnkw4BOjZg4GnpLrqB4+PAH/uNiY8d3nkY69qO9
UuStfrWIWDKY7TNKvgT6l1KngAHmDp6eWp10Og8eAbqtv7TxwB5quelnK6GIT1EUaj1aOqgn
X8OAo2sn2IOVTB3tg+AzZFQdPbotc/6eAnk7i7SsPEZe3rFlYEVF62Vl10UAbNVi12jyGvhw
A61Zx93NwyYarHgY1KbFlnknijddSZXllUnQ8uWmnAS47uq5Vx81eVFncsDENoABK7Tv26DT
kPT5+fAUsfdePLpfnBmMbmeTaQC2n/28BEfqLdoF3LSTyDdK51JZz4t7+AZMbhMnRuSQ076w
KK6Wup6Oo6yg+hY92rAac+AJ20sywIL+X6k6gRxCOlEzFddVDOyFtefPmeApZMS3slH25hSb
lp3jR7iwiFlkGokVRW26x+r1bl4B6TtnE9t0ZKElFzkXRUeW1DE5TYDumjYIVYSa8hr6dOAs
Yv7fqmMkzmX61O3Wk21FgFevLKh2ypJHICVfQa6DTnpwA77iZXA5kxzLFlRn4Itla/sWI+hi
E6jxL0hEjSMZNnq8PzDPu5r8bXVhoXbVurHBCSbLq5WUAdRUZPiQH4TyOnjwF3B4Wl+2y5Q2
OrbaPdBAS6MW11cbjFIup8iTwFuhamsSCB5ZKyRoB0hW+ol1PhvkRBz09w5cB3lbdPI1hWs2
LCRxMXjgWBYRyG31OQ7t48gTy4CpiO3MTNa3C48QUnRFlTeToeTAGMrrpwFy1Hex1j6ZcajK
xXpTdWN0ZNP55Gm/PXgOTay8rdKOtSV5OYeSwB8A9kRiUeHAWcB3z3t2znY1rAOlzQyUHaSS
BwPTv1ZnZSB4sv8AA8BtXbnfPbneVSakSaWRhYJZx9nasqODyKbvjGvgR/YeAF959jUspYSx
kIQzxdMRT+pomEbfLSaIMiyLzIIba2h9Lnw4CvU7tiq3Fr9xrWwVOvIP2sQo4onaNpdrOihX
9R+VIqEe/gMozuTTIdw5DKzIliOS1NLWvxR7pYYlOizDymRUHrjcajxHAK+Ur3SyvYmWxEyg
VrCHdGyIoVNns0H6fEefANGJsXKPaFOCmitLkbNm1IzMBokOyoi7WjfXcd54Ar2XkslV7txV
y3AIYEkZLEisu06o4i9HTTb6yPVrwAHO5S1U7fwNyFzHbNrMXjYTQku1hI92p9y/w4BnShl+
4chmKOKbHpexojIV4olr3IJFIjj1QcmiB89VPI+PAZ1kVtx3X+uWRrI0VhL8R2gKpGp5rtA2
kciOAgjj1ct6toGu4cyD+XAGsRolLJoWAJhiY68j6Z11/hwF1djrJtAYhw0ZJ5lifZ46jgJo
e+LdHE5GnVrQ/VXXlexfbUzPuX0BeYChfEe0+PAWPuFYqvmsDiogy28Pgwkrk6sz9EPGN35e
fAXrrx4/L9tWFYzDCvQlESr6pFvRoyFB8PxAjy4AZiJdLnfr2/XPHjpWQctQ6yqibf6V1Abg
LGay31Ga7cS1DG1ejh1WZIm13jYJJG1TwB0GgHgdRwC53pXelmFovoxqQmFZAAN0cU0ywt+J
i28AHrylWBGg26HUnXz04DT6eFwOW7FwmZuWJ4/2hJ4RVradVpFnMrt6eY1IG3z8+ARu+bl7
J56TKXqbY6S2B04H0DlF5b5ByO5vE6j+PjwDllBZy/Y/ZeVhANiqj05QdhULTZ4hrvHqcqdd
Drp4gcAmd2ySfvCB4+isddDGhJI0IPME+/2cuALdo5e2MHfoNAk9dSplnkcqUSxrHvkY/GA2
3lr4cBTxOatVcjj6trf+7YyyIuvM4+XFziaEg7fw1LeGngBwGmY2lVavTxstq1B1bc1j5HWR
xbnlcltYl3lUVQvMFf8AUB37iUsZbnx6VCLFiZGWRkYusgiKoi+k+qQNrp7NPIgEBk33Hxlt
o4ckQZDTUVZyQRtiZ2NVvAabW3R8/YPHx4BPxeRmxtv6qIBiQVljfQrIjjaynUEc+Aae36cO
U7HykazLWmx1mKTZox3xSsoRWJG3Zv8A1E6+A/EDX3TrzyWLcscOlgfJ2hW29EMC4UDx3cjq
3wrt05vwAHt/vMPA+MzESyQWImgD6kK5l1Ddf1D+YMp10Xb4cBe7U7yyHY9uxjshG1rGz/5m
FPFy7p0tY2cjRXQbX968AnYzKT4u4LUADaBlaEswVlcFSrMhDeHmDrwBTuHu9MxCYlpJTeQq
HKNqgQfpVNAB5f8ALTQDy3M4/beMXG35aRqxjrhiVRFQbYwrQA/F5g8x58+AH82G+bQiRQ0j
tr0d2ujEl9mvPgKgws7zOlIy/Slj1VRzHGxPhp6mHLkfw4C/do5vH05/pJ9YZlSKwZjG4lAG
vrAV13c+RY8Brn2phn/4Qx0uQfe3zcpfcFWLiFjXpqzD4vTFv8fFeAauxoLZoz3rgUT3J5ZG
2EMDukZtNR47Ndv4g8AdaOCKV7O35jhUZif0g6ADcdAOflwGO/cqquQ+7FfHtGjixj4IdJFH
MzzmEsmvxMEdtAeQ5ngHenSKZGKrUTpBG2oi8ljRCDJpoBz0+I+8DlqNoFs7QxNPD5eezCLE
N5S9mF2CrKdoRY9x26K2nt4BP+2OMb93nvL/AJjcGknuaBUMkh16cfL1E7tzkeHJR7wJ4pe3
Zu76oMMz3IEsvHHLGVSvdkfdZlcvzkmkUhVcAgKp0IB4ALlO2MLTv5ftzlHg+65GEWjOEq5E
r6FTnyEr6nly3ejgMUodw5fAZzFwXGJTte5KqRMAGRXfbaj1/lIB5e8+3gCXfEtR47C167wV
4si0EKOioAiRsAse0/CsaxcAnKS0qjQk7l0H58Ay/cNlfuBZV9cU0EcyWToGtCRmP1ZUFtpm
PPaTy93hwC16geXxH/lz4AxgMPjLJMuStNGjxOa0MQ0MkoJAR5TqI1B8WI8x7+Ae8hHgcp2f
ke3KfT+rrCPI4mzGnpdIECzwyMPglKeK6nxB4BQt14bNGveeJVaxUhT0psTdCmwuNAPUdAWP
+ngK02cr18PFQoRI0k9dltzNu3K0wCzRIDp47FfzAbXTgAqa7fEexvAaD/XwHS7Q+nmPMnlp
wBOgL1WjLaFF5In2mK6VJSPQ7QealdCTpqTwBK9lMhahSLKRzx26KAwCGNRGsbkMOqU9RDLy

U68uAhqWVsx/SVYmjyrHZEXX/DPxPKZNAykDXT+PAGe28ZLUF16kMkGSfYlSQkzw7FG6wJnh
ZZF3EapoPceAN4q9cy9eCTKmT9w6rx2a/oa4teFA8s6wzkP01U8vUSdPDgGbK5/tqGetjoDf
yPbzsvXeSQmJIlj2IK6tqR0nbqE6A8tPDgMz7s7zyGUnXH0ZicdXklSqqRlCwkOzX4nLGRUB
b2k+A4CKjgcX+zx2L8duKzzB6SttHjoNrADUefAQRVMtBBI1O5tghBIiMjxbi3L0x6gbvM8+
A+XE5qXbcFWaSJ9FV67KzenxbavVPhy1I014CaxcyCRRQA5Tqo4+r6iLHoi8tsWnPw8d3j7u
A8GaovLMhqWDCvKObrSPMg8zt1CePAS/unbEFOQ1p5hclKqYpa6si6ncWD7nb8QCOAkwfdIh
sx17VQ2HLlV+mGrkMOW1V5nnzPPgHO3ZjjzFruCvRnprhsbCkaXoghexakZSyrKW9AWMjVvf
wC9WzNG3dyV+5rZyCAQV8jJpFRRETXVyu1tzybn0Ueo6acA09sfex8GxxGdds1QrbU/cVdXm
ZWVfhUqnVRTuHP1ae3gNIxjdv9w479x7bsxWa0q7WiGhXQ+MTxuDtHlsZdB5acAv5r7O4i/A
9nBocJckYST0TqKckoHxBELdJufJ4jy8wfDgMz7k7IyWKkmMsCU5DoJo5l20rDnluYr6IX/l
lT0N59NvTwEsvbVzJUqUNOrdp3KFFII6B01XR3mnlWXY4cMW9oPh48BF272nmv3KCeexLXSG
eMkTrrFqJASrOE1QFQeft4AB3VD0MBha4BDxHKoU08Nt1h/ZpwDJIzYH7mV69RVhr5mlSVCo
1BWeGPTTcfEyR6E68AIbNT4vua7js4BkcYbTpfjnjEj9MO+kkJ+JWQSEgK2niOA9z3ZVmre2
Y0C3j5EikikRgdWkXU+Hly1HAQV6t6CO+bVYqDWZkLDbqEkjPo05EcB8IXCM4jCMNGI158x8
OvuHAD+lHJZaJVG12Ee5vVozHbqNNPbwBX7uAQ97RGH5Ty0FSR05Fvjj15/0qOAIW8yj26k+
nVuQjB15Vj5n6muiPIvp9LABdCPx4ABHYlit9xrWidXnr2IZd7f4cBnRpt3tdiqgD2k8BPh7
qWUwvVChsfYFO1JKrBTHaJjhTcDzAUux8NOXAffcKKL93LQTyEQTSVpI5NSqMqpIGj5ttSQu
xAJ8uAWF3KSw0AHpI4DXPt9h1ynatKtipTWsHqvcnUurO45ssfxSblXQaps9zePALnfvbkda
ityMgGJ/UXKR6hvERxjWSRidCWdm/vcBYwU09n7RZSv1XC43JrNKqqnqhljR9rM5BVS8Z+Hm
W08teAXO7DJJkIpwjLBsCesDeHRBuV9vgdpGi+X8q8B12itlqmWVHEddqm2xyBYgv6dvmCWG
nLgIO6a5F6tfkIhr5WCGVmDB9GRVjmkIT2su7Tx5+3gCuJ74zmCH7TkQ92jAoRImfZKsbgMA
snq9LqwO1tRz4Arle883cxT5DB1o6FSPVdol3Sxqp0Z9oA18hqzaHyXy4CjW7ju5TBPk8upv
VK9l8fl0QRxFaN8I6TaINFaOzHvRtvxfjwCjnMY2FzV7FSEuakrwq5XaWUHWOTQH9aEMOAL9
qZGGp273ZCzkyWcdGsY3EaMtmNfDz06mo9nAPlq3LfRprsn1EksSRMy6ayFk2btNzDUk8huP
MnU667Ay3L4ezjLj1p/LR42OhDo3wuPDUcAYL2872jFGZIjJ28JHClvmGuxVW3bhr47do3HX
Q6AacAstt3HQDl4ldfDXgDPZ3b0uYz0Ebws+KST/ADtpgVhjTaeckh9I56aAnnwDVlLthcmy
2K2PmgiWKvIIWlsM7QoI5JSWU/Hp4bgB+PAcxT5+2pq46pWrTV9rhY1R10c6Dcg6hP8ADgOL
lDub6OK3BMsuQ3sLNVKMcESoo+U3VZIz7QRwFTJU7xiUZa3CNI9VhkI2qSNSGUg/D7vHgN0h
7ZbFdmCgJFVWq0Kqqo5lYSDIn4yM7j8OAacQsS4yuItOmEG0qCFPvGvt9vn48B9k21EEHPWa
ZBrs3DRCHOpb0r8PL+znwGYd3oD95KFlXRTXGNiIfmzPLZfRI1/T6NWJHkOA1Za0CTvYVQJp
AFZ+eu1dSB7uZPAKP3WWCbEY+tNJKiTX4R04ADJJoG5bmBVFX4mYjwHLnpwF/sWOAUpjDGqR
RuIY9oKqqqNdiA68uev4+JJ58BAb31P3GNCsVjenUEtt1Vd7o3JI3Ytu01bUctPx5aAvdxRH
uS7O9l2qYilKVeUa9RVjfbJNuTmjKw9B/SRy/VwCF9zOzcnnDSzVGuLGbmlONzca6JG1mBB0
7O9iERZYtrjn+ocAo9/QmK7jZwssX12OrTSVbLfPSREWuZnjGqp1xEGUDnoNTwC1Fr1Y9Tz3
Lp/HgGHv8o2fWRVZjPBHI1lj6bLMW32Y/Smkcn6BtHhy4BcDnTkvu/HgPvIjTX2g8A2YzuC9
V7RtQkLGEAp1pB6ZN0h1ZlIPPbGdp1Hht9nAe5LMV6namPoapJZmqMGWJmeRVkbSNpWddE2q
mmxfLz4BVGgGmup8+A+bTT2keHAX8RiZbkpleJ2rREbnC6qxHPadSo8PfwDTBdlqD6uKxWj+
ofpyJbikVWKneAY4GMZAAB56cAIyOdmrzK8DwWJxoXeJWAVl1A6gmQb+XlqdOAJdr5HDVBJk
rllI8nfEg27w2xd+h1U75BuX+Y8xwDNke9MEmJsVpbSS2LcCKk9d90ojrMWSIdJdoDHl6jrp
wCj29nsLJnpbmaZ0jdCkLyAyiHT1KSV1c6HxGh5cAT7v+4VTKYxqWOWP6ixs+qsRo8ZMcY8A
Tt0Z+QbQaacAu4Gh1CtsFldXAiZRu0I8/FdrD3ngD9jIU5LLR2pr3p2j0hSjMf1PtfUAfzc+
Aqi5HBJ04LtempOiiSPdLt8dCzrwE63sHYLtlcnGztuBaOFnKgaKp3KAdfMacBVtdwYuQRme
7LZEI0jiDSNuY8mZjKrDw4Cye8sVHREUFd7CkaPBMkQicfysVG4jgBx7ipy3ZbP0X0xaQGOp
VEaxog8tOn48vHTgLdjvOsJUJxpjnr6hGaRBIuo8dywqw5e/gPc/mLE/a0c8oKDMzHpICCEq
4/WKOP0hd2ssr8258uAigoph4KF+aQX6zRu8a7Q0abwirp4gEu+hLeXv4B9h7dwyVUQ1U+Pr
yoQHLvp+pm56Ac9PDgFzuGy3adeKfC9Whk7E69O1FM3ONdJdHTQKdd2m1geXAMvbH/1EyLJH
B3LQOoXSW5VOm5hyDGBuX8G4DSMX3n2X3bXNejbrZBnUlqUvy5vDXQRS6HgE7uft23okXbEv
y40KnAyt9LKoB1/ys/6W8tNTGQNOAQrFXu+vIJqOVDrVlaOWvM8Ne7DsIaaN9vpbQDmVbn7O
Ap/cSqUxWJdUKv8AV5rQ+bK10SKeXufgPO9Yr97t7truCOJl6VRKbSLzUGuQIzy5g7g3nwEX
dtmDL4bGdwBgJ2aSnbRWDbHUdX1LrqN7mRlB8tOfAXu2M7DWwQmtxTQpAWhgtRxNJDJIeW1i
uu1wvkfHXXgL9XNRZO5+xYZWt17VZ4pLTRsTHEU0Yxx8yFVtNWPAK0gkkj2ySfL0Dee4k8tA
fPTgOMPHF+61UYEhrEKj3ayqOAs/dSFl7gp2OektQtHuOuoDaef48BXNugMjj6lPZLXa7U1I
BdiK9dA+vT2u3zJXJAHPgKuOsuKmeXcTJZrK+ragsEsxyOdPbod3AWO3IOvg883TexJSpi0g
5EI4kVOof7oPAWu7ZGsWL71dywSwY25YR9Bv3wECRBzJCtIBr/HgFVQwQKP1cyfd/wA/Aa79
hZmpUstbmIr4+cmEXZE0QTCM+l5d6HQekBRzJPLTgAvcsZGBsNYDy2HTaA6gsCGC6lE9K7fZ
8MZ5euUsQFHsBksdmd548OGsinXtQxMCx213bqSBdrD0hxp/q8eACZ63AcLh6tcja0DSzSek
qZNdpRNACAvPdy5sfFvHgLPYCtLmDSJ1htxb5yOekdY/UaN4aBigBPkOA77prSrhYo5yxkx9
qaGTdIhVQ53hERB4eoePPx4ChhEgsVGgnrtMkLFuoinQGTZ6mkLc5NqdONAPE8BGcJkWlmir
SbYZYzLOiHlsQ8kIHx+vVU/m0LeHAT9nPL+5/TEhKWWWTG2o9TtkWVCwHIMSVcKwIGoPhwHW
JNe/nUxvdfVmNSE0679VISjQBmjildyoYeKjc4I5DXgC9s4rDd5Q0mrRV8bdqrQyUFd1dhDb
9G4uQ0YkXVX9Jbw+LXgBBzfcOAyEmMtaWGpSPCsdpCw2prF6NSPSyjQf08hyJ1AvhMj2p3JC
mM7onehkJXKQZBFHSQEDazsxOhJGmmnPn/NyBRlORxs92gWMblnr2kGoDKj6MCGAYDVdfDXg
KiITrodpHjy8uAfsRgILOCpU5O5IsLDGgsWK8qsRK1kiXqKAdGZI9qL56+HARf8ACmOkvdNe

5JTjVdupbauUKJoSrFBJqT4cBWqdn/Q94Q4bPZSxSYo0k8lUhp1UxdSLZseT4tR46cvfwEtN
LNGU15u47FesNSqCNhqVYlWZpm5czrpwFqTt187nsTRNy5YuWrMcZjsP1zNFG6meRSh2RLGm
pOvAfpW9RiuVxBJptDq2pGpG06+n2HTlrwFgAABQNAOQA4CtbqNNZrTKRrA5J19hHl7+AQ7+
MdvuXXDSCa1ZuR25PlbelUq1m6caMdSfmAM7+GpCjz4DReAWe6pd1yNSWVViljjKo0pMki82
ER0UhAObe/TlwBTtiilHA1K67j6N7M2gYtITIWYLy1JbgPri0sdclyYi1tWkjhkk05bIyxQH
aNT8Z/8AsHAJvdt+PLqcVCIYYrDCaUR7jIxJCjeUBXUqfD4j+n28AKWXHzOuOidFeWVYIYpJ
QsE00MZaITgas6h1VVYct2gGo04DHrF4x943E7hM08VyQ1Mm9mMRTKpIQyqnqEZhdQyafpGn
AB7uPsY3JzY+zoJ603SkI5g7G5Ee5hzHu4Az9xNpz4kDhnkgR3kT0wuzM2r1k0XZCf0Lp7fH
xILYZSefj5kngOtw8QQDz5k8zwHgf0eogknw4D4MAnMg66/x4CetUtXJRXpxvYmkICxxqXOp
/ug8Acm7Dz1eDrWFghjC7gZHaMaeejOir+Wuvs14D2XsnOqNZpIIogVXqyNKiDf8I/wvE+Xt
4AdksHaoMwtNHqrlQqb23afqQlFBX38A1YntvCwYKvPZiee/PuaT/LNIoQ/Bskkfp6+R9PAN
E3YmP/YopzjrjyyLrZrTw16kcUSrvedHjVJNqAjV+fj+XAZ8a/ZB7ksJHNYODJ/ypb0MSQNd
7eptgbXaQNSNPDgGvHX+yoJmrVrFKJAzEdTWRdEATc52hefjzfgOc7LW7khjw+Br07jo/WuZ
CvXhgMK8wg67Oi89OfPw5czwHjds5+aBKtSulqtRQMJUeEIuzQuOrWKb2Hl8wngBa5LCI7SS
GJAV+HcJGc/p5s0+h9p4CO53OxsiGnTeTYdqSCRirEeBQLGn9o4AbZiytsmV8dBXQH41RUbc
dPV621LcAR/4n7rx9cUMpFHZx8Wm6OStC4VGH6XjCgkj2twFW3LgMieqkq1AmxeSdPavMssc
CAhzz5nXgJcV3U0C/SzAvHGQoKnVn05cgGi2+nTlwFvK9x0cjipaf0T27srdSKTpb3ifUbt0
m3f4LzAJ1HnwFDuKT/4rj8UTsGKr1axQjRerIRPNyXXTRptPby4BsymNxWF7rFzHx/5N7K45
qh0kHVlhaxbeNNTps3Jpy0BJ14BqykUtrGQ3sdpJEA0CoiszfUSOOmhLkBtfAaH89OAyPvmz
MM5PT+pE4pt0yY3LoZfGQhtSDofTqPZwABHBLMzbmb9Ht14BpwnbmYGEsZKvAUkvCOKhIGVZ
tqSb5pYtxBVfSo3/AI6cA44jvvvHDV4q3c0UOXpK2sFkyQtbhKjk24n1cvDXn7zwDP3FR7e7
0w5yWOSaLNdNGe/XhVZAyjYq3IJNGKqpPiB7iOASvudistD2n23LaP1wqGxDJaiBMaeiFApO
0bNzRkhWAP58BT7K62e7MzXbPVKTVCl6mzAsBG5Ec6ka+lQQpGn8xPALmGd1ks4W+Oil1TAS
wHyrEZ6kDMf742n3NwF7sHKPjsxHWmsPWo226VpSwSMNoVXfuOg2vpq3iBwG847tvEUMlQjx
kEUL2VeSeaIIS0HTVW2uP0u+nh7eAxLIwJRytymsYMVWxPArPzIRJCo18/SOXAUMVLE2WqK8
mwR24SH1GgUOuuuvAffcK3BPZxbpOsrxLLCwDKSo6cMq66H2ufz14BZwlE28gsCuIyi2p1La
7SYU6u3VSDz26cBbx19aWRitEiaDmliMgHdDIpSRSP7hPAMHZVQRZnJ9vyylf3bH2qalOZ1V
BZifl47lj1Ht4COnJNcnwMse3njpabqwBE30hk6sEmv80LgL+XALuRpPRyVmi3L6WVo9G5HY
D6SddPiXQ8A6/bDuLBxH/h/MnpQW7AmqXQdBDLJsilEniE3IgCyAbl58xrqAaO5MParLaqOj
70Rui6Bo4ukU9LRt6A2iHm2oCjlqnMMCF9uZQuVt0U9b3qc0COmp2kAOWGm3UaD2j8RwC08b
wM0ToVeHcrA+IK6jn79eAPfbaxNH3tj3rldXMiyiQHptGYnLo23+ZR/HgJM0TLijSli2WYdr
bgAGd6RkrTFwB4BFB589fx4CDs2u01k9CMS2SdIkV23LyId5PKOMKeb/ABfpXmdQBi79LWik
jgnGk2pMyj41/wAMzCNf08unCg+PwHoBLAAyrpRs05KqmCWqBJHCfCIK2salh8bkjdI/mx0H
IcBZ7yEU5rZaAIseRjBkCvu+ZoGIbcN3u1/LlwC6THtG1tHPM6eIPANXduZnzuJx2asxQpes
vNDPOhYkmHQDUMW27t2vLlrwCm6vEN24bo/UDrz1HMacA1fczG2KPcxnsTGeXK1KuRaZgql2
sRDqHagUKOorcvZwCtuCczoDpu5nl7eA2bKdhJj8dXawHMckFVxpLCpDLXVX3K+h2KQfhPAK
/wDwX9V1IJcmliQjWOqgU6MT8JKb300B00bgAWex1XEWABQdhuEYeabVn9Oh0QMXUHy18uAk
r5K/HLGaOIowEquusfVbTTxkd5BtB8OenAPX2Urpb+4j2MjGkV2lRlepXq+mGLc6xydRSSQS
snp05HnwGxZ7u/FYNilvczhVchdPBn2eZHPz4BTy/wBysnYAGLSOnCSo6khEknPVSNPhU7iP
bwAPsv7k9xv3RFVyE7XsfajRJVYJrFJ8sdRGQL+t31B15Dl4cBpezHx9zG4EX6yavHVaQEMz
JueWMHn6QujeHjzPlwBfUe0cApSZZJcnasxTqrVC8W6YgqniujdM8jqDtUer+J0A/hLAmxNa
QuXJjA3uCpbTlu9XPQ+X+k8BV7k7gtYinJYrY+XIvGu5YoSC0h8AiAanXXx1GgHP3cBmPfPd
3di0kytnBTUMVDK3SjYxxSDqRtHtYM292ckklU2qvjrwGSWMh3TJdnmrQ3qptoJulGsjaRKC
BIpZd21dzEP5a8Awd7le6MRhe4Ya03/EdqIwZSkK8m+booNt2MhPXGyrz0Og1/HgAdytayeM
x11oJv3OAirIOm5+prQDWKxGwX1dJR05CCfBTwHeZ/8AMR/3D/p4ChH5/jwHsnn/AHhwHh+I
/geAkTxH/Lz4DQfsn/61kf8A3dP+ueAdO6f8X/8ASxf+G/AIOd+Cb/ul/wBJ4CM/+cxH96D/
APmYuAas5/6nf/7+f/xDwDX33/8AMGM//ZuS/wDA4D88L4D+6v8AoHAeD4l/P/QeAbeyv/T5
/wD3uD/qtwDH9xP/AJbj/CT/AEcBmS/4i/j/AKxwDhU/83V/P/SeAHWP/Wo/+8H+ngLGf/8A
Ip/eb/rngF//AHCfn/o4DyL/AM7F/wB7/rHAbX2x/wCpVfxb/qcBnXc3/wD0XKf9+/8Aq4Bt
l/8AV0//AGrlf/5XgDeT/wDTsV/en/8A8e3AYi3+HH/s/wDUHAQD/GX/AJezgNIP/wAs43/9
mRf+JLwFK58I/ujgDfZX/wA+y/j/AKxwDplv/krJf97a/wCq/AZZ9s//AJiyH/7Kn/8AycAD
zf8A61J/3qf9YcBFb/8APT/97J/4jcBqGG/9NxP/ALrB/wBZeATLH/rdr/3if/rHgGPtn/Gj
/uj/AEDgIPul/wCRi/Ef6W4DLsZ/58f3bH/h8B1D/jr+B/0cAwYX/wCccf8AhX//AJUcBXT/
AMpT/wDfLX/UXgIO5/8A5gv/AN6P/wAJOAHJ8DfgeA1vOf8AyvX/APcv/wCnwGddpf8ArtH+
/L/4R4AcfjP95v8AXwFztL/1iL8X/wDBfgO7H/qdn8LPAd9uf4GT/wDdT/r4Dg/+owf3qf8A
4PAVr/wf/oq//UPADR/5pvwH/V4DpvEfiOAvJ/6XN/3if9Y8BVn/AMM/gf8AVwBzu7/zFb/9
n1v+rwC4/l/dP+jgNAzv/pkX/cf/AJBwAftP/wAnf/uDgA1j/wA1P+X+jgPl/wDSpf70f+g8
Ab7S/wDWm/8Acx/pXgLPdH/nLX95f9HADp/gT8f/AM3AVMV/iN/y/m4Bvh/+Yaf4x/8AgHgC
OR/x3/Af9U8Akt/5K/8A+8H/AMOTgGah/gn8v+rwBbtD/wCa8X/3q/6+AYfvd/i4b8bH/wDT
4Bfs/wCIf/2Uf/Ds8Bal/wAet/7nL/17nAeYv4a/9yT/AK6cB//Z
iVBORw0KGgoAAAANSUhEUgAAAcMAAALQCAMAAADb8utEAAAAGXRFWHRTb2Z0d2FyZQBBZ
G9i ZSBJbWFnZVJlYWR5ccllPAAAAyBpVFh0WE1MOmNvbS5hZG9iZS54bXAAAAAAADw/eHBhY2tl
dCBiZWdpbj0i77u/IiBpZD0iVzVNME1wQ2VoaUh6cmVTek5UY3prYzlkIj8+IDx4OnhtcG1l

dGEgeG1sbnM6eD0iYWRvYmU6bnM6bWV0YS8iIHg6eG1wdGs9IkFkb2JlIFhNUCBDb3JlIDUu
MC1jMDYwIDYxLjEzNDc3NywgMjAxMC8wMi8xMi0xNzozMjowMCAgICAgICAgICAgIj4gPHJkZjpS
REYgeG1sbnM6cmRmPSJodHRwOi8vd3d3LnczLm9yZy8xOTk5LzAyLzIyLXJkZi1zeW50YXgt
bnMjIj4gPHJkZjpEZXNjcmlwdGlvbiByZGY6YWJvdXQ9IiIgeG1sbnM6eG1wPSJodHRwOi8v
bnMuYWRvYmUuY29tL3hhcC8xLjAvIiB4bWxuczp4bXBNTT0iaHR0cDovL25zLmFkb2JlLmNv
bS94YXAvMS4wL21tLyIgeG1sbnM6c3RSZWY9Imh0dHA6Ly9ucy5hZG9iZS5jb20veGFwLzEu
MC9zVHlwZS9SZXNvdXJjZVJlZiIiIHhtcDpDcmVhdG9yVG9vbD0iQWRvYmUgUGhvdG9zaG9w
IENTNSBXaW5kb3dzIiB4bXBNTTpJbnN0YW5jZUlEPSJ4bXAuaWlkOjE4OThBN0EzMzk2QzEx
RTM5NEI4RjhBNTM0QTM5MzkwIiB4bXBNTTpEb2N1bWVudElEPSJ4bXAuZGlkOjE4OThBN0E0
Mzk2QzExRTM5NEI4RjhBNTM0QTM5MzkwIj4gPHhtcE1NOkRlcml2ZWRGcm9tIHN0UmVmOmlu
c3RhbmNlSUQ9InhtcC5paWQ6MTg5OEE3QTEzOTZDMTFFMzk0QjhGOEE1MzRBMzkzOTAiIHN0
UmVmOmRvY3VtZW50SUQ9InhtcC5kaWQ6MTg5OEE3QTIzOTZDMTFFMzk0QjhGOEE1MzRBMzkz
OTAiLz4gPC9yZGY6RGVzY3JpcHRpb24+IDwvcmRmOlJERj4gPC94OnhtcG1ldGE+IDw/eHBh
Y2tldCBlbmQ9InIiPz6yoIj+AAAAOVBMVEX6+vq7u7uoqKiXl5fz8/NFRUWGhobr6+t3d3c7
OztmZmbj4+NWVlY2Njba2trNzc3///8zMzP////1+FlZAAAAE3RSTlP////////////////
//////8Asn3cCAABwPlJREFUeNrsvYua3KiyNFqAQIBAMnr/hz0ZkYlKVV3dtmfP2mt/5/tr
xu12d10kIO+RkY/z/z3+jzx2fj1+fM5mfx/2/Cx/6uP/rd03j1X+ez6wTgv/bPz5erowl3uR
Jd1kSR2W+NhsQ/h6/3BLWL184/E8p+/lQmyxhRb1wb/b9bX58wj4jJzwrunc/cl3d2ELD7fh
J6c/Q1rPFtczxP/f7KGThfS4NX5/2nLdHwf/eC6HLEp1Z5V/Ozv/m3z/KgM+Vr4f/gS+cku1
1djOlrO8LscpP/72GUmemy6p0X/h3+mSobPGUmS/5Av+7wXf6g9K54/k2yivrdleEOTTVvmc
wO/0bl1ueCd54//AHi7XOV7kjy7NcRz2tyy1wx+5cT+X73fysMk77XzuetuPB29LFgan3LWw
UR6OUGU1hqtxOZeG5+NkU4Kwu77JNZwpyeuj99G7NWOhUuWSjqBvnnQzW1v8kkSK0g6Zc7Uk
+YzmHqcfcu3Bni5vF3gYsN1nOGTXVh4N+dSwpEWkR2Qqe5PDR8Z2YaPwmb2mFGPnjzo3Un9b
5PJ2v/FdD3+K9FE6vdyVHIfDJ5/zeta+y1H6B3u42an49AjV2cmRE5hSK30UPWy9lNGHPHqX
/3vEX6W433zW8fK5B88ytvP+c5G+dn+fVT41VDml58CJlU+Jdk3y3ISjBCk6YzjLCVk8zz6P
f0yQOrm2iB/LSffy3CDPCZCCUuSeKp+V5JV+CiLfY15vMF1wUm4SZSfglFxyyLWYkojNzyJ+
FEL7aeQ3Ldj76Lvq+3lcuYi1z5B4yuEZcZofxzSo7vq6fCsjNQ23+u9Mr5yJkLKIvHehpjao
MErvZehWjqH7KVctx67Mo/wbY79w2x7H9vLTwzZ1i+vL82P2EZvgi9yDf93D7OVnGcovhjCG
qNR6uoFVUwXXTD6GhwQvfhUpWvISIEq+YnFbzenIQVZgSaY0ZYPclEO3y9qvVJ2LSPCKf2EP
xSA+qHTrED3BD2sh+xR78oFvXKYkyvq0KMc754UH4uC1y/vLtcC2QqGmE3LY4gE59DzJ5/X1
+K1kYPOPb58JSTyo8lX0uHOlN2eGX3RAk40cPHk1lfTj5kHi3e1fjlu33w4Y/t1er3DI6W/Y
sY4lk09v1/2l5rgAkEN/Dtkp2cNTV1AeegRwyfIbWUee+8SvO6QXa0xLGXktPCSQ/CmIfjfr
iUs67PtgUqT3ccjp4ifIRol5peT7U7eQR0n17JnrqXZVt49aiFqC9y5XlCGHTe3hjvMiT3v4
KYeelucbOUxObEEWm5Zvpvz2a+jrAqXJI0XdicurfG/vFkqO7CK2UBZ3j/GPbCtkbrnU0cNU
Ku3h8QjjmOp24TIVD3+gDrmHNsVw4x6K8pIVcdxDN4bzOfA5OHFdtyLLd6O3KB7lQ+zPJpZ2
F9sNCYCYykvz8Ivf3OJzfTpUTp0X2EO3UA5XWEZ5D9jDQFt+UP05fBzXZ3QchHEePPD8XIpj
lGNY8qkHBSsnn32IEZRrgfWHPZRNFnvYRMG2hz7tz+UwyBELPBHfPRMKvfcsrkGDCezUouLN
+awmEVLh8JSiqnT8Udw0lad7s4bnixx63kUrVaydiCBVl+2hymHXUz3l8NC7hs4XPa9+YJLv
mihYbytz6DLiT/UdV5sGVgErNw9gyOdlA5++o3/aw+suOhZI9g92NXZY5pawBmlwG7mHsjAj
V3xSsXcKl631fCf57FbNHsoeHiaH9O8ue7ien92NkIuoDie2YMufl9xnOUZyRsRU63njtdWw
U7bl4MchKkhkR3ZxRLmgVOLxg1d6mnWWDZRnttaqqyt/4lQOz6W+WtVQYGmw1Du3Z/jrcMoe
wk4dZg+71+3JWMBYVKpq4Ub1vsvuIebbglh3vj6L2vV4hqhBuQZ3tHl8oguqoimHlz2kLYQE
zztMJQdo5E5PuFBvwE5uovOHOTXmPcTOg5eoOR60h3K/QTczuCrRY5X18/2LHLqfpRHhkQSb
J2XCf5bDgdNRm+xlxfXw/1Faafl6E3wVfSoOYKIYpN/LYYbtOHi40k0BQzLduF9vGNlOLrai
9WJ3w00Y21RP8m5D9BUPCfdw2s3asYdHxR2GvN5XowZ6rKJSa6VM+Mt3FF+n+bRz0bcXH9Xf
16lZMNg7xS1f4VIr5tfYl3mmXFU5XO9ySOUMr6uoX3q4pz0MN3t4fLNBh9w93PN8bf77Q/w2
8d1Sg8c3oBdkt3J2zHCoaQ8S18gveaGNyybW52MYs172sMWnV7qIXdvpJK283BeVkEb2IeBu
RAAX0Qlmsxx/J3/v/sAeutSjHKuNP+ai4arOR5OTxYABi9Xk99Vs8OZhFMQ6RBhQbJmsXfFX
kuERRHL8lvBZWSIrOQC0h3c5tCgCbyF+jSpjeJ4p6u7VqCH/oKcsaybHVeJDsctBPP3N794O
R5b4kX6pj9/Yw+8Ci13E3zd1pbdvpdUVXNwBhyW3Pqr4eHJucxU3LCb16SB/2XQHPltM0PFN
ftCupdX7L9o9Q/Ou1XHYcXYZPZV6k+c01L4hxt9FXTa7B3heEiQ2nHJZQApWLaflWOz4dhOS
jthNInWR4nq2F6e4MuKsV/YnvslhVgljEBhtC6G3cm3io5c44B7lYVq1F9EFxWTOZFqV+nY2
DVQoh3I8F28e7G0zl2/sYWtLFSNcd1Eyi/9e4yKkTT0nZP9UccKbkWhWfiVLHBBaLXUguG4V
503OZXXrh8jwtKuJL4F8oy1kVlLer705x6V1uImQMlkLfdesMoplcIcur4jDQUlvTEXoYyrV
XRSV3qNK6jAJkS2u+o4uxxZp7eZx8/D1W7npddivxT8PYhwziujdDllyzkPTSLwF19h5EWDu
MXyfB4VBPf5DJO/wmtATOTw14QQ5DO6DJfxODqO4D7FAvfjrmZ+CDDkxiAIv2anmjyJTguRX
1980HH+R0yxeHjaxZfq9n/1SV55W8PZd/JomEJXWKIeyb/Dh90tyxSOjCj74b/FeeO1z+yQW
YsaymIJsMweTOqVPTVl7uc+XtZJP9S/Bkvq04Xa1XfOh4rYkvj+1UBCFJYuBqDHC4wzRrmjw
AtQT9xZxQsVvJ60Fr172OXi1h7v96GEf+Um1HW20Kh9X5cAFnmbRDln08xS3p9LITRSOStGe
HFxAytNCu1KRIJQbXsVODgmG1hMZkiL2xbeS3zbwwBmXQ1FLmRZxa6fKoW/pi+zyeCRZudbT
ucvCjGdCLEe6/jiu1ctBrI/WiupIqLjgZYEHdzIszL+sFb4tEj+FgcpoL3bbNbmjeVA3al+k
4DY5qok51i0sbg/Ty/dlBvMdibsm3jnXe4MC1ZiipGYphwgtVdUBw/+y3rs74OfiHsQ8im/h
EF8+DtO2c9Pcj3KIM9vUO9KlMknbW/ohooRyFd1WxTWN4r4hP6GprbPKEsmK8dNx0mXrY/5S

kZDlKf3llLRqKvqrptA7QGzR8Ft4K/qS1TzizRQfxNqdQ4MfZv+iSg48+0K1YYcGrmi8rc67
7b3qC92pJWHCDO8Xvshhmcm8Jl4url+elehtVi1ilHlFyE4gEeOsonKYJ3xYznpWZyCHCbF/
osxAIJffBPtiavwiS+jgYadsF7h882zP2G3XrE1V+yZS1RBuIE/R64FsGCNEJxtY3mybFYbS
eFu9vcJjzPVLnoiX4wItjfz2UeEo4M6qxn5cBsf7EKWaNB3PgMwspyg15pZGXE71WqP4wRka
75Nmiup62Ke3BxU2lCLU7+CSLm7ex17aDCAsmbfk3Soz8KM1bRumeR6Fdp8VF0tvwL4ikeBE
EDfeiauPI6UXe/Y7ORSHAeGF6NJynZBvJVC80Zos/qqv2tbVwtii16yllrdK9bwalnFq+WSb
c+xf4xpnsdZ0znyPGj2qTxPXmUhsqhw7wx8kubrKWmKKFYUVuQFnjsrQKt6H7G6wxPt0+aDc
ouVTE8MAd1ujkrm50NinHww16U9sXPdEW3nA68CSyEXVeOWVNDtzyXRIfsa8D4nmVtYz1ssj
9eevb7dxlShBgvUipjXAFufy/SY63ErH70fVYNaLIq0SYjhztKE1kJJA8edj2kc8VcSt49Mv
j3vpamUq3B2QYj80R5osIhvcwaQHkOotUZXC4o0o3mXWwkqizkhwdRiiyXbg4Mkhf8AuiX0L
bX9Tp6o1Htf5LBI0QZkcjOeQt3nAslqcG1pC3Y2+0R6zeK3ii5qKOWRTdglvFjkwDxc1fyq2
fGUJURMTu1vToscpJW/33B4Ha9JP5fmzIvWMYDq9KUef0J31200Ut5j2MtC4HMhdomwItywH
y04wFGrwydo3ORq5+OG+ef8tq1fszMpQlMRjSm3qFKe61I5kGs+9ZWzFSrj8Qy6jzVgQVxPV
FUIAwApjPW7ycFuPL4KppQfoFXi/mSHAccvnXuk02aV0whGNptxhd6Ecmr6L5k6LYyhxXIn1
YNpKdw0/D4+z5vWeobmixO2bxFcejRVSucCi0JyjfQ4Uu4TJzPFJCJFEZofcGLzRBxVU0zQW
o6IYDnHfZWOzD/6rPQzjG51wTkUmWrvRjWA4AH9hHgA/LO+YTQ61rCuyDQ+vsPAj67b7EB40
pvJaeIaiyQ4o4s7gReQweednOfYphtuLCWKyFrt0GWoX3gAj3EMUduR+m7rDMCpNNM4iQiqu
jdjIihpNEg0fG6TY8XO9JzZCRezw4dTjgfpvTi/xofvG/3o+BlPCuJeNXkKls/sx6dZoYeqY
tUT4o5f9SLSBCypVRVNOrX+K9pw4GZ/1QnuzvsUMJMzw5WaYmXMW4x9Jd3NnJryfa3ID178H
Wwd506JFFfVqeW1Qju7KVT4/ud4kbP4ISYAU7/WV9XYkLY3AumpUfYn7RxSRYVA8M7lUDvCr
WrUyG2zzfj7hK/76LtEvRUmMOn3maR4/uDWbXMSuaC6fZSnk4/03iI4UYXO8XTFqii0HJyc+
8MRLZCVSKocIyoUYlvV8fNlAsQe+f64utvuzN2Q3qHRh7+p1jHQTKn/yqzZmemdCfO3YOLE/
iV6sZ+EKuUvEiHJwAo21eI2lMSZDLIgFjj7kx/Sg3iRxhVZPimvbRdce4f6czdKlXSu+LBhK
eCJrQacc2yXbf4iNKVVTe+pwBNhX+q+/qCM3N8twq3ucjE5wNu/SuP0gh7NWqs/NpXz3xNyH
LgqyMeWjjXVWj4RFat8i1s6+/YEcijPRr802XA/Otmaw6e2c1LXpGVri6LjBH8Vnvimc6k6o
HA7Gdepj7pnB4vkmjm++VvwSHz/lsJnsFd1LGO88Y+ze9nw8AxV9Wgw3T+X4cmTkdZDDPSnO
5hWU8Y097OYjKEasuvTMnnwtBgfGFdEW5NsQRJbvIcqu5hzeQxzP6xAnJdUMW4DEeQ1OXEhR
yS/e1J7hkDtLDleLWStqAUgRu6buCtPYE6jhxE6npHs4gkaAGW47pUUOGG3ABtmSGAm2TVwJ
T5wHTr37jEEIb756u0O8soJ3UCSPCBK94q8owQVJjoMa8FCoFpauzuK2v6tnP2Eporv2ae5Z
wPzZEqqtmcWcQyy9b3vK38kPw4qdQWC8soeGN3kX2ZjeXc77O0Glmd4aPL4Qj/hWrxCHiSmZ
ZM4EA3ToI9k3X3W9K51PHNp9qDD6BCRHkn/bHlLOUFVXvxRyuKbejjprhU80Wy6fDU6u36OR
Ml1RONBHgxd6D6qOdMMJBc2xQ8GudqD3Wyz6PCZiD8XdyshIPNyMD3dape0bxeb7bpkZhJmK
rPxGvPAson9kB7KImXcHspzOeS+OZNhv2Z0NYuh34prvzsLGa5JYl4cfeciopYMsspl/vaaX
Iyw1PLZwJtlCIKChBBpySieUwqNGHqFqutQPEbmGFPlCOTz4yb4gN4vyFRImrJgyM+a82MNU
rhMYW/uYnEdt8rMydW5ritUcaWkBCchvTAi8d83YtebOmXA7mG9+xsM7LeTD0Br11SPdfwjc
/T12q+03kguIQT/T5xRAzOcdKCyxZq0vDp/GQK77XufnNBRKe6vxqu4+t5sAAfUuPRQgk3xQ
RjHv1Elc9fy0hyMHbpbEaOOJEVdZl4uLyEDQLraTlftj3I1CfKt5um8s9YtXb2hNOFfiIPXv
npm0Mv2MWr/flwdRUtOnIT7yAq9/3MLx1HIPvyGB8OOjJOC5NT1g/QWtJk/18EAtYtSQs/vW
XUHWaBc9OIImj70Xl03+dL7T/T5wLpPI4Z5g76p4hPi96KMBiWwOtTjkvOFZ5glclCgAKfel
OC+bkzcGdAnYSaRy4d2LKZC7lLuO8XCuvgJi/Yf0vIre+lkOz6VaJbnEVGo+/Q9r55lj1o17
UDtuX7BGisf5iKf5YVPequw/P5ATlIVPshyG8baHHDDFxjXap/J2M+FF64vSGcxLAkfSBvaQ
1eP6quS1+IPtl9hCzLTs4TGIGs2jeQ0xoniWGc7Q3ul1nYH+1mAeIegqVAJIem9ea4pMoQH+
5N7ABF9X62dUoBujzaR3RwXnN3j6dmF8dMO273DZkEPgsH75J7J0+fYF6WUD/Zl+hhUWL4da
YsKALGkVxzMnh7hSvopHO9D+E9sqMc8T5oTTVtNyyeEKPFsa4rDh1PrQcoQcDvnTfl3X8kgu
iPQV8W8r5Aw5WcRAKJjLv+RPl1j10SL90mqHUdzNPIDvHAnVYdTnvWMxFgeuOQbjEnM+ANoV
Ix77qzJ710LH1fuwfpJWWQXmBDtk/PitAGgRcUKsHvbnI7Z+/4v48PWD62+aXg5uTL7VFoM2
eCkqVFPMdBwd4szGLiGgD98+rxIXvmZbEHG/O1J01xk92GEEZctYTp63o2TLPZR1EIkcFhpW
hUE2Zmywh7Jb+OUgnqPp+zdUxeSRD0XsEkuDBHj70lrgftBSnyupTLWNcf7Bw3Co2+90o8rh
grfXZKlbfrCHx0u/4k+6fKkteCyGPGkNEz+Grr3KxEQMhmIVV+HIclOxJVSld/OKz5scSvAr
v6/Eb0KKkryxyGF8+gMSI4VDHGzfxX6K4wjn/eAetgjQA5INEbi43BgdAocxbJUgh350uPio
0UvQ31j6kz1kTNPHyj2EdczfwERuOSz39bi7+x4Gdin09Q/2sEmcOdyef/e8xzON6/7AHh4/
e0gvZUZxV0QABmtu4m40YHE0/+6tVg9M1Bj6MwBX10s1vp73yD2cjWUnS8gjP6FQCt8NUw6x
N8CymhwOpJawvJRDILLRH5GRQ0LFRLZvlQvpWeUQGRte1hi0ppGvE99Voor4KYf0tuzx29+Z
lU8DCOE/kkNNObjf76FnHjBMe+gQeXybL0XtWGI7f9QvWv89zgXcYAcCRVYkybuuDspo0DGF
Es6yThndbZcsYZsBTE3B3eRwA3JqAJGpLSMJvulgoHzZwxWpS4C7UGtoiYGzZ38g9jCJQ7XD
rzwXcSkkNE/UpcgulwTAGuCBcqwSG9a2k0DrgcPFlFgXa9sGYpkvuYn9fX1FyaQvm3g9yaGt
4CGbCHDR77sGCREex5n/RA6/+qXfepyARcZ2/r7lDDWI0VOCM8Nauaj21thch/41JsBRyOq/
8c34mR3BRLlkLjXRpC8Zjp01Nk85LJo61DwR9uB0ZRgiRsTuXDMcQsqh2LogR8zBQ7LAMRLe
j+vrsKrIUCi21LABP8shfJaf5YYwneF/Y4pu6iy+Ja1+tIfnlMP9ZzfljxTBHsRZgdyNFg4n
EsYaC2QnEvcgpz+IBxrbb94HWBPUZ2PW1k3vUMmrI9XjBQH3yJBYhxwnk2ar3EvTxUc+QOwP
ehOWlCRuDMi7VaxjR2tKaV6uTP6JrOEmGw8oBwT9cbJSW1Z0UsX4oaHgix5CraEt3260000k
WOv4GBe/qF7YZomglnT8Ezn8fhtD8fU4/+xRxYaFhraLYuEh5Q9/MXUWOqqJIqjiin6vMMQq
xdx2+IdJ7aGE2oAu3eLDnSWlnXI4NFZUXQSnBckFeU1U6wKrTDkMyMNSX8AmAsnpCRsBGDYi

AD0P7Z4kjg6p/sNQMgpvPD7IUu3imv1WRVKPn+g6/90BRgEl/t4ezlP7MBgjTv7jp+TBGX6r
BVa68Lsc84UZBh9SEFGaRBASaslyJC2gUc+W5lz+Tp0OWW5k+bXigBS9KEJxTkv99fRe23ps
YgIph+KhbiaHReWwueYlDhU1WlEI2CGHItRjJLZCwgDu3EPAmgPPGRJSCvRckW8dhe3nwMrI
3eSKwDZ/WV4elO3axeU9foQo1+wJtkUt8aZ4Hx8cyF+VbdP+t/Zwz3e/9PhNBibEP5HAaDZx
FP9N9p4CWdRXlbC6fG9ht4HS6M2zz/A/kyjI8OboN6SvzzERQlHjZO4hsCqsKJSuIQl6rQJa
RRlI0Oq1aB28ul+JwAm5hXP20BPC2JPdg/vQg6np3uPbTJbGqJk5Z0AxXw3T8SnMNyTpZ6wR
6/mQQ/CgPDdw+U3YUP4ksomLxg7iQ2QCDG/WITeDRiW3XZWL7w/Nzk2RmG9kU2NZXNrcilaY
7zkTj4YzL+vNoD/gSpkKEK9yazuwM6LqBoOFhWnUcTWKydWIVADV3U4ttQ/iqQpr047Z51JL
jSKET5/51UIuBOtDLq5i3staLiLP6AROesSrtjrFq7frtWrB0zpGfLeu3jPnhayXaDeg7bmH
9bch+30PxU6k+nPUYmViVBYCYgt6so6cLkywEZmBzRW3tf3sOvvgB3sM8GZJq2hZ3+JFxygS
OhA9AGsp7lLZkKJHenwgxTZoi4LCyk+EHAT6wE8mKB61hAj4oFbY46mvpqQgO5vrGvc6yx6U
w5sQ1ZQK1DfuKJZnu0NiYhtBEcAWRaPEqjHxLloNZyy+rMHOwDBbjUYskLy1Apt9CHCa4T5U
d9elmZ3dGhweV750+d7bxZYEFyKyn9+Zbag/tKahUN2aJ6IbkTPSIrlSRQFJAjfE+9x+OhAH
qFoAj+hacfBYDPaXfIWk/pLFQXuOrxskUHscUV8qI2ylyRJvVZ2UzJ6VMTGAIhI1oi+LSBqF
m7FQBDhoAm8FzHYtrQdw+yxyjDPMuYiCBLRZ/pGT08KgdiHsl2zRJYeLxMpvIl68nRMZL+sh
rk27hGLLfFrtV7atVMWvIYvFP19s5+NS4n8qh+csuf+Utg3sUQS67jhXbRKJyIOKAoBbwiAx
/uHnBRAypKMTKIxcaMU9lltO/1atZK0P/XyoOUDSuuZphvYaUXwVZNER+ke1eCynoM7Eygrb
lkfcUNOA64L/5bimJE5VrsaVFoyVAAkmTd1ubGlq2mHY7oYlTlNlpy6/BfJdjoRJLl3kqlQC
X5A5pxWCA1071FrzlMPatluibWXHrPu+kJLbHyw8zsbqQKiwoZMvQr3MKvQOmIqsSvjDUyOv
TcHBychAlFENDvMY3xRvX8SxqTG1Rtz7oKoUV0ejGgDzrfolf1WnXDA0iRH5oSSfI7rbu0D2
gMXwnJ910sLfr3JcUtbj1InvTgDa34NJ7+25u49tfbnnrF0u8Nep4YMIXYYm9Yqr7QDQ4bcN
bFLGL1XFBGQ0dy9OdfYD+im+yeFvLFT0N06y78MguAlDaRMCzKDEFOwG1gXzqbQ/FETxiyoa
PmuoEiUWomC49jP5tZ3aCrrmcSZLY+9IJbCWq4234LODHckGL1Jww/5HdGOfXS2FJFkiVMwR
jJeETVD2tbyAwLJ8asx4/rg1mO4a14ba9qrsU2d7Q8QBwzjYk6VNGgSyo2ozW+GgcdD3xEaS
uz00fXt8I4dH9jDDP908Ttc4HMxgwQfuSI6K9xLi0AJ8jWOMP04VyB4emfBp8DAo2GV09TxA
djYLkcjmiVTkEHLywRTPzq795Yf62989kBJJovvcsRA9UGsKD3FDNkWjtoZomyie6dbsrfq9
NDGb6/lkxpo+BzpAk6vs2QsAkV4++opuotlNepG8KdcIzJOZXtYsc/yjCv49CAIk6Te3Oggq
ZKO7QfvRflgoD2f6Y+uroXBjU1+sWCNZNJagGjmf3J9f9z/csvkpLFrBAYlgTwRtUkb+lfFi
K4QWw3e53Pd2rWqIeBLDFXldstaGw1RZzugOU83mXtKaxtzWFRr1vodlUvQxtojHLdG2/LY+
TyRz/SyHySdzuPXAVVVmJt3rxH/8mOZGu5oHu6Iht5z1Fezn+WKf/kiqnNk58R7no+bUanj2
TQJ4DhoLPFN+lzOzf1SNbJ83PC+sUIPDAVMCE8+8L31qoEBXsWb8WROLmqpo/ucm5q7MFxmF
DbZxT3uK1Lx81ihIBH+Bk/FTZctC7n5PRumG7KFZct3jmxwef4AImV7Nt8/Ksxo5fSpRoyj/
iSrZz//GI4hHSRh89UbDgK8bnHqyIDYNewiDUueUZRUiamKfmXr1fGTvZf2y7E7l+k3ocx6a
zQEjTwNJRCBVguWAd6aMVopFrUqVcJ5X3VY8u6PCscwfgriCgg2ZAJTPoeH9YT3Es9EcQS9q
D4vT1ppXjtAfvJrP3sgW5FInokScuxGWWdINbOVO/ym1p7bOvL/DEcGKhzh1eGjDn6zsivjK
Q8oZ3ugpH4UCpWGGyp0aW7NFSnVgyTZut6YG4OsqPIQp34UIsCAxpGgOT/Ss4r3J9hHzgtph
rsSXEqkmV3fcrv89X/xoTbVEHEyLpKY9oovTljZ8nCrUf2blP/Y/VPYG3DOD71vtz+Nf3Dhl
fFIfuYlNUQ8dYJWuELoZ+THq6xr8PYF1PWonpHZkXSpTOzf7sM4WHPpcWXGGXJLyamgWYEqh
EubVU3uOISyxKvvoPbwDhQJAqihstY+1ofwx56zpmkruAo0Pgx3IDHns8Z/uYfwQcBRSy04p
3uP2P9qg1XgR6cKj184n9GMkRkuFxqpo4NCtHXsQBGOpaZOsYRE83QA+mY2ZeAFfrjXemc+2
pA1fbi0BA9shQmt0V8XiTHpqQ4sOmxpLka2HGP8MZkHZRQ+Sy9byZbfTaFvKCOJLvJod7pHn
/lZ3rAV6xTmGICSy4rGMbFSgeaJOlcX4Z3uYX8+Qq7oy6VbUqH8lUU//TxyKmqvGs7GXKyiH
KSfOxRjgpqKzBJftjW5Jt8CjPHvtlWyCoI7CDVdbor/E9vEkdDsV2KWixlF1LaNsRIADTo1j
FD805xlpScmSugH220gCJTEOwCPxmc5GiV8cwdKfzFXbs9r7ZcWOC8UeZtptkipqF2o3Go1/
uodHA6BxlVARzrZ20aHOtT291bq+RYwb/6OfqX6g4jRaNGpr1NK7mRldcNNY15Z1zU+r0PBe
uNrYKuLQCOwlzXTsWXPdY4qVeSu6UeWWsSE559AuMZQ4CspRsY2IRGgFI7JIU3e6TgCFo1dw
ayqEDuRnnR/K1sdf6O3n7YxuAcCzHiRSWtmgoLUI8dKNow4s3YpVSveg2OL17TzI4H8x8qkk
PkPHn3WpMlKLV24d4a+BroQsNByKNQHhSnxyy4Ro1gqkxZl1lrlZz+bXovuiOWeSWkdj/zbK
Ebz1zLUo+yKXnp6aePetBJx1NJ+gJte8tormQDYzEWdqP31D8QtEUkQ3gltMHP0qFioV8H5H
8VvBfBW5hEG+j0QY1MwCD4DEA3WXzMKD2sKrj2tmG8w2OjKCNbBg86w1qwkpZw42HjnA/hYJ
Gm/qa3KKetjZb5P6sV2b+eNVMGPo+P0erpm9xuoJ4Plf0B+k4JS1oaKmTD/VwfTH1fkb0+7E
GC9iNM0ymD6MxoxEgt2iTqNu75QZEmAXF3pqEvQtGc3N7OiFO4Nw+9T2wIDgOW9wH1KvXby/
5exiqwKKe9xm+FrerWK7ZdvkAOxZXh9BSdJAI9/oumjqu6ugznxrMb9U73PDfVUKOzn5i4b2
tTGAU7KPNd5IKnLnFItSgv3Evzg3j5diMbxo5FgXOTy4G3qifYrBNV6hfatLQYBDU9F8UFga
Lv+9SdAayxVSkfa7r9VmZwjZ16eqosBZrefaR/alcM/4IcrOUzTNCY5IlHubqG9U2Ro6cUlH
ObuXyS+OJpyUyCh8cI/QrCm7HcEOFWSxT9b6VEoVqo/Sh9xiVMeVZk+7LLrtlImcekTdzKP+
Sv3KRAzjkcEnCzCtZoxA9AWIxZ6h7yMZ4q5NBHNUL19odY5JQ3xpOwn8Y3zytFWjSGJqQZ1R
Zf6m1D++5DlP0jpSbLC4KBVmvR2WRXxI24Wb65NqUO6r4sy4G0SYr1AFrmzC6pSbz4/MtKXi
5ShViZubbyh2NjBe5y1uAYliyFgAUxiKyXFvOzfvIQKIOBA5E/RCeDFcGU6h+II9pyHidNJ3
Ff2aW5af+drrUx10DT10v7pVnKitO9vV1OxqyKFOr/o9+ps4D7BSJPkClCzcLXSJAM3XowtN
O+5jm9w6WFvwRPFFL8oUmLt4W3+gDOhioPp6/gqNOFZiD5MpMuMS08kYjyfj+3qVepT33dy5
jiJkqOZ50+22WQ3NZh7w2W8k7YmuxTU1RTzgLv4P+WDA3YKM6ZF1VsOuckMe0uPUHkG0eYpE
sQN7P2vcZsbVWMrIriRiGQBsAF1xmSGhfdMV6Mtt4hbZn26xnYYh3Sxy7Hq0ekj0oKJpcd40

XdRofg/ec2Yz1WFizgYKdRAv5zrin857gsuaXjjlvI0/eI0H97aKp+9utflB/EDq+S2Uq7cx
JubfQA5FYIO7MqV1EhE7X7UoSp2SjkAimd5Vr8B5SXqUEXAmLLZ3N7Oc5EwCsokiXQRIwcny
hx14EsA4s3b8OvJT7SJfUBZ+NO8ygGOtHi3nKJ5HgWchdipk/M0QOpr0WPAwusUUakG1Znip
wksFUAFoqMHUi/m3M7jX7uI46dmLea92SrsRk+u5ICm6U1vJ2olEdlimQyHKPYZUMfNGwosY
oDzvCTSd8/HFc3/tvI46SMO51smP6s+lcT5GGUbaZ55NtNjiuC191k53ubBdA3exw4ro9WhD
wPHWUFkRkmpEyDkT0kvmgWeKLMDEd7sSAL6t1ZqQk7EeodHMG1rT3YjLxQLqFg37uDFLt+qe
ztBD93CYycLLxOvn2kbT/8WUpO76/MpbMsJ47gP9S2B8NGq0GEe1rmlZbiqS+Ncyo/OgBTI9
UcEdmQBg8Xl36AjxbMVClNeWb2YnqEzzZ1S73T/lP4dx0ZwlbWKz2VCmUmmKKIfJGaIt6CmR
6wOFszsXV73Xc91riGbu9eij2B+HAhwIgxflePermLA8tIJ3GIPDalWz30WlG+Cg0/3RhdeU
mQUZlMWB3WKEQgnrlsk3y9UtFxDnqxXDYzau1TGmKe8023FokwXbZYrBM1Shmg3Bl7awzP6Y
TOVH85vb8nAOb8R88N7BTZdDdTVs1fneV8NOHYagicbwkw2hHiuqNL6mpMWUo6g5xBlOajwy
7LsOz5kDvnRYj8WH+3UiFIIXjfO3DO2q3U7NP2I+im0g0U34XaZgqtd0T8D5+j9Mhp6sb9l0
sjG9Qw3aaazHPFHRRhENg8P0p3YtxfIxOimFBAlktZQDaBurexhnJqAzjdoviI3Kt4mt/GA/
leOUrKtiAXcjwmLDm2gBHFflOx7MqKVzci4+K7RUdemZTt5RmyAR7SWqQ3MUw6JOIF3HhbUw
QbQv3EORjjQZf4e4iA5ZOrFFGEcDovSaHqfOGol+I1dkV5vDmgfagYpT7rmbS9P9/3ALF+iq
ptSwKg7qUw7LodkOmarrFpRoMFfG5fwWizG7PUUlSkShdk2v6Z+oyTlNWKjcFmsrGJZmwP7L
agDz3MXdYgRb9oA4bpeA0DvOJyNrRi0Ago2w5uqrLGK9uEQOKw8TUTJ7XPx2hpLBz3M5NCMu
SpDGIuyRt1To1ika4RYd8jF5MSxHZ+4KQSyDBHvqqGj+kFQEcjuOPPSg5gEnzGDYLOoyvuKZ
/4f182YzHmqxBJnlNDVx/axMGImFbdLoZhktz1musHMGesq1aerSIoyubpAGGHoYZo7c7CyC
DkOlOoCVB4QFPufOWRPIwGR5gXZYAkYKC1lBPU3uh2ea2zaxPC2iI6Hmk10RjlujWRsG2tzE
oYn5wjxFC9hy4DWJjK2HIq/MpcUNEsK6OgDot4qk2sOp04dTJvcdFs/bOh8NZMoImnd0Cd2y
R3IwUC90PmS//SMcy6IxkDjrFIsxU0bqlnBPVXOqyrTaRblcSUsamGOjmZ5iEQUrT+V6v2En
QYlop0ur7z1sg2lfxCuQO4Pq1FFkYh/Z2XFU8R9Bx9oTaqvsfHSoeUBGfdS5KVdOZqEE5fNR
6Rt4iSf9esWGyMmyP1LUN/qmgWGNFUNLs+1TFCUpWy6v3p0/N3/1PR3mNGloOBNr2hnrVcBZ
rXY09T6xiiAnJEiM4bU9Ol44r7NqeXxcSf9/sIkYMod8qKpTdQ8tuY6FvTxkk5MOrlFVpxou
ln7ZQ72YqBBerRhaTaSYGla/BbYyznheFbZJNVmjomVogIvpDZCvWBVfvqMocXKYGuJseqKY
KQf+frIPvyDWDs3hXy03wAZdPc08rdvJQGd2RHJiBlGlaGNr7QX/VDn/0PnJczvvGfBLEoUg
mOMkzGTJf1ZERaUELcPsfT3xc9QlfF5mv774tCFanU2zn9mff1lRROc63WyLHqImvbVeaC6K
lZnU1zzOrVsHhV2rDu+7ChUaDvQr1rAqiOWOTaHGmdswh1RuI3gG62Jq4koYB1DXolCjeO/d
sRhNsAyCvxYkDHNkvl5Fwa25tNTku8n/7zSVZpnjurwhJ1ayZoz00IRcBs2f7L/3OsVAZNhf
Rgt7Jz5we5yGDDsUE3qqEYoajtnPFd2kRh5QZfyqMhALbAMhCS9O0zPCMzxS1brs0ELM30kj
uuEdQPejZZPCMSPubrqdP9DyOhFwqjCjpapnztA8yzGn01k53nL1MxNgjq0mDrQyhU7mmFsK
ytkKbDp4i4ZJiKfXcLBlIaDSTkFGvFuZkEvtyGi5i2yncq/nU2cL1C9YWuaM4qm/QWkPfMOq
iX1KYOE+5zxHFQqxYo/zsoceWluCRjlgbWiknEliRh439GRDDORUNttjZPRCFNcr1rwiiBeh
f+g7mUQ+WCAmEDRn0Td/g6iRsy1+n8shbzOx3q1kVawuaPgJDYY2xYE9FaN5L+qnjH5xHJnv
qcpTXXUVvm7ZARAAAYGYPYj9HFYk/8L6Zgefpi02DQqDWDodDsczzgSJPFv8BzbtHR6Eligf
g/BfN2JRqzU2zl8rL/jAne5vFO9fext9ZhurRLPZZ9bCSEftuHl+IdDqgZXeLjlk6BmP2nI5
99NM+WxAhqaeawAYEKgq6KMGiS3gtbl2klpZD5ASZx+aIxyKc0GvfPwLZGkdnElwNnYWHp31
ymGhRZ+oGWA6g1kSU5PDAkS1eXNTGf9HTrOJYilqAbu2iZsG9jH3jHacJ6s5+jvgrFUOeNDp
ioMVGlRR1OpDQKFOobdl++mblnmfQHyrjpsl3t08hmbZa39rWcPsxSpiX+ldHCNVFGlLm/Gl
u+EPnSk8suE+nHpFos7JhrjWKFuwNfO+2dOLiiTmCTZqJLktcfn5rwF8c6K5D4iD8taUSrIz
PrFkh4YGosnXOsYfgxQdQPrObyBpahtGMOMWCfwcQTw+cflcna0zqZe5idZQwbyNnOeGzZLj
cIh7UJDmk8td5PtIFFCJSe6whhx3F0h76cjCn20EpTy/6yEWow69Il4k4YZiSRw6D8COPCb0
AChMpBB8rKwSrqIKXLIBfC7dAoxqM9VLr24nIq92DGqpwQdyyYFtHNVtpgwy4nUfjLEks8N4
1TQp93Bq6qhZULaxy/WGMma4y/q24iE5z6DWIa4MzTvULzoEQWuK2vhxHtZn2+EEaIpZFRtc
8hMQ3D8WxKLsvUrQhXVkqRd9gvDXMale+S1oqy6Tx8AB08EwrRMOwGBHpDhueWerLyctiYLe
iYWLszaH4nHjfVXji0bVJIGikpBo69SSWyJRLNBNWMQ4KqeKmGLumkqrzAahbNsNBRjJ5vjs
bJk1VcpvIzU0r9Nds9wq+HQI+n+vOLrzyZyQHtaZc2obig5jqYtTWNiVDMmrcgfCAdO8oj9E
opIrVKcSC6Gjovs0cHaD9kpDNZjvoNYMUWQ6zvjHe5hR2JVVksX3IKjcJRQ9QqkEILvSthgN
oynmS5yPgb55EYQDknVqsqtwDmIbmFqWWfRy6VdDD29Eb6TcDtivxI5HHZSLMZdaYvYk+Kna
MIzIWG5yPX8FprolrjtAnCP6CjNhDbHIcoHCpTDtgRqsO/Mnduihp3OqDEZRV1hhkJgut4sO
UxyNGLToRwzLS59ntklusIdMDOgeEhupBkTVUkvqtXSbat8xDgeIGbGdVBwIeX3RztpKholR
MnkHKnMOPir5/jBHRCttyllx/oVjA8WcWS08eJmkVQABW+EUglhuJzNbZREF1WjB7XHFc+MM
V9HOZrtFZmU75TDbpKhG63dueVYRQBCDDMcB82Bu5DCIfuPKOGqjOguSXbt9yQVHmuxym9g6
ddBuKRXD5RnqXpRym/uhviiYxfcPHsQTyOF1D522QdHL1o44nNgj7GlosamPCs60EjY1rFCb
TGc0UvYD7rxVsNPr/IMs7iRyPV5dn941bGaKypF69S+yNbIYqxirnc6SLK33qecd2iYXa/Lb
Gm9YaQPbnlrb46oKU0FZDerj4PTUSn58MLPJ0UC3kbgwh+5heyQeAZNDbZLxcLlr58QwKruA
yiiy0SsILpCvaWx0LBcYL7actEhs8V9rnn+joG1VXY0J05h5JGNo18GUyPJ0DgyLIqz5qu+z
CyTpuD7NnqLmhBkl1re7B0vrvjRW+6GZ4XROdkp/YfUha9qJqtzYcB66ptMphGDyGerlmyp1
zMGe7e/Q3oVzo05jtHeMgKBySpuT4vZkokRMADYPTduEPp1rIuEImEpP20MlgxbbuGMP5TfT
HmIeu4cuuthyxCkEDgTcYiwZbiSAXqsEEkBc8N77rHNMtHicvDPdIjlc7RyLMt5SUROAiRmo
q0k+IHBwG+H6suohIcUW3C1J8uyRkiM5cZPhZKdP6X59mRrjorp47vwlS/VLPCgAtRxNHkPa
srpslxpQRE2H34Iv4BM5MKtrzLRxoeMTbmOQ/xDxjaqIx+pnHpYs3uqGcYnWzeHLwU156GiA

tiZXV3FNuIfo8zgzzHiU61L6ZcqhfC/eDiJWJBLQSfsQOdxOYAhECzUdrF7LwWy16zmCx40Z
myJ+LmvlmXnoWKxg0ieEI6IgCDmRRWC9FCkcYEhz56SM2721coE1ZxJghf3EIBDQ7ksovopn
2oJ7qwQ5Y9Y7g1Vj3ZhgVg4+eHMcoQ+Vd9SxXobgxemgCGK8NHg116IzxDAOJ2d5aYYXypSd
z3/w8MDOGBITCrrdpmG0y84pBlOJF6Y9DCbJJ6cqiQaoysrIeBdFd4zOtLiN79R0eq+NwChx
5p44QKppRryAx1QzOxx5olmeC92hVbJkODa9Kh3HcMr21NfUTFTKcGiP/YmQl13IbKaAppNP
HeGyicDN3vOl6dyI4wCYwjYRQf0ayM4Voe8XlFT64BhQLIMnOwh4R8Es1Y0q+dkUfaSYxIdE
H19ofWKx5S7FncK0wRS+Osq/jxOreYoosCKx3a5BfD5vDD+S2cNVxNXllZ5mPBXjAyvMCdan
vs8REELQR8VY27gpSV8FP7kEnGHGhfBPkExkWo0oIO3aADMxhgEx/O3MS/Znr4eVQPJ0l7Uk
fnDUXeMEoJdWQc3L+8eVNS3Uplw74M0L+xa0syuw6nsbQbRecoje1FrN5a8DYI9qHUISVjPZ
XZAFocxFhmJ0bcRtAXytnObq2GWIvw8aymI5ZivqsQKNAyLv/bctbC5t5KbRuWP+ya0UGCqc
yjDMQcxUufhva7C717RSsnFLYFJBMks5zCKHgVxtZg8rJXVjxWZDqHQqZYAzsiBGhFrjipDE
o4QW+9XMNgxaxXTGlRkuOpfJN5KPUILmUBLrqe+Anj8T37i5EZV/X+JwFPSN7QZwMX8+S0Bu
xpqP81duKLO2h/WtHuTV2Lw6zpNMQjssIfAuiOMjNmPPQLbK5QbsOvKuk9w9iNSJK6aFPUXC
sETTihOJOqLzf9tOup7VWmpC9hcpyiFb8qiHO3S6YVvUvYE9rAsdG7WHHEKCWcN0W6YcYh5w
AGaS8WEAZtWv9HmY6YxZjJ7iPr1yUFSdLm4QzbyIdcsuSKiV2jDcztDy/o2+ec2RXmUho7LD
7KioU1fnJsBmulk9dCOsKDC7yiahqAyAKsqFTHexOon8MHjU0dY6VmcHR8PVL503e754QAyT
RAbZPsjtijlfg3lR9DmMF7YHkmLMhhRl5OWydKKzwl8E+a+oLyTYnwxwCf1855OxSmVGB3YR
7N1smWoxflMJPLL2384xF2zbsGR0MOQ47yCTcZ8V9tk12YEk7RNLNeQeFepbUEu1IAGmZa/R
ruUOaWh0FVG6CbLf+y1f017atz3rIm62BiX1TOE/Nk4HTGSXGnEq5IOsDLKB3UqN+QXxL6cp
Ia07rNR2MbuIfTkGKYSQZcgrnKKe7kV89NQ3pr5GjdqVKMGQWJeFl/FPEFM5ZfSEeWOTcLml
uudHnSzfwGs6QCOSCJhcU7OFRJv0gemFmoVBNVTlEJNowItanDo/AXKI3xtmBcBm5UILS63W
sqAFDw5mY1lHDgGIv7MWXhELc2qGOEwX0CzTXUkxVB4npistX3O8tPk9kvqmo4dgCBBGavA+
ZdlqNgqXkxhBZyvBWXUEh91waYfZNgwUAE7L4NKzZ11cTSdmf2JPQBoJp7ma56l5DHYQ4bVX
IJFL5ekDtvIof9+bvyHZcDU/72CAqwgfAI44rQfDiEdoExEf7jpBpzbN8mdub5j2kN0Rt/hQ
YYAMI2XTR0A+u9CWHXieQaziuPoYugIaWSmshukB1giDZ1u7WozUN9XZG5k51CPMCHK/SaJE
q0nVhs5qVSCCqNOMGlL60JVmkxEfmKE7Yuji3+lMP4MkyCXIUbfWhNmuN0tPTkVMokFgFgEB
X9LOWhqGpyKowFMbK5YHKvgBVJMHo5EYXO7hb7cQoy7zOflKQ0npV8ptq0tNzmlYADl0KocL
Ij1tb8IeVud06G0Qe+wPpARky12iTyNymBbt4WD3MfBDnBTMRh2rXozYJxLHMB5mYVAlBnvq
gfwyhQGhT6xHvg96xnAVzDKXc6dVBnFdNKpbruY1UZB5ocjFmgY4Wpm650i/0POLUflFnK4V
hslf2tDkXy8GUZcVfgI6VlQmWMtRR5pbgw4HomrTQMM/kUbm/HckNFiOPc1fu/o028RWMiv5
t7g3J7b0lqWosIRgUbECQz2vynqyQB57uGuWterYVc60qhqtMUOc2eHCKfaW8dA8pPKlnsiJ
NtUnF2KnzPqWcSJrjT0xRcdaJF9XrbP5aZY4nLxjOKV1Bpf+FgFDFzOWHIgGkRizTglOJp3r
tafzyU41vwOGP0P0k7HlkDXxSFqo7/wxYNGYF2N1cNJqjrQ155Cd43xd4GUih4lj2yqHzNam
JQvIo4HzZAtt3sXyN2rU3ylqN3BAVZyCJH7pgnFtGhZUdBiLrcsih2DHN3soNhDTThkdygsB
YWCeBpR14pd6iRznfA+/UukjAMwcV49WKjeyadFuEAHDokbQpiAuDXltGJGBQGM/hw6g9su9
yYKdvBgzX6mC9lqMgH+5tQFqKIlWxg0BOaLQzjE5xhm7cX7zGuQ/eV30ymDBKQh59gGwq0K8
v6hp1VC7AS7GedqxwxYiZTYwzDiiP6MqroQhLn2+Kjssp4EDJ9kQ+kwSNR2v3Er5G880vdBe
h4B0fIrN/M+UVQ53ylagg4PfrYwPpxxm5mnPU6e2MB2OFl+5ItfaRbDk2XHCtpSG0jkBq1WJ
aNg2EBVjzvaMUq1SQr4omBfaxjbUU04vKbV+2T3NtflmNKqXdpnoAaxYvpLdhT5svvndSHXs
GOjynBIOXv3p34jhB/tEEyOR0TDfzP6h/0MDRSY9UYkZavUeYqcepFSN7I5VjqmAjNQAqVCu
cM43zqvYPdSQ9yTd+0PWjEW2qN1KVWvQ1JUXo7FLALe3JSWJ+1g2wlhYUDGm0JawX36p7KE/
2kY5PDKH/rYF9hBEfrKBEsr67WLuFYWmBHdDmbkdGIvLhYBTsE3pDawKAbPgRKZFDhGUE28K
IGnO61tDzCYrSmQo2i+wFgc/w98K8B6Dfz1ZkPEhG2eRL22OhMisKsp5jWHONrbeFcaHOX9i
iH+qzpQ1uNWqIa09E2z7E6kFcCnC/Qu5hqoiSqZRR0lAWtVTRiz5TOz/Nk8KbrabDF5jVjcM
0bIG7oMaQaUopGvCcESdktJXdWglixXILdn24iJ0ytPzkLABqDFtfTVaHwbdKdrroLhPy04p
2gc5LqcYrFZvedo7olQ/RRtDoUyfqzA/HboU6HbO55m86XXM+ak4FmA7PrfmXvv5H8oXpymy
DPpOnTITbNfgZ9YcL9ekwhhit/Rc2OYfYhJB2TpIZU4aytPPfB3c8Lw4Ui0BQdYwCvL3wcWR
xO6F/U0GcWkHRwvBb3Z18ZU2D1AEVAYRQ4vRoxwGb5V5vyUdmetA154W0bUgcJeFylDG4ICx
BJsxLB7EJbcLX1eCR95JbBx4lOSRJ2M3nGKQRAPJxjrSyd6TL5HAHkfTdsDRwLa4KHfLfRMT
yAbwJkn82IclthdmzRYggtTeZfVh0o34hPnSbjmCyXqVQtX2AwZLodwHF+pWqgT4NzaaZP1f
dvMlNGQUGmeMjFpvMwt/n/bOb0NqXTgu6dw5hEDLyQFxGCuFznItQV2cOCeSkmCBfRFwiBWQ
4QlF1/fy13S3+sI1EMEPSSZx+hWcSAOuxpBVgjQ/7EwOM1tTu02F+Voh3a0+Err1LyrW+0US
R4De7ud+T7dEZRpmAdmer9PjUIAgAw6ynCsd3l8J2O7JdKVgqMepDulskJ4+zhisz7WnUdb2
fzkF2QfCbbxO/l1qc52Dux4cSd0w98n/LkAMIv3KkGR20b/iN7zanAo5JA0mJ+QEtYcih4sH
aidYuRdysTPowHjZrS3t4eXnTZwIkPE7hso5emigfU4QzUOB5RKcA7rYPIUkA9lWiWfA+d4h
h1X84PogRB70wbKwH1sTko2XJz0tJu9okvyFSmGF09SQHTovbjsMW88F2WxP7tnFNYlIl5aP
5dyOxCtiveo5Mr6dZcY+1vH0ljTVrFtlt89LByv1fYckKGjTTlgMdYY3tUhETjv60/y/I6db
T7Bu2adKhyJtHOAI9S6HXnOoTWfq6h7qxLODx66pnLK8f1i+QydOQAycmQfoFOPQFSls2nMg
cbS/OHjmeCWrlOhMPLlf/030m7TXqUUj3z1Ie5BebWJBna++9GYnjjSeY6ifHN/Aq0pkFZEt
AOjQyl3Nbxm5XkgOuem172c6pTPrNmH84qU+Xjg1DnrfzmMCb78cyucovEAkSMLUkO9ojcDN
5O9btqX2BROkDXUJckj5etpD57VeCxScMwRHsg1PTC6sIof4eSZcWVvGeDcNPzmsXslUU6Vm
ge6gKZLTWBiRaI6SPE6H7KGo6cx+Qdll79q3Kf2EUbLQ8v7ZstuLf9tEzGVF6Hqj5u7iT2CX
LjAMm7ojiroxefQfhk4WMcsZJh03SHqB+kI1eLeJLCEioHjLXjcOSQMazZl6PW8Zeg2g5e1T

Gp97LyS6fCPITN92aexZwhQksM+vcqi+ajWfGSdWKxaNuRdxyEDdG6/yD64s78St6G1kNIFG
o9iqG6Z+ievioYqtkWi7cGVanq6TEyl/P+YXTE/uykwfjAV72V/UqToTr5PtkGq7+7DGWkOd
1ar4SBsgcfEaDeUzsAX0OauyRtr+ldHvxPSD8NyjvbohhGqgRri2ZiMr4UT80pNrDWnsZPkA
ynCg4X7pVTxqzN/PJU4kpNb5vg4waDCbYaxaUDW71XPaymwViebDGpes2ZvKieQiY+kXeDy8
RMXHrJEgo9KB5eGkGgm7ZQetXf7UQYk6t3UJj+ZAr9S0hweo8VLXT/g8fEVsLXH3hr7OaOQA
bb1LIuPCx/k6VCumJdpZ5fys6YUAjtOAiTLitKLtG5pwsd7fPp71imLpUqtCYdbOeM1HZH4I
UGfMW2TymjnjfXs29gDFGj6Q6s8ZDzep7t/LoMoo3IQ1P/1ST8RNgJzpfN+qKNM5G6YaapyS
W598aA7MbfnVnyQ7v8Z0YtBzaRcNfTif08yDQuXUYmJd2uckVLZJO2CGHFZhqS/jxW0GuQGE
X+xHA/jjju7mnYJICdPOHhwhMtudm7KQdpxSPyZThE3tIGbkeng3dldepEY8XMTWcW/gLqsh
pT048XkPH9ChbmdHHDi4yXF9UTLH21QooDFL2n6o7KMogdpa0KY58hXtsOcnYlwozC0qvVeg
HNIuijCdcUuObkiyiv2DgF54g9W6tWjbAfzluOhV3MjgqkmXJzpAIx8vcihORALrb7myqvlj
p+XNy75SHJtCg/N9E2N+wMX29+NUyx66gaSvibTqaYRMfprZRFlmeh6ZO+XInDWnZ4PeuFRp
o8v+eple20eJhS1VMSzdTu5+dcIc8Pre/M4vrLp/0K24x7s9PF/lsJpJrIo6XVmxaFMOnxys
kP6sLPgXbJLIVXjy17zQZx9vUN0zrb03fiwSwio70W+zT4EpDoIflfk1vXTrs1z3opNyZ394
fnZsn+uslqaqMX5p1rKru6YLdDXrWbIlmodTTBDBRmhQvnkJmKEYmElZ/cEmulJjWVkNvzJD
qYc2muX6PDlCjy+K5zx/X9nAEhxWbNoI9N6C2EAHxm4EEEt8TFQw8TX+/CUu06OBj0dnKUJe
MifOyjtU57KojIeBM0F7tzCL7FOdEZ9bpxzyCj06Hxyw8av1oaIuvPGwfHHXQKgoVu1X3gK5
SUuG3mWQOO6bKLEVWjzSS1iye9F856LwPeMvB4r1wf8ANujiuUUjJ7sgR8Gwobpl8ZzFQNtD
OUuFXXLtrR9nUzeekoWOQQRU9SZVCHbdqfkShI7vG+jrn0M10NSitjFbnjIzttzI8xYt3YHE
N6uHEnZYsJFfexeoK+pkdEpPrC3ktj4nW937lrbJHWPYhUn9GL+JZ7Gy3oIMev8lF+O0u5gU
j9mf//YOoE49DNenOvXJjY6qQ4rkrF2idpnVG1DfUG1K2RnGE1DDbm4EYm7UqKlo5kGYuzjD
aunpFTCGtOVCBTrV5WD9KZAh9/1mHViT/rRhXzzK3FUOcUIlZAj425nDL5bvTIa1eWixGL5U
BS+vxoybOfqphZbbNdw+Z+0hyqBueU5jucCAz3Q41Q7pDq7kcK9r28PjQ7rtGRhE8hewVawZ
G6m/b6Jv75zpa8oBd/qoVLZ1mzCxQl3K3tNTp4b24V5OznMPBxGm9+BisC8hjzacdqmXm1WE
V3u7DYADrxmnXXbwqkC82LfQ/oJBQ1kXB+P4w/oTA/OsmgqzJgz5LWQeGFRHxGh9zUhHhbeB
CO8G06WfWekXtC/bIC7HVU0PupVVicPhGGYel+9GTLBHuz3lTunJ2pW54pqE+IHOzcU92x3W
eem7bObxIElD15lvZbxOcfKW4e6IF0eMfdwAFtjER9w5AW3zxUeOo1r0GkNgS/8EoP/yBvxB
QBZKDcf+Rd08XG1/Cx6u514UNbqQxdilpf46lV/YJd28emb4HVoyFXfukTflAjWLy57bVpmL
TO4KHVhkQX2hPT3VU31R7ddctPgWFtsKoxiL7F226s/+0Yrnl6CJfADtiLOhgrMvcvigjr3H
sVxKFOvuU0a7adzm9OaonNcfPKorytfIrr8mbArs2SSg4IaxClArX7GdWtFXjBuYmIPxlH6a
LeXqP6N4i3Y6mtYHwTQMtPbs4GOrsLuyHIkdEi9R6Th0Ha8MqHIe6IyzL2z3L1mns86cyV7i
sG7CYbW+DwHGPgtWwFsxq1uVMB/SdYUYu/bxfuwAwxujiDK0x6XN+iF1Py/568rmi6ylAn88
W93LM/0mJ58I9bqjonc+mLckKaYsJDosxB0CdELUFXjMqELd+sVna+GfzaBRfzScmgNF+nux
IrAovLQz3ZDMxXEVgLjXgOhBtYbtcvG+QaThE3esvW5gepyzOrioI2XoeKVZUfqqirk6QLKl
5WWk2OJOJoLW4Aklbh5Z2x51rEK/uF+US+qrZ7sPQqAB5cq0OWklf8Lj6mXsn9J8+y0kPM4L
oNgvvLB8/DFIiyPP3a95avUc2qqPpSuW34luVv/e6w/pn8+fSU8oQdKsyQ4sDaUqKLIbYCna
p8yo8/WwoFfXYxhcVjkke+BJ3FMLvX1niZ/RruWB+zUCBRZ6+q+H5u1e5BgFQcxnBXdKJasV
fIXSXycjbvGTzkEOZZcjsjNFAv+3xER7yAj/8+XW6YhmX8q4o0ybeGxgfauJg5oreFwenkxl
IgNyXnEy0ccXOFPXoUvnON43cA2t5POfPyYFEhiqDlbzHM0+7SEh+gbE4KDLB+TD7S+qdNAh
KZzmCZAEqwBGifQTZOSeoXpwwIAB+UlTqEZjKcG9+kQtwejIVvsHm21JRAZ2ADaKL/5Zyjva
F7eo5YqINcZFDPeWc3S+aSZaWWu/W0grXAAwW8c9QJQ4jvjSE41W4n83retXdOaQdXxOW6rX
oNrjg5f2PyXJvKcFzE/M7obbdreUro0Veb0/kUNAHI6bnTQY6V+cLY5YIfg7smn6tGuIoqP2
KygBdCwye4yeNt+V7LGICghMl4/Lhm4KcPlSgWQgpHEAm+AiqIt0D2cnzkdB5J41jKpNSrGl
RIOtDhBElcAs9jBtvYatdeeNjggQIfX+ji/Dfxkf1fVf2D5yIHtTQm6j7B2IVd1+3uFe24fs
TzUi4mdTKolujKXiz/dQi/LDiLOBBuOBQZNJygp5RJ2gblegcCr3YgcFytYRIB45XvksAvG/
+DUAc2+9s9WyKIOUagTI4ffQiGD1e7ElJaWrm42KNeTBTkWiL+VcocATm2LZAcHdbyntL2cD
nZPnv/9wV2wW/oTkr5a0s98391YvKXzJnfzxHkIGDcYYT81ro8w7TptpAG6Aux2fA3qU7xL9
nM1fWS8iI94lMXfS8vAAkBgFd7szxu8/ufVaccqtHXu0KRXkAjXTeFHbHw6EDOqyojvpl6Vm
vdu/1AlZHxnp/E88Fqt2/AmS/KgRPANMf6/OT7AuIXj9Ly7vYaCNbszGItXarwSgdQF1zsEp
5NupcxoPDpJtykpT9lOZr1xDM5HZYHKyubdr2HDya0WWmtOpfIWn/1DGvx8eTYHpibmVK6yI
z4LGnNzZLa96T4K7j2cWCfNRej3/2w9O9UWL7n2yxCQa+Zs3MnLw+YW1H6f9E2wVrhUoNLZz
i8eZigb5nCOmU6MAqya8+hXz57/YRBQzI+PX2JS97XicZ/j5ar0RLDdkMvNM0xiPaJ8AKs5f
yU9igAXYlk+qrrFnUaxnrOX/wB4GosYTSE6IZWX/LSSq/Q3bqpvDMOaYRU4jR1SN2JT/rmis
BnycwxTZbcGBomINF51VMZCKiG59Vhex+l+sXMpAKGIr90ReOMP2/GwyZLdQf2gg01Rycr3k
OUEHUfyL7Vk/RIFWd6fXhssFAZ/77+8hvWVr6ERfxhwZ+3c6os3JG1a8Uz4eNryh8FWVB3kY
Pzy7UJKi2PhB7GSU7eDEc+MUeYLEPuRrEsYKe+aG9z+bbS1X2FzGFKmm5MnGsmvTdGN6nad5
uI/OxKFzF/nd8Bs41PL6395DnVxW5pTxMGyYWP0rBvLU5wzb8iy2Kr0/ur5EWo5jErqh1XTY
aG4wMlf6pxyzV+BhFchZvWMFv2ziql4XolDMXPx+D++oNPQ5gZepxjmVZ4aJMR9vXqH/xluM
xqJOmzNAhbef/205DKhrgxzM8D1hDjb9y/fpRpU62cHL9HC0B2PW5y3s1L1Vfh/UCZsBAMB3
1OcUyI8gjqf6AJRqatlvz9sRU9xvHji8p5gSGWBNYUQw5t8V6OE+R5m+ljIZJZDH8eCjBxFs
Kem/tX1HYrd0xbh0MJAq0K5pb1P8O/3QlFN69DmYKE6m6qIdOAROe2PGtDEq/SApBWNDG2nI
uY/FpqmFpyTuXxybrJMFkV8M308tEKfV3dQymBpIyl9syMubDG3fWlUM4kOFAz3uHGBmFe1U
SYX6X9rCqiSnmQw2EYMd9VgrQdDfdJqDaqjGyej+HMowrhmr3Zz5OanBmohR+0QKvNoEyedE

SB1U91IY/yKJnCsAnoDte3sIUa/p+m1mwJ7J09lbOF7yhseTX+U9F8rsRElgAW46VkGufZO/
FyDfxijxv6FCbe5c5jg+Tw5fudrjAIZIDNNfJOBT5GzBmm2YxjUBnM5nn7NYi7G9RyOUNzKD
uqP/XRvCOH/vmvOJ4S/hmZd1z77plE19gw+vlnz+4NOk8wU7SnvRFRzzdg6Pb7N03G+ddyRB
TaqJgyh1ho3rbBX6L2wiPA6slREFvtQfxvg7pgD2O4k3mdieMQXw4kK0XRxz/sI1/VsnWEF/
RSUe1tEPOgfAsuTxpgefudNmjd3g6ala/f9uDx+s6Idr/+GS4HQsLxbQnd/1EeJ8K1upHy1g
7CpKUbtnfB/QeDDIWBNHPZf/vf2jFTS1JTEhkN7XCPPMfpG/U8lRovAyxCY5nbHabe9muG9Q
bs4ash/q+AV4U94HurTWYRwV//mcPZDrctnExRg02iwPg5oyRdY2vpXDIz4LonvCUu9viebj
Wwth8GrKMdrZD4WbVJ+KWsTIcsapwwtj2/7X9pC0Qjp9r7q3PNJtFNqfOjN6kJFMBpfbnH49
xyUy0DArZ0NWrgEd1u2727jMYuMA2gsg7GsxH+1ASVsGgZ8p509yqOcSQrz7Gqt/XWbnjo+v
fJy+IWn0qwFmsAbxyPLKxfEgiyZTPphqPLuJqoYnI/+vbSGYMeTawepQxU8EDlYOUApgkYJW
SX+VhT84596BprImNwdQqcR1HX4+ph+jP7cJKcqJeDSgw+HAZGRXJY78ktlqjBsWr1w25NY4
F9OxAYWj3+zhhYVsH+Tsm1eQD4vzI04n0Q7iwMmMNmg3WEsfk3sFNwmqXP+/t4kRGlT5asJ5
XNynjk1k9S/5qyK51MAMhYGf0QaL2cxPG54YjSlYQ0VYDx3MyQISK5U/5YReJVH9k5lPTSme
H/fwwTBhs1OrZvseQrhvQXeudlJC1nMrPgTayhDm2K+jdnLZIz/Dpn7t4sCYBTIr/e88yL82
sJKg5zzOC/iebSTkb+uUcPQf5IRh4QF+icTRHFhex5whzHSkhYxxDqDqOvaGE0TleQF9g4PT
tX/K65lNVKZJ10K9eliXq1X1ca+7iVJpyG2DxwIjfjTSjLcN/FbxVpANJesjypccTxszp/3B
0Wld+W7UFJDjurQPVev/hDWkNj/BsZvJqReuE76de+zt+6wVGTDYQzWAICJDcFQa9cZ4rXvt
FFNC4Wtsre2hzUXVgW8gufey9alC8n8+wIa5UkcHzLRx/jyctz10Yh+QWoge7NWgb03iaezM
r3iihPwLPuurDWQGNew6xgQEMKK1seULMfrGAoQNdTsbvUmrZEkNYsp6jP/pIGMlk2FQYkOi
CEDDGDnrKhS2oHzcw4NJwYXUt7XAdlZcfAtkhkarxGjoKxRbkRg4WOeMThKefTRMwMxZCJgR
JyubC+ZGufHia/jyhmjTkesLbeUwQDgmXiy3HdAIhX3mgYhF0EF2g+w7JXL5NuxFy4z6xArR
SHSVYA+DggW5ee28M7bg1oA91Q0U5yZ5jCj4T+tTVtuUwLYQqKt5UcAfinFVpPbJy651TgOV
+8JUtWzeC1g/BniwBoPh3tH1MGdndnNNjV04zhCD3LLF0YQQHfPGTZD7u0rf4+z8T8Zs/IaQ
f5BrESWPA0MZqa/HRYmgleQjfmcBh81f7ToOW91r8bZI3ANmQ1PFBP2dD2DeMKMdIDh2ujPd
H8lrGkve/6N6lKQJxQW0B0Gv5MJJSuKBbd3olt135yjQlCxy2oAAqjZvXQfLtOLSCAsJfaKs
4hzwpy1i5Ihh63O0bDe8GheieAYYnrTJgr/cd2Wk+BJuLYYSaX4nGty9ovGxhwcXMSaIeiC2
BATk5cpEnB8pYx1p+YwGcg61xpC3oh05RJpms4dJu/Mr+ZKQ904kDzEiQqaYkej9T/qnZHNj
j61cA/sJxLFB32KBX6m+nn9LwYeEISDZssFoPOTQBwwtIC9bNWSRvEPdWMtHEhiM0M++TR7t
ohsYbaCx54gb+S0AziG91SSgB994Di73Ban58A4kY/yR2GyBMsxFgTNtKVmm3nCWR2JR05TG
7MmQramcFjgWHQHC2Xzh/IWJYWlNeWzZH0oAxwzPzAODpRo1DAna2n+sjoG7WFh0Bpc+XbXO
8loDz85h9cNXvypIXHZgHr1f2SYjEa8VTZOcQND6GU2BHMJRYRNnebxb//u4iN40C6NunPeV
r+3aDPDSZbIWXYlXdXqgouhWIHDi15P+OE9D5+iAqVsC07xLjvdOL3n6MaGjcxgXOE1xlsdh
rDUXwhPM/FH75hrn5vazWNdPtmop1Yxo4ybbPP5DNUUliSIv4rAJAhePt58MGgQM3kvfAV0g
sYzJWYO0vRb5EdNm8XC1Fwy2fIBr0XCOBBkZyZvOYrQSIeUSGmqLnaWH43znzIoqsuHNsSFL
YxglfugXgxxK1EEsyYM80ct8itHdwRNayHO4c7wK6W3jRNHYkNYGFRrPElxb4dZo27hDqNLZ
ceSdT0EuNw7XUkqMQPWkxlGT0tUB5COfFv796v7elN0RKSrdp0XEEZObsDw7OYhPZVl4SdmL
tWs9u1rYUQmuihY5x1G2VbcWUFpwKa9g2YJ9aBf/xIS4KetpsbCxJ3YNRlJHkzIs3vPFKYgY
Op/39LoK5GMkDsc33+IXe9g1+rnQoH2/ktqnTUX0JTMH08DZKjFenXL4BO/X1NHaXsRxUBlO
zCQAOsz+hOTiLv7YSKmcZKBICmy8xs9rePEkLP8Xw4pyXLnQMuu2UQEYW3yyo92JOZDaFd0+
fUIeAEzZwYC+EJXjgiwDmgQFqd6omJYar46UYrOHFWYFJzxEdodpFnXE48s0g6NgisV+fmXt
G8kxtpz9WK97yLgJdu2izSjqFbmgJwDVvtb22ltJLSOGDE8GMPW+jGdhO9eELEZsKfwCEwxw
Pnnx7Go/ZO+cOHYBhadVbl41jVaC0PyB6bg1uDjav7uJKwouhp5X5AC6Fgu3xUib9NTf2ls4
mSXJfokCYWs2OYZj8N4bMeaDaQlvlCLgVc4+2pgLBcN3zgTXiRc88BH0sokQwEiOLThU5w1V
9Kt28NqBtv4NYQGOVG69Mau+7aH5XLfzMNGKcaJF+P2BKUe5iPtczzo7EC0O2dS43eZyW0gx
NBojqRYT4eJ9Do2JVk6c03H2FfwvRTlBMZPz36xkHBG2WPVP0IMK+G65y2W6HB+zP3q4ivEL
sEcR69STZ8PzxXsFudOyoNW2xsVhPytNk4cf0UhWuG7R1gCQSr3mn5VjSpRVfc/WJG02ld3P
H3wazFnPr8ls9XeTQp0rCWUwjKDt8qnAhmYb9WvXGlENqI36Ne+Th4Z/QJ+x+eVc/IYp02XN
I8S20SqEYUA+nbJoZRfXl3B1xv8rLumOHBUT66uGz0B0h07vdHaZ6ezeqyFNEy3w0/3uU02A
piB3VYvbxUaudZlEQynaIGDt411URWlKX5Nu5YrwMd1OzWRjT/JQ8sF6KyknmrD2XlNtu49Z
gTf+/LSH1wnM+e6Kg9SCZpvBKGm8mhM1MhrGOc8e0kmTkU3t4prrLdHeyPHgdBqbXHKQM0Ys
JaMdrbWRJNrSBuh/SNWf/16U0VgSL6ohn8cr30Vvr3c53CM5vHvLOi94/nQEN2TTxNsLZmh0
Xpeqk3G5HxYtK5ymdGOH6d1xYpTmwAAM23QK25XcQEUHzUX1A1aCvIkxfmp31z1sdu6nnG60
SE5hkEFbI8BjO7LDFsyZwNfAC96JfPjubBvdadzea9kwUv7cwxaOekRULTAFUdVmY3YH6Rpt
EQFkXXkBH/3f2sRHAHO3wop0SE++dM7jSiLW89lntOgOis5ZyYfcDK+31CIrFMazesPWkiNT
5GinDrLu1DEHeWnZKVYxo2A+5pyVAJY31MIXeJry1U9OjNoC+DKO8iqFiw1jWtOTCW5720NQ
ak7v57xbwkYk6NDGrs5CLlgJ+gulsIYY3cYmYOoUgoY2T/wx2RTImuY4PnFcE6qJuYFTA7Zx
0I3PmQHM6PybMT4LqDyj7JVP5wua5nwJ8YlNYtTLcX01T1GMoLbtN2QOrX6sWjpE9qY8J9ln
HQPFtOW15HwrHznXlJDk8byKplw/23sjIcjjyXr1THoe9W0Py1XVP2f/Od37PYsJiyRgHdqP
I/uX74RfN7Yak0j0mIPbG4NeV85u36xOt7BLfT17Re/tNNqeXV9EVraF3Ty9ndaM+m/mTxmJ
9ThL21qPu6W52PRkp1y770ZM7D06ALVvSqy5hnWkuBk9ClyUR+gJg9R1CuKGhP412WIlBBL+
Zybvi+d6QwblA0CPgsF4IV3dEv1ki3Z910AxZTFeWSKCuSLbCxGa7mGYZ3C3AOPurek8TlZE
WrzR09zJTGd68EnmrdMmwvnkGty1cRrqlERhdqNJyZVAgQ7cdcekwtSY5t1+m7V5cpf9PtWm
GZHjOZ77JbX2nHgFxFblfDPMeOxqjcYcaZaVpZgTCp0FZkllSjwFxrw3z7EN7acIFtDQDpIa

mwAsTj6cZb1oLJP5S6YXk8jPVi/53Or+bg9Ri9ossNY5sgv/dUwXqIqxU0N8De4yRya9biV/
1dxU8BkUOMjfJLDSN0yHGr7FwPzT8zKSIZ07W8of9KKCfto3CdQFQ3eiuBwhNIk53fqbdlEd
Qh3zLzK3zY2MX5PiWOo+8gNs/ZnNQMmFlDaOqzu4UphTuvpD4suNof+Dlr9BKNkzrT62PEQe
xQ0SK4qE+K6iABxR1eHNAdG8rPPDKDfhaeTzA/FSc46kR88kzJuyfbye1GkR60uoAbDEMInU
Ith4EkKT8XT0qzOxaA8+OM4aCy2tzBk1mkfUUZ6vVTMF1XbrhMp6YBAV5fimUsG5VpEef5PR
H10gbeccz+dtH14xzz9kAzN4b/IUsYDI607e8nBewxFMf4HX4rDWNU4yAcqQ0+cxyCuL5IWL
H/Ww+VO9HM/QguM20kc4Rqv37jTfjo+xBarat/MIz6U9scVuWNmGtuJu/yKq4H6m6rMj3PIW
OequGe2H1ai6ZoZfHehMnIL+TCuJK7odMX7lhjdZJVRLwX1E9YQf6o/xysika7u29nh/A+4O
80Z9Ts1ZxYqzgFahUAv7bnHPYLxZHVgpVgk0MDaGPoOiLsSrb2gFRoh5Entx6QmXOAdL15KU
LkECy9RWL2vs1q/TTc6aMb3uWRdzX1KRdh/KHv8sluZ4f69j+On0nOWiipqEiuh/Ry3DX5KC
M1w1+dtfDWhqyMgfFFz3lk3pyq9iaK296QQ3r7Nq9Ka/oX54ZTX8+kh0E+IrYq9+fq+ozPP8
7ZF0FpT6koEZ3lUlT0QjK7iDcDUuCCfqcN4dAxUM9ADN6zDoms504wDMF3wgslJIvimj1pd7
SAfXftan0zW+LL/Fh6xxWcqiIJ/xeqaHmJ/HTCSW8nRKOwCIyM3sLwfIhcD5FrjN1luspCwd
rQU/dp85fK+80eVvqHsFp0wPRxJHy3h1MX1HwrIQvnZ1IDe7Hfnq7N/TJ9T4Enf4jhRDykN7
fHAdLn2AcBW4PIlWM6btAhtewHeDPDE6aZG9KS1EFVvN+8Ne4HC2xsBE7t6JLs6aW6bSwfq6
MuruVQXRBsIrwvCIQnzpuX0ASGWnGhETf1K9GqJuetd2RoexN/WWTvdW3DjKcxx0GOU555fO
ejVn9LvOi115yViNjnkAIc89/ML/kp8ckLMdfq9Fx6vm98yFPzH9C2P5qoIqzv07WczoatLO
23xFhZ+3MLHm3loDaBCVFAzS0nHbmK1NNvKijUCES5AlU5a22KiByKmeik4ZhkTZGSsXopaq
ZWPOyWIHFEXmvrevbpbq0nDpIVHnF6NWeeaUH2YoouKQG7IJX4h/JMK8NJ+/J7s7vWZRe9E6
0UWSlAFbsyBIuqTzyIcos1RV6bBLkqa/fgXokLPskSf936RuTzeb2CrOLTWeuUCBpTgJTRG+
+JC+ovu2ikbNSUSGROn+0QfaOYI1st4gAYY4HSvGx0enVPKlRqaw5RxC9LdadJoOOBR9Qoop
aANwV10VlhMwl4Dx6XKGlOUi02g96exBUIJaSMkbEYBfFiXeW9fmOrSyvcYWPCfYw28kSWTh
WVO8kV9q5YlzxJglLNbSMzArKeF0xtPmm1ykmdqlRy8nf+d+DHOwbDIn2Bmv566QuwZh3i/H
Bvg5djmKAH2ORjCgy12jHu/s4q9P68rZ9aTYhuMhJyjL6iq2k/6Y2AgdtQJMbsbwV1n+yLmC
2vtL+1gDXZzIFmgkNcixRl62+KxX0NpVNo628ZFH5KufIxcaXn2ayCQ1ArjPyP093xNf6WUP
CwfJ7p6j2DlW1lAI44mVGs/IQ7kFbcL1Z7hcIyoImXvNbno0KL3UMegX2iFVHuiVFBf7+SlO
fGCCm9s5+JDP9sdU7l/CyAsYmpgnldcy9E+YzQorUsgxidOCtvb2DOQPDwUbgMQGbnUNYOyr
HOKpYUanz7Aci8ebhL6S2WpVbFYDBxtMWfZfd+DRRnh336ppoIe72cOfen6OFl4wkM0wlNwa
EE0rMTTxmchqgJtFNzjKhtTW8rDJ0NdscqNmOL9zKzgyxRuq4CA89xu0WtWIbvtdhMjtM8j0
7LP4uofMUGO433ZqABDv64KOedkY45RoYNfC3JrdyMWgS92s+UscslXHWXaKi7qosKEoypMW
+rR5GJyp8DEv9cremG4lilefBk5W/W4R0pvE9BnlU54yFYhmVpY0A+KeGgj+Q8JoiF6DMdhc
eQDLEX+We4ni52TyQy53+34EtMcoNEynd5hE9gfwRG3HDN/wEAxOvyPnIzSP725vd37zOA4x
t0iONh99vdALco0+qI2kbynedUKxfAecePiAw75bhilbKnNq02hRGRzEz0er9ftCSbh4BfnL
a54mt/LRQDVCA95u9aoaYjM9p8v2KzHGGaDs7TvQmcaNjja5zXJ1mlT+A2g3zqD/yLxAjqSs
e71G8rzUnyXxas38wL40MdaDjDWla2xaZTPyixJniQrzACrAN57O2fQw0bSHeR6YcJ6HY5xb
yex6INSPOtwTlQu0Em1XVtr4xysM5zf+yEuo5/qdmO++h3L64TFiuN3K/X0gD0H78GVpmm2I
EbJUkRSbJ5SVXtL5R138glRxiQdCwxEn73Ae1l8pH/dTB3DgYOIjxI9dUTuGgV6MwOIhjl22
4M866fdvOvYOw4F2ZpGWKhJZ8wf7upGhdAHbd9ba6ioyt/jRDxCoDozhGgltDw9ONecMUQ44
g0LdOT2xusU35r6q9+SU3Er5VKS3NMB9E1fOFn6ms1/uJkWtPcs5S2LokBarn8V7TOSWzn46
SQJGJVltpFS6+biBnFDx1FjPcQ+5j79ZbHFtEJH08MWLbF8avjA48n9YrGpKeWlX1sr5GeEO
7cDBRFGxZDNZLutFG951Jp1yjJIW1PWJWkiXZPmzW01+TvgI/fv1+KSy5o/C64mk4847qTX7
49sTW2cObQb7kVBDk7YYxI9J95KQMU/Q/G9eK6al/J45MWEeqd+Dph+QLEBRXtyocJz//oOt
LWSSFX0Sxw9uXuGUE6hEr0NdAPLArFnUX6tEViLFjBxpdBwoCeipxfGcCXmtrayWOVvj+1Jb
f0kz7h4l9c3KaI+viub8Pe9nvcbPTFQGAtUWYr/4E0tN11AOnZAr3n3LI064HvELf4FOE0lj
aBm/cnP8O4/dCC04go5Jhu+bO8eF3ROLxzLa4LdZlloRtTZ9hpV6oFlQRmY2/QMiJhso8iev
7BMfE+eI1PD4R7ebnyL4nHGZQIZupPu6ldZvfxsaZSWoMkON82/ofBbO+3XuP0TBQKoV5SLp
fXyXBlALxBi9RRsxeP460CWPeaGoGLS0Fh2XVHnI14qM0oP2Fj+ILaREPtPzjdv1pzll7YPL
WVoNMf6zPTyH0Xbobim93NAqV5zRPJy8MT1RzQaUax+15ymef7WJ/9lHR5P3bPjMPytrR03b
kL2K8K93sqwBAkzeqdMVCbFqI2NzvbKgXAielTnJdbyhhn5STDV+Uu2utH+2h9s1ktQGVU3G
QPHI8iB3NTaWvGXxytVcM9q77j8yHWv7v7KFyYbB8nZijT9jAxA27jnFB+sSXnsSm/jR7szB
5bMDawD86FDg9OLY2NmSZ4WyWGJSSd1yCrD88DZ/AtaiRdi/VU7xs38oh3GKVJmEj5pFG+cm
1mrTlqjJFK07dyv/M8bnr4/zP9HCHeM/ADb+f8RdiWLcqrIcQCBAIBn9/8e+rupGo7Edx05y
7stZkzieGbH0Vosq3vFd9eb773JmYhiCqs8VTuvRGTX37NaU4cE+ubqTAxVQ7bxDpAp8Qcnm
q6QWFt9D/Z1Czg6iT3haZLpM8P6freFbvUHZnk0b4IEqSHDFL81Uda81NLqb8jOi/Z9v/V9G
t+0apPkv49nnvVJaGyQoCW9uhCXVr5Rfss6rJSuUJGuYzwsXTP7cPkAAX5l8S3pTU29Sz4Y5
d1F3bvqhJxzjqw+Tc/5Nxp0gE9iqk9QpcDr2x2uoE6hi4FJdqf6ESwEflOCxaxS3WympDJse
rSdwnOOfnkDiM3vm9ZVbO79fgjSdF3HgBQsuB6ecr7YBO9EoJCWVQaNROb+G3sGAw3HYiPPc
z6dNJ0ho7KpGwnZ4mebb1LPG30kY11DRjWlJWTLlT9fwHJcAC1OXCxA1a4vOQ9/slPZbTCy3
/AbmGP8Kz32wv7RfY+Dkc9u/rYEIuRJUPNo8b6NmybL9V+8udeBnuUQD6LbM5Hs/K5xEfKRD
vcJLQIlbrwKmV3AZN6DnTk2Bw6lMSDsetf32trkrNfs/XsMzFOOs3R3XlYx2cZjHa0Gh/ibl
aRLN5W9/u3TaCQo5N4ys0nNDx/BVife+VcriXm+FQydB59cifOU0rJwxLWB9iGtUdgMAjhxF
RvO8ulruFf00nMNSIT/LlmWr7/AHP6O0H3+8htD6ZIERZ5047haXT7OE64jq6LAo10mrdRKK
/2IBlxRCrgfAUnK7t9yD0gzRgXSh/RJy8VkJrboHqvviuxKMHkDT/AppJWdNGf6ZC+WBLspb

6L3VEqc4G3UA0GFyFYUIRvrxIaFxyK8up85VgWV14V5kpR8t4p+vId90N1uOuYiXM2KclkL9
iZ8yRZBr4M9mzuh/o4bhZ+uPDoLT3meya/NkN/2+sCjIEBqPjQovIHfMnEv+8qKIc5TMc6ia
mudO/TzQ0sgs0uYupAp4TaPA9xSzAb/+HNpwxBTy9Sm4+r9ZwzPOW/G6U/u1kOVKeC5HduNz
jfkfsmdX+TR/WKMSqfPgReUCMoQStEOv8+hIF5lvaqNKflnMQNBz+nF0lW5xH1hItwcdl4we
8EIcRIH6JScxqUE6AvoUnYMpkHAdI6vcrUlLL6KJoMgrh7fllKSs9C/uBG3/n6zh2Q2MYX2a
my3iLAGLJaw3dPBt+AjhT8nJ659Ewb2etSdJZLq/zl673XtZHsv3O6uD4pxgEu4nhtc75IjI
TQbp6Vd8DpVMU8U16NCB6nfwu+GEhqFWEHL4WovqMaxgN/ZForqD4by3mOs73WZYvf9P1tBP
FZ3ZOy1Pw+B5Dq98Vct6ReAaY5EfBAyStx++sHNbgozu07I1WUdVpy8z1VnS9xax1h3WHbJk
Pe1y/77ZpoiJp5Mtg4f7PK05j41YQEy60S2t3jQJqM99cNYWeewqufRvp/WKHbtuTGti9ZKT
oaca/AU+y/l/sYbTQvVis5Wry/1MSk2AqCsu8Rk/Bw1COFf7qbp+lZvy+KWXxn249r2k92gZ
mB8C7tmJ1o3C3k0E3rDkK/Z6y4P1q1RArBPbWYZhYW0yrzZZTrsHjfBZDrTozUceFd0ZaFgU
mxIJ8rvP+b9Yw3hpyfYJS7Q17M+/rZWqsbM/YW/0nZFqSZY3/4R/D8Q2jT/ALAr4DJgr1ipF
vfwrUceCOo2JSNJvZDRrGypQSRqy0bbCavg5qHsFxW8EHLZqxhz7uSFRITiK7fIMBCmgI+2s
tJYjdq92UtUxXkTs33TTAwGkgkNhr6A7OE4R4RFyofbO8C2n8r9cwzY1PMp0er6oiH3K15gb
QBkXL115NFpkUJ+hnecPWm5RaygtdKUibK0GGzIT6XoChHDFlm+k6ZuOf5usDvCFZbVzONN9
+T257A6iw9DdJBjUmmPs8GSn+GiQ12XN5JZsJirUdJZPbBGV3VSnTh0nO029VF7Tl8qpoxbw
F3Y2h3+5hm8SfvLHYXCZ/Rfjr9lIuKjnyiwNy3jyFnvpFzZV8sCoOsLh+zERzP8FkUtiSwZH
45NPscnBTLcmAHJXqRodES2vX++QWEUCkjKIFRdRYUnK+ZNqgQzhLbYQkT164AgPItUkvjVZ
1lRojYAp/gNTe92/5Ix4QjsA21JxoG53NtFz8BqAkqPbAvqnsm2aP3yGbtec8td/eQ7xVvLH
uamN5O3+nNOlYizDaXKpslcXyPRSvjp1wh9/pNOGkarjHCA2/2XcvFjI5ooKOIdk8i8ooUDN
cjgHHAX8ivCOXYWpkXvZDi9aPvJcDns6RhXXPIXFeza3UbBiFL3eTEg/MxwiJOw5mwclXVxt
mH98Pyp+fw0PXu7vFpEyGI3+Q9XW6PI9Gor71gmjqbWouFvU30AMAWDjkLzB/WgYnJp82JSi
pv2/voYd4wmG6493l6fPc4Qjp5hGuAPxCSOn9DrD20K7icL6d+o/i5yz3dIneIKsrqamcMyW
GuIjZ1p6J0XKkzIVoOULDQkb2RxNlz9vZKscL58p+H93DtEXfK9fNLQXQeVgzVqK3SNd3Zws
e76qkD7UV2VYj07iVxvf72s+I3GhV9O5fx1Ja5Yl+JwRBQOV/TQsDPkKsXX52vrqt5HbfZSA
+fAnvSL93hhfSHTWslm+rmraR71ryLavRpUtFEzldLE1y0zn6Gyd8mMvc8P936whQtzyPkNI
2prf25IfJ3uglq1oG675HGOLY8oH1taJ91rB4XDAW0JRMdUCl7/fjhicP27jvkg28EaFxif8
90NXd4wjtye99dUn+JCXXs5SHy7CACs5edj+FVMqhdu9dbBLzd8CfAPuC62Upp2btjlVaGtj
Y4I7dA050zi6NajKCIGQgQgIKID8UG/jZnhwa50/aL19ew0PGvj6+nGOiAQ51Xhu8qisoa3+
ekR3K/DAkhg6kN53sLuSx/qNeBxviPNB5TLw/v1Vqfn4cTHpCYTO6bWI4aWllaDQjvMKtrNE
2n6+etwCjdY+S4zvhz3qdyZf94RpLJVEsCtzN2/aQvyMTW2KCrdSJnqg8A/2viiZ8gkK4d+s
4Vl4neePa9i7WyQOnOoP7Q/1J+I/ELOCWok8RqkAczUlate46x5y7UBsZ21bWdzvDqIbR3gq
dzre14385+VwLy1wdHKnVdGCSTcA49p2y3va/HMbrU2ut8GCQH6PjPvoX9gdSw7ZJAjDr9Iu
aPJA8A0SQAeVnBH6twZozbj88qBzPsxMVhEfOnyjdZ7GZZ+IHJfK0b9v732l6vr4QQCCUfj7
X0So+3KTsP17LY9GL4gMeAnraSj7ie5QvwPWQOXtZmfClGgo4+g430uC7FfTLaigmDEKpaRu
t5Kj0kbgDAmkgAOVEs/Py5mLF4T3V0GmzdkF5+otKsqWPaI2TYLZAVIrAb2jxkzz8EGawz3Q
wEEFAvGo7sMnWn+d2fxgDdGkfWemE/hO2vXA9nM6hS38zpv8d4yV4pfOofrp7QHxd6yfxAd+
BqkTttzO8HViKuFj9Q/nGhhEj1OLalmXsFKp4vS/rC/hbsdZkkn5tFVugUd+A/Is02wgDXfE
elAsNi6vRPYUaiEfPv1yeqPt7F12w6oCH9hdcYVF9IhlLmLXTpCOwk0DZa5hrxk+2ydAVW/m
O5ljqqhx11sd+9d56Xj3QQ6TzFMQyQHAKpnxIP6jm53yUVlikPo3B4yN07Oo369rr1TSif67
gxjk7Cb2TlAA+KSbOF3GRl8UIuBgy1INkyNoFxce+twRXRo+Ie23RY2PLycxfvm+QPU+wDmR
vH3H+Bd/Z41xlhdMn1Gzvigm9FIsKspV1sCfyozb5eXU16efzK/Krx+cQ7zg7btIfjaopS/P
f4njXA0t06dgYFEZXXTTPK2R1AmJ0w7M5NC0QrGbYw6YEv1meD2onLBBetTxoSChS4/0W2vo
DFpLhamt2gFGKNyw1wpOOL/zHMJQ1KGNq08jJzQfNhwLv5oe4xZIo27VbLepfGpuhVptqQb6
xQSwWWsZSluADkyVP5zlv6EZaLjV59bcL2T75523H6zhoI7pHfMBHBiauZ6TO23A9KliXTQj
pW4Lv9bYw5Lua02JxtQw58bOg1i/rm2gTaE3gRQoNeAKajfE2J1F617/4ElHjajRfDTYlRP/
CciUXGOTf0R1EBNb12w5FKiEHF8chEKuJfo7bjzXUEWQDoP9XQ6jBvgweWE2JdMt1z2mvr+c
ZkhDfMLM+Mu8tOVbA2OHa5gsyx68H/mRfHamB1WuMb12TSEhmZTFX9QYnuDUWjv/L2ovHO2s
/LuAKBkulBcdF+4hKW/O602D+wa8OPar372gpQVEpzOQWYzTfaqiEsPOf8j+aWmXKw1aAHOK
EjKcvcxnwEEP6yPHCBndoUBDSYwIKMVfSADOR1Q1CTOotOlW0V/D1DDc/QsfsuxvzCBS8rSN
WVXe+GWt/Cdkwh/Uh+8MPJSshmQlVtZ3F2D/GvKqBlixmb9m1OhbVTqO8RrTi+ZUc2f/myYD
ktip/y8LmUfNLwvfrlN4vM7HChjsGP4cyGmaM+cYSRuyh1I+ShUpyyiVTgVHXl4wVn7pmXw0
LvPlKUes2rz6l7YdzHBUWZ387CRl4BcwIbasImNTZVilyI9BSzdatnxMo9Q39UPM+fYauvFS
Q0glMyqJ3BB0XeuaXezjOc+f2rS4NHAO7VpBxGnPaTsmaLXGtsH47YNVz/uDOGgXEjgdlJJQ
Xj6E/UbgnlLyWJ9nSb9qnwS6aqzeR04OJiGNfBP5CbLbc5inVosG1wZaNWIg+VoJvqthrewI
WOo6uolFzG2r/z/M8rez7U0LUhA6oOnX7G7q5k4zPWdVT7udH69T7/dzf+cK++01zMbUmacS
dzeWSLsLiEvxwiZqH+LCR1k8NHRwjDeBKJDEsCRYw3Smrxvf+HCcrZ1U/axnT+HlnJR3pb51
T3gXwG8wW3sa26BFRY+mk6J+dmD49i7BDrijtfq7XB0NPToCU86LZYQtbBzP0SmDorLjLqfS
oWr7fSY6KhytqdFO49v0YRnXVNkU/6M1lMgxZq0iN72voHvQZvt0a1t9bf2uLlwMMMUZWUDf
UvZedqgbmxXqjgTMw8sZljVMcfGr278uEnp1aK3FBLWoPQZ/ZzBeQyO/3M7hovZ1OtxxHD+F
Pakoc5REcJeqfDHGDDpfSHc1UDV0aYC1eTepuJ0KN68Iub7b2iQT4TKt2iGK3dCbWmGUORAv
N7l2W9/SZwOAdqVDUjY5cwuv7+2dag2IqsefrOFrvALjNdrYUJUFM1Ul4rWCc4pohPVzXKMe
uTtHobopQTacH3jUZewvfnGb0xYKrW7fIWdH18b+WR/zNa4S5ZPhcnF2VQJO5CRDaTxnGPw0

E91Rr95+aasmKmhMiuDHtzZ1vndynUbWOrA/cd/d7El09bTEJ/xbaQ42jTPPQct2rBegHAyi
xNPHJxHS8fM1XAeuzWXeqx42ttaDBx4zrhIrMBrsN1XoCb4AyGCTJ7FIKRCbkzCGrrCkuVIS
gauw5U0S+o3t61+DmFQHD0jsXdMr1FL5rukyJ3k4fuHW7GsJqk2USEAsbknSzUC/yhbkaiDG
GqoV09KnWwm1+eAlSORapYD6RCpz4cgI+qUtPoLGvchR26ajVT1k3SydO+0ey7ywTZDXYNal
X2ZtutLnzqTm1av7UgrPd+7pt89hOp/0+YLiDM6pyqwfu2pz9qfMPrKrqDN86pHvOLkoKUF5
lounn73K12OgRbILehyODh2/KNgzTHaiJRz9AhbEF0HW8a46NCqbfimDJaSuMaNV27o95Zoy
vVMJkNGiGyg0cx7F5qOJ5+cZM5BRQarOHROP0adZierHNM1kbh7rtqBcRQuQ0xBqzljNUQEo
jqiKVr9stKcfryES2tKt+xDAA671CT48NO7wVpDbOsNPUM6Ub5ILbkCTsM1TJeLJ2/IDo3Ig
q/suudwGEU/wEGgqdHyam0IjWPZeoMSpPGggaB4Hso94uzi322ArXI3tBMBDpxCXf5A1OCQG
1k4FZNkaNcWzuSaRtqqOFZ5yQMXozuXQJv3nzTac51KBc+7y2trCYBhh/OrmmdfLdJsZltJE
swW+Mpox0X+aAWn0hNvM4Re/p+dU371gGbafnsNxxZm9E9h7TkG9YtnpzuJZs0tvAQTKaJp/
Q0UCmi1HnFo1h3wP2Qc6OyNeCLvus8s0UDvRfHU5jcM0IeoafpKXHveFVGPGOtSPvpKmZj3S
BK9flPRAk4B8RgIQNWqSdkLbVyBjTCioJ0c+xaWApSxGCt3oAN+kGlT4pthh1OMZ7RAUNaYd
RiUidLHraLLe1eW2l6j4zTV0fgr3j9nBw94dJLBObUSrqOiwEI6wB8wt1BhhCYoFfYQtrlIH
BjDzYGvZYTq0y7elAYIHJ4FdiU/EDPYTsLGGTV/VcJoZH7tad7nO9SYvrVKhKzspXuJgQ7vo
TLQNaG1yJODLjUKtgbmbFHpunuh4U1zWz2sLQvKxGSIawGora9dl0V6obYc4u6TPi7RfTe9e
boITFhCjSkvLH09hzVBPTv78NFnbrAn4mzXcjSFQyWqdLB8U7KFeMEPNivmwM5cuXYceoliO
va1s5zDFHTtXYskmuZfq4ztK9Rw8KUf+tLrnQ9tuD9C8FMgm2i/Q4uuVk3jBDtSBg/MutgEO
KpYX/p4U9ezr7pJ9OhXyUBR2qVlLbM0ejk/m6YmqPMDiyKk1tIk2ZoqtJ+/ESFnaHjXpLXFu
kil2bvMBPEzgCGiuxpZ+qYjFsP78FRRjVZuz351DSD93xLpzSZw2yOM+8ri7XHStTkekAlZw
fgvwf0AKv6QFmp5YuuziLicRoxU5O3GR/+uwuQ5Lg7si5JS2+PjsMnWfnYVcnSSNNCSQ5/s2
5zS2XR/nszjGRIEbv8HKFhP3kLxH7/dx2gbkO49HmRJkmt2PzAS+lljxNfj/x9W2ecAVagQp
Lx4O9DuT1S16kDtbapK2JT2HBqnpcd6rBlC8PEp5JOVUTwgL1zxmuc0AHa7LOZOsxd1XbGH3
9LfxMOH7mZatSk73ZPpe8YJ0m6RE4ATM8y8ILlKj0FxZ8tlYRZ59bQfP5IbJNpaSJgLoE5dP
J6215E+vMoXYvKJyZhx81lRyhrPOEohgq1PfSZ2HMSZSe6KD01yFvXbSgIv1pQCi9wQKt/PO
swbO7+iOMf0w7RZdHFtD87maRquxqF9n1OM4bJivzubd6kIFTPHLiQwAdhwst3J+OpM5m/tO
TqPq1vslGTk4N8TkN0elZ89efMekDVg1ztbpiZRW2Ohi8bJEQ862JZFxsrOwdyEw4IfdLb2C
VftRO999KpG5zw0mp/5xrd2sD326wE+1tyovIikRVOPkLnWBMpS9tUyLZkmO2IXIYcKXkVdE
zg5UWvNhr7ifdw261JDrNtSfBTrA3WoLHdTjqr8uYFYcpAiBhBN7vG7U6WI65ohYkxr9PqgO
5dlJjtxusKx3rbd2fCcvxayy09CdHZkRlbk+ODdr6pjaTeQ50oYxqXa2CtOBgxB19+NoroUO
MsxL1zBo2grnZGxbkq/fnURXviB7Az5dn2yhMIP+MwuggzYgDdCRwLwdXdMapV6Vyr9lbqDK
NYzRwLGa4KP7jcf9q1nKDucKnvwoF6yHI3WZNYOuTb5lk2o+QSVFKkqV3q/8VLunKuauXVPr
DkKn2AbC/cpK6/nqbyVZ/ndqi0jf8IX6VjCgMSvNM/vqnWbUWqYyz2pxTbtPXEPX1vQIcHyq
fpMYqOcwS92zF6T3Uu5n/JnAeLKGj5ZVXj7y+kmhu7B3j6Bxlxqf9ClnwHy0x+W6rgpCL/4h
mybHIXEOTful6tNqRdewXbdat2kuz044rvne7fXjdkpREhc56LkCo9ryc2xB7+XbV78BoqE6
wcTb2Hkt8wcle/p0ddXVjZq0chuD4LiprxRNMdaXJvi36sMEEZIIjMIux68yfA26sEHMqkyh
bhuhDHTBQCjJfnZZ5RrlQp6cqJAcMoDxaUUdJTjb72f4UANBoeK43BI/JFx6O91nmrcLx8yN
OgzbwaumPjfxSs4cSTNrAFxt6uNU9BpTwXgJfwTiwD6EwkHv8Ij0R07swUae4mi5qFaEr3Bw
zhDNv7Bf0n761BTKr5mMNuBYfOCNSulyvqiPh8+mrN+r8YH5oF1slQBUahkpISFBMK9tkkcv
gb094Nqttwutnt3vcalrQ96Jmu4oi/y+xMBGK+jKP+fyu/t+4eN9AIs2dx0GLw4+Np5kFlMP
uXD1jKZuT7oosndlO8W4ezyZ9WyqEuzQ9UEvi3sdRyDTG4fXqZUIwMTWHDZq54WOmePtPiBQ
qVSljDqMsNQDutsxjPFF2QbaUyOvBmFu6n/Ca7f3a+plOKRpAo2FhbiiwwA2KELdsQu/Ha9P
6VtruOu4i4spoT8SVgh4IPK5MIUu+mQUQs+61fIsvvcMjxPEw4pqMapbPbRcEr2h2OOPw/ab
f8lJd22yG7S+Ae9b5T4a6BYwA7812HZL/Z3tV+bSMbSDqJ/Ion3YVAKmREBJamDyWvd2m5j1
aSC2X1UutLxdmK/j1c0R0RWfNqVriKwhMcb+cpuoyskVt2frew6HdeCk6z8sM9IaUjGqjV6M
bIPX6zzmH62hLRO0uIdXAGIch+sJaUjAsGJKXyhZBkKsNxGvVR5Bl8i2yKnbPRmHErqWiJTm
IBTDqigqHq33OTBTYYl9DHRoenMN4Z7XMt1ljH19oaEXHXYzLV3het/AVlwbrguv3sZswQAR
cQQlaCEk7uwQkYylwjl3J0poeDupSC9bkThhythlKbcUU+zz4etg4q5Vzrbgduu6rtW+qs9i
1ArGorMNPYpc1XAgV5JMfs2L5PvAI3Cb+0bvxfW7a5gN2gMo09Hl9pMTFAFBonuKP8ezULSa
31+4lqBvXVKIwnl/0g5y9fSsx9BpKNS4TMmo+sLIeHZhGp5MfuJJtcMS6bUY1H7STrJCmdWj
sHJA1AwQH7UA4jRDdgK9Cg17xwY4uaQR2MfxBeSxsJ6EsB5eKwEe3jSpjYojLa/KjXgR9x4/
rj7IxSZR15lEgIzFRsI2MSak7zT7qKr9Y/csNL6zhosKBpVdopYL8KoAYnuNK65W7AzGRJX3
Ms1LZus4pluSbBTLDDWXtMUteZqto+3M6Cife2tWHrXjfcc0UWbE6UZ6Tybx2gCPQTLhJeiX
KwRfAaFbhrJ9hft2Ruafw0H75UlOiWzYsSXDpv0Ih1SpoPViQ9XPGQ5ynzYDa8DL9yFnss2S
ouvjphfEC8sBRIH33XMFhMcyV11H/cPmGnrFmCdmBIIf2NJ24mkG9wJZyd86h9rYk2Mn/xQA
0FmzwE5uXMMCnVr3KXoxND1pExFanGJuyIyd05wuARsbwrwSSqn+XTzUfUdfQE4bXn9suo0v
7tNp022dlOgrR1492Zga2jYLUpjvnGRjtyn9CCl8QfMP0lVF7Sc/n2NSlgrxibcNOjfaGpvj
QXQI7tBwR1M192F+5RrVXeJ1Hq94at+o6wbjrUpt/kyKlXsp9vf2LQ3aVWFqGfY5e9yZci1k
qPu6cmncQY0ea9ZwkjKaVHBvkhHuSbs2rm55bUs+eAYrjS8dBiAYLVrfV5vlz097wDs33Tsz
71Be2LrR1RBOzuy0w6nxag94LbgowB80134satZUN6kLYguEgqSW0KbgM0dolYV17LWNT3zh
zsBMtKnGXB5yS2y1nEtRoRaFrKnP+M07FdnuuX/mvREM6FYsLj4R1jM2FlUQw2UsT7DXOHmP
ywlpqRpTGN+q8U/rj9JpU2LGADshPSNW0zzpqbweTRwqMEOcs0RELeULmraLwtxObRMQ2mnJ
6HGrwn7TfkCQhKKJRcJ8633XC/nZBnHCuBe4UeRBgGeIBQWInzcAgGnMvFEINXVYqx/n4DqR

HIhHmSVggjneOXqf811dw1c43nOk8mEEaWMLzWtURovuNaw2ohUaBPtsF4vyVG9wfp7xvXjo
xvRMgxs15HE2toP5Z9MzWPvZu51JKlI7w4PICUsPv1Y5v9mzyrN9EU5lI7AjXLnLntf97/hs
Eo9oTxibqjgZI5gFOdoKjk1hwKdk8dRjbihNR5IMqQchsxVoYBA8BmCeD8UVXR65BK0jstKa
YW4o6gZT5SmGldf4GptlmDqgLk91ZATttuX2S6DX0CaqpTbdaDQlmg5zuWg2N/s1LRjlyZNW
+a1zqMP6CA9B5UrECTXlALcot13d5RRRMpXc7kW7Sv+0U+Na0hGyin3N63/Qr/rKTLdfrOFq
+5AvCtfZaO7dVY+K4ryjVZiY+Uv9Fp1q3tORZ+9AuYYTAtmObI9sUw3cMvCvRBxdZS3BcQZm
IN5AVgCD4P5pN06SLSKjQrw1aSI14L4S+OyGT4g2y+jR6gsWzb3PUjFeMxvVo4IDK6+K76xh
VmknmFAByxyXQAUaf1h1Es/F7Rm1yu7Mm+uSTkQWPvTww+8vr/lR2Plr+mXpnIwgQNayUiby
dn7oXT8fIZSxQ6T8jOMjLaFGBd9HQsUXv6schizS0mSnt+To/9oDh/aFk4DuVE6oepLg5Dus
qAD8gCslQFoR3HgP4Hd7Udl2ZKtJ/HVtcsdxtaYen7PBp8JRhxFn+TImKKAuxgn1nxjGMlnD
Vjs6qc1hlYmkyQf2AQvU/7+zho2VYYTuMW4/f06tYNRqh03evXIcY7UaY7APSF0ymLzmWdXo
9G4/FdyM8Y9lNFEHFK/tto9XUH2iZcw1ngX/VLy88SKUBtZ5BrJcf3DnPsZEfzYCpYAPAF8J
/V0IVpnNq9zOnF7o67yT9XVl9oDmbGLCVewE3f3TCE7+ndbAoRK40fKYaKjFuYQTyWHq2xw1
Rx01+O/WFpVwr4BrRQ56U96SJjDnw5vB8rmFlQKuyU6iQu7Q+31wCCWXHVyu/V4WtLJ53Q9O
8IrRm4tb1UHx+aFfyMG+phd7PJy+5UTbBsJfWpbg34szc0g55RuLl4hJJfHaagJfvZcnG7OL
WY56IaIUW5AmdcUlDw0zJBFs1jxcvteKSUKpdSrKNZB+kKxAZeR7ZQGdvVrj71VUtYFaZpGp
QpzWf9fKi10bVDCoFptiHfO3e20NE/t6DrUvUj12A2IoHx4tLZQPKkVXzexQFWpxj6OYB0hq
JWu3WoTFIT3oHm/TFnKawiukur3GwXf7NyY2kDEiXTWnscrw0EiUqOwon3wjuXeT+AfuBSoh
KS6QFPQdbD/0n1pnurKBN8ptG627TRP02+ZpdCN+Fd1WCGMw5OGz340Tc+8cf9HP1A4dzyGe
dzR4Vblc6q6A2wG2HAbq899cQxy57LGZu7yh9LQaQcAD1385MEcCFgszO3/J0GqJ0c7tkGgD
z2C5dd487QTYzFkoymDVbV2QkFJN1x3nO3jFr0BBhKmUmJRuQ7gvdhFeKzzaAdbToMDkCD61
AAhUBKS5kAWC/sdghtmLOm2gYQOTUUSdPJMiVmDV+kdLiVp62FBs1QfpH26h5BKe83z7ievy
PQWsLWmRocQMUtxiNMpU6XN36PQ415CHDcfrt9aw6mgXMydoRFzCpCZOmomiOWMCPZSyfGbJ
1acO31OBjMLN59TZ0f1u0K7hrxP0AxeoijDq4zwmNWr1vfPDaeGOjixmLA7iJUhRZIUB999Q
+Cagdcg641cHFPZ0hEv9yc+KTV1P9eeSIuGyJD7iuDq8SikPRpS7ntwLy+u3H6ZY20bbblEh
/cat4WIqlxGR+hhT9vVbNX4zwMcAVDvHm7nMbMmi34GxLgYyqJny032GWydce4Xzvym1WA8d
eGi7/3TuSAsfyJbPT8CAn/3wUlg4j7nhwZSJ+Bc9jeRwLKy5K3BzpINJREeHycOvcEVNiGGP
jm7Zoesz+a4KhpgktmbzSZDemgQ+xbjszAfQCU2z6a4+nldhEeNPvB/U+FUTVA1/NiqejA3r
A0mp6KmoiVHNt+b42i1AOMV92afNk+nJGlAScmcogzFJY81nFaLWNq8RwRDNcvEahJ3ZIrx3
k8XC64PHX5PZdmNTgDOf9ByYj1vQ1+PIInbdzxg9HRlQXmXwN8bew4Z9uL9U0b1YtJZVr/cz
FI2Dgd3PIwCvJctKoWg2lYbDbRoW4teaGr+CoKlHpPbCu3H5LSqqfEFW93J+73B8r7ZAmpni
RLSNm2q3IkAKVZBAr05+A6UJ72LeuNzpmyHW6E1vfzSfbepmyr+QDSoKzoiCuvPTZ6n4eoQs
17bUkb4gxTg4h0cLXr05i9Vmg9xXQirkDslKh2dRB1gUSHRD9z1xdXQwaxG5rCweGJV3kICH
PzDekYcCxsKLD36gLG+cpRcS9708Kn2qS/v5Epq1fFG182iIOMLQImUL2EJoqTF95ag7f/su
jehe3ExILv8Rg9fppUHHlDyIszFu6+AQYDod5jCXF43jG2w9MH49L68rs/skTa4228AoqeEW
ZERuVP5KL624kxUh36EkOUC0DM79kaZ69lHD2a+YgBc96Ko9ydjtJSHhqFjK/oZZJBEVenkf
ba9Pje8jj2dxeP78x0GxUxtFdp09PTVfjTWscC2qG9Vvr2EmoPa5htUlE9Mz5xj4xEc7J0Ol
j5VorlgRp0aa0Ty+8PVLjaaviFl+q1tBvAwvndL0yooh7nm9t0zQ78lSOQYfNomj+TNUHq/7
XOXEou5BkxpkBkAkZPmDnJvGvQh7UAy0Dq8SD7L80bf15UZy5DmM8sACF0wQN9L6TcxEL3in
rU1X/swHaeW5iwY4LXPEyCF8vMZTxBKhOg/f7NOgQ8h+97WGiCm9X2fRSKO6+zeA3qrRX4cB
vZBjqBsLv0XL+2l0PTYLgGhGH9CgGJdFx/ukILy7eGJyOX3pBaGvKKVjzXLRNYynIpp8Gy9b
nFOXtSWpkkM75sVDbUeOs7yL5NoO6vQwn/5QA46jBoi8MyH/1BbQ6bgpqqJ2f6oT6UG0UxkN
PPetNTTTmxDzuIwNsAOWtkd0IDUAqyKND6EAPoSha7TsRyHEENbCbK6oOFIAT6F342ylTZ7X
WvZjp7I8cY2T7/HVheTV2eVXnwIxeNf7uoHFHBK6i84lyTtWv8XRHhmCHj0S8tIqMSpOYfTH
0aFLWl8GfoWKYQ+g/BBpB7LhtYQW8oLhHlRssJT+7ywBPTt20Qb8xhtW4Qztghv7psdv8S1w
uURuy8Gke3Zo1FOpQtZD/UZmq7tz5FMOZKhaQ9gsioRpo0xCA/swEyhVjSpEoO7XSUuWzPd7
B/mTsdjnC4ymWyB8VKEp8oryveN1kpsiaNByb0CC1AysauMngngETdMkMwvp9SLnjktGWcBT
Nu1UZW1Vlf/T6v6vFnFDU14HUgbSmNjFqLIaerfq7Po751DFDSkbMC7V9bLDric9gBLNrZiB
DPZ82iWGFDSVJ9BNrWjKUW3VcArPtVmp3zFySq2eW/U0F6CeDXP1iOyvlF/7xssxbUnObsj6
o1a6T0wtcR3lNPyr0hnUNsjKiYMPgyrHEqyTrCIKuyKlJigEar0BEbnb5X3IQQVPLbLg0QYh
vk0CPgDD7eJMPVJOc/xbk9wtVQ6koo6IJ/A0XlQbvWDDt9YwkV2IQtbc76x43xWOL2t8pFhN
jx063aYnrypQhny3oKk6c+RzZkMWk/8+qG6b7AROtzNaCYBAFI8vqilzSFa9iRHZrg4VRryY
06iLU78hV2HuOrSui0O7u7JVKmfxnSqJm11XPcdbtw+Yc89Ip15xvk9G5tEGpmZG6TSaWSvn
3/44WA3Fa6IVZ+NNVbf5d/zWGqKcq0dZ1UB2XImMJRsP+VhSqTFBNKegCA8xXkxTkOVpGmQZ
zea7StEVbQv7UM8FerzygKmjIRmziw/AdqX63uL7k7j5HXIGhFSXAJXtQQNLL39uxZRMTuQm
lUwZOhU/VCvYEDHbUP/6WHyMQAr7Q3IwhpyKI6r6lXKAa71E4A5ul5SAL/fMODcoewSpFOXS
rmUL8KpYqQeMp7rU3xm0fysy5viESE1ilaU8Om7+Fu+JWFzE66eRofU7HbFjziZ2k/o0s1a1
axjTeH1ytAi4ieWSi8ApwOONsz2jBIo52lF0yvFuERMfMcfHhvQGtuSpPFjOKU93oDyhBYNL
yjTmRahUJ568zDZcAIcNJQi/g15YkUp0VyyMyjbFhVytgiRlCn30iLnoQd7GZhBKif9/5e14
xfyqqig9zig4O0v8+bd63qS2Rtyk432Nz8quOFUyjOEKf+S6BfQnJ1br8pTFkvpgRtD6m2tA
YYZxLE7S1hNBE6vC+WpBh6/Kl/Dhc6pRtY8YWPVIMI7oW64VELkH9wEM9eQipURtAgqVn7M6
iVQe03m0vJfoiNMNGcB/qREbkqACr/rTK5dQ1jCYQhtUHiGCAc5q8oeURoPIPsiFNRXsOxcJ
L8dB7RbbKqGE81/8CMY7nRExXpkpKtlvrCFRYQTA9H6XRcRMJyoYMYLRjhxv6ntBLn3gcSoH

q09GD+9W8g+01u9MaDAVZ4HfjEhkHZ+oVxhPomR8krFAqULez0mhTeXgYoqAiT7YxFh8XpaA
M2W9BysHS61leY2Lij3OVcoIgGsqMM8RwssZ8polBdX/ZeF61aaVKU4JfIUoKdCJ1qthl+lq
HEmkUXX9NT0R8vn8Nz+q6u6WPik2yiwGmv/3a7hIyAE5RmFofaqnqoJqpkIwQq2vh6u7jn1N
d3WkhzvCEyypvhfDrWVqCeA7IoU5QiULA1HqMaCnQSiNL5ZSdZ4pWVDZ5tAFxwAoctJOdQcK
JiLVx9W3ZC064C7RJP5FOuEA7RPyFG+HprBPqWL25CvJwBC/IWsw+MDBjmLNlAmf1T2n9wNQ
S8mWU0Cn1uYaGZ+6uqQxNtQDVoYeHoirO/7EofPz7g3UeRQnVZTvahGpfescYsqRTdjPTqG1
tJGYZVX9irA2Bnt2YjFssqjj/HKViowf1gvHkIcRNeWDCTuGTipXwq1M0UJeGLGXe7K+yVls
7Ih1aFlqFpsjdUOnKrCfmLwBdDmO76W6xHlCAt8F75BtRwhTZ8Zip/EQ3RpTNs7WGSlE0uBr
2Kg82/WeBhA4OnKpUOB+ooJS+1cnkQxJPooYb9Di/p01zNjHu+kJaaXZxyTHYJDPRhNW16/5
kUe8Mh/IpJlyvKmwYJRYp3MecyCXggs+VVfO6HWABKznZg1oxyXXVoXUgpeKLlwpUDKECsW1
g5ym7Hr3c3rFiYJT84a2nSkVu9bYRYkelghnbsmBLHIomS1I/SfhLhGGyi44Th3Z85I5yRcG
ypQGso8kgIKAav1UJhngWcmTCA6DqoPawyCcLee/+yGH0Yhv2msDD+Bb5xAWFNZT6WNKj806
AwU0DDrkcvHqVAGwsBaEQ3nmUwNJubjzzxZt4VXACoOuoUH1YWVyNK3hSceG8A7AS+1lnkcf
U3CpGuf3ElEzTFnnBMGBnaUXuCn+TzSBIzoPYtCIb2lgZ6yNiozwaFDbVxU4pkM3/x7GHEHh
Iuc9aedSPdg1b61qEZbOqUS8/wKb93c/dJ7xVEn5xhqucuyWcyrKmtDm04K7mN0h1M0I5SHK
y8dhLH0dgRkzEympee3pwma4GzmYSMj1FAPU2h5RTQIMklQ2tKVpcb0/rR0xvG30nWQTc0kq
8r5HWDAfxJavEjeZJTuf9Ch7urWspzraBycREvhXH6uSTSM5V3JEDaGUiTGMiuGNwNsgz8Xm
ggSwTtQLpxOPUy32eKW7OhQfXtPiUOwv/3gRc5/sDmap8Vu6GFCVA2rFvNQv21jLbQBiMLoa
WEP1woabXgvhkKobYqpm5vDYL4AtzuFucSRmyGEecUYa1ZJAi+fevFTRUXAiKLdVrnG1ocig
082+FLmJhMDzbCabNOAURnZWmmlI67hZCvXCmnKUzCRFSStA5KVz8keYGDZmisrT2Owzo5QB
pebQ6PUtwsEfxMWmcxYFs35jDWEOssYkQc9JHhgvynY0L+cCQLRC79ms3aSYkVJLooaRIJkN
bpWoglHMClC3wXYCJJ8dLuF+tnTAJO7lHMpV1vZMOEIHaH7O9dWVCcEW7izs5p5NFZHImz+q
j3rTS95b9eKGd6W1w4DIMHaxcrCoieS1HSffDuRmTnYcJWwx/PXEzhzabEM1obRD2QZ4ojYx
azoEUf8mTUn//RKSRGDsU7RUH99IaWAoMHcgmlqmpB/ahMLI1oNUawuGS4M7TyNNuzw9t5t5
mBg5q1OERz5tlpLk3OvRkYWqio1caW1rM4Uc0MWTjYRZYZ0VXtFXIlmTuhq6HHsvQ+GCNpse
KDk5h7hN96S44Zyyku8IHqVu1vacepDeiWiNmf1k+bM0wcKCwdEohXLueUdyY2xFbzp7PLHa
bwrnf/IjToZDid/RidqZNgQEAskcU25QZAN2pDWVNCYk/82vYWc0VGza6pWONaOB77NALFbx
UyFG1quyQ1NkFy9pa6tskOqq4YSBA+/Ryz2ePc18eHbecmlv554W+QirQ5tgzDOE3i5kOKep
Ujy0VR/Y4/GVni19VP9goxAappWIFFcmwlHhbrL4FAQs8NI+d+9lX0J9IPMpbDW4yvYqdDPZ
2E/L84RAz4LbKrfHf7OGDNkaqX//CrLDFMgertmeso6wtDlrQdip8uToDX/cjnC5VXWqG2Ia
nnFQmR9uBRL7oPjQd7rGuNPW8DmFp+aSj8Qh2FGhL428Aww2Ay7xYmiWpHG5m7TBIFy0kLsT
mmkDYMhL/EtQs5JoCkzZ9B4ruZGc43vLZLfTUjRzXT1kuRsvayh3AMmImHLMMoPvZhDO4c7/
6sdRrQ/x2zUENqT6uklyR8cVv12UlofE/M0b7lv2IqyJF/n5mvXaOmTln4yfzbyqTD4CAJuY
0HI+AzsqcmW1NWyBa4jHNLNizq6j1FocYaPySshQKt/cyEtDsoOnRk6eXOOY3Wsu1TTlGNCm
IfLMbjw4qkIgyNNsBrovC3KatOVJeiN0Cqpvki15pwpqOs1YUJLUI6hBDmtI2SkxlxpNSiNF
BTju59L6f7eGyP4ZEH+7hqjQYKoekU2kOxViV567PBjKjHS9uIKlI14ngfEVWtUnyzRCVx89
Z5guyKOsEmdqU7Xhet7wMbWbakR2at5mCbHynwoSiHqgVQthW+7+YGKPqr2UAZ4ZyrZyTaWj
M9y3Ty0k/QVErjUwhIGBmsewTkseyrTnIFQum36q42EzdhIZlLBqgLg8aHynupvC6xv0xv9w
DTUqfuMulTcNlPNOn50gceFMT3/5Rd4n9Nic0zICLSzv17w42fGSRi7V3090n/zSUlflHQ40
BTy0JpDMtDWtjIf5uE577ZPjPM2UMASSegA9nZUXLWAfpW28vHbZcpuLplxIKxz8gYrBUIjA
0sE/BrRymPVuLGvQY5WHL6k3iaVymhat72WBlymmjteu2aM/tEDmSNIua3fIDRNkp6mKVGMB
tKRYUe+XGM//9kf9To0/jBVf253h/kRwUi5BEoNguzJpfwJeSSW8JNarYc61CDEyRvXaJ22u
oT2cjSWxXXO7ZhpKJpJq0hPB3BitiXliSLwR6NKVY8GpvqyZzjolo831oGqxyusFq+AOCoIp
Ex8In1h71HjqovZluspElsIOrFoqyF1a1XFcPWUwYDv0ubTZD1Jc3H++hkC5/24N/ZATE+TR
esW4qETCTFs4D0CjBQiazPgg+WNgTIHtSAuvR1rpWKzYrA1OW1lwzhzO4RL2urBwiRZIFuVI
F7tElWPZ9gqS9doIoI1Kj5FNg06KnENvPgU1YnY4fEKjGLD9nDX1lBVYKF67kInlZiCro8k3
rxs6IUFKUcgcBuC55aPlppIG6KYmdElb00shYHPGnqJ/OPRwJ00jVTiL9v96DWVVfreGMfNs
cE9mEqbTTUGmalzcdRI/qiYtFgnje02Wqrjhw2bixQYhzAqrVBhRTUpU1GLWlTl2ljCRp1EZ
/j5jdu8gR0cTL88ejLa6hqqjKc6GDCKorjed7WeVdIYyu4Lsgc8GGkMzU/VFqGTrkZoGrnHK
9LbJpnejWjlBZ6WD8gqUUYU6UVT0NzNdFFPyXof7zxfxtzPggf5lXVuQW7eS0XvcWEkP/oPH
sfZFTithrQE7+5FGDO8IL16ZkCoIo2CoiuQBjtxNYuKoi1/jIpFlc14ZuNBei5mMToPiSExy
Eongf3wAPAg8j0pC0/4rj83plc0ZWW9e6XXMNg2/LUfE62V6IKHyWC7Sz3JqepWCaINlf2sZ
OJzors+q6ZZUVFn7pTq3kDqxDuJL5QaXiOsIwoA9UTv/39ewErHtKeysqJVArbUnjjPROQl/
gXS7qzEr28Lhgwavdk/HM6wR30m5WHgSDvqhIe5En9TfkziZmoEoUUIctgFcJnGKMuTzdhI3
h9qNQurPMCf2xS11zts5iYxFfZFTmaZhiVqK/plt08LpaFEh6yduWVfbjcVhMl/QMdOsiVUg
B2OdUiVNec7JuCH/7+cQzi2hVhV3rSB7hboBi5lykF+XM+EvL25Gr3PxutQfReboRKYRcfrF
wcDQe7UgodLigmZC9egnox3NiT0ofMBLZNiAYNwMre0MzeFGYFIl4/KgiqEP1ZiyRvNHXQHO
FVIe4BVT0HpJ3idJM3Lik6RePqhi4yYhQPJWeZHGRM4rarY6eCVIaISSf9TL0yF/lZhLPWMI
NqgggzbdynQqOz/TkvZ++1+eQ+hNpHZI1mjCaTX+xnp57tb9k2Zvu8Cu0ymKisJRJ23ezl06
J3BTe8by8+rkPEWbY8E/RHLeXHlYqPZUPI6qKqcNipISNgL5ICrpg6iWcAVrzzOX/bxUTulH
f9ghZOem9WbpWFUcUmzqe6ew+ZMqxLsc+20yEKnQ0uY4hXN/y1M/eQo1+pj/d2uoEAdZOZ95
g/pvkawBT3L3G/eJNqaRSzHOBTj4HUrEOu9IUiC44j0JLQpjWFjUSEKPuWB0UAbPNck2gnQm
NRsPzqDlgBDIvA4VqcOigyaTBryXYtqDZNAOjnRO7wOpJtdjh7A4tDXqWg+/ajYNjefsYXLq

1RWMuVecvszsZ59rXHOpDpbtTRVxwpVSqfUJct7GuX7Or/PDXCWTdXff7f92DdmjrxQ7Pvtd
4GAmK8etUvSv0NaxfzLGisqdK9NznHklWlpVY2tjuhrmqN4atge8D2npJWshhQmHfTrqwnFj
1wRHJJykIxQ9gclYFYWcKgVNbaaYUe2SCbbT2IVSQw75UxL7GRepKGfLF2EmT7FM4lOhFN0m
9gfv7hjtmhjCbrtqHfls8D0BCEwMj+b/J2uIdqIkF0cdHf1FxBCXamkm5YFG0oIZTLH+V6QK
jX1P94mZO605hgGklAwJRynq40pE9CoOMgWYdebrCVD2Yc0wbYII/qiQfQXwQfljiVIfLrga
tIWpNowN8fKRYq1y6jyY9LI5MCOknbSDBpuzURbATQc4xAFK4yVtiQ8egaNaO08/V9CifpU6
syI1Ho3X08hoK0sdSn8rp/bjJ10B2OK7cxgBKCEg81tB6a/XUP0YKnwB1WA4k96UDuJOBgS2
opIMdQCVSH25+Z7l/X17r09cqQIYB/ulKzh/kpujMZnsnLuZD1CrtZFIU5WUWmpU7bekEiBI
a5R3pKZb7JOiaqkkDRO11uAxoTShMyp6LSPN4acMozBpo+oc1D9O1nq6iW7ymzrbSppo+XZl
qdDQGJmtU9qEyZ1tY0PkvJgkPp9DhrEgHmPysf33a4hEhvy/oVM7Zzdg8+iGDLnnIXHeEsSD
ZDlBUzkeFIdZzfFlTeE9RG6e2elswv7HofCOOKhOI1VVWOpkFXsulEsP2K6ghJZragGgUEvM
nuoWQe3ciUxoBsMCkB9GfZKNwL5eUaSlMdPdY6bE+hmAB/YwMPFyTiv4/Tj2Tj7tgbknjS9w
4ywOdSL4TJT0PR+yMYDF8VKnLhyW5ATC6coTF3sNRTXn5LTiOvLNXQ1HJG2qY+P/UfX41Ro2
ZcxOezrlfHaz+GU/EKreKl6oJTPZSyoSc8nsvHxL49+rr4pKhDeU0BhguKviPPqR++VxxJCU
1VkR67pJrKrDdM1SJrqEGk9AhZgXaKVMtVz7iHxVXsMszzUGlTNfKqq7agg0iZm8WNEvaKBr
68zC3lE0rCmUShv/e/DKMOUdlhUHWZccdl9OwWirUlHyqjGGnUZ1/07/+RriGF6h12KNQoRh
93CyWYLoFOAwqHXiHtA5gTbavD5cegFBTB7wHN2o+rANm9A1WWk4O/KlhqaoZjl/SwUrl2TH
riKtyo8HXB/dS2TDaRAJUyCW2BqwoE6lQDvhL/ZJagDUA4zjJbuwVSS7R0AejJiGxJeewFAo
lUzGDeKF5fbMaa0D9rXJezhInSlg8gjlsCrxuCkIeVBHmDEwQdsUh3+V6PdgQ2I/m2zIo4PS
85+fQ0nqrxt710lqv5DBCO9Jrk+WsqGpup6x8XDpvFRA+YaRmzmNAWt4Em8XLv19C4G4c5e2
csnPU8BSaxP06xI58LlsmpfywmrVzJUpw39wHaCrBKEShLIdI5NTNfidccYH5KS1cGKF0IIK
tJIa2qP5aEUAEhH7TjVTp6epUmMoooJXY0d1tDyfBfAIR8EtdcRA6zaQmjGXKgw///EaSuVl
pe96tstk2xCJGV7wIAyRkFlaCDUHHw7r2sB3tNF/zS5UO8x7tJpCiTcEq9pv+c3Dx5DYmuBz
RgMvvikILZr/0XS60rN8pAQzWPRKqCPhtJpUGCQdFSViN4jIlVYTGwvQr1gikDzVmt7AG2Kv
5uog6u/ku8kVg9Jh4dW/SjBNwa6PCpJjHExboNtGrAI7knnxyNIrq8/h82j2ZBU9IPmBb8zi
ZWtBuvpYi9St5fiP1/CSHg5wfFCVttaMgOboKw/0jLZUDnYPI+8cZ/Wj5PQXEmO6i1blfIxp
U9euOjMZU+IgSx411ux0UC9uepppdaIZ7UkStZTZJOdNBJe5CdiUkuzHmiXnQJ99bFbNzeyZ
UwiLvE1RA8B7t4tzNRsdY/Ilo2phyCcDVjyoaRBaGqWd07rEt9md2XWCQVr9jMCJmuISm0v+
b/PS6QWtvu/YVZ59K/WvrKFJoicXfUShEao5uysxqsAZAozYA/eYRe0leB0pqYWCMjcGoAv8
9bBCcuQAGg4ut0CHQThd38OqQBaFqPdc0emotO5JSE/xz3V1x6hEDqzx1tRXUO6wgGt/UIwI
6ywxO0DHsVKncUV24kk4oAoHuR75gO6bfGkAepyMYjZ4vcK8cJ70WoQ+XB85dB1vnGR61umW
YwQB9WFzuqVXL9dq/3fI01+sob/KC0QrzHp2XITIQ7mGKTeoaGJ+0BQShS4FEKdqKO6eeI+6
3zLUqnoHxkVEh2VPegoVm+qG8jVU7Tc+r3VjGGBqkU14HfUncUqjP/n6ZjXPjFlpBHKLZLBD
6UPAHJqna7NPKaef7TLO/DLuSpehoM44aXyKzp+VCg19Zx7EgxRc867qmIK1qrRRYvsnqWBq
G/ZYXmvlev7HfZqgcIhWOJ+TfCpBmmShrXOgUy73VTicmiFObfDHeSRiCNGuCtqp6BcXVn3b
FOQNIYVc1PASg+UlSDB1R0dfk6N72eTrtTSBCQ3AFUhvNu84SdnksuYll9fniNL6BxWsQKVX
ZSlnKVQXKNG8y/c5CEPcifJamveL270u2pFq9lGhGQ7VJZEf4BZ6+g4upzp8rZSCeHDKvRY4
CGDO+aCbxaC85naq1rl9drmRXvumbez/5RpmhaCaCs2MZDoXo1BeVwFURypNMUVdGJcTi5kw
sY3GXAL1rF3fNxM7UYFx4zGdcZJyJqbuMqaX1b1brqrlLcvNGRqZfnU7VcI+v3RkNdXFK+nl
Bz1G9C/jyNZYCxhtndqjPa7AkflY5ZIuB5FAlNIjmRRqfAmkUY3YUTesymJrJB3woYoH8uKs
6pT2iVuyNfTEgr7OEst/eQ6DGQx455M8o7Sd9IppZKlgLlhUZHeBkiTOp80O0TRzHjoNVZ3r
WShA3axY775hQJ4pysNSOXnQUrAgS1U5Zz+tyMp4EaNPKm+FbFeKOcyBI/loNeyv8J/OE5uj
Celg4AEnUg6PYkLzDx06tM8ClRylRjyqZpRwGkzoG0lWusvFmHqGjL18lpxhjwf18EeqlokB
kbCyNJEsVCKMIlg761Bdwq1FFaCHtwILi+bvuuBfXab7lZH80RoGw44qYntPao5h9Rqk6Kk0
SJdrxskZOWV/pqkVDG/CYbt8j88EtLOqOyBWiJ5VqniYNCfVUrSZtXnsr+dQ6+3BUY+n7UEu
r8zg82rMxTHZch0wjgG0tgZhytsS9ZYvlN7Uu+JVExOI2BJAqBIHmy80/pgTwD/A6/TDhDsk
Cqs7aYT533YWm66ZphtoVbBWkn+eJYS/GXvvn1b4LtSWoY1afY1h/7M1PLxiZOTkedny0C+r
aIfgJkiofpjj9LTCMCksumQ1KhsKLakD+2dFqpM2oMb8AUwwT+IbqAnojOO/bTlzgppWRsub
U8JhhoQMQ+80jh2WQ14neNnQdXPvXdjmGk5RLOr6QTg8AAlaTcLcAMRBwY9olC/yJmj4hgFJ
9PlgI27RDLNRuYpM8kBcbfCuZrJKEOiXqgWMk9/Beu4UAqpQx/DIlQ9wGV/Om1SsV5JXP00m
oRteqZa1eKRNy5/FQ0dC5VRZcdduJSJz0KGJCqXVnD9xTR1Xcy3bJTjMSSKwCamnaqOK1KHS
rxJDIBZiGviKxI2mu6J2hR8+YNN+LetB9ymUkgVkZTEoi8NXk++VT4IVtQLtsIpX83X4bkSN
jvQK1vvAHjovReuSIuxnyxRysfaRtglcR9rmmKKo+3YqoVpuXt6bVJ9XL/WzRTxM/01vtoDJ
bUw/X8ONkY3q2MbXw8458ialw4LgP3A1RfbtYQYr1RvOT31qdi8nmRm4F8+FuYO7vFdwSvaT
RTgsDUD6kjKzVmazKp9jB3F86j/oA0GJ5686HEog5/iQJSGlkYon4h7Qj4de6PlomB9KPnxK
zFdQPq75gAnteqoOjhzlDEHUQ7I1lEwgCbEVyE3ayErceQ6rsnMU0FzoEg3GMSvQFalYri9g
DNvu7d1V6cHCOi6nMniPH602n7afn0Nzn1XaM3aHXKkwn9xVa7sSF40TJJfIobLFqq5wzfgp
vwoMIjs0XERVVoLJeQ1jUkv3CWevl2Uc05n4mXPdd2Ago0fTyIUqZ6GnX6UqCOpG5r47OtnX
e/VGz2EGytg2P0NG3WJuAAeadlAKyIR+p9OiJeQRgUdsGmuLyfHc3aFi+ICrae21e/V87on2
nv6Oj0DoTsdP13DjnH7nW4cyGpSVIFxWyYRdjiF1PUI4iFluTPdRBkSqhOK0rlApRCp54j1A
rdfKEW2i2E5c0PdB/PVGEidum1omfuF3+ily3SxvC8S7MWHAJHiX7CImaPFlhxoWSYeyZdDm
3nleVEzfAaN+qMvu4WDmFVTGwe0p8a5PUkuqSrfHbIKxTd6ubok8vZpu999VUNw9TWY99JrV
VE7ujpZaYu8Xb2uF0+X5yPvP1rCqcDT9AqcS4M56sU5EiNwcsgGhZq06wep5qFg1vr9NO5/Q

XTo7S2lw57NGvk7pMHgFR+2ZAoKk7RVGwylI/AedjGBUc3jlDY4OhyRcVe66yvevJkLdCAeU
i51cerBPyWpK18PnqPT5vXVznci9gqFy+P1ibbsNnZQTAjjkcfO+mKiG2xxVn+uLFJjytlBF
SqnDuYf2kdBAz/FHa6gA7DLrq+T5NTvx0tRCoxc8XIKCWmDBaAe4NKmrzABRfr7w4YQR3UEH
IQ/yCepFbY/BemDaWCcmGkXdhZgUVK05/fljHnSi5ZKK4qYHFiFgRgYDzwTSbn5MDKgDthTt
nkRhBRWPB/Zmgrt0cAXeTSZgSh4mfgo1KvavF/ZLN11DpcR1M83BZWpgq6PecRFXXAvNkHu3
20+yDRcrJo64xwhP3qMjYTWfX2GNHx93sgpa3IT1bAaNil67M1hh7LBdZ4Fd4Rh6YhFFRn+2
oBsAKskQ2Gx1FVPix4QoXZEDsmfhfGpg82t/POauY9oJDOsqJUz6iM2B9H++AHOdj3c33/CK
BaZqorvOYbRxLlJDK0SInqPaJt+xKXhbx32PSoQCTfG9svcT3PL6sJ8rs5oy/wqyDb+DouQU
47N/1SB/t4ZyGUMP7XCH9z4rLQQD1ZqzZ6e0SHLjyGBAxqVHR4Xys/wJVJWLg3R79zY/694R
OiJvUotyUyuizNebXLc8hSlFY8zDiQZ+paSO/XQNH+Z0FfNgjIXUiPdAtzW0ugGmgoIxAl99
UOuiUlwBrH9Ss0NItR5EfZe8stzsPpTmdVGSS12VJ3n+2AF9O0oCY/8t92nM9HQrcDHUWyxb
P2lqzt33gKmHq8X0YwZ8jD1rUmhNral9dw0du4KJNC1FyHB+w/E7eBBU5Y5kqOnBNK8ScEzU
FDRbQ3d2cHCBDhZ7R9ehZzcKGvw5XVObMTrnyQOXTI1EEwL988/j4UXZPVUtJqNHo1lhQ8w2
m6sylWacGQYzLYtQbfDNEo4y1OIPYqs13UwXEAnybQWCRS5qLZmD3Mtt8gWSNLyg4NVpoM85
OWxuqaFKjuSvqYyva7jn9pQnZVsMk8A21YPDnkfBCEr9HUd/Wj9RuAviQK4RXggXsWNyGwzJ
4uU8L6qFVszahJ6aDaULjPU8xPFa2OsGFM0Z0o+HpKEro6MB5+0hCNZg3Vd1QFQL8Tdy7GTL
71A3rJpZmk6IhKMQp3Cs5KSRg24akQI+8bCTVKJelvlcUrgSl2KOTGxUmE+O9uKW8IvP4e7k
o9xgPmiyL1QeADhC8hFU30SJYOssv1tDN+vj/rTlIt+vqFYpY4yazQxTRDRNU9WnHKzAXCzR
P8fIsfFKmpgxxp5htsHRv+5FqTzXqBUbzuLP8SZma0ChjuPsOeF1u/Vn6OKddVpP/LPeOzoV
gacMG2dRvbA2MxXq6s9DHPo6G1HlfKn5slyXaRhhWYV/NCJeTkftN6dQ/VmzaeIpsdbZaZZY
BEoD+dbHZ92px8sDMH1ZHfFN0wq5Hg8pmKG4Miq7pF3SlLz3Phdcvz7qbDBj5h9jmL4TDphm
Ss3iWVV7zvjerZL0Nj11IbpBiSFUpzXtPp3552s4jPHdDz/kWIbTSYKwavyqOB8Lc+PCeF1V
IjMxzwplSC4ApQD6NUlKHVaDjlOBtrqcDpb8vJKleiUT/pDT9AZdSWTUUK45t6tEf97A6y9G
fPMYOgfpSNOSZEooN0hoPHmu7u55ArNbfr2Gx7jp6PVpPqFiS7AshtwzjiWQLmHOBhT0y3m5
IqaKNTqf+VjttM8qvNOLgWro/BbY9/A37sZBmSg5wVX1t/9kDYsmWZB34MYLVl/3nMlzQG+p
mJe4SXR1avE3UF2Cna9EZBASOVxiLF3BaGs6Q5n9VsNwcEpabnHws6z0q1gYoM6Cwoj0BZv3
nBpeNVt/LvhkaX2yhkc0qWdJT1pTqvIzaWnOS02zyiHfbRg8QTFq9yTnUh46YWux40Uydw6H
J3iK4FMDk4ObfVWyNRkZWSlx52qXRD5VaMhJbEzu56ChZ6RtHvOFBB0LTUFCp0c3nGbkniTe
02WoDjsV78a7MxSXx5y+NMkFD8qkZK2hSmsuEIihnHYJYaFWnNqgiOd4TUrnwOx7CNK9Hq7r
cL0rIg64cbY+fGU4yy5d1WV+p018reGhxwmzCDv4svbNZNQZGLFve9RehrcqknqExky3wrwY
O1ZH2GrnwUprGDmFU215QkCvHuwF5oloM18M0lmgAvbjNdyHCrNGevmoPvp+Tfr3DEd2KaJb
UcEpRrmd0cBceFn5QSERdMdB5/FIw0E22sAnQamAnDsdt6OEngU8oCJwkM+SqJYSvxjznreS
v7UAM96hT6JSnRCz4yQLqZiCHNdrDHevQJ9rmBSTFs7dVRzEhMjxkCvlWeyjCubU6Xyrpvc0
xVY915HXyhooyng+qF7p6huBQys/JO5rjrI4vWjZHRLz/JowTZd6N4AWHlWiPSU9oz/OaaYR
OZD7cITBhXrwqS5ZqgeMBBGYz9VNoL7ZTqlJgB7Z01Qfyu62Rh8GeHS1VoASrTQCIvnUQkCj
CE5SSvo59Xse1Jz+vMZdXsuK7IFRkjeyy3ZYwcwaliujM80Mvx1YxK1hrrR6f5tKPuYd67tO
AeNUfL5MjcslPmuAMRshaYGfzycOVSOnAiomLi0ZqtIpyqSaI1kbKOyJatnPmTdqZWi48vNP
ALRNkaUc+Ss2rrKra0gaTAqhASzxeWohnvSdUi3Qcs05D0VDAkl7NnaeUtPAQVEyPhmdLCoY
ozMX3++nA4PtKn/o00ZFfHH1PorceCQg4a6Dcth0cDXlZY3CBEIe5UNK9Jg8CEJdfLqcDyw2
BoX/lGHKo9r4JgOqSaqWpfjNwaHfv+klOVQ/ENg0RZioJsXCVmag5AkXsYTsiAxH3MPFBLCm
j0vy2oyO63n8OC9do6k6aSce2MGxnqEclzzSzpIZvYjjanQNNaMJC4GOEhKyZ3FNAgI4vpkp
zwz+NOuCX5Vaz24JBGMMkt+VgUlB/f5DORCSf8lTQWQtsknQd67toBeFKU8UCvwGtUM9DgR2
x4JsJyJgu59DFbp3VVXoU3KsnAKa2Ogq1ulNQSiFSZaT0dBkr7G9u550uiYidTf0mDmBcs8i
rtDhw3qpHvEjkEoL+BG3dTZkCyzuoBm1/fQuDSpE1S1TPriDK+KIibkfsgc1p4wXy8MpLrxk
/ViDfqZj6i0zzYdgY5XHnIvh0wu12HRbHJrPFOQS/pVyRPzN8fKr7oNXIyeGRZVuoDzpVDpE
a5pOEdDaLZONpN2QURnCzIlnV1OtyhAPVzLtvHdca/AE0vnmteRgI5ROiLBjyS0CLNy6TfEd
HY7ezsx0eM2mYXaAgyAxQtuscptuVF9El7mCy+AkEyNESZLmtNTFb+A3pbVt6adzC6U4KTkC
SjFDNgN0FK+UX2LKIckU3XyvLtCg7VexMgmapo+rZ4cvO1wizyr7I5pWItqE6kUkVePoRiFH
pEGuSvTarqDglz5nrh99uuWcxx0Xf3gA/p+6ebgyHMu33BMAMLxBA1j/zhQMSnAkkNsaenPb
Mu5qizOL4a29kU/YZs3ID41CqYKTnkH7KmVGQjL3Qd20XumMD17hm/zTxTJCVXIq9Jk3VI05
ril+OvwczD695CcQ2Sq0OyM+n8rkrX1cdTE1qHgFay+Kn1bdGIhZVxSYekBm7cfoq53a/u3R
Yk3XqDru+NHba1Oq8iOGBlzlrh4brTrykvt0Gx2qCOs1JOLaQl3TtIrNmHHMNezGfdizjXJv
PzDfg75nUA3u7qk2iG8cqhk7FzNmrgpheIrVKj9Q21I7pgP88LzK8m4CoF42So6Y4kFMDWwn
T1Ia9AmPl9xr/rPYP/pz5ed6F0Km6cmlfhOH23hBJdBvbABH3/J00ArhMHz4uHiVfV6ITe0i
qePh6UaKgslFyFpiso1MMSlI0aGfGStkdEg4ydBkQOiwd58v9K3aGa4fSn3c5btET2BYXYbY
gjplq1wvlkrSvm4XdS5hc5DP3gr8JI6zB1tDRWHZM6AEsmfHblrtEGOjM9rm7XcJm6JRDoIj
t6CVtO2awdfLeSyoohq6Paq3neqU14+N5AVSsU0aV454wzEP8sFAkmlsO8CUef4P/0/+kdsA
Ykdwa2KWCEadalJids9LZ7jzaQTN6REq+XzOLVKmz6cmdNhuHGD1BPIEnITxK2xZpVrA02Gz
DVQhQ+JgThk5JWme1e5ODbm5fYEQVs5W/2DzXE89hFuSzdvA/oDjzmUY2xG8snGrOK+EGjIr
Z6RLDWmk3aX+AYoJrh92FBf2MdVPYqU8GpbAT0sE+7iEF56yKwCMng3Wrp5Hm8UgoOC4D+Ny
LGf3aVjREIonbb6Cv+8PeYPHQcjSpsAl9h01Nu/2K4f9ykrew4Pv83Gh0O5pw2zYAzUDfzRJ
/JOrm/VvAbqQAsNHbxN7Xpl2EAGwU+qP7FY6LKWAfdQ0TUXGgFbdqtdx0kqeFy8RAJhurND5
iJfCOw8sB9655/fl4kEl/oN+jjFDjC7Xo67J0lK2ULbmg2raSr1+rsAVZgBiczlqoEskL7dN

nfFe0uCNjy1Y3oqIlaeZrynCDgplHxeGWS2dtBM005Fkbr5KXctnnEqCMXxs/f6zH/BSa1CF
4mXKcFf2+VkiWLrwphk3+EmcCmFg7XODdlJL5DLFaCwryBFXBTxoeA771CrlcZFFK1dTAjI3
BDwy/Zjnr5wfMBVybhHhtE0+2MGFMsEWx5S+jV2nFTb7dBT0G3yenSJm5ru2s6i/rAEk/6nI
PAPK1oTEhrC0gJkaok7kpTvDZoEagZ/UEJZa9QZoSsMAEIiiZfEjaZ6obIxUkaNmBklLqc4l
fd7n/1HDpoBf09BHohpYJM7VRNPl7sswtxlQaOQ5IcBcc0t5f00t33EBd5K45U5wh8pSW/qi
3aZaC3JQp3+QuXCDSVe+NrH5E8sp9Bmr+r4JHilpBO6KtiLQxx1a1JWpTRjYQ/balshSaUsq
PzB7DNCJ09uFSzisGw5QkHpFbMo1l1uE6BFkaM0yeCWfRTMeNc+SbKwitklui2A9EYxdkWlG
m6XzQ9ZLDSOQyVSvmd4TY64L6q5q6rtIUzkuaMTz5qhN4+VVDcuzQkdE1fhB+C5qXT7q1ZnS
mSEm+ajgcFHalP5Cu0E7fGga20mss5sSw/eb7nmD3jFyyNU8L+5ZMjiczvJnNCIzNLZOMym0
NPvUiMxiBSK68g2h50jlqnLVFrJf33gqkmrNSNXXCPNKKO8lIgS4ROM6yslF9W+zBqOm07FP
cYTFKfHlWdtl/v/aFBXk4QGawbNlOy6hlFhYHzrIQREcBErpEbT9BrWbN8JBgfPhSI54kUWv
GP+rZR10/65qVQSKG6a+bp2om56SCrUvepl2U+pT8BNDI3rBD/IMG5jQcMMZU9wFzdLRDklE
DoMmt1TNPsJTHnC7MuqWeVkeUiPH166FZN5pKEoVzQRMfMrhj548G5kqmCQR+QEUQWBU4uUs
lyh0sWRxfMq6hiEqb1BPQSv3ZtsAIlgWPiCmXwg0aP1gZw8VmDS5g05TS0u3b871tc9pG1JW
aoKcynY6ovLysvVIbRJVDc/FP2Tu33xvlRHAXyf0C9h+15kmZQKwQucTM8A1PNtzdqBTH6xO
01uBU+Gu7Agma+2KnJw1aiAM1/ap7AEEThSoiDKh3NOdxjQh4ztUTCPahyzjqK4aULLxLatF
6GW7SK5qVJxb02wWoki9Q9HycV1WVaqlLehtz3QoKxwAztBo/dZGSg8WOzTYArXmfaiqNqAv
ppvUOj/dwCtqi6XX547eqB9EIoVzKXA4wR92oclZx25rBOzxpEqk8azVHoTUY6JyVqgRPoKC
CmfX8XMus/Z9C41uqUMm53mKzbpMTyG6YmwJ/mu8S0lWh74omrt6YYImq0KMjipRw4T9CSZ2
YUoN+icAAveSAqOfsJmpQAfKpHuhyKB2pV4dXLVIQ8JzV6f6C+nbESeB60VXGpDIQ075CHBC
RvU4P3+LNhLCNmtmCq4REaO+gOq0Pxl/nquSopZzOsSffgQaWekUlGZGqmtoShS4iCJio+li
gw4IQL28UW0Rr007g8r8CNcHxrJtsZ31U9KQuzDp3JZmTaQr2C321tk4aRi2xjE9EbWthSe2
gg6RVceW75yytgWWfAAya8pv6onBJp/kPlE0vrRGhYfpirhfJ9WT9XXHjfP3ecAz8yyHvjQW
p2ZWK6bpxA6gmpJRZ05KVNAm0FLHS8n7e9gMX+JQ1g5No8rt6qvO4NiCoYZ99emyAZU9XQOq
swDJlkSBillwAClzmPNR2+3hajv8QVG6Kg/A1zd4DaKOlEjwFuA/sUiEavmRQTJd2yrZcXC7
f5Md2HRpwiN5n/2qQrIO1euSG9sNO1QyJHvMtHK1yp2tTQK/oWcqZ1hlydxpBrnBU2Z/U96i
Gk8ztYhqMI4ACo4haZVyEFMrlz+9Qp7yEjYb0KkHzgIIZpuKVA+3sop1h1S2XjIAKePv46kl
5fRwTr43tPzW4OTAv2VzHbwks/GCK+BVQSJ8Cn7A3k3qxJRR6lh9CF93tTufskKVSoXhVH+4
yv7n+zlYMNxkw40EvnnKai9aNOar/eNx+5PFFlRVReFBg0iLyAp1u3Y2QANpFFJll5WYoP2D
0ldx1cARZBT/npIKQY55ldvYnzoudvAAwFyokLfFm0jLLHmq9KPCAwzGkUDOArTNMSMiRx7Q
EcCVxf6p7H5M9HGyBt4QLtZi5tiUZwhPH46KMl9dSEm/i+9n9cwI6F7+HlODwVgkZDqA/qXy
/jYkMqlQ5PJIkiB3HRU3iPrWU9bYvBF2lRCyoe9mfZKdlFHUPG30TyaZi7EGjhbTEUZcoEij
gUXFIzALYts7XQUtfEeZnUW2tLU7q1yLyNFt1ByXJD5A7sv0v+2zYDLCMdP5S3iIFU0zsfuK
Qlyjc7dH4T3V/NF1DA8mlfJGA+QGVquQDWnfCU6ta1UKLN4v8+zGUXW3aQLjYcC9EQO7PZlE
DEeCKt5Wuub1nALpPSSfe3tyLoDrQVYgW6sSs+u0d0oYlqYlxaAwaO4BqNlIPIA+xFLkVBPT
MuMhOyzjKZMn+7npw0nQZMEH+BxSkI2YHK+Fapd/N7PcqEACf0NywdWU9akqkJqGIv/FTChq
y5TZyOsP/FaVB5dSui7oyVxytebEBLTbp1ZsJYX9MGRVnYwWrWQ5FFxuNwZxbOqxUjCn99RE
VQb0wUF+AyMpxTLf8A5ANQRN7HNjceEQjr0gKdPFp1gvcKLHVfpiWhJI1/EKJaNj+cm0Jqrr
vOHNSLeFKjJuMGgOInqfUlO0nDlXeczO/dWlcbWYly8PSW7nV4pgu3kGpgLe8INADL4snofU
Z0tmaWqZGZKytSx07kDlvOEjV+1KUD9fbnt37FdXVKPJ/O/XjEQOssxtul+oAyJGgqtmRxvC
gDYGwsRqmOpoES1qcQQAYo4sLwxxEDbOF9FrL/ZYFNvo0Os0CioDaq4SV9Ahnl3RmT6sXmHE
0QSNJk0myHN5BGd0sS6vBWCIP81y17pC6ueyMQaWcx+B5LmBcRMuD1tDdsf1UlVyBRHnFc2p
Wn43iLUL9fZ1xhnoire8XcNxZmGVZNjArmJjmvG38nPJPN1MFrBoXdF1Lqv3m2Snnu9S/SqY
S/KBuUkD1/ta0sqk8PD5vYEfapkCKUWvayUvY+pummycv3Biihjfbvw VWOASLdfb+apKQ50d
i4bFzrryGjQM6tU++NvduIjIG6Cg58mPxImd7CTjvmcVIUe8d9sNuvsbwpjXXSUphQ19o0ah
qCXic96iQu35RKfSD7ghOXL6/8GPPOKU1DSn8MHRrLm/84iGAFRrqH4OxjgxkzRy1nhQtRj5
kKcWJGdlwwJ1Gf2nCpQ5dL5s4gItlbZJqR2V6AEZsl5Qicgl+Xx6LhgMREv0kW9UNuDtQoVv
lfYrGUFw5DVFMGyQXuCd6gG44BucbqWm2A0tcsd5nxf26YcuRUd6jtHdjY8bo4KqnlCsYcFz
aHZKKN+VG1pFqH+tN5A7mvCednfMR/nXcc1UJn+R4y8lEGiaZHwtS5WhrQ4WXte+IxlY/IrD
2s6cn1JynwAn+GzYhbjTlSTraVMTVf56lewU4gJG6FZNiKqcjg9ZvAWr2xqyz+OpmjXJTpGS
vDaGNzojPTwppwZdZwh1oRJp8vwsBXzcWtM2FJQP6394s61+njOMV6F86Cw9VVBRfoJY6Rb8
kIDxaIWkyg1qtuyFwkfR8R+dIy5XHDwIG97N6k4X+PEap6sBYhTorY5PxbzD9Z8JUZC7YgvE
gHqVQoS+YvTqEywnzHMYiBsiP8LuAblb0pFrOHy4UOTElsltKzWHpPcPhWjQIQwsTeD8lHEy
NzmK/kVuvVaeeWmhb0HIS+tXD0+1CJ/w0EnvZKqEJBCNt0oJ0d40XX+uYTH+CxAc+Y+jU1W+
KGK62bfrJGBmvFA4RPYGlG0yOyH/T5TL0lzDMTlkHOj2KTlUo2li2nB6Vok4r41uNXoyIVJS
eM7AGzxOVfZASw0uGQwSsVvnWBKaWqk/R8oSghkB9kx25WeTPfwEQu09v8wOHSvbZlbXRRHq
SunrF8RePeqp2LPTVqGdTNVMm3euYbYIgmZDO7w//9QFJblIp85mnM3S+y3Z2fDh8yzz5dkl
vFJL5Z+soXLqrbhQhO+4eh1sRmBFjwB+vVe5C62C2g6VAHSRGofawHwBgSZZZiMmr0s9DaOb
rB+oKA8Y/A1JYqmcH3RAjMZqrbBcb3vNTb34/JVNb+3e8s6Yz1YnKZcJ1Wt7hGk1IgNHXX1M
yJ1870VuL6g1BjVOYR0dbA2DfjzlXx11+yutcCyi9qsUvNBHuOGwdXLEKb4k5szpms+F1+Rx
qoCQt4tT/3pCMXb7Vdh7pABVhycANw3T8VbR/jFb3tqJV2SEtUHH8w0RfY51B5GHGL6RQJ05
Gu0vVSERE1CA+OC+PUvvyggst1mQBOQgqVKyxCDboQLS1Bob9qQe3B9NeUHYJTqDG6D5AtAo
tpJ/T0eeblBJqEvijqhRJ2DUrDMv2Vxt2NSHEbn/ZoSOZH3v0Vxg8a+nHoS8AdZ/gd5YmOCt

EC1vxT+X7Ll8lMP03l1x0s1fVTTb+qwX08zE7SkrHUTxgsx0kKgsmdhh2Gqfb/TBOdDVka9c
IMdwvp2PXMLOSK0IppbLofg6TE+cR0elcMbv+AQh9qY9VvZL4bLeJP0dYE+6SlaFez7NeIOC
P+rhJcLWhdBe3uk691HqgFnzmgg1D528VThewQpm5mxxtDU95rzU2IRDpwN/tYiSvQFiaBqI
r0qkJZkWfWF0PDleqi3F37/icf1313yu3XHVaZifG1F2RalYmqYxyvSoOqtqJT3qU4dm9MB+
qOoQTF4DnW2iRp300uEM+GaYoEIdLEd+CgdMrgSQ3jPUbwAVJnQ/31r+6kN8R7Q59kp1NDGH
dzMjnUnpRQ1mAgM2X5fLPdvRBJ7X5hZaELPSlM8BSa/lL5YQeJRNHkDTuxyjg+dl2tQkb8Hc
bKi2wXLKIxyTLLNDoQkWMCEkSdrkEgNOMbeEk5qSlw8e5CfJhVbDa07DK6mrQ5pEKTS6JFpF
vgM+dhVQR87hap+z0zpqUaMfjzkp2pVM6uojwYB+3LZgkV+BbgftGqL5JeBmzgpmQNYItBs6
KOAlVmquzVbj0+VYUUuVIN91dpQU0qok+m72dFYqqZg5wKvymWhzy4sTRmJ91zXcxvQjLOQE
hr/ML/ZBexed7/ZLb4+7cWppU7C1ZNVqYpssI8ZlwEAy/JAxfK4pJ2JL5Qc0S1M2NYvjo0wI
6eRN2fgYNLR8y5YhDSv5hxHNMpCRl2oa2h2JbMhKUz16XFWdDoZTmUfpMiBTokqdTWEoP6YN
djwdeQCsE7FjtfhIL5NNtMyf0XHLLm7s/ZtZi2ZL89ypOMO8Xm0NSyrcCNTXYdyE8We93aVD
nXs2yoX/nQUqnM0e6tCl90FcuOtxxT5UUs4TlcGfNcjWuTxASk+SI2DlJArCs/eYUW8lkvTt
6po+GB/vL4nHEDwoMatkmdmjKT0f/C73mpMz8lARknCARRgnT3Bv6H6kRDwjKC0J2DvwmrPz
fO8REVsdnE4arSpOB20DAqEOdFl7VZp6kS/2SdJ7VWl8kH0BxWHZk8eTQLqBt37UYiOvbtMX
bVVcpbomn9oC9CXI2eVAIBDsK9Xo1qcvt5aVuPra8a322m95gHrBaNvW5v9uzhCzFVeqcF/h
dxZ5HOqHrWO6b4zQyON4KulO7M/9Xdc2jOk6pUuX8vGOFIWuOonoTQFZTyGuYoyrSRnm5V9d
kzwVFrodZ7iYXpYhfdT/piuCTbkYHMMZNk5ico0q3qcQTBJX79Fdyhv5/rw+NcfU1mBRtPmU
IDRlbCabrkCpEqyVzJZqUZzsbQ27WQpIIrX5x9+toQfvPTdrLg6FLjBLA8eONLfG8SKWA8oY
XMS8KPgCcZDhEB6kEgp1rNRSMrx+TVSzSv64OjWPVvkQF6UHhJgCdEdfNFB9JeiDi4jAV6Gu
OLcW9Ib555NmH3jwcldQvSoaSU8RAmmCHCvrErU2QXfncZrCGzdQpM9lwgegt0eKd1+Zw60U
U8qKAOma0wzLS01DzbId1XSFUkHzrgbSBzb2UGJbqp/xcA6OB1H9+e/9wOjBEc0jWxm5G2M7
ZhWsCqFUP9SJEMAnGoBWT9CFKhpCNUNyRFhKJ/W/8OevwcPUEUIrqh/srLj6WVQfdh/ISzWa
LTQT20fPlLP5ZqOkQ3Gi0YQedDI2xdYvAUnlK214zIack+0x8InWPPVrLKFBG+G5ncg03Gls
Gu0M6tRe/zaUYLMCt0EcAFlzVI6aenEAb4AD8bBdOJWFRsKUe/d/Ew+Jkguwt6rGhFTFlWBi
jjDVAQESXJ0OVHd4oxaq7FSJHeBdOM960GvXdLHOqc4Rwbpyh8856IJbBi3XyoOICCphnzng
64/3Wi7Q8c8XmLBT4NMw6hmAIaSj/DO4InNX0K+HEVBFmqRl0hpXZMfnEmzGyGZpoLDQQTH6
Rf1rbJJ/0v0KEinLTVAhjcNXNQZUXEKcR9C63XJpOGrIyPJLwAZcTNIEMgCHIizCFte6pTk/
vAnh/b2ju7fJ2TBvIENz5StWNR1fAEzbbGkbRXz7FS0OnsSUwjWn2M/j3L9IoxKHz5zR1/Qr
HkccZnDHYZRkp4DWG1vf2jcu6SPZcS8qKpTTmAPA6D7PFmXe1EmdOqeQ98va4fgggXycsGx7
pTzBSyppo6AY9kSnnybdNFTiBR43AI9Bw7Toe8v0QrVOK1BGdg7L7JV3FvnuL41sHNOFJbXT
+pVDUTVyahgBs+FG0SbeeHUuJzN+CXpawk9Ez/r9VFhbTxgzeKjMefKk9nf6H3SsYXLSu/Oa
V+ZTs+YQNAFhNilppqJI5eBSI0QNfxRi64laX1tTk3aejKUOjnvwkxyy9ZAWWsnCSzOVew/a
ywljW47FRNSZ+UQf4P8b246ZVtEQdsCIrO5Bzh3Fv7a0ebkP6pq3/DyHs1WTfsJq+NVAVo/a
1p3CzTtnX1QxBdRkpz5Z5cCxT+oTFDPaN1TkfxWA8b3YUp4YvPupfSq/wRIzXCg7eJm0Mxkb
ydlR8dq7i1rdp+v7RM7yeMuwSowzQaVYb5rqG/R8C0iEpEiF5Lu8QnPNvfRo4LRTFE9kgK+u
mYxC2XgfUklLruEDOPup4tHMKzUCLXA7h1Pki21F+FOff+dFhEY+pRRC0v4Ddzf79x53uQup
vUFYleA6eavugBSIBPna/4zxtLBfCRffaB1KhLm7cuhFIoUhkJUjCzDrHaz9HN4I4dLxMLWg
oi4XrJ+3Y7/ino6Qd0mwpfSQ/N2pmEHPbl7GMEtKocottLNd6s//I+1aFONGkW0DAgECKej/
P/bWOVVIarvtSfZmd2dnMo7d3Yh6nsef4PIztKfqFC/S51TeztJkSUCcI7ad8+FK5/KZSw/J
tF0q+OhqW3Nwy5y1FbuHKHnc/3tO82QpMUKflzsGTFTZ7dE/g7LQWg3CBjbBn+bv0QPnU3EC
bx00O3AFOY8d4H1ubzl60tqmw/EwmZD2EDqYSt8YQFSbJ7V34JVWwNSAPvh1XXGh5gWpzVo/
N85ngym7ve8vnNqjavc+fTnLbDPwl6DoO2OZfJ4d6/eeM2+zd8WN9vkGvP8vFelpM9DEWSTl
7CSWb2VB4yz13KhHwGpnyQ5nqJKvBXt69fMdaX0wgXdyf/F3GNzIfwOlfhtEYp6txoJ9EDj2
HZrdjs4W3sZtzG9uvlfcRFN2caV6Pq8QUwk6RDGNuOQU9wQ+RKrLfASkpTRtTEqoEXudd7qz
55Mtv7NOpSREO/B28xrK294Q8AXgb7Mxp9XXcZIATN5A+mspzAlp/J7YdAabzPlgxtJyO/2q
nty/30VXW52F82HAPM4VWYDL/a54QRvrsUbSDJRA0YIRvYrRQ1E4VQs5GZb79Jc2gPw/GDfw
z0Kj/0VlGA7CHbKURXMZeRsz+VwY2LkBs2a71ku2wT9yFX0AVDejKLLmeqTl7pXnVhtjOFSp
6BwSmKqFiciThoL3tbUH7PuaKemIn4yeOY80es/s9Q9bAPxeXCYMAF8XwNXGdLCl5EzwX26i
C5kKb3dN085XhLY3pSLgJEGJkNXDo8altWGACa+aQiaQfB1+Jv35Srx0GEwFQ6pM8PUDdFSk
SAwVtHVOUJfnzDtE6Zc65tfyFGBCKsFWKtQUtcreUnxchM2qEexXdtvnVXsH5kajGGe6gSvb
kUdN3YdyOS7in1G4gmXR5PlZqGzdpA7luoRy0l/9Vlw79HfSmGDme1XB0hT0h5DYb7rfa8f1
vodTEriPWYv9fS8IVFBs9ctlV6GunWAkFoDVgkABXqdKit+HyRlAiQrAWsR0PvoquxdOrjCM
XXTofh//LPc9TzfCx33AZFNRT53Pur9ey9TdOa5cctjfl1oYlL5nTQP51MP4yrMkCVElLibf
CatIuE+AxQ55iMAuh4yDCJe1akj3dyznuAh2ul/iSLQrnAmDBHI7/3Zufc1Lp3gp7H38SWLK
X+S/ME0q3idbB0dNzZBiqPNqTOaDDaKUHEMzgCKqBLp7EvTAaFrbMD2cUp0DQlM+yJBUGu7D
2onvQz6ELRdonVEZMT4+gKxmld4E/Zj31gsN10a62hD/QMrtFvaqMh3bLNSWhs2/NN2cnmIu
06inU0DEG92tkqoP3x0cpSo4AfHrUVRgpUPXNsR2ElPdXKsaPIApS6Dy61+foU7q7Jcz9cLH
U+73j7UnJWVK+xB2g9J8z8vQ8VrWHbTDAKry7OAdYdJoICkJvsCYASakeHCI7igG/Guz/x1p
EImSC2wRV8t9ioIA7EMZV4qEOL6urHC3YvgIiZZXmJ3pnCbbxvuIeXawd83dsxznjs1VzjA8
beBWbklvdf2gSOPp5joMl/zYTXRDkxI9DoOS4+/voT4DyrOBmiXLWbdenIH6xh6wd0J1yPjZ
icitbOI5oA0qh75ZoYOKUSJZW06MEwgkzpx1oCSUyydBNBxflHLpIeWlTvMJc1IHNNzryz2U
MikAAL3jMcHGsF431qsaxHEu9SYXaC5d1aA0VubX84nQkXJklzuMBwFF2KtNKLRcrcdaS3Hx

S/LcQkaqADSpyLmlAV4wvs9s93bIUwUolVeWpCnRKIZNF8HS9UXn2/k0bfnPM9SylDAAeyL9
G51i//KMukpMf/Q/zkvJvKfACzfYs4pMB4X3MG/cUa9ybEmdYeImYZ5B7dJr4x1okZBowvxb
y1OAyimUjqdRoSu3Bn0zKOL0WToe2wOvi1M8qJYj0z3RYfzAw4jjuzNsiE9re5iboHql3WoB
grYRr5dJLPne3bHEAnqnGig03lzR6TNBGatLdfKvzjAZplgF2FFCrHEG03gd4ZofEQiFcFh/
rJfkSfOvKBcD3mxluUxR0UXFM/tFbknvKxmKkTi4Is8rG632ByDlB2zhb3LCAh8xYG/AJ0ZP
BmOEK7OBgQxpjaxYNnUYkTJsTxBp1+Ya2gRqozvfJvrAAqWORnnO3K7jBRNqvr4lFgy/pYqo
5sIpnyDwbbB1lzuZ3+7hKsEG8abZJ+uHcci7LQd4Gdl8YUnxV92BRSTFgZlYPuwxmEH4DKT7
ENO1HERf42klhlviP8xLyWdKAdkgtnuIXtcGf3mPAbMZsUasxqByd3Kjzx0H7Kr+DTiMP3dI
gbiDKD7gleQvpdAjTtXfc2xXpk8oNpAKbFnnZwdp6UGtDvdmW4rmHn4x0FWb96vKM3nQEior
6OUc2XE/kmwv8vUW6tTmYJc6DNZ7hdSurou+HH+r3vqaowvjIpQppA9mhOfssEB79K7VNq/5
F9owhwvQrYVS+3vMD0tbpNuKYFpL3lsunJUm890h7YMDdJDrQ0yZHNpWdEx1ZigOfz/EP9fN
3G2Ss9g7WBCSm5NyAzYOWT5hb6GRPaYztdY6iKiN1urD896rBQFllny624xKvgECacTKJ9SM
ac76yNETfg9P4zJWKec9UHBSsK5+wO0YoSp0957Z6T8FdScKB/ib3jQTYoj55ffi0t+iml7X
mMO02CBIX6jJAoV4PIyo5p5I7VjMIR2linzQCaLQ78Mk9jdAPeF0VHvG5u5ZFSCgyLmdSIS6
BN2Z3SmSpSbeqC45Dk8IKjavCfKzGjf78F+C0pN0/Oeky2lRljk4kFtY3utkw9i0cSd5woIP
3eIpHGncqhVqlA71xgo3U8mkkBH53jirA7kj0gDa3xiXBOrbYbNfy3tZOn3edLXs7R4Odc+A
71tTPgj64Ha2f7mHgV73mhBxYnugIkhUF5hiZ7gCXJFaoSsiZCcd8LVaNaa3Q9xYio+Am7YF
uJKt8qpfx6kEkQQ8idRv6AwJxMbmOxN1E7FEhFJahJdp50xysp123sDGzPmhP2RGrxS9crQb
wLTJzcY+qlmyfqZrn9IRuQVWUrZCIPiJySUsIfYG/4AGTzgf5VEKX0sMfA2Q3y5vWQ5Sruqh
GqiBFskShnp7vlagvyOHhqp9LS2TKtBYJMW2X1HuIOL4/E+xVD60SaNtB6csW0JshigPyJ51
DpY60jeAFAodKv3zRGevawBGZvCR2855GzHwMCFazDdQgyIVUTyHwqnAPXPp48hy+VBYx3sh
vr4BeBQv4LhTz5fA3gwfk7mrEfpSdRwY9SW4chhIVwdjA7rkEJuhWuXA+K5kqIe8hTf4B8gJ
A5kDrjBSITBAZFlKQqxfp2wHe1SfZxxQj0aF5fMA1RVHYSu3vurfnaGH4tHU9wJYSb5DMI1r
nOTrEh7onJlJDuDBqKfg9ysvuQGIk7HVzSRZD8OOA6VSwAKGDRM0hhIriraEP1llBTC66w0I
7ZeU9N9vHGbIqwXQu2rbVdMC+Hnyv+KVJXZVq0rzMVRB1bs8ixIjyIkfxbTVwbaoZIBBdLSE
UOQ/GaxphO/5imAUrds/qulKTytpqCF7QgbfF+XQHm+BFDZkkGChOPWBIVy1MgRSXMEvLJRQ
Vx9xTf9W0zRuh23gBoiw+a4p/p+zezvEy+dIFcxyJzTtm8N0oJJ+Me01m3dpPlTkdHLITMxe
/EEIl9xwODUotcHCJ573MK2l/e1OUBuFoiq0BwO+Rqu1+Ghz+RSW658V1BuoDhdNArs8OPcq
SYvZ3ciVy4ULuZ25b4jjbu3GhLWTMEA9C2PQPhZG8Pwd1Qwj+MkNg3QjFN9duf8XVqbpJgbX
DGWKi5jh/RSTUuDgL3O8BaYVOwjjJHuyzUP/oumYNqnhWqf0KRCkugLmHHNlUQMe/n5iHKOz
XoKAO4nV5EV6mzp/fxZXQpkmO2MiZnaD1yK5YOsW5+vjwotrXT/va9QXLjk00BFj0L48IIFd
zVqfbCNFGOGZrlJQwU8VqnZdCV3FlkXdBDm0N4DOIuuUHMotz7Z2qcLjnkbRZiwBXIsUNhRc
isytTEX5eV7yYdj/5QydPJvN4DzqSqhINMOcxpy/r3rvGyKFSG/fJjVHOKhBnfSRz7bNoIBp
UdFypKNpHcq5kmq2g9OurvLxIzpNYS7Hl9ykHGaSZc7I6jWfb3vDS/mw64MBVm3E4fdoSqX8
2ZPmoIZDlMNsXGT3WtV2rV6yR1NLZ+KYdAfvyeePdF0d98Mtr8c16I6ovCY2wHxQVR6xVA7X
nd3YdhVjfx1LI5iTpM6wxz9fmX0UiZEwXi7f2nhSUFpLIYAk8uWD9pi0pAN8WOiUNhqYaKBQ
zXruvSCdMmhORGjUDmUx1OUAMjs1Gp+Syu99C3xSnFuCCuX6CWeaQBR4TflwDbHjcVyhjALq
3RE9C8NomCbtWdJWlaIKuhkHL5/OTpS/n6rp8almhQ+TkUdFnchJWeymDQexNIAGpTTRxHxH
U7kHmyRUpdasB5sh9N8UCcPBJsnc3vpdH5fm3PpPZyhP50ErcUtOILGcytEH5tt/18kofC65
6UvfsGj6z0eGCmD8cpWoxN906mg8BVJD8HMOdXAhijPNnfo3k4vQ+8TmPF9QnPz1ZPyHeytv
8LNkEykrwqYjHC2usgqe6qRlqtoPZb3pJNp8Z/Ty8carclVXATfVzEBNrOP1rMDta4UfiAFn
3JzhhPfQD9W9sAfcnL7d2/Ls7+pSyLE33fZ1syEBBgVu3CxDviEzNiCxA8Yw7vvg2x3EVYKq
9Ro3FY55iTzvoptyyqoenFPEjrzV6ATiCm52YsgOl3DKfYbYKkP1n6CHeQ/NNRVN/itD9VeL
mlUyXkv4TltmkZBN3JvHq4+qnCE89U71IVEapsozjElwt8un85SoUFAgJ9TXAlkzNDUW6IPV
dDZhqqIhkQiBqbySZjiBBnKoqiQQd75TYApXdNHu74lLl98ThZFVRprqrONtC1F/QZd9/4UX
ckjsH/FNhLyqruBBNUX5c30junuoPkCymlPeWaKUsurCuG+jEc95s3ug2vgBqZUtnAH5xM34
vpYpEBHNbozJZy54CzMT6NFVK+Yda4hivbJJwc7wCSo1XlXLqhyyndMO3jCzCRYKVIIFYh1P
pE7ast55yBXnKVRzorght4UfQDbw08rJUfoX7tnluxZfWJOorFJ8mSTO4kLHt1z+EfXJ0hnu
XVIyHNchVMmx8NBVWfoXDc+ZhVkAS1vhX6zPcbTYXqB6faXt2wPUGcKhZ7o7BVK+ACRTD8IG
5bj9mt9CK2enbxTYS6tiabve4ReKQ/n3Lwk3JaCCle8SFwAIvFdhmFIrhBsm1+Mv9icSJnJA
UbWH6kMFEvSo+LODumxgOg2rUxGUJWIRj4IZciCKDWznPbp/8Lp6TdaPZiBVQyH5KgIfQmpW
O89/FMogMDPQSfUxY8yKb8O7MG1oijlS5VJ+0Z9X52WUgMSf00D0pWRSGgTRcBPEpLKIlHXp
m1miOfu5btoEaSayfeVJYrdT6QuujTMn77zDQPdAzOd/Amju4OtDg4NLukoKAPi6GCNEtinF
ZkSd0UQ6EZKWXTXd76Icj5j+aU5D41pAzdT/sZ9UrjikpgRDL7h/hCrCtMJLzToqMdOXyWXZ
wRk605hunyeX2UMNQhogH1hqwWUSCverPzmncV+GTujweA/JVwxzAqcLl0jfKBjdp80AwFWX
UFnHEZXKbadJjNFfkNNiCeJtpZO3fGVe/ZrXhFE3/OB2cqO2oHuL181ADkY1r3D4uLiQkPBF
d+dR0isMpHgI1Q9FCVksB8N4ofaTzy+pjzG1gqsArWESFOAgfbP+7RkCjITezdRdHyjiWu/n
/e+xbv7MqRHe93wJ03Vt6oJ7tdkzqTm9edpoMJrexVD7MjGNmouCYWEdx6Wd6RBPPHx5w/xa
eLS2OeA5DIg5V7D4OccstJmLBmllmFW1WkBoGyCuYviQkLzhdn5GA3hdM9AGR5RSH/tFPJt1
VE8ml3TKVUltuyqk6qvj3BdcxsqBZGOGPy5cLM6/mTrx35yhHx1twGJaUYuxPROUzeS7/3H/
Fkx3vzrf/NCX5a6ZJlQdDkwouHmQYMdwW4saaanWPsc08Csdx5UJ35tElA2EZaSXd3aGTcc0
eCfS0SGCvGws6KRciMSHkXWJTUFnQuauMCjtjGF9nC/J1uOgHykke2ouCvbFK5LbXFYP8FTM
0Xt4SF4Z8gWpdP4pd236M3GqUiH77Rz5gClbWNrUxyVfKqxYTB7FQ2sgASxkjC/o8Eij4D2a

mFj/7gwBSaIdkXJn7PkyTDKqpH9MiFytvmnmTshmU3yz3XQ6UQGfzaXDwYwYOTRwxKWG823I
8riHJ7W0b9SPFpGr/AyqRsjdUMgv/CKyAScoS8NBPapgb7qj6O0wa06Wp1pTqtZBpfFEeCIu
31axU2mUnDCw/Je9Coaox3UTy9UpA+41uJuMqnQ7+mP+DJTiTsLkcf0uyTpw/Em03PsdGPW6
wKob2gDTXXS84gyhwfvN+X+yk3wBLxP2BsFXf4kfSI2J4AH89VDu0IaZDPZrLbLAlk+4woWa
1oVYaEi9bW8r1C97JAKEE3gdVaVSVMWlFS/hNKEF1DsS0x66fWRSAXKLP8yEUpcHuvIa8pMP
qjqqgmSR9xwkT21hqUuFTE5kbYep68sUMpZvuWqFlsa9pZCO1Pk9R+dpirDge8iDBm1p3FLJ
5kkiFmYPKZHhtE3Y9elDQ6ci+TC0kMsH8Nn+7QyJ2T3MF3hcTz7KjuNcq/tnS1DdwE9lC5ub
FcW2TPdrjLmBFkN5oY5ne9WpKZRXGi7iBMU/FZZqKfoWstrQ4GdEBVZGyF2bewvefoZSRZwD
r6qHiXuG+8JSSbUU8VM9ygpmx0igW2g9xBNdPDJ0Jt4knNXUpP771xEhIwQUCB1P+Khm0k3T
RZDyprJRzb3xG/0I2oxcE3yB+3+6h2hHJB+Y2KeaUG4erPJK0Hz8p+NDJtiREYmcXmY4TEML
m4aNvdRk+U+Vng3CdNg0F8xBobqvG4EXd3uv9EelaR+buMyy38lz/cJERIdm+sKrL8Cf+YGR
t9wTV5s8zdjGqx4GZyQwN8aMBLOZfdB7rDpW/H/8IMcJ6L6ocxoJqqFsbeHxLWlLx191bvK5
NYpDpMM3XnVAMbX/pkctX/UfJ7df8uVLwuj+mMwAv/SHOiKHi82HFRkm3bf+5T/dQ3y5xlK+
9M3i8mH16fine6i5dK9vGzDJHZ6dxI6n0dpIqH9mhe1Hpe0TW6rSx+cwTzIqvJT9PsM+80a6
1/jDTE3hzBGLYdAQdCGtrHTQU7kf3JTaEk+KQzYb3RzUIiyfjmJLt1PFS7jYNT2BdPWdvzbI
hjcKGrrhkjb0Fqo32ByDeXt3n/Id9cNa5pI9nNH4kN+nY2GeIWZ14yLPDG2v/a5SJGnv/3KG
W1YaZhzuMQ5DHYdXgdqQyory9CGWLrid8AUd7Nugp6SkSvxNd0Y+BcJxeZwhN5AJPGYlWkaT
HmwdknkOgofnElxItHHFCmnRcbnT7ppQOuZI3NrCD3hosy8l6aEatjXpNrflAZ02SBj4hGC6
F/nOger8H1DSvqimFDQBAkaAxVEruQ1D0uMjVhoBNzqrroff5kALUWrQ34T+WqvOA8NSDNfg
rmC713jrCEduvHWHOa1uNpUBQQb4p3uYVdeCGDIFMh1Kv5CbuckN2O0xlI97NHZj4FqgGsws
XrlhjVGREjzE7XxOXlFJHvMeXlZqureVW9Ny63WbfS9GWbXbgEtb7nVMQy6bUCH4ZMeu0E1z
ApM5uDjX+HcR3jipwIBYufN0AX5/gCssg9QiyWVdau7whKHVie6FuBcBWRuD7mn/+W09E2k0
hZF4CTtWWvGpVmC66biqNzdW4jaygynVmPI8Pjz0MOmfegupFkPYTgDndfvAOh40sCFdqHSf
4BohIS3SH0Jl8UAbjy1MBS56zaoEXiWsjvoHYyJj8s8FYmHOXdKS5igimh8HxhvSlKvedmoh
0IvUc4nGdpCzcCj3bufa/uid5PQES2AkXU+nFyyiajcNQzmsFnc4zfgKsqqPvoKPHEDEwoUM
RkVYXCYbig6rLhCQgYlpSQdQK1OXH09F8+z8FsjSQbH827Zwy3R4qYt3LPAjKEpqy+JefEiO
oE7G1z0cil8xi49e7jzJmvrLGW6/TmkOtVqsj52FRElIavaJ5lK4vITFeqpeli74C4OmM6E3
GIWMe2mS68UUUKZxvu+Ayl/Lx9ToxUzde+PTOSpVdINs6DtTo8NswNrIORxsXXeS6zg31gEA
/KdOzLAz4YK5hvgzRCJfBiQA+DaFyrCccxWWIto2FZOuQEzYzp/HmJURxyJWdSyqnrkYDwHm
OOV1xfAqdyQZyLvrkgs3AG698iA8zzCl3Op/NPg1blROSxeRfeVCN1M6wen+JS9yhkujOZSD
NCRXwAFvV9UeD4Y6cP+otmSFSu40spO6dn3cwzL1WRoaaug8rcGadg93J3Wz02C6qDgQ6fQ4
/MZ2YsuOhcwglKDJPccCAzxC4Fu18Vs+zi+lTMuALa8TdSrVqzbz7VxTcFmq3QpAfGkmqJcc
AC/5XK/yZPu4/XGmzo890urOB9caTVODNvJdl2Khw2nHaGrw+4i7+fw+7/k1QSadyYwHHkZz
I6CX3Co2qysRwjr7RdLzicwZcN5VJi2exHBRuDb7oaUopg1FxRYMfl7U0RTsP4lVjZgftMZJ
kULFMNyaJrxOTdTzrqPlAH1wV9bGtTZM8nJ3IA7h7fbg1G/fuR6Pwt2DX0INZ8z2DmLmmlbD
eEAUPqjR4dkPfiiOsLnIVuUTzFKfXE9twdLdW0iBWA3Z1upQvgU7vbRjXJm/58OfMyRFqpDx
cONYD77OtUxY7CIv/Y/G5vxyOgZG7oO7KEFmcO92aroy6GF7XD/LGEvYlWOCk9ZgFiKYXfca
gQGAbIhmv+rV0GvNmuSZI83bvg9grHMyL24on44YkO1iDE1rRwCOVzn+VE0aNJaMGbq0+8Df
mPvUmll0nDfqOJDNJN80U408Eh3n4IHRo7F9USnUWI5r8YuJ1PatQYnASpQ0h+A1PTgYmN7o
BuR1zSArHeA1HqnTlY19zn+Ajd8XETlutLua1DIDTUQl3EKDBe6hIsm8CfsAC+cVuBC5y+Bt
zHd25hJJ4fvpziW6xS++9UaAS7sH5kH1JO0emt4FBSqbilHg3+IGY8zTsNNwpk0AjCdmrc1Q
4FDgbxKlIxi/0MKQnldi5mNfgUCznXoJmQltJaYAF8MrDa2S6yhf6ogP+5/03OhHiH89Pgnz
6nhdkKJIk4Zb80vtJ1d2etsHCa6ft9qHxIk1FSTdc+1q04gZMDUPSZNZdByelopgtWfEFzJ7
ifICNhwpMRIsvAEqmq025UuH/gSKmldeg5VQpyKiRmipqbuTn0/1Ip+6J6uBEc2pBCVoAkwd
02WwelQa9ZDqGLx68xjqUJ108Nl2cmhS7kMZP9l736jxmzAfDsbVP4tfgookyNFWwx1H8nFA
2TMoPaKAS9C+WU0D4KVj79/peW1XarkN47KmhTr3FtyLtT4FhbnOv1SWjPP4D/0hzByPjHh8
6WzcjCM8hazuYF68zxlNnHulob3kqT6wwN88alPuCicY8mHiENUJIQ5f6bFmBSxRbdCt1Lyn
n8SYiLZq14JdMWoOuRlYQYXbr0ctgOT6+bCX9k4PmGOfU5W9A72btqpQZbXSUDHDaJ4VEDTT
Fog2X5Lv3J1f03+RZVEiPnUJWPZBfnXu8WETvBnxUN9Cod6mRGmphrZHCeOl/crut9YCg+pw
Dqlmuc0i5sGd/lo41Uv0GfcQwEcA9OGiQlAkraCLquMNZA6MqbZ0FxSNZzjzod7DMf25zOAi
YWU7os02Y9MAE65yZqF5s9nRaOyJM+vt9tVFXeg4NoWskWavOVNpvZs8t1SGDnrpKmhDyO9Q
VVqMCZwzDycCpFaVm6X44kpDzc3AjP78vdaXRJvcQ491rbUpFnyeoaJplHHA+9hNqiarwkW+
Fdjc6X7VryHeLAMjiR15Kpb6jF+g3dmE9hLXpuskhZ1B0zSaK9tJL6uB2/qGJIgqQDnz4aoQ
/G5EZmW1g4FXgmUZetbjePXW8AdVy1ZxakaajDZmtFHTieESpcRpI7OhQd2HurffAMcndoFt
jwJRUVaPaGbtxaakxBEx6ge9h2Xiivbzd7hLlCvQYvuMp5geD/BAivrKc01xmg5xo4GYvf91
UbNb0R/yCpK213owcUd5qCowfBevM0z8KWqjohBgdol+SJynq2BBcb7ZHaDIeQQOAHv8NU+V
QxyE53BqqCfveRQ30Vk92ZSr2AZqpxrmK5pY5NR10asMgf2p14OMUtGYS32Zs9zbA8C5cZtf
B5tErWTsc26i9ltDiZVwOXXNjG86scgBjRv4wMegIpkh86b+4ecSEfON6o6PkMWJa5OyfFfH
BiC72yxt5jxSKrR8nn8HjdIJfyaeEuO7i2cUJ7ISE9Ldymd0CqZdZoqEmNIwH0bwMzq1gRXZ
vVmv5KLqg4dzNsno6Yb59lLXt8NZcqWP4cFwrMjZql+LRy1PDq6OiK1kLJyWXsJnFD4fYDxW
+lMUCHuPYUx/YLrD5Rmg5BlChtWMCeUsyAQcIlRNkXovo8Yr3GV3Mcn8f2B4c3XZ/3wPs3T8
qw5oa+ouOQsvTMPc3m5nqbm28Re1jScitLUIRSUNoQtDkB82hpUPaZ+QU6KfXpSFh16RdVz4
sD3GNy8sFcpxcJPiX8eiduSlaT40IR/rBpgKq3RwiFpAevqEIJByCFHrjLJcYOEaokm69HmG

vKwQhh39AQ/m+BjUmg1NJABVTitJShoxVSS/nDOOA0qiPWekom/lKLcmX/UxwbwIqlkbK4T1
Mn6m5s7xObKBQ+lcSPmXWNqw7zIj4RO49WrOrKqGXIl9xIK25fZXwXTXbUdRVc/jVCbxlREv
3W6cYVaS2iD43b695izl+0WqCI7z9mtBq56JL736xhENYI9A1bifQ+XVNHiCk6tWiPoINX2Q
zH9AQw45FZyO5WG+UWbCjfmdqXko6k472EsACFe+asJT/3DM1OCkTA3Kxp8BObDEEU1UL5NY
dZ48qQzhR9T8M6Tuv/CeGig56qMbffTpHDVwVKIDD/kw3FKCPInLWf+mtZB0CO0XLAISk4Dc
FKq/miLFJLtBKNkGc81YKSaQN1Q9NOsMphxOC6zFjpK2O9xb6PfBhRgNjqJy/bg4lx6yNfIP
K1nu0azmTgvvNlIzvqF2VDjDGMzbu6itsKZSQHalOCW9R15meE45K5bGsPH1YFBDpa1qKypV
5OYiGRpR+kYUZ3Q2lGhTyb2fE1Y4Cezq//Er8vq3fAgdQPJ9JNIXX30GSzdroDmVpyd3UwEZ
7b+wpfpFnPBkk9UjeplueUYYmXZ6Ie5xcn7VzGEmTflYAFPS/QIpJbyTunyx481XneYVH4zR
tWV2bPNh0KDENtTHGkzJHhn73NHo7Gv2F2U6vRSLokW3faaYzmqlQcGUONDaiJmMOQ916PFA
6SuG4cafYnfZAncuUhxWUm4aw6lpZrjrc3P/CXH5JR8aR4ub9D20cISAnSjfV1O0jdRdB1/y
fwVTLmabL0f27AShWEGbA7mTYP9tOvK0zafcQzCDQpwVKThhwbJiD+eSzXwyYspzmpQJS3O5
38s1PFSZstaoRcm0BUX06j0QNyBQc5MbVT1NlQuyDlA4B70HVEXtCKcQqEZV01HT31AeFMun
hZxgfGk7V5/o37o556fS3YKygGkSofQAsZZ2oaji+GYxbTpwmzNyrP9tqbc3dx7n65d7eA2B
pBNpgzAoV6eOIqcaf8vwt/nJIOwdeSnYDmS0yR1EIDOqdbdvTKCAoz7W3Xtp8ZEULnitS6YZ
3RHjIx+qXBecrHYVZeYWI7GWd4Rdmma9ToOsDrLu/ipqyrX1NRtTFd1WgViTAerdlNX0dTHu
TtX7xLG9qvcEu9d8R1kHBLRCsoVCKdM8yF0D4V/y4c9Q4TfdxMFRRfJy9+VX9VaZbZZ69y9/
bvnhyr/innzf04CqfjonyJUTm2bTmlYWgw3vhLgsDXqDS1UlgpujNyXHJkcD89aXHewrXYVu
UDtjR58SNIqIVy/m2sMH8B39vEyMK+RxXQc1lc7omm6HqHI1V6jVe9jNpBajXAiGqxfSiLh9
K2ij41JY0BJJqeEIcukAnyXQMjcxpgPOQdvo2SPu537+2CP6XH7UbrXRm04qOFkf3DEAEtu0
y22z77v4D0n3j61+qpSq+dzKd6kUIye/j+5OuvW6uBdUJ5fMwCa5dRx07uY/WxLr23Yfos1A
w/OJHaZ+4bUkiarQFGyshj8bDIhAEzi+HT9/uorTqRLzTIZEz2iFrjGzT2vISbnvNg0nN4T4
N4XI5WHlj+p64HW5aoIpdLTTWlbHY5Uz4P5V4eOXmoZ4vc+HOPOhzgqj0gKCtEA9+5ZtBG7f
JEhEzjU3s/7jgsenr2n2T5UMdKQA+H9uHksl6b2B3epdiWuJw7Fk12qVzuZl0AIKKVCkhN1y
8pZ/oX+R7FmiV0YyhRoXs25+TKI+4XnBFr6ff5L874wePMaj+FPLk6IXkYIL7bL8nP4e8+51
WxHN29dVuqap8zLWgCO/vNazg0qWWxvzvLqOQzdA0UZreNyJdNQAy35phzgNtVM9jwU58fUr
xCUU6CN/VnCbPGA+fLg93KVF3EjfvNIvotWGw3Qz8EHk48fYzZkDR4V7rJxJJM2ChBpOGqCy
PBU/PiYGjW++dt0VRDM3CfNZtVwabcoyV9H8mj7iuHJ6VwWqeRMl8zl8V4ZE9ZSyn6seg+qB
rc/rbNDHnODodEUNuePF7o4G+VdpgaKcHe1V1PuRilDN8DI71c21YvVU4vL6rq9++L+EZtGh
hJ8q16lf2ql+mEfA3ZNeMSIppmSVm7O7qsR06NX8GLcTOsjKp1UeiLwzC+LcEkp+CZuuM7OZ
Jh5FVbAVbytEGAZQYLuaoqn6RN6Ydze4ASvgoVV6r1kx4As1HXTLI596Jt63saaFEquUDRsd
bXQEPOgkqA9CMrNPWxHzmkYDUYzpy27bBz65zRRPlBTetVVZm94oXUNGCf9B003Hdj9Td6Ge
6gOwwyFAZZyk3oJOZE/+zdTop4sxT/vne5hUIOqQ2vsAGkNuI5BYwDfrHkWX3t08QI/fp6Xx
hCBI79StVtZt7zV54ztkA1uzVR+b5NRNin9l6xaq4yi0opsSxV2PBV1tRH91SgjILRXYEmjZ
eTq1Oq94WADR3QjgaKMp7JcjvdX2l4zZ/TlY6+V2vuINnOaEFkH1yNXtlOUsQSfgaNHKHrpX
fB+B+49avbEk/WOK5cCVVCAXuuAvBeFPN3L8nClNF0OjB8fBiEmhjuwHgJOhGhEKhUJYJWFu
vxpneCcvPWU+uJJX60HA0Z+mxotcB0JxjRRavYcJVZ0c4tZQSSZbLKnzRdT1ndyjxf/x8OVl
KzyQHzOb5pReIeYy8emdAngNRWOl5hsGtxwL+GJmOmZdRLKaBdI+Fenx8ySdtmZcCyt0ilqe
Qwyua6QogVLlxYH8Hey8JR27xgKtEUEa8H68b0EBXbrfADMZ3zr7RA+ZuKv9CrVZt5+XeumJ
nHnPlG/5sHFTZ5RjyWROekQd82r8D3+xt+BtIoOlyHfLJwyLDxVnJ+Gps+9Lc1iALWOddG2U
2m0quDQ2/OYqN9VaWrlzKXcQOodtRW9S16oafz0sYBYLUSY0y6IyaWU65+Ds3yT28Xsq1BWo
7nL7EapScyMdhQ9YOlWcj9jnYRawJZzTIhTvnmqRTZGw7YHwg0KPfEJs+PxtQfyfShiSIS6Y
7/44QvP9dVTbTDAnbRxbwa2hSlUTsqOwKVnqcL3HCgZPzuI+H+cO13d9IuoaJR8OpZ9Xar/4
UqFoW5PJnMiD4Q4pzqRqZQuboncuoKxIpwkymTkgfi7ge5oWOFQNir/MeeG1V+HcDlzb0FID
8wXalcCkXWcwtsWTm0+inoSFUJsUcdyqLJzAHgBxSm29RRcovhfhGcOqwOvyCqMH1M7N17py
p0sn5+HSgNJdbLi1UsOvzqWcEvPh9GU65k6elVGLC0vkw9RZ/6u4ccaZeIjjj3DXpcAzg70y
2F0lqRxwi+Cvpx7RnDNK2AdpJJwljvp5WgqfXeYTYNo6/zTvFW7KrjrWeKH8LOSFQxdHlRfl
9q/2hB2V0g64/3FcBb7u8rX7H9fTSNZeNeckennC0xAcB4CLq+F4qn0nBVgwvadjQLXXyQMF
rkkisS4QSR2mIYQEcS/nk5sWBegLVrZIaUDKojUd/yQaLHuqUzl9VPAem+IeK0lynKEafgaE
Ai2ZODn9Jx/0dD5BjK5ceJqjpXFIN9z5Xzysizy98nwWaTAaA5qO3LSLlPDYfPyIaFtCNDgR
0Ny97io4ruUK3Tn+6DEq4V/CIETaEd1W39gzQk3tRWlaNewoHGgWZQ+pGgr3Hauhu+TnUETt
srVmZx1bomDDEVNsQYoeTg5nwaI26gNyRRJrYP0mRU+5XBHbiUY8bLZhT7rUBYBZrj2iFIq1
5GpYqORNyYsqxVR+nS8y4YZbTybgSGNEWO1IpXAESBETkKXzOkXQnjG9tNLmnPjPX6z2bprq
I0tKdJa2G//vC7BXhmaRg0QAnAJg5EXhKbdNxqd76LWlJE9isLUu1ld3/T17IXNzXehWU6wL
0uTgLDboGSq4Hf+HYspwASU93SvIXCvmC6B7JHXK0TGR9Gm1dn1ZzJld62yIxgNYfBT+tMgP
SP04vuzWoy5/G51DMYxUJx2gjcBoOjHuGLYzU5leFRjh1AkYYjYHcNFOOshQTGRUBfHj8jP8
m7z4Nry5ewsP22fgdwGVJR9PuT/B42mNCnvmS8TGH51fe7hdPI4wpUkoKMsJ0qOnhi0vEbEY
a1fm3Tp11uT+M+LIE34o3jxsF6y4R3N31DmZGrEPHSjfwKwGQdty7fxocQ2dmi2U8JJHUF3X
dDhh3tXwSAQroTpiPWPYVEoiEFOevHSskHu/P07ItzddidCO2Un9vcB8SwoG3E4J/9CSqog2
C2HJBG00gr06lmDqtEjjMfD2K6nnkTQFt5LXqz6Pfy8j8zI1rOseQoZyoM7KygkgoVmeehc1
uOp4GS4ugCjVH4bo6bJvy7wrhzbHUeUM4YkRRv/S9zg+sVE1qUiviReRZ2q9WpNdJ85SFx2z
rCJbqpi3ONs2NkqqfwpcTc5cvxbzW1X2YSQbmI2cfFHvLjpT/zf1tvhUipKHAh5P0vnsras3
KP3T8LuSW9sIsELR6WlVUCMQ4yrUeaqQHr1yJI+Gqp7CXT1m1Pf2nL6Rv2O/P3BeLB8CgpE2

jrqlYsNraEtD8m8p111nwWROSFIPazryZzhrMt8oMsQcGgKVGOSgICtgn1IJ5DVSM02ipxIH
XW4RQK+X/IRJltzytOdU3TugZDBqNEopCP98B4OeP7ok6uZgpvTtKDcuSfXIQsd6C7wmpy+2
rXLBQnBSnchxtBcLIdeSPMtbfwJPlkb149wrbtxxNA99O6RCQn3hM+OwjhiS25rtOQIE04yE
kHNQkWmqtLUCwwe5r3hC4YPsdSa8tPU51Ha6sv4BV3+5P0yfGShTsPuicqYRRmDmg8jfFKty
Txp+KoHnqpS5Bbs7x3QQyQlFJYEPdtgTthlnb4uqG6hdnDLp93x3hOZcTeHlocv/pswNAK3u
KYZNy3Rvy+u16w013oixqA15QUjGwCyJKk0R32/wi9Eo4PbG/NyZAsosX1GovGYE8yI3Sg4y
eap7qK8GNzO0ewDxblT1bUzyvFlauDKfuqoNPt3h2ub7NzzbztCLf1ub/0Bte56htIbrOCT3
LZSrzFz94iDX4oNXVMaYzHh/uo/b/Fc1NWyO6xAgDg7R59y/00299ZrCpJryI65FJX24bJI6
vhAvsHGQs5ya66YILHYZi6eYdDkMIryg07WdKwO3gbso8+P6+ZJOErpP3cbeXTHEp8q3oz4B
+NEXRIlE17lGmNPyoGlji+6lb3CO+ocZLjqQDqKvReFjgHods16FAWS5sxJWPDzs5GvRncSs
GoxHxXoa+c/I5CD+F3Vh/qRD4yipCWUGoHNDSvTZat90MSI0XRytcRCZCDNtxDynrHtEVaxT
q+Yfhq+2jOlaADX2Wc7A87ibuGy6QL0b2hX8+6gU6ylHlKEyr4SdZkD8qQliRL9huwdvq9OT
GhxDh7t9okOnKtuOHDtlhsfFriQ6BpWyBMSSsmqaNxurYwC25ZuwuZNHKDcxOQ5jkHZS3lqk
Ak01uviuUZ+SvoOZ0KOyR+qFW06Gaw3ctI4LIbPTRmEyRH7mGNOMUKJ7+87/vPn4iyR+SuvI
ly6tU2pglFdq1dvQn+0b8FdukWzwdXb3ylflhwZJbvSe15DOMa3fbdfGirqqxgq+R3Mr5ycE
DflMwcfVVZMn2VBdeLNi4XYAM5pXNMOdsFP/BoJt2fwkTUqdlTQqtx2iKjUabHt6B6hLh9Q/
4CVX3RkmqdR28gBjBs5s9+Qa5gz3JHipYj4jJY1kURzhkcMq99VLeMkOlWgAmEQXkE7KGx67
XF7Az1uQQha9RjTFJ6gwO7dRQ+dgqpSWxXCm5y8H+Yn9eZ1EAXrQuEnDcCnMivCcnwjMB8Lq
+z3sihTSDZUGSXyV/nOPzYz9TmasxzOX1GtGh6jIIoaitv3GOaH83bTs+4XHqVdSCKZHOnQ6
bVQ1hPzA+jXM1efcMukrpn/cNLUwLANLfq3Mxpjb+wIoPqCnQLqOQ2+hYhYw04I+NS0UuqZu
LBFurAHvI2qKMi1rYfF3vf+QHQdNww7pb+R+8/npDIEpNdHHF7IE9MXYKkvf7SG0rGrXUGNQ
EaEvdZLXo1JUA3TRXF5oO6ef0ICd9lD4aDG3Gg8tfSkLXk1BiVdLUQt7xc3UqXCm2ipGqtUS
ETPSowQAMnMHvzHOHhCx36OwoAbuGnOcpCiDQeHxqrNM1bWUptFikFLF1ugzYSLS8kBgx5kc
bNwd9IcZXrNLrB+SgivlIVPlN6pjxJAcmkG6GlI4twY/Q6mrzntPvVI8oM4bwPoDRukLuObj
GW71oF+YzjxVY7AOcgOj695QfD/vLbRyj+bRDuYTHRAlW6gbGLx9uz1tOIzjep4ap5m8ZHX6
/OoVrKVfVRwbyKi7ViJihruDSpoOOMxHCrAgbZNZjE1inLwYvXfRmBfz6ExyPRqGbVAkABtT
7ACd4l3lg3bUrqKdnqLYwMoCvqQfvEuMFmRcrRf736uYgtxk2Ltz98imZa+Xm5xWs7bn/TT/
0o5yDgDWdn48Q/mjvW7gymdt+cdYgBtAIAXy28pL9wP2scyi7wpVDcJCUkG1rDrvvu6mXI3d
TKl/iIvBh7PkMS0/MBnlHhzsEFXu1xsZdJ1IlJgy6nFAr6AoTokNQWnnyZbynM0BW6oKz3PQ
NiYAeBCkbLe7VtocXMFUzxUGHlJCJ48NPIyKj+EDZvnJ1ePloTKMnjEC9ysHBNG3RrxhyitV
EUODkBCBNu7wUk4y10uU6dUvz7qz9pr1JdQE8+KPmdBJQeqs/j9+OEOpvRrXKp7yMZzksYAr
NXF7ofiIT9O8pILcfQJuxhTuRr1W89DlYaMChoqLqHKisy1fGnaEH/eThmojLdhgYxdedaoy
JkWwXJAEzvvirHPHAzGjzyKOiLTwU11G1F+nnOpi+P09OkakcOoGnne4QYMDt5zRivczk+5H
qh6EBHu3SSumW5oLYeUcr0vjGmeJA6rHSFrxh23Q+6/ta6f4ehavA+KPDKZlIXYTn/0hlzCV
rbFiieWrp4w8b+akOUEM7CQxHJALlZfQtLuUALA07dYbXEPpM8dtWsbvw6Rk+xEDu57dqgVb
sF8I4t3t5Eqhn9MtuHJ9eN2ySmfK60nzlQ1bbgDiK51lTC41KRqZ3xebhiymoy+5iuqHq9vl
bPZEFRuPouuAuIHUOFtqhryUrlFiB9gqHq6neU/qQTJUEWwgWuAzZSCTq8h+L/oWs9T9kt8O
X5ta1vjT/Y7H/ua883qfXQY8UwymO5885B7IkpOjrjKvX9QcQhxPXJHmF4VaRMc5PTlbdJzx
uRsPZzeYKcdhb0rYH0vqOM16FGCttth7V5+mMKtX0mPMtYqnBAtndG7QcJtneJPU4GLF3UNW
Y1pngrnzP0TtRAyiV5BHFW8Lv40GRSRI9u6pmlRfNJWPSPvkElxjIZR6VO0aPNTIe1hnwR5I
e0RVTLz943YYLiJTB/efjJYfzjAMCCphxbtiNYsfjZxSHI3KbXND390m6co553PTNXsxWAqB
6diTH0vGUG1pa0uZC1r8vXdmdgUBYRoKNyx+6uNVLEoUla7qOO7qN8yKryiePhqzHkEhKM4w
Y9IJZ2/qn6oxJFe2WHVLc1zirfmhHSRwNiEkXNeNqLOJXpdXID/bH9IjOnKRPC1cjkT2iY+H
c3K0I+21YbScpiFRknIhNekDnYReALdoNgOfS6hevOQyLEcYWClC6P5lB+iz7+qc5VIEJHUE
v/yir1nP8/d7uLMe8aZZplEerAbp2Tgr0+PSTZ1qTZQbdqq4dgJPMEvch+JTmgFzyUg0ssJu
pODxti+D7J0aKpHLVxBe1JWet51DV7pjGZHRqUyJ6qSanEY6ZwlaplYi9GRKiC1qOdNNf6dI
57tn1d0+rELU2eZDJ9xU7BqtKYljU4FA9L6gEJKRrOgg9LOJsSdw9ZUZ+rWPbJg8pUZ+dW73
vQvoLIH2aNEQXSQw/jKvyeevZ7jJSyUVhMF04+oJcUhCUh3wBozeJp9jfp42C72kibRTzpJP
KFqyV1VS5bOe1wyDWt6lRvFll69mZXcZy6eaveef4Mop5yyXIcFEcg1l4muUbptssO+mhAlU
qQ7JrTsfRKK+qT0MaZNUpLSSgKoJwdb5hCZUF+zew6XXebmYCRib2akV4tCG5DpP85atAzUu
BxSgnF+Rxu0IQeFsGQcr97Wurk0PL4z6pPpJFVZTPTcTKJGesFGK37A2FdLpEhgG5eu8+4n9
dP7HPYxHJEaSc5BCnAieI4CFKw3enmhvdaDSmzgmo5Zlo6OvSqJzQyJcexDprA7Y5mABLobt
QmAkAj7Ces9dwR9Uu1qyMjhaM/u6ogAfm9Wr6RbxL4P5rJrYsw0DvFQNHrIMQLC2dE5AxiDe
GuuPRJyLtw2Bt8EBBwlk8qLulHdEWXDS9xox25iSatLjbcXjCOWMMOtUSiQRVyPpW5WvSjzq
xq0PBN+pOPHB8VhaknErMH6NpPvvZ7jEQuYH8MgjvqTuWiT9vuTVVoRxyDClcTH1yjXzuBar
060HYSmulPZHtFHC3Sa3EMP0TsQhJJ+nWYcn9voeM3l5uhlgnVc00fk6oGx6aF2LJX2fjOJK
yCnN2U81ba/qD8mxko+b3MIj12Pg9qBJyrpZ0KPM8goXj0vokN8fnk6V/YSkJu9wqxpKSTl0
7DelFq3eUxgQOdWTRZmHXEFJzcnLYx/A38KDVt0BL1LpYyHNMDx+wh943DggadSyC1V38Lst
9fRTgNew+uR8A0qc/3EPqyrr69/SAwlbd+hKALAoBTr3O6bkEqcWiJGm9HMpUzO/GtcBwL5C
i0bwdg9iqorKzBuAPBTDZ0z3ptJ+zANpsgDLNJ5vcVr96RZUM5jyBFHUyN1L1NmPISfqXbUZ
TB7+AeeXrV1VcoLUkEcEPtaZRyoCHx0usE1kvlVMEIaUUKEDwrTzq+OgiiGnq+boZus2KeS4
7ldBQGpHsa+kGYo83DA6yaXFT/rb7fzvM6QXKWX65a99rHJ2UoFBw3akAB0H64fLuBY83cRY
phBBjy8UQdhHUiU/gAsjd2BPiwSiOm1YHS4LF799Si3ARskr1exDr2hfU83olZqBdLagexPB

VPJq4d4ZJgwfbmagG5y1LjUnhFNUh74aM5SeTNLoQMUKv5zjNn09CW+VdyMVecbWqHI8CIAY
MiRG6AfosEHVqgrH4cljWIlq3qsrNDRFUgzrhV2HuzmQtPjX3kZosQXj5GAwBF0UmBtxRyA/
0v13QfP1DAPAGDrhPQn6Zpe4DUdn6syMM/rlDfhU6LE5WyewdEvwyuhsRwsVDgq3iZgW1q49
Qppe8LXYxiJY9gs/8vDqOdlKOt70U459mrtJ6Hd2NxQQTE8p7i6afNSO/x+KU5vYrtorh5q/
2zbmoGGW7iLR0WlNWkm9KNzEeN7CfPXJeoQtHBTr65wkYpIRAAjTPY1xllBD+Tw5k1pA87xj
vqak64WbxRDnfWKU/+IMsf2lwM9+LligcAgugSHUBDlkVDZhzNp8lBuveRU1hZr87iBYCN3a
QlJuiXvbworLl40lm2lJem5STZfw51Rv3hAQ8RekNO+/Yip9MRcAFu003VGBHjzYiZ7Waxz1
kC78oN7N4PbANdcPjyOERpuUvg1ocuNYQy3fqbfhck1qQn9RUAVBUxpgn3zSlsphW3IEcCSq
fkqSTYsLkihbOiINDsFlIozRcfSNclsVKAFLz1R2oEx9KoStSq14pqs3xdQqueCd4RNq2h+e
UjW//uIM+36qMZGTbLWpoiE3cy0A7SzFRroGWTbvn/2Ertrw/8CTOe1QInl3ui6Xv5PcWpMx
HLKBXGf+nKbP1jF/6JD6Ays0d4maQ/HsKCIF4K5wsRk1o6QciOxEVKg1R2zvlCahGub+Q/kO
Sx/kcMytjrbTbwPvqhp+II2JztaFXZW82XgLnQVxRC0shYsaOmrdi9ko3xn3QPLe3XWzvETq
SoodrnyT0zaUX4O64v7bAO7LPQzcqWF+lbrkssYXArZCkEa6uFa8SQ3quT00IocJR8ibXuT4
C1wm5K8rZFLkxJzdQ6gIcg1Ybc1bIlFqWW9igLsNkG3Lo8R4Yd4f+rk0U9MA3o3TgN4Uk1IY
+DzQ1VIMKs+omBmnXPSgqtgAMzS5MhD8Wam7hmC6ya30dDpT1gORq6CLyms+sL7KMKeWu4S5
DKpXqAMPWL/ucYMBFLJOpcADjtCEDfYGRBuKl4KNBKhymKASpwbkm7q1E6yBjT5xd2ydrF/U
He3GqhV0zDZ+Hke+neGObRgBQ+rBBBdk4GoiYVIHFqDTlKc8+iw7w6KMo67Y7XOK5RPTHOjU
0vHCDG0YtLuz0yS/ugJ4oaZyb2E0TW59vTYRvCk2LNBwCkYI1AGwiz5sPqeDmt5indhydI/h
mjpG7mW+PN/VqZRzdBGrJnSMTFowx2RGkvcAwWqCjyNxcah+mQfxCKnGO6NGNO/tSGG+bLIQ
p2I1e6yKRU9cgcPvJn6H5FdnLJZf9NPf7yHVGuTUX24lOWVoupYQBUpJ82HUcukMX2dov9xe
VBwlxEWeJjxl8hYjLAGG31py4BodCsFXmC/3ScnGbQ3uZNRfCv5+dRtL1Re5ia8QHlpKTmmm
kiMOLXSKJ+AR6BWk2t3kR/ZRyJlEEFy8qoReKKI4PEzlV/5nJw+Eaqp4O6HSvy85XeYHLw2/
3PsdaYVjCRfUiOvACBEEasI5SSbOTb5SOkVapSSIJdUJLQlNAUbO7fheLWqrBJXIQmxQjNA8
QAaOntPbPfxuq/0lH3pqXHe8ZaRvzYkYjOUs1SkQmBf1xAQfrl+qUcBFIXpDj8aB7COFSGGG
innHwZFrMvRGuWo0xZTlLz2Q+T+0bO3FZlvC2QuVOFUL0ZFN55huO0fV1iGWKzbToULtXi9p
651V56ncs6b3M7DXlXaC7hrhbMZGLjorPdF8rSzain208jow/UCWK8yjPMduGDwi66IBWdRR
i7i9XTN5146SDVGL1v6iEGoA+l8IcN/6X+ZDlYgDopkd1+CbzOfaqzyFWf5S812ITnzKxAHq
8hx17IqnliMpX/CGgMTMpAMcDgVh08IkTlNZZTlomTAz4ep3Yugw5iIgMuP/QghIX/MIgOKo
dBxVhUnTMsUiNmAeUak54o2xZcIyhvdmj1YdwPNQapHPT/ImWboI0z5neanZQ5ug6EfqpATF
miZIST3CIR/Q3mzNC81TaS5YkZaMOqKY8AT8lBUshXcWFfdG5bVUm1J98L4WaAboIHoUbjX4
WYA5OedXIf7NGR7aWyiaGlMG4EeK+tlSW+KkcUJ5aLZejcV6RiXOnkq8CXhaG4SO1eM10Kn3
oEORakLxJVuJEr69xDuxHw8DR1VKfJo861Z/V7Grm8NBdAHfCbFWu/Gd6BICcodkI9U3xtgB
CvcHJ56VDBEkUofZMRQs2M9KS1L2mk9lm7F1at40cyjiQcUWHR5iG3WYbUFsyr5SkZ8VOxxr
3Q91Tq2NHW1o6mvdTRvkJK/lPzeHH84wYS4/yMJ1SpD0G5cnL/md4SWuj6iauH0ucKJJ8hCY
HrD9WiToHCABJhQyKdFM/JDmRILUElzSD93pUjfqVKUa5XmOo9CDrNiYy0fs7wMLynXKvrT7
EKHjx6c2MAmA2ZwTOIzBDX1dKiZA9LnP/SB/fu4s0XIkhmgXYFy0Gtx/rwlyq+4wrIbUjr7S
6BZ7juLxqiJa+FQNhuWpGQfxVM9pFCUC4fMI3czh6dbNhj7gOyQzxtl0/KYiZ1M3SsM3nrSk
E9QtVPobv/z2X2cYVQDLnnt5gQVhBtzmmI+SybPLY64uVDwpGvgiEP9uZSnzJj10TzKLiquY
SEXiMVloKOI3wiwhXvu7wzQ3dnLVwXlvxkTINk/FOD+SBf/0dRmTYTKizTscLfUao4KGuwIn
SxaGz+cbhpTlqenBdA/2R+Q2RM2mET6zbRIT+VSoZhhFwLcY5mGBGSnvKaBdqteKmjUa3Jms
naGWm4fi0ZupeNkofzqRs2qNzfSO4IQK7+Fajs/4+vf9IYfSkqBR4mepklrFLkMeHHmpki26
dEH1ToWTgoKCZitQRFRQDzqlTc4wsPTurBaSHKCkhrYnOhFK0sAtpOxVVEi9r8kpGSdLWYfv
RX1zZshs8OGQt1qhTQ5Y8eV9JD+rwgEgEcMZ+Z4w+0zkz6eBjaIEkHTIz67uyaKAS7q7fMuC
Em/YiMcAdw7Jf0SbyuMLV7oU2do37zpwbA0uPOkaPmox0qlPXOgQXlbSWyMsbfPgTDtAsQ2S
A6zWPfO4qmJ14vnk/mdWRGoHXoEyx1gfyPIt5PPl3H/t8VUhg/BHPGowIR7KGjok83Yk/1vs
2oTntSZFQsid82dpDzvv4Rp17gjCl3wGDR8wCNb43kefNanC112esgJJ3mg7o1JkHnNC3Z+v
vIGNDO/7LqJPPE4qi5JYqXWe5Jyy6ruC5CsEUXJ75NI9lZ4vE+ZkHaPSbfaIzTtnbPIR1prs
uyCc7/I9EHacFB+DyaJPXUwtKbHxaNgdNlTO2PlBwV9+mOLXmEBZa+9nN2mVRpuHyrCmiKly
QRBXbl+9raf2384QqydHl6BGtWmsdOBA4cIrSJbLR3d1OkVM/AwH9EQfNMwo2ZGhxV94Dxsn
FSjuUZ3FsMaFsrQFtbhtyP6kGJ/wdLmgnGwUcupPLxmT81Q80wt9O+k0M6SfrP4SBslQucEu
PDp3MKu6Y/UAwrwqnil0YKmo+67qwDgK9XGDcg3Usyb5Ll2th34kH1GpU1JdwwsHQhLoIYfC
RzYfGfImfSqfyk9rulWBt0dd+ajh0axELWK+u9aslFq8Z7dGE7/JIWlLUCb4yxYBj2JFi5zw
fYX4PEOSBvG+vPU1lTbEm/nugmZZS73Ra8PUW6ZfYNYzpPO25kOIM/O53jBkYmXbdPwF2rq5
SZ1vvsF8ckmsdOe7mKCvc9bC12ge8uVq+RV53WY/xTEWc1YmUEUSwyXfCZyvhHdFkxzXLcxW
ZOOR63DpVnW6enBMXbXvjJ7mZvKAQshEuZoTLX71yI5rL90LorKmZljDME/Fi4vuHZWxX1oz
PE5Rucx4KRT4dy2azzvE5xkSoYXgjE2pS+0lZ7g2chbSgrnEcPnLGZpUH1lu5zBrqirhAvza
HDBvxaOM/s92GVj1DGKaz1dWgYF1Ag8cDZZTi0+5j8CMiMMDvgBiMVA4hzT0EqLPvlXtKBeK
zmeINkhDVktm28DG1ath3mHHi4eShiPWzJ823gu2F+1nC3moWCxePRA2jt9kAwc/BsJUKvpB
/O60KpWvBRBH/oCTI0xkUyNhVDZ9Cg0Jqkmmcu6T4IGdyyvauDTqPB8TkldtrVY8z8HOKlx6
5j+cIRabJ4HUSIVSJNs93NWFJmJqSrTopVFHhlAphoZjLiFNZqd6YAXX69TnkhuJsYbAjQEq
UloKNGW8bw9effmws1jPbtYnqAoDZ4gtw5QO7qaxPbdsMMDbaIxdTjP6fV+eZqeDMvlJZRoH
KPZiMmDRzmDMoWQoIoykoAGoGPwYVHiDHHyolHLNOkwVjGwoQFGYD7k1VdloUiIdx96IDFW5
JMrHU+s/k/MzXN/jFgbK9k3G1H75lH8+w4qkr86H0idBFiISJCXBa8GmXO6hT+WWeeGXyqtz

L8qEOGbnRBXEUTacYfcq7N5XIEkwvXAQrYw2C17k77Y0D2wJiMNANL3PjhyXMnib1cir0pD4
RGz2HrB7c/ExI29gESJrwYByodvBCK9H+3Qkj0eRPi+Xxzk2jm1iLl2DkBI2+KrcXTHrwMLQ
bSE5SEvKTawo8pJu7U3cHQRcYEy91Mw7Ljlul07PIDYJWimP6HX+OYcSDzjkSNTpMoSJYsaw
SzUKn1zoihLB5qUAOnxB2rzeq1LHxYnOyhEy5Dj6RpV8jByGPBN1ioTaykJ97KNWtMUwz7yH
DcrAHL82wv9R2XChUqxnoA5im9OH1u49/oO0BZytVyrpT4jLejy4Qo5MCvRlDR+y9rL3zKNC
k6ZhkdRcxsLnAjlE1YTu5DUVZi4VDRvU1ug0isdEs/MIgZ0J1CwOVTn+uK3gZMvD3A4Qag0S
wnka6mbTFXCW9XnjVegDm8xucu/FnL4NY8TPjN1mU4BY/6WmgRrhmqh8A5SX9C7rkCIKXVJb
pDrEPQxJz3CqtCJnr6dWowoscBRTG029AYPaRCLYNVANOARLxQRVF4iEFBV3xl16ya1aYrAM
iAkGkWxyU3PYf4GuL2d+kOoChaejdBFNatUx2Tx2qTgcku8NLCuGYNGskJTNz2sn/V+iIhvf
5glF5CNABgVpTiEaLa10G4004VRzFICiDgB6sHnEmC9unq1fhO5j1ZF7VyNnegV29sdSNAB0
6pIJQphY/Wak7bU2GMpmtUgiRDOuXzLifYaNChg8Fj8xKZWc7rOZfpm8oZYnccF+ZZoUTC6f
3sMdeonK8KnTsq6whjvItOtTiYaBNVm+IjO2av/jiT7ZW+U22/+X/FV7is7jQKVebRwDTMH1
a8SrqOpCNYo07azwsXadV47kGvJZMh0bbu1P1buh1zbuKVej3ByCjyLVGyIRFHmgtjNQ0WK5
dNq6O07FkF6UMleMz7yyiHT8Xpd2suEbntX4rBByrp+AUa+HdscaOC2FZ9kZHOQQIGQOOvdB
JYZDUkHMdyxV1axFXtqqjYV8UlK5YeRdt1Kh/MK6FGX2Ia9v9d1vZAgiKviI6lICVDW/I6cu
1OC4Ig6E5OsuhdV+/OxH9ufCe7XH0xihZImOOhfXLjzsxBxMQzVarB36MG1+iUYjHfIaUnSH
4aAdVsIQJEAxA41HiM4VFxSYUQe0FKMuqeCqmnZpXHGEQz4zaNJzFuFXr2IPkQOIg3QHPMdS
Z2JU0LNKtZreI+6aRKTjgWVzy/naCfCi3p3/fIa6QlCY3F3kFF1ETAU1zvh7HNeIUJl3wVRZ
NAdE5rnOqtZR0ZCavShppGhMGO/yuULVtH7TPlUBFR+1k/S/3sHjwru9J3moeEFhSwUE1Smr
P0EHEw04wTxn1hqViQt4A6pj98hOcaOLAeSSSnSx6XaHZufE+WkkIkgRj3uJR1b29zDF4AA1
Ki1sotpJd05u52LXRQXm0g3M0kF7KB64C3F3s4SPT2fo+MKSiikhwzB0BO7la9ukstu9FAs1
h7u1QL2w2PLH68gmvuQeHg7apVGqmsR7GGmq3vMSqWhLHIn0n2GuN61slpy7ppIX1GlY1wUw
bX8kj7v1PNyaAr9e8qd7PJ3OXGfkVa3+NsW75oN3dzvhDxJnzOfC+Vql7lNl9kiyn4OPDBRI
Cjb3i0Ro4GYaoZxF+8h6tEWqgKPia7A/eTmIoBB6B4w3NcsgyLnkypdD8AmNwKoZL1i1w99f
v+X/5cKgx2/hdJ5hQ0NxGpt+IyxhV7cLDKr5T0zfN1nazFmnAwwxrqoMKk9qYz5sDTMVfk7s
j0ais05UJlC4NDZuNU4ttWsJ6iRz5t9kPuIRUnwGloe6GmHEyOBruwjaj9cN/djY0qVr720P
OAaG8geHbugWsNQ8iHIE5axg5UuUwoGNI3MhkKaIqmjZdxCBgg46BrXwUVAOU7pSfVa1T+AM
tUFaRRUHe4kXtkA75PXxrtbH3YPQxPpusT09nYcp63Zj00P14YiUuKAPNTDLw8Owajp06hBt
oRPTchrtokE7Rt6OpE1514QVUy0UKCOAgjksjG2DT4ZXJWvEfQ2qibP2hZCHQ+7kdx+yOaWA
hozkU+hdPAcCt6aqL9VmJH5xNUBJ5nGC3NthyVp7veHHNE+TMhnGksZuw9dsgPYrig4tYBpH
DdAt2DmfAohzxMXBYw7tiORHuNrkkfemplNDqT4SWKTWVjKUpD0IUhpHT6kONopfEwyE9jeb
vNVWczb09q29A8CnH3DTlRHrlDhzBGgnD8Xejmqp3kO2MrOhMzUonVZ29k2DuMoQh2nSsAJQ
kW4o6adwiX0R6v1o01M8jCMbf+Tg7TY3VE2JT41HzFB3TBrocaOb3kWIDo3J3b3LWa5G1HmV
e3p+EuaSjCWD/JmUCTihF+RgC1WJ5eQ0j7mxsZ9WXX+SbrnT1E3pyX5bnVQKq+BBt0vtfC5r
Ws6evvDvv+gIq17x9zPEMkX6QU35eAbgV4vyxRcVpJLwWhW0Hm/Pam7RJEN4VXvMvAjSZ0pN
A5EiKQzhaSVfBV7sDtk4RFxkwwBMJdxVFqcsn3Y5Tns2ID6sHM/4x9x0dYvR2Y70ArogOSLD
j09vOLQgsaqhLKEkdAacQvscvlj5NyASHHctq0kdhBhnDbBTwNPolCdpiB8j+yo3Myx0lSPE
KS+uERNfKWxNlzIpbCIrFG7JY8FMt2irIe23BN4tmyoZtXHaxD4zeiuVfHu8J8alcz10orT7
/ukMPc00tVCZpdrB4xzn9HAvtg/UYT4/B9WLwL8j6AeznJVYGpjNU6ze5PdMQxsLxgbQ+lOx
7Kt/StcDq85y5VOsXJ0lnILB641x+5Q3VfMCyQk/HctKmhi0OEW/WGHOH8rtdZMj0i6wK+dX
I4zeIAA7QF/bTzozw4nn1Ap0ljjt0shw1A3OqudRTINcGc4DCyjMiik0Qt9nPxvbHH5QEd4Y
UBMX3ueF8/tWl6J45gVLLBg8zG9RLK8ZsgKSETs0yuI1p0eV8pKYjxqWAjCJ7wLfyRM6NRQE
h+9nguyE9WIM5p2SNQFxSM7k9a6whnCxNe/Y9L8RYtHwHtCuOfIJFlWgBuoenil+91d2lORd
cSxMg4tu6WdvyyMpt4wtJWPRJTrvVZGBkl7UUYAtLOehcnerO4Z0uvIah9JLMedFEefkLDJm
s/K5AcqTXfNBZ+HS01EqCsvf7OROylfGqiA7+Uxs9R1zW53uaPYvKlyrPr9ZEfHH8+F7nGFP
Zlk0ryHNHOJW576Kg7LmLsqaen0o0c3oCadSpqD2RlEaVdUHlI/iWl433WoFa/iZQ7GslrDt
EAqYCcn05t03XJd5Irbjgdj+SWdXmuUOPfyhujIXe5LRhDj2WRGjiOQ8qbmoR6gdHLJaJZix
2hI4UobaOGI6Z0YO1EUUe2xHP+OkAEX1rKIrLUSEAhnFSmWO04/Rgnk1l+5PnbC7nINBW23l
Q01TVTLA9PNPetrq/t0FRVtvw1Ou63ZBVkrJAllW1iyOZxigDd4ogZ6SVrmVC42qEjMpr+7w
Pm0QaIzkX1srH/NuH/0O7i51SfcneD0gHiAPBnIdkvVNX/U+X9edVtci3wz106LxCsA6puvp
vIeJnpesUp2a4ElKd5K5CVPUER3wJpIRw0g+cyor/xyQ13yU/AjohaRAuZU9cfQN2Veu7LNS
XyHvVwiQVYlOk2vX5TwNiJa6mg+i/6hosl02Csfb5PvKh87iTLX84vnxS7ZuU/Nd7lc6hj6k
CoQiLojZgDWqlmgZ+RCxFBptKhWKp2M3rEoPnhgxBNMJETbDgFrzpPrEbxnOW52ayF9y5Sdb
HU5bLx952ovQnEvhD1iXpdlv8cfbu2P1OMmszJi4cchf9VBnjEkd5WQUdi6Nm2CpXBqq0E6Z
CAdnK3aPRJ9iIVhP01Ps3NZsY1pcxmvAjY80EYNw/JDe1dNif5Ss5XssDaaUbLjrRHJVh07K
YF205HU4nGFKtn5G0AWEGkYSgz67eahtuEvmXUa4UCMrqZybid63Y2m+5VBtMoEBAvaTOa81
szr10KI/v0pDLOBcgKEE45CoeNSvXhCLX7jxkB4z6UFJSViDFWu4h0TV2Z/DFQrz7atwE8Wb
FcALaw8s0dVoR36/HDlDLNijnOFdS6t8i1X+LPIlHhDvcbcXsDjoJiVRy/8BkUZhMvAhBVPf
DMEG4458j8FlbYW+znL+5Pqkg5bFkAjH4yK+7iOc+r+c0DUasRE4tFlfMrC/UIlo21hQwZgF
Nj2Uok5O55axmHfUMXS2xEEOgSKlpQSCs279J/9uJWNfkW4xfoccqN91+jUDquKUvxQ1lCzi
1elEezIgiLU3zeofoA1NLDaztLshF0wacczKlBbuqVkK0LKTJmoYThaFT2elq3kSOt6AAoLq
TfyhSkSo+UbUH6lwjG6zFsouqWr6f+5n7ph0nPGbFnTT4Uu14zrI3kKu2mGkAzRL2oevkivO
bYITz1fk4yi/M9t93SO63LC5iewwxhZUOk1KmpojqJHSYqUszVvW5iAtHs5rco990yDogS2V

jsi9t+9SsYXwIytds9pxNSBr7lNcN8bJdjWuL/RwfKWrmz3OtBkq5tDNMcgaMmtSKg32RmGG
BG3khLITz+tSyS7BeokfBA2d61aplqFiSMDKWOgcYcXYzrYj0ZQTHVS+YY+WXA/OGzTl0zuc
wr+HuUfHr2dYOZ45rO4j+6mrYMg8b9xDqLBs55wY61OIG6Ng/Up4FHZouQX+eZi7NHZbg6Ax
tBJQoHPIeMrbs5pLHdSw6JlJWzOA+5YXfP55o6+46Tnxn1XtUK2T0mr9Agmr5g6sRrY0DZmc
5qn6X80jlr4yjhznCso4EljVzlGH41hFNc5jMCxzrN8AZSkqxEJYj4sTeDjflxyq9HqA4kMa
bZ/qwunHGfGFqjkuZe/HGV6dkqe14ihmNVnJzEt575KJ4JE0B6Zs8HdKPvaWK68bz9AF3kNo
3kms2ody0OU5D7sL5jMI78DVQ38UyfzPSV5geFGzxV5oXk/3yxt5bqBeNppZ9GRMd83VXJpf
DgoGst6GBrLmy3mINvHwwJTTxKNPNbDmTbi5FlsN71EuIGZRqIDySk5o1T2IHGs8AHPaz4zb
pOPVuh4T74tIFEyANV8/n/sZ6cR9Xd1WKBPG7jB96Q8XPtLLdcho+W95ohlLx+2e1KLqRowL
ZcNeg/qJGJ+ab6eJNJHRQGpKV74fUdK0IGc+JC6VMxzcUviuqNCijiqxmYCw1rx/+bwnFceD
+/pTpnBf9hU3CjPFWfM6FjXBkAORbuLpC8efqIkp6j35eKZFqs4zyFYdgRkZUl4+/DIYY5Sq
Kh+MNBDU2OJgICoN30TII3cTBlq7Xy2sTZziA8wBy/2i1LZ/6ZfT15pG0c+YHyX8lzv5Q3f3
M6v0tbpCvU4GSjR8mBEutEtfWhxzJexd04VPpUtSDnQgARCFnCNmeDS7IKJJaqTCxItge8ke
db0mhdCVgMrzi03F+jG5v9zXA0YYzvcAC4NTCtfoM4IFUkzYiryN+ILOfy9XYW2ecC+nl/u5
YHAY9xYJJSZUOzcqwzEZwvyi10xziaSmU68zmlN8VOEeUg/vOWhKufqQw54C9aYOHiU4kOGb
Ps9cP23psLXwLbLwwDmkOkmjRSU+r3so37DDkoMe2GbFo/XXSZw++rpQ1e3ME5aQGY8AC147
yMuKmAu2Gyhc0MqHXalMdW2roYXWwvF40lA9HpdmxtcD/HQLAV2U6jTuk/8EYZ801b9rlIq4
xVrP87E3sXuopFxT2TeZU2p6z0XQkdv1782FtqtSPdRNgNTRG64GcOY4U0wIhGfY3tWAgmf4
xMFLCQXJ6/Mnv/OpdXqnymM+Dq/Ht1ykxtryoEr8sP7zYPH9Bxjt7uQpTH6GGhTT28klWoAo
K1kE0tkWeboqH9AiDbYckfTAjexAfF01y/KcX2mtgOQn7BxdpgL2ScXSOXBasudiInxcLzn0
dv71ZWQOYHyUmhQe2qBt5ADHDHnKmStfDawo1M0weT3D+jzDCQW9JbBUoJ1gN7mPTu+DM+so
0xgsMFSS5A4CWofY7aG8CSBtplcVe/0xVeiuIrpDmipK5JFmWV6h3OEW7g7wbap9rDOTZ82H
mE9Ndf3XkwPcOr3XbDmoOwNzouB9iWehrapa8Zx03nanjufopoxJYtczVMU02AnoFDErcLEN
oxhIDqjcdWj1+7nbI9by+PhUTkyp/4IuSd1U6mv8onvtdCIC4T2ik9zjmfZDNRmjamaOS3N4
inviXB/b8zaVr+VtHuo/g/OX4qkZRk3xN9G8KnsvX15NGpW6+oUqBM1eX/hhXnq/Vme5Md2G
TfMMN46I8gnCjE3d9KmzJhiFilMwVPO2CcfUicxhTi5KI2WzRuJEhlrv5iWSqi43QCH7Bh8D
xiZziRHyx44PCybgwZsEmT8f3tLOW6hYmsczG0qDwkyPz+rv/uCnnPsaMFZ7UvlUNmpoMWeq
glOsdSJqqeSeVNsYdSErbNblTZ1FJXFg1otiYlf9D5ak+G/41sqWDOXglCXxRAw44Kdaw07A
4v5dr87Ppkkj0gtOPVaZvh4ob6IqTY1l9vun+qXs1F+LFmMNSYpJO0iKaMzhtBVHUSZgLbNA
cGQEd1UyjHvYFTyCjzIclBLmNj591WUDgS2oe+sPcwpnfVJ9/lkqFRKy+9FgQHXF5z14ug36
6UdCekQxbyhlrffrn9R/ZsTbYRvhuhHtjVsH+b2VHhxeN77Gg/ne7gUqggAncEiCCQmWoKoF
5X+4iV8Lt3TtMa4zhB4q3OwrTcOxtDiUsAHnJmxCMXTTCZpbaDYufVd6yYdWg/Q3h+kMnQvw
N7mY3Th6SJhXrTSqg+CXFgoI1BC7WfQFhyeC9M/RCAWHTSvkQKXK/VKhOajpGwHcvzG3VDMK
CqIfDXcQYmCbgz+TR33cftcNwdh1onOd4SUoaHsGukbjPuarTffSOxOsFuXDWrG1p9+ZlqQQ
BPyeyzdK9OTgA2YyLgQOGrkWveQ3P6+fzssH2RsX8/bOw3yBOQ9qs+004x5tCOmeJlE/68e/
E3WqknxwoEzUOuI+U/tF7KjVb4f8bYUa8AK33Wr4YY+He1dFslsYyCGt5tL4VszdT9/pPjpR
VPZuP3IzFOpNdI1/5kMu1Ee/YqY+hEV/x/SvTSNOTxP38d1Rm/ywKqGj6AqcsTl/7mzRP/pK
ZSsEf8O5qwDS9h/T0uNdQOGe0yQa54224WVD0DpYwy+Ht3izfDWIwsEYs1KHRpq/VkONuwMz
JXOj3SBLSD5tkkMOVDJI6sbHe4iq3PkNgg18ola7TdxZmOQPDtF7arrQ4547TAaadK4eNzd9
U06CRyGIEV/vILXYLPnRmIBPUctreoZZq8KuMxxl1qX2m0XzpemJTws36TwgmLO8IUGJP5Ib
+sUPxl2Wm8TQuOCAa5WItAfmQ3fExZr54wMQbH2o9zjuEuvbGXLSgP0Y+50amlr07NFU5/Fv
tG0sdFgb9tUAFDa4qPg512n0ydVnGip+aZgjGty8d24msbzw3EfCH1DdRMG1QM+IMSCJwFHJ
pCcdR70JKhoniF7z8YvnDZhIfnyrHr52ltW82c79EUyTNYU8rngjNroBl6zxNxsv9RYo5RJt
pQtZOt0bLvTTZtOuTy+mYZwlyYASBIX/g1Wq+/UGHurLeI1pwtsO+Cxxg9KhrlFU8MfHA0XA
gpyPxabOOsljH32R31tHlZ4ZNDEMOpCUAamJKtVCvanu8khSP1by+ILcoRfK8Ay78zUeYY27
NIGHB+sC+7UI5xU9w0htJuzKGuA3G/Qy5CuhDQDNwvgm0CrPPmVtv7pZ4ftuJ2Sgj4vnKC1L
QtxPZX7g62zFuReKpn8VZ0mjJA1rHI3syb9q9242VJPPEeHo8G2+Lg/dPX+iBIr3caUlO5yc
iG7PS1v86zw+jtxW6Q3/XO9LqgK3EVz1xpkJvCNYv8pH1XShvk33Xt5QPr+KbQN3jmOajM1a
Y6VSzbEikvFDiS/fPW3mkGDHJSIUKSPjyePI5ArCySyFRGZiMS5slg5Ph8C54M/5SFsJrmbk
CNv+/ozjzvavlxAjItziJP0O2oLtwWivuT++TFW3ejTLnCk5z/xY1EFAtXh6tKaR9Iw+PYhD
NYlqbf/LV+cmzIqtoAE4IA4SylHRbtbrHlQr+O0eJlYAmy3XMD1qzzOE/kWg5GyqW9dvukRd
t5xKYytauFUlmtK/woHddkpZpQUAwgJF7Jy9+y2MHKOXe4h3Ru4UkFsOcIa9luD5og/vss/g
x+syXc8Q+BKMiTOUJYG/RpTFPAMmYpQneoiUUO95jV95ebm3qJArqOa7MPcBKgAwXeQgeTC0
r7iNSic9SoWnzYzPJMutx1WbPf6eRArV0Cjy6MEP5fDrFyW8q4ADwgoOUDnFNfrUoQWZsUld
pZRY3XZuP4zbTpvVAGeLhIh7eDzvIWVS5y2yim3qcOqeW7kd9PRlZQkI36jgzzkqfmVMU0F5
xrRHgVPQmhmNCtioBr2BzjWpAX2yR3j57dnRAlmv4aR52kafAnXZOOqJvWOhDvsDwKe6UV8M
3722IV8mqg/XRLu29W4LVXZkaEacMkrFHl4Vn1e+hMZeDbINhusnTzNBYfVuEZ5c5RvoJFVQ
TYh2OdI7EcumTEtVc2798Vd4VKaoz2ut7/jSTNk5WlNJKbMAHYaNgjq0ewA1RwPxINs9TBzX
SC/oKeeFPQGQk9Djp5UCntZV8h4C/wt4hJGbfM/wcptiS0epzksuPaSGOiQD0zSBafDh7Qbz
nIYnFcg5D9gU9wASjV8XnlFKL3nzr/AVVhvS+imvhEkDgKuVitTozrCbZKXdxl7m/+wL9Opd
9OypGhkbpqGARuUdxmtSpn1lTKbj9m2VeO03oO3kDFf5BEClCaECAVRWoLhZuiw/FDX79Y4O
6BkTLPyc01ChJqma8HUPZz6sJ8SNRzLnB+xIefmQD8FqUqYwgvHaTQ0DOJGsvvIYf3X64fpL
2aEDc02g8DExSTyd+NYQTrGog45zUYuJ+FYwVPeR4lavW/epRyuTZWJmerqIMFuMKU2uMJw4

nXWu9Mc1Nt4P0AjUBYepGR4lWAV9wLm6Ryca8a5ZdSClOM6Ld3ryxLddym+zmtXWU1gY3Nw1
5D1pEZe4BjQMJHnCLa3MsEqR1RE88yHeWoC/D65zgNNoVVGLOMzWEZFJKk85Y+p0DyOOUEyf
YVDVOl3NLWQtZFReZ9p0aTBciBiczXw1LVGfzwfJcvm0V8TWO2/XWwcz6T3UdnQjFDChWZw5
ivfL8uE2z9EpuIJCx5Q3AwzVQ9c7tZEOqbAloGaAumr+8npCS9vj9sR0+JLjSGmNGyT7JL9J
WPTSY8cpjXT82J64K5ogv7bwPEPtV2grEstuHT5ugK7DjxGz7gODItRUjINgKbTNgLnt0iHt
hklVtR5gcOAy5tT8rpdTZbgQyyVsRC9XznTZGJ7wd9lUCUnU8RxUx/XaazhKUaZH+Y2DyeHr
Ee6PTZu7pjrvqktFMmuq1jCYf5wuN2//lX6XqN1821Vthjt4HCHqaiisAgiVz/ztFm4tP6NE
DWyJaNtDATRHPbw9BxXd/mWP/z6pIWwrUwDsmpfGFxCgFAiqpxZsxNBmnaV0lFLUi8hUoilT
ISrnM01rBL64/TrDEbaRwP1zr6QfzYL+DszaxHyldkE8OrBbIpek+fD0bdqPNUkF29DKx3wZ
lcM7zMOxcHFa5q66SXxDn/hjCc2QY8ytUOn2ubT8mK8CIxxsCtOtzBxzwK3de1QfCLOnncM3
6AZDCVxqCKlectogdB4P5vZvxLMGw42H2E7Cp/RKwL0eXSpyuEQCjCFV20KRls9mtvNxXazi
3jnfCvT2et0ljSLAlC8xNTYlQbMlwBQHbDvaGp1DwVxQgJBmNjR7Wqv6SySqTckXyDPSGV6c
MonM80g9zpyJr2oVY5bWBY682wiXxXhVD5ZLrxThmFTwNAdQ3hQFv8wz7Go+QPsxXvi5uxZX
9pi6Xmqu6xfVW4/XTL5t7antoqoiOspkQ0XRs3Kg+/HXVxKPt9/L1Zf5swF2lKik+5MMXkg+
z//0A362/6AD1ntOM4jkQbyVm2Q/R15t2Jy15iMEefook+qGmVyAyt2mI3K30TYCcTfGVug5
BbB5CA4eVMKmUjf0EDmRmPJkUzLS1aVylJxc3aXna15ycucHnyFJLeWRZI3V69WTWyiBIHPn
v+n7d9XwX3cx7rPU8j17QEolhj28M/xEVphl1TA+4OUkV2xGowlTL2XpFSrJrlSJB7m46l1v
q29v1pdz/Cep4RFd0RIV+8xTzGRW4R5KISRV35roRMBEsH4ksD1o7xJXwAmFWs2F8/YsQ3FA
8dQ5UeZk3g3d1IECJvktqkmynSFE8JTGzkziyEZoEFRWGdZEXfqTwEQdmRO5BnhE4H+OanMr
niGK8+1UbTLeT4lVRzvtpiXqyZwPxTJaVEbgYoFMrRdPcX4AOc5g6mIEpKnkK0MuU4eK6B4F
0/TbpXTuHdSQZdjLLzqykT6LubCBs9wA8d3P+GGRnaH5/RjgStDirbVbRFTbJp8vii843KV8
f5P1L7Ki4u3ue0hO/gsMtrqrSxi0kyWYomtwaZHiUP4NxmdEeutCJkOPifS0TK/cVx5twZsy
QkgaIYHessQ5++9t8bs8s0fm9iHZko2VYezQUhvHcb48VvgxuuSpgrqpeWv4k/M1h1zlW/uY
a4e5h7Sa9dq9TQ04JzfdkTnlqG6lqoPYJhzueFsqavf+sHroioKdVEu7g8a8hm6jhy6UdxH+
TIXQ4e/tTW0htEeVWiGSccYLPrCkJu8OaoxILX24lOn9tPB/n7vD89ISCdQs8OnK8L4oTO0g
EnNM9g/xLirVLC8gxlOls2d/W9oGSwHokyIs0YgAdeWh/gM0OQkcM8U537i8VDQv1v9j7l0U
3EaVrlEDAgFCItL7P+yptaqQZLfd6czOd/5kX2Ym0+m2jYq6rYvOAniX7kTPYLXfaIvbYqDx
3TYmK8zE620HhyHpqnaKN0JeKP1iQFm0yVPSLhTcMx4Oq+2oULVhsmoCu1bLGHZ4tyFphA7N
mqgK0Gvj0aQ3PWjJta71BtdSpCCsPc+fLVFQrFomt/E4JQg/z2uWJzRDvurSesyFcqlcKiXe
1ypeEnfIiCywfNq3Smp3s2qtsBMEkNSD9VP7TFWBbioZcjOs3UmB5MxFiJ+It6tikWiD/t1u
gy5ouEXIPQf1NUbSl4JvhW6NYx8/B6ot5WxkN9D4o13DsQwmcT6dkTCznFC1AgjJ4YRLZI4g
v1d3LVs9rb7L0EdWY2odjI6JqM1p2NjnlFfpzBLYYJGr7K/X6IbFWSumrQrkzxIB0oqQAgyb
nwxpkGpJMw8VTpM6rHgcr74jQx1jUdaJXaNJItiFets9IfoSueSUa5ZmdKUuCf8p64qYeBun
gpbwWC82GUVOWqVYPsAJbebHC92ywjqwH4Zg0OHNDbe8g1ISlVmE/mhDtcZKFfNRX/GOk6G9
oACD9cOlMSxlVNUJOSwQz0HA2DCeZFhnI6pcM/XhpBTL+WnRWvU6Nd9uG2SXaBM4M57QxaO8
qi5vByLzIBKH3b1xB4W2BzZQ/Q4wgB5IIU4BVUIyiaXc1PNwVUJrt9qz/46iwM2FQ78+zhB8
ua6XnqssY3iGJXIpNcmnia29tERBoiprnpDK3DkznMc+uibotvwKi/EPpW4r0hEGTFv2AaQp
e51OHk8vc+hswhBKba1RYUSKxegYnseCaU0B8gZigBVUa0MdbtzV8avX2O5gos0By7nJ65aY
hWohHG7k29dYJUfmN9r0zqDP65OK1FAnWq0i5a639kqzhB4AR6BK40sMVporxHJm3V+keMM+
eiWiHZpweVXT6ofjUkC6cRRmziuv6Su/eTl02jMb60LKwgATifMMlR/UaXTFxHiotDNX8cQM
ATMG2XWevUJM11bGxh4X8JbCod6JWdvHmtrATUZFFemG56b7S45V1dpPHZL0EHOF7lk8SS14
ctEdd2nSkf8ISWy6qxoGbLeZpLp588qp2ovVC7n5CW2jNculCHmBhe18tSiF+xzlZgMhX/kN
Zo1+iyU9zTlB7Ea0ObrPkc0YB6EEsyyu/ezV9XOo1n+Hq5Hv4R5nqEJadwJJ/YhEdWQdK5H5
pNDhWXq1Jp0QR0U0ayD1TpVq2EZABPoIJsS+SzVflaMzGd7IMOtrU+yMi2mDCj4f9khmAseq
8uRkUFP8BnRiftCEdpIHZoanBRtJoCB7aoeeIZYHiRpuJwIssdprxWEyG886r0HbPrxnMJ44
ttE76bjGEBq2Cs69ermSs4fo87R/UbJqEHmPzMHzjQ8x0wYTS1sfoc3TCVSOltlRnqzrItfr
kq8R4mZ/dqDZ5pPqp2j4jW5A8YYKJM6rSQPbOTRzNt4Fzc7RMxlcjIPWp4fBvnyLQ5CQmfKw
eUVUywQJ6HSooFc7fdp07q+mxnU4+h6KGCMyGtv0TGrKvkgfDK8ZrxJKNAvS6QqYl0SDlTbs
BG6zUJChF+rNSa0nKfPcu0EuIaXqP2Bd2mWqenp08gnZR3cPgaCknF08Ru11rOIaHqYmr7++
PCcqXrsZ3xfS2NJnwYnKmPVJ3kEKujHqH7Ft2xd8n0Tz7QyP2U/s9TDXVC0XVBqPAIJLizMl
7HJ5+D4cdUjC1H54yVBnC3K1PPykK++4SIVTGyqwqY29wDBkBt9dLkNHyWnpE91Qh+R/t1B8
lwdg9X4t9UH0JZ4kKBpmc4BYU8A+8tD7eW2P3s+KV1rpKukKVLI2uqqHV5boONBwI+d4qxLD
aVF9Fakm6klNNQRlwDQlhb30149a+l5gMlAZh+Wc4TarllfKD0g9XFQPEkIBJA4VuhD7uPqa
wpyXrvPQw5iGGof+1lR0aiguFNANMbcbnobdIaU8uEXXLheeDvIOgKtJq+74zTJyLYYJ5wUk
LzKqjtnw+KOYQuAEdIPK2xhjFSvdrUI4qC5MLV02X2qart/Lg5eJwTo8fcvCGY8jEpQNZTtB
wVwy+huML4H+UdJT0a9P0Ti49QU+5c9D1N395StnNBqOLSJ9diPnUa8S44nVVSKGO5yFTmgn
J4cKOFW9iTH2Zb3tj1OhphXS+b7LgcsTuuaApdJxnWHCoM1TIvkcqPEMF254g7YWBO0n1XaB
c4tNFSFtRj2lHdO+2SqeLUaPrTJ5jToGGWeoFHU0e3wTKJHh8AQAJ/IGCDzQQE0HytUWeH+C
rocuVkqxnCqm4XqVQWmCxPrNjee0mnNou01j8HjsJ/uvh3A6lXutZK0RPy107Ayttd+VFBQc
nC0cbBHSi4cr9i6gmjT5pfUlo593Q4yGT21xizChdbA/g+BV6Pu5W5R3tqT5GJZA221QcY0H
+2BjBMqMFn+9Dt7f2AQyDukYqG055dQjMh3l0veTucDZii1M10SjzaoDcq3OUQB5bsU2qJyW
JyaR3lBU7UycU1Ww+HOKymmXJ7IgU5A3Q72JqK1lhU42m3w6sqgOL8uhZzRbifu92XBrOdVn
3uNOl3OastsOQ2GoRQf8Nr1JRKMFCoK+aAHoyJ4bUFev0bRufYpKJBZihlj3b61xo5PVnVVj

NuvgfPmYC+/5MBvJ4jzDJSJJoqmVkDsH28hfFPxfAwg1gL40OlKP0ns1uqycIVb5WFotB0Rc
EBsdZ1hnyWbDwsWgYKNEwJQgegIQa5avlk4uBFzRLcBROEKNGJerzt5QCAEbRV8LLOAVwYrn
F8gpPPF8Wh03KeV+RN7ntazX3QdPqOkT4GFwLMo60Ik2LcV8WJ7T7Nb20hM6lmNrXKRzlsY+
DC+KetxVN5QTrPAxKbjk3Uxpycva/Wwv9peLFaj6cCJntmvl24f4oILBHk2Xd7c4VAtr5MOs
0EjzhCOHgu586Hqy2YUaxWuYkMrnA7WZcG75VJKhQHaWPWBQ9e+iTcRINLie8FVypUg1V4jz
lqwiF8TCKliZ7/SyYb1K3G6pFN7DbyO4VAEYetuLRdZ+uiXdGMOxnIe6mX/LK5PqmmsOBf7h
aGWK+1hQI1/F/PKnabqiyzZK6/gRKe3kgJh3xW6j/zR6Xrg8EgHrrk3nN/3gdptxLaZfcHq6
gNTgVCJPissRhyqeMGmGiFPFFoBFTTwf1dUeVeqZQxNw035P/mkBiMpvQX2SB9LP/hyFsOhZ
voY8h+pTAapbSu4MF+5U5oDGgPZdUVUJ4lAoyGgK9QwxkaxA4lE7QpWh1tsRTvz91Na4nGgI
6a3C8oqhNvDtrEuhIbJ7M+zEbg0Krb09R6FTOCwHxFizuFHv5mA1sOKPdg53iw19sIUJxxSQ
PkIGZvQcZbfJVITH/57tgebjQufAnsXd8KVqJkdVC7JwTqSsU/gSIhS06J1mcGfONwYCQ7WN
O1rNXbDZtpm+H2Os4mIzXKbhb+WGQkdFewAoZEewDkioUivPGE9GtLUfhp6PSjTExiKOjJZI
FN2f2PnHcY3DtjZ0pgAY7k9Mhid61IDoD4z3rlwt2Ae2F2KqTovgptKoMuDP6rjc6BWxUren
hKZpFvtGwFEgOqtzm7GhcR9GSf3r3AZT33Dh2uovR9M1NAxgDnlDAan2Px/FCE/Sg7NKP9zX
VqMHgVm5N59wUWX9cnmeAlHgi/qcF5UB6b6cBgUY8+S6wlxMzsRDe1Ba58TpqypyxJMxZi1E
GSWRGmzjz81+v8pPTuoeN67iLzTWboyiHSpB8DsS9w7nJGWzAdfGT+RXWHVcqilM32jw2UkO
u7cr4ALzJ+4QuMDscTq/p/wG511UXZczdhiTZ2hNpaLjY3kkXJVqu3mohk9xMQBJIZLhcV6e
lg/lv4tTjvAvJXAc1XtuHO1ZSarvSX01KoQaMI8Xk21CVSGE6CsNKxu8qCqhH3ouTW9Yuelz
LDocamu1Lhmq+1rWGGeTnH5S2CHuT3v3xkyCei3rGe6GZdEDXdcrMlluxmtqmfe9vGBMr8e6
7M0QAZ2QB/d2/jG+djU4ogGljp57fF4zRaqS8h6ljlRel1uGzcb+4EuFqnFOVH9BpW6mdXJt
g2Xpud25MmFc5w9aPNtXxGk9PVyKaiBTSo9xmC+91pn1qlqBS+HLuYK9NUsZzNQJQsoEN5pg
+7I6bBjN8KuznpEWLa9whrcBOIQWQK2BogwUwxscwBNGw3ubvWK6B1fM0IvqmlRWheJoXj3b
hseoI3AYnJVcrmwQQcfb9CHE7EK8ebYzI876/157O90Y2oOMIVtzOZwX5YR5p1asak6depva
oBiARlSNZe54W3i5oyL85KHNWh0SD2REAvBCUSJqSnPsp0pWI6/CPcfh+b4edqLU8znqhS/F
xIBXRtI4zPswUW9apGrmO7LVntoudQyzodiHXm3PhJofhu7DoLwYUynGbssL1SX0xsjd6Zfd
6YJN8+iGA02H4lVcHl5yxg8bF+tqMzlaPgJKEPMr73C2N3+yFNOKpVCtANVDSSD4p6d69t6W
q94q13gS1fBMujSGApGXKFFcxazUiDP1x6lHlLcah1AAfdJ3jOfWuSYKCSFTyifZqGG0tqKO
V5HMqOXbLf7LzYHyKW+nFrT0VRMFdZr0A7+U9XxCDhez4JYXS9zZpv7d1GBdV46SEVg5dDgd
juFAX8Ma+JInctTpfgutRXofJkuoGGpPcU6SP7O09WULYMZCIlTikB3Eqrx2lU9ejfTHsYgG
JiTyJ6k83U3PFBhTKb5cMa/hR0quR8k8kIcPziU3H6niIId/CzYBYAvDv+YhRzqmwkqyQPHB
RZpeDbvNbI07LMX8Id//BFJk107v6NU4UhwBhCXOcQpLC21xNKABIAvz0zrT8s8d6h3g/GZu
j0P0ZHpZBE+kOeDn2hluu8IBKPtICtjlzRWO0UtAg8wD4W5PKXf+a2Hu3Ff1fk+qV2o3/24P
ruHc5K/V8pUO9tjL0VtDYY8Vl691oPhJUAYoozuOKpl1HqDyOMlzVKfBOzBJMSv7el1BrcLy
qtvV1A8IjnDb/kKZDmc5H9QTCkg2Az3VdWTieO0zpOTM9aoa8YymU/m+rzZaLJExWFlPoDSC
ryS+VybytR4DROs+IGrmDzF5esOjXqS/BZabgTXNWkY8UdRoJ3mEouQ6HcY9WzHVWJyN+4E5
lly666RKPjBgA/DC5QvkCsu6HS7FAc7gVJEyEnsPL8LWMc+uM/kWmxz5A1aRckvyDh3286fA
gc1P+E/yp3tUW8gnMZQTCZZzvgn4+UUeFolJSUcxLxfwtmLPUTOWWo67flfoME004kbJMIVR
8j5RuJRcmhUz1GOM37p/VH/JBYYBwymoUuuUHUEYNbFCZiCiZsM+IxM0PPvTa9xfps7bq/SE
vAfF3bTyGCpRs24tSOh2ptiiE0NcN4d25TWebmEbi2/S1lClchpK23Ner5ALPVpK+5id0Pxj
H2w/oqDQevPDoNEqdfIj9gpKe6LGMDmNTZNfNPCb6hnoiUbl3RZ43FdnzUe8qUidK4UbHU4y
nvSUIfnjVVwT2R1lLgCPVoE2s/KChZ4C9csJxWMm2LJh2m67pnZ7YDRq2QbpcEy/kOg2z7uP
5S8egtpXquan4zeIg2vaS/2Cx42nutD2NVXV47CxyrqTL9AYaSEn3x28tcE0hArKFCE3vNvW
W+qy/KC9OBSvV2kPwZkIVEv0OcnFPx+rVQpwxnhI3lDsH6ajNCU4Nk4jwZ+SzJiDBNjJDdZe
Yre7dLcsqXddmo54Fj94BVfR+agFSmkuWfES108GQw8Co4syu1OW76lMkX0NcGQtg0fKbTCC
HjtTQGCPgbaeAqwxa9lO3AASnlI6VlMPRg8KXOimww+Gc6sw48LY8RHqMZ2o1EHAm19G3opP
hRLPdJxxSCw3pWRM4/pcZ/exqeBukXOIaFD+lR5R5Fdo7lwI7lnBdJNHwhedzR/ULsu1YGl2
RI59wILStA0ojfIOi2IsInA7u6HPG+138mo0ZP2ydT2vUnm8Ka3V+ZOR45QHd5dc2G9P9dcd
uX/aYQDnorhLbxS+MvSHVGNAB4tKgeKcNdx6lIadRFX/Xi2GzSbCZG6uq96f2DS1ogFa/CBB
PRBKu11nmN8/cD6aDv9zHO60vDFrG6qwqvGwxN1OvQhpcwDkhfinXqCLx5erAG2JSkHF8IUW
Hm6V+x+8cYonwRJP6W5aAcVZch+UXXSjaKqFCajtHjBOWPIqb2iD9XfaYx1hZl7XUQr4YDdV
04up4YKWeoEV63q7zjpRme82FX5t6VWFQg0LJROUDOagzb5jMYEFyzHouua8+OWGB8DjE/xw
duRntOYEb2Klu1Pc/xxuQt0C8ly5cScFBw3uQIFnCTdNxMmq0KcY9Ov56JxxuFk+PA5Tlo8D
yqWiX42CEMpVVZ0/IoXRZERiMvAKUXbRIFFdacKq2BMq7WWpMgME+7BvTry2q/VETbXQVLdQ
Qb8U6ofcCkTRUfm6Y0zbTHObO++q17JNS73Na3gXpufN2/yB4f5OwADbE5DTK++gaiL060mb
MXFFottufz4rvi5e5KXEtxWrmiJVpYOtZ95c2MhDtSCzS8KQ3NluMHzPtYjxwq6eszbJPjOf
aDkUbvfr4DIHED3Us0TeWAm5kl+gtHzAEQHEU00QOmLTRcjvc5Ajc4sHntIAaxkJbndgREA2
Cgz0QFmdRKSDdvMEqhXiSgnKkHzIXQFg/XrnctgNic2wODi6labKUQ+SmR/YAMa9PV6O5fHm
sB5Krn4aiP+y7kuSqFPV3mhuiNbwU55mjUkOGQDS6ba/wKvu9QzDYzgyVG58+nCSoizLZOpX
Ye9QNNDVIvsq5O7NL336+OjJZX0TwBn4UshxHerjjsA6l094ATrF1H+U7k3u4ZWXtJoFr2pW
MtyBwdrm70hqT9ReUSvO3XjBElHsyPDGDEuC3rRY56wUNhYv1MbBc73S+XM16DAzJz5HTyIq
HrNmIHf8XM/PfN1VP+3pjb/l9il+BWOugQUYAdxPJSbdllJuQe1iKD73sqNUdQ18juePrUNz
GXgjToG4UH9ye/T0K1hqL5rok43ev/O68KWQh/wShxDofxC3OVEZt49dvYSaHCnd/WhkJcVK
BVAFCmOrGlmtZn4JsvcE7jWu3Dq3xHVopy0bilZ41EjZHuhJqLB/ghOl3MXekFK7NoNhiwDy

S0E+rBs25GBHAXURWwh4v5UQKUXZU/em0VQFfI29DGnIWzTSt+ZxC8YuDaxTxFuDH8bOq2ym
Nip7Lz/KnVWtz23ILw2tPImuTLfP0BBG6FTLuehSZiWfzJXmZqS1BzKqDCg9hb67yhqj7nw4
Ei2B+jekmUDVxnaOER5XVxO4e5rNTYzrB1XHl3a8RCtUY2NObDZfX6O89XVJBuSzN7NnyNkq
M5sQJXVLxXZQvitgHYW+nAuVm/wKvbel6WQ7ntKEkf6KmXIp6kCoBvL4F+wxdDwJe9aV9jlx
1aU5KpLzitve4DP9oJYNuBR5iZ7lRqJ6t68XCVVxfMo53xmL6+HWrYZbrNBtFh/Hsd0gH3au
w+ZMuhvH6A4c8sSznFSwvs+8pJOSuT/zD72UdxJyNdgY8ZYPf+EMMZuqOwF4nDTRMQhe1Cvi
0jZQvSZwFQkFX5HL+KW4Lz0cavDMSXUx0RaV6oYqWxeLr0WyRlqjo6bwRFzxhK1kwSGyahrH
yNOaAoQ45O31ZKVb1NZeq4sV228E+do9ddi0VSEuSXosPuf5DujDw/8g2kU1DX8dQKHK5Swp
7FcGQaQFvIcUSg30noKy4eIJslGPHw7XNvmq0l2g+XL3NotZwRFN5QbNMq2GMsh+LRdy9gM9
pEZZMqckuUxyu8lkudqNavQ2F0odK33akU9jh5O7hkst7eozver4yZYvsJMt6uqkGwlwg5lR
nWrnF2tEyqrfgztBEEmHxL9uiaV3W+EQQa2bqGLvsJuAxoqtSjjVJoxbA479RDwoAxbPqrQY
ys+YQtAOpw4YTbYbBSovdah8s8d0p8iC+dA3XWc123AA36nz07u/oBt7ybMtrJRFG7SAMMod
ImGv8atL1RD+ppzCnaE0S/A5N9eLPFAEihGqqQzM+kdmfpEHodUskVrr8xkGchHV7Ye6eu4w
AnardGtMmvSYoX0MMxcm6CI2AvX133i5y/H0dbb4zW0sk7dd7Vvl+osAXCGpQlugwqma47ig
JUImADHa7h47i2gVjAnYqCQfhwQRfkNrxvwCFxwAkGQsK/CV/eLi2NhIVZ3OoTF8LR4SYZt0
kdr2xZY94YBFHT1mDKybqv/OZ5GzrKp2RkffSgygysH73liMrZqtr3Jlag82Dybzvg64cUwY
bgB5w1g0dQA4k2/Nh5jZXH1uLjJuQOCP5MqNz2eoruz0mlzo9NTP+GEfREejYkIf8uPlY9en
M5D8aNAhxh0eARqNN2Ilk30fe4JxgKntgEVERTxTDZy8dFqFRFOsiQpHLE03cd3+ozu+HI2c
gZm/yqGbPKCphWvHffDerBfOrZvaYiMhqIEbUZL5TsUT+k1zpP2Sew8sa6JuymJfKdtcNb9q
gjZSzW4xZGIA5mhP+pEtgUg4bipgrhipm+YCSbyEgK0fncnGm3PH6UZw4kt3oKUKraXiqpD7
bTVOZYTH7XYY0A1EOijwq5RJ3ni5KlaJHHEprSb+3h6nPHmnnhbqLhDko6nwsvM1OwlUCNMq
vxIze7rO6nVJX9Cm3hTvfk2HT9AJjbaLkvKcO7HGwmihizXyq9Ptjx/Aea6GK20YD500ykNB
TNkMDxifzn3i0tYEBY5JRwG7Ddt25eEnh4N/OBMiRIUOJbl+ycvnILde1WYRDwUgbG0fnguq
gKFjtnhifD1JNQCUhw/NRSrRLbrr9OzKnnQTrcZrVtRo3I7106J4bzCvFShk/jDQ/abdjC7J
rEZz5CHuyVGb9IgnRI6k/yYlTUmYvWSJVcf9pM/HruV0M2p2jPH4yS9HVAseKGi3bwpwUcUL
rpeJPHvSHay0tHvWl+CuEQwr2LWfbKY7CFGNRzBlwcZjuJW3Ynsw/oz7KrJYo4ldYXjyrah8
mlWUM+v89b69bwE0sLi9LWkIc7QsigVJfDrDrA36GieMZLLGsmmX0UScpkBh4C6lZytVneDl
Ye82jkJZPhfaVrL/Ay6cxdCuhWmBv5vU9JBA7E36QjCLeeE9jqoIUa/9g3l6/egXLCpj4Egg
8AHD9/NT1A922aEogPjThqqt1S9fGLaHuRlv1P5OSQHHCecF7IxKSDPG8Xt9X8iIt/JYq50k
+eyMHtQbPnT6oU4t5ABxxZhs7BcqcbNH8Kv5yg6J6wdH2Zmz56+/kFcknmMh53DATYauPnnl
w4ZSLWUTLfUsjXEjvkd8XKbzTGD+hmE78diqaYpvLMkHSrRN93grYRtM6xzDrVQrTnRCdA2c
DByzRgJxrQzC9iPdskvOMlIKwh3DnA5ZluwbPpeJwPd4SX/dvnvGLxvy5xOU29U/Da91RJOq
KhLBhgFhty7GAH4cDV0fu2pPguMsOcNM5LGCyyT6SKxTGwsnlSTuyMVIA30gPz1zDvXmYR3w
4/WO5xreeRPL+4kOfniCJZ4kIrsh13YTRITCupkAgR+F3CmlCXtHdr9AV04SBpzUJCe5cEIu
xeYMdk8Rnlc9S/jJK4f2m9SVhTqLhy+ZCJJJDjX55fjTX5QvgRwUz/AhN0C2SyfCdQNdKPxb
CI7dzk3Dw0OJ0bSG912aw85/C50cqTgDLsKOSpZiE4rCdM4FXNuQVTGsA//a6lYfxomgj56k
8ya9U5bez7UUep05j/HSQFQWbJCFWSNG/57lG3L3rIg233idvhxhG1f7w0GpLVl6uHT1mQUq
Yylzchi1fiP6sNFnM5lBsx7iZjcyNhsGtjnMIYr7DNocYLdgkPCiKjfYzK/Sc8I1V4UyKZcS
iyoG//df6fTIijo5KVR80Wqz0qWe5jr3oh08/eXk42fbL0I7fD26fa3K+RxmkkBOCD1Jh7aU
mQhBE+rSCqZ/Kam0rTTolAPk0U6WfVBsnzRITd43Yh4WWcHuAMPklvoyJX0uVSN92f11hng+
HoctDx0ODcIdZN6vOoGJ8GWD59Nqqq0BkRqK3zUOCREHGwDlTkTJ0wI0DY9oZKfSiBmuEo81
1FDinKHHtpDp8+pK9l9+9czinrSasY98eLX8pZB0OmjNo/ePwoQvoL68dSp2LBLFqag2Dxel
FVizxGKLTwmG+VkXXMbj0kYHsHl7PnA5b4Ed7M1zSFpzzkK9MQp7KZJbfapy0JIbKyGEhPEs
lPNEl3ozEowBeHCkBT8EWUiRGmeYYQ2uF0pkmb2abV6kKKV6yx8z+b7rUPxknK0Hbu41akmv
FRl6q9SOqAiyMjQIAfqJUnHb5g9CH66pRVWr4fgbv/J6AV64kTxq3C0LKoozZP/Ec6onO39f
/Y2kEndd14ZjOC1yb41ZfPPyPdyAEkRNhzVeErH9JrXgOfhXTmHkxsJfOjQwaMC/A2lZepa2
FiONwkgPFTLJznZTBkL5ww0rhCLtikN86kRFK3Qw8/9jfCiNBuWK94xFd+yDT7JDUm6uARwK
MoJXbpt7fRBahAE3dLa3fcgL4XusAYzDvCMiU9nkmBGT7vhbv7ZKzyKdjyNAIl4zxGwlmyQp
ISqyjelnpBw6t+kz33mSs3Hye3KZOlbnhQ7bXHl0lGZsIupRiMzRJBN325WHeklfVvrKGcZm
ui2cs4c2otr94fZJoWZ87FBrw8wWOV2iPszSj/S+SGRDtaJmhTg1qXHn0KUgnq1Hbnwyxx4f
A0diPRpnjajltN0wtJMBtEGiOCvTqrZ3OxW7cbSjvNjXVldlomMWGofIEq5g6Q3pTohBeWA2
3I6/+6vtF72mXEV6bGvjZiM8ocbkgdILSx55YNfkOQfuVGrlBV4NUbtW6N4bwvZwrAmdQZ2K
Qfokr+aLj6h6w5hr1tOXqpo4wqUYh4Ue3Kkk7ipqHN5PBEf6GgwHm47TzjYH037N4zNTRYLH
SceHfdt4a9g5HOra4i/eIB1mjqjCyLw95WnjdJJPKQshk/rC5j8nzGiUBaW2HSvqVSmLsbTd
IYsoceGm/+G4JtuGv9Souukrgw6h0pnoWNKxWMwHN+Mpz+F8hICEy6nJw/vw+ZiQ8qDeKIeK
KF5Vc478kEwArhIthmlQrlsYQv/Lah4LhM8UqSFqqupfYTKejjnPOVIWpC5eJMXOjUat2Ucs
xbzTVbC8jpyGtLztyh55xKFnV/S4TQ+OxTzXZ2ApDzPxKKO9g6DX2no2tWTGFaUEOALGFzEf
WC8JiwQ+S81EUhRxY1uLhCeg5f96YeJ5DEmKOkAS8Ky/juTibsxhOr6gpQC0xds2YDb4+/bE
IyzyPsCSb/YgR6UOKisacC/law0kuAkmGbd3rcTWnHtDAovD2qT+BtN3k/e6UWkrDBEHq053
hbQ2bO4xdkMn2fdo0gnA1tUXhSt3pOvBu/WHUkGW1s5kPFM8j4YjCqTRF+q3OJPqPFQh1TId
mQ4AfeiXEtxHxehtlX4JvGGblurtIsUXLFkQw+mnl+isLjGZB4Zij45KAf0yxQmTl/pd2q7t
abxP2m0cnzIuVbkWyUx0dIy6VJyoWbXr1NXliQpv3T+wj6PHUeXEaup6AUk3mbZT3mUfVqVp
q9dYWmudEKA0XCS0NC/mpvN7LarUSXUdJmDyTx5SqhXOvz7ENUtcJ98TdPofdniPl43hvG73

/SHNDm1ar0QvVqkGjtKmMB3aeZWT1buoOexO7iKxAAkKU4cSnhLZF2rysZ5Gno2+WD8rY6hc
E8+VYq2KicLhkfvOqw7iGfU4ntupPqCM5stU1sHQHa2GRnS22wDtUIWuJu+Oegw4RGZPeKB3
MxVMZV54SzAm1douF7hEwlsmam8IA6MW3ZLaRwyAhxVGZijFvbW0G4OGF9ueVVfqu0/qaV4K
wXe4vmBgRU66XqasT5sFXmkzVjdNuSL8HY5BkOg3V3id8MxBWzisXwrsOqIRMrXFMtDVp6jr
0BwNcldCioZnFwAkrRl7wUZ+PgYgtkyExzb+JsX88n2a9nNmuhXgCmXlRNPK0DW5ZDsxNSDs
PeS7r+rSx6+AehruHXRawagTMDXYsOdQkGzRAVU6LuEUHbvvtEzYkis+uwCSwxGU/6Fk8tmD
kip/1nV+QEigcOWG9Rf4n4t++lK1Vh7lFpIpJ+p/lhvU+MyHc/Pc92HLTOJi0yskGq5Lj6za
3N9Mc/ZNQWS6wpAXrYC8Te7pmbx9Scs6ptEG0QSxw8eoSxB7lvI6tzTkFBBzDREiyV0KjRC8
bRKdUWLqSfOL1b0Ms6NxjsuJXtF8tBFD2ioVqE4s+GYDnWBtunH3o+Yp+j6CoKk64gr+5sgD
+h/lRGZrIQWnBJeh3OpJ30PVGkzHEd9rrkP8IVgcAlObqa+42kSG85sCwBbfb24YlUt1vdPv
5eQxn75rEAbHDSzdibLdtqE7amx6/G9mtQagkh1r13yI5SUGJCybQZjeN/Bb+bbW88pXscX4
ZhrqkSoQTBViNDyzIOGVgtv49M0/kSivVHF/qVJd1vX7YHtLBEj/F6RDzM7LDws1cUM4M+st
8vddWowOi606E1WUcCdJeTmpA6RUBZyzpH2oAkg5KRd3W9yJKSV5XzpNSgZizdYbGrd6TFwW
SYXqeiMr2qvAmrm684GVYo3NintDWetoFyNYK76xunjF7uGqGc5Ju106qpSh2s7Y0wP70qlX
r/jhTcm9uqbTmcKqjPomEX3Ydzh57evXabzDIoY7+Vh1pv/fG35evF+WxoGWTcN+yOmWhrwj
ydcmBIv3U8/LKbAXW6pWjpBOUi9uXV3o8+/2kWmBoi770HrS6hWkdLQV+vBisKAONJH5sGey
1G0i29l6VV4kXPHVpkrN524iqIcjVLNumo8YCFMz7qxw8ETkMXKVMMuq91IocGUz+31O0cba
myLWjwcGWjQ3Llyay6eC5o9XKdNxtTM0MnhiDXw+NsFYFvJIvnNXGX3Q742OL1mM+MXSefKF
YMwpQBQT3maZExpcmFH3Thjum2o78mLiVvoRAqMxEbaY1MAPanJ4RUnBtwpKJ89e35EqQZlf
hOqFtB3SeCg8e4b3cWiN3fYjWGZcdYpnVFlpVKV3zA44BcjdKMWIbK5yi7nKP3KvS1V5N598
HDmajb9JdOJqYjTyyhU+7A6lVptSd+KLr1pYd6rvF+tmzK7MEM+Eop+DXHRjZM2m8GFao/Ie
22+4eC+aTW/Wp1QWrkB+o9EeS5xwbyiRAlQgi07ZmmclKlb804pFUFMFbJu6mB62usi2at8s
2zzKbFzIuYT2sValOguN6mulBulHMEnfopBLJd9dEOGeERURE9VSTxUehvS41a5zLWmic1/g
F04JG4yOp9DAPOjVZyKh0kFl2p0o/aKzCwcd3ENbSqypapq4/1LDNROTJHAMSXc7s/B3G8Et
PfAmHfZ3cCbzef7BIVKl/auzMyraBjEReQhR+vj6pBW1hCavHEq+j4rJGXYYLT+8RF10Uq6i
cdbhS1P/pmplaVFK2jCb5mbXsJjInY5A99rn+mD8BuIxIU225cmk5lXaZVQMLJP4Fpbbgwwk
HjEAacuFqKCMru3lDOlE6tr1xMNLd6F9soJ4iFTeRy/J1j+SWcg2pI9eUo0yqHWh3yRepqvG
Vvel/6AzxIj6sOlHyMdvOAhPh8UV0evPWOCUVpSFkdJXvex8cpxpThIXw4552JWh2dDRqN0Y
abXVKn0FxmYwlOH1rNsMVA7UxKnXz1oV+9Zu7owxmpLkXQJkZTX8/C6y3AKVi+xGXOvrGdKN
CDMI5waHAO1ClSsPdRI0uZ0CoeSjmJgjMzf9CMctrPGhRLYD+/z98FbhxPG0RtBREeeh3EUN
dUxW05MGmlRg3ufw3zaKk1MHhei/5EXQGBsMJBEVNd/lvjzGDnnhlpGSuQnQ3engkG1NEjWN
E5+mdbUbPqQ4w1An9VrUwxhCdkRYwFMHZkCTlTwKdNFceHjdi7i6X37Q1kMrP46I2xOxDFkI
2nTJn1ikfF/D6xlSI+aaITArYrIiR6YmCcoDPnTXaPgZVbAJZAgCPhIIpqlVtyBhNykSjgUi
/TaBKxmyzV7dUp7QZMcHovWf/AqQ3jxS7V8qV2knWsmo/Z51QluquzoZaj2OB1RelbxXrK0V
/K37mmYIM4NisDyx8cZBgclC6teKqb5Uo9m129gBhJusJp6aC3WXWE4hLN1dc3qhdOSVPYSJ
gEEblfebvE6sYeqXM8TzZ0zwysIDW/Bh5jiT5M3pDSE/jekNEgl7egTtfADZmyR3TLuqZ/xq
eo2uNCSHyTq29sEkB7YqDX2A+N0iNbKvsf6vm/wnmJTUp/2mrqbvdKmrTzSF6yG3aJ710nAn
D9mtqNSAie+O4IoimbLunMEZd1zd6gKPSsHBYUukSGEFXWFtSAOytkU4ssU89G8oVBc7dMAT
p1FukitvkjwHY3POdaPJCdhjr6vJZp7MMCKcWlGnsgNhuLavZ4jJhv31OHSvFgdC2VAyqim1
m9YFEKmw//GcoNOdFuZ72NCPqnQ9zR8HqixdNOsk8eCyt7lLjvn4e78qc+LX7yjpnQhrzHPH
E47+zfE6j+zDGHJsj6AdtjIOsyFqkl2KQ/ACj7JxDql5jK/dW6LR9PUMJdMTurK6QpocmcRJ
UY7UTVHJ5HLKCkbbJq3oj2o51XfqEOF8vKkHvQuleeA2avKG7aF014hDD2qnolB3IknkZQBx
WUiT3FfJhY+qWDGVQCCqGJhVKJLVVJYhvyLPYktDD0k6px+OwheLLCirff4TXi4z7+IXKwRA
u7Bm2+ASeiKse4KVEFQ8JHpVhr3QaapKjY4JVFMp8l0zG8t10+GU8ku9FzH9TxGYPtAdJKUk
27twaiwlLSRS5HabjV8vB542P6FsLHHY1bL8VYVQbmnrakAOLKJ1LIvJqmRa7473Z2iFhiI5
vMntGeOXvP1j5Rlyf+/2IRKQOJ3pEGRv8jP0+c875zjK0z5oWlBhKWkaEsUml9s5xwxPGdF9
ObqBRPUGkL0r8L7tFguU4tKXsRw+ZsmJecRh5PYCkBa6KAEfErlNU/8JDgKiOSHaLFOXGIWg
P4sUeG04TpvueqjeJDEUu+1vc1to4CgsP5y4KdNPWaPeYHLwkdaBeCeme6efTj5MSejTGdoM
pduqqbC5KBaH8fhVUNqW4xf2UtUry/CgCnpQ8z1HnIrEwJDnou+3c1k6MD1DuFCHPNax+Jcz
tUXv7b3v7nUwJ3mzJaDCvYOqhvPJfwenkqiA0F16/j6S5yUBSpFuH74cam51AYAKXTFVSqdM
xrbETAHLESMxxWTuTvOhDvGpHK7Mx6VwfSIh1P10dsBV02ZNUmljTPfA9lJ+zTTylPqytrGN
5HxHdQl2E/lcWyoA+wMXJJFXzavD4bNMx9a/P0NWd9xxUcSAMGE4zRCsV8zLgjCL8aGvWmGt
tr9AFaDqK3gtisnCJHtL3cAgcgS538Rzwk0pRtcr/k1PeG0Bq+mbfd830qrgS16swBqdGyNc
8Q3zEAbfGjW/+XU/OWFUC1JGj77W3SCaWAoYsQD5rHFbf6MRrKr0fQyOlzJ5k6OBs2taIyxR
pbGRDk2Jz6QF4XzVpNwj8C1eU7VMttbvz/CYWFOTeQdS9arutZl3aZN+EHultT30qQNfFyi2
Mpkx3eR3lQxTXT0pYCRv1GZvGAI+8rxLVToxav15wYyt9STdU6q6jp34/cJNCOumSPEbakZq
qH1d8q+z1dw4dJPLAbiDxi0XWzufKmdCSQUC5Qc80qoZSyIFeFP0G9pYwIknjKsUEJDg7Qf5
am7f8rk9EpiGjmg2KOm0BPx4yJOD5Wc1YRAlfcVTmVU5fAXXMxQ3uHxZlCHSjrS4LUy/PUMC
2Q5GOPac+6nsB7kKh6VM2U/zOH36wJKP5t8HEKvdpRYRXjLNaCwiq9AQhqKvOxv+/qV84QD9
I4j4d7PUnuAl/LVG1e2o9InVtgLoc5VeYhOS/cR37pS65TZbDTTHbVfTcFykrEgcEPtgu93k
uP+L523jyKjBiitILO5yjWMxSCWxIYpqQ+b1Qq7XuSYs1/V+Snr7WKZ//A58JNGmsqMBjrUE
9chTRREvysrIbxpammDfUrx3yA5e8uFavM69MG2UPJBV20ldUhLlH+Uq9eoj1tWv20qWr7Pv
7N5PS7GN+N2T+HA54LlP4XlCG9oeOvgQYEIQPgEyt9ptzcj7HtlvsTmodROqxVZ3pUlLZzjb

xYKt/GIDd9cUCZaNzXS0R/fqRcxshLlPBeQHSjdVbTyUA8fWMF4TSkzsWpt0ye1QP8wZTKyp
phRU6+M3847DZJysPzwx0VmHczCuNu5cWcjhl2KjpaEmEYFq0YzJF0+/0mCxk04zqn5iTIYt
jvsSSd+8xvqThsRTr+ZLLEPggZEYo01zo42vm2Z83KZyuFGJvvH0zqiKkCJrcvAa93Wwq6rq
YZz5ezHstj+Raeoft6rLhwL31b5Axa6pjqZsuT171tbUkENCiFpDtGjn8ZszzIgN1cnfpDyZ
UlfCMVeqjYIlSfdpuCJRI0syWL3jVUTuPVcwwINkiaROlo+9jayGxzqPv3uqLF8wp1N6F4MP
O+yafjIMnwM+RngXPl4gxfAtRvqRV8bdoh4eQJ7AZex635jbOvKTQjB1ICp1QVYc2cxvUXXo
Do/HhqaSqyYP+HHU3R5LkclPIWEHxUd7Off/WpOqnpGpXUMjNqKP5MkiPLLW8xBBWz54B7/J
NLvCLQg57OVEn3AEup/zRqppQldx4GUoKlR0vXjEwIu4DTEHz5n09s61YYy9fxdZGNnldhzH
T7ka6NswKnWve36ltth+DkmiWDW686l3p5ceuwQWUarZCbX9QbvWAYChj3aq5KeYUSXRee6G
WjWWf3waLuoyy9oVlRbkBGEN8lRFTNYMGXGww1akbvhBHKasGpsrXS7y1OAVJDf5OmHPRpVP
09AmGWTmIhV4yk551cCVKFFkpTb1zbSLB68qDcX4e5T9OmnN7pvR93RMgE2RCfG7TeT92OWI
UmjPp7ioFBxpQIcHJOWRtGt9xKzJRB2DGI7SZoO4rNO4uFSXF69XKR6Exkp1j1lKnQ21a4Fa
6ibvempSR8jd87CMv0mhgsnsje4z9EDK8OVUu7cM9YUjR8jGQ0skuyoJfJbm2/3kLvWqVCrf
CvwlqiC2w6CcFL86Sz1z9WYF1rmLczC5JArnoPNa5T1qaxRg19b+YoPzZYNohfTXUgvmA/6W
tXVw9xOSYiBbaH+tUEtl1sabi7lea2j+g9J8h1vTeqhF3UqSqqJoD1OCoW4Ekiy3U9qUBQh4
YpWsrapVAPj83FNFvV/yO0TM0XMB+2V6YMGu3ZucaTyy5dn6gzMMpHiik4WsAjZn+4DYEnEw
5Kbgz0TDA7mr5WmZ84Pwk6BNCVo0D9ibl6fxOoYAH0D/HEPdRmps8KHj5pY34uRSzp87tZmN
wcP/FKxRMUTN5QUTgNpbKj4od8RBs2HJJTliKmOVp7jaTR7Ah2Kj6YqhcageuRIbUuyCKlgJ
PZUKlF62GIE7Cilg37RQOyLnu2yf282OxUTcd7tYVx+kv9+awqom8KtcRuUI3A8y5+/PsMdt
6JoSGE7phaaYIPIxbEbDTXaBHqmy4hIh+9ZsYTLRADrJ55NHWf+an6JMO8XlNOWAKAHQN+7r
NPdUfpRak5aQ2+F/uHV0DdjjNT7Hv5f4mgHs2qFAXG/ruO1YWZXqGUKTrSV8Jjj2es52KTBf
gRWXcwxyjkQ+RLIsNAuGmBl5qsUGd/JnQ0YNQ8NjrMMJac/A7R8siqiKdfD8lGkBIF9Jv6tL
JX44VgLtJ1IDONA8wa0KwbNIhk4JrtI8V8wx2tHDQvfSlZNEaKZikAhflcFNgt9L9/fjWZJz
cCDbqIK4UYdF6jcXiCzY/OnP5KtVrlIn50L5dPjvbvlnxQ28dyEN8By5cx414Zp+8VimpGQj
pxPMop46BRNYxx3knuti4gsTUUNZmkwffJZnXt6LFKyeYDmYEktfn6sLlfKNXjJcd+sTOfvR
LAWamNlqphBoHic/5HolP/cOYUQ99ixVhfvNGUL911MPsGtERQPUqN78dRWtnrt8yLPTpyFv
XFWtuybwLDc6TF5CvPeer9H12iFemFD/YbcP48vzqyU60g9v1AxZwRdHYO3qKPL+hAmf19Ju
fp2K9FYZvVs+s68ojU4DyNcFEytMVqrtJaMzA4WmjgEvLo2hDESNzWqiLoBp1o6wiLZ/jZvd
E5Fn8Zsz3Han3hUkXXij0ugCOMbrCDdeRBTXwo40011mX30zeLUL8slUQLjHJYWtWXR3pOnw
OJoJRhy2BZP9W3nyfE/PBU6n4LsPTmJlgrc8tOrTz4obGFG62zsYYEmW920sWkHp3DhrNHiL
okaDVxez6OsxRFBMBhlNI3Ji5LBjl3sucPhWQqpbaoxCl5P6OsTnnKwHV8rQfS/Ec1BTKsWA
PQ8qIg/EOOtZhMwjbb/Jh5I742q4GcOtobzlicb7U6R6VTCx0FnFFhf5g348aeA6xUQdkXvv
efP+bOHcDI7J6V1rVL9+S/do3PinlpOIEljsLD/tFqUHhODfayiuVOknrqjBTwmQKDWnNa2r
Ar6I0mcq6+9NF5WrrRNjwsgABVlBflGytO4csuls9KYiu/l12XkzCFS94r2pVHtmAuMcF0b3
xWCfWlc8fge4XVVyY1U5vl0tXgHquoueI0tCUT9DD0wKnDlggRO9IeS192nQNHTHu8sU1CVM
wbqfqQ+zyf0wthfee6fT+VYXP5+HOGf5AAOKvsmn7oBCy44lUGw/w+XUtDmgap9mPwFS+A/u
5Xf2qo9G1tYgCnF+QhwanBolS3Tg1nuxQ1y53kDir5IQszYFEjkpOekY0VjOFALGEXr/SipQ
jxVbYKxqrlOksg3tEdJB0FHKLhYrouJMpvDj+0d1t9LJqzQLhYiwVB5aw2d/NXpETCoyPcQg
yXrvfTAVXNcPcGCKJL/E4dhXdCY530J7jbAG/E+9NC+0X2pv4PqfRvo+xfalBsB7QO1lIyVF
k+jhWHfBckA5KYpoy6r1fdrkYq4FdBD7RDVyoiCvvj8c1Hoc8Q3qgEyaVa1XdPomf74SZ+sp
ItQ4n2HTY/k8f7PH93U/6UKhsM1vlNp74Cf552LgQYGAzQBRELJc9/GHJ3RYBRTYVt7uHloN
yYqXB/+3HSPenE8pBGSlUvew+O0+ngpNoignIHKg7ISBtsd2HHD9MP+suPEh9i8f5Sp15gJN
Ad4uhovQBp/CBB7zzPqQK3cJC6uUatIfGo/mHVmxKq2AUMhBACp5YGZLWIUUt18V6bJak3GV
sKqqGpiWOXJw0h7kajvmLfioq5zN/DkOK26PcyaVOAHstDAJx5N5BK41aWAkV0VoXUTCoyh9
2a5LM/F2OI72AeLkNdasud/OOOwELQcA8Q6m9KPU9BTBKkWu/AjkQ/wPrOn6wwo1weT8Kwr1
mEfuTbo+MBN5daILNdPVPo4dhD9M8FkPz0zIMaNBL9Y4qckQfaZHsvT60p+Ur4WWYUyJT1Ws
eMkxYV56zAjlKg+NdgM5kqvLz+7DGTrcfZdbMHoXVDO7f1BN+/VSg7oJpBIeeSear+0+XzOc
CZRFpIAw5zF8fvrIklylwTvoyBC6xyPRHJjRNfqcxr0zO3XafnWNyR5sESitLcfQnPlZVgzt
i/+lp0cE5sLHEL3czVicJ1Rjx0QKK45gIN9KXS+F4uoKiYB9Kfym3CSjSV2d5hwobihRKM+N
ofueb4CB8rb/l3wEWDr2FNhd1BYmeTmLDePxeEhN4B/Hj3bjShPn7CGW8uUiB9CUXH5lPEHK
O673mDPrxzM4wtMeL5SoeO9DnbQHuEI31Y5DvGdLvK9bje3sLv9UcUp6zPV1w5/WsSJTSf3V
fDkNH0apUqdvm1OXZVU7veF7ZTGJa69VVdiQPtGTtbGSf/wiHzDqCu58TUkZWTUUquJ1zmky
BU85rYHSPWBmoBs+fvQ2l4IyNLNdKW8Kk0aY/u5nsp48RTLTeVHOwHHSf3wfc5YXsNMitV+Q
6Nv8bA7UCmOhDkb20OUmn6H77OETCoTY/ajU0drbBuTPgP4zvdVega2QJIPCNrHARo4xKeyV
V6R35FjmY8ChuPoYfvP7MPqSq5BjQSj5YGQ9N2hVlfDI5d3jZIKo0dr9XerumKSulYc/19Tm
ZJBRMD55qdabL/dvfkEeetuxzdxNsOUZr6m+h9RMrCsJbGdJUTHBqTQxHJZyQblA95WT/Htf
X6NLjhA3MP48agge6xbI889PBxV0d/Dnkpm3Jur1PrXOzzZ6LFlQybD+lHsBUszryYlXFn28
SHrrAJVmVLcJYhBdK3qok3Je+v5z5t5XZRngSwarhIYHJVQYgppeOEqLPEBKPzzDLt908SA0
l33dv0AfoEvfNkCKpJzBtmI/FShwjU7H4hpvB3vdAc6/oU/O3faBYCHc4aTIaTWhxgQcLsP0
S559CUp4WaQQ7nEM95h30Tf9SANn04F06l9KjERqzNnhq2em5EO+V3nEHkkRsY84vDd2ZZbs
I4XK16ctlu7jInntIbU19JMfIb4XlkjmO25gYQh+5IxSBiPPhAcK6paYTh/Ug/Tux2dI1Cgl
vIx69TV3JsUrQnigra/JEvhJnGK9EKLe8KPfxAaQX82TV1AjLHiwcUA/SGZW/UnU9fzTldSY
9jyVaraUOjfARkp35lOVTgPZVe+qUgadbT292lSYZ1ebBin1+em0WD7WkgqLX9WMpaE5LNLm

0AlyjVTTw3oyDa3nY/nZGW44ucA8UNavuRh6frT12dOjAkpil6Tu2Cut4/ZcywmHOtgwwE/p
s4n4kuOegvfa70kUhumguAcg6nk66jc7fgt3346fk8CXvPnX0iabFZe5IZvWDVCz3QPNPlN7
9RheHlWZKSprqngmWweiLpKv3gkh7mEKpX5KWoP6hKGKHGCNKVUIzkAIXWWuE7gcO/+2onL/
aT5E37euzPD1bRxu1DeFUEc8M4piIN2KGSZ8cobzn1aPqlAxv19b4rKKup8jE5mKGRvikZkw
tx5es+fwSJICoFbS43RR7I75h8eYc/5Ss5ZVKYUktdgqf2k77W6XUwdVF3ELdt15LyaZYd7T
psqD8SdnNapO+ekG2g2kiE0+zhAtPqCTLTSpRlQAiN5Qu86m5NH52Rn+avATlDjiNPHrGS6E
Q82Q2dvLrXUHhwILmKnJ2w51HzB7PcQ5Yfe/+PlLy1+pxFakyJmDozoxgLTSWbdikyUMspwF
+sDheO4dXZJnnYlkJnYbeMwfyqWEuxnz1StSDZVGpFowyuUWJw85+vE4e3MOd9RRhqIgiyA7
RiP2UmySol+5fDR+WE5YMEpAIFClmUxZeuiwp0w5vQS3Us/R58xm+odxSBnMvFNdPr+NQ1yl
krPK/nIlakaEPIgfKJa2WQx+Qq8hD+aWuSIdA01foUO0mVKGWjv0r0hibtcyDQaUbdly+oML
dX3z4YZ6SVyxZsyAZnps4suFx+EpQZ87QjnD5aI8YZMaZD2LoIQGaSwfsqHOx+LoLiCGEdUQ
KydPzZtRX8D5tVj1nH94hiSrLeBb7G/yYcaMRAoe354a+8QWffGdW41SN4NuYLwNRSaXJurF
zF+yImafkgERSWAbEGhEHagTLPVoa504jXFPhz+zTkwclQVs6sFDA9H+h6HYWnmDY9WRtnYZ
aHZ2eqdWo75uRyuGXqTUbiRv11eldZu4DKiE1MrPJLB+LMi8UVPRVSWKZ0ldmjMEIVTVUqpb
6o+VRl2NkNpPz1ARIRml9pszpH/kUn3dXo5C1ZjgurHk/bjQJ4YENz76qycvNa1tJU9VxMb5
fR52AURmt3jxF57+5A2hyka6kaXrfkgx9h+uuaz6asS1ATvsKi1NiG1AB5eMnchef8+GXstq
IskJKEG/cB2PnxXroKXOrcbuG7xoUMvLGa7sJ9UbII5lnvGRj/jTM5w5/WR/GL+UCA28/Jb3
om5K3uYfR3pg9+582KE/unfnzl7QOWi1/ALXwptF6O1CDJqu3QNEb59VT7ZpVwsfbPi7SVGD
BZx/Pf4tXGjSzaGfChWw4PmHbH8w9j+0H7Tyo10OAIJEuDcalmAr5oyREc3XJY+xvURKMe19
W0yV72yQgqoqJCrY0ei5FO/W2B3LiZjw/kGkcwwFebZ+HIf2yWBx9rWW4mZ6NQHbywG+K4O2
hYgt2/BIGlvC7TbdDC9ZbRzkQsYHlZWwjmn5nKEMbNwgvH1qUTLUjRuhvumHk9S6f04pu/mA
V25KW49dihjreJs60VAhCLlxvdlZRiW+Wcfx/Y1Hrh+MTYAshZ9rPSBRrReEWfapXhMv//7j
M7SNpX8BYWj32DmsbRYJw08a6mhg6WZf9x56y6Z8lE640ebBO5xuGFIfwjkE6EEyDSamITd1
e24Wx9owh6xyFNeq6s0VKGUq0DYJGt3Hz+7TR/ocJzoA7zxD7xJhEgWYnkL/SL04eRlGjkPm
fD2aoRaz927fb97llGvbwgJtKowDXIJ9LedjwC0sidxvrRtaPX5+hpcCS8lf1hauXLXWMx6U
kRIU6RXOrf1xUrhn29Yf5+8Ndj6SZYflHDemjYixNPaReuApnFH4rkgAByRlUz8MQbkUf/DA
vp9Y7TSDcDv1yjOAKXSX0vynni6RmP4Vw0m5++4s/EqTgeJ+F4gQWkEIVDRrHc6SnBf7qMRh
FWRF2kjHn5yhjq0kS5eXiekjduBJgsbIg8htx3HwHCBJfVRXmk99rw9NU/LDF81rTl3rnWU1
wPd679TkkJrUSR+Eb5Cp+tSWo1lRE71euJ4q+Ym2WLN/RcYACgy/Decp0Ja8/tOPeqkY/cdx
BwhIIKkH78Ev9pBUirXnQ+6NxZOGsat0Yk4SVHkJs3fUDefD5vO7uvAeiBjOBYxIlgIZuVme
jE5BmAVHKJ9dJQFGxxe//uQMjSlgun4vE9Hz965nruv2rxLdVaSwsIVHOjPilQtPJcVYbxNV
jVlOXFCcQk80ggCdz0rWEKhtOxkI904LBB1s9zOjsWedw/wsFmNJ34TJnqBa7ulV5ZrOXZLh
1jowELoNjnWXFu8YTGkfhz7k996O6w6HVFx8IRVKNhRb20WrytUD/UVH+GedPptuyk/dHyRa
b91qLV6Ndl92uHbKm9hbLQPBoZlulCPep/MiBTOvQGWXCDc9yCnBM5Q0db2WnptQ8Aq9JHZ5
u8vr4hp/xNckhY2k5CrfqXr6KP0oFNvH6pE2pnJOcl9UD0sKydq7fDaPmOJkNTl0bUypjt4x
VPSQbIIbxw+01ad8jAVBxTqterwKOk8DUeqV5rqESTfs/j+c4ZArrxRs2O6otufrISiznl+R
ycMGf26/O7yEMysmm1IONFuNm3VXg3eBPXtt0hzTPfy105MDzthq4CflF4yRPGx0Ae1kesyS
X6Dh9rMl8f5xIGZoRRqy4LvP8AoC3iXV484X4K6BYhohSwaRNqCT0bzs398Fuait8wYweM2U
zOi2c6y8SNZ1O6dc8Q/PUOrzB4WH8FOq79zST8B6nDkSJQTmeCqok9AfSc7IpUU9w4B/8lJe
uAX+iN4NVbWeoSAODd0YyNBHjpO8KfEV1haqX3wEjcj2EvTQTsylFSowTTW6jc80jwGdB4Q/
OKnfOhDS0lfmn43AJ6mlPml0Ng6lJQ5zl4LX8bIjoSR7gE8PADWgxYH5LYdnEbEohZmKOvv1
N10O/kCoIDyoNK0KlVZAViHkQ8MzzojrTEzhn6JPTFcxq4QXncRgSBKf8ma4dWiNDkXr+YkE
UknVHTGdWw9eUnFkynYMDWGNyK3qmDjAM/A2i+WFDJEUVCFQfJFgHYf7NLGh0Ls/6p+8VVyG
H8sOuAx4QiEaqZhqGFHho4KpTSQsWHXvDgoUHi5Fy/B+/x2hABx9fPfQVHSoGlpi18/vhMvT
vumPz5CD8+AZZaTqJRJCx+3ABVDQMH+ATyH53Ne59ja6O6ojSWaSEMn6QLhwmli1IcRT6kJB
LzeKH7mNVzCc5Etm5oBherwlxDkmpCgEJFxZ/01pedooQhanu6t4kkvtt/P+qT5xC15yIh1n
mtwUIPeZ8ZOqd0sywPYrZ9JLnYmAYg8BkaXQUlt/OxUD4EOaX6g382KFccrCeVCmFf0Ycj7a
Hv/LGT4PmfH/KdyuUq6Wsj1xaOS5eQ9G1oMQSKeyduaWndB8Cn8x7qhew7F1TDdCNz8GcDZg
XntG+6xyDjBJJp6RW0eqcYdXxM3hX1j4LfwgL9avvfCVE/HRYr0ddcxmHh6YxKHZkDyc6cuU
DCGHjpFsCTiTvIODPE3F9jX2Bn029TtX2lqP+oAPLI4jK7T9j2d4hv56vRQ/6xDM68wm8I3m
s3L1QISh0KitJonHB/S6m3RRUmHOhGDIn8JWPGf2h13yJjxhJMLlQi3sAiev5Q6iUerR/JAc
lEqAI1QFazH5pYaX8vPJJwJ7Rr/91oZhqvUjmAM6bLje4MZqe/dh91Y9WlN4qclnkcLC1yzZ
PMoRBgj7Pke31MxfRD8B3gEPn3SdCCncRhUdQLGKXcVTkXy5t/R3znDQMm56geGm+IS1p7uB
OFW9zEFzuFaO5MDRcPYQ1DZ6x8aZz3JcjMQBJRpdaLeM+7yJVIWZ9JGjf3ko/XaCmvzHfjLv
ugQGpmYzN1JavUn2QvrNpqkWeBtxbVShCZte5rHI4PVrVMCiXhfCOyqJpuSypLeN/UlAtn6+
P/xNofPUHepliqy0eDQDD3k7wQUd5FCPRs14uke2sDfo0kXhTpoVH5wOSu1Lz3obC7RGxJtT
9aW3c9IJDoVhCjm8+/jnBP/OWTpUVHjoVL+fnYaPqP9UvHRtkM0PdJsAoc8I2BDHkDJyC0fa
Am6NbsxlNPnPJU3EphFKB+F5QDEWwYUQe1qkBCAmkk3qQIiYyx5c/DtneMR2v9dnc+hbTJ0p
Ef+pHeTNixPsdUQoJxzDo5fjqDx8GEMKNoE9B9t5zyMyt+M9Mg6RDRZOzfXNv0PJXunRcDo6
fQ+y+ciiUmxZICPTyffbqxtOHtB1bVpXOxMKdOe0eL8ba6SlKq+lvnSnhRZ1kb4WflUddWqL
WvRS/Cgu9a/FYb7K+GN2BxXF8KrlLgqSn/KSnG7ImRswM5H4TBDVhvqFs23F5lQl6uFb01Hb
Jv9qPiDEMkF9V3LpL+ZadwmFmQvAZJE6d4zKpewF9q29iggHn3zHT6wLt5nO//rNhTq1Wj59
BXhgoOUm+gWAdhJ98Wr0I/dqalqFu8RxW0etkJ0LN+fAUABTxE3064m+8MDGtEbFJWOlgO0v

dCN3IkzlWt7XiUuA3f+lONyfaqwxg+k0be8WYzry86dXWj7nf4maNscpe8WvqCNGQjLvzTC2
J+78Ps5gBHcrOW/fG9ERXqZaGF2BTRyP4VJ/fLN9tH9b08c9QynYT9ZTOQDfeslKY6O0zNiG
5kwyL1Utjkv3bgNgRpP3l9p0p7cMJ6MEE6JG9kULmgowAEh29USJ/a+/xg1PWx8P1wb6mCD0
IxY+4FJElROXKCMay+vcMgdUrimgUQAf36LjOEwymhdeQr/XWnDX+hg8RewdoZ4xp+Usb+B+
5tlFzRV8997CLYgcyFX8GgLEdL4aYPD33ewmuxw/7SchNyH5vsApVYXBqsSij1hC1VUuJOd4
ncI0LEAtBMIvklUwW7JpYMFXhLS93AfTEFeIvq74FMHwNxPAZgAdYkP+Um8R9vOJ9obz5EtK
QxeKVajqlh/qIwUkCjC57ubMOZ/R4XX2Fgx9w0cVLPQwcpqRTN1tzqpzGyxdg7nlwFvUtU+d
7XCW4U/7FqiBIv/TIaOak1YR7RP8kvUtY0hGeSbMr+SAsmSvGkwsYmvAwuinUVSHMbc3LUxV
DdrSGnSAMsb6EDnVI4xqdczlyN85w7r28wxnXnxgx1IxIsM8/VG9T+bSMBQ4pwr7cokmaQGA
Ex0SWAqGoh641EKdE1TPeQkl8dx2FjSTm881FqOTSNWBInBSEUbapE9vC5eeMF/dqMiIXfG3
F6orbfqEoTqWveQpbYUuV+3XgXlpDXPb0hQIUMMBhgIiKDBwhMp7tY4mP41XfJteAZTdWMEF
wjGQgM3YK+N5W4laHDIP5S/lwy/wDHLlCAduGpPJOPs39Esejjb5aituaJnt/HscdjobibuC
jbt1ictLZnPQg2lDicq/jcV0XFjX70ub9dv2GA0VFF6tseKXq5Y5FA7pQyEVJAoAoo3H6wF+
dG0QJIzxa6OU1QQZiF64KcYdDjl0yoAYY9xNbOVvxaFdNU5jEApLUjliVXbiPVpSDXu3Z+7u
MWnx4VbeAC5hQCjnwoid4DQqNw/Osjsvzu12garG22wgKusC85qAsKMijs9p/nJE+ri4qhKy
wX3fZDzax+IUBAaJDxSNmEj5+EhoyeUSlaDBJuWRQUhHFHpIwQZ5L5mwe0LYIsxsCH+eX66C
jRCiFSsM7LP3LF8/ATRdmhGrCET+S2f4BCKiOwurSAohN82BKTVS/BwB7WPnMEbc0fKOrZSs
V/S3PaNtwq3vvA+vjy/4nOM4zs4QY+LeavuKpUk89mXEevr+EJcYv4lDTErhIN4o/UJreVho
yI+fmyIXNsI4dkPXBnzpAbl8FDu+lHdxqMAajO9qjlteGayhtOGVyLle/Fv50JXhabTAT5gK
8omzGjgLO8kLSwI2rWneCxu3Bro4gvMwis4FZSM3ijNU9k+IfXd6bJNTPxooGz8kRz6kIv0l
/24iM3ga44VMi8VbWyi1q19yjN095xvvqWcTFkyIpGsFV7F/D7H58G82c6UxnmKQSElLdH4/
5kY/D3wuCTJ8mRHdY8pRN4JyXQLFoZjc+S3sgwCp4hPIjwv9JDFtj2poQjLIX86HYzJ41Kvv
8vYU+lZrveUzuwgJUsJ61J0THIXb+9su8Yq57SUbXtmxn17Cz57C3dSzw1Mk9rOP5LQy/R5A
3D4uooK6jpfhfFg4ZNkTnH6LTkopSTQ+q4a9lZ0RPAzzx4dnNWlvQr6hXLEqOFKFopUE8pfO
sO8jH6pqRTrHZ0G7RIpIR0xC/ejNMPubwdMl68+77QZNNDgUBOu8tv4PPy7X2c8vh2cXKepb
6f/6F03hlFOGe1q9UdNc8Gmo3Hv4V/zeSjp8hkm11fhNZvejmG7Suve4E45hU5hFPofOBcZh
UK8y8PdvlOYW0BHjmJtCmKSQbqytRbQf9tfnNLMVn4yF3KMWGjWnkKlY2m6Z0N2mKovtPPyt
4AimOuGfWojjpgK+3fZvobUnXN11DySs89b2LNv4tOfoxw+kGNpnwKIaPFrHVsxtED+xUfPa
SrCZ1XPF5EnlyOgSDY/i9gnrVi916ErFqqI+CsqHI5T1L+XDuYyVkK59Z2dmzLF57x9pkg5j
rjNKN34O3Fu4q6RHHYpZDRR5XX/QC5iCz27MRDeLFPXzBHJ14pxm8qPA4QXsxrIK81P1Ngsh
B49+qsWPpDHk5N9/El1uwPfR+gsoNODxpXyUQiUl71gp/zLU2S/OSxf38I7C8IMQ1NRugfiR
Gt6XUmWcmN2fkSTvIRqNf/7Le4t+ZsWmcxACEja9KCgUqYKTYxYzovEYI4Ez46V2j5fF3LmP
pz7yOCPXf+gANyTCvGLyGKU4NfXh+h/fZY7xQ0rcfgNa5RYMigIo4dP5eUXtALn9+JRsI5Xe
+YUr1/rKSrRfcvL9L51hG6r9E/YSqKkBweKmUI0Wobc9ZalAMTBCjgtYMU3sy7C/f7iuem1+
U66G+VAgzmbOX0K6H5pzx5es2G86GxvjQIedTQrF7pdTWyof+T8/qvXjWvke1S+3lDRYS+0e
2gJZep21RqO1m6U6lkrrp6t8Y9KkWGYAS8yz+p/tP8fxx/jSzwPT7awIHXkHp8pEHY03kJGp
5tBUyQ/L13DzQOIROqtrt1uGcufRhdvecOTes8lPz7iUYblQCci9f0CAcaX/+DbNR+hdi2y1
uW+RjZVK6YJOIH9fVUE46LyqxaIMRAClpPfD94zfTYmoyPO58flLZ2i4Ns//LDRkHf8EBAh8
gBeq30PvoK4YRoN7+Mtv9MPFaf7CVwUUMkHibg6G8jZHNo0zj17Qa9QiYh+SJ8GzwITDxedR
m7eIWF76riafcjqC/y/vEl7Y7//gpFbMjTZP8hZTTU1ebmrJdxeaW41OGzJ4I9Ir11/y3faY
6gOfUIr/w2f/t87QLtPlNqtRT/hAXGQ9NxINVnZHrNttduqvOUs6nmanOnnpT73mc2Xpb6id
r5uJ1/0DOtENKfI/XqcAj/YP48amwlBqzrxDyAXU9wrRzghZwS2ElqVgbdor48GHe8+X/ev/
szNMu1Wi6gpKo7otwzVeDhHlhIMPhQt0EA0Lh9FXaUPPQyjYs/qcDXGG9Kb+FjP1gyfu4d0t
Mm+rJ/dsuDe11/yyJWhpYLzcIaVZ43+IRGkCUs4f5FiaUkR3U8GkThBNXAFF7XlJ6o23r9WB
lz1B4jdoQxXK8g+c4QkSrgo6yFAbXerGaaEv0OdAqw+rjcBBc93bLZIOU43qZy84n3oz25O2
sCOmtd/+7PJ2I/EVStOofQbpE6ym97z9h3cJL432sUcsJoZBR568m2Qt1aMjBPKptgUKAJTt
aiD3KK/b/1Ap/90zpIk7AEfNVYm3ueIQtxzq1PH0x+ArYhPbwl4BdYL1RidCRuvOM646ppe6
op2dP3E256KYzCFkwWVMV774tEmOCXJzpWtA7qoPZZXEE+aQYbO1y+vIk/vTg8yx1/JpswFa
haqd8olr+xjcmOFIxIBb3j2Eu/bcqJiyg9Tj3T9xhn6PYYMtciNmJCnKU/d+GWNhbu7Hookz
wrbG9JIV+/m/bjuLy+fi+rv+0e/iuK2lQBG742tKU/Zhh5DkoSr16Y+jEZzn9GEbDPRvXi9B
Bfo9ccnX9gSp26jOxOmoHHnq5VqP/0Xx8W+eIRzVpOaaj5ZAJOkJm3EcYiPGzUH3MOsHp1at
CWYtMLVW1PVYOzntCZ2xZsfGcDKszKaBdytnlrcwC9sOkmCDHjSEjYDH3qC7JJWhbn/yMJie
f36bhvqBDoWlfPO5IviYCsDLl2YwV9gbtCP6hkcgdR+a+sTurMH/XDb3/+oMqY6RqsqiZvsQ
AeWqNFzEnrMHfzKdqDRmepzzUxWpc5rtZfoyn3xhvRyXdN+AXHVqfy51gBtkZQwUi7Nei3k7
qXysa/7P8hFEyD6kRDD1JROiLNU6J1V+GnJsrUsl43In+xEmoNz+5XBs//sH//fO8FfGvixV
ibqcwH8AWCthoAvpIVhHSnGKXClxmU6xYFLmFbEtGa6742wz0ANqHtSZKJlU57EB0bY9eQeP
B2Em2m2iDhzQN6hGJ3A6Qnwte3x2MwYn0mFPafrh++wJgn9vQ1SCq8l3WqBfQryrFAnJAw+E
UYNcTd6jyajyunZaQnegbI/jcP9KHG5A91RlIGTjplfMIDIq1UDqGZm6+e5on48LUe9uf33O
g/dceKFo/BPS2z3tJa8VFoqQ+fQBPfMaXZNwyRO39ifv09Cwby5Tyr31A+MzZW3thkPYbLuJ
qDxWCIVJNEuV2m8MlX/hDKHngM11fnCcFQIktnC7PjKsiF3cG7h4wU++1ouS5uqla9/sw9/A
/4VSPvlOm3+2EHrY7CXAm9C7ignrbMg4xaQ8948TFsA5Veeu8EGdiDxd5YGCDt3q+4/7xSm/
HxFMGfj8gHmSXJV4jWiiONv0PffQXY8otHfn054T0maGycK/dIa011vUZayS8YPsSAJMxv/n
tTVDr0Cr5pqItlPc+pq62MiAeJfjlgnv1WvGndyiOkeF7ZbV+tNkFfTwmO+un9KuVU1uChFE

xPw8M4Xi3uPkSmSenpM31XNFUgVGeqXGR4f4IFxCqrSo+ETq/3qV/t0zxEcjLQRmgC1Ahjy3
SZ70xsoh+ynA29AMjRljG7s9fIi1ultZMj0N4dzxkESJ/PjLgYExX9erA1pH2cIPuTOxh3s4
HXdPnPccbsQiIFm/ztfZ9e9hXUaLsfko97XHb/cX712W/O44UgSNRlm1+w7/xjlI5gOSO3sq
F/S05iLHCyWo5YV4/v/6DOk9Kj2h9Il47qSdBR6yVst77m0LwP6wDrRLf6ow/XH5y9+7yAvX
PeKXEMaYz2i+4vq8WM9yst0om7R4JcO2/EFmWj/ETuQBBuq1agm10zfS8h6UTekbGWso682T
9V86Q7I7loZnDpG4NEg0STwSxbkkBdlDix65bpHrD/qJmFLM2Zsm3mUlixnOwv5xOTSvjCj1
zJFsMkK1f4aeoPzZpF8zfONxsy9hZkzONq5udXqeY3swi15BU9/uL2J7v76CZGpaJOYmaUCJ
YgNdOHRKL0BGgkrMGOQ48nuVH3L8W2cIcrFEImB/3JrnXMHIf+YY1bSZT6HKJszQ5t4d5b9G
9GxPf+efJjkDe8OvDrBox0w1pbHwum9QQrNRwcloiCdBZrFqEkZkHRqx8acrIBAPtre1OXeg
hDnqxHYBqB6TYPlEcqI3YuHclLa1ATyP6v6xM0SBjXFW9L0qe0zey5w3N6458IB1Z9HDRLYv
fKWki4IGoqUksJ8eXS/RZUgrIJe6YQkkMdo3Ey/1/C4e0g4+4L9uwPZ/9S4/m21FVR7VFgcu
Gs5RrHSlrsiwDimST+tPm4yS3mexFeDWgCFHs6Nx5sEut0mRW8m0Sh4t0naoHscfNTb//5zh
kdYGVDQ1LCIzoZom3jf2/Ti1hI8LmuveZMQ7014z28XYSOZW6m6NhDOB5mvjyKIljy1JXd1L
N7rXRA695MP244jI8X1GhD8hrbykark8aPbM14ULWM0vOmAyVLjBYvnfO0M69D1qTrA6whSk
9nrOIwfqbM5yiYblSG4CQkQe0PnKhXzv09lB+tNYlkcuITVZPbsY7H9m0bNwIuI8/GgCeYaj
fQn72L+n8+Ja/By02W/cDNVbPPw+Q/Xo35YiS5GOU/rhLUZf7ZEgMBvSDwG8/UJd0wkWfHY1
/YtneNAhM0PQP5PlWm8FwCWwF2hasJl2xD1urgi8YvOOowncLQ7Jou3cKy4cgbsT1XM/jAHw
7beprLYDa4r7+pTdoOr3uyF4jZ92cBJtkqFXKeQGbgeKGVkubddC2aFtCt43BLptUvUvniHF
Bh7SS7QknR+EKSW0ZhNRf/RZOfXyFh5edxibUzzNdKgnsKpigFu/GFbVgWR/HqRqnmqcwUPD
n+URDlKKmy7ZteN7dD9yY7hxMGZiT1md+tLCszEvUladfrcO8uv7pV9aJeQT6DCoXTuPKSD4
MNao0ttPUrxuEAuTr8Bt8YjunzxD+WR2Jusmv3JLp+4mL9PUbt1dOuNsexuLV3X6yvn1t68c
EOVu2bCRAXnNU991fh+B9xlK6L/Ffbf2thhx8FaBgFJb06moTPtgkEjVA6XQRgouI8vxlbv5
r5whnrM0HWsAmq/5HJt1dp08eqhegEUvTYjmuhTtSIPNOyeLsHHxjTEbvNqgLUN0JfSGWYMG
KuGo/qlnfpUiIrfqTlzOdFMZ5nYSHm7yIXs/WgxH97YD9OtKrTT//SGCiPQugpBcnfRVa9ly
h2EE3rl6XFTHNTT4Mrp7Ktb4/5tnCBcyiMRxP5eSf9o+zMawD7eipeTDasrtS416HHev7nes
p+2Yb7jvoagBzbduPhr3vUM/NcP9YVRuxrkizuueTOv4+7nN3t6CTRP0K4Dbp3HsoeOaQL6n
NMsSi9jye+zvCUZR+5d/8wxh0ybPaQ2wD0AnK62acpYc1K2dIWaY146Onb/cX5NLPIxfjJ7p
nLhoz7hxZnqw/rwObTLFKHUTBlp1lh5x4+5xzjEsr1UmPYehjwNtGsmZ3pkegCopVuW+A2YX
vouQKZa3+Hq3SxsIbfwDWv4RIB55jSq4v3ef3A7ZJ2ypJt2bxuT/1TPEdbFS27R69aUIx22M
/To1Bb4mnh3e8tIpHmcF5277jf60Lbzz6t0ZlfVNz9dv30lxOzcvxgivDkc/+vAtfhEq6e8O
ec8etr2YFoOt3YZhIAD6i3xnEBElQZ5FUzziv3qGkhKaFNBOso4Up5h3P7w7r7DhONo5BfUB
GmuLW+OITv+2uOlkY1zD8ukJeoH8iKqWzjXn0aYX2RIpdLLqv6mP50yFHKDGJ52i0SuL6k2l
fXvP7c7Xd7sLeWwkzDpEIWOJeRgopbUsUtNgQTevawyGHGjRtfqPniEnXKjGpKjfnTJFj3C8
cpR0vwY2MOUNaL2hylDjiIcezWudes+vx4uHzeV58Wqx7oxUABvNS7Lo0vYnD6kWbjT92mL8
3L7F+i6CYqGpdSbrqxQ09vYKypphNbLzbzG7CfoDTT/5Hz1DaiZTU1tq0DyicGNGwl6WAzWA
hxN1uuWx3hrEzOaE3KiMCceeEoyoduJIl75Qw3Ti5kNLT+VtmJ7bOX4jH/FUNJs50dFHB7cC
EXVugB2nQxWYIP2+WQ8IJ8VP9WmIS+tfuyopV3EbSzb0cIPJrhoyXJr7NOtFvZNTmJFjVqld
S/gnz3DkrcjpoMt37u+IlWS+MY25Y8gIqdPppRhzXat3wspVnS5Pm8L730vei88m7vnLZnF7
Vl/M6ZYDw14Rl6Zo/HaL+CVK29pK3AtQA6lxYxHGIB0U00y/LPX+qonON92sj/69M6yLrWXl
GpWcENjYZ1R+wZmoF5Fg/MSyn10NkLPqErRVksjM+JxZGS7sAZEJ0xpPne6rtXjY6HxS3gbH
BSNTAmHq3bVo0lksZz1hsj8/BQAf55Fyb89hgN+GsX+/zm0e8ky9fvgzPbkkFH2TFAKRfVhv
WWIgXnhdH7T6sbYIoBQXonPbP3iG1oshY2wNFGdWnXTTzuWqOFUHEh97gE47YyW0WPOb4oYY
tTNB+eNC3binXYe/XaZ6nXZ6Rx0vSon9zKr9G0xLta1ifbPxzV+oOTQflQcH0A90EanmupjF
+5apNExXrnhWpZuyw/I/d4ZLtggB+VhyT4HLdEMGo5wIkWygV+KGgTLwlKDxlqWfm+Cn1mqo
0tlBWH0LI8r0gBosP84jm72Rbfx0v0SpnTFQpr4+pFebLHIVo7q4x9mWmJTmx1MM/JS2N8O5
UkN43VuAsbu7HtFn1t4qFr3LsO1LMGqaSM3WBwiYOqm23f8y+v4/zIdKWKlgAvGoVmaW8WK1
m2NswibVnvPcVDU2kpkQbpXszVeR0rpfO8xLOcq/dH9epWDf7Cn9uc30P8C1vXaLwLG9ViMU
G9q9NBEBWtt73IPUAsPbAzaDnjpuzXjNjVWx/1+wbf9XZ5gPleyCYaLcH23j3zTqfbk8VPHR
AmNmoi5iYEY5XLuefhQwvYNGP8bP4V54LAEPRDuVuIdm4gByzIycbm6LvlxmfIvVroN7rPnR
s0ccujasgL+8ny3AyPH1mEtxbnni3y8mrl+iJ18Gb7hQD3i8VkdvjD3BFhCW6XAv7wkGEts/
dobtrCp3yFGBFdvhshrJACaVBXmgN22jWymmpou9ATA4vSGbdNsKjmvvPLZWotav1xDg0q5Z
btuNLalbYg/DvuilSw0XjmB+ivfnGSu28/NrSqzlS3MBC2owRSteI2T2Q8bdellF10x+aWzY
aIZd7byC3Vv/WBxOtLiYMkEHIFN2xBuK6gyOISBKHHNEKbhnXKis1LKHf69P4EhIq0j3tUkV
Ef3zUtfDDjImfvAaVzpb9cZKHOoZk0s0QJx8oDqHp7fFYX+diFldyDMmPCf0N+tf9Jw5F//a
iydoXz3HYVsyydz2UPRDcrs0+rG1QdbRD4HqsUtdpSrtefabvct/aX94ftwZ/mVqc3zQT3cf
jsJ5dIHySNIeqMSznoT8tTz7ytFIz5F2+wih1NLCy2x1e9ktXgxEjcHtVpPetfnTh6ynsZkg
8vwlVuKXaWyDxlpJ94il2lck0hyhu6viYYFXR2F+bDfHjX/nDMM2BKHTtqPIpnsYuMHKV9cP
Rj5+MDDmrL5KSf5CIpnUk7lRPjYBdPxw3hjB25cPsdLuOTy9H/SLs3nT2FWI3QT6Tcxmgnfe
qs3bpequunN6U2VvUiy7Lwc2V9Uhvl26qg37ZB+9hNIqpfZTAq8NQtxw08HcFOB9id1zGfYv
neEtGne4SKv+HJT/6Go86sp8+KQa+K0BxKvgQFJNcq30A+OB97ODc7eq1zpQuiT7t/fAs2rG
FYvBII/hfK2LeVd9GI1Kj5v3+iZltJcIKiru+2VT4jFJV+cLdY+RjC9fnTtZGO5jJv5/doYP
JXimCW8eI+B1NeMOT7hKhIQxOzrJiwnzRMfpMuKPPtoO6O1cG6Ss6h4vmQWdtuobHvESKDOP
CvdxK0KAxIFOR7fJK/7Owc4OCscB237E6gK2huRgOIpuHz6NCYIm0q/2dyPTF07wTDkMrL+f

Pg+3wAVZIrnGzRfMHyHtBhYRxIjqDBwsrZP/uThMBBpA55okdWpQg1SjCWE3/xZp7JnT6D1B
NdFskQb936Zlz/HKL3x+bjEAgQR9+hCLV8bTOWw/wnFHEhzHZ823I0kf+0GyPXwR8YPwXtm/
Ck/v1hh73gKse0rmuAJV+Hy6gvwzZ6itNTgR5XCIw10FxJEN9uyk4rRT5RW44Sb1dD/ksjgB
Kk03+xmsqeq7VK1JZ6wjx938NEbPuDLAYz7uE1UgxpkbqZuDaauDq3DAGL4yO3LP/10EVEcl
4Pe/YDY5PcWsVKEJw+0kLRL+IykBv4c0QhLpFoAQD3ap1rUFQEYwGQ//kXnxfzanMXWLHd4X
fY8HBVN3ldn1kh12nf/uu+kIcych1ShmcdhypLFHRHUDbm3TmLm4Eq8bwwqVCUpCtuDexqMP
6iOhu4LtZHEsx3ew4PzdRxtb/BKH2BHSlRT1qJpukVxRgXfzRTGwtaa9Nn2M45pNn8D9O2cY
WOc5doCJIuUzXi71xSG7I89uWOlZjTcHFV8PDKNETQ6wziYuLWHjniSXNBDn0YL4X/aR30fW
C/2ymFsrPzEIRO6lXn3bJvkOWNRFIqNKJtygri0RKHnRYc6iiuG//tujGp7j8BElF+ZKx6eV
Z1jMoVQlathaScpPfqM2AdZj/x9z16LYto0EDUAAQQgkA/7/x97OzJKiZLsXp26S9i7Nw7Ek
AvuanZ3tlCPFhtWQyt9kh2dEpBaZuQzo6gK257mxW69POCjxYcdhN7NH12+5+y7t3aMWl2L6
joljvv0aEQ9QGZsE8ixkCG7u/vKOLEtyNmrxyavtX46OvQ68YY0XWAuoETsWBXs2SvUvKUlR
/re/9EFS7xIk/Xvi4cZdFZhzHfnGTSxYBbfoHjIsIvvMzFV5SStHpEqD0luKBbOziQgqNOcn
S14L9oua5UzMMA9a4eMgixSFqz21ztuBwaIZmlBn9581aa+B+AyUGTfOafybZ/BWSn6KlQC7
Q9EObqiDmC+5I9JzHcUs5XZ6oNG2lp62LyKxwbrgv+IMHzlWkKJiHT0AmVCQmLUicIFTVM2P
0IgkFpv+sKK5aIN2KmF/rDER2nm/dCXiE156IC2pI/ejvWdq3PV2jTNF0x9hf8+x+yU7jPOL
tQdu18m+xeYYcZuwn4syfHJF3MyW8wcd/P632GEgjxOd3GbOBRCwwrt2kBOtoPHdMNql+n8m
o92srqYNIqaQiwRgXVcSPVnfWZX2RtRF3UD03bDn4i0kdSKqeooFOGumHJqr3c+thKP+qxHK
jdIRn/7tFG4MLrl+wnJxiz96LlsNPTSIDEbHYC1cd8ZrAY6LtDLzi+GF/rfEw6potiLqIU+r
hfaHNz+0PGAhdtM3NHVdiJ5fMsDNxhrYIx6upewPzcSr1uJznVgvthiqbCzzDHV5gI0078g3
rmGv79Rh1l+4ri8rFkngt9q9BUb3SN55UqicJ65uoYajrld2zOZvs0OpWtzso80xFctL6xix
zagnfI/8rCvIsr82QoxMwKnfannbBK2phtQAGvQgDqn7HkmtAjMccxeaTVrZKyQ6Wxo4495a
LyRApMawiG/ri8qG5fgWnvvcLGz2dFla11Iu6etho+anDj8IVH3eLKSXgqtIISN6DPM+VNzH
V2x16Gr55oMHFDv16S+xQ+WjaPHZR4Ry/JyjlRRMyfA09S+eJ/QEAQPjTBUoZoBrW4V6BXfE
1PjEG31vh/HMg2W7saRrfNSLMg7xFUgqy9L8Xfq11uvxy0rfa7WT78+Z6tobtbKwuKvUA1Fd
kQ2wZ89iH5+UMvlNG0hOZkL7G+xQyT+6nos5xrkEu38Vu9/6BoSN/8O/dgOtgF9yND87EbmQ
yXC9XJo2K/ztg4EJgynhdG42hCrN3V/lrvnCFPdjxxPEE2575CO5271/I19A2rCqT4U5H/9N
1EHlw4uoH2v6mh3G1J7WXsR6rz1wjbUl02aJcer3dg9vAYsP1/RWJgLdINVQX6GxVYxxKX3C
vyIvLYd1ROgeW4lvZ9gHiLG7tlp5TmP3t6DAhdI8IlMdR0kMs9QcYa7kcD5YNc8abvsFCw3S
i/J68oGtHlNNqNF4eFrKxF8RKVoy3V2kuInF0C+yk+ygnromUCldcTUs3qIkwtZnuHUIC8uf
NGXb2L++ZK681LKKud1/pQX1Tbvz7PKGOaf7wxlYKvnWuZ7ILMzeK8q1jIHYRaN39KQ5FzvI
aOaIB3jTVng9aG7rVJcf/b4pBmfDxCSN/cdElJKee7VYk1qcvILQij7abZcNx9J9m5b0fccR
fzP1t7EuFHOQ6SvdgykEi+hP279bQ0JX14qstGXzBYlwXbPXgE5NsouZp3CzhHzbl3kt97qn
m+XiABx/hS78LWdIy2F4PhKrQMYa3Ze9azNDqZOTlwFPyi4GQsG+sD+OmVpnt80qQvAD4H+z
1P7QvSi+BeMRDX0+WFu8zY12H0CZ9nrdH6WpHUZMdP8df1+0BpIcJh3vMn/RDpT7PtlhK7S0
xIACq8sFsxUZTfCcG3TdwWqjojmPVVs9iO/0Xyh1vuMMN6vzuE9cusbsGQKUIR4x3y0qNt8Q
uDDiwamh9jZnmuvc7McIa7REkZzP1Ic2UmF6JUCWJEXWg7C9lmRd17IiUhsK802Wvdojal5x
TZbG3pnRYs4i5mP3WTJLQDIFcMuXoA/fpMRl1zm3Lz3JMj83oBYiNVaF7r3hgrbYYsezGAGd
4GViaWOlRkScgArjjTXILb6FX6lWv8UOgWPCvrK6aXg0sMB80O26bwyYlVrACkXKsL+J6Tv7
oGlu3G68a4iUDhXfZ2hPW9yfFYKv+2TCmcs1dSAw5+JZ3urr8joH2MAfV4WJkuJxDUrPHiaJ
CgDe+dolnp8ePXVaIzVcUXZAvyrQJeFXM9rDhEWBrJJHkIXaJm9O/ZEzvDWGFKSY/PBJdfxl
Xmglvi1gQo4UbRcLoJAq76VVKrIOAr65YptMOdzzDBjAHkrUw0c3PfKYp2uDj9nom1leIzsA
Dri7Unc01zYVbNMFp2beoztVbKyJl7VDIWG3F7rO/cvzgM88n7BsJdSWAlh0jPWbpTdWQHVw
cia02CwS3rJvgN/xdZv537t9+b38oXiIiJjsUdtD4JL1OhffX3H5YIVkoUXZhFUaaPZBCtpi
g2Vs1E3CWNfetOZrIgOMGSp0DUnEQEEN1aL7ufvCcdOqCXziOU2OFJuuus85lCYdHK7jq7hw
7WLHj4NcS/mWpwHfAthvK+sCRT88G1C+Y83He/N+zkMDeaXdYgXfn8JpypBLW+b+Q+lxOkZo
b/vBFCtMH7z1u1B4x+yv1lRwpnJmcYe+UmRAKs0Rcjan1K0zd1NzOY5wIzwOzBSyDTdfdZAo
g7uCJteUp0L7bTJvwPUmxWx5K6Vin7C/Q+wvZdejh+94Ith8APZcqVZP4bMUBpSF9v6GzWsV
5Kn1ArcDhBvxra2W1KY/c4brKEyKH0si4znZ82B+Jt+2qoYTeviZkpCBPA3vLM4buvkgLbCm
AqyjnfIPJcWe06U2POS7YIB3T82LjwO0vfTrrBP2McYz5oSnKYt4UZn6bH/NpyXGs88ZS0V3
BPmv+qGB8gQHGqr53/5Bw6L3sn9ZDPO7avycJzq0efjdis++dLXia9vlSWWHOEZUT3io3cMl
k55YYyLBnRNSPR9tt0XjNAHboJg2YJ9vpDZpY2V6t+oQloluyGTGyP1Qtefu0As6keCerhY8
ER25XxEO9oMdwtrYRnpElF6c5ipcgUODBiwHUk2p8KsuT2PJMUEtawBw65jpQlZTI2plS4Fw
cUbb93R5XXubcPXx62KY37fvCQg33Eg7+tn5qcenyu8srAU/O4Hd4hmY60BNiaFGEPxRRtKG
GEi1hXrkCy9bFZUmjNdz3pH88FZO7JTHWBKaQeSyHtNPGHGF6n+4WOH/s7TNl+WiUOksThBb
u88tXR88dpVsKDn3XhH9EvJwJt64vdxOPl75rGBo7MwF4rz9iTPk/qTZoo3XSjd75jU27/P5
vW7jqDHoS7HrqLdbRGI6qEWnONnjfdMaY7hbKHN3Nv/FlcnxYHND/j1Gs6oazq4F90+kEMhS
9QkrNGpjsay5MTVKtZW0ulUhFh79PT2Lt7CFuN1pd7dPn9jdV1Rqwn8KmOVdzq+5j1jMbVum
R1QDWqti2GwBapLslI1dxK7Hca0FXWFsz/iaYs232eHiVRrWUu2O0YycT/He6JVilvaquk2g
KFAkgr5UtrmIJRp8aTHlsFEUjGPF+IGKcC6jCSNV89csrzgWg/qslof6E9e9t9wuKCr+fDtp
Gu87iRrDiacO40ONUU3u4t1BVXZx7xcB25n7PUbHzOjgbBR9ycjtmAhBahrfDR8kzB44w/a3
n+EdXIqYpUPAa4Y7NdfbEzCNLVrLwW5D0tmo7MkZIIGYmJMtM2Cqqg3GCJ4Z/cMAVpWOcSws
GlpF77AyC51CZUxcUyfeSWu0dIcUROamN8wdc+k78Fcr3pjVWuRtj9h452GuVOXfz/j3ZbQf

nOXUO9M2O0JIYXfHiMGdhacqqKQLrP4BWPA1S51zn9r6J+wQPEuo09+FccCAWPE/a2dbiT1m
Z2N4W29sjBVHO2NetLZj2j0GinqivaWyTd4A3PnJ6q3p8ujS2Uk4QDXsK0r7dGp8xwuB2E45
RdewiS/Kjdq/a8kKNUgLSpo9PanHhdP+9GPEa532E3oUmmGPATFa7NqFI9z4xJbdNekgby9r
x+yVW/4a8P1tZ8jbRd0zq3smJCdWgk2XD00n0lNauI2MkQ8UmqFAP2YxMtHdbgOPqxwL4Jne
DM4iviHBOYgAqOXivBTol1os5H6aoNE0y0q1+9CCHbYII26h30G5vc1SGws42xZYwpUiqS9q
pwUhQnivx257WOe62aPeoLJofwHdkZ6itmMjZk7nf9/OsgU4lKqowr7kkONZEhioELOzn4ED
tNIS+Tpb2DUtRp//J85Qy2SD4w9jeS4tTm2y0hD6c9cZQsIXEZHc/ex7V8GUPiIqZXcVFufh
PXetDszOQ2l2JaRE3J7YNZjjCKd1Br/x1a0Ncc4qcLei9dQBv1gD/6x8vA8bbVuLXY1dEmDn
4KL3dkFZqrO+qNldoLUk3zMDC96o3fYwtsuWgIdT+xM94OE9aFIOLF15SpyhKk+EH9O7GJpU
8JtjZ1dtwxHxg+qj03XN6lc5y4aNW81nRLWnMjlV1TK9GmOFK0t198gnFxnVcJo29DzM3lJs
CwpPyFlg5gl5IXRMm2wRQ6sq7if/PlDYQCckQq8/wkotzKHdAW1LwvIDgzqhEaDHbesOcmT6
UXvPaU1rn7pgYnkUBvpFS1HCkys9BtHD3P7EGW7j3PfJOqG/QBBVKc2e7fbf8zbL5mKPnLtv
DHCVfOi8KB76VuSTCuPGV+kY20G9gW52Jk8cUan0IxaGsz3tWWw62KQVtksoFvsm1tMWMNKG
ieTg0ZAFfEMNiXWvOOZN81L216waKuozwMoi2E+eo1b3gz5M0te6dch4H9EefgbXsVN+6V1q
6D/Wryx5/kY7JJNw2n90ZDORGntHVnoL0mqycnBOW6+VonPAuDMP7rZLMCr6rDpqu8hZDHS0
+DQUBMkW7bQZPhendiCywvYsB6n22MmefvN5jNsu7ilqwYh1hAGxC0GRJToGF1uJ4awXr09k
siLP/gZnHd/4p3cQrqBVzB+i/8ySnwi0J1jsrRQwuzELxWBsCLVR4IUz+GDaMltIuBm37eaX
5SooeFM/6g+coU/TI22GIs1zB0BDaeZELZSvqJhoRmMJdsvB9tp9hVwXFq5LQTeaHYJDd5JH
OkuJiROLKpyFtOZe1V1sdlHyS7J/3QCFWeNDvCsJbVlQyNaHptRLbLQox50VFHxnjGR9mats
vwkxSqVW1JwLM4OKYNG4+7eCUTQOAgje9wLfk7ts/qMyIn6FJPl9Z5jz8b2QjOVxjYeBjaDN
7iOgMJTtogkOWiFW59zlfLPuakK9J21BuL3ctdbaWW8H7+OGeX3FS3jZarGqopCwCGm+Svo1
9yALgzBRZiehZqyVQSMfRBfUF5CeMTMq5jZrvB5dxaCUGWID2xytRctdwAVFl8GCqBmdlXtY
DZQSShhseYRGf6MAGNM01KElgw62aDkJUOAbE7lViYt3ta9HObG7sf2BM+RbkgD5gHbgs6N1
yjxn660EDLMuZmE7f5mr3VvOSDFoDJ6mYzLk+NLFziLxif+Cb0cmeZqzY+LMKzSZv1qiAttf
z8x0oqVEZ+QAKy0e9aQjdVSIqyOn4kk5k7lc81VFQdSDioLB57L0Jxh8Id2+63NsrYzYxYce
fO+xkXLu/vLV6k/Epv+BM0xwIQSbZxJ+r86gWxmHuzvI+yuqDhxas9TCjmlCxyOqS0wuVCYT
zirhvLj5KbFRc/8YHmJaUHyQiJQmpA41Mn5FyzsirKOSco3QZcbUiJZiZzACW9Ct32+taEZf
aElbmPXqapB3QH0cITiTAxfCdSahnsly3dZnH4UpFMjqb3VNzSxPK9aRJ0iaBopKIfbTeR/M
2UsiE1v6/WfI4oKN6tPiHrHSb7JXfg7S6AzxRwTKh4YTx2GHwOqGC6BxPqM2jWE6gdEPVXt2
FSX1LxOIcmHbHH3DwvlD+1mHFSJj1SNMZL+sZ08RafLsia/OECBLOevPyn5H2Y9c9KgkD5VG
SXpBHCPiQsMzsT/6SLEX73eCw34sM3vOUrefx2q+7ww3fMgioWO4/8s1Cm25eeXLN9p8vMKp
NRzD3m8SzmBdZXbEsIdaUo0nNP2nNsSMJieOY01c9bF0e4AB4xMyYzLizAoKLWy9NGmxY9H+
wbSxCn1IHDMWsvUaHQCYD89Nj51pkAA+w/T03I6e4kfdjcHIB74f9rzhjVVNlMxiRWL7Y3SO
7KH4eD3FtP88af8b7RB1aUGF0R1jepzhsbiYR7yB/+314XCLHdj9eLT4mbsJLF2QxQ7ZwsqC
RERw4Qg6w1mc8araTKM3Ts2f5xeWoRAZkDWmy403V3vZubhTP8ciavVxSalc8Z31Tyej7n5R
nOeD94noypnnBL+xn/Mk0JXgAcXLe5jeT+Pn8rvP8DaLjCG16nm5vIGztQZ6Cd7ZcD+IT4Wa
+FYREbNXh7Md16aer9khMW9uLksayBjNQRC2o/yxaJoxYiciJJhdyEcxEo384Lu8PfPbAq0O
deaPs2sg1uqG9JecwU39Tlq6f0/EtIK4qf7hatW9hdruc3c5+3ghb2iychjexMp8CChG5y7w
o2/E0T9oM197lttP9vO/0Q6FMmFuARTuq1JSGwfLpnLpeBhimvJ06HQLlZU4EYGGG1BRwd3s
LvKnTFWJn9JTErhaHjRtzk3YbzZaWpYd0tMq+sI8+46FmteCevMO4cUiZr6WW9PZs24+DOIm
yW+o0Vei9q1z05ryVoEOQEWRGO1cVGJvzD0Drxw+VvmAN/P83kr+3WdYFudGJjrFxzVbk8t2
45hgkpFRS+bjejyzNnfocGnPmWVg2D3/mVn08wAXDX/PPrM4VC/q6yjAVMG5IQ7jJ6A5MWUn
EsqByFu8zGycLlE42AEHKEBzxi0fqDUNPAt40eWpqzlyqx8ypSCypmPnHfNc2d4LNU1pzlmR
3VyyXeMK7etnJs+GdbrlFNMNof7mMwyuNcMiv1/jYXrolzHWZGUe2m7sX4gPdlc15vaKoSCL
KXKvFi8rn1gWKUNZqCNYTG9a1kCTXCgz83vrXdiAhrpnve58hDeaFrCUdPLbsK43P8QahFS7
h5d9UZKb5a4ELNHcxFbSipiOvcYay0HHc8p9xgZblxxQqUIBWl7S3nK/cAmuR3l6sN97hlMt
ZWCGADgEJJAfpQ7mgM8Gt8OGPpS/LDrDjd2KOKRiGheNb2DdB2czsE8RVAYinAvvQKZmkduJ
/VOyqPbLUXpi41sNuVow89OeJfLrvm7xccRxTCTbyQAQypd0RxwfdaiJWAsLVGPaOxP4JOWW
4GzMtAWN2muEeotocoDhTY0OWaOoe3tl46VhyfMcXsZ03uITX/E39i0IdNXheOBljCSUeomO
JG5r7sjlv5IbKBLUg+x/Pmp7jMgS0PWmauRyHNRxKu7r+LPu2q7CANCHLJynilhy1ktjPGWX
UgXbrFEZ+7rGSaUmmtoT1Uvn6+1O7+QO95bIZGiJFuM72EFEgTQcJKWdrarapGLO7GN7FiMn
S3U0+Rs06/x5b/33nSEkykYU5e7GYPG4W9kczPE237r5yFJdr42fSKu8qNjCFauJwLdjGkgM
EHzi3hZl+RoyGw8ZSZy3OFXNK0T19uw8CoTtS0+WaCINbBUoJxb5ta2RpyO4ABuaqHmT5/CU
CjIiEo3VhZPdHwxZ4REU3bCynyIq5hqzEBlMAUeN3WW5kmPCz97tLZrjjT81d/8TFLdvOsPu
e8IT9xiCvbRcomFUKuOH3a2OG8cwKfNsD5SLclPml4o69l02HiZM1I5kd3kE+UI9S50hDQTU
Do3ZD9nxWGpeYrdjayErBxVDte4TH3TimxgWmlaOpi7v8kSeUZYtLtnZzQqTw+t18z2h1wrc
oUtMD94I/DRuBwC9DfgnPxIdf8PwxU8/2vW3nGEU8+WOLfcZ7HTXDDoOkaeRTwQjVXLapArh
vz8x31w4LSsAhpFvWbWxs+0OWp2cODUXPYGgOWXSOFQregGQ07xb/lkgimp/uP+IK2nCZiJ4
2HZ9Ok3MQibhslt+wVzimoeDe4tfPC8s3A/oKNeCTNOuQronFpXmP9BgG1STW/xJV97ZDPDJ
t3TdfoYx2H/HGVYLN31hAI4YNwKZZLnWh4nZuL+XZWiTFwA2tz1nnnJL/d6zshn2Z7GnTElA
4Wy3o1WLD1A5bWocgHfOPqOqnCN30PMx2YvfrZj697lD1LKIS2ttzhB45uI80BePzcNVgcah
azUOsSSKBjaGgdagF8w7hDGgNl46EIXOIVPRLXDK6meK+Pjfn2HI2DDXdsvM9ilJuHBmfThd
OUQUZsUGYEviOvxuGnom4TzDzOG10IcXAfg+K+vDmVlp2JfFkX8/RJUYLCo446ac16eq7NRS

qsUidMIeDTMSq2OwvX4zI8zt1s0V7DGRMlGX1D7cNBOAk7FMHMqEHRCc/cX5C45gE8LZtyKk
UahhwXaqdu1JUpJdfidnrtjVoM59/1zg6P/BNf/6DBudvDYYooXPSbM8lmdFazxpxIa1enOe
jQmqkz+OGTfYHLKmZxbOMsB9ztBl3zGtGI5GwnwUiMNTTWre9DVXrzjotYDLQOce/AHQkXd7
ZzVLCy5DHBeMuAjfZybTmJt+xBNyJox6uD4oMg78J9vNGWCEJqKpcY/dxfUG1quzjfPaj6jK
zzuUru31wYxb94/Xgh1J4X94hm9RJRraMWSBdaWaYzz1LfYfAUlbj/fo/dsk9t7QahIHd/jg
uV2OrUF6WthhXrDccsFcKmMk4ZHh1aF4i50tZoDXw1EUYkCWf3YMlSa7XB1Xy34H23rNNQMe
h0BOSeRh5fmW1g833iv59TM81A8VC/kWWrOquG81QYUnRumyYiw6gliw7uu79OVNxEvzXvdY
qXhpfw3K/ftnsuz9v7RDukN/kbtdsKwa6iUeMnHt5Exj4lfRp+swwnmG3q1XTqMZGdircDaz
SrrV7OjpWBwwXTDIjxGVGTiJWZ2axaqn2V8H+zzYz/vSYNdzl3p4hvubraZj0lnGZ6r6Xs3T
OQiVnY8u2VHyIyBscKZ8PYnNLrRrIb/t3dHAeyHP7lVi8tFJiZ9Vium/OsOadfun5DKz9juC
uxxPegLicgvm0+aW2sx0WTDo6b7cLA9hSMI0CzbQDyqywzEK78gnMspG/zLqZkdthfKytXuN
TfC2AACppc0UILHCpGIJaF9yDQmSopHfI7AaaFlk3vvHZZNG6bJCnVcXrnvIP8SKBDaetc2J
736PAUs6u76s94sy3Cp+LMQcnlQTP60Y/5Fd8y/OUERBrn8lmF2wwJGpA71pTi9dDTykheIJ
bLTqqB4XYgi81i0QPky8dMF28sK+xaM368+JfP7sHJlZvBh/ymrCh75COhNErIYtU+TnYgMv
kiiisgtbjlbuj2Oy6Z0zFTKD8z6RhRNk06miEAczqK2Mn0x1Ef3BKhI4I8T1YJRWbl6rsfxs
m3fN/8EZrn7dAor2GPPAhlE0re2ZdA9Sz0zvJQMbmX1lDoCd5QrmNO9w6yQFXy4QxwJxwbLS
ZTrIGg/QamwRZokt2/f91sAfB9tqPsRe7V2VGOLW17DOCIUTJ//7jGGZaI6Bd4JLCUfJeUrQ
epzeJTUOtIkQIqTcxfuOOjE1Nc5i2JorXdWt3trwjj4YbhsnDKSlBSP8mnxDqm/ffYZFytQM
a/Hs8Vo08j4gCoVRyxNlKu/XvQ/KPS6O2cE35wEPlRbkonSNCdXhzbfsSSlssynySuaZEni7
gB08L1yow5kmDIyjM2L5YO74Wm4K5TTjQpxvPPURrwHx6Fh50aNE1St8RnWwTfF1GUCBkF7Q
OmZ1Rt3hBPEREJ3z18Uv2vfa4S2S9Ml8C8vjNNN5t+tNH0EKUK8sZynLmTCfm9g1erhWJm8X
x1Vdrt2rPa8iUBNa6hrJqV2W7C075YYzYTs8lUpnihJ+iunQfWefymywQClgi/eyzfCbkPvO
4M+k2uBMar0xmW1z2yW699pS89J+HDJzB0g7ztZ+xnZhvKPUkpKuEpN4phwqOGFEslPfSiSh
P31yBvcP8Zv+nWcYVLlBY9RiSnQ9mDifHbldXVDGqrnVSrabZYYX+C3TL13vVnXWjHpOWVAq
4iEglQrHLM1Dx2+IYgICKL0vm29TAxoadz0zNfiTVilQicnymIVoClQWcK9RDiyw0fsgsprX
8gFWU44zXI4m8pk0eYWxiB4D15PFVJ8RcVtDdIV1wnBXVU9sl1pxM1C7Bl+4uf7U7Hb7vjMk
QdDy4ps9khSKZ0xF04MdmEdiTSdvmAcp8dDXr+HiWFlsPSW5dIHaSeangIBmqcp84xKPIkqb
N+GUww6wrPdepnZPt31qt76F2OXv+Lij6LvIW0Ow9L+ECC3DWjaqE4M4QMoiPG+1cBbeYzXH
FJpc+LhUho/GIi4IGSKNKuKWJiQQIO2xbxoCAhJc2fwH0LZYLpwwhZUjuG8ds1M1/EMrWB2f
+F1nSPOQLGV7KL3o8XZY4z7loPKbcVORstAWHsGQ5/AuhVewkxHn4bXn4IPQS3hbUQtcYA2N
djZ7Ziqt0yqWFP96rZuvlyaUlYnTQgesqHc3PCbj26WeqdX0Lh66Qtns/J8T6T4aYD5d0jnn
xBcGwOYzhBq/WyxstEwCEFpgAMQtJme+Ypuh4trfbSJ9hd7u+VvOMKjYgTpMy9xfyKqmecZY
CyXVI8p3z7si8Grketddul Wd92sGOOWDcehANj8wBBowMDvyW5jVPqSPbvzqst/KWlYraYIv
Y5VM2LmeLqPgIZ2+TdxvaFkjkvpm8RA7UKvFcGSMWjPZykhxDa+VWFu8XX2ISY9xtIJ1kpYP
TXYSWJyuy7Us0N7oVMJtHrqBPxwz6Dm0scYAiazeelua3Z6Fe2/CuVrzozP6bAnNl86wjCM8
Y0Cr+OA/kXrlGJk7JznlcyqRub21Z/R0PsWIjt/zxQlO1SYwBlx1tRvcMenlPEQl6pWL2aej
D271jIagcVVILlTg5BRu49EejDFur+/NOdqWsEAOj87d4niO76WY8+yw0BCgK+rACdZQ+KLA
BxDEwUwsxrehrI8mlzdSsF9NNWLiJkWwu0dfkSJjvVeBlhuXjf1jZMz/9gzfxDkEdSnaW6oH
dOBB/KCQwTe1cVniuFp+mNLDRd2b/GF7YaceQxSO0nQiygvkI+3p7PflHI0Z2HxRuII1+yjZ
7APZ5kzTCjrZwX6yEDc1q/sK+vT3+oPxfDQzkrICszUDbNlySiJq0QJ8fQdrzQ7P6Joujpo6
Rc4Xj+F9hKZ1OSw1LChD9igOjwzz0rY5l7WO/UcN6JeYK9lihcutzU46tZje7H22fzyZjw/x
7WdlpSDUBSDesjjgHCdEdDR6jlSUTBKUvddQl6/8TaeWvb695fi0Ix8BjVpZWcg/ojBLjoWT
7F3Ztiu89OjTg0gQ4+7GQlaqT0GUhy/AzjPMIIquD+8WuChqaSGrFfzacvH8ZTlIQMdUr6yQ
ngmZL34fnx058KjaHKfsisvgGqmP2oW4tsaaMpWOtbnLoaiRzxx0bT+Nm76ln3WjqNsz9khU
jO5NbmPHUsOFjSQsQSj5DePclydxewKNnN73WnPmAwDlvV8otEd2XOWYuA/L4BB5UKD0xbha
nNs4Rz8FbO6+5QkbDvvJQ1z0tQlilPu9OBqKRYsULZnSBFl4bECDdrE98linlw2/XseLQHNy
Go9f6Ti3Aq7qUAgYxbJTq5LzVu+7YwJz75yT5hXp9icFi/RSiZaRNizVa/Qt/aSArBZf3x/N
lKdf96XzjCZJJ8i2nMLzScjKyOOYOkI7kFO9I33CIxZLdv6AJc4OEIFlnSFFTXj1vJvPehMt
uTvnlBLNUZpQi89iFqmcuioKMB97GPtateY8HLuXsF6yhHLn8fYcExVksMihxdekYj60cx7j
IKI+HvKPM3Xn0AX0NR1ztHsxdSRkCDT8QDhST+ga9ft7QWXdZjDESsGkSNLux3+0uvir8dC8
uKUMooAE7As7P53vUPM0O5dmnhQTvQFCLB/gO+PgNL334N3N7BhKy8qUCoUS3tQ6Vjcg3sut
Td1sqG6x7Guc4tQjafcrobUa1fWQM43oC4Y7rPS85xj5tagaIahTS67bgl0487yVJbYXZyrq
xwnMOA3j8KY++hhDTRKcowtCYWznWW/d5QLnybeAwxP1BME+aAtH+5ihRuTz+62jojRTif8U
3vqvnWEiqNaP0HaBy2g342AgJSSXqH+qub7xvs7ChxQ+Mz60UB2vg9qzlxJ8UbpSp4ICUqu0
Qk7PZrew/oj6a41OQyUf5/z66zvClBR/x7ws6sLeidfbQ+2vvOt5qM6ZD06i02ry7KUi/r/V
rbtaORKc7ofc3aOT/b/5o1twa/CO6pqRr6L3vzDio77Ovf/j1qn6K2dIR54krTVO8XGoUlhl
uhz3cqYuU2fVNs2Hatvz9yFLe1k+9rPRt0C5Dc6en1aCUZsGD7mCYspQckoUrzUXFu9aLEI9
CXOsUKfwuTfcghTuDZu87xFbgePJSccAfUEbESV/S4mzOJCXsV/dXs4Qg1bOs5KfP1cYHmc4
W+yyjE9wnBVY2XMgDm8z1TbD8zGObDEzQ7sxpgZAGQIZub+heZ0mzKK3FD7vFt4+2Ab1/86w
sket7RGXRIXgc9bWe2f3OipBkALtxBfMQUV36/O7dMbD+NEQ4A4hIaYn67p5r8ksBfcXJTVk
6aa+Um+YqxF8ErcRMX3M7wefsr9flE935oTNvgcx1l7qPZMNiSGIV31fjXLogh00/Xlcxp40
19tG78OR+l6qtpD7sNoBPenyM2gAKrIK0b4SBQ62z9nvrgmPaPvHtn1sXzxDZHh2e5s0nvpZ
4Q2ttsn+z7k07AcUJypr7fk5OHduva3YLPFJFTtfvqe+Gv+VblM+XwnsOVHisZE0WGS878A+

1zwli3nh1m4WHfV3+e0kCO1rBx6TDFaZWVG9mUGvGbJH8XyFVsMH7+vdP7po/n7nFLF8xL9D
If5j5zRfnhH+gR0dXwV9sFwxNhMqxK87DhKaYff/Q0d8HxH/J8AAaNBY5pDbm9EAAAAASUVO
RK5CYII=
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAnAJMDASIAAhEBAxEB/8QAHAABAAID
AQEBAAAAAAAAAAAAAAUGAQIHAwQI/8QAPBAAAQQBAgMDBwkIAwAAAAAAAQACAwQFBh
ESITEH
QVETFDJhcXKBIiMzNEKRoaKxF1Jjc5KywcLR0uH/xAAWAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAAAAAQL/
xAAaEQEBAQADAQAAAAAAAAAAAAAAAAEQECEiEx/90ABAAo/9oADAMBAAIRAxEAPwDsyIsIsICIo3
O5ytgqDrM+75HfJhgZ6czz0a0d5U+CQLxz3B5LxmvVa4JnnjiHi94H6rgWqbWXtWHWsrlrD3
vJc6GKRzYoR12aAdndPjtz6KD0xbp3NUw1br/J1LQNcSSnidG7qx+56EODeft7li6r9IVdQY
e7JJHWydWV0TuF4bMDsfv9RX2tswOaCJmEe+FwMS0sdqzHWMtBTfWMr47cUkY4Gv4iyQj1bh
r/VxHxX360uYt90RadhwPmXkzxTtc0OL9/RAJHq5gFKR28SRno9p+K2BBPIg/Fcj01oKllKM
Nia8ZOMAPNSRvySQTty3/FWqp2X4Cu35br82/e+24H8uy1nIXLcdEVUPZtp/7JyLPdyEw2/M
vM9mmFPo3syz2ZGT/lWot+yKofs5oNI4M7qKPbpw5N63boJrBtFqnUjPbkC79Qmaq2LKqbtD
yFoa7V2ofD64Bv8Ac1fE7szc6TjdrLUh57/XiEqLwnQKlXdIYrE1TYvauz9eIdZJcs4brxwO
FvTZGtNRv5mDE1XFxkvWnPfc8AGH0W+sjcpVXxERVGp37lji2G5Gy3VN7Qr2WbDRw+Hl83my
TpA+cekxjG8RDfWVncDWHaPhdKMfDJILV4DlViO5HvH7K4/DrLUmqdXxXh5wQw7MhqQl/k2b
gkDYE9w3P+OSgDhX2s6ypPZ8gJ5eE2LILQPEnfmV+hOzfGV6OiqTYqjIJCDxyBuxmIJAf48w
AVPCOX9os0+bydeDD4u2+eVvz5dVkbIT0G7SOXLb/wAV+7PdCQY7RjKubxVd9qy5z5mSxhzg
D0aT1HIBX3hHI7c02O/eoqLq6YwdJ5fXxFONx23cIRvy6KQfVgkjEckEbmDo0tBAXqhWoIi3
pfGTyeXgh8ytA7ixU+aePiOo9R3Xn5lqSo7etla11n7luDhd/UzYflU2iQQXn+qISRLgqk/g
a97b8HNCy3O5Zv02l7wP8OaF4/vCnD7U2V9RBtzWak5s0xZa3u8pZiafu4isHIank+jwNSP+
df8A+rSp3YIAB0GyTRCOk1TJuBXxMA8TLJL/AKtWkeN1FZ53M9HC3f0KVUNO3vPLv0U+im4I
anpfG1bItyRyW7Q6T2nmRw9m/JvwAUuAdlsidRgA7czuUWUVmAo7M4WDMwxNkkkgmrv8pXsR
HZ8T9ttx3dCRsURUQFHRE8OpYsrcuU7MccTmGMUWtMhJ34jzIB37wFb+g2CIkBBvtzRFIMrC
IqMoiICIiAiIgIiICIiAiIg//9k=
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCABNAPcDASIAAhEBAxEB/8QAGwAAAgMB
AQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAYBBAUDAgf/xAA/EAABAwMCAwYFAgIGCwAAAAABAgMEAAURBhI
hMUEH
EyJRYYEUMnGRoRVCUsEjJLGys9EWFzM0NUNicpKj0v/EABcBAQEBAQEAAAAAAAAAAAAAAAAA
B
AgP/xAAcEQEBAQEAAwEBAAAAAAAAAAAAAREhAjFREmH/3QAEACj/2gAMAwEAAhEDEQA/APs
1 RU0UEUVNFBB5Z9KCcAk8B51NRUwYE/W1uYyfMBj81ah6ltUxaG0ye5cX
8jchBaUr6BQGfatoQDhiSU2qcWyYFhV9rOlcQ4N3cuc9mT0IzjyxjyqqXVb
/Ss+7XZVpSlw26ZJZIytyMgL2fVOcn2BqjaH3bRcv0CY+p5CklyA84cqWgfMhR6lORx6g+hr
fpIKNtvUG7JJiPblJAKkKBSpIIyCpEpDalFLRDUgjPEK4p7tvtvgvp3+uJcnDZ4vtvBI3Pv
nZ0w2rkhEgf8t5Kmz5tKwXRlrkfBOqQa4Q5b7lqIs5xCy5/u76eHfDngjorH3rSrXsYELW+
nZ0ww2rkhEgf8t5Kmz5tKwXRlrkfBOqQa4Q5b7lqIs5xCy5/u76eHfDngjorH3rSrXsYELW+
08x1rFhrk2u3pZiafu4isHIank+jwNSP+df8A+rSp3YIAB0GyTRCOk1TJuBXxMA8TLJL/AKtW
L4YQpOVBWQcE8U4PA5605aDtj0DTiX5QxKuBipwuEVNFFA0VQUUUUEVNFFFTJtrCgP2bCyc2w
UDdqCFcIcKfem5bfbDpS+4bHiOem7dPwbkvNybDWMtBTfWMr47cUkY4Gv4iyQj1bh
r/VxHxX360uYt90RadhwPmXkzxTtc0OL9/RAJHq5gFKR28SRno9p+K2BBPIg/Fcj01oKllKM
Nia8ZOMAPNSRvySQTty3/FWqp2X4Cu35br82/e+24H8uy1nIXLcdEVUPZtp/7JyLPdyEw2/M
vM9mmFPo3syz2ZGT/lWot+yKofs5oNI4M7qKPbpw5N63boJrBtFqnUjPbkC79Qmaq2LKqbtD
yFoa7V2ofD64Bv8Ac1fE7szc6TjdrLUh57/XiEqLwnQKlXdIYrE1TYvauz9eIdZJcs4brxwO
FvTZGtNRv5mDE1XFxkvWnPfc8AGH0W+sjcpVXxERVGp37lji2G5Gy3VN7Qr2WbDRw+Hl83my
TpA+cekxjG8RDfWVncDWHaPhdKMfDJILV4DlViO5HvH7K4/DrLUmqdXxXh5wQw7MhqQl/k2b
gkDYE9w3P+OSgDhX2s6ypPZ8gJ5eE2LILQPEnfmV+hOzfGV6OiqTYqjIJCDxyBuxmIJAf48w
AVPCOX9os0+bydeDD4u2+eVvz5dVkbIT0G7SOXLb/wAV+7PdCQY7RjKubxVd9qy5z5mSxhzg
D0aT1HIBX3hHI7c02O/eoqLq6YwdJ5fXxFONx23cIRvy6KQfVgkjEckEbmDo0tBAXqhWoIi3
pfGTyeXgh8ytA7ixU+aePiOo9R3Xn5lqSo7etla11n7luDhd/UzYflU2iQQXn+qISRLgqk/g
a97b8HNCy3O5Zv02l7wP8OaF4/vCnD7U2V9RBtzWak5s0xZa3u8pZiafu4isHIank+jwNSP+
df8A+rSp3YIAB0GyTRCOk1TJuBXxMA8TLJL/AKtWkeN1FZ53M9HC3f0KVUNO3vPLv0U+im4I
anpfG1bItyRyW7Q6T2nmRw9m/JvwAUuAdlsidRgA7czuUWUVmAo7M4WDMwxNkkkgmrv8pXsR
HZ8T9ttx3dCRsURUQFHRE8OpYsrcuU7MccTmGMUWtMhJ34jzIB37wFb+g2CIkBBvtzRFIMrC
IqMoiICIiAiIgIiICIiAiIg//9k=

0UVRFFFFQTRRRVBWddr/AGqxNd5c5zUYEZAWeJHoBxNaNeVoQ4natKVJPRQyKBCmds2lmEq+
F+LmqHLu2SkH3OKzW+2ht98IbtLbTZSD3j0hXDlkYCD5/inp/SlgfJKrTFQtXErabDavunBr
wdKW4DDbs5oHoiY5j8ms9Xj55M7bnGQgM2pt0nIVtKzj8DNJEfX0+FNfeiRpDbbrxcCUuKRs
zxOMZ68gc+9fd3NJ27aVh24lYHDbOdz7eLFVLI/cI1tQzOs0197evapwNFQRk7QpW7icYyam
fQj2ntqU1tanxFSQRkOY7tYPkQBtPlnh9K79pz9yulthsXG0NttoC5TQakd53xSn5MgAg4US
cc8DBp+VaptwSTKcagII8LcVtC1j6rUkjy5AfU1wVpaTIkRpEy/S3nIhJYKWmkhJIIJI2nJw
ceVTKPj1s1lddBW1pMKHHQzMc71TCmleHwIyConPXypvX23xEshaYMdRxnaJLmf8KmNem4yL
lKt1zV8Yi7NKLUhbSAptQSEqSMJwMp2nI/hNL2mOznSzq5tnuVv72fblhK3A8oB1CuKFYB8u
B5cRVikO6akg3q5yrhIZlQ2Li8UoTFdyAsJCVKJUASDkHGBV629pd20jHhW2FGEm3xWkBffJ
wDvAVwIGQck88/Svpr/ZpZmoamLcVxEeJSUbEOhKiACUlaSUngOR6Vlag0S1ftEW9EBJbdgo
RvYCykPJSAFIOOuRwPnU9UZZ7chkBNuhKyeQlOk/4NL141wvUqHL9Icet6YW2KhmEN617/Fk
qVgAeHHymny39l+hLvb2J0e3LDbqAcB9XA9QePMHhV49lmm2o7jEFt+El4AO92sLDgByMhYU
OB64zWsTXynT+q3NKPu3aOlD/wAc2na7IYKloGVZTwUAOKSfWmdrtsmpRskQYAcCQoL7x0BY
IyCAEHHPzpm/0Fttturbbrrk9mayWW2ZhSUIWgFScBIHTfWXpjQmnLtHejXuG85eYqymQpx5
QKk58JTg/Ljh7VmfFf/QrXPtWl6mYFkSxGZRMV3bi47y96k/wgrQAM8s+tKUZ1mK/HvlvhTG
lQllXcuLDmVJUlOQSnhjcnoeVfYXux3SKkExo8iK6CFIcbfUSg+YByKsRNIC23dMibLblR5C
Vtd0mKhpIWohW84PEko++K53WtKUTtcubDSEvMx3y6nej4gLQsA58J2IIJGOeBnPKtBztRvT
McvvWSO02B86hJ2jPLj3WKLBoiyfr0+139hcifu76M6p9Y3sn9qeP7SOP1FNJ7PrEW+7zP2+
XxzuP71JtR8cuN3tGqL1Jn3oyIkyS6hhhMNG5pJSOClheCeJx0psV2p3a2Slw5ZhuvRI6XHG
wwpKXOAJCVhR4YOc4wa353ZJaFFS7Y+5EUTvw6kPJC8cFDdxB9zSzerCUWWzSFWwSGVhLFze
jglxQbOxSQeQB2jlxyKdhqy124LfVhqzxlnHJMl0+/8AsauRu1udKyUWeDtA4qM5aR+Wq0YX
ZXoebGRMhMvqZdG5BblLx/bVkdkmk0p2hiWE9QJa8E+fOr0co+tr9JwWbRaVBScg/q3P/wBf
rVo6j1U2gOLsVq2qAIP6uBkemUVzb7JtKNEFDMxJHUS1j+ddx2Z2AJ2h25Y5AfHuYA8udT80
2Oybzq9Z4aXhDhn/AIqP/ivKrzrFJATpOIrceYuicf3K4nsyse7IlXUDyE9z/OvaOzaytpSE
S7snbyIuDnD81cpx7VfNYoHHSUY884uqf5orLumu7/bENuytNMtMoWC6UT0Oq2Z47UgZJ41e
/wBWdmG7E68AK5gXBfGuC+yfTrrfduSLopA/aZqiKZV4ZrNfbZfonxVslofb4bscCknjgg8q
Ky9OaFtel5jkm3vTCXWu7Ul54rBwcg8ev+dFXqGWiiitIKKKKAooryVAEA9amj1VaZcIVvbL
k2WzHQBnc64Ej813UoJBJPAVn3W22a4Md7d4MSQ20M7pLaVBI96mheGoY971JBlMOd1aYC1b
ZS/CmU8tJQlCBzUBuPHzxVmCA92n3J5nd3bNtaZdOPD3hWVAfXbj70iJuVnvGsGjpaytOotm
7uO5ax3rpGAonkltPPzPQV9F05anLDELMp1UqdMWX5UnHzucB7ADAA9Kzqt5Zwkny41kWJ7v
W5boSe5VLc7ogYBHIn6bgqvF40+xeVpedkyGFoTt/o1ApUPVKgUn7UvrkN6Su0hbtzkyWYts
W8tLqgEJO9IQlKUgAE4PSpbo3NOLQ3eb/CZSEtMzEqAHIFbaVK/OT71vlQSMqIA8zS5oiHLa
sPx09O2bcnVSnwT8u75R7JAFbFztsS7wlwpzIdjuDxJyR+RW5eIWZuorZN1bEHx7SIdqKi66
VeFb6xsShJ6kAknHLIq3qIqg6msNySSlDkgxHMdQtJxn3A+1Zdz0rp/Sen5S7bEQ3JeAYYU4
orUFLVgBOc459PKr12cN11vaLcwoON23dMljog7cN59ckkfSoabazr042IiGiQXXHmw2nOCV
bxxH051fOelK8vTUCLJcvU67zG5iN2JJfIS2CThISfDjkMY41bVaWo7Mm5wC8wkInxv6WK8M
gpWOIGRxweII9atWa4pu1miXAJ2fENJWU/wnqPvS2/qxyBp5CZKvirtM3iHGS0Q46kkhBKBy
GMEmt/T9uVZrBBtzigpbDQSojkVczj3zU0ZWotbwbTJctcRxl+6bMhtx1LbbWeRWokAD0GTX
XRsmBL0/8NFk/GCK4pDz5T4XHSd6yM8xuUaragu+k9JokTJ7cUSZKt6mwlKnnlEAdenAcTgc
KxrBqh9+C+iyQF3O5zXVPLUgFMaPnASCvkcJCRhPMg1N6GHS8dqBc7vb4xBYQ6h3an5ULWCV
AfXAPvTJWNpuzPWa3rEp5MidKdL8t5KcBbhxy9AAAPpWuc44YzWoj1RUDPXFTWgUUUUBRRRQ
FFFFAUUUUBRRRQFRgE/SpooIIBGDxFJqrFM1pJdev6XYtoacKY9uSooLwBx3jhHHj0T5U50V
MFS32qBao4j2+I1GaH7GkBIq1U0UwYN11RGhuORIcWVcZyeHcRmicH1UfCB70uWnQs+53ld8
1S+2pTriXU29oZQgpGEhSv3Y8uWa+g1FSxQBgYrOut1et20M2qbOKgSPh0pIB8iSRitKitI+
blrXd8vSJ0mxsRG45JhNvykltlRGO8UE5K1AchwFOVgsDVjjulTypMySrvJUpz5nV/yA5AdK
1qKmCKQnWbhq7U0ptl1MeJCcKFP43Kax+1CTwCzjcVccApxT9VaLBjQlvqjtBsyHS65j9yjj
J/FSxVO0abtllWt2M0tyS7jvJL6y46v6qPH2HCvGpGrzKgtxLK6mM8+5tclKGe4RjioDqeg+
tbFFXEJtl7MLBbXjLnIXeJyjlcicd5J/7TwpvaZaYbDbLaG0JGAlCcAe1e6gdaZICipoqgoq
BU0BRRUUE0VB5UDrU3uAoqaKo//Z
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAA8APEDASIAAhEBAxEB/8QAHAAABAAID
AQEBAAAAAAAAAAAAAAEFBAYHAgMI/8QARxAAAQMDAgIEBwsICwAAAAAAAQACAwQFEQY
SITET
QVHRFBYiYXGBoQcVJCVkkZKTlLHBIzI0QkVGYoImQ1JWcnSio8LS0//EABYBAQEBAAAAAAAA
AAAAAAAAAAAABAv/EABsRAQEBAQEAAwAAAAAAAAAAAAABERICIUFx/90ABAAo/9oADAMBA
AIR AxEAPwDsyIiAihSgIiICIiAiKkv9dOJ6C1UcnRT18pBzIgIiAigIiICIiAiIgIiAiIoVZXals1uk6Kor
Er0y6KIGWT6LQT7EFoipm6hfhuIgIiAigIiICIiAiIgIiAiIoVZXals1uk6Kor
mdLy6KIGWT6LQT7EFoipm6hfhuIgIiAigIiICIiAiIgIiAiIoVZXals1uk6Kor
Wt1Bc/W73NH6Hai5p7HSSH/zWc3U9mJDZK3wdx5NqY3wn/WAqq2Tx3Xq6wv3UcrYaSGA4
kLc7iO0qTsgIiAigIiICIiAiIgIiAiIoVZXals1uk6Kor
kLc7iO0qTsgIiAigIiICIiAiIgIiAiIoVZXals1uk6Kor

UrSCKFKAihSgIiICIiAiIgIiICIiAoI4g5PBC4AgEgE8vOpQEREBERB4llZBC+WQ4Yxpc44z
gBa/TaqN6c+OwUZqS3IdPUO6KNh84Pln6PrWxrCrLPQV7g+op2mVv5srCWSN9Dhgj51Lv0Kl
9mmr5MX66unBGfBKbMMI9ODud6zjzK3t9uobdB0VBTQ08fZFGGrENHd6HjR1UdbGP6qrBa/6
wfiD6V5bfXwODLla6ukcc+WxnTRnz7mZx6wFn9VayzNhbufux/Cwu+5VtTqW10bi2ommYRzz
TSf9Ui1PYZnBrLrS7ydux0ga7PZg8VkSXO2FvlV1LjO05kaePZzQUlT7omlIGZmuYxjOOgee
H0VrFy91uz1WoLRbrYJqinfVN8Id0JB5eSGg8T5RB5dS2G4XO1TXWnt9sgo664VG5ga5xDI2
AbnF2M5HLgFTXzSFDJJFVV1NHa66N4fBXwPL4hIOQdyLRw6+HnUFR7p9ynpby0UUVbSulaG1
E0ZfHHO7a7YAQMFzfSPQVrJuFTS3KOR9yrIqd4eHO8OkYAdxx5WT1Fq6bcLONVX+loL0Htgp
6EVBhgkw10pcWk7hxxgcOXNXFNoXTNKcstFPIcYzM3pTj+bPYFMquRR1FqnkdJPeZnTYD3Om
uR49gPEE8urzKyp6qxvhaJbmzaTgOiuskbx63PLfUcFdbhsNogiEUVtpWRjkxsLQ35sL17y2
oY+LKPhy/IN4exXmprl0FRpqUupm6irIHM4uMlyccdmHB3L+UrOio7U/aI9WTua5vCQXjdn1
7hjj/Cuhe8Vn27feqiwerwdnco94LNw+KKHhy+Ds7k5Nf//QtH26lgGW64nc5x4/HW4AfO1Z
9NR2V0Y6bXNYJM8Qy895K3F2nbG/8+zUDvTTM7l4OltOk5Nhtuf8ozuWOarU3W61l7WUuvq1
2eYfdwVgVFPBDOyAa8ubXk/qVwcD5s8cenC3o6V06WhpsNtIHyRncvA0dpkfsC28fkrO5Oaj
S5mNaI44dd3FkkgyBJXROPLkBtzz8yxJq6OB53e6FciGeS5rJozg9WXbMD5srfvE3TGQfF+3
cPkzO5efErS/H+j9u48/g7e5OaOWVeoKyNknguuLlK9pxtc6MbPSSBlVkutNRUsu6bWcsUZA
IBjY93zBvD2rsZ0LpQ/u/QfUBeToDSR/d6h+qCTzV1yafUl7r6OKabV1bCyQ/kpHOZT57cBn
F34KTc7pTDFRryZmc+U2va846vJOCPauv0ujtNUe7oLFQN3c8wNd96+vitp487FbfsrO5OTX
F/G+OnhIOtr3UyAcTHIce1n4qvm90CtY8mDVt6e0cmviZ9+Su7eKemz+wLZ9kj7lHihpr+79
t+yM7k5NcW0xq+su+oLWyrvddPUira6ITzNbC3qO4betpI9JX6BVJLo3TcsL422SgiLgQHx0
7Guae0EDgVYWtlZHbYY694fUsbtkeOTyOG718/WrPijLREWkEREBERAREQfCpoaSsGKqlhnH
ZJGHfeq12j9NPOXWG3E8/wBGZ3K5RTBXUVgs9skEtBa6SmkHJ0ULWkZ58QFmzQx1ELopWh7H
jDmkZBC+iJgorfpoW2++HU9U/wAFFOYWUrhkR5cD5J544cjy6leIiSYClEVBFClAREQEREEd
eVKIgIiICIoQSiIgKFKICIiD/9k=
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAiAHUDASIAAhEBAxEB/8QAHAABAAIC
AwEAAAAAAAAAAAAAAAAAAEHBQYCAwQI/8QAMxAAAQMDAwIEAwYHAAAAAAAAAQACAwQFE
QYSIRMx
ByJBUTJCcRUWIySBoSVTYZGiwcL/xAAWAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAAAAAQL/xAAYEQEBA
QEB
AAAAAAAAAAAAAAAAAEQESAv/dAAQAKP/aAAwDAQACEQMRAD8AuZQUWn+Imtfuhao3U7I5qyo
d tjiLyHYx8Qx7KaNnrLnQ2+OSSsq4YGxs3uMjw3DfdeOPVNhlmghZd6J0tQ3fExs7Sh8b37r50
rLRqi/TMqLm+aeebayOWom4LeRgE8YyR6+v9V62eHtf5CX0oc93TkPVGIOw3Hn349srPTUfS
NPUwVcLZ6aVk0Ts7XxuDmn9Qu1fPEdl1hpyeEWiqrJoqJ4c2Fsh6b37viDM4LDnurB0T4jVN
bVR2PU1PJS3d8rgz8LZGW4yB34PBVz0kWKpXEEHlSrUSihEoKVCIJRRymecJRKKPqiUSqd8b
ppaG5WqubOx+1j2tg6QyzPBdu5zntj0VxLDap03Saqsc1qq3GNkpaRIwAuYQQcjP9k1cUtQa
5oYRSsFNTuitrepG6SAlxk24Ljgnu73Pp2XZHryjktJgbabcJ7jO7rRgkFre4c53GPMSeO2F
g714YamtFwZBFbZKtsmTE6H8TgH5uOPosH937sYnvNqq9jJem9wpzw/tjtx3HCzMWt6rNZWo
3aumhtzDBJTuo4nRyuYxxADQ4ebvjjOBxhYK46go7yy2wxUMj5qcGCNomO5zych+fTv25C5W
/wALdXXSpkiNpFF5A7dUeVmPYd+VcGh/DO26SjfNP066sk2kSyxA9HA7N9ufVIVgYrJ4gx1N
PKwVRjbTRtmY+4/HIB5j8XYrKQWzVADjPTXMSO/lXEY/d6sFE5Sq3+yNZCpDuvejF3cBWQ8f
QF3+17prRf6xg/IVG9gx1Ki7ujef0YHNx+63lE5Kr2DTmp4n5fTbgTyftufI/Zehlg1HucXQ
Px8v8bm4/wAVvSlXkrQKnTmqJIHNp5amF57F15kd/wAheeh0rrFlc909e9jCG9N5uD5Onw4H
5RnJIODxwrHROSumkjmipIo6mfrzNYA+Xbt3n1OPRF3ItIIiIIUbQOwHPKIsjkiItAiIgIiI CIiAiIgIiIP/2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAA6AOIDASIAAhEBAxEB/8QAHAABAAID
AQEBAAAAAAAAAAAAAAAAAAEGAgUHBAMI/8QAPRAAAQMDAgIGBwUGBwAAAAAAAAECAwQFEQ
YSITEH
E0FRYXEUIoGRFRYyQnKhsdHSFyMkNFRkoiUzREVSYnODhJKUssHC/8QAFwEBAQEBAAAAAAAA
AAAAAAAAAAECA//EABsRAQEAAwADAAAAAAAAAAAAAAAAARARIhMWGB/90ABAAo/9oADAM
BAAIR AxEAPwDsyIiAiIgIiICIiAihgBKKla61FdbJUR0dXDBwy00jw98mRpcwPYqEG4dknK
wPG4dknKwPG4dknKwPG4dknKwPG4dknKwPG4dknKwPG4dknKwPG4dknKwPG4dknKwP

5VMJ/wAwL6b43NyHNIPir0Vh3SVpZh9eumbGfkymll2O8nbcL1Qa70rUECO/UYJ5B8m37cLd
mSDPVF0eT8zI+xeae22mcET0VI8du+Jp/wDFKMoLvbar9WuFNN/hzNd9hXqa9rhlpB8iq1Ua
Y0TO4mS1Wrd3tY1p+pa52lNG073+jVZpHY4tguTmfVuU2Iu6LnVdTUVCJDSa2q6MEDqTJcRK
3OOOQ7Pb2KsXHV+o7O79E1xQVzRzEkTDj/aOPcmxF+6SLd6ZYop2v6t0E7WukxnbHJ+befYH
Z9ir17utokgnt7KJrJ6eEGtqdu3GwcGZPa5zWgDPHKqc/Stf63NousdpqKerxDJIxpIDXczw
d2A+8JQ6vomj0mK27Pg4tnjMpMgrNjQwb/7L9pyDyys58q7LpmhFs01bqIDb1VOwEY7cZP1k
racSeA5jmuUQdPtry0T2OrjaQclkjT7gcL3w9OWl5ZD1kNfC0HgXRA7hjwJViOkhuFIACp0X
SzoqUNPwuGbux8Txjz4La02t9LVkjY4L/QPe/gG9e0E+wrXBvVCrd36QdNWaV8FRcmPnYDlk
IMmDjIBxyJ7ip0NqZ2r9OMuc1M2GQTPjLW8st7R7CrUWPd6wGDx8FKIqCIiAiIggjPArUTaf
ijnfVWqd9uqHfK6sZjf9KM8D5jBW4RSUaI6gntrtl9onUzB/S4cyQHxJ5s9vvW5hmiqImywy
NkjcMhzDkFZ81pqjTFOXvkttXU2qSQ7nmkcA1x7y0gtz44U7gbpQq27Stxdz1fecdwMI+xiw
k0dVyYHxuvrRjBxMwZ/hV6qzrF8MUgw+Njh4tBVW+IZJG/VGoHcP2zH2BSNBsAwdR34/64/c
nw4sXwbQ7t3oVPnv6pv3JLbqKdmySlic3u2gKu/EKDGPjBfv+c77kOgoCADqC/YH7877lPgs
QoaNkYjbTxho4AYUtpKdjgWgjHIbzj3ZVcPRvp2UZqmVlVKflTTVspc7zw4BB0Z6VBz6DMTj
HGrl/EkFifSRSODi94I7A7h7l5TaI3SPkfOJC4YG+GM7RnOPkrUDo10mAP5Nfw/e5vxJ+TXS
eci3SDwFXN+JSFfSvsJMnXBlonIOR6TTbXAfSB/8Var32a2bprjpGm2vJD6ihmZJxyQTghp7
OxWIdGukB/VAOe+olP8A9KX9G2j5M77LGc88yyfiU1yVy65x6MvNwttBYKepiuMtU1hjmi2t
a3jnd3+zuWM2ioLLo26XWeKRtRFGGSwSE4d6+MtcMY7i0jsVp1ppXT2noKYWOwxC5SuL45BL
JmFrfnj1ueS0DPDJX215XXGAWaW5WU1dHTx9fWRCXcx52kPa4cjtyHDyPcoP/9DlTayjkd+e
p+DhtOB8kd48QMefHt4r4OfQOMhbFMwHJYN4OOeBnHl7vFfpc9HGjaqGMmxUwbgOBYC0nzIK
yPRno0nJsFNyA+d2e1ZV+aGR0EsrGGV8YOMyFvAHHHI8+HkvN6rW5DhnPLuX6d/JdosSCQWK
HIxw3uxw8MrM9GmjCMfF+m/i+9Oo4A2zsnbLPVVJLKZm3qY87gSMtxnv4n2K6dB9XcvjFU0c
T5WW3qHSuhJy3dkAHz8u5dBb0XafZW+lNdV5bGI42mYuEQHIDPu45XpsOhorBqKe609yqZGT
xdW+GT53HgSe3HHHAc1OqtSIi2giIgIiICIiAiIgIiICIiAiIgIiIIUoiAiIg57rEz11VU1M
GWwU08NI+cHDYmA9bK4nHAZDB7FqLsblf9QUENBWVFdQt3xVNNLAYn0zXxuaHOBALgRnB+9a
2lnmk142lfK91O+6v3RFxLHeu7mOStXSXFH6TRSdW3eY3tLscSAQQMrl7bWrSc76nSlrlkJL
zSs3E94GFt1W+j9rWaLoGsaGtAdgAYA9YqyLpjwxkREVBERAREQEREH/2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAtAOkDASIAAhEBAxEB/8QAGwAAAgID
AQAAAAAAAAAAAAAAAAAAEFBgIDBwT/xABHEAABAwMBAwgECQcNAAAAAAABAgMEAAURBhI
hMQcT
IkFRYXHRFBV0gRYXJDJCgpGT0iUmNVKElNMzNkViY3JzoaOxwcLj/8QAFgEBAQEAAAAAAAAA
AAAAAAAAAAEC/8QAGBEBAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAAABEBIRL/3QAEACj/2gAMAwEAAhED
EQA/ AOy5rVKlxoMZcmW2+1VW5sBUWLEXM5pR6Lrm0EpyOvZyTm6jB7mt1VW5sXltt0Z6Ph87
jB7X8dchEa2WifcXnN7YbzWn1ZnxC1wB9YbRC3qkwipt1s4ejub
ltnv7u+p4VHxrDbId4fu8aMlqXJbDbq0bgsA5BI4Z76kK0gzQT1YzRijAzmp0G/HDfRjup0q
Aop0VQUuunSqAzRSTvGcEdxp06DfRjfmjFOmYEd9FFOqCiiigVBzjo8e+nRUCBJHDFOkCDwO
adUFQWobTKkPw7tbNn1hb1EpQrcH21DCmyerPUe0VO0UFAvjMW7bbiHUwZLiCXYV1QpDYURj
IUARkdoyKqDHxg2qRs2i7wXmQBsMme26jGOoLOR/lXbSAeIzWh2BDfGHYjDn99sGs+VrmEbV
3KilOyuyWd8p+lz6AT9jtbZWoeVxbBS3paAjP0kEKOPvKmG7BaL1r+c3ItkURrSy1sNJZCQt
1eVbasccAYwd2+pASZmprzLt8OQqHaLevmH3GThyQ5gEoSfoJGcEjf4Ug5PpbTettMXt2a5p
7ajSm1MyY63m0JW2o70jKuPZV9s0nVNshGNGS96CyMMplwufeQnqTlt3fjtIq2s6TsDIP5Kj
uKO8reTzqj9ZWTWQ0vZEEqYt7UZZ+nHy0R704qTS4rMa53W5FCxfXYSHJHoryJsQR17XRI5h
OCc78dInjXj1i9ddKyLcm3X+alue4W1mUpL2wcp6QKhuGCrPu4VapGkIE6O4xcH5U1JSUtl5
zKmd4OUqABzkDecndWCtFWiUY7l2Q5dn4+5t2Yvax9UYT1Dq31elRJ9OSAlXKPGCu9hjzpbc
9O74yIZPewx51Y/gvp/GPUlvx7MjypfBXT2Meo7f+7I8qQU6RNgtvqErlUcaeB6aWywlAPcN
k4+01q9aW4qGxytLA69rmD/1roNJsWnT/AEHA+4T5Ujo/TZzmxwd/9gmrBHyHbu26BM1ba4SyOihqMAFDtO2sn7KA
YjHXDX/Fr0nSWnT/QkD92R7bqEP7QjyrFKbOYh1LYBSO7sqwr2xorENkMx2w2gb8DrPae01uoooqKKKKAK1dWnrJqAyy
yI4g3XP88rWrTI/HTSq+5h1LYK

RWVAUUUUBRRRQFFKigdFKnQFKinQf//Q7LRRRU3gdFFKqHS8KKCcAmgdFInCSewZpJO0kK7R
mgyooooP/9k=
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAjAOMDASIAAhEBAxEB/8QAGwABAAEF
AQAAAAAAAAAAAAAAAAECBAUGBwP/xABBEAABAwMBAwgHBAcJAAAAAAABAAIDBAURBh
IhMRMU
IkFxgaHRBxYyUWGRlBVCYpIXI0VSVrGyQ0RUcnSiwtPw/8QAFwEBAQEBAAAAAAAAAAAAAAA
AAECA//EABsRAQEBAAIDAAAAAAAAAAAAAAARAQIhEjGB/90ABAAo/9oADAMBAAIRAxEAPwD
s yIiAoUogIsNf9SU1kjbExhq6+bIgpIz03n3n91vvJWGtty1hRRGa6U1PXNe5zyyI8mYhu3Bx
3HG/jjcOKlwbkiw9Nqa3S5bUOkopWnZcyoYWgH/N7J7issx7JGhzHNc08C05CWipERUFClQg
lQita250VviMtXVQwtHW+QN/mVKLtFr/AK7Wd5zC6pnhBw6eKme6NvxLsYx2LHx6ulqr2zm1
TSOtrq1tIHAEucTEXk7Wd28YxhTyxY3BF4iphPsyxnHHDgvRr2vGWuBCtxFSKEVEqEUoCKFK
AiIgIigkDicZQSiIggnAJwTjqHWtWm1/b6Ss5nW2250kxdstE8LWtefwu2sH5ral5ywRTxmO
aJkjDxa9oIPcVNGIbfa2oxzTT9cQ4bnzujjb/UT4LE3+m15W0g5hUW+jbk8pFTvcZXN/C9zQ
Ae4dqznq7QRScpRmahfj+7Sljfyez4KoUV3ijDYrsyQjrnpQ4nt2S1SK1eyR0NkmLau3VdPO
5/6ypqGOdyp34JcCcgZ6ytwhuFDUAtjqYXgcQHgq2dPe4hg2+kqD+9HUlme4tP8ANeM9Zcd7
X6adOOHRniIP5iFM6GTkp4aiN2Q1weOveD3cCsUdJWvaJijdTZ/wz3Rd/RI39qtYK+dzXM9T
KuEA9ToBn5PVzDdKiIFzNNXJpzjG1F/2J0IFkmifyVPqO4Ru4tY+Rkh/3NJwvSeivjAXMv0b
W5/tKIOPgQoF2uz27Uemqhrjw5Woib88OKjnmqHno2a3xj8de4nwjQWck96Y54+2TNs/dgtT
ifntYVhPVagleYo5L0XD7zKGGJp73E/+Kz+zqSZ2DLbaVuPaax8xz2ZaqX26/Pdl1/awe6Gi
a3+ouU3FrWJY7pLGW1Ft1BVF2/D6uNrT2hj2jwWNipNT0k3OKXRsLMj70sZeOPA7+3wW7fYt
0e0B2pq0EccQQj/goFqvMeS3Uk7iTkNkpoiPAA+KhXI7pr3V1k1AyOvgqqOk5Ta5KoaMuHXh
3kVXrPUlBX6FpLhb6WCOaoufKzgsDmueGOByDuJwR1Lpdz0vW3mWjF3raWspKeYyvi5psmTo
kAZ2yOv3dS1216KZT302yG31dJbqaeWZkoI2ZAWRtb0jnJ3OKI5PLqB0FnpnRz0VTUTBzZYX
ULAYAD0eljfnfvXlb9eajtM75KC4OpxIQXsaxpY4j4ELv36NNLvkM8lE98x4v5UtJ/LhXdFo
XTVDynJ2inlMjtp752CVxPa7K18TtxH9MWrm42a9nxzTsXqPTRqwMA51ASPfSt3+K7oNJ6dH
7Dt/0zPJUnSGmnO2jYLcT/pmeSsWuFn0y6vcHO57Tg59kUreHzVB9M2snN2eeU4+Ip25Xdzo
/TR42C3fTM8lB0bpk/sC3fTM8kg4Q70y6yJJFZAOynavRnpl1bs5fXRbQ4DmzcHt3ruXqXpf
+H7f9O3yT1M0x/D9u+mb5KxHEn+mXVALeTr4iN2c0je/rV3H6Yb9I4tdd6eNvRw7mGTk+197
gOHxXYTorS5GPV+3/Tt8lB0TpY8dP2/6dvkpFrkx9Kt4mqDHHqGIAuwHOt4aD8fa4ZPge/oO
jqm43u5S1tbdY7hSUrGindFByTTI4Zd1nJAwO9ZOfQum3wlsNjt8bzweadpx3LKWi0UVjtsV
voIRFBHnDR1knJPblIVfIiLSCIiAiIgIiICIiAiIgKERTRHUqcDZzjeERc99riQo6kRZUcf1
arHshEXTiydalEWsH//Q7MiIgIiICIiAoREEoiIP/9k=
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAArAPADASIAAhEBAxEB/8QAGwAAAQUB
AQAAAAAAAAAAAAAAAAAAAQQFAgMGBwT/xABFEAABAgQEAwcHCQQLAAAAAAABAgMABAURB
hIhMUEH
ExRRYXGBFiIykcLR0hUXI1JyoaKxwTNkgrIkJTVCU2JzdJKT8P/EABYBAQEBAAAAAAAAAAA
AAAAAAABAv/EABkRAQEBAQEBAAAAAAAAAAAAAAAAARIQExQf/dAAQAKP/aAAwDAQACEQMR
AD8A 7LCga2tfWKfEeJUfD6cNJgXqMX640l2UppaXqlbiyqw7QDBb
74twa040VJmpJKu2XX8UKsW5TkV/QdMp9yf8MX640l2UppabXoqEvi5psmTo
kAZ2yOv3dS1216KZT302yG31dJbqaeWZkoI2ZAWRtb0jnJ3OKI5PLqB0FnpnRz0VTUTBzZYX
ULAYAD0eljfnfvXlb9eajtM75KC4OpxIQXsaxpY4j4ELv36NNLvkM8lE98x4v5UtJ/LhXdFo
XTVDynJ2inlMjtp752CVxPa7K18TtxH9MWrm42a9nxzTsXqPTRqwMA51ASPfSt3+K7oNJ6dH
7Dt/0zPJUnSGmnO2jYLcT/pmeSsWuFn0y6vcHO57Tg59kUreHzVB9M2snN2eeU4+Ip25Xdzo
/TR42C3fTM8lB0bpk/sC3fTM8kg4Q70y6yJJFZAOynavRnpl1bs5fXRbQ4DmzcHt3ruXqXpf
+H7f9O3yT1M0x/D9u+mb5KxHEn+mXVALeTr4iN2c0je/rV3H6Yb9I4tdd6eNvRw7mGTk+197
gOHxXYTorS5GPV+3/Tt8lB0TpY8dP2/6dvkpFrkx9Kt4mqDHHqGIAuwHOt4aD8fa4ZPge/oO
jqm43u5S1tbdY7hSUrGindFByTTI4Zd1nJAwO9ZOfQum3wlsNjt8bzweadpx3LKWi0UVjtsV
voIRFBHnDR1knJPblIVfIiLSCIiAiIgIiICIiAiIgKERTRHUqcDZzjeERc99riQo6kRZUcf1
arHshEXTiydalEWsH//Q7MiIgIiICIiICIiAiIgKERTRHUqcDZzjeERc99riQo6kRZUcf1

3SM2KVKt9aRaMQTeCapPS6pZ/ESXGVbpVINRzaW5SsaSFSTKJcbqqnFAoQZclR7PNA38Y6fR
8SV5+Uaeq2FpyWKtVFlSV2H2b5vC0XBmlYPmcKVNiZlKu9OTC1FRk22ko51v+9c307D12iby
OXidfNTM68hC0IVMuoscpyW5sHYnzlEnu641z6sO1aYbm5gs9JbTlAePNuIB3SUmx8CI9ZqV
Jl2w0mclki1ghCxcDsAiTiOazfIOznKpCuutg30dazad4IjwL5BqgkebW5dWvFpQ/WOstVRy
YTeVkJlywsC4nm0/i1+6HpFUeVdxEuwm4uAS4SO/SBHIByD1IWvWpa/+krQRK3yCThN3K8wP
ssH3x15crOqUSJ4pTwSGhDFM1NsrUh2XeHBK0FJ9YP6RRytvkFWSQ/XwRuMrJ38THvkOQ6Ql
Vhxdcmi4ARdtCU29d46Fz9TSQVU5Kjv9G+NPWBAcmKs4mzVMaQo8XZgWA/hBiHGcmcPSWF36
ZU5Nbip3pDUotxa7l5tZsUkaD/NtwjbCKdiirXPon6isTMy2Po7JyttdeVNzr2m5i31G4064
vASQBrpCFibg7xGfOUQdQFiH7K8IUOuDAvwEBHoCEBbaAI7YV7QEag98MJN4qJbg8YFx1xG9
o0SNDaGsJCWUAX0TxNzEExIG5gFaRxhH0IaRckGCn3Ft4VxteIho13DSJCB1cYIYtiXczc40
2vNorMkG8VU1hDDs42tD9Fkzn3KGUpPrGsW2yjbrh42iinGfqIGESypNCmW/RbPo+rjEDuDM
PqBLUn0T/arU0PUkgRdORG4bLT2qiX4rJnkuwfMLzLkHFkcVTDnviFHJRh5twlhBSkHzQ4hK
7evv43jaN6JJHWYcg7Q9Oqqj4WplFc55pHOPbJWsJGTsSAAE+Ai5zJtvDXf2RMMSAVG/XEH/
0Owraac9NtK/tJBhrbLDGjTSEX+qkCCdFC31YSt090YU8FIOWBmBJ12htvPJ46RHmPPZb6Wv
aAmS5dNzv1CHA31vHnSAc5PC8eiwta0ADYEQsw64AGXKBCSLpHfAEKzXI2EIKubAwFAJSqwt
cQk6LIG1oD//2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAoAQsDASIAAhEBAxEB/8QAHAAAAQQDD
AQAAAAAAAAAAAAAAAAAAECBAcDBggF/8QASBAAAQMDAQQFBwcGDwEAAAAAAQACAwQFEQ
YSEyEx
B0FRkdEiMlJhcYGxFBUjM5KhwRZCQ5PC0hckJTRTY3OCg5Sio7Kz4fH/xAAWAQEBAQAAAAAA
AAAAAAAAAAAAAQL/xAAXEQEBAQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAAEQEh/90ABAAo/9oADAMBAAI
RAxEA PwC5knWhCyDr5JCAUuR2hIyHA+9AqE0ubnzh3pMgfnfegem7L
Sckd6Mtz5/3rG+rpo3bElREx3oueAUGUANbgD3JNgDkopulva7ZdX0wPPBmb4o+draOdxpuJ
x9c3xRUsDlw5JMBxLSD2qOLnbyMiupj/AIzfFILtbXE4uFKcf1zfFESg0Adfelwovznbw3aN
dTAdplb4pzLhRyDyKyB2fRkBQZzwIxkpccc5Peo76+ji+sq4G8ceVIAhtdSHlVwkf2gQSMJN
kHtUSovFspIjLUXCmiYDjafK0D4rC3UdkeMtvFCfZUs8U4PSwjAUCO/WeUkMutE4jmG1DT+K
G36zuHC60Zxz+nb4pRPwkxxz1qIy722Tiy40rh2iZp/FePqfWFDZ7Y80tdSSV0rmx08RkBy9
xwCQOoc/chGyYKMetaPRavr7Tqxmn9SzUhFRBvYKyNphZkDi0hxPYeOVszdR2N7S5t4oSBzI
qG+KD0iMjmk2eXE8F5T9VafZzvdB/mG+KT8qrG4eRd6E8M5+UN8UuLHrEDCOI9a1Q9IOlpX7
Av8ASZaet+OKkO11phhBN9osdu/BCVGyIXhxaz01K3LL7b8euob4qS7UllZSy1PztRviiaXO
cyZrsAewosemM9aVavbukOwXG7ttbZZoKqTZ3LJ4XM3ocMgj/wBwtnRCrUNdXrVNrgZHpuxm
uMjDtz52t2fU0HJK29ImjneS8azkqSdQMvUuTwp4myQtb7Q0DPes0t0bIQH2e4MA8obTap3H
9YF0BIHFuG4znrRs9vFSLXNlVLTTT52aqJp5kwVBI/3E6nda4mkS1Nxf5XVSzj2/pV0eIozj
yRnnxT92z0W9yQqiKWfQIpmCqj1CZRzewSNHdtFSoH9HLpBtVmoGA8w90oCu3YZ6Le5IYmHm
xp9yQqln/wAF4zmtvYd2h83gsck3RqyN25tN2uWRwqXMkfsnsJ2hy7Fdm5iPONv2QlEcbQQG
NAPMAJCue5m6OcwfyfUwPyc7dulII90qZjRzYxmnbkdtuqAf+1dD7tmOLR3I3bD+a3uSLXPU
Z0KMb2CMjPmilqW/tlZg7o8Mo+hjEfWNxUZI+0r+3LCeMbD/AHUm4hPOFn2QkKpSMdDz8Cds
7HZwMCYBZGM6GSMh87QD1mbirldSUzh5VNE7HawFedd5bRZ6M1dXQB0e0GndUhlPc0EoirTD
0MubxqZftTeCXc9DGARPID6jNzW0v6QdCU78VNM6A4/S21zf2U6PpC0DNndNa8N57Nvcf2UV
qYk6HaR+9gpZ69+MblrZX8O3BwnC5dFRZx0xVNPVmmk/eW3/AJeaTp4/lNNQzgg4DmUBYSPa
QAnRdJNonhEsFBVyNz1NjJ/5KVFfm86A2nFulYwB6UUqjPvehi87GjoXgHIO3MM/6VZrtcUG
yHG1XDDuGRTt/eSs1hRynLLPdX+ptKB+KUU/JeNPuqsQ6St0bHcy91Sce4AKFCIbhqu0U1Fb
qCIOrI/KpRMNryhwO8Pq6ldztTySNcIdKXR7x17tjR97lovSHqC+StoC+wOtcMdQ2USSSsc6
QsORwbyA4daVUXplmp5dQ08VVnLKQGLYGQCZBk/ZDlXlS60gMMMUuSw7QxwDiXcfd5Pcrz6O
bXerjNLqLUjQ+WSEQ04kjAcWbRcTjHLjgf8Axb98hpM/zWH9WFcTXJkjrT8naGxS70DDiDzO
X/hsfenAWl1dKRvG02W7A4k4xxz7/iurzbqE5/icHHn9GEjbbQM82ipx7Ih4KjlI0kbTiSiq
GDZHExEcceKy0woY/raGR2XtJJjdwAccge7C6v3bCfMbw4ckm5j4/Rt7kHIcTA2ozLTyCPZx
gNPZzT5zS7stgic1xkI8sea3hgk9664MEWPq29wTX0dNLGWSU8b2kYILAQVdFSizMoL3Zain
1BBXS1tyilZG1jXSObs8dp4JOAOA6lcK8mg0vYrXVfKaG00lPN/SMiAI9h6l6qmYaEIQqg+C
CcBCFAD1o6kIQIS7qwgE5OQUIQBODjrS5CEIDI60hPHCEIP/0LlSbIznrQhZAUO5c0IQYpqW
Co4TQxyDse0O+KiTafs1Tjf2qjl2eW3A12PZkIQkKbFpyyQTb2GzUMb/AEm07Afgsps9teMP
t1IQO2Bp/BCEhUZ2lNPveHvstA4jjk0zOfcsI0TpjJIsdE1x5lsQHwQhJhTToXTfHFtaM9kj
/FRm9HGmBJDI+3mUwv22CWZ7xn1gnB96EJMWtnaA0bIGAOSXKEIgQhCoEIQgEIQgEqEIP//Z
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAoAMwDASIAAhEBAxEB/8QAHAAAAQUBAQIC
AwEAAAAAAAAAAAAAAAEFAgQDBgcI/8QAORAAAQMDAQUEBwgBBQAAAAAAAQACAwQFER
IGEyEx
QVGBkaEHFBUkMmGxIiMzQlJxcpKyQ4KEwtL/xAAWAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAAAAAQL/xA

Ab
EQEBAQACAwAAAAAAAAAAAAAARECITFRYf/dAAQAKP/aAAwDAQACEQMRAD8A9mRQqi+b
WWPZ tjTdrjFTOd8LDlzj88DipouFGF1Wm9Jmx1WRu79TMzwxLln1AV7SXagr8OpK+mqGkcN1IHfQ
qbFxuomcqp2jvjLFbPWDpMsjgyIO5aueT8gAT3JsRa58lPNeMbMXS97b3+rqYql0tNC7EZmO
lrOeC4NOQD0aOJ7eBK9L2ZjvtNBUU17fFKY5fd5oyTrjIHPJJyDnmVNVeooTl1WtQRMpnjhT
YCYTKZToMBEUqiMKVCICInRBKKFKAijPRcNVW01DFvaqeOFg6vcAmjnRddpL3PtFWyQWxk0F
DAcS1j4yN47Pwx58yV2Eckl0Svmr0gW273T0o1lE9h39TOGUu8cGtcz8uCeGF9KrXmoaSonj
nnpYZZYuMb3sBcz9j0QfNdd6NdsKGlEMmzrnlr9W+he2RxGOXBx4dy67JbrjbZCKumrKN4BL
dUTmkny8V9eaRnl0wsXxRys0yRtcD0IyFOx8s2DaG8trWUx2pqrZC/gZXyPe1vcMrtMjrwbi
ynr75XXN7982B7jiHSY3AStdkjOOnYefRey1uxmzdxje2qslFJr5kRBp8RxXWrbsRb7VerpH
QGU0MELCyF7y4QyEOLgzsJbp8VLFldY9Gt4l2eqau1ONE3eFsjGVDjE6QaQMtfgjnngR3r0m
DaSZ7N5PZ6lsfSSCWOdp/q7PkqXZDZ270lhhniu9L723f6XUIOnVx0k6gSBy7lc+yLmCHPZa
Jy0cB6s6MnvyfoplGy3aW3kfbZVxcf8AUpJR56cLNm0llkcGi5U7XHkHv0nzWDJb1TtANto3
t7Iqp2R/ZgXI6sc4aam0VOP4skHkU2jeZU08nFk0bh2tcCuQEHkqOYWB7s1NsDT+qSgcPPSp
hg2bJJp5aaNx57qfQfIhNF3lFR+o7Puqceu5qBxyK9+sdn5srZba4Xfg3KsBHLFUXY7jla2i
zwirm2uqYPs3isPDhqEZ/wCqGjurfw7qw8Mfe0wd9CE34LFSqxsN+a46q2ge3HD3V4P+axLN
oMYbUW4ntMD8f5pqLVQqrRfWszNX26IAcXNpn8PGRabqml1OZPfqmse7hu6QA47o25Hilq4u
6mtpKJmuqqYoW9sjw36rTde2ytPs+jqa13QsZoYf9z8DwytaFrGOBttjdvMD7+q+78ScvJ7l
zezrjVlxr7iY43cNzSN0DHzccuPdhTaNWquVWZt1JVxUknSmpWesTkeGG/vjHzXFSbMmrqBV
XNrwRnEbpi97/wCbun8W4b+6vKK30tuiMVLAyJpOTpHE/MnmStlJPZrCONkMbY42BjGjAa0Y
AWaItoIiICIiAupXaC4W29yVUZqBbamWOeeSnYHuY5oDS1zfiLXADiOWERSrDZa8VDYoLNHb
qmdlO3SKwDTHux8OdWDqxzbhdtRFOPgoiItILjkghmbpliZIOxzQURBxihowzQKSEN/Tuxhc
LrLbHHPqFOCRjLYgD4hEUyA2z0TGlsbZYwejJ3t+hWBs8RJxV1rQegqn8PNETII9jM4+/V5/
5LlHsGk/NNWv/esl/wDSImQZssVsaWl1IyUt5GbMhH9srdZFHE3TGxrB2NGERMgzREVBERAR
EQf/2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAqAOQDASIAAhEBAxEB/8QAHAABAQAC
AwEBAAAAAAAAAAAAAAYBBQMEBwII/8QAQhAAAQIFAQMHBwoEBwAAAAAAAQACAwQFBh
EhBxIx
ExRBUWFx0hUWIiMygdEXJCUmM0JSkaGxNFOS4lZygqKywcL/xAAWAQEBAQAAAAAAAAAAAA
A
AAAAAQL/xAAZEQEBAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAAEQESIWH/3QAEACj/2gAMAwEAAhEDEQA/A
PZk REBERBhxIaS0ZONBnGVJT98x6PUmSlVt2fgw4hIhzEAtjMd+Wueziq5dWo06VqslElJuHvwo
g11wQegg9BCmjFNqclDI8F7zcgdgdg8Bwcx3eC8r
X7JLgbVI9SgMDw2I1kyQ4HR5y1+vTqAc96jK3csjT31GMy5IlajTUjElILCHO5NryMneIAXQ
2c3lGt6fmXQpNk2+LKbu5ygYRuZI48chT6P0ci86ibTpuBkRaTKgg4JE7oBhhB9nOCHg9wK1
9d2qVenTYZLydNaBGfAdDiRnPJc1wbnIxgHeyNOgrXRHqqLzaDflyzRzLstl7c4B8oOAznhk
garnF4XdzjkTJ2254AJhiqDex3K1HoSKEhXDfcZnKQ6TQXs/E2o5CzDuS+YwIgUKixyM/Z1M
HH6JVi6RRYrt/YH1VpriTgYqY1/RfXlraB/hGRPaKkPglIskUc2u3396zZbTqqTfgsecF8h+
tlQi3sqTM/slRZLCkPLl8R/VQbSl5aIeESYnmuYO/dGU5/tEyPoah9vzyJ4UosEUh5Q2hZwa
JRT3Tr/CuRlQvs8aPRM9k8/wJcIq0UqZ2/ScCk0Qd85E8C4zNbQHDAptCBPXNxfAp0Kwua3i
U3lJQxfvKBz5CgNGc6TMXwrtcpfHo4k6Fx1+cxvApu7VijDsv3ce9ZU/CiXln1kpRe3dmIvg
XLaszPR5WehT7GNiS07EhNMNznNLdHaFwBIG8R7lc0jeIiLSMEAjB1C085aNCnYvLOkGQY2c
8rLEwX572EErcopBoGWqYGeb1+sws49qZEQD+tpX3EodUMMth3NPN7XQoLj/AMFvESYtTwt6
rsa0NumbyOJdLwjn/auGPQK/ELsVyTeCR9tTWu/ZwVOiTCoyNa1wxCTzygP9HA36Tn/2tPF2
TvqE5DnajOyEONLn1TJOnshwnf5259IfkvShxWVMwrzCLsaZMMDYtWhakF27JgZwCB97oBx3
BvUu5L7IKcJcwpqqTbw45c2C1kNrtA09BOSBqc6r0NYKTColmyi34ZPJx6nCz/LnnjKzE2V0
aI/fNTrbX4xvCfcTjq1VsisKh/kukAMNuG4m9Ok+fgswtmUvL55vc9xQ85zicHTx+72K3RTk
qOOz+MdfPC4gevnY8Kyyw5phyLzuH3zLT+7VYIrESTbKqDDlt510ntisP7tWHWXVXHIvatD3
w/Cq5YSCSNkT0YCHN3jW4sHPpMZEbDJ6vSaMjVfD9nMqQfrHcRPWak74Kw6Fh3BTwf/Qtvk7
l+UDvOG4ffUncPyX2Nn0Fo3W3LcQb1eUD8FWN9kdyys5mLUmLAgg5Fy3ENMfx/8AagsGGDnz
muLOMfx/9qrEVmIm/M3DcC5a+D188HhHXG2yC3XzpuIntnR4VUIkwTjbQc0g+cteJHDM23wrv
UWjRKO6aZz+NNQY0TlGCPgvY4+1qAM5ODwW1RJgIiKj/2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAxAOkDASIAAhEBAxEB/8QAHAABAAAEF

AQEAAAAAAAAAAAAAAAcBAwQFBgII/8QARRAAAQMDAQQFBgoGCwAAAAAAAQACAwQFERI
GBxMh
IjFBUZEUQmFxgaEVFhcYIzJSksHRNXOEscLSCCQlQ0RicoKTorL/xAAWAQEBAQAAAAAAAAAA
AAAAAAAAAQL/xAAYEQEBAQEBAAAAAAAAAAAAAAAAAAEQExYf/dAAQAKP/aAAwDAQACEQM
RAD8A mZUx0s+hVRAREQUAwOvKqiICIqIKrFrrjS26JslVLo1vDGNAy57icAADmSr08zKanknkOGRt
L3HuAGVoeFxr1bZqoAzTcSUNP921rRho+9kntKzuxXQqq11df7RbZ2wVtypoJndUbpBqPs61
4qNpbLSUj6qouUEUUbdRL3YOPQDzKtxG0Rc5btpq+7UPwlQ2OSahl505NQ1ksg79DsADIOOl
1LmLrvibaa6SjqNl7hHJG4NxI4DLu7IyPAlLgkpFFNRvyp6bSX2J7gRzDanm31jSpFsF5h2g
slLdIGhrKhmrRq1aT2jPoTNo2CKqKgiIgIiICIiAiIgIiICIiAiIgItbc6eudLFU0U8jXQ51
QgjTKO7n2+H4hBdXOe5j4HvDGjW9g6TT6WfWHsypVjZIsL4Ztofw310Eb/sSPDHeBwVcfcKJ
gBdVwAHtMgS4jJVD1LAlv1phdpkuVK13cZm58MrGdtDDMNNDTVVW4jo8OIta71OdhvvU3VZF
9jklsNayMAv4LiG/awM49uFzN+oNobk2nu1Hc+DAx2Y46SD6cQPDdWC44LuWcYHit+aa7XNp
jrHRUVO4YfFCS97x3a+QHdyB9a2zGhjQxowGjAUlHM7K2bZu3OfJbc1FZJ0pamoBM8me0lwB
x6uS6GqoqWtYI6qminYPNlYHD3pU00NVGY5WZz1EZBHpBHUsQU9dTjTBXl4B5NqWB/Lu1DB8
cq+DPZGyNoYxjWtaMAAYAVupoqWsidFUwRzRu62vbkFYE1XdoOuOhOeocR4x/wBTn3d3r0N7
2mmtUInuF4gomhxAZBFqLnDPIl+e7qDe3rTZhFeBsT8Li2GwwcR0vB4pofozJjOnXjGcLq6O
ipLdTNp6Knip4W5IZG0NaPYFEdz2ids3ZYXl0dXcW3YVHTaWtfqYT2H/ADdi3lq3rG5UzeDR
Ub6sxl3k4rC1ziM8hlno71nNIkfKKJ49/to6PEstYCfraZGnBVuff/b2uxBYaiRve+drD7gV
uol1FD7d/wDTPOPi5NnsAqgf4V7+Xum6vi5U57vKB/KpViXUUTs34PndpptlKqRxOBmoA5/d
V4b37oWa/iTWFvWHNnJGPuehKRKS8kkEYblQ7Lv+4Tyw7MvDhyc19Xgg/cVn5wUvPGzTPR/X
D/IrUTSig2q3/XWTT5JZaWE+dxJXPz4ALGO/raHsttB4P/NBPiKAxv62h7bdQH2P/NW3b9tp
yejR29vo4bj/ABKj6ARcxu+vtTtJstFdqudsk08j9TGM0tiwcaR39Wc+ldOgIiICsTUkU7xI
QWSgYEjDhwHr/BX0QaG505loZKO929tzo3jS6SKPU7He5nX7W+C5y37urA6Xyu0yU89M/lw5
Wh+jnnGeseo81IKwqi0UNTOZ3Q6JyNPGicWPx/qGCpuCzR2Ojt4a2lgjja0Yw1oGfctgWnzT
px1clgx0Vwhc4x3R0jfNbPC12Pa3SVXXeI24MFHOe8Suj92D+9RWc0EN6Rye1VysLyq4gHNt
aSPs1A5+IVDU3Lzbaz/dUAfgrRmuzpOBk9yx3GWON5ZFqcMkYH1j4qwX3mTIFPRQ8+RdK6T3
aR+9eXUN0nzxbvwQeymp2tPi7Us9GBeXBoa+vusdsiPUyMjiuz2AnI8AtbFYqa4CR9DZ2uMj
cOrbwwyEjGOgw8//ACF0tHZaKjlM7Y+LUOHSqJTrkd63FZ2Ov0pCvnaKxXHbHaeSgpRHRwGV
+mTQ4xN0ZB0t7PUpJoN2sNsoWxU1BaxWNiLBXuEj3DIw52g8s8z29q6+37P2m1VU9TQ0MUE1
Q4ule0c3EnJ962KZhUQ/N/o8D+3589v0A/NV+b/RY/T8+f1A/NS8i0iIW/0f6IHnf6j2QN/N
e/kAtmed9q8fqmqW0Qf/0Mv5ALZkYvtX/wATVcbuEtjRg36u9jGhSuikET/IDZyf01XfcYvT
dwNl868159TWD8FKyKiNaPcXsvAHeUVFfU5xjVI1uPALMG5bYwf4WqP7S5d8vB1F4xyA6z3q
DhBuW2LBz5LUn9pcqncxsZpIbRzg4wCahxXeorBqNl9naXZWwU9ppHOeyLJdI7re4nJJW3RE
BERAREQEREBERAREQEREBERAREQEREBERAREQEREH/2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAA2AM0DASIAAhEBAxEB/8QAHAABAAIC
AwEAAAAAAAAAAAAAAAAAAQFAwYBAggH/8QAPRAAAQQBAQQIAgYIBwAAAAAAAQACAwQFEQ
YSITET
FCJBUWFxgTKRFSM0UqGxBxYzNUNTctFjgpKissLh/8QAFgEBAQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAAEC
/8QAGBEBAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAAAAAREITH/3QAEACj/2gAMAwEAAhEDEQA/APsyIiAi4BB5
EHRcoCIuCQ0akgDxKDE4Xdh3geyrXG5Wjl6xsY+yyvVnREWEwkQ0AKOrHdbDTtG9ntXRzZuf31tasy
2dyUDmC7C7ZqwxTxCq1dsHuyrXtWRho+9kntKzuxXQqq11df7RbZ2wVtypoJndUbpBqPs61
WVrslyd2zUDmC7C7ZqwxTxCq1dsHuyrXtWRho+9kntKzuxXQqq11df7RbZ2wVtypoJndUbpBqPs61
HsvTVDA43GzyT1HgSGH1tasy2dyUDmC7C7ZqwxTxCq1dsHuyrXtWRho+9kntKzuxXQqq11df7RbZ2wVtypoJndUbpBqPs61
FLd117Me6fmFcHz7IZC1kNlq1azDWrN14onVso6VwfPckw
2SyMM8be1JTe5muneO0CPdbJLsvi7s2OxDyW4MZSzIGvIA7HZB7wC5r9P8A1bg3YvxRjy6gjlJ2vCxNAqx
2apHIwWpG/hvaH3CzINTxm0WAyADqma2gw7gB9qeXRjw1399vd4Ahvt5OHqo3WbdCTey1Br9Bp16k0nX+pnx
GVw8ubCfkjtnS4Ok2tNWst3JB6DkR5gbVug7Rk0+0cELJYV7s2OxDyW4MZSzIGvIA7HZB7wC5r9P8A1bg3YvxRjy6gjlJ2vCxNAqx
tLddw

GgcJbsrYme+mp/BdXZHGV4WxY+XfaDoIcfGJDr5hoIb6nRRmYy3ZkMkdWOlqdemsu6xPy7gS
Wt+Z9FNqsJuGaN02Uy00dcaAdXiMEbz91pOr3k+Sz1sdLkIDG2CTFUHfw2HdnnHi53No997z
Cn1cLVr2etyl9q3/AD5zvOH9I5N9gFYpIaw1atelXZXqwshiYNGsYNAFmRFpBERB/9D7MiIg
IiICIiAiIgIiICIiAo0+PpWiTPTglJ5l8YJREEf6BxwGkcL4R/gzPZ+RXH0HXB1bavt9Lkh/
MoimQBg64PatXnetyT+67MwWLad51KOV33pvrD83aoiZBNjjZEwMjY1jRya0aALuiKgiIgIi IP/Z
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAqAJYDASIAAhEBAxEB/8QAGwAAAgID
AQAAAAAAAAAAAAAAAAAAAECBAMFBwb/xABGEAABAwIEAwEFEw0AAAAAAAABAAIDBBEFBhIh
BzFB
URNhcaHRCBQVFxgiJDJCUnKBkaKywcLS4RYjJjM2RlRic3SDkrH/xAAWAQEBAQAAAAAAAAAA
AAAAAAAAAQL/xAAbEQEAAwADAQAAAAAAAAAAAAAAAAAREhEiJRMf/dAAQAKP/aAAwDAQAC
EQMR AD8A7LfvFFwkCfe+NPfsWbkCLouexG9uSWGki532SBNtxZWwnTRtcGueA53IdqkHA9VzTOOH
4hXZrmmhrmRxU8dONO2XdzdmJ2XIdI5zAGu2077/GuhUFMKOihpg+SRsTAwOkdqcbdSeqzym1WUXR0S
uQOVlq6DQSo33579iN3dizy8KTQkLhB761aBCRIGxNk7tPUKWBCNh2IsFYDQkhUVMUxFmGUf
d3MMj3ODI4wbF7zsBfp4Vy9/H6hY5zDgFRqabH2Q3yLqOJYbT4rSGmqNYbqa8OY7S5rgbgg9
F4Z/BHKL3F164Em/6/8ABQaX1QFDY/o/UX/uG+RY/VA0+r9nZNNv4oXv/qt27gblN3tZK9vg
mHkVKp4C4E8A02J10RHPVpdfxBBTHmgaW51Zdl71qofdWJnmgm2dry2QbettV337/rFaHAHC
9YvjdXp6juTblY3+Z/oi0dzx+cO6l1OD9aKow58qMew3FcxehwiNJUUTnwtlvqayQk7kbDde
qHFM9zZIMAl0yC7fZ1PcjwalpcO4e02DU1bgM9bJUU9XX0zHysbocLNc+3XrZepdw2hcQfyg
xUWvYDuIG/8AjWa8GKLiPUSC4y1VuB5FtTAQfnq2zOeJvjEgyfijmH3QkiI+XUoxcPIYWtEe
YcZYWnm2djf+NWd2RmSNLJcw449h5tdV7HxJpinJxFbDI5kmX65jm8w6WEH6abOI0b7E4FWg
Hl+eg++pu4a4a5xd6K4sCeoqfwUmcOMOjN24rjF+0VhH1KVK4xemVSh+k4PWg/1YT9tZRxCg
c0FmDV7r/wA0W3z0O4aYM95e+txRziblxrHXKfpbYJv7IxLfp58er2TEm561ODBl7FHOPQCM
/bVlubZj+7GNi3bTt+8qzeHGAt3D8QDvfefZLjxq03JVA3nX4s4djsRl8qaYxHPFM2wfhdcx
55Nd3IHvba1WHE7LsUz4q51RQlhDdU0V237LtJWxbkvCQ4O115cBYONdLf6SUeRcttnbPLho
qZGm7XVUj5rfE4kK6Y3VLVU9dTR1NLMyaGQamSMNw4IU4oo4Y2xxMbGxosGtFgPiQqiaEJKh
oQhAJIR0Qc9xTAs5TZ5ir6fzscJjqmTdyM1tVg1pJFudgflXQgbqPb8FSHJZj6ppICFUCaR6
JoFdCi/3PwlIfWpYaSOxA5lWwIQ7kg9PCgEJN9u5CQP/2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAzAMIDASIAAhEBAxEB/8QAHAAABAAEF
AQEAAAAAAAAAAAAAAAAECBAUGBwMI/8QAOhAAAQMDAgMFBAgFBQAAAAAAAQACAwQFE
QYSITFB
E1FxgZEHImGhFBUjMjNCcrEWJCVigkRSssHh/8QAFwEBAQEBAAAAAAAAAAAAAAAAAAECA//E
AB0RAQEBAAEFAQAAAAAAAAAAAAABEQISITFRYXH/3QAEACj/2gAMAwEAAhEDEQA/AOzIiIiI
vOaeHw6EsfIf8AOzIiIiIvOaeHw6EsfIf8AOzIiIiIvOaeHw6EsfIf8AOzIiIiIvOaeHw6Es
jg5hRkhqq0EKIYsTiEmxkA9HqEKYtGyWaRwDppGk47SenkjnZuNnAAFTYuMM4hpGyWaRwDpp
jg5hRkhqq0EKIYsTiEmxkA9HqEKYtGyWaRwDppGk47SenkjnZuNnAAFTYuMM4hpGyWaRwDpp
E1FxgZEHImGhFBUjMjNCcrEWJCVigkRSssHh/8QAFwEBAQEBAAAAAAAAAAAAAAAAAAECA//E
AB0RAQEBAAEFAQAAAAAAAAAAAAABEQISITFRYXH/3QAEACj/2gAMAwEAAhEDEQA/AOzIiIiI
vOaeHw6EsfIf8AOzIiIiIvOaeHw6EsfIf8AOzIiIiIvOaeHw6EsfIf8AOzIiIiIvOaeHw6Es
jg5hRkhqq0EKIYsTiEmxkA9HqEKYtGyWaRwDppGk47SenkjnZuNnAAFTYuMM4hpGyWaRwDpp
jg5hRkhqq0EKIYsTiEmxkA9HqEKYtGyWaRwDppGk47SenkjnZuNnAAFTYuMM4hpGyWaRwDpp
E1FxgZEHImGhFBUjMjNCcrEWJCVigkRSssHh/8QAFwEBAQEBAAAAAAAAAAAAAAAAAAECA//E
AB0RAQEBAAEFAQAAAAAAAAAAAAABEQISITFRYXH/3QAEACj/2gAMAwEAAhEDEQA/AOzIiIiI
vOaeHw6EsfIf8AOzIiIiIvOaeHw6EsfIf8AOzIiIiIvOaeHw6EsfIf8AOzIiIiIvOaeHw6Es

vGsK2qskb6WiaKcudVQte92HcMAHGDxHNZjRWh49INqXGufWyz7WiR7NpaxvJuMnqSVtO0A5
AGSiSGpWq+0WRtPpZ1W44FNUwSEnlgSNz+62pYnVFmGoNN11rzg1ERa0nlu5j5gK2Ea7W2i1
3T6Nd6+mjljY5sznhuJA8EDIH5gQDkfDgspoOpjn06Y4XF0VNVTQx5aWkNDztGDxHAjmtB0t
cJaOrmst+jrqDZGWwxyx9oAf9reB3A93EeHJdE0fapbTZXRzRiJ888k3ZhobsDjwGByOMZHe
scfK1nkRF0ZEREH/0OzIiICIiAiIgIiICIiAiIgIiICIiAiIgIiII6qURAREQf/Z
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAgALEDASIAAhEBAxEB/8QAHAAAAQQD
AQAAAAAAAAAAAAAAAAAEFBgcCAwQI/8QAOxAAAQMDAQQGBgcJAAAAAAAAAQIDBAAFEQY
SITFB
BxMUUYGRFSIyYXGxFiMkgqGywhc0QmRzk6LB4f/EABYBAQEBAAAAAAAAAAAAAAAAABAv/
E
ABkRAQEBAQEBAAAAAAAAAAAAAAARARIhMf/dAAQAKP/aAAwDAQACEQMRAD8AuakJA4mlp
KAz SbQ8O+sXHW2kKW64G0p3lSiAAPjTXJ1Xp2GT2m+QG8ci+nd+NSh3zS1EX+lLRTCtV9aV722
1rHmE1z/ALW9JuLQ3GkSpS1q2EpZirJUe4ZApRNaKgL3TJptpsOdmuRCllCfs2MqHEbzxGaY
tQ9Mtsm6fkx4cC6R1y2lIjyMJRhXDIIPI91Kq2wc0VVfR9qjUkOyvQrrbZE2Sw/7ciY22tKS
kEDCzk8c5qSr1nNQo7cK2xgAPVk3RAVnv9UEY8aUiX530VCF63n5GyvTwB5G6b/yVuZ1Re5B
AQdPE53gT1nd4JqdETKkqMLvOokKx1NjO/H7+ofproE7Vg9qy29YxuKJyh80Voh/paYfS+ok
D6zTIV/SnoV+YCl9P3NB+t0tcQOZQ4yv5LzU+EPmaM+6mA6vjocCH7Vd2CTvKoS1AeKc1m1r
PTrjhbVdGmFhWNmQlTJz8FgVLQ+c6TB44rBmQxIaS6w8262r2VIUCD8CK2VYhDnPCl5UtFUJ
vopaKkFfax1Xf4esIenrYpmG1Ja2+1La6w7R2sAAnHLHjVVxtd3y4Xns+otRXBmIdoOiIAk5
xuGE4516BuumrLe5DMi525mU6wCG1LHAHl762RbBZoWOy2mEyUjALcdIPnikV51tz6JMizvq
slyvTzClrmoWFr63J9QDjuAx45rsiaZ1CoQUtaDcCmZipClOoUA6g4w2rPADFejEtoR7CEpw
MbhisqQqjGdG63ejxWWNN2+KI1wVNQXVo35O5BHNIrdE6MdfNLjLFyt0ZUaSuW1sqJKXFYz/
AA7+HDhV2UYpCqdZ6KtapkIe+ksVsolGWkJSohLp4qAx/wArKV0T6lTBAd1K041DS88w23H3
7awdoAe//dXDRSFUh0V2G53eNPVJVHbUw6lBM6D1znDGAVEYGBwqzGtKPpaU2q9PsoUc9XCZ
bYR5YJz781IgAngAPhS0mFR9OlCgYTfrt/eSf00HS8kK229R3RCu/LRz5oqQUU5xKYFWG779
nU0hXcHYrKh44SK2Jt+o28kXyK73ByBj5LFPdIBgYqhlSdVNqUFptUhPJQU40fLCqDN1G1jr
LNFeH8vN3+S0j5090VItMvp2QgfaLJcmSM52G0uj/FRNcz+qoWwWVKS27wCZsd1hJPcSpNSO
kIB4jNIICtuwSlKfk2rThKvadbnoCD8dw3+FdKLfHix0uRV3aCj2iuBM7U2n7p2t33ali7ZA
cdLq4MdSyCkqU0knB5ZxXHI0vZJBCjbWWljgtgdUrzTg1NwpkRqF63Avi7t3iOjJeZcbSzJb
SOaUgDbx3YFSuLKYmxm5MV1DzLqdpC0HIUKY39HRnGurbnzNkcG5KxJR5OhX4EVr03Yblp2Y
5GQ7Hdtb3rJbbSUdQvnspJO49wPGmU8SaiiitI//2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAArAM8DASIAAhEBAxEB/8QAHAAAABAAEF
AQEAAAAAAAAAAAAAAAAAECAwQFBgcI/8QAQRAAAQMDAwAHAwYLCQAAAAAAAQACAwQFE
QYSIQcT
IjFBUWFxgdIUFRYyorEXIyRCUnKRkrLD0yUzNUNGU4LBwv/EABYBAQEBAAAAAAAAAAAA
AAABAv/EABoRAQEBAQADAAAAAAAAAAAAAAARASESMVH/3QAEACj/2gAMAwEAAhEDEQA/
APZk RQglERAUJlEEooym4eYQETIKZU4JRUlwAycqcpcDlBnxTKU4JPHKE8Hg8Hg8Hg8Hg8Hg
LjlnHeRqQXSbCV1VV1YldC6S3hoqJMPd6TIVs/eSf00HS8kK229R3RCu/LRz5oqQUU5xKYFWG779
ielt8dM1u2GTYGbdxLnEg8c5/ygfuRG/ykcqFzp4/ACHOqjdNup+P41eLwPFuRG/ykcqFzp4/
XqSqQXSbCV1VV1YldC6S3hoqJMPd6TIVs/eSf00HS8kK229R3RCu/LRz5oqQUU5xKYFWG779
1cjg+oadu2GTYGbdxLnEg8c5/ygfuRG/ykcqFzp4/ACHOqjdNup+P41eLwPFuRG/ykcqFzp4/
ielt8dM1u2GTYGbdxLnEg8c5/ygfuRG/ykcqFzp4/ACHOqjdNup+P41eLwPFuRG/ykcqFzp4/
XqSqQXSbCV1VV1YldC6S3hoqJMPd6TIVs/eSf00HS8kK229R3RCu/LRz5oqQUU5xKYFWG779
1cjg+oadu2GTYGbdxLnEg8c5/ygfuRG/ykcqFzp4/ACHOqjdNup+P41eLwPFuRG/ykcqFzp4/

07oxcN+WCPBh2ktByRnJxk5JOPFb3R/R7QaYlNRgTSiPq493a6tucnkjvOecYHoiOxREWwRE
QQilEBERARR4hSghSoUoCIiAiIgIiIIXkPSbraKoiuWnJ9P1Ek9PIGwzCQ7ASOy/Awc88A5C
9fWuuGn7PdZhNX26nqJWjaHvYC7Hlny9FNHC9FNXXdX8lmp2v3wNfNKctfT7QGNjIxzkAuHP
AK9LVmlo6ahgEFJTxwRN7mRsDQPcFeTARFColERB/9k=
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAA5AIkDASIAAhEBAxEB/8QAGwAAAQUB
AQAAAAAAAAAAAAAAAgABAwQFBgf/xAA2EAABAwIEBQIEBQIHAAAAAAABAgMRAAQFEiExB
hNB
UWFxgRQiMqEVI3KRsQdCQ1JikrLB8P/EABcBAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAAABAgP/xAAYEQEE
B
AQEBAAAAAAAAAAAAAAAAEQEhEv/dAAQAKP/aAAwDAQACEQMRAD8A9h0TsIFFMiRqDSpTNcl
V Lu/tbBAXdPIZSdBJ1UewG5PiqSMRv7qTZYcoNjZy6Vy59EwVfuBU5wlleILxDmOF46JzQoN/
pBGnmsriq/xjDbdt1haG7MH8+5QnM4ntCTpvGuu+1UaQRjBAKnLRPUgNqMfcUzgxlCCpv4J1
RjKDmRPvrUWBJfXaJefeeUpUEqcVM6fatJ64aaUM64y70VQXiV9bPtNXWGLWFpKiu2XzEojv
IT9pq1bYpaXasjbyQ4P8NfyrHqk6iqOI310hbaMLCHrpxQIYdEJyg6kqH0jz1pXGGYjdhKnH
rRp0fStDKipB8KzA/wDtqDZBJHam+bTXUVBYIuk2qEXjiHX06KcbGUH2qyNAJO1RDkaRTASZ
1pE6UgZOmw0oHVoDQyqKOlRIiKSdVKJEbCnyDUR96PrSpVRj5VAAGCd6LKfFEIpUoEbSRGul
OZnbQ9Zpb7j2pAabRQPWLxVf2lpgV2i7ObnNKbbaSJU4ojQJHU1tR1rn8ZwZ17iHD8ZbSHBZ
BQU31MgiR+9FTcPLU3hNqw6242W2EErWmEkkaj2NV8axazDaUB1LmaYynUkf91oWWIDEVEts
ksqSFhc7yJ2ipru6trJptT7ZCVrSgZWyqCdpgaetBznBGJ2d/avqN0hd3zVIKSYWEJ0Tp6GZ
811algxChHWuB4swO+4zNo7htmhtlkKXzLhwtcwmIjLJIgTrFZWH/wBPMcskAOWWHPg6Em7X
JEfooPUkuaSVAnwaMKSY1H7152vg7FEMltjBMLQYgKN2pcHpI5dVLjgnG3CVJwnDQ6oRmN2o
aeQEAb9qI9PzAwCRr0pyY2/mvMrLgfEmGQl3CLV11JjN+IuAEeRG9XUcJXzcNowK3CD1cv1K
/hIP3ocd0/dsMylT7aVjopYBpk39qRrcsjT/ADiuPTwhfZAlNnhiG+ysyl/7iJNQOcEX0FQt
cLOacxhQ07aCrFdz8baxPxLUH/WKIXLCtEvNn0UK88PB1/bwq2wjClKT9P55ESfLZqBfBOO3
DS2lWeFtoWcxh2VTp1yeKTUemhYVqDI709YnDGGP4PgrNk+tBdQVEhBlKZVMDbvW1PkVNxTx
TEgamhDio1bPmKHOoky2Y9KREtY+P4sm0YFnbrSq/uQUsNz9M7rPgDX7UOLfinNStlxfwpTC
0sIBdB7ien3rKtcAw5+/ViVlcu/GFIS4XHS4Va7KSdR7EUXjcwWzew2wRZuLS4hgJQh2IK0g
DUjvM+tWr5QTaqUVBJAkK7RrWYX8XnKhFplD6YXmVHLgTpG+8axV655r7fJCE/MmJV3oM3g6
/ZvsBQwlYLtmosOpnUFOgPuIPvW8fliN64s8KIwzFHsaRjr1g4oQpKChLR/UCDmq7aPY7f3T
SLa+BtEql24VbhGcdkSdSe8Ab0HTxI9aUdTvQS6ANB7mklxatMonvVZEmMxEGR53oiNajJXm
zBE6b04W5ElI8VFSECBQPCWzt+1AouESR9qFS1kHaIqlAlIKoJFTlsSIGnrVRxWVZIiO4ogs
kEBRPmanoiylpCRBAij5aOwqnnVBUmSZjej5i+5pROG4TBWqT5pBsTJWqk509DRDcUA8kTMq
JHmq1xhlndkF5qVDZUkKHuNavGoVfWP0mispjh5i3TktLy8YQFFWUPlYkmf7pqT8FKjDuI37
qQNEhwI/4gGtNv6R6Ci6URnNYDhzTnN5HMd6OPKLih7qJq8llCRt0o6eoALaOomm5SBqBsNq
PvS61QIbSO496YtI6CPM1J1oV/QfSgbloAjKPegcShMnLv27VKKFf0n0phqENJWoCNP4olM/
MAIjqetO19Q9ak/uNXUwAZb0+WKLljt9qLrT1lX/2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAcANcDASIAAhEBAxEB/8QAGwAAAgMB
AQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAYBBQcCBAP/xABDEAABAgUBAwcFCw0AAAAAAABAgMABAUGES
EHEjET
FiJBUWHSFDJxgcEVQlJ0kZKhoqOy0SMzRWJjZHJzg5WxwuL/xAAWAQEBAQAAAAAAAAAAAAAA
AAAAAQL/xAAXEQEBAQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAAEQES/90ABAAo/9oADAMBAAIRAxEAPwDZ
oI5U pKElSiEpAySeAEVK64qabQVeJhGMiadO4x6tCDSD4uszDSD4uszDSD4uszDSD4uszDSD
9oKsk+siVW7+pjX7X0MjOJ4mtCjSD4uszDSD4usz

QhXxZl53dX5Nc3ISrWGihLku6VNI1z0idR1cBG0xBEXcGRo2OVdqlOUZqvMJp8wtLzw5A73K
JGBg54RUubBKqlZLdVk1pwcBQUn0dRjc4gwhWBp2G3AgYcdk16gkofI0zrxTHCdiVf3xlLJB
Go8pAwfTj2Rv+BBCaMIldgtadO9NVOTl0/BTvOEfQBF5Tdgcg0veqVZffGnRYbDf0nMa3BFR
lNx7EJN9sO2/MmWcSnHIzCipB9CuIjw2ZY18WpWmVsbjcst0CYHlILakdZ3e3HCNliIkWpgg gjSP/9k=
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAvALsDASIAAhEBAxEB/8QAHAAAAQUB
AQEAAAAAAAAAAAAAAAECAwQFBgcI/8QAPxAAAQMDAQQHBQUECwAAAAAAQIDBAAFERI
GITFB
EyJRcYGRoQcUFTJhIzNCwcKSsdHSJDRDRGJyc4KDorL/xAAWAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAA
AQL/xAAaEQEBAQADAQAAAAAAAAAAAAAAEQEhMVFh/90ABAAo/9oADAMBAAIRAxEAPwD2ai
mL Kg2ooxqwcauGfrXLwtqbyuU9Dl7PLVIjnC0xn0HI5LAUU9U+NTdg6uisU36YVhCNnbmokZye
iSAezJXUkC/NSpSocplyDMSMhh7GVjtSRuUO6lwa1FFFUFIOFLSUC0UUUBRRRQJS0UUBRRRQ
IRkUYxuApaz7td2rQlpbrTzvSqKUpaTqO5JUT5A1Ngv0cOFRxpDUqO2+yrU26kLSe0HeKloC
iion5LEVHSSHm2UcNTigketUS0VG080+2HGXUOIVwUhQIPjUlAVn3G1pnKQ6hwsSmd7L6eKD
2EcweYq/SFSd+d3fQZkS6KLwt9ybDEwjq6T1HgOaD+XEVbl2+FcWA1LjtvtjeAtOcfUU25W+
Lc4vu8pvWnOpKgSFIUOBBG8H61QbkzbIno55XLhoHVlIRlxP+okfT8Q8QKzv1TVW52C6GoN4
mMAjIaeT06B4q63hqqVPxsghNwt7gAxn3RYV5dJWg25EuMYONrbkMrGQpJylVPDKUqBTwAx3
d1J4M73K9OY13ppGOPQwgM/tKVSNyLja0hE9K5zKf700jrgf4kDj3p8q1cAZ3DfvNGasEMSd
GnNlyK8h1IODpPA9hHKrFUZVngynA8Wi0+ODzKi2seI49x3VXLN4jLxHmsykckSW8KH+9P8A
LUs7GtRWL8auTAxLsEpRH44i0Op9SlXpSjaiEnIkRrhFI5PQnP3gEVbiRs0Vjo2ssa1FPv4Q
ocltrQfUUxzbGwNZ1XAeDazn0pcG3RXPp2ztrufd49xk4zjooLpB7sioXtsHUuBDVjmpGB15
Km2UjOdxyrPpS4OmrJ2mZC7I8+BlcT+kJ+uneR4jI8a5Kf7R1NK6P320xVng2hTkpzySEgHz
rktstor2/B1omXR9hS8q1RFMMgAZAJAB3nAwSazurHe27bSyWO0JhXKalMmGS0WUAqXpB6hw
O1Ok+NYd49t9pino7XCclqI+dxWgeQyfPFec7ctTbs1aL8I60rucYIeaSgj7Vvq/L9QARV/Z
/wBlN8ugK5qUW6K8Ur0KPWI5bt559opeAt69rm1U0rbjvC3pSrSpKEJSoZ+hyrxBrmnDtHtC
SVqkSXFLI1LySrPYVbz3CvarL7KtnrfiRJLsp4nfk6Bnwyr1rs4Nut8BJ9yissBXEtoAJ7zz
oPCvZ/dr5s3tZFtsvpUsvuhlxrGU7zjf2EEjB/jX0DWa7YLW/d0XRyMFSkYIVk4yNwURwJA4
GtOrmBuMcN1LiijnVCEcwBmlIzS0VYjJdsLaJS5lveVCkL+fQMtudmpP5jB+tHxKXBTi5QVa
E/28UFxPikdYeR761qKCjDvFtnrKYs1l1eN6ArCh3pO8VdAA3jnVeXboU4ASorT2N4K0Akd1
VvgUNH9XVJjnl0UhYA8M49KC8psk5S4U1CWZgVlMhojO8KbO/wAc1W+GTEI0tXmUCObiG1/p
FKYV00gC8b+ZMZP8azuKnJuA4Mxlf8qh+k01Srl+GPEG/m+r+SojCuhRg3jBzxEZNOECYfnu
0g/5W20/pqwOLdzWj72I0rn9mpf5imKiTSOvcUNjHFtgAjzJpvwRK/vrjcHR2e8lH/jFPTYr
YPniJePa8S4f+xNJgznzbWnQ1Lv0l5wH7tDwCv2WwDVBdisz75db2cl3JZP3stfV7/tVZ8hX
WNMNMDS00htPYhIFSVIVzrFomoyIlvtNpTjAU210q/QJA9afJ2TZuKVputxmzEOJ0rb6TokE
dyMfvrfoqwrhbns/H2cMRyEhxUaKoPNoddUvoijOsJ1E41IUrd2oFdpG6FyOhxopWhY1JUN4
IO/NQXO1sXWMGHlOo0qCkracKFJP0IqWDCYt0JmHGSUssoCEAnOABjiakwqbSkcAKXA7KWir
MQmBnOKKWiqP/9k=
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAmAKwDASIAAhEBAxEB/8QAHAAAAgID
AQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAEGBwIDBQQI/8QAQRAAAQMDAgMEBQcJCQAAAAAAAQACAwQFEQ
YhEjFB
BxMiYRQVUXHSFoGhorHC0SMlJjCUpGywTVFU2RlgoWU4v/EABcBAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAA
AAABAgP/xAAaEQEBAQADAQAAAAAAAAAAAAAAAAARAxEhMUES/90ABAAo/9oADAMBAAIRAxEAP
wC5 C0EYI2S4WjZP3rVUVEFNG6Woe23Njf23Hks9Kj2sNW0+mLbPIyIgJ1RsgMrIgNgNgMbIz
263gHMlooXnG5BcM/SrG1hoS9MdTT+sHwSx1APA
+FxIyOhyArKJS9uFylnaJ7dSRNLhjHHj2zznZWDQ9oNrriZWBxEfA4ZI5DxA/QvnS
02uvvVxiobTuqKl+eC4Ul2CLJ
eMkchTAn+ZbHauiDc+o727B/dSGN7mOB4XDm33rq0fZZU29jmU
mr7rW1x3aOX2rOqUkhyx2t4Ey2Ub/dd6XOpjAg2W/DO29HFIa5vqPHg2ANGOgrvhwuuc+Ll+
oO8pvWnOpKgSFIUOBBG8H61QbkzbIno55XLhoHVlIRlxP+okfT8Q8QKzv1TVW52C6GoN4
mMAjIaeT06B4q63hqqVPxsghNwt7gAxn3RYV5dJWg25EuMYONrbkMrGQpJylVPDKUqBTwAx3
d1J4M73K9OY13ppGOPQwgM/tKVSNyLja0hE9K5zKf700jrgf4kDj3p8q1cAZ3DfvNGasEMSd
GnNlyK8h1IODpPA9hHKrFUZVngynA8Wi0+ODzKi2seI49x3VXLN4jLxHmsykckSW8KH+9P8A
LUs7GtRWL8auTAxLsEpRH44i0Op9SlXpSjaiEnIkRrhFI5PQnP3gEVbiRs0Vjo2ssa1FPv4Q
ocltrQfUUxzbGwNZ1XAeDazn0pcG3RXPp2ztrufd49xk4zjooLpB7sioXtsHUuBDVjmpGB15
Km2UjOdxyrPpS4OmrJ2mZC7I8+BlcT+kJ+uneR4jI8a5Kf7R1NK6P320xVng2hTkpzySEgHz
rktstor2/B1omXR9hS8q1RFMMgAZAJAB3nAwSazurHe27bSyWO0JhXKalMmGS0WUAqXpB6hw
O1Ok+NYd49t9pino7XCclqI+dxWgeQyfPFec7ctTbs1aL8I60rucYIeaSgj7Vvq/L9QARV/Z
/wBlN8ugK5qUW6K8Ur0KPWI5bt559opeAt69rm1U0rbjvC3pSrSpKEJSoZ+hyrxBrmnDtHtC
SVqkSXFLI1LySrPYVbz3CvarL7KtnrfiRJLsp4nfk6Bnwyr1rs4Nut8BJ9yissBXEtoAJ7zz
oPCvZ/dr5s3tZFtsvpUsvuhlxrGU7zjf2EEjB/jX0DWa7YLW/d0XRyMFSkYIVk4yNwURwJA4
GtOrmBuMcN1LiijnVCEcwBmlIzS0VYjJdsLaJS5lveVCkL+fQMtudmpP5jB+tHxKXBTi5QVa
E/28UFxPikdYeR761qKCjDvFtnrKYs1l1eN6ArCh3pO8VdAA3jnVeXboU4ASorT2N4K0Akd1
VvgUNH9XVJjnl0UhYA8M49KC8psk5S4U1CWZgVlMhojO8KbO/wAc1W+GTEI0tXmUCObiG1/p
FKYV00gC8b+ZMZP8azuKnJuA4Mxlf8qh+k01Srl+GPEG/m+r+SojCuhRg3jBzxEZNOECYfnu
0g/5W20/pqwOLdzWj72I0rn9mpf5imKiTSOvcUNjHFtgAjzJpvwRK/vrjcHR2e8lH/jFPTYr
YPniJePa8S4f+xNJgznzbWnQ1Lv0l5wH7tDwCv2WwDVBdisz75db2cl3JZP3stfV7/tVZ8hX
WNMNMDS00htPYhIFSVIVzrFomoyIlvtNpTjAU210q/QJA9afJ2TZuKVputxmzEOJ0rb6TokE
dyMfvrfoqwrhbns/H2cMRyEhxUaKoPNoddUvoijOsJ1E41IUrd2oFdpG6FyOhxopWhY1JUN4
IO/NQXO1sXWMGHlOo0qCkracKFJP0IqWDCYt0JmHGSUssoCEAnOABjiakwqbSkcAKXA7KWir
MQmBnOKKWiqP/9k=

VQcbGOeyVjOYDtjj3KxdT9tNDPbTQ6dZO+qqBwekSM4RFnqB1KpqQSVtYe5hc58h2YwZJPuC
nuh9FXEXON74GC4c2xyNz6G3/FkB5H91vPO/RLgtLs1trrfba05DmyTNaHgY43NYA93zuypm
eS8ttoIrZQxUcIPdxNwCTkn2k+ZO5XrVnQXmE/tSLgCB1KfNAIR1QgR2QU0IBIbhM8kIFun1
QjyQJPyCWEYVDyl86aNlB4W1ZacYJyt4mcT05IQuduNuFd9OUN1qGV446S4Q4EdZAQHjbkRy
cPIrlVOnb7WEtlnsdcGcn1ds8Z9+HY+hCERhb9DV8LuN9xoaFpHjFst7Ynu/3kkj5sKT2az0
VnYaeii7tp8bySXOeT1c47k+aEKw8dXCPNCFtksJ8uSEIDzRnfCEIAnG6AUIQCBzQhAsbplC
EATg+9LrzQhAi4AnA3CYdkckIU9Xx//Z
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAA6AL4DASIAAhEBAxEB/8QAHAABAAEF
AQEAAAAAAAAAAAAAAAUBAwQGBwII/8QANxAAAQMDAgMFBQcEAwAAAAAAAQIDBAAFERI
hBjFB
EyJRgZEUFmFxoRUyQmNykrEkM2LBB4Ki/8QAFgEBAQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAEC/8QAGhE
B
AQEBAQEBAAAAAAAAAAAABEBEiExUf/dAAQAKP/aAAwDAQACEQMRAD8A7NSlKBSrTEliU2X
G HUOoCikqQcjIOCPWrtApSlApSlApSlApSlApSlApSlApSqEhIySAB1NBWlR0K/2m4yOw
hz2X3MkAIOQSOeDyOPhUjQKUpQKwrxJdh2aZJYx2rTK1Iz4gbVmVH8QNuPcPz22RqdMdekHq
cVN0QqYCuGpLJtTLjmpkGRH6SMbFafzBzx+LyrYoE+NcoqZMVwLQrn4pPUEdCPCra0MXe3Nr
bdIS4kONOtndJxsoGop6KpmQ2pU32C4cg+EjspW34k8s+h8DWc8VsVKimryWFhm6sGE7j+4V
ZZV8l7ehxUoCFAEEEHqK1UVpSlUKUpQKUpQKUrDnXe221vtJ0+PHT+Y4Bn5DrQZlKhPeiNIb
Qq2w5lw1/dLTJSnzUvAFQc/juZBcUiVFt9uwTs/M7Z3b8tpJ/mp1ixu9UUpKElSiEgcyTXJv
f28XeX7LAFymOF3RpiRkxmwRzytetQA6navd0hcVKt67g65Z4bJBP9fJXIVzzjvdzORjlU6I
6Q9frPGBL91htgc9b6R/utZ4p4ot09EKy2y7xXHLjIDb6mHkrU2yAVLO2cZAx51oDieNZaEi
yXMSstZUmJBSy0lWeWpSQnGnfOaxOH4PEsi+2edc7izMYXKUylKX0rLbhQvGQOlNp8bTYuKu
DE8QzJ8u89kWZBRCa7yWENpTpSUgDGcFR866BbOKbDeFhFuu0SQs5whDo1HHPbnXE4/A979j
dsjVrXcYzdwQ8ZDQShJ0pKXEhRI21bf9c1QcETIb7KrxY7jES2llDj8RAXpSNWtYKCdz3R9T
UsV9B0rjvD3GNy4abiuvS5N7tL6AZClnU7FWcnSN8q0pAKvDNddjyWZcduRHcS406kLQpJyC
DyNazUi4PjXlW+RpyPjyr1VaRGvRX/sCcm1vN6YLx/onc4ShR5tKPQ55eOampERiYyWZDSXW
zzQsZB8qS4cefFXFlMpdZcGFIUMg1EogXSzbW90z4mRiM+5hxsf4r6/JXrWZFXJNvlRmlJYK
ZsUjC4snfCf8VY+is/MVGFi1plpZh3STZpIwr2XtgEHJP4FZT6VMxb/bpK0sqdMZ9QJ7CSns
1+h5+VeLlw5absVuyIbLjjiQFLx94DlnxpPwqqE35laR2sCW2NiVJU0sjHPI1DPkKLudxYSj
trHIcUeZiutrSP3FJ+lRBssi1oKINxmR9ZASlHeSnmNgrIzkjYAcugzVHnuJoyywxNTJcWdK
C9HSN/Hu4GAAem+fAbrDxNpvCuy1uWue2R+Hsgo/+Sa8uXl5AJbstxdx0ShAz+5QqMYc4sU4
tL0mGlsjKFiGrPpr8f8AXxxjSZHGCw4xGkRu3aWDq9kKUqTjfmo9c+nWnRE19o3Z1tK2LL2e
o7iVISgp/aFfzVsucRqBU8q1Qm+q9S3SB56RWvIjcXSU6Zd3kpDjgTobYQ3hO+SFDceZ2x8a
lXrNbYyCqdJC8DvOy38+WVE43J3GOnhTdEbc5UBwqMl+6Xh0rSns4rhaYJxyGCB453O4NY7E
Ocm4OQ7Zw/a7ehCAVOhAfdGeRycb/PPKp2NNZaKI9ttr1xA+6+lKUtJH6zgHx7uauNQOIJLZ
TImRrclZ1KENBWv5albeeKkq1Drs0mQBKuVxlvMrJSpDz2Ep55JAwkYB9UjnmrNvgWSEhpqx
WtU2SjAWqOnLQycnLithnGOZNbMzwvak6VSWDOdSP7ktZdJ8lbDyFSqUJQkJQkJSOQAwBV5S
tXPD96nye0emR7SxgpDcFAW7g7nK1DG58E+dSEbhKzR30yXIvtclPJ+WsvLHy1Zx5VNUrUxF
tTSVoU2oZQpOkp6YrT2f+PxGuKH2ZyEobAQ252JLzbYBASlRVpBwSM6c4rdKUFiJEYgxW40Z
GhptOEpzn6mr1VpVHIuOl260cbvmTJctrMy3lCuxi60yQrUlwc9l4xg+tb7wNCNv4RgsFpxl
OlS0NOnKkIUoqSk/EAipt6LHkFJfYbdKDlJWgHSfhmrnKsz1arSlK0hSlKCzIix5bZbksNvI
IwUrSFD61ge70ZloIt78m3gK1AR3O7n9Kspx8MVK0oIdcXiFpIEe5w3scjIinJ+ZSoD6VaQv
ipJXri2lzA7pD7idXloOPWp2lSD/0Omr95l6C2m1M5I1hRcc2+B7tefs6/uqJcvUdgb4THhD
+VKNTdKkVBs8OyAvVL4guckdUa0NJP7Eg/WrkPhKwwXS81bGVvKOS68C6sn9SsmpilJiKJSl
KQlIAA5AdKrSlUKUqnWgrSqHlVEfcT8qD1SlKBSlKBSlKD//2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAfAMADASIAAhEBAxEB/8QAHAAAAQQD
AQAAAAAAAAAAAAAAAAAEEBQgDBgcC/8QAQBAAAQMDAgIEBwwLAAAAAAAAAQIDBAAFEQ
YhEjET
FEHRFRYiMlFhoSMkM3FzdIGRk5Sx0jU2UlRWYoKEorLB/8QAFgEBAQEAAAAAAAAAAAAAAAAA
AAEC/8QAGBEBAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAABEBEiH/3QAEACj/2gAMAwEAAhEDEQA/AOzUU
2nz 49tjdZlL4GAT6Bk8pwE1Bk4xcTOAT116pvcYxcXjU1lrGP2xsGoP6xtcvfH5h8Sv1Bk
fo2Sh4Sh4Sh4

1KOAKbQbvbrm483BmsyVMEB0NLCuAnlnFc5nyI8zT0VwWmULxPBDESa6uQsb4zhR8n05wMVu
WjNNjTdlDDnCqW+rppK0jYuHmB6hyFTNuketbvFrR9xCYjkxbzJZQy2N1KX5I9pFVwVoTVgP
6vXD7BVWnlRm5kVyO6MocTg45j1j11kSnhSE5JwOZ7a0iqPiRqn+H7h93VQNEaqPLT9w+wVV
r8UYFBVIaH1Z2afuPLPwCqDojVgG+n7jjl8AqrW4ooKoeJGqsZ8Xrjj5urupBozVBGBYLif7
dXdVsAkAYwKMU9FUBorVW2NP3Hfl73V3Uh0bqk87DcTv2x1d1Wwxvyo4QOQFBVDxL1Vj9AXH
HzdXdR4k6qxnxfuP3dXdVr8dlIEgDFPRU9/SWpIMdcyXY5rcdkcbqnGlBIHrNT2l5l+gw0Xq
Az0NnYmjjQl5RQHMA4KSrccqsVOt0W5Qn4UxoPR5CShxBz5QqOtmj7DaLUq1xLc31NS+kU06
S4FK9J4s+ipvo4nd7rcdU3nwlBmS18TCEKTFaePQKAIIITgDJ35ms0aRdWwGn7i+VhIypwzG
1Hft2Nd9aYaZSQ02hGdzwpxmvXCCc4FTla5TapOnxHV4SkS1uLI2EiQrhwNuaQedbBCnaQjJ
US27gEeUUSHCfrTW7BIBBpcU51EBH1RZglLcNmY4BsOjgvfiU1nN9cUr3CyXJ49hLSW/91Cp
jFFWaIVcy9StmrGhnbzpMpIP+AV+NMDpe4Sl8bz1viK4geljxi48AD2LcJx9VbTS05VHWqxw
rSj3ELdeIwqQ+rjdX8ajv9HKpCiiqj//2Q==

/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAA6APIDASIAAhEBAxEB/8QAHAAABAAIC
AwEAAAAAAAAAAAAAAAAAAEEAgUDBgcI/8QARBAAAQMDAQMHBwgHCQAAAAAAAQACAwQFE
RIGITEH
E0FRgaGxFBUiYXGRkhYjMkJSYsHRJCVDU6KywjNUY2RydIOU8P/EABYBAQEBAAAAAAAAAAAA
AAAAAAABAv/EABsRAQEBAQADAQAAAAAAAAAAAAARASECElGB/90ABAAo/9oADAMBAAIR
AxEA PwD2ZEVO5XOC107ZpxI4veI44426nPceAAQXFC07b5Ux1EUddapaWOZ4Y2XnWP0uJw0OAORk
7t2VuFLRKIoVEoiIIIyMIpRAREQEREBERAREQEUKUBERAREQERQd4welBKKCAQiCUREBERAX
UuURlYyzQ11DII5qWR2JDnERexzNe4HGnVldrdw4qNOWkE8VjdvFfOF3uV3tdjtFTRTRMilk
zz2A58s8T8l+o73NJxx3buC7PYeXKvi0U97tbKjAGaiF/Nn2kEY7wvUH7K2J8znvttO8ua5u
hzctAOM4bwGSN+AF1i9cjuztza40vP29+S4CA5YCenSfwwpmm63Fi5Sdlr+Gtp7kyCZ37Gp+
bd37j2Fdoa9rxlrg4dYK8CuHIneqCQmCWG4QA5xE7RIR7Du71pjUbUbNVJbTurrVKXYbD6YG
OHA5Du/2rViPphQCTxGF4JScrm1lqborH0NwEe55c3Bz1amnBK7VauXC1zxNFzttTTPJxrhx
I0+BT2V6koXVKblAtVxjmqLayoqqenAM82GxsiJ4Al5bv6fUtjYbxV3g1FRJTMgpA4Np35JM
vWeGMcMYz0709iN0ijHr3qfVlKiUUdqKiUUdqIJRR0cU7UolFGPWiUSiLE5PB2EoyRYuc1jS
57w0DpO4LXzXeJuWUjX10oz6FOA7B9buA7SpujYotI+/zRb6i0XCIDOsiJsgHVjS4k9i5Kfa
a0VTxFDcYhLnBjlPNv8Ac7BU9ljbqVhG9r25aQR1g5WXatVEooRKJREVEIpRSCMDqRSiTBjo
bk7uK4qmhpayIxVNPHNG4YLZGhwI9hXOiQdHvfJLszdYyaaB1vm6HQH0c46WcF5ptLybX6wx
PnZA2tpogTz0G5zRxJLTw9u9fQarXCjbcKCekc4tE8boy4cQCCPxU3x+LjxyHZquuGx1r2Wt
sjKWprCK64yOIAY0/QGOJOAN3q3q9jbXY1xpo9oqO7MhYMxVMUh0g8PTxuPtK3tLZao7Z0dL
e7ZTVDPI3MFSxuY5BHp0nSfoPBJ4cQV2hmzVNTkmgqqujz9Vkxez4X5CzlV0q38qVxy1tx2b
fJk45y31LJQT1ac/it9Byk2Q48rpbpROcdwmopD3tBVyt2dnnJMtLabkDxNTTc2/4hnwVZmz
ttpQ4O2fqKRv+QqHaT2NcD3KdRa+Xmz4y4zVIiAyJTRzaHew6f8A2Fk3bzZRwP68pW44h7i0
964IrZZmA/o11ZjdzpdUaj25yVzNprW52ll9nDvsS1DXkdjwVacWItsNmpziO+ULjj9+1c3y
lsOcG80Of9w381WGzsD36m1bJGn6rqaFw/lWZ2dia35plAH/AGpKBjvAhXvw4//Q9T+UNjxn
zvQ/9hv5o7aKyNOnzpSk9TZAfBV2WSpi3xutbX9Yt2PB6tCnuzWACqoQenFK4DHxrH4riftJ
bGv0NdUTOxkCGIlfntDcLFt5q5mgwWGvdn96Y4x3uz3K02G6E/OVtOB0c3TEeLipfS17zuuO
gdOmFue/KCuJr7OMNoaOk+9LO6Q/C1o8VDbbdZSPKryWjpbS07Y+92oq02inH0rlUu7GD+lZ
Cgh163vmkd96V2PdnHckFQWG2sANVzlVg5zVzOkGevBOO5XoJKZzQynLC1u7DBuHuRtHSswR
BH6JyCW5wsn1NPF/aTxs/wBTwFYOTA6lWqrbQ1zNFXRQTt6pIw7xVSfaKgY8x0xkr5WjJZRt
50t9RI3N7SFAr7xUDNPZxACNzquoDT8LA7xTgw+S1sYQaXymjwNwpqh7AOzOO5YyW6voYzJH
tHKyNv8AfI43tHtOGnvXILfd6nBq7tzA6Y6OINHxOyfBWI7LQMlEr4eflH7Sdxkd/Fw7EiNF
Ff77zrIaWko7xl4DpaVz4mNb0klwLewOK7WOG9AABgDAUq5kBERUEREBERAREQEREEKURARE
QFi5jHjD2tcOojKyRjpbS07yDCSd/92oq02inH0rlUu7GD+lZ
Cgh163vmkd96V2PdnHckFQWG2sANVzlVg5zVzOkGevBOO5XoJKZzQynLC1u7DBuHuRtHSswR
BH6JyCW5wsn1NPF/aTxs/wBTwFYOTA6lWqrbQ1zNFXRQTt6pIw7xVSfaKgY8x0xkr5WjJZRt
50t9RI3N7SFAr7xUDNPZxACNzquoDT8LA7xTgw+S1sYQaXymjwNwpqh7AOzOO5YyW6voYzJH
tHKyNv8AfI43tHtOGnvXILfd6nBq7tzA6Y6OINHxOyfBWI7LQMlEr4eflH7Sdxkd/Fw7EiNF
Ff77zrIaWko7xl4DpaVz4mNb0klwLewOK7WOG9AABgDAUq5kBERUEREBERAREQEREEKURARE
QFi5jHjD2tcOojKyRjpbS07yDCSd/92oq02inH0rlUu7GD+lZ

/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAoAP0DASIAAhEBAxEB/8QAHAAABAAIC
AwEAAAAAAAAAAAAAAAAAAAMFAQYCBAcI/8QARRAAAQMDAgIEBwwHCQAAAAAAAQACAwQFE
QYSITEH
FEGhE1FScYGRsRUWIiMzQmGCorLB0iQyU1Q1VjdDUVJicoOSo8PE0+Ts8RcYGRomJygp
KjU2Nzg5OkNERUZHSElKU1RVVldYWVpjZGVmZ2hpanN0dXZ3eHl6g4SFhoeIiYqSk5SVlpeY
mZqio6SlpqeoqaqytLW2t7i5usLDxMXGx8jJytLT1NXW19jZ2uHi4+Tl5ufo6erx8vP09fb3
+Pn6/8QAHwEAAwEBAQEBAQEBAQAAAAAAAAECAwQFBgcICQoL/8QAtREAAgECBAQDBAcFBAQ
AAQJ3AAECAxEEBSExBhJBUQdhcRMiMoEIFEKRobHBCSMzUvAVYnLRChYkNOEl8RcYGRom
JygpKjU2Nzg5OkNERUZHSElKU1RVVldYWVpjZGVmZ2hpanN0dXZ3eHl6goOEhYaHiImKkpOU
lZaXmJmaoqOkpaanqKmqsrO0tba3uLm6wsPExcbHyMnK0tPU1dbX2Nna4uPk5ebn6Onq8vP0
9fb3+Pn6/9oADAMBAAIRAxEAPwD2ZEVO5XOC107ZpxI4veI44426nPceAAQXFC07b5Ux1EUd
apaWOZ4Y2XnWP0uJw0OAORk7t2VuFLRKIoVEoiIIIyMIpRAREQEREBERAREQEUKUBERAREQ
ERQd4welBKKCAQiCUREBERAX

/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAoAP0DASIAAhEBAxEB/8QAHAAABAAIC
AwEAAAAAAAAAAAAAAAAAAAMFAQYCBAcI/8QARRAAAQMDAgIEBwwHCQAAAAAAAQACAwQFE
QYSITEH
FEGhE1FScYGRsRUWIiMzQmGCorLB0iQyU1Q1VjdDUVJicoOSo8PE0+Ts8RcYGRomJygp
KjU2Nzg5OkNERUZHSElKU1RVVldYWVpjZGVmZ2hpanN0dXZ3eHl6goOEhYaHiImKkpOU
lZaXmJmaoqOkpaanqKmqsrO0tba3uLm6wsPExcbHyMnK0tPU1dbX2Nna4uPk5ebn6Onq8vP0
9fb3+Pn6/9oADAMBAAIRAxEAPwD2ZEVO5XOC107ZpxI4veI44426nPceAAQXFC07b5Ux1EUd
apaWOZ4Y2XnWP0uJw0OAORk7t2VuFLRKIoVEoiIIIyMIpRAREQEREBERAREQEUKUBERAREQ
ERQd4welBKKCAQiCUREBERAX

B+2ob+Du9X5AcCHAEHgQe1UddorT1dL4d1uZBUdk9MTC8eluFItc+s6hpi7wtBS1rBydBKY3
H6rsj7SN1Gxg/T7ZcaMjyqd0jfXHuChZYLtREdQ1HUuYP7qtjbOMeLdwd3qTrOpqYtE1toq1
va6mnMbv6XjH2lnoli1XYZXhgutOx5+bK7YfU7Cso6iGZgfFKyRp5FjgQqSa8Qvbtudgrox2
l1MJm+thd3hQsj0XWO+CLa2TtGRE8ejgUujZM+Lis5VE3TdDgG33Cupu0eArHOb6nEhdptmm
aB/bVwLh84uZ7NuFcos0VR7lXdjyY9QSlp5Nmpo3Y9IAXMU9/jI23Cimb2iSlc0+sP8AwV6L
RZVWffCDwFtcPpMjf/VxdLqIEbaO2OHjNVIP+tWotlhVbKjUAHxltoTx5MrHcvTGs9bvf+E0
3P8AbD+RKLRF0BUXXHG3U4P+qP5FEam+HlbKMeesd+RKsWayqtz79I3ayG3wHy3SPkA+rhuf
Wo20V/cMy3ila7/LozjveUqLdYLgO1a/NRX1k2H3OtqGn9mip42j+rJWtaytV1ptN11a+W41
Ihhe8b7htcw45ljGgEDzrO6rl0l65umlLhaoreYfA1BLp97NxwCPVwJW8e7FtbTMqH19OyKQ
Ate+VoBHpK+chDqU0lRUSUT7eySlOyVkRZvGQduTx4hpWvtuDY5SI6KIPAa0As3cQ3B7fHxQ
fS1Z0haToTia+UzjnGIiZD9kFU1T0wacY7bRw11a7h8nTlo54+dheNUFv1bcYHMt9jqnNkAz
IymcBgDhxPBbFSaB6Ra+dsnVoaA88yPa0Z3E5IGeOSnV43Cp6ZZGxh1LpepkDuRlqGs9gKpK
vpk1C97xHSWuiDTgNe90pP0cCPpXJvQvqStijbcdQ0rPB5LRExzsZ9AXct/QFQt+Fc73USny
aeMM7zlJqca1L0o3yRvw9RTuGTkQ00UeAMYwSM8s9yoKnWdZI57Zbtc6sE7w51S5mDxHAA+Y
+jGF7jbuivR1teHttLah3jqHGQeo8FdwaXsFN8hZaCPHk07B+CeSvmJlY+vlzFapp5GgYcx7
3uBxz7e3ivZ+iq2agFJdLjc4nUPXpmvji8GIwcA5Ib2DiPUvRoaaCnGIII4h+4wN9ilVhRER
aQREQEREGFDPR0tSMT00Uv8AGwO9qIkFfNpWxTHcbZBG7Od0TfBnPnbhGaaoY/1Jq5rvKFbL
nHi/W5IikwrmyzTQtxBebg3HLe5kn3mk96wKC8MBDL2H/TLStP3SERItR9V1KCcXW3uGOG6h
fn/cWWN1Kw4fLa5R4wyRh9pREglMl+aeFLb3j+e8f8FzE152jNFRZzx/SnfkREiP/9D1d8l4
2HZS0W/szUPx9xRZ1AWcW21rv4pCPYERSDHVr5M3bLcaaAEc4Kclw8xc4juQ2WZ7fjL1cSfG
17G+xqIkEZ0xSSD46tucxPMurpG59DSB3J70bG4ETUPWNwwesSPlyPrEoiTBrer+jq2VNgqW
2i3SdaPFsccxwefIOdt7cqy6P9O+4+kaGC4WuCmr2NcJvgNLidxwSRz4YRFJ1fjagABgcAso i0giIgIiICIiD//Z
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAzANADASIAAhEBAxEB/8QAHAABAAEF
AQEAAAAAAAAAAAAAAAECAwQFBgcI/8QAPRAAAQMDAgIGBQoFBQAAAAAAAQACAwQFEQY
hEjET
QVFxkaEHFCJhgRYjMkJDU3KisdEVJVJjkkRig8HC/8QAFwEBAQEBAAAAAAAAAAAAAAAEC
A//EABkRAQEBAQEBAAAAAAAAAAAAAAABERJBMf/dAAQAKP/aAAwDAQACEQMRAD8A9mRE
QERE BERAREQQilEEYROY5IoJREVEIpUIGEUogjCKUQEREEdaKUQQilEELQa21K7SmmprHTioka5
rGMJwMuOMn3LfrGuFupLrSOpK2Fs0SnLsNmp2AAj3tLj4
5XS0Xpf0XWAcVzdTOP1ZoXjzAI80r/RHpG4cTnUcscjucjJ3Z88hcnc/QFCQ51pvT2u6mVMY
I/yb+yivSaXWOm61zW018oZHOOAOnaCVt2TRSNDo5GvaeRacr5uu3of1fawXR0cdcwb5pX8R
8CAVyr/4vZZXRP8AXKCQHDmO4oyD3bKo+qbQ0E9W/6METpD8BlcX6P666unulReq6WUST
tjgidl4aQMkjHIbheSaNvV+vOo6K21V7rXUBfx1LJJ3Fpib7Tgd+wY+K9Z0ldrlrUUL57ZWWa
vjqp3zuhNS5k0XEchp2OSBgcgs3dajvlK0Pyhq6yhqHtGdxcuxGCO/mqHRskJDmB3
VuEHNvo5rhA3pKCw3hmd3MPR5942dv8AFWjb6aAZfa7zQ8ON6Ose5o7mtfv/AIrcy6ZskZ3O
daqcPdzexnA7xbgq0dMQxgiiuFyoifu6tzx4P4gqjAzJwcVFqauhGfo1lICPzMafNZ7BqQMa
Yay21Tf6nwuYT8PA35nU03F/epIn/oGqDBq2AfN19rq8fe0z4ifBxVFwVGqI2+3b
rZMcfZ1b2fqwq2btqRpw7TLXe9lewjzAUvrtVRZ/klvmAHOOvcCfgY1YZdNROw6bTM7DnPzN
fER4Owmi8L9eAcP0pXd7KiB3/sK62+12CZNN3Jgx2wuPk9Y7bvew7h+TdwLR9Y1FP+6fxK+P
aALLcGnOCTLTfugum+XOU4p9N13F/epIn/oGqDBq2AfN19rq8fe0z4ifBxVFwVGqI2+3b
jtc0R4h7dRVRtZj/AI8u8FcdQ6hme0uda4scy4SzfqQiseaq1JxmF9zstM8jlHFJM8H8PEFQ
2yGrj9ZvNwrqxgGTHO/1aDHvjbgkfiysSWS9OJ6XUBhjP2dFRxx9+7uIq/Bpa1xyieoZNXTc
+OsldLg9oaTwg9wUyjVMuNHNCaTT9Ea4t2DaVvQUrD/uftkdoGe5bC26ccyqZcbvOK2sYMRN
DcQ047GN/wCzut4xjWMDWNDWgbADACnCuJqUUItolERB/9D2M7jffZMezlEXFpbj3YCeeeaq
fuQDuDzREEN6x1BV4AxgYzzREiJIw3ZAiLfokJgdiItT4iURFQVLTkb9pRFPRUiIqCIiAiIg
Klx3HeiKUVIiKj//2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAArANwDASIAAhEBAxEB/8QAHAABAAEFAQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAQIDBAUGBwj/xABDEAABAwIEAwUFBgQEBQMFAAABAAIRAwQhMQUSQVFhBhMicYEUMpGhsQcjQlLB0RUzYnLh8BYkQ1OCkqLxCCU0RGOTssL/xAAbAQEAAgMBAQAAAAAAAAAAAAAAAQIDBAUGB//EADMRAAICAQMCBAUDAwUBAAAAAAABAhEDBCExEkEFE1FhcSIygZGhsRTB0eHwBiNCUmLxFf/aAAwDAQACEQMRAD8A+4oiICIiAiIgIiICIiAiIgIiICIiAiIgI

AAAAAQL/xAAZEQEBAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAAESEBEjH/3QAEACj/2gAMAwEAAhEDEQA/A
Llh YSCICCFgigghIIlCwkEEAYgxCwkAQY+EEEAQQQQBBiItdVdrFInWUSRkUMOtKUFTCVKUVJ2l
IAI+rt7ohT3K3OIbbWajTmucTkBUg9t2kHbr7CIne8WLdKSe2MdKsEZ90VdT+Uap1R7mpav0
gKABINPdwM/zxJ5Vi+plpDvTdHDawCCmQcyR3rEZwiUhK8bd+fjGYBHbEIn7XvSozcs+5eLU
uJdWoIlZRTaV/aGvrQ/VIXqVqAuGRSABginb9v24qRKoIgs41eUohKnrtkGkdqjJpT247d+3
Ecg1evrnUMIviXUhbYXziJVrHZs27tp2Zi+uLFoQY25im5y5a4w8ptV+y6Bo1BfMN4J2ZAIj
mTN4VtTCTL32lSwNWktoST8v7zE9cIveCPPwuyvLDhcvh9SkDqpZb9LbjsT3xtFerkwjVL3L
XXkhAOENuZKsbdycDBzxi+uEX5BHnxiqXq5MNDy+4UpMy2lRcDpAbPpE9XjF60PyvoKR8vUV
TXMJ50neVY7fbDnaQ4nJ2Wp8quanHkMso9JazgCOGvlBtJtWk16UKuCVFRPwiREBQIUAQd4M
c+Zt+izmTM0iReJ7XJdCvERdRz03xRHfUKnH/azIvL8ExmbtlyPoqVWHTwTIOD8QEYKsS2Tj
RSWmSN3MqU3j7pEImy5Jk5lqlWJb2N1Bwj4EkRNXCm6ntoTblX2DOVobQPmuG7l11VKNYtpx
KTuLs+wjP/aHHmzPtIIYuepk9nlKWXR80A/ONaqPcqBhFXp0wnhM07/yoRNXDbznuF8AS1Fp
gURnDtXR/SkxtTULzfRlqRoTZO4mdcc8ECENNrzKOrR7dmOOAtoq7tJ8YG01OXRhyzZFSR2S
0w2c9ykphqYyAvpxIy/QWjxSh1X5xiKZfDh+kuOnMj+FTyo/NUKZ4IGXbJnE9mUNsL8F5gRd
VPlAOcoFWlR2no5RA705gEXbl0unr3u8gcGaeynxzC+aVUWnD951hX2A0jwRG12+rYCMTc4p
lJ3+USrqB3lScQMXJZUyQGqnSVFW4FaB4xcNCbMZI+nrdafPFU8pP4cRkbGoSx9OicmOPPT7
yge7XiH6OhppASw/LqCsYDD+M/dMYzVuUqcyX2FuHPa+vf8AeiQc6ZsK11Syh0Y0wobUvoUQ
ts8QrOQYpy8KTRmq9zhqKXnWf8QLGHOdTjYsAbAT9YZ2E5iz69atImJCZD0tNMMtHKnA8tIA
47SQR7hFNztMk5U1CSkeeS+tpbq9Y2NNI2hKuBOM/dGd8Zuq102ph+42FSRcQhmUDben0mwl
PWx7T1tvE5i+HrEogknCkTvOBs4UqoPnBxsJ68UpZ8ih2tuSsqdQcUmUR1QStagdSs/6QAru
xxj0dMLCZR1Q7EEjPujSPKVQqM2hDBbqU2pwhQcy+ojYogY28I9C0KybamaLITTlNQ8t2XQp
SlurVqJSCTtMecKkHstFzGFaygas4Go9mdnyj1jSG+Zo0k1p06JdCdPDqiA5nmJaoVnoGSJ9
reY3N2dbbWNFCkBj+An9I7MEanEMUUKkNgBFLk0AbtLCR+UOEycqj0ZZpPuQBG6DMJwIEITu
SB7hCgAboIWAIISFigggggCCCCAQnBA4wsJCwBBBBAJBCwRBiUpUMKAI9oho/R6ZNHMxT5Z0
/vspV4iHsEIOE7ZFrvesoMj3MgeENRydWu36iRelzxYnHkeCok8EIVWVeo/QlVLbKq0qT8lP
NK1vTbZdJx1kgk4SNoB2En2RXNRoE4pK2k1d5KZghb4fp8whSlduVaCVDt3x6SwIMCM+dWqD
taQpNFbcTP1eXmGH1J5xhyVeGopztB0ZB27xtiVa+S9z05l9rI2pTMzYHjFpYA3AQhbQo9ZC
T7xDnNKqFyh8kM4NHSpBQnCczbmUDgAY66DaIRpZ5QKg0Bu/aO74iJozbVElqk5UWaVKom3c
63g2NRzvh4qnySvSk2Fe9oH8oCEMu0nGWOU2YGRga5phX4kxvClbeY5TgTvGoSiv6YlTlCpD
vrKVJr+0wk/lGk2vb6t9Dpx/4qP0hCo4vpcpHk/KTJFWR6yVlyPkRGJduhpvLd70OYVn/Mlk
p8FxIFWdbC/St6mH3yiP0jWbItTIPm5TM/7VH6Q+GP/QkU3Xrtp6cvV62iduArKdg/m/vEca
a5SbtkVKGihTQSrBLbpHH972RYBsi1Ccm3aaffLI/SMDYVoq325Tu6XSIxOrit2eWO4HjKtq
p9MaM04pCVha1adJGSRn4RcUq6p6UZdcAStbaVKHAkRxG7CtNl5t5qgSSHG1BSVJbxgiJBF4 P//Z
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAoAKYDASIAAhEBAxEB/8QAHAABBAAEF
AQEAAAAAAAAAAAAAAAECAwQFBgcI/8QAQxAAAQMDAQMHBgkMAwAAAAAAAQACAwQFE
QYHEhMh
MUFRYXGRFSJCgdHSFhcyRVJTcrHBFCMlMzQ1YnOToaLCY2SE/8QAFgEBAQEAAAAAAAAAAAA
AAAAAAEC/8QAGBEBAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAAAAEhEVH/3QAEACj/2gAMAwEAAhEDEQA/
APZk REBFCIJRFZrKuGho5quofuRQML3u6gBkoKpZoo80aQfXxjxXe40sn2Jmn8
VxdHTVV+u8fBHLwGlwtOEeXxvfSuwfDHwAE0jRQU5jDGtS2j6j2LoKjScVTGGSvZY9Sk
tVv2ua9oc2EFSuROiaiB+/RXGOmEoHTS1ZJDDFC+Hhw1n1sw2c9ykphqYyAvpxIy/QWjxSh1X5xiKZfDh+kuOnMj+FTyo/NUKZ4IGXbJnE9mUNsL8F5gRd2Qerldzr2I6bsLoKjScVTGGSvZY9Sk
2Qerldzr2I6bsLoKjScVTGGSvZY9Sk1q3d9pN01dA3TbIrdG6rnJjYoGgeSGQPhyIx0cxBz15K+gST1LWN07Z
GyyS+R6IySnee4wNJcfBZtV4/T7ab9UMH5y2RvwciSleBnPIM8Tp8AqH7bdQskIMFolAZvZY
2Qerldzr2I6bsL/lWW3kdtKz2K2/SOnHc9it5z/1mexZHlMe22/Oi4hp7LnkHDzIHc2efOOz
1q3d9pN01dA3TbIrdG6rnJjYoGeA4bw5MkDkOPBerDjmrGwUA/87fYuf1tpCy0tgAZvZY

/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAiAQ0DASIAAhEBAxEB/8QAGwABAAID
AQEAAAAAAAAAAAAAAAAAUHAQMGAgT/xABBEAABAwMBAwcJBQUJAAAAAAABAAIDBAURBh
IhMRMV
MkFRgdEHFBYiYXGRlKEjJFV0sTQ1QmOCVGRyg4SSk8HC/8QAFgEBAQEAAAAAAAAAAAAAAA
A
AAEC/8QAGBEBAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAABEBEiH/3QAEACj/2gAMAwEAAhEDEQA/ALmRE
QEW mpq6ajjMlVURQMH8Ujw0fVR7tS285FN5xWEf2anfID/UBs/VS4JZFzVXq59M7Y5sMT+OKqqj
i3dxcfovhm1vK1wAltcIdw25ZX/owD6qdYs12aLlqLVdVUue2CKjubmN23x0M5bI1vUQ14Ac
O8KQo9V2irmdTuqRS1LOnT1Q5J7e48feMhXrCJlF876+jjGX1UDR2mQBfPJfrREQH3OkGe2Z
vilxIkFjIHeo2n1HZauoNPTXWjlmAyWNmaTj4r6/PaQn9phyP5gU6xY+hFFy6kssEroprtRR
vacFrp2gj6rDdU2BxOL1QfMM8VesRKoor0nsH43Q7uP3hniselOn8/vug+Yb4pRKrKihqewk
Z56ocdvnDfFem6ksTujeaE/6hnilwSaKM9I7ION4ofmG+K9HUFmxnneiHt5dvilEiijxfrMT
kXai+YZ4pz9Z/wAVot/94b4pRIIvg59tH4rR/wDO3xWDf7MN3O1EP89vilEgihqnV2nKR4bU
XyhjLhkAzt3j4rW3XGlXEgagt+R/PalE6ihPTPTH4/b/AJhvis+mOmsZ5+t/Z+0N8VaJpFDt
1bp1wyL5QY/MN8VsGprC44F5oSfzDfFS4JRFHekNlIzzvRY/MN8Vh+obLHE+Q3WjLWDJxO0n
hnhlKJJFrp5TPTxylhYXtDtl3EZ6lsVBctfqbVtRXHzKqgitw/gpx9s73kkY7iF1KKbg5CG3
01E/ljBTR1AGXTV1NK8j+tzj+qk4am81DS6mrLPK3qLA936OU2QCMFfLNardUOLpaGne48XG
IZ+KzytclXXdtHI+arht/KF+HvdbJ+PUc4PxUJPreiE+xy1lY924ukt82AM539+/vXfv09RY
IhkqqYHqhqXtHwzj6LRLpmGTH3+qBByCWxPIPb6zCpzq1xdsv81XcYuRNG+UH7M0dokLgeBO
XOGBjieHwU3XVMla91K2vddnN6bKa2MlYz2Fxds59mcqfbYIHM5Orqqmsj62SuaGn3hgbkew
7lIwwQ00QigiZFG3gxjQ0DuC1z4lV6y43e3iWNujKuuz0XebQwAf7SVIW/U9eXRef6KuFK49
N0MLZA3du9p6updsiclUJebddb/5Tamug0rVVlMI/UgqojC0gNxkk4xv38VJHTF2GS3ybUQz
w+1Bx8Xq6UTlFKQ6I1o+MSRWCy00ZBxA9sZLfeSHHj7eta5ND6/MzSbVY+v1RDDs8P8ACruT
rUhqmYtHa8ONqxae2Q7eDFFvHZwW+fSOt3SbUen7AxueixkXAZ6y33fAe1W+M9eEWlVZzHrR
kLI2aVsTiBxcYiMe7ZHt+nf6jtOt2Z29J2F+OGOSGforRGetZUmIqiS064fI8t0dYmsLvVbi
I7IyvTrLrIh2NHWNuRu3QnB7VaiykFU09j1ltbU+jrDjGCGCIEnfvXiOxa4jkJdpHT0jScgB
sbdkZ4fRWyic4KjksevHsLWaTsDHbeQeTiIDc8FrNi186Zz/AEWsAYT0OSi3d/YrgROcFYUV
l16yF7aa0WK3HayQWt9Y4GD6rTw9qzFYfKKyQPmjs1Q5rA0EkDaPa77Pfvx8FZyJzhdVjzN5
R2vjIo7A5rGkEPDXbZ7Sdj9OxbobT5QNkcrbNPZHZgf+Dv8ABWQisw1WtRY/KFLIyWGmsUWy
CDHucHE+9i8cy6/FG2Dm6yucDl0hLNo8N3Qx9FZqKc4tVo+066fHybrJZejsucwxguz72LVF
btUto6a1XGx0hq6mra9lbA5mIWteH+sA3ogDt37grQWE5KDgsoi0giIgIiICIiAiIgIiICIi
D//QuZERAREQEREBEREBeXcW+//pEU0ekRFQREQEREBERB/9k=
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAArAPMDASIAAhEBAxEB/8QAGwABAAID
AQEAAAAAAAAAAAAAAAAAECBAUGAwf/xABKEAABAwMCAwMGBQ4PAAAAAAABAAIDBAURBi
ESMUET
UWEHFBUWcdEiMoGx0xclNDZjkZSio7LBwtLiI0JEUlRWdYOSk5Whw+Hw/8QAFgEBAQEAAAAA
AAAAAAAAAAAAAEC/8QAFxEBAQEBAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAEREv/dAAQAKP/aAAwDAQA
CEQMR
AD8A+zIoRBKKKKAiBGQilEBEWmvWo6ez1VDVDY9TVzW5Z7W5zu6ZKg
24dlxGCMd4VlpKy43K3VFK6bzWoqqqQsUSIiIqIgIiIgIiIgIiIgIiIgIiIgIiIgIiIgIiIg
9hoIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiIiI
iIi

Omf6vWv8Dj9yQcpN9S2jIFRVUFXxD4Pa1L6rhHgSXYUNuHkma0BotGOWOx/6XaUths9EHCkt
VFAHnLhFTsbk/IFkej6L+hwf5Y9yuGuG9J+SmIggWjfup8/oXsL95MoxhotePCkz+quzFDRj
lSwj+7Ct5rTj+Txf4AmGuFZctK3DUtp9X4aOoqIpnGSKKmLC1hGO0zgfF8e8rv1jwW+lpqiW
oiha2WXHG/G5A5D2eCyEkwoilFpBERAREQEREBQpRBCY8FKKYK756YQN35BWROYIwilEwQox
gHr7VZEwf//Q+rPstteX5ttIeP4x7FuT/sqTWGhmo5aUNkiZIwsJjlc0j2b7LZos8wcRbvJh
R2uN8VNd68QvOXMyzc+J4d10dlsVLZKJ1NSmQtc8yOMhBJcefJbRFcHk2Mt6k+JU8JznqvRF
nmDz4DkHbkpw7vCuivMEKURaBERAREQRhFKKZB//2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAsALwDASIAAhEBAxEB/8QAHAAAAAwAC
AwEAAAAAAAAAAAAAAAAEHAgUDBAYI/8QAOBAAAQMDAwIEAgYKAwAAAAAAAQACAwQFE
QYSIQcx
E0FRgWHBFCIyUpGxFRcjM2JxcpKjwsPR4v/EABYBAQEBAAAAAAAAAAAAAAAAAABAv/EABkR
AQEBAQEBAAAAAAAAAAAAAAABESECEv/dAAQAKP/aAAwDAQACEQMRAD8AsqE0IFhINAJPqsk
K YFgITSTgEAIJARlTmhrEjyWSStmhDJ55wfIp4TQmQLCEI4UBhBwOT5IXHOWCCTxDtZsO4+gx
yrwT6v6nMgv8jKd0E1ricInHhssr+Q7ZlwBAIHPxXt7VcqO+2mC4UT3Op6hu9h7Hv5+4XzbV
SXKlt9XR25rZbbcHySxPkjYZHRRnk55Lfs+vkVf9AtpWaGtIo8+D9HBG7vk8nPvlZivQYA7c
J8IyM4yluHJyMKoeO/JTSBB7HKFQZ57ITSQYyb/Dd4W0Pxxu7ZWmmj1Y5jhDVWhjs8F1PKf9
1vEJYPIzwdRQ/wDYVun3N/ihlafzK6U1P1UILY63Twz2IbJx+LV7tCYJo6l6wNPFxsrv5D/y
sHxdYYzk1NrkA8mbfmAqbhGApgl0k/VhrRkQbvPaIf8AtJlw6p8D6M1zh3Hgwn3+2FUsD0S2
jOccqXzVTb9I9SHNO6nma5vk2ihIP+VcDr71HaMmjqgBwcWyM/8AKqigjKZUSw6i6hNfxTzc
+tod8n4TZqbXgafEL2kfesU5z/blVLAxg8owE+aupY3V2shua+WNmBxuslSPkuSPV+qdv166
3gj71rq24/AKn4Rj4JZTU2i1hqN3e62UHyDrfVD5LGo1dqHwHeJdtPbA07y6lqQA3zyT5d1S
1qtUxxSaVurJpHRRmjl3Pa3cWjac8eaWUfOle2K20dYyn1BDMBJiKCCJ5jc14y4Ncew5cOeT
hb6DqlqCCjp6CyW9tLT00bYmMjiM24jzycfkvJSzVEloiE1vHhPc6OOYsLWkt7u44LhuK+g7
PoGxwWilhqqXx52RNbJLveze4ADJAPwUEto+s2rKEzMr6WCpcx2MSxGNzD6HBCJOr2qH1THC
WSMuP7ltE3bz5DJyVbKTTtooqJ9FBb4BBIS57Ht37ye5JOc+617un+lXyB7rREcHIbudtB/p
zhXBM/1332O3lzrHA+XJY2pO5rSRnu3nn4ZXG7qtepoxLUVdwptwBAp7bHs57cucSqzWaQ07
XUgpZ7PSGIYwGxBpGPiMFdJ+gbR4T4YZ66CJ4AMbZ97cDtgPDseyZR4DT3WaaKuNDcKequDJ
ZmtZO9rInxgkAgtbx3VlByAfVaGw6KsenontpaUTSPlMrp6gB8m74HHHst+tRAhCSoE0k0Ak
mhAJBwJwCD7oIz3Saxrc4aBzngKDJCEKgQhCBJoQgFhLEyeJ8UrQ5j2lrmnsQe4WaEEosOm7
RV6yqrKXSintk8s8Ee9xa8Et+rzxgEkHHJ9lVl06a0W+jrJqynpWRzzkmR4zlxJyfxK7gWZx
aaEIWkCSaEAhCEH/2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAA0AOwDASIAAhEBAxEB/8QAHAAABAAID
AQEBAAAAAAAAAAAAAAAEDBQYHBAII/8QAPhAAAQMDAgIHBgMDDQAAAAAAAQACAwQFEQ
YSITEH
E0FRgZGhFBUiYXGxIzJCFnLBM0NEUlNiY4KSk6Kys//EABcBAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAAAB
AgP/xAAZEQEBAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAREhAhL/3QAEACj/2gAMAwEAAhEDEQA/AOzIiqq
K mCkgfUVMzIoXlbXt98NDdjEqWw98NDdjEqWw98NDdjEqWw98NDdjEqWw98NDdjEqWw98
EEfCTVR1gfW8xbXt98NDdjEqWw98NDdjEqWw98NDdjEqWw98NDdjEqWw98NDdjEqWw98
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAA0AOwDASIAAhEBAxEB/8QAHAAABAAID
AQEBAAAAAAAAAAAAAAAEDBQYHBAII/8QAPhAAAQMDAgIHBgMDDQAAAAAAAQACAwQFEQ
YSITEH
E0FRgZGhFBUiYXGxIzJCFnLBM0NEUlNiY4KSk6Kys//EABcBAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAAAB
AgP/xAAZEQEBAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAREhAhL/3QAEACj/2gAMAwEAAhEDEQA/AOzIiqq
K mCkgfUVMzIoXlbXt98NDdjEqWw98NDdjEqWw98NDdjEqWw98NDdjEqWw98NDdjEqWw98
EEfCTVR1gfW8xbXt98NDdjEqWw98NDdjEqWw98NDdjEqWw98NDdjEqWw98NDdjEqWw98

86sj5C0VH+aSL+DlPtWqGNy61W6Q9zK1wx5sVHuC4xAdTPb3Y7DTyMJ+pbJ/BR7oujXbhBSu
J5ltfUMHkMp1ePRFV6ndkyWm3sHY321xP/mpM+qJHENoLZCO99U9+fJgVDqS8NHCiidxxht2
n5eLVLoby5jQ63MPftusoP8A1RF3V6okyDUWuD5tikkPq4LwXKO7RFkUtzrah0gzto4o4Wjj
+p7s48DlWilu73jNqjAB4GS7SnA/0lfbqC6E4Fqt7hnj1lfKfH8inaP/0NyNh68vlqJIjJGN
2Z5HVTmHHA5kO0eDVkTRtjpGH2qscCwH4JHAH6bMDsVjLXcWsO2gs0Rz8PwPkx6BXMoL68uE
t4ghbjDW09IBt8XOK5zy1rGm1Oe9zYqOslLcfHLUODSc5yA4/Lu7VMlmDIXurKmhpWOwcniB
y7yAskdP9eR7ZdbjUgc29cImu+ojDcq2HTdlp3iRlspzIP1vZvd5uyVrE1gaT3fFPusVC+9T
N4Gbc1sMTsn9R4Z7PhBOFlRabjcvivFcWRn+iUbixn0c/wDM70CzYAAwAAPkpSQU01LT0cLY
aaFkUbeTWDAVyItIIiICIiAiIgIiICIiAiIgKCAeYBREEoiICIiAiIgjGFKIgIiICIiAiIgI iICIiD//2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAsAI0DASIAAhEBAxEB/8QAGwAAAQUB
AQAAAAAAAAAAAAAABQEDBAYHAAL/xABBEAABAwMCAwMIBQkJAAAAAAABAgMEAAURBi
ESMUET
I9EHFCRCUWFxkyIygZGhFRZVYnSDsdLhMzVSY3JzhMHC/8QAFgEBAQEAAAAAAAAAAAAAAA
A
AAEC/8QAFxEBAQEBAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAERIf/dAAQAKP/aAAwDAQACEQMRAD8A2Wuq
NPuU O2RjJnSG47IIBW4cAE0OGstNkZ/LcLGcbvCs6o1XUFRq/TilEC+Qj++TXs6r08M5vUIY59+n
xrOmC9dQhGrNPLP0b1BP79PjTqNRWRZwm7Qif99PjTQRFdv0qEL3af0nE+enxpVXq1Jxm5Rd
zt3yfGgm5GaZelx2Dh59ts8/pqAoTd0229xfN03xUVSTkLiyQlX2+0VX3LZaYZAnamjdqVZQ
txDJJT0zxAnoaasi4G8Wwc7jFHxeT4041PhSCkNS2XCobBLgOfxqnh+wcQA1ZEznCU8EfH3c
NQJ79tZuEOO/LttxizXhHK2ENtyI6j9VYUjp06c6aZGjdK6q3pm5TES51iuTnbPwCktvk7ut
Kzwk+8YINWPjTnFEeuldXjtEk4yDXlTwSNiDVlDijttSjOKbKs8O4rgpZGyR99QQrxb493tb
sKU2VNvJxtzB6H4iq5p16K4t+yXeBEVcoW3EWk9+16rg239/vq3FkYABx76C3zSzV3S28h1U
adHOWJTf1mz/ANj3GoqSLHZl4xaIZzz7lPhSHT9l62SER17hHhQmPep1q4mNRxVtBJwmbHRx
tOD2nG6Pto/DkwZjQcjym3k9ClYIoI/5tWFQGbLCx+zp8K8K0lpxRybFBJ/Z0+FFUpQMJC+X
TNLgEfXOPjQCF6R02edihHp/YJpk6J0sQQbBD+UKNlkZPeKNKlsJTjOc9SKACvQmlCCTYIm3
sRjNRXdP2y2xXFW3S0NzCieBzhTn35OdqtBSo+t+FN9gkJ+kvf29aDK7pq+y2VxSLnoVDK8/
QUltspXtnIVjfpQSZrWx3xyLbrXppMKY5JaLT4CMoIWD0HsrU9TafhXSA6HUpLnZKSlRGwzj
PKsSjW+RpTVUK5+bLW21JTkKbJASds56dcfCkVI8omprpH15P8ylOwiylDBUyopKwBnfHvJq
vo1vqhvHDfp/zia2NrRVovOrL2m4RUzA6lpfbYKVNKKd0g/AA5HtogfJJpHtGFiAcMp4SnjP
ebetvvWpYzYxAa+1UFhZvs0kf5madV5RtXZ/vySB05eFbCPI5pYMyEebvEvKyglw5aHsT/Wk
d8kGlXG4yTHdR2H1yhZBe/1f0xTY1xmuntZarvF1jx5N5lrhdohMgpwnCSccwOvKtZ8n1zkz
7IpL2XGmVANOr4uJQIzgk8yMgZqlQtK26HqF22wQ55jJujTITxkqIbbUpeCN8BRHWtdiQW4M
RqLHAQ00kJSnGcAcqiJCQRkE9dq4kgUtdUQ3wZGFbn4VEesdqkLLjsCOpZ9YtjNTqXFFBFaR
sm/oy05/wyHB/BVNDRdkCuJDclJ/Uluj/wBUfxS4xUAQ6Vt+MB+4D4TXf5q8q0nDIITNuYON
vTnPGjtLyFWIAHSEXh2uV1H/ADnPGmjoa0OD0pc2UrOy3pbhUB7Bvyqx5rqLqsueT7T7owpq
TgAgelOfzUD1LoG1wLK7KtseUp1laHFIEhauJIUCoYJOds1oPWkO/MZoKfMnwjcodzs1ztyX
yjvmHpXZdsgjAJxndPvH3UQb1BPWlHoERwkc27ggjP2gUXdtdvlJIkQY7oz67SVfxpg6dsh5
2iF8hPhQRBe7huBbGDgDlNT4UxNl3SQ0tMiTAtTKk4Lgf7RwDrjOAD99Efzbsf6IhfIT4V7a
sNoYz2VsiJzzwynf8KCvWGBCdv7CralS4FrjqSh87h11wjiPF6xwnc/rVcaRttDaQlCQlIGA AOVe61Ij/9k=
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCABEAGgDASIAAhEBAxEB/8QAHAAAAgID
AQEAAAAAAAAAAAAAAAYBBAIDBQcI/8QAORAAAgEDAgQDBQUGBwAAAAAAAQIDAAQRBSE
GEjFB
E1FhFCIycYEHFSNCUhYzgpHB0SRDoaKxwvH/xAAWAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAAQL/xA
Ae
EQEBAQACAQUAAAAAAAAAAAAAEQESIVECMUFhcf/dAAQAKP/aAAwDAQACEQMRAD8A9lqajI
FR kk+QrNGVRXP1DWbWwhuf2452cDoOdGu/Qrnab5db3Ujnjil4236xwbeq23Ujnjil4236
GSM5Hcdab6lhyMsayLGXUQ/IVqwdPYtwRk4Ppw9Ppw9Ppw9Ppw9Ppw9Ppw9Ppw9Ppw9Ppw
NBCxWSUDlUjrIeRgEHAOwrYeNbB2CrcXSE9gWQgfmKzQ+nE0+nE0+nE0+nE0+nE0+nE0+nE
olEZ2YyKOwrYeNbB2CrcXSE9gWQgfmKzQ+nE0+nE0+nE0+nE0+nE0+nE0+nE0+nE0+nE0+nE
I9EHFCRCUWFxkyIygZGhFRZVYnSDsdLhMzVSY3JzhMHC/8QAFgEBAQEAAAAAAAAAAAAAAAA
A
AAEC/8QAFxEBAQEBAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAERIf/dAAQAKP/aAAwDAQACEQMRAD8A2Wuq
NPuU O2RjJnSG47IIBW4cAE0OGstNkZ/LcLGcbvCs6o1XUFRq/TilEC+Qj++TXs6r08M5vUIY59+n
xrOmC9dQhGrNPLP0b1BP79PjTqNRWRZwm7Qif99PjTQRFdv0qEL3af0nE+enxpVXq1Jxm5Rd
zt3yfGgm5GaZelx2Dh59ts8/pqAoTd0229xfN03xUVSTkLiyQlX2+0VX3LZaYZAnamjdqVZQ
txDJJT0zxAnoaasi4G8Wwc7jFHxeT4041PhSCkNS2XCobBLgOfxqnh+wcQA1ZEznCU8EfH3c
NQJ79tZuEOO/LttxizXhHK2ENtyI6j9VYUjp06c6aZGjdK6q3pm5TES51iuTnbPwCktvk7ut
Kzwk+8YINWPjTnFEeuldXjtEk4yDXlTwSNiDVlDijttSjOKbKs8O4rgpZGyR99QQrxb493tb
sKU2VNvJxtzB6H4iq5p16K4t+yXeBEVcoW3EWk9+16rg239/vq3FkYABx76C3zSzV3S28h1U
adHOWJTf1mz/ANj3GoqSLHZl4xaIZzz7lPhSHT9l62SER17hHhQmPep1q4mNRxVtBJwmbHRx
tOD2nG6Pto/DkwZjQcjym3k9ClYIoI/5tWFQGbLCx+zp8K8K0lpxRybFBJ/Z0+FFUpQMJC+X
TNLgEfXOPjQCF6R02edihHp/YJpk6J0sQQbBD+UKNlkZPeKNKlsJTjOc9SKACvQmlCCTYIm3
sRjNRXdP2y2xXFW3S0NzCieBzhTn35OdqtBSo+t+FN9gkJ+kvf29aDK7pq+y2VxSLnoVDK8/
QUltspXtnIVjfpQSZrWx3xyLbrXppMKY5JaLT4CMoIWD0HsrU9TafhXSA6HUpLnZKSlRGwzj
PKsSjW+RpTVUK5+bLW21JTkKbJASds56dcfCkVI8omprpH15P8ylOwiylDBUyopKwBnfHvJq
vo1vqhvHDfp/zia2NrRVovOrL2m4RUzA6lpfbYKVNKKd0g/AA5HtogfJJpHtGFiAcMp4SnjP
ebetvvWpYzYxAa+1UFhZvs0kf5madV5RtXZ/vySB05eFbCPI5pYMyEebvEvKyglw5aHsT/Wk
d8kGlXG4yTHdR2H1yhZBe/1f0xTY1xmuntZarvF1jx5N5lrhdohMgpwnCSccwOvKtZ8n1zkz
7IpL2XGmVANOr4uJQIzgk8yMgZqlQtK26HqF22wQ55jJujTITxkqIbbUpeCN8BRHWtdiQW4M
RqLHAQ00kJSnGcAcqiJCQRkE9dq4kgUtdUQ3wZGFbn4VEesdqkLLjsCOpZ9YtjNTqXFFBFaR
sm/oy05/wyHB/BVNDRdkCuJDclJ/Uluj/wBUfxS4xUAQ6Vt+MB+4D4TXf5q8q0nDIITNuYON
vTnPGjtLyFWIAHSEXh2uV1H/ADnPGmjoa0OD0pc2UrOy3pbhUB7Bvyqx5rqLqsueT7T7owpq
TgAgelOfzUD1LoG1wLK7KtseUp1laHFIEhauJIUCoYJOds1oPWkO/MZoKfMnwjcodzs1ztyX
yjvmHpXZdsgjAJxndPvH3UQb1BPWlHoERwkc27ggjP2gUXdtdvlJIkQY7oz67SVfxpg6dsh5
2iF8hPhQRBe7huBbGDgDlNT4UxNl3SQ0tMiTAtTKk4Lgf7RwDrjOAD99Efzbsf6IhfIT4V7a
sNoYz2VsiJzzwynf8KCvWGBCdv7CralS4FrjqSh87h11wjiPF6xwnc/rVcaRttDaQlCQlIGA AOVe61Ij/9k=

A90lQQDgdtmbA7UVeunilu7i9u0V7S2UxRo6Z5n25iAevZR8mrgarw4qW0WArX1wrBbaNfdA
IOAO4VSQc98eoFX9GuZ54GbU3t/ZNNIVHiyBNIB8W/lnGP1H0rbd6rHpkc11cui3soAYfELd
D8K+rb7AdT6UG7ReJFuLprC89nt5YkUKDIVZjzMuOVgDnK0w7+VK+kcOe03Ueq6nGQVbxILZ
tyrH/Mk83/0XtTRWsRGW5ugx86KmitIgLg5zU1NRUngK3E3DspnGtaPGPbYiHlhUAeOB3Hbn
A6efQ7VQ0XWbbVLea2kVUhuGKyp09nm79egJ6eRGO4p5pR4p4VuZpW1jQSseorvLAxxHdr3V
vJsdD8vmJuK2XEkwB8UATv8AgSYHWaP342+oGf5Csri8SaC5kTlEcr2s652+JgCf9tJFlrN7
rsFwdQv/ALsubQhZ4YhiVCuOR3LeTHBIA6qc7Vyr/U+GRYzIdRupZQpAdrh2xyurKMg7nlZg
d/ymsK9Hjnl9mjZV5XWzJjPlNM+x/r9aySRpZIorUIhCNBbHORFGuzy/UjA+nrSJFqNqfDj0
TiAq258KQmUDChRgE5Gwcj+HzFXZeJ7i3kOhfdayarKFjENuSyyKB7qZ7Bcnm9ds75FHX4nu
rGWyjtSzm3VQLS3jBJkbtJtux/SO+5O2cdnhvhmSLwtQ1cF7pfeihZufwSerE/mc+fboMCjh
nhH7ucanqri61OTfJOUgB/Kn9++B0GBTO0iJ8TqufM4rWZ5RI+dTUZFYTTxW0LzzyLHFGpZ3
c4Cgbkk+VaRsorFHV1DIwZWGQQdiKKompoooCiiigRPtD+zq34otnvrALBqqKcP0Ew/S396+
er1L7T7mWxvImhmifDxum6nf+9fX9eX/AG0cKR6jo0etWdmWvbeQLK0S5d4ztvjrg4qew8Z0
HTtV13VYrHTImluJDty7BRn4j5AV9H8GcFWvCtoXkkN3qUw/Hun3ZvQZ6CuR9mUPC+k8OW5s
Z4ku5ow1y0zBZC3cb9s9MU03fEum2p5Ela6nIysFspkdvoOlTpVXVb/UbrU20nSmWNkjDTTE
fuwc4/4/8xXO1nh2y07TJNQn8a+ukdCZJXJAywB26Yx1zXV0G3vZLu81S+hNs92VCQk5KovT
PrvXbIBBBGQeoNSUpK/aLU4dOhh0Ow9rjtrZHmklB27FQNiSACe9ILcb6xxCYpZro8vWSyjQ
7gHcdR069M+vevcIoIYE5IYkjXryooAqi+g2D6pDqPgIk0IPLyKBzE9ztkkb4+ZpNKx4aimh
4dsknUo/hAhGzlFO6qc+QIH0orp0VrETRRRVBRRRQFQQD1oooOc/DujPcG4bTbfxWOWYIBzH
zPnV4RRpuiKpwBlRjaiis6rM9KO9FFX5QYFFFFAUUUVR/9k=
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAYASQDASIAAhEBAxEB/8QAGwABAAID
AQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAEHAgMEBQb/xABHEAABAgUBBAMLBwkJAAAAAAABAAIDBAUGES
EHEjHR
ExZBFBUiUWFxgZGTocEXJCdTZJKxJSYyNFVlg8LSQkRHY3R1goTh/8QAFgEBAQEAAAAAAAAA
AAAAAAAAAAEC/8QAGhEBAQEAAwEAAAAAAAAAAAAAAAABEBAhJBIf/dAAQAKP/aAAwDAQAC
EQMR AD8AuZFx1Spy1IknTk2XiE04JZDLyPQPF5sG4ZqpkCkSEOKwjWJMTLWAf8W7zvcFKse8i8KN1
jDHRI87TpWC3UmDLRIzwPSR+C4HMZFhtdN3DXIgdpiDKuhNd92HketKR9Wi+LjStvMG9OTFw
RwNN2K+bPuAXM+csvf3e46rEOPqpo4wPKpSPvkVXzVWtSCwulIF0wy/J+a90Mx944Whty1QS
7e8dQqLPC3W9+I0tu+bU7/vSr1Wui+Ak7mupkNoqdStCWcdATMvJJ82e9ZvuGHFmOhn7/pk
nHxpCkWw9zGvFzy7X1cOCtSPvEVOTdzzj7vbR5C+YglHPaO63OgPaB0Zc46NA44HrC9UuqGc
t2sygGo8KHBz+KlIs5FWQdPFvgbWpQuOmrYGPxQGpag7WJHPkZB5p2JqzUVasNUH+KsiSeGY
cHmsy2rYJO1OSGn1UHmlIsdFWwFWIw7anIjPihQea3tg1PI+lGXOf8mBzVpFhIq7mJeOyHv1
TaiWSn9swOhgu8mHjONVz4t7GRtYqGT+84P9KUizEVYGHQ9C3a3Pjz1CEfgm7RgSflcm8eLu
6DyUpFnoq0EOjZ02tTuf9wg8lnuUVzh9Ks6ABg/lCDqfHwVpFkIq1Pethw3axNHP2yAfgtjW
0p3DarOZx2zsD+lTsRYyKuhLU/j8q03js+eQOSh0vT37rRtVmjgj++QOStFjKFV0TqUHuEXa
NVRGBw9zamRl3boBj1LW2LZAOBtIrPHXNTcP5VKRajW7rQ3JOO08SslVzOpOTjaPVs+M1Y8l
vhTdntwPlIqZx2uqv/iUiykVetnbVDcjaRO+mqM+IWQnLZc3TaZN4H7ygj+VWkWAtMvNQJoP
MCI2IIbzDcR2OHEehV7VKhSINIm307aPGiTbYLnQWRKjBILgNBo3K+xtRkJtrU10JsQCLLsi
u6X9NznDeJd5SSSUpHroiKogjOhXBOUKlT7t+ZkIL4n1gbuv+8NURBw9U4EEDuKq1WUwSQGT
bnj1P3lg2h3BCceiuuM5vYI0nCd7wAiKRa3GSuUDDa1InyukHZ90RY9xXSIgPfmnbmNR3A7O
faIiQYOpFxR4h6W5GwoZGN2WkmtI9Li5a+o9MmWjvrHnKqR2Tcclv3W4b7kRTwrshWnbcBuI
dCpzRjH6sw/BboVu0OBDMOFR5BjCclrZZgGfUiJg1xrVt6YZuRaJT3DOcCWaNfQFy9RLUJP5
vyHsQiKwrEWBaQyer8ic+OEE6iWmzUW/ID+CERZ35gjqBaR429I+yUssK0253bekRnjmEERW
FZdRLU4dX5D2IUGwrSIx1ekPYhEVGyXsq2JSOI8GhSLHtzg9CD+K63W7Q4mA+jSDvPLM5Iiz
6IFt0FvCiU8f9VnJOrdB/YlO1+ys5Ii1ET1eojW4FGkMDsEszkoFuUJwBNFp/DtlWckRT1Wt
9q267V1Cp2f9KzkoFq26wnFCp+vH5szkiLPLYYg2rb3ZQKbr9lZyWDrRt2I3D6DTvF+rM5Ii
YrubRaY2E2GKdKbrRgDoW6e5R3mpn7NlPOYDeSItbxxK2imSAIIkpcY4YhN5KDSqe7O9Iyxz
2GE0/BEVmIxFGpQ4UyTH8BvJYmhUdxy6kyRPjMuzkiKjmnbSoE/DYyNSpUNZEbE8CC1uS05A
JA1HkXrgBoAAwBwAREEoiIP/2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAuANsDASIAAhEBAxEB/8QAHAAAAgID
AQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAECBgMEBQcI/8QAPBAAAQMDAQQIAgkBCQAAAAAAAQIDBAAFESE
GEjFB
BxMUUWFxgZEioRUWMkJScoKxwSMlM0NjktHS4eL/xAAWAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA
QL/
xAAYEQEBAQEBAAAAAAAAAAAAAAAAAAEQEhMf/dAAQAKP/aAAwDAQACEQMRAD8A9lxSpk4yf4yk
69 K84Xu42+FEbZYhFSetUkrccCxoWbCRw1PWd2LkHqtFedrzyqlK2ZcGTuHQBuHBxBx
ngcjNXe2Xq2pIsNwBEA5IBOEk4Ao6540hSp6UFVEAA1C0Ig0UUCp6540hSp6UFVEAA1C0Ig

lOjNGdaoBSOtM5yNdKCaBc6dGaKAo8qKilZUpQKSkA4BPOglSJI4DNPNGagROKhqSckn9hTW
sBYHfUH5LERhb8h1DTSBlS1nAAqeqzYxzoqsHbFy4qKNnLS/dQCR2jIaYB/Mrj6Ct2NF2jkJ
C5txjRM8WorG8U+G8rOfarSO0SAMnQeNaUi82yKMSLjFZPct5KT8zWsvZ+I64HZ78iaUcEvu
fAP0gAe9aLbcKcssWSGwxHCil6a0ylPDilGmp8eA8alHVt17t12U6m3yUyOpOHCgHCT3Z763
6wQ4UeBGTHjNBttPIczzJ7ye+s9VESDvcRjuqp3PZ6TB2mVfrNb2HnpMdTMhBWEZVkFK9dNM
a1bqRBI0OKbi188XLoZ2vYcK2m40sKOSW3sHP6sVW5OzW1Wz75edts+Kto565CFYB/MNK+rC
D31At7w4/LjQfNlt6Vdr7UoIVce1IH3ZTYUR68fnV3snTvFcCW71bVsq5uRviT7E5Hzr0K7b
FbO3skz7VGWs/fS2Eq9xrVKuvQTZpBUq2z5EQnglY6xI/mmC22vpB2Xu6U9mu8dK1f4bqw2r
PkrFd8SW3Wt9ohwHmkj96+eLz0PbVWveWwy3PZB+0wrX/SdaqiReoExMIKmRXyrcS3vKQck4
xioPd2X51zuwbbLqLp2lajIaUA02w2vcxjXeBHIga54Yq/JJIHwqrznZixXyFvyoF1iNjAjh
uW0V74b+0QoHIysrNWRc7bCKkZs8KcANVR5W4T6KH81MXViBVj4knjQlWgzmqsrbWVGVifs1
do45lDSXU+6TUWekbZxxe69cFQl80S462yPUjFKi2EnOd0mmc9xqsHpB2WDm4b22VD8Da1A+
oGKzDbrZko3vplrHi2ofxVo76lKyAE5zzo3lfh9aq6ukXZVDm6LwVHXREdxX7JpHpAsywCym
4SE50U1BcIPuKVYtQUSM4xUMneGU510qrL2zkvL3YGzN5kE8CpkNJ91Gl9K7bS1YjbNR4STw
cly0qI/SmpUWtCiQVEe1aNxv9rs7fWXCdHjJ/wAxwAnyHOuH9WtpZwP0ntW4wkj+6t7IaAH5
jk1jTshslZ19pnJYed4F24O9aonyWT8qdGJe3Tt5WW9mLPInqJx2l9JaYR45Op9qcfYxya6L
jtbdDcHEHf7OPgjNHjjd548a6Sb6lSOoslvVKQ2kbit3qm0+AyMn0GPGsD1rlXRr+3pSUR+K
2kHcbAB1BOdc551FTmbVxIjQh2OOJrqDuJS18LSTyG9jB9K1rftXPYua4l9ERlkxi+h9gqwk
5A3TniddMVvRVI3OqsUJL6Tp2h3RpGPmr0963IdgQh9Mu4O9tlp1ClpwhH5U8B56nxq90Ygx
Iv43pSXGLeeDKhhT4718wO4c+fdXZaZSylLbSEobQMJSkYA8qlg08eNaxKWadGBTqoKKVOoC
lToqgqJqVKgju+JqkbYyGXrqISmGgYcYzhJdAO6oEhCc/dBUB51eCcVzpdpt86Q3JlwmX3Ua
JUtOSBnOPes6uONatmiqyxEonyR/SC9x9CHEhR+I6EaanvrMqy3hje6h2OsY0DbrrB9sqT8q
sSM4x3VPNIVX0SbtFyZEWUpIGgaU29/xNa7t0MhKe0NpbTnXtdtcAA884FWcoB40ghI5ad1I
VWWbvFbTiPcbWy2PsAslKfRW8BxzW8xcH3RvJuFreQfshB/9Gux1SCMFII8q1nbVb3jlyEws
96mwaTUa6TcFKKkmAofq0qaVXXGAYfsqhVgtCiVfR0cKPEpbCc+1YvqzZzqYYHktX+9JqsgX
cFIIclRWl8sNE491VB1SkJSX7uEY1WRuJB9+FTRs/aUKCuwtKI/GN796yps1rQ4HU26KFp4K
DScj5Umlcl6VZCN52a5KPDKXFOa+SdPlUGXYrCgq37OSVrA+Fa2ktDPeSo55ccGrEgIGUJQA
EnGgqegpCuC3DvayAlcKAznOGkKccHqrA+VbDdiilwvzAua6DkKkK3gPJP2R6CutijFIVAKG
iUj/AKqQNGBkU8DurSP/0PZadFFQKj1p0qD/2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCABGANoDASIAAhEBAxEB/8QAHAAABAQAD
AQEBAQAAAAAAAAAAAAEFBggCBwQD/8QARxAAAQMCAgYFBwYLCQAAAAAAAQACAwQRB
QYHEiEx
UdETF0FhcRQiRYGRk5QVIyUysdIWJDRTVWOSoaLB4TM1Q1JUZHJ0hP/EABcBAQEBAQAAAAAA
AAAAAAAAAAABAgP/xAAbEQEBAQADAQEAAAAAAAAAAAAAAAEQESITFBAv/dAAQAKP/aAAwD
AQAC EQMRAD8A+zIiICKIgqIiAiKIKiIgIil9tlKKiiJRURFQRfzEzHSuiDvPaLkW7F7QoqIinapR6RRRS5TkPS
bow+M11CkJAC3KipmGuMeTAwX4AWUze1foNRPFwYfQN
c2OOfViJb/aTNFy48GMuCeJAC3KipmUdHDTRE6kTAwX4AWUze1foRRFqoIinapR6RRS5TkPS
IvJe1ou428VoVFiMTzbl/BnBmI4tTU7nC4a59zb1LGHSdksG3y9T+x3JSja0WpjSfkw2+nYN
vc7kvXWbky39/wBN7HckpG1ItVGkzJh9P038XJem6SsmuNhj9L6yR/JKRtCLWRpGyed2P0n7
So0iZQPp+j/bS4sbKi1saQ8on09R+8Xo6QMpbPp+iN/1oS4kbEi178PcqEXGPUXvgqM+ZVN/
p6isP1wS4sZ9Fgm54ys42GPUHv2816OdMsD09h/xLOaXCM2qsK3OGW3WtjlBt/3LOaozfl0i
4xug3/6lnNLhNZlTt3rGMzJgsl9TFKN1uFQzmv0RYpQzi8VZA8DfqyNNvYVN3Bh8Yw/ySrbX
wyGKPX6Rzm/4L9xf3tOwOHr7FlsNr3VQkhnj6KqgIbKy9x3OB7Qf6LAZozJQy4c/CsNqoqvE
a69PFDC4PLb7C51twAublfzo8yYQcdq6yXEqampWRspI3ySBpmeHEuIvvAJtfxWLNVuKLEHN
OXmga2O4f8Szb+9UZoy+QLY5h522/Kmc1vkkZVFixmfAjcDGcPdbhVM5qtzLgTjYYzQ3/wCy
zmlwjKIvz01dSVgLqWqhnA7Y3h32L9C0gsFjmVoccnZNNXVkWoLCKOUdE7xaQQVnEU3KPmWc
dGWK49TQwUFVhkTYmltugMWttuL6txx7O1aS/QVmpv1anDneEzvuroRRSQc8nQdm0C4fQHuE
x5KdR+buND788l0OqqOdupDN/Ch9/wD0X8+pTONr9DSfEBdGqIOc+pTOX5ik+ICrdCecTvhp
B41A5LovciDnI6Fs4gkdDS7D+fHJU6FM5AD5mk+IC6NROxzedC+cwfySmP8A6GqdTOdLH8Sp
9nZ5Q1dIog5sOhvOgYXeQQk/5RUNuv5dUWdv0SPfs5rphRBzMdEmdgL/ACP6unj5rwdFGdh6
EefCaP7y6dUtdOxzD1V52/QUvvY/vLOZX0eZnozWmty84l8OrEZOhfqPuDfVebHYCF0Eo42v
YXPBTfFfNMl0OO5crnuxeKGGlmb9Z1O2MxHgDHdtvEgq4vSzvmxDC8NyVQtq5B00VQ1zB0rd
YeeN1yL8RvX0eVsb4XCZrdQtOsH7rdt1pWA4m2vxDC6eia14hkqJA4H6lKSQy/8AyOqR3C/Y
sbisXBDi7AzpcpV9QQPPL6eibrHj9vtXt1Pir3tcMhyBu4g+R/dX0rbwTb3KxK//0MrJh8c8
fO5BmIBB800ZJ/hXuCgMbNSXR1LJuItHRnZ+5fTbcUAAXPPzrVaJR4ZTzF3R5EqKObeJS6CG
2zcHRuBHsX624LmotFsRdGLbGGsLi3uvqbVuKK8cSiIi2iIqikE28UO5VEgl0RCDxUuiqIio
qKXuiUVFLjiiCoogAG5BVEVVERPUig0/P0VZV0raNkj2UskDyWxkgyyAizTbbbV1jYbyLLM5
ZwnC8KwiGPCgx0LmgmZtiZTxJ7f5blkaymgq6V8NVGHxOHnA/atSyHWPq561sMUwpGG4fNvc
4klp8SwsJ8Qd5Kx9a+NzVRRbZLqqWCqZQREVBERBO1VEQEREBEREBEuiLO+hvHvSyIqIiAiI
qIf/2Q==

yoiItfUBuVREzwFERURzQ4Fp2gixC1bCaWXLeP8AydrMmpMQ8+Ei4fGWtAsRuIs0bURZ1W1q
IiqCIigqIi0P/9k=
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAA9AG0DASIAAhEBAxEB/8QAHAAABAAID
AQEBAAAAAAAAAAAAAAUGAQIHAwQI/8QANRAAAQMDAgMFBgUFAQAAAAAAAQIDBAAFEQ
YSITFB
BxRRYYETIiMycZEVQmKhsRY0UnLBkv/EABYBAQEBAAAAAAAAAAAAAAAAABAv/EABkRAQ
EB
AQEBAAAAAAAAAAAAAAAABERIxIf/dAAQAKP/aAAwDAQACEQMRAD8A7NSlKBSlKBStEutqdU0l
aS4gAqSDxAOcfwftW9ApSlApWMjOM8azQKVot1ttIU4tKQSACTjieQragzSlKBStStI5kc8U
3g1Ng2pWoUDQLSrIBzjhTYIS3FCb9NlFJCpbpZ3dPhAADy5qqSuV0g2iKqVcJTcdlP5lqxny
A6nyFVm4ulq4y4LchTOZCXUqBGUbkpweP60q/cVDz37dYCm/aqkC9XR5WIMdtHuY6Bts8j4q
NYlVaE3S9Xk5tUREGGeUuag71eaWuBx5qI+le5ss54DvOo5xGOTKGmhn0Tn96pRidpGsFl12
cjTUFY+Gy2MvY88cQfUfSsq7G1yEhc3V12efPzL3ZB+5rRq7os82OrfGvktWB8khKHEk+fAH
7Gt2rm9GeQxdWUMFZ2tvoVlpZ6DJ4pPkfvVLb0JrCwJDlg1g9JCOPdrgCpCh4ZycemK+uFrc
y3zYNUWf8PuLieDK8Kakj9J/5+9S/BY9TttyLY40oBS221SUDqC2Mg/fFS7K/aMocxjekKx4
ZFUNiU6xaZxkOurXJZ7vHS5xKEn3UoBHzHK+fAn0q9spShhCE8kpAHpVg9KVis1pHmtlKsnk
T1rIRgAZ4AVvSs8waFGeBPCsKSdpxjlXpUVqaQ5G03Pcaz7QslCMc8q90fzTmCnXJyE3FRqG
+yUxGJcobFjdktpyGwAOJycr9asE2wt3A2+8wUx3ZcRHwVK+V1Chyz08QRyqAOmYWvpknvRd
FmtrZhQEoJSFOAYW554IwPoa+TS14mdn9y/pPUzh7gpR/DrgoHYR/iT0/wCVnFWN3XunrbcE
wbrMVBnHG9p9BG0kcMqAxjHXNSCNYabcZC/x+3hJ4/3Kc/zX591hqdm76hnuqjJeQqQ6QVYy
TjYg5HMAJHCoBb9vUlATEWkhrao7+a9hG7/1xxVwd+vPbFpS2e0bjPOXB5IOEx0HaT/seH2z
XzRFTO0SDb747EYhxIay7HZSouuLcHDJUMYAP5epxmuGx7s3FSC1AjB1IbwtSSrik5JwT16/
SuhdnOsb43Y5ljsdoXLnuyC606B8GOFAAlXgARw+tLB0Ms2+QZFnRIju3OGUSgG85aWOKSoe
eMHj15DNW+FJTMhMyUfK8gLGemRmqJbNDHSZY1Cue7IuiXSu4ukkpeQsgKGP08x9KuNjI7gt
tONrUh5CceAcVj9qT0qRpSlbQpSlAqG1bCm3HTMyJb8d7cCfZEngCFg59MVM0qewR9htgs1i
h20K3GO0EqV/krqfU5r0ulpgXqEuHcYrclhfNC05wfEeBr7KVRxm9dgilyVu2W7NttKJIZkI
PuDoAoE59RUM32EakVt3zYCMjKvfUdp8OVd/pQcatPYEhLgXd7zvRt4txm9pCv8AY9PSumae
0lZdLMuN2iGGPa49ooqKlKxyyTUxSg0kMpkR3GV/K4gpPqK+GwWx20WdqHIk96fSVKde27d6
iSScdOdSVKBSsVmg/9k=
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAArANYDASIAAhEBAxEB/8QAHAAAAgID
AQEAAAAAAAAAAAAAAAUBBAIDBgcI/8QAQhAAAQIFAQUDCAYHCQAAAAAAAQIDAAQFBhEh
EhMx
QVEUYdEHFRYicZGx0iMyUmSEoSVlgZOiwcI1NkJjcoOSlLL/xAAWAQEBAQAAAAAAAAAAAAAA
AAAAAQL/xAAZEQEBAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAAEQEhEjH/3QAEACj/2gAMAwEAAhEDEQA/A
PZe cTFOfqknTEtmae2FOq2W22qMstv22qIAgYzE+DoYBnGscGw/vywtIBAjJ1HRqBtStvWHXTnKCn
vywWYKSwlpYW6tStQFZThQn1j7kgEmFNTv22qMstv22qIAgYzE+DoYBnGscGw/vywtIBAjJ1HRqBtStvWHXTnKCn
3X5vlhcD2h24NvZKksaY+HjJgYbmxXtGvbuUrwhc24vwvLDjSFFkYSVAjJ14c4fyVWQ
2AcGk1gfgFwSS+ttKCe7dIvQj9k
9LpPX9H1bT9Xu+EZG65NIB7DVNRnSQc8IXCHkRCFF4yCiR2KqJx1p7vhELvOmNp2ly9SSDwz
T3vlhcfwMeDS6bK8Kakj9J/5+9S/BY9TttyLY40oBS221SUDqC2Mg/fFS7K/aMocxjekKx4
dlI6qCk/ERPpvbAGTWpUDvViLcQ8xAITt3fbjrgQityRUeA3whs2628gLacS4g8FJOQYnBlB
BBFHm3lLRPSFSbqbaFrl3222SpJ+psqUtSCBrhQ6cSnpHDXlK1qrzdGqUlQJp1tTYU3lpSmy
o4OyAdQnTnjOSeEe5V2iydfpL1OnWwpt0eqcaoVyUO8RRo9W7KymmVgolZyX+jC1DYbmEjgp
BPUcuIjM61ePn6Ylrgk3Vuz1qqy4jXak1JA11UMDjnAinNvzym1oNupZC1E47MobIJ0Aj6nU
8wEbanW9nqVDEVVVqkpztVKUGzxy8nT84sSvlOZmnlvpDsghtxAIKQ2U69cRPaZtxhxsSOQV
7wkNnQ5z/M++PqRioW/UHQpmcp8y4eBStClE8IZblnBAbQAeOEiIPk2nLnUVOUShgsqU6lG0
G8EhRxj9uY9/pFUpKGqgiarKJB3znMKUlL4QdFbIz3YAi9fLcvLW4ZlQSA1NS7hJA0CXUn3Y
zFSUfZt24TL9pS/Saq8otkkK7NMK9YozySrOQOpgGC63RmtTdwSnhgusn+nMaVXBRy7kXm2E
4xsbTPvzsx0pYZ5tIPtSIWVCr0SlLKalMScmSfU3q0JKx1AhuBc3cdGb1VeLSwOSlsj4JgTc
1ECBt3i1nPJxn5Y2t3bZ7y1IRV6YVJ4guJHxgTddlqfDIq1KLijgDeI1MMAi6rfb1Vdcs4Oi
nWv5CLJvS2BjNekNf89MMG5envoC2peWcQrUKSlJBjFxmmtLQHWZVClHCQpKQT7IooC9bXPC
vyH79MaJi7bbJ0uqVbzwCH2zj8jDgU6SJz2Nk9+7TAumyCk+tIy6u4tJ8InQgNzW7skG82Uk
657Q0MfwxAuSgkf35Z/fS/yw6FEpWCFU2VPtYT4RJotH50uTP4dPhECdNxUVIBF7SigftPMH
4ARn6SUnBjNkNf89MMG5envoC2peWcQrUKSlJBjFxmmtLQHWZVClHCQpKQT7IooC9bXPC
4ARn6SUnPphTNnkC4180MVW/QVEZpEhngMyyPCMPRa3yVA0SnnPLsqPCKKzNz0dLu09clKW

jGAlLqE6/wDIxdFx0E8K1Tj+KR4xXctC3Vn1qDTVZ6yjen5RgbMtnGVW7SsDXHY2/CGbuC25
XKUpILVWp2v2n0kfGF8xWHN4NxXaClP2XDk+/bjM2VahyTblMwPuqPCNibLtUDKbdpmv3RHh
F+nEIfqT6AWpuivA8MBRB/iMUWmWZGccfqL9NlFYBbNPUpDhPQo12s9MQ2ata32cbqh09GOk
sjwi6xIScqoql5VlkniW2wnPuieSqVHm5+add37S+yBKSw863u3FnnlH88D2QQ1gjeIiMXGm
3kFDraVpIwUqGQYzggKSKNS2zlFOlEnqGU+EWOzsYxuW8f6BGw8IIgVTVsUOdJVMUqUcUf8A
EWU59+IQqtOu0NanLZrJXLjBFOnxvG/2L+skd0dnAAOONYzFrmkXBObjdVe2Z1oLAS5ugmYQ
c5z9U5xp0hVM23bU0wtUqzU5Ft8pLjEsy6jbKTlJKSnQ55jB747rA6QCECpwVSbZSxKpMggY
BfewtzGOSeGe8+6NcradGllKdMi3MTCx678wN4tZ6kn4cIdQRqFc5UrDt2qL2n6a0jaBC9yS
1vBnOFbOM66xwF3eReVaUmft8EMtjLsktSlFXUpVnPDlHsURiJEeB0WiuyM+6mnVOaaS2Tso
mErbbBwQQVJzjnocZ01jsaFOVRc6GdiUUFqIU6w5vRg49ZSgFKz3bafbHoj0hKTCgp6WaWoc
FFIz741+apDBBlkKHRWVD3GJNWtkkhpEslLKw4nmoEnJ58SY3nhEJSlCQlKQlI4ADAEZRqcR
iAcd8Y7LgOigOXCNkESK1keskKAJz0gJUCRs+6M8RMPJWsEkA7JBiQeWsZxETyVrVtaEK68o
2A/nEFKTjIBxwg5xrPg//9D2aCCCAIIIID//2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAsALkDASIAAhEBAxEB/8QAHAAAAgID
AQEAAAAAAAAAAAAAAAAECBgMEBwUI/8QAQxAAAQMDAQUEBQgFDQAAAAAAQIDBAAFEQ
YHEhMh
MUFRYXEVMnLB0RQigZGhscLSFiNSU4IXJCUzQkVUYmSEk5Th/8QAFwEBAQEBAAAAAAAAAAA
A
AAAAAAECA//EABoRAQEBAAMBAAAAAAAAAAAAAAAABERIhQVH/3QAEACj/2gAMAwEAAhEDE
QA/ AOzVBbrbZQHHEoK1bqQo43j3DvNTqs6+gzpem1SLYoJmQHkSmuWclByQPozUos1FV6zavg3B
thqWtMWS8kFAJ/VvA9C2vorPd1HaKsFJdDopEgDJ5CtWddIFsa4s6WzHT2cR
YBPkOp+iqVq++XO92026ytPRmpp4LL7g3HJJPUISeaUgcyojp061LRfwQQCDkHoRTrXgRhCt
8eIFlYYaS2FHqcAD3VnpodFLIozVDooooCiljNRcdbaALiwkKISMnqT0FBOilToCiiigKKKK
ApZ8KdFAUqdYpEmPEaLsl9tlsdVuLCQPpNBTrnbhpuYy22y3Mslyk8NyA6AeAtQJK0Z/s4BJ
HZ2VoM6j0PIkPIhXubbSwrcKmXXEtKPh1TXsa5fSuNZkMup33ri3uEc8jcXnA8q8jZk7p+0a
SYZduMFMuQtTr6XHkBW8TgAgnuArn603zdbQs7re0Mt4wClb0fPPp6yM1oSLtYCoh3XFzuK+
nBgrBKj5NI99XIixzDvEQHz0z8xVZ2k2+MkhhMdoDsQEj7quI56zqnS8R6cm2WeQLvEbSUC4
Nq4q1KISkZUSoesPrq322xPIuAu91kCXcFI3E7icNx0nmUoB6Z7SeZqg3OKw5rXUNxbS2tCZ
dtaCkHtK2yRy8q63UkAByox306K3iFjxowe+gHOfCnTIFRjnTopgKRAPUA0U6oKKKVA6KKKD
TuEadIQPkVw+SLHaWkuA+YNVCbqTVmmJQ9NQoU23qICZkclrHtZJCT54HjV7rBMiMT4bsSU2
HWHkFC0K6EGpYutS03yHeEKDO+0+3jixnk7rjeemR3eI5GvRrmjD6oNis97Q7vSYFy9HKe6m
QwXS3gntwMEeIrpW9WeX0xKqJtHt2oX5NsnWSO3LRHK0vR3WuIkbwAC9ztIGfrq90Vqo4dEV
Ji7RrWL3bPRMWMlbzapLpwr5p5J57qcnnup7Sa5xIRK9ISXm4C1IcdWpILRIAJNfWjjDT2OK
0heOm8kHFPhI/YH1VMxdfIplq4hD0NIJI6I3SB/7y51jErLx32EnmTu7vPJr67VEjKOVMNk9
5QKRhxclXyZre79wUwcb2ft2R/QkuNeru3AckTg6lTbwQ6hSN0pI645juqxrdtHDAG1CejHf
IZ/JXQEwoiHC6mMylZ6qCACaycFo9WkH+EVJBzsSYKUfN2sOgf51x8/aml8qYP8AV7XEfxmO
a6GqLHV60do+aBUfR8L/AAbH/En4VeNHPxMexhO1eGcd7TB99SM984I2qwOv7ljn9tXtVqtq
jlVvinzZT8KxqsVnX61phK846D7qZUUpu4TzzRtOtS89Aphn81JU+7hYxtJsxx1HBb/NVyOm
7Cetlt5z/pUfCoL0tp5zkqxW4/7VHwqZVVFNw1CtZ4OvrAvwUwn3KrKi4auyofpbpleO9s8/
qVVjOitLnrYLf/10/CsStA6SWcnT8H6GgKZR4gm66JHDvmlHD3HiD7jWVuZtBwcydJu4PYt4
V6X8nekDn+gIgz3JPxqCtm2j1Ek2RkZ/ZWofcaSaNZE7aB+50w77El4e6syZuvsc7TY1HPPd
muD8FRVsv0cf7o3fZkOD8VA2YaRT6tveT7Mx4fip2NuLN1hvfzuy2zdx1anqz9rdTmenpkRx
D7sO0MFP6x9t4uOJT24ykJSfE5rE1oKwMEFlua2R0KLg+Px1nGjrMpYVIbkTADkIly3Xkg+y
pRFOx40KCzfZVvh28KGn7O4l1LxJIlup9XdJ9ZIPMq7TV2qKEJbQEoSEpAwABgCpVqTB /9k=
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAyAQIDASIAAhEBAxEB/8QAHAAABAAIC
AwEAAAAAAAAAAAAAAAAAUGAQQCAwcI/8QAPxAAAgEDAwIDBAUKBAcAAAAAAQIDAAQRBQY
hEjET
QVEHFGGBFSIycZEjQlJicpOhwdHSFlWSsRc0Y3OCouH/xAAXAQEBAQEAAAAAAAAAAAAAAAA
AQID/8QAGxEBAQEAAwEBAAAAAAAAAAAAAAERAiFBAjH/3QAEACj/2gAMAwEAAhEDEQA/APZ
S QBknFK0LxUwcZNsRc0Y3OCouH/xAAXAQEBAQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAQIDBAAFEQA/APZ
/wAa8s76dLu4fp9Ao/9k=
pRFOx40KCzfZVvh28KGn7O4l1LxJIlup9XdJ9ZIPMq7TV2qKEJbQEoSEpAwABgCpVqTB /9k=
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAyAQIDASIAAhEBAxEB/8QAHAAABAAIC
AwEAAAAAAAAAAAAAAAAAUGAQQCAwcI/8QAPxAAAgEDAwIDBAUKBAcAAAAAAQIDAAQRBQY
hEjET
QVEHFGGBFSIycZEjQlJicpOhwdHSFlWSsRc0Y3OCouH/xAAXAQEBAQEAAAAAAAAAAAAAAAA
AQID/8QAGxEBAQEAAwEBAAAAAAAAAAAAAAERAiFBAjH/3QAEACj/2gAMAwEAAhEDEQA/APZ
S QBknFK0LxUwcZNsRc0Y3OCouH/xAAXAQEBAQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAQIDBAAFEQA/APZ
/wAa8s76dLu4fp9Ao/9k=

Kv6OT6eQPnUzFFHBEsUSBEQAKo7AVJtVzpSlaRGW6NP9JEEdUspRT8AoH++a7NI0q20ewjtb
aBYwoAbp/OOO9cNKPVb3ROAy3Uwyf2j/ACxW9EQ8SsGDBhkEedc1c81p3Gmw3F2bmV3OYGgM
ZP1eliCTj14FbmK1J7iPxWh8RBIi9bIxH2fXHpmrtzsVPSN0WWhu+3ZIJnv45mS3iRCfGBJI
Jb7u5J8s13XHtN0Oxtbj37xYLy36la2Clupl4wrAYIJ7Gq0um63q+uncWjxLBCwk8EtCA79J
BznyDkFefKtLUNh7n1b3u9t3hijZ2khgmUrNzzg+Wc/1rMtEzZb225eQLqmsai092wzHZpE+
IueAMDv6nPrWR7T9Nto0MWlqYmPKRxNlRnHP1fStXbmje0TT1aNLbSIUdmfF2C5TJPA6fvqV
1K69oWm2YuJk0CUBghEayZPUcDv8aK0dx7k2pJc6bc2UqBobpXZ7e3YMMEHkY5Hf1/jVo/4h
bXIGNSzkZH5F/wClVa43BvS1ji8Q7dMsydSxKHLL99R7753zbSmBdM0ybpLAusbjsCexIPbn
t2++rLYYvQ9oO1ycfSgz/wBp/wCldVx7SNr26g/SDSE9lSFyf4jA+dVXUd67w0uJJpbLR5c8
MsUUx6fQ57c9uCakodwbruF62k2zAVTqZJTMGX18uflV5GNKz3Xoerbin1C+uhaWnGI36wzs
FxyB+OfgKtMW+dqRIsUeqwog4ACMAP4VEW2s7qunEcUm22kJwAyzrn8QOfhW1fXm8NNspby+
i28sEQ6mcNNx8unmpKV0anqWwdSu/ernULdZ+kKZIyysVHkcCtjR9wbF0e1EFhqFnCoJYk56
mJ8ySMk1oya7uRY1mL7WKMM/Vklc4xnsBmpOJt2zwRzRabt50kUMpE0nIPI/MqjcO/Nqjvrl
r/qNcl3vtd/s65afvK0vD3hjH0Rt/wDfSf2UVd4hudI2+B8JpP7Ku1G4d9bWGM65ac/r1ld8
bWYZGu2ePjJWkU3fgE6NoDH4TP8A2V1tDu5ic6JoAGOPyz/21Nokf8c7V/z+x/ein+Odq/5/
YfvhUWLLc/BOh6P1EYJF2+Pw6K6/o3cvWxOiaSQc8C8bv/opypiYO+NqqATuCwwe35da6Lj2
gbXjiYx65YSOOy+8AZ+dVa72zumeCWM6fp5jkXoIe8OMfJRVO3JtC/0DTjc3lhpsChsqy3RP
mMIFxk9qnKmLXq/tFtoo2uba70+CfBw0Fx1lj+yDg9vMV5pqftD3HdlnTVWgLMeoW35MN55I
Ax/Oq9K7Rq0AeJ+nnrXJP3A10GSMwdIiHidy5Ykn7h2qyCzWHtI3HYujC8MnSc85U/iMZ+45
Fem7V9tWm3skdprSG0ZuBN+aD+sf514PUvtnbeobo1ZdP06NWk6S7M5wqgepq5J2PpZd97UY
4G4LH5zAVp6HNpd9c391bQwE3s7szBMhwh6VY8efSTn41StM9l2p2NvGJtLtZpowMuupSID/
AOIWrzpNu11Yw3ESta9Z6GhU9XhleHXP3qRn51m21YlNHZbgXN6rBhNMyg/qp9QfxBPzqTqK
23F4GjLH5iefz/6r1K1ufiUpSlVEJFJFa6tqllcOscc6C5QscDp6Qr9/QjJ/aqH2jr189o8E
2nXc8cTFIpoosJIFOAQWbsQAfIVZdT0ey1dI0vYjIsbZADEZHmpx3U+YPBrcRFjQIihVUYAA
wAKzna6j31DUG/5fRpj8Zpo0H8CTVO1GTUp9c1a01C5SwkuLeM20VuC73AAOFDkDjqzkAede
h1gqCQSBkdjjtSzRwhjWKBI1RUVVACqOB8BXPArNK0jGBXCeCO4haGVA6OMFT512UqYI+HRb
G2d5IoF6nXpZnJdiPTJJ4+FcpNIsZYViNtGqo3UoVenB9RjtW9SmCNk0DTJiDLbCQhenLknI
9Oa2ZdPtJ4likgQoowoAx0/djtWzSmGv/9D1R9BsGVAkIhKDpUxgDjOcEdj86r25NgR6vaFY
bqXxMYKSNhCM5xwOOQORVzpUyLql6LsH3WeObU7xrvwirIHYuwIOQCx4x8ABVzAxWaUkxClY
rNUKUpQKxWaUEBuLTLq8Cm3vL9eodPg27qi/ezEZryS92Lci4udU1qVLOwRsLNeSPLI/7KDB
b5/hXvVa13p1lfFTd2sU3QcgOoI/+1m/K6+db3Y99dzPLp8futgcMZ9QMdsSMdwmcgfCoJNt
6nd3EkVjps93DESpntonkRucdQNfSup7U0vVEMc0PTGcAogAXGeeB6+pzUtbWsFnbR21tCkU
MahURFwFA7ACpJR4RoXsa1LVo45b0vp8bNktKoD9PoEHn8SR869h2xtLSdpWHuumQdJbBllb
l5D6k/y7VNVmtSIwxCqWPYDJqqaTeamutNEotobG+c3dt15ZpFP2gCDgHs2OftH0q1kAggjI
NQh2ppyxYha4ikjObeTx2Y2x/Uyfqj4DgjilWO7RZfDn1DT24e2uWcD1ST64P4kj5VLVTtQ1
aXSL6K/1GBYbqAeFM4OI7qEn7Sn9Je/See/erbBPFcwJPBIskUihkdTkMD2IqS+FdlKUrSFK
UoFKUoFKUoFKUoFKUoFKUoFKUoFKUoFKUoFKUoFKUoFKUoFKUoFKUoFKUoFKUoOq4hiuIHimjSRG
HKuoIPyNV/YqJFpF3FGoSOO+lVEUYCjjgDyFKVn1fFlpSlaR/9k=
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCABIAMwDASIAAhEBAxEB/8QAGwABAAID
AQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAEFAwYHBAL/xAA8EAABAwMCBAMHAQUHBQAAAAABAgMEAAUR
BiESMUFR
BxNhFCIycYGRoXIjM0JSsRUXJEOSwfBTYrLC0f/EABYBAQEBAAAAAAAAAAAAAAAABAv/E
ABgRAQEBAQEAAAAAAAAAAAAAAAAAABERIh/90ABAAo/9oADAMBAAIRAxEAPwDs1eAG53iFaQG5
L dwVfA2kcX4NiLI30L30G/TtpPBKctoQcoQxGDJ30L30G/TtpPBKctoQcoQxGDJ30L30G/TtpPBKctoQcoQxGDJ30L30G/TtpPBKct

CNLusm6qnusoU/xTFgpXgEjAPQ5r0N+GFkaJLcy6IJOciYrnsc/j/m1blStZDWqK8Pba4Uly
5XhZQrjTxTlbK7/OsydDwgkpVdr0tJ6G4L2+1bIRnrippkNafadGJZvi7hIflqjMqxGjSJa3
gSM/tFcR59h051t4pSkmImlRSqJpUUoJpSooJpSlApSlApSlApSlApSlApSlApSsMiUxFSgv
upQHFhCM/wASjyAoM1KjOamgUqKZGcU0TSlYpMlmJGckSHEttNJKlrUcBIHM0GWlaK/4q2kS
EsxmvMK8cIcdCFK9eEZIH6sVe2fV9pu75itvBmUkZLLik5P6SCQr6GpsXF7SvlSkpSVKUAkc
yTyqvc1BaG1FPt7Lix/AyfMV9k5NXUWVKpzqJClYYtV1f9UxCgH6rxXydRPJGVaeu4HXDTas
fZdTRdUqlGq7YgAzRJt2eRmx1NJ/1EcP5q1YkMSmUvR3kPNq5LQoKB+opsGWlKVQpXyc9KZ7
1nqK/9Ds1K+Nx3r6rPSppUDPWlXUTSo61AyNqloxTJjECK5JkuBDTYySf+c65beb+L875tws
t3cCXCGGUR3kJjpGRklOMqO3yBxXUnozMlbanUBZaVxIz0PevtRCdycDr6Vm3Vjktub0+pCj
NtOo2snITxS8D7E19z29LNoAiae1JNKviClykY7czW9XO9LVFlyIqnG4cVtSnJKEcSl45hsH
Y478qqWrdcLpbG51zvjkZlGHovCUjhweJKnVclEdth8+dRWgyIkBSQ43YL/HSNygOSFfQk4r
NbU2xCQiZpPUoB3Lrch/CRtyAP8AvW3wbtpW+3VUO4agZu0ke62wrCGR+lPJR9SSe1XzUC42
d1TVraakwlbtsuvFPkHG4Bwcp9Kno59Ns+nS2XYaNUtr4chC0SME/Pp+a1G+wGIiFLedvjcd
WEqLiHAgZ6FS+f8Apro+pdSWqwPhWq5rkuQvdu2ws+W0O53HET3Jx2Fa8/rTw01B/gJlilxU
OkYcbbAIV0+BWT9jVmjnHstteeDcF2U6tRwkBBzk/LnVvYbszbLHKbYtjFwnOOFAde3W0MDh
4BzHM8uorb4OiNKsvGRZzdLy8F4bi+WUt8QzstXCMAdd+ldK0vpxqy2xCHUNLmrUXH3koA4l
k5OOwGwHoKaOBxWdXoukBy5+2oZ81JSbh5hY+Ss9K3lnxR1RbLmq1zbBAiqSk+WnCkJVjlwn
OCPlXXltIebU282laFghSVbgiqJ3SkNSFIiPPxkf9MKC2/kErBA+lOkVNv1NquWlLr8S1x2T
sVFalEHGQMZ6/wC1XjVwvns6S6zDLxJ4kpC+FIB553rzMaZmRWwI9xjkZBJcgpJOP0kD8V6D
Z74p1Kxf0NpGx8uEgHHbJJpLV8WrTjjzCS42lQUNxw4GfrVLcI+m4EsZcTBlrBUERHChxfrw
I+L6is6NNl3iFwu8+ag/5anA0n7ICT+asolthwUhMSM0yB1SkA/er7UU9vk35c5tDTSnbfn3
npyA06R6Ac/qBWx1G+KmtREUwO1KVoTSlKBSlKBSlKBVTdbdMlSEPMvhxpKcLhuEpQ565G/0
ORSlSwVd9gTb5aF2xdqlxUKGCYsxtAxyxnqMdMCuUzfDnUDstuA1Juq4XFjyHkKPAB0Bz5Z+
eQKUrNmLG8WbwktjLDYkxxH4RniSQt4q7lZGAfRI+prc2rPJQgNLvMxbQTw4IbCj81BOaUpk
zRUT/DqxTULIQ4244crWsh7jPchYOaq7b4P2KDcBMcedWpJylDSQ2B/U/YilKuDeIkGNBYQx
FZS00ge6lI29frnes4AHIClKqGKYHalKYJpSlUKilKUOtTSlB//Z
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAsALYDASIAAhEBAxEB/8QAGwABAAID
AQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAQFAQYHAgP/xAA7EAABAwMCBAMEBwYHAAAAAAABAgMEAAURB
iEHEhMx
IkFRFGGBoRUycXKRscIXI0JTY8ElM1KSorLR/8QAFgEBAQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAAEC/8QA
FxEBAQEBAAAAAAAAAAAAAAAAAAABEBIf/dAAQAKP/aAAwDAQACEQMRAD8A7NSlKBSlYoM0rw
03 0mwjnUvcnmWcnvXqgzKBsE49KiybpAh7Sp0ZggZIcdSnb4mgl0qjd1pplnPPf7enH9dJ/
vUZ7iJpBgeK/xD9xRV+QNSjZKwpaUDK1BIzjJOK1I8UtGgH/ABBtKiP8ATGdP6a+C+KW3lpS
h+TIIOUpRBdUc+o8NKN1qmnausttuf0fLl9JxPLzrKD02EmI25AnA38vsqY/
vWHTex+BpqwW7Sk+pSVAZJ9xKfUpKU0uH3qUrUDK1BIzjJOK1I8UtGgH/ABBtKiP8ATGdP6a+C
t+l48+mWuEgH/ABBtKiP8ATGdP6a+CtKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKB
oKy7fse+mWuEgH/ABBtKiP8ATGdP6a+CtKBSlKBSlKBSlYoM0rw03 0mwjnUvcnmWcnvXqgzKB
sE49KiybpAh7Sp0ZggZIcdSnb4mgl0qjd1pplnPPf7enH9dJ/vUZ7iJpBgeK/xD9xRV+QNSjZKwp
aUDK1BIzjJOK1I8UtGgH/ABBtKiP8ATGdP6a+C+KW3lpSh+TIIOUpRBdUc+o8NKN1qmnausttuf0
fLl9JxPLzrKD02EmI25AnA38vsqY/vWHTex+BpqwW7Sk+pSVAZJ9xKfUpKU0uH3qUrUDK1BIzjJO
K1I8UtGgH/ABBtKiP8ATGdP6a+CtKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBoKy7fs
e+mWuEgH/ABBtKiP8ATGdP6a+CtKBSlKBSlKBSlYoM0rw03 0mwjnUvcnmWcnvXqgzKBsE49KiybpAh7
Sp0ZggZIcdSnb4mgl0qjd1pplnPPf7enH9dJ/vUZ7iJpBgeK/xD9xRV+QNSjZKwpaUDK1BIzjJOK
1I8UtGgH/ABBtKiP8ATGdP6a+C+KW3lpSh+TIIOUpRBdUc+o8NKN1qmnausttuf0fLl9JxPLzrKD
02EmI25AnA38vsqY/vWHTex+BpqwW7Sk+pSVAZJ9xKfUpKU0uH3qUrUDK1BIzjJOK1I8UtGgH/
ABBtKiP8ATGdP6a+CtKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBoKy7fse+mWuEgH/
ABBtKiP8ATGdP6a+CtKBSlKBSlKBSlYoM0rw03 0mwjnUvcnmWcnvXqgzKBsE49KiybpAh7Sp0ZggZIcd
Snb4mgl0qjd1pplnPPf7enH9dJ/vUZ7iJpBgeK/xD9xRV+QNSjZKwpaUDK1BIzjJOK1I8UtGgH/
ABBtKiP8ATGdP6a+C+KW3lpSh+TIIOUpRBdUc+o8NKN1qmnausttuf0fLl9JxPLzrKD02EmI25
AnA38vsqY/vWHTex+BpqwW7Sk+pSVAZJ9xKfUpKU0uH3qUrUDK1BIzjJOK1I8UtGgH/ABBtKiP8
ATGdP6a+CtKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBoKy7fse+mWuEgH/ABBtKiP8ATGdP
6a+CtKBSlKBSlKBSlYoM0rw03 0mwjnUvcnmWcnvXqgzKBsE49KiybpAh7Sp0ZggZIcdSnb4mgl0qjd1
pplnPPf7enH9dJ/vUZ7iJpBgeK/xD9xRV+QNSjZKwpaUDK1BIzjJOK1I8UtGgH/ABBtKiP8ATGdP
6a+C+KW3lpSh+TIIOUpRBdUc+o8NKN1qmnausttuf0fLl9JxPLzrKD02EmI25AnA38vsqY/vWHT
ex+BpqwW7Sk+pSVAZJ9xKfUpKU0uH3qUrUDK1BIzjJOK1I8UtGgH/ABBtKiP8ATGdP6a+CtKBSlK
BSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBoKy7fse+mWuEgH/ABBtKiP8ATGdP6a+CtKBSlKBSlKB
SlYoM0rw03 0mwjnUvcnmWcnvXqgzKBsE49KiybpAh7Sp0ZggZIcdSnb4mgl0qjd1pplnPPf7enH9dJ/
vUZ7iJpBgeK/xD9xRV+QNSjZKwpaUDK1BIzjJOK1I8UtGgH/ABBtKiP8ATGdP6a+C+KW3lpSh+TI
IOUpRBdUc+o8NKN1qmnausttuf0fLl9JxPLzrKD02EmI25AnA38vsqY/vWHTex+BpqwW7Sk+pSVA
ZJ9xKfUpKU0uH3qUrUDK1BIzjJOK1I8UtGgH/ABBtKiP8ATGdP6a+CtKBSlKBSlKBSlKBSlKB
SlKBSlKBSlKBSlKBSlKBoKy7fse+mWuEgH/ABBtKiP8ATGdP6a+CtKBSlKBSlKBSlYoM0rw03 0
mwjnUvcnmWcnvXqgzKBsE49KiybpAh7Sp0ZggZIcdSnb4mgl0qjd1pplnPPf7enH9dJ/vUZ7iJpB
geK/xD9xRV+QNSjZKwpaUDK1BIzjJOK1I8UtGgH/ABBtKiP8ATGdP6a+C+KW3lpSh+TIIOUpRBdU
c+o8NKN1qmnausttuf0fLl9JxPLzrKD02EmI25AnA38vsqY/vWHTex+BpqwW7Sk+pSVAZJ9xKfUp
KU0uH3qUrUDK1BIzjJOK1I8UtGgH/ABBtKiP8ATGdP6a+CtKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKB
SlKBSlKBSlKBoKy7fse+mWuEgH/ABBtKiP8ATGdP6a+CtKBSlKBSlKBSlYoM0rw03 0mwjnUvcnmW
cnvXqgzKBsE49KiybpAh7Sp0ZggZIcdSnb4mgl0qjd1pplnPPf7enH9dJ/vUZ7iJpBgeK/xD9xRV
+QNSjZKwpaUDK1BIzjJOK1I8UtGgH/ABBtKiP8ATGdP6a+C+KW3lpSh+TIIOUpRBdUc+o8NKN1q
mnausttuf0fLl9JxPLzrKD02EmI25AnA38vsqY/vWHTex+BpqwW7Sk+pSVAZJ9xKfUpKU0uH3qU
rUDK1BIzjJOK1I8UtGgH/ABBtKiP8ATGdP6a+CtKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKB
SlKBoKy7fse+mWuEgH/ABBtKiP8ATGdP6a+CtKBSlKBSlKBSlYoM0rw03 0mwjnUvcnmWcnvXqgzK
BsE49KiybpAh7Sp0ZggZIcdSnb4mgl0qjd1pplnPPf7enH9dJ/vUZ7iJpBgeK/xD9xRV+QNSjZKw
paUDK1BIzjJOK1I8UtGgH/ABBtKiP8ATGdP6a+C+KW3lpSh+TIIOUpRBdUc+o8NKN1qmnausttuf
0fLl9JxPLzrKD02EmI25AnA38vsqY/vWHTex+BpqwW7Sk+pSVAZJ9xKfUpKU0uH3qUrUDK1BIzj
JOK1I8UtGgH/ABBtKiP8ATGdP6a+CtKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBoKy7fse+
mWuEgH/ABBtKiP8ATGdP6a+CtKBSlKBSlKBSlYoM0rw03 0mwjnUvcnmWcnvXqgzKBsE49KiybpAh7
Sp0ZggZIcdSnb4mgl0qjd1pplnPPf7enH9dJ/vUZ7iJpBgeK/xD9xRV+QNSjZKwpaUDK1BIzjJO
K1I8UtGgH/ABBtKiP8ATGdP6a+C+KW3lpSh+TIIOUpRBdUc+o8NKN1qmnausttuf0fLl9JxPLzr
KD02EmI25AnA38vsqY/vWHTex+BpqwW7Sk+pSVAZJ9xKfUpKU0uH3qUrUDK1BIzjJOK1I8UtGgH
/ABBtKiP8ATGdP6a+CtKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBSlKBoKy7fse+mWuEgH/ABBt
K

Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAvAN0DASIAAhEBAxEB/8QAGwAAAgID
AQAAAAAAAAAAAAAAAAECAwQFBgf/xABFEAABAwMDAQELBgoLAAAAAAABAAIDBAURBhIh
MYEH
ExQWIkFRYXGh0iMkNJGisTNUYoKSwcLD0dMVMkJEU3SDhLLh8P/EABYBAQEBAAAAAAAAAAA
A
AAAAAAABAv/EABoRAQEBAQEBAQAAAAAAAAAAAAABESECQTH/3QAEACj/2gAMAwEAAhED
EQA/ APZkJIKBoUd3q4TyFJZQ0JFwCWUtwNB5CW4elDnhoyg5C2Q3pmpaeapvMs1NUPqA6n2ADyDg
ewexdiuap6lm20VO4fK1kzB+f3wge4LpC7HpPsU8loQRlG4I3BaDQlk5IQoGkjKMpsDSRlGV
QIIyEZRu5wpQ0KO9ucZ5TQNCWQjITYGhRDgVEzNEgjOckE5xx9aaLEJZQqK6idlPCZJHsY0d
XPdgDtWlOtLC6QxQXGKpk6bac7xn1kcDtK3FZR0tfTmnrKaKohd1jlYHNPYVzU3c704HuNNb
o6ff1DI2ub+i4EDsSq2Bvk8rwIY6NjTyXVFW0Fv5rc/ekKyZxJlv9BG0+aNjeO0uP3LTTdzq
2Fhj/om2TMwQD3owu5GOS0ke5aar7l1knYWusVVTvGfLppmSN9A64J+r2qdHX98iax3fdWOc
cHkPgbj7KwK+eWnp3z0usJeMYaGU8vu2grzq4dyWhYPka6spySM9/oJXY7W5C1EncluIee8V
j52l2GCOjmyR69waB9azbv6PSLPri+zVXeqm2xVFOXcTGVlO4D0lrnc9i3U95rZoJSJ6Gkja
DhkU7ZZn8ebJDQc+1ef6d7h8rwZL9WvibkhsMDW7seku5A7Mq28dwhjmF1quz2kDDWVLM57R
/BPh9eiU1Haq+xQULHbRThjg2OcGSJ4HB3NPULXyXnTtPKY5dXyl7MgtNa3IPYF57oKxV0Gk
7vT0bY23StrDbzJvwY2Nbl5zj2/+Cy39wovDXCtfuPLi6fP7tJB0mr7rX22z01x0xe3SOfMY
n9+kEzHDY52OQcHyfUtRSa11rDJirlt0wL2tIbTuJbkOxgA8/wBX3rNtPckZSUwoaqunFIJD
M7vMvludtLcbtow3Bd9a3EfcytkVWKlt1vAeHbvpf9rOc9OvVLavGKb9rBhaXGgZuGWjwGYj
HYTjtTl1JqyMEjwE4wCPAagdf+1uzo6I9L7fR7K9yG6PY3pfr4Mj8eP8FJowY7jq4xgmS15I
z9GnV0c+sZHEd/s3Dtv4GYcq7xPAaR4wX3rn6bn9SG6S8oDxhv3T8cGPuU6KGy623bTPZM4z
+BmWQ0ayO7dU2b1fIy8e9Q8UHMdkajvo55+dg5+yrI9LvLDjUV87aluf+Ku0Vvi1vnPhllb/
AKEnH2lLvGs/PcLR6MeCyfErPFuYkHxjvQyP8ZnwJHS05duOpL1x6J2D9hTRQ6DWhORcbOMd
Pmrz+0oup9bOac3O0AZH90f8SyTpqcAbdR3oen5VhPvYpDTNQM41LePVmSM4+wnUY7ItaZwb
laT/ALV/P2lJ9NrQHi6Wk56fM3/Gr26dqWu41Jdzznl0X8tSOnqojHjJd/0of5aKxDSazJ8m
62oD/JP+NTbSax2NJu9sz58UTvjV/i5VgAN1Ndxj8qE/u1YLJWZJ8Yrn9UP8tVGFKdSUM9NV
Vd1opKZkzWzRR0pYZA4hvUuOCM5XSlwHnWkZpyXw6nqprxW1Xg8m9sVQIizOMZ8lgOcE4Oeq
3i15BhAAAwmktIEJpIDARhCEwCROMetMjn1ehRGCBgIOA0oxtLqG5UofnZfZi0bQMboS79a9
BxwuLGlLtS6yddaSqjNJNV+ETRySfkBmA0N648+7HHRdoi0YHoQcZwUIRBwRwkSCOQmhSiO0
OHTqhkbWA4HVSQmQAAHARgJpK4EORyEbc+cpoWZAsDGMI2hSQrkCPCWAmmmQf//Q9lxxhCaF
MCQmhUf/2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAA7AN0DASIAAhEBAxEB/8QAHAABBAAEF
AQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAECBAUGBwMI/8QAQRAAAQMDAQMHCAcGBwAAAAAAQACAwQF
EQYSITEH
E0FRcYGRFBUiMqGxstEWIyQzQmHCFyZTZIKiNEViY3KU0v/EABYBAQEBAAAAAAAAAAAAAAA
A
AAABAv/EABkRAQEBAQEBAAAAAAAAAAAAAAABESESMf/dAAQAKP/aAAwDAQACEQMRAD8A
7MiI gIiICIiAihSgIiICIiAiIgIiICIiAiIgIi03Vuo7zQait9os7YzLVROka10W3zhB9XAZ
JO/sUJbwKVoQBFGVCaCiCMjC1irotQ2qofPbJGnYcZ1r2vaHNcHA8C
DlStO82U0EjnV2nZqFxH+ItUzy09zMEde9pV7SNbPmK26pmLxwhqQyRze0EB/iVPQ2TO4ZQu
A4rD/vLBGd1trCBu9eEu+IKPPFxibmp0/VZ6fJ9XxfixscMrJ
ML2i1DZpx9XdaM/lzzQfDKsqMii8o6mnmnGYp43/8Xgr07VdEooyiaJRRkdaKiURQglERAWj8
pLTb22jjUYdKiNEViY3KU0v/EABYBAQEBAAAAAAAAAAAAAAAAAAABESESMf/dAAQAKP/aAAwDAQACEQMRAD8A
E5Pag+v2tWWyLZQ0JFwCWUtwNB5CW4elDnhoyg5C2Q3pmpaeapvMs1NUPqA6n2ADyDg
ewexdiuap6lm20VO4fK1kzB+f3wge4LpC7HpPsU8loQRlG4I3BaDQlk5IQoGkjKMpsDSRlGV
QIIyEZRu5wpQ0KO9ucZ5TQNCWQjITYGhRDgVEzNEgjOckE5xx9aaLEJZQqK6idlPCZJHsY0d
XPdgDtWlOtLC6QxQXGKpk6bac7xn1kcDtK3FZR0tfTmnrKaKohd1jlYHNPYVzU3c704HuNNb
o6ff1DI2ub+i4EDsSq2Bvk8rwIY6NjTyXVFW0Fv5rc/ekKyZxJlv9BG0+aNjeO0uP3LTTdzq
2Fhj/om2TMwQD3owu5GOS0ke5aar7l1knYWusVVTvGfLppmSN9A64J+r2qdHX98iax3fdWOc
cHkPgbj7KwK+eWnp3z0usJeMYaGU8vu2grzq4dyWhYPka6spySM9/oJXY7W5C1EncluIee8V
j52l2GCOjmyR69waB9azbv6PSLPri+zVXeqm2xVFOXcTGVlO4D0lrnc9i3U95rZoJSJ6Gkja
DhkU7ZZn8ebJDQc+1ef6d7h8rwZL9WvibkhsMDW7seku5A7Mq28dwhjmF1quz2kDDWVLM57R
/BPh9eiU1Haq+xQULHbRThjg2OcGSJ4HB3NPULXyXnTtPKY5dXyl7MgtNa3IPYF57oKxV0Gk
7vT0bY23StrDbzJvwY2Nbl5zj2/+Cy39wovDXCtfuPLi6fP7tJB0mr7rX22z01x0xe3SOfMY
n9+kEzHDY52OQcHyfUtRSa11rDJirlt0wL2tIbTuJbkOxgA8/wBX3rNtPckZSUwoaqunFIJD
M7vMvludtLcbtow3Bd9a3EfcytkVWKlt1vAeHbvpf9rOc9OvVLavGKb9rBhaXGgZuGWjwGYj
HYTjtTl1JqyMEjwE4wCPAagdf+1uzo6I9L7fR7K9yG6PY3pfr4Mj8eP8FJowY7jq4xgmS15I
z9GnV0c+sZHEd/s3Dtv4GYcq7xPAaR4wX3rn6bn9SG6S8oDxhv3T8cGPuU6KGy623bTPZM4z
+BmWQ0ayO7dU2b1fIy8e9Q8UHMdkajvo55+dg5+yrI9LvLDjUV87aluf+Ku0Vvi1vnPhllb/
AKEnH2lLvGs/PcLR6MeCyfErPFuYkHxjvQyP8ZnwJHS05duOpL1x6J2D9hTRQ6DWhORcbOMd
Pmrz+0oup9bOac3O0AZH90f8SyTpqcAbdR3oen5VhPvYpDTNQM41LePVmSM4+wnUY7ItaZwb
laT/ALV/P2lJ9NrQHi6Wk56fM3/Gr26dqWu41Jdzznl0X8tSOnqojHjJd/0of5aKxDSazJ8m
62oD/JP+NTbSax2NJu9sz58UTvjV/i5VgAN1Ndxj8qE/u1YLJWZJ8Yrn9UP8tVGFKdSUM9NV
Vd1opKZkzWzRR0pYZA4hvUuOCM5XSlwHnWkZpyXw6nqprxW1Xg8m9sVQIizOMZ8lgOcE4Oeq
3i15BhAAAwmktIEJpIDARhCEwCROMetMjn1ehRGCBgIOA0oxtLqG5UofnZfZi0bQMboS79a9
BxwuLGlLtS6yddaSqjNJNV+ETRySfkBmA0N648+7HHRdoi0YHoQcZwUIRBwRwkSCOQmhSiO0
OHTqhkbWA4HVSQmQAAHARgJpK4EORyEbc+cpoWZAsDGMI2hSQrkCPCWAmmmQf//Q9lxxhCaF
MCQmhUf/2Q==

lom4athqaiGORzIC1m30E4O7uAC7NdeSDTt41FLeKmSqzM/bkp2vAY53T0Z39q3Ogt9Ha6OO
joaaOngjGGxxtwAnRcoiLQIoClAREQEREBERAREQEREBERAREQQpREBUSjMLx1tIVaINH5OL
hBFQSWuodzVe6d7xE5vrNAaMg8Dw3hbwsfHZLXFdn3SOhhZWvGHTBvpHPFZBScWiIiqCIiD/ 2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAjAN0DASIAAhEBAxEB/8QAHAAABAAEF
AQEAAAAAAAAAAAAAAAAECAwQFBgcI/8QAOxAAAQQBAgQDBQUFCQEAAAAAAQACAwQFBhE
SITFB
E1GhByJhgZEUMnGx0VJTgrLBFSMkNGJjcpKi0v/EABYBAQEBAAAAAAAAAAAAAAAABAv/E
ABwRAQEBAAIDAQAAAAAAAAAAAAABERJBAiExYf/dAAQAKP/aAAwDAQACEQMRAD8A9mRaj
Utb KWMUXYe2+tbhe2RvC0O8QDqwg+YWDjc9kLUYdXbUyzAeGTwJBDNGR1BjduN/4gpq46VFpXap
oQcr0Vyi7v49V/CP42gt9VnUstjsizjpXq9gf7cgcmxGYigHdSqCIiAiIgIiICIiAihSgIiI
IVP3R3Va5R+swNST4abGyxthnjj8cv5ODxycOXTctHzWfJXUNdueY2TbyVLB1IduN+46Kobb
/e/ALGCW8z3/ABUqh8sUTS6SVrG+bnbLUX9Z6ZxoP2vOUoy3qBKHH6DcrciN2i4K97Z9G1Nx
DbnuOHaGBwH1dsuK1H7dLN6A1sLQfSBcOKeSQF5b3AAGw38+a0PckXlvs9y+Vq54Vc5fnmmy
oL460k5lEI4eNjmnc8nN4h8C0ea9SUl0Fo7+m4p7UlqqYWSS85I5Y+Jr3ee4ILT8Qfkt4iWa
Oae7J0BGx9W6Gjb36kjbLPmH7P2/DdY8s2n71jwrcWKfY6FtuI15CfgHDddarckEUzeGWJjx
5OaCpxXWmj01Tj2fjrl6l7vIQWi5n/V27fRVMxmfrEmHPssDs23UafVharh0vhhL4sNQ1n+d
eR8X8pCl2Ela7irZnIQ/6XSCQf8AsFMFsz6nhHOljbW37uw+Mn5FpHqqv7avRACxp+6HHoIZ
IpB/OFUKWcj+7mIJQP31Pmfm1w/JR4uo4nDiqY6yPNk74j9C135p7Fo6qhYdp8Tl4fiaL3Af
Nu6uDUtZzONlHJvZ+0KUn5Eb+iutyGRaf77CzbecU0bx6kH0RmWmc0vdiL7Gjl7zWb/QO3U0
WjqnFxtDpzar79pqkrfzaqhqnA8Ae7LVWAjceJIGn6FRJqKnG/w5q96M7b7upyEfUAqXZ/EA
bvlcP+Vd/wD8q7+mK2akwUg3bmKJHX/MN/VVtz+Ge7hblqRJ7Cw39VinO6fcdnTRe8OroTt6
hW35bSjXBj7OO3d2IammMx+o8HGdn5mi077bGwz9VYGsNNEkDP47kdj/AIpnI/VW3ZjStYbf
acezbs0N/ooGpNM7Da3X5nYbRnn6JovHV2nOozdEjzE7T/VUHV+F4QY7Ms2/IeDWkfv+GzVB
1HhDsyN0ry7p4NSRx9GrCuWpLokZWgz7mFuwMLGwA9ehfsR16/BTkNfnvaJ9kY+Ghjbkc4id
KJLtV7GloOx4W8nOO5G3Qc+q4Gvmc/lM7m8lbkdTt1aPj1my1hGZBG7ce6Se+3crsmaUyDM9
Vy+NxckFquCZJMjkTMZmlpHAQC7bmQfkrOt6Weko1srdgo131XGMtgldIZGO58JJaOW7Qpbq
uHk9oOu7LsfvnqVZmRaTHI1jA1mxI2fyPCdx6hc5b1hqa9RdZsansmVsoj+ztlLHEbE8QDdh
t2Xo2iPZTprK0DfvSzXSJnxmJr+CNux5c2nc8tj17r0fGaQ07iABQw1SIgbcXhBzvqdytI+b
WYHP6gtl1OnlclGWg+JJG7rw9ydxtv8AHot/jvYrq+6QZ46tFp6mebcj5NBX0U1rWDZrQB5A
KVR4/jvYBXbwuyebkf8AtMrxBvqd/wAl1WP9kOjaDfexzrTttuKxIXenIei7dERpsRpPB4SV
s1CgyOZjPDbK5znva3yBcTsPgFuVCIJREVEfqiIpAKlESfQREVBQiKUCiIoAVLmt3+6OfwRF
OlBFGOjGjv0VQRFe0O6IiCCAOfdYmVx1PK03VL9dliB/MseOW46IilWJx2MoYioK2OqQ1YRz
4ImBo38+SymEloJ8giJ2JREW0f/Q9lTuERZoHopRFex//9k=
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAzAKYDASIAAhEBAxEB/8QAHAAABAAIC
AwEAAAAAAAAAAAAAAAAAAEFBAcCAwYI/8QAQxAAAQMDAQQGBQgGCwAAAAAAAQACAwQFE
QYSITFB
BxNRYXHRFCIygZEVFyU1UpShsRYzQkVkkiMkNFVicnSCk8Lw/8QAFgEBAQEAAAAAAAAAAAA
AAAAAAEC/8QAGhEBAQEBAQEBAAAAAAAAAAAAAAAAAEhETECQf/dAAQAKP/aAAwDAQACEQMR
AD8A 3MsSvudFbIusrJ2xA5wBwEk+AG8rXAxsfHB7xtsdKuJi1Zr6GR2Ei1Ei/ArEn6vdKuK
NSVh66xkdhItRIvwKxJ+r3SrijUlYeusZHYSLUSL8CsSfq90q4o1JWHrrGR2Ei1Ei/ArEn6v
dKuKNSVh66xkdhItRIvwKxJ+r3SrijUlYeusZHYSLUSL8CsSfq90q4o1JWHrrGR2Ei1Ei/Ar
En6vdKuKNSVh66xkdhItRIvwKxJ+r3SrijUlYeusZHYSLUSL8CsSfq90q4o1JWHrrGR2Ei1E
i/ArEn6vdKuKNSVh66xkdhItRIvwKxJ+r3SrijUlYeusZHYSLUSL8CsSfq90q4o1JWHrrGR2
Ei1Ei/ArEn6vdKuKNSVh66xkdhItRIvwKxJ+r3SrijUlYeusZHYSLUSL8CsSfq90q4o1JWHr
rGR2Ei1Ei/ArEn6vdKuKNSVh66xkdhItRIvwKxJ+r3SrijUlYeusZHYSLUSL8CsSfq90q4o1
JWHrrGR2Ei1Ei/ArEn6vdKuKNSVh66xkdhItRIvwKxJ+r3SrijUlYeusZHYSLUSL8CsSfq90
q4o1JWHrrGR2Ei1Ei/ArEn6vdKuKNSVh66xkdhItRIvwKxJ+r3SrijUlYeusZHYSLUSL8CsS
fq90q4o1JWHrrGR2Ei1Ei/ArEn6vdKuKNSVh66xkdhItRIvwKxJ+r3SrijUlYeusZHYSLUSL
8CsSfq90q4o1JWHrrGR2Ei1Ei/ArEn6vdKuKNSVh66xkdhItRIvwKxJ+r3SrijUlYeusZHYS
LUSL8CsSfq90q4o1JWHrrGR2Ei1Ei/ArEn6vdKuKNSVh66xkdhItRIvwKxJ+r3SrijUlYeus
ZHYSLUSL8CsSfq90q4o1JWHrrGR2Ei1Ei/ArEn6vdKuKNSVh66xkdhItRIvwKxJ+r3SrijUl
YeusZHYSLUSL8CsSfq90q4o1JWHrrGR2Ei1Ei/ArEn6vdKuKNSVh66xkdhItRIvwKxJ+r3Sr
ijUlYeusZHYSLUSL8CsSfq90q4o1JWHrrGR2Ei1Ei/ArEn6vdKuKNSVh66xkdhItRIvwKxJ+
r3SrijUlYeusZHYSLUSL8CsSfq90q4o1JWHrrGR2Ei1Ei/ArEn6vdKuKNSVh66xkdhItRIvw
KxJ+r3SrijUlYeusZHYSLUSL8CsSfq90q4o1JWHrrGR2Ei1Ei/ArEn6vdKuKNSVh66xkdhIt
RIvwKxJ+r3SrijUlYeusZHYSLUSL8CsSfq90q4o1JWHrrGR2Ei1Ei/ArEn6vdKuKNSVh66xk
dhItRIvwKxJ+r3SrijUlYeusZHYSLUSL8CsSfq90q4o1JWHrrGR2Ei1Ei/ArEn6vdKuKNSVh
66xkdhItRIvwKxJ+r3SrijUlYeusZHYSLUSL8CsSfq90q4o1JWHrrG

TxElu2P9zXD4LErLTXxPoqd19rqts9QGyxyiNodGAS7OywHljjzXbQuZPreuMLcR0NFFTnZ9
nac4ux7hs/Fb7qPQoiLSCIiAiIgIiICIiAiIgIiIMG9UAulmq6E4zPC5jSeTiNx9xwvKwz1d
7oqepgjEWo7E8Mngc4Av3YeP8rxvHfhe4VLebA6sqWXO3VAorpE3ZbNs5bI3jsPHNv4hZsVE
GpKaprG0cMVQZnNyQYy3ZPMHwyCfELOoaQ0jHukkMs8r8ySEe0e7sA4BUc19hggB1NSTWuWP
1fSo3OdCckbxI3gDu3Owsygr4quIyUGo6Wri5OfsP2fEtLfxWRchoYMnGSeOMc935rjPPHSx
ullcGjn3qqr7jaWQfSl2og0H1dl+wQ7BGfaOTv3LEFzq7jJmx2907gMenVwMcY72t4u9wA71
TheL421mKqlidJcKlhioKBu97iccezgMngAs/T1sltltd6S8SVtTI6epkaMbUjuOO4AADwXT
ZtMR2+vkutbUPrrpM3ZfUPGA0fZY3g0K8VDgpUKVUQilFRCKVCgIpRARQpVEIpRBCKUQFB4I
iUcXsZI0te0PaeIcMgqun0zYKp21PZaCR32nU7CfjhEUHfT2i2Un9nt9LDjHsQtH5BZfJEWa
qealEWoiBzREQQ7cFKIp+qFQERZvo//Q3MoRFBK459bCIlDPrYUoikUKIiz9XUf/2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAwALQDASIAAhEBAxEB/8QAGwAAAQUB
AQAAAAAAAAAAAAAAAAAEDBAUGAgf/xAA3EAABAwMDAQUGBAYDAQAAAAABAgMEAAURB
hIhMQcT
QVFhFCJxgZGhMkJysRUWIzNSYiSCwVP/xAAWAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAAAQL/xAAaEQ
EB
AQADAQAAAAAAAAAAAAAARESIUFh/90ABAAo/9oADAMBAAIRAxEAPwD2UdKTHvZyenSuqK
mB D0oHjxilpKYGX5bEbaZD7bQPHvqCcn50iJkdxzu0PtqXjJQFgkfKsvqS6W+y6ijSLky3IjTm
CwkqAX3akZUfdPgQef0+W5bsa3w2ENrO5IQlJTzwrIwRmsaL24XSFaYq5Vwktx2Un
G9Zxk+AHmfQVn2deQ5LiyxDeMcZAecWlAWfIZOPqQa5fVoiXJbD7ke4ON/20KUuUEEeIT7wF
Owbc/cJkyaLhPhRw4ExENrCEhCRgnYQRgnzGau1U+Pc7rOaD0eBF7s5xul5OP+qSPvSv3idB
cBmWh4x/F6KvvtvxTgKx8AapdRNK7lyMm4TblJCMpjJeSw2kE43LUnbkZB4z8qhabga1taG1
7IJjuI/qRnpi1oQcZBQoglOfEZIqDaxLnBnI3xJTT48kBI+I6j51KBz0rGqnW+43MQLtaIn
tC1BCXoz4cKVqSVJBUAlQykE0zZrmdIXKXaLzKdTblL3QZMjccdMoKj4AqGCfWrKY3Bo8Kbj
yo8ppLsd9t5ChkKQoKBHypyr9Qc0c0tJVwFFFLQJR40tFMCHz9KPCiloEopaKYOXHENNqccU
EISMlSjgAVQR7vdL0gv2pliLCKiG5MsEl3H5koGPdPgSefKrC+2kXyzSLaZLkZMhO0uN/iAq
HH0ham0ASQ9PWBjfLdK8DyA6AegFS6pSzqRI3ouNtkY/KqKtP3Cz+xqLKs18vihHvEuNHt+Q
VsQt25//AFUs4wnzAHNd3OyadtMF2cttdvbZSSpUR5bJOegwgjJJ8KbgM6mbhsyWnkrSRn2G
ccuBPhl1PQ48wfjWRWXfsm07c5CXmA7CUgYSllWUDn/FWQPliolr7H7dDklc24PTo4X3ns6k
BCFK8N2OSPTpWga1rbPanYc4OQZDXDiVjegeXvoyPqQamK1Xp/Zn+MxPgHRk+mKClu9lFwuj
bG9EWzxUFT6CkJRkdQPIbc5PGOtOv3qXcmGbdpeGShSQlUx9hQjsoA/LnG/joBx60XZ2RquO
q12hhxuE8oJlTnElCdnilAPKiQMZHFaltlDLKGW0hKEJCUpHQAUwZBPZvZnv6892ZOm87pKp
CkKJPXCUkBI56Uz/ACBIhhSGJ67jEyFJiTnV4SQcjC0+GfMGtLfGb25GT/ApMRmQFZV7W2pS
FD5HINUondoMXaHrNaZuPxKYlKbJ+ShSQQzpsw2iP5XyC4lwqg3AlaSBwobtpz16HxNVcq/6
ei3JMOZd77aJRVktTsrT6EhYUkjjrmtANV6iZWoTdEXBI/yjSGnf/RVbfrzp3UEUR7/py7sb
fwuLgq3o9UqTnFMVlb8bdZ33XU3FLLwYEiDPgNhoPEnCkqCTtVjA6Y+Fel6N1AvU2mIt0U0p
txadjif90nCj9a89ZfsVttLtjg6jhSYDwWlMW8MLacZ3ZztWU8HknkVS6emai0rdmbRaL5a/
ZJaVOFb8lLrTYHBVkYIOPDxpEe9/KqudqS0W6UmNKmIQ4fxDBIR+oj8Ph1xWMtna7aGoDrd3
mpfnNPraQIbCj3yQeFAcgZ+NZlURW97F3g2Cxum1XR9bqnZzIbcwrGRuKunGBWh7Xu8cceFN
vSWoyO8fcQ0gDlS1BIH1rFN2ftEuiEpn32DaGgMd3BZ7xeP1KqVH7M7QtQdvMqfe3vFU2QpS
fkkcCoJk3tD0vCcLQuaJb3/yhgvKPp7uaaY1Nf7rg2rS7zTSuUvXJzuBj9IBVV9b7NbLU2G7
fb40VIGMMtBP7VNrSM0izalmkKuOoUxUk5LNuYCflvXk/QCrm3W5u2RQw06+7ySVvuFalE+J
JqZSUwFFFFMgWuFKI6DpXdJgGll8Gb1JZbjqCTEaRchDgMuJeUlDW5xbiTlOc8YB56eFSv4A
w9gy5c2YCAkh2QoII9UpwD9Kudqc5xzS7RnOKxxqozCGYbAajsttNpwEoQnA+ldh1WQCBk07
tT5Undo490cVcqduA7lRATyK6CycYHGeaXu0+XT1pAggcnnzHFMo6JxzUZ+e1FbLklbbSBzv
WraB8c1Xy7Rdp7pD18cjMZ4RDZShRHqpW4/TFRk6C0+twOzIrlwcH55ryns/InH2rUDEntG0
+w8WmJKrgtPVEBtT5z/1GPvURzVeqbhzZdL9y0R/eubwbx8UJya1rECHFa7qPGaZRjG1tASB
9Kd7hsAAJxg5qWVemBkaa1rfklF31NGiRl8KYgRwcjy3K5ogdjmkoqt8iLJmKI5LzxAz8E4r
f90jGMcUu0VnKdPMpHZBb4kv2ywXifanj0Da9wT/AO/epKdKdo0FOYetWpI/xlRwfvgmvQ+7
TnpXQyOMcVqb6MA2O1SGn327JPHo4tCj+wp5GpdcRx/zdFd4B1VFmpV9jW5ptbigcBOTS4yy
yNbS0Y9s0jfwCeLbAdH2OalM65syjteTOiK8pUJ1v901oRv3YOCMdRXWBUkrSHEvFtnLCIs5
h1wjOxLg3fTrU2uO6bK9+xO8fmxzXdaQUUUVR//Z
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAAmAQMDASIAAhEBAxEB/8QAHAAABAAEF
AQEAAAAAAAAAAAAAAAECAwQFBgcI/8QAOBAAAQMCBAUCBAUDBQEAAAAAAQACAwQRBQYSBxMhIjFB
cRQyUWGBkaEIFSNCscHRJDNSYnKC8P/EABsBAAIDAQEBAAAAAAAAAAAAAAQFAgMGAQf/xAAnEQACAgEEAgIC
AwEAAAAAAAAAAQIRAwQSITEFQRMiUWEUMnGB/9oADAMBAAIRAxEAPwDtKUpQClKUApSlAKUpQClK
UApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQC
lKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUp
QClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAK
UpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSl
AKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUA
pSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQCl
KUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUp
QClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlAKUpQClKUApSlA
K

j7bKUeqi8ruHF6hxNRiwgZ5mUkAB+k/V9wVMuD9Gx0jsSxB7wNxdUlo9jbBKPXRfI0+MVlNi
keHuqXOqZGl8dPM4ObMG8WtfYFr7b7OvxX0lBiNPiMRfA4hzDpkjeLPjd1OHmKZtGUii6pEk
bm6g9pbe1wdyorRU6geBB9aF1jZS4JS++yoM0dy0yNDhxGobkBbe/SC3VdS+qr3qVRrB3giy
qBBHFW4iUUEgIlwSii4IvdQCLcbpRUii6lWgiIgIiICIoQSiIgIoJAFybIglERB5+MNxR1GB
hT42TaxrLxc6PPpvu1dV9ywaamwiaoZFWiSWs32bXuu5xHna0+Sf+IsveVmppKesi6OpgjmZ
x0vaCpuKhxqGm0cMOkcLyEfZpWO+bFWk9HRUzhfdepO/+BUGir6VxdQ1YkjJ/EVV3AfNcN49
d1U3EpoyW1eH1EVuL4x0jD7N/wBiDFqp8xDUaehpD5I0tNTbf57+Rw7F4mIVmbKaCeeXDacs
js64rzdwHHcIzZfWU+I0VUdMFVE935ocNQ9XFVzwtla4GMOJaW3NuB8ym4NeZYopcezZBjeI
4tSPkoo3dDQQ6tbSQGlzi4NJ9i+mzDSUkpbNJh808pGkPgq+53v/AGSdbb+0rwaPAZaHOcmN
VFTHV1kcJipaKlfckHdrldYW+77l9XSYHE+J0uKxQ1lXNvlc9mprf2Gg8Gj7eKg1Lj7CzHZq
Oow6pwOnfTNEbn1rnd0OEzLnUHHUdJPWV8fminq6JtTSzBsPcskcTBHJucWNDXOAB/vamuXR
QytgIk6Q4TSvcBpGuMODR1AHcPUsd+RcqSNIfl/Dzc3PyDb35qwrldlbVx/gVUzeUhCuMxXE
Y/wMQqm8pnD4rpt2zfJrr3y9Sb+oEfFWX7LMkv8AQMQ5SPH8yqOZJKmeaQySzyPe7i5zySfW
ndM/6eT6ZXUUGzjJ0ELYm5fo3BvnkZqceZO9SdnOTib+D1F9BBy+K+sbwq5xykKuMxfE4jeP
EatnzZnD4rpnxbZM/wBv0nsPah2aZMP+H6Ucr9qo5s8IsctbvzX+8v7VcZmnMMYAbjmIADzd
0v7V0cdmWSyLeD9N6i7tVs7LclH0FCOT39qg548MMyj09iHvDu1XGZ2zTGLMx+vA/fuXQJ2V
ZKcLd44xylf2qBsoyTpt3kYf19NJ/Ug0G3P2bWm4zDXX/elV+MTOF7+ENb9Nb38UuSf9GH1z
+1WzsgyUfRbxynf2pBpBm0rOcbdLcwVVr336T94V5u1POzOGPSnnFGf5VuR+xrJb7WoZ2/Nq
HKg7FsmEfktSOVQ5Bpip2k5yqyDLj9SLC3yemP8A6gXWOM+ZsabjMNf9cVvOHY3kuHVehml1
G41zu3crKTsdyURbvdKP190P7UGjfD/N1reENd9aVcbtGziwWGYaz1uB+C3YdjWSyfyGccqh
ypdsXyY7hSVLeVQ5OK003afnVnDH6j1tYfgqxtTzsPT0v1Uf9K3B4lcm/wCXqveCqfEnk29+
hrPeCnBp+r2nZvr8PmoavFumgnaWva6CO5HMNutwbIMw1eY8rubiRM0+Hy9GyZ43ubbdv6xv
CjxJZO/R1nvH/i9jKGAVGVKmswWniD8IFp6adx8sOcfKY7dvta9+oqD6pFHqRWolERUEREFm
akpqn8fTxS/PYCsZ2CYY5ug0cejiWb9J5jgURIMqClp6Vuingjhb1RsDR9iuoiAiIgIiIP/Q
3MiIgIiICIiAiIgIiICIiAiIgIiICIiAiIgIiIP/2Q==
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCABCAR0DASIAAhEBAxEB/8QAGwABAAID
AQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAEGAgUHAwT/xABKEAABAwMBBAUGBwwKAwAAAAABAAIDBAURB
hIhMUEH
E1FhcRQWIoGRsRUXQlOS0fAjJjIzNFJicoKhwdIkNUNERUZzorLhk7PC/8QAFwEBAQEBAAAA
AAAAAAAAAAAAAAECA//EABsRAQEBAAMBAQAAAAAAAAAAAAABERIhMQJB/90ABAAo/9oA
DAMB AAIRAxEAPwDsyIiAiIgIiICIiAiIghSihBKIiAiIgLWVOpLHRVxoau70dPUjGY
pZmtdv4biVs1XNZWWiuNrMs9PG6RrwDJs+lsu9EjPHGD+5SixAhwyDkHmFK0Oi7iblpWileQ
ZommCXB+Ww7J92VvU3oSiIqIRSigIiKgKEDCKUQEREBF5zTRU8ZkmlZGwcXPcAB6ytPUaz0
3TfjLvTn/TJf/wAQVNG8RVwa9088fcamon/0qOZ3/wArAz1thGWUtzfngG2+X+VNi4M9Fm
roJTiO0Xhx4fkLx71wXNf0Tf/wAQ2vZ1tbLujJmbkse9gj/wBizF8zwBizBwvd7c8ctuOcjS
KVQI4B1VCM/7k0pSnN/wArAr

FdYLBStfWR0kZcQIoi1oL3d31qsz6Jk1NDJUzSxURmG6ZtMDIR2NzjYZyxxPPjhSwUPXOobX
qK4W+omaGSRF8kNU1pPWtbM4BhA5YAIPivfzNmr7zWnRtJFVWuN7WiaSoAG1gOOC7PAniByw
cjIWzt1taek6wUkrjUto4qkB72j0w18jQTjnnC7AyJkbdmNjWN7GjAVk0cbZ0bawfKJGQWym
GzhwdUOcc4xkYbu8OzcchfdF0X6lcPTr7XATuOxG959u77Y7F1hFeMRzGm6Kryx7nSalhZtD
B2KIOHsJx9u4L2g6HYmMDZtRVjsPDx1cMbMHtG44K6SivGChM6IrHvM1fcpXEkk9fs5zx4Dv
K+iPom0owgugq5APkuq5Mc9+4jtKuqK5BRfiyp7XXit03XyWx/VOiLHN68Brjk7O0dxWy01o
CzaZqjWUsb5Kot2TNK7aPfgcB6laEU4roiItIiIlCIiAiIgIiICIiAiIgIoyiglFClURwUHx
wFksHNJO4rF2eK8TQ0jqkVJp43TgbIkLQXY7Mr3ACjZyMk8+SkDepBI3qURdEfNLbqGeqbVT
UcEk7Bhsr4wXN8CeC+jgpWtvln+HLf5Ea+romOcC91K8Mc5vNucbge5QUvS9K6o6Rn1fyKa3
yHtAdJUP5+AK6MtRYdM2zTkLmW+KQF7Q1z5ZXPcQM4GSe88O1bdJMi1CKVCIKVClAREVBERA
REQEREBERAREQEREBERBHNSiICIiDBvF3is0RSD/0ezIiIIPJDwRFmfqpREWkEREEc1KIgKC
iKUQOCyRFPnxaKDwRFb4giIglERUf//Z
/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD//gAcU29mdHdhcmU6IE1pY3Jvc29mdCBPZmZpY2X/2wBD
AAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx8lJCIfIiEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+
JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCAA/ASMDASIAAhEBAxEB/8QAHAABAAID
AQEBAAAAAAAAAAAAAAEHBAUGAwII/8QARBAAAQMDAQUFAgkICwEAAAAAAQACAwQFEQ
YHEiEx
QRMUIlFhcdEWFyQygZGhsdIVIzNShJPBwkJGVGSDkqKjw9Ph8P/EABYBAQEBAAAAAAAAAAAA
AAAAAAABAv/EABgRAQEBAQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAARATFh/90ABAAo/9oADAMBAAIRAxEAP
wC5 kREBERAREQERRnCCUUZ44TmlEoiICIiAiIgIiICIiAihEGNU3Kio6iKnqqKKKW
b9GxzsF3HH3kBa+8ass9huNJRXOrbTPrGvcx7yAxoaOO8SeGei5PWropNoNrjqZZI6WC3y1M
+4/d32xu3wD5jLQVz1tnuWs7zJXQ0ENfXbuA+saTTW+MjwgNPznkc/VYqxbFBfLTdCG0Fypa
lxGd2KVrjjzxnKz1W9fs9vkVL3qmu8VZWxjejY6nbEQ7H9CRuC30zw81uNB6ulvkM1sujHQX
ahO5Mx43S8frAZP08fLzVzTcdgiItIKFKIIyfJFKKQERYtwdWtpHG3937fIx3gncx15cVRlI
uTnftBaAYYbC/wA2l8o+1YVTW7T2ub2Npsrxjjid3P6cKVY7lFXpue1eM7x0/aZR+q2oAP2u
XxJfdqrWgjSlvyRyFQ04/wBaUixVBGT6Ktmak2qMP53SNI4c/DKPxrxdq3ajnI0bAADx8RP8
ym6LPx6r5dvcN1VdJrTaez+pkY9jXH+ZYkuu9qAOG6RDf2d7v4qTCLc7QA8woEr8vu

AgP/xAAZEQEBAQADAAAAAAAAAAAAAAAAAAEQESUXH/3QAEACj/2gAMAwEAAhEDEQA/ANzIiw
gy iiRqrTxnMAzVHvQ7hLe/bvv7OqlQQ4Aggg9CEGUREBERAREQEREBERARAR
ee3eqUIu9t2oa7P2pXho+qifyxxMriyh6TkXDr6HXfIB/Ntw/VKJ5FQtRdpFvC1pJG4PuntZ
xBluy0PI/gZxEfzbL0aC1DqvU3eZDLY2tQxrm/cANd3kh9vM9PJSi6osbolwdNy1FRpT25uL
uq8bpH8I3OwG52HktL9oOtb91kET7U1Wneh7ytTqO4ZXtP5jpXcxseZ4Rut12II7VaWvM0Pj
lYWPaehBGxC05rXsxyk0NZuOoPvPqQdzFPHO1hLQRwBzHeIG43B58lNVrjHalyGPpmp3VOWq
3bvIZYoyXjfnv4kncjfqtu6C19SrudiMhZ7qoeGShNJ+axjxuInO57Fu+3MrU9rQ2ZoVBNer
TVJDKIuGaFwbuenr/mry8GYwLXNDLVeQkAuaAYy08xsQnhe31hHLHMwPje17T0c07grmvlyv
rXJ1a0bhZaHh+3dw8ULwAORLmbb9fHforjX7WMhVrV32ftGGCSJxjkc6OTvHA7HbiZ069SUu
kxu2xZhqQPnsSsiijHE573ABo9pK8mMzuLzTJH4y9BbEZAf3TweHfotMWe0GDLd1Hm71y9XE
wcyuIGQwT8J/WIBJHQ7KU0zcv601naNa07GVKkfrTUC1rnNP6OMkDhIHPbcb8ipSNxLK1Tje
2OtjZ5cXl4bV59ed8Tb1eNpEzQdg7h5c/grLU7VNJWmBzr0tff8Af13t+u2y1UXDdFXXdoOk
WRh5z9MgnwfufksjX+kj0z9PzfslFiRQI1xpZ3TO0j/VCwdc6XAJGarO268BLvwCXBPDfxRV
0a90879FYszeP3VKZ/4NWfy0oucGx43MSE9OHHSjf5gILCirv5T5KYkVNKZSQA7bzGOEf6nb
rsju6rsE/wBy0KY8HTXjIfk1n/KUTy8t3J0cbGH3bcNcHkO8eASfYB4lRkuJz91nDZ1AKzXd
W0aoYfhxPLj5jZcIcJprASi1P3RtE8rFyXvJSfcXEn5KKw/Ut2+8RYLDT2dxv6TbBrwj5jid
5Bc/sbNXnB+Sz0kLD1gx8Yib8OM7u+WynIpWTRNljO7XDcEjbl5qt6iy+JxDjJn81wQkepSi
BDn/ABDfWd+CDzvGksNeMdWkMllWn9HFvZn395cTw+ZCj89qiSqW1Lk7orUp2ixGLcJLD/c9
/wCp5be4lcK1rP6ormDTWNbprFv5G9NEBNIP8MY22+JKsWmNG4vTFf7iPv7j+c1yb1pZD48z
0+ASaIDC6FmyMzMhqKGKCLiEkWLg5sB8HSu6yO+KvwAaAAAAOgCyi0giIgwiyiDg+Nsg4XgO
HsI3UJc0ZgLjzK7Hsik68cBMRJ/l2381OrKkGuc72TUcg8yVjXLyDxd/HwuO5/aZtz95BVSz
HZBJHCGwxXo3s22kY9tmLbx5ANePkVvNFIPlPOYXI0Im1LN2tJXpEtZseBwLjufUID9/iPNS
unM1e07FAI6Nk1HQukm2BaJpHjZnMdQNm7eI5r6RfTrSSd5JXie/YjicwE7exRMGjdO17wuQ
4qFkrX8bdt+FrvaG77A+STRqrC6c0jRdWtx64dSyTWh0jXBvC15HPk5oO3xWy8VYq+jivLqC
hkOgb6jACPEbAqwyVq8oIkgjeHdQ5gO6h7midMX+I2cHScXDYubEGn5jZTiPdDg8RXcXwYyn
GXcyWQNG/wBF2nG0CdzSrk/5Tf8AxQA7OtORNDa0NutsdwYb0zT/ALl2DQ9FoPd5TMs39mQk
P4krUE76BTA5VYR/TC7I4IoRtHExg8eFoCrTdFzwgivqrOR+zisNft82rDtL6jGwh1zfaB+8
qQP/AOoUFpA2CKnTab1tszuNdkEdeLGQ812fYOty7nrWEN28MXHv+Koty4vOzTsdvefBU4aX
1pK7+0a9k4T1bDjomcvcfBeaTsqq3Xb5bUOZvg9WvscI+QCXRI5TKYSkC3L6sMZ6OjjsNi+j
BxfVQsOscJFKRpPTtzNWPGeKIgecr+ZU1i+zLSGJkEsOIjlkH69hxlPycdvorRHHHEwMjY1j
W8g1o2ASCjMq9oGpHu9Lt19OVN+cdb72cj+LoCpbB6AwWDs+mNiku3j1t3H97IT58h5BWZEg
wN/FFlFR/9DcqLKKAiIqCIiAiIgIiICIiAiIgIiICIiAiIgIiICIiDiiIuLT// 2Q==